ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

ЯНВАРЬ - февраль

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ОСНОВА

1861

ЯНВАРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. — КОБЗАРЬ. I — V. . . . . Т. Г. ШЕВЧЕНКА.
II. — ТРИ ДОЛІ . . . . . МАРКА ВОВЧКА.
III. — СТИХИ:
На Вкраіну . . . . . ФИЛИМ. ГАЛУЗЕНКА.
1) Эллада. 2) Давнина́ . . . . ІЕРЕМІИ ГАЛКИ.
1) Гей-гéй, волѝ! 2) Повій, вітре! СТ. РУДАНСЬКОГО.
1) Вéчіръ. 2) Журба́ . . . . Л. И. ГЛѢБОВА.
Дóля . . . . . Р. В.
Прохóжі та собáки. . . . . Л. И. ГЛѢБОВА.
IV. — СТЕХИНЪ-РОГЪ . . . . . А. П. СТОРОЖЕНКА.
V. — ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ ДЛЯ ДРАМЫ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРІИ . . . Н. В. ГОГОЛЯ.
VI. — МЫСЛИ О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ. . . . . Н. И. КОСТОМАРОВА.
VII. — ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ:
1) Климентій. 2) Котляревскій . . . П. А. КУЛИША.
VIII. — МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА И МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ РУСИНОВЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. . . . . М. М. ЛЕВЧЕНКА.
IX. — РІЗДВЯННІ СВЯТКИ . . . . . М. Т. НОМИСА.
X. — СЪ ВОЛЫНИ. . . . . АННЫ БАРВИНОКЪ.
XI. — ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ. Н. Я. МАКАРОВА.
XII. — ИЗЪ УКРАИНЫ . . . . . А. С. ЧУЖБИНСКАГО.
XIII. — ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА . . . М.А.Б.-КОХАНОВСКАГО.
XIV. — ЛИСТИ СЪ ХУТОРА . . . . . ХУТОРЯНИНА.
XV. — ВІСТІ: (письма изъ разныхъ мѣстъ южнаго края).
XVI. — Вопросы Редакціи. — Отвѣты Редакціи. — Объ изданіи Украинскаго Словаря. — Объ изданіи Украинскаго Альбома. — Объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ. — Библіографическое извѣстіе.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, января 10-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

КОБЗАРЬ.

I.

Не для людéй и не для слáви,
Мереżані та кучеряві
Оці вірши́ віршу́ю я: —
Для сéбе, брáтія моя́!

Мині лéгшае въ невóлі,
Якъ я іхъ складáю:
Зъ-за Дніпрá, мовъ, далéкого
Словá прилітáють
И стéлютьця на папíрі,
Плáчучи, сміючи́сь,
Мовъ ті дíти, и рáдують
Мою́ спру́ дýшу —
Убóгую... Лю́бо мині —
Лю́бо мині зъ ни́ми,
Мовъ бáтькові багáтому
Зъ дíтками малúми.
И рáдий я, и весéлий,
И Бóга благáю,
Щобъ не приспáвъ моіхъ дíтокъ
Въ далéкому крáю:
Нехáй летя́ть до-дóмоньку
Легéнькні дíти,
Та роскáжуть — я́къ-то тя́жко
Було́ імъ на свíті...

И въ семьі весе́лій, ти́хій,
Дітей привіта́ють,
И си́вою голово́ю
Ба́тько покива́е;
Ма́ти ска́же: бода́й тії
Діти не роди́лись,
А дівчи́на поду́мае:
Я іхъ полюби́ла...

1848.
Орская крѣпость.

II.

ПОСЛАНІЕ

СЛАВНОМУ П. І. ШАФАРИКОВІ

при поэмі »Иванъ Гусъ«, або »Еретикъ«.

Запали́ли у сусіда
Нову́ до́бру ха́ту
Сусіди злі; нагрілися
Та й полягли́ спа́ти,
И забу́ли те́плий по́пілъ
По по́лю розвіять...
Лежи́ть по́пілъ на роспу́тті,
А въ по́пелі тліе
Огню́ и́скра вели́кого —
Тліе, не вгасае́,
Підпа́лу жде,—якъ той ме́стникъ
Ча́су дожида́е —
Зло́го ча́су. — Тліла и́скра,
Ти́хо дотлива́ла
На роспу́тті широ́кому —
Та й га́снути ста́ла.

Отта́къ Німо́та запали́ла
Вели́ку ха́ту, и сем'ю —

Семью́ Славья́нъ розьедини́ла,
И ни́шкомъ ти́хо упусти́ла
Усо́биць лю́тую змію́.

Полили́ся ріки кро́ві,
Пожа́ръ погаси́ли,
А Німчики пожари́ще
Й си́рітъ поділи́ли;
Вироста́ли у кайда́нахъ
Славья́нськіі діти,
И забу́ли нево́льники —
Чиі вони́ діти.
А на да́внімъ пожари́щі
Искра бра́тства тліла, —
Дотліва́ла, дожида́ла
Рукъ тве́рдихъ та смілихъ...
И дожда́лась. Прозрівъ-еси́
Въ по́пелі, глибо́ко,
Ого́нь до́брий, смілимъ се́рцемъ
Смілимъ о́рлімъ о́комъ!
И засвіти́въ, любому́дре,
Світочъ пра́вди, во́лі...
И Славья́нъ семью́ вели́ку,
Во тьмі и нево́лі,
Перелічи́въ до одного́,
Перелічи́въ тру́пи —
А не Славья́нъ, — и ста́въ-еси́
На вели́кихъ ку́пахъ —
На роспу́тті всесвітнёму —
Іезекіи́лемъ,
И, о ди́во! тру́пи вста́ли
И о́чи роскри́ли!
И братъ зъ бра́томъ обняли́ся
И проговори́ли
Сло́во ти́хоі любо́ві
На віки и віки! —
И потекли́ въ одно́ мо́ре
Славья́нскиі ріки!

Сла́ва тобі, любому́дре,
Че́ху — Славьяни́не,
Що не да́въ ти потону́ти
Въ неме́цькій пучи́ні
На́шій пра́вді! Твое́ мо́ре
Славья́нськее, но́ве,
Зато́го вже бу́де по́вне,
И попливе́ чо́венъ
Зъ широ́кими вітри́лами
И до́бримъ корми́ломъ, —
Попливе́ на во́льнимъ мо́рі,
На широ́кихъ фи́ляхъ!
Сла́ва жъ тобі, Шафа́рику,
Во віки и віки,
Що звівъ-еси́ въ одно́ мо́ре
Славья́нськиі ріки!

Привіта́й же въ своій сла́ві
И мою́ убо́гу
Ле́пту — ду́му немудрую —
Про Че́ха свято́го,
Вели́кого му́ченика,
Про сла́вного Гу́са!
Прийми́, о́тче! а я ни́шкомъ
Бо́гу помолю́ся,
Щобъ усі Славья́не ста́ли
До́брими брата́ми,
И сина́ми со́нця пра́вди
И Еретика́ми
Оттаки́ми, якъ Конста́нський
Еретикъ вели́кий!..
Миръ ми́рові подару́ють
И сла́ву во віки.

22 ноября 1845 року,
въ Переяслові.

III.

Ой три шляхи́ широ́кії
До ку́пи зійшли́ся;
На чужи́ну зъ Украіни
Брати́ розійшли́ся;
Поки́нули стару́ ма́тіръ;
Той жінку поки́нувъ,
А той сестру́, а найме́ньшій
Молоду́ дівчи́ну.

Посади́ла стара́ ма́ти
Три я́сени въ по́лі,
А невістка посади́ла
Висо́ку топо́лю;
Три я́ворі посади́ла
Сестра́ — при доли́ні,
А дівчи́на зару́чена —
Черво́ну кали́ну.

Не приняли́сь три я́сени,
Топо́ля всиха́ла;
Повсиха́ли три я́вори
Кали́на зівья́ла;
Не верта́ються три бра́ти,
Пла́че стара́ ма́ти,
Пла́че жінка зъ діточка́ми
Въ нето́пленій ха́ті.

Сестра́ пла́че — йде шука́ти
Братівъ на чужи́ну.
А дівчи́ну зару́чену
Кладу́ть въ домови́ну...
Не верта́ються три бра́ти, —

По світу блука́ють,
И три шляхи́ широ́кі
Те́рномъ заросто́ють.

1847.
Петербургъ.

IV.

ПУСТКА.

(М. С. Щепкину).

Заворожи́ мині, во́лхве,
Дру́же сивоу́сий!
Ти вже се́рце запеча́тавъ,
А я — ще бою́ся...
Бою́ся ще погорілу
Ха́ту руйнува́ти,
Бою́ся ще, мій го́лубе,
Се́рце похова́ти...
Мо́же ве́рнетця надія
Зъ тіе́ю водо́ю
Цілю́щою, живу́щою —
Дрібною слёзо́ю;
Мо́же ве́рнетця въ некри́ту
Пу́стку зімува́ти,
И укри́е и нагріе,
Погорілу ха́ту,
И ви́мете, и ви́мие,
И світло засвітить;
Мо́же ще́ разъ проки́нутьця
Моі ду́ми — діти;
Мо́же ще́ разъ пожурю́ся,
Зъ дітками запла́чу,
Мо́же ще́ разъ со́нце пра́вди
Хочъ крізь сонъ поба́чу!

1846.
Кіівъ.

V.

ЧЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулішу.)

У Ки́еві, на Подо́лі,
Було́ колись, и нікóли
Не вéрнетця, щó дiялось,
Не вéрнетця, сподіване...
Не вéрнетця... А я, бráте,
Такúй бýду сподівáтись,
Такúй бýду виглядáти,
Сéрцю жалю́ завдавáти.

У Ки́еві, на Подо́лі,
Брáтерська нáша вóля,
Безъ хóлопа и безъ пáна,
Самá собі у жупáні,
Розвернýлася весéла,
Оксамúтомъ шляхú стéле,
И едвáбомъ застилáє,
И нікóму не звертáє.

У Ки́еві, на Подо́лі,
Козакú гуля́ють:
Якъ ту вóду відрóмъ-цéбромъ
Винó розливáють;
Лéхи, шинкú зъ шинкаркáми,
Зъ вúнами, медáми
Закупúли Запорóзці
Та й тнуть корякáми!
А музúка реве́, грáє,
Людéй звеселя́є,
А изъ Брáтства те бурсáцтво
Мóвчки виглядáє;
Немá гóлій шкóлі вóлі,
А то бъ догодúла!...

Кого́ жъ то тамъ зъ музи́ками
Лю́де обступи́ли?

Въ черво́нихъ шта́няхъ оксами́тнихъ
Матне́ю у́лицю мете́ —
Иде́ коза́къ... Охъ, лiта, лiта!
Що́ ви твори́те? На то те жъ
Стари́й уда́ривъ въ закаблу́ки,
Ажъ вста́ла ку́рява! Отта́къ!
Та ще й приспiвуе коза́къ:

»По доро́зi ра́къ, ра́къ,
Неха́й бу́де та́къ, та́къ!
Якъ-би́-таки́ молоди́цi
Посiяти макъ, макъ!
Дамъ ли́ха закаблу́камъ,
Закаблу́камъ ли́ха дамъ,
Достане́тся й переда́мъ!
А вже жъ тi закаблу́ки
Набра́лися ли́ха-му́ки...
Дамъ ли́ха закаблу́камъ,
Дамъ ли́ха закабла́мъ
Доста́нетця й переда́мъ!

Ажъ до Межи́горського Спа́са
Протанцюва́въ си́вий,
А за ни́мъ и товари́ство
И вве́сь святи́й Ки́iвъ.
Дотанцюва́въ ажъ до бра́ми.
Кри́кнувъ: »пу́гу, пу́гу!...
Привiта́йте, святi че́нцi,
Това́риша зъ Лу́гу!«
Свята́ бра́ма одчини́лась —
Козака́ впусти́ли;
Изно́въ бра́ма зачини́лась —
На вiкъ зачини́лась
Козако́вi.

Хто́ жъ цей си́вий

Попрощáвся зъ свiтомъ?
Семéнъ Палiй Запорóжець,
Лúхомъ недобúтий.

Ой вúсоко сóнце схóдить,
Низéнько захóдить:
Въ дóвгiй рясi по кéлiї
Старúй чернéць хóдить.
Идé чернéць у Вúшгородъ
На Кúївъ дивúтись,
Та посúдiть на прúгорi,
Та хочъ пожурúтись;
Идé чернéць Дзвонкóвую
У яръ вóду пúти,
Та згадуе, якъ-то тя́жко
Булó въ свiтi жúти;
Идé чернéць у кéлию
Мiжъ стiни нiмúї,
Та згáдуе лiтá своi —
Лiтá молодúї;
Берé письмó святé въ рýки,
Гóлосно читáе,
А дýмкою старúй чернéць
Далéко лiтáе...

И тúхнуть Бóжiї словá...
И въ кéлiї, нинáче въ Сiчi,
Братéрство слáвне ожива́,
А сúвий Гéтьманъ, мовъ сова́,
Ченцéвi заглядáе въ вiчi...
Музúки... тáнцi... и Бердúчевъ...
Кайдáни брязкають... Москва́...
Борú, снiгú и... Енисéй...
И покотúлись изъ очéй
На рясу слёзи...
»Бúй поклóни
И плоть старéчу усмиряй,
Святé Писáние читáй!

Чита́й, чита́й, та слу́хай дзво́на,—
А се́рцеві не потура́й:
Воно́ тебе́ въ Сібі́ръ води́ло,
Воно́ тебе́ ввесь вікъ дури́ло,
Приспи́ жъ ёго́, и занеха́й
Свою́ Борзну́ и Хвастовщи́ну:
Заги́не все, ти самъ заги́нешъ,
И не згада́ють — щобъ ти зна́въ...«

И ста́рець тя́жко заріда́въ,
Чита́ть Писа́ние поки́нувъ,
Ходи́въ по келіні, ходи́въ,
А по́тімъ сівъ и зажури́вся:
»Для чо́го жъ я на світъ роди́вся,
Свою́ Украі́ну люби́въ?«

До у́трені зави́въ зъ дзві́ниці
Вели́кий дзві́нъ; черне́ць мій вста́въ,
Надівъ клобу́къ, взявъ патири́цю,
Перехристи́вся, чо́тки взя́въ...
И за Украі́ну моли́тись
Палій Черне́ць пошкандиба́въ. —

Т. Шевченко.

1848.
Орская крѣпость.

ТРИ ДО́ЛІ.

I.

У слободі я роди́лась—Пятигіръ. Тамъ недале́чко одъ насъ,—мо́же коли́ Слободя́нські сто́рони дово́дилось переізди́ть, то чува́ли,—стара́ жена́ ви́копала пече́ри у крейдяній горі? Три́дцять, чи со́рокъ лі́тъ копа́ла,—такі вели́кі ви́копала, Го́споди! Було́ ми хо́димо мали́ми по пече́ряхъ тіхъ,—запа́лимо ві́ти сосно́ві, та й хо́димо; а хідъ узе́нький та низьки́й и ду́же тру́дний. Між людьми́ йде́, що́ була́ то жена́ ве́льми дре́вня, и немошна́, а ду́ха вели́кого. Що, було́, якъ вже ій си́ли переймéтця—упаде́ по труда́хъ тяжки́хъ, та тільки запла́че до Бо́га, то—якъ зілля́ підъ росо́ю—зновъ оджи́віе, та й зновъ копа́ и копа́. Була́ вона́ Го́сподомъ улюблена́. Така́ оста́лась па́мять ії свята́.

Якъ ви́йти зъ тіхъ пече́рь та ста́ти одъ со́нця,—передъ тобо́ю усе́ тільки го́ри крейдяні бі́ліють висо́кі, а між го́рами ти́ми узе́нька річка, прозо́ра и глибо́ка, джурчи́ть. Пру́дко бі́жить та річка го́ней изъ два́дцять, до само́ї луки́ зеле́ної,—по луці вже ти́хо и ши́роко разлива́етця и ти́хо да́лі леліе по-пі́дъ гаями́, а тамъ у висо́кихъ очерета́хъ десь пропада́е. Слобода́ на́ша надъ само́ю луко́ю річково́ю, на пьяти́ го́рахъ стоіть крейдяни́хъ, оса́жена ви́соко у да́вні віки одъ во́рога Тата́рина, щобъ на́гло не збігъ: зда́лека зоглида́ли зъ гіръ, хова́лися й рятува́лись. Го́ри вже ті трово́ю зеленіють, уросли́ садка́ми густи́ми. Межи́ білихъ хато́къ цвіте́ й ви́шня рясна́, й тонкове́рха топо́ля пахучимъ ли́стомъ шелести́ть; де́ надъ ворітьми те́мна дрібнолиста гру́ша, якъ наме́тъ, укрива́е, або́ гілля́стий я́сокіръ буя́е; въ бе́резі кали́на розросла́ся, повироста́ли ве́рби. Зъ гіръ на во́ду горо́ди бучні

розвели́сь. Та́мъ-то зілля́, о́вощу! Та́мъ-то цві́ту! Та́мъ-то стежечо́къ и до води́, й до сусіди, и до другі́ї. Все то́ позбігали, повихо́жували леге́сенькі ніжечки́ дівочі.

На́ша ха́та на горі, на само́му шпиле́чку стоя́ла. Але́ко й ши́роко навкруги́ очи́ма ски́нути.

Якъ-то ча́сто прихо́дять мині на умъ молоді літа́: — де́ що було́, я́къ... Вже стару́ха си́ва, а па́мьять молода́ не забу́лась...

Отсе́ на́ша ха́та стоя́ла на шпиле́чку... Було́, ви́йду, ся́ду на при́зьбі, прислуха́юся, придивля́юся. Ве́чіръ ти́хий; со́нечко за го́ру па́да, блищи́ть вода́ черво́но, и ти́хо леліе — не ро́пче; коло ко́жної ха́ти го́мінъ чу́ти; тамъ че́реду вже зъ па́ши женуть, а тамъ пісе́нь співа́ють, а за річкою кова́ль куе́... А о́сь, вже й смерка́е не́бо, ме́рхне и втиха́е земля́, втиха́е — уже ти́хо. Нічъ обняла́. Ви́сипались зо́рі золоті; зійшо́въ я́сний місяць — и все те у прозо́рій воді заблища́ло; защебета́въ соловейко, защебета́въ дру́гий...

Я свого́ отця́-не́ньки не зна́ю; я ще въ сповито́чку оста́лася сиротою и приня́въ мене́ мій ро́дичъ до се́бе, — Павло́ Булахъ зва́ли. Ёго́ жінка мене́ ви́кохала спо́ломъ зъ своего́ дочко́ю; въ іхъ ха́ті я й зросла́, у іхъ и служи́ти оста́лася.

Ро́дичъ мій бувъ хазя́інъ замо́жний, хліборо́бъ; шість па́ръ волівъ у ёго вело́ся, два плу́ги ора́ли на хлібъ; бравъ и сіножа́тей у люде́й зъ сторінъ. Ходи́въ вінъ ча́сомъ и на Дінъ, не щороку, а такъ, якъ ёму́ по-вигоді, привозивъ, було́, ри́бу и спро́дувавъ людя́мъ — хто попро́сить, а то й собі на спожи́вокъ ишла́. Зъ того́ бувъ ёму́ не вели́кий прибито́къ, коли́ бъ не вби́токъ, а що вінъ ду́же люби́въ доро́гу. Ще ёго́ ба́тько чумакува́въ, и бере́ ёго́ зъ собо́ю мало́го, то ще тоді вінъ закоха́вся у доро́гахъ. Якъ ходи́въ вінъ пере́ймомъ, то ходи́въ коли́ ёму́ пожада́етця, не поспіша́ючись. Та вже, було́, одъ до́му до До́ну, такъ якъ по своє́му садко́ві, гуля́е. Було́, якъ прийде, отсе́, до до́му, та весе́лий: »Жінко! а та крини́ця въ степу́, біля Ро́бленихъ-Могилъ, зо́всімъ засипалася...«

Жінка хочъ и не зна́е, що тамъ за крини́ця така́, а за́разъ пожалку́е звичайне́нько: »Отсе́«, ка́же, »шко́да жъ крини́чки! И та́кечки зо́всімъ-таки́ засипалася?«

— А якъ ми зъ ба́тькомъ покійнимъ, було́, хо́димо — що́ тамъ за вода́ була́ у тій крини́ці — чи́ста, якъ слёза́!

И почне́ роска́зувати, я́къ-то було́ за ба́тька, и якъ тепе́ръ наста́ло...

Жінка въ ёго така́ була́ люди́на до́бра, така́ ти́ха, привітна́, ввічлива. Я не чу́ла зъ ро́ду-віку мого́ одъ не́і сло́ва гірко́го, не чу́ла докору. Та й обли́чче въ ії було́ таке́, на́че отъ вона́ се тільки зъ це́ркви Бо́жоі повернулася. Сивенька вже була́, а хороша та чепурна́, якъ та́я лебе́дя.

Хазя́інъ бувъ чоловікъ кремезни́й и норовли́вий. Люби́въ вінъ ду́же и жінку й дочку́, та хотівъ, щобъ слу́хали вони́ ёго́, не пита́ючи, не озива́ючись. Чи у господа́рстві, чи такъ, вінъ самъ за усе́ погада́е и помірку́е и преділи́ть, а жінці тільки ска́же, коли́ тре́ба. Вона́ жъ завсіди, було́, погоди́тьця, якъ вінъ схо́че; вона́ усе́ прийма́.

Була́ въ іхъ дочка́ Ка́тря.... Ся не въ ма́тіръ зароди́лася—палка́, прудка́ дівчина—тру́дно ій було́ ба́теньку кори́тись. Було́, якъ здвигне́ стари́й бро́ви, сти́сне уста́ тонкі, та блисконе́ о́комъ своімъ чо́рнимъ—ми вже зъ пані́маткою ле́дві ди́шемо,—одна́ Ка́тря не боітця нічо́го: пита́е ёго́ та роспи́туе, та супере́чить, поки́ ажъ ба́тько не покри́кне: »го́ді!« таки́мъ го́лосомъ, що й найсмілі́ше у світі сти́хне... Після то́го, ще до́вго у Ка́трі ли́чко гори́ть и слізки́ вико́чуютця зъ очи́ць...

Хороша була́ та Ка́тря! Було́, отсе́, якъ вбере́тця—едина́чка, то вже нічо́го не жа́лували для не́і,—пла́хта на ій шовко́ва, ху́стка зъ золоти́ми квітами, зъ золото́ю габо́ю,—завъя́же, а зъ пра́вого бо́ку квіточка. Корсе́тъ зеле́ний зъ ба́йки, або́ зъ сукна́. Коса́ въ не́і була́ така́, що, було́, й руко́ю не сся́гне,—и кісни́ківъ не носи́ла, тілько стрічка вплетена черво́на, або́ голуба́. Нами́сто до́бре; на нами́сті дука́чъ зъ камінням дороги́мъ; черевички на ко́рочкахъ високе́нькихъ; соро́чка тонесенька, виши́вана до са́михъ чо́холъ... Увійде, було́, вона́, де гостей лю́дно,—всі помо́вкнуть и на не́і ди́вляться-задивля́ються,—а вона́ и всміхне́тця, и засоро́митця.

Що́-то за весе́ла! Що́-то за шамка́ була́! Ро́дичівъ у насъ бага́то: то́й оже́нитця, то́й за́міжъ иде́,—то міжъ своімъ ро́домъ нагуля́есся.

На весілле, чи на вечорни́ці—я́къ-то, було́, Ка́тря ве́село поспіша́етця! И хто ії перетанцю́е, хто переспіва́е?...

А весно́ю?!... Скоро, отсе́ скре́сла кри́га, пота́нувъ снігъ изъ

стріхъ закра́пало, а зъ гіръ струмо́чки покоти́лися; со́нечко гріе з-за весняни́хъ хма́рокъ; вітре́ць дрімли́вий та те́плий яки́йсь па́ше,— вже Ка́тря весня́нки заспіва́ла. Йде́ слободо́ю й співа́е, и дівча́тъ на у́лицю викли́кае.

Всіма́, було́, вона́ дітча́тами верхово́дить, и дівча́та ії слу́хали, и ду́же ії люби́ли: вона́ жъ було́ зъ ни́ми скільки разъ на́ день и попосмі́ється, и посва́рится кільки разъ, и обійметця....

Житте молоде́е! пішло́ вже ти за водо́ю!

Весна́ йде́ та йде́. Ось вже и не́бо голубе́ и чи́сте, и вода́ голуба́, просвітчаста. Со́нечко блищи́ть и гори́ть; гаі розвива́ютьця; садки́ зацвіта́ють; у ве́чері десь тёхнувъ солове́йко на листа́тому клені; куе́ зозу́ля на висо́кій бере́зі; гуде́ бджола́; мигтя́ть бі́лі мете́лики по-надъ молоде́нькою трави́чкою; хрущі літа́ють гучли́ві.... яки́йсь го́мінъ, гукъ яки́йсь, чи зъ-під земліі, чи зъ води́, чи зъ не́ба!..

Дожида́емо ве́чора, а въ ве́чері — на моги́лу. Ле́дві намъ ся́ють місяцеви ро́ги, ти́хо усе́, — тілько ми співа́емо, да десь млинъ ме́ле, та вода́ въ береги́ плеска́е... У пра́зникъ, було́, ми зара́ні прокида́емось до це́ркви, а зъ це́ркви по дівча́тъ на сло́боду; гука́е, збира́е Ка́тря дівча́тъ: »Дівча́тонька! ходімо ми на моги́лу!« —»Ні, ходімъ у гай по суни́ці!« — »Ні, лу́чче вже на пологи́, въ степъ!« — »Ні, въ садо́къ!« —»Та́мъ кра́ще!« — »А та́мъ лу́чче!« —»А тамъ веселіше!«

И та́мъ, и та́мъ! И всю́ди га́рно, и всю́ди ве́село, и всю́ди кра́сно! И весе́ла ю́рма дівча́тъ жене́, и пісня и ре́гітъ несе́тця....

Що́-то молоді літа́ золоті лю́дямъ! Що заду́мавъ, все ёму́ мо́жна, все ёму́ відра́дісно, все втішно; а старо́му — якъ зака́зано!

II.

Була́ у насъ сусідка — удова́ Пили́пиха: господи́ня на всю сло́боду. Яка́ ха́та, які́ городи́, садо́къ, скільки по́ля, сте́пу, и баштанъ, и па́сіка, и мли́нъ — чого́ вже не було́ тамъ! Зъ се́бе була́ огрядна́, висо́ка, чорня́ва, — все, було́, у черво́ному очіпку красу́етця и въ зеле́ній ю́пці-до-у́сівъ; чо́боти ри́пають, бі́лі рука́ва ма́ють широ́кі, — похожа́е собі де́, то, мовъ, бага́та те́ща у вбо́гого зя́тя.

Пили́пиха була́ ще да́вня това́ришка и прия́телька на́шій ма́тері, и жили́ вони́ зъ собо́ю до́бре, люби́лися. Не долюбля́въ тільки ба́тько удови́, що така́ вона́ своєу́мка непокірлива; недолюбля́ла и вона́ ёго́—обопільно. Що було́ стари́й у господа́рстві попорядку́е, що тамъ намы́слить, чи зро́бить,—ма́ти удові похва́лятця,—удова́ усе́ осу́дить. Хочъ у вічі не ска́же слова́ми и́ноді, дакъ зітхне́, або́ голово́ю похита́е. Ніяково, на́че, ій було́, що ма́ти годи́ть та́кечки старо́му, що та́къ ёго́ слу́хае. Аби́ до насъ прийшла́, що старо́го до́ма нема́е, то й почне́ слова́ закида́ти, во́ду, я́къ-то ка́жуть, каламу́тити: »що чоловікъ—господа́рь у по́лі, а жінка—господи́ня въ госпо́ді; та що лихе́ житте изъ тими́ самово́льцями, що вже на-за-у-міру своїмъ упо́ромъ хо́дять. Се якъ той хрінъ коренча́стий: де́ вже розкорени́тця, то й посіяти за нимъ до́брого нічо́го не мо́жна. Лихе́ житте изъ таки́ми!«

— А я́къ-же не лихе́! — одка́зуе ма́ти на́ша удові, — кривъ Бігъ насъ, нехай и дітокъ на́шихъ боро́нить!

»Ще твій не наро́вливий, голу́бко? Ще тобі по ёму́ голова́ не звя́зата? Ще тобі не тісно? ще тобі не ва́жко?«

— Отсе́! Чого́ жъ мині ва́жко? Чого́ мене́ ли́хомъ тимъ наді-ля́ете, що ёго́ зъ-ро́ду не було́? Та мене́ чоловікъ мій нико́ли сло́вомъ недо́бримъ не покарта́въ...

»Що́ то, що вінъ мовчи́ть! Ка́жуть, що й катъ не говірки́й, а го́лову вінъ одтина́е! Мовчи́ть!.. та вінъ мо́вчки усіхъ васъ гні-пи́ть, підъ но́ги собі то́пче... ні ра́ди въ васъ, ні пора́ди не спита́—не шука́е; пово́дитця, якъ той панъ зъ підда́нками!«

— Що́'тсе ти, лю́бко, що́'тсе! Мо́же вінъ тро́хи и мисли́венький собі вда́вся, та вінъ же на те розу́мний въ насъ; намъ до́бре за нимъ; дя́куемо ёму́...

»А вже́жъ! а вже́жъ! Ти бъ и во́рогу своє́му подя́кувала, ти така́ въ Бо́га, мабіть, сама́-одна́! Мене́ бъ вінъ та́кеньки не обійшо́въ: я́бъ ёму́ довела́ свого́, — поба́чивъ би вінъ!«

— Ну́ жъ бо, се́рце!.. бу́де вже!— одпро́шуетця ма́ти: — Ні-я́ково мині тебе́ й слу́хати!

»А то́ жъ я зъ чого́ 'тсе говорю́, якъ не зъ прия́зни моеі? Мене́ що́ долига́е? що́ зачіпа́е?.. Тебе́ жа́луючи говорю́, тебе́ лю́блячи! Ти, якъ дити́на, свого́ ли́ха не тя́мишъ, не добача́ешъ, здоро́ва!«

То се́ вона́, лю́блячи та жа́луючи, було́ ій и пока́зуе...

И спра́вді — добра́ ми́сливши й лю́блячи щи́ро: удові здава́лося, що якъ одбива́тись одъ яко́го ли́ха рука́ми, то хочъ и не одібъе́шся, такъ бо́іщемъ натішисся сла́вно.

Чудно́ бу́де, якъ искажу́, що удова́, не люби́вши старо́го таки́ й гара́здъ, якъ було́ до насъ при́йде, та ёго́ до́ма нема́, то ій на́че ду́же ста́не доса́дно: тоді въ не́і и въ горо́ді не вроди́ло га́рно, и въ по́лі недорідъ, и зими́ вона́ сподіва́етця холо́дноі; а якъ нашъ ба́тько тутъ—вона́ ди́витьця жва́во и, на́че, ми усі ій тоді лю́біші и мили́ші...

Отъ було́, тільки що зійдутця вони́, за́разъ и почну́ть яку́сь тамъ ущи́пливу розмо́ву міжъ собо́ю.

»Э«, ка́же, було́, нашъ стари́й: »э, па́ні-сусідко! Я бъ васъ де́ полковникомъ настанови́въ! То́ и́ншимъ молоди́цямъ макъ сіять та мо́ркву сади́ти, а вамъ, ій-же-Бо́гу-моему́, ва́мъ отаманува́ти!« А самъ, гово́рячи та́къ, зъ-бо́ку яко́сь, на не́і ди́витця му́дро, що го́рда удова́ тільки счервоніе та о́чи гнівли́ві у зе́млю спу́стить, поки́ ажъ зва́житця ёму́ одмо́вити.

— Се весе́лі жа́рти, па́не-сусідоньку, — та все жа́рти; а ви мині яке́ розу́мне сло́во проки́ньте.

»Вибача́йте на розу́мнімъ—прийміть правди́ве, сусідонько пова́жна!«

И ще́ Пили́пиха почервоніе...

Чи вона́ свого́ чоловіка небіжчика згада́е, (а вона́ ча́сто люби́ла ёго́ зга́дувати) »отъ чоловікъ був!« Зітхне́ ва́жко, о́чи свої би́стрі у зе́млю спу́стить: »о́хъ-о́хъ! тепе́ръ ёго́ ду́шенька въ раю́...«

— Дя́куючи вамъ, сусідонько! озве́тця ба́тько.

Вона́ такъ и спахне́, и ту́гу забу́де свою́ за небіжчикомъ.

»Мині дя́куючи?« вхо́питця за те сло́во: »за що́ мині?«

А ба́тько ій спокійне́нько та хитро́во: — А що́, ка́жу, ви ёму́ ви́молили въ Бо́га місце у раю́...

И завсю́ди, якъ тільки вони́ вку́пі,—все отта́къ заведу́тця ласка́вими слова́ми одно́ 'дного́ шпига́ти. Тине́тця и́нша шпи́лька и така́, що Пили́пиха не сте́рпить,—угнівавшися, пійде, ви́соко го́лову свою́ го́рду несучи́. Та се не на вели́кі ча́си: ху́тко зновъ насъ одві́дае и зновъ такъ са́мо супере́чками та ура́зками, а сва́рокъ спра́жніхъ нико́ли не бува́ло.

Була́ въ удови́ дочка́ Мару́ся, на́ша подру́жниця,—тожъ одно́літка зъ на́ми,—и до́бра, и лю́ба, не сказа́ти яка́. Була́ круг-

лови́денька, ясноо́ка, уста́ румъя́ні, якъ ви́шня; и висо́ка и ставна́; бро́ви на шнуро́чку; а го́лосъ... було́ тільки загово́рить, то, здае́тця, вже тебе́ пожа́лувала. Ти́ха була́ дівчина, така́ вже ти́ха, що на́че вона́ чого́сь смутне́нька. Ніко́ли вона́ такъ шви́дко румъя́нцемъ не спахне́, якъ отъ Ка́тря на́ша, не скри́кне та́къ ніко́ли, не ки́нетця, не запла́че; до впаду́ не затанцю́ется, не разсе́рдитця до сва́рки; не вто́млена гу́льбощами, го́ремъ не перему́чена,— ясна́ була́ собі, якъ ти́хее літо.

Ми зъ Ка́трею ду́же ту Мару́сю люби́ли, и було́ такъ: аби́ намъ годи́нка вільна—біжимо́-летимо́ до не́і, хочъ удови́ ми й боя́лися тро́хи: Ка́тря, — й та міша́лася передъ удовини́мъ по́глядомъ.

Було́, якъ забіжи́шъ до Мару́сі у робо́чу часи́ну,—отъ, ску́чишъ,—та́къ словце́ яке́ на-швидку́ перемо́вити, а тебе́ перестріне сама́ Пили́пиха и ста́не передъ тобо́ю не-мовъ стіна мідяна́.

»А що, голу́бко? десь уже́ въ васъ по робо́ті?«

Та ні, я се до Мару́сі прибігла на хвили́ночку, забажа́лось одвідати.

»Спаси́бі, голу́бко, спаси́бі! Насъ ще Госпо́дь до яко́го ча́су ми́луе!«

И та́кеньки вона́ тебе́, на́че и ла́скою, зъ ха́ти ви́жене, тільки передъ тобо́ю стоючи́, та тобі въ вічі гля́дючи.

Пили́пиха була́ ма́ти своій дочці не пода́тлива, не схільчива. Вона́, якъ га́нила чоловікивъ-мислі́вцівъ, такъ ще гірше ій було́ хазя́йку, мовля́ла, непутя́щу ба́чити у семъі.

»Хазя́йка—пора́дниця въ ха́ті«, було́, дово́дить, »а коли́ вона́ плоха́, то яка́ бу́де пора́да? Зъ плохи́хъ люде́й нема́ пора́ди. Семью́ свою́ тре́ба хазя́йці такъ тріма́ти, якъ макъ у жме́ні: а то розси́плетця у е́, по́рохомъ піде за вітромъ.«

Такъ вона́ й роби́ла, якъ говори́ла. Дочку́ свою́ чи пошле́ куди́, чи гуля́ти пу́стить, дочка́ въ не́і не спізнитця, не заба́ритця. Оце́, було́, якъ на́ша Ка́тря де́ загостю́е, та ма́ти диву́ють »що́ се до́ні нема́?«—Якъ тоді удова́ голово́ю хита́ла! Хита́е, та й о́чи ажъ заплю́щить.

Намъ зъ Ка́трею було́ життє вільне, бо ба́тьку ніколи було́ насъ стерегти́ — чи ро́бимо ми, чи гуля́емо; а ма́ти — у ма́тері було́ одпро́симось коли́ схо́чемо; заба́римося, то вона́ за насъ діло на́ше поро́бить, а насъ тільки спита́: »А що́, чи до́бре гуля́ли?«

Було́, підъ годи́нку до́бру, ра́зомъ би намъ зъ Мару́сею погуля́ти, а Мару́сі — не мо́жна...

Колоти́ла Пили́пиха у на́съ въ ха́ті, а на́ша Ка́тря такъ-са́мо въ не́і. »Житте жъ твое́, Мару́сю!« порікувала Ка́тря, розсе́рдившись: (о́тъ, не пу́стить удова́ дочку́ зъ на́ми, чи що́ тамъ.)

А Мару́ся ій: — А що́ моє́ житте?

»Та якъ ти живе́шъ-гору́ешъ! А ні пі́ти тобі, а ні погуля́ти, а ні чого́ забажа́ти! Гіршъ ти кори́сся, ніжъ на́ймичка!«

— Та се тобі та́къ, Ка́тре, а мині, дочці...

»Говори́! хиба́ я тобі віри пійму́, що ти зъ своє́і охо́ти усе́ на вго́ду ій ро́бишъ? Вона́ жъ така́ на́дто вже наровли́ва!«

— Коли́, пра́вда, що й посуму́ю; а все лу́чче якъ я ій втішу...

»Зъ тако́ю втіхою я́ бъ у домови́ну ра́да. Ще дасть тебе́ за́міжъ за яко́гось гайдама́ку старо́го,—ось поба́чишь, коли́ не відда́сть!.. Охъ, Мару́сечко ми́ла! Мару́сечко лю́ба! Бідна жъ твоя́ голо́вонька!«

— Отсе́, — сміе́тця Мару́ся, — ся Ка́тря то заздалегідь мене́ опла́куе!

Ка́тря вже и сама́ сміе́тця.

»А та́къ та́къ«, ка́же, »зна́й же мене́, щи́ру прия́тельку!«

— Ка́тре,—попита́ла я въ не́і,—а якъ тебе́ ба́тько віддасть за того́, мовля́ла, гайдама́ку?

»Хиба́ жъ я піду́? Я зъ ро́ду не піду́!«

— А якъ ба́тько приси́луе?

»Мене́? мене́ приси́луе?« покри́кнула, — почервоніла по са́ме воло́сся: »я сама́ ба́ткова дочка́!«

— Ну́ вже, ну́! го́ді тобі! Сама́ на се́бе ли́ха не закрика́й!

»Ви усі мене́ тимъ ли́хомъ страха́ете, якъ во́вкомъ! Мо́же й є воно́ десь у ліси, а мо́же й нема́! Теперъ въ ме́не те́ стоіть за ли́хо пеку́че, що мині сло́ва промо́вити не вільно при ба́тьку: тільки наменусь, усі морга́ють и кива́ють, що тре́ба мині за язи́къ вкуси́тися! Та колись-таки́ я зъ ба́тенькомъ погомоню́!«

Ми того́ ду́же боя́лися, розмо́ви тіі. Вже я́къ, було́, ма́ти свою́ Ка́трю вмовля́е, я́къ прохае!

»До́ню моя́, до́ню! Шану́йся, голу́бко, шану́й ба́тька. Не вразі́ ти ёго́ яки́мъ сло́вомъ, або́ по́глядомъ пустімъ, — слу́хай покірливо!«

Ка́тря ма́тері обіця́е вже, а ско́ро ба́тько у чому́ ій на пере-

шко́ді ста́не — чи тамъ у я́рмарку не звели́ть купува́ти яко́ї оде́жини, чи воза не дасть поіхати куди́ — вже Ка́тря про́сить наза́дъ своє́ї обіцянки. »Я скажу́ та́тові, ма́мо! Я та́та ще поспита́ю, ма́мо!..« и вже го́нить по ха́ті, вже розчервонілася, розгорілася, вже у во́чахъ слёзи... Ма́ти було́ її за ру́ку зъ ха́ти ви́ведуть.— Ка́тря ду́же матіръ люби́ла, — для ма́тері вже терпіла, її слу́хаючи.

III.

Віддава́ла одна́ Бу́лахова ро́дичка дочку́ за́міжъ. Молода́ зъ бага́тої семьі була́, и бучне́ весілля справля́ли.

Ми собі на те весілле прибіра́емося, тройко́ насъ въ ку́пці зъ Мару́сею.

Ще коли́ почали́ до насъ убіга́ть дівча́та, то одна́, то дру́га— за те весілля гомоніти: и кого́ дожида́ють тамъ, и яко́го люде́й та́мечки запро́шено.

Молода́ у дру́ге село́ віддава́лась, у Лю́бчики, — одъ на́шої слободи́ те село́ недале́чко — на годи́ну місця ходи́, — то звідти, сла́вили, усі бу́дуть, а що́ вже дівча́та та паробки́ Любчівські, то неодмінно, — хиба́ бъ не дожи́въ котри́й, то зъ домови́ни не при́йде. Отсе́ жъ було́ на́ші дівча́та тілько о́хають, роска́зуючи, та ажъ за го́лову беру́тця, що яке́-то вже те́ весілля бу́де пишне́, та лю́дне, та бага́те.

И пройшла́ ще чу́тка така́ міжъ на́ми, що бу́де яки́йсь ро́дичъ молодо́го, яки́йсь коза́къ Ча́йченко, та таки́й вже хоро́ший, та таки́й вже га́рний—и не сказа́ти, и не списа́ти!·

»А хто́ зъ васъ ёго́ ба́чивъ?« пита́ дівча́тъ Ка́тря.

— Оле́на Чугаївна ба́чила, якъ изъ це́ркви йшла́, — ажъ зітха́е, якъ згада́е. Да Мару́ся, здае́тця, то́жъ ба́чила? — гово́рять.

»Мару́се!« кри́кне Ка́тря, »ти ба́чила?.. А мовчи́ть!.. Коли́ жъ се ти ёго́ ба́чила?«

— Якъ була́ зъ ма́мою у Лю́бчикахъ на весіллі, — тоді ба́чила, — одмо́вила Мару́ся.

»Ну, хоро́ший же вінъ спра́вді? Яки о́чі? яки бро́ви?«

— Вінъ чорня́вий.

»Чи изъ тобо́ю розмовля́въ? Що́ говори́въ вінъ тобі? Чи ві́чливий, чи вінъ го́рдий?.. А до кого бі́льше [illegible] вінъ?«

БІБЛІОТЕКА

— Го́ді-бо вамъ, дівча́та, го́ді! — гово́рить Мару́ся.
»Роскажи́, роскажи́, та роскажи́ усе́!«
Оступи́ли ії, схопи́ли — не пуска́ють.
— Що́ жъ ма́ю вамъ роска́зувати? —
»Яки́й вінъ, — чи ввічливий, говірки́й?«
— Вінъ ввічливий и не ду́же говірки́й?
»И тро́хи не го́рдий?«
— Не зна́ю.

Да пита́ннє Мару́сі за пита́ннемъ, та пита́ють ко́жне по десяти́ разъ, поки́-ажъ Мару́ся до до́му пішла́.

Не було́ дівча́тамъ вга́ву: Ча́йченко — якъ на ми́слі, якъ на язиці; — да́лі вже такъ ста́ло, що ті́льки й мо́ви, що про ёго: та я́къ на весілля прии́йде, та я́къ ёго́ поба́чять. Одна́ довідалась, що въ ёго е ма́ти стара́; друга́ пле́ще, що вінъ хо́че у Лю́бчикахъ осели́тись — ха́ту собі тамъ цінує; тре́йтя зновъ вилі́та на у́лицю, якъ горобе́ць зъ стріхи: »Ча́йченка Яковомъ зову́ть!« четве́рта, зновъ, прочу́ла, що въ ёго на руці таки́й пе́рстень, таки́й!... Та жо́дна безъ по́вісти не прии́йде.

»Дівча́точка моі, голу́бочки! гляді́ть лише́нь не перехваліть ёго́!« смі́ётця Ка́тря дівча́тамъ: »сла́вні бу́бни за гора́ми, а збли́зька — шкуратя́ні!«

— Ну, ось вже весілля не дале́чко, — поба́чимо, — гуду́ть дівча́та: — вже довідаемось дісне, вже поба́чимо ёго́ — яки́й.

»Та да́й же вамъ, Бо́же! а то вже вінъ тро́хи й онавіснівъ мині: тільки й мо́ви, що вінъ, тільки й ду́мокъ!.. надоку́чило!«

Дожда́лись дівча́та: віта́ють на дівичъ-ве́чіръ; віта́ють на весілля.

Ми убра́лись, вквіча́лись, біжимо́, сміючи́ся, гово́рячи зъ Ка́трею. Мару́ся чого́сь заду́мана. А ми, кажу́, сміемо́сь зъ Ка́трею, жарту́емо. И про того́жъ-таки́ Ча́йченка пра́вили, що, мо́же, таки́й вінъ, що й по́глядомъ дівча́тъ побива́е.

»Та чому́ отся́ Мару́ся намъ не ска́же нічо́го? Скажи́ жъ бо, Мару́се!« гово́рить Ка́тря, »а то на́че для се́бе хова́ешъ...«

— И спра́вді, чо́мъ-таки́ не ска́жешъ ладо́мъ, Мару́се? — озва́лась и я до не́і.

— Та що́ я ма́ю каза́ти?
»Яки́й вінъ?«
— Молоди́й, чорнявий...

»Отсе́ и всёго!« сміе́тця Ка́тря. »Чи ма́ло жъ по світу тихъ молоди́хъ и чорня́вихъ! Якъ же ёго́ міжъ ни́ми впізна́ти?.. Якъ на те́жъ, Любчівські паробки́ усе́ чорня́ві... Якъ ёго́ пізна́ти? А, мо́же, въ ёго на чолі — місяць, а на поти́лиці — зо́рі сія́ють?«

Ото́жъ люде́й на у́лиці и коло́ ха́ти — нігде й го́лки встроми́ти! Яко́сь ми проби́лися, увійшли́. Тутъ — на́ші дівча́та, чужі дівча́та, вітаємось, пита́емось, — зъ молодо́ю словце́ перемо́вили... Загра́ли музи́ки, поси́пали дівча́та у двіръ. А у дворі паробківъ — стіно́ю стоя́ть! Да то́ сами́хъ незнае́михъ, чужи́хъ! И де́ не обе́рнесся — все на те́бе незнако́мі о́чі блискотя́ть...

»Де́ жъ ото́й Ча́йченко«, ду́маю-собі, »отой вспа́вленій?« Та й дивлю́сь ни́шкомъ, чи не пізна́ю ёго́ де́, — коли́ чу́ю: »Ой мині ли́шечко!« жахну́лась Ка́тря, о́-бікъ ме́не. Огля́нусь я: що тобі? — Вона́ стоїть, отъ якъ би вона́, безъ га́дки й ду́мки, ра́зомъ, передъ яки́мъ ди́вомъ опи́нилася — такъ-то вона́ стоя́ла диви́лась куди́-сь... Я собі туди́ зирну́ла: міжъ паробка́ми висо́кий, ставни́й, чорня́вий коза́къ у чо́рній сви́ті, у черво́ному шовко́вому по́ясі... Задиви́лась й я на ёго... Тро́хи схаменувшись, пита́ю: »Чи ти не зна́ешъ, Ка́тре, хто́ се таки́й?«

— Не зна́ю... не зна́ю....

»Чи не Ча́йченко!«

— Ні... мо́же... не знаю...

Я до Мару́сі, найшла́ ії; вона́ заду́малась — не погля́не...

»Мару́се!« кли́чу: »хто́ се стоїть онъ—та́мечки? Ча́йченко?«

— Вінъ, — ка́же.

»Що́ жъ то за краса́! що́ то за па́робокъ!« шепотя́ть дівча́та міжъ собо́ю.

Мару́ся тільки погля́нула у той бікъ, де́ вінъ стоя́въ.

»Чи жъ тобі не до-сподо́би?« пита́ю.

— Хоро́ший, — промо́вила сти́ха.

»А що вже Ка́тря«, говорю́ Мару́сі, »то, надійсь, добро́мъ-таки́ у ёму́ закоха́лась!«

А Мару́ся мині та́къ-то вже пова́жно вимовля́е: »Ти, сестри́це, коха́ннемъ не жарту́й!« отъ, мовъ, вона́ воро́жка стара́, або́ що.

»Ну, до́бре«, кажу́, »иди́ бли́зче, сама́ подиви́ся, де́ тутъ въли́ха жа́рти?« Взяла́ ії за ру́ку, притягла́ до Ка́трі

»Ка́тре!« почну́,—а Ка́тря якъ сти́сне мині ру́ку:

— Идé, идé, прóсто до насъ идé! — шéпче, а самá такъ и тріпóче.

Чáйченко ставъ коло Кáтрі и взявъ ії у-танéць. Вонá, оттá смільлúва, меткáя Кáтря, не мовъ перелякáлась чогó, збіліла...

»Марýсе, измічáешъ?«

Марýся імъ у-слідъ дивúлась своімъ пóглядомъ тúхимъ.

Скóро Чáйченко пýстивъ Кáтрю, усі дівчáта тáкъ и тúснутця до нéі: »А щó? Чи знáешъ, изъ кимъ танцювáла?.. Се Чáйченко! Се Чáйченко Яківъ! А чогó жъ мóвчúшъ? Чóмъ не говóришъ? Не вподóбався? Вподóбавсь?«

— Та я щé ёгó дóбре й не розглéділа, — одмовлúетця Кáтря передъ дівчáтами, самá озирáючись округú, нáче бъ вонá у дúкій пýщі опенúлася.

Дé-котрі й віри ій понялú: »Та вбачáй же бо, вбачáй дóбре: другóго такóго немá! а котóрі — такъ зъ-підъ бровú на нéі подивúлись.

А весілля, а тáнці не стихáють; въ дворі усю травý зелéну підкíвками вúнесли. Чáйченко танцювáвъ зо всімá; бравъ и менé, и Марýсю: якá на óчи попадé дівчина, ту вінъ и берé.

»Вінъ нáми гордýе«, обіжáлися úнші дівчáта, »що берé насъ, у вічі не подивúвшися!«

— Заждіть бо, які жъ скóрі! Нехай вінъ трóхи обсвідчитця въ насъ, — вмовлúли зновъ другúгі.

Міжъ тáнцями зайшлá розмóва у дівчáтъ зъ паробкáми: чи дóбре изъ багáтою одружúтись?

»Дóбре, якъ взя́ти лю́бу та мúлу!« озвáвсь Чáйченко.

— Чомý бъ тобі и не взя́ти — одкáже ёму Грицькó Лéпехъ, — що самъ, слáвили, кохáвъ нúшкомъ молодý, — тобі нагáни не дадýть, ти самъ багáтий.

»Багáтий на дрíбні слёзи«, промóвивъ Чáйченко, всміхáючись.

Музúки загрáли, усі пішлú у тáнець — и Чáйченко. Чи се вінъ прáвду сказáвъ, чи се вінъ пожартувáвъ — хтó ёго розберé! Ми усі зъ собóю изглúнулися; багáто дівчáтъ помóвкло — задýмалися.

Світъ вже білéнький розсвітáвсь, якъ ми зъ тогó весілля повертáли до дóму. Марýся и Кáтря ні словéчка не прокúнули. Я заговорю, »ні!.. эгé жъ!.. а вжé жъ!« одкáже Марýся: якісь ії свої мúслоньки занóсять, а Кáтря — то й зóвсімъ мині одвíту

не оддае́; то вона́ швиде́нько йде́, насъ попережа́ючи, то вона́ одста́не....

Тутъ насъ паробки́ наздогна́ли, и Ча́йченко бувъ міжъ ни́ми. Вклони́лися намъ и на добра́-нічъ дали́. И Ча́йченко... Яки́й въ ёго го́лосъ бувъ стру́йний! и почу́ешъ, и пізна́ешъ всю́ди—хочъ міжъ дзво́нами! А Ка́тря на́ша? Де́ жъ тіі жа́рти? Де́ ті ви́гадки коли́шні? Вона́ ле́дві паробка́мъ на »добра́-нічъ« оддала́.

IV.

У ти́ждень по тому́ весіллю, були́ у насъ молоді и запроша́ли до се́бе. Ми поіхали у Лю́бчики всіе́ю семье́ю. Поіхала й Пили́пиха зъ дочко́ю. Ка́тря ще зъ ве́чора усе́ нагото́вила убра́ннє; проки́нулась у-до́світа, та чи й спа́ла вона́—не зна́ю; а мині—то все такі сни сни́лися ди́вні тіе́і но́чі. Сни́лось мині, що вихо́димо ми зъ Ка́трею и зъ Мару́сею на яки́йсь шляхъ вели́кий міжъ степа́ми, и всі степи́ тіі, и ввесь шляхъ усе́ Ча́йченки закраси́ли, усе́ Ча́йченки, та оди́нъ у оди́нъ хоро́ші...

Ка́тря мене́ бу́дить—я ій роска́зую: »а чи́ жъ не ди́вний сонъ?«

Якъ же вона́ вжахну́лася, почу́вши!

— А що́ те віщу́е? що́ віщу́е? — притьмо́мъ искажи́ ій.

»Не поло́хайся, Ка́тре«, вмовля́ю, »се сонъ недільний: якъ до обідъ не справди́тця, то й не жда́ти нічо́го...«

— Бо́же, Бо́же! що-то бу́де! — бідкаетця вона́...

Зоря́ розсвіта́ла, день почина́въ білі́ти; ми сиділи коло віко́нця, — розчісувала и плела́ вона́ своі ко́си до́вгі; румъя́нець густи́й спа́хувавъ на ли́чку, а ли́чко було́ бліде́.

Розви́днілося; уста́ла ма́ти, ба́тько; почали́ ла́годитись, зара́ні ви́іхали.

»Ка́тре!« говорю́ ій сти́ха: »чи поба́чимо ми тамъ Ча́йченка?«

— Не зна́ю. — Сама́ одверну́лася.

»А въ жадібку ёго́ поба́чити?«

Не чу́е.

»Ка́тре? а хо́чешъ, кажу́, поба́чити?«

Хотіла вона́ осміхну́тися, та не всміхну́лась, а розсе́рдилась.

— Отже, ости́ли, коли́ хочъ, жа́рти!

Да́лі, що почну́, то нічо́го не вихо́дить: то Ка́тря усе́ хва́-

лить, то Ка́тря усе́ га́нить; то усе́ въ не́і вже й зли́шнёго сла́вне; то усе́ въ не́і ні до чо́го не зга́рне й недокла́дне.

Приїхали у Лю́бчики; ще тільки були́ тамъ сами́ ро́дичі у молоди́хъ, та бли́жні прия́телі, отъ-якъ Пили́пиха; у ха́ті бу́ло просто́ро; ми пе́ршого очи́ма зу́спіли Ча́йченка: сидівъ вінъ проти двере́й....

Старі собі розмовля́ли; ми по́плічъ зъ Мару́сею та зъ Ка́трею, такъ, о́дсторонь, сиділи. Тихесе́нько я Мару́сі свій сонъ переказа́ла. »Чи не ди́во жъ?« пита́ю.

— Усе́ дива́ въ Бо́га! — одказа́ла задумавшися.

Між ъ ро́дичами молодо́го сиділа стара́ бабу́сечка у те́мній ху́стці, у те́мній юпчи́ні, біле́нька на виду́, невели́чка зро́стомъ, зъ смутне́нькимъ по́глядомъ. Сама́ вона́ говори́ла небага́то, а людя́мъ одмовля́ла любе́нько, ввічливо, яко́сь уча́стливо, місто-бъ вона́ пожа́лувати хотіла. Вона́ часте́нько поглядала на Ча́йченка и на насъ. Се була́ Ча́йченкова ма́ти.

Обі́дня годи́на; ні що неправди́ть мого́ сну.... а по обі́ді понахо́дило тако́го люде́й; розлігся го́мінъ; му́зики загра́ли; та́нці ви́строілись.

Танцюва́ли вже изъ до́бру годи́ну, а Ча́йченко усе́ сидівъ собі та тільки диви́всь, якъ дру́гі підківками кре́шуть. Коли́ ёго́ ма́ти до ёго нахили́лась и щось говори́ла ёму́; після́ то́го вінъ за́разъ пішо́въ у тане́ць и взя́въ пе́рво Ка́трю, тамъ Мару́сю, тамъ мене́, тамъ и други́хъ дівча́тъ, зновъ якъ тоді, не подиви́вшись и въ ві́чі жо́дній. Мині довело́сь сидіти коло Ча́йченка, мо́же, заговори́ть, кажу́; подивлю́ся на ёго — де́ вже сей заговори́ть!

»Яко́го тутъ люде́й!« зніма́ю річъ сама.

Вінъ озирну́вся на ме́не и по ха́ті погля́нувъ:

— Бага́то гості́й!

»Сла́вне село́ Лю́бчики, весе́ле! Ви ще тутъ не да́вно?..«

— Не да́вно.

Та́къ вже мині попита́ти, чи зоста́нутьця вони́ тутъ,—та́къ ві́же!..»Ту́течки усі лю́ди живуть досту́пні такі, привітні... жа́лко вамъ бу́де іхъ ки́дати...«

— Та ми сюди́ на се́лище прийшли́, у земля́не пи́шемось Любчі́вські.

Въ мене ажъ увъ о́чяхъ я́сно ста́ло, якъ вінъ похвали́вся.

»До́бре вамъ жи́ти бу́де!«

— Де жи́ти, то жи́ти, — почу́ла я одъ ёго....

Повернулися ми до-до́му. Ка́тря смутна́ була́. Ма́ти пита́ла, чи зду́жае, — »зду́жаю«, ка́же. Ведётця мі́сяці зо́ два, що ми Ча́йченка ба́чимо въ ряди́-часи́: то Любчі́вськоі це́ркви не проспимо́, а зъ це́ркви за́йдемо до ро́ду, — про́сять на обі́дъ; по обіді гуля́емо потамъ увёсь день, то запроша́ли яко́сь на́ші іхъ до се́бе, то зновъ вони́ насъ.

Ча́йченкова ма́ти купи́ла ха́ту у Лю́бчикахъ, свяги́ла ту ха́ту; насъ зва́но, и Пили́пиху зъ дочко́ю; то ми усі на вхідчинахъ тіхъ були́.

На госпо́ді у се́бе, Ча́йченко таки́й са́мий небалакли́вий якъ и въ лю́дяхъ, ма́ти жъ ёго́ ду́же ласка́ва й привітна́ до всіхъ ста́вилась. Якъ вже ми до до́му вихо́дили одъ іхъ, то вона́ насъ прово́дила за свою́ лева́ду, та й ка́же Ка́трі: »Коли́бъ мині до сі́ї ха́ти таку́ пта́шечку, якъ ти!«

Ніхто́ того́ сло́ва не чувъ ти́хого, окро́мъ ме́не. Я Мару́сі се говорю́, що чу́ла я. Вона́ тільки поспита́ла: чи до́бре я чу́ла?

Зъ яко́го ча́су-годи́ни осмутніла на́ша Ка́тря весе́ла. Не разъ я на свої о́чі ба́чила, що вона́ оце́ ду́мае-ду́мае та й обіллетця слёза́ми дрібни́ми. Або́ не знать зъ чо́го, зъ до́брого ди́ва, обрадіе: то́ді співа́е, всміха́етця, червоніе. Яки́мъ вже я ти́химъ ви́домъ не підхо́дила розмо́витись зъ не́ю, роспита́тьця за все, такъ вона́ жъ одъ ме́не по́сторонь. Ні мині нічо́го не ка́же, ні Мару́сі. И вже до насъ такъ не го́рнетця, якъ давно́: вже вона́ зъ своіми ми́слоньками и вже любішъ ій на самоті изъ собо́ю. Тепе́ръ вже сама́ не промовля́е сло́ва, — не залюби́ла и други́хъ чу́ти — якъ гово́рять. Ста́ла вона́ до дібро́ви учащ́ати.

Бувъ гай, таки́й густи́й, пу́щі такі за річкою — все вона́ туди́ хо́дить. Якъ я настерегла́, що вона́ бере́тця одного́ ра́зу, — я й собі за не́ю на́зирцемъ побі́гла.

У самій гущо́вині дубрі́вній, да тамъ ли́пина и горобина́ и дубъ кучеря́вий посплі́талися вітами зеле́ними надъ холо́дною крини́човиною, — забра́лась ажъ туди́, та й сиди́ть, схили́вши го́лову. Уявилася я — вона́ за́разъ схопи́лась, охму́рилась.... Я до не́і сло́во зговори́ла.... »Го́ді вже тобі!« промо́вила, »въ ме́не голова́ боли́ть!« Попоходи́ли у-ку́пі по га́ю, послу́хали, якъ ли́стя шумля́ть, якъ вода́ то́читця, та й до до́му прийшли́. Така́-то вже ста́ла Ка́тря недото́рклива: ані поспита́ти, ані загомоніти до

нéї! Колúбъ дýмокъ гáдокъ своїхъ, а то й такъ нічóго мині не скáже...

Побредý до Марýсі, а Марýся нáче стáла ще тúхша, ніжъ булá; усé вонá шúе та вишúвáе, усé за діломъ, усé тожъ въ якúхъ-сь мúсляхъ.... Ніякої мині порáди и одъ Марýсі. То булó усé нáсъ тройкó у лю́бій кýпці, а то якóсь розійшлúся якъ зозýлі въ лúсі...

Одніі недíлі смуткувáла я дýже самá. Кáтря покрúлась десь,— пішлá я собі до Марýсі. Прихóжу—вонá самá у хáті, старóї Пилúпихи не булó. »Здоровéнька булá, Марýсечко!« кажý їй. »Чогó се ти самá дóма?«

— Та мáти у гостúну пішлú.

»А ти жъ? Чи не болúть въ тéбе головá«, кажý, »якъ въ нáшої Кáтрі? У дівчáтъ, якъ сéрце наброíло, то зáразъ на гóлову звéрнуть....«

— Я чогóсь нездýжаю трóхи,—промóвила Марýся.

Придивúлася я на нéї пúльно, та ажъ у крикъ покрúкнула— такéньки змарніла вонá дýже. А въ очý жъ якúй смýтокъ!

»Марýсе голýбко!« кажý їй: »якъ ти змарніла! И чогó въ тéбе такі óчі смутні?«

— Да тогó, мóже, що нездýжаю,—сказáла на одвітъ. — А якъ тамъ Кáтря? — питáе.

»Та немá ії дóма давнó: мабіть, у дубáхъ сидúть та дýмае дýмку. Вже, кажý, й мáти давнó помітили, вже й питáли самý Кáтрю и менé. Кáтря не признаéтця... А я щó скажý? Хибá свою догáдочку? А бáчу вже, що бідá якáсь кóітця: бáтько на Кáтрю позираé,—óтъ, якъ вінъ ії поспитáе!..

Марýся пóручъ зі мнóю сидúть и слýхае, а самá словéчка не промóвить.

»Бóже мій! И що се лúхо такé сколотúлось несподіване? И ти, Марýсю, вже не такá, якъ колúсь булá!«

От-сé такéньки сидимó, а вéчоръ темніе,—колú й Кáтря вбігла. Обійнялá Марýсю, стúснула менé, поцілувáла, сіла коло насъ. Мовчимó усі дóвго. »Ну, бувáй же здорóва, Марýсе!« кажý. »На добрá-нічъ! Вже часъ додóму. Чи пійдешъ и ти, Кáтре? Тебе«, кажý, »мáти, мабіть, давнó дожидáють. Вже й спáти порá.«

»Хúмочко голýбочко! Марýсе голýбочко! Я не хóчу спáти... Я«, кáже, »я тогó Чáйченка покохáла!«

»Та хиба́ не зна́емо!« весели́нько я ій о́дмовля́ю: »отсе́ намъ новина́ вели́ка!«

А Мару́ся та́къ-то на-вспра́жне ії пита́е ще: »Чи та́къ се, Ка́тре? Чи спра́вді, Ка́тре?«

— На що́ ти мене́ такъ пита́ешъ, Мару́сю? Я ёго́ люблю́.

»Чи щи́ро? чи ве́лико, сестри́це? Поду́май!«

— Та Бо́же жъ мій, Бо́же! — одка́же Ка́тря: — та я ёго́ одъ пе́ршого ра́зу покоха́ла! Вже я зъ того́ весільля за нимъ пропада́ю. Тільки ти не вважа́ла, а зъ ме́не вже усі дівча́та смію́ться...

»Ні«, ка́же Мару́ся, »я вважа́ла, та ду́мала: се та́къ.... Я ду́мала — забу́дешъ...«

— Хиба́ якъ о́чи заплю́щу!

»То поможи́ тобі Бо́же, Ка́тре!« промо́вила Мару́ся.

— Дай тобі Бо́же, Ка́тре! — кажу́ й я.

Ки́нулась насъ цілува́ти, жа́лувати Ка́тря.

»А він же чи полю́бить?« ста́ла тоді гада́ти. »Мо́же насмію́ться! Скажи́, Мару́сю, скажи́, Хи́мо! чи він любитиме?«

— Ой, трохи́ чи не більше ти одъ насъ відаешъ про се́, Ка́тре, — говорю́, — десь ти ёго́ ба́чила, або́-що, бо ти чого́сь на́че на світъ одроди́лася сёго́дні. Призна́йся жъ и намъ, лю́бко, щобъ и ми зна́ли.

»Я ёго́ ба́чила«, роска́зуе. »Була́ я у гаяхъ и забрі́ла ду́же дале́ко, ажъ туди́ къ чужосільскимъ лева́дамъ; ишла́ собі, коли́ чую: »Здорова була́!« Гля́нула — ба́чу ёго́, вири́ не йму́. Се, кажу́, моя́ ду́ма щоде́нна, щоча́сна вживи́лася... А він усе́ гово́рить до ме́не, усе́ гово́рить...

— Що́ жъ він тобі говори́въ?

»Пита́въ мене́, чого́ зайшла́, чомъ не весе́ла....«

— Що́ жъ ти ёму́ сказа́ла? — я все ій пита́ю; Мару́ся тільки слу́хала.

»Та́къ зайшла́, — кажу́, гуля́ю собі, и я, кажу́, весе́ла... Тоді він пита́въ мене́, чи ху́тко ми бу́демо у Любчикахъ и каза́въ, що у Кра́сному це́рква згоріла:... И що бувъ він у я́рмарку оттоді, якъ ми ходи́ли до це́ркви, а ёго́ не було — він то́ у я́рмарку бувъ, — говори́въ, що ту́га ёго́ обійма́е... И провівъ мене́ ажъ до самісінького на́шого ти́ну. Ишо́въ усе́ по́ручъ зо мно́ю... Спаси́бі тобі, вечіръ те́мний, и ти, до́ленько моя́ ща́сна!.. А Яковен-

ко вже рушникй побрáвъ у Гáнни; на тому́ тúжню весільля. Питáвъ вінъ, чи бу́демо...

— Отсé, кажу, тепéръ трéба ще на те весільля прибірáтись! Трóхи й ми зъ тобóю тамъ розвáжимось, Марýсю!

»Та не знáю ще«, кáже, »якъ мáти схóчуть.«

— Хибá самій не манéтця? хибá не попрóсишъ матýсі?

»Та якóсь вже бу́де«, одказáла.

— Ти, кажу́, сумýешъ чогóсь, Марýсе; чи не пішлá бъ ти изъ нáми?

А Кáтря тоді: »Сумýе Марýся? чогó сумýе?«

— Голýбко! — говóрить мині Марýся, — мині не смýтно, а колú й бу́де кому́ смýтно, лю́де не розвáжуть!

»Тільки той, кого́ лю́бишъ, розвáжить«, озвáлась Кáтря.

— Покохáймо кого-нéбудь, Марýсе! — жартýю. Марýся нічóго не одказáла.

»Щаслúва бу́дешъ«, говóрить Кáтря.

— Покохáймо жъ, Марýсе! — я зновъ до нéі.

»Не жартýй«, одкáже тúхо.

Надійшлá Пилúпиха. Попрощáлись ми й пішлú зъ Кáтрею додóму. А Кáтря сёго вéчора да такá ласкáва булá й весéла, и смирнéсенька такá, що я такóю ії зрóду не бáчила.

V.

Ходúла Кáтря у Лю́бчики ніби-то зáполочи позичáти червóноі, та й повернýлася додóму икъ вéчору такá, що бáтько споглянувъ та й поспитáвъ въ нéі, дé булá, дé ходúла, а почýвши дé и по щó: »якъ такá зъ тéбе швáчка«, кáже, »то дбай, щобъ не позичáти зáполочи вдрýге по чужúхъ сéлахъ.«

По тімъ слóві бáтько вúйшовъ зъ хáти, запалúвши лю́льку.

«Щó тобі, моя дитúно!« упадá вже коло Кáтрі мáти, »уступúла до хáти біла, мовъ білóчокъ... щó тобі, дóню?«

— Нічóго, мáмо, нічóго!

»Дé вже тамъ нічóго! Жýришъ ти менé, дóчко!«

Прийшлá Пилúпиха до насъ зъ Марýсею. Мáти зъ старóю зняли́ розмóву, а ми, дівчáта, у садóкъ поскорúлися.

»Що жъ таке́, Ка́тре?« пита́ю.

— Сёгодні вінъ у-ве́чері бу́де,—вінъ сёго́дні прийде до ме́не...

»А ти жъ я́къ ви́йдешъ до є́го? А ба́тько не почу́е?«

— То що́? щобъ я не ви́йшла? До ёго щобъ я не ви́йшла? Нехай чу́е ба́тько, нехай чу́е ма́ти, нехай усі — я до ёго ви́йду!

»Та якъ ба́тько почу́е, то не пу́стить«, кажу́: »якъ вже ти собі тамъ не йми́ся, а му́сишъ зоста́тися то́ді.«

— Я не зоста́нуся, я піду́!.... Чого́ ти на ме́не напа́лася, недо́бра дівчино?....

»Я тобі саму́ пра́вду говорю́, Ка́тре; хиба́ жъ я напада́юся на те́бе?«

— Не тре́ба мині такі́ пра́вди, не хо́чу я такі́! Я вже ба́чу, що ти мині не щи́ра подру́жниця, ти мині не хо́чешъ у по́мочі ста́ти, я сама́ за все ста́ну!«

»Слу́хай лишъ, Ка́тре, чого́ бо ти вгнівалась? Я пра́вду тобі ви́казала, та я жъ тобі и въ приго́ді ста́ну, коли́ вже не мо́жна ина́ко...« Тоді вона́ мене́ цілува́ти, тоді вона́ мене́ обійма́ти! Почали́ ми змовля́тись, якъ две́рі відчини́ти Ка́трі и якъ ій ви́йти. Ра́дились и Мару́сі пита́лись, що́ вона́ ду́мае, —сама́ вона́ нічо́го не говори́ла й нічо́го не пита́ла, сиділа собі ти́хо якъ на моги́льці....

Катря́ усе́ росказа́ла, якъ вона́ у Лю́бчикахъ була́.

»Ёго ма́ти мене́ покли́кала сама́, якъ я йшла́ ули́цею, и жа́лувала мене́ лю́бо и роспи́тувала, чи мене́ хто ва́тае, чи я кого́ вподоба́ла... А вінъ усе́ оддалі́къ стоя́въ, не підхо́дивъ... Такъ-то вже мині гірко стало! »Я (кажу) сі́ї о́сени за́міжъ піду́.« Якъ я сказа́ла, вона́ якъп окри́кне: чи жъ то пра́вда? »Що́?« запита́въ вінъ у ма́тері, а вона́ ёму́ ка́же, що я замі́жъ піду́ въосени́...

»Я тоді попроща́лась зъ ними́. Вона́ зітхну́ла, провела́ мене́ тро́хи, и ка́же: »шко́да мині тебе́, дівчи́но!...« що я ажъ слізьми вми́лася... Одійшла тро́хи, ста́ла, — та неха́й хоть на іхъ ха́ту подивлю́ся! коли́ вінъ и вихо́дить изъ воріть, и йде... Я хо́чу да́лі — не мо́жу... Діжда́лась, що вінъ бли́зько до ме́не збли́жився... Збли́жився: »чи пра́вда сёму́?« поспита́въ... Дівча́тонька, голу́боньки! коли́ бъ же я сама́ знала, якъ я ёму́ призна́лася, що я ёго́ коха́ю одного́ у світі... До́вго говори́ти не мо́жна було́: усе́ знако́мі лю́де дохожа́ли ули́цею; тоді я ёму́ сказа́ла — неха́й прийде до ме́не ввечері, вінъ сказа́въ — прийде...«

Ско́ро на́ші старі поснули́, я ви́пустила Ка́трю зъ ха́ти, а

сама́ сіла, щобъ сонъ не хили́въ, та мині не спа́лося: ли́хо та й годі дожида́тись було́! Нема́, та й нема́, та й нема́!

»Якъ се вона́ га́їтця«, ду́малося мині. »Що ій до́бре, то й забу́ла про ме́не, яково́ тутъ мині дожида́ти, боячи́сь.... Такі-то лю́де на сёму́ сві́ті!«

А тамъ и те я згада́ла, що я сироту́ю, що вбо́га я, та не при ба́тькові-ма́тері зросла́, живу́ у чужій семьі зъ ла́ски; що не пожа́луе ніхто́ мене́ щи́ро, не лю́бить ніхто́ душе́ю усію.... И за що́ я пе́рше дя́ковала, зъ того́ само́го тоді слізъ гірки́хъ уточи́ла; за що було́, хвали́ти Бо́га, вікъ байду́же, у той часъ та́къ того́ забажа́лося, та́къ-то вже тре́ба ста́ло...

Гору́ючи-пла́чучи, извела́ го́лову, погля́ну — якъ-то округи́ мене́ су́мно усе́, а у вікно́ вже світа́ннє синіе....

Очути́лася я яко́сь одра́зу, та й самій мині чу́дно ста́ло: чого́ се я та́кеньки и чімъ зажури́лась? Хиба́ жъ я не зна́ла Ка́трі, що вона до світу забари́ть? та й яка́ бъ то дівчина зъ кохання по́спіхомъ дба́ла? И чи я жъ сёгодні всиротіла? чи се теперъ тільки зъубо́жіла?

Поглузова́ла я сама́ зъ се́бе та й ви́йшла Ка́трі на-зу́стрічъ — за воро́та. За ворітьми я ще довге́нько зотрива́ла ії, поки́ ажъ вона́ прибігла весе́ла.

»А що́, надиви́лася? наговори́лась?«

— Все я ёму́ сказа́ла, все... якъ же я ёго́ коха́ю, Хи́мо! Го́споди вели́кий! я́къ я ёго́ коха́ю?

»А вінъ же що́ говори́въ?«

— Пита́въ, чи ду́же я ёго́ люблю́.... Вінъ при́йде за́втра.... Я ёго за́втра дожида́тиму...

Зъ то́го ча́су ста́ли вже вони́ що-ве́чора зіхо́дитись. Прилуча́лося мині, прово́дивши Ка́трю, того́ Ча́йченка зустріча́ти. У неді́лю, або́ въ свя́то яке́, иде́мо у двійзі зъ Ка́трею, немо́въ погуля́ти ра́нкомъ ти́химъ, то й вгле́жу було́ я Ча́йченка, — усе́ вінъ на́че смутни́й... та й спита́ла яко́сь Ка́трі: »а ви изъ нимъ нико́ли не сва́ритесь?« А вона́ мині: »що 'тсе тобі Богъ давъ, Хи́мо! Отсе́ бъ изъ ни́мъ сварити́сь!

»Та чого́ жъ вінъ на́че невесе́лий хо́дить?« кажу́.

— Таки́й завсіди, — зговори́ла, сама́ тутъ ми́ттю впечали́вшись. »Ти смутни́й?« пита́ла я ёго́. »Чого́ жъ ти смутни́й?« А вінъ мині: »на світі більшъ сму́тку, ніжъ ра́дости!« — »Що гово́-

ришъ, се́рце! та я, якъ зна́ю, що ти мене́ лю́бишъ, я забу́ла, яки́й то сму́токъ на світі живе́!« »Се«, ка́же, »се та́кеньки Богъ дае́ тільки дівча́тамъ, та пташка́мъ співо́чимъ...«

Таки́й вінъ, таки́й, Хи́мо! И гово́рить, и жа́луе сму́тно; а по то́му, ще мині любіший, ще миліший...

Постерегла́ ма́ти, що дітьця щось, посипта́ла.—Ка́тря призна́лась матусі. А ма́ти головою журли́во похита́ла:

»Отсе́ и твоя́ пора́ прийшла́, до́ню! Гляди́ жъ, се на ввесь вікъ, Ка́тре! гляди́, кого́ обира́ешъ, та й неха́й тебе́ Ма́ти Бо́жа и благослови́ть и допомо́же!«

Ба́тько не пита́въ нічо́го; чи вінъ здога́дувався, чи ні — того́ не зна́ли ми. Пра́вда, що дві́чі, а мо́же й більшъ, вінъ яко́сь пильне́нько на насъ споглядавъ. Ми, було́, собі гово́римо, що я́къ се бу́де — Ка́трине весільля, та яке́ житте́ ій кра́сне, гада́емо; а ба́тько устýпить до ха́ти, — ми й пополо́шимось усі: одна́ схо́питця, дру́га шука́е чого́сь за за́пічкомъ, тре́тя го́лку загу́бить,—ба́тько ся́де у сто́ла, ди́витьця би́стримъ о́комъ та й ка́же: »а въ якому́ кутку́ пожа́ръ въ на́шій ха́ті?«

Ми й скаменіемо передъ нимъ... Вінъ почне́ про господарство що́ говори́ти ма́тері, яке́ ділo зага́дувати, ми візьмемось роби́ти щи́ро якъ, Бо́же еди́ний!

Чого́ бъ то й опа́суватьця було́? Ми ду́мали, що вінъ прийме Ча́йченкове залиця́ньне ласка́во, бо Ча́йченко и бага́тий, и молоди́й, и дочці лю́бий, и лю́де Ча́йченка не цура́лися — чого́ жъ опа́суватись? А ми все боя́лися ду́же ёго́ ча́сомъ. А ма́ти вже для сво́еі дочки́ поклопота́лися, постара́лись. Ба́чу, де вже стрінутьця зъ Ча́йчихою, пося́дуть рядо́чкомъ, и пото́иху розмовля́ють собі любе́нько, а проща́ютьця, то обійма́ютьця щи́ро. Прийшла́ до насъ Ча́йчиха у неділю, а въ се́реду вже ма́ти до Ча́йчихи йде. Ча́йчиха зновъ и собі не забари́тця насъ одвідати; та й пішло́ся та́къ, що аби́ яке свя́то, то або́ Ча́йчиха въ насъ, або на́ша ма́ти у Ча́йчихи...

Ка́тря намъ зъ Мару́сею призна́лася, що бу́де ій сва́тати Яківъ въ-осени́. Ма́ти вдалися до Пили́пихи за пора́дою; росказа́ли ій усе́, що дочка́ вподо́бала па́робка, що то́ хоро́ші лю́де — за ни́ми нажи́тьця!

— Дай Бо́же ща́стя!— гово́рить Пили́пиха.

»Охъ, голу́бко моя́! я ще не зна́ю, якъ чоловікъ згоди́тця....

та чого́ бъ ёму́ не згоди́ться? Се́й хиба́ не га́рний? Се́й хиба́ не до́брий па́робокъ? И замо́жний....«

— А ти ма́ти, чи ні, своїй дочці? Якъ почне́ вінъ прима́хати, то ти й ру́ченьки попу́стишъ — не́хай мойму́ дитяті до́ля гине.

Вже якъ тільки вчу́ла удова́, що ба́тька боя́ться, вона́ жва́во вхопи́лась за сва́танне: »Що зъ того́ бу́де, що ви голова́ми розкива́лися? До́бре ді́ло — дово́дьте жъ ёму́ кра́ю!«

Та й одпочи́ти не да́е ча́су; підмовля́е та підгово́рює: »хутчій! хутчій!« Було́, моя́ годи́нонько, ажъ за рука́ва трясе́, щобъ хутчій....

Почала́ ма́ти захо́дити коло старо́го, та свого́ сло́ва домовля́ти; почала́ усе́ про Ча́йчиху прова́дить, та ёму́ нага́дувати, та хвали́ти, а ра́зомъ вже й сина молодо́го:

»Що́ то за па́робокъ хоро́ший, роботя́щий, уда́тний, — се ма́тері втіха відъ Бо́га, а не синъ!«

— Вже того́ не зна́ю, яки́й вінъ до ді́ла, — ка́же ба́тько, — а що до та́нцівъ, то вдавсь: дівча́тами, якъ му́хами, увива́е.

»А що́ жъ, мій го́лубе? Якъ весе́лого но́рову, то ве́село изъ нимъ и жи́ти бу́де, кому́ су́дить Госпо́дь. Самъ не сумова́тиме и подру́жьячку смуткова́ти не дасть.

— Не жо́дну й ту́гу танцю́ра розтанцю́е! — на те́ ій одмо́вивъ.

У-дру́ге зновъ примо́щуетця ма́ти Ча́йченка добри́ть: »а мото́рний, а розу́мний, а сла́вний!« Пи́льно ба́тько ій у вічи погля́нувъ.

— А що́ се хва́лишъ, — змо́вивъ, — нина́че бъ зя́тя?

»Якъ во́ля Бо́жа та твоя́ вго́да, мій го́лубе!« одка́же ёму́ ти́хо, та умо́вно такъ уже́!..

Ми зъ Ка́трею сидимо́ — не тхнемо́...

Стари́й подиви́всь на жінку, подиви́всь на дочку́.

— Не шука́й дочці па́ри, стара́, — промо́вивъ, — вже я ій самъ па́ру знайшо́въ; — осени́ заждіть.

Стара́ зиркъ на дочку́, — дочка́ обмертвіла либо́нь; сплесну́ла ма́ти рука́ми, та на ёго:

»Мій ти го́лубе ми́лий! за ко́го жъ ти ії 'дда́ти хо́чешъ?«

— Се вже мині зна́ти.

Та й ви́йшовъ зъ ха́ти.

»Годі, до́ню! го́ді, дити́но моя́!« вона́ до Ка́трі. »Не печа́ль свого́ се́рденька, Катре́ мо́я ми́ла, го́ді! Я для те́бе на все зва́-

жуся; я поклонюся ще́ твоє́му ба́тькові; я ёго́ бу́ду за те́бе проха́ти....«

— Ідіть, ма́мо, йдіть бо — проси́ть за́разъ! Ідіть, ма́мо, йдіть!

»Не мо́жна такъ, до́ню! Та́къ гірше бу́де: зажди́ тро́хи....«

— Ма́мо, ма́мо! якове́ мині зажида́ти!

Ми ії вговоря́ти ста́ли... Та коли́ жъ умо́вивъ хто молоду́ ту́гу нетерпля́чу сло́вомъ розсу́дливимъ?

Слу́хаючи, Ка́тря поливалася слізьми́, та все своє́, знай, пра́вила: »йдіть, ідіть за́разъ!«

»Ка́тре!« говорю́, »бу́де гіршъ зъ тимъ по́спіхомъ: ми ки́немось до ба́тька — блага́ти, а я́къ вінъ прийме тепе́ренькн? Що́ жъ, якъ вінъ згукне́ намъ отте́ своє́ »го́ді« та й нага́дувать ще́ не звели́ть?«

— Го́ре моє́! го́ре моє́! До́бре! Я жда́тиму... Якъ же мині ва́жко! чи се смерть моя́ прихо́дить!.. Тре́ба ще́ дожида́ти! коли́ жъ се бу́де? коли́? скажіть, ма́мо!

»А отъ, за́разъ по обі́ді, ви зъ Хи́мою ви́йдіть зъ ха́ти, — я то́ді ёму́ скажу́... Я тоді скажу́ и поблага́ю... Для своє́і дитини й го́лову підъ соки́ру покладають, а то бъ мині ще не попіклова́тися тобою...

— Я жда́тиму, — промо́вила Ка́тря: — я терпітиму.

А жда́ла вона́ такъ, якъ отъ пташки́ сидя́ть у кліткі, — що вже нікуди летіти, то бьютця де́ зачи́нені.

VI.

Обідаючи, ба́тько на́че не добача́въ, якъ ма́ти блідла, якъ Ка́тря пла́кала, — сидівъ таки́й, не-га́дки, якъ и вчо́ра.

Після́ обідъ, ми съ Ка́трею за́разъ зійшли́ зъ ха́ти, ста́ли по́вкупі підъ двери́ма.

Довге́нько у ха́ті ти́хо було́...

»Го́лубе мій!« заговори́ла ма́ти: »на́шу Ка́трю хо́чуть сва́тати...

— А що́ жъ! Неха́й сва́тають, хто хо́че, — зъ то́го дога́ни нема́!

»Се молоди́й Ча́йченко хо́че сва́тати.... Яка́ твоя́ вго́да?«

— Я за Ча́йченка не 'ддамъ.

Я вже живосиломъ одволікла Катрю отъ дверей хатніхъ: »Катре! Катре! усе пропаде!...«

Затрусилася вона и стала нерухомо на прислухъ зновy.

»Дитина дуже паробка вподобала«, просить мати: »нехай же вона въ насъ щаслива буде!«

— Не на те я дочку викохавъ,— грімнувъ батько,— щобъ я ії первому пройдисвіту мавъ оддати, який тамъ ій въ око впаде!

»Чімъ вони не люде? И добрі, й заможні; усі іхъ на повазі мають.«

— За що поважають? Хиба за те, що зайшла вона невідомо чого та й осіла у селі чужому.

Знали бъ люде... чулись би непороки на іхъ, а то усі шанують... Ти самъ перве зъ ними заходивъ...«

— Я по усіхъ шляхахъ битихъ блукаюся и багато людей набридешъ усякихъ, що на ворота бъ свої не пускавъ іхъ николи...

»Велику ласку мині зроби, послухай!«

— Годі!..

Катря якъ скричить, зарветця до хати, — я ії за поперекъ вхопила, у сіни назадъ одкинула....

— Що таке? — пита батько зъ хати, біжить мати...

»Се ми йдемо въ берегъ по воду«, одкажу голосно. Та відра на коромиселъ, та Катрю обіручки за собою...

»Не журись«, вмовляю ії, »не журись! Може ще батько власкавитця — вінъ же тебе жалуе!«

Якъ же нападетця на мене Катря! »Куди се мене тягнешъ? Що на мене замишляешъ?«

Ажъ я сама трохи злякалася: »Та Богъ изъ тобою, Катре«, кажу: »обміркуйся гаразъ!«

Облилася вона слізьми дрібними.

— Коли бъ же я хоть *его* побачила, своє серденько хоть трохи розвеселила! Химо! бігаймо у великий гай, — вінъ сегодні у гаі дерево рубае.

»Бігаймо«, кажу, »утрися, не плачъ!«

Вона тоді зразъ обітерла очиці и побігли ми до гаю, приховавши відра свої по-надъ ровомъ у буряняхъ.

До гаю хоть близенько видати, та далеко стрибати: розсудливій людині на добру годину ходи, а ми перебігли не зупиняю-

чись. Чу́емо вже — соки́ра цю́кае и го́лосъ вітеръ до насъ зано́сить — пі́сні хтось співа́е.

»Се вінъ!« впізна́ла до-ра́зу Ка́тря.

Тутъ ми ёго́ й поба́чили оби́дві заразо́мъ, ще оддалікъ....

Вже тоді вісень ишла́; листъ червонівъ, жовтівъ, вя́нувъ и обсипа́всь, и котю́чий вітеръ низа́вся поміжъ де́ревомъ безли́стимъ. Го́лосно и просто́ро ста́ло округи́, у свіжімъ гаю́ пахущімъ...

Ба́чимо ёго́, а вінъ насъ ще не ба́чить — співа́е. Ка́тря припини́лася. »Що́ вінъ таке співа́е?« спита́лася, вжахну́вшися співу того́: »що́ вінъ співа́е?«

— Послу́хаймо, — кажу́, — то й почу́емо... Ходімъ бли́зче.

»Цить! пострива́й!« шепо́че мині.

Ста́ла за кущъ, та й слу́ха. Слу́хаю й я.

Ча́йченко обру́блювавъ гілки́ зъ зва́леного де́рева, и кругъ ёго́ зру́бане дере́вье и пенькй свіжі; надъ нимъ ясне́е та холо́днее не́бо, гра́йливе со́нечко. Недба́ло вінъ свое́ю соки́рою блискучою цюкавъ, — заду́ма́вся самъ тя́жко, и ти́хо и су́мно співа́въ.

Оттака́ була́ ёго́ пісня:

Співа́въ вінъ, що люби́въ коли́сь щи́ро та вірно, а ёму зра́да ста́лась несподівана, — и вже повікъ нещасли́вий вінъ жи́тиме; коха́ють и́нші — та до и́ншихъ се́рце вже не прилягже, до нико́го:

»Хоть яка́ ласка́ва, яка́ чорнобри́ва,
»Та не бу́де та́къ, якъ пе́ршая мила!«

»Яки́хъ се ти пісе́нь співа́ешъ?« покри́кне кри́комъ Ка́тря, на́че себе́ не памьята́ючи.

Вінъ издрігну́вся; швиде́нько схопи́всь, ки́нувъ соки́ру, взявъ Ка́трю за ру́ку, — зновъ пусти́въ, и зновъ соки́ру піднявъ.

— Спаси́бі, — ка́же, — спаси́бі, що прийшла́, а я не сподіва́вся...

»Бо́же ми́лий! яко́і жъ смутноі ти співа́въ! Яку́ ти *ми́лу* зга́дувавъ? Була́ вже, либо́нь, *пе́рша*, а я — *дру́га?*«

Вінъ такъ ніби тро́хи измішався.

— Лу́чше, — одмовля́етьця, — лучше пожа́луй мене́, моя́ ри́бонько!

Вона́ румья́нцемъ уся́ закраси́лася, якъ те сло́во почу́ла, — вона́ усе́ своє́ го́ре забу́ла....

»Ні«, ка́же, »я зна́ю, що ти мене́ вірно лю́бишъ, а я тільки пожартува́ла, — збачъ мині те́....«

Та й зно́ву, пере́скокомъ:

»А на що тако́і сму́тної співа́въ? Проти чо́го співа́въ тако́і?«

Тоді вже я зъ-за куща́ озва́лась:

— Чи забу́ла, — кажу́, — голу́бонько-гуркотли́вочко, чого́ бігла сюди́?

»Ой, ли́хо жъ моє́ вели́кее! нещастя моє́!«

— Що ти ка́жешъ?— пита́ ії Ча́йченко, вкони́вшись мині. Усі ми посіда́ли на при́корню.

»Ба́тько за те́бе да́ти мене́ не хо́че!«

— Ма́е друго́го зя́тя до руки́?... кого́ се? — пита́ вінъ, — та чу́дно мині те, що пита́ вінъ ні ве́село, ні жу́рно, на́че за хлібъ-сіль подя́ку склада́е.

»Кого-сь тамъ ду́мае на моє́ безголо́вья!« гово́рить Ка́тря, запла́кавши.

— Вже зя́ть нарекова́ний!—ка́же тоді Ча́йченко.—Отъ воно́ що! кра́щого знайшли́! Нічимъ втіша́тись та й наріка́ти ні що; да́рмо жъ зъ сухо́і крини́ці во́ду брать...

Ма́біть за доса́ду ёму́ ста́ло, що тро́хи мовъ зневажений оста́вся... у́ста сти́снувъ и го́лову піднявъ го́рдо, и о́чи блискону́ли... Та все те потаївши у собі, ніби зъ упоко́емъ по-ма́лу устае́...

— А тобі жъ якъ? Ти що́ ду́маешъ? — пита́ Ка́трі.

»На що пита́ешъ? на що моє се́рце кра́ешъ?« одка́же вона́.

— Та хто васъ зна́, хто й розбере! — промо́вивъ Ча́йченко гірко: — покоха́ете вра́нці, забу́дете ввечері!

Заридала-запла́кала Ка́тря, а я проти ёго голово́ю хита́ю.

Вінъ тоді узя́въ ії за ру́ку.

— Не плачъ! ще ти молода́, ще твоя́ до́ля тебе́ дожида́е!

»Якъ? безъ те́бе? Хиба́ жъ ти кого́ ще покоха́ешъ? То ти й щасли́вий зъ друго́ю бу́дешъ?«

— Вже мині не було́ того́ ща́стя одві́ку, та й повікъ не бу́де!... Проща́й, дівчино! бува́й здоро́ва й щасли́ва!

»Та що́ се ви«, говорю́ я, »та ви жъ ся́дьте, пора́дьтеся: якъ ёго́, що́ тутъ робити, я́къ запобігти? — мо́же ще й ні за що бу́де на до́лю наріка́ти. Сіда́йте лишъ!«

Вони́ слухня́ненько коло ме́не посіда́ли; вінъ су́мно диви́вся,

вона́ жъ на́че усі шляхи́ погуби́ла, тільки усе́ до ёго бли́зче горну́лася.

Отъ и ста́ли ми ра́дитись.

»Не тре́ба ба́тькові докуча́ти слізьми«, кажу́. »Не тре́ба тепе́ръ до ёго й приступа́ти «

Ча́йченко усёго дослуха́е, скла́вши ру́ки.

»Я ба́тькові до нігъ упаду́«, нахваля́етця Ка́тря, послу́хавши мого́ сло́ва розу́много. »Якъ не відда́сть мене́ ба́тько за тебе́, я вмру!«

— Ти й до нігъ зажди́ упада́ти, — мо́влю ій, — и вмира́ти зажди́: мо́же ще й такъ перемеже́нитця; а поки́ що (кажу́) не займа́й ба́тька, нехай вінъ самъ тро́хи вгаму́етця.

»Та яково́ жъ отта́кечки й не зна́ти — чи мині жи́ти у сві́ті, чи лежать у домови́ні? Ой ли́хо моє́! ли́хо моє́!«

— А ти ду́мала! Се́ воно́, житте людське́, се́ воно́ й е́: терпи́-терпи́, надійсь та сподіва́йся! — вивожу Ка́трі.

»Або ще й сподіванку поки́нь, та жи́ви собі та́къ, якъ безъ не́і живе́тця!« дода́въ Ча́йченко. Зна́въ, ба́чте, па́робокъ, пора́дою втішити. .

— Розу́мний не стра́тить наді́і, — я ёму́: — тре́ба сподіва́тись жи́вши...

»Поки не зра́дють,« зновъ мо́стить вінъ.

А Ка́тря то́ді до ёго пригорну́лася. »О«, ка́же, »отсе́ я тебе́ зра́жу?«

Ажъ и вінъ на таке́ лю́бе слове́чко всміхну́всь.

— А намъ пора́ до-до́му, — нагаду́ю, — щобъ ча́сомъ не нажи́ти намъ собі ли́шенька!

»Иди́, Хи́мо, голу́бочко!« гово́рить Ка́тря. »Я ось тільки ще дві слові ска́жу, я тебе́ наздожену́.«

А сама́ мене́ вивО́дить на сте́жечку.... Я пійшла́.... Що́ й каза́ти! Я ще підъ га́емъ чима́лу годи́нку трівала тіхъ двохъ слівъ.... Та вже до́бре й те́ мині, що вона́ прийшла́ тро́шки спокійніша и веселішая.

Допа́ли крини́ці, та боржій, спо́внивши відра, додому побра́лись. Насъ перестрівъ батько....

»А до яко́і се крини́ці ходи́ли?« спита́въ.

— Ми ще й прогуля́лися собі тро́хи, — одка́зую ёму́.

Вінъ подивився мині въ вічи и подивився на дочку... А въ дочки слёзи хвилюють... »Батенько!« промовила.

И пішовъ собі, наче вінъ не завважився и не чувъ слова ii благащого...

VII.

Часъ иде, минаетця; ми ждемо собі кращого, бідкаемось, страхаемось. Батько не згадуе за Чайченка.

Зняла жъ бучу Пилипиха, якъ визналась батькова подія...

»Якъ«, каже, »якъ! Та чи жъ ти не рідна мати своій дитині! Чи не ти страждала, чи не ти ii згодувала? Нехай би такъ мене хто застувавъ передъ моімъ дитямъ! Я — мати, вільно мині ii за кого хотя віддати, чи за пана, чи за наймита, за того, хто мині до вподоби...«

Та ажъ тоді вона посварилась зъ нашою матірью, и довго до насъ не ходила.

А на селі весілля ладятьця та ладятьця; приходять до насъ, запрошують. Не гуляйки у Катрі въ голові, та ходить, — надія, бачъ, така: — *його* тамъ побачить.«

Сii осени и батько нашъ на всіхъ весіллях гулявъ... Помічаю я, що Чайченко ставъ більше до Катрі припадати: то було поперідъ вона ёго шука-шука, поки-то вінъ уявитця, а то вже самъ вінъ ii очима назорить міжъ дівчатами, и вмисне тоді до неі горнетця, якъ старий батько тутъ буде, — якъ-би ёго волю мавъ нехтувати...

»Голубе, голубе!« (думаю) »сёго тобі не перетенетити такъ, — шкода й заходу!..

Ну, батько нічого собі, — тільки дивитьця — не на Чайченка, а черезъ ёго голову, зъ-гори...

А Чайчиха й наша мати сидять, отъ-мовъ ті голубки сиві, що бачять, якъ іхъ гніздечко розношають....

На одному весіллю, Чайченко вже надто всмілився: одъ Катрі мало-що и одступае... Мати вже у такій тривозі була, що забула й молодихъ привітати.

Першъ усіхъ гостей нашъ батько побравсь до-дому и намъ звелівъ сходить; а ще саме гуляннне; самі танці.... пішли ми до-дому; пішла Катря плачучи.

»На пла́чъ, Ка́тре! що́ помо́жетця?« вмовля́ю.

— То що́? я пла́чу, а все я щасли́ва! щасли́ва, щасли́ва! Вінъ мене́ лю́бить и я ёго́ люби́тиму, поки́ мого́ життя́... неха́й ба́тько зна́е! хочь гору́ю, — я щасли́ва — неха́й и те́ зна́е!

»Ка́тре! кра́ще бу́де, якъ ба́тька не гневи́ти; лу́чче, коли́ бъ Яковъ тихе́нько обхо́дивъ коло ёго. Ато́ жъ яки́й тала́нъ вамъ бу́де, якъ ба́тько не згля́нетця... Уважа́й, яка́ ма́ти смутна́, та й у якій вона́ трево́зі... Не горни́сь ти вже та́къ до ёго — и дівча́та смія́тимутьця зъ те́бе.«

— Неха́й смію́тьця! Я ёго́ люблю́, я щасли́ва!

»А якъ ба́тько образи́вся, — якъ не пу́стить більшъ по весільляхъ ходи́ти — де́ тоді Якова поба́чишъ? У-ра́нці ви́йти забороня́е, у-ве́чері самъ две́рі замика́е....

Обси́палася вона́ слізьми ще́ дрібні́шими.

— А таки́ я щасли́ва, — промо́вила. — Ей же Бо́гу моє́му, щасли́ва!

Перего́домъ, зновъ насъ на весілля прохали. Мо́же й не пусти́въ би ба́тько, дакъ ро́дичі. Идемо́ туди́ усі вку́пі, та ажъ насъ у́лиця широ́ка ти́сне.... Прихо́димо. Зи́ркъ-зи́ркъ по ха́ті, по кімна́ті, по усіхъ кутка́хъ и за́куткахъ — бігма́ Ча́йченка.

»Ще ра́но, ще вінъ при́йде!« ка́же Ка́тря.

Ждемо́, та дожида́емо — нема́. Вже пізно уступи́ла стара́ Ча́йчиха. Ка́тря тільки ії зу́спіла, у-ра́зъ опини́лась біля свое́і ма́ми: зна́е, що Ча́йчиха вже не мине́. Чи Ча́йчиха не оба́чила — сіла вона́ собі оддалі́къ. На́ша ма́ти сама́ до не́і добра́лась — сіла. Сидя́ть мо́вчки. И Ча́йчиха и на́ша ма́ти неспокійні, бачу́. Отъмовъ и хо́чуть спита́тьця, та не зважутьця; хо́чуть говори́ти, та не зміркуютьця. А Ка́тря такъ и кипи́ть у піджо́ді тому́. Зна́е те́ на́ша матуся,— ди́витця на Ча́йчиху любе́нько-жалібне́нько, а Ча́йчиха на свій по́ясъ доглядаетця, та й ка́же: »Які́-то тепе́рки пояси́ тчуть, моя́ голу́бко!..«

— Чому́ вінъ не прийшо́въ? чому́? — ви́мовила Ка́тря сама́, ма́тері не дожида́ючи — свое́і, — чужо́і не соро́млячись.

»Ка́тре!« дорікну́ла ма́ти. »Охъ! моя́ дити́но!«

А Ка́тря й не чу́е: — Чому́ не прийшо́въ? чому́ ёго́ нема́?

»Не зна́ю, не зна́ю, моя кра́со! Вінъ каза́въ мині — бу́де... а нема́!.. ма́бить, прити́чина яка́... я ёго́ поспита́ю... я тобі скажу́...«

Та́кеньки стара́ Ча́йчиха слова́ми міша́етця, и зупиня́етця, и перехо́плюетця — що́'тсе таке́?

Да́лі вже ка́же, що Яковъ дожида́въ яко́гось чоловіка до се́бе, — якісь воли́ на спро́дажъ нахо́дятьця... »того́ він'ъ и не прийшо́въ, ма́біть.«

Не-въ-заба́рі вона́ похвати́лась до-до́му и пішла́.

Ми ще було́ по весілляхъ, а Ча́йченка — якъ пійма поняла́ — нема́, ніде́ не буває. Ма́ти ёго́ хо́дить, и — то вона́ ска́же, що він'ъ нездужае, то ска́же — до́ма ёго́ нема́. Сама́ вона́ журна́ ду́же, а Ка́трю вговоря́е: »Не печали́ся, дити́но, не печали́ся! Пере́йде лиха́ годи́на и го́ре перебу́детця, то й поберетёсь!«

Ма́ти те́ жъ Ка́трю свою́ жа́луе: »Лу́чче, до́ню, якъ він'ъ не попада́ется ба́тькові на о́чи — ба́тько не гніви́тця, — а тамъ, мо́же Госпо́дь дасть, стари́й мій и пого́дитця.«

— Неха́й же я ёго́ поба́чу, хоть на малу́ хвили́ночку, — блага́ла Ка́тря, — неха́й він'ъ хоть село́мъ про́йде, а я поди́влюсь на ёго зда́лека!

»Зажди́, зажди́, не мо́жна!« одмага́лася Чайчи́ха. »Зажди́, зажди́, не мо́жна«, про́сить ма́ти.

Ка́тря, хочъ смуту́е, хочъ пла́че, а слу́ха, — сподіва́етця добра́ ще́...

Одного́ дня увійшо́въ стари́й у ха́ту весе́лий: »Чи не бу́де сні́гу«, ка́же: »тамъ такі бі́лі хма́ри дра́глють.«

Стара́, дивлячи́сь на ёго, насмілилась:

— А що́, мій го́лубе, — вимовля́е любе́нько, — що́ ти ба́чивъ? що́ чувъ?

»А що́ я чувъ? на́шу Ка́трю сва́тають.«

Тімъ сло́вомъ сполохну́въ насъ усіхъ: хто сидівъ, — схопи́вся; хто стоя́въ, — у куто́чокъ горну́всь....

— А хто́ жъ сва́тае? кого́ намъ Го́сподь посила́? — пита́е ма́ти, ле́дві го́лосъ зво́дячи.

Ка́тря біло збіліла.

»А стари́й Ше́ляхъ за свого́ си́на Дмитра́ сва́тае. Се жони́хъ! Се не лічозіръ, не пройди́світь яки́й-не́будь, се хазя́інъ до́брий, що́ зъ срібного ку́бка своіхъ госте́й почасту́е.«

— Що зъ тіхъ ку́бківъ, якъ по́вні слізъ! — мо́вить ма́ти.

»Гмъ!« Більше не сказа́въ нічо́го, тільки́ придиви́вся на не́і пи́льно. Вона́ слёзи свої ни́шкомъ втира́ла — хова́ла.

»Я собі бъ кра́щого зя́тя самъ не шука́въ«, зновъ ба́тько озва́вся; — насу́нувъ ша́пку, та й зъ ха́ти ви́йшовъ.

Ма́ти усі ду́мки припла́кали: »що́ ёго́ роби́ти, и що́ ёго чини́ти!«

Ка́тря ажъ бі́лі ру́ки ла́мле....

Якъ на ту жъ пеню́ — и стара́ Ча́йчиха не завідае насъ, и Пили́пиха се́рдитця: нікому пора́ди да́ти, нікому развя́жити... А того́ лю́бого якъ запа́въ слідъ, то й запа́въ...

Ма́ти почали́-були́ Ка́трю умовля́ти: »покори́сь ба́тькові, до́ню,— покори́сь, дитя моё!«

— И вы вже, ма́мо?... Безтала́ннечко жъ моё!.. — побива́етця Ка́тря...

»До́нечко ми́ла! кого́ жъ ли́хо мине́? Жи́вши у світі, ёго́ не втече́шъ, — ко́жне одбува́... Що́ жъ, якъ ти ба́тькової ла́ски одпаде́шъ, а той, мо́же, одцура́етця...«

— Вінъ одцура́етця? Мо́же и я ёго занедба́ю! — Та и засмія́лася... Хотіла я ій тоді сказа́ти, що вже й тепе́ръ тро́хи на те́ похо́дило, що вінъ цура́етця, та жа́лко мині ії ста́ло... И ма́ти за се́ більшъ нічо́го не змо́вила, зітхну́ла важе́нько, та ста́ла зновъ ій проха́ти: »кори́сь, до́ню, ба́тькові!« — Неха́й же я лу́чче вмру! — Якъ ма́ти не пла́кали передъ не́ю: — Або́ я вмру, або́ за нимъ бу́ду!

Давне́нько ми вже Мару́сю не ба́чили. то за го́ремъ своімъ, то за сва́ркою тіе́ю межи́ стари́ми, та й Мару́ся на́че хова́лася: зъ ха́ти, сливе́, не вихо́дила

»Ходімъ«, кажу́ Ка́трі, »ходімъ до Мару́сі; що́ намъ, що старі посвари́лись — ми того́ не зна́емо; ми собі зъ не́ю у трійзі пора́димось.«

Мару́ся сиди́ть — ши́е́; удови́ не було́ до́ма.

»Мару́сю! Мару́сю!« гово́рить Ка́тря, »прийшла́ я до те́бе свою́ ту́гу розділи́ти, та зна́ю, що й ти мене́ осу́дишъ, якъ моё сло́во почу́ешъ!«

— Сядь, Ка́тре, та роскажи́, — ка́же Мару́ся.

»Ба́тько мене́ за *ёго* не даё, — зна́ешъ? За нелю́ба мене́ вже тепе́ръ прибіра́е. А я, Мару́сенько, хочъ и ба́тька й ма́тіръ, то я для *ёго* поки́нула бъ — не пожаліла... Що́ мині те́с? Неха́й ска́же — я за імъ на край світа піду́! Піду́ та й не огля́нусь разу́! Мині нічо́го не тре́ба: неха́й и́ншимъ роско́ши, и́ншимъ неха́й доста́тки, — мині неха́й житте́ изъ нимъ вку́пі!«

Не зво́дячи очéй, промóвила Марýся: — Бóже вамъ поможи́, Ка́тре!

Зуми́лася жъ я! »Марýсю!« покли́кну. »Се ти́? та́я покірлива?..«

— Голýбко моя́! сестри́це! — обийма́е ії Ка́тря, рида́ючи. — Ти мене́ не сýдишъ?

»За що́?« сти́ха пита́е Марýся. »А ти жъ ёго́ лю́бишъ?«

— Та́къ лю́блю, що й не ви́мовлю! А на ме́не усі нападаю́ться! хо́чуть, щобъ я ёго́ поки́нула! Марýсе! якъ би ти́ люби́ла?

»Я бъ не поки́нула.«

Я все чýю, та віри не йму́. — Марýсе? чи се ти́ гово́ришъ? — кажу́. А ма́ти твоя́ якъ би́ почу́ла?

»А що́ жъ? якъ би́ я люби́ла, то вже мині нічо́го не стра́шно; и нико́го бъ я не боя́лася — тільки́ того́, кого́ люби́ла...

— Ти моé се́рце розвесели́ла, Марýсечко! — дя́куе Ка́тря. — Дýже вже мині було́ ва́жко.... хоть мене́ ніхто́ не переýмить, та слова́ тії мене́ обража́ли.... Спаси́бі тобі, Марýсенько, га́лонько!

Марýся ій осміхну́лася. »Ні за віщо дя́кувати«, згомоніла: »я пра́вду свою́ тобі кажу́.«

VIII.

У пе́ршу жъ таки́ неділю по сёму, до насъ свати́ въ ха́ту одъ Ше́ляха. Приняли́, пошанува́ли. Дя́куе за ла́ску ма́ти, ту́гу свою́ та журбу́ перемага́ючи, — а ба́тько гово́рить:

»Я собі кра́щого зя́тя не жада́ю, пано́ве ласка́ві! Та тре́ба дити́ни запита́ти.«

Вкли́кали Ка́трю. »Ка́тренько!« кажу́ ій ти́хо, »роздýмайся до́бре!« Вона́ мовъ и не чуе. Уступи́ла до ха́ти біла, а сміла, необо́рняя — хочъ тутъ вмира́ти.

Пита́е въ не́і ба́тько: чи пійде за Дмитра́ Ше́ляха? та пита́ вінъ я́кся ласка́во и грізно....

»Я па́робку ганьби́ не даю́, и пити́ не піду́!« одказа́ла Ка́тря чи́сто, якъ ви́співала.

Поклони́лися свати́, — ти́хо та го́рдо геть ви́йшли зъ ха́ти.... Ми не ворухнемо́сь; Ка́тря стоіть.... Ба́тько не промо́вивъ сло́ва, ви́йшовъ и собі зъ ха́ти....

Пла́че ма́ти, оче́й не су́шачи. Стари́й не впомина́етця про сва́таннє, мовъ ёго́ не було́; а насъ на́че не ба́чить передъ се́бе: хто увійде — не огля́нетця; хто озве́тця — не слу́хае.

А Ча́йченка того́ нема́ та й нема́!.. И ма́тері ёго́ не ви́дно... Вже Ка́тря сама́ до іхъ бігти зарива́лася — дакъ ма́ти впиня́ла.

»Коли́ вже ти мене́ не послу́хаешъ, до́ню, то Богъ изъ тобо́ю: роби́ тоді, якъ ти сама́ зна́ешъ, а я вже ба́тька не проси́тиму.«

— До́бре, до́бре, ма́мо! поки́ньте мене́, занедба́йте... Тільки пустіть до ёго!..

»Ні, не пущу́, до́ню! Я тобі на поро́зі ста́ну, не попущу́ йти!.. Не годи́тця!«

— Я втечу́ одъ васъ! — озива́етця Ка́тря. — Я або́ втоплю́ся, або́ що! Я такъ жи́ти не здолію!..

»А *вінъ* же якъ?« и́нколи спита́ іі Мару́ся, слу́хаючи того́ наріка́ння. »А якъ ти *ёго́* зажу́ришъ?.. Те свое́ го́ре ти не пести́ та́къ; яково́ *ёму́* тепе́реньки — ти не помисля́ешъ... Ти для ёго перетріва́й усе́, по́ки ба́тька вблага́ешъ.«

— Та коли́бъ же хочъ на *ёго* гля́нула! хочъ до ёго промо́вила! Неха́й тільки бъ сказа́въ, що́ мині роби́ти! Неха́й вінъ мене́ въ ого́нь пошле́ — я піду́... Чому́ жъ бо вінъ не йде́ идо́сі! Хиба́ вінъ мене́ поки́не?

»Коли́ не йде, то, ма́біть, такъ тре́ба, Ка́тре! А ти втихоми́рся та жди... Та, мо́же, ма́ешъ що ёму́ переказа́ти, за́разъ, нега́йно... Перекажи́ черезъ ме́не: я хоть и схожу́ до іхъ.«

— Ти?... А ма́ти твоя́ не пу́стить тебе́?

»Піду́. Говори́ — що́ сказа́ти?«

— Ти скажи́ — що я пропада́ю, що жива́я ги́ну!

»И на́ що отаке́ ёму́ говори́ти? Лу́чче неха́й вінъ почу́е, що ти ёго́ вірно лю́бишъ, що ти ёго́ бу́дешъ дожида́ти, що бу́дешъ ба́тька блага́ти...«

— Неха́й би вінъ зна́въ, яку́ я му́ку терплю́! Скажи́ ёму́, що бъ усе́ вінъ ки́давъ, щобъ ишо́въ мене́ одвідати... ба́тько не зна́тиме... а хочъ дозна́етця, гіршъ, ма́біть, вже не бу́де...

»На́ що таке́ каза́ти, Ка́тре?« зновъ ій Мару́ся: »хиба́ жъ ёму́ й такъ не ва́жко?«

— Ну хоть скажи́, що та́къ я ёго́ коха́ю, якъ свою́ ду́шу; що я жу́рю́ся...

Того́ жъ таки́ дня, Мару́ся ка́же: »Піду́ я, ма́мо у Лю́бчики!« Пили́пиха ду́же подивова́ла, да не боронила... Вже якъ Мару́ся вихо́дила, убра́вшись, — вона́ запита́ла: »Чого́ се ти у Лю́бчики?«

— Піду́, ма́мо, прогуля́юся.

»Иди́, до́ню.« Сама́ ії за воро́та провела́ та то́ді вже у-слідъ, схамену́лась, покри́кнула: »Не бари́сь до́вго, Мару́се!«

А Ка́тря, ско́ро ви́проводила Мару́сю за сло́боду, то вже й ждать почала́ — коли́ при́йде; — перейняли́ ми ії ще на доро́зі.

»А що́? ба́чила? бу́де? Що́ каза́въ? Коли́?«

— Тре́ба тобі, Ка́тре, ще потрівати... — ка́же Мару́ся.

»Вже не си́ла моя́ трівати! Такъ вінъ не при́йде? По що́ жъ ти ходи́ла? Чому́ вінъ не при́йде? Що́ каза́въ?«

— Ду́же вінъ печалови́тий щось, — гово́рить Мару́ся.

»Печалови́тий?« покри́кне Ка́тря. »Кохани́й мій! Сама́ такъ слізьми й розлила́ся.

»Я піду́ до ёго сама́«, ка́же, »піду́, — хочъ неха́й мене́ по́тімъ живу́ замучять, — я піду́!«

— Вінъ велівъ, щобъ ти не прихо́дила...

»Не прихо́дила? Якъ-то — не прихо́дила? То́ ти, ма́бiть, не вчу́ла! Хиба́ бъ я тепе́ръ зважилась на ёго сказа́ти, щобъ не прихо́дивъ, хоть би й сме́рть мині за плечи́ма по то́му?«

— Проси́въ тебе́ не прихо́дити, Ка́тре; а ти, якъ ёго́ лю́бишъ вірно, то послу́хаешъ.

»А вже жъ я ёго́ послу́хаю!..«

И до́вго вона́, по то́му сло́ві своє́му, пла́кала — си́дючи край доро́ги.

Тільки ба́чу, Мару́ся щось такъ, якъ не домовля́е: то у зе́млю о́чи спу́стить, то щось у ду́мці ма́е собі... Якъ ви́лучилася мині годи́нка, ни́шкомъ побігла сама́ до не́і.

»Мару́се!« кажу́, »щось мині той Ча́йченко не пе́венъ!«

— Якъ-то?— пита́е.

»Не лю́бить вінъ Ка́трі щи́ро! Чи я жъ не пра́вду кажу́? говори́!«

— Та я не зна́ю, Хи́мо! — одка́же мині, роздумуючись.

»А я дакъ зна́ю, що ти Ка́трі росказа́ла не все. Аже́ не все?..«

»Ні, не все́.

»Кажи́ жъ мині усе́.«

— Та нічо́го, Хи́мо! Я що́ тамъ чу́ла, одъ Ка́трі не потаі́ла, а се, бачъ, въ ме́не мої ду́мки...

»Дарма́! роскажи́ тії ду́мки свої!«

— Отъ, якъ прийшла́ я туди́, — роска́зуе — мене́ стріла ёго́ ма́ти, та смутна́ така́, Го́споди ми́лий! А якъ я сказа́ла, чого́ я прийшла́ — вона́ запла́кала си́льне... Нічо́го й не одмовля́ла вона́ на мої слова́, тільки усе́ пла́кала... Уступи́въ и вінъ у ха́ту... Десь вінъ, Хи́мо, самъ у вели́кихъ ми́сляхъ, у скорбо́ті... Такъ змарнівъ на виду́.... Я говорю́, що мене́ Ка́тря присила́е — и здало́ся мині, — чи то такъ, мо́же, здало́ся, — що вінъ, почу́вши, не обрадівъ... Не ка́же мині свого́ сло́ва, не пита́ мене́... Тоді вже я сама́ усе́ переказа́ла, и що Ка́тря хотіла сама́ до ёго прийти́; а вінъ за́разъ похопи́вся: »неха́й не прихо́дить вона́, ска́жіть ій, будь ла́ска, — неха́й вона́ не прихо́дить!« Вкло́ни́вся мині та й зъ ха́ти пішо́въ...

»А стара́?« пита́ю.

— Посто́яла я тро́хи, та й беру́ся йти́ до-до́му; тоді вона́ мині, пла́чучи, зговори́ла: »Дівчино-ла́стівко!« ка́же, »вели́ка ту́га на моє́му се́рденьку, та, мо́же, ще до́ля на насъ изгля́нетця... перекажи́ 'тсе Ка́трі — щобъ вона́ такъ не вбива́лася; ще, мо́же, усе́ на до́бре ви́йде...« Та я й пішла́...

»Що́ 'тсе тамъ у іхъ — та́йности? Щось непе́вно... Чи не довести́ сёго́ Ка́трі?«

— То що́ жъ ми ій дово́дити ма́емо, коли́ не зна́емъ сами́ гара́здъ, — ка́же Мару́ся.

»Та я вже зна́ла, що Ча́йченко не лю́бить щи́ро Ка́трі; неха́й же й вона́ ввідае. Колись таки́ ся пра́вда справди́тця, — лу́чче неха́й тепе́ръ. Скажу́ ій, та й го́ді! А чи пойме́ жъ віри вона́ мині? Та й чимъ мині довести́? И якъ тогді вона́ прийме?.. Якъ би на ме́не, то пра́вда гірка́я кра́ще кри́вди соло́дкої, — воно́ й здоровішъ до того, — та не всі жъ бо таку́ вда́чу ма́ють.«

Ду́мала я й передумувала довге́нько собі... Ні таки́, я ій скажу́!.. Я таку́ часи́нку ви́гадала, якъ вона́ не пла́кала, а вже по слёза́хъ, втоми́вшися, сиділа собі ти́хо. »Ка́тре!« кажу́ ій: »чи ти зна́ешъ пе́вно, що Яківъ тебе́ лю́бить?«

Вона́ гля́нула на ме́не, якъ на дити́ну малу́, — осміхну́лась.

»А що́«, кажу́-таки́, »якъ вінъ тебе́ та поки́не?«

Вона́ ще веселішъ до ме́не засмія́лась.

— Ти ще нічо́го не розумі́єшъ! — промо́вила.

»Мо́же розу́мію кра́ще, ніжъ ти«, говорю́ ій: »збо́ку усе́ вба-ча́етця видніше!« Зво́жу на о́чи ій чима́ло таки́хъ, що люби́ли, та й поки́нули; що поки́нули, та ще й насмія́лися; и́нші вишу́-кують того́ коха́ння такъ, аби́ замути́тьця; а є й такі, що вимага́ють щи́рости, нескажи́ для то́го тільки, щобъ зоста́вити повікъ нещасли́вими и́мовірнихъ!.. Усе́ світо́ве я ій дово́жу га́рно, беру́ся розсу́дливо, якъ могучи́, — та шкода́ мого́ ро́зуму клопітно́го! Якъ хто кого́ лю́бить, то люби́вий — и найкра́щий у світі и все вже добро́ відъ ёго. Не ду́мки намъ, що ро́бить вінъ, якъ и и́нші лю́де, — не гаразъ; а така́ ду́мка, що неха́й лю́де ёго́ ро́бомъ ро́блять, то усе́ до́бре бу́де. Такъ-то мині Ка́тря одмовля́ла, що́ ій роскажу́ — яку́ зра́ду — вона́ й одмо́вить: »я бъ и зъ-ро́ду тако́го не коха́ла па́робка!«

»А чому́ твій Яківъ самъ не йде́, и не хо́че щобъ ти приходила?« Чому́ ёго́ ма́ти хочъ не навідаетця?«

— Се вінъ зна́е; вінъ мині ска́же.

Я вже тоді и дово́дити ій и говори́ти го́ді. Коли́ бъ вона́ хочъ розсе́рдилась за що не́будь, а то прийма́е мої ре́чи такъ, на́че я ій кажу́, що Ча́йченко птахъ, а не па́робокъ, — и зъ ме́не ще вона́ сміе́тця: »нічо́го не розумі́єшъ!«

У ха́ті у насъ несо́гласка, сумъ. Ба́тько хму́рий хо́дить, ма́ти пла́че та жу́ритця... Ка́тря за своє́ю ту́гою, та за коха́ннемъ, то й не зважа́ла на ма́терину журбу́.

»Матусю́! го́ді вамъ пла́кати! Або́ ви Ка́трі не потура́йте, або́ не пла́чте вже!«

— Вамъ, ско́римъ оттаки́мъ, лу́чче у світі, — одка́же смутно: — ви собі, якъ вже покладете́ — »такъ бу́де!« та й ведете́ до то́го. А я, нещасли́ва, я не зна́ю, що́ мині пе́ршъ діяти: не га́рно Ка́трі потура́ти, та жа́лко и впиня́ть — якъ я згада́ю, якъ вона́, моя́ голу́бка, побива́етця! Хи́мо, моя́ дити́но! хто ёго́ й зна, що́ тутъ и кра́ще! Тутъ Ка́тря моя́ ги́не, а тутъ чоловікъ скипа́етця проти ме́не, — вже й на о́чи не хо́че прийма́ти...

Окро́мъ Ше́ляха, ніхто́ ще Ка́трі не сва́тавъ; а Ше́ляхъ, того́ жъ таки́ ти́жня, якъ Ка́тря імъ згордува́ла, засва́та́въ другу́ дівчину, та й одружи́вся. Та, було́, прибере́ свою́ молоду́ жінку, мовъ ту́ю кра́марку бага́ту, — тамъ-то нами́ста дорогого́, тамъ-то дукачівъ; а сама́ жінка мане́нька, коротесенька, та ажъ пи́х-

че підъ ти́ми убра́ннями, — а вінъ усе́ ії ми́мо на́шихъ віконъ у свя́то прова́дить — самъ у такій ша́пці, якъ ре́шето, у по́ясі шовко́вому, черво́ному, що ажъ о́чи въ се́бе бере́. Иде́, та повéрхъ на́шої ха́ти поглядáе: »що́ 'тсе таке́ стоіть, що я ёго́ до́бре не ба́чу?« таки́мъ, було́, по́глядомъ поглядáе.

Пізно підъ вісень, того́ ро́ку, побра́вся нашъ ба́тько у доро́гу. Якъ вихо́дивъ: »бува́йте здоро́ві!« промо́вивъ усімъ намъ загу́ртъ, та й пішо́въ... Ми за імъ идемо́, прово́дити ёго́ за сло́боду. Ста́ли ма́ти гірко пла́кати, — вінъ тро́хи зупинивсь и гово́рить: »ви собі робіть, якъ зна́ете; коха́йтеся, коли́ вхітні, — а я на своє́му сло́ві ста́ну: я за Ча́йченка дочки́ не 'ддáмъ, по́ки живъ. Бува́йте здоро́ві!« Підня́въ проти́ насъ ша́нку, та й пішо́въ доро́гою, — а ми у слідъ ёго́ ди́вимось стоімо́, якъ хо́лодомъ прибити́.

»Ка́тре! Ка́тре! дити́но моя́!« ви́мовила ма́ти: »въ яку́ се годи́ну ти закоха́лася! Го́споди світе! Пішо́въ, ле́дві попроща́вся — коли́ се бува́ло?« Диви́лася за ба́тькомъ, виливáючи слёзи, а вінъ усе́ да́лі, та й за го́ру зайшо́въ, тілько ще чу́ли, якъ гука́въ: »гей! гей!«

Ще дослуха́лися-стоя́ли, та вже ти́хо — додо́му тоді поверта́ли: »Ка́тре!« пита́е ма́ти, »чого́ заду́малася?«

— Я хо́чу Якова ба́чити!

»Ой, дити́но моя́! Чи не чу́ла, що́ ба́тько каза́въ?«

— Я хо́чу Якова ба́чити!

Не тужи́ла вона́, не пла́кала, и на все, що ії прохáла ма́ти и зупиня́ла, и жалува́ла, — на все вона́ одмовля́ла: »я хо́чу Якова ба́чити!«

IX.

»Ка́тре!« гово́рить ма́ти, »нехáй я лу́чче сама́ піду́ туди́, — сама за все розвідаю...«

— Ні, ма́мо, ні! Чи таки́ ви сами́ не ба́чите, що мині не до жда́нківъ, не до обітниць... Не зборонáйте мині, ма́мо! Я не послу́хаю васъ... я нещасли́ва — я на все піду́...

Побра́лися ми у Лю́бчики, не га́явши ча́су. Намъ ва́жко було́, а Ка́трю обняла́ яка́сь ра́дість божевільна: усе́ вона́ позга́дувала, и бала́кала не стиха́ючи. Спомьяну́ла, якъ ми були́ на вхідчи-

нахъ у Чáйченка, якъ танцюва́ла въ Бу́лаха на весíллі, пригада́ла знако́михъ дівча́тъ Любчíвськихъ и паробківъ, усі жа́рти и ви́гадки весе́лі на́ші, — отъ, ніби-то вона́ була́ десь у тіснíй, зе́мній невóлі, та се ви́зволилася, и зновъ ийме́тця ій на житте весе́ле и лю́бе, и забіга́е вона́ вже ду́мками поманли́вими...

Уступи́ли ми спервý до своє́і ро́дички; зраділи намъ, прийма́ють. Въ ха́ті у іхъ усе́ такъ, якъ и було́, ти́хо та суми́рно. Чоловíкъ ії привíтний, сама́ весе́ла та спокíйна. Вінъ вже са́ни ладна́, вона́ кожухи́ перегле́жує: до́бра імъ о́сінь була́, до́броі и зими́ сподіва́ютця... Здоро́вий величе́нний кітъ му́рий, на со́нці потяга́ючись, мру́кае — зъ свого́ до́брого таланý; воли́ високоро́гі полови́ дивлютьця зъ за́городи у двіръ пова́жно; білиі гу́си поспіша́ютця на во́ду зъ гори́; а чорноря́бі каченя́та, кря́каючи, у двіръ садко́мъ беру́тьця; ку́рі рознопе́рі по усёму́ дво́рищу розбрили́ся, а пíвні не вгамо́нні кукурíкають, міcто вихваля́ютьця. Садо́къ вже безли́стий, а не пусти́й, добіля́ютьця поло́тна, розсте́лені по землі, и ниткú розвíшани по де́реві; су́шятьця на со́нці грушкú й я́блука на тичка́хъ тоне́нькихъ; у горо́ді гуркú, на насíнне зоста́влени, жовтíють, та гарбузи́...

Ста́ли ма́ти проща́тися, бо вже́ Ка́тря давно́ коло́ двере́й стоя́ла, а ро́дичка про́сить: — погуля́йте ще въ насъ, та погуля́йте!

»Та я хо́чу ще Ча́йчиху навідати«, ка́же ма́ти.

— Íї жъ до́ма нема́е.

»Де́ жъ вона́?« спита́ли ми усі, а Ка́тря голоснíшъ одъ усіхъ.

— А поíхала у Хмели́нці ще позавчо́ра, до си́на.

»А синъ чого́ тамъ?«

— Хто́ ёго зна́е! Вінъ вже давне́нько все тиня́етця десь... На́ші лю́де ёго́ ба́чили въ-оста́ннє у Хмели́нцяхъ, а се́ и ма́ти поíхала туди́ до ёго́; вони́ жъ сами́ зъ Хмели́нцівъ, въ іхъ тамъ якісь ро́дичі...

И хати́ білі й хазяї́ ми́лі — немóвъ пи́ломъ припа́ли, по тій нови́нці, для насъ. Слу́хаемо, якъ вони́ роска́зують та хва́лютця и життемъ и людьми́; та хто́ жъ не зна́, якъ то слу́хати легкі ре́чі безнапа́стного щасни́ці, при своїй лихій годи́ні? Се якъ тя́жкнеду́жому припада́ють па́хощі весняні, що й хо́роше дочува́ти іхъ, и то́млють на-уміръ...

Пішли́ ми собі до-до́му, а Ка́тря звертае до Ча́йченкової ха-

ти; схили́лася на тинъ и подиви́лась у ти́хий та пусти́й двіръ, бліда́ сама́, якъ ху́стка.

»За́втра я зновъ прийду́«, промо́вила на́че сама́ до се́бе.

Тільки ми тро́хи ви́йшли за село́, на перехре́сний шляхъ, навпере́йми намъ чоловікъ во́зомъ иде́, воли́ поганя́е — за́разъ ми впізна́ли Миха́йла Иване́нка: якъ ёго́ не пізна́ти? Ду́же бувъ біля́вий во́лосомъ, а засма́лений вітромъ, опа́лений со́нцемъ — то бро́ви й усъ на́че впно́мъ поняли́ся. До-то́го, висо́кого зро́сту, кощавий, похіпливий, жва́вий... Сей Иване́нко на-пропа́ле закоха́вся у ярмарка́хъ, у ку́плі та въ прода́жі: чи засіва́въ пашню: »се повезу́ у я́рмарокъ!« чи жавъ, чи коси́въ, чи вигодо́вувавъ що́: »бу́де чімъ поярмаркува́ти!« Ча́сомъ вінъ, було́, й втра́титця здо́рово, а ста́нуть ёму́ те́ дово́дити: »то що́, що втра́тився! аби́ свіжа копійка!« Жінка ёго́ горува́ла за нимъ: якъ одружи́вся, то вінъ вже тре́тю ха́ту се перепро́давъ. Якъ нема́ ёго́, то все жінка жаліетця лю́дямъ: »Які хаточки́ були́ придо́бні, які сла́вні — поспро́дувавъ; тепе́ръ опоряджа́ю сю́ ха́ту, та й сю́, ма́бить, прода́сть; мене́ не жа́луе, літъ моіхъ не вва́жуе!« А якъ вінъ до́ма гостю́е, то зновъ вона́, якъ не жада́ посвари́тися — не мо́жна изъ нимъ сва́рку зачепи́ти. Вінъ ій привезе́ и очіпокъ, и сере́жки, и ху́стку за́всіди; вінъ свою́ ку́плю такъ кра́сно пока́же, а прода́сть — до́бре, та́кеньки сло́вомъ передъ жінкою примінитця, тако́го ій новино́къ нароска́зуе, — а була́ жінка цика́ва зъ цика́вихъ, — що вона́ ёго́ слу́хае та й заслу́хаетця, — та то́ді тума́нъ спаде́, якъ вже вінъ зновъ зъ до́му ви́хопитця куди́ у я́рмарокъ.

»Звітки Богъ несе́?« пита́ ма́ти Иване́нка...

— Зъ яко́го я́рмарку? — кажу́.

Ка́тря иде́ попе́реду, не слу́ха, тільки́ вклони́лась Иване́нкові, ма́ючи зви́чай.

»А се«, ка́же, »бувъ у За́йчикахъ, бувъ у Лебедівці; у Хмели́нцяхъ бувъ...

— Де́сь-то вже я́рмарокъ до́брий у Хмели́нцяхъ, перехопи́ла ма́ти, отъ и Ча́йчиха туди́ поіхала, — не ба́чили ії?«

— Де́ то вже не ба́чивъ! Хо́дить и вона́ по я́рмарку, мовъ гро́ши загуби́ла.

»Чого́ жъ се такъ? Тамъ же вони́ зъ си́номъ?

— А синъ хо́дить якъ про́бу ро́зумъ загуби́въ. А га́рна удова́ веселіе, що загу́блене знайшла́.

»Яка́ удова́?«

— Хоро́ша, молода́, свіжа... Отъ, коли́ бъ таки́хъ та спро́дувати, чи купля́ти, — були́ бъ торги́, кажу́ вамъ...

»Чи не зна́ете, якъ вона́ на имья́ прозива́етця?«

— Вбача́ючи, — ка́же, — ди́во, та не спита́ти, звідки взяло́ся?« Вона́ Терни́чихою прозива́етця.

»Чи жъ Ча́йченко ії сва́тати хо́че?«

— Тамъ іхъ залётчиківъ біля́ не́і тако́го, що́ за де́нь не перевішаешъ; — хто́ сва́тае, а хто́ візьме — се-то вже вона́ зна́е.

»Бува́йте здоро́ві!«

— Щасти́ Бо́же!

Ка́тря нічо́го того́ не чу́ла...

»Бо́же мій, Бо́же вели́кий!« промовля́ла мати зъ жа́лемъ, иду́чи доро́гою: — »Бо́же мій до́брий!«

Ду́мали-ду́мали, я́къ ёго́ лу́чче Ка́трю завісти́ти про те́, що чу́ли, та порівня́вшись, про́сто усю́ пра́вду ка́жемо. Ма́ти пла́че та вмовля́е: »не журі́сь«, та про́сить: »забу́дь!«

»На́ що мене́ дури́ти«, гово́рить Ка́тря зъ сму́ткомъ.

Ми присяга́емось, що чу́ли одъ Иване́нка.

»Го́ді! го́ді вже!« тільки одмовля́е.

Якъ у ха́ту, увійшла́, припа́ла на ла́ві, схили́вшись на поку́тнє віко́нечко — ди́витця, та ду́мае; а тамъ якъ звела́ся — бліда́, бліда́!

»Що́ тобі, Ка́тренько, що́ тобі?«

— Нічо́го! я поду́мала: що́, якъ би тому́ пра́вда була́, що вінъ йншу покоха́въ... я тільки поду́мала, я вірй не йму... и не ня́тиму...

На дру́гий день вона́ таки́ зновъ пішла́ у Лю́бчики; була́ и на тре́тій... Що́ ма́ти говори́ла, свари́лася — не слу́хала... усе́ вона́ собі ду́мала и часте́нько на виду́ блідла...

На за́втрий день вона́ зновъ у Лю́бчики, и на поза́втрий — що-дня́ йде. Коли́, було́, я за не́ю піду́ собі — вона́ мене́ и не завва́жить на́че; а заговорю́ до не́і: »го́ді, го́ді!« перехо́пить мене́... У Лю́бчики увійде (я вже, було́, усе́ веду́ ії по-підъ горо́дами, якъ изъ не́ю, по́тайно), прийде до Ча́йченкової ха́ти, поди́витця на две́рі позачи́нювані, на ти́хлий двіръ, посто́їть та й до-до́му верта́етця...

X.

Одно́го ра́нку Ка́тря вже убіра́лася йти у Лю́бчики, коли́ сама Ча́йчиха до насъ у ха́ту. Усі ми та́кеньки до не́і й ки́нулися...

Сіла́ стара́ на ла́вці, пита́е, що́ въ насъ, чи все гара́здъ, чи все до́бре. Я на не́і дивлю́сь — зма́рніла вона́ чого́сь ду́же за той часъ, що ми ії не ба́чили.

»Та не такъ-то до́бре«, одка́зуе ма́ти, »я́къ би се́рденько моє жада́ло!«

— А що́ стари́й ка́же про дітокъ на́шихъ? Чи вінъ коли́ надъ ни́ми власка́витьця?

Ка́тря, що все коло́ не́і сиділа́ та трепета́лась, при сімъ сло́ві якъ ки́нетця, якъ обхо́пить ії рука́ми, якъ заридае: »де́ вінъ? де́ Яківъ?« ви́мовила.

Стара́ ії жа́луе, — гово́рить, що вінъ ху́тко бу́де до не́і, що здоро́вий... Ма́ти взяла́ Ка́трю за ру́ки, я дала́ води́ці...

»Коли́ бу́де вінъ, ска́жіть ми́ні!« про́сить стару́ Ка́тря.

— Та за́втра бъ ране́нько прийшо́въ, коли́ бъ не ба́тько твій...

»Нема ба́тька!«

— То ране́нько при́йде.

»За́втра ране́нько!« ви́мовила Ка́тря, обня́ла го́лову свою́ и ва́жко зітхну́ла.

— А що́ жъ ба́тько вамъ ка́же? — пита́ Ча́йчиха, — що ка́же вінъ?

То́ді ій ма́ти усе́ й росказа́ли... Якъ сплесне́ Чайчиха рука́ми, якъ запла́че! »Го́споди ми́лий! за що́ моє́му дитя́ті ща́стя нема́!«

Ма́ти, сама́ у слеза́хъ, поглида́е на свою́ Ка́трю, та промовля́е: — го́ді! що́ се ви!

»Вже довіку́ бу́де до́ля его́ гірка́! Се та́къ ёму́ поро́блено! Не бу́де ёму́ па́ри довіку́! Не бу́де ёму́ ща́стя!

Ка́тря схопи́лася; ма́ти уста́ла; усіхъ якъ хви́лею при[illegible] до Ча́йчихи.

— Якъ поро́блено? Хто ёму́ поробивъ?

»А та жъ удова́, те моє ли́хо пеку́че!« ка́же Ча́йчиха, [illegible] слёзи виливаючи. »Не суди́въ Госпо́дь намъ порідни́тись та ви мині якъ наймиліша роди́на... Слу́хайте жъ усёго го́ря мого

»Зна́ете, що спершу́ ми у Хмели́нцяхъ жили́ и була́ тамъ у на́съ въ селі удова́ прехоро́ша, пи́шна... Терни́чихою зва́ли. Така́-то вже жва́ва, говірка́, така́ — що й летю́чі слова́ хапа́е.... така́ то до ко́жного прикідчива, при́ладна, ле́стна... Я таки́ ще у-пе́рве, якъ ії поба́чила, поду́мала: непе́вні о́чі удови́ни! Це жъ се́рденько мо́е чу́ло!... Одко́ли зазна́вся изъ не́ю мій Яківъ, ні дочо́го ставъ па́робокъ — ні до робо́ти, ні до господа́рства, й гуля́ння поки́нувъ парубо́цьке. Де вона́, тамъ ёго́ и о́чі, тамъ и га́дки ёго́...«

Ма́ти слу́хае, на свою́ Ка́трю сму́тно поглядаючи, слу́хае й Ка́тря пи́льно; стоіть, уста́ сти́снуті. А Чайчи́ха усе́ роска́зуе:

»Якъ я ёго прохала́: поки́нь, со́коле, поки́нь, си́зий! Не слу́хавъ:—такъ вона́ до ёго прики́нулась, такъ присе́рбилась, що й світь ему́ ввесь завьяза́ла. Безъ не́і, мовля́въ, мовъ не живи́й хожу́. Вже я́къ мині и за невістку не хотілося прийма́ти, та вже Богъ изъ тобо́ю, кажу́, си́ну, ожени́ся. Засла́ли старостівъ... А вона́ жъ? Насмія́лася зъ ёго, ма́тінко! Не пішла́! А що́, си́ну, кажу́ тоді, не на моє́ ви́йшло? Вона́ усімъ рівно очи́ма світить, якъ тобі... Поки́нь, забу́дь стидку́! Вінъ усе́ не ки́давъ. Дівда́вся, що ви́явився бага́чъ зъ чужо́го села́, и засва́талася вона́ зъ тимъ багаче́мъ, а ёго́, якъ на воді лиши́ла. Що́ вінъ поскорбівъ тоді, що́ вінъ поболівъ — я зна́ю! Та що́ ви ду́маете? Яка́ недо́бра, яка́ незвича́йна! хо́дить та й хо́дить, було́, въ насъ предъ віконню — ёму́ жалю́ завдае́. Иде́ хоро́ша, уря́жена та весе́ла, и ди́вится, чи нема́ ёго́ де́; угле́дить — на добри́-день дае́, на здоро́вья пита́етця... Таку́ поки́нути бъ, та ще Бо́гу подя́кувати, а вінъ усе́ люби́въ... Дала́ вона́ яке́сь данния ёму́, — якісь ча́ри чарува́ла...

Я, моя́ ма́тінко, ріки слізъ ви́лила — благала́: си́ну, ожени́ся, — кохани́й, ожени́ся! нехай же вона́ зъ те́бе не сміе́тця. До́вго вінъ мене́ не слу́хавъ, — а дели́ самъ схаменувся. Була́ у насъ дівчина, що ёго́ давне́нько вже люби́ла, ми до не́і сватівъ — дівчина не хо́че... Ма́біть вже перечу́ла що таке́, або́ вже то заподіяно, такъ було́: зъ дру́гимъ па́робкомъ дівчина повінча́лася.... А тая безбо́жниця ёму́, підъ вікно́мъ на́шимъ сто́ячи, ви́гукнула: »бурлаку́й увесь вікъ, Якове, та люби́ тільки мої о́чі я́сні!« И зъ ре́готомъ пішла́ собі — у доло́ні пле́ще; а вінъ за не́ю у слідъ біжи́ть, якъ дити́на, а вінъ, якъ дити́на, пла́че... Вона́ по-

бра́лася изъ тимъ своімъ багаче́мъ, поіхала изъ нимъ, та ху́тко зъ ёго ро́дичами усіма́ посвари́лася, зъ людьми́ поневіря́лася — не схотіла жи́ти тамъ: вмо́вила чоловіка у Хмели́нцяхъ ха́ту купи́ти, и зновъ у Хмели́нці вки́нулася... Тоді вже таке́ ли́хо прийшло́, та́къ вона́ Яко́ва зво́дила, що вінъ и нездужавъ, и марнівъ. Лю́де вже ста́ли хита́ти на ёго голово́ю... Я усе́ спро́дала свое́, и селидьбу и това́ръ, яки́й бувъ, та въ Лю́бчики ми перебра́лися відъ не́і... И Богъ мині допомага́въ: Яківъ оду́жавъ, ставъ нена́че тро́хи забува́ти, на вечорни́ці ставъ ходи́ти, — коли́сь вінъ у ме́не міжъ усіма́ паробка́ми такъ и сявъ! Отъ вінъ вашу дочку́ вподо́бавъ... Я вже до́лі ёму́ сподіва́лася, — сподіва́лася що стари́й вашъ таки́ зми́луетця, — коли́ Яківъ: »не хо́чу жени́тись! не бу́ду!« Я пла́чу, я пита́ю, я па́даю: — »не хо́чу!« И прочу́ла я, що въ *не́і* чоло́вікъ вмеръ: — де́ вже зъ не́ю на сві́ті задля́етця! Несподіванна ёго́, ка́жуть, смерть спости́гла; а вона́ за́разъ Якову зна́ти дала́, щобъ до не́і іхавъ... Вінъ и поіхавъ... Я за нимъ; прохала́, но́чі не всипля́ла, дні не вгава́ла — вінъ не слу́хае, вінъ для не́і и ма́тіръ стару́ и само́го себе́ забува́е... Дивлю́сь, що по я́рмарку за не́ю ю́рма жене́, и мій Яківъ поміжъ и́ншими... Я вже хотіла до-до́му, та до васъ, усе́ ли́хо сказа́ти, — коли́ Яківъ до ме́не прийшо́въ, та й впавъ на ла́ві... Що́ таке́?... А се вчо́ра изно́въ вже засва́талася зъ яки́мсь шинкаре́мъ!.. Ста́ла я тоді Якову говори́ти, вмовля́ти — и вінъ слу́хавъ мене́... Ду́мали — я́къ ва́шого старо́го вблага́емо, такъ и весілля бу́де... Та, ма́біть, вже поді́я така́! Ма́біть, вже ёму́ не бу́де ща́стя! Ма́ятись ёму́ одино́кому бідоля́ці!«

И ста́ла Чайчи́ха пла́кати си́льне, и ма́ти пла́че. Ка́тря швидко изъ ха́ти ви́йшла; я-за Ка́трею.

»Ка́тре! Ка́тре!« кли́чу, — не озива́етця, йде́ у́лицею швидко. Догна́ла я ії, беру́ за ру́ку, спи́няю: »та куди́ жъ иде́шъ, Ка́тре?«

— Не зна́ю... куди-не́будь да́льшъ відъ ха́ти... Такъ о́тъ чого́ вінъ тако́і пісні співа́въ! о́тъ чого́ вінъ смутова́въ! Вінъ не мене́ люби́въ — *ії!*

»То́ — було́, та вже́ тепе́ръ пройшло́ — и ти́ не ду́май... До́бре, що обміркува́вся вінъ, — зба́чъ ёму́: нема́ того́ дре́ва, щобъ пти́ця не сіда́ла!«

— Бо́же мій, Бо́же! Вінъ мене́ не люби́въ и не лю́бить!

»Бодай тебе́, Ка́тре! хиба́ и такъ въ насъ зъ тобо́ю на ли́хо,

на сумъ нестáтки? Ти вже лýчче зъ Яковомъ поговорú, — нехáй сáмъ вінъ скáже усé, чи вінъ тебé любúть...«

Вонá озирнéтця на мéне, — якъ схóпить менé за рýку:

— Ти мині не згáдуй ёгó на имья́! Я ёгó вже не побáчу! Не хóчу!

Та й слёзи рéвні ій словá перехопúли... Гóсподи! якъ вонá плáкала, якъ ридáла! Якúми допріками палкúми, якúми гірькúми ёгó дорікáла! менé не слýхала — не чýла...

Тáмъ утерла слёзи и знóвъ швúдко завернýлася до хáти. У хáті. мáти зъ Чáйчихою горýють у-двійзі.

»Я не підý за вáшого сúна«, промóвила гóлосно Кáтря.«

— Якъ? Щó? — питáе Чайчúха, перелякáвшися чи ій гóлосу, чи ій пóстаті. Злякáлася й мáти.

»Не підý за вáшого сúна«, ще голоснішъ говóрить Кáтря, »не хóчу. Хоть и бáтько даватúме — не підý!«

Мáти ажъ рýки до нéба простягла́, а Чáйчиха слізьмú вливáлася.

— Чáри, кáже, чáри! Я знáю! Не дýрно вонá ёмý крúкнула: »бурлакýй довíку!«

Усí плáчуть; Кáтря стоíть нерухóма у стóла, тільки дúше.

Чи то вже тáкъ упéвняна булá тимú чáрами старá Чáйчиха, чи що Кáтря такъ свої словá вúмовила непóзибко, Чайчúха тільки сказáла: »такá вже дóля!« щé попла́кала, пожурúлася, любо попрощáлася зъ нáми — (Кáтрю якъ обняла́ вонá, Кáтря ажъ издрігнýлася), та й пішла́ собі до-дóму, горýючи.

Кáтря за нéю у-слідъ подивúлася. Сіла на лáві и дивúлася по хáті, дивúлася на насъ пúльними та бистрúми очúма, нáче вонá щó похована — та недóбре ще обміркувáлася.

»И дóбре, дóню,« озвáлася до нéі мáти, — »бáтьку покорúлася... перéйде тýга, знáйдешъ собі до пáри... »та й хотíла ій пожáлувати...

Якъ же зaридáе Кáтря, якъ затýжить! И не вгавáе плачéмъ своíмъ. Мú коло нéі хóдимо, мú коло нéі пáдаемо, а то вже склáли рýки та й не поворýшимось.

Минýвъ рáнокъ, минýвъ день, поминýвъ вéчіръ, нічъ минáе— у насъ въ хáті ридáння голоснé та гірке, та розпáчливе. — Зъ утóми переставáла плáкати, а скóро занесé ій гóлосу людськóго, гóмону деннóго, скóро у тúші ночній зітхнé мáти, або я ворух-

ну́сь — усе́ те, ко́женъ о́дголосъ наче побужа́е, на́че до́даѐ ту́зі си́ли—и ту́жить вона́ зно́ву, и рида́е, и побива́ется.

Прийшла́ до насъ Мару́ся. Сидимо́ усі ти́хо собі у сму́тку. Ніхто́ не по́раетця, не ро́бить нічо́го. Такъ и сидимо.

Бра́лися заговори́ть до не́і, коли́ Ка́тря якъ кри́кне на насъ:

»Ну, кажіть мині, що́ ви каза́тимете,— кажіть, чи не ме́рлі встава́тимуть?« Та одхиля́ючи насъ ві́дъ се́бе, та не слу́хаючи насъ, наріка́ти ста́не, жалкува́тися: »Коли́ бъ же хочъ попроща́тись прийшо́въ — коли бъ же хоть ще́ разъ ёго́ поба́чити!.. Якъ я гля́ну на ёго? Та мині зъ-за ёго́ плеча́ удовпне́ ли́чко красови́те движітиме... мині іхъ лю́бі слова́ чу́ютьця, я іхъ кохання спочува́ю, въ ме́не се́рдце схне́!.. Поки́нула ёго́!.. Ба́чъ, чого́ вінъ смутова́въ! А я, щобъ ви зна́ли, я ёго́ ще більшъ за той сму́токъ люби́ла, я ёго́ ще лу́чче жа́лувала, я ёго́ я́къ розважа́ла!.. Охъ ва́жко, ва́жко жъ мині!..

— А чимъ вінъ ви́неньъ, що пе́рше люби́въ?— ви́мовила Мару́ся.

»Хто́ ви́нний, що я́ пропада́ю? хто́ ви́нний?«

— Коли ти ёго́ вірно лю́бишъ... — щось почала́ зно́въ Мару́ся...

»Чи жъ я́ не люби́ла вірно? чи я жъ не кохала щи́ро? а тепе́ръ мині що́? Лу́чче бъ я ёго́ похова́ла!«

XI.

Часъ збіга́въ; ту́га я́кось по-тро́ху ути́хла—та́ на усе́ розляглася. Пішли́ся тоді Ка́трі отті ра́нки до́вгі, а ті вечо́рі ще до́вшиі, ті дні, ніякъ неперебу́тні, — що все сиди́шъ та ду́маешъ, яке́ лихо́ тво́е и я́къ прийшло́ на те́бе, и я́къ не поки́не тебе́ нікóли.

У-ночі вона́ ма́ло спа́ла;—уста́не—ні объ чімъ не дба́е; ся́де́ коло вікна́, изло́жить ру́ки, сиди́ть та въ вікóнце ди́витця. Та́кеньки ти́жні схо́дили, що вона́, живу́ща, була́ на́че ме́ртва. И ми хо́димо — на́че що́ въ ха́ті вме́рло. А ра́зомъ, яко́го-не́будь весе́лого, променистого ра́нку, або́ ти́хого те́много ве́чора, вона́ якъ ожи́віе,—таки́ми ре́вними, гірки́ми слёза́ми обіллетця! И ту́жить, и рида́е, и бье́тця до вто́ми... — и зновъ сти́хне, и зновъ на́че ніщо́ ій не дохо́дить до-жи́ва.

Хотіла́ зъ не́ю ма́ти говори́ти, хотіла́ пита́ти, — про́сить: »не говоріть нічо́го, и не пита́йте нічо́го.« Ні зо мно́ю, а ні зъ Мару́сею розмо́ви не хо́че; ча́сомъ ніби зъ насъ сміе́тця.

Ма́ти журі́лася ду́же. Пили́пиха усю́ приго́ду на́шу зна́ла, а ра́ди не знахо́дила, хочъ яка́ була́ мисли́ва собі. Вона́ тільки суди́ла, та свари́лась, що ма́ти кори́тця чоловіку, що зъ то́го усе́ лихо́ встае́, — та бі́льшъ вона́ дово́дила того́ гнево́мъ сво́имъ, а ніжъ слова́ми.

Діжда́ли ми ба́тька зъ доро́ги. Поверну́вся вінъ таки́й, яки́й пішо́въ — не ласка́вий. Осма́лений со́нцемъ та обві́тряний, здава́вся вінъ ще́ похму́рніший ніжъ був.

Поверну́вся до-до́му у-ве́чері; ми ще не ляга́ли, а вже всю́ди було́ ти́хо, якъ ёго́ го́лосъ грізни́й почу́вся. Ми ки́нулися, я и ма́ти, ёму́ на зу́стрічъ, кли́чемо Ка́трю за со́бою: »иди́ ба́тька стріча́ти.« Вінъ у двіръ уступи́въ, насъ мина́ючи, тільки́ мо́вчки вкло́нився, — ми такъ и стоімо́; — вінъ опоряди́въ усе́, — то́ді у ха́ту, сівъ на ла́ві одда́лікъ одъ усіхъ. Ма́ти вече́ряти проси́ла — вінъ кивну́въ голово́ю, що до́бре, и вече́рявъ усе́ мо́вчки, усе́ не ди́влячись на насъ. Тільки одного́ ра́зу ёго́ о́чі би́стрі спогля́нули на Ка́трю пи́льно, — на́че бъ осма́лене обли́ччє побіліло трохи, а вінъ нико́му не сказа́въ нічо́го.

А Ка́тря стоіть коло́ стіни́, сама́, якъ стіна́ біла́, — ба́чу — зомліва́е. Добача́е те́ й ма́ти, хо́че мо́ву поча́ти зъ ба́тькомъ, та го́лосу нема́ сло́во ви́мовити.

»Втоми́вся я«, ка́же ба́тько.

— На добра́-нічъ вамъ, — (кла́няюся ёму́); узя́ла Ка́трю за ру́ку, та й ви́вела за со́бою съ ха́ти у світли́цю. Вона́ сіла и трусилася уся́.

»Що́ то́бі, Ка́тре?« пита́ю. »Чи ти ба́тька изляка́лася?«

— Ні, ні... я тільки спогада́ла... якъ то́ді благала́ я ба́тька, якъ нарика́ла!... то́ді въ ме́не було́ ща́сте... тепе́ръ вже ні-объ-чімъ мині проси́ти до́ма, нічо́го сподіва́тись зъ сторони́... Нема́ въ ме́не нічо́го, — я сама́ нещасли́ва!

»Ути́хни, Ка́тре, ути́хни для ба́тька, ба́тько почу́е, — го́ді!« вговоря́ю ій.

— Утиши́ жъ ти пе́ршъ моё се́рце! — одмо́вила, рида́ючи.

Нічъ пшла́ въ ту́зі та въ жалю́. »Те́мная нічъ яка́!« промовля́ла Ка́тря суму́ючи, — яка́ те́мная та до́вгая!« А ста́ла зоря́ роз-

світа́ти, ста́ло со́нечко ясне́нько схо́дить, — ка́же: »Вже й зоря́етця! Вже со́нце; — де́нь, — я́къ ёго́ перебу́ти до но́чі — Бо́же ми́лий!«

Ма́ти тімъ тільки́ свою́ журбу́ тішить, що се́е безтала́нне Ка́трине бу́де ба́тькові вго́дне; — ху́тко й поспіши́лася сказа́ти ёму́: »Ка́тря вже не хо́че сама́ за Ча́йченка.

Ду́же ба́тька слова́ її зру́шили. »Повісти́, якъ усе́ було́,—не вмини́ нічо́го!« вели́ть.

И усе́ ёму́ ма́ти повісти́ла — що́ було́.

— Згля́ньсь на дити́ну бідну, дру́же мій, — про́сить ба́тька: — вона́ послу́хала, покори́лася, а нещасли́ва...

»Вона́ не мене́ послу́хала«, одмо́вивъ ба́тько, та й заду́мавсь.

Ма́ти бо́язко на ёго споглядала́ — гніву не вача́ла, тільки ду́му-ду́му на чолі висо́кімъ похму́рімъ!

Да́лі вінъ пішо́въ собі изъ дво́ра — та́къ, якъ икъ га́ю побра́вся, — а тії пори́ вже не було́ нія́кого ді́ла въ по́лі...

»Якъ вінъ приня́въ те́е — не зна́ю«, говори́ла ма́ти, сму́тно виглядаючи ёго́ до-до́му.

Вінъ поверну́вся у-ве́чері пізно.

У-ве́чері усі у ха́ті зібра́лися, усі вку́пі перебули́ ёго́, до́вгого ве́чора того́. Усі робили́ ко́женъ свое́ ді́ло.

И бага́то тіхъ вечорівъ до́вгихъ перевело́ся въ насъ безъ розмо́ви, безъ го́мону, — отъ якъ, бува́, при недужому, що къ смерті недугу́е, сидя́ть лю́де не зглянутьця, бо сму́тний ко́женъ по́глядъ, не розмо́вляться, бо нема́ імъ у сло́ві пора́ди, а ча́съ иде́, ти́хо йде, ду́же ти́хо, — то, ніби́, ра́зомъ якъ промигне́ кільки годи́нъ, и зновъ ле́дві то́читця, а ко́жна хвили́на ва́жко приляга́е на душі...

XII.

Що́ да́лі, то́ гіршъ сумова́ла Ка́тря. Жалю́ свого́ збула́ся, а обня́въ її сами́й сумъ. То́ було́ коли́ озве́тця до насъ зъ Мару́сею сло́вомъ сердешнимъ: »ой ва́жко, Мару́сю! ой ва́жко, Хи́мо!« а то зовсімъ одцура́лася усіхъ. Ла́ску прийма́, не вважа́ючи; що спита́ешъ въ не́і, заговори́шъ — »що́ тре́ба? чого́ хо́чете?« До ма́тері якъ не рідна дити́на; відъ ба́тька дале́ко сторо́нитця... Де́ тамъ въ селі пригода, дослуха́етця, яка́ хто, жу́ритця, пла́че—ій

на́че лю́бо вдивля́тися, обмірку́ва́ти тутъ — и ди́витця и слу́хае вона́ такъ, що ніби ій не жа́лко, що се́рце боли́ть, а жа́лко, що чоловікъ нікчемъ у світі, и гово́рить-було́: »Отсе́ лю́де! що́ той ро́зумъ людськи́й!«

Ста́ла вона́ яка́сь холодновата, спокійна, хочъ и сумна́, и смутна́я.

— Бо́же мій, Катру́сю!—загада́ю ій:—якъ колись — що́ ти за весе́ла була́!

»Була́ весела«, одка́же, »бо пе́рше було́ жи́ти ле́гко у світі, якъ дурно́му зъ гори́ бігти... тутъ мині де́-що нахвати́лося—зупини́ло мене́... Спита́ла я тоді: що́ то за житте на́ше? И на́ що чоловікъ живе́? По́ що у світъ ро́дитця? Живе́ на му́ку — ро́дитця на смерть. Нічого шука́ти, ні по чімъ боліти—усе́ прохо́дить, якъ димъ, усе́ мина́е, якъ зілина...«

Почне́, було́, та́кечки говори́ти, тільки слу́хаемо зъ Мару́сею. Нагонить було́ хо́лоду своіми слова́ми.

— Скажи мині, Катру́сю,—пита́ю одного́ ра́зу, слу́хаючи тії мови ії сувори,—чи ти вже не лю́бишъ?

Та й сама́ зляка́лася, що нагада́ла ій, а вона́ всміхну́лася.

»Не бійся, не бійся«, ка́же »я́ вже не пла́чу тепе́ръ, я вже не ревну́ю, та й не коха́ю...«

— Якъ? вже забу́ла?

»Ой, Хи́мо«, промовля́е, »якъ усе́ світове́ мина́е! И коха́нне и радо́щі, и го́ре—якъ усе́ мина́е! Що було́ намъ дороге́ надъ ду́шу, — ба́чимо, ажъ порошинка пи́льна!..«

Змага́етця зъ на́ми, що нема́ у світі а ні до́брихъ люде́й, а ні пра́вди у люде́й. »А де́ ті правди́ві? Куди́ гля́нуть, що сту́плять, то все не по пра́ві. А де́ ті до́брі?«

— Ма́ти жъ на́ша? кажу́...—Перехони́ла мене́: »Ма́ти, ба́тько, ро́дичі? Та свій своєму по невóлі вже братъ! А неха́й-но въ одну́ річъ вкоха́ються та вдаду́ться — поба́чишъ то́ді, які́ до́брі и яка́ пра́вда!«

— О, е́ у світі до́брі лю́ди, е́ пра́вда! — гово́рить Мару́ся.

»Хиба́ у на́шихъ ми́сляхъ изъ тобо́ю!«

— А що́ се, Ка́тре, — кажу́, — се вже ти одна́, ма́бить, сама́-одна́ пе́вна люди́на на світі?

»Що пе́вного у світі? Отъ мині пе́вно те́ тільки, що я безщасна..,«

Непоруши́мо ви́мовила свої слова́... Зга́дують та́кеньки да́внёго да́вна похо́ване и припла́кане. А ми измо́вкли. И отсе ні ла́скою, а ні жа́ртомъ не визво́лить іі и на хвили́ну зъ того́ лёдова́того су́му...

Ма́ти терпіла та пла́кала мо́вчки; да́рмо, бу́ло, озива́тися до Ка́трі... Ба́тько тежъ сло́ва не рони́въ; тільки ба́тько одміни́вся я́кось... Яки́йсь по́глядъ у ёго ча́сомъ бувъ, що я ще въ ёго ніко́ли не ба́чила... Не постерегла́ того́ ма́ти, и вже́ жъ ни Ка́тря, а щось у ёму одміни́ло. Се я́, ціка́ва, сама́ тільки я завва́жила. Ставъ вінъ ніби на виду́ похмурніший, а ласка́вший; мовчу́щий якъ пе́рше, а уня́тливий; ставъ піклува́тий таки́й, каза́въ би ніжний...

Яко́сь Ка́тря, ди́влячись у віко́нце, промо́вила: »Усе́ хма́ри, усе́ него́да! коли́ вже те ясно́ бу́де! коли́ теплішъ ста́не!« То я́къ вінъ вигляда́въ того́ ясна́! я́къ ждавъ на те тепло́! якъ ще зъ-ве́чора вихо́дивъ и диви́всь пи́льно та вва́жливо округи́ на не́бо!

Ка́тря ле́гко спа́ти ста́ла, не досипа́ла у ночі; а, луча́лося, у день засне́ коло свого́ віко́нця. Увійшо́въ одного́ ра́зу ба́тько — двери́ма грукну́вши. Ка́тря издрігну́лася... Якъ вінъ після то́го тихе́нько уступа́въ завсіди, або́ пережида́въ на-дво́рі, на пеку́чому моро́зі, щось ніби тамъ ро́блячи, а ну́дячись безъ діла, поки́ довідаетця, що Ка́тря обуди́лася!

Яко́сь принесла́ до насъ Пили́пиха кожуша́ночку — хвали́лася, що до́бра — »А спра́вді до́бра«, каза́ла Ка́тря.

— До́бре, коли́ бъ и тобі таку́, — гово́рить Пили́пиха. »До́бре бъ и мині«, ка́же Ка́тря.

На дру́гий день ра́но, ба́тько изъ дво́ру поіхавъ, — у ти́ждень поверну́вся — ажъ у друго́му повіті бувъ: привізъ намъ усімъ нові кожуша́нки. Дае́ Ка́трі — яке́ пону́ре ёго́ обли́ччє було́ и якъ труси́лася рука́ даючи́! Якъ вінъ приня́въ яко́сь покірно, що вона́ бра́ла не гля́дячи що́ бере́, и дя́кувала... Якъ вінъ поспіши́вся у місто, коли́ вона́ сказа́ла, що тамъ кра́щі черевики, ніжъ у насъ!

Ча́йченка ми не ба́чили, а ні старо́і ёго́ ма́тері. Ча́сомъ, було́, перечу́ешъ черезъ дівча́тъ, що зостріли де, або́ такъ іхъ на имья́ згада́ють — тільки ми й зна́ли.

XIII.

Чу́ю, той мині ка́же: »Мару́ся зъ лиця́ спа́ла«, той мене́ пита́е: »чи Мару́ся нездýжае«, — Пили́пиха прúйде, говóрить, що дочка́ въ не́і вья́не, и хва́литця, що хýтко ій помóжетця, а ча́сомъ по чванли́вому обли́ччю біжя́ть слёзи дрíбні... И сама́ я ба́чу, що Мару́ся занепада́е.

»Мару́се, що́ тобі? Ти чого́-сь жу́рисся?« ка́жу ій.

— Ні, — говóрить, — мині нічо́го, и я не журю́ся.

Ка́тря ба́чить, слу́хае — и все ій байду́же. Одного́ жъ ра́зу ми сиділи зъ не́ю сами́, я почала́ про Мару́сю ій зга́дувати: що́ се ій таке́ ста́лося, що вона́ така́, а нікóли не жа́литця, и не ба́чила зъ-ро́ду я, щобъ вона́ пла́кала. Ду́мати бъ, ма́ти не ласка́ва, такъ ма́ти й пе́рше бу́ла така́ са́ма — а тепе́реньки тільки що ра́ди не прóсить — жа́лко дочку́. Я отта́къ говóрю, Ка́тря заду́малася. Ду́мае, ду́мае, мовъ що пригáдуе, — та оберта́ючись до ме́не:

»А зна́ешъ, чого́ Мару́ся така́ ста́ла? чого́ Мару́ся схне? Вона́ Ча́йченка лю́бить!«

— Отсе́!— покри́кну.—Що́ ти, Ка́тре! схаменúсь! Та вона́ зна́ла, що вінъ ії не лю́бить...

»Дарма́! та вона́ ёго́ коха́е! Я не зна́ю, якъ давно́ я сёго не зрозу́міла, ще тоді... А по́тімъ я вже не ду́мала, забу́ла усе́...«

— Та по чо́му жъ ти вважа́ешъ? Чи коли́ вона́ ёго́ зга́дувала? Вона́ жъ одъ ме́не, здае́тця бъ, не кри́лася... Вона́ жъ тепе́ръ нікуди не хо́дить... А, мо́же, й коха́е, та кого́ и́ншого...

»Ёго́! ёго́! се напе́вно. И давно́ вже коха́е. Вона́ жъ ёго́ пе́рше насъ зазна́ла. Памья́таешъ, якъ усі ми то́ді, весе́лі та дурні дівча́та, прибіра́ючись на весілля, якъ ми пита́ли въ не́і про ёго и я́къ вона́ одъ насъ втіка́ла, я́къ не хотіла роска́зувати и я́къ нічо́го не росказа́ла, — памья́таешъ? А я́къ мене́ пита́ла, чи я спра́вді ёго́ коха́ю? А я́къ заступа́лася за ёго́ передо мно́ю? Чи усе́ ти памья́таешъ?

Тоді я усе́ згада́ла собі, и те весілля, и слова́ усі Мару́сини; згада́ла бага́то чого́, що пе́рше зна́ла, та не дба́ла, — та й сама́ заду́малася: мо́же воно́ й спра́вді та́къ. А все ще віри мині не

йме́тця. Якъ же се я не постерегла́ бъ того́? Очи жъ мої усе́ ба́чили до́бре — де́ жъ прови́дливость моя непоми́лешна? Де мій ро́зумъ би́стрий?

Я хочъ такъ со́бі не прика́зувала, та та́кеньки ду́мала.

Тільки мині хвили́ночка вільна,—я за́разъ до Мару́сі побігла; посту́кала у віконце́: »Мару́се, Мару́се, голу́бонько! ви́йди хуте́нько!«

Вона́ вихо́дить, а я до не́і тимъ таки́ сло́вомъ: »Мару́се, ти коха́ешъ Ча́йченка?«

Вона́ издрігну́лася и пи́льно на ме́не погля́нула, ти́хо ій о́чі засяли; ли́чко спахну́ло румья́нцемъ, и ка́же мині: »то що́?

— Пра́вда сёму́, Мару́се? А я Ка́трі віри не няла́, я не ду́мала... И ду́же ти его́ лю́бишъ? И давно́ вже?

»Я за его́ уме́рла бъ«, гово́рить, дивля́чись по́глядомъ своімъ до́брымъ, а смі́лимъ: »я для нёго бъ у сві́ті жи́ти ра́да... а лю́блю я его́ давно́, давно́... за́всіди люблю́, якъ зазна́ю...«

— Вінъ же до те́бе не залиця́всь нікóли, Мару́се? Вінъ до Ка́трі... до и́ншоі...

»Неха́й здоро́въ бу́де та щасли́вий изъ тіе́ю, що покоха́е собі...«

— А тобі жъ, Мару́се? Тобі тільки му́ка, печа́ль та го́ре?

»Хочъ го́ре, — я відъ его́ усе́ прийму́ за до́бре.«

— А ма́ти жъ твоя́?

»Що́ жъ ма́ти моя́? Я ій тимъ не докуча́ю.

— Та вона́ замича́е, що ти вья́нешъ, вона́ тимъ печали́тця...«

»Коли́ бъ же дія́лось по моій во́лі, коли бъ моя́ си́ла, то я бъ румьяніла!«

— Якъ же ти за́міжъ підешъ?«

»Я не піду за́міжъ.«

— А ма́ти ста́не си́лувати.

»Що́жъ?.. ва́жко мині бу́де.

— Та вже жъ ва́жко за нелюбо́го йти!

»Ні, я кажу́ — бу́де ва́жко, що ма́ти вмовля́ти ста́не, а я не піду́...«

— Та чого́ жъ дожида́тимешъ? На яке́ добро́ вповáешъ?

»Я нічо́го не дожида́тиму й ні на́ що не вповáтиму.«

— Та вінъ не зна́е и не дба́е, що ти его́ коха́ешъ!

»Неха́й! Аби́ я его́ коха́ла.«

— Ли́хо тобі изъ тимъ коха́ннемъ бу́де та го́ре, а радощівъ я не сподіва́юсь;

»Коли́ не суди́лося ми́лого ща́стя, нехай ми́ле го́ре бу́де...«

— Прощава́й, Мару́сенько! — кажу́ їй.

»Буває́ здоро́ва!«

Провела́ мене́ тро́хи, ще попрощала́ся, й пішла́ до госпо́ди ти́ха та ясна́.

А я додо́му. Иду собі та думаю: чого́-то на світі не бува́, аби́ здоро́ва на́ша голова́! И той Ча́йченко! Чи він у барвінку ку́паний, що такъ дівча́тъ чару́е? Коли́ вже на пра́ву йде, то й мині він чи одну́ нічку сни́вся? Вже я ходи́ла, ходи́ла до голови́ по ро́зумъ, по́ки схаменула́ся... Поду́мала, зітхну́ла, та й сказа́ла: »го́ді!« И го́ді.

»А що́«? пита́ Ка́тря въ ме́не, всміха́ючись, »чи жъ я не вгада́ла?«

— Твоя́ пра́вда, — кажу́. Нещасли́ва дівчина! Жа́лко мині її ду́же! Гірка́ їй доля́ суди́лася!

»Гірько дарéмне ко́хати,« промо́вила Ка́тря, »гірко дарéмне дожида́ти, а ще гірше не коха́ти й не дожида́ти!«

Зъ Мару́сею вона́ про се не захо́дила у розмо́ву, хиба́ такъ, на вдога́дъ, що ска́же Ка́тря: »на́ що те коха́ння у світі?« А Мару́ся: — а коли́ се́рце коха́е — я́къ не коха́ти? Ка́тря собі: »Яки́й приби́токъ зъ тіхъ лю́бощівъ, — чи жъ ва́рті?« А Мару́ся: — не зна́ю, тільки ніхто́ не залиши́ть свого́ коха́ння...

Ча́сомъ Ка́тря якъ посмівáетця, ча́сомъ ніби якъ зави́дно їй чогось ста́не...

Все вона́ світомъ ну́дить, все ні до чо́го у не́і нема́ охо́ти, ні до чо́го жадо́би.

— Ка́тре! — кажу́ їй, — та́къ ти ді́ло робишъ, голу́бко, якъ мо́кре горить!

»Аби́-то!« вона́ мині, »аби́ день до ве́чора!«

Ма́ти їй убра́ння хоро́ші та пи́шні купу́е — вона́ ле́дві поди́витця: згорне, та й забу́де: ма́ти посила́ її у гости́ну — нехай розва́житця: вона́ йде усюди, та й усюди світомъ ну́дить.

Ма́ти ду́же тужи́ла, та ще й страха́лася — що́ бу́де зъ не́ю. Мене́ про́сить: »не одхо́дь ти одъ Ка́трі, поки́нь усе́, ходи́ изъ не́ю!« Ба́тько нічо́го не вимовля́въ сло́вомъ, а ра́зъ-у-разъ, де́ ми йдемо́, ёго́ скрізь стрінемо несподівано. Нічо́го не ска́же, — спогля́не на Ка́трю, и мине́...

Ка́тря ще люби́ла гуля́ти по поля́хъ, по степа́хъ, по лісі.

Хо́димо зъ не́ю — я на не́і дивлю́ся, а вона́ округи́, розмо́ви нема́. Такі було́ хо́димо, що й пта́ства не поло́хаемо...

XIV.

Броди́ли ми та́кечки одного́ ра́нку. Пого́жий, ясни́й та весе́лий бувъ ра́нокъ той лі́тній — и зайшли́ ми ду́же дале́ко, ажъ до пече́ръ самихъ. А місце ди́ке таке́, неосе́ляне! Бі́лі крейдяні шпилі гіръ лощя́ть на со́нці, та між горами ко́тить річка глибо́ка — ні дре́ва, ні квіту, ні щебета́ння...

— Ка́тре! — кажу́: — чого́ се ми тутъ прийшли́?

»Ходімъ у пече́рі«, говори́ть мині, та зъ цімъ сло́вомъ и йде, а я за нею. »Не ходи́, Ка́тре!« прошу́, »вона́ йде.

Те́мно було́ у пече́ряхъ зовсімъ и хо́лодъ свіжи́й понімавъ. Де́, зве́рху, у горову́ розпа́лину, со́яшний про́мінь рони́въ ссяю́щу стя́гу.

Ка́тря йде усе́ да́лі та да́лі — вже ду́шно мині: — »вернімось Ка́тре!« йде да́лі... Вже ми набрі́ли те місце, де камьяна́ по́стіль помости́лася — крейдяни́й обва́лъ, а на ёму́ ме́ньшний якъ узголо́вье. У тій пече́рі навви́шки бу́де такъ, що тільки ста́ти схили́вши го́лову чоловіку невели́кого зро́сту; на стіні хрести́ ви́бити, а передъ тими хреста́ми на доли́вці я́мка: стоя́въ тутъ хто́сь ро́ки на моли́тві, ажъ мо́лячись у зе́млю вхо́дивъ.

Ка́тря стоя́ла, диви́лася и ду́мала, — не впокійна, трево́жна... Якъ ирвоне́ зъ се́бе кора́лі дорогі — ге́ть одки́нула — тільки вони́ гуръ-гуръ — розкоти́лися! Я ки́нулася збира́ти: — »що́ тобі таке́, Ка́тре?« а Ка́тря впа́ла коло тіі камьяно́і посте́лі на коліна, розлива́етця слізьми.

»Ка́тре!« покри́кну: »що́ ти ро́бишъ?«

А вона́ не слу́хае, не чу́е, у слеза́хъ великихъ!..

Ледві я іі ви́вела зъ тіі пече́рі на світъ Бо́жий. — »Що тобі, Ка́тре?«

Вона́ якъ ста́ла, якъ гля́нула — чи жъ пізна́ти іі було́! Отъ на́че до́вго та до́вго тиня́лася по чужи́хъ, та ра́зомъ несподівано роди́ну усю свою́ знайшла́ — заспокоена та ра́дісна, та сама́ диву́етця...

»Химо!« ка́же до ме́не, »я у чорни́ці піду́.«

Я скаменіла — якъ стоя́ла.

»Бу́де мині спо́кій«, промовля́е, радіючи.

— Въ чорни́ці! — кажу́, — а ма́ти жъ? а ба́тько?

»Ходімъ додо́му, ходімъ«, перехопи́ла мене́, »неха́й вже мене́ виряжа́ють!«

И додо́му поспіши́лася, а я за не́ю.

Увійшли́ у ха́ту. Бу́ло са́ме тоді свя́то; ба́тько й ма́ти сиділи у сто́ла гово́рячи. Ка́тря імъ вклони́лася до нігъ и про́сить:

»Та́ту, ма́мо! Я піду́ въ чорни́ці, — я бу́ду Бо́гу моли́тись.«

Ма́ти такъ рука́ми и сплеснула. Ба́тько уста́въ.

— Ка́тре! Ка́тре! покри́кне ма́ти.

»Я піду́ у чорни́ці«, промовля́е Ка́тря, »ста́ну Бо́гу моли́тися.«

— Ти жъ въ насъ одна́ дити́на еди́на, ми тобо́ю втиша́тись хотіли, а ти насъ дума́ешъ поки́нути при на́шій ста́рости... — пла́че ма́ти.

»Я за васъ буду Бо́га проси́ти», ка́же Ка́тря.

— Го́ді, до́чко, го́ді! — мо́вить ба́тько: — я тако́го сло́ва щобъ більше не чу́въ відъ те́бе!

»То ви мене́ не пу́стите?« покри́кне Ка́тря. »Пустіть мене́! Не губіть моє́і душі!«

— Я сказа́въ: годі — то й го́ді! — зно́въ мо́вить ба́тько. — Я нікóли тебе́ на се не благословлю́!

— Чи жъ тебе́ Богъ милосе́рдний прийме, якъ роди́телі не благословля́ть, моя́ дити́но? — вмовля́е ма́ти.

»Пустіть мене́... не губіть моє́і душі... Я піду́, пустіть мене́!..« сло́во одно́ Ка́трине.

Зъ того́ ча́су усе́ проси́лася у чорни́ці, проси́лася та пла́кала. Нікуди вже не йде — сиди́ть у ха́ті — пла́че.

Ти́ждень збігъ.

Одного ра́нку прокинулися ми, — нема Ка́трі: де́ вона́? Я кли́чу — не озива́етця, — я ки́нулася скрізь шука́ти, шука́е й ма́ти — нігде́ нема́, ніхто́ зъ сусідъ не ба́чивъ.

»Десь пішла́ проходи́тися«, ка́жемо, а сами́ вже не впевня́емось, вже се́рце мре... Нема́ Ка́трі и опівдня; вечіръ, нічъ не верта́етця. Яково́-то було́ ма́тері перетрива́ти; яково́ ій було́ ба́тькові оповісти́ти, — а ба́тька той день до́ма не була́. Якъ почу́въ вінъ — біле́нький ставъ, зовсімъ біле́нький...

»Коли́?« спита́въ.

— Вчо́ра ране́сенько, — прокинулися, вже її нема́! Усе́ свое поки́нула пішла́! — вбива́етця ма́ти.

Бáтько коні запрíгъ свíжі й поíхавъ зáразъ. Два днí ёгó не булó, — на трéтій повернýвся нáче зъ-пíдъ землí.

— Немá?— питáе мáти, хоть ще здáлека ёгó самого побáчила и заплáкала.

»Немá«, одказáвъ.

Щé шукáли, щé питáли — не чýтно нідé, нідé немá íї, якъ въ вóду впáла.

— Дé жъ вонá пíшла? Дé жъ вонá подíлася? — рáзъ-у-рáзъ говóрить мáти: — мóже тéперъ у велúкій пригóді, мóже...

Бáтько нічóго свогó не кáже...

Нéма у свíті гíршé, якъ та невідóмость, непéвность: що нí заспокóїться, ни зажýритись дóбре на дáсть; тáкеньки мú жилú. Що годúни Кáтрю ховáли, що годúни знóвъ опоживлялú; усякí íї пригóди й бíдп оплáкували, то знóвъ надію складáли, що Богъ íї у всёмý допомóже и на дóбре вúведе.

Говóримо, булó, изъ мáмою та згáдуемо, — бáтько слýхае, — бровóю не сдвигнé... Прихóдили разъ-пó-разъ лю́де одвідáти насъ, а нáйбíльшъ тíхъ молодúць-жалíбнúцъ убігáло, що вонú, булó, въ насъ и нащебéчутця и наплачýтця.

Дýже судúла насъ Пилúпиха, навчаючи, що самú провинúли, а ще дýжче журúлась самá нáшою напáстю. Дýже тя́жко смутовáла Марýся.

Пережúли ми вісéнь и зíму; діждáли зновъ весни́. Чýтокъ булó чимáло для нáшого жахання й сподівáння. Прочýемо, що дéсь тамъ, въ повíті, бáчили дівчину, нікóму незнаéму — бáтько ідé питáти — объíжжáе округú шукáючи. Прочýемо, що дéсь мéрлу знáйдено — ідe бáтько на нéі подивúтися; чи утóплену понятo — ідe бáтько íї побáчити. Пéвности дожидáемо — плáчемо; дознáемось, що не вонá — дя́куемо, рáди — и зновъ плáчемо та сумýемо, що íї слíдъ запáвъ.

Колú клúчуть одногó рáна бáтька й мáтіръ до свящéника. Мáти й налякáлася, и зраділа, и заплáкала.

»А по щó то?« питá тогó дякá, що за нúми прийшóвъ, — »колú знáете, скáжіть намъ, голýбчику!«

— Мíні бáтюшка нічóго не признавáвся, то й я не знáю нічóго, — одкáже дякъ.

Такúй бувъ справдí. що самъ сóбою не знавъ нічогíсінько, — и голівка въ ёго булá такá малéсечка, якъ зéрнятко.

Прихо́дять ба́тько и ма́ти до свящѐника, а вінъ імъ ка́же: »дити́на ва́ша жи́ва.«

— Го́споди Бо́же мій до́брий!

Роска́зуе то́ді свящѐникъ, що́ вона́ вже въ манастирі дале́кому, ажъ пі́дъ Ки́евомъ дѐсь, и отсе́ листъ ёму́ пи́шуть зъ того́ манастиря́, що така́ дівчина зъ ва́шого села́ прийшла́ у нашъ манасти́ръ и зоста́лася, ма́ючи вели́ке жада́нне чорни́цею бу́ти;—а роспита́ли въ не́і, що роди́телівъ ма́е замо́жнихъ, то нехай роди́телі оджа́лують ій де́-що на прожитте, бо всели́лася вона́ у іхъ въ такімъ убо́жестві, що й не сказа́ти; чорни́ці які́ милости́ві здарува́ли ій що-мога; а ще нехай роди́телі не забороня́ть ій спасѐнія, бо се тяжки́й гріхъ імъ бу́де, и нехай присила́ють дочці своє́ благословѐніе. »Мо́лимося Бо́гові«, пи́шуть, »а васъ про́симо, щобъ напути́ть и навести́ роди́телівъ на до́брі и хоро́ші ми́сли та вчи́нки.«

»Пишіть до́чці благословѐніе«, ка́же свящѐникъ,—»не спо́рьтеся, не відмага́йтесь — все рівно ії не ве́рнете, а жалю́ наро́бите, и гріхъ вамъ бу́де.«

— Не ве́рнетця вже?—пита́ ма́ти та пла́че. — Нікóли вже не мо́жна?

»А вже́ жъ«, одказу́е священи́къ: »пишіть благосло́веніе.

— Хай же ії Богъ благослови́ть, мою́ дити́ну!—промо́вила ма́ти, — хай Богъ ії благослови́ть!

А ба́тько сто́іть—не гово́рить.

»То й до́бре«, хва́лить свящѐникъ, поглядаючи на ба́тька, »я такъ и напишу́, що ба́тько й ма́ти благословля́ють...«

— Ні,—озва́всь то́ді ба́тько, — за ме́не, за ба́тька, не пишіть, ба́тюшка; я не благословлю́.

»Якъ же? Та се гріхъ тобі вели́кий!« страха́е свящѐникъ.

Ба́тько зновъ нічо́го не гово́рить.

»Го́ді, го́ді вже!« вмовля́е свящѐникъ.

Ба́тько усе́ нічо́го не гово́рить.

»Напишу́, що ба́тько й ма́ти благословля́ють.«

— Ні, ба́тюшка, ба́тько не благослови́ть нікóли — се́ напишіть, коли́ хо́чете: — пра́вда бу́де. Щасли́во!

Уклони́вся та й додо́му побра́вся.

Ма́ти не про́сить, не озива́етця — тільки́ пла́че та ту́жить.

»Що́ жъ се таке́?« гово́рить свящѐникъ до ма́тері: »чи жъ такъ рідну дити́ну поки́нете на вбо́жество, якъ сироту́?«

Ма́ти за́разъ ки́нулася до-до́му, до ба́тька за гроши́ма, а ба́тько хочъ самъ не казавъ дава́ти, та й не заборонявъ, — зібра́ла ма́ти гро́ши, зара́зъ однесла свяще́никові, що́бъ переслáвъ Ка́трі.

»Се до́бре«, ка́же свяще́никъ, »коли́сь, мо́же, вінъ и поблагослови́ть, а тепе́ръ напишу́, що ма́ти благослови́ла...«

А тутъ лю́де прочу́ли, иду́ть — радіють — до насъ: »дочка́ ва́ша жи́ва! Дити́ну вашу́ Богъ бережé! Чи вжé чорни́цею? Чи ду́же далéко? — Мо́жно одві́дати, хочъ и далéко. У до́брому мі́сці знайшла́ся. Мо́же вашу́ дити́ну такъ Богъ допрова́дивъ.«

Ма́ти до усіхъ озива́етця то жа́лемъ сво́імъ, слізьми, то сло́вомъ, — ба́тько ні до ко́го не озве́тця. Хто-сь зъ люде́й ёму́ ка́же: »ва́ша дочка́.« — »Въ мéне нема́ дочки́«, одмо́вивъ. »Ваша дочка́ чорни́ця.« — »Въ мéне нема́ дочки́«, зновъ одмо́вивъ.

Ти́жнівъ у три́, одібра́въ свяще́никъ зновъ листъ, що дя́куе Ка́тря ба́тька й ма́тіръ за ла́ску и за гро́ші, и про́сить, щобъ ії не забува́ли.

»Якъ же ій тамъ? до́бре? Чи здужа? Чи здоро́ва?«, тсе ма́ти пита́лася.

А свяще́никъ ка́же: — А вжé жъ! — А дякъ: — хто́ се зна́ти мо́же? Вона́ та́мъ, а ми тутъ.

Не сподіва́ючись Ка́трі, ста́ли ми жи́ти у ти́хому, а не вгаву́чому, сму́тку. Стари́й ба́тько сивіе; на висо́кому чолі морщи́на у всю довжъ лягла́, — глибо́ка та пону́ра.

XV.

По усіхъ тіхъ випа́дкахъ та бідáхъ, ма́ти яко́сь стрінуласи изъ Ча́йчихою: запла́кали оби́дві, та зъ того́ ча́су почáли́ зновъ одна́ до 'дніі ходи́ти та вку́пі горува́ти. Частішъ ходи́ла до на́съ Ча́йчиха, бо ма́ти все недýгувала. Зійдутця, згада́ють да́вне — та й смуту́ють. Прийде́ и Пили́пиха... Була́ и въ не́і своя́ журба́, та нікóли вона́ не жалілася, и зъ-ро́ду не пла́кала. Отсе́, якъ ба́чу ії, прийде-бу́ло, сяде ви́ще усіхъ, поглядáе, на́че су́дить су́домъ, и роскáзуе:

»Моя́ Мару́ся вьяне. Нічо́го ій не ми́ло. Вбіра́ется не гля́дючи, що бере́ на се́бе. Міжъ дівча́та не йде́, за гуля́нне байду́же ій... Тепе́ръ ва́тае Похи́ленко — не хо́чу!... А якъ ти, кажу́,

не хóчешъ добрóхіть, то я тебé сúлою віддáмъ. »Оддáйте, та ви мині, мáмо, світъ завьяжéте, — и мíні, и ёмý. Не бýде у нáсъ въ хáті ні любóві, ні лáски... Я ёгó не знáю, и не кохáю, и не бýду... Згляньтесь хочъ на ёгó, зá що дóброму пáробкові світъ завьязáти!«

— Щó жъ, кáжу, и ти́ хóчешъ у чорни́ці? и ти́ менé дýмаешъ при моíй стáрости поки́нути?

»Ні, мáмо. Пóки васъ Госпóдь на свíті дéржить, я васъ нікóли не поки́ну.«

— Мóже кóго лю́бить та боїтця призна́тись, — говóрить мáти: — мóже якóго сиротý вбóгого покохáла.

»Пита́ла я: хтó тебé зъ умý-зъ-рóзуму звóдить?« — Ніхтó менé зъ ýму-зъ-рóзуму не звóдить.«

Змóвкне Пили́пиха; зажýритця, не хи́лячи голови́; а мáти зъ Чáйчихою про дóлю, та про безталáнне світовé почнýть, а зведýть усé на дітóкъ своíхъ...

»А щó, Марýсе, голýбко«, було́ кажý íй, »щó тсе у свíті рóбитця?«

Вонá осміхнéтця мині.

»Якъ ти живéшъ, Марýсе?« питáю: »чи усé любúшъ такъ сáмо?«

— Такъ сáмо, — одкáже.

»Мóже вінъ хýтко ожéнится — ёгó мáти усé плáче: ожени́сь, та ожени́сь... хвали́лася, що обіщáвсь: оженю́ся...«

— Нехáй ёмý дóбре бýде! Нехáй щасли́во!

Такéньки, було́, и розмовля́е зо мнóю, чáсомъ співáе, ласкáва та ввíчлива.

И Чáйченко зновъ міжъ нáшу чéлядь уявúвся... Такúй сáмий, хорóший, мóже щé крáщий... бо якъ хорóший та любий поболíе, абó потерпúть, міцній до ёго дурнé сéрце прилягáе... Зновъ вінъ до всіхъ привітний, зновъ зо всімá говóрить, и зновъ нікóго не кохáе... Удовá ёгó любóвна тоді вже звінчáлася зъ якúмсь шинкарéмъ.

Марýся бáчить ёгó... Розмóви зъ нимъ не шукáла, не навертáлася ёмý нá очі — хтó бъ пізнáвъ що кохáе ёгó! Тільки румяніти стáла, якъ ставъ вінъ бувáти...

»Отсé ти румяніешъ«, кажý.

— А мáти усé говорять, що занепадáю. Підý — нехáй побáчять менé румяну.

»А чого́ усе́ ти смутна́я?«

— Не ве́село, Хи́мо.

»Ти усе́ і́мъ печали́сся, — а чого́? Ёму́ у сві́ті не гі́ршъ, якъ и́ншимъ живе́тця!«

— Ёму не до́бре! — ви́мовить, и на лиці побіліе.

Яко́сь розмовля́ли та ра́дилися у насъ въ ха́ті Пили́пиха, Ча́йчиха й ма́ти, — коли́ Ча́йчиха и ка́же удові:

»Ду́же мині ва́ша дочка́ Мару́ся ми́ла: — коли́ бъ мині таку́ невісточку Госпо́дь послáвъ!«

А Пили́пиха ка́же: — вья́не моя́ Мару́ся!

»Та ій, здае́тця, тро́хи полу́ччало:—бу́де здоро́ва!«

— Не кажіть — полу́ччало: вона́ вья́не!

»Мій Яківъ — до́брий па́робокъ«, зновъ Ча́йчиха гово́рить,— я таки́ ёму́ одъ Го́спода сподіва́юся до́лі. Те́перъ вмовля́ю ёго́: си́ну мій, одружи́ся! — »До́бре, моя́ ма́ти«, одка́же, »одружу́ся, чи не ви́яснитця мині зъ хоро́шою люди́ною!« На́ що жъ мині кра́щої пита́ти ёму́, якъ ва́ша дочка́? кажіть мині, голу́бочко, кажіть мині до ва́съ старости́ сла́ти!«

— Моя́ Мару́ся не схо́че,—я си́ловати не хо́чу.

»Та хочъ поспита́йте ії, лю́бко, хочъ поспита́йте!«

А ми усе́ те зъ кімна́ти чу́емо зъ Мару́сею и чу́емо, якъ Пили́пиха ви́мовила: »до́бре, я поспита́ю!« я́къ ви́йшла до садку́, и кли́че Мару́сю.

Мару́ся тоді уста́ла одъ шитва́ свого́, йде... Я ії за ру́ку: — Мару́се! о́тъ, ди́во!

»Яке́ ди́во, Хи́мо?«

Увійшла́ у ха́ту.

— Мару́се! — пита́ ії ма́ти, — чи ти підешъ за Ча́йченка за Якова?

»Піду́«, одмо́вила.

Пили́пиха ажъ ру́ки зняла́ у-го́ру, — здивова́лася.

Ча́йчиха радіе та́къ, Бо́же мій до́брий! усіхъ обніма́е, цілу́е, пла́че та дя́кує. И ма́ти вита́е, добри́ть, а смутні́шъ ій, ма́біть, ста́ло,—ма́біть, згада́лося...

— Се ти мині кори́сся, до́чко, чи по своій любо́ві за ёго йде́шъ? пита́ Пили́пиха.

»По своій любо́ві, ма́мо.«

— Давно́ се ти ёго́ лю́бишъ?

»Якъ ёго́ зна́ю, ма́мо.«

Більшъ Пили́пиха дочки́ не пита́ла, тільки промо́вила: — я не бороню́ тобі, до́чко!

Почали́ умовля́тися та почали́ ра́дитись... почало́ся за ві́но, за весілля...

Заручи́ли іхъ. Гуля́ло бага́то люде́й на зару́чинахъ. Вінъ бувъ до не́і привітни́й якъ до и́ншихъ, тро́хи смутни́й, недба́лий... Вона́ була́ спокійна та ясна́...

Ставъ вінъ до не́і ходи́ти що ве́чора... Иде́ до не́і — не спіши́тця; проща́етця зъ не́ю — не заба́ритця...

— Мару́се! — говорю́: — отсе́ ти за ёго за́міжъ иде́шъ, — чи жъ тобі не прихо́дить на ду́мку, що бере́ вінъ тебе́ не по вели́кій любо́ві-кохáнню?

»Зна́ю«, ка́же, »що вінъ мене́ не кохáе; се я давно́ и до́бре зна́ю, — та вінъ мене́ и не цура́етця. Вінъ до ме́не прихо́дить, гово́рить... Я ёго́ розважа́тиму, я ёму́ догожда́тиму, — веселішъ ёму́ у ха́ті бу́де зо мно́ю, якъ тепе́ръ самотно́му.«

— Тру́дно та́къ жи́ти, Мару́се! Щобъ ти коли́сь не ка́ялась!

»По чо́му мині тру́дно бу́де? Чого́ ка́ятись? Я нико́ли не ду́маю, тру́дно, чи ва́жко мині бу́де: — якъ бу́де, такъ и бу́де: я перетрива́ю; я роблю́ якъ мині моє́ се́рце чу́е, що́ лу́чче...«

XVI.

Повінча́ли іхъ въ осени́.

Мині було́ тоді важе́нько. Усе́ було́ кажу́ собі: дурна́, дурна́ голова́, нерозу́мна! Усе́ було́ мі́ркую и обмі́ркую до́бре, — а не помага́етця... Почала́ я тоді частішъ до Мару́сі ходи́ти — ле́гше, на́че, мині ста́ло... Одно́, що Мару́ся була́ мині за́всіди до́бра, а дру́ге, що ціка́вость моя́: я́къ то вони́ живу́ть изъ собо́ю? Почала́ я до нихъ учащáти...

И, було́, я́къ не прийдешъ до іхъ — сумі́рно и со́гласно, та тільки чого́сь ду́же вже поря́дно, — отъ, ка́жіть, го́сті усе́ сидя́ть, а господарівъ и нема́. Нема́, якъ то бува́ ча́сомъ, чоловікъ и жінка гостéй вітáють: »А ну, чоловіче, внеси́ зъ комо́ри, що́ тамъ!« — »А ну́ лишень, жінко́, частýй лю́бихъ гостéй!« що, ба́чишъ, живу́ть вони́, якъ свої, и все у іхъ вку́пі: бо́лещі и ра́дощі, ду́мки

и га́дки, ва́рти и жа́рти; чи заговори́ть оди́нъ, дру́гий перехо́пить — дока́же... А молоді Ча́йченки хочъ и рядко́мъ сидітимуть, та була́ мі́жъ ни́ми якъ стіна залізна. Чи той підні́метця, дру́гий уступа́е геть, місце да́е, — доторкну́тись стереже́тця; вона́ до ёго заговори́ть, якъ дочка́ до ба́тька, — він до не́і, якъ зять до те́щи.

Пили́пиха сумова́ла, відда́вши Мару́сю за́міжъ; зъ су́му того́ занепада́ти ста́ла.

»Якъ Богъ ми́луе?« пита́, було́, въ не́і ма́ти.

— Сама́ живу́, — одмо́вить; — того́ не ска́же, що су́мно самій жи́ти, ні въ-сві́ті.

Хо́дить до дочки́ и за́видно ій ба́чити, що тамъ безъ не́і своя́ семья́.

»А що́, я́къ дітки ва́ші?« спита́емо.

— Була́ у іхъ въ гости́ні, то усе́ гара́здъ.

»Свекру́ха ва́шу Мару́сю ду́же лю́бить, — якъ свою́ рі́дну дити́ну.«

— Мару́ся годи́ть свекру́сі, якъ мині годи́ла...

Зъ Ча́йченкомъ Пили́пиха пово́дилася звича́йненько, уня́тливо, тільки якъ зъ чужи́мъ-чужі́сінькимъ чоловікомъ, що нічого ёму́ каза́ти, ні-объ-чімъ ёго́ поспита́ти.

»Мій зять«, гово́рить-було́, якъ отъ ка́жуть: »дале́кий повітъ.«

— Отсе́ въ васъ тепе́ренькі дво́е дітокъ: и дочка́ й синъ, — ду́мае хто улести́ть, ка́жучи.

»Въ ме́не одна́ рі́дна дити́на!«

Якъ вже стара́ Ча́йчиха ії шанува́ла, я́къ вже годи́ла ій — въ не́і на́че и о́чі й у́ха позавішувані. Ніко́му вона́ такъ ни́зько, та го́рдо такъ не кла́нялася, якъ тій бі́дній Ча́йчисі, що та, було́, но́чі не досипля́е, — ду́ма, за що́ ла́ски одпа́ла, та якъ зно́въ під ту ла́ску підійти́? Сама́ такъ намъ признава́лася. Да́лі стра́тила надію власка́вить Пили́пиху: якъ Пили́пиха до іхъ у ха́ту — вона́ тихе́нько зъ ха́ти, — десь хочъ під ти́номъ перебу́де. »Діжду́ся, що вона́ попрощаетця, тоді и увійду́ — не мо́жу ій докуча́ти собо́ю, не хо́чу собо́ю ії гневи́ти — Бо́гъ изъ не́ю! якъ би́ не вона́ мене́ смути́ла, то въ мині таке́ до́бре житте було́ зъ ни́ми. У ха́ті въ насъ лю́бо, ми́ло! Я вже не зна́ю, кого́ я бі́льшъ коха́ю, чи свого́ Якова, чи Мару́сю? И та́кеньки я ду́ма́ю: чи жъ се ії дити́на, що така́ вона́ любя́ча, та прихи́льна, ся Мару́ся!«

Стара́ не до́вго ще пожила́: на дру́гий рікъ по весіллю вме́рла. Не ду́же й боліла.

Якъ її похова́ли, Пили́пиха почала́ де́нь-у-де́нь до дочки́ ходи́ти; до-до́му тільки на нічъ, а коли́, то й ночу́е у дочки́. Дивитися веселішъ ста́ла.

За́здросна, та ра́дісна що зновъ сама́ зъ дочко́ю, вона́ бага́то де́-чого не добача́ла довго́. Вона́ не вважа́ла, що Ча́йченко, сливе́, до́ма й не живе́, тільки навідуетця; що яки́й він смутни́й, та нетерпля́чий, та неспокійний ту рідку хвили́ну, якъ поседить до́ма... куди́ він усе́ поспіша́етця? чого́ він якъ на жари́ні? Чи все те ба́чила Мару́ся... чого́ вже не догле́дисся, якъ коха́ешъ! Мару́ся нико́му не каза́ла — я хотіла якъ-не́будь розмо́ву на се наверну́ти; вона́ мовча́ла слу́хаючи мої ті підхо́ди ціка́ві, а ти́ха, до́бра та ясна́ у своїй ха́ті.

Що да́лі забувала́ся небіжка Ча́йчиха, то зновъ Пили́пиха робилася похмурніша — важки́мъ ду́хомъ ста́ла ди́хати вона́ на зя́тя. Спе́рше раділа, що він зъ-до́му ча́сто отгожа́етця, а тамъ зава́жила, якъ ёго́ дожида́е Мару́ся, якъ у́стрічъ ёму́ вихо́дить... По ни́точці до клубо́чка, якъ то́ ка́жуть, и Пили́пиха вже вмича́ти почала́, що до́ма він не гово́рить и смуту́е, а йде — вибира́етця зъ госпо́ди — то й о́чі блищя́ть...

XVII.

Якъ ити́ одъ на́шої слободи́ до Лю́бчиківъ, то при доро́зі шино́къ стоя́въ и шинкува́въ тамъ жидъ Ге́ршко. Давно́ вже все він держа́въ той шинкъ, самъ стари́й ду́же. Звісно, якъ ті жиди́ живу́ть довгові́чні: посиві́е, побіліе, пожо́вкне, та й тоді ще живе́, — ажъ ли́хо! Такъ и той Ге́ршко живъ-живъ... а тутъ ра́зомъ він и вмеръ. Отъ и оде́ржавъ шино́къ дру́гий шинка́рь зъ на́шихъ люде́й, — багати́ръ, сла́вили лю́де, самъ жартовли́вий и злий, а жінка въ ёго прехоро́ша, препи́шна, превесе́ла така́, що й часъ не змигне́тця зъ не́ю.

Се було́ са́ме тоді, якъ вме́рла стара́ Чайчи́ха.

Ба́чимо, що вже Пили́пиха ти́жнівъ изо́ два не вихо́дить зъ своє́ї ха́ти и кро́ку нікуди́, — не буває и Мару́ся въ не́ї...

»А що́ се ви усе́ до́ма?« пита́емо: »якъ же Госпо́дь ми́луе?«

— Спаси́бі, до́бре.

»Ви вже давне́нько у дітокъ не були́ у своіхъ,—чи вони́ здоро́венькі? Чому́ Мару́ся не буває?«

— Въ не́і дити́на нездужае.

»Та якъ же вона́, молоде́нька, безъ васъ тамъ запомага́етця?«

— Неха́й сама́ собі живе́, — промо́вила Пили́пиха.

»Що́ се ви, Богъ изъ ва́ми, голу́бочко! Чи у насъ зъ ва́ми дітоко́къ по́ле засіяно? Вже мині Госпо́дь посла́въ ли́хо та го́ре— ёго́ Божа́ воля́, а васъ Госпо́дь ми́луе, то й шану́йтеся!

— Я въ своёі дити́ни ні-за́-що... вона́ мене́ не шану́е, не поважа́е! вона́ мене́ замініяла на свекру́ху, вона́ мене́ замініяла на свого́ чоловіка... Чи зъ-ро́ду вони́ кохали ії, якъ я, ма́ти рідна, пити́ма ма́ти! Вінъ ії не кохавъ — хотіла за ёго, а тепе́ръ вінъ до и́ншоі хо́дить!

»Та, мо́же, се непра́вда...«

— Непра́вда? Я вже да́вно ба́чу, я́къ вінъ зъ до́му рве́тця, я́къ вона́ ёго́ дожидае́, стріча́е, а вінъ ми́мо йде—чи гля́не; я ста́ла назира́ти. Отъ и дозна́лась, що хо́дить вінъ у шино́къ. Я пе́рше ду́мала: пье́ ни́шкомъ. Кажу́ Мару́сі: »чи ти зна́ешъ, що твій чоловікъ усе́ до ши́нку хо́дить?« Вона́ зблідла, якъ кре́йда, мовчи́ть. »Не пуска́й ёго́ зъ до́му«, говорю́ ій, »скажи́ ёму́.« —Якъ я ёго́ ма́ю не пуска́ти, —одмовля́е то́ді: —мо́же ёму́ діло яке́... »Скажи́ ёму́«, наполяга́ю. Вона́ таки́ а ні слове́чка ёму́ не промо́вила, якъ вінъ пішо́въ. Я ії докоря́ла—вона́ стоя́ла передо мно́ю, та мовча́ла. »А, ти віри, кажу́, ма́териному ро́зуму не и́мешъ?« Пішла́ я за нимъ у-тропі, и на́зирцемъ ажъ до ши́нку дохо́жу поба́чити на свої о́чі й при лю́дяхъ—мо́же, дочка́ віри поймє́ тоді. Дохо́жу до ши́нку, де тамъ ку́пка я́блунь стоіть: чу́ю, розмовля́е зъ кимъ-сь мій зять — ёго го́лосъ. А місяць світить. Бли́зче я дивлю́ся — сиди́ть під я́блунею молоди́ця; рука́ва въ не́і за бі́лі ло́кті закосо́вані, у персня́хъ вона́ сріблихъ, руками у станъ хибки́й узяла́ся, очі по́ночі блищя́ть блиску́чі; слу́хае, що мій зять гово́рить— и смію́тця. А зять мій такі ре́чи до не́і промовля́е: »якъ тебе́ не поба́чу«, ка́же, »хочъ годи́ну, то я зъ нудьги́ пропада́ю, та зъ ту́ги: я безъ те́бе жи́ти не мо́жу! безъ те́бе жи́ти не хо́чу! Дарма́ вже, що ти мене́ занапасти́ла на-віки—неха́й я тільки отта́кеньки до те́бе прийду́, та гля́ну, та сло́во твоє́, неха́й и неласка́ве, почу́ю... А вчо́ра, ка́же, вчо́ра и позавчо́ра я усю́ нічъ під ціею

я́блунею стоя́въ: чи вже ти того́ не зна́ла?« А вона́ ёму́: »твоя́ жінка молода́ що ка́же, я́къ не дню́ешъ, не ночу́ешъ до́ма?« й смі́етця. »Нічо́го«, одмо́вивъ ій (пра́вду одмо́вивъ!) »Якъ нічо́го? Чи вона́ жъ тебе́ не лю́бить?« »Не зна́ю « »А чому́ жъ ти въ не́ї не поспита́ешъ за се? га?« Го́лосно засмія́лася. »Ой, чоловікъ мій почу́е!« схопи́лася зъ місця, поцілува́ла якъ вразила́, и зни́кла.

Вінъ кли́кавъ—руко́ю махну́ла, пішо́въ за не́ю у шинокъ, а я до дочки́: »а що́, чия́ пра́вда? Яке́ ділo въ ёго?« Ди́витця на ме́не. »Не до́брий вінъ тобі суди́вся, тебе́ імъ Богъ скара́въ.«—Ма́мо, не гнівіть Бо́га, се ви вже Бо́га гнівите́!—мині дорика́е дочка́ моя́!

»Тоді я усе́ ій росказа́ла, що́ чу́ла, що́ ба́чила.—«Ой, ма́мо, на що́, було́, вамъ догле́жуватися, на що́ допи́туватись? — »А тобі лу́чче, якъ ду́рять люби́ти?«—Вінъ мене́ не обма́нюе.—»То ще́ віри не йме́шъ мині?«—Я ёго́ нико́ли не пита́ла объ сёму́, чи мене́ лю́бить:« — Не пита́ла, чи тебе́ вінъ лю́бить? Такъ ти ёго́ не коха́ешъ, чи що́? — »Коха́ю...« Спо́рится та змага́етця изо мно́ю... Та́кеньки, ажъ по́ки вінъ повернувся пізно... Повернувся вінъ, а моя́ дочка́ иде́ навпро́ти ёго, две́рі розчиня́е, якъ ба́тькові шано́вному, якъ чоловікові лю́бому... »Якъ вже ти ува́ги на се́бе не ма́ешъ,— кажу́,— то я свого́ зя́тя спита́ю: де́ бувъ вінъ до пів-ночи? За яко́ю причи́ною? у ко́го?«

»Вінъ змішався и въ ми́сляхъ и въ слова́хъ, ди́витця у-бікъ, а дочка́ моя́:—го́ді, ма́мо! Се ми вже між собо́ю роспита́емось, а вамъ вже часъ спочи́ти, коли́ ла́ска.—«Я вже більшъ нічо́го не каза́ла, більшъ не слу́хала, сере́дъ ночи до-до́му пішла́. Не була́ зъ того́ ча́су у іхъ, и не бу́ду.«

— А уну́чечка ва́ша ду́же слаба́?

»Не вели́ка тамъ сла́бість, та вели́ке побива́нне.«

— Жу́рятця вони́ ду́же?

»Хто́ вони́? Та зять мій чи й зна́е, що дитя́ нездужае —вінъ не пита́е и не ди́витця.«

— Не відріка́йтеся ді́токъ, лю́бко, — про́сить вже ма́ти Пили́пиху, — не відріка́йтеся втіхи своє́ї!

»Я сама́ собі ра́ду ра́жу«, одка́же на те́ Пили́пиха.

— Подару́йте вже дочці своїй: вона́ жъ ёго́ ду́же такъ лю́бить, Якова! — гово́рить ма́ти.

»И я її ду́же люблю́!« одказа́ла Пили́пиха.

»Хочъ я вже одві́даю Мару́сю«, — кажу́ ма́тері, та́ й пішла́ до не́і.

Мару́ся сама́ була́ въ ха́ті, сиді́ла на ла́ві, хита́ючи въ обійма́хъ неду́жу свою́ дити́нку.

»Бо́же поможи́, Мару́се!« віта́ю її.

— Спаси́бі. Сіда́й, Хи́мо.

»А що́ дити́нці?«

Вона́ гля́нула на дити́нку й одмо́вила: »терпи́ть мале́сеньке.«

»Бу́ла́ въ насъ твоя́ ма́ти, Мару́се«, кажу́.

— Яка́ вона́ була́? що говори́ла?

»Не хо́че до те́бе ходи́ти; каза́ла: не бу́ду.«

— Смутно ми́ні те́! — промо́вила Мару́ся.

Я вже бі́льшъ нічо́го не говори́ла за се, й пита́ти ні объ чімъ не пита́ла.

Почали́ ми ти́ху розмо́ву — зга́дуванне. Згада́ли на́ші за́бавки да́вні дитя́чі, — пригада́ли й дівочі безсу́мніі ча́си... Не зво́дячи оче́й зъ дити́нки своє́і, Мару́ся розмовля́ла изо мно́ю, хита́ючи неду́женьке.

Ча́йченко усе́ не прихо́дивъ, а вже вечорі́ло. Вже пізно — вінъ не прихо́дивъ. Вона́ ёго́ дожида́ла лю́бо: що́ тамъ шурхне́, шеле́сне — прислуха́етця пи́льно; сти́хне усе́ зновъ и нема́ ніко́го, — вона́ не зітхне́ на́вить, зновъ дожида́е... Я й пішла́ такъ — не ба́чила ёго́, — не поверну́вся при мині. Скажи́ матусі моїй, що прийду́ до не́і, якъ моя́ дити́нка тро́хи оду́жае, — проси́ла мене́ Мару́ся, проща́ючись.

А тутъ у кільки днівъ занеду́жала Пили́пиха. Покли́кали ми до не́і усіхъ знатни́ць и лікаро́къ, — здаётця нікому не впізна́лася її неду́га — яка́ була́. Въ не́і нічо́го не боліло, каза́ла вона́, тільки ходи́ла усе́ кволій та кволій, по́ки не збула́ся си́ли своє́і — тоді лягла́ вже, зне́могла́ся и лежа́ла пону́ра.

Мару́ся приіхала зъ дити́нкою — дити́нка ще не зовсімъ оду́жала, — усе́ ще квіліло кришенятко. Я памьята́ю до́бре те вре́мья, якъ, було́, у-но́чі не спимо́ усі, а у́лиця, село́ у сні, и всю́ди ти́хо. Заквіли́ть дитя́тко, схи́литця до ёго́ Мару́ся гойда́ти, а Пили́пиха блиску́чими очи́ма въ обо́хъ вдивля́етця. Вона́ не всипля́ла ночей́ и хвили́ночки. Якъ Мару́ся вже не па́дала коло не́і, якъ Мару́ся не годи́ла ій, — не пригорну́лася вже ма́ти до не́і

ніко́ли; нікóли не всміхну́лася ласка́во до са́моі сме́рти своéі. Що́, було́, Ма́руся про́сить: »ма́мо, чого́ жу́ритесь? чого́, ма́мо, не дба́ете о здоро́вья своé?« Вона́ не прийма́ нічо́го того́. И оста́нне сло́во ії було́: »лу́чче, мовля́ла, обра́женому вме́рти, ніжъ та́къ на свíті жи́ти.« И вме́рла.

XVIII.

Округи́ насъ дíялось, чу́лось, вело́ся. Що́ радощівъ, а що́ журби́ зважа́ли ми зъ бо́ку; скільки пожени́лось на селі, за́міжъ повихо́дило, народи́лося, вме́рло; я́къ ра́дощі проминáли и журба́ втиха́ла, якъ одно́ по другóму наставáло усé новé у люде́й, — ми жъ усé жили́ зъ своéю старóю ту́гою.

Ба́тько усé ходи́въ по доро́гахъ и верта́вся сивíший та похмурніший; ма́ти усé смутніла и слабíшала. Одъ Ка́трі вісти були́ рíдко, та й то не широ́кі. Отсé, було́, напро́сить ма́ти свяще́ника, щобъ туди́ написа́въ та спита́въ про здоро́вья й житте, то й одпи́ше Ка́тря на три листи́ одни́мъ листо́чкомъ своíмъ: »здоро́ва«, напи́ше, »живу́, Бо́гу молю́ся за свої гріхи́ и за ва́ші.«

Скільки-то слíзъ вилива́лося мату́синихъ слу́хаючи, а опíсля зга́дуючи, скільки блага́лося благослове́ння! У Мару́синій ха́ті ще гірше повело́ся: що да́лі, Ча́йченко зо́всімъ до́му одби́вся свого́. Шинка́рка ни́мъ та́къ уже́ заору́дувала, що вінъ у не́і пíдъ ти́номъ шинкови́мъ дню́е и ночу́е, а що́бъ шинка́ръ не мавъ на его́ прíзри, (бо ревни́вий шинка́ръ бувъ), то потро́ху почáвъ Ча́йченко й пи́ти. Ба́чили вже его́ й пья́ного лю́де, а не ду́рно тежъ ка́жуть: що въ тверезóго на умі, те́ въ пья́ного на язиці, — вінъ не встерíгся, ми́ркнувъ тамъ яке́сь сло́во, чи дру́ге, до шинка́рки, хто-сь ціка́вий підхопи́въ та розсла́вивъ по селу́, — отъ и поговíръ ставъ недо́брий. Тоді усі до Мару́сі молоди́ці зъ пита́ннямъ, та зъ жа́лощами, усі старі баби́ зъ ра́дами та зъ нау́кою; тільки Мару́ся на усі пита́ння и жа́ління и на ра́ди усі: »Вінъ мині до́брий и лю́бий; я его́ надъ усé въ свíті шану́ю.« И жалібни́ці и пора́дниці образи́лися, — поки́нули Мару́сю: нехай же терпи́ть, коли́ така́! Ніхто́ й одвíдати не одвíда́е. Тíльки й ходи́ли до не́і, що ма́ти да я; ми — часте́нько.

Одного́ ра́зу пíдхожу городу сте́жкою до ха́ти, — се було́ у

свя́то, — ажъ дзвінки́й ре́гітъ таки́й чу́ти, що такъ и розко́чуетця. Го́сті въ не́і якісь?

Дохо́жу, уступа́ю. За столо́мъ сидя́ть Мару́ся и Ча́йченко и го́сті — молоди́ця и чоловікъ. Що то вже за молоди́ця була́ красови́ця! Я ії за́разъ пізна́ла, хочъ нико́ли не ба́чила. Була́ чорня́ва, въ румья́нцяхъ, білоли́ця, уста́ черво́ні смію́тця, о́чі ра́дісні, убра́на світло: — змалюва́ти бъ таку́ та диви́тись, не впуска́ючи зъ оче́й, та само́му всміха́тись на ту красу́ смільли́ву та весе́лу. Тільки отті бро́ви ії висо́кі, изро́щені вьюнко́ю чо́рною гадю́чкою на чолі бі́лому, чорніли, — щось не до́бре віщува́ли. По́ручъ зъ молоди́цею, одъ вікна́ у за́тінку, сидівъ чоловікъ плечи́стий, призе́мковатий, зъ чо́рнимъ щетина́стимъ у́сомъ; чо́рне воло́сся поси́вілo въ ёго ко́смами; одъ лівого виска́ вінъ чорня́вий, якъ гракъ, а зъ-ви́ду диви́вся вінъ зъ-підло́ба, або́ зъ бо́ку, на́че кого́ підгле́жувавъ зли́ми очи́ма своіми.

Мару́ся, почастува́вши усіхъ, одійшла́; я въ не́і и пита́ю: »хто́ се въ васъ, Мару́се?«

— Шинка́ръ изъ жінкою.

»Чи давно́ се хо́дять вони́ до васъ?«

— Се у-пе́рше прийшли́ сёго́дні.

»Якъ се зду́мали вони́?«

— Та шинка́ръ схотівъ неодмінне до насъ.

»Чого́-то?«

— Ка́же, мене́ заба́чити.

»А ти жъ до іхъ підешъ?«

— Та ще́ не зна́ю, Яківъ ще не каза́въ нічо́го; я́къ Яківъ мині ска́же.

Спокійна собі, лю́ба — отъ на́че вона́ безъ жо́дної ду́мки важко́і по квітча́стому по́лю прохожа́е ве́чоромъ ти́химъ та те́плимъ.

Ча́йченко сидівъ изъ гістьми ду́же смутни́й, зітха́въ ча́сто; шинка́ръ погляда́въ на ёго — не ласка́вий бувъ по́глядъ той: нина́че яка́ и́скра спа́хувала зъ чо́рного ёго́ о́ка... Шинка́рка усе́ всміха́лася.

»На що́ пье́шъ бага́то, не пи́й!« озва́лась вона́ до шинкаря́ (а вінъ ча́рку за ча́ркою випива́въ).

— Чому́ не пи́ти мині? Упью́ся — мене́ лю́ба жінка доведе́ до госпо́ди.

»А якъ не схо́чу?« задзвиніла вона́, жарту́ючи.

— Не схóчешъ? — кáже, а самъ ій міряе пóглядомъ — якá. — Абó жъ хто тебé запитáе, чи хóчешъ?

Чáйченко, слýхаючи сé, вáжко зітхнýвъ и на шинкáрку смутнéнько дивúвся, а шинкáръ на ёгó пúльно. Марýся вже заговóрюе, питáе, частýе — не звівъ очéй шинкáръ зъ Чáйченка, ажъ той самъ схаменýвся, сáмъ ёгó пóглядъ на собі почýвъ, — тоді шинкáръ óчі въ зéмлю врúвъ.

»Хýтко у васъ прáзникъ«, говóрить Марýся до шинкаря: — »гостéй же до вáсъ, гостéй!«

— Дя́кувати, менé дóбрі лю́де не забува́ють! — одка́же шинка́ръ: не такъ за мою́ щи́рість, якъ за те́, що жінка хоро́ша, сла́влють, — то прихи́льному прия́телеві ми́ло подпви́тися на мою́ кра́лю!

Та й засмія́вся, а та́кеньки засмія́вся, що й шинка́рка тро́хи стрепену́лась.

»А вашъ братъ у-дру́гихъ, чи здоро́вий вінъ зъ молодóю жінкою?« пита́ зновъ Марýся.

— Помьяніть ёгó дýшу, шановна хазя́ечко! хиба́ ви ще не чу́ли? То бъ я вамъ давно́ вже повісти́въ! Жіночку ёгó молоду́ взя́то й завéзено кудúсь... А вінъ втопúвся.

»Якъ? Бóже мій! Бóже мій! Бі́дна жъ вона́ людúна!«

— Чогó — бі́дна! Вона́ у роскóшахъ тепéръ — ій ще покра́щало у свíті... Ну, якъ на менé, то бъ не такъ було́: я бъ не втопúвся, а ні повісився бъ самъ-одúнъ, а хиба́ вже вку́пці зъ коха́нкою!

Схилúвсь до своéі жíнки, óкомъ искри́ть.

— У-двохъ, ка́жуть, и вмірáти охітнішъ! — дода́въ.

Сýмно ста́ло. Мóва не мóвилася.

Ста́ли гóсті прощáтися, и побра́лись до-дóму. Йдýчи шинка́рка озирну́лася на Якова и махну́ла якóсь ёму́ рукóю, то-бъ то незна́рошне. Шинкáръ вхопúвъ ії за рýку: »гóді махáть, пора́ переста́ти! ходімъ изо мнóю!«

— Отсé! не даси́ дóбре и зъ хазя́йкою попрощáтися, — засмія́лась ёму́ шинка́рка: — чи ти менé загубúти боíсся, якъ тую гóлочку?

»Коли́ загублю́, то вúшукаю, бува́й на тóму пéвна, голýбко моя́ сúва!« відказа́въ ій.

И пішли́ до-дóму. Вона́, йдучи́ зъ нимъ, щось щебета́ла и смія́лася, бра́ла ёгó за рýку — оберну́лась щé до насъ, крúкнула: бува́йте здорóві! Шинкáръ ишóвъ не оглядáючись.

У кі́льки день ми перечу́ли черезъ люде́й, що счини́лась сва́рка мі́жъ шинкаро́мъ и Ча́йченкомъ, и що ви́гнавъ шинка́ръ Ча́йченка зъ ши́нку. А счини́лася та́я сва́рка за те мі́жъ ни́ми, — каза́ли, — що ставъ шинка́ръ свою́ жі́нку зневажа́ти — вона́ усе́ оджарто́вувалась, сміялася, а Ча́йченко не перемігъ свого́ се́рця, уступи́вся—ма́біть вже у ёго бриніло. Якъ же счепи́лись вони́ — така́ бу́ча збила́ся, що ле́дві розняли́ іхъ. И каза́въ шинка́ръ Ча́йченкові: »не прихо́дь«, ка́же, »у шино́къ більше!« А Ча́йченко кричи́ть: — Чому́? — »Не прихо́дь у шино́къ«, зновъ такъ-са́мо ёму́ шинка́ръ гово́рить.—Чому́?—»А то́ прийди́«, про мо́вивъ шинка́ръ.

Лю́де вже іхъ розвели́ и за Ча́йченкомъ две́рі зачини́ли.

Шинка́рка, ка́жуть, ду́же бліда́ була́, ду́же, хочъ и не втеря́ла на той часъ ні хи́сту свого́, а ні всміху. Шинка́ръ же весе́лий таки́й розвеселився и жа́рти підня́въ... по́вістки роспоро́шивъ, таке́!.. А Ча́йченка зъ того́ гро́му ніде́ не ба́чивъ ніхто́.

Я прихо́жу до Мару́сі: чи все гара́здъ, Мару́се?

»Чоловікъ нездужа́«, сму́тно вона́ мині одказа́ла.

— Коли́ се вінъ занеду́жавъ?

»Та вже три́ дні. И не і́сть, и не пье́.«

А вже по тій сва́рці три дні ви́йшло.

— Та де́ жъ вінъ?

»Лежи́ть у кімна́ті.«

А вінъ тоді кли́че: »Мару́се! Вона́ схопи́лася — ки́нула́сь до ёго.

»Хто́ се до насъ прийшо́въ?« пита́е.

— Се Хи́ма прийшла́ мене́ одві́дати.

Нічо́го більшъ не каза́въ и не пита́въ. Мару́ся до ме́не ви́йшла.

Я тоді ій говорю́:

»Мару́се, чи зна́ешъ ти, що́ позавчо́ра було́?«

— Не зна́ю. Що́ було́? Яківъ повернувся неду́жий. Вчо́ра вра́нці прибігла шинка́рка, зади́хана уся́, до ме́не: »нехай Яківъ не прихо́дить, бороню́ ёму́, въ насъ бі́да! Чу́ешъ—не прихо́дь, бороню́ тобі!« кри́кнула на Якова, »въ насъ бі́да. Мій бу́де каза́ти, що у я́рмарокъ іде, що до прия́теля іде, — не йми віри, не прихо́дь.« И побігла відъ насъ. Я більшъ нічо́го не зна́ю. Мині су́мно, и бою́ся, що ёму́ бу́де недо́бре!

Змо́вкли ми та й сидимо́ собі мовчу́щі. Бага́то де́-чого мині й чу́лося и зга́дувалось!

»Жаль«, кажу́, »жаль, та не ве́рнетця!«

— Чого́ жаль? спита́ла Мару́ся.

»Життя́ молодо́го, віку загу́бленого да́рма — чи я жъ вже тобі не каза́ла, чого́ жа́лко?«

— Мині не жаль нічо́го«, гово́рить.

Зновъ змо́вкли — сидимо́... Вже ве́чіръ пізний. Дітки́ посну́ли, сплять спокійно сини́ мале́нькиі, а на горо́ді вітеръ шуми́ть ве́рбами, надво́рі чо́рно; бли́скавиця побли́скуе.

»Куди́ тепе́ръ підешъ у него́ду таку́«, ка́же Мару́ся; »заночу́й у ме́не.

А вже дощъ гурчи́ть, гурчи́ть, и грімъ и блискави́ця й вітеръ.

»До́бре, зоста́нуся — заночу́ю въ те́бе.« И зоста́лася.

Ча́йченко лежа́въ неспокійно, въ триво́зі, на ліжку,—зітха́въ усе́ — Мару́ся прислуха́лася, а до ёго не ввіхо́дила, не насміла бідне́сенька. Разъ, чи два зъ ве́чора — вінъ покли́кавъ іі, спита́въ, хто въ ха́ті въ не́і, на́че забува́въ, що я прийшла́, а що да́лі въ ночі, то все частішъ, частішъ іі кли́кавъ, и все ка́же: »хтось прийшо́въ до насъ!« — Нема́ ніко́го. — »Хтось прийшо́въ; я чувъ у-две́рі сту́кало; хто-сь підъ двери́ма,—відчини́! «Вона́ одчи́нить — нема́. Тро́шки зго́домъ, зновъ іі шле: »підъ ворітьми́ хтось сто́іть«, то: »підъ вікно́мъ хто-сь добува́етця.« Вона́ усе́ вихо́дила диви́тись, вклика́ла, дожида́ла—ніко́го не було́ цілу нічъ ту́ю чо́рну, вітряну́.

Мині почу́лося, що́ Ча́йченко пла́кавъ; Мару́ся не спа́ла, хочъ до ме́не не озива́лася сло́вомъ...

На світа́нні, чу́емо, сту́кають тихе́нько, тамъ міцні́шъ — Мару́ся ви́бігла, я за не́ю, »ху́тче, скорішъ!« гука́въ намъ у-слідъ Ча́йченко...

Одчиня́емо воро́та, а підъ ворітьми шинка́ръ: »здоро́ві були́!« до Мару́сі, »а де́ вашъ чоло́вікъ?«

— До́ма.

»Коли́ бъ ви до ме́не ёго́ ви́кликнули, коли́ до́ма вінъ.«

— Вінъ незду́жае, лежи́ть.

»Не мо́жна й подиви́тись на ёго?«

— Незду́жае. На́ що се вамъ такъ ко́нче ёго́ тре́ба?

»Я ёму́ изъ я́рмарку до́брого гости́нця привізъ. Незду́жае, ка́жете? А я, мо́же, ёго́ де́ стріну по до́ро́зі! Щасли́во!«

Шви́дко пішо́въ, шви́дко.

Мару́ся роска́зуе чоловіку, — не даé своїмъ пита́ннемъ промовля́ти ій. Велівъ ій ще та ще роска́зувати. Вона́ роска́зувала.

XIX.

Ще хма́ри чо́рні, важкі волокли́сь по не́бу, а тільки зъ-кра́ечку рожéво зоря́лося одъ схíдъ-со́нця. Ми вже й не лягáли спáти, ра́нку діжда́ли. Я беру́ся до-до́му йти. Попрощáлася, пішлá. Се було́ въ неділю. Ба́чу́, идучи́, що коло ши́нку люде́й ску́пчилося бага́то, гомоня́ть та́кеньки... Бли́зче схо́жу — жіно́къ ба́чу тутъ, и ба́чу — ще іхъ біжи́ть доро́гами; бачу́, две́рі збúтиі вино́сять зъ ши́нку... »Що́ то таке́?« пита́ю люде́й.— Шинка́ръ зъ жінкою забúвся! — Почали́ мині усé роска́зувати молоди́ці; ти́скають мене́ подиви́тись на обóхъ...

Обóе на долівці лежáли, сполóщени кро́въю. Въ не́і ніжъ у пе́рсяхъ вели́кий стримівъ; рука́ми вона́ ёго́ якъ сти́снула за ши́ю, такъ и замéрли ру́ки — впилúсь. Сорочки́ на іхъ по́рвани, по́драни, намúсто ій розси́панé у крові: дýже, мáбіть, вона́ одбива́лась. Вона́ ёго́ задуши́ла, видно́, — бо не було́ на ёму́ ніякóі пора́зи, и лежáвъ вінъ счорнівши, — вона́ лежáла біла-біла, зъ чо́рними бровáми. Якъ прийшли́ чоловіки до ши́нку — зачúнено; почáли сту́кати — не відчиня́ють. Надíйшли ще лю́де, ба́чять — щось не пéвно — вúбили двéрі, а вони́ обóе лежáть...

Я метчíй до Мару́сі...

»Бóже мій прáвий!« промóвила тільки Мару́ся.

А Чáйченко вже кричúть: »Хто прийшóвъ до насъ?«

— Лúхо ста́лося, — кажу́ гóлосно.

»Яке́ лúхо?«

— Забúвся шинка́ръ зъ жінкою.

Тúхо... Ажъ-ось увíйшóвъ вінъ до насъ у хáту білий: »Що́, що́?« пита́етця, — самъ ша́пку хапáе, свúту на сéбе вдягá. Мару́ся біля ёго.

»Прáвда сёму́?« запитáвъ вінъ Мару́сі.

— Прáвда, — промóвила Мару́ся.

»Я на свої óчі обóхъ бáчила«, говорю́ ёму́.

— Я сама́ піду́ подивлю́ся, Якове, ще́ розпита́юся! — заговорúла Мару́ся.

»Иди́, йди, Мару́се, та ху́тко верта́йсь. Скажи́ усю́ пра́вду! Верта́йсь ху́тко!«

Про́сить іі, якъ дити́на малёнька.

Мару́ся побігла. Вінъ дожида́въ, не мо́влячи сло́ва, ду́ху не зво́дячи, блідий, замлілий.

Поверну́лася вона́: »пра́вда«, ка́же.

Ставъ Ча́йченко пла́кати ду́же.

Біда́ та́я зовсімъ ёго́ скрути́ла; у голові ёму́ заверну́ло на́че; почне́ говори́ти, то путани́ну таку́, що й не розбере́шъ. Занеду́жавъ тя́жче, гірше, — тільки живи́й та те́плий. Грома́да тимъ-ча́сомъ дала́ вже віду спра́внику. Набігли́ судські у-три́конь зъ бубенця́ми, изъ дзво́никами; по-тро́е, по-дво́е іхъ позира́ють зъ во́за. За́разъ усіхъ люде́й зібра́ли; за́разъ де́-якихъ повьяза́ли. Присла́ли по Ча́йченка — ходи́въ вінъ до ши́нку ча́сто. Ча́йченка то́ді гаря́чка пали́ла; безъ па́мьяти, сливе́, бувъ вінъ. Не вважа́ють, — беру́ть, везу́ть ёго́ суди́ти су́домъ. Пита́ють: одка́зи ёго́ нерозу́мні, чудні... Вки́нули ёго́ у те́мну комо́ру, звьяза́ли ёму́ ру́ки... Мару́сю жену́ть геть відъ ёго...

Вона́ до насъ діто́къ своіхъ завела́—поки́нула, а сама́ зно́въ-таки́ пішла́ туди́ до ёго.

»Не пу́стять, Мару́се!« ка́жемо ій.

— Я бли́зче бу́ду до ёго. — Пішла́.

Де́-яки́хъ люде́й ху́тко повипуска́ли и оправди́ли, хочъ ніко́го и не було́ винова́того, — а и́нші, и бага́то, ще були́ за сторо́жею, по́ки ажъ до́броі ра́ди не послу́хали... тоді й імъ вільний шляхъ дали́. А ра́да була́ така́: спра́вника *подя́кувати*. Хто вже́ бувъ у бува́льцяхъ, то за́разъ и зроби́въ та́къ, не впова́ючи на безневи́нность свою, а хто угина́всь, той сидівъ до́вго. Ра́ду таку́ подава́въ усімъ спра́вниківъ чи слуга́, чи при́ятель, чи ро́дичъ, хто ёго́, нікчемно́го, зна. У чо́рному кожушку́, зъ чирво́нимъ комірце́мъ ходи́въ, ша́пка кругле́нька зеле́на, зъ се́бе худи́й, жо́втий, о́чі ямкова́ті, зуба́тий таки́й... Вінъ ра́дивъ усімъ дя́кувати, а хто не слу́хавъ, то вінъ грози́въ, наполяга́въ... Спра́вникъ самъ не каза́въ нічо́го, — дожида́въ: цілий день стоіть на поро́зі, ру́ки въ кише́няхъ, на ши́і чирво́на пле́тена ху́стка, самъ пика́тий, уса́тий, витришкова́тий, — стоіть та свисти́ть — яку́сь жовнірську ходу́ висви́щуе. Хиба́ чай испива́е, то переста́не, а ви́пивъ самова́ръ ча́ю — зновъ на поро́зі, зно́въ сви́ще...

Поддя́кувала Мару́ся—її пусти́ли до чоловіка поба́читись. Вона́ на дру́гий день зновъ про́ситця, зновъ *дя́куе*, — ста́ли ії пуска́ти що-дня́. Сидівъ Ча́йченко ти́ждень ще, — вона́ усе́ ходи́ла до ёго. Гро́шей вже не було́, ста́ла спро́дувати това́ръ... »Отсе́ до́брая жона́!« хвали́въ спра́вникъ зъ поро́га, якъ вона́ прохо́дила ми́мо ёго... Вже судъ вибіра́вся зъ на́шого села́ виїзди́ти на-за́втра, вже Ча́йченка ви́пустили, — коли́ ви́шукавсь яки́йсь ро́дичъ шинкарю́ небіжчику, що ска́ржити прийшо́въ, ніби шинка́рь коли́сь ёму́ узива́въ Ча́йченка »своімъ во́рогомъ« и каза́въ, »що тісно імъ обо́мъ у світі жи́ти.« Зновъ судъ суди́ти почава́въ; зновъ пита́ния — Чайче́нка зновъ узя́ли за сторо́жу, а тамъ у два ти́жні повезли́ ёго́ у місто, посади́ли въ остро́зі.

Мару́ся за ни́мъ пішла́. »Прощава́й», ка́же мині, »спро́дай усе́, пересила́й гро́ші.«

— Мару́се, — гово́рить ій ма́ти, — усе́ ти спро́дуешъ, а въ те́бе ді́тки...

»Я зна́ю... я не забува́ю...«

Попроща́лася зъ на́ми, ді́токъ пригорну́ла, — пішла́.

Ії до остро́гу не впуска́ють.

»Мій чоловікъ тамъ«, дово́дить вона́ усімъ.

— Твій чоловікъ повинова́ченний — ёму́ тамъ и сидіти — тобі не мо́жна.

»И я ви́нна.«

— У чому́ ви́нна ти?

»Ви́нна й я, коли́ вінъ ви́нний.«

— Го́ді! иди́ геть собі! — ка́жуть ій, жаліючи.

Вона́ не йде.

— Що ж, ти признаёсся, що ви́нна ти? — пита́ють въ не́і зновъ.

»Ви́нна.«

Каза́ли ій ру́ки извьяза́ти. Посади́ли міжъ зло́діями, міжъ убі́йниками, молоду́ та до́бру. Два мі́сяці изъ ти́жнемъ ви́була вона́ зъ чоловікомъ тамъ, по́ки іхъ ви́пустили.

Ді́тки въ насъ були́. Усе́ пита́ють: де́ ма́ма? усе́ кли́чуть: ма́мо!

Мару́ся не одмині́лася — тільки пішла́ молоде́нька, а поверну́лася си́ва, якъ голу́бка

А я ще, стріча́ючи ії, диву́юся, що вона́ краси́ своє́і не стра́-

тила: ті жъ о́чі, чоло́ те жъ, — коли́ вона́ ста́ла дру́гу ху́стку завьязувати, — ажъ шовко́ва сивина́ забіли́ла.

Осели́лися вони́ зновъ у своїй ха́ті, у глухімъ дворі, бо вже не було́ тамъ ні́чо́го живо́го, що́бъ го́лосъ подало́, що́бъ крило́мъ стрепену́ло — усе́ вже спро́дане було́... Дітки гомоня́ть самі одні, и вже така́ імъ утішка съ то́го, якъ горобці прилетя́ть — зацві-рі́нькають, або́ го́лубъ попогу́де: не поло́хають, сами́ притулятця пі́дъ ти́номъ, радіючи.

Ча́йченко усе́ хорівъ, усе́ болівъ; відъ люде́й на́че хова́вся: зъ ха́ти не вихо́дивъ, хиба́ пізно, крадькома́, за горілкою у чуже́ село́. Пи́ти вінъ ставъ ду́же.

Я ёго́ ба́чила двічи. Одного́ ра́зу, вінъ сидівъ безъ жо́дного ді́ла, скла́вши ру́ки, о́чі приплю́щовавъ, — десь, си́льне въ ёго голова́ боліла .. Дру́гого ра́зу ба́чила — вінъ спа́въ... Мару́ся дивилася на ёго таки́мъ по́глядомъ, якъ и пе́рше, прихи́льна була́, якъ перше. *Кого́* вона́ люби́ла ще? *Яко́го* коха́ла? Якъ зазна́ти чоловіка у красі ёго́, у квіту́, въ си́лі, якъ зазна́ти ёго́ до́брого, а часъ піде, та усе́ измо́же, то и́нше пока́жетця, ніжъ гада́лося. »Ми́слі жъ моі, ми́слі! до ко́го жъ ви прийшли́?« сказа́ти, та й го́ді! »Бага́то жалю́ мого́ бу́де, — не бу́де вже моє́і любо́ві.«

XX.

Мене́ сва́тало два жонихи́... Эге́-жъ! Зда́дуетця мині ча́сто чоловікъ Палій, що якъ въ ёго дити́на втопи́лась, ха́та згоріла, — вінъ ишо́въ у́лицею, та весілля заба́чивъ, и ка́же: »а ті лю́де ще женятця!« Зга́дувався мині чоловікъ Палій... Сва́тало жъ дво́е. Пе́ршій жони́хъ вбо́гий бувъ па́робокъ, до́брий, смутни́й — я не пішла́ за ёго! Не було́ въ ме́не кохання смутокъ ёго́ розважа́ти; не було́ гро́шей ха́ту неогоро́жену впридо́бити — не схотіла робачко́мъ ста́ти... Вінъ пожури́вся за мно́ю, та зъ и́ншою оженився. Дру́гий жони́хъ бувъ бага́тий, наровли́вий: ко́нче хотівъ мене́ взя́ти за се́бе. Ёму́ ма́ти ёго́ заборо́пяла, проси́ла: не жада́лося ій для свого́ си́на, чепурно́го, сироту́ бра́ти, — вінъ таки́ ма́тіръ присіловавъ, що вона́ ще сама́ мене́ мовля́ла. Я не пішла́. Сей бувъ ми́ні зо всімъ не до сподо́би: ревни́вий, незвича́йний — вінъ и люби́въ яко́сь, на́че би́вся.

Якъ вже одцура́лася я ёго́ сва́тання, то тре́ба було́ жи́ти, якъ на чеку́: боя́лась ёго́ сама́-одна́ стрінути. Якъ вінъ очи́ма на ме́не свити́въ! Ма́ти жалкува́ла, що я не пішла́ за́міжъ; ба́тько тільки дослуха́въ: ёму́ байду́же було́ усе́ зъ того́ ча́су, якъ Ка́тря поки́нула. Вінъ объ не́і не говори́въ, та вже́ й ні объ чо́му не говори́въ. Сумова́въ, ходи́въ по доро́гахъ; богатівъ не-дба́ючи. Его́ Ка́тря одцура́лася, — вінъ усіхъ за те відцура́вся люде́й: и своіхъ рідныхъ и чужи́хъ. И вже до сме́рти таки́й оста́вся самотни́й и неласка́вий. Якъ занеду́жавъ вінъ на сме́рть, то ма́ти проси́ли свяще́ника, щобъ написа́въ Ка́трі, чи не прийде́ вона́ зъ ба́тькомъ попроща́тись. Написа́въ свяще́никъ и гро́ши ій посла́ли.

Тя́жко було́ одного́ дні ба́тькові ду́же, — ма́ти сиді́ла біля ёго, та й ка́же: »Дру́же мій! Дити́на на́ша прийде́ до насъ.«

Вінъ ра́зомъ підві́вся самъ, ди́витця на не́і. Ма́ти зновъ ка́же: »Ка́тря до насъ прийде.«

Дожида́ли Ка́трі — Ка́трі не було́. Смерть вже за плечи́ма. Стари́й дожида́въ — я́къ дожида́въ! и мертвівъ и ожива́въ. А ні сло́ва нікóли не промо́вивъ — чому́ не іде, чи бу́де — а ні о́дного! Тілько зъ ве́чора каза́въ: »я помру́ за́втра.« На-за́втра и вмеръ вінъ.

Якъ похова́ли ёго́, то въ кілько днівъ листъ одъ Ка́трі прийшовъ, що, пи́ше, »моли́тимуся за ба́тька мого́ ду́шу, а гро́ші, що мині при́слани, на це́ркву Бо́жу віддала́, — бу́дуть поминáть, бу́дуть гріхи избіра́ть...«

Зновъ жило́ся...

Була́ въ насъ у слободі бубле́шниця, а въ не́і на́ймичка—вели́ка, чорня́ва дівчи́на, робоця́ща, а вже не потороча така́, якъ рідко,— то було́ стрінесся изъ не́ю, пита́ешъ: »що роби́ли ви?« — »во́ду носи́ли, бу́блики пекли́«, одка́же вона́ спокійно. — »А за́втра що́ роби́тимете?« — Води́ принесемо́, бу́блики спечемо́. — »А по-за́втрёму?« — Бу́демо во́ду носи́ти, бу́демо бу́блики пекти́.«

Вмеръ въ іхъ хазя́інъ — дівчина тро́хи заклопота́лася, по́ки ёго́ похова́ли.

»А що́ въ васъ?«

— Въ насъ хазя́інъ вмеръ, и похова́ли.

»А тепе́ръ я́къ?

— Во́ду но́симо, бу́блики печемо́.

Дівчина було́ говóрить спокíйно, стоїть свіжа — а тутъ и слу́хати ніяково: — диву́есся, якъ се вона́ живе́ дово́лна таке́ньки, що бу́блики пече́... Бува́ють такі въ Бо́га!

Намъ день мина́въ, день розсвіта́вся, весна́ йшла гріючи; набли́жувалася зима́ зъ моро́зами — усе здава́лося яко́сь ну́дно, яко́сь доку́чливо... Були́ въ насъ да́вні ра́дощі; були́ въ насъ старі сумова́ння — до іхъ тепе́ръ душа́ не озива́лася, не стрепеха́лося се́рце. Коли́ бъ!.. то бъ не та́къ, зовсімъ не та́къ було́! Тоді, якъ се́рце та душа́ жи́ві, то ви́йдешъ, забачишъ де́рево, що вже ро́ки стоїть знако́ме, а тутъ вітаесся: яке́ де́рево! зеленíйся, де́рево, розвива́йся! отсе́, я́къ шелести́ть! Гля́нешъ на поля́, на луги́ — які поля́, які луги́! ажъ сміе́тця щось въ тобі...

А вже якъ житте лічишъ своє́ понеділкомъ та неділею, то все тобі байду́же: що нове́, то заклопо́че тільки спе́ршу, а що старе́, то вже таке́ старе́ бу́де, таке́ знаёме та безвтішне!

Та́кеньки ми жили́. Коло насъ одни́ лю́де вмірáли, нарожáлись дру́гі... Ча́сомъ зва́ли насъ на весілля — ми ходи́ли на весілля... Найчастішъ я ходи́ла до Мару́сі.

Мару́сі не такъ жило́ся, якъ намъ. Пила́ вона́ хочъ одъ гіркóі, та одъ живóі води́... Ій сóнечко не такъ світи́ло, якъ намъ; ій и пташки́ ина́чій щебета́ли...

XXI.

Чи вели́кий, чи мали́й часъ збігъ — ма́ти занеду́жала. Сказа́въ би, рада́ вона́ своій недýзі була́: »Отсе́ й мині вмірáти«, ка́же, »отсе́ и моя́ годи́на! Біжи́, Хи́мо, до свяще́ника, проси́ — неха́й пи́ше за́разъ до Ка́трі, щобъ приіхала похова́ти ма́тіръ. Біжи́, лю́бко, не барúся!«

Зновъ написа́въ листъ свящéникъ, зновъ туди́ гро́ши посла́ли.

»Отсе́, не іде Ка́тря!« мути́тця ма́ти: »хто жъ мене́ опла́че! Мабіть, не пуска́ють ії тамъ; коли́ бъ я ви́дужала, то бъ я вже сама́ до не́ї поіхала одвідати, поба́чити... Чи поба́чу ії вже коли́? Коли́ бъ я оду́жала, то бъ я ії одшука́ла, де́ вона́... Чи я вже ії не поба́чу?«

Одъ Ка́трі таки́й са́мий листъ одібра́ли, що: »моли́тимуся за

ма́теринy ду́шу, а гро́ши на помина́ння віддала́ — бу́дуть помина́ть, гріхи́ бу́дуть одпро́шувати.«

»О, дити́но ми́ла! не поба́чу вже я тебе́!« промо́вила ма́ти и запла́кала.

»Похова́й мене́, Хи́мо«, гово́рить мині: »похова́й мене́ га́рненько. Тобі бу́де неха́й на́ша ха́та, се тобі неха́й бу́де. Помьяни́ мене́, голу́бко. Сядь до ме́не бли́зче, лю́бко! близе́нько сядь!« усе́ прохала́ мене́.

Передъ сме́ртю говори́ла: »Мо́же коли́ поба́чишъ Ка́трю мою, мо́же бу́де нездужати, боліти, — послужи́ ій, се́рце, не поки́нь!«

Усе́ Бо́гу моли́лась, все́ моли́лася — до оста́ннёі годи́ни. Ти́хо и су́мно вме́рла.

Якъ ії похова́ли, то зновъ Ка́трі зна́ти дава́ли, що ма́ти вже вме́рла, що оста́лися ій лани́, степи́ и гро́ши. Тоді описа́ла Ка́тря, що бу́де сама́, приіде сама́ опоряджа́ти, що́ ій у-спадку́ ді-ста́лося. — Ми ста́ли ії дожида́ти.

Діжда́ли.

Якъ ба́чу той візъ, кри́тий, палубча́стий, що притяга́е до на́шого дво́ру. Було́ се ра́нкомъ, — ра́нокъ сла́вний, я́сний, паху́чий: у но́чі до́щъ перепа́въ.

Я ви́бігла за воро́та. »Ка́тренько, де́ ти?«

Ніхто́ не обізва́вся мині. Вила́зила пе́рше зъ во́за опо́листа, румьяна чорни́ця и хрестила мене́. За не́ю Ка́тря.

Ка́тря тежъ мене́ перехристи́ла — ле́дві на ме́не гля́нула вона́ — и за чорни́цею у ха́ту увійшла́. Я за ни́ми уступи́ла. Чи жъ вона́ мене́ не памьята́е—забу́ла? Се́рце, що було́ стрепену́лося, то прити́снуло ёго́ тя́жко...

»Охъ, якъ же втоми́лися ми«, почала́ румьяна чорниця, скида́ючи зъ се́бе чорні свої ря́си одну́ по дру́гій: »вже іхали ми, іха́ли, та й го́ді сказа́ли!«

Гласъ въ не́і бувъ такий, що для глухи́хъ до́брий.

Ка́тря стояла у сто́ла, розбира́ючи чо́тки у рука́хъ.

Була́ ще вона́ зъ се́бе ду́же хороша, хочъ я́къ змарніла и о́чі впа́ли и сама́, якъ ни́тка, біле́нька ста́ла. Вона́ яко́сь захолоділа... На духъ-мару́ вона́ похо́дила зъ своімъ нездвиже́ннимъ обли́ччемъ, изъ своімъ по́глядомъ безприча́снимъ... А ще́, въ тій до́вгій ря́сі чо́рній, у тій чо́рній покрива́льниці!..

Хочъ би вона́ що́ въ ме́не спита́ла! Хочъ би до ме́не сло́во промо́вила!

Чорни́ця зновъ гово́рить: »Втоми́лися якъ, Бо́же ми́лий! Ле́дві ди́хаемо!«

А тамъ додае́: »Вже со́нечко підби́лося на снідання...«

Гля́нула на Ка́трю — Ка́тря стоіть, не чу́е и не озива́етця.

»Се́стро!« до Ка́трі посмика́ючи ії міцне́нько за рука́ва: »тре́ба на́мъ підживи́тися?«

— Якъ завво́лите, се́стро Мела́нія, — одказа́ла Ка́тря.

Я ле́дві дочу́ла: безодголо́сно таке́чки вона́ гомоніла.

»Дівчино!« прикли́кае мене́ сестра́ Мела́нія: »ходи́ ли́шень бли́зче, — я́къ на имья́?«

— Хи́мою зву́ть, — кажу́.

»Хи́мо, чи не дала́ бъ ти намъ поснідати?«

— За́разъ изготу́ю, — кажу́.

Почала́ я готува́ти снида́ння, а чорни́ця за мно́ю у комо́ру, пшона́ одмі́ряе у гле́чикъ, одсипа́е муки́ у ми́ску, смета́ни у полу́мисокъ; сливья́нку набіра́е; хлібъ кра́е; порозчиня́ла столи́, доста́ла ска́тірку, стілъ застеля́е — жвава та хапка́я, Го́споди-світе!

Ка́тря усе́ стоя́ла сама́. Сестра́ Мела́нія одхили́ла ії руко́ю одъ сто́лу, накрива́ючи, — Ка́тря сіла на лавці тоді.

Гото́ве снида́ння — ста́ли снідати. Сестра́ Мела́нія Ка́трю бли́зче посади́ла. Ка́тря послу́хала, близе́нько прису́нулась, а істи ні́чо́го не іла вона́, окрімъ мале́сенький шмато́чокъ хліба изъ водо́ю. Сестра́ Мела́нія снида́ння впо́рала. Ма́ла вона́ три́дцять и два зу́би бі́лі та здоро́ві та роботя́щі. О, які́ жъ зу́би! Усе́ моло́ла ни́ми, якъ жо́рномъ до́бримъ.

По снида́нню, ста́ла сестра́ Мела́нія до Ка́трі говори́ти:

»Се́стро! тре́ба усе́ те́перъ до́бре впоряджа́ти, тре́ба ху́тче, щобъ тутъ намъ не забари́тися...« А очі въ не́і почали́ прижму́рюватись; гово́рячи, яко́сь мимовільне моста́ла вона́ бли́зче до се́бе дві вели́кі подушки́ у краплі́стихъ те́мнихъ пошивкахъ, що зъ во́зу я внесла́.

»Не тре́ба бари́тись«, ще промо́вила зітха́ючи, »о... о...« ви́мовила ще разъ, вже зовсімъ на подушки́ схили́вшися головою... Спа́ла. Му́хи по-надъ не́ю гули́, му́хи ії куса́ли — спа́ла.

Ка́тря сиділа, схили́вши го́лову. Чи моли́лася вона́? бо шепта́ла щось и румья́нцемъ закраси́лася живи́мъ. Я до не́і бли́зь-

ко підступи́ла и кажу́: »Ка́тре, чи ти вже мене́ зовсімъ забу́ла? Чи не пізнае́шъ?« Румья́нці одра́зу збігли зъ ії обли́ччя; оберну́ла на ме́не вже безприча́сні о́чі свої и одказа́ла мині: »я тебе́ памьята́ю.«

»Чому́ жъ се така́ до ме́не неласка́ва? Чомъ не заговори́шъ до ме́не?«

— Усі слова́ пра́жні. Тре́ба моли́тись...

— Ка́тре, чи ти зна́ешъ, що Мару́ся за́міжъ пішла́?

»Бо́же благослови́.«

— За Ча́йченка пішла́.

»Бо́же благослови́.«

— Вона́ нещаслива ду́же.

»Бо́жа во́ля!«

Усе́ мині одка́зуе, якъ-на́че по псалти́ру чита́е.

»Чи ти коли́ зга́дувала насъ? зга́дувала люде́й?«

— Я молю́ся за васъ и за всіхъ люде́й.

»Спаси́бі. А ти вже мене́ тепе́ръ и тро́хи не лю́бишъ?«

— Госпо́дь повелівъ усіхъ люби́ти, — и ворогівъ.

»То ти мене́ якъ во́рога жа́луешъ, чи що́? Чи жъ у те́бе вже нема́ и въ сві́ті нико́го лю́бого? нема́ нічо́го ми́лого?«

— Мині усі рівні, за всіхъ молю́ся.

»Й усі вороги́ тобі?«

— Ко́женъ чоловікъ другому́ во́рогъ вели́кий, во́рогъ лихи́й,— промо́вила зъ о́паломъ: о́чі зайскрились, задрижа́ли у́ста: пізна́лася мині да́вня Ка́тря. Огне́мъ да по́ломьемъ відъ не́і пахну́ло — якъ коли́сь.

»А семья́? а роди́на?« кажу́.

— Усі! усі! Прихиля́ють до се́бе ду́шу, боро́нять до Бо́га!

»Такъ усіхъ ки́дати?«

— Ки́дати, ки́дати! Въ Бо́зі спасе́ніе! Бо́же мій! Бо́же мій! поми́луй на́съ! — покли́кнула су́мно.

»Амінь!« одказа́ла зъ ла́вки сестра́ Мела́нія глу́хо. Переспа́ла вона́ свій дзвінний го́лосъ. »Амінь« ще разъ ка́же, та й позіхну́ла та́кеньки, що въ ме́не рука́ва замаяли, а які му́хи по столу ла́зили, то поско́чувалися, якъ насіння одъ вітру. До́вго ще потяга́лася на ла́вці. Да́лі уста́ла, прибра́лася у ря́си: »Ходімъ вже до ба́тюшки«, прика́зуе Ка́трі.

Й пішли́. И мині веліла йти изъ собо́ю сестра́ Мела́нія, доро́гу пока́зувати.

Пóки ми дійшлú до свящéникового двóру — біля цéркви стоя́въ зъ двомá кóмінами и зъ рундучкóмъ підъ піддáшше, — покú дійшлú, кажý, то вже сестрá Мелáнія зовсімъ чуйнá булá: хочъ óчі одъ спанняя помаліли, та дивúлися гýсто и жвáво.

Свящéникъ стрівъ насъ, увівъ у кімнату.

Сестрá Мелáнія посіла у якóмусь велúкому крíслі, що въ нёму мáло булó придóби, а багáто цвяхівъ. Кáтря стáла біля нéі, а я по-за Кáтрею.

»Сідáйте жъ бо, батю́шка!« прóсить ёгó сестрá Мелáнія.

Бáтюшка сівъ проти нéі та й закáшлявся.

»А щó се — кáшель васъ напáвъ, бáтюшка?« питá сестрá Мелáнія. »Лúповаго цвіту напúйтеся у-вéчері, нá нічъ. Та чогó се ви такі на видý жóвті? Чи не жовтяни́ця? Й посúвіли ви зовсімъ, а мабýть ще не дýже й старі, — болíли на гóлову?«

Бáтюшка самъ бувъ розýмний и розсýдливий, та смúрний — сторопівъ, слýхаючи íї та на нéі дúвлячись — тільки головóю кивáвъ.

»Отсé ми до васъ приíхали зъ вáшою дáвнёю порахвíянкою«, почúнае другу вже річъ сестрá Мелáнія: »вонá мині прирýчена. Спáдокъ íй одъ родúтелівъ, якъ знáете; вонá усé оджáлувала на манастúръ. Ми приíхали усёго тогó роздивúтися, опорядúти. Вамъ звíсно, що тутъ íй налéжить, — покажíть мині, кóли лáска вáша бýде. Рáзомъ вкýпі зъ вáми для Гóспода Бóга нáшого потрудímось.«

Тоді пішлú по степáхъ, по ланáхъ оглядáти, громáдськихъ людéй клúкали цінувáти. Сестрá Мелáнія нúкала скрізь по всіхъ куткáхъ, мутúлася, підбігáла, приглядáла, прислухáла; Катря ходúла за нéю слідомъ, не глядячи округú. Місця знакóмі коло нéі процвітáли — вонá не вважáла. Нігдé не припинúлась, и разý не оглянулась. Въ хáту якъ ми повернýлися, то тамъ вже людéй понахóдило багáто. Вітáли Кáтрю, питáли... Вонá нáче нікóго зъ рóду не бáчила и нічóго не знáла, хто й які прийшлú.

Одчинúли скрúні, стáли лічúти грóші, які тамъ булú. Бáтюшка усé зашéптував и запúсував; сестрá Мелáнія тежъ собí пірцéмъ черкáла — Кáтря усé стоя́ла оддалíкъ, не глéдючи...

Лю́ди потрóху розíйшлúся...

»Ви дóбре се знáете, бáтюшка, що хáта цій дівчúні приділена відъ небíжчиківъ?« питáласа бáтюшки сéстра Мелáнія ажъ двічи.

— Знáю дóбре, — говорúвъ бáтюшка.

»Та вонá жъ далéка рóдичка, а дочкá é рідна...«

— Така́ була́ во́ля іхъ. Вони́ дівчину жа́лували.

»И дру́гі зна́ють те́?«

— Якъ же! свідки є́.

»А!« ка́же.

Більшъ вже не пита́ла.

XXII.

Прийшла́ Мару́ся до Ка́трі. Була́ вона́ ти́ха, смутна́ и ласка́ва.

»Зна́е?« спита́ла мене́.

— Зна́е, — кажу́, — та ій за все байду́же. — Ка́тря ії спершу́ не пізна́ла, а на віта́ння одказа́ла: »Благослови́, Го́споди!«

»Се Мару́ся«, говорю́ ій.

Тоді вже вона́ пізна́ла и зновъ ка́же: »Бо́же благослови́!«

Мару́ся стоя́ла передъ не́ю.

»Сіда́й, Мару́се!« прошу́.

Вона́ не схотіла, чи не вчу́ла, стоя́ла и диви́лася на Ка́трю. Ка́тря непорухо́ма сиділа. Більшъ не було́ нікого́ въ ха́ті.

»Ка́тре«, промо́вила до не́і Мару́ся: »чо́мъ ти сло́ва не промовишъ? Чи мині звели́шъ говори́ти, Ка́тре?«

— Що́?—пита́ Ка́тря, — що́ говори́ти?

»Бачъ, Мару́ся вже си́ва ста́ла зовсімъ«, кажу́, зня́вши ху́стку зъ Мару́сі.

Подиви́вшися, ка́же: — си́ва.

Поси́діла Мару́ся мо́вчки и попроща́лась. Ка́тря ії хри́стить.

»Ка́тре!« промо́вила Мару́ся: »въ ме́не діти...«

— Бо́же іхъ благослови́!—одказа́ла Ка́тря, по своє́му звича́ю.

Якъ сама́ вже вона́ нічи́мъ лю́дськімъ не мути́лася, — та ще й не вважа́ла, якъ въ и́ншихъ се́рце колоти́лося.

Мару́ся додо́му пішла.

На тре́тій день Ка́тря изъ сестро́ю Мела́ніею поіхали. Мару́ся ще прихо́дила попроща́тися. Ка́тря проща́лася такъ са́мо, якъ віта́лась... Хочъ бы вона́ лице́ запечали́ла! хочъ би озирну́лася разо́чокъ!

»Якъ одми́йлася!« промо́вила Мару́ся, дивля́чись у слідъ за тимъ во́зомъ кри́тимъ, по доро́зі.

— А памьята́ешъ, яка́ була́ вона́? — кажу́.

»Якъже!.. до́бре памьята́ю.«

Ще ми посто́яли, подиви́лись. Мару́ся пішла́ до сво́еі госпо́ди, а я ії провела́ и въ не́і тро́хи поси́діла.

Яківъ усе́ хорівъ, усе́ болівъ. Давно́ вже вінъ не роби́въ ніче́го: — не здола́въ. Па́дала коло всёго сама́ Мару́ся. Бага́то було́ ій діла въ госпо́ді, ве́лико печа́лі на се́рці.

Ве́село, якъ е́-кімъ радіти, та й те до́бре, коли́ е́ объ кімъ попла́кати. Ей-же-Бо́гу мое́му, до́бре! Гірка́ та жива́ вода́, кажу́ вамъ...

Вихо́жу я одъ Мару́сі и вона́ мене́ до воротъ дово́дить, а за не́ю дітки топотя́ть дрібне́нько-важе́нько...

»Подиви́сь«, ка́же вона́, »подиви́сь, Хи́мо, усі тройко́ у ёго ви́лились — моі чорня́венькі!«

И сгорну́ла іхъ усіхъ до се́бе. А вони́, хто зъ па́личкою у руці, хто зъ хлібомъ, зъ піско́чкомъ въ жме́ньці, жва́венько ди́вляться... Ти́ха и вбо́га ха́та зъ вишне́вимъ садко́мъ!

Я живу́ собі придо́бно на своій селидьбі. Сусіди до ме́не хо́дя́ть, а я зновъ до іхъ — одвідуемось. Ра́димось, якъ горо́ди засіва́емо; вку́пі нашъ одночи́вокъ у свя́то.

Часъ за часъ, а къ ве́чору бли́зче...

Марко Вовчокъ.

НА ВКРАІНУ.

Україно, Україно!
Наше сóнце ясне!
Чи є въ свíті щó відъ тéбе
Миліше и крáще?
Стрепенéтця бідне сéрце,
Якъ тільки згадáю...
Поленýвъ би я до тéбе
Да крилéць не máю!
Тамъ, на гóрі, на висóкій,
Підъ гáемъ зелéнимъ,
Стоíть хáта бáтьківськая
Зъ садóчкомъ вишнéвимъ.
Є и пóле кругъ хатúни,
И лугъ надъ Деснóю...
На щó жъ ми тутъ літá трáтимъ,
Въ чужúні, зъ журбóю!
Дóки стріху соломьяну
Вітру развівáти,
Дóки грýкать въ вікóниці
Бáтьківськоі хáти?
Пустé, німé подвірьячко,
Рундýкъ зацвівъ мóхомъ,
Кілле зъ тúну розібрáли
Сусіде потрóху;
Садъ вишнéвий, гай зелéний —
Дé ви?.. пенькúй всюди!..
Безъ хазя́їна худóба
Плáче, кáжуть лю́де...
Відсýну я кватúрочку —
У вікóнце гляну:
Попідъ гáемъ зеленéнькимъ
Шляхъ идé въ Украйну.
Любо мині на чужúні
На той шляхъ глядíти.

Якъ на свою́ жінку-лю́бку,
Якъ на кві́ти-ді́ти.
Летя́ть пташки́ зъ то́го кра́ю —
Мо́же й зъ Украіни? —
Попідъ хма́рами чорніють,
Ле́две-ле́две ви́дні...
Пта́шка Бо́жа по всімъ світу
Літа́е по во́лі:
Схо́че — здійметця підъ не́бо,
Схо́че — ся́де въ по́лі;
Чомъ же, чо́мъ на Бо́жімъ світі
Я не ма́ю во́лі?
Моя́ во́ля зъ вітромъ въ по́лі
Десь шука́е до́лі.
О, коли́бъ я мавъ ту во́лю,
Що пта́шка... давно́ вже
Полетівъ би въ Украіну...
Та-ба́! стій, небо́же!

Украіно, Украіно!
Ажъ се́рце загра́е,
Якъ мині що́ на чужи́ні
Тебе́ нагада́е...
Онъ, вона́, лебе́дя біла!
(Серде́нько трепе́че!)
Тамъ ве́село со́нце ся́е,
Дніпръ хви́лями пле́ще, —
Дніпръ широ́кий, Дніпръ глибо́кий,
Якъ у да́вні по́ри,
Що носи́въ човни́ коза́цькі
На Чо́рнее мо́ре.
Я — на березі, дивлю́ся —
Чи не рай то́ ба́чу?
Туди́ ру́ки простяга́ю,
Якъ дити́на пла́чу!
О, на що́ насъ, рідна́ ма́ти
Пуска́ешъ відъ се́бе,
Коли́ на́ше ща́сте й до́ля
Тільки-що край те́бе?..

Були́ ча́си, сму́тні ча́си,
Якъ ти вся пала́ла
И слеза́ми — своіхъ дітокъ
Ра́ни обмива́ла.
Були́ ча́си — тяжкі ча́си —
Бода́й не верта́лись! —
Якъ поля́ твої и сте́пи
Кро́вью залива́лись,
Якъ съ кінця́ въ кіне́ць ірва́ли
Тебе́ зли́і лю́де...
Тільки жъ то́ було́ давно́ вже —
Більшъ, мабу́ть, не бу́де...
— Чого́ жъ ти така́ смутна́я?
Ту́га се́рце су́шить,
Безтала́нну голо́воньку
Недо́ленька кру́шить!
Що́ жъ тобі зъ тихъ да́вніхъ ча́сівъ, —
Що пройшли́ мовъ ла́ва, —
Що́ оста́лось, рідна ма́ти?.. —
»Си́ну! до́бра сла́ва!«

Филимонъ Галузенко.

ИЗЪ АНТОЛОГІІ.

I.

ЭЛЛАДА.

Го́лосно въ світі гула́ твоя́ чародійная сла́ва,
Зма́лку геро́ямъ твоімъ привика́въ дивува́тись школя́ръ;
Слёзи наро́дівъ текли́ на руіни твої; на колінях
Мо́вчки стоя́въ, гледючи́ на тебе́, заворо́жений світъ.

Шко́да сла́ви твое́і, вродли́вая, кра́сна краіно!
Шко́да твого́ Парѳено́на, шко́да теа́трівъ твоіхъ;
Шко́да Соло́новихъ правъ, хитромо́вних речей Демосѳе́на,
Шко́да вели́кої на́вить Тимоле́она души́.

Ти не спиня́ла дітей... вони́ гри́злись зъ собо́ю якъ звірі;
Ти все шука́ла свобо́ди — нікчемная гро́шей раба́!
Ти прославля́ла війну́ людоїдну, и въ Спа́рті прокля́тій
Панъ для потіхи пуска́въ злихъ на Ило́та соба́къ!...

Ти научала наро́ди втіка́ть до неволи одъ во́лі,
Ти запсува́ла найкра́щий не́ба восто́чного даръ...
Па́мьять посме́ртна твоя́ засліпля́ла маною намъ о́чи;
Ми, на тебе́ гледючи́, не ба́чили са́ми себе́.

II.

ДАВНИНА.

Якъ то недо́бре на світі було́,
Якъ світомъ безка́рні боги́ управля́ли!
Ма[illegible] прово́рний и хи́трий сино́къ
Всіхъ покрива́въ — и хапу́гъ и злодіївъ.
Зму́тить, бува́ло, чор'зна́е зъ чого́
Рідъ чоловічий Аре́й-гайдама́ка, —
Ллю́тця ріка́ми и слёзи и кровъ
За-для утіхи тихъ ле́жнівъ безсме́ртнихъ.
Якъ же заду́ма яки́й Проме́тей
Ро́зума світломъ прогна́ти темно́ту —
Сца́пають за́разъ боги́ молодця́
Та й оддаду́ть на пота́лу шулікамъ.
Въ той часъ Юпи́теръ якъ хо́че гуля́:
Дощъ золоти́й розсипа́е дівча́тамъ,
Чи переки́нетця бі́лимъ бичко́мъ —
Ска́че, мичи́ть, борика́е рога́ми;
Лю́де жъ, на шту́ки таки́ дивлючи́сь,
Го́лови мо́вчки побо́жно схиля́ють:
»Истино«, ка́жуть, »не вілъ се, а богъ...«
А Проме́тя нового нема́е...

1842.

Іеремія Галка.

I.

Гей-гей, воли́! Чого́ жъ ви ста́ли —
Чи ду́же по́ле заросло́,
Чи леміша́ гіржа́ поіла,
Чи затупи́лось чересло́?
Бади́лле зсо́хло, вже й вали́тця,
Лемішъ я до́бре насталивъ,
А чересло́ моє́ новеє...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Чи зсо́хло по́ле?
Чи плугъ у зе́млю не іде́:
Чи деревья́ная поли́ця
Тяжко́і ски́би не зведе́?
Земля́ пухка́я, плугъ не сто́гне
И ски́бу до́бру відвали́въ,
И борозна́ уже́ чорніе...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Зъоре́мо по́ле,
Насіемъ я́рого дзерна́,
Пройде́ разо́къ тонке́е ра́ло
И пробіжи́тця борона́;
А тамъ — диви́сь — зібра́лась хма́рка,
Дрібне́нький до́щичокъ поли́въ —
И ни́ва шо́вкомъ зеленіе...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Дзерно́ поспіе
И заколо́сятця поля́,
И ве́рне намъ за пітъ крива́вий
Изъ-ли́шкою свята́ земля́.
Тоді збира́й коло́сся по́вне
Та тільки Го́спода хвали́...
Чого́ жъ ви ста́ли, моі діти?
Пора́ наста́ла! Гей, воли́!

II.

Повій, вітре, на Вкраіну,
Де поки́нувъ я дівчи́ну,

Де поки́нувъ чорні о́чи...
Повій, вітре, съ полуно́чи.

Між ъ яра́ми тамъ доли́на,
Тамъ біле́нькая хати́на;
Въ тій хати́ні голу́бонька,
Голу́бонька-дівчи́нонька.

Повій, вітре, до східъ-со́нця,
До східъ-со́нця, край вико́нця. —
Край вико́нця постіль біла,
Постіль біла, дівча́ ми́ле.

Зупини́ся ни́шкомъ-ти́шкомъ
Надъ румья́нимъ бі́лимъ ли́чкомъ,
Надъ тимъ ли́чкомъ зупини́ся,
Чи спить ми́ла — подиви́ся.

Якъ спить ми́ла, не збуди́лась —
Нагада́й ій, съ кимъ люби́лась,
Съ кимъ люби́лась и кохалась,
И кохати присяга́лась.

Якъ забье́тця ій серде́нько,
Якъ дівча́ зітхне́ тяже́нько,
Якъ запла́чуть чо́рні о́чі —
Верта́й, вітре, къ полуно́чи.

А якъ ми́ла позабу́ла,
Якъ не́люба пригорну́ла —
Ти розвійся край доли́ни,
Не верта́йся зъ Украіни...

Вітеръ віе, вітеръ віе;
Се́рце ту́жить, се́рце мліе...
Вітеръ віе, не верта́е,
Се́рце зъ жа́лю замира́е...

Подолянинъ Ст. Руданській.

I.

ВЕЧІРЪ.

Чи зга́дуешъ, дівчи́нонько моя́,
Якъ зга́дую безъ те́бе я́
Той ве́чіръ ти́хий надъ водо́ю,
Якъ сумува́ли ми зъ тобо́ю,
Що Богъ намъ до́леньки не да́въ?..
Въ садо́чку солове́й співа́въ,
За га́й спуска́лось со́нце я́сне,
Плеска́лась ри́бка на воді...
»Отъ, ско́ро й Бо́жий день пога́сне,«
Сказа́ла ти тоді —
И загада́лась й зажури́лась,
Голо́вкою на ру́ченьку схили́лась —
И на рука́вця изъ очей
Слёза́ тихе́нько покоти́лась....

Бажа́въ я ба́чить світъ, люде́й, —
Та й ба́чивъ світъ, зъ людьми́ спізна́вся...
А все туди́ не разъ душе́ю рва́вся,
Де́ солове́й въ садку́ співа́въ; —
Въ той ве́чіръ ти́хий надъ водо́ю, —
Де́ сумува́ли ми зъ тобо́ю,
Що Богъ намъ до́леньки не давъ...
Нена́че тамъ я ща́сте похова́въ!

II.

ЖУРБА.

Стоіть гора́ висо́кая,
По-підъ горо́ю гай,
Зеле́ний гай густе́сенький,
Нена́че спра́вді рай.

Підъ га́емъ вье́тця річенька:
Якъ скло́ вона́ блищи́ть,
Доли́ною зеле́ною
Куди́сь вона́ біжи́ть.

Край бе́рега, у-за́тишку,
Привьязані човни́;
А три верби́ схили́лися,
Мовъ жу́рятся вони́,—

Що про́йде лю́бе лі́течко,
Повіють холода́,
Оси́плетця ихъ ли́стячко—
И понесе́ вода́.

Журю́ся й я надъ рі́чкою...
Біжи́ть вона́, шуми́ть,
А въ ме́не хи́ле се́рденько
И мліе и боли́ть.

Ой рі́течко, голу́бонько!
Якъ фи́лечки твої —
Пробі́гли дні щасли́вні
И ра́дості мої!

До те́бе, моя́ рі́ченько,
Ще ве́рнетця весна́;
А молодість... не ве́рнетця —
Не ве́рнетця вона́!...

Стоіть гора́ висо́кая;
Зеле́ний гай шуми́ть;
Співа́ють пта́шки го́лосно
И рі́течка блищи́ть...

Якъ хо́роше, якъ ве́село
На бі́лімъ сві́ті жить!...
Чого́ жъ у ме́не се́рденько
И мліе, и боли́ть?

Боли́ть воно́ та жу́ритця—
Що ве́рнетця весна́,
А мо́лодість... не ве́рнетця —
Не ве́рнетця вона́!...

Л. Глѣбовъ.

БАЙКИ.

I.

ДОЛЯ.

У дощову́ пилипівскую нічъ
Забра́всь Ива́нъ на пічъ,
Та й спочива́е;
Ажъ чу́е,—під вікно́мъ гука́е:
»Здоро́ві! ве́чіръ до́брий вамъ!«
— Здоро́въ! а хто́ ви та́мъ? —
Иванъ у про́сі обізва́вся.
»Хвортýна я; чи ждавъ мене́, чи сподіва́вся?«
— Не сподіва́вся, нічого брехáть... —
Встава́й же, го́ді спать;
Бери́ мішо́къ, вихо́дь хуте́нько;
Черві́нчиківъ копи́цю я найшла́ —
И чимале́ньку, —
Да це и до тебе́ прийшла́,
Щобъ и съ тобо́ю поділи́тьця,
Капійчина тобі згоди́тця...«
— Ось за́разъ одягнýсь. —
»Да йди и та́къ.« —Постій, підпережýсь... —
»Чи я тебе́ дождýсь?«
— Да дай, хоть чóботи надíну,
Да одягнýсь въ свити́ну... —

Поки́ Ива́нъ збіра́вся —
Обýвсь, одягсь, підпереза́вся,
Да вийшовъ зъ ха́ти—
Хвортýну помина́й якъ зва́ти!..
И слідъ ії прости́гъ...

Ива́нъ и рýки опусти́въ;
Вернýвсь у ха́ту, сівъ да на Хвортýну пла́че...

А я бъ ёму́ сказа́въ: не що́-бо-й що́, коза́че!
Не на Хвортýну — на себе́ жалкýй:
Тоді залізо куй,
Якъ ще воно́ гаря́че.

Р. В.

II.

ПРОХОЖІ ТА СОБАКИ.

Черезъ лева́ди та горо́ди
Два ку́ма йшло́ зъ весілля до госпо́ди.
Бредýть, бала́кають про що́сь...
Ажъ-о́сь —
Де́ не взяла́сь Соба́ка въ біса —
Чи зъ-підъ.ворітъ, чи изъ-за ліси —
Присікалася, ажъ вищи́ть...
Коли́ погля́нуть — ще́ біжи́ть
Мабýть съ деся́токъ, чи й не бі́льше.
Та якъ напа́ли, ба́тю мій!
Одна́ гара́здъ, друга́ ще гірше,
Кіндра́тъ маха́ ціпко́мъ мерщій.
»Ось не займа́й-лише́нь, Кіндра́те«,
Тутъ обізва́вся до ёго Климъ:
»Я іхъ натýру зна́ю, бра́те;
Відче́плються... ось-ну, ходімъ, —
Та не маха́й и не диви́ся...«
Отъ, и пішли́ вони́... идýть-собі та йдýть...
Соба́ки й спра́вді унялися,
А да́лі ста́ло вже й не чýть.

Отта́къ и завидни́і лю́де
(Вони́ е́ всю́ди!..)
Якъ що́ зави́дно імъ — куди́! —
Брехáти, мовъ соба́ки, ста́нуть...
А ти собі иди́ та йди́
Набре́шутьця, та й переста́нуть.

Л. Глѣбовъ.

СТЕ́ХИНЪ - РОГЪ(1).

Отцéва й мáтчина молúтва зі дна мóря виймáе,
Одъ грíхівъ смертéльнихъ дýшу одкупля́е...

(Дума о бурѣ на Чорномъ морѣ).

Въ мирное время, передвиженіе войскъ совершается чрезвычайно медленно. Послѣ двухъ небольшихъ переходовъ слѣдуетъ днёвка, и полкъ—часто случается—пройдетъ не больше ста верстъ въ недѣлю. Съ перваго взгляда, такое странствованіе покажется нестерпимо-скучнымъ, но кому приходилось *ломать походы*, тотъ вспоминаетъ объ нихъ съ удовольствіемъ. Перемѣна мѣстъ увлекаетъ; съ каждымъ днемъ, какъ въ калейдоскопѣ, все вокругъ мѣняется: иная природа, иныя лица, иныя нарѣчія. Походъ представляетъ неисчерпаемый источникъ для наблюденій. Есть возможность осмотрѣть все, освященное временемъ и исторіей; вглядѣться въ бытъ, въ нравы и обычаи жителей проходимаго края, прислушаться къ ихъ рѣчи, къ народнымъ толкамъ, пѣснямъ, повѣрьямъ и преданіямъ. Передъ вами живая книга: читайте ее и любуйтесь; передъ вами вѣчно-юная природа, свѣжая душа народа, истина неподдѣльная, неподкрашенная.

Полкъ, въ которомъ я служилъ, проходя черезъ Полтавскую губернію, имѣлъ ночлегъ и днёвку въ мѣстечкѣ Г—ѣ. Мнѣ сказали, что въ верстѣ отъ селенія находятся развалины древняго монастыря, основаннаго еще какимъ-то Переяславскимъ княземъ. Часовъ въ семь вечера, когда дневной жаръ спалъ, я отправился осмотрѣть развалины и полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ окрестностей мѣстечка.

(1) *Рогъ, рíгъ* — мысъ.

По склону высокой и крутой горы, тянулась просёлочная, довольно широкая, дорога. Влѣво, на самомъ гребнѣ горы, возвышались развалины монастыря, рѣзко обозначаясь на темной зелени дубоваго лѣса. Колокольня и кельи стояли безъ крышъ; на полуразрушенной оградѣ и массивныхъ воротахъ византійскаго стиля росли тощія березы, шпирель и трава. Одна только церковь нѣсколько уцѣлѣла отъ сокрушительнаго времени. Куполъ съ почернѣвшимъ крестомъ и крыша еще не обрушились и оконныя рамы, съ выбитыми стеклами, еще держались въ своихъ гнѣздахъ. Вокругъ зданія лежала, какъ завалина, масса осыпавшейся штукатурки; разметанные осколки стеколъ, оживленные лучомъ солнца, сверкали какъ алмазы. Монастырскій дворъ заросъ высоко крапивой, лопушникомъ и бурьяномъ, изъ котораго кое-гдѣ торчали деревянные кресты, уцѣлѣвшіе на могилахъ иноковъ. Нельзя было не замѣтить, что поселяне не увеличивали разрушенія святой обители: оконныя рамы нижняго этажа были не тронуты: плитнякъ на крыльцахъ не разобранъ; желѣзная обшивка на дверяхъ съ крючьями совершенно цѣла. Грустно было глядѣть на эти развалины; онѣ почему-то наводили на печальныя мысли и тяжелыя воспоминанія.

Отъ монастыря я перешелъ черезъ дорогу, и мнѣ представилась поразительная картина украинской природы. Днѣпръ, около двухъ верстъ въ ширину, величественно катился у самой подошвы обрывистой горы. Лучи заходящаго іюньскаго солнца горѣли яркими огнями на легкихъ облакахъ и отражались на зеркальной поверхности рѣки. Днѣпръ, по всему протяженію, сколько обнимали глаза, пламенѣлъ и сверкалъ, какъ огненная лава, ярко отдѣляясь отъ темной рамки противоложнаго берега. За рѣкой виднѣлась низменная степь съ селами и хуторами; даль, по мѣрѣ отдаленія, синѣла, туманилась, небосводъ постепенно понижался, пока совершенно не сливался съ землёю. По Днѣпру виднѣлись плывущіе байдаки, барки, дубы, плоты, а около береговъ сновали, по разнымъ направленіямъ, маленькіе, какъ орѣховая скорлупа, челноки рыбаковъ.

Я стоялъ надъ самымъ обрывомъ, и у моихъ ногъ разстилалась новая картина. Покатость горы до берега покрыта была кустарниками, живописно сгруппированными на холмахъ и въ разсѣлинахъ. Мѣстами росли столѣтніе дубы, липы, ясени и свидѣ-

тельствовали, что нѣкогда и здѣсь былъ такой же лѣсъ, какъ за монастыремъ. Надъ берегомъ выдавался, острымъ угломъ, каменистый мысъ, на высотѣ котораго обрисовался темными очертаніями статный козакъ,(1) въ высокой *смушевой* шапкѣ на-бекрень. Упершись локтемъ въ колѣно и склонивъ голову на руку, онъ сидѣлъ такъ неподвижно, что еслибы, по-временамъ, не вспыхивалъ дымокъ изъ его коротенькой трубки, то его можно было бъ принять за окаменѣлость.

Видъ на рѣку открывался еще болѣе съ того мыса, гдѣ сидѣлъ козакъ, и я, примѣтивъ въ сторонѣ дорожку, началъ спускаться съ горы. Кусты шипереля, шиповника и глода, осыпанные цвѣтомъ, по мѣрѣ приближенія къ берегу, разростались и дѣлались роскошнѣе. Мѣстами дорожка извивалась по чащѣ высокаго орѣшника, а мѣстами терялась въ глубокихъ рытвинахъ. На днѣ рытвинъ журчали ручьи, и, то двоясь, то соединяясь, вливались въ Днѣпръ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, я наконецъ выбрался изъ гущи кустовъ и очутился возлѣ самаго мыса.

Козакъ все еще сидѣлъ также неподвижно, не замѣчая моего приближенія.

— *Здоро́въ бувъ, коза́че!* — сказалъ я, слегка ударивъ его по плечу.

Козакъ вздрогнулъ, выпустилъ трубку изо рта и торопливо оглянулся. Увидѣвъ меня, онъ снялъ шапку и хотѣлъ-было приподняться, но я, положивъ ему руку на плечо, остановилъ порывъ его вѣжливости. Судя по козакину изъ тонкаго синяго сукна, китайчатымъ шараварамъ, засунутымъ въ юфтовые сапоги, видно было, что козакъ былъ *зна́чного ро́ду*. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на чубѣ и длинныхъ усахъ пробивалась сѣдина; черные глаза и загорѣлое лицо его были очень живы и выразительны.

»Сиди, сиди«, сказалъ я, »и я посижу съ тобою; *тутъ такъ га́рно!*«

— Да, *мі́сце не-аби́-яке́!* отвѣчалъ козакъ, протягивая ноги.

Утесъ, на которомъ мы сидѣли, возвышался надъ уровнемъ рѣки саженей на пять. Вправо отъ утеса загибалась коса, съ остроконечнымъ гребнемъ въ родѣ крыши, и врѣзывалась въ рѣку на

(1) Въ Малороссіи, *козаками* называются потомки прежняго козацкаго сословія, обращенные въ государственныхъ крестьянъ, съ сохраненіемъ за ними нѣкоторыхъ прежнихъ правъ.

нѣсколько саженей. Косу эту образовала, вѣроятно, часть упавшей горы, но если обвалъ и дѣйствительно случился, то очень давно, потому что камни и земляныя глыбы осѣли и заросли уже высокими деревьями. По ту сторону косы раздавался хохотъ, говоръ и визгливые крики женскихъ голосовъ.

»Кто это тамъ кричитъ?« спросилъ я.

— *Баби́;* тамъ ихъ купанье. Видите ли, со всѣхъ сторонъ *за́тишокъ*, и ни откуда ихъ не видно; вотъ онѣ тамъ и плещутся себѣ до самой ночи.

»Вишь, какія предусмотрительныя!«

— Такая ужъ, видите, глупая бабья натура: прячется, чтобъ на нее не взглянули, будто боится, чтобъ не сглазили. А какія смѣлыя, подумаешь,—прибавилъ значительно козакъ: — чего бъ и слѣдовало бояться, того не боятся!...

»Чего жъ имъ бояться?«

— Ка́къ—чего?—Козакъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ. — Правда! вы не *тушёшні*, продолжалъ онъ, вы — *переходомъ*, такъ не знаете; а если бъ знали, то и сами сказали бы, что *дідько* ихъ знаетъ, какія смѣлыя. Это мѣсто нехорошее, страшное, вотъ что́!

Козакъ нахмурилъ брови и задумался.

Я просилъ его разсказать, почему это мѣсто нехорошее и страшное, но онъ отнѣкивался.

— Поздно, — говорилъ онъ: — вотъ ужъ и солнце садится, не успѣю досказать, да *проти́ ночи́* не хорошо вспоминать объ этомъ... *цуръ ёмý!*

Я неотступно просилъ козака и наконецъ убѣдилъ его.

— Ну, ну, пожалуй, разскажу, если вамъ ужъ такъ захотѣлось; только обождите, люльку запалю.

Солнце скрывалось за гору, бросая лиловую тѣнь на Днѣпръ. Вечеръ свѣжѣлъ; въ воздухѣ разливался запахъ дикой фіоли, васильковъ и другихъ цвѣтовъ; соловьи заливались цѣлыми хорами.

— Знаете ли, ка́къ это мѣсто называется? — спросилъ меня козакъ, закуривая трубку.

»Не знаю.«

— *Стéхинъ-Рігъ;* та́къ люди назвали это урочище по одному случаю. Мнѣ объ этомъ расказывалъ мой прадѣдъ, старый-престарый *дідуга́нъ*, когда я еще былъ *хло́пцемъ*. Все лѣто онъ си-

дѣлъ въ своей пасикѣ, а на зиму приходилъ въ батькову хату и забивался въ свой уголъ, около печи. Вотъ тутъ-то для насъ, дѣтворы, и былъ праздникъ. Прадѣдъ мой мастеръ былъ разсказывать; кто его знаетъ, какъ онъ славно разсказывалъ! Бывало, только *каганéць* засвѣтятъ, такъ мы его со всѣхъ сторонъ и облѣпимъ. Ужъ онъ и знаетъ за-чѣмъ: »А какую вамъ разсказать, собачьи сыны?« спроситъ: (такой былъ добрый, пошли ему Господи царство небесное!) »веселую или страшную?« Страшную, страшную! закричимъ въ одинъ голосъ; и — что́ бы сказать веселую? можетъ-быть, она забавнѣе была бъ, такъ нѣтъ! разсказывай страшную! Бывало — *що́ й ка́зать?* — слушаешь дѣда, а тебя та́къ и коробитъ, та́къ сзади и обдаетъ холодомъ, а чубъ дыбомъ,-дыбомъ; страшно подъ лавку заглянуть; бывало, мать кликнетъ: »*а пу́те, ді́ти, вечéрять!*« такъ вздрогнешь, будто тебя *ді́дько* за ногу потянулъ: голосу родной матери испугаешься!

»Ну́, такъ вотъ-какъ мой прадѣдъ разсказывалъ намъ про *чудасію*, которая на этомъ мѣстѣ случилась.

— Давно, очень давно, еще когда ляхи съ козаками жили какъ братъ съ братомъ, когда все у нихъ было недѣленое — и горе, и радость, и корысть, — тогда наше мѣстечко было еще небольшимъ селомъ; кругомъ его былъ окопъ съ валомъ, а на валу стояла пушка.

На самомъ выѣздѣ изъ села, у рѣки, стояла убогая хатка одного бѣднаго козака, который промышлялъ рыболовствомъ. У него была жена и дочь Стеха, первая красавица во всемъ селѣ, такая, какъ говорится, что и во снѣ не увидать. Высокая, стройная, какъ *очеретинка*, лицомъ бѣлая, чернобровая, а глаза карiе да ясные *якъ зiркй*. Бывало, кто ее ни увидитъ, такъ къ землѣ и приростетъ, — очей отъ нея не отведетъ, — себя забудетъ.

Стехѣ пошелъ уже восемнадцатый годъ, а она все еще была точно малое дитя, — такая тихая, боязливая; не только на *вечорниці* и на *дóсвiткп* не ходила, да и по праздникамъ рѣдко съ подругами играла; все сидѣла дома, съ матерью. А когда, бывало, какой-нибудь паробокъ кинетъ на нее окомъ, такъ она потупится и покраснѣетъ, словно маковка. Видите ли, очень была стыдлива, ужъ такъ стыдлива, что когда въ воскресенье надѣвастъ чистую сорочку, такъ отъ родной матери прячется; а когда мажетъ

хату, то хоть и сорочку запачкаетъ, а не подоткнется. Лѣтомъ, какой бы зной ни былъ никогда не ходила купаться, съ дівчатами, а купалась одна-одинёхонька въ полночь, когда всѣ люди въ селѣ спали. Бывало, мать начнетъ ей выговаривать: »*дурна́*, чего ты боишься, чего стыдишься?« а она молчитъ да по своему дѣлаетъ.

И въ селѣ забыли бы, что есть на свѣтѣ Стеха, если бъ иногда, въ поздній вечеръ, заунывная ея пѣсня не разносилась по всей околицѣ; а голосъ у нея такой былъ, что и разсказать нельзя!.. Кто бъ ни заслышалъ ея пѣсню — *ударитъ и лихомъ объ землю*, и духъ притаитъ: слушаетъ и не наслушается. Случалось, что байдакъ плыветъ себѣ спокойно по-серединѣ Днѣпра; вдругъ лоцманъ заслышитъ пѣсню Стехи, повернетъ къ берегу, плыветъ, плыветъ, плыветъ и не опомнится, какъ наткнется на мель. А она, сердечная, и не знаетъ, что такъ заслушиваются ея, а еслибъ знала, то и замолкла бъ, какъ испуганный *соловейко*. Такая-то была Стеха!

На этомъ самомъ мѣстѣ она купалась (козакъ указалъ на мысъ). Въ то время здѣсь было плесо, а кругомъ дремучій лѣсъ. Не боялась приходить она и въ темную ночь, лишь бы только никто ея не видалъ; а того и не знала, что на этотъ камень, на которомъ мы теперь сидимъ, выползалъ подводный царь-*синько́ водяни́й* (какъ старые люди называютъ) и грѣлся на мѣсяцѣ.

Разъ, когда онъ выползъ изъ своего *криштале́вого пала́ца* и разпластался на этомъ камнѣ, прибѣжала Стеха купаться. Смѣло сняла она сорочку, вышла изъ кустовъ и остановилась около самого плеса. Полный мѣсяцъ такъ и окатилъ свѣтомъ ея бѣлое тѣло; стоитъ Стеха, какъ вылитая изъ чистаго сребра, — только коса, чернѣе *гра́йворона*, колышется ажъ у самого колѣна. Стоитъ Сте́ха, то ножкой играется съ волною, то ручки протянетъ надъ водою, будто поплыть хочетъ, или сложитъ на груди, будто сама собой любуется; а *дідуга́нъ* смотритъ, смотритъ, совсѣмъ прилипъ къ камню и духъ притаилъ, только жабрами водитъ, какъ сомъ. Много у него русалокъ, красивыхъ лицомъ и станомъ, а такой, какъ Стеха, не бывало! Постоявъ немного, Стеха окунулась, но не пошла въ глубь — боялась, а только играла и плескалась возлѣ берега, чуть не подъ самимъ носомъ *дідуга́на*: то окунется, то вытянется по-верхъ воды, то покатится по бѣлому песочку. Выкупавшись, Стеха вернулась домой и давно ужъ

заснула, а подводный царь все еще не могъ опомниться: лежалъ, сопѣлъ и все придумывалъ — какъ бы причаровать къ себѣ дѝвчину и завербовать ее въ русалки. Извѣстно, что если такая *пóгань* что́ затѣетъ, то рѣдко не поставитъ на своемъ. Вотъ подводный *дідуга́нъ* и сталъ наводить чары на бѣдную Стеху. Въ явѣ онъ не показывался ей на глаза, а все являлся во снѣ, разсказывалъ ей о своихъ богатствахъ, о хрустальныхъ палацахъ, и во всемъ старался угодить ей. На томъ мѣстѣ, гдѣ она купалась, наносилъ на дно чистаго песку, убралъ камышки. Бывало, когда отецъ ея поѣдетъ ловить рыбу одинъ, то развѣ только лягушку вытянетъ, а какъ возьметъ съ собой, на-счастье, дочку, то *дідуга́нъ* нагонитъ ему въ неводъ цѣлый возъ рыбы на отборъ. Станетъ Стеха купаться, *дідуга́нъ* перекинется волною, моетъ ее, носитъ на себѣ, а она думаетъ, что сама плаваетъ,—не стала бояться и глубины; а подводный *дідько* всё ее дальше и дальше заводитъ. Да не того ему хотѣлось; ему надо было не утопить ее, а чтобъ она сама сгубила свою душу: вотъ тогда бъ только она стала русалкою.

Разъ, когда Стеха купалась, не снявъ съ шеи мониста, *дідуга́нъ* и отцѣпилъ его. Жаль ей стало мониста: она и ну нырять, все ощупью ищетъ да ищетъ по дну, и нашла — вытащила; смотритъ: не ея монисто: не красное, а бѣлое, — крупное, какъ вишня и такъ сіяетъ, какъ радуга. Увидѣла мать и спрашиваетъ: »гдѣ ты, *до́ню*, взяла это монисто?« а Стеха смѣется: »мнѣ«‘ говоритъ. »подводный царь подарилъ.« И разсказала матери, ка́къ нашла его. »Хорошее«, говоритъ мать, »да жаль твоего, что́ еще отъ пра́бабы досталось.

Не хитрый же былъ и подводный *дідуга́нъ!* Не прошло недѣли, какъ въ наше село пришла команда *жовні́ровъ:* привелъ ее красивый и статный Ляхъ, панъ ротмистръ, еще молодой,—только-что усъ пробился. На встрѣчу жовнірамъ высыпалъ изъ села народъ, дитвора, а больше всего *жонкі и дівчата;* какъ-то туда замѣшалась и Стеха съ матерью. Какъ завидѣлъ ее панъ ротмистръ, заразъ повернулъ коня и подъѣхалъ къ ней. Такъ у него глаза и разбѣжались: не знаетъ, на что́ смотрѣть: монисто хорошее, а дівчина еще краше: »гдѣ ты достала, *моя кралечко*, такое пречудное монисто?« спрашиваетъ панъ ротмистръ; а мать отвѣчаетъ смѣясь: »подводный царь ей подарилъ.« — »Продай мнѣ, див-

чино«, говоритъ панъ ротмистръ: »сколько захочешъ, столько и заплачу́ тебѣ!« А Стеха покраснѣла, потупилась и взглянуть не смѣетъ. »Что́ пожалуете, вельможный панe«, отвѣтила за нее мать, »тѣмъ и будемъ довольны.« Вотъ панъ ротмистръ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ съ дукатами и подалъ его Стехѣ, а мать отцѣпила монисто и отдала его пану ротмистру. Тутъ Стеха, нехотя, подняла глаза, и какъ увидѣла молодаго ротмистра, такъ у ней и ёкнуло сердце, и вся кровь заиграла и загорѣлась. Сердце у дивчины, на-порѣ, отъ молодецкаго взгляда, какъ зерно на нивѣ послѣ теплаго дождика, наполнится и проростетъ.

Того только и хотѣлъ подводный *дідуга́нъ*, чтобъ Стеха *закоха́лась*.

Сильно обрадовались дукатамъ Стехины батько и матерь; построили себѣ новую хату, большую, на двѣ половины, одну — для себя, другую для будущаго зятя; батько накупилъ такихъ неводовъ, что за четверть Днѣпра хватаютъ, а дочку одѣлъ не хуже какой-нибудь *сотникі́вны*. Да не до того теперь Стехѣ. Смутно было у ней на умѣ, тяжело на сердцѣ; затихла пташка, голоска́ не подастъ, и не узнать ея: не прячется болѣе въ густыя черешни, а все, знай, возлѣ плетня снуетъ да высматриваетъ. И панъ ротмистръ, изъ веселаго, такой сталъ задумчивый, и куды бъ ни пошелъ, такъ его и притянетъ къ Стехиному садочку. А она только завидитъ пана ротмистра, — и притаится за плетнемъ, и смотритъ на него, смотритъ, а сердечко токъ-токъ-токъ, какъ у перепелочки, когда завидитъ ястреба. Зорокъ былъ и панъ ротмистръ, не долго пряталась отъ него Стеха. Сначала заговорили они межъ собой черезъ плетень, а тамъ панъ ротмистръ перелѣзъ и въ садочокъ, и за бѣлыя руки взялъ, и къ сердцу приголубилъ... Опять запѣла наша пташка и ужъ не нашу пѣсню, а веселую, лядскую, да только не долго, бѣдняжка, пѣла: поднялась война съ туркомъ и пану ротмистру пришолъ приказъ, чтобъ онъ отправился съ своими жовнирами по дорогѣ въ Туреччину.

Горько было разставанье Стехи съ паномъ ротмистромъ, да что́ дѣлать: война съ *бузувіромъ*, такъ тутъ не до любови. Прощаясь, панъ ротмистръ надѣлъ Стехѣ на палецъ драгоцѣнный перстень и поклялся, что когда вернется благополучно съ войны, то непремѣнно на ней женится.

Тоскуетъ Стеха въ разлукѣ съ милымъ, задумывается, а порой вспомнитъ свое счастье и развеселится. И почудится ей, что панъ ротмистръ уже вернулся съ войны, и любитъ её больше прежняго; — она ужъ больше не прячется съ нимъ въ садочку да по лѣснымъ затишьямъ, а живетъ вмѣстѣ, по закону, сидитъ въ палацѣ обнявшись и ножкой колышетъ колыску съ сыномъ. Да не такъ на свѣтѣ дѣлается, какъ думается! Подводный *дідуганъ* не дремалъ: только-что панъ ротмистръ выступилъ въ походъ съ *жовнірамі*, онъ такъ и кинулся подземными *жерелами* къ рѣкѣ Дунаю, и сторожитъ его тамъ.

Въ старину не умѣли, какъ теперь, наводить мосты черезъ такія широкія рѣки, какъ нашъ Днѣпръ или Дунай; пѣшее войско переправлялось на дубахъ, а конница вплавь. Вотъ, когда пришелъ къ берегу съ своими жовнѣрами панъ ротмистръ, то, не долго думавши, и поплылъ черезъ Дунай. Только добрался до быстрины, а дідуганъ цапъ его за ногу, да и затасовалъ на самое дно. На войнѣ чего не случается? не велика бѣда, что утонулъ: однимъ только меньше. Такъ думаютъ люди, а того не знаютъ, что для родной матери, или коханки, въ немъ одномъ погибло все на свѣтѣ!...

Когда вѣсть о смерти пана ротмистра дошла до Стехи, она, бѣдная, словно *збожевóліла* (1). По нѣскольку дней сряду, бродила по лѣсамъ, какъ дикая кошка; не на долго навѣдается въ хату и опять безъ вѣсти пропадетъ. Что́ ни дѣлали отецъ и матерь — ничто́ не помогало; какъ ее ни допрашивали, молчитъ и не жалуется на свою долю. Случалось людямъ встрѣчать Стеху въ лѣсу, такъ едва могли признать ее — та́къ извелась. Глаза такіе жъ карiе, ясные, да такъ страшно смотрятъ, что морозъ подираетъ по кожѣ; коса разметалась, сама она блѣдная, какъ полотно, сорочка въ лохмотьяхъ. Вотъ такъ-то, сердечная, билась она съ своимъ горемъ, билась, — и какъ выплакала всѣ свои слёзы — свѣтъ ей опротивѣлъ. Разъ, на Ивана-Купала, пришла она на этотъ камень, постояла-постояла, понуривши голову, а потомъ подняла руки, вскрикнула — и бухъ въ воду. Подводный *дідуганъ* уже ждалъ ее, сидя тутъ подъ кручей. Только что она...«

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ зашумѣла и зако-

(1) Помѣшалась.

лыхалась вода, и въ ту жъ минуту на поверхности показались голова и бѣлыя плечи плывущей женщины.

— Здравствуй, дядьку!—закричала русалка, сплеснувъ руками.

Внезапность испугала насъ обоихъ, въ особенности козака.

»Святъ, святъ!« пробормоталъ онъ, быстро вскакивая на ноги и устремляя на русалку взглядъ полный ужаса.... »Стеха, Стеха!« Закричалъ онъ, растопыря руки: »чтобъ тебя дідько ухватилъ!... Тьфу, до смерти перепугала!..«

— Стеха?! спросилъ я.

»Стеха!« отвѣчалъ козакъ, успокоиваясь: »да только не та, а живая! чтобъ ее... *нехай здорова буде!* Да ловко же подкралась: шутка ли ажъ вонъ откуда вынырнула. Вѣдь она у насъ ныряетъ какъ норецъ, какъ вѣдьма какая держится на водѣ и не тонетъ!«

Стеха заливалась звонкимъ хохотомъ и, желая выказать свое искусство, плавала легко и красиво, то взмахивая руками, кружась и ныряя, то спокойно лёжа и чуть колеблясь на поверхности воды.

»Ну, эта«, замѣтилъ я, »не боится, чтобъ ее не сглазили!«

— Дура,—пробормоталъ козакъ, ухмыляясь:—она думаетъ, что коли съ низкаго берега не разглядишь человѣка въ водѣ, такъ тоже и съ высокаго: дура, на вѣки дура! — говорилъ онъ, щурясь и не сводя глазъ съ прельщавшей его Стехи.

»*Дівчина чи молодиця?*«

— *Молодиця*.... Еще не давно замужемъ... Славная, нечего сказать, *дідько* ея не взялъ. Посмотрите, словно выточеная, а бѣла, бѣла какъ молоко.

Козакъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ; да и нельзя было не залюбоваться Стехой. Къ красотѣ мѣстоположенія только и не доставало русалки; внезапное появленіе Стехи какъ-будто осуществило фантастическій разсказъ козака.

Не долго забавляла насъ Стеха. »Прощайте!« вскрикнула она, погружаясь; бѣловатая полоса проскользнула за окраину мыса и изчезла.

— *Бісова молодиця*... чтобъ ее... говорилъ козакъ, ковыряя указательнымъ пальцемъ въ потухшей трубкѣ:—чортъ знаетъ какъ было, испугала!

»Да за то и потѣшила!« замѣтилъ я.

— Нечего сказать, потѣшила!.. — Козакъ захохоталъ и закрутилъ головою.

Солнце зашло; наступали сумерки; даль потемнѣла; поверхность Днѣпра приняла цвѣтъ полированной стали. Барки, байдаки и плоты причалили къ берегу на отдыхъ. Огоньки засверкали и синеватый дымъ, словно прозрачная пелена, разстилался надъ берегомъ. Украинскія мелодіи сливались съ великороссійскими и бѣлорусскими пѣснями; дребезжала сопѣлка; вдали щелкали перепела, трещали коростели, гудѣлъ бугай (1), а возлѣ насъ свистали пастушки (2), ворковали горлицы и еще громче заливались соловьи.

Козакъ сосалъ трубку и, подперши ладонью подбородокъ, весь погрузился въ свою думу.

»Ну, козаче, досказывай«, заговорилъ я, дергая его за рукавъ: »уже вечеръетъ.«

— Да!—пробормоталъ козакъ, потирая лобъ:—на чемъ-бишь я остановился?..

»Ну, вотъ какъ кинулась въ воду Стеха, подводный царь схватилъ ее, перекинулъ въ русалку и помчалъ въ свой палацъ. И палацъ же былъ на удивленье! стѣны, потолки, крыша, все изъ чистаго скла, столы, лавки, скамейки изъ самоцвѣтныхъ камней, а полъ посыпанъ мелкимъ, какъ макъ, жемчугомъ.

Когда увидѣли дідьковы русалки Стеху, то словно тертаго хрѣну понюхали. Живьемъ бы ее съѣли: (вѣдь бабы презавистливы, гдѣ бы ни были, на землѣ или подъ водой, всѣ на одинъ ладъ): только не ихъ воля, не ихъ и сила: ничего не сдѣлаютъ. *Синько-водяной* прогналъ отъ себя всѣхъ русалокъ и зажилъ съ одной Стехой. Разсердились русалки, стали межъ собой совѣтоваться, какъ бы имъ сбыть Стеху... Была между ними одна русалка, хитрая-прехитрая, ехидная, какъ змѣя подколодная, а умѣла прикидываться такой добренькой, какъ говорится »*ангельскій голосокъ, а чортова думка.*« Еще при жизни она была вѣдьмой, изъ нашего таки села, да разъ попрятала дожди, а тутъ, ей на бѣду, нашелся такой знахарь, и утопилъ ее проклятую; она и попала къ подводному дідугану въ русалки. Да, хоть она была и русалка, а *вьдёмства* своего все-таки не забывала; вотъ она и взялась спровадить

---

(1) Выпь. Болотная птица. Ее называютъ бугаемъ потому, что крикъ ея напоминаетъ ревъ бугая (быка).

(2) Маленькая птичка.

Стеху... Заразъ поддобрилась къ *дідуга́ну* и впросилась къ Стехѣ работницею: такая услужливая, угодливая, все Стехѣ разсказываетъ про ея отца и матерь, какъ они за нею убиваются да плачутъ; а Стеха слушаетъ и все больше мучится и тоскуетъ. Дідуганъ чего не дѣлалъ! Чтобы развеселить Стеху, затѣетъ подводныя игрища: раки осѣдлаютъ осетровъ и бѣгаютъ въ запуски, какъ люди на скакунахъ; черепахи, какъ собаченки, на двухъ лапкахъ танцуютъ; а иногда разберутъ на своры щукъ и сомовъ, будто борзыхъ, и поѣдутъ на охоту, травить рыбу, какъ мы зайцовъ... Ужъ и не помню всего, что́ прадѣдъ разсказывалъ: бывало, какъ начнетъ выдумывать да своего додавать, то слушаешь, слушаешь и отъ смѣха ажъ за животы берешься. Ну, такъ, говорю, что́ ни дѣлалъ дідуганъ, чего не придумывалъ, никакъ не могъ развеселить Стехи; все сидитъ себѣ понуривши голову, и не усмѣхнется.

Вотъ русалка и стала ее спрашивать: не хочетъ ли побывать у своего батька и матери? »Хочу, сестричко«, говоритъ Стеха, »хоть-бы мнѣ взглянуть на нихъ!«— »И увидишь«, говоритъ русалка, »и услышишь ихъ голосъ, и будетъ тебя мать въ рукахъ держать: только слушайся меня и дѣлай все, что́ я ни скажу.«—»Что́ хочешь«, говоритъ Стеха, »то́ со́ мною и дѣлай.«

Разъ, когда подводный дідуганъ, отправился осматривать свое подводное царство, вѣдьма-русалка обернула Стеху въ *пли́точку* (плотву) и пустила ее въ *ятерь* ея батька. Подъ вечеръ пришелъ батько. Увидѣвъ, что въ ятерѣ всего одна рыбка, не хотѣлъ было брать, а потомъ подумалъ, что ихъ теперь только двое, — не много имъ нужно; взялъ дочку, положилъ въ мѣшочекъ и принесъ домой. Боже милостивый, какъ Стеха обрадовалась, увидѣвши *роди́ну*, кровныхъ: ажъ затрепеталась! А они-то, горемычные, отъ тоски и печали такъ извелись, что узнать трудно: у *отца* чубъ побѣлѣлъ, а у матери глаза покраснѣли и запухли отъ слезъ. Взяла мать ножъ и ну оскребать чешую: и что́ же? Стехѣ такъ хорошо, такъ любо въ рукахъ матуси родненькой, ажъ спинку выгибаетъ отъ радости. Выпотрошила мать *пли́точку* и въ горшокъ съ кипяткомъ бросила, а Стехѣ все также хорошо, и огонь, разведенный матусею не жжетъ ея. Когда плиточка сварилась, мать вынула ее изъ горшка, положила на кленовую тарелочку и поставила на столъ. Сѣли старики вечерять, да ѣда нейдетъ имъ на умъ. Сидѣли, сидѣли и вспомнили о своей несча-

стливой Стехѣ: »осиротила насъ«, говоритъ батько, »нѣкому болѣе радовать и утѣшать насъ!« а мать также всхлипываетъ, да приекаетъ: »кто за нами старыми да немощными присмотритъ! кто закроетъ намъ очи, кто насъ оплачетъ когда умремъ, и помолится за насъ грѣшныхъ?« Не увидимъ ея ни въ сей жизни«, говоритъ батько, »ни въ будущей: сгубила она душу свою!.. Боже милостивый!« заголосили старики, »помилуй ее грѣшную, неразумную, несчастливую!..« сидятъ да молятся, а слёзы капаютъ на тарелочку и обмываютъ плиточку, а душа Стехи, какъ отъ *живущей и сцѣлющей воды*, оживаетъ, оживаетъ; теплая молитва дошла до Господа... милосердный Богъ помиловалъ грѣшную!.. Очнулись старики, видятъ—нѣтъ болѣе на тарелочкѣ плиточки, а лежатъ голубенькіе цвѣточки; не успѣли опомниться отъ одного чуда, какъ имъ послышался милый и знакомый голосъ, голосъ Стехи!

»Наша Стéха!« закричали старики, всплеснувши руками, и опрометью выбѣжали изъ хаты. Обѣжали кругомъ, приглядываются: никого нѣтъ; ночь темная, ни звѣздочки,—только холодный осенній вѣтеръ завываетъ, свѣвая съ деревьевъ сухое листье. Тутъ они спознали, что Богъ услышалъ ихъ молитву; вошли въ хату и легли спать. Когда мать заснула, Стеха явилась къ ней во снѣ, вся въ цвѣтахъ, такая веселая, румяная, какою она была до прихода пана ротмистра. И разсказала она матери всё, что́ я вамъ сказалъ, какъ дiдуганъ ее сгубилъ, какъ вѣдьма оборотила ее въ плиточку и какъ молитва батька и матуси *визволила* грѣшную ея душу.

Тѣмъ временемъ подводный дiдуганъ возвратился въ свой хрустальный палацъ; смотритъ—нѣтъ Стехи; какъ пронюхалъ, что съ нею сталось, то и разсказать нельзя какъ разлютовался. Сейчасъ собралъ съ половины свѣта тучи, изъ подземельныхъ жерлъ выпустилъ вѣтры, со всѣхъ рѣкъ стянулъ воду. Загремѣла буря, какой отъ созданія міра еще никто не видѣлъ, полилъ дождь какъ изъ ведра и Днѣпръ надулъ свою гриву и расколыхался, какъ весной въ полную воду, и ревѣлъ и стоналъ, сердечный. Трое сутокъ лилъ дождь, дули вѣтры, ажъ земля колебалась и была такая темень, какъ ночью. Дiдуганъ, должно быть, хотѣлъ перевернуть всю гору съ нашимъ селомъ, да ничего не доказалъ. Подмылъ только въ этомъ мѣстѣ и свалилъ порядочный кряжъ въ Днѣпръ. Но что ни дѣлалъ, какъ ни бѣсился, а Стеху все таки нужно было вернуть; вотъ онъ и

выбросилъ ея трупъ, вотъ на эту горку. Козакъ указалъ въ лѣво на небольшое возвышеніе.

Когда все *утихомирилось*, народъ сбѣжался сюда, посмотрѣть на проказы подводнаго дідугана и увидѣлъ трупъ Стехи. Сказали объ этомъ ея батьку и матери; прибѣжали старики, плакали, убивались и похоронили. Попъ отказался было отпѣвать самоубійцу, но мать разсказала ему какъ Богъ помиловалъ Стеху, и батюшка сотворилъ надъ нею христіанское погребеніе.«

— Гдѣ она погребена?

»На той же горкѣ, на которую ее выбросилъ дідуганъ. Недалеко отсюда, мы будемъ проходить около самой могилы, я вамъ ее покажу.«

Полная луна подпялась надъ горизонтомъ и набросила серебристый покровъ на окрестности. Днѣпръ, мѣстами, казался бездонной пропастью, въ глубинѣ которой яркія звѣзды сверкали, какъ алмазы на черномъ бархатѣ; мѣстами — отливался, блестѣлъ сребристой чешуей. Прибрежные огоньки разгорѣлись и отсвѣчивались въ пучинѣ, огненной колонадой. Ночь была теплая, тихая; ни одно деревцо не колыхалось, ни одинъ листочикъ не шевелился.

Козакъ всталъ, и я за нимъ. Пройдя въ гору около сорока шаговъ, онъ остановился возлѣ довольно высокаго креста.

»Вотъ вамъ и Стехина могила,«—сказалъ онъ, снимая шапку и крестясь.

Не замѣтно было и признаковъ возвышенія; поверхность земли была совершенно ровная и покрыта мелкой травой. Одинъ только крестъ указывалъ мѣсто Стехиной могилы.

»Навѣрное Богъ ее помиловалъ«, важно продолжалъ козакъ, »когда и люди ее простили!.. Никто не помянетъ Стеху лихомъ; рѣдкій изъ жителей нашего мѣстечка, молившись за упокой душъ своихъ родичей, не помянетъ и Стехи. Какъ истлѣетъ и повалится крестъ на ея могилѣ, найдется добрая душа и поставитъ новый. Кто ни пройдетъ мимо ея могилы, всякій вспомянетъ несчастную и помолится. Старикъ проситъ Бога, чтобы не наказалъ тѣмъ же лихомъ и его дѣтей, дівчина, чтобы не послалъ и ей такой же доли. Кажется, пока свѣтъ стоитъ, не забудутъ Стехи, будетъ стоять крестъ на ея могилѣ, а урочище это называться *Стéхинъ-Рігъ*. На Ивана Купала собираются сюда дивчата и парубки, раскладываютъ костры дровъ, веселятся и прыгаютъ черезъ огонь.

Въ этотъ день усыпаютъ могилу Стехи цвѣтами, а на крестъ вѣшаютъ вѣнки изъ барвинка и васильковъ. Дивчата даже думаютъ, что стыдливая Стеха для нихъ и купальню такую устроила, что ни съ которой стороны не видно ихъ, когда онѣ купаются.«

Возвращаясь въ мѣстечко, козакъ не умолкалъ; между прочимъ далъ мнѣ замѣтить, что онъ не изъ простыхъ.

»Вѣдь и я тоже«, говорилъ онъ, »почти военный: и дѣды и прадѣды мои воевали съ басурманомъ, и сынъ у меня также на службѣ. И еще гдѣ! Въ *Петенбурхѣ*, въ гвардіи!...

— Въ которомъ полку?

»Въ самой кавальгардіи!«

»Давно?

»Шестой годъ. Пишетъ, — хвалится, что ему тамъ хорошо, только жалуется, что въ казармахъ лѣтомъ душно, а зимой холодно, и по варениках скучаетъ.

Проходя улицей, онъ остановился возлѣ дома, покрытаго тесомъ, о пяти окнахъ, съ затѣйливыми воротами, шинкомъ и сараями, все изъ хорошаго рубленаго лѣса.

»Вотъ и моя хата«, сказалъ онъ, снимая шапку и низко кланяясь: »прощайте, *на добра́-нічъ*.«

— Прощай, козаче, — отвѣчалъ я, пожимая его руку: — прощай, спасибо тебѣ за Стеху.

»Да, не забывайте нашей Стехи и не вспоминайте лихомъ и Марка Порохню. Прощайте!«

Ал. Стороженко.

ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ Н. В. ГОГОЛЯ

ДЛЯ

ДРАМЫ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРІИ.

НѢСКОЛЬКО ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

До сихъ поръ мы знали только по слухамъ, что Гоголь писалъ драму изъ исторіи Украйны, но не находили никакихъ слѣдовъ этого литературнаго труда. Покойный С. Т. Аксаковъ, въ »Воспоминаніяхъ« своихъ, сообщенныхъ мнѣ для *Записокъ о Жизни Гоголя* (т. I, стр. 252) пишетъ: »Въ 1839 году Гоголь говорилъ мнѣ, что, кромѣ труда завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, т. е. *Мертвыхъ Душъ*, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ,—что это его давнишнее любимое дитя,—что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ, и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу.«

Въ то же самое время и для той же работы, Ѳ. В. сообщилъ мнѣ другой фактъ, относящійся, надобно думать, къ той же драмѣ (см. тамъ же, стр. 330): ».... На замѣчаніе мое объ отсутствіи драмы въ *Мертвыхъ Душахъ*, Жуковскій отвѣчалъ мнѣ: »Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ. Знаете ли, что онъ написалъ было трагедію? Читалъ онъ мнѣ ее во Франкфуртѣ. Сначала я слушалъ; сильно было скучно; потомъ рѣшительно не могъ удержаться и задремалъ. Когда Гоголь кончилъ и спросилъ, какъ я нахожу, я говорю: »Ну, братъ Николай Васильевичъ, прости, мнѣ сильно спать захотѣлось.« — »А когда спать

захотѣлось, тогда можно и сжечь ее«, отвѣчалъ онъ, и тутъ же бросилъ ее въ каминъ. Я говорю: »И хорошо, братъ, сдѣлалъ.«

Еще мы знаемъ, что Гоголь, въ первый свой пріѣздъ въ Москву, говорилъ о какой-то драмѣ М. С. Щепкину: »Ну, Михайло Семеновичъ, будетъ вамъ славная работа: у меня есть драма за выбритый усъ, въ родѣ *Тараса Бульбы*. Я скоро ее окончу.« Михайло Семеновичъ имѣлъ неосторожность спросить объ этой драмѣ у Гоголя при свидѣтеляхъ. Гоголь отперся и отвѣчалъ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго; но, выходя изъ комнаты, шепнулъ г. Щепкину: »Болтунъ, ничего больше не скажу!«

Вотъ все, что́ было извѣстно намъ до сихъ поръ о драмѣ Гоголя. Ни С. П. Шевыревъ, пересматривавшій бумаги Гоголя вскорѣ послѣ его смерти, ни племянникъ великаго писателя, П. П. Трушковскій, не открыли никакихъ остатковъ этой драмы, ни даже намековъ на нее. Я самъ, пересматривая много разъ бумаги Гоголя при изданіи его *Сочиненій и Писемъ*, остался въ убѣжденіи, что слѣды украинской драмы его изчезли. Но, вотъ, недавно, перелистывая выписки Гоголя изъ разныхъ книгъ по предмету русской и всеобщей исторіи — работу учительскаго періода его жизни, я открылъ листъ ярко-зеленой бумаги, сложенный въ осьмушку и исписанный въ разныхъ мѣстахъ по три, по четыре, по десяти строкъ, изъ которыхъ, однакожъ, никакъ нельзя было догадаться, что́ это такое, — тѣмъ болѣе, что писано это самымъ небрежнымъ почеркомъ. Перелистывая одинъ за другимъ эти наброски, я напалъ наконецъ на одно мѣсто съ подчеркнутою надписью: *Какъ должно создать эту драму*. Я перебралъ тогда всѣ лоскутки бумаги съ брошенными на нихъ кусочками мыслей, которыя, до сихъ поръ, я не зналъ куда отнести, и такимъ образомъ составилъ предлагаемую статью, несомнѣнно удостовѣряющую, что драма дѣйствительно существовала, если не на бумагѣ, то въ умѣ Гоголя. О времени, въ которое сдѣланы эти наброски, можно судить по бумагѣ, на которой просвѣчивается штемпель фабрики: »J. Whatman Turkey Mill 1838«.

Пользуясь драгоцѣнной для меня довѣренностію почтенной матери великаго нашего поэта, я приношу, отъ ея имени, этотъ малый, но безцѣнный, въ своемъ родѣ, даръ новому украинскому журналу, какъ замогильное напутствіе писателя, которымъ наша родина по справедливости гордится.

П. Кулишъ.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебренное сіяніе, и въ роскошное дыханіе юга.

Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестерпимаго блеска.

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удаливших(ся) вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ козацкимъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потопъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый лаконизмъ воли и свободы, и въ ужасный, дышущій дикимъ мщеніемъ, порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные, несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное и дикое, не-человѣческое великодушіе.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ.

—

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? по-прежнему ли ты глядишь на своего люби(мца) (1) и горишь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ, и такъ же ли, по-прежнему, ли смѣется мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! такіе ли звуки, такіе снуются и дрожатъ въ тебѣ, *которые мнѣ одному ты давалъ слышать* (2) въ то время, когда... передъ окномъ, на груди рубашка раздернута, и грудь и шея моя *тебѣ* (3) на стрѣчу, *а* божественный (4) чудесный *освѣжительный* (5), утомительный, дышущій нѣгой и благовоніемъ рай(скій) небесн(ый) вѣтеръ ночной, дышущій радостнымъ исполненнымъ молод(ости), холодомъ, вѣтеръ урывками обнимаетъ меня и обхватываетъ своими объятіями и убѣг(аетъ) и вновь возвращается обнимать меня, а черныя... массы лѣсу, нагнувшись издали глядѣли... стоялъ торжеств(енн)о несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О небеса! какъ загорѣлось все, какъ вспых-

(1) *Сверху, другими чернилами, написано*: не измѣнившагося ни годами, ни (у)тратами.

(2) *Курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами, а надъ ними сверху написано*: Я клянусь, я слышалъ эти звуки; я слышалъ ихъ одинъ.

(3) *Это и слѣдующія курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами. Надъ слѣдующимъ затѣмъ словомъ начинается приписка другими чернилами*: ночному, освѣжительному ночному вѣтру, какой...

(4) *Другими чернилами сверху*: какой.

(5) *Друг. черн*: *св*: и оживляющій.

нуло (1)! А мѣсяцъ, мѣсяцъ... *О мѣсяцъ!* Боже, *Боже, Боже!* — Отдайте, возвратите мнѣ мою молодую крѣпость. Еще... меня, меня свѣжаго — того, который былъ (2). О, не возвратимо все, что́ ни есть на свѣтѣ.

—

Отвѣчаетъ сравн. иносказательно. Правда, случается, что волъ падалъ, издыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать... но никогда еще не случалось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи.

—

Дѣлаетъ распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ,— о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ, ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ. — Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая снаровка бунтовать такъ, чтобы не побунтовать не можетъ проклятой народъ; такъ вотъ у него рука чешется, дармоѣдитъ да повѣсничаетъ, по шинкамъ да по улицамъ.

—

Разсказываютъ про клады и сокровища Запорожцевъ. Уйду на Запорожье: здѣсь всякой чортъ тебя колотитъ.

—

Монахамъ такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

—

Демьянъ превращается въ кашевара. Самко въ...

—

МУЖИКИ.

Разговоръ между мужик(ами). Вздорожало, все дорого... Ей богу, не длиннѣе вотъ этого польце 20 четвериковъ... 4 пары цыплятъ къ Духову дню, да къ Пасхѣ пару гусей, да съ каждой свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ третьяго вола.

—

РЫЦАРСКІЕ.

Не поединки, а раздѣлываются драками, набравши съ собою сколько можно больше слугъ и, выѣхавши на поле, нападаетъ на своихъ противниковъ.

—

(1) *Друг. черн*: У, какой громъ!...

(2) *Что́ слѣдуетъ далѣе, приписано другими чернилами.*

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не знаетъ, — что нужно склонить полковниковъ на радѣ... и вынуждаютъ... и сказать. Какимъ же образомъ...

—

Сказавши монологъ, долго кричатъ. Выходитъ. Мать. Дочь. У тебя болитъ голова. и прочее.

Нѣтъ, не голова болитъ: я вся. Болятъ мои руки, болятъ мои (ноги), болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердцѐ. Огонь во мнѣ... Матушка, матуся! дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята твоя злодѣй... и проклятъ родъ твой, и прокляты тѣ всѣ, что... Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую нещастную? Ты, видно, неходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ свяченой водѣ не купала... въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проклятая гадина.

—

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. Бѣгите и спасайте женъ и бабъ. Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ, Въ этомъ положеніи находятъ. Укладываются. Старушка плачетъ, разставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

—

Внутри рветъ меня, все немило мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, что́ вокругъ меня.

—

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ мерещится прежнее счастіе и благо(денствіе), которое могло... Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями... и строгое покреніе судьбѣ. Обѣтъ, и какъ будетъ молиться, какъ припадетъ къ иконѣ и все буду плакать. И ничто, никакой пищи бѣдному сердцу и не радуюсь никакимъ воспоминаніемъ.

И вдругъ. Здѣсь встрѣча съ соперницей въ унизительномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Жестокіе упреки и злобная радость. Бросается на колѣни и проситъ прощенія.

Н. Гоголь.

МЫСЛИ
О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи Русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачинъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единодержавное тѣло, а съ другой — къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью. Это начало федераціи не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго Славянскому племени; его встрѣчаемъ мы, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ человѣка не была подавлена насильственнымъ сліяніемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись, на своемъ пути, въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скораго образованія изъ себя единодержавнаго тѣла; племена, населявшія ее, были слишкомъ разновидны, чтобъ скоро слиться въ одинъ народъ; самое то племя, которое имѣло болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенныя племена, заключавшія въ себѣ залоги долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ Русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне —

старые, другіе — пришлые; въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ должны были заключаться такія отличія, которыя препятствовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались въ теченіи значительнаго времени, привычками, преданіями и своеобразными пріемами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и, притомъ, обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. »Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, »къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, »но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А Древ»ляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ »друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы дѣвиця.« (Лѣтоп., т. I). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности, да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственныя завѣтныя преданія, которыя были чужды другимъ Славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятичей — Вятко. Для другихъ русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ особыя черты нравовъ. »И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху »въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ »предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межу селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игри»ща, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по »двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяше трызну надъ нимъ »и по семъ твориху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца »и сожьжаху, а посемъ собравши кости, вложаху въ судину малу и по»ставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же тво»ряху обычая Кривичи, прочіи погани, не вѣдуще закона Божья, но тво-

»ряще сами собѣ законъ.« (*Тамъ же*). Кривичи, какъ показываетъ ихъ названіе, уже тяготѣли къ Прусско-Литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, —что этотъ народъ нѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. »Сѣдяху »бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся »зваху отъ Грекъ Великая Скуфь.« (*Тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не изчезали ни послѣ укорененія единаго княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *имяху обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ*, и при этомъ жалуются, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали изчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытыя нападенію иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и затруднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одна другую; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдяхъ или невѣрныя, или враждебныя, и надолго сживался съ такими понятіями. По видимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщука, потомка Древлянъ и наслѣдника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или колдунъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ,

или глупецъ, осмѣиваемый въ затѣйливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно Литовскій, а Бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ земля Кривская была страною волхвованій при Всеславѣ Полоцкомъ. Такъ близкіе народные оттѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣе масса народа, чѣмъ уже кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ уже у нея понятіе о своенародности, тѣмъ оно сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ и все, что сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобъ въ какомъ нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые разсказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *ц* вмѣсто *ч* въ ихъ нарѣчіи, а у Одоевцевъ и Мценянъ *ч* вмѣсто *ц*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта, достаточно, чтобъ сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами и лапшевиками за то, что они постоянно ѣдятъ лапшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣшливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатлѣлись въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особой отъ него народъ. »Что городъ, то норовъ«, говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которыя выказываютъ народные нравы: такъ, нѣкогда благопріятный пріютъ разбоевъ— Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорви-головами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село пов-

торенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но разражались кровавыми столкновеніями, которыя раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но подпадали подъ чуждую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на Югѣ другіе—Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣгала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развиться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различные интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готѳовъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластами порабощенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, недоставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, недоставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

намъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновенія народовъ съ чужеплеменниками безъ взаимной связи съ единородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь внѣшняя сила, вызывающая противодѣйствіе; но тогда необходимо, чтобъ эта внѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всѣми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи ниспровергнуть тяготѣющее начало, чтобы такимъ образомъ, эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славянъ на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазаръ была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергическаго движенія; — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слыхали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ разсказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтопись, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немыслимо существовать не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань Русскому государю, сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому-что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у ихъ прадѣдовъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, неподъ-

навшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своебытности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тягостнѣе Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Кіевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединять свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называмымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постояннаго управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ колеи обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было нѣкогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстати пришлась вражда Полянъ съ Древлянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя непріязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся человѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что Кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненныя отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ—Вятичей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣе другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятичами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ—избраніе, добровольный призывъ, здѣсь—завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили Кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже

и при условіяхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти народцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазаръ, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской натуры, скоро и легко ославянились и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплеменниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилія отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* Кіевскаго князя. Мало по малу эти частные князьки были вытѣснены, упали въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлаго Кіевскаго Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикова Дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикова Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все таки чувствовать нѣчто чужое надъ собою, когда пріѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но воззрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особые князья. Хотя они происходили изъ того же единаго рода, который княжилъ въ Кіевѣ, но за то изъ Кіева уже не пріѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единаго рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой—поддерживало и особенныя стихіи каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. Вмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали выплывать наружу слегка-подавленныя стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: этому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Велынянъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографическаго сближенія. Народные интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ точъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились бо́льшія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ,—потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшіе князей, какъ будто спрова-

дили ихъ отъ себя на Югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись Чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о волости Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполнѣ гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнію, подъ властію—сперва Рогволода, потомъ—потомковъ перваго сына Владимірова; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя всѣ вмѣстѣ составляли одну группу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне — пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали начатокъ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залоги собственнаго самосуществованія; она не примкнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ Новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и впослѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусскаго къ Новгородскому; точно также Смоленское есть переходъ отъ того же Бѣлорусскаго къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Неизвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ,—съ Мстислава ли Владиміровича съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе его къ Переяславскому княженію суть явленія случайныя

скоропреходящія, и не показываютъ народной зависимости отъ другаго края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользившихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнію, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направленіе жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самодѣятельности по извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самимъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собой, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнутъ препятствовавшія ихъ явленію связи. Но отнюдь то не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облекались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по народамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянны, измѣ-

няли свои предѣлы, то здѣсь, то тамъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривской Земли, оставались однѣ и тѣ же и всѣ князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ княженія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, образованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, по ея размѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣпью взаимнаго народнаго управленія, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои пошлины, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ и принадлежащую къ нему территорію отъ непріятелей, но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — какъ говоритъ лѣтописецъ: *что старѣйшіе здумаютъ, на томъ пригороды станутъ*. Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словами: *Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Новгородская Земля*. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуждымъ сосѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новагорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переходной Псковской народности съ территоріею, прилегавшею къ озеру, — мы встрѣчаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское населеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ сосѣдней Вятской и дополнилось переселенцами съ Юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти Славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населявшую берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому упра-

вленію, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда попущена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Рязань стала центромъ, около котораго группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣленіе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народныя черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесенскихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчію, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнія къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, но народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кіевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленіяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобъ обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ—Древлянскій—Полѣсье, народность Полѣщуковъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означилась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучей—Подоль—приняла образъ самобытности въ системѣ княженій бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоной Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣтви, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ бо́льшему, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной нравственной связи съ Русскимъ міромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи,

Тиверцы, Хорваты, Велыняне были вѣтви очень близкія между собою, такъ что, хотя Полянъ и Велынянъ помѣщаютъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Велыняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегали нѣкогда къ Дунаю. Напротивъ, Древляне и Дреговичи, пришедшіе также съ Дуная, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по нарѣчію и образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Волынцамъ, чѣмъ къ Полѣщукамъ и Пинчукамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили народное стремленіе къ самобытности. Волынь и Подоль держались долѣе связи съ Кіевомъ, и съ Полѣсьемъ, но послѣ паденія великокняжескаго достоинства въ Кіевѣ, примкнули къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюдно этихъ странъ. Затѣмъ, и Полѣсье, и наконецъ Русь, болѣе или менѣе показывали стремленіе примкнуть къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судьба южно-русскихъ вѣтвей всегда была неразрывна, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Волыни, Подоли и Руси Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южной Русью, сознавая ея народное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять, въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей, вошла въ соединеніе съ Польшею, какъ единое тѣло, отлично отъ Бѣлоруссіи, земли Кривской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подолью), Полѣсье, Волынь, Червонная Русь, при всякомъ народномъ дѣйствіи, показывали взаимное тяготѣніе и сознаніе своей внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянъ, и Полѣсье, и Волынь, и Подоль, и Русь Червоную, всѣ части южно-русской земли и южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разсматривать, какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ исчисленныя части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятичи, Рязань и Суздаль въ отношеніи общей народной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нашей исторіи, періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная стихія общерусская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Велико-русской, 4) Бѣлорусской, 5) Полѣсской и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которые условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и

должны были носить названіе общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, не смотря на обстоятельства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

1) Происхожденіе, бытъ и языкъ.

2) Единый княжескій родъ.

3) Христіанская вѣра и единая церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе »Дунай« между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ велико-русскихъ и малорусскихъ, имя »Дунай« остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена, яснѣе, живѣе и общнѣе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ щ едковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ Древлянномъ, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были однѣ и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвію Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что̀ принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что̀ составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣсни, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и единаго. Въ пріемѣ и способѣ выраженія встрѣчается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ въ пѣснѣ: »о Мар-

кѣ Кралевичѣ« встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зимы, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросили въ тюрьму цвѣтокъ; по этому онъ узналъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ одной малорусской пѣснѣ о »Левенченкѣ«. Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія »кровосмѣсителя«; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказаніяхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась и къ житіямъ разныхъ святыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южнорусскихъ. Можно найти много такихъ событій, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ одинаково, и, безъ сомнѣнія, суть остатки древнихъ миѳологическихъ преданій, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримѣръ, описаніе, какъ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго, превращеніе замужней женщины въ кукушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери), приходъ мертвой матери къ своему дитяти изъ гроба, превращеніе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью, исторіи похожденій божества, преданія о змѣяхъ и королевнахъ и о борьбѣ съ ними богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области Славянской поэзіи. Сравнивая пѣсни обрядныя и самые обряды, легко найти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержаніи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли заимствовать ихъ другъ отъ друга. Напримѣръ, Купальскій огонь и дерево Марены, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, обычай Коляды, хороводныя пляски и игры—общія черты. Все это доказываетъ наглядным образомъ, что, въ древности, Славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычаи и религіозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святовида у Прибалтійскихъ Славянъ съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримѣръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникѣ жатвы при храмѣ Свантовита и малороссійскими обрядами въ сочельникъ. При недостаточности свѣдѣній о древней нашей мѣстной миѳологіи, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такія божества и такія вѣрованія и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ было: достаточно можно это видѣть и изъ сходства того, что дѣлалось въ Арконѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ Малороссіи и Великороссіи. Ми-

ологическія имена, теперь уже исчезнувшія у насъ и извѣстныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, напримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является миѳологическимъ именемъ у насъ, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, извѣстное по Сербскимъ пѣснямъ, въ древности давалось и у насъ фантастическимъ существамъ, какъ доказываетъ слово Христолюбца; также точно открывается, что Берегини, богини Чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славоя и Людека, по Краледворской рукописи, да изъ Польскихъ лѣтописцевъ, что это — божество смерти и зимы, было и у насъ, какъ показываетъ названіе купальнаго древа Марены. Прочитавъ въ »Любушиномъ Судѣ« описаніе, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженная дѣвами, державшими символическіе знаки, мечь и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь, — невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ на посадѣ, а передъ ними два символическія лица держатъ: одно — мечь, а другое — свѣчу. Умыканье у водъ дѣвицъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія Славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *вѣче*, народное сборище. Самое выраженіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи Славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя *вѣча* у всѣхъ Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него лег-

ко. Вездѣ существовало раздѣленіе на города и пригороды, зависѣвшіе отъ городовъ; вездѣ города были главами и центрами Земель. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественые, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства племени Русско-Славянскаго.

Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сходства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народцѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иноплеменниковъ столько же помогали сохраненію между ними сознанія о племенномъ единствѣ, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознанія единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великоруссъ-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣмцемъ или Татариномъ. Такъ, въ древности, Полянинъ, встрѣчаясь съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что Вятичъ ему родной. Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народныя нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по сосѣдству одноплеменныя народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ, въ языкахъ, были такія общія формы и слова, которыя теперь составляютъ достояніе только частныхъ нарѣчій. Что касается до связи между собственно Руссо-Славянскими нарѣчіями, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семьѣ Славянскаго рода. При ознакомленіи съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ

съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ Славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ Русскихъ нарѣчій отъ другихъ Славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *о* и *е*, съ перемѣною *а* въ *о*, тамъ гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ ставится двѣ согласныхъ: *нравъ — норовъ*, *о* вмѣсто *е*, въ словахъ: *олень, одинъ*, вмѣсто *елень, единъ;* окончанія на *т* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительнаго наклоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ какого бы то ни было Русскаго народца видѣлъ, въ Славянинѣ другой, своей же, вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными Славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ общительности съ собою. Естественно, что самыя близкія, хоть нѣсколько отличныя по говору, вѣтви народа, могли скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ, послѣднія, болѣе отдаленныя, чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти третьи, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобъ и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ, и такъ могла образоваться съ ними связь, нѣсколько уже слабѣйшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ, чувствовалась различная степень свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Вятичу; Галичанинъ ближе къ Волынцу, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу; на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волынью, чѣмъ съ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговымъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственнѣе близко живу-

щаго Болгарина или Поляка. Кіевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древлянамъ и Волынцамъ, но въ равной степени, вмѣстѣ съ Древлянами и Волынцами, чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятичей. Наконецъ, вмѣстѣ съ Вятичами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и оттого между Кіевлянами, Древлянами и Галичанами образовалась взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ Вятичами; но, съ другой стороны, и положеніе Вятичей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что извѣстная близость ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойтись. Точно также и Вятичъ Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвича, но въ отношеніи Кіевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвичомъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большему или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Намъ возразятъ въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которыя, можетъ быть, возникли уже впослѣдствіи. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и оттѣнки Русской рѣчи явились уже послѣ. Древность Малорусскаго языка была не очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшеннаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто Малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Это оттого, что обращали вниманіе на сходные или несходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокупности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составился позже, но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали искони прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ именно тамъ, гдѣ были Кривичи, и вся страна, гдѣ говорятъ имъ теперь, образовала *Землю Кривскую*, сознававшую свое единство и отличіе отъ другихъ? Неужели Бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ нѣкоторые думали, отъ смѣшенія Великорусскаго съ Польскимъ? Отъ

чего же въ Юго-Западной Русси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не образовалось такой же смѣси? Отъ чего жъ эта смѣсь сохранилась въ Смоленской губерніи, которая, если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобъ усвоить *смѣсь* одинакую съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и въ Южно-русскомъ нарѣчіяхъ есть вліяніе польскаго элемента, есть слова и обороты, вошедшія въ нихъ впослѣдствіи, но такъ какъ основы народности и говоровъ различны, то, очевидно, и прежде въ Бѣлоруссіи и въ Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ и въ другомъ краѣ. Вмѣсто княжествъ, въ удѣльныя времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развѣтвленіемъ народностей, какое мы застаемъ впослѣдствіи и теперь, и какое, съ другой стороны, указывается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы, тамъ образовалась Земля,—система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь,—и такъ вошла во владѣнія Литовскія. Гдѣ теперь видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное нарѣчіе, тамъ образовалась Псковская Земля; гдѣ были Русь-Поляне — тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей Русской земли; гдѣ Древляне, тамъ Полѣщуки; гдѣ Дулебы и Волыняне—тамъ Волынцы,—тамъ была система волостей Волынской земли; гдѣ Хорваты—тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне, тамъ были Бологовскіе князья. На Волыни образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Волыни особый оттѣнокъ народности, очень близкій къ Червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровская нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волынь,—такъ и въ старину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волынью, чѣмъ съ Русью Кіевскою. Но Украина по-Днѣпровская не имѣетъ, однако, отъ Червоной Руси на столько отмѣны, чтобы между ними потерялась связь единонародности; такъ и въ удѣльный укладъ, не смотря на явленія, противодѣйствующія къ слитію Червоной Руси съ Русью Кіевскою, эти земли все-таки вращались въ одной общей сферѣ. Всѣ отмѣны Южнорусской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность,

по сравненію съ другими такими же группами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности — Южно-русской. Такъ и княженія и волости встарину составляли одинъ общій разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, гдѣ могло быть одно географическое отношеніе сосѣднихъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и постоянно склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Кіева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, но всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствіемъ, съ готовностію склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе Новгородское и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкіе, но все таки только слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, впослѣдствіи, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употребляемы насильственныя мѣры къ перерожденію туземной народности; однако и слѣдовъ достаточно, чтобъ признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлялъ вѣтвь несравненно ближайшую къ южно-русской народности, чѣмъ къ Велико-русской и Кривской, и оттого-то между имъ и Кіевомъ является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Кіева Землею. Признаки Новгородскаго нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-Русскаго: ***и*** вмѣсто ***ѣ***, ***и*** и ***ы*** часто смѣшиваются, мягкое ***о*** вмѣсто ***е***—йому, його вм. ему, его; ***у*** вмѣсто ***в***, ***h*** вмѣсто ***g***, отбрасываніе ***и*** въ творительномъ падежѣ множественнаго числа (вм. ***своима***—свома), перестановка слоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ Южно-русскомъ (напр. ***намастирь*** вм. монастырь), сохраненіе ***о***, измѣненнаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ ***а***, отбрасываніе ***тъ*** въ третьемъ лицѣ настоящаго времени глаголовъ, ***ть*** вм. ***тъ*** во множественномъ числѣ (будуть вм. будутъ), перемѣна ***е*** въ ***о*** послѣ шипящихъ, напр. жона вм. жена; усѣченныя окончанія прилагательныхъ женскаго рода, напр. высока, добра, и сверхъ того мѣстное отличіе: ***ц*** вм. ***г***. Разбирая эти признаки по частямъ, можно, конечно, находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одномъ нарѣчіи показываетъ такое поразительное сходство съ Южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссъ, услыхавъ

Новгородское нарѣчіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и прійдетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такимъ нарѣчіемъ, долженъ былъ нѣкогда составлять одно съ малороссомъ. Въ землѣ Великорусской, впослѣдствіи, совершалась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ перерожденія финскихъ народностей, и примѣсь татаръ, происходили насильственныя административныя переселенія, наконецъ двигалось населеніе само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣлями; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусскій край, имѣютъ до сихъ поръ различную физіогномію: проѣзжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому—развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора Рязанскаго и Московскаго? Также точно представляются, въ этомъ отношеніи, отличными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимірскаго края древняя земля Вятичей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ упрекнуть въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно извѣстныя. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и занимались ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительнаго изученія. Говорили о томъ, что̀ есть, не говорили чего нѣтъ у однихъ изъ того, что̀ есть у другихъ. Съ цѣлію изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно изслѣдовать и привести въ ясность всѣ виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчіи, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всѣхъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографическіе виды, показать ихъ взаимные переходы и мѣстныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько-нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ, подробнѣйшемъ этнографическомъ описаніи останется еще то, что̀ едва ли возможно описать какимъ бы-то ни было перомъ—физіономія народа, подобно тому, какъ нельзя ни коимъ образомъ описать живаго человѣка такъ, чтобъ можно было по описанію столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здѣсь для того, чтобы показать, что разнообразіе нарѣчій связывалось первостепенною и второстепенною близостью ихъ, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и сознанія единства въ разнообразіи.

Съ принятіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общій языкъ — книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ — съ принятіемъ христіанства; ибо если даже принять, что договоры Олега и Игоря писаны были въ то самое время когда заключались, то, вѣроятно, ихъ писали русскіе христіане, а если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными Христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ потребностію высшей жизни явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣтви народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; событіе старины — случилось ли оно въ Кривской землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ—записывалось тѣмъ же самимъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы и въ этихъ школахъ учили на томъ же языкѣ, не обращая вниманія на то—изъ какого племени были учащіеся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Пока книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство немогло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червонопруссами, составлявшими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербами и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими политическими условіями, подобно частяхъ Русскаго народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянскаго языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнѣйшій двигатель сродства племенъ и взаимнаго братства. *Языкъ* доставилъ намъ единство. —Но самъ по себѣ языкъ не былъ достаточенъ для водворенія единства политическаго. Онъ не могъ даже вытѣснить, истребить и замѣнить собою нарѣчія, во-первыхъ потому, что, до извѣстной степени, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ столько же чуждъ народной

рѣчи, какъ въ другихъ близокъ, и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни, не только не замѣнялъ обыденной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сферѣ, подвергался наплыву послѣдней, какъ это видно въ лѣтописяхъ, которыя, благодаря не полному умѣнью лѣтописцевъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ намъ живучесть народнаго слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ былъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не теряли связи между собою, чтобъ каждая часть имѣла у себя, въ равной степени то, что было священно и для другой части; но онъ былъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской земли въ эту первую половину Русской Исторіи, былъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ развѣтвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалѣть объ удѣльной системѣ, жаловаться на ея безпорядки, думать, что она замедляла прогрессъ Русской жизни, приписывать ее неблагоразумію Ярослава, и если извинять его, то единственно грубостію и невѣжественностію вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе быть единымъ. Именно, только этимъ поддержалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлить Россію дѣтямъ, даже не Владиміръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ его рукою. При Владимірѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большему единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе впослѣдствіи Русскую державу. Чтобы соединить разсѣянныя, раздѣленныя одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобъ и у того и другаго народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознаніе взаимнаго родства получало себѣ пищу. Искать ли источника этой народной связи посредствомъ единаго начальствующаго рода въ такъ-называемомъ родовомъ бытѣ Восточныхъ Славянъ?—Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на сформированіе у Славянъ понятій объ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ — представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное; Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Пиренеевъ, когда посадилъ на Испанскій престолъ внука;

и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германіи и Италіи своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ, для всего механизма общественнаго строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственнаго быта, возникла отъ призванія княжескаго рода извнѣ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикова рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣнимаго ничѣмъ; способа соединенія частей: предѣлъ его былъ уже видимъ. Съ развѣтвленіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбѣжною сообразностію такого рода развѣтвленія съ народными дѣленіями, значеніе князей, какъ начальниковъ земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало всплыло наверхъ и взяло перевѣсъ надъ княжескимъ. Вмѣсто того, чтобъ князь наслѣдовалъ, онъ избирался толпою; вмѣсто того, чтобъ быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ополченіи городовъ Кривской земли, изъ двухъ городовъ—Витебска и Полоцка—начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ—не князья. Въ Галичѣ, князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили и казнили смертью, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ пытались занимать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся внѣ татарскаго завоеванія, продолжались развиваться старыя стихіи и въ XIV — XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, и отношенія къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ котораго только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ—Гедиминовъ, который началъ оспаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единодержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, не былъ у насъ замѣненъ единодержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая вырабатывала, хотя медленно, свои начала. Самое единство княжесскаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управленія — кождо родомъ своимъ, т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если при воздѣйствіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей формѣ — едино-

державію московскому, то, безъ этого воздѣйствія, оно бы уступило иной новой формѣ единства, формѣ, какую выработала бы сама изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья размѣщались параллельно народностямъ, и такимъ образомъ ихъ родовое единство между собою шло въ параллели съ сознаніемъ единства народностей. Родъ Дома Изяслава Владиміровича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Землѣ, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ. Домъ Святослава Ярославича, со всѣми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ и образовалъ княжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—собственно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь Сѣверскій былъ ближе къ Черниговскому, чѣмъ къ Кіевскому, и народность Сѣверская была ближе къ Черниговской, чѣмъ съ Кіевской. Но князь Сѣверскій не терялъ все-таки связи съ Рязанскими и съ Суздальскими князьями, все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему Черниговскіе. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ Суздальскій и Рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы—Русскіе. Какъ князь говорилъ: »я не Угринъ, я не Ляхъ, мнѣ часть въ Русской землѣ«, такъ каждый русскій говорилъ, что онъ не Ляхъ, не Угринъ, что ему часть въ той широкой землѣ, гдѣ Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Волынецъ, Суздалецъ, сознаютъ свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однородниками, князь въ то же время имѣлъ дѣло и съ цѣлою землею, какъ показываетъ, напр., такое выраженіе: *бяшеть бо ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и съ Волынскою землею* (1190 г. Ип. спис. 140). Князь могъ не поладить съ своимъ сосѣдомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствіе; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвію общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашняя, а не внѣшняя, война. Этимъ сознаніемъ сродства объясняется, почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами въ началѣ XIII в., послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали оттуда князей, и отъ чего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушеній Московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльнаго порядка, еслибы возможно было чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ всѣ вмѣстѣ

одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла бы потерять единство, чѣмъ при раздѣленіи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князья, которые существовали до прибытія Рюрикова дома, или—Земли управлялись бы намѣстниками Кіевскаго князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершенномъ обособленіи своихъ Земель, и находясь въ отношеніи Кіевскаго князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественно, тогда между всѣми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждое иго—власть одной земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и утѣснителей. Географическія условія и необходимость постояннаго отбоя отъ непріятелей не дозволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершенное разложеніе. Даже еслибы всѣ народы сживались со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы меньше, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такіе намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья.—Указываютъ на горькія послѣдствіякняжескихъ споровъ и дѣлежей. Но безъ сомнѣнія, еслибъ не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбѣжнѣе, и были бы гораздо жесточе, губительнѣе, разрушительнѣе. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанію народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напримѣръ, упорную войну Суздальскихъ князей съ Кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, кто ворочался домой, разсказывалъ о далекой землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другого края близкимъ къ своему,—разширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что такое составляетъ *свое* и *чужое*.

И вотъ, то, что съ перваго взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедиминовичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская Рюриковская линія стала замѣняться Гедиминовою, связь между Запад-

ной и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ, какъ на особенныя государства. Народъ и въ Москвѣ и въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между нимъ гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ единаго дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи, но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покоѣ, Москвичъ забывалъ, что Литвинъ-Бѣлоруссъ его —кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ сосѣдями-единоплеменниками.

Въ числѣ началъ, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то именно, что еще больше княжескихъ усобицъ мѣшало ея единству—безпрестаныя непріязненныя отношенія къ иноплеменникамъ, сновавшимъ или осѣдлымъ между Славянскими Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-руссами; а другая напротивъ—кочующая, нападающая, въ образѣ Половцевъ и ихъ кочевой братіи, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ—завоевательная и поработительная. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе препятствовали порядку гражданственной стройности, а между тѣмъ и помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свои несогласія и собирались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ русскаго народа образовалось понятіе, что есть такіе народы, которые — враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарскаго завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникался, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впослѣдствіи, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточною. Такъ, разомъ на Днѣпрѣ и на Дону составилось воинственное общество козаковъ съ цѣлію противостоять татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко Польскіе и Русскіе государи, среди безпрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ общихъ враговъ; — въ враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половинъ Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда

Славяно-русскіе народы боролись съ Тюркскими племенами, бродившими нѣкогда по широкому материку Россіи. Та же борьба, которую русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Печенѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ невѣрныхъ Половцевъ, когда русскія дружины ходили, въ ихъ степи, по призыву Мономаха и Игоря; она приняла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго ига при Димитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями внѣшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтныя племенныя ненависти; онѣ развиваются вѣками, то утихаютъ, то разгараются отъ обстоятельствъ, то засыпаютъ, то вновь пробуждаются, проходятъ черезъ разные виды историческихъ перемѣнъ и даютъ направленіе народнымъ силамъ и тонъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба Славянскаго племени съ Турецкимъ или Тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ такія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чему не можемъ доискаться начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда нѣтъ ничего положительно-достовѣрнаго.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, такъ же непріязненному къ Славянамъ, съ незапамятныхъ временъ — къ племени Нѣмецкому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ Ливонскимъ Рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ воззрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до-сихъ-поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и Финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ роспространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскользь и другія Русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новагорода и Пскова отличались и Суздальцы, и Смольняне, и Полочане. Съ своей стороны, Нѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участи и сѣверныхъ русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами подъ предводительствомъ Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Нѣмцамъ, вражда,

которой первые зачатки также теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ Нѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединялось представленіе о чемъ-то тяготѣющемъ, высокомѣрномъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій Суздалецъ, Смольнянинъ, Псковитянинъ, Новгородецъ и т. д.

Важнѣйшимъ звеномъ единства Русскихъ частей сдѣлалась православная Христіанская вѣра, со времени ея введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстротѣ распространенія вѣры между Русско-Славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ Христіанству въ разныя времена, міръ Руссо-Славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многіе другіе народы. Но то несомнѣнно, что всѣ исчисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для водворенія единства народовъ русскаго міра, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такіе элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую святыню и въ то же время были въ равной степени общи для всѣхъ. Православная вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственныя понятія и ввела единые богослужебные обряды. Изъ Христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворялась только посредствомъ Церкви. Кто только былъ, по тому времени, человѣкъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что́ выше ея по духовному смыслу и, слѣдовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздалѣ, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, искать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ, укоренялось въ каждомъ понятіе, что святыня его сердца — общая для всѣхъ вѣтвей русскаго народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная Церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ

формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всѣхъ Русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, какъ при какомъ-нибудь извѣстномъ обстоятельствѣ слѣдуетъ сѣсть или стать, ѣсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, слѣдовательно, общія для всей Русской Земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовецъ, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на-сколько каждый былъ православный Русскій. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній—Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись общества отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнію. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почивающіе гдѣ бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ намъ на поклоненіе. Такимъ образомъ, образовывалось паломничество, которое, съ одной стороны, умножало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святыни.

Наконецъ, вводились церковные законы, развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всѣхъ краяхъ Россіи одинаковое воззрѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то, что считалось прежде нравственнымъ, стало безнравственнымъ, какъ, напримѣръ, понятіе о мести у язычниковъ, такъ точно, Христіанская вѣра истребила мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣнила своею всеобщею для всѣхъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычаи его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ, такъ было въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служитъ Русская Правда—сборникъ обычаевъ и постановленій власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаемы были прежде. Но съ народнымъ разнообразіемъ Русь не скоро могла дойти до водворенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ Русскаго материка было слишкомъ много, для каждаго изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какое нибудь единство для всѣхъ частей; слѣдовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычаи и стали превращаться въ положительные писанные законы, то эти законы спо-

собствовали бы скорѣе разрозненности частей вмѣсто ихъ соединенія. Ибо законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренялись бы и дѣлались для своей Земли писанной святыней; преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и насилій, не скоро уступили бы мѣсто чему-нибудь болѣе общему. Кормчая, вошедшая вмѣстѣ съ Христіанствомъ, напротивъ, заронила въ Русскомъ мірѣ идею законодательнаго единства и общности права.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавшаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ, епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ, вся церковная администрація изображала одну цѣпь, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налегало на народъ своею нравственною силою и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новыя, общія и равныя для всѣхъ частей русскаго міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впослѣдствіи, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были внѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и тоже, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностію, неприкованнаго къ одной землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, о единствѣ русскаго народа. Священникъ — былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ былъ жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наслѣдствѣ, въ семейныхъ распряхъ обращались къ духовному посредству, а духовенство произносило свои приговоры, по большей части одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Ростовѣ, потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоположенія. Остатки язычества, народныя вѣрованія подлежали духовному суду, и подъ вліяніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ

краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ святительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, пріучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: »се иноплеменники отъяли отчину вашу, и лѣпо вамъ потрудитися.« Такимъ образомъ онъ указывалъ князьямъ прежде всего — забывъ, на время, свои споры, выручить Русскую землю отъ не-русскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ вырученное.

Съ церковнымъ законоположеніемъ вошли къ намъ, въ видѣ прибавленій къ Номоконону, мѣста изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые градскіе законы. Неизвѣстно, имѣли ли они когда-нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ; они пользовались уваженіемъ, и слѣдовательно, должны были внѣдряться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданскаго законодательства, судъ и рѣшеніе дѣлъ естественно должны былъ зависѣть отъ ума и наклонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти судьи—были ли они князья или тіуны, или же выборные народомъ, — необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, гдѣ содержались готовыя рѣшенія на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда рѣшеніе ихъ, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для судьи, ставшаго въ тупикъ на судѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владиміръ святой совѣтовался съ епископами объ устроеніи земскомъ; тоже дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ Номоканона, не только въ церковной, но и въ гражданской сферѣ. И въ послѣдствіи, князья нерѣдко, въ дѣлахъ гражданскаго управленія и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбѣжно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Ужъ, конечно, у каж-

даго святителя былъ экземпляръ Кормчей съ ея добавленіями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ Земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управленіи и судѣ простиралось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полнаго развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанныя на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинакими послѣдствіями для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Кіевѣ и повсюду.

Кормчая книга съ гражданскими законами разширила значительно кругозоръ нашихъ понятій и внесла, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые стояли на челѣ народной образованности, новые взгляды. Она должна была пріучить умъ нашъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что Кормчая, подъ вліяніемъ толкованій духовенства, при каждомъ случаѣ содѣйствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ Славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единодержавія. Духовенство было на сторонѣ права родоваго старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчіи съ правомъ вольнаго народнаго призыва. Андрей утвердился во Владимірѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремленіи къ верховной власти надъ всѣми Русскими землями. Съ благословенія церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія церкви Іоанна III уничтожилъ Новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ Кормчей, гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единодержавія, времена читали наши предки, что »народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою, суть варвары...«

Аристократическіе зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивались у насъ отъ византійскихъ понятій о противоположности благороднаго происхожденія однихъ и низкаго званія другихъ. Вмѣстѣ съ книгами, законами, обрядами и единымъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ занесенъ изъ Византіи апотеозъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому, во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія силы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе — обойти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо браться за содержаніе безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычаевъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые внѣдрились въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на всѣ изложенныя здѣсь начала, способствовавшія поддержанію и развитію идеи единства Русской земли, онѣ не были столь сильны, чтобъ скоро довести народныя силы до единодержавія и части до полнаго слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако, уже потому, что онъ былъ родъ, условливалъ необходимость раздѣленія, ибо каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на волость, то есть, на право управленія Землею. Великое пространство препятствовало слитію нарѣчій, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственнаго труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая Церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, Церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то, что принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ расти и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ Вопросы Кирика, были еще ощутительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа, не могли даже помѣшать образовываться въ народѣ новымъ, роднымъ понятіямъ мимо вліянія и участія церкви. Пока на первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ, —власть Церкви могла еще быть чѣмъ-то внѣшнимъ, переработывающимъ народъ и не принимающимъ ничего отъ

него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народныя привычки пробивались чрезъ монашескія мантіи, а Русскій народный умъ проглядывалъ изъ-подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по-русски, а по-византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ Земель, гдѣ были епископами, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ, понятія, усвоенныя отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки не рѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были слѣдовать правиламъ того уклада, среди котораго жили и дѣйствовали, въ иномъ духѣ, нежели Московскіе. Духовенство низшее, происходя изъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, наконецъ,—женатое и, слѣдовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и все-нивеллирующаго византизма.

И вотъ, начáла, соединяющія Земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти Земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности Земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми Землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Вся исторія Руси удѣльнаго уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбы его съ началомъ единодержавія.

Н. Костомаровъ.

1860
Февраль.

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

КЛИМЕНТІЙ (1).

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинныя украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школѣ, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Купинскій, ни Петръ Могила не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаній краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтить, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокихъ понятій о Богѣ и человѣкѣ, заключенныхъ въ Библіи, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библіи, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣ-

(1) Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ временъ гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ *Русской Бесѣды* 1859 года. Здѣсь оно предлагается съ значительными дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для *Основы*.

ди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что̀ написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе, распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крѣпкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школъ и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умственную пытку, которой подвергался въ тогдашнихъ школахъ человѣкъ, теряла способность выражаться поэтическою рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный примѣръ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сковородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Сковорода не былъ, Сковорода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. По милости ея, много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фоліантахъ схоластической безплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фоліанты на домашнія потребы, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарамъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ негодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и дѣятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человѣческими. Будь эти фоліанты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наслѣдіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фоліанты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убивающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наслѣдники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько ум-

ственныхъ силъ и столько времени потрачено на труды, недостойные вниманія потомства и чуждые потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школъ распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научные факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ поэтическаго творчества, давая своимъ воспитанникамъ ложный взглядъ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ доселѣ напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Конашевичу-Сагайдачному и Петру Могилѣ, — этихъ безцвѣтныхъ и безобразныхъ словоизвитій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музы, дышащихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ каѳедръ Кіевской академіи, не исключая и виршъ самаго талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ реторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебные гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ насущной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая средневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ сводовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покамѣсть одинъ *Климентій Зѣновіевъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ-Илличемъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно, не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиняется передъ »благоразумными« читателями, и »особливо передъ виршописами« въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество »силлябъ« и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслитъ въ прмолоѣ, а партесовъ совсѣмъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которымъ, по выпускѣ изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и куми-

рами. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постояннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, »будучи въ гоненіи«. Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на перекоръ схоластикѣ. Въ рукописи его, состоящей изъ 321-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, не достаетъ трехъ листковъ въ началѣ, многихъ листковъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколькихъ въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотитлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платитъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Климентій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительныя. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру снисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ, смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себѣ противорѣчитъ, оправдывая то, что прежде порицалъ. Вообще, онъ—по клонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямаго замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то, что въ другихъ осуждаетъ немилосердо. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія восхваляла ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего пріятными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безотвѣтныхъ. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Климентія слѣдующую сатиру на простолюдиновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцевъ, оправдывая ихъ насилія.

О иду́чихъ на́ слободы людя́хъ (1).

Хто ко́лвекъ собѣ и́щетъ на житло́ слободы:
ма́ло вхо́дятъ змежъ таки́хъ вели́кои бѣды.
Бо гото́вые ха́ты идучи́ покида́ютъ:
а прыше́дши на́ слободу готовыхъ нема́ютъ.
А що найго́ршей ча́сомъ худо́бы забыра́ютъ:
и тылко що зъ ду́шами живыхъ оставля́ютъ.
Уже жъ тогда́ где зхо́четъ то ско́читъ хочъ к лѣсу:
и го́лый уже́ наветъ хочъ к самому бѣсу.
Пожыте́чная ему судылась слобода́:
дово́лная пустыня и ли́ка и вода́.
На що любо зволится (:) хочъ утопи́тися:
а ежели́ захо́четъ (,) во́лно и вдави́тися.
Отожъ мѣшъ за свое́ теперъ дурный мужыче:
а бывшій на своего па́па бунтовни́че.
Не хотѣлесь панови послушенство оддава́ть.
и въ цѣлости зъ всѣмъ своимъ въ е́дномъ мѣсцу пробува́ть.
Ги́нь же теперъ за свое злое непокорство:
и за упрямую твою гордость и упорство.
І добре тые чи́нятъ, що прочанъ обдыра́ютъ:
Богъ ихъ проститъ, за тое згола грѣха́ не ма́ютъ.
І не тылко потреба бъ таки́хъ обдыра́ти:
а́ле и з сами́ми душами разлуча́ти.
Поневажъ не хотѣвъ пудъ кимъ бувъ чини́ть повѝнность
обдери́ и хочъ забий за тую учинность.
Богъ за бунтовника́ якъ мо́вятъ неповѣситъ:
але и нагородою еще потѣшитъ.
Кгдыжъ учинивъ своему па́ну па́кость мно́гу:
нетылко пану и самому Богу.
Якъ ся мѣвъ то мѣвъ треба было бъ претерпѣти:
а за терпеніе спасеніе моглъ бы мѣти.
Зачимъ вы пано́ве такихъ не ва́жтесь щадѣти:
втека́ючихъ прочъ самыхъ дерѣть, бѣть и берѣть дѣти.
І отнюдь милости такимъ не показуйте:
але совершенно такъ таковымъ справу́йте.

Это стихотвореніе даетъ самое грустное понятіе о состояніи тогдашняго населенія нашей Украины. Въ числѣ пановъ разумѣются и козаки-землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человѣкъ, какъ это свидѣтельствуетъ и Климентій, противопоставляя вездѣ козакамъ не-козаковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Вмѣсто закона, господствовали обычаи, установленные правомъ сильнаго. Возмутившійся противъ землевладѣльца вольный *подсосѣдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него от-

(1) Сохраняю, по возможности, правописаніе подлинника.

бирали всю *худобу* и выпускали голаго, только съ душею. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если человѣкъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на слободу (1)! Эти такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отнятіемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочаго, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шутя увѣрены, что паны созданы для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдку панскому: »Какъ ты ни жилъ, а все жилъ; надо было до конца претерпѣть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.« Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грѣхами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его совѣтовъ. Хорошо дѣлали и всѣ, кто оставлялъ безъ вниманія философію, высиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человѣкъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не

(1) Тепловъ, въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи украинскаго населенія при Разумовскомъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что »сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши единажды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить его переселиться къ другому«, самъ указываетъ, къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденье мужика къ работѣ. Естественно, человѣкъ, сознавая себя не неключимымъ рабомъ другого человѣка, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабощенія. Тепловъ говоритъ, что мужики »по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться.« Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ также *противъ* тогдашнихъ нравовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, не живутъ цыганскою жизнію и гнушаются ею.

ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлекать словомъ своимъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльныя условія. Украинскія бурсы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли произвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ всѣ преимущества тогдашняго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогдашнее время сочиненій. Еслибъ онъ угнѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ, — онъ бы »не умствовалъ лукаво« о томъ, что́ не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной старины нашей. Онъ написалъ бы, а, можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыя притупится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ безпорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волыни и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Украиною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовалъ. Корчмы, шинки и все, что́ въ нихъ случается, онъ изображаетъ не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской кельѣ. Супружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шашни женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь знакома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконы, а пожалуй и въ попы, по-

томъ овдовѣлъ и, не зная, что́ съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его позднія сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потомъ каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворныя филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мірскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопребываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни было внѣшней и внутренней системы,—книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перéскакомъ*, наполненной общими религіозными мѣстами и вмѣстѣ кощунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христіянскому ученію. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченія въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчаній, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворцѣ. Считаю необходимымъ измѣнить его правописаніе сообразно произношенію украинскому. Образцомъ служила Климентію орографія церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются непереученными Украинцами по законамъ народной фонетики. (Напримѣръ, слова *свѣта отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *свíта одъ свíта*.) На этомъ-то основаніи я ввожу въ стихи Климентія собственное украинское правописаніе, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ перемѣны, какъ напримѣръ окончаніе *ѣ* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должникáхъ, хто кому́ дóлженъ, абó тежъ вúненъ.

Не дай, Бóже, позичáть, алé дай своé мать,
бо мóвять: *Дýшно, якъ два прáвлять, трéтьему нічого дать!*
Добрó такóму чегó-кóльвекъ позичáти,
котóрий мóжетъ въ прýдкомъ чáсі и отдáти,

А ви́нному двоя́ка ча́сомъ скорбъ быва́етъ,
гди презъ назна́ченний часъ вдво́е отдава́етъ;
Же то есть така́я речъ пудъ часъ меновѝте:
до́лжний на се́бе о́блікъ (1) дастъ отда́ть совѝте (2).
И ви́дімъ на світі то́е въ своём вѣку,
же презъ пре́шлий те́рмінъ далъ вдво́е чоловіку,
И су́женно на суді, би то́е ста́ло такъ.
На Волѝню еди́нъ ся ошука́лъ небора́къ,
Бо мо́вилъ: »Когда́ въ той часъ зупо́лно не отда́мъ,
хочъ еди́нъ день похи́блю, мо́витъ, вдво́е отда́мъ.«
Та́кже ему́ бідному за нещастямъ ста́ло,
же другóй половѝни даре́мне не ста́ло.
Присуди́лъ Ляхъ, жебъ Жи́ду Ру́синъ отда́лъ вдво́е,
и му́сілъ (3) стара́тися бідний би́ло о то́е.
Хто жъ, чи судія́ тому́ ви́неньъ, чи самъ ви́нний: —
Не вімъ; подо́бно, бо́льшей ошука́лся ви́нний:
На́ що било́ въ о́бліці такъ ся обіцáти,
же презъ речене́цъ бу́ду вдво́е отдава́ти?
И то не готовѝзну далъ, тилько всю худо́бу
въ сту таляра́хъ, ажъ прото́ збулъ свою озло́бу (4),
Же мно́го изъ жа́лости хорілъ для фрасу́нку (5),
потомъ сталъ пить и уме́ръ зъ хмелёвого тру́нку.
А жона́, при злой не́ндзі (6), пошла́ запряда́ти,
а діти свої Жида́мъ почала́ наймáти.
Пре́то (7) не дай намъ, Бо́же, въ долги́ упада́ти,
але́ и до́лжнимъ дай всекóрі свобожда́ти.

Волынь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русинъ играютъ на Волыни, въ стихахъ Климентія, тѣ самыя роли, что́ и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ свою Украину, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шинки и заѣздные дворы находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во время польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украинѣ лѣваго берега́ Днѣпра. Побережье правой его стороны, кромѣ окрестностей Кіева, кромѣ Канева, Черкасъ и Чигирина, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступу къ козацкой Украинѣ (8). Они начали вкореняться здѣсь только въ царствованіе Ека-

(1) Обязательство. — (2) Съ лихвою. — (3) Слово *мýсити* Климентій пишетъ почти всегда чрезъ *ь*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соотвѣтствуетъ моему *і*. — (4) Красоту. — (5) Горести. — (6) Нуждѣ, бѣдности. — (7) Потому-то.

(8) Самое слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ это видно изъ »мнѣнія Мазепы объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды«, посланнаго въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что, по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, и маетностей, данныхъ разнымъ особамъ, »происходятъ межъ народомъ по-

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ бо́льшую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ умалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Циганахъ и о Жидахъ.

Цига́не да Жиди́ едни́ едни́мъ ра́вни,
понева́жъ (1) вельми тие лю́де есть злонра́вни,
Бо въ нихъ то́лько есть пра́вди, якъ въ ше́лягу сре́бра...
бода́й имъ безпресста́нно кати́ круши́ли ре́бра!
Же збите́чнее (2) лю́дямъ чи́нять ошука́йства,
где-ко́львекъ (3) приіхавши до яко́го па́нства,
А землі свое́й зго́ла (4) нигде́ собі не ма́ютъ,
ти́лько, не мо́вячи, якъ Цига́не пробува́ютъ,
Тако жъ ту́лятся и Жиди́ по всемъ світу
аби́-где́ въ яки́хъ зе́мляхъ и въ котро́мъ повіту.
А пре́дсяжъ (5) где есть Жиди́ — свої дворі́ ма́ютъ,
а Цига́не где день, где ночъ по світу туля́ютъ.
Якъ не міютъ домо́въ, щобъ и ща́стя не ма́ли,
а наоста́токъ жеби и дя́бли ихъ побра́ли!
И дай, Го́споди, аби́ то́е такъ ся імъ ста́ло,
ижъ би на віки тое́й нечистоти́ не ста́ло!

Эти послѣдніе стихи дышутъ фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще непозабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему, что́ противно *его* понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣльны-

---

сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ произносятся голоса, къ шатости склонные.« — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: »Та аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самымъ именемъ изъ давныхъ временъ (чаяти для того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе вымышленныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы.« (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 5—6).

(1) Понеже. — (2) Чрезвычайные. — (3) Куда-нибудь. — (4) Вовсе.
(5) Однакожъ, при всемъ томъ.

ми напитками, которые хвалитъ безусловно. Впрочемъ, хваля музыку вообще, не любитъ козы или волынки и нападаетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ вино ліющихъ и осо́бъ накле́пы творящихъ піющимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курителей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари *въ горілку, въ судна* табакъ *вовергаютъ*. Это — фактъ интересный ([1]). У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О таба́ці и о ужива́ющихъ ея.

Зла́я вплоди́лася речъ и всю́ди есть я́вна,
же ро́зний людъ зажива́етъ таба́ку зда́вна;
А ба́рзій въ Литві тое ве́льми недо́бре,
бо жо́ни и діти ихъ зажива́ютъ до́бре.
И тутъ таки́хъ есть мно́го, же ея вжива́ютъ;
ти́е но́здрами паха́ютъ, а тие втяга́ютъ,
И, хто того́ навчи́вся, и лю́лькою тягну́тъ.
Потре́ба бъ доконе́чно одъ то́го повстягну́ть,
Бо въ немъ часть неке́льного ди́му обріта́етъ,
и хто тя́гнетъ, то изъ устъ того́ смрадъ изхожда́етъ.
И хочъ и вла́сті тя́гнутъ, една́къ не о́бель ([2]) то че́стно;
а ню́хати найпа́че бри́дко и безче́стно,
Кгдижъ, тя́нучи димъ, прочъ вонъ изъ устъ випуща́етъ,
а ню́хаючи па́че себе́ оскверня́етъ:
Же въ но́здрахъ та нечи́стость ему́ остае́тся,
съ чего́ ча́сомъ и не́мощъ лю́тая стае́тся;
Бо мозгъ въ голові его́ таба́ка зсуша́етъ,
же вла́сне ([3]) я́къ швець ду́бомъ шку́ри пересипа́етъ.
И не слишитъ таба́чникъ зби́тний уха́нія,
а ні смра́ду, тежъ благоуха́нія.
Тако́му и свяще́нства осо́бъ возбраня́ютъ,
и святи́ти не всю́да таки́хъ позволя́ютъ;
Бо, хто но́сомъ не чу́етъ, не цілъ пробува́етъ,
вла́сне соста́ву собі якого не ма́етъ.

([1]) Котляревскій упоминаетъ также о *тютюнковой горілкѣ*, въ описаніи каррикатурнаго рая:

Сиділи, ру́ки поскладавши,
Для нихъ все празники́ були́,
Люльки́ кури́ли поляга́вши,
Або́ горілочку пили́, —
Не тютюнко́ву и не пінну,
Но третьёпро́бну перегінну...

(*Енеида*, изд. 1808, стр. 138),

([2]) Совсѣмъ. — ([3]) Словно.

А свящéнство мíетъ той обúчай отъ вíка,
же трéбуетъ цíлого на то человíка.
Есть же и такíе, що úные и ядя́тъ,
и тúе па́че Бо́гу и святúмъ всíмъ бридя́тъ.
А инúе въ горíлку въ су́дна воверга́ютъ.
и, на погúбель собí, людéй оскверня́ютъ.
Такúхъ би годúло бъ ся не тúлько кúемъ бить,
але́ иного́ хочъ би и изъ свíта згубúть.
Осóбно жъ úний навúкъ бардако́мъ (1) тягну́ти,
презъ котóрий не едно́му пришло́ смúслу збу́ти.
Инúе бо бардако́мъ такъ ся затяга́ютъ,
ажъ на́гле ду́ши свои въ той часъ извергáютъ
И самúхъ себе́ бíсу офíру (2) дава́ютъ,
якъ тúе, що зъ горíлки пья́ние вмира́ютъ.
Тимъ обóiмъ пеке́льна бу́детъ нагоро́да:
отъúметъ бо ся отъ нихъ отъ него́ свобóда.
Намъ же по-христиáнськiй дай, Христе́, умира́ть
и, позбу́вши всíхъ грíхóвъ, не́бо наслíдова́ть.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горілкою, возбуждалъ тѣмъ сильнѣйшее негодованіе въ Климентіѣ, что ему было извѣстно, по опыту, другое злоупотребленіе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горілку. Изъ его стихотворенія по этому случаю мы выводимъ печальное заключеніе, что Евреи, удалясь изъ нашей Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между христіянами, которые не уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина (3). Какъ бы ни была совершенна сама по себѣ религія, которую исповѣдываетъ человѣкъ, она не спасаетъ его отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религіозность путемъ разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленія во времена Мазепы подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды; вѣроученіе ограничивалось догматикою и утомляло слухъ мірянъ общими реторическими мѣстами. Духовные витіи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ неправеднымъ стяжаніямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей сво-

(1) Табакомъ. — (2) Жертву.

(3) Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: »Да и за то не меньше намъ приходитъ негодованіе на старшину, что и того не досматриваютъ, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣрою умаленное не продавано было вино, которымъ образомъ нѣкоторые шинкари или шинкарки дерзаютъ безбоязненной въ черни чинить обманъ«, и пр. (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 9).

ихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильнаго, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому человѣку пробраться къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

О купцáхъ и о продавцáхъ фальшивихъ и о продающихъ винó и вóду въ вино (сирічъ въ горілку) лію́щихъ и о осóбъ наклéпи творя́щихъ пію́щимъ для душегу́бнихъ имъ прибúтковъ.

Отó вамъ тремъ персóнамъ тóе ся звіща́етъ,
же за тóе васъ всіхъ гнівъ Бóжий ожида́етъ,
Понéважъ то у винó вóду мішáете
и Бóгу кріпко, кріпко тимъ согрішáете. (1)

Климентій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмѣльныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщаваетъ онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознается, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

О крилошáнахъ, збúтне (2) трýнокъ горільчанúй заживáющихъ и на ýтреняхъ въ церквáхъ небивáющихъ.

Не ди́вно есть горілку крилошáномъ не въ часъ пи́ти,
але́ найдивнійшъ въ це́ркві утре́ні не пропусти́ти.
Бо за слýжбу Бóжію не такъ ста́ршині кара́ютъ,
а за непритóмность ýтреннюю не пропуща́ютъ.
Кгди жъ ýтреню пóдвигомъ вели́кимъ называ́ютъ,
а за литурги́ю, любъ большъ важнійша, пробача́ютъ.
Въ часъ слýжби Бóжой не всякъ человікъ можетъ спа́ти,
а до ýтрені, хочъ звонъ чýетъ, не хóчетъ вста́ти.
Зачúмъ ýтренний пóдвигъ на світі есть дивнійший,
а до слýжби Бóжой южъ не та́ко чуднійший.
А такъ, бра́тіе, до ýтрень ся спішімо,
хочъ ча́сомъ, ложа́ся спа́ти, и горілки напімо.,
Бо трункóвимъ лю́дямъ трýдно и не випива́ти,
жеби́ на гóлосъ и на весе́лость здобува́ти.
И прибýдетъ охóти до всего́: писе́цъ сей самъ зна́етъ,
нжъ то таковúй обúчай и собі ма́етъ.
И дай, Бóже, помірно ко́ждимъ заживáти,
да не бýдутъ тебі и лю́дямъ проступáти.

(1) Въ рукописи не достаетъ въ этомъ мѣстѣ четырехъ листковъ.
(2) Неумѣренно.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общимъ выраженій, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не всѣ его собратья, по тогдашнему состоянію вѣроученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежитъ, *трунковыми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ:

И трéба всіми жи́лами до́бре ся надува́ть,
жеби́ горта́нь моглъ гла́дко и го́лосно співа́ть.
Трéба жъ ча́сомъ для си́ли чимъ ся и посили́ть,
меновúте, хочъ не въ часъ, горілки ся напúть,
А за гріхъ той Бо́гу ся помоли́ти,
жебъ онъ півцéвъ своúхъ (за нéмощъ) ра́чилъ (1) прости́ти,

Наконецъ, отложа всякое житейское попеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вакхическую пѣсню, озаглавивъ ее сице:

Вірши похва́льние любя́чимъ пи́во пи́ти, или́ тежъ за едни́мъ за́ходомъ и всякъ тру́нокъ, кому́ не шко́дитъ, або́ не ва́дитъ.

Котри́й, мо́вятъ, человікъ до́бре випива́етъ,
те́ди тако́му панъ Богъ на пи́во дава́етъ.
Хоча́й-то и такъ пра́вятъ, же пи́во не ди́во,
е́днакъ до́бре, гди зтро́ха го́рло промочи́ло:
До люде́й виразнійше бу́детъ глаголáти,
и въ це́ркві на кри́ласі гла́дшей заспіва́ти.
Зачи́мъ, пано́ве, собі здоро́ви бува́йте,
а где ли ко́львекъ пива́, — до́бре потяга́йте.
А въ голові, здоро́вий, все не перебира́й,
да вшели́кий напúтокъ за́ровно випива́й.
Бо въ жо́рна до́бриe що вкинь, мо́вятъ, то зме́ле.
похвали́ и ти мене́ за то, че́стний хме́ле!
И су́ржикъ хто лю́битъ, — хлібъ зъ него́ ужива́етъ;
и прося́нинъ, овся́нинъ — все то кормъ бива́етъ;

(1) Благоволилъ.

А хто едно́ що́ лю́битъ, того́ и держи́ся, —
хочъ штани́ застáвъ, иди́ у корчму́, напи́ся.
Ти́лько жъ про́шу — и штано́въ на-вікъ не покида́й:
сла́вная то оде́жа, — найскорійшъ викупля́й.
А на ме́не за сей віршъ, прошу́, не дивіть,
да, якъ бу́дете пи́ти, то й мене́ вспомяніть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ на разныя явленія тогдашней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ бурсъ, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *нищуновъ*, то есть безродныхъ и безпріютныхъ сиротъ, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отправлялись на фуражировку по дворамъ безпечныхъ поселянъ, почему и назывались *курохва́тами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней нѣчто въ родѣ странноприимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; но испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ притонъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ изъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ, да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вѣроятно, за ихъ гостепріимство.

О школярáхъ, дрóва крáдущихъ и о шкóлі.

Шкóла — церкóвний у́голъ. Такъ ся называ́етъ,
кгдижъ церко́вныхъ набоже́нствъ дітéй научáетъ,
И що въ це́ркві прáвятъ, то и въ шкóлі знайду́етъ,
а безчи́ний въ ней жáднихъ нігди не знайду́етъ.
Бо мóвятъ: *Шкóла всякимъ стрдннімъ домъ есть вóльний*;
але́ еднáкже прáве онъ не своявóльний.
И причéтниками тежъ школя́ре ся имену́ютъ,
поне́важъ це́ркві святóй щи́ре услугу́ютъ.
А що часомъ вкрáдутъ дрóвъ, же не міютъ где взять:
міщáне и селя́не не хотя́тъ куповáть.
А зна́ю, же бъ тимъ ді́ломъ лю́де не згріши́ли,
ижъ би когдá на яки́й возóкъ ся зложи́ли.
Годи́ло бъ ся церкóвнимъ слу́гамъ то вчини́ти,
абó зъ дворá готóвихъ імъ не збороня́ти.
Могло́ бъ милости́нею и тóе ся назвáти,
а імъ би рáчилъ за то Богъ нагорожáти.

Прѝповість же въ школярóвъ: *Не вкравъ, алѐ достáвъ.*
А ти, Бóже, за дрóва гріхá імъ не постáвъ.
А по козáцькій, хочъ вкравъ, то мóвятъ, же добýвъ.
Кóждий, розумію, козáкъ о томъ слóві чувъ.
А ви, панóве, за сей вíршъ не подивіте,
и кто егó написáвъ, и того́ простíте.
Бо едéнъ бíдний школя́ръ, прозвáниемъ Трѝсця,
где живъ и где бýдетъ жить, не мáть емý щáстя.
А хочáй онъ, въ свíті живучи́, вельми ся страждáетъ,
только жъ, бíдний и вéльми мизéрний, свою тóрбу въ скри́-
ню ховáетъ.

Четыре послѣдніе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, »школа всякимъ страннымъ домъ есть вольний«, то, вѣроятно, не ужившись въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ пріютился въ обществѣ мірскихъ »крылошанъ«, гдѣ ему не возбранялось »для силы чимъ ся и посилить«. Проще сказать — онъ, вѣроятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догадку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярскимъ вольнодумствомъ. Такъ, напримѣръ, разсужденіе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенія котораго онъ возстаетъ съ энтузіазмомъ страдающаго человѣка; стихотвореніе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вскорѣ послѣ брака, и другое стихотвореніе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣднія стихотворенія отличаются саркастическою веселостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентія свободой выраженій. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченіе страстнаго человѣка. Надобно замѣтить, что и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ прежде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенія къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентія надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борисѣ Годуновѣ*. Въ разсужденіи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчинствъ и

что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдашемъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письме́нныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденныя въ мірянахъ безчинствами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотчасъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Мазепино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность, такъ какъ монастыри и церкви не упускали случая увеличить свои владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктиторы и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблаговиднаго поведенія многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно защищаетъ свою братію, однакожъ намеки на испорченность ея нравовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаются въ глаза современному читателю.

О чинѧщихъ па́кости монастира́мъ и церква́мъ,

Ка́менние, знать, сердца́ въ тихъ люде́й быва́ютъ,
котри́е монастиря́мъ па́кость сотворя́ютъ.
Лю́де на оби́телі святи́е дава́ютъ,
а они́ гото́вое отъ нихъ отдаля́ютъ.
Него́дни таковы́е кти́тори похвали́,
але́ досто́йни ти́е всѧкоі несла́ви,
Же то Христиѧнами себе́ называ́ютъ,
да, вла́сне басурма́не, церкви́ разграбля́ютъ.
Не хо́чемъ ми кти́торей такихъ міти,
лечъ жебъ съ прислу́гами ихъ не било́ на світі.
— —
Але́ о́вшемъ па́костить уже́ переста́ньте,
а благотвори́ть церква́мъ и оби́телемъ ста́ньте.
А хочъ на монастирі ніщо не дава́йте,
то прина́мній (1) гото́вихъ рече́й не отнима́йте...

О ху́лячихъ чинъ духо́вний.

И той человікъ ве́льми зле поступова́етъ,
котри́й на чинъ ду́ховнпй хулу́ наноша́етъ.
— —

(1) По крайней мѣрѣ.

А и́ний зли́е слова́ о духо́вникъ гово́ритъ,
и мно́гіе чудеса́ неподо́бно тво́ритъ (¹).
И аби́ не пости́гло зло тихъ чудотво́рцовъ,
же ху́лятъ свящє́нниковъ, своіхъ боломо́льцовъ.
Уже́ жъ хочъ отъ сего́ дня въ ша́йности іхъ мійте,
и слу́шати іхъ слове́съ и въ любви́ міть хтійте...

О невіла́сахъ (²), *укоря́ющихъ тихъ люде́й, котри́е Писа́ніемъ Свяги́мъ викладаютъ что поле́зное на по́льзу ихъ, а они (неразсу́дние го́лови) злосло́вятъ и ненави́дятъ тихъ труждателе́й, на до́брие діла́ писа́ніемъ научаю́щихъ и спасе́нія іхъ жела́ющихъ.*

Зна́йте и разумійте таковы́е лю́де,
что́ вамъ за ти́е ре́чи въ послідній день бу́де.
Прошу́ васъ, наста́вниковъ своіхъ не хуліте,
але повину́йтесь и Бо́га (за нихъ) моліте...

О писа́ніи свято́мъ и о уча́щихся его́.

— —

И хто Писа́ніе Свято́е зневажа́етъ,
таки́й ве́льми Го́споду Бо́гу согрішаетъ.
Бо и́ний мо́витъ, же зъ письме́ннихъ все зло быва́етъ;
нехай за его́ лга́нне на его́ обраща́етъ,
И обрати́тся, же слі́пъ дерза́етъ вождо́въ хули́ти;
бу́детъ бо пе́вне его́ Богъ за то́е суди́ти.
Изно́ву жъ мо́вятъ: »Презъ письме́ннихъ западе́тся світь.«
Щобъ той самъ запа́лся! а того́ и по сей часъ нітъ.
— —

Замѣчательно, что вообще между *письме́нными и неписьменными* существовалъ тогда разладъ. Грамотѣи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденія, что міръ погибнетъ черезъ *письме́нныхъ*. А вотъ стихи Климентія о *неписьменныхъ*.

Яко та́кожъ тре́звому изъ пья́нимъ обита́ть,
та́ко и письме́нному изъ про́стимъ пробыва́ть;
Бо въ про́стого мужика́ про́стий есть оби́чай,
а въ письме́нцого осо́бний, полити́чний зви́чай.
Зачи́мъ переста́нте, простаки́, письмо́ блюзни́ти,
би́сте ся не могли́ въ про́пасть вічну потопи́ти...

(¹) Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мірянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людей духовнаго званія.

(²) О людяхъ непросвѣщенныхъ, язычникахъ.

Видно, однакожъ, что этотъ *политичний звичай* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣевъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтями, въ которыя опасно было попасть человѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣпствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикамъ и уніатамъ,— для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣроученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со временъ Мазепы, или съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преуспѣянію въ познаніи истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ уніи, но которое тогда подчинялись другимъ, болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значитъ, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невинное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развилась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ кляузахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной, простосердечной части населенія. Возвысясь надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увеличить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ высшими, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе

всѣхъ и доставалось отъ грамотѣевъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволилъ къ *письме́ннымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство, управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вслѣдствіе того къ сознанію и сохраненію личныхъ правъ своихъ,—изъ гетманской Украины вышло бы совсѣмъ не то, что́ вышло. Но въ томъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, изчезли безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значитъ народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говоритъ, что *письме́нному* толковать съ *непись ме́ннымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образованіе, по его убѣжденію, нужны собственно для попа; отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И кгди́ бъ не свящѐнники, и церквѐй би не било́,
не билъ би зако́нъ, але́ беззако́ніе бъ било́;
Бо зако́нного бра́ку не мо́щно бъ составля́ти,
поне́важъ бы не било́ кому́ шлюбовъ дая́ти;
Также христія́нами не могли́ бъ ся называ́ть,
кгди бъ рожда́емыхъ дѣте́й нікому било́ крещя́ть.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось цѣлью, а истинная цѣль христіянства скрылась отъ него за облаками догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, тѣмъ слабѣе и слабѣе дѣйствовали они на душу прихожанъ, и особенно, когда обѣщалъ царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоявшійся. Мнѣ рѣдко слу-

чалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи уніи, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Густынскаго монастыря, Гавріилъ Леопольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій, не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣжали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Невскаго полка — въ Зауда-евскій монастырскій дворъ, вломились въ домъ, вышибли окна, монаховъ, тамъ спящихъ, избили палками, плетьми и кулаками, вырвали имъ волоса и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять верстъ, потомъ положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петро́ Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасикѣ одинъ улей пчелъ. Этого не довольно, »але ще й сина мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.«

Въ 1728 году войсковой канцеляристъ Лисаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, Иродіонъ, послалъ 60 человѣкъ дьяковъ, пономарей, поваровъ, слугъ и конюховъ загородить ему ото всѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ »катедру« и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, ота́маны сотни Иванпольской (или Янпольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Чернцы Новгородскіе (т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацство наше смертнымъ боемъ бывали, отъ якого иные и померли, и со всими нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые чернцы, дочувшися, що,

якъ диды и отцы наши въ разныхъ походахъ службу козачую одбувалы, и мы похотили такожъ служыть, напалы ночью, иныхъ повязавши козаковъ, были безъ пощады, отправывшы въ монастырь Новгородскій въ турму; а быдло, кони, товаръ рогатый, овци, свыни со всимъ нащадкомъ до монастыра свого отобралы. Того рады всепокорственно просымо, дабы черницы болшъ насъ не мучылы«. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ селъ, въ которыхъ монахи записали козаковъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-конюшаго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьниковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и всѣ пожитки дочиста увезла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Извѣстно только, что фамилія Полуботковъ обѣднѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Прилуцкіе судья и писарь доносили князю Θ. Ив. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлинскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали »по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетьми товстыми, горазде, такъ що и кровъ крузъ сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.«

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулить своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году коропской сотникъ Химчичъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: »Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попамъ.« А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и женами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выдти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты невозможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьникамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монаховъ, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди мона-

стырей. Что́ дѣлали до великой руины іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ руины усвоими себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не напрасно отаманы Яншольской сотни, жалуясь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацство смертнымъ боемъ бивали ихъ*. Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и уніатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козачество. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посполитыми, и это была первая изъ его уступокъ, которыя, какъ извѣстно, окончились тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ надъ шляхтою. Въ *Актахъ, къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

»Всѣмъ вообще и каждому зособно подданнымъ монастыра Печерского, до инокинь того монастыра въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новымъ козакомъ, симъ листомъ моимъ гетманьскимъ ознаймуемъ и владзою нашою гетманьскою сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козачество не хотячи, до того монастыра работы и повинности отправляти удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменьѣ Кіево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ о Христѣ того жъ монастыра послушны были, и повинности и работы всякіе отправляли, постерегаючися на себе войсковаго каранья. Бо мы со всимъ войскомъ не хочемъ отъ монастыровъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дастъ Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторнѣ напоминаемъ, абысте вы вси, которые въ Подгорцахъ знайдуетеся, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если росказанью и листу нашому хто изъ васъ спротивится, таковый, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашого, горломъ караный будетъ.«

Заботяєь больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждаго гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и крѣпко держали за руки приписныхъ къ своимъ землямъ поселянъ. Въ библіотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича*, изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человѣкъ ласкался поочередно ко всѣмъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойлови-

ча, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, какъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни соціальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіянскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпораціи, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о *маетностяхъ* да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не что иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за извѣстную плату и подарки, выдѣлывали грамотѣевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ gratis дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себѣ пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно разсказываетъ Шафонскій (1), или живились такъ, какъ описано въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на маетностяхъ и подданныхъ. Въ окружномъ посланіи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было »тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.« Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, »пошли самоволне, безъ всякія вины, въ козаки«, то онъ счелъ себя въ правѣ, въ качествѣ архипастыря, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: »За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанского и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умретъ—*не хоронити*; буди имъ безъ обыклаго пѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ пріялъ въ свой

(1) *Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе*, стр. 33: ».... не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козачія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы идутъ и міркимъ подаяніемъ ежедневныя пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодъ и холодъ, и всякую скудость и нужду, охотно и прилежно учатся....« Далѣе, стр. 283: »(въ бурсу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаянія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками, духовныя пѣсни поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаяніе получаютъ.... Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаянія, снабдѣваютъ ихъ одѣяніемъ.«

дворъ, съ ними пріобщался и до нихъ пошолъ — тому жъ неблагословенію подлежати будеть.« (1) Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обличительныхъ документовъ: »Что дѣлали до *великой руины* іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ *руины* усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.« Обуздала ихъ только Екатерина II, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стяжательной братіи были въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по успѣху своего замысла, вторымъ Хмельницкимъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія оды; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно предали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходъ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскаго увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которымъ онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра сего, которыми въ то время были паны и монахи.

О упи́сующихся въ козаки́ дурни́хъ мужика́хъ и зно́ву випи́суватися хотя́щихъ.

То́жесь, дурни́й мужи́ку, ба́рзе неува́жний,
же ти́лько безче́стишъ чинъ коза́цький пова́жний.
Зася́глесь того́ чи́ну, але́ погоржа́ешъ:
не би́вши въ во́йску, южъ ви́ступить гада́ешъ.
Ніхто́ тя випи́сувати, нітъ, не приневоля́лъ,
але́ самъ ся зъ до́брой волі есте́сь виписа́лъ;
А не хочъ съ козака́ми у во́йско завита́ть,
я́кось не хотілъ предъ тимъ тя́глости отбува́ть.
Пре́то бере́зовимъ пірóмъ випи́сувать тя тре́ба,
и худо́бу, кгди ма́ешъ, на ра́тушъ взять потре́ба,

(1) Этотъ драгоцѣнный документъ сообщенъ мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ П. М. Бѣлозерскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копіальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, хранящуюся въ библіотекѣ Черниговской семинаріи, подъ № 35. Въ этой копіальной книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Аби́ еси, яково́ коза́цство, памята́лъ
и дру́гимъ мужика́мъ такъ чини́ти заказа́лъ.
Ото́ жъ, кгдись не втопи́лся напро́дъ где у во́ду,
прийми́ жъ коза́цкую, Хорба́цѣ, нагоро́ду,
Бись не запо́мнілъ тоёй ре́чи ажъ до сме́рти,
по́куль ся обвісишъ, чи тежъ су́дится вме́рти.

Ненавистью и презрѣніемъ дышутъ эти стихи. Католическій и уніатскій попъ временъ *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Польское владычество, основанное на пожертвованіи многочисленнѣйшимъ классомъ народа въ пользу малочисленнаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые имѣли притязаніе на какое-либо первенство. Внѣшнее дѣйствіе заразы устранено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глубоко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасенія. Чтобы докончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ книги стихотворца Климентія.

О волоча́щихся черица́хъ и черни́цахъ, по мі́ста́хъ, по шко́лахъ и по корче́мнихъ двора́хъ.

Мно́гие волоцю́ги зъ гульта́йства бива́ютъ,
осо́бно черинці и черни́ці та́кожъ ся пробігаютъ.
Не хотя́тъ въ монастире́хъ послуша́ній міти
и, ве́длугъ (1) своего́ спасенія, терпіти,
Да повіется ини́й къ бісу по своій во́лі,
шука́ючи, на зги́бель собі, своявóлі.
А своявóля до́бра, да не пожите́чна,
зъ кото́роі ся ражда́етъ зги́бель доконе́чна,
А особли́ве тежъ черица́ и черни́цю она́ погубля́етъ,
а світского та́кже, вімъ, не направля́етъ.
— —
Да туда́ жъ и черне́цъ и́ний вандро́вний шаліетъ
И люде́й до згорше́ня свіцкихъ привожда́етъ.
— —
Тако́му не потре́ба ми́лостиню дава́ть,
але́ всю́да го́дно есть кия́ми частова́ть.

Слово *кия́ми* написано прописными буквами. По видимому, это языкъ строгаго анахорета. Но у Климентія строгость идетъ объ руку съ поползновеніемъ ко грѣху, который онъ совѣтуетъ совершать какъ мож-

(1) По, сообразно съ чѣмъ.

но болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отстрочивая на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по пословицѣ: *семь бѣдъ, а одинъ отвѣтъ*.

Кто бо захóчетъ чáсомъ что-кóльвекъ згрішúти,
долженъ пúлно одъ людскúхъ очéй хорони́ти;
Бо мóвятъ: »Хочъ вíдаютъ, да нехáй не вúдятъ«, —
и такъ грішникомъ лю́де не бáрзо обрúдятъ.
Публúчний бо гріхъ душі тяжчáйший бивáетъ,
и Богъ за публúчний гріхъ горшъ прáве караетъ.
И что схóчешъ сотворúть велúка и мáла,
утрúсь и запрúсь, жебъ сичъ и сова́ не знáла.
И співáютъ зась: »Хмúзомъ, нúзомъ пудъ вербáми«,
жебú жáдние лю́де нігди не узнáли.

Развратнѣе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Іезуиты охотно приняли бы почтеннѣйшаго отца Климентій въ свой орденъ. Если онъ и проповѣдуетъ что-нибудь доброе, не вѣрьте ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетій Смотрицкій, который ораторствовалъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки *о волочáщихся черницáхъ*.

И бу́детъ úний чернéцъ чрезъ весь вікъ ся волочúть,
а трафля́ется тому́ въ шкóлі ся и скончúть,
Абó де нáгле лу́снетъ у корчéмномъ дому́;
то ужé и не знáти, щó чинúти тому́.
Мóжетъ перозсу́дной той шинкáрці напúти,
а що горшъ — и комéдій якúхъ начинúти (¹).

— —

Не хóчетъ у монастиру́ той жительствовáти
и стáршому и брáтіи ся повиновáти,
Да, злий рабъ, я́ко гультáй, зáвше волóчится,
а въ монастиру́ нігдé ему́ жить не хóчется,
Бúлеби по городáхъ лю́дямъ óчи порóвъ.
Бодáй тúлько егó катъ самóго испорóвъ!

— —

Бо, напрóдъ згинéнія, онъ монастирі осуждáетъ,
же мóвитъ: »Жáдний менé игу́менъ не прiймáетъ.

(¹) Сирѣчь, по предмету безбрачія иноческаго.

Мýшу ся волочи́ти по тоéй невóлі.«
А то лжетъ, би́ле бъ емý нашаліться довóлі.
И зась бре́шетъ, же мóвитъ: »Нігдé мя не приймáютъ.«
Бива́етъ то и пра́вда, же нецно́ти (1) егó зна́ютъ.
— —
Бо що отъ ши́беницъ котри́е втіка́ютъ,
и ти́е въ монастири́хъ ча́сомъ ся свобожда́ютъ.
— —
Есть же то пра́вда, якъ не едно́й ма́тери діти:
и́ний хочъ странствуетъ, да ста́токъ бу́детъ міти.
Не по́йдетъ такови́й где въ корчму́ ночова́ти,
але́ до свяще́нника мо́жетъ ся впроха́ти,
Або́ хочъ и до про́стихъ та́кже людéй че́стнихъ,
а не до корче́мнихъ котри́хъ домо́въ безче́стнихъ.
— —
И азъ, пи́шущій се, тожъ не́гдись провандрова́лся,
любъ въ дале́кіе краі, да зле не блука́лся,
И впять беззазóрно сталъ въ монасти́рь поспіша́ть,
и въ немъ по да́вному, зъ ла́ски Бóжой и ста́ршихъ, пребува́ть.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, что́ имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елея, но и къ потворству нѣкоторымъ инымъ поползновеніямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваетъ *четверочисленная скорбь человѣческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потомъ мучился немощью воздержаться отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при невоздержаніи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ непріятныхъ столкновеній съ дѣйствительностію можно судить по двумъ филиппикамъ противъ собакъ, которые надоѣдали ему во время странствованій въ нищетѣ и производили въ немъ озлобленіе паче монастырскаго.

Слово 1-ое о псахъ, або́ тежъ о соба́кахъ, и о люде́хъ, люба́щихъ ихъ и ве́льми въ нихъ ся коха́ющихъ и въ тихъ бе́стіяхъ нечи́стихъ ажъ ду́ши свои полага́ющихъ.

Хто въ псахъ коха́ется, самъ емý ся равня́етъ (2):
жа́денъ невозлюби́вший ихъ то́е призна́етъ.

(1) Проказы, дурныя дѣла.
(2) Это писано уже на листкѣ 148.

И не то́кмо такови́й псо́ві есть подо́бенъ,
але́ Ля́ху той, або́ де́мону надо́бенъ;
Кгдижъ де́мони, въ поста́сі (¹) псовъ, къ святи́мъ хожда́ше,
котри́е ихъ люби́ли пре́жде, тихъ прельща́ше
Зіло; стужа́ющимъ імъ па́кости творя́ху
и вся помишле́нія зла́я наноша́ху.
Тимъ вірнимъ не досто́итъ тіхъ бе́стій люби́ти,
но добро́ бъ, гди бъ мо́щно и зъ світа скорени́ти.
А что инъ стра́жами псовъ себі назива́етъ,
лечъ (²) не вість бідний, ижъ въ томъ вельми́ ся омиля́етъ,
Почита́ющи пса па́че само́го Бо́га.
Ахъ, не чиніте того́! прошу́ васъ для Бо́га.
Же и ла́ску Бо́жію той прочъ отгоня́етъ,
поне́важъ всякъ за злихъ псовъ его́ проклина́етъ.
А такъ гріхъ есть въ бе́стіі зби́тне (³) ся коха́ти
и въ ней надію, бу́дто въ Бо́зі, полага́ти.
— —
Бу́дутъ бо изъ Арме́ни ти́е часть иміти, —
не то́кмо они́ сами́, але́ іхъ и діти....

Сло́во 2-е о псахъ и о люде́хъ, не любя́щихъ псовъ и недержа́щихъ іхъ.

Благослове́нъ есть той домъ наза́вше отъ Бо́га
и отъ люде́й бива́етъ похва́ла премно́га, —
А и́менно той, котри́й въ се́бе псовъ не ма́етъ;
того́ безпреста́нно самъ Богъ благословля́етъ.
А за что́ жъ, повідь ми, Богъ благословля́етъ?
за то, же всякъ человікъ его́ похваля́етъ.
А где въ котро́мъ дому́ пси въ ко́го пробува́ютъ,
того́ тамъ вшеля́кие лю́де проклина́ютъ:
»Бода́й вамъ«, мо́вятъ, »зъ пса́ми нігди не било́ добра́,
же не мо́щно промину́ть безъ па́лици двора́!«
Бо пси и потайни́е ча́сомъ въ ко́го бува́ютъ,
и — щобъ дя́бли побра́ли ихъ — люде́й куса́ютъ,
И ини́е па́кості на світі лю́дямъ тво́рятъ,
поне́важъ въ розма́итихъ реча́хъ ини́хъ шко́дятъ,
Яко-то: зъ во́за въ ко́го где́-що виволока́ютъ,
а въ огоро́дахъ грядки́ зъ сівбо́ю потопта́ютъ.
И для то́го бъ псовъ всегда́ не тре́ба держа́ти,
же бъ благослове́нства Бо́жого не прогоня́ти....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе взглядъ автора на монастырь.

О вступу́ючихъ зъ роско́шей світови́хъ люде́й бога́тихъ во убо́гое и ни́щетное житіе и́ноческое, жебъ не скорбіли и не ка́я-

(¹) Во образѣ. — (²) Но. — (³) Слишкомъ.

лися напóтимъ, не призапáсивши зъ потрéбу свою имінія, сúрічъ вещéй: и ядéнія, и питія, и грóшей наипáче; гдижъ и воúноціхъ безъ имінія трýдно и вéльми нýдно, пáче же прéжде богáтство имýщимъ.

Здаéтся, же пробýдетъ ні івши, ні пúвши
богáтий, въ чернéцькое житіé вступúвши,
И здаéтся, же бýдетъ нічóго не трéба;
разсмóтрится напóтимъ, ажъ всегó потрéба!
Бо гдижъ мнóго таковúхъ богáтихъ бивáетъ,
же úний всю худóбу въ монастúрь давáетъ.
Емý ся вúдитъ — бýдетъ и тогдá кóнтентъ міть;
ажъ зза дубóвихъ дверéй не бýдетъ и видіть.
А хочáй двéри бýдутъ и не дубóвие, —
не бýдутъ раствóренни тожъ и сосновие.
Изъ рукъ бідний небóракъ бýдетъ южъ глядіти,
и не бýдетъ того́, щó прéжде імілъ, міти.
Зачúмъ богáтий напрóдъ постерегáйся
и, гди хочъ, въ чернéчество здорóвъ постригáйся.

О чернцáхъ и охóтящихся въ чернéчество.

Зъ дáвнихъ чáсовъ світовúй людъ то повідáетъ,
же нікóго чернéчая рúза не спасáетъ.
И въ чернцáхъ, éсли также изхóчетъ грішúти.
то дай, Бóже, жебú душі не згубúти.
И білая рúза такóжъ не погубляетъ,
éжели хто дóбрия діла отправлáетъ
Тúлько то на кóждий гріхъ покýта бивáетъ;
а не трéба ея́, хто не согрішáетъ.
А що зась въ чернéцкомъ ткнéтся тежъ закóну,
о котрóмъ не свідомо свіцкому всякóму;
Бо гдибъ відалъ, чтó емý въ чернцáхъ бýдетъ случáть,
нігди бъ пудъ прися́гою не хотілъ постригáть,
И, навязáвши бъ на ся кáмень, въ вóду втопúлъ,
нéжели бъ на вічную скорбъ въ чернéцство вступилъ.
Бо прáвда то, же въ чернцáхъ вічная невóля,
а свіцкимъ во всіхъ речáхъ совершéнна вóля.
И свіцькимъ здаéтця той чинъ за хлібъ пшенúчний,
а постри́гшись, познáвши, далъ бы и за жúтний,
А понéважъ свіцкий господáръ во всемъ довóленъ
въ своéмъ дóбромъ, а чернéць южъ ні въ чомъ не вóленъ.
И чернéцство не тúлько младúхъ въ чинъ свой ввóдитъ,
алé чáсомъ мýдрихъ и старúхъ въ той завóдитъ.
Прéто, всі світовúе лю́де, кáйтесь на насъ (1):

(1) Т. е. глядя на наше положеніе, берегитесь, чтобъ не очутиться въ немъ. Выраженіе народное. Въ пѣснѣ, соблазненная и обманутая дѣвушка говоритъ:

Ой хто у борý,
Чýйте новинý;
А хто у селі,
Кáйтесь на мені.

прошу́ якъ найпоко́рній о томъ дѣлі всіхъ васъ.

— —

Пи́шетъ же о томъ чи́ну соверше́нъ дознáвецъ
и надъ всіхъ въ немъ страда́льцевъ бідні́йший страда́лецъ.

— —

Смію́чи мо́вить, же хочъ хто бувъ своявóльникъ,
а якъ вступитъ въ чернéцство, то будетъ невóльникъ.
И зъ басурмáнскихъ невóль свобóдни бива́ютъ,
а зъ чернéцства до смéртий не освобожáютъ.
Ти́лько жъ, гди хóчетъ, нехáй здравъ въ чинъ той вступáетъ:
охóчого не внять, — Богъ нехáй помагáетъ.
Я о томъ дѣлі ему́ не перебива́ю,
лечъ, ви́дячи воздéржность егó, пораж áю.
А невоздéржнихъ могу́ отъ тóго впиня́ти
и, якъ мóщно, до тóго ихъ не допущáти....

О глаго́лющихъ, я́ко повѣдае: и́нокомъ нетрéбі жáднихъ мíти стяжáний.

Би́ло нéгдись чернцáмъ ні щó не надóбно,
а тепéръ все потрéба тáкожде подóбно,
Бо и чернцéві тáкже хóчется що мíти;
хочáй то и не жона́ въ негó и не дíти,
Еднáкъ и чернцу́ встúдно гóлому ходúти,
ти́лько, якъ нітъ нічóго, мусíтъ хочъ просúти;
Бо чернцóвъ гóлихъ зову́тъ опия́ками большъ,
абó и нецнотли́вими, — то ещé и найгóршъ.
Мóвятъ, же не дáрмо той нічóго не мáетъ;
а бідному нігде взять, — онъ того́ не знáетъ;
Кгдижъ въ монастиря́хъ не вéльми чáсто дава́ютъ
одéжу; а запáсние ли́шней не мáютъ.
Уббгие чернці хочъ бóльшей и праць у́ютъ,
ти́лько жъ вбóгихъ и тамъ не бáрзо шану́ютъ,
А мáючихъ, якъ и вмреть, лу́чшей поминáютъ;
а ни́щетнихъ въ скóрий часъ и запоминáютъ.
И якъ свíцкимъ не добрó на свíті голишáмъ,
такъ же то и чернцáмъ спротáмъ, побíдашáмъ.
И гóлихъ и пришéльцовъ чáсомъ не приймáютъ;
хочъ би и ремéсникъ бувъ, прочъ висилáютъ.
Итакъ, ми́лий Бóже, всíмъ убóгимъ не добрó,
а котри́й мнóго всегó мíетъ, тому́ добрó.
И блажéнъ и преблажéнъ той въ тепéрешний вíкъ,
хто мíетъ чего-кóльвекъ довóльно человíкъ.
(Бо и въ лéкціяхъ пи́шутъ: »Хто богáтъ, тóй всíмъ братъ;
а хто нічóго не мáетъ, того́ нíхто не знáетъ«)....

За этимъ слѣдуетъ характеризующее монастырскую жизнь заглавіе: *О иноцíхъ (насъ южъ) послíдніхъ* (т. е. омонастырской черни), *терпя́щихъ безви́нно и повúнно премнóгія зілó напáсти и скóрби, и*

гоне́нія, и окаяветáнія и нависті, и всáческиі озлобле́нія. Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестоющихъ выписки.

О безже́нномъ житіі и́ноческомъ.

Свобо́дъ и́нокъ отъ жени́ и дѣтей, повіда́етъ,
е́днакъ ну́жда, же своéй господи́ні не ма́етъ;
А хочъ и всего́ та́кже и́ний мо́жетъ міть,
а въ той ре́чи едно́ то му́сітъ терпіть.
А що мо́вятъ: »Не жоні и не дітямъ збира́ти«;
а е́слиби мівъ жону́, та́кожъ би моглъ зправля́ти.
Але́ жени́тись зако́нъ той не повеліва́етъ,
ти́лько безъ помо́щниці самъ-е́динъ пребива́етъ.
Міючий жону́, той ся и въ скорбе́хъ утіша́етъ,
а черница́ бідного Богъ ти́лько неха́й утішаетъ.

Слѣдующіе стихи даютъ понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто человѣконенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько человѣкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что́ испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подоóныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не царапать по сердцу другъ друга, и потомъ предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Ко́ждий и́нокъ возмо́жетъ тóе ціле призна́ти,
же наеди́ні не такъ ско́рбно пребива́ти;
А где въ ке́ліи собо́ръ вели́кий пробува́етъ,
тамъ не́нависть и вражда́ ча́сто ся украда́етъ.

Даже вдвоемъ не могъ тогдашній монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климентія, иноческая жизнь требовала тайны, а сожитель —

Бу́детъ, вімъ, другóго во всемъ осужда́ти,
и ло́жно зли́ми діли того́ обноша́ти,
И за́вше въ не́нависті бу́детъ его́ міти,
и отнюдъ непра́ведно тожъ ненавидіти.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что́ мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни

старался возвышаться надъ грѣховными поползновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его проникнуты разженною мечтою о томъ, на что́ человѣкъ иного быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщинахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ исправленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ слабѣйшей половинѣ человѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзіи, которою дышутъ народныя наши пѣсни. Онъ представляетъ женщину исчадіемъ діавола и богохульствуетъ самымъ возмутительнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ моралиста. Подобныя выходки не новы между его отпавшею отъ жизни братіею. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Да́рмо, ся видитъ, женскъ полъ звиклъ письма́ учи́ти:
могла́ бъ це́рковъ и безъ нихъ письма́ обходи́ти.
Бо то́кмо мужемъ далъ Богъ небезпотре́бно,
а імъ—здае́тця, я́коби и непотре́бно.
Жена́ письме́нна му́жемъ про́стимъ погоржа́етъ
и, якъ простака́, ціле того́ внівеча́етъ.
Овшемъ бо пра́ве же́намъ письмо́ неприли́чно,
ти́лько оно менщи́знамъ потре́бно и сли́чно;
А же́намъ, якъ пя́того ко́леса, такъ тре́ба,
а мужемъ вся́кимъ всю́да на все то потре́ба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говоритъ, что женщинъ на свѣтѣ вдвое больше, нежели мужчинъ, —

Една́къ надъ жена́ми Богъ далъ мужемъ верхъ міти,
а імъ не далъ му́жескихъ рече́й розуміти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы были вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотворецъ характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную подозрительности и лукавства.

Подоба́етъ такови́й вчини́ти совітъ намъ,
же нігди не дая́ти ні въ чемъ віри жена́мъ;
Жена́мъ бо за́вше ля́тво такъ кля́тву сполни́ти,
якъ пра́гнучому ча́сомъ води́ ся напи́ти.
Пре́то, аще би мо́щно, звізди зъ не́ба бра́ла,
або тежъ предъ собо́ю зе́млю поядала,

То уже́ да не бу́детъ о́нимъ ві́ра да́нна,
хочъ би и прекра́сная она была́ па́нна.
— —
И а́ще би и ма́ти, е́днакъ та́я жъ жена́,
и презъ ма́теръ быва́етъ скорбъ и гріху вина́.

Какая разница въ воззрѣніи народа на мать! Пѣсня о правдѣ и неправдѣ говоритъ:

Нема́ въ сві́ті пра́вди, тілько рідная ма́ти.

Другая пѣсня возводитъ высокое понятіе о матери почти до боготворенія:

Ма́ти на́ша, ма́ти!
Де жъ намъ тебе́ взя́ти?
Хиба́ тебе́, ма́ти,
Да намалюва́ти....
Намалю́ю ма́тіръ
На божничку́ въ ха́ті.
На божничо́къ гля́ну —
Ма́тіръ испомя́ну;
Наза́дъ оберну́ся —
Слёза́ми залію́ся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣсняхъ называетъ ее *пора́дницею*, или *пора́донькою вірною*. Только такой человѣкъ, какъ Климентій, изсушивъ душу въ отчужденьи отъ всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ человѣческимъ, могъ дофилософствоваться до такого нечестиваго взгляда на мать. Вслѣдъ за тѣмъ онъ избираетъ темою своихъ размышленій неплодіе женъ и говоритъ:

Повіждь мні, чему́ же́ни мно́ги есть непло́дни,
лю́бо то и отъ мужёй своихъ не свобо́дни?

Размышленіе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное удовольствіе, и можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ онъ написалъ: *отъ мужей своихъ несвободны*... Въ самыхъ, по видимому, благочестивыхъ его размышленьяхъ высказывается воображеніе нечистое, и похвалы его женской непорочности дышутъ тайнымъ развратомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *о вдовственныхъ женáхъ*:

Живу́щія въ чи́стості че́стния вдови́ци
обря́щутся предъ Бо́гомъ, якъ чи́стия дівици,
И судилъ бихъ надъ дівицъ ихъ честнійшихъ па́че,
звла́ща здра́вихъ и ю́нихъ, то есть млади́хъ найпа́че.
Діви бо пло́тскихъ гріхо́въ себі не позна́ли,
а они́ и позна́вши, чи́стость заховали.

И не ди́вно безъ то́го стари́мъ вдо́вамъ жи́ти,
а млади́мъ, тру́дно, мо́вятъ, безъ то́го прожи́ти.

Далѣе онъ размышляетъ *о прельщеніяхъ же́нскихъ и о му́жескихъ пристрастіяхъ до женъ, зва́ща до чу́ждихъ*, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо быва́етъ до нихъ стра́стію побіжде́нъ,
той не ско́ро впять бу́детъ отъ тоя́ свобожде́нъ,
Бо изъ ума́ не бу́детъ то ему́ сходи́ти,
аби́ прельсти́вшися могълъ въ тихъ гріха́хъ пожи́ти.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотвореніе, рѣзко обличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

О терпе́ніи же́нстімъ, ка́ко въ зимі студе́ностей не боя́тся, когда во вре́мя лю́тихъ мра́зовъ на рі́ка́хъ ху́сти пе́ру́тъ.

Подо́бно, пеке́льная горя́чость въ же́нскомъ ті́лі:
до́знанна о томъ пра́вда въ люде́й сами́ми ді́ли.
А котри́е жъ, повіждь мні, лю́де того́ дозна́ли?
Ти́е, котри́е себі били́ же́ни поя́ли.
А кромъ поня́тія ніть ли мо́щно того́ дозна́ти?
Не увість непоня́вшій. Дай, Боже, и не зна́ти.
А котри́й хочъ позна́етъ, той зіло́ согрі́ша́етъ;
вели́кая бовімъ въ томъ ді́лі та́йна быва́етъ.
А что жъ то есть за та́йна? не быва́етъ ли явна?
Бо безже́нныхъ за то кара́ютъ зда́вна.
А яки́е жъ за ту́ю речъ ка́рности быва́ютъ?
Ти́е, же ча́сомъ за то здоро́вья умаля́ютъ.
О, поне́важъ такъ, и мні тре́ба жену́ поя́ти,
жеби́ могълъ невозбра́нно тое́й та́йни дозна́ти.
И Бо́же тебі свою́ жону́ поня́ть поможи́,
и чада побо́жныя отъ нея́ вамъ умножи́.

Неловкое увлеченіе свое *пекельною горячностью* женщинъ Климентій вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хло́пцемъ и бісъ въ е́дномъ цеху́ хо́дитъ,
поне́важъ зъ тихъ трехъ персо́нъ все зло́е похо́дитъ.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

О жена́хъ въ корче́мницахъ въ гра́діхъ, а найпаче где въ поля́хъ въ корче́мнихъ гости́нницахъ блу́дно живу́щихъ...

Еще выше становится нашъ моралистъ, когда начинаетъ предлагать мужьямъ душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой супружеской жизни.

Щастли́въ той, хто жені злой ся не поддава́етъ,
и що, якъ бе́стіі, по ре́брахъ ча́сто дава́етъ.
— —
Бо ліпшъ, мо́вятъ, желізо у воді вари́ти,
не́же, псю́ою личи́ну, жену́ злу учи́ти.
Уже́ человікъ бідний тако́й не изу́читъ, —
Ра́зві самъ дия́волъ, гди зъ душе́ю розлу́читъ.

Все участіе, къ какому способенъ Климентій, отдаетъ онъ сторонѣ болѣе сильной, то есть самовластно карающему мужу. Онъ обѣщаетъ ему, за претерпѣніе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и наказываетъ ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственныя слова:

А тепе́ръ, человіче, му́сішъ бі́ду терпіти
и до сме́рти зъ тако́ю не бу́дешъ добра́ міти:
И самъ тя неха́й Госпо́дь ра́читъ свободи́ти,
а жену́ твою злу́ю зъ світа скорени́ти.
Ти же восхощи́ то́е отъ ней пострада́ти
за поку́ту, — и бу́дешъ въ не́бі царствова́ти.
Едка́къ жені свое́й злой ні въ чемъ не хили́ся,
и ко́ждий день ки́емъ па́рить не лини́ся;
А такъ пе́вне одъ Бо́га при́ймешъ нагоро́ду,
и полу́чишъ отъ му́ки вічной себі свобо́ду.

Вотъ мораль, высиженная въ удаленіи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перечитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *вожди слѣпые!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣнія завѣщали новымъ иныя нравственныя убѣжденія, но это именно потому, что учители, подобные Клименію, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенія роднаго края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникала всюду такъ, какъ проникаетъ пѣсня, — Украинскій народъ былъ бы сухой фанатикъ и темный изувѣръ, Украинскій народъ былъ бы низкій матеріалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святошества. Такимъ именно является чуждый народнаго духа и вкуса стихотворецъ, находящій непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствіе перемѣшивать дидактику съ цинизмомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: О *женáхъ близня́та рождáющихъ, си́річъ по двóе дітéй:*

Гдибъ котра́я въ годъ по дво́е рожда́ла,
такóй била́ бъ отъ вся́кихъ козако́въ похва́ла,
А хочъ би по едино́му, аби́ ко́ждого ро́ку,
ижъ би ся запа́сила на то́е знарбку.

Въ другомъ стихотвореніи: *о оспа́лихъ люде́хъ, которие ве́льми твёрдо и мно́го надъ мі́ру и не чу́тко спятъ, коха́ючися зби́тне въ сну вели́комъ*, казалось бы, »виршопи́съ« долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображеніе тотчасъ рисуетъ, къ его услугамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жони́ той не встерега́етъ,
котóрая житіе́мъ своймъ ошукива́етъ,
Гдижъ мо́жетъ ся таковúхъ женъ мно́го знайдова́ть,
змежъ котóрихъ инáя ждетъ, аби́ мужъ леглъ спать,
А сама́ о зломъ ді́лі въ той часъ промишля́етъ,
и му́жеві своéму вíри не схраня́етъ.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:

Въ монастиру́ чу́лости и тебе́ бъ навче́нно,
я́ко би тя чимъ-ко́львекъ удóвжъ процвічéнно;
Бо хто въ монастиру́ у́треню засипля́етъ,
той пудъ часъ и пока́ранъ знемно́го бива́етъ.

Нравственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ, выразившимися столь осязательно въ стихахъ многострадальнаго Климентія, который не можетъ себѣ представить цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кромѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, болѣе могущественныхъ охранъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ реторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго осклабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напримѣръ, въ стихотвореніи: *о же́нахъ му́жнихъ и бо́лшей въ дома́хъ свои́хъ безъ мужéй пробува́ющихъ*.

Я воображаю себѣ фигуру стихотворца-анахорета временъ Мазепы, странствующую по богатымъ весямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, подъ гнетомъ *четверочисленной скорби*, яже есть: *грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе*. Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ псами, которыхъ отъ всей души не терпитъ уже по

одному тому, что, при ихъ посредствѣ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, абы мужъ легъ спать;* какъ онъ днемъ читаетъ въ корчемныхъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпѣніемъ женстимъ* и предполагаетъ въ женскомъ тѣлѣ *пекéльную горя́чость*, а вечеркомъ пробирается куда нибудь *ни́зомъ, хми́зомъ, попідъ ве́рбами.* Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дѣла, когда онъ такъ убѣдительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: »Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всѣми мѣрами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утри́сь и запри́сь, жебъ сичъ и со́ва́ не зна́ла!*« Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое предположеніе въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шашнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышащія безчувственною жестокостью и приговариваетъ:

Истинную пра́ву я тобі повіда́ю,
бомъ на світі всякиі ре́чи та́кже зна́ю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ пріобрѣлъ полное на то право:

Пе́вне, бу́детъ кріпко Богъ того́ кара́ти,
же злой жени́, якъ шка́пи, не вміетъ (на узді) держа́ти.
Ото́жъ тобі, глупа́че, нау́ку дава́ю:
а́бись ре́бра круши́лъ злой жоні, пораżáю.

Далѣе онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели пора́ду мою́ занеха́ешъ,
не мине́тся вели́ка бі́да́, — самъ дозна́ешъ;
Бо на здоро́вье твое́ жона́ твоя́ ватуетъ
и — чего́ не зна́ешъ — смерть тобі гоуетъ.
Пи́ти и істи тобі потра́ви дава́етъ,
а ча́сомъ и трути́зну тобі жъ зготовля́етъ.
А такъ, окаянниче, самъ напро́дъ не ку́шай, —
неха́й жона́ пъетъ першъ и ястъ, — мене слу́шай.
А гди бъ сама́ напере́дъ ску́шати не міла,
то горшко́мъ або́ ки́емъ коснись еі тіла;
Або́ цу́ркою скрути́ ей ру́ки и но́ги,
жеби́ не перелізла и черезъ два поро́ги;

Абó, звязáвши, посади́ къ гарячóй пéчи,
щобъ припеклúся óнуй шатáнскіе плéчи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься человѣку, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотвореній, ничтожное по содержанію, носитъ заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ временъ Мазепы, — именно: *О иновíрной едúной персóні мéжду мýжемъ и женóю, то есть (напрúкладъ) кíди бивáетъ чáсомъ мужъ Ляхъ, а женá блaгочестúвая, абó женá неблaгочестúвая, а мужъ блaгочестúвий, а хочáй и обóе блaгочестúвие, да не éднихъ людéй, сúрічъ: мужъ бýдетъ Москáль, абó Литвúнъ, або Бóйко, або Цúганъ, илú тежъ зъ Жúда перéхристъ; илú зась женá таковúхъ людéй, а онъ правдúвий Руснáкъ, Козáкъ, Украйнецъ порóди Малороссúйской.*

Изъ самого стихотворенія стóитъ привести только слѣдующее мѣсто:

Тóе жъ есть, гди не éднихъ и людéй породи:
не міютъ и такúі межъ собóю згóди;
Же то влáсне порося́ зъ вóвкомъ пробувáетъ,
а жáлости и скóрби що-день прибавля́етъ.
Зачúмъ-то подобáетъ людéмъ християнскимъ
не міть прúчти къ дýшамъ инорóднимъ и погáнскимъ.

Достойно также вниманія, что, по словамъ Климентія, браки въ старинной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что нѣкоторые родители —

. . . безврéменно зáмужъ давáютъ дівúци:
въ еднадеся́тихъ літехъ отроковúци.
А въ двана́десяти літъ синóвъ оженя́ютъ.
— —
А то, вімъ, въ Литві малúхъ жéнятъ, зле справýютъ,
що несмúсленнимъ дітямъ світъ тúлько завязýютъ.
Въ шестна́дцатихъ літъ слýшно младéнца женúти,
а дівúцю въ трина́дцать, — úнакъ не чинúти.
И такúхъ ещé бъ ввóдить въ той чинъ не подобáло,
да на úний часъ до літъ слýшнихъ откладáло;
А слýшность літъ — въ двáдцать рокъ оженúти сúна,
отъ котóраго мóжетъ бить въ рокъ и дитúна;
А дщеръ пристóйно зáмужъ въ 15 літъ давáти,
то мóжна речъ — до рóку и мáтерью стáти.

Мы представили характеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они стóятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣликомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно человѣкъ, долго стѣснявшійся насильственною ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рясы.

О женáхъ, раждáющихъ дíти въ скóрий часъ по приняттю шлюбномъ и по брáці въ кíлько днúй минýвшихъ, а не въ рокъ.

Козáцкий звúчай тúе-то дівúці мáютъ,
що зáразъ по весíллю и дíти рожáютъ;
Бо на свíті такъ мóвятъ: »Козáцкому рóду
мáло когдá, абó тежъ немáшъ перевóду.«
И дóбре чúнятъ, же то зъ запáсомъ прихóдятъ,
запáси бо жáдною мірою не шкóдятъ.
Где ещé дéвять мíсяцъ на тóе труждáти,
а тó ліпшъ въ скóрий часъ приплóдокъ оглядáти.
И хто-кóльвекъ межъ людьмúй тóе похваляéтъ,
котóрий где чоловíкъ робóту поспішáетъ.
Зачúмъ здорóви собí живíть и пробувáйте,
и безъ лíности въ ночъ и въ день въ томъ ся труждáйте.

О дівúцахъ, дíті рождáющихъ.

Не трéба таковúхъ дівъ кáрностю карáти,
що старáются въ вóйско людéй примножáти;
Бо, я́ко здáвна людéй войскáмъ булó трéба,
а тепéръ, въ нáшомъ вікý, найпáче потрéба;
Гдижъ немнóгое вóйско малý сúлу мáетъ,
а велúкое внівечъ мéншихъ обращáетъ.
Зачúмъ би то слýшна речъ тóе похваля́ти;
атó невóльно свогó дóброго давáти.
Онú бíдние вóйску такъ щúро прия́ютъ,
а другúі невúнно за то зневажáютъ.
Прéто нехáй кáранни тúі то бивáютъ,
котрúі дітéй своúхъ дýрно погубля́ютъ.
Еднáкъ же онú держáтъ звúчай той козáцкий;
хочъ дóбре, хочъ не дóбре, все то по козáцкій.
А ви, дівкú, за тóе менé похваліте,
да квáрту и другýю горілки купіте;
Бо я сéе написáвъ, вамъ то на похвáлу,
а при васъ и козакáмъ-друзúмъ чиню слáву.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь

классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтеніе ея крайне утомительнымъ. Но, разставаясь съ личностью Климентія, какова бъ она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазепы.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ въ Каневѣ попа-двоеженца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Кіевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдными чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попáдяхъ, зáмужъ идýчихъ по смертехъ попóвъ свóихъ.

И той рéчи мóжемъ ми вéльми задивúти,
же невóльно въ дрýгий разъ попáмъ ся женúти.
Хто той закóнъ взаконúлъ, ми не знáемъ,
тúлько томý ся крíпко, крíпко удивлúемъ.
За священнúка-вдовцá отвíтъ сотворúти
мóжетъ тотъ, кто закóнъ сей дерзнýлъ положúти.
Кгди попъ-вдовéцъ въ грíхъ блýдний упадéтся,
ажъ и закóнъ дáвшему кóнче не минéтся.

— —

Бодáй би онъ изъ своúмъ закóномъ и не снúлся,
же, неразсýдний, Христý Спáсу спротивúлся!
Азъ, вíршопúсъ, вúдiлемъ двожéнца прощéнна
и до слýжебъ Бóжихъ цíле припущéнна.
Въ Кáневі-отéцъ Андрéй, въ четверопрестóльнихъ
патрíархъ бúвшій (1), принéслъ патéнтъ верхóвнихъ
Зъ Іерусалúма, зъ Александрúи и Антиохúї
и Константинограда пúсьма неплохúї;
И, вéдлугъ письмъ, Ясúнский служúть благословúлъ
и жáдною рíчию нi въ чемъ не спротивúлъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, весьма нетвердою старческою рукою, но тѣмъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року* (2) *1712, мѣсяца іюня, числа 21, на Ивана Предитéчи, велúкая бáрзе бýра велúкая булá, котóрая церквú Бóжие ламáла и по дубрóвахъ велúкие сóсни и б...* (3)

---

(1) Т. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

(2) До какой степени немощный человѣкъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великие* — *векие*.

(3) Не дописано.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведемъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Уже́ що ся въ сей кни́зі писа́ло, то писа́ло;
хочъ троха́ и ка́юся, такъ ся то́е ста́ло.
А пре́дсяжъ и по́льзи въ ней нема́ло набу́дешъ,
якъ ся собі добу́дешъ и чита́ть бу́дешъ.

Изъ послѣдняго стиха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается слѣдующимъ заглавіемъ одного стихотворенія, показывающимъ, что въ тѣ времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаря́хъ ро́зныхъ, то есть и́менно, що кни́ги гото́вые препи́суютъ, и видаю́тъ зъ голови́ яки́е но́вые рі́чи, и о писаря́хъ тежъ гра́дскихъ и монасти́рскихъ, грамоти, або́ зась листи́ пи́шущихъ и всяки́е кріпкие права́.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несноснѣйшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И ча́сомъ ся случа́етъ писа́ти такъ тру́дно,
же ажъ, не напи́вшися горілки, то ну́дно....
И сей віршопи́съ ма́етъ къ писаря́мъ горли́вость (1),
бо и самъ тимъ билъ, — знаетъ ту́ю долегли́вость (2).

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, перемѣнилъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькихъ подробностей и обстоятельствъ, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любитъ вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятно однакожъ, почему онъ не дерзалъ выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было

(1) Усердіе. — (2) Тягость, трудность.

опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на предержащія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражало хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатирѣ на архіереевъ, у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовстві, що куми́ бра́ти ку́мові не благословля́ютъ, або́ тежъ дочки́ кумино́і. А гди хто пересо́литъ до́бре таляра́ми, або́ чирво́ними золоти́ми архиере́еві котро́му, то и гріхъ прочъ отклада́ютъ, и благословля́ютъ, и беззако́ніе на зако́нъ прекладаютъ.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не ти́лько само́му куму́ взять збороня́ютъ,
але́ еще́ и сино́мъ та́кже возбраня́ютъ.
А гди влади́камъ о́чи до́бре засліпля́ютъ,
то обіма́ рука́ми тихъ благословля́ютъ.
И неха́й би влади́ки нічо́го не бра́ли,
да даре́мно, безъ вся́кихъ дачъ благословля́ли.
Але́ за гріхъ собі вели́кий по́чита́ютъ,
а хто подсу́нетъ до́бре, и гріхъ прочъ отклада́ютъ.

О панахъ Климентій имѣлъ понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть попадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ проїдохъ, гетманъ Мазепа. (1) Онъ говоритъ:

Человікъ самъ собо́ю вла́сти не прийма́етъ:
ти́лько ему́ отъ Бо́га по́сланна бива́етъ,
И хочъ ча́сомъ панъ яки́й на уря́дъ промова́лъ (2),
една́къ найпа́че самъ то Господь Богъ керова́лъ (3);
Бо вся́ка власть въ Бо́жихъ рука́хъ жительству́етъ,
ея́же кому́ хо́четъ, го́дному дарству́етъ.

Въ стихотвореніи: *О весе́лості дво́рской и о смуще́ниі*, онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если ча́сомъ ве́селъ панъ, и слу́ги веселя́тся;
а е́жели панъ сму́тенъ, и слу́ги смутя́тся.
Сму́тна жъ била́ вся тваръ, гди Христа́ распя́то,
поне́важъ зъ світа вся́ку ра́дость било́ отня́то;

---

(1) О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ Pamiętników, на котораго Мазепа налгалъ королю и отъ котораго получилъ въ королевской пріемной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (Pamiętniki Jana Shrysostoma Paska. Petersb. 1860 pp. 101, 152—156.)

(2) Вызывался, старался получить. — (3) Управлялъ, направлялъ.

А когда́ также впять Христо́съ изъ ме́ртвихъ вста́лъ,
тогда́ но́вое ми́ру весе́лле дарова́лъ.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Клитентій осмѣливается просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слушать ябедниковъ:

Що́ то, пано́ве, у васъ есть таки́й за зви́чай,
же то оскорбля́ете слугъ свои́хъ надъ зви́чай,
А найпа́чей слугъ вірныхъ и южъ заслуже́нныхъ,
и жа́дною мірою въ чемъ не подозре́нныхъ!
Кгди жъ ме́рзскимъ клеветнико́мъ віру има́ете,
ажъ они́ лгутъ, я́ко пси, ви и не зна́ете.
На́вет кажіть тимъ лгаря́мъ до́водъ довожда́ти,
а собі того́ ча́су всяко розсужда́ти;
А не міли би слу́шныхъ до́водовъ дава́ти,
то зволя́йте кия́ми таки́хъ частова́ти.

Взяточничество не могло не существовать подъ самовластнымъ и любостяжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убо́ихъ люде́хъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо бога́чъ су́дямъ о́чи мздо́ю забива́етъ,
и тое́ю до конца́ о́нихъ осліпля́етъ.
А убо́гий небора́къ хочъ тро́хи споткне́тся,—
не́вне побіде́нному да́рмо не мине́тся.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдашніе были далеки отъ простоты въ жизни,—видно изъ описанія такъ называемыхъ ихъ *шафареи* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Ша́фаръ пови́ненъ писа́ть вся́кіе росхо́ди,
та́кже яки́е тежъ есть и прихо́ди.
— —
И на сумне́нія па́нства ска́рби вруча́ютъ,
неха́й же и до пано́въ шафарі щи́рость ма́ютъ.
— —
Якъ то ви́димъ, таки́ трафу́нки быва́ютъ:
якъ лічби́ не издаю́тъ, своймъ докладаю́тъ.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ пано́въ вели́кихъ свіцкихъ и духо́вныхъ властей*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ »дворскихъ слугъ«.

Всякій панъ, якъ вірного слугу вподобаетъ,
то теди великій скарбъ такому вручаетъ,
И росказуетъ инъ панъ, же до вбогихъ мій взглядъ
и въ своемъ послушенстві во всемъ добръ доглядъ:
Жеби мя не о всемъ томъ въ свой часъ турбовано
и жебъ мні отъ дворскихъ слугъ не доношанно,
Же по годности въ свой часъ кому знаючи дай,
а згола хто бунтовникъ гордій, тому не дай.

Изъ этого видно, что дворскіе слуги во многомъ, если не во всемъ, зависѣли отъ шафаря или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большомъ ходу. При независимости личной, право сильнаго до такой степени развилось въ гетманство Мазепы, что панъ называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или двороваго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше, и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О властелехъ, каравчихъ людей, або и слугъ своихъ домовихъ безъ доводовъ слушныхъ*, въ которомъ однакожъ ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кіями дворчанъ своихъ, какъ это мы видѣли изъ его совѣта *частовать кіями* ябедниковъ. Въ стихотвореніи: *О оскудінняхъ въ сие время грошовихъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнія, сообразно съ тогдашними нравами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства — заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмаровать кіями* (1), 2) отбирать *худобу*, 3) *мордовать* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣликомъ.

Скудно вельми на грошы стало въ нашемъ віку,
же трудно о нихъ згола нендзну (2) человіку.
Хочъ заробитъ, лихими грошми заплачаютъ,
а и лихими еще особъ укривжаютъ.
А добрые все собі богачі позбирали:
жебъ было що на той світъ брать, въ землю поскривали.
И нехай же и въ землю грошы сокриваютъ,
або хочъ ложками ихъ въ стравахъ поядаютъ,
Тилько жебъ гладкими наветъ не браковали,
и шафаровъ своихъ на то не научали.

(1) Слово *кіями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.
(2) Убогому.

Лю́дямъ вбо́гимъ чехи́ зли по че́ху дава́ютъ,
а отъ нихъ по осмаку́ въ ку́пляхъ отбира́ютъ,
Би́леби якъ несйтства свои́ наситѝти
и всі шкату́ли презъ верхъ сами́й наполни́ти.
Уже́ жъ, е́сли по́лните, до́бре наполня́йте,
да прина́мній поспо́льству браковáть збороня́йте.
Нехáй по-Запоро́зскій би не перебира́ли,
да и гла́дкими грошми́ не браковáли.
Если́ би́сте ви, вла́сті, тихъ бра́ковъ збороня́ли,
до́бре би́сте наро́ду кріпко учини́ли.
А то́, на васъ гля́дячи, и сами́ браку́ютъ,
да не́нависть и скорбъ межъ собо́ю справу́ютъ.
А спо́собъ би вамъ таки́й слу́шне билъ на то́е:
гдѝ би́сте кия́ми шмарова́ли за то́е,
Або́ тежъ на худо́бахъ мужико́въ кара́ли,
или́ робо́тою въ дво́рахъ сво́ихъ па́нскихъ мордова́ли,
Или́ тежъ сами́ би́сте престáли браковáть,
и по городáхъ людéмъ презъ пи́сьма приказáть;
А инáчей не мо́щно вамъ бра́ковъ скорени́ти,
и сами́ не бу́дете знать, що зъ тимъ чини́ти.

Это стихотвореніе гармонируетъ съ извѣстнымъ представленіемъ Мазепы о чехахъ, нарочно вычеканенныхъ для Украины.

Смерть богатаго и знатнаго человѣка описана у Климентія ходячими, избитыми фразами. Замѣчено только, что съ высокимъ титуломъ *властеля* соединяется непремѣнно богатая нажива:

Бо гди вла́стель, то вспо́мнитъ свой висо́кій титу́лъ
и предъ кона́ннемъ мно́го зъ ска́рбомъ у́зритъ шкату́лъ.

За панами въ тогдашней Украинѣ слѣдовали, какъ вторая степень подражательной аристократіи, козаки, изъ которыхъ каждый, сдѣлавшись урядовымъ человѣкомъ, назывался уже паномъ, или, на Климентіевомъ языкѣ, властелемъ, и могъ, умирая, узрѣть передъ собой *много зъ ска́рбомъ шкату́лъ*. Мѣра его обогащенія зависѣла не столько отъ важности занимаемаго имъ мѣста, сколько отъ его жадности, отъ равнодушія къ подчиненнымъ и отъ умѣнья угождать болѣе сильнымъ людямъ (1). Мазепа, выигравшій такъ много во мнѣніи потомства своими бѣдствіями, былъ, во время своего благоденствія, верховнымъ покровителемъ и образцомъ хищничества въ Украинѣ. Онъ обогащалъ своихъ родственниковъ; онъ предоставлялъ каждому свободу обогащаться по-По-

(1) См. приложенія ко 2-му тому *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

луботковски ([1]); онъ потакалъ самоуправству каждаго высшаго начальника съ низшимъ, каждаго сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружнымъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братій. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не принималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ каралъ козаковъ за жестокое обращеніе съ безсильными поселянами ([2]). Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ неистовствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его войсковыхъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

О козакахъ, негóднихъ похвали́, менови́те о тихъ злихъ и окая́ннихъ синáхъ и не-отéцькихъ дітяхъ, котóрие у вóйско идýтъ,

---

([1]) Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: »Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія — въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только *старшинъ*, которые у нихъ называются *генеральные*, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.«

([2]) См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникѣ Украинскихъ пѣсень*, князя Цертелева:

Якъ я изъ гóрода съ Пиря́тина, панóве, виізжáвъ,
— —
....близьки́хъ сусíдівъ хліба й сóли безневи́нно збавля́въ,
Діти мали́і, вдóви стари́і стрéмнямъ въ грýди товкáвъ.

Въ варіантѣ, записанномъ мною отъ кобзаря́ Архипа Никонéнка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ:

Тó ще ми, брáте, не дóбре вчиня́ли—
По ýлицяхъ дóбрими кіньми гуля́ли,
Дітки малéнькі кіньми розбивáли,
Кровъ христия́ньску безневи́нно проливáли....

См. еще варіантъ въ *Малор. и Червонор. народныхъ Думахъ и Пѣсняхъ* (Лукашевича), стр. 61.

а людéй, на путéхъ идýчихъ, абó ідучихъ, обдирáютъ, илú щокóльвекъ насúльствиемъ рабýючи, пáкості сотворя́ютъ.

Вéльми тúе козакú зле собі поступáютъ,
же, йдучú у вóйско, людéй где обдирáютъ.
Подобáло бъ імъ тогдá мúлостиню дая́ти,
а не такъ на погúбель имъ вічну сотворя́ти.
Запамятáлие то, знать, въ таковúхъ злихъ дýши,
же покáзуютъ бісу вгóдние анімýши (1).
И нехáй тóе собі злúе рабú бýдутъ знать,
же съ пóмстою своéю Христóсъ не бýдетъ (іхъ) минáть,
И воскóрі таковúхъ мóжетъ викореня́ти,
и пáмять іхъ со шýмомъ на-віки погубля́ти.
— —
Побию́тъ бо слéзи на вікъ отъ нихъ оскорблéннихъ
и вся́кихъ хочáй мáло отъ нихъ озлоблéннихъ,
И у войска пошéдши, ку домóмъ не возвратя́тъ,
алé бýдутъ ганéбно головáми накладáть....

Не всѣ козаки пользовались правомъ сильнаго; не всѣхъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословію онъ очень благоволитъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т.е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говоритъ:

....грішúтъ Бóгу, хто даéтъ козакáмъ зневáгу.
Прóстий чоловікъ зáвше у домý пробувáетъ,
а козáкъ, шéдши въ вóйско, ввесь домъ свой оставля́етъ.
— —
Зачúмъ не тúлько ховáй, Бóже, нагáну давáть
козакáмъ, алé трéба іхъ, якъ святúхъ, шановáть.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвинтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Трéба бъ гáпить подóбно такúхъ человіковъ,
же кладýтся инúе въ поля́хъ зъ дáвнихъ віковъ,
Кгди освящéннимъ місцемъ церкóвнимъ взгоржáютъ,
а на могúлахъ себé клáсти повелівáютъ.
Хто бо подъ цéрковию главý покладáетъ,
о томъ большъ цéрковъ Бóга о покóй благáетъ.
— —
Бо мóвитъ: *зде лежащихъ*, а не: *на могúлі*,
хочъ то и тихъ могúльнихъ вспоминáетъ по хвúлі,
Когдá речéтъ: *и повсю́ду Христия́нъ правослáвнихъ*,

(1) Характеръ, духъ.

та́кже вспомина́етъ и власте́й козако́въ сла́вныхъ.
Шно въ доро́зі любъ въ во́йску легти́ и въ по́лі,
же це́ркви нема́шъ; мусі́тъ то бить по нево́лі;
Ато́ зъ до́му нести́ся въ по́ле изволя́етъ,
где вовкъ, або́ тежъ и́ный звіръ ся похожа́етъ,
А на свяще́нномъ мі́сцу не хо́четъ покла́дать,
лечъ зъ до́брой во́лі хо́четъ отъ це́ркви отдаля́ть.
— —
Звича́і коза́цкие въ тихъ рі́ча́хъ буваютъ:
же въ поля́хъ кладу́тся и моги́ли висипа́ютъ,
Того́ ра́ди, же въ войска́хъ быва́ли и въ по́лю,
и зъ непріятелями на поти́чкахъ въ бо́ю,
Жебъ и по смерте́хъ щи́рость іхъ не запомина́нна,
даби́ хвале́бно людьми́ че́стними вспомина́нна.
А мужика́мъ не тре́ба въ коза́цку сла́ву втруча́ть
да гди не пудъ церква́ми, то въ гу́мнахъ пудъ гру́шами покла́дать,
Жеби жонки́ іхъ гробо́въ ча́сто навіжа́ли,
а на мі́сца́хъ іхъ дру́гихъ мужико́въ привожа́ли.
Уже́ жъ, козаки́, собі ви здоро́ви бува́йте,
а мужика́мъ про́стимъ сла́ви коза́цкоі на пота́лу не попущайте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-историческаго обзора, служить замѣною и самой рукописи Климентія, покамѣсть не находящей себѣ издателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремеслъ, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословій.

О кухми́стерахъ, або́ тежъ о кухаря́хъ, що гото́ютъ нана́мъ і́сти му́дро, або́ хочъ ча́сомъ и не му́дро.

Кухми́стра, мо́вятъ, нудъ поро́гомъ положи́ти,
е́жели би го́лодомъ мівъ себе́ умори́ти.
— —
П трудя́щися не ти́лько бъ себе́ не зморі́лъ,
лечъ би не згрішилъ, гди бъ и ино́го пожи́вилъ
(Ежели при доста́ткахъ мно́гихъ клопоти́тся,
коло огню́, якъ му́ха въ укро́пі, верти́тся).
Панъ би за то вели́ка гніву не положи́лъ,
и Богъ би смерте́льна гріха́ не постанови́лъ.
По́длугъ Письма́, трудникомъ пре́жде подоба́етъ вкуси́ти,
и пото́мъ до столо́въ па́нскихъ че́стно носи́ти.
П поне́важъ тежъ ку́хмистръ въ труда́хъ свои́хъ клопоте́нъ,
тре́ба и ему́ того́ жъ вворва́ть, жебъ не былъ голоде́нъ.
Бо пудъ часъ на пулми́скахъ не ти́лько не оста́нетъ,
але́ быва́етъ то, же иногда́ и не ста́нетъ....

О до́ктаряхъ и о цілю́рикахъ.

Ве́льми и до́кторство есть потре́бно на сві́ті,
же ко́ждий би до́ктора хотілъ собі міти;
А же о іхъ ну́жно, же ма́ло іхъ бива́етъ,
кромъ вели́къ сена́торъ где до́ктора трима́етъ.
И не ти́лько оску́дно о докторо́въ му́дрихъ,
але́ и о про́стихъ цілю́риковъ нему́дрихъ.
— —
Ти́лько жъ на ліченомъ не наіздиться коні:
трафля́лось тихъ ліка́рствъ зажива́ти и мні....

О гафаря́хъ (¹).

И гафа́рство — че́стное ремесло́ на сві́ті,
и імъ бо далъ Богъ ре́чи му́дрие уміти.
И хочъ они́ и це́ху у себе́ не ма́ютъ,
а пова́жние шту́ки до церкве́й зробля́ютъ,
Яко-то: пояси́, покро́вці и возду́шки,
а пано́мъ кульба́ки гафту́ютъ и поду́шки,
И до сагайда́ччя оздо́би придава́ютъ,
и ини́е че́стние діла́ виробля́ютъ....

О золотаря́хъ.

Золотаря́ тре́ба би а́нгеломъ равня́ти,
же мо́жетъ небесниі сосу́ди зробля́ти;
А то въ таки́й цель то́е не ина́къ става́етъ,
ижъ вся́кий щирозло́тний по́судъ не́бо ма́етъ;
Напри́кладъ, якъ-то: ми́три или́ патери́ци:
тамъ бо ца́рскиі вінци́, сце́птри въ Бо́жой десни́ци,
И про́чее мо́жется все зась знайдова́ти,
котро́е зви́кло зде въ насъ на землі бива́ти;
Менови́те — вельмо́жнихъ гетма́новъ булави́,
до кото́рихъ потре́ба хотя́щимъ голови́.
И и́нни войско́вие діла́ютъ клейно́ти
и прили́чние во́инамъ ро́зние приміо́ти.
И пояси́ ділаютъ срібрние му́дриі,
и ева́нгельски бля́хи ро́блять прему́дриі,
А осо́бъ капиту́ламъ ділаютъ печа́ті,
о кото́рихъ ажъ не зна́ютъ, якъ рещи́ поча́ти.
Та́кже и власте́льскиі ліски (²) оздобля́ютъ,
якъ імъ повеліва́ютъ, та́ко потрафля́ютъ.
И позлоцо́ниі тежъ зъ срібра́ ро́бять ку́бки,
и вся́киі до столо́въ па́нскихъ втожъ посу́дки.

(¹) Гафа́рь — шмуклеръ, занимающійся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кистей, снурковъ и т. п.

(²) Палицы.

И до о́лтарей святи́хъ річи престо́льнии,
и мно́гиі потре́би та́кже церко́вніі.
И па́ннамъ перстені злати́і изробля́ютъ,
и ка́меньми драги́ми о́ніхъ украша́ютъ.
Додава́ютъ же кшта́лтовъ и на сагайда́ки,
и на сагайда́чние о́стра и кульба́ки.
И ша́блі драгоцінно срібро́мъ осажа́ютъ,
же ажъ зря́щиі на тихъ ве́льми ся удивля́ютъ.
И ґу́зіки ро́бять и окладаю́тъ но́жна,
и всего́ неотмо́вни, все бо имъ возмо́жна.
И справля́ютъ та́ко жъ прему́дриі ножі,
котри́хъ держа́ть собі бога́тиі мужі.
А що есть каділници и срібрни лихтарі,
и ля́мпи, — все то то́е ро́бять золотарі.
И до образо́въ вінци́, ру́чки и коро́ни.
Прийми́ до сво́ей іхъ, Бо́же, оборо́ни!
И що-ко́львекъ на землі світъ сей потребу́етъ,
все то золота́рь свои́мъ ро́зумомъ готу́етъ....

О довбиша́хъ, що въ бу́бни бу́бнятъ и о тренбача́хъ, що въ тру́би тру́бятъ и въ су́рми су́рмятъ.

До́вбиші войскови́і и́гри отправля́ютъ,
та́кже и тренбачі, гди въ тре́нби витрубля́ютъ.
И потре́ба імъ обо́мъ братъ за бра́та жи́ти,
же до́вбишъ бу́детъ бубни́ть, а тренба́чъ труби́ти,
И и́гри іхъ слуха́човъ ча́сомъ ввеселя́ютъ,
а иногда́ на жа́лость вели́ку взбужда́ютъ,
Гди, слы́шащи, мо́щно судъ Бо́жий памята́ти
и архи́нгельскую тежъ трубу́ вспамята́ти.
И до умиле́нія слыша́щихъ приво́дитъ,
поне́же человіку и смерть въ па́мять вво́дитъ.
А ча́сомъ при банке́тахъ ве́село слуша́ютъ,
когда́ ми́рно на пира́хъ питій ужива́ютъ.
А осо́бно зась до́вбишъ въ ра́ду вибубня́етъ,
и въ похо́дъ войско́вий то́е жъ сотворя́етъ.
И по побідахъ та́кже зъ бу́бни, витрубля́ютъ,
коли́ южъ во́йска собі триу́мфъ составля́ютъ.
И предъ вра́ти бу́бнятъ, тру́бятъ пано́въ вельмо́жнихъ
и въ Запоро́зкой Січи войскъ сла́вних и побо́жних.
Бу́бнятъ въ Січи у ве́чоръ, во́йску ва похва́лу
и ра́но, гди въ то вре́мя и Бо́гу тво́рятъ хва́лу.
Пре́то и войскови́мъ музи́камъ добръ прия́емъ
и, я́ко че́стних войску слугъ, щи́ро похваля́емъ.

О музи́кахъ, мено́вите о цимбали́стахъ и скри́пникахъ.

Весе́лое ремесло́ музи́цство, повіда́ютъ,
же и́грами свои́ми сму́тних пудвеселя́ютъ,
А весе́лше на́че весе́лими быва́ютъ,
когда́ музи́ки въ скри́пку и въ цимба́ли игра́ютъ.

И чéстно такóже собі на світі пробувáютъ,
кгди жъ и самóму Бóгу похвалý отдавáютъ,
Понéважъ, якъ и́ние ремéсники цехъ мáютъ,
такъ и они́, спасéтъ ихъ Богъ, въ цехý зоставáютъ,
И вéдлугъ церкóвного уклáду поражáютъ,
и до церквéй Божиіхъ свічи чáсто справля́ютъ.
А гди бъ хто мóвивъ, же лéгкимъ хлібомъ забавля́ютъ,
такúй имъ хлібъ Господь далъ, — нехáй не подивля́ютъ,
И хлібa дарéмного нігдé не уживáютъ,
ти́лько егó всякие презъ прáцу заробля́ютъ.
И прéто, хто ремеслá научáетъ,
таковúй меншъ прóстою робóтою труждáетъ.
Ремеслó свя́то дiло на світі ся знайдýетъ,
котрúй зъ пи́льною егó охóтою патрýетъ.
И хто ремеслá своегó зáвше чáсто пильнýетъ,
тому́ до егó прáці и самъ Богъ пособствýетъ.
Нехáй же безъ лiности и музúки играю́тъ
и весéлости молодúмъ людямъ додавáютъ.
А найгрáвшися, нехáй трóха и спочивáютъ,
да по пóвной кляни́ци горілки випивáютъ.

Казалось бы, стихотворецъ, столь довольный, какъ Климентій, скрипачами и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или волынщиковъ; но у Климентія была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатія. *О дударя́хъ, що въ дýди игра́ютъ*, онъ пи́шетъ такъ:

Мерзéная то игрá дудá зоставáетъ,
и шýицу всiмъ грiшнимъ людямъ презначáетъ (1);
Надимáютъ бо ся, я́ко гóрдий дмéтся,
пóкуль ревти́ и густи́ зъ бідóю начиéтся.
Повідають, же та игрá нечестúва,
лечъ, гди не отъ Бóга, то отнюдъ злочестúва.
А гди́ начнýтъ дударі дýди надимáти,
въ той часъ шпетне, же гýби стáнутъ отдимáти.
А пжъ не отъ Христия́нъ прáве явúлася на світъ,
не годúло бъ ся éй Христия́номъ нмiть.
И не ти́лько дудъ, алé хочъ би и игръ жáдныхъ,
бо бýдятъ блýдную мысль въ человiцехъ жáдныхъ.
Мóцно бъ и безъ игръ въ слáву Бóга повеселúть,
а всі душеврéдние и́гри искоренúть.
Рáзві воéнныхъ игръ, що звúкли въ вóйскахъ держáть,
котрúми въ вóйнахъ на брань и на трýмфъ глася́тъ.
За войсковúе и́гри гріхъ не положéнно
въ книгахъ, алé и по сей день не отречéнно.
Мóгутъ ихъ войскá по день послiдній тримáти
и къ звичáйнимъ потрéбамъ óнихъ уживáти.

(1) Т. е. осужденіе на Страшномъ Судѣ.

И безгрішно есть въ трéнби и въ домíхъ трубúти,
звúща въ велúкихъ властéй, и въ котлú бúти,
И зъ óгненнихъ орýжий чáсомъ випалúти,
абó тежъ, простíйше мóвлячи, стріля́ти.
И, на хвалý Христóву, и днесь заживáютъ,
понéважъ въ Велúкъ-день на рáдость стріля́ютъ.
Вспоминáючи тріумфъ Христовъ, всегдá що-рóку,
и, на умúльность дýшамъ, чúнитъ то знарóку,
И на Богоявлéнскій прáздникъ тáкожъ стріля́ютъ,
очищéние отъ гріхъ мíру извіща́ютъ.
А корчéмние íгри похвалú не гóдни,
бо тúлько своявóльнимъ людéмъ онú вгóдни.
А бáрзій дудá, здáвна подóбно прокля́та,
щобъ отъ благословéнних ъ онá билá отня́та!
Прокля́тому рóду ю тримáть подобáетъ,
котóрий Христá Бóга во вíки не знáетъ.
И бодáй загúнула дудá на всі вíки,
жебъ большъ не видáли ю вірние человíки!
И научúвшимся людéмъ въ неí игрáти
трéба за тóе крíпко отъ сéрдца кая́ти;
А еí до всíхъ дя́бловъ у вóду втопúти,
абó огнéмъ велúкимъ у гною спалúти....

Точно такъ возстаетъ онъ и противъ танцевъ. Видно, оба эти стихотворенія писаны были въ монастырѣ, послѣ прогулокъ *нáзомъ*, *хмúзомъ*, *попíдъ вéрбами*. Сравнивъ танцоровъ съ древнею Иродіадою, онъ продолжаетъ:

И тепéръ тáнцовъ мнóго на свíті бивáетъ,
кáждий человíкъ прáвду на тóе признáетъ,
Яко-то: на íгрищахъ и на тихъ позóрахъ,
и по корчéмнихъ вездí своявóльнихъ двóрахъ;
И на весíля́хъ брáчнихъ тáкже тáнци бивáютъ,
и многовертúмимъ плясáниемъ Бóгу згрішаютъ.
Мóщно бъ брáку закóнну обíйти и безъ тóго,
именно безъ плясáния проклятóго....

О сíдля́рáхъ, абó тежъ о кульбáчникахъ, що кульбáки рóбятъ.

Дóбре то вúгадано кульбáки робúти,
жебъ, іздячи хто вéрхи, на такъ ся могъ збúти.
И чéстние то рíчи кульбáки, и вáжние,
бо іздятъ особи висококопóважние....

О шабельникáхъ не могъ Климентій ничего больше сказать въ цѣломъ стихотвореніи, какъ: что они *премýдрие шаблí изробля́ютъ* и что маляры изображаютъ съ мечемъ святыхъ.

О сагайда́чникахъ, що сагайдаки́ (або́ тежъ по-про́стій мо́вячи) луки́ ро́бятъ коза́цкие.

И сагайда́чники, що луки́ изробля́ютъ,
та́кже, зна́ю, козака́мъ потре́бни быва́ютъ,
Бо кгдижъ до стрілъ и луко́въ осо́бно потре́ба,
а тативу́ и самъ мо́жетъ зді́лать, якъ тре́ба.
А що сами́е, мо́влю, о́ние-то луки́
учо́ние майстеро́ве ро́бятъ ремесники́,
Бо козаку́ и лукъ — привиле́й, або́ клейно́тъ,
або́ тежъ, вімъ, коза́цка озло́ба и прийо́тъ....

О стрільника́хъ, що стріли коза́цкие ро́бятъ и о козака́хъ похва́льное.

И стрільники́ козака́мъ потре́бни быва́ютъ,
поне́важъ до воє́нныхъ справъ стріли зробля́ютъ;
Бо и стрілою мо́щно та́кже поразити
и якъ огне́нною стрільбою умертви́ти.
И ди́вная річъ стріли, гди ихъ витяга́ютъ
вго́ру: и ви́соко такъ нічи́мъ не досяга́ютъ.
Же кото́рий зна́йдется коза́къ здоро́вихъ рукъ,
то таки́й кріпко мо́щно и до́бре тя́гнетъ лукъ,
Же ажъ мо́жетъ на версту́ во́здухъ зачепи́ти
и хму́ри воздушние стрілою проби́ти.
И то по пра́вді тому́ та́ко би́ти мо́жно,
кгди и било́ на світі то́е-то не ло́жно,
Ижъ нігдись стріла́, вго́ру козако́мъ пуще́нна
суха́, а зъ висоти́ въ долъ мо́кра возвраще́нна.
Знать то, же скрозь дождевну хму́ру стріла́ пройшла́,
ти́лько що щось о́блаковъ небе́сныхъ не дойшла́.
Било́ то на Сівері, въ писца́ сего́ віку,
при люде́хъ мно́гихъ, а не при едно́мъ человіку.
И тогда́ жъ хму́ри ча́стка на зе́млю изна́ла,
вели́чествомъ, я́ко чоловічая гла́ва,
Въ подо́бні ле́да, и тамъ же и изтая́ла,
и водо́ю світлою на землі зоста́ла.
Пре́то дивова́тися и зась стріламъ тре́ба,
же ма́ло само́го не досяга́ютъ не́ба.
А вы, козаки́, лукъ, здоро́ви, потя́гайте
и зъ о́гненныхъ ору́жий сміле випаля́йте....

О солітраника́хъ.

И солітраницство — якъ реме́ство подо́бно,
же солітри на по́рохъ вставично надо́бно.

— —

А въ солітру вели́кий кошть уклада́ютъ,
гди господарі собі майда́нъ заклада́ютъ;

И вели́къ кріпко заво́дъ тре́ба на той розхо́дъ,
по́куль ўзрятъ солітру и изъ нея́ прихо́дъ....

О пороховни́кахъ.

Та́кожъ лю́дямъ потре́бни и пороховники́,
я́ко тежъ и и́ние всю́да ремесники́.
Прохъ бо потре́бенъ, где звіре́й, птицъ стріля́ютъ,
и въ день Богоявле́нський, где во́ду освяща́ютъ.
— —
И пороховнику́ дай, Бо́же, міть пожи́токъ,
и, за пра́цу его́, въ домъ вели́кий прибы́токъ....

О роговни́кахъ, що ро́ги козака́мъ ро́бятъ носи́ти при боку́, для держа́нія порохово́го.

И козака́мъ потре́ба та́кже ма́йстеръ ро́зный, —
розглядівшися, троха́ не реме́сникъ ко́жди́й,
А особливійше тежъ той-то и роговни́къ,
я́ко и и́ный ма́йстеръ, або́ зась ремесни́къ;
Бо козака́мъ тре́ба вся́кого прив и́лля,
ти́лько не ба́рзо тре́ба ше́вского копи́лля,
А рогóвъ на порохи́ за́вше потребу́ютъ,
и въ нихъ, идучи́ въ во́йско, порохи́ готу́ютъ.
И до́брий въ козако́въ чинъ — зъ рога́ми ходи́ти
въ во́йску, бо въ рога́хъ по́рохъ не мо́жетъ змочи́ти,
Не замо́кнетъ натра́вка и впять ладовни́ца,
а безъ о́йстра пистоле́тъ змо́кнетъ и ручни́ца.
И роговни́къ же неха́й козака́мъ ся прислугу́етъ,
и отъ нихъ похвали́ и ла́ски заслугу́етъ.

О иконопи́сцахъ, си́річъ о маляра́хъ и о че́стномъ рукоділлі о́нихъ, и о богома́захъ.

Ро́зние му́дрості самъ Богъ на світь далъ
пе́рвого віку, когда́ сей світь и миръ созда́лъ;
Вся́кихъ бо рукодіній презъ Духъ Святъ научи́лъ,
и маля́рскую му́дрость тогда́ жъ людемъ откри́лъ,
Жебъ на чемъ-ко́львекъ его́ тваръ изобража́ли,
та́кожде и всіхъ святи́хъ тва́ри маліова́ли.
И еще́ пко́нъ творци́ знайду́ютъ штихарі,
и другіе че́стние жъ лю́де золотарі.
И котри́й маля́ръ чи́сто вікъ свой провожда́етъ,
то чудо́вна отъ него́ пко́на быва́етъ;
А богома́зкие чудъ образки́ не ма́ютъ,
бо ти́лько Бо́гу своймъ ремесло́мъ наруга́ютъ,
Кгди жа́дной на пко́нахъ іхъ нема́шъ озло́би
и маля́рской тежъ яко́й-ко́львекъ подо́би;
Але́ отнюдъ вклепа́лись въ то́е рукоділля,
и вели́кое тежъ зъ нихъ на світі безділля,

И и́мя имъ *богома́зи*, же маля́рства не дойшли́,
же безпу́тное діло сами́ собі знайшли́.
И не хо́чутъ учи́тись цілого маля́рства,
жебъ свои́ нікче́мние поки́дали махля́рства.
И до сихъ богома́зства часъ не скореня́ютъ,
бо мно́гие глупаки́ въ науку става́ютъ,
И, научи́вшися, начну́тъ по се́лахъ носи́ти,
та́кже и по міста́хъ по дво́рахъ пси дражни́ти....

О друкаря́хъ, що кни́ги друку́ютъ.

Пишу́ вірши друкаря́мъ, реме́сникамъ сла́внимъ,
кото́рие друку́ютъ кни́ги право́сла́внимъ
Лю́демъ; бо всімъ діло ихъ свя́то есть и че́стно,
а ба́рзій тимъ, котри́е жи́ютъ благоче́стно.
Друку́ютъ же вся́кие церко́вние обря́дки
и всі христия́нские ро́зние поря́дки.
— —
Чи́рство же ся знайду́етъ о́нихъ то ремесло́,
але́ ускру́тно оно́ ве́льми и тяжестно́,
А особли́ве нога́мъ, о́чамъ неспоко́йно,
и не обріта́ется въ робо́ті поко́йно;
Поне́важъ бо, якъ начну́тъ потяга́ти пра́си,
ажъ на глава́хъ іхъ вскорі мо́кри ста́нутъ вла́си;
Зача́вши бо, му́сятъ ся до по́ту тружда́ти,
ажъ ра́зві въ нощи́ мо́гутъ изма́ло поспа́ти;
И въ вели́кій робо́ті пра́здникъ оставля́ютъ,
а тимъ ча́сомъ спо́соби опя́ть приготовля́ютъ.
И научи́лъ такъ Бо́гъ іхъ ри́хло друкова́ти, —
що за день, то не мо́щно за рокъ преписа́ти....

О интроліга́торахъ.

Интроліга́торъ кни́ги но́ви устрая́етъ,
а ча́сомъ и стари́хъ якъ лу́читъ оправля́етъ,
И рабо́таетъ въ церкви́ діло пале́жное
и въ доми́ письме́ннихъ припале́жное.
— —

О папірникахъ, що папе́ри у папірняхъ ро́бятъ.

— —
На вся́киі бо річи папіровъ требу́ютъ,
на кото́рихъ ро́зние річи запису́ютъ,
Якъ-то: прода́жамъ, ку́плямъ па́мять поклада́ютъ
и на го́нори пра́ва кріпкие стверж́аютъ,
И книги тежъ ро́зние пишутъ и друку́ютъ,
котри́і мно́ги літа у спря́тахъ віку́ютъ,
И ико́нъ на папе́рахъ мно́го витиска́ютъ,
и въ церква́хъ и тежъ въ дома́хъ къ стінамъ приліпля́ютъ.

О виногра́ди и о виногра́днихъ.

Если въ літі труди́ есть въ чемъ такъ безпреста́нно,
якъ коло виногра́ду отню́дъ непреста́нно,
И пра́вда, же бе́зпречъ ся въ немъ трудъ полага́етъ,
гди работа́ющий въ немъ, нітъ, не спочива́етъ.
— —
И тимъ вино́ до́рого, бо, німъ до рукъ при́йдетъ,
а ко́шту въ де́сятеро за літо рози́йдетъ.
— —
Ти́лько то охо́чні его́ роспложа́ютъ,
а не вели́кий зъ него́, вімъ, пожи́токъ ма́ютъ....

О ви́нникахъ, или́ о винокýрахъ, або́ тежъ о горільчаникахъ, що горілки́ ро́бятъ у ви́нницахъ. (По-Венде́рскій ся назива́етъ ви́нница — виногра́дний огоро́дъ, або́ тежъ лева́да, а по-Ру́скій буди́нокъ той ви́нницею ся зове́тъ, въ котро́мъ ку́рятъ горілку.)

И ви́нники на світі досто́йни пова́ги;
а не тре́ба, крий Бо́же, дава́ть імъ знева́ги;
Потре́бний бо они, вімъ, тру́нокъ виробля́ютъ,
котро́го и мона́рхи си́льние вжива́ютъ;
А хочъ ча́сомъ и на зло той тру́нокъ привожда́етъ,
е́днакъ въ томъ ви́нникъ вини́ жа́дноі не ма́етъ;
Бо гдижъ вино́ неви́нно, ви́ненъ злий оби́чай,
же презъ міру хто пи́етъ, а не такъ, якъ зви́чай....

О муровщика́хъ, що церкви́ муру́ютъ, или́ пола́ци муро́ванние, або́ тежъ форте́ци, за́мки и проч., а по-Московскій о каменщикахъ.

И те́слі церкви́ ро́бятъ, ти́лько не такъ сла́вно
діло ихъ древя́ное и не такъ трива́лно.
А му́ри вічностю ся зда́вна назива́ютъ,
котри́хъ мно́го и подпе́сь везді зостава́ютъ,
Ве́длугъ присло́въя: »Хто пра́ве що муру́е,
то той ти́лько буди́нки кріпкие буду́е;
А хто-ко́львекъ древя́ни виставу́етъ клѣцѣ,
то́е ла́тво до́ гу́ри вшендзѣ о́gнѣмъ лѣцѣ«...

О пивова́рахъ.

И брова́рниковъ, або́ пивова́ровъ, тре́ба.
— —
И хочъ то мо́вятъ: »Не той пи́во пъетъ, хто ва́ритъ«,
е́днакъ и онъ напъе́тся, гди надъ тимъ часъ тра́витъ.
Не перепъе́тъ пивова́ръ господа́рска пи́ва,
и не жа́денъ господа́ръ по́зритъ за то скри́ва.
— —

Бо не ти́лько що пи́ва му́сімъ скоштова́ти,
а́ле и медъ ситячи́, та́кже спробова́ти....

О солодо́вникахъ.

И солодо́вника людъ мно́гий потребу́етъ,
котри́й сло́дъ на пи́во изъ збо́жа готу́етъ.

— —

И хоча́й тежъ и то есть вели́кое ди́во,
же бо́льша часть въ горі́лку иде́тъ збо́жа и въ пи́во,
Зъ то́го пивова́ровъ и ви́нниковъ вимовля́емъ
и на-віки отъ вини́ бнихъ визволя́емъ.
Нѣтъ іхъ винъ въ борошéнних затра́тахъ,
або́ зась мо́влю — въ хлібнихъ на світі утра́тахъ.

— —

И гдибъ на дві тихъ річи зтратъ хлібнихъ не било́,
ні по́ чомъ би бо́рошно и збо́жа вся́ко било́;
И нігде би бо́рошенъ лю́дямъ и дива́ти,
и ни́щетние такъ не могли́ бъ погиба́ти;
И дровъ би во всіхъ кра́яхъ пребива́ло мно́го,
ато́ кріпко оску́дно и́нді дровъ для то́го.
Уже́ жъ не що́ міетъ всякъ тимъ річа́мъ чини́ти,
не мо́жетъ ніхто́ по-вікъ того́ скорени́ти,
Жеби́ пи́вовъ и медо́въ не било́ варе́нно,
и́жби и горілки́ зъ світа скорене́нно....

О котляра́хъ.

— —

Ро́бятъ бо казани́, тру́би, корці и лійки,
притру́бники, ле́нбики, мі́дні и ква́рти, и кондійки,
А попро́сту мо́вячи: що вхо́тятъ, то вро́бятъ....

О гонтаря́хъ що кго́нті ро́бятъ.

— —

виробля́ютъ бо го́нту — церкви́ побива́ти.
И на поби́ття домо́въ пано́въ тежъ вельможнихъ
и до про́стихъ буди́нковъ люде́й промо́жнихъ....

О цегéльникахъ.

— —

Іхъ рукоділие иногда́ зароббтно,
хочъ то, пра́вда, по́тяжко и по ча́сті клопо́тно.
Една́къ же мо́жетъ зъ свою́ потре́бу заробити,
а заробивши гро́шей, да хочъ и ожени́ти.
А иму́щие же́ни, ти́е горшъ пропива́ютъ,
а жо́ни таки́хъ въ дома́хъ хліба зъ дітьми не ма́ютъ.
Пра́вда, же и цегéльникъ и́ний есть осторо́жний,
смире́нний, ти́хий, лю́дзский и до Бо́га побо́жний....

О ва́пенникахъ, що ва́пна па́лять съ кре́йди, а ча́сомъ и зъ ка́міння.

Ещé едногó ви́дравъ ремесника́,
що ва́пно ро́бить, того́ вапенника́.
— —
Ва́пно бо тре́ба на церко́вное мурова́ння
и пото́мъ зась на потинкова́ння....

О садовни́чихъ, що сади́ са́дятъ и ще́пятъ, для розво́довъ о́вощнихъ древъ.

Хто хо́четъ собі но́вий садъ распложа́ть,
той садовничи́хъ му́сітъ потребова́ть,
Жебъ о́вощние древа́ въ зе́млю сажа́лъ
и отъ тихъ же древъ до и́нихъ прищепля́лъ,
И жеби́ дре́во ко́ждое отребля́лъ
и въ весняни́й часъ гноями осипа́лъ;
А въ лі́ті жебъ мілъ траву́ пудкоша́ти,
жебъ чи́сто било́ о́вощи збира́ти....

О гончаря́хъ сло́во віршово́е похва́льное.

Пе́рвий на світі гончаръ реме́сникъ труждатель —
самъ Госпо́дь Богъ, Ада́ма и Евви созда́тель,
Кото́рий далъ люде́мъ всі хи́тростї умі́ти
и всяку премудрость хотя́щимъ разуміти.
Пре́то мо́щно гончарство святи́мъ ді́ломъ назва́ть,
поне́важъ Богъ Ада́ма зво́лилъ зъ гли́ни созда́ть.
И гончаря́мъ чловіка мо́щно бъ зъ гли́ни зробить,
ти́лько не возмо́жно зроби́вши, душі вліпи́ть.
Еднакъ сосу́ди ро́бятъ напи́тки випива́ть
и всякие тежъ горшки́, що істи готова́ть.
Та́кже кафле́вие пе́чи виставу́ютъ
и ро́зние на ка́фляхъ оздо́би мудру́ютъ.
А ба́рзій, що поко́щуваними назива́ютъ,
где фа́рбами всякоя краси́ додава́ютъ,
Именно же — мно́гое шми́льцами кладу́тъ цвіти
и ве́льми премудрие полага́ютъ квіти,
Ажъ би бе́спречъ хотілъ на ту́ю диви́тися
пічъ и грітись; до тако́й ми́ло притули́тися....

О ткача́хъ и о же́нахъ ихъ и о и́нихъ же́нахъ, тка́ти имъ даю́щихъ.

Межъ и́нихъ реме́сниковъ и ткачъ умі́ша́вся
и такъ же, якъ и́нше, реме́сникомъ назва́вся.
Могла́ бъ Россія на́ша и безъ нихъ прожи́ти:
ино́е въ Ту́рскихъ стра́нахъ матери́ роби́ти.

А въ насъ и жóни тóе ремесло́ отправýютъ,
и большъ таковúхъ женъ есть, що іхъ и не требýютъ;
Бо, якъ зхотя́тъ, за́разъ мóгутъ ся научúти
и не бýдетъ осно́ви южъ до тка́чéй носúти.
А въ Литвѣ всякие жóни ткачóвъ и не зна́ютъ, —
ра́звi коза́цкиеúние потво́рство ма́ютъ,
Же то úная бýдетъ не пря́ха и не тка́ха,
а въ таковóй мóжетъ бúти ткачéвi взна́ха.
А що жъ бýдутъ ткачi въ такói собi бра́ти,
гди не бýдетъ осно́ви и потканнú дава́ти?
И тка́цкие тежъ жóни не всi хотя́тъ пря́сти,
абú бъ гото́вие нúтки могли́ въ бе́рда кла́сти,
И ча́сомъ отъ робóти втку не ма́ло зоста́нетъ,
а до тóго и пря́жи ещé въ кóго доста́нетъ,
Ажъ полотнó зъ тихъ рiчий мóжетъ изпорядúти,
да кошýль и úнихъ справъ мнóго мóщно пожúти.
И письме́нний людъ ткачi — всякъ неха́й разумiетъ —
же старúй и молодúй *Отче нашъ* въ нихъ умiетъ;
А úний реме́сникъ и молúтви не зна́етъ,
и неха́й же не га́ньбитъ ткачóвъ — тое собi зна́етъ....

О бе́рдникахъ.

Бе́рдникъ не зна́емъ, кому́ онъ билъ би потре́бенъ,
ра́звi тúлько тимъ ткача́мъ и жонка́мъ потре́бенъ,
Бо не мóжетъ ткачъ и тежъ жóнка безъ бердъ тка́ти,
е́дно мýсятъ бе́рдника собi потребова́ти.
Зачúмъ-то и бе́рдниковъ не тре́ба зневажа́ть, —
неха́й зробля́ютъ бе́рда, жеби бúло чимъ ткать!

О кравцáхъ.

Ка́ждий реме́сникъ свою́ на́чинь не мóжетъ забра́ть,
а краве́цъ и зъ начúннямъ всiмъ мóжетъ повандрова́ть.
Всякъ реме́сникъ кромъ вóзомъ бýдетъ на́чинь возúти,
а краве́цъ мóжетъ все своé за на́дру вложúти,
А лóктемъ[1] идýчи мóжетъ ся пудпира́ти
и въ доро́гу, где ему́ потре́ба, поспiша́ти.
А начúнне кравцéво меновúте такóе:
прасъ[2], ножúци, напе́рстокъ, иго́лка, а не иноé....

О шевцáхъ и о чéстномъ ихъ ремеслi.

Пова́жное ремесло́ и ше́вство состава́етъ,
гдú жъ че́стное бра́тство и кт иторст во зъ нихъ бива́етъ.
И *шевцi-святцi*, такъ ся то онú назúва́ютъ,
и зъ своéго титýлу ажъ самú ся втiша́ютъ.
— —

---

(1) Родъ аршина, въ три четверти. — (2) Утюгъ.

И щи́рие они есть щевці лю́де на світі,
и жо́ни іхъ до́брие, и іхъ ше́вские діти,
Бо ніgди они́ жа́днихъ шалвірствъ не зажива́ютъ,
але́ и у́чневъ своіхъ лю́дзскости научáютъ,
И особли́ве ро́зной тежъ свое́й політи́ки
и зъ кни́ги зра́зниці ше́вской че́стной граммати́ки.
И копи́лля зъ прави́ллямъ, и вся верста́ть іхъ сла́вна:
зна́ю о томъ до́бре, и лю́де мо́вятъ зда́вна.
А якъ ся́детъ роби́ти на своей варста́ті,
почне́тъ свое́ вся́кое начи́нне роскладáти,
Яко-то: копи́ла, прави́ла, дратни́ці, стрени́ці,
лойники́, цвя́шки, смольники́, на́ручки и кравни́ці,
Такъ тежъ: сти́рачі, молотки́, винштаки́, то́пки и клеса́чки,
обцалики́, смо́лу, воскъ, ви́хти, кле́йстра, писа́чки,
Затира́чки, клинці, гни́пи, дра́тви, цикна́сарі и щети́ни,
ши́ла, черни́ла, ножі, скобельки́, струги́, ско́ски, бе́лехи
и смольши́ни,
Ве́тошъ, ни́тки, за́веті, коби́лиці, хло́пци, ху́тра и стрихольці,
ре́мінь, во́ду до шпова́ння, лу́бъя, дёготь и натяга́чі, и
конці.
А якъ по́йдетъ до шкуръ, дубъ товче́тъ, шку́ри пересипа́етъ,
а и́ние шку́ри у зо́лу ху́ру закладáетъ,
И и́ние тежъ на коби́лиці шерсть оббира́етъ,
а пото́мъ, надівши шу́ствалъ и хва́ртухъ, бе́лехомъ мез-
дру́ пудробля́етъ,
И, пофаgова́вши, въ Бо́жий часъ укладáетъ въ квасъ,
и чека́етъ, по́куль бу́детъ пересипа́ть впять часъ,
И на крі́слі по ца́рский (¹) сіди́тъ, якъ на маеста́ті,
и про́ситъ Бо́га, жеби́ на рабо́ту ра́но уста́ти.
А уста́вши усу́нетъ лучни́къ, и желізо причепля́етъ,
и лучи́ну зъ пенько́въ смо́льнихъ зъ огне́мъ роскладáетъ,
А розложи́вши огню́, за́разъ перешива́етъ,
по́ти, по́куль ажъ ся ему́ подоба́етъ.
Якъ перешива́ючи вто́мится, то шку́ри стрихýетъ
и на роспуска́ння на чо́боти, ко́лько зъ котро́й паръ ви́й-
детъ, готу́етъ.
А пото́мъ, поки́нувши все, по́йдетъ біти збира́ть
бо потре́ба козли́ни изъ бітою вичиня́ть,
И по́йдетъ до гарбо́вки у чо́вні хита́ти,
козли́ни и бара́ници хочъ и га́бельки окраша́ти.
А нахита́вшися еще́ и істи захо́четъ,
и дастъ ему́ шевчи́ха, чого́ исхо́четъ.
А якъ при́детъ ему́ часъ и простъ ре́мінь виправля́ть,
ста́нетъ кріпко працова́ть и, якъ повісмо, той мять.
И іздитъ у лугъ ду́бу и по́пелу готова́ти,
и му́сітъ бідний до́бре на́ зиму працова́ти,

(¹) Это слово зачеркнуто другими чернилами, и вмѣсто него написано сверху: *по-власте́льский.*

А осо́бпій му́сітъ по матери́нку и по листо́къ ходи́ти,
же ажъ и въ свя́то ма́ло мо́жетъ когда́ зночи́ти.
И сівши на робо́ті, то до полно́чи не бу́детъ спа́ти,
а ча́сомъ до са́мого світа бу́детъ перешива́ти,
Або́ иногда́ робо́ту бу́де стару́ю яку́ю кріпи́ти,
или́ тежъ ину́ю хоро́шую но́вую роби́ти.
А якъ схо́четъ шевчи́ху побить, ни що, чимъ бить, не шука́етъ:
е́сли чо́ботъ клесу́етъ, тое́ю жъ клеса́чкою поторка́етъ.
И не дай, Бо́же, на світі жонка́мъ го́ршой му́ки,
якъ попа́сти яко́му ча́сомъ шевцу́ у ру́ки,
Бо ши́ломъ уко́летъ и дра́твою зва́жетъ,
нездоро́ва зъ нимъ (хочъ не зхо́четъ) спа́ти не ля́жетъ(¹)....

О кожемя́кахъ, що ткури вичиня́ютъ.

Кожемя́ці потре́ба зъ шевце́мъ за бра́та жить,
а хочъ би и го́лову вку́пі зъ нимъ положи́ть;
Кожемя́ка бо шку́ри шевцу́ вичиня́етъ,
а швецъ на чо́боти іхъ лю́дямъ поробля́етъ.
И шевці и́нше умію́ть шку́ри чини́ти,
а кожемя́ки чобо́тъ не вмію́ть ши́ти.
И не вімъ, кому́ бъ шку́ри чини́ти нале́жно;
подо́бно бъ, сами́мъ шевца́мъ слу́шне приналéжно.
Або́ тежъ кожемя́камъ и чо́боти ши́ти,
да и шку́ри за е́днимъ би це́хомъ чини́ти.
А то́ ремесло́ едно́ на́двое порва́ли:
неслу́шний ніякийсь лю́де чинъ пода́ли....

О бондаря́хъ.

— —

Кгдибъ не они́, ні въ чемъ би напи́тковъ храни́ти,
ні въ чемъ било́ бъ жонка́мъ и води́ носи́ти.
А що обрізки шевці и кравці покида́ютъ,
а бо́ндари обрізковъ своіхъ не викида́ютъ;
Якъ-то: тріски́, котри́ми мо́жемъ въ печі пали́ти,
та́кже зась особли́ве и істи наварити.
И не бу́детъ дріма́ти, же то сту́ки-гря́ки,
а къ тому́ наипа́че, якъ потя́гне таба́ки.
И не коха́ется въ сну, же ро́бить въ ночі
або́ трость, альбо́ круги́, или стру́жетъ обручі....

(¹) Послѣдніе четыре стиха передѣланы изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Ой не дай, Бо́же, гі́ршої му́ки,
Якъ попаде́сся шевце́ві въ ру́ки:
Ши́ломъ уко́ле, дра́твою зва́же,
Посте́ле шку́ру, та й спа́ти ля́же,

О тéсляхъ, абó тежъ о плóтникахъ по-Москóвский, а о деилидахъ по-Литовский.

— —
И чéстное такóже іхъ и чúрствое ремеслó,
алé и працовúто онó, бо тяжестнó;
Бо якъ стáнутъ будúнокъ якúй будовáти,
трéба кóждому противъ сéбе пудиймáти,
И тудá и сюдá дéрево обертáти,
и ещé шлягóю и тúбель забивáти....

О звóнникахъ и о комисáрахъ.

— —
Такóже и гармáтние штýки отливáютъ,
котóрими въ прúступахъ стíни добувáютъ.
— —
Такóже не безпотрéбни, вімъ, и комисáрі,
що рóбятъ до церквéй сосýди и лúхтáрі,
И кéлюхи, и звізди, и всякие крести,
въ котрúхъ чáсомъ случáетъ попóмъ и тайни нести;
И рóбятъ дúскоси, лóжици и мирнúци,
а для соблюдáния áгнцовъ и гробнúци;
Такóже и ѣнполки до церквéй вилúваютъ,
що на всенóщнихъ винó и елéй ставлѣютъ;
И рóбятъ фляшп, кýбки, пулмúски и збанú,
тарілкú, квáрти, чáши, чаркú и роструханú....

О коваляхъ.

— —
И найчастій коваля кóждий трéбовать бýдетъ,
а якъ-кóльвекъ безъ ѣнних ремéсниковъ пробýдетъ(1)...

О сніцаряхъ и о слюсаряхъ.

— —
Сніцарі бо церкóвний дéйсусъ отрізаютъ,
а слюсарі рóзние тежъ штýки работáютъ.
— —
Рóзние бо мýдрості слюсаръ показýетъ,
и сніцáръ безъ числá штукъ дáвнихъ виставýетъ;
Прéто слýшне бъ імъ двомъ братáми ся назúвати,
же то премýдростей навúкли заживáти....

(1) Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіемъ, въ котóромъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

О мéльникахъ абó тежъ о мірóчникахъ.

И мірóчництва чéстни ремеслá бивáютъ,
котрúмъ и безъ жнивъ онú хлíбъ заробля́ютъ.
— —
Товкýтъ бо и мéлютъ все и изъ рукъ здавáютъ,
вся́кимъ лю́дямъ ремеслóмъ своíмъ угождáютъ.

О самúхъ господаря́хъ, владу́щихъ млинáми и держáщихъ ихъ, и о млинáхъ.

Хочъ то млинъ корчмóю ся въ людéй назúваетъ,
еднáкъ же онъ нi въ чемъ ся корчмí не равня́етъ:
Млинъ — чéстна храмúна; не жúетъ въ немъ свавóльность,
лечъ вихóдитъ зъ негó людéмъ хлíба довóльность.
А хочъ изъ корчмú пáну бивáетъ пожúтокъ
и господарéвi корчéмному ужúтокъ,
А млинъ не еднóму пáну догажáетъ,
гди на всю околúчность хлíба настатчáетъ.
Тúлько жъ и млинъ — якъ комý въ щáстю поведéтся,
то той тúлько зъ негó хлíба не отгребéтся.
И хто и плýгомъ пáшетъ, мéльнику ся равня́етъ,
и кóшту своегó, якъ мéльникъ, не страчáетъ.
А мéльнику мнóго прибóровъ въ млинъ потрéба,
залéдво якóй рéчи чегó не потрéба:
А трéба каміння, желíза безпрестáнно,
стáлi, дерéвнi, лóю, — мóвлю то нелгáнно,
А особли́ве чáсомъ людéй — грéблю гатúть
и бондарéй — сосýди въ млинъ на розмíри робúть.
А особнíй — трéбуетъ úнний и мíрного,
гди знáйдетъ человíка дóброго и вíрного.
Зачúмъ здало́ бъ ся шкýрка за чиньбý не стáне,
éднакъ хто що звикъ держáть, то не перестáне....

О каменносíчцахъ, що зъ горъ камяни́хъ вибиваю́тъ, абó тежъ виробля́ютъ млинóвие до млинóвъ на молóття каміння и крести́ надгробние, и деки и слупи до мýровъ и до фортéцъ кáменнихъ.

— —
А кáмень потребнíйший въ млинъ, — такъ трéба судúть;
бо безъ кáмеця хлíба не мóщно сотворúть....

О шаповáлахъ и о коновáлахъ.

— —
Коновáлъ éдно тúлько дiло изправля́етъ,
же то кóнямъ и шкáпамъ опрáву даваетъ;
А шаповáлъ всякие всiмъ вигóди твóритъ,
кгдижъ рóзние потрéби людéмъ зáвше рóбитъ,

Якъ-то: мужика́мъ плете́тъ рукави́ци,
и ля́мци вива́люетъ, що но́сятъ молоди́ци,
И ещé и опанчу́ мо́жетъ изроби́ти,
и ке́цу (хочъ) найбо́льшую му́дро устрои́ти;
А е́сли ча́сомъ зхо́четъ и зпочи́ти тро́хи,
то тогда́ безпреста́нно все ви́жетъ панчо́хи.
А впять якъ почне́тъ во́вну перебива́ти,
то знать-то уже́ хо́четъ зъ лу́комъ мандрова́ти;
Бо зъ да́внихъ ча́совъ, якъ где шапова́лъ мандрова́лъ,
не едну́ на доро́зі и ду́шу изляка́лъ,
Же зда́леку вла́сне Тата́ре маня́чатъ,
а шапова́лъ но́сится зъ лу́комъ, якъ за дру́комъ, — збли́зу вба́чатъ.
А пришéдъ до людéй, ста́нетъ робо́ти пита́ть,
жебъ где-ко́львекъ мі́лъ собі на робо́ту стать.
Якъ зна́йдетъ до́брую робо́ту въ до́бромъ мі́сті,
ажъ за́разъ заро́битъ золоти́хъ сто або́ двісті....

О ратая́хъ, або́ тежъ о па́шущихъ хлі́бъ людéхъ.

Надъ всі ремесла́ потребні́йшое подо́бно
па́харство, же то́е всему́ світу вигодно,
Бо хочъ би хто сріброо́ и зо́лото могъ роби́ти,
а не міючи хліба, зло́та не вкуси́ти....

О риба́лкахъ и о резникахъ.

Риба́лки зъ резника́ми проти́вности ма́ютъ:
якъ постъ да мясни́ци, такъ они́ пробува́ютъ.
Риба́лка для по́стнихъ дній ри́би уловля́етъ,
а для мясни́хъ дней резни́къ о мя́со стара́етъ.

— —

И годи́ло бъ ся лу́чшей риба́локъ поважа́ть,
и па́че отъ резнико́въ о́нихъ всіхъ шанова́ть,
Кгди жъ и самъ Богъ зъ риба́локъ Апо́столи вчини́въ
и моли́твенниками за всіхъ насъ почини́въ.

— —

И риба́локъ и въ мясни́й часъ бо́льшъ потребу́ютъ,
гди жъ найбо́льшие часи́ по́стние знайду́ютъ.
Ри́бу и въ пости́ мно́гій наро́дъ заживаетъ,
о въ постъ христія́нскій лю́дъ мя́са не вживаетъ.
Четве́ртая жъ часть на всемъ року́ дней скоро́мнихъ,
а три ча́сти знайду́ютъ та́кже нескоро́мнихъ....

О гутника́хъ и о склярáхъ.

Досто́йни и гутники́ вели́кой похва́ли,
гди сосу́ди че́стние ро́бятъ и криста́ли,
Та́кже для млади́хъ людéй слични́е зерца́ли,
а соста́рівшимся южъ людéмъ окуля́ри,

А сосу́ди вся́кие скляни́е и збани́,
зъ котри́хъ випива́ютъ и вели́кие пани́.
И ви́дно напи́токъ скрозь, якъ чего́, чи мно́го,
или́ тежъ чего-ко́львекъ ча́сомъ чи немно́го.
А во и́нихъ не ви́дятъ, якъ-то въ черепя́нихъ,
такъ тежъ осо́бъ не ви́дно и у деревя́нихъ,
И не ви́дно въ ціно́вихъ, желізнихъ и въ міднихъ,
и не досмотрітися особній и въ срібнихъ,
И мося́нжъ прозріти скрозь, и зло́та не мо́жно,
ти́лько презъ скляни́е все ви́діти возмо́жно.

— —

Уже́ жъ гутника́мъ списа́хъ вели́ку похва́лу,
и оболо́нникамъ хочъ ма́лу створи́хъ хва́лу,
Світови́дние у́бо ділаютъ зало́ни,
якъ менови́те вся́киі оболо́ни.
Ини́е про́стие ділаютъ древя́ние,
а ини́е му́дрие и оловя́ние....

О си́тникахъ и о реше́тникахъ.

Мерзе́но здава́ло бъ ся то ремесло́ и бри́дко:
зъ ко́нскихъ ого́новъ си́та ро́бятъ, — вспо́мніть ги́дко.

— —

Ре́шета да пудси́тки зъ ликъ бива́ютъ истка́нни,
а у Воло́хъ ре́шета въ ре́меняхъ пробия́нни....

О копа́ющихъ коло́дязі глубо́кие, а по-лядзкий сту́дні или по-славе́нский студенці.

— —

И есть смілихъ, же бъ до дна а́дска прокопа́ли,
а́ще бъ жро́дла во́дние імъ не прешкажа́ли.
Могли́ бъ жи́ви въ тіліхъ пе́кла досмотріти,
и, узрівши тамъ зле, сна́дній ка́ялись би на світі.
А осо́бно и то́е еще́ уважа́ю,
же могли́ бъ и само́го дохо́дити ра́ю,
Если бъ не за сро́кгими, повідаетъ, гора́ми
и за пу́щами зъ га́ди, и за морски́ми вода́ми.

— —

И признаю́тъ, гдибъ пра́ве хто до ра́ю и дойшо́лъ,
то ра́зві ся бъ насмотри́лъ звні, а внутръ би не ввойшо́лъ,
Гдижъ око́ло ору́жиемъ пла́меннимъ обварова́нно
и пла́менемъ о́гненнимъ вкругъ оцірклева́нно....

О олійникахъ.

— —

И зъ працови́тостю робо́та імъ прихо́дитъ,
по́куль гото́вий олій изъ гнізда́ вихо́дитъ;
Пе́ршей бо сімя въ сту́пахъ толку́тъ и просіва́ютъ,
пото́мъ въ те́плой воді місятъ и зхвалева́ютъ,

Тожъ на сковрáдахъ смáжатъ и въ гніздо вкладáютъ,
а пóслі тарáнами клúння забивáютъ,
И зачúмъ вúтиснется якáя макýха,
а імъ отъ тарáновъ ажъ запирáются дýха,
И покýль фýри вúйдутъ, крішко наклопотя́тся,
пóкуль тежъ зовсімъ-провсімъ дóбре увольня́тся....

О воскобóйникахъ.

А воскобóйникъ вáритъ воскъ и закладáетъ
въ гніздó, и колóдами клúнне забивáетъ.
Изъ гніздá въ судúну на сподъ воскъ истікáетъ,
и на захолóду тежъ въ сосýди вливáетъ....

О калáчникахъ.

Мнóго есть вéльми всякúхъ вúмисловъ на свíті:
калáчники не ремéсники, а змúслили цехъ міти.
Ремеслá іхъ мóщно ся навчúть за годúну,
не старúхъ тúлько, алé навчúвъ би дитúну.
И самú ремéслъ своіхъ рідко работáютъ,
алé все своіхъ бабъ робúти заставля́ютъ,
Якъ-то: мукý сіяти, и місúти тісто,
и пектú, и вúбрать, и продавáть нестú въ місто.
— —
Кгди жъ ремеслó іхъ жáдної трýдности не мáетъ:
поплéтши сюдá-тудá тісто, въ пічъ сажáетъ,
Прéто и самú дáрмо въ цехъ той уплелúся,
влáсне якъ старéцькиі цехú повелúся.
Еднáкъ въ старцóвъ наýка есть — язикá ся вчúти
и якъ би мúлостини, абó хліба просúти.
Тúлько жъ не трéба бáрзо и тихъ цехóвъ зневажáть,
éжели бýдутъ до церквéй свічи поставля́ть,
Абó къ прáздникамъ котрúмъ канýни справля́ти
и на церквú зъ дохóдовъ тихъ ся укладáти....

О токаря́хъ.

— —
— — ....ложкú виточáютъ,
котрúми и панóве чáсомъ уживáютъ;
Такъ тежъ оздóбние тóчатъ и тарілки,
зъ котóрихъ ядя́тъ и пъютъ, зварúвши горілки;
А осóбно зробля́ютъ велúкиі ящі,
що зпря́туютъ въ дорóгу печéние лящі;
И въ церквú тóчатъ слупú, а малю́ютъ малярі,
и тóчатъ до церквéй баля́си и лихтарі;
И тóчатъ на жéртовникъ хорóшие кýбки,
що свящéнникъ ховáетъ, потрéбши дарú, гýбки;
И до убóгихъ церквéй на престóлъ гробúци,
и до монастúрскихъ трáпезъ тóчатъ сольнúци;

И ти́е вито́чуютъ те́ртки, що пе́рецъ трутъ,
и ти́е макогóни, що кухáрки макъ мнутъ;
И ти́е брязкáльца, що дітéй забавля́ютъ,
и веретéна, що жонки́ ни́тки випрядáютъ;
И по́соховъ властéльскихъ мно́го виточáютъ,
и ти́е качáлки, що жонки́ ху́сти качáютъ;
И овчáрские то́чатъ зъ дéрева сопілки,
и козáцкие, що зъ лукóвъ, витягáютъ стрілки....

О пастухáхъ, ско́ти и би́дла (и свúнiя) пасу́щихъ, па́че же о овчаря́хъ.

— —

Але́ еще на снідь себі о́вци пудрадáетъ,
а господаря́мъ речéтъ, я́ко волкъ зъядáетъ;
А особли́ве мле́ко изъ ове́цъ здоя́етъ
и господаря́мъ о́вчимъ на́кости створя́етъ.
А и́нихъ ове́цъ жезло́мъ нещáдно ударя́етъ,
же ажъ умерщвля́тися о́нимъ втожъ сотворя́етъ,
И мно́ги твори́тъ фи́глі и незичли́вості....

— —

а той и вигоня́етъ зъ гнівомъ изъ огрáди.
И заблужде́нной овци́ не тщáтельно и́щетъ,
и зъ нерадíпіемъ и́щущи, въ сопілку сви́щетъ....

О кушнерáхъ.

Ко́жи бо о́вчие онъ въ квасу́ виробля́етъ,

— —

и на зи́мние чáси кожу́хи зроблúетъ,
И тре́бующимъ люде́мъ въ градíхъ продавáетъ,
а котри́е прино́сятъ стари́хъ, поправляетъ....

Стихотвореніе: *О гребенникáхъ, що гребенці зъ рогáвъ (скотскихъ, або́ тежъ бидля́чихъ) роблятъ до чесáння голóвъ*, состоитъ изъ самаго безцвѣтнаго пустословія.

— —

О соляникáхъ, торяникáхъ, бурлáкахъ, що солі господáрские вáрятъ.

Торяники́ вели́ку прáцу подийма́ютъ,
па́че коломи́йцовъ, що гуски́ виробля́ютъ.
Со́тце бо відеръ вки́нетъ на бо́чку со́ли води́,
и, дро́ва въ пічъ верга́я, натерпи́тся бíди́.
А безпреста́нно тре́ба и не досипля́ти
и, жебъ не прогоріла (ско́ро) сковрада́, пильнова́ти.
Пото́мъ въ садовни́цу соль зъ сковради́ викида́етъ
и на дру́гий садъ во́ду, поше́дши, накида́етъ.

И потре́ба изъ со́ллю бо́чку изтрусѝти
и всего́, що́ веде́тся тамъ, пи́льно досмотрѣти.
И зъ по́длимъ здоро́вьемъ нѣчего тамъ пудийма́ти:
хочъ ма́ло знемощнѣетъ, му́сѣтъ вари́ть преста́ти,
Или́ тежъ това́рища про́ситъ допильнова́ть,
а самъ, прише́дши къ собѣ, му́сѣтъ та́кже отвдяча́ть.
А осо́бно и то́е бурла́камъ ве́льми ну́дно,
же о соло́дкую во́ду непома́лу тру́дно.
Му́сѣтъ тоёй же со́ли господа́рской ча́стку отложѝти,
же́би, вмѣсто води́, бра́ги ся изпи́ти.
А впять же — не ма́шъ тамъ женъ въ Багму́ті, нѣкому кошу́ль
пра́ти;
му́сѣтъ, взя́вши нову́ю, носи́ть, по́куль зодра́ти.

— —

Тутъ же и то мо́влю, же соль есть ро́зна на свѣті.

— —

Якъ-то: Запоро́зкая есть, Кри́мка и леда́нка,
а не бу́детъ зъ тако́ю (вімъ) пра́цею (и ко́штомъ), якъ
Торя́нка.
Зачи́мъ бурла́камъ (То́рскимъ вірши си́е покладаю
и пра́цу ихъ и пи́льний дозо́ръ похваля́ю....

О бу́дникахъ, що по́ташъ ро́бятъ.

Да и ти́е бу́дники въ на́шой землі бува́ютъ,
що по́ташъ Ту́ркамъ су́кна фарбова́ть виробля́ютъ.

— —

И сихъ часъ есть бу́дищъ мно́го, где бу́ди бува́ли:
да́вние лю́де бъ то́е и ни́нѣ призна́ли.
И прислуха́йся ко́ждий, що стари́й мо́вить на глумъ,
а молоди́й неха́й бере́тъ до́бре собѣ на умъ (1)....

О старца́хъ.

Старе́цкиі во вѣки не напо́лнишъ су́нки.
бо то дірА́вие въ нихъ найду́ются тлу́мки.

— —

Есть и таки́хъ мно́го на свѣті знайду́етъ
ле́жнювъ, котри́е, въ миру́ хо́дячи, плуту́ютъ.
Бу́детъ и́ний здоро́вимъ, да не хо́четъ роби́ть, —
потре́ба бъ тако́го сімъ разъ на́ день ки́емъ бить.

— —

И до́бре мо́вятъ: »Въ старцѣ пу́гою не вгна́ти,
а съ старцо́въ — хочъ калаче́мъ сталъ би пудмана́ти«....

О ли́нникахъ (2).

— —

Кодо́ли бо му́дрие лю́дямъ изробля́ютъ
и тре́бующимъ о́нихъ здо́бель надава́ютъ,

(1) Ср. *Зап. о Южн. Руси*, т. I. стр. 13.
(2) Веревочникахъ.

Именно жъ до кла́дязей на́добни глубо́кихъ
и до ка́пуровъ тесля́мъ до церкве́й висо́кихъ,
Та́кже и до неводо́въ озе́рнихъ тягне́нія,
когда́ где быва́етъ южъ ри́бное ловле́нія,
И до мно́гихъ річий зась кодо́лъ потребу́ютъ,
та́кже и до буди́нковъ па́нскихъ, гди буду́ютъ.
Ко́долами де́рево на го́ру встяга́ютъ,
а и́нді и поромі́ чрезъ ріки тяга́ютъ.
— —
Также и нари́тники, шле́і и ужи́ща,
котри́ми припина́ютъ у поля́хъ кони́ща.
Та́кже обро́ті, вожки́ и пу́ги зробля́ютъ,
що ко́ней ідучи где-ко́львекъ затина́ютъ,
И до дзега́ровъ ро́бятъ втожъ шну́ри на ваги....

О ру́дникахъ, що зъ руди́ желіза ро́бятъ въ ру́дняхъ.

— —
Бо хочъ водо́ю мла́ти въ ру́дняхъ ударя́ютъ,
е́днакъ безъ вели́кої пра́ци не быва́ютъ;
Гдижъ при болота́хъ тре́ба и зе́млю копа́ти
да руди́ зъ вели́кою пи́льностю иска́ти,
А знайше́дши где руду́, осо́бно копа́ти
и, въ кошни́ці беручи́, въ воді полоска́ти;
Пото́мъ на у́голля дровъ въ дубро́ву руба́ти
и ви́шей хло́па въ косте́ръ до́вгий тасова́ти;
Напото́мъ дернъ різать косте́ръ той вкрива́ти
и смотріть, жебъ по́ломья не могло́ псова́ти....

О римаря́хъ.

— —
Шку́ри бо возови́е и лійци зробля́ютъ,
и хомути́, и у́зди, що ко́ней нуздаю́ть,
Такъ тежъ шо́ри и шлеі, и бичі на воли́,
и для люде́й убо́гихъ зъ реме́ню жъ постоли́,
И ро́нзики до ко́ней па́нскихъ и кантарі.
— —
И попру́ги до кульба́къ они́ жъ зась зробля́ютъ,
котри́ми кульба́ками ко́ней лю́де сідла́ютъ;
И пу́та ремінние ро́бятъ, и трино́ги,
що злимъ прокля́тимъ ко́нямъ трино́жатъ ча́сомъ но́ги;
И нага́йки, або́ тежъ канчуки́ сплі́та́ютъ,
котри́ми лю́дзкости жонъ ча́сомъ прицвіча́ютъ.
А е́жели уда́стся ча́сомъ зла́я прочва́ра,
не нау́читъ тако́і и то́лстая барба́ра....

О косаря́хъ, що сіно ко́сятъ.

— —
И, хочъ би не радъ, му́сітъ косаро́въ затяга́ти,
по пять че́ховъ й по три шаги́ на день дава́ти.

А косарі-сподарі идýтъ къ немý съ косúти
и кóсятъ трáви ввесь день и въ порáну зъ росáми....

О гребцáхъ сінни́хъ.

И жéнщина мóжетъ тáкже сіно згромажáть,
алé не мóжетъ такъ, якъ музчúзна, ухожáть,
Бо звичáйно то дiло музчúзнамъ робúти,
гребти́ сіно и копúць сіннихъ волочúти,
Абó тежъ у копúці и у стúрти клáсти,
а жонкáмъ рáзві тúлько у гребенéй прáсти.

— —

Нехáй жóни у домáхъ дiла росправýютъ:
прядýтъ, ткутъ и iсти вамъ, мужикáмъ, готýютъ....

О женцáхъ.

— —

Тúлько, хочь билá бъ iмъ чáсомъ третúна,
алé хúлячись заболúтъ и спúна....

О мúльникахъ, що мúла рóблять, бáрские дóбрие и прóстие пóдлие.

Не знáю, по мúльникахъ хто бъ ся чи зафразовáлъ,
хочъ би и не едúнъ ся на свiті не обрiтáлъ;
Бо рiдко хто на свiті мúломъ ся вимивáетъ,
алé бóльшей водóю тваръ собі омивáетъ....

О колесникáхъ.

И колесни́къ ремéсникъ твóритъ тожъ чудесá,
зробля́етъ бо до возóвъ и пáнскихъ колесá,
А йменно я́ко-то: панóмъ на ридвáни,
въ котрúхъ и вельмóжние iздятъ гетмáни;
И до карéцъ колiсъ трéба и на лектúки,
въ котрúхъ славéтние тежъ iздятъ полiтúки.
Къ палубáмъ и къ коля́самъ и къ возáмъ глабчáстимъ
тáкже колiсъ потрéба, и къ тимъ драбинчáстимъ....

О стадникáхъ кóнскихъ.

И стадники́ тожъ лю́дямъ вéльми вигожáютъ,
же стадъ кóнскихъ у поля́хъ у дозбрахъ мáютъ,
И у поля́хъ при кóняхъ зáвше и ночýютъ....

О догтарáхъ и столярáхъ.

— —

Трéба прáвда, где зъ негó (1) сажу пáлять при друкáрняхъ,
на черни́ла кни́жние, — по-московскiй при печáтняхъ....

(1) Изъ *смолóвого*, сосноваго дегтя.

О неводни́чихъ, що вя́жутъ неводи́ и сіті, и и́ные по́судки до ловле́нія рибъ.

— —

А хочъ же и самъ и́ний ри́би не има́етъ,
е́жели-то спо́собу до то́го не ма́етъ;
То, ро́бячи по́судъ то́й, мо́жетъ продава́ти.

— —

И ча́сомъ той по́судъ и въ пано́въ быва́етъ,
кото́рий панъ озе́ра свои собі ма́етъ.
Таки́й не ти́лько по́судъ той бу́детъ держа́ти,
але́ и риболо́вовъ мо́жетъ затяга́ти
Для дома́шнихъ пожи́тковъ ри́би уловля́ти,
жеби́ не все посила́въ въ го́родъ купова́ти....

О робя́щихъ су́дна во́дние вели́кие и ма́лие, то есть морски́е и річни́е.

— —

А ро́бятъ окре́нти, кораблі и гемії,
ка́торги, о́бшивні, струги́ и шугалії.
Также осо́бно ро́бятъ ли́пи и байдаки́,
шкути́, дуби́ и ло́ді и човни́, и плавники́....

О парте́сахъ, и уча́щихся іхъ.

— —

.... же конпону́ютъ гла́си для Бо́жией хвали́:
А хочъ бо́льшей тихъ, що гото́вое співа́ютъ,
една́къ и ти́е хвалу́ Бо́гу отдава́ютъ.

— —

И при вели́кихъ власте́хъ за співако́въ быва́ютъ,
и за то пудъ часъ людьми́ на світі става́ютъ.

— —

Хочъ би пое́тикъ кто билъ, — не почне́тъ співа́ти;
е́сли не вміетъ парте́съ, не бу́детъ іхъ зна́ти, —
И не парте́съ ти́лько, але́ и ирмоло́я,
а парте́си але́ко трудній отъ ирмоло́я....

О костя́рхъ.

— —

....и на то́е гди хто ща́стя бу́детъ міти,
запомо́жется той самъ и его́ діти.
Лечъ быва́етъ на мали́й часъ то вспоможе́нія,
же не вте́рпитъ, пройгра́етъ, ажъ и обнище́нія.

— —

гди пройгра́вшись нічого дать, пе́рста одсіца́ютъ,
А ча́сомъ отрізуютъ уста́ або́ гу́би
и вво́дятъ зли́е раби́ злихъ рабо́въ до згу́би.
А подъ часъ за пе́рста ногъ ви́сятъ (1) и щеза́ютъ (2)
и на́гле зъ світа сего́ на той изхожда́ютъ....

---

(1) Т. е. вѣшаютъ за ножныя пальцы. — (2) Т. е. и повѣшенные такимъ образомъ погибаютъ.

О свічкаряхъ, що лоевйе свічки ро́бятъ.

— —

.... где ко́львекъ лоеви́хъ свічъ начну́тъ робйти,
тамъ ста́нутъ за полверсты ажъ смро́ди сходити,
А найба́рзій, где лю́де въ суди́ни моча́ютъ,
а тамъ не такъ, где въ трубка́хъ желізнихъ зробля́ютъ.

— —

.... му́сітъ мно́гий наро́дъ свічъ тихъ купова́ти,
же воскови́хъ не мо́щно гро́шей настатча́ти,
Бо въ ка́мень во́ску осмь копъ потре́бно вложи́ти,
а лю́ю ка́мений сімъ за то мо́щно купи́ти....

Представленныя нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ гетманство Мазепы, показываютъ развитіе промышленности въ большей мѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что существовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ и татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно упало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе въ Украину крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи съ ея изобрѣтенными не дома потребностями въ привилегированномъ классѣ населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе наборы и всего болѣе — распространеніе канцелярскаго управленія народомъ, которое съ одной стороны пріостановило всѣ свободныя отправленія ремеслъ и промысловъ, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ народа не производительнымъ трудомъ, а безплоднымъ перомъ сравнительно лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было золотымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными арендами изчезли, но ихъ система насильственнаго стяжанія усвоена была гетманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ стихотворенія Климентія: *О рандаря́хъ.*

И убо́гий чоловікъ хтілъ би рандире́мъ бить,
е́слибй то сто́лько мілъ гро́шей ра́ту платйть;
Ти́лько, же и бога́тий не вся́кий то мо́жетъ:
рідко яки́й на то́е суму́ вложи́ть змо́жетъ;
А хочъ инъ и бога́чъ есть, того́ не досту́питъ
рандарского уря́ду, ажъ больш ра́ти посту́питъ;
И доступи́вши, где ся пощасти́тъ, хлібъ ма́етъ,
але́ посполи́тимъ южъ люде́мъ перешкажа́етъ.
Не во́льно продава́ти горілки ніко́му,
ти́лько то рандаре́ві уже́ едино́му;
Та́кже и тютюну́ южъ не во́льно продава́ть,
ти́лько до него́ му́сятъ ходи́ти купова́ть;

А е́сли и до́готь вку́пі заарендуе́тъ,
то и до́гтемъ нихто́ вже бо́льшей не шинку́етъ;
А и́иді въ аре́нді и бра́га бива́етъ, —
хто не чува́лъ съ віку, той ве́льми ся удивля́етъ.
А се жъ, мо́витъ, яки́е ви́гадали кадуко́ве?
на́ши не чува́ли зъ віку сего́ и продко́ве!
А еслибъ рандова́ли ещё́ медъ пи́во,
би́ло бъ южъ всему́ світу найбо́льшое ди́во....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояніи лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ промышленныхъ сношеній между жителями и безпріютность большихъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, имѣетъ для насъ важность историческаго документа.

— —
.... по и́нихъ города́хъ и хліба не знайти́
печёного. Мусітъ такъ іхать або́ пойти́,
А не ти́лько, же бъ ся могълъ стра́вою пожива́ть,
да и безъ хліба по́йдетъ, хочъ му́ситъ подива́ть.
И зле тамъ, где стравали гости́мъ (1) не вигожа́ютъ,
а що го́ршей, же и хліба не продава́ютъ.
Зви́чай то въ таки́хъ міста́хъ на́збитъ (2) непотре́бний
— —
Ро́зний би то гость му́сілъ би въ нихъ хлібъ купова́ти
и, якъ слу́шно, пла́тою о́нихъ не вкривжати.
Зачи́мъ въ невиго́днихъ міста́хъ бода́й не бува́ть
гости́мъ, же повиля́вши му́сятъ и поіжжа́ть.
И, поіхавши, ихъ звича́ю не похва́лятъ
и въ дале́комъ краю́ похвало́ю не просла́вятъ.
А то на Вкрайні тутъ (Ма́лороссійской) не всі міста́ виго́дни,
же, побува́вши гості, и поідутъ голо́дни.
Ежели у ко́го есть що за харчі у во́зі,
то якъ-ко́львекъ тако́му надія у Бо́зі.
А въ Ли́дзскихъ и въ Лито́вскихъ краяхъ продава́ютъ
хлібъ и стра́ви, и ко́рчми по шляха́хъ зъ всіми виго́дами
ма́ютъ,
Ажъ го́стеві бива́етъ вшеля́кая виго́да:
ко́нямъ харчи́ и самимъ пи́вомъ и ме́домъ охоло́да.
А тутъ въ насъ ра́зві зви́чай той по міста́хъ вале́чнихъ,
якъ-то города́хъ столе́чнихъ;
А въ ма́ломъ місті го́стю не пита́й пожи́вити,
гдибъ ся заме́шкалъ, то могълъ би ду́шу умори́ти.

Въ сборникъ свой Климентій ввелъ на листкѣ 18, стихотвореніе: *О нехотя́щихъ труждатися че́стнымъ трудомъ, то есть о зло-*

(1) Т. е. торговымъ людямъ. — (2) Крайне.

дія́хъ. При тогдашнемъ устройствѣ Малороссіи и равнодушіи гетманскаго правительства ко всему, что́ не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбои и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говоритъ:

.... въ сей на́шей странѣ есть таки́хъ мно́го зіло́.
— —
А теперь намно́жило всю́да душъ безбо́жныхъ,
бо не міютъ ка́рностей отъ люде́й побо́жныхъ....

Не смѣя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинѣ лицъ, Климентій глухо говоритъ *о драпіжцахъ, нікогда ненасище́нныхъ или тежъ о види́рцахъ*, подъ которыми нельзя разумѣть одну мелкую начальственную братію, а должно разумѣть всю облеченную въ законъ правительственную тогдашнюю іерархію: иначе — не пищалъ бы народъ отъ грабителей, притѣсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вызвалъ бы со стороны паноугодливаго стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Рече́ при́повість: »Волкъ, що споткае́, то зъяде́«:
такъ и чоловікъ драпіжний нікому не даде́,
Ти́лько радъ ку́ю-лю́бо персо́ну лупи́ти,
жеби́ могълъ якожъ-ко́лвекъ шкату́лу набы́ти.
Кому́ жъ, рече́мъ, подо́бенъ драпіжъ, то́кмо во́лку?
— —

Далѣе онъ указываетъ на самовластіе старшинъ, не смѣя, однакожъ, явно назвать ихъ.

Кромъ ціле ся наречетъ самъ всімъ господи́номъ,
кгди́ жъ самъ ся постановилъ на то властели́номъ.
— —
Пре́то и ми́то добро́ бъ вибира́ть помірно,
а не зго́ла оскорбля́ть бідний людъ безмірно....

Мы исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для нагляднаго изображенія въ наиболѣе ясномъ свѣтѣ тогдашняго времени. Общее впечатлѣніе наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація изнемогшая въ отчаянной борьбѣ и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское,

вмѣстѣ зъ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгоистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣлъ не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бъ они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбѣжно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.
С. Петербургъ.

II.

КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Исторія Польши и Южной Руси, или Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ XVI по XIX вѣкъ, похожа на судьбу двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій хотѣлъ заставить меньшого на себя работать, — отъ этого вспыхнула между ними непримиримая вражда, старшій не хотѣлъ дать меньшому правъ равенства, меньшой не хотѣлъ подчиниться старшему до покорности слуги, и кончилось тѣмъ, что они взаимно другъ друга разорили, обезсилили, довели до послѣдняго упадка. Участи этихъ двухъ націй сходны не въ одномъ внѣшнемъ отношеніи. Конецъ ихъ отдѣльной, хотя уже давно не самостоятельной жизни, въ исходѣ XVIII столѣтія, былъ временемъ упадка, какъ польской, такъ и украинской народности. Но когда, по-видимому, погасла и послѣдняя искра польскаго патріотизма и украинскаго козацкаго духа, — въ той и другой націи начали обнаруживаться признаки жизни, болѣе могучей и вѣрной, нежели существованіе политическое, часто подчиняющееся нравственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ одного лица, — признаки своеобразной духовной жизни, опредѣляющей, что̀ вынесъ народъ изъ своего прошедшаго, счастливаго и несчастнаго. Польская народность проявила себя въ обширной, энергической литературѣ, которая выразительнѣе всѣхъ Радзивиловъ, Потоцкихъ и Вишневецкихъ сказала свѣту, что̀ такое Поляки разныхъ сословій и состояній и что̀ такое Польская нація вообще, въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Что̀ касается до Украинцевъ, то у нихъ также, вслѣдъ за уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ стариннаго своеобразнаго гражданскаго устройства, обнаружились попытки къ выраженію своей народности предъ судомъ современнаго и будущаго человѣчества. Мы говоримъ о началѣ письменной украинской словесности. Но, поставивъ ее въ параллель съ словесностью польскою, мы далеки отъ того, чтобы ихъ сравнивать въ могуществѣ и обширности развитія. Два брата-Славянина, Ляхъ

и украинскій Русинъ, панъ и козакъ, родные по происхожденію, не похожи другъ на друга религіозными и общественными убѣжденіями. Прошедшая жизнь Украинца, какъ демократа, была постояннымъ противодѣйствіемъ жизни Поляка, какъ пана, или же — молчаливымъ отрицаніемъ этой жизни. Кромѣ того, Ляхи жили поближе къ старой Европѣ и вдались въ цивилизацію, со всѣми ея посягательствами на благоденствіе массы. Украинцы, напротивъ, отрицая безсознательно, но неизмѣнно, идею рѣчи посполитой, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась Поляками, — держались главными своими силами въ степяхъ и противопоставляли панской роскоши неприхотливую сносливость въ помѣщеніи, въ пищѣ и въ одеждѣ, ихъ утонченности нравовъ — естественную, доводимую иногда до грубости простоту, наконецъ, исключительности общественнаго устройства Польши — внушаемое самой природою пониманіе взаимныхъ человѣческихъ правъ и отношеній. Естественно, что и возродившаяся въ новомъ видѣ словесность одного и другого народа не могли быть ни одинаковы по симпатіямъ, ни равны по обширности и разносторонности развитія. Литература польская, возродясь въ духѣ новыхъ задачъ своихъ, опиралась на исторію многовѣковой гражданственности. Литература украинская, уступя Полякамъ то, что въ лѣтописяхъ и думахъ нашихъ называется *городами*, и отрекшись до поры до времени отъ своей доли связанныхъ съ ними гражданскихъ преданій, вдохновлялась безлюдными, необозримыми степями, шумящими *лугами* (1) и убогими селами, убѣжавшими въ глухія пустыни отъ польской гражданственности. Старшій братъ-Славянинъ примкнулъ, такимъ образомъ, съ своей словесностью къ міру старой европейской гражданственности, меньшой—къ міру еще свѣжему, полному юношескихъ великодушныхъ стремленій, поэтическихъ грезъ и недовѣрчиво взирающему на успѣхи человѣчности, какихъ возможно достигнуть путемъ извѣстной доселѣ цивилизаціи....

Впрочемъ эти слова относятся собственно къ дальнѣйшему развитію письменной украинской словесности; первое же популярное ея произведеніе носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія. Разумѣемъ *Енеиду* Котляревскаго. Популярность этой пародіи объясняется состояніемъ грамотной части укра-

(1) *Луг*ъ въ народномъ языкѣ значитъ низменное надводное мѣсто, покрытое деревьями. Потому-то въ пѣснѣ поется:

Ой не шуми́, лу́же,
Дібро́вою ду́же.

инскаго народа въ концѣ XVIII вѣка. Въ критическомъ разборѣ рукописной книги Климентія, украинскаго стихотворца временъ Мазепы, показано уже, какъ, подъ покровительствомъ не-народнаго гетмана и его креатуръ, выдѣлилось изъ козацкаго, въ то время еще не-простонароднаго сословія, сословіе такъ называемыхъ пановъ, ставившихъ ни во что простолюдина (что, впрочемъ, тогда было и во всей Европѣ) и взиравшаго на *посполитый* людъ съ высоты своихъ выторгованныхъ на счетъ поспольства привиллегій. Это разбогатѣвшее военною добычею и займанщинами сословіе уже и тогда пренебрегало простонароднымъ бытомъ и языкомъ, подражая, сколько было для него возможно, иноземцамъ, какъ это видно изъ той же книги, не говоря ужъ о другихъ источникахъ.

Я не стану томить читателя повтореніемъ тяжелыхъ, глухихъ семинарскихъ виршъ Климентія, которыя, точно подземный голосъ, вырвавшійся изъ молчаливыхъ могилъ, засвидѣтельствовали передъ потомствомъ, какъ ужасно было положеніе простолюдина во времена мнимой самостоятельности нашего отечества. Я хочу только сказать, что, насмѣявшись надъ простодушіемъ украинскаго поспольства послѣ развязки нѣжинской *черной рады*, обманщики не остались на Украинѣ безъ послѣдователей.

Когда преданъ былъ Бруховецкій восторжествовавшему надъ нимъ Дорошенку, лукавая партія Бруховецкаго, безъ сомнѣнія, увеличилась не однимъ союзникомъ. Когда предпочтенъ былъ Дорошенку ничтожный эгоистъ Многогрѣшный, — она еще больше усилилась. Когда Самойловичъ привлекъ ее къ себѣ на гибель Многогрѣшному, — она вкоренилась на Украинѣ еще глубже. Когда Мазепа составилъ между старшинами партію противъ гетмана Самойловича и, дѣйствуя съ ней заодно, подѣлился съ княземъ Голицынымъ національнымъ скарбомъ, — это была всё она же, та самая партія, которая вооружила противъ Сомка простой народъ и потомъ горько надъ нимъ наругалась. Гетманство Мазепы было временемъ наибольшаго процвѣтанія козацкихъ пановъ, на счетъ низшихъ классовъ украинскаго населенія. Ни одинъ гетманъ не возвышался до такого самовластія, какъ Мазепа, и, слѣдовательно, ни одинъ не могъ позволить себѣ такихъ крупныхъ злоупотребленій. Чѣмъ ниже клонилъ онъ голову передъ царемъ Петромъ, тѣмъ надменнѣе держалъ ее передъ тогдашнею Украинскою націею, этой простодушной толпою, столько разъ уже проданною своими предводителями со временъ знаменитаго возстанія Хмельницкаго. Набожный безъ вѣры въ распятаго за слово истины, отважный безъ самопожертвованія, онъ обманывалъ людей, для него опас-

ныхъ и передавался на сторону сильныхъ. Такъ поступали и его полковники и генеральные старшины, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, изъ личныхъ выгодъ. Украина, съ ея народонаселеніемъ, послѣ паденія Мазепы, представила возмутительную картину дѣлежа національной собственности между послѣдователями его системы, его непосредственными учениками, и множествомъ ихъ мелкихъ подражателей, которые, увиваясь вокругъ нихъ, живились ихъ недоѣдками. Исторію отъ Мазепы до Разумовскаго можно назвать исторіею расхищенія національной собственности всѣми благовидными и неблаговидными способами. Наконецъ, когда нечѣмъ было уже дѣлиться, козацкіе паны подѣлились подсосѣдками, которыхъ еще Мазепинскій поэтъ, Климентій, называлъ, за вольный переходъ съ однихъ земель на другія, *бунтовниками на своихъ пановъ*.

Да, козацкая старшина, при всемъ демократизмѣ своего происхожденія, была роднымъ чадомъ польской аристократіи XVII вѣка, съ которою, въ благородной гордости и презрѣніи къ хлопамъ, не могла равняться ни одна аристократія въ Европѣ. Главою поднятой въ 1647 году на пановъ демократіи украинской былъ прежній угодникъ магнатовъ, панскій придворный и, въ добавокъ, питомецъ Іезуитовъ. Неразборчивый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, Богданъ Хмельницкій первый пожертвовалъ простолюдинами для соблюденія собственныхъ выгодъ и выгодъ воинственной части Украинцевъ, обезпечивавшей его благосостояніе. Въ сдѣлкахъ своихъ съ Поляками, онъ не одинъ управлялъ мнѣніями верховнаго козацкаго совѣта: его правой рукой и совѣстью былъ такой же, какъ и онъ, шляхтичъ Выговскій, а кромѣ Выговскаго, въ козацкое войско передалось множество дворянъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, поселяли въ знатнѣйшихъ козакахъ убѣжденія польскихъ аристократовъ. Іезуиты, просвѣщавшіе Польское королевство со временъ Баторія, вдохнули свой нечистый духъ не въ однихъ католическихъ магнатовъ, не въ однихъ окатоличенныхъ русско-литовскихъ князей, не въ однихъ остававшихся вѣрными греко-русскому обряду пановъ-богачей, но и во все то, что пользовалось правами шляхетства, или, что почти одно и то же по-тогдашнему, правами гражданства (1). Вотъ почему козацкая нація, отвергнувъ іезуитско-польское аристократическое начало во внѣшнихъ формахъ, сохранила его въ духѣ своихъ вельможныхъ и ясновельможныхъ представителей. Вотъ почему разыг-

(1) Мѣщане пользовались правами гражданства, не пользуясь шляхетскими правами; но ихъ охраняло Магдебургское право, которое они покупали у королей и у сената.

ралась въ іезуитскомъ вкусѣ нѣжинская черная рада, имѣющая значеніе столь же великаго національнаго бѣдствія, какъ и Зборовскій договоръ, превознесенный всѣми лѣтописцами и историками (за исключеніемъ одного Костомарова). Вотъ почему Мазепа съ своею панскою партіею съумѣлъ заставить козаковъ выбрать себя гетманомъ, наперекоръ ихъ нелюбви къ нему. Вотъ почему онъ господствовалъ неограниченно въ Украинѣ до тѣхъ поръ, пока, играя по-іезуитски обязательствами, ошибся въ разсчетѣ и принужденъ былъ уступить свое мѣсто ничтожнѣйшему изъ своихъ полковниковъ, Скоропадскому. Вотъ почему, наконецъ, Скоропадскій, сознававшій свое безсиліе и не пренебрегавшій никакими средствами для удержанія за собой гетманства, подарилъ часть своей родины князю Меньщикову, и этимъ актомъ, не встрѣтившимъ ни малѣйшаго протеста со стороны старшинъ, допустилъ на Украинѣ первый примѣръ обращенія подсосѣдковъ въ то состояніе, въ какомъ очутились они всѣ съ 1782 года. Климентіевскій идеалъ обладанія свободными подсосѣдками осуществился на Шептаковской волости и на примежеванныхъ къ ней, по волѣ всемогущаго временщика, земляхъ козацкихъ; и это вовсе не было противно господствовавшему въ Гетманщинѣ взгляду на простолюдина. Лучшіе изъ тогдашнихъ вельможныхъ пановъ нашихъ охотно стали бы на мѣсто Меньщикова и присвоили бы себѣ Шептаковскую волость по-меньщиковски, если судить по Полуботку, который, по милости Конискаго и сочиненной Конискимъ рѣчи, прослылъ героемъ украинскаго патріотизма, но которому патріотизмъ не мѣшалъ заниматься обманомъ и грабежомъ, подъ прикрытіемъ козацкаго полковничества (1). Безъ совершенной отрозненности отъ простолюдиновъ и безъ глубокаго къ нимъ презрѣнія, наслѣдованнаго нашими панами отъ ихъ сановныхъ прототиновъ, Вишневецкихъ, Киселей, Радзивиловъ, не возможны были бы тѣ ужасныя дѣла, которыя творились въ Гетманщинѣ отъ отъ Мазепы до Разумовскаго. Самъ Конискій, видѣвшій въ Полуботкѣ и въ другихъ, ему подобныхъ панахъ героевъ вольности народной, написалъ о современныхъ ему событіяхъ нѣсколько кровавыхъ, глубоко потрясающихъ страницъ, которыя, будучи подтверждены часто наивными свидѣтельствами архивовъ, останутся вѣчнымъ памятникомъ на могилахъ нашихъ вельможныхъ прадѣдовъ, умѣвшихъ процвѣтать и благоденствовать посреди гибели всего того, что куплено столь дорогою цѣною.

---

(1) См. акты изъ архива Н. А. Маркевича, приложенные при II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

При такомъ обращеніи съ общественными интересами страны, могли ли наши новосотворенные изъ козацкихъ старшинъ дворяне уважать простонародные нравы, обычаи и языкъ? Chłopska wiara! говорили католики о вѣроисповѣданіи украинскаго простонародья. Psia krew! говорили паны XVII вѣка о своихъ подданныхъ. Chłopi iesteście! отвѣчали радные паны на требованія правъ гражданскаго равенства со стороны козаковъ. *Мужицкіе обычаи, мужицкая рѣчь!* твердили въ 1782 году наши дворяне, новопожалованные помѣщичьимъ правомъ. И какъ имъ было этого не говорить, когда, столѣтіе назадъ, представитель письме́ннаго сословія, іеромонахъ Климентій, написалъ, что *письме́нному* человѣку быть вмѣстѣ съ *про́стымъ* — все равно, что трезвому съ пьянымъ,

Бо въ про́стого мужика́ про́стий есть оби́чай,
а въ письме́нного осо́бний, полити́чний, зви́чай.

Этотъ *полити́чний зви́чай*, развиваясь по началамъ мазепинской аристократіи, естественно долженъ былъ дойти до полнаго отчужденія отъ всего, что́ связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ, кромѣ обрядовъ вѣры, какъ дѣла, равно обязательнаго для всѣхъ.

Когда въ Украинѣ явилось такимъ образомъ два общества, непохожіе другъ на друга ни бытомъ, ни одеждою, ни обычаемъ, ни языкомъ, и когда сами козаки спустились мало-помалу до уровня податного сословія наравнѣ съ новозакрѣпощенными крестьянами; тогда въ сословіи модномъ слово *мужикъ* сдѣлалось словомъ укора (1). Неловкое, смѣшное, странное и нелѣпое — все это относилось къ низшимъ классамъ украинскаго населенія, и няньки панскихъ дѣтей, желая пристыдить своихъ питомцевъ, еще тогда начали употреблять свою ходячую фразу: *Такъ только мужики дѣлаютъ*. На народные праздники и свадьбы начали паны смотрѣть со смѣхомъ, какъ на диковинные обычаи дикарей, и никому не приходило въ голову, что въ этихъ праздникахъ и свадьбахъ есть черты нравовъ, истинно высокихъ, истинно человѣческихъ.

Петръ Первый, торопясь утвердить новую имперію въ нѣмецкомъ духѣ среди славянскаго населенія, не зналъ ничего выше Нѣмца, съ его умѣньемъ рыться въ рудникахъ, лить пушки, строить корабли, выламывать солдатъ и сочинять бумаги. Онъ до того обрадовался готовому на все, работящему наемнику, что принялъ его къ себѣ, такъ сказать, въ

(1) Впрочемъ еще въ 1721 году Продіонъ, архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ генеральной канцеляріи, называетъ козаковъ *мужицкими сынами и внуками*. (Архивъ Н. А. Маркевича).

долю на своей обширной фабрикѣ и поставилъ образцомъ для своего народа весь его обычай. Природными и искусственными Нѣмцами покрылось все пространство отъ Финскаго залива до Азова: ихъ правило — жертвовать живою массою въ пользу отвлеченной идеи государства пришлось по душѣ подготовленнымъ Поляками нашимъ украинскимъ панамъ, и наслѣдованныя нами отъ предковъ одежды и весь бытъ, съ его разумной, дешевой простотою, очень скоро замѣнились у нашихъ пановъ модными нарядами, искусственностію жизни и ея обстановкою, не по средствамъ страны. Одѣваться и жить по-старому—признано было мужичествомъ. Явился ложный стыдъ — быть похожимъ на простого поселянина въ чемъ бы то ни было: Отдѣлиться отъ другихъ сословій чѣмъ только возможно—сдѣлалось задачею нобилитованнаго украинскаго панства, и только люди отсталые, захолустники, будучи отцами чиновныхъ дворянъ, — не смотря на переименованіе изъ козацкихъ почетныхъ званій въ классные чины, донашивали наслѣдственные предковскіе жупаны и не стыдились походить языкомъ и домашнимъ бытомъ на людей податного званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на козаковъ, понизившихся цѣлою ступенью на общественной лѣстницѣ.

Когда такимъ образомъ двѣ части одной и той же націи стали одна въ виду другой, въ новыхъ для нихъ отношеніяхъ, то, естественно, онѣ показались одна другой странными и смѣшными. Простой народъ выразилъ свои понятія о панахъ въ пословицахъ и пѣсняхъ, за недоступностію для него литературнаго способа высказывать свой взглядъ на вещи. Что касается до высшаго сословія, то оно, съ самого того времени, какъ гетманъ козацкій явился въ пудрѣ, окруженный пудреннымъ дворомъ своимъ, — почувствовало, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, неудержимый хохотъ отъ сравненія новомоднаго тогда, а въ наше время перешедшаго къ лакеямъ, костюма съ одеждами старомодными, сохраненными до сихъ поръ въ простомъ народѣ. Не только жупаны, шаровары, чуприны, усы сдѣлались смѣшны напудреннымъ и гладко выбритымъ подражателямъ воспитаннаго за границей гетмана, но и самый обычай и языкъ родного края показались имъ чудовищно грубыми и смѣшными. Хохотъ ихъ былъ родной братъ того хохота, которымъ Бруховцы провожали омороченныхъ ими простолюдиновъ съ черной рады. Торжествующій пройдоха никогда не смѣшонъ въ глазахъ такъ называемыхъ практическихъ людей, обдѣлывающихъ свои дѣлишки безъ дальнихъ умствованій: смѣшонъ, въ ихъ глазахъ, тотъ, кого надулъ онъ, обобралъ и запрегъ въ свое ярмо. Жестокій и безсмысленный смѣхъ! Но судьба казнитъ этимъ смѣхомъ народы

за ихъ беззаботность о судьбѣ своей, за ихъ неразумные внутренніе раздоры, за ихъ забвеніе равно для каждаго святыхъ обязанностей общественныхъ, и, чтобы еще больше наругаться, въ гнѣвѣ своемъ, надъ раздѣлившимся на ся народомъ, она выбираетъ исполнителями казни своей тѣхъ именно людей, которые, въ противномъ случаѣ, были бы опорою и честью родного края.

Съ того-то времени появились между Украинцами эти юмористы, которыхъ цѣлые десятки, по преданію, выманили себѣ своими шутками чины и имѣнія у знатныхъ и могучихъ людей. Успѣхомъ у вельможъ они были обязаны смѣлости — казаться тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ были, по своему воспитанію, то есть простолюдинами, или — искусству представлять простолюдина съ его честнымъ простодушіемъ и природнымъ, затаеннымъ умомъ. Весь ихъ юморъ вертѣлся на томъ, чтобы дать почувствовать офранцуженному и онѣмеченному Русскому человѣку, до какой степени не похожъ на него человѣкъ, оставленный имъ въ простой хатѣ, изъ которой онъ иногда и самъ выходилъ въ чиновные люди, какъ гетманъ Разумовскій. Эти шуты не были люди ограниченныхъ способностей. Напротивъ, ихъ способности не рѣдко были таковы, что еслибы они шли по пути чести и истины, то могли бы поставить себя высоко во мнѣніи потомства. Но эти господа разочли, что такимъ путемъ далеко не уѣдешь, при тогдашнемъ развитіи протекторства, и рѣшились лучше осмѣять его въ своемъ лицедѣйствѣ передъ пудренною публикою. Они смекнули, что путемъ чести и истины легко было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, заѣхать, по слѣдамъ Палія, въ Сибирь, и благоразумно избрали девизомъ своимъ пословицу: *Скачи, враже, якъ панъ каже!* Они, наконецъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, дѣйствовали по примѣру юродивыхъ смѣльчаковъ разныхъ временъ и народовъ, какъ, напримѣръ, представители Запорожья передъ разрушеніемъ Сѣчи (хотя эта устарѣлая хитрость не устояла противъ хитрости новѣйшей, возведенной въ достоинство государственной науки, и запорожскіе братчики вдругъ увидѣли себя *убранными въ шоры*.)

Гоголь, зная по преданію, какъ извивались мудрой змѣею Сѣчевики, какъ-бы въ предчувствіи близкой гибели, — пытался представить ихъ въ художественной картинѣ при дворѣ Екатерины Второй; но картина вышла бойкимъ эскизомъ, который даетъ только чувствовать, что въ самомъ дѣлѣ *было* что-то этому подобное въ нашей смѣшной и трагической исторіи. Другой извѣстный намъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей

вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною *Очаковской Бѣдѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы (1).

Вникнувъ въ положеніе козаковъ, представленныхъ въ этомъ характеристическомъ разсказѣ, видишь ясно, что имъ ничего больше не осталась дѣлать, какъ смѣяться надъ самими собою. Но сколько жалобы и тоски въ этомъ смѣхѣ! Судя по нынѣшнимъ живымъ обращикамъ дворянъ-юмористовъ, получающихъ доступъ въ знатный кругъ за свои анекдоты о простолюдинахъ,—полковникъ Перепелица былъ, вѣроятно, разскащикъ ex professo. Подобно актеру, которому безъ сцены скучно, онъ представилъ, въ монастырѣ, на богомольи, обращикъ-другой своего искусства, и едвали сознавалъ, что, пародируя козацкую службу послѣднихъ годовъ существованія національнаго своего войска, онъ говоритъ такъ много горькой правды. Но какъ бы то ни было, только съ упадкомъ національности въ начальствовавшихъ и богатѣйшихъ Украинцахъ, съ появленьемъ на вельможныхъ козацкихъ головахъ нелѣпой пудры, а на вельможныхъ козацкихъ женахъ нелѣпыхъ фижмъ, нетитулованный козакъ, оставшійся при своемъ предковскомъ жупанѣ, сдѣлался въ высшемъ кругу такъ смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ въ обществѣ хромоногихъ людей человѣкъ, ходящій прямо. Наши паны поклонились до земли сыну убогой козачки Розумихи изъ села Лемешёй (2), когда онъ, сказочной игрой случая, воротился къ нимъ на Украину въ видѣ французскаго маркиза, и поставили его особу и его дворъ образцомъ для себя въ усовершенствованіи своего общественнаго и домашняго быта. Иноземная роскошь, доступная прежде только немногимъ фамиліямъ, распространилась отъ сіятельнаго козацкаго сына, какъ-будто самой судьбою избраннаго на то, чтобы поддержать въ окружавшихъ его духъ польскаго шляхетства. Шафонскій, въ своемъ *Описаніи Черниговскаго Намѣстничества* (стр. 26), говоритъ: »До 1751 года, то есть до прибытія въ Малую Россію графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на гетманство, ни у десяти самыхъ первѣйшихъ Малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили почетнѣйшіе въ четвероместныхъ, а прочіе въ половинчатыхъ коляскахъ. Нынѣ во всякомъ почти городѣ и уѣздѣ нѣсколько можно оныхъ встрѣтить.« Вотъ почему тотъ же Шафонскій говоритъ далѣе: »Аллегорическіе обряды и

(1) См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289.
(2) Черниг. губ. Козелецкаго. уѣзда.

церемоніи при свадьбахъ, у простыхъ и теперь употребляемые, у почетнѣйшихъ вывелись.«

И одни ли свадебные обряды вывелись у людей, назвавшихся почетнѣйшими? Сколько новаго, чужеземнаго приняли они на-вѣру отъ такихъ людей, какъ Разумовскій, которые не могли себѣ представить ничего выше обычаевъ Версальскаго двора! Вывелся у нихъ страхъ общественнаго суда, потому что общественный судъ ограничивался небольшимъ числомъ панскихъ родовъ, выдѣлившихся изъ козацкаго сословія, которое смѣялось, въ своихъ семьяхъ, надъ пудрою, какъ надъ нелѣпостью, и гнушалось фижмами и открытыми до послѣдней возможности лифами, какъ непристойностью. Вывелся у нихъ обычай водить хлѣбъ-соль, вступать въ родство, свойство и кумовство съ людьми, которые оставались вѣрными здоровой простотѣ нравовъ, образовавшихся на родной почвѣ дѣйствіемъ родной исторіи. Вывелось правило, при заключеніи брачныхъ союзовъ, цѣнить выше всего *честный родъ*, на мѣсто котораго поставленъ, по примѣру гетмана Скоропадскаго, родъ знатный (1). Измѣнился, наконецъ, и самый взглядъ на все, что, въ простыхъ формахъ, имѣло прежде свое значеніе и вѣсъ. Въ то отдаленное отъ насъ время, когда простолюдина называли *смердомъ*, и въ то время, когда его стали называть *хлопомъ*, не больше было разстоянія между нимъ и сословіемъ привилегированнымъ, какъ и въ этотъ третій періодъ его существованія подъ именемъ *мужика*. На родной его почвѣ, подъ вліяньемъ чужой народности, въ третій разъ уже выдѣлились изъ него люди, возгнушавшіеся коренными его нравами и обычаями. Но въ первые два періода дѣло обошлось живымъ словомъ, которое лишь случайно попало подъ перо поклонявшихся силѣ и богатству иноковъ, ученыхъ схоластиковъ и важныхъ государственныхъ мужей; въ третьемъ же періодѣ, подъ литературнымъ вліяніемъ современнаго міра, явился письменный и печатный органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простодушно вѣруетъ и чѣмъ держится въ своей здоровой нравственности. Мы говоримъ о Котляревскомъ. Въ его перелицованной *Енеидѣ* собрано все, что только могли найти паны каррикатурнаго, смѣшного, и нелѣпаго въ худшихъ обращикахъ простолюдина.

---

(1) Гетманъ Скоропадскій, въ глубокомъ своемъ уничиженіи, которому обязанъ и булавою, не смѣлъ воспользоваться даже въ собственной семьѣ своей человѣческими правами и всеуниженнѣйше просилъ Петра Перваго назначить его дочери жениха, который и былъ назначенъ изъ велико-русскихъ баръ.

Котляревскій былъ человѣкъ добродушный, и среда, къ которой онъ принадлежалъ, не состояла изъ людей жестокосердыхъ. XVIII-й вѣкъ, надѣлавшій столько бѣды въ нашей Украинѣ, смотрѣлъ по-своему на свои дѣянія и не предвидѣлъ, какъ они отзовутся въ потомствѣ. Сохраненныя преданіемъ черты нравовъ общества, которое создало Котляревскаго, во многихъ случаяхъ отличаются идиллическою мягкостію; но эта мягкость относилась не ко всѣмъ сословіямъ. Сфера заботливаго вниманія тогдашняго дворянина ограничивалась людьми его сословія и состоянія. Онъ дорожилъ мнѣніемъ себѣ подобныхъ; онъ исполнялъ обязанности гостепріимства и дружелюбія къ себѣ подобнымъ; его катихизисъ озарялъ передъ его совѣстью только равныхъ ему и оставлялъ въ густой тѣни ближнихъ другого рода. Участіе и помощь были оказываемы добрыми людьми того времени и простолюдинамъ, но это дѣлалось между прочимъ, и походило больше на прихоть доброты, чѣмъ было добротою въ самомъ дѣлѣ. Котляревскій, по преданію, не разъ вступался за обиженныхъ сутягами козаковъ полтавскихъ, и домикъ его въ Полтавѣ былъ извѣстенъ убогимъ челобитчикамъ; но посмотрите, какъ проводитъ онъ жизнь свою, къ кому онъ льнетъ, передъ кѣмъ разсыпается въ угожденьяхъ; послушайте его анекдотовъ въ кружкѣ пріятелей — и для васъ будетъ ясно, какая сторона жизни должна поражать его въ простолюдинахъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій воспитывался въ Полтавской семинаріи, былъ домашнимъ учителемъ въ помѣщичьихъ семействахъ, потомъ служилъ въ арміи, наконецъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ отцовскомъ домикѣ своемъ, въ Полтавѣ. Его воспитаніе совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма, — протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ осмѣяніемъ боговъ и героевъ. По преданію, онъ еще въ семинаріи началъ перелицовывать Енеиду Виргилія на каррикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступя въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародіей не на шутку. Уже самая мысль — написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхохотались надъ *Енеидою* не хуже офи-

церовъ; расхохотались надъ нею и ихъ лакеи, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрозпены дворовою жизнью и съ кого списаны Котляревскимъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не смѣялись: имъ было не до *Енеиды*.

Въ то время едвали какой другой родъ украинской словесности могъ быть встрѣченъ нашею украинскою публикою съ сочувствіемъ. Понятіе о своей самобытной народности въ ней не существовало. Семинаріи и народныя училища увѣряли каждаго школьника, посредствомъ учебниковъ, что Ломоносовъ и Державинъ одни должны служить образцами высокой мысли и высокой рѣчи. Еще не умолкали оды къ Россу, которому будто бы ничего больше не оставалось дѣлать, потому что его »великихъ дѣлъ полна вселенна«, а уже новый геній русскаго просвѣщенія, Карамзинъ, не всѣми покамѣсть признанный ради его новости, »въ сладостномъ упоеніи обнимался съ музами и мечталъ для потомства.« Что оставалось дѣлать талантливому человѣку, владѣющему только языкомъ простонародпымъ, да еще и не тѣмъ, на которомъ говорятъ земляки Державина и Карамзина? Оставалось идти по слѣдамъ Украинцевъ-анекдотистовъ, которые черпали содержаніе своихъ разсказовъ чаще всего изъ простонародного быта. Нашего взгляда на этотъ бытъ Котляревскій имѣть не могъ, по духу своего времени, а его время умѣло только смѣяться надъ тою сферою жизни, которая была ему больше всего извѣстна. Не смотря на множество дворянъ, подражателей Разумовскаго, въ нашей Украинѣ родной языкъ и родные обычаи не вывелись еще вообще между классомъ образованнымъ, и могла бы, по-видимому, существовать симпатическая связь между различными сословіями; но школы и высшіе по-тогдашнему круги общества представляли анти-народные образцы вкуса и самихъ правовъ; все стремилось отдѣлиться отъ простонародной жизни, какъ отъ какого-то варварства, и, отдѣлясь болѣе или менѣе, оглядывалось назадъ не иначе, какъ со смѣхомъ и пренебреженіемъ. Котляревскій, будучи, по своей поэтической природѣ, самымъ выразительнымъ органомъ современнаго взгляда на вещи, высказалъ громче другихъ, писаннымъ и печатнымъ словомъ, что такое для него былъ нашъ народъ съ его своеобразною, не-чужеземною жизнью. Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробою нашей народности, которая упала мало-помалу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго. Пока съ человѣкомъ спорятъ, пока человѣка преслѣдуютъ злорѣчіемъ или клеветою, — онъ еще не погибъ во мнѣ-

ніи своихъ приверженцевъ: они еще чуютъ въ немъ силы, вызывающія противодѣйствіе. Но когда его равнодушно осмѣиваютъ, — это послѣдній приговоръ живой, дѣятельной массы надъ человѣкомъ отжившимъ. Такъ именно осмѣивали во времена Котляревскаго украинскую народность, и только богатство скрытыхъ отъ толпы ея сокровищъ спасло ее отъ всеобщаго и окончательнаго отверженія. Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ этимъ сокровищамъ и заговорилъ въ послѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда сличите первыя три книги *Енеиды* съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе, и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикатуру. Самый языкъ, въ началѣ свободный и вѣрный образцамъ кабачной украинской бесѣды, подъ конецъ дѣлается неловкимъ и смѣшивается съ книжнымъ великорусскимъ. Можно это объяснять тѣмъ, что у автора не хватило комическаго дара на всю поэму; но едвали не будетъ вѣрнѣе предположеніе, что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почуялъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся ужъ безъ искренности. Одинъ разъ онъ вовсе измѣнилъ своему тону и вдругъ, посреди балаганнаго разглагольствованья о войнѣ пьяныхъ царей и героевъ, мы слышимъ отъ него стихи вовсе не шуточные:

Такъ, вічной пáмяти, бувáло
У насъ въ Гетьмáнщині колúсь,
Такъ прóсто вúйсько шиковáло,
Не знáвши: стій, не шевелúсь!
Такъ слáвнії полкú козáцькі:
Лубéнський, Гáдяцькій, Полтáвський,
Въ шапкáхъ булó, якъ макъ цвітýть...
Якъ грáнуть, сóтнями удáрять,
Передъ себé списúй настáвлять,
То мовъ метлóю все метýть.

Котляревскій былъ вѣренъ духу времени, и въ этомъ состоятъ, какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности. Его *Енеида* служитъ для насъ призмою, сквозь которую мы видимъ украинское простонародье въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось отцамъ и дѣдамъ нашимъ; но та же самая поэма, концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, засло-

нила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны. Самъ Котляревскій, какъ уже сказано, освободился въ нѣкоторой степени отъ первоначальнаго своего взгляда на дѣло, но, будучи созданіемъ своего вѣка и общества, и не обладая способностями геніальными, онъ былъ не въ силахъ возвыситься надъ ними такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня: ***Вiють вiтри***, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, не далеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ и голосъ ея провели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но и самая эта популярность ея свидѣтельствуетъ, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсень народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи въ послѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпнина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: ***Натáлку-Полтáвку*** и ***Москаля-Чарiвникá***. Объ онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившій всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбовыхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что́ они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсень!... Въ ихъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Всё таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Енеидѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили ***Натáлку-Полтáвку*** и ***Москаля-Чарiвникá*** выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель.

Да́, Котляревскій служитъ печальнымъ доказательствомъ, въ какой

мѣрѣ каждый природный талантъ зависитъ не только отъ требованій вѣка, но и отъ вкуса окружающаго его общества. Это тѣмъ болѣе печально, что каждый сильный талантъ, выражая въ себѣ итогъ современныхъ понятій о жизни, утверждаетъ ихъ надолго въ своемъ обществѣ и даетъ законность господствующему въ немъ литературному вкусу. Сочиненія Котляревскаго, при всей своей каррикатурности съ одной стороны и аффектаціи или сантиментальности съ другой, сильно подѣйствовали въ свое время на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья. Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по-своему: »О Россъ, о подвигъ исполина!« или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги. Но его стихи, его простонародные образы, врѣзываясь въ память тогдашняго молодого поколѣнія, какъ единственные образцы украинской литературы, съ одной стороны, пріучали смотрѣть на народъ, какъ на предметъ беззаботной шутки, съ другой — придавали его жизни чуждый ей, занесенный изъ другой сферы искусственный характеръ; и когда для этого молодого поколѣнія наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ, не могло вполнѣ отдѣлаться отъ того, что́ можно назвать однимъ словомъ *котляревщина*. Комически-каррикатурное и идиллически-сантиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни, и только самые сильные изъ нихъ не были поглощены тою или другою пропастью. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, по видимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря ужъ о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати, или ненаходящихъ для себя издателя.

Причиной этому не одно литературное преемство авторовъ, неизбѣжно наслѣдующихъ еще въ нѣжномъ возрастѣ хорошее и дурное, вѣрное и ошибочное отъ своихъ предшественниковъ, не одно удаленье отъ народа, обусловливающееся нашимъ воспитаніемъ и городскою, по большей части столичною, а не то — заграничною жизнью, но также и требованія вкуса той части общества, которую составляютъ первые и самые вліятель-

ные наши читатели. Большинство этихъ читателей, при всей своей литературной образованности, слишкомъ мало знакомо съ памятниками украинской народной словесности и получило первыя понятія объ украинскомъ народѣ не отъ него самого, а отъ людей своего класса, изображавшихъ народъ, стоя на извѣстныхъ подмосткахъ. Наше читающее общество украинское сосредоточивается большею частью въ столицахъ; оно прямо или косвенно передаетъ свои воззрѣнія журналамъ; журналы, въ свою очередь, распространяютъ его по направленію своихъ радіусовъ въ массѣ грамотнаго городского народа, и такимъ образомъ дѣятели украинской словесности постоянно окружены особенною, не совсѣмъ здоровою атмосферою критическихъ сужденій, которая не можетъ не отражаться и на ихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ преемственное вліяніе котляревщины вывѣтривается очень мало, по недостаточности указанныхъ мною противодѣйствій, и задерживается старыми и новыми литературными авторитетами, которыхъ до сихъ поръ еще не коснулась независимая критика, основанная на изученіи современнаго населенія Украины и ея прошедшей жизни. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ вліяніе или отголоски котляревщины не въ одномъ талантливомъ произведеніи украинской литературы; теперь же займемся самимъ Котляревскимъ.

Вглядываясь глубже въ его литературную личность, нельзя не замѣтить на ней отпечатка меценатства, котораго искали вообще русскіе писатели его времени, которымъ они болѣе или менѣе даже гордились передъ людьми, не имѣющими доступа въ знатный кругъ, и которому охотно, съ какой-то дѣтской угодливостью подчиняли свои способности. Мы не входимъ здѣсь въ насущные побужденія, управлявшія тогдашними писателями, для которыхъ *общество*, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, еще не существовало, и обращаемъ вниманіе читателей на голый фактъ. Котляревскій былъ принятъ, какъ гость, въ домахъ князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Репнина, графа Кочубея, графа Ламберта и генерала Бѣлухи-Кохановскаго; словомъ, его влекло всюду, гдѣ пахло знатностью и богатствомъ, хотя, съ другой стороны, его, конечно, привлекала туда и образованность домашнихъ круговъ (но какая!). Онъ не ограничивался чтеніемъ своей *Енеиды*, подъ веселый часъ, въ кругу снисходительныхъ своихъ меценатовъ. Онъ угощалъ ихъ смѣшными анекдотами, которыхъ основаніемъ чаще всего было невѣжество простолюдина, говорившаго, вмѣсто *молебень, белебень*, воображавшаго, что при освященіи во-

ды необходимо крикнуть на народъ: *не то́вптесь!* и т. п. (1). Чтобы наполнить часы протекторскаго досуга иными развлеченьями, онъ сочинилъ двѣ театральныя пьесы и, вѣроятно, сочинилъ бы ихъ гораздо больше, еслибы встрѣтилъ больше поощренія. Но меценаты Котляревскаго, видно, зѣвали, смѣясь курьезнымъ выраженьямъ такихъ лицъ, какъ Воный и Супрунъ, а серьёзныя части пьесъ, въ которыхъ выставлены достоинство убогой жизни и постоянство любви, не внушали имъ особеннаго сочуствія, — и Котляревскій остановился на первыхъ опытахъ своего драматизма, вызванныхъ, очевидно, не потребностью самодѣятельнаго творчества, не настоятельной нуждою дѣятельной среды, а случайнымъ внушеніемъ небольшого кружка, искавшаго въ его пьесахъ легкой забавы. По духу своего времени, онъ не могъ видѣть въ украинской литературѣ занятія столь же серьёзнаго, какъ и служба, и, вѣроятно, смотрѣлъ на свой талантъ, какъ на одно изъ средствъ расположить въ свою пользу перваго человѣка въ обществѣ, котораго благосклонность возвышала его въ глазахъ другихъ отставныхъ капитановъ и могла увеличить, какъ и дѣйствительно случилось, его средства къ существованію. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, сочиненная имъ похвальная ода малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину, наполненная грубою лестью. Кстати помѣстимъ ее здѣсь, какъ неизвѣстную еще доселѣ въ печати:

Гей, Орфію небора́че!
Де ти змандрува́въ відъ насъ?
Якъ би тільки ти, коза́че,
Мні підъ сей згоди́вся часъ!
Ка́жуть про тебе́ изда́вна,
Що у те́бе ко́бза га́рна,
Ко́бза ди́вная така́,
Що якъ забриньчи́шъ рука́ми,
То и го́ри зъ байрака́ми
Ста́нуть би́ти гоцака́.

Глянь, Орфію, глянь изъ не́ба,
Дай кобзу́ри мні своёй:
Мні игра́ти пісню тре́ба,
Пісню га́рную на ней,
Тре́ба го́лосъ піднима́ти,
Зъ но́вимъ го́домъ поздравля́ти

(1) Намъ сообщено рукописное собраніе анекдотовъ Котляревскаго, но мы не хотимъ утомлять читателей пересказываньемъ болтовни, которая потеряла свое забавное значеніе съ перемѣною взгляда на вещи.

Па́на ми́лого того́,
Що и па́номъ бугь умі́е,
И, якъ ба́тько, не жаліе
Живота́ для насъ свого́.

Алексію, лю́бий па́не!
Я про те́бе річъ почáвъ,
Да бою́сь, якъ словъ не ста́не,
Щобъ ти мні не накричáвъ,
Бо я напере́дъ призна́юсь,
Що я зъ му́зами не зна́юсь,
Тілько тро́хи чувъ про нихъ.
Да и му́зи лобъ нагріють,
Пóки проспіва́ть успіють
Полови́ну ділъ твоіхъ.

Я про те мовча́ти бу́ду,
Що стрічка́ми скру́ченъ ти,
Що па тобі, мовъ на чу́ду,
Де не гля́нешъ, все хрести́;
Що нельзя́ згля́нуть очя́ми
На жупа́нъ твій за звізда́ми,
Якъ на со́нце середъ дня,
Що одъ стрічо́къ шия́ гне́тця,
Що иззáду ключъ товче́тця.
Все, мабу́дь, се не бридня́!
Не Черні́гівъ, не Полта́ва
Се́е все тобі дала́:
Знать, давно́, про те́бе сла́ва
Въ Петербу́рсі загула́;
Знать, ти до́бре тамъ труждáвся,
Не по за́печку валя́вся,
Що попáвъ царю́ підъ ладъ.
Знавъ и царь, съ кимъ подружи́ти,
На кого́ ярмо́ зложи́ти;
Ажъ тепе́ръ и са́мъ вінъ радъ.
Радъ вінъ, що ярмо́ ти тя́гне́шъ,
Не гнучи́сь, якъ до́брий вілъ;
День и нічъ відъ но́ту мя́кнешъ,
До́бре ро́бишъ, скілько силъ.
Радъ ска́зати пра́ву-матку,
Що крутéнькую зага́дку
На́шимъ ти задáвъ пана́мъ;
Бо, щобъ ма́ли чи́сті ду́ши,
Щобъ держа́ли стро́го у́ши,
Ти собо́й іхъ у́чишъ самъ.

И до-віку не забу́ду,
Якъ разъ я къ тобі прийшо́въ....

Ахъ, мій Бо́же, скілько лю́ду
Вся́кого я тутъ найшо́въ!
По́вні сіни, по́вна ха́та
На́шого набы́та бра́та,
Ажъ нельзя́ пропхну́тись мні,
А попівъ, купцівъ да па́нства
И жидівъ, того́ плюга́вства,
Мовъ на я́рмарку въ Ромні!
Всі жъ не зъ ба́лами стоя́ли,
Всі були́ по ділу тутъ,
Папірки́ въ рука́хъ держа́ли,
Хто бага́цько, хто лоску́тъ;
Хто чоло́мъ бивъ на сусіда,
Хто на па́на-людоіда,
А по-про́сту — на суддю,
Що за цу́коръ да за гро́ши
Изроби́въ судъ нехоро́шій,
Цілу розори́въ семью́.
И таки́хъ було́ дово́лі,
Що прохали на папівъ,
Що пани́, по іхъ злій во́лі,
Не даю́ть пахати нивъ;
Що коза́цькими земля́ми,
Сіпоко́сомъ и поля́ми
Вереду́ють, мовъ своімъ.
Судъ у пра́вду не вника́е,
За пана́ми потака́е,
Щобъ було́ ёму́ и імъ.

Не прогнівайсь, Алексію,
На нескла́дну річъ мою́,
Що я говори́ти смію,
Про писа́рню ще твою́.
Разъ мні буть тамъ довело́ся...
Оле жъ, скілько тамъ товкло́ся
За столя́ми писарівъ!
Тамъ папе́рівъ ку́чи, ку́чи,
Писарівъ тамъ ту́чи, ту́чи,
Мовъ въ Петрівку косарівъ.
Пи́шуть, пи́шуть, да й несу́тця,
Щобъ ти подиви́всь, чи такъ.
Тре́ба жъ тутъ тобі наду́тьця,
Тре́ба знать, підпра́вить якъ;
Тре́ба вся́кую папіру
Привести́ якъ разъ до шни́ру,
Підвести́ все підъ зако́нъ!
Ніколи борщу́ сёрбну́ти,
Ніколи у-смакъ засну́ти, —
Ти забу́въ па хлібъ, па сонъ.

А про жінку да про діти
Ду́мати тобі коли́,
Щобъ обуті и одіти
И не го́лодні були́?
Ні, про се ти не згада́ешъ:
Жінку ти другу́ю ма́ешъ,
Дочки синъ тобой забу́тъ.
Жінка у тебе́ — Полта́ва,
Синъ — Черні́гівъ, честь же, сла́ва —
До́чки; отъ весь рідъ твій тутъ!
Мовъ тобі черне́ць одъ ми́ру,
Одцура́вся ти одъ двора́:
Знай въ Полта́ві мнешъ папіру,
А додо́му не пора́.
Що жъ тобі изъ той Полта́ви?
Ти и такъ доби́вся сла́ви,
Да яко́і — гай, гай, га́й!
Одпочи́нь же, па́не, тро́хи:
Ти уже́ притупавъ но́ги, —
Ту́пае други́й неха́й.
Па́нство здай свое́ другому
И здоро́вья не теря́й,
Попилну́й підъ ста́рість до́му,
Бо у те́бе до́ма рай.
Тутъ всі, якъ на ба́тька діти,
Бу́дуть на тебе́ гледіти,
Да ще чи не лу́чшъ, мабу́ть:
Тутъ, по пра́ві якъ сказа́ти,
Всі тобі, якъ Бо́гу, ра́ді,
Всі тебе́, якъ Бо́га, ждуть.
Да біда́ моя́! я ба́чу,
Сей не по тобі совітъ.
Ти таки́ свою́ уда́чу
И на той пота́гнешъ світъ.
По́ки ви́бьесся изъ си́ли,
По́ки пійдешъ до моги́ли,
Бу́дешъ хло́пцемъ на други́хъ.
Уроди́вся ти па пра́ву,
Улюби́вся такъ у славу,
Якъ у дівчину жени́хъ.

Ну, коли́ жъ таки́й ти, па́не,
Що для сла́ви лишъ живе́шъ,
То къ тобі смерть не приста́не,
Ти нико́ли не умре́шъ.
Хоть попи́ не забурмо́чуть,
Хоть співа́ти не захо́чуть
Вічну па́мять по тобі,
То прохати іхъ не тре́ба,

Бо и такъ підъ са́ме не́бо
Па́мять ти зроби́въ собі.
Се́е не умре́ нико́ли,
Що ти ро́бишъ всімъ добро́,
Да и ро́бишъ зъ до́брой во́лі,
Не за гро́ши и сріблó.
Скілько удова́мъ ти біднимъ,
Скілько си́ротамъ послі́днімъ,
Скілько, скілько слізъ утéръ!
Скілько взявъ люде́й ти зъ гря́зі
И, якъ ка́жуть, ажъ у кня́зі,
Ажъ у кня́зі іхъ упéръ!

Не умре́, хоть побожи́тьця,
Сла́ва не умре́ твоя́:
Сла́ва съ тіломъ не ложи́тця
У моги́лу нічия́.
Хоть же смерть къ тобі прискóче,
Сла́ви въ зе́млю не спинто́че:
Загуде́ вона́ якъ громъ.
Тутъ и пра́вда візьме си́лу,
Прийде на твою́ моги́лу
И напи́ше такъ перо́мъ:
»Ди́во тутъ попи́ зроби́ли,
Ди́во ди́внее изъ дивъ:
Въ зе́млю мертвеця́ зари́ли,
А мертве́ць той и ожи́въ.
Ба́чця, до́бре зарива́ли,
Ба́чця, грімко всі співа́ли
Па́мять вічною надъ нимъ;
Огля́нулись небора́ки,
Ажъ князь Алексій Кура́кинъ
Все живъ по діла́мъ своімъ!«

Пóки жъ се́е ди́во бу́де,
Пожи́ви́ хоть стілько ти,
Скілько живъ, якъ ка́жуть лю́де,
Въ свíті Маѳуса́лъ святи́й.
Будь здоро́въ изъ но́вимъ го́домъ,
И надъ на́шимъ ще нарбдомъ,
Ще хоть тро́хи попану́й.
Тро́хи!...ой коли́бъ бага́цько!
Бо ти нашъ и панъ и ба́тько.
А на бíльше не здиву́й.

Въ этой одѣ выразилась confession de foi Котляревскаго. Высокое и великое было для него то самое, что́ и для безвѣстно изчезнувшихъ современныхъ ему льстецовъ и подлипалъ. Но въ этихъ уродливыхъ, ан-

тинародныхъ виршахъ высказывается, однакожъ, добрая душа стихотворца: онъ не позабылъ напомнить князю Куракину о послѣднемъ расхищеніи козацкихъ займанщинъ, купленныхъ дорогою цѣною у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Киселей и имъ подобныхъ господъ подъ Зборовымъ, Берестечкомъ и пр. и пр. Онъ справедливо хвалитъ князя Куракина за помощь вдовамъ и сиротамъ. Онъ противопоставляетъ его нашимъ панамъ-чиновникамъ, хотя, разумѣется, ему и въ голову при этомъ не приходило взвѣсить на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ наживу по мелочамъ отъ судопроизводства и полученіе закулисными средствами арендъ съ полумилліонными доходами, или крупныхъ суммъ на уплату безумныхъ долговъ. Прибавимъ еще, что Котляревскій въ нѣкоторой степени оправдывалъ свойственную его времени низкопоклонность передъ знатными ходатайствомъ у нихъ въ пользу полтавскихъ козаковъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей одѣ, что́ было бы для него невозможно, еслибъ онъ шелъ по слѣдамъ высокаго духомъ, но, къ сожалѣнію, подавленнаго схоластикою украинскаго философа Сковороды. Впрочемъ одно ли стремленіе помогать притѣсненнымъ влекло его въ общество людей, подобныхъ князю Куракину? Мы имѣемъ основаніе въ этомъ сомнѣваться. Въ то время на Украинѣ еще не вывелось старое, наслѣдованное отъ Поляковъ прислуживанье знатному человѣку, въ видѣ панскаго придворнаго, такъ называемаго *дворянина* (dworzanin), который немногимъ отличался отъ лакея и вѣчно чаялъ отъ богача какихъ-то неопредѣленныхъ благъ и даяній. Наши мелкопомѣстные паники, отставные офицеры, какъ Котляревскій, часто исправляли у богатыхъ своихъ земляковъ должности въ родѣ польскаго *маршалка двóру* безкорыстно, за ласковое слово и за удовольствіе участвовать въ забавахъ людей такъ называемаго высшаго круга; но многіе изъ нихъ не упускали случая получить отъ своего милостивца подарокъ, котораго цѣнность превышала ихъ собственныя средства. Такъ въ жизни Котляревскаго мы знаемъ фактъ, опредѣляющій его мѣсто въ домахъ, которые онъ, очевидно, предпочиталъ обществу людей своего сорта. Одинъ изъ пріятелей покойнаго автора *Енеиды*, въ воспоминаніяхъ своихъ, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

»Когда Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій еще графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ свое помѣстье Диканьку, Котляревскій былъ очень ласково принимаетъ имъ. Графъ нарочито присылалъ за нимъ и любилъ слушать его *разсказы*. Котляревскому *хотѣлось* выпросить у графа подгородный лугъ, принадлежавшій графу, и вотъ, за обѣдомъ, онъ подъучилъ одного изъ сыновей графа, бывшихъ

тогда дѣтьми, сказать отцу: »Подари, папа, Ивану Петровичу *луку*«. Но сынокъ не совсѣмъ понималъ слово и просилъ отца подарить Ивану Петровичу *лу́ку*. Графъ догадался, въ чемъ дѣло, и исполнилъ желаніе Котляревскаго. Разсказъ этотъ я самъ слышалъ отъ Котляревскаго.«

Тѣмъ же, вѣроятно, способомъ получилъ Котляревскій отъ малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, мѣсто надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, черезъ два года по выходѣ въ отставку. Поступленіе на службу можно объяснять его рвеніемъ къ общей пользѣ; но до насъ дошло преданіе о его суровости къ воспитанникамъ и мелочной придирчивости для улучшенія внѣшняго ихъ вида. Впрочемъ, зная Котляревскаго какъ человѣка добраго и благотворительнаго изъ другихъ источниковъ, мы готовы объяснять эту суровость и придирчивость рутиною тогдашняго воспитанія и наслѣдственнымъ убѣжденіемъ Котляревскаго, что иначе и не слѣдуетъ поступать со школьниками. Какъ бы то ни было, только, параллельно съ преданіемъ о суровомъ управленіи дворянскою школою, офиціальная хроника гласитъ, что въ 1817 году Котляревскій, за улучшеніе этого заведенія, награжденъ чиномъ майора (не смотря на то, что служба была штатская), брилліантовымъ перстнемъ и пенсіею въ 500 р. асс. Тутъ невольно вспомнишь и его забавные анекдоты въ кругу знатныхъ людей, и его похвальныя оды. Въ 1827 году, Котляревскій получилъ мѣсто попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія; въ 1835 году ему дали полную пенсію сверхъ прежде пожалованной; въ 1838-мъ онъ скончался, украшенный разными знаками отличій, въ томъ числѣ и пряжкою за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Такимъ образомъ все въ жизни Котляревскаго обстояло благополучно, какъ и вообще у поэтовъ его времени и его разряда. Онъ относился къ людямъ по обще-принятому образцу; онъ сдѣлалъ изъ своихъ способностей столько, сколько отъ него требовало его общество. Угождать знатнымъ, по понятіямъ его вѣка, было свидѣтельствомъ отличнаго ума, умѣющаго обратить на себя вниманіе государственныхъ мужей, которые тогда заправляли всѣмъ, не исключая и самой литературы. Выпрашивать у нихъ подарки, — этотъ актъ освящался преданіями украинскаго дворянства, выросшаго при дворахъ польской знати, ловко пересаженнаго на всероссійскую почву подъ сѣнію козачества и продолжавшаго житься отъ щедротъ своихъ богатыхъ представителей. Что́ касается до тридцатилѣтней безпорочной службы, засвидѣтельствованной пряжкою, то она объясняется двойною пенсіею, которая должна была обезпечить одинокую его старость.

Въ тѣ времена этотъ способъ обезпеченья старости былъ у небогатыхъ дворянъ всеобщимъ, такъ какъ все находилось подъ непосредственной опекой государства, и *общество* въ нынѣшнемъ смыслѣ слова еще не существовало. Распространяться обо всемъ этомъ было бы неумѣстно въ критикѣ, еслибы характеръ и обстановка жизни писателя не имѣли рѣшительнаго вліянія на его произведенія. Подобно тому, какъ духовныя академіи и семинаріи, отторгнутыя отъ народа искусственностію своей морали, не дали живому обществу ни одного поэта, подобно тому и всякая искусственно созданная жизнь подавляетъ въ своихъ питомцахъ здоровый поэтическій даръ, извращаетъ его внушенія и придаетъ плодамъ его отталкивающую мертвенность. Поэзія возвышаетъ свой голосъ въ такой затхлой средѣ не иначе, какъ въ видѣ жалобы или протеста, и поэтому-то сатирики въ каждой искусственно заведенной литературѣ стоятъ, въ глазахъ потомства, безконечно выше тѣхъ писателей, которые брали ноты, согласныя съ общими убѣжденьями своей среды. Котляревскій, по своему природному таланту, могъ бы въ сатирѣ уйти далеко отъ своихъ драматическихъ пьесъ; но, будучи постоянно въ зависимомъ положеніи, онъ не смѣлъ, еслибы и могъ, бросить сатирическій взглядъ на существенные недостатки современнаго ему порядка вещей. Онъ, только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей *Енеидѣ*, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ; но карикатура простонароднаго быта, проведенная чрезъ всю его *Енеиду* (а *Енеидою* не переставалъ онъ заниматься до конца жизни) уничтожаетъ въ немъ и послѣднее достоинс во сатиры. Между тѣмъ смѣхъ Котляревскаго былъ заразителенъ, такъ какъ въ немъ заключалась вся сила его таланта, и читатель его времени, чуждый нашего взгляда на простонародье, хохоталъ безразлично и надъ тѣмъ, что судья за новый мундиръ переиначилъ дѣло, рискуя Сибирью, и надъ стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Чи ба́чишъ, якъ ми обідра́лись!
Убра́ння, постоли́ порва́лись....

Подобная картина въ наше время не разсмѣшитъ никого, потому что выяснены нами причины неестественной бѣдности народа посреди края, богатаго естественными произведеніями. Въ эпоху Котляревскаго смѣхъ былъ не очень разборчивъ въ выборѣ предметовъ и преимущественно обращался на тѣхъ, кто не успѣлъ выкарабкаться изъ грязи и занять мѣсто посреди чистенькихъ господъ, обезпечившихъ свою благоприличную

жизнь сотнями такихъ людей, какими, въ приведенныхъ стихахъ, представлены Троянцы. Вредъ *Енеиды* со стороны ея комизма очевиденъ: эта книга дѣлала забавною жизнь простолюдина, осужденнаго на невѣжество самой нуждою и удаленнаго отъ близкаго общенія съ классами болѣе образованными. На бѣду, она имѣла еще успѣхъ, въ тѣ времена необыкновенный. Она какъ разъ пришлась по вкусу грамотной части Украинцевъ, извѣстно какими способами выдѣлившейся изъ темной массы народа, и долго ходила въ рукописи. Потомъ ее напечатали однимъ, другимъ и третьимъ изданіемъ, и все это сдѣлалось уже библіографическою рѣдкостію. Этимъ объясняется, почему до сихъ поръ у насъ не переводятся писатели въ родѣ г. Ващенка-Захарченка или г. Карпенка: всѣ они — воспитанники Котляревскаго и исчадія уродливой народописи, которую разнесла его *Енеида* между армейскими офицерами, чиновниками, помѣщиками, лакеями, писарями, семинаристами и всякимъ инымъ грамотнымъ людомъ, возвышающимся надъ неграмотною частью украинскаго населенія, надъ тою частью, которая, своими пѣснями и обыденною своею рѣчью, дала нашимъ новымъ писателямъ истинно народный тонъ словесности, какъ въ комическомъ, такъ и въ патетическомъ родѣ. Они-то мало-помалу остановили вліяніе котляревщины на литературный вкусъ публики; они отвергли искусственную юродивость рѣчи, которою проникнута вся *Енеида*, и, заговоривъ, во имя своего народа, съ сознаніемъ достоинства украинскаго характера, открыли юной своей словесности безпредѣльную область развитія. Послѣ повѣстей Квитки и поэмъ Шевченка, не только *Енеида*, но и театральные пьесы Котляревскаго сдѣлались анахронизмами для современнаго чтенія и получили цѣнность только первыхъ памятниковъ, первыхъ попытокъ украинской словесности. Сравнивая ихъ съ произведеніями этихъ писателей, мы съ удивленьемъ видимъ, какъ неясно представлялась Котляревкому жизнь, которую онъ очевидно зналъ не по слухамъ, какъ онъ небрежно вглядывался въ ея законы, какъ хаотически смѣшивалъ онъ въ своихъ описаніяхъ разныя ея принадлежности (1)! Самый языкъ, которымъ онъ говорилъ съ дѣтства и которымъ владѣетъ, мѣстами, въ совершенствѣ, не пользовался его уваженіемъ, ибо онъ вводитъ въ него, безъ всякой жалости, сло-

(1) Напримѣръ:

Свиня́чу го́лову до хріну
И ло́кшину на переміну,
Потімъ съ підле́вою инди́къ.
На за́куску (!) кулішъ и ка́шу.... (Ч. I.)

ва, окончанія и цѣлыя выраженья чисто великорусскія (1). По главный абсурдъ *Енеиды*, это то, что въ ней простонародью украинскому навязаны пороки, которые могли бы характеризовать только худшую часть тогдашняго украинскаго населенія, именно — чиновное панство, поврежденное въ здоровыхъ основаніяхъ своей народности и недостигшее утонченности нравовъ и обычаевъ на иноземный образецъ. Онъ до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинской народъ своей пародіей, что́ и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристическихъ подробностей простонароднаго быта — все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ. Между его типами и худшими типами зараженнаго отчасти его вкусомъ Квитки существуетъ только отдаленное національное сродство. Между его типами и типами независимаго въ своемъ творчествѣ Шевченка — никакого. Его пародія не потому потеряла для насъ цѣну, что время пародій давно миновало для всѣхъ литературъ: она отталкиваетъ насъ нарушеніемъ естественности отношеній между дѣтьми и родителями (2), между мужчинами и женщинами (3), между бога-

(1) Напримѣръ: *Бара́новъ* тьма була́ варе́нихъ,
Куре́й, гусе́й, качо́къ пече́нихъ,
До си́та, щобъ було всімъ *пъсть*.

Или: Коли́ жъ вінъ бу́де й ще *мъшка́ти*,
То дамъ себе́ ёму́ я зна́ти. (Ч. I.)

Или еще: По го́роду тогдi *гуля́ла*,
Коли́ Троя́нцівъ *повстрѣча́ла*. (Ч. I.)

(2) Какая пародія и каррикатура можетъ дозволять подобную шутку въ воспоминаніяхъ сына объ отцѣ:

Въ сей день ёго́ оте́ць опря́гся,
Якъ чикилди́хи обіжра́вся.... (Ч. I.)

Или такую рѣчь сына о матери:

И не́печка моя рідне́нька
У чо́рта десь тепе́ръ гуля́,
А мо́же спить уже́ пъяне́нька,
Або́ съ хлопя́тами ганя́.
Тепе́ръ ій, ба́чу, не до со́ли:
Уже́, підти́кавши десь по́ли,
Фурцю́е до́бре навспа́.
Коли́ сама́ съ кимъ не почу́е,
То для кого́сь уже́ свашку́е:
Для сёго тя́жко поспішна́! (Ч. II.)

(3) Котляревскій описываетъ Дидону такъ:

Розу́мна па́нi и мото́рна....
Трудя́ща, ду́же працёви́та...

ми и смертными (1), въ какомъ бы слоѣ общества, въ какой бы нелѣпой національности ни помѣстили мы дѣйствіе перелицованной *Енеиды*. Котляревскій, обойдясь съ своимъ предметомъ насильственно, безъ всякаго къ нему уваженія, перешелъ за предѣлъ смѣшного и впалъ въ карикатурно-безобразное. А вѣдь пародія—не каррикатура, да и сама каррикатура только тогда можетъ нравиться сколько-нибудь образованному глазу, когда она не вырывается изъ предѣловъ смѣшного и не переходитъ въ уродливое.

Итакъ, характеризуя Котляревскаго тогдашнимъ вѣкомъ, а тогдашній вѣкъ Котляревскимъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ выводѣ: что Котляревскій былъ одинъ изъ множества талантливыхъ людей, которыхъ уничтожали у насъ духовныя училища и воспитываемое ими наше общество; что онъ, по природнымъ задаткамъ, былъ родной братъ нашихъ безыменныхъ поэтовъ, сложившихъ столько прекрасныхъ думъ и пѣсень, въ удаленьи отъ образованнаго по тогдашнему времени круга людей; что, не будь онъ воспитанникъ семинаріи и безсмѣнный членъ чужеземно-украинскаго общества, онъ бы глубже уразумѣлъ дѣло украинскаго писателя; что его пьесы: ***Натáлка-Полтáвка*** и ***Москáль - Чарівнúкъ***, написанныя въ одномъ и томъ же году, показываютъ въ немъ инстинктъ таланта, но что этотъ инстинктъ былъ въ немъ подавленъ окружавшей его средою и уже не пробуждался до конца жизни; что самая

Она, повстрѣчавъ Троянцевъ, спрашиваетъ:

Відкíль такі се гольтяпáки?...
Якúй васъ врагъ сюдú напрáвивъ?...
Якá жъ ватáга розбишáкъ!

и потомъ та же *розýмна и процёвúта пáні*, черезъ нѣсколько стиховъ, говоритъ оборвишамъ-*розбишáкамъ*:

Колúбъ .... молодцú
Енéя вáшого злапáла,
Ужé бъ тогдi весéла стáла,
Тогдi бъ велúкъ-день бувъ би намъ!

Въ чемъ тутъ смѣшное? развѣ въ поруганіи женскихъ достоинствъ и въ отрицаніи всякаго моральнаго чувства въ женщинѣ, которая ни съ того, ни съ сего выражаетъ передъ бродягами желаніе злапать ихъ атамана, о которомъ сами они отозвались такъ:

Енéй навівъ на насъ манý? (Ч. I.)

(1) Обращу вниманіе читателя на безобразную брань Енея, обращенную вмѣсто молитвы, къ богамъ (ч. II.)

Гей ти, проклúтий старигáню!
На зéмлю зъ нéба не зиркнéшъ? и проч.

Гдѣ тутъ комическая естественность отношеній?

личность его, по природѣ своей благородная и возвышенная, много пострадала отъ нездоровой атмосферы общественныхъ понятій, которою онъ постоянно былъ окруженъ. Всё же слѣдуетъ сказать, что общій гогосъ жителей Полтавы — отъ просвѣщеннѣйшаго человѣка до едва грамотнаго козака — признаетъ за нимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ несправедливо и убогомъ человѣкѣ. XVIII вѣкъ былъ худшій изъ всѣхъ вѣковъ, въ которые существовала наша нація. Упадокъ нашъ коснулся въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Имѣя это въ виду, мы не должны быть слишкомъ строги къ Котляревскому, какъ къ литературной и общественной личности. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ Украинцевъ, которые прямо или косвенно повели насъ еще съ того времени къ нынѣшнему нашему самосознанію. Но письменная украинская словесность всё таки не можетъ видѣть въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій. Къ этому дѣлу призваны были два другіе писателя, Квитка и Шевченко. Литература наша, въ нынѣшнемъ своемъ направленіи, непосредственно отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе. Освобожденіе отъ котляревщины служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ родственности съ геніемъ нашего народа, или, что все равно, съ геніемъ жизни. По направленію творчества Котляревскаго, идти далѣе было некуда; по направленію Квитки и Шевченка, лежитъ далекій, неизмѣримый путь къ литературному нашему развитію.

П. Кулишъ.

18 декабря 1860.
С. Петербургъ.

МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА

и

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ РУСИНОВЪ

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ(1).

Писахъ не мудрствуя лукаво, но яже слышахомъ отъ достовѣрныхъ людей и яже видѣхомъ очима своими».

Котошихинъ.

Въ настоящее время, Южноруссы, Малоруссы, или, правильнѣе, Русины, живутъ, въ *Россіи*, сплошною массою, въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Кромѣ того, Русины занимаютъ мѣста въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, (къ сѣверу отъ Десны живутъ Бѣлоруссы), въ Курской губерніи къ югу отъ рѣки Сейма и весь Суджанскій уѣздъ; въ Воронежской, къ западу отъ рѣки Дона; въ Екатеринославской и Херсонской составляютъ главную массу населенія; Азовскіе козаки (бывшіе Запорожцы, вышедшіе изъ Турціи въ 1828 году), въ Азовскомъ градоначальствѣ; въ Таврической губерніи къ сѣверу отъ Перекопа; въ Бессарабской Области заселяютъ Хотинскій уѣздъ; въ Люблинской губерніи *Царства Польскаго* составляютъ двѣ трети

---

(1) Предлагаемая статейка, можно сказать, первая въ своемъ родѣ. Въ печати говорилось объ означенномъ въ заглавіи предметѣ какъ-бы мимоходомъ (2), и мнѣ, по-неволѣ, пришлось писать, большею частью, на основаніи собственныхъ наблюденій и по распросамъ у людей, болѣе или менѣе свѣдущихъ, бывалыхъ. Поэтому, буду просить читателей быть снисходительными къ могущимъ встрѣтиться, въ моей статьѣ, неточностямъ и ошибкамъ, и указать ихъ въ »Основѣ«. Я желалъ только вызвать другія статьи въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, достичь подробной обработки свѣдѣній, которыя послужили бы къ составленію народописной карты Русинскаго народа.

(2) Самая подробная статья принадлежитъ г-ну Дешко о Карпато-Руссахъ, помѣщенная въ Кіевлянинѣ 1841 г., изд. М. Ал. Максимовичемъ.

населенія (всѣ Уніаты); въ Гродненской губерніи заселяютъ Пинскій уѣздъ (Пинчуки). Въ *Галиціи*, Русины составляютъ сплошную массу населенія къ востоку отъ рѣки Сана; въ *Венгріи* сплошною массою занимаютъ Мармаришскую, Беречскую, Угочскую и Унгварскую столицы (комитаты) и большую часть Сукмарской, Саболчской и Землинской, а также часть Шаришской столицы. Въ *Буковинѣ*, Русинское племя составляютъ треть населенія. Малоруссы поселены также мѣстами по Волгѣ и въ Сибири, за Байкаломъ, еще со временъ Петра I, и въ Турціи, въ такъ называемой Добруджѣ, т. е. въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Эти послѣдніе суть потомки Запорожцевъ, ушедшихъ въ Турцію при Екатеринѣ II и бѣглыхъ русинскихъ крестьянъ, и называются тамъ *Бутколами*.

Русины, по происхожденію, быту и языку, представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства носятъ различныя наименованія, а именно:

Гетма́ньці — жители Черниговской губерніи, или, вѣрнѣе южной ея части, потому что живущіе къ сѣверу отъ Десны извѣстны у сосѣдей подъ именемъ Литвиновъ.

Степовики́ — жители Полтавской и Екатеринославской губерній.

Украі́ньці — жители Кіевской губерніи, которая называется Украиною.

Польщаки́ — жители Подольской губерніи, называемой у простонародья *Польшею* (1).

Поліщуки́ — жители Полѣсья.

Патлачи́ — Русины, живущіе въ Бессарабіи и Буковинѣ; названіе получили по длиннымъ волосамъ *(па́тли)*, ими носимыхъ.

Пинчуки́ — жители Пинскаго уѣзда Гроденской губ.

Южноруссы Люблинской губерніи сохранили свое древнее названіе *Русиновъ*. Въ Галиціи, жители плоской ея части также называются *Русинами*, или *Русняками*.

Гуцу́ли — Русины, живущіе по Карпатамъ, (у туземцевъ называемыхъ: Горбы, Верхи и Бескиды). —По венгерски *гуцулъ* значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры, въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унію. Впослѣдствіи, когда со словомъ *Гуцулъ* стало нераздѣльно понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ.

(1) Въ Новороссіи нерѣдко называютъ *Польщею* Волынь и Украину, т. е. Кіевскую губ.

Въ Венгріи, живующіе въ горахъ Русины называются *Лишака́ми*, а въ долинахъ — *Лимака́ми*, по часто-употребляемымъ ими въ разговорѣ частицамъ *лишъ* и *лемъ*.

Сотаки, живущіе въ Шаришской столицѣ, составляютъ переходъ отъ Русиновъ къ Словакамъ.

Бойки — жители юговосточной части Галиціи.

Шляхтичами называются Русины-католики, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ.

Я выше сказалъ, что эти замѣтки составлены, отчасти, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Для будущихъ изслѣдователей, считаю не лишнимъ замѣтить, что при переѣздѣ чрезъ какую либо мѣстность, для опредѣленія къ какой народности принадлежатъ жители, должно обращать вниманіе, между прочимъ, на женскія и мужскія одежды, особенно на головные уборы, также на характеръ построекъ. Такъ, напримѣръ, шапка бѣлая *(яломо́къ, маде́рка, мардѣ́лка)* войлочная, у мужчины, бѣлый платокъ (но не *намі́тка*) у женщины — это Литвины или Бѣлоруссы; темная шапка на мужчинѣ, темный или цвѣтной платокъ на женщинѣ — Русины. Если же въ темной шапкѣ (войлочной) есть хоть немного бѣлаго, вслушайтесь въ говоръ—и вы непремѣнно замѣтите бѣлорусскій акцентъ. Хата бѣленая, съ окнами продолговатымъ четырехъугольникомъ, крытая соломой — въ ней живутъ Малороссы; хата небѣленая, окна квадратные, крыта гонтою — это Бѣлоруссы.

Любопытно наблюдать постепенное измѣненіе, вмѣстѣ съ шапками, и народнаго говора, ѣдучи, напримѣръ, хоть изъ Кролевца (Черниговской губерніи) прямо на сѣверъ. Близъ Новгорода-Сѣверска вы уже замѣтите, что верхи шапокъ бѣлые, тамъ же услышите и бѣлорусскій акцентъ; переѣхавъ Десну, вы увидите уже только бѣлыя шапки, но гдѣ встрѣтится на ней хоть небольшая полоска темнаго цвѣта, тамъ еще слышится говоръ малорусскій. Подвигаясь далѣе на сѣверъ чрезъ Стародубъ, Мглинъ до Рославля, вы вездѣ замѣтите одинъ нарядъ и одинъ говоръ— бѣлорусскій, но за Рославлемъ, на войлочныхъ шапкахъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, появляются поля и темныя полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхушки начинаютъ удлиняться: вслушайтесь въ разговоръ — дзѣканье начинаетъ изчезать; по мѣрѣ приближенія къ Юхнову, шапки дѣлаются темнѣе и языкъ переходитъ въ великорусское нарѣчіе; когда же въѣдете въ Калужскую губернію, то замѣтите, что войлочныя шапки обратились въ извощичьи поярковыя шляпы, а говоръ перешелъ въ московское нарѣчіе.

Съ Малорусскими бараньими шапками происходятъ тѣ же превращенія: чѣмъ восточнѣе лежитъ мѣсто (въ Харьковской или Полтавской губерніи), тѣмъ шапки тамъ ниже, а чѣмъ западнѣе, тѣмъ выше, такъ-что, во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, онѣ, по высотѣ, не уступятъ знаменитымъ персидскимъ. Головныя повязки у женщинъ тоже измѣняются не вдругъ, а постепенно съ сѣвера на югъ. У самыхъ сѣверныхъ Русинокъ (въ Черниговкой губерніи, близь Десны) головныя повязки чуть не равняются пѣхотному киверу, а подвигаясь на югъ, все дѣлаются ниже и ниже; наконецъ, въ Херсонской губерніи, становятся чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ чалмочекъ, не скрывающихъ даже верхней части головы.

Михаилъ Левченко.

Ноябрь 1860 .
Село Майорское, на Телигулѣ.

РІЗДВЯ́ННІ СВЯТКИ́.

ПИСЬМО 1-е.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛО́ВІЯ.

Считаю нужнымъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о »Різдвя́нних Святка́хъ«, что подъ словомъ »святки́«, праздники, я буду разумѣть не то, что́ мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что́ празднуетъ, или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ Украинскій народъ, и что́ имѣетъ своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ Рождественскихъ праздниковъ, народъ Украинскій включаетъ: *Багáту Кутю́, Святúй Вéчiръ, Святки́* вообще, *Щéдрий Вéчiръ, Посипáння, Голóдну Кутю́* и *Ордáнь.* — Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я и начну съ этихъ приготовленій.

Приготовленія къ Різдвяннимъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты. — Хозяйки-Украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Різдвя́нні святки́, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охáятьця* и *причепурúтьця* (1).

(1) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

Къ этому празднику хозяйка непремѣнно вынесетъ изъ хаты все, что́ безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что́ болѣе или менѣе напоминаетъ о вседневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрячетъ, всѣ снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребені́, днища́ мотови́ла, гребінки́, вере́тена, мички́, почи́нки, клубки́* и т. д.); она разберетъ и вынесетъ *верста́ть* (1), если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д. и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мущины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, идетъ и *ма́зання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ — ка́къ возлѣ нея *пи́чкатьця*. Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-Украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-*чепуру́хи*: тутъ и *черінь набива́ють* (перекладываютъ по́дъ печи), если онъ *ви́бився*; *шпару́ють* (2) и *бі́лять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *сте́лю* (потолокъ), *пі́чь*, *ко́минъ*, *че́люсти*, *підпі́чча*, *при́печки* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ — *валькýють* (замазываютъ вывалившіяся, или готовыя вывалиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *валька́ми*); выводятъ красною или желтою глиною узоры возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *ла́вами* (лавками), подъ *поли́цями* (по́лки подъ потолкомъ) и вокругъ *ми́сниківъ* и *су́дниківъ* (посудниковъ), — что́ все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невістка* молодая, или дочка-щеголиха; *вистру́гують ді́лъ* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудо́ю* глиною, а гдѣ нужно и *накладáють* (выбившіяся мѣста выравниваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городского мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *ма́занкою світли́цъ, кимна́тъ, пека́рень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ *(верхи́ тру́сять)*.

За мазаньемъ слѣдуетъ *вимива́ння, перемива́ння, вичища́ння, шарува́ння* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что́ только можетъ

(1) Ткацкій станокъ.

(2) Замазываютъ глиною трещины (*шпа́ри*).

подлежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моются и чистятся столы, ла́вы, *осло́ни* (скамьи), а гдѣ есть, *помо́сти* (деревяные полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хвоща́нками* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хвощемъ*, а также пучками *очерету*); тутъ моются *віхтиками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенности изъ тряпокъ) *образи́ помо́сти, поли́ці, су́дники, ми́сники, сті́льчики* (маленькія скамейки), *кочерги́, ухва́ти* (или *хва́тки*), а гдѣ есть—коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати, окажется какой-нибудь иностранецъ: — »На двіръ, на двіръ ій! кипячівъ, кипячівъ!« (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, »Щобъ и ду́ху блощи́чого (1) не було́!«; тутъ моются и *вишаро́вуютця* віхтиками горшки, *золі́нники, широка́нчики* (виды горшковъ), *ми́ски, полу́миски, макі́три́, риночки́*, ложки, и т. д. и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся, у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хвоща́нкою или віхтикомъ или полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся лицемъ, съ выбившимися изъ-подъ *очіпка* и нависшими на лобъ пасмами волосъ, *підти́кавшись, підсми́кавшись,* хозяйка-Украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, заглянетъ во всѣ закоулки, покорпаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что́ такое любовь хозяйки-Украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Рождественскими святками, всеобщее ма́занія, вымива́нія, перемыва́нія, шарова́нія, земляки мои бываютъ, по видимому, очень недовольны, ворчатъ, бранятся даже: »Оце, че́пурка!« говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто правитъ за хозяйку: »Про́бі—*зъ ха́ти!*... не можна, бачъ, було підождать до Вели́кодня!« и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова — не вѣрьте имъ: это или просто *брехня́* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то́, что́ думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и перспективою слоняться по двору и огороду, *на хо́лоді та на лихій годи́ні*, за неимѣніемъ, по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что́ и въ ихъ

(1) Блоща́ця — клопъ.

собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрьте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чепурно*, и они бы не такую пѣсню запѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающіяся поднимать предъ ними голосъ, — на этотъ разъ, когда услышатъ брань за чистоту, — о, какъ возвышаютъ его! »Нічого вже вамъ, татýсю, мабуть, оце балáкать! Идіть же, идіть, кажý, зъ хáти!« говорятъ онѣ; а мужу или брату: »Иди жъ мені, кажý, зъ хáти! за добрá ума! Ато онъ бáчъ — кочергá?« И татусь, или мужъ, или братъ, идутъ съ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто-сердито ворча: »Ну-ну-нý! ти мені, знáешь?.. не тéе!« или: »Кочерга!!.. Гмъ, та въ кочергú двá кіньці!« А какъ выйдутъ на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: »Оце«, говорятъ: »хоть зъ двóру тікáй! Маруся такé мáзання підняла́, що й віконъ не вúдно!«, а кумъ или сватъ, съ своего двора или огорода: »та й моя́ Гáнна тéежъ — и шáпки нігде положúть!..« И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другой кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлились другъ съ другомъ ощущеніями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонъ-какая, а у меня жена вонъ-чтó!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свёкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну, — словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично (1).

Рядомъ съ мáзаннямъ идетъ и *праття́* (мытье бѣлья....)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: »Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у

---

(1) Къ числу приготовленій хозяйки-Украинки для убранства хаты къ Рíздвяннимъ святкáмъ, относится и приготовленіе или закупка *теремківъ*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *пóкуття*. Но какъ обычай украшать теремкáми хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскимъ* и обычаемъ селъ и хуторовъ подгородныхъ, и какъ теремками, и вообще украшеніями изъ бумаги, хаты убираются чаще на *Велúкдень* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Рíздвянні святкú, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Велúкодні — пожалуй разскажу тогда и о теремкахъ. Равнымъ образомъ оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: разсказывать о нихъ я буду тогда, когда буду разсказывать о вечерѣ на Богáту кутю.

этихъ выпачканныхъ дёгтемъ чумаковъ! вотъ что́ встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу!« — правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки - землячки мои вымыли бы скверно, а съ воротничками и манишками вашими онѣ и совсѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Шва́бські* поло́тна теперь туда не попадаютъ, а если и попаютъ — не на что́ купить.... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *деся́тки, двана́дцятки,* а много-много *чотирна́дцятки* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ мой читатель, удалось увидѣть четырна́дцятку такую хоть на рубахѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возлѣ хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ или у какого-нибудь *оте́цького* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *каптанка́* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ коморы, посмотрѣть, отчего съ лаютъ собаки, — или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щебечущихъ и *грабля́ми* на плечахъ спѣшащихъ утромъ въ іюньскій понедѣльникъ, на гребовицу, — вы бы сказали — »батистъ!.. снѣгъ!...«

Можете же себѣ представить послѣ этого, что́ за *праття* бываетъ у насъ предъ Різдвя́нними святка́ми, особенно если у хозяйки одна-двѣ *дочки* на *вида́нню* (невѣсты), или два-три неженатые *синй соколи́!*... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ пріемы Украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или нестрядевые, и *напірники* съ подушекъ (наволоки) и *ря́дна,* и *рушники́,* и *нами́тки́,* гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очіпки,* и *хусткй* и т. д.,—словомъ, все, что́ только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *вíхтика,* которымъ обтираютъ горшки, и остается къ празднику немытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ носкѣ, да и то только самонужнѣйшее, *абй якъ-не́будь переходи́ть до свято́къ.*—Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, »придутъ праздники, надобно запастись чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя, и некогда,—нѣтъ! Во-первыхъ, стирка бѣлья, по понятію Украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы заняться, напримѣръ, на второй день послѣ Новаго года, или даже и на четвертый день праздниковъ, — и, въ случаѣ надобности, они и занимаются въ эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка Украинка, если только средства и время ей

позволяютъ, непремѣнно увеличитъ къ такому празднику, какъ Рiздвя́нні святки́, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобы къ празднику, каждому *була́ нова́ сороч-ка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведеніи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовеніе, у насъ имѣетъ своимъ побужденіемъ одно: чтобы въ хатѣ было можно менѣе грязи во время праздниковъ.

Наряды. — Вы, мои земляки и землячки, читающіе мое писаніе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды?*... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!.. какіе у насъ! наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совсѣмъ бѣдны! даже богатѣйшіе между нами, — мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч. — и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много — не лѣнимся мы его пахать; и скотъ водится — отчего ему у насъ и не водиться? Но что́ въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *гро́шей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣръ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизію, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба — могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не по $4^1/_4$ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а по 10 коп. ср.; значитъ я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, по 1 р. 15 к. ср. пара, — 3 р. 45 к.; пуда полтора соли — 1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро — 1 р. ср.; водки и рыбы для косарей: — кто́ поможетъ мнѣ косовицу отбыть безъ водки и рыбы! — 1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесять коп.!!!* А подушное за двѣ души, рекрутскія и еще разныя тамъ!... *А присiпаетця чого* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!!.. А серпы *зубúть, сокúру* новую купить, попамъ дать, желѣзо въ плугѣ порвется и т. д. и т. д.. Ну, и »на́ша-жъ душа́ не зъ лопу́цька (1) и хоче того́, що й лю́дська«, — можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!.. Нѣтъ, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ въ этомъ году обновки къ Рiздвяннымъ святкамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну-другую овечку, продать *телúчку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придет-

(1) *Лопуцёкъ* — очищенный, *облу́пленный*, стволъ растеній, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козе́льцiвъ*.

ся откупать тебя, сынъ мой, отъ рекрутства, или не случится что подобное — куплю вамъ тогда обновки, а теперь *дасбі! вибача́йте!...* (1)

Мы бѣдны и знаемъ, что »такъ горну́ться, якъ одягну́ться«, но въ то же время любимъ, чтобы одёжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свя́то* (праздникъ) могли мы чтить и въ одежѣ тѣмъ, что́ такъ дорого нашей душѣ — *звича́йностю*, *оха́йностю*. И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай, — если только средства сколько-нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одёжи, старенькую — *про бу́день*, а новенькую — *про свя́то*. Въ слѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жилетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новый кринолинъ, — тотчасъ на себя и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кринолина, не разбирая ни *бу́дня*, ни *свя́та*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *кере́ю* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нові запаски́*—тотчасъ ихъ въ *скри́ню* (сундукъ) или въ *хи́жу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ свя́то, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ свя́то, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, свя́ту. Если средства намъ позволяютъ, мы даже та́къ поступаемъ съ одёжею: вомѣсто двухъ ея перемѣнъ, мыи мѣемъ три (богачи-козаки имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у иного наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія Украинскаго): старенькую перемѣну — для будня, которая поновѣе — для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая — для такихъ праздниковъ, какъ Різдво́ или Вели́кдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому свя́ту.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромогли́сь*, или когда намъ прійдетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Ризднянымъ праздникамъ или къ Великодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходи́ть*, обойтись старенькимъ. Если я еще весною *спромі́ся* на *линтва́рі* (овечьи кожи) для женскаго кожуха и еще весною *почини́въ* ихъ, кожуха женѣ я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на пле́чі нічого наки́нуть*, а сдѣлаю къ Ризднянымъ святкамъ, а до того пусть *якъ*-

(1) Богъ дастъ! Извините!

не́будь прохо́дить,—въ моемъ кожухѣ, въ дочкиномъ, что-лп. Такъ поступлю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримѣръ, сынъ мой Иванъ *прохо́дивъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбана́хъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ женином кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожуша́нка*—что́ называется »ла́та на ла́ті«: мѣстное общественное мнѣніе посмѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежу изъ скряжничества, посмѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ, что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ женином кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Риздвянныхъ святокъ, никто не посмѣется — мы всѣ хорошо знаемъ другъ друга, и знаемъ, *що въ Хи́врі нема очи́пка*.... (¹) Притомъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвича́йному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: »скачи́, вра́же, якъ па́нъ ка́же«, »нужда́ за́конъ зміня́«, »сёго́ не знімуть, кра́щого не даду́ть« и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдву и къ Великодню, вполнѣ согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотьба, главная доставка хлѣба въ винокуренные заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ лѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ; возимъ масло, сыръ, *дробину́* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкасы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д., — словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравця́ми* и *шевця́ми*, тѣмъ болѣе, что наши *кравці* и *шевці* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пу́стить* снѣгъ и попортитъ дороги и *токи́*, когда ни молотить, ни ѣздить нельзя, а плетни плести, и сѣять еще не пришла пора, — тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевики*, и за *каптанки́*, и

(¹) »У Ѳевроньи нѣтъ повойника«. Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговоркѣ: »Зна́ю, що въ Ку́зьми е гро́ші, та и т. д.«: Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но....

за *карсе́ти*, а кто спромо́жется—и за жупа́ни и за шаравары, нестря-девые́ иля китайчатые!... Послѣ Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключеніемъ короткаго промежутка времени около Духова дня), на все лѣто и на всю осень—опять съ платьемъ возиться не-когда! А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашняго обыхода и для первой продажи,—тогда можно приняться и за платье — этакъ къ Рiздву, около средины *Пили́пiвки* (Филиппова поста).

Къ Риздвяннымъ святкамъ преимущественно приготовляются кожу́-хи, *кере́і*, сви́ти женскія и мужскія, *кожуша́нки*, *чо́боти*, *кажанки́* (кожано́къ—баранья куртка; называется также и тужуро́къ) и такъ да-лѣе, словомъ, то, что́ носятъ, по преимуществу, не лѣтомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очи-покъ или на очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячьемъ мѣху, покупаетъ новую шапку изъ сѣрыхъ смушковъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова́: »Есть такой товаръ, противъ ко-тораго не устоитъ никакая Украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змѣйки* и серги-*польки*... за которыя Малороссійская крест-янка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичье перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ниче-го не стоящіе« ,—слова́, сказанныя авторомъ »Изслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ« вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Риздвянны святки (по крайней мѣ-рѣ что́ каса́ется до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лѣта до праздника Рождества): предстоитъ столько праздниковъ, а послѣ праздниковъ столько будетъ сватьбъ,— столько, значитъ, случаевъ показаться! *а мо́же, и вiнъ при́шле сва-ті́въ!*... А злодѣи-*щети́нники* и *коробе́йники*, то и дѣло, снуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачі* у нихъ такіе, и *намиста́* (мониста), и кольца-змѣйки, и серьги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-Украинка старается запастись еще до наступленія Багатой кути, самые важные, безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготовленія *куті* и *узва́ра*. Ка́къ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ разска-зано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужные хозяйкѣ для ихъ приготовленія.

Для кути ей нужна непремѣнно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть, очищенная отъ *кукілю* и всякаго со́ру, перемытая, обыкновенно *тогоро́чня*, (т. е. нажатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножані ступі* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе человѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, что́ называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутѐю, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кутя должна быть непремѣнно изъ пшеничной крупы,—между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панка́ми и полу́панками* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ рису. Далѣе, *бі́дота*, у которой нѣтъ ни *жме́ні* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ, — въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *кути*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутѐю*. Такого же обычая,—приготовлять кутю не изъ крупы пшеничной, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей дворни, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготовляя крупу для кути, хозяйка у насъ заботится еще и о медѣ. По стародавнему обычаю, мёдъ для кути непремѣнно долженъ быть въ *сці́льника́хъ* (сотахъ), какъ можно менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоля́ники* (1), а иногда и нарочито вынимаютъ оттуда передъ Багатою кутею намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непремѣнно

(1) Бджоляникъ — погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму. — Буквы *дж* произносятся въ этомъ словѣ какъ Италіянское *g* предъ мягкими гласными.

соты для кути, начинаетъ мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтное уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патокѣ — покупать ее въ городахъ, или у мѣстныхъ посѣчниковъ, а чаще всего — доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже. — Впрочемъ... если иной изъ моихъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояніи себѣ добыть пшеничной и крупы, то гдѣ же ему взять мёду!... Ѣдятъ въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда ѣдятъ.... Я вамъ разскажу, какъ иногда ѣдятъ мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Ѣхалъ я однажды на Богату кутю изъ школъ домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу — цѣлая толпа народу, тоже путники. Сё, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и эа кутью пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во что́ бы то ни стало достать, — толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-молъ! »Свя́тощівъ не продаю́ть (того, что́ свято, не продаютъ)!« лаконически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка. — »Дакъ та́къ дай, спаси́бі тобі!« — »Та́къ — мо́жна!« и, поворотившись къ своей старухѣ, — »Даси́ імъ, стара́, якъ бу́демо істи, на бра́та, по гру́доцці (¹), та й по півло́жки сити́, и по ло́жці узва́ру!...« Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина, — въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки. — Обогрѣлись новопріѣзжіе, и какъ мы: »Будь ла́сковъ, дідусю!« — Пѣтъ кути! — Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдные пришли уныніе! »Вотъ, »говорятъ, »какъ привелъ Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!« — Слушалъ-слушалъ ихъ старикъ: »Ну, говоритъ, коли ужъ вы люди такіе богобоязливые... обождите! Дай мнѣ старуха, *лихта́рню* (фонарь), да не вымывай миски, что́ ѣли кутю!« И взявъ фонарь и поставивъ въ него *кагане́ць* (особого рода свѣтильня), вышелъ изъ хаты. Чрезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: »Поіжте«, говоритъ, »хоть оцёго́ замі́сць узва́ру, — старі лю́ди та́къ насъ вчили, при нужді (поѣжьте хоть этаго вмѣсто узвару, — старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!« И новопріѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили

(¹) По кусочку.

Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мёду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попанячились*, *панами помазались*, или (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортіли*, *забули Бога*, *перевернулись изъ людей въ чорзнащо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковскі звичаї* и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рижу* (рису), тѣ ,кромѣ рису, запасаются иногда и *родзинками* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кути и узвара, занимаетъ приготовленіе *мяса* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во что горазд! Кто позажиточнѣе, *бьетъ* вола, корову, *телицю*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи, — отъ которыхъ нельзя ждать *користи*), и если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солятъ и оставляютъ для Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколькой недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ Филипповымъ постомъ, чтобы заговѣть *дробиною*, и потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (что впрочемъ случается большею частію съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *красныхъ торгахъ* въ городахъ. Кто же побѣднѣе — довольствуется одною-другою *гускою*, или *куркою*, а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, что можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ состояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *підсвинокъ*, или хоть *порося*, непремѣнно у него будутъ откормленны и заколоты къ *Різдву*. Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти всѣ безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ

перспективѣ сало, колбасы, *ке́ндюхъ* (1), начиненный *грудни́ною*, ки́шки гречневыя или пшонныя, печонка и запекшаяся кровь, поджаренныя съ саломъ, и т. п., а пока—пузырь, вымятый въ гречневой золѣ и наполненный горохомъ: и *торохта́ть* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!.. »Глядіть же, ма́мо, розбу́діть мене́ за́втра, якъ бу́дуть кабана́ смали́ть!.. Чи розбу́дете? га?.. Розбу́діть же...«—»И мене́, и мене́!..« — »Добре, добре, спіть вже!« и дѣти, малъ-мала-меньше, сладко засыпаютъ, убаюкиваемые радостною мыслію, что ихъ разбудять, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабана будутъ смалить... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣки, и смалятъ *кова́ного* или *бі́лого*... На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать... А тамъ, подальше, тоже огонь и семья... на право — опять огонь и семья... за рѣкой слышенъ лай собакъ... на селѣ заблаговѣстили... востокъ начинаетъ алѣть....

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-Украинцевъ, готовящихся къ Різдвяннымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горі́лці*. — Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шинкамъ!.. берутъ горилку и бочками, и боченками и ведрами, и *півві́драми* или *пятирика́ми*, и квартами, и можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Різдвяными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый Украинецъ, даже непьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею непремѣнною, можно сказать, священною, обязанностію, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучные съ ними *добри́дні* (визиты жениха и невѣсты роднымъ и знакомымъ, послѣ сватьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частію въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣе хозяйка у насъ, особенно зажиточная, непремѣнно постарается запастись къ Різдвяннымъ святкамъ разными настойками и *запі́канками*, т. е. водкою, настоянною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на печкѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закупоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *буте́лі* и —

(1) Брюшникъ.

постарается запастись любимыми нами *перчиківками*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *калганівками*, *бодянівками* и т. и т. д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпу́нтами* или *шпу́нтушами*, какъ называются у насъ пунши записными любителями этой заморщины, запасаются въ это время и *двойною*.

Бі́лі васи́льки, *ладонъ и воскъ*. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонъ и воскъ—читатель узнаетъ въ свое время; здѣсь же мы должны только показать, ка́къ мы ихъ себѣ достаемъ, или, лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладону, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *крамарі́въ*, или городскихъ, на *красныхъ торіахъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки ростутъ на нашихъ же огородахъ; еслижъ у насъ не наросли, то навѣрное наросли у *сусі́ди*, у кумы, или у свахи: *сёго́ дйва у насъ — абй хіть!*

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ-Украинокъ воскъ и мёдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мёдъ пріобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога пріобрѣтать все, лишь бы только пріобрѣтать не на деньги, потому что, какъ я уже сказалъ, земля наша велика и обильна, но *грошей* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки у насъ, поэтому, мёдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владѣтелей насѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя статьи женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемаго труда, *берутъ* воскъ и мёдъ, и особенно воскъ, на *пі́вмі́тка*, на *мо́токъ*, на *соро́чку*, т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху, или напрясть пивмитка или мотокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мёдъ или воскъ), и берутъ за это извѣстное количество кусочковъ воску, или извѣстную мѣру мёду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... »Дай«, говорятъ, »мнѣ воску, или мёду, на пивмитка или на сорочку!« Къ распространенію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало вѣроятно способствовалъ другой обычай, существующій у монхъ дорогихъ земляковъ, именно обычай — въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Бо́жі матері*, *Спаси́телеві*, угодникамъ

святымъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску; *собственноручно заработаннаго*, и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску — куры не клюютъ, хоть пусть *гадю́ки тутъ сичя́ть* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта.... потому что вѣруютъ мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки — »хто лама́е сло́во, той віру лама́е, той ду́шу лама́е, той Бо́га лама́е!...«

Такъ достаютъ себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достаютъ ихъ предъ Різдвянными святками по-преимуществу... говорю *по-преимуществу*, такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣютъ свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *півмі́тки и на сорочки́* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-Украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготовляясь къ *Різдвяни́мъ святка́мъ!* Въ слѣдующемъ письмѣ побесѣдую съ вами о *Богатой кутьѣ*.

М. Номисъ.

1858 г.

СЪ ВОЛЫНИ.

Отрывокъ.

. . . . Ямщикъ нашъ былъ очень ожесточенъ противъ Евреевъ и бранилъ ихъ безъ пощады.

»Худо́би не году́ють и зовсімъ не жаліють!« говорилъ онъ: »бий, гони́, да й тільки! імъ аби́ більшъ ви́робить, — и одпочи́нку нема́!... О, якъ би мене́ настанови́ли отти́мъ!« (и онъ особенно ударялъ на *отти́мъ*.) »Я бъ на одній гіллюці всіхъ жидівъ перевішавъ!«

Эти слова, произнесенныя такъ запросто, какъ будто дѣло идетъ о дурной погодѣ, дали намъ почувствовать, что мы находимся въ области славнаго въ пѣсняхъ и безславнаго въ *обывательскихъ* воспоминаньяхъ гайдамачества. Самъ говорившій имѣлъ видъ дикой красоты: рыжіе усы его торчали, какъ у кота; давно небритый подбородокъ ёжился посѣдѣвшими иглами; впалые сверкающіе глаза, глубокія морщины, прорванная сбоку войлочная шапка и свита вся въ лохмотьяхъ.... Чего не доставало такой личности, для того, чтобъ слова его были не пустыми, безсильными звуками? Каждый догадается....

При встрѣчѣ съ жидовскими *будками,* которыя не рѣдко попадались намъ на дорогѣ, разогорченный жидами ямщикъ нашъ обыкновенно кричалъ:

»Звертáй, звертáй, жидовá прокля́та! ато́ го́лови поздийма́ю.«

Вѣтеръ уносилъ много словъ его, а стукъ колесъ заглушалъ ихъ, ато бы онъ далъ намъ полное понятіе о томъ краснорѣчіи, которымъ во времена Хмельницкаго и Уманской рѣзни *затя́жці* и *колії* напутствовали сыновъ Израиля въ иную жизнь, до которой они не охотники. Такого ненавистника еврейскаго племени между ямщиками я еще никогда не встрѣчала, или, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчала между

ними ни одного, который бы такъ простодушно выражалъ свою ненависть.

Другіе ямщики обыкновенно высказываютъ ее только тѣмъ, что слово *жидова́* употребляютъ, какъ бранное слово. »Жидова́, не встоішъ!« говорили они неспокойнымъ лошадямъ. Или: »Заса́палась, жидова́!... Кива́ешъ голово́ю, жидова́!...« А этотъ:

»О, якъ-би́ я бувъ проізжа́ющимъ!... я запрігъ би жи́да вомісто худо́би, да й прогна́въ би цілу верству́!...« И потомъ, подумавъ, поправлялъ себя: »Ні, не верству́, а пять версто́въ, щобъ знавъ му́чить худо́бу.«

Рудненская станція. Станціонный домъ веселенькій; окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Мать станціоннаго смотрителя—полька, очень добродушная старушка; черты лица пріятныя: видно, въ молодости была очень хороша собою. Она пригласила насъ обогрѣться на свою половину, такъ какъ гостинная комната была холодна, и, узнавъ, что обогрѣвшись, мы хотимъ ѣхать дальше, совѣтовала намъ переночевать. »Не надо, говорила она, и милліоновъ, какъ хорошее здоровье! Переночуйте: czerstwiéj и здоровѣй будете.«

Мы согласились остаться: въ голосѣ и словахъ старушки было столько участія, что нельзя было не согласиться на ея убѣжденіе. Мы только просили ее изготовить намъ что́-нибудь пораньше утромъ.

— Вы кушаете постное? спросила она насъ.

»Да.«

— Ну, если такъ, можно сготовить *потра́вку*.

Мнѣ понравилось названіе, и я, изъ любопытства, просила приготовить неизвѣстное мнѣ кушанье.

Встали утромъ, а старушка уже суетится и съ оживленнымъ лицомъ готовитъ намъ *потравку*. Подана потравка.... Вкусу никакого! Мерзлый картофель, гвоздичный перецъ и вода—вотъ и все въ потравкѣ.... даже соли не было! »Ну, думаемъ себѣ, мы теперь по́дкрѣпили свои силы, сдѣлались *черствѣй*, и смѣло можемъ пуститься въ путь!.. авось-либо на слѣдующихъ станціяхъ встрѣтимъ такое же радушіе, но лучшее подкрѣпленіе!«

Послѣ узнали мы, что добрая старушка, съ сыномъ, сами живутъ очень бѣдно, никогда не покупаютъ себѣ говядины и даже не въ состояніи держать для проѣзжающихъ вилку и ножъ!... а между тѣмъ сколько въ этомъ голосѣ было выражено готовности и неподдѣльнаго радушія—отогрѣть путешественниковъ и накормить ихъ, совершенно безкорыст-

но, — тогда какъ мнѣ случилось однажды видѣть, какъ станціонная смотрительша, не будучи вовсе въ такой крайности, взяла съ умирающей женщины-путешественницы 10 копеекъ сребромъ за непрошенный стаканъ воды.

Житомиръ. Объ этомъ городѣ, какъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ, распространяться не буду. Мнѣ понравилась липовая аллея на выѣздѣ. По обѣимъ сторонамъ большой дороги тянутся въ два ряда огромныя липы, и роскошно раскинули свои великолѣпныя вѣтви. Вѣтви сплелись и образовали арку надъ дорогою. Мнѣ вообразилось лѣто. Завидный отдыхъ въ знойный день для пѣшехода! Трудно придумать что-нибудь пріятнѣе для путешественника, когда липы разовьются, покроются цвѣтомъ и разольютъ благоуханіе, при солнечномъ горячемъ освѣщеніи. Что́ долженъ ощущать странникъ, измученный жаромъ и пылью, растянувшись на травѣ, слегка защищенной прозрачнымъ природнымъ зонтикомъ отъ палящаго солнца, при тихомъ шопотѣ листьевъ, жужжаньи пчелъ, шмелей и пѣніи птицъ! Сладкій сонъ! завидное ложе! и какой воздухъ!.. Много, много жизненныхъ силъ прибавится у путника. Почему бы всѣ дороги не убрать такимъ образомъ!...Почему?...Каждый знаетъ, почему.

Новградъ-Волынскъ. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ желала взглянуть на этотъ городокъ. Одинадцать лѣтъ назадъ, онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ мѣстоположеніемъ, —нужды нѣтъ, что это было въ первыхъ числахъ февраля. Мы ѣхали тогда ночью и провалились на льду, —наша коляска прорѣзала его однимъ колесомъ; нужно было вставать. Я встала и, выбравъ хорошее мѣстечко на сѣнѣ, принялась наблюдать картину. Передо мной одинъ возъ сѣна былъ опрокинутъ; кругомъ его волы и кони стояли, лежали и жевали сѣно. Селяне — одни сидѣли на раскинутомъ сѣнѣ, полулежа, отдыхали и курили трубки, другіе запрягали лошадей и воловъ въ возы, а остальные принялись вытаскивать нашу коляску. Собаки тоже тутъ присутствовали: привычка путаться подъ ногами и считать себя непремѣнными домочадцами; а всего вѣроятнѣе, запахъ сала манилъ ихъ. А между тѣмъ луна и звѣзды то́ выглядывали изъ-за набѣгавшихъ облаковъ, то́ снова изчезали за ними. Тишина и гармонія были на небѣ, точно въ противоположность съ сумятицей здѣшняго міра.... Со всѣхъ сторонъ, между горъ, раздавалось эхо, ауканье, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ: приближался разсвѣтъ. Наконецъ все проснулось и заговорило. А на небѣ

такъ тихо, такъ спокойно! иногда только падающая звѣзда разнообразила постоянно-одинаковое *мигота́нье* небесныхъ свѣтилъ.

Такое впечатлѣніе соединилось у меня въ памяти съ этимъ городкомъ, и я съ нетерпѣніемъ желала его снова увидѣть.

Когда мы приближались къ нему, погода сдѣлалась чрезвычайно ненастною. Снѣгъ и дождь въ одно и то же время, и вѣтеръ неистовый. Не смотря на то, что мы были тщательно закупорены въ нашемъ тарантасѣ, мы скоро замѣтили, что у нашихъ ногъ образовалось озеро, что шубы наши совсѣмъ мокры. Но это было еще только начало! Спустились мы съ горы, покрытой вязкою грязью. Гадко, грязно, такъ и бьетъ, и льетъ совсѣхъ сторонъ. Жаль бѣднаго ямщика. Но мы думаемъ: »Переправимся черезъ рѣку и всѣ обогрѣемся въ теплѣ, на станціи.«

Приблизились мы къ пристани: паромъ не вдалекѣ, затертый льдомъ, не можетъ подойти къ берегу. Съ него сталкиваютъ въ воду пару лошадей, предоставляя имъ доплыть до берега. »Нельзя ли прополонить?« спрашиваемъ. Намъ отвѣчаютъ, что люди работали цѣлый день, и, выбившись изъ силъ, оставили.

Мы воротились назадъ. Лошади едва могли встащить насъ на гору. Единственнымъ пріютомъ для насъ была жидовская корчма — неуклюжая, наклонившаяся на сторону отъ ветхости, узкая и длинная. Кровли во многихъ мѣстахъ нѣтъ, глина на стѣнахъ, почти вся, давно обвалилась; во многихъ мѣстахъ свѣтились изъ-подъ нея штукатурные колышки.

Пока мой товарищъ осматривалъ комнату, я оставалась въ тарантасѣ. Гляжу въ щель — идетъ сгорбленный старикъ и тащитъ на себѣ два мѣшка, чѣмъ-то наполненные, а за нимъ четырнадцатилѣтній мальчикъ несетъ большую вязанку сѣна. Тяжело было итти бѣднымъ противъ вѣтра!

Я спрашиваю у ямщика-мальчишки: что́ старикъ несетъ и куда идетъ? »Ужъ не къ жиду ли въ корчму«, думаю, »въ такую погоду?«

— То онъ несетъ мякину продавать на рынокъ.

»Крикни ему, что нѣтъ переправы!«

Мальчикъ молча кивнулъ головою.

— Крикни! говорю, — ато онъ напрасно спустится съ такой горы.

Молчитъ.

— Кричи ему, что нѣтъ переправы.

А снѣгъ такъ и сыплетъ въ лицо! почти говорить нельзя; вѣтеръ захватываетъ дыханіе.

— Еще жъ и назадъ ему прійдется итти. Кричи!

»Атъ!«

— Да что́ ты, на него сердитъ, что ли?

»А за что́ жъ мнѣ на него быть сердитымъ? Самъ увидитъ, что нѣтъ проѣзду, и воротится.«

— Да подумай, еслибъ ты былъ на его мѣстѣ....

»И я бы такъ сдѣлалъ: пошелъ бы, увидѣлъ, что нѣтъ переправы и воротился бы.«

Языкъ индиферентнаго философа показывалъ, что онъ воспитанникъ дворовой жизни, изгоняющей, какъ извѣстно, мѣстное нарѣчіе.

Между тѣмъ ямщикъ поворотился на козлахъ въ противную стороны отъ вѣтра. Длинные волосы его были всклокочены вѣтромъ и покрыну хлопьями снѣга. Ямщикъ поставилъ стойма воротникъ своего сѣраго армяка и приподнялъ вверхъ плечи.

Я снова: »Да зачѣмъ же человѣка мучить?«

— Еслибъ онъ былъ мой знакомый... ага-га-га! (гоготалъ онъ отъ стужи), то я бы сказалъ, ато что́ жъ!

»Да вѣдь мы, христіяне, должны утопающему помочь, кто бы они ни были: жиды или цыгане; ато еще свой землякъ!«

Молчитъ самымъ убійственнымъ образомъ.

У жида, въ корчмѣ, мы заняли комнату нестерпимо холодную; окна съ дырьями. Каминъ и печка очень дурно устроены и похожи болѣе на какую-то пещеру, чѣмъ на каминъ и печку; и двое дверей со щелями. Одна изъ дверей выходитъ въ жидовскую кладовую, изъ которой, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ради любопытнаго жидовскаго наблюденія, прорѣзаны дырья, въ четверть длины и въ полвершка ширины, и еще одна круглая дырочка. Оттуда идетъ холодъ ужасный, а главное — свѣтятся наблюдательные, жадные взоры жидовъ. Запереть дверь нельзя и заставить ее тоже нечѣмъ. Завѣшу ее шубою — еще больше отходитъ и шевелится, если не отъ напряженныхъ глазъ и ушей жидовскихъ, то отъ ихъ пальцевъ. Другую же дверь, которая выходила въ сѣни, невозможно было отворить: такъ и вырвется изъ камина дымъ съ золой и искрами. Что-то адское представлялось мнѣ. Комната наша была похожа болѣе на сарай; въ температурѣ воздуха не было разницы, какъ на дворѣ, такъ и въ комнатѣ. Стѣны тонкія; вездѣ дуетъ. Не было угла, гдѣ бы можно пріютиться и скрыться отъ стужи. Словомъ, въ этомъ сараѣ было нестерпимо гадко и холодно. Ленточка отъ моего капора то и дѣло хлестала меня по лицу: такой былъ вѣтеръ! Мебели почти никакой; негдѣ примости́ться; стулъ и скамейку едва выпросили; столъ отвратительный;

два осло́на служили намъ вмѣсто кроватей. Изъ посуды ничего не даютъ, отговариваясь тѣмъ, что все у нихъ каширное, то есть такое, къ которому мы, нечестивые, не должны прикасаться, а купить — негдѣ. Что́ ни спросимъ — на все одинъ отвѣтъ: *Се зъ касырне*. А тутъ еще зашелъ ша́башъ. Голодали мы ужасно и даже чай пили съ отвращеніемъ. Жидъ безпрестанно вбѣгалъ взглянуть, не ѣдимъ ли мы чего трафного на его блюдечкахъ. Чайный приборъ былъ отвратительный: кажется, его слѣпилъ самъ хозяинъ. Вмѣсто фаянсу, глина такая, что того и смотри, развалится отъ воды; сверхъ того, чайникъ почти весь былъ исколотъ и обвитъ проволокой.

Грустно было взглянуть сквозь разбитое окно на жидовскій дворъ! *Назімокъ* и двѣ коровы не имѣли навѣса, чтобъ скрыться отъ ужасной погоды, а между тѣмъ въ дворѣ столько закоулковъ! Признаюсь, я сама сдѣлалась любопытна, какъ жидъ. Что́ могло тамъ у него храниться подъ этими навѣсами? Что́ въ этихъ сараяхъ, кладовыхъ, въ разныхъ загородкахъ? Почему некуда ему пріютить скотины? А на дворѣ, словно, демоны перекликаются: такой неистовый вой вѣтра! Дрожь охватываетъ меня, а въ душѣ такое ощущеніе, какъ будто я сдѣлала какое-то преступленіе. Мысли въ страшномъ разбродѣ; дѣлать ничего не хочется, да и нельзя; даже мысль ни на чемъ остановиться не можетъ.

Скотина такая жалкая въ жидовскихъ рукахъ! Все худое, кошла́тое, скорченное, печальное, стояло поникши головою и прижалось къ забору. На дворѣ ни деревца, ни кустика, — только огромные бодяки́ подъ окнами да кучи сору.

Но ужаснѣе всего былъ жидовскій слуга! Во всю мою жизнь я не видѣла человѣческаго существа, доведеннаго до большаго униженія! Свита на немъ, видно, была когда-то сѣрая. Нитки въ ней подѣлились вдоль и поперегъ. Вся она была усѣяна черными и коричневыми заплатами, одна на другой, точно наслоеніе разныхъ пластовъ почвы. Протертыя насквозь, полувисячія, въ видѣ отвратительной бахрамы, эти заплаты едва давали распознать, въ своихъ промежуткахъ, первобытную грубую ткань несчастной одежды. Лучше сказать, заплаты только и держали въ связи основу свиты на плечахъ безроднаго Остапа, — да еще поясъ ременный, которымъ онъ былъ очень крѣпко подтянутъ и къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожанной по́хвѣ (ножнахъ), составлявшій все достояніе Остапа!... Странно видѣть подобную замѣну всякаго другого имущества у человѣка, не имѣющаго на землѣ ни брата, ни сестры, ни жены, ни дитяти, ни друга, ни даже пріятеля! А Остапъ

ничего этого не имѣлъ. Если онъ имѣлъ что-нибудь, чего не носилъ съ собою, то это—пана, который приставилъ его въ безсмѣнные прислужники къ корчмѣ, по условію съ арендаторомъ-Евреемъ, подъ именемъ *сторожа*. Дико-несообразныя вещи дѣлаются на свѣтѣ: ввѣрять безопасность жидовскаго семейства и имущества человѣку, который всего сильнѣе чувствуетъ къ жиду ненависть и которому, кромѣ своей жалкой жизни, терять нѣчего!

Остапъ имѣлъ видъ гайдамаки. Широкія плечи, широкій лобъ, широкая грудь, мускулистыя исхудалыя руки, похожія больше на желѣзныя щипцы, нежели на руки; брови черныя, густыя, нависшія надъ карими, грустными, почти погасшими, глазами, глубоко ушедшими подъ навѣсъ морщинистаго лба. Выраженіе этихъ, почти погаснувшихъ и чуть-чуть сверкающихъ глазъ — невыносимо. Мнѣ постояно казалось, что у него лежитъ на сердцѣ такая мысль:

Заховáю змію лю́ту,
Ко́ло свого́ се́рця,
Щобъ ворогú не бачили,
Якъ ли́хо смiе́тця...

Голосъ у него упалъ, — чуть слышенъ въ сиплыхъ, выходящихъ изъ глубины, звукахъ. Страшный, потрясающій голосъ! Постолы, оббитые отъ долговременнаго употребленія,—лыка обтрепались кругомъ ихъ въ видѣ бахрамы. Гдѣ ступитъ мой дорогой Остапъ, тамъ и лужа; пройдетъ по нашему сараю-комнатѣ — такъ и плющи́тъ, такъ и чвя́каетъ. Шаровары на немъ расползлись, такъ что *холо́ши* надѣвались отдѣльно и вся связь между ними заключалась въ суконной черной заплатѣ на ветхомъ полотнѣ. Рубашка грязная завязана веревочкой — *замiсць черво́ної стёнжки коза́цької!...* Сорочка, видно, купленная случайно, не сходится на морщинистой, красной шеѣ съ сильно-выдавшеюся горлянкою, какъ не сходились содранные съ жидовъ каптанки́ на ширкоплечихъ гайдамакахъ.

— Що́ ти, Оста́пе, спрашиваю: — бага́то жа́лованнія получа́ешъ?

»Нi, я жа́лованнія не получа́ю: я при корчмі сто́рожемъ.«

— Такъ ти нічо́го й не ро́бишъ?

»Нi, роблю́ усе́. Iзджу въ лiсъ по дро́ва, отопля́ю корчму́, дивлю́сь за кіньми, за коро́вами, во́ду ношу́, та́къ куди́ пошле́ жидъ — иду́; на брова́рню за пи́вомъ... у ночі, хто приiде... я й за дворо́мъ дивлю́сь.«

— Ну, що́ жъ вінъ-таки́, якъ пра́зникъ, тобі даé що-нéбудь?

»Нi, дру́гий годъ служу́, а нi одноéi копiечки, ани полу́шки, нічо́го,

нічо́го. Я тільки должёнъ отопля́ти корчму́; а вінъ мене́ и до ко́ней, и до всёго. »Ти«, ка́же, »долзёнъ при корцмі всё дѣлать.« А я, дурни́й, на́шу не жалію́сь. Други́ жиди́ ще не такі уідливі були́, а сей та́къ и бігае, чи не давъ мині хто шага́. Такъ ёму́ й корти́ть. Оце́, пани́ ночу́ють, поста́влють на ва́рту... коло экипа́жа варту́ю.... Уговорю́ся за два зло́ти, або́ за три, въ нічъ: що́ жъ? жидъ и одбере́! »Ти«, ка́же, »при корцмі состо́ісь, и се все при корцмі.«

— Де жъ ти обідаешъ, Оста́пе? съ жида́ми, чи самъ собі ва́ришъ?

»Я хожу́ за верству́; тутъ двіръ нашъ (т. е. панскій) есть. А якъ така́ хуртови́на, якъ сёго́дня, то я й вече́рять не хожу́. Кава́локъ хліба сухо́го зъімъ, да й го́ді! А вони́ нічо́го не даду́ть; отъ служу́ въ іхъ дру́гий годъ, — ча́рки горілки не піднесли́.«

— А положи́ намъ, Оста́пе, дровъ у гру́бку.

»Папаку́ю, папаку́ю!« отвѣчалъ добродушно успокаивающимъ голосомъ Остапъ. »Оце́, чи ночу́е у насъ хто, то та́къ жидъ и стереже́: »сцо-зъ тобі панъ давъ?« Оце́ ви поспита́ли, чи нема́ пшона́... Тепе́ръ ша́башъ жидівскій; жидівка не сміе нічо́го дава́ти; біжи́ть вслідъ за мно́ю: »Дай«, ка́же, »дай, Оста́пе, псона́ панамъ, а я тобі за́втра се псоно́ верну́, а гро́си сама́ зъ іхъ полуцу́.«

Мы ничего жидовскаго ѣсть не могли, насмотрѣвшись на ихъ опрятность. Они чисто приготовляютъ для себя, но для другихъ — возмутительно! описывать не хочется. У насъ всѣ запасы дорожніе истощились, и мы должны были заимствоваться у жида или у Остапа, и сами готовить въ печкѣ, чтобъ хоть теплымъ согрѣться, ато сидѣли въ шубахъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ приготовили себѣ кое-что; но ка́къ ѣсть? хлѣбъ у насъ жидовскій, спеченный ими для продажи; а мы знаемъ, какъ они готовятъ для продажи хлѣбъ.

Чтобы достать хорошаго хлѣба, мы написали записку въ ближайшій господскій домъ, объяснивъ свое осадное положеніе, и послали Остапа. Жидъ догналъ его, схватилъ записку, читалъ, читалъ, и нюхалъ и вертѣлъ кругомъ; но записка была написана такъ, что онъ не разобралъ ничего.

Принесъ Остапъ хлѣбъ отъ помѣщика съ самымъ любезнымъ отвѣтомъ и съ желаніями намъ всего добраго. Жидъ тотчасъ прибѣжалъ и опять началъ напоминать намъ о своихъ блюдечкахъ, а глаза его шныряли не только по столу, но и подъ столомъ. Та́къ ему хотѣлось узнать, что́ принесъ намъ Остапъ, — не принесъ ли водки.

Между прочимъ, покупали мы у жидовъ новую глиняную посуду по невѣроятнымъ цѣнамъ, такъ какъ на время взять было нельзя. Мы, въ

ихъ глазахъ, были скверные, какъ Самаряне, о которыхъ говорилось: *не прикасаютъ бо ся Жидове къ Самаряномъ*. Уѣзжая, мы подарили всѣ купленныя вещи Остапу, въ присутствіи самихъ жидовъ, и сказали:

— Гляди́ жъ, Оста́пе, не оддава́й жида́мъ посу́ди. Сю посу́ду ми въ іхъ купи́ли за такі гро́ші, що мо́жно бъ купи́ти настоя́щу па́нську. То ти се знай; отъ, ми пере́дъ сами́ми жида́ми тобі гово́римо, щобъ не сказа́ли вони́, що се іхъ посу́да и щобъ не одняли́ въ те́бе.

Жиды въ корчмѣ, по моему наблюденію, кажется, никогда не спятъ, не ѣдятъ, не сидятъ: такая дѣятельность! Правда, они еще молятся Богу. Они прославляли Іегову заунывнымъ воемъ на разные голоса подъ нашею дверью, въ кладовой, и только на это время успокоивались отъ житейской бѣготни; но лишь только оставляли молитвы, снова мы слышали ихъ уже изученные нами голоса между другими голосами. Вѣтеръ своимъ воемъ и стукомъ ставень удивительно гармонировалъ жидамъ. За снѣгомъ ничего не было видно въ окно. Ветхая корчма съ жалкою нашей комнатой едва держалась на горѣ противъ напиравшаго на нее со всѣхъ сторонъ вѣтра. Онъ заходилъ со всѣхъ сторонъ, обрывалъ гнилую дрань съ крыши, свистѣлъ на чердакѣ, прохватывалъ корчму насквозь черезъ сѣни и неистово добивался къ намъ въ окна, дребезжа ветхими рамами и кой-какъ слѣпленными стеклами. Жиды всю ночь не спали и Богъ ихъ знаетъ, съ чѣмъ они возились: что́-то какъ будто привозили и увозили; казалось, будто кого-то душили; однимъ словомъ, происходило что́-то непонятное. Дверь непрекратимо визжала и деренча́ла. Шумъ пьянаго народу на противоположной половинѣ корчмы, стукъ въ окно и крикъ: *отвори*! не давали ни на минуту сомкнуть глазъ. Я думала: »Можетъ ли быть ужаснѣе въ самомъ аду? Можетъ ли быть больше сумятицы, больше крику, гаму, въ обществѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ?«

9-го марта мы выѣхали изъ этого клокочущаго адскимъ волненіемъ жерла. Жидъ хотѣлъ взять деньги за пшено, которое мы взяли у Остапа; но мы ему сказали, что Остапъ намъ подарилъ пшено. На это жидъ говоритъ намъ: »Ну, отъ зе вінъ зъ ме́не бу́де пра́вить.« Бѣдный Остапъ! ему ли было *пра́вить* съ этого коршуна? Онъ былъ такъ убитъ, подавленъ, что едва могъ бесѣдовать съ нами и едва имѣлъ нѣсколько словъ въ оборотѣ, чтобы жаловаться на свою участь.

Тарантасъ нашъ былъ спущенъ подъ гору къ рѣкѣ, къ парому, и стоялъ на берегу въ ожиданьи переправы. Здѣсь же былъ и базаръ, и тутъ-то мы насмотрѣлись на жидовскія козни! Крестьянинъ чего-нибудь

не хочетъ продавать, но жидъ кладетъ передъ нимъ, по своему усмотрѣнію, деньги, сколько ему вздумается, и уже забралъ пшено, нитки или куръ, и ужъ унесъ, какъ свою законную собственность! Иногда у крестьянина бывали руки заняты ношей до того, что жидъ приходитъ, осмотритъ у него все въ мѣшечкахъ и даже за пазухой и, что́ ему нравится, беретъ, не спрашивая мужика, что́ стоитъ. Да еслибъ одинъ жидъ, ато цѣлая стая! Тотъ и догонять не можетъ. У одного даже и шапку сняли съ головы и посмотрѣли, нѣтъ ли въ ней чего. Я сидѣла въ тарантасѣ и все это наблюдала. Тарантасъ нашъ надо было облегчить отъ клади, а тогда уже перевезти осторожно по льду, чуть остановившемуся сдвинутыми теченіемъ *крúгами*. Для переноски вещей, явились все-таки жиды, какъ будто единственные люди, которымъ слѣдуетъ за что бы то ни было получать деньги. Въ толпу жидовъ просунулся и бѣдный солдатъ въ своей шинелишкѣ. Но одинъ изъ жидовъ торопливо предупредилъ насъ тономъ довѣренной особы: »Ему опасно, опасно ввѣрить весци!« Не смотря на это, товарищъ мой, однакожъ, далъ заработать солдату, позволивъ ему взять чемоданъ. Цѣлая стая жидовъ провожала насъ черезъ рѣку, перетаскивая наши вещи, и это — совершенно противъ нашей воли. Мы бы предпочли имъ загнанныхъ волынскихъ крестьянъ, которые не смѣли и подступить къ намъ; но жиды рвали одинъ у другого чемоданы и узлы, оглушая насъ адскимъ крикомъ и не давая намъ ступить шагу по произволу. Вотъ истинные владѣльцы древней Русской земли, Волыни! Вотъ кѣмъ порабощена страна, прозванная Волынью отъ *воли* (свободы), которою она славилась когда-то въ Русскомъ мірѣ! Напрасно мы, въ своихъ книгахъ и разговорахъ, отзываемся объ этихъ завоевателяхъ въ шуточномъ тонѣ. Ихъ власть слишкомъ сильна, ихъ могущество ужаснѣе татарскаго, литовскаго и какого угодно! Они, владѣя страною и ея населеніемъ, не желаютъ процвѣтанія ни той, ни другому: они любятъ прекрасную, давно уже разоренную и обезображеную ими Волынь, какъ рудокопъ любитъ свою мрачную шахту, —не болѣе. Страшная любовь!... Послѣдніе ея результаты пророчески выразились уже во множествѣ такихъ личностей, какъ нашъ бѣдный Остапъ, котораго мы, тайно отъ жидовъ, снабдили небольшою суммою денегъ и простились съ нимъ дружески, къ величайшему изумленію и негодованію всего жидовскаго семейства.

На возвратномъ пути, мѣсяца черезъ три, мы остановились на дорогѣ противъ корчмы и послали вызвать къ себѣ Остапа. Была средина

лѣта. Остапъ явился къ намъ безъ своей мозаичной свиты, но зато его сорочка и шаровары годились бы для костюма убогаго Лазаря. Онъ очень обрадовался намъ и низко кланялся, почти не говоря ни слова, — можетъ быть, не умѣя говорить словъ, которыя произносятся при свиданіи съ друзьями. Друзей у него никогда не было; языкъ дружеской бесѣды ему, конечно, не извѣстенъ.

— А що, Остáпе, посýда? спросили мы.

»Э! однáвъ диáвольский жидъ!«

— Нá що жъ ти оддáвъ?

»А щó ти зъ нимъ вдіешъ? Моя́ да й моя́!«

— Ми жъ тобі казáли, що за ії велúкі грóші запла́чені!

»То щó! хибá жидовà сёгó не чýла?«

— Да я́къ же ти оддáвъ?

»А щó жъ я зъ нимú вдію! Я одúнъ, а ихъ — сúла!«

— Ти пáну пожалівся бъ.

»Щó панъ?« отвѣчалъ Остапъ, понуривъ голову.

— Вінъ би заступúвсь за тéбе.

»Эгé!... Жúдъ ёмý нужніший. Жúди на світі пáна держя́ть!«

Противъ этого сказать было нечего.

— Ну, а грóшей у тéбе не одняли́?

»Про грóші я не признáвсь. Шукáли по кишéняхъ, такъ — зась! я взявъ, да й заховáвъ підъ колóдку на дрóвитні.«

— Що жъ ти собі купúвъ, абó-що, за ті грóші?

»А щó мині трéба? Я про смерть держý, щобъ булó зá що похова́ти; да якъ говівъ, то съ кóпу попý да дякáмъ роздáвъ, да бýбликівъ за пъятака́ купúвъ, лю́дямъ роздáвъ, щобъ на тімъ світі побáчитьця зъ своіми.«

— Отъ же тобі, Остáпе, сорóчка й штани́.... Чи не одніме сёгó жидъ?

— »Ні вже, сёгó не здерé зъ мéне: я зáразъ надíну. Моé попáдалось, то отсé, спасúбі вамъ, — тепéръ знімý, вúперу, да й полатáю.«

— Атó въ тéбе немá й переміни?

»Булá переміна, да врáзька жидівка зняла́ зъ горúща, да й подрáла на ганчірки́ до пéчи....«

Довольно, довольно!... Прощай, Остапе!... Не лучше ли было бы намъ и не знать о твоемъ существованіи?

Анна Барвинокъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.

Въ ожиданіи подробной біографіи и оцѣнки трудовъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія южно-русскаго края, Николая Андреевича Маркевича, мы хотимъ занять нѣсколько страницъ воспоминаніемъ о немъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ, преждевременная утрата котораго лично для насъ весьма чувствительна.

Николай Анреевичъ скончался 9-го іюня 1860 года въ своемъ наслѣдственномъ селѣ, Туровкѣ, Полтавской губерніи Прилуцкаго уѣзда.— Онъ родился 26-го января 1804 года, въ Дунайцѣ Черниговской губерніи Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію, Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка, а въ 1817 году былъ помѣщенъ во вновь-открывшійся, въ то время, пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ борономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой поэтъ нашъ проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, что продолжалось до 1820 года.

Первыя стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его *Гробъ*, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ Невскомъ Зрителѣ 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 г. онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейской полкъ; но вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Н. А. долженъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Въ 1829 г. мы видимъ его опять въ сто-

лицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ велъ образъ жизни преимущественно свѣтскій, что впрочемъ не помѣшало ему пріобрѣсти много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ фортепьянистомъ. Въ его чуткой талантливой натурѣ поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ: этимъ двумъ музамъ онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты. Въ томъ же 1829 г. Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои *Элегіи* и *Еврейскія Мелодіи*, и *Стихотворенія эротическія;* потомъ, черезъ два года, (въ 1831 г.), тамъ же, изданы *Украинскія мелодіи*. Въ 1830 г., П. А. женился въ Малороссіи и, наслѣдовавъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, предался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была *Исторія Малороссіи,* изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 г. Какъ исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованій науки и въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріяловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край нашъ, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Онъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6,000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Н. А. посвятилъ нѣсколько лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, умирающій страдалецъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продалъ ее помѣщику Полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. — Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ, въ послѣдніе годы своей жизни, началъ прилежно заниматься статистикою и этнографіею, и напечаталъ сдѣдующія брошюры: *1) О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ-особенности; 2) объ овцеводствѣ въ Малороссіи; 3) рѣки Полтавской губерніи; 4) о народонаселеніи Полтавской губерніи; 5) обычаи, повѣрья, кухня и напитки нынѣшнихъ Малороссіянъ.*

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Николая Андреевича, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій; между ними особенно за-

мѣчательны: переводъ, изъ Байрона, 1-й пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Н. А. учился нѣмецкому языку (1); сверхъ того, въ рукописяхъ покойнаго находится начало Малорусскаго словаря, начало словаря энциклопедическаго, и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Остается прибавить, что Н. А., доставшуюся ему, по наслѣдству, довольно хорошую библіотеку постоянно пополнялъ многими замѣчательными и рѣдкими сочиненіями и довелъ ее до 8.000 томовъ.

Заявляя этимъ бѣглымъ перечнемъ трудовъ Никалая Андреевича, что онъ, по своей многосторонней и добросовѣстной дѣятельности, заслуживаетъ полной біографіи, которая и опредѣлитъ его мѣсто въ литературѣ и обществѣ, мы, лично, никому не хотимъ уступить права—сказать нѣсколько искреннихъ словъ о Николаѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ, въ его частномъ, семейномъ быту. Мы его такъ близко знали, такъ искренно любили! Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера. Гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Николай Андревичъ бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ »розумнимъ паномъ«.

Однажды Николай Андреевичъ, посѣтивъ свое гумно, засталъ, что одинъ изъ вѣявшихъ хлѣбъ, курилъ люльку. »Зачѣмъ это ты куришь«, замѣтилъ ему Николай Андреевичъ, не выпуская изъ зубовъ собственной люльки: »вѣдь ты можешъ сжечь *клу́ню*«.—»А коли́ я можу́ спали́ть, такъ и ви, па́не, спа́лите«. — »Да, но если я спалю, то я и выстрою, а ты мнѣ не построишь новой клуни», возразилъ Н. А.—»И то́ правда, пане«, отвѣтилъ убѣжденный украинецъ, опуская люльку въ карманъ своихъ шараваръ.

Будучи страстнымъ охотникомъ до цвѣтовъ и растеній и, въ то же время, хорошимъ садовникомъ, Н. А. развелъ, въ своей Туровкѣ, огром-

(1) Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ переводовъ помѣщены Н. В. Гербелемъ въ изданіи «Шиллеръ въ переводѣ Русскихъ писателей.»

ный превосходный садъ, самъ разбивалъ его и выростилъ. Въ Туровкѣ, особенно лѣтомъ, собиралось очень часто большóе общество. Любимецъ и любитель женскаго общества, Н. А. бывалъ постоянно окруженъ дамами и дѣвицами. Смѣху и шуткамъ конца не бывало. Одной онъ пишетъ или говоритъ экспромтъ, другой посвящаетъ романсъ, третьей сочиняетъ вальсъ или мазурку. Его красивая, оживленная фигура, съ добродушною улыбкою, съ черными умными глазами, съ густыми длинными кудрями, преждевременно побѣлѣвшими, безпрестанно переходила отъ фортепьяна къ цвѣтамъ, отъ цвѣтовъ къ письменному столу и книгамъ, сопровождаемая обществомъ дамъ, которыя наперерывъ старались обратить на себя вниманіе уже посѣдѣвшаго, но привлекательнаго поэта — нерѣдко — въ стихахъ, и постоянно — въ жизни.

Въ лѣтнее время, по утрамъ, Н. А. отправлялся обыкновенно въ садъ, и тамъ, съ коротенькою люлькою въ зубахъ, копался въ грядахъ, ухаживая за своими любимыми цвѣтами и кустарниками. Вслѣдъ затѣмъ, онъ нерѣдко садился за фортепьяно, и пальцами, на которыхъ оставались еще слѣды земли и песку, извлекалъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ прекрасные мотивы, то задумчивые, то оживленные. Съ наступленіемъ теплой весенней погоды, бóльшую часть времени хозяинъ и гости проводили въ саду, — тамъ обыкновенно обѣдали, пили чай и ужинали. Послѣ ужина, все молодое общество, женское и мужское, въ сопровожденіи любезнаго хозяина, отправлялось гулять по саду, который казался очаровательнымъ при свѣтѣ луны или мерцаніи звѣздъ благосклоннаго украинскаго неба. Эти прогулки всегда будутъ памятны тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ: сколько умныхъ замѣчаній, остротъ и удовольствія выносилось съ этихъ прогулокъ! Бывало, къ разсвѣту, и соловей умолкнетъ, а въ густой аллеѣ все еще слышится живой говоръ и веселый смѣхъ....

Теперь, когда мы приводимъ въ спокойное сознаніе всѣ впечатлѣнія и воспоминанія, вызываемыя личностью Николая Андреевича, когда живо представимъ себѣ этого человѣка, добраго, благороднаго и даровитаго, то невольно задается вопросъ: всё ли онъ сдѣлалъ для жизни, что́ могъ бы внести въ неё по своимъ способностямъ... и чувство глубокой грусти овладѣваетъ нами, и невольно задумываешься, отчего это у насъ пропадаетъ столько силъ, не достигая настоящаго своего назначенія? Отвѣта на этотъ вопросъ, относительно Николая Андреевича, можно искать, быть-можетъ, въ томъ, что онъ вступилъ въ жизнь общественнымъ дѣятелемъ въ ту грустную эпоху, которая породила много такъ-

называемыхъ *лишнихъ людей*. людей, которымъ наше, болѣе счастливое, поколѣніе должно быть признательно и за то, что они, въ борьбѣ съ тяжелой обстановкой своего времени, не все потеряли, а, напротивъ, умѣли сберечь, и для нашего поколѣнія, идеалъ лучшаго строя въ жизни... Но въ присутствіи Николая Андреевича нельзя было грустить и задумываться: обаяніе его было такъ сильно, что заданный выше вопросъ приходилъ послѣ. Съ глубокою тоской думаемъ мы о томъ, что этого человѣка уже не будетъ болѣе съ нами.

Николай Андреевичъ скончался 56-и лѣтъ отроду, послѣ продолжительной водяной въ груди; его не могли излечить ни искусство медиковъ, ни путешествіе по Италіи, о которой часто грезилъ умирающій поэтъ еще въ ранней молодости. Онъ похороненъ въ своей любимой Туровкѣ, подлѣ церкви, въ виду любимаго сада.

Пусть наши воспоминанія будутъ полевыми цвѣтами, которые мы съ душевною скорбью кладемъ на эту преждевременную и незабвенную для насъ могилу.

Н. Макаровъ.

ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Чумаки, ч. 3, стр. 63 — 200.)

Изъ статей, написанныхъ объ Украинѣ, непріятны или, лучше сказать, приторны тѣ, гдѣ *безусловно* восхваляется наша родина (къ-счастію, количество ихъ небольшое); но еще несноснѣе, утомительнѣе и приторнѣе очерки и разсказы, въ которыхъ, подъ видомъ неудачнаго юмора и фальшиваго лиризма, Украина изображена въ небываломъ свѣтѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и три томика сочиненій г. Данилевскаго, изданные подъ общимъ заглавіемъ: »Изъ Украйны«.

Дѣятельность этого сочинителя заключается преимущественно въ описаніи южнаго края.

Мы не будемъ тревожить праха »Козаковъ и Степей« и »Слобожанъ«, о которыхъ было сказано въ свое время, а приступимъ къ разбору послѣднихъ произведеній пера, такъ-смѣло глумившагося надъ нашей исторіей и народностью. Критика не была снисходительна къ г. Данилевскому, но рецензенты смотрѣли на него только съ художественной точки зрѣнія; я же, въ качествѣ украинца, постараюсь разобрать одну лишь статью г. Данилевскаго со стороны этнографической и, по крайнему разумѣнію, показать — какъ сочинитель выполнилъ заданную себѣ задачу, и на-сколько приблизился къ правдѣ.

Съ первыхъ разсказовъ изъ »Украины« и даже съ первыхъ пріемовъ, вы видите претензію на юморъ, на тотъ несчастный юморъ, который такъ много повредилъ великорусскимъ разсказамъ Основьяненка, и отъ котораго до-сихъ-поръ не могутъ отрѣшиться иные польскіе писатели. Юморъ этотъ уже перешелъ у насъ въ самый низшій разрядъ бельлетристики. Рѣдко кто изъ писателей-украинцевъ избѣгалъ юмористическаго направленія, давшагося одному Гоголю; зато передъ героями Гоголя какими жалкими кажутся, напримѣръ, геройчики покойнаго Гребен-

ки! Сочинителю »Чумаковъ«, въ свою очередь, захотѣлось поюморничать: »я-де малороссъ«, вѣроятно, думалъ г. Данилевскій, »и мнѣ прирождена эта способность«, и началъ все выкраивать по предназначенной мѣркѣ, стараясь во что́ бы то ни стало насмѣшить почтеннѣйшую публику. Слова нѣтъ, есть еще люди изъ такъ-называемаго образованнаго класса, которые не прочь похохотать подъ неотесаннымъ *хохломъ*, воображающіе въ простотѣ жалкаго невѣдѣнія, что этотъ народъ способенъ только смѣшить собой, или говорить однѣ смѣшныя вещи. Но какой же обзованный писатель рѣшится сочинять самыя неестественныя позы, выдумывать невозможныя сцены и лица, и все это для того только, чтобы смѣшить кого-то, жертвуя истиной и рискуя услышать печатно настоящее названіе своихъ неудержимыхъ фантазій? Вѣдь было время, когда наши юмористы изобрѣтали забавныя, по ихъ мнѣнію, фамиліи и влагами въ уста дѣйствующихъ лицъ какія-нибудь пошлыя поговорки, считая подобные пріемы верховнымъ искусствомъ. Но то золотое время прошло невозвратно; на поговоркахъ или наивныхъ остротахъ теперь недалеко уѣдешь: требуется дѣльное пониманіе, основательное, разумное изученіе. Прочитывая плоды досужихъ фантазій, разгуливающихъ по Украинѣ, я еще бы мирился съ юмористическими наклонностями сочинителей; отъ этого никому ни тепло, ни холодно, и разборъ подобныхъ книгъ потребовалъ бы не много времени. Но если встрѣчаешь повѣсти и разсказы, сочинитель которыхъ преисполненъ претензіи—выдать себя за непогрѣшимаго знатока южнорусской народности, то рецензентъ становится въ чрезвычайно неловкое положеніе. По крайней мѣрѣ, я чувствую это въ настоящемъ случаѣ по себѣ и хочу нѣсколькими словами очеркнуть подобное состояніе. Порицать вещь, особенно книгу, очень легко, даже по избитой фразѣ: »la critique est aisée, mais l'art est difficile«, находить промахи еще легче, особенно съ запасомъ изворотливости и недобросовѣстныхъ пріемовъ извращенія смысла: это извѣстно всѣмъ и каждому. Но не менѣе извѣстно и то, что, принимаясь за разборъ сочиненія, рецензентъ долженъ хоть чѣмъ нибудь заявить свои познанія въ данномъ предметѣ, особенно рецензентъ подписывающій свое имя. Въ нынѣшнее время и отъ критики требуютъ фактовъ и положительныхъ доказательствъ, а гдѣ ихъ взять при разборѣ какого бы то ни было сочиненія, относящагося до южнорусской народности? Признаюсь, я было призадумался, писать ли свой разборъ сочиненій г. Данилевскаго; но меня ободрила мысль, что я пишу въ журналѣ, предназначенномъ для украинцевъ, которые легко могутъ повѣрить мою оцѣнку и вникнуть въ подро-

бности, ускользающія отъ читателя, незнакомаго съ нашими нравами, обычаями, языкомъ и самою природою. Здѣсь я смѣло могу указывать вопіющіе промахи и не ссылаясь, для подкрѣпленія, на печатные источники,—безъ опасенія возбудить подозрѣніе въ справедливости моихъ словъ.

Пропустивъ многіе разсказы г. Данилевскаго, я съ особеннымъ любопытствомъ взялся за статью »Чумаки«. Мнѣ хотѣлось взглянуть—вѣрно ли г. Данилевскій изобразилъ наше чумачество, и остепенилась ли здѣсь его фантазія, такъ молодецки разгуливавшая въ »Козакахъ и Степяхъ«, гдѣ этотъ сочинитель передѣлалъ наши народныя легенды на свой ладъ. Прочтя статью отъ первой до послѣдней строчки, увы, я пришелъ къ тому заключенію, что кто искажаетъ народные памятники въ стихахъ, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ этой милой привычки и въ прозѣ. Г. Данилевскій и здѣсь остался вѣренъ своей системѣ: онъ кудревато описалъ бытъ чумаковъ, но не съ натуры, а съ своей собственной фантазіи, присочинилъ, по прежнему, разную небывальщину. Предпославъ вступленіе, т. е. выписавъ кое-что и перифразировавъ изъ г. Скальковскаго, который тоже иногда фантазировалъ въ свою очередь, г. Данилевскій принялся описывать чумаковъ, бытъ которыхъ такъ своеобразенъ и занимателенъ. Не стану говорить о реторикѣ и лиризмѣ, заимствованномъ изъ »Слобожанъ« того же автора,—но считаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Данилевскій пишетъ характеристику украинскихъ чумаковъ, намекая притомъ, что изъѣздилъ весь край въ качествѣ наблюдателя. А между тѣмъ на дѣлѣ видно, что горизонтъ наблюденій сочинителя весьма узокъ или, лучше сказать, за небольшими исключеніями, ограничивается одною Харьковской губерніей. Хотя я и не рѣшусь утверждать, что знаю превосходный край, населенный южноруссами, но я имѣлъ возможность проживать во многихъ мѣстностяхъ, занятыхъ этимъ племенемъ, трудясь надъ собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній и памятниковъ, и потому скажу, что есть большая разница въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже нарѣчіи, между жителями сосѣднихъ губерній: зная, напримѣръ, бытъ въ Харьковской, можно не имѣть понятія о Черниговской; изъучивъ обычаи, положимъ, Купянскаго уѣзда, можно дать большой промахъ, прилагая эту мѣрку къ обычаямъ Золотоношскаго. Отъ бельлетриста и невозможно требовать многаго въ этомъ отношеніи: но если бельлестристъ постоянно заявляетъ въ дѣлѣ свою непогрѣшимость, критикъ долженъ быть къ нему гораздо строже и не обольщаться цвѣтистыми описаніями природы. Добросовѣстный писатель выскажется сразу

и безъ всякой хитрости обозначитъ границы своихъ наблюденій, не имѣя запасной мысли щегольнуть передъ неопытнымъ читателемъ: »я дескать поѣздилъ-таки по свѣту.«

Г. Данилевскому нельзя отказать въ наблюдательности, нельзя отказать и въ знаніи нѣкоторой части Харьковской губерніи; но когда онъ рисуетъ предметы не справляясь съ натурой, какъ они есть, а представляя въ такомъ видѣ, въ какомъ ему хотѣлось, чтобъ они были—объ этомъ нельзя, не годится, молчать. Вся бѣда въ томъ, что г. Данилевскій желалъ набросить какой-то, по его мнѣнію, поэтическій колоритъ на чумацкую жизнь, и вслѣдствіе этого пересолилъ, что́ называется. Нужды нѣтъ, что онъ перечисляетъ по именамъ знакомыхъ ему чумаковъ, которые, судя по названіямъ сёлъ, всѣ обитаютъ въ Харьковской губерніи; но можно поспорить, что чумаки въ дѣйствительности далеко не тѣ, какими онъ ихъ выставилъ. Если бы пошло на откровенность, я увѣренъ, г. Данилевскій, положа руку на сердце, признался бы, что присочинилъ малую-толику. Описывая новый предметъ, г. Данилевскій не удерживаетъ своего воображенія, и если хвалитъ, то хвалитъ не стѣсняясь; если же выставитъ какой недостатокъ, то ужъ рѣшительно нѣтъ пощады. Пьяницы между чумаками—попадаются, я самъ знаю такихъ, которые пропивали *худо́бу* и возвращались домой съ *батога́ми*. Пропить двѣ-три пары воловъ еще не диковина, но пропить 50 паръ воловъ, какъ сдѣлалъ одинъ знакомый чумакъ г. Данилевскаго (стр. 104) — это, съ позволенія сочинителя, отзывается чистѣйшей фантазіей. Здѣсь можно даже подвести цыфру, (хотя я вообще не охотникъ до математическихъ выкладокъ.) Чтобы крестьянину имѣть 50 паръ воловъ, надобно быть очень хорошимъ хозяиномъ и рѣшительно не придерживаться чарки. Пользуясь статьею самого же г. Данилевскаго, мы знаемъ, что хорошихъ чумацкихъ воловъ нельзя купить менѣе, чѣмъ за 75 р. пару, значитъ 50 паръ сто́ятъ 3.750 р.—капиталъ для крестьянина болѣе чѣмъ значительный. Такой крестьянинъ, отправляясь въ Крымъ за солью, не станетъ надѣяться на авось, т. е. на случайную транспортировку клади, а беретъ съ собою денегъ на 3,000 пудовъ, — не менѣе восьми сотъ рублей. Какъ же это простолюдинъ ухитрится пропить 4,500 р., не одумавшись ни разу, куда дѣнетъ своихъ чумаковъ, человѣкъ не менѣе десяти, и сколько времени нужно чтобъ пропить подобную сумму?! На Дону пьютъ вино и водку. Мѣстное вино дешево,—не будемъ принимать его въ разсчетъ,—а возьмемъ откупную водку и поставимъ ее по самой дорогой цѣнѣ — по 6 р. за ведро. Штофа достаточно въ день напиться

мертвецки; положимъ, что гуляка покупалъ еще 9 штофовъ для пріятелей, — количество, которымъ можно упоить многочисленную публику, — значитъ издерживалъ въ день 6 руб.; допустимъ наконецъ, что онъ тратилъ на другіе расходы столько же — и издерживалъ 12 р. въ сутки, и все-таки ему нужно пьянствовать круглый годъ безъ просыпу и безъ оглядки, чтобы пропить такую сумму денегъ. Неужели же чумакъ г. Данилевскаго больше года кутилъ, пропивая свое состояніе, и какъ это угораздило его рѣшиться на такую огромную трату? Для этого надобно быть болѣе чѣмъ горькимъ пьяницей, — а горькому пьяницѣ трудно вести такое дѣло, чтобы ходить съ 50 парами воловъ въ Крымъ за солью, или на Донъ за рыбой. Нѣтъ, г. Данилевскій! не въ укоръ вамъ, это сильно отзывается неудержимой фантазіей. При всей любви вашей къ родинѣ, выражающейся, пока, однимъ лишь стараніемъ описать ее какъ-можно поэтичнѣе, вы не можете отрѣшиться отъ юмористическихъ, по вашему, нападокъ на счетъ пьянства общихъ земляковъ нашихъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ своихъ »Козакахъ и Степяхъ«, искажая народныя легенды, вы передѣлали извѣстную пѣсню о »Сагайдачномъ« и заставили прославленнаго Запорожца напиться пьянымъ въ походѣ, что противно козачьей регулѣ, ибо за пьянство въ походѣ наказывали смертью, и въ самой пѣснѣ ни словомъ не упоминается о горѣлкѣ. Есть одна пѣсня, въ которой разсказывается о чумакѣ, пропившемъ свое состояніе — и, вѣроятно, она-то побудила г. Данилевскаго выкинуть такую штуку. Впрочемъ, если я не правъ, — сочинителю легко уличить меня, и я охотно попрошу у него извиненія, хотя подобно всѣмъ, знающимъ Украину, не соглашусь, что пьянство — главная черта характера нашего простолюдина.

Чрезвычайно невѣренъ взглядъ г. Данилевскаго на домашній бытъ украинца — и даже на хату чумака, хотя, въ описаніи, и попадаются иногда занимательныя подробности. Чумакъ, если занимается чумачествомъ по наслѣдству, ничѣмъ не разнится въ своемъ домашнемъ быту отъ прочихъ крестьянъ; и разсказъ г. Данилевскаго о томъ, что онъ зимой боится жены и угождаетъ ей, а только весною дѣлается самовластнымъ — чистѣйшее мечтаніе. Если какой-нибудь знакомый чумакъ г. Данилевскаго и дѣйствительно таковъ въ своемъ домашнемъ быту, то слѣдовало бы писать его біографію, не навязывая своихъ наблюденій всему сословію и не вводя въ обманъ тѣхъ читателей, которые, какъ я сказалъ выше, до сихъ поръ еще охотно вѣрятъ во всѣ шуточки и плоскости, разсказываемыя про малороссіянъ. Живя въ Петербургѣ, навѣдываясь изрѣдка

въ Харьковскую губернію и потомъ проѣхавъ на-скоро по другимъ мѣстностямъ, гдѣ обитаютъ чумаки, положительно нельзя сдѣлать полный очеркъ быта и нравовъ этого сословія, не расходясь съ истиной.

Изъ слѣдующихъ мѣстъ читателю будетъ видно,—до какой степени сочинитель знаетъ предметъ, который описываетъ столь краснорѣчиво. Прежде всего, считаю обязанностью замѣтить, что слова »хýторъ« и »хуторянинъ«, г. Данилевскимъ употребляются вовсе неправильно. Хуторъ въ Малороссіи значитъ выселокъ, большею частью въ степи, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ, у г-на же Данилевскаго село и деревня называются хуторомъ, а сельскіе жители — хуторянами, не знаю уже по какому случаю. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ, раскрывъ любой разсказъ.

»Святочныя пѣсни поются на Святой вечеръ (стр. 90).« Это крупная ошибка, прошедшая немногими замѣченною у Гоголя, въ его повѣсти »Ночъ передъ Рождествомъ«. Не знаю, когда поются *колядки* въ томъ хуторѣ, который угодно было г. Данилевскому избрать для своихъ наблюденій, но въ Малороссіи, на *святъ-вечіръ* (канунъ Рождества), народъ, постясь съ утра до первой звѣзды, ужинаетъ свою *кутю* и *узвáръ*, затепливши восковую свѣчку; и въ этотъ день въ деревнѣ никто не разинетъ рта для пѣсни, потому что это было бы противно религіознымъ обычаямъ простолюдина. Колядки поются на первый день Рождества Христова.

Описывая святочныя гаданья, г. Данилевскій говоритъ:

»Зажженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи (стр. 96).«

Опять не знаю, чѣмъ освящаются избы въ хуторѣ, описываемомъ г. Данилевскимъ, но лучины нѣтъ у насъ въ употребленіи. Есть рѣдкія исключенія, тамъ гдѣ растетъ сосна, но этихъ мѣстъ очень мало, и южноруссы обыкновенно свѣтятъ *каганцéмъ*. Есть уголокъ, гдѣ дѣйствительно свѣтятъ лучиной, но это по границѣ могилевской губерніи, откуда, конечно, сочинитель не бралъ своихъ типовъ.

»При кормѣ бардою, въ избѣжаніе болѣзни десенъ и языка, воламъ дается, въ перемежку, еще небольшое количество соломы (стр 103).«

Это чистѣйшая фантазія. Вола нельзя выкормить бардою при помощи соломы. Каждый порядочный хозяинъ, въ особенности чумакъ, покупаетъ самое лучшее сѣно и кормитъ имъ воловъ, не смотря на большое количество барды.

»Уже старинныхъ Запорожцевъ изображали сильно лѣнивыми и не-

податливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины по самой Украйнѣ въ каждомъ кабакѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною надпись и т. д. (стр. 106).«

Подобныхъ картинъ не встрѣтите, не только въ *каждомъ* кабакѣ, но врядъ ли въ сотомъ, да и то картины эти не насмѣшливыя. Дѣйствительно, прежде довольно часто попадалось изображеніе извѣстнаго запорожца Мамая съ надписью: »Хоть ди́вится на ме́не« и проч., но теперь эта картина сдѣлалась уже большо́ю рѣдкостью.

При описаніи весны, сочинитель, разсказывая о любопытныхъ, собравшихся смотрѣть на вскрытіе рѣкъ, прибавляетъ:

»Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сластеницы съ жаровнями и открывается настоящій рынокъ... (стр. 111).«

Полно, такъ ли? Подобная обстановка можетъ быть въ мѣстечкѣ да въ торговомъ селѣ, которыхъ такъ у насъ мало; — но гдѣ же вообще по селамъ или хуторамъ, какъ ихъ называетъ г. Данилевскій, видѣлъ онъ такіе рынки?

»Идетъ май-цвѣтень. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ *маиться* (?). Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни »веснянки« на хутора. И точно — гдѣ тогда нѣтъ пѣсень? (стр. 120).«

Скотъ бѣгаетъ и мечется (по южнорусски *дро́чится*, а не *маится*,) въ іюльскіе жары. Что́ же касается до веснянокъ, то онѣ давно́ уже прошѣты въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ апрѣля, а въ маѣ— позабыты. Наконецъ, пѣсня подъ № 1 и не *веснянка*, а Богъ знаетъ какой редакціи. У г. Данилевскаго она вышла безсмыслицей, а въ народѣ, по моему, это—художественное произведеніе. Привожу доказательства. Вотъ переводъ г. Данилевскаго:

Ой подъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленѣетъ;
За хорошимъ мужемъ
Жена молодѣетъ...
Ой подъ мостомъ, мостомъ,
Плеснулася рыбка;
Я жъ у тебя, мать ты моя,
Все росту не шибко...
Пусти меня, мать, изъ хаты
Я не *заплутаюсь* (?!);
Только парней подзадорю,
Да тѣмъ и покаюсь.

А вотъ и подлинникъ:

Ой пiдъ мо́стомъ, мо́стомъ
Трава́ зеленiе,

А за до́бримъ чоловіко́мъ
Жінка молоді́е.
Ой під мо́стомъ, мо́стомъ
Трава́ посиха́е,
За леда́чимъ чоловіко́мъ
Жінка пропада́е.
Пусти́ мене́, ма́мо,
У степъ по́гуля́ти,
Бу́ду тра́ви прогорта́ти,
До́ленъки шука́ти.
Пусти́ мене́, ма́мо,
У ставъ покупа́тись,
Бу́ду пла́вать, пурина́ти,
До́ленъки шука́ти...
Ой ні, моя́ ма́мо,
Де я ни ходи́ла,
Та не знайшла́ тії до́лі.
Що ти загуби́ла.

Не грѣхъ ли знатоку народнаго быта пользоваться жалкимъ варіантомъ и ставить его въ число веснянокъ, не зная притомъ, въ какое время поются веснянки!

»Появилась сорока« (замѣтье, дѣло идетъ о концѣ мая);« школяры несутъ учителю-дьячку »сорокъ бубликовъ (кренделей) (стр. 124).«

Дѣйствительно существуетъ обычай носить учителю бублики, которые, впрочемъ, ни-сколько не крендели, — но это дѣлается на сорокъ мучениковъ, въ праздникъ, бывающій задолго до мая мѣсяца.

»Съ Юрья скотъ ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ (стр. 125).«

Фраза совершено непонятная. Что́ значитъ *опроставшійся* сѣнокосъ? По моему крайнему разумѣнію, это—простра́нство, на которомъ скошено сѣно. Однако, Юрья 23 апрѣля, слѣдовательно—это невозможно. Напротивъ, въ Украинѣ вообще до Юрья скотъ ходитъ гдѣ угодно, даже по всходамъ, а на Юрья, когда священникъ освятитъ, съ процессіею, поля, пастухъ долженъ гонять стадо уже на толоку. — Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что освященіе полей во многихъ мѣстахъ выводится уже изъ употребленія. — Можно бы подумать, что г. Данилевскій по ошибкѣ упомянулъ о Юрьѣ, но на стр. 153-й онъ повторяетъ: »До Юрья скотъ пасется еще въ селахъ на толокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенныя поля.«

»Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время »подавилась мандрикою«, особенною лепешкою, какія пекутъ въ петровъ постъ (стр. 154).«

Повѣрье дѣйствительно существуетъ, но сочинителю слѣдовало бы объяснить, что мандрика не *особенная*, а сырная лепешка, которыя пекутся только къ петрову дню, — ибо простолюдины не ѣдятъ въ постъ скоромнаго.

»Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески у Днѣпра, знаменитые своею »безкормицею«, мало ѣздятъ чумаки, а соль везутъ на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру« (очевидно опечатка) »ставится въ Херсонь.«

Странно встрѣчать подобное незнаніе мѣстности въ человѣкѣ, который заявляетъ, что лично дѣлалъ наблюденіе въ описываемомъ краю. Объ Алешковскихъ пескахъ спорить не буду, равно и о томъ, что чумаки не ѣздятъ на этотъ городъ. Но любопытно, гдѣ же взялъ г. Данилевскій на Днѣпрѣ село Копани? Кто это разсказалъ ему такую небывальщину? Чумаки не могли выдумать, а кто-нибудь да сыгралъ шутку съ почтеннымъ туристомъ. Точно, есть село Копани, но въ 35 верстахъ отъ Херсони — къ Николаеву, между тѣмъ какъ сочинитель положительно указываетъ, что тамъ грузится соль, да еще и на барки. Кто хоть мелькомъ наблюдалъ низовья Днѣпра, т. е. проѣхалъ по берегу, тотъ знаетъ, во-первыхъ, что по этой рѣкѣ нѣтъ ***Копаней***, и что соль не можетъ грузиться на барки, потому что барокъ здѣсь рѣшительно не употребляютъ. Барки приходятъ сверху чрезъ Пороги, съ лѣсомъ и товарами, но, по прибытіи въ Херсонь, разламываются на дрова, или постройки. По низовьямъ Днѣпра ходятъ двухмачтовыя лодки и дубы, и сколько я знаю, соль берутъ въ селѣ Козачьихъ-Лагеряхъ, которое не далеко отъ Херсони.

»Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливокъ и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. (стр. 176).«

Любопытно бы знать, гдѣ это и когда жены чумаковъ нашли возможность ввести въ свой бытъ такую роскошь?

Читатель видитъ, что статья г. Данилевскаго не можетъ пожаловаться на недостатокъ промаховъ. »Чумаки« читаются легко и были бы занимательны, если бы сочинитель возможно-менѣе давалъ воли фантазіи. Наша личная просьба къ г. Данилевскому будетъ заключаться въ томъ, что если случится ему наблюдать простолюдина, то чтобы по двумъ-тремъ личностямъ онъ не судилъ обо всемъ сословіи.

А. Чужбинскій.

Декабрь 1860.
Петербургъ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА

О РАБОЧЕМЪ СКОТѢ И О »ХВОРОБѢ.«

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ въ Малороссіи, извѣстно, какое мѣсто занимаетъ въ немъ хлѣбопашество, и какое значеніе для хлѣбопашества имѣетъ рабочій скотъ. Не однѣ стародавнія привычки, не лѣность (въ которой такъ несправедливо и легкомысленно привыкли упрекать Малороссіянъ), заставляютъ удерживать систему обработки полей волами, а не лошадьми. Свойство почвы, разнообразіе зерновыхъ хлѣбовъ, у насъ обработываемыхъ и требующихъ глубокой распашки, — конечно, удержатъ еще надолго въ нашемъ хозяйствѣ воловъ, какъ необходимую рабочую силу, т. е. до тѣхъ поръ, пока у насъ не разведутся въ такомъ же количествѣ, какъ волы, рабочія нормандскія лошади, и наши обыкновенные плуги не замѣнятся повсемѣстно Англійскими плугами Гардера; а дожидать этого придется, я думаю, долго. И потому на-долго, очень на-долго, достаточность рабочаго рогатаго скота будетъ непремѣннымъ условіемъ нашего хлѣбопашества, народнаго благосостоянія и богатства. При такомъ значеніи рабочаго рогатаго скота въ нашемъ краѣ, съ промышленными интересами котораго связана не малая часть Россіи, нельзя не обратить особаго вниманія на безпрерывно-возобновляющуюся, можно даже сказать, непрекращающуюся, болѣзнь, извѣстную подъ именемъ *скотской чумы*, дѣлающую ежегодно, то въ одной, то въ другой мѣстности Малороссіи, страшныя опустошенія. Если опустошенія эти чувствительны для каждаго помѣщика, разстроивая его хозяйство, то тѣмъ болѣе потеря рабочаго скота не только разстраиваетъ, но надолго почти уничтожаетъ хозяйство крестьянина. Пара воловъ составляетъ главное, существенное основаніе благосостоянія, относительной независимости крестьянина: нѣсколько лѣтъ трудовъ посвящаетъ крестьянинъ, для пріобрѣ-

тенія вожделѣнной пары воловъ; пріобрѣтя ихъ, — лелѣетъ, бережетъ, и вдругъ — зловѣщая вѣсть: тамъ-то появилась *хворóба!* (этимъ именемъ насываютъ Малороссіяне чуму); *хворóба*, переносится съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, и плоды долголѣтнихъ трудовъ, сбереженій, разомъ погибаютъ, и надо ожидать много лѣтъ, пока крестьянинъ вновь соберется на пару воловъ. Всѣ рекомендуемыя противъ чумы мѣры предосторожности, оцѣпленіе, отдѣленіе больныхъ, подозрительныхъ, и прочее, очень хороши на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Всѣ эти назидательныя мѣры, сопряженыя съ большими издержками и затрудненіями, едва ли могутъ быть примѣняемы въ самомъ благоустроеномъ хозяйствѣ богатаго помѣщика, и положительно не доступны хозяйству крестьянскому. Развѣ можно пресѣчь всѣ сообщенія съ селомъ, развѣ можно разгонять ярмарки, останавливать нолевыя работы? а вѣдь болѣзнь, какъ извѣстно, заносится не однимъ прикосновеніемъ къ больному скоту, но и людьми, ихъ одеждою.

Поэтому, сознавая все значеніе рабочаго скота для земледѣлія въ Малороссіи, мнѣ кажется нужно не столько думать о томъ, кáкъ прекратить заразу, кáкъ ее лѣчить, кáкъ защититься отъ нея, а изслѣдовать постепенность распространенія и развитія заразы, и разрѣшить вопросъ — не было ли какихъ-либо посторонніхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ бóльшая или меньшая степень воспріимчивости рогатаго скота къ заразѣ? Предоставляю серьезныя, научныя, изслѣдованія спеціалистамъ, но мнѣ кажется, есть факты, которые бросаются въ глаза и не спеціалисту. Такъ, справясь съ прошедшимъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что скотская чума, въ старые годы, не была такимъ нормальнымъ явленіемъ, какимъ она сдѣлалась съ настоящаго столѣтія (1). Другая справка съ прошедшимъ указываетъ намъ на повсемѣстно-существовавшее въ Малороссіи обыкновеніе — давать рогатому скоту постоянно въ теченіи круглаго года, соль. Для этого употреблялась соль *ледянка* (каменная соль), доступная, по тогдашней цѣнѣ, 2 р. асс. ($57\frac{1}{2}$ к. сер.), каждому и не богатому крестьянину. Всякій старожилъ, конечно, помнитъ, что

(1) Отецъ мой, умершій, въ 1829 году, 84-хъ лѣтъ, разсказывалъ неоднократно, что скотская чума была совершенно почти неизвѣстна въ нашемъ краю; мѣжду тѣмъ, скотоводство всегда было въ немъ очень развито, чумачество было постояннымъ его промысломъ, и въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, было даже особое товарищество для торговли скотомъ съ Саксоніею. Родной дядя мой, Паськевичъ, былъ главнымъ агентомъ этого общества. М. Б.-К.

было время, когда въ рѣдкой крестьянской избѣ не было куска ледянки, и что такимъ образомъ огромное большинство рогатаго скота въ Малороссіи употребляло постоянно средство, признаваемое и наукою и практикою, какъ наилучшее для сохраненія здоровья, силъ и бодрости животнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣна соли, въ слѣдствіе акциза, возвысилась, (1) употребленіе ея для животныхъ, особенно же ледянки, сдѣлалось недоступно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и весьма рѣдко даже въ хозяйствахъ помѣщичьихъ. Съ этимъ невольнымъ прекращеніемъ употребленія соли для корма рогатаго скота, начала чаще и чаще появляться въ Малороссіи скотская чума, и теперь не проходитъ года, чтобы она не производила опустошеній то въ томъ, то въ другомъ уѣздѣ. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что совпаденіе распространенія скотсной чумы съ прекращеніемъ повсемѣстнаго употребленія соли для рогатаго скота, которое сдѣлалось недоступнымъ по ея дороговизнѣ, что это совпаденіе не есть фактъ случайный, а заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія и вниманія тѣхъ, чье вниманіе и изслѣдованіе можетъ быть наиболѣе плодотворно и повело бы къ благимъ послѣдствіямъ.

М. Бѣлуха-Кохановскій,
помѣщикъ Полтавской губерніи.

1 декабря 1860.
Полтава.

---

(1) Поваренная соль стóитъ теперь, по средней цѣнѣ, до 60 коп. сер., а ледянка — 1 р. 80 коп. Огромная разница въ цѣнѣ той и другой можетъ допустить мысль, что удобно замѣнить для корма скота одну другою; но эта замѣна невозможна, вопервыхъ потому, что скотъ, будучи весьма жаденъ на соль, съѣстъ ее втрое и четверо болѣе, чѣмъ сколько можетъ ее слизать (ледянку онъ только лижетъ), чтó выйдетъ на одно и тоже; а второе, и главное, потому что ледянкá, въ своемъ химическомъ составѣ, имѣетъ весьма важное различіе отъ повареной. Онá имѣетъ горечь, слѣдовательно дѣйствуетъ въ одно и тоже время, и на пищевареніе и на укрѣпленія желудка; а извѣстно, что, въ чумѣ, первымъ видимымъ явленіемъ естъ пораженіе желудочныхъ отправленій. М. Б.-К.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ I.

Не диву́йтесь, добро́дію, що десь на ху́торі довідались уже́, що́ ви тамъ собі у столи́цяхъ ду́маете-гада́ете. Чу́тка про ва́шу *Осно́ву* пройшла́ въ насъ по хуторáхъ уже́ давне́нько. Спаси́бі вамъ за те, що ви на́шого мановця́ украінського не ки́даете; а вже намъ би́тий верстови́й шляхъ очортівъ за сто ро́кивъ. Прямýйте жъ, добро́дію, куди́ заду́мали, не хи́блючи, та й про насъ, хуторя́нъ, дба́йте не по-городя́нській. Всі бо письме́нні лю́де, опрічъ двохъ, або́ трёхъ, кото́рихъ го́лосъ до насъ дохо́дить, ра́ють намъ своє́ хуторя́нське життя́ на міща́нське міня́ти, бо, отъ, ка́жуть, ви въ про́стихъ сви́тахъ та сорочка́хъ хо́дите, а той би́тий и ви́мятий лю́дъ по городáхъ — одягни́й, на́че па́нство, и го́рниці въ ёго на помо́сті, и вікна въ ёго вели́кі, и ла́со вінъ ість, и со́лодко вінъ пъе, и за́бавки въ ёго благоро́дніи, и до книжо́къ вінъ бере́тця охо́чо, и незаба́ромъ зрівня́етця освітою съ пана́ми и зъ Жида́ми; а ви остаете́сь у всіхъ поза́ду....

Коли́бъ ма́ли во́лю сі добро́дії, то вже бъ давно́ на́ши хуторі поспи́сували, росціни́ли вся́кий ступінь землі, позаво́дили бъ на вся́кий ху́тіръ по трахти́рю зъ катери́нкою, и було́ бъ у насъ такъ га́рно та лю́бо, якъ у нихъ отта́мъ де-не́будь на Крестовському, або въ Соко́льникахъ, чи що. Роди́вшись у городáхъ, зрісши въ висо́кихъ пала́тахъ, вони́ нічо́го кра́щого й не ви́думають надъ свою́ па́нську, чи, якъ тамъ ка́жутъ, комфорта́бельну жизнь. А нашъ братъ, хуторяни́нъ, попа́вшись у ту камяну́ Москву́, або́

въ той безо́дний *бурхъ*, ди́вится, ей же Бо́гу, зъ вели́кимъ жа́лемъ на той одягни́й та ла́сий людъ, ди́вится та й ду́мае собі: »Бо́же мій, Бо́же мій! якъ тутъ отсі пани́, у сій тісно́ті, бі́ду́ютъ! Зо́лотомъ сія́е, ¦у каре́ті іде, а яки́мъ во́здухомъ ди́ше!.. Такъ отсе́ вони́, ти́і роско́ши?... Або́, мо́же, отся́ грукотня́, отсе́й го́мінъ, га́ласъ, гукъ, свистъ,—чи не се та пова́ба, кото́рою насъ ма́нять изъ ти́хихъ хуторівъ співу́чихъ до то́і ми́зе́рноі цивилиза́ціі?... Або́, мо́же, отся́ дорожне́та, що чоловікъ не прохарчи́тця и гнилятиною за ті гро́ши, що гірко́ю пра́цею загорю́е,—мо́же, се вона́, та кра́ща до́ля одъ на́шоі убо́гоі, та не голо́дноі до́лі?«

Прома́нтачились городя́не на свої що-ти́жня нови́і мо́ди; проі́лись на свої ла́сощи, проци́ндрили ба́тьківщину на дороги́і за́бавки; пійшла́ полови́на въ старці черезъ той дурни́й на́товпъ, черезъ ту навісну́ дорожне́ту; то вже тепе́ръ на́шого бра́та, хуторяни́на, до се́бе, до гу́рту, да грома́ди, до спільности закликаю́ть. Змилосе́рдились, ба́тче, якъ тамъ ка́жуть, гума́нні лю́де, комфорта́бельні чоловіколю́бці, що скілько-то наро́ду по хутора́хъ не зна́е вели́кихъ благъ цивилиза́ціі, якъ отъ на Крести́вському о́строві мужики́ зна́ють, що ма́ти, мужи́чка въ па́нській шляпці, че́резъ ну́жду, або́ че́резъ леда́чу свою́ воспи́танность, рідну дочку́ продае́; змилосе́рдились надъ на́шою темното́ю, що ми, опрічъ ріллі́ своє́і та па́сіки, та чума́цтва, або́ про́стого ше́вства, краве́цтва, ри́марства, кушнірства, тка́цтва, кова́льства, то що́ таке́, нічо́го въ світі не зна́емо, що́ по чімъ купу́етця и продае́тця: скілько одступно́го взя́ти грішми, або́ чимъ и́нщимъ, за рідного ба́тька, ма́тіръ, бра́та, сестру́ або́ й дитину, якъ ча́сто (ого́, якъ ча́сто!) буває по тихъ цивилізо́ванихъ сто́ронахъ. Боли́ть у нихъ се́рце, у тихъ письме́нныхъ и друко́ванихъ городя́нъ, що ми на́укъ іхъ и слове́сности и́саноі не зна́емо; а про те сі добро́дії й забу́ли, що на одну́ со́тню ро́ківъ по пять разъ вони́ одъ старо́і нау́ки й слове́сности одцу́рувались, и сами́ ще не зна́ють, яко́і віри и яко́го смаку́ бу́дуть пере́дъ сме́ртю. Ми жъ, лю́де про́сті, якъ навчи́лись на варя́зькій чи на литовській, або́ по́льській па́нщині за плу́гомъ до́бре ходи́ти и недолю́дківъ годува́ти, то й до́сі себе́ сами́хъ и білору́кихъ городя́нъ хлібомъ году́емо. Се, здае́тця, не лука́ва нау́ка; а въ васъ, городя́нъ, есть и ехи́дні нау́ки: е въ васъ такі нау́ки, щобъ до віку вічнёго тілько сами́мъ у зо́лоті купа́тись; е въ васъ и таки́і нау́ки, що хто кого́ проведе́ та

зненáцька насяде, тогó велúкимъ чоловікомъ величáють. А въ насъ такúхъ добрóдіівъ зовýть пó-просту пьявкáми та людоідами; ми одъ такúхъ, полú одрізавши, мýсимо втікáти, аніжъ свій рóзумъ и дýшу іхъ лукáвою дорóгою пускáти. Мóже, скáже хто, що не втечемó, ховáючись по своúхъ закапéлкахъ, що доберýтця вонú до насъ колúсь, якъ ужé вúссуть усяку свіжу сúлу округú сéбе, и що, застáвши насъ невмілими своéі всемúрнёі наýки, якъ-разъ підгóрнуть підъ свою кормúгу, и бýде зъ нáми те, що зъ лóндонською и ирлáндською бідóтою: тимъ би то лýчче тóі дóлі лихóі запобігáючи, самúмъ намъ заворушúтись у своіхъ хуторáхъ по-городя́нські и заздалегідь ужé городя́нського дýху и рóзуму набрáтись, бо, кáжуть: *вóронъ вóрону очéй не вúклює!* Тáкъ насъ лякáють и тáкъ намъ рáють тúі вожакú городя́нъ, що вúдумали премýдрость ищé мудрійшу одъ Христóвоі! А ми спрóста, якъ намъ Богъ положúвъ на дýшу, одвітýемо: »Тó ще нá-двое бáба ворожúла, чи бýдемо ми въ городя́нъ підъ кормúгою, чи ні, а жидовіти намъ... ні, се не по нáшій натýрі! Колú жъ ужé спрáвді такá нáша дóля, щобъ намъ до-віку не булó просвітку, то лýчче намъ усімъ однó на одномý повмірáти, аніжъ изъ своéі прáведноі віри та въ жидівську, городя́нськимъ рóбомъ, поперевертáтись?«

Отó жъ нічого намъ, панóве городя́не, симъ дорекáти, що ми, мужикýючи по хуторáхъ и сéлахъ, не такъ-то квáпимось до всякоі нóвоі всемúрнёі наýки, остаючúсь у панівъ и въ жидівъ позáду. Дýмаете, мóже, що ми цурáемось освіти? що въ обскурантúзмі, якъ мовля́ете, ми закохáлися? що рóзумъ нашъ лéжнемъ звикъ изъ дáвніхъ давéнъ лежáти?... Ой, ой, ой! я́къ-то вонó здáлеку химéрно вамъ усé здаéтця! Хтó жъ вúненъ томý обскурантúзмові, колú ви тілько городú знáли освітою забезпéчувати, а намъ не далú вóлі, безъ свогó городя́нського поря́дку, хоть наймéншу шкóлку, по громáдському рóзуму, у сéбе на селі завестú? Рóзумъ нашъ лéжнемъ извúкъ лежáли? Якъ же бъ вонó йнше стáлося, колú дитúну для наýки трéба изъ семъі вúрвати и міжъ такі лю́де заслáти, котóрихъ не знáешъ и не відаешъ, якúмъ вонú дýхомъ дúшуть и щó съ твоéі дитúни зрóблять? Зновъ же й коштъ на ёго положú такúй, за ту городя́нську наýку, що, мóже, тілько съ тúсячи въ одногó господаря́ знáйдетця на те й достáтокъ. Ужé жъ вонó, учúвшись тамъ міжъ городя́нськими діть-

ми, и одъ прóстої свитúни, и одъ прóстихъ звичáївъ та й одъ рíдної мóви своéї одвúкне. Якúй же зъ ёго бýде семъянúнъ у прóстій хáті, міжъ прóстими селянами? Лýчче жъ ёмý въ бáтька та въ мáтери прóстого господáрства навчúтись, аніжъ чужúмъ у рідну сéмъю съ тимú наýками вернýтись. Отъ воно́, якъ у насъ рóзумъ нашъ лéжнемъ лежúть. Про се ви, городя́не, не турбýйтесь. Мóже, колúсь нáша громáда впóрается зъ дíломъ та полáгодить дé-що, що ви жъ намъ, набігáючи до насъ, для порядку попсовáли, та тоді вже своéю вóлею и своімъ рóзумомъ розберé, до якóї наýки трéба дітóкъ изъ-мáлку вправля́ти, —тілько такъ, щобъ и въ наýку дитúна вбивáлась, и одъ ледáчого товари́ства городя́нського не псовáлася. Бо, по нáшому прóстому рóзуму, то́ ще не велúке ді́ло, якъ одно́ знайти́, а дрýге втеря́ти. Спасúбі вамъ за тихъ високовоспúтанних козáчихъ, або́ мужúчихъ, дітéй, що зъ нáшимъ брáтомъ не вміе вже й заговорúти! Спасúбі вамъ и за тихъ розýмних людéй, що якъ понаізджáють изъ городівъ до насъ у гóсті, то въ мáтери сéрце не на місті за своіхъ простовáтихъ, неполóханихъ ищé, щúрихъ душéю дóчокъ, пóки панича́ съ хýтора, або́ зъ госпóди не збýде! Спасúбі вамъ за тихъ вúвяленихъ женихівъ, що своіми грішми вáблять до сéбе найдорóжший цвітъ хуторя́нокъ и селя́нокъ! Не хóчемо ми ніякихъ благъ цивилизáції, колú, за сі блáга, діти нáши не вмітимуть изъ нáми, підъ нáшу стáрість, розмовля́ти, колú воні́ насъ, а ми іхъ, черезъ іхъ велúку освіту, не розумітимемъ! Беріть собі на-вікú и не пускáйте до насъ вáшихъ малёванихъ паничівъ, що вміють дівóчимъ рóзумомъ и сéрцемъ, якъ пахýщою квіточкою, що-дня міня́ючи, забавля́тися! Нехáй догнива́ють у васъ по городáхъ тúі пóскрібки цивилизáції, що, мовъ зъ домовúни упирі, на свіжу кровъ кúдаютця! И нехáй лýчче ми бýдемо до віку вічнёго въ лáтаній сіромя́зі ходúти, аніжъ людськúі слёзи квартáми міряти!

Се вамъ, городя́намъ, цивилизóванимъ лю́дямъ, óдповідь нáша на вáши зазúви до спільности зъ вáми, до наýки, до практúчнёї мýдрости, одъ котóрої половúна зъ васъ у зóлоті купáетця, а половúна въ вонючій грязі тóне, одъ пекéльної робóти чýчверіе и зъ гóлоду гúне. А що ми словéсности вáшої книжнёї не знáемо, то скажіте самú: що́ жъ би съ тóго за добрó було́, колúбъ ми, сто літъ назáдъ, те жъ самé, що й ви, читáли, и того́ самóго смакý, що й ви, набірáлись, та начитáвшись и набрáвшись того́

ли́ха, якъ жа́ба грязі, почали́ ва́шимъ ро́бомъ у сво́іхъ хутора́хъ и се́лахъ ходи́ти? Чи ска́жете, мо́же, що то́ була́ па́косна, по́зи́чена слове́сность, кото́рої ви вже тепе́ръ одцура́лись и вже намъ тепе́ръ хоро́ші книжки́ друку́ете? Згада́йте жъ, бу́дьте ласка́ві, у кото́рий се вже разъ ви намъ такъ гово́рите, *ви*, письме́нні, городя́нськиі лю́де, почавши съ того́ старода́внёго віку, якъ ва́ши прапра́щури *сме́рдомъ* на́шого бра́та записа́ли? Аже́ жъ ви зна́ете по старосвітськихъ книжка́хъ, що Іезуіти и и́нші катели́цькі по́пи, ще кра́ще одъ васъ говори́ли про душе́вну освіту, и по се́лахъ босоно́гі ми́ссіі розсила́ли, мовъ би нови́хъ апо́столівъ постанови́вши, и бага́то зъ насъ до то́і ома́ни покла́пилось и одъ про́стої віри мужи́чої (1) одщепи́лось.... Що́ жъ ви́йшло? Брехня́, та й го́ді!... Та чи одні жъ катели́ки по города́хъ лю́дей и віршами, и вся́кою и́ншою слове́сностю обду́рювали? Исто́рия обма́ну до́вша, якъ-би́ іі списа́ти, одъ исто́ріи щи́рої пра́вди, — що, якъ-би́ перетрусі́ти всі книга́рні, якъ-би́ хто взявъ у ру́ки тако́го ціпа, щобъ уве́сь той да́вній и неда́вній мо́тлохъ перемолоти́ти, то чи́стого, пра́ведного зерна́ чи набра́лось би й съ ківшъ. Сами́ ви се до́бре зна́ете, а намъ изъ своіми книжка́ми набива́етесь.... О, бо'да́й васъ, цивилиза́торівъ! У васъ усе́ тільки *сбытъ и потребленіе* на умі! и якъ-би́ ввесь миръ закипівъ то́ргомъ, то вамъ би й ра́ю Бо́жого не тре́ба.

Отъ же въ хутора́хъ не ду́же городя́намъ віри дойма́ють. Мо́же, ви й спра́вді поробили́сь уже́ свяги́ми, надиви́вшись на свої старі гріхи́, та хто́ жъ намъ за васъ у пору́ки ста́не? *Зда́вся Ци́ганъ та на свої діти....* чи не така́ бу́де пору́ка? Ва́ша пра́вда — въ Бо́га на су́ді, а передъ очи́ма въ насъ — тільки ва́ша кри́вда, почина́ючи съ то́го да́внёго віку, якъ ва́ши письме́нні, вельмо́жні, и бога́ті пре́дки прозва́ли и записа́ли на́шого бра́та сме́рдомъ. Тимъ-то й не и́мемо ни вамъ віри, хочъ, мо́же, ви вже й присвяти́лися. Не ду́рно бо гово́рять: *Брехне́ю світъ прійдешъ, та наза́дъ не ве́рнесся!...* Що́ жъ намъ ва́ша слове́сность друко́вана, коли́ сами́ ви намъ изневірились?... Що ви іі собі вподо́бали, се намъ байду́же, бо ви й про Вольте́ра (або́ ва́ши ді́ди́, все одно́) на пупъ крича́ли, що притьмо́мъ світъ

(1) Chłopska wiara — такъ всі катели́ки на Вкраі́ні взива́ли на́шу віру въ XVI, XVII и XVIII вікахъ.

по́слі тьми осия́въ миръ; а Вольте́ръ самъ написа́въ, що слу́гамъ и че́рні нічого ёму́ сказа́ти: се бъ то ёго́ пу́блика — самі пани́, самі просвіще́нні. Ви такъ не гово́рите, якъ говори́въ и надрукува́въ вели́кий учи́тель ва́шихъ пре́дківъ-городя́нъ. Ви вже не наха́бою, якъ тоді води́лося, а лагіднимъ сло́вомъ, силку́етесь прилу́чити на́съ до гума́нної (лу́чче бъ гуме́нної) грома́ди. Ласка́венько насъ велича́сте мужичка́ми, и вже соло́дкимъ па́нськимъ голоско́мъ гука́ете: *Паслушай! паслушай! эй ты! какъ тьбя, любьзнай, завутъ? Полно тьбь сидьть за чаркаю па васкрьснымъ днямъ съ сасьдамъ: лучшь на́, вотъ, пачитай книшку, прасвьтись маленька, друкъ ты нашъ спрдьчнай!* И ду́маете, що въ васъ *есть* що́ сказа́ти и слу́гамъ, и пото́мкамъ тихъ сме́рдівъ старосвітськихъ, що Варя́гамъ па́нщину робили. Эге́, ма́буть, що есть, коли́ мужичо́къ и *друкъ спрдьчнай* маха́е тільки руко́ю одверта́ючись! Коли́ жъ візьметця до кни́жки, то въ тій кни́зці не бу́де ва́шихъ химе́ръ соло́дкихъ: ту кни́жку написа́ли лю́де, кото́рі сами́ зна́ли ну́жду й напа́сть уся́ку, кото́рі не мча́лись ви́хремъ зъ дзвонка́ми черезъ убо́гі се́ла, а своіми нога́ми захо́дили до люде́й у ха́ту и на ни́ву та, приголу́бивши до се́бе діте́й мужи́чихъ, ро́бомъ свого́ Учи́теля благо́го, — говори́ли пра́веднимъ сло́вомъ до люде́й, навча́ючи іхъ ду́ши спаса́ти, а не кише́ні грішми начиня́ти. Отту́ кни́жку чита́ли на́ши пре́дки за ти́сячу ро́ківъ до насъ, та й каза́ли: *пра́вда!* Ту кни́жку й ми чита́емо, та й гово́римо: *пра́вда, на-віки пра́вда!*... А ви про свої книжки́ сто літъ наза́дъ крича́ли: *пра́вда! ще кра́ще одъ само́ї пра́вди!* а тепе́ръ про ті жъ самі книжки́ на ввесь миръ репету́ете: *брехня́! а отсе́, що ми сами́ написа́ли, отсе́ вже пра́вда!* Такъ кого́ жъ ви ду́маете моро́чити? малу́ дити́ну, чи що́? Мала́ дити́на пійме вамъ віри, а ми́, сла́ва Бо́гу, ти́сячу ро́ківъ, якъ себе́ зазна́емо и, почавши одъ 'Олегівъ, кото́рі до насъ на гото́ве прийшли́, надивили́сь дово́лі на всяки́хъ ошука́нцівъ.

Були́ видю́щі и сліпі́,
Були́ и шта́тські и воє́нні,
Були́ и па́нські и казе́нні,
Були́ миря́не и попи́.

Отта́къ ми, добро́дію, одка́зуемо тимъ экономи́стамъ ва́шимъ столи́чнимъ, або́ й тимъ пра́ктикамъ-поэтамъ, кото́рі надъ міща́нина, та надъ пра́сола, та надъ цивилізо́ваного куцака́ нічо́го й

кра́щого въ світі не зна́ють. А ви, добро́дію, пе́вно не пора́сте на́шому бра́ту, хуторяни́ну, свій ти́хий холодо́къ на ту грукотня́ву та спе́ку міня́ти, або́ съ про́стої сви́ти въ ти́ї дорогі одежи вбіра́тися. На ва́шу *Осно́ву* ми зъ до́брою надіею споглядаємо. Ми й сами́ вже такъ мірку́емо: що нема́ и въ світі кра́щої оде́жини, якъ на́ша про́ста сви́та. Якъ поду́маешъ, черезъ яки́ї вчи́нки лю́де собі ти́ї саети та оксами́ти добува́ють, то, да́лебі, вона́ въ на́шій ду́мці ссяе кра́ще всякого дорогого ка́меню на тихъ жупа́нахъ, або́ широ́кихъ па́нськихъ су́княхъ, — що ні одна́ жъ то гірка́ слёзи́на на те шорстке́ ткання́ не покоти́лася!... Да́лебі, здае́тця вона́ намъ яко́юсь ніби свято́ю ри́зою; и въ одного́ Бо́га тілько кра́ща оде́жа, якъ роскине́ вінъ ії одъ кра́ю до кра́ю небеси́, усю́ въ зо́ряхъ блискучихъ.

Неха́й собі гуркотя́ть и сви́щуть чугу́нки, кому́ іхъ тре́ба. Коли́бъ намъ було́ тре́ба того́ ди́ва, то й ми бъ собі зробили, бо грома́да — вели́кий чоловікъ и якъ схо́че, то на все до́бре спромо́жетця. Що́ жъ, коли́ не прийшо́въ ще́ нашъ часъ про чугу́нки дба́ти? Ще, мо́же, тре́ба пе́рше дворі́ й хати́ повимітувати та тогді й до більшого ділa бра́тись. Ато́ — тутъ насъ сміттямъ и всякимъ гно́емъ зака́дано, а намъ, забу́вши про свою́ бідола́шню госпо́ду, слідо́мъ за чужозе́мцемъ бігти!... Ні, ми такъ собі ділo розбіра́емо, що, коли́ тре́ба на́ щось, щобъ одні лю́де, якъ отъ Ангеля́не, попе́реду всіхъ ишли́, то, ма́буть, и те тре́ба, щобъ и́нші, якъ отъ ми, украи́нські хуторя́не, поза́ду зоставалися. Коли́ тре́ба, щобъ одні по города́хъ чу́чверіли, я́къ отъ на́ши бу́рховці, то, ма́буть, и те́ тре́ба, щобъ дру́гі по хутора́хъ и се́лахъ міцни́мъ, неліченимъ здоро́вьямъ, на́че дуби́ зелені, тве́рдо на своїй рідній землі стоя́ли. Зновъ же, коли́ тре́ба на світі таки́хъ, щобъ уся́ку премудрость кни́жною розуміли, то, пе́вно, тре́ба й те, щобъ чоловікъ чита́въ тілько одну́ кни́жку, вели́кий Завітъ вели́кого всеми́рнёго Учи́теля, а Бо́жній миръ розумівъ більшъ се́рцемъ, ніжъ голово́ю. Бо й сами́ отті цивилиза́тори неха́й би ро́зумомъ своімъ збагну́ли: що́ бъ то було́, якъ-би́ нашъ братъ оддався все́ю душе́ю ще іезуїтській нау́ці (а Іезуіти про́бували вчи́ти насъ и зъ го́лою ша́блею)!... Цивилиза́ція, ка́жуть, веде́ чоловіка до всякого ща́стя.... А якъ же ні?... Що́ тоді, пано́ве? де́ тоді візьмете люде́й свіжихъ душе́ю и міцни́хъ здоро́вьямъ, щобъ и́ншимъ ро́бомъ зопсо́вану по всій землі жизнь по-

правити?... Такъ покиньте жъ хочъ насъ, будьте ласкаві, по хуторахъ про запасъ: може, ми вашимъ правнукамъ згодимося. Пишіть собі тамъ и друкуйте що-хотя. Може, воно й добре кому слухати васъ, тілько не намъ. У насъ, панове, наука своя, тисячолітня: вона навчила насъ більше слухати праведного Слова Божого, аніжъ лукавої панської мови. Колибъ ви такъ учили, якъ учивъ Христосъ, то ми бъ васъ послухали одразу, ато ви учите не Богові, а мамоні служити; золотому идолу розумною своею головою кланяетесь, думаючи, що пійшли ще дальшъ самої Евангелиі.... »Просвітились«, якъ той мовлявъ,

. . . . та ще й другихъ
Хочуть просвітити;
Сонце правди показати
Сліпимъ, бачишъ, дітямъ....

Покиньте, кажете, свої прості хуторянські звичаі — будете багаті. А на що жъ намъ, панове, багатшими бути? Хиба въ насъ істи й пити нічого, або нема сорочки, свитини й кожушини, або не тепло намъ у нашій хаті, або нема простору кругомъ хати, або ні за що намъ справити по своему закону весілля, чи родинъ, чи хрестинъ, чи чого? На що жъ намъ те навісне багатство? Хиба на те, щобъ ожидовіти? щобъ не така душа була въ насъ проста и милосердна? Або на те, щобъ, покидавши свою дешеву, тисячолітню одежу, рватись усіма силами, щобъ на городянську пиху спромогтися, на ту ледащицю моду, що на рікъ по пять разъ перекроюе сукню, наче мала дитина, гуляючи въ ляльки? Або, може, на те, щобъ занедбавши свої прості звичаі, вкинутись у той дурний комфортъ, у ту идольску роскішъ, що нема ій ні міри, ні впину, ні наспту?... Добре намъ раете, спасибі вамъ! А по-нашому, такъ чоловікові за свою просту, домотканую свиту треба обома руками держатися. Се его воля! Се его затула одъ дияволькоі покуси— моди, котора васъ, городянъ, до тяжкої роботи або до лукавихъ вигадокъ и видумокъ день и нічъ поганяе. Тимъ-то борони Боже, якъ-би всяке въ насъ до книжокъ городянськихъ хапалося, покинувши свою едину книжку, та й поняло вашимъ книжкамъ віри більшъ, ніжъ тій спасенній, праведній книзці! Було бъ, може, те, що всі зжидовіли бъ и за гроши рідныхъ батьківъ попрода-

ли. Що тамъ десь, за мóремъ, шматóкъ Амéрики цивилизáцію трóшки на дóбрий ладъ бýцімъ-то справивъ, идучи попередъ усёго свíту, то се ми знáемо и рáдуемось. Нехáй тимъ людцямъ хорóшимъ та богобоязлúвимъ и до конця слýжить фортýна у велúкому дíлі. Тілько жъ намъ рáно ще слідóмъ за нúми бíгти, не впóравшись пéрше съ тимъ, исъ чимъ вонú дóбре впóралися. Якъ жé намъ, удáвшись не по своéму рóзуму и не по своíй розýмній вóлі, у цивилизáцію, та тимъ тілько зробúти зъ сéбе ні Бóгу свічку, ні чóрту кочерéжку, то лýчче намъ у своíй шорсткій корі ще рóківъ зъ сóтню пережúти та тогді вже íї зъ сéбе злýщити, якъ не стáне въ насъ на Вкраíні дé-якої пóгані, котóра у всяке дóбре дíло мішáетця и всяке дóбре дíло псуé и нівечить.

Такъ ми, добрóдію, про городянські науки и городянську словéсность собі міркуемо. Прошý вáшої ласки, надрукýйте сей листъ мій у своíй *Основі*. Нехáй тúї комфортáбельні чоловіколюбці не дýже надъ нáшою дóлею вболівáють. Не погáна дóля нáша, хліборóбська й чумáцька, хвалúти Бóга! Не проміняемо ми íї на городянську, ніби-то крáщу, и свúти своéї чéсної и неповúнної не оддамó ні за які саéти и оксамúти. Колú жъ моé слóво припадé й гéть-то вамъ до смакý, то я не зарікаюсь до кóжної вáшої книжки свій листóкъ доложúти и про все, щó ми, гутъ сúдя, чýемо, абó читáемо, и якъ про щó собі потúху гýторимо, вúслебизувати. Ви свою *Основу* видаетé про насъ, Украíнцівъ, то трéба й знáти вамъ, якъ ми про щó дýмаемо. Мóже, добрóдію, и въ васъ у *Основі* бýде щó не по-нáшому, то вже — вибачáйте — не вмóвчимо, а такъ-такú, якъ воно здáстця намъ, такъ вамъ гарнéнько й вúспіваемо. Хвалú жъ одъ насъ нíякої не ждíте, бо съ тóго вамъ корúсти булó бъ не багáто.

Хуторянúнъ.

ВІСТІ.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(Декабрь 1860.)

.... Ми собі такъ мизькуємо, добродію, що »Основа« повинна бути на рідній українській мові, та вже ви, мабуть, се діло знаете лучче, ніжъ ми. Отъ же ми все-таки будемо сподіватись, що, чимъ-дальшъ, »Основа« вся буде въ нашій любій мові,

»Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла.«

Українська мова годиться не для одніхъ віршівъ; на ій и теперъ можна говорити й писати *про все наше*, такъ-таки, якъ и на иншихъ. Такъ собі думаючи, пишу до васъ первиі вісті по-нашому; може, на мій листъ обізвутця зъ другихъ сторонъ розумніши люде и придатніше напишуть. Оттакъ, по-трохy, по-трохy, та й дійдемъ до того, що про все писатимемъ по-українськи. Бо чи тожъ-таки не соромъ — лізти до сусіда въ кишеню за словомъ? хиба у насъ свого нема? Пора, пора намъ додуматьця до власноі літературноі мови.

I.

Починаючи листи зъ Полтави, першъ усёго скажемо, що ми не будемъ дуже широко розмовляти: буде зъ насъ и того, що подамо землякамъ звістку объ усякімъ громадськімъ ділі, хоча бъ воно здалося й непоказнимъ, бо кожне громадське діло — не саме тільки діло, або случай, а разомъ и велика исторична робота. Ні яке діло само-зъ-себе не родитця. Не збудуешъ будинку, не

поста́вивши зпе́ршу сторчівъ; такъ-са́мо и жо́дна розу́мна робо́та не бу́де міцна и кріпка, якъ не ма́тиме підъ собо́ю сторчівъ,— да не зра́зу вона́ й ви́явитця. Одно́ коліно люде́й поста́вить сторчі для яко́го-не́будь розу́много ді́ла; дру́ге ви́веде, на тіхъ сторча́хъ, стіни; тре́йте, зновъ, постано́вить кри́шу, а четве́ртому вже доведе́тця тамъ и жи́ти. Такъ на всімъ Божімъ сві́ті ро́блятця громадські ді́ла, — ті́ будинки ро́зуму, добра́ и сла́ви. Хто до сёго́ ще не доду́мався, неха́й же пи́льно вди́витця въ жизнь якъ не свого́, то и́ншихъ наро́дівъ.

Ска́жемо свою́ коротеньку річъ до шано́вної грома́ди. Любі мої земляки! Не ре́мствуйте ду́же на ме́не, коли́, ча́сомъ, чого́ не вподо́баєте въ моіхъ ли́стахъ: бо ви до́бре зна́єте, що се пе́рвий почи́нъ писа́ння вісте́й на на́шій рі́дній мо́ві. Чи спосо́бна вона́ для таки́хъ ли́стівъ — поба́чимо.

Почне́мъ на́ши вісті про Полта́ву зъ того́, що найбли́жче лежи́ть коло на́шого и грома́дського се́рця, въ чому́ найбі́льший вжи́токъ для наро́ду вбача́емо, що ро́бить люде́й и розу́мними, и до́брими, и правди́вими, — се бъ то гра́мота и шко́ли.

Зъ 1859 ро́ку на 1860, въ Полта́вськихъ шко́лахъ учи́лось: *хло́пцівъ* — въ гимна́зіи — 371, въ каде́тському ко́рпусі — 371, въ духо́вній шко́лі — 193, въ повіто́вій — 40, въ прихо́дскій — 42, въ шко́лі чистопи́сцівъ — 50, въ шко́лі п. Таксіса — 28, въ нім́ецкій — 28 и въ евре́йскій 19; *дівчатъ* — въ институ́ті для панночо́къ — 208, въ прию́ті — 37, да въ ча́стнихъ шко́лахъ п. п. Лерцеръ, Кемингъ, Дейнеки и Антипової — 176, а всіхъ хло́пцівъ и дівча́тъ 1557. Здава́лося бъ, що для го́рода, въ котро́му живе́ дюде́й 27,000, бі́льше й не тре́ба, — тільки жъ ні. Сіми шко́лами ну́жда наро́днёі гра́мотності ду́же не здовольня́лась, бо тутъ учи́лись діти самихъ богачівъ та панівъ, а несироміжніхъ люде́й. Звісне ді́ло: въ одній шко́лі — *штатъ*, у другій — *вели́ка пла́та*. Всі вбача́ли, яка́ вели́ка *тре́ба* наро́днёі гра́мотності у на́съ передъ очи́ма, всі зрозуміли, що нау́ка и гра́мотность однаковісенько поле́зні и тімъ, котрі ду́мають бу́ти коли́сь су́ддями та енера́лами, и тімъ, котрі весь вікъ звіку́ють — хто надъ обруче́мъ, хто за чо́ботомъ, хто за плу́гомъ. День одо дня, часъ одъ ча́су, ну́жда въ гра́моті чу́лася бі́льше и бі́льше. Спаси́бі Бо́гу, найшли́сь до́брі лю́де, що помогли́ наро́ду въ бі́дї, и 1860 рікъ на-віки-вічні зоста́нетця памятни́мъ для Полта́ви; бо

ще тільки недáвно блúснувъ світъ грáмотності на нáшихъ тéмніхъ братівъ. П. Злигостовъ завівъ шкóлу при городскій тюрмі, и самъ чотúрі рáзи у тúждень хóдить учúть тамъ дітéй. Квітня 24-го одкрúта у насъ недільна безплáтна шкóла; въ неі, зъ пéрвого рáзу, прийшлó учúться 35 душъ; міжъ нимú булú и семилітки и сороколіткі; тепéръ въ сій шкóлі ýчитця трóхи не 200 душъ. — Недáвно педагогúчна рáда 'тсіі шкóли вúпустила до громáди печáтний листъ, котрúмъ запрóшуе всякого, хто захóче завітáть у шкóлу, абó на рáду, викáзувати чи на речáхъ, чи на папірі, своі увáги и дýмки про шкóлу. Се ділó дýже дóбре, бо нехáй бýде хочъ якúй розýмний чоловікъ, а все-такú громáда розумній відъ ёго; самá громáда повúнна робúти, й найлýчче зробúть, своé громáдське ділó.

Щé зъ 1858 рóку стáли у насъ дýмать, якъ би завестú дівóчу шкóлу: дýмали про сé тільки самú учителі, а громáда, мовъ вельмóжна пáні, седíла собі зложúвши рýки, а чéрезъ тé и ділó йшло дýже тýго. Ми ужé трóхи-трóхи не сказáли, що ще не дорослú ми до тóго, щобъ завóдить дівóчи шкóли, ажъ-ось—то сякъ, то такъ, а дóбра дýмка не загúбла безслідно, и 26 сéрпня одкрúли Дівóче Учúлище, у котрімъ тепéръ ýчитця 203 дівчáтъ; мижъ нимú é и панночкú, и крепáчки, и купцівни, и міщáнки, и козáчки. За Полтáвську дівóчу гимнáзію довóлі ужé говорúли, а ми одъ сéбе скáжемо тільки óтъ-що: якъ нáша шанóвна громáда и далі бýде чужúми рукáми жаръ загрібáть, то гимнáзія, постóявши сімъ літъ, у котóрі ніхтó зъ учителівъ не брáтиме плáти за свою прáцю, на вóсьме літо бýхне; бо тоді бýде потрібно що рóку 15,000 карбóванцівъ, — а дé вонú? Прáвда, Полтáвська громáда купцівъ (пáнська громáда ще мовчúть) положúла давáть одъ сéбе що рóку на гимнáзію 500 р., та й тó, на рáді у дýмі, одúнъ багáтий купéць загомонівъ такъ: »нáша громáда не тільки неповúнна давáть грóши на гимнáзію, а намъ и гимнáзія не потрібна: бо зъ нéі вúйде не пóльза, а такé безголúвье, що й сказáти не мóжна!« Щó máете робúти! Е ще по світу лю́де и такúй розýмні, що кáжуть: »по насъ, абú булú дúні да кавунú,— ми и безъ грáмотності проживемó;—а-жъ батькú нáши жилú?«— и такúй підслúповаті, що не тільки самú не вірять въ пóльзу одъ наýки, а ще й другúхъ лáють и бьють за тé, що зъохóчуютця учúтись.

Наро́дня охо́та я́сно пока́зуе, що потре́ба гра́мотності у насъ ще не вдовольни́лась и нови́ми шко́лами. Одно́му чоловіку въ Полта́ві прийшла́ ду́мка завести́ въ пра́зники наро́дні чте́нія и росказни про те, що́ пови́нне зна́ти уся́ке. Для наро́ду се було́ бъ ду́же до́бре ді́ло, коли́ бъ воно́ не оста́лось ті́лько одно́ю ду́мкою. Ще бъ кра́ще, коли́ бъ завести́ у на́съ наро́дній теа́тръ и книга́рню, щобъ ко́жному неспроміжнёму мо́жна було́ бра́ти книжки́ и чита́ти безъ гро́шей. Въ Полта́ві е дві книга́рні: Изопо́льською и Чижака́, а ні въ одній, да таки й ніде́, нема́ дешёвихъ наро́дніхъ книжо́къ. На що́ лу́чче! у насъ и до́сі нема́, на на́шій мо́ві, свято́го Ева́нгелія! А придивітця-лишъ до сі́льскихъ школя́рівъ, и за́разъ поба́чите, що́бъ то́ за вели́ка була́ по́льза, коли́ бъ тихъ школя́рівъ учи́ли не на церко́вній, а на рі́дній украї́нській мо́ві, котру́ дити́на чу́ла зма́лечку и котро́ю вона́ промо́вила пе́рве сло́во. Не одбива́лась би дити́на одъ роди́ни, не лі́зла бъ въ канцеляри́сти, а остава́лася бъ у рі́дній ха́ті, при своей ріллі, — здала́сь би на добро́ и собі й лю́дямъ, — та й до нау́ки бра́лися бъ охітні́ше; ато́ въ Полта́вскій губе́рніи на 130 селя́нъ дово́дитця *оди́нъ* тільки письме́нний... Чи то́жъ не со́ромъ?

Олекса́ндръ Перехо́довець.

зъ г. Борзни (Черниг. губ.)

(29 ноября 1860.)

— — »Спаси́бі, ка́жуть, спаси́бі за »Осно́ву«, вели́ке. А якъ яке́ спаси́бі, то й за гро́ші, мовля́въ, не ку́пишъ. Неха́й же вамъ Госпо́дь спори́ть... Коли́ уподо́бали моє́ *писа́нне*, то неха́й воно́ вамъ бу́де *на вхідчини*, коли́ не побре́згаете и на́шою кри́хтою.

Що́ жъ вамъ до́брого сказа́ти? Тепе́ръ 29-те ноября́, а у на́съ га́рно на дво́рі якъ у Бо́га за дверми́: зе́лено, якъ на́ весні; у́тки хлюпо́щутця, а гу́си усе́ герче́чуть и здійма́ютця, мовъ летіть хо́чуть. Лю́де ка́жуть—гнила́ зима́ бу́де: го́ренько жъ на́ше, якъ снігъ не ви́паде! И торішню зіму, у Пили́півку, ще паха́ли,—десь и тепе́ръ такъ бу́де; усе́ то въ сві́ті змині́лось... и лю́де. Було́, объ Мико́лі уже́ й лашту́есся на Московщи́ну зъ

України; було́ тільки й ду́мки аби́ Сеймъ перемахну́ть, щобъ лідъ не провали́вся підъ на́ми, тепе́ръ—що́ ёго́ й робити́? и тамъ ще, ка́жуть, грязю́ка...:

Ось що́: ка́зану річъ вамъ скажу́, а не свою́. Дівчина одна́ мені такъ одповіда́ла: »У насъ е́ тепе́ръ шко́ла, и за ста́рого попа́ була́, да ма́ло учениківъ. На́кидомъ бере́ старшина́ учи́ть, пла́чуть и кудкуда́чуть ба́тько й ма́ти, а тре́ба 'дда́ть!... ба́чте, тре́ба сви́точку ши́ть, а ні-за-що спомогти́ся, и веля́ть чи́сто води́ть. Иноді піпъ и самъ захо́дить по ха́тамъ, такъ ёму́ й гово́рять: »да́йте чо́боти дити́ні, да й беріть.«

А у насъ, въ Бо́рзні, и до́сі не ви́дно неді́льної шко́ли, бо нема́ односта́йности, однодумства въ грома́ді.

зъ-підъ нѣжина (черниг. губ.)

— — Ось-що росказа́ла мині одна́ перепеча́йка: »ста́ли каза́ть, що при́слана така́ бума́га, щобъ попи́ діте́й учи́ли гра́моті, Бо́же, якъ израділи! оце́ *моя́* (дочка́ десятилітня) усе́ сиди́ть у вікна́, усе́ гулькъ та гулькъ у вікно́: да чому́ уже́ той піпъ не йде́? И я рада, щобъ учи́ли мою́ дити́ну. Я у одно́му селі була́, а тамъ дівчина пятна́дьцяти годъ—якъ гукне́ співа́ть на кри́ласі, дакъ и ду́маю: коли́бъ и мою́ взяли́! та́къ же причудесно, якъ я́нгелі зъ не́ба. Да поду́маешь — якъ же́ житло́ таке́, що ви́йде за́міжъ, та несча́сне бу́де, дакъ нехай у́читця: хочъ розу́мне бу́де. *Воно́* не бага́то у ме́не зро́бить.—Отъ, діжда́ли, почали́ збира́ть. діте́й по селу́: въ одинъ де́нь три́дцять душъ. Зібра́ли молебна, до дакъ и́нше и не перехри́ститця-поспіша́е, да такъ и цілу́е Ева́нгеліе, такъ и па́дають, якъ ті овеча́та до водопо́йла.«

изъ полтавы.

(6 декабря 1860.)

Полтавская Женская Гимназія. Добрыя дѣла имѣютъ истинное свое значеніе, когда совершаются въ тишинѣ, спокойно, безъ возгласовъ, безъ напрашиваній на рукоплесканія, безъ разныхъ наружныхъ

обстановокъ. Это неоспоримая христіанская истина для тѣхъ, кто дѣлаетъ доброе дѣло: но она необязательна для тѣхъ, кто его видитъ; постороннему свидѣтелю позволительно выявить доброе дѣло и возбудить къ нему сочувствіе общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи и съ этою цѣлью, я намѣренъ разсказать о происхожденіи и учрежденіи Полтавской женской гимназіи (1). Официально называется она женскимъ училищемъ 1-го разряда, но учащіе и учащіеся и все общество не называютъ её иначе, какъ женская гимназія, а потому и я удерживаю это названіе для женскаго учебнаго заведенія, открытаго въ Полтавѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1860 года.

Я не нарушу той благородной скромности, съ которою началось, устроилось и осуществилось предположеніе объ этой гимназіи; я не назову ни чьего имени, а постараюсь представить только бѣглый очеркъ знаменательнаго событія нашей общественной жизни.

Одинъ изъ преподавателей Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ концѣ 1857 года, сообщилъ двумъ-тремъ своимъ товарищамъ мысль свою о пользѣ, которую могло бы принести, въ настоящее время, учрежденіе женскаго открытаго учебнаго заведенія въ Полтавѣ; для осуществленія такого предположенія, однимъ изъ надежныхъ ручательствъ признавалъ онъ согласіе учителей принять на себя безмездное преподаваніе въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Благородная мысль скоро встрѣтила сочувствіе. Не прошло недѣли, какъ болѣе 20 учителей кадетскаго корпуса, гимназіи, института благородныхъ дѣвицъ, выразили готовность жертвовать своими трудами. Въ тоже время и въ томъ же кругу, супруги и сестры учителей изъявили желаніе принять на себя званіе классныхъ дамъ, и дежурить поочередно въ предполагаемой гимназіи. День ото дня увеличивался рядъ великодушныхъ людей, жертвовавшихъ своимъ трудомъ, и скоро не осталось въ Полтавѣ ни одного почти учителя, который бы не принялъ участія въ этомъ честномъ дѣлѣ.

Когда, такимъ образомъ, положено было основаніе предпріятію, учредители сочли долгомъ заявить о своемъ намѣреніи мѣстному начальству получили разрѣшеніе имѣть частныя совѣщанія, для составленія проекта гимназіи и обсужденія нѣкоторыхъ мѣръ для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріяльныхъ средствъ.

---

(1) По особому случаю, я имѣлъ возможность узнать всѣ сообщаемыя здѣсь подробности и буду радъ, если благородное дѣло получитъ наибольшую извѣстность посредствомъ журналовъ. *Соч.*

Между-тѣмъ, 29-го мая 1858 года, послѣдовало положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи котораго учрежденіе въ Полтавѣ женской гимназіи, могло принять офиціальную форму. Пока шла переписка, въ обществѣ начало болѣе и болѣе выражаться сочувствіе къ предположенію. Явились денежныя приношенія, подписки на ежегодный взносъ на извѣстное число лѣтъ, предприняты спектакли любителей, лотереи, и мало-по-малу къ тому времени, когда попечитель Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговъ, разрѣшилъ открытіе женскзго училища, утвердивъ съ нѣкоторыми измѣненіями здѣшній проектъ,—въ пользу гимназіи уже составилась наличная сумма до 3,400 р. да по подпискамъ на ежегодные взносы, отъ 5 и до 7 лѣтъ, 950 р. Но предстоялъ вопросъ: рѣшаться ли съ этими средствами открывать гимназію, на ежегодныя издержки которой, независимо отъ первоначальнаго обзаведенія, потребуется не менѣе 2,000 р. Собрались учредители — и твердые въ своемъ великодушномъ намѣреніи—трудиться безмездно въ теченіи 7 лѣтъ, твердые въ убѣжденіи пользы, которую принесетъ это учрежденіе, согрѣтые надеждою, что Богъ благословитъ честное, доброе дѣло,—единогласно рѣшили открыть гимназію съ перваго же полугодія академическаго 1860 года. Это происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ; учредители избрали тогда же, изъ среды себя, распорядителей для отысканія помѣщенія, и приготовленія всего того, что́ называется первоначальнымъ обзаведеніемъ. Оставалось избрать начальницу для будущей гимназіи и выборъ палъ единогласно на супругу директора Полтавскихъ училищъ, г-жу Данилевскую.

Дѣятельность распорядителей дала возможность открыть гимназію съ 26-го августа. За двѣ недѣли до этого дня начались пріемные экзамены: на первый явилось 27 дѣвицъ; на второй 34, и по мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе распространялись въ обществѣ слухи о вниманіи, предупредительности, ободрительныхъ пріемахъ экзаменаторовъ, увеличивалось число желающихъ поступить въ гимназію: къ дню открытія было уже 136.

26-го августа совершилось открытіе гимназіи безъ всякой пышной обстановки, безъ парадныхъ завтраковъ и неизбѣжнаго шампанскаго,—съ тою же скромностію, съ какою началось самое дѣло, и которая имѣетъ гораздо болѣе внутренняго смысла, чѣмъ натянутая, подготовленная, условленная и условная торжественность. Огромное множество посѣтителей наполняло довольно обширную залу гимназіи; тутъ были представители всѣхъ вѣдомствъ,—шитые мундиры и простые кафта-

ны; тутъ были нарядныя шляпки и платочки на головахъ и пестрая густая масса дѣтей разныхъ сословій и возрастовъ — воспитанницы открываемой гимназіи. Послѣ обычныхъ молитвъ, произнесли рѣчи одинъ изъ законоучителей, одинъ изъ преподавателей, и начальникъ губерніи. Тѣмъ торжество и кончилось; присутствовшіе были одушевлены и поздравляли другъ друга. Съ чѣмъ?... Но объ этомъ — послѣ; здѣсь простой разсказъ событія, а не разсужденіе о женскомъ воспитаніи.

Чрезъ нѣсколько дней начались классы. Число желающихъ поступить въ Гимназію прибавлялось съ каждымъ днемъ, и достигло такой цифры, что педагогическій совѣтъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшій пріемъ, по совершенному недостатку помѣщенія. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа воспитанницъ изъ всѣхъ сословій, росло и сочувствіе общества къ гимназіи. Сочувствіе это выразилось въ желаніи многихъ дамъ, (кромѣ тѣхъ, которыя приняли на себя званіе класныхъ дамъ еще до открытія училища), взять на себя такія же обязанности.

Полтавская женская гимназія, въ своей учебной организаціи и во многихъ другихъ отношеніяхѣ, имѣетъ особенности, которыя ее отличаютъ отъ существовавшихъ до-нынѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Гимназія раздѣлена на 7 классовъ; первый называется приготовительнымъ: туда поступаютъ, безплатно, дѣти незнающія вовсе грамоты, или знакомыя только съ азбукою; въ прочіе классы принимаются по экзамену и съ платою 10 р. ср. въ годъ за общій курсъ. Желающія платятъ еще за обученіе музыкѣ 25 р. и танцамъ — 5 р. ср., въ годъ. Сверхъ того, желающимъ преподается англійскій языкъ, съ платою 2 р. ср. за урокъ, сколько бы въ классѣ ни было воспитанницъ. Послѣдовательность преподаванія распредѣлена такъ, что курсъ 2, 3 и 4 классовъ представляетъ законченость въ краткомъ объемѣ преподаваемыхъ предметовъ; съ 5 класса начинается высшее отдѣленіе гимназіи, и предметы преподаванія получаютъ большее развитіе; съ 6 класса входятъ въ курсъ педагогика, гигіена, очеркъ русскихъ основныхъ законовъ о государственномъ устройствѣ и о гражданскихъ правахъ, и домоводство. Кромѣ ученицъ, допускаются въ гимназію и вольныя слушательницы, которыя, за право слушанія лекцій, платятъ тоже 10 р. въ годъ. Въ настоящее время открыты 6 классовъ; въ 6-й классъ нѣкоторыя поступили ученицами для продолженія своего домашняго воспитанія, и кончившія учебные курсы частныхъ пансіоновъ. Вольными слушательницами поступили кончившія или домашнее учебное образованіе, или пансіонское; многія изъ

нихъ посѣщаютъ всѣ лекціи 6 класса, другія только нѣкоторыя лекціи, по выбору (1).

Наша гимназія не только открытое учебное заведеніе для учащихся, но также открыта и для общества. Всякій, сказавшись начальницѣ, можетъ посѣтить гимназію.

И вотъ, уже три мѣсяца какъ стройною, тихою жизнію живетъ Полтавская гимназія, пріобрѣтая каждый день болѣе и болѣе довѣрія и убѣждая общественное сознаніе въ пользѣ такого учебнаго заведенія. При видѣ той добросовѣстности, той любви, съ какою всѣ участвующіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, исполняютъ принятыя на себя обязанности, сочувствіе больше и больше распространяется въ обществѣ. Достойнѣйшій примѣръ подаетъ всѣмъ начальница. Счастливѣе выбора нельзя было сдѣлать: дѣятельность г-жи Данилевской сосредоточена преимущественно на гимназіи; ежедневно, отъ 9 до 3-хъ часовъ, она тамъ, внимательная ко всему и одинаково-ласковая ко всѣмъ воспитаницамъ, изъ которыхъ многія не привыкли къ ласкѣ и вниманію постороннихъ.

Полтава справедливо можетъ гордиться своей гимназіей, которая вызвана къ жизни единственно сознаніемъ пользы общественной, и созидается не на богатыя приношенія богатыхъ гражданъ, а на великодушной жертвѣ тружениковъ, приносящихъ весь свой капиталъ — знаніе и время. — Пожелаемъ, чтобъ содѣйствіе общества соотвѣтствовало той пользѣ, которую, несомнѣнно, доставитъ ему это учрежденіе и тому благородству, терпѣнію и настойчивости въ стремленіи къ достойной цѣли, которое показали на дѣлѣ учредители. Христіанское общество должно помнить завѣтъ Христа: »кто приметъ одно дитя во имя мое, тотъ меня приметъ.«

Средства гимназіи далеко несоразмѣрны съ ея назначеніемъ, и потому невольно представляется тревожный вопросъ: неужели это прекрасное явленіе нашей общественной жизни будетъ существовать только 7 лѣтъ! Собранная до-сихъ-поръ сумма, ежегодные взносы, плата за право ученія и благотворительныя предпріятія, со всею вѣроятностію, покроютъ, въ теченіи 7 лѣтъ, издержки на наемъ помѣщенія, отопленіе, жалованье смотрительницѣ, прислугѣ и другія необходимыя издерж-

(1) Въ настоящее время составъ гимназіи слѣдующій: начальница, учителей 68, классныхъ дамъ 42; ученицъ: въ 1-мъ классѣ въ 1-мъ отдѣленіи 37, во 2-мъ отдѣленіи 53; во 2-мъ классѣ 56; въ 3-мъ 23; въ 4-мъ 16, въ 5-мъ 11, въ 6-мъ 9. Вольныхъ слушательницъ 14. На жалованьи: смотрительница гимназіи, 4 служанки и 2 сторожа. *Соч.*

ки. Но когда къ этимъ издержкамъ нужно будетъ присоединить самую значительную:—плату учителямъ, начальницѣ и класснымъ дамамъ,— откуда явятся на это средства??

Пусть разрѣшитъ этотъ вопросъ общество, т. е. — какъ я понимаю—соединеніе всѣхъ сословій, для которыхъ—для всѣхъ безъ различія — открыты двери женской гимназіи (1).

Житель Полтавы.

ИЗЪ-ПОДЪ КІЕВА.

(17 декабря 1860).

Замѣтка о граматкѣ г. Кулиша, изданной въ 1857 году въ Петербургѣ (2). Эта книжица, просмотрѣнная духовною и свѣтскою цензурою, и предназначенная для простолюдиновъ и для людей, не получившихъ школьнаго образованія, возбудила у насъ въ Кіевѣ различные толки. Одни говорили: *благо!* другіе же: *ні, но льстить языки.* Хвалители съ хулителями діаметрально расходились во мнѣніяхъ. Появленіе и немедленное исчезновеніе *Грамáтки* въ Кіевѣ и, вообще, на правой сторонѣ Днѣпра, казалось намъ необъяснимъ и предвѣщало ей мало успѣха, не смотря на несомнѣнную и давнюю потребность въ книгѣ для народнаго обученія. — Между тѣмъ, Граматка сдѣлалась рѣдкою; въ отвѣтъ на наше требованіе о высылкѣ довольно значительнаго числа экземпляровъ, насъ извѣщаютъ, что она ужъ разошлась. Кто были ея покупатели? Ужъ конечно не космополиты - Украинцы, которые пошли далѣе своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ въ равнодушіи къ своей народности. И не тѣ также обитатели Украины, которые убѣждены, что въ ней долженъ господствовать исключительно языкъ Чарнецкихъ да Конецпольскихъ, или Ломоносова

(1) Редакція »Основы« съ удовольствіемъ будетъ отправлять, по назначенію, пожертвованія въ пользу Полтавской женской гимназіи и другихъ народныхъ училищъ, нуждающихся въ пособіи. Въ каждой книжкѣ »Основы« будутъ печататься свѣдѣнія о количествѣ и употребленіи пожертвованій, если они получатся.

(2) Справедливость и желаніе полнѣе и безпристрастнѣе изучать мнѣнія южнорусскаго общества побуждаютъ насъ напечатать это письмо, касающееся одного изъ главныхъ сотрудниковъ »Основы«. *Ред.*

и Карамзина. Не жители столицъ и не жители большихъ городовъ. Кто же? Неужто убогіе поселяне, продолжающіе говорить роднымъ языкомъ въ своихъ семействахъ? Но вѣдь книжка не дешева для нихъ: *цѣна 50 к., съ пересылкою 70 к. сер.* Да и книжныхъ лавокъ въ уѣздныхъ городахъ у насъ не имѣется. Неужто они выписывали изъ столицъ? Дѣло невозможное! Издателя обвиняли у насъ въ высокой цѣнѣ, которую онъ назначилъ своей книжкѣ. Теперь, когда книжка разошлась, его будутъ обвинять еще больше. Говорятъ, *Грамáтка* напечатана въ 5,000 экземплярахъ. Съ уступкой книгопродавцамъ 20%, и съ вычетомъ издержекъ на изданіе, она должна доставить чистой выгоды болѣе 1,000 р. сер. Это слишкомъ большое вознагражденіе за такой малый трудъ. »Не напрасно г. Кулишъ любитъ украинскую народность!« восклицаютъ у насъ нѣкоторые. »Онъ работаетъ для нея не изъ одной любви къ предмету«, слышишь нерѣдко въ нашихъ кружкахъ (хотя этотъ пунктъ къ обогащенію, если онъ возможенъ, никому не загражденъ). Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разошлась *Грамáтка*, напечатанная въ Петербургѣ и публикованная по высокой цѣнѣ? Мы объ этомъ развѣдывали и считаемъ своею обязанностію довести до общаго свѣдѣнія слѣдующіе факты. Въ Кіевѣ проводятъ зиму два богатые украинскіе помѣщика, которымъ издатель продалъ 1,000 экземпляровъ *Грамáтки* по 15 к. для раздачи крестьянамъ. Въ этомъ могутъ удостовѣриться многіе отъ нихъ самихъ, какъ отъ лицъ, очень замѣтныхъ въ нашемъ обществѣ. (Къ сожалѣнію, мы не вправѣ назвать ихъ здѣсь по именамъ). По расчисленіи издержекъ на напечатаніе (просимъ принять въ соображеніе достоинство бумаги и печати, виньетки и переплетъ) (1) оказалось, что издателю самому обошелся каждый экземпляръ дороже 15 к. Послѣ этого онъ продавалъ лицамъ, покупавшимъ книжку для убогой своей братіи, по 20 к. Мы знаемъ нѣсколько такихъ лицъ. Укажемъ еще на одинъ фактъ: въ Полтавѣ, просвѣщенные люди сдѣлали складчину, купили около 500 экземпляровъ Грамáтки по 20 к. сер. у коммиссіонера г. Кулиша, книгопродавца Э. Г. Чижака, и роздали убогимъ горожанамъ и поселянамъ. Что́ мы должны заключить изъ этого? То́, что *Грамáтка* напечатана собственно для тѣхъ, которые въ книжныя лавки не ходятъ

(1) Видно, что г. Кулишъ занимался Грамáткой съ теплою любовью, — не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе производители книгъ *для низшаго класса*. Самый переплетъ доказываетъ, что г. Кулишъ позаботился и о томъ, чтобъ деньга, добытая кровепотнымъ трудомъ, не пропадала даромъ, чтобъ книжка не обратилась въ оборванные куски, прежде нежели ее прочтутъ.

и изъ большихъ городовъ книгъ не выписываютъ, а цѣна выставлена для людей, которые покупаютъ книги въ такую же цѣну, и которыхъ, на 5,000 экземпляровъ *Грамáтки*, едва ли имѣлось въ виду и 50 человѣкъ. Дѣйствительно, намъ пишутъ изъ Петербурга, что про *Грамáтку* и не слыхать тамъ по книжнымъ магазинамъ.

Итакъ, вотъ у насъ какъ оцѣниваются труды на пользу общую, труды скромные (авторъ не выставилъ своего имени) и безкорыстные. О *Грамáткѣ* г. Кулиша мы не читали ни одного печатнаго слова. Никто не обратилъ вниманія на замѣчательныя статьи, изъ которыхъ она составлена, на превосходный языкъ, какимъ она написана, а кривыхъ толковъ наслушались мы вдоволь. Нѣтъ больше *Грамáтки* г. Кулиша въ продажѣ. 5,000 ея разошлось въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ появленія въ продажѣ. Покупателями ея были люди убогіе, или тѣ, кто объ убогихъ и малосвѣдущихъ заботится. Этихъ фактовъ довольно для того, чтобы издатель былъ доволенъ своимъ трудомъ, за который онъ, по видимому, не получилъ ничего и не разсчитывалъ получить что-либо. А кривые толки онъ долженъ былъ предвидѣть.

П. Горницкій.

ИЗЪ АНАНЬЕВА (ХЕРС. ГУБ.)

(20 декабря 1860.)

Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро.
А. Пушкинъ.

Спѣшу сообщить объ открытіи народной школы въ нашемъ околоткѣ, именно въ С. Черномъ-кутѣ. Школа эта устроена по мысли и желанію Николая Павловича Чернова, сына владѣлицы этого селенія. Преподаетъ въ ней Г. Шварцъ, кандидатъ правъ Кіевскаго Университета. — Когда я посѣтилъ школу, г. Шварцъ занимался съ своими слушателями урокомъ изъ географіи. Въ классѣ было 15 мальчиковъ, внимательно слушавшихъ преподавателя и съ толкомъ отвѣчавшихъ на вопросы, которые преподаватель задавалъ имъ въ теченіи своего разсказа.

Г-нъ Шварцъ держится прекрасной методы преподаванія на народномъ языкѣ, что́ для него, какъ для Нѣмца по рожденію, довольно трудно; но излагая свой предметъ потятно и занимательно, онъ постоянно поддерживаетъ вниманіе своихъ учениковъ. Принужденій въ этой школѣ никакихъ не существуетъ, приходятъ только желающіе. Въ день моего по-

сѣщенія было только 15 учениковъ, по случаю ненастной погоды, но въ другіе дни, по словамъ г. Шварца, собирается отъ 20 до 30.

При мнѣ и дѣвушки просили позволенія посѣщать школу, на что́, разумѣется, изъявлено было полное согласіе. — Опасаюсь только за будущность этой школы, потому что г. Шварцъ, по обстоятельствамъ, врядъ ли долго здѣсь пробудетъ, и врядъ ли найдется достойный ему преемникъ. — Но какъ бы ни было кратковременно существованіе этой школы, она все таки, при методѣ преподаванія г. Шварца, принесетъ пользу, возбудивъ въ молодомъ поколѣніи охоту къ ученію; а нашъ народный поэтъ говоритъ:

Разъ добро́мъ нали́те се́рце
Вікъ не прохоло́не....

Михаилъ Левченко.

изъ подоли.

(Декабрь, 1860.)

Сообщаю вамъ короткое свѣдѣніе о новомъ плугѣ помѣщика Подольской губерніи г. Краснова. Стараясь улучшить свое сельское хозяйство, г. Красновъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто введенія у насъ на югѣ заграничныхъ плуговъ, прекрасно примѣненныхъ къ мѣстнымъ требованіямъ, гораздо разумнѣе усовершенствовать нашъ, украинскій плугъ, съ недавна употребляемый въ черноземной полосѣ Россіи. Какъ бы ни была дурна конструкція послѣдняго, а все таки онъ не даромъ не могъ быть и до сихъ поръ вытѣсненъ изъ употребленія плугами иностранными.

Старанія г. Краснова увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Новый плугъ чисто желѣзный и, не смотря на то, не тяжелъ. Лучшимъ доказательствомъ его достоинства можетъ служить то, что многіе изъ окрестныхъ помѣщиковъ уже ввели его въ свои хозяйства, хотя онъ появился на свѣтъ только въ настоящемъ (1860) году. Цѣна его, на мѣстѣ — съ небольшимъ 16 р. с. Я слышалъ, что г. Красновъ намѣренъ устроить у себя большое заведеніе, въ которомъ будутъ изготовляться его плуги для продажи. Въ наступающемъ году я буду имѣть случай повѣрить собственнымъ опытомъ преимущества новаго плуга предъ другими. Проживая постоянно на югѣ, постараюсь сообщать въ »Основѣ« свѣдѣнія о ходѣ мѣстной торговли и промышленности.

П. Лобко.

ВОПРОСЫ РЕДАКЦІИ.

1. Неизвѣстны ли кому неизданныя еще историческія думы, пѣсни и преданія, также рукописные старинные дневники, записки, историческія повѣствованія, подъ названіемъ хроникъ, хроничекъ, лѣтописей, повѣстей и т. п.?

2. Не занимается ли кто изслѣдованіемъ юридическихъ народныхъ обычаевъ, стариннаго общественнаго устройства и промышленнаго быта южно-русскихъ городовъ и мѣстечекъ?

3. Не имѣетъ ли кто у себя снимковъ съ разныхъ старинныхъ и современныхъ замѣчательныхъ почему-либо построекъ и, вообще, не занимается ли кто наблюденіемъ надъ народною архитектурою и разнаго рода украшеніями, изстари употребительными въ южно-русскомъ краѣ?

4. Нѣтъ ли у кого каталоговъ старыхъ библіотекъ и архивовъ?

5. Какъ идетъ у насъ межеваніе, какъ принимается оно народомъ и какіе народные обычаи наблюдаются на югѣ при межеваніи?

6. Каковъ въ нынѣшнее время ходъ книжной торговли на югѣ, какія книги преимущественно раскупаются и читаются, сколько и какихъ именно журналовъ и газетъ наиболѣе выписывается въ разныя мѣста южно-русскаго края? Гдѣ и какія на югѣ типографіи?

Редакція принимаетъ на себя издержки какъ на доставленіе ей разныхъ матерьаловъ въ подлинникѣ или спискѣ, такъ и на почтовую переписку. Доставленныя рукописи будутъ, по минованіи въ нихъ надобности, возвращены въ полной сохранности. Уплата издержекъ можетъ быть сдѣлана деньгами или почтовыми марками, вложенными въ письмо.

Редакція проситъ читателей обратить вниманіе на объясненіе къ программѣ »Основы« и содѣйствовать ея задачѣ сообщеніемъ сообразныхъ съ программою статей и свѣденій, касающихся разныхъ сторонъ южно-русской жизни.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

П. П. Б-л-у-Н-с-у, въ Прилуки. Редакція весьма благодарна за доставленіе ей сочиненій П. П. Она дастъ объ нихъ отчетъ по прочтеніи, а между тѣмъ усердно проситъ сообщить подробное жизнеописаніе П.

П., или, по крайней мѣрѣ, свѣденія о дѣятельности его какъ педагога, и о послѣдствіяхъ этой дѣятельности.

Д. П. Г-в-р-л-у, въ Черный Яръ. Ожидаемъ обѣщанной статьи, чтобъ потомъ, согласно вашему желанію, высказать вамъ мнѣніе наше и о другихъ вашихъ опытахъ; а между тѣмъ просимъ васъ собрать свѣдѣнія о переселенцахъ съ юга въ Астраханской губерніи.

Н. С. Г-р-б-н-у, въ Одессу. Не получивъ отвѣта на письмо отъ 23 сентября, редакція находится въ неизвѣстности, какъ поступить съ статьею: »Очерки« — и проч. Она можетъ быть напечатана въ »Основѣ«, только съ весьма значительными сокращеніями и на опредѣлительныхъ условіяхъ, какіе сообщите, если, разумѣется, они будутъ приняты редакціею.

В. Эд. Д-к-у, въ Ахтырку. Редакція можетъ назначить плату за юридическіе акты только по разсмотрѣніи и опредѣленіи ихъ важности.— Архивъ, хранящій въ себѣ, по вашимъ словамъ, бумаги, писанныя за 600 лѣтъ до нашего времени, представляетъ необычайное у насъ явленіе. Хорошо ли вы ихъ разобрали??

Г.-Ѳ. К-ст-н-у, во Владимірѣ. Весьма вамъ благодарны за письмо и за пѣсню.

П. Ал. Л-к-у, въ Харьковъ. Съ благодарностью принимаемъ ваше предложеніе — сообщать свѣденія о ходѣ торговли и промышленности на югѣ, и будемъ ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ.

Неизвѣстному въ Козелецъ. Весьма благодарны вамъ за присланные по почтѣ юридическіе акты прошлаго столѣтія.

Н. Ив. Н-в-у, въ Одессу. Ждемъ отвѣта на наше письмо и надѣемся, что ваши труды будутъ полезны »Основѣ«.

П-р-л-к-н-му, въ Таганрогъ. Ваши стихи »К-б-нь Дн-пр-і« не могутъ быть напечатаны въ »Основѣ«. Земля В. Ч-м-го или К-б-н-го всегда будетъ входить въ кругъ предметовъ нашего вѣстника, такъ какъ онъ посвященъ изученію всего края, населеннаго южно-русскимъ народомъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ УКРАИНСКАГО СЛОВАРЯ.

Давно я началъ собирать матеріалы для украинскаго словаря, но безпрестанно попадающіяся въ печати и въ народномъ говорѣ новыя слова убѣждаютъ меня, что языкъ украинскій далеко еще не исчерпанъ моимъ собраніемъ. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, надобность въ

украинскомъ словарѣ дѣлается настоятельнѣе. Откладывать его изданіе до тѣхъ поръ, пока онъ не вберетъ въ себя всю наличность живой украинской рѣчи—значило бы останавливать, въ нѣкоторой степени, изученіе нашего языка въ читающемъ обществѣ, котораго вниманіе возбуждено въ послѣднее время нашею изустною и письменною словестностью. Сознаніе недостаточности моего собранія удерживаетъ меня отъ изданія далеко неполнаго лексикографическаго труда, но желаніе содѣйствовать уясненью украинской народности побуждаетъ меня сдѣлать общедоступнымъ многое, что́ до сихъ поръ было извѣстно только спеціалистамъ. Рѣшаюсь напечатать свой украинскій словарь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у меня находится. Но, какъ составленіемъ подобнаго словаря, безъ сомнѣнія, занимаются многіе неизвѣстые мнѣ любители нашего родного слова, то я прошу ихъ прислать мнѣ свои сборники. Печатаніе словаря не можетъ идти быстро, по необходимости—держать корректуру нѣсколькимъ лицамъ, а потому всякая присылка поспѣетъ во́-время. Кромѣ того, я нарочно откладываю печатаніе до февраля, настоящаго года, чтобы дать время прислать ко мнѣ вспомогательные матеріалы. Считаю нужнымъ прибавить, что словарь мой будетъ заключать въ себѣ, во первыхъ, слова́, употребляемые народомъ въ разговорахъ; во вторыхъ, слова́, выбранныя изъ народныхъ пословицъ, пѣсень, преданій, сказокъ и т. п.; въ третьихъ, слова, содержащіяся въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. При каждомъ словѣ будетъ одинъ или нѣсколько примѣровъ его употребленія. Для того, чтобы представить слово не въ изолированномъ, сухомъ, лексиконномъ видѣ, а въ его живой обстановкѣ, я выбиралъ лучшія, характеристическія мѣста изъ народной поэзіи и литературы. Такимъ образомъ, словарь мой будетъ вмѣстѣ и христоматія небольшихъ отрывковъ, которыхъ чтеніе познакомитъ каждаго съ нашей рѣчью, въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Въ предисловіи къ словарю будетъ помѣщена краткая грамматика украинскаго языка.

Какъ ни ма́ло удавлетворяетъ самого меня этотъ лексикографическій трудъ, но появленіе-то его въ его несовершенномъ видѣ и вызоветъ скорѣе всего замѣчанія и дополненія, которыхъ теперь мнѣ не достаетъ, для окончательной его полноты и совершенства, при всемъ содѣйствіи, которое мнѣ оказываютъ нѣсколько моихъ соотечественниковъ, работающихъ, здѣсь въ Петербургѣ, вмѣстѣ со мною на литературномъ поприщѣ, именно: А. М. Барвинокъ, В. М. Бѣлозерскій; Н. И. Костомаровъ, А. В. Марковичъ, Н. Д. Мизко, М. Т. Номисъ, А. Л. Пестржецкій, Т. Г. Шевченко, М. Г. Щербакъ и другіе.

П. Кулишъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ЮЖНОРУССКОЙ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ.

Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я собиралъ народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также старался схватить особенности лицъ и одеждъ, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса рисунковъ и замѣтокъ, я издаю тѣ, которыя относятся до Украины, надѣясь этимъ принести пользу, сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.

Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немногихъ просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности,—ежели мой трудъ пробудитъ искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и *положитъ начало новому, болье обширному, собранію*, — то цѣль моя достигнута.

Для доставленія предлагаемому изданію бо́льшей достовѣрности, и для облегченія любителямъ наводить справки, — при каждомъ рисункѣ будетъ указаніе — съ чего́ и когда́ онъ сдѣланъ. О художественномъ достоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

Ка́къ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисунковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ Козачества, но и гораздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь, для историческихъ картинъ, для этнографіи, археологіи и самой исторіи! Иногда бездѣлица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

Трудъ мой не есть спеціальное изданіе древностей, археологіи, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнію, — какъ впечатлѣнія путешественника. Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на мѣстѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ

чертою, которую добылъ съ натуры, и не дозволялъ себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошибки отъ самовластныхъ догадокъ.

Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, — а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ ли, съ натуры, — или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и, даже, при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаемы въ »Основѣ«.

Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность — сдѣлать съ оригинала снимокъ самый точный, вполнѣ передающій мысль и чувство художника.

Изданіе поступитъ въ продажу *съ апрѣля мѣсяца* настоящаго, 1861, года будетъ выходить два рисунка каждый мѣсяцъ. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіи года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ, и получая матеріалъ оттуда изъ первыхъ рукъ; рисуя, гравируя и печатая самъ, — я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публику отъ лишняго расхода, назначая цѣну: *4 р. ср. съ пересылкою* за годовое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ,—*для тѣхъ лицъ, которыя подписались на »Основу«*, а для прочихъ—*5 р. ср. безъ пересылки* и *6 р. ср. съ пересылкой*; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка, вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна *6 р. ср. безъ пересылки*.

Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ »Основы«. Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Желающихъ получать мей *Украинскій Альбомъ* покорнѣйше прошу четко и точно прописывать свою фамилію и мѣсто жительства и обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Жемчужникова, въ С. Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ по 10 линіи, въ домѣ Соловьева;* или на имя редактора »Основы«, *Василія Михайловича Бѣлозерскаго, въ С. Петербургѣ, у Круглаго рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

Левъ Жемчужниковъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 1-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Замѣтка. Прилагая объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ къ первой книжкѣ, редакція намѣрена продолжать это во все время изданія «Основы», но для избѣжанія напрасныхъ повтореній, въ послѣдующихъ книжкахъ будутъ помѣщаемы тѣ только слова, которыя не вошли въ предшествовавшія.

Южнорусскій языкъ, которымъ говоритъ 14 милліоновъ народа, на огромномъ пространствѣ, съ весьма разнообразными мѣстными условіями климата, почвы, образа жизни, исторіи, вѣрованій, характера и нравовъ, отразилъ въ себѣ это разнообразіе природы и жизни, и сложился въ нѣсколько нарѣчій и говоровъ.

При недостаткѣ у насъ словарей, путешествій, народоописаній, никто, безъ-сомнѣнія, не можетъ похвалиться совершеннымъ знаніемъ всѣхъ оттѣнковъ южнорусскаго языка. Мы не разъ были свидѣтелями филологическихъ споровъ, которые ничѣмъ не рѣшались, въ которыхъ противники не убѣждали ни себя взаимно, ни слушателей, оттого, что каждый зналъ лишь бо́льшую или меньшую часть (но только часть) своей родной земли, прислушался къ говору, видныхъ лишь съ своего берега, волнъ широкаго, вѣками образовавшагося, моря народной рѣчи.

Съ тѣхъ поръ какъ стали внимательнѣе изучать человѣка вообще, важность познанія какого бы то ни было языка, хотя бы самаго бѣднаго, признана всѣми. Познаніе *нашего* языка, во всей его обширности, важно какъ средство для полнѣйшаго выраженія жизни, думъ чувствъ нашего народа, какъ необходимое естественное орудіе для его образованія. Изданіе южнорусскаго словаря, предпринимаемое

П. А. Кулишомъ, восполнитъ одинъ изъ чувствительнѣйшихъ недостатковъ нашего языкознанія, но этого еще мало. Словарю необходимо держаться опредѣленной системы, а извѣстно, что никакая система не въ состояніи обнять всего разнообразія жизни, всѣхъ, часто мало-замѣтныхъ, почти-неуловимыхъ, тонкостей и особенностей живаго народнаго слова. Чтобъ приблизить время полнѣйшаго филологическаго познанія или по крайней мѣрѣ подготовленія данныхъ для обработки нѣкоторыхъ частей въ нашемъ языкознаніи, для грамматики, фонетики, и т. д., редакція «Основы» признаетъ единственнымъ, возможнымъ въ нынѣшнее время, средствомъ — просить всѣхъ, кто знаетъ народный языкъ, или можетъ, по мѣсту своего жительства, прислушиваться къ народному говору: 1) сообщать въ редакцію «Основы» замѣчанія обо всѣхъ отличіяхъ (въ произношеніи, удареніяхъ, значеніи словъ и т. п.) мѣстнаго нарѣчія отъ того, какое употребляется писателями, участвующими въ «Основѣ»; 2) независимо отъ этихъ частныхъ замѣтокъ, сообщать и самыя краткія и отрывочныя наблюденія надъ языкомъ, и болѣе значительные филологическіе труды; 3) съ величайшею точностью и подробностью указывать мѣстность, а если возможно — происхожденіе, состояніе и мѣсто жительства лица, отъ котораго услышано слово или выраженіе, въ новомъ видѣ, даже самыя обстоятельства, при которыхъ сдѣлано наблюденіе; и 4) при доставленіи руководствъ по разнымъ учебнымъ и хозяйственнымъ предметамъ на народномъ языкѣ (*), объяснять — какого нарѣчія сочинитель держался при составленіи своей книги, — гдѣ встрѣчалъ малоупотребительныя слова, имъ принятыя, — какимъ соображеніемъ онъ руководствовался, составляя новыя слова для выраженія новыхъ понятій, и для названія предметовъ, не вошедшихъ еще въ кругъ народной жизни, и почему предпочелъ свое слово тому, которое, съ подобнымъ же значеніемъ, употребляется въ живой рѣчи, въ изустной словесности, или же въ письменныхъ, старинныхъ и новѣйшихъ, произведеніяхъ.

Дѣло созидается совмѣстнымъ трудомъ многихъ. По частнымъ замѣткамъ, дружно и добросовѣстно собираемымъ, мы мало-по-малу уяснимъ себѣ и другимъ нашъ языкъ во всемъ его объемѣ и положимъ начало той обработкѣ роднаго слова, которой уже достигли другіе наши

(*) Редакція уже имѣетъ ввиду священную исторію, ариѳметику и геометрію нелалаж бы получить географію, космографію, физику и проч.

соплеменники съ помощью многихъ писателей, обществъ, академій, журналовъ, и т. п. Разумѣется, нашъ трудъ будетъ полонъ недостатковъ; мы слишкомъ отдалены отъ народа, чтобъ создать литературный языкъ, который обнялъ бы весь духъ его и поднялъ на высшую степень его нравственное развитіе; многое изъ того, что̀ намъ теперь нравится, народъ со временемъ, быть можетъ, отвергнетъ; но тѣмъ почтеннѣе будутъ въ глазахъ его безкорыстныя усилія людей, разработывающихъ родной языкъ съ главною цѣлью—послужить честно нашимъ *хліборо̀бамъ*, нашей сиротствующей въ умственномъ уединеніи, братіи, такъ долго и терпѣливо намъ служившей,—послужить въ томъ, чѣмъ теперь нѐкогда ей заняться. — *В. Б.*

Аби́—лишь бы.
Або́—или; развѣ.
Авжеже́ж—конечно, разумѣется.
Аделі, аделе́, а да́лі—затѣмъ; наконецъ.
Аже́—вѣдь.

Багати́рь,-ъ—богатый, богачъ.
Бага́то, бага́цько—много.
Бади́лле, баділя—ботва, бурьянъ, большіе стебли грубыхъ травянистыхъ растеній.
Байду́же—ниочемъ, все равно.
Байра́къ — долина, поросшая лѣсомъ.
Бала́кати—говорить, разговаривать.
Барвінокъ (vinca) — любимое народомъ растеніе, не теряющее зелени и зимою.
Бари́тись—мѣшкать.
Башта́нъ—бахча.
Бджола́—пчела.
Безпапа́сний — безпечальный, блаженный.
Безсу́мний—беззаботный, веселый.
Бідола́ка, бідола́ха—бѣднякъ.
Бігти—бѣжать.
Бода́й—т. е. Богъ дай—пускай
Божеві́льний—помѣшанный.
Боржій—скорѣй.
Борікати—бодать.
Борони́ти — препятствовать, запрещать; оборонять.
Бо́рошно—мука́.
Бо́язко—робко; страшно.
Блага́щий—умоляющій.
Бли́скавка,-ви́ця—молнія.
Блука́ти,—сь—волочиться, бродить.
Бра́ма—большія ворота.
Братъ у-дру́гихъ — двоюродный братъ.
Брехня́—ложь.
Бубле́шниця, бубле́йниця—приготовляющая и продающая бу́блики.
Бу́бликъ—баранокъ, обварной крендель.
Бу́бонці—бубенчики.
Буди́нокъ—зданіе; господскій домъ.
Бу́дка—бричка.
Бузуві́ръ—басурманъ, изувѣръ.
Бурлакува́ть — оставаться неженатымъ.
Бу́ча—шумная ссора.
Бу́чний—пышный, роскошный, шумный.

Ва́дити—вредить, злоумышлять; клеветать;—тошнить.
Ва́житись—отваживаться, рѣшаться.
Ва́жко—тяжело.
Вапе́нникъ—производитель извести.
Ва́рта—стража.
Вартува́ти—сторожить.
Вбача́етця—усматривается, видно.
Вбіра́тись—одѣваться.
Вважа́ти—обращать вниманіе.
Ваа́жливо—внимательно.
Ввічливий—внимательный, предупредительный.
Вгава́ти—умолкать, утихать; переставать.
Вдача—характеръ; удача.
Вдяга́ти—одѣвать.
Ве́лико—много.
Величе́нний—огромный, большущій.

Вередова́ти — капризничать, прихотничать.
Ве́рхи—верхомъ.
Весі́лля—свадьба.
Вжахну́тись—испугаться, встревожиться.
Вибача́ти—извинять.
Ви́гадка—выдумка, затѣя.
Вигодо́вувати—выкармливать, выращивать.
Ви́гукнуть—выкрикнуть.
Видъ—лице; образъ.
Ви́зволитись—высвободиться.
Ви́кохати—воспитать, вырастить.
Вимага́ти—домогаться.
Ви́мовити — вымолвить, проговорить; произнесть; укорить; выговорить (при условіяхъ).
Ви́нний—виновный, должникъ.
Випаля́ти—стрѣлять; выжигать.
Виряжа́ти—провожать, отправлять, снаряжать.
Ви́слебизувати — высказать, выяснить.
Ви́співати—пропѣть (отчетливо).
Витришкова́тий—пучеглазый.
Вишу́кувати—изыскивать; отъискивать, находить.
Вищі́ти,-а́ти — визжать.
Відмага́тись — отговариваться.
Віда — извѣщеніе, увѣдомленіе.
Відра́дісно — отрадно.
Віко́ниця — ставня.
Ві́но — приданое.
Віри поня́ти — повѣрить.
Вірши віршува́ти — слагать стихи.
Вітáти — приглашать; привѣтствовать.
(Вічи) очи, у вічи — глаза, въ глаза.
Віщува́ти — предвѣщать.
Квві́ча́тись — убрать голову цвѣтами.
Вклепа́тись—наладить на одно, броситься на что-нибудь.
Вкли́кати — позвать.
Вку́пі — вмѣстѣ.
Вла́сне — точно, именно, будто.
Власка́витись — умилостивиться.
Вмічáти — замѣчать.
Вмовля́ти — уговаривать.
Ворухну́тись — шевельнуться.
Впинъ — у́держъ, угомонъ.
Впиня́ти — удерживать, останавливать.
Вппо (опечатка) вм. вапно́, ва́пна—и́звесть.
(Вподо́ба) До вподо́би — по душѣ.
Вподо́бати — полюбить.
Впо́рати — покончить.
Впридо́бити — снабдить, устроить.
Вродли́вий — красивый.
Всипля́ти — спать, досыпать.
Втекти́ — уйти.
Втóма — усталость, истома.
Втруча́ти — вмѣшивать.
Вхі́дчини, вхо́дини— обычай угощенія, связанный съ новосельемъ и освященіемъ хаты.
Вхітний — желающій, охотникъ.
Вхопи́ти — схватить.
Вхопи́тись — ухватиться.
Вчи́нокъ — дѣло, поступокъ.
Вчу́ти — дослышать.
Въ-оста́ннє — въ послѣдній разъ.

Габа́—парча.
Гада́ти — думать, раздумывать, замышлять.
Гадю́ка-чка — змѣя, змѣйка.
(Га́ітця)—га́ятись—мѣшкать.
Гай—роща.
Гайдама́ка — самозванный козакъ, бунтовщикъ; разбойникъ.
Га́нити—порицать, порочить.
Ганчі́рка — тряпка.
Ганьба́—безчестіе.
Гара́здъ — крѣпко, совсѣмъ, хорошо, какъ слѣдуетъ.
Гарбу́зъ—тыква.
Га́рно—хорошо, красиво.
Геть!—прочь.
Ги́нути—погибать.
Гільля́стий—вѣтвистый.
Гле́чикъ—кувшинъ.
Гніпити—гнести.
Годи́нка—часочекъ; хорошая погода.
Годи́ти—угождать.
Го́ді!—полно! довольно!
Го́дно—достойно; слѣдуетъ.
Го́лосно—громко.
Го́мінъ—говоръ, шумъ.
Гончáрь,-ъ—горшечникъ.
Гори́ще—чердакъ.
Госпо́да—домъ, дворъ.
Господа́рство—хозяйство.
(Гости́на) у-гости́ну—въ гости.
Горобе́ць—воробей.
Гороби́на—рябина; грабина.
Гра́йворонъ, га́йворонъ—грачъ.
Гракъ—грачъ.
Грімнути—вскрикнуть на кого, забранить.
Громáда — общество; мірская сходка.
Громáдський—общественный, мірской.
Гру́бка—печка.

Гру́кнути, грю́кнути — стукнуть, хлопнуть (дверьми), загремѣть.
Грукотня́—стукъ.
Гука́ти—громко звать, восклицать.
Гукъ—звукъ густой, сильный.
Гурки́, гуро́къ, угіро́къ—огурцы, огурецъ.
Густи́—гудѣть.
Гущо́вина, гущиня́ — глушь (лѣсная).
Гучли́вий—гудящій, жужжащій.

Да́лебі, да́либі—ей-Богу.
Данця́—заговорное (волшебн.) питье.
Даре́мне—напрасно.
Дарма́!—ничего!
Да́рмо, да́рма—напрасно, даромъ.
Дба́ти—заботиться, пріобрѣтать.
Движіти—двигаться, дрожать, рѣять.
Де́—гдѣ.
Деренча́ть—дребезжать.
Десь—гдѣ-то, вѣроятно.
Дзвінъ—колоколъ.
Дзвінки́й—звонкій.
Дзвінни́й—громкій, какъ колоколъ.
Дзво́нами см. Дзвінъ
Диви́тись—смотрѣть.
Дивова́ти—дивиться.
Дити́на—дитя, ребенокъ
Дівча́, дівча́та—дѣвушка, дѣвицы.
Дівчина—дѣвушка.
Дідуга́нъ—глубокій старикъ.
Дідько—чортъ.
Дісне — именно, настоящимъ образомъ, въ-точности.
Добача́ти—увидѣть, досмотрѣться.
Добри́ти—одобрять, хвалить,
Добро́дій—господинъ, сударь; благодѣтель.
Добро́мъ—совершенно.
Довідатись—узнать, развѣдать.
Довіку—до смерти, навѣкъ.
Дово́дити—доказывать, выставлять, убѣждать.
Дога́на—опороченіе, обида.
До́глядъ—надсмотръ, попеченіе.
Догоди́ти—угодить.
Доку́пи—въ одно мѣсто, вмѣстѣ.
Долівка—полъ (земляной), долъ.
Доліга́ти — донимать, безпокоить, тяготѣть.
Доло́ня—ладонь.
Домови́на—гробъ.
Допрікъ—упрекъ, укоръ.
Доріка́ти—упрекать, укорять.
Дорожне́та—дороговизна.
До-сподо́би—по вкусу, по нраву, по сердцу.
Доступи́ти — получить; подойти; достигнуть.
Доторкну́тись—дотронуться.
Дочува́ти—слышать; ощущать (запахъ).
Дра́гліти — дрожать, нависнуть (о тучахъ).
Дрібне́нько—мелко; часто, скоро (уменьшит.).
Дробина́—домашняя птица.
Друкова́ти—печатать (типограф.).
Дука́чъ — металлическое украшеніе, привѣшенное къ монисту,-чаще всего золотая монета, съ изображеніемъ Божьей Матери.
Дури́ти—обманывать.
Дурни́й—глупый, дуракъ; сумасшедшій.
Ду́рно — напрасно, незаслуженно, безъ-основанія.

Едва́бъ—шолковая матерія.
Едина́чка—единственная дочь.

Жа́ба—лягушка.
Жада́ти — сильно желать, жаждать.
Жадібка—желаніе, жажда.
Жа́дний—никакой.
Жадо́ба—желаніе, жажда.
Жа́лощі—сѣтованіе; соболѣзнованіе.
Жа́лувати—жалѣть; ласкать.
Жаль—горесть, сожалѣніе, сокрушеніе.
Жари́на—раскаленный уголёкъ.
Жа́ртъ—шутка.
Жаха́вне, вжаха́ння—ужасъ, тревога.
Жахну́тись—ахнуть, ужаснуться.
Жва́вий—оживленный, живой, молодцоватый.
Жда́нки—ожиданія.
(Жене́)гна́ти—гнать; бѣжать сильно.
Живоси́ломъ—насильно.
Жи́тній—ржаной.
Жме́ня—горсть.
Жовні́ръ—солдатъ (польскій).
Жо́дний—ни одинъ, никакой.
Жонки́—женщины; жены.
Жо́ренъ—жерновъ.
Жупа́нъ—кафтанъ особаго покроя.
Журба́—тоска, гореванье.
Жури́ти—печалить.
Журли́во—тоскливо, печально, задумчиво.

Забавка—забава, игра; игрушка.
Забажа́ти—пожелать сильно.
Забари́ти—задержать, замѣдлить.
Заби́ти—убить; ушибить.
Забороня́ти—запрещать.
Завважа́ти—замѣчать.
Завво́лити—захотѣть, изъявить желаніе.
Завернути́сь — воротиться.
Завести́сь—начать ссору, заспорить.

Завідати—навѣстить.
Завістúти—извѣстить, объявить.
Завітáть—навѣдаться; пригласить.
Зáвсіди } всегда.
Завсюди }
Загадáтись—задуматься.
Загúнути—погибнуть.
Загомонíти—заговорить.
Зáгорода—скотный дворъ.
Загостювáти—загоститься.
Загубúть—потерять.
За-гýртъ—вмѣстѣ, вообще.
Задля́тись—замедлить, промѣшкать.
Заживáти—употреблять.
Зажурúти—опечалить.
Заздалегíдь—задолго, заблаговременно, напередъ, прежде времени, съ-далека.
Зазнáтись—познакомиться, спознаться.
Займáти—трогать, задѣвать.
Заказáти—запретить.
Закаблýки—подборы каблуки.
Заквілúть—заголосить.
Закохáтись—влюбиться, пристраститься.
Закрáпити—закáпать.
Залётчикъ—сватающійся, искатель.
Залиця́тись—ухаживать, волочиться.
Залишúть—оставить безъ вниманія, кинуть, забыть.
Замінúти—промѣнять.
Замліти—лишиться чувствъ.
Замóжний—богатый, зажиточный.
Замутúтьця—взволноваться.
Занедбáти—пренебречь, забыть, запустить.
Занедýжать—заболѣть, занемочь.
Занепадáти—хворать.
Занехáти—пренебречь, запустить.
Запалúти—зажечь.
Запéклий—закоренѣлый, закоснѣлый.
Запитáти—спросить.
Заплю́щити—зажмурить (глаза).
Запобíгти—въ пору спохватиться, предупредить.
Запóмнити—(Клим.) забыть.
Запрядáти—пряжей заработывать хлѣбъ.
Запсувáти—испортить.
Зáразъ—тотчасъ.
Зарáні—съ позаранку, съ ранняго утра.
Зарвáтись—броситься необдуманно.
Зарýчена—обрученная.
Зарýчини—обрученіе.
Засмáленийй—загорѣлый, обожженный.
Засорóмитись—застыдиться, потупиться.
Зáстувати—заслонять свѣтъ собой, (застить).
Засягтú—достичь, захватить.
Затóго—скоро уже.
Затрусúтись—задрожать.
Затýла—защита, убѣжище.
Зачепúти—зацѣпить, завязать, задѣть.
Зачинúтись—затвориться.
Зачипáти—затрогивать.
Зáхідъ—сборы, приготовленія.
Заховáти—спрятать.
Зацвірíнькати—зачирикать.
Збавля́ти—лишать, уменьшать; губить.
Збагнýти—уразумѣть, понять.
Збáчити—извинить.
Збúтий—избитый.
Збíжжа, збóже—движимое имущество: зерновой хлѣбъ, домашняя рухлядъ и др.
Збіліти—поблѣднѣть.
Збороня́ти—мѣшать, препятствовать.
Збýти,-сь—лишиться, потерять.
Зважитись—отважиться, рѣшиться.
Звертáти—поворачивать; сворачивать.
Звестúсь—подняться, встать (съ мѣста).
Звúкнути—привыкнуть.
Звичáйненько (уменьш.)—прилично, мило.
Звітки—откуда.
Звóлитись—захотѣть, согласиться.
Згáдувати—вспоминать.
(Згáрний) Незгáрний—неспособный.
Згля́нутись—умилостивиться.
Згордувáти—пренебречь.
Згорнýти—сложить, прижать.
Згукнýть—вскрикнуть, воскликнуть.
Здивовáтись—изумиться, удивиться.
(Здійметця) здійня́тись, зня́тись—подняться, взлетѣть.
(Здолáвъ) здоліти, здоля́ти—быть въ состояніи, въ силахъ, мочь.
Здорóвий—большущій; здоровый.
Здóрово—крѣпко, много; здорово.
Земляни́нъ—постоянный житель въ сельскомъ обществѣ.
Зирнýти—зиркнýти—взглянуть.
Зілúна—былинка.
Зілля́—растенія.

Зірка—звѣзда (на небѣ).
Зітхну́ти — вздохнуть.
Зли́шнёго — слишкомъ.
Зло́дій — воръ.
Злу́щити—соскоблить, счистить.
Змага́тись — спорить, мѣряться, не смалчивать.
Змалюва́ти — нарисовать красками.
Змарні́ти — перемѣниться къ худшему (о наружности), исхудать.
Зміркува́тись — столковаться.
Знатни́ця — знахарка.
Зневага — неуваженіе, униженіе.
Зневажа́ти — унижать, лишать уваженія.
Зненацька—внезапно, нечаянно.
Зозу́ля, зузу́ля — кукушка.
Зо́рі — звѣзды (небесныя).
Зостріти — встрѣтить.
Зотрівáти—обождать, повременить.
Зрáдити — измѣнить.
Зрадіти — обрадоваться.
Зробúти — сдѣлать.
Зру́шити — тронуть, взволновать.
Зупиня́тись — останавливаться.
Зу́спіти — встрѣтить, завидѣть.
Зъ-бóку — со стороны, съискоса.
Зъ-гори́ — сверху, поверхъ,
Зъора́ти — вспахать.

Изнóвъ — снова.
И́нколи — иногда.
(Ийме́тця), пя́тись—браться, итти.
(Ймúся) пя́тись — стремиться, желать, браться.
Ймовíрний — довѣрчивый; достойный вѣры.

Каду́къ — нечистая сила.
Катъ—палачъ, мучитель.
Кайда́ни—кандалы; цѣпи.
Качена́—утёнокъ.
Кватúрочка—форточка въ окнѣ.
Кваúпитись—льститься, завлекаться, бросаться на что.
Квіліти—стонать, жаловаться, голосить; пищать.
Кволíй—слабѣе.
Кий—палка.
Кільки—сколько, нѣсколько.
Кісни́ки—узенькія ленточки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шерстяныя и даже снурочки, по большей части красныя—вплетаются дѣвушками въ косы.
Клу́ня — рига.
Кова́локъ—кусокъ.
Кова́ль—кузнецъ.
Кожуша́нка—крытый женскій тулупчикъ.
Ко́їтись—совершаться (о дурномъ).
Коли́—когда; если.
Коли́-бъ—если-бъ, когда-бы.
Коли́шній—бывшій нѣкогда.
Колоти́ти—мутить.
Ко́мінъ—труба.
Комірéць—воротничекъ.
Конáння—издыханіе.
Ко́нче — необходимо, непремѣнно; окончательно.
Копá—50 копѣекъ асс.; въ исчисленіи другихъ предметовъ—60.
Копúця—копна.
Корéць—ковшъ.
Корúсть—польза, выгода, пріобрѣтеніе.
Кормúга—ярмо, иго.
Коротéсенька — коротенькая; низкаго роста (о женщ.).
Корúтись—покоряться.
Кортíти—манить; кортúть—подмываетъ (безлично).
Коря́къ—ковшъ.
Костúрь—токарь.
Кошлáтий — косматый, всклокоченный, растрёпанный.
Коштъ—иждивеніе; издержки; стоимость.
Кощáвий—костлявый.
Кравéць—портной.
Крáлечка, крáля—королева; красная дѣвица.
Крáмарка — купчиха, торгующая краснымъ товаромъ.
Краплúстий—съ крапинками, пестрый; крупный и рѣдкій (о дождѣ).
Крáяти—рѣзать.
Крáще—лучше.
Крейдяний—мѣловой.
Кремезний—крѣпкій, неуступчивый.
Крúвда—неправда.
Кринúця—колодезь безъ сруба.
Кринúчовина—водный ключъ.
Крúти—сохранять, прятать.
Крúтись—скрывать, скрываться.
Крóкъ—шагъ.
Кругловúдий—круглолицый.
Кульбáка—сѣдло.
Ку́па—бугоръ, куча.
Ку́рява—дорожная пыль.
Кутóкъ—уголъ.
Кушати (Клим. и на Подоліи)—пробовать.
Кушнíръ—скорнякъ, мѣховщикъ.
Кшталтъ—видъ, образъ, способъ; изображеніе, украшеніе.

Лáгодити—чинить, починять.
Лáгодитись — собираться (въ дорогу).
Ладівни́ця—патронташъ.
Ладóмъ—порядкомъ, какъ слѣдуетъ.
Ладнáти—прилаживать, изготовлять.

Ладъ—порядокъ, образъ, способъ, ладъ, согласіе.
Ланъ—большая нива.
Ла́со—лакомо; ла́сощі—лакомства.
Лева́да—земля около усадьбы, окопанная рвомъ, въ родѣ коноплянника.
Ле́дві—едва.
Ле́жень—лежебокъ, лёга.
Леліти (о водѣ)—литься, течь тихо и блестя, переливаться.
Лемішъ — плужникъ, рѣзакъ въ плугѣ.
Ле́стний—льстивый.
Лёхъ—погребъ.
Либо́нь — пожалуй, никакъ, чего-добраго, по-видимому.
Листъ—письмо.
Лихи́й—плохой; злой.
Лиши́ти—оставить.
Ліхта́ръ—подсвѣчникъ; ліхта́рня—фонарь.
Лічба́—счетъ.
Лічозіръ—звѣздочетъ.
Ло́кшина, ло́кша—лапша.
Лощі́ти—блестѣть, лосниться.
Лука́—поёмный лугъ.
Лу́снути—треснуть; скоропостижно умереть.
Луча́тись—случаться.
Люби́вий—любимый.
Любле́ний—любимый.
Ляга́ти—ложиться.
Ляка́ти—пугать.

Ма́біть, мабу́ть—видно, вѣроятно, можетъ-быть, должно быть.
Майда́нъ—площадь; мѣсто съ особенно-устроенною печью для добыванія смолы, селитры и пр.
Мана́—призракъ, обольщеніе, обманъ.
Мане́тця—тянетъ.
Манове́ць—путь безъ дороги, куда глаза глядятъ.
Ману́тись—хотѣть.
Мара́—привидѣніе, страшилище.
Ма́ючи зви́чай—соблюдая приличіе.
Мере́жаний—вышитый ажурно, расписанный въ клѣтки.
Ме́рлий—помершій.
Мете́ликъ—мотылекъ.
Метки́й—живой, подвижной, ловкій.
Метчій—скорѣй.
Ми́ркнуть—ворконуть, болтнуть себѣ подъ носъ, сказать невнятно.
Мисли́вець—гордецъ; охотникъ.
Мисли́вий—самоувѣренный, высокомѣрный; выдумщикъ, затѣйникъ.
Ми́ттю—вдругъ, скоро.
Мізе́рний—жалкій.
Міркува́ти—судить, обсуждать, расчитывать, разсуждать.
Місто—го̀родъ.
Місто—словно, точно.
Місто-бъ—будто-бы.
Місце—мѣсто.
Міцне́нько—крѣпконько.
Міцни́й—крѣпкій, сильный.
Мо́ва—рѣчь, языкъ.
Мовля́въ, мовля́ла—молъ, сказывалъ, сказывала.
Мовъ—точно, будто.
Моги́ла—курганъ.
Молода́—невѣста.
Молоди́—жинихъ и невѣста вмѣстѣ, или супруги во время свадьбы.
Мордова́ти—мучить.
Мото́рний—ловкій, видный, обходительный.
Мру́кати—мурлыкать.
Му́дро—замысловато.
Музи́ка—музикантъ.
Мурова́ти—строить каменное зданіе.
Мурий—пестро-сѣрый, переливчатый.

Набли́жуватись — приближаться, подходить.
Навви́шки (нарѣчіе)—высотою.
На́висть—(Клим.) навѣтъ; клевета.
Навіда́ти—навѣстить.
Навісни́й—сумазбродный.
На̀віть—даже.
Навкруги́—вокругъ.
На-впере́йми—на встрѣчу, на-перерѣзъ.
На-вспра́жне, жки—серьёзно.
Нага́дувать—напоминать; въ Западн. Украинѣ—также и припоминать.
Нага̀на—осужденіе, посрамленіе.
На́гло—внезапно.
Надво́рі—на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.
Надійсь—чай, вѣроятно.
Надія—надежда.
На́дто—слишкомъ; особенно.
Нажи́тьця, тись, — насладиться жизнью; долго прожить.
На-зауміру—черезъ мѣру, черезъ чуръ.
Наздогна́ти—догнать, настичь.
Назира́ти — ухаживать, присматривать.
На́зирцемъ—въ наглядку.
Назімокъ—годовалый бычокъ.
На́ймитъ—нанятой работникъ.
На́клепъ—обвиненіе; клевета.
Наляка́тись—напугаться.
Намалюва́ти—нарисовать.
Намену́ти—намекнуть.
Намену́тись—стать говорить, открыть ротъ.
Нами́сто—монисто; ожерелье.

Напакува́ти—наложить, набить, навьючить.
Напе́вно—навѣрняка.
Напри́кладъ (Клим.)—напримѣръ.
Напути́ть—наставить.
Нарекó ваний, назва́ний,—нареченый.
На́ситъ—насыщеніе, удовлетвореніе.
Насі́ння—сѣмячки, сѣмена.
Насу́нути—надвинуть.
На́товпъ—натискъ.
Патра́вка— полка въ ружьѣ.
На-умі́ръ — до смерти, въ конецъ, крайне.
Наха́ба—напасть.
На-чеку́—на сторожѣ.
На́че—будто.
На-шви́дку—на-скоро.
Небі́жчикъ—покойникъ.
Небора́къ—бѣдняга.
Невгаву́чий—неустанный, неутолимый.
Не-га́дки — нипочемъ, безразлично, равнодушно.
Нега́йно—немедленно.
Нега́рно—неладно.
Него́да—непогода.
Него́дний—недостойный.
Недба́лий — беззаботный, нестарательный, равнодушный.
Недба́ло—нѣхотя.
Неді́льний—воскресный.
Недорі́дъ—неурожай.
Неду́гувати—хворать.
Неду́жий—больной.
Незвича́йний—невѣжливый, непристойный.
Нездвиже́нний—непоколебимый.
Нездýжати—быть больнымъ.
Незнаро́шне—нехотя, ненарочно.
Нема́ } нѣтъ.
Немáе }
Нена́че—какъ будто, точно вотъ.
Необо́рній—неодолимый.
Неодмо́вний — неотказывающійся, неотговаривающійся.
Ненаполо́ханий—незапуганный.
Непе́вний—сомнительный, опасный.
Непо́зибко—твердо, незыблемо.
Непоми́лешний—безошибочный.
Непороки—дурные слухи о комъ.
Непутя́щий—неосновательный, безпутный.
Нерухо́мо, непорухо́мо — неподвижно.
Неси́тство (Клим.)—ненасытность.
Нескажи́—точно, будто-бы.
Несподіваний—неожиданный.
Неста́тки — недостатокъ, бѣдность.
Неха́й—пусть,
Неха́й-но—пусть-ка.
Нечутно́—неслышно.
Нина́че—см. Неначе.
Ни́шкомъ—потихоньку, тайно.
Ніби } будто бы.
Ніби-то }
Ні въ-сві́ті—никогда.
Ніжъ—нежели.
Ні́коли—нѣкогда.
Нікóли—никогда.
Нікче́мний—ничтожный.
Нія́ково—неловко, непріятно.
Нуди́тись—скучать, мучиться.

Обвісúтись—повѣситься.
Обду́рювати—обманывать.
Обійма—объятія.
Обіручки—въ охапку, съ силой.
Обітниця—обѣщаніе.
Обіця́нка—обѣщаніе, обѣтъ.
Обіця́ти—обѣщать.
Обличчé—лицо, образъ.
Обміркува́тись—осмотрѣться, разсудить.
Обопільно—взаимно.
Образи́тися — обидѣться, разсердиться.
Обсві́дчитись—ознакомиться, освоиться.
Обси́патись (слёзами) — облиться; осыпаться.
Обуди́тись—проснуться.
Обхопи́ти—обхватить.
Огрядний—полный, объемистый.
Одві́дати—посѣтить.
Оджа́лувати—пожертвовать.
Оджартóвуватись—отшучиваться.
Одібра́ти—получить.
Одказа́ти—отвѣчать.
Одка́зъ—отвѣтъ.
Одкóли,—съ какихъ поръ.
Одмага́тись—отговариватьея.
Одмі́ни́тись—перемѣниться; одмінило—перемѣнилось; одмінити—перемѣнить.
Одмóвити—отвѣчать, отказать.
Одра́зу—сразу.
Одружи́тись—вступить въ супружество.
Одсторонь — въ сторонѣ, къ сторонкѣ.
Одтина́ти—отсѣкать.
Оду́жати—выздоровѣть.
Одягну́тись—одѣться.
Одягний—разряженный, разодѣтый.
Одцура́тись — отрѣчься.
Одшука́ти—найти.
Озирну́тись—оглянуться.
Оксами́тъ—бархатъ.
Олійникъ—производитель постнаго масла.
Оми́на—обольщеніе, обманъ.

Опалъ—запальчивость.
Опівдня—въ полдень.
Опізни́тись—опоздать.
Оположивля́ти—придавать новыя силы, оживлять.
Опо́листий—полный, широкій.
Опоряджа́ти—устроивать.
Освіта—просвѣщеніе.
Ости́ти—наскучать, опостылѣть.
Ось—вотъ.
Отгожа́тись—отлучаться.
Отто́й — вонъ тамъ.
Очере́тъ — тростникъ, камышъ.
Очіпокъ — головной женскій уборъ въ родѣ шапочки, повойникъ.
Очути́тись — очнуться.
(Очу́) очи, въ очу́ — глаза, въ глазахъ (двойственное число).
Ошука́нець — обманщикъ.
Ошука́тись (Клим.) — обмануться; быть обманутымъ.

Пали́ти — жечь, стрелять.
Палки́й — пылкій, вспыльчивый.
Палубча́стий візъ — крытый возъ.
Па́нна—барышня.
Пані́ма́тка—мать (почтительно), госпожа; попадья.
Папірня—писчебумажная фабрика.
Па́робокъ—парень.
Па́сіка—пчельникъ.
Патири́йця—монашескій посохъ.
Па́хощі—благоуханіе, ароматъ.
Па́ша — пастьбище; подножный и зимній кормъ скота.
Пашня́—зерновой хлѣбъ; въ Западной Украинѣ, также и хлѣбъ, стоящій на поляхъ.
Пе́венъ — надёженъ, увѣренъ.
Пе́вно — вѣрно, навѣрно.
Пеке́льний — адскій.
Пе́кло — адъ.
Пе́рво — прежде.
Перегле́жувати — переглядывать, осматривать.
Перего́домъ — спустя нѣсколько времени.
Перейма́тись — недоставать, нехватать, прерываться.
Пе́реймомъ — съ перерывами.
Переказа́ти — передать на словахъ.
Перелічи́ти — сосчитать, исчислить.
Переляка́тись — испугаться, перепугаться.
Перемага́ти — осиливать, превозмогать.
Пере́скокомъ—скачками, перебѣгая отъ одного предмета къ другому.
Перетрива́ти—перенести, вынесть, вытерпѣть.
Перехопи́ти — прервать, перебить рѣчь, подхватить.
Перечу́ти — прослышать, заслышать.
Пе́рше — прежде.
Пика́тий — широколицый, толсторожій.
Пилі́пъ — Филипъ.
Пи́льно — пристально.
Пита́ння — вопросъ.
Пити́ма — родимая, кормилица.
Пиха́ — гордость, чванство.
Підвести́сь — встать, привстать, приподняться.
Підпа́лъ — затапливаніе, поджогъ.
Підда́нка — крѣпостная крестьянка.
Підда́шше — крыша надъ крыльцомъ.
Підживи́тися — подкрѣпить силы.
Пійма — весенній разливъ рѣкъ.
Піклува́тий — заботливый, попечительный.
Пісьме́нний — грамотный.
Пісьмо́ — грамота, грамотность, писаніе.
Пісьмо́-свято́—священное писаніе.
Плахта — женскій нарядъ, шерстяной, пестрый, клѣтчатый, соотвѣтствующій юбкѣ.
Плохи́й—смирный.
По (дівча́тъ)—за (дѣвушками).
Поба́чити—увидѣть.
Побіда́шъ (Клим.)—бѣдовикъ, бѣднякъ.
Побіде́нний—горемычный.
Побива́ннє—забота, печаль.
Поблага́ти—попросить, умолять (совершен. видъ).
Побо́жно—благочестиво.
Побра́тись — вступить въ супружество; отправиться въ путь, въ опредѣленное мѣсто.
Побужа́ти—будить.
Пова́га—вѣсъ, уваженіе.
Пова́жний—почтенный; важный.
Повернути́сь—воротиться.
Повинова́ченій—обвиненный.
Повинно—должно.
Повіда́ти (Клим.)—сказывать.
Повікъ—навѣкъ.
По́вістка—повѣсть, разсказъ.
Повітъ—уѣздъ.
По́вкупі—совмѣстно, кучею.
Пово́дитись—вести себя, держаться.
Погада́ти—подумать, позаботиться.
Пога́нський (Клим.) — языческій; иновѣрный.
По́гань—мерзость, дрянь.

Поглузова́ти — посмѣяться, поглумиться; издѣваться. (соверш. видъ).
Погоди́тись — согласиться, условиться, сойтись.
Погоржа́ти (Клим.)—пренебрегать.
Погуби́ти—растерять.
Подивова́ти—подивиться.
Подиви́ти — удивиться (неодобрительно).
Подія—поступокъ; продѣлка; порча (о колд.)
Подо́ба, подо́бний—красота, красивый; хорошій.
Подо́бно (Клим.) — кажется; какъ-видно.
Поди́ка—благодарность.
Поди́кувати—поблагодарить.
Пожада́тись—пожелаться.
Пожалкува́ти—пожалѣть кого; пожаловаться на кого.
Пожартува́ти—пошутить.
Пожите́чний (Клим.)—выгодный.
Пожи́ток—польза.
По-за́втрёму — послѣ-завтра, на третій день.
Позавчо́ра—третьяго-дня.
Позачи́нювати—позатворять.
Позга́дувати—припомнить (о мн.).
Позира́ти—посматривать.
Пози́чити—занять, одолжиться.
Покарта́ти—побранить.
Покла́сти—положить; рѣшить.
Покоха́ти—полюбить.
Покра́щати—похорошѣть.
Поку́са—искушеніе.
Поку́та—эпитимія; покаяніе.
Поку́тне вікно—окно близь образнаго угла.
Пола́годити—подчинить; исправить.
Поли́ця,—папёлокъ, принадлежность плуга; по̀лка въ хатѣ.
Поло́ги—низменныя степныя мѣста.
Поло́хатись—пугаться, полошиться.
Полу́мисокъ — неглубокая миска; блюдо.
Поміркува́ти—поразсудить, похлопотать.
Помірно—умѣренно.
Помо́вкнути — умолкнуть (о многихъ).
Помостити́сь — постлаться.
По́мста (Кл.)—мщеніе.
Поневіря́тись—нести на себѣ всеобщее презрѣніе.
По́ночі — въ потьмахъ, безъ свѣта.
Пону́рий—угрюмый, мрачный.
Поня́ти—взять.
Попе́реду—впереди, напередъ, сперва.
Попильпува́ти — постоять за что, поберечь что хорошенько.
Попита́ти—спросить.
Попіклува́тись—похлопотать, поболѣть.
По́пілъ—пепелъ.
По́плічь — рядомъ, плечо съ плечомъ.
Пополо́шитись — струхнуть, растеряться.
Пораżáти (Клим.)—совѣтовать.
Пора́да—совѣтъ, утѣшеніе.
Пора́дниця—совѣтчица.
Пора́за—рана.
По́ратись—убирать, готовить, стряпать.
Порікувати—роптать.
По́рохъ—пыль.
Порошѝнка—пылинка.
Посвари́тись—поссориться; погрозить.
Поспу́ти—уснуть (о многихъ).
Поспита́ти—спросить.
Поспо́льство (Клим.)—простой народъ.
По́стать—видъ, фигура.
Постерега́тись (Клим.)—беречься, думать о будущемъ.
Постерегти́—запримѣтить, во-время догадаться.
Постоли́—кожаныя лапти.
По́сторонь—поодаль.
Посумова́ти—потосковать.
По́тайно—тайно.
На-пота́лу (пота́ла) — добыча, истребленіе.
Потамъ,—(опечатка) тамъ.
Пота́нути—растаять.
Пети́лиця—затылокъ.
Пети́чка (Кл.)—стычка, сраженіе.
Поторо́ча—разбитная; встрѣпанная.
Потра́ва—кушанье.
Потра́вка—соусъ.
Потрівати—погодить, повременить.
По-троху—понемногу.
Потура́ти — поблажать, мирволить; спускать кому.
По́части—отчасти.
Почу́ти—услышать.
Похи́пливий—прыткій; охочій.
Похита́ти—покачать.
Поховáти — похоронить; припрятать.
Похо́дити—имѣть сходство; происходить.
Пошйвки—паволочки.
Пошкандиба́ть — поковылять, закостылять (о старческой походкѣ).
Пощасти́ло—посчастливилось.
Пра́вити — требовать; отправлять (богослуженіе); толковать свое.
Правди́ти — оправдываться, сбываться.

Пра́жній—напрасный, пустой.
Приго́да—несчастье; печальное событіе.
Пригада́ти—припомнить.
Пригорну́тись—приласкаться, прижаться, прильнуть.
Придивля́тись—присматриваться.
Придо́ба—удобство.
При́зьба, при́сьпа—зава́линка.
При́ладний—подлипало.
При́мхати—прихотничать.
Припада́ть—приходиться (къ чему).
Припини́тись—пріостановиться.
Приплю́щовати очи — жмурить глаза.
Прируча́ти—поручить.
Присе́рбитись—поддѣлаться, подлизаться.
Присі́лувати—принудить.
Присіка́тись — привязаться, лѣзть кому въ глаза.
Прити́чина—препятствіе, задержка.
Притули́тись—приклониться, приласкаться прижаться.
Прихи́льний—преданный.
Пріз́ра—подозрѣніе.
Про́бу! — междометіе, выражающее опасность, неудержимость и т. п.
Прова́дити—вести.
Прозо́рий—прозрачный.
Проки́нутись—пробудиться.
Проманта́читись—промотаться.
Промени́стий—лучезарный.
Про́мінь—лучъ,
Промо́вити—сказать, заговорить.
Просві́тчастий—прозрачный.
Про́сто—прямо.
Прoха́ти—просить.
Проча́не—богомольцы; путешественники.
Проци́ндрити — промотать, спустить.
Прочу́ти—провѣдать, прослышать.
Прудки́й—быстрый, прыткій.
Псува́ти—портить.
Птахъ—большая птица.
Пта́ство—птицы.
Пу́ща—лѣсная чаща.

Ра́да—совѣтъ; вѣче; помощь.
Ра́дити—совѣтовать.
Радіти—радоваться.
Разо́къ—борозда; слѣдъ, черта.
Ра́зъ-у-разъ, разъ по́разъ—безпрестанно, то и дѣло.
Ра́но—рано; утро.
Ра́нокъ—утро.
Ра́та (Кл.)—рента.
Ра́яти—совѣтовать.
Репетова́ти—кричать.
Рече́нець (Клим.)—срокъ.
Робачо́къ—червячокъ
Розва́жити—развлечь, развеселить, утѣшить.
Розмо́ва—бесѣда, разговоръ.
Риба́лка—рыбакъ.
Ри́маръ, ли́маръ—шорникъ.
Річи, ре́чи—рѣчи; вещи; дѣла.
Розмо́витись—разговориться.
Розсла́вити—разнести, разсказать.
Розсте́лений—разосланный.
Ро́ки, рікъ—годы, годъ.
Роспоро́шити — раструсить; распустить.
Роспи́тувати—распрашивать.
Руба́ти—рубить, сѣчь, колоть.
Руйнова́ти—разрушать.
Руіни—развалины.
Рундучо́къ—крылечко со ступеньками.
Ру́та—растеніе (ruta graveolens).
Ручни́ця,—шниця—ружье.
Рясни́й—густой, обильный плодами (о деревѣ), сильный.
Рятова́тись—спасаться.

Са́тъ—атласъ.
Самота́—уединеніе.
Самотни́й—одинокій.
Самісінький—самый (превосходная степень при уменьшительной формѣ).
Сварка—ссора.
Свита—мужская и женская одежда, родъ полукафтанья.
Свідокъ—свидѣтель.
Світа́нне—разсвѣтъ.
Світли́ця—свѣтёлка, комната безъ кухонной печи.
Світло—свѣтъ въ избѣ, освѣщеніе.
Своеу́мка—самодурка.
Свя́то—праздникъ.
Се—это; теперь, вотъ.
Селя́дьба—усадьба.
Си́вий—сѣдой; сивѣнькій—сѣденькій.
Сити́ти медъ—варить медъ.
Сіножа́ть—сѣнокосъ.
Скара́ти—наказать; казнить.
Ски́ба—ломоть.
Ски́нути (очима)—обозрѣть.
Скипа́тись—вскипать (гнѣвомъ).
Скло—стекло.
Скоштува́ти — попробовать, отвѣдать.
Скре́сти — треснуть (о весеннемъ льдѣ), тронуться.
Скри́ня—сундукъ.
Скрізь—вездѣ, повсюду.
Слабі́шати—ослабѣвать.
Сла́вити—толковать, разсказывать.
Сливе́—почти.

Слухня́но—послушно.
Слу́шний—надлежащій, полный.
Слу́шно (Клим.) — прилично, слѣдуетъ.
Смільли́вий—смѣлый.
Сміття—соръ.
Смутни́й—грустный, печальный.
Сму́токъ—грусть, печаль, горе.
Смутова́ти } грустить, горевать.
Смуткова́ти }
Сні́дання—завтракъ.
Спіцарь—колесникъ, каретникъ.
Сотниківна—дочь сотника.
Со́яшний—солнечный.
Спа́докъ—наслѣдство.
Спахну́ти—вспыхнуть.
Списа́ти—срисовать.
Списъ—копье.
Спита́ти—спросить.
Спільность—общеніе.
Сповито́чокъ—пеленки.
Сподіва́ння—надежда, ожиданіе.
Спожи́вокъ—употребленіе (въ пищу).
Спо́ломъ—вмѣстѣ, съ-общà.
Спочува́ти — заслышать (неоконч. видъ), раздѣлять сердцемъ, переживать.
Справди́тись—исполниться.
Спра́вді — въ заправду, въ самомъ дѣлѣ.
Справува́ти (Кл.) — дѣлать, исполнять.
Спра́жній—серьезный, нешуточный.
Става́ти—становиться, происходить, совершаться.
Ставни́й—статный, стройный.
Ста́роста—сватъ.
Ста́токъ (Клим.) — твердое положеніе въ свѣтѣ; скотъ (преимущественно лошади).
Сте́жечка—тропинка.
Стѣнжка—застѣжка.
Стерегти́сь—беречься, остерегаться.
Стидки́й — безстыжій, постыдный.
Стра́нній—путешественникъ, странникъ.
Стра́ва — приготовленное, варенное или жаренное, кушанье.
Страха́тись—пугаться.
Стриба́ти—скакать, прыгать.
(Стріла) Стрінути—встрѣтить.
Стріха — навѣсъ соломеной крыши.
Стрічка—лента, вплетенная въ висящую косу и распущенная съ косы.
Струмо́чокъ—струя, ручеекъ.
Стяга́—полоса.
Сува́ра—торжественный тонъ, внушенія, суровая рѣчь.
Сукні—платье (женское).
Су́мно—уныло; страшно.
Сумова́ння—уныніе, тоска.
Сумова́ти—тосковать, унывать.
Сумъ—уныніе, тоска, страхъ.
Суни́ці—земляника лѣсная,
Супере́чки—побранки, перебранки.
Су́ржикъ — смѣшанный зерновой хлѣбъ, когда къ засѣву новаго хлѣба поднимется прошлогодній.
Схамену́тись—опамятоваться.
Схили́тись—наклониться.
Схі́льчивий—сговорчивый.
Схну́ти—сохнуть.
Счервоніти—покраснѣть.
Счини́тись—произойти, сдѣлаться.
Ся́ти—сіять.

Та-ба́ — поди же! но увы!
Такъ са́мо, такъ са́ме—такъ точно.
Те́сля — плотникъ.
(Ти́жня) Ти́ждень — недѣля.
Тине́тця — случится (безлично).
Тинъ — плетень, заборъ.
Тиня́тись — слоняться.
Тну́ти — рѣзать; пить; пѣть.
Товари́ство — товарищество, общество.
Товàръ — скотъ; товаръ.
Точи́тись — едва тянуться (о разговорѣ).
Тре́ба — надо.
Трівàльний — прочный (Кл.).
Трівàти — ожидать, терпѣть.
Трима́ти — держать.
Тріпотàти — трепетать.
Тро́хи — немного; тро́шки — немножко.
Тру́нокъ — питье, напитокъ.
Турбовàти — безпокоить.
Тутешній — здѣшній.
Тхну́ти — дохну́ть.
Тютю́нъ — табакъ (курительный).
Ти́мити — разумѣть; помнить.

Убійникъ — убійца.
Убрàннє — платье.
Убрàтись — одѣться.
Угледіти — увидѣть.
У-го́ру — вверхъ.
Удàтний — способный, даровитый.
У-двійзі, двійга — въ-двоемъ, двое.
Уживàти — имѣть въ употребленіи.
Уідливий—докучливый, неспосный, неотвязный, мучительный.
Укривжàти (Кл.) — обижать, обманывать.
У-ку́пі — вмѣстѣ.
Уня́тливый — внимательный.
Упевня́ти — увѣрять.

Ура́зка — оскорбленіе.
Ура́женій — разряженный.
(Усіма́) уве́сь, ввесь — весь; при полной формѣ, еще существующей у насъ: всей — весь. (Твор. множ. числа).
Уста́ти — встать.
Утішка — удовольствіе, увеселеніе; игрушка.
Утóма — усталость, утомленіе.
У-тропі — по слѣду, по слѣдамъ.
У-три́конь — тройкой.
Учини́ти — сдѣлать; заквасить (тѣсто).
Ущи́пливий — колкій.

Фи́ля — волна́.

Хапа́ти — хватать, брать взятки.
Хапки́й — живой, быстрый; жадный, вороватый.
Хапу́га — стяжатель, грабитель, взяточникъ.
Хвилёва́ти — бѣжать волнами, струиться.
Хвили́почка — минутка, мгновеніе.
Хви́ля — волна; минута.
Хиба́ — развѣ.
Хибки́й — гибкій, тонкій, ловкій.
Хили́ти—клонить
Химе́ра—мечта; вздоръ.
Химе́рно — фантастически, странно; неосновательно.
Хистъ — способность, дарованіе, умѣнье, расторопность, находчивость.
Хита́ти—качать.
Хлібоpóбъ—земледѣлецъ.
Хма́ра—туча, облако.
Хмизъ—сухоподстой.
Хму́рий—сумрачный.
Хова́ти—прятать; хоронить.
Ходá—походка; походъ.
Холодóкъ—тѣнь.
Хорба́къ (Клим.) — презрительный, худородный.
Хоріти—болѣть, быть больнымъ.
Хрущъ—жукъ (весенній, летающій преимущественно около деревьевъ).
Хтіти (Клим. и въ Подольскомъ нарѣчіи)—хотѣть.
Худóба—имущество, добрò; скотъ.
Хуртóвина—вьюга.
Ху́сти—бѣлье́.
Ху́стка—платокъ.
Ху́тко — скоро; хуте́нько, хутчій—скорѣй.

Цу́коръ, су́куръ—сахаръ.
Цвіче́ний (Клим.) — воспитанный; проученный, битый (несчастный слѣдъ езуитскаго воспитанія).
Цвяхъ—гвоздь.
Це́беръ—кадка.
Цегéльникъ—кирпичникъ.
Цікáвий — любопытный; слишкомъ: быстрый, нескромный.
Ціпува́ти—опѣнивать.
Ціпóкъ—палка.

Ча́сомъ—иногда.
Частова́ти—угощать.
Часъ—время; часъ.
Чванли́вий—самодовольный, чванный.
Че́лядь—сельская молодежь въ сходкахъ для увеселеній; прислуга. Для отличія, въ одной пѣснѣ челядь въ первомъ значеніи названа бíлою.
(Ченці) чернѣць—монахъ, черпецъ.
Черне́цство—монашество.
Чепурни́й — щеголеватый, изящный.
Черво́ний — красный.
Черевúкъ — башмакъ.
Чередá — стадо изъ смѣшаннаго скота.
Чересло́ — бороздникъ (принадлежность плуга).
Чи — ли (вопрос. частица, ставимая впереди).
Чи здýжа — здорова-ли.
Чий — чей.
Чима́лий — довольно большой.
Чима́ло — не мало, довольно.
Чини́ти — дѣлать.
Чоло́ — лобъ, чело.
Чорни́ця — монахиня.
Чóхла — широкіе концы рукавовъ въ сорочкѣ.
Чýдно — странно, смѣшно, удивительно, чудно̀.
Чудóвний—чудотворный.
Чудóвий—чудесный, превосходный.
Чýйни́й—сознательный, чуткій.
Чýтка—слухъ.
Чýти—слышать; чувствовать.
Чýчверіти—изживаться, пропадать, сбиваться въ комки.

Шамки́й—ловкій, поворотливый.
Шанува́ти—уважать; угощать.
Шанува́тись — сохранять свое достоинство, чувствовать дары Божьи, знать честь.
Шаповáлъ—шапочникъ (производитель шерстяныхъ шапокъ).
Шата́нський (Клим.)—сатанинскій.
Шва́чка, шва́ля—портниха.
Швець—сапожникъ.
Шви́дко—скоро.
Ше́вський—сапожническій, сапожный.

Ши́бениця—висѣлица.
Шка́па—кляча.
Шко́дити—вредить.
Шкуратя́ний—кожаный.
Шляхъ—дорога.
Шлюбъ (Кл.)—бракъ.
Шмарова́ти (Клим.)—мазать; бить.
Шмато́къ—кусокъ.
Шпиле́чокъ — возвышенность надъ долиной или равниной.
Шпиль—вершина.
Шука́ти—искать.
Шулі́ка—коршунъ.
Шу́рхнуть—зашелестѣть.

Щасни́ця—счастливецъ.
Щасти́ть—посылать счастье, давать счастіе.
Щи́рий—искренній, вѣрный.
Щи́ро—усердно; вѣрно.
Щи́рость — преданность, вѣрность; искренность.
Щось — что-то; чуть-чуть, немного, нѣсколько.

Юпчи́на—женская одежда въ видѣ корсета, но чаще съ рукавами.
Юрма—толпа.

Яко́го—сколько! какъ много!
Ясно́—ясная погода.
Ясокіръ—осокоръ.

ОПЕЧАТКИ.

На стран.	*стр.*	*напечатано:*	*должно быть:*
1	13 снизу	сиру́	си́ру
9	10—11 сверху	улюблена́.	улю́блена.
10	19 —	своего́ дочко́ю.	свое́ю дочко́ю.
11	1 снизу	пота́нувъ снігъ изъ	пота́ну въ снігъ, изъ
12	17 —	плеска́е....	пле́скае....
12	14 —	пологи́	поло́ги
12	8 —	зака́зано!	завъя́зано!
13	6 сверху	ві́чі	ві́чи
14	13 —	де́	да
14	14 —	ій	ей
15	13 —	швидку́	шви́дку
15	16 —	мисли́вцівъ	мисли́вцівъ
15	18 снизу	стоючи́	сто́ючи
15	18 —	ві́чі	ві́чи
16	14 сверху	поба́чишь	поба́чишъ
16	14 снизу	саме	саме́
17	9 сверху	бучне́	бу́чне
18	6 —	говіркий?	говіркий.
18	9—10 —	десяти́	де́сять
20	4 —	не мовъ	немовъ
20	9 —	мо́вчи́шъ	мовчи́шъ
20	13 —	опени́лася	опини́лася
21	6 —	дзво́нами!	дзвона́ми!
22	13—14 —	людя́мъ	лю́дямъ
22	6 снизу	віже́!...	вже!. .
23	6 сверху	потамъ	тамъ
23	16 —	ме́не.	мене́.
24	14 —	набро́ило	набро́ило
27	2 —	Сегодні	Сего́дні
27	7 —	то́ді	тоді́
27	18 снизу	Катря́	Катря
27	17 —	Ёго	Ёго́
27	17 —	у́лицею	у́лицею
28	2 сверху	годі	го́ді
28	19 снизу	ворітьми	воріть́ми́
29	17 сверху	якому́	яко́му
29	19 —	господарство	господа́рство
29	17 снизу	прийме	при́йме
33	7 сверху	просто́ро	прозо́ро
36	7 —	визна́лась	ви́знались
36	24 —	Го́лубе́	Го́лубе
36	2 снизу	гуля́нинс	гуля́ннс
37	14 —	слізьми	слізьми́
38	7 сверху	було́	були́
38	16 снизу	«тамъ такі білі хмари	«такі бі́лі хма́ри

39	26 —	у трійзі	у трійзі́
39	28 —	ши́е́	ши́е
40	7 —	За що́	За́ що
40	12 —	кажу́	кажу́.»
40	5 сверху	обиймае	обіймае
41	1 снизу	журю́ся....	журю́ся.... И почина́ впять таке́ саме и впять. Звісно вже, якъ дівча́та лю́бощі переказують....
42	5 сверху	то́ді	тоді
44	7 —	світо́ве	світове́
46	4 снизу	тя́жк-	тя́жко
47	8 сверху	впно́мъ	вапно́мъ
47	6 —	Иване́нка: якъ	Иваненка... Якъ
47	21 —	а прода́сть	а про́дажъ
48	18 —	На́ що	Нащо́
48	21 —	у хату, увійшла́	у ха́ту увійшла́
48	29 —	не слу́хала... усе́	не слу́хала... Усе́
50	15 —	Вже я́к мині и за невістку	Вже я́къ мині ії за невістку
51	3 снизу	ду́ма́й	ду́май
54	6 —	нещасла́ва!	нещасли́ва!
55	1 —	дослуха́етця, яка хто, журитця,	дослуха́етця — яка́; хто журитця,
56	5 сверху	холодноватa	холодова́та
56	10 снизу	Перехони́ла	Перехопи́ла
57	5 —	да́рмо, було́, озива́тися	да́рмо було́ озива́тися
58	13 —	гово́рю́	говорю́
58	17 —	схаменись	схаменись
63	13 —	іде́	іде
65	8 —	ма́е́	ма́е
65	10 сверху	озива́етця	озива́етця
65	13 снизу	сивіе;	си́віе;
74	1 —	підхо́жу горо́ду	підхо́жу відъ горо́ду
80	7 —	усімъ	усіхъ
82	3 —	мене́ мовля́ла.	мене́ вмовля́ла
107	7 —	жонкі	жонки́

Въ объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ, на стран. 2, строка 1 снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вмѣсто словъ: и желала бы напечатано нелалаж бы.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ СВ. ВЛАДИМІРА И ДЕРПТСКАГО,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова, поступили въ продажу:

Букварь Южнорусскій, составленный Т. Г. Шевченкомъ. Спб. 1861 г. Цѣна 3 коп. за экземпляръ, съ пер. 4 коп.

Кобзарь Тараса Шевченка, съ его портретомъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Хата. Изд. 2-е, П. Кулиша. Спб. 1860 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Малорусскій литературный сборникъ. Д. Мордовцова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Повѣсти Григорія Квитки (Основьяненка). 2 тома. Спб. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Чорна Рада. Хроника 1663 року. Написавъ П. Кулішъ. Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Повѣсти П. А. Кулиша. Новое изданіе въ 4 томахъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Украинскіе народные разсказы Марка Вовчка, въ переводѣ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

Богданъ Хмельницкій. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Малороссіи. Соч. Маркевича. 5 томовъ. М. 1842 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 10 р.

Исторія Малой Россіи. Соч. Бантышъ-Каменскаго, съ портретами, картами и рисунками. 3 тома. Спб. 1842 г. Ц. 7 руб., съ пер. 9 р.

Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Соч. Преосвященнаго Георгія Конисскаго. М. 1846 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 р.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками. М. 1847 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго. М. 1846 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ, собранные чрезъ Бунчуковаго Товарища Петра Симоновскаго 1765 г. М. 1847 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

О Козакахъ. Соч. Н. Маркевича. М. 1859 г. Ц. 25 коп., съ пер. 50 коп.

Дневныя Записки Малороссійскаго Подскарбія Генеральнаго Якова Марковича. М. 1859 г. 2 тома. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Архивъ Югозападной Россіи. Томъ I-й. К. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Гадячскаго Полковника Григорія Грабянки. К. 1853 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ, составилъ Самуилъ Величко. 3 большихъ тома. К. 1848—1853 г. Ц. 6 р. 50 к., съ пер. 8 р. 50 к.

Памятники, изданные временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. 4 большихъ тома со множествомъ рисунковъ и палеографическихъ снимковъ. Кіевъ. 1846—1859 г. Ц. 12 р., съ пер. 16 руб.

Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. 5 томовъ. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

Жизнь Князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. 2 большихъ тома. К. 1849 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Историческое сочиненіе о Малороссіи и Малороссіянахъ. Соч. Г. ф. Миллера. М. 1847 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Литовская церковная унія. Изслѣдованіе М. Каяловича. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Начало Уніи. Соч. Д. Зубрицкаго; перев. съ польскаго А. Майкова. М. 1848 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Записки Преосвященнаго Георгія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой Уніи съ Римскою Церковью. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Чинъ Православнаго Литовскаго братства. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 коп.

Справа братства церковнаго виленскаго предъ судомъ трибунальнымъ. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Краткая Исторія о бунтахъ Хмельницкаго. Перев. съ польскаго. М. 1847 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Повѣсть о томъ, что̀ случалось на Украйнѣ съ тою поры, какъ она Литвою завладѣна и до смерти Богдана Хмельницкаго. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

О бунтѣ города Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 г. Перев. съ польскаго Н. Янковскаго. М. 1857 г. Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ. Января 5 дня, 1861 года.
Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

ОСНОВА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

1861

ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, VI. Москалева Криниця Т. Г. Шевченка.
II. Закоханий чортъ, Олекси Стороженка.
III. Стихи: Погане поле, П. Кузьменка.
На добра-нічъ, Іеремія Галки.
Пісня, Л. И. Глѣбова.
1) Не кидай мене, 2) Ластівка, 3) Нічъ-у-нічъ, От. Руданського.
1) Вовкъ та кітъ, 2) Вовкъ та мишня, Л. И. Глѣбова.
IV. Другой человѣкъ, П. А. Кулиша.
V. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, М. А. Максимовича.
VI. Отвѣтъ на выходки газеты »Czas« и журнала »Revue Contemporaine«, Н. И. Костомарова.
VII. Нѣсколько замѣчаній по поводу послѣдней выставки въ Спб. Академіи Художествъ, Л. М. Жемчужникова.
VIII. Характеръ и задача Украинской критики, П. А. Кулиша.
IX. Иванъ Петровичъ Котляревскій.
X. Воспоминаніе о Соленикѣ, Н. Д. Мизко.
XI. Замѣтка къ статьѣ: »Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ«, (съ портретомъ), Л. М. Жемчужникова.
XII. Съ дороги, А. Нечуй-вітеръ.
XIII. Бесѣды о Естествознаніи на Югѣ, Н. И. Волокитина I.
XIV. О руководствѣ къ пчеловодству, ... каго.
XV. Отчетъ о молотильной машинѣ, М. А. Бѣлухи-Мохановскаго.
XVI. Листи съ хутора, Хуторянина.
XVII. Знайденій на дорозі листъ, П. Необачного.
XVIII. Съ праваго берега Днѣпра, Максима Чорного.
XIX. О крѣпостномъ населеніи въ Россіи, М. Номиса.
XX. О лекціяхъ Костомарова, П. Кашюки.
XXI. Рѣчь Костомарова, А. М.
XXII. Отвѣтъ Русскому Вѣстнику.
XXIII. Литературныя извѣстія. — Увѣдомленія.
XXIV. Переписка.
XXV. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XXVI. Библіографическія извѣстія.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владимiръ Мономахъ.

1861

ФЕВРАЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 7-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

26 февраля, утромъ, въ 5½ ч., скончался Тарасъ Григорьевичъ ***Шевченко***, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни.

Минýлися мої слёзи,
Не рвéтця, не плáче
Потóчене старé сéрце
И óчи не бачять....

Кто зналъ его какъ поэта и человѣка, пойметъ всю великость нашей утраты. Украина отвѣтитъ стономъ на страшную вѣсть о смерти *нáшого бáтька:* такъ всѣ привыкли называть *Тараса*. Она потеряла въ немъ свое, самое горячее сердце, свою славу, свою печаль и отраду, свою *болѣзнь и здоровье*. Теперь Украина дѣйствительно *вдовá – сиротúна*, *сиротá–небóга*, какъ онъ называлъ ее въ своихъ вѣчно–юныхъ, полныхъ безграничной любви и тоски, истинно–народныхъ созданіяхъ.

Тарасъ Григорьевичъ умеръ не дождавшись нѣсколькихъ дней до обнародованія Манифеста 19 февраля, который принесъ давно–ожидаемое облегченіе его роднымъ и десятку милліоновъ соотечественниковъ: это была самая горькая насмѣшка судьбы надъ Шевченкомъ... но оттого еще какъ будто чище и возвышеннѣе становится его любóвь къ народу, стоившая ему обильныхъ слёзъ.

Загúнула ёгó голóвонька
Бéзъ рóду–родúни,
Безъ вірної дружúни...

но гробъ его окружала огромная семья людей, сочувствующихъ истинному достоинству, безъ различія вѣрованій и народностей. Могила Шевченка, гдѣ бы она ни была, будетъ вовѣки священна: теперь она посѣщается знакомыми и незнакомыми ему при жизни, и вся укрыта [redacted]ми вѣнками.

Слáва ёгó не вмрé, не поляже!

«Основа» употребитъ всевозможныя старанія записать на своихъ страницахъ все, что̀ можетъ увѣковѣчить память поэта.

Вслѣдъ за 2-ой книжкой «Основы» подписчики получатъ «Воспоминаніе о Шевченкѣ и его погребеніи», при которомъ— столь памятнымъ для всѣхъ образомъ — высказалось глубокое сочувствіе къ усопшему.

Въ нашихъ рукахъ теперь находится драгоцѣнное собраніе неизданныхъ его стихотвореній, лично намъ переданныхъ поэтомъ при первой вѣсти объ осуществленіи южнорусскаго вѣстника, и подлинный дневникъ Шевченка, съ 1857 по 1858 г., сообщенный намъ близкимъ его другомъ. Радуемся вмѣстѣ съ нашими читателями, что не все сокрылось для насъ въ этой безвременной могилѣ.

Усердно просимъ многочисленныхъ друзей и почитателей Тараса Григорьевича и вообще всѣхъ, кому дорога̀ память объ немъ, сообщать намъ его стихотворенія, письма и вообще біографическія свѣдѣнія о поэтѣ, а также и о родныхъ его. Редакція съ благоговѣніемъ сохранитъ подлинныя письма и другія бумаги Шевченка и, по требованію, будетъ въ цѣлости возвращать подлинники тѣмъ, кто ихъ доставитъ. Всякая замѣтка, всякій случай, касающійся такого человѣка какъ Шевченко, имѣетъ великую важность. Многое позабудется и исчезнетъ навсегда, если не будетъ записано тотчасъ, когда вѣсть о смерти поэта-художника вызоветъ разнообразныя воспоминанія въ каждомъ, кто что-нибудь объ немъ знаетъ. На насъ, Украинцахъ, лежитъ непремѣнный долгъ соорудить надъ свѣжей могилой народнаго пѣвца памятникъ, достойный его и народа: къ такому чистому и справедливому дѣлу каждый, навѣрно, приложитъ дѣятельное участіе.

КОБЗАРЬ.

VI.

МОСКАЛЕВА КРИНИЦЯ.

ПОЭМА.

Я. Г. КУХАРЕНКОВІ.

(на пàмять 7 мáя 1857 рóку.)

Не на Вкраíні, а далéко —
Ажъ за Урáломъ, за Элéкомъ,
Старúй недóбитокъ — *варнáкъ* (1)
Мині роскáзувавъ оттáкъ
Про сю Кринúцю Москалéву;
А я, сумýючи, списáвъ,
Та рúтому нúщечкомъ додáвъ, —
Та невелúчку и дешéву
(Звичáйно, крáдене!) зобгáвъ
Тобі поэму на помúни,
Мій дрýже щúрий, мій единий!

I.

Після́ *велúкої зімú,*
За Катерúни за Царúці,
Москáль ту вúкопавъ кринúцю,
А я́къ вінъ вúкопавъ — то ми
Оцé й роскáжемо въ пригóді,

(1) Клейменый каторжникъ.

А ви запи́суйте: не шко́дить
Таку́ю річъ и записа́ть —
Бо се́ не ка́зка, а били́ця,
Або́ бува́льщина, сказа́ть.
Отта́къ пишіть: була́ крини́ця...
Ні, не крини́ця, а село́ —
Пишіть — давно́ колись було́
Між и́ сада́ми, при доли́ні,
Таки́ у насъ, на Украіні,
Було́ те Бо́жее село́.
Въ селі тому́ вдова́ жила́,
А у вдови́ дочка́ росла́
И синъ малолітокъ.
До́бре ма́ти дітокъ
Бага́тому: хвали́ть Бо́га
Въ роско́шахъ; а вбо́гій
Вдові не до то́го:
(Бо залили́ за шку́ру са́ла —
Тро́хи не пропа́ла) —
Ду́мала ити́ въ черни́ці,
Або́ утопи́тись,
Такъ жа́ль мале́нькихъ дітокъ ста́ло
(Звича́йне, ма́ти! — що́ й каза́ть!)
Та, мо́же, жда́вся-таки́ й зять,
Бо вже Катру́ся підроста́ла, —
(Катру́сею вдовівна зва́лась), —
Чи вікъ же ій продівува́ть,
Носи́ти брівоньки ні за́ що?
Хиба́ за те́, що сирота́?
А красота́-то, красота́!..
Мій Бо́же ми́лий! А трудя́ще,
А чепурне́, та роботя́ще,
Та ти́хе... бачъ, и сирота́,
А всімъ була́ на-вдивови́жу;
Бува́ло, ви́гляне изъ хи́жі,
Якъ та́я квіточка зъ роси́,
Якъ те́е со́нечко зъ-за хма́ри:
Весь похоло́ну, не живи́й

Стою́, бува́ло...
Ані ка́ра,
Ні му́ки, кайда́ни,
Ніже літа́, си́ну,
Тії́ си́ли не втоми́ли...
Отта́къ и заги́ну, —
Такъ и заги́ну, — бо дивйся:
Сме́рті сподіва́юсь,
А рида́ю, мовъ дити́на,
Тільки-що згада́ю
Катери́ну... Слу́хай, си́ну,
Мій дру́же еди́ний!
Слу́хай до́бре, та запи́суй, —
Та на Украі́ні,
Якъ Бо́гъ тебе́ допрова́дить,
То роскажи́, си́ну,
Що ти ба́чивъ дия́вола
Своїми очи́ма!..

II.

Такъ, ба́чишъ, дівонька отта́
Росла́ собі; и роботя́щий
(Бо всю́ди си́роти — леда́що)
У на́ймахъ ви́рісъ сирота́,
Нена́че ба́тькова дити́на.
Ото́жъ, той са́мий сирота́
У на́ймахъ, сякъ собі, то та́къ,
Придба́въ сіро́ма грошенятъ,
Оде́жу спра́вивъ, жупани́ну,
Та не відсі́ль и не відті́ль
Купи́въ садо́чокъ и хати́ну,
Подя́кувавъ за хлібъ, за сіль
И за нау́ку до́бримъ лю́дямъ,
Та до вдовівни навпросте́ць
Шеле́сть за рушника́ми!..
Не торгува́лись съ старости́ами,
Якъ те бува́ зъ багатиря́ми,

Не торгува́всь и пано́тець
(На ди́во лю́дямъ та на чу́до!) —
За три́ копи́ звінча́въ у бу́день,
Безъ ши́хи, та́къ, якъ довело́сь...
Отту́тъ-то, го́лубе мій си́зий,
Отту́тъ-то й ли́хо почало́сь.

III

Уже́, либо́нь, після́ Покро́ва
Верта́вся зъ До́ну я, та зно́ву —
(Бо я вже дві́чі посила́въ
До ді́вчини за рушника́ми) —
Посла́ть и въ тре́йте міркува́въ, —
Та съ чумака́ми, та зъ вола́ми,
Якъ разъ въ неділю на весілля
До удовівни причвала́въ.
Пропа́ло, все добро́ пропа́ло,
Ані щити́нки не оста́лось!..
Пропа́въ и я, — та не въ шинку́,
А на *коби́лі*... На віку́
Всі лю́де ба́чять ли́хо, си́ну;
Але́ тако́го, мій еди́ний,
Тако́го лю́того — ніхто́,
Ніхто́ и зда́лека не ба́чивъ,
Якъ я, лука́вий! А тимъ ча́сомъ
Просо́хли о́чи у вдови́:
Неначе въ Бо́га за дверима,
У зя́тя та въ си́на
Стара́ собі спочива́е,
А на Катери́ну,
На дитя́ свое́ еди́не,
Тільки поглядае.
А я въ шинку́ съ пьяни́цями
Ду́шу пропива́ю, —
Та й пропи́въ! Запро́давъ ду́шу, —
И ду́шу и тіло:
Тіло ка́тові, а ду́шу...—

О, Бо́же мій ми́лий!
Хотілося бъ жить на сві́ті,
Та-ба! тре́ба вчи́тись —
Ще зма́лечку тре́ба вчи́тись —
Якъ на сві́ті жи́ти,
А то би́тимуть, та й ду́же!..
Не зна́ю, мій дру́же,
Чи сатана́ ли́хо ко́івъ,
Чи я занеду́жавъ,
Чи то́ мене́ зла́я до́ля
Привела́ до то́го!..
Таки́ й до́сі ще не зна́ю —
Не зна́ю нічо́го...
Зна́ю тільки, що тверезий,
(Бо вже́ ані ви́на,
Ні меди́, ні окови́та
Не пили́ся, си́ну)!..
Оттаке́-то сподіялось!
Вмеръ ба́тько и ма́ти,
Чужі лю́де похова́ли,
А я, мовъ прокля́тий,
Мовъ Іу́да одри́нутий
И людьми́ и Бо́гомъ,
Тиня́юся, хова́юся —
И дійшло́ до то́го,
Що я въ ночі підкра́вшися,
Максимову ха́ту
(Бо ёго́ Максимомъ зва́ли —
Вдовино́го зя́тя)
Запали́въ! Згоріла ха́та...
А душа́ прокля́та
Не згоріла... моя́ душа́,
Мій дру́же, мій бра́те,
Не згоріла, а оста́лась —
Тліе, й до́сі тліе...
И коли́ вона́ зотліе,
Коли́ опочи́не, —
Свя́тий зна́е...

IV.

Съ переля́ку
Вме́рла Катери́на;
А Макси́мъ на пожари́ще
Та на попіли́ще
Подиви́вся... нема́ ра́ди!..
Тільки вітеръ сви́ще
У димарі та въ ко́мині...
Що́ тутъ въ світі діять,
И що́ тепе́ръ ёму́ поча́ти?
Поду́мавши, перехрести́вся
Та й зновъ пішо́въ у наймити́
Голо́дні зли́дні годува́ти;
Вдова́ зоста́лась не сама́,
А зъ си́номъ па́рубкомъ; жени́ти
Ёго́ збіра́лась въ осени́,
Ажъ гу́лькъ!.. одъ ма́тушки-цари́ці,
Таки́ изъ са́моі столи́ці,
Прийшо́въ ука́зъ — лоби́ голи́ть;
Се въ пе́рший разъ таки́й ука́зъ
Прийшо́въ зъ Моско́вщини до насъ,
Бо на Вкраіні въ насъ бува́ло
У козаки́ охо́чі йшли,
А въ пікине́ри вербува́ли —
Та тежъ охо́чихъ... На селі
Зібра́лася грома́да ра́дить —
Кого́ голи́ть у москалі.
Пора́дили грома́дою —
И вдовиче́нка-ледащи́цю
Заби́ли въ скрепи́цю,
Та й повезли́ до приёму!
Онъ-яке́ твори́тця
На сімъ світі, — яка́ пра́вда
У люде́й, мій си́ну!..

V.

»Ні вже«, ка́же, »до́брі лю́де,
Не такъ воно́ бу́де,
Отта́къ хиба́!« Максимъ ка́же:
»Які́ зъ ме́не лю́де
У наймита́хъ! Иду́ служи́ть;
Неха́й«, ка́же, »вдови́нъ синъ
Та не ста́не пі́дъ арши́нъ,
А я ста́ну «
Изъ приёму
Верну́вся до-до́му,
До ма́тери вдови́ченко;
А Максимъ съ приёму
Пішо́въ собі у Москалі,
Помоли́вшись Бо́гу.
Мині поле́гшало, — а съ чо́го,
Съ чого́ поле́гшало мині?
Съ того́, що во́рога не ста́ло...
Яко́го жъ во́рога, мій Бо́же!
Моя́ пеке́льная душа́
Кого́ боя́лася? Максима!
Ні, не Максима, а кого́сь,
Кого́сь боя́лася прокля́та:
Луциперові служи́ла
Та ёго́ й страши́лась!...

VI.

Черезъ годъ, ото́, й вели́ка
Зима́ наступи́ла;
До зеле́ної неді́лі
Въ байра́кахъ бі́лі́ли
Сніги́ бі́лі, — тоді́ жъ ото́
И Оча́ковъ бра́ли
Москалі; а Запоро́жже

Пе́рше зруйнува́ли.
Розбрило́ся товари́ство...
(А що то́ за лю́де
Були́ тії Запоро́зці —
Не було́ й не бу́де
Таки́хъ люде́й!..)
Підъ Оча́ковъ
Погна́ли й Макси́ма:
Тамъ-то ёго́ скаліче́но,
Та на Украіну
Пове́рнено зъ одста́вкою, —
Ба́чишъ, пра́ву но́гу,
Чи то ліву, підстре́лено...
Мині не до то́го
Було́ тоді: зно́ву лю́та
Га́дина впила́ся
Въ са́ме се́рце; круго́мъ ёго
Три́чі обвила́ся,
Якъ той *и́родъ*... Що́ тутъ роби́ть?
Не да́мъ собі ра́ди;
А Макси́мові крово́му
Нічо́го не ва́дить:
Шкандиба́е на ми́лиці
И га́дки не ма́е;
А въ неділеньку святу́ю
Мундри́ надіва́е,
И меда́ль и хре́стъ прпче́пить,
И заплете́ ко́су
Та ще й бо́рошномъ поси́пле...
(Я не знаю й до́сі,
На що́ воно́ Москалі ті
Ко́си заплі́та́ли,
Мовъ дівча́та, та святе́е
Бо́рошно псува́ли?...
На и́грашку, я ду́маю—
Та́къ-собі, аби́-то!)
Ото́ жъ було́, мовъ генера́лъ,
Макси́мъ сановѝто

Приберéтця у неділю
Та й пошкандибáе
У хрáмъ Бóжий; на крúласі
Стáне та й співáе
Зъ дякóмъ-такúй, атó вóзьме
Та ще й прочитáе
Апóстола середъ цéркви
(Вúвчився читáти
У москаля́хъ). Непéвний бувъ
Максúмъ отóй, брáте, —
Та трудя́щий, роботя́щий,
Та тúхий до тóго,
Та ласкáвий... булó тобі
Ніжé анікóго
Не зачéпить ніже діломъ,
Ніжé якúмъ слóвомъ.
»И талáнъ и безталáнне
Всé«, кáже, »вíдъ Бóга
Вседержúтеля святóго,
А більшъ ні вíдъ кóго...«
Преблагúй бувъ мужъ на свíті
Максúмъ отóй, сúну;
А я! а я!.. не вúмовлю,
Моя́ ти дитúно!..
Я — вбúвъ ёгó!.. Пострівáй-лишъ,
Трóхи одпочúну,
Та тоді вже...

VII

Такъ ти кáжешь,
Що бáчивъ Кринúцю
Москалéву, що ще й дóсі
Берýть зъ нéі вóду?
И хрéстъ, кáжешъ, колó шляху
И дóсі Госпóдній
Стоíть собі на роздóллі;

А не росказа́ли
Тобі лю́де тамъ нічо́го?...
Вже повиміра́ли
Тіі лю́де, моі свідки,
Пра́ведніі лю́де;
А я й до́сі кара́юся
И кара́тись бу́ду
Й на тімъ світі...
Ось послу́хай,
Дово́дить до чо́го
Сатана́ той ду́шу на́шу; —
Якъ не схамене́тця
Та до Бо́га не ве́рнетця —
То такъ и ввіпье́тця
Пазура́ми въ са́ме се́рце...
Ось слу́хай же, си́ну,
Про Максима́ пра́ведного:
Було́ не спочи́не
Нікóли вінъ, а въ неділю,
Абó въ яке́ свя́то,
Бере́ святи́й псалти́рь въ ру́ки
Та й иде́ чита́ти
У садо́чокъ: (у садо́чку
Тамъ, у холодо́чку—
Катери́ну поховáли...)
Ото́жъ, у садо́чку,
За упоко́й душі ії
Псалти́рь прочита́е,
По́тімъ собі тихе́сенько —
Ти́хо заспіва́е
»Со святи́ми«, та й запла́че,
А по́тімъ помья́не
»О здра́вии« те́щу зъ си́номъ, —
И весе́лий ста́не:
»Все́ одъ Бо́га«, — ска́же собі:
»Тре́ба вікъ дожи́ти!«
Оттаки́й-то му́жъ пра́ведний
Бувъ вінъ на сімъ світі;

А у бу́день, — то вінъ тобі
Не поси́дить въ ха́ті —
Все ни́шпорить по надвірью:
»Тре́ба робота́ти«,
Було́ ска́же по-моско́вські:
»Ато́, ле́жа въ ха́ті,
Ще опу́хнешъ.« Та взявъ якóсь
За́ступъ и лопа́ту,
Та й пішóвъ собі у по́ле
Крини́цю копа́ти.
»Неха́й«, ка́же, »коли́сь лю́де
Бу́дуть во́ду пи́ти,
Та за мою́ грішну ду́шу
Го́спода моли́ти.«
Ви́йшовъ въ по́ле, геть одъ шля́ху
У ба́лку спусти́вся,
Та й ви́копавъ при доли́ні
Глибóку крини́цю.
(Не самъ оди́нъ: толóкою
Ёму́ помага́ти
Й дóбрі лю́де прихóдили
Крини́цю копа́ти).
И ви́ложивъ ця́риною
И, надъ шля́хомъ въ по́лі,
Височе́нний хре́стъ поста́вивъ:
Зо всёго роздóлля
Широ́кого було́ ви́дно;
Се, ба́чишъ, для тóго,
Щобъ знать було́, що крини́ця
Есть коло́ дорóги,
Щобъ захóдили зъ крини́ці
Лю́де во́ду пи́ти,
Та за тóго, що ви́копавъ,
Бóгу помоли́тись.

VIII.

А тепе́ръ уже́, — онъ ба́чишъ,
Дохо́дить до чо́го!—
Що я стра́тить намі́ряюсь
Максима свято́го...
Оттаке́-то!.. А за віщо?
За те́, за що́ Ка́інъ
Уби́въ бра́та пра́ведного.
— — — —
Чи то бу́ло у неділю,
Чи въ яке́е свя́то,
Слу́хай, си́ну, я́къ навча́е
Сатана́ прокля́тий:
»Ходімъ«, кажу́, »Ула́совичъ,
На твою́ крини́цю
Подиви́тись.« — »До́бре«, ка́же —
»Ходімо напи́тись
Води́ зъ не́і пого́жоі.«
Та й пішли́ обо́е,
И відерце и віжечки́
Понесли́ зъ собо́ю.
Отъ, прихо́димъ до крини́ці;
Я першъ подиви́вся —
Чи гли́боко. »Вла́совичу«, —
Кажу́, — »потруди́ся
Води́ доста́ть: я не вмію.«
Вінъ и нахили́вся,
Опуска́ючи відерце;
А я́... я за но́ги
Вхопи́въ ёго́, та й уки́нувъ
Максима свято́го
У крини́цю....
Отаке́-то
Сотвори́въ я, си́ну!..
Тако́го ще не твори́лось
Въ насъ на Украіні!

Та й нікóли не твóритця
На всíмъ свíті, брáте!..
Всю́ди лю́де, а *я одúнъ* —
Дия́волъ проклáтий!...

IX.

Черезъ тúждень вже вúтягли
Максúма зъ кринúці
Та у бáльці й похова́ли;
Чима́лу каплúцю
Поста́вили грома́дою,
А ёго́ кринúцю
Москале́вою назва́ли...

А я... пішóвъ у гайдама́ки
Та на Сібíрі й опинúвсь,
(Бо тутъ Сібíръ була́ колúсь)...
И пропада́ю, мовъ соба́ка,
Мовъ той Іу́да... Помолúсь
За мéне Бóгу, мій ти сúну,
На тій преслáвній Украíні,
На тій весéлій сторóні...
Чи не полéгшае мині?..

Т. Шевченко.

1857.
Новопетровское
укрѣпленіе.

ЗАКОХАНИЙ ЧОРТЪ.

I.

Тільки й бачивъ я рідний край поки рісъ, а тамъ, якъ отдали у службу, такъ и пішовъ, не по своїй волі, мотатьця по світу, якъ те перекотиполе, що вітеръ носить по степахъ: котится, котится, поки не зупинить тебе доля, або не притопче лихо.

Хочъ и лучалось мині, де-коли, навідуватьця у рідну Україну, такъ чи довго жъ то спочинешъ підъ теплимъ ії криломъ?... И зновъ, на край світа, мандруешъ до чорта зъ рогами! За тежъ, літъ у шість, а може й більше, якъ изъ Курської губерніі уідешъ у Харьківську, то такъ тобі стане легенько, мовъ на крилахъ тебе підняло... Та зъ сего боку Харькова ще не такъ; зъ Липець наша Україна теперечки якось Московщиною дивитця: намісць шинківъ — проклята кабащина, постоялі двори, на московський ладъ; скрізь по дорозі тягнутця московські однокінні телеги, одна до другої попричеплювані, якъ фиги на личку; куди не глянь, усе пилипони зъ рижими бородами, у лаптяхъ, ажъ занудить на нихъ дивлячись. Такъ, бачите, въ сего боку, кажу, ще не такъ, а отъ якъ перехопиться черезъ річку Харьківъ, то хто бъ не сказавъ, що се Божа сторона!..

Тутъ зразъ починаетця оттой великий боръ, що високі сосни ажъ хмару підпірають. Оце жъ вамъ и Основа, де батько нашъ Квітка збивъ собі, зъ своіхъ повістей, такий місний човенъ, що до-віку-вічнего буде плавать по плюгавій річці Леті. Оттутъ же и вольна; сюди жъ-то Харьківські міщане и чернь, ударивши лихомъ объ землю, сходятця одвести душу и зада-

ви́ть го́ре свого́ бездо́лля. Отту́тъ, поба́чили бъ ви́, у неділю и по празника́хъ, скільки збіра́етця наро́ду! Версто́въ на пья́ть, а мо́же й більшъ, уподо́вжъ доро́ги, гуля́ міща́нство: дівча́та у стрічка́хъ, у стёнжка́хъ, молоди́ці у парче́вихъ очіпкахъ, у кармази́нахъ, у глазе́ті, а коза́цтво у бриля́хъ, у чуйка́хъ фабри́чнёго сукна́, шовко́вими пояса́ми попідпере́зовані, а скільки ще того́ лаке́йства у фра́кахъ та у сертука́хъ, мовъ та Німо́та. Инші зби́лись біля́ музи́ки, са́дють гоцака́, вибива́ють тропака́, ажъ ли́хо сміе́тця; дру́гі посіда́ли ку́пками, снідають, кругля́ють горілку, тереве́ні гнуть, співа́ють, рего́чутця, ажъ луна́ округи́ йде. Ідешъ було́, ди́висся, ди́висся та й не вте́рпишъ: ви́лізешъ зъ таранта́су и підійдешъ до яко́го-не́будь товари́ства: »хлібъ та сіль, лю́де до́брі!« ска́жешъ. — Спаси́бі, — одкажуть, и про́сять: — сіда́йте, не погре́байте хлібомъ Бо́жимъ! — За́разъ и часту́ють, и на кали́новій тарілочці підно́сять са́ло, кільце́ ковбаси́. Ся́дешъ, було́, до гу́рту, ви́пьешъ корячо́къ горілки, ззіси́ шмато́къ са́ла, побала́каешъ, — свого́ додаси́ весе́лого сло́ва. Бо́же ми́лий, я́къ же то вони́ дя́кують!.. Ста́нешъ проща́тьця, то та́къ и загомоня́ть; оди́нъ кричи́ть: »пошли́ вамъ, Го́споди, уся́кого ща́стя за те́, що про́стихъ люде́й не цура́етесь!« дру́гий: »неха́й вамъ Бо́гъ, на тімъ світі, за насъ оддя́куе!« Бува́е й таке́, що яка-не́будь молоди́ця, черво́на якъ ма́ківка, схо́пицця, обійме, та й поцілу́етця на проща́ннє. »Се«, ка́же, »щобъ не ско́ро забу́ли на́шу хлібъ-сіль!« Сміху́ тако́го наро́бить вра́жа молоди́ця, такъ усі и поко́тютця, ухопи́вшись за животи́. Що́-то за втішні та швидкі, ті ха́рьківські молоди́ці, — неха́й імъ леге́нько икне́тця!

Проі́хавши кільки верстъ бо́ромъ, ста́нешъ підійма́тьця на го́ру. Тутъ вже те́мна сосни́на почина́ міша́тьця зъ ду́бомъ, ли́пою, клини́ною, бе́рестомъ, усе́ стае́ густійше, густійше; де́рево переплело́сь вітами якъ те воло́сся; орішникъ, глодъ, шепши́на позроста́лись, стоя́ть якъ до́бра огоро́жа. Чимъ дальшъ ідешъ, тімъ кра́ще вро́да: пішли́ и доли́нки зъ прога́ленами якъ ру́та зеле́ними, и яри́ съ прова́ллємъ, що якъ гля́нешъ, то у голові закру́титця. Мій Бо́же ми́лий! що́ за лісъ! Яки́хъ нема́ тутъ дере́въ! И висо́кихъ, величе́знихъ, и стари́хъ, ско́рченихъ, похню́пихъ, що вже віку свого́ дожива́ють. Инше зла́мане бу́рею и опа́лене гро́момъ, стоіть собі край доро́ги якъ черне́ць; тамъ трухля́вий пень схили́вся якъ той ста́рець зъ то́рбою. Куди́ ни глянь — усе́ тебе́ чару́е, при-

вітáе, усé тобí всміхáетця. Здаéтця, самá рідна мáти нáша Украíна вúйшлá тобі на-зýстрічъ: то спогляне на тéбе гарячимъ сóнцемъ, то притýлитця пахýчимъ холодкóмъ изъ тéмного лісу, то промóвить пíснею, то озовéтця соловéйкомъ, жáйворонкомъ; то неначе граéтця зъ тобóю: затурчúть у вýхо гóрлицею, залоскóче тихéсенькимъ вітерцéмъ. Такъ тобі вéсело, такъ легéнько, мовъ у раю!.. Душá мліе, сéрце трепéчетця, токотúть, бýцімъ що до тéбе промовляе; не розберéшъ щó воно́ роскáзуе,а слýхаешъ—не наслýхаесся, якъ не наслýхаетця мáти своéі дитúни, бо тá мóва солóдча для нéі одъ медóвоі річи найрозумнíшоі людúни.

II.

Одъíхавши одъ Хáркова верстóвъ двáдцять, лісъ почúна рідíти. Зъ висóкоі горú ужé вúдко селó Мерéфу, зъ церквáми, дзвúницями, садáми и левáдами, — гéть-гéть роскúпулось по долúні. За селóмъ блищáть течíі, затóки й озéра Мжúй. Потеклá вонá у ліво проміжъ кущівъ верболóзу и вільхи; а напротú глáдко стéлетця зъ могúлами широ́кий стéпъ. Спвіе старéнький якъ мóре, мріе, мріе, пóки не зійдетця зъ нéбомъ, а нéбо зъ землéю. Гуляйте óчи, гуляйте дýми, якъ колúсь гуляло по сéмý степý вóльне козáцтво!

Проіхавши Мерéфу и перебрáвшись черезъ плéса Мжи, вúідешъ на торгóвий шляхъ, що йдé у Крúмъ. Протонтáла сей шляхъ ще татарвá, якъ колúсь ходúла на нáше безголóвья пíдъ Москвý, палúти городá и забірáти у невóлю хрещéний лю́дъ. Скíльки óкомъ ні кúнешъ, скрíзь по дорóзі, якъ гадю́ка, сýнутця хýри: на-зýстрічъ везýть шлёнку, кóжі, сіль, рúбу; скрипля́ть татáрські гáрби, запря́жені бýйволами и верблю́дами.Изъ Хáркова везýть усякий крамъ, машúни, паровúки, ідуть купці у Крúмъ, у Бердя́нськъ, ідуть панú и тудú й вúдтіль, женýть табунú, гуртú, отáри, нде́ наро́дъ на заробітки, у степú и къ мóрю. Літомъ вéсело и гля́нуть на сей шля́хъ, а побáчили бъ ви весно́ю, або́ у восенú, що тутъ дíетця... крúй Бóже, яке́ лúхо! Замордóвана скотúна по сáме чéрево грýзне у багні; наро́дъ бичýетця, тóпитця по бáлкахъ, по перéтічкахъ. Бодáй и не згáдувать!.. Оттýтъ би простягтú залізну колéю! Потеклá бъ по нúй золотá річка живýщоі и сцілю́щоі водú.

Ду́же ще бідує́шъ, іду́чи по сёму́ шляху́ *на обива́тельскіхъ*. Роскажу́ вамъ, яко́го разъ набра́вся я ли́ха, сда́вшись на *откры́тий листъ*. Изъ Мере́фи на почта́рьскіхъ, ще за́годя, добігъ я до Таранівки. Пря́мо у волосне́ правле́ніе ввійшо́въ — такъ га́рно, по сере́дині стілъ, зеле́нимъ сукно́мъ за́сланний, якъ у суді, и патре́тъ ви́сить. Дивлю́сь — нема́ нико́го; ті́льки яки́йсь каліка, ско́рчившись, сиди́ть біля́ скри́ні — се́ бъ то стереже́ грома́дські гро́ші.

»Е ко́ні?« пита́ю.

— Нема́, — схопи́вшись одві́тивъ каліка.

»А пи́сарь — де́?«

— На селі.

»Коли бъ позва́ть.«

— За́разъ збігаю.

Пошкандиба́въ серде́шний; черезъ яку́ тамъ годи́ну иде́ пи́сарь пова́гомъ. Ще молоди́й, ша́пка на баки́ръ, у кіта́йчатій черке́сці и випойко́вихъ чобо́тяхъ.

— А чого́ вамъ тре́ба? — спита́въ вінъ, дохо́дячи до ме́не.

— »Ко́ней, голу́бчику.«

— А подоро́жня, чи-ба́къ открити́й ли́стъ е́?

Пода́въ ёму́ открити́й листъ; вінъ подиви́вся, за́разъ и прого́ни ви́щитавъ, — таки́й мите́ць! и ще наки́нувъ кі́лька версто́въ зали́шніхъ. Ви́дно, що бувъ уже за Ха́рьковомъ, и голово́ю мота́, якъ моска́ль, щобъ па́тли ёму́ не лізли у ві́чі, и випина́етця, и на́лець засо́вуе за гапли́къ.

— А ну́-лише́нь, — гукну́въ пи́сарь на каліку, схова́вши у кише́ню гро́ші: — бігай за деся́тникомъ, — та шви́дче!

Зновъ пошкандиба́въ каліка; неско́ро веде́ того́ деся́тника.

— Тро́йку ко́ней, — грізно кри́кнувъ пи́сарь на деся́тника:— та шви́дче!

Стоіть деся́тникъ, ті́льки поти́лицю чу́ха.

— Чого́ стоішъ? позаклада́ло? — гукну́въ писа́рь на ёго, та ажъ почервонівъ зо́ зла.

— Не позаклада́ло, — ода́же деся́тникъ, — ті́льки що ко́ні пасу́тця у степу́!

— Такъ що́, що въ степу́? пійма́йте та й ведіть.

— Ще тре́ба знайти́, куди́ вони́ позабіга́ли, ті бісови ко́ні, та тогді вже — лови́ть...

— Такъ иди́ та й шука́й; а ту́течки, опрічъ ля́паса, нічо́го не зна́йдешъ.

Зни́къ деся́тникъ, якъ на то́й світъ провали́вся. Уже́ я й село́ обійшо́въ, и у таранта́сі до́бре ви́спався, а ко́ней нема́ та й нема́. На́дъ вечіръ вже пригна́ли двохъ шка́покъ зъ лошя́тами.

— А тре́йтя?—пита́ю.

»Ще не пійма́ли«, озва́всь деся́тникъ; »тамъ таке́ прудке́ звіря́— бода́й воно́ здо́хло, — що ніякъ ёго́ не наздожене́шъ.«

Ажъ о́сь веду́ть и того́ прудко́го — и лома́кою підганя́ють,— ба́чите — втоми́лось, серде́шне, утіка́ючи. Ста́ли запряга́ть, — по́раютця, якъ мо́кре гори́ть; розгле́ділись — и того́ нема́ и дру́гого, и зновъ погна́ли каліку за віжками, за черезсіде́льникомъ. Да та́къ ажъ до за́хідъ-со́нця доде́ржали. Ру́шили — ле́дві ко́ні везу́ть; не схамену́лись, якъ и нічъ. Пого́ничъ поверта́е то у той бікъ, то въ дру́гий, — загуби́въ, га́спедівъ синъ, доро́гу, — ла́е и ко́ней, и хто іде, и нічъ, и степъ.

— Куди́ тебе́ нечи́ста ма́ти но́сить? — пита́ю пого́нича: доро́га пряма́, якъ стрілка, а ти кру́тисся, якъ му́ха увъ окро́пі?

»Коли́ жъ нічо́го не ба́чу«, ка́же пого́ничъ, и віжки ки́нувъ: »у ме́не ку́ряча сліпота́.«

Що́ тутъ роби́ть? Уве́сь степъ покарбо́ваний доро́гами; не втра́пишъ свое́і, то ка́-зна-куди́ ще заідешъ,—ду́маю собі: хочъ би доіхать до трахти́ра, що недале́чко одъ Таранівки. Нічого роби́ти: — самъ сівъ за машталіра, и потихе́ньку, підтюпцемъ, благополу́чно доплели́сь до то́го трахти́ра.

III.

Хазя́йка сёго́ заі́здного дво́ру, вели́ка цокоту́ха, була́ до́бре мині по знаку́: ще зма́лку іі знавъ. Давно́ не ба́чились, а тільки ввійшо́въ у ха́ту, за́разъ пізна́ла.

— Чи жи́ві, чи здоро́ві? спита́въ я, протира́ючи о́чи и розгле́дюючись.

»Сла́ва Бо́гу«, одвітила хазя́йка, »ста́ріемось по-тро́шку. Ось подивітця на мою́ Оле́сю: ма́тіръ переросла́ (Хазя́йка гля́нула на чорня́веньку дівчину)! А се сліпе́нький дідъ (Хазя́йка показа́ла на столітнёго дідуга́на, що сидівъ на по́куті, схили́вши бідола́ш-

ну свою́ го́лову на гру́ди). »Коли́сь співа́въ по ярмарка́хъ, а тепе́реньки ті́льки луна́ хо́дить по світу одъ ёго́ пісе́нь: увесь го́лосъ ви́співавъ и банду́ру потроци́въ.«

Га́рна дівчина Оле́ся, така́ по́вна, милови́да,—а я диви́вся на ді́да. Зро́ду тако́го ді́да не ба́чивъ: біле воло́сся, густе́ якъ лісъ, прикрива́ло ёму́ висо́ке чоло́; бро́ви насу́нулись на са́ми о́чи, а широ́ка борода́ ажъ до по́яса дохо́дила. Отта́къ узя́въ би пе́нзель, та й списа́въ вамъ Сату́рна.

— Відкі́ль стари́й? — спита́въ я ді́да, сіда́ючи біля ёго.

»Хто́ ёго́ зна«, обізва́лась хазя́йка: »уве́сь свій вікъ ве́штаетця по́ світу... Живъ коли́сь за Бере́кою, такъ давно́ жъ; тепе́речки вже забу́въ и свій ху́тіръ и свою́ ха́ту«.

— Ні, не забу́въ, — обізва́вся ді́дъ, — не забу́въ!..

»Куди́ жъ тепе́ръ иде́шъ«? попита́въ я ді́да.

— У Павлогра́дъ.

»Що́ жъ тамъ бу́дешъ робити? співа́ти, чи що́?

— Та ні, кажу́ вамъ, — перехопи́ла хазя́йка: — вінъ тепе́ръ не співа́, вінъ ті́льки роска́зуе.

»Що́ жъ вінъ роска́зуе?

— Що́ зъ нимъ дія́лось на світі, якъ козаки́ би́лись зъ ляха́ми, съ тата́рами, про відёмъ, про чортівъ!.. Вінъ увесь світъ ви́ходивъ: бувъ у Чорномо́рії, у Глу́хові, за Ки́ївомъ бувъ.... А чи не наста́вить вамъ самова́ру?

»Наста́въ, паніматочко«.

— Отъ и до́бре! старе́нького напо́іте гаря́чимъ, то вінъ вамъ за те́ що-не́будь роска́же.

»Чи до́вго вже воло́чится по світу?« спитавъ я дідуга́на, якъ ми зоста́лись вічъ-на-вічъ.

— До́вго, ду́же до́вго, — одказа́въ стари́й, ва́жко зітхну́вши, я ще оженивсь у Оча́ківську зіму. Ми тоді жили́ на запоро́зькихъ зе́мляхъ во́льними козака́ми. Якъ же зруйнува́ли Ко́шъ, то нашъ посе́локъ зъ земля́ми доста́вся яко́мусь па́ну. Не схотівъ я зоставатьця па́ньскимъ, запрігъ коня́, узя́въ жінку зъ дітьми— дівчину по во́сьмому годку́ и хло́пчика-годовичка́, та й поманд рува́ли у Чорномо́рію. Одъ То́ра довело́сь простува́ти сте́помъ якъ мо́ремъ, — ні хуторця́, ні земля́нки. Той рікъ була́ засу́ха, и яко́го ли́ха ми не одвідали: кінь безъ па́ши и подопо́ю здохъ. ми потяглись пішки; що́ було́ зъ на́ми запа́су — поіли, ті́льки й

живи́лись корі́ннямъ. Не пройшли́ й десяти́ день, якъ похова́ли дочку́ й сы́на, а тамъ, зъ нудьги́ та го́лоду, занеду́жала й жінка; я ні́съ її на своіхъ рука́хъ, поки́ не оддала́ душі Бо́гу. По Чорномо́рії я ве́штався три́дцять пять лі́тъ; би́вся зъ Черке́сомъ, пла́вавъ по Чо́рному мо́рю, а тамъ потягло́ мене́ знов у рі́дну сто́рону: забажа́въ ще́ поба́чити ба́тьківску ха́ту и поклони́тьця ба́тьківській и ма́тчиній моги́лі. Прийшо́въ—и не пізна́въ на́шого ху́тора: де́ була́ на́ша ха́та, тамъ роспло́жено па́нський садъ; а де́ було́ кладови́ще, тамъ стоя́въ шино́къ. Ви́йшовъ я на ви́гонъ, гля́нувъ на сло́боду и округи́, згада́въ молоди́й вікъ, ба́тька, ма́тіръ, жінку, діте́й, — запла́кавъ та й пішо́въ собі світъ-за-очи́ма. Отъ уже́ три́дцять літъ, якъ тутъ ве́штаюсь, а три́-тридцять, якъ живу́, — а, бре́ше вона́, ба́тьківськоі ха́ти не забу́въ. Було́, якъ заспіва́ю, то мині здава́лось, що я сижу́ біля́ своє́і ха́ти и мене́ слу́хають ба́тько, ма́ти, жінка й діти!...

Не бага́то словъ увъ оповіда́нні ді́да, а скільки жъ то ли́ха!.. И не хотівъ вінъ розжа́лобить, а гли́боко уразивъ се́рце, ва́жко засмути́въ ду́шу. До́вгу ни́зку ли́ха наниза́ла ёму́ зла́я до́ля!...

Хазя́йка не дала́ мині зъ стари́мъ до́бре й розговори́тьця, принесла́ чашки́ и знов заторохті́ла: то про Тро́іцький я́рмарокъ, то які́ панночки́ повихо́дили за́міжъ, які́ ще позоставались, налічи́ла зъ десятокъ поме́рлихъ и присіпалась до ді́да — чо́мъ вінъ не роска́зуе.

— Якъ же мині роска́зувать,—серди́то обізва́ся ді́дъ,—коли́ не дае́те й ро́та роззя́вить; скрего́чете, мовъ соро́ка на вербі....

»Мовча́тиму, ей-же Бо́гу мовча́тиму,« перебила хазя́йка, »тільки роскажіть, бу́дьте ла́скаві, про зако́ханого чо́рта.«

— До́бре, до́бре, раскажу́, — чо́мъ не росказа́ть?

Ді́дъ зъ вели́кимъ сма́комъ пивъ чай, заіда́ючи ха́рьківськими бу́бликами, а тамъ, якъ ви́хливъ ще дві ча́шки зъ ро́момъ, то ажъ помоло́дшавъ.

— Оттепе́ръ, ка́же, — яко́сь си́ли добу́въ; здае́тця, якъ-би́ банду́ра, то бъ и заспіва́въ!...

IV.

Стари́й підня́въ го́лову, и ще́ твердимъ го́лосомъ та́къ почавъ: »Ді́дъ мій бувъ Запоро́жець. Де́ ёму́ на віку́ не довело́сь бу-

ва́ти, чого́ не ба́чити! Уда́вся вінъ висо́кий, здоро́вий, та ще вдода́токъ бувъ и вели́кий характе́рникъ: зна́вся зъ відьма́ми, зъ чорта́ми, нічо́го на світі не боя́всь: правди́вий бувъ Запоро́жець! Уже́ не молоди́мъ прийшо́въ вінъ на Бере́ку, одружи́всь и збудува́въ собі ха́ту. Живъ вінъ тро́хи не сто годъ, и до сме́рти до́бре чувъ, ба́чивъ, а и́нколи ся́де на коня́ и о́хляпъ поіде у Ха́рьківъ. Отто́ жъ підъ ста́рість, у до́вгий зі́мній ве́чоръ, якъ ста́не оповіда́ти, що́ зъ нимъ діялось, то и сміе́сся, й пла́чешъ, а ча́сомъ и чупри́на полізе до гори́. Ось якъ вінъ роска́зувавъ про того́ зако́ханого чо́рта: разъ у схва́тці съ тата́рами уби́ли підъ дідомъ коня́. Жаль ёму́ того́ коня́, якъ рідного бра́та: одно́ — наде́жний бувъ, а дру́ге — тако́го не знайти́ и на Запоро́жжі. Отъ дідъ и пішо́въ у сло́боди пошука́ть лица́рського коня́. Тоді не та́къ, якъ тепе́ръ: скрізь була́ пусти́ня, и діду довело́сь простува́ть по степа́хъ навмани́, пита́ючи доро́ги то у со́нця, то у звіздъ. Черезъ кільки днівъ дідъ тро́хи притоми́всь, вже и то́рба зъ запа́сомъ стули́лась: оста́нній суха́рь доівъ. Зблизившись икъ Донцю́, де́ почина́ютця пу́щі, дідъ зайшо́въ у таку́ гущиню́, що не продере́тця:—морське́ де́рево такъ и хви́ська, а тутъ и нічъ насу́нулась. Сівъ вінъ собі підъ куще́мъ, підожда́ти, по́ки зійде місяць, та й задріма́въ. Ажъ чу́е скрізъ сонъ, нена́че хто ёго́ тя́гне; проки́нувся — ди́витця: по́вний місяць уже́ височе́нько, и вітру нема́, а дере́вья такъ и гну́тця, усе́ въ одну́ сто́рону, и ёго́ само́го, нена́че яка́ невидо́ма си́ла, туди́ жъ тя́гне. Ставъ пригля́дуватьця, ажъ недале́чко стоіть висо́кий коза́къ у кармази́новімъ жупа́ні, въ чо́рнихъ оксами́товихъ шта́няхъ и жо́втихъ чобо́тяхъ... таки́й зъ нёго чуприндирь, що кра́щого не знайти́ и у Ко́ші! Стоіть про́ти місяця и рука́ми розма́хуе, нена́че кого́ до се́бе ма́нить; и якъ махне́ руко́ю, то ажъ де́рево до ёго нахиля́етця и мого́ діда немовъ хто у поти́лицю штовха́. Що́ воно за бісъ, поду́мавъ дідъ: чи не характе́рникъ?.. Хотівъ вже́ бувъ до ёго обізва́тьця, коли чу́е, щось ге́пнуло за дере́вьями, да такъ и́скрами кру́гомъ и обси́пало. Ди́витця, изъ-за кущівъ ви́йшла височе́нька дівчина, ще молода́, до́бре у́брана, да така́ га́рна, що кра́щоі и у сні не поба́чишъ. Несміло підійшла́ вона́ до козака́, згорну́вши на гру́дяхъ ру́чки.

— »Чого́ ти мене́ звавъ?« спита́ла дівчина таки́мъ голоско́мъ, що у мого́ діда ажъ се́рце тёхнуло.

— »Пита́ешъ — чого́?« промо́вивъ коза́къ: »хиба́ не зна́ешъ, я́къ я тебе́ коха́ю?.. безъ те́бе мині и пе́кло не ми́ле!..«

— »Отъ зачи́мъ!« ка́же дівчина: »я давно́ вже се зна́ю.«

— »Та ні«, одказа́въ коза́къ, »не зати́мъ... якъ тебе́ поба́чу, то й самъ не зна́ю, що́ говорю́... Слухай, Ода́рко... скажи́ мині, чи хо́чешъ бу́ти мое́ю?... хочъ би́ ти у ти́сячну до́лю такъ мене́ коха́ла, якъ я́ тебе́!..«

— »Не тре́ба мині твого́ коха́ння, — не проси́ й мого́!« одрізала дівчина, одверну́вшись: «цуръ тобі, пекъ тобі!«

— Ого́! поду́мавъ дідъ,—яка́ пиха́! зневажа́е залиця́ння тако́го козака́!

— »Слу́хай, Ода́рко«, зновъ почавъ коза́къ: »будь мое́ю, — усе́ для те́бе зроблю́, усе́, чого́ тільки не забажа́ твоя́ душа́!«

— »Не зро́бишъ того́, чого́ моя́ душа́ бажа́е...« одвітила дівчина, ва́жко зітхну́вши.

— »Зроблю́, ей-же-ей зроблю́«, ка́же коза́къ, »заприсяга́юсь тобі пе́кломъ, Сатано́ю и Фарнагіемъ, — щобъ мині не згуби́ти ні годно́і Христия́нскоі душі, щобъ мині прова́литься у поло́нку після Орда́ні.... о́тъ-що!«

— Якъ вінъ, га́спедівъ синъ, куме́дно бо́житця, — поду́мавъ дідъ.

— »Не ві́ришъ?« пита́ коза́къ.

— »Не вірю«, одвітила дівчина.

— »Не зна́ю, якъ вже мині й заприсяга́тись, моя́ голу́бко!« ка́же коза́къ, — та пригорну́въ до се́бе дівчину и цмо́кнувъ ії у що́ку....

Якъ цмо́кнувъ, такъ по усій пу́щі луна́ й пішла́: захита́лись дере́вья, гілля́ до гілля́ прихили́лось, зату́ркали го́рлиці, и мого́ діда нахили́ло до землі, — яко́сь гу́би засвербіли, а ту́тъ, де не взяла́сь жа́ба, — пли́гъ! и не схаменувсь, якъ чоло́мкнувъ бісову тварю́ку. И що́ бъ ви ду́мали? такъ ёму́ зроби́лось ве́село на душі, мовъ га́рну дівчину у ясне́ о́ко поцілува́въ!

»Охъ«, застогна́ла дівчина, ухопи́вшись за що́ку: »я́къ же ти мене́ опі́къ!.. такъ одъ те́бе пе́кломъ и несе́. Коли́ хо́чешъ,« ка́же, »изо мно́ю розмовля́ти, то хиба́ у воді; а тутъ ти мене́ спа́лишъ своімъ пеке́льнимъ коха́ннемъ!«

»До́бре«, ка́же коза́къ: »ну́мо жениха́тись у воді.«

Ди́вится дідъ: біля іхъ и са́жалка; чи вона́ була́, та вінъ ії

не ба́чивъ, чи вона́, спра́вді, уроди́лась, якъ ка́жуть, по щу́чому вели́нню. — Що́ се за вра́жа ма́ти! — поду́мавъ дідъ: — чи вони́ лю́де, чи мо́же чорти́?..

Су́мно ёму́ ста́ло, ажъ осели́дець бі́ля́ ву́ха заворуши́всь. Да́лі ди́витця, ста́ли роздяга́тьця; дівчина, бу́цімъ не своіми рука́ми, зняла́ ко́фту, пла́хту; да́лі, не соро́млячись, и соро́чку. Якъ гля́нувъ на не́і дідъ, то ажъ жижки́ въ ёго затруси́лись; давно́ вже́ минуло, а було́ якъ захо́дится роска́зувать, то ажъ цмо́ка, ажъ о́чи ёму́ ро́гомъ лізуть, — така́ га́рна! Місяць якъ срібломъ поня́въ біле ії тіло; уся́ якъ ви́точена, а до́вга коса́, чо́рна, якъ гадю́ка, такъ и обвива́етця кругъ тонко́го ста́ну, и ажъ до по́вних литкъ достає́. Повернулась зъ плече́й — ще кра́ща; ті́льки роздиви́вся дідъ, ажъ хво́стикъ! такъ собі, невели́чкий, та ма́тері ёго́ бісъ — хво́стикъ! вихо́дить, що дівчина — відьма. Гля́нувъ на коза́ка, ажъ и въ то́го — хвістъ! таки́й до́вгий, якъ у хорта́, и такъ імъ вигра́е, якъ кітъ передъ ми́шою. — Эге́, такъ-отъ воно́ що́! Тутъ уже́ дога́дався дідъ, що чорта́ка та закоха́вся у відьму. Ду́мае собі: ха́й же вамъ бісъ! хотівъ бувъ тіка́ть, такъ не здвигне́тця, якъ до землі прирісъ; хотівъ перехрести́тися, такъ руки́ не підійме. Доса́дно діду, та нічого роби́ти; прини́къ до землі и ди́витця — що́ да́льшъ бу́де. Увійшо́въ чо́ртъ зъ відьмою по по́ясъ у са́жалку и зновъ ста́ли розмовля́ти:

»Скажи́ жъ мині, моя́ голу́бко, чого́ бажа́ твоя́ душа́?« пита́е чортъ.

»Не скажу́«, одрізала відьма: »не скажу́, по́ки не заприсягне́сся пеке́льнимъ сло́вомъ — зроби́ти...«

»Чи до́вго жъ бу́дешъ мое́ю, якъ обіща́ю?«

»Де́сять годъ«, ка́же відьма.

»До́бре, усе́ зроблю́!« (Чортъ протягну́въ ру́ку.) »Отъ тобі рука́ и мое́ пеке́льне сло́во!«

»Хто жъ насъ розібье́?« спита́ла відьма: »тре́ба, щобъ була́ христия́ньска душа́, та ще́ й чи́ста.«

»Е кому́ розби́ти«, ка́же чо́ртъ, мотну́вши голово́ю у той бікъ, де лежа́въ дідъ: »тамъ«, ка́же, »підъ куща́ми схова́вся Запоро́жець.«

»Хиба́ жъ у запорізцівъ чи́ста душа́?« пита́ відьма: »вони́ жъ самі пьяни́ці та розбиша́ки....

»Эге́, роска́зуй«, ка́же чортъ: »нема́ найчистішої душі, якъ у

тіхъ га́спедовихъ синівъ; вони́ живу́ть по писа́нию: не во́дютця зъ жінка́ми, бью́тця зъ бусурма́номъ и боро́нять віру правосла́вну... Эй, Кири́ло!« гукну́въ чортъ: »ходи́ лише́нь сюди́, та розби́й насъ.«

Дідъ ні чичи́ркъ, лежи́ть собі, и духъ притаівъ.

»Та ну́ жъ бо йди́«, зновъ кри́кнувъ чортъ: »ти жъ не разъ похваля́вся, що не боісся чо́рта, а тепе́речки й злака́всь?..

Доса́дно діду; ба́чите — пристиди́въ дия́вольський синъ. Нічого роби́ти, тре́ба йти́, щобъ, спра́вді, ще не поду́мавъ, що злака́всь.

»Чого́ жъ тутъ лака́тьця?« (обізва́вся дідъ серди́то, а самъ ажъ тру́ситця).

»Такъ чому́ жъ не йде́шъ?«

»Лю́льки шука́ю, загуби́въ у траві та й не знайду́.«

»Та не бреши́, — лю́лька у кише́ні.«

— Дия́вольський синъ! — поду́мавъ дідъ:—він усе́ зна́е; одъ ёго ніякъ не одбре́шесся.

»Розбива́й!« ка́же чортъ, якъ дідъ підійшо́въ икъ са́жалці.

»Якъ же я васъ розібью́?« ка́же дідъ. »Отъ, ста́ну я чортъ-ба́тька-зна для ко́го кармази́ни каля́ти! Вихо́дьте на сухе́!«

»Хиба́ тобі повила́зило?« ка́же чортъ: »глянь, — де дівчина стоіть — заме́рзло; сміло йди́,—здер̀жить.«

»Що́ за бісъ!? спра́вді заме́рзло... чого́ жъ воно́ заме́рзло?« пита́ дідъ.

»Того́«, ка́же чортъ, »що вона́, — бода́й ії! такъ те́пло мене́ лю́бить, що ажъ вода́ біля не́і ме́рзне.«

»А чого́ жъ се, чо́рте«, пита́ дідъ, »біля те́бе па́ра йде́ зъ води́ и бу́льбашки схо́плюютця?«

»Эге́!« ка́же чортъ: »се такъ я ії щи́ро коха́ю, що ажъ вода́ біля ме́не кипи́ть.«

— Оттако́го бъ коха́ння на́шимъ дівча́тамъ! — поду́мавъ дідъ; та спусти́вся на са́жалку, зайшо́въ по-за відьмою и тільки розби́въ ру́ки, а зъ ру́къ щось плю́сь у во́ду, — задри́гало ніжками та й пурну́ло.

»Що́ воно таке́?« спита́въ дідъ: »жа́ба, чи що́?«

»Ні«, ка́же чо́ртъ: »до́вго за ру́ки держа́лись, такъ чортеня́ вроди́лось.«

— Не бісові чорти́! — поду́мавъ дідъ: — які́ вони́ плодю́щі! тільки за ру́ки взяли́сь — уже́ й чортеня́ привели́.

»Ну, тепе́ръ кажи́«, пита́е чортъ ві́дьму: »чого́ душа́ твоя́ бажа́с?«

»Спасе́ния!« промо́вила відьма.

Якъ се́ почу́въ чо́ртъ, то ажъ но́сомъ закрути́въ, — на́че чемери́ці поню́хавъ.

»Не мо́жна сёго́«, застогна́въ вінъ, »и не проси́! ніяк не мо́жна!..

— Чому́? — пита́ дідъ.

»Тому́, що вона́ вже разъ одступи́лась одъ Го́спода, то у дру́ге ії Богъ до се́бе не при́йме.«

— Брехня́, — ка́же дідъ: »якъ пока́етця, то и въ тре́тє при́йме!..

»Та ну́ вже, мовчи́«, гри́мнувъ на ёго чортъ, »коли́ не зна́ешъ Писа́ния!«

»Ні, зна́ю«, ка́же дідъ, »я й самъ письме́нний, — не разъ и Апо́стола у це́ркві чита́въ!« Дідъ бувъ таки́й завзя́тий, що якъ піде на спо́ръ, то хочъ чого́ й не зна́е, то ска́же — зна́ю; а ча́сомъ й своє ви́гадає, и такъ до ладу́ приткне́, що зібъе́ зъ пантели́ку й зна́ючого. »Отъ, приміромъ сказа́ти«, ка́же, »я й чоловікъ, а мині жаль небо́ги: здае́тця, чого́ бъ не зроби́въ для ії спасе́ния; ато́ жъ самъ Богъ милосе́рдний, я́къ-би Вінъ не поми́лувавъ гріш̀ної, коли́ вона́ ка́стця?«

»Такъ коли́ жъ вона́ уже́ одхристи́лась...« пробубонівъ чортъ.

»Не вели́ка бі́да«, перебе́ивъ дідъ, »піп̀ъ и въ дру́ге перекре́стить, и дуне́ на те́бе, и плю́не!«

Чо́ртъ на се́ и одві́ту не давъ; стоіть собі, повісивши ні́съ, та чу́ха поти́лицю.

»Ти жъ самъ зна́ешъ«, обізва́лась до чо́рта відьма, »що не по своій во́лі зроби́лась я відьмою: мене́ ма́ти принево́лила.«

»На що́ слу́хала ма́тіръ«, ка́же чортъ, »ти ма́ла свій ро́зумъ и свою́ во́лю!..

»И се́ брехня́« сміло перебе́ивъ дідъ; — бо якъ піде на пра́ву, то вінъ и чо́рта не злика́етця. »Нужду́ю та стра́хомъ«, ка́же, »мо́жна до усёго принево́лити чоловіка«.

»Поду́майте сами́ — чого́ про́сите«, заголосивъ чо́ртъ (трохи́ не пла́че, бідола́шний!) я́къ же мині помага́ти спасе́нию душі, коли́ на те́ я чортъ, щобъ губи́ти христия́нські ду́ші?.. Та мене́« ка́же, »за сю па́кість на шматки́ розірвуть!..«

»За́ що?« ка́же дідъ, »не вели́кий гріхъ спасти́ одну́ ду́шу, а

тамъ пока́ется, та де́сять загу́бишъ, то тебе́ ще й по голо́вці погла́дють.«

»Эге́! хиба́ проти́ ше́рсти!« прогарча́въ чортъ.

»А я́къ-би я тебе́ кохала!« обізва́лась відьма, — и такъ гля́нула на чо́рта ка́ріми очи́ма, що ажъ лі́дъ затріща́въ и поколо́всь, тро́хи дідъ не шубовстнувъ у са́жалку, та яко́сь ви́скочивъ на бе́регъ.

Заду́мався чортъ, до́вго стоя́въ пону́рившись, довго міркува́въ, та вже нечи́ста ма́ти такъ ёго́ підкури́ла тимъ кохання́мъ, що ні́чо́го й не ви́гадавъ.

»Що бу́де, то бу́де«, сказа́въ чортъ, обернувшись до відьми: »нехай бу́де по тво́ему!«

Ви́йшли изъ са́жалки; відьма повеселішала, а чортъ засмути́вся, ажъ хвістъ обвісивъ. Дідъ помігъ відьмі одягти́сь, своіми рука́ми обте́ръ біле її тіло, и примітивъ, що вона́ до ёго яко́сь тепле́нька ста́ла. Накида́ючи на не́і соро́чку, вінъ шепну́въ їй на ву́хо, щобъ ёго́ слу́хала. У діда чу́ле було́ се́рце: ёму́ жаль ста́ло відьму.

»Ну, чо́рте«, пита́е дідъ, »яку́ тепе́ръ даси́ пора́ду? Що́ сотвори́мъ, да спасе́мся?« дода́въ зъ писа́нія.

»Отъ-що«, одві́тивъ чортъ, скривившись«, не дале́ко відсіля́ спаса́етця пусте́льникъ: вели́ку си́лу вінъ ма́е у Го́спода, уся́кий гріхъ одмо́лить, хочъ яко́го грішника на пу́ть и́стиний наведе́. Такъ о́тъ же: якъ поживемо́ десять годъ изъ Ода́ркою, я й одведу́ її до то́го пусте́льника, то вінъ и спасе́ грішну ду́шу...«

»Э, ні, чо́рте«, перебивъ дідъ: »за де́сять лі́тъ бага́то води́ утече́; по́ки со́нце зійде — роса́ о́чі ви́сть. До десяти́ годъ або́ відьма ду́ба дасть, або́ пусте́льника Госпо́дь до се́бе прийме. Ні, такъ не годи́тця! почавши таке́ до́бре ді́ло, тре́ба за́разъ ити́ до пусте́льника за благословення́мъ.«

»Та ну́, не втруча́йся не въ своє́ ді́ло!« загомонівъ чортъ, — ажъ затупотівъ нога́ми зъ доса́ди.

»Якъ — не мо́е!« скрича́въ дідъ: »я жъ васъ розбива́въ?.. А якъ збре́шешъ?.. Де́ вона́ тоді буде́ шука́ть того́ пусте́льника?

»Чорти́ ніко́ли ще не бреха́ли!« ка́же чортъ.

»Чорта́мъ ще й ду́рень віри не ня́въ!« одрізавъ дідъ.

»Неха́й бу́де та́къ,« обізва́лась відьма, »якъ дя́дько Кири́ло »ка́жуть; тре́ба хочъ подиви́тьця, де́ спаса́етця той пусте́льникъ.«

Дóвго змага́лись, трохи́ не пола́ялись, — такъ діда жъ и най-ста́рший чортъ не перемігъ би. Нічого робúть: чортъ почу́хавъ пóтилицю, и згоди́всь. Мóже у ёго була́ яка́ потайна́ ду́мка, да мій дідъ и собі вже ви́гадавъ, що́ почáти... Побáчимо, хто кого́ одýрить!

»Ну, тепéрички, моя́ відмечко«, ка́же чортъ, »лети́ собі до до́му, а за́втра ми зъ Кири́ломъ при́йдемо до тéбе, и не га́ячись, підемо до пусте́льника.«

Відьма сіла на мітлу́, кивну́ла голово́ю до діда, ви́соко звила́ся у го́ру и, порівня́вшись зъ зірочка́ми, полетíла у свою́ ха́ту. Чортъ не спуска́въ зъ не́і очéй ажъ-по́ки не зни́кла, а тамъ такъ ва́жко зітхну́въ, що ажъ ли́сте зашелестíло; по доли́ні мовъ що покоти́лось; сви́снула сова́; дале́ко, у боло́ті, загу́въ бугáй. И въ діда се́рце защимíло, и вінъ здихну́въ, нена́че отъ-о́тъ попрощáвся зъ тíєю дівчиною, що вже давно́ поки́нувъ, якъ помандрува́въ у Сíчъ.

V.

Дідъ съ чóртомъ, умовля́ючись, пішли́ по́плічъ, якъ това́риші. Дідъ изъ свого́ ріжка́ натру́сить чóрту кабáки, а чортъ ёму́ натру́шує своéі, — таки́й послу́жливий! ско́ро дідъ набье́ лю́льку, а чóртъ за́разъ и вогню́ ви́креше. Дідъ згада́въ горíлку, — чортъ за́разъ и часту́е, а на за́куску тя́гне изъ су́нки жа́рену ка́чку и пшени́шний пу́хлий буханéць. Ви́пивши и попоївши, діда взяла́ охóта подратува́ть чóрта: хотíвъ бувъ перехристи́ть ёго́, та поду́мавъ: цуръ ёму́! хочъ вінъ и чортъ, а все́-таки́ това́ришъ: не чéсно това́риша обіжáти. Дéлі, якъ гля́нувъ на чóрта, то ажъ жаль ёго́ ста́ло: иде́, звісивши го́лову, немóвъ на ши́беницю ёго́ ведýть.

»Роска́жи мини, чóрте«, пита́ дідъ, »яки́мъ се по́битомъ ти закоха́вся у відьму? Аджé жъ коха́ннє доста́лось не чорта́мъ на до́лю, а намъ грішнимъ?

— Э, бра́тіку, ка́же чортъ, — и у на́съ е́ се́рце, таке́ жъ якъ и въ ва́съ, и зъ ти́мъ же прокля́тимъ коха́ннємъ! Якъ же бъ ми васъ и спокуша́ли, коли́ бъ не зна́ли, що́ за се́рце у люде́й.... А ма́ючи се́рце, я́къ ёго устережéсся?... Слу́хай, Кири́ло, — ка́же

чортъ, зня́вши ша́пку и уклони́вшись: — поможи́ мині у моімъ ді́лі, а я тобі у вели́кій приго́ді ста́ну.

»До́бре,« ка́же дідъ: »чомъ до́брому чо́ртові не помогти́?«

А у само́го все на ду́мці, я́къби ви́рятувать дівчину: яко́сь вона́ и ді́дові припа́ла до душі.

— Чого́ хо́чешъ, того́ й проси́,—ка́же чортъ.

»Та мині нічо́го й не тре́ба«, ка́же дідъ: »тільки хиба доста́ти до́брого коня́.«

— Я тобі кінь!« ка́же чортъ; »самъ переки́нусь у коня́, и пья́ть годъ бу́ду тебе́ вози́ть, а пья́ть поживу́ зъ Ода́ркою. Я у пья́ть літъ вобга́ю пьятьсо́тъ — на те́ ми чорти́!«

»Гледи́ жъ — не збреши́«, ка́же дідъ.

»Не бійсь,« ка́же чортъ: »отъ тобі рука́ и бісове пеке́льне сло́во! та намъ не ве́лено—не то обма́нювать,— и зачіна́ти Запоро́зцівъ, бо вони́ бьютця за віру правосла́вну. Та не вели́ка й кори́сть«, ка́же, »коли́ яко́го й завербу́ешъ: убьють ёго́ на війні, отъ вінъ уже́ й не нашъ. Відки візьметця Петро́ зъ ключе́мъ и одбивъ: такъ и товче́ на́шого бра́та, не розгля́дуючи — де́ о́ко, а де́ мо́рда; а ще якъ ви́хопитьця Мико́ла, то швидче втіка́й, бо ве́рнесся у пе́кло безъ хвоста́: одірве!«

»А бага́то въ васъ у пе́клі запоро́зцівъ?« пита́ дідъ.

»Ні однісінького: які були́, то й тіхъ повиганя́ли.«

»За́ що жъ ви іхъ повиганя́ли?« пита́ дідъ. »Для на́шого бра́та вамъ жа́лко и кутка́ у пе́клі?«

»Коли́ жъ таки́й гарми́деръ ро́блять,« ка́же чортъ, »що усіхъ чортівъ изъ пе́кла порозганя́ли. Хиба́ не чувъ про того́ Ма́рка, що то́вкся по пе́клу?«

»Що́ жъ вони́ тамъ ро́блять?« спита́въ дідъ.

»Понапива́ютця гаря́чої смоли́,« роска́зуе чортъ, »якъ тії горілки, позала́зять у пе́чи, та й почну́ть шпурля́ть відтіля́ голове́шками. Разъ трохи́ пе́кла не спали́ли!... Або́ ля́же на ско́вороду, та й звели́ть підпа́лювать себе́. Пече́шъ ёго́, пече́шъ, ажъ шку́ра на тобі тріскаетця, а вінъ тебе́ ла́е, кенку́е зъ те́бе, та кричи́ть на усе́ пе́кло, що змерзъ. Біда́ зъ ни́ми!... Де́ вже допекти́ іхъ вогне́мъ: уже́ якъ іхъ шкварили Ляхи́, та й ті нічо́го не доказа́ли. И у пе́клі того́ не ви́гадаешъ, що вони́ зъ ни́ми ко́їли: Наливайка пекли́ у мідному бику́; уся́ Варша́ва збіглася послу́хать, якъ зареве́ бикъ, та нічо́го й не почу́ли: изтлівъ сер-

дéшний на вýгілле, а гóлосу не давъ. Що ти зъ ни́ми вдіешъ? коли́ живóго не дошкýлишъ, а тó жъ мéрлого!«

»Такъ и трéба,« ка́же дідъ: »на те ми Січовики́, щобъ усé ви́терпіть: тимъ и не стра́шно нічóго.«

»Трівáйте,« одповістúвъ чортъ: »скóро й на васъ спадé велúка халéпа: не допечемó васъ огнéмъ, такъ проберéмъ морóзомъ.«

»Дé жъ ви того́ морóзу добýдете у пéклі?« пита́ дідъ.

»Эгé, у насъ нема́, такъ у васъ é«, ка́же чортъ, »ми вамъ такóго чоловіка ви́гадаемъ, що гíрший ще бýде одъ самісінького чóрта!... Вінъ вамъ наженé хóлоду, — побáчите!... Та нехáй вонú ска́зютця, — мині тепéръ, якъ ка́жуть, не до сóли.... Щó-то рóбить моя́ Одáрочка?«

»Скажú мині, чóрте,« поспитáвъ дідъ, »чи вона́ у своіхъ тілесáхъ, чи, мóже, перекúнулась у таку́ гáрну дівчину, якъ ти у козака́?«

»Ні,« ка́же чортъ, »вона́ такóю уродúлась, нехáй хочъ царúцею перекúнетця, то крáщою не бýде! Одно́ тíлькі у нéі не гáрне: лáтво ій збúти зъ грішного пути.«

»Якъбú не ка́тержний, анáфемський хвóстикъ!« пробубонівъ дідъ, та й задýмався.

Оттáкъ розмовля́ючи, йдýть собі лісомъ, а тутъ изъ-за кущівъ, то вúткне мóрду лісовúкъ, зъ зелéною, якъ трава́, бородóю, то вúскочить вовкулáка, підперéзаний червóнимъ пóясомъ, то стрибáють зъ гилы́ на гилью́ упирі у німéцькихъ галáнцяхъ, и всі жъ-то низéнько и привітно імъ кланяются. Дéлі якъ пішли по-надъ Лиманомъ, то й перелічúти не мóжна, що чортенятъ повискáкувало изъ болóта.

»Здрáстуйте, дя́дечку!« озива́ютця до чóрта, а діда такъ жахáютця: бáчуть, що Запорóжець.

»Не бíйтесь, дітки«, вмовля́е чортъ, »се, щобъ ви знáли, мій сватъ Кирúло.«

— Дідъ роскáзувавъ, що бісенята, пóки ще молоді, то зелéні, якъ осітня́къ, — нема́ въ іхъ ні ріжкíвъ, ні кúгтівъ. Та й втíшні жъ, роскáзувавъ: бігають, крýтятця, плига́ють якъ жáби, грáютця, якъ кошенята, нурнé у вóду, а ніжкú вúсуне зъ болóта та й дригá. Дідъ хотівъ-бувъ іхъ подратувáть, показáвъ імъ дýлю, такъ воні́ у водúнъ гóлосъ такъ и запискотíли:

»Спасúбі вамъ, дя́дечку Кирúло, за вáшу лáску!«

А чортъ и ка́же:

»Ти іхъ и цу́керомъ не году́й, ті́льки покажи́ імъ ду́лю.«

Ста́ло світа́ть, якъ ді́дъ изъ чо́ртомъ ви́йшли изъ лі́су. Не пройшли́ й півъ верстви́, якъ поба́чили у доли́ні вели́ку сло́боду.

»Отсе́ жъ,« ка́же чортъ, »и слобода́, де живе́ Ода́рка; отто́ жъ, диви́сь, и її ха́та въ вишне́вімъ садо́чку. Иди́ жъ тепе́речки до не́і, передню́ешъ, а у ве́чері, якъ со́нечко сяде, то й я до васъ прийду́. Я бъ и за́разъ«, ка́же, »зъ тобо́ю пішо́въ, такъ у день не безпе́шно на́шому бра́ту ходи́ть у сло́боду: ча́сомъ наско́чишъ на ярчука́ (¹), та й півні́ кукурі́кають, щобъ вони́ ви́здихали.«

Попроща́вшися зъ чо́ртомъ, ді́дъ спусти́вся зъ гори́ икъ пле́су. Доста́въ изъ су́нки бри́тву, ви́голивсь, надівъ чи́сту сороч́ку, помоли́вся Бо́гу та й пішо́въ до відьми. Доро́гою зірва́въ по ку́щику гори́цвіту, золототи́сячнику и дро́ку, згорну́въ до-ку́пи, закрути́въ и заткну́въ собі за лівий чо́бітъ (²). Се́ бъ-то для то́го, щобъ чортъ не знавъ, объ чі́мъ ді́дъ бу́де розмовля́ти зъ відьмою.

VI.

Ода́рка стрі́ла ді́да на поро́зі зъ хлі́бомъ зъ сі́лью, и поклони́лась ёму́ тро́хи не до земліі.

— Спаси́бі вамъ, дя́дечку,—ка́же:—одъ ме́не бі́дноі сироти́ и Богъ и лю́де одступи́лись, а ви не цура́етесь мене́ грі́шноі. Чи не помо́же вамъ Госпо́дь ви́рятувать грі́шну ду́шу!

»Небійсь, Ода́рко«, одказа́въ ді́дъ: »ви́рятуемо! не дамо́ чорта́ці насмія́тись!«

Ді́дъ, кажу́ вамъ, мавъ люблі́ве се́рце: ча́сомъ, щобъ заспоко́іти бездо́льного, то и завіря́е и збре́еше.... Просто́ра ха́та у відьми, а яко́сь пу́сткою ода́е; и вікна чима́лі, а су́мно. Ода́рка та́къ и пригорта́етця до ді́да, та́къ ёму́ у ві́чі й ди́витця, то усміхне́тця, и радіе-бъ-то, и знов засмути́тця. Якъ со́нечко у восени́: ви́гляне изъ-за хма́ри и за́разъ схова́етця.

— Дя́дечку,—ка́же відьма сти́ха ді́дові,—не кажіть мині нічо́го, що́ у васъ на ду́мці, ато́ бі́сівъ Тру́тикъ (такъ зва́ли зако́ханого чо́рта) усёго довідаетця.

(¹) *Ярчу́къ* — соба́ка зъ во́вчимъ зу́бомъ, и таку́ ма́е нату́ру, що й одъ чо́рта устереже́ и відьму зада́вить, и, хочъ яку́ мару́, чуттемъ почу́е.

(²) Повірье.

»Не бійсь, моя́ кра́лечко,« ка́же дідъ, уда́ривши по лівому чо́боту: »я ёму́, и́родовому си́ну, у́ха заткну́въ. И-ми́ де́-що зна́емо!... Не почу́е й не поба́чить, хочъ би я о́сь-що зъ тобо́ю зроби́въ«. Се ка́жучи, перехрести́въ відьму.

Якъ перехрести́въ, такъ и вда́рило ії об зе́млю: поси́ніла, запінилась, такъ и звело́ ії у клубо́къ. Дідъ злака́вся и не радъ вже, що перехрести́въ; скорішъ ій підъ нісъ сину́въ ду́лю, такъ вона́ одкри́ла о́чи и ле́дві опа́мятувалась.

— Охъ мині ли́шечко,—простогна́ла відьма:—я́къ же ви мене́ вразили, якъ ножемъ у се́рце!... Не христіть мене́,—блага́е:—ато́ нечи́стий мене́ зада́вить, и до спасе́ния не допу́стить.«

»Ні, не бу́ду, не бу́ду«, ка́же дідъ: »нехай вже тебе́ пусте́льникъ хри́стить Бо́жою руко́ю!«

Відьма поста́вила діду сніданне и пля́шку тернівки, а сама́ ста́ла по́ратьця біля́ пе́чі. Дідъ їсть и запива́е, а самъ оче́й не зво́дить зъ Оде́рки: яка́ бъ то, ду́мае, була́ зъ не́і молоди́ця, хазя́йка, коли́ бъ не ка́тержний, ана́фемський хво́стикъ, бода́й вінъ ій одсо́хъ!

— Роскажи́ мині, Оде́рко,— спита́въ дідъ:— якъ се ма́ти переки́нула тебе́ у відьму?

»Бода́й не зга́дувать«, почала́ Оде́рка, зітхну́вши: »о́тъ якъ се ста́лося. Я була́ ще по восьмо́му го́ду, якъ мій ба́тько поіхавъ на війну́. У два ро́ки верну́вся коза́къ Хве́діръ, зъ недо́брою ві́стю, що мого́ ба́тька десь за Дніпро́мъ вби́то. Ма́тіръ ду́же убива́лась за ба́тькомъ,—та ско́ро и заспоко́ілась: Хве́діръ живъ у на́шій ха́ті и полюби́вся ма́тері. По слободі ходи́ла вже чу́тка, що ма́ти йде за его́ за́міжъ, ажъ Хве́діръ пола́явся зъ ма́тірью и взявъ за се́бе дочку́ на́шого сусіди. И не росказа́ть мині, що тоді счини́лось зъ ма́тірью: бігала по слободі якъ несамови́та, а тамъ и зни́кла. Усі ду́мали, що вона́ наложи́ла на се́бе ру́ки, ажъ черезъ два ти́жні, у ночі, чу́ю—щось загуло́ на гори́щі, засту́кало у ко́мині, и по ха́ті повіяло хо́лодомъ. Я схопи́лась та до пе́чі,— ду́маю—чи не горимо́; дивлю́сь—хтось роздува́ ого́нь,—загорівся віхоть—ажъ ма́ти! Така́ роспа́тлана, розхрістана, а о́чі такъ и пала́ють, ажъ стра́шно на не́і гля́нути. Я зраділа та й ки́нулась до не́і, а вона́ якъ кри́кне не своїмъ го́лосомъ: »не підступа́й!« Я такъ и заме́рла, де́ стояла. »Озьми́«, ка́же, »образи́, та повино́сь у комо́ру, — и хре́стикъ, що въ те́бе на ши́і, тамъ зо-

ста́въ«. Познима́ла я образи́ и повино́сила у комо́ру,—ду́маю, чи не хо́че ма́ти ха́ту ма́зать; а якъ верну́лась зъ комо́ри, ма́ти обняла́ мене́ и гірко запла́кала, такъ и вми́ла мою́ го́лову слізо́ми, якъ окро́помъ. За кі́льки мі́сяцівъ пі́сля сёго, занеду́жала Хве́дорова жінка, ча́хла, ча́хла та и вме́рла,—а Хве́діръ зъ нудьги́ и жалю́ до́вго блука́въ по лі́са́хъ, по́ки десь пі́дъ ду́бомъ не знайшли́ ме́ртвого. У слободі ста́ли лю́де роска́зувать, що моя́ ма́ти відьма, и що вона́ зъ світу звела́ Хве́дора съ жі́нкою; дівча́та мене́ цура́лись. Я не вірила людя́мъ, хочъ ча́сомъ и сама́ ба́чила, шо щось чудне́ дія́лось у на́шій ха́ті. Уве́сь ти́ждень ма́ти —якъ ма́ти, а въ суббо́ту жъ и бли́зько до се́бе не пі́дпуска́е, а на́ нічъ замика́ла мене́ на клю́чъ у комо́ру. Отъ и хотілось мині довідатьця, чому́ се ма́ти такъ ро́бить, и що тамъ тріщи́ть и клекоти́ть у ха́ті. Разъ у суббо́ту, тоді мині пішо́въ сімна́дцятий рікъ, ма́ти мене́ замкну́ла, а я підняла́ мости́ну та й ви́лізла зъ-пі́дъ комо́ри. Ба́чу, у ха́ті пала́е огонь; гля́нула у вікно́, ажъ стоіть ма́ти біля́ пе́чи, у одній соро́чці, зъ роспу́щеною косо́ю, и яке́сь зілля кладе́ у макітру. Де́лі поста́вила макітру на долівку, сіла на помело́ и тільки нахили́лась на макітру, а звідти якъ пахне́ по́ломья, — та́къ ії й потягло́ черезъ ко́мінъ у бо́вдуръ; я якъ кри́кну: »ма́мо, що́ ти ро́бишъ?« а вона́, якъ пти́ця зъ підби́тимъ крило́мъ, такъ и вда́рилась на зе́млю, та мене́ за ко́су. »А, неслухня́на дити́но!« закрича́ла ма́ти не своїмъ го́лосомъ, »підгле́жувати? не бу́дешъ же мене́ кори́ть: я зъ те́бе таку́ жъ зроблю́ відьму, якъ и сама́!« Перегну́ла мене́ черезъ помело́ и помча́ла. Опа́мьятувалась вже я ажъ на Лисій горі, біля Ки́ева. Не мині вамъ каза́ти, що́ тамъ дія́лось: ви й са́ми, мо́же, не разъ тамъ бува́ли, такъ зна́ете....«

— Якъ не зна́ть,—каже дідъ:—кільки разъ само́му дово́дилось тамъ бува́ти!

Дідъ яко́сь сором'ився сказа́ть, що чого́-не́будь не зна́, або́ не ба́чивъ, такъ и збре́ше: а ёму́ збреха́ть, та ще передъ відьмою, якъ разъ плю́нуть.

— Що тоді, — ка́же відьма,—зо мно́ю діялось—не роскажу́; я лежа́ла ни́ць, заплю́щивши о́чі, и говори́ла якісь слова́ за ма́тірью, одъ кого́сь одрека́лась; — наза́дъ я вже полетіла на своій метлі. Отсе́й са́мий Тру́тикъ и метлу́ мині спра́вивъ. Верну́вшись, хотіла помоли́тись Бо́гу,—и ско́ро перехристи́лась, —а мене́ такъ

и вда́рило объ зе́млю. Съ тіе́і годи́ни тя́жкоі отта́къ якъ ба́чите: пла́чу — не опла́чусь, ду́маю — и нічо́го не ви́гадаю....

»Де́ жъ твоя́ ма́ти, бода́й ій?« спита́въ дідъ.

— Чорти́ замордува́ли... Якъ ма́ти удовольни́ла своє́ се́рце, згуби́вши Хве́дора и ёго́ жінку, — тоді тільки поба́чила, що згуби́ла свою́ и мою́ ду́шу; ду́мала вже, я́къ-би-то ви́рятуватись, — а чорти́ та відьми́ й довідались. Разъ полетіла вона на Ли́су го́ру, та й не верну́лась; и мині те́ жъ було́ бъ, та Тру́тикъ мене́ оборони́въ. Що бу́де да́льшъ... а тепе́реньки такъ гірко на душі, такъ ну́дно на світі!... — Відьма облила́сь слізьми.

»Не пла́чъ, моя́ го́рличко«, вмовля́е дідъ, »не пла́чъ; спасемо́ твою́ ду́шу... Якъ такий, щобъ запоро́жець у-ку́пі зъ чо́ртомъ, чого́ не доказа́ли?«

— Коли́ жъ мене́ Тру́тикъ не допу́стить до пусте́льника! — ка́же відьма.

»Такъ я піду́«, ка́же дідъ, »а тамъ вже не ёго́ во́ля: бу́де, якъ пусте́льникъ звели́ть. Тру́тикъ обіща́въ мині пья́ть літъ за коня́ служи́ть, а тимъ ча́сомъ дасть Богъ—ти спасе́сся, и якъ ве́рнетця чо́ртъ, то хиба́ о́близня́ пійма́е... А тамъ, моя́ кра́лечко!..« Дідъ пе договори́въ, тільки ву́сомъ моргну́въ, и такъ гля́нувъ на Оде́рку, що вона́ й о́чі спусти́ла и почервоніла, якъ кали́на.

Відьма до́бре нагодува́ла діда, участува́ла запіка́нкою и терні́вкою и посла́ла ёму́ у комо́рі спочи́ть. Не спа́вши ціли́сіньку нічъ, дідъ засну́въ, якъ уби́тий.

VII.

Дідъ заспа́вся ажъ до ве́чора, и якъ ввійшо́въ у ха́ту, то вже заста́въ тамъ Тру́тика. Такъ га́спедівъ синъ и вьётця біля́ Оде́рки, и вихиля́сомъ и викрута́сомъ, якъ мо́кре ряднó до не́і прилипа́, ажъ доса́дно ста́ло дідові. Поздоро́вкавшись, дідъ сівъ на ла́ві, та й пита́ чо́рта:

— А чи дале́ко до пусте́льника?

»Ні«, ка́же чо́ртъ, »близе́нько; за Изю́момъ, у Святи́хъ Го́рахъ (1).«

(1) Свяги́ми Го́рами того́ зову́тця, бо ще за да́вніхъ ча́сівъ Христия́нства тамъ спаса́лись у пече́рахъ пусте́льники. Ще не да́вно па́пі Патёмкина

— Якъ близе́нько! кри́кнувъ дідъ: та ми й пья́тихъ су́токъ не ста́немъ!

»Эге́, по ва́шому, по-запоро́зьки«, ка́же чо́ртъ, »мо́же й такъ, а по на́шому — такъ ні. Якъ ви́ідемо ране́нько, до східъ со́нця, то на́дъ вечіръ и та́мъ бу́демо«.

— Слу́хай, чо́рте,—ка́же дідъ, розсе́рдившись:—не чіпа́й запоро́жцівъ. Я тобі скажу́: якъ-би́ мій кінь бувъ живи́й, то будь я не Кири́ло Ке́лепъ, коли́ у води́нъ день не ставъ би! о́тъ що!«

»Та не бреши́», ка́же чо́ртъ: »и у два не доіхавъ би; а отъ якъ я тебе́ повезу́, то й въ обідъ вcти́гнемо!«

— А Ода́рка жъ—я́къ? спита́въ дідъ.

»Вона́ перекинетця хорти́цею«, ка́же чо́ртъ, »такъ ми ще доро́гою и пополю́емо за зайця́ми.«

До півночі гну́ли тереве́ні, а тамъ спочи́ли тро́шки та й ру́шили. Якъ со́нце ви́глянуло изъ-за гори́, на́ші були́ вже дале́ко одъ слободи́. Дідъ іхавъ навза́води на вороно́му ара́бському о́геру, а біля стреме́нъ бігла біле́нька хорти́ця, така́ жъ хоро́ша, якъ га́рна була́ Ода́рка. Стриба́ собі, недото́ркуючись ніжка́ми до землі, якъ на кри́лахъ, вьє́тця якъ ла́стівка. Порве́тця за́йчикъ—такъ за́разъ и дожене́ ёго́,—не рве́, а тільки поде́ржить за вушко́ та й пу́стить. А кінь, ма́тері ёго́ бісъ, якъ намалёваний! ше́рсть на ёму́ блищи́ть, якъ бро́ня, ши́я якъ у ле́бедя, изъ оче́й и́скри си́плютця, а изъ но́здрівъ по́ломье па́ше. Дідъ набье́ лю́льку и вогню́ не кре́ше,—прило́жить тільки коню́ до мо́рди, такъ вона́ и запа́литця. А збру́я жъ яка́, и у ха́на кри́мського тако́і нема́: уся́ зо́лотомъ зали́та и обса́жена самоцвітами. Дідъ не натішитця коне́мъ, гла́дить ёго́, цмо́кае, и на Ода́рку не гля́не. Ска́зано, запоро́зька нату́ра; не да́ромъ співа́ють: »проміня́въ жінку на тютю́нъ та лю́льку«, а де́ бъ то не промінять на до́брого коня́! Ище́ со́нечко височе́нько стоя́ло, якъ вони́ добігли до Святи́хъ Гіръ. Дідъ напоівъ коня́ и самъ напи́всь, привяза́въ чо́рта за по́відъ до де́рева, та й ка́же:

— Підождіть мене́, — я на часи́нку збігаю до пусте́льника.

»Иди́, та не бари́сь«, ка́же чо́ртъ, »бо тре́ба икъ світу верну́тьця у сло́боду, а тамъ весіллє одбу́демо та й у Січъ....«

обнови́ла одну́ це́ркву, ви́січену у ске́лі, и манасти́ръ. Неха́й ій за се Богъ милосе́рдний возда́сть, що́ вона́ до́бримъ лю́дямъ бажа́. Для дру́гоі не бага́то бъ ви́йшло зъ сёго жада́ния кори́сті, а для не́і бу́де на́дто.

— Яке́ весілле? — пита́ дідъ.

»А зъ Ода́ркою жъ!« ка́же чо́ртъ.

— А що́бъ ти не дігда́въ!.. поду́мавъ дідъ, та й пита́:

»Де́ тутъ дорога до пусте́льника?«

— Иди́ сіе́ю сте́жкою, ка́же чо́ртъ, отсе́ жъ він и протопта́въ ії, хо́дячи сюди́ по во́ду.

Пішо́въ дідъ усе́ лісомъ, на висо́ку го́ру, и ви́брався на усту́пъ; зъ одного бо́ку кру́ча, ажъ гля́нуть стра́шно, зъ дру́гого ске́ля стіно́ю піднялась ажъ до хма́ри. Ди́вится дідъ: у ске́лі— две́рі, а надъ дверима́ о́бразъ; ввійшо́въ — це́рковця, такъ собі невели́чка, ви́січена у ске́лі. Тільки перехрести́вся та вда́ривъ покло́нъ, ажъ изъ ке́ліі вихо́дить пусте́льникъ, старе́нький, згорбле́ний, а борода́ біла якъ молоко́, ажъ до колінъ. Дідъ підступи́въ підъ благослове́ние, а пусте́льникъ поблагослови́въ та й ка́же:

— Чого́ се, чоловіче, Богъ зъ на́ми, такъ одъ те́бе чо́ртомъ души́ть?

»Якъ-же-бъ-то не души́ло«, ка́же дідъ, »коли́ цілісінький день іхавъ на чо́рті, та ще й зъ відьмою!«

Дідъ усе́ оповісти́въ, я́къ було́, и чого́ приіхавъ.

— Якъ ви, свяги́й о́тче,— ка́же, — пора́ди не дасте́, то вже не зна́ю, де ёго́ у га́спеда й шука́ть того́ спасе́ния!

»Во́ля Бо́жа,« ка́же пусте́льникъ: »мо́же й тутъ зна́йде спасе́ніе, коли́ щи́ре бу́де покая́ніе. Якъ ба́чу, вона́ хочъ и відьма, та ме́нше ли́ха роби́ла людя́мъ, якъ ті, що свято́шъ удаю́ть. Вона́«, ка́же, »и на пути грішному шука́ла спасе́нія, а дру́гі такъ и зъ и́стинного пути збива́ютця.«

— Такъ, пан-о́тченьку, такъ, — перебивъ дідъ: — отсе́ са́ме й чо́ртъ каза́въ!

»Чо́ртъ«, ка́же пусте́льникъ, »сули́въ ій усі пре́лести ми́ра сёго́; друга́ бъ и не відьма на сі ома́ни піддала́сь, а вона́ непреклони́лась.«

— Не преклони́лась, пан-о́тче, не преклони́лась,—ка́же дідъ: отта́къ и чо́ртові одрізала; ажъ но́сомъ закрути́въ дия́вольский синъ!

»Ну, тепе́ръ помо́лимось Го́споду«, ка́же пусте́льникъ, »то Він милосе́рдний напути́ть насъ, що́ тре́ба роби́ти.«

Пусте́льникъ упа́въ на коліна, дідъ собі, и ста́ли моли́тись. Та й те́пло жъ моли́лись: те́мна це́рковця такъ и освіти́лась, на́че хто світло засвіти́въ. У діда изъ оче́й ажъ дві слёзи ви́котились,

якъ дві срібні кулі, ажъ брязнули, ударившись объ камьяний помістъ. Помоливши, устали; отъ пустельникъ и каже:

— Ходімъ же, я покажу тобі печеру: одведешъ туди небогу, тамъ вона и буде спасатьця.

»Будьте ласкаві, пан-отче«, каже дідъ, »заступітьця за бідну сироту... коли бъ ви побачили, що за молоде, та гарне, та нещасливе!.. такъ же, катержний, анафемський хвостикъ!... та ще отъ-що...« почавъ дідъ, та й язикъ прильне къ гортані.

— Що тамъ ще? спитавъ пустельникъ.

»Болячка на серці нарядилась«, каже дідъ, важко зітхнувши: »закохався я у сю дияволську відьму, бодай ій... неха буде здорова,—отъ-що!

— Буду благати Господа,—каже пустельникъ,—щобъ Вінъ милосерднийославъ ій покаяніе; а ти ідь собі зъ Богомъ у Січъ. Побудь ще тамъ пьять літъ на лицарській стражі, та й вертайсь до мене. Якъ дасть Богъ, що вона спасетця, то я васъ и звінчаю.

»Що жъ мині теперъ робить зъ чортомъ?« пита дідъ.

— А що зъ нимъ робить,—каже пустельникъ: коли годящий зъ его кінь, ідь на ёму у Січъ.

»Де вамъ не годящий!« каже дідъ: »такого коня и за сто талярівъ не знайти: и хода добра, и на-взаводи не взявъ его катъ, и підтюпцемъ; а на поворотахъ тільки нахились, а вінъ вже й повертае. Такъ боюсь же, щобъ не втікъ, дияволівъ синъ.«

— Не бійсь,—каже пустельникъ: я тобі дамъ на его кріпость.«

Пустельникъ пішовъ у свою келію, винісъ кипарисний хрестикъ и надівъ его на шию дідові

»Теперъ«, каже пустельникъ, »вінъ у тебе, якъ наймитъ, якъ крепакъ: що звелишъ, те й буде робить.«

Пустельникъ провівъ дида до печери и поблагословивъ его на прощанне.

Вернувся дідъ до чорта, та якось ёму и глянуть на его совісно, хочъ у рябка очей позичать. Та вже жъ не потурать и чорту, щобъ губити христіянську душу. Не що дня бридня, не все коту масниця! Тільки доторкнувся дідъ до чорта, зразъ и почувъ сердешний свою неволю, такъ и затрусивсь и застогнавъ бідолашний.

— Що ти, Кирило, зо мною зробивъ! — озвався чортъ.

»Те, що й ти зъ другими робивъ«, каже дідъ (а самому жаль

чо́рта: до́бра була́ душа́ у покійника). »Ло́вить«, ка́же, »вовкъ, та якъ и во́вка пійма́ють!«

Не до́вго дідъ базікавъ изъ чо́ртомъ, та нічого було́ гара́здъ и каза́ти. Узя́въ відьму за ру́ку, и повівъ у пече́ру. Доро́гою росказа́въ ій, на чому́ вони́ погоди́лись зъ пусте́льникомъ, обня́въ Ода́рку, кріпко притули́въ до се́рця, ажъ зомліла небо́га, а тамъ сівъ на чо́рта и поленува́въ, якъ на кри́лахъ, у Січъ.

VIII.

Ура́нці дідъ вже бувъ у Ко́ші. Кому́ не ска́же, що вінъ учо́ра вве́чері ви́іхахъ изъ Свяги́хъ Гіръ, ніхто́ віри не йме́; та я́къ и повірить, щобъ увъ одну́ нічъ перебігти три́дцять миль! Чого́ вже не вироблявъ дідъ на тімъ коню́! якъби́ почу́ли, що вінъ роска́зувавъ, то бъ сказа́ли, що бре́ше: за цілісінькій ти́ждень не пересла́ли бъ. Разъ, дідъ заспо́рився и въ закла́дъ пішо́въ, що поіде у Бахчисара́й и само́му кри́мському ха́ну у ві́чі плю́не. И що́ бъ ви ду́мали? поіхавъ та й плю́нувъ, та ще й до́бре ви́лаявъ; дідъ зна́тно ла́явсь — у яко́гось москаля́ вчився: »ти«, ка́же, »ха́ну, покійного чо́рта племінникъ, бусурма́нський, кателиць кий, ана́фемський, га́спедівъ синъ, три́ста тобі чортівъ у живітъ.« А було́, якъ наско́чять Січовики́ на татарську орду́, то дідъ такъ и вріжетця у са́му гущини́, а ко́ні якъ почу́ють чо́рта, та вро́стічъ; а дідъ и почне́ кришити тата́ръ, якъ ло́кшину, такъ го́лови и ва́лятця, якъ гру́ші у восени́. Чоти́рі ро́ки дідъ бувъ курінни́мъ ота́маномъ, а тамъ, якъп рийшла́ пора́, отъ вінъ и ставъ проща́тись. Не хотіли були пуска́ть Січовики́, ажъ дідъ імъ и ка́же:

— Зоста́вся бъ, това́риші, такъ обіща́вся ві́дьмі ожени́тись: тре́ба, ба́чите, доде́ржать коза́цького сло́ва.«

»Що за зухъ нашъ Кири́ло«, смію́тця Запоро́жці: »вінъ не побоїтця и чо́рта позва́ть у дружки́.«

— Эге́, — ка́же дідъ: — я не побою́сь и на чо́рту поіхать.

Та сівъ на чо́рта та й чкурну́въ у Святі Го́ри; у вобідню до́бу и тамъ опини́вся. Ди́витця, ажъ того́ гайвороння́ така́ си́ла, на́че зъ цілого світа позліта́лись ге́монські тва́рі, таї вкри́ли и го́ри и лісъ. Ско́ро поба́чивъ іхъ чортъ, такъ и затруси́вся

и го́лову повісивъ и хвістъ опусти́въ, почу́въ своє́ ли́хо. Доіхавши до тіе́і межи́, що да́льшъ на чо́рту іхать не мо́жна, дідъ злізъ та й ка́же:

— Проща́й, чо́рте, не помина́й ли́хомъ; спаси́бі тобі за вірну слу́жбу!

Ті́льки дідъ договори́въ се сло́во, такъ кінь и перекинувсь на пта́ха. Якъ же закря́кае ге́монське гайвороння́ та здійметця, на́че хма́ра! ажъ со́нце закри́ло! Налетіли на чо́рта, дідъ и не схаменувсь, не вспівъ руки́ підня́ть — перехристи́ться, роззя́вить ро́та, щобъ Богосло́ва заспіва́ть, якъ вони́ вже й пошарпали Тру́тика на шмато́чки. Де́ те въ біса и мьясо ділось: ті́льки пірья полетіло за вітромъ. Жа́лко діду чо́рта, такъ жалко! такъ тепе́ръ вже не до ёго́; дру́га ду́мка у діда—що́ то зъ Ода́ркою діється: чи поми́лувавъ ії Госпо́дь? Ті́льки переступи́въ дідъ черезъ рівча́къ, а изъ-за кущівъ назу́стрічъ Ода́рка. У квітка́хъ, у стёнжка́хъ, якъ до вінця. Такъ и ки́нулась на ши́ю дідові.

»Спаси́телю мій! заголоси́ла Ода́рка: »Госпо́дь милосе́рдний поми́лувавъ мене́ грішну... Тебе́ жъ ті́льки й жда́ла, мій го́лубе, якъ били́на роси́ці зъ не́ба!«

Ще кра́ща ста́ла; така́ біла, та повнови́да, о́чи сія́ють, якъ зо́рі середъ те́мної но́чі, зу́би блищя́ть, якъ бі́лі голубья́та на со́нці підъ ясни́мъ не́бомъ. Такъ и ту́литця до діда и цілу́е ёго́ и милу́е, и хри́ститця и ёго́ хри́стить. Дідъ стоіть, якъ уко́панний, себе́ не тя́мить и оча́мъ своімъ віри не йме́; де́лі упа́въ на коліна, простя́гъ до гори́ ру́ки, та крізъ слёзи й промо́вивъ:

— Бо́же ми́лий, яки́й же ти до насъ ми́лостивий!...

»Ходімъ же шви́дче до пусте́льника«, ка́же Ода́рка: »вінъ тебе́ жде зъ са́мого ра́нку.«

Дідъ, взя́вшись зъ Ода́ркою за ру́ки, пішли́ до пусте́льника. Ввійшли́ у це́рковку; ди́вляться—вже и нало́й стоіть по сере́дині, и два вінця́ лежя́ть на нало́ю,—не зъ фо́льги, якъ тепе́речки повело́сь, а изъ свіжихъ квіто́къ.

— Здоро́въ бувъ, Кири́ло,—сказа́въ пусте́льникъ, зу́здрівши діда: якъ тебе́ Бо́гъ ми́лувавъ на Запоро́жжі?

»Сла́ва Бо́гу, пан-о́тченьку«, ка́же дідъ, »молитва́ми ва́шими, — та спаси́бі й покійному чо́рту: до́бре служи́въ, дня́волівъ синъ.

Дідъ одслужи́въ три моле́бні: архистрати́гу Миха́ілу, Его́рію

побідоно́сцю и Миколáю чудотво́рцю, а тамъ пусте́льникъ поста́вивъ молоди́хъ передъ нало́й, та й обкрути́въ.

— Тепе́ръ,—ка́же,—пеха́й вамъ Госпо́дь помага́е; бу́дьте щасли́ві и довголі́тні, та не забува́йте, що Богъ милосе́рдний не на те, щобъ гріши́ли, а на те́, щобъ ка́ялись у гріха́хъ!

»Та́къ, пан-о́тченьку, та́къ«, ка́же дідъ. »Отъ чорти́ такъ не дали́ пока́ятись Тру́тику; розірва́ли бідола́шного на шматки́: тільки пірья полетіло за вітромъ!«

Якъ ста́ли проща́тись, Ода́рка три́чи вклони́лась пусте́льникові до землі, якъ рідному ба́тьку. И дідъ хотівъ бувъ поклони́тись, такъ ши́я ніяк не гне́тця. У тіхъ Січовикі́въ вья́зи якъ у во́вка; вони́ одному́ тільки Бо́гу й кла́няютця до землі. Отъ дідъ ухопи́въ себе́ обома́ рука́ми за осели́дець, та на си́лу нагну́въ свою́ го́лову.

IX.

Поля́кувавши до́бре пусте́льнику, дідъ зъ молодо́ю жінкою пішо́въ пкъ Бере́ці. Гро́шей у ёго́ було́ до чо́рта; повні́сінький че́ресъ ту́го набити́й дука́тами, такъ-що́ схотівъ, те́ й зроби́въ. Ви́бравъ вінъ собі га́рне місце надъ річкою, де тепе́речки па́нський садъ, и поста́вивъ ва́жну ха́ту на дві полови́ни. Накупи́въ собі волівъ, ове́ць, ко́ней и жи́въ собі зъ Ода́ркою. Ода́рка ду́же була́ щасли́ва за дідомъ,—діжда́ла си́на ожени́ть, діжда́ла и вну́ка, и вме́рла зъ до́брою сла́вою.

Отъ вамъ и кіне́ць. Вибача́йте, коли́ не до смаку́; роска́зувавъ, що́ чувъ одъ діда: коли́ вінъ брехáвъ, то й я брешу́.

— А що́ ста́лось, — спита́ла хазя́йка, продира́ючи о́чи; бо по́ки старий роска́зувавъ, вона́ то спа́ла, то проки́нетця и зновъ слу́ха, — що́ ста́лось зъ тимъ хво́стикомъ?

»Э... помина́йте якъ зва́ли той хво́стикъ: одчита́ли зъ ко́рінемъ. Дідъ якъ вже ни доглядáвся, такъ и місця того́ не знайшо́въ, де рісъ.«

— То́-то жъ!... Ато́ яко́сь чу́дно, ма́тері ёго́ на́-лихо, жінка та зъ хво́стикомъ?—Хазя́йка гля́нула на ме́не, мовъ би хотіла довіда́тись, чи воно́ не чу́дно й мині.

Поля́кувавши дідові за ёго́ га́рне оповіда́нне, ми поляга́ли спа́-

ти, а на дру́гий день ура́нці, за ча́емъ, зновъ зібра́лись, ще побала́кали тро́шки и розъіхались на віки ві́чні.

Щобъ не розвіялось по світу те, якъ то ка́жуть, фантасти́чне оповіда́ннє дідуга́на, я списа́въ ёго́ для моіхъ земляківъ. На́ша чудо́ва украінська вро́да, нагрітая гаря́чимъ полуде́ннимъ со́нцемъ, навіва́ на ду́ми насінне поэзіі й чаръ. Якъ пшени́ця зріе на ни́ві и скла́да́ется у ко́пи и скирти́, такъ и воно́, те насінне, запа́вши у се́рце и ду́мку, зріе слове́снимъ ко́лосомъ, и складаетця у наро́дні оповіда́нія и леге́нди.

Олекса Стороженко.

ПОГАНЕ ПОЛЕ.

ЛЕГЕНДА (1).

(Посвящáетця Ивáну Васи́лёвичу Барану́.)

I.

Ти́хо изъ-за хмáри мíсяць випливáе,
Байраки́, доли́ни, степи́ оглядáе.
На степу́ доли́на; въ широ́кій доли́ні
И су́мно и стрáшно, якъ у домови́ні....
Ажъ-ось заквили́лц вовки́-сіромáнці,
Кри́кнувъ чóрний вóронъ трéйчі у байрáці,
Прошумíла хви́ля-ви́хоръ по доли́ні,
И зно́ву все ти́хо, нáче въ домови́ні....
Свíтить изъ-за хмáри мíсяць білоли́ций,
Хóдить по доли́ні страшнá молоди́ця,
На рукáхъ кістля́вихъ дві дити́ні нóсить,
То су́мно співáе, то тя́жко голóсить:

»Широ́кая доли́нонько—
Пога́нее пóле!
Ніхто́ тебé, черезъ мéне,
Ні сíе, ні óре.
Широ́кая доли́нонько!
Ти въ зазеленíла,
Якъби́ не ми, та не нáша
Прокля́та могúла!
Прокляли́ насъ дóбрі лю́де,

(1) »Пога́нимъ По́лемъ« и тепéръ зовéтця одно́ урóчище на гряни́ці Ніжинського и Козелéцького повíту (черніг. губ). Тамъ и запúсана отся́ дáвня стародáвня легéнда.

Що я полюби́ла,
Що васъ на свiтъ, сини́ мої,
Гріхо́мъ породи́ла...
Широ́кая доли́нонько,
Пога́нее по́ле!
Сини́ мої, квiти мої,
Гірка́ на́ша до́ля!«..-

Хо́дить по доли́нi, рве, шука́е квiто́къ,
Плете́ два вiно́чки для чорня́вихъ дiто́къ.
На те́мну доли́ну, на степъ поглядáе,
То тя́жко голо́сить, то су́мно спiва́е.
Ажъ-ось, заквили́ли вовки́-сiрома́нцi,
Кри́кнувъ чо́рний во́ронъ тре́йчi у байра́цi,
Прошуміла хви́ля-ви́хоръ по доли́нi —
И зно́ву все ти́хо, на́че въ домови́нi...

II.

»Ти пожи́въ на свiтi, зна́ешъ Украiну...
Роскажи́, дiду́сю, про ту́ю доли́ну,
Де нiхто́ не сiе, де нiхто́ не о́ре,
Що зве́тця мiжъ на́ми »Пога́нее по́ле?«
Одно́му, бува́е, лу́читця нико́ли
Нiччу проiзджа́ти Пога́нее по́ле —
Насторо́шять у́ши торопле́нi ко́нi
И су́мно и стра́шно, ажъ се́рце холо́не....
Ви́дно тамъ, дiду́сю, що-не́будь него́же?«
— »Бода́й не каза́ти, лю́бий мiй небо́же!..
Да́вня-давнина́ то: якъ чо́рниі хма́ри,
Коли́сь по Вкраiнi ходи́ли Тата́ри —
Слiзъ гiрки́хъ да кро́ви була́ то годи́на,
Í не забу́де до́вго Украiна!...
Одъ кра́ю до кра́ю Татарва́ ходи́ла,
Пила́ кровъ людську́ю, да се́ла пали́ла,
А пiсля́ й осiлись; поста́ли шатра́ми
Да въ чужiй госпо́дi й зажили́ пана́ми;

И на тій доли́ні, въ берега́хъ зеле́нихъ,
Хма́рою стоя́ли шатри́ нехреще́нихъ.

У се́лі въ ту по́ру, на лиху́ годи́ну,
Живъ коза́къ бага́тий, мавъ одну́ дити́ну.
Кра́ще Васютівни козаки́ не зна́ли, —
Якъ зіронька въ не́бі! — Мару́сею зва́ли.
Зна́ли ба́тько-ма́ти Татарву́ пога́ну,
Берегли́, якъ о́ко, дити́ну кохану,
Да, ви́дно, суди́лось молодій люди́ні
Со́рому доба́вить на́шій Украіні....
Вона́ Татарю́гу крадькома́ кохала,
Да чорня́вихъ хло́пцівъ двохъ собі й придба́ла...

Зъ крів'а́вого хме́лю Тата́ри дрима́ли,
А въ пра́дідівъ на́шихъ кри́ла виросталі;
И ви́росли кри́ла: підняли́сь орля́та,
Збуди́ли по-свійські ги́рявого ка́та—
»Бери́, ка́ту, пла́ту за кровъ, за пожа́ри!«
До́вго не забу́дуть роспла́ти й Тата́ри!...
Мину́лась недо́ля, пройшла́ Бо́жа ка́ра,
Якъ чо́рная га́лічъ — зги́нули Тата́ри.
Зновъ зазеленіли степи́ та доли́ни,
Благода́ть та ра́дість зновъ на Украіні.

Отъ разъ, у неділю, зібра́лася ра́да,
Про грішну Мару́сю мізку́е грома́да:
За со́ромъ Вкраіни, за ба́тькові слёзи
Присужда́е ра́да роспра́ву небо́зі.
Стра́шно присуди́ла: щобъ ба́тько да ма́ти
На степу́ широ́кімъ въ зеле́ній доли́ні,
Де́ бенкетува́ли кати́ Украіни,
Збудува́ли до́ні глибо́кую ха́ту;
»А бу́де гото́ве, ка́жуть, новосілля —
»Ми прийдемо гра́ти Мару́сі весілля.«

Три пічки, серде́шні, тя́жко працюва́ли —
Глибо́кую ха́ту до́ні будува́ли,

Глибóкую хáту, сирýю могúлу...
Настáла четвéрта, осíння, туманна. —
Жде гостéй на бéнкетъ мáти безталáнна:
»Надíнь«, кáже, »дóню, сорóчечку білу,
Та вберúся гáрно, гóді сумувáти....
Бýдуть сю нíчъ гóсті до нáшої хáти.«
На двóрі вже пíвнічъ — нічогó не чýти,
Ажъ ось идýть гóсті въ хáту до Васю́ти;—
Зібрáлися мóвчки, безъ мóви посíли,
Хазя́інъ и гóсті нáче поніміли....
Отъ, вихóдить бáтько, ставъ посередъ хáти:
»Невміла, Марýсю, чéсти шануватú,
»Не хотíла слýхать ні бáтька, ні мáтіръ,
»Молúсь же въ-остáнне въ моїй хáті Бóгу,
»Берú своїхъ дітокъ, — рýшимо въ дорóгу«....

Чéсного громáда сýду не змінúла;
Привелú Марýсю до новóй осéлі
И спáти на вікú зъ дітьмú положúли
Въ глибóку могúлу на сирій постéлі...
Де тáя могúла — и слíду немáе,
Лю́де вже й забýли бъ давнó про Марýсю,
Да грішную дýшу земля́ не приймáе;
Такъ вонá, небóже....—»Що такé, дідýсю?«
— Ні, сёгó не збáю,—не мóжу—не сúлуй...
Гóсподи помúлуй, Гóсподи помúлуй!...

П. Кузьменко.

НА ДОБРА-НІЧЪ.

На добрá-нічъ усімъ на нічъ —
Годі вже блукáти;
Одинóкий, безталáнний,
Ля́жу спочивáти.

Холóдная постілонька
У тéмній дібрóві:

Бу́ду жда́ти, сподіва́тись
Любо́ї обно́ви.

Усе́ не́бо блаки́тнее
Покри́ла темно́та
Безпросві́тня, нерозу́мна
Да́вняя дрімо́та.

Що́ жъ за го́мінъ чудни́й хо́дить
Одъ кра́ю до кра́ю?
Чи вінъ що́ намъ нага́дуе,
Чи що провіща́е?

Не намъ, Бо́же, розгада́ти
Небе́сні глаго́ли;
Суди́, Бо́же, на́шу до́лю
По Твое́і во́лі.

И хо́лодно, и бо́язно,
Ту́га се́рце гнітить;
Всю́ди те́мно и не ви́дно,
Тільки зірка світить.

Світи́, зо́ре, на всю зе́млю,
Поки со́нце зійде,
По́ки Бо́жий день на зе́млю
Красотво́рний прійде,—

День вели́кий, день воскре́сний,
День Бо́жої сла́ви:
Въ прахъ розси́плютця буди́ви,
Старосві́тські спра́ви.

Задрижи́ть плане́та грішна́,
Сколихне́тця мо́ре:
Заруда́е змій стари́нний,
Го́ре ёму́, го́ре!

Го́ре тобі, розвінчаний
Пра́вдою тира́не!
За держа́ву тобі пла́та —
Озеро огня́не!

За злочи́ньства—въ пе́клі муки,
На землі—прокля́ття!
Го́ре тобі, Вавило́не,
Душегу́бний гра́де!

Ски́нуть же́мчугъ, заголо́сять
Пи́шні блудни́ці;
Розкри́ютця, розчи́нютця
Скритни́і темни́ці.

Ви́йдуть му́ченики бліді —
Като́вані тіні!
Да́стця судъ імъ невмоли́мий,
Що́ тебе́ пости́гне!

Го́ре, го́ре лука́вому,
Що въ га́сло нево́лі
Оберта́е хрестъ всече́сний —
Га́сло пра́вди й во́лі!

Го́ре, го́ре бага́тому,
Що въ гордощі па́нській
Дурни́цею нарика́е
Го́лосъ пра́вди бра́тський!

Го́ре, го́ре безу́мному,
Що братівъ змуща́е:
У нече́сті, у роспу́сті
Свобо́ди шука́е.

Го́ре вче́нимъ, що одъ про́стихъ
Світло заховали,

Для кори́сти, для мамо́ни
Пра́вду ужива́ли, —

Всімъ прода́жнимъ филозо́фамъ. .
Одъ ду́ху свяги́ні
Розвіютця іхъ хитрощи,
Якъ пилъ по пусти́ні!

День вели́кий, день воскре́сний,
День суда́ й любо́ви!
Передъ нимъ тума́нъ преди́де,
Слізъ тума́нъ и кро́ви...

А въ тума́ні со́нце світить,
Тума́нъ розганя́е:
Со́нце пра́вди незахідне
На ввесь світъ зася́е!

День вели́кий, день воскре́сний,
День Бо́жої си́ли!..
Розкри́ютця вели́кіі
Наро́дні моги́ли,

Проки́нутця всі наро́ди,
Завітъ ві́чній при́ймуть,
Ворогівъ тисячоліті́хъ
Вороги́ обіймуть;

Узрять те, на що́ гляді́ли
И до́сі не зрі́ли,
Узрять те, що земля́ й не́бо
Імъ давно́ откри́ли!

Тільки тамъ, де Духъ Госпо́день,
Тамъ и пра́вда й во́ля.
Де любо́въ Госпо́дня й віра, —
Тамъ и ща́стя й до́ля!...

Світи́ жъ, зо́ре, на всю зе́млю,
По́ки день той прийде;
А ви, бра́ття, гото́йтеся,
Бо не́ждано зійде;

Гото́йтеся, очища́йтесь
Одъ плямъ и поро́ку:
Гото́йтеся — ско́ро бли́сне
Звізда́ одъ Восто́ку!

Іеремія Галка.

ПІСНЯ.

Лети́ть го́лубъ по-надъ по́лемъ,
Спочи́нку не ма́е,
И доли́ни, и дібро́ви,
И луги́ мина́е

Ні въ садо́чку вишне́вому,
Ні въ лі́сі густо́му,
Не живе́тця, не сиди́тця
Ёму́ молодо́му.

Сиди́ть коза́къ край доро́ги,
Коня́ попаса́е,
До го́луба, до си́зого
Ти́хо промовля́е:

Ой куди́ ти, сизокри́лий,
Куди́ поспіша́ешъ,
Що й доли́ни и дібро́ви,
И луги́ мина́ешъ?

Хіба́ й тобі, мій го́лубе,
Не жа́лко нікого?
Хіба́ ніхто́ не коха́е
Й тебе́ молодо́го?...

Ой спусти́ся, сизокри́лий,
Одди́шъ изо мно́ю—
Полетимо́ въ и́ншe по́ле
Ра́зомъ изъ тобо́ю;

За гора́ми, за яра́ми,
На и́ншому по́лі,
Пошука́емо зъ тобо́ю
Щасли́вої до́лі;

Ми зна́йдемо, мій го́лубе,
Зеле́ні дібро́ви,
И доли́ни квітча́стиі;
И чо́рниі бро́ви.

Ми зна́йдемо въ те́мнімъ лу́зі
Черво́ну кали́ну,
И си́зую голу́боньку,
И га́рну дівчи́ну;

Сизокри́ла голу́бонька
Тебе́ приголу́бить,
А гарная дівчи́нонька
Козака́ полю́бить.

Л. Глѣбовъ

I.

Не ки́дай мене́,
Моя́ ча́рочко,
Не, жени́ мене́
Ти, шинька́рочко!
Не жени́ мене́,
Дай упи́тися,
Въ те́бе бри́дкую
Улюби́тися!

Не безъ жінки я,
Не безъ ха́ти я, —

Все у ме́не е,
Відьмо кля́тая!
Хліба до́-сита
Ма́ю въ за́сіку,
Ма́ю во́лики,
Ма́ю й па́сіку.
Моя́ ха́точка —
По́вна ча́шечка;
Моя́ жіночка —
Мовъ та пта́шечка,
Та тяжкі мої
Бо́лі більшні,
Бо не ма́ю я
Во́лі ві́льної!..

Запражу́ воли́ —
По́томъ ми́юся;
Роспражу́ воли́ —
На́ бікъ хи́люся;
Повалю́сь на бікъ —
Не здріма́юся:
Зновъ на па́нщину
Підійма́юся.
Відроблю́ чуже́: —
»Жінко-ду́шечко!
Приголу́бъ мене́,
Щебету́шечко.«
А вона́ у плачъ
Розголо́ситця, —
На своє́ жене́,
Бо й те́ про́ситця...
Ро́бишъ — силъ нема́ —
Спи́на кри́вится,
А вона́ на те
Та й не ди́вится;
Ро́бишъ — силъ нема́ —
Похиля́ється,

А вона́ у пла́чъ: —
»Запива́есся!«

О, я пью тепе́ръ,
Жінко лю́бая!
Не ки́дай мене́,
Ча́рко гру́бая!
Не ки́дай мене́,
Моя́ ча́рочко:
Не жени́ мене́
Ти, шинька́рочко!
Не жени́ мене́ —
Дай упи́тися,
Въ те́бе бри́дкую
Улюби́тися!

II.

ЛАСТІВКА.

(Польского поэта Ленартовича.)

Йде дівчи́на-сироти́на,
Тяже́нько здиха́е,
А ла́стівка по-надъ не́ю
Круга́ми літа́е;
И літа́е и щебе́че,
По-надъ не́ю вье́тця,
Ма́ло-ма́ло крилечка́ми
У ко́си не бье́тця.
»Чого́ вье́сся, чого́ бье́сся?
Поки́нь мене́, пта́шко,
Поки́нь мене́, моя́ пта́шко,
Бо й такъ мені ва́жко!«
— Не поки́ну, не поки́ну,
А буду літа́ти:

Бу́ду тобі за бра́тіка
Твого́ щебста́ти;
Бо твій бра́тікъ що-де́нь Бо́жий
Пла́че у темни́ці: —
Навідайся, ми́ла пта́шко,
До мо'і сестри́ці:
Чи ще вона́ свого́ бра́та
Добро́мъ спомина́є?
Чи ще вона́ по бра́шові
Слёзи проли́ває!

III.

НІЧЪ-У-НІЧЪ.

(Сербського поэта Бранка Радичевича.)

Кому́ ми́ле си́не мо́ре,
Кому́ ми́лий місяць, зо́рі;
Мені ми́ла моя́ річка,
Мені ми́ла те́мна нічка.

Я що-но́чи йду́ до річки,
Беру́ чо́вонъ невели́чкий,
Мо́лодъ ве́сла підійма́ю,
На той бе́рігъ поспіша́ю.

Вода́ пінить, чо́венъ плине,
Доплива́є сере́дини,
Страшні фи́лі, страшні кру́чи...
Допомажи́, Всемогу́чий!

Вода́ пінить, чо́венъ кра́є—
Черезъ хви́лі пробіга́є;
Ще́ разъ ру́ки підійма́ю,
До бе́ріга доплива́ю;

И на бе́рігъ жи́во ска́чу,

И здале́ка дівча́ ба́чу,
И поти́ху йду́ на го́ру
До ми́лої мо'ї дво́ру.

Бли́зько дво́ру коло пло́ту
Поглядаю на воро́та:
У воро́тяхъ, якъ кали́на,
Моя́ лю́бая дівчи́на.

Со́нце! жи́во жъ опуска́йся!
Жи́во, нічко, підійма́йся!
Жи́во, ми́ла, йди́ до ха́ти!
Го́ді мене́ виглядати!

Подолянинъ Ст. Руданський.

БАЙКИ

I.

ВОВКЪ ТА КІТЪ.

Въ село́ изъ лі́су Вовкъ забігъ...
Не ду́майте, що въ го́сті, бра́тця!
Ні, въ го́сті Вовкъ не забіжи́ть;
А вінъ прибігъ, щобъ де́-небудь схова́тьця:
Прокля́тий людъ зъ соба́ками наста́ігъ...
И радъ би Вовкъ въ які воро́та вскочить,
Та ли́шенько ёму: куди́ не погледи́шъ —
Усю́ди Во́вчика недо́ленька моро́чить, —
Хочъ сядь та й плачъ!
Воро́та, якъ на-те́-жъ, кругомъ усі запе́рті,
А ду́же Во́вкові не хо́четця умерти,
(Бо ще́ вінъ не нажи́вся, бачъ!)
А гірше — одъ люде́й, одъ ви́димої сме́рти...
Коли́ гляди́ть —
На за́городі Кітъ сиди́ть,
На со́нечку мурли́кае, дрима́е.

Підскóчивъ Вовкъ и до Котá мовля́е:
— Котýсю-брáтіку! скажіть мині скоріше,
Хто изъ хазяінівъ оттýтъ усіхъ добріший?
Я хóчу попрохáть, щобъ хто менé зховáвъ
На сей недóбрий часъ..я бъ у пригóді ставъ...
Чи чýешъ гóмінъ той? за мнóю тó женýтця!..
Котýсю—бáтечку! куди́ мині поткнýтьця?—
»Проси́ мерщій Степáна:
Вінъ дóбрий чоловікъ«, Кітъ Вóвкові сказáвъ.
— Такъ я у ёго вкравъ барáна. —
»Ну, такъ навідайсь до Демья́на.«
— Э, и Демья́на я боюсь:
Якъ тільки навернýсь,
Вінъ и згадáе порося́тко. —
»Біжи́ жъ, ажъ-генъ, живé Трохи́мъ!«
— Трохи́мъ? боюсь зійти́ся зъ нимъ:
Зъ весни́ ще злий вінъ за ягня́тко! —
»Погáно жъ!. Ну... а чи не прийме Климъ?«
— Охъ, брáтіку! теля́ я въ ёго звівъ!.. —
»Такъ ти, бачý, и симъ тутъ дóбре надоівъ«
Кітъ Вóвкові сказáвъ:
»Чого́ жъ ти, брáтіку, сюди́ и забігáвъ?
Ні, нáші козаки́ ще зъ рóзуму не спáли,
Щобъ Вóвка одъ біди́ зховáли ;
И такъ-таки ти самъ себé вини́:
Що́, брáтіку, посіявъ, тé й пожни́!«

II.

ВОВКЪ ТА МИШЕНЯ.

На пóлі Вовкъ овéчку взявъ,
Потя́гъ, сердéшную, въ дібрóву, —
Не на розмóву —
А щобъ иззісти: вінъ бажáвъ
Мнясця́ свіжéнького давнéнько.

Отъ, взявъ овéчку, обідрáвъ,
Якъ знáвъ,
Та й заходúвся хорошéнько
Мнясцé підъ дýбомъ умнáть,
Ажъ на зубáхъ кісткú хрущáть.
Івъ Вóвчикъ, івъ, ажъ утомúвся,
Гарáзденько удовольнúвся,
А все-такú всёго́ не ззівъ.
»Нехáй вже,« кáже, »дрýгимъ рáзомъ.«
Мнясцé травúцею прикрúвъ,
А самъ спочúнуть лігъ тимъ чáсомъ...

Ненáче панъ якúй лежúть...
А Мишенятко підъ вербóю
Почýло, що мнясцé пахтúть,
Та й крáдетця по-мíжъ травóю
(Якé малé, а вже й хитрúть!...)
Отъ, поманéсеньку підкрáлось,
Взялó мнясця́, та у дупло́ й зховáлось.
Углéдівъ Вовкъ — дарма́ що спавъ —
И на ввесь гай гукáть почáвъ:
»Ой, лéлечко! рятýйте! поможíте!
Ловíте злóдія, держíте!
Добро́ мое покрáвъ!..«

Я въ одномý селí по ярмарку гуля́въ,
Та й бáчивъ дúво:
Якúй-сь тамъ становúй хвинтúвъ спісúво
Біля́ чумáцькихъ хуръ...
Чого́ вінъ тамъ никáвъ — усі на вýсъ мотáли...
Отъ, я́кось, и въ ёго́ тарáні вья́зку вкрáли,
А вінъ гукáе: »пробí! калавýръ!«

Л. Глѣбовъ

ДРУГОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫЛОГО.

(Посвящается Николаю Ивановичу Костомарову.)

I.

1819-й годъ былъ хорошій, урожайный годъ въ нашемъ уѣздѣ, и помню я, какъ одинъ богатый козакъ въ селѣ Бу́ртищѣ, по прозванію Очку́ръ, вышедъ за ворота своего веселаго зеленаго двора, останавливалъ низкими поклонами добрыхъ людей, ѣхавшихъ съ копа́ми, и просилъ ихъ выпить за здоровье своего новорожденнаго. Улица буквально была загромождена возами съ чудеснѣйшимъ жи́томъ, какое только можно вообразить, такъ что и самые суровые, работящіе хозяева, запустившіе себѣ бороду до тѣхъ поръ, пока не обсѣются противъ зимы.... (у насъ въ Бу́ртищѣ козаки перестаютъ брить бороду послѣ косовицы, и выросшая у нихъ на подбородкѣ густая щетина находится въ тѣсной связи съ осенними всходами, послѣ которыхъ они опять начинаютъ бриться и, на досугѣ, охотно идутъ въ кумовья и старосты), такъ и тѣ нехотя должны были останавливать своихъ воловъ у двора осчастливленнаго небесами козака Очкура и выпить изъ его рукъ чарку горілки. Впрочемъ это для пахаря такая благодать, что и самое нахмуренное чело прояснялось, и, не смотря на горячую коповозную пору, вокругъ хозяина зашумѣла веселая бесѣда, точно на святкахъ.

Находя, что стоять за воротами съ чаркою и сулеею въ рукахъ цѣлый день нельзя, козакъ Очкуръ зазвалъ къ себѣ гостей

на дворъ и, усѣвшись съ ними въ кружокъ на спорышѣ (1), пировалъ какъ нельзя веселѣе. У него родился сынъ, который, по всей вѣроятности, долженъ былъ называться Семеномъ, такъ какъ на тотъ день, въ святцахъ, назначено чествовать *преподобнаго Симеона юродиваго*....

Но не козакъ Очкуръ и его новорожденное чадо составляютъ предметъ моей повѣсти. Изъ сосѣдней хаты, сквозь веселый говоръ гостей козака Очкура, вырывались и неслись по воздуху такіе вопли, отъ которыхъ да сохранитъ Господь всякій сколько-нибудь чуткій слухъ! Тамъ рыдала мать надъ сыномъ, рыдала тѣми раздирающими сердце воплями, которые могъ спокойно слышать только тогдашній исправникъ нашъ, называвшійся комиссаромъ. Счастливый отецъ новорожденнаго, козакъ Очкуръ, уронилъ не одну крупную слезу, слушая вопли несчастной матери, такъ какъ его сердце, обрадованное рожденіемъ сына, сдѣлалось чувствительнѣе обыкновеннаго. Прочіе козаки, запрудившіе своими возами улицу, хоть и не плакали, но выразительно покачивали не только черными, кудрявыми головами, но даже и сѣдыми, уже охладѣвшими ко всякой радости и горю.

Дѣло въ томъ, что молодой козакъ Поликарпъ Заруба́й, сынъ козачки вдовы Заруба́ихи, не спустилъ комиссарскому сыну за обиду своей невѣсты, къ которой тотъ присталъ съ какими-то неучтивыми любезностями. Больно или нѣтъ поколотилъ онъ его благородіе—не извѣстно, но во всякомъ случаѣ прикоснулся своими пахарскими руками къ благородному юношѣ, прапорщику, пріѣхавшему въ отпускъ изъ какого-то мушкатерскаго полка — обрадовать отца свѣжими эполетами. Каждый чадолюбивый отецъ по себѣ можетъ судить, пріятно ли было комиссару, видѣть на прекрасномъ, исполненномъ дворянскаго достоинства, лицѣ благороднаго юноши простой синякъ, на манеръ тѣхъ, какіе не рѣдко украшаютъ посѣтителей городскихъ питейныхъ домовъ (въ селахъ у насъ добрые люди пьянствуютъ мирно). А такъ какъ власть комиссара была въ Бу́ртищѣ неограниченная, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что десятскіе заковали Поликарпа Зарубая въ рекрутскіе кандалы, въ то самое время, когда онъ, воро-

(1) Низенькая и кудрявая травка *спори́шъ* ростетъ только тамъ, гдѣ ее безпрестанно топчутъ.

тясь съ поля съ полнымъ возомъ жита, усѣлся было съ своею матерью обѣдать.

Для бóльшаго огорченія вдовы Зарубанхи, у нея съ сыномъ какъ нарочно зашелъ самый пріятный разговоръ о томъ, кого просить въ сваты, когда упóраются и обсѣются въ полѣ, чтобы сватать, съ другого конца Бýртища, Катрю Дубівну, извѣстную во всемъ селѣ красавицу. Только что разговорилась бѣдная вдова о томъ, что, хотя козакъ Дубъ и не богатъ, но хорошія у него дѣти и повелъ онъ ихъ *чéснимъ звичáемъ, по-старосвітськи,* какъ тутъ на порогъ незванные гости, десятскіе! Они не сочли за нужное скрыть отъ матери комиссарскую угрозу, что онъ ея Поликарпа отдастъ въ солдаты безъ очереди, за буянство; а это значило, что уже никакія просьбы, ни моленія не спасутъ Поликарпа. Тогдашній комиссаръ могъ служить образцомъ нынѣшнему исправнику относительно непреклонности воли. У него даже и взглядъ былъ такой, что, на кого онъ устремлялъ его, у того въ ту же минуту переставали литься слезы. Сказанное имъ было все равно, что написанное, а написанное его перомъ не вырубливалось и топоромъ. Поэтому вдова Зарубаиха могла рыдать сколько ей угодно въ своей хатѣ надъ сыномъ, обхвативъ его голову, — это столько же могло помочь ему, какъ и тогда, когда бы онъ лежалъ передъ нею мертвый. Коротко сказать, что рекрутскій наборъ въ томъ году случился въ нашей губерніи какъ нельзя больше кстати: молодой, рослый, чернобровый Поликарпъ Зарубай возвеселилъ души пріемщиковъ своимъ образцовымъ сложеніемъ, и власть комиссара, грозная всегда для села Бýртища, сдѣлалась послѣ этого еще грознѣе. Одна осиротѣлая мать, зная, что терять ей больше нечего, билась объ землю и проклинала, какъ она неприлично выражалась о комиссарѣ, *ненасúтного пузанá* и весь родъ его, и дѣтей его, и внуковъ его!

Грустно подумать, что такое событіе, какъ отдача молодого козака въ солдаты, было слѣдствіемъ явленія очень обыкновеннаго, именно—любезничанья празднаго прапорщика съ сельской красавицей, а между тѣмъ—сколько пролито было слезъ!... и не одной матерью, но и тою, которая во всемъ селѣ Бýртищѣ не знала лучшаго пáробка, какъ Поликарпъ Зарубай! Конечно, Катря Дубівна могла быть утѣшена десяткомъ другихъ наробковъ, которые, при первомъ удобномъ случаѣ, доказали ей своими ухажи-

ваньями и даже драками между собою, что она—первая красавица на селѣ; но осиротѣлую мать некому было утѣшать въ молчаливой хатѣ; ни на комъ не остановились ея глаза съ любовью, этимъ единственнымъ врачевствомъ растерзаннаго сердца; никто, никто не могъ замѣнить ей не только слова, но даже и взгляда ея милаго сына.... Пропалъ козакъ! Меньше однимъ бойкимъ, молодцоватымъ паробкомъ въ Бу́ртищѣ! Меньше однимъ звонкимъ голосомъ въ пѣсняхъ! Меньше однимъ завиднымъ женихомъ на селѣ!... Что́ жъ дѣлать? Такъ, видно, Богъ далъ, чтобъ комиссаръ заставлялъ всю громаду плясать подъ свою дудку. Видно, за отцовскіе и дѣдовскіе грѣхи караетъ Господь козаковъ такимъ на́пускомъ.

II.

Прошло лѣтъ шесть или семь. Катря Дубівна давнымъ-давно вышла замужъ. О ея прежнемъ женихѣ вспоминали рѣже и рѣже; наконецъ и совсѣмъ перестали вспоминать. Одна только мать ждала вѣстей о немъ съ каждымъ днемъ и часомъ; но вѣстей никакихъ не было. Видно, услали его съ солдатами на край свѣта; видно, убили его на войнѣ, а пожалуй умеръ козакъ съ тоски по родинѣ.

Осенью 1826 года, въ одно изъ тихихъ, солнечныхъ воскресеній, когда козаки наши сидѣли съ своими семьями за воротами и здоровались съ проходящими мимо сосѣдями, въ село Бу́ртище въѣхала нечестивая жидовская бричка, свидѣтельствующая, что сидящій въ ней путешественникъ—человѣкъ разсчетливый и неторопливый. Она была наполнена всякимъ добромъ, которое, судя по выглянувшей изъ нея офицерской фуражкѣ, было добро офицерское. Козакамъ нашимъ не было никакого дѣла ни до безобразной жидовской будки, ни до путешествующаго въ ней офицера. Покуривая люльки́, они смотрѣли какъ нельзя равнодушнѣе на косматаго жида, отъ роду не пробовавшаго, что́ за вкусъ въ колбасѣ и поросенкѣ, и на его четверню тощихъ клячъ, которымъ, какъ это всякому извѣстно, нечистая сила помогаетъ пробѣгать въ сутки отъ 70 до 90 верстъ. Но бричка, выбравши хату, у которой сидѣло побольше народу, остановилась, и офицеръ,

молодой красивый человѣкъ, съ черными, лоснящимися усами, сказалъ:

— Здравствуйте, добрые люди!

»Здорóві бýдьте и ви, добрóдію!« отвѣчали козаки.

— Съ недѣлею!

»И васъ также!«

Это поздравленіе съ воскреснымъ днемъ, обычное у простонародья, расположило козаковъ въ пользу странствующаго рыцаря.

— А гдѣ тутъ живетъ у васъ вдова Зарубаиха? спросилъ офицеръ.

»А на́ що вамъ, добрóдію, вдову Зарубáіху?« спросили козаки.

— Видно, ваше село горѣло и перестроилось, сказалъ, вмѣсто отвѣта, путешественникъ: — я не узнаю́ знакомыхъ хатъ.

»Було́ всёго́, добрóдію«, отвѣчали козаки.

Но уже нѣкоторые изъ нихъ подступили ближе къ жидовской бричкѣ и всматривались въ странствующаго рыцаря.

— Да се жъ Зарубáенко! се жъ Полікáрпъ вдовúченко! вскричало вдругъ нѣсколько голосовъ, и въ одну минуту народъ окружилъ бричку.

Село Бýртище взволновалось невѣроятною новостью.

»Дá, люди добрые!« говорилъ офицеръ, »я тотъ самый Поликарпъ Зарубаенко, котораго вы громадою отдали за буйство въ солдаты. Жива ли еще моя матушка?«

— Слáва Бóгу, підскáкує! сказали радостно козаки. — А що ми васъ отдалúй громáдою въ москалі, такъ то винá не нáша, добрóдію. Скачúй, врáже, якъ панъ кáже!

»Я на васъ и не сержусь«, отвѣчалъ офицеръ: »вы мнѣ добро, а не зло сдѣлали.«

— А хибá ви, добрóдію, справді велúкимъ нáномъ зробúлись? спрашивали козаки.

Но офицеръ нетерпѣливо желалъ видѣть свою мать, и козаки, окруживъ бричку, десяткомъ рукъ указывали косматому жиду и офицеру убогую хату вдовы Зарубаихи.

III.

Хата вдовы Зарубаихи спаслась какимъ-то чудомъ отъ пожара, истребившаго значительную часть Бýртища. Отецъ Потапій,

тогдашній нашъ священникъ, предшественникъ отца Петра, стоя у себя на скирдѣ хлѣба, видѣлъ, какъ надъ этой хатой вилась бѣлая туча голубей, ярко рисуясь на бурыхъ и синеватыхъ клубахъ дыма, валившаго изъ сосѣднихъ хатъ богатаго козака Очкура́. »Но, по здравомъ размышленіи (говорилъ онъ), я нахожу, что то были не голуби, поелику бѣлизна ихъ превосходила сіянье снѣга въ солнечный день морозный, — то была бѣлая риза ангела-хранителя, котораго нашимъ грѣшнымъ очесамъ не возможно видѣть въ его истинномъ образѣ, то есть въ такомъ, какъ онъ изображенъ на сѣверныхъ вратахъ иконостаса, съ огненнымъ мечемъ въ десницѣ и въ желтыхъ сапогахъ, попирающихъ діавола.«

Какъ бы то ни было, только спасеніе вдовиной хаты признано было всѣми сосѣдями за чудо, и самъ отецъ Потапій сознавался, что, еслибъ эта убогая хата не стояла между пылающимъ козакомъ Очкуромъ и его собственною левадою, то не молотить бы ему въ ту оссень хлѣбныхъ скирдъ: »мнози бо грѣси одержатъ мою утробу«, прибавлялъ со вздохомъ отецъ Потапій, къ истинному удивленію козаковъ, которые никакъ не могли допустить мысли, чтобъ нельзя было отмолиться *попу* отъ всѣхъ, рѣшительно отъ всѣхъ грѣховъ!

Итакъ хата вдовы Зарубаихи, и семь лѣтъ тому назадъ уже старая, теперь, въ сравненьи съ новыми сосѣдними постройками, казалась еще старѣе. Еслибъ покойный ея мужъ, козакъ Зарубай, не былъ лучшій на селѣ кровельщикъ, то давно бы уже прогнила на ней солома, и осенніе дожди протекали бы сквозь крышу и потолокъ на голову несчастной, безпомощной, одинокой Зарубаихи. Но крыша была — точно кованная, и показывала свою древность только зеленымъ мохомъ, который раскинулся по ней красивыми, почти сплошными пластами, гуще къ краямъ и рѣже къ высокому дымарю. Всё-таки она надвинулась довольно угрюмо надъ бѣлыми стѣнами хаты и сѣней и надъ сѣрыми бревнами, изъ которыхъ сложена еще покойнымъ Зарубаемъ комора, въ одной связи съ сѣньми.

Комора была славная у Зарубаихи, съ деревяннымъ поломъ и сте́лею. Покойный мужъ ея съ тѣмъ и строилъ эту комору, что когда, Богъ дастъ, дождетъ онъ женить своего Полікарпа, тогда сто́итъ только прорубить въ ней окна, и »противная хата« для него готова.

А всё-таки видно, что мужскія руки не пóраются на дворѣ у Зарубанхи: все кругомъ обветшало, обвалилось и уже употребляется на топливо. Но, подобно тому, какъ солнце вдругъ прорѣжетъ осеннія тучи и ярче лѣтняго озаритъ мокрыя травы и трепещущія, ярко-желтыя и красныя листья на грушахъ,— такъ вѣсть о возвращеньи сына все озарила и измѣнила не только на печальномъ лицѣ старушки, но какъ-будто даже и на ея заросшемъ бурьянами дворѣ. Инымп глазами взглянули теперь козаки и на убогую вдову, и на ея убогое и обветшалое двóрище.

Сосѣднія дѣти давно уже набѣжали съ улицы въ ея хату и радостнымъ крикомъ возвѣстили ей, что воротился ея Поликарпъ. За этимъ милымъ, драгоцѣннымъ для нея словомъ, она не слышала другого слова, двадцать разъ повтореннаго дѣтьми: *офицеръ! офицеръ! офицеръ!* Она не повязала даже головы платкомъ, и въ домашнемъ очіпкѣ выбѣжала за ворота.

Гдѣ же онъ? Неужели это ея Поликарпъ идетъ къ ней скорыми шагами, впереди дивующагося народа?... И уже, сквозь его новую, чужую для нея внѣшность, она различаетъ его родныя для нея черты. Онъ оставилъ ее съ застывшими у ней на глазахъ слезами, застывшими именно потому, что взглядъ комиссара произвелъ на нее обычное свое дѣйствіе. Онъ воротился къ ней — и слезы ея теперь другія: ихъ озаряетъ радость, мятеринская радость, какъ яркое солнце осеннюю, еще живую и прекрасную природу.

Но какъ, однакожъ, много отняли у ней эти семь лѣтъ! какими страшными чертами обозначились они на ея лицѣ! Въ первую минуту свиданія время и горе показываютъ намъ все, что́ они вмѣстѣ сдѣлали на миломъ для насъ образѣ; но когда, въ задушевной бесѣдѣ, близкій намъ человѣкъ выкажетъ передъ нами всю внутреннюю красоту свою, незримую для людей далекихъ, тогда на его внѣшнемъ образѣ изглаживаются признаки физическаго разрушенія, и кажется намъ, что дорогое намъ существо никогда не разрушится.

То самое случилось и съ Поликарпомъ Зарубаемъ. Когда радостная мать ввела его въ хату и, расцѣловавши въ десятый разъ, отерла свои слезы, — ему показалось, что это только вчера онъ съ нею обѣдалъ и бесѣдовалъ о Катрѣ Дубівнѣ.

Сколько можетъ вынести человѣкъ! Еслибъ мы сами были не

люди, мы бы съ трудомъ повѣрили, что тотъ, кого сердечная боль заставляетъ биться объ землю, какъ билась эта несчастная вдова, что тотъ можетъ еще быть когда-нибудь радостенъ и бодръ тѣломъ и душою.

Да́, можетъ быть, въ жизни своей никогда еще не чувствовала такого счастья вдова Зарубаиха, какъ въ этотъ день, — даже и въ весеннюю пору своей жизни, когда она была вся цвѣтъ и красота, а ея мужъ, давно уже похороненный отцемъ Потаніемъ, тогда еще женихъ, вернулся съ Дону, ведя за собой помахиваніемъ батога чудесную паровѝцу (1), и она встрѣтила его, по какому-то предчувствію, за селомъ, и онъ, щадя ея дѣвическую честь передъ чумаками, не сказалъ ей ни слова, но поднялъ правой рукой высокій, запыленный бриль и такъ ей поклонился, такъ поклонился... ну, этого никакими словами не разскажешь! И тогда она не была ни такъ счастлива, ни такъ молода сердцемъ, ни такъ добра ко всему міру, какъ теперь. Еслибъ комиссаръ явился теперь къ ней въ гости, — она бы и его встрѣтила, какъ родича. Но комиссаръ, яко человѣкъ вели́кого коліна, по выраженью козаковъ, — никогда не удостоивалъ подобной чести простую хату, и если когда случалось ему по дѣламъ сидѣть *кінéць сто́ла* у головы, то самъ голова докладывалъ ему о дѣлахъ, стоя у порога.

Зато пришли къ ней, въ качествѣ гостей, многіе сосѣди, чуждавшіеся прежде убогой и унылой хаты; пришелъ и самъ богачъ Очкуръ, держа передъ собой накрытаго полами балованнаго сынка Семенка, родившагося на преподобнаго Симеона юродиваго, въ томъ самый день, какъ Поликарпа Зарубая заковали въ рекрутскіе кандалы. Козакъ Очкуръ отеръ одну, а можетъ быть и другую слезу по этому случаю, тронувшему его родительское сердце, но, въ отсутствіе Поликарпа, не одинъ разъ далъ бѣдной вдовѣ почувствовать сосѣдство богатаго двора. Какъ-бы угадывая, что вдова Зарубаиха теперь не попрекнетъ его ничѣмъ, онъ пришелъ къ ней, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и, вынувъ изъ-за пазухи завернутую въ бѣлую хустку паляницу, положилъ на столѣ. Это значило, что онъ не случайно зашелъ къ ней въ хату, но какъ равный къ равному, въ качествѣ гостя. Явилось у вдовы на столѣ

(1) *Паровѝця* — возъ, запряженный парою воловъ.

и еще нѣсколько почетныхъ паляницъ, и вдова, усадивъ своего милаго — и притомъ чиновнаго — сына конецъ стола, протерла чистою тряпкою свою и безъ того чистую лавку для пришедшихъ на ея радость сосѣдей.

Сынъ, помня обычаи предковъ, досталъ было уже изъ кармана кошелекъ, чтобъ послать за горілкою, но мать остановила его.

— Я, слава Богу, не лежала лежнемъ, не гуляла по шинкахъ. Про мою нужду и для шанобы добрихъ людей, найдется въ мене въ гаманці копійка.

И уже быстроногая сосѣдняя дѣвочка летѣла во весь духъ къ шинкарю Остапу, мудрѣйшему изъ смертныхъ во всемъ Бурти-щѣ, умѣвшему разчесть, сколько въ году часовъ, а въ сотнѣ рублей и копеекъ, на что не хватало премудрости и у волостного писаря.

IV.

Между тѣмъ жидъ, обладатель уродливой будки и четверни невообразимо тощихъ клячъ, гонимыхъ нечистою силою, навьючился офицерскимъ добромъ и тащилъ его въ хату. То были ситцевыя подушки, березовые чубуки, огромный кисетъ съ кисточками по угламъ и съ вышитой на немъ собакою, пестрый архалукъ и еще множество другихъ мелочей, которыя трудно было разсмотрѣть съ перваго взгляда. Да никто въ это добро и не всматривался, потому что всѣхъ поразила, какъ молнія, одна мысль: неужели некрещеный жидъ войдетъ въ хату въ своей косматой шапкѣ, какъ-будто... Духъ святый съ нами! Неужели мало того, что офицерская собака пробралась между ногъ почтенной компаніи и улеглась подъ лавкою у самыхъ каблуковъ его благородія?... Всѣ оцѣпенѣли отъ этой мысли; но, какъ дѣло ближе всего касалось вдовы Зарубанки, то она первая и опомнилась отъ изумленія и страха.

— Тю, къ нечистій матері, не при хаті споминаючи! вскрикнула она. — Гляньте, люде добрі, нечистий жидюга претця въ хату!

Тутъ, кто сидѣлъ поближе къ порогу, бросились защищать

святыню хаты, и въ самую пору оттѣснили жида съ ситцевыми подушками и чубуками. Офицерское добро перетаскано было въ хату дюжими паробками, которые, изъ почтенія къ своимъ отцамъ и матерямъ, оставались до сихъ поръ въ сѣняхъ и смотрѣля оттуда въ дверь на офицера.

Жидъ очень оскорбился грубымъ пріемомъ въ козачей хатѣ и сказалъ, что онъ бывалъ и въ панскихъ домахъ, на второмъ »и дазе на третьемъ этазѣ.«

— То па́нськиі дома́, а се христия́нськая че́сная ха́та! отвѣчали ему кротко паробки. — Ми бъ и соба́ки не впусти́ли, да тілько, що офице́рська соба́ка.

Жидъ еще больше оскорбился кроткимъ отвѣтомъ паробковъ и прибѣгнулъ къ своему натуральному мщенію: онъ громко и немедленно требовалъ отъ офицера денегъ, стоя въ сѣняхъ въ своей косматой рыжей шапкѣ и держа въ рукѣ коротенькую плеть на длинномъ кнутовищѣ.

Паробки бдительно охраняли ха́тній порогъ, и офицеръ передалъ деньги жиду черезъ десятокъ рукъ.

Тотъ сосчиталъ ихъ, увидѣлъ, что есть и прибавка, и, не сказавъ ни добраго, ни худого, молча отправился къ своимъ лошадямъ, въ сопровожденьи паробковъ, которые объяснили тутъ же хло́пчикамъ и дівча́ткамъ, что жидъ своихъ коней никогда не кормитъ, а только поитъ, и что нечистая сила гонитъ ихъ по 70 и по 90 верстъ въ сутки.

Вслѣдствіе этого объясненія, хлопчики и дівча́тка, обступивъ жида и его бричку съ лошадьми, спрашивали въ десятокъ голосовъ:

— Жиди́! а на́ що ви Христа́ заму́чили?

Другой десятокъ голосовъ кричалъ:

— Жи́де! жи́де! свиня́че у́хо! чи не хо́чешъ порося́тини?

Третій десятокъ голосовъ еще звонче кричалъ:

— Жи́де! жи́де! а давно́ твого́ ба́тька хапу́нъ ухопи́въ?

Бѣдный потомокъ воиновъ, разрушавшихъ одними трубными звуками городскія стѣны, готовъ былъ, казалось, разорваться отъ досады на свое безсиліе, и его плеть на длинномъ кнутовищѣ такъ и вилась у него въ рукахъ, точно змѣя, готовая ужалить. Но рослые паробки, въ новыхъ свиткахъ и огромныхъ сапогахъ, стояли съ такимъ величавымъ спокойствіемъ въ арріергардѣ дѣтскаго ополч-

ченія, что его измельчавшая душа опускалась въ немъ, замѣтно для него самого, ниже груди и »дазе зивота«! Все, что̀ могъ онъ сдѣлать, такъ это плюнуть, вскочить на ко́зла и погнать своихъ тощихъ клячъ такъ быстро, что дѣти остались въ несомнѣнномъ убѣжденіи на счетъ нечистой силы.

Этимъ, однакожъ, онъ не отдѣлался. Гикалъ и вьюкалъ онъ на свою четверню изо всѣхъ силъ; четверня неслась въ пыли, какъ сумасшедшая; опорожненная будка звякала и стучала безбожно. Жидъ не могъ слышать вокругъ себя ничего, кромѣ грохота собственной колесницы; но онъ видѣлъ, какъ хлопчики и даже взрослые паробки, у другихъ хатъ, махали ему концами своихъ полъ, свернутыми на подобіе свинного уха; онъ видѣлъ, какъ дівча́тка, впереди его, чертили на пескѣ кресты; онъ видѣлъ, какъ степенные молодицы, идучи отъ колодязя съ полными ведрами, нарочно останавливались, чтобъ не перейти ему дороги, а тѣ, у которыхъ было надѣто на конецъ коромысла два пустыхъ ведра, то и дѣло шмыгали передъ нимъ переперегъ дороги (1). Еслибъ у него не висѣло сбоку брички желѣзное дырявое ведро, то можно сказать навѣрное, что ему никто на селѣ не далъ бы ведра напоить лошадей. Жидъ и откупщикъ, жидъ и обманщикъ, жидъ и врагъ всякаго добраго человѣка — въ Буртищѣ значило одно и то же. О жидахъ, еще со временъ польскаго ига, ходитъ у насъ въ народѣ множество возмутительныхъ воспоминаній. Невѣжество и суевѣріе облекли, большею частію, эти воспоминанія въ чудовищныя или фантастическія сцены; но въ основаніи вымысловъ лежитъ всё-таки память, что жиды, въ рукахъ пановъ и іезуитовъ, были самымъ ужаснымъ орудіемъ порабощенья и грабежа слабыхъ и беззащитныхъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. При помощи этого безжалостнаго къ народу орудія, Ляхи или, что̀ одно и то же, паны въ Украинѣ поселили къ себѣ въ народѣ такую страшную ненависть, что въ XVII вѣкѣ умирающій ребенокъ говорилъ: *Ма́мо, закри́й мені о́чи, щобъ мені на того́ поґа́ного Ляха́ не дивитись!* А растравленные польскими панами на народѣ жиды и послѣ гибели своихъ высоко-

(1) Кому встрѣтятся полныя ведра на дорогѣ, того ожидаетъ успѣхъ въ предпріятіи. Желая счастья отправляющемуся въ путь, нарочно переходятъ дорогу съ полными ведрами. Встрѣча съ порожними ведрами предвѣщаетъ неудачу.

родныхъ патроновъ не переставали изъ рода въ родъ упражняться на Украинѣ въ искусствѣ обмана, коварства и предательства. Что́ же тутъ мудренаго, если потомки Небабъ и Морозенковъ гнушаются прикосновеніемъ къ жиду, а малыя дѣти преслѣдуютъ его насмѣшками и ругательствами? Устами ихъ говоритъ исторія, которая одна осталась Украинцу въ наслѣдство отъ его предковъ....

V.

Въ то самое время, когда мстительныя насмѣшки и ругательства провожали, отъ хаты вдовы Зарубанхи до самой ца́рины (1) въ поле, косматую фигуру такъ называемаго фурмана (названіе, присвоенное лучшему классу еврейской общины, ямщикамъ), въ сѣняхъ, а потомъ и въ хатѣ вдовы Зирубанхи, появилась другая косматая фигура, и въ добавокъ еще неопрятная, если неопрятностью слѣдуетъ назвать то, что на ней былъ засаленный панковый балахонъ, прелоясанный широкимъ, шитымъ разноцвѣтными гарусами поясомъ, уже давно полинялымъ и многажды закапаннымъ во время питія и яденія. По паробки, стоявшіе въ сѣняхъ, разступились передъ этой фигурой, снабженной большимъ крючковатымъ носомъ и парою глазъ, которыя какъ будто притаились по обѣимъ сторонамъ его въ узкихъ щелочкахъ, что́ придавало всему его лицу видъ хаты, которой хозяинъ закрылъ оконницы отъ мухъ и улегся послѣ обѣда спать. Эта послѣдняя особенность, довольно обыкновенная въ нашемъ уѣздѣ между высшимъ, совершенно обезпеченнымъ сословіемъ, не поражала нисколько общества, собравшагося у вдовы Зарубанхи. Что́ касается собственно до офицера, то онъ почтительно поднялся съ своего мѣста и, перемѣстивъ чубукъ изъ одной руки въ другую, проспалъ молчаливымъ движеніемъ руки и наклоненьемъ всего корпуса такъ называемаго благословенія у панковаго балахона. Но панковый балахонъ, поднявъ обѣ растопыренныя руки свои къ собственнымъ плечамъ съ видомъ отрицанія, а главу склонивъ немного на сторону, произнесъ трогательнымъ голосомъ:

(1) *Ца́рина* — ворота на концѣ села.

— Не благословляю!

Эти жесты и это неожиданное слово привели офицера въ такое изумленіе, что онъ долго бы еще не опустился на лавку, еслибъ сосѣдніе козаки не сказали, сложась по слову:

»Эге́, Поликáрпъ Ивáновичъ! нáшого отця́ Потáпа посади́ли на лідъ, чи я́къ би то вамъ сказáть?... трóшки осу́нули... а пóпросту изъ попівъ да въ дяки́.«

— Истинно! сказала эта странная персона, которую козаки снисходительно называли отцемъ Потапіемъ. Врагъ рода человѣческаго посрамилъ мою старость. Состою теперь заштатнымъ дьячкомъ при церкви Вознесенія Господня. Если позволите облобызать себя, почту за честь.

Офицеръ позволилъ облобызать себя и, потомъ опустясь на лавку, совѣстился за бывшаго отца Потапія, котораго козаки единственно по привычкѣ продолжали звать отцемъ Потапомъ. Но бывшій отецъ Потапій, у котораго глаза обозначались токмо узкими щелочками, по-видимому не зналъ, что́ значитъ совѣститься. Онъ занялъ мѣсто по другую сторону стола, на лавкѣ, и спокойно гладилъ свою рыжую бороду.

Между тѣмъ богатый на все село козакъ Очкуръ, сидя на другой лавкѣ, рядомъ съ офицеромъ, и держа передъ собой между ногъ балованнаго сынка, продолжалъ:

»Эге́, о́тче Пота́пе! ми вамъ каза́ли, що вимага́ння ва́ше не доведе́ васъ до добра́. А лу́чче бъ було́ живи́тьця зъ ми́ру че́сно.«

— Суетно слово твое, Миронъ Петровичъ! отвѣчалъ засаленный и очевидно опустившійся бывшій отецъ Потапій. — Не мое вымоганье меня низвергло, а вымоганье свыше. Сказалъ бы я тебѣ и больше, *да пічь у хáті*(1). Но имѣяй уши слышати да слышитъ. Распустили вы суетную славу о мосмъ богатствѣ и тѣмъ самымъ повергли меня въ бездну золъ. А у меня всего богатства — бочка горілки въ коморѣ. Вашего жъ брата, не кого другаго угощалъ по своему благодушію, а вы — возвеличили на мя запинаніе! Погибаю отъ щедроты руки своей, не отъ чего инаго, Поликарпъ Ивановичъ! обратился онъ къ офицеру.

»Ні, о́тче Пота́пе!« сказалъ другой козакъ, »ви намъ не до-

(1) Этими словами выражаютъ у насъ невозможность высказаться, по причинѣ опасности со стороны властей, или воизбѣжаніе другихъ непріятностей.

рікáйте чáркою горілки. Чáрку горілки знайшлú бъ ми и въ сéбе въ госпóді, а колú щó, то й до Остáпа не далéко. Тá бóчка горілки стáла вамъ за дéсять. Хибá мáло ми вамъ переробúли ділá толокóю? И двіръ вамъ своімъ кóштомъ обстрóіли, и левáду, такъ якъ тому́ комисáру, обгородúли.«

— Обгородили! перебилъ бывшій отецъ Потапій съ неудовольствіемъ. — Лучше бъ она пустыремъ стояла!

»Отсé тобі попівська дя́ка!« сказалъ одинъ сосѣдъ другому.

— Чóмъ же се такъ? спросилъ козакъ Очкуръ.

Бывшій отецъ Потапій понурился: ему не хотѣлось отвѣчать; но онъ отвѣчалъ, однакожъ:

»Пошла мнѣ въ прокъ ваша огорожа! теперь продаю леваду.«

— Продаетé! щó жъ ви за нéі хóчете?

Этотъ вопросъ предложилъ козакъ Очкуръ, не пропускавшій случая прикупить земли.

»Сто и пятьдесятъ.«

— Дóрого, óтче Потáпе! А рівно дамъ.

»Рівно! такъ ровнять дóбре!«

— Ну, дéсять на стó накúну.

Этотъ разговоръ, для насъ довольно скучный, заинтересовалъ офицера такъ, что онъ началъ дымить Жуковымъ больше обыкновеннаго.

»Нѣтъ, накидай больше, коли хочешь.«

— Пятнáдцять, óтче Потáпе!

»Тридцать-пять.«

— Сімнáдцять, óтче Потáпе!

»Тридцать-три.«

— Вісімнáдцять съ копóю!

»Тридцать-три безъ копы.«

Видно было человѣку опытному, что продавецъ и покупщикъ осторожно приближаются къ цѣнѣ, которую одинъ готовъ взять, а другой — дать, и всѣ сколько-нибудь проницательные люди угадывали, что эта цѣна — 125 цѣлковыхъ.

— Двáдцять! сказалъ козакъ Очкуръ, погладивъ сынка по головкѣ своею мускулистою, работящею рукою.

»Тридцать-два.«

— Двáдцять съ копóю!

»Тридцать-одинъ.«

— Ні бо, о́тче Пота́пе! ви збавля́йте по-лю́дськи.

»Ну, тридцать«, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Еще ли тебѣ не по-людски, Миронъ Петровичъ?«

— Беріть два́дцять и оди́нъ!

»Не возьму и двадцати-девяти съ копою.«

— Эй, беріть, о́тче Пота́пе! говорилъ козакъ Очкуръ такимъ тономъ, какъ-будто левада убѣжитъ куда-нибудь изъ села.

»Тридцать.... Тридцать дней въ мѣсяцѣ и за тридцать сребренниковъ....«

Но тутъ бывшій отецъ Потапій кашлянулъ и сказалъ только:

— Цѣна законная!

»Два́дцять-оди́нъ и копа́!«

Бывшій отецъ Потапій кивнулъ отрицательно головою.

Офицеръ жестоко потянулъ Жукова.

— Ну, два́дцять-два, да й го́ді!

»Хиба́ що го́ді!« отвѣчалъ равнодушно бывшій отецъ Потапій.

— Що́ жъ ви робитимете съ ти́ми, якъ ви ка́жете, сре́бреники?

»Миронъ Петровичъ!« сказалъ строго бывшій отецъ Потапій, вообразивъ, что ему намекаютъ на Искаріота.

Но козакъ Очкуръ далеко не былъ такъ грубъ, чтобы швырнуть камнемъ въ человѣка беззащитнаго. Ему только хотѣлось удержать за собой славу хорошаго хозяина, который знаетъ цѣну вещамъ и не заплатитъ ни копейки лишняго. Упорство обладателя завидной для него левады, остановившееся на тридцати, пугало его, какъ естественная грань пугаетъ завоевателя. Еслибъ ему сбить бывшаго попа только съ этой грани хоть на одну *ко́пу*, тогда ужъ естественно цѣна левады спустится мало-по малу до 25 рублей сверхъ сотни. Но офицерская трубка уже хрипитъ, и этотъ хрипъ смущаетъ догадливаго Очкура.

»Два́дцять-два съ копо́ю!« вскричалъ онъ съ ожесточеніемъ. »Ну, уступа́йте жъ, о́тче Пота́пе, хоть ко́пу! Ну, ко́пу, ко́пу!«

— Дивны дѣла твои, Миронъ Петровичъ! Ну, что́ для тебя значитъ копа? сказалъ бывшій отецъ Потапій, радуясь съ своей стороны, что на 125 рубляхъ дѣло рѣшится. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ подобно кокетливой поселянкѣ, которой сердце давно уже принадлежитъ искателю, но, изъ удовольствія помучить не-

терпѣливаго счастливца, она отворачивается и принимаетъ равнодушный видъ.

»Такъ уступа́ете ко́пу, о́тче Пота́пе?

— Ну, пожалуй, копу уступаю.

»А я приба́влю ко́пу. Два́дцять-три!«

— Ну, прибавка! Стыдился бъ ты, Миронъ Петровичъ, попусту время терять. Скажу тебѣ прямо: 28 да и шаба́шъ! Въ февралѣ 28 дней, а меньше того — ни въ единомъ мѣсяцѣ.

»Дожида́йтесь же февраля, о́тче Пота́пе! а тепе́ръ я вамъ даю́ два́дцять-три съ копо́ю.«

— Уже ты всѣмъ надоѣлъ своими копами, Миронъ Петровичъ!

»Ну, рівно два́дцять-чоти́ри, послі́дне слово́!«

— Двацать-семь, послѣднее слово.

При этомъ офицерская трубка страшно захрипѣла, и уже не Жуковъ, а какой-нибудь Мусатовъ 4-го сорта вылеталъ изъ березоваго чубука.

Три рубля, всего три рубля раздѣляли сражающихся, и офицеръ того только и ждалъ, что они хлопнутъ по рукамъ. Но всѣ прочіе слушатели, кромѣ баловаинаго хлопчика, были увѣрены, что хлопнуть по рукамъ можно было только на 125 рубляхъ, въ чемъ не сомнѣвались взаимно и торгующіеся. Вдругъ офицеръ, выпустивъ изо рта самый нестерпимый табачный смрадъ, сказалъ:

»Я даю!«

Всѣ прикипѣли къ своимъ мѣстамъ отъ изумленія, кромѣ великаго знатока въ людяхъ и въ вещахъ, козака Очкура, который потому именно и торговался такъ рѣшительно, что съ разу почуялъ близость соперника. Не воротись изъ службы Поликарпъ Зарубаенко въ офицерскомъ образѣ, онъ бы спокойно выслушалъ желаніе бывшаго отца Потапія продать леваду и повелъ бы дѣло такъ искусно, что попова левада досталась бы ему во 120 рубляхъ, никакъ не болѣе.

— *Я* даю 127 за леваду! произнесъ безтрепетно герой дня, къ неописанному восторгу старушки матери, и тутъ же вынулъ изъ бокового кармана задатокъ.

»А я даю 128!« вскричалъ козакъ Очкуръ, доставая изъ шароваръ кожаный гама́нъ.

— А я 129! сказалъ офицеръ.

»А я 130!«

— А я 131!

Тутъ ужъ козакъ Очкуръ, при всемъ своемъ богатствѣ, долженъ былъ уступить, чтобъ спасти хозяйственную свою славу, а торжествующій бывшій отецъ Потапій принялъ задатокъ.

VI.

Въ самую пору явилась на столѣ горілка. Счастливая хозяйка, наливъ первую чарку, возвысила голосъ такъ торжественно, что даже паробки и дівча́та, смотрѣвшіе изъ сѣней на офицера, перестали между собой пиха́ться, перекидываться шутками и умѣренно, такъ сказать шепотомъ, хохотать.

У насъ, въ Бу́ртищѣ, выпить въ компаніи чарку горілки вовсе не значитъ влить въ ротъ, проглотить и крякнуть, какъ дѣлаютъ солдаты или извощики, которые имѣютъ обыкновеніе еще сморщить лицо и плюнуть. У насъ это значитъ — произнести нѣсколько такихъ словъ, которыя другимъ было бы и пріятно и поучительно слушать. Вдова Зарубаиха вспомянула за чаркою всю свою одинокую жизнь, отозвалась съ благодарностью о тѣхъ, кто ее не забывалъ (хотя этихъ немногихъ людей, большею частью такихъ же, какъ и она, бѣдняжекъ, и не было въ числѣ ея гостей), о своихъ же притѣснителяхъ, не называя ихъ по имени, сказала пословицу: *Во́рога хлібомъ да сіллю карáй!* что́ заставило нѣкоторыхъ потупиться въ землю; наконецъ возблагодарила Бога за свою радость, глядя на свои убогіе и во многихъ мѣстахъ облупившіеся образа, и тогда, вспомнивъ еще покойнаго мужа и своихъ родителей и пославъ имъ на тотъ свѣтъ самое пріятное для нихъ желаніе, выпила чарку въ нѣсколько пріемовъ, при чёмъ съ похвалою отозвалась о шинкарѣ Остапѣ, что у него добрая горілка и что Остапъ никогда плохой горілки продавать не станетъ.

Послѣ этого, чарка перешла къ герою дня, и со стороны было бы странно наблюдать, что герой дня ограничился сухимъ пожеланіемъ здоровья матери и всей компаніи, а потомъ проглотилъ водку съ такимъ видомъ, съ какимъ лежавшая у его ногъ собака глотала мухъ. Но никто изъ присутствовавшихъ этому не дивился, такъ какъ въ немъ каждый видѣлъ уже человѣка бла-

городнаго, а не своего брата козака, слѣдовательно и обычаи, и всѣ пріемы у него должны быть по возможности не похожи на простонародные. Онъ даже не скривился и не плюнулъ, какъ дѣлаютъ солдаты и извощики. Онъ выпилъ водки не хуже комиссара, который рѣшительно не выражалъ на своемъ спокойномъ и грозномъ лицѣ, горько или нѣтъ у него во рту.

Паробки, глядя изъ сѣней на Зарубаенка, замѣтили между собою:

— Ма́буть, у вели́кихъ бата́ліяхъ бува́въ!

Что́ касается до бывшаго отца Потапія, то онъ, по своему званію, осѣнилъ чарку крестнымъ знаменіемъ, чтобы въ горілкѣ не притаился какъ-нибудь діаволъ, и тогда уже спокойно выпилъ ее, какъ воду. Только глаза его выглянули немного больше прежняго изъ своихъ скважинокъ, сверкнули веселою искрою и снова спрятались, предоставляя остальнымъ частямъ лица имѣть какое угодно выраженіе, или не имѣть его вовсе.

Наблюдательные паробки замѣтили въ полъ-голоса:

— Бу́де твоя́ лева́да въ кише́ні у Оста́на, о́тче Пота́пе!

Козакъ Очкуръ оказался за чаркою очень разумнымъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, не меньше вдовы Зарубаихи. Въ его словахъ не было и слѣда досады, что попова левада досталась не ему. Онъ добывалъ свои деньги мозольнымъ трудомъ и зналъ имъ цѣну. Притомъ же слава великаго хозяина была для него слишкомъ дорога.

Чарка пошла въ круговую, и молодицы доказали своими приговариваньями, что онѣ уступаютъ мужьямъ своимъ въ философіи, но далеко превосходятъ ихъ въ поэзіи.

Молодежь, стоя въ сѣняхъ безъ всякой претензіи на участіе въ гостепріимствѣ, поучались у своихъ отцовъ и матерей нравоучительнымъ и приличнымъ случаю выраженіямъ.

Незнакомый коротко съ нравами и обычаями села Буртища, можетъ найти невѣроятнымъ, что до сихъ поръ ни мать и никто другой не спросилъ у нашего героя, какъ это ему Богъ далъ выдти въ люди, и надолго ли онъ пріѣхалъ къ матери въ гости? Но таковаго я прошу положиться на вѣрность моего разсказа о томъ, чему иначе и быть не возможно. Мать предложила сыну, что́ у ней было съѣдомаго, и только когда онъ удовлетворилъ голодъ, она нашла удобнымъ и приличнымъ приступить къ нему

съ разспросами. Тогда говоръ смѣнился въ хатѣ тишиною, хотя никто не требовалъ молчанія, и даже стоявшей въ сѣняхъ молодежи слышно было, что́ говоритъ офицеръ.

VII.

— Взяли меня изъ рекрутской партіи въ дивизію, началъ Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя теперь уже Зарубаевымъ. — Ну, взяли въ дивизію.... То есть не одного меня, а стало быть много насъ новобранцевъ, стало быть рекрутовъ этакихъ необученныхъ. Вотъ, взяли меня въ дивизію....

»А що́ жъ то за диви́зія така́я?« спросила мать.

— Ты бо, Параскевія.... якъ тебе́ по отчеству... не переби́вай! остановилъ ее бывшій отецъ Потапій.

»Ні, вже ви мені не переби́вайте!« отвѣчала она съ нѣкоторой досадою. — Я хо́чу роспита́ть свою́ дити́ну, якъ воно́ тамъ стра́ждало. А панъ-отця́ мого́ вамъ би мо́жна, здае́тця, знать, я́къ ёго́ зва́ли.«

Очевидно, въ душѣ бѣдной вдовы заговорило негодованіе на власть, которую имѣлъ надъ нею до сихъ поръ каждый, кто посильнѣе.

— Нельзя мнѣ помнить каждаго, Параскевія, кого мнѣ удалось похоронить во времена моего благоденствія, отвѣчалъ со вздохомъ бывшій отецъ Потапій.

»Помнить каждаго!« повторила его слова Зарубаиха. »Да хиба́ жъ ка́ждий ратова́въ васъ одъ сме́рти?

— А твой же, Параскевія... якъ тебе... твой отецъ развѣ отъ смерти меня спасъ?

»А вже жъ спасъ!«

— Не помню! воистину не помню!

»То́-то й есть, о́тче Потапе!« сказала съ упрекомъ вдова.

Бывшій отецъ Потапій обратился къ слушателямъ съ распростертыми руками, въ знакъ удивленія и вопроса.

Тѣ переглянулись между собой и засмѣялись, такъ какъ извѣстно было каждому, что бывшій отецъ Потапій, еще во времена своего благоденствія, возвращаясь ночью отъ головы, хотѣлъ обойти уличную лужу и для этого повернулъ на дворъ къ

козаку Зарубаю, а оттуда вознамѣрился перелѣзть черезъ новый плетень въ собственную леваду. Но, такъ какъ голова угостилъ его доброй варенухою, то и случилось, что колья плетня попали въ голенища отца Потапія, а его глава и весь корпусъ повисли въ бурьянъ, на ту сторону онаго плетня. Отецъ Параски Зарубанхи, проживавшій на ту пору у дочери въ качествѣ бондаря, всталъ раньше всѣхъ, какъ это водится у старыхъ людей, и, вышедъ на дворъ, увидѣлъ сквозь мглу разсвѣта пару сапоговъ на плетнѣ. Онъ столько же удивился этой находкѣ, сколько и обрадовался, потому что швецъ Оврамъ, взявши у него голенища, чтобы сдѣлать къ нимъ пришвы, заложилъ ихъ шинкарю Остапу, и не извѣстно, когда былъ въ состояніи выкупить. Старикъ поспѣшилъ снять съ плетня чоботы, но въ чоботахъ оказались ноги, а вмѣстѣ съ ногами открытъ былъ и ихъ хозяинъ, уже безъ памяти и на волосокъ отъ смерти.

Вотъ на какое обстоятельство намекнула вдова Зарубаиха, и ея слушатели такъ искренно смѣялись, покачивая одинъ передъ другимъ головою, что бывшему отцу Потапію, по закону природы, слѣдовало бы хоть немножко смутиться; но бывшій отецъ Потапій не подлежалъ сему закону еще со временъ своей юности, когда сопровождалъ бывало свою матушку по всѣмъ хатамъ на селѣ для взиманія извѣстной части всего; что́ только подлежало дѣленію.

Офицеръ тоже вспомнилъ, какъ его дѣдъ спасъ отъ смерти бывшаго отца Потапія, и тоже не могъ не засмѣяться вмѣстѣ съ другими. А въ сѣняхъ, между молодежью, слышенъ былъ даже сдержанный хохотъ. Но лицо бывшаго отца Потапія, съ своими щелочками вмѣсто глазъ, похоже было на затворенную кругомъ хату, которой хозяинъ спитъ или неизвѣстно что́ дѣлаетъ.

Видя это какъ нельзя яснѣе, офицеръ пересталъ за него совѣститься и продолжалъ:

— Дивизія, матушка, это — такое начальство, или... какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ — дивизія! Тамъ и генералъ особый, дивизіонный, и все такое... Но это само по себѣ, а вотъ главное. Изъ дивизіи погнали насъ далѣе. То есть ранжиръ этакой сдѣлали, какой ростъ, какое что, и погнали. Ну, погнали... (тутъ офицеръ высѣкъ огня и закурилъ трубку). Вотъ, какъ погнали насъ далѣе, — гонятъ насъ въ самую стало быть въ столицу.

Тамъ этакой Санктъ-Петербургъ есть, стало быть большущій городъ. Сказано — бурхъ!

»Охъ ли́шечко!« говорила старушка, сидя противъ него у стола на осло́нѣ и подперши рукою щеку.

— Это ничего, Параскевія... якъ тебе по отчеству, сказалъ бывшій отецъ Потапій. — Въ столицѣ до́бре жить: тамъ, я слыхалъ, дьячекъ получаетъ за похороны больше здѣшняго іерея.

»Ва́шому бра́ту, о́тче Пота́пе, всю́ди до́бре!« сказала вдова. »А моя́ дити́на, ма́буть, приняла́ тамъ хо́лоду и го́лоду.«

— Нѣтъ, матушка, ничего, сказалъ офицеръ.—Холоду правда, что натерпѣлся, а сытъ былъ завсегда. Только дорогою, какъ туда еще насъ гнали, партіонный офицеръ маленько насъ... то есть этакъ приморилъ... стало быть выгоду свою соблюдалъ.

»Это уже такъ слѣдуетъ«, замѣтилъ бывшій отецъ Потапій.

— Да́, ужъ на то офицеръ, матушка, подтвердилъ Поликарпъ Зарубаенко

»Милосе́рдний Бо́же!« воскликнула старушка. »Такъ и ти, мій си́ночку, мори́въ чужи́хъ дітей го́лодомъ?«

— Нѣтъ, матушка, что́ голодъ? храбро отвѣчалъ сынъ. — Голодомъ у насъ не морили. Но этакъ... хозяйственнымъ способомъ... ну, словомъ — свою выгоду.... На то ужъ начальство. Это ужъ всему свѣту извѣстно. Но объ этомъ что́ толковать? Дѣло служебное, — не то, что сосѣдъ съ сосѣдомъ въ деревнѣ. Здѣсь особая статья, а тамъ особая. Вотъ, матушка, и пригнали насъ этакъ въ столицу. Ну, пригнали, — въ гвардію меня вписали, въ этакіе Преображенцы стало быть....

»А що́ жъ то таке́ за гва́рдія, си́ночку?« спросила мать.

— Гвардія, матушка, это... какъ бы вамъ сказать... это такіе отборные солдаты, рослые и все такое... ну, словомъ гвардія! Вотъ, какъ вписали меня въ гвардію, сталъ я служить. Учить меня стали и все такое прочее. Вотъ я и служу годъ и два, и три....

»И важка́ жъ та слу́жба, си́ночку?«

— Сперва фухтелями, матушка, докучали, а потомъ видятъ — обтерпѣлся, и полно колотить.

»Такъ тебе́ й би́то тамъ, сыночку? Хиба́ жъ ти по шинка́мъ зъ го́ря блука́въ, чи що́?«

— Нѣтъ, матушка, въ ротъ не бралъ, — не за что. Начальство лишній паекъ и все такое прочее для своихъ надобностей удерживаетъ. Сказано — начальство. Жить надо прилично: съ нихъ тоже взыскиваютъ. Чтобы и карета была, и всякая этакая фанаберія... ну, понимаете.

»А за́ що жъ тебе́ би́то?«

— Собственно за-для-ради службы, матушка.

»Хиба жъ ти іхъ не слу́хавъ? Ти жъ у ме́не бувъ таки́й слухня́ний да звича́йний зъ-ма́лечку!«

— Какъ не слушалъ, матушка? Хе-хе-хе, матушка!

И офицеръ слегка засмѣялся, покачавъ головой по-украински.

Бывшій отецъ Потапій тоже осклабился свои уста и, поглаживая браду свою, произнесъ:

»Тамъ за непослушаніе, Параскевія... якъ бо тебе по отчеству?«

— Да Оме́лькомъ же мого́ панъ-отця́ зва́ли! вскричала, оглянувшись на него, вдова.

»Ну до́бре, Параскевія Емельяновна... теперь я буду знать. За непослушаніе и строптивость и у насъ въ бурсѣ сокрушали юношей до изнеможенія. Я самъ бывалъ наказу́емъ такъ сказать же́стоко уже передъ выпускомъ изъ богословіи, хотя строптивость моя заключалась токмо въ невоздержаніи.«

— Такъ за́ що жъ тебе́, си́ночку, му́чили недолю́дки? продолжала допросъ вдова.

»Нѣтъ, матушка«, говорилъ офицеръ, »меня никто не мучилъ, а только къ службѣ пріучали. Обтерпѣлся — и баста колотить! Это ужъ такъ заведено. На то и служба, матушка. Хуже всего, что бранятся бывало жестоко. Къ брани никакъ нельзя было привыкнуть. Всё мать да мать! Это, матушка, точно было больно. А шкура вѣдь своя, не покупная.«

— Бо́же мій! Го́споди мій! говорила вдова. — Одорву́ть одъ ма́тери бідну дити́ну, да ще й....

Она не могла договорить и залилась слезами.

— Полно, матушка, плакать! сказалъ офицеръ. — За ваши молитвы Богъ меня не оставилъ.

»Истинно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Всякое воскресенье я получалъ отъ вашей матушки на часточку исправно. А нынешнему попу хоть и не давайте, Параскевія... якъ бо васъ... да́, Емельяновна.«

И, понизивъ голосъ, продолжалъ:

»Въ карты играетъ. Не услышитъ Господь его молитвы.«

— Ма́ло чого й ви не робили, о́тче Пота́пе, отвѣчала вдова, — а Бо́га одъ насъ не закрили!

Между тѣмъ офицеръ продолжалъ:

— Такъ вотъ я, матушка, этакъ и служу. Колотить меня перестали, сдѣлали унтеръ-офицеромъ. Стало быть начальство полюбило, что молодецъ изъ себя. Тутъ ужъ я самъ началъ кой-ково школить....

»И люде́й бить?« воскликнула мать.

— Не людей, матушка, а солдатъ.

»За́ що?«

— Какъ за что́, матушка? Это у васъ въ деревнѣ не за что колотить; а тамъ, понимаете? тамъ — держи ухо востро!... Безъ этого и службы никакой не будетъ.

»Именно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій.

— Знаете, выправка и все такое... ну, какъ водится на службѣ. Безъ этого уже нельзя. И солдаты не будутъ бояться.

»Именно!« подтвердилъ бывшій отецъ Потапій.

— Да на́ що жъ імъ тебе́ боя́ться, си́ночку? аби́ слу́хали!

»То́ слушаться, матушка... о томъ ужъ и толковать нечего; а бояться — особь статья. Безъ страху — что́ за служба? Бывало унтеръ-офицеръ гикнетъ—все у тебя въ душѣ замретъ: вотъ она команда-то!«

— Именно! сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

»Такъ и начальство, матушка, учило насъ. Затѣмъ и въ унтера произведенъ, что изъ себя видный и голосъ хорошъ. Бывало, крикну на одномъ концѣ развода, а на другомъ слышно. Вотъ онъ командиръ-то! Изъ этакихъ и въ генералы выходили.«

— Уже́ нічого сказа́ть, Полика́рпъ Ива́новичъ, вмѣшался въ разговоръ козакъ Очкуръ, яко почетнѣйшій изъ гостей, послѣ бывшаго отца Потапія. — Було́ йдете́ зъ вечорни́ць, то по всёму́ селу́ чутно́ ва́шу пісню.

Прочіе дивовались безмолвно, или выражали свои чувства въ полъ-голоса краткими восклицаніями, въ родѣ слѣдующихъ: »Эге́, такъ-то Богъ дае́!« — »Що́-то ма́терина моли́тва!« — »Така́ вже во́ля Божа!« и тому подобными.

— Ну, матушка, продолжалъ офицеръ,—служу я этакъ. Ну,

служу,—грамотѣ меня начали обучать товарищи, чтобы пунктики тамъ и все этакое разъучивать....

»Отъ, якъ-би́ тебе́, си́нку, навчи́ли написа́ть письмо́ до ма́тери, отто́ було́ бъ до́бре!«

— Что́ же? и письмо можно бы было написать. Унтера и заохачивали, что, можетъ, что-нибудь пришлетъ старуха....

»А вже жъ присла́ла бъ! Послідки бъ збула́ да прислала!«

— Вотъ этого-то мнѣ и не хотѣлось, матушка! Подумаю бывало, подумаю: меня государь прокормитъ и одѣнетъ, а ей кто безъ меня поможетъ? Ну, это дѣло — сторона. Вотъ обучился я пакеты и все этакое распознавать, какъ слѣдуетъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Я былъ понятливъ съ малолѣтства — вы знаете. Бывало, услышу однимъ ухомъ пѣсню — ужъ она и моя.

»А тепе́ръ за слу́жбою, ма́буть, и пісні поперезабува́въ, си́нку?«

— Нѣтъ, матушка; какъ перезабыть? Весь этотъ вздоръ навѣки врѣзался въ память. Но, понимаете, въ благородномъ званіи... тутъ другія пѣсни пошли. Да и въ солдацкомъ тожъ хохлаччину всю вонъ изъ насъ выколачивали. Дружка за дружкой смотримъ бывало, чтобъ все этакъ хватски и говорить, значитъ, и дѣлать.

»Пога́ні, си́нку, моско́вскі пісні!« сказала старушка, увѣщательнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, матушка, для военнаго человѣка онѣ способнѣе хохлацкихъ. Этакъ гаркнуть цѣлой ротой и въ тактъ, въ ногу.... оно хорошо!

»Именно«, подтвердилъ бывшій отецъ Потапій. »На то Марсъ!«

Но этого послѣдняго восклицанія не понялъ никто, чѣмъ бывшій отецъ Потапій остался доволенъ и затаилъ объясненіе про себя.

— Вотъ, матушка, обучился я грамотѣ, — служу. Начальство меня любитъ, и сталъ я у начальства на примѣтѣ за то именно, что лишняго слова никто отъ меня не слыхалъ. Служба и баста! Это у насъ образцовые унтера. Такихъ и на самые важные караулы назначаютъ. То есть, стой, какъ вкопанный, и все тутъ! Смотри — и будто не видишь, слушай — и будто не слышишь, чтобъ у тебя потомъ, кромѣ службы, никакихъ разговоровъ не было, — понимаете?

»Го́споди! яки́й страхъ!« сказала старушка. »Ні до ко́го й не озови́сь?«

— Нѣтъ, матушка, въ казармахъ отозваться къ кому угодно можно, но вотъ про ружье или тамъ про этакой новый темпъ, что ли, а о прочемъ — не солдатское дѣло разсуждать. За это насъ и начальники отличали. Вотъ, матушка, этакъ я и служу, изо дня въ день. Ну, служу, и привыкъ стало быть совсѣмъ, точно въ мундирѣ и родился.

»Это все равно, какъ у насъ бывало въ семинаріи«, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Дана тебѣ грамматика или реторика — сколько хочешь читай, а другихъ книгъ не знай, какъ онѣ и называются. Одинъ изъ нашихъ риторовъ нашелъ на улицѣ книгу: *Товарищъ разумный и замысловатый*,— такъ, значитъ, книга называлась,—и сталъ читать въ бурсѣ, а отцу ректору тотчасъ и донесли, Ну, я думаю, въ той книгѣ не было столько листковъ, сколько отецъ ректоръ отсыпалъ ему крупнаго гороху.... Хе-хе-хе!«

И бывшій отецъ Потапій очевидно гордился тѣмъ, что въ этой компаніи только ихъ двое, онъ да офицеръ, прошли чрезъ суровую школу жизни.

— Нехáй вамъ и рúба й óзеро! сказала въ полъ-голоса одна молодица другой. — За такі страхи я не взялá бъ ні цáрства, ні пáнства!

»Вотъ, матушка«, продолжалъ офицеръ, »проходитъ моя служба такъ сказать безпечально. Начальство меня любитъ, и ужъ браннаго слова я отъ него не слышу давно. Пуще всего я всегда берегся, чтобъ не услышать браннаго слова. Ну, коротко сказать, все идетъ ладно. Вдругъ сдѣлалось этакое.... какъ бы вамъ сказать.... смущеніе. То есть и разсказать то вамъ это мудрено, матушка. Все этакъ перемѣшалось какъ-то.... Пальба этакая и все этакое.... ну понимаете? смущеніе!

— Що жъ воно́ такé, сúнку? спросила мать.

»А намъ-то что́ за дѣло, матушка? Про то начальству знать. Наше дѣло — стой, ни съ мѣста! Пали! ну и пали! вотъ наше дѣло!«

— Да чого́ жъ се трево́га була́?

»Ну, стало быть, была какая-то тревога. Намъ про то не разсуждать. Только, послѣ всей этой церемоніи, какъ воротились въ казармы, объявляютъ намъ приказъ: такой-то въ прапорщики въ армію, Зарубаевъ — въ прапорщики въ армію.... Тронхъ насъ, стало быть, первыхъ унтеровъ выпустили въ армію, съ производствомъ ста цѣлковыхъ пенсіи на всю стало быть жизнь....«

— Сла́ва жъ тобі, Го́споди! сказала старушка перекрестясь.

»Погодите матушка, еще не все! По двѣсти цѣлковыхъ единовременно награды! Казенныя подорожныя намъ въ руки, прогоны казенные — валяй!«

При этихъ словахъ, бывшій отецъ Потапій, не желая остаться равнодушнымъ къ счастью своего сосѣда, заглушилъ тихія молитвы вдовы гласомъ веліимъ. Воздѣвъ руки къ почернѣвшимъ и облупившимся образамъ, онъ воскликнулъ:

— Слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже!

И потомъ, опустивъ руки, сказалъ еще въ добавокъ:

— Аллилуйя! аллилуйя! аллилуйя! слава тебѣ, Боже!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, при этихъ восклицаніяхъ сочли за нужное перекреститься такъ же, какъ и въ церкви. А офицеръ продолжалъ:

— Вотъ пріѣзжаю я, матушка, въ полкъ, то есть въ тотъ, куда меня назначено. Пріѣзжаю въ полкъ, а тутъ ужъ, понимаете, тоже тревога.

»А тутъ же вже чого́?«

— Этого, матушка, вамъ не понять, а мнѣ не разсказать. Довольно того, что тревога, и нѣкоторыхъ изъ офицеровъ помчали.... Ну, куда ихъ помчали — это не наше дѣло знать. Только я прибылъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.... Страхи тамъ или ужасы какіе гдѣ творились — мнѣ до того дѣла нѣтъ; начальство входить во все это не приказывало. Являюсь къ полковнику. Ну, полковникъ, разумѣется, какъ начальникъ... ну, словомъ — полковой командиръ. Понимаете? »Честь имѣю, и прочая... вашему высокоблагородію, и прочая....«—»Ступайте«, говоритъ, »въ вашу роту«. Пошелъ я въ роту, стало быть къ ротному, примѣрно сказать, командиру. Ну, пошелъ въ роту,—у ротнаго офицеры сидятъ, въ карты значитъ играютъ. Только ротный смотритъ на меня зызомъ, слова сквозь зубы цѣдитъ, а тѣ и вовсе не смотрятъ на новаго, такъ сказать, сослуживца, — играютъ. »Что́ за оказія?« думаю себѣ. »Теперъ я такой же благородный человѣкъ, какъ и они!« А я, понимаете, еще въ Петербургѣ всю форму себѣ.... Мундиръ на мнѣ, эполеты на мнѣ, все чисто. Что́ же имъ противъ меня этакъ?... Ну, Богъ съ ними! Дворяне, такъ и дворяне, а я тоже у моего государя благородный челаэкъ. Спрашиваетъ меня ротный сквозь зубы, за что́ я, значитъ, про-

изведенъ?—»Я«, говорю, »не могу этого знать. Должно́ быть, какъ-нибудь отличился.« Больше ни слова мнѣ.... то есть, просто сказать—садиться не просятъ. Я этакъ постоялъ-постоялъ. »Прикажете«, говорю, »отходить на квартиру?«—»Ступайте!« говоритъ. Ну, это мнѣ не совсѣмъ пріятно. Какъ бы то ни было, произведенъ за отличіе.... Расположился я на квартирѣ. Не у кого мнѣ даже разспросить, что́ и ка́къ. Съ деньщикомъ разговаривать не приходится. То́ сдѣлай, то́ подай, — вотъ и всѣ разговоры. »Слушаю, ваше благородіе!« и баста!

»Всеконечно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій.

— Ото́, ма́буть, завидно дворя́нськимъ синка́мъ! сказала мать съ негодованіемъ и торжествомъ.

»Вотъ, матушка, и служу я въ офицерскомъ уже такъ сказать званіи. На ученье выйду, съ ученья на квартиру, — вотъ и вся моя бесѣда. Ко мнѣ никто, и я ни къ кому. Живу, стало быть, молчкомъ дѣло. Скучновато мнѣ. То бывало къ своему брату унтеръ-офицеру отзовешься, спросишь тамъ, какъ фланговая служба, какъ что́.... ружьемъ этакъ прикинешь другъ передъ другомъ.... асъ! два!... ну, мало ли чего не переговоришь бывало по своему дѣлу, по службѣ значитъ. Теперь ужъ мнѣ подружески съ унтерами толковать не резонъ: бояться не станутъ. На ученьи я показалъ, что́ значитъ гвардейская выправка.... Ротный моимъ взводомъ доволенъ, а больше ни гугу, и офицеры толъ отъ меня сторонятся. Ну, Богъ съ вами! Денежки я свои зашилъ въ мундиръ про черный день, — въ карты отъ меня не поживитесь. Но скука, понимаете, смертная! Завелъ себѣ съ горя сулею водки.... Выпьешь, трубку закуришь — и легче!«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій.— Вино веселитъ сердце человѣка.

»Но только думаю«, продолжалъ офицеръ: »Что́ же мнѣ этакъ жизнь коротать? Велика важность, что они родовые дворяне! Мнѣ тоже надобно жить на свѣтѣ, и послѣднимъ межъ людьми я тоже остаться не хочу. Я, не бывши еще и офицеромъ, не спустилъ дворянчику за свою обиду.. . Плевать я на васъ! Пенсія у меня есть. Что́ мнѣ играть всю жизнь въ молчанку? Въ отставку! поѣду къ матушкѣ!«

— А чому́ жъ ти, сы́нку, письма́ не присла́въ, щобъ я пора́довалась твойму́ сча́стю?

»Что́, матушка, письмо? Я самъ сбирался къ вамъ въ гости, осмотрѣвшись въ полку: это лучше письма! То есть хотѣлось этакъ по-военному — безъ разговоровъ: явился на лицо, да и все тутъ!... Ну, полно же, матушка, плакать! Богъ, что́ ни дѣлаетъ съ нами, все къ лучшему. Что́ бы я былъ, оставшись всѣ эти года при васъ? простой козакъ! А теперь, какъ бы то ни было, благороднай челаэкъ.«

И Поликарпъ Зарубаенко гордо подбоченился.

VIII.

Опять поднялся говоръ. Всѣ, кромѣ бывшаго отца Потапія, одобрили образъ мыслей и рѣшимость Поликарпа Зарубая; о службѣ же отозвались единодушно такъ: *Пехай ій цуръ!* Бывшій отецъ Потапій радовался, что Богъ послалъ ему покупщика левады, который заплатилъ дороже самого козака Очкура, но радость не помѣшала ему высказать откровенно свое сожалѣніе, что Зарубаенко не продолжалъ службы.

— Начавши офицерство съ такихъ лѣтъ, говорилъ онъ, — какихъ чиновъ не можно было бы дослужиться? Въ сорокъ лѣтъ — майоръ вѣрнѣйшій.... ваше высоблагородіе!

И бывшій отецъ Потапій даже заплямкалъ при этомъ словѣ, какъ-будто оно произвело у него во рту невыразимую сладость.

— Тутъ и жениться было бы кстати. Это — наилучшая пора для законнаго брака!

»А у насъ, о́тче Потапе«, возразила вдова, »такъ ка́жуть: »Не кайся, ра́но вста́вши и за́-молоду оженѝвшись: ра́но вста́нешъ — »бага́то ді́ла зро́бишъ, а за́-молоду оже́нисся — дітей до ума́ до»ведешъ.«

— То́ въ простомъ званіи, Параскевія.... якъ бо тебе.... да́. Емельяновна.... то́ въ простомъ званіи, а въ благородномъ, по чину и невѣста. За майора не усумнился бы отдать дочку наибогатѣйшій помѣщикъ.

»Да що́ намъ про те ду́мать, о́тче Пота́пе! И козаки́ — не послі́дні лю́де. Женѝсь, сѝнку, да візьми́ плугъ волівъ за жінкою; то бу́демо до віку смачнѝй кусо́къ хліба істи. Тепе́ръ тебе́ ні въ во́лость, ні въ підво́ди не потя́гнуть: тепе́ръ ти самъ собі панъ!«

— Оно конечно, возразилъ бывшій отецъ Потапій,—оно конечно, Параскевія Емельяновна: за Поликарпа Ивановича отдастъ дочку напобогатѣйшій козакъ въ Бу́ртищѣ, и плугъ воловъ, и пасики часть всеохотно удѣлитъ; но Поликарпъ Ивановичъ теперь не такой человѣкъ, чтобы ему пріобрѣтать родню въ кобенякахъ и намiткахъ....

»А хиба́ жъ ёго́ ма́ти не въ намiтці?« возразила вдова.

— То́ другое дѣло, Параскевія Емельяновна. Про то сказано въ писаніи: »Чти отца твоего и матерь твою....« О!.... Не сказано: »матерь твою, аще дворянка есть«, а просто: »матерь твою«, кто бы она ни была. Перемѣнить рожденія своего не возможно, возвеличить же родъ свой можно и должно. И царь Давидъ родился пастухомъ, но уже не въ пастушескомъ званіи искалъ себѣ жены, — нѣтъ! и паки реку: нѣтъ! Поликарпу Ивановичу свыше указанъ путь жизни, и не довлѣетъ ему пренебрегти симъ указаніемъ.

»Такъ що́ жъ отсе́ ёму́, до комиса́ра посила́ть старости́, чи що́?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! Комиссаръ — панъ древняго и велика́го колѣна: его предокъ служилъ господаремъ у гетмана Данiила Апостола, — это я отъ него самаго слышалъ во времена моего благоденствія. Скажу тебѣ истину не за глаза, а въ глаза: что и другія дворянскія фамилiи предложатъ Поликарпу Ивановичу тарелку орѣховъ съ вилкою.... У благородныхъ это означаетъ то самое, что́ въ козацкомъ званіи — гарбузъ (¹).

»А що́бъ же воні́ не дожда́ли!« воскликнула съ досадою вдова.

— То есть, видишь ли, Параскевія Емельяновна: сватайся Поликарпъ Ивановичъ на сторонѣ, вдали отъ родныхъ мѣстъ, тогда—другое дѣло. Но здѣсь всякій знаетъ, что онъ, хоть и офицеръ, а все-таки козацкій сынъ!

»Такъ хиба́ жъ се поро́къ?« говорила запальчиво вдова: »хиба́ ёго́ ба́тько бувъ зло́дій, а ма́ти — потаску́ха, чи що́?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! ты все простымъ разумомъ соображаешь. Тебѣ сдается, что когда человѣкъ неповиненъ ду-

---

(¹) Въ знакъ отказа, сватовъ потчеваютъ тыквою, или кладутъ на столъ, а не то — въ повозку, въ сани, тыкву (гарбу́зъ). Но такой способъ отказа считается величайшимъ оскорбленіемъ. Гарбу́зъ употребляется больше въ поговоркѣ *(підсу́нули гарбуза́, дали́ гарбуза́)*, чѣмъ въ дѣйствительности.

шею и чистъ сердцемъ, то уже онъ достоинъ и родства и свойства съ людьми благородными.

»Ато́ жъ я́къ по-ва́шому?«

— Не по-моему, Параскевія Емельяновна. Что́ я? я — меньше, нежели ничто. Уничиженъ и смирихся до зѣла, рыкахъ отъ воздыханія сердца моего.

При сихъ словахъ, бывшій отецъ Потапій очевидно старался сообщить своему лицу печальное выраженіе, и съ этой цѣлью поникъ даже главою; но лицо его давно уже отвергло какое бы то ни было выраженіе.

— Истинно такъ! продолжалъ онъ. — Теперь уже я не собственнымъ разумомъ обязанъ судить о дѣлахъ міра сего, а разумомъ старшихъ и достойнѣйшихъ меня.

Между тѣмъ какъ онъ ораторствовалъ и придавалъ такимъ образомъ собравшемуся у вдовы обществу достоинство бесѣды избранной, офицеръ, къ великому удовольствію гостей, потчевалъ ихъ изъ собственныхъ рукъ и послалъ къ Остапу за другой мѣрой горілки, уже отъ себя.

— Старшіе и достойнѣйшіе меня недостойнаго и уничиженнаго, продолжалъ бывшій отецъ Потапій, — яко-то дворяне и іереи, зрятъ не на лица человѣческія, но на ихъ общественныя права и преимущества....

»Такъ по-ва́шому, о́тче Пота́пе, пано́къ-злодія́ка сто́іть бі́льшъ про́стого, да че́сного козака́?«

— Не по-мо́ему, все-таки не по-моему, Параскевія Емельяновна. Азъ есмь червь, а не человѣкъ.... А что́ касается до панка-злодія́ки, какъ ты изрекла дерзновенно, то злодія́кою никто не смѣетъ называть никого, не уличеннаго закономъ, а тѣмъ паче — благороднаго человѣка. На то и законъ поставленъ. Ты себѣ думай, какъ хочешь, сидячи въ своей хатѣ, а благородный человѣкъ на всякомъ мѣстѣ старше и почетнѣе простолюдина. Посему-то и вознепщуетъ всякая дворянскаго званія дѣвица.... то есть не захочетъ назвать своею свекрухою тебе, Параскевія Емельяновна, яко простую козачку....

»Такъ ма́тері жъ ій тря́сця!« сказала вдова, вскочивъ съ ослона и, въ знакъ досады, *ажъ объ по́ли рука́ми вда́рилась.* »Я и сама́ не хо́чу тако́і невістки! Си́ночку мій!« обратилась она къ своему Поликарпу, обнявъ и поцѣловавъ его голову: »не бла-

гословля́ю тебе́ жени́ться на ни́шній па́нночці, щобъ не зневажила твоєі ма́тери, а сва́тай, си́нку, хоро́шу коза́чку въ насъ на селі!«

При этихъ словахъ, стоящія въ сѣняхъ дівча́та спрятались за спины паробковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, еще не успѣвшія полюбить на всю жизнь черноброваго козака въ высокой похи́листой шапкѣ, подумали въ душѣ: »А хоро́шій же то, яки́й прехоро́ший той Полика́рпъ Заруба́енко! Съ таки́мъ и міжъ лю́де не со́ромъ!« Не безъ того, что и благородство мелькнуло въ умѣ молодыхъ козачекъ: »Ніхто́ тебе́ не посміе зневажить и нала́ять; ні па́на, ні москаля́ не боя́тимесся: благо́родна!«

Поликарпъ Зарубай всею душою радовался, что послѣ заточенія на долгое одиночество въ полкъ, очутился посреди людей, съ которыми ничто не мѣшало ему говорить по-человѣчески. Притомъ онъ сохранилъ, въ простой душѣ своей, любовь и почтеніе къ матери. Онъ поцѣловалъ ее въ руку, что́ всѣхъ зрителей, кромѣ бывшаго отца Потапія, тронуло, а она расцѣловала его въ прекрасные черные усы, въ глаза, въ брови и въ обѣ щеки, цвѣтущія могучей красотой молодости.

— Дражайшая матушка! сказалъ онъ: — безъ вашего родительскаго благословенія, я ничего не посмѣю сдѣлать; но посмотрите на меня: я теперь уже не тотъ Поликарпъ, который съ вами и въ домѣ и въ полѣ такъ сказать работалъ, стало быть и жалъ своими руками и все такое прочее. Теперь я совсѣмъ другой, можно сказать, человѣкъ сдѣлался!

И онъ, отступя шага два назадъ, выровнялся, ударилъ себя рукой по бедру, въ знакъ довольства своей молодецкой фигурой, и потомъ самъ обозрѣлъ, сколько было возможно, свой корпусъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ другой человѣкъ въ глазахъ матери и всѣхъ ея сосѣдей. Высокій и статный отъ природы, онъ еще казался выше и статнѣе въ офицерскомъ вицмундирѣ и туго натянутыхъ штанахъ. Черныя брови его, отъ привычки повелѣвать и смотрѣть весело и бойко въ глаза начальству, приняли такое выраженіе, какъ бываетъ у генераловъ на лубочныхъ картинкахъ. Усы, прежде опущенные по-козацки къ-низу, точно, двѣ косы, теперь приняли форму двухъ крутыхъ серповъ, концами къ верху. Даже носъ какъ-будто выросъ у него на службѣ больше прежняго и пріобрѣлъ привычку водить ноздрями, по-

добно ярому коню. Словомъ, Поликарпъ Зарубай былъ теперь »совсѣмъ другой, можно сказать, человѣкъ.« Это всѣ видѣли и чувствовали, и дівча́та, захилившіяся было за паробковъ, смотрѣли на него уже изчужа.

— И рѣчь моя теперь совсѣмъ другая, продолжалъ офицеръ,— и обычай другой, и все другое, матушка! Не правда ли?

»Истинно!« сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

— Жениться мнѣ на какой ни на есть этакой хохлушкѣ — какъ-то не таво.... Ужъ меня теперь ни простой пѣсней, ни простымъ танцемъ не таво.... Я хоть и не плясалъ самъ этакихъ мазурокъ и всего прочаго, но видалъ, какъ гвардейскіе унтера пляшутъ. На свадьбѣ, стало быть, у товарища случилось быть. Купеческую дочку взялъ.

» Си́ночку мій!« сказала мать, »не та́нцями да пісня́ми проживе́ чоловікъ на світі, не моско́вськими *у́шами* да *ка́бишами* вподо́баетця Бо́гу й лю́дямъ, а до́брымъ ро́зумомъ да звича́емъ....«

— Что́ жъ, матушка? возразилъ облагороженный сынъ: — теперь всякая этакая простая дѣвица покажется глупа передо мной. Ужъ она благородной рѣчи со мной не поведетъ....

»Истинно!« поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— А въ насъ, си́нку, такъ ось якъ співа́ють у пісні:

—Чи ту, ма́мо, сва́тать,
Що га́рно гово́рить?
—Сва́тай, си́нку, й люде́й пита́й,
Чи ді́лечко ро́бить!
—Чи ту, ма́мо, сва́тать,
Що голо́вка гла́дка?
—Сва́тай, си́нку, й люде́й пита́й,
Чи ме́тена ха́тка!

»Это намъ не законъ, матушка! Офицерская жена не для того живетъ, чтобъ работать и самой хату подметать! Хе-хе-хе! не видали вы свѣту, матушка, — по-деревенски судите. У благороднаго человѣка совсѣмъ другія правила, — не тѣ, что у простыхъ людей.«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій.

Прочіе дивились безмолвно, какого ума и бойкости набрался въ москаляхъ Зарубаенко. Но козакъ Очкуръ и еще человѣка два-три сѣдоусыхъ его ровесниковъ, переглянувшись между собой, выразительно качали другъ другу головой.

— Такъ кого́ жъ тобі, сы́нку, сва́тать? спросила озадаченная мать. — Самъ же оте́цъ Пота́пъ ка́же, що.... тьфу на іхъ усе́ зле й лихе́!

Бѣдная старушка не могла перенести мысли, чтобъ ея Поликарпу подсунули тарелку орѣховъ съ вилкою: это ей казалось обиднѣе самого гарбуза.

— Паадумаемъ, паасмотримъ! сказалъ сынъ, покручивая молодецкій усъ. — А между тѣмъ потчевайте, матушка гостей. Я велѣлъ взять полъ-ведра водки: пускай наши сосѣди вспоминаютъ этотъ день!

IX.

Между тѣмъ двухъ-трехъ словъ было достаточно со стороны счастливой вдовы, чтобы сосѣдки помогли ей угостить сына и всю честную компанію вечерею. Уже за хатою куры возвѣщали предсмертнымъ крикомъ нежданную радость своей убогой хозяйки, а проворнѣйшая изъ дівчатъ принесла коромысло воды. Уже сухая лоза изъ обвалившагося плетня пылала въ печи, а въ сѣняхъ подвижныя, какъ живое серебро, молодицы лѣпили вареники. Для вдовы Зарубанхи наступилъ Великъ-День, — это всѣ чувствовали и отъ души помогали ей торжествовать свой праздникъ.

Много тутъ было сказано прекрасныхъ рѣчей и пропѣто даже нѣсколько приноровленныхъ къ случаю куплетовъ, которыми наши козаки и козачки, въ дружеской бесѣдѣ, подтверждаютъ свои рѣчи, какъ неопровержимыми, переданными изъ рода въ родъ доказательствами. Но нашъ герой и первенствующій между собесѣдниками бывшій отецъ Потапій внимали небрежнымъ ухомъ простонародному го́мону, яко люди иного, высшаго круга.

Поликарпъ Зарубай чувствовалъ непонятное для него самого удовольствіе — быть въ этой говорливой компаніи, слышать уже для него странный ея языкъ и смотрѣть на эти оживленныя естественными чувствами лица. Съ того времени, какъ онъ произведенъ въ офицеры, онъ еще не радовался такъ человѣчески, какъ въ этомъ обществѣ. Правда, онъ обнялъ отъ всего сердца своихъ счаст-

ливыхъ товарищей, унтеръ-офицеровъ, отличившихся вмѣстѣ съ нимъ стояньемъ на какомъ-то опасномъ посту; но съ прочими, менѣе счастливыми унтерами, которые тоже стояли стѣной и готовы были на все, не могъ онъ обняться дружески, потому что они вытянулись передъ нимъ въ струнку и зажали ему ротъ благородіемъ. Здѣсь, въ хатѣ его матери, тоже чтили отъ всего сердца его офицерское достоинство, но самихъ себя сознавали также людьми, достойными всякаго уваженія. Одинъ только бывшій отецъ Потапій безпрестанно повторялъ: »Уничиженъ и смирихся до зѣла!.. Азъ есмь червь, а не человѣкъ«, и тому подобное.

Непонятнымъ иному покажется, какъ это козаки, не смотря на его паденіе съ высоты іерейскаго сана, не смотря на извѣстное всему селу пристрастіе его къ лишней чаркѣ и вѣчное самоуничиженіе, совѣстились называть его иначе, какъ отцемъ Потапіемъ. Это происходило отъ того, что въ ихъ глазахъ онъ и прежде, во времена своего благоденствія, былъ тотъ же человѣкъ, что теперь въ своемъ упадкѣ. На его пристрастіе къ горячимъ напиткамъ они теперь смотрѣли даже снисходительнѣе прежняго, такъ какъ его печаль требовала, по ихъ убѣжденію, *отýхи;* меду тѣмъ имя его, независимо отъ его личности, было для нихъ драгоцѣнно, потому что слилось у нихъ съ воспоминаньями обо всѣхъ великихъ праздникахъ христіянскихъ, о великомъ днѣ вѣнчанья, о крещеніи дѣтей и также о смерти дѣтей, отцовъ, матерей и родныхъ. Какъ отецъ Потапій вымогалъ лишнее даяніе по всѣмъ подобнымъ случаямъ, объ этомъ они забыли, но памятью сердца помнили его молитвы, разрѣшающія, освящающія и напутствующія въ иную жизнь. Поэтому дикимъ показалось бы всему сельскому обществу, когдабы гдѣ-нибудь въ компаніи низвергнутому отцу Потапію не дано было перваго мѣста за столомъ и первой чарки въ руки. Добрые люди чувствовали даже состраданіе къ нему, зная, что онъ уже не можетъ вымогать отъ прихожанъ разныхъ даяній, на которое вымоганье они въ свое время сѣтовали, и если козакъ Очкуръ упрекнулъ его прошлымъ, то это вовсе не отъ злобы, а отъ участія къ нынѣшнему его положенію, котораго онъ не умѣлъ иначе выразить, какъ въ видѣ упрека.

Такимъ образомъ за вечерею у вдовы Зарубаихи бывшій отецъ Потапій сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, что и во времена

своего благоденствія, и радовалась хозяйка, что было кому благословить у ней каждое подаваемое яство, такъ какъ рука бывшаго отца Потапія всё еще считалась наиболѣе способною къ устрашенію врага человѣческаго рода изъ всѣхъ рукъ, взявшихся тутъ за ложки. На свѣтѣ много есть умныхъ и ученыхъ людей, которые не шутя утверждаютъ изустно и печатно, будто бы діаволъ невидимо втирается во всякое веселое и шумное собраніе, хотя бы оно устроилось и по случаю радости матери о возвращеніи сына. Основываясь на ихъ словахъ, мы думаемъ, что діаволъ, отогнанный бывшимъ отцемъ Потапіемъ отъ яства и питія, притаился гдѣ-нибудь подъ столомъ, а пожалуй и въ болѣе безопасномъ мѣстѣ — въ сердцѣ своего гонителя. Иначе — для насъ было бы непонятно, почему бывшій отецъ Потапій одинъ поддерживалъ офицера, которому и мать, и всѣ сосѣди единодушно совѣтовали зажить на селѣ просто, а не по-пански.

— Чи́на ва́шого ніхто́ у васъ но одніме, говорили козаки, — и пе́нсія ва́ша оста́нется при васъ, Поліка́рпъ Ива́новичъ. Хоть ви надіньте на се́бе дира́ву сви́тку, — все ми бу́демо знать, що ви — офице́ръ и що вамъ царь, за ва́шу слу́жбу, одпуска́е изъ казни́ сто цілко́вихъ. Отъ, передъ ва́ми оте́ць Пота́пъ. Сами́ ба́чите, що вінъ загуби́въ ря́су, — ми и безъ ря́си поважа́емъ ёго́ и почита́емъ, бо зна́емъ, що вінъ вінча́въ насъ, а на́шихъ дітей христи́въ, а поме́ршихъ на́шихъ — ца́рство імъ небе́сне — помина́въ. Що́ жъ намъ до то́го, я́къ тамъ ёго́ хтось десь изнева́живъ? Передъ на́ми вінъ ні въ чо́му не прови́неиъ. Честь и шано́ба ёму́ одъ насъ до-віку бу́де. А вамъ и того́ більшъ. Вашъ поко́йний панъ-оте́ць — нехай надъ імъ перо́мъ земля́ — бувъ чолові́къ-друзя́ка; и паніма́тка ва́ша — нехай бу́де здоро́ва — не замути́ла въ насъ у селі й водо́ю. Якъ же намъ ва́шого офице́рства не поважа́ть, Поліка́рпъ Ива́новичъ? Ми лю́де про́сті, а такъ мірку́емо, що вамъ за пана́ми не вгна́тьця: пани́ живу́ть изъ крестя́нъ, або́ зъ слу́жби, такъ воно́ вже такъ вихо́дить.... да що́ й каза́ти? Цуръ ёму́ тако́му заробітку! А ви, якъ спра́вите собі плугъ волівъ, да ба́тьковськимъ ро́бомъ, — святе́ ді́ло, навіки святе́ ді́ло! Хиба́ вамъ учи́ться, якъ за плу́гомъ ходи́ть? Ви й па́робкомъ хазя́інъ були́ на всю гу́бу. А въ святу́ неділю, чи въ яке и́нше свя́то, надіва́йте свою́ кавале́рию и шабли́ку и все таке́, ідіть до це́ркви Бо́жої; нехай васъ лю́де зна́ють, що ви усякі стра́хи

ба́чили и всякі́ му́ки прійма́ли. Вже не ду́рно все те́е вамъ пожа́ловано: и сами́ ка́жете, що й палічча коштува́ли, — неха́й воно́ імъ сни́ться!

Такъ разсуждали козаки, складываясь по слову и поддерживая своимъ умомъ одинъ другого. Офицеръ, куликнувши на радости не хуже бывшаго отца Потапія, клонилъ, въ отвѣтъ имъ, голову съ такимъ видомъ, какъ-будто сознавалъ всю справедливость добрыхъ совѣтовъ. Но бывшій отецъ Потапій многажды простиралъ десницу и шуицу къ неграмотнымъ ораторамъ, требуя молчанія. Звича́йность, которую каждый соблюдалъ въ компаніи строго, заставляла ихъ уступать право свободнаго голоса тому, кто, по словамъ старосвѣтской думы,

Святе́ Письмо́ бере́ въ ру́ки, чита́е,
Насъ, про́стихъ люде́й, на все до́бре наставля́е,—

и бывшій отецъ Потапій поучалъ бывшихъ своихъ прихожанъ въ такомъ родѣ:

— Да не хвалится премудрый мудростію своею!... Видите: премудрый, и тому не дозволено превозноситься своимъ разумомъ; вамъ же, людямъ простымъ, тѣмъ паче подобаетъ смирять разсудокъ свой. Въ дѣлахъ пахарскихъ вамъ допускается наставлять и вразумлять одинъ другаго; но здѣсь рѣчь идетъ о предметахъ, для неграмотнаго человѣка невразумительныхъ. За отличіе.... понимаете ли? за отличіе!

При этомъ словѣ бывшій отецъ Потапій положилъ перстъ свой одесную своего носа, тщетно усиливаясь придать своему лицу глубокомысленное выраженіе.

— За отличіе, продолжалъ онъ, — начальство наградило Поликарпа Ивановича чиномъ, или все равно — благороднымъ званіемъ. Для чего жъ оно его наградило? для того ли, чтобы сей чинъ за плугомъ влачить, или же для того, чтобы въ благородной компаніи прославлять великодушіе начальства и храбрость россійскаго воинства?... Какъ вамъ кажется? ради перваго, или ради послѣдняго?

Козаки молчали и только мысленно дивились, какъ это онъ такъ умно говоритъ, что даже не поймешь ничего!

— Вижу, вижу, братіе, продолжалъ бывшій отецъ Потапій, — что рѣчь моя для васъ — темна вода во облацѣхъ. Я приведу примѣръ, для васъ удобопонятнѣйшій. Простаго воина или сол-

дата, по выслугѣ двадцати-пяти лѣтъ (1), отпускаютъ во свояси тща, немощна и сира, ибо какіе сродственники не вымрутъ въ теченіе столь долгаго времени, и какое здравіе не сокрушится отъ многолѣтняго служенія отечеству? Но и тому прописываютъ въ отставкѣ, сирѣчь въ аттестатѣ: бороду брить, волосы стричь, мундиръ носить, по міру не ходить. Изъ сего вы видите, сколь заботливо попечительное начальство о сохраненіи достоинства и послѣдняго изъ своихъ служащихъ. Что́ же сказать объ офицерѣ, который бы, вмѣнивъ ни во что́ свои заслуги, поглумился бы надъ ними всенародно, на нивѣ? Что́ скажете на сіе, братіе?

»Да воно́-то на́че бъ то й такъ, о́тче Пота́пе«, отвѣчали козаки, »да, ба́чите, по на́шому про́стому ро́зуму, чоловіку найпе́рше всёго тре́ба хлібъ істи.«

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, прерывалъ бывшій отецъ Потапій.

»Да що́ вже й каза́ти, о́тче Пота́пе! те вже ви лучче зна́ете; да тілько що тру́дно хозя́йствечко зобра́ть Поликарпу Ива́новичу, коли́ своіхъ рукъ не прило́жить. На́ймитъ.... що́ жъ на́ймитъ? Безъ хазя́іна на́ймитъ ні що, а при хазя́іні, то й на́ймитъ — чоловікъ. Ато́ ёму́ гро́ши заплати́, а вінъ тобі худо́би не догле́дить; вінъ тобі не зъо́ре й не посіе по-лю́дьски; вінъ тобі спашу́ наро́бить. Да що́ й каза́ти! Безъ хазя́іна чужі ру́ки — кочерга́; безъ хазя́іна и това́ръ пла́че. Се вже такъ зъ віку да й до віку, о́тче Пота́пе.«

— Да для чего же Поликарпу Ивановичу ваше пахарское хозяйство? спрашивалъ бывшій отецъ Потапій.

»А якъ же чоловіку прожи́ть безъ хліба свято́го?«

— У него пенсія на то есть, да изъ отцевскаго поля упадетъ ему третья копа́.

»И вже, якъ такъ! Хиба́ жъ то вели́кі гро́ши, якъ изъ копійки жить? Инше ді́ло — пусти́ть іхъ у хазя́йство: тамъ уся́ка гри́вня ста́не тобі рубля́кою. А тре́йтя копа́.... се пусти́ня. Ще́ жъ и за вмоло́тъ одда́й деся́ту мірку.«

---

(1) Читатель, вѣроятно, помнитъ, что дѣйствіе происходитъ 35 лѣтъ назадъ.

— На его надобности будетъ и преизбудетъ, говорилъ бывшій отецъ Потапій.

»А дітки жъ пійдуть!« возражали козаки. »Мóже жъ, и дóчкамъ трéба справúть придáне и синівъ наділúть пóлемъ и худóбою!«

— Уповай на Бóга, и онъ препитаетъ тя и чада твоя, импровизировалъ бывшій отецъ Потапій.

»А въ насъ кáжуть: »Робú, небóже, то й Богъ помóже«, стояли на своемъ козаки.

— Суетно слово ваше, братіе! Писаніе гласитъ: »воззрите на птицы небесныя....« Вамъ путь одинъ въ сей жизни, Поликарпу Ивановичу другой. Ему всѣ дороги открыты. Онъ можетъ взять какую ни есть на себя дольжность, сообразную съ благороднымъ званіемъ: прикащикъ или лучше сказать управитель — вотъ его хлѣбъ! другими повелѣвать, а не собственныя руки мозолить!

»И вже, якъ чужúми слёзáми....« начали было козаки. Но офицеръ рѣшительно принялъ сторону бывшаго отца Потапія.

— Смирно! ни гу-гу! вскричалъ онъ такъ, что всѣ изумились.

Въ нашихъ простыхъ компаніяхъ, съ гостемъ, посаженнымъ за столъ, обращаются какъ нельзя больше почтительно, и тотъ осрамилъ бы себя на-вѣки, кто грубымъ словомъ заградилъ бы уста собесѣдникамъ. Но, какъ Поликарпъ Зарубай принадлежалъ къ тому сословію, которое, въ глазахъ простолюдиновъ, дѣлаетъ тысячи вещей, по ихъ мнѣнію, *незвичáйнихъ*; то гости вдовы Зарубанхи изумились безъ огорченія и не подвергли офицера никакому осужденію. Всѣ замолчали и слушали, что́ онъ будетъ говорить.

— Дѣло мое офицерское, началъ онъ, — благородное, стало быть, дѣло. Ужъ меня довольно учили въ гвардіи; слава Богу, не дуракомъ изъ науки вышелъ: аттестованъ начальствомъ и все такое прочее.... ну, сами знаете. А что́ касается до рода жизни, то вотъ моя позиція: утромъ — стаканъ чаю, — я вѣдь и самоваръ съ собой привезъ, матушка, — трубка табаку.... вотъ офицерское занятіе! Тамъ этакъ въ прааходку. Ну, аабѣдать и все такое.... Словомъ, на благородной ногѣ. А чтобы не было скучно, жениться надобно. Вотъ о чемъ прежде всего слѣдуетъ подумать, матушка.

»Не добро человѣку жити . единому«, поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— Кого жъ тобі, си́ночку, сва́тать? сказала мать, у которой отъ противоположныхъ толковъ перевернулось все въ головѣ, и она радовалась своему счастью подъ вліяніемъ какой-то одури.

»Невѣсту, матушка, найдемъ: какъ не найти невѣсты? а первое вотъ что́: надобно устроить намъ помѣщенье благородное.«

Тутъ пошли толки о коморѣ, срубленной на славу предусмо́трительнымъ отцомъ Поликарпа Зарубаенка. Рѣшено было прорубить въ ней окна, поставить печь и сдѣлать перегородку. Бывшій отецъ Потапій предложилъ офицеру излишнюю мебель, ненужную ему при нынѣшнемъ его уничиженіи. Сосѣди-козаки вызвались устроить ему свѣтлицу и комна́ту гуртомъ, въ одну недѣлю, а платы потребовали только чарку горілки да доброе слово. Какъ бы сознавъ теперь, сколько бѣдная вдова потерпѣла отъ ихъ забвенія и мелкихъ притѣсненій въ отсутствіе сына, они соединились въ единодушную громаду, на услугу молодому хозяину. Вечеръ прошелъ въ веселыхъ и грустныхъ воспоминаніяхъ, въ веселыхъ и печальныхъ пѣсняхъ, какъ водится у насъ въ Буртищѣ на всѣхъ семейныхъ торжествахъ, — отъ свадьбы, на которой цвѣтущую красоту невѣсты отпѣваютъ хватающими за сердце пѣснями, до похбронъ, въ которыхъ нерѣдко поражаютъ слухъ свадебныя наименованья гостей: *дружки́, боя́ре, сва́хи, старости́* (1). Наконецъ гости разошлись.

— Що́, якъ-би́ намъ такі гро́ши, бра́те? говорили козаки одинъ другому.

»А що́ жъ? и ми, и діти на́ши пожили́ бъ въ доста́ткахъ.«

— Эге́, а Зарубаенко, ма́буть, нічо́го пу́тнёго зъ ни́ми не вдіе?

»А вже жъ не вдіе!«

— Изведе́ ёго́ оте́ць Пота́пъ!

»Изведе́, бра́те, такъ якъ и самъ извівся!«

Такъ ясно представлялась нашимъ козакамъ будущность счастливаго сына вдовы, хоть они и не умѣли опровергнуть риторическихъ доводовъ бывшаго отца Потапія.

---

(1) Однажды, во время моихъ странствованій по селамъ, войдя въ хату, я увидѣлъ на столѣ пятилѣтнюю покойницу, въ цвѣтахъ; надъ ней рыдала мать, безпрестанно уподобляя смерть выходу замужъ, а на лавкѣ сидѣло съ десятокъ сосѣдскихъ дѣвочекъ, отъ пяти до двухъ лѣтъ, и всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ: это были *світи́лки* и *дру́жки* покойницы.

X.

Въ короткое время все преобразилось вокругъ бѣдной вдовы Зарубанхи. Часть сѣней обращена въ комору посредствомъ поперечной стѣны. Почернѣлыя брусья прежней коморы засіяли свѣжей обмазкою, сперва глиной, а потомъ и мѣломъ, и на этихъ бѣлоснѣжныхъ стѣнахъ издали виднѣлись новешенькія окна, точно молодые прозрачные глаза на свѣжемъ лицѣ. Сама Зарубаиха обвела эти окна особенною, красноватою глиною, и отъ этой каймы вышло что-то веселое и зазывающее въ хату. Такъ и чудилось каждому, что въ этой хатѣ сидитъ здоровая, румяная молодица, окруженная здоровыми, румяными дѣтьми.

Но, покамѣсть, по ней расхаживалъ только отставной офицеръ, въ пестромъ архалукѣ, съ трубкою въ зубахъ, и посматривалъ то́ въ два окна, обращенныя на зеленый дворъ, то́ въ третье, прорубленное на бывшую попову леваду. По левадѣ, въ полузавядшихъ бурьянахъ, бродила вдовина корова съ своимъ теленкомъ-назимкомъ и видимо дивилась, отчего это бывшій отецъ Потапій не перескакиваетъ черезъ перелазъ съ огромной хворостиной и не гонитъ ее отсюда ударами и проклятіями, какъ бывало прежде.

Офицеръ отъ времени до времени проходитъ и за перегородку, гдѣ стоитъ его офицерская койка у стѣны, покрытой ковромъ. На коврѣ виситъ его полусабля и киверъ съ черною шишкою. Тутъ же, на прицѣпленной къ потолку вѣшалкѣ, вы могли бы видѣть вязанный изъ разноцвѣтной шерсти шарфъ, который онъ обматываетъ вокругъ шеи, когда надѣваетъ теплую шинель; а возлѣ шарфа виднѣются красные обшлага мундира, вицмундира и еще одного мундира, который онъ сохранилъ на память своей службы въ гвардіи. Тутъ же можно было еще видѣть разныхъ сортовъ брюки, стеганные и просто суконные нагрудники, твердые галстуки, заставляющіе держать голову, какъ держитъ коренная лошадь въ русской упряжи; но всего не перечесть. Всему этому добру знала счетъ одна офицерская мать, пересматривавшая каждую вещь по нѣскольку разъ съ своими гостями.

Изъ офицерской спальни выходило окно на такъ называемый за́дворокъ, гдѣ вдова откармливала уже, къ свадьбѣ сына, ненасытнаго кабана и завела столько куръ и утокъ, какъ-будто на этой свадьбѣ будетъ у ней въ гостяхъ все село Буртище. Между тѣмъ козаки видѣли, что Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя Зарубаевымъ, держитъ себя такъ горделиво, какъ природное благородіе или высокоблагородіе. За услугу онъ ихъ отблагодарилъ, правда, щедрымъ угощеніемъ у себя; но тутъ-же, на просьбы ихъ — пожаловать къ нимъ откушать хлѣба-соли, отвѣчалъ, какъ прилично человѣку благородному, что это для него не способно и что компанію надобно ему избирать по своему званію. Козаки глубоко оскорбились этими словами, но смиренно отвѣчали:

— Се вже ви лу́чче зна́сте, Полика́рпъ Ива́новичъ. И у насъ ка́жуть: *Брата́йся кінь съ коне́мъ и вілъ зъ воло́мъ....*

Врожденная деликатность не позволила имъ договорить пословицу, которая оканчивалась такъ: *а свиня́ объ тинъ, колй ні съ кимъ!* Только съ этой поры сосѣди къ офицеру — ни ногой. Сосѣдки заходили по праздничнымъ днямъ къ его матери, такъ какъ она осталась той же простой и доброй женщиной, и весело бывало въ старой хатѣ. До офицера, на его половину, долетали импровизированные куплеты, которыми сосѣдки примазывали кстати свою рѣчь; но онъ внималъ этой хохлаччинѣ небрежнымъ слухомъ, какъ человѣкъ, которому не безъизвѣстны и *Выду ль я на рѣченьку*, и *Среди долины ровныя*, не говоря уже о тѣхъ молодецкихъ пѣсняхъ, которыя, по приказу начальства, въ приличныхъ случаяхъ, весело распѣваютъ, храбрые россійскіе воины. »Что́ жъ? простая женщина моя матушка!« думалъ онъ: »ей позволительно!« и, по врожденной добротѣ души, потакалъ ея старымъ привычкамъ и обычаямъ. Иногда, впрочемъ, онъ съ удовольствіемъ вслушивался въ пѣсни необразованныхъ поселянъ, какъ называлъ онъ обитателей родного села, но то были удалыя пѣсни паробковъ, позаимствованныя ими отъ квартирующихъ у нихъ солдатъ. Рана не заживаетъ безъ нагноенія: такъ и изувѣченная народность украинская необходимо должна была проявить свою болѣзнь въ безобразныхъ выродкахъ на всѣхъ ступеняхъ общества. Молодцоватые паробки, въ страшной величины чоботахъ и огромныхъ бриля́хъ или ку́чмахъ, проходя мимо двора отстав-

ного офицера Зарубаева, не разъ порадовали его душу пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Па горныци па крутой
Хадылъ майоръ маладой...
Деньщика къ сабѣ призвалъ,
Кулакомъ у зубы далъ, —

и такъ далѣе, и такъ далѣе. Не добиваясь отъ пѣсни смысла, паробки радовались, что такъ чисто выговариваютъ московскія слова и въ совершенствѣ подражаютъ солдатамъ.

»Эхъ, бравые ребята!« думалъ отставной офицеръ. »Какіе изъ нихъ знатные рекруты вышли бы! Вотъ кабы мнѣ васъ отдали на недѣльку, — я бы вамъ задалъ гвардейскую выправку!«

Къ комиссару, который жилъ въ томъ же селѣ Бу́ртищѣ, офицеръ нашъ не явился, такъ какъ офицеры въ полку слишкомъ рѣзко обна́ружили передъ нимъ дворянскую гордость. По крайней мѣрѣ *онъ* былъ увѣренъ, что то́ была дворянская гордость, и не другое чувство. Комиссаръ былъ панъ »великаго колѣна«, а Зарубаевъ предчувствовалъ, что его примутъ надменно, — тѣмъ болѣе, что каждому извѣстно, кто былъ его отецъ и кто его мать. На счетъ сближенія съ дворянскими домами, въ которыхъ есть барышни, бывшій отецъ Потапій рѣшительно обезнадежилъ выслужившагося козака; онъ и эти знакомства откладывалъ со дня на день. »Еслибы по крайней мѣрѣ не моя матушка!« думалъ, куря трубку, офицеръ.... »Но ей тоже надобно жить на свѣтѣ«, подсказывало ему его доброе отъ природы сердце: »она, бѣдняжечка, много натерпѣлась горя!«

Вообще, взглядъ на свою обстановку въ родномъ селѣ много повредилъ офицеру въ его собственномъ мнѣніи. Онъ пересталъ поминутно выпрямляться во весь чудесный ростъ свой, рѣже прежняго говорилъ, что онъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, и, словомъ, чувствовалъ, что какой-нибудь козакъ Очкуръ не такъ низко стоитъ въ сравненіи съ нимъ, какъ ему съ перваго взгляда показалось. У козака Очкура дворъ шире его двора и обстроенъ такъ, что залюбоваться. У козака Очкура́ воламъ, коровамъ и лошадямъ счету нѣтъ. Козакъ Очкуръ вложилъ на зиму въ омшанни́къ 200 ульевъ. Самъ бывшій отецъ Потапій говорилъ, что комиссаръ, тому назадъ пять лѣтъ, предлагалъ ему, черезъ своего письмоводителя, сдѣлать его панко́мъ, за 500 цѣлковыхъ,

только бы онъ выучился подписать свое имя; но козакъ Очкуръ засмѣялся на это предложеніе и подарилъ письмоводителю доморослаго стригуна́, чтобъ только онъ ему съ этимъ не докучалъ. Ясно стало Зарубаеву, что *благородными* могли бы сдѣлаться многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ совѣстился водить хлѣбъ-соль, но не хотѣли именно потому, что благородство не позволитъ имъ собственными руками пахать и сѣять, а вмѣстѣ съ тѣмъ разстроитъ ихъ хозяйство. И при всемъ томъ не могъ онъ рѣшиться вести себя съ сосѣдями, какъ велъ себя покойной отецъ его, а тѣмъ менѣе — заняться по-прежнему сельскимъ хозяйствомъ, надѣть простые чоботы и свитку и идти за плугомъ; какой-то гвоздь въ мозгу мѣшалъ ему подумать объ этомъ такъ просто и ясно, какъ думала его мать и ея пріятели.

Между тѣмъ нынѣшняя жизнь его вовсе не была для него пріятнѣе той, какую велъ онъ до рокового для него 1819 года. У него въ душѣ сохранились воспоминанія о чудесныхъ прохладныхъ утрахъ и веселыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ полѣ съ плугомъ, косой и серпомъ, — о восхитительныхъ обѣдахъ подъ пѣсни жаворонковъ, гдѣ-нибудь на межѣ или подъ деревомъ, обѣдахъ, которые приносила ему туда любящая мать и приправляла своими ласковыми, полными живого интереса рѣчами. Теперь какой-то непонятный для него самого долгъ повелѣвалъ ему сидѣть утромъ взаперти надъ стаканомъ чаю, котораго не раздѣляла и не хотѣла раздѣлять съ нимъ старушка-мать. Она, бывало, не боится утренней мглы на вспаханномъ подъ осень полѣ, ни холодной росы, садящейся каплями на одежду, на брови и рѣсницы; но табачная мгла, которую теперь устроивалъ у себя въ комнатѣ сынъ, не разъ прогоняла ее отъ него, какъ ни мужественно сносила она рѣзь въ глазахъ и перхоту. Бесѣды ихъ не были уже такія оживленныя и гармоническія, какъ прежде: офицеръ многое опровергалъ въ ея простыхъ сужденіяхъ, многое пускалъ мимо ушей: »простая, дескать, женщина моя матушка, — ей позволительно кое-чего не понимать«, — и вообще они, при всей любви съ одной стороны и внушаемаго природой снисходительнаго уваженія съ другой, никакъ не походили на такую единодушную чету, какую составляли прежде. Нѣжно любимый сынъ возвращенъ матери, но возвращенъ глухонѣмымъ. Послушный вдохновенью сердца инструментъ побывалъ въ чужихъ рукахъ и воротился къ свое-

му владѣльцу съ оборванными струнами. Цѣпляетъ на него другія струны праздный отецъ Потапій, строитъ его на свой строй и наигрываетъ на немъ, что́ ему по душѣ.

Въ самомъ дѣлѣ бывшій отецъ Потапій мало-по-малу сдѣлался неразлучнымъ собесѣдникомъ отставного офицера. Зарубаевъ проводилъ значительную часть своего времени съ этимъ велемудрымъ пріятелемъ, то́ у себя въ новой хатѣ, то́ у него въ домѣ, на половину обращенномъ въ кладовую, по случаю продажи козакамъ лишнихъ надворнихъ построекъ. У бывшаго попа была бывшая попадья, довольно раскормленная и веселая особа, не уступавшая мужу въ пристрастіи къ вину, веселящему сердце. Эта достойная чета озаботилась успѣшнѣе родной матери судьбою отставного офицера и рѣшила, что ему надобно жениться на такой-то поповнѣ, въ такомъ-то селѣ. Усердные совѣты подкрѣплялись чаркою, переходившею изъ рукъ въ руки, и отставной офицеръ возвращался къ матери иногда въ такомъ видѣ, что она должна была раздѣть его и уложить въ постель. Пьянымъ языкомъ объявлялъ ей нѣжно любимый сынъ, что невѣста его хоть и поповна, но ходитъ въ шляпкѣ и будетъ настоящею благородною женщиною. Хватала вдову за сердце нѣмая грусть; она чуяла бѣду, но отвратить ее не имѣла силъ. Сынъ ея былъ уже не ребенокъ, чтобъ его повернуть круто на дорогу простой, работящей жизни. Слова: *офицеръ*, *благородной человѣкъ*, оглушали и ее, бѣдную. Въ самомъ дѣлѣ ея сынъ »теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ«, какъ онъ твердилъ ей при всякой ея робкой попыткѣ вразумить его. Это была страшная истина въ устахъ безумнаго, и потому поражала ее, какъ истина. Разлучить сына съ бывшимъ отцемъ Потапіемъ — не смѣла бѣдная Зарубаиха и подумать. Изъ устъ сего послѣдняго слышались даже и въ пьяномъ видѣ рѣчи разумныя, или казавшіяся ей разумными, а къ его главному пороку привыкла она въ теченіе всей своей жизни. Все, что́ она въ силахъ была сдѣлать, это — носить бывшему отцу Потапію горячіе книши и покорнѣйше просить его потчевать сына *безъ примѣсу*. На это бывшій отецъ Потапій отвѣчалъ ей:

— Любезная моя Параскевія... якъ бо тебе... гемъ... да́, Емельяновна! въ честномъ домѣ не порокъ выпить молодому человѣку. Мой домъ — не шинокъ. По дружбѣ и по приличію, годится имѣть съ сосѣдями чарочное общеніе. Твой сынъ, Пара-

скевія... гемъ, гемъ... Емельяновна, благонравный юноша и христолюбивый воинъ. Служилъ онъ отечеству довольно и всяческихъ ужасающихъ зрѣлищъ насмотрѣлся и натерпѣлся; нынѣ же да возвеселится и возрадуется въ благожелательной отставкѣ!... Выней, любезнѣйшая сосѣдка (при этомъ рюмка, бывшая настольною вещью хозяина, всовывалась въ руку сосѣдки).... Увы мнѣ! не могу назвать уже тебя любезнѣйшею дщерью; но уповаю, что мои молитвы и поминовенія о твоемъ покойномъ сожителѣ услышаны.

При этихъ словахъ сердце вдовы дѣлалось мягче воску: она любила своего покойнаго мужа, и молитвы за упокой души его до сихъ поръ не перестали для нея быть самою нѣжною сердечною связью между нимъ и ею. Вышивая предложенную ей чарку, она повторяла слова бывшаго отца Потапія, но только въ болѣе краснорѣчивыхъ оборотахъ и съ примѣсью наивной сельской поэзіи.

— Истинно! истинно! подтверждалъ бывшій отецъ Потапій.

А между тѣтъ его благовѣрная заходила ко вдовѣ съ другой стороны:

— Мы за твоего Поликарпа Ивановича возьмемъ невѣсту у короля изъ-подъ полы! говорила она. — Твой сынъ красавецъ, хоть куда. Поискать такого и между дворянскими дѣтьми! Да куда имъ ровняться, мѝршавымъ!

Вдова была побѣждена такимъ образомъ на двухъ слабыхъ пунктахъ своихъ и возвращалась домой въ пріятномъ чаду.

»Може, воно́ й спра́вді бу́де га́рно!« думала она; а чтобы несомнѣнно дожить до счастія, которое для нея было выше всего на свѣтѣ, она, на утренней и вечерней молитвѣ, прибавляла всякій разъ по нѣскольку земныхъ поклоновъ. Въ церкви также увеличились ея подачи на часточку, панихиды и молебны, къ совершенному удовольствію отца Петра, преемника бывшаго отца Потапія. Бывшій отецъ Потапій налегалъ больше прежняго на богопротивную игру въ карты, но вдова Зарубаиха смиренно отвѣчала, что Богъ не по грѣхамъ нашимъ внимаетъ нашимъ молитвамъ, но по своему милосердію, и такимъ образомъ поражала бывшаго попа его же собственнымъ оружіемъ.

Между тѣмъ дѣло о невѣстѣ у короля изъ-подъ полы подвигалось впередъ побочными путями, такъ какъ сія невѣста была родная племянница бывшей попадьи. Сестра ея была въ замужествѣ за іереемъ, какъ и сама она; но какъ ихъ роду суждено уже

было свыше несчастіе, по выраженію ея мужа, то она овдовѣла, и приходъ, на которомъ основывалось ея благоденствіе, достался другому іерею и его попадьѣ и его чадамъ, рѣдко малочисленнымъ. У вдовы попадьи, между многими другими дѣтьми, была круглолицая, румяная дщерь; и сія-то дщерь поведена была съ дѣтства такъ благородно, что носила шляпку и другія приличныя высшему сословію наряды. Но, не взирая на всѣ таковыя украшенія и даже на лѣпоту ея природнаго зрака, семинаристы, называвшіеся богословами, не предлагали ей, въ своихъ бесѣдахъ, ничего серьезнаго, а вопрошали развѣ: чѣмъ она умывается, что у ней такія цвѣтущія ланиты? что, конечно, было не непріятно для круглолицей дѣвы, но кольми паче было бы пріятно, еслибы какой-нибудь приморенный на реторикѣ и латыни, но бодрый духомъ богословъ вопросилъ: нравится ли ей такой-то (Крестовоздвиженскій, или Рождество-Богородицкій, или тамъ какой-нибудь Анно-Зачатіевскій) приходъ, несомнѣнно передаваемый ему престарѣлымъ отцемъ его?... Подобные вопросы предлагались дѣвамъ вовсе не круглолицымъ, но съ хорошимъ приданымъ, и дѣлались дѣвы сіи, въ шляпкахъ и безъ шляпокъ, почтенными »матушками« для цѣлыхъ селъ; она же пребывала тща и одинока, точно сіяющій, но хладный мѣсяцъ на небесной лазури. Охотно согласилась бы она сочетаться узами законнаго брака съ семинаристомъ-философомъ, будущимъ діакономъ, но семинаристы-философы ужасались пышныхъ ея нарядовъ, для поддержанія которыхъ діаконскаго дохода было бы слишкомъ недостаточно. Что касается до семинаристовъ-риторовъ, будущихъ дьячковъ, то у нея былъ живой примѣръ передъ глазами, какъ одинъ изъ таковыхъ, плѣнивъ щеголиху, діаконскую дщерь, въ послушаніе волѣ своей, то есть сотворивши ее дьячихою, заставилъ всенародно обмазывать хату глиною, а къ сему порученію присовокупилъ вящшее, въ видѣ синяка подъ глазомъ. Такимъ образомъ цвѣтущая самою выразительною красотою дѣва, будучи непричастна дворянству, которое у насъ не женится на поповнахъ, и потерявъ надежду на вожделѣнное бракосочетаніе съ однимъ изъ богослововъ, находилась можно сказать въ критическихъ обстоятельствахъ, какъ въ это время къ ней подъѣхали съ офицеромъ. Сдѣлаться потомственною дворянкою — не шутка, и чувствительная красавица полюбила Зарубаева заочно, точно принцесса. Съ своей стороны и

Зарубаевъ, внимая краснорѣчивымъ разсказамъ бывшаго попа и бывшей попадьи, прельстился круглолицею дѣвою до зѣла.

— Очи ея, говорилъ бывшій отецъ Потапій, — яко двѣ звѣзды въ полунощи.

»Брови ея«, говорила бывшая *матушка*, »какъ двѣ высокія радуги.«

— Носъ ея, продолжалъ сей, — яко чистѣйшее гусиное перо.

»Губы ея«, поддерживала сія, »точно пивóнія.«

Словомъ, самая холодная натура могла бы воспламениться страстью къ законному браку, а натура нашего Зарубаева вовсе не принадлежала къ холоднымъ. Онъ, безъ всякаго отлагательства, рѣшился ѣхать съ бывшимъ отцемъ Потапіемъ въ село Хропакú, отстоящее отъ села Буртища на небольшое количество стадій, какъ выразился офицерскій наперсникъ. У сего послѣдняго имѣлся собственный конь съ колесницею. Въ ясное осеннее воскресенье, когда на дорогѣ, засохшей послѣ дождей и слегка прохваченной морозомъ, не поднимется отъ колесъ ни пылинки, бывшій отецъ Потапій, сидя рядомъ съ христолюбивымъ воиномъ, правилъ возжами съ нѣкоторымъ трепетомъ въ рукахъ, такъ какъ было еще рано и опохмѣлиться не дозволяла ему совѣсть до обѣдни.

А между тѣмъ сердце оставшейся матери трепетало гораздо сильнѣе за судьбу сына, и трепетало совершенно безъ пользы. Его судьба уже совершилась. Она совершилась съ самого того времени, когда его взяли изъ-за ея убогаго обѣда, и уже никакіе отцы Потапіи не могли ее сдѣлать ужаснѣе, и никакіе отцы Петры — спасти ее. Совершилась судьба удалого козака, который не спустилъ комиссарскому сыну за оскорбленіе своей невѣсты! Теперь онъ »совсѣмъ другой человѣкъ сталъ!« Теперь для него не существовали болѣе никакія Катри Дубивны, хоть бы онѣ въ тысячу разъ были прекраснѣе и благороднѣе въ своихъ цвѣткахъ и лентахъ, чѣмъ какая-нибудь носительница шляпки въ селѣ Хропакахъ. Теперь высшимъ проявленьемъ удали было бы для него — задать гвардейскую выправку сыновьямъ любящихъ матерей и женихамъ изнывающихъ по нимъ красавицъ. Теперь онъ въ трезвомъ видѣ хуже пьянаго, а въ пьяномъ — развѣ немного безсмысленнѣе трезваго....

XI.

Я бы охотно провелъ моего читателя въ село Хропаки и показалъ ему, какъ жила вдова попадья и въ какихъ правилахъ воспитывала возлюбленную дщерь свою; я бы, какъ говорится у насъ, *залюбки* вошелъ во всѣ подробности сватовства и бракосочетанья офицерскаго; я бы нашелъ много предметовъ, вызывающихъ на размышленье, въ устройствѣ новаго офицерскаго быта, подъ руководствомъ молодой жены; но 1826 годъ былъ несчастнымъ годомъ моей жизни: меня посадили въ бричку домашней работы и увезли Богъ знаетъ куда, отдали Богъ знаетъ въ какія руки и заставили учиться Богъ знаетъ чему, единственно для того, *чтобъ я не баловался дома*. У насъ, въ мелкопомѣстномъ быту, пребываніе хотя бы и единственнаго дитяти дома, на глазахъ родителей, считается почему-то баловствомъ. Варваризмъ семейной и общественной жизни своей сознаютъ наши мелкопомѣстные паны и панки сами, и чтобы свалить съ себя отвѣтственность за будущность дѣтей своихъ, швыряютъ ихъ, зажмуря глаза, въ руки варваровъ иного покроя, которые или убиваютъ ихъ на первыхъ же порахъ, или же, въ случаѣ особенно крѣпкой натуры, выпускаютъ ихъ изъ своей фабрики живыми, но только болѣе или менѣе изуродованными. Такимъ образомъ простонародная жизнь села Буртища надолго изчезла у меня изъ виду. Много лѣтъ съ ряду мой умъ былъ занятъ своего рода пунктиками, и наконецъ, когда было признано, что больше я ни къ чему неспособенъ, то есть достаточно приготовленъ для жизни, мнѣ возвратили свободу и отпустили на всѣ четыре стороны.

Естественно, прежде всего бросился я на родину. Я ѣхалъ день и ночь, сокращая сутки и часы моего изгнанія; я летѣлъ въ родной мой хуторъ съ нетерпѣньемъ влюбленнаго человѣка, поспѣшающаго къ любящей его женщинѣ. Наконецъ я достигъ поворота съ почтовой дороги на проселочную. Вотъ и село Буртище передо мною. Отсюда всего двѣ-три версты до родного хутора. Но надобно же было случиться, что весенняя вода разнесла греблю, которою сообщался мой хуторъ съ Буртищемъ! А тутъ надвинулась темная дождливая ночь. Проѣхать въ темнотѣ

не было никакой возможности. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я рѣшился ночевать и остановился у первой хаты, въ которой ярче другихъ свѣтился огонекъ. На вопросъ: чья хата? кто-то, проходя мимо, отвѣчалъ, что это хата офицерихи.

— Впустятъ сюда переночевать?

»Впустятъ: у нихъ почуютъ судовые; у нихъ и самоваръ есть.«

Прекрасно! Заѣзжаю. Меня встрѣчаетъ пригожая, краснощекая женщина и охотно предлагаетъ въ мое распоряженіе свѣтлицу, самоваръ и ужинъ. Мысли мои заняты роднымъ хуторомъ. Въ ожиданіи самовара и ужина, я расхаживаю по свѣтлицѣ и не обращаю вниманія на тяжелое храпѣнье кого-то спящаго за перегородкою. Хозяйка хлопочетъ на кухнѣ, вѣроятно, готовя мнѣ ужинъ. Я слышу крикъ и хлопанье крыльями всполошенныхъ на сѣдалѣ куръ. Одно изъ этихъ простодушныхъ существъ, очевидно, должно́ пожертвовать для меня жизнію; но я остаюсь равнодушенъ и безчувственъ, какъ всякій проголодавшійся путешественникъ. Тутъ отворилась изъ сѣней дверь, и дряхлая старушонка, въ жалкомъ рубищѣ, крехтя, появилась, съ чайнымъ приборомъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такія изможденныя лица. Отвѣчая на ея смиренный поклонъ, я съ участіемъ всматривался въ ея полумертвыя черты, на которыхъ давно уже застыло живое выраженіе горестей житейскихъ и смѣнилось какимъ-то тупымъ, неяснымъ страданіемъ. Когда она принесла мнѣ шипящій самоваръ, я спросилъ:

— Ти, бабу́сю, въ іхъ на́ймичка?

»Ні, рідна ма́ти«, отвѣчала она.

— Хто жъ воні́ таки́і?

»Заруба́еви. Синъ мій — офице́ръ Заруба́енко, а се (она качнула сѣдой головой по направленію къ кухнѣ), се моя невістка.«

Я понялъ все. Разспрашивать больше мнѣ было не о чемъ.

П. Кулишъ.

Малиновка на Хопрѣ.
Октябрь 1859.

ПИСЬМА.

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 1-е

О событіи на Кодакѣ.

Мои письма къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ, напечатанныя въ *Украинцѣ* 1859 года, вызвали ваше »Объясненіе«, напечатанное въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 122, и поставили насъ въ непосредственное сношеніе другъ съ другомъ. Я очень радъ этому возобновленію, хотя и на письмѣ, нашихъ ученыхъ бесѣдъ объ Украинѣ, и увѣренъ, что наша переписка или перекличка о ней во всеуслышаніе — будетъ не безъ пользы для *исторической истины*, изъ которой мы и бьемся.

О разногласіи нашемъ относительно нѣкоторыхъ сподвижниковъ Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. За мною теперь — обѣщанный разборъ характеристики Богдана и отвѣтная рѣчь на ваше о немъ »Объясненіе«, ибо я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на каждое ваше мнѣ возраженіе. Начинаю мой разборъ характеристики Богдана — съ происшествія на Кодакѣ, въ которомъ его характеръ означился чертою рѣзкою и выразительною. Въ вашей книгѣ это происшествіе передано такъ:

»Въ самомъ дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить *свободомысліе* Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ, для укрощенія козацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія, и гордо спро-

силъ окружавшихъ козаковъ: »каковъ кажется вамъ Кодакъ?« Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему по-латыни: »что человѣческими руками строится, то человѣческими руками и разрушается.« Черезъ нѣсколько времени новый козацкій гетманъ Сулима разорилъ Польскую крѣпость. Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвалили и его въ участіи (I. 58).«

Смѣлая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно въ глазахъ Конецпольскаго; но это происшествіе случилось уже на четвертый годъ послѣ того, какъ гетманъ Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость и за то четвертованъ въ Варшавѣ; а потому подозрѣніе пановъ о соучастіи Хмельницкаго съ Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тутъ вы сами вдались въ ошибку, сказавши, что Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость *черезъ нѣсколько времени* послѣ того, какъ Хмельницкій сказалъ свое смѣлое слово о ней грозному Конецпольскому. Нѣтъ, Сулима разорилъ первоначальную Кодацкую крѣпость тотчасъ по ея построеніи, при которомъ Конецпольскаго и не было. Ссылаюсь въ этомъ на самого строителя ея, Боплана; въ »Описаніи Украины«, онъ говоритъ: »На Кодакѣ, въ *іюлѣ* 1635 года, былъ заложенъ мною замокъ, но послѣ моего отъѣзда, въ *августѣ* мѣсяцѣ, нѣкто *Соликанъ*, предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждалъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ Француза...« За тѣмъ, Бопланъ разсказываетъ о послѣдующей войнѣ съ козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается къ Кодацкой крѣпости: »По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4,000 воиновъ, лично отправился на Кодакъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца.« Дѣло ясное, что это было въ *1639* году, что слова Хмельницкаго были сказаны о возобновленной крѣпости; а оправдались они уже въ 1648 году, когда Хмельницкій, ставши гетманомъ, послалъ Нѣжинскихъ козаковъ на взятіе той крѣпости. Такъ разумѣлъ и Коховскій, которому мы обязаны за сохраненіе этого замѣчательнаго анекдота о Хмельницкомъ: »*Manu facta* (inquit) *manu destrui!* Nec verbis defuit eventus, primum namque succrescentis Chmelnicii potentiæ facinus incubuit, Kodaco evertendo. (I. 21)« Этимъ кончаетъ Польскій историкъ свое мастерское изображеніе Хмельницкаго.

Я надѣюсь, что вы согласитесь со мною, какъ въ томъ, что слова Хмельницкаго о Кодацкой крѣпости сказаны были *1639* года, такъ и въ

томъ, что возбужденное ими подозрѣніе пановъ о соучастіи съ Сулимою было неосновательно. Такъ и многое приписано Хмельницкому *заднимъ числомъ* — послѣ того уже, какъ онъ поднялъ Украину и Запорожье на Поляковъ.

Нашъ украинскій лѣтописецъ Грабянка, сочиняя около 1710 года свою »Исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани« и заимствуя въ нее многое изъ Коховскаго, событіе Кодацкое передалъ такъ: »Въ то время (въ року 1639) прилучися гетману каронному Конецпольскому въ Кодаку саму быти, и козакомъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмельницкій), тѣмъ ругаяся вкупѣ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: угоденъ ли вамъ, козаки, Кодакъ? Отвѣща Хмельницкій языкомъ латинскимъ: что есть рукою сотворенно, что бы было не разоренно? Чего ради гетманъ удивися, вкупѣ зло мысляше о Хмельницкомъ, вспомянувъ убо, яко во всѣхъ бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ и Хмельницкій бяше, обаче многія умроша, а онъ живъ оста (стр. 31).«

Откуда взялось это воспоминаніе Конецпольскаго? Очевидно, изъ того же Коховскаго, который говоритъ отъ себя, что Хмельницкій былъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гунею, но избѣжалъ заслуженной кары. Нашъ лѣтописецъ заблагоразсудилъ это воспоминаніе Польскаго историка переложить въ голову самого Конецпольскаго, и, вмѣсто участія Богдана въ двухъ козацкихъ возстаніяхъ, поставилъ его — (что́ называется: *за однимъ заѣздомъ*) — участникомъ во *всѣхъ* козацкихъ войнахъ противъ Поляковъ. Вотъ съ какимъ наращеніемъ и представленіемъ о Хмельницкомъ явилось въ нашемъ лѣтописаньи сказаніе о событіи Кодацкомъ. Справедливо ли это представленіе нашего лѣтописца и можетъ ли оно быть принято за дѣйствительность историческую, о томъ рѣчь впереди; а здѣсь я хотѣлъ вывести только то́: когда́ и ка́къ произошло у насъ историческое мнѣніе объ участіи Хмельницкаго во *всѣхъ* возстаніяхъ козацкихъ на Поляковъ. Это *Грабянка* передѣлалъ на свой ладъ сказаніе Польскаго историка. А что у него тутъ передѣлка изъ Коховскаго, видно и на слѣдующей за тѣмъ краткой характеристикѣ Богдана: »Бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и разуменъ зѣло, вѣдый мысли лядскія на козаковъ и ихъ суетную клятву, разсмотрый ихъ военные ограды, и вся сія въ сердцѣ злѣ держаше, лице же свѣтлостію покрываше, аки бы онъ на Ляхи никоего зла не мыслилъ, въ сердцу же его золъ совѣтъ бяше.« — Тутъ живопись двухъ разнородныхъ стилей или по́шибовъ: въ первой половинѣ — своя собственная, украинская; во второй — взятая изъ картины Коховскаго,

отрывкомъ изъ которой и вы завершили свою характеристику Богдана. У васъ сказано: »Лицо его, сіяющее и кроткое, (говоритъ польскій историкъ Коховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую, болотную воду.« Не могу не замѣтить, что отъ малой перемѣны въ словахъ подлинника, вышло не совсѣмъ вѣрное сравненіе *духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію* — съ гнилою болотною водою, которая представляетъ собою покой и застой. Отчетливая живопись Коховскаго едвали допустили бы эту несоотвѣтственность; у него сказано такъ: »Aderat huic militaris presso sermone facundia, animus obtegens sui, renidens vultus, quo præcipue, ut nitida glacie foetentes aquæ, *recessus pectoris* teguntur.« А для сравненія духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію, въ козацкомъ вождѣ, всего скорѣе и ближе подошли бы склонныя къ волненію воды *своевольнаго* Днѣпра, какъ о немъ говорится въ народной пѣснѣ:

Жалку́еться лиманъ морю,
Що Днѣпръ ро́бить свою волю:
Сво́и гирла про́чищае,
Лиманови закидае.

Какъ бы хотѣлъ я въ эту минуту взглянуть на свѣтлое лицо Богдана, на томъ старинномъ портретѣ его, на который глядѣли, вѣроятно, и онъ самъ, и его изобразитель Коховскій! Я разумѣю портретъ, гравированный Гданскимъ Нѣмчиномъ Вильгельмомъ... (фамиліи не припомню)... 1650 года, когда Хмельницкій былъ на верху своей славы.

P. S.—Въ моемъ извѣстіи о Грабянкиной лѣтописи, напечатанномъ въ Москвитянинѣ 1853 года, я различалъ двѣ ея редакціи: одну (славянскую), изданную въ Кіевѣ 1854 года, другую, напечатанную въ Россійскомъ Магазинѣ В. Туманскаго, 1793 года. Въ обозрѣніи источниковъ вашей книги »Богданъ Хмельницкій« не упомянуты оба печатныя изданія, а показана (подъ № 17-мъ) *рукописная* »Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной брани«. Судя по этому заглавію и по многимъ свѣдѣніямъ, изъ нея приведеннымъ, это лѣтопись Грабянкина. Но у васъ иногда приводятся изъ нея очень любопытныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ двухъ печатныхъ изданіяхъ, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ ея спискахъ. И такъ ваша рукопись составляетъ особую, третью редакцію этой лѣтописи, полнѣйшую и доселѣ неизвѣстную? Весьма любопытно было бы ваше подробное о ней извѣстіе.

Въ вышепомянутой статьѣ моей, я высказалъ свое мнѣніе, что истори-

ческое *введеніе*, находящееся при «Лѣтописи Самовидца», извлечено все изъ Грабянкиной лѣтописи, вѣроятно, тѣмъ же лицемъ, которымъ написано продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. Необходимымъ считаю объ этомъ сказать напередъ; ибо все, что говорится въ томъ введеніи, я не признаю за свидѣтельство заднѣпровскаго козака XVII-го вѣка, а отношу къ Гадяцкому полковому старшинѣ, Григорію Грабянкѣ и къ позднѣйшему сократителю его сказанія для Лѣтописи Самовидца. Такимъ образомъ извѣстіе о Кодацкомъ событіи я полагаю заимствованнымъ изъ Коховскаго сперва Грабянкою, а изъ него уже взятымъ во введеніе къ Лѣтописи Самовидца.—Подробнѣе изложу мое мнѣніе при отвѣтѣ на ваше *объясненіе*.

30 ноября 1860.

ПИСЬМО 2-е

О воспитаніи Богдана Хмельницкаго.

Обращаюсь къ началу характеристики Богдана, составленной вами на *1646* годъ, къ пріѣзду на Украину канцлера Оссолинскаго. Вы говорите: »Самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ, не передѣлали его въ Поляка, что случилось съ другими южно-руссами. Отъ езуитовъ, воспитавшихъ его, получилъ онъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, — двоедушіе, съ какимъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и тоже время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое... (I, 46.)«

Здѣсь Хмельницкій написанъ вами въ два свѣта, по двоякому о немъ представленію — своему собственному, и заемному. Въ первомъ свѣтѣ— онъ щирый Украинецъ, самобытный и крѣпкій въ своенародности, не смотря ни на какіе соблазны и обаянія міра; въ другомъ свѣтѣ — онъ питомецъ езуитовъ, пріемникъ ихъ двоедушія и скрытности. Посмотримъ же на характеръ Хмельницкаго съ той и другой стороны.

Вѣками родятся такіе люди, какъ былъ Богданъ у народа Украинскаго, — представитель его въ исторіи; потому и природа южно-русска-

го человѣка должна была явиться въ немъ своеобразно и полносильно. Не такимъ щирымъ Украинцемъ и не на то родился онъ на свѣтъ, чтобы ему *ополячиться* отъ какихъ бы ни было милостей и ласокъ въ свѣтѣ, чтобы ему измѣниться въ коренныхъ свойствахъ души отъ вліянія хитроумныхъ езуитовъ.

Многіе Южно-руссы, изъ поколѣнія современнаго Хмельницкому, перерожались въ Поляковъ, вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ убѣжденій и увлеченій, происходившихъ отъ воспитанія ихъ польскими езуитами, отъ брачныхъ связей съ Польками, и т. п. Но это случалось преимущественно съ людьми изъ высшаго сословія, по большей части слабодушными, и — всего менѣе съ Украинцами. Въ сословіи козацкомъ, и особенно въ печальное дѣсятилѣтіе, бывшее передъ гетманствомъ Хмельницкаго, многіе изъ его украинскихъ сослуживцевъ совсѣмъ передавались на сторону польскихъ пановъ и становились ихъ угодниками и потаковниками — изъ своекорыстныхъ видовъ. Изъ числа таковыхъ, выше всѣхъ поднялись тогда, въ генеральные асаулы — Иванъ Барабашъ Черкасскій, Украинецъ *татарскаго* произхожденія, да Ильяшъ Караимовичъ Переясловскій, прозывавшійся у козаковъ *Армянчикомъ*. Богданъ Хмельницкій, щирый Украинецъ, оставался преданнымъ *своенародности*, за что́ не любили его польскіе паны и полковники и комисаръ, поставленные на Украйнѣ, вмѣсто козацкихъ полковниковъ и гетмана, послѣ войны Остряницынской (1638 г).

Посмотримъ, однакоже, — какія особенныя *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, чтобы имъ давать такой большой вѣсъ въ его характеристикѣ? Изъ вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная въ войну подъ Смоленскомъ (1634 г.). Правда, самъ Богданъ, въ письмахъ къ Потоцкому и Шембергу (писанныхъ въ декабрѣ 1647 года), говоритъ, что ему, за его службы Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, король подарилъ ему участокъ земли въ Чигиринскомъ повѣтѣ и утвердилъ своею привилегіей; объ этомъ говорится и у нѣкоторыхъ Поляковъ, напримѣръ, въ »Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго«; но Коховскій смотрѣлъ на это глазами Чаплинскаго и его покровителей, и Богдановo владѣніе тою землею признавалъ незаконнымъ. Что́ касается до панскихъ ласокъ Богдану, то прежде 1646 года не видно ихъ ни откуда, кромѣ той развѣ, что Конецпольскій, уважавшій его дарованія, на воспретилъ ему населять вольноприхожими людьми отцовскую свободу его Суботовъ, на что́ Богданъ имѣлъ, кажется, законное право, какъ сынъ под-

старосты и сотника Чигиринскаго, и самъ сотникъ Чигиринскій, бывшій и войсковымъ, или генеральнымъ, писаремъ. А съ 1646 года, послѣ пріѣзда на Украину канцлера Оссолинскаго, полились на заслуженнаго Богдана такія панскія ласки, отъ какихъ и Поляки бѣгали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сѣчь, изъ которой выходили и такіе крѣпкодушные, побѣдоносные мужи, какъ гетманъ Сагайдачный, и такія бѣдовыя головы, какъ гетманъ Павлюкъ, что́ стоялъ уже разъ у Варшавской плахи, вмѣстѣ съ Сулимою, но отпущенный тогда, по просьбѣ Турецкаго посла, не унялся, опять пошелъ на огонь, и погибъ въ мукахъ на той же площади Варшавской. Богданъ Хмельницкій долго былъ со славою въ той Запорожской школѣ, и, продолжая около 18-лѣтъ военную и депутатскую службу въ Реестровомъ козачествѣ, между Поляковъ и Украинцевъ, выработалъ изъ себя великаго дѣятеля и подвижника народнаго. Не Ярославскіе Patres Societatis Jesu, а суровый, долгій опытъ жизни между различныхъ огней научилъ нашего многодаровитаго Украинца тому искуству воина-политика, съ какимъ онъ, ставши гетманомъ, разыгралъ свою великую роль на театрѣ Польско-Русскаго міра, — какъ онъ отчасти и самъ говорилъ, въ Бѣлоцерковскомъ Универсалѣ, что примѣрами прежнихъ гетмановъ научился онъ »*осторожности* и *луччого воинского управленія*«.

Коховскій, какъ художникъ классическій, не могъ иногда не полюбоваться героемъ коза́ччины, забывая въ себѣ на минуту *рыцаря Польскаго*. Когда Хмельницкій, послѣ двухъ первыхъ, блистательныхъ побѣдъ надъ Поляками, расположился таборомъ подъ Бѣлою-Церковью и по́звалъ къ себѣ украинскій народъ своимъ универсаломъ, Коховскій говоритъ: »Chmelnicius tum, post Corsunenses Cannas — *Annibal*«. Но то было торжественное явленіе исторической жизни; тамъ Хмельницкій во весь ростъ — и онъ ясенъ тогда для историка-художника Польскаго; а козацкая душа Богдана была для него именно, какъ говоритъ Русская пословица: чужая душа — потёмки. Коховскій, какъ Eques Polonus, ненавидѣлъ Хмельницкаго, глядя на него, какъ на величайшаго мятежника Польской Республики и называя его *жестокимъ матереубійцею;* и не мудрено, если *внутренній человѣкъ* Богдана представлялся ему темнымъ призракомъ езуитскаго устройства; а навести протраву езуитства на личность Богдана — значило напередъ уже помутить ея героическій блескъ и для своего собственнаго на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за извѣстіе, что

молодой Хмельницкій учился сперва въ *Кіевской школѣ*, а потомъ отданъ былъ въ *Ярославъ къ отцамъ Езуитамъ*. Это извѣстіе, повторенное у насъ Грабянкою и другими, для насъ очень важно, при совершенной бѣдности нашихъ свѣдѣній о молодости Богдана; мы даже не знаемъ его лѣтъ, чтобы опредѣлить себѣ, когда онъ учился въ Кіевѣ, когда отданъ въ Ярославъ и долго ли тамъ пробылъ. Но для меня весьма сомнительнымъ кажется, чтобы Михайло Хмельницкій отдалъ своего сына въ Ярославъ — отцамъ Езуитамъ, при тогдашней ненависти къ нимъ у всего народа южно-русскаго. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана послѣ Кіева въ Ярославъ, то скорѣе отдать было въ ту Латино-Польскую школу, которая тогда процвѣтала тамъ, независимо отъ Коллегіума езуитскаго; а Польскій историкъ, писавшій о Богданѣ Хмельницкомъ черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, весьма могъ вмѣсто одного Ярославскаго училища назвать другое, болѣе извѣстное въ его время (¹). Если бы я зналъ, что молодой Богданъ отданъ былъ изъ Кіева въ Ярославъ около 1600 года, тогда бы я поставилъ на видъ еще одного *Ярославскаго просвѣтителя*, Православно-русскаго: это Лаврентій Зизаній-Тустановскій, бывшій проповѣдникомъ при церкви Ярославской и учителемъ при сыновьяхъ князя Александра Константиновича Острожскаго, а по его смерти († 1603 г.), прогнанный оттуда по проискамъ езуитовъ. Впрочемъ, и въ тѣ поры дѣти Русскихъ людей попадали въ езуитскія школы; это могло случиться и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а потому, хотя и подъ сомнѣніемъ, я допускаю свидѣтельство Коховскаго, что Хмельницкій учился въ Ярославѣ—*у отцовъ Езуитовъ* (если бы даже онъ отданъ былъ туда изъ Кіева и не къ нимъ, а къ другимъ просвѣтителямъ). Но я не могу сосласиться съ вами называть Ярославскихъ езуитовъ — *воспитателями* Богдана: въ немъ не было того именно, чѣмъ отличались тогдашніе питомцы этихъ хитроумныхъ просвѣтителей. Они отбивали у Русскихъ юношей любовь къ своенародности и къ неразлучному съ нею православію, переводили ихъ на католичество; а Богданъ Хмельницкій былъ непреклоннымъ поборникомъ своенародности и православія. Питомцы езуитовъ являлись приверженцами и почитателями своихъ учителей и ихъ коллегіумовъ; а Хмельницкій былъ страшнымъ гонителемъ и ненавистникомъ езуитовъ и ихъ

(¹) Подобныхъ замѣнъ одного мѣста, года, лица — другими, можно привести множество изъ разныхъ писателей. У Коховскаго напримѣръ, кончина Богдана положена въ *іюнь* вмѣсто августа, ставится небывалый полкъ *Остерскій* вмѣсто Прилуцкаго, и прочая.

коллегіумовъ. Поэтому, вліяніе Коллегіума Ярославскаго на Богдана, послѣ Кіевской школы (разумѣется, Братской), я ограничилъ бы только умственнымъ образованіемъ, дальнѣйшимъ усовершеніемъ его въ *наукахъ вызволéныхъ*, которыми Южная Русь такъ охотно въ томъ вѣкѣ заимствовалась во всѣхъ доступныхъ ей училищахъ латино-западныхъ.

Вы говорите, что Хмельницкій получилъ отъ езуитовъ только *скрытность* и *двоедушіе*. Это не мало, когда эти два свойства полагаются въ основу его характера и даются ему, какъ отличительныя черты его общественной дѣятельности, до 1647 года. Но я не могу признать такого воспріятія отъ езуитовъ крѣпкою и самобытною душею Украинца-Богдана. Если бы въ немъ и была, напримѣръ, *скрытность* и въ большóй степени, я призналъ бы ее за природное и доморощеное свойство его, и не отнесъ бы ее къ езуитамъ, потому что и безъ ихъ вліяніе — скрытность была присущею большинству Украинскаго народа, происходящею въ немъ изъ той *сосредоточенности* въ себѣ, которая принадлежала къ кореннымъ свойствамъ украинскаго духа и характера. Впрочемъ, Богданъ Хмельницкій не скрылъ же своего *свободомыслія* передъ Конецпольскимъ на Кодакѣ — и въ какую минуту? Когда грозный коронный гетманъ воображалъ, что успѣлъ уже *зануздать* тою крѣпостью своевольное козачество, *осъдланное* на Масловомъ-Ставу, послѣ войны Остряницынской (1). Хмельницкій не скрывалъ своей преданности и любви къ *своенародности* передъ польскими властями, поставленными тогда надъ козачествомъ. Да и прежде того, отъ самой коронаціи Владислава, онъ былъ открытымъ, извѣстнымъ для всѣхъ народнымъ предстателемъ и ходатаемъ о правахъ и вольностяхъ Малороссіи, попранныхъ водворившимися и возобладавшими въ ней Поляками. Знали хорошо его съ этой стороны и король и канцлеръ, если на него преимущественно возлагали въ 1646 году свое предпріятіе; если, въ слѣдующемъ году, король говорилъ ему: »извѣстно мнѣ твое *чистое сердце* (I. 66.).« Во всемъ этомъ не видно еще особенной *скрытности* въ Богданѣ.

Но посмотримъ, какъ основанный на езуитскомъ двоедушіи и скрыт-

(1) У Коховскаго, при анекдотѣ о Кодакѣ, сказано: »ratus Dux, quod res erat, eum licentiosorum obicem ac fraenum, obliquo Cosacos intueri oculo....«

Современникъ Хмельницкаго Ерличъ такъ выражался въ своей лѣтописи: »Na ktòrą to wojnę pohamowanych już osiedlonych dobrze chłopów, ze swywoli zartzymanych dobrym munsztukiem Hetmanów koronnych (I. 52).«

ности психическій образъ Богдана отражается и оправдывается въ его исторической дѣятельности.

2 декабря.

ПИСЬМО 3-е

Объ участіи Хмельницкаго въ козацкихъ возстаніяхъ на Поляковъ.

У васъ, въ характеристикѣ, сказано: »Не проходило мятежа, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ Поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю и видимая преданность Речи-Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе.«

Какъ-же отклоняли всякое подозрѣніе, когда самъ Конецпольскій »смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ?« Вотъ это и составляетъ для меня фактъ первостепенной важности, что Хмельницкій, въ подозрительныхъ глазахъ такихъ немилостивыхъ *современниковъ*, какъ Конецпольскій и его товарищъ Потоцкій, не былъ признанъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ, бывшихъ въ *тридцатые* годы того вѣка. Ни подъ видимою преданностью Речи-Посполитой, ни подъ услугами королю, не укрылъ бы онъ своего постояннаго участія во всѣхъ козацкихъ мятежахъ, если бы оно было. Впрочемъ, особенныхъ услугъ самому королю Хмельницкій, кажется, не оказалъ никакихъ; но онъ искренно былъ *преданъ* Владиславу и много надѣялся на него для Украины, какъ и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляковъ не любилъ Хмельницкій; но какъ *рыцарь* »Войска его королевской милости Запорожскаго« и какъ гражданинъ Речи-Посполитой, онъ оказывалъ ей *заслуги* очевидныя и несомнѣнныя и могъ съ полнымъ правомъ говорить Потоцкому (въ вышепомянутомъ письмѣ отъ 29 декабря 1647 года): »не выписую тутъ працъ и трудовъ моихъ для общого добра Короны Польской и цѣлой Речи-Посполитой... самъ о нихъ добре вѣдаешъ, велможность ваша.«

Я представилъ вамъ, въ первомъ письмѣ, мой выводъ о томъ, какъ у насъ — однимъ очеркомъ пера лѣтописца Грабянки — Хмельниц-

кій сталъ участникомъ »во *всѣхъ* бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ.« Почему же бы и не стать?... Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презѣльной брани* съ Ляхами. Онъ не принадлежалъ къ такъ-называвшейся *войсковой черни*, къ толпѣ козацкой, послѣ всякаго возстанія приводимой къ присягѣ и прощаемой. Онъ былъ такимъ виднымъ лицемъ въ козачествѣ, что его примѣтили бы — не то на челѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ и обывателемъ Чигиринскимъ, слѣдовательно, былъ на глазахъ у старостокъ и дозорцевъ Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И не могло же дѣло кончаться всякій разъ только тѣмъ, что »на Хмельницкаго никто не могъ доказать.« Нашлись бы на доказательство и между козаками такіе людцы, какъ чигиринскій товарищъ Богдана, полковой асаулъ Романъ Пешта, который тотчасъ донесъ на него молодому Конецпольскому въ 1647 году, какъ только онъ замыслилъ о возстаніи. Вѣдь были же, въ угоду старому Конецпольскому, реестровые козаки для обманнаго взятія гетмана Сулимы изъ самой Сѣчи Запорожской. Вѣдь сами же Чигиринцы, по взятіи Павлюка подъ Боровицею, явились туда съ своимъ полковникомъ Дорошемъ, и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же Ирклѣевцы выдали тогда кіевскаго сотника Кизима, который потомъ, рядомъ съ своимъ сыномъ, торчалъ на колѣ передъ Кіевскимъ Замкомъ (на горѣ Киселёвкѣ). А сколько буйныхъ головъ тогда въ Переясловѣ и Нѣжинѣ переказнилъ Потоцкій.... И ужъ вѣрно онъ не допустилъ бы Богдана подъ Боровицею къ званію *войсковаго писаря*, если бъ былъ онъ сподвижникомъ Павлюка, какъ не допустилъ тогда Каирскаго, выбраннаго козаками въ гетманы, а назначилъ имъ въ старшіе Ильяша Переяславскаго. Гдѣ вы нашли современное указаніе, или хотя сказаніе XVII-го вѣка, что Богданъ былъ *сподвижникомъ Павлюка?*

У Коховскаго сказано, что Хмельницкій участвовалъ въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гунею, но избѣжалъ *заслуженной кары*. Трудно повѣрить, чтобы Хмельницкій въ ту пору избѣжалъ кары за два возстанія. Допустимъ, что онъ, на прощанье зъ Запорожскимъ товариствомъ, могъ поучаствовать въ знаменитой *суботѣ*, заданной Конецпольскому гетманомъ Тарасомъ подъ Переясловомъ, весною *1630* года (1), и что это прошло ему безнаказанно. Но еслибы потомъ, будучи уже въ

(1) Въ вашей книгѣ возстаніе гетмана Тараса положено въ *1628* году (I. 29); но я нахожу, что этотъ годъ у Грабянки поставленъ ошибочно, и признаю вѣрнымъ *1630* годъ, какъ въ лѣтописи Львовской.

Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій замѣшался въ возстаніе Павлюка ли, Остряницы ли, ему бы не укрыться отъ очей Конецпольскаго и не избѣжать бы заслуженной кары. Его смѣлое слово Конецпольскому на Кодакѣ врядъ ли могло пройти безнаказанно, еслибъ онъ былъ участникомъ и въ одной суботѣ Тарасовой. Вѣроятнѣе, что участіе въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы приписано Хмельницкому уже впослѣдствіи, заднимъ числомъ, также какъ и подозрѣніе пановъ объ участіи его съ Сулимою. Тутъ нельзя еще положиться на одно слово Коховскаго, конечно, не имъ выдуманое, но пристрастно имъ повторенное. Иное дѣло, когда онъ говоритъ, что *нашелъ* онъ въ *коментаріяхъ* Кумейской войны, что послѣ нея Хмельницкій былъ однимъ изъ семи депутатовъ козацкихъ къ королю. Къ этому прибавляетъ онъ, что Хмельницкій, при томъ случаѣ, высмотрѣлъ внутреннее состояніе Польской республики »ac velut viscera inspexisse, in quae post, atrox Matricida, saeviret.« Польскому историку, какъ видно, неизвѣстно было, что Хмельницкому уже прежде былъ гораздо удобнѣйшій случай высмотрѣть внутренность Республики, когда онъ былъ однимъ изъ козацкихъ депутатовъ при избраніи въ короли и при коронаціи Владислава; да и послѣ, въ 1647 году, когда онъ былъ въ Варшавѣ во время Майскаго сейма, на которомъ довершилось неистовое возстаніе пановъ противъ короля и канцлера, произшедшее на сеймѣ прошлогоднемъ.

У васъ какъ-будто ограничено участіе Богдана во всѣхъ козацкихъ мятежахъ — тѣмъ, что онъ »возбуждалъ совѣтомъ и ободрительнымъ словомъ собратій противъ Поляковъ.« Но Поляки и сами тогда достаточно возбуждали противъ себя Украинцевъ своими непрестанно-возроставшими обидами, насиліями и неправдами, съ чѣмъ вмѣстѣ разгаралась все болѣе неугасимая ненависть къ нимъ и месть въ сердцахъ козацкихъ, особенно на Запорожьи. Раздувать пылающій костёръ — дѣло напрасное; но толкать своихъ собратій въ огонь, самому отъ нихъ отбѣгая, но укрываться во мракѣ, когда передовые смѣльчаки гибли на плахѣ, на колесѣ, на кольяхъ — это дѣло безчестное, несовмѣстное съ славною памятью Богдана. Когда повезли въ Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижникъ ихъ Сахно самъ поѣхалъ за ними добровольно, чтобы раздѣлить тамъ одну съ ними участь. Если Хмельницкій (какъ говоритъ Величко), ходячи съ козаками Запорожскими полемъ и моремъ, не закрывалъ своего предъ непріятелемъ ока, за что у Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повагѣ, — то ужъ, конечно, не отсталъ бы онъ отъ нихъ и теперь, если бъ былъ товарищемъ и совѣтникомъ ихъ воз-

станій, не захотѣлъ бы терять своей чести и славы козацкой, своего добраго имени въ отчизнѣ.

»За жизнь, за бѣдный даръ — не измѣнюсь душой!«

Послѣ того у васъ сказано: »Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ.« При какомъ же это случаѣ? Можетъ быть у васъ есть ввиду какіе-нибудь особенные случаи изъ жизни Богдана до 1646 года; но они мнѣ неизвѣстны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему, какъ темную черту его характера, того, что́ для него и для другихъ могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашняго положенія, устроеннаго Конецпольскимъ, который, забравъ въ свои руки Реестровое Козачество, раздружилъ его съ Товари́ствомъ Запорожскимъ, и противопоставилъ ихъ другъ другу. Само собою разумѣется, что если бы Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, тогда онъ дѣйствовалъ бы противъ тѣхъ соотечественниковъ своихъ, реестровыхъ козаковъ, которые находились въ тѣхъ битвахъ подъ командою Конецпольскаго и Потоцкаго; а если бы онъ находился въ этихъ рядахъ, тогда бы онъ дѣйствовалъ противъ соотечественниковъ, находившихся подъ знаменами гетмановъ козацкихъ. Избѣжать этой Сциллы-Харибды онъ могъ только *неучастіемъ* въ тѣхъ междоусобныхъ польско-козацкихъ битвахъ, которыя на ту пору, при тогдашнемъ раздѣленіи козачества, безуспѣшно истощали украинскую силу и только поощряли одолѣвающихъ Поляковъ къ еще большему уничиженію народа Малоросійскаго. Возможность къ неучастію въ тѣхъ битвахъ была, для Хмельницкаго, по многимъ другимъ его службамъ — походной, сторожевой, депутатской; но ка́къ было на самомъ дѣлѣ, о то́мъ ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современныхъ* указаній на боевое участіе Хмельницкаго въ тѣхъ войнахъ польско-козацкихъ. Безъ современныхъ, опредѣлительныхъ свидѣтельствъ объ участіи Хмельницкаго во всѣхъ козацкихъ востаніяхъ — Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, я смотрю на сказаніе объ этомъ — только какъ на *мнѣніе* историковъ, и, по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не могу признать его справедливымъ. Если въ глазахъ такихъ современниковъ, какъ Конецпольскій и Потоцкій, не признанъ былъ Хмельницкій сподвижникомъ козацкихъ гетмановъ, поднимавшихъ оружіе на Поляковъ, то не намъ, потомкамъ, взводить на него эту преждевременную вину противъ Республики Польской.

У васъ на слѣдующей (47-й) страницѣ сказано, что когда Оссолин-

скій, въ 1646 году, привезъ козакамъ, вмѣстѣ съ королевскою грамотою, ихъ знамя и гетманскую булаву, и преимущественно на Хмельницкаго возлагалъ королевское предпріятіе, тогда онъ — »самъ отказался, до времени, отъ начальства и предоставилъ его Барабашу: онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ рано!» Какой же мудрёный выходитъ Богданъ: не рано ему было волновать умы тихимъ омутомъ, лѣтъ за десять, за пятнадцать, подъ тяжелою булавою Конецпольскаго, рискуя потерять и свою голову на плахѣ и свое доброе имя въ козачествѣ; а *слишкомъ рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему въ руки и гетманская булава и козацкое знамя отъ самого короля, когда, какъ нарочно, не стало на свѣтѣ и могучаго томителя Козаччины, стараго Конецпольскаго, вскорѣ послѣ женитьбы его на молодой женѣ (1646 г., 26 апрѣля). Будь у Хмельницкаго »духъ бурный, склонный къ волненію« — не упустилъ бы онъ такого благопріятнаго къ тому случая. Прежде онъ *уступалъ первенство* смѣлымъ запорожскимъ вождямъ, выходившимъ на Поляковъ, какъ на вѣрную смерть, для спасенія Украины и православной вѣры; теперь — онъ *предоставляетъ начальство* Барабашу, своекорыстному угоднику польскихъ пановъ и *нѣдругу отчизны Малороссійской*.... Полно. такъ ли было на самомъ дѣлѣ! Читаю вашй послѣднія слова въ характеристикѣ: »И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что́ на душѣ у него.«

Можетъ быть онъ и былъ таковъ, еще до гетманства своего, искушенный опытомъ многотрудной жизни среди стихій разнонародныхъ, и его козацкая душа осталось задачею неразгаданною. Къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ въ виду ни его писемъ до 1646 года, ни его прежнихъ бесѣдъ съ козаками, записанныхъ современными Украинцами, чтобы можно было по нимъ сколько нибудь дознаться: что́ было на душѣ у него, когда собирались козацкія ополченія на Поляковъ, подъ знаменами Тараса, Павлюка, Остряницы? Объ этомъ можно сказать развѣ словами народно-украинской думы:

Тóлько Богъ святúй знае,
Що Хмельницкій думае-гадае!

4 декабря.

ПИСЬМО 4-е

Въ конецъ характеристики Богдана.

При нынѣшней разработкѣ архивныхъ рудниковъ и историческихъ розсыпей Южно-русской земли, могутъ еще найтись неизвѣстныя доселѣ современныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомъ, озарить неожиданнымъ свѣтомъ всю его до-гетманскую жизнь, и измѣнить во многомъ наши о немъ представленія и соображенія. Но изъ того, что *положительно* извѣстно о ней теперь, для меня яснымъ кажется вотъ-что: служа около 18-ти лѣтъ въ Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій былъ у него въ постоянномъ довѣріи и почитался разумнымъ совѣтникомъ народнымъ; — впродолженіе этого времени онъ не утратилъ и въ Запорожскомъ Товариствѣ своей чести и славы козацкой, заслуженной въ прежніе годы; обѣ раздруженныя половины Козачества соединились въ прежнее согласіе — однимъ Богданомъ, и стали подъ его знамя единодушно, за цѣлость своей отчизны Малороссійской; всего этого достигнуть онъ могъ только прямою доблестью и жизнію честною, а не лукавымъ двоедушіемъ.

Звѣзда Хмельницкаго взошла на Черномъ морѣ, въ то время, какъ на Хотинскомъ полѣ западала звѣзда стараго Сагайдачнаго. Жизнь этого достопамятнаго гетмана, который, служа со славою Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, сдѣлалъ для блага Украины все, что только могъ онъ сдѣлать тогда, не поднимая оружія на Поляковъ, — она служила примѣромъ для Богдана Хмельницкаго; его путемъ проходилъ онъ поприще своей *до-гетманской* жизни, мужественно и долготерпѣливо, какъ храбрый воинъ и честный гражданинъ Республики Польской, какъ добрый и надежный сынъ своей *Козацкой-матери*, Украины. Но ему суждено было пройти еще своимъ путемъ — поприще *гетманской* жизни, и безпримѣрно совершить то дѣло, на которое безуспѣшно порывались другіе Украинцы впродолженіе полувѣка.

»*Встала обида въ силахъ Дажбожа внука.*« И когда нашъ заслуженный Чигиринскій сотникъ, смертельно оскорбленный и поруганный отъ польскихъ пановъ, потерявшій все свое долготерпѣніе, и поощренный самимъ Польскимъ королемъ, на »защиту Украины отъ Поляковъ мушкетомъ и саблею« — бѣжалъ на Запорожье и, укрѣпляясь на Днѣпровскомъ острову, велъ переговоры съ Потоцкимъ, — тогда современники-Поляки

заговорили такъ: »вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе!« — или: »комиссія должна судить полковниковъ и самого комисара, которые наварили этого пива!« а они еще и не предвидѣли, какъ это пиво выпьется. А Потоцкій—*розумъ-жиноцькій*, ускользнувшему отъ его рукъ Хмельницкому, предлагалъ выйти мирно изъ Запорожья, *увѣряя* его *своимъ словомъ*, что не спадетъ и волосъ съ головы его.... Повѣрилъ бы его слову Богданъ послѣ того, какъ и Тарасъ и Павлюкъ попали на Варшавскую плаху, положась на такое же увѣрительное слово, и съ козаками продолжалось тóже, чтó въ 1252 году случилось съ княземъ Даниломъ Романовичемъ, по выраженію древней лѣтописи Волынской: »Ляхове же обѣщашася, но не исполниша«.

Мой разборъ характеристики Богдана конченъ; смотрите и рѣшайте: чтó въ немъ есть справедливаго, и чтó ошибочнаго; отъ послѣдняго — я отступлюсь охотно.... А между тѣмъ перехожу къ вашему »объясненію«, чтобы сказать на него мое отвѣтное слово о до-гетманской жизни Богдана.

М. Максимовичъ.

5 декабря 1860.
Михайлова-Гора.

(Продолженіе впредь.)

ОТВѢТЪ

НА ВЫХОДКИ ГАЗЕТЫ (КРАКОВСКОЙ) »CZAS« И ЖУРНАЛА »REVUE CONTEMPORAINE«.

Посу́нься, Ля́ше,—най Ру́синъ ся́де.
Галицкая пословица.

»На-вѣщо ви, Ляхи́, принеслѝ намъ сі цяцькѝ?... Ма́йте ви собѣ свою́ Польщу, а на́мъ Украі́на нехай зостае́тця.«
Слова́, сказанныя польскому послу, Киселю, на радѣ у Богдана Хмельницкаго.

Едва только мы успѣли написать (въ послѣднемъ № »Современника« прошлаго года) опроверженіе на статью г. Падалицы, какъ случайно попавшіеся намъ въ руки—256 №1860 г. газеты »Czas (Время)« и 210 №(31 декабря) »Revue Contemporaine«— вызываютъ насъ вновь на полемику противъ анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь.

Въ 256 № Czas'а извѣщается о выходѣ въ свѣтъ книги La Russie Rouge, гдѣ, какъ выражается означенная газета, высказаны домогательства на присоединеніе Червоной Руси къ Россіи на томъ основаніи, что это земля Русская и Славянская. Мы не знаемъ »La Russie Rouge«, да намъ до нея и дѣла нѣтъ; тѣ же, кто знакомъ съ этой книгой, сколько намъ извѣстно, отзываются о ней вовсе неодобрительно. Но газета Czas касается вопроса, по поводу котораго мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать замѣчаніе. Она объясняетъ намъ, что »Русскіе не знаютъ, что́ такое *Русь;* что Русь не есть Россія, а Польша, и что Россія—страна не Славянская, а Русскіе сами не знаютъ, что́ они такое.« Выписываемъ слово-въ-слово эти выраженія подлинника, потому что въ точности пересказаннаго нами въ переводѣ могутъ усомниться, по крайней нелѣпости приведенной фразы: »autor zapomina, że Ruś nie jest Rosyą,— że jest Polską, i że Rosya nie jest Słowiańska, — nie wiedzą czém są i czém jest Ruś.« Такого рода мнѣнія совѣстно опровергать, но нельзя оставаться безмолвнымъ, когда они высказываются—умышленно, или

по невѣжеству — устами многихъ польскихъ патріотовъ вслухъ всей Европы.

Можно согласиться, что *Русь* была *Польшей*, если принимать послѣднее имя въ государственномъ смыслѣ и опираться на то, что Русь принадлежала нѣкогда Польшѣ, — также точно какъ и Польшу можно, на томъ же основаніи, назвать Россіей. Но кромѣ государственной связи есть связь внутренняя, народная: она только и можетъ служить ручательствомъ прочности государственныхъ сложеній. Русь Червоная, въ народномъ смыслѣ, есть *Русь*, слѣдовательно — и Россія. Названіе: Русь — не мѣстное, а общее для всей суммы Земель Восточныхъ Славянъ, въ глубокой древности сознавшихъ свое взаимное сродство и образовавшихъ удѣльную федерацію. Сначала имя Руси давалось Землѣ Полянъ (Землѣ Кіевской), гдѣ зародилось зерно этой связи, а потомъ оно перешло на всѣ Земли, вошедшія въ эту связь. Русь Червоная была Земля Русская, — точно такая же, какъ и Рязань и Великій Новгородъ и Псковъ и Тверь и Полоцкъ,—всѣ онѣ были связаны одинаково сознаніемъ единства, вѣрою, книжнымъ языкомъ, сходными основами общественнаго устройства и институціею единаго правительственнаго рода. Печальныя внѣшнія событія не дали этому складу Русскихъ Земель развиваться въ строгой гармоніи федеративнаго начала. Внѣшніе признаки ихъ связи порвались; внутреніе — остались до-сихъ-поръ неизмѣнны.

Недавно получены были у насъ изъ Червоной Руси стихи, написанные по-польски, подъ названіемъ: »*Niema Rusi*. Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860.« (*Нѣтъ Руси*. Отвѣтъ на памфлеты Поляковъ, выставляемые въ Львовскомъ университетѣ.)

Вотъ точный переводъ этого стихотворенія (¹):

»Удивительно, зачѣмъ ты такъ пламенно желаешь обратить къ Польшѣ неподатливую Русь! Зачѣмъ прилагать объ этой Руси такое стараніе, зачѣмъ и себя и ее тревожить памфлетами? Вѣдь *Руси нѣтъ* въ ея

(¹) Приводимъ его и въ подлинникѣ:

NIEMA RUSI!

Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860 r.

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą;
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyć,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?

древней столицѣ... развѣ только какихъ-нибудь триста Русиновъ въ университетѣ!

»Нѣтъ, нѣтъ Руси!... а между тѣмъ совѣсть пугается при одномъ о ней напоминаніи! вѣрно, Ляхъ, какіе-то непріятныя сновидѣнія, темные призраки безпокоятъ, по цѣлымъ ночамъ, твое *толерантное* воображеніе. Не тревожься, братъ, — Руси нѣтъ: твой великій Казимиръ заключилъ ее въ гробѣ, привалилъ камнемъ и самъ сѣлъ на ея могилѣ; себѣ взялъ ея жизнь, тебѣ завѣщалъ ея гробницу!

»Говорятъ, послѣ оныхъ временъ Казимира, *навь* (1) Руси долго скиталась по лѣсамъ и цѣлые вѣка́ стонала въ безлюдныхъ пустыняхъ, а потомъ снова ожила на мгновеніе — въ Козакахъ...

»Говорятъ, что въ Варшавѣ поблѣднѣли сенаторы, когда этихъ русскихъ упырей привели въ оковахъ; но — написали *Любельскую Унію*, и доколотили ею лежавшее въ гробѣ крѣпкое тѣло Руси; а послѣ того ужъ было нетрудно, въ глазахъ сейма — сжечь упыря-Павлюка (2) въ мѣдномъ волѣ.

Wszakże »Rusi niéma« w dawnej jej stolicy, —
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!

»Niéma Rusi, niéma!« a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją, straszą
Twoję wyobraźnię tolerancką, laszą.

Nie trwóż się, mój bracie, — wszakże Rusi niéma:
Wielki twój Kazimierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie, — grób zapisał tobie!...

Mówią, że po owych Kazimierza czasach
Długo upior Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki stękał po odludnych szlakach,
Aż tam znowu odżył na chwilę — w Kozakach....

(1) Слово — upior — бродящій (живой) мертвецъ, — мы переводимъ древне-славянскимъ словомъ: *навь*, (существовавшимъ и въ южно-русскомъ языкѣ). Оно значило именно мертвеца, выходящаго изъ могилы (см. у Іоанна, Экзарха Болгарскаго).

(2) По народной пѣснѣ — не Павлюка, а Наливайка. Фактъ, не подтверждаемый историческими доказательствами.

»Говорятъ, что вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ-то на берегахъ Днѣпра, русскіе упыри снова стали строями; подобно нездоровому вѣтру понеслись полки ихъ, съ крестомъ схизмы въ рукахъ, на бой подъ Зборовъ; были виданы толпы ихъ и подъ Збаражемъ... но—изгладимъ изъ памяти такія событія.

»Говорятъ, что послѣ того эти привидѣнія исчезли, но съ ними отпала отъ Польши и часть ея тѣла. Съ тѣхъ поръ стали пугаться тѣни Руси и имени ея не вспоминали на сеймахъ, а только по временамъ, какъ бы мимоходомъ, что-то говорили съ народомъ — о Гайдамакахъ....

»Эти времена миновались! И не для чего бы ихъ вспоминать.... еслибъ не черезъ Русь-то и Польшу разорвали. За оскорбленіе Руси, отъ смерти Богдана все растравляется рана Польши; — — — —

»А теперь, говорятъ, въ поздніе вечера навь Польши сходится съ навью Руси: первая — въ кунтушѣ и съ саблей при боку, другая — въ сѣрмягѣ, и со слезами на глазахъ. Первая и по смерти сохраняетъ гордый видъ,—равенство и братство гласитъ предъ Европой, а потихоньку говоритъ Русину: »Назадъ, хамъ! будь Полякомъ: не то—я дамъ тебѣ почув-

---

Mówią, że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łańcuchach przywiedli;
Ależ napisano uniję Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielsko,
Więc pod okiem sejmu już wcale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora-Pawluka....

Mówią, że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregach;
Z krzyżem szyzmy w ręku—powietrzem niezdrowem
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarażem, —
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.

Mówią, że już potem zczezły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspominano w sejmie jéj imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem....

Minęły te czasy, — wspomnąć by nie warto,
Gdyby nie przez Ruś-to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi — od śmierci Bohdana

ствовать свою руку!« а Русскій упырь, этотъ вѣковой слуга, прикидывается Ляхомъ и голову склоняетъ, но мысленно — какъ обыкновенно рабъ въ испугѣ — шепчетъ самъ себѣ: *брáте, не вірь Ляху!*

»Такъ-то, любезный товарищъ! вотъ тебѣ маленькое изображеніе этихъ двухъ мертвецовъ, что тебѣ спать не дали. Братъ, посмотри на это изображеніе, — оно не для шутки написано; вглядись добросовѣстно въ страницы польской исторіи и, можетъ быть, ты наконецъ поймешь что памфлеты не воскресятъ уже той Польши, которая нѣкогда, на развалинахъ Руси, воздвиглась изъ ничтожества и возрасла и оперилась отъ русскихъ костей и русской крови....

»Нѣтъ уже той Руси... только въ сельскихъ хатахъ бродятъ живые мертвецы въ изорванныхъ одеждахъ. Оставь же ихъ въ селахъ, среди нужды и голода, и никогда не дозволяй имъ входить въ старый городъ, гдѣ нѣкогда властвовалъ князь Левъ, говорившій *по-русски* со своимъ народомъ. Опасно вводить нахальныхъ бродягъ въ катакомбы Руси и допускать ихъ къ славнымъ памятникамъ: можетъ статься, что посреди катакомбы

Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana....

— — — — — — —

Owoż dzisiaj prawią, że późnym wieczorem
Upior Polski z Rusi schodzi się upiorem:
Ów pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,
Ów drugi w siermiędze i ze łzami w oku.
Pierwszy — choć za grobem — dumne czoło nosi,
Równość i braterstwo przed Europą głosi,
Ale Rusinowi mówi: »Wara, chamie!
Bądź Polakiem, — albo dam poczuć me ramię!«
A zaś ruski upior — służalec wiekowy —
Staje niby Lachem, i nachyla głowy;
Ale zcicha — zwykle jak sługa w przestrachu —
Szepcze w duchu k' sobie: »Brate, ne wir Lachu!«

Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,
Zdjęty z tych upiorów, co ci spać nie dały.
Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,
I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,
A może nakoniec poznasz, że plakaty
Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty
Na ruinach Rusi dzwigła się z nicości,
I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości....

раздастся русскій голосъ, какъ звукъ той трубы, которая воскрешаетъ умершихъ, будитъ ихъ къ жизни и обращаетъ трупы въ живыхъ Русскихъ людей.

»Но теперь — нѣтъ Руси! И даже имя ея страны не осталось между чужими названіями; польскіе мудрецы пишутъ, что Львовъ, Подоль, Волынь, Украина — что все это — Польша!

»И такъ, нѣтъ Руси; нѣтъ ея въ головѣ польскихъ журналистовъ, и въ ополяченномъ Львовѣ... нѣтъ и Русскаго языка, ибо даже его буквы графъ Голуховскій замѣняетъ польскими.

»Нѣтъ Руси, нѣтъ! Вычеркните ее изъ книгъ.... хоть и есть Русскихъ хлоповъ милліоновъ съ пятнадцать... Нѣтъ Руси, нѣтъ! хоть есть и долженъ быть вѣчный протестъ Руси противъ Польской власти!«

Dziś tej Rusi niéma, — tylko w wiejskich chatach
Włóczą się upiory jej w podartych szatach;
Zostaw ich na siołach, pośród nędzy, głodu,
Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu —
Do starego grodu, w którym niegdyś władał
Książe Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał....
Niebespiecznie wwodzić włóczęgów natrętnych
W katakomby Rusi do pamiątek świetnych;
Bowiem stać się może, że śród katakomby
Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...!

Lecz dziś Rusi niéma! i nawet jej Ziemi
Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
Polskie mędrcy piszą: »Lwów, Ziemia Podolska,
Wołyń, Ukraina — że to wszystko — Polska!!..

A więc niéma Rusi, bo jéj niema w głowie
Dziennikarzów polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
Niéma ruskiej mowy, — bo nawet jéj zgłoski
Zamienia polskiemi hrabia Gołuchowski!..

Niéma Rusi, niéma! — z książek ją wymażcie, —
Choć jest ruskich chłopów miljonów piętnaście!
Niéma Rusi, niéma! — choć jest i być musi
Przeciw rządom Polski wieczny protest Rusi!...

Повторяемъ, намъ нѣтъ дѣла до политическихъ стремленій; но это стихотвореніе, присланное къ намъ съ просьбою—»*напечатать его,—за что̀ будутъ благодарны 3 милліона Русиновъ*«, довольно ясно показываетъ, что этнографическое и историческое сознаніе единства Червоно-русской Земли съ остальною Русью не исчезло и до настоящаго времени, не смотря на всѣ иноплеменныя усилія.

Авторъ говоритъ, что *они* (кто̀ это? Великоруссы?) сами не знаютъ, что̀ такое Русь и что̀ они такое; утверждаетъ даже, что Россія — не славянская страна; но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы однако догадываемся, по прежнимъ теоріямъ, что̀ это значитъ. Не разъ думали унизить Великоруссовъ, провозвѣщая, что они — не Славяне, а Финны. Еслибъ это была и правда, то развѣ есть въ этомъ что̀-либо унизительное? Нелѣпо и нечеловѣчно отзываться съ презрѣніемъ о какомъ бы то ни было племени. Для Великоруссовъ не составляло бы ни малѣйшаго стыда быть Финнами, Татарами, хоть Калмыками, еслибъ они дѣйствительно ими были, и вопросъ можетъ разсматриваться безъ всякой примѣси донкихотовской національный гордости.

Великоруссы — не Финны, а Славяне, потому что не знаютъ Финскихъ нарѣчій, а говорятъ Славянскимъ. Правда, крови финской много вошло въ великорусскую, но она ассимилировалась славянскою. Подмѣсь финскаго племени не осталась безъ нѣкотораго вліянія на матеріальный и интеллектуальный строй великорусскаго народа, но господство осталось за Славянскою стихіей. Мы не можемъ назвать Славянами Меклембургцевъ на томъ лишь основаніи, что ихъ предки нѣкогда были Славяне,—хотя славянское происхожденіе Меклембургцевъ видно и въ ихъ перерожденномъ видѣ: тѣмъ не менѣе какъ ни разсуждай, а все-таки они останутся нѣмцами. Такъ же точно мы не считаемъ русскими тѣхъ фамилій, которыя давно уже ополячились. Забытое происхожденіе ничего не значитъ, и можетъ составить сущность только археологическихъ разсужденій.

Притомъ же, финскаго элемента вошло въ великорусскую народность не столько, чтобъ даже физіологически можно было назвать Великоруссовъ болѣе Финнами, чѣмъ Славянами,—вошло несравненно менѣе, чѣмъ славянскаго элемента въ нѣмецкомъ племени нынѣшней прибалтійской Нѣмеччины. Уже въ IX вѣкѣ широкій бассейнъ Оки былъ заселенъ Славянскимъ племенемъ Вятичей, которые, по своимъ преданіямъ, вели происхожденіе отъ Ляховъ. Вятичи, безъ сомнѣнія, и составляютъ зерно Великорусской народности. На сѣверѣ, въ незапамятное время, поселилась

вѣтвь южнорусскаго племени, — часть Русиновъ, какъ показываетъ ея нарѣчіе, — вѣтвь, образовавшая Землю Новгородскую. Восточная Россія, страна Суздальско-Ростовская и Бѣлозерская, также въ глубокой древности, приняла въ себя Славянскій элементъ; даже во время призванія Прусско-варяжскихъ князей подъ именемъ Веси и Мери, по всѣмъ вѣроятіямъ, надобно разумѣть Славянъ, поселившихся въ этомъ краю и усвоившихъ ему древнія этнографическія и географическія названія: самыя имена — Ростовъ и Бѣло-Озеро достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Вскорѣ затѣмъ мы уже видимъ въ этой странѣ одну Славянскую народность, такъ-что финскія племена, давшія, въ доисторическое время, названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, — уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку. Съ одной стороны, племя Вятичей, слѣдуя въ своемъ разселеніи отъ запада къ востоку, занимало эти страны, съ другой — туда двигались, съ сѣвера, Новгородскіе переселенцы. Только послѣднимъ и объясняется фактъ, почему около Бѣлаго-Озера нарѣчіе — Новгородское, тогда какъ самая страна не составляла Новгородскихъ владѣній. Этимъ объясняется также извѣстіе, сохраненное въ житіи святаго Всеволода-Гавріила, — отчего даже въ XII вѣкѣ прорывался у Новгородцевъ взглядъ на Ростовскую землю, какъ на свою принадлежность. Наконецъ Славянскій элементъ въ этихъ краяхъ водворялся, подвигаясь съ юга, особенно въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, когда бури, волновавшія южный край, заставляли народъ и южную его цивилизацію искать убѣжища въ болѣе спокойной странѣ. Такимъ образомъ составилась Великорусская народность, народность самая поздняя, но ясно показывающая въ себѣ перевѣсъ славянскихъ началъ. Финскія племена ассимилировались только отчасти; гораздо въ бо́льшихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва подвинулась, въ началѣ XVIII вѣка, въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространившееся русское народонаселеніе. Печальная правда, а дѣть ее негдѣ: Восточно-тюрко-финскія племена въ Россіи очень часто, подобно аборигенамъ Америки, столько же вымирали и исчезали, сколько ассимилировались, но и тамъ, гдѣ ихъ столкновеніе со славянскою стихіей повлекло за собою болѣе мирное слитіе, они слишкомъ мало внесли изъ старой жизни въ новую, такъ мало, что въ краяхъ Пензенскомъ, Тамбовскомъ, Нижегородскомъ, гдѣ произошло наибольшее ассимилированіе — въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ мало такого, что́ бы напоминало древнее иноплеменное происхожденіе,

въ сравненіи съ признаками Славянской народности. По всѣмъ этимъ даннымъ, мы не можемъ назвать Великоруссовъ, даже съ физіологической стороны, не-Славянами; а о духовной сторонѣ и говорить нечего. Мы сознаемъ важныя народныя особенности отъ другихъ Славянъ въ характерѣ, склонностяхъ, понятіяхъ и образѣ жизни Великоруссовъ, но эти особенности возникли и образовались болѣе отъ географическихъ и историческихъ причинъ, а вовсе не отъ вліянія уральскаго племени. Всего лучше на это могутъ указать особенности, отличающія Великоруссовъ отъ другихъ Славянъ: онѣ состоятъ вовсе не въ тѣхъ чертахъ, какія мы находимъ въ тюрко-финскомъ племени. Предпріимчивость, склонность къ практической дѣятельности, скудость фантазіи, удобоподвижность—вовсе не качества Мордвы, Черемисовъ, Чувашей и вообще тюрко-финскихъ и всѣхъ финскихъ племенъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только видѣлъ и наблюдалъ ихъ.

Рецензентъ Czas'a говоритъ: »исторія лучше означила, что́ нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающихъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетненія (uszlachetnienia), могло бы создать прекрасное и ядрёное (jędrne) тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI вѣку.«

Если бы здѣсь не ссылались на исторію, то, отнеся всю эту тираду къ категоріи политическихъ мечтаній, мы бы ея и не коснулись. Но авторъ говоритъ: »*исторія* такъ означила«. А чѣмъ же она означила (спросимъ у г. автора)? Тѣмъ ли, что эти страны принадлежали нѣкогда Польшѣ, или соединены были съ Польшею? Но противъ этого достаточно указать на то, что страны на правой сторонѣ Двины и Днѣпра послѣ того соединены съ Россіею: вѣдь это тоже *исторія*. Слѣдовательно, когда одна часть исторіи говоритъ та́къ, а другая, позднѣйшая, иначе: то можно ли что́-нибудь строить на такомъ противорѣчіи? Авторъ вправѣ былъ бы сказать: »*исторія такъ означила*« только въ томъ случаѣ, еслибъ исторія указывала на какое либо внутреннее народное сродство, на взаимную симпатію народовъ и на очевидныя потребности края, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ его счастіе. Но исторія намъ показываетъ, что польскій элементъ въ этомъ краѣ высказался въ качествѣ господственнаго, порабо́тительнаго, первенствующаго между туземными народностями, которыя были осуждены прозябать въ тѣсной сферѣ се́льскаго рабства. А ка́къ выразилась симпатія русскаго народа къ Польшѣ, всего лучше объясняется кровавою исторіей XVII вѣка, когда этотъ порабощенный и за-

битый русскій элементъ показалъ признаки самобытной жизни. Что́ касается, наконецъ, до благосостоянія края, то доведенное до скотоподобія положеніе простого народа, заколоченнаго панами, католиками и жидами, въ такомъ видѣ существовавшаго подъ цивилизующей опекой польской, не доказываетъ, чтобъ исторія съ этой стороны что-нибудъ сказала рецензенту въ пользу его »прекраснаго ядрёнаго тѣла.« — Послѣдняя фраза Czas'a непонятна: неужели рецензентъ желаетъ поставить Россію въ то политическое и нравственное положеніе, въ какомъ она находилась въ XVI-мъ вѣкѣ? Мы желаемъ просвѣщенія и благополучія и Калмыкамъ и Бурятамъ и Юкагирамъ: отрадно было бы, еслибъ и они вступили въ жизнь общей цивилизаціи, сообразно потребностямъ XIX, а не XVI вѣка. Желать движенія назадъ какому бы то ни было народу можетъ только узкій, слѣпой, хотя бы и національный, эгоизмъ, чуждый истинному просвѣщенію, и тѣмъ болѣе неспособный устроивать счастье другихъ народовъ.

Обратимся къ Revue Contemporaine. Г. Paul de Saint-Vincent написалъ статью »La Poésie Oukraïnienne.« Довольно намъ случалось читать нелѣпыхъ и фальшивыхъ взглядовъ на нашу народность и на нашу исторію, но это сочиненіе, можно сказать — chef-d'œuvre въ подобномъ родѣ. Неизвѣстно, вычиталъ ли гдѣ г. Saint-Vincent всю дичь, которую написалъ, или самъ составилъ ее, повѣривъ чьимъ-нибудь словамъ, — но съ незнаніемъ исторіи здѣсь сочеталось самымъ нахальнымъ образомъ умышленное извращеніе правды для надувательства европейской публики. Вотъ примѣры: г. Saint-Vincent, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ, что обитатели Украины и другихъ южно-русскихъ мѣстностей — одной вѣтви съ Поляками, разумѣя не то́ единство племенного происхожденія, въ которомъ никогда мы и не сомнѣвались, а совершенное, полное тождество народности, такъ-что кто не знаетъ нашихъ взаимныхъ этнографическихъ отношеній, тотъ можетъ подумать, что жители Варшавы и Кіева также между собой тождественны, какъ жители Москвы и Серпухова. »Нашествіе Варяговъ, а потомъ нашествіе Татаръ (объясняетъ Mr. Saint-Vincent) разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе — безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ, еще въ концѣ XII вѣка, одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшаго надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московіи. Московитяне — народъ племени Уральскаго (1), а не Славянскаго, а потому не

(1) Dans un pamphlet russe recemment publié sous le titre de *la Russie Rouge*, par un étrange oubli de toute science historique, on s'efforce de

имѣютъ ничего общаго съ Русскимъ и совершенно отличны отъ послѣдняго и по происхожденію, и по нравамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ, и наконецъ — по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотятъ ложно доказывать религіозное ихъ единство. Русскій народъ, въ Украинѣ и Южной Руси вообще, всегда стремился къ уніи съ католическою вѣрою и признавалъ первенство папы; напротивъ, Московитяне, какъ народъ азіятскій, упорно отвергалъ всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе Русскаго и навязали ему это названіе произвольно. Это сдѣлала (по г. Saint-Vincent'у) императрица Екатерина II. Она понудила ученыхъ принять свои выдумки на счетъ происхожденія Московитянъ; такимъ образомъ, Московитяне начали называться Русскими, и съ тѣхъ поръ, въ угодность правительству, стали отвергать свое прежнее имя и замѣнили его чужимъ.«

Авторъ очень мило сожалѣетъ о потерѣ »такого славнаго древняго народнаго названія, которое равнымъ образомъ представляло и почтенную старину и содержало въ себѣ зародышъ прогресса и развитія въ будущемъ (1)«, и какъ будто хочетъ убѣдить—перестать называться русскими, и называться Московитянами. Читая статью Revue Contemporaine, можно подумать, что Великоруссы—народъ уральскаго племени,—даже говорятъ языкомъ не славянскаго корня...

Нельзя допустить, чтобы подобныя нелѣпости могли произойти отъ невѣжества, потому что изъ всѣхъ мѣстъ, приводимыхъ здѣсь, видно, что

---

confondre dans une même origine *Slave* les Russo — Moscovites avec les Polonais. Les uns sont de race *Ouralienne*, les autres — de race Arienne. Il y a juste la même différence entre les Russo-Moscovites et les Polonais qu'entre les Arabes et les Français (R. C. 31 décembre 1860)!!

(1) Quant au grand peuple moscovite, que gouvernait la célèbre souveraine, il ne paraît pas avoir fait obstacle à ce changement de nom et répudier volontiers le sien pour plaire à la czarine. Cathérine.... contraignit même quelques savants opiniâtres à adopter ses idées sur l'origine des Moscovites. Dès lors on commença à repousser, et on repousse encore aujourd'hui, le nom de Moscovite dans un pays où ce nom exprime seul une grande nationalité, représente un passé respectable et constitue pour l'avenir un germe de progrès et de développement. On répudie un nom générique s'appliquant à une population homogène de 30 à 40 millions d'âmes, un nom illustré par ses luttes gigantesques contre les Tartares, par des héros, tels que Dimitr Wasilewitch (?) dans la guerre de l'indépendance, par des Minines, des Pozarskis, et enfin de nos jours, en 1812, par des traits d'héroïsme et d'abnégation que le font l'égal des plus fameux; on le répudie pour le remplacer par le mot *Russe*... (Ibid).

авторъ знакомъ со славянскою рѣчью. Мы выше высказали наше мнѣніе объ *урализмѣ* великоруссовъ. Выдумка — считать ихъ народомъ не славянскаго корня — возникла въ заграничной польской литературѣ лишь въ недавнее время; въ старину въ Польшѣ, не сомнѣвались въ единоплеменности Московитянъ съ Поляками и происхожденіи тѣхъ и другихъ отъ одного славянскаго корня. По крайней мѣрѣ, польскій писатель Коховскій, подъ 1658 годомъ, говоря объ универсалѣ короля Яна Казиміра на собраніе сейма, гдѣ предстояло разсуждать о соединеніи Польши съ Московіею, выражается: in quibus (Comitiis) cum eodem principe ac vicina Moschorum natione ex uno eodemque sanguine et originis Slavonici fonte nobiscum de procedente religione, idiomate, moribus, vix in paucis difformibus, in confusionem invidorum universo Slavonico nomini vicinorum perpetua pax, conjunctio ac firmum unionis foedus coalesceret instituereturque (Ann. Pol. 11, 293). Изъ этихъ словъ не заключить ли, что понятія объ этнографіи и древностяхъ славянскихъ народовъ, были гораздо правильнѣе въ XVII вѣкѣ, чѣмъ теперь? При всѣхъ распряхъ и войнахъ не доходили до такихъ дикостей, до какихъ доходятъ въ наше время!

Странно было бы здѣсь доказывать, что южно-русскій народъ — не Поляки; что присоединеніе Червоной Руси и Волыни къ Польшѣ совершилось съ кровопролитіями; что народъ южно-русскій всегда исповѣдывалъ одну вѣру съ велико-русскимъ и вовсе не стремился добровольно къ уніи, а отбивался отъ нея упорно и отчаянно; что, наконецъ, названіе Русскихъ не навязано Великороссіянамъ Екатериною II, а издревле было для нихъ народнымъ отечественнымъ прозваніемъ; что названіе Московіи, правильнѣе — Московщины, могло употребляться только по отношенію къ другимъ этнографическимъ отдѣламъ русскаго міра, а національнымъ названіемъ никогда не было; что иностранцы, называвшіе Южную Русь—Руссіей, а сѣверную—Московіей, намъ не указъ, ибо еще въ XII вѣкѣ митрополиты наши титуловались митрополитами *всея Русіи*, разумѣя подъ этимъ весь кругъ Русскихъ Земель, связанныхъ единствомъ княжескаго рода и церковнаго управленія.

Доказывать всего этого не станемъ, какъ равно и опровергать голословныхъ нелѣпостей (1); но скажемъ польскимъ *такъ-называемымъ*

(1) Кромѣ вышеприведенныхъ, укажемъ еще на повторяемыя авторомъ басни: что »нѣкій Лехъ, по имени Симеонъ, въ X вѣкѣ (!), положилъ начало польскимъ козакамъ, т. е. Запорожцамъ;« что »Запорожцы набирались между Поляками съ береговъ Вислы, или — что выходитъ на-одно — между Русинами съ Днѣпра и Днѣстра«, и т. п. (Тамъ же, стр. 619).

патріотамъ вотъ-что́: неужели вы думаете, что извращеніемъ правды можно выиграть въ какомъ бы то ни было вопросѣ? У насъ, которыхъ вы считаете тождественными съ собою, есть пословица (на своемъ, а не на вашемъ, языкѣ): *брехнéю свíтъ прóйдешъ, та назáдъ не вéрнесся!* Если бы вы и нашли по себѣ въ Европѣ читателей, которые повѣрятъ вамъ на слово, то все-таки это обольщеніе не будетъ продолжительно. Испытавъ, что вы способны, для своихъ цѣлей, провозвѣщать умышленную неправду, Европа не станетъ вамъ вѣрить уже ни въ чемъ и вы разыграете роль пастуха въ баснѣ, который ради шутки скликалъ народъ на волковъ, когда въ самомъ дѣлѣ волковъ не было, а впослѣдствіи никого не могъ призвать себѣ на помощь, когда волки дѣйствительно напали на стадо. И что́ вы думаете выиграть, утверждая, что великорусскій народъ уральскаго происхожденія? Этимъ не выкинете его изъ Славянской семьи, откуда бы ни происходили его предки. Будуть ли Великоруссы — ославянившіеся Уральцы, или смѣсь племенъ, или — что́ всего вѣрнѣе — Славянское племя съ примѣсью чудскаго и тюркскаго, они все-таки останутся тѣмъ, чѣмъ они теперь, т. е. Славянами, потому что говорятъ нарѣчіемъ славянскаго корня и никакъ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ, по вашимъ предположеніямъ, были въ незапамятныя времена. Или, быть можетъ, вы хотите унизить этимъ Великороссіянъ? Но однимъ такимъ побужденіемъ вы показываете крайнюю собственную односторонность и неспособность — выступить изъ тѣсной національной исключительности въ кругъ болѣе широкихъ, возвышенныхъ, общечеловѣческихъ понятій. Какъ отдѣльнаго человѣка нельзя унизить происхожденіемъ, такъ и цѣлаго народа. — Вопросъ о томъ, какую связь имѣетъ великорусская народность съ уральскимъ племенемъ и какія стихіи вошли въ нее изъ послѣдняго, долженъ разсматриваться совершенно отдѣльно отъ всякихъ вашихъ предразсудочныхъ воззрѣній, ибо онъ не имѣетъ къ нимъ отношенія.... Доказывать, что Великороссіяне должны называть себя не Русскими, а Московитянами, на томъ основаніи, что вамъ такъ хочется, все равно, что требовать, чтобъ Итальянцы называли себя Влохами, потому что на польскомъ языкѣ они такъ называются, или если бы Французы начали домогаться, чтобъ Нѣмцы себя называли Аллеманами. Мы просимъ васъ — представьте намъ доказательства, что великороссійскій народъ не называлъ себя Русскими, а Московитянами, и что Екатерина II принудила его принять новое имя. Любопытно было бы выслушать такія доказательства. Но, къ сожалѣнію, мы напередъ увѣрены, что у васъ не найдется такого смѣльчака: подобныя поло-

женія легко писать изъ собственной фантазіи, а фактически доказать нечѣмъ. —

Провозгласивъ тождество польскаго и южнорускаго народа, будетъ уже послѣдовательно — дать Богдану Залѣсскому значеніе Украинскаго поэта и увѣрять, что его читаетъ и любитъ народъ русскій. На самомъ дѣлѣ—не то. Богданъ Залѣсскій есть поэтъ Поляковъ, живущихъ въ Украинѣ, читается польскимъ населеніемъ, состоящимъ почти исключительно изъ дворянства, и отнюдь не можетъ возбуждать сочуствія въ томъ, кто сохраняетъ въ душѣ своей стихіи южнорусской народности, взлелѣянной историческими воспоминаніями и тѣсной связью съ существующимъ поколѣніемъ народа. Его польскій патріотизмъ, который насильственно привязывается къ Украинѣ, далекъ отъ того, чтобъ возбудить симпатію южнорусса; напротивъ, онъ дѣлается для него несносенъ именно тѣмъ, что обличаетъ намѣреніе провести затаенную мысль, — внушая увѣренность въ томъ, что бѣлое — черно, а черное — бѣло! Мы не отрицаемъ поэтическаго таланта Богдана Залѣсскаго, хотя вообще нельзя не признать, что онъ больше щеголяетъ блестящею фразеологіей и яркостью красокъ, чѣмъ глубиною мысли, теплотою чувства и внутреннимъ изяществомъ склада своихъ образовъ, но ужь никакъ не можемъ видѣть въ немъ сколько-нибудь украинскаго народнаго поэта. Онъ любитъ украинскую природу, живописуетъ ее подробно, но рѣдко удается ему стать на точку созерцанія, присущаго Южноруссу; онъ любитъ народныя пѣсни, подражаетъ имъ, нерѣдко цѣликомъ переводитъ ихъ, но не продолжаетъ ихъ бытія своимъ творчествомъ, что̀ можно сказать о Шевченкѣ, у котораго рѣдко (только въ слабѣйшихъ произведеніяхъ) можно найти повтореніе взятаго изъ запаса народной поэзіи, или что-нибудь написанное, какъ говорится, въ народномъ тонѣ; но у котораго лучшія стихотворенія таковы, что народъ, развивая свое творчество въ поэтическихъ созданіяхъ далѣе, могъ бы творить только такъ, какъ Шевченко.

У Залѣсскаго нѣтъ ничего подобнаго. Весьма немногіе изъ южноруссовъ знаютъ его, и не только не считаютъ его народнымъ поэтомъ, но даже такимъ, который бы возбуждалъ къ себѣ сочувствіе любовью къ украинской народности. Его знаютъ только тѣ, кто знакомъ съ польскою литературою, и знаютъ какъ польскаго поэта, чуждаго намъ, и болѣе чуждаго, чѣмъ, напримѣръ, Мицкевичъ. Послѣдній,—великій творецъ и художникъ,—касаясь бѣлорусской народности, близкой и родственной съ южнорусскою, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ несравненно спо-

собнѣе Залѣсскаго напомнить южнорусскому сердцу его жизнь и возбудить въ немъ сочувствіе. Да и вообще польская народность имѣетъ съ южнорусскою большое сходство; польская поэзія можетъ отозваться родственно душѣ Южнорусса, но ужь никакъ не съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ заходятъ Поляки. Стараніе представить въ свѣтломъ видѣ такія историческія воспоминанія, какъ напримѣръ Унія, которыя Южнорусамъ ненавистны отъ предковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельщать ихъ идеаломъ отдѣльнаго, въ соединеніи съ Поляками, государства, — такіе пріемы поведутъ единственно къ тому, что древняя несчастная непріязнь наша къ Полякамъ будетъ находить себѣ пищу,—чего мы отнюдь не хотимъ и не хотѣли. Для насъ ничего не можетъ быть желаннѣе изгнанія изъ сердца старинныхъ печальныхъ воспоминаній, утвержденія братской любви и духовнаго согласія съ Поляками; но пусть же они возлюбятъ и *уразумѣютъ* историческую *истину*: только *истина* содѣлаетъ ихъ *свободными*,—свободными отъ всякихъ искуственныхъ передѣлокъ и поддѣлокъ историческихъ событій: отъ оправданія Уніи, отъ восхваленія былого господства своихъ началъ надъ нашимъ народомъ и отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически въ междоусобіяхъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, — не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *гуля́й-городи́нъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, къ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ Исторіи, противъ того—Исторія. Противъ такого рожна трудно прати.

Н. Костомаровъ.

14 января, 1861 г.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ВЫСТАВКИ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Нельзя не порадоваться, что художники *начали* обращаться къ *народной* жизни, которая болѣе знакома и болѣе близка, какъ имъ самимъ, такъ и публикѣ. Душевно радуемся этому пробужденію: тутъ пахнетъ весной, обновленіемъ! Молодая жизнь, могучая, полная силы, мало-помалу вытѣсняетъ безплодное устарѣлое начало. — Или жизнь нашего художества только отголосокъ западнаго? Перевороты, совершившіеся въ художествѣ, быть можетъ, отозвались у насъ только эхомъ, дошли до насъ едва волнующимися кругами?

Такъ долго бывъ разъединено съ жизнію, оторвано отъ нея, художество начинаетъ сознавать свое болѣзненное состояніе и современныя требованія; оно прислушивается къ біенію общественнаго сердца, сочувствуетъ жизни, начинаетъ сплавляться въ одно тѣло съ обществомъ. Плоды такого направленія должны быть самые благодѣтельные. Сливаясь съ жизнію народа, художество получитъ отъ него силу; слово художества станетъ живымъ для каждаго. Таланты, въ свою очередь, будутъ вдохновлять и поддерживать народную жизнь, напоминая народу высокія и прекрасныя явленія его духа. Были у насъ и прежде произведенія, взятыя изъ жизни, но ихъ было такъ мало, и они появлялись такъ рѣдко, что, вслѣдъ за появленіемъ, забывались совершенно, подавляемыя страшною массой Плутоновъ, Кентавровъ и прочими, нелѣпыми, колосальными, произведеніями. — Какъже не радоваться, что живой интересъ вытѣсняетъ мертвечину, что искусство дѣлается выраженіемъ жизни? Какъ не радоваться, что и Академія, наконецъ, даетъ

право существовать подобнымъ произведеніямъ, и уже не клеймитъ ихъ презрѣніемъ, — хотя все еще не рѣшается сравнять въ правахъ съ живописью »исторической?« Что́ за названіе! что́ за преимущество этимъ мертвымъ произведеніямъ, этому ошибочному направленію? Будто изображеніе близкой намъ, дѣйствительной жизни не требуетъ рисунка тоньше и серьёзнѣе? Будто презрѣнная, обыденная жизнь не составляетъ всего, не есть *исторія*, и будто исторія не была и не есть обыденная жизнь? Будто можно быть художникомъ исторіи народа, не зная его быта, его нравовъ, не изучивъ его пѣсенъ, понятій, желаній, словомъ — его обыденной жизни? Эта обыденная жизнь есть слѣдствіе прошедшаго, — она источникъ и сила будущаго.

Эта жизнь въ художествѣ, начавшаяся такъ скромно, такъ убого, съ Венеціанова, со Штернберга, излилась желчью у Федотова — и затихла. Но въ этой тишинѣ она не остановилась. Отъ даннаго толчка начинается направленіе и оно ростетъ годъ отъ году; камень, бывшій въ пренебреженіи, поставляется »во главу угла«.

Послѣдняя выставка представила намъ 33 сюжета изъ народной велико-русской жизни и 4 — изъ жизни южно-русской. Кромѣ того, помѣщено много рисунковъ изъ народной жизни въ повременныхъ изданіяхъ. Правда, не всѣ они хороши, почти всѣ слабы и неинтересны; но это — *начало*, и мы радуемся тому, что художество начинаетъ сочувствовать жизни; что, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, оно даже проникаетъ въ эту жизнь и служитъ ей съ любовью, съ пониманьемъ ея святыни.

Почему, однако, и художество начинаетъ обращаться къ народу южно-русскому? Толчекъ ли это литературный, безотчетное ли влеченье, сознательная ли потребность духа?...

Общество желаетъ, требуетъ художества *народнаго;* академія хотя и съ болью въ сердцѣ, но разстается съ циклопами, вызываетъ молодежъ на сюжеты изъ народной жизни; и вотъ художники, почти неприготовленные къ этому, пишутъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ, *народъ*, какъ писали Вулкана, Цирцею, портреты и иконы. Горе въ томъ, что молодежью еще движетъ не собственное сознанье, не любовь или влеченье, а чинъ, званіе, медаль, деньги! — Слѣдствіе этого то́, что публика, подходя къ картинѣ съ біеніемъ сердца, отходитъ отъ нея равнодушная, или (еще хуже) выноситъ каррикатурное впечатлѣніе о жизни народа; болѣе-жъ робкіе заглушаютъ свое пробудившееся негодованіе несчастнымъ сознаніемъ своей мнимой ошибки, отказываясь отъ собственнаго впечатлѣнія, и покоряясь приговору Академіи,

какъ высшей инстанціи. Хотѣлось бы ихъ ободрить, убѣдить ихъ — не заглушать движеній своей души, но развивать его, сберегать впечатлѣнія, столь часто нѣжныя и вѣрныя, плодъ простой, наивной жизни. Чистосердечный взглядъ, личное непосредственное чувство, для насъ дороже и выше приговора академическаго, извѣстнаго намъ уже заранѣе,— какъ итогъ извѣстнаго образа мыслей.

Требованія академій образовались — 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ не развивались, не сдѣлали шагу впередъ, и потому, конечно, не согласуются съ современными требованіями. Приговоръ »академій« однообразенъ, и не только не есть приговоръ непогрѣшимый, но, напротивъ, часто служитъ *похвалою*. Ссылаемся на здравый смыслъ, на исторію *всѣхъ* академій и на біографіи знаменитыхъ художниковъ. Всѣ »*академисты*« составляютъ одну формулу, — личности ихъ сгладились и не имѣютъ никакого разумнаго значенія въ исторіи художества.

Академіи, отчужденныя отъ движенія жизни, могутъ помогать развитію художества развѣ отрицательно. Замкнутость мертвитъ ихъ; правила ихъ годны только для бездарности.

Итакъ, пусть каждый разбираетъ самъ, и высказываетъ свои требованія; только тогда мы будемъ ближе и ближе къ правдѣ.

Недавнія измѣненія прежняго порядка, въ *нашей* академіи, возбуждаютъ въ насъ—не опасенія за дальнѣйшее движеніе художества въ Россіи, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а напротивъ—вѣру въ его развитіе. Академія сближается съ современными вопросами въ художествѣ, съ потребностью жизни, заявляетъ готовность идти впередъ.

Произведенія художества заключаютъ въ себѣ свою словесность: художники давно разрѣшаютъ вопросъ за вопросомъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ; они живутъ кипучею жизнью міра; а академіи отстали отъ жизни со дня своего рожденія. Начало сознанья въ безполезности прежняго направленія, въ потребности обновленья, едва-ли не принадлежитъ *нашей* Академіи, ибо она уже бросаетъ свой педантическій взглядъ; ея желѣзная, скованная исторіей запада, форма — треснула; она отказывается— самоувѣренно отливать молодежь въ приготовленную форму; она не хочетъ болѣе посягать на уничтоженіе личностей, и ежели предоставитъ вполнѣ свободное развитіе художникамъ, служа для нихъ только опорой и помощью, то совершитъ подвигъ, окажетъ дѣйствительную заслугу.

Разрывъ теперешней академіи съ прежнимъ направленіемъ есть ея перерожденіе, — лишь бы она, сдѣлавъ шагъ впередъ, не остановилась и вновь не стала вѣрить въ свою непогрѣшимость и въ свое совершенство,

какъ вѣрила до послѣдняго времени. Слѣдствіе прежняго застоя и самоувѣренности мы видимъ въ грустномъ результатѣ, въ полномъ къ ней равнодушіи и даже насмѣшкахъ надъ нею. Безполезность и вредъ подобнаго существованія очевидны. Что произвела Академія, кромѣ несчастнаго однообразія? Гдѣ тѣ люди, о которыхъ она говорила нерѣдко съ такими рукоплесканіями, — на которыхъ возлагала столько надеждъ?! Имена ихъ забыты; они гибли, уносимые потокомъ жизни. Ихъ программы, какъ могильныя доски, говорятъ только о быломъ существованіи. Обновленная Академія, безъ сомнѣнія, не успокоится на томъ, что измѣнила уставъ. Этого недостаточно! Создавайте вновь, имѣя въ виду одну цѣль — развитіе художества, и ничего другаго. Не стѣсняйте себя никакими узкими рамами, никакими ложно-понятыми патріотическими чувствами....

Нѣкоторые спрашиваютъ, не помѣшаетъ ли *жизненное* направленіе искусства совершенству *рисунка*, знанію анатоміи? Не поглотитъ ли развитіе духа — формы? — Нѣтъ. Чѣмъ могуче духъ, тѣмъ совершеннѣйшей онъ требуетъ формы. Потребность развитой и осмысленной формы заставитъ художника усилить занятія; онъ непремѣнно станетъ писать и рисовать съ натуры, а это дастъ ему знаніе, слѣдовательно и *умѣнье* — ясно, скоро и вѣрно высказывать свою мысль. Пусть только этюды будутъ для него не цѣлью занятій, а средствомъ къ выраженію мысли и чувства. Это азбука для художественнаго творчества. Чѣмъ болѣе художникъ будетъ работать изъ жизни, тѣмъ болѣе онъ пойметъ необходимость этого ученья, тѣмъ сильнѣе и разумнѣе станетъ изучать природу, и уже не слѣпо, не только вѣря на-слово, но чувствуя полную необходимость этого знанія; онъ будетъ вести черту, класть краску, изучать свѣтъ, сочинять, давая себѣ полный, сознательный отчетъ. Тогда онъ убѣдится, что въ художествѣ важно не »*что*«, а »*какъ*«: въ этомъ и сила художественнаго произведенія. Конечно, соединенье того и другаго лучше, но это уже вѣнецъ художества. Возьмите мысль какую угодно, — но если вы не съумѣете ее выразить, не находите соотвѣтственныхъ ей словъ — никто васъ слушать не станетъ. Мало ли у кого въ сердцѣ есть и разсказъ, и мотивъ, и картина? Но воплотить ихъ можетъ только художникъ. Художникъ не только чувствуетъ, но и *передаетъ* чувствуемое, не только видитъ, но и *открываетъ* другимъ свой міръ, и открываетъ увлекательно.

Образованіе, разумъ и дарованіе художника ставятъ его произведеніе на ту, или другую ступень. Не то хорошо, что нравится большинству (хотя это и не порицанье); не то хорошо, на что »академія« наложила свой патентъ; — но то, что зародившись чисто, наивно, пройдя

сквозь судъ всѣхъ слоевъ общества, черезъ взгляды самые разнородные, и разобранное съ любовью и знаніемъ дѣла, выйдетъ съ побѣдою. Только такимъ путемъ предметъ получаетъ возможно-вѣрную оцѣнку.

Мы прислушивались къ разнымъ толкамъ, къ разнымъ критическимъ разборамъ о выставкѣ, и наконецъ высказываемъ свое собственное мнѣніе, наше окончательное убѣжденіе. Подробный разборъ художественной выставки сдѣлалъ бы статью нашу слишкомъ обширною для южно-русскаго вѣстника, а потому ограничимся только тѣми произведеніями, которыя коснулись жизни Украинской.

Картину *г. Гагена* — »*Ярмарка въ Малороссіи*« мы цѣнимъ за то, что въ ней *наружный видъ* народа переданъ вѣрно; но картина крайне слаба живописью и рисункомъ.

Желательно, чтобы художники опредѣляли предметъ своей картины, заимствованной изъ жизни, не только *названіемъ* предмета, но и обозначеніемъ, со всею подробностью, *мѣста* дѣйствія: губерніи, уѣзда, мѣстечка, села или хутора. Это принесетъ пользу намъ и потомству, а самого художника заставитъ внимательнѣе изучать и работать, и не дозволитъ ему безразлично мѣшать разные оттѣнки въ мѣстной жизни, физіономіи и характерѣ людей и природы. Отъ этого характерная сторона картины будетъ сильнѣе. Подобное требованіе не стѣснитъ художника, но покажетъ степень его изученія. — Одежда, манера, утварь, все сложилось историческимъ путемъ, все это есть необходимое проявленіе жизни. Кто понимаетъ край, народъ, тотъ дорожитъ каждой чертой его, составляющей характеристическую его особенность. Изображая мѣстную сцену, художникъ изображаетъ намъ мѣстный *портретъ*, а достоинство портрета состоитъ въ психологическомъ пониманьи изображаемаго лица, въ нераздѣльности наружнаго вида съ внутреннимъ содержаніемъ.

Г. Пржецлавскій изобразилъ намъ »*Лирника, играющаго въ хатѣ*« . Сцена эта вся *составная*. Кажется, что художникъ никогда не былъ на Украинѣ, потому что въ картинѣ его — отсутствіе правды и наблюденія. Предметъ его картины или вычитанъ, или выслушанъ. Картина только тогда хороша, когда она плодъ дѣльнаго изученія, любви, полнаго душевнаго восторга, а не намекъ на *что-то*, самому намекающему неизвѣстное и непонятное. Эту картину, какъ и всѣ ей подобныя произведенія, мы считаемъ *вредною*, — потому что она портитъ вкусъ публики и даетъ ей ложное понятіе о предметѣ, — и лишенною значенія, потому что въ ней нѣтъ сознанья художника.

Г. Трутовскій написалъ »*Свадьбу*«. Это кажется лучшее его произведеніе. Каррикатура, къ которой, по замѣчанію многихъ, такъ склоненъ г. Трутовскій, здѣсь чище, — сюжетъ сглаживаетъ ее.

Мы любимъ народъ и высоко цѣнимъ его за все, что онъ вытерпѣлъ и что сохранилъ въ себѣ и въ жизни; поэтому легкая каррикатура на народъ намъ кажется неумѣстною. Не имѣя права требовать отъ художника то или другое, и давая значеніе всякому убѣжденію, лишь-бы оно было искренно и основано на дѣйствительномъ наблюденіи,—мы не можемъ любить, а тѣмъ болѣе уважать поверхностный взглядъ, легкомысленный отзывъ. Намъ бы хотѣлось видѣть и каррикатуру, но каррикатуру осмѣивающую желчно, горячо, или же наивно и добродушно,—*осмѣивающую*, а не унижающую, уродующую. Полюбивъ народъ, поймите, что въ немъ достойно насмѣшки, и тогда смѣйтесь искренно, и душой и рукой. Такая насмѣшка — не шутка, и даетъ художнику почетное мѣсто въ развитіи народной жизни. *Смѣхъ* отъ всего сердца — художественъ; *смѣхъ легкомысленный* — непріятенъ. Смѣйтесь не тогда, когда вы едва вспомнили, едва поняли сцену, а когда она вырываетъ смѣхъ; тогда, конечно, и сцена вами сознана глубоко. Жизнь человѣка такъ многострадальна, что въ минуты его упадка легкій смѣхъ оскорбителенъ. Произведенія г. Трутовскаго мы считаемъ слишкомъ бѣдными по внутреннему содержанію. Кто наблюдалъ жизнь народа глубоко, кто свое сердце положилъ въ его жизнь, тотъ дѣтски и слегка надъ нимъ смѣяться не будетъ, какъ въ картинѣ г. Трутовскаго — »*Салазки*«. —

Бываетъ смѣхъ, которому нельзя не сочувствовать; — онъ происходитъ отъ чрезмѣрной любви къ народу, отъ негодованья къ упадку, и тогда онъ разражается сарказмами; это смѣхъ съ горя, съ болью въ сердцѣ. Такъ иногда народъ самъ смѣется надъ собой и тогда смѣхъ раздираетъ душу, тогда смѣхъ обращается въ драму, а не похожъ на забавныя китайскія тѣни, смѣшныя только по уродливости—и то лишь для дѣтей.— Не надо много дарованія, не надо много изученія, чтобъ дѣлать »*около того*«, и едва затрогивать. Сотни людей могутъ сдѣлать »около того«, но только одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ *то*. Заслуга дарованія пріобрѣтается изученіемъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ изученіемъ; все легкое и »*около того*« забывается. Такая участь постигнетъ и работы г. Трутовскаго. Его »*салазки*«, »*чумаки*«, »*лірники*«, »*бандуристы*«, всѣ эти картины и рисунки, которыхъ онъ надѣлалъ пудами, все останется скоро позади и забудется. Карандашъ его боекъ, но эта бойкость, эти штрихи и пятна — безъ содержанія, а часто и безъ основанія. Это непріятная болтовня, фразы,

которыя отжили свой вѣкъ и уже вмѣняются художнику въ порокъ. Будьте скупы на черту, но пусть она трогаетъ за живое. Цѣнится не количество труда, не скорость работы и не намекъ на поэзію, какъ у г. Трутовскаго въ »*Ночномъ свиданьи чумака*«, — а самое дѣло, самая поэзія, полная и безграничная. Въ этомъ рисункѣ — церковь — мало видна, малозначуща, мало-интересна; *хлопчикъ*—не малороссъ. Въ *ночномъ свиданіи* — мало разговора; это — воспоминанье, едва коснувшееся души, и уже исчезнувшее. *Голова чумака* хороша, но все таки не доведена до конца; *волы* — не интересны, лишены характера, — роль ихъ не прочувствована; *обозъ* — безъ малѣйшей поэзіи и искусства, а все вмѣстѣ — легкій, талантливый, вѣтренный рисунокъ. Гдѣ-жъ эти могучія чумацкія *вáлки*, гдѣ эти безпредѣльныя, какъ степь, пѣсни?... Все утеряно! А что это за мальчикъ въ крапивѣ? что за баклага, ярмо, пуга? — Все затронуто, но занимательность всего утеряна... Пожалуй, вы скажете, что это виньетка, — пусть такъ; но развѣ это даетъ право играть талантомъ, шутить съ обществомъ, вмѣсто серьезной бесѣды, и безъ уваженья обращаться съ народомъ? Вспомните виньетки *Прюдона* (Prudhon), за которыя его такъ уважаютъ и которыми теперь, послѣ многихъ лѣтъ его смерти, такъ дорожатъ, что собираютъ ихъ въ музеи. Вспомните всегда добросовѣстный трудъ *А. Агина*, хотя бы то была виньетка, вѣнчикъ на мертвеца, или ярлыкъ на штофъ. Крайность заставляла того и другаго приниматься за подобныя работы, но нищета не заѣла ихъ любви къ искусству и уваженья къ себѣ. Что заставило г. Трутовскаго сдѣлать эту виньетку? Кто? Не самъ ли онъ ее выбралъ? Когда идея коснется души, нечего торопиться высказывать ее, но прежде всего должно полюбить ее, прослѣдить до основанія, и тогда, одушевленная нашей собственной жизнью, осмысленная разумнымъ разборомъ, она явится передъ нами здоровая и прекрасная....

Въ »Художественномъ Листкѣ«, есть еще два рисунка г. Трутовскаго: »*лірникъ*« и »*бандуристъ*«. Эти рисунки сдѣланы единственно для того, чтобъ показать различіе между лирой и бандурой. Художникъ сдѣлалъ бы лучше, нарисовавъ только лиру, безъ никого, и бандуру одну, безъ никого. Тутъ фигуры приклеены. Такъ ученики этюдныхъ классовъ, написавъ съ натуры женщину, придѣлываютъ ей змія, и выходитъ Клеопатра; придѣлаютъ къ лежащему натурщику мечь — выходитъ умирающій гладіаторъ; набросаютъ стрѣлъ — и вотъ св. Севастьянъ; надѣнутъ терновый вѣнокъ на натурщика, растопырятъ ему руки, — и готово распятіе! Такъ и у г. Трутовскаго, котораго мы обвиняемъ еще разъ:

въ легкомъ обращеніи съ художествомъ, въ неуваженіи къ нему, къ сюжету, къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ берется изображать, наконецъ — къ самому себѣ. Указываемъ, для примѣра, на покойнаго *П. А. Федотова*. Онъ дѣлалъ рисунки только чертой, безъ тѣней; не увлекался штрихами и сочными пятнами, а старался въ чертѣ добиться психологическаго смысла. Онъ дѣлалъ фигуру 10 и 20 разъ, и его черта становилась все болѣе и болѣе умна, болѣе сознательна. Такъ онъ продолжалъ до полнаго, отчетливаго обладанія избранной имъ личностью, ворочалъ ее съ любовью во всѣ стороны, мѣнялъ ея движенія и выраженія, и постоянно сохранялъ тотъ же характеръ. Стихи его были продолженіемъ того-же рисунка. Вотъ-гдѣ сила и достоинство Федотова! Своими тремя-четырьмя картинами онъ основалъ школу, положилъ новый камень въ зданіи русскаго художества, и сдѣлалъ все это не владѣя чарами красокъ. Краски его непріятны, но несмотря на это, сила черты его и глубоко понятый смыслъ предмета влекли къ нему толпы зрителей. Сила—въ любви, въ изученіи, въ сознательной работѣ, а не въ легкихъ наброскахъ, хотя-бъ это были возы. Произведенія Марка Вовчка, Шевченка, сильны не объемомъ, а глубиною. Это — жизнь, страданія народа, вылившіяся ихъ устами; тамъ, что ни стихъ, что ни слово, то любовь, плодъ изученья и глубокаго искренняго сочувствія. Вы дѣлаете рисунки и картины изъ народной жизни, — начните-же съ живой любви къ народу, да не словами, а всѣмъ, что въ васъ живетъ; плачьте, смѣйтесь, смѣйтесь надъ его судьбой, какъ Федотовъ смѣялся надъ своей; но чтобы такъ живо любить народъ, — надо его изучать, узнать; — тогда только произведенія ваши будутъ вѣрны и прекрасны.

Я не скажу, какъ нѣкоторые, что у г. Трутовскаго есть наклонность видѣть все каррикатурно. Вѣрнѣе, что у него работаетъ — одна рука; самъ же онъ еще не понялъ себя, еще не рылся въ себѣ и не прислушивался къ внутреннему своему голосу. Вотъ то грустное заключеніе, къ которому мы невольно приходимъ, всматриваясь въ его произведенія.

Я спрашиваю себя — правъ ли я, разразившись надъ художникомъ такою скорбью?.. Но говоря о его работахъ, я вспомнилъ все имъ рисованное прежде, и считаю себя по совѣсти правымъ.

Перейдемъ къ картинамъ *И. И. Соколова*. Въ нихъ мы видимъ добросовѣстный трудъ, поэзію и изученіе. Къ сожалѣнью, мы многаго изъ прежнихъ работъ г. Соколова не видали, и потому ограничимся сужденіемъ только о тѣхъ, которыя намъ извѣстны.

Въ картинахъ И. И. Соколова, одежда всегда вѣрна; типы часто правдивы не только наружно, но и внутренно. Видно, что художникъ съ любовью вникалъ въ жизнь народа, желая овладѣть ею. Прежнія его рисунки и картины бывали довольно безхарактерны, — хотя всегда въ нихъ явно было желаніе вникнуть въ характеръ;—нынѣшнія же его произведенія имѣютъ не только отпечатокъ правды, но и глубокій смыслъ и чувство. Прежде жизнь народа въ представленіяхъ художника бродила безотчетно; онъ какъ-будто не могъ свести концевъ, добиться ея смысла, понималъ ее не глубоко. Но вотъ она складывается въ цѣлое и опредѣленное, — и является уже созданіемъ художественнымъ.

Лучшимъ произведеніемъ г. Соколова на нынѣшней выставкѣ были »*Проводы рекрутовъ*«. Душевно радуемся этому произведенію, которое ставитъ художника на значительное мѣсто. Мысль родилась у художника съ чувствомъ. Самое явленіе такъ сильно потрясло его душу, что грусть и скорбь перешли на полотно, сохранивъ свою силу на столько, что проникаютъ и въ наше сердце.

Разберемъ это прекрасное и отрадное произведеніе, полное чувства и достоинства, идя шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ художникомъ, и отдавая себѣ полный отчетъ въ ощущеніяхъ. Начавъ съ похвалы, сойдемъ и на недостатки.

Въ этой картинѣ все — отъ *пуги*, рогожи, кожуха и шапокъ, до положеній, лошадокъ и хатъ, — все проникнуто впечатлѣніемъ художника, любовью и мѣстной вѣрностью. Вотъ причина, отчего картина нравится каждому. Но вполнѣ ли удовлетворяетъ насъ эта картина? Какъ этнографическая вѣрность — да; какъ чувство и смыслъ — да; но какъ разрѣшеніе задачи, какъ живопись — нѣтъ. Мы находимъ, что художникъ увлекся *каждой* фигурой, *каждою* личностью *отдѣльно*, и тѣмъ ослабилъ силу общаго впечатлѣнія. Эту же самую мысль, съ тѣмъ же самимъ пейзажемъ, съ тѣми же личностями, можно было высказать еще сильнѣе, добиться впечатлѣнія болѣе полнаго. — Что́ касается красокъ, то онѣ насъ вовсе не чаруютъ и не заставляютъ углубляться въ предметъ. Мятель слабо передана, снѣгъ не интересенъ: — они едва напоминаютъ природу, — въ нихъ нѣтъ поэзіи.

Въ картинѣ могло бы быть больше единства, сосредоточенности; въ ней нѣтъ фокуса, она разорвана, и оттого часть впечатлѣнія потеряна. Въ чемъ же состоитъ ея разорванность? Сани ѣдутъ отъ зрителей въ глубь картины, а женскія фигуры идутъ вдоль рамы. Эти двѣ линіи разрываютъ вниманіе, разъединяютъ его, а не сводятъ его въ

одинъ центръ. Еслибы женскія фигуры шли отъ зрителя туда же, въ глубь, за санями, и менѣе рисовались передъ глазами, — картина выиграла бы очень много. Видно, что художнику жаль было скрыть то, что онъ прослѣдилъ съ такою любовью, — и тутъ-то заговорилъ уже не самый предметъ, а *я*, т. е. личность художника. Нѣкоторые объясняютъ себѣ это разъединеніе линій холмомъ, поворотомъ; но художникъ — хозяинъ картины, и можетъ сочинить какъ ему угодно: — уничтожить холмъ, когда онъ лишній, и поставить — если онъ нуженъ. *Бабу́ся*-мать, въ этой картинѣ, нравится намъ чрезвычайно. Она подмѣчена тонко, вѣрно, съ большимъ чувствомъ. Художникъ увлекся ея значеніемъ и выразилъ его прекрасно, но этимъ опять отвлекъ вниманіе отъ центра дѣйствія. Словомъ, выраженіе этой старушки споритъ съ выраженіемъ одного изъ рекрутъ. Сотскій, удаляющійся *въ тонахъ* ногами, близокъ кафтаномъ, и тѣмъ мѣшаетъ глазу. Притомъ и онъ идетъ — какъ и двѣ женщины — въ профиль. *Погоничъ* лѣпится тонами къ рекруту. Лошади удалены недостаточно, тогда-какъ мятель должна бы еще болѣе смягчить и удалить ихъ.

Что́ касается до выраженій, то лучшее у *па́робка*, подпершаго рукою голову; оно глубоко, трогательно, вѣрно и поэтично. Но... мнѣ кажется — оно могло бы быть еще сильнѣе и ужаснѣе. Другой, глядящій на *молодицю*, и сама молодиця насъ не удовлетворяютъ. Задуманы оба хорошо, но оба выполнены нѣсколько *гримасно*, и это — отъ слабости рисунка и грубости красокъ. Выраженіе молодиці намъ кажется слабѣйшимъ мѣстомъ въ картинѣ.

Попробуемъ теперь устранить женскія фигуры; пусть ихъ провожанье кончилось. Начинающаяся мятель заноситъ путниковъ; они смотрятъ вдаль, оторванные отъ всего роднаго. Вожатый идетъ за санями, пожалуй... И вотъ — новая картина, еще безотраднѣе, еще суровѣе. Тутъ негдѣ отдохнуть: ни плачущей матери, ни молодиці!...

Попробуемъ посадить въ сани и мать и молодицю съ ребенкомъ. Неужели онѣ будутъ все идти, идти въ даль и даль, — пока могутъ?!. Или онѣ отстанутъ, проводя еще не много?.. Едва ли! — Будетъ ли молодиця также заливаться слезами уже въ степи, на морозѣ, въ мятель, въ снѣгу и сугробахъ? Не замретъ ли ея отчаянье, не окоченѣетъ ли лицо и не отупѣетъ ли чувство?.. И, навѣрное, она не оставитъ ребенка открытымъ. Она голоситъ, плачетъ, убивается, держитъ дитя на одной рукѣ, а все другою закрываетъ, — сердце ея чувствуетъ!.. не сядетъ ли

она къ милому?... И вотъ опять новая картина!... Пошли между ними разговоры, тоже съ плачемъ, тоже съ рыданіемъ...

Всѣ эти раздумья показываютъ занимательность, жизненность и достоинство картины; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это сомнѣнье и желанье еще чего-то доказываютъ — сомнѣнье самого автора, не совершенно ясное сознанье его. Неудовлетворенное желанье доказываетъ, что художникъ самъ не дошелъ до конца, до предѣла своей мысли; что въ немъ самомъ было колебаніе; съ колебаньемъ онъ писалъ, — колебанье передалось и намъ. Предположеніе и догадки суть слѣдствіе неувѣренности самого художника, разорванности чувства, — тогда какъ картина есть *одинъ* моментъ, полный и цѣльный.

За всѣми этими недостатками, повторимъ опять, картина полна достоинствъ. Своею *добротою*, любовью и грустью она влечетъ къ себѣ. Намъ остается одно: пожелать художнику, чтобъ онъ шелъ впередъ, разработывалъ себя, какъ началъ — не увлекаясь ни похвалами публики, ни похвалами академіи. Пусть *сознанная* цѣль будетъ для него всего дороже; пусть похвалы не усыпляютъ его, а года придадутъ ему только опытности; пусть самъ онъ бичуетъ себя, отдавая себя на немилосердую критику, уходя изъ кружка своихъ поклонниковъ, которые покроютъ его какъ тиной. Смотрите на все съ полнымъ разборомъ и смиреніемъ учащагося, а не съ нахальствомъ профессора, *тыкающаго мѣломъ въ картину, или чертящаго ногтемъ по рисунку.*

Неминуемо время, когда мы, усталые въ борьбѣ, дѣлаемся менѣе воспріимчивы, болѣе упорны, и день ото дня — деревянѣемъ. Время это приходитъ тѣмъ ранѣе, чѣмъ человѣкъ самодовольнѣе, чѣмъ не осмотрительнѣе идетъ, и чѣмъ болѣе поддается похвалѣ. Не засыпайте, шевелите и тревожьте себя; живите, боритесь, ѣздите за границу, не застанавливайте себѣ горизонта русской ширмой; ищите оцѣнки не только тутъ, въ этой горсти, гдѣ такъ легко стать идоломъ, — но добивайтесь разбора и суда надъ собой вездѣ, во всемъ просторномъ и разнородномъ художественномъ мірѣ. Сближайтесь съ художниками иностранными: они разовьютъ ваши собственныя убѣжденья и приведутъ васъ — къ постоянно новому результату; изучайте ихъ произведенія, какъ можно болѣе, Сближайтесь еще болѣе съ народомъ, и вы убѣдитесь въ той истинѣ, что *ничего еще не знаете;* но въ этомъ-то грустномъ убѣжденіи и будетъ вѣрное ручательство силы вашего художественнаго ума и развитія. Тогда вы снова начнете трудиться, все-болѣе и болѣе углубляясь въ это море мысли и истинной поэзіи.

Безъ изученія, не только Пржецлавскій не произведетъ ничего, но и К. Брюлловъ надломится, неудовлетворивъ самого себя. Внимательное изученіе предмета, умъ и добросовѣстность привели К. Брюллова къ смертному приговору надъ самимъ-собой, къ сознанью своей слабости, безхарактерности фигуръ въ его картинѣ »Осада Пскова«, и недостатка въ нихъ народнаго типа. Хотя Брюлловъ увлекался иногда идеей этой картины, хотя схватилъ въ ней сущность дѣла, — общій духъ религіознаго увлеченія того времени, — но далѣе не пошелъ, и картина осталась не конченною (1). Картины изъ жизни Римлянъ и Грековъ, — сюжеты изъ исторіи Ассиріи, изъ миѳологіи и библіи, — выполнять гораздо легче. Множество матеріаловъ разработано, а жизнь эта такъ далека отъ насъ, что провѣрить ее невозможно. Что ни напиши — все сойдетъ съ рукъ, все будетъ »*около того*«.

Всѣ другія произведенія И. И. Соколова далеко отстали отъ разобраннаго выше. Мы помнимъ его праздникъ *Ивана-Купала* (2), который показался намъ сценой нелишенной интереса, но какимъ-то сводомъ всѣхъ впечатлѣній, испытанныхъ во время первой поѣздки художника по краю. *Гаданіе вѣнками* задумано поэтично, двѣ изъ женскихъ фигуръ очень милы и интересны, но эта Малороссія пахнетъ Италіей. Лежащая въ лодкѣ фигура намъ кажется невозможною. Небо очень глухо, безъ эфира и поэзіи, безъ глубины, и ежели бы бѣлое пятно, вмѣсто луны, уничтожить, — картина много бы выиграла. *Пасічникъ* (3), а еще болѣе *Мать, умывающая ребенка* (4), лишены національнаго характера. *Хата съ дворикомъ* (5) была бы прелестна, если бы живопись имѣла болѣе таинственности и не была бы такъ красна, и если бы воздухъ не былъ такъ безвоздушенъ и непривлекателенъ.

Вотъ все, что мы знаемъ изъ работъ И. И. Соколова, касающагося южнорусской жизни.

Русское художество начинаетъ теперь свое болѣе быстрое развитіе. Потеря Брюллова приноситъ уже большу́ю пользу. Нѣтъ болѣе диктатора, нѣтъ могучаго предводителя, который давилъ своею силой и способ-

(1) Эта картина Брюллова, жизнь и конецъ Иванова и Гоголя, представляютъ борьбу двухъ началъ, весьма любопытную въ психическомъ отношеніи. Твореніе Гоголя сожжено, картина Иванова и Брюллова не кончены, — а какая разница въ личностяхъ!

(2) У К. Т. Солдатенкова. (3) У Ѳ. И. Прянишникова.

(4) На постоянной выставкѣ.

(5) Въ Об-ществѣ Поощренія Художниковъ.

ностью неопытную, недоразвившуюся, робкую молодежъ и осмѣивалъ ее своимъ острымъ словомъ. — Старая школа рушится; молодежъ идетъ на новую дорогу, и это движеніе есть успѣхъ. Отсутствіе диктатуры и поколебленный авторитетъ старой академіи ручаются за разнообразіе взглядовъ, за сформированіе самобытностей. Теперь художники ѣздятъ не только въ Италію, гдѣ остаются десятками лѣтъ, но живутъ и въ Мюнхенѣ, и въ Дюссельдорфѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ. Ихъ отсталыя условныя понятія терпятъ насмѣшки; строгія критики переворачиваютъ ихъ систему и приводятъ не только къ новымъ, но часто и къ совершенно-противнымъ убѣжденіямъ. Уже они перестаютъ бранить съ размаха все иноземное искусство; уже подобныя выраженія, какъ »*нѣмечина*«, »*французятина*«, не повторяются безсмысленно устами художниковъ, ищущихъ истины. Подобныя выраженія уже не смѣшны, а пошлы и жалки, роняя не націю, а тѣхъ, кто ихъ произноситъ.

Всякое убѣжденіе и всякое направленіе особой личности — не только націи — достойно изученія... а едва зарождающееся русское художество уже браните результаты вѣковыхъ усилій, — вѣковое развитіе Запада?! Многимъ, вѣроятно, случалось слышать у насъ самыя *строгія* сужденія объ иноземныхъ художникахъ, на томъ основаніи, что »у насъ есть все *лучшее*«, что »все *лучшее* привозится къ намъ.« Но по какому же праву тотъ, кто не видѣлъ ничего другаго, можетъ назвать *это* лучшимъ? Основываясь на мнѣніи своихъ *старшихъ* братій? Но имѣютъ ли эти старшіе свое мнѣніе, пріобрѣтенное *изученіемъ?* Нѣтъ, мнѣнія ихъ также основаны на словахъ другихъ старшихъ, на журналахъ, фельетонахъ, словомъ — на молвѣ и успѣхѣ. Но кто же не знаетъ, что успѣхъ и молва очень часто бываютъ дѣломъ коммерческимъ? что за 200 франковъ любое имя прогремитъ разомъ въ девяти журналахъ Европы? И какую цѣну можетъ имѣть молва передъ собственнымъ убѣжденіемъ? Не ужели и въ этомъ случаѣ надо сказать по привычкѣ: »слушаю-съ?« А такимъ-то именно образомъ создались у насъ многія репутаціи и даже — *убѣжденія*. По какія же могутъ быть убѣжденья тамъ, гдѣ нѣтъ критики и нѣтъ терпимости къ возраженіямъ? Мы только словами спрашиваемъ чужое мнѣніе, но на дѣлѣ желаемъ лишь похвалы себѣ. Мы способны слушать не критику, а докладъ; намъ пріятенъ фиміамъ, и за нимъ мы не видимъ свѣта. — Три вѣка тому назадъ создались академическія понятія; съ того времени образованіе ушло далеко и несется на парахъ еще далѣе, и чѣмъ далѣе уйдетъ образованіе, тѣмъ многосторонѣе будутъ требованія художества. Какъ же люди, не слѣдящіе за ходомъ

развитія науки и человѣка, могутъ однимъ повтореніемъ прошлаго удовлетворить жизни! Когда Европа идетъ впередъ едва ли не съ каждымъ ударомъ маятника, когда время сбрасываетъ съ пьедестала временныхъ кумировъ, мы еще кланяемся имъ; мы одни остаемся старообрядцами. Что́ было лучше вчера, то́ можетъ быть не лучшимъ сегодня. Сравнимъ понятія вѣковъ: какъ мѣнялись они одно за другимъ, какъ сходили со сцены божество за божествомъ, увлеченье за увлеченьемъ, мода за модой; какъ удалялись одинъ за другимъ законодатели искусства, оставляя за собою сказанное слово, сказанную рѣчь, а понятія складывались все шире, все просторнѣй и разнообразнѣй! Каждая изъ личностей служила однимъ колесомъ въ общей машинѣ. Одна за другой поднимались волны, одна за другой разбивались о несокрушимое время, и умолкали въ безднѣ этого моря; но ничто не тревожило и не разбудило этихъ людей: бури въ искусствѣ чужды имъ, стоятъ они далеко на покойной сушѣ и жизнь съ борьбой имъ не доступна! Художественный міръ ихъ ограничивается самымъ малымъ числомъ артистовъ. Такъ, мы до сихъ поръ не бракуемъ *Давида*, рисуемъ съ женоподобнаго *Кановы*, удивляемся мелкому *Мену*, вѣримъ въ возможность нелицемѣрнаго существованія *пуризма*, смотримъ сквозь тусклыя очки на *Каульбаха* и оттого не понимаемъ его; требуемъ отъ другихъ того, чему *насъ* учили, и не хотимъ брать то, что́ намъ даютъ; считаемъ *Гораса Верне* живописцемъ, благоговѣемъ передъ *Деларошемъ*, и т. д. Еще два-три художника, и вотъ весь нашъ міръ, всѣ наши свѣдѣнія. Мы сами себя отгораживаемъ китайскою стѣной, и чужой міръ для насъ потёмки, а совершенство и самостоятельность невозможны. Какъ оскорбятся, напр., многіе, если сказать, что вѣнецъ нашего художественнаго міра—Деларошъ, нравится намъ потому только, что онъ ближе къ нашимъ понятіямъ, а наконецъ и потому, что большинство изъ насъ его не знаетъ. По личному нашему убѣжденію, Деларошъ есть продолженіе академизма; онъ нѣсколько видѣлъ недостатокъ академіи, желалъ оторваться отъ нея и — не могъ; силы его были слабы; — природа не дала ему творчества. Вспомнимъ, напр., *Іоанну Грей*, съ ея чистенькими, заостренными и врозь разставленными пальчиками, съ чистенькой разостланной соломой и опущенными у всѣхъ глазами; вспомнимъ его *Лорда Страдфорта*, гдѣ такъ манерно вытянуты и такъ эффектно придуманы благословляющія изъ-за рѣшетки руки; вспомнимъ театральныхъ *Жирондистовъ*, *Снятіе со креста*, *Кромвеля*, *Моленіе о чашѣ*, *Карла*, *Марію Антоанету* и проч. и проч. изъ его произведеній.... Гдѣ въ нихъ правда, простота, сила,

наивность, поэтическое увлеченіе? Далеко ль онъ отошелъ отъ академизма и сцены? Все у него взвѣшено по-аптекарски. Деларошъ былъ актеръ и чрезвычайно хорошо понималъ условія сцены; онъ былъ окруженъ клакерами, за которыми вслѣдъ и мы хлопали. Мы лично всегда будемъ изучать Деларошъ, уважаемъ и будемъ уважать его всегда за упорное домогательство добиться истины; онъ будетъ намъ служить примѣромъ глубокаго анализа и труда; но любить его мы не можемъ, — и плакать, когда хочется смѣяться, не можемъ. Честолюбіе разжигало его къ труду, онъ напрягалъ, натягивалъ всѣ свои силы, но не зналъ вдохновенія (1).

У насъ художество едва прививается къ жизни; едва начинается связь и дружба между народомъ и художниками, едва завязывается узелъ; а тамъ, на Западѣ, они почти слились уже въ одно тѣло; тамъ художество перекипѣло, перебродило, пережило всѣ доселѣ извѣстныя направленія, всѣ школы и взгляды и дошло до сознательнаго существованія, до постояннаго, каждодневнаго новаго интереса и новаго движенія впередъ. Тамъ все затронуто и все разработывается;—у насъ художество бредетъ, едва сознавая себя, едва вѣря въ необходимость своего существованія, и живетъ подаяніемъ и милостыней.... А между тѣмъ, отупѣвши въ своей замкнутости, оно дошло до того, что провозглашаетъ себя *первенцемъ*, солнцемъ этого міра, закономъ, въ силу котораго все должно двигаться и передъ приговоромъ котораго все должно преклоняться!...

Художество идетъ съ исторіей народнаго развитія и образованія. Кичится своимъ знаніемъ одно невѣдѣніе. Гдѣ народъ безграмотенъ, гдѣ еще такъ свѣжъ въ памяти споръ о пользѣ грамоты, — тамъ художество стоять въ уровень съ Европой не можетъ. Оно не можетъ быть развито, когда еще не развитъ народъ. Таланты отдѣльно появляться могутъ, но они гибнутъ на этой почвѣ, и существованіе ихъ возможно только до извѣстнаго градуса, далѣе котораго они не поднимаются; ледяная атмосфера ихъ замораживаетъ, свинцовый небосклонъ ихъ душитъ.

Академисты наши обыкновенно восхваляютъ русское художество за рисунокъ. Но вѣдь дѣло въ томъ, что̀ называть *рисункомъ?* Если рисунокъ есть знаніе *пропорцій*, какъ учатъ академисты, и притомъ пропорцій *условныхъ*, которыя принимались академіями за аксіому, — то въ чемъ-же тутъ достоинство? И Египтяне также, съ помощью циркуля, высѣкали статуи и сфинксовъ; — это ариѳметика, которой можетъ

(1) Лучшими произведеніями его мы считаемъ: академическій фрескъ, эскизъ котораго еще лучше фреска, и эскизы изъ послѣднихъ дней жизни Христа.

выучиться всякій; это правила для орнаментщика, для неуча, чтобъ удержать его отъ бо́льшаго безобразія, — костыли для безногаго! Знаніе этихъ условныхъ правилъ не даетъ права называться рисовальщикомъ, и подобныя понятія доказываютъ совершенное непониманье рисунка. *Рисунокъ* — это тонкое поэтическое чувство и смыслъ черты; это чувство формы, жизнь въ чертѣ,—чему, конечно, ни одна въ свѣтѣ академія не выучитъ! Кто лишенъ этого чувства, тому госпитали не помогутъ! Какимъ невѣждой назоветъ того академія, кто скажетъ, что *уважаетъ Рембрандта за рисунокъ*; что Рембрандтъ рисовалъ *прекрасно*,—что надо *учиться сочиненію у него, да у Бетховена*.... Какая паралель открывается между этимъ взглядомъ и академическимъ? Что общаго?!

Сочиненія академическія тоже подведены подъ циркуль, доведены до архитектуры, до геометріи и математической выкладки. Апоѳеозъ этихъ сочиненій мы видимъ въ бездарныхъ и холодныхъ произведеніяхъ всѣхъ академистовъ; курсъ этого ученья отпечатывается почти во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Академическими условіями художникъ скованъ и не знаетъ свободнаго полета. Мы съ горестью видимъ тому доказательства въ талантахъ первой величины. Глядя на натуру, и съ натуры рисуя фигуры и групы, которыя такъ прелестно составились и имѣютъ въ себѣ столько смысла, — невольно приходишь къ полному опроверженію всѣхъ академическихъ условій. *Академистъ*—это какое-то искуственное произрастеніе, изуродованное и обезжизненное, въ сравненіи съ дѣйствительною жизнію.

Живопись академій подведена подъ тѣ же, легко удовлетворяющіяся правила, и молодому художнику, проходящему академическіе классы, приходится терпѣть такія ампутаціи, что изъ него остается едва замѣтный призракъ человѣка. Прощай молодость, прощай живые порывы ума и сердца! Юноша пересоздается въ упрямаго старика, закоснѣлаго въ понятіяхъ, нетерпящаго возраженій, восхваляющаго мѣсто, гдѣ выслужился, превозносящаго только себя и свой департаментъ, котораго членомъ онъ уже сдѣлался! Гдѣ ему уразумѣть западный міръ и ему сочувствовать! Тамъ его не признаютъ, — тамъ такая неурядица, отсутствіе дисциплины, ломка; тамъ тысячи художниковъ идутъ каждый своей дорогой, каждый съ своимъ собственнымъ взглядомъ!!... Потому-то западный міръ и представляется ему неразумною толпою; — и дѣйствительно, трудно сойтись полюсамъ... Академисты называютъ европейскихъ художниковъ шарлатанами....

К. Брюлловъ превознесъ Калама, — и всѣ сняли шапки, всѣ поклонились Каламу и чуть не молятся на него; ѣдутъ къ нему учиться и не признаютъ *никого выше Калама*. Все, что́ не Каламъ, то худо; и Боже избави сказать, что *Каламъ сухъ!*—За то Е. Делакроа, Густ. Дорре—даже не художники,—въ нихъ нѣтъ ничего, что́ *мы* привыкли уважать; они не выполняютъ никакихъ академическихъ требованій, для которыхъ *мы* пожертвовали всѣмъ, и до которыхъ дошли искалѣченные! Для *насъ* Тройонъ, Барри, Добиньи, Эберъ не имѣютъ никакой цѣны,— они *не кончаютъ!* Что́ же называется *окончаніемъ?*.. Созна́емся лучше, что мы просто неспособны понимать ихъ; — они *живутъ* жизнью, а мы *существуемъ* рутиной!

Несостоятельность наша въ критикѣ видна постоянно. Намъ нужны авторитеты, за которыми мы готовы говорить что́ угодно, не разсуждая; но самимъ намъ, и до сихъ поръ еще »*какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть?!*«

Явился К. Брюлловъ, и все предъ нимъ преклонилось; всѣ, казалось, *судили,* — потому что повторяли сужденія Брюллова. Умеръ К. Брюлловъ, — умерла и голова. Явился Ивановъ, и общество смутилось, не зная — что́ сказать. Взглядъ Иванова на художество совсѣмъ противуположенъ *нашему*, — хвалить ли, бранить ли его?... Все это происходитъ отъ незрѣлости, отъ малочисленности, отъ невѣрности во взглядѣ! Дайте картину Иванова въ Европу, — десятки тысячъ оглядятъ ее, и оглядятъ съ толкомъ, сознательно, самобытно, и скажутъ свое слово, не по́тому, что другіе *такъ* сказали, не ради повторенія эхомъ приговора другихъ,—а потому, что у каждаго есть свой идеалъ въ головѣ; и вотъ — картинѣ отведено въ сферѣ искусства, принадлежащее ей мѣсто, и молодежъ ясно поняла современный взглядъ. У насъ же критика въ рукахъ Академіи.

Академіи, давая циркульный рисунокъ, циркульную композицію, *циркулярныя* краски, не дали въ міръ художества ни рисунка, ни сочиненія, ни красокъ.

Выводъ и доказательство всего сказаннаго—на *нашей выставкѣ*. За неразвитостью рисунка, за отсутствіемъ внутренняго содержанія, за грубостью красокъ, и наконецъ — вслѣдствіе условныхъ правилъ, господствующихъ въ нашемъ художествѣ, выставка скучна, утомительна; душа страдаетъ, едва отдыхая минутами; боль въ глазахъ до сверленія! Этихъ желтыхъ и красныхъ красокъ, какъ ножемъ обрѣзанныхъ безвоздушныхъ контуръ — забыть нѣтъ силъ!...

Какъ неуловимъ тонкій художественный рисунокъ, такъ неуловима и *живопись*. *Цѣльность* красокъ не есть художественная живопись; присутствіе ихъ въ картинѣ показываетъ такое же непониманіе живописи, какъ признаніе математическихъ вычисленій размѣровъ тѣла за рисунокъ. *Живопись* есть *отсутствіе* красокъ. Гдѣ *видны* краски, тамъ не художественная живопись; такъ росписанная картина не многимъ лучше китайскаго раскрашиванья, а часто и хуже, потому что лишена его наивности. Картина можетъ быть написана вѣрно, даже очень вѣрно, можетъ напоминать собою натуру,—но это еще не будетъ художественность. Что же такое живопись?... Объяснить это трудно, не указавъ на двѣ различнаго достоинства картины; и кто, при такомъ сравненіи, не пойметъ разрѣшенія вопроса, тому объяснить это почти невозможно. Тамъ только живопись, гдѣ художникъ употребляетъ краску, какъ средство высказать прелесть тоновъ; гдѣ онъ чаруетъ васъ и овладѣваетъ вами, такъ-что вы вполнѣ находитесь подъ вліяніемъ гармоніи его красокъ. Тогда только художникъ постигъ живопись, когда вы заняты его работой, всматриваетесь и не налюбуетесь, и не понимаете, какъ все это сдѣлано; когда онъ своими тонами не бьетъ васъ по глазамъ, не стучитъ отрывисто и глухо какъ полѣномъ, а издаетъ звукъ музыкально, восхищаетъ васъ и услаждаетъ; когда вы видите въ краскахъ переливы тоновъ, то тихіе и пріятные, то сильные и могучіе; когда вы сто разъ видѣли картину и вновь жаждете ея впечатлѣнія, еще разъ хотите поддаться ея обаянію, еще разъ хотите вдыхать въ себя услажденіе ею, снова пытаетесь понять умѣнье и силу художника, но увы—не можете! То не живопись, когда вы, подойдя къ картинѣ, наклоните голову на одинъ бокъ, наклоните на другой, и скажете: »посмотри-ка, вѣдь это мокро, вода!« и пойдете далѣе; а то живопись, когда вы смотрите и не насмотритесь, и чѣмъ болѣе вглядываетесь въ краски, чѣмъ глубже хотите въ нихъ проникнуть, тѣмъ безпредѣльнѣе чувствуете ихъ силу и отраду глядѣть; и цѣлый міръ, полный очарованія, представляется вамъ.... Въ какомъ нибудь камнѣ художникъ открываетъ вамъ цѣлую жизнь, для васъ до того невѣдомую.... Что вамъ натура! тамъ этого нѣтъ! И откуда взялъ онъ эту прелесть? какимъ духомъ увидѣлъ то, чего вы никогда не видали?!... Что васъ влечетъ къ такой картинѣ? Сюжетъ? Его нѣтъ.

Живопись—важнѣйшій отдѣлъ картины. Кто силенъ чертой,—тотъ можетъ выражать свою мысль рисункомъ, картономъ; кто силенъ свѣтомъ—пиши однотонныя картины; но оба эти художника еще не будутъ

живописцами. Взявъ въ руки краски, должно изливать ими свое чувство къ цвѣту, какъ чертой передаютъ чувство формы; надо добиваться красками до волшебнаго впечатлѣнія и передать поэзію, прелесть цвѣтовъ, — а не удовлетворяться *раскраскою*, или приблизительно-вѣрными тонами. Намъ нужна не вѣрность, — да никто до нея и не дойдетъ: всякій видитъ по-своему. Намъ нравятся Рафаэль и Микель-Анджело развѣ потому, что они изображали *вѣрно*? Они видѣли натуру совершенно различно; — это-то въ нихъ и нравится, это-то въ нихъ мы и изучаемъ. Дагерротипъ представляетъ предметъ гораздо *вѣрнѣе*, нежели величайшій художникъ, но мы не ставимъ его выше художника. Мы цѣнимъ *взглядъ* художника, какъ плодъ его изученья, какъ впечатлѣніе, которое онъ чувствуетъ, глядя на натуру. Зачѣмъ-же академія преслѣдуетъ развитіе личнаго направленія и подводитъ всѣхъ подъ форму?...

Пройдя по заламъ Академіи Художествъ, невольно удивляешься несоотвѣтственности этого зданія своему назначенію — содѣйствовать развитію искусства. Оно живо напоминаетъ то отдаленное время, когда думали о фасадахъ и не думали о внутреннемъ устройствѣ, т. е. думали о фразахъ, о внѣшности, а не о содержаніи. Во всемъ зданіи темно; во всей академіи, а слѣдовательно, и во всей русской имперіи — *нѣтъ мастерскихъ!* (1) Для занятій гравера, архитектора, — свѣта достаточно; но возможно ли заниматься тамъ живописцу, у котораго вся работа, все развитіе основаны на свѣтѣ? Какой успѣхъ можетъ сдѣлать живопись съ этими щелями, вмѣсто оконъ? Для чего, напримѣръ, Академія развела садъ? не полезнѣе ли было улучшить залы и сдѣлать мастерскія? Въ Академіи каждый аршинъ принадлежитъ мысли, каждый аршинъ долженъ приносить пользу художественному развитію. Если въ лучшихъ климатахъ дѣлаютъ для художническихъ работъ большія окна, то здѣсь, въ пасмурномъ и сѣромъ Питерѣ, гдѣ дни безъ свѣта цѣлыми мѣсяцами, — надо дѣлать окна вдвое, втрое болѣе. Отъ этого обезображивающаго свѣта все теряетъ свою силу, и хорошее уравнивается съ дурнымъ. На выставкѣ мы Ахенбаха не узнали. Чтобы сколько нибудь оцѣнить вещь, надо забѣгать со всѣхъ сторонъ, вглядываться, измучиться, и все-таки уйдете, вынеся смутное заключеніе. Какое безцеремонное обращеніе съ работой, какое равнодушіе! Публика предъявляетъ свои требованія относительно художниковъ: почему же ху-

(1) Виноватъ, они есть: *три въ Академіи*, три частныхъ, въ Петербургѣ и одна — подъ Черниговомъ; но что значитъ это число для такой огромной Имперіи?

дожники, въ свою очередь, не имѣютъ права ожидать отъ академіи способовъ къ своему развитію?

Жалкая жизнь художника здѣсь! Жизнь другихъ людей обставляется удобствами, доходящими часто до роскоши, до утомительнаго избытка, а жизнь художника—совсѣмъ другая! Не говорю о вѣчныхъ нуждахъ, о вѣчной борьбѣ съ собою; не говорю о голодающей и зябнущей семьѣ — все это художникъ переноситъ героически, но его заѣдаетъ квартира. Отсутствіе свѣта его уничтожаетъ. Художникъ лишенъ свѣта, безъ котораго нѣтъ ему развитія, — на которомъ основано все существованіе живописи, — но этихъ требованій никто и слушать не хочетъ.... Кончается тѣмъ, что художникъ, смятый судьбой, мало по малу теряетъ потребность развитія, мирится съ своимъ положеніемъ, подавляетъ день ото дня свои порывы, и превращаетъ художество въ ремесло, для добыванія насущнаго хлѣба. Да! когда жизнь другихъ убирается въ комфортъ и роскошь, художникъ, какъ нищій, лишенъ самыхъ необходимыхъ условій жизни и тупѣетъ отъ безчеловѣчнаго помѣщенья.

Прибавимъ еще, что болѣе половины выставки надо было бы выкинуть: тогда удовольствія и простора было бы болѣе, усталости менѣе, и наконецъ, было бы мѣсто устроить сидѣнья. Какая цѣль — выставлять безобразіе? Выставка есть художественная бесѣда, а часто и урокъ публикѣ: зачѣмъ же засорять и безъ того жалкую выставку? Принимать всего нельзя; это вредитъ хорошимъ произведеніямъ.

Во время послѣдней французской республики задано было на конкурсъ—изобразить республику. Участвовать могли всѣ, и къ выставкѣ набрались тысячи проэктовъ. Бездарная масса своими дюжинными произведеніями поглотила, утопила въ себѣ даровитое меньшинство. Всѣ ходили смотрѣть лишь на каррикатурныя произведенія, чтобы посмѣяться; они-то и заняли все вниманіе публики. Что жъ за цѣль угощать пошлыми вывѣсками и усиленными попытками бездарности произвесть *что-то?!*

Хотѣлось бы поговорить еще о первыхъ впечатлѣніяхъ русскихъ художниковъ за границей и о житьѣ ихъ тамъ; но статья наша и такъ вышла длинна, а потому поспѣшимъ кончить желаніемъ, чтобы развитіе народной живописи усилилось, но не изъ моды, а изъ дѣйствительной потребности, чтобы русскіе художники имѣли въ себѣ менѣе увѣренности и самохвальства, и чтобы дожить намъ до того, когда не мы сами, а и Европа признаетъ въ насъ новый, высказывающійся элементъ, новый залогъ для

дальнѣйшаго развитія человѣчества, и найдетъ въ насъ новую силу для общечеловѣческой жизни.

Но прежде чѣмъ окончу статью, я позволю себѣ спросить академію: гдѣ картоны, сдѣланные для Исакіевскаго собора?? Носятся слухи, будто картонъ А. Т. Маркова »*Встрѣча Іосифа съ Іаковомъ*« — изрѣзанъ неизвѣстно кѣмъ. Мы видѣли долгое время картонъ этотъ на одной изъ глухихъ академическихъ лѣстницъ. Еще разсказываютъ, будто колоссальные картоны К. Брюлова пропали какъ булавки? Мы не вѣрили, чтобъ Академія Художествъ, разсадникъ и распространитель искуства, допустила это, и надѣемся, что вслѣдъ за нашими строками недоразумѣнье публики успокоится тѣмъ, что картоны явятся, изящно оправленныя подъ зеркальныя стекла, въ залахъ академіи. Можетъ ли быть наконецъ, чтобы картоны Ѳ. А. Бруни терлись, мялись и валялись въ свертках? Все это, вѣроятно, клевета недоброжелателей Академіи, точно такъ же какъ и то, будто »Осада Пскова« валялась въ сверткѣ не одинъ годъ, и что ее не съѣли мыши — только благодаря каменнымъ поламъ академіи.

Левъ Жемчужниковъ.

ХАРАКТЕРЪ И ЗАДАЧА УКРАИНСКОЙ КРИТИКИ.

Несовершенство труда извинительно; но нѣтъ оправданій для лѣности и равнодушія къ благороднымъ, важнымъ интересамъ и вопросамъ, — равнодушія, происходящаго или отъ невѣжества, или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того и другаго вмѣстѣ.

Бѣлинскій.

Въ наше время поставкою повѣстей въ журналы занято очень много грамотнаго народу, но на повѣсть, равно какъ и на другія произведенія беллетристики, большинство читателей смотритъ какъ-то слегка. Автору охотно прощаютъ у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда — и недостатокъ здраваго смысла. Тѣ же самые читатели строго осудятъ подобные недостатки въ историкѣ, естествоиспытателѣ, философѣ. Мнѣ кажется, что это съ ихъ стороны несправедливо и легкомысленно. Вѣдь и повѣствователь, и историкъ, и естествоиспытатель, и философъ взялись изобразить, каждый по-своему, жизнь въ ея истинѣ, а не обманчивый видъ жизни. Какое же право имѣютъ читатели строго порицать ихъ, въ случаѣ недостатка у нихъ фактической точности или вѣрныхъ соображеній, и въ то же время снисходить къ тѣмъ же самымъ недостаткамъ живописцевъ семейной и общественной жизни въ повѣсти, романѣ, поэмѣ и прочая? Вѣдь, осуждая ученаго, не изза чего другого мы хлопочемъ, какъ изза того, чтобы предохранить общество отъ обмана. Почему же мы равнодушны къ обману, въ который вводятъ общество плохіе писатели, на счетъ изображаемыхъ ими явленій жизни? Слѣдствія фальшивыхъ понятій по предметамъ исторіи, естествознанія, философіи никакъ не вреднѣе для успѣховъ общественнаго развитія, какъ и слѣдствія извращеннаго взгляда на окружающую насъ повседневность, на отношенія людей между собою, на общій характеръ народа, и прочая, и прочая. И если тамъ, въ порицаніяхъ нашихъ, мы управляемся сознаніемъ долга честныхъ людей, гражданъ своего отечества, членовъ своего общества, то и здѣсь тѣ же самыя по-

бужденія должны внушить намъ строго-разборчивую критику. Вникнемъ, какая цѣль у каждаго общественнаго дѣятеля, къ какому бы разряду работающихъ умовъ ни принадлежалъ онъ. Сдѣлать что-то еще не сдѣланное, то есть такое, въ чемъ чувствуется потребность со стороны общества. Вотъ прямая и законная цѣль каждаго работающаго ума. Какъ же поступаетъ общество съ тѣми, кто возьмется сдѣлать еще не сдѣланное, да и кончитъ ничѣмъ? Оно ихъ осмѣиваетъ. А съ тѣми, кто не только ничего не прибавитъ къ общественному достоянію, да еще напутаетъ, перепортитъ матеріалы и затруднитъ работу истиннымъ общественнымъ дѣятелямъ? Оно ихъ строго обвиняетъ. Скажите же: не достойны ли осмѣянья и упрековъ тѣ писатели, которые своими затѣями говорятъ: »Господа, вамъ не все еще извѣстно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣсти, украинскую жизнь съ новой стороны«, — и не только этого не исполняютъ, напротивъ, затемняютъ и то, что̀ въ ней было ясно, какъ день? Тутъ обвинять надобно не ту критику, которая вооружена всею строгостью истины, а ту, которая смотритъ сквозь пальцы на подобныя продѣлки, выдаетъ людей безполезныхъ за приносящихъ пользу и самихъ ихъ держитъ въ убивающемъ духъ самообольщеніи.

Но можетъ быть, скажутъ мнѣ, что для критики не по силамъ трудъ — гоняться за всякою фальшью въ искусствѣ и разоблачать недобросовѣстность литературной работы относительно прилежнаго изученія изображаемой жизни разоблачать поддѣльность вдохновенія и фальшивую художественность образовъ. На это я отвѣчу, что и въ области научной умственной дѣятельности многое множество нелѣпостей оставляетъ критика безъ вниманія, и только на тѣхъ обрушивается всею грозою своего суда, кто выдвинулся впередъ и обратилъ на себя вниманіе значительной массы людей, жаждущихъ знанія. Такъ она должна поступать и въ области художественныхъ изображеній жизни. Пусть себѣ несутъ вздоръ люди, которыхъ никто или почти никто не слушаетъ. Можетъ быть, они и сами, поумнѣвъ съ теченіемъ времени, познаютъ тщету празднаго суесловія и, позабывъ свои высокія претензіи, смиренно и добросовѣстно примутся за обыкновенный, но необходимый трудъ, который не подвинется безъ дружныхъ усилій множества имъ подобныхъ. Такихъ достаточно вразумляетъ уже одно равнодушіе къ нимъ читающаго общества. Но эти господа, которые пренебрегаютъ трудомъ каменьщика, чтобы быть архитекторами эфемерныхъ зданій, — которые увѣрили толпу, что они что-то дѣлаютъ, тогда какъ они не прибавляютъ къ

массѣ сдѣланнаго другими ровно ничего, — этихъ критика должна преслѣдовать со всей неумолимостію истины.

Но здѣсь предстоитъ вопросъ: слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной, только что начинающейся, или же она должна ограничиваться указаніемъ на хорошее, предоставляя публикѣ самой замѣчать и порицать дурное?

Мнѣ кажется, что намъ надобно обратить вниманіе на особенность положенія нашей украинской литературы, вмѣсто того, чтобы прилагать къ ней правило потворства со стороны критики. Литература наша началась недавно — правда, но у нея передъ глазами литература столѣтняя, тѣсно съ нею связанная, и не далеко еще то время, когда въ этой столѣтней литературѣ, за пару удачныхъ стиховъ, производили въ поэты людей, глубоко прозаическихъ. Что же изъ того вышло? Прибавилось только русской критикѣ хлопотъ — развѣнчивать несправедливо увѣнчанныхъ, но русское слово, русская мысль ничего не выиграли; напротивъ, они запутались въ такія сѣти, которыя и въ наше время прорываютъ немногіе. Независимо отъ этого примѣра, рожденіе нашей литературы (разумѣется, не въ лицѣ Котляревскаго и его послѣдователей) совпадаетъ съ временемъ, когда общество отъ каждаго творенія ума человѣческаго началó настоятельно требовать несомнѣнно полезнаго приложенія его къ общему дѣлу жизни и когда многіе задумались надъ вопросомъ: какую именно пользу должны принести обществу высоко развитое слово и высоко облагороженная мысль? Мы знаемъ, кто поощрялъ, кто покровительствовалъ и кто сдѣлалъ своимъ орудіемъ великорусскую литературу во времена ея неразумной юности. Литература украинская родилась посреди иныхъ пянекъ; ее хранили, во времена сомнительности ея бытія, иные люди; она послужила и должна служить инымъ цѣлямъ. Она — созданіе не небольшого кружка, устроившаго себѣ изящную жизнь посреди толпы, для которой осталось только подчиняться его вкусу, его понятіямъ и самой его жизни: она — голосъ подобной толпы, но которая не признаётъ своими образцами просвѣщенныхъ людей, вращающихся внѣ ея жизненныхъ потребностей, а напротивъ, увлекаетъ въ свою здоровую среду самыхъ развитыхъ дѣятелей просвѣщенія, со всею ихъ ученостью, со всѣмъ блескомъ ихъ артистической образованности. Всѣ эти люди, при всѣхъ личныхъ преимуществахъ передъ единицами своего простонародья, чувствуютъ и сознаютъ умомъ, что сила народнаго духа не въ ихъ ученыхъ и эстетическихъ кружкахъ, а именно въ этой массѣ, изъ которой каждая отдѣльно взятая личность почти безразлично

незначительна, но въ общности со множествомъ другихъ, себѣ подобныхъ, хранитъ законы литературнаго вкуса и народнаго смысла для самыхъ развитыхъ и самостоятельныхъ представителей нашей народности. Такъ какъ наши украинскіе поэты никогда не выходили изъ большого круга въ маленькій, никогда не творили для немногихъ и всегда, во время творчества, воображали вокругъ себя такъ сказать вѣче народное (отъ чего происходятъ и временная ограниченность сферы ихъ творчества, и самобытная сила его); то произведенія ихъ должно почитать не игрушками удаленнаго отъ житейскихъ треволненій кружка, а созданіями духа народнаго. Народъ же ничего не созидаетъ безъ практическаго, жизненнаго смысла. Народъ, въ произведеніяхъ поэзіи, сознательно и инстинктивно ищетъ удовлетворенія своихъ насущныхъ моральныхъ потребностей. Народъ можетъ построить, съ большими издержками, храмъ, дорогу, мостъ и общественное гульбище, но никогда не затѣетъ курьезной бесѣдки, стоющей милліона. Такъ и въ жизни чисто духовной никогда его великая и строгая мысль не займется игрушкою, ни къ чему не нужною массѣ и удовлетворяющею причудливому вкусу только немногихъ, а тѣмъ болѣе— игрушкою, передразнивающею дѣло серьёзное, или подражающею непримѣнимой у него чужеземщинѣ. Такимъ образомъ каждое созданіе литературы нашей, какъ литературы, по преимуществу и почти исключительно народной, должно служить прежде всего на пользу нашего моральнаго существованія, отъ котораго находится въ совершенной зависимости существованіе матеріальное. Въ противномъ случаѣ, это будетъ сочиненіе самозванно-украинское и, какъ таковое, неизбѣжно подвергнется молчаливому осужденію громады, которая останется къ нему равнодушна, и громкому осужденію критики, стоящей на сторожѣ чистаго вкуса народнаго и здороваго народнаго смысла. Послѣ этого вопросъ: »слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной?« разрѣшается самъ собою. Если на беллетристику смотрѣть, какъ на услажденіе праздныхъ досуговъ человѣка, гоняющагося только за пріятными ощущеніями; то конечно взыскательная критика многихъ смутитъ и остановитъ въ ихъ ревностномъ служеніи чужой забавѣ. Но когда писатель выступаетъ передъ свѣжее, развивающееся общество людей настойчиво добивающихся отъ писателя духовной пищи, удовлетворяющей народному вкусу, тутъ критику не кстати дремать въ покойныхъ креслахъ и съ просонковъ покрикивать: *браво, браво!* Онъ обязанъ воображать себя трибуномъ народнымъ: онъ долженъ постоянно содержать въ душѣ своей моральныя нужды своего народа и руководствоваться его поняті-

ями о самомъ себѣ, выработавшимися его жизнію и выражающимися въ его быту, въ его обычаяхъ, въ его изустной словесности. Какой же снисходительности можетъ ожидать отъ подобной критики псевдо-поэтъ, извращающій въ своихъ произведеніяхъ бытъ народный и противорѣчащій обычаямъ народнымъ, расторгающій связь, которая существуетъ и должна существовать между печатнымъ нашимъ словомъ и словомъ народнымъ изустнымъ? Снисходительность въ этомъ случаѣ будетъ лукавствомъ передъ своей громадою, у которой критикъ служитъ докладчикомъ. Какъ фальшивый историкъ, такъ и фальшивый жрецъ беллетристики должны быть изобличены во имя общей пользы, во имя успѣховъ самопознанія, во имя стремленья къ лучшей будущности народа. Иначе— всё будутъ у насъ игрушки да игрушки, и никогда не выйдетъ наше общество изъ того легкомысленнаго дѣтскаго возраста, въ какомъ оно было во времена Котляревскаго. Задачею нашей украинской литературы должно быть строгое соотвѣтствіе ея созданій духу народному и его серьёзному, жизненному, а не какому-то псевдо-народному, прихотливому, взгляду на вещи. Задачею нашей украинской критики должна быть строгая повѣрка литературныхъ созданій эстетическимъ чувствомъ и воспитаннымъ въ изученіи своей народности умомъ. Лишь только мы уклонимся отъ этой задачи, лишь только пренебрежемъ въ своей критикѣ общія основанія эстетики, приложенной къ новѣйшему народоизученію,— мы сдѣлаемся обманщиками собственнаго народа и самозванными его дѣятелями; литература наша возсядетъ опять на подражательномъ парнасѣ, какъ во времена псевдо-украинскихъ виршъ кіевскихъ академистовъ (только ужъ въ новой, парижской или петербургской одеждѣ), и народъ нашъ по-прежнему начнетъ искать отъ насъ убѣжища въ своей безграмотности, которая спасла его отъ духовныхъ академій и семинарій.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ общимъ моимъ замѣчаніямъ. Такъ какъ я упомянулъ о серьёзныхъ требованіяхъ нашего народнаго духа, то читатель, невникнувшій хорошенько въ мои слова, можетъ сказать мнѣ, что я этимъ самымъ исключаю изъ украинской литературы легкую идиллію, элегію, шутку, и что я представляю себѣ народъ нашъ суровымъ мудрецомъ, который ищетъ въ жизни одной положительно опредѣленной пользы. Отвѣчаю заблаговременно, что *серьёзное* въ созданіяхъ фантазіи не одно только то, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ философскомъ трактатѣ, или въ обычномъ ходѣ житейскихъ дѣлъ. Лишь только мы признали за своимъ народомъ имя поэта, то должны предполагать въ немъ полное разнообразіе способности принимать впечатлѣнія отъ внѣш-

няго міра и претворять ихъ въ собственную моральную сущность. Тотъ же народъ, который задумается глубоко надъ стихами:

Обідрана, сиротóю
По-надъ Дніпрóмъ плáче, —

тотъ же самый народъ увлечется и противоположными, по душевному строю, стихами, какъ увлекается дѣтскими играми, или надеждами на счастье, соединяющимися въ нашей душѣ съ любовью. Было бы странно воображать его сознающимъ, въ подобномъ увлеченьи, такую мысль: »это мнѣ полезно, это ведетъ меня къ тому-то и охраняетъ отъ того-то.« Не его дѣло, какъ развивающейся инстинктивно массы, работать въ мірѣ отвлеченныхъ идей: это дѣло его литературныхъ органовъ. Они-то, не переставая идти въ рядахъ своего народа, должны объяснять наиболѣе развитой его части внутренній процессъ эстетическихъ впечатлѣній и вліянье ихъ на здоровье и возрастаніе духа народнаго, — для того, чтобы предохранить всѣхъ и каждаго отъ нарушенія своей народности въ литературѣ. Строгое соблюденіе ея во всѣхъ безъ различія беллетрическихъ произведеніяхъ полезно потому, что народъ, котораго достояніемъ должны дѣлаться эти произведенія, сознаётъ, посредствомъ нихъ, свое украинское *я*, и слѣдовательно крѣпнетъ въ своей народности, и слѣдовательно дѣлается въ своей массѣ солидарнѣе, и слѣдовательно могущественнѣе противустоитъ всякому разлагающему вліянію другой народности. Вотъ оно, благотворное, жизненное дѣйствіе легкихъ произведеній лирики и комизма, въ которыхъ можетъ не быть и намека на моральную идею, и въ этомъ отношеніи Шевченко, въ своей элегіи: ***На що мині чóрні бróви***, такой же великій дѣятель, какъ и въ своей поэмѣ: ***Катерина***. И тамъ, и здѣсь онъ заставляетъ сердце Украинца сознавать себя украинскимъ, а не какимъ либо сердцемъ, а между тѣмъ заслуги его, какъ автора, различны въ обѣихъ пьесахъ.

Вотъ нѣсколько мыслей, возникшихъ у меня въ умѣ по прочтеніи кой-чего писаннаго по-украински и кой-чего, выдаваемаго за украинскую критику. Считаю не безполезнымъ заявить ихъ въ общихъ выраженіяхъ, для тѣхъ изъ нашихъ земляковъ, которые изображаютъ жизнь украинскую художественнымъ способомъ, и для тѣхъ, которые берутся созерцать ее въ литературѣ способомъ философскимъ. Отъ души буду радъ, если мои напоминанія предохранятъ на будущее время нашихъ литературныхъ дѣятелей отъ погрѣшностей, которыя уже ими сдѣланы, но которыя бросаются въ глаза не каждому.

П. Кулишъ.

1 февраля 1861. С. Петербургъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

I.

Въ прочтенной уже и оцѣненной по достоинству статьѣ П. А. Кулиша о Котляревскомъ (1-я книжка »Основы«), читатели не могли не замѣтить отсутствія жизнеописательныхъ подробностей. Хотя цѣлью автора было представить обзоръ литературной дѣятельности писателя, касаясь его жизни на-столько, на-сколько это необходимо для уразумѣнія содержанія и направленія поэтическихъ его произведеній; но жизнь Котляревскаго такъ полна и знаменательна, что зная ее поверхностно, нельзя вѣрно объяснить многія проявленія его общественной дѣятельности, и легко впасть въ заблужденіе при оцѣнкѣ его личности, какъ человѣка и гражданина. Благодаря свѣдѣніямъ, собраннымъ и намъ сообщеннымъ А. В. Терещенкомъ, мы имѣемъ возможность — дополнить статью П. А. Кулиша многими данными изъ жизни Котляревскаго, яснѣе обрисовывающими эту истинно-почтенную личность прошлаго времени.

Предки Ивана Петровича Котляревскаго были природные малороссы. Отецъ его служилъ въ Полтавскомъ городовомъ магистратѣ канцеляристомъ; дѣдъ его былъ діакономъ успенской соборной церкви въ Полтавѣ (1). Въ бумагахъ Ивана Петровича сохранилось свидѣтельство уѣзднаго предводителя дворянства, 1793 года, о томъ, что онъ состоитъ въ числѣ дворянъ Полтавскаго уѣзда.

На высокой горѣ, за успенскимъ соборомъ, вблизи бывшихъ крѣпостныхъ окоповъ, стоитъ дубовый деревянный домикъ, уже (въ 1858 г.) полуразвалившійся. На сволокѣ этого домика вырѣзаны церковными буквами слова: »Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,

(1) Сѣв. Пчел., 1839 г. № 146.

1705 року 30 августа«. Съ этой горы открываются живописные виды: на-право — сады, разбросанные по извилистой крутизнѣ, на-лѣво — луга́ и рощи, между которыми тихо течетъ рѣчка Ворскла, воспѣтая самимъ Котляревскимъ и народомъ:

Тече́ річка невели́чка —
Во́рсклом назива́ють;
Про ту річку невели́чку
Старці й діти зна́ють.

Берега Ворсклы усажены бѣлыми хатами; за рѣчкою зеленѣютъ дубовые лѣса; вдали разсыпаны пески, а на горизонтѣ синѣетъ густой боръ. Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, и родился, 29 августа 1769 года, извѣстный украинскій поэтъ.

Родители Котляревскаго были весьма недостаточнаго состоянія. Нерѣдко приходилось ему довольствоваться однимъ кускомъ хлѣба и ходить босикомъ; но живой и веселый нравъ помогали ему переносить домашнюю нужду. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ. Его отдали (1) учиться въ Полтавскую семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. Еще на семинарской скамьѣ, онъ писалъ стихи и, за искусство подбирать рифмы, прозванъ былъ *рифмачемъ*. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе (2), но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ, при дѣтяхъ учителемъ, и какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ Украинскія стихи. Нерѣдко онъ приходилъ переодѣтымъ на народныя гулянья, игры и вечерницы, и здѣсь-то изучалъ народную жизнь, которую потомъ такъ искусно представилъ, съ комической стороны, въ *Энеидѣ*.

Хорошія познанія въ польскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, умѣнье владѣть перомъ и свѣтлый умъ, казалось, могли бы скоро доставить ему успѣхъ въ службѣ, но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей Новороссійской канцеляріи, въ іюлѣ 1779 г. (3).

(1) Когда именно — неизвѣстно.

(2) Въ Малороссіи весьма часто поступали въ духовное званіе и дворяне, нерѣдко владѣвшіе и большими имѣніями. И теперь есть лица изъ бѣлаго духовенства, которыя владѣютъ населенными имѣніями, на помѣщичьемъ правѣ.

(3) Въ надгробной надписи сказано, что онъ родился въ 1769 г. августа 29; значитъ вступилъ на службу 10 лѣтъ! Или онъ только былъ въ нее записанъ, по обычаю того времени, или же ошибочно показанъ въ послужномъ спискѣ годъ вступленія его на службу? *А. В. Т.*

Энеиды, (Наталка) Полтавка, и Тріумфъ И. А. Крылова; всѣ писаны рукою Котляревскаго.

Энеида Котляревскаго была принята съ восторгомъ не только въ Малороссіи, но и въ Россіи: она долго читалась и перечитывалась, читалась и простолюдинами — малороссами, узнававшими въ герояхъ себя и смѣявшимися надъ собою.

Въ первый разъ Энеида была напечатана въ 1798 г. ([1]) (на 29 году жизни Котляревскаго, когда онъ былъ прапорщикомъ). Дошедшихъ до нашего времени изданій было *четыре*, подъ слѣдующими заглавіями:

Первое: Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ. Напечатана въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ М. Парпуры, въ С. Петербургѣ, 1798 г., in 8° (безъ означенія типографіи). Экземпляръ этаго изданія былъ подаренъ Россійской Академіи извѣстнымъ медикомъ, Каменецкимъ, за собственной его надписью: »Императорской россійской академіи отъ издателя г. надворнаго совѣтника и инспектора С. Петербургскаго физиката, Іосифа Кириловича Каменецкаго.«

Второе: подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ; напечатано въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ того же М. Парпуры, въ С. Пб. въ типографіи Ив. Глазунова, въ 1808 г. in 8°. Экземпляры этого, какъ и перваго, изданія хранятся въ библіотекѣ императорской академіи наукъ и составляютъ библіографическую рѣдкость.

Третье: (заглавіе тоже самое) заключаетъ въ себѣ уже четыре части, посвящено помѣщику Полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ коего напечатано въ С. Петербургѣ, въ медицинской типографіи 1809 г. in 8° ([2]).

Четвертое—уже носитъ другое заглавіе, именно: Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ. Напечатана въ Харьковѣ въ университетской типографіи, 1842 г. in 8°, въ *шести* частяхъ.

Первыя два изданія печатаны безъ всякой перемѣны и вышли въ свѣтъ безъ вѣдома и согласія сочинителя, съ ошибками и упущеніями, которыя Котляревскій исправилъ при изданіи 1809 г. При четвертомъ изданіи встрѣчаемъ, въ заглавіи, прибавленіе—***Виргиліева***,—совершенно невѣр-

---

([1]) Въ журналѣ Мин. Народ. Просв. 1849 г. ч. 64, показано невѣрно, что первое изданіе вышло въ 1796 г.

([2]) Въ статьѣ Галанина (журналъ Мин. Народн. Просв., 1841, ч. 32, отд. VI, стр. 44.) сказано, что Энеида, посвященная С. М. Кочубею, напечатана въ 1804 г. Откуда взято это свѣдѣніе? А. В. Т.

ное. Самъ авторъ назвалъ ее *Энеида перелицiованная*, обнаруживая этимъ, что передѣлалъ ее *по-своему*, слѣдовательно его Энеида перестала быть Виргилiевою. Дѣйствительно, герои Виргилiевой эпопеи гримированы по-украински.

Котляревскiй, приготовивъ къ печатанiю пятую и шестую части своей Энеиды, не успѣлъ самъ издать ихъ, и въ 1838 г. передалъ право печатанiя г-ну Волохинову.

При сличенiи отрывка 6-й части Энеиды, въ 4-хъ тетрадкахъ, писанныхъ самимъ сочинителемъ, —съ изданiемъ 1842 г., вездѣ встрѣчается измѣненiе въ правописанiи противу подлинника. Въ рукописи, гдѣ повсюду *и* и *ѣ*, въ печатномъ *ы* и *и*, на примѣръ: листикъ—лыстыкъ; гнѣвомъ — гнывомъ (!), жинки — жинкы, и т. п.

Шестая часть, по печатному, состоитъ изъ 171 куплета, а по рукописи изъ 118; недостаетъ 53. Первая тетрадь переписана съ прилѣжанiемъ и имѣетъ незначительныя помарки; послѣднiя три писаны почти на-скоро, блѣдными чернилами и съ большими помарками. Всѣ они въ четверть листа; бумага грубая и желтоватая. Начало содержанiя первой тетради согласно съ печатнымъ; потомъ шестая часть перерывается недостающими куплетами, вѣроятно, потерянными по смерти автора. Въ подлинныхъ тетрадяхъ встрѣчаются любопытныя передѣлки сочинителя.

Число изданiй Энеиды показываетъ, что Котляревскiй отвѣчалъ на какую-то потребность общества въ теченiи 40 слишкомъ лѣтъ, т. е. съ 1798 по 1842 годъ. Теперь почти нѣтъ въ продажѣ и послѣдняго изданiя.

Нѣкоторыя мѣста изъ Энеиды повторяются наизусть многими Украинцами; ееть любители, знающiе ее всю на-память. Многiя выраженiя приводятся вмѣсто поговорокъ или изрѣченiй (1).

---

(1) Укажемъ на тѣ, которыя намъ удавалось слышать:

Вiнъ, взя́вши то́рбу, ти́гу давъ
(Говорятъ о мнимомъ храбрецѣ.)

—

Чи ри́бу зъ До́пу везете́?
Чи, мо́же, ви́ходцi — бурла́ки?
Куди́, прочáне, ви йдете́?

—

Между-тѣмъ, критика, въ настоящее время, произноситъ надъ самимъ Котляревскимь и надъ его Энеидою строгій приговоръ. Кто-же ошибся? кто больше правъ: общество-ли, относящееся къ личности поэта и его произведенію съ уваженіемъ и любовью, или—критика, подвергнувшая и личность и произведеніе Котляревскаго безусловному осужденію?... На это мы постараемся дать свой отвѣтъ въ слѣдующей статьѣ.

Хиба́ ріжна́ ти захотівъ?

—

Чи се и ти́ пусти́всь въ леда́що?

—

Кому́ не жа́ль своіхъ зубівъ?

—

Чимъ білшъ жури́тися — все гірше!

—

Бува́е ща́стя скрізь пога́нцямъ.

—

Пили́, игра́ли, жениха́лись,—
Ніхто́ безъ діла не сидівъ.

—

Гай, га́й-же, сли́хомъ послиха́ти!

—

Смире́нноі були́ нату́ри,
Склада́ли ру́ки на живітъ;
Уми́льно Бо́гу все моли́лись,
И вслухъ не ла́яли люде́й:
На чо́ткахъ миръ пересужда́ли.

—

Хвата́всь за де́ргу и тули́вся,
Мовъ одъ кота́ въ комо́рі мишъ.

—

Наду́всь, мовъ на огні лопу́хъ.

—

Такъ, вічной па́мъяти, бува́ло
У насъ Гетьма́нщині коли́сь!

—

Жінки́! коли́бъ ви більше іли,
А меньшъ пащикува́ть уміли,
Були́бъ въ раю́ ви и за се́.

—

Чи ду́же спи́тця,
Якъ до́ля про́ти насъ яри́тця?

—

Злість, ка́жуть, сатані сестри́ця.

—

(Будетъ продолженіе.)

ВОСПОМИНАНІЕ

О

СОЛЕНИКѢ,

ЗНАМЕНИТѢЙШЕМЪ УКРАИНСКОМЪ АКТЕРѢ.

Въ началѣ октября прошлаго 1860 года я былъ въ Харьковѣ. Прекрасный осенній день побудилъ меня прогуляться за городомъ... Мы ѣхали по новому московскому шоссе. Вправо виднѣлось кладбище и мнѣ сказали, что тамъ погребенъ извѣстный украинскій актеръ *Соленикъ*, и что одинъ изъ почитателей его таланта соорудилъ ему надгробный крестъ и начерталъ на немъ украинскіе стихи. Я полюбопытствовалъ взглянуть, и мы своротили къ кладбищу. Вошедши въ ограду, я скоро отыскалъ три креста вмѣстѣ, почти одинъ возлѣ другаго, надъ могилами Соленика, актера Дранше и актриссы Микульской. На крестѣ, что́ надъ могилой Соленика, я прочелъ съ одной стороны надпись: »Во имя тріипостаснаго Бога, Отца, Сына и Святаго Духа, здѣсь погребено тѣло раба Божія Карпа Трофимовича Соленика, знаменитѣйшаго малороссійскаго актера, которому этотъ крестъ поставилъ Запорожскій козакъ А. И. Стратоновичъ«; а на другой сторонѣ слѣдующіе стихи:

Дивúся зъ нéба, Соленúче,
Якъ крúво сéрце чоловíче:
Якъ ти колúсь на свíті живъ
Та щúро пýблиці служúвъ,
Такъ пýблика тобі живóму
Квітки́ кидáла, якъ соло́му;
А вмеръ, артúсте - небора́че,
То й байдуже́! — ніхто́ не ба́че,
Що прахъ лежúть твій безъ хреста́...
Пора́, бачъ, гýлькнула не та:
Тепéръ вже ста́ла Украíна
Холóдна, бýцімъ домовúна....

Такое рѣдкое и исключительное выраженіе вниманія и сочувствія къ художнику, отъ лица, чужого ему, но близкаго по одной любви къ искусст-

ву, не можетъ не тронуть всякаго, кому доступно истинное пониманіе искусства и его представителей. И я оживилъ въ своемъ воспоминаніи наслажденіе, которое доставляла игра Соленика: пусть эти строки будутъ и моимъ поклономъ его памяти, въ виду его могилы.

Въ надгробной надписи Соленикъ справедливо названъ *знаменитѣйшимъ малороссійскимъ актеромъ*: подобнаго артиста не было еще въ нашемъ краѣ. Если при жизни его мы восхищались безотчетно его талантомъ, то теперь, по смерти его, припоминая тогдашнія наши впечатлѣнія, мы убѣждаемся, что это былъ талантъ истинно художественный, вполнѣ самобытный. Не обинуясь можно сказать, что это былъ нашъ мѣстный Мартыновъ, котораго недавнюю утрату живо чувствуютъ столичная сцена и столичное общество: Соленикъ почти одновременно съ Мартыновымъ, но независимо отъ него, попалъ на ту же стезю сценическаго искусства, по которой шелъ Мартыновъ. Въ обоихъ актеръ являлся не какою нибудь искусственною моделью оригинальныхъ личностей, но подлиннымъ человѣкомъ, въ его естественномъ видѣ. Въ этомъ и заключается существенная разница новаго искусства отъ стараго: послѣднее представляло и людей хуже или лучше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, первое же представляетъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности.... И у Соленика, какъ у Мартынова, каждая выполняемая роль не была только олицетвореніемъ типа мужика, лакея, купца, нѣмца или чиновника; но каждый типъ представлялъ зрителямъ то лицо, которое избрано авторомъ піесы для изображенія того или другого типа. Не только достигнуть подобнаго исполненія ролей, но даже постигнуть необходимость и возможность такого исполненія, есть уже доказательство необыкновенной артистической натуры, недовольствующейся рутинною манерой, усвояемой на практикѣ даже и талантливыми актерами. Какъ истинный художникъ, Соленикъ, подобно Мартынову, не прибѣгалъ къ фарсу, чтобы разсмѣшить зрителей: въ каждомъ изъ нихъ былъ обильный запасъ природной веселости, заражавшей зрителя невольно. Но если тогда, когда предъ нами на сценѣ были эти артисты, мы легко поддавались обаянію веселости, которое производила игра ихъ: то теперь, вникая въ свойство ея и внутреннюю характеристику самихъ артистовъ, мы удостовѣряемся, что это было величайшимъ торжествомъ искусства. Смѣхъ заразителенъ, — это правда; но если серьёзный видъ артиста возбуждаетъ въ васъ истерическій смѣхъ, — нельзя въ такомъ артистѣ не признатьнатуру необыкновенную, геніальную!... Высшая точка артистическаго совершенста достигается тогда, когда природа и искусство становятся чѣмъ-то нераздѣльнымъ, когда искусство явля-

етъ безъискуственную природу, а въ природѣ не замѣчается и тѣни искусства.... Таковы были Мартыновъ и Соленикъ! Вотъ почему оба они бывали на сценѣ какъ у себя дома, и никогда не терялись отъ какихъ бы то ни было сценическихъ случайностей. Нельзя однакожъ не видѣть и различія между ними: Соленика отчасти справедливо упрекали въ однообразіи, тогда какъ разнообразіе было отличительнымъ качествомъ Мартынова. Причина тому заключается не столько въ способностяхъ самихъ артистовъ, сколько въ сценическомъ ихъ образованіи и опытности, да и десятокъ лѣтъ въ наше время, протекшихъ отъ смерти Соленика до смерти Мартынова, стóитъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ прежняго времени. Впрочемъ, оба артиста похищены такъ сказать на полу-пути служенія ихъ сценическому искусству: для обоихъ впереди лежалъ еще длинный путь усовершенствованія, а такіе люди не останавливаются, пока не остановитъ ихъ предѣлъ, егоже человѣкъ не прейдетъ.... Не многіе счастливцы достигаютъ удѣла — развить свои способности и совершить свое назначеніе вполнѣ, подобно великому нашему артисту-ветерану.

Чтобъ напомнить о Соленикѣ знавшимъ его и незнавшимъ, представимъ краткій очеркъ жизни его, какъ человѣка и артиста. Провинціальный актеръ едва ли не одно изъ тѣхъ существъ, къ которымъ всего болѣе идетъ нѣмецкая пословица: aus den Augen, aus den Sinn. — Соленику выпало на долю исключеніе въ этомъ случаѣ, можетъ статься, потому, что и онъ былъ такимъ исключеніемъ между провинціальными актерами, какихъ немного... нѣтъ, какихъ весьма мало!... Его помнятъ до сихъ поръ вездѣ, гдѣ только его видѣли. Тотчасъ по смерти его напечатанъ былъ некрологъ съ нѣкоторыми подробностями о его жизни и сценической дѣятельности и съ краткой характеристикой его художнической личности. Это статья: »К. Т. Соленикъ, замѣчательнѣйшій провинціальный актеръ,« г. Рымова, напечатанная въ Пантеонѣ 1852 г. № 2-й. Извлекаемъ изъ этой статьи слѣдующія біографическія свѣдѣнія:

»Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, или правильнѣе, *Соленикъ*, родился въ маѣ 1811 года, въ городѣ Лецлѣ, Могилевской губерніи. Отецъ его служилъ въ той губерніи уѣзднымъ землемѣромъ. Проведя почти всю жизнь свою въ Малороссіи, К. Т. справедливѣе могъ считать своею родиной этотъ край, чѣмъ какой-либо другой. Не знаемъ ничего о его дѣтствѣ. Извѣстно только, что около 18-ти лѣтняго возраста онъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, по математическому факультету. Курса здѣсь онъ не окончилъ — почему? — намъ не извѣстно. Слышали мы, что еще сидя на ученической скамьѣ, онъ обнаруживалъ

страсть къ театру. Быть можетъ это-то и заставило его бросить учебныя занятія. Неизвѣстно также, какими судьбами, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, попалъ онъ въ труппу Штейна, бывшаго содержателя Харьковскаго театра. Поступилъ онъ въ нее сначала суфлеромъ, но былъ имъ, вѣроятно, не долго. У насъ есть Харьковская театральная афиша 1832 года; въ ней, кажется, въ первый разъ попадается имя Соленика; онъ игралъ тогда роль слуги *Провора*, въ комедіи »Неслыханное диво, или Честный Секретарь«, суфлера Шепталова, въ пьесѣ »Странное представленіе, или сюпризъ публикѣ.« Потомъ, спустя года два, когда бывшій въ труппѣ Штейна актеръ Млотковскій завелъ свой театръ въ Курскѣ, — Соленикъ поступилъ къ нему, и здѣсь-то собственно началъ свое артистическое поприще, въ небольшихъ, третьестепенныхъ роляхъ. Умная, живая игра молодаго актера скоро понравилась публикѣ и онъ быстро пошелъ впередъ.

»Въ 1841 году онъ женился на актриссѣ Харьковскаго театра, дѣвицѣ Протасовой. Оригинально было сватовство его. Однажды вечеромъ, идя мимо ея квартиры, увидѣлъ, что она сидитъ подъ окномъ. Онъ остановился у окна и, безъ дальнихъ объясненій, сказалъ ей: »женимся?« — »Женимся!« отвѣчала она, и въ тотъ же вечеръ они обручились. Отъ этого брака было у нихъ двое дѣтей, но они жили не долго.

»Жизнь провинціальнаго актера, обыкновенно — кочевая жизнь. Несогласія съ антрепренеромъ, выгодныя приглашенія (переманки) въ труппу другого города и тому подобныя причины заставляютъ его скитаться изъ края въ край; тоже было и съ Соленикомъ, хотя не въ такой степени, какъ это водится за другими. Онъ игрывалъ въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Воронежѣ, Одессѣ и, преимущественно, въ Харьковѣ. Харьковъ любилъ онъ особенно. Въ 1851 году понавѣдался онъ въ Одессу; но скоро опять воротился къ намъ, въ Харьковъ, какъ будто предчувствуя свою смерть, какъ будто спѣша умереть въ томъ городѣ, гдѣ его такъ любили. Одесса ему не нравилась и онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ въ Харьковъ.

»Въ 1837 г. былъ онъ въ Вознесенскѣ, во время пребыванія тамъ Высочайшей фамиліи, и игралъ (въ труппѣ Ерохина) вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Вниманіе публики къ нашему артисту было также велико, какъ и къ московскому. Оба они въ равной степени собирали обильную дань рукоплесканій и вызововъ. Одно значительное лицо, замѣтивъ блестящее дарованіе Соленика, предлагало ему свое покровительство, приглашая его на Петербургскую сцену. »Нѣтъ, ваше сіятельство«, отвѣчалъ Соленикъ: »я — Малороссъ, люблю Малороссію, и мнѣ жаль разстаться

съ нею.« Не то же ли было причиною и скораго возвращенія его къ намъ изъ Одессы?

»И радостно принялъ Харьковъ своего давнишняго любимца! »Нашъ Соленикъ опять у насъ!« вотъ-что говорили тогда всѣ, если рѣчь заходила о театрѣ. Зная его опытность въ дѣлѣ сценическаго искусства, наша театральная дирекція поручила ему обязанность режиссера.

»Но въ послѣдней половинѣ августа 1851 году имя Соленика вдругъ изчезло съ афишъ: онъ заболѣлъ. »Что съ нимъ? каковъ онъ?« спрашивали всѣ, сходясь въ театрѣ. »Хуже и хуже!« было отвѣтомъ на это. Потомъ мы услышали — умираетъ! а 7 октября, въ половинѣ 9-го часа утра, когда намъ случайно довелось быть въ театрѣ, насъ поразили слова театральнаго сторожа, вбѣжавшаго въ сѣни: »вже оділи и положили на столъ!« — »Кого?« спросили мы. »Соленика!...« Главною причиною его смерти была чахотка.

»Онъ умеръ спокойно, исповѣдавшись и причастившись въ полной памяти. Только часа за два до смерти онъ неразъ впадалъ въ бредъ на нѣсколько минутъ. Жалобъ на преждевременную смерть отъ него не было слышно (онъ умеръ 41 года от-роду). Но по нѣкоторымъ предсмертнымъ словамъ его можно догадываться, что онъ не безъ грусти покидалъ свѣтъ. Хотя для него потеря жизни была »не утрата«, но совершенною непривязанностію къ землѣ кто можетъ похвалиться, особенно, когда смерть заглянетъ въ глаза? Такъ, когда осторожно предложили ему исполнить долгъ христіанскій, — онъ согласился на это охотно, но узнавъ, что уже хотятъ послать за священникомъ, тревожно спросилъ: »развѣ сегодня?« Подобное безпокойство проявлялось и въ послѣдніе часы его жизни. »Ну, что вы скажете? Не нужно ли чего вамъ?« спросила его въ одну изъ этихъ минутъ хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ. »Я скажу вамъ, что больному нуженъ покой!« возразилъ умирающій съ недовольнымъ видомъ.

»8-го октября, въ 4 часа послѣ обѣда, тѣло его вынесли въ Крестовоздвиженскую церковь, а въ слѣдующій за тѣмъ день, часу въ первомъ по полудни, выслушавъ обѣдню, проводили мы его на новое кладбище. Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ, подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали; за гробомъ пѣли пѣвчіе и стонала погребальная музыка; на гробовой крышѣ, малиноваго цвѣта, лежала эмблема заслугъ покойнаго — на ней зеленѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта — украшеніе гроба, до сихъ поръ у насъ еще невиданное! Нако-

нецъ, могильный склепъ, выложенный бѣлымъ камнемъ, навѣки скрылъ отъ насъ Соленика....

»Его положили подлѣ могилы артера Дранше, очень любимаго когда-то публикою, но схороненнаго очень скромно.

»И завидною показалась намъ участь такого артиста, какимъ былъ Соленикъ! Посмотрите: жилъ на чужбинѣ, умеръ одинокъ, близкихъ родныхъ — ни души (1), а при погребеніи тѣснятся вокругъ его гроба цѣлыя толпы, спѣшатъ дать ему послѣднее цѣлованіе, льются слезы, слышатся вздохи и грустныя слова прощанія, и всѣ разстаются съ этимъ чужимъ человѣкомъ, какъ не всегда разстается и братъ съ братомъ, роднымъ по крови!«

»Соленикъ былъ замѣчателенъ и какъ человѣкъ. Прямой, благородный по натурѣ, гордый, самолюбивый, какъ сознающій свое достоинство, онъ былъ добръ и мягкосердеченъ. Онъ готовъ былъ отдать послѣдній червонецъ нуждающемуся ближнему. Его честность знаютъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ какое-нибудь дѣло.

»Вотъ очеркъ его наружности: онъ былъ очень не высокаго росту, худощавъ, но сложенъ стройно. Лицо... какъ бы вамъ описать его? Оно могло, пожалуй, показаться некрасивымъ на взглядъ того, кто полагаетъ красоту лица въ античной правильности очертаній, въ свѣжемъ, молочномъ цвѣтѣ кожи; но на наши глаза—оно было красиво. Цвѣтъ его былъ смуглый; на лбу и на щекахъ проходило нѣсколько складокъ, что дѣлало его старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, потому-что Соленикъ жилъ хотя не много, но много пережилъ. Открытый, почти плоскій, съ небольшою впадиною по срединѣ, четырехъ-угольный лобъ, показывалъ счастливое развитіе мыслящей способности. Глаза блистали умомъ и живостію. Губы были выпуклы и очерчены рѣзко, отчасти какъ у Арабовъ; нижняя выдавалась нѣсколько отвисло впередъ, какъ-бы свидѣтельствуя о гордости и энергіи артиста. Всѣ прочія части лица и вообще головы были на своемъ мѣстѣ (что случается такъ рѣдко) и въ совершенной гармоніи между собою. Довольно длинные, мягкіе темнаго цвѣта волосы зачесывались на затылокъ. Физіономія Соленика, внѣ сцены, была по большей части серьезна и задумчива. Одѣвался онъ часто щеголевато и всегда со вкусомъ. Когда онъ говорилъ, гдѣ бы то ни было: на сценѣ, въ гостяхъ, дома — разсказъ его лился быстрымъ, живымъ потокомъ, жесты были одушевлены и выразительны, голосъ, до-

(1) Жена его на этотъ разъ была въ Тулѣ и не знала о болѣзни мужа.

вольно немузыкальный самъ по себѣ, дѣлался пріятнымъ отъ ума и чувства, которыми былъ полонъ.

»Кажется, мы и теперь видимъ его — не говоря о сценѣ, какъ онъ въ своемъ гороховомъ пальто и круглой черной шляпѣ, мѣрно, съ серьезнымъ, задумчивымъ лицемъ, выступаетъ, опираясь на свою оригинальную трость... къ подобнымъ тростямъ была у него страсть; въ одномъ изъ угловъ его квартиры стояла довольно большая коллекція самыхъ странныхъ, чуть ли не историческихъ, тростей, съ разнообразными, диковинными набалдашниками.«

Остается опредѣлить амплуа Соленика... Онъ былъ *комическій актеръ* въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Но какихъ ролей не достается играть провинціальному актеру? И Соленинъ игралъ всякаго рода роли. (Да вѣдь и Мартыновъ дебютировалъ въ »Филаткѣ и Мирошкѣ!«) Перечислять ихъ было бы излишне. Смѣло можно утверждать, что ни въ одной изъ нихъ онъ не былъ ниже своей роли, во многихъ же возвышалъ значеніе ролей. Назовемъ только роли Соленика изъ пьесъ, составляющихъ постоянное украшеніе нашей сцены, то есть Грибоѣдова и Гоголя; въ »Горѣ отъ Ума« игралъ онъ *Фамусова* и *Репетилова*, въ »Ревизорѣ« — *Хлестакова* и *Бобчинскаго*, въ »Женидьбѣ« — *Кочкарева*. Кто видѣлъ его въ этихъ роляхъ, тотъ помнитъ исполненіе ихъ этимъ артистомъ; кто же не видалъ, тому никакія объясненія не дадутъ понятія.... (1) Но истинно неподражаемымъ, несравненнымъ, незабвеннымъ былъ и пребудетъ Соленикъ какъ *актеръ украинскій*, въ украинскихъ пьесахъ Котляревскаго и Квитки; кто изъ насъ, жителей Украины, могъ равнодушно видѣть Соленика въ роляхъ — *Макогоненка* (»Наталка Пол-

(1) Гоголь зналъ нашего артиста только по слухамъ, но каковы были слухи о немъ, показываютъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ одному своему знакомому (Н. Д. Бѣлозерскому), писаннаго изъ Петербурга 1836 г., за три мѣсяца до перваго представленія »Ревизора:«

»Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ нибудь о немъ извѣстій? — и если вамъ случится встрѣтить его гдѣ нибудь, нельзя ли какъ нибудь уговорить его сюда. Скажите, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. *Рѣшительно комическій талантъ*. Если же вамъ не удастся видѣть его, то можетъ быть вы получите какое нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и — куда адресовать къ нему....«

(Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Изданіе П. А. Кулиша (1855. Т. V, стр. 252).

тавка«), *Чупруна́* (»Москаль Чарівникъ«), *Стецька́* (»Сватання на Гончарівці«), *Шельме́нка* (въ обоихъ пьѣсахъ этого названія)? Надо замѣтить здѣсь,—и конечно согласятся всѣ, видѣвшіе въ этихъ роляхъ не одного, а нѣсколькихъ малороссійскихъ актеровъ,—что каждый изъ нихъ исполнялъ эти роли *по-своему:* въ игрѣ каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе выражались *отдѣльныя* черты національнаго характера; но въ игрѣ Соленика *всѣ* эти черты соединялись, какъ въ фокусѣ, и образовали полный законченный типъ истиннаго Украинца.... Рѣзко отличался онъ отъ другихъ тѣмъ, что личность Украинца, по его игрѣ, выходила не простацкою, вялою и наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающею свой умъ подъ маской простоты. Такое воззрѣніе доказываетъ наблюдательность и вѣрное чутье Соленика. Въ этомъ отношеніи онъ точно первый украинскій актеръ... дай Богъ, чтобъ и не послѣдній!... (1)

Въ заключеніе, весьма кстати здѣсь слово о народномъ украинскомъ театрѣ. — Если у насъ въ Южной Руси и прежде, когда писать литературно на народномъ языкѣ было лишь попыткой весьма не многихъ любителей родной рѣчи, а изслѣдованія мѣстной старины составляли исключительную принадлежность знатоковъ-спеціалистовъ, и большею частію скрывались подъ спудомъ, — украинскія пьесы возбуждали всегда искреннее сочувствіе и образованной публики и простолюдиновъ, даже не интересующихся сценическими представленіями; то теперь, когда южнорусская словесность оживляется, когда начинаютъ заботиться о томъ, чтобъ дать простому народу въ Южной Руси понятное для него чтеніе, когда возникаетъ періодическое изданіе, какъ всесторонній органъ южнорусской жизни, — »Украинскій« театръ былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Подъ названіемъ Украинскаго театра мы разумѣемъ какъ пьесы на украинскомъ языкѣ и изъ украинскаго быта, такъ и исполненіе ихъ артистами, взлелѣянными на мѣстной почвѣ, знакомыми съ языкомъ и нравами народа и, можетъ быть, даже вышедшими изъ среды этого народа, какъ, напримѣръ, знаменитый артистъ, котораго называть нѣтъ надобности, потому что его всѣ знаютъ. — Такой театръ былъ бы самымъ лучшимъ подспорьемъ литературѣ южнорусской и самой благотворной школой для народа. Разумѣется, и успѣхъ и польза этой идеи условливаются разумнымъ и искреннимъ ея осуществленіемъ;

(1) Изъ современныхъ актеровъ къ этому идеалу малороссійскаго актера ближе всѣхъ артистъ Харьковскаго театра г. Дрейсихъ.

если же сюда замѣшается афера и спекуляція,—дѣло испортится въ началѣ и можетъ надолго остановиться, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что дѣло пойдетъ хорошо, если за него возьмутся люди умѣлые и благомыслящіе; съ возникшей же потребностію народнаго театра, явятся къ удовлетворенію ея и народные драмматическіе писатели. Духъ народный, однажды возбужденный, развивается быстро. Въ духѣ нашего народа есть еще много нетронутыхъ струнъ: умѣйте только дотронуться до нихъ кстати и удачно, и онѣ издадутъ созвучія можетъ быть и не предчувствуемыя....

Н. Мизко.

Ноябрь, 1860.
Село Карабиновка.

ЗАМѢТКА

КЪ СТАТЬѢ: »ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.«

(Съ портретомъ.)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я, въ 1-мъ № Основы, »Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ«. Всякій честный дѣятель, подобный Николаю Андреевичу, достоинъ уваженія при жизни и воспоминанія по смерти. Это признательность къ его трудамъ.

Въ »Воспоминаніи« недостаетъ свѣдѣнія о томъ, что Н. А. занимался народной музыкой. Предоставляя другимъ сдѣлать болѣе вѣрный разборъ и болѣе точную оцѣнку трудамъ его въ этомъ отношеніи, ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями. Еще въ 30-хъ годахъ Н. А. издалъ голоса 25-ти пѣсень, и нотныя доски для этого изданія, вѣроятно, еще и теперь хранятся въ его семействѣ. Я видѣлъ ихъ въ 1856 году цѣлыми. Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью, и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсень, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсень въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсень, одной думы »Савва Чáлий«, »Вертéпа« съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсень и 14 коровайныхъ. Оцѣнить этотъ трудъ по-справедливости — мы не можемъ; мы слишкомъ близки къ Н. А. и слишкомъ сильно ощущаемъ на себѣ давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго. Всѣ требуютъ изображенія народа, какъ въ камер-обскурѣ. Всѣ мы, любители пѣсень, собиратели сказаній и обрядовъ, возмутимся, увидавъ, напримѣръ, пьесу изъ народной жизни, передающую жизнь не точь-въ-точь тáкъ, какъ мы ее себѣ представляли; мы будемъ досадовать, услыхавъ варіаціи на пѣсню, или оперу съ народнымъ сюжетомъ, но наполненную пѣснями и хорами, не слышанными нами въ народѣ. Отъ такой оперы многіе придутъ въ недоумѣнье, многіе начнутъ шикать, а

нѣкоторые придутъ въ восторгъ. Кромѣ вѣрности въ передачѣ пѣсни по нотамъ и полунотамъ, для насъ нужна еще передача той, весьма тонкой, почти неуловимой, жизни въ пѣсни, которая и составляетъ другую часть ея: это — чувство народное той пѣсни, ея смыслъ, ощущенье ея зарожденья, ея ароматъ, — какъ запахъ цвѣтка. Можно спѣть прелестно, передавая всѣ оттѣнки чувства и смысла, но при этомъ упустить ноту, двѣ и болѣе, измѣнить противу обыкновеннаго пѣнья, дѣлая все это безсознательно, но подъ увлеченьемъ той силы, и того чувства, которыя заключаются въ передаваемой пѣснѣ; можно также спѣть пѣсню вѣрно, дагерротипно-вѣрно, но и дагерротипно-безжизненно. Спрашивается—какая изъ этихъ двухъ пѣсень лучше спѣта? Мы не даемъ предпочтенья ни той, ни другой:—та и другая для насъ одинаково полезны, одинаково цѣнны. Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ, ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье и на авторитетъ старыхъ людей. Многому мы вѣримъ по духу пѣсни, а многое и выкидываемъ, по мѣрѣ силъ нашего пониманья, но всегда отдадимъ благодарность Н. А. за трудъ, и будемъ любоваться этой личностью, какъ личностью самобытною, чистою и поэтическою. Упомянутый нами *Сборникъ* Н. А., къ сожалѣнію, еще не изданъ. Онъ ходилъ по рукамъ, и вотъ уже четыре года лежитъ въ забытьи—у меня. Мнѣ кажется, что это матеріалъ—для народного музыканта—богатый.

И такъ, смотря на этого человѣка, при его жизни, съ уваженьемъ — за его самобытную личность, о которую разбивались мелкость общественнаго взгляда и инквизиціонныя требованія условій; уважая его за постоянный его трудъ, за ознакомленіе многихъ и многихъ съ народною жизнью, за его нѣсколько чистосердечныхъ слезъ о судьбѣ народа; за то, что онъ служилъ для многихъ какъ бы притягательною силой къ народу, — мы воздаемъ ему благодарность и по его смерти. Какой бы ни состоялся, со-временемъ; приговоръ надъ трудами Н. А., но каждый, какъ и мы теперь, *будетъ обязанъ* напомнить обществу о Н. А., какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ, любившемъ народъ, къ которому онъ принадлежалъ, понимавшемъ народность и сочувствовавшемъ всему, всему прекрасному.

Еще слѣдуетъ прибавить къ воспоминанію о его дѣятельности—»опи-

саніе г. Чернигова«, и то, что онъ на 60-мъ году жизни и страдая уже предсмертною болѣзнію—изучалъ италіянскій языкъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. А. въ Венеціи. И тамъ онъ былъ вѣренъ себѣ. Проходя черезъ площадь св. Марка, я увидѣлъ его въ бараньей шапкѣ, въ шубѣ и съ вѣчной его *люлькой* въ зубахъ, которая бывала съ нимъ неразлучно и въ дорогѣ,—когда онъ чуть не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кибиткой, въ которой везъ порохъ, и велѣлъ обливать себя водой среди зимы,—и въ карманѣ фрака на балѣ. Въ послѣднюю нашу встрѣчу онъ уже былъ очень слабъ, и стоялъ прислонившись къ одной изъ арокъ, любуясь на красивые размѣры площади, на соборъ св. Марка, на начинающійся карнавалъ,—вспоминалъ исторію Венеціи и глядѣлъ съ добродушіемъ и грустью на веселившихся съ тоски Итальянцевъ, которыхъ онъ любилъ и свободѣ которыхъ горячо сочувствовалъ.

Л. Жемчужниковъ.

СЪ ДОРОГИ.

Желаніе ваше я исполняю, — пишу свои дорожныя впечатлѣнія, не заботясь, будутъ ли они для васъ любопытны.

Не доѣзжая до Нѣжина верстъ двадцати, мы остановились возлѣ *шу́рши* (1), чтобы дать конямъ *одсопти́сь*, какъ выражался нашъ кучеръ. Я со спутницей вошла въ хату. Рѣдко можно встрѣтить такую безпріютную, безотрадную, мрачную хату. Окна въ ней были большіе, но загрязненные и заклеенные бумагой; свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ это еврейское обиталище. Въ хатѣ два стола, два дивана, а пріюта нѣтъ; все неопрятно, грязно, положить ничего не хочется, и что ступишь, то́ и споткнешься: земля выбита подъ ногами, — видно, что давно уже полъ не смазывался глиной. На одномъ столѣ — *чугуни́* навареной *тара́нi* и нѣсколько бутылокъ—безъ-сомнѣнія, разведенной—водки; а возлѣ другого стола стоитъ жидъ съ подозрительнымъ выраженіемъ лица, смотритъ изъ-подлобья, маленькаго роста, съ потонувшей между широкихъ плечъ головой,—шеи у него почти нѣтъ. Рядомъ съ нимъ стояла женщина—наша землячка, лѣтъ около сорока, очень пріятной наружности, съ *ко́шикомъ*, наполненнымъ двумя *гле́чиками* молока и теплыми еще *паляни́цями*. Послѣ перваго привѣтствія, мы спросили, гдѣ намъ можно отдохнуть, — такъ-какъ и на другой половинѣ сѣней была еще хата. Пока жидъ надумался отвѣтить, землячка наша бойко и рѣшительно сказала: »Сюди́, сюди́ пожалуйте одпочи́ть.«

Мы обрадовались землячкѣ и стали торговать у ней паляни́ці.

»До́бре, возміть за пьять шагівъ, — ось яка́ мьяка́ и ле́гка, якъ пухъ«, — говорила она, постукивая кулакомъ подъ низъ паляни́ці.

---

(1) Такъ называется одинъ заѣзжій дворъ.

Въ это время жидовка выскочила опрометью изъ сосѣдней хати.

— »Не смієсъ ти імъ продавать, ти до мéне принесла, — такъ менí и продавай. Я самá куплю, а вони́ тоді у мéне кýплять.«

— Я своє дóбре усюди смію продавать, да ти менí стільки й не заплáтишъ; — ну, давай по вісімъ шагівъ за молокó и по шість за паляни́ці.

»Сцо ти, зъ глýзду зсýнулась? вони́ зъ у тéбе вцорáсні.«

— А, щобъ тобі такъ лéгко жить, якъ вони́ вчорáшні.

»Берú по пьять сагівъ, більсъ ніхтó-зъ не дасть.«

— Да менí панú більшъ дадýть.

»Панú не-знáть-якúхъ паляни́ць істи не бýдуть. Я поцáла торговáть, менí и продавáй, а другóму въ моїй корцмі не смій. Ми скільки за корцмý плáтимо!«

— Давай по вісімъ; такъ менí и панú дáють за молокó.

»Ні, берú по сімъ; я-зъ даю дóбре, — цогó-зъ тобі сце? якъ-бú сёгóднясні! (бросая): да вазкі, якъ кáмень!«

— Оцé-то, кáжуть: говорúла покійниця до сáмої смéрти, да все чор'зна щó. Чогó бъ се я тобі по сімъ далá? щó ти менí? Колúбъ оцé сúна зáвтра не виряжáть, да на чвéртку не трéба, я бъ до тéбе вікъ не загляну́ла, кáтаржний рідъ.

»Ну, оддаéсъ по сімъ съ половúною?«

— Ну, бери! (А къ намъ обращается и говоритъ:) Ви ій ужé по шажкý перекúпете — вона́ вамъ и оддáсть: а паляничкý одну́-такú у мéне візьмете: вона́ всіхъ не берé.

— »Дай же намъ, еврéйко, и глéчикъ молока... щó тобі за ёго?

»Якъ не дастé пьятнадцяти копіёкъ сребромъ, дакъ и не 'ддамъ.

Землячка наша перекрестилась отъ ужаса. — »*У погáному видý— немá стидý*... А, проклятий рідъ, щобъ ти вúдрочився! У-двóе хóчешъ! ишъ дзóга якá! Щобъ ви не діждáли по світу ходúть, людей грабовáть. *Жидъ брехнéю живé; все зъ насъ тя́не*. Се, кáжуть, насъ Мáти Бóжа прокляла́, а іхъ благословúла. Уродúла вона́ Христá, да й послала́ за жінкáми; усі за робóтою, ніколи йти́: хто прядé, хто за верстáтью, усі за діломъ. Вона́ й прокляла́: щобъ ви до віку, кáже, робúли — не наробúлися, — все рівно, якъ кінь, щобъ івъ — не наівся, щóбъ імъ и вгáву не булó! А послáла до жидівъ, — вони́ такъ и поприбігáли... Ми рóбимо, ми жнемó, ми въ колóмазі, — а вони́, не робúвши, вихорóшуютця; старé дріпло — и тé шýбу якý напірить, да й нáми повертáе.

Жидовка близко подступаетъ: »хиба́-зъ ми не ро́бимо, хиба́ зъ ми не ро́бимо?«

— У!! чмаро́ю та́къ и лізе!

Молчаніе... Намъ принесли изъ экапажа жаркое, масло; мы начали ѣсть.

— Хлібъ-сіль іжъ, а пра̀вду ріжъ, сказа́ла земля́чка.

Между тѣмъ, жидовка заплатила ей деньги.

— Оце́ жъ мені пора́ вже йти до-до́му.

»Да посе́дь«, говорю я: »ще́ тро́шки погомони́шъ изъ на́ми.

Она сѣла подлѣ насъ.

— Куди́ жъ оце́ васъ Богъ несе́?

»У Ніженъ. А ти де́ живе́шъ?«

— А тутъ, недале́чко.

»Якъ-би́ намъ тебе́ знайти́, ми бъ до те́бе въ го́сті завіта̀ли.«

— Тільки попита́йте Га́льку—и мала́ дити́на пока́же: пере́ідите місто́къ да садо́къ, а тамъ вели́кі нові воро́та:—ото́ й я. Оце́ й мені за́втра тре́ба бу́де на база́ръ.

»Приізджа́й, да коли́ бъ ра́но до-до́му, щобъ ми тебе́ заста́ли.«

— Я ще два ра́зи зверну́сь, по́ки ви приідите. Да що́! хочъ мене́ й не бу́де, дакъ моя́ невістка...

»Ні, ми тебе́ хо́чемо ба́чить у госпо́ді.«

— Моя́ невістка хоро́ша, — вона́ васъ за госте́й пошану́е. Я іі удово́ю бра́ла; та́мъ діточки́! якъ благоро́днихъ де́ржить. Оце́ чи даси́ що́, чи попро́сить чого́, то за́разъ и цілу́е... Ви — куди́? въ го́сті?

»Въ го́сті.«

— Ну, изъ госте́й не скоро ви́рветесь: *гість — невільникъ*. Я пооддава́ла своіхъ до́чокъ въ одно́ село́. Не лю́бо въ одно́ село́ оддава́ть: то́ бъ туди́ въ гості пішо́въ, а то бъ туди́; ато́ въ одно́му селі, та ще живу́ть одна́ проти́ дру́гоі. При́йдешъ, за́разъ и збіжя́тця въ оди́нъ двіръ; уже́ тре́йтю туди́ не одда́мъ. —Пора́ мені до-до́му... Приізді́ть же за́втра.

»Не йди ще, будь ла́скова,—погомони́ ще годи́ну. Та́къ у ме́не зу́би боля́ть! ти якъ гомони́шъ, то, мовъ, замовля́ешъ.«

— Ви бъ у Прохори́ поіхали: тамъ дідъ замовля́е; ато́ такъ усю́ стіну й ви́крутить, да й зновъ бу́де зачина́тьця. У мого́ старо́го та́къ боліли, що й Бо́же! не схотівъ пійти́; а я скілько паляни́ць, скілько уся́чини переноси́ла: тепе́ръ у ме́не й не боля́ть.

Жидъ во все время нашей бесѣды стоялъ возлѣ печки и всматри-

вался въ меня такъ подозрительно и пристально, что взглядъ его раздражалъ мою зубную боль, и я пересѣла на другое мѣсто.

»Га́лько, посиди́ же ще́ коло ме́не, да роскажи́ мені що-не́будь, щобъ не такъ зу́би допіка́ли. У те́бе ще есть до́чки?«

— Есть же, одна́ на порі, а дру́га у шко́лу хо́дить... Пора́, прощайте! Заіздіть же. Хай Богъ вамъ спорі́ть у доро́зі.

На обратномъ пути мы спросили на селѣ Гальку и намъ указали ея домъ, прибавивъ: »нові вели́кі воро́та.« Въѣхали ми на дворъ, обыкновенный и — грязный по случаю дурной погоды. Къ намъ выбѣжала дочка, пятнадцати лѣтъ: ничего нѣтъ похожаго на мать.

»А ма́ти до́ма?«

— До́ма.

Мы и не сомнѣвались въ этомъ: слова Гальки оправдались, мы думали быть къ ней въ понедѣльникъ, а пріѣхали во вторникъ. Вошли мы въ хату. Тутъ-то начались привѣтствія Гальки и ея невѣстки. Хата у нихъ большая; въ углу, у дверей висѣла люлька съ двухлѣтнимъ ребенкомъ; между большимъ столомъ и лавкою, на полу, сидѣло какое-то странное растрепанное существо и пряло; лавки липовыя широкія, почти въ три четверти ширины; за сво́локомъ множество чорнобри́вцівъ. Невѣстка — женщина очень хорошая и тихая.

— Ми ду́мали, що ви вже до насъ, харпаківъ, и не заідите, — сказала невѣстка.

»А я васъ вчо́ра жда́ла«, подхватила Галька: »и на базаръ не поіхала; я ще таки́хъ панівъ и не ба́чила; тутъ одинъ проізди́въ, дакъ и въ ха́ту не зайшо́въ, по́ки й ко́ней ви́пасъ, — усе́ сидівъ на при́зьбі«.

— Ся́дте жъ, — сказала Галька, обратясь къ намъ. — Евдо́хо (невѣстка)! покри́й настільничкомъ стілъ. Га́лю, унеси́ дрове́ць... А я ду́мала, що ви уже́ й не бу́дете... бідна жъ моя́ голо́вонько!. Я вчо́ра вамъ ку́рицю зажа́рила, дру́гу залила́.

»Да нетре́ба, спаси́бі тобі; ми приіхали, щобъ погу́торить, щобъ послу́хать твоє́і ласка́вої ре́чі, а не съ тимъ, щобъ що поісти: те́ ще вспіемъ.«

— А то жъ ка́жуть: не красна́ ха́та угла́ми, а кра́сна пирога́ми.

»А до́бра річъ всёго кра́ще.«

— Воно́ таки́ й пра́вда. Иноді недо́бре сло́во па́да ва́жче ка́міня.

»У насъ усе́ есть, — чи не мо́жна лю́дямъ стра́ви приста́вить: ми купи́ли мьяса и карто́плі у Ніжені, да спізни́лись — дакъ и не вари́ли.«

— Да на́ що?! ми ку́рицю заріжемо.

»Ні, ні, ми зъ свого́.«

— Такъ и неха́й же ва́ша рі́чъ на-пе́реді.

Съ этимъ ушла. Невѣстка и дочка начали чистить, перемывать, варить. Внесли бублики и разныя разности: дѣти были въ восторгѣ и за все давали чоломъ и низко кланялись, стуча лбомъ объ столъ, потому что обое стояли на лавкѣ возлѣ стола. Вошла Галька.

»Дай же, будь ла́скова, на́шимъ ко́нямъ сіна.«

— Іді́ть уже́.

»А чолові́ку коли́бъ погрі́ться де́?«

— Да вінъ у зати́шку, якъ у раі; тамъ и на́ші моло́тять... Оце́ жъ доса́дно: Оле́нка не поба́чить васъ. А то вчо́ра тро́шки и въ шко́лу спізни́лась — дожида́лася васъ... А, су́чий хло́пець! покоти́въ бу́бликъ — кі́ть ухо́пить!« погрозила она внуку, и подала ему бубликъ; тотъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки: описать нельзя торжествующаго взгляда, какимъ Галька въ это время подарила меня.

Столъ накрытъ; въ печи́ топится; Галька подала намъ сметану, масла и заливную ку́рицу; черезъ нѣколько минутъ были готовы и вареныя яйцы. Послѣ всего, Галька поднесла намъ *насіння*.

»Спаси́бі тобі, Га́лько, що ти насъ за гостє́й ма́єшъ.«

— Го́сподеві дя́куйте. Вибача́йте на сей часъ: не жда́ли, — да сёго́дні усе́ й поіли, що вчо́ра для васъ наготовили.

Съ нами были привезенные изъ Кіева крестики, образки: мы роздали всѣмъ имъ.

— Се ви, ви́дно, неда́вно були́ въ Ки́еві? и я, було́, хожу́ що-го́ду. Упе́рше якъ увійшла́... що́ за го́родъ Ніженъ, такъ мое поштеніе, а ввійшла́ въ Козе́лець — такъ и въ боку́; а якъ у Ки́евъ, такъ и по́готовъ!.. Усю́ди ви́ходили. — Оце́ ви собі сами́ и їздите? а дітки есть? А ба́тюшка, ма́тушка?

Я отвѣтила на всѣ вопросы.

— Оце́ жъ того́ ви усе́ й їздите, що у васъ дітокъ нема́; а у ко́го есть дітки, то того́ й не зама́нишъ и до ма́тері часто їздити. »Часъ вамъ до́брий«, ду́мае: »живіть собі, а я буду собі зъ діточка́ми.«

— Дітки моі, пта́шки,
Ви жъ мені не ва́жкі,
Ви въ зеле́ному саду́
Щебе́чете до ладу́.

А у ко́го нема́ дітей, той такъ изъ домівки й рве́тця.

И Галька запѣла:

— Чого́ мені жури́тися,
Чи у ме́не мали́і діти?
Ой ви́йду я да за ворітечка
Свого ми́лого гледіти.
Ажъ мій ми́лий, голу́бонько си́зий,
Да й на воронімъ коні іде, —
На вороно́му да кони́ченьку
У голубо́му да жупа́ні.
»Чоло́мъ, чоло́мъ, моя́ ми́ла,
А чоло́мъ, моя́ па́ні!«
— На що́ мені да чоло́мъ дае́шъ?
Счасли́вая тобі доріженька,
Куди́ ду́маешъ-гада́ешъ!
Якъ ду́маешъ у доріженьку —
Да поможи́ тобі, Бо́же;
Якъ ду́маешъ та до и́ншоі,
То покара́й тебе́, Бо́же! —

»А ну ще сю заспіва́й, будь ла́скова, — яка́ жъ га́рна пісня!«

Вдругъ Галька измѣнила голосъ, выраженіе лица и запѣла:

— Бувъ собі жураве́ль да жура́вочка,
Наноси́ли сінця́ по́вні я́сельця...
Уся́ до́вга да хоро́ша — нумъ изно́въ зъ кінця́...

И начала прихлопывать въ ладоши, и снова запѣла ту же самую пѣсню: Бувъ собі жураве́ль да жура́вочка....

— Оце́, я́къ *у васъ*, що й не пьють; поку́шали, — не пье́те и не гомоните́... А у насъ, оце́, якъ-би́ чве́рточку, до й пісе́нь би до́сі співа́ли, и го́мінъ таки́й би підня́ли бъ.

»Ми не пьемо́, а за чве́рточкою посла́ть тре́ба, бо ку́черъ нашъ изме́рзъ.«

— Чи не я жъ оце́ приговори́лась?

»Ні, ми бъ и безъ того́ посла́ли.«

— Біжи́, до́чко.

Водка принесена; я начала потчивать.

— А ви жъ не ку́шаете?

»Ні.«

— Ца́рство жъ небе́сне, вічни́й покой ва́шому ба́тюсьці и ва́шій ма́тусьці, а вамъ посила́й Богъ до́брее здоро́вье. — Галька глотнула изъ рюмки и запѣла:

— И сёго́дні со́нечко,
И за́втра опья́ть бу́де:
Ой, якъ умре́ моя́ ма́тінка,
Якъ умре́ моя́ рідная —

И до віку не бу́де!
Моя́ ма́тінко,
Мій дороги́й крешта́лю!
Де́ тебе́ ви́ховати
Зъ зими́ да на літечко?...

»Допива́й, Га́лько.«

— Да боюсь, щобъ не впи́тьця.

Еще разъ глотнула и возвращаетъ мнѣ рюмку.

»Ну бо, допива́й, ато́ бу́де чоловіча ворка́ гна́тьця.«

— Ну, бу́дьмо жъ здоро́ві.« Галька допила и еще выплеснула въ потолокъ, — приговаривая: отта́къ на́ші вибри́куйте!

— Ой ви́пила, ви́хилила —
Сама́ себе́ похвали́ла,
Бо я до́брого ро́ду,
Пью горілочку, якъ во́ду...

— Оце́ то, ка́жуть: *принеси́, Бо́же, здале́ка роди́ну, то ми и въ бу́день зро́бимо неді́лю.*

Другую рюмку я предложила невѣсткѣ, потомъ дочкѣ, а потомъ поднесла странному существу, прявшему въ-тихомолку.— »Да ні, я чужа́, я не хо́чу,« сказала эта женщина: — »я чужа́, я чужа́«, и закрылась рукой.

»Дакъ що́ жъ, що ти не семьяни́нъ, а все таки́ ти не чужа́: ти моя́ земля́чка. Ви́пий!«

— Ні, я чужа́, — отвѣчала она, и не выпила.

Мнѣ объяснили, что она никогда не пьетъ, что она сиротою осталась маленькою; все достояніе ея — огородъ. Галька и взяла ее къ себѣ. Это бѣдное существо не хочетъ одѣваться: хорошее платье снимаетъ съ себя и ходитъ въ рубищахъ. Иногда она разсердится на своихъ и кричитъ: я васъ усіхъ на Сібіръ позасила́ю: стро́йте мині ха́ту на моє́му огоро́ді.

»Га́лько, сядь же коло насъ да погово́римо, ато́ намъ часъ до двора́.

Галька запѣла:

А вже ве́чоръ вечоріе,
Да пора́ мені до-до́моньку:
Ой е въ ме́не воркуно́къ до́ма,
Пробье́ мені та голо́воньку.
»Ой, воркуне да воркупочку,
Не бий мене́ да въ голо́вочку!
Мене́ жъ ма́ти згодува́ла,
Въ голо́воньку да не вбива́ла;

Мене́ ма́ти да годова́ла
Да ще й жа́ловала...«
Довело́ся хазя́іну
Мно́ю ру́ки да потера́ти.
»Ой потира́й, да пото́рачу,
Коли́ тобі та довело́ся,
А я бу́ду кори́тися,
Коли́ мені го́ре нало́ся!..

»Га́лько, роскажи́ мені, я́къ ти замі́жъ ишла́,—чи молодо́ю, чи ло́блячись бра́лись,—я́къ тобі зъ-за́молоду гуля́лося, чи е чимъ зга́довать дівова́ннечко?

Глаза у Гальки заблестѣли очень весело, и она начала:

— Якъ я гуля́ла на вечорни́цяхъ, дакъ неха́й и Богъ ми́луе! и кінця́ не бу́де, якъ усе роска́зовать. Якъ не при́йдешъ було́ на вечорни́ці — ніколи (а у насъ таке́ було́ житло́, що ані въ ру́ки, убо́жество)—то що́ було́ хло́пці ро́блять?!... У-ночі воро́та зъ пятниківъ издійму́ть да й занесу́ть. Вста́не ма́ти, да й не зна́е, на віщо воно́ такъ изро́блено; а я й притаю́сь. Або́, оце́, спізню́сь ити́ на вечорни́ці, або́ відті́ль, то у-ночі уже́ воро́та и вліплять грязю́кою. Хло́пці лю́блять, щобъ було ши́то й кри́то, що бъ не зна́ли, коли́ йдешъ, коли́ верта́есся! Я було́ росе́ржусь чого́, да й не піду́, або́ й ма́ти таки́ не пу́стить, бо пі́дешъ, часъ собі зга́ешъ и нічо́го не зро́бишъ; дакъ що́ разъ, прокля́ті, зроби́ли? Я щось три дні не ходи́ла,—узяли́ да въ-ночі ви́копали со́ху коло коло́дезя, да й перевернули́ звідъ на у́лицю. Вста́ла я вра́нці по во́ду, до коло́дезя — и тягти́ нічимъ; тутъ и дівча́та сусі́дські и молоди́ці позбіга́лись зъ коро́мислами: соха́ переве́рнута и вко́пана зновъ, якъ и була́. »Оце́, ві́рно«, ка́жуть молоди́ці, »ти, Га́лько, не вгоди́ла чимъ хло́пцямъ.«

— Не до́вге моє́ дівова́ннечко було́!... Я молоде́нькою прихоро́шенька була́! шіснадцять літъ мені було́, якъ до ме́не присва́тавсь немолоди́й уже́ удове́ць, да ще тро́хи и пога́ одна́ коро́чча; я не хотіла йти, а ма́ти ка́же: »а йди, до́ню: він хоро́ший чоловіка́, и съ пе́рвою жінкою та́къ хо́роше живъ, и бага́тий — хазя́йкою бу́дешъ, — він тебе́ жа́луватиме, якъ дитину. — Я й згоди́лась. — Отъ мені й нічо́го, но́ки до́ма сиділа, а якъ вінча́тьця прийшло́сь, — мені такъ сти́дно між люде́ йти зъ стари́мъ та зъ криви́мъ. Ста́ли на вине́ць, мені та́къ сти́дно, що я й світу Бо́жого не ба́чу. — Повінча́въ піпъ да й ка́же: »цілу́йтесь!« — А чоловіка́ мій поклони́вся та й ка́же: »неха́й уже́, ба́тюшка, до за́втрёго«; дакъ ба́тюшка ростопірив ру́ки: »ну, якъ хо́чте«, ка́же. Зъ сі́мъ и зъ це́ркви ви́йшли.

— А спаси́бу Богу, пожила́ зъ стари́мъ, хочъ и не нагуля́лась: не огле́ділась, якъ и ба́бою зроби́лась.... Ста́рощей ма́теринихъ догле́діла и ру́ки ій зложи́ла, — тутъ у на́шій ха́ті и престáвилась, ца́рство ій небе́сне! Благодаре́ние Го́споду, тепе́ръ не нарика́ючи живу́, — усе́го у ме́не вдо́воль, ато́, мо́же, прийшло́сь би уголька́ми на тімъ світі роспла́чуватьця, що попрогу́лювала бъ на вечорни́цяхъ.... Було́, що́ понапіка́емъ паляни́ць, намішованиківъ!... А побра́лись — що́ було́ я попонужу́ся, по́ки не пішли́ діти! Було́, чоловікъ карта́е мене́, карта́е, а у ме́не такъ и пре́тця се́рце до дівча́тъ (я-таки́ співу́ча змо́лоду була́)! Худо́ба за плечи́ма, леда́що передъ очи́ма, — таки́й вінъ мені тоді зда́вся нечума́зний! — а тепе́ръ вінъ мені якъ оре́лъ!

Въ это время брякнула дверь и вошла дѣвочка, похожая на молоденького гуся, — въ бѣлой юпкѣ и съ краснымъ намороженнымъ носомъ и такими же руками.

— Ось и на́ша школя́рка! — вскрикнула Галька.

Изъ сосѣдней хаты выглянуло не безъ удовольствія четыре головы — старшая дочь и невѣстка, державшая обоихъ дѣтей на рукахъ.

— Здра́стуй, Оле́нко! Отъ пани ти́і, що ти хотіла ба́чить, — сказала Галька. — Дава́й пана́мъ чоло́мъ! Ну, що́ жъ ти сего́дні учи́ла, роскажи́ мені.

»Азъ, бу́ки, віди....«

— Га́рно, га́рно! лю́ба! — Вона́ оце́ и пря́сти не хо́че, — усе́ у́читця, — обратилась къ намъ Галька.

Я обѣщала ученицѣ передать при случаѣ книжку съ картинками; и вотъ — начались благодарности. Между тѣмъ, пора было ѣхать, мы стали собираться въ дорогу.

»Скілько жъ тобі слідуе, Га́лько, за сіно и за угоще́ніе?

— Нічо́го.

»Ні, не мо́жна та́къ, — тре́ба сказа́ть.«

— Нічо́го мині, нічо́го, — а синъ, якъ зна́е — за сіно.

Передъ этимъ за нѣсколько минутъ и сынъ пришелъ. Спрашиваю у него, — что́ за сѣно? — Нічо́го.

»Ти жъ ёго́ коси́въ, по́равъ.«

— Такъ-що́? хиба́ бага́то ззіли ко́ні?

»Ну, до́бре жъ: за сіно я сама́ зна́ю, що́ заплати́ть, бо у жи́да плати́ли; а що́ тобі за кло́пітъ?

— Нічо́го!... Ну, слу́хайте жъ: оце́ бъ я ста́ла вамъ продава́ть: що́ жъ ви тамъ искýшали? я подала́ пья́теро я́ець, дво́е скýшали — шагъ за

ва́ми.... ха-ха-ха-ха!... смета́ни кри́шечку.... ха-ха-ха! холодцю́.... отъ и три шаги́....

При этомъ поднялся въ хатѣ всеобщій хохотъ; сдѣлалось смѣшно и намъ, — но мы смѣялись отъ удовольствія, видя передъ собой такія честныя натуры, радуясь, что никакая жидова́ своимъ дурнымъ примѣромъ не можетъ заразить ихъ жадностью. Мы, однакожъ, настаивали.

— Ну, коли́ жъ уже́ вамъ хо́четця, такъ да́йте на чве́рточку, що я, якъ пiду ii купова́ть, то що бъ васъ хиба́ згада́ла.

Началось прощанье.

— Проща́йте! дай, Бо́же, зна́тьця. Якъ прiидете вдру́ге, то й ове́съ бу́де, — не то́ — сiно.

Галька вынесла паляни́цю, поцѣловала и подала намъ на дорогу.

— Проща́йте, пострiча́й же, Го́споди!

А. Нечуй-вітеръ.

Октябрь 1860 г.

БЕСѢДЫ

О ЕСТЕСТВОЗНАНІИ НА РУССКОМЪ ЮГѢ.

I.

Я попалъ съ сѣвера въ южнорусскій край, когда только-что начиналъ заниматься наукою естествознанія. Живо помню первыя впечатлѣнія, произведенныя на меня южною природою: на каждомъ шагу я встрѣчалъ предметы, поражавшіе меня своею красотою, возбуждавшіе во мнѣ нетерпѣливое любопытство своею особенностью: новыя растенія, новыя животныя и новыя явленія міра физическаго, — всё это было мнѣ незнакомо, недоступно моему пониманію. Въ первый разъ въ жизни я здѣсь увидѣлъ, что хлѣбъ сѣяли, не удобряя земли! Долго старался я допытаться у себя отвѣта на эту загадку — и не могъ; обратился за объясненіемъ къ народу, но узналъ не много: »зачѣмъ и унавоживать, когда и безъ того *земля, что́ уголь!*« — Я догадался, что этимъ опредѣляется *черноземъ;* но почему для него не нужны удобренія, — чего не достаетъ почвѣ глинистой или песчаной для развитія растенія, — отчего другія полевыя растенія ростутъ на той же почвѣ, на которой не можетъ рости хлѣбъ? Все это было для меня темно, загадочно. Я былъ въ состояніи человѣка, который не обладалъ способностью различать цвѣта, по которому уже помогли освободиться отъ этого недостатка зрѣнія. Въ изумленіи остановился бы онъ передъ новымъ, до-тѣхъ-поръ невѣдомымъ ему, міромъ колеровъ! Сначала они ослѣпили бы его: всё показалось бы ему однимъ пестрымъ узоромъ; только спустя нѣсколько времени, когда его глазъ научился уже различать краски, прозрѣвшій увидалъ бы и деревья, и цвѣты, и животныхъ, однимъ словомъ — природу во всей красѣ единства и разнообразія: въ подобномъ же состояніи былъ и я.... мнѣ открывала глаза наука.

Отчего-же обитатели Южной-Руси выносятъ равнодушно это мучительное состояніе духа — невѣдѣніе?.... Человѣкъ легко свыкается съ окружающими его предметами: что онъ видитъ съ первой минуты своей жизни, то для него не диво! У обитателя Юга, съ перваго дня его существованія, передъ глазами чудная природа, но онъ привыкъ къ ней,— и уже равнодушно смотритъ на то растеніе, которое заботливо лелѣютъ въ садахъ и теплицахъ на сѣверѣ. — Для того, чтобъ южный житель понялъ всю прелесть своей родины, ему слѣдовало бы прокатиться на Сѣверъ, взглянуть на бѣдныя поля Великороссіи, на луга, покрытые сухою осокою да бѣдными злаками, на болота, заросшія тростникомъ да желтою зеленью болотныхъ растеній; только послѣ такого путешествія онъ сознаетъ свое богатство; и у него подобнымъ-же образомъ пробудятся новые вопросы, и онъ захочетъ ближе познакомиться съ природою своего края.

Не смотря на то, что южный край можно назвать сердцемъ Русскаго міра, что это не ново-созданная Амурская колонія, — мы едва его знаемъ, по какому-то странному равнодушію ко всему близкому, отечественному. — На Амуръ снаряжаютъ ученыя экспедиціи, посылаютъ ученыхъ натуралистовъ въ Италію, въ Испанію, даже въ Алжиръ! у насъ же подъ руками неразработанныя богатства, — а мы все стремимся туда, гдѣ тысячи головъ, головъ умныхъ, дѣятельныхъ, искусныхъ, трудятся на томъ самомъ поприщѣ, на которое и насъ тянетъ... И какъ мало приносятъ пользы эти далёкія путешествія! чуть не всё дѣло ограничивается нѣсколькими, давно извѣстными предметами, да двумя-тремя письмами, присланными изъ-заграницы въ какой нибудь журналъ... и какъ, большею частью, однообразны эти письма! Напротивъ, замѣните эти экспедиціи дѣльными путешествіями на Русскій югъ, и, навѣрное, они скоро принесли бы существенную пользу; матеріаловъ тамъ хватило бы не на одинъ десятокъ жизней; мы наконецъ познакомились бы съ человѣкомъ и природою Юга, съ чудными ихъ богатствами... — а подобныя изслѣдованія, безъ сомнѣнія, открыли бы невѣдомыя стороны жизни, — дали бы бытіе новымъ отраслямъ народнаго богатства....

Что же можно сдѣлать теперь, для распространенія естествознанія на Югѣ? Не могутъ ли содѣйствовать изученію края и не-спеціалисты? Въ какое положеніе должно стать при этомъ южно-русское общество? Вотъ вопросы, которымъ мы намѣрены посвятить настоящую статью — статью далеко не ученую, написанную не для спеціалистовъ, а просто — для любителей: поэтому мы войдемъ въ подробности, кото-

рыя, для людей близко знакомыхъ съ наукою, были бы лишними. Наша цѣль — чисто-практическая: показать важность естествовѣдѣнія и способы для занятій естественными науками на югѣ.

Что́ нужно для изученія природы? Между многими, даже образованными людьми распространено ложное понятіе, что, при изученіи естественныхъ наукъ, необходимы цѣнные кабинеты, недоступные средствамъ большинства частныхъ лицъ, — мнѣніе ложное — на югѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изучайте природу по ней самой, составляйте сами травники и коллекціи другихъ естественныхъ предметовъ; посвятите этому занятію часы досуга́, минуты прогулокъ, — вы и безъ кабинетовъ узнаете многое.

Ка́къ же изучать природу, ка́къ учиться естествознанію — безъ учителя? гдѣ найти учителя — не сухаго педанта, не теоретика, а живого любителя природы? Ка́къ приступить къ такому важному дѣлу безъ помощи? Да очень просто: возьмите любой популярный нѣмецкій или французскій курсъ естественной исторіи (1) и читайте его среди лѣсовъ и полей. А между тѣмъ, мы, думая не разъ вести съ вами бесѣду о природѣ юга, начнемъ съ легкой подготовки къ естествовѣдѣнію.

Прежде всего вамъ надо познакомиться съ основными началами науки; узнать части растеній, минераловъ и животныхъ. Чтобъ сдѣлать къ этому приступъ, сорвемъ наудачу цвѣтокъ, подымемъ камешокъ, поймаемъ насѣкомое или другое животное, и поглядимъ на него внимательно.

Кстати, мы въ Кіевѣ... Поглядите вонъ тамъ, возлѣ рѣки, на скатѣ живописной горы, раскинулся такой красивой кустъ *красной розы*. Днѣпръ поитъ корни безчисленнаго множества кустовъ этого растенія. Сорвемъ благовонный *цвѣтокъ* этой »шипшины«, изъ котораго позже образуется красный *плодъ*. Какъ бы мы пристально ни стали осматривать цвѣтокъ, — мы не найдемъ въ немъ сходства съ самимъ плодомъ, съ этою ярко-красною круглою ягодою, наполненною сухими зернышками.

Подъ низомъ цвѣтка находится нѣсколько зеленоватыхъ листиковъ, но это не плодъ розы, а ея покровъ, одежда цвѣтка, теплая шубка, охраняющая молодой цвѣтъ отъ суровыхъ непогодъ и вѣтровъ. Этотъ цвѣтъ, подъ защитою своего покрова, былъ не цвѣткомъ, а *почкою;* упалъ на

---

(1) Для желающихъ укажемъ: »Leçons élémentaires de Botanique, par Em. Le Maout;« »Trois règnes de la nature«, его же; изъ нѣмецкихъ: »Aus dem Reiche der Naturwissenschaft, v. Bernstein, которыя, какъ мы слышали, скоро появятся въ русскомъ переводѣ.

нее теплый живительный лучь солнца—и вотъ внутри почки закипѣла жизнь, малютка пробудился и выправилъ изъ-подъ зеленой пелены розовые листики—*лепестки* цвѣтка; зеленая оболочка опала и отогнулась назадъ, она не нужна больше: цвѣтокъ достаточно выросъ и окрѣпъ для того, чтобъ существовать уже независимо отъ *чашечки* (зеленой оболочки); это дитя тепла и свѣта (безъ котораго онъ умираетъ) развивается—распускается....

Изъ него-то, изъ этого цвѣтка, *завяжется* плодъ, быть можетъ скажетъ вамъ любой поселянинъ, вовсе незнакомый съ наукою; изъ этого блестящаго цвѣтка образуется ягода. Да́, это правда; но то́ ли понимаемъ подъ словомъ *цвѣтокъ* мы въ общежитіи, что́ понимаетъ подъ нимъ наука? Нѣтъ. Пройдетъ два-три дня и цвѣтки, то́, что́ мы называемъ цвѣтками, розовые лепестки (*вѣнчикъ* у ботаниковъ) завянутъ, опадутъ; они были не болѣе какъ украшеніемъ, — брачнымъ нарядомъ цвѣтка.... (Посмотрите, ка́къ онъ роскошенъ у *сараны* (1), покрывающей поля юга!) Такъ изъ чего же образуется плодъ? Лепестки опали, но осталась *чашечка*, къ краямъ которой прикрѣпленъ цѣлый рядъ желтоватыхъ *усиковъ*, волосковъ, съ маленькими желтыми головками на оконечностяхъ, а по серединѣ находится небольшой, какъ бы желтозеленоватый, кружокъ. Вотъ въ этихъ-то частяхъ сосредоточивается семейная жизнь растеній: *волоски* — это орудія образованія *плодотворной пыли*, а желто-зеленоватый кружокъ — это хранилище оплодотворенныхъ сѣмянъ — зачатокъ растенія.

Эти волоски извѣстны въ наукѣ подъ именемъ *пылевыхъ органовъ (тычинокъ)*, потому что въ головкахъ ихъ, представляющихъ пустые мѣшечки, заключается плодоносная пыль; мѣшечки называются *пыльниками*. Пылевой органъ цвѣтка—это мужчина, мужъ; а органъ, заключающій зачатки сѣмянъ — *пестикъ*—женщина. Позже, на пути знакомства съ флорою юга, мы узна́емъ ближе устройство цвѣтковъ, растеній и вообще жизнь тѣлъ природы, а пока ограничимся этими краткими замѣчаньями.

Въ предметахъ, для нагляднаго изученія, недостатка у насъ не будетъ: растенія всевозможныхъ родовъ и семействъ вы встрѣтите на югѣ. Хотите изучать тайнобрачныя водоросли, приготовлять изъ ихъ золы іодъ, ступайте на берега Чернаго моря: та́мъ ихъ довольно! Хотите познакомиться съ дѣвственною природою степей—поѣзжайте въ Украину.—Ко-

(1) Сарана́—Lilium tenuifolium. L.

гда вы уже полюбите естествознаніе, соберите вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ, желающихъ познакомиться ближе съ окружающею ихъ природою, — ступайте по берегу Днѣпра, Дона, или южнымъ берегамъ Чернаго моря, куда вамъ ближе. Попадется вамъ растеніе, камень или насѣкомое, подымите ихъ, покажите вашимъ слушателямъ и разскажите все, что только знаете о немъ; менѣе всего обращайте вниманіе на имя и болѣе—на жизнь и свойства предмета; вернувшись послѣ подобной прогулки домой, прочтите подробное описаніе найденыхъ вами предметовъ, приведите ихъ въ систему и раздайте, если можно, по экземпляру каждаго изъ нихъ вашимъ слушателямъ.

Подобныя прогулки скоро найдутъ послѣдователей и естествознаніе войдетъ въ жизнь, сдѣлается потребностью, займетъ женщинъ, которымъ оно такъ близко. Для полнаго успѣха, нужно также пріобрѣсть запасъ общихъ свѣдѣній по другимъ естественнымъ наукамъ, неразрывно связаннымъ между собою; ботаника, какъ наука, не существовала бы безъ химіи: иначе процессъ прозябанія, питанія растеній остался бы для насъ вѣчно неразгаданною тайною; безъ геологіи трудно объяснить причину физіогномики флоры той или другой мѣстности; безъ зоологіи мы не постигнемъ, отчего зависятъ болѣзни растеній, производимыя уколами насѣкомыхъ. При недостаткѣ общихъ свѣдѣній, многія явленія природы часто кажутся намъ странны и непонятны. Мы, напримѣръ, видимъ, какъ всѣ заботы, всѣ усилія человѣка низвергаются маленькимъ насѣкомымъ, и пока наука не уразумѣетъ природы, человѣкъ безсиленъ въ борьбѣ съ нимъ. Разскажу одинъ любопытный случай: въ Полтавской губерніи близь Прилукъ, въ мѣстечкѣ Сокиринцахъ, принадлежащемъ Г. П. Галагану, въ саду росло нѣсколько дубовъ, особенно-дорогихъ владѣльцу. Въ одно лѣто онъ увидѣлъ, что эти великаны — память его отца, дѣда, а можетъ быть и прадѣда, стояли голые, безъ листьевъ; изумленный, въ раздумьи, наклонился онъ, чтобъ поднять нѣсколько сухихъ листковъ, и что же замѣтилъ? Листья свернулись въ трубочку: — это была работа дубоваго *листоверта*. Напрасны были всѣ усилія хозяина: листовертъ остается до сихъ поръ непобѣдимымъ и безпрепятственно продолжаетъ свою работу! Напрасно обращался хозяинъ къ лѣсоводамъ, напрасно рылся въ ученыхъ сочиненіяхъ — никто не далъ ему положительнаго отвѣта, не указалъ вѣрнаго средства прогнать докучливое насѣкомое и предохранить милые дубы отъ смерти. Кто не знаетъ, какія страшныя опустошенія производитъ на Югѣ саран-

ча — этотъ бичъ земледѣльцевъ, — а все покоряется ей! Полное уничтоженіе этого зла для насъ еще невозможно; но когда, при знакомствѣ съ естествознаніемъ, начнутъ наблюдать не одно явленіе, и не съ минуты его зловреднаго дѣйствія, а, вооруженные наукою, вникнутъ глубже въ его причины, найдутъ его начало, зарожденье зла: тогда-только, быть-можетъ, истребленіе саранчи и листоверта превратится въ дѣло обычное, какъ истребленіе другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Природа юга такъ мало извѣстна, что мы не знаемъ, что́ у насъ есть, что́ еще можетъ быть и чего нѣтъ! Легко можетъ статься, что имѣя на югѣ въ обили тотъ или другой предметъ промышленности или торговли, мы получаемъ его изъ-за границы и не подозрѣваемъ, что онъ пропадаетъ у насъ даромъ. Давно-ли возникло у насъ винодѣліе въ Крыму, и поглядите, какъ значительно уже разширилась эта вѣтвь промышленности! »Но что́ за вина въ Крыму!«, возразятъ намъ многіе.— Такъ возьмите же въ расчетъ ихъ дешевизну, — отвѣтимъ мы, и подумайте, не виновато ли само́ общество въ медленномъ улучшеніи винодѣлія? Дайте большинству бутылку превосходнаго крымскаго вина и бутылку плохаго рейнвейна и, на-вѣрное, будетъ предпочтено послѣднее! Страсть ко всему заграничному безъ разбора уменьшилась, но не искоренилась. При распространеніи естествовѣдѣнія, на ряду съ научными изслѣдованіями, откроются и новые источники народнаго богатства. Въ этомъ отношеніи особенно-важное значеніе должна пріобрѣсти акклиматизація растеній и животныхъ на Югѣ; тамъ, подъ благословеннымъ украинскимъ небомъ и въ раскошномъ Крыму, она можетъ имѣть гораздо болѣе успѣха, чѣмъ на Сѣверѣ. У насъ есть уже сорта́ своего табаку; кто́ знаетъ — со временемъ не надѣлитъ ли насъ югъ и хлопчатникомъ, или инымъ подобнымъ ему растеніемъ? Особенно большую пользу изученіе юга принесло бы красильному искусству и садоводству. — Дѣльное наблюденіе могло бы ясно указать на выгоду многихъ учрежденій,— чего до сихъ поръ не сознали еще наши землевладѣльцы, по недостатку знаній изъ прикладныхъ естественныхъ наукъ (технологіи и другихъ.) Примѣръ недалеко: у насъ на югѣ пасутся несмѣтныя стада овецъ; иностранцы скупаютъ нашу шерсть, чешутъ, прядутъ и продаютъ намъ ее въ видѣ пряжи; понятно, что плата за провозъ сырой шерсти разлагается ими на пряжу. Устройте фабрику на Днѣпрѣ или другой судоходной рѣкѣ, чешите свою шерсть, продавайте велико-русскимъ и польскимъ фабрикантамъ: — вотъ вамъ и новая отрасль про-

мышленности — шерсточесаніе, почти еще неизвѣстная въ Россіи (1), съ развитіемъ которой югъ сдѣлается центромъ новой торговой дѣятельности и освободится отъ необходимости быть въ этомъ отношеніи данникомъ чужеземцевъ.

Изученіе естествовѣдѣнія представляетъ, на югѣ, — даже при гимназическомъ курсѣ, — гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ потому-что экскурсіи въ началѣ и концѣ курсовъ, могутъ быть учреждены очень легко; флора, естественно, должна занять первое мѣсто (2).

Введеніе естественныхъ наукъ въ составъ предметовъ домашняго и общественнаго образованія, дастъ новое направленіе молодымъ умамъ, обогатитъ ихъ познаніями, которыя привяжутъ ихъ къ родной землѣ тѣмъ, что и на родинѣ есть много любопытнаго и достойнаго дѣла, что не зачѣмъ искать его по чужимъ странамъ. Мало-по-малу, мы, безъ особеннаго труда, прибавимъ два-три камня къ новооснованному зданію; по немногу изъ этихъ камней сложится цѣлая твердыня, и тогда мы съ гордостію скажемъ: »Мы знаемъ нашу родину, ея богатства, средства и силы; теперь мы можемъ смѣло познакомиться и съ другими странами.«

Переходимъ ко второму вопросу, необходимо возникающему изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній, а именно: какимъ образомъ не-спеціалисты могутъ содѣйствовать изученію Русскаго юга?

Естественныя богатства юга болѣе всего заключаются въ роскошной растительности, извѣстной намъ еще очень мало. Ученыя экспедиціи и командировки рѣдки, да и хватитъ ли силъ одного человѣка, одной экспедиціи, для основательнаго изученія всей страны? Для составленія одной флоры юга, — необходимы долгіе труды многихъ людей; поэтому, еслибъ одинъ любитель естествознанія занялся собираніемъ данныхъ въ одномъ округѣ, а другой — въ другомъ, то трудъ пошелъ бы быстро и разносторонно. Матеріалы были бы собраны исподоволь; оставалось бы одно: привести ихъ въ систему, въ порядокъ, что и было бы уже дѣломъ спеціалистовъ.

Данныя у южнаго жителя подъ руками, вездѣ, на каждомъ шагу.

---

(1) Сколько намъ извѣстно, единственная образцовая шерстечесальная фабрика, устроенная по лучшей системѣ »Нобля«, (привилегія на чесалку которой, для Россіи, пріобрѣтена г. Флинтомъ), находится въ С. Петербургѣ, на Обводномъ каналѣ, подлѣ газоваго завода. Она принадлежитъ графу Ламздорфу, г. Тюрпеню и еще двумъ компаніонамъ.

(2) Нельзя при этомъ не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ ключа къ опредѣленію Южной Флоры, подобнаго ключу г. Шнейдера для флоры Петербургской.

Укажемъ главнѣйшія: a) народныя названія и легенды о происхожденіи разныхъ растеній, животныхъ и минераловъ, b) народно-медицинское употребленіе ихъ, c) составленіе рисунковъ и коллекцій естественныхъ предметовъ, и наконецъ d) наблюденія надъ различными мѣстными явленіями.

Южнорусскія народныя названія растеній отличаются своеобразностію; но вообще народъ не различаетъ видовъ, исключая очень рѣдкихъ случаевъ. Впрочемъ, два разные вида одного рода, въ различныхъ мѣстностяхъ, часто носятъ и различное названіе; и наоборотъ: нерѣдко одно названіе принадлежитъ двумъ видамъ различныхъ родовъ. Только тогда, когда будутъ собраны данныя со всего юга, когда откроется возможность сличить названія, принадлежащія однимъ и тѣмъ же растеніямъ на всемъ протяженіи Украины, только тогда получится возможность составить отчетливую южнорусскую номенклатуру.

Въ глазахъ многихъ это дѣло почти не имѣетъ значенія; но чтобъ увидѣть всю неосновательность подобнаго мнѣнія, стоитъ припомнить, что, по причинѣ незнанія народныхъ названій, мы поставлены въ тяжелую необходимость объясняться латинскими іероглифическими словами. Представимъ себѣ, что какое нибудь растеніе получило приложеніе къ жизни,—что человѣкъ неученый прочтетъ вашу замѣтку о пользѣ какого-нибудь растенія изъ видовъ *Melampyrum:* прочтетъ этотъ іероглифъ и, по неволѣ, оставитъ безъ вниманія; а напишите просто »*Иванъ-да-Марья*«, — и ваше знаніе свойствъ его, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, принесетъ прямую пользу. Вотъ какое значеніе имѣютъ народныя названія, неговоря уже о томъ, что безъ нихъ намъ часто вовсе непонятенъ смыслъ народныхъ сказаній, повѣрій и пѣсенъ, не говоря о важности ихъ для филологіи.

Во время путешествій и прогулокъ, каждый, при случаѣ, можетъ безъ труда записать народное названіе растенія и, для бóльшей вѣрности, приложить и самое растеніе; кромѣ того, необходимо, при подобныхъ замѣткахъ, упоминать названіе мѣстности и лицá, отъ котораго слышано тó или другое. Подобныя замѣтки, въ общемъ составѣ, принесутъ огромную пользу наукѣ, когда трудъ многихъ будетъ сведенъ къ одной общей цѣли—изслѣдованію южно-русской природы.

Не менѣе важное значеніе для науки и жизни имѣетъ и народная медицина, которую, наконецъ, начинаетъ цѣнить и медицина ученая. Этого рода изслѣдованія представляютъ гораздо болѣе трудности: знахари вообще неохотно сообщаютъ о таинственной цѣлебности травъ, передавая

свои знанія изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну—какъ семейное достояніе; сверхъ того, пріемы знахарей и знахарокъ соединены съ множествомъ предразсудковъ, такъ-что довольно трудно отдѣлить сущность отъ формы, цѣль которой — отвлечь вниманіе больнаго и окружающихъ его, и тѣмъ сохранить неприкосновенно свою тайну. Такимъ образомъ, при собраніи народно-медицинскихъ свѣдѣній, необходимы: большая наблюдательность, осмотрительность и болѣе-близкое знакомство съ народомъ и наукою.

По вѣрованію народа, травы имѣютъ особенную силу, если ихъ собирать—цѣлебныя—въ день Симона-Зилота; волшебныя (*Чаръ-Зілля*)—въ день и въ ночь на Ивана Купала; и противудѣйствующія вреду, причиняемому *злóю личúною* (вѣдьмами, знахурáми, чортомъ) — въ день *лíтнёго Микóли* (9 мая). Вѣдьмы и колдуны варятъ волшебные напитки на Лысой горѣ близь Кіева; только для нихъ да для тѣхъ, кто обладаетъ ихъ таинственнымъ знаніемъ, понятенъ говоръ травъ и цвѣтовъ, возвѣщающихъ имъ свои чудесныя свойства. Особенная сила приписывается народомъ: *Рутѣ* (Ruta graveolens), *Шавлíи* (Salvia officinalis, S. pratensis, S. leonaroides), *Терличь-травѣ* (Gentiana Amarella L.), *Любúстку* или *Любúстѣ* (Levisticum officinale Koch.), *Сонъ-травѣ* (Anemone pulsatilla), *Блекотѣ* (Hyosciamus niger L.), *Курячей-слѣпотѣ* (Anagallis arvensis), *Подорожнику (порíзнику, пораннику* — Plantago lanceolata L.), *Жирію*, и многимъ другимъ. По народному вѣрованію, *Сонъ-трава* наводитъ сонъ и притомъ сонъ вѣщій; листья *Любúстку* рвутъ дѣвушки въ канунъ Ивана Купала (23 іюня), какъ зазвонятъ къ вечернѣ, и вплетаютъ ихъ въ вѣнки. Въ этихъ вѣнкахъ онѣ ходятъ вечеръ, скачутъ черезъ купальный огонь, а на ночь кладутъ ихъ подъ-головы. Когда запоютъ первые пѣтухи, дѣвушки сбираютъ оставшіяся листья съ того самаго куста любистку, съ котораго рвали его для вѣнка и также кладутъ эти листья подъ-головы, чтобъ утромъ судить по нимъ о вѣрности или невѣрности милаго. Народу извѣстна и цѣлебная сила любистка. — Если собрать, въ первый день *молодикá*, при захожденіи солнца, бѣлаго соку *курячей слѣпоты* и, при захожденіи же солнца, дать его кому-либо выпить, то выпившій потеряетъ способность видѣть послѣ захожденія солнца, и можетъ освободиться отъ этого недостатка не иначе, какъ если вспомнитъ объ этомъ ровно чрезъ мѣсяцъ и въ тотъ самый день, когда слѣпота съ нимъ случилась, или—если его неожиданно столкнутъ въ яму. Приводимъ эти повѣрья съ цѣлію — показать, кáкъ много нужно вниманія и догадки, чтобы вѣрно узнать

и толково воспользоваться народнымъ естествознаніемъ. Не слѣдуетъ думать, что въ фантастическихъ представленіяхъ народа не скрывается ничего положительнаго, важнаго для науки: напротивъ. Но на югѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, народъ любитъ облекать поэтическою формой свои наблюденія и преданія; самыя названія у него живописны и живо говорятъ воображенію. (Напримѣръ, траву, обладающую силой укрощать бурю, народъ называетъ *Нечуй-вітеръ!* не правда-ли, какое поэтическое названіе)? Объяснить ихъ, разоблачить поэтическую форму и добраться до сущности—вотъ та задача, которую должно имѣть въ виду.

Относительно рисунковъ, мы должны замѣтить, что, въ этомъ случаѣ, нерѣдко надо жертвовать правилами живописи для точности и ясности: сохранить весь блескъ, всѣ переливы колеровъ растеній и насѣкомыхъ нѣтъ возможности; о нихъ можно дать только приблизительное понятіе. Другое дѣло—форма цвѣтка, признаки рода и вида; они должны быть представлены съ мелочною подробностію, даже въ увеличенномъ видѣ. Этотъ трудъ доступенъ весьма немногимъ, — художнику онъ покажется тяжелымъ. По замѣчанію историка Мишле — это трудъ по преимуществу женскій; въ своемъ сочиненіи »L'Insecte« (насѣкомое) онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, и, между прочимъ, называетъ Сибиллу-де-Меріанъ, оставившую по себѣ память рисунками гвіанскихъ насѣкомыхъ.

Дѣйствительно, женщина на этомъ поприщѣ можетъ быть полезнѣе, чѣмъ за канвою и англійскимъ шитьемъ. Стоитъ только приняться за дѣло, и чудная природа юга разовьетъ и поддержитъ это намѣреніе, предлагая обильный запасъ матеріаловъ, увлекая красотою и разнообразіемъ формъ.

Не менѣе могли бы быть полезны женщины и въ составленіи разныхъ коллекцій, будутъ ли это коллекціи насѣкомыхъ, или травники; это одинъ изъ главныхъ источниковъ для изученія края, — особенно, если травникъ, или иная коллекція, будетъ сопровождаться замѣтками о народныхъ названіяхъ и техническихъ свойствахъ предмета; кромѣ того, при каждомъ растеніи должно быть означено мѣстонахожденіе, родъ почвы и время цвѣтенія. Къ этимъ и подобнымъ свѣдѣніямъ легко присоединить наблюденія надъ явленіями природы, по-чему-либо замѣчательными.

Въ составъ подобныхъ собраній попало бы, безъ сомнѣнія, много предметовъ незнакомыхъ любителю, — легко можетъ быть, что нѣкоторые были бы опредѣлены имъ ошибочно; но это не бѣда. Исправить, соеди-

нить все въ одно цѣлое, въ одинъ общій трудъ, должно быть дѣломъ ученыхъ. Этого, по нашему мнѣнію, можно было бы достигнуть образованіемъ южнаго общества испытателей природы. Тогда всякій, кто способенъ представить свой какой-нибудь трудъ, какое-нибудь наблюденіе, зналъ бы мѣсто и людей, которые оцѣнятъ, сохранятъ и осмыслятъ отдѣльный фактъ сопоставленіемъ его съ другими многоразличными фактами, сообщенными изъ разныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ данныя, собранныя сотнями лицъ, не пропали бы безплодно, а сдѣлались достояніемъ ученыхъ, на долю которыхъ пришлась бы другая часть труда — повѣрка ихъ и разработка.

Желаемъ одного, — чтобъ наши замѣтки, наши мысли въ слухъ, нашли отзывъ на югѣ. Быть можетъ, онѣ покажутся многимъ мечтою, — тѣмъ не менѣе это мечта не неисполнимая.

Н. Волокитинъ I.

РУКОВОДСТВО

КЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ И ПРАКТИЧЕСКОМУ ПЧЕЛОВОДСТВУ

(составленное В. Краузе, исправляющимъ должность профессора при Горигорѣцкомъ Земледѣльческомъ Институтѣ. Москва. 1860 г.)

Какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, пчеловодство очень долгое время было занятіемъ однихъ только простолюдиновъ—*пасѣчниковъ*, которые, руководясь опытами своихъ предковъ и своимъ природнымъ умомъ, покойно шли пробитой уже тропинкой, иногда придумывая и сами какое либо улучшеніе, но—большею частію—оставаясь на одной степени знаній. Наконецъ, подобно другимъ предметамъ сельскаго хозяйства, пчеловодство обратило на себя вниманіе людей ученыхъ, которые, имѣя болѣе развитой умъ, больше познаній природы, и вооруженные всѣми пособіями другихъ наукъ, стали заниматься имъ дѣятельно, посвящая иногда всю свою жизнь этому полезному и пріятному занятію. Помогая другъ другу въ этомъ дѣлѣ, они убѣдились, что простолюдины-пасѣчники ведутъ пчеловодство очень неудовлетворительно и невѣжественно, и что знанія ихъ остановились на одной ступени, между тѣмъ, какъ оно можетъ быть подвинуто впередъ гораздо дальше. Дружныя усилія этихъ образованныхъ пчеловодовъ, а особенно тѣхъ, которые, не довольствуясь одними кабинетными умствованіями, практически и долгое время занимались этимъ предметомъ, дѣйствительно поставили пчеловодство на очень высокую степень совершенства.

Вырвавъ его, такъ сказать, изъ рукъ простыхъ пасѣчниковъ и поведя по другой стезѣ, ученые пчеловоды обогатили пчеловодство многими новыми открытіями, создали цѣлую науку пчеловодства, вовсе

неизвѣстную пасѣчникамъ. Но какъ разныя мнѣнія, разныя наблюденія, разныя правила, способы и совѣты этихъ пчеловодовъ породили много разныхъ системъ и способовъ обращенія съ пчелами, противуположныхъ между собою, и до того запутали и затемнили эту науку, что сдѣлали изъ нея неисходный лабиринтъ противорѣчій, сомнѣній и неизвѣстности, гдѣ незнающему трудно отыскать истинный путь: поэтому всѣ желающіе заняться пчеловодствомъ давно уже чувствуютъ крайнюю потребность въ такомъ *руководствѣ*, которое бы, — изобразивъ недостаточность простаго пчеловодства, изобразивъ естественное состояніе и образъ жизни пчелъ, и критически перебравъ всѣ системы и способы, употребляемые и предлагаемые къ употребленію учеными пчеловодами для полученія отъ пчелъ наибо́льшей прибыли, — указало бы на самый вѣрный изъ нихъ, указало бы такъ просто и ясно, что желающій заняться этимъ предметомъ могъ бы хорошо уразумѣть всѣ его непреложныя правила и смѣло уже итти по указанному пути къ избранной цѣли, не блуждая между разными методами, не сбиваясь отъ противуположности разныхъ мнѣній и не сомнѣваясь въ вѣрности каждаго наставленія. Да! уже давно чувствуется всѣми необходимость руководства въ пчеловодствѣ, — и на ученыхъ пчеловодахъ, взявшихъ это занятіе въ свои руки и, къ сожалѣнію, бывшихъ уже причиною столькихъ жертвъ заблужденія въ пчеловодствѣ, давно уже лежитъ непремѣнная обязанность исполнить это важное и полезное дѣло, т. е. составить *руководство къ пчеловодству*. Къ этому они, правду сказать, постоянно и стремятся... Но достигли ли сколько-нибудь своей цѣли?

Обо всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, иностранныхъ сочиненіяхъ о пчеловодствѣ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, можно сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ только *свѣдѣнія* о пчеловодствѣ (разумѣется, иногда очень полезныя и необходимыя), или же развиваютъ одну какую-либо систему пчеловодства; но ни одно изъ нихъ, часто не смотря на свое заглавіе, не можетъ сдѣлаться настоящимъ руководствомъ къ пчеловодству, особенно у насъ. Изъ русскихъ опытовъ, рукописное сочиненіе покойнаго Прокоповича и его уроки ученикамъ своимъ, можно сказать, были первымъ руководствомъ въ этомъ предметѣ и положили прочное и вѣрное основаніе науки пчеловодства; но это сочиненіе не было напечатано. Послѣ него, ученикъ его и послѣдователь, Коноплянскій купецъ Пономаревъ, издалъ *руководство къ практическому пчеловодству*, гдѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ изложилъ практическую сторону пчеловодства: это руководство, въ настоящее время,

есть наилучшее изъ всѣхъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ объ этомъ предметѣ. Но этому сочиненію недостаетъ теоріи: въ немъ изложены одни факты, безъ сомнѣнія—вѣрные, но факты эти, во-первыхъ, не освѣщены идеями, которыя бы ясно показали ихъ непреложную разумность; а во-вторыхъ—они изложены безъ логической послѣдовательности, такъ, что сочиненіе г. Пономарева, хотя и можетъ быть превосходнымъ руководствомъ къ пчеловодству, но только для человѣка, уже довольно свѣдущаго въ этомъ предметѣ, уже предварительно къ тому приготовленнаго.

Но вотъ недавно вышло разбираемое мною сочиненіе профессора Краузе: ***Руководство къ теорическому и практическому пчеловодству***, — заглавіе, означающее, что сочиненіе это обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и должно занять мѣсто наставника. Посмотримъ, на-сколько это сочиненіе соотвѣтствуетъ своему заглавію и, вообще, современнымъ требованіямъ этой науки.

Г. Краузе раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части: *теоретическую*, заключающую въ себѣ естественную исторію пчелъ, вещества и матеріалы, собираемые пчелами, произведенія пчелъ и внутреннее устройство ихъ жилищъ, и *практическую*, въ которой собственно уже излагаются способы обращенія съ пчелами, ихъ разведеніе и полученіе отъ нихъ дохода. Такое раздѣленіе, гдѣ къ теоріи не примѣнена практика, и гдѣ изъ практики исключена теорія, по мнѣнію моему, ошибочно—не только въ наукѣ пчеловодства, но и вообще во всякой наукѣ. Мнѣ кажется, что теорія должна всегда проникать и въ самую практику, съ начала до конца, и не подчиняться ей, а въ ней господствовать: она должна повсюду развить свои основныя положенія, и развить ихъ логически, выводя одну идею изъ другой, и уже около идей группировать факты, принимая вѣрные и отвергая ложные, —критически разобрать и оцѣнить всѣ практическіе способы, придумываемые для доведенія какого-либо искуства до желанной цѣли, указавъ каждому дѣйствію, каждому правилу, разумную причину,—однимъ словомъ, теорія должна *осмыслить* каждое практическое дѣйствіе, каждое правило, наставленіе, и проч. Такъ должно быть, по нашему мнѣнію, изложено вообще всякое руководство, слѣдовательно и руководство къ разведенію пчелъ. Но если въ сочиненіи подобнаго рода изложено, хотя и подробно, всё то́, что́ дѣлаютъ съ пчелами для полученія отъ нихъ дохода, но изложено безъ всякой послѣдовательности,—если въ немъ только сказано, что одни дѣлаютъ это та́къ, а другіе иначе, иные объ этомъ думаютъ та́къ, а другіе—во́тъ-какъ;

но основательно не доказано, почему именно должно дѣлать одно́ и избѣгать другого, не представлено основныхъ идей пчеловодства, его незыблемыхъ правилъ, критически не разобраны разныя его методы и не указаны лучшія изъ нихъ, т. е. не показана разумность каждаго дѣйствія, сообразность его съ основною идей — съ цѣлью дѣйствія, однимъ словомъ, если изъ практическихъ наставленій исключены теоретическія основанія: — такое сочиненіе, хотя бы и заключало въ себѣ дѣйствительно-полезныя и вѣрныя наставленія, не можетъ, однакожъ, быть руководствомъ для незнающаго, потому что незнающій не пойметъ ни вѣрности правилъ, ни ихъ пользы, не составитъ себѣ ни какой ясной о чемъ-либо идеи, т. е. просто не научится дѣлу, и, слѣдовательно, будетъ блуждать во тьмѣ сомнѣній, нерѣшительности, и на каждомъ шагу дѣлать разорительныя для себя ошибки. Таково и разбираемое сочиненіе.

Г. Краузе, составивъ себѣ понятіе, будто подъ именемъ теоретическаго пчеловодства слѣдуетъ разумѣть только описаніе естественнаго состоянія пчелъ, исключилъ изъ практическаго отдѣла своего сочиненія всякую теорію: онъ не изложилъ систематически основныхъ правилъ пчеловодства, не подвергъ критическому разбору обыкновеннаго, простаго, и искуственнаго пчеловодства, не разобралъ различныхъ господствующихъ въ немъ системъ, и не факты группировалъ около идей, а къ фактамъ кое-гдѣ присоединялъ идеи, которыя не будучи одна съ другою связаны никакою общею, главною идеей сочиненія, часто одна другой противурѣчатъ. Въ изложеніи частей предмета онъ, разумѣется, придерживался кое-какого порядка, неизвѣстно однакожъ на чемъ основаннаго, но порядокъ, хотя бы онъ и былъ хорошъ, самъ по себѣ не есть теорія, а безъ теоріи не можетъ быть и хорошаго порядка.

Чтобы мнѣніе мое не показалось голословнымъ, войду въ нѣкоторыя частности. Въ пчеловодствѣ есть много различныхъ системъ, одна другой противуположныхъ, много разныхъ способовъ обращенія съ пчелами, одинъ отъ другого отличныхъ, различныхъ ульевъ для жилища пчелъ, болѣе или менѣе сообразныхъ съ принятою системой, и проч. Каждый согласится, что составляющему руководство къ пчеловодству нельзя же оставаться ко всему этому равнодушнымъ и быть одинаковаго мнѣнія о каждой системѣ. Мнѣ кажется, напротивъ, что надобно прежде всего составить себѣ убѣжденіе въ превосходствѣ одной какой-либо системы и руководить къ тому другихъ, а безъ такого убѣжденія не можетъ быть и руководства. Нельзя же говорить только: одинъ дѣлаетъ это *та́къ*, а другой — *во́тъ-какъ*. Въ такомъ случаѣ, слушающій или уча-

щійся, безъ сомнѣнія, спроситъ: да какъ же лучше? и не хорошо, назвавшись его учителемъ, отвѣчать: ужъ это не мое дѣло, это вы сами, испытавши, узнаете. — Въ такомъ случаѣ, ужъ если не знаешь, что лучше и что хуже,—не слѣдуетъ и дѣлаться учителемъ, а поэтому-то каждый руководитель, тамъ гдѣ есть нѣсколько противуположныхъ мнѣній, прежде всего долженъ имѣть собственное свое, какое-либо, убѣжденіе. Посмотримъ, имѣетъ ли такое убѣжденіе въ чемъ-либо составитель разбираемой книги.

Изъ разныхъ предметовъ пчеловодства, возьмемъ, напримѣръ, сохраненіе пчелъ во время зимы. По этому обстоятельству составилось два убѣжденія. Одни утверждаютъ, что гораздо лучше сохранять пчелы зимою на открытомъ воздухѣ, другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что лучше сберегать ихъ въ особыхъ помѣщеніяхъ — въ омшаникахъ; и не думайте, что эти убѣжденія основываются преимущественно на условіяхъ климата, — нѣтъ, совсѣмъ на другихъ причинахъ. За первое убѣжденіе крѣпко стоятъ всѣ иностранные пчеловоды; за второе, съ Прокоповичемъ во главѣ, вся Украина. Казалось бы, эти убѣжденія не важны; но вѣдь отъ того или другого убѣжденія зависитъ въ сильной степени и самая метода пчеловодста, а въ особенности одинъ изъ важнѣйшихъ его предметовъ — выборъ улья для своей пасики, такъ-что тѣ, которые признаютъ лучшимъ держать пчелы на открытомъ воздухѣ, должны употреблять извѣстнаго рода ульи, между тѣмъ, какъ тѣ, кто захочетъ прятать пчелы на зиму въ омшаники, должны ввести у себя уже совсѣмъ другого рода ульи. Какого жъ убѣжденія въ этомъ случаѣ г. Краузе? — Этого онъ и самъ нигдѣ не говоритъ, этого нигдѣ не видно изъ его сочиненія. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ (стр. 309), говоря о зимовкѣ пчелъ *въ омшаникахъ*, онъ пишетъ: »сдѣланныя, въ 1849 (на 160 »дней) и въ 1852 (на 178 дней) годахъ, опыты, въ пасикѣ Горигорѣц»каго Института, оказались довольно удовлетворительны. Пчелы, за »исключеніемъ одного семейства, которое погибло, оказались совершен»но здоровыми и заносъ, хотя мѣстами былъ покрытъ легкою плѣсенью, »былъ въ надлежащемъ порядкѣ, а также замѣтно было начало выведе»нія молодаго расплода, хотя холодъ въ генварѣ 1852 г. доходилъ »до 28°R., при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и продолжался нѣсколько »дней. Выбранные для этого опыта сильныя семейства употребили сред»нимъ числомъ въ первомъ году (въ теченіи 160 дней) каждый около »10 фун., во второмъ году (въ теченіи 178 дней) только 11 фунт. меду »на зимнее продовольствіе; между тѣмъ какъ *въ ульяхъ, сохраняе-*

»*мыхъ въ паслькѣ на открытомъ воздухѣ*,'и въ подвалѣ, *пчелы съѣ-*»*ли вдвое, нѣкоторые даже втрое, больше меду.*«—Казалось бы, что послѣ такихъ опытовъ не трудно было убѣдиться въ превосходствѣ сохраненія пчелъ зимою въ омшаникахъ (о чемъ пишетъ (стр. 301) и самъ Краузе, совѣтуя для сего устроивать омшаникъ по системѣ Прокоповича), а составивъ себѣ такое убѣжденіе, принявъ его за одну изъ основныхъ идей теоріи пчеловодства, слѣдовало уже, описывая разные роды ульевъ, давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе сообразны съ такою зимовкою пчелъ. Но г. Краузе, напротивъ, въ сочиненіи своемъ только *упоминаетъ объ омшаничныхъ ульяхъ*, и *очень подробно описываетъ теплые и многосемейные ульи* Дзирзона и другихъ нѣмецкихъ пчеловодовъ (назначенные, собственно, для зимованія въ нихъ пчелъ на открытомъ воздухѣ),—отдаетъ имъ преимущество предъ всѣми другими, иностранными даже, ульями, не говоря уже о русскихъ, и такимъ образомъ неожиданно обнаруживаетъ, что онъ придерживается того убѣжденія, что гораздо выгоднѣе сохранять пчелъ зимою на открытомъ воздухѣ!—Что́ жъ это значитъ?.. То́, что г. Краузе не имѣетъ въ этомъ предметѣ никакого собственнаго убѣжденія.

Для доказательства такого отсутствія убѣжденій у г. Краузе, я взялъ только одинъ предметъ пчеловодства, но тоже самое видно и относительно всѣхъ другихъ; можно даже сказать, что г. Краузе хотя и знаетъ, что въ пчеловодствѣ есть разныя мнѣнія, убѣжденія, системы и что, вслѣдствіе разногласія между ними, ведутся споры и ставятъ изучающаго пчеловодство въ большóе затрудненіе, но не сознаетъ, что рѣшеніе этихъ споровъ не должно быть чуждо ни одному ученому пчеловоду, а въ особенности — составляющему руководство для другихъ. Мнѣ кажетея, что, относительно многихъ предметовъ пчеловодства, оттого до сихъ поръ и существуютъ разныя убѣжденія, что никто еще не постарался основательно разобрать ихъ; но если бъ кто-нибудь изъ образованныхъ практическихъ пчеловодовъ взялся за это важное дѣло и далъ бы этимъ различнымъ убѣжденіямъ, такъ сказать, очную ставку, то истина тотчасъ бы обнаружилась и разность убѣжденій исчезла. Послѣ этого спрашивается: можетъ ли сочиненіе, съ такимъ важнымъ недостаткомъ, быть руководствомъ для человѣка, не имѣющаго никакого понятія о пчеловодствѣ, но желающаго его изучить и имъ заняться? — По моему вышеизложенному взгляду на этотъ предметъ, я думаю, что сочиненіе г. Краузе такимъ руководствомъ быть не можетъ, и что по недостатку убѣжденій, слѣдовательно—и по отсутствію вся-

кого-единства, всякой теоріи въ сочиненіи, оно не только не въ состояніи указать, желающему изучить, прямого и лучшаго пути въ этомъ занятіи; но, напротивъ, собьетъ его съ толку, запутаетъ и — пожалуй — заставитъ, послѣ разорительныхъ неудачъ, вовсе бросить занятіе пчеловодствомъ.

Для бо́льшаго доказательства, что у г. Краузе нѣтъ теоріи, нѣтъ путеводной идеи въ изложеніи какого-либо предмета пчеловодства, возьму еще одинъ отдѣлъ изъ его сочиненія. Г. Краузе хотѣлъ изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ тѣ занятія, какія предстоятъ пчеловоду круглый годъ въ его пасикѣ,—мысль прекрасная и столь необходимая въ наукѣ пчеловодства, какъ безъ сомнѣнія г. Краузе и не подозрѣваетъ. Какъ же онъ изложилъ эти занятія, какую положилъ въ основаніе идею, которая бы ясно показывала необходимость каждаго занятія и его своевременность? Для этого г. Краузе, думая только о порядкѣ, а не объ теоріи, принялъ раздѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ, и руководясь нѣмецкими сочиненіями Бейера и Кюнера, составилъ *календарь* занятіямъ пчеловода, гдѣ указалъ—что́ слѣдуетъ ему дѣлать въ своей пасѣкѣ каждый мѣсяцъ!!. Но вѣдь мѣсяцы не бываютъ одинаковы во всѣхъ мѣстностяхъ, и пчелы дѣйствуютъ не по календарю. Въ одномъ мѣстѣ они еще лежатъ въ омшаникѣ, а въ другомъ уже летаютъ по воздуху; въ иномъ мѣстѣ онѣ уже роятся, а въ другомъ еще о томъ и не думаютъ, что́ бываетъ часто въ одномъ и томъ же климатѣ и даже не на далекомъ пространствѣ. Напримѣръ, въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниг. губ.) пасики, находящіяся въ лѣсной мѣстности, начинаютъ роиться съ половины мая и оканчиваютъ роеніе къ іюлю, а въ степной, не далѣе двадцати верстъ отъ первой, въ іюлѣ еще только начинается роеніе. Какимъ же образомъ можно слѣдовать занятіямъ, помѣсячно указываемымъ г. Краузе, когда состояніе пасики не дозволяетъ иногда того занятія, которое предписывается дѣлать въ томъ мѣсяцѣ? Поэтому, для теоретическаго изложенія занятій въ пасикѣ, слѣдовало бы принять въ основаніе не мѣсяцы года, а что-нибудь болѣе основательное, что́ именно указывало бы на потребность такого, а не другого, занятія, и притомъ вообще во всякой мѣстности; для чего, по мнѣнію моему, было бы самое лучшее избрать основаніемъ внутреннее состояніе пасики и, сообразно ему, указывать уже и на занятія въ ней пчеловода. Лѣтнее состояніе пасики имѣетъ слѣдующіе пять періодовъ: 1-й отъ выставки пчелъ изъ омшаника до видимаго появленія червы въ ульяхъ; 2-й отъ появленія червы до роенія;

3-й роеніе пчелъ; 4-й изобильное собираніе пчелами меда, — такъ называемый *взятокъ*, и 5-й полученіе отъ пасики прибыли и приготовленіе пасики къ зимованію. Въ каждый изъ этихъ періодовъ пчелиное семейство находится въ совершенно иномъ состояніи, отличномъ отъ другаго періода; въ каждый періодъ пчеловодъ имѣетъ особое стремленіе, иную цѣль и слѣдовательно, каждый періодъ требуетъ особыхъ, свойственныхъ только ему, занятій. А поэтому и изложеніе занятій въ пасикѣ по этимъ періодамъ внутренняго ея состоянія было бы, во-первыхъ, самымъ натуральнымъ и логическимъ, а во-вторыхъ, такое изложеніе, основанное на природѣ вещей и необходимости, какъ на основной и вѣрной идеѣ, врѣзалось бы скоро, ясно и неизгладимо въ умѣ изучающаго пчеловодство, потому что онъ вдругъ понялъ бы смыслъ и значеніе всякаго занятія, и войдя въ свою пасѣку, взглянувъ на ея внутреннее состояніе, онъ тотчасъ бы зналъ, что̀ ему слѣдуетъ въ ней дѣлать, не справляясь уже какой именно мѣсяцъ на дворѣ: іюнь ли или іюль?

Вотъ мой общій взглядъ на сочиненіе о пчеловодствѣ профессора Краузе. Разбирать въ подробности каждую главу было бы большою работою — это значило бы написать цѣлое сочиненіе о пчеловодствѣ. Скажу только, что кромѣ общаго недостатка теоретическаго изложенія фактовъ, и самые факты не всегда вѣрны. Много помѣщено такихъ правилъ и наставленій, которыя или отвергнуты уже пчеловодами, или же, по своей ничтожности, не были и принимаемы ими; много невѣрныхъ наблюденій, ошибочныхъ сужденій, а если и встрѣчаются вѣрныя и полезныя замѣчанія и свѣдѣнія, то всѣ они такъ перемѣшаны съ безполезными и ложными, что только люди свѣдущіе и опытные могутъ замѣтить и отличить ихъ; часто самое вѣрное наблюденіе оставляется г. Краузе безъ всякаго примѣненія, а на ложномъ — основываются правила и наставленія, что̀, безъ сомнѣнія, поведетъ изучающаго пчеловодство по этому руководству къ самимъ жалкимъ результатамъ, если не къ совершенному уничтоженію его пасики. Но что̀ всего досаднѣе, такъ это — пристрастіе г. Краузе къ иностранному пчеловодству и предпочтеніе его нашему. И не удивительно! Слѣдя за всѣми иностранными сочиненіями о пчеловодствѣ, даже за самыми маловажными газетными статьями, г. Краузе не только не знаетъ многихъ нашихъ о семъ предметѣ газетныхъ статей, но даже цѣлаго̀, самаго лучшаго и до сихъ поръ единственнаго у насъ сочиненія о *практическомъ* пчеловодствѣ — купца Пономарева, чего уже, по мнѣнію моему, никакъ нельзя извинить *русскому* профессору пчеловодства. А при та-

комъ недостаточномъ знаніи литературы нашего пчеловодства, не говоря уже — о самомъ пчеловодствѣ, г. Краузе составилъ все сочиненіе свое большею частію по иностраннымъ сочиненіямъ и, очень естественно, увлекся иностраннымъ пчеловодствомъ и находитъ въ немъ все достойнымъ нашего подражанія. Такъ, напримѣръ (стр. 246), г. Краузе говоритъ, что способъ дѣланія искуственныхъ роевъ въ особенности усовершенствовалъ Дзирзонъ и на немъ основалъ особую систему пчеловодства, которая въ послѣдніе годы почти повсемѣстно распространилась: между тѣмъ какъ Пономаревъ уже давно превосходнымъ образомъ изложилъ этотъ предметъ въ своемъ сочиненіи и, можно сказать, первый далъ всѣмъ пчеловодамъ правильное понятіе объ искусственныхъ рояхъ. Только изрѣдка упоминая о нѣкоторыхъ изъ нашихъ, признанныхъ уже превосходными, ульяхъ, г. Краузе находитъ улей Дзирзона совершеннѣйшимъ. Не говоря уже о томъ, что улей этотъ вовсе не годится для употребленія въ тѣхъ пасикахъ, гдѣ пчелы зимуютъ въ омшаникѣ, онъ, по моему мнѣнію, гораздо хуже другихъ и для тѣхъ пасикъ, гдѣ пчелы оставляются зимой на открытомъ воздухѣ. Не стану разбирать подробно его недостатковъ, но уже одно расположеніе въ немъ сотовъ, (не ребромъ къ открытой сторонѣ улья, а плашмя, такъ что они не вынимаются вверхъ улья, а въ бокъ, въ эту открытую его сторону, отъ чего при разсматриваніи гнѣзда видѣнъ одинъ только сотъ, а ежели нужно посмотрѣть далѣе, то нужно обрѣзывать и вынимать каждый сотъ особо), — это одно устройство сотовъ уже такая нелѣпость, отъ которой наши пасичники пришли бы въ ужасъ!..

Повторяя, что обнаруженіе всей ошибочности наставленій и невѣрности фактовъ, находящихся въ сочиненіи г. Краузе, повело бы слишкомъ далеко, заключу мой обзоръ замѣчаніемъ, что профессоръ Краузе изучалъ пчеловодство только по книгамъ, и то большею частію иностраннымъ, а практикою занимался очень мало; поэтому, не имѣя въ пчеловодствѣ яснаго и основательнаго знанія, составилъ объ немъ самое сбивчивое и запутанное сочиненіе, которое, повторяю, заключаетъ въ себѣ однакожъ очень много вѣрныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Въ немъ изложена, подробнѣе, нежели гдѣ либо, исторія пчеловодства, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ открытіями и трудами многихъ иностранныхъ пчеловодовъ, которые безъ того могли бы остаться намъ и неизвѣстными. По всему этому, книга г. Краузе, просто какъ сочиненіе о пчеловодствѣ, есть очень полезная книга, въ особенности для его литтературы, за которую можно поблагодарить трудолюбиваго профессора, при бѣдности у насъ

сколько-нибудь дѣльныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ; но, какъ *руководство* къ пчеловодству, да еще *теоретическое* и *практическое* — оно никуда не годится, и въ этомъ отношеніи не только не полезно, а даже вредно. Оно не только не можетъ научить дѣльному, правильному пчеловодству, не только не можетъ указать истиннаго пути въ этомъ трудномъ и запутанномъ разными системами знаніи, но, напротивъ, заведетъ неопытнаго въ такую нѣмецкую даль, гдѣ онъ непремѣнно погибнетъ, то есть, броситъ пчеловодство съ проклятіемъ, если только случайно кто-либо изъ земляковъ не выведетъ его въ родную сторону....

.....кій.

ОТЧЕТЪ

О МОЛОТЬБѢ МОЛОТИЛЬНОЮ МАШИНОЮ, СЪ ЛОКОМОБИЛЕМЪ, ЗАВОДА РАНСОМА И СИМСА.

Въ-виду предстоящаго измѣненія въ условіяхъ обязательнаго труда, замѣтно распространяется у насъ введеніе земледѣльческихъ машинъ. Въ короткое время появились, въ Полтавской губерніи, разныя машины, выписанныя изъ Англіи, Франціи и Бельгіи. Наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе молотильни съ локомобилемъ.

Въ нынѣшнѣмъ году я нанялъ такую машину у помѣщицы Полтавскаго уѣзда, Е. И. Абаза, для управляемаго мною имѣнія, въ селѣ Рибцахъ того же уѣзда. Полагая, что сообщеніе добросовѣстныхъ и правдивыхъ свѣдѣній о результатахъ въ дѣлѣ, для насъ еще новомъ, можетъ принести пользу, представляю самый подробный отчетъ о дѣйствіи у меня паровой молотильни. Изъ этихъ свѣдѣній и цифръ и сравненія ихъ съ результатами, полученными другими владѣльцами или нанимателями машинъ, каждый хозяинъ легко можетъ, по своему взгляду и расчету, опредѣлить степень выгодности молотьбы паровою молотильнею.

I) Порядокъ молотьбы.

Намѣреваясь нанять машину, я заблаговременно приказалъ сложить наибольшую часть хлѣба на самихъ поляхъ, въ скирдахъ, поставленныхъ плотно одна возлѣ другой и въ одинъ рядъ, дабы съ большею удобностью и успѣшностью передвигать машину. Такимъ образомъ хлѣбъ былъ сложенъ въ пяти мѣстахъ.

Машина начала дѣйствовать 31-го августа, кончила 24 сентября. За исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и ненастныхъ дней, а также времени, потребнаго для перевозки машины съ одного мѣста на другое, она была въ дѣйствіи всего 18 дней.

Въ 1-мъ, 2 и 3 мѣстѣ, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, въ теченіи 12 дней, сбито:

ржи	»	»	616 копъ
озимой пшеницы	»	»	698 —
яровой пшеницы	»	»	270 —
голаго ячменя	»	»	36 —
			1,620:

въ день по 135 копъ.

Въ 4-мъ мѣстѣ, въ 2 дня, сбито:

яровой пшеницы	»	»	180 копъ
ржи	»	»	85 —
			265:

въ день по $132^{1}/_{2}$ копы (1).

Въ 5-мъ мѣстѣ, въ 4 дня, сбито:

яровой пшеницы	»	»	131 копъ
ячменя	»	»	359 —
овса	»	»	311 —
			801:

въ день по $200^{1}/_{4}$ к.

Итого, въ общей сложности 18 дней — 2,686 к.

въ день по $149^{13}/_{60}$ к. (2)

2) *Процессъ молотьбы и количество рабочихъ.*

При машинѣ находился постоянно машинистъ и два работника г-жи Абаза: *одинъ работникъ* имѣлъ исключительною обязанностію управлять топкою и наблюдать за чистотою машины, *другой* занимался безпрерывно подливкою масла въ разныя части машины, при ея дѣйствіи.

---

(1) Въ эти два дня машина дѣйствовала слабѣе, вслѣдствіе обнаружившейся порчи, которая потребовала потомъ цѣлаго дня для исправленія.

(2) Не могу представить отчетливаго свѣдѣнія о томъ, сколько именно и какого хлѣба вымолачивала машина; ибо хотя скирды были сложены счетомъ копенъ, но большею частію выходило такъ, что въ одинъ день кончалась одна скирда и начиналась другая; считать же снопы при подачѣ на машину, невозможно, по быстротѣ работы. Но и изъ представленныхъ цифръ обнаруживается ясно, что вымолачивается въ день болѣе ячменя и овса, чѣмъ прочаго хлѣба.

Ежедневно, не менѣе 26 мущинъ и 8 женщинъ, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	мущ.	женщ.
на скирдѣ, для подачи сноповъ	4	»
на платформѣ, для бросанія сноповъ подъ молотильный барабанъ	4	»
для переноски мѣшковъ съ вымолоченнымъ зерномъ .	2	»
для приборки *половы* (мякины) и *сбоинъ*. . . .	2	»
для отвоза зерна въ опредѣленныя къ тому помѣщенія	2	»
водовозъ	1	»
для уборки соломы	11	7
кухарка.	»	1
	26	8

Но число рабочихъ, по мѣрѣ возможности, иногда прибавлялось для большей успѣшности въ уборкѣ соломы, такъ-что въ общей сложности было въ работѣ мущинъ 500, женщинъ 158,—что составляетъ въ день мущинъ $27^{7}/_{9}$, женщинъ $8^{7}/_{9}$.

3) *Издержки*.

Здѣсь я долженъ предпослать одно замѣчаніе: по моему, слѣдуетъ раздѣлить эти издержки на необходимыя и такія, которыя составляютъ послѣдствія молотьбы и необходимость которыхъ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія каждаго хозяина.

Машина Рансома и Симса, бывшая у меня въ дѣйствіи, имѣетъ 6 силъ; она только провѣваетъ хлѣбъ, но не сортируетъ и не очищаетъ. Провѣвка хлѣба гораздо уловлетворительнѣе вѣянья лопатами, ибо въ зернѣ не остается не только кусочковъ земли, какъ это бываетъ при вѣяньи въ клуняхъ и на гумнахъ, но и ни малѣйшей пыли. Но по причинѣ быстроты и силы дѣйствія машины, попадаютъ въ вывѣянное зерно кусочки соломы, колоски (сбоины), такъ-что, для окончательнаго приведенія зерна въ должный видъ, необходимо пропустить его на ручную сортировку, которая весьма легко—двумя рабочими—очищаетъ въ день отъ 45 до 50 четвертей въ такомъ видѣ, какого только можетъ требовать самый внимательный хозяинъ.

Такимъ образомъ, издержки, которыя я называю необходимыми, были слѣдующія:

а) на процессъ молотьбы:

Подводъ съ рабочими для перевозки машины отъ г-жи Абаза (по 3 пары воловъ подъ паровикъ и машину и 1 для инструментовъ, наковальни и проч.) на два дни: 14; по 50 к.	7 р. — к.
Работниковъ наемныхъ по 25 к. до 1-го сентября и по 20 съ 1-го сентября: 200	43 » 15 »
Артельщику при наемныхъ солдатахъ	3 » 5 »
Барщины: при молотьбѣ мущинъ по той же цѣнѣ, какъ и наемные: 300	61 » 45 »
Женщинъ по 12 к.: 158.	18 » 96 »
Дроворубовъ по 20 к.: 20	4 » — »
Подводъ для возки воды и перевозки зерна съ поля по 50 к.: 79	39 » 50 »
Подводъ для перевозки машинъ съ одного поля на другое по 50 к.: 7	3 » 50 »
Дровъ 10 кубич. сажень по 12 руб.	120 » — »
Масла подсолнечнаго 2 п. 36 ф.	18 » 32 »
Оливы 1 п. 39 ф.	20 » $70^1/_2$ »
Свѣчнаго сала 28 ф.	3 » 33 »
Провизіи работникамъ (1) и машинисту на . . .	77 » 74 »
Итого	420 р. $70^1/_2$ к.
Приходится на копну. .	— » $15^5/_8$ »

б) для очистки зерна:

Барщины: мущинъ — 54	10 » 80 »
женщинъ — 10	1 » 20 »
На сумму. .	12 р. — к.
Приходится на копну. .	— » $^6/_{13}$ »

Сверхъ того, заплачено за наемъ машины по 10 к. отъ копны; такимъ образомъ, общая стоимость обмолота копны, съ провѣвкой и очисткой зерна, составляетъ. . — » $26^1/_{11}$ »

(1) Такъ-какъ работа производилась въ полѣ, вдалекѣ отъ жилья, то я нашелъ необходимымъ продовольствовать и барщинныхъ работниковъ, и сверхъ того, во вниманіе къ непривычной работѣ, требующей особой быстроты и проворства, всѣмъ мущинамъ я давалъ за обѣдомъ и ужиномъ по рюмкѣ водки.

Издержки послѣ обмолота машиною заключаются въ провѣвкѣ половы и переборкѣ сбоинъ, такъ-какъ въ томъ и другомъ остается довольно зерна. Это происходитъ 1) оттого, что сильное дѣйствіе вѣялки отбрасываетъ легкія зерна, какъ это бываетъ и при обыкновенной вѣялкѣ лопатою на вѣтрѣ; 2) при бросаніи сноповъ со скирды на машину высыпается весьма много зерна, особенно когда хлѣбъ бываетъ такъ сухъ, какъ онъ былъ въ нынѣшнемъ году. Все выпадающее отъ этихъ двухъ причинъ зерно по необходимости должно быть заметаемо вмѣстѣ съ половою.

На провѣйку половы, переборку сбоинъ и очистку зерна употреблено:

Наемныхъ мущинъ 49; по 20 к.	9	р.	80 к.
Продовольствіе наемныхъ	2	»	70 »
Барщины: мущинъ 145; по 20 к.	29	»	— »
женщинъ 25; по 12 к.	3	»	— »
Подводъ для перевозки съ поля полученнаго зерна: 9.	4	»	50 »
Итого	49	р.	— к.
Приходится на копну.	1	»	$1\frac{11}{3}$ »
Всего, съ предыдущимъ расходомъ, обошлась обмолотка копны, съ полною очисткою въ.	—		$27\frac{25}{96}$ »

4) Степень удовлетворительности обмолота.

Я нашелъ, что молотильня Рансома и Симса вымолачиваетъ совершенно удовлетворительно; причемъ я вполнѣ убѣдился въ томъ, что удовлетворительность обмолота зависитъ, вопервыхъ, отъ чистоты хлѣба, а во-вторыхъ—отъ правильной подачи сноповъ на барабанъ. Чѣмъ хлѣбъ чище, т. е. чѣмъ менѣе въ немъ сорныхъ травъ (пашистая солома) и чѣмъ правильнѣе колосьями внизъ подаются снопы подъ барабанъ — тѣмъ менѣе зерна въ половѣ и тѣмъ менѣе отбивается невымолоченыхъ колосьевъ. Изъ этого я заключаю, что ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что для выигрыша времени можно молотить хлѣбъ по мѣрѣ его уборки, безъ связыванія въ снопы. Если, съ одной стороны, дѣйствительно выиграется время, нужное для вязанія сноповъ и перевозки ихъ къ скирдѣ, то съ другой, потеряется гораздо болѣе времени, какъ при самой молотьбѣ, отъ меньшаго количества (1) смолоченнаго въ день хлѣба, такъ и при уборкѣ послѣ молотьбы.

(1) Меньшее количество произойдетъ неминуемо оттого, что никогда работникъ не захватитъ сразу такое количество стеблей, какое составляетъ связаный мѣрный снопъ, мгновено развязаный и цѣликомъ поданный подъ барабанъ.

Степень удовлетворительности молотьбы можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Сортъ хлѣба.	Число сбитыхъ копенъ	Слѣдовало получить по пробѣ	Получено		Итого	Получено сверхъ того очистки на сортировкѣ
			Съ машины	Послѣ провѣйки половы		
		четв.	четв.	четв.	четв.	четв.
Ржи	701	370	335½	33	368½	—
Пшеницы озимой красной. .	219	109½	94	15	109	1
Пшеницы озимой гирки . .	479	262	225	13½	238½	10
Пшеницы яровой красной. .	131	52⅛	52¼	7½	59⅞	—
Пшеницы яровой красной другого сорту	450	161	162⅞	19½	182⅝	12⅜
Ячменя	359	179½	140½	54½	195	—
Ячменя голаго.	36	20⅛	12	8	20	—
Овса	311	185⅜	154	18	172	—(1)

Цифры четвертой графы могутъ объяснить сказанное мною выше объ издержкахъ, предоставляемыхъ личному усмотрѣнію каждаго хозяина; т. е. слѣдуетъ или не слѣдуетъ тратить время и издержки на вѣянье половы. Мнѣ кажется, что сравненіе цѣнности полученнаго изъ провѣяной половы зерна съ стоимостію этой работы, говоритъ въ пользу оной. Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, во-первыхъ, что когда хлѣбъ остается долгое время немолоченымъ, то утрачивается немало зерна отъ за-

(1) 1) Очистка могла быть приведена въ настоящую извѣстность въ нѣкоторыхъ сортахъ пшеницы, въ которой былъ куколь, и съ которымъ отошла и часть мелкаго зерна; въ прочихъ же сортахъ хлѣба, очистка состояла изъ мелкихъ колосьевъ и нѣкоторыхъ сорныхъ сѣмянъ; приводить въ извѣстность этотъ соръ не стоило труда. — 2) Разница полученаго количества зерна, въ сравненіи съ пробами, можетъ быть отнесена къ неточности самихъ пробъ; — совершенно допускаю это, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваю: много ли у насъ хозяйствъ, гдѣ количество зерна, полученнаго по обмолотѣ, соотвѣтствуетъ вполнѣ расчету по пробамъ? — 3) Голый ячмень, по мнѣнію моему, недоступенъ для молотьбы паровою машиною. Онъ чрезвычайно твердъ для молотьбы; быстрота и сила барабана отбиваетъ колосья, весьма крохкія, и они выбрасываются вмѣстѣ съ половою (мякиною); пропорція зерна, вывѣяннаго изъ половы, показываетъ справедливость этого замѣчанія. — 4) Всѣ издержки молотьбы составляютъ, на четверть полученнаго хлѣба, 56⅛ коп.

мокшихъ верхнихъ сноповъ скирды, и столь у насъ частаго мышеѣду, а во-вторыхъ, чрезъ оставленіе зерна въ половѣ увеличивается достоинство сей послѣдней, какъ корма весьма у насъ употребительнаго для рогатаго скота, свиней и лошадей. Но я думаю, что все же выгоднѣе получить, за незначительныя издержки, отдѣльно зерно и отдѣльно полову, и потомъ если угодно, давать зерно въ кормъ съ расчетомъ, а не какъ попало, съ половою. При томъ изъ представленной таблицы видно, что ячменя, который чаще всего употребляется въ кормъ рогатому скоту и свиньямъ, остается слишкомъ много въ половѣ; это происходитъ отъ крохкости его колосьевъ, легко отбиваемыхъ барабаномъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и цифръ, всякій хозяинъ, который ихъ прочтетъ, можетъ сдѣлать свой расчетъ о выгодности или невыгодности молотьбы паровою молотильнею и сравнить, на основаніи существующихъ въ извѣстной мѣстности цѣнъ рабочимъ, съ молотьбою ручною, или съ конноприводными молотильнями. Я считаю только въ этомъ случаѣ необходимымъ добавить, для правильности расчетовъ каждаго, слѣдующій выводъ: Если въ расчетахъ моихъ съ мелочною подробностію показаны всѣ издержки на молотьбу, то справедливость требуетъ оцѣнить и тѣ сбереженія, которыя доставляетъ молотьба паровой машиной. Сбереженія эти заключаются: во 1-хъ, въ значительномъ уменьшеніи подводъ для перевозки хлѣба въ гумна, какъ бы они ни были отъ полей близки; во 2-хъ, въ избѣжаніи издержекъ на сушку зерна, ибо, бывъ мѣлочено въ сухое время, оно можетъ сохраняться продолжительное время безъ сушки; въ 3-хъ, въ сохраненіи всего того количества зерна, которое теряется въ скирдахъ отъ непогоды, снѣжныхъ наметовъ и мышеѣду.

И такъ, предоставляя каждому дѣлать свое заключеніе о выгодности или невыгодности молотьбы паровыми машинами, я, съ своей точки зрѣнія и по своимъ убѣжденіямъ, признаю за такою молотьбою несравнимыя ни съ какимъ другимъ способомъ выгоды. — Выгоды эти я не ограничиваю вышеприведенными тремя пунктами; въ моихъ понятіяхъ онѣ заключаются наиболѣе въ своевременномъ и въ наилучшемъ приготовленіи продуктовъ, въ возможности дѣлать заблаговременно вѣрныя, не на однихъ пробахъ основанные расчеты и бюджеты на цѣлый годъ, въ приготовленіи, за-время, въ сухомъ, свѣжемъ видѣ разныхъ сортовъ соломы, что̀ такъ важно для правильнаго корма рогатаго скота и овецъ, и наконецъ—что̀ всего важнѣе: въ сбереженіи времени. Мы не привыкли еще, при существующихъ нашихъ хозяйскихъ порядкахъ, давать настоящую цѣну драгоцѣннѣйшему изъ капиталовъ: времени, ка-

капталу, котораго никакими другими замѣнить не возможно. А между тѣмъ представленныя мною цифры, не показываютъ ли убѣдительнѣйшимъ образомъ, какое сбереженіе времени доставляетъ молотьба паровою машиною. Сколько дней пришлось бы молотить и вѣять смолоченый и вывѣяный мною хлѣбъ въ 18 дней, если бы количествомъ рабочихъ, употребленныхъ при первой молотильнѣ, нужно было обмолотить хлѣбъ цѣпами или даже на обыкновенныхъ молотильняхъ; или—какое потребовалось бы огромное количество рабочихъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ обмолотить и прибрать 2686 копенъ въ 18 дней!

Заключу мой отчетъ выраженіемъ другихъ желаній:

Первое, чтобы хозяева, испытавшіе, въ гораздо бо́льшемъ нежели я размѣрѣ, молотьбу паровыми машинами, сообщили также свои отчеты. Весьма интересно и поучительно было бы имѣть возможность сдѣлать сравненія и заимствовать тѣ приспособленія, которыя, при болѣе продолжительномъ употребленіи машинъ, могли быть указаны опытомъ, для уменьшенія издержекъ и ускоренія самой работы. Конечно, употреблялись разные сорты топлива: каменный уголь, навозный кирпичь, стебли подсолнечниковъ; весьма любопытно было бы имѣть сравненіе количества разныхъ сортовъ топлива, потребнаго для дѣйствія машины въ данное время. Не менѣе интересно и сравненіе дѣйствія разныхъ машинъ, ибо въ Полтавской губерніи есть и машины Клейтона, и машины Французскія и Бельгійскія.

Второе, чтобы явились предпріимчивые люди съ капиталомъ, которые бы завели у себя нѣсколько машинъ для найма желающимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на спросъ не было бы недостатка, и я полагаю, что такое предпріятіе доставило бы немалыя выгоды владѣтелю машинъ. — Но объ этомъ второмъ моемъ желаніи я намѣренъ поговорить подробнѣе въ отдѣльной статьѣ; теперь же только прибавлю, что г-жа Абаза, имѣя двѣ машины, не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, безпрестанно къ ней поступающимъ; что въ числѣ нанимателей было, въ нынѣшнемъ году, нѣсколько козаковъ, имѣющихъ разнаго рода хлѣба отъ 100 до 200 копенъ и что за наемъ машины охотно платили по 15 коп. отъ копны.

М. Бѣлуха-Кохановскій,
помѣщикъ Полтавской губ.

1 декабря 1860.
Полтава.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ II.

Посла́въ я, добро́дію, до васъ пе́рвий свій листъ, та й схамену́вся: що́ жъ, якъ ви за городи́ усту́питеся, що й безъ нихъ на сві́ті не мо́жна, — що́ тоді я вамъ одвітува́тиму? Спра́вді, якъби́ городи́ не захисти́ли сілъ и хуторівъ, то я́къ би хуторі й се́ла стоя́ли? Спаси́бі імъ за се, що вони́ селя́намъ и хуторя́намъ за́хистъ дава́ли, якъ ище́ всю́ди було́ пу́сто й ди́ко. Шко́да тілько, що ду́же до́рого зъ насъ за сю послу́гу бра́ли; бо, одбива́ючи одъ насъ ворогівъ нашихъ, не съ ко́го, якъ изъ насъ же, вони́ ору́жний людъ набіра́ли, не съ ко́го, якъ изъ насъ же, ёго́ харчува́ли, не на ко́го, якъ на насъ же, посто́емъ ёго́ напуска́ли.

Розберіть лишъ, добро́дію, поча́токъ городівъ у да́вню давнину́ німе́цьку й славя́нську. Що́ воно́ таке́ було́? Хто въ нихъ засівъ и яке́ ли́хо ми одъ нихъ терпіли! Лу́чче бъ воно́ й не сни́лось намъ — таке́ въ насъ ко́ілось, отъ хоть би́ й за Варя́гівъ. Не де́сять, не два́дцять ро́ківъ городи́ насъ руйнува́ли и, мовъ те поло́хане ста́до, съ кутка́ въ куто́къ по Вкраі́ні ганя́ли. Тілько що ми, селя́не та хуторя́не, нічо́го не запи́сували, тимъ воно́ й пішло́ все те въ непа́мъять, яко́го ми ли́ха, яко́і нару́ги одъ городя́нъ дознава́ли; а вони́-то, бачъ, куди́ якъ пи́шно на папе́рі слебізува́ли, що ось бо сяки́й та таки́й князь изъ дружи́ною и во́і своі́ми на чужі зе́млі хожда́ше, городи́ й се́ла воюва́ше, ось бо му́ри кошто́вні созида́ше, ліпото́ю облека́ше и хвалу́ Бо́го-

ві воздава́ше. Ато́ ще уста́вами своїми за́чнуть на папе́рі велича́тися та су́дними гра́мотами та номокано́нами, що безъ нихъ не зуміли бъ ні розміжува́тися, ні розсуди́тися, ні зійти́ся, ні розійти́ся, та що́! и зовсімъ би ду́рнями безъ городя́нъ оста́лися. У города́хъ и купе́цтво, у города́хъ и реме́ство, у города́хъ и нау́ка собі зъ да́вніхъ дове́нъ сідало ма́ють. А яка́ всёму́ тому́ ціна́ нало́жена, те вже неха́й оди́нъ Госпо́дь раху́е.

Якъ вамъ, добро́дію, здае́тця: чи однако́во въ ма́чухи, якъ и въ ма́тери? Оце́ жъ насъ, селя́нъ та хуторянъ, ви́кохавъ назва́ний ба́тько — го́родъ, въ тяжкій неволі, та ще й дя́ки одъ насъ вимага́е: мовля́въ, безъ ме́не ди́кимъ би звіря́кою селя́не скита́лись; ато́ ба́чте, якъ га́рно Бо́гу іхъ моли́тися понаучувавъ, и яки́й гарний поря́докъ су́дній повво́дивъ, и яку́ лю́бу освіту наро́дню скрізь роспросте́ръ!... О, бо'да́й тебе́, стари́й ка́верзнику! Все вже ти собі зага́рбавъ; не ду́май же и въ ми́сляхъ собі того́ не покладай, що во віки вічні ми въ те́бе підъ опе́кою зоставатимемось. Ти, старига́не, своє́ ді́ло зроби́въ до конця́, и самъ почина́ешъ свого́ анахрони́зму доглядатися, тілько, що го́лосно призна́тись передъ исто́рнею соро́мишся. Онъ уже́ въ Брюсселі, въ Ба́зелі, въ Москві та й по дру́гихъ ста́ро-світськихъ тверди́няхъ, де були́ вали́ и рови́ оборо́нні, тамъ сади́ понаса́жувані. Де со́тні й ти́сячі люде́й па́дали, тамъ весе́ла тепе́ръ дітво́ра бігае. Хиба́ жъ се не озна́ка, що стари́й дідъ-го́родъ свій вікъ звікува́въ? Нічого більшъ ёму́ робити.

А що прогре́сомъ, городя́не, величаетесь, то ми тому́ прогре́су ціну́ зна́емо. Ти́сячу ро́кивъ ви въ насъ торги́ заво́дите, а на чо́му вони́ вертя́тця? Куди́ якъ дале́ко лю́дськость ви своїми торга́ми дви́гнули!... Ти́сячу ро́кивъ суди́ ви въ насъ на Вкраіні су́дите, а въ ко́го більше пра́вди: чи въ пе́рвого Варя́га, що на полю́ддя зъ го́рода ви́йшовъ, чи въ послідне́го ва́шого справника, що на слідствіе ви́їхавъ?... Ти́сячу ро́кивъ проповідуете ви у своїхъ му́рахъ конто́вних любо́въ и миръ, — чи більше жъ у васъ любо́ви й ми́ру, аніжъ було́ у тихъ про́стихъ Славя́нъ, що сла́вили въ гаяхъ и на жита́хъ недовідо́мого імъ ласка́вого и ще́дрого Бо́га?...

Ми не гово́римо, що до́брим лю́дямъ гріхъ вели́кою грома́дою збіра́тися, на вели́кі ярмарки́ зъізжа́тися, вели́кі буди́нки будува́ти и всяку механіку гурто́мъ видумувати, форте́ці по узграни́ччяхъ стро́іти, фло́ти споружа́ти, акаде́мії заво́дити, кни́ги, папе́ри

у до́брихъ схо́ванкахъ про да́льші ро́ди хова́ти. Ми тілько про́тивъ тихъ городівъ листи́ пи́шемо, кото́рі, якъ отъ и въ насъ на Вкраіні, не зна́ть по-я́кому поста́ли, та й до добра́ нічо́го не подово́дили, а тілько лю́дямъ ро́зумъ звяза́ли и по своій уподо́бі жи́ти заборони́ли. Го́лосно ми на свою бра́ттю хуторя́нъ покли́куемо: »Эй, хуторя́не, пано́ве бра́ття! лю́де свіжі, незатума́нені, и одъ пра́ведного Бо́га не одве́дені! не ки́дайтесь ви на ту ома́ну городя́нську, кото́ра вже ти́сячу ро́кивъ ко́зи въ зо́лоті вамъ пока́зуе. Побу́дьте ще хочъ изъ со́тню ро́кивъ таки́мъ лю́домъ, яки́мъ сохрани́въ ва́съ Госпо́дь до сёго дня свято́го. Підожді́те кра́щого ладу́, небожа́та. Мо́же, ви й сами́ городи́ собі побудуе́те и нові звича́і въ нихъ позаво́дите, тілько не такі, якъ тепе́ръ скрізь по города́хъ, мовъ та зіно́вать степова́, коренятця. А сі вже городи́ неха́й собі стоя́ть и, безъ ва́шого гріха́, своє́ ді́ло ро́блять, и до свого́ конця́ дохо́дять.« Отъ на́ша за́повідь и вся на́ша нау́ка.

Бага́то лю́дей письме́нныхъ зъ не́і кепкува́тите, и прогре́сомъ, и тимъ, и симъ намъ дорі́ка́тиме, та дарма́. Мо́же, ви, земляки́ мої лю́бі, того́ й не почу́сте, бо ти́ прогреси́сти понашому не втнуть: вони́ собі яку́сь неподо́бну мо́ву въ города́хъ повиси́жували, та й ла́млють пі́дъ не́і лю́дьский ро́зумъ зъ мало́го ма́льства. Коли́ жъ дочу́етесь, що сі добро́дії обскурантизмомъ ла́ютця, що ніби-то, по моій нау́ці, въ обскурантизмі чоловічкові спасіння, то й тутъ ви імъ вірп не дійма́йте. *Одну́* кни́жку я вамъ пора́явъ, — пра́вда, що одну́; такъ у тій же кни́зці ввесь дре́вній миръ умісти́вся. Неха́й вони́ се розбери́ть по суботамъ, та й на те вважять, що та кни́жка дала́ ві́камъ грядущимъ вели́кий завітъ святої во́лі, кото́рого ще ні одна́ городя́нська грома́да не ви́повнила.

Ви́повнимо жъ хочъ ми ёго́, селя́не та хуторя́не! Тамъ и нагоро́да пока́зана тому́, хто зрозуміе и́стину, — найкра́ща, найбільша нагоро́да на землі: бі́льшої ніхто́ не пожада́е и не ви́думае. Такъ яки́й же се обскуранти́змъ, коли́ я ра́жу вамъ нау́ку, за кото́ру вели́кий Учи́тель проли́въ свою́ кровъ непоро́чную, та й намъ заповідавъ жизнь свою́ за сло́во и́стини оддава́ти? Зрозумійте тілько, що́ таке́ и́стина. Городи́ вамъ ії не ви́являть, бо вже до двохъ ти́сячъ ро́кивъ бере́тця, якъ вони́ ії затума́нюють. Величаю́тця своіми архитекту́рами, та живо́писями, та теа́трами, та музи́ками и поэзиею, а того́ й не збагну́ть, що все те иску́ство ве-

ли́ке слу́жить найбільшъ людській горди́ні та роско́ші, и що вже не наро́дъ пра́вить худо́жниками, а блиску́ча ку́па люде́й легкоду́хихъ, кото́рі зна́ють тілько восто́рги ніги нікче́мнёі и не розуміють восто́ргівъ вели́коі пра́ці, крівáвого по́ту за людське́ бла́го. Не зави́дуемо ми ні городя́нськимъ дива́мъ вели́кимъ, ні городя́нському комфо́рту; бо що́ намъ по то́му всёму́, коли́ въ города́хъ тілько со́та до́ля Бо́жого лю́ду живе́ въ доста́ткахъ и всіми ти́ми дива́ми кори́стуетця, а ти́сячі голівъ людськи́хъ, якъ ри́ба объ лідъ побива́ютця, и ро́зумъ іхъ, якъ та дити́на въ чужо́і ма́тери, чу́чверіе, и про́тивъ про́стого, свіжого ро́зуму сільского чи хуторя́нського не всто́іть. Ми ще й такъ ска́жемо, що неха́й би ва́ши худо́жества вели́кі й не процвіта́ли; неха́й би не було́ ні Парѳено́ну, ні Петро́воі це́ркви; неха́й би вся земля́ село́мъ стоя́ла, то що́жъ за біда́ така́? аби́ лю́дямъ не ва́жко було́ на сві́ті жи́ти. Не про що́ й дба́ти годи́лось би, — такъ намъ здае́тця. А про нау́ку пра́вди всеми́рнёі, кото́рою городи́ пишня́тця, ми ска́жемо, що вона́ й безъ городівъ би обійшла́ся. Хиба́ жъ не ра́ди городя́нськихъ ва́шихъ поря́дківъ замо́вкли въ ва́шихъ Ри́махъ и Византіяхъ Сокра́ти й Плато́ни? Коли́ вони́ ва́ши діти, такъ на́ що жъ ви своіхъ діте́й ду́шите? А вели́кого Учи́теля всеми́рнёго за́ що за́мучено? Ви лю́де письме́нні й друко́вані, то нічого вамъ ши́роко ре́чи про те розво́дити. Ви до́бре зна́ете, яки́мъ нікче́мнимъ мо́тлохомъ заки́дали ва́ши прапра́щури святу́ нау́ку и́стини, кото́ру вели́кі ду́хомъ лю́де передава́ли оди́нъ друго́му, и якъ ви одъучи́ли о́ко людське́ одъ того́ світу, кото́рий ишо́въ въ исто́риі всеми́рній попере́дъ наро́дівъ, хова́ючись одъ недолю́дківъ—то́ въ ми́ѳи, то́ въ при́тчи, то́ въ весе́лі игрища́, то́ въ попу́рі почни́і та́йни, то́ въ вікові́чні перга́мени, — такъ одучи́ли, що якъ одки́даешъ той мо́тлохъ и пока́жешъ пра́ведне сло́во такъ, якъ воно́ ви́йшло съ пра́веднихъ устъ, сами́ ви диву́етесь, я́къ-то воно́ въ таку́ дале́ку старовину́ такъ я́сно та сміливо зми́шлено, такъ дале́ко зася́гнуто! Эге́, то́-то бо!... Чомъ же ви не згодите́сь на мою́ ду́мку, що безъ городівъ и іхъ поря́дківъ ти́і вели́кі дива́, кото́рими ви велича́етесь, яви́ли бъ у собі ще більшу си́лу ду́ху людьско́го? Ну, та дарма́; остава́йтесь собі при своій городя́нській филосо́фиі, а намъ дозво́льте нову́ селя́нську филосо́фию проповідати, взя́вши іі прямі́сінько съ то́і кни́жки, кото́ру со́тнями ро́ківъ

вели́кі городи́ затума́нюють, та й до́сі не затума́нили. Робіть ви своє́ діло, пано́ве, а ми своє́ роби́тимемъ; а тамъ уже́ коли́сь, у віка́хъ гряду́щихъ, лю́де поба́чять, кому́ зъ насъ за нау́ку й пра́цю дя́кувати.

Отсе́ жъ ми вклоня́емось вамъ низе́нько за все те добро́, кото́рого ми одъ васъ дозна́ли; забіра́емо до се́бе въ про́сті ха́ти вели́кі ми́слі, кото́рі ви въ своіхъ му́рахъ зъ да́вніхъ вікі́въ перехова́ли. Чи въ висо́кихъ співахъ ті ми́слі спасе́нні, пра́ведно лю́дські, до насъ одъ люде́й дре́вніхъ подохо́дили, чи про́зою малёвни́чою намъ іхъ перека́зано; чи въ филосо́фській наготі іхъ ми́рові я́влено, — ми все те собі до-ку́пи зобга́ли и въ хата́хъ своіхъ, на нау́ку моло́дшимъ, перехо́вуемо. А ва́шу пиху́ та ро́скішъ та невпокійну мо́ду покида́емо въ города́хъ и на-віки того́ добра́ зріка́емось. По́ки васъ бу́де поганя́ти ся тройча́та ха́лепа, не ждіте насъ до гу́рту. И архитекту́рні дива́ собі буду́йте, и малюва́ннямъ обставля́йтесь, и о́перами втіша́йтеся, и просвіща́йтесь городя́нською квітча́стою поэзиєю, и нау́ки нові до стари́хъ виду́муйте, и гро́ші зъ всёго світу у своі ска́рби горніте, и въ ла́сощахъ купа́йтеся, — нічо́го того́ вамъ не боро́нимо, аби́ ви намъ не борони́ли свою́ нау́ку поміжъ се́бе ши́рити и до поги́белі свій свіжий людъ не допуска́ти. Якъ же наста́не таке́ вре́мя, що съ хатъ, а не съ пала́тъ, за́чнуть вели́кі су́дді худо́жества, нау́ки та й само́і пра́вди мирсько́і вихо́дити, — оттоді ми до гуртово́і робо́ти ки́немось и, мо́же, въ оди́нъ вікъ більше діла вели́кою грома́дою вро́бимо, аніжъ ви въ де́сять вікі́въ мало́ю уроби́ли.

Воно́-то не яка́ біда́ и ва́шу слове́сность перечи́тувати, и до васъ у городи́ навідуватись, тілько не тре́ба вамъ по́вноі віри дава́ти, а свого́ хуторсько́го смаку́ й ро́зуму тре́ба приде́ржуватись. У насъ по хутора́хъ бага́то е люде́й, кото́рі бува́ли всю́ди по світа́хъ, и про Шекспи́ра, такъ якъ про рідного дя́дька, зъ ва́ми розмовля́тимуть, а про-те́ беззако́нноі ро́скоши й пихи́ въ хуторі своі не пуска́ють и люде́й неписьме́ннихъ до не́і не ва́блять. Тимъ-то й я оце́, взя́вшись до писа́ння листівъ на всю Украіну, ра́ю земляка́мъ своімъ коха́нимъ одъ тіі ха́лепи остерега́тися. Коли́ до вподо́би кому́ чужозе́мня кни́жка, чита́й іі и знай, я́къ що́ на світі діетця. Коли́ чоловікъ чужозе́мній въ ха́ті тра́питця, розмовля́й зъ нимъ и про вся́чину роспи́туй. Коли́ й само́му лу́-

читця заіхати въ далéкі стóрони, — обомá ушúма слýхай и очúма дивúсь, щó воно́ й я́къ тамъ дiетця; а ледащúці мóди въ хуторú не привóзь, вóлю свою́ шануй и въ городя́нську нужду́ черезъ рóскішъ не вскáкуй. Хочъ же бъ и всі ви поробúлись письмéнними и, якъ тамъ кáжуть, просвіщéними; хочъ би книжкú нiмéцькі такъ якъ спрáжні Нiмці почúтували, а про-тé своéі мóви рiдноі и свого́ рiдного звичáю вiрнимъ сéрцемъ держiтеся. Тоді зъ васъ бу́дуть лю́де якъ слiдъ, — тоді зъ васъ бу́де громáда шанóвна, и вже на таку́ громáду нiхто́ своéі лáпи не налóжить.

Хуторянúнъ.

ЗНАЙДЕНИЙ НА ДОРОЗІ ЛИСТЪ.

Изъ г. Острога. 1847, Лютого 28.

Якъ проідешъ за Кíївъ верстóвъ сто, и почнéшъ икъ Волúні зближáтися, зáразъ постережéшъ, що пішлá передъ тобóю одмінна одъ нáшоі сторонá. Погляньо по городáхъ, по містéчкахъ,— усюди вдáрить тебé слідъ Русько-Пóльськоі старосвіщини, и ознáки новóго порядкувáння. Горбúодъ дáвніхъ тáборівъ и городовúхъ валівъ, руіни пáнськихъ зáмківъ, зпустошáлиі костёли, занехáяні и обколýпані непогóдою будúнки-камянúці, — по всёму томý розýмно подорóжнёму, що тутъ колúсь горожáнность принялáсь булá міжъ людомъ твéрдо, та мáбуть стоялá не на всіхъ чотирёхъ, що не вдéржалась....

Підъіздячи до Радомисля, всяке, въ кóго есть óчі, щобъ бáчити, спитáетця: »Щó то чорніе величéнне міжъ будúнками? Чи то зостáнокъ якóі твердúні, чи руіна якóго будúнка безъ крúши?« Ні, то не зостáнокъ, а тілько почáтокъ кателúцькоі катéдри. Иншому здалóсь би, що въ сімъ краю недáвно жилú великолюде: все, що тілько воні будувáли, — будувáли шúроко й величéнно; ажъ зрáзу повіявъ смéртний вітеръ, и людéй тихъ не стáло; зостáлись тілько до-півъ зробóлені ділá іхъ рукъ. То й не руіна; руіною зовемó те, що мáло колúсь свій пóвний кшталтъ, а се сердéшне будовáнне не дійшлó й до свогó зрóсту; и хочъ рундýчниі стовпú стирчáть справді такъ, якъ на руінахъ и пожарищáхъ, тілько жъ кóжному бье въ вічи, що воні новúі, не вéтхиі; не розсипáютця воні мóвчки посередъ кучугýръ прáху й тлі-

ну, а, підніма́ючись рівно вго́ру, ти бъ сказа́въ — вопію́ть: »Да́йте жъ намъ такъ жи́ти, якъ обіця́ли!«

Ми одна́къ не були́ въ Радоми́слі, а тільки проіхали по́узъ. Дру́гий го́родъ за Радоми́слемъ, на на́шій доро́зі, Жито́міръ. Ма́ло въ ёму типово́го Волы́нського, бо нове́ порядкува́ння ви́явилось усю́ди такъ го́лосно (беру́ се́е словце́ для о́ка и ро́зуму, а не для у́ха), що зъ-пі́дъ ёго та мизе́рна, тро́хи не ме́ртва, старосві́щина тиль-тиль пробива́стця.

Черезъ Новогра́дъ-Волы́нський переізджа́ли ми нічно́ю добо́ю, то й не вдало́сь намъ подиви́тись на висо́кні кру́чі, на руїну, тро́хи не до зоста́нку вже розібрану, старосві́цькоі твердині, и на малёвничі береги́ Слу́чи, тиі сла́вноі Слу́чи, що каза́ли колись козаки́: »Знай, Ля́ше, по Случъ на́ше!« Літомъ береги́ іі, на ліву ру́ку одъ міста, зкра́шені зеле́ними дібро́вами. Не навтіша́ється, ди́влячись, якъ тиі дібро́ви синіють, синіють и хова́ютця да́лі зовсі́мъ у тума́ні.

Това́ришка моя́ въ доро́зі, якъ душа́ схи́лна до маля́рства и поэзні, коха́етця въ руїнахъ: такъ у Ко́рці жъ надиви́лась на нихъ дово́лі. Тамъ на горі, якъ самъ ти, па́не-бра́те, зна́ешъ, надъ глибо́кимъ, кругойду́чимъ я́ромъ стоіть у руїнахъ колись-то пи́шний за́мокъ князівъ Чорторы́йськихъ. Пере́дня ба́шта висо́ка, окна́ста, безве́рха, геть перехо́дить у вишину́ усю́ замкову́ ку́пу, и ра́зомъ съ ко́менами, що́ стирча́ть по-надъ руїною, додае́ ій ти́пу пону́ро-торже́ственого. Княжа́та Чорторы́йські йшли одъ коліна дре́вніхъ Ру́ськихъ князівъ; та якъ та па́нська неси́тость зби́ла іхъ зъ глу́зду, що приста́ли до Ляхівъ якъ у ві́рі, такъ и въ пога́рді чо́рного лю́ду, то й вони́ не втекли́ одъ коза́цькихъ рукъ ра́зомъ изъ и́ншими пана́ми. Хмельни́цького козаки́ доста́ли мечёмъ сей за́мокъ та й пусти́ли по ёму́ пожа́ръ, що ле́дві нагі стіни зоста́лися. Ми ходи́ли по́ двору и по руїнахъ, мізку́ючи собі, я́къ-то колись отъ у сій пу́стці було́ по́вно весе́лого лю́ду, и одъ широ́кихъ воріть пі́дъ ба́штою ажъ до оціхъ малёванихъ поко́івъ, що ди́влятця розлу́паними височе́нними вікнами зъ гори́ на сади́, на коре́цькиі будо́ви и розло́гі поля́, по́вно було́ кри́ку, го́міну и сміху! а тепе́ръ усе́ мовчи́ть, на́че тутъ зро́ду й не жили́ лю́де, на́че ся руїна такъ руїною була́ й змуро́вана. Нема́, нерухо́ма смерть такъ воцари́лася на сіхъ погри́зенихъ круго́мъ стінахъ, у сіхъ зава́ленихъ тліномъ и камінюками поко́яхъ, що дивуєсся,

я́къ ище́ змігъ порости́ тутъ оце́й ди́кий нечума́зний бузъ. Да й бузъ, чо́рний, кострубáтий, здáвся тутъ тілько на сідало сме́рті. Сівши на ёго́ криви́хъ гиля́кахъ, якъ та сова́-пусти́нниця, пону́ра смерть німи́мъ язико́мъ своімъ роска́зуе, якъ ма́рне ги́не панське влада́ння....

За Корце́мъ стоіть намъ по доро́зі го́родъ Остро́гъ, ище́ бага́тший руінами одъ Корця́. Ми ёго́ за́здріли ра́нкомъ крізъ прозо́рний тума́нъ. Со́нце обдава́ло ёго́ краснова́тимъ світомъ; уве́сь вінъ громади́вся передъ на́ми спе́ршу мовъ одна́ гора́; на горі якъ стовби́—мріли тяжки́і старосві́цькиі до-півъ розва́лені ба́шти. Оддалеки́ вінъ издава́вся го́родомъ велеліпнимъ. Одна́къ ома́на ця почала́ розсіва́тись, якъ ста́ли ми до ёго наближа́тися, и да́лі, да́лі, ось и зовсімъ вінъ передъ на́ми змизернівъ. Найбільшъ попсува́ла ёго́ пога́на жидова́ своіми недобудо́ваними, не оха́йливими, бридки́ми хати́нами. Суму́смо ми, та й не зна́емъ, що це все було́ буцімъ тільки на те́, щобъ нагото́вити намъ ище́ кра́щу мину́ту. Зра́зу, зъ-за мизе́рнихъ, безти́ннихъ хороми́нъ, зъ-за криви́хъ діря́вихъ ворітъ, зъ-за убо́гоі грома́ди, що зібра́лась ура́нці на торгу́ зъ воза́ми та зъ мішка́ми, ви́ступивъ намъ назу́стрічъ старосвіцький Езуіцький косте́лъ, висо́кий, по фаса́ду малёваний, пи́шний, хочъ изпустоша́лий. Крізъ тума́нъ вінъ зда́вся намъ несказа́нно велеліпнимъ, ажъ о́чі бравъ въ се́бе свое́ю ве́тхою красо́ю. А ще на пере́днёму пла́ні стоя́ть камяни́і, старі, підгри́зені зни́зу, стовпи́ одъ коли́шніхсь-то ворітъ; дакъ уве́сь фаса́дъ церко́вний зъ-за тихъ, чи то сказа́ть—надъ тими́ до-півъ-зруйно́ваними нечума́зними стовба́ми, пішо́въ у го́ру корни́зъ за корни́зомъ, пиля́стра за пиля́строю, стрілка за стрілкою—ле́гко да гінко, мовъ зъ землі тополёва дібро́ва. Тутъ мині до́бре почу́лося, скільки-то въ Бо́га краси́ и въ руінува́нню, хочъ и пе́рше, де не поба́чу було́ дуплина́стиі вікна, те́мниі, глибо́киі две́рі, а по стінахъ щілини, якъ бри́жі по старо́му ви́ду, то й зда́стця міні, що та руіна щось на́че промовля́ до ме́не, на́че ше́пче мині беззу́бими уста́ми яку́сь да́вню, чуде́нную по́вість....

Одъ косте́ла и одъ здорове́ннихъ муро́ванихъ Езуіцькихъ школъ, тожъ зпустоша́лихъ, доро́га йде на го́ру поузъ старосвіцькую ба́шту, що́ стоіть собі на о́дшибі поміжъ сяки́мъ-таки́мъ будува́ннямъ, якъ ве́тхий дня́ми дідъ, що рове́сники ёго́ давно́ въ землі вже, а вінъ зоста́всь, и ні ёму́ ні до ко́го, ні и́ншимъ до ёго нема́е жо́дного

діла. Недо́вго ба́влячись на ста́нціі, за́разъ пішли́ ми огляда́ти це́ркву кня́зя Остро́зького, са́му мизе́рну, або́ са́му бага́тшу (помаля́рськи) руіну, яку́ я коли́ на свое́му віку́ ба́чивъ. Літа́, дощі та вітри́ на вдивови́жу вміють криши́ти мурова́ння. Чоловікъ зро́ду не потра́пивъ би такъ розкриши́ти. Вся́кий це зна́е, хто про́бувавъ роби́ти по сада́хъ фалши́виі руіни. Диви́вся я й не надиви́вся на висо́киі, изсі́чені зъ ди́кого ка́меню, стрілча́ті вікна зъ розе́тами вгорі, — а це́гла внизу́ й по бока́хъ вже обсипа́етця, щілини вже камяну́ робо́ту підъіда́ють, на две́рі, унизу́ вильготою розъі́дені, розши́рені, — на церко́вниі ба́шти, и́нде одко́лоті навпілъ, и́нде зовсімъ ці́лі, тілько зве́рху надкри́шені, — на у́зькиі, висо́киі шма́ти му́ру, ніби на те́ зоста́влені, щобъ знавъ, хто ди́витця, які були́ тамъ ві́кна, а одъ вікна́ зоста́нетця тобі хиба́ корни́зъ избо́ку. Усі ба́шти, що зоста́лись одъ за́мку кня́зя Остро́зького, муро́вані шти́бомъ Вене́цькимъ и га́рні навдивови́жу. Одну́ переро́блено на зе́мський судъ, да й та вигляда́е ще я́кось пова́жно и малёвно, — а найбілшъ, якъ спогля́нешъ на не́і зни́зу, зъ-підъ гори́. Що́ то старосвіщина! А де́ жъ, спита́вся бъ мо́же хто, де́ жъ міжъ сими́ му́рами друка́рня, у кото́рій надруко́вана була́ пе́рша на Русі кни́га: Остро́зька Би́блия? де́ буди́нки само́го кня́зя Костянти́на Остро́зького? Шкода́ пита́ти! Остро́жани німі́, якъ и ці му́ри: нічо́го въ нихъ не допита́есся, нічо́го не тя́млять, уся́ке гу́торить и побива́етця тілько про вла́сне сёгоде́нне діло. Пра́вда, для ко́го тамъ були́ бъ дорогі ці́і руіни? Пани́ ру́ські и самі внуча́та Остро́зького кня́зя переверну́лись на Поляківъ, про́стому лю́ду не до то́го, а ти́і, що тепе́речки зову́тця старода́внімъ на́шимъ прізвищемъ, — не то́-щобъ свя́то держа́ти па́мять Остро́зькоі старосвіщини, та ра́ді бъ изъ Ки́івськоі Ла́ври ви́кинуть мраморя́ну домови́ну Костянти́на Остро́зького: бо вже й такъ зама́зали на стінахъ дре́вніхъ гетма́нівъ, титарівъ ла́врськихъ, и гробни́цю Остро́зького кня́зя закри́ли одъ то́го лю́ду, кото́рому вінъ такъ жада́въ просвіти́ти незря́чиі о́чі.

Походи́вши по горі, подиви́вшись на руіни, на дале́киі луги́, що сте́лютця внизу́ зъ гая́ми, се́лами и блиску́чими річка́ми, спусти́лись ми до то́го косте́ла и до тихъ Езуіцькихъ школъ, що ба́чили въіжджа́ючи. Тутъ хочъ руйнова́ння зве́рху й кра́сне для маля́рського о́ка, а въ сере́дині знустоша́лость спрашна́ й проти́вна; бо то не часъ, а лю́де почини́ли. За́разъ, якъ увійдешъ у косте́льниі две́ри, уда́рить уся́кого похо́дний по́грібъ, чи склепъ,

по яки́хъ звича́йне кателі́ки кладу́ть ме́ртвихъ. Не те́ вда́рить тебе́, що вже давно́ нема́є въ ёму́ ні дверей, ни камяни́хъ схі́дцівъ, а те́, що калю́жная вода́ пропу́щена зъ міста у костельнні две́рі, а зъ дверей у склепъ. Неха́й же тепе́ръ хто хо́че собі помізку́е, що́ ро́битця тамъ у тому́ скле́пі, де стоя́ть тру́ни кателі́цького па́нства и попівства! Ти, мій шано́вний па́не-бра́те, бувъ тамъ у со́рокъ-четве́ртому ро́ку, проіздя́чи черезъ Остро́гъ; ти писа́въ тоді до ме́не, якъ повиворо́чували мертвцівъ изъ домови́нъ, и́ншихъ порозрива́ли на́ двое и на́ трое, а котрі новіші домови́ни, позабира́ли на то́пливо у ті житла́,що тутъ же споря́жені у коли́шніхсь шко́льнихъ му́рахъ.... Тепе́ръ тамъ ста́лося зъ ме́ртвими кателі́ками ще гірша нару́га. Глуми́лись вони́ колись надъ на́шою вірою, *возмни́вши тимъ слу́жбу принóсити Бóгу*; поглуми́лась же тепе́ръ и надъ іхъ сме́ртними зоста́нками и надъ іхъ знустоша́лимъ косте́ломъ несмисле́нна чернь.... У косте́лі пу́сто,—тілько ви́дно, де були́ престо́ли (звича́йне, якъ у кателі́ківъ, усе́ по стінахъ, по стінахъ). Надъ престо́лами зоста́лось тамъ-сямъ и малюва́ння и білогли́няне изваяние святи́хъ кателі́цькихъ, тілько всі до о́дного пообби́вані и поглу́млені... Утіха ди́кого лю́ду!—Зало́ми пообва́лювались, тілько зо́ два, чи зо́ три я́кось де́ржятця, боючи́сь усяку́ мину́ту, щобъ не впа́сти. Надъ престо́лами—якъ де ви́соко, то зберегли́сь ще́ підписи на си́ніхъ и черво́нихъ щитка́хъ. Фа́рба на іхъ зовсімъ ще́ нова́! Не зна́ю, чомъ мене́ вда́рили та́къ гірко ти́і пі́дписи, той еди́ний забу́токъ давнёі косте́лної по́мпи. Мині здало́сь, що крізь сі́і си́ні й черво́ні віко́нця (щитки́ зъ підписами зъ пе́ршого по́гляду здаю́тця віко́нцями по стінахъ) хтось несме́ртний и запе́клий и невблаго́мий ди́витця пи́льно, ве́село и сміетця гірко, якъ во́рогъ, що я́къ-то сі костельнні й шко́лнні му́рп становились таки́мъ вели́кимъ ко́штомъ, зъ тако́ю по́мпою, вла́стю й вірою, що стоятимуть вішне, а тепе́ръ такъ мизе́рне, такъ жа́лібно, такъ мо́вчки розва́люютця, — не промо́влять, не пробо́вкуть за се́бе й сло́ва, тліють забве́нне и руйну́ютця. И щобъ ти знавъ, яка́ поселилася тутъ *ме́рзость запустіння на ме́сці свя́ті*, тре́ба ще доба́вити, що на́ нічъ сюди́ жиди́ заганя́ють това́ръ свій; скоти́на ту́литця, якъ ви́дно,- поузъ стіни, де позоставались ни́жші зало́ми, и хто бъто не вознегодува́въ розу́мний и богобоя́зний, ба́чучи, якъ поругані підно́жия престо́лівъ, ті са́мні підно́жия, де кла́дено неутомле́нні покло́ни и па́лено моли́твені кади́ла!

Зъ костéла йдуть перехóди, перехóди скрізь по всёму муровáнню, що-тó колúсь булá шкóла и чернéчі кéлиі. Пішлú ми по тихъ перехóдахъ. Сýмно, дúко всюди: скáзано, пýстка! Инколи чýти якúйсь далéкий глáсъ, мовъ хто кого́ клúче, абó вітеръ занóсить здалекýкостéльниі кателúцькиі псáльми. Иншиій подýмавъ би, що той жалібний глáсъ чýти изъ костéльного склéпу, подýмавъ би, мóже, що отті нещаслúвиі мертвці кателúцькиі, захлúпуючись калюжною водóю, вопіють изъ домовúнъ: чи не прúйде хочá хто-нéбудь на защúту святúні церкóвноі и святúні гробовóі тогосвітнёі. Тілько жъ недóвго бъ вінъ бувъ у такій богобоязній омані. Идемó, ажъ глянемъ: у прáву рýку пішóвъ дóвгий, потягнутий дúмомъ, перехóдъ. Димъ вихóдивъ изъ москáльськоі пекáрні, шо тутъ десь булá збóку. А крізъ димъ, на кінці перехóду, покáзуютця одúнъ за одúмъ, муштрýючись, москалі! Тамъ на кінці есть велúка світлúця, що колúсь булá езуіцькою трáпезою, а тепéръ здалáсь на мýштру москалямъ. Оддалекú воні, крізъ димъ, ворóчались изъ своіми засписóваннимиоружúнами, и іхъ-то муштéрський гáласъ здавáвся намъ крізъ окнáстиі до-півъ порýйнóвані перехóди жалібнимъ глáсомъ изъ тóго світу. Скóро натрáпили ми на нихъ, зáразъ одпáла намъ охóта швéндять по німóму цáрству мéртвихъ....

Прощáй до Варшáви! Щó побáчу, абó почýю — напишý про всячину.

П. Необáчний.

СЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ДНѢПРА.

Передавая вѣсти съ праваго берега Днѣпра, я надѣюсь принести этимъ пользу изучающимъ общественное и этнографическое положеніе Южнаго края.

Польское вліяніе на народъ *правобо́чної Украі́ни*, — и особенная участь, постигшая Украину лѣвой стороны Днѣпра, разъединили, тамъ и здѣсь, сословія, и отдѣлили *образованныхъ* отъ *простыхъ*. Народъ праваго берега лишенъ былъ всякаго общенія съ общечеловѣческою духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполнѣ высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и заговорили для него понятно, но всѣ они, почти всѣ, родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до-сихъ-поръ еще никто не подалъ имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути. Правда, нѣкоторые изъ право-бережныхъ уроженцевъ-писателей поняли силу мѣстныхъ народныхъ стихій, но ихъ поэтическія произведенія скорѣе были передѣланной на польскій ладъ сказкой или пѣсней, чѣмъ самобытнымъ, животворнымъ словомъ. Такъ *Богданъ Залѣскій* любуется Украиной, какъ областью красивыхъ дівчатъ, русалокъ и молодцоватыхъ, нѣжно преданныхъ Польшѣ, *козаковъ*, умѣвшихъ переплывать Днѣпровскіе пороги и пугать Цареградъ; *Михаилу Чайковскому*, хотя и удавалось, въ повѣстяхъ, изображать живыми красками ту или другую черту *козацтва*, но онъ видѣлъ въ немъ только поэтическую его сторону. Тѣ изъ нихъ, которые занимались Украиной съ научной стороны, высказывались въ томъ же смыслѣ. Всѣ они писали по-польски. *Тимко́ Паду́ра*, въ своихъ »*Украин-*

кахъ«, будто бы писанныхъ на южно-русскомъ языкѣ, представилъ пародію и языка и народа, о которомъ заговорилъ; тоже можно сказать и о *Спиридонѣ Осташевскомъ*, авторѣ *Пів-кóпи казóкъ*, переложенныхъ въ украинскіе стихи. Нельзя еще не вспомнить извѣстныхъ *балагýловъ* или *барагóловъ* (bares-geld), которые также пародировали украинскую народность въ своей повседневной жизни, съ своими лакеями-*козачкáми*, съ своими бандуристами, поющими циническія пѣсни,—съ рюмкой и нагайкой въ рукахъ, съ четвернями лошадей, отличающихся красотою или странною мастью, съ гульнёй на Бердичевскихъ ярмаркахъ. и всякими *паничéвськими* выдумками, которымъ они старались какъ-будто придать мѣстный характеръ.

Общество смотрѣло на всѣ поименованныя явленія, какъ на эксцентрическія выходки. Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массой, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которымъ, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачею—содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія.

За то большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей, какъ новости. Защиту народа и новыхъ убѣжденій рутинисты признаютъ сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, — возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства человѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ....

Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь этихъ лицемѣрныхъ и безсознательныхъ криковъ. Оно, прежде всего, желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія ис-

тины и времени. Ограниченность взгляда и не совсѣмъ чистая совѣсть — вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ; вполнѣ убѣждены, что »правда выяснится«, и пристыженные противники — раньше или позже — уступятъ предъ священными ея правами. Можно быть увѣрену, что не опасныя, по мнѣнію помѣщиковъ, современныя идеи, а единственно ихніе (если будутъ дурны) поступки могутъ посѣять взаимныя неудовольствія между сословіями. Въ нашемъ краю они имѣютъ о себѣ самое хорошее мнѣніе.

Къ числу причинъ, растравляющихъ и такъ незавидную матеріальную долю нашего простаго народа, слѣдуетъ отнести огромные проценты, которые они должны платить при всякомъ займѣ. Этотъ заемъ дѣлается обыкновенно или у Еврея, или у помѣщика. Евреи, безъ зазрѣнія совѣсти, берутъ *minimum 10% ежемѣсячно;* но эти проценты часто возрастаютъ до гораздо большихъ.—Помѣщикъ—требуетъ отработка. Въ этомъ послѣдемъ случаѣ представляется иного рода невыгода. У насъ трудъ чернорабочихъ цѣнится очень дешево, да притомъ отработокъ требуется въ лѣтнее время, именно тогда, когда земледѣльческій трудъ получаетъ наибольшую важность, но никакъ не соразмѣрную награду.—Есть, впрочемъ, отрадные факты въ этомъ отношеніи. Къ числу ихъ относится банкъ для крестьянъ въ селѣ Олешинѣ Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда. Тамошній приходской священникъ г. Морачевичъ вложилъ въ него своихъ собственныхъ 100 р. ср. съ тѣмъ, что онѣ будутъ возвращены тогда, когда другіе 100 р. ср. наростутъ изъ процентовъ, которые обращаются въ собственость банка. Банкъ состоитъ въ завѣдываніи шести выборныхъ. Всякій крестьянинъ имѣетъ право получать деньги въ заемъ изъ банка; въ случаѣ неисправности онъ отвѣчаетъ своимъ хозяйствомъ, если онъ хозяинъ, а за бобыля ручаются двое хозяевъ. По прежнему правилу, весь капиталъ слѣдовало возвращать съ процентомъ (1%) въ мѣсяцъ; теперь это правило замѣнено другимъ, болѣе практичнымъ: капиталъ вмѣстѣ съ процентомъ уплачивается такъ, что за одинъ руб. ср. вносится еженедѣльно 2 коп. ср. (при чемъ уплачивается и часть капитала), слѣдовательно, по прошествіи 52 недѣль, заемщикъ вноситъ 104 к. ср. капитала и процента, — что̀ равнялось бы только 4%, если бы вносимыя въ разное время деньги, посредствомъ оборота, не доставляли еще новой прибыли банку. Это нововведеніе полезно не для одного банка, но и для заемщика, такъ какъ крестьянину трудно было всякій разъ имѣть на-готовѣ потребную для уплаты сумму, и онъ часто принужденъ былъ дѣлать съ этою цѣлью новые займы у Евреевъ, за значительные проценты. Банкъ этотъ устроенъ

съ Свѣтлаго праздника 1860 г. Вносы дѣлаются до сихъ поръ съ примѣрною аккуратностію. Здѣсь нужно замѣтить, что жители Олешина занимаются разнаго рода промысломъ по близости къ мѣстечку.

На подобныхъ же основаніяхъ существуетъ другой банкъ въ с. Цыбулевѣ, Ольгопольскаго уѣзда Подольской губерніи. Вкладчикомъ этого банка былъ г. Карлъ Бржезовскій, тамошній помѣщикъ. Онъ вложилъ 300 р. ср. Способъ уплаты въ банкъ займовъ тотъ же, что́ и въ Олешинѣ. Банкъ существуетъ около трехъ лѣтъ.

Подобные отрадные факты доказываютъ, что у насъ есть люди (какъ бы они рѣдко ни встрѣчались), дѣйствительно интересующіеся участью крестьянскаго населенія, — и что это населеніе способно уважать *громадское* добро.

Но говоря о разныхъ отдѣльныхъ экономическихъ явленіяхъ въ Южномъ краѣ, я думаю—неизлишнее будетъ представить здѣсь и нѣкоторыя общія экономическія понятія нашего простаго народа: на нихъ, кажется, до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Онѣ не безъ значенія для будущности, потому что лежатъ въ глубинѣ народнаго сознанія. Человѣкъ въ развитіи своемъ начинаетъ обыкновенно съ фактовъ и представленій ограниченныхъ, и далѣе постепенно развиваетъ ихъ. Какъ ни тѣсенъ кругъ его первоначальныхъ понятій, но они имѣютъ чрезвычайную важность, какъ точки отправленія для дальнѣйшаго развитія.

Исходная точка общественной жизни нашего крестьянина — семья. Оставимъ въ сторонѣ нравственно-физіологическій элементъ ея, и посмотримъ на семью съ экономической стороны. Какъ силенъ экономическій элементъ въ семейной жизни народа—не трудно убѣдиться послѣ двухъ—трехъ разговоровъ съ крестьяниномъ о его повседневной жизни. Опредѣляя достоинство каждаго изъ членовъ семьи, говоря о намѣреніи кого либо изъ нихъ вступить въ бракъ, радуясь дѣтьми — онъ всегда чуть ли не на первомъ планѣ ставитъ хозяйственное ихъ значеніе. Итакъ, семья въ этомъ смыслѣ, есть самая тѣсная ассоціація нѣсколькихъ лицъ различнаго пола; экономическій принципъ ея слѣдующій: »отъ всякаго члена — трудъ соразмѣрный его способностямъ,—всякому соотвѣтственно его потребностямъ, принимая въ соображеніе общее достояніе и общія потребности.« Обыкновенно, во всякой хатѣ, за образами, лежитъ калитка, въ которую приноситъ всякій членъ этого общества свой заработанный грошъ. Всѣ полевые и прочіе продукты составляютъ подобнымъ же образомъ общее достояніе. Утаеніе заработка предъ прочими членами семьи

считается самымъ нехорошимъ дѣломъ: этотъ принципъ глубоко укорененъ въ общенародномъ сознаніи.

Что́ касается до *надѣла каждаго сообразно съ его потребностями, и по соображенію общаго достоянія и общихъ потребностей*,—то этотъ принципъ также глубоко укорененъ въ общественномъ сознаніи. Часто вся маленькая ассоціація жертвуетъ многимипо вседневными потребностями въ пользу одного своего члена — и это дѣлается безъ всякаго неудовольствія со стороны остальныхъ: сильное чувство общественной солидарности устраняетъ всѣ прочія чувства, могущія зародиться въ подобномъ случаѣ. Подобные случаи бываютъ, напримѣръ: при отдачѣ кого нибудь »*въ науку*.« — Семья лишается хозяйственной помощи одного изъ членовъ, но сознавая пользу этой »науки«,—она охотно дѣлаетъ и другія пожертвованія въ пользу этого члена. Подобные факты довольно рѣдки, но при теперешнемъ всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію, они часто будутъ повторяться. Менѣе рѣзкіе факты подобнаго значенія представляются ежедневно въ отношеніи къ малолѣтнимъ, нездоровымъ, нуждающимся въ большемъ пожертвованіи, вслѣдствіе какой нибудь временной причины. — Крестьянинъ не можетъ понять, ка́къ можно иначе устроить эти отношенія. Для него, напр., никакъ не понятна опредѣленная плата, назначаемая часто людьми высшаго сословія ихъ дѣтямъ: онъ считаетъ это чѣмъ-то постыднымъ и непонятнымъ. Я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться неоднократно. Предложеніе, чтобъ всякій хранилъ свой заработокъ отдѣльно (предполагая даже всѣхъ членовъ семейства уже взрослыми) — кажется крестьянину самымъ гибельнымъ принципомъ въ экономическомъ отношеніи. Его сужденіе въ этомъ случаѣ имѣетъ компетентность практическаго взгляда. Принципъ экономическаго значенія семьи считается у нашихъ крестьянъ самымъ полезнымъ въ отношеніи къ благосостоянію: причину богатства извѣстной группы людей они обыкновенно объясняютъ словами: »*не ди́во: то́ наро́дъ семья́нистий*.« Одинъ крестьянинъ, на мой вопросъ, какое средство считаетъ онъ самымъ вѣрнымъ для улучшенія общаго благосостоянія, отвѣчалъ: «*коли́-бъ на́ша семья́ и зъ то́'ю и зъ то́'ю* (указывая на нѣсколько хатъ) *жила́ на́че одна́ семья́, щобъ у-гурті роби́ть, до ку́пи всі гро́ші и ввесь заробі́токъ склада́ть, за оди́нъ сті́лъ сіда́ти: — то тоді́ бъ пе́вне, що розжили́ся бъ*.«

Вотъ общественный идеалъ, по понятіямъ нашего крестьянина (1)!

(1) Онъ высказывается во многихъ народныхъ пословицахъ, напр.»Якъ жить у ку́ні, то не боли́ть у пу́ні,« »гу́ртъ и въ Бо́га кра́де,« »грома́да — вели́кий чоловікъ.«

онъ имѣетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, много положительнаго, чего многіе не хотятъ понять, приписывая простому народу только отрицательное воззрѣніе. Конечно, въ народныхъ понятіяхъ есть и послѣднее;—въ экономическомъ отношеніи оно высказывается въ нѣкоторомъ особенномъ взглядѣ нашихъ крестьянъ на собственность.

По ихъ понятіямъ, лѣсъ, овощи, рыбы, птицы и всякій лѣсной звѣрь—составляютъ общее достояніе. Онъ разсуждаетъ, что *никто не заработывалъ на эти вещи* и что онѣ даны природой для всѣхъ безъ исключенья. Преодолѣніе трудностей для присвоенія себѣ доли изъ этого общаго достоянія — считается своего рода молодечествомъ, но никакъ не постыднымъ дѣломъ. Разсказы о подвигахъ подобнаго рода дѣлаются неразъ публично.

Иногда допускается воровство и другихъ вещей: хлѣбъ можно, по народнымъ понятіямъ, красть, но никакъ не больше, какъ сколько необходимо нужно, потому что хлѣбъ горько зароботывается и только принципъ: »*не дать душі пропасти — тре́ба вкра́сти*» — оправдываетъ виновнаго въ подобныхъ случаяхъ (1).

Отдача найденныхъ вещей потерявшему ихъ считается честнымъ дѣломъ, но и требованіе выкупа, т. е. извѣстной части стоимости найденной вещи — не считается постыднымъ. Выкупъ этотъ обыкновенно состоитъ въ извѣстномъ количествѣ водки, которую вмѣстѣ и потерявшій и нашедшій пропиваютъ, взаимно благодаря другъ-друга за оказанную услугу.

Наконецъ, еще одна характеристическая черта въ этомъ отношеніи—это всеобщая симпатія къ личности Кармелюка вездѣ, гдѣ о немъ сохранилось преданіе,—при чемъ девизомъ его ставятъ слова, заимствованныя изъ пѣсни, ему приписываемой:

»Зъ бага́того хочъ я візьму́ —
Убо́гому даю:
Розділи́вши такъ ті гро́ші,
Гріха́ я не ма́ю.«

Представляя всѣ эти факты, я старался только указать на нихъ; самъ же не рѣшаюсь дѣлать по нимъ никакихъ заключеній.

Максимъ Чорный.

(1) Вопросъ о народномъ взглядѣ на собственность требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ, у нашего же народа существуетъ пословица: »Хто чуже́ бере́, того́ Богъ побье́«, — »на чужи́й трудъ — ла́сий не будь«, и другія. — *Ред.*

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ

ПО 10-Й НАРОДНОЙ ПЕРЕПИСИ.

Статистическое изслѣдованіе *А. Тройницкаго*. Изданіе Статистическаго Отдѣла Центральнаго Статистическаго Комитета. Спб. 1861.

Заглавіе книги г. Тройницкаго достаточно объясняетъ ея занимательность въ настоящее время. Мы остановимся съ бо́льшимъ вниманіемъ преимущественно на тѣхъ данныхъ, которыя относятся до южнорусскаго края.

Изслѣдованіе г. Тройницкаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ *краткое обозрѣніе существа и разныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи;* второй—*числовыя вѣдомости и общую таблицу разныхъ разрядовъ крѣпостнаго населенія*, къ которымъ приложена *статистическая карта* съ наглядным обозначеніемъ процента крѣпостнаго населенія по 10-й народной переписи; въ третьемъ соединены и разсмотрѣны главнѣйшіе *выводы, извлеченные изъ числовыхъ вѣдомостей*, и представлены *соображенія* о взаимномъ отношеніи разрядовъ крѣпостныхъ людей и о числовомъ отношеніи крѣпостныхъ къ владѣльцамъ, и проч.

Первое прикрѣпленіе *къ землѣ* г. Тройницкій относитъ къ временамъ Татарскаго владычества, когда, для обезпеченія исправнаго взноса податей, учреждена была народная перепись (въ 1257 г.), и городскимъ жителямъ и сельскимъ обывателямъ, поселеннымъ на казенныхъ земляхъ, указано было не переходить, безъ разрѣшенія, съ этихъ земель на другія; послѣднее, окончательное и безусловное, закрѣпленіе *лицу*

совершилось въ царствованіе Екатерины II, когда дворянамъ было предоставлено право собственности не только на землю, но и на крестьянъ.

Въ настоящее время, согласно перечневымъ вѣдомостямъ казенныхъ палатъ о народонаселеніи южно-русскаго края, сельскіе обыватели крѣпостнаго или несвободнаго состоянія раздѣляются на слѣдующіе три главные раздѣла: помѣщичьихъ, — принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, и приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ.

Помѣщичьи крестьяне могутъ быть раздѣлены на состоящихъ на крѣпостномъ правѣ: 1) общемъ и 2) условномъ. Первые состоятъ изъ *крестьянъ*, собственно такъ-называемыхъ, и *дворовыхъ людей*, приписанныхъ къ населеннымъ имѣніямъ, къ домамъ, при денежномъ обезпеченіи, или даже безъ такого обезпеченія,—и имѣются во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Украинскимъ народомъ, кромѣ земли Черноморскаго войска, гдѣ по указу 1850 г. сентября 18, крѣпостные, съ 16 іюня 1858 г., обращены въ козаковъ.—Вторые въ губерніяхъ юго-западныхъ, состоятъ, по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, тоже на общемъ крѣпостномъ правѣ (условія касаются собственно помѣщика, по отношенію къ правительству), съ тѣми только ограниченіями, которыя вообще введены по инвентарнымъ правиламъ въ западныхъ губерніяхъ. Они раздѣляются на *владѣльческіе ординацкіе, поіезуитскіе, ленные* и подлежащіе обращенію въ казну.—*Владѣльческіе ординацкіе* крестьяне поселены въ Подольской и Волынской губерніяхъ, въ имѣніяхъ бывшаго огромнаго маіората *Острожской ординаціи*, учрежденнаго въ началѣ XVII вѣка княземъ Янушемъ Острожскимъ и, въ-послѣдствіи времени, раздробившагося и перешедшаго во владѣніе многихъ лицъ. Бо́льшая часть особыхъ условій, съ которыми сопряжено было, по волѣ основателя, владѣніе этимъ маіоратомъ, упразднилась; но условіе, по которому Острожская ординація должна была выставлять 600 вооруженныхъ воиновъ, для огражденія тогдашнихъ границъ государства противъ враговъ христіанства, и донынѣ сохранилось, только въ измѣненномъ видѣ: съ имѣній, входящихъ въ составъ ординаціи, взимается извѣстный денежный сборъ.—*Поіезуитскіе*, находящіеся въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, поселены въ имѣніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ іезуитскому ордену и, по уничтоженіи ордена; проданныхъ Польскимъ правительствомъ древнимъ Польскимъ дворянамъ, по особой оцѣнкѣ, сумма которой оставлена вѣчно на имѣніяхъ.—*Ленные* крестьяне, состоящіе, какъ и поіезуитскіе, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, водворены въ имѣніяхъ, розданныхъ нѣкогда польскими коро-

лями разнымъ лицамъ, за воинскія заслуги, до пресѣченія мужской, а нѣкоторыя и женской, линіи. Такія имѣнія не раздробляются по наслѣдству, не закладываются и не продаются изъ одной фамиліи въ другую. Къ крестьянамъ, состоящимъ на условномъ правѣ, должны быть отнесены и *обязанные* крестьяне. Они находятся въ Кіевской и Подольской губ.

Учрежденія и сословія, владѣющія крѣпостными людьми на помѣщичьемъ правѣ, суть слѣдующія: 1) *Благотворительныя* и *воспитательныя* учрежденія (въ томъ числѣ и Харьковскій университетъ владѣетъ 191 душею мужескаго пола); 2) *Города юго-западнаго края* (въ томъ числѣ Каменецъ-Подольскъ владѣетъ городскимъ селеніемъ *Кормиличъ*): ихъ крестьянами управляютъ думы, магистраты и ратуши; 3) *Церкви и монастыри* бывшаго Базиліанскаго ордена грекоуніатскаго исповѣданія, въ юго-западномъ краѣ. Сюда слѣдуетъ отнести и крестьянъ, приписанныхъ къ *раскольничьему Куриневскому монастырю* (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губ.) и къ Мусульманской Рѣжевской мечети (въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губ.): первые управляются инокомъ монастыря, а послѣдніе муллою мечети, на помѣщичьемъ правѣ; 4) Вѣдомство коменданта С. Петербургской крѣпости; 5) казенные горные промыслы, заводы и фабрики, военное, морское и придворное вѣдомства, банкъ и такъ далѣе, владѣющіе многочисленными разрядами крестьянъ, существующихъ подъ общимъ названіемъ *приписныхъ*. Крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ, въ мѣстахъ, заселенныхъ Украинскимъ народомъ, нѣтъ.

Второй и третій отдѣлы труда г. Тройницкаго содержатъ въ себѣ, какъ сказано выше, числовыя вѣдомости и основанные на нихъ выводы.

Постараемся извлечь отсюда нѣкоторыя соображенія. Изъ 23,069,631 крѣпостныхъ обоего пола, находящихся въ Россійской Имперіи, надолю 7-ми губерній южнорусскаго края приходится 5,061,263 душъ (Полтавской — 681,672 душъ обоего пола, Черниговской — 553,622 душъ, Кіевской — 1,121,062, Подольской — 1,041,051, Волынской — 864,161, Харьковской — 471,165 и Екатеринославской — 328,530), или 2,470,628 душъ мужескаго пола и 2,590,635 женскаго; слѣдовательно, на 100 мужчинъ — $104^{85}/_{100}$ женщинъ. Общее число жителей въ этихъ губерніяхъ — мужчинъ: 5,543,961, женщинъ 5,593,395, или на 100 мужчинъ — $100^{89}/_{100}$ женщинъ. Слѣдовательно, перевѣсъ женскаго крѣпостнаго населенія надъ мужскимъ $3^{96}/_{100}$ процентами выше, нежели въ населеніи общемъ, т. е., оказывается тоже почти, что́ и вообще замѣчается въ крѣпостномъ населеніи Россіи, съ тою только разницею,

что въ остальныхъ ея губерніяхъ—вообще больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ, какъ въ крѣпостномъ, такъ и въ не крѣпостномъ сословіяхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ, въ этихъ губерніяхъ — 5,059,993 обоего пола души, а остальныя 1,270 душъ принадлежатъ разнымъ вѣдомствамъ.

Г. Тройницкій, указавъ числовыя отношенія крѣпостныхъ по полямъ и по разрядамъ,—разсматриваетъ уменьшеніе крѣпостнаго населенія въ ближайшее къ намъ время и приходитъ къ такому заключенію, что крѣпостной составъ Имперіи *остался почти неподвижнымъ и даже уменьшился въ теченіе 22 лѣтъ* (со времени производства 8-й, до окончанія 10-й ревизіи), между тѣмъ какъ въ тотъ же періодъ времени общее населеніе Имперіи *увеличилось на девять милліоновъ душъ;* застой и даже уменьшеніе крѣпостныхъ замѣчается по преимуществу *въ мужскомъ полѣ*. Такое замѣчательное явленіе авторъ изслѣдованія приписываетъ, главнымъ образомъ, отбыванію рекрутской повинности натурою и вообще перечисленію крѣпостныхъ въ другія сословія; но перечисленіе, по мнѣнію г. Тройницкаго, не единственная причина этой убыли. »Нѣтъ сомнѣнія«, говоритъ онъ, »что и условія естественнаго приращенія въ той части народонаселенія, т. е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ состояніи несвободныхъ), рождаемость и смертность, находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономическій бытъ крѣпостнаго сословія находится въ ненормальномъ положеніи. Одни приведенные здѣсь статистическіе выводы, не говоря о другихъ побудительныхъ причинахъ, доказываютъ, слѣдовательно, что предпринятое нынѣ преобразованіе, имѣющее въ виду улучшеніе быта этого сословія, и *необходимо* и *своевременно*.«

Число дворовыхъ людей въ упомянутыхъ 7-ми губерніяхъ—296,040 душъ, — мужчинъ 146,211, женщинъ 154, 829 (въ Харьковской 44,202 мужч., 47,045 женщ.; Полтавской—40,787 мужч., 45,064 женщ.; Екатеринославской—28,498 мужч., 27,797 женщ.; Черниговской—25,689 мужч., 27,933 женщ.; Кіевской—3,560 мужч., 3,743 женщ.; Подольской—3,280 мужч., 3,026 женщ. и Волынской—195 мужч., 221 женщ.); число же помѣщичьихъ крестьянъ, *на общемъ крѣпостномъ правѣ состоящихъ*,—4,483,148 душъ (2,188,123 м., 2,295,025 ж.); слѣдовательно, дворовые люди составляютъ около 15-й доли поселенныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, мѣстности, заселенные украинскимъ народомъ, въ этомъ отношеніи, находятся въ болѣе выгод-

ныхъ условіяхъ, чѣмъ вообще по Имперіи; вообще по Имперіи дворовые люди составляютъ около 14-й доли поселенныхъ крестьянъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ изъ семи губерній замѣчается значительное, въ послѣднее время, увеличеніе дворовыхъ въ сравненіи съ поселенными крестьянами. Въ губерніи Харьковской, по 10-й ревизіи, показано дворовыхъ муж. пола болѣе противъ ревизіи 9-й—на 30,814 душъ, въ Полтавской—на 28,044 д., Екатеринославской—на 20,736 д., Черниговской—на 19,549 д. Подольской—на 355 д., (въ Волынской и Кіевской менѣе противъ 9-й ревизіи, въ первой — на 111 д. и во второй — на 556 д.)

Но обратимся къ самому изслѣдованію: »самое значительное перечисленіе крестьянъ въ дворовые«, говоритъ авторъ, »произошло въ Харьковской губерніи; за тѣмъ слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, губерніи: Полтавская, Курская, Херсонская, Екатеринославская, Черниговская, Костромская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и Минская. Трудно объяснить себѣ поводъ къ этому перечисленію въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, которыя всѣ принадлежатъ къ числу земледѣльческихъ и въ которыхъ общаго можно указать развѣ только то, что въ бо́льшей части изъ нихъ Малороссійское племя или преобладаетъ, или, въ значительной степени, смѣшано съ Великороссійскимъ. Но этотъ племенной признакъ едва ли могъ имѣть вліяніе на указываемое явленіе; вѣроятнѣе предположить, что, какъ въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, такъ и въ другихъ, гдѣ это перечисленіе произошло въ меньшихъ размѣрахъ, поводомъ къ тому были распространившіеся, при производствѣ послѣдней переписи, слухи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостнаго сословія, дворовые люди будутъ выкуплены Правительствомъ или, по крайней мѣрѣ, изъяты изъ поземельнаго надѣла; естественно, что въ губерніяхъ, куда проникнули подобные слухи, и наиболѣе въ тѣхъ, гдѣ много мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и гдѣ земля имѣетъ особенную цѣну по черноземной почвѣ, помѣщики пожелали воспользоваться возможностью ограничить напередъ размѣры надѣла своихъ крестьянъ землею въ пользованіе«. Вѣроятно, ближайшія наблюденія надъ дѣйствительностію подтвердятъ выводъ автора.

Любопытенъ также выводъ г. Тройницкаго о числѣ *безпомѣстныхъ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ*.« Число тѣхъ и другихъ уменьшилось (въ теченіе 22-хъ лѣтъ, прошедшихъ отъ 8-й до 10-й переписи) почти въ пять разъ. Этотъ разрядъ владѣльцевъ не могъ увеличиться со времени 8-й ревизіи, вслѣдствіе запрещенія, съ 1841 г, безпомѣстнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ, а такъ какъ они, съ то-

го же времени, не могли и продавать своихъ крестьянъ, безъ земли, то и слѣдуетъ предположить, что значичельная часть изъ числа 50, 000 душъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ, составляющаго разность между двумя ревизіями, были отпущены владѣльцами на волю.« Выводъ этотъ любопытенъ для насъ сколько потому, что, несмотря на столь значительное уменьшеніе безпомѣстныхъ владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ, самыя крупныя цыфры, по крайней мѣрѣ владѣльцевъ, остаются за Южнорусскимъ краемъ (въ Полтавской губерніи—269, въ Харьковской — 248, Черниговской — 207, между тѣмъ какъ ни одна губернія въ цѣлой имперіи не достигаетъ и до 200).

Г. Тройницкій раздѣляетъ губерніи, по крѣпостному проценту, на 4 группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ болѣе 50% или болѣе половины губернскаго населенія; 2-я, въ которой это число простирается, понижаясь отъ 50 до 25% т. е. отъ половины до четвертой части всего населенія; 3-я, съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25 до 10%, или отъ четвертой до десятой части, и наконецъ — 4-я, съ числомъ крѣпостныхъ менѣе 10% т. е. менѣе десятой части губернскаго населенія.

Семь южно-русскихъ губерній принадлежатъ, къ сожалѣнію, къ двумъ первымъ группамъ; —Подольская, Кіевская и Волынская особенно богаты крѣпостными: въ первой — $59^{54}/_{100}$, во второй — $57^{66}/_{100}$ и въ третьей—$56^{54}/_{100}$ процента. Губерніи Черниговская, Полтавская, Екатеринославская и Харьковская имѣютъ крѣпостныхъ, первая —$37^{61}/_{100}$, вторая—$37^{47}/_{100}$, третья—$31^{51}/_{100}$ и четвертая—$29^{77}/_{100}$ процента. Въ Подольской и Кіевской губерніяхъ крѣпостное насесеніе *выше милліона*, въ Волынской — *около милліона* душъ обоего пола. »Сельское населеніе этихъ трехъ губерній, принадлежащихъ къ хлѣбороднѣйшимъ въ Россія, обращено въ крѣпостное еще подъ Польскимъ владычествомъ, когда богатые и сильные Польскіе магнаты, подчинивъ своей власти значительную часть тамошнихъ многочисленныхъ сельскихъ обывателей, устроили обширныя и богатыя помѣстья, въ видѣ ленныхъ владѣній, такъ что въ этомъ краѣ крестьянское право установилось болѣе въ формѣ завоевательнаго подчиненія сельскихъ обывателей, нежели укрѣпленія ихъ къ землѣ.«

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской сельское населеніе освободилось отъ пановъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго съ Поляками; но Екатерина II, въ 1783 г., ввела здѣсь крѣпостное состояніе, которому впрочемъ не могло подпасть такое число крестьянъ, какъ въ

югозападныхъ губерніяхъ потому, что многіе-изъ нихъ принадлежали къ сословію козацкому. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ крестьянское сословіе долго было подвижнымъ: въ первой, принадлежавшей къ великорусской Украинѣ, — вслѣдствіе пограничныхъ волненій и татарскихъ набѣговъ, а въ Екатеринославской — вслѣдствіе новаго поселенія и разселенія крестьянъ: поэтому и крѣпостное состояніе учредилось здѣсь позже и не могло обнять большаго числа крестьнъ.

Вообще изслѣдованіе г. Тройницкаго наводитъ на многія, весьма любопытныя соображенія, и представляетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія для самопознанія. Спѣшимъ принести автору нашу признательность за трудъ, требовавшій большаго вниманія и любви къ дѣлу.

М. Номисъ.

О ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНІЯХЪ

ПРОФЕССОРА КОСТОМАРОВА

ИЗЪ ИСТОРІИ УКРАИНЫ, ПО СМЕРТИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Исторія Украины въ былое время состояла большею частію изъ похвальныхъ словъ нашимъ гетманамъ и героямъ козацкой старины. Вдругъ, среди славословій, ни для кого неожиданно, раздался голосъ поэта:

— —
Я рида́ю, якъ згада́ю
Дiла́ незабу́ті
Пре́дківъ на́шихъ...тяжкі дiла́!
Якъ-бы́ іхъ забу́ти,
Я бъ одда́въ би весе́лого
Віку полови́ну...
Оттака́-то на́ша сла́ва,
Сла́ва Украіни!
— —

Поразили эти слова и самихъ дѣятелей роднаго бытописанія. Мы призадумались послѣ нихъ глубоко надъ нашимъ прошедшимъ, и съ того времени, замѣтно для всѣхъ, начался переворотъ въ понятіяхъ объ украинской старинѣ. Само собою разумѣется, что умы, представлявшіе собою родную націю въ высшихъ ея особенностяхъ, были ужъ подготовлены къ этому перевороту; поэтъ возгласилъ только свое благовѣствованіе передъ началомъ великаго національнаго подвига — отреченья отъ наслѣдственныхъ заблужденій. Но тутъ наступила извѣстная эпоха и надолго остановила выраженіе украинской мысли. Только въ недавнее время она воскресла въ чистотѣ своихъ стремленій, и съ этого собственно времени дѣятельность нашихъ писателей получила полную свою законность. Почетнѣйшее мѣсто между ними принадлежитъ нашему историку, Н. И. Костомарову. Неутомимымъ изученіемъ источниковъ онъ придалъ

исторіи Украины все достоинство истины въ глазахъ всѣхъ вообще просвѣщенныхъ русскихъ людей и заставилъ умолкнуть — съ одной стороны славословія героямъ украинской старины, съ другой — отрицаніе въ насъ элементовъ, составляющихъ гражданское общество. Въ особенности сдѣлалъ онъ глубокое впечатлѣніе на публику своими пятью чтеніями о временахъ Выговскаго, въ пользу студентовъ С. Петербургскаго университета.

Отличительное достоинство этихъ чтеній состоитъ въ новости фактовъ, представленныхъ историкомъ, и въ искусствѣ, съ какимъ онъ характеризовалъ дѣйствующія лица поступками и словами ихъ. До сихъ поръ никто не пользовался съ такимъ умѣньемъ Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ, который послужилъ основаніемъ его чтеніямъ. Добавивъ къ полученнымъ отсюда даннымъ извлеченія изъ источниковъ печатныхъ, г. Костомаровъ поразилъ полнотою изложенія *Выговщины* даже и тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые были спеціально знакомы съ предметомъ. Описанныя имъ козацкія рады, переговоры гетмана съ царскими послами и Варшавскій сеймъ, на которомъ Поляки и наши паны думали окончательно рѣшить судьбу Украины, похожи на главы историческаго романа, созданнаго воображеніемъ; но ни одного слова не прибавилъ отъ себя историкъ въ шумныя рѣчи тогдашнихъ представителей Украины, Москвы и Польши, ни одной черты—въ картины представленныхъ имъ нравовъ. Онъ даже скрылъ отъ публики свое сочувствіе къ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіямъ. Онъ предоставилъ каждому изъ своихъ слушателей выводить изъ слышаннаго собственныя умозаключенія, сообразно съ личнымъ воззрѣніемъ на жизнь прошедшую и настоящую. Вслушиваясь въ чтенія почтеннаго нашего историка, мы только въ слѣдующихъ его словахъ замѣтили непосредственное отношеніе его къ дѣятельности духа человѣческаго, выражающейся въ исторіи (слова достойныя того, чтобъ утвердить ихъ въ памяти на вѣки): »Въ XVII вѣкѣ еще не понимали, что для поколѣній будущихъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ условій.«

Такъ какъ обстоятельный отчетъ о публичныхъ чтеніяхъ профессора Костомарова представленъ уже однимъ изъ сотрудниковъ *Основы* въ 6 № *Вѣка*, то мы не станемъ здѣсь о нихъ распространяться,—тѣмъ болѣе, что въ *Основѣ* появятся въ непродолжительномъ времени и самыя чтенія.

П. Казюка.

РѢЧЬ ПРОФЕССОРА Н. И. КОСТОМАРОВА

О ЗАСЛУГАХЪ К. С. АКСАКОВА ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

произнесенная въ залѣ С.Петербургскаго Университета, 16 февраля 1861.

Спѣшимъ занести въ свою лѣтопись краткое извѣстіе объ этой замѣчательной рѣчи. Независимо отъ разнообразнаго содержанія, она имѣетъ значеніе общественнаго дѣла: это было благородное и безпристрастное заявленіе признательности за труды человѣку, необычайно-чистому и искреннему, и въ тоже время даровитому, независимому и неутомимому въ преслѣдованіи своихъ идей, которыя хотя, въ частностяхъ, нерѣдко были не вѣрны, отзывались иногда пристрастіемъ и исключительностью, но въ основаніи были животворны, благородны и весьма полезны для уразумѣнія Русскаго народа и его исторіи. Рѣчь г. Костомарова была единственною общественной наградой, какой только могъ пожелать К. С. Аксаковъ: другихъ онъ не получалъ ни при жизни, ни по смерти.

Рано оставившая свѣтъ, поэтическая личность извѣстнаго Славянофила,—пламеннаго народнаго друга и слуги,—представляется явленіемъ отраднымъ и увлекательнымъ посреди поколѣнія, не отличающагося твердостью своихъ убѣжденій. К. С. Аксаковъ не могъ не внушить искренняго сочувствія дѣятелю, не принадлежащему къ Славянофильской Московской школѣ, но также посвятившему свою жизнь на служеніе Русскому народу: живой поборникъ Славянскаго единенія и самопознанія, но безъ идеализированія прошлаго и безъ пристрастія къ племени, Н. И. Костомаровъ понялъ и оцѣнилъ по достоинству и безъ предубѣжденія дѣйствительныя заслуги покойнаго.

Н. И. Костомаровъ началъ свою рѣчь выраженіемъ скорби о понесенной русскою литературою новой утратѣ, которая напомнила ему другія драгоцѣнныя могилы. »Право на народную память«, сказалъ онъ, »К.

С. Аксаковъ заслужилъ проведеніемъ спорнаго, до-того, народнаго воззрѣнія въ наукѣ Русской исторіи, посредствомъ извѣстныхъ критическихъ статей его, исполненныхъ свѣтлыхъ взглядовъ и свѣжихъ мыслей.« —За тѣмъ, г. Костомаровъ послѣдовательно и ясно изложилъ энергическіе протесты покойнаго противъ поклонниковъ Петровской реформы,—противъ теоріи родового быта въ старинной русской жизни,—противъ страннаго смѣшенія, въ Русской исторіи, государственнаго начала съ народнымъ. Отдѣливъ на сторону противниковъ К. С. Аксакова принадлежащія имъ доли истины,—объяснивъ значеніе идеи Славянофиловъ о народности,—показавъ существующее и до настоящаго времени раздвоеніе въ Русскомъ обществѣ,—дополнивъ положенія К. С. Аксакова наглядным развитіемъ ихъ передъ слушателями и указаніемъ на новыя пріобрѣтенія, добытыя наукою, главнымъ образомъ, на недостававшее, для полноты и ясности воззрѣній К. С. Аксакова, федеративное начало въ отношеніяхъ Русскихъ Земель, — профессоръ утверждаетъ за нимъ слѣдующія положительныя заслуги:

1) Опроверженіе идеи о патріархально-деспотическихъ элементахъ родоваго быта въ древне-русской жизни;

2) Уясненіе до очевидности общинно-вѣчеваго въ ней начала;

3) Глубоко-психологическое разъясненіе Іоанна Грознаго, какъ личности, артистическія свойства которой были несостоятельны для полезной общественной дѣятельности, и

4) Уясненіе двойственности началъ — государственнаго и народнаго, въ нашей исторіи.

Крайности и невѣрности въ изслѣдованіяхъ К. С. Аксакова и школы, г. Костомаровъ приписываетъ ихъ идеализму, которому онъ противопоставляетъ дѣйствительную историческую истину, свободную отъ увлеченій настоящаго, чуждую боязни за будущее и безпристрастную къ прошедшему, признавая только такую истину единственною цѣлью, достойною историка. Живое содержаніе рѣчи г. Костомарова сильно тронуло слушателей; торжественное вниманіе болѣе тысячи человѣкъ, во все продолженіе двухъ-часоваго чтенія, воодушевляло профессора; восторженныя рукоплесканія проводили его по окончаніи чтенія.

Не многіе честные русскіе дѣятели удостоивались такого воздаянія по смерти, какимъ былъ почтенъ К. С. Аксаковъ.

А. М.

ОТВѢТЪ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ РУССКАГО ВѢСТНИКА.

Въ 4 № »Современной Лѣтописи« мы прочли слѣдующую замѣтку: »Языкъ, употребляемый южно-русскими писателями въ Галиціи, гораз»до ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то малороссійское на»рѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ »совершенно легко можетъ читать все, что пишется на южно-русскомъ »нарѣчіи, равно, какъ и Русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно »и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червоной »Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литера»турнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ Украинскихъ литераторовъ, ко»торые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора.«

Оставляя въ сторонѣ *передразниванье* (по всей вѣроятности — опечатку), такъ какъ дѣло идетъ объ украинскихъ литераторахъ, которые до сихъ поръ извѣстны были не рабскимъ подражаніемъ чему бы то ни было, — не повтореніемъ, не передразниваньемъ, — а добросовѣстнымъ изученіемъ и вѣрнымъ возсозданіемъ народной жизни (да уваженьемъ къ личности народа, человѣка—литератора и не-литератора), мы обращаемся прямо къ существенному вопросу объ оттѣнкахъ и тонахъ народнаго говора. Чей же говоръ важнѣе народнаго? къ какому говору больше стóитъ прислушиваться? Оттѣнки и тоны нашего народнаго говора разнообразны, какъ жизнь и природа, логичны какъ народный, несдавленный, умъ, и музыкальны, какъ украинская пѣсня. Прислушиваться къ нимъ— не порокъ, а долгъ и толкъ. Не совѣтовалъ ли самъ Пушкинъ—величайшій художникъ слóва — прислушиваться къ народному говору, учиться языку у просвирней и на рынкѣ? »Современная Лѣтопись« , должно быть, не ясно — не вполнѣ — высказалась: по ея мнѣнію, дурно то́, что укра-

инскіе писатели прислушиваются къ *своему* (вѣроятно, *это* слово пропущено въ »Современной Лѣтописи?«) народному говору, а не слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, примѣру Галичанъ, которые пріурочиваютъ свой письменный языкъ къ литературному великорусскому.

Возстановивъ, кажется, безошибочно, основной смыслъ приведеннаго мѣста, спѣшимъ заявить, что мы иначе объ этомъ думаемъ.

Легкость, съ какою Галицкіе образованные Русины читаютъ великорусскія книги, объясняется не какимъ-либо особымъ литературнымъ направленіемъ Галицкихъ писателей, а сродствомъ южно-русской рѣчи съ великорусской, и навыкомъ. Въ Великорусской литературѣ столько хорошаго, что было бы странно не интересоваться ею — Славянамъ, особенно русскимъ. Подавленному двойнымъ гнётомъ—онѣмечиванья и ополячиванья—русскому сердцу Галичанина особенно трудно защититься отъ вѣющаго на него—отраднымъ родствомъ и лучшимъ будущимъ—духа нравственной литературной Россіи. Для борьбы съ насильственными притязаніями, галицкій Русинъ — воспитанникъ польскихъ или нѣмецкихъ школъ — схватился за первое, уже готовое, оружіе, не имѣя времени ни изучать наличное богатство своего народнаго языка, ни разработывать его литературно. Но это явленіе — не законъ; тѣмъ болѣе не законъ для украинскихъ писателей, настоящихъ и будущихъ. Одинъ языкъ не можетъ замѣнить другаго, какъ бы, по-видимому, онъ ни былъ близокъ. Въ языкахъ, образующихся органически, нѣтъ ни случайныхъ соотвѣтствій, ни напрасныхъ различій: всякая произвольная замѣна одного другимъ, въ видахъ единообразія и удобства, уродуетъ языкъ и лишаетъ его органической самобытности, логической гармоніи частей и даже удобопонятности. Въ этомъ отношеніи украинскій литературный языкъ, выросшій непосредственно изъ языка живаго, народнаго, слѣдовательно—болѣе самостоятельный, нежели Галицко-русскій, — въ то же время и болѣе доступенъ пониманію соплеменниковъ. Кто изъ Славянъ внимательно вчитался въ нѣсколько страницъ украинской книги, для того легко и пріятно дальнѣйшее ея чтеніе, а этого нельзя сказать о книгахъ Галицко-русскихъ. Но если бы и дѣйствительно велико-русскому читателю доступнѣе былъ червоно-русскій текстъ, чѣмъ украинскій: развѣ Русскій народъ въ Галиціи, не смотря на 4-хъ вѣковое вліяніе чуждыхъ стихій, сохранившій народный языкъ Южной Руси, сохранившій пѣсни, повѣрья, преданья и пословицы, общія съ украинскими,—не имѣетъ права на то, чтобъ для него писали понятнымъ литературнымъ языкомъ? Развѣ *наши* удобства, а не облегченіе путей образованія *народу*, должны быть главною

цѣлью людей, сознавшихъ пользу и современную потребность разработки роднаго слова? Искусственное направленіе литературнаго языка, съ несвойственными ему стихіями, несомнѣнно отдалило бы благотворное сближеніе образованной части общества съ народомъ и замедлило бы распространеніе просвѣщенія.

Нѣтъ! ни съ какой стороны не приходится »украинскимъ литераторамъ« брать примѣръ съ галицкихъ. Постоянная мечта русскихъ Галичанъ — союзъ съ остальною Русью — для Украинцевъ не существуетъ. Пока мы достигали соединенія, провѣряли его послѣдствія, сживались и т. д., наши литературные интересы тянулись въ одну сторону; теперь же, когда соединеніе совершилось, — и для насъ настало время правильнаго литературнаго развитія. Крайняя централизація въ языкѣ была бы губительною помѣхою общему благосостоянію и образованію; единоображеніе производитъ у насъ уродство или юродство....

Искуственность и безжизненность галицко-русской литературы суть естественныя послѣдствія неестественнаго ея положенія и отдаленія ея отъ языка народнаго.

»Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника«, при разрѣшеніи возбужденнаго новыми явленіями вопроса, предпочла однообразную форму жизненной сущности и не дала себѣ труда взглянуть на дѣло внимательнѣе, глубже, — исторически. Что художественнаго оставили по себѣ и къ чему прочному привели ломка и ковка южно-русской рѣчи въ чуждыя формы Польскаго силлабизма? Ничего, кромѣ жалкихъ виршей, лишенныхъ поэзіи, которыхъ человѣкъ со вкусомъ просто не въ силахъ читать, а народъ, къ счастью, совсѣмъ не знаетъ и никогда не узнаетъ. По какому же соображенію, на основаніи какихъ данныхъ вы ожидаете лучшихъ послѣдствій отъ того, еслибы украинскіе литераторы стали подражать Галицкимъ и намѣренно пренебрегли природными отличіями южно-русскаго языка, со всѣмъ разнообразіемъ его формъ, со всѣми оттѣнками его тона и говора?

Будучи убѣждены, что всякое стѣсненіе, а тѣмъ болѣе — систематическое, расчитанное, хотя бы съ наилучшею цѣлью, вредитъ полнѣйшему разкрытію жизненныхъ силъ человѣка и народа, мы смотрѣли бы не только спокойно, но съ удовольствіемъ, еслибъ каждое нарѣчіе проявило себя литературно, лишь бы только проявленія эти были достойны. Но вопреки столь положительно-выраженному мнѣнію автора »Современной Лѣтописи«, — въ нашей литературѣ, напротивъ, рѣшительно преобладаетъ переяславско-чигиринское нарѣчіе, — шевченков-

ское, — хотя нельзя не допустить, что, со временемъ, могутъ явиться талантливые писатели, которые захотятъ писать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи и заставятъ читать себя.

Всѣ новосоздающіяся литературы представляли, при своемъ началѣ, сочиненія на разныхъ нарѣчіяхъ; съ теченіемъ времени, одно изъ нихъ достигало полнѣйшаго развитія, какъ со стороны формы, такъ и содержанія, и мало-по-малу дѣлалось господствующимъ. Вездѣ отъ разнообразія приходили къ единству: за что́ же авторъ Лѣтописи, (оказавшійся болѣе предвѣщателемъ будущаго, чѣмъ знатокомъ настоящаго положенія нашего письменнаго языка) такъ рѣзко упрекаетъ украинскихъ литераторовъ?

Быть можетъ, ему не нравится и самое существованіе — скромное существованіе — украинской литературы? Это дѣло другое... На этотъ разъ мы противъ вкуса спорить не будемъ....

Какъ бы ни было, но украинская литература утвердила уже свое существованіе; южно-русскій языкъ и изустная южно-русская словесность, изъ которой развилась, не взирая на самыя неблагопріятныя обстоятельства, словесность письменная, — съ незапамятныхъ временъ ведутъ свое начало; письменная словесность, по своему содержанію, представляетъ вѣрные задатки дальнѣйшаго развитія, составляетъ несомнѣнный и законный фактъ нашей общественной жизни. Жизненность украинской литературы лучше всего доказывается простотой и естественностью ея возникновенія: люди, живѣе другихъ почувствовавшіе потребность народнаго самопознанія, изучили свой народъ, и убѣдясь, что *»лу́чче своє́ ла́тане, аніжъ чуже́ ха́пане«* — стали писать по-украински. Намъ, съ авторомъ »Современной Лѣтописи«, теперь остается просто принять это отрадное явленіе пробудившагося самосознанія и искренно, съ уваженіемъ къ народу и его дѣятелямъ, поддерживать чистое дѣло во имя просвѣщенія, любви и правды, не мудрствуя лукаво, не увлекаясь заносчивыми мечтами — но и не стѣсняя себя никакими преждевременными системами. *»Не вважа́й на врожа́й: сій жи́то — хлібъ бу́де.«*

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ (1)

Я получилъ 1 нумеръ *Основы*. Прочитавъ свою статью о Женской Гимназіи, я былъ пораженъ и изумленъ безцеремонными пріемами, съ какими подверглась она многочисленнымъ, произвольнымъ измѣненіямъ; одни фразы сокращены, другія совершенно передѣланы, въ нѣкоторыхъ извращенъ смыслъ; цѣлые періоды выпущены или замѣнены другими, даже отдѣльныя слова́ поверглись перемѣнѣ, точь въ точь какъ учитель поправляетъ заданное имъ сочиненіе ученика.

Редакція *Основы* имѣла безусловное право, принять или не принять статью, но принявъ ее, не думаю, чтобы, не нарушая приличія, она могла, безъ моего согласія, исправлять мой слогъ, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, и какъ бы, наоборотъ, ни было краснорѣчиво перо непрошеннаго учителя. Въ этомъ случаѣ говоритъ не авторское самолюбіе, но чувство собственнаго достоинства, оскорбленное предположеніемъ во мнѣ редакціей »Основы« снисходительной готовности пользоваться чужимъ умомъ.

Въ слѣдствіе этого, я послалъ мою статью »о Женской Гимназіи« въ другой журналъ, и *во многіе* протестъ противъ неумѣстныхъ учительскихъ пріемовъ редакціи *Основы*, о чемъ и имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить.

Полтавскій житель.

14 февраля 1861.
Полтава.

---

(1) Помѣщая на страницахъ »Основы« письмо Полтавскаго жителя къ редактору и отвѣтъ на это письмо, мы руководимся желаніемъ — сдѣлать совершенно ясными отношенія редакціи къ сотрудникамъ и, вслучаѣ взаимныхъ недоразумѣній, доставлять возможность — высказаться обѣимъ сторонамъ предъ лицомъ общественнаго суда, на справедливость котораго каждый долженъ полагаться больше, чѣмъ на личное свое безпристрастіе въ собственномъ дѣлѣ. — *Ред.*

ОТВѢТЪ Г. ПОЛТАВСКОМУ ЖИТЕЛЮ.

Въ первомъ объявленіи объ изданіи »Основы« я просилъ лицъ, желающихъ помѣщать свои статьи въ южно-русскомъ вѣстникѣ, сообщать мнѣ ясно свои условія, — обѣщая, со стороны редакціи, — »точное выполненіе взаимно-предложенныхъ и принятыхъ условій.« Условія эти могли касаться времени, платы и, наконецъ, ограниченія или неограниченія права редакціи — дѣлать въ статьѣ какія-либо измѣненія, часто необходимыя и неизбѣжныя, для того, чтобъ статья могла быть напечатана.

Въ любезномъ письмѣ вашемъ, при которомъ доставлена была статья *о Полтавской Женской Гимназіи*, Вы не обязывали меня *никакими условіями*, хотя вспомнили о вознагражденіи, отъ котораго также отказались. Изъ этого я понялъ (да и кто, на моемъ мѣстѣ, могъ бы понять иначе?) что вы предоставляете мнѣ полное право воспользоваться Вашимъ трудомъ для журнала такъ, какъ я признаю за лучшее, — разумѣется — не извращая вашихъ мыслей и фактовъ, Вами сообщенныхъ. Я видѣлъ, что статья Ваша написана (въ особенности — переписана) наскоро, и поэтому считалъ свое обязанностью представить ее нѣсколько въ лучшемъ, по моему мнѣнію, видѣ, сокративъ нѣкоторыя фразы, растягивавшія Ваше любопытное повѣствованіе. Признаюсь, я думалъ, что Вы, Милостивый Государь, поймете мое вниманіе къ вашему труду, совершенно иначе, чѣмъ вы поняли; я думалъ, что и въ вашихъ глазахъ исключенныя мною частности не могутъ имѣть значенія, — я такъ думалъ и — совѣсть моя была спокойна.

Но увы! Ваше письмо, отъ 14 февраля, дало мнѣ почувствовать всю мою неопытность, и незнаніе человѣческаго сердца. Я не съумѣлъ поставить себя на ваше мѣсто и посмотрѣть на вашу статью (вполнѣ мною оцѣненную) съ вашей точки зрѣнія, и жестоко за это наказанъ: вы чрезвычайно мной недовольны, — дотого недовольны, что не ограничиваетесь

однимъ строгимъ письмомъ ко мнѣ, но грозите даже послать протесты во *многіе* журналы и такимъ образомъ вызываете меня на печатный отвѣтъ.

Если бъ я могъ предугадать, что увеличу вашъ трудъ на́ нѣсколько строкъ вышеприведеннаго письма, то изъ-за этого одного не рѣшился бы прикоснуться ни къ единому слову въ вашей статьѣ. Судите же какъ я долженъ сожалѣть обо всемъ этомъ!

Не могу, впрочемъ, не порадоваться, что для меня настанетъ открытый судъ: статья Ваша напечатается, по Вашимъ словамъ, въ другомъ журналѣ; тогда легко будетъ кому угодно сравнить подлинникъ съ тѣмъ, что́ помѣщено въ »Основѣ« и произнести свое мнѣніе: въ какой степени справедлива ваша претензія; слѣдовало ли редакціи, по принятому обычаю, выпустить изъ вашей статьи то́ именно, что́ выпущено, и дѣйствительно ли я позволилъ себѣ *извратить смыслъ нѣкоторыхъ вашихъ фразъ*.

Повторяя искреннее мое сожалѣніе о случившейся непріятности, душевно благодарю васъ, М. Г.,за краткое ваше сотрудничество, которое (могу васъ увѣрить) я не перестаю цѣнить и до настоящей минуты.

Редакторъ В. Бѣлозерскій.

М. А. Б—ѣ-К—му, въ Полтавѣ. Статья ваша о *машинной молотьбѣ* была уже набрана въ то время, когда получено ваше письмо. Редакція сожалѣетъ, что поставлена въ невозможность исполнить ваше желаніе.

Отвѣты редакціи на другія, полученныя ею, письма, будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ »Основы«, гдѣ также напечатаются и тѣ статьи и *вѣсти*, которыя, не смотря на все желаніе редакціи, не могли войти въ настоящую книжку.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

I.

Печатается общедоступная исторія Украины на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша. Она будетъ выходить выпусками, — каждый выпускъ съ самостоятельнымъ заглавіемъ. Въ непродолжительномъ времени появится первый выпускъ, подъ заглавіемъ *Хмельнйщина*, содержащій въ себѣ (въ видѣ введенія) краткую повѣсть о началѣ Руси, о развитіи въ Украинѣ гражданственности и козачества, а потомъ болѣе подробную повѣсть о десятилѣтней войнѣ Хмельницкаго и о внутреннемъ состояніи Украины въ этомъ періодѣ. Потомъ выйдетъ *Виговщина*, потомъ — *Бруховѣщина*, и т. д.

II.

Прочитавъ въ 9 № *Кіевскаго Телеграфа* письмо г. Шейковскаго о приготовляемомъ имъ для печати Южнорусскомъ Словарѣ, содержащемъ въ себѣ 35,000 словъ, я пріостановился съ печатаніемъ Словаря, о которомъ было объявленно въ 1-й книжкѣ *Основы*. Можетъ быть, Словарь г. Шейковскаго сдѣлаетъ мой трудъ излишнимъ; если же этого не случится, то, безъ сомнѣнія, онъ будетъ важнымъ для меня вспоможеніемъ при окончательной обработкѣ моего Словаря. Во всякомъ случаѣ, отъ души радуюсь предпріятію г. Шейковскаго и дружески привѣтствую его на новомъ для насъ обоихъ поприщѣ.

П. Кулишъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.

Вышелъ и продается первый выпускъ »Портретовъ Украинскихъ Писателей«, литографированныхъ въ Парижѣ извѣстнымъ художникомъ Мульероном, въ большомъ форматѣ. Въ этомъ первомъ выпускѣ три портрета: Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Т. Г. Шевченка. Цѣна за выпускъ — 2 р. 25 коп., съ пересылкой 3 рубля; каждый портретъ отдѣльно — 75 коп., съ пересылкою 1 р. 25 к. Иногородные адресуются къ издателю: Даніилу Семеновичу Каменецкому, въ С. Петербургѣ на Обуховскомъ проспектѣ, въ домѣ Котоминыхъ.

II.

Въ редакціи получено *десять* рублей изъ *Уфы*, въ пользу Полтавской Женской Гимназіи. По желанію жертвователя, объ имени его умалчивается. Деньги, вмѣстѣ съ симъ, отсылаются по назначенію.— Снова приглашаемъ къ благородному пожертвованію (см. 1-ю книжку »Основы«).

ПОПРАВКИ.

Въ 1-й и 2-й книжкахъ »Основы« слѣдуетъ исправить два мѣста: на стр. 135, строка 3-я снизу, въ 1-й книжкѣ: вмѣсто *Польской*, должно быть — *Псковской* и на стр. 132, строка 14-я сверху, во 2-й книжкѣ, пропущенъ переводъ латинской выписки изъ польскаго историка Коховскаго: »*На этомъ сеймѣ да образуется и утвердится вѣчный миръ, связь и крѣпкій союзъ единства съ государемъ и Московскимъ народомъ, происходящимъ съ нами изъ единаго источника крови Славянской, по религіи, языку и по нравамъ мало отличающимся отъ насъ, на посрамленіе завистникамъ общеславянскаго имени.*«

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВО 2-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Письмо къ редактору (*).

Въ приложенномъ вами, къ 1–й книжкѣ «Основы», *Объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ*, нѣкоторыя слова объяснены невѣрно.

Въ *Объясненіи* вашего сотрудника, напримѣръ, читаемъ: »Поторо́ча — разбитная; встрепанная«, тогда какъ это, во–первыхъ, не прилагательное, а существительное имя, во–вторыхъ — *потороча* значитъ привидѣніе, пугало. Великороссіянинъ, руководясь напечатаннымъ у васъ переводомъ слова *потороча*, не пойметъ смысла слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни:

(*) Отвѣтъ.

Хотя мы не можемъ безусловно согласиться со всѣми замѣчаніями автора, но, признавая вполнѣ–заслуженный авторитетъ П. А. Кулиша въ знаніи южнорусскаго языка, считаемъ своимъ прямымъ долгомъ—выразить ему искреннюю благодарность за указаніе неизбѣжныхъ во всякомъ словарѣ недосмотровъ.

Программа Основы не обѣщала прилагать «Объясненія неудобопонятныхъ словъ»; мысль объ этомъ явилась при самомъ выходѣ 1–й книжки, и поспѣшность работы, естественно влекла за собой ошибки и неполноту; но эти недостатки—надѣемся — мало–по–малу исчезнутъ. При 1000 слишкомъ словахъ, объясненныхъ въ 1–й книжкѣ, замѣчено такъ немного ошибокъ, что нельзя не поблагодарить составителя «Объясненія» за этотъ полезный трудъ, облегчающій весьма многимъ чтеніе статей на южнорусскомъ языкѣ. Слѣдуетъ помнить, что объясненіе значенія словъ ограничено тѣмъ объемомъ, въ какомъ они употреблены въ сочиненіяхъ, помѣщаемыхъ въ «Основѣ»; поэтому нѣкоторыя изъ 15 замѣчаній П. А. Кулиша должны относиться къ авторамъ, а не къ «Объясненію».

Сни́лась мені, моя́ ма́ти,
Поторо́ча у–ночі.
Въ поторо́чи чо́рні о́чи
И мушке́тъ на плечі (1).

Слово замути́тьця переведено синонимомъ »взволноваться.« Какъ же великороссіянинъ пойметъ слѣдующее мѣсто въ народной пѣснѣ:

Чи се та́я вдова́ живе́,
Що на ріжку́ ха́та?
Хоро́шую дочку́ ма́е,
Сама́ не бага́та.
Хо́дить коза́къ по у́лиці,
Нічимъ замути́тьця.
Ой одчини́, стара́ ма́ти,
Дай води́ напи́тьця.

Очевидно для каждаго, что замути́тьця значитъ—найти предлогъ, чтобы остановиться за–чѣмъ–нибудь, чтобы поговорить, чтобы остаться, и т. п. (2)

Вклепа́тись переведено, въ *Объясненіи*, не совсѣмъ объяснительнымъ способомъ, а именно: »наладить на одно, броситься на что–нибудь.« Прошу читателя понять послѣ этого слѣдующій народный разсказъ:

»Разъ ходи́въ изъ ба́тькомъ у Січъ изъ горілкою мій рідний дя́дько. Отъ и пита́ютця (Запоро́зці): »Що́ се, Дми́тре, съ тобо́ю?«— »Та се, ка́же, мій шу́ринъ, мо́еі жінки братъ.«—»Якъ ёго́ зову́ть?« — »Хома́.« — »Не вклепа́лись же, ка́же, й ви, що ёму́ таке́ имя́ дали́: вінъ на Хому́ й похо́дивъ, дия́волівъ синъ!«

---

(1) Значеніе слова поторо́ча не объясняется одною приведенною вами пѣсней. Сколько намъ ни удавалось слышать объясненій, ни одно не опредѣляло значенія этого слова съ точностію, хотя, правда, всѣ опредѣленія болѣе или менѣе близки къ вашему; напр. чучело, чудище, идіотъ, идіотка. Составителю «Объясненія» случилось слышать—если онъ не ошибся—слово поторо́ча въ видѣ прилагательнаго, и потому онъ перевелъ его — разбитная; растрёпанная (встрёпанная—напечатано по ошибкѣ). Онъ продолжаетъ думать, что поторо́ча есть женскій родъ отъ слова: поторо́чий.

(2) Это слово вошло въ «Объясненіе» изъ «Трёхъ Доль», гдѣ оно находится въ слѣдующемъ выраженіи: «Инші вишу́кують того́ коха̀ння та̀къ, аби замути́тьця». Переводъ, слѣдовательно, вѣренъ—какъ этому мѣсту, такъ и первоначальному значенію слова.

Въ Академическомъ Словарѣ находится вполнѣ удовлетворительное истолкованіе слова, именно вотъ какое. »1) Ошибкою принимать неизвѣстное лице за извѣстное. *Вклепаться въ чужаго человѣка.* 2) Признать чужую вещь за свою. *Незнакомецъ вклепался въ мою шляпу.*« ([3])

Габа́, по мнѣнію составителя Объясненія, значитъ »нарча.« Еслибъ мы этому повѣрили, то не поняли бы стиховъ Шевченка:

А на́ймичці на очіпокъ
Пар̀чи́ золото́і
И черво́ну до́бру ху́стку
Зъ білою габо́ю (*).

Непонятны также будутъ и стихи извѣстной народной думы:

Ой изъ го́рода изъ Трапезо́нта виступа́ла гале́ра,
Трёма́ цвіта́ми процвіта́на–малёва́на:
Ой пе́рвимъ цвітомъ процвіта́на —
Злотоси́німи кіндяка́ми побива́на,
А дру́гимъ цвітомъ процвіта́на —
Гарма́тами арештова́на,
Тре́тімъ цвітомъ процвіта́на —
Туре́цькою білою габо́ю покрове́на.

И далѣе:

Тогді: злотоси́ні кіндяки́—на козаки́,
Златогла́ви—на ота́ма́ни,
Туре́цькую білую габу́ — на козаки́ на біляки....

([3]) Вы признаете недостаточнымъ объясненіе этого слова (*наладить на одно, наброситься на что*) и представляете, вмѣсто того, изъ словаря Русской Академіи другое значеніе такого же великорусскаго слова (вклепаться). Словарь Академіи весьма полезенъ для соображеній, но его объясненія ни какъ не могутъ служить замѣной для сходныхъ словъ нашего языка. Доказательство на лицо: какъ приложить вашъ переводъ южнорусской вклепа́тись — къ слѣдующему мѣсту виршей Климентія — о богомазахъ:

....Жа́дный на ико́нахъ іхъ не́машъ озло́би
И мала́рской тежъ якой-ко́лвекъ подо́би...
Але отню́дь вклепа̀тись въ тое рукоді́лля
И вели́кое тежъ за нихъ на світі безді́лля.

Здѣсь слово — вклепа̀тись — значитъ втянуться, ухватиться, вязаться, что̀ вовсе не такъ далеко отъ объясненія: *наладить на одно.*

(*) *Кобза́рь*, стр. 121.

*

Въ Академическомъ Словарѣ слово габа́ объяснено согласно со стихами Шевченка и народными думами, а именно: «Габа́ то́ же что́ аба́. Въ Русскихъ областяхъ, сопредѣльныхъ Турціи: 1) толстое бѣлое сукно; 2) родъ плаща или епанчи, сшитой изъ абы.» (4)

Дідуга́нъ у составителя Объясненія значитъ «глубокій старикъ,» тогда какъ въ устахъ народа это слово означаетъ—здоровенный старикъ и употребляется для выраженія нѣкотораго неуваженія, все равно какъ и стариганъ. (5)

Костирь у него переведено »токарь«, тогда какъ это значитъ игрокъ въ кости. Объясненіе этого слова онъ могъ бы найти на 230 стр. *Основы*, гдѣ Климентій описываетъ въ стихахъ судьбу костырей. Тамъ же, на стр. 225, онъ описываетъ занятія токаря, какъ будто въ доказательство, что ни въ какомъ случаѣ токарь костыремъ не называется. Въ *Южнорусскихъ Лѣтописяхъ*, изданныхъ Н. М. Бѣлозерскимъ, на стр. 152, проповѣдникъ XVII вѣка, упрекая козаковъ въ развратѣ и вычисляя распутныхъ людей, говоритъ: «окрутные пьяницы, костырове, картницы... и всякіе беззаконницы.» По объясненію Академическаго Словаря, костырь тоже—игрокъ въ кости, зернщикъ. (6)

Криниця переведено у составителя Объясненія «колодезь безъ сруба», тогда какъ это значитъ природный водоемъ съ родникомъ.

---

(4) Габа — толстое бѣлое сукно. Такое значеніе придаетъ этому слову и М. А. Максимовичъ, но отнюдь не Шевченко, въ приведенныхъ вами стихахъ; по крайней-мѣрѣ мнѣ совершенно не ясно, какъ можно соединить съ червоною хусткою толстое бѣлое сукно. — У М. Вовчка, фраза, въ которой встрѣчается слово — габа, — одинакова съ Шевченковою: «хустка съ золотими квітами, съ золотою габою.» Это показываетъ, что, по словарямъ, габа—имѣетъ одно значеніе, а въ живомъ народномъ языкѣ—изъ котораго, вѣроятно, позаимствовано оно нашими поэтами — другое. Что именно вѣрнѣе—это можно узнать только изъ сравненія нѣсколькихъ примѣровъ употребленія слова въ народѣ.

(5) Едва ли дідуганъ употребляется въ неуважительномъ смыслѣ.—Это слово дѣйствительно означаетъ и здороваго, сильнаго старика, но не исключаетъ понятія о *глубокой* старости, такъ, въ извѣстной шуточной пѣснѣ, говорится:

А ти, старий дідуга(нъ),
Изогнувся якъ дуга,

(6) Переводъ слова Костирь, напечатанный въ «Объясненіи», есть совершенно случайная, незамѣченная, описка: слово Костирь—удобопонятно и общеизвѣстно.

Уничтожьте въ колодезѣ срубъ — народъ не будетъ называть его криницею. Оправьте криницу въ срубъ—народъ не станетъ называть ее колодземъ. (7)

Шу́рхнуть у него »зашелестѣть.» По этому, выраженіе шурхну́въ пі́дъ лі́дъ слѣдуетъ переводить »зашелестѣлъ подъ ледъ;» шурхну́въ у снігъ — »зашелестѣлъ въ снѣгъ.« Въ Наро́дніхъ Оповіданняхъ Марка Вовчка (стр. 72) выраженіе: такъ и шурхну́въ у я́му, по Объясненію вашего сотрудника, слѣдуетъ переводить: »такъ и зашелестѣлъ въ яму.« (8)

Навіда́ти у него значитъ »навѣстить.« Мы такого слова не знаемъ. Великорусскому *навѣстить* соотвѣтствуетъ у насъ одві-дати.

Вона́ въ ме́не не обі́дала,
Тільки мене́ та одві́дала.

А навідати (съ ударе́ніемъ на *і*, а не на *а*) значитъ у насъ не навѣстить, а открыть, узнать:

Навідала куб'е́лечко
Де у́тка несе́тця:
Перечу́ла черезъ лю́де —
Леда́що сміе́тця. (9)

По́стать у него »видъ, фигура;« но это переводъ польскаго сло-

---

(7) Крини́ця. Дѣйствительно, криниці бываютъ и со срубомъ, но сдѣланный вами переводъ криниці также не точенъ. (Сравни: Москале́ва Крини́ця). *Природный водоемъ съ родникомъ* соотвѣтствуетъ нашимъ словамъ: крини́чина и [крини́човина.

(8) Шу́рхнуть — въ «Объясненіи» зашелестѣть. Обвиняя составителя, вы сами не перево́дите этого слова,—вѣроятно потому, что переводить звукоподражательныя слова—вообще весьма трудно. Но еслибъ вы и рѣшились перевести слово шурхнуть, то едвали бы не сошлись съ составителемъ «Объясненія». Итакъ, онъ остается при своемъ.

(9) Навідати — навѣстить.

«Та я хочу ще Чайчиху навідати». (Три Долі, стр. 46). «Мы такого слова не знаемъ», говорите вы. Да развѣ можетъ быть человѣкъ, знающій всѣ слова? Другое значеніе слова — навідати, — указанное вами въ пѣснѣ, есть собственное его значеніе, которому соотвѣтствуетъ синонимъ—назна́ть. Это ничуть не мѣшаетъ слову—навідати — имѣть еще переносный смыслъ (навѣстить). Сомнѣваться въ этомъ такъ же трудно, какъ въ томъ, что дя́дькомъ можетъ называться и москаль, вовсе не состоящій въ родствѣ съ своимъ небо́жемъ.

ва postaç. Въ украинскомъ языкѣ по́стать означаетъ полосу на нивѣ, занятую жнецами. Если мы подъ словомъ по́стать будемъ разумѣть видъ, фигуру, то для насъ непонятны будутъ слѣдующіе стихи народной пѣсни:

Пійдемъ, ма́мо, въ по́ле
Зеле́ного жи́та жа́ти,
Да за́ймемъ широ́кую по́стать —
Ні съ кимъ розмовля́ти.

Такъ же и эти:

Жа́ла жи́то *під по́статтю* —
Ко́лосъ похили́вся...

И эти:

Ой два сини́ о́ре,
Чоти́рі моло́тять,
А двана́дцять до́чокъ
За по́стать захо́дять. (10)

Постоли́ у составителя «Объясненія» «кожаныя(е) лапти.» Отчего жъ и не изъ лыкъ также? По Объясненію, авторъ народной думы сдѣлалъ ошибку въ слѣдующемъ стихѣ:

А ще, пра́вда, на козако́ві постоли́ вязо́ві. (11)

---

(10) По̀стать—по «Объясненію»—видъ, фигура. Вы говорите, «въ Украинскомъ языкѣ по́стать означаетъ полосу на нивѣ, занятую жнецами». Это значеніе записано и въ примѣчаніи къ одной изъ пѣсень, вошедшихъ въ сборникъ Метлинскаго. Но оно имѣетъ еще и другое значеніе, въ какомъ и употреблено въ «Трёхъ Доляхъ». Что, напр., значитъ: «пі д ъ по̀статтю?»

(11) Прямое значеніе п о с т о л о̀ в ъ есть именно кожаные лапти. Лапти изъ лыкъ называются л и ч а к а̀ м и. Одно легко можетъ употребляться вмѣсто другого; но это нисколько не мѣшаетъ показывать различіе п о с т о л о в ъ отъ личаковъ въ Словарѣ—когда и народъ ихъ ясно отличаетъ, напримѣръ — въ слѣдующей шуточной пѣснѣ:

У місте́чку Берестéчку де́сять куръ,
А деся́та чуба́тая, ще й каплу́нъ.
А по̀стíлъ личака̀ да й попережа̀е:
Ой коли ти постíлъ, то изъ-за̀ду постíй,
Ой коли́ ти лича̀къ, то попе́реду—го́пъ-цакъ!

Въ приведенномъ вами примѣрѣ мы видимъ только подтвержденіе различія: «А ще, пра̀вда, на козако́ві постоли́ вязо́ві»: «По Объясненію, говорите вы, «авторъ народной думы сдѣлалъ ошибку въ этомъ стихѣ». Мнѣ кажется ошибаетесь вы, а не «Объясненіе». Этотъ стихъ, какъ и другіе, рядомъ съ

Сповито́чокъ у него »пеленки.« Судя по этому, онъ могъ бы сказать нянькѣ-Украинкѣ: ви́пери сповито́чокъ. У насъ это слово употребляется только въ косвенномъ падежѣ и означаетъ не вещь, а состояніе, періодъ дѣтства: дити́на въ сповитку́, или въ сповито́чку. А вотъ и въ пѣснѣ это слово:

Де ти, си́нку, хо́дишъ,
Що́ ти, си́нку, ро́бишъ?
Жалку́ютця молоди́ці,
Що ти шко́ду ро́бишъ.
— И бу́ду ходи́ти, и бу́ду роби́ти:
Було́ мене́, моя́ ма́ти,
Въ сімъ годъ ожени́ти.
— Ой коли́ бъ я зна́ла
Таку́ одвіто́чку,
То бъ я тебе́ оженила
Ищо́ въ сповиточку.

»Пелёнки« же у насъ — пелюшки́, а не сповито́чокъ; а то, чѣмъ сповиваютъ, у насъ—сповива́чъ. (12)

Точи́тись составитель Объясненія переводитъ словами: «едва тянуться.» Поэтому, фразу: Куди́ ти, опія́ко, то́чисся? великороссіянинъ долженъ переводить словами: «куда ты, пьяница, едва тянешься?» Въ разсказѣ Квітки о солдатскомъ портретѣ мудрено, съ этимъ Объясненіемъ, понять слѣдующее мѣсто: «вінъ и поста́вивъ той патре́тъ на само́му я́рмарку и попідпира́въ.... щобъ яки́й пъя́ний, якъ пото́читця, або́ свиня́, звича́йно хо́дячи по база́рю, якъ прийде чу́хатись до ёго, то щобъ не звали́ли.» Озадачитъ оно читателя также и въ этомъ мѣстѣ Повісте́й Квітки: «Тимо́ха, якъ ні пъяни́й бувъ, а росчу́хавъ, що вінъ передъ вели́кимъ лице́мъ, ставъ бодри́тись, виправля́тись, мовъ и спра́жній салда́тъ, та якъ

нимъ стоящіе въ думѣ, пародируютъ бѣдный, жалкій, нарядъ козака, и постолами названы здѣсь—иронически—личаки́.

(12) Сповитòчокъ — переведено въ «Объясненіи» пеленки, — по вашему мнѣнію—неправильно. И въ этомъ случаѣ, вы едва-ли правы. Сповитòкъ—дѣйствительно—пеленки; въ отличіе отъ пелюшòкъ, сповитокъ значитъ пеленки въ сповивкѣ, т. е. когда ими повито дитя.—Вы утверждаете, что въ-сповитку употребляется лишь въ переносномъ значеніи,—

вúтягнетця, гóлову захúлить, голова́ ёму́ закру́титця, то вінъ такъ и тóчитця.» (Т. II, стр. 257). ([13])

Чýчверіти у него «изжива́ться, пропадать, сбиваться въ комки.» Поэтому фразу: дити́на въ нерíдної ма́тері чýчверіе, слѣдуетъ переводить: «ребенокъ у чужой матери изживается», или: «ребенокъ у чужой матери пропадаетъ», или же, наконецъ: «ребенокъ у чужой матери сбивается въ комки.» Между тѣмъ прямой синонимъ нашему слову чýчверіти—великорусское корявѣть, когда это слово относится къ человѣку. ([14])

Шапова́лъ у него «шапочникъ (производитель шерстяныхъ шапокъ).» На 222 стр. *Основы* находится полное опредѣленіе шаповала и того, что̀ онъ производитъ. Главное занятіе шапова́ла состоитъ въ перебиваньѣ шерсти посредствомъ сотрясенья тетивы; по этому и переводить это слово слѣдуетъ синонимомъ шерстобой. Шаповалы до сихъ поръ еще въ Украинѣ, какъ во времена Климентія, ремесленники странствующіе. Когда шаповалъ приходитъ къ сельскому хозяину, то вовсе не для того, чтобы свалять ему шапку, одѣяло, или полсть, а именно для того, чтобы перебить снятую съ овецъ шерсть, которая, безъ его обработки, не годна ни къ какому употребленію. Войлочные же шапки и проч. онъ дѣлаетъ у себя дома, въ досужее время. Шапки, выдѣлываемыя шаповалами, составляютъ такую незначительную часть ихъ ремесла, что Климентій, исчисливъ все, что́ они выдѣлываютъ, о шапкахъ даже и не упоминаетъ; напротивъ, на битьѣ шерсти основываетъ главный заработокъ шаповала.

смыслѣ періода дѣтства. Но развѣ въ этомъ переносномъ значеніи не говорится, и по великорусски, о пеленкахъ? И сповитокъ и пелёнки могутъ имѣть переносное значеніе — не періода дѣтства вообще, — а младенчества — перваго, нѣжнаго періода дѣтства.

([13]) Точúтись. «Въ Объясненіи, слово точúтись переведено—едва тянуться» и вы находите это невѣрнымъ. Дѣйствительно, въ приведенномъ вами отрывкѣ изъ Основьяненка, — точúтись слѣдовало бы перевести—идти не твердо, пошатываясь; но въ «Трёхъ Доляхъ» точúтись говорится о времени; какъ же лучше перевести по вашему?

([14]) Чýчверіти—«У составителя, — (говорите вы)» изживаться, пропадать, сбиваться въ комки. «У него и у всѣхъ,—смотря по тому, къ какому предмету относится. Конечно, нельзя сказать, что у дурной матери ребенокъ сбивается въ комки; но пропадаетъ, и изживается — можно. Говоря это, я нисколько невозражаю противъ вашего перевода словомъ корявѣть, какъ болѣе короткаго и близкаго къ слову чýчверіти.

А пришéдъ до людéй стáнетъ робóти питать.
Якъ знáйдетъ дóбрую робóту въ дóбромъ мiстi,
Ажъ зáразъ зарóбить золотúхъ сто або двiсти.

Есть даже пѣсенка, показывающая, въ чемъ собственно состоитъ ремесло шаповала. Она начинается стихомъ:

Бру(и)нь, бру(и)нь, шаповáлъ! ([15])

Объясненiе вашего неизвѣстнаго сотрудника занимаетъ всего 12 страницъ, и смотрите, сколько грубыхъ ошибокъ! ([16])

Позвольте надѣяться, что замѣчанiя мои примутся вами не иначе, какъ въ смыслѣ охраненiя нашего языка отъ произвольныхъ толкованiй и искаженiй.

П. Кулишъ.

21-го января 1861.
С.-Петербургъ.

([15]) Объясненiе слова Шаповàлъ — не ошибка: шерстобитъ есть также и производитель шерстяныхъ шапокъ, какъ и другихъ подобныхъ работъ. У Климентiя, о шаповалахъ сказано:

«Шаповалъ всякие всiмъ вигоди творитъ,
Кгдижъ розние потреби людемъ завше робитъ;
Якъ-то: мужикамъ плететъ р у к а в и ц и,
И л я м ц и вивалюетъ, що нóсятъ молодици,
И еще и о п а н ч у можетъ издобити,
И к е ц у найбольшихъ можетъ устроити;
А если часомъ зхочетъ и зпочити трохи,
То тогда безпрестанно все вяжетъ п а н ч о х и.
А впьятъ якъ п о ч н е т ъ вовну п е р е б и в а т и,
Т о з н а т ь – т о, у ж е х о ч е т ъ з ъ л у к о м ъ м а н д р о в а т и:

Этотъ отрывокъ показываетъ, что шеротобитье вовсе не главное занятiе шаповала.

([16]) На этихъ 12 страницахъ мелкаго шрифта, въ два столбца, больше 1000 словъ. Если изъ 15 признанныхъ вами ошибокъ исключить сомнительныя и независѣвшiя отъ составителя, то *грубыхъ* ошибокъ окажется, напротивъ очень мало. *Ред.*

Аби́-то — лишь бы, что-нибудь или какъ-нибудь.
А́жъ — ажно, даже.
Але́ — но.
Ані — ни.
Арештова́ти — уставить въ рядъ.

Багно́ — болото.
Бажа́ти—сильно желать, хотѣть.
Базіка́ти—болтать, толковать.
Ба́лка — большой естественный оврагъ.
Банькй́ — (въ переносномъ смыслѣ) глаза.
Бари́ло—боченокъ.
Басува́ти—гордо выступать.
Батігъ—род.—ога́—кнутъ, плеть.
Ба́тьківъ,—ова,—ове—отцовскій.
Ба́тько—отецъ.
Ба́чити—видѣть.
Бачъ—вишь ты.
Ба́шта—башня; бастіонъ.
Бенкетува́ти—пировать.
Бе́нкетъ—пиръ.
Безглу́здній—безтолковый, безмозглый.
Безголо́вья—бѣдствіе, несчастіе.
Безпе́шно—безопасно.
Били́ця—быль.
Битт́я—драка.
Бичува́тися—припрягать другія пары воловъ въ томъ случаѣ, когда одна не двинетъ воза.
Бідола́шний—горемыка.
Бідува́ти—бѣдствовать.
Білогли́няний—гипсовый.
Білшъ—болѣ.
Біля́—подлѣ, возлѣ.
Біля́къ—бѣлой масти; одѣтый въ бѣлое.
Бісівъ,—сова,—ве—чортовъ, бѣсовскій.
Блаки́тний—голубой.
Блиску́чий—блестящій.
Блища́ти—блестѣть.
Блука́ти—бродить безъ цѣли, безъ сознанія.
Бо—потому-что.
Бо́вдуръ — (бран. слово) болванъ; верхъ дымовой трубы.
Бовть! — выражается звукъ сильно всплеснутой воды.
Боляче́—больно.
Боля́чка—вередъ.
Бо́ндарь—бочаръ.
Бо́язно—страшно.
Бра!—(зват. падежъ сокращ.) братъ.
Бридки́й—отвратительный.
Бридня́—вздоръ, пустяки.
Брика́ти—лягать.
Бриль—круглая шляпа съ полями (соломенная и поярковая).
Брівки—(ум.) брови.
Брівоньки—(ум.) брови.
Брунь—выражаетъ звукъ бренчащей струны.
Бря!—см. бра.
Бря́знути — брякнуть, зазвенѣть; упасть съ шумомъ.
Бува́лець—бывалый человѣкъ.
Бува́льщина—быль.
Бу́день — будній, непраздничный день.
Будо́ва—сооруженіе, постройка.
Будува́ти—сооружать, строить.
Бугай—невыкладенный быкъ; птица выпь.
Бу́льбашка—водяной пузырь.
Буру́лька—сосулька и т. п. Моско́вська бурулька—шишъ.
Буханéць—родъ пшеничныхъ или гречневыхъ ковригъ, булочекъ.
Бу́цімъ—точно, словно.

Ва́бити—привлекать, манить.
Ва́да—вредъ.
Важки́й—тяжелый.
Варе́ники—родъ вареныхъ пирожковъ.
Вбива́тися по кому—сильно горевать о комъ-нибудь.
Вби́тись—убиться.
Вбо́гий—бѣдный, убогій.
Вгавъ—остановка.
Вгамова́тися — утишиться, успокоиться.
Вдержати—удержать; выдержать.
Вдіяти—сдѣлать, произвесть.
Вдовиче́нко—вдовій сынъ.
Вдовівна—вдовья дочь.
Великолюде—исполины.
Величе́нно—великолѣпно.
Вели́къ-день—свѣтлый праздникъ Воскресенія.
Величе́зний—(увелич. форма отъ вели́кий) огромный, большущій.
Верболо́зъ — родъ кустистой ивы, средней между вербой и лозой.
Верзти́ся—грезиться.
Верну́тися — воротиться, возвратиться.
Верховодити—заправлять, предводительствовать.

Ве́штатися—шляться, шаваться.
Вече́ря—ужинъ.
Вечорни́ці—родъ вечернихъ посидѣлокъ.
Вже—уже, ужъ.
Вздовжъ—вдоль.
Вибри́кувати—прыгать (какъ рогатый скотъ).
Ви́дрочитись—перебѣситься, какъ скотъ лѣтомъ, когда его кусаютъ насѣкомыя.
Ви́бачити—извинить.
Виверта́ти—выворачивать.
Вигляда́ти—выглядывать, высматривать, ожидать чьего-либо прихода.
Ви́голитись—выбриться.
Виграва́ти—выигрывать, играть.
Ви́дко—свѣтло; видно, замѣтно, виднѣется.
Ви́здихати—всѣмъ издохнуть.
Ви́кохати—взлелеять, воспитать.
Ви́кресати вогню́—вырубить огня.
Викрута́сомъ—вертясь.
Ви́лаяти—выбранить.
Ви́лупити баньки́ — вытаращить глаза.
Ви́ненъ—виновный.
Ви́нниця—винокурня, винный заводъ.
Випина́тися—вытягиваться, тянуться кому на-что или куда, ломаться.
Ви́пасти—выкормить.
Ви́ховати—позапрятать.
Ви́рнути—вынырнуть.
Виробля́ти—выдѣлывать.
Ви́рятувати—спасти.
Височе́нний—(увелич.) очень высокій.
Ви́тягти—вынуть, извлечь.
Ви́хилити—выпить (шуточн)
Вихиля́сомъ—извиваясь, выгибаясь (въ танцахъ, походкѣ).
Ви́ходити—исходить.
Ви́хопитись—выхватиться.
Вища́ти—визжать.
В'и́явити—обнаружить.
Ві́шне—вѣчно.
Відда́ти—отдать; возвратить.
Віде́рце—(уменш.) ведро́.
Відроби́ти—отработать.
Відсіль—отсюда, отселѣ.
Відтіль, ля́—оттуда, оттолѣ.
Віжечки́—(уменьш.) возжи.
Війтъ—войтъ.
Вікъ—вѣкъ; вся жизнь.
Вільха—ольха.
Вінъ, вона́, воно́—онъ, она, оно.
Віршома́зъ—стихоплетъ.
Віта—вѣтвь.
Віхоть—вѣникъ, употребляемый при мытьѣ половъ.
Вічъ-на-вічъ—глазъ на глазъ.
Віщо—см. За віщо.
Вкла́стися—уложиться.
Вме́рти—умереть.
Вмі́ти—умѣть.
Вла́сний—свой собственный.
Вобга́ти—вмѣстить, вдвинуть.
Вовкула́ка—волкъ-оборотень.
Вовту́зитись—возиться около чего, съ чѣмъ-нибудь.
Воло́сся—волосы.
Ворка́—ворчанье.
Ворко́тя—ворчунъ.
Воро́жка—ворожея.
Впа́ртий—упрямый, упорный.
Вподо́ба—вкусъ, по душѣ.
Вро́да—красота.
Всю́ди—вездѣ, повсюду.
Втере́бити—втащить.
Вте́рти—утереть; смолоть.
Втікъ—убѣжалъ, ушелъ.
Втявъ (прош. отъ втя́ти) — выполнилъ, сдѣлалъ.
Втішний — доставляющій удовольствіе, забаву, развлеченіе.
Втнуть—хватить, отрѣзать; понять.
Втоми́ти—произвесть усталость.
Втра́пити—потрафить.
Ву́хо—ухо.
Вчи́ти,—ся—учить,—ся.
Въ-двохъ—вдвоемъ.
Въ-ночі—ночью.
Въ-осени́—осенью.
Вья́зи—мѣсто сочлененія шеи съ головою.

Gergота́ти—гоготать; болтать.
Gре́чий—хорошій.
Gу́лий—(о рогатомъ скотѣ) безрогій.
Га́вкати—лаять.
Гавъ!—выражается лай собаки.
Га́дка—дума, забота.
Гайвороння́ (собир.)—грачи.
Гакъ—крючокъ.
Гала́нці—узкіе штаны.
Га́ласъ—сильный крикъ (многихъ голосовъ).
Га̀лічъ—(собират.) множество галокъ.
Гамане́ць—небольшой кожаный кошелекъ.
Ганя́ти—гонять, быстро бѣгать.
Гапли́къ—крючокъ для застегиванія платья.
Гара̀зденько—хорошенько.
Гара́пникъ—арапникъ.
Гарма́та—пушка.
Гарми́деръ—безпорядокъ, суматоха.
Гарне́нько—хорошенько.
Га́рний—хорошій.
Гарча́ти—ворчать (о собакѣ).

Гаса́ти—шибко бѣгать.
Га́сло—сигналъ, знакъ, символъ, лозунгъ.
Га́спедській—дьявольскій.
Гачо́къ—крючечекъ.
Гвалтъ—крикъ, тревога.
Гвіздо́къ—гвоздь.
Ге́монський—демонскій.
Генъ—вонъ тамъ.
Ге́пнути—шлепнуть, ся.
Геть—прочь! въ-отдаленіи.
Геть-ге́ть—далеко.
Ги́лка, или
Гілка—вѣтвь; дубинка.
Ги́ря—плѣшивая голова.
Ги́рявий—плѣшивый, безволосый.
Гілля́—(собир.) вѣтви.
Гладки́й—толстый, жирный.
Глазе́тъ—родъ матеріи.
Гли́боко—глубоко.
Гли́бшенько — нѣсколько глубже, поглубже.
Глуздъ—толкъ, смыслъ.
Глузува́ти—издѣваться.
Глумъ—издѣвка, глумленіе, посмѣяніе.
Гля́нути—взглянуть.
Гомоні́ти—говорить, бесѣдовать.
Горожа́нность — гражданственность.
Годи́на—часъ, небольшой промежутокъ времени; время; погода.
Годовичо́къ—однолѣтокъ.
Годува́ти—кормить, питать.
Годя́щий—годный.
Голи́ти—брить.
Голо́бля—оглобля.
Гопцюва́ти—плясать гопака.
Гори́цвітъ—(раст.) адонисъ (Adonis vernalis).
Господа́рь—хозяинъ.
Готува́тися—готовиться.
Гопа́къ — танецъ въ присядку съ прыжками.
Грабува̀ти—грабить.
Гра́ти—играть.
Гривня́ка—(увелич.) мѣдная монета въ 10 копѣекъ; 10 копѣекъ.
Гринджо́ла—особаго устройства сани для перевозки тяжестей.
Грошеня́та—деньжонки.
Гро́шики—денежки.
Гро́ші—деньги.
Гру́ба—родъ голландской печки.
Гру́знути—вязнуть въ тинѣ и т. п.
Гукну́ти—закричать.
Гульвіса—повѣса.
Гу́лькнути—быстро и нечаянно пойтьcя.
Гу́лькъ!—глядь; шасть.
Гуртови́й—сдѣланный общими силами.
Гурто́мъ—общими сила́ми; заурядъ.
Гуртъ—большое стадо рогатаго скота.
Густи́й—частый.
Густі́ше—чаще.
Гущиня́—чаща; гуща.

Давнина́—давность, давнее произшествіе.
Дазь-бі—Богъ-дастъ; нѣтъ.
Дальшъ—далѣ.
Дарма́!—нужды нѣтъ.
Дба́ти—стараться; пріобрѣтать.
Дві́чі—дважды.
Де́йко!—ну-ко...
Де́-коли—кой-когда, иногда.
Де́-який—нѣкоторый.
Де́рга — родъ женскаго нижняго платья изъ самой грубой матеріи.
Джерело́—родникъ.
Дзо́га—юла̀.
Дзвіни́ця—колокольня.
Дзвінка—масть бубны (въ картахъ).
Дзе́ркало—зеркало.
Дзи́га—юла, волчекъ.
Дима́рь—дымовая труба.
Дівонька—(ум. ласк.) дѣвушка.
Дівча́тка—дѣвочки.
Дівчи́нонька—(ум. ласк.) дѣвушка.
Діду́сь—(ум. ласк.) старичекъ, дѣдушка.
Діжа́—квашня́.
Дійшло́—дошло.
Дітвора́—(собират.) дѣти.
Діяти—дѣлать, творить.
До-ладу́—какъ слѣдуетъ.
До-півъ—полу, въ половину.
До—къ.
До́бре—хорошо.
До́бренько—хорошо!
Доводи́тьця—случаться; дойти до чего.
Догляда́ти—присматривать, беречь.
До́глядъ—надзоръ, попеченіе.
До-гу́рту—въ общество, въ компанію.
Дода́ти—прибавить.
Допекти́—допечь, сильно насолить, надоѣсть.
Допрова́дити — донести, донести, дотащить, доставить къ извѣстному мѣсту.
До́сі—до сего времени, доселѣ.
До́світокъ — время передъ разсвѣтомъ, и посидѣлки, въ это время, зимою.
Доте́па—умѣнье; дока.
До-снаги́ — до пресыщенія; до послѣдней возможности.

До-хріна—очень много (шуточн.).
Дошкуля́ти — допимать (объ ударахъ).
До-шми́ги — въ ладъ, дѣльно.
Дрига́ти—болтать ногами.
Дригъ!—выражается быстрое движеніе ногою.
Дріпло —дрянь, оборвышъ.
Дрібне́нький—мелкій.
Дружко́—шаферъ (на свадьбѣ).
Друзя́ка—(увел.) другъ, дружище.
Дрюка́рня—типографія.
Дрючи́на—дубина.
Дрючо́къ—дубина, шестъ, большая палка.
Ду́ба да́ти—умереть, околѣть.
Ду́же—сильно, очень.
Ду́ля—родъ продолговатыхъ грушъ; шишъ, кукишъ.
Ду́мка—мысль, намѣреніе.
Дурне́нький—глупенькій.
Дурни́ця—глупость, пустяки́.
Ду́шно—жарко.
Дя́ка—благодарность.
Дя́кувати—благодарить.
Дякъ—дьячекъ.

Жалкува́тися—жаловаться, сѣтовать.
Жа́ловати—жалѣть.
Жартува́ти—шутить (играть словами).
Жаха́тися—пугаться.
Живі́тъ—брюхо (у человѣка) жизнь.
Живо́ти—множ. отъ живі́тъ брюхо;—имущество.
Живу́ща вода́—живительная, оживляющая вода.
Жидю́га—увелич. отъ жидъ.
Жижки́—мускулы ноги подъ колѣнами сзади, подколѣнки.
Житло́—жилище.
Жи́то—рожь.
Жінка—женщина; жена.
Жнива́—жатва.
Жупани́на—(ум. отъ жупанъ-родъ кафтана) кафтанишко.

Забороня́ти — запретить, недопустить.
Забря́кати—зазвенѣть.
Забутокъ—забытый остатокъ.
Завбільшки—величиной.
Завздо́вжки—длиною.
За віщо?—за что?
Завзя́тий—бѣдовый; упорный; горячій.
Заволочи́ти—пройти борно́ною.
Зага́вкати—залаять.
Зага́рбати—забрать, захватить.
За́годя—заблаговременно.
Загуби́ти—потерять; погубить.
Загука́ти—закричать; вскрикнуть.
Задри́гати—заболтать ногами.
За́здріти—завидѣть.
Зазирну́ти—посмотрѣть, взглянуть (внутрь).
Заїма́ти—затрогивать; захватывать.
Заквили́ти—завыть, заголосить (о животныхъ).
Закля́кнути—окоченѣть.
Закоха́ний—влюбленный.
Закриви́тися — загнуться; заворотиться.
Закрути́ти—завертѣть.
Закрути́тись—закружиться, завертѣться.
Закуня́ти—задремать.
Залиця́ння—заискиванье у женщины любви, благосклонности.
Залізний—желѣзный.
Залоскота́ти—защекотать.
Замика́ти—запирать.
Замордува́ти—замучить.
Занеха́яти—оставить безъ присмотру, пренебречь.
Зануди́ти—затошнить; затосковать.
Запали́тись—загорѣться.
Запа́ска—родъ передника.
Запискоті́ти—запищать.
Запіка́нка—водка, заправленная и настоянная въ горячемъ мѣстѣ.
Запровто́рити—забросить, запрятать.
Запропасти́ти—погубить.
Запха́ти—запихнуть.
Заробі́ти—заработать; заслужить.
Засвербіти—(безличн.) зачесаться.
Засі́къ—закромъ.
Засмути́тись—затосковать.
Заспоко́їти—успокоить.
За́тишокъ—мѣсто, защищенное отъ вѣтру и непогоды.
Зато́ка—заливъ.
Заторохті́ти—застучать.
Затупоті́ти—затопать.
Затурча́ти—затрещать языкомъ.
Захили́ти—загнуть.
Захи́рі́ти—захворать.
Захисти́ти—защитить.
За́хистъ—защита.
Захита́тись—зашататься.
Захова́тися—спрятаться; скрыться.
Захрі́пъ—захрапѣлъ.
Заціпило—отпяло языкъ.
Зача́ти—начать.
Зашко́дити—повредить.
Збігтися—сбѣжаться.
Збіра́тися—собираться.
Збреха́ти—солгать.
Збудува́ти—соорудить, построить.
Зваков а́ти—сдѣлать промахъ.

Звели́ти—приказать.
Звича́й—обычай.
Звича́йне-но—обыкновенно; обычно; прилично.
Звича́йний—вѣжливый.
Звича́йность—вѣжливость.
Звідти—оттуда.
Звідтіль—оттуда.
Звідціль—отсюда.
Звідъ—оцѣпъ у колодца.
Звінча́ти—обвѣнчать.
Звіря́—звѣренокъ, звѣрекъ.
Звіря́ка—увелич. отъ звіръ—звѣрь.
Зворуши́тись—зашевелиться.
Згада́ти—вспомнить.
Зга́яти—замедлить, промедлить.
Згоди́тись — пригодиться, согласиться.
Згоріти—сгорѣть.
Здава́тися—казаться; ссылаться на кого; полагаться.
Зда́лека—издали; изъ дальней стороны.
Здивува́ти—удивиться.
Здиха́тись — отдохнуть, вздохнуть свободнѣе.
Здихну́ти—вздохнуть.
Здрімати—уснуть немножко.
Здуріти—сойти съ ума.
Зеленцемъ—въ незрѣломъ видѣ.
Зісти—съѣсть.
Зиркъ—глядь!
Зирну́ти—быстро взглянуть.
Зібга́ти—скомкать, слѣпить.
Зійти́—сойти; взойти.
Зійти́ся—сойтись.
Зіно́вать — сильно укореняющееся степное растеніе.
Зіронька—звѣздочка.
Злама́ти—сломить.
Златогла́въ—названіе шелковой матеріи.
Злиде́нно—мизерно.
Зли́дні—крайняя бѣдность, нищета.
Злодія́ка—(увел. отъ зло́дій) воръ.
Зляка́тись—испугаться.
Зме́рзнути—озябнуть, замерзнуть.
Змизерніти — сдѣлаться хилымъ, ничтожнымъ.
Змурова́ти — выстроить каменное зданіе.
Знависніти—выйти изъ себя, взбѣситься.
Зоста́нокъ—остатокъ.
Знайти́—найти, отыскать.
Знаття́—знаніе, увѣренность.
Зни́кнути—быстро удалиться, исчезнуть.
Зновъ—снова.
Знуща́тися—ругаться, издѣваться.
Зобга́ти—смѣшать, скомкать, сжать.
Зоста́ти,—ся—остаться.
Зотліти — истлѣть; сгорѣть безъ пламени.
Зпустошалый—опустѣлый, запущенный, опустошенный.
Зрадли́вый,зра́дний,—измѣнчи́вий, перемѣнчивый.
Зрівня́ти—выровнять, сравнять.
Зріка́тися—отрекаться.
Зрісъ—взросъ.
Зро́ду—отъ ро́ду, родясь.
Зрозуміти—уразумѣт .
Зруйнова́ти — разорить до основанія.
Зу́здріти—нечаянно завидѣть.
Зупини́ти—остановить.
Зупини́тися—остановиться.
Зухъ—молодецъ, пройдоха, ухарь.
Зцу́пити—стащить.
Зъ-за—изъ-за.
Зъісти—см. зісти.
Зъ-нече́вья—нечаянно, неожиданно.
Зъ-пантели́ку збитьця — съ толку сбиться.

И́грашка—игрушка;—и—шутки.
Иззісти—съѣсть.
Изляка́тися—испугаться.
Изме́рзти—озябнуть.
Изнева́жити—низко поставить кого-нибудь, ни во что повернуть.
Икъ—къ.
Име́ння—имя.
Индійкъ—индюкъ.
И́нший—иной, другой.

Івъ (отъ істи)—ѣлъ.
Іде—ѣдетъ.
Ії (вин. и род. отъ вона)—ее, ея.

Каба́ка — нюхательный табакъ.
Ка́верзникъ—кляузникъ.
Кавча́ти — выть, мяукать.
Кагане́ць — плошка, жирникъ.
Кажу́,—же — говорю,—ритъ.
Каза́ти — говорить что нибудь, сказывать.
Ка́зка — сказка.
Ка́зна—куди́ — чортъ знаетъ куда!
Калапти́рь — карантинъ.
Калю́жний—болотный.
Каля́ти — пачкать.
Камінюка—(увелич.) камень.
Камяни́ця—каменное зданіе.
Капли́ця — часовня.
Карата́ти—оканчивать.
Карлю́чка — крючекъ.
Кармази́новий—изъ краснаго сукна.
Карма́зинъ—красное сукно; мужская верхняя одежда изъ этого сукна.

Карта́ти—ворчать, донимать бранью.
Кате́дра—кафедральная церковь, соборъ.
Като́ваний—битый палачемъ.
Катру́ся—(умен.) Катерина.
Ка́чка—утка.
Каю́къ—челнокъ.
Ква́рта—мѣра жидкостей: 10-я часть ведра; штофъ.
Ква́питись—стремиться желаніемъ, повадиться.
Квіточка—цвѣточекъ.
Квітча́стий—цвѣтной, цвѣтистый.
Кгре́чий—см. гре́чий.
Кепкува́ти—осмѣивать, какъ дурака.
Ки́гті—когти.
Ки́нути—бросить.
Кисли́ця—кислое яблоко.
Кише́ня—карманъ.
Кіло́къ—колышекъ.
Кільце́—колечко.
Кімна́та—комната за перегородкой въ хатѣ.
Кіндяки́—названіе матеріи.
Кіне́ць—(нарѣч.) на кончикѣ, скраю.
Кістка—кость.
Кладови́ще—кладбище.
Клезну́ти—ударить по рожѣ, провесть чѣмъ нибудь по извѣстному предмету.
Клекота́ти—клокотать.
Кли́кнути—позвать.
Клини́на—кленовое дерево.
Кло́пітъ—забота, хлопоты.
Кля́мка—щеколда.
Кля́снути—хлопнуть.
Кля́тий—(бран. слово) проклятый.
Ковіпька—клюка́.
Коли́шній—когда-то бывшій.
Коло́мазь—смола для смазки колёсъ.
Коло́шкати—разстроивать кого-нибудь, производить сумятицу, тревогу.
Компопува́ти—сочинять.
Кортіти—хотѣться.
Кату́сь—(ум. отъ кітъ) котъ.
Конто́вний—цѣнный, дорогой.
Крадькома́—воровски, изъ подгишка́.
Край—(нарѣчіе) возлѣ.
Крамарь—торговецъ краснымъ товаромъ.
Крамъ—товаръ мелочной, красный.
Крепа́къ—крѣпостной (человѣкъ).
Кривий—хромой.
Криши́ти—крошить.
Крізъ—сквозь.
Кріль—кроликъ.
Кругля́ти—пить круговую.
Крути́тися—вертѣться.
Круть—(междом. слова крути́ти)—вертѣть;—верть.
Кру́ча—крутизна, отвѣсный оврагъ, берегъ.
Крюкъ—воронъ.
Ко́бза—музыкальный инструментъ.
Коби́ла—возвышеніе на эшафотѣ, гдѣ тѣлесно наказываютъ.
Кова́льський—кузнечный.
Коза́цтво—(собират.) козаки.
Ко́іти—въ дурномъ смыслѣ—дѣлать, производить.
Коли́сь—когда-то.
Коліно—поколѣніе, происхожденіе.
Коло—возлѣ, у, при.
Ко́мінъ—непосредственный пріемникъ дыму, по выходѣ его изъ печи, послѣ чего онъ уходитъ въ дымовую трубу; труба.
Комо́ра—амбаръ, кладовая, лавка.
Ко́пи—снопы, сложенные въ копны по 30 штукъ.
Корячо́къ—ковшикъ.
Кострубатий—неприглаженный.
Ко́тисся—катишься.
Коха́нячко—(умен.) любовь.
Коха́ти—любить.
Кошеня́—котенокъ.
Коштува́ти—см. куштува́ти.
Кубе́лечко—гнѣздышко.
Кукурікати—говорится о крикѣ пѣтуховъ,
Ку́лші—мѣсто сочлененія, лопатки ногъ.
Ку́ля—пуля.
Куме́дно—курьезно, смѣшно.
Ку́пка—бугорокъ, кучка; группа.
Купова́ти—покупать.
Кучигу́ра—насыпь, куча.
Курча́—цыпленокъ.
Ку́рячий—куриный.
Ку́хва—особаго рода бочка.
Ку́холь—большая кружка.
Кшталтъ—образъ, видъ, манеръ.
Кушіръ—мелкія водоросли.
Куштува́ти—пробовать, отвѣдывать.
Кущъ—кустъ, (мн.—щі)—кустарникъ.
Курника́ти—мурлыкать.

Ла́ва—лавка. доска приставленная къ стѣнѣ.
Ла́зня—баня.
Ла́нцюгъ—цѣпь.
Ла́сенький—лакомый.
Ласий—лакомый, вкусный; лакомка.
Ла́сощі—лакомства.
Ла́стівка—ласточка.
Ля́яти—бранить.
Леда́чий—негодный, дурной, лѣнивый.

Ледащи́ця—негодникъ, ица.
Леда́що—негодяй, лѣнтяй и т. п.
Ли́нъ—линь (рыба).
Ли́тка—икра (ноги).
Ли́хо—бѣда, бѣдствіе, зло и т. п.
Лица́рський—рыцарскій.
Лише́нь—ка; напр. а ну лишень—пуко!
Ли́шечко—бѣда!
Ли́шка—нечетное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать четъ или нечетъ.
Лі́дъ—ледъ; посади́ти на лі́дъ—(погов.) поставить въ затруднительное положеніе, разорить.
Лома́ка—дубина.
Лопатки́—гороховые незрѣлые бобы, стручки.
Лопу́хъ—растеніе лапушникъ.
Лоша́—жеребенокъ.
Луна́—эхо, отголосокъ.
Лупи́ти—драть, обдирать; бить.
Луци́пиръ—наистаршій чортъ.
Лу́читися—случиться.
Лушпи́на—скорлупа.
Люди́на—человѣкъ въ смыслѣ единичности, безразлично—мужескаго и женскаго пола.
Лю́лечка—уменьшит. отъ
Лю́лька—курительная трубка.
Лякъ—испугъ, страхъ; изъ ляку—со страху.
Ля́пасъ—пощечина, оплеуха.
Ля́снути—хлопнуть, щелкнуть.
Ляща́ти—хлопать.

Маглёвать—рисовать, расписывать.
Макі́тра—большой горшокъ, расширенный къ верху.
Макогі́нъ, род. -го́ну—тяжелый деревянный пестъ, для растиранія зерна.
Малёвний—живописный.
Малёвни́чий—живописный.
Малёва́ння—живопись.
Мандрува́ти—бродить, брести безъ цѣли.
Ма́рне или Ма́рно—напрасно, попусту.
Ма́сница—маслянница.
Ма́ти—имѣть.
Маха́ти—махать; быстро бѣжать.
Мачи́нка—маковое зернышко.
Машталіръ—кучеръ.
Ме́кнути—заблеять (о козахъ).
Ме́рзти—замерзать; зябнуть.
Ми́лиця—деревяшка.
Ми́мрити—бормотать.
Ми́ршавий—плюгавый.
Митѣць—дока, мастеръ.
Мишеня́тко—мышеночекъ.
Мі́жи—между.
Мізкува́ти—размышлять, разсуждать.
Мій—мой.
Мірка—мѣра, посуда для сыпучихъ тѣлъ.
Міцни́й—сильный, крѣпкій.
Млинъ—мельница.
Мнясце́—(ум. отъ мня́со)—мясо.
Мо́вчки—молча.
Мо́же—можетъ быть.
Молоди́ця—молодая замужняя женщина.
Морга́ти—мигать бровями.
Моргну́ти—мигнуть.
Моргу́ха—мигунья.
Морськи́й—хлёсткій.
Москале́ва ж.; ср.—ве, москалівъ—солдатовъ,—тскій, ая, ое.
Мости́на—половица.
Мо́тлохъ—разный мелкій хламъ.
Мурми́ло—(бранное слово) скверная рожа.
Муръ—каменная стѣна.
Му́сити—долженствовать.
Мушке́тъ—мускетонъ (родъ ружья).

Наба́зграти—навалять; намазать.
На-ба́кирь—на бекрень.
Набубня́віти—набухнуть (о зернахъ), пухнуть.
Навдивови́жу—на удивленіе.
На-взаводи—во весь карьеръ.
Навідуватися—навѣщать; бывать у кого.
Навіже́нний—бѣшаный, сумасбродный.
Навмана́—наобумъ, необдуманно.
Навпі́лъ—пополамъ
Навпросте́цъ—прямикомъ.
Нага́рбати—много загресть руками.
Нагоро́да—награда.
На́дити—приманивать; пріучать.
Наздогна́ти—догнать, настигнуть.
На-зу́стрічъ—на встрѣчу.
На о́тшибі—отдѣльно отъ другихъ зданій, въ сторонѣ.
На́йми—наемъ; служба по найму.
На́ймичка—наемница—работница.
Найпе́рше—прежде всего.
Нала́яти—набранить.
Налига́ти—поймать и набросить на рога́ веревку; связать веревкою.
Налічи́ти—насчитать.
Намі́ря́тися—замахнуться; принять готовность, намѣреніе.
Намішованикъ—булка особымъ образомъ испеченная.
Намовля́ти—наговаривать.
Напірити—натащить (объ одеждѣ) на себя слишкомъ много.
На́пускъ—напасть.

Нарізувати — парѣзывать (о музыкѣ).
Нару́га — издѣвка, посмѣяніе, позоръ и насиліе.
Насторо́шити—навострить (уши).
Настільничокъ—скатеретка.
Насу́нутись—надвинуться.
Натру́шувати—натрясти.
Нахили́тися—склониться, нагнуться.
На-що?—для чего?
Наяло́зити—жирно намазать.
Небіжчикъ—бѣдняжка.
Небіжъ, зв.—бо́же!—племянникъ.
Небо̀га — племянница; бѣдняжка; въ несоб.смыслѣ—всякая младшая передъ старшимъ—небо́га.
Небожа́та—(мн.) ласкательный эпитетъ высшихъ къ низшимъ, смѣшанный съ снисхожденіемъ и отчасти съ сожалѣніемъ.
Небора́къ—бѣдняжка.
Невели́чкий—небольшой.
Невсипу́ща—неутомимая, неусыпна̀я, безсонница.
Неділя—воскресный день; недѣля.
Недобача́ти — проглядывать, недосмотрѣть.
Не́добитокъ — недобитый, незамученный окончательно.
Недо́людокъ—нестоющій имени человѣка.
Недото́ркуватись—недотрогиваться.
Незго́да—несогласіе; несчастіе.
Не́ня—мать.
Непе́вний—необыкновенный; ненадѣянный.
Неподо́бний—странный
Нерухо́мий—неподвижный, неумолимый.
Несамови́тий—изступленный; выведенный изъ себя; внѣ себя.
Неслухня́ний—непослушный.
Нечу̀мазный—некрасивый, невидный.
Ни́зка—связка.
Ни́ка́ти—шататься безъ дѣла или гдѣ не слѣдуетъ; приглядываться бродя.
Ни́шпорити—шарить.
Ни́щечкомъ—потихоньку, тайно.
Ні—нѣтъ (фр. non); ни.
Ні́вечити — портить, переводить, уничтожать и уничижать, жестоко поступать.
Ніженька—ножка.
Ні́кчемний—ничтожный, ни къ чему негодный.
Німо́та—(собират.) нѣмцы.
Ні однісінького,-коі—рѣшительно ни одного, ой.
Ніхто́—никто.
Ні́чичи́ркъ—ни гугу.
Ніччу—ночью.
Ніякъ—никакъ.
Новісінькій—новешенькій.
Нудьга́—тоска
Ну́мо—станемъ.

Оби́два, ж. оби́дві—оба, обѣ.
Обізва̀тись—откликнуться.
Обкрути́ти—обвертѣть; обвѣнчать.
Обо́ра—загонъ для скота.
Обри́днути—надоѣсть.
Обску́бти—обдергать, оборвать.
Огирь—жеребецъ.
Одві́тувати—отвѣчать, давать отвѣтъ.
Одбреха́тися—отдѣлаться ложью.
Одві́рокъ—притолка у двери.
Одві́точка—отвѣтъ.
Оддихати — перевести дыханіе, отдохнуть.
Оддя́кувати или—
Оддя́чити—отблагодарить.
Одірва̀ти—оторвать.
Одмі́нокъ—перемѣна, отмѣна.
Одпочива̀ти—отдыхать.
Одпочи́ти—успокоиться, отдохнуть.
Одури́ти—обмануть.
Одцура́тися—отречься, отказаться.
Одчини́ти—отворить.
Одшибъ—см. на одшибі.
Одягти́ся—одѣться.
Озна́ка—признакъ, зна́къ.
Окна̀стий—имѣющій большія окна (о зданіяхъ).
Оковйта—высшаго достоинства водка.
Окрі́пъ—кипятокъ.
Округи́—вокругъ, кругомъ.
Оксами́товий — атласный саетовый здается отласный, а оксалитовый бархатный и плисовый.
Окульба́чити—осѣдлать.
Оліа́—постное масло.
Онъ—вонъ, вотъ-тамъ.
Опанува́ти—овладѣть.
Опереза́ти—тяжело ударить поперегъ верхней части корпуса.
Опини́тись—очутиться.
Опікъ—ожегъ.
Опічокъ—выдающееся мѣсто у печи для каганца́ (см.).
Оповіда́ння—небольшой разсказъ.
Оповіда́ти—разсказывать.
Оповісти́ти—разсказать.
Орда́нь—крещенское освященіе во-

ды; самое мѣсто совершеніе этого обычая.

Оружний—вооруженный.

Освіта—просвѣщеніе

Оселе́дець—селедка; чубъ, оставленный среди выбритой головы.

Осітня́гъ—ситникъ (растеніе).

Осістися — устояться; поселиться на жительство.

Оскѡма—оскомина.

Осли́нъ, род. о́ну — продолговатая скамейка.

Оста́нній—остальной, послѣдній.

Ота́ра—большое стадо овецъ.

Ото́—вотъ то.

Оттаки́й, ка́, ке́—такой.

Отта́къ—такъ, вотъ какъ.

Отто́й, отта́, а́я, отте́—тотъ.

Отту́тъ—здѣсь, теперь.

Отъ—вотъ.

Охайливый — опрятный, чистоплотный.

Охляпъ—безъ сѣдла (верхомъ на лошади).

Оце́—это; вотъ; теперь.

Падлю́ка — (бран. слово:) увелич. отъ пѫдло-падаль.

Пазурі — когти.

Пала̀ти — пылать.

Палічча — (собират.) множество палокъ.

Палюга́ — увелич. палка.

Паляни́ця — булка, хлѣбъ испеченный изъ пшеничной муки.

Пацоте́ць — почетный титулъ старыхъ и достойныхъ уваженія людей: священника и т. п.

Па́нство — (собир.) всѣ бары.

Па́нський — господскій.

Па́нькати, ся — ухаживать за кѣмъ.

Па́нщина — барщина.

Папе́рникъ—бумажный фабрикантъ.

Па́плюга — бранное слово къ женщинѣ.

Па́ра — паръ.

Па́рубокъ — парень.

Парубо́цький — юношескій; молодецкій.

Паску́дити — гадить.

Паслі́нъ—Solanum nigrum, со съѣдобными черными ягодами.

Патёка — см. потёка.

Па́тли, лі — длинные волосы.

Пахти́ть — слегка па́хнетъ.

Пацю́къ — крыса.

Пащикува̀ти — болтать, сплетничать, ссориться.

Пелена́ — подолъ рубашки.

Пе́лька — огромная пасть, горло (въ бранномъ смыслѣ).

Пере́ (отъ пра́ти) — моетъ (о бѣльѣ).

Перебе́ндювати. — капризничать, прихотничать.

Перебігти — перебѣжать; пробѣжать.

Пере́вертень — ренегатъ, измѣнившій своей народности.

Переднюва́ти — пробыть, провести день.

Переки́нутися — опрокинуться, перевернуться; преобразиться,

Перековерса́ти — перерыть, перековеркать.

Перекотипо́ле — такъ наз. вѣтвистые кустики растеній (напр. дикой спаржи), носимые вѣтромъ по полямъ.

Перелі́гъ, род. ло́гу — почва, лежавшая нѣсколько лѣтъ не паханою.

Перея́къ — испугъ.

Перепе́рти — перетащить, передвинуть; перекричать.

Переполо́хъ — испугъ.

Пере́тічка — протокъ лѣтомъ засыхающій,

Перехопи́тися — быстро переѣхать, перебѣжать.

Перечу́ти — услышать отъ...

Пери́стий—разношерстный, пестрый.

Пе́ртися — тащиться.

Пе́рший — первый; прежній.

Першъ — прежде.

Пе́ський — псовскій, происходящій отъ пса, или принадлежащій, свойственный псу.

Пече́не — жаркое.

Пи́ка — рожа.

Пилипо́нъ — филипонъ; великороссіянинъ.

Пилне́нько — очень пристально.

Пи́рхнути—производить звукъ губами во снѣ; неудержать смѣха.

Пису́лька — записка, цидула.

Півбо́гъ—полубогъ.

Півень — пѣтухъ.

Підвечі́ркувати—ѣсть послѣ полдника за нѣсколько времени передъ ужиномъ.

Підійма́тися—подниматься вверхъ.

Підгле́жувати — подсматривать.

Підкра́стися — тайно подойти, подобраться.

Підпанокъ — полубаринъ.

Підпа́лювати — поджигать.

Підпереза́ти — опоясать.

Підска́кувати — подпрыгивать (въ добромъ здоровьѣ).

Підтюпцемъ — мелкой рысцой.

Підъ — подъ.

Підцькува̀ти — притравить. наускать.

Пізно — поздо.
Пінявий—пѣнистый; запѣнившійся.
Пірна́ти — см. порина́ти.
Пірну́ти — пырнуть.
Піръя — перья.
Після́ — послѣ.
Пі́ти — пойти.
Пішки — пѣшкомъ.
Плигъ!—выражается тяжелый прыжокъ.
Плі́дъ — плодъ, произведеніе.
Пліточка—плотичка, плотва (рыба).
Пля́ма — пятно.
Пля́шка — фляга, стеклянная большая посуда.
Побала́кати — поговорить, побесѣдовать.
Побива́на—обитая.
По́битомъ — способомъ.
Пова́гомъ — не спѣша.
Поважа́ти — почитать кого.
Повеселішати — повеселѣть.
Пога̀нець—мерзавецъ.
Пога́ний — дурной.
Пога̀рда—пренебреженіе.
По́глядъ — взглядъ.
Поглядáти — посматривать.
Пого́жа вода̀ — чистая, здоровая вода (съ особеннымъ миѳологич. значеніемъ).
Погомоніти — по говорить, побесѣдовать.
Пого́ничъ — управляющій лошадьми, возница.
Погре́бати — пренебречь.
По́давно — довольно давно; очень давно.
Подиви́тись — посмотрѣть.
Подратува́ти — подразнить.
Пожари́ще — мѣсто, оставшееся послѣ пожара.
Пожада́ти — сильно пожелать.
Позакладáло — заложило уши.
По-знаку́ — въ примѣту, извѣстно прежде.
Познімáти — снять одно за другимъ.
Позроста́тись — срастись вмѣстѣ.
Поісти — съѣсть.
Покарбува́ти — изрѣзать (нарѣзами).
Покарта́ти — выругать, выбранить.
По́ки — пока.
Покісъ — ряды только что скошенные.
По́куть — мѣсто въ переднемъ углу подъ образами.
Пола́ятись — перебраниться.
Поле́гшати — сдѣлаться легче.
Полінува́тися — полѣниться.
Полова́ — мякина.
Полóнка — небольшая прорубь, ополонь.
Полóханий — пугливый.
Помандрува́ти — побрести, поплестись.
Поманéсеньку — помаленьку, потихоньку.
Помéрлий — умершій.
Помúни — воспоминаніе, память.
Помирковáтися — поразмыслить.
Помíскувáти—подумать, поразсудить.
Помолóдшати — помолодѣть.
Попасáти — кормить рабочихъ животныхъ, больш. частію подножнымъ кормомъ.
Поплавéць — поплавокъ.
Пополюва́ти—поохотиться (за звѣрями).
Попідперéзувати—подпоясать (о многихъ).
Попілúще—пепелище.
Попричіплювати—прицѣпить, привязать.
Попсува́ти—попортить.
Попхáтись—потащиться потихоньку.
Попхну́ти—толкнуть.
Порáдити — посовѣтовать; опредѣлить.
Порина́ти, пурина́ти—нырять.
Порося́тко—поросеночекъ.
По́ставець—ковшъ.
Посісти—всѣмъ сѣсть.
Поскýбтись—потаскать за волосы другъ друга.
Послýга—услуга.
По-сороміцькій — непристойно, срамно.
Пострівáй—погоди.
Потайни́й—тайный.
Потёка—ручей (въ несобств. смыслѣ).
По́трухъ—внутренности, потрохà.
Потуши́ти—погасить.
Поцýпити—потащить.
Поузъ—мимо.
Почастовáтися—попотчиваться.
Почáтися—начаться.
Почáтокъ—начало.
Почервоніти—покраснѣть, побагровѣть.
Почúнокъ—начало; мѣра пряжи.
Почіпля́ти—поцѣпить.
Почтáрський—почтовый.
Почýхати—почесать.
Пошанувáти—почтить.
Пошáрпати—изорвать.
Пошúтися въкого—преобразиться въ кого.
Пошмага́ти—постегать.

Пошука́ти—поискать.
Похи́листий — наклонившійся, наклонный (о предметахъ).
Похню́пий—понурый.
Правува́тися—управляться.
Пра́ти—мыть бѣлье.
Працюва́ти — усиленно трудиться, дѣлать тяжелую работу.
Пра́ця—трудъ, работа.
Предиве́нний—очень странный.
При (отъ пе́рти) тащи; жми.
Привести́—привесть; родить (дѣтёныша).
Пригорта́тися — прижиматься къ кому.
Придба́ти—пріобрѣсть.
Примовля́ти—приговаривать.
Присіпатись — крѣпко пристать, придраться къ кому.
Притама́нний—истый; присущій.
Притули́ти—прижать; прикоснуть.
Притьмо́мъ—непремѣнно.
Прихили́тись—приклониться.
Причвала́ти—прибрести.
Пришеле́пуватий—съ придурью.
Пробо́вкнути—проговорить словце.
Прого́ничъ — желѣзный болтъ, съ помощію котораго запирается окно ставней.
Продівува́ти — пробыть, прожить въ дѣвкахъ.
Прозо́рний—прозрачный. Есть въ I томѣ прозо́рпий— болѣе правильная и чистая форма.
Промі́жъ—между.
Простоволо́сий — съ непокрытою головой (о женщинахъ).
Простроми́ти—проткну́ть, просверлить, сдѣлать остріемъ узкое отверстіе.
Простува́ти—итти прямикомъ.
Простягти́—протянуть, расправить.
Простягти́ся—растянуться.
Проти́вний—стоящій напротивъ.
Прохворости́ти—посѣчь хворостиной.
Прудки́й—прыткій, быстрый, проворный.
Процвіта́на—разцвѣченная.
Прямісінько—прямёхонько.
Пся́юха—бранное слово (несья кровь).
Пуза́нъ—брюхачъ.
Пусте́льникъ — отшельникъ, пустынникъ.
Пусти́ня—пустяки.
Пу́стка—нежилая изба.
Пустова́ти—о зданіяхъ—стоять пустымъ; о людяхъ—шалить, дурачиться.

Раде́нький—радехонекъ.
Рази́—земледѣльч. орудіе.
Ратова́ти—см. рятува́ти.
Рахува́ти—разсуждать, взвѣшивать.
Ра́чки—на карачкахъ, ползкомъ.
Ребе́рце—ребрышко.
Регота́ти, ся—хохотать.
Реміне́ць—ремешекъ.
Риба́лочка—ум. рыбакъ.
Рівча́къ—канава.
Рі́дний—родной.
Рі́дъ—родъ, поколѣніе; родственники.
Рі́зка—розга.
Рі́къ—годъ.
Рі́съ—росъ (прош. отъ рости́)
Рі́чъ—слово; дѣло, вещь.
Робити́—дѣлать; работать.
Ро́бомъ—способомъ, образомъ.
Роди́мець—параличъ.
Розбишака—разбойникъ; буянъ.
Роздяга́тись—раздѣваться.
Роззя́ва—разиня.
Роззя́вити—разинуть.
Роспа́тланий — съ растрепанными волосами.
Ро́скішъ—обиліе, достатокъ; роскошь.
Роско́ши—обиліе, достатокъ.
Роспита́ти—распросить.
Росхрістаний — съ разстегнутымъ воротникомъ или пазухою.
Ротиня́—ротикъ.
Рубля́ка—увелич. рубль.
Ру́лка—кранъ; горлышко.
Ру́мсати см. рюмсати.
Рунду́чний—крилечный.
Ру́шити—двинуться, тронуться въ дорогу.
Рушни́къ—утиральникъ, полотенце съ обрядовымъ значеньемъ при свадьбахъ и проч.
Рюмсати—рюмить, плакать.
Рябко́—кличка собаки, по рябой или разноцвѣтной шерсти.
Рядно́—дерюга.
Ряснёнько — плодовито (о растеніяхъ).
Рятува́ти—спасать.

Садо́чокъ—садикъ.
Са́жалка—прудъ.
Самісінький—совершенно одинъ.
Самъ—одинъ, одинокій.
Сварити́ся—ссориться, грозить.
Свербіти—чесаться.
Свиня́чий—свиной, свинскій.
Свитка—верхнее платье, родъ сермяги.
Свину́ти—разсвѣнуть, появиться разсвѣту.
Світа́ти—разсвѣтать.
Світи́лка—обрядовое лицо на свадьбѣ, держащее въ рукѣ мечъ и свѣчу.

Серде́га—сердечный, бѣдняга.
Середъ—среди.
Сивіти—сѣдѣть; быть, являться сивымъ (о предметахъ).
Си́катися—бросаться, привязываться.
Си́кнутися—броситься, накинуться.
Сідало—насѣстъ.
Сіда́ти—садиться.
Сіль—соль.
Сількось—нужды нѣтъ!
Сіпнути—быстро дернуть.
Сіпъ!—выражается моментъ быстраго дернутія.
Сіро́ма—бѣднякъ (названіе отъ сѣраго платья).
Сіроманці—эпитетъ волковъ—сѣрые.
Скаже́ний—бѣшеный.
Скази́тися—взбѣситься.
Скалічити—изувѣчить.
Ска́рбъ—сокровище, кладъ; мѣсто ихъ храненія.
Ска́ржитись—жаловаться.
Скаўча́ти—визжать (о собакахъ).
Ски́рта—скирда, стогъ.
Скікъ—выражается моментъ скачка.
Скля́нка—стеклышко.
Скомпонува́ти—сочинить, составить.
Скопи́лити нісъ, гу́бу—загнуть, поднять носъ и пр.
Скоти́на (собирательно)—рогатый скотъ.
Скреготáти—скрежетать, щекотать (о птицахъ).
Скрепи́ця—колодка, ножныя деревянныя кандалы.
Скли́кати—созвать.
Скрізь—вездѣ.
Скрути́ти го́лову—свернуть голову.
Скубну́ти—дернуть, рвануть.
Скупердя́га—скряжище.
Слабки́й—слабый.
Слебізува́ти,—по складамъ, медленно выговаривать все по порядку.
Слівце́—словцо.
Слу́хати—слушать.
Слухня́ний—послушный.
Сма́лець—оттопленный жиръ.
Смачне́нько—вкусно.
Смачни́й—вкусный.
Сма́чно—вкусно.
Смикну́ти—быстро дернуть.
Смикъ!—выражается моментъ быстраго дерганья.
Сні́дати—завтракать.
Соки́ра—топоръ.
Соло́дчий, ча, че—слаже.
Со́нечко—солнышко.
Сопі́лка—свирѣль.
Сором́итись—конфузиться.
Со́ромъ—срамъ, поношеніе.
Соро́чечка—рубашечка.
Соро́чка—рубашка.
Сосни́на—сосновое дерево.
Спашъ—порча пашни на стеблѣ скотомъ.
Спини́тися—остановиться.
Співа́ти—пѣть.
Співи—пѣсни.
Спізни́тися—опоздать.
Сподарь—(сокр.) господа́рь—господинъ.
Сподіва́ти,-ся—ждать, надѣяться.
Сподіятися—совершиться.
Спогля́нути—взглянуть.
Спокуша́ти—искушать.
Спочива́ти—покоиться; отдыхать.
Спочи́нокъ—отдыхъ.
Спочи́ти—успокоиться; отдохнуть.
Спра́ва—дѣло, веденіе дѣла, устройство.
Спра́вжки—серьёзно, взаправду.
Спра́вити—сдѣлать, устроить.
Спра́жній—дѣйствительный, серьёзный.
Спромогти́ся—собраться съ силами, со средствами, получить возможность.
Ставо́чокъ—ум. отъ ставъ—прудъ
Ста́ня—конюшня, стойло.
Ста́рець—нищій.
Стариганъ—старикъ.
Старовина́—древность, старина́.
Сте́жка—тропинка.
Сте́ля—потолокъ.
Стёнжка—ленточка, которою застегивается спереди воротникъ мужской рубашки.
Стирча́ти—торчать.
Стіжо́къ,—небольшой стогъ или скирда (хлѣба въ снопахъ, сѣна и пр.)
Стра́тити—уничтожить, погубить, извести.
Стовкти—столочь.
Стопа́дцять—неопредѣленное большое число (въ брани).
Стрибъ—выражается моментъ скачка.
Стріти—встрѣтить.
Стріха—навѣсъ соломенной крыши.
Стрючо́къ—бобъ (въ ботанич. смыслѣ); стручковый перецъ.
Стулитись—свернуться, сжаться.
Су́нутися—медленно двигаться плотно по поверхности.
Суплі́ка—письменная просьба.
Сутозолоти́й—массивно шитый или тканый золотомъ.
Су́чий—сукинъ.
Схи́лний—склонный.

Схо́ванка—тайникъ; мѣсто, гдѣ прячется что нибудь.
Схова́ти—спрятать; погребсти.
Схо́плюватися—схватываться, быстро подыматься.
Сцілю́щий—цѣлительный.
Счісувати—расчесывать.
Съ (передъ *n*, *m*, и др. буквами) изъ.

Та—да, и.
Таджéжъ—да вѣдь же.
Тара́ня, нь—родъ рыбы.
Татарва́—(собират.) татаре.
Тварю́ка—(увелич.) тварь, животное.
Тверéзий—трезвый.
Те—(ср. род.) то.
Тежъ—тожь, также.
Теля́—теленокъ.
Теревéні (гнýти и т. п.)—разный вздоръ, раздобары.
Терні́вка—наливка на ягодахъ терна.
Тёхъ!—корень глагола тёхнуть.
Течія́—потокъ, ручей.
Ти́день—недѣля.
Тиль-тиль—чуть-чуть.
Тиня́тися—слоняться.
Ті́льки—только; какъ скоро.
Ти́тарь—староста церковный.
Това́ръ—рогатый скотъ.
Товкти́—толочь; бить.
Товкти́ся—толочься и т. п.
Тоді—тогда.
Токотіти — токать, мѣрно и тихо стучать.
Толока́—мірская помощь въ сельской работѣ.
То́рба — небольшой мѣшокъ, сума́, котомка.
Торби́нка—сумка, мѣшочекъ.
Тороплéний—ошеломленный.
Тра́питця—случится.
Трéйчі—трижды.
Трісь—выражается моментъ треска, удара.
Тройча̀тий—тройной.
Тропа́къ—родъ танца.
Тро́хи—чуть, едва.
Тро́шки—немножко, чуть.
Труна́—гробъ.
Трусúтися—трястись, трепетать.
Трусъ—трясеніе, шумъ.
Тря́сця—лихорадка.
Трухля́вий—трухлый.
Ту́га—тоска.
Тужъ-тужъ — вотъ, вотъ; скоро, скоро.
Тули́тися—жаться, прижиматься.
Ту́течки—здѣсь.
Тхіръ—вонючій хорёкъ.
Тю!—междом. а ту! и т. п.
Тюхтій—тяжелый на подъемъ.
Тя́мити—понимать, смекать.
Тямки́, въ тямки́—въ памятку.

У, увъ—въ.
Удава́ть—прикидываться, представлять изъ себя.
Удовíвна см. вдовíвна.
Удовольни́ти—удовлетворить, удовольствовать.
Уживáти—употреблять, пользоваться.
Уїдливий—неотвязно-злой.
Уїхати—въѣхать.
Уки́нути—вбросить.
Укла́стися—уложиться, улечься.
Уклони́тися—поклониться.
Умина́ти—ѣсть.
Умкну́ти—быстро уйти.
Умо́ва—уговоръ, условіе.
Умовля́тися—сговариваться, условливаться.
Умудрува́тися—умудриться.
У-пе́рше—въ первый разъ.
Упи́рь—колдунъ.
Упода́ба—вкусъ, одобреніе.
У-подо́вжъ—вдоль, въ длину.
Упо́ратися — покончить со всѣми дѣлами.
Уразúти—тронуть больное мѣсто.
У-ра́нці—поутру.
Уроби́ти—сработать; обдѣлать, затаскать.
Уро́да см. вро́да.
Усé—все.
Ускубну́ти — легонько дернуть (за волосы и т. п.).
Уста́ти—встать.
Устерегти́ся—уберечься.
Уся́кий—всякій; каждый.
Утіка́ти—убѣгать, уходить.
Ухна́ликъ—гвоздикъ для подковъ.
Ухопи́ти—схватить.
Ушанова́ння—почтеніе, уваженіе.
Фа̀рба—краски.
Финдю́рка—потаскушка.

Ха́лепа—напасть.
Хапу́нъ—тотъ, кто хватаетъ: чортъ.
Хапъ—хвать.
Характе́рникъ—колдунъ-атаманъ.
Харпа́къ—въ презр. смыслѣ бѣднякъ.
Харчува́ти—кормить-запасами.
Хати́на — (уменьшит. отъ хата)—украинская избушка.
Хведько́—Ѳеодоръ.
Хви́ськати—хлестать (бить).
Хву́кга—мятель.
Хіба́—развѣ,
Хибе́та—способность.

Хі́вря—Февронья.
Хи́жа—клѣть; избушка.
Хи́рі́ти—хворать.
Хи́рний—хворый, слабый.
Хі́дня́—хожденье.
Хіпъ—хвать!
Хлі́бъ—хлѣбъ; пашня; вообще пропитаніе, средства къ жизни.
Хло́пець—мальчикъ.
Хлюпоста́тися—играть въ водѣ.
Хлюпъ—выражается плесканье воды.
Хлю́ща—нѣчто мокрое, изъ чего течетъ вода.
Хова́тися—прятаться, скрываться.
Ходи́—иди, приди.
Ході́мъ, мо—пойдемъ!
Холоде́ць— окрошка.
Хортиця—гончая сука.
Хортъ—борзая собака.
Хочъ—хотя, хоть.
Худо́ба—рабочій скотъ; движимое имущество.
Ху́ра—большой возъ, нагруженный товарами.
Ху́тіръ—поселокъ; мыза.
Хропги́—храпѣть.

Цапи́ний—козлиный.
Цапъ—козелъ.
Цвяхо́ваний — оббитый гвоздями.
Це—это.
Це́гла—кирпичъ.
Цибу́ля—лукъ (растеніе).
Цимба́ли—названіе музыкальн. инструмента.
Ціліснінький—цѣлёхонькій.
Цмо́кнути—чмокнуть.
Цокоту́ха—говорунья.
Цу́керъ—сахаръ.
Цу́пити—тащить.
Цура́тися — чуждаться, удаляться, отрекаться.
Цу-цу́!—кличутъ собакъ.
Ця́мрина — верхняя часть сруба у колодца.

Ча́рочка—рюмочка.
Ча́сомъ—порой, иногда.
Частува́ти—подчивать питьемъ.
Чве́ртка — мѣра водки, 1/4 кварты или штофа.
Чверть—четверть.
Че́рга—очередь.
Че́рево—брюхо.
Черепо́чокъ—осколокъ горшка.
Че́ресъ—кожаный поясъ, въ которомъ прятались деньги.
Чепурни́й—опрятный; хорошо одѣвающійся, изящный.
Черни́ця—монахиня.
Чи-бакъ—или то бишь.
Чимъ-дужъ—что есть мочи.
Чира́къ—чирей.
Читъ — четное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать числа).
Чіпа́ти—трогать.
Чкурну́ти—удрать, уйти, побѣжать.
Чма́ра—въ родѣ шишимора.
Чо́бітъ—сапогъ.
Чо́венъ—челнъ.
Чого́?—что? зачѣмъ? почему.
Чоло́мкнути—отдать почтеніе.
Чомъ?—почему?
Чорня́вий—брюнетъ, смуглый.
Чортеня́—чертенокъ.
Чорта́ка—увелич. чортъ.
Чоти́рі—четыре.
Чуде́нний—удивительный.
Чу́лий—чувствительный, нѣжный.
Чуприндирь—хохлачъ.
Чутно́—слышно.
Чу́хати—чесать (тѣло, но не волосы).
Чухра́ти—рвать; бѣжать; колотить, бить.

Шабля́ка—увелич. сабли.
Шагъ—грошъ.
Шажо́къ—грошикъ.
Шано́ба—почтеніе.
Шано́вний—достопочтенный.
Шанува́тися—вести себя хорошо; беречься всего худого.
Шатро́—шатеръ, палатка.
Швидене́нько—скоренько.
Швидки́й—проворный.
Швидчій—скорѣй.
Шве́ндяти—бродить, слоняться.
Шеле́сть—выражаетъ моментъ шумящаго звука; шасть.
Ше́вський—сапожничій; кожевничій.
Шепета́ти—громко шептать.
Шепши́на—шиповникъ (Rosa canina).
Ши́бка—оконное стекло.
Шипкаре́нко—сынъ цѣловальника.
Шиши́рхнути—произвесть шорохъ.
Ши́я—шея.
Шість—шесть.
Шкандиба́ти—хромать.
Шкапа—шкафъ.
Шка́пка—кляча.
Шкваріти—жарить что нибудь такое, что производитъ на огнѣ шумъ.
Шкварча́ти — издавать шумъ и трескъ на огнѣ.
Шкля́нка—см. склянка.
Шко́да—сущ. вредъ, убытокъ; напрасно; даромъ; жаль.
Школя́рка—школьница.
Школя́рство—школьничество; (собир.) школьники.

Шку́ра—кожа.
Шлёнка — овцы особой породы; шерсть этой породы.
Шматъ—большой кусокъ.
Шморгну́ти—дернуть; ударить.
Шпарга́лля—собират. всякія неписанныя бумаги
Шпа́рко—быстро, проворно.
Шпи́чка—спица, острее.
Шпурля́ти—бросать на далекомъ разстояніи.
Штибъ—(въ архитект.) орденъ.
Штовха́ти—толкать.
Шубо́встнути—упасть съ шумомъ въ воду.
Шубо́всь!—выражается сильное паденіе въ воду.
Шумува́ти—пѣниться.
Шу́пити—понимать кое-что.

Ще—еще.
Щілина—щель.
Щіти́на—щетина, свиная шерсть.
Що—что.
Що-го́ду—ежегодно.
Щобъ—чтобы.
Щубо́всь см. **шубо́всь**—

Ющіти—(глаголъ средній) выступать, въ большомъ количествѣ, появляться (о крови, жидкостяхъ).

Яки́йсь—какой-то.
Яко́сь—какъ-то.
Якъ—какъ.
Ялозитися—пачкаться.
Ярепу́довий — бранное шуточное слово.
Яръ—большой лѣсной оврагъ, долина.

Не лишнимъ считаемъ указать, для незнакомыхъ близко съ южно-русскимъ языкомъ, на отличіе въ произношеніи нѣкоторыхъ южнорусскихъ звуковъ:

и произносится нѣсколько мягче, нежели *ы*.

і я и *ю* произносятся мягче, нежели у великоруссовъ.

э произносится какъ *т*.

е произносится какъ *э*; въ началѣ словъ, и послѣ гласныхъ, произносится какъ *ѣ*.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

изданіе Статистическаго Отдѣла Центральнаго Статистическаго Комитета, отпечатанное въ типографіи К. Вульфа, подъ заглавіемъ:

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ,

по 10-й народной переписи,

статистическое изслѣдованіе А. Тройницкаго,

въ большую осьмушку VIII и 92 стран., съ таблицами и хромолитографированною статистическою картою.

Цѣна: въ С–Петербургѣ—**1 р. с.;** съ пересылкою въ другіе города **—1 р. 25 к. с.**

Продается, въ С.-Петербургѣ, у коммиссіонера Министерства Внутреннихъ дѣлъ, книгопродавца С. П. Лоскутова, и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Г-да иногородные, желающіе пріобрѣсть это изданіе благоволятъ адресовать требованія свои въ книжные магазины С. П. Лоскутова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ПЕРЕВОДА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

МАКОЛЕЯ.

До настоящаго времени вышелъ 1-й томъ *Полнаго Собранія*, который содержитъ въ себѣ «*Критическіе и историческіе опыты*» (1825 — 1831 г.), *портретъ автора* и подробную статью профессора *Вызинскаго* о жизни и сочиненіяхъ лорда Маколея.

Цѣна этому тому 2 р. с.; цѣна остальныхъ томовъ изданія будетъ по 1 р. 50 коп. за каждый.

Изданіе «Опытовъ» (Essays) и «Исторіи Англіи» будетъ идти параллельно и до апрѣля 1861 г. выйдетъ *три тома*.

Каждый томъ изданія будетъ продаваться отдѣльно; для желающихъ же подписаться на 3 тома цѣна:

Въ Петербургѣ и Москвѣ . . . . 4 р. 40 к.

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . . . 5 » —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: у книгопродавца Як. Ал. Исакова, въ гостинномъ дворѣ, № 24.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К°.

Отъ г.г. иногородныхъ: *исключительно* въ конторѣ типографіи Николая Тиблена и К°, на Васильевскомъ Ост, въ 8 линіи, № 25.

ОСНОВА

1861

МАРТЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Высочайшій Манифестъ 19 февраля.
II. Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе, **Л. М. Жемчужникова.**
III. Кобзарь, VII — XII, **т. Г. Шевченка.**
IV. Не до пари, **Марка Вовчка.**
V. Дзвонарь, **Д. Л. Мордовцова.**
VI. Сиротський жаль, **А. Нечуй-вітеръ.**
VII. Співець Митуса, **Іеремія Галка.**
VIII. Старосвѣтское дворище, **П. А. Кулиша.**
IX. Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**
X. Обзоръ Украинской Словесности, III. Артемовскій-Гулакъ, **П. А. Кулиша.**
XI. Черты народной Южнорусской исторіи, **Н. И. Костомарова.**
XII. Лисиця та Оселъ, **Л. И. Глѣбова.**
XIII. Объясненіе по поводу древнихъ югозападныхъ актовъ, **М. В. Юзефовича.**
XIV. Постановленія провинціальныхъ дворянскихъ сеймовъ въ Югозападной Руси, **Н. Д. Иванишева.**
XV. Хмельниччина, **П. А. Кулиша.**
XVI. Музыка Южнорусскихъ пѣсень, **А. Н. Сѣрова.**
XVII. Листи съ хутора, **Хуторянина.**
XVIII. Двѣ Русскія народности, **Н. И. Костомарова.**
XIX. Галицко-Русская газета »Слово«.
XX. Библіографія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Южнорусскомъ краѣ, **В. И. Межова.**
XXI. Объ открытіи студентской библіотеки въ Харьковѣ, **И. Свиридова.**
XXII. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XXIII. Библіографическія извѣстія.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ВѢСТНИКЪ

Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

МАРТЪ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апрѣля 2-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были допынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котора-

го заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для Насъ завѣщаніе Предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ губернскихъ комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи по-

требныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и

возлагаемыя на **нихъ обязанности** въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, **мѣстныя, и особыя дополнительныя** правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіи сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ пиротовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утрежденія ихъ для каждаго имѣнія а окончательно по всѣмъ имѣніямъ привести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ вребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ*, *дань*, *страхъ*, *честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокой-

нымъ движеніемъ: съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*»

Начинаемъ, въ *Основѣ*, отдѣлъ правительственныхъ распоряженій и постановленій важнѣйшимъ правительственнымъ актомъ,—которому нѣтъ равнаго по благотворнымъ послѣдствіямъ,—къ которому, въ теченіи вѣковъ, всѣ прочіе акты служили болѣе или менѣе удачнымъ приготовленіемъ.

Манифестъ 19 Февраля налагаетъ побѣдную руку на стѣсненія, связывавшія свободный трудъ 23.000.000. До 5-го Марта, когда всенародно объявлена отмѣна крѣпостнаго права *навсегда*, самое появленіе на свѣтъ цѣлыхъ поколѣній крѣпостнаго народа было какъ-будто преступленіемъ: со дня своего рожденія, они уже лишены были—если не всѣхъ, то—по крайней мѣрѣ—нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ! Манифестъ 19 Февраля уничтожаетъ эти стѣсненія навсегда, и сколько бы ни оставалось еще сдѣлать для окончательнаго освобожденія

крестьянъ, но самое начало такого великаго преобразованія есть уже всемірная заслуга: она ставитъ тѣхъ, кто думалъ народную думу, кто содѣйствовалъ разрѣшенію крестьянскаго дѣла—и ставитъ выше всѣхъ Государя — въ ряду истинныхъ благодѣтелей человѣчества.

Освобожденіе крестьянъ никому не можетъ быть такъ близко какъ намъ, Украинцамъ. Мы, цѣлый вѣкъ боровшіеся противъ насильственнаго завладѣнія одного сословія другимъ во время соединенія съ Польшею,—мы, испытавшіе еще недавно несчастье—видѣть возвратъ этого искуственно-созданнаго, при Екатеринѣ II, сословнаго преобладанія въ нашемъ народѣ,—мы, безъ сомнѣнія, полнѣе, глубже и сильнѣе всѣхъ должны были почувствовать важность минуты, когда надъ огромной массой закрѣпощеннаго народа пронеслись и отозвались, въ самомъ сердцѣ, вѣчно-драгоцѣнныя намъ слова: свобода и справедливость.

Крѣпостное право надвигалось къ намъ въ XVI и XVII вѣкѣ,—съ запада, а во второй половинѣ XVIII вѣка—съ сѣвера, но съ первыхъ зачатковъ у насъ крѣпостнаго права, во второмъ періодѣ просвѣщеннѣйшіе люди Украины всегда отрицали право душевладѣнія, и, насколько было возможно, писали и говорили противъ панскаго произвола и стѣсненія личной свободы крестьянъ.

Въ 1767 году, бывшая, подъ предсѣдательствомъ графа Румянцова, Малороссійская Коллегія, въ »наставленіи« своемъ выборному въ Коммиссію о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія, Димитрію Наталину, изъясняла, что »простой народъ доведенъ до крайняго нерадѣнія мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ, ибо многіе бродятъ съ мѣста на мѣсто«; что все сіе можно исправить однимъ тѣмъ, когда, *при чинимой ревизіи*, гдѣ описываются домы и принадлежащія къ онымъ угодья, единожды навсегда утвердить всякой домъ и грунтъ, напримѣръ, подъ № или знакомъ—*такимъ*—дворянству, подъ *другимъ*—служивымъ, подъ *третьимъ*—мѣщанамъ, подъ *четвертымъ*—нахотнымъ поселянамъ,« съ тѣмъ, чтобы съ каждымъ такимъ дворомъ соединялась постоянная обязанность нести извѣстную службу и отбывать положенную въ окладъ повинность. При этомъ, для приведенія государственныхъ доходовъ въ порядокъ, Коллегія признала удобнѣйшимъ—»доходы расположить, до генеральнаго размежеванія земель, *съ душъ*«. »Сими и другими средствами, всякъ дани и службы, ни-

гдѣ не избѣжитъ, безъ платежа нигдѣ ничего не получитъ.... Всякой пашенной тогда не можетъ получить свободы, доколѣ, на свое мѣсто, не доставитъ такова же данника, или работника; а не имѣющіе собственныхъ пашенныхъ земель и служащіе по договорамъ могутъ всегда пользоваться своею свободою.« За уходъ безъ отпуска предполагалось подвергать строгимъ взысканіямъ.

Это мнѣніе, сочиненное Коллегіею въ подражаніе существовавшему въ Великороссіи порядку, было встрѣчено сильнымъ возраженіемъ со стороны другаго выборнаго депутата, Григорія Политики. Хотя, по своимъ убѣжденіямъ, Политика былъ аристократъ стараго времени и отнюдь не признавалъ за крестьянами права на владѣніе землею; тѣмъ не менѣе онъ писалъ Коллегіи такъ: »Чтобъ, до генеральнаго размежеванія земель, доходы *собирать съ душъ*, на сіе я никакимъ образомъ согласиться не могу; ибо сіе не только правамъ, привиллегіямъ и многими вѣками утвержденнымъ обыкновеніямъ Малыя Россіи противно, но слѣдуетъ крайнему разоренію и опустошенію, а вообще государству—къ невозвратному вреду. Опыты сего очевидны уже и чувствительны; ибо когда, въ 1764 году, бывшій Гетманъ, графъ Кирило Григоріевичъ Разумовскій, велѣлъ учинить перепись *по душамъ*, не налагая никакого сбору, то *невѣроятно, въ какой страхъ и уныніе пришелъ отъ того Малороссійскій народъ*, и чрезвычайно началъ бѣжать въ Польшу и въ Татарскую Землю, и селиться на тамошнихъ земляхъ. Когда же, 1765 году, та перепись и отъ графа Петра Александровича (Румянцева) возобновлена, съ прибавленіемъ того, чтобъ не только переписать души, дворы и хаты, но обмѣрять земли, лѣса и всякія угодія, описать скотъ, въ прудахъ рыбу и прочее: то народъ въ большій еще пришелъ страхъ и умножалъ побѣги; ибо изъ того простой Малороссійскій народъ заключилъ что имъ больше ничего отъ того не слѣдуетъ, *какъ только записаннымъ быть въ крѣпости, по примѣру Великороссійскихъ крестьянъ, а для Малороссійскаго народа и одно сіе воображеніе ужасно и несносно*....

»Легко можно на земли и на домы наложить новыя подати; легко можно разставить нумеры, но опасно только то, чтобъ одни нумеры не остались, а людей—не будетъ. Представляемые же отъ Коллегіи средства, чтобъ уходящихъ сыскивать всѣми мѣрами, наказывать, посылать на поселеніе и на каторгу, сколь насильственныя суть, столь и безполезныя; ибо сіе народа, близъ границъ живущаго, не

удержитъ. Поймаютъ одного, а десять уйдетъ. Лучше, по всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества намѣренію, оградить государство благоденствіемъ, а не стражею, то народъ и безъ того въ предѣлахъ своихъ останется.«

Возраженіе Григорія Политики, вѣроятно, было принято во вниманіе, но не надолго: чрезъ 15 лѣтъ, 3 мая 1783 года (П. С. Зак., № 15724), именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II Сенату было повелѣно:» для извѣстнаго вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ Малороссійскомъ, Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ, къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся обитателей, каждому изъ поселянъ *остаться на своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ, по нынѣшней ревизіи, записанъ*, кромѣ отлучившихся до состоянія сего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ сего указа, поступать *по общимъ государственнымъ установленіямъ*.« Тѣ же правила были распространены и на уѣзды Слободско-Украинской губерніи, составлявшіе, въ то время, часть Харьковскаго, Курскаго и Воронежскаго намѣстничества, а равно и на Малороссіянъ, поселеныхъ въ губерніяхъ великороссійскихъ (1).

Вспомнивъ сказанное Политикою, можно—нѣтъ, едва ли намъ можно!—вообразить себѣ, что́ почувствовалъ Украинскій народъ, неожиданно попавшій въ неволю, отъ которой такъ долго откупался своею кровію. Чтобъ судить, какъ тяжко отозвалось закрѣпощеніе крестьянъ (даже вѣроятно—въ немногихъ, образованнѣйшихъ) нашихъ помѣщикахъ, приведемъ нѣкоторыя строфы изъ *Оды на Рабство*, сочиненной по этому случаю, въ томъ же 1783 году, авторомъ »Ябеды,« *В. В. Капнистомъ*. Тѣ стихи, которые, пробиваясь сквозь ложноклассическія выраженія *оды*, намекаютъ на событіе, повергшее народъ въ страшное уныніе, *обозначены курсивомъ*.

Пріемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;
Простерши руку отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою;

(1) Правила, постановленныя въ указѣ 3 мая 1783 года, были распространены на *Полуденный Край*, (въ который входила и вся Новороссія), только при Императорѣ Павлѣ, 16 декабря 1796 г. (П. С. Зак., № 63.868.

И соглася съ моей тоскою,
Унылый, томный, звукъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою!

— — — —

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь;
Исчезли сельскія ушѣхи,
Игрива рьзвость, пляски, смѣхи;
Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ
Златыя нивы сиротѣютъ;
Поля, лѣса, луга пустѣютъ;
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.

Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады,
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть ограды,
И вольность узами тѣснитъ.
Гдѣ благо счастіе народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,—
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь....
Увы! судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.

— — — — —

Ты зришь, Царица! се ликуетъ
Стенящій въ узахъ твой народъ;
Съ восторгомъ днесь онъ торжествуетъ
Твой громкій на престолъ восходъ.
Яремъ свой носитъ терпѣливо
И молитъ небо, да щастливо
Ты царствуешъ, народъ любя....
И ты-ль его умножишь муки,
Обременитъ цѣпями руки,
Благословящія тебя?

Но нѣтъ:—души твоей доброты
Подвластные боготворятъ;
Твой кроткій судъ, твои щедроты,
Врага, преступника щадятъ;
Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?

И мыслей чужда ты суровыхъ:—
Такъ что-же?—*благъ не скрыла-ль новыхъ*
Подъ мнимымъ гнетомъ бѣдствій сихъ?

— — — — — —

Дашъ зрѣть намъ то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериш постыдно сложишь бремя
Съ отчизны моея драгой.
Тогда—о лестно упованье,
Прервется въ тѣхъ краяхъ стенанье,
Гдѣ въ первый разъ узрѣлъ я свѣтъ;
Тамъ, вмѣсто воплей и стенаній,
Раздастся шумъ рукоплесканій
И съ щастьемъ вольность процвѣтетъ...

Желанію Капниста суждено было исполниться только чрезъ 80 лѣтъ. Да будетъ же благословенъ день, въ который...» снято съ отчизны постыдное бремя; да упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ; «да процвѣтетъ счастье и свобода!»

Замѣчательно, что Капнистъ пораженный закрѣпощеніемъ нашего народа въ 1783 году, называетъ *отчизну—скорбною вдовицей*. Подъ впечатлѣніемъ тѣхъ же явленій крѣпостнаго быта, нашъ Шевченко (вовсе не знавшій Оды Капниста), также представлялъ Украину въ поэтическомъ образѣ печальной вдовы, освобожденіе которой отъ крѣпостнаго права, составляло внутреннюю задачу всей жизни поэта. Однажды возвращаясь послѣ отставки, изъ военной службы, въ Европейскую Россію, онъ встрѣтился, на волжскомъ пароходѣ, съ однимъ отпущеннымъ на волю музыкантомъ,—и, даже въ звукахъ его скрипки, бѣдному поэту послышались «стоны крѣпостной души и — казалось ему — сливались въ одинъ потерянный, мрачный, глубокій стонъ милліоновъ крѣпостныхъ душъ.—Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до тебя, Боже!» — (писалъ Шевченко, по этому поводу, въ своемъ дневникѣ.)

ВОСПОМИНАНІЕ О ШЕВЧЕНКѢ; ЕГО СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ.

Охъ, и ра́дъ-же-бъ я, дитя́ мое́,
До те́бе вста́ти, тобі порядокъ дати,—
До сира́ моги́ла две́рі залегла́,
Око́нечка заклепи́ла.
Свадебная сиротская пѣсня.

Не стало Шевченка! Смерть разлучила насъ навсегда съ великимъ поэтомъ...

Тарасъ Шевченко родился посреди степей Днѣпровскихъ, и тамъ, съ молокомъ матери, всосалъ любовь къ родинѣ, ея преданья, ея поэтическія пѣсни. Грустная пѣснь носилась въ убогой хатѣ; качалась убогая *колиска*; мать прерывала пѣнье... и горячія, сердечныя слезы капали на его лицо; мать брала его на руки, повитого въ лохмотья, и плелась съ нимъ на панщину въ зной и ненастье.

Подростая немного, онъ уже слушалъ козацкія пѣсни и разсказы стараго дѣда, — современника, а быть можетъ, и сподвижника Гайдамакъ, — который выводилъ передъ его глаза кровавыя сцены, полныя ужаса и отваги. Все закаливало эту душу. Жизнь его, отъ рожденья, была наполнена то горемъ, то драмой, то поэзіей. Всѣ житейскія бѣдствія были для него не слухомъ, а дѣйствительностью; нищета и жалкая доля преслѣдовали по пятамъ и его, и все, что́ было ему близко. Поэтическая и дѣйствительная жизнь народа нераздѣльно отпечатлѣвались на его душѣ.

Слѣпая судьба рано взяла его въ жесткія руки, и не давала его сердцу отдыха. Оторванный нѣкогда отъ родины и семейства, заброшенный далеко отъ друзей, онъ долго изнывалъ одинокій, въ пустынѣ, въ глуши, но никогда не жаловался на свою судьбу, никогда не говорилъ о своихъ страданіяхъ.

»Невсипу́ще горе« не измѣнило его; онъ остался чистъ сердцемъ,—онъ былъ вполнѣ человѣкъ,—во всемъ значеньи этого слова. Поэтъ, гражданинъ, живописецъ, траверъ, пѣвецъ, — онъ вездѣ шелъ честно и разумно.

Эти дарованія совмѣстились въ немъ сколько на отраду и отдыхъ въ тяжелой жизни, столько и на еще горчайшее сознанье своего безотраднаго существованія. У другаго въ жизни можно сосчитать дни горя, у него—счастливые дни.

Для Шевченка настали свѣтлыя минуты, когда, послѣ 10-ти лѣтней разлуки, онъ свидѣлся съ друзьями, съ родиной, съ родными.

Нѣжная, теплая душа его была благодарна каждому, кто любилъ его. Благодарность за участье не покидали его никогда. Обвиняемый нѣкоторыми въ неблагодарности, онъ горько былъ этимъ оскорбленъ. Однажды онъ писалъ та́къ: «Пригрезилось, будто я освобожденъ отъ крѣпостнаго состоянія и воспитанъ на чужой счетъ. Откуда эта нелѣпая басня—не знаю. Знаю только, что она не дешево мнѣ обошлась.»—

За мою заочную любовь къ нему, Шевченко встрѣтилъ меня, при первомъ знакомствѣ, братскими объятіями, не отходилъ отъ меня, ласкалъ дѣтей, приходилъ ко мнѣ ночью и безъ церемоніи будилъ, желая насмотрѣться. «Какъ я радъ, что вижу васъ и ваше семейство,» говаривалъ онъ. Дѣти мои, которыхъ онъ прежде никогда не видалъ, трогали его до слезъ, называя по имени съ перваго свиданья: они знали его по портрету. Не время сближаетъ человѣка, а сочувствіе. Мы съ первыхъ сло́въ были одна семья. Пользуясь такою открытою любовью, я позволилъ себѣ высказать Тарасу Григорьевичу все мое опасеніе за дальнѣйшую судьбу его и развернулъ предъ нимъ его будущіе, еще мрачнѣйшіе, дни. Слёзы навернулись на глазахъ его, онъ утеръ и всхлипнулъ:» Правда... *О, крий Боже! крий Боже!...*»

Здоровье поэта — художника видимо разрушалось. Грусть и душевная тоска, недовольство собою, недовольство жизнью, одолѣвали его. Онъ рѣдко смотрѣлъ въ глаза... На горизонтъ его надвигалась мрачная туча и уже понесло холодомъ смертельной болѣзни на его

облитую слезами жизнь. Онъ все еще порывался видаться съ друзьями, все мечталъ поселиться на родинѣ... и чувствовалъ себя все хуже. Утромъ, 26 февраля, въ половинѣ 6-го, не стало Шевченка...

Приведемъ простой, теплый и вполнѣ достовѣрный разсказъ А. М. Лазаревскаго о послѣднемъ днѣ жизни поэта:

«Тарасъ Григорьевичъ началъ чувствовать себя нехорошо съ осени прошлаго года. 23-го ноября, встрѣтившись у М. М. Л. съ докторомъ Э. Я. Бари, онъ жаловался особенно на боль въ груди. Докторъ, выслушавъ грудь, совѣтовалъ Тарасу Григорьевичу поберечься. Съ тѣхъ поръ здоровье его плошало со дня на день. Январь и февраль просидѣлъ онъ почти безвыходно въ комнатѣ, изрѣдка только посѣщая короткихъ знакомыхъ. Въ это время онъ продолжалъ заниматься гравированіемъ, писалъ копію съ своего портрета, бывшаго на выставкѣ, и началъ портретъ одной дамы; послѣдній сеансъ былъ въ концѣ января; онъ весело и спокойно работалъ съ 12 до 4 часовъ.

«Въ субботу, 25-го февраля, въ день имянинъ покойника, первый посѣтилъ больнаго М. М. Л. и засталъ его въ ужасныхъ мукахъ. По словамъ Тараса Григорьевича, съ ночи у него началась сильнѣйшая боль въ груди, не позволявшая ему лечь. Онъ сидѣлъ на кровати и напряженно дышалъ. *Напиши брату Варѳоломею*, сказалъ онъ Л., *що мені дуже недобре*. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ г. Бари. Выслушавъ грудь, докторъ объявилъ, что водяная бросилась въ легкія.

«Муки страдальца были неописанныя; каждое слово стоило ему страшныхъ усилій. Мушка, положенная на грудь, нѣсколько облегчила страданія, и ему прочли поздравительную депешу изъ Харькова, отъ П. Трунова; *спасибі*! только и могъ сказать покойникъ. Потомъ попросилъ открыть форточку, выпилъ стаканъ воды съ лимономъ и легъ. Казалось, онъ задремалъ; присутствовавшіе сошли въ его мастерскую (*).

Около трехъ часовъ, Тараса Григорьевича посѣтили еще нѣсколько пріятелей. Онъ сидѣлъ на кровати, каждыя 5, 10 минутъ спрашивалъ, когда будетъ докторъ, и выражалъ желаніе принять опій, чтобъ забыться сномъ. Отвѣчали, что докторъ будетъ въ три часа, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять началъ тосковать, спрашивая:—

(*) Т. Гр. умеръ въ домѣ академіи художествъ, въ своей мастерской. Постель его стояла на антресолѣ.

скоро ли пріѣдетъ докторъ. Сравнительно, ему было въ это время лучше. Когда остался у него одинъ В. М. Л., Тарасъ Григорьевичъ началъ говорить, какъ бы хотѣлось ему побывать на родинѣ, и что весной поѣдетъ онъ въ Украину... Ободряя больнаго, В. М. Л. приглашалъ его сдѣлать поѣздку вмѣстѣ съ нимъ въ южныя губерніи. Тарасъ Гр. слушалъ съ удовольствіемъ, охотно соглашался, замѣчая, что родной воздухъ возстановитъ его здоровье: «*Отъ якъ бы до-дому, тамъ бы я може одужавъ*». Нѣсколько разъ повторялъ онъ, какъ не хочется ему умирать. Въ это время г. Бари опять посѣтилъ больнаго, нашелъ его въ удовлетворительномъ положеніи и совѣтовалъ продолжать прописанныя средства. Больнаго оставили видимо успокоеннымъ.

«Въ 6 часовъ пріѣхалъ одинъ изъ друзей покойнаго съ докторомъ П. А. Круневичемъ. Больной былъ опять въ трудномъ положеніи. Онъ съ усиліемъ отвѣчалъ на вопросы доктора и, казалось, сознавалъ уже безнадежность своего положенія.

«Къ 9 часамъ пріѣхали снова гг. Бари и Круневичъ. Они еще разъ выслушали грудь больнаго: вода продолжала наполнять легкія. Для облегченія страданій, поставили другую мушку. Вслѣдъ за симъ, больной получилъ вторую поздравительную депешу, изъ Полтавы: «Батьку! Полтавці поздравляютъ любого кобзаря съ имянинами и просять: утни, батьку, орле сизий! Полтавська громада». Выслушавъ ее, больной сказалъ: *спасибі, що не забувають*. Депеша, видимо, обрадовала его. Затѣмъ доктора сошли внизъ. Оставшимся при немъ друзьямъ Т. Гр. сказалъ: *чи не засну я, — возьмить огонь*! Но минутъ черезъ пять онъ отозвался: *хто тамъ?* и когда на зовъ его явились, то онъ просилъ воротить г. Бари и сказалъ ему: *у меня опять начинается пароксисмъ: какъ бы остановить его!* Положили на руки горчишники.

«Въ половинѣ 11-го, Тараса Григорьевича посѣтилъ М. М. Л. съ другимъ пріятелемъ; они нашли больнаго сидящимъ на кровати безъ огня; ему было очень тяжело. На замѣчаніе М. М. Л., что, можетъ быть, они его стѣсняютъ, Т. Гр. отвѣчалъ: *и справди такъ; мині хочетця говорить, а говорить трудно*. Его оставили одного.

«Почти всю ночь провелъ онъ сидя на кровати, упершись въ нее руками: боль въ груди не позволяла ему лечь. Онъ то зажигалъ, то тушилъ свѣчу, но къ людямъ, бывшимъ внизу, не отзывался.

«Въ 5 часовъ, онъ попросилъ оставленнаго при немъ М. М. Л. слугу сдѣлать чай и выпилъ стаканъ со сливками. *Убери же ты теперь здѣсь*, сказалъ Т. Гр. слугѣ, *а я сойду внизъ*.

»Сошелъ Т. Гр. въ мастескую, охнулъ, упалъ, и—въ половинѣ 6-го—нашего дорогаго, роднаго поэта не стало!..«

Изъ бѣдной комнатки покойнаго распространялась страшная вѣсть по Академіи,—разливалась далѣе, далѣе, и пошла, по городу, отыскивая друзей и братій, каждому нанося рану въ сердце.

28-го февраля, утромъ, была похоронная обѣдня. Тяжело, невыносимо—мучительно было прощанье, но, не смотря на то, какое-то отрадное чувство и свѣжесть вѣяли на душу. Храмъ былъ полонъ. Всѣ соединились братски въ одну печаль, въ одно воздыханіе. Благоговѣніе къ покойному и ненарушимая тишина были кругомъ. Тутъ не было лицемѣрія: непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку крѣпко сдружили насъ.

Невозвратимая утрата снѣдала тоской, давила грудь свинцомъ. Печальные и сраженные горемъ приближались мы, одинъ за другимъ, ко гробу, чтобъ надъ свѣжимъ еще тѣломъ усопшаго высказать его заслугу. Каждый и плакалъ и радовался, слушая публичную оцѣнку поэта-человѣка. Каждое сказанное слово былъ готовъ каждый изъ насъ повторить громко,—оно намъ всѣмъ принадлежало.

Мы помѣстимъ эти надгробныя слова безъ измѣненія и въ томъ порядкѣ, какъ они произносились. Пусть они напомнятъ тотъ грустный день, въ который такъ единодушно, такъ благородно, выразились и любовь и уваженье къ покойному Тарасу Григорьевичу.

СЛОВА НАДЪ ГРОБОМЪ ШЕВЧЕНКА.

I,

П. А. КУЛИША.

Нема́е зъ насъ ні о́дного досто́йного проректи́ рідне украінське сло́во надъ домови́ною Шевченка: уся́ си́ла и вся краса́ на́шоі мо́ви тільки ёму́ одному одкри́лася. А все жъ ми черезъ ёго ма́емо вели́ке й дороге́ намъ пра́во—оглаша́ти ріднимъ украінськимъ сло́вомъ сю дале́ку зе́млю.

Таки́й поэтъ, якъ Шевче́нко, не однимъ Украінцямъ рідний. Де́бъ вінъ не вмеръ на вели́кому Славянському ми́рові, чи въ Сербіі, чи въ Болгариі, чи въ Чехахъ, — всю́ди вінъ бувъ би міжъ своіми.

Боя́вся еси́, Тара́се, що вмрешъ на чужи́ні, мі́жъ чужи́ми лю́дьми́. Отъ-же, ні! Посередъ рі́дної вели́кої семьі спочи́въ ти одпочи́нкомъ ві́чнимъ. Ні въ ко́го зъ Украі́нцівъ не було́ такої семьі, якъ у те́бе; ніко́го такъ якъ те́бе на той світъ не провожа́ли. Були́ въ насъ на Вкраі́ні вели́кі вої́ни, були́ вели́кі прави́тели, а ти ставъ вище всіхъ іхъ, и семья рі́дна въ те́бе найбі́льша. Ти бо, Тара́се, вчивъ насъ не люде́й изъ сёго світу згоня́ти, не городи́ й се́ла опано́вувати: ти вчивъ насъ пра́вди святої животворя́щої. Отъ за сю́—то нау́ку зібра́лися до те́бе усіхъ язи́ківъ лю́де, якъ ді́ти до рі́дного ба́тька; черезъ сю твою́ нау́ку ставъ ти всімъ ім'ъ рі́дний, и провожа́ють тебе́ на той світъ съ плаче́мъ и жа́лемъ вели́кимъ. Дя́куемо Бо́гу свято́му, що живемо не въ такий вікъ, що за сло́во пра́вди люде́й на хреста́хъ роспина́ли, або́ на костра́хъ пали́ли. Не въ катако́мбахъ, не въ верте́пахъ зібра́лися ми сла́вити вели́кого чоловіка за ёго́ нау́ку пра́ведну: зібра́лись ми середъ бі́лого дня, середъ столи́ці вели́кої, и всёю грома́дою склада́емо ёму́ на́шу щи́ру дя́ку за ёго́ животво́рне сло́во!

Ра́дуйся жъ, Тара́се, що спочи́въ ти не на чужи́ні, бо нема́е для те́бе чужи́ни на всій Славьянщи́нії—и не чужі лю́де тебе́ хова́ють, бо вся́ка до́бра и розу́мна душа́ — тобі рі́дна. Бажа́въ еси́, Тара́се, щобъ тебе́ поховали́ надъ Дніпро́мъ—слову́томъ: ти жъ бо ёго люби́въ и малювавъ и го́лосно просла́вивъ. Ма́емо въ Бозі надію, що й се твое́ бажа́ння ви́конаемо. Бу́дешъ лежа́ти, Тара́се, на рі́дній Украі́ні, на узбере́жжі сла́вного Дніпра, ти жъ бо ёго́ имья́ зъ своміъ и́мьямъ на віки зъедно́чивъ... Ще жъ ти намъ зоста́вивъ оди́нъ завітъ, Тара́се. Ти говорив своій непоро́чній му́зі:

Ми не лука́вили зъ тобо́ю,
Ми про́сти йшли,—у насъ нема́
Зерна́ непра́вди за собо́ю...

Вели́кий и свяги́й завітъ! Будь же, Тара́се, пе́вень, що ми ёго́ соблюдемо́ и нико́ли не зве́рнемо зъ доро́ги, що ти намъ проложи́въ еси́. Коли́ жъ не ста́не въ насъ снагй твоімъ слі́домъ простува́ти, коли́ не мо́жна бу́де намъ, такъ якъ ти, безтре́петно святу́ю пра́вду глаго́лати; то лу́чше ми мовча́тимемъ, — и неха́й одні твої вели́кі ре́чи говоря́ть лю́дямъ во віки и віки чи́сту, немішану пра́вду!

II.

В. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. (*)

Обізве́мось до те́бе, батьку іще разъ нашою рі́дною материною мовою, що нею ти проспівавъ, на всю Украі́ну, свої думи про-

(*) Рѣчь эта была произнесена не вполнѣ.

рочи, що нею розважавъ некучу тугу свого чистого серця и ливъ у наші души огонь святий. Підіймемъ до тéбе свою тиху немощну річъ; рідна та щира, самимъ серцемъ проказана, дійде вона до тéбе: ти и мертвий її почуешъ.

Чи жъ справді замовкъ ти на віки? ... Замовкъ — и сумно стало округи насъ; здалось намъ, що найкраща, найголосніша струна нашого серця разомъ порвалась у грудяхъ, — що не стало поради вірної—батька у дітей, нема крила́ широкого прикрить и зогріть сиротъ... Такъ намъ здавалось,—а теперъ ми вже неймемо тому віри: бо не замовкне во віки твій голосъ міжъ нашимъ народомъ: мовъ луна неперестанна, оддаватиметця вінъ и намъ и насчадкамъ нашимъ, поки не замре у синівъ Украіни щирее серце, поки намъ миле рідне слово и громадське добро. За твоімъ лётомъ и ми полетіли— и вже не сгорнемо крилъ: підіймемось разъ и вдруге; будемо летіти якъ той голубъ Ноівъ, поки не знайдемо свого пристанища.

Хто́ жъ ти такий, що та́къ орудувавъ нами за життя свого, и правишъ душею нашею и зъ сії труни тісної? На що ти живъ у світі? чомъ не затерла тебе гіркая доля, якъ передъ тобою и за тобою позатирала вона чимало братівъ нашихъ убогихъ и безталанныхъ? Теперь, зрозуміли и свої и чужі, на що́ здався твій вікъ недовгий. Душа душу чуе; почула душа наша, за кого ти туживъ, за кого журився и побивався якъ осуженій, за кого серце твое любяче не знало упокою ніколи, и лило гарячи братні слёзи. Въ тихъ теплихъ слёзахъ твоіхъ були людськиі слёзи: угадавъ ти въ кого́ болить и що́ болить — и все росказавъ світу. Ти ввесь у твоіхъ пісняхъ прозорихъ и мощнихъ, якъ филя́ на морі; ввесь изъ твоімъ серцемъ высокимъ, кипучимъ и ніжнимъ, изъ твоею вічнёю тугою за долю людськую. Твої пісні—високе слово правди и любови — не для самого тільки твого народу.

Бачъ, скільки зібралось доброго люду коло тебе. Різнихъ батьківъ и різнихъ язиківъ, а всі якъ брати тобі рідні, бо ти всімъ жадавъ добра и правди, а для себе дождавсь — тільки тісної могили. Убога чужа хатина, старенька одежина — отъ усе, що скористувавъ ти своімъ життямъ гіркимъ. «Тільки ёго й доли, що рано заснувъ»...

«Ми не лукавили зъ тобою,» мовлявъ ти до своей долі: «ми просто йшли: у насъ нема зерна неправди за собою». Отсежъ и твоя слава вічня и скарбъ найдорогший: сёго вже ніщо и ніхто не одбере відъ тебе. Оце жъ и твій завітъ, для насъ, для твоіхъ синівъ-Украінцівъ. Якъ доживемо ми до того, що й объ насъ люде скажуть: «у васъ нема зерна неправди за собою», — оттогді настане тобі праведна наша дя́ка, и зъ чистихъ ділъ нашихъ спорядится тобі віковічний памьятникъ. — А поки-що́—оддихай, батьку, по твоімъ життю тяжкимъ, а насъ, молодшихъ, благослови на неустанну роботу для добра Украни и всёго світу! —

III.

Н. И. КОСТОМАРОВА.

Смертный одръ усопшаго поэта не окружали ни родные, ни жена ни дѣти. Одинока была его смерть, напоминавшая украинскую пѣсню:

Ой, загинула козацькая головонька
Безъ роду—родини,
Безъ вірноі дружини.

Но гробъ его теперь окруженъ не чужими. Поэтъ не остался чуждымъ и для Великорусскаго племени, которое воспитало его, оцѣнило и пріютило въ послѣдніе дни его, послѣ долгихъ житейскихъ страданій. На его закатъ блеснула прощальною улыбкою любовь,— не женская любовь, часто измѣнчивая и лукавая, а безкорыстная, святая любовь душъ, способныхъ понимать изящное.

Такова сила поэзіи! Въ какой бы исключительной формѣ ни проявлялась она, какъ бы тѣсно ни соединялась она съ народностью и мѣстностью, — ея общечеловѣческій смыслъ не можетъ укрыться и сдѣлается общимъ достояніемъ.

Шевченко не былъ только поэтомъ для Украины: онъ — поэтъ сельскаго народа, воспитавшій въ себѣ поэтическое вдохновеніе его существомъ, и передававшій его образованному міру въ прекрасныхъ безъискуственныхъ образахъ, добытыхъ имъ изъ сокровищницы своей богатой природы.

Простимся съ дорогимъ поэтомъ словами украинской думы:

Слава твоя не вмре, не поляже!
Буде слава славна
Поміжъ козаками,
Поміжъ друззями,
Поміжъ рицарями,
Поміжъ добрими молодцями!
Утверди, Боже, люду Руського,
Народу Християнського,
Зъ черню Дніпровою, Низовою,
На многиі літа,
До конця віка!

IV.

В. Ю. ХОРОШЕВСКАГО. (*)

Niech też Polskie słowo, krótkie ale serdeczne, zabrzmi przy twojéj trumnie, zacny Rusiński wieszczu! Tyś kochał swój kraj ojczysty, swój Dniepr siny, swój lud siermiężny, tyś tego ludu był dzielnym śpiewakiem; na łzę jego tyś zawsze łzą odpowiadał — cześć tobie! Tyś pono nie lubił Polaków, ale tę niechęć ku nim sprawiły w tobie dawne ich błędy, z których na lud twój, przez ciebie gorąco umiłowany, wielkie spłynęły cierpienia; więc téj niechęci przyczyna w tém leży:

«Żeś kochał wielu, żeś kochał wiele.»

Niechże przy twojéj trumnie wszelkie umilkną wyrzuty, niech tylko serdeczne brzmi słowo: cześć tobie! Za błędy ojców nie odpowiadają synowie; nie poruszajmy więc tutaj starych waśni dawno upłynionéj przeszłości; powiedzmy raczéj przy tych zwłokach braterskie „kochajmy się!“

Oby śmierć twoja, zacny Tarasie, i ten uroczysty a smutny obrzęd twojego pogrzebu, nowego życia były początkiem! Oby na twéj trumnie kilka przynajmniéj nienawiści ustało, i oby ten mały początek zradzał w przyszłości coraz więcéj wzajemnego zrozumienia się, braterstwa i dawnych krzywd zapomnienia, jak małe ziarnko do ziemi wrzucone obfity plon zradza. Byłby to najpiękniejszy wieniec na cześć twoją i najwspanialszy tobie pomnik, Tarasie!

Пусть также и Польское слово, короткое, но сердечное раздается у твоего гроба, достойный поэтъ Русинскій! Ты любилъ свой край родной, свой Днѣпръ синій, свой народъ сермяжный; ты былъ мощнымъ пѣвцомъ этого народа; на слезы его ты всегда отвѣчалъ слезами. Честь же тебѣ, достойный Тарасъ, честь тебѣ! Ты не любилъ Поляковъ, но нелюбье твое къ нимъ произошло въ тебѣ въ слѣдствіе ихъ давнихъ заблужденій, которыя низвели ниспавшія на народъ пламенно тобою любимый, большія страданія.... Нелюбья твоего причины въ томъ,

«Что ты любилъ многихъ, что ты любилъ много»!

Но пусть у твоего гроба умолкнутъ всякіе упреки, пусть здѣсь слышится одно сердечное слово: честь тебѣ!

За ошибки отцовъ не отвѣчаютъ ихъ дѣти, не станемъ же вспоминать здѣсь про старыя ссоры давно-минувшаго, а скажемъ лучше братское: «полюбимъ другъ друга!» О, если бы твоя смерть, почтенный Тарасъ, и этотъ торжественно-печальный обрядъ были началомъ новой жизни! О, если бы на твоей могилѣ умолкло хоть нѣсколько ненавистей, если бы это начало повело въ будущемъ къ постепенному взаимному, братскому уразумѣнію и къ забвенію давнихъ неправдъ, и принесло какъ зернышко, брошенное въ землю, обильный плодъ! Это былъ бы твой прекраснѣйшій вѣнецъ и величественнѣйшій памятникъ!

(*) Съ большимъ удовольствіемъ и признательностью помѣщаемъ здѣсь эту превосходную, благородную рѣчь. Она показала, что нашъ народный поэтъ внушалъ чувства справедливости соплеменникамъ нашимъ, возвышающимся надъ предразсудками.

V.

А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

Не въ степу, не на могилі—
Надъ Дніпромъ широкимъ—
Ти заснувъ есй, Кобзарю,
Вічнимъ сномъ глибокимъ.

Надъ Невою, підъ снігами,
При похмурнімъ сонці,
Ти полігъ еси, мій друже,
На чужій сторонці.

У головахъ не посадять
Червону калину,
Не привіта соловейко
Твою домовину...

Не закує и зозуля
Де-небудь въ куточку,
У цвітючімъ та пахучімъ
Вишневімъ садочку...

Кругъ тебе чужа-чужина...
Та не чужі люде:
Є кому тебе оплакать,
Є—и довго буде.

Покоління поколінню
Объ тобі роскаже,
И твоя, Кобзарю, слава
Не вмре, не поляже!

VI.

П. Н. ТАВОЛГИ.

Плачте очі, виливайте
До слёзини, до росини;—
Боже ти мій! Яка сила
Пішла въ домовину...

Се той лежитъ, що не треба
Було ёму зла́та;
Се той, що душу й тіло ’давъ,
Безъ плати, за брата;
І пі́снею сивий голубъ
Гувъ по Украі́ні,
Бився крильми объ могили—
Святні руі́ни;
То поли́не по садочкахъ—
Жалі́бно застогне
Зъ дівчиною, що одъ зради,
Якъ билина сохне;
Зъ удівонькою потужитъ,
Де дітокъ, якъ бобу,
Кричятъ: »хліба!«—а тутъ нема...
Хоть ізъ мосу въ воду!
Комужъ діло?—безталаннимъ
Все чужі́ люди;
А вінъ усімъ братікъ рідний,
Всіхъ приймавъ на груди,
І бідоту і всю въ злоти
Та гіркую долю,
Що позичинее лихо
Не дае покою.
Въ пі́сні его—янголъ плаче
Про людську недолю,
Кожну душу пригортае,
Якъ матуся доню;
Да такъ щиро, та прихильно
Зъ безталаннимъ тужитъ,
Що і камьянéе серце
Ростопитъ, порушитъ.

Не въ хоромахъ, не въ роскóшахъ
Смерть тебе постигла:—
У хатині орелъ сизий
Склавъ широкі крила;
Дві свити́ни красятъ стіни,
Да і то старенькі,
Плахоткою сестриною
За́пьяті гарненько,—
Тілки всёго!...

Ой не тільки—дивись скільки
Зібралося лю́ду

Різнихъ батьківъ і язиківъ...
Зовуть тебе къ суду!
Щожъ ви плачите, панове?
Суділе! судіте!
Про діла его громаді
Голосно скажіте;
Скажіть, якъ туживъ вінъ що-день
За тими хто плаче,
Якъ гримівъ звонами правди,
Якъ щире, козаче,
Серце ёго пало всюди
Божою росою,—
І прийшли ви еднатись зъ нимъ
Чистою слёзою!

Слёзи сіі дощемъ теплимъ
Кануть въ Украіні,
Розіллютця річеньками
І довго тектимуть.
Ізъ нихъ туманець, що-ранку,
На легенькихъ крилахъ
Буде летіть, нести росу
На твою могилу.
І ростиме та могила
Все въ гору, да въ гору
Широкая, та пишная—
Буде ій простору!..
Може злетишъ ти, нашъ любий,
На ясныхъ промінняхъ,
На могилу, щобъ глянути
Генъ! на Украіну.
Може узришъ: край веселий,
Пісня по всімъ полю
Про Тараса—і забудешъ
Свою гірку долю.

Гробъ не закрывали. Всякій спѣшилъ сорвать на память листъ съ лавровыхъ вѣнковъ, положенныхъ почитателями и почитательницами высокаго таланта и дѣлился этою послѣднею земною памятью. Гробъ несли безъ крышки до самой могилы; траурныя дроги ѣхали порожнія. Тихо, мирно шла густая толпа, наполняя всю улицу. Въ это время посыпалъ частый снѣгъ... «*Се діти послали зъ Украіни своі слёзи по батькові*», сказала одна Украинка.

Въ послѣдній разъ раздалась «вѣчная память»; гробъ опустили въ могилу; разошелся причетъ церковный; наступила совершенная тишина на полчаса: гробъ запаивали въ свинцовый ящикъ.

Здѣсь опять были сказаны рѣчи, которыя мы помѣщаемъ попорядку:

VII.

РІДНЕ СЛОВО Ѳ. А. ХАРТАХАЯ.

Чи мало зъ чимъ рівняли жисть чоловіка на сімъ грішнімъ світі! рівняли ії зъ каюкомъ, що плава по синёму морю, рівняли ії зъ банькою на воді... свята правда! схопився вітеръ, зірвалась буря, пішла горами хвиля... и баньці и каюкові—капутъ. Рівняли ії зъ билиною у полі, зъ высокимъ деревомъ, котрому черви коріння точуть,— и багацько де-зъ-чимъ рівняли... а я вже не ставъ! — Серце щемить, душа болить, волосся на голові дибомъ стоять; сумно, страшно, якъ спитаешъ себе—«що ти и чого живешъ»?

Усі люде виринають на світъ Божій, якъ и жодний, та не всімъ, якъ дѣ-кому, доля придалась. Доля, мовъ пьяний чоловікъ, що по ярмарку зъ пляшкою ходе; частуе всякого, хто на вічі попавсь: иншого до-верху налле, другому тільки чарку піднесе, а третёго и овсі обмене,—якъ лихоманка, не розбіра на кого наскіпатьця: чоловікъ чи панъ—ій все однаково. Вона не зазира нікому ні въ голову, ні въ душу, ні въ сердце. Инший до пяти ліквъ не тяме, — душа якъ вівця надъ сіномъ,—зъ старцівъ сорочку лупе, жуківъ безвинних ногами топче,—а вона до ёго льне и коржі зъ саломъ въ зуби тиче. Одинъ, для своеі користи, радъ усю громаду у старці пустить: вона его шануе. А иншій, (бодай не казать!) самъ про себе и думати не дума, не порива очей ні на срібло, ні на золото; его користь—правда свята, его щастя—діло добре: того й не добача, або ще и напуститця на ёго, неначе ій правда ёго у поперекъ лягла: муче ёго, вьяне, зъ нігъ валяе, таня его по світу, якъ ловець бирюка по-полю, не зна дѣ ему смерть подіять; зажене ёго у такі края, куди воронъ и кістки не занісъ-би. Зажене—бо силу мае. Доля орудуе чоловікомъ, якъ швець шиломъ: куди ввіткне, туди й лизь; якъ добрий козакъ конемъ:—куди п'аня туди іди. Правди у неі на шага не зберетця:

«Тому вона запродуе
Відъ краю до краю,
А другому оставляе
Те, дѣ заховають!»

Подякуемъ Богові, що вінъ не давъ намъ знати, що насъ жде за горами! бо якъ-би чоловікъ знавъ, дѐ ёго кості положуть, — не захотівъ би довго жити!

Сумно и страшно вимовить: «Тарасъ Григоровичъ умеръ!» а ще страшніше сказати: »На чужій чужині!« Україно, мати наша! дѐ твоя утіха, дѐ вітае и щò теперъ робе?.. Зомліли ніженьки, що по світу носили, зложились рученьки, що тобі служили, закрились карі очі, що на тебе, любуючи й сумуючи, гляділи, минулися думи и пісні! Переставъ твій Тарасъ слёзи лити, стомився, заснути зхотівъ. Матінко наша, Україно, степи наші, могили, Дніпръ широкій, небо наше сине! хто вамъ пісню заспівае и про васъ загадастця! хто васъ такъ щиро любитиме и за васъ душу полòжить! Тарасъ Григоровичъ—у труні, снаряженний на той світъ! Затихъ и замовкъ нашъ соловейко на віки! Україно, Україно! дѐ твій синъ вірний? Мова Українська! дѐ твій батько, що тебе тáкъ шанувавъ, що черезъ ёго и тебе щѐ більше поважати стали. Надумався, наплакався, та й годі сказавъ: тісно ёмý було на сімъ світі вінъ ёго й покинувъ....

Довго тебе, тату, на Україну вижидали; якъ дощику маеваго ждали,—теперъ перестануть! Якъ сонечко ясне, що зъ-за чорнихъ хмаръ визирае, показувавсь ти на рідній землі, та не довго въ ій вітавъ усе тебе доля на чужину закли́кала—и очі на чужині закрила, въ чужій землі, въ чужій труні тіло поховала. Снижъ, тату, поки правда зъ кривдою силу мірять буде, поки правда запануе на світі!..

VIII.

Н. С. КУРОЧКИНА.

Еще одна могила раскрылась передъ нами! Еще одна чистая, честная, свѣтлая личность оставила насъ; еще одинъ человѣкъ, принадлежавшій къ высокой семьѣ избранниковъ, высказавшихъ за народъ самыя свѣтлыя его вѣрованія, угадавшій самыя завѣтныя его желанія и передавшій все это неумирающимъ словомъ, — окончилъ горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убѣжденія и всякаго рода страданій.... Вся его жизнь была рядомъ испытаній; едва подъ конецъ ему улыбнулось счастье: онъ видѣлъ начало того общественнаго дѣла, къ которому стремился всей душой.... Не дожилъ онъ до осуществленія тѣхъ началъ, распространенію которыхъ способствовалъ своими пѣснями.... Но не будемте горевать объ этомъ... не о многихъ можно сказать какъ объ немъ: онъ сдѣлалъ въ жизни свое дѣло!

Счастье въ жизни было не для него,—его ждетъ другое, посмертное счастье—слава....

IX. (*)

ПЕРМИТЯНИНА ЮЖАКОВА.

Спи, страдалецъ, несчастный другъ бѣднаго народа! Не видалъ ты ясныхъ дней въ своей жизни, потому что туманомъ покрыта была Украина!—Но ты уснёшь на зарѣ свѣтлаго яснаго дня, въ виду земли обѣтованной.

Пѣсня старой твоей родины воскресла въ тебѣ и не умретъ!—Твой Кобзарь будетъ гулять по ней за тебя и, какъ правнукъ твоего дѣда, разскажетъ *про дáвню долю Украíни*!

X.

П. П. ЧУБИНСКАГО.

Еще одна потеря въ Славянскомъ мірѣ; еще одна могила на Славянскомъ кладбищѣ.

Угасъ великій поэтъ, угасъ человѣкъ, у котораго *не було зерна неправди за собою*. Но не потеряется это свѣтило посреди тѣней... Сравняется его могила—но его грустное существованіе, его *слова слёзи* не погибнутъ и далекіе потомки скажутъ о немъ: *недаромъ вінъ на свiтъ родився, свою Украíну любивъ!*

Приводимъ еще нѣсколько симпатическихъ стиховъ неизвѣстнаго *Псковича:*

XI.

Еще прекрасная скатилася звѣзда,
Еще могучая одна угасла сила!...
Нашъ милый братъ, ты ль насъ покинулъ навсегда?..
Украйна своего поэта схоронила...

(*) Эта, и слѣдующія рѣчи, не были произнесены.

Исхить же ты изъ сѣверныхъ болотъ
Священный прахъ поэта,— и въ землѣ родной,
Въ виду степей своихъ привольныхъ и цвѣтущихъ,
На берегу Днѣпра широкаго, сокрой...
То было пламенной мечтой поэта
И не нарушишъ ты высокаго завѣта,
— — — —

Разстались съ могилой только въ 5 часовъ вечера.

Тишина, скромность, общая грусть при погребеніи,—поднимали въ душѣ воспоминанья родныхъ украинскихъ похоронъ. Волненье чувствъ едва сдерживалось; украинки готовы были разразиться роднымъ плачемъ. Тянуло разстаться съ покойникомъ по-своему, хотѣлось оплакивать съ причитаньемъ, *голосить*. Казалось, духъ Шевченка утѣшился бы этими поэтическими рыданьями своихъ землячекъ. Этотъ порывъ въ украинкахъ былъ бы естественъ; незнакомыя лица замыкали имъ уста. Здѣсь, намъ кажется, мѣсто этому плачу. Пусть онъ выскажется, пусть огласитъ могилу—и дойдетъ на родину.

ГОЛОСІННЯ УКРАІНОКЪ.

I.

»Чого́ ти та́къ заду́мався–загада́вся, нашъ ба́тьку рідний! яка́ важка́ ду́ма обняла́ твою́ голо́воньку? Кому́ ти уруча́ешъ вдову́—Украіну и дітокъ своіхъ? Хто іхъ догля́не, хто привіта́е, якъ ти, нашъ го́лубе?! Хто замо́вить намъ таке́ те́пле и щи́ре сло́во, якъ твоя́ свята́ душа́ намъ оповідала!...

Бо́же!... Розівьютця садо́чки—а тебе́, мій го́лубе, и не бу́де! Защебе́че солове́йко, закуе зозу́ля— а тебе, нашъ жалібнику, и не почу́емъ....

Зъ яко́ї жъ стороні тебе́ наше со́нце, вітати? істи и пити не бу́демъ—тебе́, сиріт'ський нашъ ба́теньку, бу́демъ виглята́ти....

Хто жъ промо́вить до насъ душе́ю, хто ти́химъ своімъ сло́вомъ зжене́ тугу́ зъ нашого се́рця?... Ти у насъ бувъ ста́рший одъ усіхъ, а якъ заговоришъ, то, мовъ, найме́нший братъ. Річъ твоя́ ти́ха, а корила собі всю Украіну!...

Не треба тобі ні рідныхъ, ні хрещенихъ дітокъ, щобъ одпокутовать тобі мі́стечко на тімъ світі: ти самъ собі спокутувавъ страждучи по темныхъ братахъ своіхъ!... Не оглянулись ми, якъ ти уже й рушивъ на Божу доро́гу... мовъ заря вечірняя покотилася—замая́чила—геть, и—згасла!

И жупана на тебе́, якъ слідъ, не вложили, шапки зъ квіткою,

якъ поводитця, не спорядили! бояръ, світилокъ не скликали, всёго поізда твого красного великого не зібрали. *Весілля ти не мавъ и счастя не знавъ.*

Чи зналижъ ми, що ти на годиночку у насъ? »Оттáкъ и тáкъ,« кажешъ, »дітки, робіть...« а самъ уже и у Божого порога...

Якъ згадаю тебе, мій старший боярине, що ти й на моему весіллі співавъ–промóвлявъ и мене рідному слову вчивъ, то тáкъ и замліе мое серце!... Нікóли вже не буде ему спочинку, хиба на годиноньку, якъ паде на ёго живущая–цілющая роса—твоя пісня, и радісно и бóлезно змішаютця мої вірниі слёзи зъ твоіми чистими святими слёзами. Сповнивъ ти наше серце якимсь огнемъ неугасимимъ,—бажаетця любить и любить...

Скільки дівочихъ очей умиетця по тобі слёзою!... Поллютця вони по всій Украіні, якъ почують, що ти, орле нашъ, покинувъ гніздо свое, дітокъ своіхъ, навіки. Скільки сирітъ–покритокъ закуе зозуленьками по батькові, заступнику, оборонцю своему!

Накажи–жъ и моей матері,—сонечку моему, що зайшло одъ мене,—и батьку моему рідному: нехай виглядають и мене за тобою... Доки вже мені тутъ пробуватись, даремне землю вáжити, хлібъ чужий заідати да близькихъ серцю слізьми провожати!

Який же ти у мене дорогий бувъ да хороший? а щó я тобі угодного вдіяла! такé вже моé безталання....

Якъ згадаю, що твою головоньку весною калина не затінить, сонечко наше тепленьке не пригріе, соловейко не защебече надъ тобою, горлички, зозульки весною не прилетять, здаля́ дівчата веснянокъ не заспівають, запашними зіллями, мьятою, васильками, барвінкомъ, могили не вкриють своіми дівоцькими чистими слёзами іі не зросять... то ажъ серденько мое мрé, въ душі холоне!...

Скільки ти намъ одради давъ, а ми тобі...! Коли-бъ була знала, що ти несподіванно такъ насъ покинешъ, ябъ стояла підъ твоімъ порогомъ на–вколішкахъ, квилила-бъ, молила–бъ, слёзами-бъ его обмила, щобъ ти, мій незабутий, сподобивъ мене почуть ище разъ твое тихе, благословéнне, слово!..

II

Мій брáтіку, мій голýбоньку!.. мій брáтіку, мій лебéдоньку!.. Мій брáтіку, мій сóколе!.. мій брáтіку, моя утіхо!..

Комý ти насъ уручáешъ? И чогó ти на насъ россéрдився?.. Чи ми тобі щó-такé зробили, чи ми тобі щó заподіяли, що насъ ти покидáешъ?.. Прости́ менé, мій брáтіку, прости́ менé, мій голýбоньку!.. Тільки въ насъ булó утіхи, тільки въ насъ булó одрáди, щó ти, нашъ гóлубъ си́вий!... Мій брáтіку, мій голýбоньку... мій брáтіку, мій сокілоньку!... Куди́ ти одъ насъ відлітáешъ?.. То вже наші стéжеч-

ки, наші доріженьки заростуть, де ми тебе́ виглядáли, де ми тебе́ визирáли!.. Мій брáтіку, мій гóлубе сúвий!.. Хто насъ бýде научáти, хто насъ буде пораáжати!.. Да вже для насъ въ світі правди не буде лучче відъ тéбе!.. Мій братіку, мій голубоньку!.. Нікого жъ намъ тепéръ буде виглядати! Нікого намъ теперъ буде вижидати... Та ми булó підемо, та ми булó дúвимось.... а якъ побачимо, що мріе, до ми думаемъ—се ти! Наше сéрце, наша душа у тобі!

Та й устань, мій брáтіку! та й устáнь, мій голýбоньку! да й подивúся, якъ у тéбе багáцько гостéй понахóдило!... Твоі дружки, твоі світúлки прийшлú до тéбе... мій брáтіку, мій гóлубе!... Яке́ жъ у тéбе весільля смутне́ та невесéле! Які твоі світилкú и дрýжки смутнú та невесéли!... Устáнь же, порáдь же іхъ!... Встань порáдь же насъ, якъ імъ кóники сідлáти?... Да вже-жъ імъ кóники не сідлáти, та вже рушникú не давáти!

Мій брáтіку, мій голýбонько!.. відкілú тебе виглúдати! відкілú тебе́ визирáти! Чи зъ пісківъ, чи зъ долúнъ, чи зъ широ́кихъ украінъ?... Колú намъ сподівáтись тебе́? Чи къ Різдвý, чи къ Велúкодню, чи къ Святій-Неділоньці?... Къ Різдвý снігомъ занесé, икъ Велúкодню водóю залле, къ Святій-Неділонці травóю заросте́!... Чи къ Миколі?! — да й нікóли, мійбрáтіку, мій голýбоньку, мій сóколе сúзий!...

Якъ бýдуть пташки щебетáти, я бýду свого́ брáтіка виглядáти. Якъ бýде зозýля ковáти, я бýду свого́ брáтіка дожидáти.... Уже-жъ зозýля куé-ранкýе, да и ніхто зозýлі не чýе!... Мій брáтіку, мій гóлубе! мій брáтіку, мій сóколе я́сний!...

Мій брáтіку, мій гóлубе!.. Да кланяйся моій матінці, да клáняйся моій голýбоньці нúзькимъ поклóномъ та вірнимъ слóвомъ... щобъ насъ не забувáла!

Моя мáтінко, моя́ голýбонько! моя́ мáтінко, моя́ порáдонько! моя́ мáтінко, моя́ зозýленько!... И на-щó ви викликáете ёго до сéбе!... и чомý ви намъ ёгó не оставля́ете на потіху!?.. Моя́ мáтінко, моя́ голýбонько!.. Да й стрічайте ёго да й познавáйте ёго!—свого́ сúна сóкола! Вінъ несé до васъ вісточку одъ насъ, біднихъ спріточокъ!..

Приймáйте ёгó, пригортáйте до сéбе!...

Прощай, мій брáтіку! прощай, мій сокілоньку!..

Могила Шевченка находится на Смоленскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ иногда сиживалъ и задумывался покойникъ. Онъ даже рисовалъ это мѣсто.

Прощай, мой дорогой! какъ теперь вижу тебя—съ опущенною впизъ головою, руки въ карманы, глаза всегда грустные....

Выпущенный на волю, Шевченко ѣхалъ на параходѣ и три ночи

не смыкалъ глазъ. Оставивъ въ Астрахани свой наемный чуланъ, Шевченко отдыхалъ въ дорогѣ; онъ былъ успокоенъ дружескимъ человѣческимъ пріемомъ пароходной публики, отъ котораго давно отвыкъ. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: «Всѣ такъ дружески-просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю что́ съ собою дѣлать и, разумѣется, только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. Теперь только я сознаю отвратительное вліяніе десяти лѣтъ,—и такой быстрый и неожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною, теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ». Душа его была сильно встревожена: знакомые мотивы, малѣйшее чувство, — потрясали его до глубины души. Три ночи на пароходѣ вольноотпущенный буфетчикъ игралъ на дурной скрыпкѣ и Шевченко заслушивался его скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ, и писалъ: «Три ночи этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безвозмездно возноситъ мою душу къ творцу вѣчной красоты плѣнительными звуками своей скрыпицы. Изъ этого инструмента онъ извлекаетъ волшебные звуки, въ особенности въ мазуркахъ Шопена. Я не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ, сердечно, глубоко-унылыхъ пѣсень. Благодарю тебя, крѣпостнаго Паганини! Благодарю тебя мой случайный, мой благородный!....»

Ему даже не удалось дождаться того радостнаго дня, когда милліоны народа вздохнули свободнѣе....

Что́ прибавить ко всему сказанному? Малороссы, Великороссіяне, Поляки, мужчины, женщины, оплакали Шевченка. Оцѣнка частью сдѣлана, но вполнѣ оцѣнится поэтъ-художникъ не теперь. Полный разборъ его жизни требуетъ годоваго труда.

Онъ былъ живая пѣснь.... живая скорбь и плачъ. Онъ босыми ногами прошелъ по колючему терну; весь гнетъ вѣка палъ на его голову; покоя не было этому *вдовиному сыну*. Но иногда онъ возносился духомъ, пробуждалъ и зарождалъ, поддерживалъ и укрѣплялъ въ каждомъ — то пѣснію, то словомъ, то собственною жизнію— правду, и безграничную любовь къ *сіромъ*.

Вышедъ изъ простаго народа, онъ не отворачивался отъ нищеты и сермяги—нѣтъ, напротивъ!—онъ и насъ обернулъ лицомъ къ народу, и заставилъ полюбить его и сочувствовать его скорби. Онъ шелъ *по-пе́реду*, указывая и чистоту слова, и чистоту мысли, и чистоту жизни.

Какъ художникъ (въ прямомъ смыслѣ) онъ заслужилъ себѣ имя доброе и честное. И на этой дорогѣ онъ былъ одинъ изъ первыхъ обратившихся къ родному. Я напомню его давній художественный трудъ: »Живописная Украина,« — потомъ множество другихъ рисунковъ, и особенно: »Блуднаго сына«. Въ народномъ искусствѣ ни у кого не высказалось столько сознанья, столько силы, какъ у него. Тогда, какъ другіе ловили прелесть, съ спокойнымъ духомъ писали мирный уголокъ, свадьбу, ярмарку и проч.,—его духъ волновался, страдалъ, и выливался горькими слезами, которыя потомъ обратились въ безпокойное негодованье, залитое желчью.

— Нѣкоторые, знающіе Шевченка—какъ поэта—слегка, упрекаютъ его въ однообразіи. Упрекъ этотъ несправедливъ. Его поэзія была отголоскомъ жизни, однообразнымъ на столько, на сколько однообразна жизнь народа. Онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ, слишкомъ былъ близокъ бездольной *голоти*. Крѣпостное горе всегда стояло передъ его глазами. Душа его нашла себѣ одно созвучіе, одно подобіе—народъ.... Слова́ его замирали на устахъ,—вырывались одни рыданія.

Я не бачу счастливаго—
Все плаче, все гине...
И радъ би я сховатяся,
Аледе́—не знаю.
Скризь неправда—де не гляну...
Серце вьяне, засихае,
Замерзаютъ слёзи.....
И втоми́вся я, одино́кий,
На самій доро́зі.
Оттаке́-то! не здиву́йте,
Що во́рономъ кря́чу:
Хма́ра со́нце заступи́ла—
Я світа не ба́чу

—

Жизнь Шевченка, вся вмѣстѣ взятая, есть пѣснь. Это—печальное, высоко-художественное произведеніе. Вырванный изъ народа, онъ представляетъ собою самый поэтическій его образчикъ.

Добрый до наивности, теплый и любящій, онъ былъ твердъ, силенъ духомъ,—какъ идеалъ его народа. Самыя предсмертныя муки не вырвали у него ни единаго стона изъ груди. И тогда, когда онъ подавлялъ въ самомъ себѣ мучительныя боли сжимая зубы и выры—

вая зубами усы, въ немъ достало власти надъ собой, чтобъ съ улыбкой выговорить »спасибі«,—тѣмъ, которые объ немъ вспомнили вдали, на родинѣ.

Дружеское участіе оживило умирающаго. — Онъ отдалъ жизнь свою народу всецѣло и до смерти стоялъ у него на стражѣ, стремясь избавить его грамотой отъ нелѣпаго невѣжества и защищая отъ грозящаго ему насильственнаго просвѣщенья; трудовую свою копѣйку онъ отдавалъ на народъ. Съ какой радостью онъ встрѣтилъ первую Граматку Кулиша.—»Этотъ первый свободный лучъ свѣта, могущій проникнуть въ сдавленную крѣпостную голову«!... Онъ былъ сила, сплавляющая насъ съ народомъ. Онъ пробудилъ насъ къ новой жизни.

Замолкли его уста.... Смерть холодомъ легла на разумное широкое чело поэта. Несчастіе тѣшилось надъ нимъ. Развитіе его послужило ему только для горшаго уразумѣнія печальнаго своего существованія.

...Разрушительной силой смерти онъ отнятъ отъ насъ. Кто наслѣдуетъ его чудную пѣснь...

Засыпана твоя могила.

....Въ кругъ тебя все могилы и двѣ дѣтскія могилы подлѣ... бѣдныя, безъ вѣнковъ, безъ крестовъ...

Мы дорожили каждымъ словомъ поэта при жизни; теперь — это святой долгъ каждаго. Пусть каждый припомнитъ что-нибудь, — все теперь дорого. Пусть каждый послужитъ листкомъ для его вѣнка. Теперь время собирать его многозначущее жизнеописаніе. Отъ него мы не услышимъ ничего. Онъ съ собой унесъ многое на что недоставало у него силы разсказать. Онъ старался забыть свою жизнь, онъ скрывалъ ее—отъ друзей и отъ враговъ.

...Заховаю змію люту
Коло свого серця,
Щобъ вороги не бачили,
Якъ лихо смієтця...

—

... Нема ворогівъ у могили... Нѣтъ и не должно ихъ быть. Неотъ-кого скрывать печальныхъ дней Шевченка. Не въ смѣхъ они послужатъ, а составятъ славу и честь человѣка.

Л. Жемчужниковъ.

5 Марта 1861 г.

КОБЗАРЬ.

VII.

Минáють днi, минáють нóчи;
Минáе лiто; шелестúть
Пожóвкле лúстя.... гáснуть óчи;
Заснýли дýми, сéрце спúть;
И всé заснýло, — и не знáю,
Чи я живý, чи доживáю,
Чи тáкъ по свiту волочýсь,
Бо вже й не плáчу й не смiюсь....

Дóле, дé ти? доле, дé ти?
Немá нiякói!
Колú дóброi жаль, Бóже,
То дай злói, злói!

Не дай спáти ходячому,
Сéрцемъ замiрáти,
И гнилóю колóдою
По свiту валятись;
А дай жúти — сéрцемъ жúти
И Тебé хвалúти,
И Твiй свiтъ нерукотвóрний
И людéй любúти...

Стрáшно впáсти у кайдáни,
Умiрáть въ невóлi;
А ще гiрше — спáти, спáти,

И спáти на вóлі,
И заснýти на вікъ-вíки,
И слíду не кúнуть
Ніякого!.. однáково —
Чи жúвъ, чи загúнувъ....

Дóле, дé ти? дóле, дé ти?
Немá ніякóі!
Колú дóброі жаль, Бóже,
То дай злóі, злóі!...

VIII.

Не женúся на багáтій, бо вúжене зъ хáти;
Не женúся на úбогій, бо не бýдешъ спáти.
Оженúсь на вóльній вóлі, на козáцькій дóлі;
Яка бýде, такá й бýде,—чи гóла, то й гóла;—
Та ніхтó не розважáе, ніхтó не питáе:
Чогó болúть?и дé болúть? — самъ про тée знáешъ.
»У двóхъ«, кáжуть, »и плáкати — мовъ лéгше нинáче...«
Брéшуть лю́де,— лéгше плáкать, якъ ніхтó не бáчить...

IX.

Не завúдуй багáтому: багáтий не мáе
Ні прия́зни, ні любóви, — вінъ все те наймáе;
Не завúдуй могýчому, бо тóй заставля́е;
Не завúдуй и слáвному: слáвний дóбре знáе,
Що не ёгó лю́де лю́блять, а ту тяжкý слáву,
Що вінъ крóвью та слёзáми вúлле на забáву;
И молоді якъ зійдутця, то лю́бо, та тихо,
Якъ у раю́, — а дúвисся: ворýщитця лúхо...
Не завúдуй же нікóму, — дивúсь кругóмъ сéбе:
Немá рáю на всімъ свíті, — хибá-що на нéбі?...

X.

Ой крúкнули сíрі гýси
Въ ярý на ставý;
Стáла на все селó слáва
Про тýю вдовý.
Не такъ слáва, не такъ слáва,
Якъ той поговíръ,
Що заíздúвъ козáкъ зъ Сíчи
До вдовúна двíръ;
Вечéряли у свiтлúцi,
Медъ, винó пилú,
И въ кiмнáтi на кровáтi
Спочúти лягли́...

Не минýла слáва тáя —
Не мáрно пiшлá:
Удовúця у мьясни́цi
Сúна привелá...
Вúгодувала малóго,
До шкóли 'ддалá,
А изъ шкóли ёгó взявши,
Коня́ купúла;
А коня́ ёмý купúвши,
Сiдéльце самá
Самúмъ шóвкомъ вишивáла,
Злóтомъ окулá;
Одягла́ ёгó въ червóний
Въ жупáнъ дорогúй,
Посадúла на кóнпка:
»Гляйте, вороги́!
Подивiтесь!«—Та й повелá
Коня́ вдóвжъ селá,
Та й привелá до обóзу —
Въ вiйсько оддалá...
А самá на прóщу въ Кúївъ
Въ черни́цi пiшлá...

XI.

Чого́ мині тя́жко? чого́ мині ну́дно?
Чого́ се́рце пла́че, рида́е, кричи́ть —
Мовъ дитя́ голо́дне?..Се́рце моє́ тру́дне!
Чого́ ти бажа́ешъ? що́ въ те́бе боли́ть?
Чи ни́ти, чи істи, чи спа́тоньки хо́чешъ?
Засни́, моє́ се́рце, навіки засни́,
Невкри́те, голо́дне... а людъ навісни́й
Неха́й скаженіе... закри́й, се́рце, о́чи!...

XII.

Вітеръ въ га́і нагина́е
Ло́зу и топо́лю,
Лама́ду́ба, ко́тить по́лемъ
Перекоти́-по́ле...
Такъ и до́ля: того́ лама́,
Того́ нагина́е, —
Мене́ ко́тить — и де́ спи́нить
И сама́ не зна́е!...
У яко́му кра́і мене́ захова́ють,
Де́ я прихили́ся — на віки засну́?..
Коли́ нема́ до́лі, нема́ талану́,
То нікого й ки́нуть... ніхто́ не згада́е —
Не ска́же хоть на́-сміхъ: неха́й спочива́е, —
Тільки ёго́ й до́лі, що ра́но засну́въ...

Т. Шевченко.

НЕ ДО ПАРИ.

I.

Якъ не живи́, а ли́хо не мине́. Та́къ уже́ намъ Бо́гъ давъ, така́ вже до́ля на́ша....

Була́ въ ме́не небо́га; при мині вона́ й зросла́, бо сиротою оста́лася зма́лечку. Я й ба́тька и ма́тіръ її поховала́ и опла́кала; я й її ро́зуму навча́ла, и добра́ її гледі́ла. У не́і була́ и ха́та сла́вна, и селидьба, и скрині таки́ на коле́сахъ, що було́ перехи́лисся та й дна рукою не доста́нешъ.

Живе́ вона́ въ ме́не весели́нька собі, а хороша!.. така́ чорнобри́ва та ясноо́ка, та у́ста румя́ні, та стано́чокъ струнки́й! А що весе́ла була́, жартовли́ва!

И хазя́йка зъ не́і до́бра, роботя́ща. Якъ дійшла́ вона́ літъ своіхъ, то я безъ кло́поту хлібъ іла: вона́ й зро́бить усе́, и доглі́дить усього, и обміркує все, и ха́ту мині звеселить.

II.

Живемо́ ми отта́кеньки приязне́нько собі та лю́бо. Коли́ — ра́зомъ я помічати ста́ла, що Пара́ся щось сама́ собі ду́мае та ду́мае. Го́лосно словця́ не ска́же, ве́село не засмі́ється, не гля́не. И змарніла тро́хи.

Мині вона́ не признае́тця, а я не пита́ю. Ходи́ла вона́ и на у́лицю, и на вечорни́ці. Иде́ було́ й ска́же: »Тіточко-голу́бочко! я піду́ до дівча́гъ«, або́ тамъ куди́; а тепе́рь уже́ ви́пурхне зъ ха́ти, не пита́ючи ме́не.

III.

Одного́ ве́чора верну́лась вона́ така́ ти́ха, а весе́ла; хо́че ніби щось мені сказа́ти, и не ка́же.

— Що́, Пара́сю-голу́бонько? що́ тобі до́брого тра́пилось?

А вона́ все вару́етця мині сказа́ти, тілько гля́не та счервоніе. А я все наполега́ю: скажи́, та скажи́!

Вона́ вста́ла и гово́рить тоді: »Я, тіточко ми́ла...я вже ху́тко за́міжъ піду́«.

— Бо́же тобі поможи́! Неха́й Ма́ти Бо́жа ща́стя-тала́нъ даé!« Пита́ю, за ко́го вона́ ду́мае....

»За Семе́на Палія«.

— Охъ, дити́но моя́! чи то жъ до-па́ри? — кажу́.

»До па́ри, до лю́бої вподо́би!« одка́же мині го́рдо.

IV.

А Семе́нъ Палій то́й та бувъ на все село́ чудни́й та ди́вний. Багати́ръ бувъ, а живъ якъ убо́гі лю́де живу́ть. Вінъ було́ не придба́е, а втеря́е, ярмарку́ючи. Чи вінъ продае́, чи вінъ купу́е, то все не на кори́сть собі, уся́ке ёго́ ошука́е, аби́ хто схотівъ. Не те, щобъ вінъ бувъ та́къ-собі: розу́мна въ ёго голова́ була́, и сло́вомъ вінъ було́ впо́іть тебе́, якъ ме́домъ; а про те ди́вний, яки́йся ди́вний зъ ёго чоловіка́ бувъ. Таки́хъ люде́й я й не ба́чила. Було́ и́ноді на ёго ніби щось на́йде: лежа́тиме цілісінький день у горо́ді, на́че недужи́й, або́ нічъ проблука́е по степу́, по́ полю. Хто ёго́ зна́е, що́ ёму́!

V.

Отъ я й викладаю все те́е небо́зі. А вона́... Звісно вже, що дівчи́на не вважа́е ні на віщо, полюбивши. Лю́бить, то вже лю́бить. Хочъ и зна́е, що бу́де недо́ля, та не боїтця, — про свою́ до́лю байду́же!

Ра́дила я й проси́ла. Вона́ пла́кала, слу́хаючи; а до Палія Семе́на душа́ її — якъ той мете́ликъ до огню́: не одженешъ, не зу-

пи́нишъ. Що мині робúти? Не зва́жилась розлуча́ти, поблагословúла.

VI.

Та й сама́ ра́дувалась, дúвлючись на життя́ іхъ мúле та лю́бе. Прийду́ було́ до нихъ у гостúну — сидя́ть уку́пці. Що́ жъ то за щаслúві! що́ жъ то за хоро́ші! якъ я до ёго придивúлась, прилюбúлась, моя́ ма́тінко, — то вінъ мині за дитúну рідну ставъ. Такúй у ёго по́глядъ бувъ, така́ мо́ва, така́ краса́, що рідне тобі, та й го́ді!

Прибіжúть було́ Пара́ся до ме́не на хвилúночку.... Го́споди, яка́ весе́ла, яка́ щаслúва!

— А що́, Пара́сю?

»Та до́бре мині, тіточко-се́рдечко, до́бре мині! лю́бить вінъ мене́ ду́же. И кро́ку відъ се́бе не відпуска́е; все про́сить співа́ти. »Сіда́й коло ме́не, співа́й мині, пта́шко, співа́й!« Отъ я й співа́ю, а вінъ слу́хае та дúвитдя мині въ вічі.... Що́ то за о́чи Госпо́дь ёму́ давъ!«

— А хазя́йствечко — я́къ? — пита́ю.

»Та й хазя́йствечко нічо́го тепе́ръ. До́бре, все до́бре. Я вже такъ порядку́ю, такъ гожу́ ёму́!... А вінъ, тіточко, вінъ усе́ не дае́ ділá робúти, — ей-же-Бо́гу!.. По́раюсь тамъ коло пе́чи, або́-що, а вінъ: »Чого́ се такъ до́вго, Пара́сю?«—«Та я для те́бе, го́лубе, щобъ ти смашні́йше зівъ.»—»Байдуже́«, ка́же, »мині про те, се́рденько! Ось иди́ сядь коло ме́не, та обійми́, та бу́демо говори́ти, якъ у свíті жúти, якъ лю́де живу́ть у свíті«. И якъ почне́ вінъ, тіточто, розмовля́ти, то я й позабува́ю все, що тамъ роспочала́ робúти и що́ до чо́го. Схамену́сь, то ажъ со́ромъ, яка́ зъ ме́не господúня.... Тепе́реньки я вже розумніша ста́ла, по́раюсь, мію, шию.... А вінъ, дивлю́сь, и осмутніе, и похму́рий такúй ста́не, и не їсть, не пье нічо́го. А я прошу́, а я прошу́: »Та хочъ покошту́й, та хочъ губо́ю приторкнúсь! воно́ до́бре, не-абú-яке́.« — »Де жъ не до́бре, колú ти своіхъ ручо́къ доложúла, та ще й ду́мокъ!« ніби смію́чúсь изъ ме́не, гово́рить. А я ёго́ цілува́ти, — тоді вінъ изно́въ весе́лий.«

VII.

Я було́ радію, слу́хаючи того́ її щебета́ння. Не було́ й га́дки, щобъ усе́ те ща́стя у вели́ке ли́хо поверну́лось. Хочъ Пара́ся вже не вчаща́е до ме́не, якъ пе́рше, та я все ду́маю: »Се того́, що вона́ тамъ собі у ща́сті та въ роско́ші.« Ска́зано: *До́бре дя́дькові — то й Бо́га забу́въ!*

Отъ, яко́сь я зібра́лась та й пішла́ до ни́хъ у неді́лю. Ха́та зачи́нена. Я тоді въ садо́къ, и ба́чу — сидя́ть вони́ вку́пці, тільки чого́сь обо́йко невесе́лі; сидя́ть собі мо́вчки.

А садо́къ у нихъ по горі зеленівъ ажъ до самісінькоі води́. Попідъ садко́мъ річка ши́роко въ берега́хъ иде́. Но тімъ бо́ці жита́ половіють; чу́тко — млинъ ме́ле, и чу́ешъ и ба́чишъ — шумля́ть и хи́лятця ве́рби на гре́блі, и на все благи́й вітере́ць тя́гне....

Вони́ підъ гру́шою сидя́ть. Вінъ ди́витця куди́сь дале́ко, а вона́ на ёго. Підхо́жу — обо́е жахну́лись.

»Бо́же поможи́! Здоро́ві були́!«

»Про́симо!«

Віта́ють, гово́рять; а все мині здае́тця — щось не такъ воно́, якъ пе́рше було́. Поси́діла я въ нихъ, та й до до́му беру́ся.

— Проведи́ жъ мене́, Пара́сю, — говорю́ ій.

Вона́ й пішла́ мене́ прово́дити.

— Пара́сю, — кажу́: — чого́ се ви такі сёго́дні? Що́ вамъ таке́?

А вона́: »Нічо́го, тіточко, ей-же-Бо́гу нічо́го!«

И не сказа́ла. Такъ ми й попроща́лися.

Иду́ я собі та все ду́маю: »Чого́ вона́ така́ неспокійна ста́ла? Що́ тамъ у нихъ ко́ітця? А мо́же,« ду́маю, »посвари́лися тро́хи? То й поми́рятця, моі голубья́та.«

VIII.

И жду я ій, жду; а ій нема́. Хочъ коли́ на робо́ті й поба́чу, то на хвили́ночку.

— Чому́ не прийдешъ, не одві́даешъ?

»Прийду́, прийду́, тіточко!«

А сама́ все не йде, и вбача́ю — марніе та й марніе Пара́ся моя́.

Иду́ я зновъ до не́і. А зима́ вже моро́зами кріпки́ми укріпи́ла. Прихо́жу — вона́ въ печі роспали́ла, а сама́ сиди́ть на доли́вці — и го́лову схили́ла, и ру́ки опусти́ла. Чи жи́ва, чи не жи́ва?...

»Охъ, поби́ла мою Пара́сю лиха́я годи́на!« ду́маю.

— Пара́сю! — кажу́.

Тоді вона́ звела́сь и ста́ла, бліда́я й пону́рая.

— Скажи́ мині, дитя́ моє́, скажи́ свою́ приго́ду!

Вона́ мовчи́ть та на по́ломья ди́витця. А я прошу́, я прошу́ й пла́чу. Вона́ все тільки на те по́ломья ди́витця. И до́вго я проси́ла, а вона́ диви́лась; а да́лі, оберта́ючи до ме́не го́лову: »Чоловікъ не лю́бить!« промо́вила.

— Якъ не лю́бить, Пара́сю? Богъ исъ тобо́ю!

»Не лю́бить!« ви́мовила, та такъ зъ души́ я́кось ви́мовила, що одра́зу я віри поняла́.

»Пе́рше люби́въ, тепе́ръ не лю́бить.

— Що́ жъ, вінъ тебе́ обіжа́є? — пита́ю... Мо́же, бье?

»Ні, не бье, не обіжа́е,—тільки не лю́бить: не гля́не, не пожа́луе, не всміхне́тця..

— Що́ се вамъ ста́лося? — говорю́.

»И сама́ не зна́ю«, ка́же. »Я годи́ла ёму́, я люби́ла ёго́,—та до́ля моя́ така́я!«

— Мо́же, за що́ угнівався на те́бе?

»За що́? Хиба́ я не слу́хаю? Ото́ було́ у-лі́ті, якъ сидимо́ въ садку́, вінъ мині пока́зуе: »Диви́сь, яка́ вода́ чи́ста! я́къ у очере́тахъ гуде́ — слу́хай!...« То я спе́ршу було́ не дивлю́сь, не слу́хаю — не хо́чу. »Лу́чче я тебе́ поцілу́ю!« було́ кажу́ ёму́: »що мині тамъ диви́тись!...« Ба́чу, що вінъ здвига́е бро́ви, то я вже по́тімъ и прислуха́лась, и придивля́лась, на́че бъ то зро́ду того́ не ба́чила, — ёму́ на вго́ду. Зновъ, уме́ръ ту́тъ отто́й Лисе́нко, да вдова́ продава́ла худо́бу, — я проси́ла ёго́: »Купи́! де́шево ку́пишъ у не́і«. А вінъ мині: »Спрітськимъ добро́мъ забага́тіти хо́чешъ, Пара́сю!« А я ёму́ дово́жу, що все одно́ — ку́плять лю́де. »Та не ми!...« Ба́чу, що ёму́ слу́хати те́е чого́сь гірко, я й змо́вчала собі... Ні, тіточко, я ёго́ слу́хала, та се вже мині таке́ ща́стя!«

IX.

А тутъ са́ме вінъ увійшо́въ у ха́ту. Знявъ ша́пку, привіта́вся, а самъ го́рдий та похму́рий.

»Змерзъ!« ка́же.

Якъ схо́питця Пара́ся!... Дму́хае на ого́нь, и кожу́хъ ёго́ стру́шуе, и вье́тця, якъ го́рлиця, коло ёго.

А вінъ—таки́й хоро́ший, я й не ба́чила ёго́, здае́тся, таки́мъ,—простя́гъ, гріе ру́ки надъ по́ломьямъ черво́нимъ. А якъ Пара́ся наве́рнетця на ёго́ о́чи го́рді та смутні, одверта́е одъ не́і о́чі....

Хотіла я щось пора́дити, сказа́ти, та не сказа́ла ніче́го, — пішла́ собі додо́му.

И скі́льки вже я разъ хотіла до нихъ пітй, та якъ згада́ю— не піду́. Якъ згада́ю, що стоя́въ вінъ го́рдий та спокійний таки́й, ма́тінко!... Ні, не піду́! вже не помо́же!

Марко Вовчокъ.

ДЗВОНА́РЬ

Оце́ я тепе́ръ дзвона́рь стари́й и вбо́гий; а коли́сь не та́кимъ ходи́въ. Та що зга́дувати? га́дкою не зара́дисся. Та й жи́ти не скільки: на мою́ домови́ну давно́ вже десь ви́росло де́рево, та й переросло́; а на ва́ші домови́ни, мо́же, ще й рости́ не почина́ло. Що́ було́ моє́, те пройшло́ и би́ллямъ поросло́: а коли́ ча́сомъ згада́ється, то й не роспізна́ешъ, чи то самъ живъ и ба́чивъ, чи мало́му ма́ти въ ка́зці каза́ла... Такъ ні, — не ка́зка.

А була́ на́ша ма́ти дя́конка, ду́же бі́дна, и своїми рука́ми заробля́ла хлібъ на насъ на трёхъ — на ме́не, на сестру́ Га́лю, та на До́ку. Зна́ли ми тільки панотце́ву мо́гилку, а само́го не зазна́ли. Було́ йдемо́ у неділю до це́ркви, то ма́ти й пока́зуе намъ на яку́сь моги́лку, и ка́же було́: »Ото́ під бі́лимъ хресто́мъ вашъ ба́тько лежи́ть,« — то ми й зна́ли.

»А яки́й, ма́мо, вінъ бувъ?« було́ пита́емо.

— Вінъ бувъ до́брий чоловікъ, и лю́де ёго́ поважа́ли, — було́ ска́же.

»А въ чімъ ёго́ похова́ли, ма́мо?

— На́ що вамъ се знать, діти? Похова́ли ёго́ у чо́рній ри́зі и кади́ло положи́ли; а я ёму́ воло́сся розчеса́ла до сами́хъ пліч.

Було́ ма́ти жу́ритця, що нічо́го намъ не оста́вивъ пан-оте́ць у спа́дку.

А оста́лась після́ ёго хата та нові воро́та — не вспівъ и двора́ ти́номъ обнести́. И господа́рство не-яке́ було́: нічо́го не при́дбано; то всёго у люде́й позича́ли. А я ти́ми часа́ми підроста́въ: тре́ба було́ письма́ вчи́ти — а на які доста́тки? Салда́тъ Позіха́й-

ликъ, що хлопцівъ вчивъ, грішми не бравъ,—та яка́ ёго́ й пісьме́нність була́? Граматики́ усякі по верха́хъ чита́въ та часло́вець, а изъ псалтиря́ вмівъ одъ *Блаже́нъ мужъ* та до *Вскую шата́шася*. Та бувъ до́брий чоловікъ — и за те́ дя́кувати Го́спода.

Ото́ було́ й посадо́вить насъ коло стола́ на осло́ні, а и́ншихъ на ла́ві. Поберемо́ указки́ въ ру́ки — а указки́ робивъ самъ, такі́ мере́жені та до́вгі, и за ко́жну бравъ по га́рцю пшона́, або́ по ку́рці, — ото́ й ди́витця, чи такъ указки́ держимо́. Коли́ яки́й не такъ о́зьме, то було́ й гукне́:

»Ива́не! такъ баби́ ко́стуръ де́ржуть...«

Або́ до дру́гого:

»Роззя́во! такъ паничі виде́лкою курча́тъ за обідомъ штри́кають... Озьми́ звича́йненько, та прока́зуй свій стихъ.«

А самъ ся́де на поро́зі, або́ на дзи́глику та чо́боти ши́е. А бі́ля ёго́ пу́жка римінна.

»А ну, дяконе́нко, прокажи́-лише́нь свій стихъ.«

Се, бачъ, на ме́не.

То було́ поблагослови́сся хресто́мъ свяги́мъ и прока́зуешъ, ажъ по́ки не до́йдешъ до га́спидського *хвертъ-ирцй-кру, херъ-ирцй-кру,* — такъ тобі пу́га и вро́дитця передъ очи́ма, и язи́къ одеревеніе, — тільки ука́зка тру́ситця.

А любивъ мене́ Позіха́йликъ — ца́рство ёму небе́сне, — любивъ якъ рідного, а все було́ ля́сне пу́жкою по-за плічми, а въ и́ншого було́ й коло́дкою шпурне́.

»Оттако́і! Чого́ довбе́шъ, вра́жий си́ну, мовъ чума́къ галу́шки? Я тебе́...«

Скільки не довба́вся, а такъ на *словоти́тлі* й зачипи́вся. Тільки було́ ма́тері ли́хо: усе́ пла́че та мо́литця.

Та й самъ Позіха́йликъ не ду́же невго́ливъ насъ. Повчимо́сь було́ тро́хи, то вінъ и веде́ насъ до се́бе на горо́дъ—молоди́й бутъ поливати, — и поливаемо: а по́тімъ у лісъ до Старосе́лища — ри́би лови́ти, або́ зъ во́локомъ.

Самъ було́ ви́ріже намъ у́длища до́вгі та гнучкі, изъ брусли́ни; насу́че ко́жному бі́лої волосні, щобъ ри́ба въ воді у́дочку не ба́чила та не жаха́лась: наро́бе га́рнихъ по́плавцівъ, та не зъ окучи́, а зъ яко́гось де́рева, и посадо́вить насъ—кого́ між осоко́ю, де лини́ ло́влятця, кому́ між лата́ття звели́ть закида́ти, де окуні на со́нці гра́ють; и́нший краснопірокъ потяга́е; той себе·

лівъ та́ пліточо́къ; — а самъ сиди́ть міжъ очерета́ми, у́длище зъ до́брого дубка́, по́плавець ажъ на середъ о́зера, — сиди́ть та погу́куе:

»Пе́трику! не воруши́сь: у те́бе луски́рь клюе́, — тягни́!..«

И ви́тягне лускиря́.

»А! чо́ртівъ Гриць! яко́го о́куня впусти́въ... бу́дешъ тепе́ръ у ме́не до самі́сінького Маковія *Поми́луй мя, Бо́же*, вчить.«

А самъ ажъ очере́тъ лама́е! Тільки не до́вго се́рдивсь...

Оце́ якъ нало́вимо чима́ло, та въ казано́къ,—така́ до́бра ю́шка, що Го́споди! хто провинова́тився, тому́ хлібъ зъ водо́ю, а намъ и ю́шка й ри́ба.

»Іжте, га́спидські діти, на здоро́вья, та кістка́ми не подавітця. А ти, Гри́цьку, знай...«

— Та тожъ ви мого́ о́куня істе́, дя́дьку.

»То́-то — твого́...«

Та більшъ уже́ й не гніваетця: таки́й до́брий бувъ!

Яко́сь разъ сидимо́ ми надъ о́зеромъ, та на поплавці погляда́емо. А день бувъ ти́хий та те́плий: хочъ би тобі листъ на де́реві залепета́въ, и пти́ця не щебе́че — ти́хо. Тільки й чу́ти, якъ ри́ба проти со́нця ви́кинетця, плесне́ на со́нці, та я́щірки сухи́мъ ли́стямъ шелестя́ть поміжъ траво́ю, або́ чміль загуде́, и сти́хне.

Коли́ слу́хаемо, щось по́ лісу гука́е, да такъ дале́ко, що й го́лосъ ле́дві доно́сить, а да́лі все бли́жче та бли́жче. »А, дя́дьку, гу!., а, дя́дьку, гу!« тілько й чу́ти.

Инші зъ насъ хотіли відгукну́тись на го́лосъ, такъ Позіха́йликъ не звелівъ.

»Ци́тьте«, ка́же, »га́спидські!.. Катъ ёго́ зна, що воно́ таке́ е... Мо́же що́ недо́бре, то глядіть, коли́бъ не нагука́ли.«

Коли́ ви́йшло зъ лісу на поля́ну. Ди́вимось — ажъ то нашъ підтита́рий.

»Помага́йбі« ка́же, »Степа́новичу«!

— Спаси́бі,— ка́же.— Та не гомони́, дя́дьку: усю́ ри́бу поколо́шкавъ.

»Чи не зъ ва́ми тутъ дяконча́?«

— Зъ на́ми... А, бі́сівъ о́кунь!..

Мене́ мовъ уколо́ло.

»А на́ що вамъ ёго́?»

— Благочи́нний — ка́же — наіхавъ, то дяконе́нка, бачъ, те́е, ве́лено привести́. Вони́ сами́ зна́ють — на́ що.

»Оттако́і! се, бачъ, и мені тре́ба въ сло́боду йти.«

— То й йдіть, коли́ те́е...

Ото́ й пішли́.

Я йду, мовъ опе́чений, а мале́ се́рце такъ и стукоти́ть, — Ма́ти Бо́жа, якъ бо́язко,

»Се бъ то тебе́, хло́пче, у бу́рсу,—пи́сарь каза́въ,—коли́ не те́е.«

Воно́ жъ такъ и було́. Благочи́нний сказа́въ панімáтці, що бу́де за ме́не ходáтайствувати.

И походáтайствувавъ.

Ро́ківъ у два, либо́нь, у три, якъ у само́го благочи́нного підросли́ ді́ти, що вже тре́ба було́ й іхъ пісьмá вчи́ти, — и повезли́ насъ у го́родъ. Прощáючись, мáти ду́же плáкала та накáзувала, щобъ до́брий бувъ та слухня́ний, Бо́гу бъ моли́вся рáно й ве́чіръ, и мáтіръ не забувáвъ. И се́стри плáкали. Заплáкавъ и я трóхи.

Приіхали у го́родъ на четве́ртий день. Благочи́нний води́въ своіхъ ді́тей по начáлству, а я до́ма сидівъ. Дáлі й мене́ повели́ до ре́ктора.

»Якъ тебе́ зову́ть?« пита́е.

— Василько́мъ, — кажу́.

»Васи́лій... въ пáмять отця́ нáшого Васи́лія Вели́кого, Григо́рія Богосло́ва... тáкъ?

Я мовчу́, бо тоді ще не знавъ, що не Васи́лія Вели́кого, а Васи́лія Амасійского.

»А прозива́ють?«

Я мовчу́.

»Яки́й неговірки́й«, ка́же, »мовчли́вий — taciturnus... Такъ буде́шъ же ти — *Тацитýрновъ*.«

И ставъ я Василько́мъ Тацитýрновимъ — ажъ и до́сі. Тільки до́вго не втямку́ мені було́ се прізвище: оце́ було́ кликну́ть у шко́лі: Петръ Лякрименто́въ, Васи́лій Тацитýрновъ, — то я мовъ и не чую, бо усе́ забувáвъ собі на́ лихо, що я Тацитýрновъ. Таке́ чудне́ сло́во, бодáй ёго́!

И почали́ мене́ вчи́ти, та не такъ, якъ Позіха́йликъ вчивъ: не про́зьбою, ні гро́зьбою, а черво́ною лозо́ю та гнучко́ю верб о́ю. И би́ли жъ Тацитýрнова, Мáти Бо́жа, якъ би́ли! Та мало́му усе́ не на ли́хо: молоде́ тіло — шви́дко го́ілось; дитя́чі слёзи — шви́д-

ко висиха́ли; тільки на се́рці у дити́ни недо́бре накипа́ло. Недо́бре наси́ння — не добро́мъ и зіхо́дило. Та не одного́ мене́ би́то...

А я ти́ми часа́ми підроста́въ, та такъ же ху́тко! Вже сімна́дцятий рікъ, и я не дити́на, и въ ме́не ду́мки та га́дки: одна́ ду́мка на до́бре, дру́га на пога́не. Та нечисти́й нагада́въ намъ у бу́рсі гражда́нськихъ книжо́къ чита́ти, про мирські діла́ та про гріхи́ людськи́і. А на такі книжки́ запре́тъ бувъ одъ ре́ктора: »Лу́ччє«, ка́же, »гріхъ содо́мський, ніжъ се дія́вольське наважде́ніе: гріхъ по пло́ті — плоть скверни́ть, а писа́ніе сатанино́ ду́шу погубля́етъ.«

Воно́ жъ и мене́ на-віки згуби́ло.

Якось разъ сидимо́ ми собі бурсаки́ та чита́емо сі гріхо́вні псальми (я вже й не згада́ю, яка́ то кни́жка була́), сидимо́ та чита́емо, и́нші смію́тця, дру́гі мовча́ть та слу́хають, — мене́ нечи́стий и наусти́въ.

»Го́споди! якъ би я«, кажу́, »вмівъ такі вірші склада́ти, я бъ и въ протопо́пи не пішо́въ...«

— И такъ не підешъ, — озва́вся хтось тихе́нько за мно́ю.

Зиркъ, — ажъ оте́ць ре́кторъ стоіть середъ ка́мери, коса́ роспле́тена, до́вга — ажъ ни́жче пліч, — а самъ бі́лий, якъ кре́йда. Такъ усі й помертвіли.

»Сатано́, сатано́... сатано́!«

Я вставъ на но́ги, а но́ги не де́ржуть... усе́ заходи́ло передъ очи́ма, и мовъ те́мно въ ка́мері ста́ло...

»Сатано́, сатано́, сатано́!..«

Тільки я й ба́чивъ бу́рсу и вона́ мене́ ба́чила.

Мене́ ви́гнали... Го́споди, якъ-то вже пла́кавъ я передъ ре́кторомъ, щобъ не губи́въ мене́, ма́тіръ мою́ не вбива́въ, — не поми́лувавъ. Ви́гнали, якъ соба́ку.

Ви́йшовъ я зъ бу́рси — куди йти? де́ дітись? А вже бі́льшъ ні до ко́го, якъ до ма́тері. И пішо́въ. А було́ се у Петрівку, са́ме тоді, якъ лю́де траву́ ко́сять. Літо придало́сь до́бре, те́пле — ве́село йти. И мені було́ ве́село, бо малому́ ли́хо — півъ-ли́ха, а надъ те ще й додо́му йшовъ; а до́ма я не бувъ съ того́ ча́су, якъ мене́ у бу́рсу одвезли́. До́вго озира́вся я на го́родъ, ажъ по́ки не прикри́всь горо́ю: съ того́ ча́су я й не ба́чивъ го́рода, та бі́льшъ вже и нічо́го не ба́чивъ, окрімъ своє́і слободи́ та дзвині́ці... Ото́ жъ я и дзвонаре́мъ ставъ.

Чи скільки я тамъ ишо́въ — не згада́ю, а на шо́стий, чи на

сёмий день, зъ-за гори́, и на́ша це́рква ви́глянула. Тутъ я запла́кавъ, та й самъ не зна́ю, яки́ми слізьми. Го́споди!—йду ми́мо Старосе́лища, де съ Позіха́йликомъ коли́сь ри́бу лови́ли,—нема́ Позіха́йлика між очерета́ми, не стрими́ть зъ-за кущівъ ёго́ у́длище до́вге, чорно́клинове, и хло́пцівъ нема́е. А ри́ба, якъ и тоді, вираé на со́нці, и зозу́ля куé надъ о́зеромъ... Се́рце въ гру́дяхъ коло́тится, якъ не ви́скоче.

Оту́тъ я о́куня пійма́въ... И о́гнище бу́цімъ тілько вчо́ра зали́те: десь неда́вно ри́бу вари́ли... и муравьіння ціле, куди́ ми було́ червьяківъ ки́дали та кричали́:

Муравья́, муравья́!
Онъ Тата́ри йдуть,
Ва́шихъ дітей поріжуть,
И ва́ші подушки́ забері́уть!..

А отъ и о́зеро, таке́ жъ ти́хе, якъ тоді, коли́ ще я мали́мъ бувъ...

Пройшо́въ и Старосе́лище.

Ото́ у насъ ха́та то́питця, и димъ ви́дно; а то верба́ зеленіе у горо́ді въ Позіха́йлика, на́дъ крини́цею... Мо́же вони́ молоди́й бутъ поліва́ють...

Коли́ дивлю́сь, иду́ть мені на-зу́стрічъ изъ слободи́ дві дівчинки, височе́нькі та га́рні, якъ квіточки,—порівня́лись зо мно́ю та й приглядаю́тця, бу́цімъ пізнаю́ть мене́. Ставъ, и очя́мъ не йму́ віри...

»Га́лю! До́ко! ви мене́ не пізна́ли?«

— Васи́лечку! бра́тіку!..

Да такъ и повиса́ли въ ме́не на ши́и. Се жъ мої се́стри!

»Васи́лечку! відкіля́ ти?«

— Зъ бу́рси, — кажу́.

»Хиба́ жъ ти вже ви́вчився, бра́тіку?« пита́ютця.

— Ні, До́ко, — кажу́, — не ви́вчився. А ма́ти до́ма?

»До́ма«, ка́жуть. »А ми оце́ йшли по козе́льці, та тепе́ръ вже не підемо.«

— Яка́ ти, Га́лю, вели́ка ста́ла, висо́ка! и ти, До́ко....

»И ти, Ва́сю, вели́кий ставъ«, ка́жуть.

Прихо́димо додо́му. Ма́ти стоіть середъ двора́, закри́лась руко́ю відъ со́нця и приглядаетця.

»Се ти, Васи́лю?« ка́же.

— Я, ма́мо.

Перехрести́лась, а на самій лиця́ нема́. Я до не́і, а у само́го ру́ки й но́ги тру́сятця.

»Здоро́въ, си́нку«, ка́же, »якъ тебе́ Богъ принісъ?«

Я запла́кавъ.

Чи не прогнівивъ чимъ Бо́га, ди́тятко?« ма́ти пита́е: »чого́ пла́чешъ?«

Я мовчу́ та пла́чу. Жа́ль мені ії ста́ло и за се́бе сти́дно.

»Го́ді, Васи́лю: хиба́ яке́ ли́хо спітка́лося? кажи́, си́ну.

— Мене́, кажу́, ма́мо, ви́гнали зъ бу́рси.

А самъ пла́чу, пла́чу...

»Ви́гнали!... А за що?

— Я, ма́мо, книжки́ чита́въ.

»Книжки́ чита́въ? Такъ хиба́ за се виганя́ють?«

— Виганя́ють, кажу́.

»А якъ непра́вда твоя́?«

— Далебі, ма́мо, пра́вда.

»Такъ цуръ ій, га́спидській бу́рсі, прости́ Го́споди! Отъ, навіже́ні! за що дити́ну ви́гнали.«

Уве́чері прийшо́въ Позіха́йликъ. Поздоро́вкались. Мовъ ба́тька рідного я ёго́ поба́чивъ.

»А попо́мъ ско́ро бу́дешъ?« пита́е.

— Ні, — ка́жу, — нико́ли не бу́ду.

»Овва́!—А нужъ, ну, роска́зуй, якъ васъ тамъ вчи́ли, хто вамъ указки́ робивъ...«

— Тамъ, дя́дечку, — кажу́ — безъ указо́къ вчять.

»Оттако́і! безъ указо́къ! такъ цуръ же ій, ва́шій бурсі, отъ-що!«

А сестра́ Га́ля й ка́же:

»Тамъ, дя́дечку, и чита́ть не вели́ять. Василя́ за те й ви́гнали, що вінъ книжки́ чита́въ.«

— Э! шкода́, ка́же. Оце́, я ба́чу, и у васъ у бу́рсі таке́ жъ ди́во, якъ у насъ у полку́: и охвице́ри нічо́го не чита́ють... Такі жъ и попи́ зъ васъ бу́дуть!

Съ то́го ча́су я вже нігде́ не бувъ: такъ у слободі й оста́вся. Приста́вили мене́, спаси́бі імъ, до це́ркви дзвонаре́мъ — и отъ со́рокъ-сімъ літъ дзвоню́. Дзвонивъ и по ма́тері, якъ уме́рла, дзвонивъ, якъ и Позіха́йликъ вмеръ, и по се́страхъ дзвонивъ.

А хто по моій грішній душі задзво́нить?...

Д. Мордовцевъ.

1858. Саратовъ.

СИРІТСЬКИЙ ЖАЛЬ.

Охъ и жа́лю мій, ти мій жа́лю,
Охъ и жа́лю мій не пома́лу!
Упусти́ла до́лю, упусти́ла ща́стя,
Да уже́ й не піймаю.

Пішла́ у насъ поголо́ска, що дівча́тъ у *ко́мнати* бу́дуть набіра́ть. По дру́гихъ хата́хъ матірки́ тру́сятця, пла́чуть; а по мені й нікому, а сама́ я й байду́же; спроті не ва́дить: усю́ди го́ре.

Я сама́ собі — дакъ и не зна́ю: чого́ жаха́тьця, чого́ й ні. Ажъ и годи́на та впа́ла; іздить прика́щикъ той *сухо́перний* по селу́ (такъ ми ёго́ все зва́ли, бо вінъ у білому сухо́перному сиртуці ходи́въ), да й зганя́е насъ у дві́ръ. Де́вьять дівча́тъ насъ набра́ли. Привезли́, поки́нули въ ха́ті. Ждуть вони́, ждуть ті дівча́та — не кли́чуть до ко́мнатъ: хочъ би швидчъ кли́кали, то не такъ би въ го́лову шиба́ло. Де́які стоя́ть такі́ бадёри́сті, буває́ші уже́ при господа́хъ да попрошне́чувались, дакъ іхъ и попрого́нили, а дру́гі такі́ пону́рі стоя́ть, якъ вілъ про́ти ярма́. — Дакъ шо́ жъ, хочъ и мене́ візьмуть, — ка́же Лю́ба: — и піду́: тре́ба й пана́мъ послужи́ть! ищо́ й тебе́ бъ, Га́лю, або тебе́, Прісю, тре́ба взять у ко́мнати. — Спаси́бу, ка́жуть. — А та — якъ дерка́чъ, та́ бува́лая Лю́ба: — Спаси́бу, — ка́же, — за ри́бу, а за ра́ки — нема́ й дя́ки... Авжежъ васъ би двохъ тре́ба брать; изъ ва́шого ро́ду ще ніхто́ не бувъ при пана́хъ. — Інші смію́тця, що не по іхъ бу́де, дру́гі ла́ютця, а котрі й пла́чуть. Лю́ба си́читця: — цить, не плачъ, ку́пить ма́ма кала́чъ, ме́домъ пома́же, тобі пока́же — сама́ зсість. Обізва́лась Вівдя: каза́въ ци́ганъ: дми, не дми́ — не къ Різдву́ йде — къ Вели́кодню; попа́лись ми, якъ ра́ки въ я́теръ — не ви́плутаемся. — Лю́ба переби́ла: Мовчи́, глуха́, — ме́нше гріха́! — Чого́ ви! не журітця, дівча́та, — уда́рте ли́хомъ о́бъ землю, якъ я, — и пусти́лась *троя́на*, приспівуючи:

Танцю́й, кова́лихо,
Бу́де тобі ли́хо,
Танцю́й—не жури́сь, —
Ма́тері твоїй бісъ.

А Секле́та якъ ви́хопитця собі: —Неха́й, —ка́же—ти́ї пла́чуть, що за́міжъ иду́ть, — да про́ти не́і, да въ бо́ки:

Сухе́ лі́то було́,
Конопе́ль не було́.
На соро́чку не напря́ла—
Веретіна не було́!
Веретена́ були́ —
Поламали́ся;
На соро́чку не напря́ла —
Ліновала́ся.....

Да зновъ, —и ду́ху не переведе́:

На́ що менї музи́ки —
Въ ме́не свої язи́ки:
Я загра́ю, поскачу́
И нико́му не плачу́. —

Вівдя крузъ зу́би: —Курзу́-верзу́, Бори́сихо, дай куті на гре́чку... Показа́лися, чи що́?— пра́вда, що въ одного́ ли́хо ска́че, а въ другого́ пла́че. —А Секле́та зновъ почала́ преставля́ть, я́къ ото́ вона́ уже́ бу́де у па́нськихъ буди́нкахъ ходи́ть, изро́ду тамъ не бу́вши, да й пішла́—дрібъ-дрібъ дрібне́нько ходи́ть по ха́ті, да ви́простаетця та запу́таетця да й упаде́; и якъ у її въ рука́хъ бу́де гребіне́ць трясти́сь, якъ бу́де чеса́ть ба́риню. Тутъ и́нші дівча́та ще більшъ ста́ли журитьця, ще більшъ сімъ жалю́ завдала́. А зъ сёго да й до сміху дійшло́, якъ ви́ступила уже бува́лая Лю́ба преставля́ть справде́шне ді́ло, якъ пани́ ряду́чкомъ сидя́ть, и ото́ вже, щобъ поба́чить новобра́нку, води́ потре́бують, бу́цімъ-то пить схотілось усімъ ра́зомъ, якъ вона подала́—одні́й—та́ до губъ донесла́, да й поста́вила стака́нъ; и зновъ и дру́га па́ні: »*и мнѣ, дѣвочка, дай, пожайлуста*«, и тре́йтя, и усі такъ перебра́ли: »а у ме́не, — ка́же, — такъ и мути́тця въ голові: кому́ на пла́ття насту́пишъ—поволоче́шъ за собо́ю, кому́ ду́же ни́зько, або́ ви́соко *поднесъ* піді́ймешъ, а вони́—чи пьють, чи ні, — а черезъ стаканець, — ка́же, — ди́вляться, и чу́ю, — ка́же, — якъ ше́пчутця: »*хорошенька дѣвушка, да ище не натёрта*«... »Бо́же мій! — ду́маю: — що жъ то зна́чить: *не натёрта*? ще́ зо мно́ю бу́дуть щось робить! да якъ затру́сятця у ме́-

не ру́ки, якъ поко́титця стака́нъ зъ водо́ю, якъ ки́нусь я, — ка́же, — въ го́лосъ, да зъ ха́ти, а пани́ такъ и покоти́лись одъ сміху; а въ дру́гій ха́ті стара́ дівка ба́риніна мене́ перестріла да за у́хо, да такъ до́бре намъя́шкурила.« Такъ ми регота́лися зъ ії ро́сказнівъ!

— Оце́ жъ! — ка́же Лю́ба, — якъ до́вго не кли́чуть! нумъ спать ляга́ть, або́-що. — А послі й почала́ співа́ть:

Два півники, два півники
Горо́хъ молоти́ли;
Дві ку́рочки, дві ку́рочки
До млина́ носи́ли;
Козе́лъ ме́ле, козе́лъ ме́ле,
Коза́ насипа́е,
А мане́ньке козиня́тко
Ковші одбира́е;
Степа́нчичокъ пі́дъ ли́пкою
У ду́дочку гра́е,
А лиси́ця на поли́ці
Очи́цями лупъ, лупъ,
Изійшо́вши на сто́личокъ,
Ніженька́ми тупъ, тупъ.
А соро́ки білобо́кі
Пішли́ танцюва́ти,
А воро́ни, старі жо́ни,
Пішли́ догоня́ти;
А жураве́ль, підти́кавшись,
Пішо́въ перейма́ти.

Да підобра́вши по́ли й пішла́ по ха́ті вихиля́тьця, а за не́ю й дру́га ка́верзниця — Секле́та. Де й слёзи поділись — усі въ сміху́! ажъ вінъ, той сухо́перний, сусу́ль у ха́ту, — ми такъ и замліли. »Идіть, — ка́же, — до го́рниць.« Ми одна́ на'дну: иди́ ти, иди́ ти. Не зважемось ніякъ ити́. Сухо́перний насъ межі пле́чі, пе́рша розігна́лась — якъ спотикне́тця, и дру́га за не́ю сторчъ. Ми въ сміхъ, а сухо́перний и собі. По́ки дойшла́ до го́рниць, де́ той и сміхъ подівся... на́че руко́ю зняло́. Ду́мка за ду́мкою ку́питця; каза́въ би свою́ ду́мку — такъ и мо́ви нема́. Стоімо́ у дівочій,— не йде на́ша ба́риня. Чу́емо га́ласъ таки́й! Пани́ бала́кають, чашка́ми бряжча́ть, охъ, ли́шечко! да яко́го жъ іхъ бага́то! Дівча́та ка́жуть, »що́, якъ туди́ покли́чуть? — Стули́лись ми одна́ до'дніе́і бли́зче. Не йде ніхто. Дівча́та ко́мнатні смію́тця надъ на́ми, — уже́ позабува́ли, якъ самі колись трусились, — а у насъ се́рце я́къ

пти́цею не ви́лине. Ду́маемо: десь вони́ не ма́терині ді́ти, десь вони́ безба́тьченки — у бурьяні ви́росли,—уже́ й мені дошку́лило, и мені сирітськоі обі́дранноі своєі во́лі, да й то чого́сь ста́ло жаль. А вони́ стоя́ть такі весе́лі, у *пла́ттяхъ* уже́. Ажъ чу́емо, — ба́риня одклика́етця: — Палагéя! — Тутъ плаття́ниці почали́ штовха́тьця: »тебе́ кли́чуть.—Да ні, тебе́«. Ба́риня въ-дру́ге ду́жченько: —Палагéя!—Палагéя такъ и покоти́лась у *комнати*, якъ те́ перекоти́-по́ле, и вітромъ не доженéшъ. Відті́ль несе́ попередъ се́бе *подносъ* изъ чашка́ми, зъ стака́нами. Го́споди, — ду́маю, — якъ вона́ ёго́ й не впу́стить! я бъ такъ и бе́хнула объ помістъ, — я́къ у ії ру́ки не тру́сятця? Ско́ро вслідъ ви́йшла и па́ні. За не́ю й панъ; посто́явъ тро́шки и пішо́въ, а па́ні, поздоро́вкавшись, за́разъ одібра́ла між ва́ми тихъ, що уже́ були́ коли́сь въ *комнатахъ* и одділи́ла у-бікъ. »Васъ не тре́ба,« ка́же; »ви уже́ були́ у ко́мнатахъ.« Насъ сімъ зоста́лось. Па́ні й пита́е у кра́йнёі: »ти підешъ до ме́не въ услу́ги?« — У ме́не рідъ вели́кий, жаль ки́дать.—Па́ні до дру́гоі: »а ти підешъ?«—Ма́тері жаль. До тре́йтёі: »А ти?«—Ма́ти стара́, нездужае: нікому постіль послáть.—»А ти (усе́ підъ рядъ пита́ють)?—Ма́ти стара́: нікому за дробино́ю бу́де гледіть (а ії ма́ти, ба́чте, пти́шниця). Па́ні усміхну́лась.« А ти?« у ме́не пита́ють. Я мовчу́, — стою́, ка́жуть, бліда́ така́, якъ ху́стка. Мені, ду́маю, нікого покида́ть, нікому постілоньки слать. А па́ні кивну́ла голово́ю: »А ти? — до дру́гої (усе́ черго́ю йдуть). У ме́не ба́тько й ма́ти нездужають. — Дівча́та ти́і, що отді́лені — Ѳедо́ра й Лю́ба—такъ и загомоніли: »Нездужають! Оце́ лю́де! ніхто́ не хо́че послужи́ть господа́мъ: аже́ жъ ми служи́ли, — дакъ хто жъ служи́тиме!?« Па́ні й ка́же: »дакъ зна́ете — що́? поміркýйте ви сами́ між собо́ю, дівча́та, и рішіть, кого́ брать изъ васъ: я того́ й візьму́.« — И ви́йшла. Тутъ и почали́ дівча́та на насъ: »чому́ тобі, або́ тобі, не йти́! Да ще́ я́къ до іхъ ба́риня: якъ *і́мъ* завго́дно, якъ *іхъ* ми́лость (щобъ васъ звіръ иззівъ!); ще—*самі зъ се́бе вибіра́йте*!« Такъ и си́чутця до насъ, якъ чмара́ та. А ми стоімо́ мо́вчки и нічи́мъ не порішили. Мовчимо́, якъ стіна́, — ажъ одна́ — охъ! — а Секле́та: — да не вдво́хъ! — Изно́въ почали́ ми у мовчана́ грать, жу́римось. И зъ дру́гого кінця́ котра́сь: охъ, охъ! Секле́та зновъ: — не люби́ двохъ... —

Па́ніі довге́нько нема́. А Лю́бка: »зна́ете«, ка́же, »що́, дівча́та: бу́демо гуля́ть у *ку́ми*, у *кота́ и хазя́йки*«.—Атъ, чортъ зна́е що́,—

ка́жемо,—ви́думала; тутъ пла́кать хо́четця, а вона́ лізе. »Отъ, ка́же, дурні, тутъ-то й розважа́ть себе́!—Ажъ тутъ чу́емо, шамъ-шамъ пла́ття,— иде́ па́ні. Ми въ-ро́стичъ. »А що ви, дівча́та, поріши́ли діло?« пита́е пані. Мовчимо. — »Уже́ жъ когось тре́ба брать. Я бъ сама́ ви́брала, та не хо́чу васъ обіжа́ть. Ви зна́ете лу́чше 'дъ ме́не и доста́тки всякого, и душе́ю про́ти свого́ бра́та не покривите́. А я и не́хотя зроблю́ не гараздъ.«

Тутъ изновъ Лю́ба и това́ришка ії, Ѳедо́ра, обізва́лись:—отій би йти́, отій: у ії ма́ти зду́жае, — ще й се лито́ на жнива́ ходи́ла.... Да ти жъ за́міжъ підешъ, — такъ поки́нешъ свою́ ма́тіръ, — докладаю́ть: — и невістка у васъ молода́; торікъ весілля гуля́ли.... А у тіе́і и у тіе́і ба́тько зовсі́мъ зду́жае; а та зъ ро́домъ но́ситця, якъ зъ пи́саною то́рбою: ёго́ усю́ди зъ собо́ю не забере́шъ. — Па́ні й ка́же: »Да го́ді, не перебива́йте мені. Ну, дівча́та, не погнівайтесь же тепе́ръ: я сама́ собі ви́беру, коли́ сами́ не схоті́ли вибіра́ть. Па́ні сі́ла на сту́льці и почала́ кра́йню роспи́тувать: чи одна́ дочка́ у ма́тері, скі́льки у ії бра́тівъ, чи въ дво́рі, чи до́ма живу́ть; се́стри — чи за́мужомъ, чи въ дівка́хъ, брати́ — чи жона́ті, чи парубку́ють и чи зъ ма́тірью вку́пі живу́ть, — які́ ма́етки у ко́го, и скі́льки кому́ годъ, и яки́мъ ремество́мъ ору́дуе, и такъ уся́ку попита́ють и отді́лять. По́слі, помо́вчавши, поду́мали, да изъ сере́дини й ви́брали — мене́, сироту́, и ту дру́гу дівчину, що у іхъ невістка молода́, торікъ бра́та, и дочка́ ще дру́га е́ за́мужомъ. Лю́де каза́ли по́слі: — до́бре па́ні розсуди́ли, — е́ на ко́го ма́тіръ ки́нуть; а тій равно́ притулку нема́: вся́ке ії сми́кало, якъ горо́хъ при доро́зі. — Двохъ насъ и оста́вили. Тимъ усімъ па́ні ви́няла зъ гаманця́ гро́шей и намъ обо́мъ дала́ окро́ме. Съ того́ ча́су я й оста́лась у *ко́мнатахъ* до вісімна́дцятого го́ду.

Зма́лку тільки свого́ життя́ й зазна́ю, що все́ у кутку́ седіла: хто було́ захо́че, той мене́ и одглу́шить. Ма́ти вме́рла, — я по сёмому го́ду оста́лась, а ба́тько вмеръ — ще раній того́. Ба́тько яки́й бувъ роботя́щий! и день и нічъ усе́ було́ ро́бить: хто,-хто вставъ ра́но, а Ива́нъ уже́ вставъ, пісе́нь співа́е, а руба́нокъ тілько дж-ж-ж, дж-ж-ж, — а стружки́ якъ метелі́ здійма́ютця, а вінъ и ду́ху не переведе́, — сімъ и чахо́тку собі, ка́жуть, нажи́въ. Ще оце́ я зазна́ю — якъ я чимсь собі ру́ку урізала, дакъ ба́тько ла́комъ примо́чувавъ: тепе́ръ що згля́ну на

той шрамо́къ, дакъ и его́ згада́ю, — ца́рство ёму́ небе́сне! А ма́тіръ по тімъ зга́дую, що, було́, и насъ дітей зъ собо́ю забира́е, якъ иде́ въ двіръ на робо́ту. И на́ймичка у насъ була́ хоро́ша, а не повіря́ла на ії. Па́ні ду́же люби́ла мого́ ба́тька: було́ що-пра́зника своєі па́ски присила́е розговля́тьця; отъ, разъ присла́ли, вінъ бувъ недужий, — съ по́лу піднявсь: »розговля́йтесь«, ка́же, »ді́ти«, а самъ и вмеръ. Ма́ти въ холе́ру поме́рла; я недужа лежа́ла на печі, а тутъ дві ба́бі коло ма́тері сиділи. Одна́ й ка́же: »уме́рла Тетя́на!« а я якъ закричу́! а дру́га ка́же: »ні, ні, се вона́ засну́ла.« Усе́ мене́ дури́ли.

Якъ уме́рла ма́ти, якъ почали́ насъ грабова́ть — усе́ неробля́щий чортъ побра́въ, усе́ підъ се́бе підгорну́въ. Тепе́ръ уже́ моя́ хреще́на ма́ти мені роска́зувала — що́ добра́ уся́кого у насъ було́!.. Більшъ у сіхъ забра́въ сухо́перний. Поясівъ одні́хъ було́ дванадцять, ще́ некра́шенихъ; во́вни, оде́жини скільки, полотенъ: сама́ ма́ти наткала́; — скільки синя́токъ було́, хусто́къ, ря́денъ — все повиволіка́ли, — мене́ зоста́вили безъ усе́го. На́шу ха́ту оддали́ ку́черові; сухо́перний прислужи́вся, бо зъ нимъ пили́ й гуля́ли. Братъ маненький, одъ груде́й ще, вмеръ. Дру́га сестра́, чотирохъ годъ, у ку́чера жила́: вони́ зъ жінкою и ії згуби́ли, и на́шу ха́ту перевели́... Було́ въ іхъ тро́е діте́й... Сестра́ моя́ мала́, а вони́ на ії й наки́нули двохъ годъ хло́пця гледіть. Разъ, ото́, пішли́ въ го́сті, а вона́ ёго́ й забрала на пічъ да въ чімсь и не догле́діла. Прийшла́ кучери́ха до-до́му підпи́вши, и якъ вхопи́ла мою́ сестру́ зъ пе́чи—такъ вона́ й покоти́лась на пілъ, а зъ по́лу додо́лу: після сёго вона́ ско́ро и вме́рла... Отъ же Госпо́дь ій, лиході́йці, сёго́ й не зба́чивъ: *хочъ не скіре́нъ, та влу́ченъ*... Разъ поприхо́дили вони́ зъ весілля, обо́е уки́нувши. Той лігъ спать, а вона́ ще чого́сь пішла́ у хи́жу; верну́лась, полізла на пічъ, а на печі у насъ було́ віко́нечко зъ кваті́ркою; вона́ на ёму поста́вила кагане́ць, та й засну́ла. Кагане́ць догорівъ, гно́тикъ спавъ на вікно́, вікно́ занялось, а-делі ви́хопився ого́нь изъ кваті́рки и пішо́въ, пішо́въ чухра́ть очере́тъ кругомъ ха́ти! По́вна ха́та ди́му,—сплять вони́! Тутъ ишли́ лю́де, почали́ сту́катьця, наси́лу добуди́лись. Моска́ль убігъ въ ха́ту, съ пе́чи ії стащи́въ, ді́тей поколо́шкавъ; мале́, що́ зъ є́ю на печі було́, до полови́ни пузиро́мъ зняло́ся; двохъ більшенькихъ за ру́ки веду́ть, аж одно́ хлопья́ по шо́стому го́ду й ка́же ма́тері: »постій, ма́мо! чо-

бітóкъ одúнъ забýвсь, — и вúпурснувъ изъ рукъ; за нимъ, — шукáть, — налáпали въ дúму, чобітóкъ у руці, а воно́ неживé. Отó вóля Бóжа! Се, мóже, за мою́ сестрý такъ. Пóслі смéрти бáтька й мáтері и вонú, кáжуть, рýки погріли коло нáшого добрá: гаманéць знайшлú и шісьдесáтъ карбóванцівъ грóшей, щé звéрху й копіечка лежáла (то вже імъ на подзвінне), — та й затаíли одъ насъ. Усé у іхъ погорíло, усé — и нáша хáта, до тла. *Хто чужé берé, того́ й Богъ побьé...* Якъ мій бáтько ту хáту бувъ окукóбивъ! — »не менí«, — кáже, — »бýде, — такъ дітямъ моімъ«, — склинцювáвъ ій, грýзомъ набúвъ и обстáвивъ очерétомъ кругóмъ, щобъ теплíшъ. А садъ якúй хорóший бувъ! вінъ и невелúчкий — да зелéний, пахýчий: гáрний вишнячóкъ, дві я́блуні такі велúкі надъ самúми сіньми; грýша, лилия́су три кущі велúкихъ и рóзи кущъ: соловéй усé булó тамъ свúще, бо вонú такъ собі у кінці сáду стоя́ли; булó, тихéнько підíйдешъ, а вінъ заплю́щившись да я́къ свúще! Мáти насъ и одведé, щобъ не полóхали. — Сáжалка булá, — калúна кругóмъ понависáла такъ ря́сно, якъ дівóчі слéзи: то все бáтько понасáжувавъ. И тепéръ згáдую, я́къ булó гуля́ешъ... наймичка полóтна білить, а пóслі підъ вишнякóмъ сидúть — поясú плетé. Оцé булó я гребінку візьмý, привья́жý мúчку та й собі прядý, а бáтько кáже: »моя́ дочко, моя́ пáнночко! я одкуплю́ тебé, — на вóлю вúпущу; прядú мені на ятері — бýду рúбу тобі ловúти.« Піде рáно-рáно, язú позаставля́е, духú позакрива́е, вьюнівъ, карасівъ налóвить. А мáти кáже: »моя́ дóчко, моя́ пря́шечко! прядú на рушникú, на хусткú: оснуéмъ да вúтчемо.« Бáтько й скрúню гáрну на колéсахъ зробúвъ бувъ мені... Якъ-бú давъ Богъ, щобъ вінъ живъ бувъ, я бъ тепéръ нічúмъ не журúлась... *На жúто*, мовля́въ, *орáли, да й грéчки немáе...* Якъ ставъ вже кучеръ жить у нáшій хáті, садъ усóхъ: — недóглядъ! вонú ёго́ не садúли, дакъ імъ и не жаль, а бáтько, булó, вся́ку гілечку перещýпае, сухé пообпúлюе, пообмáзуе... По сáду, якъ пустúлась кýряча слíпота́, глуха́ кропúва, лопýхъ; по грядкáхъ свірíпа, гірчúця, — такъ и заглýхло все: підешъ у садъ — такъ въ репьяхú и вберéсся, — колю́чий зробúвся, мовъ іжáкъ... И людúна така́ буває, що до ёго й не доторкнéсся... зъ двора́ й собáки нáші позбігáли. Скóро й зовсімъ садъ вúрубали, бадúлля тільки стреміло. Тільки у хáті у іхъ такъ прехóроше булó! Божникú ще такъ, якъ при мáтері, булú... Дві скрúні стоя́ло, а

той шрамо́къ, дакъ и его́ згада́ю, — ца́рство ёму́ небе́сне! А ма́тіръ по тімъ зга́дую, що, було́, и насъ дітей зъ собо́ю забира́е, якъ иде́ въ двіръ на робо́ту. И на́ймичка у насъ була́ хоро́ша, а не повіря́ла на ії. Па́ні ду́же люби́ла мого́ ба́тька: було́ що-пра́зника своєі па́ски присила́е розговля́тьця; отъ, разъ присла́ли, вінъ бувъ недужий, — съ по́лу піднявсь: »розговля́йтесь«, ка́же, »ді́ти«, а самъ и вмеръ. Ма́ти въ холе́ру поме́рла; я недужа лежа́ла на печі, а тутъ дві ба́бі коло ма́тері сиділи. Одна́ й ка́же: »уме́рла Тетя́на!« а я якъ закричу́! а дру́га ка́же: »ні, ні, се вона́ засну́ла.« Усе́ мене́ дури́ли.

Якъ уме́рла ма́ти, якъ почали́ насъ грабова́ть — усе́ неробля́щий чортъ побра́въ, усе́ підъ се́бе підгорну́въ. Тепе́ръ уже́ моя́ хреще́на ма́ти мені роска́зувала — що́ добра́ уся́кого у насъ було́!.. Більшъ у сіхъ забра́въ сухо́перний. Поясівъ одні́хъ було́ дванадцять, ще́ некра́шенихъ; во́вни, оде́жини скільки, полотенъ: сама́ ма́ти наткала́; — скільки синя́токъ було́, хусто́къ, ря́денъ — все повиволіка́ли, — мене́ зоста́вили безъ усе́го. На́шу ха́ту оддали́ ку́черові; сухо́перний прислужи́вся, бо зъ нимъ пили́ й гуля́ли. Братъ маненький, одъ груде́й ще, вмеръ. Дру́га сестра́, чотирохъ годъ, у ку́чера жила́: вони́ зъ жінкою и ії згуби́ли, и на́шу ха́ту перевели́... Було́ въ іхъ тро́е діте́й... Сестра́ моя́ мала́, а вони́ на ії й наки́нули двохъ годъ хло́пця гледіть. Разъ, ото́, пішли́ въ го́сті, а вона́ ёго́ й забрала на пічъ да въ чімсь и не догле́діла. Прийшла́ кучери́ха до-до́му підпи́вши, и якъ вхопи́ла мою́ сестру́ зъ пе́чи—такъ вона́ й покоти́лась на пілъ, а зъ по́лу додо́лу: після сёго вона́ ско́ро и вме́рла... Отъ же Госпо́дь ій, лиході́йці, сёго́ й не зба́чивъ: *хочъ не скіре́нъ, та влу́ченъ*... Разъ поприхо́дили вони́ зъ весілля, обо́е уки́нувши. Той лігъ спать, а вона́ ще чого́сь пішла́ у хи́жу; верну́лась, полізла на пічъ, а на печі у насъ було́ віко́нечко зъ кваті́ркою; вона́ на ёму поста́вила кагане́ць, та й засну́ла. Кагане́ць догорівъ, гно́тикъ спавъ на вікно́, вікно́ занялось, а-делі ви́хопився ого́нь изъ кваті́рки и пішо́въ, пішо́въ чухра́ть очере́тъ кругомъ ха́ти! По́вна ха́та ди́му,—сплять вони́! Тутъ ишли́ лю́де, почали́ сту́катьця, наси́лу добуди́лись. Моска́ль убігъ въ ха́ту, съ пе́чи ії стащи́въ, ді́тей поколо́шкавъ; мале́, що́ зъ є́ю на печі було́, до полови́ни пузиро́мъ зняло́ся; двохъ більшенькихъ за ру́ки веду́ть, аж одно́ хлопья́ по шо́стому го́ду й ка́же ма́тері: »постій, ма́мо! чо-

одна въ комо́рі, моя́ — ба́тьківська. Долівка, було́, ма́жетця, лавки́ хоро́ші, чи ли́пові, чи дубо́ві, широ́кі... Усе́ сплило́!.. Корівъ у насъ три було́,—ба́тько та ма́ти запрацюва́ли,— поле́гкость іхъ душа́мъ! Коро́ви на́ші були́ га́рні, — між усіма́ пізна́ешъ. Якъ тепе́ръ ба́чу: ли́са, руда́ й си́ва; молока́ по-бага́то дава́ли, — до іхъ и відьмы́ не ходи́ли. Нашъ дідъ умівъ іхъ замовля́ть, — тілько тре́ба було́ три сло́ві сказа́ть, якъ ити́ дої́ть; вінъ мою́ й ма́тіръ навчи́въ. Було́ иде́ дої́ть, да й ска́же ті три сло́ва. А пішли́ на́ші коро́ви по рука́хъ, зроби́лись такі позахарчо́вувані, и молока́ ста́ли ма́ло дава́ть, бо вже й до іхъ ста́ли ходи́ть відьми́... Що́ ви ду́маете? якъ відьма на ко́го да розсе́рдитця, уже́ оддя́чить. Вона́ хоть чи́мъ, хоть чи́мъ перевернетця. У одніе́і жінки стоя́въ моска́ль, — отъ вона́ зъ імъ чого́сь и посвари́лась (а вона́ була́ відьма). Лігъ вінъ спать, вона́ й оберну́лась му́хою: гуде́ да й гуде́ — не дае́ ёму́ спать; отъ вінъ піймавъ ії, да у пля́шечку й зачини́въ. Встае́ чоловікъ тіе́і жінки, лежи́ть вона́ и не ди́ше (у іхъ тільки душа́ вили́тае, а ту́лубъ іхъ зостаётця). Чоловікъ та́къ жу́ритця, що вже світъ, а вона́ не ди́ше. Отъ моска́ль и ка́же: »коли́ вона́ заприсягне́, що та́къ робить уже́ більшъ не бу́де, то я ії тобі й ви́пущу.« Отъ чоловікъ знавъ, що ёго́ жінка відьма, и заприся́гся. Моска́ль тоді ви́пустивъ му́ху изъ пля́шечки, вона́ й загула́; а жінку ста́ли буди́ть, вона́ вста́ла и зарікла́сь. — А то одна́ відьма, неприрожде́нна, хо́дить да й хо́дить зъ то́го світу до своіхъ діте́й; у ії невістка була́, синъ жона́тий, дітки у іхъ були́. Невістка якъ лага́е спать — огради́ть, було́, хресто́мъ ха́ту, пілъ, дити́ну (колиска коло по́лу у нога́хъ ви́сить); отъ свекру́ха у-ночі якъ прийде, то но́ги то́пче-то́пче невістці: такъ ій ну́дно, що дити́на ви́сить у коли́сці, а досту-пи́тьця не мо́жна, дакъ іхъ такъ свекру́ха зануди́ла хо́дячи, що вони́ й ха́ту поки́нули, и попо́ві сказа́ли. Одкопа́ли я́му, — відьма лежи́ть бо́комъ, а кра́ска зъ лица́ якъ не прися́не: ка́жуть, якъ-би́ прийшли́ дві дочки́ да поте́рли черво́ною суко́нкою, то бъ засмія́лась. Гово́рять, що відьми́ й на Ли́су-го́ру злита́ютця змовля́тьця, де́ що́ робить. У насъ одна́ жінка хотіла навчи́тись відьмува́ть; отъ, и пішла́ до відьми, а відьма й ка́же: »Прихо́дь до ме́не въ глу́пу нічъ, да вже́ жъ у́чись.« — До́бре, ка́же. Прихо́дить та жінка. Відьма ви́йшла на крильце́ та якъ сви́сне! де та́я га́дина набра́лася: такъ сюди́ й лізе; а вона́ ка́же: »візьми́ й по-

дáй всяку гáдину...« Тá вже ій одкáзує: — усé тобі, голýбочко, оддáмъ, тільки пустú зъ душéю — не хóчу вчúтьця... То жъ відьмú встаю́ть зъ тóго світу, атó й такъ мерці хóдять. На русáльчинъ велúкъ-день дітéй и купатьця не пускáють, бо русалкú залоскóчуть. Насъ булó и въ кінéць сáду не пускáють, бо вонú и въ садý гуля́ють — усі гóлі... се все діти нехрéщені; у гай хочъ не потикáйся: хочъ и велúке, то залоскóчуть.

Оцé жъ якъ я забазікалась! Не про сé у насъ річъ булá...

Забрáли отó насъ *въ кóмнати*, — менí дóбре булó. Мóже й тогó, що *хто новóго не видáвъ, то и вéтошї радъ*; зовсімъ *не такúй чортъ, якъ їю́ малю́ють:* тілько разъ усёго менé панъ за ýхо стрепенýвъ, що бóса по морóзу бігала. Нудьгá тільки булá за отúми пьяльцями сидіть да шить: остогúділи вонú менí... Довелóсь менí двічі и на вечорнúцяхъ, и на дóсвіткахъ побувáть,— довелóсь и покохáтись, — да щó зъ тóго? *Скажú — лúхо, да и мовчú*. Такá вже дóля моя, що въ мéне не загостю́етця щáстя... А лю́бо згадáть и менí вікъ той недóвгий дівóчий...

Оцé булó якъ вісень, то вже дівчáта и парубкú такъ и пропúтують на селі, де якá вдовá живé да хорóшу хáту простірну мáе, щобъ ій просúть у *досвітчáні матері*, — да колú є у ій дочкá, то ще імъ и лýчче. Иноді й дівка старá бувáе досвітчáною мáтірью, отъ якъ котóра сиротóю зостáнетця, а хáта є; ій и обпрядýть и обсвітять, — такъ и підживé. Дівчáта, що-вівтірка и що-четвéрá, то й прядýть досвітчáній мáтері по три пáсми на двохаршúнне мотовúло, — а літомъ помагáють ій полóть, то однá, то дрýга, навперемінку. Оцé, булó, що-вéчора, якъ порá йти на вечорнúці, и чýешъ, то дівчáта, то парубкú й кричáть — ззивáють, когó тамъ немá: »точóкъ, точóкъ, побрáвъ хтось дівочóкъ!« а дівчáта кажуть — »парубочóкъ«, якъ дóвго звéчора не схóдятця. Оцé и схóдятця дівчáта и парубкú. Дівчáта й несýть и мукý, й я́йця, сáло, хлібъ: (матірки даю́ть),—а парубкú вжé горілку тільки. Дівчáта прядýть-собі, а парубкú — хто рукавúці плетé, хто веретéна рóбить, — хто зъ свистілкою: (хто съ чимъ прийшóвъ); роскáзують, хто щó бáчивъ, щó робúвъ, щó чувъ, абó й співáють, и якъ розжартýютця, то, якъ кому́, то й мичкú попáлють. Разъ, тáкъ жартувáвши, на вечорнúцяхъ дівку заплáкали. Жартувáли, жартувáли, а пóслі й кáжуть: »умрú, Гáлю: ми по тобі голосúтимемо.« Тá зъ сміхóмъ и лягла. Вонú зложúли ій рýки,—у до-

світча́ноі ма́тері взяли́ намітку и покри́ли іі, и ста́ли усі дівча́та доклада́ть: »Га́лочко й голу́бонько, стри́це на́ша! на-що́ жъ ти насъ поки́нула! якъ-би́ жъ ми зна́ли, що ти на оста́нній доро́зі, ми бъ тебе́ ряди́ли, ми бъ тобі годи́ли, ми бъ на те́бе якъ на со́нце гледіли. Погля́нь на насъ, я́сочко на́ша, засвіти́ своіми зо́рами, ясни́ми очи́ма!..« А парубки́ собі: »чого́ жъ ти, Га́нночко, да такъ запиша́лася! усто́нёкъ кали́новихъ своіхъ да й не одкри́ешъ, сло́вонька ти́хого да й не промо́вишъ!« Да́лі дівча́та вже и го́ді, — ста́ли іі буди́ть — не вста́е; вони́ іі зъ ла́ви волокти́, — ду́мка така́, що ду́рить, — а у іі й ду́ху нема́! Бо́же-світе, я́къ поляка́лися! тоді вже спра́вді въ го́лосъ уда́рились... Да то да́вня річъ...

Сла́вно бува́е по вечорни́цяхъ! Оце́, у неділю, насіння, со́няшнику понано́сять дівча́та, луза́ють,—горо́ху, сімья нажа́рять. Изъ парубківъ, хто ще не да́вно ставъ ходи́ть на вечорни́ці и на до́світки, той такъ особняко́мъ де́ржитця коло поро́гу, або́ за столо́мъ; а хто вже такъ, що й покоха́вся, той и сімья попро́сить, ся́де коло тіе́і дівчини, що лю́бить, — розмовля́е зъ не́ю, пісе́нь вку́пі співа́ють,—а тамъ уже́ й дру́гі и тре́йті собі пару́ютця. Дівча́та у квітка́хъ, такъ повбі́рані, а якъ зару́чена, то квітки и по всякъ день не здійма́е; танцю́ють зъ парубка́ми — тільки о́дляски йдуть, а музи́ці — та́къ кохъ и наски́дають гро́шей! Якъ ви́йдешъ, було́, за воро́та — тільки й чу́тно тра-та-та-та-та-та, — ве́село такъ! музи́ка гра́е... зітхне́шъ, та й підешъ до *ко́мнатъ:* нево́ля! не робо́та, а нево́ля... Скільки ті ко́рки та підківки́ насту́кають го́лову досвітча́ній ма́тері, що-неділі! Того́ тамъ, де дітей бага́то, не бува́е й вечорни́ць... По́слі парубки́ натаска́ють соло́ми по́вну ха́ту, світло поту́шять, й зостаю́тця съ тимъ, хто кого́ лю́бить, а одино́кі парубки́ — за шапки́ та й додо́му; чи світъ, чи зоря́, вже́ й повстава́ли; парубки́ соло́му ви́несуть, а дівча́та по своіхъ хата́хъ на робо́ту, въ помічъ матірка́мъ.

Да не вся́кого й при́ймуть на вечорни́ці... Разъ у на́шому селі біда́ ско́ілась. Оди́нъ бага́тий па́рубокъ, ще й сирота́, та дівчину піддури́въ; и вона́ тожъ бага́того ро́ду, у іі ще́ три сестри́ було́ й ма́ти. »Я, ка́же, на тобі оженю́сь«; звісно *якъ беру́ть — сто ко́ней даю́ть, а візьмуть — и одно́го не даю́ть;* та́къ и вінъ: не хо́че брать за се́бе дівчину (Івгою зва́ли). Що́ вона́ попожури́лась!... Вона́ зроди́ла си́на, а вінъ — чу́тка пішла́ — що на дру-

гóму кутку́ залиця́ється. Івга й ка́же: »ти ста́нешъ зъ не́ю підъ вінéць,—я прийду́ зъ дити́ною, зіпхну́ и сама́ на місце ста́ну«; а ма́ти въ судъ ста́ла жа́літься, такъ за безчéстє у єго одібра́ли па́ру волівъ и па́ру ко́ней, — да що́ зъ то́го!... обіди тоéі не зжене́шъ, усé па́мьять зоста́нется. Йде́ Івга село́мъ — ій страмля́ть матірки́; а парубки́ єго́ до сéбе не прийма́ють: вінъ одъ вечорни́ць два го́ди одби́тий бувъ. Ищé ій не вся́ біда сімъ скінчи́лась: понесла́ ба́ба до хреста́ дити́ну, а піпъ пита́е: »чи зако́нне? — Ні, пано́че. — А піпъ стро́гий бувъ, — я́къ за се нака́зувавъ! Ну, до́бре,« — ка́же да цілий пістъ вона́ й говіла, все у куто́чку стоя́ла, покло́ни би́ла... *Не дити́ні жъ со́ромъ, а ба́тькові*: то якъ у єго, зра́дника, о́чі не повиска́кували отъ стиду́ й жа́лю!.. *Хоро́ша чу́тка*, ка́жуть, *дале́ко чу́тна, а пога́на ще да́льше*. Та́ дівка, до котро́і вінъ присва́тувався, прочу́ла про се и не пішла́ за єго, й хустки́ одібра́ла. Отъ вінъ ду́мавъ, ду́мавъ, да й зновъ до пе́ршоі.

Ти верни́сь (мовля́въ), жінко, ти до любо́ви, ти й до розмо́ви,
Ти й правди́вая, ти й люби́мая!...

А вона́ ёму́:

Не верну́сь, му́жу, не верну́сь, дру́же,
Бо знуща́вся ти зъ ме́не ду́же...

Да ра́ди дити́ни вжé пішла́, — лю́де умо́вили.

Мені жъ такъ, якъ и ій, до́лі не було́, да й не бу́де вже. *Не було́*, ка́жуть, *зма́лку, то й до'ста́нку*. Пьять лі́тъ я послужи́ла въ ко́мнатахъ. Пани́ куди́сь повіялись у чужі зе́млі; мене́ опусти́ли. Я й жила́ у хрещéноі ма́тері, — да ско́ро ви́йшла зъ ко́мнатъ, мене́ за́разъ и змо́вили за хоро́шого чоловіка, за бага́того оди́нця: ёму́ ще й года́ не ви́йшли жени́ться, а ме́ні — вісімна́дцятий пішо́въ. Отъ, зроби́ли зару́чини; я подава́ла хустки́ и перейшла́ до єго́ ма́тері жить до віньця́, бо ма́ётки у хрещéноі ма́тері були́ не вели́кі. Жила́ я у іхъ, усé роби́ла и слу́халась, якъ ма́тіръ рідну; дотклива́ вона́ була́, — да що́, — ду́маю: — мені зъ ім жить, а не зъ не́ю. Отъ ви́йшли ёму́ года́, пора́ ла́дитьця намъ и къ весіллю, а вони́ тоді: »ми уже́ знайшли́ собі кра́щу дівку«... Ото́ — річъ!... Дава́й и мене́ гнать изъ ха́ти. Я—до єго́: »що́ се ти, Мики́точку! Бо́га бійся! чи я у те́бе зъ лиця́ спа́ла, чи бро́ви зносилися, чи робить забу́лася? Хай«, кажу́,

»твоя́ ма́ти Бо́га не ма́е въ животі, ато́ й ти за е́ю ручъ тя́гнешъ?«... Щожъ? *яке́ де́рево, такі́ й одро́стки.... Си́лою води́ не докопа́ешся*... »Не по Бо́жому«, ка́жу, »Мики́точку, ти ро́бишъ!.. Я не послідня була́ и не яка́-не́будь;—да́рма, що я вбо́га и худе́нька, якъ ги́чечка, а коло ме́не хло́пці ку́пцемъ: — знайшла́ бъ я со́бі й дру́гого не згіршъ его́! Я бъ імъ подя́кувала за-хлібъ за-сіль, да нічо́го бъ не сказа́вши, и геть изъ ха́ти, коли́ ви такі; хай вона́ імъ заллється. Да що́ жъ, коли́ моя́ лиха́ годи́на!.. А ма́ти его́ грозьбо́ю нака́зувала:» гля́діть же мені, ді́ти!...« та́къ-що, було́, й цілу́емось, захили́вшись за две́рі.... а́ тутъ... Таки́й-то невіра! Поки́нувъ! И повінча́вся зъ дру́гою, а я самохіть пропа́ла, — упусти́ла до́лю, — носи́ла свій со́ромъ, якъ ба́тьківщину. Світъ мені завьяза́въ, заівъ мій вікъ рожевий...

Ба́тько хреще́ний и на о́чі не пусти́въ, — цілий годъ я чужі двори́ща топта́ла, да вже якъ занеду́жала у лю́дяхъ, ба́тько й ма́ти прийшли́ й забра́ли мене́ зъ дити́ною до се́бе.

Та́къ-то я й добива́ю свого́ молодо́го підко́шеного віку!.. Мо́же й дити́на ся росте́ мені на вели́кіи слёзи. Мене́ до́брі лю́де не цура́лися; я сла́ви своє́і дівоцькоі не скаля́ла, а тільки ёму́, зра́днику, віри поня́ла... Охъ, жа́лю мій, жа́лю, жа́лю не по ма́лу!..

А. Нечуй-вітеръ.

Ноябрь, 1860 р.

СПІВЄЦЬ МИТУ́СА.

Словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, роздраного, акы связаного, приведоша...

Ипат. лѣтоп., стр. 180.

Гине сила Дажъ-божого внука: Татари плюндрують,
Князі куються коромоли, не дбають объ вірі и людяхъ.
Курится Галицька волость, дымъ до Бескидівъ простягся;
Впавъ Володиміръ Волинський; Київа вже не підняти.
Князь Ростиславъ изъ Даниломъ не милують Землю Дністрянську;
Угри и Ляхи біди додають; въ Перемишль набігае
Князь Костянтинъ; коромолує зъ нимъ на Данила владика.
Кріпший за всіхъ въ Перемишлі співець словутний Митуса.
Шаблі не носить співець и грудей щитомъ не вкрывае, —
Піснями сипле на князя, гострими ніби стрілами,
Піснями людъ стурбуваръ и хіть до війни підливае.
Краснихъ не хвалить дівиць Митусина пісня шалена,
Мирного людямъ життя не пророчить, не гріе одваги
На супоста́та: усобиці й смути та пісня виводить.
Отъ уже градъ Перемишль Андрій обляга́е повками,
Ласкаво зго́ду дае́, — не ра́дить на зго́ду Митуса.
Рано въ неділю ступають повки княженецькі до штурму:
Спершу гарцюють стрільці, а тамъ подаются *пороки*. —
Ввечері князь въ Перемишль уступае; закували владику,
Силу взяли на потокъ непокірного люду; подрали
Тули боброві у іхъ, и барсучі и вовчі прилбиці.
Инші біжять по чужинахъ; не втікъ словутний Митуса:
Вінъ, що колись не схотівъ заспівати Данилові, бранцемъ

Ставъ тепе́ръ передъ кня́земъ Дани́ломъ слову́тний, а бу́ість
Да́вня у се́рці... не вїнавъ на коліна, лице́ но поблі́дло.
Грізно погля́нувъ на ёго Дани́ло и мо́вивъ слова́ми:
»Го́рдий співа́че, сла́вний співа́че! бунто́вниче кля́тий!
»Що, соловї́ний го́лосъ змінявъ на гадю́че сича́ння?
»Богъ дарува́въ тобі си́лу, ти одмінивъ ії бісу!...
»Чомъ, якъ Боя́нъ старода́вній, ти не співа́въ намъ про сла́ву
»Пре́дківъ вели́кихъ? Чомъ не навча́въ насъ добру́ и согла́сці?
»Чомъ одъ гріхі́въ не впиня́въ нерозу́мнихъ о́гненимъ сло́вомъ?«
— Кня́же! — одвітивъ Митуса: ось я заспіва́ю вамъ пісню:
Ріжтесь, куса́йтеся, би́йтесь, по́піломъ Русь посипа́йте,
Пи́йте брате́рнюю кровь, умива́йтесь слёза́ми наро́ду: —
Отъ до васъ до́брана пісня! — и́ншої вамъ не почу́ти!
Що васъ спиня́ти? що́ вамъ співа́ти? Шкода́, опізни́лись!
По́мста за по́мсту, ка́ра за ка́ру, ли́хо за ли́хо!
Ко́нчились віки; спо́внилась ча́ша; грімъ роспали́вся:
Судъ немину́щий, судъ невмоли́мний, — напи́сана до́ля!
Ко́нчились віки! зілля сухе́е ого́нь поіда́е —
Хай поіда́е! хай пропада́е Русь изъ князя́ми!
Бо́же прокля́ття чо́рними хма́рами ви́сить надъ не́ю;
Хма́ри згустію́ть, віки проли́нуть, и зновъ, хочъ не ско́ро,
Зно́ву розго́нить я́сне со́нце тума́нъ вікові́чній;
Въ той часъ-годи́ну и́ншихъ пісе́нь співці́ заспіва́ють,
Иншимъ князя́мъ, та не вамъ, — и́ншому Ру́ському лю́ду!...

Іеремія Галка.

1850.

СТАРОСВѢТСКОЕ ДВО́РИЩЕ.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ,

посвященное Льву Михайловичу Жемчужникову.

I.

Не скоро — о, какъ еще не скоро! — наступитъ умное время, когда деревья, съ ихъ животворнымъ дыханіемъ, съ ихъ тѣнью и вѣчно увлекательнымъ шумомъ, сдѣлаются безусловною принадлежностью нашихъ сельскихъ и городскихъ жилищъ. Покамѣсть, мы встрѣчаемъ больше охотниковъ повалить дерево, чѣмъ посадить его и взлелѣять. Покамѣсть, мы встрѣчаемъ немного мелкихъ усадебъ, окутанныхъ освѣжительной зеленью. Гораздо чаще, на нашихъ глазахъ, тѣнистые, цвѣтущіе и пѣвучіе уголки старосвѣтской, малолюдной Украины, по милости новыхъ своихъ хозяевъ, превращаются въ скучную плоскость, на которой торчатъ только произведенья неотступныхъ нуждъ человѣка—дома́, амбары, погреба, заборы. Какъ же это у мелкопомѣстныхъ, небогатыхъ земляковъ моихъ не хватаетъ на столько вкуса и любви къ живому, чтобы поддерживать вокругъ себя свѣжую зелень, или по крайней мѣрѣ щадить ее?... Вотъ, напримѣръ, нашъ стряпчій. Кто не знаетъ такъ называемаго *старосвѣтскаго дво́рища*, которое досталось какъ-то его отцу, а потомъ и ему, на окраинѣ нашего уѣзднаго городка? Что́ касается до меня, такъ я изучилъ это старосвѣтское дво́рище во всѣхъ подробностяхъ: я изучилъ его, какъ пейзажъ геніальнаго мастера, влюбленнаго въ дикую свѣжесть нашихъ захолустьевъ.

II.

И не одними древними липами, сдѣлавшимися у насъ такою рѣдкостью, привлекало оно къ себѣ мое вниманіе. На томъ мѣ-

стѣ, гдѣ только узенькая *стéжечка* извивалась передо мной по травѣ въ густой тѣни древесной, стояли когда-то козацкія хаты. Между этихъ липъ и старыхъ грушъ, поднявшихся высоко, точно кедры, — жили старосвѣтскіе козаки, извѣстные подъ именемъ *завзя́тыхъ*. Ихъ имена давно утрачены въ преданіяхъ, но память объ ихъ завзятости перешла къ намъ въ темныхъ разсказахъ о кровавой битвѣ, на этомъ самомъ старосвѣтскомъ дво́рищѣ, среди этихъ липъ, нависнувшихъ широкими шатрами, и древнихъ грушъ, выросшихъ на-подобіе кедровъ. Преданіе, очевидно, относится къ тому времени, когда козаки еще вѣровали въ свою *саблю булатную и пищаль семиплдную*. Люди, менѣе храбрые и болѣе сметливые, вразумляли отъ времени до времени нашихъ воинственныхъ прадѣдовъ, что пора повѣсить на стѣну прославленное въ пѣсняхъ оружіе да взяться за умъ, чтобъ не погибнуть въ исторіи народовъ; но козаки, владѣльцы старосвѣтскаго дво́рища, послѣдніе уступили силѣ вещей. Они защищались по-козацки отъ людей, которые, переставъ быть козаками, сдѣлались для козаковъ опаснѣе Татаръ и Турокъ. *Ищé не вмéрла козáцька мáти!* восклицали они словами Хмельницкаго (а она давно уже была отпѣта), и въ одинъ прекрасный день, рѣшась отразить силу силою, пали всѣ до одного на своемъ дво́рищѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, точно какъ-будто представлялась какая-нибудь возможность не пасть и десятью саблями отстоять дѣло, потерянное милліономъ. Народъ не понялъ ужъ и величія этихъ послѣднихъ представителей старосвѣтской Украины, не сохранилъ даже ихъ именъ, а понятіе о мужественномъ духѣ ихъ выразилъ, съ нѣкоторой укоризною, въ словѣ: *завзя́тые*. Ихъ дво́рище сохранило, однакожъ, имя *старосвѣтскаго*, хотя имъ завладѣлъ, по странной прихоти судьбы, человѣкъ новой формаціи, и именно нашъ стряпчій. Впрочемъ нашъ стряпчій—личность историческая, не менѣе завзятыхъ. По современному взгляду на дѣла человѣческія, владѣтели почвы, напоенной козацкою кровью, кто бы они ни были, дѣлаются достояніемъ украинскаго бытописанія. Личностей, подобныхъ нашему стряпчему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ намъ оставлять безъ вниманія: ихъ мелочные характеры интересны уже по своей противуположности съ крупными, смѣлыми чертами характеровъ, соединенныхъ съ этою почвою въ нашихъ воспоминаніяхъ. Они тоже герои: посредствомъ накопленья безчисленнаго множества этихъ мелочно

суетливыхъ, мелочно злыхъ и мелочно добрыхъ созданій кишащихъ одно на другомъ на мѣстахъ былой размашистой жизни, исторія вырабатываетъ новыя формы бытія, точно такъ, какъ физическая природа — посредствомъ разложенія органическихъ тѣлъ.

III.

Я долженъ начать исторію этого героя нашего времени съ того темнаго періода его жизни, когда онъ былъ еще ничего незначущимъ *судовымъ паничемъ*. Читателю, можетъ быть, извѣстенъ общій типъ нашего судового нанича — съ папироской во рту и съ поразительнымъ отсутствіемъ здравыхъ понятій о государствѣ, обществѣ, человѣкѣ и природѣ. Страхъ потерять наслѣдственное званіе *благороднаго* заставляетъ ихъ оставлять родовыя десятины земли на попеченіе старушки матери, или выбившагося изъ силъ отца, и подвергаться письменной работѣ въ-теченіе Богъ знаетъ сколькихъ лѣтъ. Переписывая или »очищая« машинально нумеръ за нумеромъ, въ безконечныхъ тысячахъ отношеній, предписаній, справокъ, повѣстокъ, они естественно утрачиваютъ лучшую долю природнаго ума и чувства, такъ что неграмотный козакъ-пахарь, въ сравненьи съ ними, не только философъ, но и поэтъ; зато пріобрѣтаютъ почти навыкомъ искусство ловить въ мутной водѣ рыбу и, какихъ бы ни дослужились чиновъ, рѣдко возвращаются изъ пыльнаго и грязнаго городка доживать вѣкъ на лонѣ свѣжей хуторской природы. Силой привычки, они перерождаются въ людей, совсѣмъ не похожихъ на тѣхъ, какими вышли изъ-подъ соломенной хуторской крыши. Они ничего знать не хотятъ, кромѣ *входящихъ* и *исходящихъ*, и часто, продавъ наслѣдственный кусокъ земли, обрамленный лѣсами, напоенный источниками, покупаютъ въ городѣ домикъ, окнами на улицу, состоящую изъ одной пыли. Проѣзжая черезъ уѣздный городокъ, вы замѣчаете лежащую на запыленномъ окнѣ канцелярскую фуражку съ кокардою и думаете: »Бѣдное чиновническое существо! за какія вины предковъ, за какія общественныя прегрѣшенія, осуждено ты всю жизнь томиться на этомъ пыльномъ припекѣ?...« Но вы попусту растрачиваете свою чувствительность. Чиновнику, добровольно промѣнявшему хутор-

ской воздухъ на эту удушливую пыль, ради чиновъ, безгрѣшныхъ доходовъ и будущей карьеры, хорошо въ городѣ. Онъ эту пыль запиваетъ пуншемъ и заѣдаетъ возбудительными бакалеями. Да едва ли она и томитъ его, какъ васъ, если вы привыкли дышать воздухомъ посреди садовъ, пасикъ, посреди только что вспаханной или ужъ золотящейся нивы. Посмотрите: онъ и дѣтей своихъ пустилъ по своей дорогѣ, и дѣтямъ своимъ не желаетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ чиновниками. Пятилѣтніе Вани, шестилѣтніе Пети и Ѳеди прикалываютъ у него къ цвѣтнымъ околышамъ своихъ дѣтскихъ фуражекъ круглую бумажку, въ подражанье отцовской кокардѣ, и веселятъ родительское сердце. Не имѣя понятія о томъ, что́ такое свѣжая лужайка, или зеленые древесные шатры, они играютъ посреди душной улицы такъ весело, какъ ящерицы на раскаленномъ камнѣ. Не безпокойтесь, ради Бога, объ этихъ юныхъ созданіяхъ: объ нихъ природа прежде васъ позаботилась. Она, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всё болѣе и болѣе удаляетъ ихъ отъ ихъ первообраза, которымъ былъ, по всей вѣроятности, лѣтъ сто или болѣе назадъ, свѣжій, здоровый, простодушный и честный обитатель хаты, крытой соломою и обвѣваемой живительнымъ степнымъ, луговымъ или лѣснымъ воздухомъ. Настоятельная надобность въ охранительномъ чинѣ вырвала этого предка будущихъ чиновниковъ изъ какой-нибудь пасики, звучащей, въ солнечной свѣжести, посреди цвѣтистыхъ травъ и дремлющей древесной листвы. Заботливые родители, не знавшіе на себѣ, что́ такое чинъ, но убѣжденные въ его необходимости для сына, великодушно сослали его въ пыльный и душный городъ отъ дышащихъ жизнію береговъ степного озера. Нелѣпый призракъ бѣдности, которая лучше городского стѣсненнаго богатства, обманчивой призракъ униженія, которое выше жалкой чиновной высоты, прогналъ его изъ просторнаго, обильнаго, вольнаго хутора, незнающаго ни поклоновъ, ни принужденья. Прошло столѣтіе— и потомки не похожи уже на предка. Они ужъ меньше ростомъ; ихъ дряблыя, сухія руки образованы природою сообразно съ ихъ предназначеніемъ; самый цвѣтъ лица подходитъ у нихъ къ цвѣту городской пыли, которою они осуждены дышать, въ наказанье за нелѣпую искуственность жизни своей. Куда бы потомъ ни забросила ихъ судьба, слѣпо награждающая успѣхомъ всякое усиліе человѣка, — въ благополучные ли бюрократы, гордящіеся

другъ передъ другомъ количествомъ *входящихъ* и *исходящихъ*, или въ счатливые блюстители городского порядка, наживающіе въ одинъ годъ капиталы,—какъ бы ни разширились потомъ ихъ мышцы, но цвѣтъ лица, однотонный съ почвой, на которой выросли ихъ канцелярскіе предки, останется въ потомствѣ вѣчнымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ жили и понимали жизнь эти отступники простоты, существовавшіе на то, чтобы служить живымъ укоромъ дурно понятой цивилизаціи.

IV.

Впрочемъ, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ, между начинающею братіей судовыхъ паничей, вы можете встрѣтить еще довольно часто цвѣтущій первообразъ будущихъ благополучныхъ бюрократовъ департамента и счастливыхъ блюстителей разныхъ порядковъ. Наши дворяне еще недавно были козаками (въ чемъ они совѣстятся сознаться) и вели почти всѣ безъ исключенія хуторскую здоровую жизнь. Села наши не очень давно еще сдѣлались позорищемъ насильственнаго труда съ одной стороны и пресыщенья городскими выдумками съ другой. Самые города наши до сихъ поръ сохранили еще во многихъ мѣстахъ наружный характеръ сельской жизни. Въ нихъ до сихъ поръ еще зелено, тѣнисто, свѣжо. Только главныя, такъ называемыя казенныя улицы, на которыя любятъ обращать окна Жиды и чиновники, напоминаютъ обоняньемъ столичный воздухъ и съ утра до ночи дымятся знойною пылью. Природный вкусъ Украинца еще не совсѣмъ ожидовѣвшаго, требуетъ, чтобъ около его хаты зеленѣли вишни, черемхи или хоть вербы. Поэтому и въ уѣздномъ нашемъ городкѣ, по мѣрѣ удаленія отъ тѣхъ улицъ, на которыя особенно распространенъ такъ называемый строжайшій порядокъ, неформенныя хаты и домики окутывались болѣе и болѣе садами, а по его окраинамъ вы можете найти настоящія сельскія левады и какъ-бы отдѣльные хуторки. Въ этихъ хатахъ, въ этихъ домикахъ, построенныхъ по собственному вкусу хозяина, между старыхъ садовъ, черезъ которые не проходила еще всеповергающая долу планировка, нерѣдко квартируютъ судовые паничи, и двѣнадцати-часовое сидѣнье ихъ въ судѣ, на пыльномъ припекѣ, встрѣчаетъ здѣсь хоть ка-

кое-нибудь противодѣйствіе, во время отдыха, когда, надѣвъ пестрый халатъ и фуражку съ кокардою и усѣвшись подъ старой нависнувшей надъ заборомъ яблоней, они забываютъ на время нумера *входящихъ* и *исходящихъ*, и напѣваютъ подъ гитару какую-нибудь пошлую, но всё же не формерную, Ваньку-Таньку. Въ этихъ хатахъ и домикахъ, на старосвѣскихъ дво́рищахъ, осѣненныхъ великанскими грушами, посреди произвольно выросшихъ кустовъ душистаго лиліѣсу, судовые паничи, удалившіеся и удаленные отъ сельской природы въ городъ на неопредѣленное число лѣтъ, представляются мнѣ, въ своихъ халатахъ и кокардахъ, чѣмъ-то въ родѣ полевыхъ цвѣтковъ, сорванныхъ гдѣ-нибудь на влажной долинѣ или на опушкѣ звучащаго пѣснями лѣса и опущенныхъ стебельками въ воду. Я люблю страстно и меланхолически эти хаты и домики, поставленные не по плану и рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими физіономіями. Бродя по окраинамъ нашего уѣзднаго городка и всматриваясь въ характеръ каждаго изъ этихъ вольныхъ, хоть и убогихъ, сооруженій, дружныхъ съ растительною природою, я не могу отогнать отъ себя грустной и вмѣстѣ отрадной мысли, что въ то время, когда наши большія, дышащія пылью и смрадомъ улицы постепенно передѣлываютъ человѣческій родъ изъ цвѣтущихъ юношей въ оливково-пыльныхъ чиновниковъ, изъ свѣжихъ и сильныхъ людей въ худосочныя фигуры и фигурки, — физическая, а отчасти и моральная, жизнь кой-какъ удерживаетъ свою свѣжесть въ этой городской глуши, похожей на сельскую глушь. Въ одномъ изъ такихъ уголковъ судьбѣ угодно было произвесть на свѣтъ и нашего стряпчаго.

V.

Отецъ его былъ знаменитымъ секретаремъ повѣтоваго суда въ нашемъ городкѣ и изъ ничего составилъ было значительное состояніе, но вдругъ, по волѣ какого-то свирѣпаго ревизора, попалъ подъ судъ и лишился всѣхъ своихъ пріобрѣтеній, кромѣ старосвѣтскаго дво́рища на концѣ города да чина титулярнаго совѣтника. Съ этимъ чиномъ, онъ поступилъ на мѣсто регистратора въ земскій судъ, — самое ничтожное мѣсто, — и продолжалъ существовать на свѣтѣ подобно тѣмъ попамъ, которые, потерявъ

свой приходъ, помѣщаются въ чужой церкви на клиросѣ и отправляютъ смиренную и малодоходную должность приходского дьячка. Это былъ для него родъ эпитиміи, на которой онъ и скончался, такъ какъ начальство, пойманное, въ его лицѣ, на злоупотребленіяхъ, приняло строгія мѣры, чтобъ не давать ему дальнѣйшаго ходу. У этого-то падшаго героя уѣздной бюрократіи родился когда-то сынъ, емуже имя было Никодимъ, по отчеству Трифоновичъ, а по фамиліи, несомнѣнно дворянской, Коло-Меду-Палецъ, и сей-то Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палецъ былъ нынѣшній нашъ стряпчій, обладатель старосвѣтскаго двóрища, которое, долго служивъ ему для разныхъ житейскихъ надобностей, послужило наконецъ и къ нѣкоторой извѣстности его въ печатномъ мірѣ.

Отецъ Никодима Трифоновича не оставилъ ему ничего, кромѣ двóрища завзятыхъ козаковъ, перешедшихъ въ память потомства безъ имени. Двóрище одной стороною выходило на узкую, осѣненную садами улицу, а другою — къ рѣкѣ, запруженной плотиною и похожей на озеро. Въ тѣни стародавнихъ липъ и грушъ стояла здѣсь хата, уцѣлѣвшая еще со временъ *завзятыхъ*. Въ этой хатѣ скончался низвергнутый секретарь повѣтоваго суда; въ этой же хатѣ его сынъ додумывался до сокровенныхъ средствъ возвыситься на степень достойнаго своего родителя и, пожалуй, превзойти его. Малъ и ничтоженъ зѣло былъ Никодимъ Трифоновичъ, оставшись послѣ отца двадцатилѣтнимъ юношей; но врожденный инстинктъ руководилъ его лучше предсмертныхъ отеческихъ наставленій. Всѣ свои помышленія и всю свою душу отдалъ онъ канцелярской службѣ, въ которую съ юныхъ лѣтъ былъ уже зачисленъ. Прочія стремленья, свойственныя благородному юношѣ, какъ напримѣръ выпить и повести карточную атаку на чужой карманъ, для него или не существовали вовсе, или строжайше были подчинены рвенію къ перепискѣ и составленію бумагъ. Такъ и общій всѣмъ смертнымъ инстинктъ къ продолженію своего рода у Никодима Трифоновича выразился не въ какихъ-либо романическихъ порывахъ и страстныхъ мечтаніяхъ, но въ спокойной готовности жениться на дѣвицѣ, которая согласится обладать его убогою хатою и раздѣлить съ нимъ темную судьбу его. Желаніе сіе высказалъ онъ, между справками и сшивкою бумагъ, одному изъ своихъ товарищей, и тотъ сейчасъ же указалъ ему

таковую, въ лицѣ Катерины Лупповны, сиротствующей дщери покойнаго іерея, отца Луппа, по фамиліи Ко́вбика. Сдѣланы были справки чрезъ кого слѣдуетъ, и по справкамъ оказалось, что, съ своей стороны, Катерина Лупповна, будучи поповною безприходною и слѣдовательно не разсчитывая на сердце какого-нибудь семинариста-богослова, готова была сочетаться узами законнаго брака съ убогимъ обладателемъ старосвѣтскаго дво́рища. Катерина Лупповна была очень красивая дѣвушка. Она могла бы осчастливить своей любовью лучшаго паробка въ селѣ и сдѣлаться козачкою на-славу; но наслѣдственное званіе даржало ее вдали отъ черноусыхъ героевъ вечерницъ; она никого не любила; она знала только, что ей надо выдти замужъ, и согласилась выдти за судового панича, хотя въ немъ не было свѣжей кровинки.

При дѣлахъ земскаго суда до сихъ поръ хранится прошеніе, сочиненное Никодиму Трифоновичу товарищами, о разрѣшеніи ему жениться. На прошеніи стоитъ помѣтка тогдашняго исправника: *отказать по глупости*. Бумага дѣйствительно отличалась какимъ-то вольнодумствомъ и возмутила не одного исправника, но потомъ она же обратила его неудовольствіе въ добродушный смѣхъ и расположила его больше прежняго къ Никодиму Трифоновичу. Прошеніе слово въ слово гласило тако:

»Пріемлю смѣлость покорнѣйше просить оный судъ — выдать мнѣ свидѣтельство на вступленіе въ бракъ съ дочерью покойнаго іерея Луппа, по фамиліи Ко́вбика, Катериною Лупповною Ко́вбиковой, ибо, достигли такого времени, въ которое голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы, назначенной мнѣ Провидѣніемъ оставить не могу и не намѣренъ, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, ибо вознамѣрилъ ревностное желаніе жениться.«

VI.

Никодимъ Трифоновичъ торжественно перевезъ свою невѣсту изъ убогой хаты вдовы-попадьи въ убогую хату, оставшуюся на старосвѣтскомъ дво́рищѣ, благопріобрѣтенномъ его покойнымъ родителемъ. Переѣздъ былъ въ самомъ дѣлѣ торжественъ. Молодую княгиню провожали изъ ея родного села дру́жки-коза́чки, въ цвѣтахъ, въ лентахъ. Молодая княгиня сидѣла, посреди цвѣтущихъ

козачекъ, на скрынѣ, наполненной трудами ея рукъ. Тамъ лежали свойцы полотна, тканые за́полочью и шитые рушники, мережанныя сорочки и разные наряды. Все это были свидѣтельства ея практическаго воспитанія и залоги будущей хозяйственности. Вдова-попадья устроила какой могла почетъ своей дочери. Еслибъ остался въ живыхъ отецъ Луппъ, безъ сомнѣнія, Катерина Луповна ѣхала бы къ своему жениху не на сосѣдскихъ волахъ, украшенныхъ развѣвающимися лентами: она ѣхала бы въ бричкѣ. На ней были бы не цвѣты съ огорода, а какая-нибудь старомодная шляпка. Ее провожали бы не коза́чки въ плахтахъ и дукача́хъ, а хуторскія и сельскія панночки́ въ раздутыхъ ситцевыхъ платьяхъ. Но Никодиму Трифоновичу не видать бы ея тогда, какъ своихъ ушей: тогда бы она какъ разъ плѣнила богословское сердце и не знала бы даже о существованьи старосвѣтскаго дво́рища на окраинѣ города, съ его древними, высокими грушами, роскошнымъ лилія́сомъ, разросшимся въ глуши, и нѣжною, волнистою травою, которую прорѣзывала кривою линіею только тропинка отъ воротъ къ хатѣ.

Никодимъ Трифоновичъ, пригласивъ къ себѣ въ бояре судовыхъ паничей, немного конфузился простонародной обстановкой своей свадьбы; но играющія румянцемъ щеки невѣсты, черныя брови, блестящія огнемъ молодости глаза, чудесные свѣжіе зубы и стройный, высокій ростъ ея — подѣйствовали магнетически на его завяленную въ канцелярскомъ воздухѣ натуру, и простонародная обстановка свадьбы исчезла для него въ сіяньи молодой красоты, которая какимъ-то чудомъ отдается ему, точно во снѣ, въ полное обладаніе. Судовые паничи, напротивъ, были очень довольны обществомъ козачекъ. Они большею частью выросли на хуторахъ, гдѣ старосвѣтскій бытъ славянскій не уступилъ еще мѣста узенькому нѣмецкому быту, и имъ очень плохо давались мазурки и вальсы на дворянскихъ вечеринкахъ. Ознакомясь поближе съ кругомъ, въ которомъ очутились, они вспомнили хуторскія вечерницы и одинъ за другимъ начали выказывать свое искусство въ народныхъ танцахъ. Глядя на ихъ оживленныя искренней веселостью лица, вы бы не повѣрили, что это тѣ самые люди, которыхъ видѣли вы въ судѣ надъ протоколами и справками. Притаившаяся глубоко въ сердцѣ чистая козацкая кровь выступала на молодыхъ, еще не совсѣмъ увядшихъ щекахъ ихъ.

Глаза ихъ заиграли какъ у людей честныхъ, смѣлыхъ и великодушныхъ. Отпустить бы имъ только усы да надѣть еще высокія козацкія шапки, — козаки бъ они были, а не чернильныя піявки!

Весной женился убогій Никодимъ Трифоновичъ, и всѣ старыя груши и яблони на его дво́рищѣ были облиты цвѣтомъ, а пустынный лиліясъ благоухалъ въ тишинѣ городского закоулка, навѣщаемый одними соловьями. Ничего не возможно было придумать лучшаго для оживленья молчаливаго, тѣнистаго дво́рища, какъ отвалить присоху отъ ветхихъ, поросшихъ мшистыми лишаями воротъ, въ которыя давно уже никто не въѣзжалъ, и впустить свадебный поѣздъ съ поющими дру́жками, играющими музыкантами и танцующими боярами. Дѣти, собравшіяся толпой вокругъ поѣзда, бросились обрывать лиліясъ, наклонившій свои вѣтви до земли, подъ тяжестью цвѣтовъ. Но, сколько ни опустошали цвѣтущую пустыню рѣзвые шалуны, — по ней разлилось только усиленное благоуханіе, а море цвѣтовъ осталось моремъ. Я бы желалъ привести сюда кого-нибудь изъ вѣчныхъ горожанъ въ то время, когда десятки топающихъ ногъ примяли свѣжую траву. Однимъ глоткомъ захватывалъ тамъ человѣкъ больше жизненной свѣжести, чѣмъ сколько въ состояніи доставить намъ всѣ косметическіе магазины. И нужды нѣтъ, что веселый шумъ разогналъ соловьевъ изъ запустѣлаго дво́рища: ночью, когда все смолкло, молодые супруги уснули въ убогой комо́рѣ подъ такой хоръ слетѣвшихся снова пѣвцовъ, какого не услышишь ни въ одной оперѣ....

VII.

Но остановимся на этомъ: поэзія жизни Никодима Трифоновича не пошла далѣе. Нѣсколько свадебныхъ дней, въ которые онъ былъ освобожденъ отъ службы, то есть отъ двѣнадцати-часового скрипѣнья перомъ, были для него чѣмъ-то въ родѣ пьянаго сна. Все заиграло вокругъ него, все зацвѣло, запѣло, и его канцелярскій умъ, наполненный нумерами и справками, погрузился въ какой-то сладкій обморокъ. Богъ знаетъ, почему и въ честь какого тезоименитства, устроился вокругъ него усыпанный цвѣтами парадъ, захватившій въ себя не только его товарищей, но и цѣлую толпу пѣвучаго сельскаго народу, съ дівчатами и моло-

дицами, съ танцующими на диво козаками и съ пѣснями, отъ которыхъ готово было помолодѣть и пропитанное чернилами сердце. Но оно не помолодѣло.

Женясь на убогой поповнѣ, Никодимъ Трифоновичъ усугубилъ рвеніе къ службѣ, такъ что едва не ночевалъ въ судѣ. Энергія украинскаго характера равно не сокрушима, какое бъ ни приняла она направленіе. Никодимъ Трифоновичъ засѣлъ въ судѣ, какъ шашель, и пересидѣлъ всѣхъ молодыхъ дворянъ, яростно добивавшихся перваго чина и грядущей за нимъ чиновной карьеры. Пятнадцать лѣтъ непрерывнаго труда, подобнаго тому, какой идетъ въ стѣнныхъ часахъ какого-нибудь вѣчно исправнаго присутственнаго мѣста, доказали всему земскому суду, что безъ Никодима Трифоновича существовать ему не возможно. Все, что́ относится къ безопасному и безостановочному движенію бумагъ, было изучено имъ въ поразительной степени. И чины, и классныя мѣста медленнымъ, но вѣрнымъ порядкомъ приходили къ Никодиму Трифоновичу, и не далеко ужъ было отъ него секретарское мѣсто. Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палецъ подходилъ къ этому лакомому мѣсту тѣмъ вѣрнѣйшими шагами, что не тревожилъ уѣзднаго начальства строгою честностью и не возбуждалъ въ немъ зависти быстрымъ обогащеніемъ. Онъ всё еще былъ бѣднякъ, въ сравненьи съ членами земскаго суда и даже продалъ Жидамъ — это всѣ знали — золотые галуны съ ку́нтуша, дошедшаго къ нему по наслѣдству отъ временъ козачества.

Но въ то время, когда са́мая крѣпкая нанка лѣтомъ и толстое сукно зимою протирались у него на локтяхъ отъ вѣчнаго сидѣнья надъ бумагами, ветхая хата его изъ пу́стки постепенно превращалась въ болѣе и болѣе уютное помѣщеніе, а въ его убогой коморѣ заводились кованныя скрыни, далеко громаднѣе той, которая привезена была къ нему въ видѣ приданаго. Въ сельской поповнѣ-безприданницѣ судьба послала ему кладъ, а не жену. Воспитанная въ постоянномъ трудѣ и бѣдности, она дѣятельно занялась улучшеніемъ пу́стки, въ которую онъ перевезъ ее. Все, что́ могутъ сдѣлать женскія руки съ гли́ной и меломъ, она сдѣлала, при пособіи поденщицы, и уже черезъ нѣсколько дней, послѣ вступленія ея во владѣніе мужнинымъ жильемъ, въ немъ и самый взыскательный глазъ какой-нибудь сосѣдки-чепуру́хи не отыскалъ бы ни трещинки, въ которую могъ бы спря-

таться занесенный къ намъ москалями тараканъ, ни пятнышка, обличающаго неопрятность хозяйки. Хата Никодима Трифоновича какъ-будто выпрямилась и помолодѣла, точно хозяйка какого-нибудь пахаря, которая всю недѣлю возится съ полотьемъ и домашнимъ по́раньемъ, но когда въ воскресенье надѣнетъ свѣжее бѣлье и повяжетъ очипокъ сіяющею какъ снѣгъ намиткою,— сосѣди не узна́ютъ ее, стоя въ церкви, и подслѣповатыя старушки, толкнувъ одна другую подъ руку, спрашиваютъ: *Чия́ се така́ молода́ да хоро́ша молоди́ця?*

Къ бывшей поповнѣ являлись на помощь не однѣ поденщицы. Она умѣла зазвать къ себѣ и стараго плотника Ковтуна, извѣстнаго пьяницу, который славился своимъ мастерствомъ, но, получивъ отъ кого-нибудь задатокъ, откладывалъ работу до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ его въ шинкѣ. Не предлагая ему платы, она пригласила его выпить добрую чарку крѣпительной звѣробоевки одинъ разъ и другой, и третій, и до тѣхъ поръ зазывала и угощала его чаркой горілки и ласковымъ словомъ, пока наконецъ онъ, на ея просьбу сдѣлать починки въ хатѣ, отвѣчалъ: *Не візьму́ съ те́бе гро́шей: якъ рі́дній дити́нї, тобі помайстру́ю!* И дѣйствительно всѣ починки, передѣлки и улучшенія въ хатѣ, въ сѣняхъ и въ коморѣ сто́или Катру́сѣ (какъ прозвали ее сосѣдки) одной звѣробоевки да вкусной стравы, которую готовила она собственными руками.

Расхвалила вдова-попадья свою дочь за хозяйливость. Никодимъ Трифоновичъ радовался молча, видя, что у него въ домѣ дѣлается полнѣе и полнѣе, какъ-бы какимъ чудомъ. На дворѣ, безъ всякаго съ его стороны участія, появились какія-то загородки, и въ нихъ захрюкали обжорливыя свиньи. Куры какъ-будто слетѣлись къ нему отъ всѣхъ сосѣдей; а тамъ смотри — и одинокій гусакъ вдругъ очутился семьяниномъ, и вмѣстѣ съ своей долгошеей подругою водитъ цѣлое стадо желтыхъ гусятъ. Когда и какъ устроила Катруся надъ прудомъ огородъ, мужъ этого ничего не зналъ; но ея наймычка каждый день таскала что-нибудь на базаръ изъ этого огорода, и въ карманѣ у Катруси всегда звенѣлъ запасный рубль, на который она покупала для хозяйства не то, такъ другое. Катруся, молодая, здоровая, привычная къ труду, вся превратилась въ дѣятельность, и никто изъ сосѣдей не удивлялся, увидя у нея къ зимѣ корову, которая по

утрамъ и вечерамъ подходила къ низенькому плетню передъ сѣньми, въ полной увѣренности, что ея молодая, хозяйка собственноручно угоститъ ее пойломъ.

VIII.

Трудно рѣшить, что́ дѣлала Катруся съ бо́льшимъ удовольствіемъ — выносила ли пойло коровѣ, или ставила на столъ миску съ борщомъ, когда ея Никодимъ Трифоновичъ приходилъ изъ суда, для того, чтобы пообѣдать, всхрапнуть за перегородкой и уйти въ судъ до ночи. Вопросъ въ томъ, любила ли она его, выходя замужъ? Едвали, потому что, по убѣжденію, переходящему изъ рода въ родъ у воспитанниковъ семинарій, чистая дѣва можетъ безъ грѣха возводить очеса на красоту мужскую токмо́ послѣ вѣнчанія. Съ своей стороны, и философъ-семинаристъ, перейдя въ богословію и чувствуя, что »голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы«, не предается тщетнымъ мечтаніямъ, но обращается прямо къ дѣйствительности и заблаговременно провѣдываетъ, въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ процвѣтаютъ поповны съ надлежащимъ приданымъ, и лишь только кончитъ курсъ, прямо падаетъ на дворъ къ имѣющемуся въ воображеніи тестю, подобно соколу, устремляющемуся на добычу. Имѣющійся въ воображеніи тесть, съ своей стороны, не входитъ въ разбирательство личныхъ свойствъ давно ожидаемаго и чаемаго въ духѣ зятя, но взираетъ на семинарскій аттестатъ его и, призвавъ предъ лице свое дочь, состоящую на очереди къ выдачѣ въ замужество, объявляетъ: »Вотъ твой женихъ, Пала́зя, или Феся, или Ли́ля! Возлюби его всѣмъ сердцемъ твоимъ.« Вслѣдъ за тѣмъ затѣвается свадьба тѣмъ же порядкомъ, что и у простыхъ смертныхъ, не столь приближенныхъ къ небу и, въ простотѣ сердца, предающихся очарованіямъ любви задолго до брака.

Зная это и видя, какъ наши поповны исправно толстѣютъ по выходѣ замужъ, мы справедливо должны заключить, что онѣ любятъ своихъ мужей тою безгрѣшною любовью, какую вообще чувствуютъ къ благамъ жизни, которыми не пренебрегаютъ ни въ какомъ случаѣ. Наша Катруся приложила свое трудолюбіе сперва къ хатѣ, двору и огороду своего мужа; когда же онъ

утвердился на службѣ и начали къ нему присылаться на домъ разные гостинчики, — она не только не охлаждала усердія въ доброхотныхъ дателяхъ, но и вящше поощряла ихъ приличными наставленіями.

Въ скоромъ времени появила она одно, а потомъ и другое чадо женскаго пола, и воспитывала она ихъ никакъ не хуже любой козачки, нагулявшейся досыта съ любимымъ паробкомъ до вступленья въ спокойныя супружескія отношенія. Весело и дѣтямъ показалось жить на свѣтѣ, когда онѣ начали бѣгать по всему тѣнистому дво́рищу и заросшему высокими травами набережью, съ котораго тяжелыя лягушки звучно прыгали въ воду. Дѣвочки считали себя ничѣмъ не лучше сосѣднихъ дѣтей, такихъ же, какъ и онѣ, босоножекъ, которыя перелазили къ нимъ черезъ плетень и вмѣстѣ съ ними играли въ во́рона; а когда подросли, то долго были увѣрены, что нѣтъ лучшей доли на свѣтѣ, какъ жить съ матерью въ чистой уютной хатѣ (отца онѣ почти не видали) и вмѣстѣ съ нею лѣтомъ полоть въ огородѣ грядки, осенью убирать въ погребъ всякія овощи, а зимой сидѣть за шитьемъ, за пряжею и, по ея примѣру, съ самого дѣтства заготовлять себѣ мережанные рушники, хустки, сорочки. Онѣ не тяготились никакой работой, и никакой работы не находили для себя слишкомъ грязною. Онѣ бывало завидовали наймичкѣ, что она можетъ цѣлый день плескаться на кладкѣ съ бѣльемъ, и когда подросли на столько, что могли помогать ей, то не мало гордились ролью домашнихъ прачекъ и, на кладкѣ, громко вторили ея *пісня́мъ дівочимъ*. И въ голову имъ не приходило, чтобъ онѣ были чѣмъ-нибудь выше своей наймычки. Она учила ихъ жизни, пересыпая свою рѣчь наставительными пословицами. Она много испытала горя, служа по людямъ, и сиротскій хлѣбъ ея всегда бывалъ приправленъ извлеченными изъ тяжкаго опыта размышленіями. Она казалась имъ умнѣе самой ихъ матери, которая далеко не знала столько пѣсень и поговорокъ. Еще бы пять-шесть лѣтъ смиренной жизни на простой образецъ, и славныя выросли бы невѣсты на этомъ тихомъ побережьи у окраины города, и еслибы судовый паничъ изъ разряда Никодима Трифоновича нашелъ себѣ здѣсь пару, — благодатнымъ трудомъ зацвѣлъ бы скромный домикъ его; изъ скудныхъ зеренъ, посѣянныхъ заботливой рукой неусыпной хозяйки, выросло бы у него, точно ка-

кимъ чудомъ, полное всякой всячины хозяйство, и мирная простота замѣнила бы у нихъ недостатокъ поэзіи.

IX.

Но Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палецъ коснулся наконецъ сладостной власти, къ которой столь долго простиралъ руку, и лишь только перо его начало выводить крючковатую подпись: *Секретарь*, — весь земскій судъ началъ послушно творить волю его. Тутъ, не боясь ужъ возбудить въ членахъ зависть быстрымъ обогащеніемъ, онъ въ одинъ годъ купилъ тутъ же въ городѣ доходную водяную мельницу, на другой годъ — нѣсколько сотъ десятинъ земли, а на третій — крестьянъ на выводъ, и выросъ у него на полѣ, какъ на ладони, хуторъ, съ овцами, коровами и пасикою. Катруся вдругъ увидѣла, что она — пани, и перестала ходить къ сосѣдкамъ въ гости. Къ ней въ хату повалила такая нарядная толпа купчихъ и дворянокъ, что убогія мѣщанки и козачки боялись показать туда носъ, и даже сосѣднія дѣти перестали лазить черезъ *панскій* плетень. Какія-то суровыя, недовольныя своей судьбой дівчата, выбранныя секретаремъ для дворовой службы изъ купленныхъ на выводъ семействъ, давно ужъ вытѣснили отсюда пѣвучую и щедрую на пословицы и поговорки наймичку, и уже съ ними не бесѣдовали о людской жизни и ея случайностяхъ молодыя секретарскія дочери; на нихъ учились онѣ барствовать. Новыя знакомки растолковали имъ, что стыдно исполнять собственными руками такія-то и такія работы, и своимъ примѣромъ круто поворотили весь ихъ домашній бытъ. Меньшая сестра ихъ, захваченная приливомъ богатства еще въ младенческомъ возрастѣ, казалась имъ деликатнѣе ихъ въ своихъ привычкахъ и склонностямъ. У ней были нѣжныя руки; она непритворно боялась ступить босой ногой на холодный полъ, и это возбуждало въ нихъ зависть. Онѣ употребляли всѣ усилія, чтобъ довести себя до благородной изнѣженности, но »мужицкое« воспитаніе отзывалось въ нихъ тѣмъ, что онѣ никогда не простуживались, ни отъ какой неосторожности не хворали. Ни умышленное сидѣнье долго съ вечера, ни долгое спанье въ пуховикахъ, ни даже пріемы тайкомъ уксусу большими порціями—ничто не

сгоняло съ ихъ щекъ румянца, который краснорѣчиво говорилъ о бѣганьи босикомъ по росѣ, о проклятыхъ, теперь вовсе ненужныхъ, полотнахъ, которыя онѣ сами бѣлили на солнцѣ, и наконецъ о простой, здоровой, или, что́ все равно, мужицкой пищѣ. Отецъ ихъ купилъ у какого-то разорившагося помѣщика готовый домъ и въ одно лѣто поставилъ его и устроилъ на своемъ старосвѣтскомъ дво́рищѣ. Все было въ домѣ, какъ у помѣщиковъ, только зеркала отражали лица сельскихъ дівчатъ, нарядившихся барышнями! Несчастныя страдали глубоко.

На свое прошлое, на свое веселое дѣтство и отрочество онѣ смотрѣли съ отвращеніемъ, и никогда не приходило имъ въ голову сравнить, много ли выиграли онѣ въ душевномъ спокойствіи съ перемѣной обстановки. Какъ онѣ были тогда дружны съ своей наймычкой, которая своею житейскою опытностію и честнымъ, строгимъ характеромъ внушала имъ безотчетное къ себѣ уваженіе! и какъ ихъ теперь безпрестанно раздражала крѣпостная прислуга, неловкая, неумѣлая во многомъ, что́ имъ понадобилось съ перемѣною быта, а главное — лукавая и неусердная! Какъ онѣ спокойно являлись прежде въ ближайшую церковь, одѣтыя и воспитанныя лучше всѣхъ обитателей простой хаты! и съ какой неувѣренностью въ себѣ, съ какими опасеніями колкихъ замѣчаній, съ какими страданіями зависти или оскорбленнаго самолюбія, ѣзжали онѣ теперь въ модную церковь, куда съѣзжались всѣ аристократы! Какая у нихъ завелась было тѣсная, простодушная дружба съ сосѣдскими дѣтьми, и какія осторожныя, недовѣрчивыя отношенія установились у нихъ теперь съ новыми подругами, изъ которыхъ однѣ имъ завидуютъ, а другія ихъ презираютъ!

Ни сами онѣ, ни ихъ мать не въ силахъ были бросить смѣлый взглядъ на сравнительное благоденствіе свое въ прошедшемъ и настоящемъ положеніи. Она, бѣдная, глядя на преображенныхъ дочерей своихъ, всею душою радовалась, что видитъ ихъ барышнями. Она смиренно признала себя, въ сравненіи съ ними, простою женщиной, и едва считала себя достойною носить чепецъ, который онѣ цѣпляли на нее, выѣзжая съ нею въ гости, или принимая у себя гостей. Молчаливая роль въ новомъ кругу, гдѣ она не имѣла ходу съ своими хозяйственными знаніями, совершенно удовлетворяла ее. Она и на столько не была свободна отъ предубѣжденій, тяготѣющихъ надъ подобными ей людьми, чтобы

хоть охнуть подъ бременемъ новаго быта, въ которомъ она играла роль служанки у собственныхъ дочерей своихъ. Прикрикнуть на нее и послать ее десять разъ въ догонку за неповоротливыми и неусердными крѣпостными горничными—было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Свѣжая и бодрая на склонѣ лѣтъ, благодаря, простотѣ привычекъ, которыхъ не оставила и съ перемѣной обстоятельствъ, она бѣгала съ утра до ночи по всему дому и погоняла безъ устали свою новую челядь, радуясь серцемъ, что дожила до барства.

И сама ея матушка, видя свою дочку въ чепчикѣ, а внучекъ въ низкихъ лифахъ и модныхъ прическахъ, много разъ обращалась къ образамъ и благодарила боговъ, что они сподобили ее видѣть собственными глазами процвѣтанье своей отрасли. Благочестивая старушка не замѣчала, что не только ея простонародная рѣчь, но и самыя молитвы, дѣлались предметомъ шутокъ между тремя граціями, затянутыми чуть ли не съ помощью кучера въ корсеты.

X.

Сколько это лѣтъ прошло съ того дня, какъ бояре отвалили бревно отъ ветхихъ, мшистыхъ воротъ старосвѣтскаго дво́рища и впустили свадебный цвѣтущій и поющій поѣздъ? Не менѣе двадцати лѣтъ. Никодимъ Трифоновичъ изъ смиреннаго судового нанича успѣлъ въ теченіе этого времени сдѣлаться всемогущимъ секретаремъ земскаго суда, а наконецъ и владыкой всѣхъ доходныхъ дѣлъ — стряпчимъ. Но, Боже! какъ же все измѣнилось на старосвѣтскомъ дво́рищѣ! Старыхъ грушъ и яблонь давно ужъ нѣтъ, и изъ прекрасныхъ липъ уцѣлѣли только двѣ: остальныя срублены, потому что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они разширяли свои благовонныя сѣни, понадобилось расположить господскій домъ, амбары и конюшни. Въ этотъ дворъ, на которомъ такъ славно танцовалось когда-то по свѣжей травѣ, теперь страшно заглянуть. Смотрите: вонъ тамъ, налѣво стояли кусты лиліѣсу. Отъ этихъ кустовъ уцѣлѣли только сухіе, недоломанные прутья, и мимо нихъ, вдоль амбаровъ, бѣгаетъ огромная цѣпная собака. Подъ

лай и тоскующій вой этой собаки засыпаютъ въ новомъ домѣ изнѣженныя дочки стряпчаго, не заботясь ни мало о соловьиныхъ треляхъ. Проходите, добрые люди, мимо! не заглядывайте больше въ старосвѣтское дво́рище! Оно и для меня потеряло всякую прелесть. Оно сдѣлалось для меня предметомъ душеспасительнаго размышленія, не болѣе.

П. Кулишъ.

20 августа, 1860.
Васильевка.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКА.

ПОСТУПЛЕНІЕ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ВЪ ГОРОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ(1).

Мелкопомѣстное украинское дворянство, купцы и зажиточные изъ другихъ сословій, собираясь выводить своихъ дѣтей *въ лю́де*, обращались въ тѣ времена обыкновенно къ средствамъ самымъ несложнымъ: обучали дѣтей грамотѣ, у себя на дому или въ мѣстныхъ *шко́лахъ*, смотря по достатку, — запасались извѣстнымъ количествомъ *карбо́ванцівъ* или мѣшковъ съ мукою, пшеномъ и тому подобнымъ, и помѣщали, и дѣтей, и карбованцы, и мѣшки, въ какомъ-нибудь повѣтовомъ или земскомъ судѣ, на службу отечеству, на радость себѣ и на зависть сосѣдямъ; или же, вмѣсто повѣтовыхъ и земскихъ судовъ, выбирали расположенные въ ближайшихъ мѣстностяхъ полки. Если при этомъ кто-нибудь нуждался въ доказательствахъ о дворянскомъ происхожденіи, родители старались запастись и таковыми: чрезъ такой камень преткновенія въ тѣ времена легче было перескочить, чѣмъ теперь, и мало-мальски зажиточный мѣщанинъ или козакъ, при опредѣленіи сына на службу, могъ выступить дворяниномъ, хоть куда!

Случалось при этомъ, и даже очень часто случалось, что мѣстомъ для службы выбираемъ былъ какой-нибудь отдаленный городъ, напримѣръ Петербургъ, Кіевъ; но охотнѣе всего земляки мои ѣхали служить въ южныя наши провинціи, въ Бессарабію, Таврическую губернію, а больше всего—въ *Чорномо́рію* и на Кавказъ. Конечно, причиною предпо-

---

(1) Разница въ тонѣ изложенія предлагаемыхъ теперь отрывковъ и отрывковъ, напечатанныхъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды 1858 г., произошла, вѣроятно, отъ разности впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ писаны тѣ и другіе.

чтенія въ этомъ случаѣ чужой стороны своей было: иногда »Нѣсть пророкъ *во отéчествіи* своемъ« , особенно если пророку приходилось, посредствомъ *вышеупомянутыхъ* документовъ, добывать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, а иногда — и перспектива возможности пріобрѣтенія большихъ чиновъ и большихъ денегъ, возможности, часто доказываемой прибылыми изъ Петербурга, Кіева, Кавказа.

Отправленіе въ далекіе края совершалось довольно разнообразно. Напримѣръ, проѣзжій офицеръ или чиновникъ, случайно попавшій къ какому-нибудь жаждущему вывести свое дитя въ люди, насказывалъ столько чудесъ о Кавказѣ или Бессарабіи, что родитель, не долго справляясь, въ нѣсколько часовъ снаряжалъ сына въ далекую дорогу и отдавалъ его *дóброму чоловíкові*, прося послѣдняго помѣстить сына, а сыну наказывая— *шануватьця* (вести себя хорошо) и слушаться *дóброго чоловíка*. Добрый человѣкъ увозилъ сына, иногда очень надолго, иногда и навсегда.... Случалось, что сынъ оказывался слугою у добраго человѣка!... Совершалось отправленіе иногда и такъ, что родители выбирали когонибудь изъ среды себя и отравляли дѣтей, или же навязывали ихъ какому-нибудь, пріѣзжему погостить съ Кавказа, братцу, племяннику, доброму сосѣду. Но и такъ иногда случалось, что иной отважный юноша — котомку на плечи, одинъ да съ Богомъ,—и въ какой-нибудь Петербургъ или Тифлисъ!.. иногда и тайкомъ отъ родителей!...

Худо ли, хорошо все это, и если худо, то въ какой степени — поговоримъ объ этомъ въ другое время. Дѣло въ томъ только, что такъ водилось тогда, и что съ старшими своими сыновьями поступилъ такъ и мой отецъ: одного послалъ на Кавказъ, двухъ другихъ — въ губернскій городъ. Но со мною вышло иначе — рѣшился отдать въ городское училище....

Что заставило старика отдать меня въ городское училище — положительно не знаю. Думаю, что, какъ человѣкъ очень умный, онъ не могъ не замѣтить, что люди, хорошо грамотные, начинаютъ быть въ ходу, и потому заключилъ, что огрaмотивъ сына хорошенько, т. е. *городскимъ* способомъ, легче всего выведетъ его въ люди. Къ такому заключенію ему прійти было тѣмъ легче, что къ грамотности и, вообще, къ знанію онъ питалъ большое уваженіе. Въ свое время, онъ неоднократно и со слезами умолялъ, чтобы научили его грамотѣ, а когда старикъ, дѣдъ мой, отказалъ, пустился на хитрости: добылъ себѣ позволеніе, во время говѣнья, провести три дня у дьячка, гдѣ учился родичъ, и сидя тамъ на *печі* и прислушиваясь къ чтенію школярей, выучилъ наизусть церков-

ную азбуку и всѣ склады до *тма-мна*.... Въ послѣдствіи я разскажу подробно, какъ этотъ человѣкъ, повидимому холодный ко всему, что выходитъ за кругъ хозяйственныхъ интересовъ, слушалъ меня, уже гимназиста, о причинахъ солнечнаго затмѣнія, грома и другихъ физическихъ явленій, о жизни иныхъ народовъ, о далекихъ странахъ, о событіяхъ давно минувшихъ,— слушалъ, по видимому, разсѣянно, трунилъ надъ людьми, тратящими *гро́ші и часъ на чо́рзнащо*, трунилъ надъ разсказчикомъ, а все таки слушалъ! Если, выведенный изъ терпѣнія его насмѣшками, бывало прекращаю свои росказни, какими-нибудь окольными путями снова наводилъ разговоръ на брошенный предметъ... или же обращался къ такой методѣ: »Ба́чъ«, говоритъ, »чому́ воні́ вчя́тця!... А дурні батьки́ гро́ші тра́тять!... Яки́й же вамъ га́спидъ цепъ тягáвъ до со́нця, що зна́ете, скільки туди́ верстóвъ? Хіба чи не воро́нъ проси́ли?« — »Ви ду́маете«, отвѣчаетъ гимназистъ, »якъ не воро́на, то й не ка́ркае, якъ цéпу нема́, то й мірять немóжна!« и пошелъ снова.... А ему только того и надо: опять слушаетъ, опять трунитъ, опять выводитъ изъ терпѣнія разсказчика.... А смотришь потомъ, въ какомъ-нибудь разговорѣ, невольно прорывалось у него (по доброй волѣ онъ бывало никогда не признается, что понялъ или убѣдился) такое разумѣніе, напримѣръ, способовъ измѣренія между небесными свѣтилами, что и иному гимназисту подобное не подъ силу. »Эхъ, якъ-би́ було́ мене́ навчи́ли!« иногда бывало говоритъ онъ въ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ ему человѣкомъ....

Какъ я живо помню всѣ обстоятельства поступленія въ училище! Какъ-будто всѐ это вчера происходило! Да что́ вчера: что́ вчера дѣлалось, я не могу представить себѣ съ такою выпуклостію и такъ отчетливо, какъ то, что́ дѣлалось тогда.

Надобно знать, что покойникъ отецъ, частію по свойственной всѣмъ Украинцамъ несообщительности, не любящей посвящать всякаго встрѣчнаго и поперечнаго въ свои душевные интересы, любящей больше дѣлать, чѣмъ говорить.... частію по самостоятельности характера, и вообще рѣдко допускающей вліяніе совѣта, а можетъ быть частію и по убѣжденію, что изъ всѣхъ окружающихъ его, близкихъ и далекихъ, никто не дастъ ему совѣта умнѣе того, какой онъ самъ себѣ дастъ, не любилъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, — даже не любилъ совѣтоваться съ моею матерью. Предположенія его, потому, большею частію оставались въ-тайнѣ и открывались только тогда, когда приходила пора приводить въ исполненіе. Разумѣется, что чѣмъ настоя-

тельнѣе была необходимость въ ихъ исполненіи, или чѣмъ болѣе представлялось возможности встрѣтить—не говорю, сопротивленіе, противодѣйствіе, а неодобреніе, въ формѣ слезъ, вздоха,—тайна сохранялась тѣмъ упорнѣе.... Предположеніе высказывалось за минуту до того времени, когда слѣдовало его выполнять, являлось въ формѣ догматической и какъ снѣгъ на голову: некогда ни возражать, ни сожалѣть — исполняй, и дѣлу конецъ!

Такъ онъ рѣшился поступить и въ настоящемъ случаѣ.... Конечно, болѣе догадливые поняли бы, можетъ быть, по нѣкоторымъ примѣтамъ, его предположенія на мой счетъ; но матери и намъ всѣмъ, привыкшимъ видѣть, что старшихъ братьевъ увозятъ изъ дома, когда имъ ужъ лѣтъ семнадцать, восемнадцать, не имѣвшимъ никакого понятія, что́ это за *училища*, намъ и въ голову ничего не приходило!...Начать съ того, что вдругъ,—какъ говорится, ни съ сего, ни съ того, — мнѣ сдѣланъ былъ новенькій *нагóльний кожýшокъ*, и притомъ изъ хорошихъ годовалыхъ барашковъ; сдѣланы были пара новыхъ *сюртучковъ* съ соотвѣтственными принадлежностями, т. е., по обыкновенію, передѣланы изъ платья старшихъ братьевъ, для нихъ уже негоднаго. Потомъ, около того же времени, онъ позволилъ мнѣ пріостановить ученье: »Забрéзкъ,« говоритъ, »занúдівся.... Нехáй ужé«, говоритъ, »въ учúлищі бýдешъ!« Ученье, конечно, было пріостановлено, а слова »въ учúлищі бýдешъ вчúтьця« — приняты за фразу въ родѣ »въ полкъ тебя отдамъ« и т. п. Догадливому человѣку можно было также призадуматься надъ мягкостію и снисходительностію, которыя съ нѣкотораго времени проявлялись въ обращеніи его со мною и которыхъ я, согласно украинскимъ нравамъ, не встрѣчалъ у отца съ того самаго времени, когда пересталъ быть *дитятею*, т. е. когда взялся за букварь. Но и это было мнѣ не въ-домекъ! Послѣ ужъ я научился понимать старика: желѣзный характеръ не выдерживалъ и размягчался, когда приходилось наносить ударъ чьему-нибудь чувству, а въ особенности чувству своего дитяти....

Дѣло было въ первыхъ числахъ января, въ субботу. Отецъ былъ серьёзенъ и почти цѣлый день провелъ на дворѣ: смотрѣлъ, какъ снаряжались подводы, которыя отправлялъ къ какому-то пану, верстъ за сорокъ, за купленнымъ лѣсомъ; провожалъ ихъ, давалъ наставленіе: гдѣ и какъ накормить и напоить воловъ, гдѣ ночевать, кто долженъ сторожить подводы ночью, какихъ воловъ сторожъ долженъ веревкою привязать себѣ къ ногѣ, отъ воровъ... что́ долженъ дѣлать онъ, если бы, чего Боже сохрани, воръ въ самомъ дѣлѣ сталъ уводить, и веревка дерну-

ла за ногу;—гдѣ должны кормить на другой день, гдѣ онъ, отецъ, нагонитъ ихъ и т. д. Распоряжаясь отправленіемъ подводъ, отецъ велѣлъ приготовить и *кіньскі са́ни*, большія сани, и пару лучшихъ лошадей—признакъ, что поѣздка имѣетъ важное значеніе!.. самъ наблюдалъ, какъ Грицько́, плотникъ и вмѣстѣ мельникъ и *олійникъ*, осматривалъ сани, не нужно ли *за́вертні* или оглобли перемѣнить, *де све́рдломъ крутну́ть, де соки́рою сту́кнуть*; разсказывалъ, ка́къ о́рчикъ привязать, потянулъ даже за *по́борскі* (постромки), крѣпко ли привязаны; сани указалъ, какую упряжь взять, присутствовалъ при ея осмотрѣ Прокопомъ, сапожникомъ и вмѣстѣ кожевникомъ и скрыпачемъ; присутствовалъ, ка́къ набивали *піхті́ръ* (1) сѣномъ, какъ вывели и чистили лошадей и пробовали, не захромала ли которая, хорошо ли ѣстъ и пьетъ и т. д. Мы, дѣти, все это видѣли; видѣли также, какъ мать, по приказанію отца, приготовляла *я́щикъ* и *мішо́къ* (2) и клала туда куски *са́ла*, жареного гуся, ножъ, вилку, хлѣбъ, булки, пироги и т. п. — все это завернутое въ бѣлѣйшія полотенца; видѣли, какъ она отперла *скри́ньку*, въ

(1) Веревочный мѣшокъ, въ которомъ украинцы, особенно народъ торговый, возятъ сѣно при поѣздкахъ.

(2) *Ящикъ* и *мішо́къ* при сборахъ въ путешествіе, и во время самыхъ путешествій, по преимуществу означаютъ у насъ ящикъ и мѣшокъ съ съѣстнымъ (т. е. ящикъ — съ *са́ломъ, ковба́сами*, вареными яйцами, мясомъ и рыбою, зажаренными или отваренными и т. д., а мѣшокъ — съ хлѣбомъ, *паляни́цями, коржа́ми* и т. д.). Потому, если, напримѣръ, украинка говоритъ,—конечно, если дѣло идетъ о сборахъ къ путешествію: »Ще тре́ба я́щикъ и мішо́къ спорядѝть«— это значитъ: »Еще надо зажарить курицу, очистить *са́ла*, выбрать хорошихъ сельдей, спечь булокъ и т. д. и все это уложить въ ящикъ и мѣшокъ.« Вообще, земляки мои, отправляясь въ путешествіе, близкое или далекое, съѣстнымъ для себя и кормомъ для лошадей и воловъ, даже водою, любятъ запасаться въ большомъ количествѣ, если возможно, даже на все путешествіе, а мои землячки любятъ снабжать отъѣзжающихъ самымъ лучшимъ, что́ у нихъ есть въ запасѣ изъ съѣстнаго. За такой обычай, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, иные порицаютъ моихъ соотчичей: говорятъ, что это не разсчетливо, и наклонность къ обжорству показываетъ. Разсчетливо ли для моего земляка держаться подобнаго обычая, или нѣтъ, — поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другое время; а здѣсь только замѣчу, что обычай этотъ имѣетъ основаніе не въ нашемъ желудкѣ, а въ нашей исторіи, имѣвшей обыкновеніе постоянно ставить въ необходимость—женъ, сестеръ и матерей нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ разлучаться съ близкими ихъ сердцу... и снабжать дорогихъ отбывающихъ на дорогу всѣмъ, что было лучшаго въ вѣдомствѣ женскаго населенія былой Украины, а дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ ставившей въ необходимость часто перелетать безводныя и безлюдныя южныя степи, гдѣ не было въ то время, да и теперь еще очень мало, постоялыхъ дворовъ и трактировъ, и гдѣ, слѣдовательно, утолить голодъ и жажду можно было, или вѣтромъ степнымъ, или тѣмъ, что́ несла на себѣ быстрая, какъ степной вѣтеръ, вьючная козацкая лошадь.

которой хранились мѣдныя деньги, отсчитала нѣсколько рублей на мелкіе путевые расходы отцу и положила ихъ въ нестрядевый мѣшочекъ; видѣли, что она долго возилась съ *капшучка́ми* и домашняго издѣлія бумажниками, т. е. рукавами отъ старыхъ рубашекъ, завязанными или зашитыми наглухо съ которой-либо стороны и такимъ образомъ представлявшими нѣкоторое удобство для прятанія ассигнацій; но что́ ужъ она тутъ дѣлала, намъ было неизвѣстно — насъ не подпускала... Отецъ дома, можетъ увидѣть, какъ мы глядимъ, сколько у него денегъ, — а подобное, куда было ему не по сердцу! Мы, дѣти, говорю, все это видѣли, дѣлали заключенія, — значитъ, батюшка куда-то ѣдетъ и ѣдетъ на нѣсколько дней, надолго даже, можетъ быть, — видѣли и радовались, что батюшка, этотъ суровый батюшка, который за всякія шалости браниться и наказываетъ и никогда ни за что́ не похвалитъ, никогда не ласкаетъ и не *голу́бить*, ѣдетъ на нѣсколько дней изъ дому.... Съ такимъ расположеніемъ духа мы и спать легли....

Если покойнику отцу предстояла дальняя дорога, или отправлялся по какому важному дѣлу, то всегда выѣзжалъ ночью, задолго до разсвѣта, и тѣмъ раньше, чѣмъ цѣль поѣздки была серьезнѣе; а въ особенно важныхъ случаяхъ, выѣздъ изъ дому у него бывалъ сейчасъ послѣ ужина. Такъ дѣлывали, говорятъ, наши дѣды и прадѣды, такъ дѣлываютъ еще и теперь земляки мои, люди стараго порядка — таковъ стародавній обычай. Но почему обычая этого держался и отецъ — не знаю. Знаю только, что онъ держался его не потому, что онъ былъ стародавній обычай, что такъ дѣлывали дѣды и прадѣды: въ подобнаго рода дѣлахъ старикъ слѣдовалъ обычаямъ только до тѣхъ поръ, пока болѣе или менѣе сознавалъ ихъ разумность, болѣе или менѣе они нравились ему. Можетъ быть, выѣздъ ночью болѣе соотвѣтствовалъ его наклонности — больше дѣлать, чѣмъ говорить, потому что такимъ образомъ, при выѣздѣ ночью, онъ избѣгалъ, въ хуторѣ и ближайшихъ селахъ, встрѣчъ съ знакомыми, и ихъ разспросовъ, — а куда? а зачѣмъ? избѣгалъ неизбѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ украинской семьѣ слезъ и прощальныхъ сценъ, неизбѣжныхъ по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она зиждется и которые выработаны историческою ея жизнію: человѣкъ, которому хочется спать, мало бываетъ способенъ къ сильнымъ сердечнымъ движеніямъ. Быть можетъ, отецъ мой руководствовался иногда и разсчетомъ, признаваемымъ впрочемъ иными невѣрнымъ, — въ первый день ѣзды больше воспользоваться силами лошадей, чѣмъ въ слѣдующіе дни, такъ какъ въ первый день силы ихъ еще бодры. Можетъ быть онъ руководствовался

и тѣмъ разсчетомъ, что чрезъ выѣздъ ночью нисколько не разстроивается обыкновенное теченіе домашнихъ дѣлъ. Выпроводили, поплакали и заснули... и на другой день все болѣе или менѣе пошло по вчерашнему; днемъ же выѣзжать изъ дому — для домашнихъ дѣлъ день пропалъ! Можетъ быть, и другія еще были причины: мало ли чего не прійдетъ въ сѣдую голову, пятьдесятъ лѣтъ, во всѣ глаза, съ толкомъ и чувствомъ, глядѣвшую на человѣка и его жизнь! и глядѣвшую не сквозь системы и ученія, а просто безъ всякой *посредствующей средины*, какъ они въ дѣйствительности заявляются!

При поѣздкахъ своихъ, отецъ держался ещедругого обычая, не менѣе, повидимому, страннаго, какъ и первый. Какъ бы рано старикъ ни выѣзжалъ, и какой бы праздникъ ни случился въ день выѣзда, онъ, и всѣ выѣзжавшіе, непремѣнно должны были поѣсть — что́, большею частію, равнялось настоящему обѣду. Обычай этотъ можетъ показаться еще страннѣе, если прибавлю, что пока у покойника дѣти были малы, онъ строго соблюдалъ посты, и въ праздничные дни, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, до окончанія обѣдни, ни самъ ничего не ѣлъ, ни другимъ домашнимъ не позволялъ ничего ѣсть. Да и въ будніе дни, если не было гостей, онъ никогда не завтракалъ и не пилъ чаю (котораго, впрочемъ, и никто у насъ тогда по утрамъ не пилъ: не было обычая, чай былъ угощеніемъ, а не вседневнымъ питьемъ), — словомъ, до обѣда и *ріски въ ротъ не бравъ* (1). За такими завтраками или обѣдами, кто пилъ водку — ѣлъ съ аппетитомъ; а мы, дѣти, если намъ приходилось въ нихъ участвовать, обыкновенно только дремали.

Дремалъ и я, сидя за столомъ, передъ выѣздомъ въ училище: и этотъ выѣздъ отецъ рѣшилъ сдѣлать ночью и предварительно позавтракавши.... Ка́къ меня разбудили, ка́къ умыли, одѣли, посадили за столъ и велѣли ѣсть, что́ въ это время вокругъ меня дѣлалось, — ничего не помню: сонный былъ, дремалъ.... Первое, что́ обратило мое вниманіе, что́ я началъ понимать и что́, слѣдовательно, помню и теперь, это — необыкновенное состояніе матери. Она была блѣдна и ни минуты не сидѣла на мѣстѣ: сядетъ, протянетъ дрожащую руку, погладитъ меня по головѣ — и исчезла.... »Іжъ, Васю́ню, іжъ, дити́но моя́!« — снова исчезла... Спросила, новенькихъ ли мнѣ рубашечекъ, или *прино́шенихъ*, *мяке́ньких*ъ, и не дождавшись отвѣта, снова!...

---

(1) Т. е. росинки.

Дремота моя начала исчезать, окружающее ближе придвигаться къ моему сознанію...

За столомъ только отецъ и я, да стулъ и приборъ для матери; остальной семьи никого нѣтъ.

Отецъ серьёзенъ, очень серьёзенъ; ни слова не говоритъ, не отрываетъ глазъ отъ тарелки, ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на мать...

Я одѣтъ попраздничному; возлѣ, на стульяхъ, простыня съ моимъ бѣльемъ, и другимъ платьемъ...

Отъ времени до времени изъ кухни выглядываютъ головы, съ какимъ-то любопытствомъ смотрятъ сюда, особенно на меня...

Мною тоже овладѣло какое-то любопытство, даже безпокойство. Я началъ быстрѣе поворачивать голову къ матери, когда она входила: «Что́ случилось? что́ все это значитъ?»—«Нічо́го, Васю́ню, нічо́го! іжъ!» тихо,—и я опускалъ голову къ тарелкѣ, боязливо поглядывая на отца....

Узелъ мой готовъ, завтракъ конченъ, сани провизжали мимо оконъ, гнѣдой жеребецъ заржалъ и затопалъ передъ крыльцомъ....

— Пора́! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и по прежнему ни на кого не глядя:—Одінь ёго́!...

Мать бросилась ко мнѣ, и начала снаряжать меня: дрожащими руками надѣла на шею дорогую кашемировую шаль, *ба́бинську́ю*, которой и сама никогда не надѣвала... нагольный кожу́шокъ, и поверхъ воротника другую ба́бинскую шаль.... Какъ руки у нея путаются, какъ медлитъ она! Отецъ давно ужъ готовъ: *кожу́хъ*, крытый синимъ сукномъ, изъ превосходныхъ сѣрыхъ барашковъ, въ одной рукѣ черная *смуше́вая* шапка, въ другой — неразлучный спутникъ его старости, *ці́по́къ*; а она все еще медлитъ!

Но вотъ и я готовъ. — Ходімо въ світли́цю!

За старикомъ пошла мать, со свѣчею въ рукахъ, шатаясь, по временамъ обращая ко мнѣ взглядъ, свѣтящійся лихорадочнымъ жаромъ.... За матерью—я, съ поникшею головою, съ какою-то тяжестью въ душѣ, съ темною догадкою, что что-то недоброе ожидаетъ!

— Ся́дьмо!

Сѣли.

Наступила минута молчанія,—охъ, какого молчанія! Никогда я не забуду этой минуты! Какъ-будто все кругомъ почувствовало, что тутъ идетъ тяжелая борьба, на чувства налагается невыносимое молчаніе,—и все притаило дыханіе!... Даже свѣча какъ-будто боялась свѣтить, бросала какой-то дрожащій, желтоватый, погребальный свѣтъ; даже ме-

бель, всѣ неодушевленные предметы, наполнявшіе комнату, какъ-будто притаились, прятали углы и выпуклости, жались въ тѣни... Словно мертвецъ тутъ лежитъ, свѣчи нагорѣли, раздается унылое чтеніе дьячка, болѣе несносное, чѣмъ могильная тишина!...

Да, въ комъ-нибудь дѣйствительно должно было что-то тутъ умереть!...

»Пора! раздался снова голосъ отца:« молітця, говоритъ, Богу! и, вставши, началъ самъ креститься къ образамъ.

Мы съ матерью тоже встали и начали креститься.

»Поблагослови, стара, сина! Та накажи, щобъ бувъ добрий, розумний!...

— Нехай тебе благословить Богъ и Мати Божа, моя дитиночко!... якъ я тебе благословлю!...

Осѣнила меня нѣсколько разъ большимъ крестомъ.

— Не забувай Бога и Матері Божої!... слухай батька, своіхъ вчителівъ!...будь добрий, розумний!... Не забувай и мене, моя дитиночко!...

»Пора, Василько, ходімъ! прервалъ съ другаго конца голосъ звучный и вмѣстѣ сдержаный...

— Поцілуй же мене, Васюню! — начала меня цѣловать и снова крестить: — Може бъ? говоритъ...

Я поднялъ голову — съ мольбою глядитъ на отца, что-то мнетъ въ пальцахъ, слышенъ звонъ мѣдной монеты... Я быстро поворотилъ голову къ отцу — одинъ изъ взглядовъ, которыми онъ обыкновенно отдаетъ ей секретныя приказанія...

— Оце тобі, Васюню, десять шажківъ — бубличківъ, може, коли купишъ....

Послѣднее объятіе матери....

Отецъ сѣлъ въ сани; въ ногахъ постлали ему большой тулупъ, посадили меня, закутали; сверху отецъ прикрылъ еще своимъ тулупомъ... Кондратъ тронулъ возжами,—сани понеслись, визжа полозьями и скользя на забоинахъ, то въ ту, то въ другую сторону....

Старикъ мой, старикъ!... Крутъ ты подъ часъ бывалъ, суровъ, жостокъ; но я люблю тебя вспоминать!... люблю вспоминать даже о крутыхъ, суровыхъ и жосткихъ твоихъ поступкахъ! Вѣрно, и въ нихъ есть своя доля правды, что-то влекущее къ себѣ даже и тѣхъ, кому больше всего приходилось отъ нихъ терпѣть. А можетъ быть, не смотря на наше образованіе, мы еще на столько дѣти нашихъ отцовъ и внуки и правнуки нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, столько еще мы потомки нашей суровой старины, что намъ по сердцу и тѣ жосткія ея стороны, которыхъ

не одобряетъ наша голова, и жосткость которыхъ намъ приходилось на себѣ отвѣдывать!... Но особенно я люблю вспоминать о твоихъ поступкахъ, которые не были порожденіемъ болѣе или менѣе разнуздавшейся страсти, а проистекали изъ сердечныхъ ощущеній, управляемыхъ разсудкомъ и волею. Все тогда уступало тебѣ, мудрецъ мой, все преклонялось передъ тобою!

Да, изъ дальнѣйшаго разсказа о моей незатѣйливой жизни, вы, можетъ быть, убѣдитесь, что отецъ мой былъ далеко не изъ дюжинныхъ людей. А пока я укажу вамъ на двѣ черты его характера, т. е. разскажу о его образѣ дѣйствованія въ двухъ различныхъ житейскихъ положеніяхъ, изъ которыхъ объ одномъ я необходимо долженъ говорить теперь же, по порядку разсказа, а разсказъ о другомъ понадобится намъ послѣ, чрезъ нѣсколько страницъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что выѣхавъ изъ дому, я остался одинокимъ, нѣкому принять участіе въ моей тоскующей душѣ? Если вы такъ думаете, — вы крѣпко ошибаетесь! Этотъ суровый старикъ, устроившій все такъ, что я и слезинки не успѣлъ выронить при разлукѣ съ матерью, мать не успѣла поворковать надъ отрываемымъ отъ нея дѣтищемъ, наглядѣться на него въ послѣдній разъ, не позволявшій и себѣ обнаружить признаковъ чувства и оцѣнявшій чувства другихъ,— съ отъѣздомъ изъ дому, когда дитя осталось у него одного на рукахъ, превратился въ самую нѣжную мать, въ самую заботливую сестру. Словомъ, старался замѣнить для него все и всѣхъ.... и, конечно, при своемъ знаніи человѣческаго сердца, при своемъ умѣ и опытности, успѣвалъ въ этомъ на столько, на сколько другому успѣть никакъ бы не удалось. Всѣ дѣтскія потребности и прихоти имъ были предусматриваемы и предупреждаемы съ величайшей заботливостію; онъ былъ болтливъ, какъ самая болтливая нянька, разсказывалъ сказки и разныя интересныя событія изъ собственной жизни, игралъ со мною, позволялъ выбираться изъ моего гнѣзда въ тулупѣ, садиться на козла и т. д. И замѣчу, онъ дѣлался такимъ ласковымъ не въ эту только поѣздку, но и послѣ, когда ему случалось отвозить меня въ городъ, и когда мною овладѣвала тоска.... Помѣстивъ меня въ училище, онъ не поѣхалъ сейчасъ домой, а отправился верстъ за пять отъ города къ одному своему знакомому и прожилъ тамъ нѣсколько дней, чтобы только ежедневно навѣщать меня.... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь

ЭПИЗОДЪ.

Надобно вамъ сказать, что въ хуторѣ у насъ завелся такой обычай: общество избавляло отца отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, а отецъ за это кормилъ и поилъ Временныя Отдѣленія, засѣдателей, — словомъ, властей. Обычай этотъ съ теченіемъ времени сдѣлался до того извѣстнымъ всѣмъ, что каждая власть, прибывъ въ хуторъ, отправлялась прямо къ отцу и располагалась тамъ, какъ у себя дома или у себя на квартирѣ. Если власть была заѣзжая и не знала о существующемъ обычаѣ, съ нимъ знакомили ее возницы, и *передовые* козаки, и власть всё таки попадала къ намъ. Равнымъ образомъ сдаваема была на руки отца и всякая военная власть, долженствовавшая квартировать въ хуторѣ, если только эта власть была значительнаго ранга и, слѣдовательно, была съ значительнымъ развитіемъ потребностей на удобство помѣщенія и т. д., или же, хотя и не имѣла значительнаго ранга, но была съ сильно развитою наклонностію: шумѣть, оставаться ничѣмъ недовольною, — наклонностію къ пинкамъ, зубочисткамъ, зуботычкамъ, подзатыльникамъ, треушинамъ — словомъ, ко всѣмъ такимъ вещамъ, о которыхъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ ничего не упоминается, но къ которымъ однако мы, всѣ власти, питаемъ большое расположеніе, и которыми, при случаѣ, присыщаемъ себя въ сласть.

Прійдетъ бывало отáманъ: — Бýдьте лáскави, Петрó Васúлёвичъ, возьмíть собí того́ ýша ([1]), що у Голованя!

»А хібá що?

— Та такá й такá річъ.

»Ну, колú такъ, сількись ([2]).

И *ушъ* переселялся къ намъ.

Ну, такъ однажды, около того времени, какъ меня отвезли въ училище, къ намъ попалъ подобный Ушъ.

Дѣло было наканунѣ Духова дня, вечеромъ. Комнаты и сѣни малúхъ хатъ, въ которыхъ мы проводили тогда лѣто, убраны были липовымъ и кленовымъ *клéчаннямъ*, пучками *гвоздúківъ*, *васúльківъ*; полы устланы только-что накошенною травою. Окруженные зеленью и благоуханіями травы и цвѣтовъ, мы сидѣли въ сѣняхъ за столомъ и ве-

---

([1]) Земляки мои называютъ иногда людей военнаго званія *ýшами* и *кáбишами*, за часто употребляемыя ими слова *ужъ*, *кабышъ*.

([2]) *Сількись* — пусть себѣ.

село ужинали.... Покойникъ отецъ любилъ ужинать лѣтомъ, если не на открытомъ воздухѣ, то покрайней мѣрѣ въ сѣняхъ, при открытой двери на огородъ.

Вдругъ дверь, выходящая на дворъ, съ шумомъ отворилась, и въ сѣни ввалился хуторской атаманъ Грицько́, — запыхавшійся, безъ шапки, съ приподнятымъ спереди чубомъ, не говорившимъ, а просто кричавшимъ, что къ нему только что прикасалась чья-то чужая рука, и рѣшительно не съ тѣмъ, чтобы его пригладить.

— Зділайте Бо́жеську ми́лость, Петро́ Васи́ловичъ!... заговорилъ Грицько, оставляя на другое время привѣтствія: »хлібъ та сіль! Добри́вечіръ, бу́дьте здорови́ зъ симъ днемъ!«

»А що́ тамъ таке́? отозвалсь отецъ, оставляя ложку и поворачиваясь къ Грицьку.

— Москалі́ прийшли́ на посто́й, такъ оди́нъ таки́й офице́ръ, що вже й до Ива́на води́въ, и до Усте́нка, и до Пали́води: »Тѣсно!« кричи́ть, та й годі, хоть ти́ въ вічі ёму́ плюй!... И коли́бъ що пу́тне, сказа́въ, продолжалъ Грицько́ изливать душу: — ато яка́сь фря така́, ми́зерне, мале́ньке... А ла́етця жъ то, не при хлібі свято́му зга́дуючи.. . тьфу!... И въ вічі такъ и си́четця!... Та ще й до чу́ба...—и Грицько махнулъ рукою и кивнулъ головою, какъ обыкновенно дѣлаютъ земляки мои, когда чувства ихъ принимаютъ другое направленіе, не земляками моими обыкновенно выражаемое: »Да что́ говорить! пусть ужъ Богъ ему проститъ!«

»Ну, сількись, веди́ ёго́! отозвался отецъ, вставая изъ-за стола.

— Та вінъ тутъ, у васъ за воротьми́!... Я за́разъ, спаси́бі вамъ!...

Чрезъ нѣсколько минутъ влетѣлъ въ сѣни крошечный офицерикъ конныхъ егерей, киверъ на бекрень, сабля гремитъ, весь въ пыли.... Не кивнувши никому головою, онъ прямо къ отцу.

— Ты хозяинъ? давай квартиру, да жива!...

»За́разъ, за́разъ!« спокойно, но серьёзно отвѣчалъ отецъ, и поворотившись къ матери: »Вели́, стара́ ([1]), одпе́рти ті ха́ти....«

— Какія *хаты?* перебилъ офицеръ:—вѣрно сыро, гадко!... Знать ничего не хочу, мнѣ сухую, чистую давай квартиру, тутъ давай! — и покосился на растворенную дверь кухни, изъ-за которой выглядывали нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ женскаго ея населенія.

»Коли́ вамъ хо́четця тутъ — и тутъ мо́жна!« сказалъ невозмутимо

([1]) Въ Украинѣ мужъ и молодую жену называетъ иногда *старо́ю.*

старикъ: »вотъ выбирайте, какую хотите! — и взявъ со стола свѣчу, началъ показывать офуцеру *свiтлúцю* и *кiмнáту*.

— Я эту возьму! сказалъ тотъ вошедши въ *кiмнáту*.

»Чи сю, то й сю! моя́ стара́ зъ дiтьмú ля́же въ свiтлúцi — васъ не побезпокоять: у меня маленькихъ дѣтей нѣтъ; а мнѣ поставятъ кровать въ сѣняхъ возлѣ кухни, — всiмъ до́бре бу́де!

Какъ невозмутимо и упорно смотрѣлъ онъ при этомъ ему въ глаза!..

Офицеръ, кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ такими распоряженiями, сердито началъ отцѣплять саблю и кричать на деньщика, чтобы скорѣе вносилъ вещи.

Отецъ поставилъ свѣчу на столъ, вышелъ въ сѣни, и мы снова принялись за ужинъ, хоть уже не такъ весело, какъ прежде: вѣрно военному элементу ужъ *на роду́ напúсано* быть вездѣ возмутителемъ тихихъ семейныхъ и гражданскихъ радостей!

Чрезъ нѣсколько минутъ офицеръ снова появился въ сѣняхъ, но уже безъ кивера, сабли и другихъ военныхъ принадлежностей, съ разстегнутымъ сюртукомъ, безъ жилета и галстука.

— Нужно и лошадямъ моимъ дать мѣсто!

»И лошадямъ найдемъ мѣсто!« отвѣтилъ старикъ, и поворачивая голову къ кухнѣ, прибавилъ:— Хлопцы, покажите вотъ ихнему денщику, гдѣ ясли.

— Какъ, *ясли?* снова возвысивъ голосъ нѣсколькими тонами выше:—Мои лошади стоять у яслей не привыкли, ночью дождь можетъ пойти!

»А въ конюшнѣ можно ихъ поставить?«

— Конечно!

»Ну, такъ выведите, хлопцы, изъ конюшни своихъ лошадей и поставьте къ яслямъ, а въ конюшню деньщикъ....«

— Да у меня и кучеръ есть.

»Ну, такъ пусть кучеръ! Да что́ нужно, разскажите, помогите! Можетъ статься, сѣна, соломы нужно, и сѣна и соломы имъ!«

По зову отца, *Оксéнтiй* и *Антiнъ* выскочили изъ кухни и, выслушавъ его приказаніе, *вúбриком*ъ пустились черезъ сѣни; а офицеръ, видимо сбитый съ толку, потеръ себѣ лобъ, потеръ правою рукою лѣвую, выше локтя, и, не зная, что́ дальше тереть, потеръ еще одну пуговицу на сюртукѣ... какъ-будто въ разсѣянности нацѣпилъ на нее петлю противоположнаго лацкана,—и такимъ образомъ, застегнутый уже, постоявъ еще нѣсколько мгновенiй, пошолъ въ *кiмнáту*.

Мы переглянулись, едва удерживая хохотъ (отъ неоднократныхъ повтореній подобныхъ сценъ, мы, увы, даже самые малолѣтніе, понимали ихъ значеніе), а отецъ—какъ ни въ чемъ не бывало: ѣстъ себѣ преспокойно, и хоть бы тѣнь улыбки или огорченія! серьезнѣе только, сдержаннѣе обыкновеннаго; а когда денщикъ, внесши въ кімна́ту послѣднія вещи, вышелъ оттуда и затворилъ за собою дверь, поднялъ голову и указалъ матери глазами, сначала на стоявшую на столѣ миску, а потомъ на дверь кімна́ты.

— Чу́ешъ, якъ тебе́ звуть, бу́дь ла́скавъ!...

»Иваномъ-съ, матушка!«

— Спита́й, будь ла́скавъ, Ива́не, свого́ па́на, чи не хо́че повече́рять: у насъ бу́де що.

»Слушаю-съ!« и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что де »его благородіе приказали благодарить, поужинаютъ, только немножко позже, а сейчасъ приказали, то есь чайничокъ, то есь чай кушать.«

Снова взглядъ отца, снова предложеніе матери—самоваръ, дескать, есть. »Да ужъ ты, Иванъ, будь ла́скавъ, говоритъ, не хлопочи, отдохни — послѣ дороги вѣрно усталъ; и повечерять потомъ съ кучеромъ дивчата вамъ дадутъ.... Орѝшко, Ва́ську!« и т. д.

— Поркорнѣйше благодаримъ-съ! вы, то есь, матушка, знаете нужду нашу!

Поужинали; насъ, дѣтей, тотчасъ уложили въ свѣтлицѣ, на *долівці*, *по́котомъ*, и отецъ наказалъ намъ не *пустува́ть* (не шалѣть), а спать, не шумѣть. Ка́къ офицера поили чаемъ, ка́къ подавали ему ужинать —мы уже не слыхали....

На другой день я всталъ, по обыкновенію, рано, и умывшись и одѣвшись, тотчасъ, и тоже по обыкновенію, пустился въ огородъ, къ разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: надо же посуетиться, сюда-туда пометаться, покувыркаться, разбросать избытокъ жизни и благосостоянія дѣтской души, вѣчно льющейся черезъ края, а особенно при хорошемъ состояніи здоровья, послѣ сладкаго сна, нѣжной ласки матери, при очаровательной обстановкѣ весенняго украинскаго утра; надо и щенковъ посмотрѣть, и съ Борбо́сомъ поваляться на травѣ, избѣгать *стінку*, (1) гоняясь за соловьями, заглянуть въ леваду, много ли за ночь подросли *полуни́ці*.

---

(1) *Стінка* — роща, расположенная по отлогостямъ горы надъ рѣкой.

Отецъ ходилъ уже по огороду.... Какъ теперь вижу его: высокій, полный, въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ штанахъ съ *очкуро́мъ* и въ саноги, въ картузѣ, съ *цѣпко́мъ* въ рукѣ: туда посмотритъ, туда заглянетъ.... Тутъ помолчитъ—хорошо, значитъ, все; а тутъ поворчитъ. »Ду́рень Оста́пъ, и ворітъ не причини́въ, телята повила́зять.« Но, видимо, старикъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: даже погладилъ меня по головѣ, когда я очутился какъ-то возлѣ. Прекрасное весеннее утро, въ праздничный день, на украинскомъ хуторѣ, хоть кого разшевелитъ, хоть что́ заставитъ забыть!...

Какъ вотъ денщикъ изъ конюшни: — Здравія желаю, Петръ Васильевичъ!

Какъ, скажу мимоходомъ, мы скоро узнаемъ, хорошо помнимъ имя и отчество человѣка намъ нужнаго или полезнаго!

— Здоро́въ, здоро́въ!

Сё, то; съ праздникомъ поздравили другъ друга... даже взаимно освѣдомились, какъ спалось, не кусали ли блохи, которыхъ, снова скажу мимоходомъ, у насъ въ Украинѣ чуть ли не столько, сколько въ Петербургѣ клоповъ и таракановъ. Все бы кажется хорошо; но у отца уже исчезло прежнее открытое выраженіе, сдѣлался какъ-то серьезнѣе, сосредоточеннѣе: какъ-будто ему припомнился цѣлый рядъ нашихъ *рідних* пословицъ и поговорокъ: »Не вірь, бо воно́ звірь, хоть не вку́сить, то зляка́« ; »Одъ Москаля́ поли́ вріжъ, та тікай« и т. д.

»Гдѣ бы, Петръ Васильевичъ, овса у васъ купить?

— Гм!... Оцёго́ вже не скажу́ тобі, до ново́го ще дале́ко,— а прошлогодній выкормленъ, распроданъ.... А если и есть у кого, поѣхали въ церковь, или собираются, не продадутъ!

»Экая бѣда! Баринъ встанетъ — отчего, молъ, то есь?....«

Молчаніе....

»Нѣтъ-ли, то есь, у васъ, Петръ Васильевичъ?«

— Чомъ нема́?...

»Нельзя ли, то есь... баринъ, то есь, встанетъ....

— Возьми́, Оксе́нтію, ключъ одъ инбарця́, да наберѝ імъ ла́нтухъ (1)!

Офицеръ спалъ, когда мы уѣхали въ церковь.

Когда воротились, тотчасъ явился, въ свѣтлицу, но уже не нахальнымъ квартирантомъ, а гостемъ, прилично одѣтый, говорящій отцу, ма-

(1) *Ла́нтухъ* — большой мѣшокъ, въ который можетъ помѣститься русская четверть.

тери и сестрамъ *вы* и, въ добавокъ, порядочно сконфуженный. Разговоръ, впрочемъ, какъ-то не клеился: между гостемъ и хозяевами было непріятное воспоминаніе, мѣшавшее сближенію. Наконецъ офицеръ всталъ итти къ себѣ.

— Вы рано, или поздо обѣдаете?

»Вы очень добры.... я, право, не заслужилъ.... Ахъ, чуть не забылъ поблагодарить васъ за овесъ. Сколько я долженъ?«

Вышла сцена, надъ которою можно и не смѣяться.

— Нічóго! говоритъ старикъ.

»Какъ, ничего?«

— Такъ, нічóго, та й годі!

Словомъ, отецъ не хотѣлъ взять за овесъ денегъ, по той простой причинѣ, что у насъ, въ Украинѣ, и теперь рѣдко съ васъ возьмутъ за то, что васъ, вашу прислугу и вашихъ лошадей напоили и накормили, да и то развѣ въ деревняхъ, лежащихъ по большимъ дорогамъ; а въ тѣ времена — вы могли изъѣздить Украину, »вдовшъ и впóперекъ«, не истративъ на корма ни копѣйки. Офицеръ съ своей стороны не хотѣлъ взять даромъ овесъ: — Это, говоритъ, рѣшительно было бы ни на что́ не похоже!

— Ну, — сказалъ старикъ, — его видимо началъ смѣшить этотъ споръ... поднялъ брови и, смотря въ землю, склонилъ на бокъ голову,— признакъ, какъ и вообще у украинцевъ, юмористическаго настроенія, готоваго разразиться рядомъ шутокъ, наивныхъ и, повидимому, глупыхъ вопросовъ, нелѣпыхъ предложеній и предположеній и т. п. — Ну, говоритъ, коли́ вже вамъ такъ хоче́тця,— сількись, дава́йте гро́ші: сёго́дні у на́съ ове́съ по сорокі́вці (1) ля́нтухъ.

Дѣло кончилось обниманіями и цѣлованіями... Скоръ на дружбу, какъ и скоръ на грубость и оскорбленіе.

Съ этого времени офицеръ сталъ совершенно нашимъ семьяниномъ и, впродолженіе нѣсколькихъ дней квартированья, съ нами обѣдалъ, ужиналъ, завтракалъ; приводилъ къ намъ обѣдать и ужинать своихъ товарищей и своего эскадроннаго, или какъ тамъ его; толковалъ съ отцомъ, который очень любилъ слушать разсказы людей многовидѣвшихъ, бродилъ съ нимъ по полямъ, огородамъ; всѣ заботы о его хозяйствѣ перешли на руки матери: что́ нужно,—перемыто, что́ нужно—вычищено, починено. Словомъ, его принимали, какъ принимаютъ бывшаго долго въ

(1) По гривеннику.

отсутствіи семьянина, и выпровожали потомъ въ походъ, какъ выпровожаютъ семьянина.

Также скоро сошелся со всѣми и деньщикъ Иванъ, и скоро и охотно поступилъ въ число домочадцевъ. Состоя давно уже на службѣ, онъ часто проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины и всею душею полюбилъ этотъ прекрасный край и добрыхъ и честныхъ его обитателей, какъ это, впрочемъ, и всегда случается съ простонародьемъ великороссійскимъ, пожившимъ довольно долго въ *Хохландіи*. Избавленный матерью отъ заботъ о баринѣ, но дѣятельный по природѣ, онъ не оставался въ бездѣйствіи и, какъ дѣлываютъ добряки-холостяки его лѣтъ и состоянія, обратился къ намъ, дѣтямъ, особенно ко мнѣ и къ покойнику меньшому брату: носилъ насъ на спинѣ, показывалъ разные фокусы снуркомъ, дѣлалъ изъ дерева танцующихъ солдатъ, и т. п. Мы очень его полюбили, и какъ истые дѣти и внуки своихъ отцовъ и дѣдовъ, тотчасъ дали ему прозваніе: прозвали его *Тоесь*, за часто употребляемое имъ въ разговорѣ *то есть*, произносимое имъ *то есь*. Добрякъ нисколько не обижался, а напротивъ, его очень забавляло, что *хохлята* перекрестили его изъ Ивана въ Тоеся:—Вишь-ты, пострѣлята! то есь, я говорю *то есь*, а они, то есь, и зовутъ меня Тоесь!... говаривалъ онъ и принимался хохотать самымъ громоподобнымъ хохотомъ....

Что-то съ тобою сталось, добрый Тоесь?!.. Выслужилъ ли ты свои двадцать семь лѣтъ и воротился въ какую-нибудь Костромскую или Пермскую, долеживать указные годы жизни на полатяхъ, няньчить безсильными руками дѣтей братнихъ, сестриныхъ, можетъ быть, и своихъ? или торчать у дверей какой-нибудь Казенной, или какого-нибудь Губернскаго, снимать шинель у его превосходительства — гражданскаго генерала?... Или же ждать двадцать семь лѣтъ тебѣ показалось слишкомъ долго, и ты, неся барину на пикетъ трубку, задѣлъ лбомъ летѣвшую польскую пулю?.. или, разсердивъ отца-командира, былъ немножко тово, и въ лазаретъ, а оттуда — *туда*, идѣ же нѣсть ни того, ни сего, ни онаго? То ли, или это съ тобою сталось? Молчишь!... Эхъ вы, тоеси! и живетъ — молчитъ, и умираетъ — молчитъ, и въ могилѣ лежитъ — молчитъ.... На, вотъ тебѣ, Тоесь! отъ того, то есь, хохленка — помнишь? то есь, памятникъ тебѣ, слеза то есь....

Одинъ только кучеръ (забылъ, какъ его звали) не сошелся у насъ ни съ кѣмъ, и не только не сошолся, а даже сталъ всѣмъ непримиримымъ врагомъ. Причиною была отчасти его натура, вѣчно и всѣмъ недовольная и щедро разсыпавшая на всѣ стороны обидныя побранки, а

при случаѣ и кое-что подѣйствительнѣе обидныхъ побранокъ; а отчасти и то, что недавно еще пріѣхалъ изъ своей Орловской что ли, не научился еще считать хохлатыхъ и безбородыхъ тоже носящими образъ и подобіе Божіе.... Можетъ быть, тутъ имѣло значеніе и еще одно обстоятельство, о которомъ разсказывалъ Тоесь.

Во время своего путешествія изъ деревни къ барину, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, остановился онъ переночевать у какого-то зажиточнаго козака. Путешественникъ сначала велъ себя прилично; но послѣ, когда за ужиномъ подпесли ему нѣсколько чарокъ *нáськоі* (1), бранчивая натура взяла свое, и онъ, держа въ рукахъ чарку противъ свѣта, такой спичъ сказалъ своимъ хозяевамъ: — «Нѣтъ, говоритъ, правды на свѣтѣ, нѣтъ, какъ хошь! Ужъ не мы ли люди, а Богъ не далъ намъ ефтакой! а вы, и мазёпинъ духъ....« Хозяевамъ, конечно, не понравился такой поворотъ краснорѣчія, слово по слову, пошли и »чубы проклятые« и »обливанцы« , и дѣло кончилось дракою.... Естественно, что происшествіе это, при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ Украиною, не могло расположить кучера въ пользу ея обитателей.

Какъ бы то впрочемъ ни было, никто не сошелся изъ нашего двора съ этимъ человѣкомъ. Сначала дѣло ограничивалось непріязненными взглядами, а потомъ пошло и далѣе. Онъ звалъ всѣхъ проклятыми нехристями, мазёпинымъ духомъ (конечно, объ этомъ ни офицеръ, ни отецъ ничего не знали), а — мы цáпомъ. »Цапъ, цапъ! козю́, козю́!« кричали цѣлою толпою дѣти, бросая ему въ слѣдъ клочки травы или соломы; »Цапъ!« звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Оксентій изъ сарая; »Цапъ!« ревѣли цѣлымъ хоромъ моло́тники изъ клуни; »Цапъ, цапо́къ!« пищала красавица Ганна въ слуховое окошечко кладовой, — и все это заканчивалось всеобщимъ хохотомъ, раздававшимся изъ оконъ, изъ дверей, изъза угловъ, справа, слѣва, а больше всего изъ конюшни, громоподобнымъ хохотомъ Тоеся.... Бѣднякъ до того иногда раздражался, дотого выходилъ изъ себя, что хваталъ колъ и пускался за кѣмъ попало, или же,

(1) Т. е. нашей (водки). Въ украинскомъ языкѣ есть и мѣстоимѣніе *нашъ*, вполнѣ соотвѣтствующее русскому *нашъ*. *Нáський* же означаетъ нашъ только въ смыслѣ *не иностранный, намъ, народу принадлежащій и по происхожденію, и по употребленію* и т. п. Слово это употребляется чаще всего безъ существительнаго (напримѣръ, когда Украинецъ увидитъ на чужой сторонѣ шапку украинскую, говоритъ: »та се наська!«) и притомъ почти всегда съ интонаціею голоса, свойственною только украинскому юмору, вмѣстѣ и ласкающему и хохочущему, — ласкающему нѣжно, хохочущему безобидно....

что́ чаще всего случалось, — такъ какъ многими опытами убѣдился онъ, что не его ногамъ угнаться за быстрыми ногами хохлятъ, — бросалъ шапку оземь и въ бѣшенствѣ топталъ ее ногами . . . . . .

. . . . . .

. . это былъ Ре́готивъ-хуторъ! Хаты, *хлі́вй*, *токи́* (1) и другія принадлежности украинскаго хутора размѣстились по ложбинѣ, не посовѣтовавшись ни съ законами пересѣченія прямыхъ линій подъ прямыми углами, въ формѣ шахматной доски, — ни съ условіями однообразія, — ни даже со вкусомъ проѣзжающихъ, или съ чьимъ бы то ни было вкусомъ: дескать, ка́къ мы вамъ покажемся, если мы помѣстимся тутъ вотъ и тутъ, а вы будете тамъ, на горѣ, или тамъ у окошечка? а размѣстились, гдѣ кому на умъ взбрело: гдѣ поприютнѣе, или гдѣ попривольнѣе, гдѣ пораздольнѣе, гдѣ посподручнѣе. Оттого ложбина съ Реготовымъ-хуторомъ, въ зимнюю пору, казалась съ горы безмѣрной величины *но́чвами* съ мукою, въ которыя какой-то проказникъ метнулъ горсть гречневыхъ отрубей, а пожалуй и сажи.... Тьфу! ни одной улицы, гдѣ, лихой тройкой, доброму мо́лодцу можно бы изъ конца въ конецъ, не поворачивая!... ни одной улицы, гдѣ возвышенный чей взглядъ могъ бы прямо-прямо, по прямой линіи!.. и упереться въ пустынность и безлюдье заселковъ!...

— А онъ, Васи́льку, и на́ші підво́ди! — говоритъ Кіндратъ, указывая *у́жалномъ* (2) внизъ.

»Де?«

— Та онъ́ же!

»А и спра́вді!..«

И я несказанно обрадовался, что скоро буду межъ *нашими*....

— Ище й кибітка яка́сь стоіть тамъ! добавилъ Кіндратъ.

Мы спустились внизъ и поворотили къ подводамъ.

— Добри́день, хло́нці! сказалъ отецъ подводчикамъ: — добри́день!

»Добри́день и вамъ, пано́че!« отвѣтили, кто былъ постарѣе.

— Съ пра́зникомъ будьте здорови!

»Спаси́бі, бу́дьте й ви здоро́ви!«

— А що́, все благополучно?

»Да слава Богу, благополучно все.«

— Слава Богу! — повторилъ и отецъ, и, обращаясь къ Грицьку́, прибавилъ: — возьми-ка его отсюда.

---

(1) *Токи́* — гу́мна.

(2) *Ну́жално* — кнутовище.

Грицько́ вытащилъ меня и поставилъ возлѣ саней. Съ непривычки къ дальнимъ поѣздкамъ, я отсидѣлъ себѣ ноги и съ трудомъ держался на нихъ. Впрочемъ, кое-какъ добрался до Оксентія, который, стоя возлѣ воловъ, давно ужъ мнѣ улыбался издали и подавалъ какіе-то сигналы.

— Онъ подивітця лише́нь туди́!—говоритъ, когда я приковылялъ къ нему поближе, показывая рукою на кибитку, стоявшую тутъ же, возлѣ хаты, и которую мы замѣтили еще съ горы.

Я поворотилъ голову: кибитка прекрасная, и лошади прекрасныя, и кучеръ хорошо одѣтъ....

»Еслибъ намъ такую!«

— Да вы посмотрите на кучера!...

Я началъ смотрѣть и на кучера: борода длинная, смотритъ на насъ, ухмыляется....

»Цапъ!..« вскрикнулъ я, совершенно зэбывъ, что недалеко и отецъ.

Дѣйствительно, это былъ цапъ! »Гора зъ горою, кажуть, не зходитця!« Вслѣдъ за тѣмъ показался изъ избы и баринъ его....

Нѣтъ необходимости разсказывать подробности этой встрѣчи. Скажу только, что послѣ квартированья у насъ, офицеръ, какъ я узналъ изъ разсказовъ, вскорѣ сильно заболѣлъ и гдѣ-то долго лежалъ въ госпиталѣ, что во время этой болѣзни онъ по какимъ-то причинамъ долженъ былъ подать въ отставку, а полкъ между тѣмъ ушолъ въ Польшу, а съ нимъ и Тоесь, и что теперь онъ возвращается на родину.

Мы здѣсь простояли часа три (подводы впрочемъ скоро отправились далѣе), и офицеръ съ покойникомъ отцомъ много выпили тутъ и рому, привезеннаго офицеромъ, и водки, купленной гдѣ-то тутъ же въ хуторѣ, такъ много выпили, что офицеръ на сани попалъ уже не самъ, а его вынесли, а отецъ даже попросилъ у хозяина *люльки* и выкурилъ цѣлую трубку махорки.

Да, на счетъ попоекъ отецъ былъ изъ людей стараго закала! Будучи человѣкомъ вообще весьма трезвымъ и не любя, что́ называется, бражничанья, онъ, если уже былъ въ необходимости пить, напримѣръ, при встрѣчѣ съ пріятелемъ, котораго давно не видалъ, столько могъ глотать разныхъ спиртуозностей, что другіе, потерявъ всякую способность продолжать далѣе, уносимы были съ поля битвы, а онъ — какъ ни въ чемъ не бывало!... Оживленнѣе только становился, пробуждалось только какое-то неопреодолимое желаніе забыться, закружить голову въ гло-

таніи новыхъ спиртуозностей, въ табачномъ дыму, а за отсутствіемъ всего этого — въ быстрой ѣздѣ....

Въ молодыя лѣта онъ курилъ постоянно табакъ, и тогда у него водились прекрасныя трубки; но послѣ, хозяйственныя и семейныя заботы, а главное — нежеланіе, чтобы сыновья переняли (1) эту привычку, непріятную, по его словамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а при неосторожности, и опасную, онъ пересилилъ себя, трубки и табакъ раздарилъ и совершенно пересталъ курить.... Но если случалось подгулять — *лю́льку!* махорка, виргинскій или какой ни попало — подавай! и курилъ старикъ и разсказывалъ про свою молодость и про разную *давнину́*, до тѣхъ поръ, пока не начинала кружиться голова. Тогда люлька прочь и — въ постель!

И ѣздить шибко онъ не любилъ и *нехазяіна́ми* называлъ тѣхъ, кто ѣздитъ шибко: верхомъ всегда шагомъ, а въ повозкѣ или бричкѣ — маленькою рысцою. Но если подгулялъ и особенно если подгулялъ выше того градуса, съ котораго обыкновенно начиналъ курить, и если въ такую пору приходилось ѣхать — »торка́й, торка́й!« ворчалъ онъ возницѣ, — что уже значило: гони степняковъ, сколько выскочатъ легкія ихъ ноги! Замѣчу еще, что »торка́й!« и »лю́льку!« являлись у старика и тогда, когда онъ глубоко былъ чѣмъ огорченъ, оскорбленъ, разгнѣванъ.

Дальнѣйшее путешествіе наше, вѣроятно, не представляло для меня ничего занимательнаго, потому что, въ памяти моей осталось не болѣе двухъ-трехъ картинъ.... Особенно одна картина сильно врѣзалась въ память.

Лошади едва передвигаютъ ноги, устали, даже гнѣдой жеребецъ усталъ... дѣло подъ вечеръ, погода *смура́я*; ни жила́, ни деревца, а только равнина и равнина снѣжная.... И на всемъ этомъ какой-то тусклый, какъ-будто съ желтымъ отливомъ, колоритъ... въ какомъ представляется все, когда или скорбь тяжелая у человѣка на душѣ, или нескончаемый недугъ томитъ его — сидитъ у окна, и безъ цѣли и участія глядитъ въ него, перенося унылый взглядъ отъ одного предмета къ другому.... И то скучно, и оттуда не ждать утѣшенія!...

Грустный тонъ, бѣдная картина! Но отчего эта бѣдная картина могла пережить нѣсколько десятковъ лѣтъ и сохраниться въ памяти? Богъ вѣсть! Не могу припомнить ни тогдашняго состоянія своей души, и ничего предъидущаго или послѣдующаго: только въ какой-то мглистой дали снѣжное

(1) Вѣроятно, я и всѣ мои братья отъ того и вышли такіе *курiи*.

пространство, лошади едва передвигаютъ ноги, какіе-то путники — туда, къ темному горизонту....

Знаю, мои друзья, что опять начинаю вдаваться въ подробности скучныя и для васъ неинтересныя, но снова повторяю, что́ сказалъ вначалѣ моихъ записокъ, въ *Родословной съ отцовской стороны* (1): »Разсказываю эти подробности не для васъ, а для себя: такъ пріятно болтать о невозвратномъ дорогомъ дѣтствѣ! Притомъ, воспоминанія дѣтства, съ лѣтами, болѣе и болѣе стираются,— прикрѣпить же ихъ перомъ и черниломъ: на старость пригодятся подмоложивать черствую ея жизнь, какъ принадобляются зимою засушенные лѣтомъ грибы« (2). Будемъ же прикрѣплять все, что́ ни попадется подъ перо! И на этотъ разъ прикрѣпимъ къ бумагѣ воспоминанія свои о гнѣдомъ жеребцѣ.

Я сейчасъ сказалъ: »даже гнѣдой жеребецъ усталъ«. Вы, можетъ быть, удивились этому *даже*, зная, что жеребцы въ ѣздѣ утомляются скорѣе всякой другой лошади? Не удивляйтесь! въ этомъ отношеніи, о гнѣдомъ жеребцѣ нельзя судить по жеребцамъ, какихъ мы обыкновенно теперь встрѣчаемъ. Это былъ прямолинѣйный потомокъ тѣхъ украинскихъ скакуновъ, на которыхъ предки наши переѣзжали заднѣпровскія степи, пускались въ наѣзды на Крымцевъ и, обремененные добычей, уходили отъ всевозможныхъ преслѣдованій: крѣпкій, быстрый, неутомимый! Однажды, зимою, покойникъ отецъ съ Андреемъ Бѣлоусомъ, большимъ любителемъ хорошихъ лошадей, возвращались изъ гостей, Андрей Васильевичъ на своей разудалой тройкѣ, а покойникъ — на гнѣдомъ жеребцѣ. Оба были навеселѣ, и имъ пришла охота пуститься въ перегонъ. Остановились, выровнялись и помчались.... Андрей Васильевичъ по гладкой дорогѣ, а покойникъ *манівцéмъ*, по нетронутому снѣгу.... Почти три версты мчались, и тройка Андрея Васильевича не только не могла опередить гнѣдого, но даже поровняться съ нимъ, не смотря на то, что гнѣдой, какъ я сказалъ, шелъ не по дорогѣ, а *манівцéмъ*, что онъ былъ запряженъ *въ великі сáни* и что на этихъ саняхъ сидѣлъ человѣкъ, могшій, по своей массивности и тяжести, потягаться, пожалуй, и съ самимъ Тарасомъ Бульбою.... Въ дѣтствѣ я самъ неоднократно ѣздилъ на гнѣдомъ (онъ былъ необыкновенно тихъ и послушенъ), леталъ на немъ по степу́—пти-

(1) Эта часть записокъ Василія Петровича не издана въ свѣтъ.

(2) Не выпущено мною это мѣсто сколько для связи съ послѣдующимъ, столько и для того, чтобы читатель изъ словъ самого Василія Петровича могъ видѣть значеніе заключающихся въ ней подробностей, относительно ихъ достовѣрности.

ца, вихорь!... Быстротою, выносливостію, крѣпостію, неутомимостію, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей отцовскаго табуна, какіе когда-либо у него были прежде и послѣ. Одной только онъ уступалъ лошади, *Бѣлозору*, но это былъ конь! Я вамъ разскажу и о немъ.

Вы, можетъ быть, знаете, что въ Украинѣ попадались прежде, и даже теперь иногда попадаются, лошади, которыхъ мои земляки называютъ *бара́ньскі* (баранскіе). Почему онѣ такъ называются—никто не могъ мнѣ объяснить: »Бара́ньскі, та й го́ді!.. батько́ й дідо́ зва́ли бара́ньскими, и ми такъ звемо́«. Непремѣнная ихъ принадлежность: короткій некрасивый хвостъ, едва достающій до колѣнъ, короткая грива, иногда некрасивая, а иногда лоснящаяся, волнистая, небольшая длина и небольшой ростъ, способность держаться въ хорошемъ тѣлѣ, быстрота, выносливость, рысистость. Вотъ изъ этой-то баранской породы въ отцовскомъ табунѣ была одна *ма́тка* (рыжей масти, съ прекрасною волнистою гривою). Много у нея было дѣтей, но замѣчательнѣе всѣхъ были двое: темно-сѣрой масти меринъ, *сивозалізий*, какъ у насъ говорятъ, и другой меренъ свѣтло-сѣрой масти, именно *Білозо́ръ*, такъ прозванный за свои бѣлые глаза. Сивозалізого почти не помню: помню только, какъ ввалилась на нашъ дворъ цѣлая толпа проходившихъ чрезъ хуторъ линейныхъ козаковъ и купили его за 75 червонцевъ (цѣна по тогдашнему времени необыкновенно высокая); Білозо́ра же я помню хорошо, хоть ѣздить на немъ никогда не осмѣливался, по причинѣ безмѣрной быстроты его бѣга. Онъ такъ быстро бѣгалъ, что даже гнѣдой жеребецъ не могъ угнаться за нимъ, и не только тогда, когда Бѣлозоръ пускался во всю прыть, но и когда онъ несся рысью. Помню, однажды, въ лѣтніе сумерки, пустились мы съ Оксентіемъ въ степь, я—на гнѣдомъ жеребцѣ, а онъ—на Бѣлозорѣ.... Какъ теперь вижу эту, обаятельную для меня, картину моего дѣтства!.. вотъ-вотъ нагоню, вотъ уже гнѣдой почти достаетъ головой Оксентія; но Оксентій гикнетъ, Бѣлозоръ вытянетъ шею, закачается, и чрезъ нѣсколько секундъ и слѣдъ простылъ!.. опять догоню — опять исчезнетъ быстроногій... только далеко впереди слышится топотъ, да что́-то бѣлое дрожитъ впереди, словно призракъ ночной въ сѣдомъ туманѣ....

Вернітеся, озвітеся, літа́ мої!...

На Бѣлозорѣ совершались иногда такія, напримѣръ, поѣздки. Разъ покойникъ отецъ былъ у одного пана, верстъ за сорокъ пять или за пятьдесятъ (это было въ зимнюю пору, за мѣсяцъ или за полтора до

моего отправленія въ городскую школу). Довольный, что ему удалось заключить тамъ одну сдѣлку, и немножко подгулявшій, старикъ не захотѣлъ ночевать въ гостяхъ и — послѣ ужина — домой: »торкай!...« Къ полуночи онъ былъ уже въ хуторѣ! Подвигъ этотъ Бѣлозора покажется еще громаднѣе, если, съ одной стороны, припомнимъ, что ѣхали ночью и что, слѣдовательно, какъ обыкновенно бываетъ въ ночныхъ поѣздкахъ, главная тяжесть поѣздки выпала на долю коренного, а съ другой стороны, если прибавлю еще, что дорога, по которой ѣхали, была узенькая, вьющаяся въ лозахъ и очеретахъ, и что, слѣдовательно, скакуны, какъ тоже обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше мѣшали Бѣлозору, чѣмъ помогали.

Поѣздка эта, впрочемъ, была причиною погибели бѣднаго Бѣлозора. Пріѣхавъ домой поздо, подгулявшій старикъ, противъ своего обыкновенія, не наблюлъ, какъ распорядились съ измученными животными, а возница ограничился только тѣмъ, что, распрегши, прицѣпилъ ихъ къ пустымъ яслямъ и улегся спать. Жажда заставила бѣднаго Бѣлозора перервать поводъ, и прямо къ рѣкѣ, къ *ополо́нкѣ*.... Къ утру у Бѣлозора явился *паску́дникъ*, а къ вечеру бѣдняга издохъ.... Уже на что́ покойникъ отецъ былъ тугъ на слезы, но и онъ плакалъ надъ добрымъ животнымъ, которому и цѣны никто не умѣлъ у насъ *сложи́ть*!... Бѣлозоръ зарытъ былъ въ глубокую яму, и пока земля сверху не замерзла, по ночамъ стояла сторо́жа: этимъ почтили память добраго животнаго, чтобы собаки или волки не могли разрыть ямы и не растащили бы по лѣсамъ и очеретамъ костей, созданныхъ природою для широкихъ степей и вольныхъ раздоловъ . . . . . .

Утро (1) было теплое; въ воздухѣ носился легкій туманъ; лошади ступали тяжело, сани скользили невесело.... Словомъ, обстановка была изъ тѣхъ, которыя располагаютъ душу къ печальному, или къ *кислому*, настроенію, какъ выражаются Поляки.

Сидя по прежнему у ногъ отца, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ себѣ, съёживался, такъ-сказать, и духовно, и тѣлесно... зарывался поглубже въ тулупы и угрюмо молчалъ, хотя по природѣ былъ любопытенъ и любилъ разузнавать обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ первый разъ, хотя отецъ, по видимому, расположенъ былъ болтать со мною

(1) Разсказъ о пріѣздѣ къ пану, у котораго купленъ лѣсъ, какъ проведена ночь и проч., нами пропускается, какъ непредставляющій особеннаго интереса. Здѣсь Василій Петровичъ, впервые, изъ аханій и соболѣзнованій *па́нії*, болѣе или менѣе узнаетъ, что́ такое городское училище....

и удовлетворять моему любопытству, и новыхъ предметовъ представлялось много. Это, напримѣръ, множество обгоняемыхъ нами подводъ, ѣдущихъ въ ту же сторону, куда и мы, и нагруженныхъ дровами, очеретомъ, мѣшками съ хлѣбомъ,—чьи онѣ, куда ѣдутъ, за чѣмъ? или, что́ это за подводы, запряженныя, не парою воловъ, какъ дѣлается у насъ, а однимъ воломъ? (1) И какъ это смѣшно, и какое ярмо́ смѣшное!...

Вотъ какая-то перекладина впоперегъ дороги, пестрая, на столбахъ! Мы остановились, какіе-то пьяные обыскиваютъ, нѣтъ ли у насъ водки.... Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ дома — я ихъ не разглядѣлъ хорошенько, не до нихъ мнѣ.... Вотъ и площадь какая-то: евреи и евреи, а тамъ какія-то длинныя *комо́ры*, отецъ говоритъ — лавки.... »Лавки?..« охъ, когда бъ про училище забылъ!...

Вотъ снова въ какую-то улицу, — впереди церковь, тутъ, вѣрно, гдѣ-то и училище... вѣрно, тутъ меня бросятъ....

Я перевелъ духъ тогда только, когда, у самой церкви, лошади поворотили круто направо, начали спускаться съ горы, и впереди открылись луга, поля, — видъ за городъ....

»Вѣрно забылъ про училище!« и я сидѣлъ еще неподвижнѣе, не смѣлъ и пошевельнуться, боясь напомнить о себѣ....

На полгорѣ лошади поворотили налѣво, мѣстность становилась безлюдною — съ одной стороны оврагъ, а съ другой — высокій валъ, — и только по склону послѣдняго лѣпились еще кое-гдѣ небольшіе домики.... »Се вже за городъ?« осмѣлился наконецъ я отозваться. — »Направо!« раздалось, какъ бы мнѣ въ отвѣтъ, надъ головою, и лошади, своротивъ съ дороги, шагомъ пошли по тропинкѣ, прорѣзанной вдоль отлогости вала и заканчивающейся сквозными воротами....

Какъ мы взъѣхали на маленькій дворъ, какъ остановились, вошли въ хату, — ничего не помню. Воспоминанія мои начинаются съ того времени, когда мы были уже въ хатѣ и сидѣли съ отцомъ на лавкѣ.

Возлѣ насъ, съ правой стороны, стояла и чистила рыбу очень стройная, дѣвушка, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ рябоватымъ отъ оспы, но довольно красивымъ и пріятнымъ лицомъ, — Устя, мой будущій врагъ и мучитель, а напротивъ насъ, за верстатью, ткачъ Хома́, высокій, тощій, съ орлинымъ носомъ, съ добродушнѣйшимъ, какое только можно себѣ представить, лицомъ... съ небритою бородою и съ небольшою лысиною по самой срединѣ головы, вслѣдствіе чего верхняя ея

(1) Т. е. *бовкуно́мъ*.

часть напоминала нѣсколько соломенныя покрышки на ульяхъ: сверху гладкія закругленныя, а внизу широкія, растопыренныя, — Хома, мой будущій другъ и защитникъ отъ Усти... Устя и Хома, особенно послѣдній, очевидно, давно были знакомы съ отцомъ и разговаривали съ нимъ, какъ давно знакомые. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что Устя — хозяйская дочка,—что она изъ сомовъ приготовитъ *юшку*, какое намѣреніе отецъ, большой любитель рыбы и рыбныхъ блюдъ, очень похвалилъ, — хозяинъ въ какомъ-то караулѣ, а хозяйка на базарѣ булки продаетъ....

Вообще, первое впечатлѣніе этой свѣтленькой хаты и встрѣченныхъ тамъ людей было какое-то располагающее.

Чрезъ нѣсколько минутъ отецъ обратился ко мнѣ:—А ну, говоритъ, Василько, пойдемъ!...

Мы пошли... Долго мы шли и пришли къ той церкви: инстинктъ не обманулъ меня, что училище тамъ, возлѣ этой церкви.

Вошли въ какой-то дворъ.

— Здѣсь живетъ смотритель?—спросилъ отецъ какого-то человѣка, хлопотавшаго по двору, отставнаго солдата и, какъ я послѣ узналъ, училищнаго сторожа.

»Здѣсь!«

— Дома онъ?

»Дома!«

Чрезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ низенькой, но просторной комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, и предъ нами какой-то *панъ*, тощенькій, угрюмый, съ длинными руками и узенькими полосками волосъ на щекахъ... Я сей-часъ догадался, что этотъ панъ—смотритель, какъ его назвалъ отецъ. Лѣвою рукою онъ придерживалъ полы своего стеганнаго ситцеваго халата, а правою чесалъ его спинку... Славныя это были руки! съ ними еще не разъ прійдется намъ встрѣтиться.

— Что вамъ нужно? — спросилъ панъ у отца.

Старикъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и подалъ какія-то бумаги. Смотрѣлъ въ нихъ, смотрѣлъ, ворчалъ - ворчалъ, и заключилъ сердитымъ: »нельзя!«

Слѣдуютъ доказательства, что — можно, но рѣчь прервана новымъ »нельзя«, еще болѣе сердитымъ.

»Авось-либо!« радостно подумалъ я...

Отецъ немного подумалъ... потомъ полѣзъ въ карманъ, вытащилъ *капшу́къ*, развязалъ, вынулъ нѣсколько карбованцовъ и положилъ ихъ на столъ. »Прошу«, говоритъ, »покорно!«

Панъ искоса взглянулъ на столъ, потомъ, тоже искоса, но ужъ нѣсколько меланхолически, на боковое окно, и наконецъ устремилъ суровый взглядъ на меня.

— Чему ты учился?

Я смѣшался и началъ смотрѣть на отца.

— Кажи жъ, що́ ти вчивъ!

»Я училъ »О добромъ сынѣ«, »Какъ Маша клала въ ротъ иголки и булавки....«

Хотѣлъ было даже разсказывать содержаніе этихъ исторій.

— Дуракъ! Ариѳметикѣ и Закону Божію учился?... Ну, какъ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака?

»Ножемъ!« прошепталъ я едва слышнымъ голосомъ.

— По-жееемъ!! прошепталъ и смотритель, передразнивая меня... — Дуракъ! по повелѣнію Божію, а не ножемъ! Нѣтъ, заключилъ онъ, обращаясь къ отцу: — его нельзя принять — онъ и въ первый классъ не годится.

Отецъ молча вынулъ и положилъ на столъ еще нѣсколько карбованцовъ.

— А читать ты умѣешь?

»Умѣю!«

— И церковное умѣешь?

»Умѣю!«

— Ну, прочитай! и сунулъ мнѣ подъ носъ »Чтеніе изъ Евангелистовъ«.

Я прочелъ нѣсколько строкъ.

— Хорошо! читаетъ хорошо! пожалуй въ приходское можно бы.

Снова нѣсколько карбованцовъ.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо! Пусть ходитъ! Только вамъ надобно еще побывать у учителя: онъ *тоже добрый человѣкъ*.... Чего нельзя—нельзя, а что можно—можно!... Мы рады, если къ намъ *хорошіе* ученики....

А вѣдь, если сказать правду, его, этого смотрителя, любили и дѣти, и родители: первые потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не злой человѣкъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ остальнымъ училищнымъ штатомъ, а послѣдніе, что онъ велъ дѣла свои, какъ говорится, на чистоту, не ломался, ясно показывалъ, чего нужно.... А что онъ любилъ чужіе карбованцы—кто же изъ насъ не любитъ ихъ, такъ ли, или иначе?! Это ужъ у насъ въ крови, должно быть, такой порядокъ.... Вѣдь правду я го-

ворю? Моя рѣчь къ вамъ, Александръ Степановичъ и Иванъ Николаевичъ, къ вамъ А. Б. В. et cetera!

Приходимъ къ учителю. Александръ Прохоровичъ, съ трубкою въ зубахъ, сидитъ на стулѣ и, очевидно, приготовляетъ себя къ послѣобѣденному сну.

Но полно, мои друзья! на одинъ разъ слишкомъ много объ этомъ!

Когда вышли отъ Александра Прохоровича, отецъ: »Ну«, говоритъ, »вотъ ты, Василько, и въ училищѣ!«

Воротились на квартиру . . . . . .

. . . . . .

. . . Начали собираться къ обѣду. По просьбѣ отца, Хома принесъ *горілки*, сѣли за столъ.

За обѣдомъ ѣли, пили, вели бесѣду: ѣли юшку съ молодыми сомами, пили горилку и вели бесѣду о чемъ? не знаю: скорбная душа моя была въ это время далеко, далеко!...

Пообѣдали.

— Запьемо́ жъ! говоритъ отецъ и, взявши въ правую руку *пля́шку*, а въ лѣвую чарку, налилъ немножко водки и подалъ мнѣ: —Ви́пий!

Я не зналъ, что́ дѣлать.

— Ви́пий, ви́пий! сёго́дня годи́тця тобі, сёго́дня твій день.

Я выпилъ.

Отецъ снова налилъ, но ужъ полную чарку, поднесъ ее ко рту и тихо заговорилъ:—Ца́рство жъ небе́снее моімъ роди́телямъ!.. не хотіли вони́ мене́ вчить—спаси́бі и за те!... А я хо́чу, щобъ ти вчи́вся—чу́ешъ? хо́чу.... Учи́ся-жъ до́бре! до́бре, си́ну, вчи́ся — чу́ешъ? щобъ потіхою бувъ ма́тері на ста́рість....

Я заплакалъ.

— Якъ ви́вчися до́бре и бу́ду я на тімъ світі—згада́й коли не́будь и мене́, нелихи́мъ сло́вомъ—не леда́що, мовъ, бувъ у ме́не ба́тько!...

Я заплакалъ еще сильнѣе.

— Не плачъ, си́ну, не плачъ!.. не плачъ!...

Но я плакалъ и плакалъ... и изъ-за стола встали, и лошадей подали отцу, и простились мы съ нимъ, и выѣхалъ онъ за дворъ, а я плакалъ....

Но когда Хома хотѣлъ затворить ворота, я съ крикомъ бросился къ нимъ: Батюшка, батюшка, не ки́дайте мене́!...

Старикъ послышалъ, поворотилъ голову и погрозилъ мнѣ пальцемъ!..

М. Номисъ.

С. П. 1858 г. 1 Декабря.

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

III.

АРТЕМОВСКІЙ-ГУЛАКЪ.

Литературная дѣятельность Котляревскаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, рѣзко бросающихся въ глаза критику нашего времени, имѣла важныя послѣдствія. Своею пародіей и двумя театральными пьесами онъ напомнилъ Украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобъ выбранить неисправнаго мужика. Даже и его пѣсня *Віють вітри* имѣетъ свое историческое значеніе. Панночки временъ Котляревскаго, дѣйствіемъ чужеземнаго воспитанія, сдѣлались неспособны понимать высокія красоты нашихъ народныхъ пѣсень и стыдились пѣть ихъ въ своемъ кругу. Пѣсню, сочиненную Иваномъ Петровичемъ, вхожимъ во всѣ знатные полтавскіе кружки, было не стыдно спѣть за фортепьяно: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романсахъ Капниста. Содержаніе, тонъ и складъ пѣсни Котляревскаго пришлись по силамъ и вкусу современныхъ ему кружковъ семейныхъ, точно, какъ легкій супъ—для разстроеннаго желудка; и кто знаетъ? можетъ быть, она провела за собой не одну народную пѣсню въ то общество, которое давно уже пренебрегло звонкоголосую и прямодушную степную музу. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленью украинской простонародной рѣчи на бумагѣ. Мы знаемъ нѣсколько подражаній собственно *Енеидѣ*, которыя никакъ не могли добиться печати за множествомъ книжицъ, обѣщавшихъ издателямъ болѣе вѣрный

сбытъ (1). Подражанія эти начались еще при жизни Котляревскаго и, конечно, не подвинули украинской литературы ни на волосъ впередъ; но жужжанье стиховъ украинскихъ, въ такъ называемыхъ патріотическихъ кружкахъ, дѣлало свое дѣло: оно, точно колокольчикъ сказочнаго Вадима, манило Украинцевъ въ какую-то невѣдомую имъ область, непохожую на то, что́ они знали въ печатномъ мірѣ. Можетъ быть, были и болѣе самостоятельные опыты въ стихахъ и прозѣ, съ проблесками таланта истиннаго и вкуса вѣрнаго, но оставались скрытыми отъ разбор-

(1) Въ дѣтствѣ я имѣлъ въ рукахъ разговоръ двухъ поселянъ о похоронахъ черниговскаго архіепископа. Слѣдующіе стихи, сохранившіеся у меня въ памяти, состоятъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ *Енеидою* Котляревскаго:

Тамъ намалёвано и пе́кло,
Таке́ страшне́, що ажъ бі́да.
Отта́мъ, бра, ду́шно, тамъ и те́пло!
Смола́ тече́ такъ, якъ вода́, —
Тече́ зъ гадю́ки, та й пала́е,
А чортъ люде́й туди́ таска́е.
Лиха́ годи́на за гріхи́!
Було́ просту́пишъ хочъ не хо́тя,
Якъ прийде війтъ до насъ воркотя,
Таска́ть прика́же въ млинъ міхи́,
Або́ у ви́нницю по дро́ва, —
Забу́дешъ, й пле́чі що боля́ть....

Укажу еще на стихи подъ заглавіемъ *Вакула Чмирь*, написанные въ концѣ *Грамматики Малороссійскаго Нарѣчія*, Павловскаго, какъ на смѣхотворство безъ опредѣленной цѣли, въ духѣ *Енеиды*. Вотъ ихъ образчикъ:

Кричавъ, вищавъ,
Стогнавъ, пищавъ,
Такъ ніхто́ не чу́е,
Що сей коза́къ
У по́лі такъ
Злиде́нно ночу́е.
Въ бідѣ заснувъ;
Якъ же скрепну́въ
Моро́зъ, та ще кгре́чий,
Такъ и но́ги
До доро́ги
Приме́рзли и пле́чі.
Відъ сей хву́кги
Ёго́ ру́ки
Закля́кли и гу́би:
Лежи́ть коза́къ,
Якъ по́вний макъ,
Изціпивши зу́би.

чивыхъ цѣнителей, подобно обнародованному мною въ *Хатѣ* разсказу Иродчука, лѣтъ двадцать или тридцать валявшемуся въ хозяйственныхъ бумагахъ помѣщичьяго семейства. Что́ касается до печатнаго міра, то едва черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія *Енеиды* появился преемникъ Котляревскаго въ украинскомъ стихѣ. То былъ г. Артемовскій-Гулакъ.

Около сорока-пяти лѣтъ тому назадъ, грамотные земляки наши, Харьковцы, основали у себя періодическое изданіе, подъ заглавіемъ: *Украинскій Вѣстникъ*. Образцами для нихъ, очевидно, служили журналы петербургскіе и московскіе. Издатели были не въ силахъ создать своехарактерный литературный органъ, и, рядомъ съ невинными статейками о Малой Россіи, о гетманѣ Хмельницкомъ, о Сковородѣ, помѣщали стишки и прозу во вкусѣ *Сына Отечества и Сѣвернаго Архива*, издаваемаго приснопамятнымъ Булгаринымъ. Возрожденіе украинской народности не было въ то время дѣломъ общаго одушевленія или глубокихъ соображеній передовыхъ умовъ. Оно совершалось болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, и единственнымъ украинскимъ писателемъ стоялъ, покамѣсть, на пустой аренѣ Котляревскій. Но сила вещей взяла свое, и *Вѣстникъ*, только по имени украинскій, черезъ два года по своемъ основаніи, представилъ образцы дѣйствительно украинскихъ стиховъ и прозы. Неожиданно явился продолжатель дѣла, начатого Котляревскимъ, и въ первомъ своемъ опытѣ, подъ заглавіемъ: *Панъ та Собака*, обнаружилъ, что задача украинской словесности, послѣ изданія *перелицеванной Енеиды*, сдѣлалась уже гораздо серьезнѣе. Это стихотвореніе принято было тогдашнею публикою съ восторгомъ и, не смотря на то, что авторъ подписался подъ нимъ только буквами .....ъ .....й ...ъ, сдѣлало имъ его популярнымъ между Украинцами (1). Къ сожалѣнію, г. Артемовскій-Гулакъ не напечаталъ потомъ ничего равносильнаго первому своему опыту, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ появляться въ печати. *Украинскій Вѣстникъ* прекратился въ началѣ 1821 года и сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью. Стихотворный разсказъ *Панъ та Собака* долго ходилъ въ рукописи, по своемъ обнародованіи въ этомъ журнальцѣ, но стихи Шевченка увлекли вкусъ немногочисленныхъ любителей украинской словесности въ другую сто-

(1) Авторъ *Пáна та Собаки* только въ 1827 году напечаталъ полное свое имя подъ балладою *Твердовський*, напечатанною въ журналѣ *Славянинъ* и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

рону, и теперь ужъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить знаменитое произведеніе третьяго украинскаго писателя. Между тѣмъ въ исторіи нашей словесности оно составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не пройдетъ не остановившись, и потому, прежде чѣмъ показать его особенности, мы представляемъ его цѣликомъ нашимъ читателямъ.

ПАНЪ ТА СОБАКА.

На зе́млю злізла нічъ.... нігдѐ ані шиши́рхне,
Хиба́ то дѐ-куди крізь сонъ що-не́будь пи́рхне.
Хочъ въ о́ко стрель тобі — такъ те́мно на дворі.
Укла́вся місяць спать, не́ма ані зорі,
И ле́дві крадькома́ яка́ мале́нька зірка
Зъ-за хма́ри ви́гляне, ненача́ мишъ зъ засіка.
И не́бо, и земля́ — усе́ одпочива́;
Все нічъ підъ чо́рною запа́скою хова́.
Оди́нъ Рябко́, оди́нъ якъ па́лець, не дрима́е:
Худо́бу па́нську, мовъ братъ рідний, доглида́е.
Бо да́рмо істи хлібъ Рябко́ нашъ не люби́въ:
Івъ за пятёхъ, але́ те́ івъ, що заробѝвъ.
Рябко́ на па́нському дворі не спить всю нічку.
Коли́бъ тобі на сміхъ було́ де ви́дно свічку,
Або́ въ селі де на опічку
Маячивъ каганѐць.
Всі сплять, хропу́ть,
А дѐ-які сопу́ть.
Уже́ и панотѐць,
Прилізши изъ христи́нъ, до у́трені попха́вся....
А нашъ Рябко́, кажу́, все спа́тки не вклада́вся.
Знай небора́къ ганя́ то въ той, то въ сей куто́къ:
То зазирне́ въ курни́къ, то — дѐйко до свино́къ!
Спита́: чи всі таки́ живе́нькі порося́тка,
Инди́ки та качки́, курчя́тка й гусеня́тка?
То звідті́ль навпросте́ць
Маха́е до ове́ць,
До клу́ні, до стіжкі́въ, до ста́ні, до обо́ри;
То зновъ наза́дъ чимъ дужъ, — щобъ ча́сомъ Москалі
(А іхъ тогді було́ до хріна на селі),
Щобъ Москалі, мовля́въ, не вбра́лись до комо́ри.
Не спить Рябко́ та все такъ га́вка, скаучи́ть,
Що су́чий синъ, коли́ ажъ въ у́хахъ не ляща́ть!
Все ду́ма: я́къ би то піддо́бриться підъ па́на?
Не зна жъ, що не мине́ Рябка́ обрадова́нна!

Якъ гавъ, такъ гавъ, поки́ свінýло на дворі;
Тогді Рябкó простя́гсь, захріпъ въ своій норі.
Чому́ жъ Рябкý не спать? чи знавъ вінъ, що зъ нимъ бу́де?
Заснýвъ вінъ сма́чно та́къ, якъ сплять всі до́брі лю́де,
Що щи́ро стереже́ть добра́ своіхъ панівъ....
Якъ ось — трусъ, га́ласъ, крикъ!... ввесь двіръ загомонівъ:
»Цу-цý, Рябкó! на, на́! сюди́ Рябка́ кликніте.«
— »Ось-о́сь я, ба́течки!... чого́ ви тамъ? скажіте!«
Стриба́ Рябкó, верти́ть хвосто́мъ,
Нена́че помело́мъ,
И знай дурне́нький ска́лить зýби
Та ли́же гýби.
»Уже́ жъ, бачъ«, ду́ма вінъ, »не ду́рно це въ дворі
Одъ са́моі тобі зорі
Всі па́нькаютця коло ме́не:
Мабýть, самъ Панъ звелівъ віддáть Рябкý пече́не
И що́ зоста́лося варе́не
За те́, що, бачъ, Рябкó всю Бо́жу нічъ не спавъ,
Та га́вкавъ на ввесь ротъ, злодіївъ одгани́въ.«
— »Цу-цý, Рябкó!« ще рáзъ сказа́въ оди́нъ псяю́ха....
Та й хапъ Рябка́ за ýха!
»Кладіть Рябка́!« гукнýвъ... Ажь ось и Панъ прибігъ.
»Лупіть Рябка́!« сказа́въ; »чухра́йте!... ось батігъ!«
— »За що́?« спита́въ Рябкó; а Панъ кричи́ть: »Чухра́йте!«
— »Ой! ёй! ёй! ёй!« а Панъ імъ ка́же: »Не вважа́йте!«
— »Не бýду, ба́течку!... За що́ жъ це честь така́?«
— »Не слýхай!« панъ кричи́ть; »лупіть, деріть Рябка́!«
Дерýть Рябка́, мовъ пірья,
На га́ласъ збіглась двірня:
»Що́? я́къ? за що́? про що́?« — Не зна́е ні оди́нъ.
»Пустіть!« кричи́ть Рябкó: »не будь я пе́ський синъ,
Коли́ вже вдéржу бíлшъ!...«
Рябкó пашъ хочъ не бре́ше,
Такъ що жъ? Явтýхъ Рябка́ все знай по жи́жкахъ че́ше.
»Пустіть, швидчій пустіть!« Панъ на ввесь ротъ гукнýвъ,
Та й зъ ха́ти самъ умкнýвъ.
»Пустіть!« гукнýли всі: »Рябкó вже вдоволни́вся!«
— »Чимъ, лю́де до́брі, такъ оце́ я провини́вся?
За що́ жъ глузýете?« сказа́въ нашъ небора́къ;
»За що́ знуща́етесь ви надо мно́ю такъ?
За що́, за що́?« сказа́въ, та й попусти́въ патёки,
Патёки гіркихъ слізъ, узя́вшися за бо́ки.
— »За те́«, сказа́въ оди́нъ Рябкóві зъ наймитівъ,
»Щобъ не коло́шкавъ ти вночі своіхъ Панівъ;
За те́... але́ що́ тутъ?... ходімъ, Рябкó, лишъ зъ ха́ти:

Не ду́же, ба́чу, ротъ тутъ мо́жна роззявля́ти.
Ході́мъ, Рябко́, на двіръ.«
— Пішли́.
—»Се не пусте́«,
Сказа́въ Явту́хъ Рябку́: »оце́ тебе́ за те́
По жи́жкахъ, бра Рябко́, такъ га́рно пошмага́ли,
Що Панъ изъ Па́нею сю ці́лу нічъ не спа́ли.«
— «Чи ви́ненъ я сёму́? Чи ти, Явту́хъ, здурівъ?«
— »Гай, га́й!« сказа́въ Явту́хъ. »Рябко́! ти знавісні́въ;
Ти ви́ненъ, бра Рябко́, що ніччю розбреха́вся:
Ти жъ знавъ, що вчо́ра нашъ у ка́рти Панъ програ́вся!
Ти жъ знавъ,
Що хто програ́въ,
Той чо́рта (не тепе́ръ на спо́мники) здрімае́, —
Той ба́тька рідного, розсе́рдившись, програе́!
Ти жъ знавъ, кажу́, Рябко́, що Панъ не бу́де спать.
До чо́го жъ га́вкавъ ти? на що́ жъ було́ гарча́ть?
Неха́й би га́вкавъ самъ, а ти бъ укла́вся тихе́нько,
Забра́вшись въ ожере́дъ, та й спавъ би тамъ гарне́нько.
Тепе́ръ ти ба́чишъ самъ, що мо́кримъ вінъ ряднóмъ
Напа́вся на тебе́, и знай верзе́ притьмо́мъ:
Що гро́шей вчо́ра вінъ проци́ндривъ щось не тро́хи;
Що Па́ню черезъ те всю нічъ куса́ли бло́хи;
Що бу́цімъ вчо́ра вінъ грать въ ка́рти бъ не сіда́въ,
Коли́бъ сёго́днішню бувъ нічъ хочъ закуня́въ;
Що бу́цімъ ти, Рябко́, такъ га́вкавъ, якъ соба́ка;
Що бу́цімъ по тобі похо́дить ще й лома́ка;
Що ба́чця ти ёму́ ости́въ, надоси́въ,
И ба́чця вінъ тебе́ за те й прохвороти́въ.
А бачъ, Рябко́, а бачъ! не га́вкай, не ганя́йсь;
Ляжъ, хи́рний, та й мовчи́, и зъ Па́номъ не рівня́йсь.
Чого́ бреха́ть? неха́й нашъ Панъ здоро́вий бу́де,
Вінъ самъ и безъ соба́къ сю па́нщину одбу́де.«

Послу́хавъ нашъ Рябко́ пора́ди Явтуха́.
»Неха́й тяжка́ ёму́ годи́на та лиха́«,
Сказа́въ, »щобъ за мое́, якъ ка́жуть, жи́то
Та ще мене́ и би́то!
Коли́ мое́ не въ ладъ,
То я зъ своїмъ наза́дъ.
Чи ба́ба зъ во́за, — що жъ? вели́ка ду́же ва́да!
Коби́лі ле́гший візъ, сёму́ коби́ла й ра́да.«
Отта́къ серде́га нашъ Рябко́ помірко́вавсь,
Та й спать на ці́лий день и ці́лу нічъ попха́вся.
Заснý́въ Рябко́, захріпъ, ажъ ожере́дъ трясе́тця.

Рябку́ й не спи́тця, й не верзе́тця,
Що вже Моска́лики въ комо́рі й на дворі
Скрізь ни́шпорять, мовъ тутъ воні́ й господарі,
Що вовкъ ягня́тъ, а тхіръ курчя́токъ убіра́е....
Ажъ тутъ и на дворі тужъ-тужъ уже́ світа́е.
»Цу-цу́, Рябко́!« тутъ всі, повибіга́вши зъ хатъ,
»Цу-цу́, Рябко́! на, на́!« гукну́ли якъ на гвалтъ.
А нашъ Рябко́ тобі и у́сомъ не морга́е;
Хочъ чу́е, та мовъ спить и мовъ не дочува́е.
»Тепе́ръ-то«, ду́ма вінъ, »мій Панъ всю нічку спавъ,
Бо не буди́въ его́ Рябко́ и не бреха́въ;
Тепе́ръ-то вінъ мені свою пока́же дя́ку;
Тепе́ръ уже́ не втре мені, якъ вчо́ра, ма́ку!
Неха́й цуцу́кають... мене́ симъ не зведу́ть,
Поки́ сами́ сюди́ обі́дъ не принесу́ть.
Та ще й тогді, не бійсь, поска́чуть коло ме́не,
Поки́ возьму́ я въ ротъ хочъ стра́ву, хочъ пече́не!«
— »Цу-цу́!« сказа́въ ище́ Рябко́ві тутъ Явту́хъ;
»Цу-цу́!« зади́хавшись, мовъ зъ его́ не́рло духъ.
»Ходімъ, Рябко́!«
— »Эге́, ходімъ! Не ду́же ква́пся,
Самъ принеси́ сюди́.«
— «Иди́ жъ хутчій, не ба́вся!«
— »Ба не піду́, Явту́хъ!«
— »Иди́, бо кли́че Панъ!«
Сказа́въ, та й зашморгну́въ на ши́ вінъ арка́нъ.
»Чешіть Рябка́!« гукну́въ... ажъ тутъ іхъ щось зъ деся́токъ
Вліпи́ли зъ со́теньку кіивъ Рябку́ въ завда́токъ.
»Лупіть Рябка́!« кричи́ть тутъ Панъ, якъ навісни́й;
Рябко́ жъ нашъ тілько вже що те́плий та живи́й.
Разівъ изъ шість Рябка́ водо́ю одлива́ли,
И стілько жъ разъ его́, одли́вши, зновъ шмага́ли,
А по́тімъ переста́ли.
Рябко́ спита́ть хотівъ, але́ Рябківъ язи́къ
Бувъ въ ро́ті спу́таний, нена́че пу́томъ зъ ликъ,
И gergotáвъ щось, якъ на сі́далі инди́къ.
»Постій!« сказа́въ Явту́хъ Рябко́ві, »не турбу́йся«,
Я пра́ву всю скажу́: »Ото́, Рябко́, шану́йся,
Добра́ своіхъ Панівъ, якъ о́ка, стережи́,
Зара́ння спать не квапсь, въ соло́му не біжи́,
Злодіівъ обгоня́й та га́вкай на звіря́ку.
Не га́вкавъ ти, Рябко́, — за те жъ ми, бачъ, въ нау́ку,
Изъ ла́ски, зъ ми́лости Панівъ,
Вліпи́ли сотенёкъ изъ пять тобі кіивъ.«
— »Чорти́ бъ уби́въ твого́, Явту́хъ, зъ Пана́ми ба́тька

И дя́дину, и дя́дька
За ла́ску іхъ!« сказа́въ Рябко́ тутъ на-о́дрізъ.
Нехай імъ слу́жить більшъ рябо́й въ болóті бісъ!
»Той ду́рень, хто дурни́мъ иде́ Пана́мъ служи́ти,
А більший ду́рень — хто імъ ду́ма угоди́ти!
Годи́въ Рябко́ імъ, мовъ боля́чці й чиряку́,
А що́ жъ за те Рябку́?
Сяку́ мать та таку́!
А до того́ ище́ спорóли батога́ми,
А за вислу́гу палюга́ми.
Чи га́вкае Рябко́, чи мóвчки ніччю спить,
Все випада́ таки́ Рябка́ притьмóмъ побúть.
Уже́ мені, бачу́, чи то туди́ — висóко,
Чи то сюди́ — глибóко;
Повéрнесся сюди́ — и ту́та гаряче́;
Повéрнесся туди́ — и тамъ-то боляче́.
Хочъ би я тісто вніс пся́юсі изъ діже́ю,
То бъ вінъ розтóвкъ и ту надъ спи́ною моéю.
Зъ леда́чимъ все бідá: хочъ вéрть-круть, хочъ кру́ть-верть,
Вінъ на́йде все тобі хочъ въ черепóчку смерть.«

Котляревщина отозвалась въ Артемовскомъ-Гулакѣ прежде всего ямбомъ, несвойственнымъ украинской народной поэзіи. Шевченко, поэтъ иной эпохи и иного полета, уклонился отъ ямба при самомъ началѣ своего литературнаго дѣла, какъ ни соблазнительно звучалъ тогда ямбъ въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина. Во всемъ *Кобзарѣ*, первомъ блестящемъ своемъ опытѣ, не обратился Шевченко къ этому размѣру. Г. Артемовскій-Гулакъ раза два, въ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ своихъ, оставлялъ ямбъ, и стихъ его отъ одного этого становился ближе къ народнымъ пѣснямъ, которыя служили для Шевченка единственнымъ образцомъ тона и вкуса.

Но, независимо отъ метра, въ складѣ рѣчи и въ манерѣ разсказа г. Артемовскаго-Гулака, отзывается также Котляревскій.

На зéмлю злізла нічъ....
Хочъ въ óко стрель тобі, такъ тéмно на дворі;
Укла́вся місяць спать....
И ле́дві крадькома́ яка́ мале́нька зірка
Зза хма́ри ви́гляне, нена́че мишъ зъ засіка.

Въ своемъ родѣ, это превосходные стихи, но они какъ-будто написаны тѣмъ же перомъ, что и слѣдующіе:

Бурхну́ло зъ не́ба, мовъ изъ бóчки,
Що промочи́ло до соро́чки;

То дра́ла въ-ро́стичъ всі дали́.
Троя́нці ста́ли всі, якъ хлю́ща;
Імъ лу́чилася невсипу́ща;
Не ра́ди и дощу́ були́ (*Енеида*, ч. II.).

У Котляревскаго есть даже стихи, буквально похожіе на начало *Пана та Собаки:*

Якъ тілько та сумра́чна, те́мна
Изъ не́ба злізла чо́рна пічъ,
Годи́на жъ ста́ла ду́же не́вна,
Якъ повтіка́ли зірки прічъ. (*Енеида*, ч. III.)

Только эти стихи слишкомъ ничтожны сравнительно съ стихами г. Артемовскаго-Гулака. Литературныя требованія очевидно были въ его время ужъ не тѣ, что во времена Котляревскаго, да и таланты авторовъ были не равны. Мы думаемъ, судя по первымъ опытамъ г. Артемовскаго-Гулака, что явись онъ въ наше время, съ своимъ сильнымъ и гибкимъ стихомъ и съ тою образностью, которой исполненъ юмористическій разсказъ его о Панѣ и Собакѣ, онъ оставилъ бы въ украинской словесности прочный памятникъ своего существованія. Но тогдашнее общество не оцѣнило его по достоинству, при всемъ успѣхѣ, какимъ пользовались первыя пробы пера его между любителями украинскаго слова. Въ тогдашнемъ обществѣ было еще слишкомъ много авторитетовъ, которые давали такимъ пьесамъ, какъ *Панъ та Собака*, значеніе каприза и не позволяли имъ занять какое бы то ни было мѣсто въ храмѣ россійской словесности. Молодому, начинающему писателю трудно было не поддаться общему взгляду на свое дѣло, запечатлѣнное характеромъ отдѣльной, еще не признанной народности. Что-то у него шевелилось въ душѣ противъ исключительнаго господства одной великорусской рѣчи въ грамотномъ русскомъ мірѣ; но высказалъ онъ свои понятія въ формѣ литературнаго юродства, которое пошло у насъ отъ Котляревскаго и до сихъ поръ не выводится въ украинской прозѣ; а высказавъ, онъ всё таки пересталъ писать украинскіе стихи и, вѣроятно, призналъ напечатанное юношеской затѣей, недостойной ума солиднаго. Какъ быто ни было, — теперь, когда украинская литература уже не кажется легкой затѣей праздности, намъ интересно перечитывать, какъ наши предшественники ставили вопросъ о существованіи чего-то непохожаго на великорусскую словесность. Авторъ *Пана та Собаки* присовокупилъ къ своей пьесѣ стихотворное посланіе къ Квиткѣ и объясненіе въ прозѣ къ читателямъ. Выписываемъ то и другое.

СУПЛІКА

до Грицька К....п.

Хто, ка́жуть, до кого́ — мы до те́бе, Грицько́,
Зъ суплікою прийшли́: я, бачъ, та мій Рябко́.
Не дай загину́ть намъ, не дай зъ насъ кепкова́ти;
А до́ки жъ бу́де насъ зле Па́нство зневажа́ти!
Пусти́ насъ, Ба́течку, до ха́ти.

Хочъ бу́цімъ, Гри́цьку, ти на Па́на закриви́всь;
Та зъ пантели́ку ти, такъ якъ другі, не збивсь.
Не звикъ ти голобе́ль замісць коня́ шмага́ти;
Не все жъ підъ нісъ Рябка́мъ, мовля́въ ти, загляда́ти.
Пусти́ насъ, Ба́течку, до ха́ти.

Хочъ ти, Грицько́, поши́всь зъ ріднє́ю въ Москалі;
Та ба, ніхто́ на васъ не пла́че на селі!
Ти зна́ешъ, що на те соба́ка, щобъ бреха́ти;
Що й сто не збу́дять іхъ тебе́, якъ ля́жешъ спа́ти.
Пусти́ насъ, Ба́течку, до ха́ти.

Хочъ ти не разъ, Грицько́, кисли́ці въ пе́льку пхавъ:
Та твій *Ря́бко́* одъ іхъ оско́ми не чува́въ:
Бо о́чі ба́чили, що тре́ба куповáти;
Неха́й хочъ ви́лізуть, а тре́ба доідáти.
Пусти́ насъ, Ба́течку, до ха́ти.

Пусти́! Чи бачъ, якъ *Песъ Рябка́* почастова́въ!
Коли́ бъ ёму́ язи́къ роди́мець одібра́въ:
Щобъ вінъ замісць *Рябка́* до віку мавъ гарча́ти;
А нашъ *Рябко́* щобъ сівъ за ёго въ ка́рти гра́ти!
Пусти́ насъ, Ба́течку, до ха́ти.

Чи бачъ, що ле́дві вже вінъ ку́лші волоче́;
Що такъ зъ ёго́ юши́ть и па́сока тече́!
Та тожъ-то такъ звелівъ всю шку́ру скрізь списа́ти,
Що-то́ тобі нема́ и ку́рці де клюва́ти.
Пусти́ насъ, Ба́течку, до ха́ти.

Пусти́! та й скличъ до насъ тихъ навісни́хъ Панівъ,
Що во́ду изъ своіхъ вива́рюють *Рябківъ*;
Звели́ імъ сгрупъ *Рябківъ* довге́нько полиза́ти:
Аджé жъ-то и надъ Псомъ повúнно ла́ску ма́ти.
Пусти́ насъ, Ба́течку, до ха́ти.

Суплікý жъ сю моюо ти, Гри́цьку, самъ чита́й;
Леда́чому ії паскýдить не дава́й;
Бо якъ почне́ Моска́ль по-своёму склада́ти,
Та *вотъ!* та *штіо?* та *какъ?* чита́вши примовля́ти;
Тоді хочъ умика́й изъ ха́ти.

Лю́ди до́брі и ви, пано́ве грома́до! уже́, коли́ бу́дете чита́ть оцю́ ка́зку, то бу́дьте ла́скові, де тілько тра́питця вамъ на доро́зі наткну́ться на *Е*, вимовля́йте ёго́, якъ бу́цімъ-то тамъ нарисо́вано *Э*: бо, бачъ, у насъ воно́ зъ діда зъ пра́діда завсіди́ такъ вимовля́етця; хиба́ тілько після́ *голосни́хъ* яки́хъ слівъ, отъ якъ бува́ ча́сомъ після́ *а, е, о* и друг. та ще й зъ почáтку вимовля́етця мякéнько, мовъ по-моско́вській. Я таки́ й хотівъ бувъ, щобъ замість *Е* скрізь надрюкова́ть *Э*; та пішóвъ до голови́ по ро́зумъ, помірковáвсь трóхи и побáчивъ: що, крий Бóже, якъ булó бъ тя́жко повéрху читáть; одъ-тóго, бачъ, що нáші óчі ще не зóвсімъ побратáлись зъ симъ ярепýдовимъ *перéвертнемъ Э.* — Воно́-то мені, мовля́въ, про своіхъ и не страшно: уже́-то на́шого бра́та, мужика́, не вчи, ка́же, якъ читáть; такъ отъ же ли́хо та бідá зъ тими́ Москаля́ми! Вони́ хочъ що посво́ёму перехри́стять, и, я жъ кажу́, мій Рябко́ ви́пъе одъ іхъ до́бру по́вну: уже́ що я́ зна́ю, то у ёго не оста́нетця ні одного́ цілого ребе́рця!... Ска́зано — Моска́ль! вінъ безъ *вотъ* и не сту́пить; язи́къ, мовъ въ постола́хъ; яки́й же ёго́ одмінокъ второ́пае, що́ вінъ верзе́? Отта́къ вони́ й книжки́ дрюку́ють. Уже́ нема́ ёго́ й на світі нічо́го кра́щого, якъ (ца́рство небе́сне) Ене́й въ на́шій оде́жі; эге́! та ба́! Моска́ль, бачъ, по́рався и коло ёго, — и ёго́ одягну́въ по-моско́вській. Або́, неха́й ва́жко икне́тця хоть-би́ й на́шому Ш... зъ ёго́ Козако́мъ (¹). Э!... якъ-би́ тілько Бо́га не побоя́всь, то — бісівъ синъ — коли́бъ не те каза́въ, що й... та ба!... лу́чче прикуси́ть язи́къ. Москаля́ не зачепи́ — ли́хо, а заче́пишъ — то й де́сять. Я тілько, бачъ, грішний поду́мавъ: що хто чого́ не тя́мить, то неха́й и не ти́ка туди́ но́са; неха́й, я жъ кажу́, вибача́йте, зъ ....ою головóю въ димъ не лізе.

Писáвъ би й більше, якъ вимовля́ть а́збуку по-на́шому, та, ей-Бо́гу, такъ тісно, якъ въ шинку́, що й повернýтьця оттýтъ нігде.

Читатель, конечно, не оставилъ безъ вниманія стиховъ, которыми г. Артемовскій-Гумакъ объясняетъ (надо сказать очень неловко и нескладно) и безъ того ясный смыслъ *Пана та Собаки*. Сцены дикаго произвола, подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣніе на благороднѣйшія натуры: иначе — эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія. Г. Артемовскій-Гулакъ состоялъ въ литературномъ родствѣ съ авторомъ *перелицованной Енеиды*, но, не смотря на то, одной ужъ темой перваго своего печатнаго произведенія придалъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ г. Артемовскаго-Гулака также далеко чище, сильнѣе и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительно-

(¹) Крайне нелѣпая опера князя Шаховского, *Козакъ Стихотворецъ*. *П. К.*

сти, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что́ усердіе Рябка смѣшитъ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачью шкуру, да и самъ авторъ ужъ далекъ отъ смѣха Котляревскаго: каждая черта въ юмористической его живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. При этомъ вся сфера дѣйствія опредѣлена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету. Это ужъ не смѣшанныя черты и краски, которыми Котляревскій изображалъ народный бытъ, не тѣ разсчитанные на одинъ смѣхъ мазки́, которыми онъ набрасывалъ бойцевъ, роющихъ носомъ землю, или боговъ, выглядывающихъ изъ небесъ,

Якъ жа́би лі́томъ изъ роси́.

Въ его описаніяхъ мы видимъ картины, возбуждающія нашу улыбку наивною своею вѣрностью часто печальной дѣйствительности украинскаго захолустья.

Рябко́ на па́нському дворі не спить всю нічку.
Коли́бъ тобі на сміхъ було́ де ви́дно свічку,
Або́ въ селі де на опічку
Маячивъ каганє́ць.
Всі сплять, хропу́ть,
А де́-які сопу́ть.
Уже́ и панотє́ць,
Прилізши изъ христи́нъ, до у́трені попха́вся...
А нашъ Рябко́, кажу́, все спа́тки не вклада́вся.
Знай небора́къ гани́ то́ въ той, то́ въ сей куто́къ:
То́ зазирне́ въ курни́къ, то́ — де́йко до свино́къ!
Спита́: чи всі таки́ живе́нькі порося́тка,
Инди́ки та качки́, курчя́тка й гусеня́тка?
То звідті́ль навпросте́ць
Маха́е до ове́ць,
До клу́ні, до стіжкі́въ, до ста́ні, до обо́ри;
То зновъ наза́дъ чимъ дужъ, щобъ ча́сомъ Москалі
(А іхъ тоді було́ до хріна на селі),
Щобъ Москалі, мовля́въ, не вбра́лись до комо́ри.

Разсказъ идетъ у г. Артемовскаго-Гулака въ строгой послѣдовательности и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, что́ можно сказать только о весьма немногихъ изъ начинавшихъ писателей. Не всѣ стихи у него одинаково безукоризненны и удачны, но изъ всей пьесы можно бы выбросить развѣ только послѣднее двустишіе, въ которомъ авторъ не

совсѣмъ удачно воспользовался извѣстнымъ каламбуромъ народнымъ: *круть-верть, а въ черепóчку смерть.*

Пока читатель не вошелъ еще въ самую идею повѣтствованія, авторъ умѣлъ занять его мастерскимъ описаніемъ сферы, въ которой должнó совершаться дѣйствіе, что — скажемъ опять — удается немногимъ изъ начинающихъ, да и у писателей опытныхъ не рѣдко приступъ къ повѣсти обнаруживаетъ механизмъ авторства, за недостаткомъ истиннаго одушевленія своимъ предметомъ. Еще бы нѣсколько стиховъ—и вступительное описаніе повседневной жизни Рябка показалось бы растянутымъ. Но авторъ остановился вó-время (признакъ таланта сильнаго) и вдругъ переходитъ отъ спокойной повѣсти къ траги-комедіи, гдѣ ужъ онъ окончательно овладѣваетъ читателемъ и до конца пьесы поддерживаетъ въ немъ живѣйшее участіе къ своему несчастному герою. Въ самомъ переходѣ этомъ показалъ авторъ мастерство, въ его время рѣдкое, избѣжавъ рѣзкости и внезапности, которая такъ часто встрѣчается въ сочиненіяхъ людей, не призванныхъ къ искусству. Онъ предувѣдомилъ своего читателя двумя стихами, заставляющими ожидать чего-то чрезвычайнаго. Отъ этого слѣдующая картина, при всей своей бурѣ, не отдѣляется отъ предыдущей, не дѣлаетъ скачка, вообще вредящаго искусству, а составляетъ только новую сцену того же міра, въ которомъ происходила и первая, спокойная сцена траги-комедіи.

Здѣсь превосходно воспользовался авторъ тѣмъ комизмомъ, который заключается не въ словахъ и оборотахъ, а вытекаетъ изъ самого положенія вещей. Читатель, по приведенному стиху, догадывается, что Рябку предстоитъ горькая чаша, и въ поднявшемся со всѣхъ сторонъ зовѣ: *цу-цýу, Рябкó! на, нá!* слышитъ уже что-то зловѣщее; но простодушный и глупо-усердный Рябко судитъ о панской благодарности по себѣ. *Ось, ось я, бáтечки!* восклицаетъ онъ радостно. Мастерское описаніе его собачьей увѣренности въ своихъ заслугахъ еще усиливаетъ грустный комизмъ его положенія:

Стрибá Рябкó, вертúть хвостóмъ,
Ненáче помелóмъ,
И знай дурнéнький скáлить зýби
Та лúже гýби.
»Ужé жъ бакъ, дýма вінъ, не дýрно це въ дворі
Одъ сáмої тобі зорі
Всі пáнькаютця коло мéне:
Мабýть самъ панъ звелівъ віддáть Рябкý печéне

И що́ оста́лося варе́не,
За те, що, бачъ, Рябко́ всю Бо́жу нічъ не спавъ.«

За этимъ слѣдуетъ самое сильное мѣсто пьесы, вѣрное дѣйствительности. Обращу вниманіе читателя на счастливую черту, проведенную въ этой сценѣ. Когда дѣло доходитъ до грустнаго паѳоса, Рябко, въ крикѣ своемъ, прибѣгаетъ къ комизму, истинно украинскому:

Не бу́ду, ба́течку!... За що́ се честь така́?

Тяжелое чувство, стѣсняющее грудь читателя, облегчается смѣхомъ, и самая сцена, отталкивающая своимъ смысломъ, выходитъ отъ этого болѣе художественною.

Деру́ть Рябка́, мовъ пірья,

продолжаетъ авторъ, очень кстати маскируя каламбуромъ чувство собственной раздражительности, которое всегда вредитъ художественности изображеній. Если мы не имѣемъ достаточныхъ основаній признать въ немъ критическое самосознаніе творчества, то должны признать природный инстинктъ, который указалъ ему нѣсколько разъ, въ продолженіе этой оригинальной пьесы, какъ распорядиться на счетъ вниманія и впечатлѣній читателя.

»Пустіть! гукну́ли всі: Рябко́ вже вдовольни́вся!«

Не напиши онъ этого стиха, было бы долго еще непоня́тно, какъ смотрѣла дворня на расправу Пана; но здѣсь, сквозь рабскую иронію, слышится состраданіе и убѣжденіе, что дальше съ Рябкомъ не осталось ничего дѣлать, если только во что-нибудь цѣнить его, какъ вещь, необходимую для панскаго двора. Этотъ стихъ, между прочимъ, составляетъ искусный и необходимый переходъ отъ панской катавасіи, отъ бурнаго хора траги-комедіи къ тихому соло безсильной жалобы, изливающейся въ безсильныхъ слезахъ:

»Чимъ, лю́де до́брі, такъ оце́ я провини́вся?
За що́ глузу́ете?« сказа́въ нашъ небора́къ.
»За що́ знуща́етесь ви надо мно́ю такъ?
За що́, за що́?« сказа́въ, та й попусти́въ патёки,
Патёки гіркихъ слізъ, узя́вшися за бо́ки.

Въ этой жалобѣ поражаетъ насъ — хотя конечно это случайность — то обстоятельство, что Рябко жалуется не на пана, а на *добрыхъ людей*. Этимъ онъ какъ-будто хочетъ сказать, что они, именно они вино-

ваты въ безсмысленномъ его поступкѣ съ существомъ, состоящимъ въ собачьей должности, что безъ нихъ его неистовства были бы не возможны, что онъ только знаменатель ихъ варварскаго образа мыслей и рабскаго ничтожества ихъ душъ. Едва ли былъ у автора разсчетъ на то, чтобъ заронить въ умы читателей подобную мысль. Но художественный инстинктъ такое великое дѣло въ писателѣ, что иногда, мимо его вѣдома, дѣлаетъ изображаемый предметъ родникомъ разнообразныхъ идей и соображеній. Можно указать не одного писателя, который, подъ наитіемъ творчества, возбудилъ въ читателяхъ идеи, которыя никогда не посѣщали его головы въ видѣ философскихъ выводовъ изъ міросозерцанія.

Что́ касается до г. Артемовскаго-Гулака, то послѣдовавшія за *Паномъ та Собакою* его произведенія не обнаруживаютъ въ немъ высокаго строя мыслей, и въ чисто художественномъ отношеніи стоятъ ниже первой пробы пера. Что́ это значитъ? какъ это объяснить? Мы не находимъ другого отвѣта на эти вопросы, какъ только: что въ его время было еще рано писать подобныя вещи; что вокругъ него немного могло тогда найтись истинныхъ цѣнителей подобнаго произведенія, что вообще читающее общество тогдашнее взглянуло на *Пана та Собаку* не съ существенной стороны пьесы и разсмѣялось не тѣмъ смѣхомъ, какимъ, напримѣръ, сопровождались — безконечно, впрочемъ, высшія по художественности — творенія Гоголя. Талантъ во всѣ вѣка и во всѣхъ обществахъ — одна и та же сила, по своимъ природнымъ свойствамъ; проявленіе таланта въ той или другой формѣ зависитъ отъ общественнаго развитія, а возрастаніе его — отъ степени, въ какой необходимъ онъ своей средѣ для выраженія ея внутренней жизни. Посмотрите на Харьковъ и прикосновенныя съ нимъ провинціи сорокъ лѣтъ назадъ; взвѣсьте моральное развитіе среды г. Артемовскаго-Гулака тогдашними профессорскими лекціями, книгами, выходившими въ Харьковѣ, и наконецъ самимъ журналомъ, въ которомъ помѣщенъ *Панъ та Собака*. Могло ли общество, стоявшее во главѣ просвѣщенія всей провинціи Харьковской и всей Украины вообще, оцѣнить эту пьесу по достоинству, какъ первый опытъ поэта, и поддержать его юношескія стремленія? Увы! еслибы даже это и случилось, то какіе сорокъ лѣтъ предстояли этому обществу въ его дальнѣйшемъ развитіи? Не было ли бы это странствованіе по пустынѣ Аравійской? а вождь и законодатель гдѣ? Г. Артемовскій-Гулакъ не годился для этой роли уже по одному тому, что въ окружающей его сферѣ не было побужденій, которыя заставляютъ массу ис-

кать выхода изъ положенія, мертвящаго ея силы. Само общество не нуждалось въ моральномъ вождѣ, не чаяло его и, еслибъ онъ явился, то не признало бы. Вотъ почему, какъ намъ кажется, авторъ *Пана та Собаки* не только не шагнулъ впередъ, но въ слѣдующей же своей пьесѣ отступилъ назадъ и сталъ въ уровень съ требованіями своего времени и своей литературной среды. На этомъ уровнѣ онъ ужъ и держался во все время своего авторства, о прекращеніи котораго было странно бы сожалѣть критику нашего времени. Перепечаемъ здѣсь *Солопія та Хіврю* изъ *Украинскаго Вѣстника*, составляющаго библіографическую рѣдкость. Все это ужъ давно покрыто забвеніемъ и должно показаться новымъ даже и для тѣхъ, кто читалъ *Украинскій Вѣстникъ* во время его циркуляціи. Въ этой растянутой пьесѣ г. Артемовскій-Гулакъ не похожъ на самого себя. Ничтожество идеи, вялость изложенія, разглагольствованія на мѣсто живыхъ образовъ — все это показываетъ, что юношескій благородный огонь, не получивъ поддержки со стороны общества, началъ пылать въ поэтической душѣ слабѣе прежняго. Одинъ языкъ не измѣнилъ автору *Пана та Собаки;* языкъ у него и здѣсь сохранилъ свою гибкость и разнообразіе.

СОЛОПІЙ ТА ХІВРЯ

АБО ГОРОХЪ ПРИ ДОРОЗІ.

Казка.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire;
Or l'avis, dont encore nul ne s'est avisé,
Est qu'il faut de la France—et c'est un coup aisé —
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;
Ce serait pour monter à des sommes tres hautes!

Molière, Les facheux, acte III, scene III.

Спромігся *Солопій* веснóю на горóхъ,
Та й сівши зъ *Хіврею*, собі міркýють въ-двохъ:
Чи то продáть ёгó, чи то ёгó посіять?
»А щó жъ тутъ мірковáть? не полінýйсь провіять«,
Сказáла *Хівря* тутъ; »въ мішéчки позсипáй,
Та й сіять нá поле підъ дощъ мерщій чухрáй!«
— »Воно́-то, *Хівре*, бачъ тутъ не за тимъ идéтця;
Алé посіять такъ, якъ у людéй ведéтця —
Нехáй ёмý лихé! — горóхъ ласéнька річъ,
И дітворá за нимъ полізе хочъ у пічъ.

Ти жъ ра́ешъ сіяти горо́хъ на перелу́зі.
Эй, *Хівре*, перелігъ лежи́ть нашъ при доро́зі:
Эй, обскубу́ть горо́хъ нашъ зеленце́мъ, поба́чъ!...
Въ лопа́ткахъ обнесу́ть... тогді хочъ сядь, та й плачъ!«
— »Яко́і вра́жоі ти ма́тери суму́ешъ?
Цуръ ду́рня! навісни́й! Чи ти жъ того́ не чу́ешъ,
Що якъ урбдить Богъ, то дасть на долю́ всіхъ?
Чи се жъ не глумъ тобі, не со́ромъ и не сміхъ, —
Врагъ ма́тіръ зна чого́ безглу́здому жаха́тьця?
Та-дже жъ, якъ ка́жуть-то, коли́ вовківъ боя́тьця,
То нічого ходи́ть зъ соки́рою и въ лісъ.
Иди́ жъ, кажу́, та сій; не ми́мри тамъ підъ нісъ!
Аби́ лишъ, Го́споди, на ни́ві намъ вроди́ло,
То бу́де намъ и всімъ; чи чу́ешъ ти, *мурми́ло?*
Не будь уідливий и впа́ртий, мовъ оса́,
Мовъ наровисти́й кінь: бо ви́лаю, якъ пса.«
— »Эй, *Хівре*«, *Солопій* сказа́въ ій, »не сварися;
Бо, да́либі, горо́хъ нашъ зги́не! схамени́ся.
Ну, сількось... я піду́, посію, та не тамъ,
А де-небу́дь въ кутку́, що й врагъ не на́йде самъ.«
— »Не перебе́ндюй бо такъ до́вго, *Солопію!*
Бо я горо́хъ сама́ де схо́чу, тамъ посію;
Сама́ я й ви́кошу, якъ тре́ба на покісъ,
И ось тобі тогді я ду́лю дамъ підъ нісъ!
Але́, мій го́лубе, прошу́ тебе́ по ла́сці:
Послу́хай ча́сомъ тихъ, що хо́дять и въ запа́сці;
Плюнь, се́рце, на того́, хто такъ тобі сказа́въ,
Що буцімъ Богъ жінка́мъ воло́сся до́вге давъ
За те, що ро́зумъ імъ укороти́въ чима́ло:
То по́гань такъ верзла́, школя́рство такъ бреха́ло!
А я жъ-то й мужиківъ, крути́ ти не верти́,
Не разъ вже ба́чила таки́хъ дурни́хъ, якъ ти!
Отта́къ! — пита́й люде́й; бо той, хто іхъ пита́е,
Мовъ ста́рець безъ ціпка́ по сте́жкахъ не блука́е.
Не разъ вже за двома́ зайця́ми ти гани́въ,
За те жъ ні одного́ гони́вшись не піймавъ;
Не разъ ти жа́ловавъ ухна́ликівъ старе́нькихъ,
За те жъ ти скілько вже згуби́въ підкі́въ нове́нькихъ!
Отта́къ ти и тепе́ръ горо́хъ запропасти́шъ,
Коли́ бъ ти самъ пропа́въ!«
— »Чого́ ти тамъ гарчи́шъ?«
Сказавъ нашъ *Солопій*; та й зъ се́рця де́йко зъ ха́ти:
Запрігши гу́лихъ вінъ, ну перелігъ ора́ти.
Зора́въ, посіявъ вінъ горо́хъ, заволочи́въ;
Ажъ тутъ и дрібний дощъ ріллю́ его́ змочи́въ.

Зійшо́въ горо́хъ, підрі́съ, зацві́въ уве́сь ряснє́нько.
Хто йшо́въ, той приглядáвсь горо́хові пилнє́нько.
Тимъ ча́сомъ вже почáвъ вбиватьця й въ лопáткí;
Ажъ тутъ прийшлá чергá и на самі стручкí.
Хто йде, горо́хъ скубнé: гребе́ць скубнé у жмéню;
Идé коса́рь и жнець — нагáрбають въ кишéню;
Прискóчить дітвора́, и въ пéлену смикнé.
Зібрáвъ нашъ *Солопій* горо́хъ, та знай клинé,
И на чімъ світъ стоїть по-сороміцькій лáе;
Усіхъ батькíвъ съ того́ вінъ світа вивертáе:
»Стонáдцять би копи́ць зъ рогáми вамъ чортівъ!
А!... бісівъ нáроде! колí бъ ти околівъ!
Колí бъ ти кóжнимъ бувъ стручéчкомъ подавúвся!
Щобъ въ гóрлі вінъ тобі кілкóмъ бувъ зупинúвся!
Колí бъ щобъ тріснувъ бувъ одъ ёго твій живітъ,
Ніжъ мавъ оцé менé ти посадúть на лідъ!
Щобъ горошúночка въ твоіхъ кишкáхъ бісóвськихъ
Такъ набубнявíла, якъ барабáнъ москóвський!«
Багáцько дé-чого співáвъ тутъ *Солопій*,
Молúвся за ввéсь рідъ хрещéний и за свій.
То, вгамовáвшися, зновъ до свого́ вертáвся;
До *Хіврі* сúкався, за макогінъ хватáвся;
То зновъ по дóброму ладý вінъ ій казáвъ:
»Бачъ, *Хівре* навісна́, що нашъ горóхъ пропáвъ!
Бачъ, шкáпо бісова, чого́ ти наробúла!
Та ти жъ менé навікъ оцé запропастúла!«
Ищé смачнéньке щось хотівъ сказáть вінъ ій....
»Послýхай лишъ сюдú«, сказáла *Хівря*, »стій!
Ужé, якъ бáчу я, тебé не перепéрти:
Хто дýрнемъ уродúвсь, тому́ дурнúмъ и вмéрти!
Алé бъ, мовлявъ, ищé сюдú й тудú зъ дурнúмъ:
Ось лúхо та бідá зъ дурнúмъ, та ще й зъ лихúмъ!
Казáла я тобі: що Богъ якъ намъ урóдить,
То бýде намъ и всімъ, и злóдій не зашкóдить.
Ажъ такъ и есть: хочъ ти посіявъ два мішкú,
Хочъ, тілько хто хотівъ, той нáші рвавъ стручкú —
Нехáй ёму́ въ корúсть! а все жъ, хвалúти Бóга,
Зібрáвъ ти сімъ мішкíвъ горóху зъ перелóга!
Де пъють, то тамъ и ллють: безъ шкóди не бувá,
Абú здоровенька лишъ нáша головá....
Алé ти хóчешъ, щобъ не іли кóзи сіна,
И сúті щобъ булú? ой, мýдрий дýже зъ сúна!...
Ну, цуръ тобі та пекъ! робú ти щó хотú:
Орú, мелú и іжъ; хочъ гóлову скрутú!
Про менé, я тепéръ и не роззявлю рóта....

Та вже жъ побáчимо, якá твоя́ робóта!
Та й лю́де жъ, сіючи хочъ трáтять, а орю́ть:
То дýрні, отъ якъ ти, несіяні ростуть.
Эй, схаменéсся ти, та пізно, *Солопію!*«
— »Та вже жъ хочъ схаменýсь«, сказáвъ вінъ, »хочъ посію,
Та не по твóему: зроблю́ якъ самъ умію;
Зроблю́, щобъ и стручкá ніякий бісъ не вкравъ.«

Зробúвъ нашъ *Солопій*, якъ самъ здорóвий знавъ:
Вінъ на другýю весну́ плугъ и разú забрáвши,
И міжъ пшенúцею и жúтомъ поорáвши,
Въ середúні горóхъ увéсь засіявъ свій:
»Тепéръ-то«, дýма нашъ дурнéнький *Солопій*,
»Тепéръ-то мій горóхъ вже, мáбуть, розцвітáе!
Нехáй цвітé, нехáй тимъ чáсомъ доспівáе.
Ось, якъ підý въ жнивá пшенúці й жúта жать,
То, чáсу мáрне щобъ мовлявъ не звакувáть,
Скошý и свій горóхъ, въ копúці поскладáю;
То й зъ нимъ упóраюсь, и рáзомъ жнúвъ не згáю.«

Пішóвъ въ жнивá: та-ба! ні зéрна не застáвъ!
Процúндривъ *Солопій* горóхъ и просвистáвъ,
А за горóхомъ въ-гуртъ и жúто и пшенúцю,
Бо тільки зо всёго́ солóми взявъ съ копúцю!
А я́къ же це? — Оттáкъ: пронюхали въ селі,
Що *Солопій* горóхъ посіявъ на ріллі
Міжъ жúтомъ та поміжъ пшенúцею своéю, —
Давáй ходúть въ горóхъ!... ходúли — и хіднéю
Пшенúцю й жúто все такъ змя́ли та стовклú,
Що, сýчий синъ, колú и місце іхъ знайшлú.
Що́ жъ *Хівря?* рýмсае! а що́ жъ чинúть небóзі?
Якъ тільки жъ зáздріла *Роззáву* на порóзі,
Зняла́ торбúнки дві новісінькі зъ кілкá:
»А бачъ, гадю́ко, бачъ! ти жáловавъ стручкá;
Тепéръ же зъ дітками безъ хліба ми шматкá!
Бачъ, сúну гáспидський, чортóвський *Солопя́го!*
До чóго насъ довівъ ти, бісівъ скупердя́го?
Иди́ жъ тепéръ звідці́ль, щобъ твій и духъ не пахъ!
Не вмівъ свого́, — носи́ жъ ти хлібъ чужúй въ торбáхъ.«
Сказáла, та й торбú на ёго почіпля́ла,
И міжъ старцівъ, мовъ пса, *Солопія́* прогнáла!...

Послýхайте менé, ви всі, *Солопії́*,
Що знай мудрýете, и гóлови свої
Чортъ-бáтька-зна надъ чимъ морóчите до кáта:

Якъ въ борщъ, замісць курчя́тъ, намъ кла́сти кошеня́та;
Якъ гру́ші на вербі и ду́лі вамъ расту́ть;
Якъ істи *да́зьбіга*, та ще й гладки́ми буть;
Якъ ло́кшину вари́ть для вій ська изъ папе́ру;
Якъ ква́шу намъ робы́ть зъ чорни́ла и тете́рю;
Якъ бо́рошно моло́ть безъ жо́рнівъ язико́мъ;
Якъ бджо́ли годова́ть безъ ме́ду часнико́мъ;
Якъ ко́хви пить пана́мъ съ квасо́лі зъ бурака́ми;
Якъ ни́ви засіва́ть, безъ сімья, кізяка́ми;
Якъ зъ ко́жного зерна́ сімъ кваргъ горілки гнать;
Якъ сіно намъ перо́мъ коси́ть, якъ кіньми жать,
Щобъ лю́дямъ и сніпка́ не дать на заробітокъ,
И пта́шці ні зерна́ погодова́ти дітокъ....
Заплю́йте лишъ оцю́, скаже́ні ви, брехню́:
Де тре́ба ру́ки гріть, тамъ тре́ба и огню́!
Та вже зъ васъ не оди́нъ ора́въ підъ небеса́ми;
А якъ на зе́млю злізъ, — пішо́въ въ старці съ торба́ми!...

Заключительные стихи *Солопія та Хіврі* имѣютъ смыслъ двоякій. Въ нихъ выразились: во-первыхъ, недовѣрчивость тогдашняго провинціальнаго общества къ новѣйшимъ способамъ жизни вообще; во-вторыхъ, осужденіе людей, которые воображаютъ, что можно сдѣлать скачокъ изъ одного столѣтія въ другое и, посредствомъ механическихъ пріемовъ, заставить варварское общество жить образованною жизнію другихъ, дослуживавшихся до лучшей участи, народовъ. Очевидно, что г. Артемовскій-Гулакъ въ этой пьесѣ былъ органомъ только убѣжденій первой категоріи: иначе онъ бы всю пьесу повернулъ ко второму, случайному смыслу своихъ стиховъ, котораго они въ то время не могли имѣть для большинства его читателей. Мысли его наклонились — но и то неопредѣленно — въ эту сторону только потому, что онъ, пиша по-украински, необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Народная муза, за одно то, что онъ не отчуждался ея языка, подсказала ему здѣсь прекрасное двустишіе, которое не мѣшало бы принимать къ соображенію почаще и нынѣшнимъ экономистамъ:

Щобъ лю́дямъ и сніпка́ не дать на заробітокъ,
И пта́шці ні зерна́ — погодова́ти дітокъ.

Что́ касается до первой, главной половины смысла, какой угодно было автору придать своей пьесѣ, то общество и тутъ наложило на его талантъ свои оковы. Въ то время всѣ нововводители казались людямъ благоразумнымъ Донъ-Кихотами. Г. Артемовскій-Гулакъ, видно, не понималъ различія, какое полагаетъ греческій Платонъ между поэзіею

благоразумныхъ и поэзіею безумствующихъ, и очутился на сторонѣ первыхъ. Онъ былъ не въ силахъ провидѣть въ этихъ Донъ-Кихотахъ ихъ преемниковъ, которые, наслѣдовавъ ихъ великодушіе, позаботятся о болѣе точномъ ознакомленіи съ предметомъ и пошире и посвѣтлѣе взглянутъ вокругъ себя. Усилія науки войти въ самую жизнь съ каждымъ годомъ оправдываются новыми успѣхами, и теперь ужъ иное впечатлѣніе производятъ стихи, которые г. Артемовскій-Гулакъ помѣстилъ въ заключеніе своей пьесы, какъ самый громкій аккордъ:

Та вже зъ васъ не одинъ орáвъ пiдъ небесáми,
А якъ на зéмлю злiзъ — пiшóвъ въ старцi зъ торбáми.

Подобно тому, какъ вслѣдъ за Бартомъ и Овервегомъ, не смотря на всѣ ихъ неудачи и страданія, отправлялись и отправляются путешественники во внутреннюю Африку, такъ и въ область сельско-хозяйственныхъ опытовъ пускаются одинъ за другимъ великодушно-предпріимчивые люди, на которыхъ и теперь еще милая наша родина, изъ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, смотритъ тысячами глазъ, какъ на сумасбродовъ. Разница, впрочемъ, та между усиліями современныхъ намъ дѣятелей экономическаго прогресса и ихъ предшественниками, что теперь съ каждымъ годомъ внѣдряется болѣе и болѣе въ мыслящей части общества убѣжденіе: что не единицы развитыя, а развитыя массы созидаютъ благоденствіе края. Въ старину на массу не обращали вниманія, вырывались изъ нея впередъ и этимъ самимъ дѣлались иностранцами посреди собственнаго народа. Естественно, что просвѣщенныя усилія подобныхъ единицъ были смѣшны въ глазахъ непонимавшаго ихъ общества, и г. Артемовскій-Гулакъ, поэтому, не совсѣмъ неправъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ современными ему учеными агрономами. Жаль только, что онъ своимъ талантомъ сослужилъ службу облѣнившимся рутинистамъ и такимъ образомъ унизилъ искусство и самой дидактикою, и примѣненіемъ ея къ дѣлу жизни.

За *Солопіемъ та Хіврею* слѣдуетъ объясненіе въ родѣ того, что и послѣ *Пáна та Собáки*. Дико читать намъ теперь эти юродивыя разглагольствованія въ духѣ *Енеиды* Котляревскаго; но въ то время подобный тонъ удовлетворялъ земляковъ нашихъ, и они помирали со смѣху надъ фразами, перенесенными изъ кабака въ типографію. Дальше этого тона тогдашняя проза не ходила. И при всемъ томъ замѣтно въ авторѣ стремленіе выставить нелѣпость украинскаго аристократизма, стремленіе благородное, но неопиравшееся ни на историческія понятія о своемъ на-

родѣ, ни на убѣжденія лучшей части современнаго общества, и потому безсильное и, можно сказать, преждевременное. Какъ памятникъ первыхъ попытокъ заговорить въ журналѣ на родномъ языкѣ въ прозѣ, мы приводимъ здѣсь объясненіе г. Артемовскаго-Гулака, напечатанное имъ въ видѣ примѣчанія къ *Солопію та Хіврѣ*.

ПИСУЛЬКА

до то́го, кото́рий що-Бо́жого місяця Украінського Гінця́ по всіхъ усю́дахъ розсилае.

Ёвгра́пе!

Бажа́въ еси́ ка́зки: отъ-тобі *Солопій та Хівря!* Не здиву́й самъ, та неха́й ви́бачить и грома́да, коли́ ка́зка не до-шми́ги. Самъ ба́чивъ еси́, та де́якимъ и не повила́зило, що я захи́рівъ такъ, що й голови́ не підведу́; та ще мо́же й доведе́тця ви́стоять до́брий каланти́ръ у домови́ні! А вже, самъ здоро́въ зна́ешъ, що ле́жачи не дале́ко за́йдешъ; я жъ кажу́: ле́жачи яка́ робо́та? Воно́, Ёвгра́пе, ле́жачи до́бре тілько пана́мъ: імъ скрізь спірно йде робо́та; бо хочъ и ле́жні нападу́ть, то вони́ все таки́ да́рмо ча́су не зга́ють; кри́кнуть: *дава́й,* — даю́ть; а коли́ *нема́?* — то бьють. Кого́? Оце́ кого́! уже́ жъ не соба́ку! А коли́ биття́ обри́дне? то що́ жъ! то ка́рти мнуть. Эге́! та все таки́ мнуть, та все таки́ не гуля́ють! Та ще й пани́, Ёвгра́пе, не всі такі трудя́щі: бо и́нший па́номъ уроди́всь, па́номъ охрести́всь, па́номъ и зрісъ; а да́лебі и мужика́ клезну́ть не вміе, — оттаке́ ли́хо!... Таки́й у насъ, бря, и підъ Ха́рьковомъ недале́чко: ось хочъ би й.... не хо́чу! не хо́чу! ей-Бо́гу, не скажу́! гріхъ! Я у ёго хлібъ-сіль івъ; а ти хо́чешъ, щобъ я ви́явивъ, що вінъ ні въ ка́рти грать не тя́мить, ні мужиківъ лупи́ть не вміе. Та й зъ насъ, Ёвгра́пе, не яка́ робо́та. Ище́ жъ то, мовля́въ, тобі и сякъ и такъ; бо тобі де́-що и́ноді и черезъ дзвінку перелізе; а я таки́й пришеле́поватий, що й сиеі дурни́ці не втну. Та я то тро́хи и въ ка́ртахъ шу́плю, бо таки́ зъ пе́рвого по́гляду, якъ тілько поба́чу, що зъ одни́мъ о́комъ, то таки́ за́разъ и вгада́ю, що то́, мабу́ть, найста́рший. Я такъ, Ёвгра́пе, ча́сомъ и люде́й пізнаю́: якъ тілько за́здрю кого́, що хочъ свої роди́мі притама́нні ще й не повила́зили, та вже, бачъ, ди́витця въ одно́ чуже́ ко́жному підъ нісъ, мовъ ёго́ не добача́е, то я таки́ за́разъ, су́чий синъ, коли́ не вгада́ю, що то́ ма́буть найста́рший ду́рень. Ой, щось я ду́же бря́знувъ! коли́бъ лишъ но́жниці на столі не обізва́лись! Та вже жъ, ма́тері іхъ ковінька! Чи бу́дуть бить, то неха́й бъють; уже́ мене́ не такі би́ли, та й ті не бага́цько добра́ ви́били. Уже́, я жъ кажу́, мені гірше не бу́де; я вже й такъ пъю до́бру по́вну: отъ, лежу́ та стогну́, та вожу́сь изъ знахура́ми, нена́че кітъ изъ оселе́дцемъ. Ище́ разъ тобі кажу́ — що ле́жачи не яка́ робо́та: ось *Па́на та Соба́ку* и си́дячи написа́въ, та ще й то де́-которимъ пана́мъ, мо́же, такъ догоди́въ, якъ *Рябко́* свое́му. Що жъ чини́ть, Ёвгра́пе! Ду́рнямъ, я́къ-то ка́жуть, самъ Богъ не вго́дить. Та вже-то воно́ гріхъ каза́ть, бо мого́ *Рябка* у само́му Петен-

*

бу́рсі, у Москві и скрізь таки́ гла́дили не про́тивъ ше́рсти и прийма́ли, нена́че кого́ й до́брого; такъ отъ же, бачъ, все таки́ у де́-якихъ підпа́нківъ шапки́ на голові загорілись! Бода́й вони́ такъ на сві́ті були́, якъ мені кортіло зъ ни́ми гри́зтись: цуръ імъ, чекъ імъ, оси́на імъ, мари́на! То до́брого, мовля́въ, пола́й и покарта́й, — а вінъ тобі ще й покло́нитця, а леда́чому що́? ти ёму́ образи́, а вінъ тобі лу́бъя! Неха́й вони́ ти́млятця! Леда́чого, мовля́въ нашъ Онопрій, не займа́й — и самъ себе́ не каля́й; уже́ горба́того, Ёвгра́пе, хиба́ моги́ла спра́вить. Отта́къ-то, го́лубе! Ли́хо й зъ пра́вдою, ли́хо й зъ брехне́ю: за пра́вду бъють, за брехню́ віри не даю́ть. Оттака́ лови́ся! що су́чий синъ, коли́ зна́ешъ, куди́ на сві́ті й поверну́ться. Що́ жъ роби́ть? Мовча́ть? Тадже жъ мовчу́, коли́бъ уже́ імъ заціпило! Я жъ-то вже й кажу́, Ёвгра́пе: що нема́ ёго́ й на сві́ті, якъ изъ своє́ю ріднє́ю — зъ мужико́мъ: чи поску́бтись, чи поби́тьця, чи й помири́тьця, то все́ воно́, таки́ ска́зано, свій бра́тъ. Я жъ то одъ то́го оце́ и на *Солопія* напа́вся: адже́ жъ панівъ нема́ Солопіївъ? Якъ ти ду́маешъ, Ёвгра́пе? Ти письме́нніший відъ ме́не, ти бага́то де́-чого шу́пишъ; ти вже бува́въ у буваль цяхъ; ти вже, я жъ кажу́, бувъ и на коні и підъ коне́мъ. Скажи́, будь ла́скавъ, Ёвгра́пе, чи нема́ сёго́ име́нния міжъ пана́ми? щобъ мені ча́сомъ гріха́ не взять на́ душу. А то опану́е мене́ лиха́ та нещасли́ва годи́на, якъ ча́сомъ, крий Бо́же, изъ-поміжъ панківъ ви́рветця не оди́нъ *Солопъя́га*! Бо вже у ме́не щось не ду́рно сверби́ть чупри́на: эй, та бу́дуть бить скаже́ні! Та вже жъ, сількось, неха́й бъють; уже́ зъ насъ, Ёвгра́пе, небага́цько олії ви́бъють. Аби́ лишъ, Го́споди, мені до сме́рти, а смерть моя́ не за гора́ми, а тамъ я й ду́лю імъ ви́ставлю! Бери́, Ёвгра́пе, ка́зку. Що́ бу́де, то бу́де, а буде те́, що́ Богъ намъ дасть. Бери́, кажу́, *Солопія*, неси́ въ дрюка́рню, неха́й твій Мико́ла дрюку́е: я жъ кажу́, коли́ во́вка ляка́тьця, то и въ лісъ не йти. Не таки́й чортъ страшни́й, якъ ёго́ малю́ють!

Слѣдующая пьеса г. Артемовскаго-Гулака замѣчательна безцвѣтностью стиха и тупостью сатиры. Она направлена на кого-то изъ тогдашнихъ авторовъ харьковскихъ и, вѣроятно, имѣла мѣстный интересъ, но, какъ почти всѣ подобныя произведенія, не производитъ на посторонняго читателя никакого впечатлѣнья, кромѣ скуки. Авторъ писалъ эту вещицу въ болѣзненномъ состояніи, какъ это видно изъ примѣчанія издателя. Потому, можетъ быть, она и вышла плоше всего, что́ намъ извѣстно изъ его печатныхъ украинскихъ стихотвореній. Появилась она въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* съ французскимъ эпиграфомъ собственнаго авторскаго сочиненія, который и мы удерживаемъ въ нашей перепечаткѣ.

ТЮХТІЙ ТА ЧВАНЬКО.

Побрехе́нька.

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:
Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!
L'amour, pour tant de cœurs l'objet de plus doux charmes,
Fut pour le mien la source et des maux et des larmes!
Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants,
En poussant des soupirs j'écris des vers plaisants.
Qu'ils sont droles, ma foi, ces destins que les notres!
Quoi!... je pleure, et morbleu! j'en fais rire les autres!

Нашъ Віршома́зъ *Тюхті́й* стари́хъ люде́й шану́е,
Гара́ська якъ звелівъ, вінъ такъ и компону́е.
Чи спра́вжки, чи й на жартъ що́ тільки написа́въ,
То такъ на де́вять рікъ те въ скри́ню и запха́въ!
А на деся́тий рікъ якъ ви́йме, прочита́е:
Поба́чить самъ здоро́въ, що тамъ ладу́ бісъ ма́е;
То въ гру́бу такъ та́ки и впре шпарга́лля все!
Отъ братъ ёго́ *Чванько́* слабки́й уже́ на се:
Що́ начерка́въ, то такъ въ дрюка́рню и несе́!
Але́ грома́да іхъ одна́ко поважа́е:
Того́ ні сномъ не зна, другого́ не чита́е.
Скажіть, будь ла́скаві: хто зъ іхъ дурніший двохъ?
Та глу́зду, гріхъ каза́ть, скупе́нько у обо́хъ!
Такъ пе́рший же хочъ тимъ за пра́цю надолу́жить,
Що въ де́вять рікъ хочъ разъ тепло́мъ собі услу́жить;
Другі́й таки́й дурни́й, що ме́рзне вінъ, дрижи́ть,
А кни́жокъ же ёго́ съ пять са́жнівъ та́къ лежи́ть!...

ДЕ-ЩО ПРО ГАРАСЬКА.

Воно́-то, бачъ, по на́шому *Гара́ське*; а по-моско́вській *Гора́цій*. О! вже вони́ хочъ що́, то по сво́ему пе́рековерса́ють. Тамъ-то вже предиве́нна ёму́ мо́ва! Отъ ча́сомъ тра́питця такъ, що зъ годи́ну стоішъ передъ нимъ, а вінъ тобі січе́ та руба́: що́ жъ? несъ, коли́ й слівце́ уторо́паешъ, що́ вінъ тамъ gergóче!! Отъ тільки бу́цімъ-то й дочува́ешъ: *вотъ* та *вотъ;* та *штїо*, та *штїо*; та *гаварю́-кажу́*, *гаварю́-кажу́!!*... а що́ вінъ тамъ тобі *гово́рить-ка́же*, того́, да́либі, й зъ попо́мъ не розбере́шъ! Що́ бъ то щось сказа́въ, бо язи́къ ду́же сверби́ть; та цуръ імъ: у насъ, бачъ, уся́ старшина́ моско́вська, чи то дале́ко до ли́ха? Я жъ кажу́ — цуръ імъ: візьмешъ, я́къ-то ка́жуть, ли́чкомъ, а оддаси́ ремінце́мъ.... Я-то тільки, зна́ешъ, хотівъ сказа́ть отъ про то́го *Гара́ська*, бо вінъ уже́ по́давно сказа́въ: що коли́ вже Луци́піръ підцькуе́ кого́ маглюва́ть вірши́, то неха́й наялозить та й *nonum premet in annum*. Вінъ-то оце́ сказа́въ, бачъ, по-*литви́нській*, — бо вінъ бувъ, собі на́ лихо, *Литви́нъ*; а по-на́шому, то во-

но́ зна́читця ще: що коли́ вже написа́въ що́, то неха́й куди́ запровто́рить такъ, щобъ тільки ми́ші та пацюки́ про те зна́ли.

Одже я ёго́ ча́сомъ, такъ якъ и *Чванько́*, не ду́же-то слу́хаю—байду́же! Инше діло у Ли́тві, а и́нша річъ у Москві: мо́же, воно́ тамъ коли́сь и до́бре було́. А у насъ тії по́гані *віршомазівъ* стільки наплоди́лось, що, якъ би́ ко́жний това́въ те на де́сять рікъ, що за годи́ну набазгра, то бъ нігде було́ чоловікові й ха́ти наня́ть за папе́рами!...

Ви, ду́рні, я жъ кажу́, на се лишъ не вважа́йте;
Люде́й пита́йтеся, та й свій ви ро́зумъ ма́йте.
Не вамъ *Гара́ське* сей ука́зъ скомпонова́въ:
Вінъ самъ розу́мний бувъ, розу́мнимъ и писа́въ;
Пишіть, и крамарівъ, папе́рниківъ году́йте!
У насъ холо́дний край, а лісъ ставъ дорогі́й;
Дурні ні по́-чому: що сту́пишъ, то й дурні́й.
Пишіть, будь ла́скаві, — пода́кують вамъ лю́де:
За ду́рнями та й всімъ розу́мнимъ те́пло бу́де....

На этихъ трехъ пьесахъ, столь неравныхъ по достоинству, утвердилась извѣстность г. Артемовскаго-Гулака, какъ украинскаго поэта. Но это было не все, что́ написалъ онъ: ходили въ рукописи оды его, переложенныя изъ Горація, баллада *Твердо́вський*, переведенная изъ Мицкевича, и еще кое-что. *Твердо́вський* появился въ печати въ журналѣ *Славянинъ* 1827 года; прочія стихотворенія напечатаны въ *Утренней Звѣздѣ*, альманахѣ 1834. Уже по одному тому, что это переводы и передѣлки съ чужого, нельзя ихъ ставить наравнѣ съ первымъ его опытомъ, хотя языкъ въ нихъ до того хорошъ, что дѣлается грустно, зачѣмъ было автору останавливаться на пробѣ пера! Предоставляемъ судить самому читателю:

ТВЕРДОВСЬКИЙ

Малороссійская балла́да.

»Ну́те, хло́пці! шви́дко, шпа́рко!
Музи́ки, загра́йте!
Гей, шинка́рю! гей, шинка́рко!
Горілки дава́йте!«

Ріжуть скрипки́ и банду́ри!
Дівча́та гопцю́ють;
Хло́пці, пітъ ажъ ллетця зъ шку́ри,
Коло іхъ гарцю́ють.

Бряжчя́ть чарки́, люльки́ шкварчя́ть,
Шумі́е горі́лка;
Стукъ, гарми́деръ, — свистя́ть, кричя́ть,
Голо́сить сопі́лка.

Панъ Твердо́вський въ кінці́ стола́
Съ поставця́ черка́е;
»Гуля́й душа́! тра-ла-ла-ла!«
На ввесь шинкъ гука́е!

Въ ба́тька й ма́тіръ ота́мана
И грома́ду ла́е;
Скрути́въ жи́да, якъ Га́мана,
Ще й у́сомъ моргае!

Сикну́всь ула́нъ, — вінъ вздовжъ ёго́
Шаблю́кою тріснувъ.
Ула́нъ — тю-тю́! га-га́! го-го́! —
За́йцемъ въ кутку́ при́снувъ!

Взявъ набакирь пи́сарь ша́пку:
Панъ грішми́ забря́зкавъ;
Ажъ гулькъ! — пи́сарь верть въ соба́ку,
И на всіхъ зага́вкавъ.

А шевце́ві панъ Твердо́вський
Въ такі знаки́ да́вся,
Що, мабу́ть, изъ часъ моско́вський
Бари́ломъ кача́вся.

Въ нісъ втере́бивъ дві буру́льки;
Зъ бурулёкъ, мовъ зъ ку́хви,
Бьють підъ сте́лю черезъ ру́льки
Джерела́ сиву́хи.

Бьють джере́ла.... панъ-гульвіса
Ку́холь підставля́е;
Ажъ зиркъ въ ку́холь — що у біса?
Въюнъ на дні игра́е!

»Духъ Свяги́й, миря́не, зъ на́ми!
Ви́лупіть лишъ ба́ньки!«
Въюнъ утікъ, а цапъ зъ рога́ми
Вила́зить изъ шкля́нки.

Ме́кнувъ, мовъ ёго́ роди́мець
Почáвъ мордувáти,
Та й стрибъ въ ко́мінъ; ажъ гулькъ — Німець
Стоіть середъ хáти!

Нісъ — карлю́чка, ротъ свиня́чий,
Ги́ря вся въ щіти́ні;
Ніжки ку́рячі, соба́чий
Хвістъ, ріжки́ цапи́ні!

Дригъ ногóю! круть ріжкáми!
Въ пóясъ поклони́вся:
»Ну, Твердóвський, часъ, изъ нáми
Щобъ ти росплати́вся!

»Гуля́въ еси́, верховóдивъ,
Усімъ въ знаки́ дáвся;
Дівчáтъ любúвъ, жінóкъ звóдивъ,
Надъ всіми знущáвся.

»Чого́ душá забажáла,
Мавъ всёго́ ти стільки!...
Куре́й, ковбáсъ, мя́са й сáла,
Бочкáми горілки.

»Нагрівъ и намъ ти чупри́ну,
Якъ самъ здоро́въ знáешъ:
Окульбáчишъ, мовъ скоти́ну,
Та всю́ди й гасáешъ!

»Гóді глузувáть зъ чортáми!
Словá — не полóва:
Чи забýвъ, якá міжъ нáми
Зъ тобóю умóва?

»Лúса горá.... бри́тва.... пáлець....
Папе́ру півъ кáрти....
Гáйда въ пе́кло! кровъ не смáлець,
Зъ чортáми не жáрти.

»Въ пісьмí стоіть (читáй сміло):
На кагáлъ бісóвський
Зъ начúнкою дýшу й тіло
Одписáвъ Твердóвський.

Служи́ть ёму́ чорти́ ма́ють
(Такъ прийшло́сь въ умо́ву),
По́ки въ Ри́мі не пійма́ють.
Амінь сёму сло́ву!

»Що тепе́ръ, Твердо́вський, бу́де,
Про те въ пе́клі зна́ють:
Сю корчму́ хрещо́ні лю́де
Ри́момъ назива́ють.«

— »Бачъ, чортя́ка! бачъ, падлю́ка!
Якъ умудрува́вся!
Се вже, бачъ, німе́цька шту́ка«,
Твердо́вський озва́вся.

»Та вже жъ, чи йти въ пе́кло спра́вді,
То й підемъ, байду́же!
Але́ й ти роби́ по пра́ві
И не чва́ньсь ду́же.

»Загля́нь въ контра́ктъ твій зо мно́ю,
Яка́ тамъ умо́ва?
Ще три шту́ки за тобо́ю;
Ви́тнешъ — ні півъ-сло́ва!

»Отъ бачъ, ви́сить надъ двери́ма,
Завбільшки изъ ца́па,
Передъ твоіми очи́ма
Малёвана шка́па!

»Неха́й шка́па підо мно́ю
Огиремъ гарцю́е;
Неха́й кру́тить голово́ю,
Стриба́ и басу́е.

»Ти, тимъ ча́сомъ, піску́ въ жме́ню:
Гара́пникъ тройча́тий
Сплети́ зъ піску́, якъ зъ реме́ню,
Коня́ поганя́ти.

»Ще жъ попаса́ть коня́ тре́ба,
Стать на одпочи́нокъ:
То вже, гляди́, щобъ якъ зъ не́ба
Вроди́вся буди́нокъ, —

»Буди́нокъ зъ лущпи́нъ горіха,
Отта́мъ за байра́комъ;
Изъ борідъ жидівськихъ стріха,
Цвяхо́вана ма́комъ.

»Отъ и гвіздо́къ на почи́нокъ,
Чверть ло́кти завздо́вжки:
По три въ ко́жну вбий зъ мачи́нокъ,
А ме́нще ні тро́шки.«

Бісъ перістий сви́снувъ, кля́снувъ, —
Ажъ кінь вже басу́е;
Батігъ зъ піску́ въ руці ля́снувъ.
Твердо́ський суму́е.

Скікъ въ стреме́на, дава́й дра́ла....
Ажъ — що́ за одмінокъ? —
Стріха въ хма́рахъ заблища́ла,
И стоіть буди́нокъ!

»Ви́гравъ сира́ву! Бачъ, нсяю́ха,
Здиха́вся, мовъ скаже́ний!
Ну, тепе́ръ скупа́йсь по у́ха
Въ води́ці свячо́ній.«

— »Зми́луйсь, сва́те, я въ сій зъ ро́ду
Ла́зні не купа́вся«.
Скорчивсь, змо́рщивсь, — шубо́вств въ во́ду!
Та й наза́дъ порва́вся.

Захлину́вся, чхнувъ и при́снувъ;
Трійчи закрути́вся,
Трійчи ту́пнувъ, трійчи сви́снувъ,
Ажъ шинкъ затруси́вся.

Хма́ра якъ нічъ налетіла,
И со́нце сховалось;
Га́локъ, крюківъ, воро́нъ си́ла
На стрісі зібра́лось!

Крюкають, кавчя́ть, мекечуть
Всіми голоса́ми:
То зави́ють, то шепе́чуть,
Бряжчя́ть ландюга́ми!

»Ну, Твердóвський, дрýгу справу
Ви́грали чорти́ки.«
— »Не ква́птесь лишъ, ще на сла́ву
Втру я вамъ кабáки.

»Куць програ́въ, куць ви́гравъ справу, —
Ще якъ доведе́тця.
Ви́грай тре́тю. Глянь на ла́ву:
Що́ тобі здае́тця?

»Цмо́кнись зъ жінкою мое́ю,
Вона́ твоя́ бу́де;
Якъ я живъ на сві́ті зъ не́ю —
Про те зна́ють лю́де.

»Будь ти ій за чоловіка
(Оста́тня умóва),
Присяга́йсь люби́ть до віка,
Та тоді й ні слóва!

»Неха́й піпъ вамъ ру́ки звъя́же.
Тепе́ръ, по сій мóві,
Лю́де дóбрі, що́ чортъ ска́же —
Бува́йте здоро́ві!«

А чóртові не-до-сóли;
Хвóстикомъ кива́е,
Нісъ скопи́ливъ, мовъ гринджóли,
И дверéй шука́е.

Стрибъ по ха́ті, хапъ за кля́мку;
Твердóвський по пи́ці,
Трісь по ги́рі! — розби́въ шкля́нку
И гóрщикъ зъ поли́ці.

»Эй, не би́йсь, кажу́, Твердóвський!
Гвалтъ, рятýйте, лю́де!
Бо ви́лаю по-бісóвській,
Тя́жко слýхать бýде.«

А тимъ ча́сомъ скікъ къ одвірку —
Ну ца́помъ стриба́ти!
Зъ прогóнича зýздрівъ дірку,
Та й шморгнýвъ изъ ха́ти....

»Ой! держіть, ловіть пся́юху!«
Усі загука́ли;
А пся́юхи нема́ й ду́ху:
Поміна́й, якъ зва́ли!

»Жінко лю́ба, го́ді пла́кать«,
Твердо́вський озва́вся:
»Хотівъ зъ чо́ртомъ васъ посва́тать,
Та й чортъ излака́вся.

»Ма́буть, всі чорти́ — бурла́ки
Та ще й ро́зумъ ма́ють,
Зна́ють, де зиму́ють ра́ки —
Одъ жіно́къ втіка́ють.

»Мо́же, въ пе́клі и́нше ді́ло;
Въ насъ сёго́ нема́е:
Жінка гризе́ ду́шу й тіло,
Мужи́къ попива́е.

»Ну́те жъ, хло́пці, шви́дко, шпа́рко!
Музи́ки, загра́йте!
Гей, шинка́рю! Гей, шинка́рько!
Горі́лки дава́йте!«

РИБАЛКА.

Малороссійская баллада.

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll.
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.

Göthe.

Вода́ шуми́ть!... вода́ гуля́!...
На бе́резі *Риба́лка* молоде́нький
На поплаве́ць гляди́ть и примовля́:
Ловітця, рибонькй, вели́кі и мале́нькі!

Що ри́бка смикъ, то се́рце тёхъ!...
Серде́нько щось *Риба́лочці* віщу́е:
Чи то тугу́, чи то перепо́лохъ,
Чи то коха́ннячко?... не зна вінъ, а сумує.

Сумує вінъ, — ажъ ось реве́!
Ажъ ось гуде́! — и хви́ля утіка́е!...

Ажъ — гулькъ!... зъ водѝ дівчи́нонька пливе́,
И ко́су счісуе, и брівками моргáе....

Вонá й моргá, вонá й співá:
»Гей! гей! не надь, *Рибáлко* молоде́нький,
»На зрáдний гакъ ні щу́ки, ні лина́!...
»На що́ ти нівечишъ мій рідъ и плідъ любе́нький?

»Колѝбъ ти знавъ, якъ *Рибалкáмъ*
»У мо́рі жить изъ ри́бками гарне́нько,
»Ти бъ самъ пірну́въ на дно къ лина́мъ
»И парубо́цькее оддáвъ би намъ серде́нько!

»Ти жъ бáчивъ самъ, — не скáжешъ: *ні*,—
»Якъ со́нечко и місяць червоне́нький
»Хлюпо́щутця у насъ въ воді на дні
»И изъ водѝ на світъ вихо́дять весели́нькі!

»Ти жъ бáчивъ самъ, якъ въ те́мну нічъ
»Блищя́ть у насъ зіро́ньки підъ водо́ю:
»Ходѝ жъ до насъ, покѝнь ти у́дку прічъ:
»Зо мно́ю бу́дешъ жить, якъ братъ живе́ зъ сестро́ю!

»Зирнѝ сюдѝ!... чи се жъ водá?...
»Се дзе́ркало: глянь на свою́ уро́ду!...
»Ой, я не зъ тимъ прийшлá сюдá,
»Щобъ намовля́ть зъ водѝ на пáрубка незго́ду!«

Водá шуми́ть!... водá гуде́....
И ніженьки по кісточкѝ займáе!...
Рибáлка вставъ, *Рибáлка* йде,
То спи́нитця, то впять все гли́бшенько пірнáе!...

Вонá жъ моргá, вонá й співá....
Гулькъ!... прѝснули на си́німъ мо́рі скалки!...
Рибáлка хлюпъ!... За нимъ шубо́вств вонá!...
И більше вже нігде́ не бáчили *Рибáлки*!...

БАТЬКО ТА СИНЪ.

Басня.

»Эй, Хве́дьку, вчись! Эй, схамени́сь!«
Такъ Панотéць казáвъ своїй дити́ні:
»Шануйсь! бо, дáлибі, колѝсь
Тму, мну, здо, тло — спишу́ на спи́ні!«

Хведько́ не вчився — и скоштувáвъ
Бере́зовоі ка́шки,
Та впять не вчився и пустувáвъ:

Побúвъ щибкú и плúшки;
И щобъ не скоштувáть одъ Бáтька різочóкъ,
Вінъ різку вперъ въ огóнь, та й заховáвсь въ кутóкъ.
Ажъ бáтько за чубъ хіпъ! и, не знайшóвши різки,
Дрючкóмъ Хведькá разівъ изъ шість оперезáвъ!...
Тоді Хведькó крізь слізки
Такъ Бáтькові сказáвъ:
»Колúбъ булó знáття, що гáспидська дрючúна
Такъ дýже дошкуля́, то, пéська я дитúна,
Колúбъ я такъ робúвъ:
Я бъ вперъ дрючóкъ въ огóнь, а різки бъ не палúвъ!

РИБКА.

Басня.

Въ ставóчку Пліточка дрібнéнька
Зъ нечéвъя зýздріла наýдці червякá,
И такъ булá раденька!
И дýмка-то булá такá,
Щобъ підвечíркувать смачнéнько.
Ну, дéйко до ёгó швидéнько!
То зъ-бóку ускубнé,
То зъ-пéреду поцýпить,
То хвóстика лизнé,
То зъ-нúзу впять підстýпить,
То вúрне, то пірнé,
То сіпне, то смикнé,
Вовтýзитця, ялóзитця и пріе,
Та ба! те ротúня́ такé узéньке, бачъ,
Що нічогó не вдіе!
Хочъ сядь, та й плачъ!
»Ой гóренько мені на світоньку«, мовля́е,
»За щó менé такъ дóля зневажáе?
Тимъ пéльку и живітъ далá съ ковáльский міхъ,
Тимъ зýби мовъ шпичкú, а намъ, на глумъ, на сміхъ,
Ротъ шпúлькою неначе простромúла!...
Ой, прáвду дя́дина небóга говорúла:
Що тілько на світі велúкимъ рúбамъ жить!
А намъ малúмъ въ кулáкъ трубúть!«

Такъ Пліточка въ воді на дóлю нарікáе,
А на гачкý червя́къ все хвóстикомъ кивáе!...
Черв'я́къ кивá, — ажъ ось, зі дна
Гулькъ Щýка! бовть!... вонá
Заýдку хіпъ!
Аýдка сіпъ!

Зъ водй шубóвсть въ окрíпъ!...
»Ой лúшечко! оцé жъ якъ дúдина збрехáла!...«
Изъ лáку Пліточка сказáла,
И бíльшъ не скáржилась на дóлю пліточóкъ
За лáсенький на ýдочці шматóкъ:
Щó Богъ послáвъ, — чи то багáто, чи то трóшки —
Въ кушíръ залізши, іла мóвчки.

ДО ПАРХОМА.

I.

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem: non secus in bonis, etc.

Horat. Lib. II. Od. 3.

Пархóме! въ щáсті не брикáй!
Въ нудьзі притьмóмъ не лізь до нéба,
Людéй питáй — свій рóзумъ май;
Якъ не мудрýй, а вмéрти трéба!
Чи каратáешъ вікъ въ журбі,
Чи то, за поставцéмъ горілки,
Въ шинкý нарізують тобі
Цимбáли, кóбзи и сопілка;
Чи пъя́ний підъ тинóмъ хропéшъ,
Чи до госпóди лізешъ рáчки
И жíнку макогóномъ бъешъ,
Чи самъ товчéсся на вкулáчки;
Орú и засівáй ланú,
Косú широ́кі перелóги,
И грóшики за баштанú
Лупú,— та все одкúнешъ нóги.
Покúнешъ все: стіжкú й скиртú,
Всі лáсощі: паслíнъ, цибýлю;
Загáрба úнший все, а ти
Ззісú за гірку прáцю дýлю....
Чи сóцькимъ бáтько твій въ селі,
Чи самъ на пáнщині працю́е,
А смерть зрівня́е всіхъ въ землі:
Ні зъ кимъ скажéна не жартýе....
»Чи *чить*, чи *лúшка*?« загукá;
Ты крúкнешъ: *чить*!... »Ба брéшешъ, сúну!«
Озвéтця пáплюга съ кутká,
Та й зцýпить зъ пéчі въ домовúну....

ДО ЁГО ЖЪ.

II.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem tibi
Finem Di dederint, Leuconoë; nec Babylonios
Tentaris numeros, etc.

Horat. Od. 12.

Пархо́ме! не мудру́й, воро́жки не пита́й,
Якъ до́вгий вікъ прокарата́ешъ;
Що ви́кувала вже *зозу́ля*, — проживай,
А бі́льше.... шко́да, що й бажа́ешъ!
Хочъ всіхъ ти упірівъ зберй и знахурівъ,
Хочъ покума́йся ти зъ відьма́ми:
Ніхто́ не ска́же намъ, такъ я́къ би ти хотівъ,
Що до́ля за́втра зро́бить зъ на́ми.
Чи доведе́тця ще поду́шне заплати́ть?
Чи до снагй вже розплати́вся?
На що́, про що́ тобі надъ цімъ чупри́ну гріть!
Дурни́й, дурни́й! а въ шко́лі вчи́вся....
Терпи́! за до́лею, куди́ попхне́, хили́сь,
Якъ хи́литця одъ вітру ги́лка.
Чи бу́дешъ жить, чи вмрешъ, Пархо́ме, — не жури́сь;
Жури́сь объ тімъ, чи е горілка!...
А е, такъ при на стілъ! часту́й, та й самъ кругля́й.
Чи намъ, Пархо́ме, тре́ба скільки?
Та вже жъ — чи вкороча́ть свій вікъ, то вкороча́й
Въ шинку́ надъ бо́чкою горілки.
Отъ, ми базікаемъ, а часъ, мовъ вілъ зъ гори́,
Чухра́, ёго́ не налига́ешъ.
Отъ, скільки бъ ви́пили до се́і ми пори́,
Такъ ти жъ буцімъ не дочува́ешъ.
Ну жъ! цупъ оста́нню ти гривня́ку зъ капшука́,
Поки́ стара́ пере́ ганчірки;
Бо вже — якъ ве́рнетця, то ду́мка, бачъ, така́,
Що помремо́ оби́два безъ горілки.

Вотъ все, что́ намъ извѣстно, посредствомъ печати, изъ украинскихъ сочиненій г. Артемовскаго-Гулака. Какое же мѣсто занимаетъ онъ въ нашей юной словесности, получившей права гражданства только въ недавнее время? Мы говорили о природныхъ задаткахъ его таланта. Еслибы г. Артемовскій-Гулакъ умеръ, написавши только *Пана та Собаку*, то, по надеждамъ, какія должно́ возбудить подобное произведеніе начинающаго писателя, мы бы сказали, что лишились въ немъ великаго по-

эта. Но авторъ стихотворной трагикомедіи благополучно остается въ живыхъ, даритъ насъ еще нѣсколькими пьесами, уже слабѣйшими по изложенію и не столь значительными по содержанію, наконецъ совсѣмъ умолкаетъ. Эти обстоятельства сбавляютъ много цѣны первому его произведенію и ставятъ его талантъ въ разрядъ пассивныхъ талантовъ, которые слишкомъ подчинены общему настроенію умовъ своего времени, не въ силахъ сдѣлаться органомъ благороднѣйшаго меньшинства, иногда безразлично затерянаго въ толпѣ, и неспособны стоять одиноко посреди общества съ своими безсмертными убѣжденіями. Отдавая, однакожъ, должную дань уваженія предшественникамъ нынѣшнихъ писателей, сошедшимъ съ литературной арены, мы должны признать за г. Артемовскимъ-Гулакомъ великую заслугу относительно развитія украинскаго слова послѣ Котляревскаго. Его языкъ до сихъ поръ не потерялъ цѣны своей и заслуживаетъ прилежнаго изученія. Въ наше время измѣнился вкусъ относительно выбора предметовъ рѣчи и самихъ оборотовъ; но, независимо отъ этого поворота, произведеннаго въ насъ бо́льшимъ противъ прежняго уваженіемъ къ народу, формы языка, сила выраженія, разнообразіе оттѣнковъ слова, гибкость и вмѣстѣ мужественная дебелость рѣчи — все это придаетъ немногочисленнымъ произведеніямъ г. Артемовскаго-Гулака высокое достоинство. Мы тѣмъ болѣе дорожимъ его стихотвореніями, что въ послѣднее время исчисленныя нами литературныя достоинства начали упадать у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, подававшихъ большія надежды, и замѣняться небрежностью и слабосиліемъ, обыкновенно сопровождающими работу спѣшную и такъ сказать насильственную. Такимъ писателямъ языкъ г. Артемовскаго-Гулака можетъ быть полезнымъ упрекомъ въ неуваженіи къ дѣлу литературы. Глядя съ этой стороны на его литературную дѣятельность, мы должны приписать его продолжительное молчаніе благородному, чуждому пустого славолюбія, сознанію, что сдѣлано имъ столько, сколько, по его силамъ, возможно было сдѣлать. Quid potui, feci; faciant meliora potentes. Эти слова мы вкладываемъ въ мысль безмолвствующаго поэта, для котораго наступило уже потомство, съ новыми воззрѣніями на предметы творчества, съ новыми, въ его время неизвѣстными, стремленіями.

П. Кулишъ.

6 января 1861.
С. Петербургъ.

ЧЕРТЫ

НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРІИ.

I.

Южнорусская земля. — Поляне-Русь. — Древляне (Полѣсье). — Волынь. — Подоль. — Червоная Русь.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ, занимавшихъ Южнорусскую Землю, очень скудны; впрочемъ, не безъ основанія, руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, слѣдуетъ отнести къ южнорусской исторіи древнія извѣстія объ Антахъ, по крайней мѣрѣ къ юго-западной отрасли этого народа. По извѣстію нашего лѣтописца, Улучи, Бужане и Тиверцы имѣли много городовъ по Бугу и Днѣстру вплоть до устья Дуная и до моря; они назывались у Грековъ Великая Скуфь. Лѣтописецъ нашъ понималъ такъ, что подъ этимъ народомъ должно разумѣть народъ, извѣстный Грекамъ; и дѣйствительно мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей Антовъ — народъ славянскаго происхожденія, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Не возможно, чтобъ подъ именемъ Антовъ разумѣлись только Днѣстрянскіе жители; безъ всякаго сомнѣнія, этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе. По толкованію ученыхъ, *антъ* есть прозваніе старонѣмецкое (Szafarzik, 402) и значитъ *великанъ;* это наводитъ насъ на предположеніе, что слово Антъ должно быть тоже названіе, что и *Великая Скуфь* нашего лѣтописца. Невольно мы встрѣчаемъ соотношеніе съ южнорусскимъ преданіемъ о томъ, что въ Украинѣ, въ древности, жили люди исполинскаго роста — *Вéлетні*, т. е. великаны, ходившіе съ цѣлой сосной въ рукѣ, опираясь на нее какъ на палку. Это высокорослое племя оставило свои слѣды въ тѣхъ земляныхъ валахъ и *могилахъ* (курганахъ), которыми усыпана Южная

Русь. За свои грѣхи и за вражду между собою, они были потоплены; послѣ нихъ явились другіе великаны,—погибли тоже въ свою очередь,—и съ тѣхъ поръ родъ человѣческій началъ мельчать. Преданіе о великанахъ теперь уже сбилось съ пути и, кажется, въ немъ надобно искать два преданія: въ одномъ, народъ признаетъ великановъ предками своими, воображаетъ, что прежде родъ человѣческій былъ рослѣе и массивнѣе, а впослѣдствіи измельчалъ, а въ другомъ признаетъ великановъ враждебными предкамъ народа, къ которому принадлежатъ разсказщики, и даже нерѣдко самихъ этихъ великановъ считаетъ болѣе фантастическими чудовищами, чѣмъ людьми. Эти великаны имѣютъ соотношеніе съ змѣями, столь значительное мѣсто занимающими въ нашихъ сказкахъ, и, какъ видно, суть тóже, чтó въ лѣтописныхъ преданіяхъ древніе Обры (Чешск. Obr, Польск. Olbrzym — великанъ), враги и мучители Славянскаго племени.

Слово *Вéлетні* и преданія о древнихъ исполинахъ указываютъ на сходство, а, можетъ быть, и единство ихъ со словомъ *Велыняне*, которымъ, по словамъ нашей лѣтописи, замѣнились народныя названія Бужанъ и Дулибовъ. У лѣтописца нашего говорится въ одномъ мѣстѣ »Бужане, послѣ же Велыняне«, а въ другомъ мѣстѣ, ниже перваго, »Дулѣбы сидяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне«. Или Дулибы были славянская вѣтвь, впослѣдствіи замѣщенная другою, или же одно названіе, древнее, одного и того же народа замѣнилось другимъ — Велыняне.

Слѣды названія Дулибовъ остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Горыни. Такъ на рѣкѣ Туріи есть деревня Дулибы, между Никополемъ и Гущею (въ Ровенскомъ уѣздѣ); три деревни подъ этимъ именемъ, въ восточной Галиціи, на рѣкѣ Стрипѣ и въ губерніи Подольской; сверхъ того, созвучныя названія попадаются и въ другихъ мѣстахъ Руси, даже не южной; напримѣръ — Дулебчина въ Гродненской губерніи. Это распространеніе имени Дулибовъ по пространству Русскаго міра указываетъ, что оно нѣкогда имѣло значеніе шире и не ограничивалось однимъ только краемъ на Волыни.

Слово Велыняне кажется имѣетъ тождество съ *Велынианами* Массуди, которые были нѣкогда сильнымъ народомъ, имѣли своего князя Мажека. Это указываетъ какъ бы на то, что въ древности народы южнорусскіе составляли одно тѣло, въ извѣстной степени сильное, которое приняло названіе Велынянъ, т. е. великаго народа. *Велíнний* значитъ тоже, что *великій*, тоже что *антъ*. А какъ подъ именемъ Антовъ разумѣли не какой-нибудь частный этнографическій признакъ, но большой отдѣлъ сла-

вянскаго племени, то, вѣроятно, и подъ Велынянами разумѣется не одинъ какой либо народъ, а союзъ южнорусскихъ народцевъ. Итакъ, названіе Антовъ и Велынянъ и преданія о *вѣлетняхъ* состоятъ между собою въ связи и указываютъ на древнее единство и взаимную связь народовъ Южной Руси.

Западная часть этого народа, уже близь самыхъ горъ Карпатскихъ, носила названіе *Хорватовъ*. Правдоподобно производятъ это имя отъ hrb — *холмъ*, и въ такомъ случаѣ Хорваты будутъ тоже, что Гуцулы (или Горали) — жители Карпатскихъ горъ и ихъ подножія. Назывались ли Хорватами жители восточной Галиціи къ границамъ нынѣшней Россіи? Едва ли. По Днѣстру, какъ говорятъ, жили Улучи и Тиверцы; слѣдовательно, жители прибрежья этой рѣки не назывались Хорватами.

Хорваты, конечно, были близки къ Тиверцамъ и Улучамъ, ибо теперь потомки Хорватовъ, какъ потомки послѣднихъ, — Южноруссы по языку, съ незначительными мѣстными отмѣнами.

Давнее знакомство съ Греками, вѣроятно, способствовало цивилизаціи южнорусскаго народа и, конечно, она бы стояла на значительной степени, если бы притомъ не препятствовали ея развитію безпрестанные находы съ востока дикихъ ордъ, причинявшихъ ему разореніе. Онъ былъ народъ земледѣльческій: объ этомъ свидѣтельствуютъ Греки въ описаніи Антовъ; да и изъ нашихъ лѣтописцевъ это видно, какъ показываетъ самое преданіе о томъ, что Обры запрягали Дулибовъ въ плуги. Обрядъ, отправляемый отцомъ семейства въ сочельникъ, по своему сходству съ обрядомъ Свантовитова богослуженія въ Арконѣ, указываетъ на свою древность и, своимъ характеромъ, свидѣтельствуетъ о древности земледѣлія у южно-русскихъ Славянъ.

Множество городовъ у Днѣстрянскихъ жителей, Улучей, показываетъ, съ одной стороны, небезопасность края, гдѣ жители подвергались непріятелельскимъ набѣгамъ и должны были укрываться въ укрѣпленныхъ городахъ; съ другой — извѣстное развитіе осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности, они, вмѣсто того, чтобы, подобно номадамъ, уйти прочь, предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своего огражденія. Устройство городовъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на существованіе въ странѣ администраціи, ибо гдѣ были города, тамъ, конечно, къ городамъ принадлежали округи: такъ вездѣ было у Славянъ. Сильнымъ и энергичнымъ народомъ въ тѣ времена, кажется, они не были, потому что ихъ легко покоряли чужеземцы, какъ и удалось Олегу.

Степень цивилизаціи частей южнорусскаго народа издревле была различна. Такъ, по извѣстіямъ нашего лѣтописца, Поляне изображаются цивилизованнѣе Древлянъ. Поляне знаютъ бракъ; у Древлянъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, удерживалось *умыканье* дѣвицъ. Какъ ни подозрительно могло бы казаться предпочтеніе, оказываемое, въ отношеніи нравственнаго образованія, Полянамъ предъ Древлянами лѣтописью, но дѣйствительно Поляне имѣли болѣе залога цивилизаціи, чѣмъ Древляне: первые обитали близь большой рѣки и, слѣдовательно, могли завести удобнѣе знакомство съ образованною Греціей и съ берегами Тавриды, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности; походъ Кія подъ Цареградъ, переселенія Кія на Дунай и обратно, — все это преданія, въ которыхъ несомнѣнно одно: давнее знакомство Полянъ съ Греціей.

Договоры Олега и Игоря достаточно показываютъ древность сношеній Полянъ-Руси съ Югомъ. Все, что говорится въ этихъ договорахъ о Руси, относиться должно не только къ чужеземной Руси, пришедшей въ кіевскую сторону, но и къ туземцамъ — Руси-Полянамъ, ибо въ договорѣ Олега говорится о *возобновленіи* бывшей между христіанами и Русью любви. Эта бывшая любовь конечно существовала между славянскими племенами и Греками. И не только у Поляновъ, но отчасти и у другихъ Славянскихъ народовъ, которые чрезъ посредство Полянъ имѣли сношенія съ Греками. Видно, что они строили лодки и плавали по Днѣпру, ходили на море не для разбоевъ, а для мирныхъ сношеній; одни ловили рыбу на Бѣлобережьѣ, то есть, у устья Дуная, другіе, съ тою же цѣлію, плавали къ берегамъ Тавриды. Нѣкоторые ходили въ Царьградъ на работы и проживали на службѣ въ императорскомъ войскѣ. Очевидно, что эти извѣстія въ договорѣ относились не къ одной Прусской Руси, но и къ тѣмъ, съ которыми смѣшалась эта Русь. Въ Цареградѣ жили русскіе торговцы и, вѣроятно, торгъ, который они вели съ Греками, былъ выгоденъ для послѣднихъ, когда гости получали отъ императора мѣсячину. Договоры Олега и Игоря говорятъ много объ огражденіи какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, отъ порабощенія личностей. Отсюда кажется достовѣрнымъ, что самыя войны Олега и Игоря возникали вслѣдствіе споровъ между Полянами въ Кіевѣ и Византіи,—что однимъ изъ предметовъ этихъ споровъ было то, что торговцы и промышленники попадались въ рабство; ибо тотъ и другой договоръ стараются прекратить торговлю людьми и обязуютъ съ обѣихъ сторонъ отпускать и выкупать изъ плѣ-

на какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ дѣлахъ. Существованіе гостей у Полянъ показываетъ, съ одной стороны, значительное развитіе экономическаго быта, а съ другой — неравенство въ распредѣленіи состоянія. Уже тогда существовали *челядники*. Неизвѣстно, въ какомъ отношеніи они были къ другимъ сословіямъ — наемные или рабы,—и на какихъ началахъ? У Русскихъ были продажные рабы въ X столѣтіи: это видно изъ Святославовыхъ словъ, что *изъ Руси идетъ шкура, воскъ и челядь*. Такимъ образомъ, въ числѣ вывозныхъ русскихъ товаровъ въ Грецію были невольники. Но въ договорахъ Олега и Игоря хотя и говорится о *бѣломъ челядинѣ*, но въ тоже время духъ договоровъ клонится къ пресѣченію порабощенія личностей, такъ-что подъ *челядиномъ* можно повидимому разумѣть служителя, убѣжавшаго отъ договора съ господиномъ, ибо выраженіе *поработить* равносильно — *убить*: *аще обращуть Русь кубару греческую вверженну на коемъ мѣстѣ, да не преобидятъ ея; аще ли возметь отъ нея кто что́, ли человька поработить, или убьетъ*,— *да будетъ повиненъ закону руску и греческу*.

Отправляя въ Грецію шкуры, медъ и воскъ, Поляне получали оттуда наволоки, матеріи, бывшія тогда въ употребленіи, и одежды; предметы эти были признакомъ богатства и зажиточности. Другіе товары, приходившіе изъ Греціи, были: вино, овощи и металлы. Поляне знали употребленіе металловъ и монеты. Изъ Греціи они получали золотыя номизмы, съ Дуная (изъ Угровъ) серебро. Въ договорахъ Олега и Игоря цѣнность означается *греческими златницами*. Все это показываетъ достаточную зажиточность, по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми, и знакомство съ цивилизаціей.

Знакомство съ Греціей распространило между Полянами христіанство. Едва ли можно предположить, чтобъ только съ половины IX вѣка, то есть съ Аскольда и Дира, проникло христіанство въ Кіевъ; легенда объ апостолѣ Андреѣ есть не что иное, какъ апотеозъ памяти о древнемъ христіанствѣ въ той странѣ. Не можетъ быть, чтобы христіанская вѣра не проникала туда издавна путемъ торговли и путемъ проповѣди. Съ половины IX вѣка мы узнаемъ уже объ открытомъ крещеніи Руси, отъ многихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Патріархъ Фотій, въ окружной своей грамотѣ, оповѣстилъ отрадное и счастливое для всей христіанской Церкви событіе — обращеніе Руссовъ. Съ тѣхъ поръ христіанская вѣра расцвѣтала въ Кіевѣ и разширялась. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ и церкви, — церковь Иліи, которая была соборная; изъ этого видно, что были

еще и не соборныя. Лѣтописецъ, назвавъ эту соборную церковь, замѣтилъ, что и многіе Варяги были крещены. Видно, христіанство было настолько распространено, что могло привлечь къ себѣ скоро пришельцевъ; еслибъ число Христіанъ было не значительно, то христіанство едва ли могло бы имѣть такое вліяніе на нихъ, будучи религіею только немногихъ. Христіанству можно было научиться въ Кіевѣ; такъ научилась ему и сдѣлалась христіанкою мать Святослава. Язычество, хладнокровно смотрѣвшее на то, что новая вѣра болѣе и болѣе пріобрѣтала поля, только при Владимірѣ оказало дѣятельную оппозицію. Владиміръ поставилъ на холмѣ боговъ, собравши какихъ могъ — и славянскихъ и литовскихъ. Онъ, какъ кажется, облекалъ прежнее язычество въ болѣе опредѣлительныя формы. Подъ 983 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о человѣческой жертвѣ, устроенной Владиміромъ; кажется, этотъ поступокъ былъ не жертвоприносительнымъ, но выраженіемъ мщенія, ибо для жертвы избранъ былъ христіанинъ; точно такъ и впослѣдствіи Литовцы вообще отличались нетерпимостію къ христіанству, всегда ссорились съ новою вѣрою и приносили въ жертву своимъ богамъ изъ Христіанъ, напримѣръ, плѣнниковъ нѣмецкихъ. Такъ какъ вѣра Христіанская стала уже сильно распространяться, Владиміръ принялъ сторону язычества и, тогда, конечно возникла оппозиція со стороны Христіанства. Владиміръ отличался деспотическими наклонностями. Кажется, этому способствовало, съ одной стороны, вліяніе Грековъ, которые уже приносили въ Кіевъ понятіе о царственности и величіи своихъ царей, съ другой — вліяніе Хазаръ. Не даромъ, въ рѣчи своей на память Владиміра, Іаковъ назвалъ его Каганомъ. Коль скоро Хазарское слово Каганъ вошло въ Русь, то, конечно, вошли до извѣстной степени и понятія восточныя. Именно хазарскимъ нравамъ слѣдуетъ приписать и это сладострастіе Владиміра, эту толпу женъ и наложницъ. Онъ началъ преслѣдованіе на Христіанъ, и жертвоприношеніе Варяга было однимъ изъ проявленій такого преслѣдованія. Подъ 988 годомъ разсказывается у лѣтописца, что вдругъ являются въ Кіевѣ разныхъ вѣръ учители: они всѣ хотѣли обратить въ свою вѣру князя и народъ. Что значитъ такое внезапное явленіе, отъ чего они узнали, что въ Кіевѣ можетъ быть перемѣна вѣры? Что заставило Владиміра искать вѣры, когда онъ передъ тѣмъ былъ такимъ ревностнымъ язычникомъ и притомъ, какъ кажется, утвердителемъ языческой религіи? И вдругъ этотъ князь измѣняетъ ей? Вѣроятно, оппозиція язычеству со стороны Христіанства взяла въ Кіевѣ верхъ; князь долженъ былъ уступить, и самъ князь, вѣрно, увлекаясь большин-

ствомъ, началъ сомнѣваться въ божественности своихъ болвановъ. Подобное стеченіе вѣроучителей въ одно время могло быть только тогда, когда къ этому располагали внутреннія обстоятельства страны, куда сошлись эти вѣроучители. Почти несомнѣнно, что принятіе крещенія Владиміромъ было не безъ того, что къ этому располагало его существованіе сильной партіи между Кіевлянами, исповѣдывавшей Христіанство и притомъ Христіанство православнаго закона, восточнаго. По извѣстію лѣтописца, когда онъ собралъ боляръ своихъ и городскихъ старцевъ и началъ съ ними совѣтоваться, какую ему вѣру выбирать изъ нѣсколькихъ предлагаемыхъ, тогда большинство признало, что лучше избрать греческую, и указывало на примѣръ Ольги, называемой ими мудрѣйшею всѣхъ человѣковъ. Конечно, коль скоро образовалось понятіе о превосходствѣ Греческой вѣры предъ другими, то это показываетъ знакомство съ нею и, слѣдовательно, большее въ сравненіи съ другими ея распространеніе. Многочисленностію православныхъ христіанъ въ Кіевѣ до крещенія Владиміра объясняется и та покорность толпы, съ которою Кіевляне стремились креститься по приказанію Кіевскаго князя. Вѣрно, многіе изъ некрещеныхъ уже были расположены къ Христіанству по наученію своихъ близкихъ и сами не смѣли креститься, а были очень довольны, когда князь уступилъ общему духу. Совсѣмъ иное произошло въ Новѣ-городѣ, куда Христіанство проникало не такъ удачно и не такъ давно, какъ въ Кіевѣ. Тамъ Добрыня долженъ былъ употреблять оружіе и огонь, чтобъ приводить Новгородцевъ на путь истины и спасенія.

Безъ сомнѣнія, сравнительное предъ сосѣдями превосходство цивилизаціи Кіева и Полянъ еще въ язычествѣ, содѣйствовало тому, что этотъ народецъ содѣлался послѣ крещенія центромъ, связующимъ остальныя племена Славянъ. Иными являются Древляне, ихъ сосѣди. Здѣсь опять приходится тоже сказать, что̀ сказано уже по поводу Полянъ. Описаніе Древлянъ въ черныхъ краскахъ, какъ, напротивъ, противниковъ ихъ Полянъ въ свѣтлыхъ, показываетъ, что лѣтописецъ не былъ изъятъ отъ народной нелюбви къ Древлянамъ, какъ не былъ изъятъ отъ привязанности къ Полянамъ. Но если мы сознаемъ, что и географическія условія и обстоятельства располагали Полянъ къ полученію и развитію въ себѣ бо́льшей образованности, то съ другой стороны Древлянамъ подобныя условія препятствовали къ ея достиженію. Древляне жили въ непроходимыхъ, дремучихъ лѣсахъ, а лѣсная жизнь, извѣстно, способствуетъ къ одичанію; земля ихъ была менѣе плодородна, скуднѣе было путей сообщенія, которые бы знакомили ихъ съ образованнымъ міромъ. Изъ разсказовъ,

которые лѣтопись помѣщаетъ по поводу прибытіи пословъ Мала къ Ольгѣ, видно, что о нихъ ходили такіе же анекдоты, обличающіе ихъ глупость, какіе и теперь ходятъ о Полѣщукахъ, потомкахъ старинныхъ Древлянъ. Такъ, древлянскіе послы некстати говорятъ: »мы не идемъ и не ѣдемъ »на лошадяхъ, а несите насъ въ ладьяхъ;« и когда ихъ несли въ ладьи, о нихъ говоритъ лѣтописецъ, что они *въ перегыбѣхъ въ великихъ сустугьхъ гордящеся*. Ольга заманила ихъ въ западню. Цѣль разсказа такова, чтобъ показать глупость и несмышленость Древлянъ, что они не могли предвидѣть своей бѣды. Въ томъ вѣкѣ, когда такъ слабы были узы обществъ, сила и хитрость брали верхъ и умъ измѣрялся именно тѣмъ, чтобъ не попасть въ обманъ. Повѣсть не ставитъ въ упрекъ Ольгѣ ея вѣроломныхъ поступковъ, но выставляетъ глупымъ народъ, который легко было надуть. Древляне не были знакомы съ духомъ мести, и потому такъ довѣрились; это показываетъ, что у Славянъ вообще она была мало развита: иначе, если бы даже предположить, что у Полянъ существовала святость мщенія, а у Древлянъ ея не было, то все-таки послѣдніе не довѣрились бы своимъ врагамъ; но еще не зная пришельцевъ съ Балтійскаго поморья, они думали, что можно и съ ними поссориться, и потомъ помириться безопасно. Ольга пользуется новостью обычая, а уважительный тонъ повѣсти объ Ольгѣ показываетъ, что Славяне стали сами заимствовать этотъ обычай; впослѣдствіи онъ какъ будто пропадаетъ, ибо даже въ дракахъ нашихъ позднѣйшихъ князей замѣчается, какъ онъ смягчался и исчезалъ; несомнѣнно, что, кромѣ христіянства, на ослабленіе его дѣйствовалъ также перевѣсъ Славянскаго элемента передъ пришлымъ. Избіеніе Древлянъ на тризнѣ, устроенной Ольгой въ честь Игоря, и самое затѣйливое мщеніе княгини посредствомъ воробьевъ и голубей—все это показываетъ, что Древлянъ почитали глуповатыми и простаками.

Изъ всѣхъ извѣстій, переданныхъ намъ лѣтописцемъ, видно, что у этого народа сохранились первобытные обычаи, которые у Полянъ уже измѣнялись подъ вліяніемъ нѣсколько высшихъ понятій. У Древлянъ было ненравившееся лѣтописцу умыканье дѣвицъ у воды, столь общее всѣмъ почти первобытнымъ народамъ. Имъ извѣстно было земледѣліе, ибо Ольга, склоняя Коростѣнянъ поддаться, выражается о другихъ Древлянахъ, что они *дѣлаютъ нивы своя и землю свою;* они занимались скотоводствомъ и овцеводствомъ, когда употребляютъ сравненіе Игоря съ волкомъ, когда этотъ звѣрь ворвется между овецъ; какъ у лѣсного народа, у нихъ было въ изобиліи звѣроловство и пчеловодство, ибо дава-

ли дань шкурами и медомъ. Они были, какъ кажется, раздѣлены на мелкія области, ибо говорятъ: *наши князи*. За одного изъ нихъ, можетъ быть главнаго, Мала, приглашали итти замужъ Ольгу; — несчастное сватовство, кончившееся порабощеніемъ Древлянъ.

Живя въ лѣсныхъ деревняхъ, Древляне строили города, которые, по общему славянскому обычаю, имѣли значеніе господствующихъ мѣстностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ города были мѣстомъ большей цивилизаціи, состоящей въ земледѣліи; города древлянскіе не были тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи обозначилось это названіе, а селами: жители занимались земледѣліемъ. Въ деревняхъ занимались болѣе звѣроловствомъ. Всѣ города съ землями составляли одну союзную землю, и существовало сознаніе о ея единствѣ, потому что когда Ольга покоряла Древлянъ, то обходила съ сыномъ Святославомъ *всю* Древлянскую землю.

По покореніи Древлянской земли, Ольга установила въ ней ловища, мѣста для ловли и сноса звѣриныхъ шкуръ, которыя составляли дань. Древляне должны были ловить звѣрей и доставлять шкуры въ Кіевъ и Вышгородъ. Покореніе Древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ: Ольга оставила только *прокъ ихъ* для платежа тяжкой дани, а другихъ отдала въ работу своимъ мужамъ. Соображая богатства русской земли, шедшія въ Грецію по словамъ Святослава, видно, что дань, наложенная на Древлянъ, была выгодна для Кіева по торговлѣ съ Греціею. Плоды трудовъ Древлянъ переходили въ Кіевъ въ руки князей и бояръ и отправлялись въ Византію, промѣнивались тамъ на произведеніи юга и конечно сами Древляне не имѣли никакой выгоды; порабощенные, они должны были работать для господъ.

Покореніе Древлянъ способствовало въ формированію и усиленію высшаго класса, осѣдлости пришлыхъ Руссовъ и смѣшенію народностей. Еслибы принимать произвольно созданную нашими историками-изслѣдователями теорію родового быта съ патріархами — родоначальниками, еслибъ родовая связь поглощала семейную, тогда надобно было бы принять издревле строгое аристократическое начало, возвышеніе нѣсколькихъ родовъ, униженіе и порабощеніе другихъ. Но зная исторію Славянскихъ народовъ и въ особенности Русскаго, замѣчая слѣды старые въ древнихъ памятникахъ, не видно и предположить нельзя, чтобъ на родовыхъ основаніяхъ семьи находились подъ какой нибудь зависимостью отъ извѣстныхъ лицъ-родоначальниковъ; а поэтому не возможно было образоваться родовому рабству, то есть, такому рабству, когда прежняя власть отеческая, по мѣрѣ родственной отдаленности тѣхъ, которые

должны были находиться къ ней такъ сказать въ сыновнемъ отношеніи, перешла во власть господскую. Семьи дѣлились отъ ней, и каждая семья, если бы и сознавала связь съ другою, то не была зависима одна отъ другой.

Покореніе Древлянъ если не вносило въ жизнь Южнорусскихъ Славянъ рабства вновь, то усиливало его, распространяло, упрочивало тѣ начатки его, которые существовали изстари, ибо цѣлый народъ объявленъ былъ въ рабствѣ. И это возвысило высшій классъ. Отсюда-то эти боляре, сильные, подобно князьямъ имѣвшіе свои дружины въ Кіевѣ, о которыхъ осталась память даже въ пѣсняхъ (напримѣръ Иванъ Годиновичъ, Чурило Пленковичъ). По происхожденію своему, эти боляре, какъ они назывались, были во первыхъ Руссы — пришельцы и, во вторыхъ — Руссы-Поляне, съ массою которыхъ совершилось порабощеніе Древлянскаго народа. Поляне, и прежде ставшіе уже въ уровень съ пришельцами, скоро усвоивавшими ихъ народность, теперь еще болѣе сливались; они пользовались равенствомъ господскихъ правъ надъ покореннымъ народомъ: и пришлецъ-Русинъ и Полянинъ-Русинъ равнымъ образомъ были господа, высшій классъ въ отношеніи Древлянъ. Часть порабощеннаго народа переведена была въ землю Полянъ—русскую, другая осталась на мѣстѣ, и Руссы съ Полянами сдѣлались владѣльцами въ землѣ Древлянъ. Иначе не могло быть: надобно же было держать въ покорности порабощенный народъ. Слово *становища*, которое упоминается въ лѣтописи разомъ со словомъ ловища, указываетъ на учрежденіе новыхъ жилыхъ мѣстъ, назначенныхъ быть административными пунктами. Они именно могли быть повѣрены только Руссамъ или Полянамъ, но никакъ не Древлянамъ. О становищахъ говорится, что то были *ея* (Ольги) становища. Слѣдовательно здѣсь идетъ рѣчь о такой части покоренной земли, которая досталось собственно на долю княгинѣ и ея семейства. Если принять во вниманіе, что въ то время другимъ отданы были въ рабство Древляне, то открывается, что въ Древлянской землѣ явилось два рода господъ: одни владѣльцы тѣхъ, которыхъ отдали въ рабство, другіе — въ качествѣ должностныхъ лицъ находившіеся на становищахъ. Ольга установила *уставы* и *уроки*, слѣдовательно опредѣленныя обязанности. Послѣднее слово, *уроки*, указываетъ на обязательныя работы; надзирать надъ уроками и собирать дань по уставамъ должны были конечно тѣ, которые поставлены были на становищахъ. Здѣсь исторія наша невольно, по сходству обстоятельствъ, совпадаетъ съ западною, гдѣ господствовала поземельная раздача. Часть страны оставляетъ она для себя въ дань, другую раздаетъ мужамъ сво-

имъ, дружинѣ. Но остается неизвѣстнымъ, какая часть Древлянской земли была такимъ образомъ порабощена? Нельзя думать, чтобъ одинъ Искоростѣнь. Ибо хотя Ольга и говоритъ Искоростѣнянамъ: всѣ ваши городы предались мнѣ и рѣшились платить дань и обдѣлывать свои нивы и земли, а вы хотите умереть отъ голода, не повинуясь и не хотя платить дань; — но здѣсь Ольга обманываетъ Древлянъ, сообразно своему обычаю; это видно изъ того, что лѣтописецъ прежде этого замѣтилъ, что Древляне побѣжали и затворились въ своихъ городахъ, слѣдовательно не сдались, какъ увѣряла Ольга Хотя, послѣ завоеванія Искоростѣня, вся земля Древлянская была подчинена и Ольга уставила въ ней уроки, становища и ловища, но, вѣроятно, не всѣ подверглись такой горькой судьбѣ, какъ Искоростѣнь, ибо послѣдній долженъ былъ подвергнуться особому мщенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, бо́льшей степени порабощенія подвергся Искоростѣнь, чѣмъ другіе, и конечно тѣ, которые добровольно сдавались, пользовались большею льготою, чѣмъ тѣ, которые оказывали упорство. Но, какъ видно, Ольга повсемѣстно въ Древлянской землѣ разставила своихъ мужей.

Такое отношеніе двухъ сосѣднихъ народовъ должно было развить въ обоихъ разные взгляды и характеры. Поляне былъ народъ побѣдительный, Древляне—покоренный; первые — господа, вторые — рабы; и, конечно, должны были изъ этого произойти разныя проявленія общественнаго и домашняго быта, разное теченіе исторіи. Кіевъ дѣлался центромъ управленія народовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Покореніе Древлянъ, показывавшее силу Русской Земли, еще болѣе должно было утвердить мысль о первенствѣ ея надъ другими народами. Но такъ какъ ни обстоятельства не способствовали утвержденію централизаціи, ни понятія о ней не развивались, то вмѣстѣ съ другими землями и Древляне скоро начали жить самобытною жизнію уже въ удѣльномъ порядкѣ; это началось тогда, когда Святославъ далъ одному изъ сыновей своихъ, Олегу, въ удѣлъ Древлянскую или Деревскую землю. Центромъ всей Древлянской земли сталъ тогда Овручь. Граница Древлянской земли протягивалась по сосѣдству къ Кіеву: ибо выѣхавши изъ Кіева на охоту, можно было охотиться на Древлянской землѣ. Кто знаетъ, не проявилось ли возстаніе побѣжденныхъ во враждѣ двухъ братьевъ и что побѣжденные настроили Олега убить Свѣнельдова сына? Это было въ 975, чрезъ пять лѣтъ послѣ воцаренія Олега въ Древлянской земли и черезъ 20 лѣтъ послѣ покоренія Древлянской земли. Когда Олегъ вышелъ противъ Ярополка, то у него былъ полкъ, а не дружина, слѣдовательно (какъ выходитъ постоянно

по смыслу слова полкъ) были ополченные жители края собранные на битву. Здѣсь снова Древляне воинственною силою ополчаются на Полянъ, хотя и подъ измѣненными условіями. Но когда Олегъ былъ убитъ, Ярополкъ, перенявъ волость своего брата, не видѣлъ сопротивленія. Въ продолженіе тридцати лѣтъ разселившіеся по Древлянской землѣ Русины успѣли пустить въ народѣ идею, что надъ ними имѣетъ право княжескій родъ; а потому оппозиція, еслибъ и была, то ужъ происходила бы подъ вліяніемъ этого новаго, умѣряющаго начала.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отношенія Полянъ къ другимъ южнорусскимъ народамъ: Дулѣбамъ, Улучамъ, Тиверцамъ, Хорватамъ. Еще въ концѣ IX вѣка, съ Улучами и Тиверцами Олегъ не могъ скоро справиться, и подъ годами 884 — 885 сказано, что Олегъ имѣлъ съ ними рать. Во время похода въ Царьградъ (904 — 907), эти народы, а равно и Хорваты, участвуютъ въ его ополченіи противъ Грековъ. Изъ этихъ извѣстій заключили, что тогда, значитъ, народы эти были уже покорены Олегомъ. Можетъ быть, до нѣкоторой степени. Но такъ какъ Олегъ взялъ ихъ въ свое войско, то едвали это было бы возможно, еслибъ покореніе ихъ сопровождалось такимъ же порабощеніемъ, какъ Древлянъ Ольгою, ибо въ тотъ вѣкъ участіе въ войнѣ было принадлежностію свободныхъ. Въ договорѣ Олега говорится, что этотъ договоръ съ Греками заключенъ отъ имени его, великаго князя, и свѣтлыхъ князей, сущихъ подъ его рукою. Вѣроятно, послѣ войны съ Улучами и Тиверцами, Олегъ какъ нибудь долженъ былъ съ нимъ помириться, и они стали отъ него въ зависимости на выгодныхъ для себя условіяхъ. Что касается до Хорватовъ, то они первый разъ были подчинены, и отняты у Поляковъ, только при Владимірѣ.

Приливъ пришлаго варяго-русскаго народонаселенія сообщилъ новый оттискъ характеру Полянъ и развилъ въ нихъ воинственный элементъ. Это поддерживалось походами противъ Грековъ. Мы не знаемъ поводовъ, руководившихъ Руссами въ этихъ набѣгахъ; но это не были просто одни разбойничьи набѣги, потому что въ договорахъ виденъ народъ торговый и Греки дорожили сношеніями съ нимъ. Скорѣе всего надобно предположить, что повѣствователь, по обычаю лѣтописцевъ, умалчиваетъ о причинахъ, не выставляетъ пружинъ, руководившихъ походами Русскихъ, исключая Святославова похода; а эти причины, вѣроятно, заключались въ столкновеніяхъ съ Греками преимущественно по торговлѣ. Поляне долго, кажется, не могли показывать своей самостоятельности и должны были уступать Грекамъ; но когда явились къ нимъ воинственные мореходцы, когда

сошлись они съ Полянами, которые также были плавателями, но только мирными, тогда послѣднимъ сообщился духъ отваги и охота мести за тѣ поступки, которые они считали несправедливыми со стороны Грековъ. Походы въ Грецію способствовали къ утвержденію власти князей и соединенію народовъ. То была приманка для удалыхъ того вѣка — собираться подъ знамена вѣщаго князя, идти на далекую сторону и воротиться оттуда съ добычею, привезти паволоки и золото, хвастаться предъ тѣми, кто оставался дома, передавать добычу дѣтямъ на память отцовской славы. Предводители народцевъ легче становились подчиненными Кіевскому князю, когда онъ ихъ обогащалъ. Это, соединяя народы, мало по малу подклоняло ихъ подъ власть единаго рода и приготовляло къ новому порядку, когда въ разныхъ частяхъ русскаго міра должны были явиться князья, хотя особые, но связанные между собой и родомъ и единствомъ страны.

По понятіямъ того времени у Русскаго народа, успѣхъ служилъ залогомъ покорности, ибо успѣхъ приписывался вліянію таинственной силы. Такъ Олега прозвали *вѣщимъ*, вѣдуномъ. А коль скоро онъ былъ вѣщій для народа, то и покорность ему утверждалась. Слава побѣдъ располагала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сильнѣе всего развился духъ удальства и предпріимчивости при Святославѣ, когда удача слѣдовала за удачей. Удалыя толпы ходили съ нимъ на степи, побѣдили Хазаръ, которымъ ихъ предки нѣкогда платили дань. Это должно было сильно возвысить народное чувство и еще болѣе прикрѣплять народы къ Кіеву и внушать къ нему уваженіе, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. Толпы охотниковъ отправились со Святославомъ въ Переяславль, удачи далѣе и далѣе заводили духъ воинственности. Завоеваніе Болгаріи, по современнымъ понятіямъ, не было чѣмъ либо инымъ отъ покоренія Древлянъ и Тиверцевъ, или присоединенія ихъ къ Кіеву. Болгары были самая близкая къ русскимъ Славянамъ народность; тогда еще языки ихъ и нравы не такъ различались, какъ послѣ; между ними такъ было много общаго, что Кіевляне именно шли туда не съ мыслію о завоеваніи чужаго, а руководясь побужденіемъ близости соединенія Славянскихъ народовъ, долженствующихъ войти въ закладку новой державы. Предѣлы этой державы разширялись по мѣрѣ того, какъ народный взоръ встрѣчалъ сходственное съ своею народностію. О Болгарахъ явилась также мысль, что они должны войти въ русскій міръ. Можно съ этимъ вмѣстѣ проникнуть, какимъ образомъ у Святослава и у товарищей его возникла идея поселиться въ Переяславлѣ Дунайскомъ. Конечно, съ перваго взгляда пока-

зывается здѣсь какъ бы недостатокъ осѣдлости. Нѣтъ; Поляне были осѣдлы, ибо занимались земледѣліемъ; скитались только тѣ, которые занимались торговлею, но договоръ показываетъ, что и послѣдніе, живучи въ Константинополѣ, не утрачивали связи съ родиною; ибо когда умиралъ гость въ Греческой землѣ, то имущество его слѣдовало перенесть въ Русь къ милымъ сродникамъ. Изъ этого же договора видно, что русскіе торговцы только временно посѣщали Цареградъ и Грецію, и ворочались всегда домой. Это не могло развить у Полянъ охоты перемѣнять на всегда мѣсто жительства. Духъ долженъ былъ измѣняться отъ стеченія молодцевъ изъ разныхъ славянорусскихъ народцевъ въ дружинѣ князей. Князья своими походами привлекали ихъ съ разныхъ сторонъ Славяно-русскаго міра, составляли изъ нихъ подвижное населеніе кочующихъ молодцевъ, наѣздниковъ и пиратовъ, готовыхъ жить вездѣ, не жалѣя о родинѣ; отечествомъ ихъ дѣлалось море или степь; то были Запорожцы своего вѣка; вотъ этихъ-то удалыхъ и увелъ Святославъ въ Болгарію. Явились Печенѣги. Въ 968 году они осадили Кіевъ. Лѣтописецъ указываетъ, что въ то время некому было охранять города безъ Святослава. Является воевода съ другой стороны Днѣпра, слѣдовательно не Кіевскій. Кіевъ оборонять было въ Кіевѣ некому. Такія событія должны были неизбѣжно внушать руссамъ необходимость не пускаться болѣе въ далекіе походы и не лишать своей земли вооруженной силы. Поэзія геройской отваги начала находить себѣ поле на родной землѣ, а не на чуждомъ югѣ и не на морѣ. Преданія о Печенѣгахъ, записанныя въ лѣтописяхъ, расцвѣчены колоритомъ героическаго эпоса, какъ это видно изъ сказки о кожевникѣ, сказки до сихъ поръ существующей въ народныхъ преданіяхъ. Но такой духъ царствовалъ не долговѣчно. Поляне увлеклись только на время присутствіемъ чужаго народа между ними. Проявившійся при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ завоевательный элементъ въ характерѣ народа скоро ослабѣваетъ; ибо онъ явился временно въ слѣдствіе толчка, даннаго пришельцами. Конечно, къ обузданію этой завоевательности помогало и принятіе христіанства, но несомнѣнно и племенное вліяніе; ибо собственно христіанство въ Россіи, еслибъ и оградило Византію отъ нападеній Руссовъ, то обратило бы воинственность послѣднихъ въ другую сторону. Но христіанство даже не перервало сразу и вошедшей прежде въ привычку враждебности къ Греціи; ибо при Ярославѣ, уже по принятіи Христіанства, сынъ великаго князя съ Вышатою сдѣлалъ морской походъ на Византію. То были уже послѣдніе отзывы прежняго угасавшаго теперь героизма. Воинственность народа уже

и прежде стала обращаться не къ завоеваніямъ, а только къ охраненію предѣловъ своей страны. Этому измѣненію содѣйствовали не переставшіе набѣги народовъ турецкаго племени. Половцы смѣнили Печенѣговъ, отрѣзали у Руссовъ море, разсѣялись по степямъ и остановили распространеніе русскаго элемента на югъ и востокъ по степямъ. Окруженные кочующими инородцами, Русскіе уже не могли думать о завоеваніяхъ. Не мало располагали къ измѣненію воинственности Кіевлянъ и междоусобія, возникшія между ихъ князьями. Какъ народъ молодой, Славяне легко могли увлечься сообщеннымъ имъ отъ чужихъ воинственнымъ духомъ, и героизмъ завоеванія блеснулъ у нихъ на короткое время, но южнорусскій народъ уже прежде познакомился съ спокойною жизнью и получилъ наклонность къ ея удобствамъ. Какъ бы ни были преувеличены разсказы о богатствахъ Кіева, о множествѣ церквей, о восьми торговыхъ площадяхъ у Дитмара, все это имѣетъ свое историческое основаніе. Что Кіевъ былъ дѣствительно богатъ, это показываетъ то, что здѣсь было издавна важнѣйшее торговое мѣсто для сѣвера съ Византіей. Разумѣется, Олеговы и Игоревы грабежи еще болѣе обогащали его; собираемыя съ покорныхъ народовъ дани способствовали стеченію богатствъ къ Кіевлянамъ. Славянскіе народы, подвластные Кіеву, платили опредѣленную дань, которая шла князю, но князь дѣлился ею съ боярами и дружиною; такимъ образомъ, эта дань обогащала и Кіевъ. Мы знаемъ изъ нашей лѣтописи, что одинъ Новгородъ платилъ ежегодно двѣ тысячи гривенъ въ Кіевъ, а тысячу гривенъ гридямъ, содержа гарнизонъ при князѣ. Предъ концемъ жизни Владиміра, сынъ его Ярославъ вздумалъ-было не отдавать отцу этой дачи, и отецъ хотѣлъ на него итти войною, разбить его, но отъ огорченія умеръ. У Кіевлянъ, въ то время, невольно образовался нѣсколько высокомѣрный взглядъ на другіе русскіе народы. Такъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, когда Святополковъ воевода увидѣлъ противъ себя Новгородцевъ, назвалъ ихъ презрительно хоромниками и плотниками, и говорилъ, что заставитъ ихъ рубить имъ (Кіевлянамъ) хоромы. Но то было выраженіе не воинственнаго завоеванія, а скорѣе зазнавшагося господства, привыкшаго къ хорошей жизни на счетъ другихъ.

Въ характерѣ Кіевлянъ было что-то мягкое, роскошное, сибаритское. Не далѣе какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ крещенія, Болеславъ, пришедши на помощь Святополку, и самъ потерялъ свою царственно побѣдительную крѣпость и войско свое развратилъ и обезсилилъ. Кіевскія женщины славились сладострастіемъ. Богатство, роскошь и веселая жизнь приманивали всякого, кто только могъ поселиться между Кіевлянами. Чрезъ пол-

вѣка послѣ приключенія съ Болеславомъ Храбрымъ точно тоже сдѣлалось съ внукомъ его Болеславомъ Смѣлымъ: тутъ Поляки забыли и своихъ женъ въ Польшѣ и свои дворы и хозяйства. Какъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о пирахъ Владиміровыхъ, такъ и пѣсни стараго времени, сохранившіяся у Великоруссовъ, подтверждаютъ репутацію сибаритства, которую пріобрѣлъ себѣ Кіевъ на Западѣ. Волокитство считалось удальствомъ; волокиты хвастали своими подвигами и поставляли въ нихъ достоинство, какъ въ героическихъ наѣздахъ. Вотъ, напримѣръ, на пиру краснаго солнышка Владиміра одинъ богатырь расхвастался, и говоритъ, что онъ гулялъ молодецъ изъ земли въ землю, загулялъ къ королю;

Король меня молодца любилъ, жаловалъ,
Да и королева вить молодца такоже,
А Настасья королевична у души держитъ.

Отцы берегли своихъ дочерей, по выраженію пѣсень, за три-девятью замками, за три-девятью ключами, чтобъ и вѣтеръ не завѣялъ, и солнце не запекло.

О кокетствѣ женщинъ кіевскихъ упоминаетъ и Данилъ Заточеникъ, говоря: *нѣкогда же видѣхъ жену злообразну, приличію зерцалу и мажущюся румянцемъ*. Кажется, что вліяніе княжескаго двора, гридницы, поддерживало это сибаритство и развращеніе женщинъ, какъ говорится, напримѣръ, въ пѣснѣ о Маринѣ:

Водилася съ дитятями княженецкими.

На кіевскихъ женщинъ въ преданіяхъ, сохраненныхъ въ пѣсняхъ, легла память легкомысленности, развращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ колдовства. Кіевская кокетка привораживаетъ къ себѣ любовниковъ и мѣняетъ ихъ по произволу. Такова Марина Игнатьевна въ пѣснѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Она собираетъ къ себѣ и дѣвицъ и женъ, сводитъ ихъ съ молодцами и сама водится съ дѣтьми со княженецкими и со змѣемъ Горынчищемъ — олицетвореніемъ силы, враждебной Русскому элементу, чужеземной, указывающей на пребываніе въ Кіевѣ разнородныхъ племенъ. Она привораживаетъ богатырей къ себѣ:

Разжигаетъ дрова палещатымъ огнемъ;
И сама она дровамъ приговариваетъ:
Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгаралось бы сердце молодецкое
Какъ у молода Добрынюшки Никитьича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣетъ перевертывать людей въ звѣрей:

А я-де обернула девять молодцовъ
Сильныхъ, могучихъ богатырей гнѣдыми турами,
А и нынѣ-де отпустила десятого молодца
Добрыню Никитьевича:
Онъ всѣмъ отаманъ — златы рога.

Другая такая же кокетка грозитъ оборотить ее въ суку:

А и хошъ, и я тебя сукой оберну.

И сама чародѣйка умѣетъ принимать образы:

А и женское дѣло перелестное,
Перелестное, перенадчивое:
Обернулася Марина косаточкой.

Отсюда, конечно, укоренилось въ народѣ прозвище: кіевская вѣдьма. Кокетство соединилось съ чародѣйствомъ и волшебствомъ, ибо если женщины привлекали къ себѣ мущинъ, то это приписывалось волшебству.

Типы добрыхъ женъ рѣдки; въ примѣръ можно указать на Василису Микулишну Денисову, которая лучше рѣшилась умертвить себя, чѣмъ измѣлить мужу; но за то сама княгиня, жена князя Владиміра, изображается совсѣмъ не нравственно; и о княжескихъ женахъ осталось въ народѣ тоже воззрѣніе, какъ и вообще о женщинахъ. Жена Владиміра красна солнышка любезничаетъ со змѣемъ Тугаринымъ.

Мужской типъ волокитства, и вмѣстѣ изнѣженности, является типически въ Чурилѣ Плёнковичѣ. Это — щеголь, кружитель женскихъ головъ, старорусскій Донъ-Жуанъ, или Ловласъ. Онъ такъ занимается собою, что когда ѣдетъ по двору своему, то передъ нимъ несутъ подсолнечники, чтобъ не запекло солнце бѣла лица его. Владиміръ князь ни на что болѣе не могъ употребить его при своемъ дворѣ, какъ только на то, чтобъ созывать гостей на пиръ. Пиръ длится во всю ночь, а когда богатыри разъѣзжаются по домамъ,

Въ тотъ день выпадало снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ.
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай.
А ины тутъ усмѣхаются,

говорятъ:

Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай,
Это шелъ Чурило Пленковичъ

Къ старому Берлятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Сладострастіе Владиміра-язычника, столько наложницъ, жившихъ въ его загородномъ дворцѣ—все это гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ распущенностью нравовъ въ то время вообще. Пиръ былъ душею общественной жизни. Замѣчательно, что Владиміръ когда крестился и, естественно, потому получилъ наклонность къ мягкости нрава, то, по неизмѣнному народному понятію, показывалъ эту мягкость, эту кротость и любовь христіанскую — въ пирахъ, которые задавалъ народу. Пиры устроивались послѣ всякаго отраднаго народнаго событія, особенно послѣ побѣдъ, какъ и значится подобный пиръ послѣ побѣды на день Преображенія Господня надъ Печенѣгами, когда построена была церковь въ Василевѣ. Освященіе было ознаменовано праздникомъ. На всякую недѣлю князь устроивалъ пиръ въ гридницахъ на дворѣ. На пирахъ этихъ ѣли мясо скотское и дичь, рыбу и овощи, а пили вино, медъ, который мѣряли проварами (варя 300 проваръ меду). Медъ былъ національнымъ напиткомъ. На пиръ созывались не только кіевляне, но и изъ другихъ городовъ. Въ гридницу допускались пировать боляре, гридни, сотскіе, десятскіе, народъ; люди простые и убогіе обѣдали на дворѣ; сверхъ того, по городу возили на колесахъ пищу (хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи) и раздавали тѣмъ, которые не могли, по нездоровью, придти на княжескій дворъ.

Эти пиры происходили въ то же время не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ; поэтому, въ пригородахъ кіевскихъ, князь держалъ запасы напитковъ, такъ называемые *медуши*.

Какъ такіе пиры были привлекательны, видно изъ того, что на далекіе вѣка прошла о нихъ память и пирующій князь сдѣлался идеаломъ русскаго довольства жизни, и Владиміръ красно солнышко сталъ синонимомъ добраго и веселаго князя вообще. Въ пѣсняхъ, онъ показывается не просвѣтителемъ Русской земли, а идеаломъ роскошнаго господина; потому онъ остается столько же языческимъ, какъ и христіанскимъ княземъ: одно, что даетъ ему нѣсколько христіянскій колоритъ, это то, что онъ угощаетъ и нищихъ и калѣкъ. По старому русскому понятію, пиръ не долженъ былъ обходиться безъ угощенія нищихъ и калѣкъ. Вообще въ сказкахъ южнорусскихъ, добрый князь или король, когда учреждаетъ пиръ, то непремѣнно приглашаетъ ихъ. Даже если князь чѣмъ-нибудь затрудняется, что-нибудь хочетъ получить отъ судьбы, то пиръ на весь міръ и угощеніе бѣдняковъ есть средство къ

пріобрѣтенію удачи. Памятью древняго сознанія богатства и довольства Кіева и его земли остается въ лѣтописи разсказъ о томъ молодцѣ Бѣлогородцѣ, который обманулъ Печенѣга (а Печенѣгъ также глуповатъ былъ, какъ и Древлянинъ, въ глазахъ Руссовъ кіевскихъ). Подводя его къ колодцу, гдѣ была поставлена кадь съ киселемъ, Русскій увѣрилъ Печенѣга, что земля сама производитъ имъ кисель. Здѣсь невольно вспоминаются кисельные берега, медовыя и молочныя рѣки. Такой же смыслъ роскоши и богатства страны представляетъ разсказъ лѣтописца о томъ, какъ дружина сказала Владиміру: *зло нашимъ головамъ! намъ пѣть деревяными ложицами, а не сребреными!* Кіевскій князь приказалъ исковать серебрянныя ложки для дружины, и говоритъ: я серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ доискался дружиною злата и сребра.

Это довольство привлекало въ Кіевъ и въ русскую землю съ разныхъ сторонъ жителей. Населеніе Кіева и русской земли не было однородное: тутъ были и Греки и Варяги, Шведы и Датчане и Поляки, и Печенѣги и Нѣмцы, и Жиды и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія объясняетъ и преданіе о предложеніяхъ Владиміру принять ту или другую вѣру; если здѣсь нужно искать исторической истины, то предлагавшіе Владиміру вѣру были скорѣе жители Кіева, чѣмъ иноземные апостолы. При Владимірѣ, послѣ его крещенія, при Святополкѣ и при Ярославѣ, Кіевъ быстро развивался и процвѣталъ. При веселой жизни и распущенности нравовъ, кіевляне не имѣли ничего строгаго, подавляющаго; оттого въ Кіевъ и Русскую Землю сбѣгались, по извѣстію Титмара, разнаго рода бѣглые рабы, — тутъ они находили себѣ пріютъ и пропитаніе. Вѣроятно тутъ же себѣ находили люди рабочіе хорошіе заработки; охота строить зданія, украшать дома, призывала туда рабочихъ. Въ Кіевской Землѣ менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, могъ сохраниться чистый типъ одной народности, когда люди всякаго званія и ремесла сколплялись тамъ отовсюду. Даже тѣ, которые составляли княжескую дружину, — класъ возвышавшійся надъ массою, по значенію и силѣ, — были не Кіевляне по происхожденію, а пришельцы. Это показывается въ былинахъ стараго времени Владимірова цикла. Богатыри пріѣзжаютъ служить Владиміру, — кто изъ Мурома, кто изъ Ростова, кто изъ Царягорода, или съ береговъ Дуная, изъ чуждыхъ далекихъ странъ. Все это даетъ поводъ воображать себѣ старый Кіевъ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще физіономію смѣси. Даже и Кіевская Земля была населена такою же смѣсью. При Владимірѣ, на лѣвой сто-

ронѣ Днѣпра, населеніе увеличилось не посредствомъ природнаго размноженія народа и не подвиженіемъ его съ правой стороны Днѣпра, а переселеніемъ изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, странъ Русской системы. *И нача* — говоритъ нашъ лѣтописецъ (подъ 988 г.) — *ставити городы по Десни, и по Востри, и по Трубежи, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужь лучшіь отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели городы.* Въ 990 г., онъ населилъ Бѣлгородъ также точно: »наруби въ не отъ инѣхъ городовъ и много людей сведе въ онь«. И здѣсь тоже заселился городъ вмѣстѣ своднымъ народонаселеніемъ изъ разныхъ странъ и городовъ. (Что́ значитъ *наруби?* Вѣроятно при сводѣ народа для населенія новыхъ мѣстъ употреблялся какой-нибудь обычай дѣлать *зарубки* или замѣтки, по жребію). Такимъ образомъ, переселеніе въ Русскую Землю совершилось изъ Бѣлоруссіи, изъ Средней Россіи, изъ Новгородской Земли и наконецъ изъ Чуди. Нельзя думать, чтобы это было первое заселеніе лѣвой стороны, ибо мы знаемъ, что тамъ жили уже народы, и притомъ лѣтописецъ влагаетъ въ уста Владиміру слова: »се малъ городъ около Кіева«, т. е. мало городовъ, а не мало жителей. Жители жили въ деревняхъ и для защиты ихъ не нужно было городовъ, и поэтому онъ призвалъ или переселилъ лучшихъ людей изъ чужихъ народовъ—не земледѣльцевъ, не смердовъ, но способныхъ къ оружію. Это должно было способствовать образованію въ нѣкоторомъ смыслѣ высшаго сословія, ибо въ тотъ вѣкъ люди, посвященные военнымъ занятіямъ и оборонѣ края, должны были пользоваться уваженіемъ и преимуществами предъ простымъ народомъ; а военные — мужи города — были люди разнаго происхожденія и, слѣдовательно, составляли сами по себѣ общество, отдѣльное отъ массы народа и несвязанное съ ними этнографическимъ единствомъ и мѣстными преданіями.

При свободѣ и распущенности, при стеченіи разнохарактернаго народа изъ близкихъ и далекихъ сторонъ, не удивительно, что отъ этого древняго періода нашей исторіи сохранились черты, показывающіе тогда дурное состояніе нравственности. Въ Кіевѣ и въ Русской Землѣ происходили убійства и безчинства. Лѣтописецъ говоритъ: *умножишася разбоеве;* слово *разбоеве*, какъ видно изъ Русской Правды, нельзя принимать въ нашемъ смыслѣ этого слова; оно выражало тогда ссоры, поединки и драки. Какъ вообще въ торговомъ городѣ, гдѣ любятъ богатства, гдѣ комфортъ своего рода предпочитается всему, въ Кіевѣ человѣкъ дѣлался продажнымъ. Эта продажность очень высказывается и тѣмъ, что еписко-

пы и старцы сказали о казни убійцъ: у насъ войны часто, а когда виру брать, то будетъ на оружье и на лошадей (Рать много; оже вира, то на оружьи и на конехъ буди). У князей Святополка и Ярослава являются черты, воспитанныя на Кіевской почвѣ: и дикость язычества и развращеніе столицы. Святополкъ былъ пьяница и сибаритъ, гуляка и наглый злодѣй. »Лютѣ бѣ граду тому, въ немже князь юнъ, любяй пиры, вино съ гусльми и съ младыми совѣтниками«. Святополкъ любилъ пожить, повеселиться и не останавливался ни предъ какимъ злодѣяніемъ. Ему мѣшали братья. За чѣмъ съ ними дѣлиться, когда можно взять одному? Едва ли здѣсь, какъ нѣкоторые толковали, руководила имъ месть за отца Ярополка, и ни въ какомъ случаѣ не подвигало его сознательное стремленіе къ единовластію, съ видами политическими: то были порывы необузданнаго пьяницы, развращеннаго гуляки и легко было ему найти исполнителей въ массѣ разноплеменнаго и развращеннаго края; имена ихъ указываютъ на иноземное происхожденіе. Имя Еловить—какъ-будто Сербское, имя Лешко показываетъ, что отецъ его былъ Ляхъ родомъ. И съ другой стороны, у Бориса былъ отрокъ Угринъ. Совершивши злодѣянія, Святополкъ долженъ былъ обезопасить себя отъ Кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же они признаютъ княземъ братоубійцу? Но Кіевлянъ легко было привести къ признанію княжескаго достоинства за злодѣемъ. »Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ коръзни (одежды), а другымъ кунами, и разда множество«. Кто были эти люди — или передовые въ городѣ, бояры, или простой народъ? И то и другое возможно, а неясность поставляетъ насъ въ неудомѣніе относительно этого важнаго обстоятельства. Отъ кого бы ни зависѣла судьба Кіева, а съ нимъ и цѣлой Руси, въ то время: отъ избранныхъ ли классовъ, или отъ народа, — въ томъ и другомъ случаѣ легко можно было торжествовать неправдѣ и прикрыться продажности. Дѣйствительно, Святополкъ даже могъ обдарить цѣлый Кіевъ. Все вознаградилось бы, коль скоро онъ начнетъ собирать дань съ подвластныхъ народовъ и областей. Вотъ здѣсь открывается народная мѣстная черта. Еще народъ Кіевскій не впалъ въ рабскую покорность, но могъ подпасть подъ всякую неправую власть посредствомъ приманки его матеріальными выгодами. Съ другой стороны, Ярославъ, прославленный лѣтописцемъ столько же, сколько былъ проклинаемъ Святополкъ, по нравственнымъ своимъ понятіямъ недалеко былъ выше Святополка; хитрый, жестокій, онъ вполнѣ обрисовывается въ поступкѣ своемъ съ Новгородцами, которыхъ, за избіеніе чужеземцевъ Варяговъ,

созвавши тайно къ себѣ, перебилъ. Другой, не менѣе возмутительный, поступокъ этого князя былъ съ роднымъ братомъ Судиславомъ.

Чувственность, порывы наслаждаться жизнію, производя развращеніе нравовъ, не убивали однако въ народѣ воинственнаго элемента, не доводили его до той изнѣженности, при которой народъ дѣлается неспособнымъ ни къ общему предпріятію, ни къ общему самосохраненію. Столкновенія съ иноплеменниками, какъ выше мы сказали, не давали уснуть его молодымъ силамъ. Въ пѣсняхъ великорусскихъ о Кіевскомъ періодѣ, гдѣ хотя послѣдующіе вѣка положили сильно свой колоритъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть основы глубоко древней, въ характерѣ тогдашнихъ богатырей, вмѣстѣ съ чувственностію, показывается и удаль и богатырство. На самыхъ пирахъ отправлялись разныя пробы удальства: борьба, стрѣляньe изъ лука въ цѣль:

Будетъ день въ половину дня,
Будетъ столъ въ полустолѣ,
Богатыри прирасхвастались молодецкой удалью.
Алешенька Поповичъ, что бороться горазднъ,
А Добрыня Никитичъ — горазднъ его,
А Дунай сынъ Ивановичъ изъ лука стрѣлять,
По той было мѣточкѣ стрѣлять въ золотъ перстень,
Что во ту было ставочку муравлену.

Даже женщины показываютъ удальство. Такова жена Дуная, погибшая нечаянно отъ любившаго ея мужа, который хуже ея стрѣлялъ въ цѣль; такова жена Ставра-боярина, героиня, освободившая своего супруга отъ тюрьмы. Всѣ онѣ не Кіевлянки. Но въ Кіевъ, вмѣстѣ съ крещеніемъ и развращеніемъ, приходили и свѣжія нравственныя стихіи жизни. Разгульная, веселая жизнь Кіевлянъ смущалась безпрестанными набѣгами Печенѣговъ. Битвы съ ними носятъ на себѣ поэтическій характеръ. Къ намъ перешли чрезъ лѣтопись два разсказа, очень поэтическіе, о битвѣ на мѣстѣ нынѣшняго Переяслава и о хитрости въ Бѣлгородѣ. Какъ народны были эти разсказы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народны и значительны были тогдашнія войны съ Печенѣгами, достаточно видно изъ того, что разсказъ о богатырѣ, побѣдившемъ Печенѣговъ, до сихъ поръ живъ въ памяти народной. Въ древніе годы — разсказываетъ преданіе — явился подъ Кіевомъ змѣй и побѣдивъ Кіевлянъ, наложилъ на нихъ дань — по юношѣ и по дѣвицѣ. Давали горожане; пришла очередь и князю (замѣтимъ мимоходомъ, что это уравненіе правъ князя съ простыми смертными есть, въ существующей теперь пѣснѣ, остатокъ древняго взгляда, когда дѣйствительно о князѣ, хотя бы сильномъ и самовластномъ по обстоятель-

ствамъ, не имѣли такого понятія, какъ о государѣ). Князь далъ змѣю дочь свою. Змѣй полюбилъ ее страстно. Однажды кіевская княжна приласкалась къ нему и говоритъ: а що́, змію́ню, чи е таки́й на світі, щобъ тебе́ поду́жавъ?« Змѣй отвѣчалъ: »есть, не далеко отъ Кіева, Кожемяка Кирило: какъ затопитъ печь, такъ дымъ стелется подъ облака; а какъ выѣдетъ на Днѣпръ мочить кожи, то несетъ ихъ не по одной, а разомъ двѣнадцать штукъ; какъ онѣ напитаются водою, то такъ отяжелѣютъ, что я, пробуя, цѣплялся за нихъ, думалъ вытянуть, анъ нѣтъ! а онъ какъ потянулъ, такъ и меня чуть съ ними не вытащилъ.«

Былъ у княжны голубокъ, съ которымъ она пришла къ змѣю. Она написала записочку и привязала къ голубку; въ записочкѣ, она дала знать отцу: есть въ Кіевѣ человѣкъ Кирило Кожемяка; просите его черезъ старыхъ людей, не побьется ли онъ со змѣемъ и меня бѣдную не вызволитъ ли?

Когда голубокъ спустился на землю въ княжескомъ подворьѣ,—княжескіе дѣти играли по двору и, увидѣвши голубка, закричали: »тату́сю, тату́сю! голубокъ одъ сестрички прилетівъ!« Поймали голубка. Прочитавъ записку, князь созвалъ старцевъ и допро́сился отъ нихъ о силачѣ. Послали стариковъ къ Кирилу Кожемякѣ. Отворивъ двери его хаты, они застали его сидящаго за работою къ нимъ спиною: онъ мялъ кожи. Старцы кашлянули, какъ обыкновенно дѣлаютъ малороссіяне, желая дать знать о своемъ присутствіи. Кожемяка вздрогнулъ, испугавшись внезапности, и разорвалъ двѣнадцать шкуръ, которыя держалъ въ рукахъ и чрезвычайно разсердился на гостей, обезпокоившихъ его и надѣлавшихъ ему убытку. Никакъ не могли упросить его. Князь послалъ къ нему молодшихъ (дружину),—и тѣ не упросили разсерженнаго богатыря. Наконецъ послали къ нему дѣтей: тѣ упросили его. Онъ явился къ князю, потребовалъ двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать возовъ конопляныхъ *повісомъ*, намазалъ повісма смолою, обмотался ими, взялъ въ руки десятипудовую булаву, и пошолъ къ змѣю. Змѣй, увидя его, спрашиваетъ:—що, Кири́ло, чого́ прийшо́въ до ме́не: би́тьця, чи мири́тьця?—Де́ вже тамъ мири́тьця! отвѣчалъ богатырь: прийшо́въ зъ тобо́ю би́тьця.—Змѣй вырвалъ съ Кожемяки зубами коноплю; Кожемяка билъ булавою змѣя въ голову. И когда змѣй, разъярившись, не могъ вытерпѣть и бѣгалъ пить днѣпровскую воду, чтобъ сколько нибудь придти въ свѣжія силы, Кожемяка успѣвалъ снова обматывать коноплями мѣста, вырванныя змѣиными зубами; и снова начинался бой. Кожемяка билъ булавою въ голову змѣя, и расходился по окрестностямъ такой стукъ, какой бываетъ отъ множества работаю-

щихъ кузницъ. Въ Кіевѣ между тѣмъ звонили въ колокола, служили молебны, а народъ стоялъ на горахъ съ поднятыми къ небу руками и испрашивалъ Божіей помощи своему богатырю. Наконецъ змѣй палъ. Кирило сжегъ мертвое чудовище и пустилъ на четыре стороны свѣта его пепелъ, — и сдѣлалъ не хорошо: изъ этого пепла расплодилась всякая дрянь на свѣтѣ: комары, мухи, мошки. Но это послѣ испытали люди; а въ тотъ день, когда Кирило привелъ къ князю освобожденную дочь его, радость была неимовѣрная въ Кіевѣ.

Эта народная повѣсть, по своей основѣ, есть остатокъ древняго языческаго эпоса. Связь ея съ исторіей того богатыря, о которомъ говорится въ лѣтописи, не подлежитъ сомнѣнію. Черты: его гнѣвъ, его упрямство, его занятіе — все представляетъ сходство съ разсказомъ нашего лѣтописца. До сихъ поръ подъ Кіевомъ существуетъ *байракъ* съ хатами, висящими на двухъ обрывистыхъ горахъ. Это мѣсто называется *кожемяки* и народъ связываетъ это названіе съ именемъ Кирила Кожемяки.

Одною изъ разительнѣйшихъ чертъ древняго времени было *побратимство* или *названное братство*. Это былъ союзъ двухъ, трехъ и болѣе постороннихъ, не родныхъ между собою, лицъ, обязавшихся другъ другу помогать, другъ за друга сражаться, другъ друга избавлять, вызволять отъ опасностей, другъ за друга жертвовать жизнію и хранить пріязнь и братство дружбы ненарушимо. Этотъ обычай очень древенъ. Его слѣды встрѣчаются у Скиѳовъ. Г. Новосельскій, въ своемъ сочиненіи—Lud Ukraiński, очень кстати представилъ на видъ разсказъ изъ діалоговъ Лукіана о трехъ Скиѳахъ, заключившихъ между собою союзъ дружбы. Грековъ изумлялъ тогда этотъ варварскій обычай. Какое отношеніе имѣли къ намъ древніе Скиѳы, до этого нѣтъ дѣла при опредѣленіи значенія нашего побратимства или названнаго братства; довольно только, что оно существовало издавна на нашей почвѣ. Одинакія обстоятельства производятъ сходныя слѣдствія. »У васъ, Грековъ, — говорилъ имъ Скиѳъ, — нѣтъ истинной дружбы; но у насъ, гдѣ безъ войны не обойдешься, гдѣ надобно или нападать, или ждать нападенія, или оборонять свои поля, или грабить чужія, — дружба необходима; нужно имѣть друзей, которые бы на всякую бѣду отважились.« Въ такомъ сходномъ положеніи была тогда Южная Русь. Богатыри, которыхъ имена блестятъ такимъ эпическимъ сіяніемъ, не миоъ. Владиміръ часто долженъ былъ посылать удалыхъ высматривать, нѣтъ ли Печенѣговъ, а послѣдующіе князья — Половцевъ; другіе должны были ѣздить къ князьямъ

или отъ князей, или помогать имъ отъ себя для сбора даней; и тамъ и здѣсь имъ было небезопасно: надобно было пріобрѣтать друзей. Свято чтилось это названіе братства или побратимства: измѣна брата чувствительнѣе казалась всякаго лишенія. Въ былинѣ о Василисѣ Даниловой, когда, угождая необузданному произволу сладострастнаго князя, пошелъ на ея мужа, Данила Денисьевича, названный братъ Добрыня Никитичъ, Данило заплакалъ горькими слезами:

И гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

И Данило не пережилъ такого ужаса:

Беретъ Данило свое востро копье,
Тупымъ концемъ втыкатъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.

Это-то уваженіе къ святынѣ дружбы произвело болгарское сочиненіе и распространило свою у насъ легенду о братствѣ, гдѣ Іисусъ Христосъ устанавливаетъ братство.

Вотъ начало того братства, которое такъ сродно южнорусскому народу и составляетъ нѣкоторую характеристическую черту позднѣйшей исторіи его.

Вмѣстѣ съ богатырскимъ побратимствомъ, или названнымъ братствомъ, является подобное же въ монастыряхъ — братство духовное. Названныя братства Алексѣя Поповича, Ильи Муромца, отозвались впослѣдствіи въ Запорожской Сѣчи, а духовное братство первыхъ монастырей приготовило церковныя братства XVII в., отстоявшія религію греческую отъ насилія западнаго.

Побратимство никогда не прекращалось въ Украинѣ, какъ и въ Дунайскихъ Славянскихъ земляхъ. Главный и древнѣйшій символическій знакъ этого нравственнаго обычая есть обмѣна драгоцѣнныхъ вещей или взаимный даръ. Теперь существуетъ этотъ обычай не только между мущинами (или лучше — не столько между мущинами, сколько между женщинами), но и женщинами — *посестримство*. Оно состоитъ въ обмѣнѣ крестовъ. Такой же обрядъ побратимства видѣнъ и въ разговорѣ воеводы Претича съ печенѣжскимъ княземъ въ 962 году: *рече же князь печенѣжскій къ Претичу: буди ми другъ. Онъ же рече: то же створю. И подаста руку межи собою, и вѣдасть печенежскій князь Претичю: конь, сабля, стрѣлы; онъ же дасть ему: броню, щитъ, мечь.*

Во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ первый разъ попадается въ руки чужеземцевъ. Болеславу такъ понравилось въ Кіевѣ, какъ нѣкогда Святославу въ Переяславцѣ. Народъ южнорусскій былъ въ такомъ же отношеніи къ Польскому, какъ Болгарскій къ Русскому. Какъ Русскіе, при Святославѣ, могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ—Русь за продолженіе Польши. Русскіе не противились, когда Болеславъ поставилъ на покормъ, по городамъ, свои дружины, а самъ засѣлъ въ Кіевѣ. Но потомъ, когда чужеземное сосѣдство имъ надоѣло, приняты были средства не рыцарскія, именно такія, какія были вполнѣ согласны съ характеромъ населенія. Святополкъ, князь Кіева, руководилъ народомъ. Поляковъ избивали тайно. Поляки бѣжали, Ярославъ сдѣлался княземъ Кіевскимъ и правилъ, окруженный чуждою силою. Роль однихъ чужеземцевъ, Поляковъ, смѣнилась ролью другихъ—Варяговъ-Шведовъ. Это было время, когда Скандинавы, просвѣтившись христіанствомъ, начали показывать энергическую дѣятельность въ новой сферѣ; охота странствовать по-свѣту для разбоевъ замѣнилась нѣсколько болѣе законнымъ способомъ — стали наниматься въ военную службу греческихъ императоровъ. Явились собственно такъ называемые Варенги или Варяги; они во множествѣ проходили черезъ Русь по Днѣпру. Кіевъ былъ ихъ временнымъ пристанищемъ. Тогда князья нашли удобнымъ приглашать ихъ, и вотъ они также, какъ и въ Греціи, у насъ являются съ тѣмъ же значеніемъ наемнаго сословія. Связь съ Норманами уже была очень значительна при Владимірѣ, какъ показываетъ сага Олафа Тригвасона. Князь Ярославъ, еще живучи въ Новгородѣ, женился на Ингегердѣ; дочери короля Свенона. По поводу этого брака, много Норманновъ приходило къ намъ. По связямъ съ Швеціей, Ярославъ воспитывалъ у себя Олафова, сына Магнуса и отдалъ дочь свою за Гаральда Гардраде, Норвежскаго короля. Около княгинь были одноземцы. По брачному договору съ Ингегердой, Ладога была уступлена Ярлю Рагвальду. Съ помощію Варяговъ удержался князь на столѣ Кіевскомъ. Но какъ видно, Варяги вскорѣ надоѣли ему, и Ярославъ, видя, что уже усѣлся крѣпко, выпроводилъ ихъ въ Грецію. Тѣмъ кончилось кратковременное норманское вліяніе, продолжавшееся лѣтъ около 70-ти.

Намъ неизвѣстны подробности управленія Кіева и другихъ городовъ Южнорусскаго края, на столько, чтобы судить отношеніе его къ народному быту. Мы, однако, видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, что народъ раздѣлялся на сотни и десятки, были сотскіе и десятскіе, вѣроятно, выборные; по городамъ вмѣсто князя были княжескіе посадники (намѣстни-

ки) и старцы—старѣйшины изъ туземныхъ жителей. Близкіе князю лица носили общее названіе *дружины;* это было вмѣстѣ и военное сословіе и стража княжеская и совѣтники его. Владиміръ, по извѣстію лѣтописца, совѣтовался съ дружиною »о строи землянѣмъ, и о ротахъ и уставѣ земскѣмъ«. Слово боляре употребляется въ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ первенствующихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу дружины. Боляре, какъ кажется, были старѣйшины Земли, или народа. Коль скоро былъ народъ, была и земля, съ землею соединялось понятіе бояра. Такъ различаются бояре по городамъ, бывшимъ центрами земли или ея отдѣловъ, наприм. бояре вышгородскіе, бояре бѣлогородскіе: это были лица, которыхъ значеніе соединялось съ мѣстностію, по какой они назывались. Что́ бояре отличались отъ мужей княжескихъ, это указывается въ житіи св. Владиміра, гдѣ говорится, что св. князь ставилъ трапезу *собѣ и боляромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.* Часть дружины, окружавшей князя, составляла то, что́ называлось *гриди* (лит. greitis—приспѣшники, служители). Въ важныхъ дѣлахъ князь не начиналъ самъ собою ничего, а совѣтовался съ боярами, и дружиною, и старцами людскими. Подъ послѣдними разумѣлись выборные народомъ должностные лица. Ка́къ ихъ выбирали и какой объемъ былъ ихъ власти и обязанности, теперь напрасно хотѣли бы мы разъяснить. Со времени побѣды надъ Хазарами съ одной стороны, а потомъ съ знакомствомъ съ Греціею, на князѣ, предводителѣ дружины, отчасти ложится отпечатокъ восточнаго вліянія. Замѣчательно, что, въ словѣ Иларіона, Владиміръ называется Хаганомъ. Это указываетъ на вліяніе восточно-хазарскаго элемента, который могъ бы, совокупно съ византійскимъ, водворить, подтвердить и укрѣпить единовластіе и значеніе царственности княжескаго достоинства, если бы развитіе удѣльности не помѣшало этому тотчасъ же. Невозможно опредѣлить, что́ брало перевѣсъ — восточный элементъ или свобода; и то и другое было въ зародышѣ, какъ и удѣльность и единодержавіе. Возвышеніе человѣка за услуги могло быть по волѣ князя. Такъ богатыря, который побѣдилъ Печенѣжскаго исполина на мѣстѣ, на которомъ построенъ былъ Переяславль, Владиміръ сотворилъ великимъ мужемъ. Слѣдовательно, существовало понятіе о нареченіи на высшее достоинство, о пожалованіи. Даже существовали внѣшнія украшенія, означающія отличія. Такъ на Георгіи Угринѣ, отрокѣ Бориса, была гривна златая, повѣшенная княземъ ему на шею, въ знакъ особаго расположенія.

Недостаточность источниковъ не даетъ намъ права представить, до

какой степени власть князя поглощала личную дѣятельность народа и общественную. Не было институцій ни подиравшихъ княжескую власть, ни указывающихъ ей предѣлы. Несомнѣнно то, что, съ одной стороны, князь не утвердилъ еще въ себѣ понятія о царственности и о недоступности своей особы для прочихъ смертныхъ, съ другой—и народъ не развилъ въ себѣ идеи свободы въ отношеніи съ властію. Князь Владиміръ совѣтовался съ боярами и старцами людскими, призвалъ также къ себѣ сотскихъ и десятскихъ народа. Ни въ это время, ни послѣ, не видимъ мы ничего, что́ бы ставило князя на неприступную высоту величія. Влади́міръ пировалъ со своими богатырями, какъ съ равными, или по крайней мѣрѣ не такъ, какъ съ рабами. Но боляре и дружина не имѣли, кажется, ничего строго родоваго, ибо послѣ смерти Владиміра, по извѣстію лѣтописца, плакали по немъ два рода людей: *боляре и убогіи*. Раздѣляя такимъ образомъ народъ, лѣтописецъ хотѣлъ выразить словомъ боляре—люди съ достаткомъ, въ противоположность бѣднякамъ—убогимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же мѣстѣ, поясняется слово боляре выраженіемъ: *плакали бояре, яко заступника ихъ земли, а убогіи, яко заступника и кормителя*. И такъ боляре были владѣтели земли, ибо земля представляется ихъ достояніемъ; охраняя землю, князь охранялъ боляръ. Въ Русской Правдѣ также имя бояринъ употребляетъ въ смыслѣ владѣтеля земли. Натурально, что тѣ, которые владѣли землями, имѣли и голосъ и составляли вмѣстѣ съ княземъ власть; дружина же состояла изъ тѣхъ, которые охраняли князя и города, подвергавшіеся безпрерывнымъ опустошеніямъ.

Вообще, однако, древній духъ южно-русскаго народа представляетъ уравнительное начало общественныхъ условій, ка́къ это показываютъ древнія сказки, на которыхъ лежитъ отпечатокъ глубочайшей старины. Хотя въ нихъ являются князья, короли и королевичи, за то сказка всегда хочетъ представить своего богатыря изъ незначительнаго происхожденія, или если даже сына королевскаго, то даетъ ему значеніе по чему нибудь унизительное предъ другими, дабы послѣ выставить на показъ ту мысль, что вотъ тотъ, который сначала былъ меньшимъ всѣхъ по людскому понятію, сто́итъ уваженія; на кого мѣньше возлагали надежды, тотъ вышелъ и дѣльнѣе и полезнѣе всѣхъ. Много есть сказокъ, гдѣ играетъ роль мужицкій сынъ и притомъ сынъ мужика бѣднаго, а въ одной, въ фантастической, сынъ собаки (сучичъ) беретъ верхъ надъ сыномъ королевскимъ и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдъ.

Въ то время, когда въ Кіевѣ образовывалось такое, повидимому, растлѣнное общество, явилась нравственная оппозиція этому развращенію

въ монастырѣ Печерскомъ. Съ самого появленія христіанства, новый духовный элементъ долженъ былъ ратовать противъ языческаго образа понятій и всего теченія жизни подъ языческими привычками. Вмѣсто эгоистической преданности своимъ чуственнымъ пожеланіямъ, являются примѣры любви къ ближнему, помощи страждущему. Духовенство является съ оружіемъ одного слова, становится на челѣ народа, живущаго матеріальною силою. Уваженіе новокрещеннаго Владиміра къ епископамъ указываетъ на первую готовность подчинять языческую гордыню и необузданность христіанскому смиренію. Князь построилъ десятинную церковь,— со всѣхъ его доходовъ назначена 10 часть на эту церковь; изъ житія св. Владиміра, писаннаго близкимъ къ нему по времени лицомъ, видно, что это назначалось для содержанія *духовенства и помощи сиротамъ и вдовамъ* (Христ. Чт. 1849, II. 307).

Вмѣсто уваженія къ силѣ и презрѣнія къ слабости (это столь естественно въ первобытныя времена цивилизаціи) является противное тому—уваженіе къ нищетѣ, и даже обоготвореніе страданія. Вѣра христіанская указываетъ другую цѣль жизни, открываетъ надежду на загробныя блага; вся здѣшняя жизнь не имѣетъ цѣны сама для себя. Страданія, терпѣніе за правду, ведутъ къ достиженію царствія Божія. Кто страдаетъ, тотъ получаетъ награду за свое страданіе по смерти. Отъ этой идеи возникла другая: не только не должно убѣгать отъ страданія — слѣдуетъ искать его. Это идея, новая для Русскихъ, вошедши къ намъ съ Православіемъ, какъ вообще всякое новое направленіе, пріобрѣла себѣ тотчасъ же горячихъ послѣдователей. Образовался такой взглядъ на новую вѣру, что сущность ея состоитъ въ постѣ, удрученіяхъ плоти и самопроизвольномъ страданіи. Увлеченные этимъ убѣжденіемъ искали страданія. Симонъ, епископъ Владимірскій, питомецъ Печерскаго монастыря, въ своемъ посланіи выразился: *вопрошаю же тя: чимъ хощеши спастися? аще и постникъ еси или трезвитель о всемъ и нищъ и безъ сна пребывая, а досажденія не терпя, не оузриши спасенія.* Подъ вліяніемъ этого, внесеннаго къ намъ извнѣ, убѣжденія о необходимости страданія и терпѣнія для угожденія Богу, образовалось у насъ скоро послѣ принятія христіанства аскетическое направленіе: монастырское затворничество, изнуреніе себя голодомъ, безсонницею и трудами, и безпрестаннымъ обращеніемъ мысли и чувства къ духовному міру. Направленіе это, конечно, разнесли у насъ Греки, монахи и паломники, которые тотчасъ же послѣ крещенія Руси странствовали по городамъ и селамъ Русской Земли. Это видно изъ житія Ѳеодосіева. Настроенный уже

къ чудесному, къ которому имѣлъ наклонность по своей натурѣ, Ѳеодосій встрѣтился со старцами *и любезнѣ цѣлова ихъ и вопроси ихъ: откуда суть и камо грядутъ? Онѣмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есма.* Вотъ, видно, вскорѣ послѣ принятія христіанства, у насъ странствовали восточные паломники между народомъ и они-то, своими разсказами, своимъ ученіемъ, своими образами блаженства будущей жизни, бросили сѣмя аскетическаго направленія въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начали распространяться книги, переведенныя съ греческаго, житія святыхъ, гдѣ аскетическая жизнь выставлялась, какъ образецъ.

Говоря въ обширномъ смыслѣ, православное ученіе о страданіи и терпѣніи за правду и вѣру можетъ быть очень разнообразно и способно избрать тотъ, другой и третій исходъ, смотря по настроенію и характеру народнаго быта. Идея терпѣнія можетъ различно проявляться. У насъ, повидимому, сначала это аскетическое направленіе стало проявляться въ паломничествѣ или странничествѣ, ибо Антоній, первый изъ подвигоположниковъ, отправился на Аоонскую гору; Ѳеодосій также устремился было къ святымъ мѣстамъ, но скоро это направленіе измѣнилось и обратилось къ отечеству. Центромъ подвижничества сдѣлался Кіевъ. Страннымъ можетъ показаться нѣкоторымъ то обстоятельство, что люди, искавшіе уединенія, избрали мѣсто близь многолюднаго и, какъ мы уже показали, сластолюбиваго города, а не гдѣ-нибудь вдалекѣ отъ центровъ гражданственности и торговли. Но вмѣстѣ съ желаніемъ спастись въ уединеніи самому, аскетами руководило еще желаніе и другихъ увлечь къ такому же добровольному терпѣнію, а Кіевъ былъ изъ всѣхъ городовъ болѣе христіанскій въ то время, слѣдовательно, какого бы рода ни была христіанская проповѣдь, нигдѣ столько не могла имѣть успѣха и найти себѣ послѣдователей. Примѣръ Ѳеодосія, отъ котораго осталось нѣсколько проповѣдей, показываетъ, что эти аскеты были не только труженики, но и проповѣдники, учители, пропагаторы монастырскаго житія.

Вмѣстѣ съ религіозными преданіями Востока, зашли къ намъ повѣсти о богоугодившихъ Оиваидскихъ отцахъ, которые жили не въ домахъ, а въ пещерахъ, и сами себѣ ихъ искапывали. Въ древности, какъ извѣстно, кромѣ аскетическаго настроенія, къ этому побуждали и гоненія на христіанство и необходимость прятаться отъ преслѣдователей и враговъ. Это нравилось у насъ и сохранялось даже до позднѣйшихъ временъ. Многіе, желая угодить Богу, копали пещеры. Первый, начавшій копать пещеру, былъ Иларіонъ, священникъ бывшій въ Берестовѣ, котораго

Ярославъ послѣ сдѣлалъ кіевскимъ митрополитомъ. Богоугожденіе въ копаніи пещеръ заключалось въ томъ, что человѣкъ томилъ себя произвольнымъ трудомъ, съ мыслію — приносить себя самаго въ жертву. Явился Антоній. Житіе, внесенное и въ лѣтопись, не говоритъ о томъ, какъ вошла къ нему идея итти въ Аѳонскую гору и кто былъ его наставникомъ. Вѣроятно, любечскій юноша, будущій начальникъ монашескаго житія въ Россіи, получилъ первыя сѣмена этого аскетизма отъ какихъ нибудь грековъ, какъ и Ѳеодосій, о которомъ говорится, что онъ встрѣтилъ старцевъ изъ Святой Земли и пожелалъ съ ними итти на Востокъ. Неизвѣстность, какимъ образомъ вошла Антонію мысль итти въ святую гору и съ кѣмъ онъ дошелъ туда — для насъ большая потеря. Несомнѣнно то, однако, что полное развитіе аскетизма въ немъ совершилось уже на Святой Горѣ, ибо и житіе его (въ нашей лѣтописи) говоритъ, что онъ, обходивъ аѳонскіе монастыри, получилъ желаніе принять иноческій образъ; тогда монахи греческіе отправили его въ Русь и сдѣлали изъ него проповѣдника аскетическаго благочестія. Ему предсказали, что отъ него *черньцы мнози быти имуть*. Антоній, слѣдовательно, возвращался въ отечество съ сознаніемъ призванія своего и съ убѣжденіемъ, что ему суждено основать въ Россіи монашеское житіе; онъ явился въ Кіевъ, а не куда-нибудь, въ Кіевъ, потому что тамъ уже были и монастыри, заведенные тотчасъ же прозелитами послѣ крещенія. Но, какъ видно, эти монастыри были не таковы, какъ святогорскіе, и житье въ нихъ не было то, какого образъ составился въ созерцательной головѣ Антонія. Антоній поселился въ пещерѣ, ископанной Иларіономъ; получивши митрополичій санъ, послѣдній оставилъ ее; Антоній полюбилъ это мѣсто и началъ тамъ жить, изнуряя себя воздержаніемъ, вкушая только хлѣбъ и воду, и то чрезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву: христіане, зная изъ поученій своихъ священниковъ, что древніе святые проживали въ пещерахъ и тѣмъ угождали Богу, приходили къ Антонію, приносили ему все потребное и удивлялись его подвигамъ. Такъ, это была первая школа, не только словомъ, но и дѣломъ и примѣромъ распространившая и утвердившая въ народѣ то неизмѣнное до сихъ поръ понятіе, что сущность христіанскаго спасенія достигается самопроизвольными трудами, изнуреніемъ и всевозможнѣйшимъ терпѣніемъ и страданіями. Антоній не былъ однимъ изъ такихъ лицъ, которые способны энергическою практическою дѣятельностію основать, укрѣпить и поддержать создаваемое зданіе. Это была натура, какъ видко, кроткая, мягкая. Біографъ его необинуясь говоритъ, что онъ былъ

простъ умомъ. Когда къ нему сошлось нѣсколько братіи, то онъ устроилъ имъ церковь, назначилъ игумена, а самъ удалился въ пещеру, гдѣ пробылъ сорокъ лѣтъ. Лѣтописное житіе говоритъ, что онъ не выходилъ оттуда никогда; въ житіи св. Ѳеодосія говорится, что онъ вышелъ къ его матери.

Напротивъ, другой святой мужъ, Ѳеодосій, послѣдовавшій за Антоніемъ, былъ совсѣмъ другого характера. Это былъ человѣкъ столько же суроваго аскетизма, сколько и практической дѣятельности. Это былъ человѣкъ, для котораго недостаточно было думать о собственномъ спасеніи, онъ чувствовалъ въ себѣ силы дѣйствовать на ближнихъ, это былъ человѣкъ, желавшій спасти и другихъ — мужъ, дающій иниціативу, руководящій духомъ времени. Въ терпѣніи онъ не уступалъ Антонію. По ночамъ, говоритъ жизнеописатель его, святый Ѳеодосій выходилъ надъ пещеру, обнажалъ свое тѣло до пояса и въ такомъ положеніи прялъ волну, отдавая тѣло свое на съѣденіе комарамъ и мошкамъ, и въ тоже время пѣлъ псалтырь; но этотъ человѣкъ не довольствовался самозаключеніемъ въ пещерѣ. Онъ создалъ монастырь, устроилъ общину воздержанія и самопроизвольнаго терпѣнія и истязанія. Въ немъ является качество законоположника, зодчаго; потому онъ прежде всего выписалъ изъ Греціи студійскій уставъ, пославъ въ Константинополь одного изъ благочестивыхъ братій. Когда принесли этотъ уставъ, устроитель приказывалъ читать его передъ братіей, ввелъ строгій порядокъ, наблюдавшійся во всѣхъ видахъ повседневной жизни. Прежде чѣмъ построенъ былъ монастырь, братія жила подъ землею въ тѣсныхъ пещерахъ, по подобію Оивандскихъ отцевъ, и сильно скорбѣла — говоритъ ихъ жизнеописатель — отъ тѣсноты мѣста. Понятно, что для русской натуры, любящей просторъ, показывающей эту наклонность повсемѣстно, не могло быть ничего хуже тѣсноты. Братья ѣли хлѣбъ и воду, *въ суботу же и въ недѣлю сочива вкушаху; многажды и въ тѣ два дни, не обрѣтающуся сочиву, зелія сваривше, и то ядяху едино.* Трудъ постоянный считался необходимостью, отщельникъ долженъ былъ питаться непремѣнно отъ своихъ трудовъ: *еще же руками своими дѣлаху — ово ли копытця плетуще и колбукы и иная ручная дѣла строюще и тако, носяще въ градъ, продаваху и тѣмъ жито купляху и се раздѣляаху, да кождо въ нощи свою часть измѣльше, на оустроеніе хлѣбомъ; таже потомъ начатокъ пѣнію утреннему створяху, и тако паки дѣлаху ручное свое дѣло; другоіци же въ оградѣ копаху зеленнаго ради растенія* —

дондеже бываше утреннему славословію, и того часа вкупѣ сшедшеся въ церкви, пенія часовъ творяху, и тако святую литургію свершивше и тако вкусивше мало хлѣба, и паки дѣло свое кождо имѣяше, и тако по вся дни трудящеся. Когда наконецъ состроенъ былъ Печерскій монастырь и Ѳеодосій былъ его начальникомъ, онъ старался *умножить* монаховъ, принималъ всякаго, но держалъ ихъ въ подчиненіи и постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ подвиговъ спасенія. Уже тогда братія жила въ кельяхъ; каждую ночь Ѳеодосій обходилъ кельи и смотрѣлъ, кто что дѣлаетъ; не входя въ кельи, онъ не рѣдко подслушивалъ у дверей, и если слышалъ, что въ кельѣ разговариваютъ монахи между собою, то ударялъ палкою въ дверь и уходилъ, а на другой день призывалъ и дѣлалъ обличенія. По его правилу, монахи должны были избѣгать разговоровъ другъ съ другомъ по вечерни, но отслушавъ вечерню и павечерницу, каждый долженъ былъ отходить въ свою келію, и тамъ молиться. Ни у кого не должно быть ничего собственнаго, иначе св. Ѳеодосій бросалъ все въ огонь, что̀ ни находилъ въ кельи монаха. Строгое послушаніе предписывалось безъ изъятія всѣмъ и для всякаго случая. Къ какому бы благому дѣлу ни приступалъ монахъ, онъ долженъ былъ испросить разрѣшенія и благословенія игумена, а безъ того — и хорошее дѣло считалось нехорошимъ. Ѳеодосій, предписывая строгость для другихъ, не только не дѣлалъ для себя изъятій, но налагалъ на себя еще болѣе томительныя тяжести, чѣмъ на подчиненныхъ. Онъ самъ нерѣдко носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печь, ходилъ въ самой дурной, разодранной одеждѣ. Ѳеодосій любилъ дѣлать поученія и говорилъ ихъ монахамъ.

Трудясь для монастыря, онъ не оставлялъ своими поученіями и міра, не вполнѣ, какъ Антоній, былъ чуждъ мірскихъ дѣлъ. Къ нему часто приходилъ князь Изяславъ Ярославичъ и боляры съ нимъ совѣтовались о жизни; онъ давалъ душеспасительные совѣты, исповѣдывалъ во грѣхахъ, разрѣшалъ и налагалъ епитимьи. Замѣчательно, что въ поученіи его князю о постѣ, онъ гораздо снисходительнѣе къ свѣтскимъ въ отношеніи поста, чѣмъ можно было ожидать отъ такого строгаго аскета. Но за то — главное — онъ требуетъ подчиненія духовенству, власти духовной. Вотъ чѣмъ отличается духъ его посланія. Не смотря на то, что постъ для него высшее проявленіе христіанства, онъ даже и поститься не дозволяетъ, если іерей не прикажетъ. Не думай и будь покоренъ власти духовной — вотъ сущность его аскетическаго ученія; послушаніе безъ размышленія есть долгъ. Вратарь у пе-

черскаго монастыря не пустилъ даже князя Изяслава, когда не приказалъ никого пускать игуменъ. Жизнеописатель Ѳеодосія разсказываетъ, что въ дѣтствѣ надъ нимъ господствовала мать; онъ убѣжалъ отъ нея въ монастырь и можетъ быть, что эта суровость родительской власти оставила вліяніе на тотъ строгій порядокъ, какой ввелъ онъ въ монастырь, и какой посредственно переходилъ и въ міръ, съ благочестивыми понятіями. Напримѣръ, вмѣнено въ вину келарю то, что въ противность Ѳеодосію игумену, онъ предложилъ пожертвованные хлѣбы братіи за трапезою не въ тотъ день, когда приказалъ игуменъ, а на другой. Этого мало: самые хлѣбы уже черезъ то сочтены осквернѣнными, и св. мужъ приказалъ ихъ пометать въ огонь, *яко вражую часть*.

Вмѣстѣ съ этимъ духомъ безусловной покорности, Ѳеодосій предостерегалъ братію отъ общенія съ иновѣрцами вообще. Жизнеописатель Ѳеодосія говоритъ, что нерѣдко онъ выходилъ тайно изъ кельи и монастыря къ Жидамъ и ругалъ ихъ въ глаза отметниками и беззаконниками, желая, чтобъ они его убили, и дабы такимъ образомъ сподобиться пострадать за христіянскую вѣру.

Въ пищѣ проповѣдывалось имѣть воздержаніе и неприхотливость, крайнюю умѣренность. Но святые поставляли въ томъ подвигъ, чтобъ ѣсть дурное и невкусное. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ, Прохоръ, прозываемый Лебедникомъ, во время голода осудилъ себя ѣсть хлѣбъ изъ лободы; онъ былъ горекъ и противенъ, но Богъ превращалъ его въ сладость.

Церковь заботилась объ аскетическомъ совершенствѣ человѣка, смотря по силамъ, — начиная отъ суроваго воздержанія печерскихъ затворниковъ, до легкаго соблюденія постовъ мірянами. Лишать себя того, что нравится, — вотъ въ этомъ состояла заслуга, на этомъ основывается такое уваженіе къ посту, которое привилось въ Русскомъ народѣ тотчасъ съ знакомства съ Христіанствомъ. И первые религіозные споры наши были о постѣ, ибо еще Изъяславъ Ярославичъ спрашивалъ Ѳеодосія о томъ, можно ли ѣсть мясо въ Господскіе праздники. Ѳеодосій не только разрѣшилъ ему, но считалъ противузаконнымъ постъ въ большіе праздники. Такъ снисходительно смотрѣлъ онъ на мірянъ, когда такого суроваго воздержанія требовалъ отъ монаховъ.

Вмѣстѣ съ воздержаніемъ соединялось уваженіе къ труду; иногда трудъ этотъ предпринимался безъ опредѣленной цѣли, или лучше сказать, цѣль его была въ самомъ себѣ; трудиться было спасительно, ибо это Богу угодно, хотя бы не имѣлось въ виду никакой пользы. Такъ, трудились мужи святые по кельямъ; но большею частію трудъ, по понятіямъ, разви-

вавшимся въ Печерскомъ монастырѣ, былъ соединенъ съ униженіемъ и смиреніемъ. Такъ, напримѣръ, игуменъ Ѳеодосій носилъ братіи дрова въ избу и это ставилось ему въ заслугу потому, что онъ былъ начальное лицо, и потому уже собственно, по его сану, не должно было бы трудиться. Ставили въ большую заслугу то, что князь Никола Святоша служилъ въ монастырской поварнѣ, потомъ былъ вратаремъ; именно это ставили ему въ заслугу потому, что онъ былъ князь. Примѣръ уваженія къ дѣвству представляетъ повѣсть о Моисеѣ Угринѣ, сложенная очевидно такими, которые, живя въ монастырѣ, не знали міра и воображали его себѣ такимъ, какимъ онъ могъ казаться только тѣмъ, кто разошелся съ его треволненіями. Моисей былъ взятъ Болеславомъ въ плѣнъ (братъ его былъ слугою Бориса и съ нимъ вмѣстѣ былъ убитъ). Какая-то знатная Полька хотѣла сочетаться съ нимъ, онъ упорствовалъ; она жаловалась королю и король хотѣлъ его заставить, но святой мужъ вмѣсто того сдѣлался евнухомъ.

Печерскій монастырь сообщилъ нашему религіозному убѣжденію непріязь ко всему веселому, ко всему, что можетъ сообщить прелесть земной жизни. Вмѣстѣ съ пирами преслѣдовалось всякое смѣхотворство, всякое даже невинное увеселеніе. Ѳеодосій, заставши князя Святослава пирующимъ съ болярами и гуслярами, со слезами представлялъ ему, что такого не будетъ на томъ свѣтѣ.

На слезы и грусть смотрѣли, какъ на нѣчто священное. Одинъ изъ святыхъ, Ѳеофилъ (въ житіи Марка Печерника) выплакалъ глаза; ожидая много лѣтъ часа кончины, предсказанной ему Маркомъ, онъ мучился безпрестаннымъ ожиданіемъ смерти,—и когда умиралъ, то ангелъ показалъ ему сосудъ съ благовоннымъ мvромъ, въ которое превратились его слезы; однако было столь мало, что превратившихся въ мvро было менѣе случайно упавшихъ на землю и оставшихся на платкѣ, отъ тѣхъ, которыя святой, плача, имѣлъ терпѣніе собирать въ сосудъ, который подставлялъ всегда, какъ собирался плакать. Объ одномъ изъ затворниковъ говорится: *оттолѣ разумѣша вси, яко угоди Господеви: никогда же бо изыйде и видѣ солнце, и 12 лѣтъ и плача не преста день и нощь; ядяше бо мало хлѣба и воды, по скуду піяше и то черезъ день.*

Страданія, болѣзни принимались также за благополучіе. Пименъ многострадальный терпѣлъ ужасныя болѣзни и сознавалъ, что если бы онъ захотѣлъ, то Богъ бы его помиловалъ, но онъ самъ не хочетъ, и лежа въ смрадной болѣзни, другихъ исцѣлялъ: »здѣ убо скорби и туга

и недугъ вмалѣ, а тамъ радость и весе́ліе, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная; того бо ради, брате, сія терплю; Богъ же, иже тебе мною исцѣливый отъ недуга твоего, той можетъ и мене въставити отъ одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хощу; претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ«, и такъ далѣе.

Сколько можно заключить, самое правило: дѣлать добро ближнимъ и не дѣлать имъ зла, связывалось съ тѣмъ понятіемъ, что въ сердцѣ лежатъ побужденія дѣлать зло, а добро дѣлать трудно. Вообще — трудъ и лишенія — вотъ-что́ ставилось на первомъ планѣ въ дѣлѣ спасенія. Сдѣлать доброе дѣло важно было не для того, кто получаетъ, а для того, кто дѣлаетъ и даетъ; ибо давать и дѣлать добро, по понятію тогдашнему—было непріятно, и потому спасительно. Поэтому Русское нравственное вѣроученіе и не старалось о томъ, чтобы всѣмъ было хорошо здѣсь, чтобъ въ обществѣ каждый могъ наслаждаться жизнію: это было не въ его цѣли, ибо непріятности, страданія ведутъ въ царствіе небесное, и слѣдовательно все благодѣяніе, какое могла оказать Церковь, относиться могло только къ лицамъ въ отдѣльности, а не къ цѣлому обществу.

Богатство считалось уже само по себѣ корнемъ зла. Желающій спастись лучше ничего не могъ сдѣлать, какъ раздать нищимъ свое состояніе и итти въ монастырь въ произвольную нищету. Св. Ѳеодоръ, по указанію бѣса отыскавшій сокровище въ землѣ, зарылъ его въ землю снова и молилъ Бога забыть о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погребъ его. При раздачѣ имущества нищимъ, цѣлью не было обогатить своихъ ближнихъ, а только цѣль—достичь самому царствія Божія. Замѣчательно, что святому, пожалѣвшему о растратѣ имѣнія, другой святой предложилъ, что онъ возвратитъ ему все, но съ тѣмъ, что милостыня отъ Бога ему вмѣнится.

Эта философія, отвергающая земное стяжаніе, облеклась въ сказаніе объ Іоаннѣ и Сергіѣ въ Патерикѣ. Іоаннъ и Сергій заключили между собою *духовное братство* (древнее побратимство, осѣненное теперь церковнымъ освященіемъ) и Іоаннъ оставилъ сыну своему Захару наслѣдство, которое поручилъ названному брату; названный братъ счелъ лучше самому чужимъ достояніемъ воспользоваться и не отдалъ Захару, когда онъ требовалъ отцовскаго достоянія, не отдалъ даже и тогда, когда Захаръ просилъ не болѣе половины, даже трети. Тогда Захаръ призвалъ его къ клятвѣ предъ иконою Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ. Обманщикъ не могъ приблизиться къ иконѣ и принужденъ былъ сознаться въ своей винѣ. Лучшаго конца повѣсть не представляетъ намъ, кромѣ

того, что Захаръ все злато и серебро свое пожертвовалъ на монастырь, и онъ и его обиратель — постриглись въ монастырѣ.

Нищета считалась первою принадлежностію монашескаго быта. Однако усердіе дателей не было отвергаемо, и вскорѣ монастырь сталъ богатъ. Жертвовать на монастырь было такое же доброе дѣло, какъ и дарить нищимъ и кормить ихъ. Печерскій монастырь надѣлили богатыми по тому времени вкладами звонкаго металла, разныхъ драгоцѣнныхъ вещей, записывали въ его вѣчное владѣніе недвижимыя имѣнія, села. *И приношаху ему* (князья и бояре) *отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, друзіи же села вдающе на церковную потребу.*

Монастыри созидались двумя способами, или 1) строили ихъ князья и знатные богатые люди по душѣ или по данному обѣту, во время испрошенія какой нибудь особенной Божіей помощи; 2) основывались они и такъ, какъ основывался Печерскій: собирались добровольные любители аскетическаго житія.

Основаніе церкви печерской приписуютъ Варягу Шимону — вѣроятно Шведу родомъ; это былъ сынъ Африкана, брата Якуна-Слѣпого, того самого, который помогалъ Ярославу въ сраженіи противъ Мстислава Владиміровича на Лиственской битвѣ и отбѣжалъ золотой *луды.* По смерти Африкана, братья его выгнали изъ отечества Шимона, какъ это обыкновенно случалось въ Скандинавскомъ мірѣ. Онъ убѣжалъ къ Ярославу въ Гардерикъ. Якунъ Слѣпой послѣ службы Ярославу возвратился на родину и тамъ участвовалъ въ несправедливостяхъ къ племяннику. Впослѣдствіи разсказывалъ о себѣ Шимонъ слѣдующее: »Былъ у моего отца Африкана крестъ съ изображеніемъ Христа вапною (известью), очень великъ, въ десять локтей, *якоже Латины имуть.* На этомъ изображеніи былъ золотой поясъ въ 8 гривенъ золота и золотой вѣнецъ на главѣ. Когда Шимону приходилось убѣгать изъ родины, онъ захватилъ съ собою этотъ поясъ и вѣнецъ. *Тогда ему глась бысть: никакоже сего не возложи на главу свою, неси сія на уготованное мѣсто, гдѣ строится церковь матере моея и отдай въ руки преподобнаго Ѳеодосія, пусть повѣсить надъ жертвенникомъ.* Послѣ этого видѣнія, когда онъ плылъ по морю въ Гардарикъ, сдѣлалась буря; Шимонъ испугался и подумалъ, что это наказываетъ его Богъ за то, что онъ взялъ украшенія отъ Христова образа; началъ онъ въ этомъ каяться, и тогда увидѣлъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ, объясняющій, что это за церковь: »это церковь,

которая хощетъ создатися отъ преподобныхъ во имя Божіей Матери; въ ней и ты будешь положенъ; размѣрь поясомъ 20 лактей въ вышину, 30 въ длину и 30 въ ширину.« Не смотря на то, когда пріѣхалъ Шимонъ въ Кіевъ, то долго, какъ видно, не думалъ строить церкви: впослѣдствіи объяснялъ онъ, что не зналъ и мѣста, на которомъ указано отъ Бога быть этой церкви. Шимонъ прибылъ въ Кіевъ еще при Ярославѣ и служилъ у сына его Всеволода; когда же, по смерти князя Ярослава, появились впервые Половцы, Шимонъ отправился противъ нихъ съ Русскимъ ополченіемъ и обратился вмѣстѣ съ князьями Изъяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ къ преподобному Антонію. Боговдохновенный старецъ предрекъ имъ всѣмъ несчастіе. Шимонъ въ простотѣ сердца палъ къ ногамъ преподобнаго и молилъ сохранить его ото вражескаго меча. Преподобный отвѣчалъ ему: »о чадо! многіе падутъ отъ острія меча и убѣгутъ отъ сопостатъ, будутъ попираемы и уязвляемы, будутъ тонуть въ водѣ; ты же останешься спасенъ, ибо тебѣ суждено лежать въ печерской церкви, которая создастся твоимъ попеченіемъ.« Несчастно для русскихъ было пораженіе на Альтѣ; Шимонъ былъ раненъ и лежалъ на полѣ посреди труповъ и умирающихъ, и вдругъ въ воздухѣ увидѣлъ то же изображеніе церкви, которое нѣкогда представилось ему надъ Балтійскими волнами. Тогда онъ вспомнилъ, что̀ съ нимъ прежде было, началъ молиться о спасеніи. Онъ потомъ выздоровѣлъ. Тогда пришелъ онъ къ Антонію, отдалъ ему поясъ для размѣренія церкви и вѣнецъ, который слѣдовало повѣсить надъ трапезою. Потомъ онъ явился къ Ѳеодосію и просилъ благословить себя не только въ жизни, но и по смерти. Ѳеодосій отвѣчалъ, что самъ еще не знаетъ, будетъ ли угоденъ Богу своими молитвами по смерти, но Шимонъ представлялъ, что ему былъ отъ образа гласъ, которой свидѣтельствовалъ о святости Ѳеодосія и о томъ, что ему суждено основать церковь, поэтому Шимонъ просилъ молиться о себѣ и о своемъ сынѣ Георгіѣ. Ѳеодосій изъявилъ желаніе молиться за него и за его семсйство наравнѣ, какъ и за всѣхъ Христіанъ. Шимонъ этимъ былъ не доволенъ; онъ требовалъ, чтобы Ѳеодосій далъ ему свое благословеніе на письмѣ. Ѳеодосій согласился и далъ ему молитву. По этому примѣру на Руси начали влагать въ руки мертвымъ при погребеніи рукописаніе. Шимонъ, готовясь строить храмъ, хотѣлъ прежде всего взять для себя еще выгоднѣйшія условія: онъ потребовалъ отъ святого мужа отпущенія грѣховъ своихъ родителей. Ѳеодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: да благословитъ тя Господь отъ Сіона и до послѣднихъ рода твоего! Шимонъ принялъ

православную вѣру и нареченъ Симономъ. О родѣ Симона Печерскій Патерикъ присовокупляетъ, что сынъ его Георгій былъ отправленъ съ Мономахомъ, съ сыномъ его Юрьемъ въ Суждальскую землю и потомъ былъ тамъ поставленъ управлять всею Суздальскою землею.

Повѣсть эта многозначительна въ исторіи жизни Русской. Это былъ у насъ первообразъ множества подобныхъ событій, когда, вслѣдствіе укоренившагося вѣрованія о спасеніи души посредствомъ постройки монастырей, богатые люди благодѣтельствовали монастырямъ, давали имъ села, доходы, и такимъ образомъ способствовали развитію монастырской жизни.

Вслѣдъ за повѣстью о Шимонѣ, образовались тогда же старинныя сказанія о пришествіи церковныхъ мастеровъ изъ Греціи и объ основаніи Печерской церкви. Придавая еще болѣе въ глазахъ народа святости печерской обители, повѣсть приводитъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, которые получаютъ отъ пресвятыя Богородицы указаніе итти въ Русь и строить церковь. Ангелы являлись въ видѣ *благообразныхъ скопцевъ* звать ихъ къ Богородицѣ во Влахернѣ. Образъ ангеловъ въ видѣ скопцовъ нерѣдкость въ византійской легендарной литературѣ. Аскетизмъ и самоистязаніе достигаютъ до умерщвленія плоти и способствуютъ дѣвственному житію. То же сказаніе говоритъ, что икона, которая впослѣдствіи сдѣлалась въ Печерскомъ монастырѣ мѣстною, была принесена прибывшими греческими мастерами, она была имъ вручена самою Богородицею и есть произведеніе не земного, а небеснаго, сверхъестественнаго искусства. Вотъ начало благоговѣйнаго почитанія явленныхъ иконъ, столь распространеннаго впослѣдствіи въ религіозной сферѣ русской жизни. Эта вѣра въ явленныя иконы съ востока принесена была къ намъ прежде всего въ Печерскій монастырь, на Кіевскую почву, точно какъ и многія другія священныя вѣрованія.

Отыскали мѣсто для будущей церкви, и ея заложеніе сопровождалось чудесами, подобными восточнымъ чудесамъ ветхаго завѣта и сходнымъ съ ними позднѣйшимъ церковнымъ преданіямъ Востока. Подобно Гедеону и Иліи, святый Ѳеодосій, желая узнать, какое именно мѣсто пріятно Богу для возвиженія церкви, молился, чтобъ вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы; а на другую ночь просилъ обратно, чтобъ именно тамъ была роса, когда повсюду не было росы. Все совершалось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвы св. Ѳеодосія. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу пред-

принялъ первый князь Святославъ, и богатые люди жертвовали вклады на созданіе святыни съ тѣмъ, чтобъ по смерти быть погребенными на этомъ благословенномъ мѣстѣ.

Уже повѣсти о Варягѣ Симонѣ и о греческихъ мастерахъ придаютъ особое значеніе погребенію въ Печерской церкви. Въ словѣ, составляющемъ часть Патерика и называющемся: *Слово, еже когда основана бысть церковь Печерская*, говорится: *блаженъ и треблаженъ сподобившійся положенъ быти; блаженъ и треблаженъ сподобившійся въ той написанъ быти, яко оставленіе пріиметъ грѣховъ*. Преп. Ѳеодосій говоритъ: *всякъ положенный здѣ, помилованъ будетъ*. Вотъ какое важное значеніе получила тогда Печерская церковь и Печерская обитель! Не удивительно, что эта обитель скоро процвѣла. До построенія церкви Ѳеодосій говоритъ пришедшему къ нему Варягу Симону: *а вѣси, чадо, оубожество наше, иже иногда многажды и хлѣба не обрѣтается въ дневную пищу*. Но скоро послѣ того, когда Ѳеодосій, по откровенію Божію, готовился отойти отъ міра сего и собиралъ братію, то уже многая братія жила въ разныхъ селахъ монастырскихъ. Князья и княгини давали и записывали въ монастыри богатые вклады, имѣнія. Такъ князь Ярополкъ Изяславичъ далъ въ монастырь Неблоскую волость, Деревскую и Лутскую и около Кіева; зять его Глѣбъ Всеславичъ — 60 гривенъ золота и 50 гривенъ золота, а по его смерти назначилъ 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота и по смерти села съ челядью (Ип. сп. лѣт. 82). Монастырь Печерскій сдѣлался даже хранилищемъ чужихъ сокровищъ. Въ тотъ вѣкъ достояніе не было слишкомъ обезпечено отъ произвола, и потому многіе отдавали туда на сохраненіе и серебро и золото, и этотъ обычай распространился на всѣ монастыри.

Преподобный Ѳеодосій оградилъ свое твореніе отъ притѣсненій въ будущія времена со стороны князей и духовныхъ сановниковъ. Преданіе, записанное въ Патерикѣ, сообщаетъ, что предъ смертію онъ видѣлъ князя Святослава и молилъ его, чтобъ церковь Печерская была освобождена отъ власти и князей и владыки; ибо не люди, а сама Богородица ее создала. Такъ на долго обитель пребывала независимымъ обществомъ. Мудрый Ѳеодосій установилъ самъ твердую нравственную связь между всѣми принадлежащими къ обители. Онъ предвидѣлъ, что обитель сдѣлается разсадникомъ игуменовъ и владыкъ въ Россіи. Конечно, уже и прежде, вѣроятно, она начала имѣть свое важное значеніе; поэтому онъ сказалъ, что если кто изъ братіи будетъ призванъ на какое нибудь начальническое мѣсто въ Россіи, то выходить изъ обители можетъ только

съ позволенія старшихъ и всегда долженъ искать успокоиться въ Печерской обители; только за такихъ обѣщается св. Ѳеодосій молиться предъ Богомъ. Понятно, какъ послѣ такого завѣщанія, впослѣдствіи Печерскіе иноки, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ, какъ показываетъ письмо Симона, епископа Владимірскаго. Напутствуемый мысленнымъ благословеніемъ великаго основателя обители, такой питомецъ Печерской обители, будетъ ли онъ въ Ростовѣ, во Владимірѣ, въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ — всегда обращался къ Кіеву, къ завѣтной обители, сердцемъ, какъ къ обѣтованной землѣ спасенія, и хранилъ тѣ преданія, тѣ вѣрованія и правила, которыя получилъ въ этомъ монастырѣ, и сообщалъ ихъ повсюду, куда простиралось его вліяніе.

Печерскій монастырь указалъ Русской религіозности и то направленіе, которое въ дѣлахъ общественныхъ обращало дѣйствіе христіанскаго нравоученія со всѣми наставленіями единственно къ совершившемуся факту, а не касалось самаго общественнаго порядка. Преподобные святые Печерскіе развили это начало. Антоній былъ благорасположенъ и къ Изяславу и ко Всеславу, и за послѣдняго былъ первымъ изгнанъ. Ѳеодосій жилъ въ согласіи и осыпалъ благословеніями Изяслава, а потомъ изгнавшаго его брата Святослава. Онъ менѣе укорялъ его за изгнаніе Изяслава, за похищеніе стола кіевскаго, чѣмъ за то, что засталъ Святослава въ пирушкѣ съ гуслярами, и восхвалялъ его, когда князь удалялъ веселыя сцены отъ преподобнаго мужа, коль скоро преподобный приходилъ ко князю. Однажды пришла къ Ѳеодосію убогая вдовица жаловаться на судью, который ее обобралъ и рѣшилъ неправо ея дѣло. Ѳеодосій упросилъ судью возвратить ей неправильно взятое. Но Ѳеодосій не считалъ своимъ дѣломъ стараться, чтобъ такихъ судей не было. Онъ заступался — говоритъ его житіе — за утѣсненныхъ передъ княземъ и судьями, и это ставится въ заслугу его милосердію, но съ точки зрѣнія Ѳеодосія не было потребности измѣненія того порядка, отъ котораго зависѣли утѣсненія, облегчаемыя его заступничествомъ. Точно такое направленіе получило и послѣ него вліяніе церковныхъ мужей на общественную жизнь. Благочестіе съ радостію оказывало пособіе страждущимъ, гонимымъ, но мало вопіяло противъ тѣхъ, которые были виновниками несчастій, поражавшихъ тѣхъ, кто искалъ утѣшенія въ религіи; оно не заглядывало внутрь земныхъ побужденій. Покорность настоящему, отсутствіе мысли объ общественномъ движеніи — было основою нравственнаго понятія, выработаннаго на религіозной почвѣ. Пусть каждый только о себѣ заботится, о своемъ спа-

сеніи помышляетъ — это было правило нравственное; такимъ образомъ даже слово Христово о неосужденіи брата своего примѣнялось болѣе къ собственному самоунич.иженію, чѣмъ къ сохраненію чести другого. Зачѣмъ тебѣ разсуждать и умствовать; помни, что ты хуже всѣхъ человѣкъ, долженъ Христа ради смиряться! всѣмъ слѣдуетъ угождать, всѣхъ хвалить, всѣмъ покорствовать; только тогда и можно спастись. Самостоятельнымъ слѣдуетъ быть только тогда, когда дѣло идетъ о постѣ и о соблюденіи церковныхъ правилъ и обрядовъ: тутъ должно отвращаться отъ житейскихъ удовольствій, слѣдуетъ быть упорнымъ и не склоняться ни передъ какою властію. Но во всемъ прочемъ не слѣдуетъ быть строптивымъ.

До какой степени простиралась важность покорности начальству и считалась первѣйшею добродѣтелію, видно изъ того, что въ одной изъ повѣстей умершій, воскреснувъ, не могъ сказать братіи въ монастырѣ большей истины, какую могъ вынесть изъ будущей жизни, какъ только то, что слѣдуетъ быть покорнымъ игумену. Замѣчательно, что даже самый суровый аскетизмъ и плотеистязанія не помогутъ, если монахъ не будетъ отличаться безмолвнымъ послушаніемъ.

Война со всѣми ея ужасами мало смущала благочестіе. Развитое на почвѣ Печерскаго монастыря, оно заботилось о томъ, чтобъ давленіе войны проходило мимо его и не лишало обители законнаго ея достоянія. Вотъ, напримѣръ, Георгій, Симоновъ сынъ, бывшій въ Суждалѣ, сознается, что когда онъ съ Юріемъ Долгорукимъ и при помощи Половцевъ воевалъ противъ Изяслава Мстиславича, то напалъ онъ съ Половцами на какой-то городъ, но это было село монастырское, которое показалось градомъ, чтобъ не даться Половцамъ на разграбленіе; ибо враги, видя его твердыни, не рѣшились отваживаться на приступъ. Такимъ образомъ, по понятіямъ времени, не считалось предосудительнымъ воевать, брать села и города и разорять ихъ, но слѣдовало щадить монастырскія имущества.

Главные признаки аскетическаго настройства: покорность, воздержаніе и предписанный правиломъ страхъ мысли, страхъ земныхъ удовольствій и внутренняя борьба со злымъ духовнымъ существомъ. Послѣ принятія христіанства, въ Печерскомъ монастырѣ настала война съ бѣсами. Бѣсъ — мрачное, злое существо.... Какъ скоро святой мужъ обречетъ себя на сугубое воздержаніе, запрется въ тѣсной кельѣ или пещерѣ, начнетъ день и ночь изнурять плоть свою поклонами, языкъ безмолвіемъ, а умъ бѣганьемъ грѣховныхъ помысловъ, — тотчасъ являются къ нему эти искусители, отвлекаютъ его отъ богомыслія и силятся сдѣлать съ нимъ какую нибудь пакость. Святой мужъ долженъ не поддаваться и муже-

ственно бороться съ ними. Сначала дѣйствуютъ духи невидимо, а потомъ являются и тѣлесному зрѣнію. Они принимаютъ образъ похожій на обезьяну, въ шерсти, съ когтями, съ хвостомъ, да въ добавокъ, чего нѣтъ у обезьяны, съ рогами и съ крыльями; но иногда являются вполнѣ въ человѣческомъ видѣ, только чаще всего въ видѣ человѣка неправославнаго. Однажды святой, одаренный прозорливостію, увидѣлъ бѣса въ образѣ Ляха; онъ сыпалъ цвѣтами на братію во время заутрени: на кого цвѣтокъ упадетъ и прилипнетъ, тотъ братъ разслабѣвалъ, уходилъ изъ церкви и ложился спать; но были такіе строгіе подвижники, что цвѣтки не прилипали къ нимъ. Здѣсь цвѣтокъ — символъ грѣшнаго удовольствія. Когда братъ уходитъ изъ монастыря, тутъ-то было бѣсамъ раздолье. Одинъ святой видѣлъ однажды бѣса, ѣхавшаго верхомъ на свиньѣ; лукавый духъ величался и посмѣивался надъ монахомъ, который успѣлъ ускользнуть послѣ заутрени за монастырскую ограду. Обыкновенно бѣсы старались развлечь, склонить къ чему нибудь подвижника и мѣшать ему, когда онъ погружался въ безмолвіе и творилъ надъ собою истязанія, и чѣмъ сильнѣе старался угодникъ преодолѣть лукаваго, тѣмъ больше лукавый старался его искусить. Примѣръ искушенія въ исторіи затворника Исакія, котораго бѣсы довели до того, что заставили его проплясать, а потомъ привели въ совершенное истощеніе, такъ что нужны были годы, чтобъ святой могъ поправиться. Торопецкій купецъ по происхожденію, по прозвищу Чернь, онъ вступилъ въ монастырь, раздалъ все свое имѣніе на монастырь и нищимъ, и принятъ былъ; потомъ *облечеся во власяницу и повель себѣ купити себѣ козлищѣ и одрати его мѣхомъ и взвлече на власяницу и осше около его; затворися въ печерѣ въ единой улицы въ кельици малѣ, яко четыри лакоть сущи, и ту моляше Бога со слезами; снѣдь же бяше просфира едина и то чрезъ день.* Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, бѣсы явились ему въ образѣ ангеловъ и Исакій, по простотѣ, поклонился имъ; тогда одинъ изъ бѣсовъ сказалъ: *возмѣте сопѣли и бубны и гусли, и ударяйте, ать Исакій намъ спляшетъ. И удариша въ сопѣли и въ бубны и въ гусли и начаша имъ играти и утомиша его и оставиша й оле жива суща, и отыдоша, поругавшеся ему.* Іоанна многострадальнаго бѣсы мучили похотью, и святой мужъ истязалъ себя сначала тѣснымъ заключеніемъ, голодомъ и молчаніемъ, носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги, а потомъ на время поста зарывалъ себя въ землю, оставляя наружи только руки и голову. Бѣсы пугали его то огнемъ съ-низу, то ему

представлялось, будто онъ горитъ, то являлся змѣй и грозилъ его поглотить. Іоаннъ выстоялъ всякія искушенія. Святой особенно подвергался искушенію въ затворничествѣ и долженъ былъ помнить, что предъ появленіемъ къ нему непремѣнно слѣдуетъ заставить приходящаго прочитать молитву Іисусову, и если бы кто не захотѣлъ этого сдѣлать, то явная улика, что онъ бѣсъ. (Не даждь ему бесѣдовати съ тобою и прежде, даже молитву сотворить, тогда розумѣеши, яко бѣсъ есть). Одному подвижнику бѣсъ явился въ образѣ его друга и сподвижника, помогъ ему отыскать золото и велъ было его къ тому, что онъ собирался убѣжать изъ монастыря. Но къ счастію обманъ открылся скоро и святый этотъ (Ѳеодоръ) лучше разсчитался съ бѣсомъ, чѣмъ Исакій. Когда нужно было изгнать отъ себя лукавыя помышленія, приходящія въ праздности, подвижникъ осудилъ себя на тяжелыя работы, — сначала молоть муку на ручной мельницѣ съ ручнымъ жерновомъ; другой разъ, когда сгорѣла печерская церковь — таскать лѣсъ съ берега Днѣпра на гору. Бѣсъ вздумалъ было искусить его, и когда святой отдыхалъ однажды отъ своей мукомольной работы, бѣсъ сталъ молоть, но святой своими заклинательными молитвами принудилъ его въ самомъ дѣлѣ трудиться и продолжать работать на жерновѣ, а самъ въ это время молился. Потомъ, когда святой таскалъ на гору лѣсъ, тогда собралось уже много бѣсовъ, товарищей проказника, творившаго пакости надъ святымъ; они бросили съ горы наношенное дерево. Тогда святой силою своихъ молитвъ принудилъ бѣсовъ все дерево, сколько его ни было изготовлено подъ горою, перетаскать на гору въ одну ночь. Бѣсы рѣшились отомстить за такое униженіе, которое было тѣмъ для нихъ чувствительнѣе, что они не могли забыть, какъ люди ихъ нѣкогда чествовали подъ именами идоловъ. Сначала научили они извозчиковъ, которые подрядились въ монастырь возить лѣсъ, требовать платы за перевозку того дерева, котораго они не возили и которое вмѣсто ихъ возили бѣсы. Когда дѣло дошло до суда, то судья, выслушавши простосердечныя оправданія святого, сказалъ ему, что бѣсы помогутъ ему и заплатить, какъ помогли свезти. Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта тяжба; но бѣсъ явился во образѣ Василія къ одному изъ княжескихъ совѣтниковъ, боярину Святополка и сына его Мстислава, жадному и злому, какъ князья его, и доносилъ, что Ѳеодоръ отыскалъ сокровище въ Варяжской пещерѣ и не являетъ князьямъ. За это потребовали Ѳеодора и стали мучить, когда онъ отговаривался, говорилъ что забылъ, гдѣ зарылъ снова кладъ. Потомъ послали за Василіемъ, не выходившимъ уже 15 лѣтъ изъ пещеры: Василій,

разумѣется не зная, что происходило подъ его именемъ, привелъ въ недоумѣніе и досаду князя Мстислава своими неясными отвѣтами, и тотъ думая, что онъ запирается, тогда какъ самъ же прежде ему доносилъ, застрѣлилъ его стрѣлою. Василій, умирая, предрекъ Мстиславу лютую смерть, и она сбылась въ битвѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ.

При умственной покорности — знаніе не считалось достоинствомъ. Въ повѣстяхъ печерскаго монастыря знаніе и земная мудрость являются даромъ бѣсовъ. Такъ о преподобномъ Никитѣ разсказываютъ, что къ нему явился бѣсъ и научилъ его понимать одни только книги Ветхаго завѣта, такъ что онъ могъ пророчествовать. По составившемуся нѣкогда юному понятію о знаніи, вмѣстѣ съ нимъ соединялось вѣрованіе въ пророчество; знать, быть мудрымъ, значило вмѣстѣ — дѣлать чудеса, говорить то, чего другой не скажетъ, однимъ словомъ — дѣлать то, чего другой никто не можетъ сдѣлать и для чего нельзя придумать обыкновенныхъ способовъ. Но когда святые отцы, сошедшись около Никиты, прогнали бѣсовъ, Никита сталъ прежнимъ невѣждою и сподобился впослѣдствіи низводить дождь съ неба на произрастенія земныя. О Лаврентіѣ затворникѣ разсказывается, что когда онъ пошелъ въ затворъ и получилъ благодать цѣлить бѣснующихся и къ нему приводили больныхъ, бѣсы научили его по гречески, изощрили его способности; но когда другой святой молитвами исцѣлилъ его отъ бѣсовскаго искушенія, Лаврентій забылъ всѣ свои знанія.

Печерскій монастырь не благоволилъ къ иновѣрцамъ. Такъ въ житіи св. Агапита, безмезднаго врача, разсказывается, что когда къ нему пришелъ врачь Армянинъ, то не смотря на свое смиреніе, какъ скоро онъ узналъ, что это *Арменинъ*, то воскликнулъ: *почто смѣлъ еси внити и осквернити келію мою и держати за грѣшную мою руку? Изыди отъ мене, невѣрне и нечестиве!* Въ отвѣтѣ св. Ѳеодосія Изъяславу Ярославичу на вопросы о Варяжской вѣрѣ, святый мужъ порицалъ варяжскую вѣру; тамъ не только обвиняютъ послѣдователей западнаго христіанства въ яденіи кошекъ и псовъ и удавленины, но говорятъ и о крайнихъ непристойностяхъ при брачномъ обрядѣ. Въ поученіи и отвѣтѣ совѣтуется не давать католикамъ ѣсть и пить изъ сосуда своего, и если придется дать по крайней нуждѣ, то непремѣнно вымыть сосудъ; приказывается не только не принимать чужевѣрнаго къ себѣ, но проклинать всякое чужевѣрье.

Такъ какъ раздаяніе богатствъ нищимъ не имѣло въ себѣ цѣли, а само по себѣ составляло цѣль, такъ точно и трудъ предпринимался и

считался полезнымъ не по плодамъ его, а самъ по себѣ, въ своемъ процессѣ.

Видно, что въ южной Руси оставались языческіе обычаи; долго еще смотрѣли Русскіе на жизнь сквозь языческое покрывало и въ самые христіанскіе обычаи и обряды вносили языческое содержаніе. Вотъ, напримѣръ, Оеодосій воспрещалъ, что въ его время многіе ставили на кутію яица, приставляли къ кутьѣ воду, ставили обѣды по умершимъ, и носили въ церковь съѣстное, однимъ словомъ — отправляли тризны, ибо у язычниковъ погребеніе сопровождалось пьянствомъ. Святый соболѣзнуя вопіялъ противъ соблазнительнаго цѣлованія мущинъ съ женщинами на пирахъ. Отъ этого христіанство противодѣйствовало языческой чувственности строгою стороною своей духовной чистоты, а аскетическое ученіе дѣлалось единою нравственною философіею для всего христіанства вообще.

Самая мірская жизнь не имѣла, съ церковной точки зрѣнія, другого идеала, кромѣ аскетизма. Это было тѣмъ естественнѣе, что вотъ, напримѣръ, въ словѣ отца къ сыну (послѣдній очевидно не готовился въ монастырь, но намѣревался жить въ мірѣ семейно), отецъ, представляя ему примѣръ добродѣтели подвижниковъ, *иже мало свѣта сего причащахуся*, говоритъ: *изволи себѣ тѣхъ житье и тѣхъ правий путь пріими, тѣхъ нравы и ты, чадо мое, взыщи со всею силою и со всею крѣпостью.* Въ томъ же словѣ отецъ заповѣдаетъ сыну давать десятую часть отъ своего имѣнія Господу (то есть, въ монастыри и духовенству). Такимъ образомъ видно, что понятіе о десятинѣ переходило изъ княжескаго быта въ частный, домашній

Понятно, что при направленіи заботиться каждому лишь о собственномъ спасеніи, не удержалось вполнѣ согласіе, миръ и братство въ Печерскомъ монастырѣ, и уже въ раннія времена встрѣчаются слѣды взаимной зависти и вражды и обмановъ между братіею. Такъ въ житіи Алимпія Иконописца разсказывается, что монахи брали деньги съ одного богатаго господина, заказывали Алимпію икону, но въ самомъ дѣлѣ не давали объ этомъ знать Алимпію, а боярину говорили, что Алимпій проситъ втрое.

Не смотря на аскетическое исключительное направленіе, въ церквахъ читались однако поученія переведенныя съ греческаго, гдѣ аскетизмъ представляется недостаточнымъ безъ добрыхъ чувствъ, любви: *аще ли кто отъ хлѣба ся удержитъ, а гнѣвъ имать, и таковый подобенъ есть звѣрю; тъ бо не пьетъ хлѣбъ: аще же отъ*

питія и отъ рыбы кто оудержится и на голѣ землѣ лежаетъ, а злобу имѣя и неправду дѣя, не хвалится оубо: пущи есть и скота.

Добродѣтель были: постъ, грусть; смѣхъ и веселіе — грѣхъ. Одинъ подвижникъ, по имени Памва, далъ обѣтъ никогда не смѣяться. Бѣсы употребляли всевозможнѣйшія уловки, чтобы разсмѣшить святого,— долго все было напрасно; наконецъ, когда бѣсы привязали маленькое перышко къ огромному бревну и потащили его мимо подвижника съ крикомъ: алай, алай! Памва улыбнулся, и бѣсы восплескали и запрыгали отъ радости, восклицая: Авва Памва засмѣяся! Авва Памва засмѣяся, засмѣяся!—Я засмѣялся немощи вашей—сказалъ имъ святой,—что вы и то только съ трудомъ можете это бревно сдвинуть. Въ одной древней нравоучительной бесѣдѣ говорится: »смѣхъ не съзидаеть, не хранить, »но погубляеть и съзиданія раздроушаеть, смѣхъ Духа Святаго пе»чалить, не пользуеть и тѣло растлѣваеть; смѣхъ добродѣтели прого»нить, не имать бо памяти смертныя, ни поученіе моукамъ. Отъими, »Господи, отъ мене смѣхъ и дароуи плачъ и рыданіе, егоже присно »ищеши отъ мене (Имп. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1297, стр. 91).

Съ женщиною не слѣдовало даже говорить, женщина было существо, располагающее къ согрѣшенію: »Не достоить мнихоу ясти съ женою или пити или что промышляти с женами или инакъ како разоумъ имѣти съ »ними; прелюбодѣйство есть, велико прелюбодѣйство женское соужит»ство: еда каменъ еси? человѣкъ еси, общемоу естеству подлежаи в па»деніи, огнь имаши въ лонѣ—не изгориши ли? како имать слово: положи »свѣщу на сѣно, тогда възможеши рещи, яко не горитъ сѣно? аще не »отмещешися, яко горитъ сѣно, и мнѣ глаголи, но невѣдущему тайныхъ.

Убѣгая отъ женскихъ очей, слѣдуетъ избѣгать и помышленій о женщинахъ. »Всякъ бо възрѣвый на жену съгрѣшаеть.« Надобно имѣть постоянно блѣдное лицо и дурныя одежды: *блѣдъ и щоуби видъ и рызы хоуды подобаетъ имѣти* (Пог. Сб. 1288, стр. 226).

Монашеское самоистязаніе, уединеніе отъ всего, что составляетъ матеріальную прелесть на землѣ, открывало идею торжества духовнаго начала надъ грубою силою. Вмѣсто богатыря съ оружіемъ, странствующаго по чужеземнымъ странамъ, ищущаго опасностей, побѣждающаго ихъ, получающаго въ награду богатства, и т. п. являются богатыри духа, странствующіе въ таинственной области видѣній, вступающіе въ борьбу съ духами; они побѣждаютъ ихъ, отваживаются на всякія лишенія добровольно, и за все терпѣніе получали награду высшую, награду на

небѣ. Такъ какъ богатырь не сидитъ на мѣстѣ, богатырь ищетъ приключеній, то и въ сферѣ духовнаго подвижничества явились странствующіе богатыри — паломники, скитавшіеся по святымъ мѣстамъ и съ сѣвера отправлявшіеся въ Палестину. Они-то назывались въ древнихъ пѣсняхъ *каликами перехожими*. Похожденія въ Іерусалимъ, видно, были значительно въ ходу на Руси вскорѣ по водвореніи Христіанской вѣры, когда такъ часто встрѣчается въ пѣсняхъ, носящихъ печать стараго происхожденія, имя каликъ. Въ похожденіи Данила Паломника говорится, что въ его время были *мнози доходившіе до Іерусалима*. Это было до такой степени обычно, что иные старались ходить, видно, какъ можно скорѣе (*тщащеся вборзѣ*) и навлекали за то нарѣканія отъ истинно благочестивыхъ; Данилъ замѣчаетъ, что *се то путь вборзѣ нельзя ходити*, и укоряетъ ихъ въ томъ, что они, *много добра невидѣвше*, возвращались; но путешествіе было предметомъ общественныхъ разговоровъ, и бывшій въ Іерусалимѣ пользовался уваженіемъ; онъ могъ быть вездѣ принятъ съ честію и потому они, по словамъ Данила, *вознесшеся умомъ, яко ничто добра сотворивше, погубляютъ мзду труда своего*.

Идея торжества ума надъ матеріальною силою, въ народной умственной жизни проложила себѣ не одну религіозную тропинку. Заявленіемъ ея потребности могутъ служить и такія сказанія, гдѣ или дурачокъ или ребенокъ, признаваемый слабымъ и глупымъ, торжествуетъ надъ сильными. Такова замѣчательная повѣсть о купцѣ Кіевскомъ, Дмитріѣ и его сынѣ, Борзомыслѣ Дмитріевичѣ, семилѣтнемъ мудрецѣ, — хотя сохранившаяся въ позднѣйшихъ спискахъ, но показывающая несомнѣнные слѣды своего существованія въ древнюю Кіевскую эпоху нашей образованности. Дѣйствіе происходитъ на югѣ; купецъ богатый съ кораблями выѣзжаетъ изъ Кіева, странствуетъ по отдаленнымъ чужестраннымъ землямъ. Проплававши тридцать дней по морю, купецъ присталъ къ берегу и увидѣлъ приморскій городъ, близъ котораго стояло въ гавани безчисленное множество кораблей. »Удивися Дмитрій Кіевскій купецъ и рече: что сіи корабли без»численно много стояща? мнѣ зѣло земля блага есть и купцы въ немъ »и много торгуютъ здѣ. Сниде съ корабля купецъ Дмитрій и поиде подъ »градъ, и срѣтоша его гражане и вопрошаху его: отъ коея страны и ко»ея земли? Онъ же сказася имъ: азъ есмь отъ Рускія земли и вѣрую въ »Отца и Сына и святаго Духа. И рекоша ему гражане: брате купецъ! еди»ныя есть вѣры съ нами Русская земля, — только за наше согрѣшеніе по»слалъ намъ Богъ царя законопреступника и отступника отъ Бога, ел-

»линскія вѣры, и тѣснитъ ны, хотя привести къ своей вѣрѣ; мы же, не »могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, неволею пожрохомъ идоломъ, видѣхомъ себе »въ великихъ нуждахъ: всегда боярами мучаще насъ, овогда силою приво- »жаше насъко своимъ идоломъ, овогда заповѣданіемъ намъ, не веляше хлѣ- »бовъ на торгъ пещи и гладомъ моритъ насъ для своей вѣры; се видиши, »купче, въ пристанищи семъ 300 кораблей стояще, купцы же со всѣхъ »странъ прихождаху къ сему граду, и приходяще къ царю зъ дары, хо- »тяще торговати въ его царству; царь же дары отъ нихъ пріемлетъ и »повелѣваетъ имъ 3 загадки отгадывати свои, а все то приводяще къ »своей вѣрѣ; они же, не могуще отгадати загадки, царь же глаголаше »къ нимъ: уже все загадокъ моихъ не отгадаете и вы пребывайте въ »моей вѣрѣ, пожрите идоламъ; купцы же не хотяще того сотворити и »того ради въ темницу посажены бывше, терпяще всякую нужду и гладъ »и тяготу и скорбь имени ради Христова; и заповѣдываетъ царь, не ве- литъ хлѣба пещи 3 годы, дабы они гладомъ померли.«

Услышавъ объ этомъ, купецъ Дмитрій хотѣлъ было тотчасъ отплыть, и повернулъ на свой корабль; но когда пришелъ къ нему, то увидѣлъ, что тамъ уже стояла стража. Нечего было дѣлать, надобно было являть- ся къ царю. Царя звали Несмѣянъ Гордѣевичъ. Донесли царю, что при- шелъ купчишко изъ Русской земли, принесъ дары и проситъ позволенія торговать въ его царствѣ. Царь ласково пригласилъ Дмитрія обѣдать; а послѣ обѣда спросилъ: *купче! которыя ты вѣры?* Купецъ отвѣчалъ, что вѣруетъ во имя Отца и Сына и святаго Духа.—А я чаялъ, сказалъ царь, что у насъ вѣра общая; ты же сказываешься не нашей, а Русской вѣры. Я же хотѣлъ было тебѣ позволить торговать и отпустить въ твою землю; но теперь отгадай, купче, три загадки, »что азъ тебѣ загадаю; »аще ли отгадаешь, и азъ тебѣ велю торговати въ своемъ царствѣ вся- »кимъ товаромъ, и зъ дары и съ проводниками отпущу тя въ свою зем- »лю; аще ли не отгадаешь ни единыя загадки и въ вѣрѣ моей не пребу- »деши, вѣдомо жь буди тебѣ, купче, велю тя смерти предати, а товары »твоя взяти будутъ въ мою царскую казну.«

Купецъ испросилъ у царя срока на три дни, и пришедши на свой ко- рабль, плакалъ, видя себѣ неминуемую смерть. Семилѣтній сынъ его игралъ на кораблѣ и ѣздилъ верхомъ на палочкѣ, »на древцѣ сѣдяще, »рукою за древцы конецъ держаше, а другою рукою плеткою побиваше, »и ѣздяше, аки на конѣ скакаше.« Увидя плачъ отца, ребенокъ сталъ его спрашивать; отецъ сначала не сталъ было и разсказывать ему, но ког- да сынъ умно ему обѣщалъ помочь въ напасти, отецъ разсказалъ. Сынъ

сказалъ, что онъ за него отгадаетъ: »а ты, отче, не скорби и не тужи, »яждь, пей, веселися и молися Богу, вся печали возлагай на Бога«. Сынъ продолжалъ играть на кораблѣ. На четвертой день позвали ихъ къ царю. Мальчикъ объявилъ, что онъ отгадаетъ загадку за отца и потребовалъ пить. Царь налилъ золотую чашу съ медомъ и подалъ ее дитяти; отрокъ далъ отцу, и когда отецъ хотѣлъ возвратить чашу, отрокъ сказалъ: *отче! не отдавай чаши, закрой въ нѣдра своя!* Царь далъ другую, и съ тою сдѣлось тоже: также царь требовалъ возврата чаши; отрокъ сказалъ: *данное царево вспять не возвращается.* Загадка царева была такова: »много ли того, или мало, отъ востока до запада?« Дитя на это отвѣчало: »отъ востока и до запада день и нощь, весь кругъ »небесный единымъ днемъ и единою нощію едино сонце прейдетъ отъ »сѣвера до юга; то твоей загадкѣ мой отвѣтъ«. Царь удивился, далъ третью чашу купцу и купецъ спряталъ ее въ пазуху. Другая загадка отсрочена на другой день.

На другой день собрались »ипаты и тираны, и стратилаты и воево»ды, и князи и бояри и вси людіе, малiи и велиціи, и вси граждане на »предивное чудо отрока, якоже всѣмъ гражданамъ не вмѣститися въ »царевѣ дворѣ. Царь спросилъ: что десятая часть изъ моря днемъ убы»ваетъ, а нощію прибываетъ? — Отвѣтъ былъ: то есть, царю, что деся»тая часть воды солнце выѣдаетъ; нощію же прибываетъ, занеже солнцу »зашедшу и не сушащу. То тебѣ, государь, моя отгадка.«

Удивися царь и потребовалъ третьей отгадки; отрокъ попросилъ сроку на три дни, но съ тѣмъ, чтобы созваны были всѣ граждане отъ мала до велика: пусть при этомъ имъ объявится, что *имъ добро будетъ во вѣки.* Это сдѣлано. Люди собрались по приказу царя. Отрокъ потребовалъ, чтобы царь сошелъ съ своего престола, далъ ему одѣяніе царское и жезлъ, и что онъ тогда отгадаетъ загадку. Царь отдалъ ему свои регаліи и въ томъ числѣ мечъ. Тогда отрокъ, зная, что въ толпѣ есть христіане, нелюбящіе невѣрнаго царя, закричалъ: хотите ли вѣровать въ святую Троицу? — Всѣ отвѣчали утвердительно. Отрокъ срубилъ мечемъ голову царю, сказавши: *вотъ тебѣ моя третья отгадка!*

На слѣдующій за тѣмъ вопросъ отрока: кого они хотятъ поставить себѣ царемъ? — всѣ единодушно вручили ему власть, какъ своему избавителю. Послали за патріархомъ, который былъ въ заключеніи. Онъ былъ встрѣченъ торжественно и отслужилъ литургію. »Постави патрі»архъ надъ главою отрока рогъ златъ съ масломъ надъ нимъ и благо»слови его патріархъ на царство; людіе же вси кликнуша отъ мала до

»велика единогласно: много лѣтъ тебѣ, государю нашему, Барзомысу »Дмитріевичу на царство! И возрадовашася ему вси людіе великою радо»стію; царь же сотвори въ тотъ день пировище великое.» Потомъ оказалось, что у оставшейся прежней царицы была дочь осьми лѣтъ; Борзомыслъ сочетался съ нею бракомъ, окрестивши ее напередъ и обвѣнчавшись чрезъ сорокъ дней послѣ ея крещенія (сороковицей). — На сказкѣ этой легло то понятіе о страдательномъ состояніи женщины, которое отражается въ русской, особенно великорусской, поэзіи. Когда Борзомыслъ призываетъ царицу и узнаетъ, что у ней есть дочь, то не спрашиваетъ ея, желаетъ ли она отдать за него дочь, не спрашиваетъ и невѣсты, а просто приказываетъ ее крестить и потомъ беретъ въ жену, и только по просьбѣ матери, даетъ ей сроку на семь дней. Семилѣтній царь приказалъ привести всѣхъ заключенныхъ купцовъ, »и удивися царь, на нихъ смотря; бысть лице ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса, и ри»зы ихъ изодрашася, лежаша отъ гаду и тѣсноты, а голосы ихъ аки пчели»ные«. Царь »учреди имъ праздникъ«, и возвративши имъ имѣнія, отпустилъ каждаго въ свою землю. По волѣ царя, отецъ поѣхалъ домой, привезъ свою жену, мать царя. Они жили вмѣстѣ и царь Борзомыслъ похоронилъ стараго родителя своего, Дмитрія, купца кіевскаго.

Ткань этой повѣсти показываетъ древнее ея происхожденіе. Побѣда посредствомъ загадокъ есть видоизмѣненіе той первообразной канвы, по которой составились разнообразныя редакціи сказанія о вѣщей мудрой дѣвицѣ, происходящей изъ простого званія и, посредствомъ отгадыванія мудреныхъ загадокъ, выходящей замужъ за знатнаго мужа, — сказаніе, которое, въ южнорусской народной словесности, выразилось повѣстью *про дівку семилітку*. Замѣчательно, что сынъ Дмитрія также семи лѣтъ отъ роду. Ничтожное дитя оказывается не только сильнѣе взрослыхъ и славныхъ, но измѣняетъ судьбу цѣлаго края своею смышленостію. Народъ какъ будто себя тутъ выражаетъ: онъ ничтоженъ и юнъ, но въ немъ такія силы, которыя могутъ побѣдить могущество силы й обмана. Онъ сознаетъ, что умственная сила выше всякой ручной; нужно только ума, — и все преодолѣть, все побѣдить можно. Умъ этотъ выражается, какъ и должно быть у молодого народа, вступающаго въ жизнь, не теоріею, не логичною послѣдовательностію понятій и процессомъ размышленій, а быстротою, смѣтливостію, находчивостію во-время. Отгадки мудреной загадки — форма, во которой высказывается умъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на различное значеніе двухъ загадокъ, предложенныхъ царемъ; одна изъ нихъ основывается на мудренномъ выра-

женіи того, что само въ себѣ просто. Очевидно, здѣсь какъ бы насмѣшка надъ затѣйливостію выраженія, которое только для простака—мудрость, а сама по себѣ—вещь обыкновенная, и умная голова отгадываетъ ее безъ всякаго затрудненія. Другая загадка—предметъ знанія. Мальчикъ не только отгадываетъ то, что кроется подъ таинственностію, но показываетъ свое знаніе естественнаго феномена; такимъ образомъ народъ сознаетъ, что знаніе природы есть также мудрость и достоинство мудраго человѣка. Отрокъ обманулъ царя; понятіе народное таково, что обмануть злого не составляетъ ничего нравственно-неодобрительнаго, напротивъ служитъ также доказательствомъ ума и способностей. Онъ убилъ царя, но убилъ справедливо, спросивъ прежде народъ, и потому потребовалъ, чтобы всѣ сошлись отъ мала до велика; онъ поступилъ именно потому справедливо, что воля всего народа считается мѣриломъ справедливости. Народъ былъ склоненъ къ христіанству и даже исповѣдывалъ христіанство; власть имѣла другое убѣжденіе и насиловала къ нему народъ. Здѣсь народный смыслъ высказываетъ сознаніе, что народная воля можетъ проявиться только тогда, когда ей придется дать отвѣтъ на вопросъ, и тотъ есть истинный мудрецъ, кто найдетъ возможность задать ей вопросъ. Власть неправеднаго царя потому и держалась, что народъ не имѣлъ случая выразить свою волю отвѣтомъ. Воплощенная юная мудрость даетъ перевѣсъ народной волѣ: новый царь избирается по волѣ народа. Дѣтскій образъ мудрости, посрамившій тѣхъ, которые являлись въ ея обычномъ земномъ видѣ, въ видѣ стариковъ и сильныхъ властію, показываетъ въ народномъ понятіи сознаніе, что юное поколѣніе, не смотря на то, что играетъ верхомъ на палочкѣ, носитъ въ себѣ зародыши того, къ чему уже неспособны взрослые...

Н. Костомаровъ.

ЛИСИЦЯ Й ОСЕЛЪ.

»Відкіль бредéшъ ти, гóлово лиха́?«
Лисúця такъ мовля́ Ослóві.
— Дивúвся, я́къ тамъ Левъ здиха́,
Ажъ гéнъ, у тій дібрóві! —
Підú, паньма́тко, подивúсь, —
Ти́ жъ зна́лася изъ ни́мъ колúсь...
И! що́ тепéра зъ нимъ зробúлось!
Дé въ бíса й сúла та́я ділась!..
Ато́, було́, якъ гуконé, —
Не втя́мишъ зъ-ля́ку, дé бъ схова́вся!
Такé було́ те пу́гало страшнé!
Мабу́ть, ёго́ ввесь світъ боя́вся...
Тепéръ лежúть, нена́че пень,
И нічъ, и день...
Ніхто́ ёго́ вже не боїтця,
Уся́къ беспéшно йде дивúтьця;
Хто схóче — дóбре скубонé
За вра́жий чубъ ёго́ зуба́ми,
А хто́ — підъ бóки стусонé
Чи дрю́комъ, чи рога́ми.« —
»А ти, вістúмо, не посмівъ?!«
Ёму́ підсмію́е лисúця.
— Оцé-такúй! чого́ жъ дивúтьця?
И я ёго́ разъ захмилúвъ.
Неха́й и на́шихъ зна́е!«

А й въ лю́діхъ та́кички буває...
Чи то́ вже світъ тепéръ такúй!..
Поки́ ти чимъ кому́ страшнúй,
Уся́къ тебé и поважа́е,
А тілько якъ-небу́дь спіткнúсь, —
Дивúсь —
Хто й почита́въ, то ла́е...

А. Глѣбовъ

ПО ПОВОДУ АКТОВЪ ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Международныя отношенія составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, особенно привлекающихъ, въ настоящее время, вниманіе Европы. У насъ тоже есть вопросъ, который настоятельно требуетъ уясненія: это—давнее политическое и народное отношеніе Польши и Руси со времени соединенія ихъ въ одну Рѣчь Посполитую. Истина, открытая и доказанная, равно убѣдительная для всякаго, кто, принадлежа къ особой націи, способенъ ради правды, отказаться отъ предвзятой теоріи относительно чужой національности, — только такая истина можетъ прекратить безплодные литературно-историческіе споры, устранить заносчивые планы и обратить на прямой путь безпристрастнаго изученія и уваженія всѣхъ народностей.

Кіевская Коммиссія, обладающая громаднымъ запасомъ актовъ, относящихся до Юго-западной Руси, издавна оказываетъ великую услугу внутренней и внѣшней исторіи этого края.—Новымъ своимъ изданіемъ (II томъ »*Архива* Юго-западной Россіи«) она блистательно содѣйствуетъ къ несомнѣнному разрѣшенію упомянутаго вопроса, издавна затмѣваемаго, преимущественно за границею, то невѣдѣніемъ, то преднамѣреннымъ извращеніемъ фактовъ.

Благодаря благосклонному согласію авторовъ, мы, съ сознаніемъ всей важности вопроса о давнихъ отношеніяхъ Польши и Руси, переносимъ на страницы »Основы« двѣ превосходныя статьи Предсѣдателя Коммиссіи, М. В. Юзефовича, и дѣятельнѣйшаго Члена ея, Н. Д. Иванишева, недавно помѣщенныя въ »*Архивѣ*«, который къ сожалѣнію, такъ мало еще оцѣненъ и распространенъ въ нашей публикѣ. Вопросъ, разъясняемый Н. Д. Иванишевымъ и М. В. Юзефовичемъ до очевидности, не разъ возбуждался и у насъ, и въ польской литературѣ, и за границею, но, обыкновенно, споръ оканчивался тѣмъ, что противники, не прійдя къ окончательному рѣшенію, расходились въ разныя стороны, обвиняя другъ друга въ пристрастіи, въ ненависти, въ непониманіи исторіи, а нѣкоторые даже заподозрѣ-

вали честныхъ дѣятелей науки въ разсчитанномъ служеніи посторонним исторической истинѣ цѣлямъ. Теперь все ясно: »домашній, давній споръ« былъ не болѣе какъ qui pro quo, которыхъ такъ много въ исторіи, особенно Славянской; теперь уже несомнѣнно то, что не подчиненіе одного народа другому, даже не подчиненіе части—цѣлому, а федеративное, равноправное отношеніе частей составляло сущность и цѣль того политическаго порядка, который желали создать, упрочить и расширить лучшіе дѣятели своего времени, порядка, основаннаго на вѣчномъ мірѣ и крѣпкомъ союзѣ, къ которому, какъ надѣялись даже во 2-й половинѣ XVII в., пристанетъ и Московскій государь съ народомъ (1). Польская шляхта, по признанію всѣхъ безпристрастно-мыслящихъ историковъ и публицистовъ польскихъ, не умѣла, или не хотѣла, понять этой благородной задачи, хотя разумное рѣшеніе ея давалось само собою, потому что лежало въ природѣ вещей, въ племенномъ и географическомъ единствѣ Славянскаго міра. Сословный эгоизмъ извратилъ естественный ходъ Польско-Русской, а слѣдовательно—и Всеславянской исторіи и послужилъ источникомъ кровавыхъ бѣдствій, переполнившихъ насильственно—связанную жизнь племенныхъ братій, со времени Люблинскаго сейма. Шляхта, подчинившись холодной и безчувственной теоріи іезуитовъ, первая разорвала звенья, которыя соединялимежду собою сосѣдніе славянскіе народы—и только грядущему времени, только справедливому разуму и покаянію этихъ народовъ, быть можетъ, удастся обновить естественныя начала, ихъ одушевлявшія, но, силою неправедныхъ дѣлъ, сословныхъ и религіозныхъ преслѣдованій, глубоко потрясенныя.

Въ справедливыхъ отношеніяхъ къ простому народу лежитъ начало новой эры. Событія покажутъ, въ какой степени исторія послужила урокомъ для тѣхъ, кто наслѣдовалъ пороки и добродѣтели предковъ; до сихъ же поръ историческая литература и политическія теоріи польскія—къ нашему глубокому сожалѣнію—внушаютъ намъ мало вѣрѣ въ безпристрастіе потомковъ.

Припишемъ такое странное, въ наше время, явленіе недостатку вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о Югозападной Руси, и пожелаемъ, чтобы прилагаемые трактаты, написанные съ возвышеннымъ безпристрастіемъ и умѣренностью историческаго убѣжденія, послужили въ пользу и намъ, и польскимъ историкамъ и публицистамъ.

---

(1) См. статью г. Костомарова, во 2-й книжкѣ «Основы».

I.

ОБЪЯСНЕНІЕ

ОТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ КІЕВСКОЙ КОММИССІИ

для

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

Съ нѣкотораго времени, въ заграничныхъ Польскихъ журналахъ начали появляться статьи, съ явною цѣлію увѣрить общее мнѣніе Европы, что Западно-русскій край, по Днѣпръ, есть край Польскій, и что имя *Русинъ* вовсе не означаетъ Русскаго человѣка, а есть провинціальное названіе Поляка, какъ Мазуръ, Краковякъ, Великополянинъ. Эта послѣдняя теорія была, какъ извѣстно, изобрѣтена первоначально въ Галиціи. Оттуда она перенесена сюда, какъ опора для стремленій неумѣреннаго Польскаго патріотизма, чувствующаго здѣсь, какъ и тамъ, слабость почвы, для утвержденія своихъ притязаній.

Посягнувъ, такимъ образомъ, на историческую и этнографическую правду, этотъ патріотизмъ нашелъ себя въ необходимости посягнуть и на достовѣрность историческихъ памятниковъ, издаваемыхъ »Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ« и свидѣтельствующихъ о совершенно другомъ значеніи здѣшняго края, слѣдовательно—разрушающихъ въ самомъ корнѣ приведенную выше теорію. Въ слѣдствіе того, неумѣренные Польскіе патріоты рѣшились не только бросить тѣнь сомнѣнія на добросовѣстность дѣйствій Коммиссіи, но формально обвинять ее въ искаженіи и даже подлогѣ издаваемыхъ ею актовъ.

Такого рода обвиненія, конечно, не обязываютъ къ отвѣту, и Коммиссія могла бы не отвѣчать на нихъ, если-бы дѣло касалось только ея личности; но здѣсь требуетъ отвѣта интересъ науки, потому-что всякій научный актъ долженъ быть строго оправданъ, для утвержденія за нимъ несомнѣнной достовѣрности. Вотъ почему я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ, въ опроверженіе взведенной на Коммиссію клеветы.

Такъ-какъ всѣ человѣческія дѣйствія имѣютъ свою причину въ побужденіяхъ вещественнаго или нравственнаго интереса, то разсмотримъ отношеніе Коммиссіи къ этому источнику побужденій.

Всѣ участвующіе въ ученыхъ занятіяхъ и трудахъ Коммиссіи, съ самого ея учрежденія, не пользуются никакими служебными правами и не получаютъ никакого содержанія отъ Правительства. Во все время ея существованія, ни одинъ изъ ея членовъ не получалъ отъ Правительства никакой награды. Одному мнѣ, и то́ лично, во вниманіе къ моей прежней долговременной службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, дарованы служебныя права, но тоже безъ жалованья. Слѣдовательно, никакія побужденія вещественнаго интереса не могутъ управлять дѣйствіями Коммиссіи.

Что́ касается до интереса нравственнаго, то онъ могъ бы проявиться въ Коммиссіи развѣ въ стремленіяхъ ложнаго патріотизма. Но для патріотическихъ увлеченій вообще нужны сильные поводы, а тѣмъ болѣе для такихъ увлеченій, которыя, заглушая голосъ совѣсти и чести, могутъ доводить до такого рода дѣйствій, какъ подлогъ памятниковъ давно-минувшаго времени или искаженіе живой, несомнѣнной истины. Всякій, конечно, согласится, что у насъ, Русскихъ, нѣтъ такихъ поводовъ въ отношеніи къ Польшѣ. Тяжба между нами кончена, и у насъ нѣтъ ни одного нравственнаго интереса, который побуждалъ бы насъ къ такого рода дѣйствіямъ, а есть у насъ, напротивъ, нравственный интересъ, строго внушающій намъ совсѣмъ иныя побужденія: это интересъ нашего народнаго достоинства, требующаго отъ насъ, въ отношеніи къ Польшѣ, безукоризненной честности. И этотъ интересъ мы соблюдаемъ свято. Я ссылаюсь на всю нашу современную литературу, отражающую общее мнѣніе Россіи: найдется ли у насъ хоть одинъ журналъ, хотя одна печатная по русски строка, гдѣ бы выражалось неблагосклонное чувство къ Польской народности, и гдѣ бы не выражалось, когда говорится о ней, полное къ ней уваженіе и сочувствіе? Мы не только не враждуемъ

съ Польскою народностію, но первые теперь отъ души радуемся и благодаримъ Правительство за введеніе въ здѣшнія учебныя заведенія Польскаго языка, который не только необходимъ для *своихъ*, но можетъ быть полезенъ и для *нашихъ*, по близкому намъ родству и богатству его литературы. И такъ, и съ этой стороны не существуетъ побужденій, которыя могли бы хоть сколько нибудь поддержать дѣлаемое противъ Коммиссіи обвиненіе.

Нѣтъ вообще никакого основанія связывать съ назначеніемъ нашей Коммиссіи какую-нибудь политическую цѣль.—Точно такая же Коммиссія открыта и въ Вильнѣ, гдѣ ея составъ, съ самаго начала и до сего времени, былъ и есть весь почти Польскій. Уже это одно обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи всякой политической мысли въ основаніи этихъ археографическихъ учрежденій. Задача наша—не политическіе изворотливости, которыя не оправдываются никакою потребностію Россіи, а историческія изысканія въ письменныхъ памятникахъ здѣшней старины, особенно въ громадномъ хранилищѣ Кіевскаго Центральнаго Архива (*), заключающаго въ себѣ драгоцѣнные источники для исторіи древней внутренней жизни Русскаго народа. Эти источники тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе, что нигдѣ не существовало у насъ, кромѣ Западной Руси, благодаря господствовавшимъ въ ней Литовско-русскимъ юридическимъ обычаямъ, счастливаго для исторической науки учрежденія—такъ называемыхъ актовыхъ книгъ, куда вписывалась, такъ-сказать, вся юридическая жизнь народа, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Поэтому, только въ архивахъ Западной Руси могутъ находить данныя для своего окончательнаго разрѣшенія многіе, самые основные, коренные вопросы древне-русской жизни, какъ напримѣръ, вопросъ о древней нашей сельской автономіи. Эти-то данныя и составляютъ главный интересъ, имѣющійся въ виду у Коммиссіи, ту задачу, которую она преимущественно преслѣдуетъ въ своихъ изысканіяхъ, не оставляя, разумѣется, безъ вниманія и всего того, что служитъ къ объясненію исторіи собственно Западно-русскаго края. По бывшему отношенію этого края къ Польшѣ, открытія наши не могутъ не соприкасаться съ нею. Чѣмъ-же мы виноваты, если историческіе памятники не представляютъ здѣшняго прошедшаго въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ же—

(*) См. о содержаніи этого Архива въ предисловіи къ 1-му тому Архива Югозападной Россіи.

лало бы его видѣть Польское патріотическое чувство? Но вѣрно ли это чувство отзывается въ груди Польскихъ патріотовъ? Вотъ вопросъ. У какого народа не осталось въ исторіи слѣда пороковъ, злоупотребленій, преступленій? Къ чему же гнѣваться на историческую правду? Исторія, какъ наука народнаго самопознанія, должна быть вѣрнымъ и ясно отражающимъ зеркаломъ. Желать фальшиваго зеркала, скрывающаго недостатки, можно развѣ смѣшному тщеславію отжившей наружную красоту и неимѣющей внутренняго содержанія женщины. Насъ, Русскихъ, всего менѣе, кажется, можно упрекнуть въ самолюбивомъ пристрастіи къ себѣ: мы сами о себѣ издаемъ, какъ драгоцѣнныя свидѣтельства, такія сказанія, какъ сочиненіе Флетчера о Русскомъ государствѣ, и не сердясь смотримся въ зеркало Гоголя. — При такомъ направленіи духа, несправедливо предполагать въ насъ наклонность выгораживать себя на счетъ другихъ.

Обращая наши слова къ неумѣреннымъ Польскимъ патріотамъ, мы вовсе не думаемъ, однакожъ, смѣшивать съ ними всѣхъ Поляковъ: напротивъ, Коммиссіи пріятно засвидѣтельствовать, что Польскіе истинные ученые постоянно сочувствовали и содѣйствовали трудамъ ея. Однимъ изъ первыхъ участниковъ въ ея дѣятельности былъ извѣстный Польскій патріотъ и ученый, *Свидзинскій*, который, до самой смерти своей, не переставалъ быть ея усерднымъ сотрудникомъ и постоянно доставлялъ ей значительные матеріалы изъ своего богатаго собранія рукописей (*). Почти наканунѣ своей кончины, (когда я посѣтилъ его), послѣднія слова, мнѣ имъ сказанныя, выражали жалобу на медленное печатаніе IV тома памятниковъ, въ которомъ польскій текстъ издавался подъ его редакціей. И въ настоящее время, Коммиссія пользуется сочувствіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ Поляковъ, которымъ горячая любовь къ своей народности не мѣшаетъ любить безкорыстно науку. Эти факты я приглашаю опровергнуть открыто, если они невѣрны.

Но для полнаго утвержденія достовѣрности какъ бывшихъ, такъ и будущихъ изданій Коммиссіи, я приглашаю всѣхъ и каждаго изъ желающихъ повѣрить вошедшіе, въ эти изданія, памятники съ ихъ подлинниками, обращаться ко мнѣ, и формально обязуюсь доставлять

(*) Въ четырехъ томахъ изданныхъ Коммиссіею памятниковъ, большая часть актовъ, относящихся къ Исторіи Малороссіи, поступили въ Коммиссію изъ этого источника.

каждому всѣ нужныя къ тому средства, если подлинники находятся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ; если же они заимствованы изъ другихъ источниковъ, то, для желающихъ повѣрки, во всѣхъ изданіяхъ Коммиссіи, у всѣхъ актовъ имѣются указанія, откуда именно они почерпнуты. Этого правила Коммиссія постоянно держалась, въ общемъ интересѣ науки.

Смѣю удостовѣрить всѣхъ, кому было бы угодно обратиться ко мнѣ для указанной цѣли, что Коммиссія не только не приметъ требуемой отъ нея повѣрки за выраженіе недовѣрія къ ней, а напротивъ, съ полною благодарностью оцѣнитъ такой трудъ, какъ содѣйствіе ея искреннему желанію довести вопросъ о несомнѣнности издаваемыхъ ею памятниковъ до окончательнаго, безвозвратнаго разрѣшенія.

Имѣя въ виду одну историческую истину, Коммиссія, сверхъ того, всегда будетъ готова внести въ свои изданія всякій древній актъ, еще необнародованный, на который ей укажутъ, или который ей доставятъ, и который свидѣтельствовалъ бы въ пользу Польскаго здѣсь начала.

Что́ касается до теоріи превращенія здѣшняго края въ Польшу, то мы постараемся отвѣчать на нее не придуманными на этотъ счетъ теоріями же, а положительными документами и изслѣдованіями на нихъ построенными, къ чему и приступаемъ въ настоящемъ (II) томѣ. Пусть рѣшитъ между нами судъ безпристрастной исторической критики, которую мы желаемъ видѣть совершенно свободною и гласною съ обѣихъ сторонъ.

Независимо отъ того, да позволено будетъ намъ, одноплеменникамъ здѣшней Русской народности, предложить на рѣшеніе самихъ Поляковъ, любящихъ и уважающихъ правду, слѣдующіе вопросы:

Въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, общее народонаселеніе составляетъ 5,253,549 душъ. По вѣроисповѣданію и народности, они находятся въ слѣдующемъ численномъ отношеніи: Православныхъ, говорящихъ Русскимъ нарѣчіемъ, 4,128,193 души; Евреевъ 611,370 душъ; Римско-католиковъ 485,056 душъ; Русскихъ Старообрядцевъ и Раскольниковъ 18,827 душъ; Лютеранъ 9,291; Армянъ 290; Магометанъ 271 и Караимовъ 251 душа (*).

Чтобы съ точностью опредѣлить цифру здѣшней Польской народ-

(*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ мѣстныхъ оффиціальныхъ источниковъ.

ности, слѣдовало бы изъ числа Римско–католиковъ отдѣлить ту массу простого народа, которая хотя исповѣдуетъ латинскую вѣру, но говоритъ Южно-русскимъ нарѣчіемъ и, потому, принадлежитъ по крови и языку, къ Русской народности. Но, не имѣя вѣрныхъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія отношенія здѣшнихъ Русскихъ Римско-католиковъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вполнѣ усвоили Польскую народность, мы принимаемъ въ пользу этой послѣдней весь итогъ исповѣдующихъ здѣсь латинскую вѣру. Этотъ итогъ составляетъ около $^1/_{11}$ доли общаго народонаселенія.

Спрашиваемъ: справедливо–ли, законно–ли и даже, рѣшаемся сказать, благоразумно–ли *одинадцатой* долѣ населенія притязать на господство своей народности?

Неужели въ нашемъ XIX вѣкѣ еще можно серьёзно думать, не только утверждать, а тѣмъ менѣе стремиться къ осуществленію мысли, что шляхетскія преимущества даютъ право на такое господство?

Неужели аксіома, что есть народы безъ шляхты, но нѣтъ и не было шляхты безъ народа, и что народъ здѣсь Русскій, можетъ быть серьёзными людьми отрицаема?

Предлагаемъ эти вопросы безъ вражды и страсти, а потому искренно желаемъ, чтобы тѣ, къ кому мы обращаемся, признавъ законъ исторической необходимости и общественной правды, подали намъ въ отвѣтъ руку, къ которой мы такъ охотно протягиваемъ свою, во имя взаимнаго уваженія къ обоюднымъ правамъ, во имя права каждаго человѣка на свою народность, во имя кровнаго родства и дружбы въ совмѣстной жизни, какую опредѣлила для насъ Исторія.

Предсѣдатель Коммиссіи М. Юзефовичъ.

II.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

ДВОРЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ СЕЙМОВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Во II-мъ т. *Архива* заключаются акты, со времени присоединенія Юго-западной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1596 году, по 1654 годъ, въ которомъ Украина, въ слѣдствіе народнаго возстанія, возбужденнаго Богданомъ Хмельницкимъ, отдѣлилась отъ Польши и присоединилась къ Восточной Руси. [1])

Большая часть этихъ актовъ заключаетъ въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Югозападной Руси; къ нимъ прибавлены историческіе матеріалы, пополняющіе и поясняющіе сеймовыя постановленія. Провинціальные сеймы установлены были въ Югозападной Руси жалованною грамотою короля Сигизмунда Августа, въ 1565 году. За нѣсколько недѣль предъ генеральнымъ сеймомъ, король приглашалъ дворянъ собираться въ главныхъ городахъ каждаго воеводства, для совѣщаній о нуждахъ Рѣчи Посполитой. По окончаніи совѣщаній, дворяне, постановивъ рѣшеніе, избирали изъ среды своей пословъ и, вручивъ имъ инструкціи, отправляли на генеральный сеймъ [2]).

---

[1]) Помѣщенные, въ настоящемъ изданіи, историческіе матеріалы извлечены нами изъ хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Кіевскихъ; къ этимъ матеріаламъ присоединено нѣсколько актовъ, извлеченныхъ нами изъ книгъ Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, хранящихся въ Варшавѣ, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго. Окончательною редакціею Польскаго текста завѣдывалъ Библіотекарь Университета св. Владиміра, начальникъ Кіевскаго Центральнаго Архива, *Красовскій*, принявъ за правило печатать текстъ рукописей съ дипломатическою точностію.

[2]) Акты, относящіеся до исторіи Западной Россіи, т. III, стр. 138.

Въ этихъ сеймовыхъ постановленіяхъ находимъ предположенія западнорусскаго дворянства по части законодательной, судебной и исполнительной, мѣры къ охраненію Русской народности, изображеніе того состоянія, въ какомъ находилась Югозападная Русь, наконецъ просьбы о награжденіи лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству. При изложеніи содержанія издаваемыхъ нами актовъ, мы заставимъ говорить западнорусское дворянство, воздерживаясь отъ собственныхъ нашихъ воззрѣній. Пусть сами дворяне скажутъ намъ, къ какому народу они причисляли себя, какъ они смотрѣли на устройство и состояніе Рѣчи Посполитой, и чего они желали для общественнаго благосостоянія. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію содержанія актовъ, считаемъ нужнымъ изложить тѣ основанія, на которыхъ Литва и Югозападная Русь соединились съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую.

Въ 1386 году, Великое Княжество Литовское, заключавшее въ своемъ составѣ Югозападную Русь, соединилось съ Польшею, подъ властію одного государя, великаго князя Литовскаго, Ягеллы. Это соединеніе имѣло чисто-федеративный характеръ. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать политическому могуществу обоихъ государствъ [1]). На основаніи такого федеративнаго союза, каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранять главныя условія политической независимости, именно, отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Территорія Литвы и Югозападной Руси строго отдѣлялась отъ территоріи Польскаго королевства; объ этомъ заботилось Литовско-Русское дворянство и неоднократно подавало свои просьбы королю. Дворяне жаловались, что паны-Поляки, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества Литовскаго, наносятъ пограничнымъ владѣльцамъ нестерпимыя обиды, производятъ разбои, убиваютъ людей и отнимаютъ земли. Для предотвращенія кровопролитія, Литовско-русское дворянство просило короля, чтобы границы между

---

[1]) «Contra insultus quorumdam hominum assistere, regem et coronam, regnum et regnicolas Poloniæ et eorum necessitates perpetuo adjuvare, quod et ipsi (i. e. regnicolæ Poloniæ) nobis pari modo tenebuntur facere vice versa.« Privilegium prælatorum Lithvaniæ 1401. Vol. Legg. T. I. p. 60. »Pro defensione fortiori, subsistentia dominiorum eorundem firmiori, unionem et connexionem ad effectum deducere conabantur.« Ibid. p. 288.

Польшею и великимъ княжествомъ Литовскимъ приведены были въ несомнѣнную извѣстность. Объ этомъ оно подавало просьбы на Виленскомъ сеймѣ, въ 1547, 1551 и 1554 годахъ. Такія же просьбы особо подавало дворянство Волынское въ 1551 и 1554 годахъ, жалуясь на разбои, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ пановъ-Поляковъ. Въ слѣдствіе этихъ просьбъ, король отправлялъ посланцовъ, какъ со стороны Литвы и Югозападной Руси, такъ и со стороны Польши, чтобы постановить между этими государствами точныя и вѣчныя границы [1]). Польша, отдѣленная отъ Литвы и Югозападной Руси вѣчными границами, была для Литовско-Русскаго народа страною чужеземною [2]); Поляки считались людьми заграничными, чужеземцами (liudi zahranicznyje, czużozemcy) [3]).

Поляки, наравнѣ съ другими чужеземцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, никакихъ государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Желая устранить всякое участіе Поляковъ во внутреннемъ управленіи Литвы и Югозападной Руси, Литовско-русское дворянство неоднократно обращалось съ просьбами къ королю о томъ, чтобы Поляки, какъ чужеземцы, не были допускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, въ предѣлахъ Литвы и Югозападной Руси [4]). Такія просьбы подавало Литовскорусское дворянство королю въ 1544

---

[1]) Zbiór praw Litewskich. Poznań, 1841, стр. 428, 469, 474, 490 и 501. Также Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, изданные Археографическою Коммисіею Т. III, стр. 10, 42, 46.

[2]) Это подтверждается слѣдующею статьею Статута Литовскаго 1529 года: »Też ustawujem, kotoruju by dewku otec abo matka dali *do czużoie zemli* z welikoho kniażestwa Litowskoho, *do Polski*, abo do Mazowsz, abo do kotoroie kolwe zemli« etc. Разд. IV, арт. IX.

[3]) Въ отвѣтахъ короля на просьбы Литовскорусскаго дворянства, на Брестскомъ сеймѣ, въ 1544 году, сказано: »Zatym szto jeste prosili, aby *Poliakom czużozemcom* wradow i ynych dostojnostej u welikom kniakstwe nedawano« и проч. Zbiór praw Litewskich стр. 405.

[4]) Литовскорусское дворянство основывало свою просьбу на слѣдующей статьѣ Статута Литовскаго 1529 года: »Też szlubujem i obecujem, iż w zemlach naszich toho welikoho kniaźstwa, zeml, i horodow, i mest, i kotorych kolwe dedictw, i deržania, i też kotorych kolwe wradow naszich, abo czestej i dostoinosti, obczomu, ale tolko prirożonym a tubylcom tych zeml naszich welikoho kniaźstwa, ne budem dawati, i potomki naszi ne budut dawati w deržanie i w poživanie. Разд. III, арт. 3. Также Zbiór praw Litewskich, стр. 45.

году, на Брестскомъ сеймѣ, и въ 1547 году, на сеймѣ Виленскомъ. Польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздки его въ Литву и Югозападную Русь, должны были останавливаться на границѣ, а если въѣзжали съ королемъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, то считались чужеземными гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ общественныя дѣла. При королѣ оставались только придворные чины, необходимые для его личныхъ услугъ (1).

Чужеземцы не имѣли права пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси (2); это ограниченіе распространялось и на Поляковъ. На Виленскомъ сеймѣ, въ 1554 году, дворянство Волынское жаловалось королю, что нѣкоторые паны-Поляки, женившись на дворянкахъ въ Землѣ Волынской и живя въ имѣніяхъ своихъ женъ, обижаютъ мѣстныхъ дворянъ, дѣлая имъ великія непріятности. Желая не только лишить Поляковъ права пріобрѣтать поземельную собственность на Волыни, но и устранить ихъ отъ владѣнія и пользованія имѣніями, дворянство Волынское просило короля, чтобы дозволено было ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ замужъ за Поляковъ. Король приказалъ руководствоваться, въ этомъ случаѣ, законами о чужеземцахъ, постановленными для всего Великаго Княжества Литовскаго (3). Право пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси предоставлено было Полякамъ только въ 1564 году, на Варшавскомъ сеймѣ (4).

Изъ приведенныхъ нами узаконеній слѣдуетъ, что Литва вмѣстѣ съ Югозападною Русью, заключивъ федеративный союзъ съ Польшею, сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страною, а ея жителей—чужеземцами. Западнорусскіе

(1) Zbiór praw Lit., стр 433. »Także szto jeste mowili jeho krolewskoj miłosti, iż buł tot obyczaj zawżdy iz starodawna, za szczastnoho panowania prodkow jeho miłosti, iż khdykolwek ich krolewskaia miłost s koruny polskoje jeżdczali do welikoho kniażstwa litowskoho, tohdy na hranicy wsi wradniki dworńyje korunnyje ostawali; a jestli kotoryj do kniażstwa litowskoho jechał, tohdy bywał jakobi hostem, a żadnoje mocy i władnosti w sprawowaniu wradu swojeho ne meł, ani sia w to wstupował.« Также стр. 405. Акты Западной Россіи. Т. III, стр. 13.

(2) Zbiór praw Lit., стр. 481. Акты Западной Россіи, т. III, стр. 53.

(3) Zbiór praw Litew., стр. 505. Акты Западной Россіи, т. IV, стр. 66.

(4) Voll. Legg. T. I, p. 649, art: 23.

дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія вѣроисповѣданій (1). Этимъ же именемъ и Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь. Поэтому грамоты, данныя Польскимъ правительствомъ для охраненія православной религіи, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Югозападной Руси, назывались дипломами Русскому народу (2).

Характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ. Въ этомъ году, Югозападная Русь, заключавшая въ себѣ Волынское и Брацлавское воеводства, а также княжество Кіевское, отдѣлены были отъ Литвы и включены въ составъ Польскаго королевства, въ формѣ провинцій, какъ части къ своему цѣлому, какъ членъ къ своему тѣлу и главѣ (3).

Такое соединеніе должно было имѣть послѣдствія, гибельныя для обоихъ народовъ. Двѣ, почти равносильныя, но, по своимъ основнымъ началамъ, совершенно противуположныя народности, отличавшіяся образомъ правленія, языкомъ и религіею, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализировать развитіе государства. Съ этихъ поръ, ни Польша, ни Югозападная Русь не знали покоя. Между-тѣмъ-какъ другія государства, подъ защитою централизирующей монархической власти, осаживались на своихъ территоріяхъ, обособляли свою народность и укрѣплялись въ силахъ, для того, чтобы перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, формамъ государственной жизни, Польша и Югозападная Русь истощали свои свѣжія силы во внутренней борьбѣ противуположныхъ народностей и въ распряхъ аристократіи, неспособной къ самоуправленію.

Литовскорусское дворянство предвидѣло эти невыгодныя послѣдствія, и поэтому старалось противудѣйствовать политическимъ видамъ Польскаго правительства. Еще въ 1526 году, дворяне просили короля Сигизмунда I, чтобы онъ короновалъ своего сына на Великое Княжество Литовское, для того только, чтобы, возведя это государство на степень королевства, сдѣлать окончательное сліяніе его съ Польшею невозможнымъ. »Когда Великое Княжество Литовское,« писа-

(1) N. XVII, стр. 203.

(2) N. XX, стр. 223, и XXXII, стр. 370.

(3) Jako własny a prawdziwy członek ku własnemu ciału a głowie. Voll. Legg. T. II, pag. 753, art. 2.

ли дворяне королю, «будетъ имѣть свою корону, то тогда нельзя будетъ присоединить его къ Коронѣ Польской, потому, что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ. Тогда панамъ Полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь заодно, противъ каждаго непріятеля (1)».

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ, постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западнорусскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ Польскими аристократами. Хотя король, въ своихъ грамотахъ, утверждалъ, что соединеніе совершилось по искреннему желанію и добровольному соизволенію всѣхъ сословій Земли Волынской и Княжества Кіевскаго (2); однакожъ это увѣреніе опровергается позднѣйшими королевскими распоряженіями. По окончаніи Люблинскаго сейма, король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, для того, чтобы принудить западнорусскихъ дворянъ дать согласіе на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою. Съ этою цѣлію, разосланъ былъ королевскій универсалъ, которымъ предписана была форма присяги, съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ: «А кто бы совершить эту присягу воспротивился, у того, какъ у сопротивляющагося власти нашей и государственнымъ законамъ, имѣніе конфисковать будемъ». Королевскимъ старостамъ повелѣно было доставить королю присяжные списки съ поименованіемъ лицъ, присягавшихъ, и не явившихся къ присягѣ, для того, чтобы король могъ подвергнуть непослушныхъ законному наказанію (3). Впрочемъ, изъ присяжныхъ листовъ, подписанныхъ обывателями повѣтовъ Луцкаго и Владимірскаго, видно, что, не смотря на королевскую угрозу, весьма многія лица, и притомъ представители знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, не явились къ присягѣ. Изъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія находимъ въ присяжномъ листѣ только подпись Іоны, архимандрита Жидичинскаго, да подпись извѣстнаго своимъ буйствомъ епископа Луцкаго, Іоны Красенскаго (4). Изъ лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣда-

(1) Ак. Зап. Рос. Т. II, стр. 175.

(2) «Z woli uprzeymey y za dobrowolnym pozwoleniem wszystkich stanów». Voll. Legg. II, 754.

(3) N. I, стр. 1 во II-мъ томѣ *Архива*.

(4) Архивъ югозападной Россіи, томъ I, стр. 29, 162, 191.

ній присягалъ и подписался одинъ только Армянскій попъ Вартикъ (1).

Изъ сеймовыхъ постановленій, нами издаваемыхъ, можно видѣть всѣ невыгоды, которымъ подверглась Югозападная Русь, по присоединеніи ея къ Польшѣ. Въ этихъ постановленіяхъ, мы находимъ безпрерывныя жалобы Западнорусскаго дворянства на своеволіе магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, на несправедливую раздачу старостъ и высшихъ государственныхъ должностей, на противузаконныя дѣйствія власти судебной и исполнительной, на грабежи и неистовства жолнеровъ и на преслѣдованія православной религіи.

Законодательная власть, по основнымъ законамъ, принадлежала генеральному сейму, состоявшему изъ короля, сенаторовъ и земскихъ пословъ, которые избираемы были дворянствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ усиливалась власть аристократіи, уменьшалось значеніе остальныхъ представителей законодательной власти: короля и посольской избы. Такимъ образомъ нарушено было равновѣсіе политическихъ силъ, необходимое для правильнаго государственнаго устройства. Дворянство Волынское, въ 1645 году, поручило посламъ своимъ обратить вниманіе генеральнаго Варшавскаго сейма на этотъ недостатокъ въ государственномъ устройствѣ. «Зеница нашихъ вольностей,» говорили дворяне, «есть посольская изба; но въ настоящее время, осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхетское сословіе исключено изъ сейма; безполезно гибнутъ благороднѣйшія желанія республики, инструкціи, даваемыя дворянствомъ посламъ на Варшавскій сеймъ, и проэкты законовъ, предлагаемыхъ въ посольской избѣ». Въ этомъ отношеніи, неустройство Польской республики, по мнѣнію дворянъ Волынскихъ, было такъ велико, что законы Польскіе служили посмѣшищемъ для иностранныхъ народовъ, (posmiewiskiem u postronnych narodów) (2).

Эти недостатки государственнаго устройства особенно обнаруживались во время междуцарствія. По смерти короля, представителемъ верховной власти являлся примасъ королевства, архіепископъ Гнѣз-

(1) N. I, стр. 4. См. также Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 19. Изъ лицъ, пока анныхъ не явившимися къ присягѣ, нужно исключить нѣкоторыхъ дворянъ, бывшихъ на Люблинскомъ сеймѣ и тамъ присягавшихъ.

(2) N. XXV, стр. 292 и 293.

нскій; но власть примаса, большею частію старика, удрученнаго лѣтами, была только тѣнью монархической власти, и притомъ слабою и отдаленною. Государство, во время междуцарствія, распадалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ королевскія судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія; верховная власть государя, въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности, переходила къ дворянамъ. Дворянство каждаго воеводства избирало изъ среды своей депутатовъ, для управленія краемъ, установляло порядокъ судопроизводства и опредѣляло наказанія за нарушеніе законовъ. Депутаты рѣшали дѣла окончательно. Для строгаго исполненія приговоровъ, дворяне обязывались, на непослушнаго депутатскому суду, возстать, всѣ вмѣстѣ и каждый особо, итти войной, какъ противъ врага отечества, опустошить его имѣнія и лишить его жизни и чести (1). Не смотря на эти строгія мѣры, междуцарствіе было для народа временемъ опасностей, раздоровъ и внутреннихъ безпорядковъ, производимыхъ буйными, мятежными людьми (2). Сосѣдніе народы, пользуясь внутренними безпорядками и слабостію исполнительной власти, принимали угрожающее положеніе. Польскіе аристократы придумывали, для своей пользы, постановленія, ограничивавшія монархическую власть и доводившія ее до совершеннаго безсилія. Вновь избранный король, согласившись на эти постановленія и подтвердивъ ихъ присягою, часто принималъ на себя неисполнимыя обязанности и дѣлался клятвопреступникомъ. Тогда возникалъ народный ропотъ, подданные считали себя въ правѣ не повиноваться государю, составлялись мятежные союзы и конфедераціи, разрушавшія частное и государственное благосостояніе. По смерти короля Сигизмунда III, дворянство Волынское отправило пословъ своихъ на генеральный сеймъ, съ горькими упреками покойному государю и его сенаторамъ: «Святой памяти король,» говорили дворяне, «обѣщалъ намъ, подъ присягою, построить на свой счетъ пять замковъ, для защиты края отъ татарскихъ набѣговъ, и не исполнилъ своего обѣщанія; отъ этого наши Украинскія воеводства подвергаются великимъ бѣдствіямъ. Король обязался не только не уменьшать, но, напротивъ, разширять предѣлы королевства; между тѣмъ, княжество Прусское отдалъ князю Бранденбургскому, на ленномъ правѣ, къ ве-

(1) N. II, стр. 30.
(2) N. II, стр. 19.

ликому вреду государства. Король обязался построить флотъ; отъ неисполненія этого обязательства, княжество Прусское было завоевано непріятелемъ. Земля Лифляндская, завоеванная неоцѣненною кровію народа Польскаго и Литовскаго, утрачена и завоевана непріятелемъ, къ великому вреду государства. Король обѣщалъ присоединить къ коронѣ Польской Эстонію, но не исполнилъ этого обѣщанія. Всѣ военные снаряды, какъ-то: пушки, пули, порохъ и другіе, король обязанъ былъ доставлять на свой счетъ, на каждую войну; между тѣмъ, всѣ эти снаряды принуждена была поставлять Рѣчь Посполитая, на счетъ тяжкихъ податей и сборовъ. Сеймы были назначаемы трехнедѣльные, двухнедѣльные и чрезвычайные; на этихъ сеймахъ были вымышляемы новые поборы, которыми было обременено дворянство. Государственный доходъ, назначенный на содержаніе кварцянаго войска, для защиты Украины, тратился на другіе предметы. Упоминки Татарамъ, назначенные Рѣчью Посполитою, отдаваемы не были. Дурная монета причинила великій вредъ государству; объ этомъ разсуждаемо было на многихъ сеймахъ, но безъ всякаго успѣха (1)».

Предметомъ жалобъ со стороны дворянства была также неправильная раздача староствъ, переходившихъ въ руки немногихъ аристократовъ, отъ чего ихъ могущество безмѣрно увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ, захвативъ въ свои руки болѣе 10 староствъ, продавали ихъ, уступали своимъ приверженцамъ, между тѣмъ какъ люди, оказавшіе важныя услуги государству, лишены были всякой надежды получить награду (2).

(1) № XVI, стр. 191.

(2) № XXVI, стр. 323. Фамилія Казановскихъ имѣла 15 староствъ, Зборовскихъ—12, Мышковскихъ—16, Яну Замойскому принадлежало 10 староствъ, Вишневецкому—10, Станиславу Потоцкому—10, Лукашу Опалинскому—15, и т. д. *Siarczyńskiego*. Obraz wieku panowania Zygmunta III. Poznań, 1843. T. I. str. 262. Управленіе старостъ было весьма тяжко для народа. Въ 1638 году, Владиславъ IV требовалъ на судъ наслѣдниковъ Адама Калиновскаго, старосты Брацлавскаго, по жалобѣ жителей города Брацлава. Въ этой жалобѣ сказано, что Калиновскій, отмѣнивъ самовольно права, Брацлаву предоставленныя, принуждалъ жителей къ ежедневнымъ холопскимъ работамъ, обременялъ ихъ произвольными податями и сборами, и довелъ до такой крайности, что они принуждены были уходить изъ города, бросивъ свои домы и свое хозяйство. Въ слѣдствіе такого управленія, изъ двухъ тысячъ жилыхъ домовъ осталось въ Брацлавѣ только 100 съ небольшимъ. См. Книги Главнаго Трибунала Люблинскаго Воеводства Брацлавскаго, въ Главномъ Варшавскомъ Архивѣ, 1638 года, № 18, справа 311.

Устройство Главнаго Трибунала Люблинскаго, какъ высшей судебной инстанціи, западнорусское дворянство полагало основать на началѣ самоуправленія, утверждая, что народъ только тогда можетъ назваться свободнымъ, когда онъ самъ себѣ даетъ законы и самъ себя судитъ (1). Поэтому, Трибуналъ Люблинскій состоялъ изъ лицъ, опредѣляемыхъ на одинъ годъ, по выбору дворянства. Но начало самоуправленія, при тогдашнемъ состояніи общества, имѣло невыгодныя послѣдствія. Дворяне жаловались, что трибуналъ, не имѣя законодательной власти, отмѣняетъ своими приговорами законы, несправедливо лишаетъ дворянъ шляхетскаго достоинства и подвергаетъ ихъ безчестію и изгнанію изъ отечества (2). Вотъ какъ изображало дворянство Волынское недостатки Трибунала Люблинскаго, высшей судебной инстанціи: «Трибуналъ запутываетъ дѣла, производя судъ не по предписаніямъ закона, но по произволу; назначаетъ наказанія по собственному усмотрѣнію, а не по мѣрѣ преступленій; полагаетъ приговоры не на основаніи судебнаго изслѣдованія, но по ненависти къ лицамъ или къ ихъ религіи, постановляя по однимъ и тѣмъ же дѣламъ различныя рѣшенія. Наконецъ Трибуналъ, подавляетъ всякое благородное и свободное мнѣніе. Народъ, который позволяетъ отнимать у себя по произволу жизнь и имущество и подавлять совѣсть, не есть вольный, но рабскій народъ. Избираемые нами короли, государи наши, предоставляютъ намъ право отказываться отъ повиновенія, если бы они, въ своемъ управленіи, вздумали нарушать вольности и права наши, а чтобы судьи, избираемые нами на одинъ годъ, могли угнетать насъ,—не дай того Боже!» (3).

При крайней слабости исполнительной власти, приговоры трибунала часто оставались безъ всякаго исполненія. Люди сильные, совершавшіе уголовныя преступленія, пренебрегали трибуналомъ и не являлись, по его требованію, на судъ. Трибуналъ приговаривалъ ихъ къ банниціи, то есть лишалъ ихъ чести и осуждалъ на изгнаніе изъ отечества; но осужденные, если принадлежали къ могущественной аристократіи, или вовсе не обращали вниманія на судебные приговоры, или получали изъ королевской канцеляріи охранительныя грамоты и, такимъ образомъ, избѣгали наказанія. Государство наполня-

(1) № XXV, стран. 393.
(2) № XXVI, стран. 321 и 322.
(3) № XXV, стран. 293 и 294.

лось людьми, лишенными чести и осужденными на изгнаніе изъ отечества. Эти лица не только не боялись правосудія, но безнаказанно совершали новыя преступленія, нападая вооруженною рукою на мелкихъ дворянъ и отнимая у нихъ имѣнія (1). Недовольные судопроизводствомъ въ трибуналѣ Люблинскомъ, дворяне Волынскіе изъявляли желаніе освободиться отъ власти этой высшей судебной инстанціи и учредить для себя особый трибуналъ въ Луцкѣ (2).

Неустройство судебной власти и слабость власти исполнительной подвергали западнорусскихъ дворянъ обидамъ отъ ксендзовъ, козаковъ и особенно жолнеровъ. Жалуясь на ксендзовъ, дворянство Волынское говорило: «Ихъ милости ксендзы сильно обременяютъ дворянское сословіе такими десятинами, на которыя нѣтъ никакихъ законныхъ и несомнѣнныхъ записей. Ксендзъ доказываетъ свое право или какимъ нибудь реестрикомъ, или аттестаціею другаго ксендза, но безъ всякаго законнаго основанія; а судъ, въ обиду дворянскому сословію, требуетъ только, чтобы ксендзъ истецъ подтвердилъ свой искъ присягою (3)».

На козачество смотрѣли дворяне какъ на причину внутреннихъ смятеній и главный поводъ къ войнамъ Польши съ Султаномъ Турецкимъ. Такъ какъ первые удары непріятеля падали на южнорусскія воеводства, составлявшія охранительную стѣну рѣчи посполитой, то по этому западнорусское дворянство изыскивало средства, чтобы удерживать козаковъ въ повиновеніи. Въ 1618 году, дворянство воеводства Кіевскаго поручало посламъ своимъ просить на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы козачество какъ разбойничья шайка (lotrowstwo kozackie), или совершенно было уничтожено, или по крайней мѣрѣ приведено въ прежній порядокъ, чтобы оно не ссорило Польши съ Султаномъ Турецкимъ (4). Объ этомъ же ходатайствовало на сеймѣ дворянство Волынское въ 1622 году, говоря, что для спокойствія цѣлаго государства и для прочнаго мира съ Султаномъ Турецкимъ, необходимо принять мѣры къ удержанію козаковъ въ порядкѣ и повиновеніи (5). По усмиреніи козацкаго возстанія, бывшаго въ 1637 году, дворяне Волынскіе просили на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы на

(1) № XXVI, стран. 330 и 331.
(2) № XXV, стран. 295.
(3) № XIII, стран. 141.
(4) № XII. стран. 118.
(5) № XIII, стран. 136.

будущее время начальникомъ запорожскаго войска былъ назначаемъ Польскій шляхтичъ, чтобы украинскіе старосты постоянно находились въ укрѣпленныхъ замкахъ, для предупрежденія козацкихъ бунтовъ, и чтобы крѣпость Кодакъ снабжена была сильнымъ военнымъ отрядомъ, для препятствованія козакамъ выходить на море и чрезъ то нарушать мирные трактаты Польши съ Султаномъ Турецкимъ (1).

Великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, имъ производимое, ни чѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволію, раззоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и котрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне Волынскіе поручили, въ 1645 году, посламъ своимъ спросить на главномъ Варшавскомъ сеймѣ: «Долго-ли отчизна наша, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои, и долго-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ (2)? Бѣдствія, причиняемыя жолнерами, еще болѣе увеличивались частыми набѣгами Татаръ, истреблявшихъ города и селенія и уводившихъ въ плѣнъ огромное количество народа. Всѣ эти бѣдствія преимущественно обрушивались на пограничныя воеводства югозападной Россіи, служившія оборонительною стѣною для всей рѣчи посполитой. Въ 1522 году, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ представить Варшавскому сейму жалкое состояніе края. Дворяне говорили:

«За грѣхи наши, мы покараны отъ Господа Бога различными казнями и бѣдствіями. Мы доведены до нищеты то частыми контрибуціями, то непрерывными войнами, то переходами войскъ чрезъ наши края, то толпами своевольныхъ людей, ежегодно появляющихся. Мы раззорены нынѣшнею конфедераціею, измѣненіемъ монеты и ея недостаткомъ, дороговизною и неурожаемъ. Нѣсколько лѣтъ съ ряду, мы подвергались нападеніямъ невѣрныхъ, производившихъ опустошенія огнемъ и мечемъ, такъ что намъ осталось только смотрѣть съ горестію на пепелища имѣній, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій нашихъ. Мы истощились, платя за выкупъ изъ плѣна сыновей, женъ и дѣтей, братьевъ и родственниковъ своихъ. Мы до того стѣснены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши

(1) № XXI, стран. 230, № XXII, стр. 277.
(2) № XXV, стр, 399 и 300.

едва дышутъ отъ крайней бѣдности и нужды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умираютъ съ голоду (1)».

Вотъ плоды, которыми наслаждалась югозападная Россія, по присоединеніи ея къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ!

Вступая въ союзъ съ Польшею, западнорусское дворянство старалось оградить свою народность отъ чужеземнаго вліянія и сохранить ее неприкосновенною. Главныя основы западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная вѣра (2). Однимъ изъ главныхъ условій присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ было сохраненіе Русскаго языка во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, какъ въ судахъ гродскихъ и земскихъ, такъ и въ королевской канцеляріи. Въ грамотѣ о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ постановлено: «Акты по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, въ судахъ нашихъ гродскихъ и земскихъ, какъ то: позвы, записи въ книги и другіе акты, и всѣ дѣла, также декреты наши, выдаваемые изъ канцеляріи нашей коронной, и листы, посылаемые по всѣмъ дѣламъ, какъ нашимъ королевскимъ, такъ и земскимъ коронымъ, должны быть писаны не инымъ письмомъ, какъ только Русскимъ, *на вѣчныя времена*» (3). Это же самое постановленіе повторено и въ актѣ о присоединеніи къ Польшѣ княжества Кіевскаго (4).

Вскорѣ по присоединеніи югозападной Руси къ Польшѣ, учреждены были два высшія государственныя установленія: метрика Русская и главный трибуналъ Люблинскій. Метрика Русская учреждена была при королевской канцеляріи, для вписыванія административныхъ и судебныхъ актовъ короля и генеральнаго Варшавскаго сейма, для воеводствъ: Кіевскаго, Волынскаго, Брацлавскаго и, въ послѣдствіи, Черниговскаго. Всѣ дѣла вписывались въ книги этой

---

(1) № XIII, стран. 138.

(2) Третьимъ элементомъ западнорусской народности было древнее Русское право, но изслѣдованіе этого предмета будетъ напечатано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изданій Коммиссіи.

(3) Voll. Legg. T. II. pag. 757. «To też za prożbą wszech wołynskiey ziemie przerzeczonych stanow, zostawuiemy: iż we wszelakich sprawach ich sądowych, iako pozwy, wpisowanie do ksiąg, acta, y wszelakie potrzeby, tak u sądow naszych grodskich y ziemskich, iako y z kancellaryi naszey koronney dekreta nasze y we wszystkich potrzebach naszych krolewskich y ziemskich koronnych do nich listy, nie jakim innym, jedno Ruskim pismem pisane y odprawowane bydź mają czasy wiecznemi».

(4) Voll. Legg. II, p. 764.

метрики на Русскомъ языкѣ. Въ 1632 году, на Варшавскомъ съѣздѣ, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касающіеся воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, были писаны въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы изъ нихъ на Русскомъ языкѣ, и что акты, написанные на другомъ языкѣ, не должны имѣть никакой силы. Для этой цѣли положено имѣть при канцеляріи коронной особаго чиновника изъ западнорусскихъ дворянъ, который обязанъ былъ завѣдывать всѣмъ, что касалось Русскаго письма (1).

На провинціальномъ сеймѣ 1638 года, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, ходатайствовать о томъ, чтобы при метрикѣ Русской состоялъ особый чиновникъ, избираемый дворянствомъ Кіевскаго, Волынскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго воеводствъ. Онъ обязанъ былъ завѣдывать метрикой, писать на Русскомъ языкѣ и отправлять по принадлежности акты, касавшіеся четырехъ означенныхъ выше воеводствъ (2).

Въ главномъ трибуналѣ Люблинскомъ, составлявшемъ высшую судебную инстанцію, ведены были особыя актовыя книги для воеводствъ Волынскаго, Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго. Всѣ дѣла постановлено было записывать въ эти книги Русскимъ языкомъ; на этомъ же языкѣ писались и выдавались тяжущимся судебныя рѣшенія (3).

---

(1) Статьи, постановленныя на Варшавской конвокаціи въ 1632 году, вписаны въ акты городскіе Варшавскіе (Obligationum) № 8., подъ заглавіемъ: Oblata punctorum exorbitantiarum. Статья 27 заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Pisanie Ruskich praw. Jako dawne prawo miéć chciało y iako dotąd w zwyczaiu było, wszystkie przywilegie, listy, mandaty y insze wszystkei sprawy Kijowskiego, Wołynskiego, y Bracławskiego woiewodstw Ruskim ięzykiem w Cancellariach J. K. M. pisane y wydawane być maią sub nullitate wszystkiey sprawy, ktorą by kto inakszym characterem z cancellariei wyniosł; g woli czemu ma być zawżdy prcy cancellarij coronney pisarz urodzenia szlachezkiego, osiadły y przysięgły, krory by tego Ruskiego pisania we wszystkim doglądał». Akra obligationum grodu Warszawskiego 1631—1632. pag. 2449, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) № XXI, стр. 238. Акты Метрики Русской хранятся въ С. Петербургѣ, при третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

(3) Трибуналъ для воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго учрежденъ былъ въ 1589 г.—Въ уставѣ трибунала сказано: Pisarze Ziemscy onych woiewodstw maią xięgi osobne mieć, a wszystkie sprawy do tych xiąg pismem Ruskim zapisywać. Dekreta y sprawy wszelakie, także pismem Ruskim wydawać. Voll. Legg. T. II pag. 1237. Воеводство Кіевское подчинено было трибуналу Люблинскому въ 1590 году, на томъ же самомъ основаніи, какъ и воеводства Волынское и Брацлавское. Voll. Legg. T. II. p. 1340.

Въ статутѣ Литовскомъ постановлено, что всѣ листы, выписи и позвы, въ судахъ гродскихъ и земскихъ, должны быть писаны Русскимъ языкомъ (1).

Западнорусское дворянство не только старалось о томъ, чтобы языкъ Русскій употребляемъ былъ въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, но заботилось и объ его чистотѣ. Конституціею Варшавскаго сейма предложено было воеводствамъ Волынскому и Брацлавскому заняться исправленіемъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Югозападной Руси, при этомъ было постановлено, чтобы законы писаны были Русскимъ языкомъ и письмомъ, безъ примѣси словъ латинскихъ (2).

Слѣдующіе случаи доказываютъ, съ какою заботливостію западнорусское дворянство старалось о томъ, чтобы означенныя выше постановленія объ употребленіи исключительно одного только Русскаго языка, въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, были исполняемы во всей ихъ силѣ. Въ 1576 году, король Стефанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Брацлавскихъ дворянъ позовными листами, писанными польскимъ языкомъ. Дворянство Брацлавское не позволило своей братіи исполнить королевское приказаніе, замѣтивъ королю, что листы, присылаемые къ нимъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны на Русскомъ языкѣ: «Пайяснѣйшій милостивый король»—писало дворянство Брацлавское: нарушаются наши вольности и права тѣмъ, что изъ канцеляріи вашей королевской милости посылаются къ намъ листы, писанные Польскимъ письмомъ. Поэтому мы просимъ вашу королевскую милость покорными просьбами, на будущее время сохранять въ цѣлости привилегіи и свободы наши, приказавъ, чтобы къ намъ, изъ канцеляріи вашей королевской милости, присылаемы были листы на Русскомъ языкѣ (3)».

Въ 1605 году, Кіевскій гродскій судъ судилъ дѣло о бѣгломъ крестьянинѣ. Отвѣтчикъ былъ оправданъ потому только, что уполномочіе, данное истцомъ адвокату, было написано по-польски. Въ судебномъ приговорѣ сказано: «Судъ гродскій Кіевскій, видя, что уполно-

---

(1) Ст. Лит. 1566 года. «А писарь земскій маетъ поруску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не инпимъ языкомъ и словы». Разд. IV. арт. I. Тоже повторено и въ статутѣ 1588 года въ разд. IV. арт. 1.

(2) Voll. Legg. T. II. pag. 1340 «Statuta, wedlug ich prawa, Ruskim ięsikiem y pismem maią bydź pisane, nie mięszaiąc slow Łacinskich»

(3) Акты Западной Россіи. Т. III. стр. 187.

мочіе, предъявленное адвокатомъ со стороны истца, написано по-польски, а наши законы, по которымъ судится земля Кіевская, повелѣваютъ, чтобы всѣ дѣла не инымъ были писаны письмомъ, какъ только русскимъ, призналъ уполномочіе незаконнымъ и отвѣтчика отъ позва вольнымъ учинилъ.» Истецъ подавалъ апелляцію въ Люблинскій трибуналъ, но не явился на судъ; поэтому трибуналъ утвердилъ рѣшеніе, постановленное Кіевскимъ гродскимъ судомъ (1).

Языкъ Русскій былъ употребляемъ въ Литвѣ и югозападной Руси не въ однихъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ: онъ былъ во всеобщемъ употребленіи между частными лицами, духовенство писало на немъ свои проповѣди и другія сочиненія, этому языку обучалось юношество въ училищахъ, на немъ писались завѣщанія. Самые знатные и образованные изъ западнорусскихъ патріотовъ завѣщевали дѣтямъ своимъ учиться Русской грамотѣ, не забывать своего Русскаго письма и Русской рѣчи, не оставлять добрыхъ Русскихъ обычаевъ, пребывая вѣрными своей православной вѣрѣ, до самой смерти (2).

Изложивъ свѣдѣнія объ употребленіи Русскаго языка въ Литвѣ и Югозападной Руси, извлеченныя нами изъ оффиціальныхъ актовъ, не лишнимъ считаемъ прибавить мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ ученыхъ и безпристрастныхъ Польскихъ писателей, Сярчинскаго. «Въ древнія времена, Литва, во всѣхъ письменныхъ памятникахъ, не употребляла другаго языка, какъ только Русскій. На этомъ языкѣ писаны были лѣтописи, уставы и жалованныя грамоты князей, письма княжескаго двора, поученія духовенства. Западная Русь, вышедшая изъ состоянія дикости гораздо прежде Литвы, передала ея обитателямъ свои обычаи, вѣру, законы и языкъ. Множество Руси, спасая жизнь и имущество отъ дикихъ Татаръ, уходили въ Литву и тамъ поселялись. Стрыйковскій, который имѣлъ объ этомъ предметѣ вѣрныя свѣдѣнія, и которому нельзя было не вѣрить, утверждаетъ, что еще въ продолженіи XVI вѣка, Литва, въ церквахъ, судахъ и школахъ, не знала другаго языка, кромѣ Русскаго. Сопиковъ утверждаетъ, что Русь, въ Польшѣ и Литвѣ, до самаго конца XVII вѣка, всѣ свои духовныя книги писала на Русскомъ языкѣ. Этотъ языкъ Сопиковъ на-

(1) Книга главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго 1607 г. № 6, справа 120, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) См. завѣщаніе Василія Загоровскаго, костеляна Брацлавскаго, въ Арх. Югозападной Руси. Т. I, стр. 67.

зываетъ Бѣлорусскимъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Сопикова, Линде называетъ языкъ, на которомъ написанъ былъ Статутъ Литовскій, также Бѣлорусскимъ. Но для чего употреблять это особое названіе? Я нисколько не отвергаю, что языкъ Русскій, которымъ говорила и писала Польская и Литовская Русь, былъ отличенъ отъ Великорусскаго и Церковнославянскаго; но недостаточно ли называть этотъ языкъ просто Русскимъ? Небольшія отличія въ говорѣ, встрѣчающіяся у Русскихъ въ Червоной, Бѣлой, Черной, Малой и Великой Руси, не уничтожаютъ характера языка; этотъ языкъ, какъ говоритъ Шлёцеръ, вездѣ Русскій. Языкъ Польскій, которымъ говорятъ въ Великой Польшѣ, въ Малой Польшѣ, въ Мазовіи и Пруссіи, имѣетъ отличія; не смотря на то, на письмѣ не дѣлается отличія между языками великопольскимъ, малопольскимъ, мазовецкимъ и т. д.» (1).

Мы видѣли, какъ дорожило западнорусское дворянство своимъ роднымъ языкомъ, и какія усилія оно употребляло для его сохраненія, но еще съ большею ревностію оно заботилось о сохраненіи своей народной православной религіи. Православную религію западноруское дворянство старалось поддерживать и охранять отъ вліянія иностранныхъ исповѣданій учрежденіемъ церковныхъ братствъ, монастырей и учебныхъ заведеній. Уцѣлѣвшія, до настоящаго времени, церкви и монастыри, разсѣянные на всемъ пространствѣ Югозападной Руси, гробницы князей и

(1) См. Obraz wieku panowania Zygmunta III przez. X. Franciszka Siarczyńskiego. Poznań. 1843. T. I, стр. 198. Вопросъ о Западнорусскомъ языкѣ и его отношеніи къ Великорусскому мы предоставляемъ филологамъ. Замѣтимъ только, что въ оффиціальныхъ актахъ до XVI вѣка, Западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ Восточной Руси. Съ XVI вѣка, Западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ Польскаго языка слова и грамматическія формы; не смотря на то, онъ всегда сохранялъ болѣе сходствв съ Великорусскимъ, нежели съ Польскимъ языкомъ. До конца XVI столѣтія, законъ объ исключительномъ употребленіи Русскаго языка въ оффиціальныхъ актахъ соблюдался во всей строгости. Къ концу этого столѣтія начинаютъ встрѣчаться въ актовыхъ книгахъ правительственныя распоряженія и частныя записи на Польскомъ и Латинскомъ языкахъ. Необходимость входить въ частыя сношенія съ Польшею, а также недостатокъ народнаго образованія, заставлявшій дворянъ отдавать дѣтей въ іезуитскія школы, имѣли слѣдствіемъ быстрое распространеніе Польскаго языка въ Западнорусскомъ дворянствѣ, такъ что во второй половинѣ XVII вѣка, этотъ языкъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ Русскимъ. Но вліяніе означенныхъ выше причинъ ограничивалось преимущественно дворянскимъ сословіемъ; напротивъ того, простой народъ, составлявшій главную массу населенія, всегда сохранялъ свой родной Русскій языкъ неприкосновеннымъ.

дворянъ съ Русскими надгробными надписями, наполненные княжескими и дворянскими фамиліями древніе поминальные синодики, хранящіеся въ православныхъ церквахъ и монастыряхъ, свидѣтельствуютъ, что западнорусское дворянство, причисляя себя къ Русскому народу, пребывало до гроба вѣрнымъ своей православной религіи. Иногда дворяне заключали между собою договоръ, обязываясь защищать и поддерживать учрежденныя ими религіозныя установленія соединенными силамк. Такъ въ 1601 году, сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій на Волыни заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго Люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ находимъ подписи: князя Константина Острожскаго, князя Сангушка Коширскаго, князя Яхима Корецкаго, князя Юрія Друцкаго-Горскаго, Василія Семашка, Лаврина Древинскаго, князя Курцевича-Булыги, князя Юрія Чарторыйскаго, Фридриха Тишкевича, князя Григорія Четвертинскаго, князя Друцкаго-Любецкаго, Мартина Бутовича и многихъ другихъ (1).

Предметомъ особенной заботливости для западнорусскаго дворянства была Кіевопечерская Лавра. Дворяне поручали посламъ своимъ ходатайствовать на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы Кіевопечерская Лавра, домъ Божій, какъ они ее называли, была защищаема отъ притѣсненій и пользовалась древними правами своими, такъ какъ лица знатныхъ фамилій посѣщаютъ въ этомъ монастырѣ гробы своихъ предковъ, а простой народъ стекается для поклоненія святымъ угодникамъ (2). Съ древнихъ временъ, дворянство исходатайствовало себѣ право избирать архимандрита Кіевопечерской Лавры. Тотчасъ по смерти архимандрита, соборное духовенство оповѣщало князей и дворянъ православной вѣры, прося ихъ прибыть въ Кіевъ для выбора архимандрита изъ лицъ дворянскаго сословія, знающихъ догматы православной религіи и изучившихъ богословскія науки. Избирательный листъ, съ подписями избирателей, посылался королю на утвержденіе (3).

Король Сигизмундъ III и окружавшіе его іезуиты весьма хорошо понимали всю важность Кіевопечерской Лавры, имѣвшей религіозное вліяніе не только на Западную, но и на Восточную Россію. Поэто-

---

(1) N. IV, стр. 35.

(2) № XII, стр. 123.

(3) Образецъ такого избирательнаго листа напечатанъ подъ № XXVII, стр. 336.

му, какъ только нѣкоторые изъ православныхъ іерарховъ изъявили согласіе на унію, тотчасъ явилась мысль предоставить этотъ монастырь въ распоряженіе столицы апостольской. Іезуиты понимали, что, захвативъ въ свои руки эту всероссійскую святыню, они сдѣлали бы изъ нея средоточіе обширной католической пропаганды, которая могла бы распространять свое вліяніе на весь народъ Русскій. Въ этихъ видахъ, Сигизмундъ III, еще до принятія уніи на Брестскомъ соборѣ, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, которою Кіевопечерская Лавра, со всѣми ея имѣніями и доходами, предоставлена была во власть митрополитовъ кіевскихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пребывали въ соединеніи съ Римскимъ костеломъ (1). Такое распоряженіе возбудило сильный ропотъ и негодованіе въ Югозападной Руси. Дворянство отправило пословъ на Варшавскій сеймъ и требовало, чтобы папская булла была отмѣнена, такъ какъ право назначать архимандрита Кіевопечерской Лавры не принадлежитъ ни королю, ни папѣ, а только православнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Негодованіе народа и дворянъ было такъ сильно, что угрожало опасностію государству и заставило короля просить папу объ отмѣнѣ буллы и о возвращеніи Кіевопечерской Лавры въ прежнее положеніе. Папа, для успокоенія государства (pro regni tranquillitate), согласился на просьбу короля, и двумя бреве, данными на имя короля и папскаго нунція, разрѣшилъ освободить Кіевопечерскую Лавру отъ власти уніатскихъ митрополитовъ и возвратить дворянству право избирать архимандрита (2) Такимъ энергическимъ усиліемъ западнорусскаго дворянства, Кіевопечерская Лавра сохранена была въ своей первобытной святости и спасена отъ разрушенія, которому подверглась большая часть православныхъ церквей и монастырей, поступившихъ во власть уніатскаго духовенства.

Удерживая за собою право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей, западнорусское дворянство считало обязанностію заботиться о приготовленіи изъ среды своей лицъ, способныхъ для поступленія въ духовное званіе. Для этой цѣли, дворянство Волынское, въ 1607 и 1608 годахъ, ходатайство-

---

(1) Эта булла папы Климента VIII, 1595 марта 4, вписана въ книгу гродскую Житомірскую 1760 г., листъ 1009 на оборотѣ.

(2) N. V, стр. 40. N. VI, стр. 44.

вало на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы митрополиту, епископамъ и архимандриту Кіевопечерской Лавры вмѣнено было въ обязанность учредить, на счетъ монастырскихъ и епископскихъ доходовъ, семинаріи, въ которыхъ бы постоянно воспитывались дворянскія дѣти, для приготовленія къ духовному званію (1). Но наиболѣе выразилась непоколебимая приверженность западнорусскаго дворянства къ православной вѣрѣ въ борьбѣ противъ уніи.

По мнѣнію западнорусскихъ іерарховъ, для измѣненія религіозныхъ догматовъ, не достаточно было постановленіе одного только духовенства, но необходимо было согласіе свѣтскихъ лицъ, какъ дворянскаго сословія, такъ и посполитаго народа, чтобы не было насилія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти (2). Это начало, отличавшее западнорусскую православную церковь отъ католической, давало возможность дворянству участвовать, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ совѣщаніяхъ соборовъ и въ постановленіи соборныхъ опредѣленій. По этому, когда созванъ былъ въ 1596 году, Брестскій соборъ, для совѣщанія объ уніи, то на этомъ соборѣ явилось многочисленное собраніе дворянъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъ Литвы и Югозападной Руси. Всѣ эти лица, вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ, участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ, претестовали противъ уніи, требовали низложенія іерарховъ, отступившихъ отъ православія, и съ своимъ протестомъ отправили пословъ къ королю (3). Но когда дворяне увидѣли, что постановленія собора были отвергнуты Польскимъ правительствомъ, что малочисленная православная іерархія оказалась безсильною для защиты своей вѣры, что имѣнія, пожертвованныя ихъ предками на содержаніе церквей, монастырей, братствъ и училищъ, были отобраны въ пользу уніатовъ: тогда они рѣшились принять народную Русскую вѣру подъ свою непосредственную защиту и сдѣлали ее предметомъ совѣщаній на своихъ провинціальныхъ сеймахъ.

Не вдаваясь въ богословскія прѣнія, дворяне защищали свою религію на основаніи законовъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія. Они говорили, что православная религія издавна имѣла права свои, подтвержденныя многими королями Польскими и великими князьями Литовскими, что эти права никогда не были нарушаемы до вре-

(1) N. VIII, стр. 75. N. X, стр. 92.
(2) Архивъ Югозападной Руси Т. I, ст. LII.
(3) Тамъ же, стр. 509.

мени короля Сигизмунда III, и что религія православная начала подвергаться преслѣдованію только съ тѣхъ поръ, когда митрополитъ и нѣкоторые изъ епископовъ, измѣнивъ своей вѣрѣ, признали надъ собою власть Римскаго папы (1). Защищая начало вѣротерпимости, православное дворянство заботилось не только о правахъ своей церкви, но требовало, чтобы всѣ христіанскія вѣроисповѣданія могли спокойно отправлять свое богослуженіе, на основаніи давнихъ правъ и привилегій, утвержденныхъ присягами короля Сигизмунда III, и его предшественниковъ (2).

Со времени Брестскаго собора, на которомъ принята была унія въ 1596 году, не проходило ни одного почти сейма, на которомъ бы не раздавался голосъ западнорусскаго дворянства въ защиту православной вѣры.

Въ 1606 году, король Сигизмундъ III находился въ затруднительномъ положеніи. Недовольная его управленіемъ шляхта, составивъ многочисленное войско, подняла мятежъ, упрекая короля въ замыслѣ, на присвоеніе неограниченной власти, въ нарушеніи государственныхъ законовъ, въ недостаткѣ правосудія и въ разстройствѣ финансовъ. Государству угрожала междуусобная война. Этимъ случаемъ рѣшилось воспользоваться западнорусское дворянство для того, чтобы возстановить древнія права религіи православной, нарушенныя введеніемъ уніи. Дворяне Волынскіе, соединившись съ дворянами воеводства Кіевскаго, на съѣздѣ подъ Сендомиромъ, постановили просить короля, чтобы унія была уничтожена, чтобы митрополитъ и епископы, принявшіе унію, были лишены должностей и всѣхъ іерархическихъ правъ, имъ предоставленныхъ, чтобы, на будущее время, всѣ іерархическія должности и церковныя имѣнія были раздаваемы только лицамъ православнаго исповѣданія и притомъ по свободному выбору дворянства (3).

Угрожаемый мятежными конфедератами король, желая привлечь на свою сторону западнорусское дворянство, обѣщалъ, что, на будущее время, православный Русскій народъ не будетъ подвергаться преслѣдованію за свою вѣру, что ему будетъ предоставлена свобода богослуженія по древнимъ обрядамъ, что лица православнаго исповѣданія будутъ имѣть право отправлять городскую службу и заниматься реме-

(1) N. VIII, стр. 69.
(2) N. XII, стр. 120.
(3) N. VIII, стр. 69.

слами. Всѣ тяжбы возникшія изъ религіозныхъ споровъ были признаны недѣйствительными, и духовныя лица, присужденныя къ наказаніямъ по дѣламъ вѣры, объявлены свободными. Но митрополитъ и епископы, согласившіеся на унію, не были лишены духовнаго сана, сохранили свои іерархическія должности и продолжали владѣть церковными имѣніями (1).

Видя упорство короля и желая прекратить гибельные для государства раздоры, дворяне Волынскіе, на провинціальномъ сеймѣ 1607 года, согласились сдѣлать уступку въ пользу уніатскаго духовенства. Они объявили, что уніатскіе епископы могутъ сохранять свой духовный санъ и пользоваться іерархическими почестями, но должны отказаться отъ всякой власти надъ православнымъ духовенствомъ. Имъ должна быть назначена на содержаніе третья часть церковныхъ имѣній, въ которыхъ они могли бы жить и исполнять церковныя обряды до самой смерти, а по смерти ихъ, церковныя имѣнія должны возвратиться къ православнымъ епископамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне просили, чтобы съ этого времени, король назначалъ имъ только православныхъ епископовъ, которые бы состояли подъ властію патріарха Константинопольскаго, и чтобы это правило утверждено было особою сеймовою конституціею (2).

Въ слѣдствіе этой просьбы, въ конституцію Варшавскаго сейма 1607 года, внесена была особая статья о православной вѣрѣ. Король обѣщалъ не иначе раздавать іерархическія должности и церковныя имѣнія, какъ только на основаніи записей и жалованныхъ королевскихъ грамотъ, и притомъ лицамъ дворянскаго сословія народа Русскаго, исповѣдующимъ истинную православную религію. Король обязался не нарушать правъ народа Русскаго въ отношеніи къ религіи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ, по древнимъ обычаямъ. Сверхъ того постановлено, что церковныя православныя братства, должны сохранять свои права и привилегіи (3).

Этимъ постановленіемъ не удовольствовалось западнорусское дворянство. На провинціальномъ сеймѣ 1608 года поставлено было просить короля, чтобы епископіи раздаваемы были только лицамъ, посвященнымъ въ епископскій санъ восточными патріархами. Если бы та-

(1) N. VII, стр. 55.
(2) N. VIII, стр. 72 и 73.
(3) Voll. Legg. II, p. 1608.

кой епископъ, принявъ унію, подчинился власти Римскаго костела, то онъ долженъ оставить епископію, и на его мѣсто долженъ быть поставленъ другой епископъ, исповѣдующій истинную православную вѣру и признающій надъ собою власть восточныхъ патріарховъ. Эта просьба предложена была послами западнорусскаго дворянства, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1609 году (1); но король отложилъ дѣло до слѣдующаго сейма, приказавъ, чтобы между православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ не было никакихъ раздоровъ, чтобы тѣ и другіе оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, угрожая за нарушеніе мира штрафомъ въ десять тысячъ копъ грошей (2).

Всѣ обѣщанія короля и постановленія Варшавскаго сейма оставались мертвою буквою. Западнорусское дворянство продолжало жаловаться на преслѣдованія, которымъ подвергался народъ Русскій въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, на поруганіе православныхъ церквей, на принужденіе священниковъ къ принятію уніи. Почти на каждый Варшавскій сеймъ дворяне посылали просьбы о защитѣ православной вѣры, ссылаясь на конституцію и привилегіи, подтвержденныя королевскими присягами, и на грамоту о присоединеніи Югозападной Руси къ Польшѣ (3); но всѣ ихъ просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Король и Варшавскій сеймъ или вовсе не обращали вниманія на просьбы дворянъ, или откладывали рѣшеніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или провозглашали свободу православной вѣры, но не принимали никакихъ мѣръ къ ея защитѣ (4). Такъ продолжалось до смерти короля Сигизмунда III.

Смерть Сигизмунда III, основывавшаго свою внутреннюю и внѣшнюю политику на фанатизмѣ и религіозной нетерпимости, оживила надежды западнорусскаго народа. Дворянство считало долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ и начало новую борьбу за свои права и свою народность. Въ 1632 году, іюня 3, болѣе двухъ-сотъ дворянъ Волынскихъ явилось на провинціальный сеймъ въ Луцкѣ, и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Дворяне обвиняли покойнаго короля въ томъ, что народъ Русскій, съ 1596 года, безуспѣшно жа-

---

(1) N. X, стр. 90 и 91.

(2) Voll. Legg. II, pag. 1666.

(3) N. XI, стр. 105. N. XII, стр. 119 и 120. N. XIII, стр. 134. N. XIV, стр. 153 и 154.

(4) Voll. Legg. II, p. 326, 379, 450, 547, 669.

ловался о нарушеніи правъ, подтвержденныхъ конфедераціями и грамотами королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ. На основаніи этихъ постановленій, король обязанъ былъ раздавать іерархическія должности туземному православному дворянству; между тѣмъ, митрополія Кіевская, епископіи и архимандріи раздаваемы были лицамъ постороннимъ и притомъ уніатамъ. Православное дворянство не было допускаемо къ государственнымъ должностямъ, мѣщане, несоглашавшіеся принять унію, были отставляемы отъ городскихъ должностей, лишены были права вступать въ цехи и заниматься ремеслами. Православныя церкви насильственно отдаваемы были уніатамъ, запрещалось строить новыя православныя церкви, и невинные люди, за свою вѣру, томились въ темницахъ. Избранные дворянствомъ послы должны были изложить эти жалобы на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ, предшествовавшемъ избранію новаго короля, и требовать, чтобы свобода вѣры, для всѣхъ и вездѣ, была постановлена и обезпечена ясными законами, и чтобы вновь избираемый король подтвердилъ это постановленіе присягою. Посламъ вмѣнено было въ обязанность не приступать ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, пока православная вѣра не будетъ совершенно успокоена, и пока не будутъ возстановлены ея древнія права и привилегіи (1).

Такъ какъ просьбы и жалобы пословъ, отправленныхъ дворянствомъ на генеральный Варшавскій съѣздъ, не имѣли успѣха, то дворяне Волынскіе снова собирались на провинціальный сеймъ. Здѣсь они, торжественно объявляя себя народомъ Русскимъ, постановили отправиться, лично и всѣмъ вмѣстѣ, на Варшавскій сеймъ назначенный для избранія новаго короля, стоять крѣпко за свои права и особенно стараться о свободѣ вѣры и о возстановленіи правъ, предоставленныхъ православной религіи. Дворяне дали обѣтъ не приступать къ избранію новаго короля до тѣхъ поръ, пока ихъ требованія не будутъ исполнены (2).

Дворяне Волынскіе сдержали свое обѣщаніе. На избирательный Варшавскій сеймъ, бывшій въ сентябрѣ 1632 года, явилось сто-сорокъ дворянъ Волынскихъ, къ нимъ присоединилось двадцать-пять дворянъ воеводства Кіевскаго и двадцать воеводства Брацлавскаго. Фамиліи этихъ дворянъ, явившихся на Варшавскій сеймъ для защиты

(1) N. XVI, стр. 188.
(2) N. XVII. стр. 202, 203.

правъ западнорусскаго народа, мы считали долгомъ напечатать въ настоящемъ изданіи, чтобы сохранить ихъ для исторіи (1).

Усилія западнорусскаго дворянства на избирательномъ Варшавскомъ сеймѣ обращены были преимущественно на защиту двухъ главныхъ основъ Русской народности: Русскаго языка и православной религіи.

Мы уже видѣли, что на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ 1632 года, іюня 22, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касавшіеся воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, писаны были въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы были на Русскомъ языкѣ, и чтобы акты, писанные на другомъ языкѣ, не имѣли никакой силы.

Для возстановленія правъ религіи православной, дворяне, не смотря на фанатическое сопротивленіе католическаго и уніатскаго духовенства, исходатайствовали постановленіе, которымъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ православной церкви надъ уніатскою. Этимъ постановленіемъ предоставлено было Русскому православному народу свободное отправленіе богослуженія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, право строить новыя церкви и обновлять старыя, учреждать церковныя братства, богадѣльни, семинаріи, школы и типографіи; мѣщане православнаго исповѣданія допущены были къ городскимъ должностямъ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Рѣчи Посполитой. Власть высшаго уніатскаго духовенства была весьма ограничена и заключена въ тѣсные предѣлы. Уніатскому митрополиту оставлена была власть надъ одними только уніатами, и назначенъ для жительства Выдубитскій монастырь; всѣ прочія имѣнія митрополіи Кіевской постановлено было передать православному митрополиту, который долженъ быть избираемъ западнорусскимъ дворянствомъ и получать посвященіе отъ патріарха Константинопольскаго. Дворянству предоставлено было также право избирать православныхъ епископовъ на епархіи: Львовскую, Луцкую, Премысльскую и Мстиславскую, а также архимандритовъ Кіевопечерской Лавры и Упевскаго монастыря. Кіевопечерская Лавра со всѣми ея принадлежностями, Михайловскій и всѣ прочіе монастыри и церкви, какъ находившіяся въ Кіевѣ, такъ и приписанныя къ этому городу, возвращены были православнымъ. Для прекращенія споровъ, постановлено избрать коммиссаровъ, которые должны были распредѣлить мо-

(1) N. XIX, стр. 215.

настыри и церкви, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, между православными и уніатами, сообразно съ количествомъ народонаселенія. Каждому предоставлено было право переходить изъ уніи въ православіе и на оборотъ. Затѣмъ, какъ уніаты такъ и православные обязаны были прекратить всякіе раздоры и жить между собою въ покоѣ, любви и согласіи (1). Эти примирительныя статьи подтверждены были особою грамотою короля Владислава IV, которая названа дипломомъ, даннымъ Русскому народу (2),

Но примирительныя статьи короля Владислава IV и дипломъ, данный Русскому народу, не успокоили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованій, которымъ подвергалась православная вѣра. Народъ Польскій, какъ и всѣ другіе Славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ Волынскихъ, Кіевскихъ и Брацлавскихъ, также акты Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть Польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣнчанія и погребенія (3). Большинство Польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что особенно замѣтно было во время междуцарствій, когда дворяне получили право дѣйствовать по внушенію собственной своей совѣсти (4). Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть Польскаго и западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ Римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу Римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ какъ погре-

(1) N. XVIII, стр. 208.
(2) N. XX, стр. 223.
(3) Архивъ Югозападной Руси. Ч. I, т. I, стр. XXXVIII.
(4) Krzyżanowsky, Dawna Polska, 1857, I. LXLI.

бальный факелъ, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти. Какъ только король и сеймъ, для предотвращенія междуусобной религіозной войны, постановили означенныя выше примирительныя статьи и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ Русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и уніатскаго духовенства. Примасъ королевства и, въ слѣдъ за нимъ, клерикальная партія объявили, что всѣ постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и уніатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія Польскаго правительства, нарушившаго права Римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ Русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникаетъ междуусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ, для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католичества. Конгрегація отвергла всѣ сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный Русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи (1).

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною новыхъ религіозныхъ смутъ и несчастій для западнорусскаго народа. Дворянство принуждено было попрежнему посылать на Варшавскій сеймъ горькія жалобы. Оно жаловалось, что права, предоставленныя православному Русскому народу, при возшествіи на престолъ Владислава IV, не только не приводятся въ исполненіе, но подвергаются явному нарушенію, что церковь православная претерпѣваетъ жестокія обиды, особенно отъ уніатовъ, что уніатскій епископъ Хелмскій Меѳодій Терлецкій, за-

(1) *Ostrowskiego*, Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa 1793. T. III, str. 484. *Lukaszewicza*, Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie. T. I, str. 201.

владѣвъ православными церквами, позамыкалъ ихъ и позапечатывалъ, что онъ мучитъ православныхъ священниковъ въ тюрьмѣ, что люди умираютъ безъ исповѣди и св. причастія, а дѣти безъ крещенія, и что умершіе погребаются въ полѣ, безъ церковныхъ обрядовъ (1). На провинціальномъ сеймѣ 1645 года, дворянство Волынское поручило своимъ посламъ говорить на Варшавскомъ сеймѣ: «Религія православная, издревле принятая нашими предками, признанная основными законами государства, подтвержденная привилегіями, условіями, постановленными при избраніи королей, и священною присягою нынѣшняго короля, пана нашего милостиваго, такимъ подвергается насиліямъ въ христіанскомъ католическомъ государствѣ, въ вольной и свободной республикѣ, какихъ не претерпѣваютъ и христіане, Греки, въ неволѣ у невѣрныхъ. Церкви, монастыри и соборы у насъ отобраны, запрещено свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ, бѣдные христіане умираютъ безъ св. причастія и не смѣютъ публично погребать умершихъ. Въ Люблинѣ, въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, православные христіане принуждены тайно погребать умершихъ въ подвалахъ и домахъ своихъ. Можетъ ли быть еще большее рабство?» Дворяне обязали пословъ своихъ вѣрою, честію и совѣстію не соглашаться ни на какое сеймовое постановленіе, пока народъ Русскій ихъ будетъ избавленъ отъ такого тяжкаго угнѣтенія (2). Такія жалобы безуспѣшно продолжались до 1648 года, когда Западнорусскій народъ, выведенный изъ терпѣнія, возсталъ поголовно, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Вопросы, которыхъ не могло рѣшить дворянство посредствомъ сеймовыхъ совѣщаній и постановленій, принужденъ былъ рѣшить народъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ слѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи Посполитой, народъ Русскій, по заключеніи Зборовскаго трактата, получилъ въ 1650 году, отъ короля Яна Казимира, новый дипломъ, подтверждавшій для православной религіи всѣ тѣ права, которыхъ добивалось Западнорусское дворянство, со времени принятія уніи на Брестскомъ соборѣ (3).

Народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, поставило западнорусскихъ дворянъ въ самое затруднительное положеніе. Въ

---

(1) № XXI, стр. 234. № XXII, стр. 254. № XXIII, стр. 270.

(2) № XXV, стр. 287. Эта же жалоба повторена и на сеймикѣ 1646 года, № XXVI, стр. 319.

(3) № XXXII, стр. 370.

инструкціяхъ посламъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго изображаютъ свое состояніе мрачными красками. Они жалуются, что, потерявъ свое здоровье и имущество для спасенія отечества, принуждены скитаться по чужимъ дворамъ; что они съ своими имѣніями отданы на жертву распутному своеволію жолнеровъ и волонтеровъ, служащихъ Рѣчи Посполитой; что возвратившись въ свои имѣнія, опустошенныя огнемъ и мечемъ, они нашли однѣ только развалины и трупы непогребенныхъ братій своихъ. Отъ Буга и до Днѣстра осталась одна степь, дикія поля и опустошенные города и селенія, а все спасенное отъ непріятеля истребляется войсками Рѣчи Посполитой. Напрасно они умоляли короля и республику о помощи и состраданіи, припоминая условія о взаомной защитѣ, постановленныя на Люблинскомъ сеймѣ, когда Югозападная Русь присоединялась къ Польшѣ. «Пусть вспомнитъ», говорили дворяне, «отчизна, мать наша, какъ мы заслоняли ее своею грудью, какъ защищали военною стражею, хоругвями и полками; какъ мы удѣляли хлѣбъ многимъ изъ братій нашихъ, а теперь скитаемся съ своими семействами и не можемъ выпросить ни куска хлѣба, ни бѣднаго пристанища. Убогіе братья наши, прокармливаясь милостынею, ожидаютъ и не могутъ дождаться утѣшенія. Ни оружіе, ни мирные переговоры не возвращаютъ намъ нашей собственности, и напрасно надѣемся мы на помощь и состраданіе, какъ повелѣваетъ Богъ и его святая правда». Крестьяне терпѣли еще большія бѣдствія. Ихъ вопли, по выраженію дворянъ, проникали въ небеса, отъ переходовъ войска, которое уже высосало изъ нихъ и самую кровь. Селенія были опустошены огнемъ, рабочій скотъ истребленъ, крестьяне отстали отъ земледѣлія, и число ихъ до того уменьшилось, что помѣщики принуждены были сами обработывать земли, на свой счетъ и собственными трудами своими (1).

Напрасно западнорусскіе дворяне, въ постигшемъ ихъ несчастіи, ожидали помощи отъ Польскаго правительства. Поляки смотрѣли на Русскихъ подозрительно, предполагая въ нихъ сочувствіе къ народному возстанію и готовность къ измѣнѣ (2). Поэтому, многіе западнорусскіе

---

(1) № XXXIV, стр. 394.

(2) Эта недовѣрчивость доказывается перепискою военныхъ и гражданскихъ Польскихъ сановниковъ, напечатанною въ I томѣ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Коммиссіею. Такъ въ письмѣ отъ пана Чернаго къ канцле-

дворяне, для сохраненія своей жизни и имущества, принуждены были или пристать къ Козакамъ, или сдѣлаться Поляками, отрекшись отъ своей народности и принявъ католическую вѣру; потому что католическая вѣра служила тогда знаменемъ Польской національности. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народная война принимала болѣе широкіе размѣры и угрожала большими бѣдствіями, содержаніе сеймовыхъ дворянскихъ постановленій совершенно измѣняется. Въ этихъ постановленіяхъ, дворяне уже не разсуждаютъ ни о Русской народности, ни о православной религіи; напротивъ того, они являются ревностными защитниками католической вѣры.

По заключеніи Зборовскаго трактата, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго, на провинціальныхъ сеймахъ, бывшихъ въ 1651 году, поручили посламъ своимъ жаловаться на неистовства Козаковъ надъ ксендзами и костелами и ходатайствовать о томъ, чтобы костелы, разрушенные и опустошенные Козаками, были возстановлены и возвращены прежнимъ владѣльцамъ (1), чтобы приняты были мѣры для защиты костеловъ и ксендзовъ отъ козацкаго своеволія (2), чтобы коммиссары, назначенные для заключенія Бѣлоцерковскаго трактата съ Козаками, старались обезпечить неприкосновенность костеловъ и свободу католической вѣры (3). Дворяне Волынскіе просили, правда, и о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но уже не изъ усердія къ древней народной религіи, а только для того, чтобы предотвратить новые бунты и возстанія въ народѣ (4).

Такая внезапная перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій заставляетъ предполагать, что полонизированіе западнорусскаго дворянства, подготовленное іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усиливаться;

ру коронному сказано: «У Вишневецкаго находится 8000 войска, но онъ ему не довѣряетъ, потому что оно — Русь» Отд. II, стр. 26. Въ письмѣ синдика Львовскаго: «Мы спасаемся тайныхъ замысловъ отъ людей православной вѣры. Несомнѣнно, что лица православной религіи съ радостію ожидаютъ непріятеля». Отд. 2, стр. 57. Подчашій коронный писалъ къ коронному канцлеру: «Трудно найти шпіона между Русскими, потому что всѣ они измѣнники» Отд. 2, стр. 438. Даже воевода Кисѣль, которому поручаемы были переговоры съ Козаками, возбуждалъ къ себѣ недовѣріе. Поляки называли его таинственнымъ (tajemny Kissiel) и подозрѣвали, что онъ обманываетъ Рѣчь Посполитую. Отд. 2, стр. 266 и 291.

(1) № XXXV, стр. 419.
(2) № XXXVI, стр. 429.
(3) № XXXIV, стр. 397.
(4) № XXXIV, стр. 398.

при чемъ дворяне, переходившіе въ католическую вѣру, уже начали считать себя Поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ Русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей Русскихъ считаются Поляками, если только исповѣдываютъ католическую вѣру. Эти природные Русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество подъ чужеземнымъ названіемъ, разорвали внутреннюю, моральную связь съ Западнорусскимъ народомъ и, съ тѣхъ поръ, перестали быть истинными его представителями.

Изъ вышеизложеннаго изслѣдованія можно вывести слѣдующія заключенія:

Литва и Югозападная Русь соединены были первоначально съ Польшею федеративнымъ союзомъ. Каждое изъ соединенныхъ государствъ, состоя подъ властію одного государя, сохраняло отдѣльную территорію и имѣло особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Въ этомъ федеративномъ союзѣ, Польша въ отношеніи къ Литвѣ и Югозападной Руси, считалась страною чужеземною, Поляки—людьми заграничными, чужеземцами. Поляки, наравнѣ съ другими иностранцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Западнорусскіе дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, беаъ различія вѣроисповѣданій. Этимъ же именемъ Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь.

Федеративный союзъ Литвы и Югозападной Руси съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, постановленіемъ Люблинскаго сейма. Этимъ постановленіемъ, Югозападная Русь присоединена была къ Польшѣ въ видѣ провинціи; но это присоединеніе не можетъ быть названо добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было угрозою конфискаціи дворянскихъ имѣній.

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ государствъ: двѣ почти равносильныя, но совершенно противоположныя, народности должны были постоянно приходить въ столкновеніе и вести гибельную борьбу, которая препятствовала правильному развитію государства.

Главныя основы Западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная религія. Западнорусское дворянство дорожило своимъ роднымъ Русскимъ языкомъ и старалось о томъ, чтобы употребленіе этого языка въ оффиціальныхъ актахъ было утверждено законами; за права религіи православной, дворянство вело продолжительную и упорную борьбу съ римскокатолическою пропагандой.

Причины, содѣйствовавшія полонизированію западнорусскаго дворянства, не коснулись цѣлой народной массы. Народъ, населяющій Юго-западную Русь, рѣзко отдѣлявшійся отъ дворянскаго сословія частнымъ и общественнымъ бытомъ, всегда былъ и остается въ настоящее время народомъ Русскимъ, свято сохраняя главныя основы своей народности: Русскій языкъ и Православную вѣру.

Н. Иванишевъ.

ХМЕЛЬНИ́ЩИНА.

(Части́на) (¹).

XLV.

Ще не зійшо́въ снігъ и трава́ тільки де-не-де зеленіла, а вже Украі́на кро́вью скрізь поли́ва́лася. Лю́де своіхъ держа́вцівъ и королівськихъ старо́стъ зъ Украіни виругу́вували; жовніре за панівъ стоя́ли; козаки́, що зъ своіхъ оса́дъ посхо́дили, зно́ву верта́лися и вку́пі зъ селя́нами жовні́рівъ побива́ли. Хмельни́цький тимъ ча́сомъ до Молдава́нъ си́на жени́ти ходи́въ и на Бато́зі, надъ Бо́гомъ-рікою, зъ Ляха́ми спіткався. Не пощасти́ло Ляха́мъ, поби́ли козаки́ коро́нне військо и само́го гетьма́на іхъ уби́ли, и за Берсте́чко й за Триліси до́бре надъ ни́ми помсти́лися. По всій Украі́ні розлила́сь сла́ва про щасли́ву потре́бу на Бато́зі; наро́дъ по тій поголо́сці ви́рісъ уго́ру; жовніре потрівожились, почали́ зъ Украіни тіка́ти, а козаки́ охо́чі й реестро́ві іхъ перейма́ти, дога́ня́ти, ша́рпати, на перепра́вахъ топи́ти. Зновъ наро́дня во́ля одъ Ста́родуба та ажъ по Ка́мянець-Подільский різани́ною себе́ огласи́ла. Затрусилися Ляхи́ въ Варша́ві, якъ почу́ли, що на Бато́зі козаки́ шля́хту ви́губили, а зъ Украіни жовніре и держа́вці повтіка́ли. Зновъ за посполи́те руше́ння були́ вхопи́лися, та вже не ста́ло е́дности між панами; му́сили хи́трою ла́скою Хмельни́цько-

(¹) Предлагаемая статья заимствована изъ печатающейся общедоступной исторіи Украины П. А. Кулиша, по выходѣ которой появится, съ теченіемъ времени, другой, болѣе важный и несравненно обширнѣйшій трудъ того же автора, — именно Исторія Украины, на украинскомъ языкѣ, обработанная строго-научнымъ образомъ. *Ред.*

го вгнобити, а тимъ часомъ до войни налагодитись. Наступивъ 1653 рікъ. Випустили пани въ Брацлавщину Чарнецького, такого жъ безсердечного різуна, якъ и князь Вишневецький Ерема. Хочъ не багато въ его було війська, та багато завзяття. Де пройшовъ Чарнецький по Брацлавщині — димомъ взялись городи й села. Зупинивъ его Богунъ полковникъ, побивъ его підъ Монастирищемъ. А тимъ часомъ Ляхи въ Литовському Бресті сеймъ сеймували и нові потуги собі готовили. Самъ король визвавсь вести Лядське військо на Хмельницького. А Хмельницькому біда велика склалась: сина его Тимоша, на повороті зъ Молдавщини, Ляхи въ городі Сочаві застукали и зъ гармати на валу вбили. Зъ гіркимъ серцемъ двинувъ Богданъ Хмельницький свої потуги на короля и спіткавъ Ляхівъ підъ Жванцемъ, надъ Дністромъ, недалеко одъ Камянця-Подільского. Велике було въ короля військо, напасти на его була не сила; мусивъ Хмельницький иншимъ робомъ военне діло зробити. Не даючи королеві поля, вінъ его військо порозницею шарпавъ, запаси одбивавъ, живности въ Польский таборъ не пускавъ; а тимъ часомъ Орду съ Криму на Ляхівъ кликавъ. Поки жъ пришли Татаре, а вже королівці почали голодомъ голодувати, по домівкахъ розбігатися, а тутъ хвороба въ табуръ одъ осіннего холоду та одъ непогоді вкинулась. Бачять Ляхи, що зъ одного боку Хмельницький напірае, а зъ другого Орда вже веремія крутить, почали хана благати, великі дари ему поступати, и який хоче ясиръ по Руськихъ земляхъ дозволили ему засягувати. Пропала Хмельницького справа: король съ ханомъ побратались. Двинувъ вінъ свої потуги наповоротмя въ Украіну. А Татаре одъ Дністра до Люблина грасували, села палили, людей у неволю брали, а йдучи Украіною, те жъ саме й по Вкраіні чинили. Страшенний слідъ по Татарахъ довго въ тихъ сторонахъ зоставався.

XLVI.

Ще, скоро побивъ Хмельницький Ляхівъ підъ Корсунемъ, до его гонці тайно зъ Москви приіздили и тимъ его докоряли, що невірнихъ Татаръ до военної компанії заклікавъ, а не Християнъ православнихъ, котрі не розлили бъ стілько крові, якъ Татаре. Москва по Дніпро землею володіти бажала, и за те обіцала Ляхівъ за

Ви́слу прогна́ти. Ще жъ тоді не було́ въ Хмельни́цького й ду́мки одъ ре́чи посполи́тої одрива́тись и до Моско́вського ца́рства прилуча́тися. Після́ Збара́зькоі потре́би, царські посли́ вже я́вно въ Переяславъ завита́ли и одні ре́чи прилю́дне говори́ли, а и́нші насамоті съ Хмельни́цькимъ радува́ли. Ще жъ и тоді Хмельни́цький до́бре памята́въ, що підъ со́нцемъ дру́гоі ре́чи посполи́тої нема́е и нігде́ тако́і во́лі козаки́ ша́блею не здобу́дуть. А тепе́ръ уже́ Ляхи́ зъ Ордо́ю поедна́лись; си́ла коза́цька підупа́ла, та й люде́й на Вкраі́ні поме́ншало. Край бувъ пе́рше бага́тий, а тепе́ръ спусто́шений; здо́бичъ вое́нну крамарі чужозе́мці въ козаківъ повима́нювали, гро́ши козаки́ вже на меди́ та горілки́ поперево́дили, а що найбі́льшъ — гетьма́на чернь не такъ-то поважа́ла и про дру́гого гетьма́на потае́мне ра́дилась. Тре́ба ёму́ було́ вже хочъ Моско́вською ла́скою себе́ забезпе́чити. И оце́ вже вінъ свої посланці у Москву́ посила́е. А царь изъ боя́рами и зъ ви́борними одъ уся́кого ста́ну людьми́ вели́ку ра́ду на Москві ра́дивъ, чи прийма́ти бъ то, чи ні, підда́нство одъ Хмельни́цького. Передъ усімъ ніби-то свіТомъ Москва́ тимъ вели́кимъ зе́мськимъ собо́ромъ оправди́лася, що не за́ що, якъ за віру, вона́ вступа́ється и не козаківъ, а церкви́ святі, за кото́рі бъ то козаки́ вою́ють, підъ свою́ оборо́ну бере́. Отъ и шле царь Олексій Миха́йловичъ свої посли́ въ Переяславъ одъ козаківъ прися́гу прийма́ти. Вся старши́на коза́цька въ Переяславъ позъізди́лася, за се́бе и за всю Украіну присягну́ла и міща́нъ Переяславськихъ до присяги зму́сила. Не присягну́въ тілько Сірко́, ота́манъ кошови́й Запоро́зький, та Богу́нъ, полко́вникъ Ви́нницький, зъ своіми козака́ми. Не присягли́ ще въ Ки́іві митропо́лить Сильве́стеръ Ко́совъ и архима́ндритъ Пече́рський Іо́сипъ Три́зна съ попа́ми и ченця́ми. Сі не хотіли Моско́вському патріа́рсі підклони́тися: сами́ собо́ю зви́кли правува́тися. Ото́ жъ прочита́ли Переяславські пу́нкти въ Переяславі, и боя́ре за царя́ присягли́: що бу́де царь ціло всю Украіну по обі́два бо́ки Дніпра́ держа́ти; що не бу́дуть ёго́ уря́дники въ коза́цькі суди́ втруча́тися; де два бу́де козаки́, тамъ вони́ тре́тёго суди́тимуть; reéстръ коза́цький бу́де шість-деся́тъ ти́сячъ; гетьмани́ и всі уря́дники вільними голоса́ми обіра́тимуться, и всякий станъ: дворя́не, духо́вні, міща́не, козаки́ и посполи́ство по своіхъ да́вніхъ права́хъ и звича́яхъ жи́тимуть. Козаки́ бра́тимуть пла́ту за слу́жбу зъ Украінського ска́рбу; зъ того́ жъ

скáрбу итúме дань на царські потребúзни, тільки що не царські збірщики ії збірáтимуть. Козакú царéві посúлокъ підъ воéнний часъ давáтимуть, а царь іхъ одъ Ляхівъ и одъ úншихъ ворогівъ боронúтиме. Такъ роспочáвся 1654 рікъ.

XLVII.

Того́ жъ ро́ку Моско́вський царь своє́ військо посила́е місто Смоле́нське зпідъ Ля́дської де́ржави ви́зволити, а Хмельни́цький одъ се́бе посила́е на пі́дмо́гу царе́ві ві́сімъ полківъ и надъ ни́ми Ніженському полко́вникові Васю́ті наказне́ гетьма́нство даé. Ви́звольили Смоле́нське, побра́ли міста́ Ви́тепске, По́лоцьке, Дубро́вицю, Оршу, Шкловъ, Могиле́въ, Би́ховъ и и́ншихъ бага́то. Вся Біла Русь и Литва́ царе́ві підклони́лася: такъ ёму́ козаки́ допомага́ли. А по́ки Москалі самú воюва́ли, то въ сихъ сторона́хъ Ляхи́ та Литва́ надъ Москво́ю го́ру бра́ли и дале́ко вже въ ца́рство були́ врізались. Дру́ге військо царське́ вку́пі съ Хмельни́цькимъ на Вкраíні сто́яло, а Богу́нъ на Подо́лі Пото́цького лету́чимъ бо́емъ дражни́въ и на Вкраíну зама́нювавъ. Якъ же́ вгна́вся Пото́цький за Богуно́мъ ажъ до Уманя, присти́гъ Хмельни́цький съ царськи́мъ боя́риномъ Шереме́томъ Богуно́ві на о́дсічъ, спіткáлися зъ гетьма́номъ Пото́цькимъ на Дрижи́-полі, між Стави́щами и Охма́товимъ. Діялося ділó зимóю. А Ляха́мъ уже́ Орда́ помага́е и вели́кого ду́ху додаé. Міцно Ляхи́ на на́шихъ налягáли; до́бре й на́ши оборонялися; круго́мъ тру́помъ обо́зъ оки́дали и съ того́ ме́рзлого тру́пу валъ кругъ се́бе зложúли и зъ-за того́ ва́лу одбива́лися. Кру́то вже на́шимъ ве́льми прихо́дилось; ажъ тутъ Богу́нъ изъ Уманя ви́скочивъ и на Ляхівъ зненáцька вдáривъ. Ляхи́ вжахну́лися, Татарва́ въ-ро́стичъ ки́нулась, а на́ши до Бі́лої Це́ркви, до головни́хъ потýгъ своіхъ, верну́лися. Тимъ ча́сомъ Побужáнъ Чарне́цький и Лянцкоро́нський тя́жко воюва́ли. Жáденъ бо го́родъ, жáдне село́ не хотíло імъ підклони́тися; всі до загúну би́лися, самú своє́ добро́ пали́ли и слу́хати про піддáнство Ляха́мъ не хотíли. И по Дністру́ скрізь різани́на, скрізь пожéжа, скрізь ле́ментъ несказáнний діявся. Місте́чко Бу́ша, оста́тній притýлокъ козака́мъ и поспільству, завзя́то одъ Ляхівъ одбива́лася. Бага́то втеря́ли Ляхи́ війська підъ Бу́шею, вже й само́го Чарне́цького въ

но́гу постре́лено, вже й ёго́ жолніре во́нтпити почина́ють, вели́кого крові ро́зливу жалку́ють. Тоді Пото́цький, Лянцкоро́нський и Чарне́цький, ску́пивши навкруги́ всі свої поту́ги, ра́зомъ зъ усіхъ бо́ківъ на ске́лі, на му́ри, на парка́ни полізли и си́лу си́лою почали́ перемога́ти. Ба́чять Буша́не поги́бель, ки́пулись ха́ти и осе́лі свої запа́лювати и сами́ себе́ почали́ губи́ти, щобъ на пота́лу ворога́мъ не доста́тись. Жінки́ самі порохи́ підпа́лювали и въ порохово́му и́мпеті, що та пери́на, ги́нули; а ку́па жіно́цтва въ камяну́ пече́ру залізла, и по́ти звідти на Ляхівъ зъ самопа́лівъ грю́кала, по́ки Ляхи́ рівча́къ зъ гори́ напра́вили и героінь тихъ Буша́нськихъ перетопи́ли. По́пеломъ Бу́ша взяла́ся, и тілько кріва́ва іі сла́ва оста́лась. Нічимъ було́ й жолнірамъ за свої труди́ и ра́ни поживи́тися. И такъ скрізь лю́та війна́ бушува́ла. Ласка́вимъ Ля́дськимъ универса́ламъ лю́де віри не дійма́ли, на Ляхівъ а́домъ ди́хали, зъ жінка́ми и дітьми на кріва́вихъ пожари́щахъ бъючи́сь ги́нули.

XLVIII.

Тутъ же Ляхи въ Украі́ні надъ селя́нами й міща́нами лю-ту́ють, а на нихъ одъ півно́чи лиха́ годи́на підніма́етця. Вже давно́ Хмельни́цький Шве́да на тихъ го́рдихъ панівъ заохо́чувавъ, подаючи́ звістки про іхъ упа́докъ. Ось же тепе́ръ уже́ Шве́ди до́бру годи́ну влу́чили и въ По́льщу черезъ мо́ре Ба́лтику пори́нули. Зомліла По́льща, городи́ скрізь короле́ві Шве́дському піддава́лись. Вже й Варша́ва ёму́ підклони́лася, вже й Кра́ківъ підда́вся; вже й коро́ль Янъ Казиміръ у Німе́щину втікъ; вже Шве́дський коро́ль короле́мъ По́льскимъ обізва́вся. Вели́кі По́льскі ду́ки, ті го́рді Вишневе́цькі, Конецьпо́льскі, Радзиви́ли — не каза́въ би па́нство лука́ве — почали́ Шве́дському короле́ві присяга́ти, аби́ свої де́ржави при собі зоста́вити. А Моско́вський царь уже́ и Ми́нське й Ко́вно позайма́въ, и въ столе́чне місто Лито́вське Ви́льню ввійшо́въ, и вели́кимъ Лито́вськимъ кня́земъ себе́ звелівъ велича́ти. Хмельни́цький же зъ боя́риномъ Бутурлино́мъ пішли́ тимъ ча́сомъ Черво́ну Русь підъ Моско́вського царя́ нахиля́ти. Черво́на Русь ще въ чотирна́дцятому віку По́льскому короле́ві підклони́лася; пани́ Ляхи́ гу́сто въ ій займанщи́ни позайма́ли, ста-

ро́ства въ короля́ повипро́шували, до вподо́би собі притакува́лися, и надъ тубо́льцями го́ру взяли́. Тепе́ръ козаки́ зъ Москаля́ми па́нськi ма́єтки скрізь пліндрува́ли, зъ го́рода Льво́ва о́купъ вели́кий взяли́, а Люблі́нъ зрабува́ли и полови́ну ёго́ надпусто́шили, Жидівські у́лиці па́лючи, Жідівське добро́ жаку́ючи. Тільки жъ незго́да мі́жъ гетьма́номъ и Бутурлино́мъ ста́ла; почали́ вони́ свої поту́ги розрізня́ти, а Орда́, помага́ючи Ляха́мъ, зненаці́ка налі́та́ла й шарпала. Москаля́мъ и ге́ть-то вона́ въ зна́ки черезъ ту незго́ду вдала́ся. Ще якъ прийшли́ послі́ зъ Моско́вськимъ по́лкомъ присягу одъ козаківъ прийма́ти, вже й тогді козаківъ и мі́ща́нъ зна́чнихъ Москалі въ се́рце де́-чимъ ура́зили. Того́ боя́ре не збагну́ли, що сей людъ звича́ївъ Моско́вськихъ не зна́е и царе́ві по-сво́ёму служи́ти хо́че. Отъ же съ того́ ча́су й пішла́ мала́ и́скра таємне міжъ коза́цствомъ тліти, а вся́ка зневага, вся́ка за́чі́пка одъ Москалівъ ії роздува́ла и нові бідй лю́дямъ гото́вила. Вже й Богда́нъ Хмельни́цький почавъ по́тай ца́ря про Вкраіну промишля́ти, зъ Ляха́ми, съ Тата́рами, съ Туре́цькимъ султа́номъ листува́тися, а царь, того́ дознаючи́сь, посила́въ боя́ръ своє́ царське́ пересе́рдя ёму́ вичи́тувати. А тимъ ча́сомъ По́льща сякъ-такъ противъ Шве́да попра́вилась, бо Шведъ, бу́вши Лю́терскоі віри, ки́нувся католи́цькі святи́ні жакува́ти, та й панівъ на́дто вже ту́го нови́ми уста́вами закрундзёвувавъ. Не зви́кли пани́ Ляхи́ королеві по́пуску попуска́ти, підняли́ шля́хту на но́вого короля́ свого́, почали́ Шве́да різати и зъ По́льщи виругову́вати. Чарне́цький найбі́льшъ підпіра́въ По́льску си́лу. Коро́ль Янъ Казими́ръ до Моско́вського царя́ посли́ шле, Шве́да воюва́ти вку́пі закли́кає, и ца́рство своє́ ёму́ пі́сля се́бе въ спа́докъ постуна́е. Тяжкі ду́мки го́лову Хмельни́цького обгорта́ють, щобъ Украіну Ляха́мъ на примі́ръі не о́ддано, въ зада́токъ спільнёго колись ца́рства По́льско-Моско́вського. И коза́цство почало́ скрізь трі-во́житись, и въ поспільство пішла́ та жъ поголо́ска. Тутъ-то ки́нувсь Хмельни́цький собі підмо́ги шука́ти, и почавъ съ погранйчними па́нствами трактува́ти, щобъ до оста́тку По́льщу ру́шити. Незаба́ромъ ста́ли зновъ козаки́ зъ Ве́нграми й Шве́дами по По́льші грасува́ти, По́льщу до-ще́нту руйнува́ти, пали́ти, рабува́ти. Почавъ тоді коро́ль Янъ Казими́ръ жалібни́ми листа́ми Хмельни́цького блага́ти, посли́ до ёго посила́ти, догово́ри писа́ти, гряни́цю Украінську спільними комиса́рами значи́ти, щобъ уже́ до-

віку Ляхи́ Украіну за свою́ зе́млю не вважа́ли и въ не́і зъ своімъ пра́вомъ По́льскимъ не втруча́лися.

XLIX.

Ста́ла гряни́ця міжъ По́льщею и Украіною 1657 ро́ку така́я. Одъ у́стья Дністра́ по Дністру́ вго́ру до Поку́ття; одъ Поку́ття до річки Гори́ні, а, пройшо́вши Гори́нню и При́петью до Дніпра́, гряни́ця йшла вго́ру до старо́го Би́хова; одъ Старо́го Би́хова, перехопи́вшись черезъ Дніпро́, йшла гряни́ця річкою Со́жею до ії верхівья́, або́ до Ро́славля го́рода, а одъ Ро́славля спуска́лась вона́, старо́ю гряни́цею Моско́вського ца́рства, до само́го Чо́рного мо́ря, по той бікъ Лима́ну, а Чо́рнимъ мо́ремъ — одъ Дніпра́ до Дністра́. Тимъ ча́сомъ Шве́ди ви́йшли съ По́льщи своє́ ца́рство одъ Датча́нъ оборони́ти, а кня́зя Роко́чого зъ Ве́нграми ви́ругувавъ съ По́льщи Чарне́цький, а Тата́ре, перестрівши ёго́, и зовсімъ звоюва́ли. Хмельни́цький своіхъ козаківъ заздалегідь одозва́въ на Вкраіну. Вже жъ отсе́ деся́тий годъ Хмельни́цький воюе; вже й снаги́ въ ёго не стае́ воюва́ти, хи́тримъ ро́зумомъ на всі сто́рони роскида́ти, по похо́дахъ труди́ вели́кі, жару́, хо́лодъ, го́лодъ и вся́ку ну́жду прийма́ти. Упа́ло здоро́вья, поча́въ на си́лахъ знемога́ти и до землі хили́тися. Занеду́жавъ, занепа́въ Хмельни́цький въ своє́му го́роді Чигри́ні, усіхъ полко́вниківъ, сотниківъ и козаківъ до се́бе иззива́е. На вели́ку ра́ду коза́цьку пі́дъ ру́ки ёго вивóдять. Вінъ козаківъ дозе́мнимъ покло́номъ випта́е; вінъ імъ за честь и шано́бу дя́куе; булаву́, бунчу́къ и всі військо́ві клейно́ди оддае́, про́сить за ёго́ живота́ дру́гого собі гетьма́на настанови́ти. Ра́е вінъ імъ ви́брати, або́ Анто́на Жда́нови́ча Ки́ївського, або́ Павла́ Тете́рю Переяславського, або́ Марти́на Пушкаря́ Полта́вського, а надъ усіхъ Ива́на Вигóвського, пи́саря свого́ генера́льного прекладае́, що вінъ усю́ політи́ку міждонаро́дню зна́е и змігъ би найкра́ще надъ козака́ми рейментарюва́ти. Запла́кали козаки́, ви́слухавши гетьма́нське сло́во; не схоті́ли ні Жда́нови́ча, ні Тете́ри, ні Пушкаря́, ні Вигóвського, а бажа́ли си́на Хмельни́цького, молодо́го хло́пця Юрася́ гетьма́номъ настанови́ти. Зрадівъ стари́й ба́тько, а все жъ козака́мъ одмовля́е, що вінъ у ме́не, ка́же, ро́зумомъ слабе́нький, та й тіломъ недугу́е. А ко-

заки́: »Ми бу́демо коло ёго стари́хъ люде́й держа́ти, бу́дуть вони́ ёго́ на все до́бре навча́ти.« Згоди́всь Богда́нъ Хмельни́цький на коза́цьку во́лю, и, хочъ не лю́бо було́ старшині коза́цькій мало́му хло́пцеві підъ реймéнтъ підклони́тися, та му́сили грома́дську во́лю вволи́ти и старо́го ба́тька засмути́ти передъ сме́ртю не ва́жились. Поме́ръ же Богда́нъ Хмельни́цький въ го́роді Чигири́ні, на Палія, 27-го іюля, а похо́вано ёго́ въ селі Су́ботові. Оста́всь Юра́сь гетьманува́ти, а надъ Юрасе́мъ дора́дцями стари́й ба́тько зоста́вивъ обо́зного генера́льного Носача́, Тете́рю Переяславського, Пушкаря́ Полта́вського, генера́льного осаўла Кова́левського и суддію генера́льного Григо́рия Лісни́цького.

L.

Годи́тця намъ тепе́ръ наза́дъ озирну́тися и навкруги́ споглянути, яко́ю заста́въ Хмельни́цький Украіну и яко́ю поки́нувъ, бо вже не верну́лись пре́дсі літа́ панува́ння По́льского, якъ усе́ ще було́ впо́вні, незруйно́ване, непожако́ване, що́ пани́ держа́вці и дозо́рці королівськихъ добръ на Вкраіні понадбо́вували и впорядкува́ли. Зновъ же й те, що Хмельни́цький після́ се́бе поки́нувъ, не вде́ржалось у своє́му поря́дку, бо після ёго́ вели́кої руіни, кото́ру вінъ напа́мъ Ляха́мъ заподіявъ, почали́ козаки́ сами́ себе́ руйнува́ти, оди́нъ бе́регъ Дніпра́ на дру́гий піднімаючись, оди́нъ полкъ зъ дру́гимъ воюючи, одні козаки́ царе́ві Моско́вському радіючи, а дру́гі корале́ві По́льскому слу́жачи, або́ й Туре́цькому султа́нові підклоня́ючись.—Найстарійше въ насъ на Вкраіні пра́во було́ наро́дне. Якъ поби́ли та порозгоня́ли Татаре князькі́въ варя́гъ, зъ іхъ хи́жими друзи́нами, якъ повтіка́ли по чужи́хъ сторона́хъ, та пу́щахъ, та не́трахъ непрохідних багаті держа́вці, позабіра́вши зъ собо́ю всю рухо́мість, якъ оста́лися на Вкраіні тілько убо́гі лю́де, кото́римъ нічимъ гара́здъ було́ втіка́ти и нічого по гаяхъ и не́трахъ кри́ти; то, пла́тючи Орді дани́ну, му́сили вони́ сами́ між собо́ю про по́ле, про риболо́вство, про бортяні ухожаі, або́ пасіки́, про спашъ, чи яку́ шко́ду правува́тися. Ото́ жъ схо́дились вони́ ку́пами, на вічє, чи на ра́ду, и середъ ку́пи, середъ грома́ди поголо́сний судъ живи́мъ сло́вомъ суди́ли. Хто й верта́вся съ панівъ держа́вцівъ на свої де́ржави пісь-

ля Татáрського óстраху, то знахóдивъ ужé й рáйцівъ и речникíвъ готóвихъ, котóрі порядокъ усёмý селý давáли и передъ Татáрськимъ баскáкомъ чи збірщикомъ за все селó становúлися. Вернýвшись же, мýсивъ панъ лáски въ тихъ мужівъ громáдськихъ запобігáти, бо вже селó зъ селóмъ черезъ нихъ схóдилось и въ обúду себé лихúмъ лю́дямъ не попускáло. Отó жъ кýпи й громáди съ тихъ дáвніхъ давéнъ на Вкраíні повелúся, а, мóже, ще й одъ пéрвихъ до-варя́зькихъ чáсівъ одригнýлися. Вже й Литві почалá Украíна голдувáти, вже Литóвські княжáта, унýки и щáдки Гедимúнови, велúкі займищá собí на Вкраíні позаймáли и мéншимъ панáмъ, то въ спáдокъ, тó за слýжбу подавáли, а кýпи й громáди сільскí своé прáво при собі здéржували, лихúхъ держáвцівъ спільнéю сúлою гамувáли, лякáли, абó й на судъ у своé сýднє кóлесо позивáли. *Громáда — велúкий чоловíкъ*, съ тогóто чáсу се прислівья пішлó. Отъ же такúй помáлу-мáлу почалú панóве держáвці зновъ у свої рýки судъ громáдський брáти. Спéршу вонú передъ попóмъ, при мýжахъ громáдськихъ, людські спрáви розбірáли, а дáлі вже й самú нарóдъ сільскúй судúли. Найшлúсь такі, що лю́дямъ и збірáтись кýпами чи громáдами не дозволя́ли, зъ своїми надвíрніми слýгами селя́нъ розгоня́ли и въ хурдúду речникíвъ громáдськихъ сажáли. Якъ жé побрáталисъ изъ Пóльскими держáвцями, котóрі здáвна вміли собі одъ короля́ княже прáво вúмогти, то й собі королівський привилéй набулú, щобъ своіхъ слугъ и піддáнихъ, не то пенéю, вязéннямъ, чи киёвúмъ бóемъ, та й самóю смéртю карáти.

LI.

Такъ воно́ тоді велóся, що вся земля́ здáвна кня́жою, а пóтімъ королівською звáлася, то, поставля́вши корóль надъ нéю одъ сéбе намісникíвъ и дозóрцівъ, давáвъ імъ своé владúчне прáво — кому́ трéба, й гóлову одтя́ти. Хто жъ бувъ держáвець зъ дідапрáдіда, то той, зъ лáски свого́ пáна, кня́зя, чи корóля, изъ рóду въ рідъ зéмлю держáвъ, а держáвши не мýсивъ ни́жчимъ одъ перемíнного корóнного намíстника бýти; тúмъ-то й кня́жого прáва панóве держáвці въ короля́ допевня́лися. Якъ почалú жъ городú зпідъ руíни Татáрськоі вставáти, почалú й городáми або́ корóнні

дозо́рці, або́ доживо́тні и пото́мні держа́вці ору́дувати. Въ города́хъ же людъ бага́тший почáвъ осіда́ти и пра́вомъ міськимъ щити́тися. А те міське пра́во було́ те жъ пра́во грома́дське, що ку́пами лю́де збіра́лися, тілько що вже тутъ лю́де тісні́йше оди́нъ поузъ одно́го осіда́ли, безпечні́йше за ва́ломъ и паліса́домъ одъ на́ходу ворогівъ сиділи, більше кори́сти то́ргомъ, чи реме́ствомъ добува́ли, то вку́пі й борони́тись одъ лихо́го чоловіка більше здола́ли. Отъ и ви́йшло пра́во міське, чи городове́, се бъ то звича́і життя́ міща́нського, кото́рихъ старі го́лови держа́лися та й моло́дшимъ передава́ли, а по́слі вже въ короля́ уставні гра́моти випро́шувати, щобъ коро́ль обіща́всь, я́къ то ни́сано, »старини́ не ру́шити, а новини́ не вво́дити«. Въ тихъ уже́ гра́мотахъ все проти́сувалось, яки́й одбу́токъ міський чоловікъ, чи міщани́нъ, повинéнъ місту одбува́ти, яку́ по́дать у скарбо́вню міську склада́ти, яку́ дани́ну одъ уся́кого ди́му плати́ти, які́ по́платки зъ землі, зъ двора́, съ крамни́ці дава́ти и якъ поміжъ собо́ю грома́дськимъ суде́мъ правува́тися. Торгу́ючи зъ Німе́цькими людьми́ и города́ми, на́ши городи́ и собі одъ Ні́мцівъ спо́собъ переймали́, якъ одъ па́нської кри́вди и ути́ску оборони́тися. Кото́рі були́ бага́тші городи́, ті собі въ королівъ Неме́цьке городове́ пра́во, склада́ючи гости́нець, випро́шували. Магдебу́рськимъ се пра́во зва́но. Въ такі городи́ ніяки́й панъ, ні ста́роста и ніяки́й уря́дникъ коро́нний не втруча́вся, бо коро́ль такі городи́ привиле́емъ своїмъ визволя́въ одъ усіхъ па́нськихъ судівъ, одъ усіхъ воево́дськихъ и старости́нськихъ мо́цей. Въ таки́хъ города́хъ жовніре посто́емъ не стоя́ли; на войну́ міща́не съ таки́хъ городівъ не ходи́ли, опрічъ хиба́ коро́ль »своє́ю голово́ю потя́гне«, підво́дъ у військо не дава́ли, ми́та й про́мита не плати́ли, свій скарбъ осо́бний ма́ли и съ того́ ска́рбу для городської оборо́ни військо своє́ держали. Судъ бувъ у города́хъ Магдебу́рськихъ ве́рхній бурмисте́рський у магистра́ті (тамъ бурми́стеръ засіда́въ зъ ра́йцями) и ни́жчий війтовськи́й у ра́туши (тутъ війтъ сидівъ зъ лавника́ми), и що́ ра́йці зъ бурми́стромъ поставля́ли, те лавники́ зъ війтомъ вико́нували. Въ да́вній Украіні на Магдебу́рському пра́ві були́ городи́: Бра́цлавъ, Ви́нниця, Черка́си, Василькі́въ, Овру́чъ, Ки́ївъ, Переяславъ, Остéръ, Ніжень, Черні́гівъ, Пога́ръ, Мглинъ, Козе́лець, Но́вгородъ-Сіверський и Ста́родубъ. Кото́рі жъ городи́ и не добули́ собі Магдебу́рського пра́ва и му́сили свого́ держа́вця або́ ста́рости слу́хати, то й ті, на-

взіръ знáчнихъ городівъ, у своіхъ громáдахъ порядкувáлися, свогó війта обірáли и лавниківъ изміждо сéбе оглашáли. Та й по сéлахъ той же самúй звúчай тоді всюди повівся, тільки що сільскúй війтъ противъ городськóго мéньшу повáгу мавъ. Все ремéство, всякий торгъ тоді спільнимъ товарúствомъ люде одбувáли, щобъ одúнъ одному супротúвъ безправья помагáти, одному за одногó заступáтися и товáриша въ обіду не пускáти. Братáлись міжъ собóю шевці, кравці, ковалі, кушнірі, и всяке ремéство свій цехъ осóбний мáло, свій осóбний корогóвъ у цéркві стáвило, свогó осóбного рáйцю абó лавникá у спільню рáду посилáло, а всі брáтства, чи цехú, вкупі противъ сýднéі крúвди стояли, одъ жовнірства оборонялись, до воевóдъ, до королівъ супліки посилáли, а якъ колú, то й бóемъ себé одъ напáсти оборонялú. Якъ жé не стáло й міжъ духóвними людьмú порядку ставáти, тоді почалú церкóвні брáтства по городáхъ и сéлахъ завóдитись, щобъ віра дáвня въ народі, черезъ недбалóсть попівську, не забувáлась та щобъ миряне, не знáвши дóброі церкóвноі наýки, у Латúнство черезъ унію не переходили, та й щобъ унúти съ католúками силоміць людéй прóстихъ до пáпи Рúмського не пахиляли. У церкóвні брáтства всякого стáну люде и прóсті й пáпи вписувались, вступнóго по шість грóшей на брáтські потребúзни платúли и подáчку одъ чáсу до чáсу въ брáтську скарбóвню клáли. Колú братъ брáта словóмъ зневáживъ, чи дiломъ обідивъ, воні судóмъ брáтськимъ, а не якúмъ úншимъ судúлися, виновáтий пенюю чи винý платúвъ, на дзвінúці сидівъ и прилюдне брáта перепрóшувавъ, пáньску, чи якý бъ ні булó, свою гордúню смиряючи. Хто живъ не по закóну Бóжому, чи мирянúнъ, чи піпъ и епúскопъ, чи прóстий чоловікъ, чи панъ, того середъ брáтського собóру словáми картáли и одъ брáтства одлучáли. Такъ въ рéчі посполúтій Пóльскій народъ Украінський самъ себé скільки змігъ оборонявъ, на правоті держáвъ и про старосвітську віру громáдськимъ розумомъ піклувався.

LII.

Сей-то звúчай — дóбрими зъ дóбрими, прáвимъ съ прáвими братáтися и вкупі противъ ворогівъ стояти одригнувсь и за По-

ро́гами, якъ назбіра́лась туди́ ку́па люде́й чима́ла изъ уся́кіхъ збі́гівъ, кото́рі воево́дськоі, старостя́нськоі, жовні́рськоі, або́ па́нськоі-держа́вськоі наха́би не сте́рпівши, въ ди́кі степи́ безлю́дні зъ городівъ и зъ сілъ посхо́дили. Вони́ міжъ собо́ю Низове́ бра́тство уста́вили и кошово́го ота́мана замість війта, а курінне отама́ння за бурми́стрівъ и ра́йцівъ собі ма́ли; вони́ ти́сячами, якъ одна́ сімъя́, пробува́ли и, мовля́въ, ра́ди души́ спасіння, на невірнихъ ходи́ли, части́ну здо́бичи похо́днёі на церкви́ подава́ли, дру́гу на по́хоронъ одкла́дували, а оста́токъ зъ до́брими людьми́ пропива́ли й проіда́ли. Вони́ *бра́тчиками, товари́ствомъ* себе́ велича́ли. Вони́ спе́ршу въ городи́ тілько то́ргомъ ходи́ли, ри́бу зъ Ни́зу Дніпра́ вози́ли, а по́слі почали́ й сами́ по города́хъ осіда́ти и міща́нськимъ ро́бомъ жи́ти, військо́вихъ звича́івъ и во́лі не покида́ючи. Вони́ жъ то міща́нъ до́бре й противъ па́нськоі чи жовні́рськоі кри́вди підпира́ли и бу́чи зъ лю́домъ ору́жнимъ заво́дили, що й воево́ди й старо́сти и жовніре проходя́чі й консисту́ючі на іхъ озира́лися и іхъ найбільшъ опа́сувались. Ти́мъ-то й пано́ве уря́дники й дозо́рці коро́нні козаківъ, що тихъ, мовля́въ, ужівъ, зненави́діли и більшъ, ніжъ на поспільство, на нихъ наляга́ли: не вважа́ючи на іхъ слу́жбу військо́ву, до па́нщини іхъ потяга́ли, по за́мкахъ іхъ до вся́коі послу́ги держа́ли, зъ листа́ми по города́хъ ганя́ли, до ко́ней старостя́нськихъ приставля́ли, дворі зміта́ти, гру́би топи́ти змуша́ли и вся́кі імъ нару́ги й кри́вди чини́ли. Якъ же не ста́ли козаківъ коро́нні гетьма́нове ще й на мо́ре за здо́биччю вое́нною пуска́ти, тоді почали́ козаки́ й міща́нъ та й поспільство до спільнёі войни́ на панівъ підохо́чувати. Міща́не до коза́щини, ма́буть, до́бре торгува́ли, бо зна́емо, що імъ права́ Магдебу́рські королі за вели́кі гро́ши дава́ли, а войта́ми до нихъ сами́ воево́ди впро́шувались, и вели́кі пани́, живучи́ въ горо́дахъ, міські одбу́тки за своі двори́ одбува́ли. Ти́мъ-то й звадли́во було́ городя́намъ роскішнимъ Жиді́вські оре́нди терпіти, що ні горілки, ні ме́ду, ні пи́ва не вільно було́ въ свое́му дому́ держа́ти; ти́мъ-то тя́жко було́ и одъ жовнірства зневагу й зди́рство за ста́ціі, або́ одъ па́нства вся́кі кри́вди й наха́би перено́сити. Тимъ вони́ й бра́лись охо́чо козака́мъ харча́ми, припа́сомъ и ру́чими паробка́ми помага́ти. Якъ же́ підняли́ся бра́тства церко́вні свою́ пре́дсю віру одъ уніі нау́кою церко́вною, книжка́ми друко́ваними та шко́лами бра́тськими боро-

ни́ти, тоді козаківъ міща́не ко́штомъ своїмъ, я́ко во́інство Христо́ве, споружа́ли и, вку́пі съ попа́ми, на войну́ за віру благословля́ли. — Що́ до поспільства сільского, то воно́ бъ то (ка́же нашъ літопи́сець) жило́—хочъ, пе́вно, не у вся́кого па́на — »обфи́то въ збо́жахъ, въ би́длахъ, въ пасіка́хъ«, тілько що вели́кі ви́мисли почали́ пано́ве старо́сти, держа́вські намісники́ и Жиди́ орандари вимишля́ти. Сами́ бо ду́ки держа́вці не жили́ на Вкраіні, тілько уря́дъ держа́ли и про кри́вди посполи́тихъ люде́й ма́ло зна́ли, хоть же й довідувались, такъ гости́нцями одъ своіхъ дозо́рцівъ и Жидівъ засліплювались, не розуміючи, що іхъ же, мовля́въ, са́ломъ по іхъ же шку́рі й ма́жуть, обідра́вши іхъ піддани́хъ, та імъ же дару́ють. Коли́бъ самъ панъ узя́въ съ піддано́го, то не такъ би було́ піддано́му й жа́лко, ато́, мовля́въ, леда́ча Жидова́ богати́тця, по два, по три цуги́ ко́ней справля́е, вимишля́ючи вели́кіе чи́нши, поволо́вщини, ду́ди, оси́пи, мірочки сухі, пла́ту зъ жо́рнівъ, та ще убо́гого селяни́на й слова́ми зневажа́ючи и пана́мъ на ёго наговорюючи. Отъ сёго-то селя́не не сте́рпіли, по́часту въ козаки́ на Низъ одъ Жидівськоі й па́нськоі наха́би утіка́ли, а опісля́ до козаківъ и цілими се́лами вже прихиля́лися.

LIII.

Воно́-то пра́вда, що въ ре́чи посполи́тій По́льскій часа́ми тя́жко города́мъ и се́ламъ, міща́намъ и селя́намъ, попа́мъ и миря́намъ жи́ти прихо́дилось; воно́ пра́вда, що пани́ ніяко́го впи́ну собі не зна́ли и що-хотя́ зъ убо́гимъ лю́домъ чини́ли; пра́вда, що вбо́гому зъ бага́тимъ шко́да було́ судо́мъ правува́тися; що вели́кі пано́ве и на се́ймахъ, ма́ючи за собо́ю попліч никівъ, чого́ хотіли доказували, а бува́ли такі міжъ пана́ми розбиша́ки, що, черезъ іхъ на́їзди та розбо́і, шляхи́ буръяна́ми заросталі: а все жъ бо таки́, поглянувши на життя́ лю́дське огу́ломъ, тре́ба забу́ту пра́вду ви́явити, що »но́кп, я́къ-то співа́ють, були́ на Вкраіні пани́ въ ладівни́цяхъ, то въ мужиківъ пироги́ лежа́ли на поли́цяхъ; я́къ же почали́ шве́ндяти по Вкраіні козаки́ съ порохо́вими рога́ми, залягли́ скрізь степи́ й поля́ облога́ми«. Торги́ по города́хъ були́ въ давнійшихъ ча́сахъ безпе́чні, и черезъ Ки́ївъ що-

ро́ку перехо́дили вели́кі карава́ни кіньми, вола́ми и верблю́дами, везучи́ въ Моско́вське ца́рство, въ Шве́цію й Да́нію вся́ке добро́ зъ Мало́і Азіі, Пе́рсіі, Индіі, Ара́біі, Си́рії. Бува́ло такъ, що шовкъ у Ки́їві йшовъ урівень зъ лёномъ, а пе́рець — дешёвше одъ со́ли. Якъ же́ підняла́сь коза́цька руіна, городи́ оди́нъ за одни́мъ до тла горіли и пустіли, а крама́рство по и́ншихъ зе́мляхъ розбіга́лося. »Ой я, ка́же, свій крамъ у коро́бку склавъ, козака́мъ пята́ми накива́въ.« Се-то, глузу́ючи зъ Жидови́, виспівували такъ за Хмельни́цького кобзарі, а воно́ й пра́вда була́, що я́тки и крамні комо́рі въ коза́цьку руіну скрізь по́піломъ лежа́ли, або́ пусти́зною стоя́ли. Ще за Налива́йка зло́жено пісню: »Ой въ го́роді Могиле́ві та ста́лося пу́сто, якъ повіяли коза́ченьки зъ самопа́лівъ гу́сто.« Спустівъ же такъ одъ коза́цькихъ самопа́лівъ и Ки́ївъ, и Бра́цлавъ, и всі Магдебу́рські й не-Магдебу́рські городи́ по Вкраіні. Погоріли не то що крамни́ці зъ шовка́ми и Туре́цькими габа́ми, та й шко́ли, кото́рі бра́тства церко́вні своїмъ ко́штомъ споружа́ли; погоріли друка́рні, въ кото́рихъ вільно було́ що хотя́ друкува́ти и не то лука́ву унію, та й само́го па́ну Ри́мського зъ ёго́ прела́тами якъ хотя́ перепіра́ти; поросхо́дились по чужи́хъ зе́мляхъ, повмірали въ похо́дахъ, боя́хъ, пожа́рахъ и гнили́хъ хоро́бахъ військо́вихъ учёні лю́де, кото́рі съ чужи́хъ сторінъ до насъ нау́ки во́льні пересажували, та й сами́ хро́ніки коза́цькі, въ кото́рихъ кріва́ві по́двиги, мовля́въ, за віру Христия́нську позапи́сувані, и те все въ людській крові потону́ло и засипано десь по́пеломъ на пожари́щахъ; и та химе́рна о́повідь про коза́цьке лица́рство необа́чне не вся дойшла́ до на́шихъ рукъ за самими́ жъ козака́ми. Які́ були́ суди́ и трибунали, все коза́цька руіна, мовъ лю́тий ви́хоръ, позно́сила; які́ були́ права́ и судові звича́і, все підъ ту страше́нну заверу́ху позабува́лося. Не бага́то люде́й письме́нних на Вкраіні оста́лося. Полко́вники та сотники́ вміли тілько кріва́ву ша́блю въ рука́хъ держа́ти и ша́блею права́ по города́хъ и се́лахъ писа́ти, ша́блею зе́млі поміжъ се́бе діли́ти и оди́нъ одно́му межу́ го́стримъ залізомъ значи́ти. Спра́вді бо, якъ повтіка́ли всі держа́вці зъ Украіни, опрічъ тихъ, кото́рі підъ коза́цьке пра́во воє́нне підклони́лися, почали́ тоді полко́вники та сотники́ покріва́влену и зъ́брану копита́ми зе́млю поміжъ се́бе наюва́ти. То́ були́ воєво́дства, а въ воєво́дствахъ повіти, а въ повітахъ королівські старо́ства, чи ма́етности,

по́ручъ зъ маётками держа́вцівъ, панівъ Украінськихъ, ато́ вже осяглѝ й позайма́ли козаки́ всі зе́млі по Вкраїні підъ полки́, а въ полка́хъ підъ со́тні, а въ со́тняхъ підъ свої хуторі, дворѝ, пасто́вники чи лева́ди, а кото́ра земля́ козака́мъ не згоди́лася и до це́ркви чи до манастиря́ не тягну́ла, съ тихъ зе́мель пода́тки до ска́рбу царського́ бра́ли и, вку́пі зъ городськи́ми по́платками, воево́дамъ на царські потребѝзни оддава́ли. Не снесли́ козаки́ безпра́вья ре́чи посполи́тої; за пра́во, за во́лю свою́ на Ляхівъ підняли́ся. Поба́чимо жъ изъ *Виговщини*, зъ *Бруховеччини*, зъ *Попо́вичівщини* й *Мазе́пинщини*, якъ воні́ тимъ пра́вомъ и то́ю закріва́вленою во́лею своє́ю кори́стувались.

П. Кулішъ.

30 декабря, 1860.
С. Петербургъ.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

Пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не знаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи.

Гоголь (о малороссійскихъ пѣсняхъ).

Важность народной поэзіи и народной музыки для изученія жизни даннаго народа — извѣстная истина, которую врядъ ли кто станетъ оспаривать. Ее проповѣдывали и ученые изслѣдователи, и поэты. Приведемъ, кромѣ выставленныхъ въ эпиграфѣ, еще краснорѣчивыя и высоко-правдивыя слова Гоголя: »Народныя пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи не многія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа; когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ: исторія народа разоблачится предъ нимъ въ ясномъ величіи« . — Это, разумѣется, относится прямо къ *словамъ*, къ *тексту* украинскихъ народныхъ пѣсень — богатѣйшему этнографическому матеріалу; но въ народныхъ созданіяхъ слова́ и музыка къ нимъ неразрывны; самые звуки пѣсень, безъ

сомнѣнія, столько же, если не болѣе, характеристичны, столько же, если не болѣе еще, важны, для уразумѣнія духа Украинцевъ. Гоголь не менѣе восторженно отзывается и о музыкѣ малорусскихъ пѣсень: »въ нихъ музыка«, говоритъ онъ, »слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что — кажется—не звучатъ, а говорятъ, говорятъ словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ душу.... Ничто не можетъ быть *сильнѣе* народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни,— если натиски насилій и непреодолимыхъ, вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ....«

Подтвержденіемъ этого поэтическаго отзыва изъ устъ не-музыканта, долженъ служить обстоятельный музыкально критическій этюдъ надъ музыкою южно-русскихъ пѣсень; такого труда до сихъ поръ еще сдѣлано не было, и вотъ въ чемъ будетъ наша задача.

Обсужденіе текста пѣсень со стороны ихъ языка, ихъ внутренней поэзіи, словесной — дѣло литературное. Обсужденіе музыкальнаго склада южно-рускихъ пѣсень, вниканіе въ ихъ общій характеръ и во всѣ подробности, съ точки зрѣнія музыкальной, требуетъ особаго спеціальнаго знакомства съ самими пѣснями и значительную степень обще-музыкальной развитости. При этомъ, разумѣется, дѣло требуетъ, чтобы техническіе разборы народной украинской музыки были, сколько возможно, ближе приноровлены къ понятіямъ не-спеціалистовъ по музыкальной техникѣ и изложены на столько не ремесленно и не безтолково, чтобы могли занять свое мѣсто въ журналѣ литературномъ, во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка.

Мы, слава Богу, довольно далеко ушли отъ того времени, когда знаменитый профессоръ контрапункта, »Padre Martini« (бывшій наставникомъ и Моцарта), высказалъ австрійскому императору Іосифу II-му, что музыкальная критика — дѣло совсѣмъ *несбыточное*, потому что музыканты не умѣютъ быть литераторами, а литераторы, въ свою очередь, ничего не смыслятъ въ музыкѣ.

Въ наше время соединеніе дѣятельности литературной и технически-музыкальной не только-что перестало быть чѣмъ-то несбыточнымъ, но даже не принадлежитъ уже къ особенно-рѣдкимъ явленіямъ (достаточно вспомнить: Берліоза, Галеви, Фетиса, Маркса, Гауптмана, Шумана, Вагнера, Листа, Бюлова и т. д.)

Тѣмъ не менѣе, избранная нами задача представляетъ много весьма важныхъ затрудненій, по самой сущности дѣла.

Пѣсни народныя, какъ музыкальные организмы, отнюдь не сочиненія отдѣльныхъ музыкально-творческихъ талантовъ, а произведеніе цѣлаго народа, и всѣмъ складомъ своимъ весьма далеки отъ музыки искусственной, сочиненной, вслѣдствіе сознательнаго подражанія образцамъ, вслѣдствіе школы, науки, рутины и рефлексіи. Это цвѣтки данной почвы, явившіеся на свѣтъ будто сами собою, выросшіе въ полномъ блескѣ, безъ малѣйшей мысли объ авторствѣ, сочинительствѣ, и, слѣдовательно мало похожіе на парниковые, тепличные продукты ученой композиторской дѣятельности. Оттого въ нихъ ярче всего выступаетъ — наивность творчества и та (по мѣткому выраженію Гоголя, въ Мертвыхъ Душахъ), *высокая мудрость простоты,* — главная прелесть и главная тайна всякаго художественнаго созданія.

Какъ лилія, въ своемъ пышномъ, цѣломудренномъ убранствѣ, затмѣваетъ блескъ парчей и драгоцѣнныхъ каменьевъ, такъ народная музыка, именно своимъ дѣтскимъ простодушіемъ, въ тысячи разъ богаче и сильнѣе, нежели всѣ ухищренія школьной премудрости, проповѣдываемые педантами въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ академіяхъ.

Намъ возразятъ: »какъ! учености музыкальной будто вовсе ненужно? неужели какая бы то ни было въ свѣтѣ народная пѣсня можетъ соперничать — напримѣръ — съ симфоніей Бетховена?«

Нѣтъ, конечно, если брать симфонію въ ея всецѣлости; но симфоніи столь геніальныя, какъ бетховенскія, отнюдь не продукты *учености* музыкальной (какъ, напримѣръ, симфоніи и ораторіи композиторовъ не-геніальныхъ), а самостоятельные организмы, развившіеся въ великолѣпной сложности изъ немногихъ, самыхъ простыхъ, музыкальныхъ мыслей, какъ изъ зерна. Что́же касается до самыхъ зёренъ этихъ, до мотивовъ музыкальныхъ, служащихъ зародышами, эмбріонами развитыхъ музыкальныхъ организмовъ, то въ каждомъ народѣ, богатомъ своими пѣснями, навѣрное найдутся мотивы, которые способны посоперничать съ мотивами хотя бы и бетховенскими. Въ самой высшей изъ своихъ симфоній, въ *девятой*, Бетховенъ свою тему (пѣснь на слова Шиллеровой оды »къ радости«, An die Freude), тему, пронизывающую *всю* симфонію насквозь, служащую основою, краеугольнымъ камнемъ для всего колоссальнаго зданія, приблизилъ, какъ нельзя больше, и вполнѣ сознательно, къ дѣтски-простодушному характеру напѣвовъ народныхъ.

Родственность мотивовъ великихъ композиторовъ съ мотивами пѣсень

ихъ народа можно подкрѣпить и еще тысячами примѣровъ изъ Гайдна, Моцарта, Шопена, Глинки и другихъ. О внутреннемъ музыкальномъ богатствѣ мотивовъ въ народныхъ пѣсняхъ очень мѣтко выразился Л. М. Жемчужниковъ (Записки о Южной Руси, г. Кулиша, томъ II. стр. 7.). »Народная пѣсня, въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и, притомъ, необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слóва, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ.«

Съ этой стороны, великую правду и глубину заключаютъ въ себѣ и словá автора »Жизни за Царя«: »создаетъ музыку народъ, а мы, художники, только ее арранжируемъ.«

Между тѣмъ, такъ какъ музыкальная ученость и непосредственное музыкальное творчество всегда и вездѣ шли не рука объ руку, а развивались независимо другъ отъ друга, — народъ музицируетъ по своему, ученые — по своему; народъ знать не хочетъ ученой музыки, а ученые музыканты знать не хотятъ народной (этому свидѣтельствомъ — вся исторія музыки), и такъ какъ соединеніе, слiяніе истиннаго дара творчества и глубокой науки встрѣчается только въ немногихъ избранникахъ, то и для вѣрнаго аналитическаго обсужденія музыки — не сочиненной, а создавшейся въ народѣ — нужны условія, не совсѣмъ часто встрѣчаемыя.

Отвлекаться отъ привычныхъ намъ, всосанныхъ съ музыкальнымъ воспитаніемъ, школьныхъ понятій, (не всегда вѣрныхъ основнымъ законамъ музыкальнаго творчества, и, до сихъ поръ еще, недовольно ясно сознаваемыхъ теоретиками); отвлекаться отъ того, что́ встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ рутинномъ примѣненіи, отвлекаться для того, чтобы умѣть доходить до корней музыкальнаго склада и любоваться каждымъ свободнымъ изгибомъ музыкальной природы, неиспорченной рутиною, — дѣло несовсѣмъ легкое. Превосходно, именно объ этой сторонѣ музыкальнаго изученія, выражается геніальный знатокъ музыки, извѣстный нѣмецкій юристъ, Тибо (Ant. Fr. Just. Thibaut. *Ueber Reinheit der Tonkunst* III. Ueber Volksgesange) (¹), »о народномъ пѣніи«).

(¹) Книга юриста Тибо »о чистотѣ музыки« — при появленіи своемъ въ 1825 г. — была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ясность и здравость взглядовъ ея просвѣщеннаго автора на музыку старинныхъ итальянскихъ мастеровъ XVI столѣтія, совершенно заброшенныхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, казались, въ эпоху блистанія Россини, какимъ-то бредомъ любителя музыкальной археологіи, диковинокъ музыкальной старины. Знатоки музыки ex professo, т. е. сухіе, рутинные педанты, и практическіе музыканты, т. е. ремесленники музыкальнаго цеха, страшно вооружились про-

»Цивилизованный человѣкъ, для дальнѣйшаго своего образованія и ученія, непремѣнно чувствуетъ потребность бесѣдовать съ людьми, замѣчательно-развитыми по своей спеціальной части. Но онъ никакъ не долженъ утрачивать драгоцѣнной способности плѣняться красотою безискусственно-наивною, невинною. Культура далеко не всегда согласуется съ развитіемъ естественныхъ данныхъ и очень во многомъ, иногда, образованный человѣкъ долженъ поступить — ребенку. О дѣтяхъ въ Евангеліи сказано: «ихъ есть царствіе небесное«.

»Высшее въ человѣческомъ характерѣ—искренность, откровенность, правдивость. Но житейскія отношенія и цивилизація обыкновенно затемняютъ это качество; дѣлаютъ человѣка скрытнымъ, недовѣрчивымъ, лицемѣрнымъ, лживымъ; между тѣмъ, дитя стоитъ предъ нами такимъ, какъ оно отъ природы, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Оттого, кто не знаетъ дѣтской души, тотъ не знаетъ и человѣческой души вообще. Въ счастливо-организованномъ ребенкѣ инстинктивно присутствуетъ мудрость, до которой мыслящій человѣкъ доходитъ долгимъ и тяжкимъ опытомъ.

»Эти общія истины вполнѣ примѣнимы и къ музыкѣ. Высшее въ музыкальномъ дѣлѣ, что́ дается ученіемъ — написать правильно музыкальную пьесу, удовлетворяющую требованіямъ искусства. Но какъ часто наше искусство удаляется отъ природы; какъ часто — процессомъ искусства — слагаются продукты, гдѣ истинное вдохновеніе, т. е. природа, душа человѣческая — совершенно отсутствуетъ, продукты, которые, въ счастливѣйшихъ случаяхъ, способны возбудить нѣкоторое удивленіе, уваженіе, но симпатіи не возбудятъ никогда, ни въ комъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что половина существующей въ свѣтѣ музыки — *вовсе не музыка*; это — родъ какой какой-то математики, безъ внутренняго, жизненнаго начала; подмостки для пустѣйшаго виртуозничанья пальцами или горломъ: — безмѣрно далеки отъ этого вреднаго для музыки направленія, чисты, непорочны, просты, какъ душа младенца, всѣ пѣсни вышедшія изъ нѣдръ народа, или воспринятыя народомъ извнѣ, но получившія въ немъ самостоятельную жизнь.

тивъ взглядовъ Тибо, какъ не профессіониста по музыкѣ, а только »диллетанта«. Между тѣмъ, Тибо былъ совершенно правъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Книга его пережила уже четыре изданія, и только теперь мысли ея автора оцѣнены вполнѣ, вошли въ плоть и кровь современной намъ музыкальной критики. А имена профессіонистовъ — съ высоты величія споривших съ Тибо — совершенно забыты.

Такія пѣсни всегда отражаютъ въ себѣ здоровое, сильное чувство человѣка, еще неиспорченнаго культурою, — и какъ родившіяся въ эпоху свѣжести, юности народа, неразрывно-связанныя съ великими народными событіями,—способны и въ людяхъ, уже далекихъ отъ первобытной простоты, возбуждать ощущенія сладостныя и отрадныя, какъ воспоминаніе дѣтства, — способны дѣйствовать на душу неотразимо.«

Украинскія пѣсни могутъ служить превосходнымъ, живымъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ Тибо; но при такомъ богатствѣ матеріаловъ, какое представляетъ южнорусская народная музыка, полный критическій этюдъ надъ нею дѣло — безъ сомнѣнія — вѣковое. Оно потребовало бы анализа и сличенія *всѣхъ* пѣсень и ихъ варіантовъ, живущихъ въ народѣ украинскомъ. Цѣлой жизни одного человѣка никакъ недостаточно на подобный подвигъ. Можно однако же положить этому нѣкоторое начало, къ чему и будутъ направлены наши усилія.

»Не мудрствуя лукаво«, стараясь какъ можно ближе держаться практической стороны дѣла, мы намѣрены, даже и предварительныя работы надъ изучаемымъ народнымъ матеріаломъ, представить на судъ публики.

Критическіе и техническіе общіе выводы и заключеніе касательно музыки южнорусскихъ пѣсень, въ ея цѣломъ, могутъ быть выведены только изъ ближайшаго знакомства на дѣлѣ съ самими пѣснями, изъ повѣрки ихъ мотивовъ съ ихъ текстомъ, и изъ сличенія пѣсень между собою.

Здѣсь будутъ предлагаемы читателямъ пѣсни, записанныя изъ устъ народа, сколько можно вѣрнѣе и въ текстѣ и въ музыкѣ, и притомъ почти исключительно такія пѣсни, которыя до сихъ поръ еще не были помѣщены ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ малорусскихъ мелодій.

Къ мелодіи каждой пѣсни (съ ея словами, скандированными согласно музыкѣ, во всѣхъ куплетахъ, а не въ однѣхъ только тѣхъ строчкахъ, которыя подписаны подъ нотами напѣва) будетъ прибавлена гармонія, въ формѣ аккомпанимента на фортепіано, какъ инструмента наиболѣе доступнаго читающей публикѣ.

Подобная арранжировка или гармоническая обстановка данной народной мелодіи, по нашему мнѣнію, необходима, какъ живой музыкальный *комментарій* на характеръ самого напѣва. Гармоническая обработка всегда присуща и народу, который любитъ пѣть свои пѣсни не въ одинъ голосъ, а въ нѣсколько голосовъ, разомъ, съ ходами ихъ до-

вольно-самостоятельными, контрапунктическими, по счастливому музыкальному инстинкту.

Даже въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ народъ поетъ не хоромъ, а единичными голосами, видоизмѣненія самой мелодіи, ея варіанты, всегда чрезвычайно-разнообразные, своими оттѣнками дополняютъ мелодическое значеніе пѣсни и, выставляя выпукло то одинъ, то другой интервалъ, въ самомъ напѣвѣ, поясняютъ самимъ дѣломъ его гармоническій складъ.

Во всемъ этомъ, на практикѣ и въ критическомъ анализѣ пѣсень, встрѣчается для технической музыкальной ихъ обработки затрудненіе немаловажное.

Если вѣрное записываніе народной мелодіи знаками общеупотребительной нотной грамоты (для самого народа — чуждой) само по себѣ дѣло не совсѣмъ легкое, хотя бы и для опытнаго музыканта, такъ какъ представляетъ иногда и въ оттѣнкахъ интерваловъ (четверти тона,—какъ увидимъ впослѣдствіи) и, особенно, въ размѣрѣ, въ ритмѣ, нѣкоторыя несоразмѣрности съ формами западной музыки, итальяно-нѣмецкой, на которой мы взросли,—то »гармонизація« пѣсенъ народныхъ—дѣло еще болѣе тонкаго и щекотливаго свойства. И чѣмъ глубже музыкантъ вникаетъ въ свою задачу въ этомъ случаѣ, чѣмъ вѣрнѣе чувствуетъ и сознаётъ *идеалъ* своей работы, тѣмъ достиженіе этого идеала становится для него самого затруднительнѣе.

Каждая мелодія, какъ послѣдованіе музыкальныхъ звуковъ, подъ условіямя обще-извѣстными и вполнѣ *естественными*, для мелодическаго звуко-сочетанія вообще, — *очень легко* допускаетъ себя аккомпаниментомъ рядъ аккордовъ. Оттого всякій, сколько-нибудь знающій свое дѣло музыкантъ, особенно изъ нѣмцевъ, не призадумается нимало подставить аккомпаниментъ къ любой украинской пѣснѣ.

Только на повѣрку послѣ выйдетъ, что изъ сотни случаевъ (конечно—и девяносто девяти) нѣмецкій фасонъ аккомпанимента къ пѣснѣ, приходится для нея столько же кстати, какъ нѣмецкаго или французскаго покроя фракъ и бѣлый жилетъ будутъ къ лицу плотной, здоровой фигурѣ величаваго чумака, или какъ парижскій кринолинъ будетъ кстати на пышномъ безкорсетномъ станѣ какой-нибудь сельской красавицы, Одарки или Ганнуси.

Обыкновенный музикусъ, привыкшій, съ высоты своей цеховой ученности, смотрѣть на простонародныя пѣсни съ тупѣйшимъ презрѣніемъ, не посовѣстится — записывая нотами данную народную мелодію —»попереправить«, т. е. исказить въ ней все, что, по его дюжиннымъ поня-

тіямъ, покажется ему угловатымъ, шереховатымъ, не подходящимъ подъ правила (!) музыкальной теоріи (которыхъ, въ сущности, и *нѣтъ* совсѣмъ на свѣтѣ), — не призадумается замѣнить одинъ неудобный, для пошлыхъ аккордовъ, интервалъ другимъ, болѣе »правильнымъ«, т. е. обыкновеннымъ, — не призадумается втиснуть въ одинъ тактъ мотивъ, непремѣнно требующій двухъ тактовъ, или, на-оборотъ, растянуть въ два такта, то́, что́ въ пѣснѣ звучитъ въ одномъ (или и вовсе безъ такта); не призадумается и вообще навязать пѣснѣ ритмическое движеніе, *непохожее* на ея оригинальную сущность, но болѣе сближенное съ ритмами, которые звучатъ во внутреннемъ слухѣ рутиннаго музыканта, навѣянные тою музыкою, среди которой онъ плаваетъ во вседневномъ своемъ обиходѣ, какъ рыба въ садкѣ.

Между тѣмъ, въ этихъ кажущихся шереховатостяхъ, угловатостяхъ, неправильностяхъ (!) мелодическихъ, гармоническихъ и ритмическихъ, всегда заключается главная особенность пѣсни, ея характеръ, колоритъ, неразрывно-слитый съ ея поэтическою задачею, съ внутреннею органическою идеею, вызвавшею эту пѣсню на свѣтъ Божій.

Иногда такого рода оттѣнки тонки, деликатны какъ блестящая пыль на крылышкахъ мотылка. А сколько нашлось между музикусами вандаловъ, которые своею грубою рукою, то́ и дѣло, что соскабливаютъ эту драгоцѣнную пыль, какъ что-то ничтожное и лишнее.

Ясно, что и въ гармонической обработкѣ малорусскихъ пѣсенъ, подъ рукою подобнаго рода мастеровыхъ музыкальнаго цеха, являлась или безцвѣтная пошлость, или вычурность, затѣйливость, въ прямомъ разнорѣчіи съ характеромъ пѣсни, являлась вообще та »деревянность« бездарности, на которую и Гоголь не забылъ пожаловаться въ своей статьѣ объ украинскихъ пѣсняхъ (1).

Пѣсни эти, какъ всѣ народныя, весьма просты въ своемъ складѣ. Мелодія ихъ, своимъ естественнымъ ходомъ, вызываетъ гармонію, столько же простую. Но угадать такую простоту *вполнѣ*, — нигдѣ, ни на одинъ волосокъ не отступить отъ той внутренней, подразумѣваемой гармоніи, которая зародилась вмѣстѣ съ мелодическимъ напѣвомъ и служитъ ему основою, — остаться простымъ, безъ бѣдности и однообразія, умѣть придать аккомпанименту требуемую духомъ и смысломъ пѣсни жизнь

(1) »Даже и музыка малороссійскихъ пѣсенъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое *безчувственное деревянное* созданіе.«

звуковъ, не впадая притомъ нигдѣ въ вычурность, не уводя аккомпанимента въ область музыкальныхъ сочетаній—красивыхъ, занимательныхъ, только—для украинскаго мотива—чуждыхъ, — все это вмѣстѣ составляетъ задачу глубоко-художественную, которую врядъ ли кто можетъ иначе разрѣшить, какъ только отчасти, приблизительно.

Трудность этого дѣла увеличивается и тѣмъ еще, что тотъ, кто почувствуетъ въ себѣ призваніе для музыкальной разработки украинскихъ пѣсень, можетъ весьма скоро увлечься въ сторону, именно вслѣдствіе своихъ же музыкальныхъ силъ, которыя будутъ искать себѣ бо́льшаго простора, нежели сколько требуетъ пѣсня. Кромѣ способности и знанія, такая художественная задача требуетъ еще и значительной степени самоотверженія, смиренія мысли. Это все условія, слишкомъ не часто встрѣчаемыя.

При отсутствіи возможности долго изучать хоровое пѣніе пѣсень на мѣстѣ, въ самой Украинѣ, пособіемъ для соблюденія мѣстнаго колорита при обработкѣ пѣсень можетъ служить безпрерывная *провѣрка* гармонизаціи пѣсень (сдѣланной предварительно, въ видѣ опыта) внутреннимъ инстинктивнымъ чутьемъ природныхъ Украинцевъ, посвятившихъ себя изученію пѣсенъ своего народа.

А. Сѣровъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ III.

ЧОГО́ СТО́ІТЬ ШЕВЧЕНКО, Я́КО ПОЭТЪ НАРО́ДНІЙ.

Чу́емо й ми по хутора́хъ, що вмеръ Тара́съ Шевче́нко. Тяжке́ го́ре, що нема́е вже на сві́ті вели́кого поэта, и свята́ передъ Бо́гомъ уся́ка слёзи́на, що па́ла на ёго́ домови́ну: слізми своіми зложи́ли ми ціну́ подви́жникові рідного сло́ва, кото́ре одно́ стано́вить на́шу наро́дню си́лу, на́шу наро́дню сла́ву, — одно́ дае́ намъ пра́во на ділни́цю міжъ и́ншими наро́дами. По́ки міжъ на́ми живъ Шевче́нко, оддава́ли ми ёму́ шано́бу, я́ко висо́кому поэтові, и о́чи одверта́ли одъ уся́коі хи́би ёго́ и упа́дку на тяжкій, одино́кій доро́зі; яке́ жъ вели́ке було́ ёго́ діло, що́ вінъ зроби́въ для насъ Украі́нцівъ и що́ були́ бъ ми безъ Шевче́нка, — се вже тепе́ръ тілько упо́вні намъ одкри́лося.

Занедба́ли зда́вна вже письме́нні городя́не нашъ сільски́й неписьме́нний людъ зъ ёго́ недруко́ваною мо́вою; до чужи́хъ люде́й ро́зумомъ пригорну́лися, до тихъ люде́й, що середъ вели́коі грома́ди те́много лю́ду невели́кою ку́пою держя́тця и самі тілько оди́нъ одно́го, мовъ у кага́лі, розуміють, и байдуже́ імъ, що поки́нули дале́ко поза́дъ се́бе несчисле́нні ти́сячи неписьме́ннихъ. Слідо́мъ за ни́ми й на́ши письме́нники попле́нтались и вку́пі зъ ни́ми узяли́сь до робо́ти — книжки́ академи́чнімъ яки́мся скла́домъ писа́ти, и вже свое́ю сла́вою велича́лися, що одну́ кни́жню акаде-

ми́чню мо́ву одъ мо́ря до мо́ря, мовъ яки́й не́видъ, на людські ду́ши заки́нули. Вели́кимъ симъ писа́телямъ и строітелямъ ре́чи кни́жнёі було́ байду́же, що ввесь нашъ про́стий людъ, скрізь той не́видъ, здава́вся недорікою, байду́же й на те, що не було́ сёму́ лю́дові и́ншого хо́ду въ письме́нство, тільки му́сивъ рідного про́стого и вира́зного свого́ сло́ва зректи́ся. Оддаючи́ тоді въ шко́ли діте́й, на́ши хуторя́не все одно́, що въ москалі оддава́ли, бо черезъ те письме́нство химе́рне ме́ншало въ насъ люде́й, кото́рі по-на́шому розмовля́ли и по-на́шому на Бо́жий миръ диви́лися, и по-на́шому між селя́нами оберта́лися.

Тутъ же намъ городя́не здоро́вий ро́зумъ и чи́стий смакъ своіми книжка́ми каламу́тять, а тутъ — сусіль! увійшо́въ до на́шоі про́стоі ха́ти чоловічокъ, по-на́шому при́браний, на́шихъ ніби й звича́івъ, на́шоі й мо́ви, та й поча́въ якісь вірши́ про яко́гось Ене́я слебезува́ти. То́-то бъ, здае́тця, тре́ба намъ зрадіти! по-на́шому чоловікъ вірше́! Та ба! бода́й такъ и не віршува́ти! За́разъ де́-которі постерегли́, що́ воно́ за проя́ва. »Придивітесь лише́нь«, ка́жуть, »до сёго́ чоловічка зблизька: се городя́нський пано́къ по-на́шому прибра́вся. Гля́ньте: у ёго й па́нська хода́ и вся уда́ча па́нська, а мо́вою свое́ю вінъ тільки насъ передра́жнюе и на́ сміхъ підійма́е. Се вінъ глузу́е зъ на́шихъ звича́івъ, зъ на́шоі ба́тьківщини, зъ на́шоі просто́ти, що ми, бачъ, па́нськихъ присма́ківъ не зна́емо, та па́нськихъ фу́хівъ не заво́димо, та па́нськихъ річе́й соло́дкихъ цура́емость. Гля́ньте: въ ёго Ене́й про рідну ма́тіръ передъ грома́дою такі ре́чи гово́рить, що хочъ втіка́й исъ ха́ти; слу́хайте, якъ вінъ на́шими звича́ями ганьбу́е, якъ вінъ украінське сло́во перекове́рзуе. Се намъ пани́ таке́ дзе́ркало подарува́ли, що якъ погля́не въ ёго про́стий чоловікъ, то й самъ себе́ не пізна́е«.

Оттаки́й дали́ тому́ віршова́нню судъ на́ші розу́мні лю́де, и одверну́лась уся́ка ясна́ душа́ одъ перекуёвдженого не зна́ть по-я́кому Ене́я. Ажъ тутъ *Мару́ся* Квітчина до насъ у ха́ту завіта́ла. Се́рденько кохане́! яке́ жъ ти лю́бе намъ та пова́жне після́ того́ ци́гана троя́нського здало́ся! Се на́ша душа́ на Бо́жому ло́ні по-на́шому заговори́ла. Се пе́рва була́ кни́жка, кото́ра тимъ же ду́хомъ, що й сло́во Учи́теля благо́го, ди́хала. Тимъ сами́мъ по́глядомъ Квітка на насъ, про́стихъ люде́й, подиви́вся, що й той вели́кий чоловіколю́бець. Здивува́лися ми, якъ я́сно засія́въ нашъ

наро́дній о́бразъ, дарма́ що на ёму́ паха́рськиї пітъ густи́мъ пи́ломъ припа́въ. Гли́боко гля́нули ми съ Квіткою въ ду́шу свого́ про́стого лю́ду и сами́ загада́лися, звідкіля́ въ ёго та глибиня́ несказа́нна....

Загада́лись, ажъ тутъ Шевче́нко го́лосно на всю Украіну озва́вся, мовъ усі співи наро́дні и всі людські слёзи ра́зомъ заговори́ли. Підня́въ вінъ зъ домови́нъ німу́ на́шу па́мять, ви́звавъ на судъ на́шу мовчязну́ старосвіщину и поста́вивъ передъ не́ю Украінця, яки́й вінъ есть тепе́ръ, яки́мъ вінъ черезъ свою́ исто́рию ста́вся. Хто жъ би тутъ не домы́слився, або́ душе́ю не почу́въ, що, ви́купавшись у своїй крові, перебу́вши несчисле́нні руіни и пожéжи, му́сили на́ши пре́дки бага́то у свою́ ду́шу одъ да́вніхъ ча́сівъ зачерпну́ти! Намалюва́вши самъ себе́ у своіхъ ду́махъ, намалюва́вши старо́го Перебе́ндю, ба́тька й ма́тіръ Катери́ни, та й саму́ Катери́ну зъ ії щи́римъ коха́ннямъ и вели́кими му́ками, Шевче́нко за́разъ яви́въ висо́кий истори́чній спо́собъ слове́сної живо́писі; бо й ёго́ вла́сний о́бразъ духо́вний и вся та сімья́ ріднихъ ёму́ душъ — всі вони́ були́ истори́чні ча́да на́шої старосвіщини. Узя́въ вінъ го́лосъ и складъ своє́і ре́чи висо́кої одъ тихъ пісе́нь и думъ, що вже тільки ми, хуторя́не, слу́хали и се́рцемъ розуміли; душа́ поэзіі на́шої наро́днёі не-письме́ннної ста́лась душе́ю ёго́ му́зи. Ши́роко вінъ обня́въ Украіну зъ ії моги́лами кріва́вими, зъ ії страшно́ю сла́вою, и співану наро́дню річъ оберну́въ на живо́пись того́, що було́ и що есть на Вкраіні. Ёго́ уста́ми ввесь нашъ наро́дъ заспіва́въ про свою́ до́лю: тимъ ёго́ сло́во голосно́ю луно́ю розляглось усю́ди, де лила́сь на́ша кровъ, де лежя́ть на́ши ко́сті, — уся́ке се́рце одъ ёго́ співу стрепену́лося.

Квітка пе́рвий зрозумівъ поэзію на́шихъ наро́дніхъ звича́ївъ, я́ко семъі благо́і, пра́ведно лю́дської. Шевче́нко намъ яви́въ поэзію на́шої жи́зні наро́днёі. Квітка здивува́въ насъ усіхъ, показа́вши вели́ку героічню ду́шу въ ти́хому, сми́рному о́бразі паха́рському, въ сільско́му житті про́стому. Шевче́нко давъ намъ збагну́ти ії глибиню́ таемни́чу: ви́звавъ вінъ передъ на́ши о́чи забу́ту давнину́ украінську, и поба́чили ми, що ся душа́ смире́нна не дня́ми, не года́ми, а ці́лими віка́ми, въ бідáхъ и напáстяхъ пробува́ла, та й не знікче́мніла, не знітилась, нечести́вій во́лі слуго́ю не вчини́лася, а гли́боко сама́ въ се́бе вхо́дила и, пону́ро середъ лука́вихъ люде́й сто́ячи, своє́і пори́, своє́і до́лі мо́вчки ви-

глядáла. Отъ же, якъ осия́ла Квітку, зъ ёгó простодýшними твóрами, огнéнная поэзія Шевчéнкова, тоді розýмно стáло намъ, що Наýмъ Дротъ — той же Кішка Самійло нарóдній, бо ви́державъ вінъ прóбу не мéншу одъ Самíйловоі, живучи́ дóма на чужи́ні, и, вікъ за вікомъ бідýючи, не погнýвся, не зни́зився дýхомъ тверди́мъ и висóкимъ.

Шевчéнко — нашъ поэтъ и пéрвий истóрикъ. Шевчéнко пéрше всіхъ запитáвъ нáші німі моги́ли, щó вони́ такé, и одномý тілько ёмý дали́ вони́ яснý, якъ Бóже слóво, óдповідь. Шевчéнко пéрше всіхъ додýмався, чимъ нáша старосвіщина слáвна и зá що проклянýть іі грядýщі рóди. Такъ, якъ ёмý самóму пісня нарóдня далá тонъ до висóкоі рéчи, такъ и вінъ давъ намъ усімъ прáведний тонъ, якъ намъ своé слово стрóіти. Ви́соко надъ нáми підня́въ Шевчéнко поэти́чне світло своé — и стáло ви́дно по всій Украíні, куди́ зъ насъ кóженъ мýсить простувáти. При сёмý світлі вся́кому стáло розýмно, яки́й спрáвді славéтний та вели́чний у своій простóті той сільски́й миръ, съ котóрого Квітка ви́бравъ свою́ Марýсю зъ іі семъéю поэти́чнёю. При сёмý світлі вся́ке побáчило, що нáши звичáі нарóдні — та жъ самá истóрия нарóднёго дýху нáшого, що й нарóдня пісня, що й нарóдня дýма, тільки не вся́кому, а ви́счому, поэти́чнёму пóгляду одкривáетця іхъ красá и повáга. Вся́ке розýмне зрозуміло, що намъ у своій словéсності ні-за-кимъ слідомъ ити́, якъ тілько за своімъ гéніемъ нарóднімъ, котóрий мовчи́ть у нáшихъ пáнськихъ та чернéчихъ літóписяхъ, ни́шкомъ живé въ звичáяхъ и гóлосно говóрить тільки въ нарóдній думі та пісні.

Бувъ на світі Коніський — и своéю *Истóриею Рýссовъ*, мовъ якóю завісою малёваною, закри́въ одъ насъ старосвіщину, ажъ пóки Шевчéнко не розідрáвъ, не роспанáхавъ тиі завіси. Прийшóвъ слідóмъ за нимъ Котлярéвський — и своéю *Енеідою* изроби́въ зъ нáшоі прóстоі жи́зні зъ іі звичáями розýмними мóвъби яки́йся смітникъ за пáнськимъ зáдвіркомъ. Одвернýлись одъ тогó смітника оби́два нáши поэти и появи́ли и́ншихъ Украíнцівъ зъ Украінками въ *Марýсі*, въ *Сердéшній Оксáні*, въ *Кóзирь-Дівці*, въ *Катери́ні*, *Наймицці* и въ и́ншихъ прáведнихъ утвóрахъ поэти́чніхъ.

Квітка пéрвий довівъ Украінцівъ до слізъ мóвою украінською, и тимъ намъ показáвъ, що ми ще не звели́сь ні нá що: есть

бо въ насъ щó росказáти по-свóёму, есть надъ чимъ заплáкати. И велúкого, мáбуть, стóіть народъ нашъ прóстий у своіхъ домотканúхъ свитúнахъ, колú, ввійшóвши въ ёгó сéмъю, найрозумнúйший, найучéнший зъ насъ мáе собі ту сéмъю за свою рідну,— самúй могýщий и прослáвлений зъ насъ, самúй висóкий и чúстий дýхомъ не одцурáвсь би Марýсю рідною сестрóю звáти, и ії мáтіръ — рідною мáтірою, и ії бáтька — рідним бáтькомъ. Оттакúмъ-то лю́домъ убóгимъ и смире́ннимъ Квітка нашъ передъ усімъ світомъ похвалúвся: чи є мовъ такúй дрýгий на всёмý світі велúкому?

Скýпились ми коло Квітки, скілько насъ булó тоді одніі віри, одногó рóзуму. Мáло булó насъ, бо úншихъ невірна городя́нська наýка знівечила, а тихъ нýжда до землі прихилúла; а все жъ почýли ми глúбоко въ сéрці, що ми — ми, и справивъ се велúке дíло Квітка. Шевчéнко застáвъ насъ ужé готóвими слýхами ёгó дýми смутнúі, и до невелúчкоі громáди нáшоі почáвъ земляківъ зо всёгó свíту скликáти.

Озвáлись до кобзаря́ зъ рідним витáннямъ на Кавкáзі, на Сибірі, за Бендéрами, за Слýччю й за Дунáемъ. Щó тíлько живé булó зъ украíнського рóду по всёмý свíтові, все стрепенýлося, нашорóшило ýши и въ сéрце прийняло́ благовíствування своéі народности. Шевчéнко ставъ мовъ би висóкимъ корогвóмъ середъ роспорóшеного на тúсячахъ миль нáшого лю́ду, и съ того́ чáсу всі въ насъ подúлúлись на живúхъ и на мéртвихъ, та й дóвго ще дúлúтимутця. Слóво ёгó животворя́ще стáлось ядрóмъ нóвоі сúли, про котóру не дýмали й не гадáли за Котляре́вскаго найрозумнíйші зъ нáшихъ земляківъ, а та нóва сúла — народність. Вонá насъ рóдичами поміжъ собóю поробúла, у брáтню сéмъю зъеднóчила и нáше украíнське суть на віки вічні утвердúла. Шевчéнко чúстимъ пóдвигомъ словéснимъ докінчáвъ дíло, за котóре гетьманú нáши нечúстимъ сéрцемъ брáлися. Шевчéнко, воздвúгши изъ упáдку голосну́ мóву украíнську, назнаменáвъ широ́кі грянúці нáшому дýху народнéму. Тепéръ ужé не мечéмъ нáше народне прáво на врáжихъ твердúняхъ зарýбане, не шпаргáлами и печáтьми супротúвъ лукáвства людського́ ствéржене: у тúсячахъ вірнихъ душъ украíнськихъ воно́ на самóму днí захóване и тисячолíтніми спóминками запечáтане.

Слóво, не щó úнше, якъ рідне слóво, вернýло намъ повáгу

міжъ народами и нóву підвáлину підъ нáшу жизнь исторúчню підкúнуло. Взявъ бо Шевчéнко свою чудотвóрню річъ не зъ городівъ велúкихъ, не зъ академий самопрослáвленихъ, не зміжъ товарúства блискýчого и всевлáднёго: все те минýвъ вінъ, занедбáвъ и покúнувъ, тільки хуторськá й сільскá мóва ёмý до ёго́ велúкого дíла здалáся; тільки по сéлахъ, по прóстихъ хáтахъ шукáвъ вінъ для своіхъ поэмъ людéй дýхомъ велúкихъ, сéрцемъ чúстихъ, повáжнихъ, висóкихъ. Черезъ сихъ-то людéй, черезъ іхъ дýши поэтúчні, прáведні, вся тáйная въ старосвíщині нáшій ёмý одкрúлася; сі-то лю́де, забýті истóриею пáнською, надалú ёмý сúли дрéвні могúли роскривáти и по скривáвленій землі, якъ по пергáментахъ, прáвду святý вичúтувати. Іхъ самостáйнімъ дýхомъ вúрісъ вінъ до тихъ твóрівъ висóкихъ, що безъ друкáрні по всёмý свíту шúрятця, що на всіхъ щúрихъ серцяхъ украíнськихъ огнéнними словáми надрукóвані. Вонú далú ёмý крúла піднятись надъ землéю якúмся óбразомъ не-сёгосвíтнімъ, велúчнимъ и зъ вишшинú всі людські дýши оглядíти и оплáкати. Вонú—нáша истóрия живáя, нáши голосні литóписі—постáвили передъ ёго́ очúма й Прометéя, въ котóрого крівáве сéрце щогодúни вмірáе и що-годúни оживáе. Іхъ нескíнчéнно живі дýши навчúли ёго́ говорúти и до мéртвихъ, и до ненарождéнихъ.

Провівши нáшу истóрию черезъ прóстий, здорóвий рóзумъ народній, вінъ давъ ій нóвий óбразъ, — не той, що въ Конíського; а провівши нашъ нарóдъ по ёго́ истóриі, не тимъ вінъ намъ ёго́ явúвъ, що въ Котлярéвського. Очúстивъ вінъ истóрию одъ усякої омáни правдúвимъ и висóкимъ дýхомъ народнімъ, и спóминками старосвітськими передъ розýмними людьмú вповáжнивъ. Съ того́ чáсу нóвую жизнь почалá Украíна, и хто брáвся до робóти громáдськоі не сліпýючи, той дóбре знавъ, зъ якóго бóку вхопúтись и кудú простувáти. Широ́кимъ хóдомъ пішлó нáше народнє дíло — не казáвъ би то во úмя всіхъ земляківъ, во úмя всіхъ вірнихъ душъ украíнськихъ. Підъ корогвóмъ Шевчéнковимъ ми ніби вернýлись до домівки святóі съ чужóі чужозéмщини, и рíдна словéсность стáлась для насъ слýжбою Гóсподу прáвди. Пíсля ёго́ велúчнёі, святóі рéчи, Котлярéвщина зневáгою святúні нáшоі здалáся, и благéнькі вірши нáшихъ пустóцвітківъ тільки той лепстáвъ, мовъ дитúна, кому́ не страшно дрібнúй свій гóмінъ піднімáти середъ народнёі молúтви. Замóвкла булá нáша

слове́сність на яки́йся часъ, прислуха́ючись до пова́жного благовіствува́ння поэзіі Тара́сової, и благода́тна була́ ти́ша, середъ кото́рої поэтъ дава́въ намъ но́ві зако́ни сло́ва украінського. Не мале́ твори́въ вінъ ді́ло тимъ благовіствува́ннямъ: вінъ иззива́въ забу́тихъ у рідну се́мъю, міжъ ті лю́де, кото́рихъ ми пра́ведно людьми́ величаємо. Сло́во було́ про́бою забу́тимъ, чи досто́йні вони́ тако́го товари́ства, чи воскре́снуть изъ свого́ сну, кото́римъ вони́ му́сили спа́ти деся́тки и со́тні ро́ківъ. Сло́во було́ іхъ пра́вомъ вікові́чнимъ на володіння тимъ, чого́, мовля́въ, ніхто́ не додба́е и не розруйну́е. Сло́вомъ скріпля́вся но́вий союзъ братерський, но́ва сімья́ украінська....

Ото́ жъ Шевче́нкове ді́ло! ото́ місто Тара́сове въ на́шій наро́дності. Поста́вивши собі за найви́счий взіръ тво́рчества вели́ку ду́шу наро́дню, назнамена́въ вінъ на́шимъ письме́ннимъ лю́дямъ доро́гу про́сту, ні въ ко́го не пи́тану. Тепе́ръ уже́ тільки той у насъ бу́де робітникъ не нікче́мний, хто йти́ме впереді́ вели́кої наро́днёї грома́ди, зна́ючи її ну́жду ду́ховну, ма́ючи її смакъ чи́стий, ди́влячись її по́глядомъ пра́веднимъ. Тимъ-то не хто, якъ хуторя́не та селя́не, зна́ють и чу́ють душе́ю, чого́ сто́явъ Шевче́нко. Вінъ іхъ ви́вівъ, на́че Изра́іля, изъ кни́жнёї неволі, въ кото́ру були́ городя́не взяли́ вся́кий ро́зумъ письме́нний; вінъ ски́нувъ зъ нихъ га́ньбу всесві́тню, що вони́ лю́де — ні до чо́го; вінъ возвели́чивъ іхъ о́бразъ духо́вний и ви́ставивъ ёго́ на взіръ передъ цивилізо́ванимъ ми́ромъ: дивітесь, зе́млі и панства́ просві́щенні: ти́сячу ро́ківъ сей людъ убо́гий себе́ памята́е, и ти́сячу ро́ківъ, у своій темноті и недоста́ткахъ, тільки му́жу грома́дському вінъ кори́вся; хто зъ ёго вго́ру вибива́вся и па́нською пихо́ю одъ люде́й одрізня́вся, вінъ ёму́ не кла́нявся; вінъ ёго́, мовъ по́рчену кровъ, изверга́въ изъ се́бе; вінъ тільки грома́ду ве́личава́въ »вели́кимъ чоловікомъ«. Се возвісти́въ я лю́дямъ симъ про́стимъ и вбо́гимъ сло́во вели́ке, пра́веднe, во віки и віки непохи́бне, и вони́ ёго́ зрозуми́ли, гаря́чими слізми своіми ёго́ скропи́ли-освяти́ли, и сло́во мое́ ста́нетця въ нихъ си́лою необори́мою. Не зба́вить ёму́ си́ли ніяка си́ла земна́я, и, по́ки світу со́нця, по́ти воно́ не забу́детця. Пійдуть коли́сь въ непа́мять сла́вні ді́ла и триу́мфи вели́кихъ городя́нъ, що зъ висо́кої високо́сти на васъ, моі сиротя́та, позира́ють, а вашъ о́бразъ духо́вний черезъ мое́ сло́во ніко́ли не забу́детця. Сотвори́въ я вамъ сло́вомъ своімъ

вічную пáмять, а самúхъ васъ учинúвъ собі самóму вічною пáмяттю міждо живúми.

Такъ промовля́е сумній душі нáшій душá Тарáсова. Ёгó смерть якýсь нóву, свіжую сúлу надалá ёгó поэзіі, и въ насъ по хуторáхъ и сéлахъ почалú ії зáново читáти. Усяке слóво ёгó тепéръ якúмся нóвимъ світомъ сия́е, и дúвомъ намъ здаётця, що такúй поэтъ недáвнечко ще живъ міжъ нáми. Невелúка книжка зъ ёгó писáння вúйде, а про ту книжку мóжна въ-дéсятеро більшу написáти. Нехáй же сю прáцю візьмуть на сéбе лю́де дотепнíйші, а зъ насъ бýде й того́, що ми, якъ дýмами, якъ сéрцемъ чýли, такъ про Тараса пóпросту й написáли. Слáва тобі, Тарáсе, пóки на Вкраíні хочъ одно́ дівчá рідну пісню співáтиме, пóки хочъ однá мáти по-свóёму дитúну голýбитиме, пóки хочъ одúнъ бáтько не чужúмъ слóвомъ про дáвні могúли сúну говорúтиме!

Хуторянúнъ.

ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ.

(Письмо къ редактору.)

Явленіе *Основы* возбуждаетъ вопросъ, который, какъ кажется, долженъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ, какіе подлежатъ разрѣшенію при современныхъ условіяхъ. Ваша Основа поднимаетъ знамя *русской* народности, но отличной отъ той русской, какой многими исключительно присвоено это названіе. О ея существованіи не можетъ быть сомнѣнія, коль скоро она сама о себѣ заявляетъ. Итакъ тѣ, которые говорили: русская народность, и понимали подъ нею что-то единственное, самосущее, ошибались; они должны были говорить: русскія народности. Оказывается, что русская народность не едина; ихъ двѣ, а кто знаетъ, можетъ быть ихъ откроется и болѣе, и тѣмъ не менѣе онѣ — русскія.

Мы какъ будто возвращаемся вспять: выплываютъ наружу погребенные элементы давно-прошедшихъ временъ, когда слово *Русь* имѣло обширное и тѣсное значеніе, когда Русскій міръ составлялъ цѣпь самобытныхъ, но внутренно связанныхъ частей; внутренняя жизнь разрываетъ внѣшнюю кору; тождество оказывается призрачнымъ. Кромѣ господствующей во внѣшнемъ мірѣ русской народности, является теперь другая, съ притязаніями на равныя гражданскія права въ области слова и мысли.

Въ чемъ же ихъ отличіе и въ чемъ ихъ сходство? Что́ даетъ поводы признавать не одну Русскую народность, и что́ побуждаетъ считать ихъ равно русскими?

Внѣшнія отличія найти не трудно. Сто́итъ поставить изображенія Великороссіянина и Южнорусса рядомъ въ ихъ костюмѣ, съ ихъ поступью, съ ихъ наружнымъ видомъ; потомъ описать образъ домашней жизни того и другого, ихъ домашныя обычаи, обряды, пріемы хозяйства, нако-

нецъ изложить сущность ихъ нарѣчія. Но все это будетъ выраженіемъ того, что́ скрывается въ глубинѣ души; послѣднее служитъ источникомъ являемаго внѣшнимъ міромъ. Вотъ эту-то духовную сущность надобно намъ разъяснить и опредѣлить, ибо только она можетъ показать, чего слѣдуетъ намъ надѣяться отъ литературнаго развитія той русской народности, которая теперь вступаетъ въ права свои.

Безъ всякаго сомнѣнія, географическое положеніе было первымъ поводомъ различія народностей вообще. Чѣмъ народъ стоитъ на болѣе дѣтской степени цивилизаціи, тѣмъ болѣе и скорѣе географическія условія способствуютъ сообщенію ему своеобразнаго типа. Не имѣя твердыхъ началъ, народы легко измѣняются, переходятъ съ одного мѣста на другое, ибо запасъ воспитанія, полученнаго на прежнихъ жилищахъ, слишкомъ скуденъ, и развиваясь на новосельѣ, они принимаютъ и усвоиваютъ легко новыя условія, какія сообщаются имъ характеромъ мѣстности и стеченіемъ обстоятельствъ. Борьба можетъ быть тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ менѣе въ народѣ того, на что́ можно опереться. Но тѣ, которые на прежней родинѣ успѣли получить что́ нибудь такое, что́ удовлетворяло ихъ, сознавалось полезнымъ или священнымъ, тѣ, и перемѣняя отечество, переносятъ въ него старые зачатки и они для нихъ становятся точками опоры, когда условія новаго отечества начнутъ побуждать ихъ къ самоизмѣненію. Понятно, что Англичанинъ, переселившійся близко къ тропинкамъ, долго будетъ сохранять свою цивилизацію, свои привычки и понятія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ на своемъ сѣверномъ островѣ. Напротивъ, если бы перевести толпу американскихъ Индійцевъ въ Россію, то, при сообщеніи съ Русскими, они бы усвоили образъ господствующей туземной народности; если же бы оставить ихъ изолированными отъ сближенія съ сѣверною образованностію, они, въ ближайшихъ поколѣніяхъ, измѣнились бы сообразно климату, почвѣ и мѣстности, и образовали бы сами изъ себя совершенно иную народность, въ которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что́ напоминало ихъ прежнюю отдаленную родину. Въ глубокой древности, во времена юности народовъ, переходы ихъ изъ края въ край порождали своеобразные типы и образовали народности.

Но народы не измѣнялись и ихъ народности не формировались отъ однихъ переходовъ и вообще отъ географическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали жизненныя историческія обстоятельства. Переходя съ мѣста на мѣсто, они не оставались изолированными, но находились въ сношеніяхъ или въ столкновеніяхъ съ другими народами; отъ взаимнаго

тренія зависѣло ихъ развитіе и образованіе жизненныхъ формъ. Другіе подвергались измѣненіямъ, не перемѣняя жительства, отъ наплыва или вліянія сосѣдей и пришельцевъ; наконецъ, такіе или иные повороты ихъ общественнаго быта отпечатлѣвались на народномъ существѣ и клали, на будущія времена, особыя примѣты, не сходныя съ прежними, и такимъ образомъ мало по малу народъ въ теченіи временъ измѣнялся и становился уже не тотъ, чѣмъ былъ нѣкогда. Все это составляетъ то, что́ можно однимъ словомъ назвать историческими обстоятельствами. Здѣсь бо́льшая или меньшая степень развитости цивилизаціи способствуетъ скорѣйшему или медленному дѣйствію вліянія измѣняющихъ началъ. Все здѣсь происходитъ по тому же закону, какъ и тогда, когда измѣненія производятся географическими условіями. Народъ образованный крѣпче стоитъ за свое прежнее, упорнѣе хранитъ свои обычаи и память предковъ. Завоеванная Римомъ Грецiя покоряетъ потомъ Римъ своею образованностію, тогда какъ завоеванная тѣмъ же Римомъ Галлія теряетъ свой языкъ и народность, уступая болѣе образованнымъ и сильнымъ завоевателямъ. Встрѣча съ народомъ слабѣйшимъ укрѣпляетъ народность сильнѣйшаго, какъ встрѣча съ сильнѣйшимъ ослабляетъ.

Образованіе народности можетъ совершаться въ разныя эпохи человѣческаго развитія,—только это образованіе идетъ легче въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ духовной жизни человѣчества. Измѣненіе народности можетъ возникнуть отъ противоположныхъ причинъ: отъ потребности дальнѣйшей цивилизаціи и отъ оскудѣнія прежней и паденія ея, отъ свѣжей, живой молодости народа и отъ дряхлой старости его. Съ другой стороны, почти такое же упорство народности можетъ истекать и отъ развитія цивилизаціи, когда народъ выработалъ въ своей жизни много такого, что́ ведетъ его къ дальнѣйшему духовному труду въ той же сферѣ; когда у него въ запасѣ много интересовъ для созиданія изъ нихъ новыхъ явленій образованности, и отъ недостатка внѣшнихъ побужденій къ дальнѣйшей обработкѣ запасенныхъ матеріаловъ образованности; когда народъ довольствуется установленнымъ строемъ и не подвигается далѣе. Послѣднее мы видимъ на тѣхъ народахъ, которые приходятъ въ столкновеніе съ такими, у которыхъ силы болѣе, чѣмъ обыкновенно: верхніе слои у этихъ народовъ усвоиваютъ себѣ народность чужую, народность господствующую надъ ними, а масса остается съ прежнею народностію, потому что подавленное состояніе ея не дозволяетъ ни собраться побужденіями къ развитію тѣхъ началъ, какія у ней остались отъ прежняго времени, ни усвоивать чуждую народность вслѣдъ за верхними слоями.

Литература есть душа народной жизни, — есть самосознаніе народности. Безъ литературы послѣдняя — только страдательное явленіе, и потому чѣмъ богаче, чѣмъ удовлетворительнѣе у народа литература, тѣмъ прочнѣе его народность, тѣмъ болѣе ручательствъ, что онъ упорнѣе охранитъ себя противъ враждебныхъ обстоятельствъ исторической жизни, тѣмъ самая сущность народности является осязательнѣе, яснѣе.

Въ чемъ же состоитъ эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явленія внѣшней жизни, составляющія сумму отличій одной народности отъ другой, суть только наружные признаки, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя то, что скрывается на днѣ души народной. Духовный составъ, степень чувства, его пріемы или складъ ума, направленіе воли, взглядъ на жизнь духовную и общественную, все, что образуетъ нравъ и характеръ народа, — это сокровенныя внутреннія причины, его особенности, сообщающія дыханіе жизни и цѣлостность его тѣлу. Все, что входитъ въ кругъ этого духовнаго народнаго состава, не высказывается по одиначкѣ, отдѣльно одно отъ другаго, но вмѣстѣ, нераздѣльно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполнѣ составляетъ единый стройный образъ народности.

Приложимъ эти общія черты къ нашему вопросу о различіи нашихъ русскихъ народностей.

Начало этого отличія теряется въ глубокой древности, какъ и вообще распаденіе Славянскаго племени на отдѣльные народы. Съ тѣхъ поръ, какъ о Славянахъ явились извѣстія у греческихъ писателей, они уже были раздѣлены и стали извѣстны то подъ большими отдѣлами, то въ разнообразіи малыхъ вѣтвей, изъ которыхъ многія не знаешь куда пріютить. Такъ, по Прокопію, Славянское племя представляется раздѣленнымъ на двѣ большія вѣтви: Антовъ и Славовъ; по Іорнанду — на три: Славовъ, Антовъ и Венедовъ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ большихъ вѣтвей дробилась на меньшія. Извѣстія Прокопія и Маврикія о томъ, что Славяне вели между собою безпрестанныя войны и жили разсѣянными группами, указываетъ на существованіе дробленія народныхъ отдѣловъ; ибо гдѣ вражда между группами народа, тамъ неизбѣжно черезъ то самое образуются этнографическія особенности и отличія. У Константина Порфироднаго исчисляются уже разныя мелкія вѣтви Славянъ. У нашего первоначальнаго лѣтописца отдѣлъ собственно Русскихъ Славянъ изображается раздробленнымъ на нѣсколько вѣтвей, каждая съ отличіями отъ другой, со своими обычаями и нравами. Безъ сомнѣнія, между одними изъ нихъ болѣе взаимнаго сродства, чѣмъ между другими, и такимъ образомъ нѣ-

сколько этнографическихъ вѣтвей начали, въ болѣе обобщенномъ образѣ своихъ признаковъ, представлять одну народность, также какъ и всѣ вмѣстѣ русско-славянскія народности одну общую, Русскую, въ отношеніи другихъ славянскихъ племенъ на югѣ. Но есть ли въ древности слѣды существованія южно-русской народности, было ли внѣшнее соединеніе славянскихъ народовъ югозападнаго пространства нынѣшней Россіи въ такомъ видѣ, чтобъ они представляли одну этнографическую группу? Прямо объ этомъ въ лѣтописи не говорится; въ этомъ отношеніи счастливѣе Бѣлорусская народность, которая, подъ древнимъ именемъ Кривичей, обозначается ясно на томъ пространствѣ, которое она занимала впослѣдствіи и занимаетъ въ настоящее время со своимъ раздѣломъ на двѣ половины: западную и восточную. На югѣ, въ древности, упоминаются только народы, и нѣтъ для нихъ общаго сознательно-одинакаго для всѣхъ названія. Но чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древняго этнографическаго развѣтвленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ Славянскаго міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частностей,—это поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ, котораго нельзя не замѣтить и теперь, по совершеніи многихъ переворотовъ, способствовавшихъ къ тому, чтобы стереть и измѣнить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствіемъ многихъ разсѣянныхъ чертъ южнорусскаго нарѣчія въ великорусскихъ областныхъ нарѣчіяхъ; если одинъ признакъ встрѣчается въ томъ или въ другомъ мѣстѣ и не можетъ служить самъ по себѣ доказательствомъ древняго сродства однихъ предпочтительно предъ другими, то собраніе множества признаковъ, составляющихъ характеръ южнаго нарѣчія, въ новгородскомъ, несомнѣнно указываетъ, что между древними Ильменскими Славянами и Южноруссами было гораздо бо́льшее сродство, чѣмъ между Южноруссами и другими славянскими племенами русскаго материка. Въ древности это сродство было нагляднѣе и ощутительнѣе. Оно прорывается и въ Новгородскихъ лѣтописяхъ и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ. Это сродство не могло возникнуть иначе, какъ только въ глубокой древности, ибо эти отдаленные, перехваченные другими народностями, края, не имѣли такого живого народнаго сообщенія между собою, при которомъ бы могли перейти съ одного на другое сходные этнографическіе признаки. Только въ незапамятныхъ доисторическихъ временахъ скрывается его на-

чало и источникъ. Оно указываетъ, что часть южнорусскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ, удалилась на сѣверъ и тамъ водворилась со своимъ нарѣчіемъ и съ зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родинѣ. Это сходство южнаго нарѣчія съ сѣвернымъ, по моему разумѣнію, представляетъ самое несомнѣнное доказательство древности и нарѣчія и народности Южной Руси. Разумѣется, было бы неосновательно воображать, что образъ, въ какомъ южнорусская народность съ ея признаками была въ древности, тотъ самый, въ какомъ мы ее встрѣчаемъ въ послѣдующія времена. Историческія обстоятельства не давали народу стоять на одномъ мѣстѣ и сохранять неизмѣнно одно положеніе, одну постать. Если мы, относясь къ древности, говоримъ о южнорусской народности, то разумѣемъ ее въ томъ видѣ, который былъ первообразомъ настоящаго, заключалъ въ себѣ главныя черты, составляющія неизмѣнные признаки, сущность, народнаго типа, общаго для всѣхъ временъ, способнаго упорно выстоять и отстоять себя противъ всѣхъ напоровъ враждебно-разрушительныхъ причинъ, а не тѣ измѣненія, которыя этотъ типъ то усвоивалъ въ теченіи времени и переработывалъ подъ вліяніемъ главныхъ своихъ началъ, то принималъ случайно и терялъ, какъ временно наплывшее и несвойственное его природѣ.

Обращаясь къ Русской исторіи, можно прослѣдить, какъ не досказанное лѣтописцемъ въ его этнографическомъ очеркѣ о Южной Руси, само собой высказало себя въ цѣпи обстоятельствъ, образовавшихъ историческую судьбу южно-русскаго народа. Если первоначальный этнографъ, исчисляя своихъ Полянъ, Древлянъ, Улучей, Волынянъ, Хорватовъ, не далъ имъ всѣмъ одного названія, отдѣльнаго отъ другихъ Славянъ русскаго материка, то имъ его дала вскорѣ исторія. Это названіе— Русь, названіе первоначально Порусско-варяжской горсти, поселившейся среди одной изъ вѣтвей южно-русскаго народа и поглощенной ею вскорѣ. Уже въ XI вѣкѣ названіе это распространилось на Волынь и на нынѣшнюю Галицію, тогда какъ не переходило еще ни на Сѣверовостокъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Новгородцамъ. Уже ослѣпленный Василько, исповѣдуясь въ своихъ намѣреніяхъ присланному къ нему Василію, говоритъ о планѣ мстить Ляхамъ за землю *русскую* и разрушить не Кіевъ, но ту страну, которая впослѣдствіи усвоила себѣ названіе Червоной Руси. Въ XII вѣкѣ, въ Землѣ Ростовско-Суздальской, подъ Русью разумѣли вообще югозападъ нынѣшней Россіи въ собирательномъ смыслѣ. Это названіе, отличное отъ другихъ Славянскихъ частей, сдѣлалось этнографическимъ

названіемъ южно-русскаго народа; мелкія подраздѣленія, которыя исчислилъ лѣтописецъ въ своемъ введеніи, изчезли или отошли на третій планъ, въ тѣнь; онѣ были, какъ видно, не очень значительны, когда образовалось между ними соединеніе и выплыли наружу одни общіе, единые для нихъ признаки. Названіе Руси за нынѣшнимъ южно-русскимъ народомъ перешло и къ иностранцамъ, и всѣ стали называть Русью не всю федерацію Славянскихъ племенъ материка нынѣшней Россіи, сложившуюся съ прибытія Варяговъ-Руси подъ верховнымъ первенствомъ Кіева и не исчезнувшую, въ духовномъ сознаніи, даже и при самыхъ враждебныхъ обстоятельствахъ, поколебавшихъ ея внѣшнюю связь, а собственно югозападъ Россіи, населенный тѣмъ отдѣломъ Славянскаго племени, за которымъ теперь усвоивается названіе Южно-русскаго или Малороссійскаго. Это названіе такъ перешло съ послѣдующихъ временъ. Когда толчекъ, данный вторичнымъ вилывомъ Литовскаго племени въ судьбу Славянскихъ народовъ всей западной части русскаго материка, соединилъ ихъ въ одно политическое тѣло и сообщилъ имъ новое соединительное прозвище—Литва, это прозвище стало достояніемъ бѣлорусскаго края и бѣлорусской народности, а южнорусская осталась съ своимъ древнимъ привычнымъ названіемъ Руси.

Въ XV вѣкѣ различались на материкѣ нынѣшней Россіи четыре отдѣла восточно-славянскаго міра: Новгородъ, Московія, Литва и Русь; въ XVI и XVII, когда Новгородъ былъ стертъ, — Московія, Литва и Русь. На востокѣ имя Руси принималось какъ принадлежность къ одной общей славянской семьѣ, развѣтвленной и раздробленной на части, на югозападѣ это было имя вѣтви этой семьи. Суздалецъ, Москвичь, Смолянинъ — были русскіе по тѣмъ признакамъ, которые служили органами ихъ соединительности вмѣстѣ: по происхожденію, по вѣрѣ, по книжному языку и соединенной съ нимъ образованности; Кіевлянинъ, Волыненъ, Червонорусъ — были Русскіе по своей мѣстности, по особенностямъ своего народнаго, общественнаго и домашняго, быта, по нравамъ и обычаямъ; каждый былъ русскимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ восточный Славянинъ былъ не русскій, но тверитянинъ, суздалецъ, москвичь. Такъ какъ слитіе земель было дѣло общее, то древнее названіе, употребительное въ старину для обозначенія всей федераціи, сдѣлалось народнымъ и для Восточной Руси, коль скоро общія начала поглотили развитіе частныхъ: съ именемъ Руси для нихъ издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда изъ разныхъ земель составилось Московское государсто, это государство легко назвалось Русскимъ, и народъ, его составлявшій, усвоилъ знакомое

прежде ему названіе и отъ признаковъ общихъ перенесъ его на болѣе мѣстные и частные признаки. Имя Русскаго сдѣлалось и для сѣвера и для востока тѣмъ же, чѣмъ съ давнихъ лѣтъ оставалось какъ исключительное достояніе югозападнаго народа. Тогда послѣдній остался какъ бы безъ названія; его мѣстное частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ прежде было для перваго. У южнорусскаго народа какъ будто было похищено его прозвище. Роль должна была перемѣниться въ обратномъ видѣ. Такъ какъ въ старину Сѣверовосточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія, такъ теперь южнорусскій народъ могъ назваться русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ, долженъ былъ найти себѣ другое названіе. На западѣ, въ Червоной Руси, гдѣ онъ сталъ въ сопротивленіе съ чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее названіе въ частномъ значеніи, и такъ Галицкій Червонорусъ остался Русскимъ, Русиномъ, ибо имѣлъ столкновеніе съ Поляками, Нѣмцами, Уграми; въ его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшія признаки общей русской народности, являлась принадлежность его къ общему русскому міру, черты такія, какъ вѣра, книжный богослужебный языкъ и исторія, напоминавшая ему о древней связи съ общерусскимъ міромъ. Все это предохраняло его отъ усилій чуженародныхъ элементовъ, грозившихъ и грозящихъ стереть его. Но тамъ, гдѣ та же народность столкнулась съ сѣверно и восточно-русскою, тамъ названіе Русскаго, по отношенію къ частности, не имѣло смысла, ибо Южноруссу не предстояло охранять тѣхъ общихъ признаковъ своего бытія, которые не разнили, а соединяли его съ народомъ, усвоившимъ имя русское. Тутъ названіе Русскаго необходимо должно быть замѣниться такимъ, которое бы означало признаки различія отъ Восточной Руси, а не сходства съ нею. Этихъ народныхъ названій являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполнѣ удовлетворительнаго, можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполнѣ выработалось. Въ XVII вѣкѣ являлись названія: *Украина*, *Малороссія*, *Гетманщина*,—названія эти невольно сдѣлались теперь арханизмами, ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому-что, даже по своему сложному виду, какъ-то неусвоительно для обыденной народной рѣчи, не слишкомъ любящей сложныя назва-

нія, на которыхъ всегда почти лежитъ отпечатокъ задуманности и, отчасти, ученой вычурности. Мимоходомъ замѣчу, что изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобъ отличить его отъ великорусскаго, болѣе всѣхъ какъ-то приняло полное значеніе названіе *Хохла*, не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его Великоруссы. По крайней мѣрѣ, сказавши *Хохолъ*, Великоруссъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ дѣйствительно народный типъ. Хохолъ для Великорусса есть человѣкъ говорящій извѣстнымъ нарѣчіемъ, имѣющій извѣстные пріемы домашней жизни и нравовъ, своеобразную народную физіономію. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища за серьёзное названіе народа, — все равно, какъ еслибы Англичанинъ прозвище Джона-Буля сдѣлалъ серьёзнымъ именемъ своего племени. Но изъ всѣхъ существовавшихъ прозвищъ и названій, это едва ли не болѣе другихъ усвоенное въ смыслѣ народной особенности. Не только Великоруссы называютъ Южноруссовъ Хохлами, но и сами послѣдніе не рѣдко употребляютъ это названіе, не подозрѣвая уже въ немъ ничего насмѣшливаго; впрочемъ, это только въ восточномъ краѣ пространства, заселеннаго Южноруссами. Неусвоиваемость его всѣмъ южнорусскимъ народомъ, не менѣе его насмѣшливаго происхожденія, не дозволяетъ искать въ немъ приличнаго названія для народа.

Но я отклонился нѣсколько отъ своей цѣли. Дѣло въ томъ, что названіе Руси укрѣпилось издревле за южнорусскимъ народомъ. Названіе не возникаетъ безъ факта. Нельзя навязать народу ни съ того, ни съ сего какое-нибудь имя. Это могло приходить въ голову только такимъ мудрецамъ, противъ которыхъ мы недавно писали (1) и которые намъ сообщили прекурьёзную новость, какъ Екатерина II, высочайшимъ повелѣніемъ, даровала Московскому народу имя Русскаго и запретила ему употреблять древнее свое имя—Московитяне. Вмѣстѣ съ названіемъ развивалась и самобытная исторія жизни южнорусскаго народа. Извѣстно, въ какое непріятное положеніе поставляютъ насъ старые наши лѣтописцы, коль-скоро мы захотимъ изслѣдовать судьбу старой народной жизни: насъ угощаютъ досыта княжескими междоусобіями, извѣстіями о построеніи церквей, со щепетильною точностію сообщаютъ о дняхъ, даже о часахъ кончины князей и епископовъ, но какъ постучишься къ нимъ въ двери сокровищницы народной жизни—тутъ они нѣмы и глухи, и заброшены давно въ море забвенія ключи отъ этихъ завѣтныхъ дверей. Слабыя, неясныя

(1) См. февральскую книжку »Основы«.

тѣни остались отъ далекаго прошедшаго. Но и этихъ тѣней пока достаточно, чтобъ видѣть, какъ рано Южная Русь пошла инымъ, своеобразнымъ путемъ возрастать отлично отъ Сѣвера. Однѣ и тѣ же общія начала на Югѣ устанавливались, утверждались, видоизмѣнялись инымъ образомъ, чѣмъ на сѣверѣ. До половины XII вѣка сѣверъ, а еще болѣе — сѣверовостокъ, намъ мало извѣстны. Лѣтописныя сказанія тѣхъ временъ вращаются только на Югѣ; новгородскія лѣтописи представляютъ какъ-будто какое-то оглавленіе утраченнаго лѣтописнаго повѣствованія; такъ коротки и отрывочны мѣстныя извѣстія, въ нихъ сохранившіяся, и признаюсь какъ-то странно слышать проповѣдываемыя нѣкоторыми почтенными изслѣдователями и усвоенныя учителями въ школахъ глубокомысленныя наблюденія надъ развитіемъ новгородскихъ общественныхъ началъ соразмѣрно переворотамъ и движеніямъ удѣльнаго русскаго міра,—когда на самомъ дѣлѣ тутъ можно судить только о развитіи новгородскихъ лѣтописей, а никакъ не новгородской жизни. Но о судьбѣ Сѣверо-Восточнаго Русскаго міра этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны въ раннія времена нашей исторіи не осталось даже и такого оглавленія, и это тѣмъ досаднѣе, когда знаешь, что именно тогда-то въ этомъ краѣ и образовалось зерно великорусской народности, и тогда-то пустила она первые ростки того, что впослѣдствіи сдѣлалось рычагомъ соединенія и всего русскаго міра и залогомъ грядущаго обновленія всего славянскаго... Ея таинственное происхожденіе и дѣтство облечено непроницаемымъ туманомъ. При невозможности разсѣять его густые слои, остается или поддаться искушенію и пуститься въ безконечныя догадки и предположенія, либо, какъ нѣкогда дѣлали, успокоиться на утишающей всякое умственное волненіе мысли, что такъ угодно было верховному промыслу, и что причины — почему великорусская народность стала такою именно, какою явилась впослѣдствіи, зависѣли отъ неисповѣдимой воли. И тотъ и другой способъ мышленія не удовлетворяетъ нашей потребности. Догадки и предположенія не сдѣлаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомнѣнной логической связью явленій. Мы не сомнѣваемся въ промыслѣ, но вѣримъ при этомъ, что все, что ни случается въ мірѣ, управляется тѣмъ же промысломъ — какъ извѣстное, такъ и неизвѣстное, а опираясь въ сужденіяхъ только на промыслъ, не останется ничего для самого сужденія. Дѣло исторіи — изслѣдовать причины частныхъ явленій, а не причину причинъ, недоступную человѣческому уму. Единственно что мы знаемъ о Сѣверо-востокѣ — это то, что тамъ было Славянское народонаселеніе посреди Финновъ и съ значи-

тельнымъ перевѣсомъ надъ послѣдними,—что край этотъ имѣлъ тѣ же общіе зачатки, какіе были и въ другихъ земляхъ русскаго міра, но не знаемъ ни подробностей, ни способа примѣненія общихъ началъ къ частнымъ условіямъ. На югѣ между тѣмъ, весь народъ южноруссій, въ началѣ XI вѣка, ощутительно обозначается единствомъ; не смотря на княжескія перегородки, онъ безпрестанно напоминаетъ о своемъ единствѣ событіями своей исторіи; онъ усвоиваетъ одно имя Руси; у него однѣ общія побужденія, одни главныя обстоятельства вращаютъ его; его части стремятся другъ къ другу, — тогда какъ земли другихъ вѣтвей общерусскаго Славянскаго племени, напримѣръ, Кривичи, обособляются своеобразными частями въ федеративной связи. Новгородъ, обособленный съ своею землею на сѣверѣ, постоянно стремится къ югу; онъ ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходитъ отъ ближайшей этнографической его связи съ Югомъ.

Съ половины XII вѣка обозначается въ исторіи характеръ Восточной Руси Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской земли. Явленія ея самобытной жизни, по древней нашей лѣтописи, начинаются съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Юрьевичъ, въ 1157 году, былъ избранъ особымъ княземъ всей Земли Ростовско-Суздальской. Тогда-то явно выказывается своеобразный духъ, господствующій въ общественномъ строѣ этого края и складъ понятій объ общественной жизни, управлявшій событіями,—отличіе этихъ понятій отъ тѣхъ, которые давали смыслъ явленіямъ въ Южной Руси и въ Новгородѣ. Эпоха эта чрезвычайно важна и представляетъ драгоцѣнный предметъ для изслѣдователя нашего прошедшаго; тутъ открывается нарисованная, хотя не ясно, на подобіе изображеній въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, картина дѣтства великорусскаго народа. Тутъ можно видѣть первые ростки тѣхъ свойствъ, которыя составляли впослѣдствіи источникъ его силы, доблестей и слабостей. Словно вы читаете дѣтство великаго человѣка и ловите, въ его ребяческихъ движеніяхъ, начатки будущихъ подвиговъ.

Что отличаетъ народъ великорусскій въ его дѣтствѣ отъ народа Южной Руси и другихъ земель русскихъ—это стремленіе дать прочность и формальность единству своей земли. Андрея избираютъ единымъ по всей землѣ, на всѣ города. У него нѣсколько братьевъ и два племянника; ихъ изгоняютъ, дозволяютъ оставаться только двумъ: одному, который по болѣзни не можетъ быть никакимъ дѣятельнымъ членомъ земли, и другому, который не показываетъ никакихъ властолюбивыхъ наклонностей. Изгнаніе братьевъ не дѣло единаго Андрея, но дѣло цѣлой Земли. Лѣтопи-

сецъ края говоритъ, что тѣ же, которые поставили Андрея, тѣ же изгнали меньшихъ братьевъ. Это единство, къ которому явно стремились понятія, не могло однако сразу утвердиться и обратиться въ постоянный и привычный порядокъ; впослѣдствіи земля снова имѣла разомъ нѣсколькихъ князей, но за то одинъ изъ нихъ былъ великій князь верховный всей земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда уже является стремленіе подчинить своей землѣ другія Русскія земли. Такъ Муромская и Рязанская земли уже были подчинены съ своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личныя желанія однихъ князей, — напротивъ: князья, принадлежа къ роду, котораго значеніе связано было съ единствомъ всей Русской федераціи, сами заимствовали въ Восточно-Русской мѣстности это мѣстное стремленіе. Изъ нѣсколькихъ чертъ, сохраненныхъ лѣтописцемъ, при всей скупости послѣдняго на заявленіе народныхъ побужденій, видно, что князья въ дѣлахъ, обличавшихъ, по видимому, ихъ личное властолюбіе, дѣйствовали по внушенію народной воли, и то, что приписывалось ихъ самовластію, надобно будетъ приписать самовластнымъ наклонностямъ тѣхъ, которые окружали князей. Когда Всеволодъ захотѣлъ отпустить пойманныхъ князей: своего племянника и Глѣба Рязанскаго, Владимірцы не допустили до этого и приговорили ослѣпить ихъ. Когда тотъ же Всеволодъ идетъ на Новгородъ и осаждаетъ Торжокъ, онъ расположенъ къ миру и не хочетъ разорять волости, но дружина его требуетъ этого: оскорбленіе князю она считаетъ оскорбленіемъ себѣ. ***Мы не цѣловать ихъ пришли***, говорятъ Владимірцы иронически. Такимъ образомъ стремленіе подчинить Новгородъ и вражда съ Новгородомъ истекала не изъ княжескихъ, а изъ народныхъ побужденій, и оттого-то Новгородцы, отбивъ Суздальцевъ отъ стѣнъ своего города, скоро сходились съ Суздальскими князьями и, напротивъ, неистово мстили Суздальцамъ, продавая каждаго Судальца по двѣ ногаты. Оттого съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою надменностію ополчалась Суздальская земля противъ Новгородцевъ, вошедшихъ туда побѣдителями подъ знаменемъ Мстислава Удалого. Нѣсколько разъ можно замѣтить, какъ во время нападеній князей Восточно-Русской Земли на Новгородъ прорывалась народная гордость этой земли, успѣвшая уже образовать предразсудокъ о превосходствѣ своего народа предъ Новгородцами и о правѣ своего первенства надъ ними. Элементы образованности, воспитанные на Кіевской почвѣ подъ православными понятіями, перешли въ Восточную Землю и тамъ приняли иного рода ростъ и явились въ иномъ образѣ. Вмѣсто Кіева южнаго, явился на востокѣ другой Кіевъ—Влади-

міръ; по всему видно, — существовала мысль создать его другимъ Кіевомъ, перенести старый Кіевъ на новое мѣсто. Тамъ явилась патрональная церковь святой Богородицы Златоверхой и Золотыя Ворота, явились названія кіевскихъ урочищъ: Печерскій городъ, рѣка Лыбедь. Но нельзя было стараго Кіева оторвать отъ днѣпровскихъ горъ; тѣ же отростки подъ сѣверо-восточнымъ небомъ, на чуждой почвѣ, выросли иначе, инымъ деревомъ,—другіе плоды принесли.

Старыя Славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народной правды волю народа, приговоръ вѣча, изъ кого-бы-то ни состоялъ этотъ народъ, какъ бы ни собиралось это вѣче, смотря по условіямъ; эти условія то разширяли, то съуживали кругъ участвующихъ въ дѣлахъ, то давали вѣчу значеніе всенароднаго собранія, то ограничивали его толпою случайныхъ счастливцевъ въ игрѣ на общественномъ полѣ. При этомъ давно уже возникла и укоренилась въ понятіяхъ идея князя — правителя, третейскаго судьи, установителя порядка, охранителя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ; между вѣчевымъ и княжескимъ началомъ само собою должно было возникнуть противорѣчіе, но это противорѣчіе улегалось и примирялось признаніемъ народной воли вѣча подъ правомъ князя.... Князь былъ необходимъ, но князь избирался и могъ быть изгнанъ, если не удовлетворялъ тѣмъ потребностямъ народа, для которыхъ былъ нуженъ, или же злоупотреблялъ свою власть и значеніе. Принципъ этотъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ выработывается вездѣ: и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Ростовѣ и въ Галичѣ. Его явленіе сообразовалось съ различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условіями, въ какія поставлены были судьбою русскія земли. Этотъ принципъ принималъ то болѣе единовластительнаго, то болѣе народоправнаго духа; въ однихъ земляхъ князья выбирались постоянно изъ одной линіи и такимъ образомъ водвореніе ихъ приближалось къ наслѣдственному праву, и если не совершенно образовалось послѣднее, то потому только, что не успѣло заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умѣряло непреложность обычая; въ другихъ, — въ Новгородѣ,—при выборѣ князя народная воля не соблюдала вовсе никакихъ обычаевъ преемничества, кромѣ насущныхъ текущихъ условій края.

Въ Кіевѣ напрасно было бы искать какого нибудь опредѣленнаго права и порядка въ преемничествѣ князей. Существовала, правда, въ ихъ условіи, неясная идея старѣйшинства, но народное право избранія

стояло выше ея. Изяславъ Ярославичъ былъ изгнанъ Кіевлянами. Кіевляне избрали Полоцкаго князя, случайно сидѣвшаго въ Кіевской тюрьмѣ и ужъ ни по какому праву не ожидавшему такой чести. Изяславъ только съ помощію чужеземцевъ утвердился снова въ Кіевѣ. То былъ родъ чужеземнаго завоеванія и недаромъ, послѣ того, Поляки начали смотрѣть на Южную Русь, какъ на свою лену. Чрезъ нѣсколько времени, едва только Кіевскій князь избавилъ и себя и Кіевлянъ, отъ пособниковъ, какъ былъ снова изгнанъ. Князь Черниговскій вступилъ на Княженіе Кіевское. Изяславъ опять долженъ былъ бѣжать. Хотя, по этому поводу, въ лѣтописи и не говорится объ участіи Кіевлянъ но само собою разумѣется, что оно было: съ одной стороны, не могли Кіевляне любить князя, который приводилъ на нихъ чужеземцевъ и отдавалъ на казнь тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ нерасположеніи и верховодствѣ надъ народомъ въ минуту своего изгнанія, съ другой — и Святославъ не могъ бы водвориться въ Кіевѣ и свободно имъ править четыре года, если бы встрѣтилъ оппозицію въ народѣ. Въ дальнѣйшей исторіи нѣсколько разъ у лѣтописца упоминается прямо, что князья водворялись по избранію и также прогонялись; что вѣче считало за собою право судить ихъ, прогонять и казнить установленныя ими второстепенныя власти, а иногда и ихъ самихъ. Мономахъ былъ избранъ и, въ то же время, постигъ народный судъ приближенныхъ прежняго князя. Всеволодъ, желая передать княженіе брату Игорю, не могъ этого сдѣлать иначе, какъ испросивъ согласіе вѣча; тоже вѣче низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потомъ убило Игоря. Изяславъ Давидовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ, Романъ Ростиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ, Романъ Мстиславичъ — обо всѣхъ этихъ князьяхъ есть черты, показывающія, что они были избраны волею Кіевлянъ. Мало по малу значеніе народа, руководящаго дѣлами, осталось за воинственною толпою дружинъ, шаекъ, составлявшихся изъ разныхъ удальцовъ; они-то возводили и низвергали князей, князья были какъ бы орудіемъ ихъ, и — какъ всегда бываетъ въ воинской державѣ — могли держаться только силою воли, умѣньемъ, а не значеніямъ, какое занимали въ своемъ родѣ.

Инородцы тюркскаго племени — Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, играли здѣсь дѣятельную роль наравнѣ съ туземцами, такъ что масса, управлявшая дѣлами края, представляла пеструю смѣсь племенъ. Таковъ былъ образъ быта Кіевской земли. Козачество уже возникало въ XII—XIII вѣкѣ. Въ Червоной Руси князья тоже избирались и

прогонялись. Князь до того былъ зависимъ отъ вѣча, что даже семейная его жизнь состояла подъ контролемъ Галичанъ. Въ Галицкой землѣ народная сила и значеніе сосредоточились въ рукахъ *бояръ*,—лицъ, которые силою обстоятельствъ выступали изъ массы и овладѣвали дѣлами края. Здѣсь уже прорывались начала того панства, которое, подъ Польскимъ владычествомъ, охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ Козаковъ. Читая исторію Южной Руси XII и XIII вѣка, можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій. Развитіе личнаго произвола, свобода, неопредѣлительность формъ—были отличительными чертами южно-русскаго общества въ древніе періоды, и такъ оно явилось въ послѣдствіи. Съ этимъ вмѣстѣ соединялось непостоянство, недостатокъ ясной цѣли, порывчатость движенія, стремленіе къ созданію и какое-то разложеніе недосозданнаго, все, что неминуемо вытекало изъ перевѣса личности надъ общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народнаго единства, но не думала его поддерживать: напротивъ, самъ народъ, по видимому, шелъ къ разложенію и все таки не могъ разложиться. Въ Южной Руси не видно ни малѣйшаго стремленія къ подчиненію чужихъ, къ ассимилированію инородцевъ, поселившихся между ея коренными жителями; въ ней происходили споры и драки болѣе за оскорбленную честь или за временную добычу, а не съ цѣлію утвердить прочное вѣковое господство. Только на короткое время, когда пришельцы Варяги дали толчекъ Полянамъ, послѣдніе дѣлаются какъ бы завоевателями народовъ: является идея присоединенія земель, потребность центра, къ которому бы эти земли тянули; но и тогда не видно ни малѣйшихъ попытокъ плотно прикрѣпить эти земли. Кіевъ никакъ не годился быть столицею централизованнаго государства; онъ не искалъ этого, онъ даже не могъ удержать первенства надъ федераціей, потому что не съумѣлъ организовать ее. Въ натурѣ южно-русской не было ничего насилующаго, нивеллирующаго, не было политики, не было холодной расчитанности, твердости на пути къ предназначенной цѣли. Тоже самое является на отдаленномъ сѣверѣ, въ Новгородѣ; суровое небо мало измѣнило тамъ главныя основы южнаго характера, и только неблагодарность природы развила болѣе промышленнаго духа, но не образовала характера расчета и купеческой политики. Торговая дѣятельность соединялась тамъ съ тою же удалью, съ тою же неопредѣленностію цѣли и нетвердостью способовъ къ ея достиженію, какъ и воинственное удальство южныхъ шаекъ. Новгородъ былъ всегда родной братъ

юга. Политики у него не было; онъ не думалъ утвердить за собою своихъ обширныхъ владѣній и сплотить разнородныя племена, которыя ихъ населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношеніе слоевъ народа; строй его правленія былъ всегда подъ вліяніемъ неожиданныхъ побужденій личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмѣрно важное торговое значеніе, но онъ не изыскивалъ средствъ обращать въ свою пользу эти условія и упрочить выгоды торговли для автономіи своего политическаго тѣла; оттого онъ, въ торговомъ отношеніи, попалъ совершенно въ распоряженіе иностранцевъ. Въ Новгородѣ, какъ и на Югѣ, было много порывчатаго удальства, широкой отваги, поэтическаго увлеченія, но мало политической предпріимчивости, еще менѣе выдержки. Часто горячо готовился онъ стоять за свои права, за свою свободу, но не умѣлъ соединить побужденій, стремившихся, повидимому, къ одной цѣли, но тотчасъ же расходившихся въ приложеніи; потому-то онъ всегда уступалъ политикѣ, отплачивался продуктами своей торговой дѣятельности и своихъ владѣній отъ покушеній Московскихъ князей даже и тогда, когда, казалось, могъ бы съ ними сладить; онъ не предпринималъ прочныхъ мѣръ къ поддержкѣ своего быта, которымъ дорожилъ, не шелъ впередъ, но и не стоялъ болотной водой, а вращался, кружился на одномъ мѣстѣ. Предъ глазами у него была цѣль, но неопредѣленная, и не сыскалъ онъ прямого пути къ ней. Онъ сознавалъ единство свое съ Русскою Землею, но не могъ сдѣлаться орудіемъ ея общаго единства; онъ хотѣлъ, въ тоже время, удержать въ этомъ единствѣ свою отдѣльность и не удержалъ ея. Новгородъ,—какъ и Южная Русь,—держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное зданіе.

Точно такъ и Южная Русь сохраняла, въ теченіе вѣковъ, древнія понятія; перешли онѣ въ кровь и плоть послѣдней, безсознательно для самаго народа; и Южная Русь, облекшись въ форму Козачества, — форму, зародившуюся собственно въ древности,—искала той же федераціи въ соединеніи съ Московіею, гдѣ уже давно не стало началъ этой древней федераціи.

Выше я замѣтилъ мимоходомъ, что Козачество началось въ XII—XIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, исторія Южной, Кіевской, Руси, какъ-будто проваливается послѣ Татаръ. Народная жизнь XIV и XV вѣковъ намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ Козачества, не угасали, а развивались. Литовское владычество обновило одряхлѣвшій, разложившійся порядокъ,

такъ точно, какъ нѣкогда прибытіе Литовской Руси на берега Днѣпра обновило и поддержало упавшія силы, разложившіяся подъ напорами чуждыхъ народовъ. Но жизнь пошла по прежнему. Князьки не Рюрикова, но уже новаго, Гедиминова дома, обрусѣвъ скоро, какъ и прежніе, стали, какъ эти прежніе, играть своею судьбою. До какой степени было здѣсь участіе народа, за скудостію источниковъ нельзя опредѣлительно сказать; несомнѣнно, что въ сущности было продолженіе прежняго: тѣ же дружины, тѣже воинственныя толпы помогали князьямъ, возводили ихъ, вооружали однихъ противъ другихъ. Соединеніе съ Польшею собрало живучіе элементы Руси и дало имъ другое направленіе: изъ неосѣдлыхъ правителей, предводителей шаекъ, оно сдѣлало поземельныхъ владѣтелей; является направленіе замѣнить правомъ личныя побужденія, оставляя въ сущности прежнюю ея свободу — соединить съ гражданскими понятіями и умѣрить необузданность личности. Народъ, до того времени вращавшійся въ омутѣ всеобщаго произвола, то порабощенный сильными, то, въ свою очередь, сбрасывающій этихъ сильныхъ для того, чтобъ возвести другихъ, теперь подчиняется и порабощается правильно, то есть, съ признаніемъ до нѣкоторой степени законности, справедливости такого порабощенія. Но тутъ старорусскіе элементы, развитые, до извѣстной степени, еще въ XII вѣкѣ и долго крывшіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ Козачества. Но это козачество, какъ возрожденіе стараго, носитъ въ себѣ уже зародышъ разрушенія. Оно обращается къ тѣмъ идеямъ, которыя уже не находили пищи въ современномъ ходѣ историческихъ судебъ. Козачество XVI и XVII и удѣльность въ XII и XIII вѣкѣ гораздо болѣе сходны между собою, чѣмъ сколько можно предположить: если черты сходства внѣшняго слабы въ сравненіи съ чертами внѣшняго несходства, за то существенно внутреннее сходство. Козачество тоже разнороднаго типа, какъ древнія кіевскія дружины; также въ немъ есть примѣсь тюркскаго элемента, также въ немъ господствуетъ личный произволъ, тоже стремленіе къ извѣстной цѣли, само себя парализующее и уничтожающее, та же неопредѣлительность, то же непостоянство, то же возведеніе и низложеніе предводителей, тѣ же драки во имя ихъ. Можетъ быть важнымъ покажется то, что въ древности обращалось вниманіе на родъ предводителей, ихъ происхожденіе служило правомъ, а въ козачествѣ, напротивъ, предводители избирались изъ равныхъ. Но скоро уже козачество доходило до прежняго удѣльнаго порядка и конечно бы дошло, еслибы случайныя обстоятельства, чисто мимо всякихъ предполагавшихся законовъ поворачивающія ходъ жизненнаго теченія, не помѣ-

шали этому. Когда Хмельницкій успѣлъ заслужить славу и честь у козацкой братіи, она возводила въ предводители его сына, вовсе неспособнаго по личнымъ качествамъ. Выборы гетмановъ долго вращались около лицъ, соединенныхъ родствомъ съ Хмельницкимъ, и только прекращеніе его рода было поводомъ, что родовое княжеское начало древней удѣльности не воскресло снова.

На востокѣ, напротивъ, личная свобода съуживалась и, наконецъ, уничтожилась. Вѣчевое начало нѣкогда и тамъ существовало и проявлялось. Избраніе князей также было господствующимъ способомъ установленія власти, но тамъ понятіе объ общественномъ порядкѣ дало себѣ прочный залогъ твердости, а на помощь подоспѣли православныя идеи. Въ этомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе высказывается различіе племенъ. Православіе было у насъ едино и пришло къ намъ чрезъ однихъ лицъ, изъ одного источника; классъ духовный составлялъ одну корпорацію, независимую отъ мѣстныхъ особенностей политическаго порядка: церковь уравнивала различія; и если что, то — именно истекавшее изъ церковной сферы должно было приниматься одинаково во всемъ русскомъ мірѣ. Не то, однако, вышло на дѣлѣ. Православіе внесло къ намъ идею монархизма, освященіе власти свыше, окружило понятія о ней лучами верховнаго міроправленія; православіе указало, что въ нашемъ земномъ жизненномъ теченіи есть Промыслъ, руководящій нашими поступками, указывающій намъ будущность за гробомъ; породило мысль, что событія совершаются около насъ то съ благословенія Божія, то навлекаютъ на насъ гнѣвъ Божій; православіе заставило обращаться къ Богу при началѣ предпріятія и приписывать успѣхъ Божію изволенію. Такимъ образомъ не только въ непонятныхъ, необыкновенныхъ событіяхъ, но и въ обычныхъ, совершающихся въ кругѣ общественной дѣятельности, можно было видѣть чудо. Все это внесено было повсюду, повсюду принялось до извѣстной степени, примѣнилось къ историческому ходу, но нигдѣ не побѣдило до такой степени противоположныхъ старыхъ понятій, нигдѣ не выразилось съ такою приложимостью къ практической жизни, какъ въ Восточной Руси. При своей всеобщности, православіе давало однако нѣсколько простора и мѣстнымъ интересамъ: оно допускало мѣстную святыню, которая не переставала быть всеобщею, но оказывала свое покровительство особенно одной мѣстности. Такъ, во всѣхъ земляхъ русскихъ возникли патрональные храмы, въ Кіевѣ—Десятинная Богородица и Софія, въ Новгородѣ и Полоцкѣ—святая Софія, въ Черниговѣ и Твери—святый Спасъ, и такъ далѣе; вездѣ вѣрили въ благословеніе на весь край, исходящее изъ такого главнаго храма. Андрей во Вла-

димірѣ построилъ церковь святой Богородицы златоверхую, помѣстивъ тамъ чудотворную икону, похищенную имъ изъ Вышгорода. Нигдѣ до такой степени святыня патрональнаго храма не являлась съ плодотворнымъ чудодѣйствущимъ значеніемъ, какъ тамъ. Въ лѣтописи Суздальской земли, каждая побѣда, каждый успѣхъ, чуть не каждое сколько нибудь замѣчательное событіе, случавшееся въ краѣ, называется чудомъ этой Богородицы (сотвори чудо святая Богородица Владимірская).

Идея высшаго управленія событіями доходитъ до освященія успѣха самого по себѣ. Предпріятіе удается, слѣдовательно — оно благословляется Богомъ, слѣдовательно оно хорошо. Возникаетъ споръ между старыми городами Ростовско-Суздальской земли и новымъ—Владиміромъ. Владиміръ успѣлъ въ спорѣ; онъ беретъ перевѣсъ: это — чудо пресвятой Богородицы. Замѣчательно мѣсто въ лѣтописи, когда послѣ признанія, что Ростовцы и Суздальцы, какъ старѣйшіе, дѣйствительно поступали по праву *(хотяще свою правду поставити)*, послѣ того какъ дѣло этихъ городовъ подводится подъ обычай всѣхъ земель русскихъ, лѣтописецъ говоритъ, что противясь Владиміру, они не хотѣли правды Божіей *(не хотяху створити правды божіи)* и противились Богородицѣ. Тѣ города хотѣли поставить своихъ избранныхъ землею князей, а Владиміръ поставилъ противъ нихъ Михаила, и лѣтописецъ говоритъ, что *сего же Михаила избра святая Богородица*. Такимъ образомъ Владиміръ требуетъ себѣ первенства въ Землѣ, на томъ основаніи, что въ немъ находилась святыня, которая творила чудеса и руководила успѣхомъ. Володимирцы,—разсуждаетъ тотъ же лѣтописецъ,— прославлены Богомъ по всей Землѣ, за ихъ правду Богъ имъ помогаетъ; при этомъ лѣтописецъ объясняетъ, почему Володимірцы такъ счастливы: *егоже бо человѣкъ проситъ у Бога всѣмъ сердцемъ, то Богъ его не лишитъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто права общественнаго, вмѣсто обычая, освященнаго временемъ, является право предпріятія съ молитвою и божія соизволенія на успѣхъ предпріятія. Съ виду покажется, что здѣсь крайній мистицизмъ и отклоненіе отъ практической дѣятельности, но это только кажется: въ самой сущности здѣсь полнѣйшая практичность, здѣсь открывается путь къ устраненію всякаго страха предъ тѣмъ, что колеблетъ волю, здѣсь полный просторъ воли; здѣсь и надежда на свою силу, здѣсь умѣнье пользоваться обстоятельствами. Владиміръ, въ противность старымъ обычаямъ, древнему порядку земли, дѣлается верховнымъ городомъ, потому что Богородица покровительствуетъ ему, а ея покровительство видно изъ того, что онъ успѣваетъ. Онъ пользуется об-

стоятельствами; тогда какъ его противники держатся боярствомъ, избраннымъ высшимъ классомъ, Владиміръ поднимаетъ знамя массы, народа, слабыхъ противъ сильныхъ; князья, избранные имъ, являются защитниками правосудія въ пользу слабыхъ. О Всеволодѣ Юрьевичѣ лѣтописецъ говоритъ: »судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лице силныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работящихъ сироты и насилье творящихъ«. Вмѣстѣ съ тѣмъ, право избранія, вѣчевое начало принимаетъ самый широкій размѣръ и тѣмъ подрываетъ и уничтожаетъ само себя. Князя Всеволода Юрьевича избираютъ Владиміpцы на вѣчѣ предъ своими Золотыми воротами не одного, но и дѣтей его. Такимъ образомъ вѣчевое право считаетъ возможнымъ простирать свои приговоры не только на живыхъ, но и на потомство, установлять твердый, прочный порядокъ на долгое время, если не навсегда, до перваго ума, который возможетъ найти иной поворотъ по новому пути и повести къ своей новой цѣли, возводя по прежнему въ апотеозъ успѣхъ предпріятія, освящая его благословеніемъ божіимъ.

Наконецъ самое возвышеніе новаго города Владиміра здѣсь имѣетъ свой особенный смыслъ и отпечатлѣвается характеромъ великороссійскимъ. Извѣстно, какъ ученые придавали у насъ значенія новымъ городамъ именно потому, что они новые. По нашему мнѣнію, новость городовъ, сама по себѣ, еще ничего не значитъ. Возвышеніе новыхъ городовъ не могло родить новыхъ понятій, выработать новаго порядка болѣе того, сколько бы все это могло произойти и въ старыхъ. Новые города населялись изъ старыхъ, слѣдовательно новопоселенцы невольно приносили съ собой тѣ понятія, тѣ воззрѣнія, какія образовались у нихъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Это въ особенности должно было произойти въ Россіи, гдѣ новые города не теряли связи со старыми. Если новый городъ хочетъ быть независимымъ, освободиться отъ власти стараго города, то все таки онъ по одному этому будетъ искать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ старый, не болѣе. Для того, чтобы новый городъ зародилъ и воспиталъ въ себѣ новый порядокъ, нужно, чтобъ или переселенцы изъ стараго, положившіе основаніе новому, вышли изъ прежняго вслѣдствіе какихъ нибудь такихъ движеній, которыя были противны массѣ стараго города, или чтобъ они на новосельѣ отрѣзаны были отъ прикосновенія со старымъ порядкомъ и поставлены въ условія, способствующія развитію новаго. Переселенцы, какъ бы далеко они ни отбились отъ прежнихъ жилищъ, удерживаютъ старый бытъ и старыя коренныя понятія сколько возможно, на сколько не стираютъ ихъ новыя условія; из-

мѣняютъ ихъ только вслѣдствіе неизбѣжности, при совершенной несовмѣстимости ихъ съ новосельемъ, и притомъ измѣняютъ нескоро: всегда съ усиліями что нибудь оставить изъ стараго. Малороссіяне двигались въ своей колонизаціи на востокъ, дошли уже за Волгу и все таки они въ сущности тѣже Малороссіяне, что въ Кіевской губерніи, и если получили что-нибудь особенное въ словѣ и понятіяхъ и въ своей физіогноміи, то это произошло отъ условій, съ которыми судьба судила имъ сжиться на новомъ мѣстѣ, а не потому единственно, что они переселенцы. Тоже надобно сказать о Сибирскихъ Русскихъ переселенцахъ: они все Русскіе, и отличія ихъ зависятъ отъ тѣхъ неизбѣжныхъ причинъ, которыя понуждаютъ ихъ нѣсколько измѣниться, примѣняя условія климата, почвы, произведеній и сосѣдства въ свою пользу. Новые города въ древней Россіи, возникая на разстояніи какихъ нибудь десятковъ верстъ отъ старыхъ, какъ Владиміръ отъ Суздаля и Ростова, не могли, повидимому, имѣть даже важныхъ географическихъ условій для развитія въ себѣ чего-нибудь совершенно новаго. Даже и тогда, когда новый городъ отстоялъ отъ стараго на сотни верстъ, главные однакожъ при наки географіи условливали ихъ сходство.

Въ XII вѣкѣ Владиміръ въ исторической жизни является зерномъ Великороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ Русскаго единодержавнаго государства;— тѣ начала, которыя развили въ послѣдствіи цѣлость русскаго міра, составили въ зародышѣ отличительные черты этого города, его силу и прочность. Сплоченіе частей, стремленіе къ присоединенію другихъ земель, предпринятое подъ знаменемъ религіи, успѣхъ, освящаемый идеею божія соизволенія, опора на массу, покорную силѣ, когда послѣдняя протягиваетъ къ ней руку, чтобъ ее охранять, пока нуждается въ ней, а впослѣдствіи отдача народнаго права въ руки своихъ избранниковъ — все это представляется въ образѣ молодого побѣга, который выросъ огромнымъ деревомъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій, давшихъ сообразный способъ его возрастанію. Татарское завоеваніе помогло ему. Безъ него, при вліяніи старыхъ началъ личной свободы, господствовавшихъ въ другихъ земляхъ, свойства восточной русской натуры произвели бы иныя явленія, но завоеватели дали новую цѣль соединенія раздѣленнымъ землямъ Руси.

Монголы не насиловали народнаго самоуправленія систематически и сознательно. Политическая ихъ образованность не достигла стремленія къ сплоченію массъ и централизаціи покоренныхъ частей. Побѣда знаменовалась для нихъ двумя способами: всеобщимъ разореніемъ и собира-

ніемъ дани. И то и другое потерпѣла Россія. Но для собиранія дани необходимо было одно довѣренное лицо на всю Русь, одинъ приказчикъ хана: это единое лицо, этотъ приказчикъ приготовленъ былъ русскою исторіею заранѣе въ особѣ великаго князя, главы князей, и, слѣдовательно, управленія землями. И вотъ, глава федераціи сталъ довѣреннымъ лицомъ новаго господина. Право старѣйшинства и происхожденія и право избранія, равнымъ образомъ—должны были подчиниться другому праву — волѣ государя всѣхъ земель, государя законнаго, ибо завоеваніе есть фактическій законъ выше всякихъ правъ, не подлежащій разсужденію. Но ничего не было естественнѣе, какъ возникнуть этому ханскому приказчику въ той землѣ, гдѣ существовали готовыя сѣмена, которыя оставалось только поливать, чтобъ они созрѣли.

Знамя успѣха подъ покровительствомъ благословенія Божія поднято въ Москвѣ, на другомъ новосельѣ, также точно, тѣмъ же порядкомъ, какъ оно прежде было поднято во Владимірѣ. Пригородъ опять перевысилъ старый городъ и опять помогаетъ здѣсь церковь, какъ помогала она во Владимірѣ. Надъ Москвою почіетъ благословеніе церкви: туда переѣзжаетъ митрополитъ Петръ; святый мужъ своими руками приготовляетъ себѣ тамъ могилу, долженствующую стать историческою святынею мѣстности; строится другой храмъ Богородицы, и вмѣсто права, освященнаго стариною, вмѣсто народнаго сознанія, парализованнаго теперь произволомъ завоеванія, беретъ верхъ и торжествуетъ идея Божія соизволенія къ успѣху. Здѣсь не мѣсто разрѣшать вопросъ важный: какія именно условія способствовали возвышенію Москвы предъ Владиміромъ; этотъ вопросъ относится уже спеціально къ исторіи Великороссіи, а у насъ идетъ дѣло единственно только о противоположности общихъ началъ въ народностяхъ. Замѣтимъ, однако, что Москва, точно какъ древній Римъ, имѣла сбродное населеніе и долго поддерживалась новыми приливами жителей съ разныхъ концовъ Русскаго міра. Въ особенности это можно замѣтить о высшемъ слоѣ народа, — боярахъ и въ то время многочисленныхъ дружинахъ. Они получали отъ великихъ князей земли въ Московской Землѣ, слѣдовательно та же смѣсь населенія касалась не только города, но и земли, которая тянула къ нему непосредственно. При такой смѣси, различныя старыя начала, принесенныя переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ жительства, сталкиваясь между собою на новосельѣ, естественно должны были произвести что-то новое, своеобразное, не похожее въ особенности ни на что, изъ чего оно составилось. Новгородецъ, Суздалецъ, Полочанинъ, Кіевлянинъ, Волынецъ, приходили въ Москву,

каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, сообщали ихъ другъ другу; но онѣ уже переставали быть тѣмъ, чѣмъ были и у перваго, и у втораго, и у третьяго, а стали тѣмъ, чѣмъ не были онѣ у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. — Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ разширенію своей территоріи, къ пріобрѣтательности на чужой счетъ, къ поглощенію сосѣдей, къ хитрой политикѣ, къ завоеванію, и, положивъ зародышъ у себя въ тѣсной сферѣ, даетъ ему возрасти въ болѣе широкой, — той сферѣ дѣятельности, которая возникнетъ впослѣдствіи отъ разширенія предѣловъ. Такъ Римъ, бывши сначала сбороднымъ мѣстомъ бѣглецовъ изъ всѣхъ краевъ разностихійной Италіи, воспиталъ въ себѣ самобытное, хотя составленное изъ многаго, но не похожее въ сущности на то или другое изъ этого многаго, политическое тѣло съ характеромъ стремленія — расширяться болѣе и болѣе, покорять чужое, поглощать у себя разнородное, порабощать то силою оружія, то силою коварства. Римъ сталъ насильственно главою Италіи и впослѣдствіи всю Италію сдѣлалъ Римомъ. Москва, относительно Россіи, имѣетъ много аналогіи съ Римомъ, по отношенію послѣдняго къ Италіи. Разительнымъ сходствомъ представляется вѣрнѣйшее средство, употребляемое одинаково и Римомъ и Москвою для соединенія первымъ — Италіи, второю — Россіи въ единое тѣло: это переселеніе жителей городовъ и даже цѣлыхъ волостей и размѣщеніе на покоренныхъ земляхъ военнаго сословія, долженствующаго служить орудіемъ ассимилированія мѣстныхъ народностей и сплоченія частей во едино. Такую политику показала рѣзко Москва при Иваннѣ III и Василіѣ, его сынѣ, когда изъ Новагорода и его волости, изъ Пскова, изъ Вятки, изъ Рязани выводились жители и разводились по разнымъ другимъ Русскимъ, землямъ, а изъ другихъ переводимы были служилые люди и получали земли, оставшіяся послѣ тѣхъ, которые подверглись экспропріаціи. Москва возникла изъ смѣшенія Русскославянскихъ народностей, и въ эпоху своего возрастанія поддерживала свое дѣло такимъ же народосмѣшеніемъ. Вѣроятно, подобной смѣси населенія одолженъ былъ нѣкогда Владиміръ и своимъ появленіемъ и особеннымъ направленіемъ, хотя, по скудости источниковъ, о Владимірѣ мы ограничиваемся однимъ предположеніемъ того, что о Москвѣ можно сказать съ большимъ правомъ исторической достовѣрности. Ихъ направленіе было сходно. Москва ли взяла верхъ, или другой городъ — все равно, это совершилось по одному и тому же принципу. Какъ нѣкогда Владиміръ стремился подчинять Муромскую и Рязанскую земли и первенствовать надъ дру-

гими землями Руси, такъ теперь Москва, по тому же пути, подчиняетъ себѣ земли и княжества, и не только подчиняетъ, но уже и поглощаетъ ихъ. Владиміру невозможно было достигнуть до того, до чего достигла Москва; тогда еще живучи были вѣчевыя и федеративныя начала; теперь, подъ вліяніемъ завоеванія и развитія въ народномъ духѣ уничтожающихъ ихъ противоположныхъ началъ,—первые задушены страхомъ вознесенной власти, вторые ослабѣли вслѣдъ за первыми. Князья все болѣе и болѣе переставали зависѣть отъ избранія и не стали, вслѣдствіе этого, переходить съ мѣста на мѣсто; утверждались на однихъ мѣстахъ, начали смотрѣть на себя какъ на владѣтелей, а не какъ на правителей, стали прикрѣпляться, такъ-сказать, къ землѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовать прикрѣпленію народа къ землѣ. Москва, порабощая ихъ и подчиняя себѣ, тѣмъ самымъ возраждала идею общаго отечества, только уже въ другой формѣ, не въ прежней федеративной, а въ единодержавной. Такъ составилась монархія Московская; такъ изъ нея образовалось государственное русское тѣло. Ея гражданственная стихія есть общинность, поглощеніе личности, такъ какъ въ южно-русскомъ элементѣ, какъ на югѣ, такъ и въ Новгородѣ, развитіе личности врывалось въ общинное начало и не давало ему сформироваться.

Съ церковью случилось въ велико-русскомъ мірѣ обратное тому, что было въ южно-русскомъ. Въ южнорусскомъ, хотя она имѣла нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтобъ бездоказательно освящать успѣхъ факта; на востокѣ она необходимо, въ лицѣ своихъ представителей—духовныхъ сановниковъ, должна была сдѣлаться органомъ верховнаго конечнаго суда; ибо для того, чтобъ дѣло приняло характеръ Божія соизволенія, необходимо было признаніе его такимъ отъ тѣхъ, кто обладалъ правомъ рѣшать это. Поэтому церковныя власти на востокѣ стояли несравненно выше надъ массою и имѣли гораздо болѣе возможности дѣйствовать самовластно. Уже въ XII вѣкѣ, именно во время дѣтства Великороссіи, встрѣчаемъ тамъ епископа Ѳеодора, который, добиваясь признанія независимости своей епархіи, дѣлалъ разныя варварства и насилія. (Много бо пострадаша человѣци отъ него въ держаньи его, и селъ изпебывши и оружья и конь; друзіи же и работъ добыша, заточенья же и грабленья не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣемъ; безжалостивъ сый мучитель, другымъ человѣкомъ головы порѣзывалъ и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распиная на стѣнѣ и мучи немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье; имѣнья бо бѣ несытъ якы адъ). Къ сожалѣнію, для насъ остается неиз-

вѣстнымъ, какими средствами и при какихъ условіяхъ достигъ епископъ возможности такъ поступать; но безъ сомнѣнія, онъ опирался здѣсь на свѣтскую власть Андрея Боголюбскаго, которой для освященія своихъ предпріятій нуждался въ особомъ независимомъ верховнымъ сановникѣ церковномъ Владимірской земли, отдѣльно отъ Кіевской митрополіи, и сильно домогался, чтобъ Патріархъ учредилъ независимаго епископа. Свѣтская власть опиралась на духовную, духовная — на свѣтскую. Въ то время невозможно было юнымъ началамъ, еще не окрѣпшимъ, часто не уступать старымъ, не потерявшимъ еще своей живучести; и потому Ѳеодоръ расплатился въ Кіевѣ за свою гордыню, какъ выдавшій его головою князь, чрезъ нѣсколько лѣтъ, тоже расплатился въ Боголюбовѣ. Ростовъ былъ, въ глазахъ Андрея и Ѳеодора, что-то другое, отличное отъ Владиміра, ибо Андрей дѣлаетъ епископа независимымъ отъ Ростова. Патріархъ на это не согласился, но посвятилъ Ѳеодора во епископы Ростову, предоставя ему жить во Владимірѣ. Вѣроятно злодѣянія, которыя допускалъ себѣ Ѳеодоръ, были вызваны оппозиціею, встрѣченною имъ въ Ростовѣ противъ своихъ намѣреній возвыситься во Владимірѣ и въ церковномъ отношеніи, какъ онъ возвысился надъ Ростовомъ въ мірскомъ. Но видно, исполняя сначала волю Андрея, Ѳеодоръ видно уже слишкомъ хотѣлъ показать, какъ важна власть епископа для самаго князя. Андрей предалъ его на погибель. Свѣтская власть князя, освящаемая духовною, не допускаетъ однако послѣдней подчинить себя, и коль скоро послѣдняя вступаетъ въ борьбу, даетъ ей ударъ. Такъ совершалось и впослѣдствіи въ теченіи всей исторіи Великороссіи. Духовенство поддерживало князей въ ихъ стремленіи къ единовластію; князья также ласкали духовенство и содѣйствовали ему сильно; но при каждомъ случаѣ, когда духовная власть переставала итти рука объ руку съ единодержавною свѣтскою, послѣдняя сейчасъ давала почувствовать духовной власти, что свѣтская необходима. Это взаимное противовѣсіе вело такъ успѣшно къ дѣлу. Власть свѣтская, подчинившись духовной, допустивши теократическій принципъ, не могла бы итти прямымъ путемъ, не могла бы пріобрѣтать освященія своимъ предпріятіямъ; тогда родились бы сами собою права, которыя бы ее связывали. Но коль скоро духовная пользовалась могуществомъ, которое однако всегда могла отъ ней отнять свѣтская, тогда, для поддержанія себя, духовная должна, была итти рядомъ со свѣтской и вести ее къ той цѣли, какую избираетъ послѣдняя. Поэтому, въ исторіи Великороссіи мы видимъ неоднократные примѣры, какъ первопрестольники церкви потворствовали свѣтскимъ монархамъ и

освящали ихъ дѣла, даже совершенно противныя уставамъ церкви. Такъ митрополитъ Даніилъ одобрилъ разводъ Василія съ Соломоніею и заключеніе бѣдной великой княгини; а Іоанну IV разрѣшило духовенство четвертый бракъ, которымъ церковь издавна гнушалась. Съ другой стороны видимъ примѣры, какъ оппозиція духовной власти противъ государей была неудачна. Митрополитъ Филиппъ заплатилъ жизнію за обличеніе душегубствъ и кощунствъ того же Іоанна Грознаго; а царь Алексѣй Михайловичъ не затруднился пожертвовать любимцемъ Никономъ, когда тотъ поднялъ слишкомъ независимо голову, защищая самобытность и достоинство правителя церкви. За то при обоюдномъ согласіи властей, когда какъ свѣтская не требовала отъ духовной признанія явно противнаго церкви, такъ духовная не думала стать выше свѣтской, церковь фактически обладала всею жизнію — и политическою и общественною, и власть была могущественна потому, что принимала посвященіе отъ церкви. Такъ-то философія Великорусская, сознавъ необходимость общественнаго единства и практическаго пожертвованія личностью, какъ условіемъ всякаго общаго дѣла, довѣрила волю народа волѣ своихъ избранныхъ, предоставила освященіе успѣха высшему выраженію мудрости, и такъ дошла она въ свое время до формулы: Богъ да царь во всемъ! знаменующей крайнее торжество господства общности надъ личностью.

Въ тотъ отдаленный отъ насъ періодъ, который мы назвали дѣтствомъ Великороссіи, въ религіозности великорусской является свойство, составляющее ея отличительную черту, и впослѣдствіи — въ противорѣчіи съ тѣмъ складомъ, какой религіозность пріобрѣла въ южнорусской стихіи. Это обращеніе къ обрядамъ, къ формуламъ, сосредоточенность во внѣшности. Такимъ образомъ, на сѣверовостокѣ поднимается толкъ о томъ, можно ли ѣсть въ праздники мясо и молочное. Это — толкъ, принадлежащій къ разряду множества расколовъ, существующихъ и въ наше время и опирающихся только на внѣшности.

На югѣ, въ древности, мы встрѣчаемъ два не вполнѣ извѣстныя намъ уклоненія отъ православія, но не въ томъ духѣ, именно — Адріана и Димитрія: они касались существенныхъ уставовъ церкви и мнѣнія ихъ относились къ кругу ересей, то есть такихъ несправедливыхъ мнѣній, которыя, во всякомъ случаѣ, возникали отъ умственной работы надъ духовными вопросами; въ этомъ отношеніи, южнорусское племя и впослѣдствіи не отличалось спорами о внѣшности, которыми такъ богатъ сѣверъ. Извѣстно, что въ теченіи самыхъ вѣковъ, какъ и теперь, у Малороссіянъ расколовъ и споровъ объ обрядахъ не было. На сѣверѣ, въ

Новгородѣ и Псковѣ, состязательство о внѣшности хотя коснулось умственнаго движенія въ духовныхъ вопросахъ въ извѣстномъ толкѣ о *сугубомъ аллилуіа* и въ Новгородскомъ спорѣ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить: *господи помилуй*, или: *о господи помилуй*, — но едва ле такіе толки въ древности дѣйствительно занимали умы на сѣверѣ, — ибо обстоятельства спора объ аллилуіяхъ, извѣстныя изъ житія Ефросина, еще подвержены сомнѣнію, такъ что многіе считаютъ это сочиненіе, дошедшее до насъ не въ современныхъ спискахъ, составленнымъ, или по крайней мѣрѣ передѣланнымъ раскольниками, старавшимися придать всевозможнѣйшую важность этому вопросу, который, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ главныхъ, возбуждавшихъ старообрядство къ отпаденію отъ господствующаго тѣла русской церкви. Притомъ же въ самой повѣсти о Евфросинѣ изображается, что Псковъ держался *трегубой*, а не *сугубой аллилуіа!*

Распространеннѣе и знаменательнѣе было другое еретическое умственное броженіе на сѣверѣ, проявившееся первый разъ въ Стригольникахъ, въ продолженіи вѣка тлѣвшее въ умахъ и потомъ разразившееся смѣсью различныхъ толковъ, сгруппированныхъ Іосифомъ Волоцкимъ, въ его »Просвѣтителѣ« около жидовствующей ереси. Это броженіе, чисто Новгородскаго пошиба, перешло потомъ во всю Русь и долго подымалось въ различныхъ формахъ оппозиціею противъ авторитета мнѣній. Мы не скажемъ однако, чтобъ такое реформаціонное направленіе имѣло большой успѣхъ въ Новгородскомъ и Псковскомъ мірѣ; оно только показываетъ, что племя южнорусское, въ своихъ уклоненіяхъ отъ церкви, слѣдовало иному пути, чѣмъ великорусское. Въ южной Руси, послѣ мимоходныхъ явленій въ XI и XII вѣкѣ, не встрѣчается попытокъ къ оппозиціи противъ авторитета церковной науки, и только въ XVI вѣкѣ стало было кружить аріанство, когда Симонъ Будный распустилъ свой катихизисъ на южнорусскомъ языкѣ и, по свидѣтельству уніатовъ, нѣкоторые священники, по невѣжеству, не только не опровергали его, но, не подозрѣвая въ немъ ереси, еще и похваливали. Въ массѣ народа это явленіе не имѣло успѣха.

Единственное уклоненіе отъ православія, увлекавшее до извѣстной степени народъ, была унія съ римско-католическою церковью, но извѣстно, что она вводима была интригами и насиліемъ, при благопріятствующей помощи привлеченнаго къ католичеству дворянства; но въ народѣ нашла противъ себя упорную и кровавую оппозицію. Бѣлорусское племя, вообще болѣе кроткой и податливой натуры, сильнѣе подчинялось гнетущимъ обстоятельствамъ и болѣе показало наклонность, если не принять

унію добровольно, то по крайней мѣрѣ допустить ее, когда нельзя было не допустить ея иначе, какъ энергическимъ противодѣйствіемъ. Но въ южной Руси было не то. Тамъ народъ, чувствуя насиліе совѣсти, поднялся огромнымъ пластомъ на защиту своей старины и свободы убѣжденія, и въ послѣднее время, даже принявъ унію, гораздо охотнѣе отъ нея отсталъ, чѣмъ Бѣлоруссы. Такъ южнорусское племя, не давая духовенству права безусловнаго освященія факта, въ самой сущности пребыло вѣрнѣе самой церкви, чѣмъ великорусское, обнимая болѣе ея духъ, чѣмъ форму. Въ настоящее время расколъ изъ-за формы, обрядности, буквы, не мыслимъ въ южнорусскомъ народѣ; съ этимъ всякъ согласится, кто сколько нибудь знаетъ этотъ народъ и присмотрѣлся къ его жизни и прислушался къ его кореннымъ понятіямъ.

Мы видѣли, какъ еще въ своемъ дѣтствѣ великорусская стихія, централизируясь во Владимирѣ, а потомъ въ эпоху юности — въ Москвѣ, показывала направленіе къ присоединенію, къ подчиненію и къ поглощенію самобытности частей. Въ религіозно-умственной сферѣ отразилось тоже. Образовалась нетерпимость къ чужимъ вѣрамъ, презрѣніе къ чужимъ народностямъ, высокомѣрное мнѣніе о себѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Московщину въ XV, XVI, XVII столѣтіяхъ, одногласно говорятъ, что Москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіянскихъ вѣроисповѣданій. Нѣмцы, допущенные жить въ Москвѣ, подвергались презрѣнію отъ Русскихъ; духовенство вопіяло противъ общенія съ ними; патріархъ, неосторожно благословивши ихъ, требовалъ, чтобъ они отличались порѣзче отъ православныхъ наружнымъ видомъ, чтобъ впередъ не получить нечаянно благословенія. Латинская и лютерская, армянская и другая всякая вѣра, чуть только отличная отъ православной, считались у великоруссовъ проклятою. Русскіе Московскіе считали себя единственнымъ избраннымъ народомъ въ вѣрѣ, и даже не вполнѣ были расположены къ единовѣрнымъ народамъ — къ Грекамъ и Малороссіянамъ: чуть только что нибудь было несходно съ ихъ народностію, то заслуживало презрѣнья, считалось ересью; на все не-свое они смотрѣли свысока.

Образованію такого взгляда неизбѣжно способствовало татарское порабощеніе. Долгое униженіе подъ властію чужевѣрцевъ и иноплеменниковъ выражалось теперь высокомѣріемъ и униженіемъ другихъ. Освобожденный рабъ способнѣе всего отличаться надменностію. Это-то и вынудило тѣ крутыя мѣры, то увлеченіе иноземщиною, которое со временъ

Петра является въ видѣ реформы. Крайность, естественно, вызываетъ противную крайность.

Въ южнорусскомъ племени этого не было. Издавна Кіевъ, потомъ Владиміръ Волынскій, были сборнымъ пунктомъ мѣстопребыванія иноземцевъ разныхъ вѣръ и племенъ. Южноруссы съ незапамятныхъ временъ привыкли слышать у себя чуждую рѣчь и не дичиться людей съ другимъ обличьемъ и съ другими наклонностями. Уже въ X вѣкѣ, и вѣроятно древнѣе, изъ южной Руси ходили въ Грецію, одни занимались промыслами въ чужой землѣ, другіе служили въ войскѣ чужихъ государей. Послѣ принятія крещенія, перенесенная въ Южную Русь юная христіанская цивилизація привлекала туда еще болѣе чужеземной стихіи изъ разныхъ концовъ. Южноруссы, получивши новую вѣру отъ Грековъ, не усвоили образовавшейся въ Греціи непріязни къ западной церкви; архипастыри, будучи сами чужими, старались пересадить ее на дѣвственную почву, но не слишкомъ успѣвали: въ воображеніи южнорусскомъ католикъ не принималъ враждебнаго образа. Особы княжескаго рода сочетавались бракомъ съ особами владѣтельныхъ домовъ католическаго исповѣданія; тоже, вѣроятно, дѣлалось и въ народѣ. Въ городахъ южнорусскихъ Греки, Армяне, Жиды, Нѣмцы, Поляки, Угры, находили вольный пріютъ, ладили съ туземцами: Поляки, забравшись въ Кіевскую землею въ качествѣ пособниковъ князя Изяслава, плѣнились веселостью жизни въ чужой землѣ. Этотъ духъ терпимости, отсутствіе національнаго высокомѣрія, перешелъ въ послѣдствіи въ характеръ козачества и остался въ народѣ до сихъ поръ. Въ козацкое общество могъ приходить всякій; не спрашивали: кто онъ, какой вѣры, какой націи. Когда Поляки роптали, что козаки принимаютъ къ себѣ разныхъ бродягъ и, въ томъ числѣ, еретиковъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій духовнаго суда, козаки отвѣчали, что у нихъ издавна такъ ведется, что каждый свободно можетъ прійти и уйти. Непріязненные поступки надъ католическою святынею во время козацкаго возстанія происходили не отъ ненависти къ католичеству, а съ досады за насиліе сдѣлать и за принужденіе. Походы противъ Турокъ и Крымцовъ, съ одной стороны, имѣли побудительными причинами не слѣпой фанатизмъ противъ *невѣрныхъ*, но мщеніе за ихъ набѣги и за плѣнъ Русскихъ жителей, а съ другой—ими водилъ духъ удальства и страсть къ добычѣ, которая необходимо развивается во всякомъ воинственномъ обществѣ, въ какомъ бы племени и въ какой бы землѣ оно ни организовалось. Память о кровавыхъ временахъ вражды съ Поляками не изгладилась у народа до сихъ поръ, но вражды собственно къ Римско-

Католической вѣрѣ, безотносительно къ Польской народности, у него нѣтъ. Южноруссъ не мстителенъ, хотя злопамятенъ ради осторожности. Ни католическій костёлъ, ни жидовская синагога не представляются ему погаными мѣстами; онъ не побрезгуетъ ѣсть и пить, войти въ дружбу не только съ католикомъ или протестантомъ, но и съ Евреемъ, и съ Татариномъ. Но непріязнь вспыхиваетъ у него еще сильнѣе, чѣмъ у Великорусса, если только Южноруссъ замѣтитъ, что иновѣрецъ или иноземецъ начинаетъ оскорблять его собственную святыню. Коль скоро предоставляется другимъ свобода и оказывается другимъ уваженіе, то естественно—требовать и для себя такой же свободы и взаимнаго уваженія.

Въ Новгородѣ мы видимъ тотъ же самый духъ терпимости. Иновѣрцы пользовались правомъ безопаснаго жительства и богослуженія; разницы въ отношеніи иновѣрныхъ христіанъ полагалось такъ мало, что въ Кириковыхъ вопросахъ указывается на такое явленіе, что матери носили дѣтей своихъ крестить вмѣсто православнаго въ римско-католическому (варяжскому) священнику. Построеніе варяжской церкви въ Новгородѣ произвело въ грядущихъ поколѣніяхъ духовенства легенду, въ которой показывается, какъ естественное стараніе нѣкоторыхъ духовныхъ фанатиковъ вооружить православныхъ туземцовъ противъ иновѣрцовъ было безуспѣшно. Множество инородцевъ-язычниковъ въ Новгородской волости не было обращаемо насильственно къ христіанству; Новгородцы были до того не энергическими распространителями вѣры, что въ Водской землѣ, еще въ XVI вѣкѣ, было язычество. Вѣра расходилась между ними не скоро, — за то мирнымъ путемъ. Принципъ вѣротерпимости соблазнялъ сильно западное христіанство, когда Новгородъ, подавая помощь Чудскимъ народамъ противъ Нѣмцевъ и Шведовъ, хотѣвшихъ насиліемъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ, вступалъ въ непріязненныя отношенія къ Ордену и Швеціи. Папы въ своихъ буллахъ укоряли Новгородцовъ во враждѣ къ христіанству, въ защитѣ язычества и возбуждали противъ нихъ Крестовый походъ. Нѣмцы и Шведы, съ которыми приходилось Новгороду и Пскову воевать, были въ глазахъ послѣднихъ политическіе, а не религіозные враги; вражда доходила нѣсколько до религіознаго характера только тогда, когда съ противной стороны оказывалось прямое посягательство на святыню православной вѣры: тоже самое, что видимъ и въ южной Руси. Нехристіане не подвегались также въ Новгородѣ ненависти; доказательство, что Евреи, которые не смѣли появиться въ великой Руси, въ Новгородѣ до того могли находить пріютъ, что даже въ силахъ были завести еретическую секту и совращать въ нее

туземцевъ. Когда съ одной стороны Папы и западные духовные обвиняли В. Новгородъ въ пособіи язычникамъ противъ христіанства, съ другой православнымъ сановникамъ не нравилась излишняя вѣротерпимость Новгородцевъ, духовные негодовали на нихъ за общеніе съ Латинами и усвоеніе чужихъ обычаевъ, они хотѣли поддерживать въ народѣ мысль о поганствѣ всѣхъ неправославныхъ, и съ этою цѣлію приказывали предавать церковному освященію съѣстные припасы, полученные изъ-за границы, прежде ихъ употребленія въ пищу.

Изъ этого короткаго историческаго обзора различія, возникшаго въ отдаленныя отъ насъ времена между двумя русскими народностями, можно заключить, что племя южно-русское имѣло отличительнымъ своимъ характеромъ перевѣсъ личной свободы, великорусское — перевѣсъ общинности. По коренному понятію первыхъ, связь людей основывается на взаимномъ согласіи, и можетъ распадаться по ихъ несогласію; вторые стремились установить необходимость и неразрывность разъ установленной связи и самую причину установленія отнести къ Божіей волѣ и, слѣдовательно, изъять отъ человѣческой критики. Въ одинакихъ стихіяхъ общественной жизни, первые усвоивали болѣе духъ, вторые стремились дать ему тѣло; въ политической сферѣ первые способны были создавать внутри себя добровольныя компаніи, связанныя на столько, на сколько къ тому побуждала насущная необходимость, и прочныя на столько, на сколько существованіе ихъ не мѣшало неизмѣнному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тѣло на вѣковыхъ началахъ, проникнутое единымъ духомъ. Первое вело къ федераціи, но не съумѣло вполнѣ образовать ее; второе повело къ единовластію и крѣпкому государству: довело до перваго, создало второе. Первое оказалось много разъ неспособнымъ къ единодержавной государственной жизни. Въ древности оно было господствующимъ на русскомъ материкѣ, и когда пришла неизбѣжная пора или погибнуть, или сплотиться, должно было невольно сойти со сцены и уступить первенство другому. Въ великорусскомъ элементѣ есть что-то громадное, создательное, духъ стройности, сознаніе единства, господство практическаго разсудка, умѣющаго выстоять трудныя обстоятельства, уловить время, когда слѣдуетъ дѣйствовать, и воспользоваться имъ на сколько нужно.... Этого не показало наше южно-русское племя. Его свободная стихія приводила либо къ разложенію общественныхъ связей, либо къ водовороту побужденій, вращавшихъ бѣличьимъ колесомъ народную историческую жизнь. Такими показало намъ эти двѣ русскія народности наше прошедшее.

Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разъ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріализму и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсень, присмотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другого племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народныхъ произведеніяхъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи; напротивъ, въ нихъ высоко-поэтическою является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлилъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества. Оттого такъ всѣмъ нравятся пѣсни разбойничьи: разбойникъ — герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ общественнымъ порядкомъ. Разрушеніе — его стихія, но разрушеніе неизбѣжно предполагаетъ возсозданіе. Послѣднее высказывается уже и въ составленіи разбойническихъ шаекъ, которыя представляютъ нѣкотораго рода общественное тѣло. И потому да не покажется страннымъ, если мы будемъ усматривать въ разбойничьихъ пѣсняхъ ту же стихію общинности, тоже стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла, какое находимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племени. Великорусскій народъ, практическій, матеріальной по преимуществу, восходитъ до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность опоэтизированья всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія Великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто ниспадаетъ до простой забавы и развлеченія. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени оно болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эпоса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ Великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плѣняетъ насъ въ южно-русскихъ пѣсняхъ, уноситъ душу въ область

воображенія и согрѣваетъ сердце неземнымъ, не здѣшнимъ огнемъ. Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ — все дышетъ, мыслитъ, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, въ Великорусской поэзіи рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою анакреонтическою граціею, которая скрадываетъ тривіальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матеріею; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно-прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода вырабатывается прелесть слова и выраженія, доходитъ до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслію. Напротивъ, великорусскія пѣсни такого разряда показываютъ не болѣе какъ стремленіе уставшаго отъ прозаической дѣятельности труда забыться на минуту какъ нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображенія; пѣсня эта существуетъ не для себя самой, а для боковой декораціи другого, чисто матеріальнаго, удовольствія.

Въ жизни великорусской, и общественной и домашней, видно болѣе или менѣе отсутствіе того, что составляетъ поэзію южнорусской жизни, какъ и обратно — въ послѣдней мало того, что составляетъ сущность, силу и достоинство первой. Великоруссъ мало любитъ природу; у поселянина вы очень рѣдко можете встрѣтить въ огородѣ цвѣты, которые

найдутся почти при каждомъ дворѣ у нашего земледѣльца. Этого мало, Великоруссъ питаетъ какую-то вражду къ произрастеніямъ. Я знаю примѣры, что хозяева рубили деревья возлѣ домовъ безобразно построенныхъ, думая, что деревья мѣшаютъ красотѣ вида. Въ казенныхъ селахъ, когда начальство начало побуждать разводить около домовъ ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить ихъ и предохранять отъ истребленія. Когда въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по распоряженію правительства сажали деревья по дорогамъ, это показалось до такой степени народу обременительною повинностію, что до сихъ поръ жалобы и негодованія отразились въ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ до чрезвычайности тривіально. Въ Великороссіи много садовъ, но всѣ почти плодовитые, заводятся съ коммерческою цѣлію; рѣдко даютъ въ нихъ мѣсто лѣснымъ деревьямъ, какъ безполезнымъ для матеріальной жизни. Рѣдко можно встрѣтить Великорусса, который бы сознавалъ и чувствовалъ прелесть мѣстоположенія, предался бы созерцанію небеснаго свода, впивался безотчетно глазами въ зеркало озера, освѣщеннаго солнцемъ или луною, или въ голубую даль лѣсовъ, заслушался бы хора весеннихъ птицъ. Ко всему этому почти всегда чуждъ великорусскій человѣкъ, погруженный въ обыденные разсчеты, въ мелкій омутъ матеріальныхъ потребностей. Даже въ образованномъ классѣ, сколько намъ случалось подмѣтить, остается та же холодность къ красотѣ природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смѣшно, подражаніемъ западной иноземщинѣ, гдѣ, какъ извѣстно — однимъ по опыту, другимъ — по слуху, хорошій тонъ требуетъ показывать любовь и сочувствіе къ природѣ. Въ такомъ случаѣ Великоруссъ обращаетъ свое заимствованное природолюбіе на предметы рѣдкіе, выходящіе изъ общей сферы окружающихъ его явленій, и тѣшитъ свои глаза искуственно взращенными камеліями, рододендронами, магноліями, никакъ не подозрѣвая, что истинное чувство, способное дѣйствительно уловить и созерцать поэзію природы, именно въ этомъ-то не найдетъ ея, отвернется отъ нарядныхъ уродовъ къ соснамъ, березамъ нашихъ рощъ, погрузится въ созерцаніе безъискусственнаго, хотя бѣднаго, но живого, неиспорченнаго, неподдѣльнаго міра твореній Божіихъ.

При скудости воображенія, у Великоруссовъ чрезвычайно мало суевѣрій, хотя зато чрезвычайно много предразсудковъ, и они держатся ихъ упорно. Южноруссы, напротивъ, съ перваго раза представятся въ высшей степени суевѣрнымъ народомъ; въ особенности на западѣ южнорусской земли это сказывается очень разительно (можетъ быть, по удален-

ности отъ великорусскаго вліянія). Чуть не въ каждомъ селѣ существуютъ поэтическіе разсказы о явленіяхъ мертвыхъ съ того свѣта въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ трогательнаго разсказа о явленіи мертвой матери, обмывающей своихъ малютокъ, до страшнаго образа вампировъ, распинающихся вполночь на могильныхъ крестахъ и вопіющихъ дикимъ голосомъ: *мяса хочу!* — съ насыпями, разсѣянными въ такомъ изобиліи по богатой историческою жизнію странѣ, соединяются преданія о давно-протекшихъ временахъ туманной старины, и въ этихъ преданіяхъ проглядываютъ сквозь пестро-цвѣтистую сѣть лучей народнаго вымысла, слѣды незаписанной писаными лѣтописями древности. Волшебство со своими причудливыми пріемами; міръ духовъ въ самыхъ разнообразныхъ образахъ и спрахахъ, подымающихъ на головѣ волосы, и возбуждающихъ смѣхъ до икоты... все это облекается въ стройные разсказы, въ изящныя картины. Народъ иногда самъ плохо вѣритъ въ дѣйствительность того, что̀ разсказываетъ, но не разстанется съ этимъ разсказомъ, доколѣ въ немъ не погаснетъ чувство красоты, или пока старое не найдетъ обновленія своего поэтическаго содержанія въ новыхъ формахъ.

Совсѣмъ не то въ Великороссіи. Тамъ, какъ мы сказали, одни предразсудки; Великоруссъ вѣритъ въ чертей, домовыхъ, вѣдьмъ, потому что получилъ эту вѣру отъ предковъ; вѣритъ потому, что не сомнѣвается въ ихъ дѣйствительности, вѣритъ такъ, какъ бы вѣрилъ въ существованіе электричества или воздушнаго давленія; вѣритъ потому, что вѣра нужна для объясненія непонятныхъ явленій, а не для удовлетворенія стремленія возвыситься отъ плоской юдоли матеріальной жизни въ сферу свободнаго творчества. Вообще фантастическихъ разсказовъ у него мало. Черти, домовые очень матеріальны; сфера загробной жизни, духовный міръ мало занимаетъ Великорусса, и почти нѣтъ исторій о явленіяхъ души послѣ смерти; если же она встрѣчается, то заимствованная изъ книгъ и новыхъ и старыхъ, и скорѣе въ церковной обработкѣ, а не въ народной. За то, по духу нетерпимости, Великоруссъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ. Я былъ свидѣтелемъ случая очень характеристическаго, когда одного господина обвиняли въ безбожіи и богохульствѣ за то, что онъ отозвался съ пренебреженіемъ о вѣрѣ въ существованіе чертей.

Въ кругу грамотныхъ людей, только-что вступающихъ въ книжную сферу, вы можете наблюдать, какія книги особенно занимаютъ Великорусса и на что̀ именно онъ обращаетъ вниманіе въ этихъ книгахъ. Сколько мнѣ удалось замѣтить — или серьезныя книги, но только такія, ко-

торыя прямо относятся къ занятію читателя и даже только то́ изъ нихъ, что́ можетъ быть примѣнено къ ближайшему употребленію, или же легкое, забавное, служащее минутному развлеченію безъ созерцанія построенія, безъ сознанія идеи; поэты читаются или съ цѣлію развлеченія (и въ этомъ случаѣ нравится въ нихъ то, что́ можетъ слегка пробѣгать по чувствамъ своимъ разнообразіемъ или необыкновенностью положенія), или же для того, чтобъ показать, что читатель образованъ настолько, чтобъ понимать то, что считается хорошимъ. Часто можно встрѣчать лица, которыя даже восторгаются красотами поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошенько осязать ихъ душу, то увидишь, что здѣсь играетъ не истинное чувство, а только аффектація. Аффектація — признакъ отсутствія истиннаго пониманія поэзіи. Аффектація въ нашемъ образованномъ обществѣ — черта черезчуръ обычная; оттого-то, кажется, у насъ и замѣтно сочувствіе къ Французамъ преимущественно предъ другими народами, ибо это народъ заявившій себя мало поэтическимъ, народъ, у котораго литература и искусство и отчасти даже наука — на эффектахъ.

Если у Великоруссовъ былъ истинно великій, геніальный, самобытный поэтъ, то это одинъ Пушкинъ. Въ своемъ безсмертномъ, вѣликомъ Евгеніи Онѣгинѣ, онъ выразилъ одну только половину великорусской народности — народности такъ называемаго образованнаго и свѣтскаго круга. Удачные описатели нравовъ и быта были, но это не творцы-поэты, которые бы заговорили языкомъ всей массы, сказали бы то и такъ, за что́ съ чувствомъ схватилась бы масса, ка́къ бы невольно долженъ былъ сказать каждый изъ этой массы, и сказать голосомъ поэзіи, а не прозы. Но, повторимъ, мы далеки отъ того, чтобы отрицать въ великорусскомъ народѣ поэтическій элементъ; мы говоримъ только, что въ немъ нѣтъ тѣхъ пріемовъ поэзіи, какіе есть у насъ и какіе до сихъ поръ прозывались искусствомъ. Пѣсни великорусскія, за отсутствіемъ всего этого, представляютъ однако оригинальнѣйшую поэзію, которая какъ будто говоритъ, что народъ, творившій эти пѣсни, хранитъ на днѣ своей натуры такія новыя стороны поэтической стихіи, которая нѣкогда блеснетъ новымъ, неожиданнымъ блескомъ. Не смотря на близость и историческую и племенную насъ, Южноруссовъ, къ Великоруссамъ, замѣчательно, что въ мірѣ литературы имъ часто нравится то́, что́ намъ никакъ не можетъ нравиться. Напримѣръ, я видалъ многихъ Великоруссовъ, приходившихъ въ восторгъ отъ стиховъ Некрасова, и, признаюсь, не видалъ Южноруссовъ, на которыхъ бы онъ дѣйствовалъ поэтическою стороною.

Въ сферѣ религіозности мы уже показали рѣзкое отличіе южнорусской народности отъ великорусской въ совершенномъ непричастіи первой къ расколамъ и отпаденіямъ отъ церкви изъ-за обрядовъ и формулъ. Любопытно разрѣшить вопросъ, откуда въ Великороссіи возникло это оригинальное настроеніе, это стремленіе спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что̀ составляетъ часто не болѣе, какъ грамматическій вопросъ или дѣло обрядословія? Кажется, что это происходитъ отъ того же практическаго, матеріальнаго характера, которымъ вообще отличается сущность великорусской натуры. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая надъ великорусскимъ народомъ во всѣхъ слояхъ общества, мы встрѣтимъ нерѣдко людей истинно христіанской нравственности, которыхъ религіозность обращена къ практическому осуществленію христіанскаго добра, но въ нихъ мало внутренняго благочестія, піетизма; мы встрѣчаемъ ханжей, изувѣровъ, строгихъ исполнителей внѣшнихъ правилъ и обрядовъ, но также безъ внутренняго благочестія, большею частью хладнокровныхъ къ дѣлу религіи, исполняющихъ внѣшнюю ея сторону по привычкѣ, мало отдающихъ себѣ отчета, почему это дѣлается, и наконецъ въ высшемъ, такъ называемомъ образованномъ классѣ, лицъ мало вѣрующихъ, или и совсѣмъ не вѣрующихъ, не въ слѣдствіе какого нибудь мысленнаго труда и боренія, а по увлеченію, потому что имъ кажется невѣріе признакомъ просвѣщенія. Истинно благочестивыя натуры составляютъ исключеніе, и благочестіе, духовная созерцательность у нихъ—признаки не народности, не общаго натурѣ народной, а ихъ собственной индивидуальной особенности. Между Южноруссами мы встрѣтимъ совсѣмъ обратное въ характерѣ. У этого народа много именно того, чего недостаетъ у Великоруссовъ; у нихъ сильно чувство всеприсутствія Божія, душевное умиленіе, внутреннее обращеніе къ Богу, тайное размышленіе о Промыслѣ, надъ собою, сердечное влеченіе къ духовному, неизвѣстному, непредставляемому воображеніемъ, таинственному, но отрадному міру. Южноруссы исполняютъ обряды, уважаютъ формулы, но не подвергаютъ ихъ критикѣ; въ голову не войдетъ никакъ, нужно ли два или три раза пѣть аллилуіа, тѣми или другими пальцами слѣдуетъ дѣлать крестное знаменіе; и если бы возникъ подобный вопросъ, то для разрѣшенія его достаточно объясненія священника, что такъ постановила церковь. Если бы понадобились какіе нибудь измѣненія въ наружныхъ сторонахъ богослуженія или переводѣ книгъ св. писанія, Южноруссы никогда не возстали бы противъ этого, имъ бы не взошла мысль подозрѣвать какого нибудь искаженія святыни. Они понимаютъ, что внѣшность уста-

навливается церковью, изображаемою видимо въ ея руководящихъ членахъ, и что эти члены постановятъ, не извращая сущности, міряне безпрекословно этому должны слѣдовать; ибо коль-скоро та или другая внѣшность выражаетъ одну и ту же сущность, то самая внѣшность не представляетъ и такой важности, чтобъ можно сдѣлать ее предметомъ спора. Намъ случалось говорить съ религіозными людьми и той и другой народности; Великоруссъ проявляетъ свою набожность въ словоизвитіяхъ надъ толкованіемъ внѣшности, буквы, принимаетъ въ этомъ важное участіе; если онъ строго православный, то православіе его состоитъ преимущественно во внѣшней сторонѣ; Южноруссъ станетъ изливать свое религіозно-нравственное чувство; не будетъ толковать о богослуженіи, объ обрядахъ, праздникахъ, а скажетъ свое благочестивое впечатлѣніе, производимое на него богослуженіемъ, торжественностію обряда, высокимъ значеніемъ праздника и т. д. Зато у насъ и образованный классъ не такъ легко поколебать въ вѣрѣ, какъ Великоруссовъ; заблужденіе, невѣріе внѣдряется въ нашей душѣ только вслѣдствіе долгой, глубокой борьбы; напротивъ, къ сожалѣнію, мы видѣли великорусскихъ юношей, воспитанныхъ, какъ видно, съ дѣтства въ строгой набожности, въ исполненіи предписанныхъ церковныхъ правилъ; но они при первомъ легкомъ нападеніи, а нерѣдко вслѣдствіе нѣсколькихъ остроумныхъ выраженій, покидаютъ знамя религіи, забываютъ внушенія дѣтства и безъ борьбы, безъ постепенности, переходитъ къ крайнему безвѣрію и матеріализму. Народъ южнорусскій — глубоко религіозный народъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; такъ или иначе поставили бы его обстоятельства, то или другое воспитаніе было бы имъ усвоено, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сумма главныхъ признаковъ, составляющихъ его народность, онъ всегда сохранитъ въ себѣ начало религіи: это неизбѣжно при томъ поэтическомъ настроеніи, которымъ отличается его духовный складъ. Гдѣ поэзія, тамъ религія; одно безъ другого не мыслимо; вѣру въ душѣ убиваетъ анализъ; но поэзія противоположна анализу; поэтическая способность состоитъ въ соединеніи того, что анализъ разрываетъ по частямъ, въ созданіи цѣльнаго образа, который анализъ разлагая уничтожаетъ. Съ поэзіей неизбѣжна вѣра въ прекрасное, а прекрасное не подлежитъ анализу, ибо оно духовно; можно анализировать только матеріалъ, въ которомъ появляется прекрасное, можно разложить по частямъ музыкальный инструментъ и изслѣдовать эти части самымъ подробнымъ образомъ; можно съ другой стороны изслѣдовать законы звука, способъ передачи его чрезъ воздухъ нашему слуху, но нельзя

уловить и подвергнуть мелкому изслѣдованію цѣльность впечатлѣнія, производимаго сочетаніемъ звуковъ: оно цѣло, недѣлимо, духовно. Попытки матеріалистовъ добраться путемъ анализа явленій до сущности впечатлѣнія, производимаго изящнымъ на душу нашу, оставались и всегда останутся безуспѣшными и будутъ обличать собственную неспособность чувствовать и понимать красоту въ тѣхъ, которые на это рѣшатся. Французы, народъ, какъ мы замѣтили, глубоко непоэтическій, еще въ прошломъ столѣтіи возвѣщали теорію изящнаго, основанную на признакахъ его сущности, въ простомъ подражаніи природѣ. Эта мысль по душѣ Великоруссамъ и въ наше время была высказываема, и искренно, тѣми, у которыхъ доставало искренности говорить то, что они дѣйствительно ощущаютъ и, конечно, раздѣлялась многими, увидѣвшими отраженіе того, что давно таилось въ ихъ сердцѣ. Въ комъ есть живая струна поэзіи, того ничѣмъ нельзя разубѣдить въ присутствіи духовной творческой силы въ произведеніяхъ искусства, нельзя потому, что онъ ее ощущаетъ. Такъ точно нельзя никакими доводами матеріализма убѣдить въ несуществованіи духовнаго начала того, кто чувствуетъ его въ себѣ, и потому не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ опроверженіяхъ, какъ не нуждаемся мы ни въ какихъ словопреніяхъ о томъ, въ холодномъ или тепломъ мы воздухѣ, когда тѣло наше это сказываетъ намъ.

Съ присущностью поэзіи въ душѣ, съ чувствомъ красоты и способностью — уразумѣть ее, тѣсно соединено сознаніе нравственности, добра. Матеріалистъ неспособенъ понимать и любить добро, матеріалистъ понимаетъ одну только пользу. Если онъ добръ отъ природы, онъ выражаетъ свою доброту только тѣмъ, что готовъ дѣлать другимъ то, что считаетъ полезнымъ; самое высокое проявленіе его доброты состоитъ въ томъ, когда онъ готовъ дѣлать для другого то, въ чемъ, по своему положенію, не ощущаетъ полезности, но что другой считаетъ для себя полезнымъ. Но преимущественно добродѣтель его основывается на такомъ силлогизмѣ: если другому буду дѣлать добро, то и мнѣ станутъ его дѣлать. Совсѣмъ не то у человѣка, въ которомъ есть даръ и привычка ощущать въ себѣ живую душу и видѣть ее внутреннимъ зрѣніемъ, въ оболочкѣ внѣшнихъ для него явленій. Онъ не анализируетъ добра, которое и нельзя анализировать, какъ прекрасное; онъ созерцаетъ его въ его цѣльности и воспринимаетъ его всѣмъ духовнымъ существомъ своимъ. Добро, облеченное въ фактъ въ матеріальномъ бытѣ, можетъ отразиться посредствомъ того, что называется пользою и что всегда такъ будетъ, но творящій доброе дѣло не думаетъ о пользѣ, а ви-

дитъ предъ собою одно добро въ его нравственномъ совершенствѣ. Кто дѣлаетъ, имѣя въ виду пользу, тотъ необходимо при своемъ дѣйствіи задаетъ себѣ вопросъ, полезно ли то́, что́ онъ намѣренъ творить; но кто думаетъ о добрѣ безотносительно къ пользѣ, тому не нужно разсужденія: онъ творитъ по внушенію чувства и разумнаго созерцанія красоты добра, дѣйствующей неотразимо на его волю.

Въ общественныхъ понятіяхъ, исторія напечатлѣла, на двухъ нашихъ народностяхъ, свои слѣды и установила въ нихъ понятія совершенно противоположныя. Стремленіе къ тѣсному слитію частей, уничтоженіе личныхъ побужденій подъ властію общихъ, ненарушимая законность общей воли, выраженная какъ бы смысломъ тяжелой судьбы, совпадаетъ, въ великорусскомъ народѣ, съ единствомъ семейнаго быта и съ поглощеніемъ личной свободы идеею *міра*, выразились въ народномъ бытѣ недѣлимостію семей, общинною собственностію, тягломъ посадовъ и селъ въ старину, гдѣ невинный отвѣчалъ за виновнаго, трудолюбивый работалъ за лѣниваго. Какъ глубоко лежитъ это въ душѣ Великорусса, показываетъ то, что по поводу устройства крестьянъ въ наше время, заговорили въ пользу этого Великоруссы съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ и запоздалаго Московскаго Славянофильства, и новомоднаго французскаго соціализма. Для Южнорусса нѣтъ ничего тяжеле и противнѣе такого порядка, и семьи южнорусскія дѣлятся и дробятся, какъ только у членовъ ихъ является сознаніе о потребности самобытной жизни. Опека родителей надъ взрослыми дѣтьми кажется для южнорусса несноснымъ деспотизмомъ. Претензіи старшихъ братьевъ надъ меньшими, какъ дядей надъ племянниками, возбуждаютъ неистовую вражду между ними. Кровная связь и родство мало располагаютъ у насъ людей къ согласію и взаимной любви; напротивъ очень часто люди привѣтливые, кроткіе, мирные и уживчивые находятся въ непримиримой враждѣ со своими кровными. Ссоры между родными — явленіе самое обыкновенное и въ низшемъ и въ высшемъ классѣ. Напротивъ, у Великоруссовъ, кровная связь заставляетъ человѣка нерѣдко быть къ другому дружелюбнѣе, справедливѣе, снисходительнѣе, даже когда онъ вообще не отличается этими качествами въ отношеніи къ чужимъ. Въ Южной Руси, чтобъ сохранить любовь и согласіе между близкими родственниками, надобно имъ разойтись и какъ можно меньше имѣть общаго. Взаимный долгъ, основанный не на свободномъ соглашеніи, а на роковой необходимости, тягостенъ для Южнорусса, тогда какъ Великорусса онъ болѣе всего успокоиваетъ и умиряетъ его личныя побужденія. Великоруссъ изъ покорности долгу готовъ принудить себя любить своихъ ближ-

нихъ по крови, хотя бы они ему не по душѣ, снисходить къ нимъ, потому что они ему сродни, чего бы онъ не сдѣлалъ по убѣжденію, онъ готовъ для нихъ на личное пожертвованіе, сознавая, что они того не стоятъ, но что они все таки *своя кровь*. Южноруссъ, напротивъ, готовъ, кажется, разлюбить ближняго за то, что онъ его кровный, менѣе снисходителенъ къ его слабостямъ, чѣмъ къ чужому, и вообще родство ведетъ его не къ утвержденію добраго расположенія, а скорѣе къ его ослабленію. Нѣкоторые Великоруссы, пріобрѣвшіе себѣ въ Южной Руси имѣнія, затѣвали иногда вводить въ малорусскія семьи великорусскую плотность и недѣлимость, и плодомъ этого были отвратительныя сцены: не только родные братья готовы были поминутно завести драку, но сыновья вытаскивали отцовъ своихъ за волосы черезъ пороги дома. Чѣмъ болѣе принципъ семейной власти и прочной кровной связи внѣдряется въ жизнь, тѣмъ превратнѣе онъ на нее дѣйствуетъ. Южноруссъ тогда почтительный сынъ, когда родители оставляютъ ему полную свободу и сами на старости лѣтъ подчиняются его волѣ; тогда добрый братъ, когда съ братомъ живетъ какъ сосѣдъ, какъ товарищъ, не имѣя ничего общаго, нераздѣльнаго. Правило: *каждому свое*, соблюдается въ семействахъ; не только взрослые члены семьи не надѣваютъ одежды другого, даже у дѣтей у каждаго свое; у Великоруссовъ, въ крестьянскомъ быту, часто двѣ сестры незнаютъ, кому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой тулупъ, а объ отдѣльной принадлежности у дѣтей не бываетъ и помина.

Обязательная общинность земская и отвѣтственность личности міру для Южнорусса есть въ высшей степени несносчайшее рабство и вопіющая несправедливость. Не смѣть назвать ничего своимъ, быть батракомъ какого-то отвлеченнаго понятія о *мірѣ*, отвѣчать за другого безъ собственнаго желанія — ко всему этому не расположила народъ южнорусскій его прошедшая жизнь. *Громада* по южнорусскому понятію совсѣмъ не то, что *міръ* по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочетъ — въ ней участвуетъ, кто не хочетъ — выходитъ, такъ какъ въ Запорожьѣ — кто хотѣлъ — приходилъ, кто хотѣлъ — выходилъ оттуда добровольно. По народному понятію, каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самобытный собственникъ; обязанность его къ громадѣ только въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаютъ связь мажду ея членами для взаимной безопасности и выгодъ каждаго, — тогда-какъ, по великорусскому понятію, міръ есть какъ бы отвлеченное выраженіе общей воли, поглощающей личную самобытность каждаго. Главное различіе здѣсь, конечно, проистекаетъ отъ по-

земельной общинности. Коль скоро членъ міра не можетъ назвать своею собственностію участокъ земли, который онъ обработываетъ, онъ уже не свободный человѣкъ. Мірское устройство великорусское есть стѣсненіе, и потому форма послѣдняго, введенная властію, приняла въ себя духъ и смыслъ, господствующій въ Великороссіи; корень его лежалъ уже въ глубинѣ народной жизни: оно истекло нравственно изъ того же стремленія къ тѣсному сплоченію, къ единству общественному и государственному, которое составляетъ, какъ мы показали, отличительный признакъ великорусскаго характера. Частная поземельная собственность выводится такимъ легальнымъ путемъ изъ великорусской общественной философіи. Все общество отдаетъ свою судьбу олицетворенію своей власти, тому лицу, которое поставляетъ надъ обществомъ Богъ, и, слѣдовательно, все обязано ему повиновеніемъ. Такимъ образомъ, все принадлежитъ ему безусловно, какъ намѣстнику Божію; отсюда понятіе, что все Божье да царское. И предъ царемъ, какъ и предъ Богомъ, всѣ равны. Но какъ Богъ одного возвышаетъ, награждаетъ, а другого караетъ, унижаетъ, такъ поступаетъ и царь, исполняющій на землѣ божественную волю. Это выражается прекрасно пословицею: воля Божья, судъ царевъ. Отсюда народъ безропотно сносилъ даже и то, что казалось превосходило мѣры человѣческаго терпѣнія, какъ, напримѣръ, душегубства Іоанна Грознаго. Царь дѣлалъ несправедливо, жестоко, но тѣмъ не менѣе онъ былъ орудіемъ Божіей воли. Противиться царю, хотя бы и неправедному, значитъ противиться Богу: и грѣшно и неполезно, потому что Богъ пошлетъ еще худшія бѣды. Имѣя безусловную власть надъ обществомъ, царь есть *государь*, то есть, полный владѣтель собственникъ всего государства. Слово *государь* именно означало собственника, имѣющаго право безусловно, по своему усмотрѣнію, распорядиться всѣмъ, что есть въ его государствѣ, какъ своими вещами. Оттого-то древніе Новгородцы, воспитавшіе себя подъ иными началами, различные притомъ отъ Великоруссовъ по народности, такъ взволновались, когда Иванъ III задумалъ измѣнить древній титулъ *господина* на титулъ *государя*. Понятіе о господинѣ выражало лицо, облеченное властію и уваженіемъ; господъ могло быть много: и владыка былъ господинъ, и посадникъ — господинъ; но государь былъ лицо, о власти котораго не могло быть и разсужденія: онъ былъ единъ, какъ единъ собственникъ вещи; Иванъ домогался быть государемъ въ Новгородѣ, хотѣлъ замѣнить собою Великій Новгородъ, который былъ до того времени государемъ; также точно какъ въ Великороссіи великій князь замѣнилъ обществен-

ную волю всей націи. Будучи самодержавнымъ творцомъ общественныхъ условій, государь дѣлалъ все и, между прочимъ, жаловалъ за службу себѣ землями. Такимъ образомъ земля принадлежала, по первоначальному понятію, міру, то есть, всему обществу; по передачѣ этого права — лицу государя, давалась отъ послѣдняго въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ угодно было государю возвысить и надѣлить. Мы говоримъ *пользованіе,* ибо въ точномъ значеніи *собственниковъ* не было. То, что давалось отъ царя, всегда могло быть отнято и отдано другому, что безпрестанно и случалось. Коль скоро образовалось отношеніе рабочихъ къ такому землевладѣльцу, то землевладѣлецъ, естественнымъ порядкомъ, получилъ значеніе олицетвореннаго міра, также какъ царь въ значеніи олицетворенной націи. Крѣпостной человѣкъ соединялъ свою судьбу съ достоинствомъ господина: воля барина стала для него замѣнять собственную волю, точно также, какъ тамъ, гдѣ не было барина, эту собственную личную волю поглощалъ міръ. У помѣщичьихъ крестьянъ земля принадлежитъ барину, который даетъ ее лицамъ, земледѣльцамъ, по своему усмотрѣнію; такъ и у казенныхъ крестьянъ: земля отдана міру въ пользованіе, а міръ, по своему усмотрѣнію, даетъ ее отдѣльнымъ лицамъ въ пользованіе. Въ Южной Руси, которой историческая жизнь текла иначе, не составилось такого понятія о мірѣ. Тамъ прежнія древнія удѣльно-вѣчевыя понятія продолжали развиваться и встрѣтились съ польскими, которыя, въ основѣ своей, имѣли много общаго съ первыми и если измѣнились, то вслѣдствіе западно-европейскихъ понятій. Древнее право личной свободы не было поглощено перевѣсомъ общественнаго могущества и понятіе объ общей поземельной собственности не выработалось. Польскія идеи произвели въ старорусскихъ только тотъ переворотъ, что регулировали послѣднія. Каждый земледѣлецъ былъ независимымъ собственникомъ своего достоянія; польское вліяніе только обезопасило его отъ произвола народной воли, и прежде выражавшагося самодѣйствіемъ общества въ смыслѣ соединенія свободныхъ личностей, и облекло его владѣніе de facto правомъ. Такимъ образомъ, оно возвысило богатыхъ и вліятельныхъ, образовало высшій классъ, а массу бѣднаго народа повергло въ порабощеніе. Но тамъ магнатъ владѣлецъ не представлялъ собою выраженія царской, а чрезъ нее и барской, воли: онъ владѣлъ *по праву;* въ переводѣ на болѣе простой языкъ — право это выражало силу, торжество обстоятельствъ и давность происхожденія. Тамъ крестьянинъ не могъ дать своему господину никакого значенія священной воли, ибо онъ отвлеченнаго права не понималъ, потому что самъ

имъ пользовался, а олицетворенія онъ не видалъ, ибо его господинъ былъ свободный человѣкъ. Естественно, и рабъ, при первой возможности, желалъ сдѣлаться свободнымъ; тогда какъ въ Великороссіи онъ не могъ этого желать, ибо находилъ своего господина зависѣвшимъ отъ другой высшей воли, такъ же какъ онъ самъ зависѣлъ отъ него. У Южноруссовъ рѣдко были случаи, чтобъ крѣпостной былъ искренно расположенъ къ своему господину, чтобъ такъ былъ связанъ съ нимъ безкорыстною, будто сыновнею, любовью, какъ это не рѣдко мы видѣли въ мірѣ отношеній господъ къ крестьянамъ и слугамъ въ Великороссіи. У Великороссіянъ встрѣчаются примѣры трогательной привязанности такого рода. Крѣпостной человѣкъ, слуга, рабъ, нерѣдко преданъ своему барину вполнѣ, душею и сердцемъ, даже и тогда, когда баринъ не цѣнитъ этого. Онъ хранитъ барское добро, какъ свое; радуется, когда честолюбивый баринъ его получаетъ почетъ. Намъ случалось видѣть господскихъ слугъ, которымъ повѣрялось завѣдывать какимъ нибудь интересомъ. Сами довѣренные были естественные плуты, и надували всякаго въ пользу своего барина, но въ отношеніи послѣдняго были аристидовски честны и прямодушны. Напротивъ, Малороссы оправдываютъ собою пословицу: волка сколько ни корми, все въ лѣсъ смотритъ. Если крѣпостной слуга не обманетъ господина, то потому, что никого не обманываетъ; но если ужь искусился на обманъ, то обманетъ прежде своего барина. Какъ часто случалось слышать жалобы на Малороссіянъ отъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, будучи Великоруссами по происхожденію, пріобрѣли себѣ населенныя имѣнія въ Южнорусскомъ краѣ. Напрасно добрымъ обращеніемъ и справедливостью старались они привязать къ себѣ подданныхъ; барскія работы исполнялись всегда безъ желанія, и оттого-то между высшимъ классомъ у насъ распространилось убѣжденіе, что Малороссіяне — народъ лѣнивый. Ни искренности, ни привязанности. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ успѣшнѣе, и потому добрые господа дѣлались суровыми. Обыкновенно старались окружить свою особу Великоруссами, а съ малороссійскими крестьянами находились въ далекихъ отношеніяхъ, какъ бы къ чуждому народу. Тоже самое и еще хуже для Малорусса—*міръ* въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Что́ касается до укора, дѣлаемаго обыкновенно Малороссіянамъ въ лѣни, то они дѣлаются такими подъ условіями чуждыхъ имъ общественныхъ началъ крѣпостнаго или мірского права: послѣднее выражается для Малороссіянъ (которые не скованы узами общинной собственности), связью различныхъ условій, ограничивающихъ ихъ свободное распоряженіе со-

бою и своимъ достояніемъ, приближающихся къ мірскому устройству. Вообще же упрекъ въ лѣности несправедливъ; даже можно замѣтить, что Малоруссъ по своей природѣ трудолюбивѣе Великорусса и всегда такимъ показываетъ себя, коль скоро находитъ свободный исходъ своей дѣятельности.

Очень можетъ быть, что я во многомъ ошибся, представляя такія понятія о различіи двухъ русскихъ народностей, составившіяся изъ наблюденій надъ исторіей и настоящей ихъ жизнію. Дѣло другихъ будетъ обличить меня и исправить. Но разумѣя такимъ образомъ это различіе, я дучаю, что задачею вашей *Основы* будетъ: выразить въ литературѣ то вліяніе, какое должны имѣть на общее наше образованіе своеобразные признаки южнорусской народности. Это вліяніе должно не разрушать, а дополнять и умѣрять то коренное начало великорусское, которое ведетъ къ сплоченію, къ слитію, къ строгой государственной и общинной формѣ, поглощающей личность, и стремленіе къ практической дѣятельности, впадающей въ матеріальность, лишенную поэзіи. Южнорусскій элементъ долженъ давать нашей общей жизни растворяющее, оживляющее, одухотворяющее начало. Южнорусское племя, въ прошедшей исторіи, доказало неспособность свою къ государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить именно великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачею общей русской исторіи было составленіе государства. Но государственная жизнь сформировалась, развилась и окрѣпла. Теперь естественно, если народность съ другимъ противоположнымъ основаніемъ и характеромъ вступитъ въ сферу самобытнаго развитія и окажетъ воздѣйствіе на великорусскую.

Совсѣмъ другое отношеніе южно-русской народности къ польской. Если южно-русскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера. Такой или подобной противоположности, какую мы замѣтили между Великоруссами и Южноруссами, не существуетъ между Поляками и Южноруссами ни во внутренней, ни во внѣшней сторонѣ быта; напротивъ, если бы пришлось находить коренные признаки различія Поляковъ отъ Великоруссовъ, то во многомъ пришлось бы повторить тоже, что сказано о Южноруссахъ. Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа и притомъ — бездна, черезъ которую построить мостъ не видно возможности. Поляки и Южноруссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала пан-

ства, другіе — мужицства, или выражаясь словами общепринятыми, одинъ народъ — глубоко аристократическій, другой — глубоко демократическій. Но эти термины не вполнѣ подходятъ подъ условія нашей исторіи и нашего быта; ибо какъ польская аристократія слишкомъ демократическая, такъ наоборотъ аристократична южнорусская демократія. Тамъ панство ищетъ уравненія въ своемъ сословіи; здѣсь народъ, равный по праву и положенію, выпускаетъ изъ своей массы обособляющіяся личности и потомъ стремится поглотить ихъ въ своей массѣ. Въ польской аристократіи не могло никакъ приняться феодальное уствойство; шляхетство не допускало, чтобъ изъ его сословія одни были по правамъ выше другихъ. Съ своей стороны, южнорусскій народъ, устанавливая свое общество на началахъ полнѣйшаго равенства, не могъ удержать его и утвердить такъ, чтобъ не выступали лица и семьи, стремившіяся сдѣлаться родами съ правомъ преимущества и власти надъ массою народа. Въ свою очередь масса возставала противъ нихъ то глухимъ негодованіемъ, то открытымъ противодѣйствіемъ. Вглядитесь въ исторію Новгорода на сѣверѣ и въ исторію Гетманщины на югѣ. Демократическій принципъ народнаго равенства служитъ подкладкою; но на ней безпрестанно приподнимаются изъ народа высшіе слои, и масса волнуется и принуждаетъ ихъ уложиться снова. Тамъ нѣсколько разъ толпа черни, подъ возбудительные звуки вѣчеваго колокола, разоряетъ и сожигаетъ до-тла Прусскую улицу — гнѣздо боярское; тутъ нѣсколько разъ *черная* или *чернецкая рада* истребляетъ *значныхъ кармазинниковъ;* и не исчезаетъ однако Прусская улица въ Великомъ Новгородѣ, не переводятся *значные* въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. И тамъ и здѣсь эта борьба губитъ общественное зданіе и отдаетъ его въ добычу болѣе спокойной, яснѣе сознающей необходимость прочной общины, народности.

Замѣчательно, какъ народъ долго и вездѣ сохраняетъ завѣтныя привычки и свойства своихъ прародителей: въ Черноморьѣ, на Запорожскомъ новоселѣ по разрушеніи Сѣчи, совершалось тоже, что нѣкогда въ Малороссіи. Изъ общинъ, составлявшихъ курени, выдѣлились личности, заводившія себѣ особые хутора. Въ южнорусскомъ сельскомъ быту совершается почти подобное въ своей сферѣ. Зажиточныя семьи возвышаются надъ массою и ищутъ надъ нею преимущества, и за то масса ихъ ненавидитъ; но у массы нѣтъ понятія, чтобъ человѣкъ лишался самодѣятельности, нѣтъ началъ поглощенія личности общинностію. Каждый ненавидитъ богача, знатнаго, не потому чтобъ онъ имѣлъ въ головѣ какую

нибудь утопію о равенствѣ, а, завидуя ему, досадуетъ, почему онъ самъ не таковъ.

Судьба южнорусскаго племени устроилась такъ, что тѣ, которые выдвигались изъ массы, обыкновенно теряли и народность; въ старину они дѣлались Поляками, теперь дѣлаются Великороссіянами: народность южнорусская постоянно была и теперь остается достояніемъ простой массы. Если же судьба оставитъ выдвинувшихся въ сферѣ прадѣдовской народности, то она какъ-то ихъ поглощаетъ снова въ массу и лишаетъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ.

Съ польскою народностію совершилось обратное: тамъ личности, выдвинувшіяся изъ массы, если они были Поляки, не мѣняютъ своей народности, не идутъ назадъ, но образуютъ твердое сословіе. Исторія связала Поляковъ съ Южноруссами такъ, что значительная часть польской шляхты есть не что иное, какъ переродившіеся Южноруссы, именно тѣ, которые силою счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ выдвинулись изъ массы. Оттого и образовалось въ отношеніяхъ этихъ народностей такое понятіе, что польская есть панская, господская, а южнорусская холопская, мужицкая. Понятіе это остается и до сихъ поръ, и проявляется во всѣхъ попыткахъ Поляковъ на такъ называемое сближеніе ихъ съ нами. Поляки, толкующіе о братствѣ, о равенствѣ, въ отношеніи насъ высказываютъ себя панами Подъ различными способами выраженія они говорятъ намъ: будьте Поляками; мы хотимъ васъ, мужиковъ, сдѣлать панами. И тѣ, въ либеральныя и честныя намѣренія которыхъ мы вѣримъ, говорятъ въ сущности тоже: если не идетъ дѣло о господствѣ и подавленіи нашего народа матеріально, то неоспоримо и явно ихъ желаніе подавить и уничтожить насъ духовно, сдѣлать насъ Поляками, лишить насъ своего языка, своего склада понятій, всей нашей народности, заключивъ ее въ польскую, что такъ ясно проявляется въ Галиціи.

Отъ этого-то, въ настоящее время, между нами и Поляками не можетъ быть такой обмѣны, такого соединенія и братства, какъ съ Великоруссами. Послѣдніе по характеру противоположны намъ, но именно это и служитъ ручательствомъ необходимости этой связи: у Великоруссовъ есть то, чего у насъ нѣтъ, а мы съ своей стороны можемъ наполнить пробѣлы въ ихъ народности. Малоруссы сознавали и сознаютъ неизбѣжность и неразрывность связи съ Великоруссами, потому что послѣдніе способны столько же, сколько мы неспособны, къ организаціи, къ поддержкѣ общественнаго тѣла и правильности его отправленій; съ своей стороны мы не останемся лишними для нравственной цивилизаціи Великоруссовъ; до-

казательствомъ можетъ служить то, что добрый Великоруссъ какъ только заѣдетъ къ нашему народу, непремѣнно насъ полюбитъ и получитъ симпатію къ малорусскому народу; онъ найдетъ въ немъ тѣ живительныя начала поэзіи, которыя мало судили развить Великороссамъ крутыя обстоятельства прежней ихъ исторіи. Поляки ничего отъ насъ не получатъ, ибо ихъ коренныя свойства одинаковы съ нашими, но мы также не можемъ ничего отъ нихъ заимствовать, кромѣ панства, а это панство — убиваетъ нашу народность....

Н. Костомаровъ.

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ГАЗЕТА »СЛОВО«.

Мы получили объявленіе объ изданіи, съ января текущаго года, во Львовѣ, »Руськоі Политичноі Часописи«, при слѣдующемъ письмѣ:

»Щиро-брацкое поздоровленье! Зачинаемъ зъ Богомъ нову Часо»пись — если ласка Ваша пособітъ своими дописями. — Навчіть насъ, »якимъ чиномъ можна бы Вамъ пересылати нашу Газету, — а если мож»на, постарайтеся; чи не доставали бы мы якій небудь журналъ русскій »въ замѣну.

Здорови ся оставайте,
За братій не забувайте.«

Всѣмъ сердцемъ привѣтствуемъ начало народной журналистики въ близкой намъ южнорусской Галиціи. Политическая газета: »Слово« будетъ преимущественно посвящена отечественной, Русинской жизни и намѣрена быть вполнѣ *Словомъ Руськимъ*. Редакція »Слова« призываетъ идущихъ съ нею по одному пути — служить соединенными силами »святій справі Руського народу.«

»Слово« начинаетъ тѣмъ, что будетъ печататься *гражданкою*, а не польскими и не церковно-славянскими буквами, какъ домогались того — съ одной стороны Поляки, съ другой — Австрійцы. Мы увѣрены, что »Слово« достойнымъ образомъ исполнитъ свое дѣло и не смотря двойной иноплеменный гнетъ — пребудетъ вѣрнымъ и непоколебимымъ слугою Русинской народности, и до конца не измѣнитъ народному желанію, превосходно высказанному почтеннымъ Я. Ѳ. Головацкимъ. — Доказывая право Русинскаго народа на охраненіе и развитіе своей народности, — онъ выразился такъ на счетъ всѣхъ препятствій и противодѣйствій: »насъ можно сломать, но — не согнуть«. Мы въ этомъ увѣрены, видя оживленіе Русиновъ, видя готовность ихъ — приносить посильныя жертвы для всякаго дѣла, полезное народному просвѣщенію и благосостоянію.

Еще разъ братски привѣтствуемъ Русинское »Слово«. Но не утаимъ отъ него нашего глубокаго убѣжденія, которое, быть можетъ, раздѣляетъ уже съ нами редакція: »Слово« тогда будетъ имѣть успѣхъ, тогда достигнетъ цѣли, когда сдѣлается народнымъ не только по своему намѣренію, не только по мысли, но и по языку. »Лу́чше своѐ ла́тане, ніжъ чужѐе хва́тане, лу́чше своѐ ло́хматне, ніжъ чужѐе про́хатне.« Этого народнаго языка слѣдуетъ искать не въ книгахъ, а въ живомъ словѣ народа: оно должно быть главнымъ источникомъ и основой письменной словесности; изъ него, какъ изъ корня, она должна развиваться и расцвѣтать. Пользуясь безъ разбора другими языками, что́ мы безпрестанно замѣчаемъ у Галицкихъ Русинскихъ писателей, »Слово« можетъ достигать постороннихъ цѣлей, но — не главной, и никогда не сдѣлается живымъ органомъ народной мысли и чувства, никогда не будетъ душею народной жизни.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ объявленіе о »Словѣ«, въ подлинникѣ:

ЗАПРОШЕНІЕ КЪ ПРЕДПЛАТѢ

НА РУСКУ ПОЛИТИЧНУЮ ЧАСОПИСЬ

»СЛОВО«,

ИЗДАВАЕМУ ВЪ ЛЬВОВѢ 1861.

Высылаемъ сіе запрошенье въ русскій міръ тотчасъ послѣ полученія концессіи на издаванье нашого »Слова«, увѣрены будучи, що скорымъ объявленіемъ возрадуемъ многихъ, которыи будь письменно, будь устно не перестаютъ допрошивати насъ, коли уже разъ станемъ рѡ́дною рускою часописію бесѣдовати о справахъ домашнихъ та заграничныхъ съ любимыми Родимцями.

Концессію получили мы $^{3}/_{15}$ Сѣчня с. г., и подаемъ слѣдующій существенный уступъ ей до общой вѣдомости: »Высокое ц. к. Министерство Полиціи удѣлило Вамъ рѣшеніемъ зъ дня 7 т. м. Ч. 68 *концессію* на выдаванье кавціональной временописи, котора мае по предложенному Вами програму въ языцѣ рускомъ подъ названіемъ »Слово« що тыждня два разы во Львовѣ выходити и въ печатны Института Ставропигійского Вашимъ власнымъ накладомъ печататися.«

Мы починили соотвѣтныя кроки относительно кавціи, и надѣемся на сихъ дняхъ вручити ю принадлежащимъ властямъ. Взглядомъ же програму объявляемъ тутъ коротко, що стаемъ на основаніи цѣсарского Диплома зъ 20 Октоврія 1860 года, принимаючи его лояльно въ такомъ смыслѣ, въ якомъ ростолкованный онъ за свѣжа извѣстнымъ Окружнымъ Посланіемъ нового Державного Министра, Рыцаря А. Шмерлинга. Точнѣйшое розвитье и близшое опредѣленье нашого политического вѣроисповѣданія оставляемъ до первого числа нашой временописи, примѣчая нынѣ тѣлько то, що намѣрены мы головную и найбѣльшу часть нашого »Слова« посвятити справамъ рускимъ, домашнимъ, стараючися усильно, абы сіе »Слово« въ полномъ смыслѣ было — *русское*.

Тожь засылаючи дружеское поздоровленіе нашимъ Родимцямъ-Писателямъ, бѣльшою частію объявившимъ уже свою готовость насъ прилѣжнымъ сотрудіемъ всперати, взываемъ такъ Ихъ, якъ и всякого, кому благо нашого народа лежитъ на сердци, абы изволили они хотьбы *уже отъ нынѣ* смѣло и отверто дописывати къ намъ преимущественно въ справахъ Руси домашнихъ. Оразъ же запрашаемъ такъ Почт. Родимцѣвъ нашихъ Галицкихъ, якъ и Братей-Русиновъ за-Карпатскихъ до всевозможно численного соучастія въ предплатѣ, изъявляючи мимоходомъ то, що впрочемъ всѣмъ извѣстно, яко существованье нашой временописи исключно и едино отъ того Ихъ соучастія зависитъ.

Ведля затверженного концессіею програму помѣщати буде наша временопись: *вступныи артикулы*, имѣющіи на цѣли росправляти о вопросахъ политичныхъ, соціальныхъ и религійныхъ; *дописи* содержанія розличного; *пересмотръ часописей* краевыхъ и заграничныхъ; *извѣстія* зъ краевъ коронныхъ Австріи и зъ чужины; *справозданья* и донесенія о дѣлательности благополезныхъ рускихъ обществъ, яко: Матицы руской, Комиссіи Народного Дому, Братства Ставропигійского и пр.; *посланія* и рѣшенія рускихъ *Ординаріатовъ* и Консисторій, именно тіи, которы дотычатъ справъ Духовенства и дѣлъ школьныхъ; *новинки* щоденныи; обвѣщенія урядовыи, — *курсъ* грошей, — *цѣны* землеплодовъ,—*инсераты*. Кромѣ того долѣшнюю часть »Слова« займе *фелетонъ*, который своимъ преимущественно науковымъ и изъящно-литературнымъ содержаніемъ составляти буде нѣяко особную часопись въ часописи.

Уже зъ другой половины с. м. — числячи по нашому рускому Мѣсяцеслову — стане выходити наше »Слово« на аркуши великого формату по *два разы на тыждень*, именно що Середы и Суботы. Намѣряя искреннее согласіе сохраняти съ заслужившимся отъ давна для Ру-

си »Вѣстникомъ« Вѣденьскимъ, оно здоровитъ его днесь по братнёму и предлагае: служити соединенными силами *святой справѣ руского народа* — взаимнымъ дополненіемъ.

»Слово« буде печататися *гражданкою*, котора власнѣ теперь свѣжо для него выливаеся, и чейже до первого числа буде уже готова. Пренумерата выноситъ на *цѣлый рокъ* вразъ съ почтовою пересылкою 8 р. а. в., на *полъ року* 4, на *четвертьрочіе* 2 р. н. Въ мѣстци дозволяеся и на 1 мѣсяцъ по 67 кр. пренумеровати.

Бюро Редактора есть на головной Лычаковской улицѣ подъ ч. 100¼; — експедиція же умѣстится отъ дня появленія »Слова« въ Народномъ Домѣ, куда изволятъ тіи Г. Пренумеранты, которыи на мѣстци предплатити желаютъ, отповѣдну належитость на руки нашого Сотрудника, тамъ же обытающого, ласкаво отсылати.

Богданъ А. Дѣдицкій,
отвѣчательный редакторъ »Слова«.

Львовъ, въ навечеріе С. Богоявленія 1861.

БИБЛІОГРАФІЯ

ВОПРОСА ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

Съ 1857 — 1860.

I. Исторія крестьянскаго вопроса.

Крестьяне въ Юго-Западной Руси XVI в. *Д. Мордовцевъ. Архивъ Н. Калачева.* 1859, 3. (3-я часть серіи, прежде издав. Архива г. Калачева), 19 — 47 стр.

Статья помѣщена подъ рубрикою: *Приготовительныя свѣдѣнія для словаря историко - юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ*, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ.—Содержаніе: крестьяне: а) королевскіе, частныхъ владѣльцевъ, вольные нахожіе, б) тяглые, огородники, подсусѣдки, вольники, осадники, бояре путные, конные, земляне. Инвентари. Арендные листы.

Наши въ бѣгахъ. *Аѳанасьевъ. Южный Сборникъ*; 6, стр. 51 — 60.

Разсказъ о томъ, какъ крестьяне, вслѣдствіе распространившагося слуха о раздачѣ даромъ земель въ Крыму и на Кавказѣ, поднялись на переселеніе.

Объ открытіи Черниговскаго комитета по крестьянскому дѣлу и о закрытіи засѣданій онаго. *Ѳ. Павловъ. Черниговскія губернскія вѣдомости.* 1859; 9, 10 стр.

Открытіе происходило 22 іюня 1858 г., закрытіе-же 22 февраля 1859 г. Въ статьѣ помѣщены рѣчи: Начальника губерніи, г.г. А. И. Покорскаго—Жоравко, Н. П. Бороздны, В. И. Лизогуба; стихи: А И. Ханенко; рѣчи: В. О. Подысоцкаго, П. А. Васильчикова, Г. И. Галагана, А. И. Лизогуба и В. Д. Дунинъ—Барковскаго.

Харьковскій губернскій комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. *Як.... Прибавленія къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ*. 1859; 33 и 34 и *Русскій Дневникъ*; 1859, 8 стр.

Здѣсь помѣщены: 1) Рѣчи *П. И. Лялина*, 2) *Д. А. Хрущова*, 3) стихи *Н. К. Гарцевича*, 4) рѣчь *М. Г. Гаршина*, 5) *Н. С. Краевскаго*, 6) *А. Н. Бахметева*, 7) *П. И. Нахимова*, 8) г. *Войтенко* и 9) *Г. П. Данилевскаго*.

Объ устройствѣ быта крестьянъ въ Галиціи. *Е. Карновичъ. Отечественныя Записки*. 1858; 3, стр. 34.

Историческое изложеніе устройства крестьянскаго быта въ Галиціи, начавшееся въ 1774-мъ году уничтоженіемъ, Австрійскимъ кодексомъ, крѣпостнаго права, какъ начала юридическаго и продолжающееся и по нынѣ опредѣленіемъ панщины. Въ концѣ статьи авторъ задаетъ себѣ 3 вопроса: 1) Своевременно и не рано ли послѣдовало въ Галиціи измѣненіе въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянину? 2) Справедливо ли было произвести это измѣненіе? 3) Нужно ли было сдѣлать вознагражденіе тѣмъ, которые потерпѣли убытокъ вслѣдствіе введенія новаго государственнаго порядка?

Объ устройствѣ быта крестьянъ въ Галиціи. *Журналъ Землевладѣльцевъ*. 1858; 7, 6 стр.

Разборъ статьи Е. Карновича, помѣщенной въ »Отечественныхъ Запискахъ« 1858 г., № 3.

Объ улучшеніи быта сельскаго населенія Австріи. *К. Фогель*. Ст. I и II. *Сынъ Отечества*. 1858; 22 и 29. — Тутъ же говорится и о Галиціи.

Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи. *Н. Р—нъ. Русская Бесѣда*. 1857; 1, стр. 105—136.

Замѣтки о заселеніи земель и о владѣніи ими въ Константинограде

скомъ уѣздѣ. *И. Дьяковъ. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 8, стр. 56—70.

Представляя мои бѣглыя замѣтки, говоритъ авторъ, о заселеніи и владѣніи землями на частичкѣ мѣстности Новороссійскаго края, основанныя на преданіяхъ и семейныхъ документахъ, я имѣлъ въ виду только сообщить нѣсколько матеріаловъ для исторіи Новороссійскаго края, начало которой положено г. Скальковскимъ въ его »Хронологическомъ обозрѣніи Новороссійскаго края.«

Старозаимочныя земли Харьковской губерніи. *Т. Селивановъ. Харьковскія губернскія вѣдомости.* 1860; 5, 6 стр.

Статья эта написана по поводу предстоящихъ преобразованій быта помѣщичьихъ крестьянъ, когда дѣлается необходима исторія землевладѣнія. Подъ словомъ« старозаимочныя земли« подразумѣваются такія земли, которыя еще во время царя Алексѣя Михайловича, 1699 г., были розданы украинскимъ полкамъ, въ видахъ образованія населенія, которое своимъ заселеніемъ пустыхъ мѣстъ между Россіею и Крымомъ, заслонили бы отечество наше отъ опустошительныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ (слово *заимка* выражаетъ свободное занятіе).

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи. *И. Иванишевъ. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 1—57.

Въ этой статьѣ, на основаніи актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ изложены: составъ юго-западной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производились слѣдствія и постановленія судебныхъ рѣшеній.

По поводу предъидущей статьи. *Б. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 58—63.

Авторъ указываетъ на связь сельскихъ общинъ юго-западной Россіи, въ XVI и XVII ст. съ древними русскими общинами, засвидѣтельствованными Русскою Правдою и лѣтописями. *Русская Бесѣда.* Тамъ-же и о томъ-же, стр. 63—64.

Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23-го мая 1816 г. и объ Эстл.

постановленіяхъ. *В. Каразинъ. Чтенія въ И. Общ. Исторіи и Древностей Рос.* 1860; 2, стр. 218—227.

II Источники для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Вздорожаніе земель въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860;133, I ст.

Вольно-наемные рабочіе въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 128, I ст.

Продажныя цѣны на земли въ Полтавской губерніи. *Д. Бутовскій. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.* 1860; 1. стр. 1—8.

Эта статья написана по поводу: «*Свѣдѣній о продажныхъ цѣнахъ на земли*,» составленныхъ по купчимъ крѣпостямъ, предъявленнымъ ко вводу во владѣніе въ уѣздные суды, за послѣдніе 5 лѣтъ. *Г. Бутовскій* доказываетъ, что эти цѣны невѣрны, ибо многіе помѣщики, во избѣжаніе большихъ издержекъ по купчимъ крѣпостямъ, уменьшаютъ въ 6, 7 и болѣе разъ покупную цѣну, чему обыкновенно содѣйствуютъ законныя власти ради пріязни, родства и знакомства. Не будетъ ли лучше, говоритъ авторъ, сумму десятилѣтняго дохода съ поземельныхъ угодій принять за цѣну земли?

Земледѣльческій съѣздъ въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 года. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 9, стр. 65—110.

Подробное извлеченіе изъ отчета, представленнаго Предсѣдателемъ съѣзда *О. И. Гулакомъ* въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Отчетъ о земледѣльческомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 г. *О. И. Гулакъ. Записки И. Общ. Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* За 2-ю и 3-ю трети 1860 г., стр. 1—108.

Содержаніе: Программа земледѣльческаго съѣзда. Земскіе банки, статья *Д. Н. Струкова*—Земскіе банки, мнѣніе землевладѣльцевъ. Нужды и желанія землевладѣльцевъ, ст. *О. Гулака.* Теорія и практика, ст. г. *Палипсестова.* Вопросъ относительно приложенія къ хозяйству вольнаго тру-

да ст. *О. Гулака*. Мнѣнія землевладѣльцевъ: 1) О грамотности поселянъ, 2) о вольнонаемныхъ рабочихъ. (Кромѣ того помѣщено много статей по сельскому хозяйству). Въ статьѣ г. Струкова изложены главныя обязательныя условія будущихъ земскихъ кред. обществъ.

Елисаветградскій съѣздъ землевладѣльцевъ. *Д. Струковъ. Сельское Хозяйство.* 1860, 7, стр. 87—99.

Имѣя въ виду предстоящія преобразованія въ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ, помѣщики Елисаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ, рѣшились съѣзжаться ежегодно въ Елисаветградъ для разрѣшенія вопросовъ, близко—касающихся къ будущему измѣненію быта, какъ крестьянскаго, такъ и ихъ собственнаго. На 1-мъ съѣздѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ г. Гулака, которому принадлежитъ и самая мысль о съѣздахъ, болѣе всего разсуждали о земскихъ банкахъ, о распространеніи грамотности и о сельскохозяйственныхъ предметахъ. Касательно земскихъ банковъ, помѣщики того мнѣнія, что приложеніе началъ, на которыхъ основанъ кредитъ земскихъ банковъ, къ Новороссійскому краю, едва ли возможно въ настоящее время, какъ по причинѣ отсутствія общественнаго довѣрія, такъ и по причинѣ недостатка и цѣнности капиталовъ. Также, помѣщики не считаютъ возможнымъ воспользоваться предложеніемъ о временномъ учрежденіи кредитныхъ отдѣленій при Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, какъ потому, что въ случаѣ отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, перезалогъ оставшихся у помѣщика земель въ большинствѣ не будетъ представлять достаточнаго обезпеченія для займовъ, доселѣ выдававшихся по числу душъ, такъ и потому, что финансовая опытность непремѣнныхъ членовъ Приказовъ весьма ограничена. Во избѣжаніе подобныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, помѣщики ходатайствуютъ у Правительства продолженія, хотя бы на 5 или на 6 лѣтъ, прежняго дѣйствія государственныхъ кредитныхъ учрежденій по ссудамъ подъ залогъ земель, съ выпускомъ закладныхъ листовъ на закладываемыя имѣнія, на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ положенія о земскихъ банкахъ.

Число помѣщичьихъ крестьянъ въ Полтавской губерніи, по послѣд-

ней ревизіи. *Полтавскія губернскія вѣдомости.* 1860; 3, 2 стр.

Число этихъ крестьянъ простирается до 326,404 лицъ мужескаго пола; въ этомъ числѣ находится 40,787 людей дворовыхъ.

Харьковскій помѣщикъ въ настоящее время. Письма: 1, 2 и 3. *Г. Данилевскій. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 3, 7 и 13, 48 стр.

Статистическія данныя по Харьковской губерніи.

Харьковскій помѣщикъ въ настоящее время. *А. Розаліонъ-Сошальскій. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предъидущей статьи съ цѣлью защитить помѣщичье сословіе.

О жатвенной машинѣ. Вопросъ г. Данилевскому. *Н. Жихаревъ. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1859; 19, 1 стр.

По поводу предъидущей статьи.

Статистическія данныя для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Дм. Бутовскій. Сельское Благоустройство.* 1858; 4 и 10, стр. 3—14 и 7—14.

Данныя эти относятся: 1) къ землѣ, 2) къ цѣнности произведеній съ земли, 3) къ задѣльной платѣ, 4) къ быту помѣщичьихъ крестьянъ до 1858 г., 5) къ сельскимъ обществамъ помѣщичьихъ крестьянъ и 6) къ усадебной осѣдлости помѣщичьихъ крестьянъ.

Замѣчанія на статью г. Бутовскаго: «Статистическія данныя для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи». *Павелъ Трегубовъ. Сельское Благоустройство.* 1858; 9, стр. 297—306.

Замѣчанія г. Трегубова относятся ко 2-му и 3-му пунктамъ предъидущей статьи.

О крестьянахъ Подольской губерніи. *Русская Газета.* 1859, (59) 7, 4 ст.

Сначала, для уясненія вопроса о преобразованіи участи крестьянъ, въ статьѣ своей, авторъ говоритъ о прошлой судьбѣ ихъ; потомъ знакомитъ съ настоящими средствами, какъ нравственными такъ и матеріальными, и оцѣниваетъ то влія-

ніе, какое оказываютъ на ихъ бытъ, съ одной стороны инвентарныя положенія, а съ другой стороны, переводъ многихъ изъ нихъ на оброки. (Статья не окончена по случаю прекращенія »Русской Газеты«.

Иностранцы земледѣльцы, поселившіеся въ Россіи на помѣщичьихъ земляхъ. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 3, стр. 47—51.

Здѣсь помѣщена копія (въ переводѣ съ французскаго) съ договора, формально заключеннаго во Франціи, года $1^1/_2$ тому назадъ, между г. Феликсомъ д'Эскудье-де Виллестаномъ, капиталистомъ изъ Тулузы, съ одной стороны, и нѣсколькими французскими земледѣльческими семьями — съ другой, относительно ихъ переселенія въ Россію и работъ на помѣщика (г.г. Зиро и Энглези, — въ Новорос. краѣ), на земляхъ котораго они должны были быть поселены.

О помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Крыму. *У. Шатиловъ. Сельское Благоустройство.* 1858; 1, стр. 1—16.

Говоря о богатствахъ, которыми природа такъ щедро надѣлила Крымъ, авторъ замѣчаетъ, что большая часть этихъ богатствъ остается необработанною по причинѣ лѣности, коренныхъ обитателей полуострова, — Татаръ, отъ которой страждутъ интересы какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ. Чтобы помочь горю авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) установленіе постоянныхъ условій съ Татарами и вмѣстѣ съ тѣмъ — работы урочной, 2) увеличеніе народонаселенія русскаго и 3) поощреніе колонизаціи Болгаръ.

Сѣверная и Южная Россія. *Г. Никифоровъ. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 3.

Сѣв. и Юж. Россія въ настоящей ст. разсматривается въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Сѣверная и Южная Россія. *А. Розаліонъ-Сошальскій. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предъидущей статьи.

Отвѣтъ гг. Тернеру и Розаліону-Сошальскому. *Н. Никифоровъ. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 13, 9 стр.

Г. Тернеръ разбираетъ въ 8-мъ № »Библіотеки для Чтенія« статью *г. Никифорова:* Сѣверная и Южная Россія, помѣщенную въ № 3 «Журнала Землевладѣльцевъ»Въ 8-мъ

№ «Журнала Землевладѣльцевъ» г. *Розаліонъ - Сошальскій* дѣлаетъ замѣчанія на статью *г. Никифорова*. Въ настоящемъ отвѣтѣ *г. Никифоровъ* представляетъ свои возраженія *гг. Тернеру* и *Розаліону-Сошальскому*.

О хозяйствѣ Полтавской губерніи (письмо къ Редактору Э. У). *А. Чужбинскій. Экономическій Указатель.* 1858; 45, $6^1/_2$ столбцовъ.

О рабочихъ въ степной части Крыма. *Фр. Домбровскій. Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* 1859; 3, стр. 105—125.

Жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ въ Крыму.

Параллель рабочихъ силъ въ Херсонской губерніи, по отношенію къ сельской промышленности. *Г. Кузьменко. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 27, 12—$^1/_2$ стр.

Нѣсколько словъ о наймѣ рабочихъ. *К. Русская Газета.* 1859; 17, 2 стр.

Авторъ говоритъ о наймѣ, въ Новороссійскихъ губерніяхъ, рабочихъ, черезъ посредство волостнаго головы, безъ всякаго спроса на то самихъ крестьянъ и о притѣсненіи послѣднихъ помѣщиками.

Бытъ помѣщичьихъ крестьянъ на Подолѣ, Волынѣ и Украйнѣ. Историческое описаніе до введенія общихъ инвентарей въ западномъ краѣ. Составилъ по польскимъ источникамъ *Д. Т.* Кіевъ. Въ типографіи И. и А. Давиденко, (быв. Вальнера.) 1859. Въ 16-ю д. л. XII, 56 и I стр.

Оглавленіе: Бытъ русскаго сельскаго населенія до присоединенія западнаго края къ Россіи, 30 стр.—Развитіе духа крестьянъ подъ русскимъ правленіемъ, стр. 31—39 и—Экономическое положеніе быта крестьянъ до введенія общихъ инвентарей, стр. 39—56.

Цѣль автора, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, заключается въ томъ, чтобы указать тѣ обстоятельства, которыя могутъ укрѣпить внутреннее убѣжденіе, что существующій порядокъ взялъ перевѣсъ не по одной матеріальной силѣ, но и по моральной возвышенности своей.

Спольщики. *Тарасенко-Отрѣшковъ. Указатель Политико—Экономическій.* 1860; 18, 2 стр.

Спольщики это — тѣже половники въ Малороссіи.

Крестьянскій вопросъ и землевладѣніе въ Новороссіи. *А. Скальковскій. Русскій Дневникъ.* 1859; 56 и 57, 14—½ ст.

Бѣглый очеркъ настоящаго и будущаго владѣнія землей въ Новороссіи.

Работа барщинская въ Херсонской губерніи. *В. Шостакъ. Записки Общ. Южной Россіи.* 1848; *и Земледѣльческая Газета.* 1849, 57. 5 стр.

Мнѣніе Харьковскаго помѣщика. *М. Гартинъ. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 7, 2 стр.

Объ отмѣнѣ барщины, введеніи наемной работы и установленіи денежнаго оброка.

Приложеніе наемнаго труда въ хозяйствѣ южной полосы Россіи. *А. Тимковскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 98 и 99, 5 стр.

Цѣна земли и вольнаго труда въ Екатеринославской губерніи. *И. Рачинскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 30, 3 стр.

Голосъ изъ юго-западной Руси. Кіевъ. Типографія *И.* и *А. Давиденко.* 1860. Въ 8-ю д. л. 22 стр.

Объ улучшеніи нравственнаго быта югозападныхъ крестьянъ.

III. Собственно крестьянскій вопросъ, т е. статьи, въ которыхъ обсуживаются мѣры и способы разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Нѣсколько данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить положеніе крестьянъ въ южной Руси. *Илья Капнистъ. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 7, 10 стр.

Основываясь на статьяхъ 1016 и 965 Св. Законовъ, Т. IX, изд. 1842 г., авторъ полагаетъ, что крестьянамъ слѣдуетъ отдѣлить на ревизскую душу по $2^1/_4$ десятины, что составитъ на тягло по $6^3/_4$ десятины (по разсчету 3 душъ на тягло). Онъ распредѣляетъ это количество такъ: $^3/_4$ десятины подъ усадьбу и огородъ, 3 десятины подъ посѣвъ, $1^1/_2$ десятины подъ паръ, т. е. толоку и $1^1/_2$ десятины подъ лугъ. На счетъ крестьяскихъ повинностей г. Капнистъ полагаетъ такъ: общество за каждую выдѣленную ему десятину должно дать

одного работника въ продолженіи 30 дней въ годъ. Работу слѣдуетъ распредѣлить на уроки, опредѣливъ мѣру ихъ одинъ разъ навсегда, и раздѣлить на четыре времени года

О крестьянскомъ вопросѣ въ Малороссіи. *Н. А. Рицельманъ. Сельское Благоустройство.* 1859; 1, стр. 23—39.

При разрѣшеніи вопроса преобразованія крестьянскаго быта, говоритъ авторъ, должно руководствоваться преимущественно тремя соображеніями: 1)—произвести эту перемѣну наименѣе убыточнымъ образомъ для помѣщиковъ; 2)—создать для крестьянъ положеніе сколько-нибудь прочное; 3)—въ возможно—скорѣйшемъ времени прекратить обязательныя отношенія между тѣми и другими. Г. Ригельманъ, недоказывая важности этихъ трехъ задачъ, прямо переходитъ къ ихъ разрѣшенію. По его мнѣнію, наилучшее средство было бы: выкупъ крестьянскихъ усадебъ и небольшаго количества земли (размѣръ зависитъ отъ мѣстности) въ собственность крестьянъ, посредствомъ процентныхъ облигацій, такъ какъ это было сдѣлано въ иностранныхъ государствахъ. Сверхъ сего г. Ригельманъ, въ своей статьѣ, касается всѣхъ сторонъ крестьянскаго вопроса.

Мысли о примѣненіи основныхъ началъ къ дѣйствительному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Новороссійскаго края. *К. Рощаковскій. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 6, 28 стр.

Статья г. *Рощаковскаго* обнимаетъ собою всѣ вопросы по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Между прочимъ онъ говоритъ о необходимости барщины, о невмѣшательствѣ постороннихъ въ крестьянскія дѣла, о предоставленіи права покупать помѣщичьи населенныя земли людямъ другихъ сословій, и пр. Вообще вся статья написана въ духѣ помѣщиковъ.

Замѣтка на статью г. Рощаковскаго: »Мысли о примѣненіи, и пр. *Бэль. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 10, 11 стр.

Замѣчанія автора относятся къ вопросу о выкупѣ крестьянами ихъ строеній. Доказывая несправедливость этой мѣры, г. Бэль говоритъ, что нѣтъ возможности оцѣнить то, что именно принадлежитъ помѣщику, даже и въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ снабжалъ крестьянъ своимъ лѣсомъ, ибо эти мате-

ріалы срублены, вывезены и выдѣланы, или трудомъ, или деньгами самого крестьянина.

Отвѣтъ г. Бэлю. *К. Рощаковскій. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 13, 5 стр.

Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Полтавскій помѣщикъ Отечественныя Записки.* 1858; 10, 16 стр.

Авторъ доказываетъ, что помѣщичьи крестьяне живутъ не хуже государственныхъ крестьянъ, что они трудолюбивѣе и нравственнѣе ихъ; далѣе онъ изъявляетъ опасеніе, что помѣщичьи крестьяне, лишенные пособія и надзора со стороны своихъ владѣльцевъ, будутъ впредь не въ лучшемъ, а худшемъ состояніи. Между прочимъ онъ изъявляетъ сожалѣніе, что законъ воспрещаетъ помѣщикамъ продавать крестьянъ на свозъ.

По поводу статьи Полтавскаго помѣщика объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *А. Кристаловичъ. Спб. Вѣдомости.* 1859; 102.

Мнѣніе о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда. *Сельское Благоустройство.* 1858; 9, стр. 271—282.

За нормальную величину надѣла на работника или тягло, въ этомъ мнѣніи, предполагается принять: $1\frac{1}{2}$-десятины пахати въ каждомъ изъ трехъ клиновъ, $\frac{1}{2}$ десятины сѣнокоса и $\frac{1}{4}$ десятины подъ усадьбу и огороды. — Выгонъ полагается, для избѣжанія непріятныхъ столкновеній, оставить въ общемъ пользованіи. — Нормальный надѣлъ усадьбы долженъ быть $\frac{1}{4}$ десятины на тягло. — Цѣна ей полагается двойная противъ пахатной земли, т. е. $\frac{1}{4}$ десятины надобно считать за $\frac{1}{2}$ десятины, во всякомъ случаѣ она не должна превышать 300 р. за десятину.

Усадьба, однажды отмежеванная, остается въ полномъ владѣніи общины. Помѣщики уступая ее крестьянамъ, могутъ не требовать выкупа, но съ тѣмъ, чтобы общество отбывало повинности за нее, равно какъ и за пахатную землю. — Усадьба остается неотъемлемою и потомственною принадлежностью крестьянской земли, совсѣми постройками на ней находящимися, но въ случаѣ выселенія крестьянской семьи, у-

садьба переходитъ въ распоряженіе общины и отдается новому жильцу, неиначе, какъ съ разрѣшенія помѣщика. — Перемѣна усадебъ можетъ быть дозволена только съ обоюднаго согласія и съ тѣмъ, чтобъ помѣщикъ далъ опредѣленное пособіе на переселеніе. Общество обязано отбывать повинности троякимъ образомъ: а) платою, б) работами, с) сельскими продуктами. Мѣра вознагражденія по расчету должна состоять: деньгами въ 28-ми руб. сер., или въ работѣ въ двухъ дняхъ въ недѣлю. Для правильнѣйшаго выполненія барщины слѣдуетъ начертать урочное положеніе и оцѣнить каждую работу.—Помѣщикъ имѣетъ дѣло съ общиною, а не съ каждымъ работникомъ. — Въ заключеніе немѣшаетъ сказать, что это мнѣніе, какъ полагаетъ г. *Кошелевъ*, пользуется въ Харьковскомъ уѣздѣ общимъ одобреніемъ.

По поводу статьи: «Мнѣніе о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда» *Д.* (Сельское Благоустройство, № 9). *Земледѣльческая Газета*. 1858; 83, 4 столб.

Здѣсь выставляется неправильность нѣкоторыхъ положеній и преувеличеніе въ оцѣнкѣ крестьянскихъ повинностей, содержащихся въ вышеупомянутомъ мнѣніи.

Дворовые люди въ Новороссіи. *А. З. Спб. Вѣдомости*. 1859. 42; 2 ½ ст.

Будутъ ли надѣлены усадебною осѣдлостью и нужнымъ количествомъ земли дворовые люди въ Новороссіи?, спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ, что эти дворовые люди, отличаясь отъ дворовыхъ людей другихъ губерній, тѣмъ, что будучи взяты во дворъ помѣщика и получая скудное содержаніе и жалованіе и употребляемые ежедневно на полевыя и другія работы, по справедливости должны быть освобождены на общихъ условіяхъ.

Соображенія объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи. *Н. Волковъ*. *Журналъ Землевладѣльцевъ*. 1858; 13, 7 стр.

Г. Волковъ объявляетъ себя за выкупъ, находя, что всякое неполное разрѣшеніе задачи не удовлетворитъ крестьянъ, не успокоитъ помѣщиковъ и будетъ только поводомъ къ частнымъ и грустнымъ столкновеніямъ. Въ своемъ проектѣ выкупа цѣнности того, что отходитъ отъ помѣщика, авторъ

Цѣна годовому изданію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ **три** руб. съ пересылкою и доставкою, а отдѣльно СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА **одинъ** руб. тоже съ пересылкою и доставкою.

Подписка на ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ и отдѣльно на СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ принимается въ конторахъ Редакціи:

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К° на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Иногородные могутъ адресоваться по слѣдующему адресу: *Въ Редакцію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ и СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА въ С. Петербургѣ.*

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ИЗЪ

СРАВНИТЕЛЬНАГО ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ И ЭТНОГРАФІИ,

приспособленныя, для домашняго и школьнаго образованія, (извѣстнымъ) *Вильгельмомъ Пютцомъ*. Часть 1-я, выпускъ 1-й. Переводъ М. Тихоновича. Цѣна (безъ пересылки) 1 р.

NB. Во 2-й томъ войдетъ, между-прочимъ, характеристика: 1) *Галиціи* и *Буковины;* 2) *Венгріи;* 3) *Семиградіи;* 4) *Кроаціи, Славоніи* и *Воеводины Сербской;* и 5) *Военной Границы.*

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 10-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Балува́ть — пировать.
Ба́рва — цвѣтъ, краска.
Ба́рзо-ра́но — очень рано.
Ба́рокъ — валёкъ (въ упряжи).
Бовку́нъ — волъ, запряженный въ одиночку.
Бовть! — междометіе, выражающее плескъ воды.
Бридки́й — скверный, негодный.
Брижі — складки.
Буць! — бухъ!

Вздовшъ — вдоль.
Вій е́ — дышло въ возахъ, предназначенныхъ для воловъ.
Ви́правити — отправить; проводить кого въ дорогу.
Ви́синовить — исключить изъ семьи; лишить наслѣдства.
Ви́солопити — высунуть языкъ.
Ви́трищити — (очі) — выпучить глаза.
Вщу́хнути — умолкнуть; присмирѣть, утихнуть.
Ви́хлюпати — выплескать.
Влада́ти — владѣть.
Воловйкъ — владѣющій многими волами.
Ворье́ — огорожа; дерево, употребляемое на огорожу.
Врубáти — отрубить (часть чего-либо).
Втруча́тись — вмѣшиваться; втиснуться куда.
В(У)ступа́ти — вступать; уступать; сбавлять цѣну.
Вья́теръ — ятерь.

Гарбузі́ння — тыквянные стеблі.
Годо́ваний — откормле́нный.
Ги́лі (понесли́ ги́лі) — гиль; чепуха.
Голдува́ти — отдавать почести, — должное.
Голомовзикъ — лысый. Голомо́зина — лысина.
Грасува́ти — разорять, истреблять.
Гужівочка — веревочка.
Гуртови́й — общій, общественный.
Гу́чно — звучно, громко.

Далебі — ей-богу, истинно.
Дзюба́тий — съ большимъ клювомъ, носомъ (о птицахъ).
Ди́бки (нарѣчіе) — ходить какъ маленькія дѣти.
Дигнита́рь — сановникъ.
Довбе́шка — долбня.
До-до́лу — на землю, на́полъ.
Дротяни́й — проволочный.
Дубора́ — (пішло́ на голові волосся) — волоса стали дыбомъ.
Дякова́ти — исправлять должность дьячка.

Живце́мъ — живьемъ.
Жи́лний — (четвергъ) — жилнимъ называется четвергъ послѣдней недѣли великаго поста.
Жлу́кто — неимѣющая дна кадка, въ которой парится бѣлье во время стирки.

За́вжде — всегда.
Загорну́ти — подчинить своей власти.
Замі́сць — вмѣсто.
Запороща́ти — зачастить, часто застучать брызгами, или зернами.
За́стібка — застёжка.
Засту́кати — захватить, поймать.
Затуркоті́ти — загремѣть, застучать (о возѣ и т. п.)
За́хистъ — закрытое, защищенное мѣсто.
Зведе́нникъ — сводникъ.
Зга́га — сжога.

Зла́пати — поймать; прибрать къ рукамъ.
Знегі́дде — невзгода.
Зрина́ти—всплывать на поверхность воды.
Зуми́тись —изумиться.
Ізджа́лий — обученный, выѣзженный (конь).

И-гі-гі-гі!—звукъ, выражающій ржаніе лошади.
Ильнува́нне — хожденіе женъ лицъ духовнаго званія по прихожанамъ за сборомъ разныхъ продуктовъ.

Кале́никъ — Калина.
Карто́пління — картофельные стебли.
Кача́лка — скалка.
Керува́ти — управлять (рулёмъ и т. п.).
Кізка — (умен.) — коза.
Кихъ-кихъ!—междометіе, выражающее смѣхъ.
Кло́ччяний — пакляной.
Колотне́ча — схватка, свалка.
Кресь-кресь! — междометіе, выражающее ударъ огнива по кремню.
Ку́блитись — угнѣздиться, усаживаться.
Кульба́ка — сѣдло.
Ку́па—кочка болотная.

Лести́вий — льстивый, прельстительный.
Листо́вне (нарѣчіе) — письмомъ.
Лома́чище — (увелич).— дубинка.
Ло́но — грудь.
Лопоті́ти — шумѣть (о чемъ-либо упругомъ, издающемъ при движеніи звукъ.)
Лу́снути — лопнуть; (въ переносномъ значеніи) умереть.
Ля́лечка — отъ — ля́ля — куколка; дитятко.
Ля́пати — хлопать.
Ля́снути (двери́ма) — хлопнуть.

Махови́ (ви́ла) — самыя длинныя, которыми мечутъ въ стога сѣно.
Майну́ти — поспѣшно уйти.
Ми́лощі — любовныя ласки.
Ми́тель — щолокъ
Млость—тошнота, слабость отъ жару и т. п.
Мовчазли́вый — молчаливый.
Мотля́тись—шататься; ходить взадъ и впередъ.
Моро́ка—мученіе (мучиться съ кѣмъ нибудь, съ трудомъ совладать).
Мо́рокъ — мракъ.
Мусій — Моисей.

Навливовижу — на удивленье, на диво.
Навза́води — вовсю прыть.
Наврочити —сглазить.
Навті́ша́тись — натѣшиться; налюбоваться.
Нагоди́тись — нечаянно прибыть; случиться.
Надбли́зитись —приблизиться, подступить.
Настороччитись—приготовиться къ чему; насторочити уши— навострить уши.
На́сторчъ—стремглавъ, вертикально.
Не мігъ — (отъ могти́) — не могъ.
Не́укъ— необученный (конь).
Нечу́тно — неслышно.
Нобилита́ція — возведеніе въ дворянство.
Нявчи́ти, ня́вкати — мяукать.
Ня́ти віри — вѣрить.

Оба́та — гауптвахта.
Обітниця — обѣщаніе.
Обіймище — обхватъ.
Обробити — обдѣлать.
Одвічний — вѣчный.
Односе́рде—единодушно, согласно.
Односта́йне — единодушно.
Одштовхну́ти —оттолкнуть.
Озлість — злость; досада.
Оклу́нокъ — небольшой, или недосыпанный мѣшокъ.
Опана́съ — Аѳанасій.
Оперішити — сильно ударить.
Осторо́га — предостереженіе.
Ота́борювати́сь — укрѣпляться въ таборъ, окружать войско связанными, одинъ съ другимъ, возами.
Оте́цький — отцовскій.
Охля́пъ — (нарѣчіе) — безъ сѣдла.

Па́ливо — отопленіе.
Пи́льно — внимательно.
Письма́къ — грамотѣй.
Підхопи́ти — подхватить.
Поблизу́ — неподалеку; вблизи.
Повзти́ — ползти.
Пода́тись — податься; отступить.
Пода́токъ — подать.
Позахо́плювати — позахватывать.
Полоте́нко — (умен). полотно.
Полохли́вий — пугливый.
Полу́драбокъ — боковая часть воза, имѣющая видъ лѣстницы (драбини), бокомъ положенной.
Полюва́нне — охота; преслѣдованье врага на военномъ полѣ.
Поля́пати — похлопать.
Поме́рлий — умершій.
Помо́ї — помои.
Помили́тись — ошибиться.

Пóмста — отмщеніе.
Потлумúти — подавить, стѣснить.
Потребúзна — потребность.
Потýха — на потуху — на похмѣлье.
Пóузъ — подлѣ, вблизи, мимо.
Пошахрувáти — обмануть; пустить тумань въ глаза.
Пристромúти — приткнуть.
Притúчина — необыкновенный случай; помѣха.
Причíлокъ — та наружная сторона хаты, которой соотвѣтствуетъ внутренняя стѣна съ образами.
Прúшта — притча.
Провéсна, провесень — начало весны.
Проклятýщий — (увел) проклятый.
Прядка (волосся) — пучекъ волосъ.
Прясти (ушима) — мотать ушами.
Псувáти — портить.

Рабóваний — награбленный.й
Рабýнокъ — награбленная добыча.
Розбишáцтво — разбойничество.
Розрýхъ — смута; безладица.
Роспýдити — распугать; разогнать.
Роспустúти патёки — (въ перен. смыслѣ, расплакаться.
Росцíпити — рознять.
Ростóржа — конецъ ярмарки; начало ярмарочнаго разъѣзда.

Свячéний — освященный.
Сёгобóчний — находящійся на этой сторонѣ.
Скрутúтись — взбѣситься.
Сисýнъ — самый молодой жеребенокъ.
Спéка — жара.
Спотыкнýтись — споткнуться; оступиться.
Стрижчя — годовалый жеребенокъ, съ подрѣзанной гривой.
Струíти — отравить.
Стúжка — полоса.
Суходóлле — материкъ.
Сýчка — сука.

Таемнúця — тайна.
Тапшъ — дешевле.
Та й гóді — и только.
Теревéні (прáвить) — лясы разводить; балясничать.
Третúна — третья часть.
Трісь, трісь! — междометіе, выражающее трескъ.
Тридцятокъ — тридцать.
Трúхи-мнúхи — штуки.
Трусúти кóмінъ — чистить трубу.
Трюхúкати — бѣжать трусцой.
Тулятись — скитаться.

Узéсенький — (умен.) — узкій.
Улýчити — попасть; нацѣлить.
Упнýтись — упереться.
Упóвні — полный (о лунѣ.)
Упóрати — управиться съ дѣломъ.
Урівні — въ уровень.
Урúвокъ — кусокъ (веревки).
Устромúти — воткнуть.
Учта — пиръ.
Ущýхнути — утихнуть; успокоиться.

Харапýдитись — принимать пугливый видъ.
Хапъ! — хвать.
Хúмороди — (гнáти) — штукарить, причудничать, колдовать.

Чапкéнько — скоренько.
Чудувáтись — удивляться, дивиться.

Шúяка — (увелич.) — шея.
Шкарлýпа — скорлупа.
Шкуратóкъ — кусокъ простой кожи.
Шлáптю — рысцой.
Шугáти — летать, (собственно означаетъ производить шумъ во время полета.)

Щó-ночі — каждую ночь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у П. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

1861

АПРѢЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XIII. Невольникъ, **Т. Г. Шевченка.**
II. Два сини, **Марка Вовчка.**
III. Тітка Настя, **М. Т. Номиса.**
IV. Півпівника, **Панька Казюки.**
V. Воспоминаніе о двухъ малярахъ, **И. И. Костомарова.**
VI. Стихотворенія:
I. Питання, **В. Кулика.** II. Де вона, **И. Таволги-Мокрицького.**
Байки: I. Вовкъ и вівчарі, **Л. И. Глѣбова.** II. Жаба й вілъ, III. Мірошникъ, **Р. Витавського.** IV. Горлиця й Горобець, **Л. И. Глѣбова.**
VII. Гетманство Выговскаго, I. **И. И. Костомарова.**
VIII. Обзоръ Украинской Словесности, IV. Гоголь. **П. А. Кулиша.**
IX. Музыка Южнорусскихъ пѣсень, **А. Н. Сѣрова.**
X. Гимназическая переписка, **Линейкина.**
XI. Нѣсколько словъ о народности въ религіозной жизни, **Г. Т.**
XII. Листи́ съ хутора, **Хуторянина.**
XIV. Калюжа, **Ивана Затиркевича.**
XV. О крестьянахъ Юго-Западной Руси, **А. Л. П.....каго.**
XVI. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**
XVII. О народномъ языкѣ, **А. Л. П.....каго.**
XVIII. Одъ редакці.
XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XX. Библіографическое извѣстіе.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

АПРѢЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апрѣля 20-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

КОБЗАРЬ.

XIII.

НЕВОЛЬНИКЪ(1).

(ПОЭМА.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Ду́ми моі молоді́і —
Пону́рії ді́ти,
И ви мене́ поки́нули!...
Пу́стку натопи́ти
Нема́ кому́... Оста́вся я —
Та не сироті́ю,
А съ тобо́ю, молодо́ю —
Ра́ю мій, поко́ю —
Моя́ зо́ре до́світняя,
Еди́ная ду́мо
Пречистая!... ти вітаешъ...
Якъ у то́го Ну́ми
Та́я ни́мфа Эге́рія, —
Такъ ти, моя́ зо́ре,
Просія́ешъ надо мно́ю —
Ніби заговори́шъ —
Усміхне́ся... Дивлю́ся я —
Нічо́го не ба́чу...

(1) Правописьмо, одмінне, въ де́-якихъ слова́хъ, одъ на́шого звича́йного, взя́то изъ самору́чнёго письма́ Т. Гр. Шевче́нка.

Прокúнуся... сéрце плáче —
И óчи заплáчуть.
Спасúбі, зіронько!...
Минáе
Неясний день мій; вже смеркáе;
Надъ головóю вже несé
Свою неклéпаную кóсу
Косáрь непéвний... мóвчки скóсить, —
А тамъ — и слідъ мій занесé
Холóдний вітеръ... Все минáе!...
Згадáешъ, мóже, молодáя,
Вúлиту слёзáми
Мою дýму, — и тúхими —
Тúхими речáми
Проговóришъ: я любúла
Ёгó на сімъ свíті —
Й на тімъ свíті любúтиму... —
О, мій тúхий свíте,
Моя зóре вечірняя!
Я бýду вітáти
Коло тéбе, и за тéбе
Гóспода благáти!

Той блукáе за морями,
Світъ перехожáе,
Дóлі-дóленьки шукáе —
Немáе, немáе...
Мóвъ умéрла; а той рвéця
Зъ усіéі сúли
За дóлею... отъ-óтъ догнáвъ
И — бебéхъ въ могúлу!
А въ úншого сіромáхи
Ні хáти, ні пóля,
Тільки тóрба, а съ торбúни
Виглядáе дóля,
Мовъ дитúнка; а вінъ íї
Лáе, проклинáе

И за чвéртку закладáе, —
Ні, не покидáе!
Якъ репьяхъ той, учéпиця
За лáтані пóли
Та й збірáе колосóчки
На чужóму полі,
А тамъ — снопи́, а тамъ — скирти́,
А тамъ — у палáтахъ
Сидúть собі сіромáха,
Мовъ у своїй хáті.
Такáя-то дóля тáя, —
Хочъ и не шукáйте:
Кого́ схóче — сама́ нáйде,
У колúсці нáйде.

Ще на Украíні весéлі
И вóльниі пишáлись сéла
Тойді, якъ прáведно жили́
Старúй козáкъ и дітокъ двóе...
Ще за Гетьмáнщини старóі
Давнó се діялось колúсь.
Такъ, коло пóлудня, въ неділю,
Та на Зелéнихъ ще й Святкáхъ,
Підъ хáтою въ сорóцці бíлій
Сидівъ, зъ бандýрою въ рукáхъ,
Старúй козáкъ.
— И такъ и сякъ!
(Старúй міркýе, розмовляе.)
И трéба бъ, — кáже, — й трóхи шкóда.
А трéба бýде; два-три гóди
Нехáй по свíту погуляе
Та самъ *своéі* пошукáе,
Якъ я шукáвъ колúсь.... Ярúно!
А дé Степáнъ? — »А онъ, підъ тúномъ,
Ненáче вкóпаний, стоíть.«
— А я й не бáчу! А идíть-
Лишéнь сюди́, та йдíть обóе...
А нýте, діти, отакóі! —

И вшкварúвъ по струнáхъ.
Старúй грáе, а Ярúна
Зъ Степáномъ танцю́е;
Старúй грáе, примовля́е,
Ногáми тупцю́е.
»Якъ-бú мині лúха та лúха,
Якъ-бú мені свекрівонька тúха,
Якъ-бú мені чоловікъ мо̀лодúй,
До другóі не ходúвъ, не любúвъ! —
Ой гопъ, чúки-чúки! —
Та червóні черевúки,
Та троїсті музúки;
Одъ віку до віку
Я любúла бъ чоловіка!
Ой гопъ! Заходúвсь,
Зробúвъ хáту, оженúвсь,
И пічъ затопúвъ
И вечéрять наварúвъ.« —
— А нýте, дíти, отакóі! —
И старúй піднявся;
Якъ удáрить, якъ ушквáрить, —
Ажъ у бóки взя́вся:
»Чи тáкъ, чи не тáкъ, —
Уродúвъ постернáкъ,
А петрýшку
Кришú въ юшку, —
Бýде смакъ, бýде смакъ!
Ой тáкъ, такú тáкъ,
Оженúвся козáкъ:
Кúнувъ хáту
И кімнáту,
Та й потя́гъ у байрáкъ.«

— Ні, не такá вже — підтоптáлась
Старá моя сúла,
Утомúвся.... А все це вú
Такъ розворушúли.
О, бодáй васъ! Щó-то лíта!

Ні вже, не до ла́ду....
Мину́лося. Иди́ лише́нь
Полу́днувать ла́годь:
Гуля́ючи, якъ той каза́въ,
Шмато́къ хліба зъісти.
Иди́ жъ, до́ню.... А ти, си́ну,
Послуха́ешъ вісти.
Сіда́й лише́нь. Якъ уби́ли
Твого́ ба́тька Йва́на
Въ Шляхе́тчині, то ти ще бувъ
Мане́нькимъ, Степа́не, —
Ще й не ла́зивъ. — »То я не си́нъ?
Я чужи́й вамъ, та́ту?« —
— Та не чужи́й, стрівай лише́нь.
Отъ, уме́рла й ма́ти,
Таки́ тво́я, а я й кажу́
Покійній Мари́ні —
Моій жінці: а що́, кажу́,
Візьмемъ за дити́ну —
Тебе́ бъ оце́? — До́бре, ка́же
Покійна Мари́на,
Чому́ не взять? — Взяли́ тебе́
Ми, та й спарува́ли
Зъ Яри́ночкою до-ку́пи....
А тепе́ръ оста́лось
Ось-що́ роби́ть: ти на лі́ті
И Яри́на зріе; —
Тре́ба бу́де люде́й шука́ть
Та що-не́будь діять.
Якъ ти ска́жешъ? — »Я не зна́ю,
Бо я ду́мавъ... те́е...« —
— Що Яри́на сестра́ тобі?
А воно́ не те́е,
Воно́ про́сто: любітеся,
Та й зъ Бо́гомъ до шлю́би.
А по́ки що, тре́ба бу́де
И на чужі лю́де
Подиви́тись, якъ тамъ живу́ть:

Чи о́рють,
Чи не на о́раному сіють,
А про́сто — жну́ть
И не моло́ченее віють;
Та якъ и ме́лють и ідя́ть —
Все тре́ба зна́ть.
Такъ о́тъ якъ, дру́же: тре́ба въ лю́де
На рікъ, на два пі́ти
У наймити́;
Тойді й поба́чимо, що́ бу́де.
Бо хто не вміе заробити́,
То той не вмітиме й пожи́ть.
А ти я́къ ду́маешъ, небо́же?..
Не ду́май: коли́ хо́чешъ знать,
Де лу́чче ли́хомъ торгува́ть,
Иди́ ти въ Січъ. Якъ Богъ помо́же, —
Тамъ наісі́ся всіхъ хлібівъ;
Я іхъ чи-ма́ло попоівъ,
И до́сі ну́дно, якъ згада́ю!
Коли́ здобу́дишъ — принесе́шъ:
А коли згу́бишъ — пожива́шъ
Моє́ добро́! то хочъ звича́ю
Коза́цького набере́сся,
Та поба́чишъ світа,
Не тако́го, якъ у бу́рсі,
А живі *мисліте*
Съ товари́ствомъ прочита́ешъ,
Та по-молоде́чи
Бу́дешъ Бо́гу моли́тися,
А не по-черне́чи
Харама́ркать. Ота́къ, си́ну! —
Помоли́вшись Бо́гу,
Осідла́емъ була́ного
Та й га́йда въ доро́гу!
Ходімъ лише́нь полу́днувать.
Чи ти вже, Яри́но,
Змайструва́ла намъ що-не́будь?
Отаке́-то, си́ну!..—

»Уже́, та́точку!« озва́лась
Изъ ха́ти Яри́на.

Не істця, не пье́ця и се́рце не бье́ця,
И о́чі не ба́чять, не чуть голови́!
Замісь шматка́ хліба—за ку́холь бере́ця.
Ди́виця Яри́на та ни́шкомъ сміе́ця.
— Що́ се ёму́ ста́ло? Ні істи, ні пить,
Нічо́го не хо́че! Чи не занеду́жавъ?
Бра́тіку Степа́не, що́ въ те́бе боли́ть? —
Яри́на пита́е. Старо́му байду́же,
Ніби-то й не чу́е.—Чи жать, чи не жать —
А сіяти тре́ба, — стари́й промовля́е
Ніби-то до се́бе. — А ну́мо встава́ть;
До вече́рні, мо́же, ще пошкандиба́ю.
А ти, Степа́не, ля́жешъ спать,
Бо за́втра ра́но тре́ба встать
Та коня́ сідла́ть. —

»Степа́ночку, голу́бчику!
Чого́ се ти пла́чешъ?
Усміхни́ся, поди́ви́ся —
Хиба́ ти не ба́чишъ,
Що й я пла́чу? Росе́рдився —
Богъ зна́е на ко́го —
Та й зо мно́ю не гово́рить.
Утечу́, ей-Бо́гу,
Та й схова́юсь у бурья́ні...
Скажи́ бо, Степа́не,
Мо́же й спра́вді нездужаешъ?
Я зілля доста́ну,
Я побіжу́ за ба́бою...
Мо́же, це зъ пристріту?«
— Ні, Яри́но, моє́ се́рце,
Мій рожевий квіте!...
Я не братъ тобі, Яри́но!
Я за́втра поки́ну
Тебе́ й ба́тька, — на чужи́ні

Де-не́будь заги́ну;
А ти мене́ й не згада́ешъ, —
Забу́дешъ, Яри́но,
Свого́ бра́та....— »Схамени́ся!
Ей-Бо́гу, зъ пристріту!
Я не сестра́?.. хто́ жъ оце́ я?
О, Бо́же мій світе!
Що́ тутъ діять? Ба́тька нема́,
А вінъ занеду́жавъ —
Та ще й умре́. О, Бо́же мій!
А ёму́ й байду́же,
Мовъ сміе́ця. Степа́ночку,
Хиба́ ти не зна́ешъ,
Що безъ те́бе и та́точка
И мене́ не ста́не?« —
— Ні, Яри́но, я не ки́ну,
А тільки поіду
Недале́ко. А на то́й рікъ
Я до ва́съ прийду
Зъ старости́ами — за тобо́ю
Та за рушника́ми...
Чи подае́шъ? — »Та цуръ тобі
Зъ ти́ми старости́ами,
Ще й жарту́е!« — Не жарту́ю,
Ей-Бо́гу, Яри́но,
Не жарту́ю!.. — »Та це й спра́вді
Ти за́втра поки́нешъ
Мене́ й ба́тька? Не жарту́ешъ?
Скажи́ бо, Степа́не, —
Хиба́ й спра́вді не сестра́ я?«—
— Ні, моє́ коха́нне,
Моє́ се́рце! — »Бо́же жъ ти мій!
Чому́ я не зна́ла?
Була́ бъ тебе́ не люби́ла
И не цілува́ла...
Ой, ой! со́ромъ! Ге́ть одъ ме́не!
Пусти́ мене́! Ба́чишъ,
Яки́й до́брий! Та пусти́ бо!

Ей-Бо́гу, запла́чу.« —
И запла́кала Яри́на,
Якъ та́я дити́на.
И крізъ слёзи промовля́ла:
»Поки́не! поки́не!«

Якъ той я́воръ надъ водо́ю,
Степа́нъ похили́вся,
Щи́рі слёзи коза́цькиі
Въ се́рці запекли́ся,
Мовъ у пе́клі. А Яри́на
То клене́, то про́сить,
То замо́вкне, поди́виця,
И зновъ заголо́сить.
Несчу́лися, якъ сме́рклося;
И сестру́ и бра́та,
Ніби ско́ванихъ до-ку́пи,
Заста́въ ба́тько въ ха́ті.

И світъ наста́въ, а Яри́ні
Не спи́ця, — рида́е.
Уже́ Степа́нъ изъ крини́ці
Коня́ напува́е.
Й вона́ зъ ві́драми побігла
Ніби за водо́ю
До крини́ці. А тимъ ча́сомъ
Запоро́зьку збро́ю
Стари́й ви́нісъ изъ комо́рі.
Ди́вица, радіе,
Приміря́е, ніби зно́ву
Стари́й молодіе.
Та й запла́кавъ. — Зброе моя,
Зброе золота́я!...
Літа́ моі молодіі,
Си́ло молода́я!
Послужи́, моя ти зброе,
Молодій ще си́лі,

Послужи́ ёму́ такъ щи́ро,
Якъ мині служи́ла! —

Верну́лися одъ крини́ці,
И Степа́нъ сідла́е
Коня́, свого́ това́риша,
Й жупа́нъ надіва́е.
А Яри́на даé збро́ю,
На поро́зі сто́я;
Степа́нъ ії́ надіва́е
Та пла́чуть обо́е.
И шабли́ока, мовъ гадю́ка,
Й ра́тище-дрючи́на,
Й самопа́лъ семипяде́нний
Повúсъ за плечи́ма.
Ажъ зомліла, якъ узріла;
И стари́й запла́кавъ,
Якъ поба́чивъ на коне́ві
Тако́го юна́ка.
Веде́ коня́ за поводи́
Та пла́че Яри́на;
Стари́й ба́тько иде́ ря́домъ,
Научáе си́на:
Якъ у вíйську пробува́ти,
Старши́нъ шанува́ти,
Товари́ство поважа́ти,
Въ та́боръ не хова́тись.
— Неха́й тебе́ Богъ засту́пить! —
Якъ за село́мъ ста́ли
Сказа́въ ба́тько, та всі тро́е
Ра́зомъ зарида́ли.
Степа́нъ гукну́въ, и ку́рява
Шля́хомъ підняла́ся.
— Не бари́ся, мій си́ночку,
Шви́дче повертáйся!—
Сказа́въ стари́й. А Яри́на,
Мовъ та́я яли́на
При доли́ні, похили́лась...

Мовча́ла Яри́на.
Тільки слёзи утира́е,
На шляхъ поглида́е;
Изъ ку́ряви щось ви́гляне
И зновъ пропада́е;
Ніби ша́пка черезъ по́ле
Ко́тиця, чорніе,
Пропада́е, мо́шечкою
Тільки, тільки мріе,
Та й пропа́ло. До́вго, до́вго
Стоя́ла Яри́на
Та диви́лась, чи не ви́рне
Зно́ву комаши́на
Изъ ку́ряви. Не ви́рнула —
Пропа́ла! И зно́ву
Запла́кала Яри́ночка
Та й пішла́ додо́му.

Мина́ють дні; мина́е літо;
Наста́ла осінь, шелести́ть
Пожо́вкле ли́стя; мовъ уби́тий
Стари́й підъ ха́тою сиди́ть—
Дочка́ нездужае Яри́на!
Ёго́ еди́ная дити́на
Поки́нуть хо́че. Зъ кимъ дожи́ть,
Доби́ти віку вікового?
Згада́въ Степа́на молодо́го,
Згада́въ свої благі літа́,
Згада́въ—та й запла́кавъ
Бага́тий си́вий спрота́. —

— Въ Твоіхъ рука́хъ все на сві́ті,
Твоя́ всю́ди во́ля!
Неха́й бу́де та́къ, якъ хо́чешъ, —
Така́ моя́ до́ля!.. —
Стари́й ви́мовивъ, и ни́шкомъ
Бо́гу помоли́вся;

Та й пішóвъ собі знíдъ хáти,
Въ садóкъ походúти.

И барвінкомъ, и рýтою,
И рáстомъ квічáе
Весна́ зéмлю, мовъ дівчúну
Въ зелéному гáі;
И сóнечко середъ нéба
Опинúлось — стáло, —
Мовъ женúхъ той, молодýю
Зéмлю оглядáло.
И Ярúна вúйшла зъ хáти
На світъ Бóжий глянуть,
Лéдве вúйшла; усміхнéця,
То піде, то стáне,
Розглядáе, дивýеця,
Та лю́бо, та тúхо,
Ніби вчóра народúлась...
А лю́тее лúхо
Въ сáмімъ сéрці ворухнýлось
И світъ запалúло.
Якъ билúна підкóшена,
Ярúна схилúлась;
Якъ зъ квітóчки роса́ врáнці —
Слёзи полилúся...
Старúй бáтько коло нéі
Якъ дубъ похилúвся.

Одýжала Ярúночка.
Идýть лю́де вь Кúівъ
Та въ Почáівъ помолúтись,
И вона́ йдé зъ нúми.
У Кúіві велúкому
Всіхъ святúхъ благáла;
У Мижúгорського Спáса
Трúчі причащáлась;
У Почáеві святóму
Ридáла — молúлась,

Щобъ Степа́нъ той, до́ля та́я,
Ій хоча́ присни́лась. —
Не присни́лась!... Верну́лася...
Зно́ву забіли́ла
Зима́ біла. За зімо́ю
Зновъ зазеленіла
Весна́ Бо́жа. Ви́йшла зъ ха́ти
На світъ дивува́тись
Яри́ночка, та не Бо́га
Свято́го блага́ти,
А ни́щечкомъ у воро́жки
Про ёго спита́ти....

И воро́жка ворожи́ла,
Пристрітъ замовля́ла,
Тала́нъ-до́лю та весілля
Зъ во́ску вилива́ла.
— Онъ ба́чишъ: кінь осідланий
Ту́пае ного́ю
Підъ козако́мъ; а онъ-де йде́
Діду́сь зъ бородо́ю
Ажъ до колінъ. Ото́ гро́ші;
Якъ би догада́вся
Коза́къ ото́й зляка́ть діда....
Зляка́въ! — та й схова́вся
За моги́лу, лічить гро́ші....
А онъ зно́ву шля́хомъ
Коза́къ иде́, ніби ста́рець,
То, бачъ, ра́ди стра́ху,
Щобъ Ляхи́, або́ Тата́ри
Ча́сомъ не спіткали. —
И раде́сенька Яри́на
Додо́му верта́лась.

Уже́ тре́тій и четве́ртий
И пья́тий мина́е
Не мали́й рікъ, а Степа́на
Нема́е, нема́е!

И сте́жечка-доріжечка,
Яромъ та горо́ю
Уто́птана до воро́жки,
Поросла́ трово́ю, —
Нема́ ёго́!... У черни́ці
Ко́су роспліта́е
Безтала́нна; коло не́і
Па́дае — блага́е
Стари́й ба́тько — хочъ літечко,
Хочъ Пе́тра діжда́ти,
Хочъ Зеле́ної Неді́лі....

Діжда́лись, и ха́ту
Уквіча́ли гарне́сенько,
И въ сорочка́хъ бі́лихъ
Невесе́лі, мовъ си́роти,
Підъ ха́тою сі́ли.
Сидя́ть собі та сумую́ть.
Слу́хають.... що́сь гра́е,
Мовъ на ко́бзі, на у́лиці,
И ніби співае. .

ДУМА.

»У неділю вра́нці ра́но
Си́не мо́ре гра́ло:
Товари́ство кошово́го
На ра́ді прохо́ло:
»Благослови́, ота́мане,
Байдаки́ спуска́ти,
Та за Те́ндеръ погуля́ти,
Ту́рка пошука́ти.«
Чайки́ й байдаки́ спуска́ли,
Гарма́тами рештова́ли,
Зъ Дніпро́вого ги́рла широ́кого випрова́ли,
Середъ но́чі те́мної,
На мо́рі си́нёму,

За о́стровомъ Те́ндеромъ потопа́ли, пропада́ли...
Оди́нъ потопа́е,
Другі́й вирина́е,
Коза́цтву — товари́ству изъ си́нёї фи́лі руко́ю маха́е
И зи́чно гука́е:
»Неха́й вамъ, пано́ве-товари́ство, Богъ допомага́е!«
И въ си́ній фи́лі потопа́е, пропада́е...
Тільки три ча́йки, сла́ва Бо́гу,
Ота́мана курінно́го
Сироти́ Степа́на молодо́го,
Си́не мо́ре не втопи́ло,
А въ Туре́цьку зе́млю Агаря́нську
Безъ корми́лъ прибі́ло.
Тоді сироту́ Степа́на
Козака́ лейстрово́го,
Отама́на молодо́го,
Ту́рки — яничари́ лови́ли,
Зъ гарма́ти грима́ли,
Въ кайдани́ кува́ли,
Въ тяжку́ю нево́лю завдава́ли....
Ой Спа́се нашъ Мижи́горський,
Чудотво́рний Спа́се!
И лю́тому во́рогові
Не допусти́ впа́сти
Въ Туре́цькую зе́млю, въ тяжку́ю нево́лю!
Тамъ кайдани́ по три пу́ди,
Отама́намъ — по чоти́рі...
И світа Бо́жого не ба́чять, не зна́ють,
Підъ земле́ю ка́мінь лама́ють,
Безъ спо́віді святі́ умира́ють,
Якъ соба́ки здиха́ють.
И згада́въ сирота́ Степа́нъ въ нево́лі
Свою́ дале́ку Украі́ну,
Нерідного ба́тька старо́го
И ко́ника вороно́го
И нерідну сестру́ Яри́ну....
Пла́че, рида́е,
До Бо́га ру́ки здійма́е,

Кайдани́ лама́е,
Утіка́е на во́льную во́лю....
Уже на тре́тёму по́лі
Ту́рки — яничáрі догна́ли,
До стовпа́ вьяза́ли,
Очі вийма́ли,
Гаря́чимъ зали́зомъ випіка́ли,
Въ кайда́ни кува́ли,
Въ тюрму́ посади́ли
Та й замурува́ли....«

Отта́къ на у́лиці, під тѝномъ,
Ще молоди́й кобза́рь стоя́въ
И про нево́льника співа́въ.
За ти́номъ слу́хала Яри́на,
И не дослу́хала — упа́ла.

»Степа́ночку! Степа́ночку!«
Крича́ла, рида́ла.
»Степа́ночку, мое́ се́рце!
Де́ жъ це ти бари́вся?
Та́ту! та́ту! идіть сюди́,
Идіть, подевітесь!« —
Прийшо́въ стари́й, розглядáе,
И свого́ Степа́на
Не пізна́е. Таке́ зъ ёго
Зроби́ли кайда́ни.
— Си́ну ти мій безтала́нний!
Моя́ ти дити́но!
Де́ ти въ світі погиба́ешъ,
Си́ну мій еди́ний? —

Пла́че стари́й та рида́е,
Й Степа́нъ сліпи́й пла́че:
Невидю́щими очи́ма
Мовъ со́нце поба́чивъ.
И беру́ть ёго́ підъ ру́ки
И веду́ть у ха́ту;

И вітáе Ярúночка
Мовъ рідного брáта;
И гóлову ёмý змúла
И нóги умúла,
И въ сорóчці тонкій, бíлій
За стíлъ посадúла;
Годувáла, напувáла,
Положúла спáти
У кімнáті, — и тихéнько
Вúйшла съ бáтькомъ зъ хáти.

Черезъ тúждень безъ старостівъ
За Степáна свáта
Старúй свою Ярúночкý, —
И Ярúна въ хáті...
»Ні, не трéба, мій тáточку,
Не трéба, Ярúно!« —
Степáнъ кáже. »Я загúнувъ,
На вікú загúнувъ!
За щó жъ свої молодúі
Ти літá погýбишъ
За калікою, Ярúно?...
Насміюця лю́де,
И Богъ святúй покарáе,
И прожене́ дóлю
Зъ цíї хáти весéлої
На чужéе пóле...
Ні, Ярúно! Богъ не кúне
И знáйде дружúну;
А я підý въ Запорóжжя:
Тамъ я не загúну, —
Нагодýють.« — Ні, Степáне,
Моя ти дитúно!
И Госпóдь тебé покúне,
Якъ ти насъ покúнешъ. —
Оставáйся, Степáночку;
Колú не хочъ брáтись,
То тáкъ бýдемъ: я—сестрóю,

А ти бу́дешъ бра́томъ
И дітьми́ ёму́ обо́е,
Ба́тькові старо́му.
Не йди́ одъ насъ, Степа́ночку,
Не́ ки́дай насъ зно́ву!..
Не поки́нешъ?.. — »Ні, Яри́но!« —
И Степа́нъ оста́вся.
Зрадівъ стари́й мовъ мале́нький,
Ажъ за ко́бзу взя́вся,
Хотівъ вшква́рить мете́лицю
Зъ усіе́і си́ли,
Та не вшква́ривъ...
Підъ ха́тою
Усі тро́е сіли.
»Розкажи́ жъ ти намъ, Степа́не,
Про свою́ недо́лю;
Бо й я таки́ гуля́въ коли́сь
Въ Туре́цькій нево́лі.
— »Ото́ жъ мене́, вже сліпо́го
На світъ випуска́ли
Зъ товари́ствомъ. Товари́ство
На Січъ прямува́ло
И мене́ взяло́ зъ собо́ю,
И черезъ Балка́ни
Проста́ли ми́ въ Украіну
Во́льними нога́ми,
А на ти́хому Дуна́ю
Насъ перебіга́ють
Січовики́-Запоро́зці
И въ Січъ завёрта́ють...
И роска́зують и пла́чуть,
Якъ Січъ руйнува́ли,
Якъ Москалі́ сріблó, злóто
И свічі забра́ли
У Покро́ві; якъ козаки́
Вночі утіка́ли
И на ти́хому Дуна́ю
Новим Ко́шемъ ста́ли;

Якъ царйця по Кйіву
Зъ Нечóсомъ ходйла...
— — —
И якъ степй Запорóзькі
Тоді поділйли
И панáмъ, на Украíні,
Людъ закріпостйли...
— — —
Оттáкъ, тáту! Я щаслйвий,
Що очéй не мáю,
Що нічóго того́ въ свíті
Не бáчу й не знáю...
— — —

Оттаке́-то! тя́жко, тáту,
Изъ своéі хáти
До Тýрчина погáного
Въ сусіди прохáтись.
Тепéръ, кáжуть, въ Слободзéі
Остáнки збірáе
Головáтий, та на Кубáнь
Хлóпцівъ підмовляе...
Нехáй ёмý Бóгъ помóже!
А щó зъ тóго бýде —
Святйй знáе: почýемо,
Щó роскáжуть лю́де. —

Оттáкъ вонй що-день Бóжий
У двóхъ розмовля́ли
До півночі, а Ярúна
Господарювáла,
Та святúхъ отіхъ благáла...
Такúй жъ ублагáла:
На всéідній у неділю
Вонá спарувáлась
Съ сліпúмъ своімъ....

Такéе-то
Скóілось на свíті,

Моі лю́бі дівча́точка,
Рожéвиі квіти!
Такéе-то. Одружи́лись
Моі молоди́і.
Мо́же воно́ й не до ла́ду,
Та що́ ма́ю діять,
Коли́ такé сп дiялось.

Рікъ уже́ мина́е,
Уже́ й дру́гий: Зъ дружи́ною
Яри́на гуля́е
По садо́чку. Стари́й ба́тько
Сиди́ть коло ха́ти.
Та вчить вну́ка пуза́нчика
Чоло́мъ оддава́ти....

Т. Шевченко.

ДВА СИНИ.

(М. А. Максимóвичу.)

I.

Чоловікъ умéръ, двóе дітóкъ мині покúнувъ, два синú. Трéба мині заробля́ти, трéба своїхъ дітóкъ годува́ти. Не спра́влюсь сама́. Те́ продала́, те́ продала́ — усé попрóдала. Ва́жко намъ убóгимъ свóе добрó збува́ти — що воно́ въ насъ крóвью обкипíло!

Збула́... клопочу́ся, бідкаюся — зъ нóчи до нóчи. Ніколи гаразд ъ и діточка́ми втіша́тись....

А дітки расту́ть, уже й вьются коло мéне и щебéчуть — моі соловéйки.

II.

Андрійко бувъ у мéне повновúдий, яснооки́й, кучеря́вий; весéлий бувъ хлóпчикъ, жва́вий. Було́ за день дóбре мині впечéтця своéю пустóтою, а ще лу́чче розва́жить. И посварю́сь, и поцілу́ю ёго́. Вінъ бувъ ста́ршенький.

А що вже Васúлько, — тúхий, сумúрний: и въ хáті не чуть, и надво́рі невúдно. Бувъ якúйсь задýмливий зъ-мáлку. Чи те, що вінъ у таку́ тяжку́ годúну народúвся, хутéнько пíсля мого́ чоловіка, чи таку́ вда́чу ёму́ Богъ давъ.

Андрійко село́ обіжúть, — вéрнетця червоний, сміючúся, пусту́ючи; а сей, гледи́, підъ хáтою де-нéбудь сидітиме: землéю пересипáетця, або́ зілля́ всякі впшу́куе; роскóпуе щось — робачка́ вúгребе, або́ метéлика влóвить, — дúвитця, ду́мае.... Гукне́ Андрій, вінъ увéсь издригнéтця. А колú, то було́ ля́же въ садку́,

та цілісінький день и проле́жить нерухо́мо, мовъ прислуха́етця до чо́го.

»Що се заду́мався, си́ну?« спита́ю.

— Який сей світъ вели́кий, не́не!

Ще хлопця́мъ бувъ, при́земкомъ, а всі вже зілля́ знавъ — и якъ зве́тця, и де́ й коли́ процвита́е, и яки́мъ цвітомъ, — и коли́ пташки́ у вірай оліта́ють и коли́ прилита́ють зъ вірею — усе́ вінъ те́е знавъ.

»Се ёму́ такъ Богъ давъ!« було мині ка́жуть лю́де. »Не ха́йте ёго́, — се ёму́ такъ Богъ давъ!«

III.

Ото́ було́ тіми вечора́ми до́вгими осінніми, якъ вже сто́мить мене́ робо́та, — заберу́ обойко́ до се́бе на коліна, та почну́ на до́брий ро́зумъ навча́ти — якъ вмію, такъ и навча́ю... роска́зую імъ и про те, и про дру́ге, — толку́юся зъ ни́ми. Отъ же, мій Андрійко ху́тко и заскуча́е; такъ вінъ и ва́ритця: о́чи собі тре, и позіха́е, и зітха́. »Пустіть вже, ма́мо!« про́ситця. А ско́ро пусти́въ, чого́ не загада́е! И гомони́ть, и пусту́е — по́ки й сонъ змо́же. А Васи́лько бу́де хочъ цілечку нічъ ту́ю до́вгу изо мно́ю сидіти, мене́ слу́хаючи, та мині въ вічи пильне́сенько ди́влячись.

Поснемо́. Въ-ночі проки́несся,—не спить Васи́лько мій.

»Си́ну! Чому́ не спишъ?«

— Такъ.... не хо́чу!.. Чого́, ма́мо, нічъ те́мна-неви́дна? —

»Такъ Богъ давъ, дити́но, що те́мно у-ночі... Спи«, кажу́ ему́, »спи!«

Вінъ и змо́вкне... Тільки до́вго ще невпокійно воро́чаетця.

Було́, якъ місяць въ віко́нечно засвітить, Васи́лько ди́витця, оче́й не зво́дячи. А я одъ люде́й чу́ла, що недо́бре, якъ на со́нихъ діте́й місяць си́пле промінням, — то й укрива́ю було́ іхъ и нака́зую Василько́ві: »Не дивись, Васи́лечку, на місяць: не годи́тця!« Вінъ и зітхне́... То́ вже въ ряди́-годи́ упаде́ така́ нічка, щобъ вінъ спочи́въ ти́химъ ду́хомъ, або́ зовсімъ нема́ ёму́ сну, або́-жъ сни невпокійні сня́тця.

Андрійко не таки́й. Уже зоря́ заняла́сь, вже й со́нечко зійшло́, а вінъ міцни́мъ сномъ висипа́етця, роски́дався-розгорівся...

Якъ ёго́ зъ-ве́чора тру́дно упо́рхати, такъ и підня́ть у-ра́нці. А проки́нувся вінъ, мій пусту́нчикъ,— и гу́комъ ёго́ въ ха́ті, ажъ со́хи движа́ть! Ну́ бігать, гомоні́ть, гайнува́ти, ажъ усе́ піде жу́жмомъ! А само́ таке́ ра́дее, весе́ле, ми́ле!... До то́ вже, хочъ жа́лко, не жа́лко, а тре́ба впини́ть: и пострахаешъ було́ и покри́кнешъ на ёго....

Васи́лько ме́ншенький, а навча́е ста́ршого бра́та. Андрійко ско́рий бувъ, палки́й, якъ и́скра; то було́ три́чи на день и більшъ посва́ритця зъ дітьми на у́лиці, ато́ й побъе́тця за яку́ пусто́ту.

»Андрійку!« ка́же тоді Васи́ль, »а що́ ти невесе́лий!«

— Бивсь, о́тъ що́!

»Ото́-то й ба́чишъ, Андрійку, що за твою́ пусто́ту тобі и не мину́лось; а якъ-би́ ти не заво́дивсь, то й не смутковавъ би тепе́ръ, и не сти́дно бъ було́, що тебе́ попоби́то!«

А Андрійко ёму́ своє́:

— И такъ сидіть ну́дно!

Та зно́въ югне́ зъ ха́ти, — и слідъ загу́въ!...

Ти́хий бувъ Васи́лько, розсу́дливий. Хто ёго́ й на ро́зумъ до́брий наставля́въ, Госпо́дь ёго́ зна́е! Чи піде було́, чи не піде до това́риша, вже й поверну́всь, вже й до́ма: не заси́дитця, не гра́етця ніде́. Такъ и зрісъ на самоті, самъ изъ собо́ю.

Не говірки́й бувъ, не смішли́вий. У ко́го вже вінъ вда́вся таки́й! Андрійко, то всіхъ дівча́тъ у селі зна́е. Ро́бить и ді́ло, щи́римъ се́рцемъ ро́бить, а годи́нку урве́ собі на гуля́ння нарубо́цьке! Сей же, якъ до чо́го ставъ, — и о́чей не зведе́ и ду́мки ні на́ що не зве́рне — уся́ душа́ ёго́ въ робо́ті.

IV.

Діти моі, діти моі!

Пройшла́ въ насъ чу́тка — некру́тчина сёго́ ро́ку бу́де. Якъ я почу́ла, на́че мене́ хо́лодомъ обняло́. Погля́нула на своіхъ парубкі́въ: що́-то за хоро́ші, за молоді, Бо́же мій до́брий!

Одного́ ра́нку — бода́й тако́го ніхто́ не оглада́въ! — ска́зано мині, що на че́рзі Андрійко у некру́ти . . . .

— — — — —

Збіра́ю оста́ннє, споряжа́ю ёго́.... Яково́-то свою́ дити́ну на

ли́хо, на бі́ду́ виряжа́ть! Хто того́ не зна́е, неха́й-же мене́ спита́е!... А вінъ, то на моіхъ очя́хъ вже́ привья́въ.... Де́ той по́глядъ молоде́цький, де́ всміхъ весе́лий!

Чи мині-жъ те́ оповіда́ти, що не одна́я не́нька стара́ хло́пцеві се́рденько слізьми́ вьяли́ла? Пла́кали и молоді о́чи за нимъ, за ёго́ га́рною вро́дою! Лю́бо вінъ пісні виспівуе було́ ясни́ми зо́рями. Го́лосъ ёго́ по усёму́ селу́ разляга́етця. Отъ же й ви́співавъ собі дівчи́ну лю́бу та га́рну. Лі́тнёі пори́, ти́хими та те́плими ночами, лежу́ було́ до́вго безъ сну, — ду́маю та горю́ю, и чу́ю було́ розмо́ву іхъ ти́ху та лю́бу.... Сподіва́лась я невісточки, якъ ла́стівочки, собі на втіху.... Пішла́ моя́ сподіва́нка слідомъ за некру́тами!...

V.

Ка́зано въ се́реду везти́ новобра́нцівъ по обі́ді. Сиджу́ я та дожида́ю тії годи́ни, — коли́ вбіга́е мій Васи́лько зади́ханий, бліди́й, и за нимъ два чоловіки въ ха́ту.

»Панімáтко! спорядіть обóхъ... панъ звелівъ и Василя́ бра́ти!« Я віри не йму імъ....

»Не буде сёго!« таки на іхъ кажу́... »Аже́-жъ панъ самъ люди́на Бо́жа!«

— Ні, ма́мо, — промо́вить Васи́ль, — такъ воно́ дісне есть, якъ вони́ тобі сказа́ли! . . . .

И всі мене́ вмовля́ють, а въ ме́не се́рце на́че заме́рло: и чу́ю, що гово́рять, и ба́чу іхъ, а до се́рця ніщо́ мині не дохо́дить....

— — — —

VI.

Виїзжа́ли три тро́йки. Усе́ новобра́нці. За ни́ми рідъ иде́, проважа́е. Сіла й я між своіми сина́ми, іду. Шляхъ мигти́ть; гаі та поля́ на о́чи набіга́ють....

И такъ мині ста́лося, на́че я дити́на мала́: не розумію нічо́го, не зна́ю, не памъята́ю. Тілько, якъ гля́ну на дітей, то стра́шно ста́не.

Приїхали до приёму, повели́ іхъ, а ми стоімо́, ждемо́. Мене́ мовъ сонъ хи́лить; та бу́дять мене́ — хто плаче́мъ, хто рида́ннямъ. Пе́ршихъ ви́вели моіхъ.... Го́споди, Бо́же мій! Ти жъ у насъ вели́кий, ти жъ ми́лостивий! Лу́чче бъ я у зе́млю похова́ла іхъ обо́хъ!...

VII.

Привели́ мене́ у те́мну яку́сь хати́ну — земля́нка, чи лёхъ, чи що́ воно таке́, не скажу́. Яки́йсь моска́ль сиди́ть: голова́чъ, розко́шланий, невми́ваний, підъ щоти́ною уве́сь, якъ іжа́къ. Се бу́де іхъ старши́й, дя́дько....

Кла́няюсь, прошу́: »не оста́вте ла́скою ва́шою, добро́дію, и моіхъ синівъ!«

Даю́ ёму́, що́ змогла́сь, грошенятъ; ато́ полотна́, и на дітокъ де́-що....

»Не журі́сь, стару́шка«, прохрипівъ; »тро́шки ва́ші синки́ поскуча́ють — безъ то́го не мо́жна въ світі, а тамъ злю́битця: молодці́ бу́дуть, отъ якъ и я, приміромъ ка́жучи!«

Погля́нула я тоді спи́льна на ёго: черво́ний, обду́тий яки́йсь вінъ, о́чи въ ёго яко́сь поме́рхли.... Бо́же-жъ мій!.. А мої сини́, мої голуби́ си́зі! Що у іхъ душа́ тепе́ренькі свята́, и по́глядъ ясни́й, и любі обли́ччя квіткою процві́тають!...

— — — —

VIII.

Попроща́лися. Провели́ мене́ дітп за місто....

Отъ ще́ й-до́сі, якъ ви́беретця лі́томъ день гаря́чий, ду́шний, то й згада́ю собі те проща́ння на́ше: отъ, идемо́ містомъ... позачи́нювані буди́нки, запи́няні вікна скрізь; за містомъ сосни́на те́мна, дале́ка заступи́ла шляхъ піскова́тий; су́не передъ очи́ма по піску́ рипли́вий візъ, на не́бі со́нце пеку́че....

— — — —

IX.

Оста́лась я сама́-самісінька, недугу́ючи. Ні сну мині, ні одпочи́нку. Роблю́ черезъ си́лу, нічо́го не зна́ю, не чу́ю....

Мина́е рікъ и дру́гий и пья́тий....

Обняла́ мене́ мовъ хма́ра чо́рна; тілько й світятця мині, якъ дві зіроньки те́мноі но́чи: то́ дітоньки моі!

По Різдві, сиджу́ я одно́го ве́чора, такъ вже у пізні ля́гови, пряду́.... Надво́рі завирю́ха, ажъ у вікна бъе, и світло мигти́ть....

Коли́ — стукъ, стукъ! Одчиня́ю — Васи́ль!

»Васи́лечку, си́ночку мій! а Андрійко де́?...«

— Нема́ вже, ма́мо, Андрія! Лігъ Андрій, ма́мо — та й не вста́не вже! . . . .

А я на́че зна́ла: я ёго́ що-дня́ въ Бо́га, що-но́чи оплака́ла!.. А жи́ти бъ тако́му, та жи́ти! На ви́рістъ и на си́лу й на ли́чко у ба́тька уда́всь: отъ же за ба́тькомъ и на той світъ погна́вся!...

— — — —

»Зста́ріли ви, не́нько!.. я́къ вамъ тутъ жило́ся? нужди́ приняли́?...«

— А такъ мині жило́ся: устаю́ — пла́чу, и ляга́ю — пла́чу, та́къ мині жило́ся!

»Я, ма́мо, до васъ уміра́ти прийшо́въ!...«

Придивлю́сь до ёго: ли́шенько мое́!.. воно́ й молоде́, та вже надло́млене! . . . .

— Си́ночку мій! бода́й би я не діжда́ла твого́ сло́ва почу́ти!

Отъ же то щи́ра пра́вда була́, що вінъ сказа́въ.

Та́не й та́не мій Васи́лько, якъ свічка. Поле́жавъ, похи́рівъ — та на весні й переста́вився.

Де́ ёму́ й жи́ти було́! Воно́ й росло́ такъ, аби́ сла́ва, а тіі ви́правки та похо́ди си́лу зъ ёго усю́ ви́брали....

— Не на те народи́всь, моя́ ма́ти, щобъ мині люде́й на війні тра́тити! — було́ ка́же; — не для таки́хъ, якъ я, війна́, й воёвни́къ зъ ме́не не жва́вий!

Якъ вже въ тяжко́му неду́зі лежа́въ, то все було́ ду́ма та ду́ма та ду́ма собі.

»О Бо́же, Бо́же!« загово́рить, »яки́й у те́бе світъ кра́сний! А я й не нажи́всь у світі, а я й не навчи́вся, я й не зна́ю нічо́го!...«

И въ оста́нню годи́ну промо́вивъ:

»Не живъ я, ма́мо, на світі! тілько збіра́вся жи́ти!...

Молоде́, то якъ косо́ю скоси́ло... А я зоста́лася....

X.

Тільки мині й потіхи, що коли́ приснятця мої дітки. Та все сня́тця вони́ мале́нькими, а парубка́ми ніко́ли не приснятця.

И якъ живи́і вони́ стоя́ть передъ душе́ю мое́ю:

Андрійко весе́лий, кучеря́вий, ніби по ха́ті бігае та гомони́ть, а въ ха́ті я́сно, я́сно! Васи́лько надъ квітка́ми та зілля́ми сиди́ть, заду́мався....

Проки́нусь... пу́сто! робо́та дожида́е; тре́ба жи́ти, тре́ба діло роби́ти, тре́ба терпіти го́ренько...

Живу́; дивлю́сь, якъ ха́та ва́литця. Чу́ю, що й сама́ я пи́ломъ припада́ю... яко́сь дурнішаю, яко́сь туманію, на́че жива́ у зе́млю вхо́жу....

Марко Вовчо́къ.

ТІТКА НАСТЯ.

— — Тоді не такъ ще було́, якъ тепе́ръ! Тепе́ръ и жилётки́ у насъ, и всяка дурни́ця; або́ ще и́ноді й самова́ри... Инший, поки́ не головува́въ або́ не прикажчикува́въ, — ка́ша, мо́же, зъ мяки́ною, борщъ — димъ зхо́плюетця; та якъ и одна́сся людськи́мъ по́томъ, — сіре тобі, звиня́йте, якъ той кнурь сірий товсти́й: »мені«, ка́же, »отто́ свіжопросо́лня« — ри́ба — »якъ пахни́ть!« а линтваре́вий кожу́хъ — за півми́лі чинба́рьскимъ ква́сомъ; а »жпвітъ«, ка́же, »па́рить!« И-й! не такъ би тебе́, го́лубе, попа́рити!

Такъ-то, кажу́, тепе́ръ! И тоді лю́де люби́ли и хо́роше изходи́ть, и сма́шно ззісти; тільки все те́е — не забува́ли, якъ було́ батьки́ й діди́, а найпа́че, що батьки́ й діди́ — мо́же й ви чу́ли.

Прихо́дить оди́нъ со́тенний осаўла до свого́ ба́тька: »Повко́вникъ, та́ту«, ка́же, »хо́че мене́ цифе́ромъ записа́ть!« — »А ти жъ ёму́ що?« — »А що́ жъ би я ёму́? Кажу́, ба́тька, піду́, зпита́ю«. — »То́-то жъ, ти мені гляди́! ато́ онъ бачъ« — на ціпуру́. »Скажи́«, ка́же, »повко́вникові, що лю́де бу́дуть сміятьця!«

Одже тітку и тоді вже було́, на́ветъ було́ тату́сь: »Ти«, ка́же, »се́стро, старосві́цька люди́на!« Усміхне́тця було́ покійниця, та ще й руко́ю — сількись, мовъ, — чи такъ, то й такъ!

Старосві́цька була́ люди́на, ду́же старосві́цька!

Синъ було́ зъ Гру́зіи хусто́къ усяки́хъ шовко́вихъ, матері́й туре́цькихъ та персидцькихъ. — »Про смерть, на це́рковъ, попа́мъ!« або́ пороздаро́вуе намъ, дя́дьковимъ, або отъ Кібченя́тамъ; а сама́ — матірчатий плато́къ, керсе́тъ зъ рукава́ми, зеле́ні смужки́... запаски́, та ще щобъ и ля́хівка, черевики або́ чо́боти — и вся невели́чкая!... Ахъ, и забу́вся — ху́стка ще!.. у по́яса: безъ не́і, якъ то ка́жуть, и не сту́пить! Домотка́на, и тамъ — за́полоччю, або́-що.

И такъ було́ вона́, и въ бу́ддень, и въ свя́то. А між лю́де, або́ въ це́рковъ, кожу́хъ зъ стоя́чимъ комірце́мъ, зімо́ю,—сіроні-ме́цький верхъ; а літомъ — голуби́й хала́тъ.... Иноді, якъ лу́читця було́ зъ не́ю до ро́дичівъ-панівъ: »Та ви бъ, тіту́сю, що не́будь!« звісно, діти. »Отъ Бігъ зна що! старі ви́бачять!« або́: »Чого́ ви«, ка́же, »турбу́етесь? Сёго́ не знімуть, кра́щого не дадуть!«—и чи до Кібця, то й до Кібця, хоть все те́е куди́ попанячилось и пинді́читьця почало́!.. або́ и до само́го Пете́льки—и вінъ намъ зъ рідні́ дово́дився.

И було́ якъ приідемо—ми жъ не зна́емо, куди́ и повернуть-ця, а найпа́че, якъ ще па́нство; а вона́, мовля́въ—изогну́вшись, въ тихъ черевйкахъ и въ голубо́му хала́тику—стукъ тихе́нько ці-по́чкомъ по го́рниці, стукъ!... Ти́хая у поки́йниці, и мо́ва, и хода́ була́.

Та и у всёму́ було́ вона́! Доста́точокъ бувъ гарне́нький: су-сідскихъ хатъ зо́ три, чи зъ чоти́рі, клу́нька, комірки́... волівъ супру́га до́бра—що таки́ одъ покійника Буркути, а то и синъ; а въ хатка́хъ, не тільки черезъ сіни, а и въ ми́ті: и пічъ, и пілъ... ла́ви, поли́ці, стілъ на ко́никахъ, ми́сникъ коло́ поро́га....

Старосвіцька, кажу́, була́ люди́на, ду́же старосвіцька!

Поки́ тільки здужала,—и са́дить було́, и по́леть, жне, ва́рить істи; хоть, якъ кажу́, про одну́ ду́шу и ба́течки бъ! Покійникъ тату́сь не разъ—та чи тобі жъ, мовъ, стару́ючи! »Ти бъ уже́«, ка́же, »утихоми́рилась: у те́бе жъ, сла́ва Бо́гу, сусіди, на́ймитъ, на́ймичка!«—»Итъ, Бігъ зна що ти, Пе́тре! на те«, ка́же, »Богъ и ру́ки давъ! Не вже жъ тільки сидіть, зложи́вши іхъ, та гото́ве істи?«

И було́ така́, що чи въ кумпа́ніі, чи такъ між лю́дьми, рідко-рідко коли́ розгу́торитця! та й то ще не зъ уся́кимъ, а хто тамъ уже́ по душі, отъ, примі́ромъ, зъ мату́сею—нехай легенько ії згада́етця, мої старе́нькі! Ті тамъ и се, и те: »ми«, мовля́въ, або́ »на́ші батьки́ й діди́«; а вона́—руко́ю підъ щоку, або́ на свій ціпо́чокъ, слу́ха. Иноді жъ усміха́етця, ніби весе́ленька, а и́ноді—ажъ ли́це осу́нетця, мовъ яку́ путь до́вгу, або́ коло́ мерця́ три но́чі....

А щобъ оттамъ розсе́рдитьця, погри́мать—на на́ймита, або́ такъ на ко́го—ніхто́ и не чувъ нико́ли, и не ба́чивъ! Ду́же-ду́же вели́ко вже було́: »о бода́й же тебе́!« а то—»хи́рний!« ка́же. Той тамъ коби́лу припусти́въ до нови́хъ стіжківъ,—сноп и́ повицу́плю-

вала, або́ дру́ге вшко́дивъ: »Оце́, ти«, ка́же, »хи́рний, и коби́лу припусти́въ!« Та таки́, здае́тця, вона́ и не вміла лаёкъ тамъ, або́ слівъ яки́хъ, що и́ноді и жоно́та: »сяко́го тако́го си́на, сяко́і тако́і дочки́!«

Разъ тільки нина́че розсе́рдилась, та й то, не якъ и́нші лю́де — зъ татусе́мъ покійникомъ. И за що вони́, Богъ іхъ святи́й зна́е! Одно́ 'дного люби́ли ду́же, и татусь бага́то допомага́въ, — отъ якъ и Буркута, ка́жуть, вмеръ, и по́тімъ, якъ ії Степа́на въ Гру́зію зъ Гра́никомъ... Мо́же, чи ни за ёго и ви́йшло! До покійника дохо́дять було́ чу́тки, ча́сто було́ ре́мствуе, що ніби обіжа́ на́шого. А мо́же, и за що дру́ге — Богъ іхъ, кажу́, святи́й зна́е! И такъ воно́ ско́ро яко́сь те́е вчини́лося!

Я мали́мъ хлопця́мъ ще тоді бувъ, са́ме по надвірью, — и байду́же, що тамъ у ха́ті. Коли́ вбіга́ю, въ світли́цю, и такъ, зна́ете, ще прожо́гомъ: матусся на дзи́глику коло́ гру́би, бліда́я, — и смутна́я-смутна́я! го́лову повісила; проти́ не́і тітка, тежъ на дзи́глику, хусти́ною слёзи... а покійникъ у поку́тнёго стола́, ви́прямився, и о́чі, що все було́ ажъ дрижи́ть.... Я такъ и прикипівъ до землі!

Тро́хи погоди́, тітка вста́ла и мо́вчки зъ світли́ці; за не́ю — матусся, я.

Вихо́димо на рундуко́къ, а тутъ и се́стри: »Чого́ се ви, тітусю, чого́?« Тільки́ пла́че, и на́ймитові скоріше — коби́лу; а запрігъ — мо́вчки, и поіхала.

Мовъ тепе́ръ се ба́чу!

На рундуці, пла́чемо, вона́ іде, іде, — мовъ стари́й богъ зъ дво́ру захо́дить.... Вже до ворітъ, за двіръ.... А далі матусся, мовъ у се́рце ії кольну́ло: »О, Цари́це жъ моя́ небе́сная!« — за не́ю, ми.... »бо́же нашъ стари́й, бо́же! тітусю!«

Якъ уже́ вона́ ублага́ла ії вернутьця, нічо́го не памятую — коли́ те́е у Бо́га ді́ялось! Памьятую, якъ уже́ верну́лась, и ми за не́ю въ світли́цю.

Татусь тамъ же таки́, коло́ поку́тнёго стола́, ліктемъ обпе́рся, на доло́ню голо́ву. Се́рце, ви́дно, пройшло́ вже, тільки смутокъ вели́кий.

Ввішла́, тихе́нько до ёго; вставъ, собі тихе́нько.... Разъ поцилува́лись три́чі на́вхрестъ, у дру́ге, у тре́те, — и зно́ву, де сиділи... У бра́та зъ сестро́ю ти́ха розмо́ва, обо́е лю́де старосві́цькі — не́чисть яка́сь!... Замо́вкли, пролізла — зно́ву ти́ха розмо́ва у бра́та зъ сестро́ю, обо́е старосві́цькі лю́де....

— —

Одже, и що́ бъ ба́чця! Се́рце, якъ кажу́; а що́бъ тамъ на́ймитъ, або́ сусіди,—та и крий Го́споди! Чи такъ уже́ ії поважа́ли, що, мовля́въ, и крив'о́го сло́ва боя́лись, — чи вміла; а якъ вшко́дить було́, »о, бода́й же!« мовъ.... »та лу́чче бъ«, ка́жуть було́, »зря́ду три́чі на спо́відь!« а вмовля́е було́ на спо́віді Вертьківський піпъ ду́же!

У не́і кітъ Спори́шко бувъ—літомъ за́вжди въ споришіі коло́ ха́ти, за те и Спори́шкомъ. А ми ще и Прицу́цуватимъ. Оце́, приміромъ, сиди́ть було́ підъ поло́мъ, прислуха́етця, якъ мишеня́та по нірка́хъ, або́ па́рить че́рево на ко́мині, но́ги одки́давши, —та зра́зу, нина́че яки́й га́спидъ ёго́, до те́бе!.. и чобітъ ла́пами по щока́хъ, по щока́хъ! поля́паса ёму́!... Такъ на́ветъ отто́й Прицу́цуватий. Якъ розбісну́стця було́ оце́—а було́ якъ розбісну́етця, то и ха́та ёму́ тісна́: и по столу́, и по ла́вахъ, и по ми́снику — то неха́й було́ тільки покійниця »оце́, мовъ, хи́рний! го́ді вже тобі!«—тиць, де бъ тамъ ни бувъ, и у́ші насторо́шивъ! »Тобі, тобі, не виля́й хвосто́мъ!«—терне́ ла́пою за одни́мъ у́хомъ, по́тімъ дру́гою за дру́гимъ, куса́, бачъ, щось ёго́—хи́тра проклятýща звири́на була́—и піде, піде тихе́нько, мовъ нестре́пений! и хіба́ підъ ла́вою вже, за закаблу́къ тамъ тебе́, або́ за халя́ву!

А вже що отії колістра́тори всяки́!... Зна́ете, які́ вони́ и́ноді у насъ: и чва́нитця, инди́читця... ро́тъ-безъ-заворо́тъ, всяке чо́ртзнащо варзя́кае: »И таки́й я, и таки́й тамъ га́спидъ!.. мій оте́ць, мої діти...« диви́тьця и слу́хати ги́дко; а тільки неха́й вона́ тутъ.... мовчязна́, и зогну́вшись, и тамъ де-не́будь въ куто́чку, або́ коло́ поро́га—та ба! мовъ ёму́ язи́къ поцу́пить въ сере́дину! Дре́вня люди́на, зна́ете, зна́ла не тільки іхъ, а и іхъ батьківъ и дідівъ; и якъ-би до чо́го, и почала́ роска́зувать,—не одному́ бъ прийшло́сь, якъ то ка́жуть, у сірка́ оче́й позича́ть. Та таки́ було́ и́ноді и допечу́ть, отъ якъ разъ Ри́пиця у Пете́льки—не сей Ри́пиця, що тепе́ръ, а ёго́ ба́тько.

Таки́й, зна́ете, вінъ великорозу́мний бувъ, той Ри́пиця: накру́тить-накру́тить оце́ верже́тъ, ажъ стричи́ть, мовъ у квака́ чу́бикъ, та ще й го́лову на́бікъ: »Та воно́«, ка́же, »такъ, а загля́нь лише́нь въ зако́ни!«—все було́ зъ тими́ зако́нами, нина́че ду́рень зъ сту́пою! А якъ пья́ний, то таке́ жъ тобі, прости́ Го́споди, пога́не, таке́ въідливе, що возьми́, та пря́мо и наплю́й ёму́ середъ ло́ба!... Отъ разъ вінъ и заходи́вся у Пете́льки, підъ пья́ну ручъ.

Та одіга́тьця ста́ла, таки́ въ свѣтли́ці — за́вжди було́, и одіга́етця и и роздіга́етця въ свѣтли́ці, де бъ ни була́; а вінъ: »чого́ та й чого́, про́бі, сто́ітця оце́й хала́тъ?« та ще й гу́би зши́лить, кепкова́ть би то, бри́дкий, зъ старо́і люди́ни!... Ми жъ зъ матю́сею не зна́емо, я́къ-то ка́жуть, куди́ й подітьця — татуся́ на той разъ у Пете́льки не було́; а вона́ хоть би тобі о́комъ змигну́ла! застіба́ пова́гомъ гу́дзикъ підъ бородо́ю — ру́ки тільки ніби тримтя́ть.... »Оттого́ й оттого́«, ка́же, »сто́ітця!« — »Поцінно«, той, »поцінно — оде́жина хоть би й княги́ні!« Не ви́держала напослідокъ покій-ниця! »Се«, ка́же, »Они́ську Семе́новичу« — Они́ськомъ Семе́новичемъ ёго́ — »се«, ка́же, »тепе́ръ воно́ поцінно здае́тця, гро́ші деше́вші ста́ли; а якъ купува́вся сей хала́тъ, тоді гро́ші дорогі були́. Тоді.... Вамъ«, ка́же, »покійникъ вашъ пано́тець, мо́же, роска́зувавъ, що за такі гро́ші, або́ ще й того́ деше́вше, тоді въ Ки́еві па́нство мо́жна було́ купи́ть!« — а Ри́пиця, зна́сте, бувъ зъ таки́хъ, якъ би й ми гріш́ні, та тільки ба́тько ёму́ чи́на, въ Ки́еві, за три четверики́ пшени́ці.... Якъ сказа́ла вона́ се, тоді Ри́пиця, якъ той цю́цикъ, вхопи́вши о́близня. А тутъ ще й Пете́лька, спаси́бі ёму́, — за насъ ру́ку пота́гъ. Підожда́въ тро́хи, щобъ таки́ не такъ вже ду́же: »Чи ви«, ка́же, »Они́ську Семе́новичу«, прида́влюючись ёму́ до бороди́, — що-неді́лі, мовъ, отта́къ го́литесь?...

— — —

И було́ такъ покійниця: куди́ бъ ни іхала, а вже безъ паляни́ці не мо́жна. »Годи́тця такъ!« И прийде, склони́ла голово́ю, добри́день, чи якъ прихо́дитця, и напере́дъ усёго — зъ хусти́ни и на стілъ ій! а вже по́тімъ, и привта́тьця, и щобъ тамъ наддягти́сь.

И гости́нцівъ тежъ було́ дітямъ, — нікóли було́ безъ гости́нця! »Сва́римось«, ка́же, »тре́ба и голу́бити. Чимъ же«, ка́же, »и зга́дувать імъ бу́де стару́?« И не те, щобъ тамъ медяникі́въ, або́ другóго чогó, городськóго — ні, сёго́ у не́ї не було́ нікóли. А отъ: насіннячка по жмінці... коржа́ медяно́го, або́ про́сто по шматку́ книша́ або́ гречáника. »У за́йчика«, ка́же, »одняла́! Бі-жи́ть«, ка́же, »и несе́, — я и одняла́!« И яки́мъ смашни́мъ намъ здава́лось, що вона́ у за́йчика одняла́! Такъ яко́сь умі́ла все вона́, — якъ то ка́жуть, всяку копійку ру́бомъ.

И чи й до не́ї було́ приїдемо: ду́же люби́ла па́датьця коло́ насъ; а щобъ тамъ пу́ндикі́въ яки́хъ, прищі́въ — нікóли! И не одъ скна́рости, або́, сказа́ть би, ні зъ чого — ні! така́ вже люди́на!

На обідъ було́ оце́ — борщъ зъ мя́сомъ, ка́ша зъ молоко́мъ, и ду́же-ду́же вже бага́то, якъ ще й варе́ники; для за́бавки — насіннячка, а и́ноді й варе́ноі по чарупи́нці: »се«, ка́же, »мо́жна«; на по́лудень — ковбаси́, або́ кришениківъ са́ла... Було́ дя́дькови — звісно, мазаніші — му́лятця: »Не копи́льте«, ка́же, »дітки, губо́къ, не копи́льте! іжте, воно́ смашне́!« — и ті, мовъ непе́вні, уплита́ли кришеники.

А щобъ тамъ тарілокъ білихъ, або́ виде́локъ и ножівъ — того́ й заво́ду въ не́і не було́. Про́сто: на деревя́ні тарі́льці — хлібъ, на дру́гі — сіль... бі́лі ложки́ деревя́ні, ніжъ колодій, рушни́къ круго́мъ сто́лу ру́ки обтира́ть, та для дітей по полива́ному полу́миску для ко́жного, борщъ набіра́ть — отъ и все! »Сіда́йте«, ка́же, »дітки, за стілъ, ато́ борщъ простигне!..« Хлібъ було́ ріже, хіба́ котре́ не поду́жае; мя́со — зъ одніе́і тарілки, па́льцями... Позаело́жуемо було́ собі и носи́, и ру́ки — усміха́етця тільки тихе́нько, витира́: »О, я́къ же ти«, ка́же, »Васи́льку, нечупа́рно!« — а сама́, мовъ вона́ до ёго не приторка́лась!

И було́ вже такъ пильнуе за ко́жнимъ, щобъ тамъ кришеника безъ хліба, або́ щобъ варе́ники не ду́же въ ма́сло! За́разъ за ру́ку: »хлібця«, ка́же, »дити́но моя́, хлібця — ва́ва бу́де!«; або́: »помале́ньку ёго́, помале́ньку,—осліпнешъ!«

И що жъ! Якъ тільки прихо́дять було́ святки́, або́ ска́жуть, що, мовъ, до тітки На́сті, — тільки объ тімъ и ре́чі у насъ!

Про́стенькі у не́і були́ хатки́, и въ іхъ нічо́го бъ и тако́го; а яко́сь такъ тамъ!.. Якъ згада́ю, отъ якъ разъ ми до не́і на Голо́дну Кутю́...

Темнова́то, моро́зъ вікна позамуро́вувавъ — мовъ у на́ші старі це́ркві... и стіни, мовъ у на́ші старі це́ркві; на столі трійця — въ васи́лькахъ — въ кали́ні, казано́къ зъ кропи́льцемъ, надпа́лена свічка воскова́... Мовъ ми спра́вді въ на́шу стару́ це́ркву на Голо́дну Кутю́, нема́ нико́го, а бу́де та слу́жба: и параміі, »тако глаго́леть проро́къ... ріки Орда́нскіі... водо́ освяще́нная«.

И отті ложки́ бі́лі, ми́сникъ, сволоки́: про́сто, и два́дцять-со́рокъ разъ іхъ ба́чивъ; а ще хо́четця передиви́тьця, ще щось нина́че въ іхъ... въ отти́хъ мережка́хъ, держална́хъ зъ горля́ночками, въ отти́хъ закама́ркахъ въ ми́снику... въ оттому́, на сво́лоці: »Ро́ку«, ка́же, »Бо́жого 1764 соорудися домъ сей...« »*Соорудися?*... И стара́ це́рковъ *соорудися*... Пе́вно отто́, якъ

и въ Хибцяхъ: и владика — старий, старий! въ золоті шапці; хлопчики въ золотихъ свиткахъ — якъ янголята співали!... въ землю щось закопували...«

А миски у тітки! И на полицяхъ и на миснику, зъ вінцями и безъ вінець, круті и розложисті, зъ боками и безъ боківъ... И все те, знаете, полив'яне: червоні, зелені, білі, жовті... цяцьковані!

Ми часто було: »Будьте, мовъ, ласкові, тітусю!« Зопнетця старенька на лаву — любила такий іхъ показувать; а ми на землі, кучею, — и почне одну за'днією: и білу велику, на вінцяхъ хрещики, на бокахъ пружки — и червону, що паски святять, зъ кривулькою и зъ зеленими голубами на дні. »Оцю«, каже, »въ Лубняхъ, на Спаса — півзолотого вража сідуха! а оцю торікъ въ Оржиці — пятакъ зъ шагомъ; а оцю«, каже, »тутъ такий, ганчарь въ Богодухівку іхавъ«, — и почне намъ, якъ той ганчарь Коломіївськимъ шляхомъ, а вона на вгороді: »по горшки«, кричить, »по горшки!« — пшеничного борошна зъ верхомъ!

А для играшокъ було у неі! та ще й додому надає!... яечокъзнісківъ, карахонёкъ, близнятъ усякихъ: соняшникового або гарбузового насіння, житніхъ колосківъ, що по два на одному стеблі. Або ще воликівъ: »Ось«, каже, »діти, скільки орелъ зъ степу нагнавъ!« — и цілісіньку намъ торбину квасолі: жовтої, синёі, та ще й смужками усякъ! »Тутъ«, каже, »и сиві, и полові, и підчереві!« Підъ Великдень — безконешнихъ писанокъ всякихъ, крашанокъ бразолійнихъ. А літнёі пори лучитця у неі— понавозимо додому зайченятъ малюсінькихъ, піръ великихъ, що журавлі зъ крилъ гублять, дрохвинихъ яець, оврашківъ — степовий хутіръ!

— — —

Така-то була, та тітка Настя! Старосвіцькая, дуже старосвіцькая людина! Теперъ такихъ людей, гляди, чи можна вже й найти!

Не веселее тільки покійниці життя було! Одъ чоловіка осталась давно — я й не зазнаю покійника Буркути; синъ одинчикъ бувъ, та й той заіхавъ въ далекі сторони: одна въ Божому світі, якъ пальець! А щобъ по бенкетахъ тамъ, по весіллях, въ кумпаніі — не любила. Въ ряди-годи хіба між люде, та й то, щобъ не зовсімъ такий одцуратця, притьмомъ треба; а то все

домýе, все однá! Та якъ лучáлось и міжъ лю́де — мовчязнá, кажý: якóсь не тулúлось, и лю́де ті мовъ ії чужі, и вонá мовъ імъ чужá... А рóдичі бъ сказáть... Изъ усіéі рідні вонá тільки насъ; такъ разъ те, що такúй далéко й жилú — колú-то въ Бóга доведéтця! а дрýге — матýся тоді молодá людúна булá, все не те! ну, й дрýгою жінкою у татýся: все ніби чужé, чужіше, ніжъ пéрша — такъ ужé скрізь ведéтця!...

Лю́де прирáяли, щобъ когó за дитúну — все такúй, кáжуть, охвітніше. Послýхалась и взялá дя́дькову наймéньшу: »Зъ малóго«, кáже, »якъ зъ вóску, все зліпишъ!« Знáла жъ віскъ! Дитúна вúйшла невмóсна, опрúсклива, — а вже що нечупáрна, то й кінці погубúла! А тутъ ще й старі: »Обіждáе!«, кáжуть,—що, бачъ, úноді дýбчикомъ, абó посвáритця... Шуткýе булó покійниця: »Не мáла«, кáже, »бáба клóпоту, та купúла порося!«, а вúдно, дýже ії те доймáло!

Однá робóта, здаéтця, и розважáла тільки покійницю, та ще отъ, якъ булó у цéрковъ.

Приідемо булó до нéі на степóкъ, підъ косовúцю: »косáрики!« кáже. А якъ гребовúця, то й самá ще зъ граблúми: дівці, мовъ, сóромъ, рýки зложúвши, — дівкою булó себé, якъ веселіша. Прибіжúшъ булó, дасú ззаýха чолóмъ... поцілýе въ гóлову и знóву за граблі. »Бачъ«, кáже, »якъ у насъ дівóта! Скажú«, кáже, »своімъ парубкáмъ« — а парубкú бъ то, удóві дідú, що вже й зубівъ въ рóті не гуртъ,—»скажú«, кáже, »що онъ, мовъ, вонá якъ!« — и геть валóкъ підкúне граблúми!

А въ цéрковъ булó, хоть якá хýga бье, іде въ Вертькú! Доýтрені булó ужé не завжди, а до слýжби — ні однісінькоі не пропýстить. Та ще кóжний разъ и свічку, завéрне въ білу хустúну... И якъ вéрнетця, такá жъ тобі! Неговоркіша ще, здаéтця, а усміхáетця: вúдно, такъ тúхо, бóжо, на душі! а скáже що — мьякó и отóтъ, здаéтця, заплáче! »Сироті бъ«, каже, »тільки молúтьця!«

Та ще булó покійниця, якъ отъ обідъ хто, девятúни, чи сороковúни, — лю́бить. И не те, щобъ такúй справді обідать и поминáть, а щобъ пóратьця: помóже все, якъ слідъ, и додóму, ні за що не зостáнетця! Отъ хібá хто замóжний, и обідъ йде надвóе: въ хáті, а хто бідніший и старці — на двóрі; тоді — такъ, и на такúхъ обідахъ любúла найпáче: все колó таганівъ! И оцé

духъ ду́ха пошиба́, а вона́ — підти́кавшись, підсми́кавшись, хусти́на та зпідъ керсе́та. А якъ прийдуть попи́ и поблагословля́ть — и почне́ коло́ своіхъ: садови́ть, по́штуе, припро́шуе... Иноді — вся́кові, зна́ете, буває́ть покійники! Инший и вікъ свій зживъ, а нічо́го на той світъ не заробивъ — и зга́дувать ні-защо, найпа́че отті бідо́ті. И якъ обійде ча́рка разівъ кільки — всячиною почну́ть!.. То було покійниця, якъ по́чне, якъ по́чне — вміла зъ отти́мъ наро́домъ — то чоловікъ и зхаменётця: »Неха́й«, ка́же, »уже́ Богъ ёго́ су́дить! то оди́нъ суддя́ нелука́вий!«... Не одну́ ду́шу вона́ оберегла́ тамъ одъ людськи́хъ проклёнівъ.

— — —

Зъ ча́сомъ у покійниці и того́ не ста́ло, ста́рість почала́ одолівать. То було́, давніше — звісно, діти: »Чого́, мо́вь, тіту́сю, зъ ціпо́чкомъ?« — »Охвітні́ше«, ка́же, »одъ соба́къ!«; а то: »поживете́ зъ моє́, сами́ поба́чите«... А да́лі до того́ вже дійшло́ — ми підросли́, розуміть ста́ли, а найме́ньший брату́ха... »На те«, ка́же, »моя́ дити́но, на трёхъ, щобъ на чотирёхъ не ла́зити!« И жарту́е було́ и́ноді, жарту́е, та на таке́ зве́рне... »Я«, ка́же, »бу́ду ско́ро тако́ю, якъ ти бувъ коли́сь: въ пелюшки́ мене́ загорнуть, въ коли́сочку поло́жять!«

Та и не добача́ть да́льше ста́ла, и не дочува́ть: девя́тий десятокъ карата́ла, та и трудя́ща люди́на... Иноді було́, якъ почне́ приглежуватьця до те́бе, або́ прислуха́тьця, поки́-то пізна́ або́ почу́е! »Мовъ крізь густе́ си́то«, ка́же, »а у́ші нина́че позати́кані.«

Тимъ въ це́рковъ ду́же-ду́же вже рідко, та й то хіба́ літомъ; а на обіди, въ по́ле, між лю́де — »Одъіздила вже своє́, неха́й ще дру́гі!« На вгоро́дъ хіба́ було́ ви́дибуля, полото́ть, по́мацки; а то все въ ха́ті, все на полу́ — пряде́. И прядіння тамъ було́.. Сама́ и́ноді: »Якъ упущу́«, ка́же, »почи́нокъ, и нема́ нікого́ — поки́ то нама́раю! и́ноді всю ха́ту ви́рачкую!« Все то за віскъ! Своя́ й пасічка, та й матуся, — чи вже бъ то пожаліли! »Трудови́те«, ка́же, »не те, що даровите, або́ своє́: мо́же, хоть симъ Бо́гові приспособлю́сь!«

А по́тімъ и ліжма тре́ба лягти́! Притомна була́, поки́ и вмерла — и памятувала твердо, и говорила, и розуміла — та сили нема́! Въ рука́хъ ще ся́къ-такъ — віконце одчини́ть, ло́жку; а нога́ми — хіба́ підъ ру́ки, то й то тільки-тільки що диба́! »За-

молоду не поберегла́, одту́пала, одтопта́ла!.. Зажила́сь«, ка́же, »зажила́сь, пора́ бъ и честь знать!«

Такъ ще вона́ го́дівъ кільки пронуди́ла світомъ — ви́лежала, ви́качалась на полу́. Якъ при́йде вже ду́же тя́жко: »Прийми́ вже!« мо́лить було́ Бога́: »на́-що я тутъ здала́сь!«; а поле́гша: »Ёго́ свята́я во́ля!... Вінъ«, ка́же, »зна, що́ ро́бить!«

Не разъ до си́на писа́ла: »Прили́нь, моя́ дити́но, хоть подивлю́сь!... хоть въ оста́тній разъ! хоть о́чі мені закри́й!« — »Радъ би«, ка́же, »прили́нути, та кри́лець не ма́ю!«

— — —

Въ оста́тній разъ ба́чивъ за ти́ждень передъ сме́ртю.

Приіжжу́, а вона́ підъ комо́рою, на присінкахъ — на со́нечко ви́несли...

— Се ти, ка́же, — дити́но моя́?

»Я«, кажу́, »тіту́сю!«

— А що жъ ва́ші — чи ще вони́, ще́?

»Та ще, сла́ва Бо́гу!«

— Сла́ва Бо́гу! ка́же... А я, ка́же, на со́нечко; тільки щось и воно́ — а со́нце и ди́хать не дае́... Я вже, ка́же, ёму́: »и ти, мовъ, старосвіцьке, и я — хоть ти мені!« не гріе, розледачіло, за молодне́чею!...

Якъ уміра́ла, ми зъ *мое́ю* не були́, у Лубні ходи́ли... Дали́ зарікъ: якъ дасть намъ Богъ си́на — пішко́мъ у Ки́івъ, до Пече́рськихъ, а дочку́ — до Офана́сія свято́го: Богъ Наде́ждочку посла́въ!

Смерть, ка́жуть, була́ — пошли́, Го́споди, и вся́кому тако́і! ти́хая, пра́ведная!... *Зтриво́жилась* тро́хи — про си́на згада́ла; а по́тімъ и зно́ву: до кінця́ ви́держала, хоть, ка́жуть, крича́ть, а не пла́кать!...

За день почу́ла: »Иде́«, ка́же, »иде́!«

Посла́ла за всіма́, и щобъ Михаіла старо́го, одсобо́рувать: »Ёго́«, ка́же, »ба́тько ввівъ, а вінъ неха́й виво́дить!«

Зібра́лись, одсобо́рувавъ покійникъ Михаілъ — все то покійники!... Роспорядкува́ла — надіть, на це́рковъ, старця́мъ... чимъ домови́ну — де́сять ро́ківъ жда́ла, таки́ діжда́лась!

Вечоріть почало́!... »Тепе́ръ же«, ка́же, »попроща́ймось!... — »Що́ ви!« — бу́демо, мовъ, жить, Бо́га хвали́ть! — »Ні«, ка́же, »попроща́ймось!« — до татуся́...

Нахили́всь покійникъ, го́лову въ оби́дві ру́ки, и до́вго-до́вго придивля́лась! »Го́ренько«, ка́же, »мені тя́жкее!«, и вже па́льцями, по лицю́... И такъ же то, ка́жуть!... »Такъ«, ка́же, »такъ!... и у покійника ба́тька — воло́сся, лобъ, нісъ... А бро́ви«, ка́же, »мату́сини... Де то вона́,« ка́же, »тепе́ръ, моя́ рідная? чи поба́чу ії?«...

Мату́сю до́вго, ду́же до́вго тули́ла до се́бе!.. »Ти въ ме́не«, ка́же, »золота́я була́!.. Я, мо́же«, ка́же, — »одпусти́ мені! Та не пуска́й въ дале́кі сто́рони—нікого́ не пуска́й, ні о́дного!.. Ой«, ка́же, »си́ночку, Степа́ночку, дити́но моя́!..«

По́тімъ ніби заспоко́ілась.

— Поверніть, ка́же, мене́ на дру́гий бікъ!

Поверну́ли, позіхну́ла...

— Поверніть зно́ву!

Зно́ву поверну́ли, зно́ву позіхну́ла.

— Нина́че спать, каже, хо́четця!.. Поверніть впять, та кватйрку одчиніть.

Поверну́ли, одчини́ли...

— О-хо-хо́хъ! ка́же.

»Засну́ла!« хтось.

А покійникъ Михаїлъ. »Засну́ла«, ка́же »засну́ла!...«

— — —

Ми зъ *моє́ю* са́ме до язівця́ дохо́дили, верта́лись зъ Лубе́нь...

— Така́я смутна́я-смутна́я вона́, дити́на пла́че, та й у ме́не щось...

— Коли́ зра́зу, ніби́ ла́даномъ...

— Чу́ешъ? кажу́...

»Чу́ю!«

И въ слёзи!

— Чого́ ти?

А въ само́го такъ и ду́шять...

— И сама́, лю́бий, не зна́ю!...

И якъ разъ, въ той са́мий день, въ ту са́му годи́ну...

М. Но́мисъ.

Р. Б. 1860. генваря́ 10 дня.
СПБ.

ПІВПІ́ВНИКА

Гишпа́нська дітська ка́зочка.

Була́ собі коли́сь га́рна ку́рочка, и до́бре ій жило́сь у дворі въ селяни́на. Кругъ не́і метуши́лась ку́пка дітокъ чима́ла, и між тими дітками одно́ собі вдало́сь препога́не и скалічене. Отъ же сего́ найбільшъ ма́ти й коха́ла, бо въ матіро́къ такъ завсегда́ буває. Мизе́рне те курчя́ ви́велось изъ мале́сенького яе́чка. Півкурчяти тільки й ви́велось, мовъ хто одтя́въ половинку. Зъ одни́мъ тільки о́комъ, зъ одни́мъ крило́мъ и одні́ю ного́ю. Що жъ? дарма́, що каліка, а така́ жъ була́ пиха́ въ того́ курчяти, якъ и въ его́ ба́тька, старо́го півня; а ба́тько его́ бувъ найпишнійший, пова́жний и огрядни́й півень, — хочъ сто версто́въ исходи́ круго́мъ, тако́го дру́гого не поба́чишъ. Дурне́ курчя́, підрісши, забра́ло собі въ го́лову, що воно́ ди́во міждо курми́. Якъ за́чнуть було́ ку́рити его́ на́ сміхъ підійма́ти, то воно́ собі й ду́мае: »Се зъ за́здрости!« Якъ же́ курчя́та до его́ при́кладки прикла́дують, то воно́ гово́рить: »Се зъ доса́ди, що я на іхъ и диви́тись не хо́чу!«

Отъ, разъ и ка́же те Півпівника своій ма́тері: »Слу́хай лишъ, ма́мо. Обри́дло вже мині жи́ти въ селі. Наду́мався я до царя́ доступи́тись; хо́чу я подиви́тись на царя́ й на цари́цю.«

Бідна ма́ти ажъ закудкудахкала зъ ля́ку, таке́ почу́вши.

»Дити́но моя́!« ка́же, »хто се тобі таку́ дурни́цю въ го́лову вки́нувъ? Твій ба́тько ніко́ли зъ свого́ села́ не вихо́дивъ, дарма́, що кра́щого півня на всім світі нема́е. Чого́ тобі й бажа́ти, якъ на́шъ двіръ? у царя́ кра́ще тобі не бу́де. Глянь, яке́ гноїще га́рне, яке́ зерно́ намъ смашне́ посипа́ють, яке́ затишне́ сідало въ насъ, и сімья́, сла́ва Бо́гу, не мале́нька, и всі тебе́ коха́ють.«

— »Байдуже́ мині!«—одрізало нависне́ Півпівника. »Брати́ мої и се́стри — дурна́ сільска́ темнота.«

»Моє́ голубя́тко«, ка́же ёму́ ма́ти, »хиба́ жъ ти въ во́ду на се́бе не дивилось? хиба́ жъ не ба́чишъ, що въ те́бе одного́ о́ка и одніи́ ноги́ дасть-Бігъ?«

— »Коли́ ти зачепи́ла мене́ зъ сёго́ бо́ку, ма́мо«, — одповіда́е Півпівника,—»такъ я тобі скажу́, що со́ромъ тобі самій. що я таки́й уроди́вся. Ти, ма́мо, сама́ тому́ ви́нна. Изъ яко́го я́ечка я ви́лупився? Мабуть, така́ ку́рка знесла́, що й на сідало не зско́чить.«

»Ні, моя́ дити́но«, ка́же ёму́ ма́ти; »съ таки́хъ я́ець лу́плятця тільки ящурки́, а ти ви́лупилось изъ оста́ннёго я́ечка, що я сама́ знесла́; зати́мъ таке́ и мизе́рненьке, що ти поскрібочокъ. Яка́ жъ тутъ моя вина́, се́рденько?«

А Півпівника, зади́раючи черво́ний гребіне́ць, ка́же:

— »Мо́же, я тако́го лікаря знайду́, що мині все те попристаля́е. чого́ въ ме́не нема́. То нічого більшъ и бала́кати,—пійду́!«

Ба́чить бідола́шня ма́ти, що́ воно́ за упиря́ка, та й ка́же:

»Хочъ же послу́хай моеі до́броі ра́ди, моя́ дити́но. Якъ пійдешъ у мандрівку, то не прохо́дь бли́зько коло тако́і це́ркви, на кото́рий свяги́й Петро́ намалёваний: не лю́бить вінъ пі́впівъ здо́рово, а ще більшъ—іхъ кукурікання. Ще жъ оберега́йсь у сві́ті тихъ люде́й, що кухаря́ми зву́тця, та й куховаркамъ на́ очи не наверта́йся, бо все то лихі на́ши ворогй: и не пи́спешъ, якъ вони́ тобі ши́йку перечи́кають! Тепе́ръ же, си́ночку, неха́й тебе́ бережѐ Госпо́дь и святи́й Мико́ла, до́брий помішни́къ у доро́зі. Иди́ собі, коли́ не хо́четъ зъ на́ми жи́ти, тільки попроси́ та́та, неха́й тебе́ благослови́ть на доро́гу.«

Півпівника скікну́ло до пова́жного півня, вклони́лось ёму́ низе́сенько и поцілува́ло въ кіхоть. Шано́вний ба́тько поблагословивъ ёго́ не такъ-то жа́лібно, а більше зго́рда, бо за спесиву вда́чу не люби́въ вінъ свого́ синка́. Ма́ти жъ, такъ та за слізми й світу Бо́жого не ба́чила, и знай сухи́мъ листо́чкомъ о́чи втира́ла.

Ру́шило Півпівника въ доро́гу, стрепену́ло крилце́мъ и тре́йчи заспіва́ло на знакъ свого́ одхо́ду. Прийшло́ воно́ до рівчака́, а діялось се діло середъ літа, такъ рівча́къ ма́ло не зовсімъ пересо́хъ, и дітво́ра ёго́ гре́белькою пересипала. Поба́чивъ рівча́къ подоро́жнёго, та й ка́же и дзюрчи́ть такі слова́:

»Ти ба́чишъ, бра́тіку, якъ я засла́бъ, наси́лу ворушу́сь; нема́е въ ме́не си́ли й дітську гре́бельку прорва́ти, щобъ вона́ мене́ не зупиня́ла; а звернути въ бікъ, — про се вже хочъ и не кажи́. Ви́зволь мене́ зъ се́ї бі́ди, розгреби́ своїми кіхтями піско́къ на гре́бліі. За се ти пи́тимешъ мою́ во́ду, коли́ схо́чешъ и скільки схо́чешъ, а якъ пі́йдуть дощі та прибавля́ть мині води́, то я, мо́же, тобі въ вели́кій приго́ді ста́ну.

А Півпівника ёму́ одка́зуе:

— »Не хо́чу розгріба́ти! Що́ я тобі за робітникъ? Хиба́ буває́ють такі робітники въ тако́го мизе́рного та каламу́тного рівчака́?«

»Ну, да́мся жъ я тобі въ зна́ки тоді, якъ ти й не ду́матиметь!« замимривъ рівчачо́къ ти́химъ го́лосомъ.

— »Дождись пе́рше дощу́!« — одрізало ёму́ Півпівника. »Куди́, яки́й ти страшни́й на слова́хъ! а за́втра мо́же й горобці по тобі скака́тимуть.«

Да́лі стріло воно́ на доро́зі вітра. Лежи́ть біда́ха вітеръ, ле́дві ди́ше.

— »Лю́бе моє́ Півпівника!« ка́же вінъ подоро́жнёму, — »на віку́, якъ на до́вгій ни́ві, всёго тра́питься; тре́ба намъ помага́ти одинъ одно́му. Підійди́ бли́жченько та придивись до ме́не. Ба́чишъ, якъ мене́ спе́ка полуде́нна одоліла! а я було́ и лісй лама́ю, и жита́ толо́чу, и стріхи зрива́ю; ніхто́ проти ме́не не встоїть. Не лежа́въ би я й тепе́ръ на доро́зі, та ли́хо мині надало́, підупа́вши на си́лахъ, коло́ квіто́къ гуля́ти; впився я одъ іхъ ду́ху соло́дкого, а жарки́й день и вклавъ мене́ середъ доро́ги. Коли́бъ ти мене́ тільки тро́шечки одъ землі своїми кіхтями підкинуло та ще крило́мъ піддало́, то я й піднявсь бы вго́ру и полетівъ у свою́ сто́рону. Тамъ моя́ ма́ти хуртови́на зъ се́страми фи́жами праці́ють тепе́ръ, направля́ючи золоті хма́ри, що я порозрива́въ козаку́ючи. Тамъ, тільки дадуть мині попоісти, такъ я зновъ увійду́ въ си́лу.«

»Добро́дію!« одвітува́ло Півпівника, »а забу́въ, якъ ти було́ мно́ю горду́ешъ, та хвістъ мині куёвдишъ та ростопіруешъ, мовъ тому́ инди́кові, лю́дямъ на сміхъ, а мині на вели́ку доса́ду? Ото́ жъ знай, що всякому своя́ пора́. Буває́й здоро́въ, мій пане!«

Сказа́вши се, закукурікало го́лосно Півпівника и го́рдимъ по́ступомъ пошкандиба́ло да́лі.

Наузкра́й ни́ви, на стерні, курівсь димо́къ мале́нький. Півпів-

ника підійшло́ до ёго и побачило́ и́скорку въ по́пелі; ле́дві, ле́дві жёврiе и́скорка.

—»Коха́не Півпі́вника!« ка́же вона́ ёму́—»у до́бру годи́ноньку ти надійшло́ до ме́не; ти мене́ одъ сме́рти оборо́нишъ; отъ-отъ му́шу згасну́ти, що нічимъ мині живи́тися. Не зна́ю, де мій прия́тель вітеръ застря́въ, ато́ бъ вінъ мені за́разъ допомігъ. Будь ла́ско, пригорни́ до ме́не тро́шки сухо́го ли́стячка або́ солімки, — я за́разъ ожи́ву й звеселю́ся.«

»А що́ мині по то́му?« одказа́ло ёму́ Півпі́вника. »Га́сни собі, коли́ тобі хо́четця; ти мині ні на віщо не потрібенъ.«

—»Ой гледи́ лишъ!« ка́же и́скорка. »Мо́же, й я коли́-не́будь стала бъ тобі въ приго́ді! Не плюй, ка́жуть, у во́ду; мо́же, згоди́тця напи́тьця.

»Диви́сь!« гукну́ло на не́і Півпі́ника: »ще й стра́шить! Отъ же тобі за се!«

Та й засипало и́скорку по́пеломъ; а по́тімъ почало́, своімъ звича́емъ, звовъ кукурікати, мовъ яке́ вели́ке ділo зроби́ло.

Прійшло́ Півпі́вника въ столи́цю и йде ми́мо це́ркви, а на це́ркві свяги́й Петро́ намалёваний. Тутъ би ёму́ мерщій утіка́ти, такъ що́ жъ, коли́ леда́ча вда́ча така́! Ста́ло якъ разъ противъ двере́й, напу́жилось, та й кукурікнуло зъ усіе́і си́ли, аби́ ма́тери не послу́хати.

Підхо́дить воно́ до царського́ буди́нку, щобъ подиви́тись на царя́ й цари́цю. Моска́ль, стоя́чи коло буди́нку зъ оружи́ною, за́разъ гукне́: »Куди́? цаза́дъ!« Воно́ таки́ й зляка́лося та підъ воро́та. Гля́не, ажъ чоловікъ яки́йся въ бі́лій ша́пці. Воно́ й пита́етця въ горобця́: »Що́ се за чоловікъ?« — »Се«, ка́же, »ку́харь царськи́й.« Ну, що́ же бъ утіка́ти хочъ звідсіля, якъ ма́ти навча́ла! Куди́! воно́ й гребіне́ць свій черво́ний и хвістъ закру́чений настовбу́рчило, на́че що́ пу́тне, та про́сто й чимчику́е до ку́харя бо́комъ на ёго позира́ючи; а ку́харь хіпъ ёго́ за крило́! та за́разъ чикъ! тутъ воно́ й ніжкою задри́гало.

—»Гей!« гукне́ тоді ку́харь на свої хлопя́та,—»а ке́те сюди ки́пячу́! ось я ёго́ обпа́трошу!«

»Води́це, моя́ сестри́це!« ка́же тоді Півпі́вника, »будь ла́ско, не печи́ мене́, змилосе́рдись надо мно́ю!«

—»А ти надо мно́ю зми́лувалось, якъ я тебе́ прохала, течучи́ рівчако́мъ?« одрізала вода́, та ажъ кипи́ть изъ се́рця, и обпа́рила ёго́

до-щéнту; а тутъ хлóпці-кухарчáта кúнулись и ні одногó перця́ на ёму́ не зостáвили.

Пóтімъ узя́въ кýхарь мúску, положúвъ туди Півпівника, та й постáвивъ протúвъ жáру.

— »Ой óгнику, мій брáтіку!« пищúть Піпвівника, —»не печи́ жъ менé, не жаръ же менé!«

»Ось постóй лишъ!« затрещáвъ огóнь, пізнáвши ёго́ и безъ піръя: »я тебé навчу́, якъ менé пóпеломъ закидáти!« та якъ прúшквáривъ (а кýхарь одлучúвсь на часúнку до шúнку), то воно́ й почорнíло, якъ головéшка.«

Вернýвся кýхарь зъ шúнку, бáчить, що огóнь знівечивъ Півпівника, та й вúкинувъ ёго́ на смітникъ.

—»Ой вітре, вітроньку!« квúлить тоді вже Півпівника,—»не займáй же хочъ ти менé; ламли́ лýчче дéрево, толóчъ лýчче житá и зривáй стріхи, а я вже тутъ лежáтиму та на свою́ дóлю плáкатимусь.«

»Ні, такъ одъ мéне не вúкрутисся!« реве́ ёму́ у въ–одвітъ вітеръ, та ажъ свúще крутячись; дáлі підхопúвъ ёго́, піднявъ вúще царськóго будúнку та й кúнувъ. Летúть воно́ унúзъ, а на будúнку гóстрий шпиль залізний; воно́ на той шпиль и настромúлось; а вітеръ и почáвъ ёго́ зривáти, щобъ ищé поглумúтися; а воно́ на шпилю́ й крýтитця. И такъ немá ёму́ впокóю ні въ день ні въ ночі. Спочúне трóхи вітеръ, и воно́ спочúне; а скóро прокúнувсь, зáразъ и почáвъ вертіти то сюдú, то тудú Півпівника. Отó жъ ёму́ за те, що булó неслухня́не, що вúсоко несло́ся и всімъ тільки пáкість робúло.

Панькó Казю́ка.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ДВУХЪ МАЛЯРАХЪ.

Въ одномъ селѣ восточнаго малороссійскаго края была, а можетъ быть и теперь существуетъ, личность въ высшей степени замѣчательная. Эта личность способна возбуждать въ душѣ много думъ и оставлять неизгладимыя впечатлѣнія: то былъ крестьянинъ именемъ Грицько́, ремесломъ — маляръ. Какъ извѣстно, въ малороссійскомъ крестьянскомъ быту, маляръ — явленіе частое. Маляpство—одна изъ обычныхъ первыхъ ступеней, на которую всходитъ крестьянинъ, коль скоро собственное дарованіе выводитъ его изъ земледѣльческой колеи. Маляръ, обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ и грамотный; искуство располагаетъ его къ любознательности; маляръ рисуетъ Богородицу, святыхъ мужей и женъ, — надобно знать, ка́къ изобразить того или другую; является охота узнать, кто они были и что́ съ ними творилось въ жизни, и маляръ читаетъ священное писаніе, житія святыхъ. Маляръ имѣетъ дѣло постоянно съ церковью и потому интересуется церковными вопросами; такимъ образомъ, маляръ входитъ въ область книжнаго міра, которая у поселянъ начинается съ религіознаго круга, точно та́къ, какъ начиналась она въ исторіи Русскаго народа. Но извѣстно, что Малороссіянинъ, какъ только сдѣлается благочестивымъ человѣкомъ, сейчасъ начинаетъ философствовать; у него религіозность ведетъ не къ толкованіямъ обрядовъ и частностей богослуженія, какъ это бываетъ съ Великороссіяниномъ, а обращается либо къ піетизму, либо къ размышленіямъ, и — въ первомъ случаѣ — ведетъ къ поэзіи въ жизни, во второмъ — къ желанію знать природу, человѣка, однимъ словомъ — къ наукѣ. Это желаніе обыкновенно находитъ себѣ скоро предѣлъ по

скудости матеріаловъ для питанія.... Не такъ, однако, было съ нашимъ маляромъ Грицько́мъ.

Онъ родился крѣпостнымъ. Въ дѣтствѣ потерялъ онъ родителей и остался на попеченіи родни. Его приставили пасти господское стадо, не помню — какое. Въ мальчикѣ было что-то странное; крестьяне считали его придýркуватымъ. Лишнимъ будетъ разсказывать, какъ удалялся онъ отъ дѣтскихъ игръ и какъ мальчики за это щипали и тормошили его. Иначе, пришлось бы невольно повторять то́, что́ такъ часто встрѣчается въ житіяхъ святыхъ при описаніи ихъ дѣтства. Когда безвѣтріе не дозволяло работать мельникамъ, Грицько усаживался близь села подъ вѣтряной мельницей, и рисовалъ углемъ или мѣломъ на стѣнѣ разныя фигуры; такъ однажды, онъ растерялъ своихъ животныхъ; за что его высѣкли. Тоже повторилось и въ другой разъ. Помѣщикъ разсудилъ, что его дворовый мальчикъ не даромъ чертитъ изображенія и, ради такихъ занятій, дурно проходитъ свою служебную карьеру: изъ него скорѣе выйдетъ живописецъ, чѣмъ свинарь или овчарь; подумалъ помѣщикъ и отдалъ его въ науку къ какому-то художнику въ своемъ уѣздномъ городѣ. Такъ поступилъ помѣщикъ въ тѣхъ видахъ, что мальчикъ можетъ выучиться, станетъ ему платить оброкъ; и принесетъ, со временемъ, барину больше пользы, чѣмъ сколько могъ бы принесть въ званіи пастуха. И вотъ Грицько живетъ у хозяина, учится прилежно; хозяинъ не похвалится его понятливостью; его не нужно понукать, — приходится отрывать его отъ работы; ему не надобно десять разъ одного и того же вбивать въ голову, — онъ самъ спроситъ и не забудетъ того, что́ ему скажутъ. Захотѣлось самому Грицьку научиться грамотѣ: хозяинъ далъ ему букварь, показалъ разъ, другой — и Грицько, въ короткое время, выучился складамъ и сталъ читать бѣгло. Впослѣдствіи онъ сознавался, что когда рисовалъ на мельницѣ фигуры, то это были вымышляемыя имъ буквы. Грицька занимала мысль: какъ это люди читаютъ? »Я«, говорилъ онъ, »долго думалъ надъ этимъ и дошелъ до того, что, вѣрно, какое говорится слово, такое и малюется; и началъ въ умѣ самъ съ собою говорить, да какое слово скажу, то и намалюю, а потомъ и помню, что вотъ та́къ я его намалёвалъ; послѣ того пришло мнѣ въ голову, что вѣрно не та́къ: словъ много, — ка́къ можно всѣ ихъ припомнить! Тутъ я началъ

примѣчать, что иное слово на другое походитъ, а иное разнится: такъ я, что похóже, тó на одну стать и малюю.« Сколько припоминаю, такимъ образомъ, кажется, онъ объяснялъ этотъ путь. Но какъ бы то ни было, нашъ Грицько самобытною дорогою шелъ къ цѣли, которую давно нашло человѣчество. Онъ не дошелъ до нея подъ своей мельницей, а достигъ ея обычнымъ для всѣхъ путемъ за букваремъ у уѣзднаго художника.

Грицько началъ читать что ни попало: читалъ и священную исторію, читалъ и романы, читалъ Библіотеку для чтенія: тамъ, какъ говорилъ онъ, — на него сдѣлали впечатлѣніе особенно жизнеописаніе папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда онъ вчитался болѣе, его стали занимать помѣщенныя въ »смѣси« извѣстія о разныхъ открытіяхъ въ области естествознанія. Бѣда только, что, по причинѣ множества научныхъ терминовъ, онъ понималъ тамъ съ пятаго на десятое. Болѣе всего хотѣлось ему знать: какъ это свѣтъ стоитъ, какъ онъ держится и какъ всякія вещи сложились, какъ одно съ другимъ вяжется. Грицьку представлялись безчисленные вопросы; они мучили его, потому что онъ на нихъ не находилъ отвѣта, ни въ тѣхъ книгахъ, какія ему попадались, ни у людей, съ которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбилъ ариѳметику; онъ получилъ указанія отъ другихъ только въ четырехъ правилахъ, а потомъ уже самъ собою уразумѣлъ таинства дробей и сложность тройного правила.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ у хозяина, Грицько сталъ платить помѣщику оброкъ и работать въ разныхъ селахъ своего околодка по церквамъ. Однажды, на пасху — это было въ 1837 году,— онъ прибылъ въ свое село къ роднымъ. Здѣсь, въ церкви, въ ночь свѣтлаго воскресенія, предъ заутреней онъ читалъ дѣянія.... тогда я въ первый разъ его увидѣлъ. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, провозгласить: трудно противу рожна прати.... Это было пророческое слово о судьбѣ его!

Грицько былъ невысокаго роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, съ необыкновенно выразительными и добрыми глазами и съ слабою грудью, какъ показывалъ его прерывистый, хотя крикливый, но скоро упадающій, голосъ. Въ характерѣ его была удивительная кротость и мягкость. Онъ былъ молчаливъ и робокъ; не спѣшилъ самъ ни съ кѣмъ разговаривать, а если на-

чиналъ разговоръ, то для того, чтобъ спросить о чемъ-нибудь и научиться отъ другихъ, и только тогда становился смѣлѣе, когда видѣлъ, что его любятъ. Онъ зналъ священное писаніе изумительно и могъ потягаться въ текстахъ библейскихъ съ любымъ Поморскимъ начетчикомъ. Но замѣтно было, что не чувство благочестія влекло его къ такому чтенію: онъ искалъ въ немъ того, что́ называется положительнымъ знаніемъ. Любознательность Грицька обращалась болѣе всего на матеріальную природу и странно было слышать, какъ онъ задавалъ себѣ вопросы, давно уже рѣшенные физикою или естественной исторіей, и искалъ отвѣта то въ библіи, то въ Иванѣ Выжигинѣ Булгарина, то въ повѣстяхъ Марлинскаго. Одинъ помѣщикъ, получившій образованіе въ харьковскомъ университетѣ, началъ давать ему книги и расширилъ кругъ его чтенія. Грицько читалъ ихъ съ жадностію. Ему подарили Всеобщую Исторію Аббата Миллота, популярную Астрономію и курсъ математики, и онъ былъ внѣ себя отъ восторга.

Нѣсколько лѣтъ не видалъ я Грицька послѣ этого, но случай привелъ меня увидѣть его въ томъ же селѣ, въ 1845 году. Грицько былъ уже женатъ на крестьянской дѣвушкѣ изъ своего села, имѣлъ свою собственную хату, платилъ оброкъ и занимался малярствомъ, выручая насущный хлѣбъ на иконахъ. Безъ посторонняго руководства, Грицько уразумѣвалъ свою книгу — курсъ математики и, съ изумительною правильностью и вѣрностью, рѣшалъ трудныя алгебраическія и геометрическія задачи. Онъ прочиталъ уже физику, зналъ изложенные въ ней законы природы, любилъ толковать объ опытахъ, которыми человѣческій умъ достигалъ до уразумѣнія этихъ законовъ. Но библіи онъ уже не читалъ и, вообще, его мало занималъ священный кругъ. Онъ, повидимому, лишенъ былъ поэтическаго чутья. Его не плѣняла красота природы: онъ стремился къ природѣ разсудочнымъ анализомъ; онъ хотѣлъ изслѣдованія, а не восторга; чудесное не плѣняло его — онъ отвращался отъ него; на первомъ планѣ у него стояла мысль: »это невозможно; а что́ невозможно — о томъ и толковать не́чего«. Ему скучны казались Пушкинъ и Жуковскій; даже стихи Шевченка не пробудили въ немъ сочувствія по родственности языка. Только Квиткины повѣсти заняли его, но не по художественности, а по вѣрности изображенія крестьянскаго мало-

россійскаго быта, въ которомъ онъ самъ родился и взросъ. Прежняя кротость и скромность остались въ немъ неизмѣнны. Грицько, казалось, съ покорностью и безъ ропота сносилъ свою долю, но когда ему замѣтили — какъ было бы хорошо, если бъ онъ родился вольнымъ — онъ заплакалъ. Находились люди, хотѣвшіе и тогда выкупить его у помѣщика, и давали, по тогдашнему счету, 500 р. асс.; помѣщикъ не соглашался: по своимъ расчетамъ могъ въ нѣсколько лѣтъ получить съ него болѣе оброкомъ.... И Грицько остался крѣпостнымъ. »Больно то«, говорилъ Грицько, »что насъ, бѣдныхъ людей, держатъ въ заблужденіи и невѣжествѣ.«

Быть можетъ, неизбѣжная борьба внутренняго саморазвитія съ гнетущимъ положеніемъ уже свела его въ могилу; быть можетъ онъ и теперь платитъ господамъ оброкъ и пишетъ какую-нибудь Иродіаду съ кинжаломъ надъ головой Іоанна Крестителя.... Во всякомъ случаѣ, ему теперь подъ пятьдесятъ лѣтъ; онъ угасъ для всего будущаго въ этой жизни.

Въ тотъ же годъ, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Грицька-маляра, на противоположномъ, западномъ краю Малороссіи, случай свелъ меня съ другимъ маляромъ. Первоначальная судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа, щедрая для обоихъ, даровала этому маляру иныя дарованія и потому судила иной путь. Этотъ маляръ назывался Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Нѣтъ нужды здѣсь излагать повѣсть о его дѣтствѣ, о первоначальномъ его воспитаніи: онъ самъ описалъ все это въ своей автобіографіи. Этотъ маляръ не завязъ въ цѣпяхъ, которыя обвивали его при рожденіи, — его талантъ прорвалъ ихъ, вывелъ его изъ тѣсной сферы неизвѣстности для высокихъ думъ, тяжелыхъ страданій и безсмертія. »Той бѣ слава дней своихъ«, скажетъ о немъ нѣкогда Малороссія, какъ это нѣкогда сказано было объ одномъ изъ ея гетмановъ.

Съ Тарасомъ Григорьевичемъ я познакомился въ Кіевѣ въ 1845 году. На первый разъ въ немъ не показывалось ничего привлекательнаго, ничего теплаго; напротивъ, онъ былъ холоденъ, сухъ, хотя простъ и не церемоненъ. Онъ измѣрялъ мои слова и движенія съ недовѣрчивостію: онъ поступалъ, какъ часто поступаетъ очень честный и добрый малороссіянинъ, встрѣчая незнакомое лицо, и чѣмъ это лицо навязчивѣе старается вызвать его на откро-

венность и искренность, тѣмъ становится онъ осторожнѣе. Иначе и быть не можетъ въ народѣ, который слишкомъ часто видитъ обманъ и двоедушіе. Это качество измѣнилось у Шевченка въ послѣдніе годы, когда мы съ нимъ увидѣлись послѣ долгой разлуки: оно даже перешло у него въ другую крайность, — излишнюю довѣрчивость. Но въ тѣ времена, въ тѣ поры его молодости, онъ сохранялъ эту своенародную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружились. Тарасъ Григорьевичъ прочиталъ мнѣ свои ненапечатанныя стихотворенія. Меня обдало страхомъ: впечатлѣніе, которое они производили, напомнило мнѣ Шиллерову балладу »Занавѣшенный Санскій Истуканъ«. Я увидѣлъ, что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса, — не знающей, что́ сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатьми, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло вошла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣчочемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Легко будетъ входить въ это подземелье, когда воздухъ туда проникнетъ; но какая человѣческая крѣпость можетъ устоять противъ убивающаго въ мгновеніе всѣ силы жизни, погашающаго всякой земной огонь, вѣкового испаренія! Горе дерзкому поэту! онъ забываетъ, что онъ человѣкъ; и если первый рѣшается вступить туда, — то можетъ пасть.... Но поэзія не устрашится никакого губительнаго испаренія, если только она истинная поэзія; и не погаситъ ея свѣточа никакая историческая или нравственная углекислота; ибо этотъ свѣточь горитъ нетлѣннымъ огнемъ — огнемъ Прометея....

Не долго видѣлъ я Тараса-маляра въ Кіевѣ: обстоятельства

насъ разлучили.... Не мнѣ разсказывать его дальнѣйшую біографію.... Въ 1858 году, мы увидѣлись снова въ стѣнахъ Академіи Художествъ. Тарасъ не узналъ меня. Цѣлый часъ я не говорилъ ему своего имени, и онъ все таки не назвалъ его, пока не услышалъ отъ меня самого. Тогда онъ заплакалъ и этимъ показалъ, что не отъ того не узналъ, что забылъ обо мнѣ. Но въ немъ— все напоминало прежняго Тараса; его желѣзная натура много выстояла и не пала физически; чистъ онъ остался въ своихъ убѣжденіяхъ, свѣжо еще было въ немъ поэтическое чутье; любовь къ доброму и прекрасному прорывалась во внутренней борьбѣ съ вліяніемъ внѣшняго растлѣнія; но талантъ его великаго творчества — начиналъ ослабѣвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя, отъ страха предъ отверзающеюся пропастью, хотѣлъ отвернуться и увѣрить самого себя, что нѣтъ того, что́ ему угрожало. Читанныя имъ въ Петербургѣ, въ послѣдніе годы, его стихотворенія были слабѣе тѣхъ огненныхъ произведеній, которыя нѣкогда онъ читалъ мнѣ въ Кіевѣ. Время возметъ свое надъ человѣкомъ, *зане перстенъ есть.*

Пострадавшій всю жизнь, Шевченко, предъ концомъ дней своихъ, былъ облеченъ заслуженною славою. Его родина — Малороссія — видѣла въ немъ своего народнаго поэта; Великороссіяне и Поляки признавали въ немъ великое поэтическое дарованіе. Онъ не былъ поэтомъ тѣсной исключительной народности: его поэзія приняла болѣе высокой полётъ. Это былъ поэтъ общерусскій, поэтъ народа не малорусскаго, а вообще Русскаго народа, хотя и писалъ на одномъ изъ двухъ, искони существовавшихъ, нарѣчій этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытавшемъ насильственныхъ школьныхъ измѣненій, и потому-то болѣе способномъ для того, чтобъ дать Россіи истинно народнаго поэта.

Нѣкоторые близорукіе судьи изящнаго мѣряли его съ Кольцовымъ, и даже находили послѣдняго выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что́ такое народный поэтъ, и не могли возвыситься до уразумѣнія его достоинства и значенія. По ихъ понятію, народный поэтъ есть тотъ, кто можетъ удачно изображать народъ и заговорить въ его тонѣ. Таковъ и былъ Кольцовъ; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ превосходно выполнилъ эту задачу и достойно свѣтлѣется его имя въ ряду

знаменитостей русской литературы. Не таковъ былъ Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не *подражалъ* народнымъ пѣснямъ; Шевченко не имѣлъ цѣлію ни описывать своего народа, ни поддѣлываться къ народному тону: ему не зачѣмъ было поддѣлываться, когда онъ по природѣ своей иначе не говорилъ. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя. Народныя пѣсенныя формы переходили въ стихи Шевченка не вслѣдствіе изученія, не по разсужденію — гдѣ что́ употребить, гдѣ какое выраженіе годится поставить,—а по естественному развитію въ его душѣ всей безконечной нити народной поэзіи; не потому, что Шевченко хотѣлъ ихъ ввести и поставить, а потому, что они, по существу народной поэзіи, сами устанавливались такъ, а не иначе. Шевченко сказалъ то́, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, еслибъ его народное существо могло возвыситься до способности — выразить то́, что́ хранилось на днѣ его души. Святое сокровище — оно скрывалось тамъ подъ тягостію житейской прозы, и было для него самого невидимо, незамѣтно, пока животворные звуки генія не коснутся до сокровенныхъ тайниковъ души, и не нарушатъ безмолвія мысли своею упоительною мелодіею и не покажутъ чувству того, что́ составляло его достояніе и не было до сихъ поръ имъ ощущаемо. Пробужденный отъ своей прозаической апатіи голосомъ такой поэзіи, народный человѣкъ, съ трепетомъ и восторгомъ, готовъ воскликнуть: »Это самое я только-что готовъ былъ сказать точно та́къ, ка́къ сказано поэтомъ!« Этого не дано было ни Кольцову и никакому другому русскому поэту, кромѣ одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшаго русскаго класса). Кольцовъ заговариваетъ въ народномъ тонѣ; Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ ужъ заговорить, и только ожидалъ, чтобъ изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ: и вслѣдъ за такимъ творцемъ точно такъ заговоритъ и весь народъ, и скажетъ едино-

гласно: это — мое; и будетъ повторять долго-долго, пока не явится потребность новаго видоизмѣненія его поэтическаго языка. Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзіи; и не даромъ явилась она тогда, когда прежнія народныя пѣсни стали забываться. Поэзія Шевченка — законная, милая дочь старой украинской поэзіи, организованной въ XVI и XVII вѣкѣ, такъ какъ эта послѣдняя была точно также дочерью древней южнорусской поэзіи, той далекой отъ насъ поэзіи, о которой гадательно можемъ мы судить по произведеніямъ Игорева пѣвца.

Народная украинская поэзія видимо приближается къ угасанію. Многія думы козацкихъ временъ, къ счастію, записанныя въ тридцатыхъ годахъ и сохраненныя для литературы, теперь уже совершенно исчезли въ народѣ. Уже и пѣсни семейнаго быта исчезаютъ мало по малу, или портятся: таковъ удѣлъ поэзіи. Поэзія угасаетъ не иначе, какъ упадая въ своемъ достоинствѣ, растлѣваясь; и потому-то новѣйшія передѣлки старыхъ пѣсенъ и новѣйшіе плоды малороссійскаго народнаго творчества дышали такимъ отсутствіемъ изящнаго. Народъ не можетъ творить цѣлою массою, ибо для этого нужно было бы, чтобъ какое-нибудь сильное потрясеніе вызвало его къ творенію новой поэзіи. Да притомъ и въ такія эпохи потрясеній вездѣ бываютъ личности, обладающія талантомъ первоначальнаго творчества; въ сферѣ существующихъ народныхъ пѣсень, эти творческія личности исчезли въ массѣ: ихъ запѣвы переформировались въ теченіи долгаго времени; къ нимъ присоединялись новые мотивы; такимъ образомъ составлялись и пересоставлялись произведенія, существующія въ безконечныхъ отрывкахъ, связуемыхъ народомъ по призыву народнаго вкуса. Между тѣмъ, потребность самооживленія ощущается въ народѣ; народъ чувствуетъ, мыслитъ; многое переполнилось въ его душѣ, много страданій въ ней накопилось, много желаній онъ готовъ заявить: онъ ищетъ выраженія; онъ находитъ его въ своихъ избранникахъ, поэтическихъ личностяхъ, живущихъ народною жизнію, стоящихъ выше каждаго въ отдѣльности по дарованію, и потому способныхъ выразить надлежащимъ образомъ то, что всѣми чувствуется, думается, желается. Вотъ такою-то личностью былъ Шевченко.

Мы сказали, что, будучи малорусскимъ поэтомъ по формѣ и языку, Шевченко въ то же время и поэтъ общерусскій. Это имен-

но отъ того, что онъ — возвѣститель народныхъ думъ, представитель народной воли, истолкователь народнаго чувства.

Судьба связала малорусскій народъ съ великорусскимъ неразрывными узами. Толька легкомысленное скользаніе по поверхности политическихъ событій можетъ находить единственно государственную связь между этими народами, смотрѣть на Малороссію не болѣе какъ на страну, присоединенную къ Россійской имперіи; — но съ другой стороны, только насилующая централизація, убивающая всякую человѣческую свободу и всякое духовное саморазвитіе мыслящаго существа, можетъ, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русскаго народа. Понятіе, основанное на изученіи исторіи и этнографіи русской, всегда признаетъ, что русскій народъ долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ двухъ народностей; между этими народностями лежитъ кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допуститъ ихъ до нарушенія политическаго и общественнаго единства, — та связь, которая не уничтожилась подъ вліяніемъ прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ, насильственно разрывавшихъ эти народности, — та связь, которую не разорвали ни внутреннія неурядицы, ни Татары, ни Литва, ни Поляки, — та связь, которая до сихъ поръ обращаетъ къ нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже нѣсколько вѣковъ тому, къ иной сферѣ. Ни Великоруссы безъ Малороссовъ, ни послѣдніе безъ первыхъ не могутъ совершать своего развитія. Одни другимъ необходимы; одна народность дополняетъ другую; и чѣмъ стройнѣе, уравнительнѣе, взаимнодѣйственнѣе будетъ совершаться такое дополненіе, тѣмъ нормальнѣе пойдетъ русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствовалъ это и уразумѣлъ, и оттого-то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою непріязнію къ великорусской народности, ни донкихотскими мечтаніями о мѣстной политической независимости: ни малѣйшей тѣни чего-нибудь подобнаго не проявилось въ его поэтическихъ произведеніяхъ. И это, между прочимъ, служитъ подтвержденіемъ высокаго достоинства его таланта.... Поэтъ истинно народный, онъ естественно долженъ былъ выражать то, что́, будучи достояніемъ малорусскаго элемента, имѣло въ то же время и общерусское значеніе. Оттого поэзія Шевченка понятна и родственна Ве-

ликоруссамъ. Для того, чтобъ сочувствовать ему и уразумѣть его достоинство, не нужно быть исключительно Малоруссомъ, не нужно даже глубоко въ подробностяхъ изучить малорусскую этнографію, — что можно сказать, напримѣръ, о *Марусѣ* Квитки, превосходнѣйшей, вѣрнѣйшей картинѣ народныхъ нравовъ, но дурно понятой нѣкоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству ихъ съ частностями малорусской народности. Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, — кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія. Не пойметъ и не оцѣнитъ его только тотъ, кто смотритъ на народъ въ лорнетъ, — кто, желая узнать его, не въ состояніи принять другой методы, кромѣ той, чтобъ изучать его жизнь и бытъ, какъ изучаютъ энтомологическій кабинетъ; заносить въ дорожную книжку схваченныя у ямщика фразы и составлять по нимъ систему народныхъ понятій; записывать со словъ барскихъ горничныхъ дѣвушекъ пѣсни, слышанныя ими въ дѣтствѣ на селѣ, и по такимъ пѣснямъ произносить сужденія о сущности народнаго поэтическаго генія; — кто, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ и готовъ заботиться о народномъ благѣ, но не знаетъ, чего хочетъ народъ и какъ онъ этого хочетъ; кто думаетъ дерзко воспитывать народъ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться отъ народа, быть имъ избраннымъ и признаннымъ для такого важнаго дѣла. Такой мудрецъ не пойметъ Шевченка, — и, естественно, что Кольцовъ покажется ему выше по своему поэтическому дарованію: ибо Кольцовъ поетъ — какъ народъ уже пѣлъ; а Шевченко — поетъ такъ, какъ народъ еще не пѣлъ, но какъ онъ запоетъ за Шевченкомъ. Естественно, для уразумѣнія послѣдняго нужно чего-то поболѣе, чѣмъ для Кольцова: мало изученія, — души народной нужно! Къ такимъ же незрѣлымъ сужденіямъ мы должны отнести и то, которое брошено было недавно на свѣжую могилу поэта, — сужденіе, признавшее его гражданиномъ, а не поэтомъ. — На дѣлѣ выходитъ наоборотъ: Шевченко гражданиномъ-то никогда не былъ, и оставался поэтомъ и въ литературѣ и въ жизни. Такіе приговоры не болѣе, какъ плодъ запоздалыхъ узкихъ теорій, признающихъ поэзію только при соблюденіи извѣстныхъ, усвоенныхъ привычками, условій, имѣющихъ силу для того, кто неспособенъ чувствовать

поэзію. Большинство Великоруссовъ смотритъ на Шевченка не такъ. Когда еще Шевченко былъ мало извѣстенъ, были люди, не видавшіе во всю жизнь Малороссіи, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, по причинѣ языка, прочитавшіе *Кобзаря* (хотя самый языкъ Шевченка отличается предъ сочиненіями другихъ Малорусскихъ писателей удобовразумительностію) и говорившіе съ перваго раза: »это — великій поэтъ!« Въ сочиненіяхъ его такъ много общерусскаго, что Великоруссы читаютъ его даже въ чрезвычайно-плохихъ стихотворныхъ переводахъ: какъ ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтобъ первородная поэзія не высказывалась наружу. По нашему мнѣнію, переводить Шевченка отнюдь и не слѣдуетъ: достаточно будетъ напечатать его съ объясненіями словъ, непонятныхъ для Великорусса, — да и словъ такихъ будетъ совсѣмъ не много.

Въ то время, когда въ великорусской литературѣ находились критики, не понимавшіе достоинства малорусскаго поэта, въ польской — хотя постоянно признавали его великій талантъ, но соблазнялись нѣкоторыми его произведеніями, гдѣ поэтически воспроизведены древнія времена вражды Малороссовъ съ Поляками: видѣли въ этомъ какую-то непріязнь къ польской націи. Между тѣмъ, таланта у Шевченка отнять нельзя. Какъ тутъ поступить? Поэтъ великій, а Поляковъ обличаетъ. И вотъ — въ одномъ изъ періодическихъ польскихъ изданій въ Червоной Руси явились презабавныя свѣдѣнія о жизни нашего поэта. Писали,— что Шевченко поселился у какого-то Hrabiego Działyńskiego, который, по своему панскому великодушію, оказалъ пріютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа—Полякамъ; что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе, живетъ у графа въ качествѣ придворнаго поэта, пользуется его благосклонностями и, въ порывѣ справедливой благодарности, wszystko, co napisał przeciwko Polakom, powymazał i poprzerabiał (1) въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій. Клеветы на поэта хуже выдумать невозможно; но она до такой степени нелѣпа, что вѣроятно, еслибы Шевченко ее услышалъ, то скорѣе смѣялся бы надъ ней, чѣмъ сталъ бы оскорбляться.

(1) Все, что написалъ противъ Поляковъ, исключилъ и передѣлалъ.

Въ настоящее время, когда совершается великая эпоха обновленія народной жизни, съ грустію обращаюсь я къ воспоминанію о двухъ малороссійскихъ малярахъ, которыхъ я зналъ въ своей жизни. Освобожденіе народа не принесетъ пользы моимъ бѣднымъ малярамъ. Грицько - маляръ слишкомъ рано родился, и прожилъ лучшіе годы подъ гнетомъ крѣпостного права, не давшаго ему развить свой замѣчательный талантъ для собственнаго духовнаго наслажденія и для пользы другихъ; Тарасъ - маляръ рано умеръ, не доживши всего шести дней до дня, который былъ бы радостнѣйшимъ днемъ въ его страдальческой жизни: ибо этотъ день положилъ начало исполненія того, что́ было душею Тарасовой поэзіи.

Но сто́итъ ли, скажете вы, жалѣть о двухъ малярахъ, когда радуются милліоны за себя и за своихъ потомковъ? — Сто́итъ, — потому что, съ воспоминаніемъ о двухъ малярахъ, тѣснятся въ воображеніи тысячи, милліоны маляровъ, бондарей, столяровъ, пастуховъ, земледѣльцевъ, барской челяди — лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ, изъ которыхъ многіе также, можетъ быть, рождены были природою съ правомъ быть чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ; тогда какъ другіе великіе мужи слова и дѣла — книгописцы, художники, законники, сообразнѣе бы своимъ способностямъ исполняли обязанности первыхъ. — Сто́итъ — потому что со всевозможнѣйшими человѣческими улучшеніями не уничтожатся препятствія къ исполненію на землѣ человѣкомъ его природнаго призванія. Сто́итъ, наконецъ, потому, что при каждомъ воспоминаніи о человѣкѣ, который не достигъ въ жизни того, къ чему стремился, невольно останавливаешься на убійственныхъ, безотвѣтныхъ вопросахъ: Зачѣмъ мы смертны? — Зачѣмъ мы глупы? — Зачѣмъ мы старѣемся?...

Н. Костома́ровъ.

Апрѣля 14.
1861

1.

ПИТАННЯ.

Коза́че-чума́че!
Йде́шъ у доро́гу —
Послу́хай же, си́ну,
Ді́да старо́го:
Покіль ще живи́й я,
Покіль поміра́ть,
Про ро́дичівъ де́-що
Хотівъ роспита́ть.
Якъ зъ сіллю ити́мешъ
На той Берисла́въ, —
Зъ Хорти́ці-сестри́ці
Щобъ вістку присла́въ.
Якъ ста́нешъ близе́нько
Сухо́го Ярка́,
Помьяни́ тамъ ду́шу
Ді́дуся-Сірка́.
Якъ »собъ« поверта́ти
Черезъ Чортомли́къ,
Прислу́хайсь... чи чу́ти
Тамъ бра́тчиківъ крикъ (1)?
Якъ бу́дешъ мина́ти
Самарську пала́нку,
Привіта́й відъ ме́не
Стару́ю паня́нку.
Спита́й, якъ доідешъ,
У ба́тька-Дніпра́:
Чого́ на́ша мо́ва
И сла́ва вмі́ра?

---

(1) *Суха́й Яро́къ* — по доро́зі одъ Берисла́ва на Переко́пъ; тамъ, ка́жуть старі лю́де, Сірко́ би́вся зъ Татарво́ю. *Чортомли́къ* — ру́кавъ Дніпра́; тече́ въ Дніпръ, коло поро́гівъ, зъ вели́кою си́лою и го́міномъ. »То гомоня́ть Запоро́зці«, ка́жуть побережа́не.

Чи то́ жъ стара́ ма́ти
Замо́вкла на вікъ,
Чи то́ жъ народи́ла
Німи́хъ, та калікъ?
Чи то́ жъ відцура́лись
Відъ не́і сини́,
Чи то́ жъ насмія́лись
Надъ не́ю вони́?...

В. Куликъ.

Полтава, 1861 р.

II.

ДЕ ВОНА?

И со́нечко у садо́чокъ
Прийшло́ та́къ ране́нько,
По гі́лечкахъ осміхну́лось
Та́къ же весели́нько;
И тума́ни надъ водо́ю
Сную́тця, якъ ду́ми;
Качечки́ межъ осоко́ю
Лепе́чуть, мовъ ку́ми —
Все́ такъ було́, якъ ходи́въ я
По сіхъ сте́жкахъ зъ не́ю —
Світомъ моімъ, ща́стямъ моімъ,
До́лею мое́ю; —
Якъ не смівъ я мою́ кра́лю
За ру́ченьку взя́ти;
Якъ не ма́въ я більшъ нічо́го
На світі бажа́ти...

Жене́ вітеръ тума́нъ ла́номъ,
Со́нце закрива́е:
Такъ ти́, мое́ дру́ге со́нце,
Зни́кло — та й нема́е...
Хожу́ оди́нъ, розгорта́ю
Трави́цю, листо́чки,
Чи не вгле́жу, не пізна́ю

Хоть ії слідо́чка...
Нема́, нема́ ні слідо́чка,
Замо́вкъ голосо́чокъ,
Що садо́чкомъ було́ чу́ти,
Якъ срібний звоно́чокъ!

Ось та ла́вка, де́ люби́ла
Вона́ спочива́ти,
До бі́лої бере́зоньки
Голо́вку схиля́ти...
Було́ стою́ під тимъ ду́бомъ
И дивлю́сь на не́і, —
Нема́ си́ли оче́й звести́
Зъ зіроньки мое́і;
А бере́за свої ко́си
Зеле́ні спуска́е
И холодко́мъ лю́бій го́сті
Ти́хо повіва́е;
А де́-не-де́ про́мінь со́нця
Ли́стомъ проберетця
И цілу́е ії щічку,
Въ очи́цяхъ сміе́тця...
Було́ ду́маю: мій Бо́же!
Ти да́въ мені во́лю,
Ти давъ ро́зумъ, и я, мо́же,
Ма́ю яку́ до́лю: —
Де́ жъ той ро́зумъ, до́ля й во́ля?..
Усе́ потону́ло
У тіхъ ча́рахъ, у тімъ го́рі,
Що та́къ огорну́ло
Безталанну молоди́чку —
Про́дану діду́зі: —
Чи на ка́мені кали́ні
Цвісти́, якъ у лу́зі?...

Тя́жко тобі! — Мені жъ, Бо́же!
Ще ва́жче се ли́хо....
Коли́бъ зна́ла, що́ тутъ — въ се́рці,

Хоть ізвéрху й тúхо...
Не знá вонá, якъ ті óчі
Світять мені въ дýшу,
Якъ сижý я цілі нóчі
И зъ місця не рýшу, —
И все вонá, однá вонá
Въ дýмкахъ, якъ у мóрі,
То потóне, то зновъ вúрне
У красі и гóрі...

П. Таволга-Мокрúцький.

БАЙКИ.

I.

ВОВКЪ И ВІВЧАРІ.

Разъ Вовкъ тихéсенько підкрáвся...
Всімъ відомо, куди́ вінъ звикъ ходúть
И дé вінъ лúха набірáвся, —
Та щó жъ робúть,
Колú на тé вже Вовкъ удáвся,
Щобъ овечóкъ давúть!
И сéй разъ вінъ туди́ жъ попхáвся...
Тихéсенько кошáру обійшóвъ;
Прислýхався — не чуть; мерщій на тúнъ зопьявся,
Зирнýвъ — та й охолóвъ:
Вівчáрики прехорошéнько
Найкрáщого барáнчика взялú
Та й пáтрають гуртóмъ, а кунделі
Мовчáть! лежáть собі смирнéнько —
Ненáче-бъ то усімъ імъ тамъ,
Кудлáтимъ гáспидськимъ синáмъ,
Позакладáло!.. мовъ не знáють,
Щó передъ нúми виробля́ють!
Дивúвся Вовкъ, дивúвсь,

Здихну́въ и зновъ у лісъ поплівсь,
Та й ка́же: »Де́ та й пра́вда ділась?!..
Яка́ бъ тутъ ша́рварка зроби́лась,
Яки́й би го́мінъ підняли́
И Вівчарі и кунделі,
Якъ-би́ мині таке́ вчини́ть захотілось!«

II.

ЖАБА Й ВІЛЪ.

Зеле́на Жа́ба, зу́здрівши Вола́,
Гладко́ю и собі заду́мала зроби́тьця:
(Ій на́-лихо — зави́длива була́)
Та й наду́лась, ажъ о́чі ста́ли ій коси́тьця.
»Диви́сь-лишъ, ку́монько, чи бу́ду я зъ бика́?«
Подру́зі ка́же. — Ні! и тро́хи не така́. —
»Ану́-жъ, тепе́ръ диви́сь.«
— Шкода́, хочъ и не дмись. —
»Диви́сь же вже тепе́ръ: объ ку́пу обіпру́сь,
Да здо́рово надму́сь...
Тепе́ръ — яка́ я?«
— Таки́, яка́ була́, й тепе́ръ така́я.
»Ну и тепе́ръ-би-то не потовстіла?«
— Ище́ жъ таки́! кажу́ жъ — така́, яка́ й була́. —
Ще́ наду́лася Жа́ба... лусь — и околі́ла,
А не зроби́лася похо́жа на Вола́.

Оттакъ бува́ и зъ на́ми,
Якъ хо́чемо рівня́тися съ пана́ми;
Хочъ дмись-не-дмись,—жупа́на не доста́въ,
А кобеня́къ и просвиста́въ!...

Л. Глѣбовъ.

III.

МІРОШНИКЪ.

Въ Мірóшника Ивáна Шаповáла
Водúця грéбельку прорвáла.
Воно́ бъ то й даромá — катъ-мáло бъ бідъ,
Якъ-бú полáгодить, заздалегідь;
Дакъ щó жъ бо то! Мірóшникъ и байдýже;
Водá жъ псує, руйнýе грéблю дýже
И починá вже й гéть-то лúтьця,
Дзюрúть и цебенúть, мовъ изъ відрá.
»Эй, дя́дьку, схаменúсь! Порá,
Порá за рóзумъ ухопúтьця!«
— Толкýйтесь, ще далéко до бідú,
Не мóре трéба для млинá водú,
Ищé ії багáто. —
А самъ на пічъ у хáту.
Ажъ ось — прийшлá бідá:
Зовсімъ понúзшала водá;
Ставъ кáмінь, — снасть не слýжить, —
Вже млинъ не мéле.
Ивáнъ у гóлосъ тýжить,
Кричúть, мовъ навісúй: »ой, лéле, лéле!«
Не приберé й умá, якъ вóду зупинúть.
Ажъ-ось прийшлú до річки кýрі пить.
»А, гáспидська«, кричúть вінъ, »птúця!
Тутъ и безъ васъ зовсімъ немá водú,
А ви ще пить прийшлú сюдú —
Ось я вамъ дамъ напúтьця!«
Да зъ слóвомъ сімъ на іхъ поліномъ и попéръ.
Що жъ, дя́дьку, вúграв ти тепéръ?...
Потя́гъ сердéга до дверéй
И безъ водú и безъ курéй.
Такúй, якъ дя́дьдо нашъ Ивáнъ,
Бувáе úнчий панъ;
Ёмý за пáнську лáску
Ми й розсказáли кáзку.

Р. Витавський.

IV.

ГОРЛИЦЯ Й ГОРОБЕЦЬ.

Ворковáла Гóрлиця у садкý,
У кутóчку тихéнькому, на бузкý,
Жалкувáла сизокри́ла, що вонá
Несчýлася, якъ минýла и веснá,
Несчýлася, якъ одцвівся и садóкъ,
И черéшні, и ви́шеньки, и бузóкъ;
Сумувáла, що при́йдетця въ-осени́
Десь шукáти ще и́ншої сторони́.
Підлабýзнившись до Гóрлиці Горобéць,
Нáче справді запорóзький молодéць:
»Ой послýхай, голýбонько, не журúсь,
Ти на мéне, молóдчика, подивúсь!
Чи е въ свíті дé такúї молодці,
Якъ ми, славні та весéлі горобці, —
На все вдáтні—до любощівъ, до пісéнь?—
Цвірінькаемъ, жартýючи, увесь день!
Ти не бійся, голýбонько, що зимá
Посúплетця білимъ снігомъ.... то дармá!
Насъ зъ тобóю тéе лúхо не зляка́:
Перебýдемъ підъ стріхою въ козака́.
А якъ гля́не я́сне сóнце на весну́ —
Забýдемо тую зіму навісну́.
Поростаю́ть ти́ї бíлиї снігú,
Покри́ютця трави́цею всі лугú,
Розівьéтця калúнонька и садóкъ
Розцвітýтця и ви́шеньки и бузóкъ;
Заспіва́ють усі пташкú, якъ въ раю,
Привіта́тимуть голýбоньку мою;
А ти, сéрце-голýбонько, не журúсь
Та до мéне молóдчика прихилúсь....«
— »Бода́й тобі, Горóбчику, не бреха́ть,
А Гóрлицямъ твоіхъ брéхень не чува́ть.
Не до па́рі голýбоньці Горобéць,

Хочъ яки́й вінъ прехоро́ший молоде́ць:
Тре́ба мені, сизокри́лій, голубка́,
Якъ хоро́шій дівчи́ноньці козака́.« —
Де́ не взя́вся сизокри́лий голубо́къ —
Якъ ухо́пить Горо́бчика за чубо́къ,
Помня́въ ёго́, понівечивъ якъ хотівъ,
Оскубъ ёго́, моло́дчика, та й пусти́въ:
»Оце́ тобі, Горо́бчику, такъ не вчись,
До чужо́і голу́боньки не тули́сь.«
Якъ дреме́не Горо́бчичокъ у садо́къ;
Боли́ть ёго́ голо́вонька и чубо́къ.
Рего́чутця прокля́тиі горобці:
»Отта́къ на́ші добува́ють молодці!«
Засоро́мивсь осміяний Горобе́ць
Та й поки́нувъ ріднесенький табуне́ць,
Полетівъ вінъ світъ - за́ - очі у садки́
Відше́птувать голо́воньку и боки́.

Я ви́гадавъ, ле́жачи на печі,
Для васъ сю́ю ба́ечку, паничі!
Ой, не бу́дте, пани́ченьки - молодці,
И ви такі, якъ отти́і горобці;
Пригорта́йтесь, коза́ченьки, до дівча́тъ —
Хіба ма́ло е хоро́шихъ бровеня́тъ?
Дівчи́нонька, якъ квіточка, — зъ не́ю рай,—
А чужо́і молоди́ці не займа́й,
Бо налети́ть ча́сомъ си́вий голубо́къ —
Болітиме голо́вонька и чубо́къ!

Л. Глѣбовъ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО*.

I.

27 іюля 1657 г., гетманъ Богданъ Хмельницкій сошелъ въ могилу. Переворотъ, произведенный имъ, остался неоконченнымъ; вопросы, возникшіе въ его эпоху, не были разрѣшены. Отторгнувшись отъ Польши, Украина не соединилась еще съ Московіею въ одно тѣло и, оставаясь съ своею отдѣльностію, должна была служить предметомъ распрей между сосѣдями, которые хотѣли ею завладѣть. Украинскій народъ не имѣлъ ни мало политическаго воспитанія, чтобъ выиграть свой процессъ въ исторіи и на самобытныхъ началахъ организовать стройное гражданское цѣлое. Уже въ самомъ существованіи Козачества заключались, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, причины внутреннихъ безпорядковъ, которые должны были разрушить неутвержденное на разумныхъ основаніяхъ и недостроенное политическое зданіе. Дѣло освобожденія Украины совершено было цѣлымъ народомъ; во время борьбы съ Польшею всѣ Украинцы были равными козаками; но какъ скоро борьба улеглась — народъ распадался на *козаковъ* и *посполитыхъ*; первые должны были съ оружіемъ въ рукахъ стоять на стражѣ возникающаго новаго порядка вещей; другіе — обратиться къ мирнымъ занятіямъ гражданина и селянина. Это было необходимо. Но первыхъ ожидали права и преимущества; они готовились составить привиллегированный классъ; — положеніе послѣднихъ не бы-

(*) Настоящій отрывокъ былъ читанъ на публичныхъ лекціяхъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ въ январѣ 1861 года. Авторъ преимущественно пользовался дѣлами Архива иностранныхъ дѣлъ; но не ссылается на нихъ въ частности, потому что онѣ, подъ его редакціею, скоро будутъ изданы Археографическою Комиссіею. Объ источникахъ свѣдѣній, почерпнутыхъ не изъ этихъ дѣлъ, означено въ ссылкахъ.

ло ни опредѣлено, ни охраняемо никакимъ правомъ; на ихъ долю не только выпадало нести всѣ повинности, отъ которыхъ освобождались козаки, но имъ было суждено, по видимому, подпасть подъ произволъ козацкаго сословія; цѣлыя села, населенныя посполитыми, отданы козацкимъ чиновникамъ въ видѣ ранговыхъ имѣній;—со временемъ эти имѣнія походили бы на польскія старо́ства. Посполитые долго не могли забыть, что козаки были то́же, что́ и они, и въ свою очередь сами теперь хотѣли быть козаками, и долго не было опредѣленныхъ границъ между двумя сословіями: при первомъ удобномъ случаѣ посполитые брались за оружіе и называли себя козаками, а признанные прежде законно козаками попадали въ сословіе посполитыхъ. И потому, во второй половинѣ XVII вѣка, не смотря на ко́зацкіе реестры, въ Украинѣ на самомъ дѣлѣ козакомъ былъ всякій, кто хотѣлъ и могъ; и такимъ порывамъ распространить козачество на всю массу народонаселенія Украины противодѣйствовало другое направленіе — ограничить козацкое сословіе тѣснымъ и опредѣленнымъ числомъ записанныхъ въ реестры. Такъ было задолго до Богдана Хмельницкаго, когда польское правительство постоянно хотѣло, чтобъ козаки составляли военное сословіе въ опредѣленномъ числѣ, а народъ домогался весь обратиться въ козаковъ, то есть, быть вольнымъ; ибо съ представленіемъ о козакѣ соединялось понятіе о свободѣ. Воззванія Хмельницкаго нашли отголоски въ народныхъ побужденіяхъ: всѣ хотѣли быть козаками, всѣ шли на брань противъ Поляковъ, которые до того времени не допускали распространяться козачеству. Но только сорокъ тысячь изъ всей массы ополченнаго народа пріобрѣтали козачество; все остальное народонаселеніе, державшее въ рукахъ оружіе, должно было лишиться прежде пріобрѣтеннаго званія. Противодѣйствіе поспольства, исключаемаго изъ козацкаго сословія, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкаго; оно еще рѣзче выразилось послѣ его смерти.

Сверхъ того, въ самомъ козацкомъ сословіи возникло раздвоеніе: образовались козаки *значные*; къ нимъ принадлежали чиновники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе (бунчуко́вые товарищи) шляхтичи, приставшіе къ козакамъ, и вообще богатые козаки; противоположны имъ были козаки *простые*, которыхъ значные называли *козацкою чернью* и которые, при случаѣ, готовы были противодѣйствовать возвышенію значныхъ. Сами, наконецъ, значные нешляхетскаго званія хотѣли уравнить себя съ тѣми изъ своихъ собратій, которые носили это званіе. Вліяніе значныхъ развивалось съ успленіемъ гетманской власти. Въ послѣдніе годы Хмельницкаго, власть гетманская хотя зависѣла отъ рады, но онъ, пользуясь всеобщимъ къ

себѣ уваженіемъ, часто дѣйствовалъ безъ рады и самовольно назначалъ чиновниковъ; а чѣмъ меньше власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ или радою, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ больше усиливалось вліяніе ихъ на общественныя дѣла. Радою начали управлять чиновники; нерѣдко и цѣлая рада составлялась изъ однихъ чиновниковъ да значныхъ. Такой порядокъ породилъ множество недовольныхъ: они бѣжали въ Запорожье; туда укрывались и тѣ посполитые, которые не хотѣли спокойно сносить свое униженіе и видѣть возвышеніе козаковъ; отъ этого въ Запорожьѣ возникло тогда соперничество съ *городовымъ* козачествомъ (1), какъ называли они Гетманщину. Запорожцы не хотѣли подлежать власти гетмана. Но мысль объ отдѣленіи Запорожья, съ огромными степями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не могла еще развиться въ то время, при непрерывной связи съ Украиною; связь эта поддерживалась толпами пришельцевъ, недовольныхъ порядкомъ въ Гетманщинѣ. Запорожцы, почитая себя цвѣтомъ козачества, хвалились, что не городовые козаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкаго; что война, освободившая Русскую Землю отъ Польши, вышла изъ Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городовое, а *низовое* козачество должно преимущественно распоряжаться дѣлами Украины; что ни выборъ гетманства, ни какое другое политическое дѣло, не можетъ быть предпринято безъ согласія Сѣчи (2). Запорожскіе старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядокъ они хотѣли, по видимому, распространить во всей Украинѣ; простымъ козакамъ это нравилось, посполству, хотѣвшему равенства, еще болѣе, и поэтому Запорожье привлекало къ себѣ простыхъ козаковъ и посполство, и всякое предпріятіе, начатое Запорожцами, могло имѣть удачу въ массѣ Украинскаго народа. Впрочемъ, какъ изъ общественнаго строя Запорожья не могло возникнуть новаго порядка вещей, такъ и изъ недовольства посполитыхъ и козацкой черни противъ значныхъ. Низверженіе власти значныхъ могло кончаться только замѣненіемъ однихъ лицъ другими, которые въ свою очередь начинали играть роль значныхъ. Каждый чиновникъ, выбранный изъ простыхъ козаковъ, дѣлался значнымъ и возбуждалъ противъ себя чернь, изъ которой вышелъ; его смѣняли, выбирался другой — и тотъ точно также, какъ первый, становился значнымъ и также чернь была имъ недовольна. Да и самихъ значныхъ не соединяло единство намѣреній и цѣлей, — каждый преслѣдовалъ пре-

(1) Лѣтоп. Самов. 38. — (2) Лѣт Велич. 1,309.

жде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ: каждый хотѣлъ другого столкнуть, потоптать, и самъ подвергался въ свою очередь такимъ же непріятностямъ отъ своихъ товарищей.

Въ отношеніи къ сосѣднимъ странамъ по смерти Богдана Хмельницкаго, въ Украинѣ было двѣ политическія партіи. Къ первой принадлежала большая часть старшинъ, значныхъ, вообще не многія лица съ образованностію, полученною въ Польшѣ вмѣстѣ съ польскими политическими понятіями, и наконецъ шляхтичи русской вѣры, приставшіе къ козакамъ—кто для вѣры, а кто для сохраненія своихъ имѣній во время козацкаго возстанія. Они подняли оружіе противъ Польши не потому, чтобъ польскій политическій составъ имъ не нравился, а потому, что они не могли подъ польскимъ владычествомъ пользоваться выгодами, какія могли бы извлечь изъ польской организаціи. По образцу польскому, они хотѣли бы и Украины, похожей на Польшу: съ сеймами, посольскими избами, рѣчами и вольнымъ шляхетствомъ, и въ этомъ классѣ каждому хотѣлось помѣститься. Не соотвѣтствовала такому направленію самодержавная организація московской державы. Въ 1654 году, многіе изъ людей этой партіи пристали къ *московской протекціи*, въ надеждѣ пользоваться такъ называемыми *правами* и *вольностями* подъ правленіемъ русскихъ государей. Но въ 1657 году они начали считать себя обманутыми съ этой стороны. Ихъ огорчало то, что украинскимъ коммисарамъ не позволили участвовать въ переговорахъ московскихъ пословъ съ польскими при заключеніи виленскаго договора—что миръ Россіи съ Польшею заключенъ былъ безъ участія и совѣта Украинской рады и гетмана; упреки, которые дѣлали Хмельницкому бояре по приказанію царя, возбуждали въ нихъ досаду; наконецъ, они оскорблялись обращеніемъ великорусскихъ воеводъ и служилыхъ людей съ Украинцами и насмѣшками Великороссіянъ надъ тѣмъ, что въ обычаяхъ и домашней жизни Южной Руси было не сходно съ Сѣверною (1). Вѣроятно, отъ насмѣшекъ надъ одеждою козаковъ разнесся въ то время слухъ, будто царь хочетъ, чтобы козаки не носили красныхъ сапоговъ, а непремѣнно всѣ обулись въ черные, а посполитые одѣвались бы какъ великорусскіе мужики и ходили въ лаптяхъ (2). Но пуще всего усиливало и развивало эту недовольную партію опасеніе, чтобъ царь, по достиженіи польской короны, не присоединилъ Украины къ Польшѣ (3) и не уничтожилъ бы

(1) Ист. Рус. 115 —(2) Hist. pan. Jan. Kaz 1. 182. —(3) Лѣтоп. Велич. I. 366.

Козачества: въ виленскомъ договорѣ царь обѣщалъ возвратить Польшѣ всѣ земли, отъ нея отторгнутыя (1). Недовольные хотѣли предупредить это ожидаемое присоединеніе Украины къ Польшѣ, какъ провинціи къ государству, добровольнымъ соединеніемъ съ Польшею на правахъ федеративныхъ, съ условіями, которые поставили бы Польшу въ необходимость сохранять права русскаго народа и въ невозможность ихъ нарушить. Въ XVII вѣкѣ не понимали, что въ мірѣ нѣтъ условій для будущихъ поколѣній. Партія эта дѣйствовала по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго; во время своей борьбы съ Польшею, до присоединенія къ Московскому государству, онъ слѣдовалъ этой идеѣ федеративнаго союза и, въ противность народному желанію совершеннаго разрыва съ Польшею, долго думалъ уладить дѣло безъ расторженія. При жизни Хмельницкаго, болѣе всѣхъ поддерживалъ въ немъ эту мысль генеральный писарь Выговскій,—и теперь онъ сталъ во главѣ федеративной партіи. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные братья, Выговскіе: Данило, женатый на дочери Хмельницкаго Еленѣ (2), Константинъ и Ѳедоръ, дядя его Василій, овруцкій полковникъ, и племянникъ Илья (3); воспитатели молодого Юрія: генеральный судья Богдановичъ-Зарудный, эсаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ, исправлявшій должность втораго генеральнаго судьи—Григорій Лѣсницкій, соперникъ Выговскаго; Иванъ Груша, послѣ избранія Выговскаго въ гетманы назначенный генеральнымъ писаремъ; обозный Тимофей Носачъ, человѣкъ безъ образованія, какимъ отличались его товарищи, но съ природнымъ умомъ; переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, человѣкъ безъ дарованій, но съ образованіемъ; прилуцкій полковникъ Петро Дорошенко, лубенскій — Швець, черниговскій — Іоанникій Силичъ, знаменитый Богунъ, тогда уже полковникъ не винницкій, а паволочскій; подольскій полковникъ Евстафій Гоголь, поднѣстрянскій — Михайло Зеленскій, уманскій — Михайло Ханенко, бывшій кіевскій полковникъ Ждановичъ, смѣненный по волѣ царя за походъ противъ Польши—люди также получившіе образованіе (4). Къ этой партіи принадлежали нѣкоторыя знатныя украин-

---

(1) Полн. Собр. Зак. I. 409. Это было напрасное опасеніе, ибо въ договорѣ было сказано: кромѣ Украины.

(2) Лѣт. Велич. I. 377. 15.

(3) Ист. Мал. Рос. II. прим. 18. Hist. pan. Jan. Kaz. 1. 398. Полн. Собр. Зак. 1. 504.

(4) Лѣт. Велич. 1. 328. Лѣт. пов. о Мал. Рос. 11. 6. Ист. о през. бр. 12. Ист. о през. бр.

скія козацкія и шляхетскія фамиліи, какъ-то: Сулимы, Лободы, Северины, Нечаи (1), Гуляницкіе (изъ нихъ одинъ, Григорій, бѣжалъ изъ Украины послѣ бѣлоцерковскаго мира, а потомъ возвратился и былъ сдѣланъ нѣжинскимъ полковникомъ), Головацкіе, Хмѣлецкіе (родственники казненнаго въ Паволочѣ, въ 1652, за недовольство бѣлоцерковскимъ трактатомъ), Верещака (освобожденный недавно изъ крѣпости, куда былъ посаженъ за привязанность къ Руси), Мрозовицкій (славный въ народной памяти *Морозе́нко*, неизвѣстно гдѣ пребывавшій съ 1649 года, когда пересталъ быть корсунскимъ полковникомъ), Махержинскій и болѣе всѣхъ образованный—Юрій Немиричъ. Потомокъ древней новгородской фамиліи, бѣжавшей въ XV вѣкѣ въ литовскія владѣнія, Немиричъ былъ наслѣдникомъ богатыхъ имѣній въ Украинѣ, и отъ своего отца съ дѣтства напитался тѣмъ религіознымъ вольнодумствомъ, которое въ тотъ вѣкъ носило общее названіе *аріанства*. Молодой Юрій провелъ молодость за границею, преимущественно въ Белгіи и Голландіи, получилъ отличное образованіе и написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій по предметамъ философіи и раціональнаго богословія; въ 1648 г. онъ присталъ къ Хмельницкому первый разъ, спасаясь отъ преслѣдованія краковской инквизиціи. Неизвѣстно, гдѣ былъ онъ послѣ Зборовскаго мира, но съ 1655 года мы видимъ его работающимъ для независимости Украины; онъ принялъ православную вѣру, вѣру отцовъ своихъ, дѣйствовалъ въ пользу Украины у шведскаго короля, у Ракочія, а теперь, по смерти Хмельницкаго, составлялъ планы образовать союзъ Украины съ Польшею на новыхъ началахъ ихъ общей жизни. Ловкій посолъ Іоанна Казимира, Казимиръ Бенёвскій, искусно дѣйствовалъ на людей этой партіи. Онъ увѣрялъ ихъ, что козаки своими подвигами научили Поляковъ и всѣхъ сосѣдей уважать въ нихъ доблестныхъ рыцарей, что Польша признаетъ ихъ свободными, и если козаки захотятъ присоединиться къ Польшѣ для взаимнаго охраненія своихъ *правъ* и *волно́стей*, то не иначе, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Значительная часть русскаго духовенства и самъ Діонисій Балабанъ, который мѣтилъ тогда въ митрополиты, раздѣляли такія же убѣжденія.

Еще при Богданѣ Хмельницкомъ, духовенство неохотно шло подъ московскую протекцію. Привычные къ польскому образу управленія и польскому порядку, происходя изъ шляхты, духовные, особенно знатные, слишкомъ много имѣли въ себѣ польскаго... образованіе ихъ роднило съ

(1) Лѣт. Велич. 1. 396. 410.

Польшею и удаляло отъ Московіи. Религіозныя распри навремя вооружали ихъ противъ католической Польши, но когда дѣло дошло до отторженія отъ Польши, тутъ увидѣли они, что не смотря на единство вѣры, они далѣе отстоятъ нравственно отъ единовѣрческой Московіи, чѣмъ отъ католической Польши. Въ эпоху присоединенія кое-какъ заглушались нерасположеніе и боязнь, но вскорѣ начались съ Московской стороны такія движенія, которыя возбудили прежнее недовѣріе. Сильвестръ Коссовъ умеръ. Бутурлинъ, по наказу московскаго правительства, сейчасъ же изъявилъ духовнымъ—епископу Лазарю Барановичу и печерскому архимандриту Гизелю—царское желаніе, чтобъ духовенство малороссійское »поискало милости государя и показало совершенно правду свою къ великому государю: захотѣло бы итти въ послушаніе къ святѣйшему патріарху московскому.« Украинѣ предстоялъ выборъ митрополита. По древнимъ обычаямъ, ненарушимымъ со стороны Поляковъ, надобно было избирать новаго архипастыря вольными голосами. Воеводы настаивали, чтобъ избранія не было, пока не испросятъ благословенія патріарха и царскаго дозволенія. Лазарь и архимандритъ печерскій должны были по неволѣ показать видъ согласія. Это было тотчасъ по смерти Хмельницкаго, еще до погребенія его тѣла. Но самъ покойный Хмельницкій на дѣло это смотрѣлъ не такъ, и по стародавнимъ обычаямъ написалъ къ епископамъ луцкому, перемышльскому и львовскому, чтобъ они ѣхали для выбора новаго митрополита въ Кіевъ. Украина съ Кіевомъ отдалась московскому государю, а эти епископы русскіе остались подъ польскимъ владѣніемъ, но въ тоже время подъ духовнымъ первенствомъ кіевскаго митрополита. Признать надъ собой власть московскаго патріарха они ни за что не захотѣли, да и не могли, еслибъ даже и захотѣли. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать связь въ южно-русской церкви. Въ то время, какъ Бутурлинъ въ Кіевѣ старался склонить Лазаря и кіевское духовенство къ зависимости Никону, епископы польско-русскіе испрашивали у короля дозволеніе ѣхать въ Кіевъ для избранія митрополита, и король дозволилъ имъ по старымъ ихъ обычаямъ, за которые они всегда такъ крѣпко держались. Еще тѣло Хмельницкаго не было погребено, а Бутурлинъ писалъ къ Выговскому, выставляя указъ государя, чтобъ не допускать епископовъ до избранія митрополита; а писарь ссылался на старыя права, и не говоря о покорности Никону, извѣщалъ, что пошлетъ козацкихъ пословъ на избранье митрополита, а потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ къ государю.

Наконецъ, пристать къ союзу готовы были богатые мѣщане въ го-

родахъ для сохраненія своихъ магдебургскихъ правъ, которыя боялись потерять, если Украина будетъ отдана во власть Поляковъ безъ всякихъ условій. Вообще же надобно сказать, что Украинцы, страшась Польши, прибѣгали къ Польшѣ.

Другая партія — если можно всю массу народа назвать партіею — держалась слѣпо царя московскаго. Чувство единства вѣры и племени инстинктивно склоняло народъ къ соединенію съ восточною Русью. Къ этому присоединялось отвращеніе къ Польшѣ; федеративная партія могла своими дѣйствіями вызвать въ народѣ бо́льшую рѣшимость оставаться подъ властію царя, для избѣжанія грозящей опасности попасть въ подданство Полякамъ. Отъ соединенія Украины съ Польшею простой народъ могъ ожидать только того, что значные козаки сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были въ Польшѣ шляхтичи, а простые козаки и все поспольство будутъ отданы въ безусловное порабощеніе новому панству; напротивъ, при соединеніи съ Московіею, самодержавная воля царя представлялась защитою слабыхъ отъ своеволія сильныхъ. Изъ старшинъ отличался тогда горячею враждою къ значнымъ и вмѣстѣ преданностію Московщинѣ — Мартынъ Пушкаренко, полтавскій полковникъ, любимый подчиненными и всѣмъ простымъ народомъ (1). Запорожье, ненавидѣвшее шляхетныхъ и значныхъ, изъ которыхъ состояла федеративная партія, раздѣляло въ то время эту склонность — оставаться въ повиновеніи московскому государю (2). Очевидно, что число преданныхъ русскому престолу было столь велико, что противная федеративная партія не могла ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и сами федералисты не прочь были отъ того, чтобъ московскій царь скорѣе сдѣлался польскимъ королемъ.... Но народъ былъ на слишкомъ низкой степени развитія и всегда могъ быть увлеченъ въ противную сторону своими руководителями, даже такими, которыхъ не любилъ, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведутъ; а разрывъ виленскаго договора сдѣлалъ этихъ двусмысленныхъ руководителей врагами царя и *протекціи*.

II.

Шестнадцатилѣтній Юрій Хмельницкій вовсе не былъ такой гетманъ, какого требовало тогдашнее положеніе Украины. Юный и неопытный,

(1) Ист. о през. бр. 1. Лѣт. Велич. 29. Лѣт. пов. о Мал. Рос. II. 2.
(2) Лѣт. Самов. 29. Лѣт. Велич. I. 309—312.

онъ не отличался ни блестящими способностями, ни характеромъ. Одни изъ желанія услужить Богдану при его смерти, другіе изъ боязни, чтобъ не навлечь на себя гоненія отъ его родственниковъ и друзей, — признали Юрія гетманомъ на Чигиринской радѣ. Послѣ смерти старика, возникъ ропотъ между старшинами и заслуженными козаками. Иные вспоминали свои раны и многолѣтніе труды и стыдились повиноваться мальчику, не нюхавшему пороха; другихъ волновало явное нарушеніе козацкихъ обычаевъ, по которымъ у козаковъ въ начальники выбирали людей достойныхъ и опытныхъ. Многіе изъ старшинъ досадовали потому, что безъ выбора Юрія вольная рада могла бы предоставить начальство имъ; болѣе всѣхъ былъ внутренно недоволенъ Выговскій. Столько лѣтъ онъ былъ первый человѣкъ послѣ гетмана; и въ Украинѣ и у сосѣдей прославился онъ умомъ; самъ Хмельницкій, отклоняя козаковъ отъ выбора Юрія, предлагалъ въ гетманы Выговскаго. Выговскій смотрѣлъ на избраніе Юрія, какъ на похищеніе булавы у себя. Но старикъ Хмельницкій, уступивши желанію козаковъ, препоручилъ Выговскому руководить сына. Хмельницкій столько лѣтъ почиталъ Выговскаго другомъ, и потому Выговскому меньше, чѣмъ кому нибудь другому, можно было дѣйствовать къ измѣненію послѣдней рады. Выговскій долженъ былъ притворяться и увѣрять въ совершенномъ равнодушіи къ почестямъ и нежеланіи принимать начальство. 14 августа онъ писалъ къ воеводѣ Путивльскому Зузину, что гетманомъ всѣ старшины оставили пока Юрія Хмельницкаго, »а впредь какъ будетъ, не вѣдаю; но скоро по погребеніи тѣла будетъ рада всей старшины и нѣкоторой части черни; а что на ней усовѣтуютъ, не вѣдаю.« Такимъ образомъ въ письмѣ къ пограничному московскому воеводѣ онъ далъ понять, что назначеніе тогдашняго гетмана можетъ измѣниться. Но что касается до себя, то онъ уклонялся отъ всякой надежды. »Послѣ трудовъ воинскихъ,« выражался онъ, »я радъ опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю.« Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, 21-го августа, онъ говорилъ не такъ уже присланному отъ того же воеводы гонцу: »гетманъ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ мнѣ быть надъ сыномъ его опекуномъ, и я, помня приказъ его, не покину сына его; и полковники и сотники и все войско запорожское говорятъ, чтобы мнѣ гетманомъ быть, покамѣсть Юрій Хмельницкій выростетъ и будетъ въ совершенномъ умѣ.«

Іезуитская изворотливость нашла себѣ лазейку, — говоритъ украинскій лѣтописецъ.

Какъ другъ семьи Хмельницкаго, Выговскій началъ представлять

молодому Хмельницкому его опасное положеніе, съ сожалѣніемъ извѣщалъ его, что козаки ропщутъ и не хотятъ повиноваться столь молодому гетману. Молодой Юрій просилъ совѣта: что ему дѣлать? Выговскій совѣтовалъ отказаться передъ радою отъ гетманскаго званія, чтобъ этимъ поступкомъ снискать любовь и расположеніе народа. Между козаками издавна велось обыкновеніе, что избираемый въ начальники нѣсколько разъ отказывался отъ предлагаемаго достоинства и принималъ его только тогда, когда рада какъбы насильно принуждала его къ этому.

Чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Выговскій говорилъ, что и онъ оставитъ свою должность и низачто не будетъ писаремъ, если Юрія не оставятъ гетманомъ.

Также точно обозный Тимофей Посачь, воспитатели Юрія — Ковалевскій и Лѣсницкій, и судья Зарудный, подтверждали Юрію вѣсти о всеобщемъ ропотѣ козаковъ, совѣтовали ему отказаться отъ гетманства и увѣряли, что и они, изъ приверженности къ Юрію, не захотятъ оставаться при своихъ дожностяхъ, а предоставятъ вольной радѣ распоряженіе Украиною и выборъ гетмана и старшинъ. Молодой Юрій согласился отказаться, въ надеждѣ, что эта покорность радѣ утишитъ ропотъ и онъ останется гетманомъ.

Оповѣстили раду. Выговскій писалъ къ тѣмъ изъ полковниковъ, которые не были при смерти Хмельницкаго, чтобъ они явились съ козаками изъ своего полка для избранія гетмана, а между тѣмъ дарилъ и угощалъ старшинъ и значныхъ козаковъ, собралъ къ себѣ толпу простыхъ козаковъ изъ разныхъ полковъ, выкатилъ имъ горілки, устроилъ нѣсколько обѣдовъ и ласковымъ обращеніемъ расположилъ ихъ къ себѣ.

Въ воскресенье, 24 августа, довбиши ударили на раду. Выговскій и преданные ему старшины назначили ее во дворѣ Хмельницкаго, для того, чтобы помѣстить тамъ только такихъ козаковъ, которые будутъ расположены къ нимъ: это были задобренные обѣдами и горілкою; впрочемъ и расположенные къ Выговскому не всѣ знали, что онъ ищетъ гетманства. Когда во дворъ набралось довольно козаковъ, ворота заперли наглухо и огромная толпа козаковъ и посполитыхъ стояла за дворомъ.

Изъ дома вышелъ Юрій съ булавой въ рукѣ; за нимъ несли бунчукъ, осѣняя его.

»Панове рада!« сказалъ Юрій: »благодарю нижайше за гетманскій урядъ, который вы мнѣ дали, памятуя родителя моего; но по молодости лѣтъ и по своей неопытности, я не могу нести столь важнаго достоин-

ства. Вотъ булава и бунчукъ. Выбирайте въ гетманы другого, старше меня и заслуженнѣе.«

Онъ положилъ знаки гетманскаго достоинства на столѣ, поклонился и ушелъ въ домъ.

Выступилъ Выговскій, проговорилъ благодарность за писарскій урядъ, отказался отъ него, поставилъ свою чернильницу — знакъ писарскаго званія, и ушелъ.

Обозный положилъ свой перначъ, судьи — свою печать, отказались отъ урядовъ и удалились.

Собраніе молчало. Козаки поглядывали другъ на друга съ вопросительнымъ выраженіемъ лица; иные хотѣли провозгласить Выговскаго, но боялись. Булава лежала среди двора и »много было такихъ«, говоритъ лѣтописецъ, »которые хотѣли ее взять, но не смѣли безъ воли народа.«

Между тѣмъ, за воротами раздался ропотъ. Посполитые ломились въ ворота. Тогда эсаулы, расхаживая между козаками, кричали: »Кого желаете наставить гетманомъ?«

Всѣ молчали. Эсаулы нѣсколько разъ повторили вопросъ.

»Хмельницького!« раздалось въ толпѣ; »Хмельни́ченко неха́й бу́де гетьма́номъ!«

»Пано́ве рада!« сказалъ Юрій: »я младолѣтенъ и неопытенъ, и не въ силахъ управлять народомъ, а къ тому еще я отъ недавней смерти родителя въ большой тоскѣ и печали.«

Нѣкоторые сотники говорили такъ:

»Пусть будетъ Хмельниченко гетманомъ; хотя онъ и молодъ, да слава наша пусть будетъ такова, что у насъ гетманомъ *Хмельницкій*. Пока онъ молодъ, — будутъ научать его добрые люди, а возмужаетъ — самъ будетъ управлять. Пусть и Выговскій и Носачъ и всѣ будутъ на своихъ урядахъ; какъ при покойномъ батьку Хмельницкомъ було́, такъ и теперь пусть будетъ.«

Юрій, наученный Выговскимъ, отрекался. Козаки кричали:

»Не позволимъ, не увольнимъ Хмельниченка отъ уряда гетманскаго!«

Хмельницкій представлялъ, что ему, по лѣтамъ его, надобно учиться, а гетману надобно быть при войскѣ и предводительствовать козаками.

Тутъ какой-то сотникъ, расположенный къ Выговскому, сказалъ:

»Пу́сть булава и бундукъ остаются при Хмельницкомъ; нашимъ гетманомъ будетъ Хмельницкій, а пока онъ возмужаетъ — войскомъ коман-

довать будетъ Выговскій, и булаву и бунчукъ будетъ принимать когда нужно изъ рукъ у Хмельницкаго, а воротившись, опять будетъ отдавать ему въ руки.«

Выговскій съ видомъ покорности и смиренія представлялъ свое недостоинство. Козаки усильно требовали.

»Дайте время одуматься, панóве рада!« сказалъ Выговскій: »Не могу теперь рѣшиться принять на себя такое важное званіе. Отложите до другого времени.«

Рада дала ему три дни срока.

Въ среду, 27 августа, рада опять собралась въ тотъ же дворъ. На этотъ разъ, прежде чѣмъ успѣли затворить ворота, набралось во дворъ множество простыхъ козаковъ. »Хмельницкаго! Хмельницкаго!« кричали они, и ломились въ домъ.

Юрій вышелъ и опять отказывался. Козаки требовали, чтобъ онъ остался гетманомъ, и чтобъ, до его совершеннолѣтія, управлялъ Выговскій.

Выговскій опять разыгрывалъ роль нежелающаго. Съ потупленнымъ взоромъ, съ сложенными на крестъ руками, со слезами въ глазахъ, онъ благодарилъ раду за честь, просилъ выбрать людей болѣе его способныхъ. Но чѣмъ болѣе клапялся и отказывался Выговскій, тѣмъ упорнѣе козаки избирали его предводителемъ. По козацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выборъ: тогда Выговскій, какъ-бы нéхотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толпа была въ восторгѣ.

»Теперь я спрошу вотъ о чемъ«, сказалъ Выговскій: »молодому гетману надобно учиться; по волѣ блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитаніе; ему надобно быть въ училищѣ, а потому ему трудно будетъ подписываться на листахъ и универсалахъ. Когда клейноты будутъ у меня, то и подписываться придется мнѣ. Какъже рада прикажетъ мнѣ подписываться?«

Сперва это озадачило козаковъ. Но тутъ какой-то доброжелатель Выговскаго выскочилъ изъ толпы съ разрѣшеніемъ вопроса.

»Пусть панъ Выговскій«, сказалъ онъ »подписывается такъ: »Иванъ Выговскій, гетманъ на тотъчасъ Войска Запорожскаго«, потому что въ то время, когда у него будутъ клейноты, настоящимъ гетманомъ будетъ онъ.«

Простые козаки были просты, говоритъ лѣтописецъ, — они не провидѣли ничего особеннаго и согласились, сказавши: »добре, нехáй такъ! Служи́, пáне гетьмáне, вѣрно его царскому пресвѣтлому величе-

ству и будь гетманомъ надъ войскомъ запорожскимъ и чини намъ добрую оправу.«

Выговскій, взявъ булаву, сказалъ: »Сія булава доброму на ласку, а злому на карность; а манить я въ войску никому не буду, коли вы меня гетманомъ избрали; а войско запорожское безъ страха быть не можетъ!«

—»Вычитай же намъ«, сказали полковники, »новообранный пане гетма́не, великаго государя жалованную грамоту, чтобъ мы знали, на яки́хъ во́ляхъ пожалованы мы отъ его царскаго величества.«

Тогда гетманъ прочиталъ всѣмъ вслухъ грамоту.

По окончаніи чтенія, старшины сказали:

»На милости государской бьемъ челомъ и служить всѣмъ войскомъ запорожскимъ рады вѣчно, и онъ, великій государь, пусть насъ не выдаетъ своимъ непріятелямъ.«

По другому извѣстію, переданному Выговскимъ въ Москву, когда избрали Выговскаго, противникомъ его явился Григорій Лѣсницкій, котораго покойный гетманъ отправлялъ противъ Татаръ съ сыномъ своимъ и далъ ему булаву и бунчукъ въ качествѣ наказнаго гетмана. Опираясь на это, Лѣсницкій не хотѣлъ отдать булавы. Выговскій посылалъ къ нему Юрія Хмельницкаго,— Лѣсницкій упорствовалъ, и отдалъ булаву только тогда, когда его принудили козаки, черезъ недѣлю.

Такъ кончилась эта знаменитая рада. Выговскій послалъ къ Запорожцамъ и льстилъ имъ, увѣряя, что онъ не почитаетъ себя настоящимъ гетманомъ, пока сѣчевое товарищество не признаетъ его; послалъ, съ согласія рады, посольство въ Крымъ (1); отпустилъ съ увѣреніями пріязни къ королю польскаго посла Бенёвскаго, котораго козаки, изъ старой ненависти къ панамъ, чуть было не убили. Въ то же время Выговскій, въ письмѣ своемъ къ московскому воеводѣ, доносилъ, что Бенёвскій присланъ для того, чтобъ учинить ссору и говорилъ, что они его задерживаютъ; бранилъ Поляковъ, доносилъ, что польскій король соединяется съ императоромъ и вовсе не думаетъ мириться съ Москвою и хранить данныя въ бѣдѣ условія; что распространился слухъ, будто козаки поссорились съ Москвою и Поляки собираются, вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ, на Украину. Онъ изъявлялъ готовность пролить кровь за государя. Онъ чернилъ даже своихъ сообщниковъ, доносилъ на брацлавскаго полковника Зеленскаго, что онъ хотѣлъ отступить къ Польшѣ, но онъ, гетманъ, его удержалъ и убѣдилъ.

---

(1) Величко, II, 307.

III.

Не смотря на избраніе Выговскаго, власть его была очень не тверда. Лѣсницкій, какъ видно, продолжалъ досадовать и надѣялся, что на другой радѣ избрали бы его, а не Выговскаго. Пушкаренко, полтавскій полковникъ, былъ другой врагъ и соперникъ Выговскаго. Въ Чигиринѣ рада была не полная и могла казаться незаконною: надобно было собрать другую. Выговскій, хотя взялъ булаву, но только въ качествѣ временнаго правителя; для соблюденія козацкихъ правъ, онъ самъ назначилъ снова раду въ Корсунѣ къ 25 сентября. На эту раду съѣхались старшины; были на ней всѣ сотники и изъ каждой сотни по два простыхъ козака. Таковъ былъ избирательный обычай у козаковъ. Новоизбранный предводитель хотѣлъ нѣсколько разузнать духъ своихъ товарищей. Въ то время прибылъ отъ шведскаго короля въ Чигиринъ Юрій Немиричъ. Онъ привозилъ отъ Карла Густава предложеніе союза, чтобы, по старому доброму расположенію, козачество помогало шведскому королю, а шведскій король козакамъ. Самъ Юрій Немиричъ снова отдался служить козацкому дѣлу. Дѣло шло къ возобновленію дружбы со Швеціею; съ Московщиною, напротивъ, шло къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ.

Явился къ гетману царскій посланникъ Артамонъ Матвѣевъ. Въ царской грамотѣ гетманъ названъ былъ *писаремъ*, а не *гетманомъ*, хотя царь уже извѣстился чрезъ кіевскаго воеводу о его избраніи на гетманское достоинство. Онъ получилъ царскій выговоръ за то, что не объявилъ о смерти Хмельницкаго и о своемъ избраніи чрезъ своего посла. Царскій посланникъ требовалъ, чтобъ Запорожское Войско отправило къ шведскому королю посланцевъ совѣтовать ему помириться съ царемъ, оставить притязанія на пограничныя земли, которыя московскій царь считалъ своими, и отнюдь не надѣяться на помощь Войска Запорожскаго; напротивъ, если онъ будетъ во враждѣ съ царемъ, то Войско Запорожское пойдетъ на него войною. Гетманъ отвѣчалъ, что исполнитъ приказанія царскія, а отъ выговора отдѣлался такъ: »когда гетмана Богдана Хмельницкаго не стало, я въ тотъ же день хотѣлъ отправить къ царскому величеству своихъ трехъ урядниковъ; а начальные люди, услышавъ объ этомъ, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю отъ себя; оттого я не послалъ, а написалъ къ воеводѣ кіевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и къ князю Ромодановскому въ Бѣлгородъ, чтобы они извѣстили государя.«

Артамомъ Матвѣевъ сказалъ: »Его царскому величеству учинилось вѣдомо, что гетмана Богдана Хмельницкаго не стало; и великій государь, жалуя васъ, указалъ ѣхать въ Войско Запорожское, съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ, боярину и намѣстнику казанскому, Алексѣю Никитичу Трубецкому, да окольничему и ржевскому намѣстнику, Богдану Матвѣевичу Хитрово, да думному дьяку, Ларіону Лапухину. Гетманъ долженъ послать къ полковникамъ и велѣть имъ съѣхаться въ Кіевъ, и сверхъ того, чтобъ изъ всѣхъ полковъ по пяти человѣкъ было прислано. Дѣло будетъ великое. Да чтобъ въ черкасскихъ городахъ были собраны кормы и приготовлены подводы для ихъ приходу. Да еще Павелъ Тетеря, когда былъ въ Москвѣ посланцемъ у государя, то просилъ оберегать васъ противъ непріятелей вашихъ; и теперь приказано князю Ромодановскому итти наскоро съ конными и пѣшими людьми, да велѣно также боярину Василію Борисовичу Шереметьеву выслать конныхъ и пѣшихъ; а ты, гетманъ, вели приготовить имъ запасы и подводы.«

Гетманъ, разумѣется, обѣщалъ, но какъ услышали старшины, то стали видѣть въ этомъ тайное намѣреніе нарушить ихъ права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: одинъ, съ Ромадоновскимъ, въ Переяславѣ, другой, съ Ляпуновымъ, въ Пирятинѣ. Ожидали, какъ объявлено было, еще прихода Трубецкаго съ товарищами; это особенно пугало старшину, потому что не сказано было, для какихъ дѣлъ придетъ это войско. Артамонъ Матвѣевъ привезъ приказаніе собирать по Украинѣ запасы на прокормленіе войску съ доходныхъ статей (орандъ); а всѣ эти статьи были въ распоряженіи старшинъ и они видѣли теперь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дѣло на обсужденіе рады. Рада собралась въ назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партіи, съ стороны польской — Бенёвскій, со стороны шведской — Немиричъ, по извѣстію кіевскаго воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, они тутъ невольно дѣйствовали заодно противъ общаго для нихъ обоихъ соперника. Рада происходила въ полѣ. Выговскій положилъ свою булаву и бунчукъ, поклонился собранію и сказалъ, что ему присланы отъ царя такіе пункты, чтобъ у козаковъ прежнія вольности отнимать. »Я въ неволѣ быть не хочу«, прибавилъ онъ, и отказывался отъ гетманства. Онъ объявилъ, что рада вольна выбрать другаго гетмана, и поѣхалъ прочь. Тогда начальные люди послѣдовали за нимъ,

воротили и начали просить, чтобъ онъ остался на гетманскомъ достоинствѣ. Судья Самойло Богдановичъ-Зарудный вручилъ ему булаву.

»Мы«, говорили козацкіе чиновники, »будемъ стоять за свои вольности заодно, чтобъ у насъ ничего не отняли, чтобъ не было перемѣны, чтобъ какъ прежде были, такъ чтобъ и теперь остались мы, свободны.«

Выговскій, какъ будто исполняя всеобщую волю, принялъ снова булаву. Этой церемоніей и окончилась рада.

На другой день была другая рада во дворѣ. Посланный путивльскимъ воеводою на провѣдки, посадскій человѣчишко Николка затесался между козаками, или, можетъ быть, спрятался тамъ, гдѣ происходила рада, и передалъ потомъ въ общихъ чертахъ это совѣщаніе. (»И я Николка былъ въ той свѣтлицѣ, гдѣ была рада«, доносилъ онъ своему начальству въ *роспросѣ*).

Выговскій сказалъ: »при покойномъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ у насъ не бывало рады и совѣта, но теперь вы меня избрали гетманомъ, и я безъ вашего воинскаго совѣта не стану дѣлать никакихъ дѣлъ. Нынѣ я объявляю вамъ: прислалъ къ намъ шведскій король, зоветъ насъ къ себѣ въ союзъ (въ »подданство«, переиначилъ Николка: въ писмѣ Бутурлина просто — *союзъ*, а не *подданство*), а царское величество прислалъ къ намъ грамоту съ выговоромъ, зачѣмъ мы, безъ его государева вѣдома, сложились съ Ракочи; хочетъ, чтобы Антона Ждановича наказать: »вы уже«, говоритъ, »прежде измѣнили шведскому королю, измѣнили и крымскому хану и Ракочію венгерскому и господарю волошскому, а теперь и намъ хотите измѣнить. Долго ли вамъ быть въ такихъ шатостяхъ?«

Гетманъ хотѣлъ, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствіе къ царской власти, но въ то же время выгораживалъ себя, если преждевременно дойдетъ вѣсть объ этомъ въ Москву, и потому сталъ совѣтовать козакамъ покорность.

»А только намъ«, продолжалъ онъ, »отложиться отъ царскаго величества, никто намъ болѣе не повѣритъ за непостоянство наше, и мы дойдемъ до конечнаго разоренія. Теперь, безъ всякой шатости, дайте мнѣ совѣтъ, какъ поступить?«

Выступили полковники: нѣжинскій Гуляницкій, полтавскій Пушкаренко, прилуцкій Дорошенко, ирклѣевскій Джеджалы, и сказали:

»Мы не отступимъ отъ присяги, данной его царскому величеству.«

Другіе начальные люди, сотники и есаулы съ лѣвой стороны Днѣпра

повторили тоже: »мы не отступимъ отъ его царскаго величества; какъ присягали, такъ въ той мысли и стоимъ.«

Когда гетманъ сталъ допрашивать ихъ, какъ ему поступить,—вмѣсто совѣта, они закричали:

»Якъ ти намъ прирáдишъ, тáкъ ми й бýдемо!«

Гетманъ не добивался отъ нихъ совѣта о шведскомъ предложеніи, а долженъ былъ, потакая имъ, сказать:

»Я вамъ свою мысль объявляю, что намъ быть надежно при милости царскаго величества, по присягѣ своей неотступно, а къ инымъ ни къ кому не приложиться.«

Но правобережные полковники — Зеленскій, Богунъ и третій полковникъ (»имени его не упомню«, говоритъ свидѣтель) отозвались не въ такомъ духѣ.

»Намъ, пане гетмáне и всѣ паны-рада, не ладно быть у царского величества: онъ, государь, къ намъ милостивъ, да начальные его люди къ намъ не добры, наговариваютъ государю, чтобъ навести насъ въ бóльшую неволю, и достояніе наше отнять!«

Выговскій, выслушавъ эти рѣчи, принялъ суровый видъ и сказалъ:

»Вы, панóве, не дѣло говорите, и въ войскѣ смуту чините; а намъ отъ царскаго величества отступать за его государеву милость не слѣдуетъ и помышлять!«

Наконецъ порѣшили послать къ царю посольство и просить о ненарушеніи данныхъ вольностей.

»И всѣ тогда«, пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесеніи къ царю,—»межъ собою душами укрѣпились, чтобъ имъ всѣмъ за гетмана и за свои права и старыя вольности стоять заодно. И много другихъ непристойныхъ рѣчей у нихъ было.«

Съ этихъ поръ, вѣроятно, Выговскій выбросилъ изъ своей подписи выраженіе: *на тотъ часъ*, которое, по сказанію украинскаго лѣтописца, наложилъ на себя какъ условіе, когда козаки на первой радѣ вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили въ Москву посланцами: корсунскаго полка есаула, Юрія Миневскаго и сотника Ефима Коробку—просить царскаго подтвержденія Выговскаго на гетманское достоинство и правъ козацкихъ, сообразно прежней царской грамотѣ, данной послѣ переяславскаго присоединенія. Гетманъ отпусилъ Бенёвскаго съ дружелюбными увѣреніями. Но Польша не хотѣла оставлять Украины безъ наблюденія, и тотчасъ же за Бенёвскимъ пріѣхалъ другой гонецъ

и агентъ Вороничъ. Какъ искренно было это сближеніе съ застарѣлыми врагами, видно изъ того, что въ то же время, какъ Бенёвскій отъ имени Рѣчи-Посполитой сулилъ козакамъ права, свободу и дружбу, у Выговскаго въ рукахъ было перехваченное письмо польскаго полковника Маховскаго къ одному изъ крымскихъ мурзъ. Польскій панъ уговаривался, какъ бы сдѣлать на козаковъ, своихъ *душмановъ*, вмѣстѣ съ крымцами нападеніе. А Выговскій, принимая радушно польскихъ посланцевъ, отправилъ перехваченное письмо въ Москву съ Миневскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ, что послѣ Бенёвскаго пріѣхалъ въ Украину Вороничъ — по прежнему склонять козаковъ къ подданству Польшѣ; но козаки не дозволятъ себя провести и останутся вѣрны его царскому величеству. Крымъ былъ очень опасенъ Украинѣ. Въ послѣднее время, союзъ хана съ Польшею болѣе всего не дозволялъ Украинѣ брать верхъ въ борьбѣ съ Поляками. Услышали въ Крыму, что въ Украинѣ не долюбливаютъ московскаго владычества, и ханъ первый подалъ желаніе примириться, а Выговскій отправилъ въ Бахчисарай посланца своего Бута съ товарищами.

Послѣ избранія, въ радѣ, гетмана, козацкіе обычаи требовали еще освященія отъ церкви. Гетманъ, полковники и старшины отправились въ Кіевъ. 13 октября встрѣтили Выговскаго съ почестью у земляного вала. Въ то время умерла сестра Выговскаго, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговскаго были въ сборѣ: отправляли похороны; потомъ уже обратились къ дѣламъ. 17 октября въ Братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдни, епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ окропилъ святою водою эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. »Принимая гетманство« , говорилъ ему архипастырь, »ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ: управляй и укрѣпляй Войско Запорожское, чтобъ оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества.« Сказавъ это, епископъ осѣнилъ крестомъ новоизбраннаго вождя.

Изъ церкви епископъ позвалъ гетмана и старшинъ на обѣдъ. Туда же были приглашены и воеводы съ товарищами. Когда вино развязало языкъ гетману, онъ сталъ увѣрять въ своей преданности царю, доказывалъ предъ воеводами, что еще какъ былъ писаремъ, то и покойнаго гетмана Хмельницкаго привелъ къ подданству. »Но я теперь опасаюсь« , прибавилъ онъ, »государева гнѣва, что безъ его указа выбранъ гетма-

номъ: мы получили грамоту отъ государя, а въ ней я названъ не гетманомъ, а писаремъ.«

Тогда Богдановичъ, генеральный судья, проговорилъ такую рѣчь:

»Когда мы, козаки, поддались подъ высокую руку его царскаго величества, то государева милость была къ намъ такова, чтобъ вольностей нашихъ у насъ не отнимать; а теперь присланы къ намъ пункты, по которымъ приходится потерять намъ вольности; а мы какъ были подъ королевскимъ владѣніемъ, то у насъ вольностей король не отнималъ; мы же отступили отъ короля и поддались подъ государеву высокую защиту только ради обороны христіанской вѣры отъ ляшскаго гоненія, чтобъ намъ не быть въ папежской вѣрѣ, либо въ уніи.«

Бутурлинъ, обратясь къ Выговскому, сказалъ:

»На тебя, гетманъ, нѣтъ никакого гнѣва государева; а отъ тебя передъ великимъ государемъ такъ есть неисправленіе: обираютъ тебя на Богдаково мѣсто, а ты великому государю о томъ и не написалъ и не учинилъ никакой вѣдомости. Великому государю невѣдомо, что ты гетманомъ учинился; потому-то въ государевыхъ грамотахъ къ тебѣ и названъ ты писаремъ; какъ ты былъ прежде писаремъ, такъ писаремъ и названъ. Ты, гетманъ, о томъ не оскорбляйся и служи по прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будетъ тебѣ свыше прежняго.«

—»Когда только меня стали выбирать въ гетманы«, сказалъ Выговскій, »я не хотѣлъ брать на себя этого реимента безъ государева указа; я долго отговаривался; но полковники и чернь мнѣ дали булаву и знамя съ большимъ упросомъ; пусть государь насъ пожалуетъ: не велитъ у насъ отнимать прежнихъ вольностей; а мы ему, великому государю, готовы служить и стоять противъ всякаго непріятеля и никогда не отступимъ отъ высокой руки его величества!«

Скоро послѣ того брошена была новая тѣнь опасенія въ нарушеніи вольностей. Наступалъ выборъ митрополита. Съѣхались въ Софійскій монастырь духовные и старшины козацкіе. Гетманъ пригласилъ кіевскихъ воеводъ. Бутурлинъ отвѣчалъ, что не поѣдетъ безъ царскаго указа. Уже прежде онъ передавалъ и духовнымъ и свѣтскимъ желаніе московскаго правительства, чтобъ кіевскій митрополитъ подчинился патріарху московскому и былъ бы отъ него назначенъ. Теперешній отказъ пріѣхать на выборъ указывалъ, что московское правительство намѣревается нарушить одно изъ важнѣйшихъ правъ присоединеннаго края. Выборъ тогда не состоялся. Отложили выборъ до Николина дня, между тѣмъ возросло и неудовольствіе къ московскому правительству и страхъ за свои права.

Изъ Кіева гетманъ поѣхалъ въ Переяславъ, и 24 октября свидѣлся съ Ромодановскимъ въ присутствіи своихъ старшинъ: обознаго Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевскаго и своего брата Данила. Ромодановскій уже два мѣсяца стоялъ подъ Переяславомъ съ ратными людьми и не получалъ никакихъ запасовъ. Онъ жаловался, что его прислали сюда по просьбѣ козаковъ, чтобъ оборонять край отъ непріятеля, а продовольствія не даютъ, и грозилъ уйти назадъ.

Не смотря на подозрѣніе, которое раждалось отъ прихода великороссійскихъ войскъ, гетманъ старался удержать всѣми способами Ромодановскаго, и совсѣмъ не въ томъ духѣ съ нимъ говорилъ, какъ на радѣ въ Корсунѣ. Онъ извинялся въ недачѣ запасовъ тѣмъ, что въ Украинѣ, послѣ смерти Богдана, онъ, Выговскій, еще не былъ настоящимъ гетманомъ; не было еще начальства, котораго бы всѣ слушали; онъ представлялъ, что непріятели сдѣлаютъ нападеніе на Украину, какъ только великороссійское войско отступитъ прочь, и наконецъ описывалъ внутреннее безпокойство края. »Послѣ Богдана Хмельницкаго«,—говорилъ онъ,—»въ черкасскихъ городахъ учинился мятежъ и шатости и бунтъ; а какъ скоро ты, окольничій его царскаго величества и воевода князь Григорій Григорьевичь, пришелъ въ черкасскіе города съ ратными людьми, то, милостію Божіею и государевымъ счастіемъ, все утишилось; теперь въ Запорожьѣ большой мятежъ: хотятъ побить своихъ старшинъ и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное цѣлованіе, за такіе заводы, бунты и измѣну царскому величеству, поѣду ихъ усмирять съ войскомъ, а ты, окольничій и воевода, съ ратными людьми перейди за Днѣпръ; съ тобой будутъ полковники: бѣлоцерковскій, уманскій, брацлавскій и другіе; а я управлюсь съ бунтовщиками и предателями. Они наговариваютъ на насъ, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству невѣрны; а мы живымъ Богомъ обѣщаемся и клянемся небомъ и землею: чтобъ намъ Богъ своей милости не показалъ, если мы мыслимъ или впередъ будемъ мыслить какое-нибудь дурно́ и неправду! Какъ за Бога, такъ и за него, великаго государя, держимся.«

Но Ромодановскій отвѣчалъ, что не пойдетъ за Днѣпръ безъ воли государя. Напрасно Выговскій, черезъ три дня послѣ того, снова просилъ его и извѣщалъ, что пойманы Татары, которые объявляютъ, что ханъ собирается съ Поляками нападать на Украину. Ромодановскій не пошелъ за Днѣпръ. Совѣтуя такимъ образомъ и стараясь перевести Рамодановскаго за Днѣпръ, Выговскій въ самомъ дѣлѣ, кажется, руководился страхомъ. Ему хотѣлось отрѣзать Ромодановскаго отъ Трубецкаго и поста-

вить его въ такомъ краѣ, гдѣ всякое покушеніе, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ могло быть, какъ ходили слухи, было бы встрѣчено съ негодованіемъ и съ противодѣйствіемъ, и гдѣ Ромодановскій не въ силахъ былъ бы противостать туземной массѣ.

Потомъ Выговскій отправилъ Юрія Хмельницкаго въ Кіевъ учиться, а самъ вынулъ изъ-подъ земли зарытые имъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ сокровища—болѣе милліона и началъ дарить и угощать старшинъ, значныхъ и простыхъ козаковъ. Веселыя пирушки нѣсколько недѣль шли безъ перерыва. Выговскій былъ человѣкъ трезвый, но чтобъ понравиться толпѣ, прикидывался пьянымъ, показывалъ бурлацкое обращеніе съ простыми козаками, былъ чрезвычайно обходителенъ съ подчиненными, и козаки въ восторгѣ кричали: »отъ щи́рий, не гордий козакъ!«

IV.

Въ Литвѣ, въ послѣднее время, распространилось козачество, какъ нѣкогда въ самой Украинѣ; хлопы самовольно записывались въ козаки. Польское правительство старалось ограничить ихъ число; такъ, подобно послѣднему, поступили теперь московскіе воеводы въ покоренной Литвѣ, по приказанію своего правительства. Въ могилевскомъ повѣтѣ вписывались въ козаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковникъ Нечай, бывшій наказнымъ гетманомъ въ Литвѣ, принималъ ихъ въ реестръ. Московскіе воеводы лишнихъ самовольныхъ козаковъ исключали сами, били ихъ батогами, били ослопьемъ и сотниковъ и есауловъ, чтобъ тѣ не вписывали новыхъ козаковъ. Правительству хотѣлось, чтобъ эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, дѣлаясь козаками, не хотѣли платить ничего съ тѣхъ земель, на которыхъ были населены. Напрасно полковникъ Нечай жаловался и ссылался на приказанія гетмана Богдана Хмельницкаго и Выговскаго, которые запрещали ему выводить козаковъ. »Война наступаетъ« — представлялъ онъ, — »козаки нужны будутъ; нельзя выгонять и бить людей заслуженныхъ, которые и раны терпѣли и въ осадахъ сидѣли.« 27 августа, Нечай отправилъ къ царю жалобу на воеводъ мстиславскаго, оршанскаго, борисовскаго, шкловскаго, копыльскаго, минскаго. »Воеводы«, писалъ онъ, »отнимаютъ у насъ деревни, съ которыхъ мы могли бы имѣть хлѣбъ себѣ; подданныхъ вашего царскаго величества, козаковъ моихъ, выгоняютъ насильно изъ домовъ, требуютъ съ нихъ какъ

съ мужиковъ податей, рѣжутъ имъ чупрйны, бьютъ кнутами и грабятъ; и еслибъ подробно все противное намъ описывать, то много времени было бы потребно«. Полковникъ приписысалъ такіе поступки наущенію шляхтичей, которые желаютъ всячески вывести козачество изъ Литвы. Онъ писалъ: »какъ волкъ выкормленный все въ лѣсъ смотритъ, такъ и шляхта въ Польшу. Шляхтичи передаютъ секреты польскому королю, и оттого польскій король все знаетъ и готовится воевать на ваше царское величество, заключаетъ договоръ съ цесаремъ и крымскимъ ханомъ; и вотъ, по наговору этихъ хитрыхъ лисицъ, измѣнники воеводы теперь меня и товарищество мое преслѣдуютъ, какъ непріятелей«. Въ особенности жаловался онъ на боярина Василія Шереметьева; »козаковъ беретъ и сажаетъ въ тюрьму, а другихъ дѣваетъ невѣсть гдѣ«, говоритъ о немъ Нечай.

Ожиданіе прихода Трубецкаго и ратныхъ людей произвело смятеніе. Полковники писали объ этомъ по сотнямъ; начали собираться на рады, толковать; на лѣвой сторонѣ Днѣпра, миргородскій полковникъ Лѣсницкій разсылалъ по сотнямъ своего полка такого рода извѣстіе: »Мы присягали его царскому величеству, чтобъ намъ по обычаю быть на своихъ вольныхъ правахъ въ Запорожскомъ Войскѣ, и были мы вѣрны въ подданствѣ его царскаго величества по смерть гетмана Богдана Хмельницкаго; а теперь идетъ на насъ боринъ царскій князь Трубецкой съ войскомъ да князь Ромодановскій съ ратными людьми; и вамъ приказано давать имъ живность беззаборно; хотятъ учинить на Украинѣ по городамъ воеводъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Умани и по всѣмъ другимъ, чтобъ вездѣ имъ давали живность, и будутъ брать на государя всѣ тѣ подати, что народъ платилъ когда-то польскимъ панамъ; а козацкаго войска только и останется, что въ Запорожьѣ десять тысячъ, и они будутъ получать изъ нашихъ доходовъ жалованье отъ *орандъ* и мельницъ; а больше уже и не будетъ войска, а станутъ всѣ — мѣщане и хлопы; а кто не захочетъ быть мѣщаниномъ или хлопомъ, тотъ будетъ въ драгунахъ и солдатахъ. Крымскій же ханъ присылаетъ къ намъ и проситъ, чтобъ мы по прежнему были съ нимъ въ дружбѣ. И отъ насъ не требуетъ никакихъ поборовъ...«

Бросивши волненіе въ массу народа, полковникъ чрезъ нѣсколько дней разсылалъ другія приказанія: чтобъ козаки не тревожились. И такъ одинъ разъ онъ въ народѣ возбуждалъ опасеніе, въ другой разъ обращалъ народное раздумье къ догадкѣ, что это опасеніе напрасно. Такимъ образомъ Лѣсницкій держалъ народъ въ недоумѣніи, чтобъ тѣмъ удобнѣе управлять имъ и повести, когда нужно будетъ, къ своей цѣли.

Другіе полковники за Днѣпромъ также волновали народъ такими вѣстями. За Днѣпромъ отзывалось болѣе намѣренія защищать свои права, и заднѣпровскіе полковники разсылали на лѣвую сторону универсалы, въ которыхъ писали: »мы, заднѣпровскіе козаки, не привыкли къ неволѣ, и не хотимъ ее. А если вы поддадитесь царскому изволенію, такъ мы съ Татарами на васъ войною пойдемъ. »Великій государь«, говорилъ миргородскій полковникъ одному великороссіянину,—»не устоялъ въ прежнемъ договорѣ; панъ гетманъ Выговскій и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступимъ; не хотимъ воеводъ царскихъ и отступимъ отъ царя; крымскій царь за насъ пойдетъ,—мы будемъ слыть его подданными; а податей никакихъ не будемъ платить.«

Противники московскаго владычества толковали народу: »вотъ, какъ возмутъ васъ царь и москва въ руки, тогда и кабаки введутъ, горілки и меду нельзя будетъ дѣлать всякому и въ сапогахъ чо́рныхъ не прикажутъ ходить, и суконныхъ кафтановъ носитъ не вольно будетъ; поповъ своихъ нашлютъ, митрополита въ Кіевѣ своего поставятъ, а нашего въ Московщину возмутъ, да и весь народъ туда же погонятъ, а останется тысячъ десять козаковъ, да и тѣ на Запорожьѣ; а тѣ, что́ въ городахъ будутъ, тѣ службу станутъ держать подъ капитанами.«

Распустивъ по сотнямъ вѣсти, миргородскій полковникъ надѣялся, что народъ этимъ слухомъ достаточно настроенъ, и приказалъ собраться въ Миргородѣ на полковую раду всѣмъ сотникамъ и атаманамъ своего полка, и изъ каждаго города и мѣстечка по пяти человѣкъ выборныхъ.

Полковникъ сталъ имъ читать пункты, гдѣ были изложены показанныя выше предположенія о перемѣнахъ. Чтобъ раздражить еще болѣе народные интересы, полковникъ читалъ имъ между прочимъ, что государь приказываетъ сбирать со всѣхъ хозяевъ десятину.

»Хотите поддаться крымскому хану или Ляхамъ?«сказалъ онъ послѣ этого.

Но козаки—говоритъ одинъ изъ простаго народа, тамъ бывшаго,—сейчасъ догадались, что эти пункты не правые, и сказали: а мы что́ сдѣлаемъ безъ черни? Тогда полковникъ роздалъ каждому сотнику и атаману экземпляръ возбудительнаго писанія, велѣлъ собрать рады и прочитать простому народу. Вездѣ по селамъ чтеніе это произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели какого ожидали; козаки говорили: »мы хотимъ служить великому государю и за нимъ жить, а ни къ крымскому хану, ни къ Ляхамъ не пойдемъ,—мы государскіе. Куда намъ великій государь укажетъ, туда всѣ пойдемъ. »Такіе отвѣты послѣдовали изо всѣхъ со-

тень. Нѣкоторые сотники и атаманы оповѣщали простымъ козакамъ, что гетманъ приказывалъ имъ свинецъ и пульки наготовить, въ походъ за Днѣпръ пойдутъ. — »Мы за Днѣпръ не пойдемъ по приказу гетмана; а послушаемъ и пойдемъ, когда царскій указъ будетъ.«

Услыша о неблагопріятномъ для его цѣлей настроеніи народнаго духа, миргородскій полковникъ собралъ снова раду и отдавалъ свое полковничество, и положилъ булаву. Сотники и отаманы и есаулы начали его уговаривать, чтобъ онъ оставался, и полковникъ, какъ будто нехотя, уступая волѣ народной, взялъ опять свой знакъ. Но этотъ обычный маневръ козацкій вовсе не такъ подѣйствовалъ на чернь, какъ на чиновныхъ лицъ; стоя кругомъ полковника, чернь бранила его матерно, а полковникъ слушалъ и притворялся, что не слышитъ, но видѣлъ ясно, что народъ его ненавидитъ. Присылкою бояръ и уничтоженіемъ козацкаго правленія трудно было тогда испугать народъ. »Мы« — говорилъ московскому послу лубенскій войтъ Котляръ — »рады будемъ, когда придутъ къ намъ воеводы съ ратными людьми; а гетмана мы всѣ недолюбливаемъ; и мы и мѣщанство и чернь заодно; вотъ будетъ ярмарка объ Николинѣ днѣ, и мы станемъ совѣтовать съ своею братіею, чтобъ намъ послать къ государю бить челомъ о воеводахъ, чтобы у насъ были царскаго величества воеводы.«

Тогда въ Москву стали являться изъ Украины письма, объяснявшія, въ чемъ состоитъ народное желаніе. Протопопъ Филимоновъ переписывался секретно съ бояриномъ Ртищевымъ и сообщалъ ему о состояніи умовъ въ Украинѣ.

»Какъ только прослышали мы, — писалъ онъ, — что прійдетъ сюда князь Алексѣй Трубецкой съ товарищами на государя праведнаго сей край отбирать и постановить государевы власти, то всѣ меньшіе стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтобъ уже мы имѣли единаго государя, до кого мы бы могли прибѣгать. Правда, отчасти опасаются, чтобъ воеводы не нарушили здѣшнихъ обычаевъ и правилъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ строеніи, и чтобъ отсюда насильствомъ въ Московщину людей не гнали; но мы ихъ обнадеживаемъ, что государь царь и великій князь ничего этого не хочетъ. И я, доброхотъ государевъ, желаю отъ сердца, чтобъ ужъ мы знали государя праведнаго себѣ за совершеннаго государя и его полную власть надъ собою; и многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ того хотятъ, а не хотятъ этого гетманъ да полковники да старшины; и это дѣлаютъ они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тѣшиться своимъ самовла-

стіемъ, ибо уже разлакомились въ господствѣ своемъ, и не хочется имъ его потерять. Сказываютъ о войсковой казнѣ, а войско ея и не знаетъ; только и знаютъ о ней, что одинъ или два человѣка старшинъ, а войску изъ ней заплаты нѣтъ. Того ради изволь твоя милость вступиться предъ его царскимъ величествомъ, чтобы непремѣнно государь прислалъ воеводъ и взялъ на себя всѣ наши города; въ Украинѣ никто не станетъ противиться. Это будетъ добро, а мы будемъ всячески къ тому людей приводить.«

Филимоновъ переслалъ это письмо черезъ другого священника Василія, который тогда хлопоталъ о мѣстѣ для себя въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ. Тоже писалъ къ Татищеву изъ Чернигова другой духовный, архимандритъ черниговскаго монастыря Иванъ Мещериновъ; онъ давалъ совѣты ввести въ Украинѣ кабаки и вѣрныхъ головъ и воеводъ.

»Мы слышали, — выражался онъ, — что имѣетъ быть къ намъ князь Трубецкой. Какъ бы скорѣе конецъ былъ съ панами, нашими начальными! всѣ мы сего ждемъ, а я желаю, чтобъ единаго небеснаго Христа царя имѣючи, и единаго царя православнаго имѣли; дай же намъ, Христе царю, того дождати!«

Съ своей стороны, Запорожье интриговало противъ Выговскаго. Туда убѣгали изъ Украины толпы простого народа. Кто для промысловъ, а кто промотается и пропьется — и тотъ бѣжалъ въ Запорожье, покинувъ семью свою; и такіе-то составляли оппозицію Выговскому. Главою ихъ былъ Яковъ Барабашъ. Имъ на́ руку была народная молва, что царь хочетъ оставить въ одномъ Запорожьѣ только десять тысячъ; они-то и думали, вѣроятно, сдѣлаться этими привиллегированными остатками. Барабашъ отправилъ въ Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова да Семена Остапенка.

Это была депутація отъ простого народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочетъ не того, чего старшины. Она жаловалась на старшинъ, что имъ не даютъ ловить рыбу, держать вино, берутъ поборы и наживаются сами, а простымъ не даютъ жалованья; доносили на Выговскаго, что онъ сносится съ Поляками, съ ханомъ, съ шведскимъ королемъ. Запорожцы представляли, что гетманъ избранъ неправильно, безъ участія Запорожцевъ; что онъ самъ не Запорожецъ, а Полякъ, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкій и сдѣлалъ его писаремъ, но ни онъ, ни жена его не хотятъ добра Запорожью; что радѣ слѣдуетъ быть на Запорожьѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ;

послѣднее мѣсто нравилось имъ оттого, что бѣглецы изъ того края составляли въ то самое время зерно запорожской вольницы.

Въ заключеніе они просили, чтобъ въ Украину ввести воеводъ и московское управленіе. »Вся наша чернь и мѣщане этого желаютъ«, говорили они, »да козацкая старшина недопускаетъ ради своей корысти.« Посольство изъ Запорожья отправили Запорожскіе старшины, а толпа неистово порывалась итти на города и шарпать имѣнія знатныхъ и богатыхъ. Выговскій, услышавъ объ этомъ, собирался съ своей стороны итти съ городовыми козаками усмирять Запорожье и приказалъ разставить караулы (заставы), чтобъ перенять запорожскихъ посланцевъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы, — да еще не велѣлъ торговцамъ возить въ Запорожье порохъ, свинецъ и припасы, чтобъ край этотъ отрѣзать отъ Украины и лишить продовольствія. Въ то же время Выговскій отправилъ письмо къ боярину Морозову, умолялъ его ходатайствовать предъ царемъ, чтобъ доносы враговъ не получили успѣха, и просилъ задержать посланцевъ. »Пусть бы, государь«, писалъ онъ, »покаралъ ихъ по своему премудрому разуму; ибо они, своевольники, только о суетной своей волѣ помышляютъ, не радѣютъ о вѣрѣ и о прислугѣ его царскому величеству; нѣтъ у нихъ ни женъ, ни дѣтей, ни пожитковъ, ни добычи, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ ѣсть имъ да пить да въ карты играть да всякія безчинства Богу и людямъ чинить; а мы за вѣру православную и за достоинство государя, при женахъ и дѣтяхъ и маетностяхъ нашихъ, всегда умирать готовы.«—

Барабашенко, отправивъ уже посольство и роя подъ Выговскимъ яму, послалъ къ нему письмо, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и покорности и возбуждалъ неудовольствіе гетмана на толпу повѣсъ, пришлецовъ изъ Украины. »Тѣ, которые поднимали бунтъ«, писалъ онъ, »пришли изъ миргородскаго повѣта. Часть ихъ уже повязана, да у половины у нихъ ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки зимовчаки ихъ не послушали; и въ мысли у насъ не было, чтобъ итти на города грабить.«

Въ такомъ положеніи было общее настроеніе умовъ, когда прибылъ въ Москву Миневскій съ товарищемъ. Въ распросахъ, которые ему дѣлали бояре, онъ отъ имени Выговскаго чернилъ всячески Лѣсницкаго, указывалъ, что этотъ-то полковникъ даетъ поводъ ко всѣмъ волненіямъ, потому что ему хотѣлось булавы, но онъ ея не получилъ, и теперь вотъ онъ наущаетъ народъ къ неповиновенью и возбуждаетъ чернь противъ царской власти: распустилъ слухъ, будто царь прислалъ князя Трубецкаго съ

тѣмъ, чтобы вездѣ по городамъ поставить войско и уничтожить козацкія вольности. Бояре объяснили ему, что у его царскаго величества и въ мысли не было, чтобы ломать права и вольности ихъ, и приписывали такіе выдумки наущенію враговъ. Посланцы старались выставить въ благопріятномъ свѣтѣ сношенія Выговскаго со Шведами и Поляками и откровенно объявляли, что польскіе послы пріѣзжаютъ для того, чтобъ склонить козаковъ къ измѣнѣ царю, и увѣряли, что не успѣть имъ въ этомъ. Запорожскіе посланцы были тогда въ Москвѣ; выслушавши отъ нихъ доносъ, бояре стали вывѣдывать отъ посланцевъ Выговскаго, были ли Запорожцы на радѣ? На это Миневскій отвѣчалъ, что не были; но въ самомъ Запорожьѣ народъ въ то время состоялъ изъ козаковъ разныхъ полковъ городовыхъ, а изъ этихъ полковъ на радѣ были и старшины и выборные козаки. »На Запорожьѣ« , объясняли они, »людей вовсе немного, всего тысячь пять, и тѣ не живутъ тамъ постоянно; одни изъ городовъ приходятъ, другіе уходятъ назадъ.«

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что-нибудь особое, а часть того же войска.

»Мы не чаемъ бунта« , говорили они, »потому что Ивана Выговскаго выбрали цѣлымъ Войскомъ; а лучше было бы учинить такъ, чтобы великій государь изволилъ послать кого укажетъ въ войско, чтобъ собрать полковниковъ и сотниковъ и всю городовую чернь вновь на большую раду; кого на этой радѣ выберутъ, тотъ будетъ и проченъ; а гетманъ самъ желаетъ этого; и если кого иного выберутъ, Иванъ Выговскій о томъ не оскорбляется.«

— »А прежніе гетманы гдѣ выбирались?« спрашивали бояре, слышавшіе предъ тѣмъ отъ запорожскихъ посланцевъ, что они выбирались на Запорожьѣ. »Гдѣ Богданъ Хмельницкій выбранъ?«

»На Запорожьѣ прежніе гетманы выбирались« , сказалъ Миневскій, »и Богданъ выбранъ на Запорожьѣ и Запорожанинъ былъ.«

Бояре замотали себѣ на усъ, что Миневскій говорилъ въ-одно съ Запорожцами, и это доставляло оправданіе послѣднимъ во мнѣніи бояръ.

Посланцы Выговскаго были отправлены съ честію, съ жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и съ письменнымъ милостивымъ словомъ царскимъ ко всему Войску, гдѣ сказано, что такъ-какъ козаки обѣщаются служить вѣрою и правдою его царскому величеству, то и великій государь вѣрныхъ подданныхъ, православныхъ христіанъ, будетъ держать въ вольностяхъ безъ

всякаго умаленія; а на подтвержденіе новоизбраннаго гетмана и для принятія отъ него присяги на вѣрность пошлется бояринъ Хитрово.

Въ то время, какъ эти посланцы были еще въ Москвѣ, Выговскаго уже посѣтилъ одинъ московскій гонецъ, стряпчій Рагозинъ. Онъ посланъ былъ въ Украину подъ предлогомъ извѣстить гетмана о дарованіи отъ Бога радости царскому семейству рожденіемъ царевны Софіи, но въ самомъ дѣлѣ у него былъ наказъ — провѣдывать, что́ дѣлается на Украинѣ, и любятъ ли и желаютъ Выговскаго? По всей дорогѣ, отъ московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, въ одинъ голосъ, какъ будто бы сговорившись, утверждали, что Выговскаго недолюбливаетъ народъ. Въ Чигиринѣ говорили ему, что Выговскаго выбрали одни старшины, чернь его не желаетъ, а хочетъ Хмельниченка; но на лѣвой сторонѣ Днѣпра не вспоминали и Хмельниченка.

»Вотъ, сказываютъ«, говорили поселяне Рагозину, »будто бояре и воеводы съ ратными московскими людьми придутъ къ намъ, а мы этому и рады.«

Такъ, съ одной стороны, Выговскому и его партіи представлялся поводъ къ подозрѣніямъ и непріятнымъ ожиданіямъ перемѣнъ отъ царя, а съ другой — московскому правительству приходили вѣсти, что народъ не любитъ новоизбраннаго правителя, что народъ расходится съ нимъ и съ его партіею въ желаніяхъ, что Выговскій и значные—тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцевъ Выговскаго, отправленныхъ въ Крымъ, перехватили письма гетмана къ хану; по извѣстію современника Поляка, самыхъ посланцевъ утопили, а письма отправили въ Москву съ своимъ посломъ. Они доносили, между прочимъ, что къ Выговскому ѣздилъ какой-то ложный монахъ Данило, французъ родомъ, который ведетъ тайныя сношенія и подстрекаетъ его къ отпаденію отъ Московщины, старались растолковать письма гетмана къ хану такъ, что гетманъ съ ханомъ и Поляками хочетъ итти войною на Московщину.

Явился Выговскому сильнѣйшій врагъ, который образовалъ около себя центръ недовольной партіи, полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь; пользуясь разстройствомъ народнаго смысла, недовольствомъ черни противъ значныхъ, Пушкарь надѣялся сдѣлаться самъ гетманомъ, свергнувши Выговскаго, созвалъ у себя раду, и объявилъ на ней, что Выговскій измѣнникъ, сносится съ Поляками, Крымцами, думаетъ измѣнить царю.

Вмѣстѣ съ запорожскими гонцами онъ отправилъ въ Москву и сво-

его атамана, Стринджу, съ товарищами; они повезли доносъ, что гетманъ измѣнникъ, сносится съ Ордою и Поляками. Рѣшившись въ то же время дѣйствовать оружіемъ, Пушкарь отправилъ къ Запорожцамъ просьбу помогать ему противъ Выговскаго: шестьсотъ молодцовъ отправилось къ Пушкарю подъ начальствомъ атамана Якова Барабаша (1). Но главная сила Пушкаря состояла въ народѣ. Полтавскій полковникъ, чтобъ вредить своему врагу, постоянно призывалъ козаковать посполитыхъ, стремившихся къ уравненію правъ своихъ съ козаками. Ненависть, прежде обращенная на польскихъ пановъ, теперь готова была съ тѣмъ же неистовствомъ обратиться на единоземцевъ, которымъ болѣе другихъ послужило житейское счастіе. Призывы Пушкаря подѣйствовали на бездомовныхъ и безземельныхъ: такихъ было множество въ Украинѣ отъ разореній, смутъ и отвычки къ работамъ во время безпрерывныхъ войнъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ Пушкарю работники изъ винокурень и пивоварень, — а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не въ каждомъ зажиточномъ домѣ, — сбѣгались пастухи, наймиты; не имѣвшіе своего угла и жившіе изъ куска хлѣба у богатыхъ теперь бѣжали козаковать — въ надеждѣ отомстить за побои хозяевамъ и присвоить ихъ имущества, для того, чтобъ пропить и промотать награбленное въ нѣсколько дней; все, что́ носило названіе *голо́ты* (т. е. голи, голяковъ), являлось подъ знамена Пушкаря. Они шли безъ лошадей, безъ оружія, нерѣдко безъ одежды и обуви, въ лохмотьяхъ, съ рогатинами, дубинами, косами и, по замѣчанію лѣтописца, съ сердцами, готовыми на убійства и грабежи (2).

Пушкарь составилъ изъ нихъ пѣхотный полкъ: они назывались *дейне́ками*, (т. е., можетъ быть, *де-не-які*, кой-какіе), и въ короткое время у Полтавскаго полковника было, какъ думали, до двадцати тысячъ.... (3) и съ каждымъ днемъ партія его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зинькова, Ромна, Миргорода, возмутились; поспольство обращалось въ козаковъ.

Выговскій побѣжалъ въ Гадячъ, захватилъ на мѣстѣ нѣсколько возмутителей народа противъ гетманской власти и казнилъ смертію; потомъ отправилъ гадячскаго *намисныка* Тимоша въ Полтаву и ласково просилъ Пушкаря оставить свои враждебныя намѣренія и предлагалъ миръ.

---

(1) Лѣтоп. Величка, I. 317.
(2) Лѣтоп. Величка, I. 328.
(3) Кратк. повѣст. о Коз. Мал. Нар. 83.

»Чи не такъ«, сказалъ Пушкарь, »Виго́вський хо́че мене́ зъ собо́ю погоди́ти, якъ погоди́въ въ Га́дячомъ бра́ттю на́шу, лу́ччихъ одъ се́бе това́ришівъ Війська Запоро́зского, поутина́вши імъ го́лови?... але́ не дiжде сёго́!«

Приказалъ Пушкарь оковать Тимоша и отослалъ его къ воеводѣ московскаго царя, Колонтаеву, своему пріятелю, въ Каменное (1).

Тогда Выговскій рѣшился успокоить Пушкаря оружіемъ и послалъ противъ него два полка: нѣжинскій и стародубскій. Но на пути простые козаки взволновались, отказывались подымать руки на братьевъ и разошлись.

Выговскій увидѣлъ, что на козаковъ плоха надежда въ междоусобной войнѣ. Но бурная эпоха Хмельницкаго привлекла въ Украину толпы иноземцевъ: у гетмана были *затяжные* полки (*затя́зці*, наемные): въ нихъ были Сербы, Волохи, Поляки, Нѣмцы. 25 генваря 1658 года, гетманъ послалъ противъ соперника отрядъ Сербовъ, подъ начальствомъ Ивана Серби́на, и Малороссіянъ, подъ предводительствомъ Богуна. Они должны были напасть на Полтаву въ расплохъ и схватить Пушкаря.

Отъ скорости зависѣлъ успѣхъ. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но подъ самымъ городомъ сбились съ зимней дороги, и промедлили день. Въ Полтавѣ узнали объ нихъ, и 27 генваря Барабашъ съ Запорожцами напалъ на нихъ во время обѣда при урочищѣ Жуковомъ-Байракѣ. Триста человѣкъ легло на мѣстѣ, не успѣвши схватиться за оружіе. Остальные не пошли впередъ и убѣжали. Многіе попались въ плѣнъ и были отосланы къ московскому воеводѣ, пріятелю Пушкаря. Лѣсницкій, узнавъ о несчастіи, дѣлалъ кличь по всему миргородскому полку, призывалъ спѣшить противъ бунтовщика Пушкаря, но многіе миргородцы переходили на сторону враговъ (2).

Въ это время уже совершился выборъ митрополита. Новоизбранный архипастырь, Діонисій Балабанъ, сторонникъ Выговскаго, написалъ къ Пушкарю увѣщательное письмо и грозилъ церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе гетману.

»Хотя ваша святительская милость«,отвѣчалъ Пушкарь, »и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но Войско Запорожское не признаетъ его гетманомъ. Когда будетъ полная рада, на которой вся чернь Украинская единомысленно съ чернью Войска Запорожскаго изберутъ его гетманомъ, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагосло-

(1) Лѣтоп. Величка, I. 325. — (2) Лѣтоп. Величка, I. 325.

веніе извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не желаетъ добра его царскому величеству и ищетъ невѣрныхъ царей; мы же почитаемъ царемъ одного царя православнаго (1).«

Пушкарь выступилъ изъ Полтавы и дейнѣки повсюду грабили зажиточныхъ и опустошали ихъ имѣнія. Этотъ походъ увеличивалъ войско Пушкаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздражалъ всѣхъ имѣвшихъ собственность.

Но въ то время, когда такое волненіе поднялось въ восточной части Украины, прибылъ Хитрово. Еще онъ былъ въ дорогѣ, а уже козацкіе старшины сильно тревожились. Посланники Выговскаго, возвратившись къ гетману, извѣщали, что царскій посолъ ѣдетъ собирать новую раду для новаго избранія. Опасались, чтобъ противная Выговскому партія не взяла верхъ и не избранъ былъ другой гетманъ; это значило уступить свои свободныя сословныя права произволу самодержавной власти; тогда показали бы примѣръ, что вольное избраніе ничего не значитъ. Вопросъ о воеводахъ и великорусскихъ войскахъ въ Украинѣ долженъ былъ разрѣшиться съ пріѣздомъ боярина. Зловѣщіе слухи объ уничтоженіи козаковъ должны были съ нимъ или оправдаться, или обличиться. Страшная для всѣхъ гроза примирила всякія несогласія; гетманъ и Григорій Лѣсницкій стали друзьями. Многіе готовились стать грудью за Выговскаго, не изъ любви къ нему, а потому, что съ нимъ вмѣстѣ должны были защищать самихъ себя и все свое сословіе.

V.

17 генваря, Хитрово пріѣхалъ въ Лубны; и отъ гетмана и старшинъ явился посланецъ съ письмомъ просить, чтобъ рада была не въ Переяславѣ, а въ иномъ мѣстѣ. Бояринъ подарилъ гонцу пару соболей да пять рублей денегъ и сказалъ ему: »это тебѣ за то, чтобъ, пріѣхавши къ гетману, наговаривалъ его ѣхать на раду въ Переяславъ, а не въ иное мѣсто.«

25 генваря прибылъ Хитрово въ Переяславъ и остановился въ домѣ какого-то Грека Ивана, а 30-го получилъ извѣщеніе, что гетманъ пріѣдетъ на раду. Выговскій былъ предъ тѣмъ въ Миргородѣ вмѣстѣ съ Лѣсницкимъ. Еще не было рады, не порѣшили дѣлъ съ Хитрово, а ужъ путивльскій воевода спрашивалъ Выговскаго, когда онъ поѣдетъ въ Мос-

(1) Истор. М. Росс. II. прпм. 12.

кву. Выговскій обѣщалъ ѣхать какъ только утишится волненіе и кончится дѣло, по которому пріѣхалъ бояринъ Хитрово.

Собрались съ Переяславъ полковники. Прибылъ гетманъ. Старшина роптала. Выговскій не показывалъ охоты начальствовать. Онъ говорилъ старшинамъ такъ: »Москаль ни во что считаетъ выборы по нашимъ стародавнимъ правамъ, и хочетъ, чтобъ у козаковъ гетманы были не выборные, не изъ нашего народа. Они думаютъ навязать намъ какого нибудь своего бородача. Если вы теперь это допустите, то навѣки потеряете права и вольности; не поддавайтесь Москалю, не позволяйте себѣ давать гетмана, выбирайте вольными голосами, какъ прежде всегда въ старину бывало.«

На раду прибылъ и новоизбранный митрополитъ Діонисій и знатное духовенство. Рада произошла въ одинъ изъ первыхъ дней февраля. Прибылъ въ собраніе бояринъ; Выговскій не явился; вмѣсто его выступилъ монахъ Петроній и сказалъ:

»Панове рада! Приказалъ вамъ Выговскій сказать, что онъ отказывается отъ булавы, которую ему дала рада; онъ увидѣлъ къ себѣ неблаговоленіе его царскаго величества, да притомъ и въ Войскѣ много у него недоброжелателей. Пусть бояринъ назначитъ вамъ гетмана, кого пожелаетъ, а Выговскій, утомленный долгими трудами и видя на себѣ отовсюду гоненія, желаетъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу въ монастырѣ.«

Съ негодованіемъ выслушали козаки оффиціальный отказъ своего гетмана. Они были научены заранѣе, будто отъ Выговскаго требуетъ этого бояринъ.

Одинъ смѣльчакъ такъ говорилъ:

»А бодай того ніхто не діждавъ, щобъ Виговського зъ булави запорозькоі зкинули; ані цареві, ані тобі, воеводо, козаки нічого не здіяли, щобъ ви право наше козацьке — обірати гетьмана — у насъ видерли; Виговський голову смаживъ, насъ зъ тяжкоі неволі лядськоі визволяючи; всі при німъ умирати, изъ нимъ жити готовісьмо; то вся Украіна: полковники, осаули, отамани, сотники и чернь, поприсягаемо!«

»Згода! згода!« раздалось множество голосовъ.

»Все«, говорилъ какой-то полковникъ, »все, що царь и ти, бояринe, намъ скажешъ, ми учинимо; а зъ рукъ у себе обірання гетьмана видерти не дамо: на те постріли рани й люту смерть у битвахъ зъ ворогами одважно терпимо, щобъ дослужити слави й чести въ нашімъ козацькімъ народі!«

—»Если такъ, паны рада«, сказалъ бояринъ: »если вы желаете, чтобъ Выговскій былъ у васъ гетманомъ, то пусть будетъ по вашей волѣ и по вашимъ старымъ обычаямъ, съ тѣмъ, чтобы новый гетманъ присягнулъ передъ крестомъ и евангеліемъ, что не будетъ сноситься съ царскими врагами, а Поляковъ будетъ считать непріятелями, если они не выберутъ на престолъ его царское величество, и противъ Турковъ и иныхъ, кто будетъ его царскому величеству непріятелемъ, будетъ съ козаками биться; а потомъ пусть отправляется въ Москву видѣть свѣтлыя очи его царскаго величества (1).«

Полковники увѣряли боярина, что Выговскій всегда былъ и будетъ вѣренъ царю. Тогда разрѣшилось наконецъ загадочное дѣло о воеводахъ. Воевода изложилъ прежнее состояніе Украины, когда въ ней не было крѣпостей, и польскіе люди, соединяясь съ Крымцами, приходили войною и опустошали города и мѣстечки; припомнилъ, какъ государь присылалъ своихъ ратныхъ людей для защиты края и велѣлъ устроить въ Кіевѣ крѣпость, и сами козаки хвалили это.

»И теперь«, говорилъ бояринъ, »великій государь, желая по христіанству, чтобъ было все Войско Запорожское въ осторожности и въ безстрашіи отъ внезапнаго прихода непріятеля, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устроивать осады, а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать козаковъ и чинить между ними расправу полковники и войты и бурмистры — по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу чинить надъ ними — воеводы, только также по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые сбирались у васъ — *подымное* и съ *орандъ*, будутъ сбираться въ оныхъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы.«

Бояринъ доказывалъ, что такое устройство принесетъ большую пользу всему краю. »Тогда«, говорилъ онъ, »если непріятели и наступятъ на города Малой Россіи, то Войско Запорожское надежно будетъ стоять противъ нихъ; въ городахъ въ то время будутъ для береженья воеводы и ратные люди и не дадутъ непріятелю пустошить городовъ и уѣздовъ;

(1) Hist. panow. Jana Kaz. II, 327. Annal. Polon. Climact. II. 272.

а сверхъ того, на то время войску будетъ заплата, когда оно пойдетъ противъ непріятеля, не будетъ никакой нужды, и вамъ всѣмъ будетъ охотнѣе служить: будете знать, что домы ваши цѣлы и не разорены: воеводы берегутъ.«

Простые козаки должны были видѣть въ этомъ свою выгоду. Но эти нововведенія парализовали власть старшинъ, потому что отнимали у нихъ распоряженіе доходами, которые они собирали какъ хотѣли и употребляли въ свою пользу. Приходилось согласиться на требованіе боярина. Постановили быть воеводамъ въ малороссійскихъ городахъ.

»Но въ которыхъ именно городахъ«, сказалъ Выговскій, »надобно быть воеводамъ, я самъ доложу о томъ великому государю, царскому пресвѣтлому величеству, когда, Богъ дастъ, буду оглядать его царскія пресвѣтлыя очи и принесу вѣчное свое подданство.«

Посолъ требовалъ, чтобъ козаки, водворившіеся въ литовской землѣ, именно въ Старомъ Быховѣ и Чаусахъ, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавшіе самовольно въ козацкое званіе, были обращены въ прежнее состояніе; московское правительство считало Литовское Великое Княжество уже своимъ завоеваннымъ достояніемъ, размѣстило своихъ воеводъ по городамъ и приписало къ нимъ повѣты. Находили, что Быховъ принадлежалъ къ оршанскому, а Чаусы къ могилевскому повѣтамъ, и слѣдовательно этими городами должны начальствовать воеводы, помѣщенные въ Оршѣ и Могилевѣ. Полковникъ козацкій долженъ выйти прочь, и въ Литвѣ не слѣдуетъ быть козачеству.

Приходилось радѣ безропотно согласиться и на это требованіе, а оно также сильно щекотало козацкій патріотизмъ и внушало опасеніе за будущее: если московское правительство теперь по своей волѣ уничтожало козачество въ одномъ изъ краевъ, гдѣ козачество уже завелось, то могло впослѣдствіи уничтожить его и въ другихъ мѣстахъ, и такъ постепенно обрѣзывать территорію, какую козачество успѣло занять во время войнъ съ Поляками. Бояринъ давалъ знать, что правительство не хочетъ слишкомъ сильнаго разширенія козачества и признаетъ его вреднымъ для гражданскаго порядка. Бояринъ жаловался, что изъ сосѣднихъ краевъ Великороссіи, изъ уѣздовъ: брянскаго, карачевскаго, рыльскаго, путивльскаго, крестьяне, живущіе въ имѣніяхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, и холопы бѣгаютъ въ Малороссію, потомъ приходятъ оттуда на прежнее жительство толпами, подговариваютъ къ побѣгу съ собой другихъ крестьянъ и холоповъ, и нерѣдко отмщаютъ своимъ господамъ, если прежде были ими недовольны: набѣгаютъ на ихъ домы—сожигаютъ

ихъ, убиваютъ хозяевъ и ихъ семейства; иногда они запирали господъ въ домахъ и закапывали дома со всѣхъ сторонъ землею, и такъ оставляли жильцовъ умирать взаперти голодною смертію. Ясно было, что козачество, которое возникло изъ возстанія простаго народа противъ владѣльцевъ, было искушеніемъ для сосѣдняго великороссійскаго простонародья.

»О всѣхъ тѣхъ людяхъ,« отвѣчалъ Выговскій, »мы сдѣлаемъ розыскъ, и всякій полковникъ и урядникъ подвергнется наказанію, если не будетъ поступать согласно нашему приказанію.«

—»Великому государю учинилось вѣдомо,« сказалъ бояринъ, »что въ Запорожское Войско не однажды пріѣзжалъ старецъ Данило, родомъ изъ французской земли; но онъ на самомъ дѣлѣ не старецъ, и теперь уже скинулъ съ себя черпеческое платье, и ходитъ въ мірскомъ; онъ пріѣзжалъ сюда отъ шведскаго короля лазутчикомъ и чинитъ ссору въ Запорожскомъ Войскѣ; и потому, какъ только онъ пріѣдетъ, вели, гетманъ, задержать его и отписать объ немъ его царскому величеству.«

Гетманъ отвѣчалъ на это:

»Мы и прежде не слушали никакихъ сплетней и теперь не станемъ слушать. Если же этотъ Данило станетъ дѣлать что-нибудь противное у насъ, мы его самого отошлемъ къ его царскому величеству.«

Бояринъ, какъ органъ московской власти, выражалъ и теперь, какъ дѣлалось прежде, неудовольствіе со стороны этой власти за склонность къ дружелюбному отношенію къ Шведамъ; съ выговоромъ замѣчалъ, что до сихъ поръ не послано отъ Козаковъ посольства къ шведскому королю съ объявленіемъ ему непріязни, въ случаѣ если онъ не исполнитъ требованій царя и не примирится съ нимъ по желанію послѣдняго. Выговскій долженъ былъ обѣщать отправить такой отзывъ къ шведскому королю, съ которымъ втайнѣ велъ мирныя сношенія. Въ отношеніи Поляковъ, бояринъ объявилъ, что война будетъ неизбѣжна, потому что Поляки уклоняются отъ исполненія виленскаго договора 1656 года, не думаютъ собирать сейма и разсуждать на немъ объ избраніи на королевство московскаго государя. Бояринъ приказывалъ козацкому войску быть наготовѣ къ выступленію на войну, когда придетъ указъ изъ Москвы о началѣ военныхъ дѣйствій.

»Мы«, отвѣчалъ гетманъ, »готовы итти на польскаго короля и велѣли написать универсалы, чтобъ разослать козакамъ, когда будетъ нужно; желаемъ сложить наши головы за достояніе его царскаго величества и противъ шведскаго короля, и противъ каждаго царскаго непріятеля пойдемъ покорно, по царскому приказанію.«

Наконецъ бояринъ замѣтилъ слѣдующее:

»Въ прошлыхъ годахъ, покойный гетманъ Хмельницкій подписывался въ своихъ листахъ отъ козаковъ къ царю — *вѣчными* подданными его царскаго величества, а ты, Иванъ, въ листѣ своемъ къ великому государю подписался — *вольными* подданными; такъ тебѣ не годилось писать, и впредь вамъ подписываться просто — *вѣчными* подданными царскаго величества, а не *вольными*. Да еще ты писалъ листъ къ крымскому хану и не подписался въ немъ подданнымъ царскаго величества, а въ грамотахъ къ крымскому хану и къ султану Калгѣ пишутъ васъ отъ великаго гусударя царскими подданными и приказываютъ посланникамъ говорить, чтобъ ханъ шертовалъ на томъ, чтобы не ходить на васъ, запорожскихъ козаковъ и не чинить вамъ никакого лиха, потому что вы подданные царскіе; а если бъ васъ царскими подданными не писать въ грамотахъ къ крымскому хану, то на васъ бы давно война была.«

Отвѣта на это замѣчаніе не дошло до насъ; трудно было что нибудь и отвѣчать на него; оставалось молчать, потупивъ головы.

Въ соборной церкви святыхъ апостолъ произнесъ гетманъ присягу, — по выраженію того времени, — его царскому величеству прямить и добра хотѣть. Выговскій счастливо увернулся отъ немедленной поѣздки въ Москву, и бояринъ изъ своихъ рукъ далъ ему булаву, бунчукъ и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что Выговскій расположилъ къ себѣ боярина угощеніями и подарками. Съ своей стороны, бояринъ щедрою рукою раздавалъ царскіе дары, состоявшіе въ соболяхъ и рубляхъ, и Выговскому и всѣмъ старшинамъ и духовенству и многимъ простымъ козакамъ, съ кѣмъ только приходилось ему имѣть сношеніе. (1). 18 февраля уѣхалъ бояринъ съ своею свитою изъ Переяслава.

VI.

Во все продолженіе времени когда бояринъ находился въ Переяславѣ, Пушкарь со своими дейнѣками стоялъ въ Гадячѣ; власть его рас-

(1) Тогда полковниками, по свѣдѣніямъ изъ посольскихъ дѣлъ, были слѣдующія лица: миргородскій — Лѣсницкій, черниговскій — Іоанникій Силичъ, корсунскій — Тимофей Аникіевъ(?), каневскій — Иванъ Стародубъ, бѣлоцерковскій — Яковъ Люторенко, переяславскій — Иванъ Кульбака, ирклѣевскій — Матвѣй Пацкѣевъ(?), уманскій — Михайло Ханенко, паволочскій — Михайло Суличичъ, нѣжинскій — Григорій Гуляницкій, кіевскій — Павелъ Яненко-Хмельницкій; но и сверхъ того упоминается наказный кіевскій — Василій Дворецкій.

ширялась на побережьѣ Псла. Съ нимъ были: весь полтавскій полкъ и толпа изъ миргородскаго полка, изъ чигиринскаго и другихъ. Предводитель хотѣлъ было итти прямо на Переяславль, но остановился. Тамъ былъ царскій бояринъ, пріѣхавшій рѣшить дѣло о Выговскомъ. Нападать теперь на Переяславль показалось бы бунтомъ противъ царской власти. Притомъ, разнесся слухъ, что Выговскій опять посылаетъ войско на полтавскій полкъ; Полтавцы боялись, если они отойдутъ далеко на западъ и оставятъ за собою свои мѣста, то противники разрушатъ ихъ беззащитныя жилища. Пушкарь стоялъ въ Гадячѣ, посылалъ къ Хитрово въ Переяславль и просилъ собрать великорусскую рать и приходить къ нему на Лубны: онъ увѣрялъ, будто Выговскій намѣренъ напасть врасплохъ на Великороссіянъ. Онъ отправилъ снова козака, по имени Яковенка, гонцемъ въ Москву съ доносомъ, писалъ сверхъ того угрожающія вѣсти путивльскому воеводѣ. Выговскій, — увѣрялъ онъ всѣхъ, — помирился тайно съ Ляхами и съ Ордою, идетъ противъ нашего войска на украинскіе наши города, хочетъ взять ихъ, опустошить огнемъ и разрушить всю Украину, а потомъ итти на рать его царскаго величества. Онъ прибавлялъ, будто получилъ отъ Юрія Хмельницкаго извѣщеніе, что Выговскій измѣняетъ царю. Съ своей стороны, Григорій Лѣсницкій, письмомъ къ путивльскому воеводѣ, указывалъ на Пушкаря, какъ на измѣнника царю, увѣрялъ, что онъ желаетъ разоренія православной Россіи и производитъ смуту, къ искорененію святой вѣры, на радость окрестнымъ непріятелямъ: Татарамъ, Ляхамъ, Волохамъ, Мултянамъ, Венграмъ, которые всегда угрожаютъ набѣжать на Украину и разорить ее. Тогда какъ Пушкарь, обвиняя Выговскаго въ измѣнѣ, ссылался на свидѣтельство Юрія Хмельницкаго, Лѣсницкій, воспитатель Юрія, изъявлялъ готовность ѣхать съ Юріемъ въ Москву за гетмана Выговскаго, если послѣднему нельзя будетъ оставить Украины безъ главы.

Хитрово, который былъ посланъ утишить безпокойство утвержденіемъ Выговскаго, возвращаясь назадъ, видѣлся съ Пушкаремъ и уговаривалъ его оставить вражду и пребывать въ повиновеніи у гетмана. Онъ въ тоже время увѣрялъ въ царской милости и Пушкаря, одарилъ его, какъ и всѣхъ чиновниковъ, подарками и деньгами, и вообще оказывалъ къ нему знаки расположенія. Пушкарь старался какъ можно болѣе очернить своего врага гетмана и увѣрялъ, что онъ измѣнникъ и недостоинъ милостей царя. Бояринъ терпѣливо выслушалъ эти увѣренія, и все-таки приказалъ ему оставить возмущеніе.

»Поба́чите«, сказалъ Пушкарь, »яки́й ого́нь зъ сёго разгори́тця!«

Полтавскій полковникъ не оставилъ своей вражды, и продолжалъ писать доносы. Московское правительство хвалило его за вѣрность, въ которой онъ увѣрялъ, ласкало, но не давало ему перевѣса.

Прибыли къ нему посланники: стольникъ Иванъ Олѳимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ. Они привезли Пушкарю приказаніе оставаться въ покоѣ и не нападать на гетмана.

»Не я нападаю на Выговскаго«, отвѣчалъ Пушкарь, »а Выговскій нападаетъ на меня, хочетъ принудить меня не мѣшать его замысламъ; но я, вѣрноподданный его царскаго величества, не хочу нарушать своей присяги; я замѣчаю изъ поступковъ Выговскаго недоброжелательство, а потому отдѣлился отъ его властолюбія и прошу, какъ себѣ, такъ и всѣмъ вѣрноподданнымъ, царскаго заступленія и покровительства (1).«

Съ такимъ отвѣтомъ гонцы отправились обратно въ Москву. Пушкарь продолжалъ посылать въ Москву доносъ за доносомъ и въ то же время возстановлялъ народъ противъ гетмана.

Гетманъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Онъ видѣлъ, что московское правительство, настроенное Пушкаремъ и Запорожцами, не благоволитъ къ нему, хотя и признаетъ его начальникомъ края; Пушкарь и Запорожцы, высказывая желаніе подчинить малороссійскій край тѣснѣйшей зависимости отъ Московіи, естественно должны были въ Москвѣ нравиться больше, чѣмъ Выговскій и старшина и вообще партія, стоявшая за мѣстную независимость.

Требованіе ѣхать въ Москву не нравилось гетману. Въ ожиданіи его пріѣзда, правительство не приступало ни къ какимъ измѣненіямъ: не вводило воеводъ, не посылало войска. Онъ понималъ, что если поѣдетъ въ Москву, то долженъ будетъ согласиться на всякія условія, какія ему предложатъ. Мысль отторгнуться отъ Московіи и сойтись съ Польшею стала теперь тверже въ головѣ его. Онъ выжидалъ только, чѣмъ кончатся дѣла Польши съ Швеціею, и откладывалъ свою поѣздку подъ благовидными предлогами. Хитрово писалъ къ нему безпрестанно и торопилъ ѣхать. Въ Путивлѣ готовили ему подводы и провожатыхъ. Онъ отговаривался въ письмѣ своемъ тѣмъ, что нельзя ему покинуть Украины въ смутныхъ обстоятельствахъ. »Хотя (писалъ онъ отъ 18 марта къ отцу своему, съ увѣренностію, что это письмо покажется воеводѣ)

(1) Лѣтоп. повѣсть о Малорос., II. 4.

»окольничій его царскаго величества часто ко мнѣ пишетъ; но поѣздка моя замедляется, и я остаюсь въ раздумьи болѣе отъ того, что меня со всѣхъ сторонъ извѣщаютъ: польскій король со шведскимъ помирился и оба государя хотятъ вмѣстѣ итти на великаго государя; полки подходятъ къ Межибожью; съ другой стороны великая литовская рать подвигается, а тутъ у насъ дома отъ Татаръ добра не надѣяться, стоятъ уже на Кисиляхъ съ ханскою великою ратью.« Заднѣпровскіе полковники: брацлавскій, уманскій, корсунскій и другіе собрались въ Чигиринъ и представили, что гетману не слѣдуетъ ѣхать. »Ума не приберу, какъ мнѣ и быть«, писалъ онъ въ Кіевъ, »куда мнѣ повернуться не знаю.«

Въ Москву поѣхалъ Лѣсницкій; онъ оставилъ полковническій урядъ; мѣсто его заступилъ избранный полковникъ Стефанъ Довгаль. Это былъ недоброжелатель Поляковъ, сторонникъ Пушкаря. Онъ, 7 апрѣля, писалъ къ путивльскимъ воеводамъ для доставленія сообщаемаго извѣстія въ Москву: »Извѣщаемъ вашимъ милостямъ, что никогда Иванъ Выговскій къ его пресвѣтлому величеству ѣхать на столицу не думаетъ; вездѣословъ своихъ поразсылалъ: къ Туркамъ, къ крымскому хану, и письма Татарамъ и Ляхамъ послалъ!«

Не надѣясь выиграть въ Москвѣ, потому что противники его предлагали больше, чѣмъ онъ съ своею партіею могъ предложить, Выговскій искалъ помощи у Татаръ. Первое его посольство въ Крымъ было неудачно. Запорожцы утопили посла и письмо отослали къ царю. Второе достигло Крыма. Перекопскій бей извѣстилъ гетмана, что и ханъ соглашается оказать ему помощь. Въ половинѣ апрѣля донесли Выговскому, что обѣщанные Татары пришли въ Украину. Гетманъ, въ сопровожденіи старшинъ, полковниковъ и сотниковъ, отправился на встрѣчу желаннымъ союзникамъ на берега Ирклѣя. Прибылъ старинный пріятель козаковъ, побѣдитель при Батогѣ—Карабей съ ордою, которая, по сказанію одного современника, простиралась до сорока тысячъ, а сверхъ того находилось пятьдесятъ тысячъ, по извѣстіямъ самого Выговскаго, съ султаномъ Нураддиномъ у Полтавы.

Оба предводителя выѣхали другъ къ другу, и послѣ привѣтствій уѣхали въ уединенное мѣсто и тамъ около двухъ часовъ разговаривали между собою. Потомъ они вмѣстѣ пріѣхали въ козацкій лагерь и тамъ, предъ собраніемъ чиновниковъ, утвержденъ былъ дружественный союзъ между Козаками и крымскимъ ханомъ. Татары и Козаки обязывались помогать одни другимъ и идти повсюду, гдѣ бы ни предстояла опасность кому нибудь изъ союзниковъ. Козаки цѣловали крестъ. Потомъ отправлялась ве-

селая пирушка съ пушечной пальбой; Татары не уступали союзникамъ въ употребленіи напитковъ. Вечеромъ Карабей уѣхалъ въ свой лагерь и двое козацкихъ чиновниковъ сопровождали его: они отобрали отъ Татаръ присягу или шерть по ихъ закону (1).

Въ слѣдующую ночь Выговскій чуть было не лишился жизни. Тайный разговоръ его съ Карабеемъ возбуждалъ подозрѣніе. Оно усилилось, когда въ тотъ же день пріѣхалъ въ лагерь Джеджалы. Природный Татаринъ, онъ, во время бесѣды, услышалъ такія двусмысленности въ разговорѣ Выговскаго съ Карабеемъ, которыхъ не поняли другіе, но молчалъ и пилъ за здоровье Карабея. Выговскій, по обыкновенію своему, прикинулся пьянымъ и, послѣ ухода Карабея, легъ спать въ своемъ шатрѣ. Джеджалы, самъ пьяный, подкрался къ шатру гетмана и пустилъ въ него копье: онъ думалъ, что убилъ Выговскаго, и, выскочивши, гордо кричалъ: »Лежи́ть соба́ка, що коза́цькую кровъ Ляха́мъ та Тата́рамъ продае́! У чо́рта теперъ гро́ші лічитимешъ!« Но гетманъ былъ живъ, и понявши, что противъ него существуетъ заговоръ, убѣжалъ въ татарскій лагерь (2).

Неизвѣстно, какъ расплатился Джеджалы за эту выходку, но съ тѣхъ поръ имя этого сподвижника Хмельницкаго не упоминается въ исторіи. Уже онъ ирклѣевскимъ полковникомъ не былъ и прежде, ибо во время послѣдней Переяславской рады при боярине Хитрово, вмѣсто его полковницкій урядъ занимало другое лицо, какой-то Матѳей Пацкѣевъ (Пацько?). Дружелюбныя сношенія Выговскаго съ Ордою напугали народъ, настроенный и безъ того противъ гетмана его недоброжелателями. Паволочскій полковникъ Суличичъ извѣщалъ кіевскаго воеводу о соединеніи гетмана съ крымскимъ ханомъ, о сношеніи съ Ляхами. Кіевскій полковникъ Павелъ Яне́нко-Хмельницкій, наказный кіевскій полковникъ Дворецкій, кіевскіе мѣщане, духовенство и самъ митрополитъ показывали знаки негодованія, хотя неискренно, потому что сами принадлежали къ партіи Выговскаго. Пріѣзжавшіе съ разныхъ сторонъ въ Кіевъ Украинцы, кричали: »уже Татары пришли къ гетману; скоро и Ляхи придутъ, начнутъ враги церкви Божіи раззорять, людей нашихъ въ полонъ погонятъ.« Нѣкоторые письменно изъявляли Бутурлину желаніе, чтобы государь прислалъ свое войско на помощь Пушкарю и оборонилъ бы Украину; иначе Ляхи съ Татарами бросятся и на порубежныя московскія об-

(1) Лѣтопись Самов. 29.
(2) Hist. panow. Jana Kazim. 1. 339. Ann. Pol. Clim. II. 274.

ласти. Съ другой стороны, Бутурлинъ получалъ письма въ противномъ духѣ: излагались жалобы, что Москали стоятъ больше за гетмана, старшину, а не за все Войско; въ одномъ такомъ письмѣ было сказано: »Пушкарь никакой услуги не учинилъ царю, развѣ то за услугу считать, что вырѣзалъ царскихъ людей надъ Донцомъ (фактъ неизвѣстный), и теперь пожогъ загородные дворы, а его люди грабятъ; однако онъ становится праведенъ съ своею злобою, а мы съ правдою мѣста не находимъ; онъ сродниковъ нашихъ и козаковъ много побилъ, и женъ и дѣтей ихъ помучилъ, а у васъ чистъ.« Бутурлинъ послалъ поскорѣй гонцовъ въ Москву просить войска, извѣщалъ, что Украина въ опасности: Поляки уже пришли, Татары принимаютъ угрожающее положеніе, внутри края неурядица. Въ Москвѣ пришли въ нерѣшительность. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ столицу Лѣсницкій посланцемъ отъ гетмана и всего Запорожья; за нимъ вслѣдъ прибыли и другіе гонцы — Бережецкій и Богунъ съ дополнительною просьбою объ усмиреніи мятежниковъ. Малороссіяне объясняли, что Татары призваны по крайней необходимости, и если бы они не пришли, то мятежники убили бы гетмана и раззорили бы весь край.« Предложенія, которыя тогда дѣлалъ Лѣсницкій, сообразовались съ тѣмъ, чего только могло желать московское правительство. Видно, что желая вооружить московское правительство противъ Пушкаря, Выговскій и его партія рѣшились прельстить Москалей такими же предложеніями, какія дѣлалъ Пушкарь: Лѣсницкій отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска просилъ комиссаровъ для приведенія въ строгій порядокъ реестра, чтобъ Козаковъ было не болѣе опредѣленнаго числа — шестидесяти тысячъ, чтобъ такимъ образомъ отбить у мужиковъ охоту самовольно дѣлаться козаками; ибо отъ этого происходятъ и смуты и бунты; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ послать въ украинскіе города воеводъ и указывалъ на шесть городовъ, гдѣ удобно пребывать воеводамъ: Бѣлую Церковь, Корсунь, Нѣжинъ, Черниговъ, Полтаву и Миргородъ; »объ этомъ«, говорилъ Лѣсницкій, »и гетманъ и все Запорожское Войско бьетъ челомъ пренизко; только тѣмъ и можетъ усмириться бунтъ; но хотя бы великій государь пожелалъ и въ другіе города помѣстить воеводъ, тѣмъ лучше будетъ для войска: смирнѣе станетъ. Вотъ и теперь Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, уѣзжая, оставилъ немного ратныхъ людей, а бунту стало меньше.«

Правительство приняло благосклонно посольство и назначило комиссаромъ для реестрованія козаковъ боярина Василья Борисовича Шереметева; онъ опредѣлялся въ Кіевъ на воеводство, и долженъ былъ вести перепись

по полкамъ, начиная съ тѣхъ полковъ, которые размѣщаются по близости къ польскимъ границамъ. Въ подтвержденіе извѣстій о неистовствахъ Пушкаря, Лѣсницкій привезъ просьбу отъ Юрія Хмельницкаго. Юрій жаловался, что Пушкаревцы разорили его имѣнія, ограбили его людей, нѣкоторыхъ варварски замучили, другихъ взяли въ неволю, и просилъ приказать освободить задержанныхъ.

Не смотря на расположеніе, которое въ Москвѣ оказывали Выговскому, его поступки начали казаться двусмысленными; послали къ нему стольника Скуратова надзирать за его дѣйствіями. Скуратовъ встрѣтилъ гетмана, когда тотъ шелъ къ Полтавѣ и остановился съ войскомъ подъ Голтвою. Гетманъ, не видавшись съ посланцемъ, оставилъ его въ Голтвѣ и велѣлъ ждать, пока самъ не кончитъ дѣла съ Пушкаревцами. Это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы царскій посолъ не подвергался опасности; но Скуратовъ объявилъ напрямки, что присланъ государемъ провѣдывать вѣстей, что ему велѣно быть при гетманѣ и разузнавать, нѣтъ ли еще какой смуты въ войскѣ, въ послушаніи ли у гетмана полковники и всѣ козацкіе чиновники; онъ требовалъ настоятельно, чтобы Выговскій взялъ его съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ, не дождавшись отвѣта, Скуратовъ поѣхалъ прямо къ козацкому обозу и далъ знать, что прибылъ съ царскими милостивыми грамотами. Гетманъ поневолѣ долженъ былъ принять его, но уже плохо скрывалъ свою досаду.

Посла ввели въ обозъ и помѣстили близко гетманскаго шатра; явился козакъ и объявилъ, что гетманъ зоветъ его итти пѣшкомъ въ свой шатеръ, потому что недалеко; посолъ заупрямился: ходить пѣшкомъ вообще для знатнаго человѣка считалось несообразнымъ съ его достоинствомъ. Ему начали сѣдлать коня; какъ увидѣлъ это вводившій посла въ обозъ Самойло Выговскій, родственникъ гетмана, то сейчасъ далъ знать, и отъ гетмана привели лошадь. Около шатра козацкаго предводителя встрѣтили посла полковники. Самъ гетманъ выступилъ нѣсколько шаговъ изъ шатра. Посолъ проговорилъ передъ нимъ заученую рѣчь, написанную до слова въ наказѣ, и подалъ царскія грамоты. Ихъ было двѣ. Подавая грамоты отъ имени царя, онъ спросилъ о здоровьѣ гетмана и полковниковъ. И гетманъ и полковники поклонились низко въ знакъ благодарности. Одну грамоту гетманъ прочелъ про себя. Въ этой грамотѣ извѣщали его о скоромъ прибытіи въ украинскіе города воеводъ съ ратными людьми. Гетману не понравилась эта грамота, онъ не читалъ ея вслухъ, но и не изъявлялъ неудовольствія, пока дѣло съ врагомъ еще не кончилось. Другую грамоту Выговскій велѣлъ читать вслухъ писарю своему

Грушѣ. Едва только Груша окончилъ въ грамотѣ длинный царскій титулъ и приступилъ къ дѣлу, Выговскій сѣлъ на свою походную постель и приглашалъ сѣсть гостя. Но Скуратовъ сказалъ: »достоитъ царскаго величества грамоту слушать всю со всякою подобающею честію, а не сидя«. — »Все у васъ высоко«, сказалъ гетманъ, и прослушалъ грамоту стоя. Эта грамота извѣщала, что къ Пушкарю посланы убѣжденія прекратить бунтъ и пребывать въ согласіи съ гетманомъ и старшинами. Взявъ ее у Груши, Выговскій пробѣжалъ ее самъ и сказалъ:

»Этой грамотою не унять Пушкаря; взять бы его самого, да голову ему отрубить или прислать въ Войско Запорожское живого.«

— »Такая грамота«, объяснялъ Скуратовъ, »отправлена къ полтавскому полковнику со стольникомъ Алфимьевымъ, и въ Запорожье тоже послано, и уже два раза, и со мною присланъ тебѣ, гетману, списокъ для вѣдома, а мнѣ велѣно при гетманѣ побыть.«

Выговскій заговорилъ сердито: »Давно бы слѣдовало вора поймать и прислать въ войско, какъ я и писалъ уже много разъ его царскому величеству; можно было укротить Пушкаря еще до Пасхи; а если не изволятъ его смирить, то я самъ съ нимъ управлюсь: можно было до сихъ поръ его усмирить; цѣлы были бы православные христіане, которые отъ него безвинно побиты; а я все терпѣлъ, все ждалъ указа его царскаго величества. Иначе еще зимою я смирилъ бы Пушкаря огнемъ и мечемъ. Я не домогался булавы, хотѣлъ жить въ покоѣ, но Богданъ Матвѣевичъ Хитрово обѣщалъ мнѣ взять Пушкаря и привести ко мнѣ, да не только не привелъ, но пуще ободрилъ его, надарилъ ему соболей и отпустилъ, и къ Барабашу написалъ. Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали его царскому величеству на томъ, чтобъ никакихъ правъ нашихъ не нарушать; и въ пунктахъ написано, что государь вольность намъ обѣщаетъ паче того, какъ было при польскихъ короляхъ, а по нашимъ правиламъ слѣдуетъ такъ: ни къ полковнику, ни къ кому иному не должно посылать грамотъ мимо гетмана. Одинъ гетманъ чинитъ во всемъ расправу; а вы всѣхъ въ гетманы произвели; подавали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ такихъ грамотъ и бунты начались. А какъ мы присягали царю, въ ту пору Пушкаря и не было; все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій; да я другихъ статей, кромѣ нашихъ, никакихъ не видалъ. Не слѣдовало было того начинать. Теперь Пушкарь пишетъ, будто ему позволено взять на четыре года на всякаго козака по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ побольше; будто бы мы завладѣли шестьюдесятью тысячами талеровъ, а этого и не бывало.

Не впервые къ нему такія грамоты посылаются, да Пушкарь ихъ не слушаетъ вовсе.«

— »Это уже въ послѣдній разъ«, сказалъ Скуратовъ; »подожди, панъ гетманъ, что сдѣлаетъ Пушкарь. Если онъ теперь не учинитъ по государевой грамотѣ, тогда своевольство ему отъ его царскаго величества даромъ не пройдетъ, а я останусь и буду ждать.«

»Ты, стольникъ«, сказалъ гетманъ, »пріѣхалъ проповѣдывать, а проповѣдывать тутъ нечего, — все явно; вѣстей про непріятеля нѣтъ; я иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ. Куда бы онъ ни убѣжалъ, я его тамъ найду и стану доставать; хоть бы онъ ушелъ и въ царскіе города, такъ я и туда пойду, и кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется, а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ; не я началъ: онъ собрался съ самовольниками и пришелъ подъ Чигиринъ-Дубраву. Я съ нимъ хочу биться не за гетманство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я булаву покину, а самъ пойду къ Волохамъ или Сербамъ или къ Мультянамъ,— вездѣ мнѣ рады будутъ. Великій государь насъ прежде жаловалъ, а теперь вѣритъ ворамъ, которые государю не служивали, на степи царскихъ людей убивали, казну царскую грабили, — тѣхъ государь жалуетъ, принимаетъ ихъ посланцевъ, деньги и соболей имъ отпускаетъ, а этихъ бунтовщиковъ надобно было бы прислать въ Войско Запорожское.«

Выговскій съ досадою разстался съ царскимъ посланцемъ; его очень огорчало то, что посланецъ открыто возвѣщалъ, что пріѣхалъ смотрѣть за нимъ. Въ тотъ же день сошелся съ нимъ Самойло Выговскій и говорилъ:

»Въ Войскѣ Запорожскомъ большое сомнительство: думаютъ, что царь потакаетъ Пушкарю; самъ Пушкарь толкуетъ, что во всемъ войскѣ были царскіе воеводы; кричатъ они, что не замолчатъ до тѣхъ поръ, пока воеводъ не пришлютъ. А при королѣхъ польскихъ было подобное: назначили полковниковъ изъ Ляховъ, и при каждомъ изъ нихъ было человѣкъ по десяти Ляховъ; за то сдѣлалось возмущеніе: и полковниковъ и Ляховъ побили.«

Здѣсь, очевидно, былъ намекъ на положеніе Скуратова; его предостерегали, хотѣли, чтобы онъ самъ побоялся оставаться при гетманѣ.

17 мая пригласилъ Выговскій московскаго посланца обѣдать въ свой шатеръ. Гетманъ уважительно поднялъ чашу за здоровье государя, но потомъ заговорилъ еще рѣзче, чѣмъ прежде:

»Обычай, видно, у васъ таковъ, чтобъ все дѣлать по своей волѣ. Отъ

чего бунты начались? — Все отъ вашихъ посланцевъ; вотъ также и при короляхъ польскихъ бывало: какъ начали *ломать* наши вольности, такъ и бунты стали. Вотъ и теперь въ Колонтаевѣ задержаны наши козаки и Сербы, и терпятъ муку такую, что и невольникамъ подобной не бываетъ. Что же, развѣ не вѣдаетъ этого его царское величество? Я готовъ поклясться, что ему хорошо это извѣстно. Михайла Стрынджу зачѣмъ отпустили изъ Путивля? подержали, подержали, да и выпустили, а его бы въ войско — вотъ бы и бунты унялись!«

— »Не дѣломъ клянешься, панъ гетманъ«, сказалъ Скуратовъ; »великому государю неизвѣстно, что твои козаки и Сербы задержаны. Это сдѣлалось безъ государева указа; и какъ только твои посланцы пожаловались — сейчасъ велѣно было задержанныхъ выпустить и воеводу перемѣнить; а Михайло Стрынжа и его товарищи изъ Путивля ушли, а не отпущены.«

Стольникъ старался опровергнуть жалобы Выговскаго, а гетманъ оставался на своемъ.

»Тебѣ нельзя итти со мною«, говорилъ Выговскій; »оставайся въ Голтвѣ, пока я покончу съ Пушкаремъ. Ждать нельзя: къ пушкареву совѣту много черни пристаетъ и кое-кто изъ полковой старшины противъ меня; оставайся въ Голтвѣ, я пойду и буду тебя извѣщать.«

VII.

Въ то время возвратился изъ Москвы Лѣсницкій и извѣщалъ, что царь принялъ его отлично; а Пушкаренкова посланца, Искру, велѣлъ задержать въ Москвѣ. Выговскій былъ доволенъ расположеніемъ московскаго правительства, и прежде чѣмъ приступилъ къ Полтавѣ, отправилъ еще разъ послѣднее увѣщаніе къ Полтавцамъ и хотѣлъ этимъ показать передъ царскимъ посланцемъ, что онъ непрочь исполнить миролюбивую царскую волю, да не хочетъ Пушкарь. Гетманъ желалъ добраго здоровья старшинѣ, черни полтавскаго полка и всѣмъ Запорожцамъ, находящимся при Пушкарѣ. »Мы не знаемъ до сихъ поръ«, писалъ гетманъ, »съ какого повода Запорожцы вышли изъ Запорожья, пришли до Кременчуга и другихъ городовъ, чинятъ похвалки на войско наше, обѣщаются грабить пожитки наши и убивать насъ. Только и слышно о безпрестанныхъ убійствахъ; мы долго терпѣли, но теперь должны защищать жизнь свою и идемъ на васъ вовсе не для пролитія крови, какъ завѣряютъ васъ старшины ваши, а для усмиренія своевольства. Ваши старшины достали себѣ

какія-то грамоты и возмущаютъ и обманываютъ васъ, простыхъ людей; у насъ теперь есть списокъ съ грамоты, что́ прислалъ государь къ Пушкарю съ дворянином Никифоромъ Хрисантовичемъ Волковымъ; пришлите двухъ своихъ товарищей прочитать ее, — увѣритесь, что царское величество не соизволяетъ никакому своевольству, а повелѣваетъ вамъ, такъ какъ и намъ, жить между собою въ любви и соединеніи; изъ того правду нашу можете понять, что царское величество милостиво и ласково принялъ и отпустилъ посланцевъ нашихъ Прокопія Бережецкаго и Ивана Богуна, и миргородскаго полковника Григорія Лѣсницкаго, съ почестью отпустилъ, а Искру съ товарищами за неправду велѣлъ задержать въ столицѣ. Что́ не хотимъ проливать крови, можете видѣть изъ того, что мы задержали своевольныхъ и непослушныхъ людей, и не убивали никого, а хранимъ ихъ. Самъ Барабашъ — свидѣтель нашей кротости и разсудительности. Хотя онъ и много дурного надѣлалъ, однако мы не лишили его маетностей, какъ онъ лжетъ на насъ, а напротивъ, хлѣбомъ и деньгами дали ему вспоможеніе; такъ и никому изъ васъ не хотимъ мстить; оставьте только ваши затѣи и не слушайте старшихъ своихъ, которые ложно вамъ пишутъ, будто бы отъ царя прислана за четыре года заплата войску, а мы будто удержали ее себѣ, и вамъ не даемъ; старшины ваши полковые у себя въ рукахъ имѣли за тѣ годы винныя и табачныя аренды и всѣ доходы полтавскаго полка, а мы ничѣмъ не корыстовались, и теперь вамъ ничего возвращать не можемъ; когда не хотите терпѣть никакого зла, такъ присылайте скорѣе товарищей; а если этого не сдѣлаете, то уже послѣ вамъ времени не будетъ, потому что война начинается.«

Товарищи не прибыли съ покорностью. Между тѣмъ въ маѣ была первая стычка Пушкаревцевъ съ гетманскими людьми, неудачная для первыхъ: гетманцы отняли два знамени и литавры, и Выговскій всѣмъ обозомъ подвинулся къ Полтавѣ. Скуратовъ, не смотря ни на какія представленія, оставленъ въ Голтвѣ. »Не кручинься, прошу твою милость«, написалъ къ нему Выговскій съ похода, »что ты оставленъ въ Голтвѣ, ибо какъ вѣрить врагамъ царскаго величества? Я оберегаю тебя, чтобъ ты не попалъ въ ихъ руки. Я послалъ увѣщательное посланіе къ бунтовщикамъ: не знаю, что́ изъ того выйдетъ; но если покорятся, то все будетъ имъ прощено; я не такъ скоръ на кровопролитіе, какъ Пушкарь, и если мы помиримся, то сейчасъ же извѣщу тебя и отпущу къ его царскому величеству.«

Скуратовъ остался на нѣсколько дней, прислушивался къ народному говору и замѣчалъ полное раздвоеніе: одни хвалили Выговскаго, другіе

Пушкаря, но вообще простой народъ, чернь, явно склонялся на сторону послѣдняго. Простые козаки бѣгали толпами изъ войска Выговскаго. Козаки мѣстечка Голтвы, въ виду царскаго посла, упрямились и не хотѣли идти съ Выговскимъ на Пушкаря; гетманъ только тѣмъ и принудилъ ихъ, что обѣщалъ сжечь и разорить мѣстечко, если они не послушаютъ. »Куда я ни ѣхалъ«, писалъ Скуратовъ въ Москву, »съ кѣмъ только ни говорилъ, козаки на этой сторонѣ Днѣпра желаютъ, чтобъ государь прислалъ въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей, но заднѣпрскіе не того желаютъ: »Пушкарь, — говорятъ они, — хочетъ, чтобъ были въ Украинѣ государевы воеводы, — никогда этого у насъ не будетъ, мы не допустимъ!«

Поразвѣдавши что́ нужно, царскій посланникъ опять сталъ требовать, чтобъ гетманъ допустилъ его находиться при себѣ. Неизвѣстно, какъ случилось, — позвалъ ли его наконецъ самъ гетманъ, или Скуратовъ противъ его воли пріѣхалъ, — только во время войны подъ Полтавою Скуратовъ былъ въ козацкомъ лагерѣ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, Выговскій размѣстилъ орду въ ущельѣ въ Сокольемъ-Байра́кѣ; потомъ съ козаками и нѣмцами пошелъ ближе къ Полтавѣ, оставилъ нѣмцевъ въ долинѣ Полузорі, а самъ съ козаками и съ многочисленнымъ обозомъ отправился еще далѣе, и, приблизившись къ самой Полтавѣ, растянулъ свой обозъ въ виду города между селеніями Жука́ми и Рябцами на полугорѣ такъ, что возы бросались въ глаза.

Пушкарь не рѣшался-было выходить и предпочиталъ засѣсть въ Полтавѣ и отражать непріятеля; но дейне́ки взбунтовались, кричали, что войска Выговскаго очень мало, укоряли предводителя своего въ трусости и требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на непріятеля. Голо́ту соблазняли возы въ обозѣ Выговскаго: голо́та не предвидѣла, что Выговскій расчитывалъ именно на это желаніе овладѣть возами и для того выставилъ ихъ на показъ.

1 іюня, на разсвѣтѣ, Пушкарь вышелъ изъ Полтавы. Войско Выговскаго тотчасъ же разбѣжалось во всѣ стороны. Голота бросилась на возы: тамъ были бочки съ горілкою: »тутъ« говоритъ лѣтописецъ, »они не надѣялись конца своему счастью.«

Того только и хотѣлъ Выговскій. Онъ прибѣжалъ въ долину Полузорі и двинулъ впередъ Нѣмцевъ, а самъ побѣжалъ въ Сокольи-Байраки за Ордою.

Нѣмцы исполнили свое порученіе худо. Дейнеки отколотили имъ

бока дубинами и прогнали, а сами опять принялись за горілку и перепились мертвецки.

Тогда Выговскій и Карабей ударили на нихъ съ Татарами. Барабашъ заранѣе отступилъ и ушелъ съ своими Запорожцами. Пьяная голота не въ силахъ была не только защищаться, но даже двигать руками и ногами, и вся погибла подъ татарскими саблями.

Пушкарь держался до послѣдней минуты: умолялъ, заклиналъ, грозилъ.... все было напрасно. Негдѣ было взять столько воды, чтобъ протрезвить несчастное войско. Наконецъ, какой-то козакъ, желая прислужиться Выговскому, умертвилъ полтавскаго полковника, отрубилъ мертвому голову и принесъ къ ногамъ побѣдителя.

Выговскій вошелъ въ Полтаву; половина города была тогда же разорена и сожжена. Полтава, по замѣчанію лѣтописца, удаленная отъ войны въ продолженіе сорока девяти лѣтъ, со всѣмъ окрестнымъ краемъ, находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а послѣ посѣщенія Выговскимъ не скоро оправилась. Татары разсѣялись по окрестностямъ, жгли селенія, умерщвляли людей, насиловали женщинъ. Такъ продолжалось четыре дни, пока наконецъ войско не взволновалось: козаки стали укорять Выговскаго за позволеніе Ордѣ разорять отечество. Тогда Выговскій сказалъ, что охотники могутъ остановить своеволіе Крымцевъ. Хотя Татаръ было много, но такъ какъ они разбились на отряды или загоны, те козаки отбивали у нихъ и плѣнниковъ и награбленную добычу; и Татары, оказавшіе Выговскому помощь, возвратились ни съ чѣмъ. Выговскій не боялся раздражить ихъ, потому что всегда могъ передъ ханомъ сложить вину на своевольныхъ козаковъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Полтавѣ, гетманъ вновь организовалъ полтавскій полкъ и назначилъ надъ нимъ полковникомъ Филона Горкушу. (1)

Въ то же время Гуляницкій усмирилъ волненіе въ Лубнахъ. Хотя лубенскій полковникъ Швець держалъ сторону Выговскаго, но простые козаки и посполитые пристали къ Пушкарю и Швець по неволѣ долженъ былъ исполнить общую волю. Когда Гуляницкій подошелъ къ Лубнамъ, жители заперлись. Швець убѣжалъ. Городъ былъ взятъ приступомъ. Народъ въ безпамятствѣ бѣжалъ, спасаясь отъ враждебной партіи; множество потонуло въ Сулѣ. Миргородскаго наказнаго полковника, Довгаля, сами Миргородцы, опасаясь участи Лубенъ, схватили и арестовали; выбрали другаго — Козла, и объявили себя за Выговскаго. Оттуда Гуля-

(1) О битвѣ съ Пушкаремъ — лѣтоп. Величка 329-333; Самов. стр. 30.

ницкій пошелъ къ Гадячу и также взялъ его. Все покорялось Выговскому. Мятежная голота бросала свои рогатины и дубины и просила пощады, втайнѣ оплакивая своего защитника.

VIII.

Гетманъ хотѣлъ отпустить Скуратова, но посланникъ, исполняя наказъ, оставался при немъ и объявилъ, что будетъ сопровождать его назадъ въ Чигиринъ. Это не понравилось Выговскому. Когда обозъ двинулся назадъ и дошелъ до мѣстечка Манжелика, явился къ гетману козакъ-бѣлоцерковецъ съ письмомъ отъ бѣлоцерковскаго полковника: полковникъ извѣщалъ его, что въ его городъ пріѣхалъ изъ Москвы воевода, и за нимъ велѣдъ будутъ наѣзжать по городамъ воеводы, какъ прежде было сказано. Между тѣмъ, гетманъ, хотя и далъ согласіе на воеводъ боярину Хитрово, но, разумѣется, притворно; онъ тогда долженъ былъ согласиться: дѣло шло о томъ, быть ли ему самому избраннымъ, или нѣтъ. Поэтому-то онъ отложилъ это дѣло до пріѣзда своего въ Москву. Теперь, побѣдивъ своего главнаго непріятеля, Выговскій рѣшился не удерживать болѣе затаеннаго нерасположенія къ Москалямъ, и заговорилъ съ посломъ язвительно и рѣзко.

»Видишь ли, твоя милость: пріѣхали воеводы — пріѣхали опять заводить бунты. Бѣлоцерковскій полковникъ пишетъ, что Бутурлинъ изъ Кіева извѣстилъ его: воевода въ Бѣлую-церковь назначенъ; а я еще въ Кіевѣ говорилъ: пиши, пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись«.

— »Не за дѣло, панъ гетманъ, сердитуешь«, замѣтилъ ему Скуратовъ: — »ты самъ писалъ къ великому государю, чтобъ въ государевыхъ черкасскихъ городахъ были воеводы.«

»Нѣтъ«, сказалъ гетманъ: »я этого никогда не просилъ; я писалъ къ великому государю, чтобъ мнѣ прислали тысячу человѣкъ драгуновъ, да тысячу человѣкъ солдатъ — усмирить бунтовщиковъ, да на Москвѣ смѣются надъ моими письмами. Павелъ Тетеря и Ѳедоръ все мнѣ разсказали. Посланцевъ моихъ задерживаютъ въ Москвѣ, а Ковалевскій говорилъ, что ему сказывалъ Артемонъ Матвѣевъ, будто великій государь не хочетъ, чтобъ я былъ гетманомъ. Вамъ, видно, надобно гетмана по вашей волѣ, такого гетмана, чтобъ взять его за хохолъ да и водить какъ угодно!«

— »Если«, возразилъ Скуратовъ, »тебѣ нужны были ратные цар-

скіе люди, отчего же ты не взялъ ихъ у окольничаго и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго? Да и съ окольничьимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово были ратные люди: ты могъ взять и у него. Неправду говорятъ тебѣ твои посланцы, будто ихъ задерживаютъ: сами они мѣшкаютъ по своимъ дѣламъ да отговариваются,— хотятъ себя чѣмъ нибудь оправдать. Поѣзжай, панъ гетманъ, въ Москву: самъ увидишь къ себѣ царскую милость. Ковалевскій лгалъ тебѣ, что ему Артемонъ говорилъ; Ковалевскій хотѣлъ тебѣ прислужиться. Артемонъ не станетъ такихъ рѣчей говорить. Если бъ великій государь не хотѣлъ тебя имѣть гетманомъ, такъ не послалъ бы къ тебѣ и грамотъ на подтвержденіе гетманства; великому государю извѣстно, что ты вѣрнѣе многихъ въ Запорожскомъ Войскѣ.

»Мы«, говорилъ Выговскій, »воеводъ не просили у государя; я не знаю и не вѣдаю о воеводахъ.«

— »Какъ же, панъ гетманъ«, возражалъ Скуратовъ, »ты не вѣдаешь, когда со мною же доставлена тебѣ великаго государя грамота, и въ этой грамотѣ извѣщали тебя, что скоро отпущены будутъ воеводы и ратные люди? Сказано было, чтобъ ты написалъ во всѣ государевы города и велѣлъ принимать воеводъ и ратныхъ людей честно, и давать имъ дворы и всякое споможенье. Ты взялъ эту грамоту, прочелъ ее, и ни слова мнѣ тогда не говорилъ про воеводъ. Воеводы и ратные люди ѣдутъ сюда для вашего же обереганья и защиты.«

»Я никогда«, говорилъ Выговскій съ возрастающею досадою, »не просилъ, чтобъ въ Бѣлую-Церковь присылали воеводу. Я не писалъ объ этомъ къ государю. Воевода какъ пріѣхалъ, такъ пусть и ѣдетъ. Я не велю ему ничего давать. Если ужъ пришлось пріѣзжать сюда воеводамъ государевымъ, такъ они ко мнѣ, къ гетману, должны были пріѣхать, а потомъ уже разъѣхаться по малороссійскимъ городамъ, куда я самъ ихъ назначу; а какъ же они, минуя меня, гетмана, по городамъ ѣдутъ? Это все для одной смуты. Не надобны намъ воеводы и царскіе ратные люди! Вонъ въ Кіевѣ не первый годъ государевы люди съ нашими людьми кіями бьются, а какъ пришлось управляться съ самовольниками, такъ я и безъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей управился. А государевы люди гдѣ были? Съ Пушкаремъ! Какъ былъ бой съ мятежниками, такъ наши Нѣмцы взяли у нихъ московскій барабанъ!«

— »Да я же самъ«, возражалъ Скуратовъ, »былъ съ тобою вмѣстѣ на бою противъ Пушкаря подъ Полтавою и не видалъ государевыхъ людей, я только казаковъ тамъ видалъ. Хоть бы одного убитаго Моска-

ля изъ нашихъ украинныхъ городовъ ты мнѣ тогда показалъ! А что́ сказываешь, панъ гетманъ, про барабанъ, такъ это вовсе и не барабанъ, а бубенъ; такіе у насъ бываютъ у медвѣдниковъ. А хоть бы и въ самомъ дѣлѣ настоящій барабанъ былъ, такъ что́ жъ тутъ такого? Малороссіяне ѣздятъ въ царствующій градъ Москву, и въ разные города пріѣзжаютъ и покупаютъ, что́ имъ надобно. Заказу имъ на то никакого нѣтъ. Людей же царскихъ не было съ Пушкаремъ ни одного человѣка.«

»А зачѣмъ же украинные воеводы«, говорилъ Выговскій, »моихъ измѣнниковъ и своевольниковъ у себя укрываютъ? и теперь ихъ довольно въ Зміевѣ и въ Колонтаевѣ; воеводы ихъ держатъ и не выдаютъ мнѣ. Наши бездѣльники надѣлаютъ здѣсь дурна, да и бѣгутъ въ московскіе городы, а тамъ ихъ укрываютъ! А отъ насъ требуютъ, чтобъ мы государевыхъ злодѣевъ отдавали! Теперь я объявляю вамъ: не стану отдавать вашихъ злодѣевъ, что́ къ намъ прибѣгаютъ изъ московскихъ городовъ, и воеводъ къ себѣ не пущу въ города. Ка́къ государевы воеводы съ нами поступаютъ, та́къ и мы съ ними будемъ поступать. Государь только тѣшитъ меня, а его воеводы бунты противъ меня поджигаютъ; въ Москвѣ ничего не допросишься. Теперь я вижу, что подъ польскимъ королемъ намъ хорошо было: къ нему доступъ прямой, и говорить можно все, о чемъ нужно, и рѣшеніе сейчасъ скажутъ.«

— »Ты, гетманъ, говоришь: при короляхъ польскихъ вамъ было хорошо; только, вспоминаючи объ этомъ, слѣдовало бы вамъ плакать. Тогда всѣ благочестивые христіане были у Ляховъ въ порабощеніи и терпѣли всякія насилія и принужденія къ латинской вѣрѣ, и между вами уніатство множилось. А какъ вы стали въ подданствѣ у великаго государя, такъ теперь и благочестивая вѣра множится на хвалу милостивому Богу и вамъ на безсмертную славу, и милостію царскою вы отъ непріятелей оборонены; надобно вамъ милость царскую къ себѣ знать, и не говорить такихъ высокихъ рѣчей. Негоже говорить, что тебѣ воеводы ненадобны и не станешь выдавать царскихъ измѣнниковъ: это ты чинишься царскому указу не послушенъ.«

»Я«, сказалъ Выговскій, »радъ служить вѣрно царскому величеству, а воеводы и ратные люди мнѣ ненадобны, — отъ нихъ только бунты начнутся.«

Тогдашній тонъ рѣчи гетмана былъ до крайности страненъ, послѣ того какъ Лѣсницкій въ Москвѣ именемъ гетмана и всего войска просилъ присылки воеводъ. Лѣсницкій самъ предлагалъ сдѣлать перепись въ козацкомъ войскѣ; теперь старшины были этимъ очень недовольны.

»Не надобно, не надобно воеводъ!« кричалъ Богунъ:« женъ и дѣтей нашихъ пріѣхали переписывать! Да и ты, стольникъ, ѣдешь къ намъ въ Чигиринъ, кажется, воеводою: ну, смотри, нездорово будетъ!«

Оскорбленный посолъ просилъ Выговскаго унять Богуна. »Перестань!« сказалъ послѣднему гетманъ: »это не теперешняя рѣчь!«

Скуратовъ попробовалъ было напомнить гетману, что онъ обѣщался ѣхать въ Москву, и теперь кажется пришла пора, когда бунты усмирены. Гетманъ отвѣчалъ очень холодно: »Нельзя мнѣ ѣхать къ великому государю ударить ему челомъ: бунтовъ въ Войскѣ новыхъ опасаюсь.«

17 іюня прибылъ Скуратовъ съ гетманомъ въ Чигиринъ, и видѣлъ каждый день возрастающую къ себѣ холодность и даже презрѣніе. Предъ его глазами пріѣзжалъ крымскій посолъ подвигать Выговскаго воевать вмѣстѣ области Ракочія, и Выговскій отправилъ къ хану посольство; вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ польскій гонецъ Стрѣлковскій и извѣстилъ, что скоро пріѣдетъ посолъ, знакомый козакамъ, Янъ Бенёвскій. Скуратовъ четыре раза посылалъ къ гетману просить свиданія, но гетманъ не допускалъ его къ себѣ и приказалъ ему сказать, что ему нечего дѣлать въ Чигиринѣ.

Неизвѣстно, какъ и когда уѣхалъ Скуратовъ, но въ іюлѣ его не было въ Чигиринѣ. Между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ новый воевода, боярин Василій Борисовичъ Шереметевъ. Бутурлинъ простился съ Украиною, гдѣ его полюбили: Бутурлинъ умѣлъ какъ-то ладить съ народомъ, и хотя и при немъ ратные люди часто изъ-за дѣла дрались съ туземцами, но онъ не потакалъ имъ. Боярин Шереметевъ пріѣхалъ въ Украину съ понятіями своенароднаго превосходства, силы, преемственной гордости и великорусской полной простоты. Число недоброжелателей увеличилось....

»Василій Борисовичъ«, говорилъ Выговскій одному игумену, который передавалъ его слова боярину Ртищеву,« не только сажаетъ мѣщанъ всякихъ въ тюрьму, но обижаетъ козаковъ и духовныхъ, похваляется отбирать церковныя имущества, и, вдобавокъ, меня знать не хочетъ, ни во что почитаетъ и самъ гетманомъ именуется.«

Подозрительный, онъ началъ видѣть измѣну; не нравился ему и въ Великой Россіи вольный духъ украинцевъ; сталъ онъ поступать съ ними, какъ привыченъ былъ въ Великой Россіи, выставлялъ свою власть, говорилъ, что онъ старше гетмана. Еще онъ и осмотрѣться хорошенько не успѣлъ, а уже заслужилъ всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и съ Ромодановскимъ. Уже послѣ пораженія Пушкаря, Ромодановскій вступилъ въ Украину и расположил-

ся въ прилуцкомъ полку; Барабашъ находился у него; съ нимъ были нѣкоторые другіе подвижники пушкаревой партіи: Довгаль, Семенъ писарь (онъ находился подъ видомъ арестованнаго, а въ самомъ дѣлѣ на волѣ). Выговскій почелъ эти поступки за явное противодѣйствіе себѣ. Выговскій жаловался, что Ромодановскій, пришедши въ Украину, не ссылается съ нимъ, съ главою страны; Ромодановскій, почитая себя старше гетмана, обвинялъ Выговскаго, что гетманъ къ нему не является. Гетманъ говорилъ, что Ромодановскій похваляется схватить его и притащить къ себѣ; »нельзя жить иначе, какъ окружить себя Татарами«, говорилъ гетманъ. Выговскій писалъ къ царю и жаловался, что къ нему отъ царя не присылаютъ отвѣта. »Побѣдивъ Пушкаря«, говорилъ онъ, »я сейчасъ же написалъ съ дьякомъ Василіемъ Петровичемъ Кикинымъ, а мнѣ ничего не сказали; или жалобы мои не доходятъ, или что-то другое тутъ дѣлается—не знаю и не приберу ума: по указу ли царскому дѣлаютъ мнѣ обиды Шереметевъ и Ромодановскій, или нѣтъ«. По просьбѣ Выговскаго о выводѣ войскъ, Ромодановскому велѣно было выступить; онъ оставилъ часть войска въ городахъ; у нихъ съ жителями начались ссоры и драки; гетманъ потворствовалъ народному нерасположенію, какъ только ему случалось прорываться противъ Москалей. Когда миргородскій полковникъ Козелъ извѣстилъ его, что въ Гадячѣ стали великорусскіе ратные люди, Выговскій позволилъ ему выгонять ихъ силою и биться съ ними, какъ съ непріятелемъ. По обычаю, пограничные воеводы отправляли своихъ людей провѣдывать вѣстей въ Украину; прежде такіе молодцы ѣздили безопасно, а теперь ихъ стали ловить и сажать въ тюрьмы. Украинные молодцы Сѣверской земли шайками стали набѣгать на пограничныя великорусскія села сѣвскаго уѣзда, грабить и жечь....

IX.

Въ Польшѣ, къ 10 іюля, собирался сеймъ. »Въ настоящее время«, писалъ король въ оповѣстительномъ универсалѣ, »для насъ нѣтъ ничего желаннѣе примиренія съ московскимъ государемъ и соединенія польской державы съ московскою. Виленская комиссія можетъ достаточно служить доказательствомъ нашего расположенія къ этому. Мы созываемъ генеральный сеймъ всѣхъ чиновъ королевства польскаго, преимущественно съ цѣлію утвержденія дружественной связи съ народомъ московскимъ

и соединенія обѣихъ державъ, дабы вѣчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства образовался между Поляками и Московитянами — двумя сосѣдними народами, происходящими отъ одного источника славянской крови и мало различными между собою по вѣрѣ, языку и нравамъ. Поручаю чинамъ королевства размыслить о средствахъ такого соединенія, дабы народъ московскій, соединенный съ польскимъ, получилъ право старинной польской вольности и свободнаго избранія государей« (1).

Козацкій гетманъ и старшины послали изъ Украины депутатовъ на этотъ сеймъ, какъ-будто для того, чтобъ, заключить заранѣе съ Польшею союзъ, обезпечивающій Украину, дабы впослѣдствіи, когда Московія и Польша соединятся, и Украина могла бы вступить въ это соединенное государство съ своими правами. Посломъ въ Варшавѣ былъ обозный Тимофей Носачъ съ товарищами. Выговскій въ то время приказалъ всѣмъ козакамъ быть въ вооруженіи.

Между тѣмъ, изъ Варшавы донесли царю его послы, что, въ противность договору съ Хмельницкимъ, козацкіе послы прибыли въ Варшаву, и для поддержанія царской чести, они не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры съ Поляками, пока не вышлютъ козацкихъ депутатовъ; паны принуждены были удалить козаковъ на предмѣстіе (2). Чрезъ нѣсколько времени царь получилъ новое донесеніе отъ пословъ о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать царя на престолъ; послы приписывали эту перемѣну вліянію козаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Тимофей Носачъ былъ допущенъ къ королю, то требовалъ отъ имени всей Украины, чтобъ Польша, согласно данному обѣщанію, даровала корону Алексѣю Михайловичу, а права Украины обезпечила на будущее время особымъ съ нею трактатомъ. Носачъ выражалъ свои требованія съ жаромъ и даже грубо. Паны отвѣчали, что присланы будутъ особые коммиссары для заключенія договора съ Украиною (3). Депутаты сейма, обнадеженные возможностью присоединить Украину къ Польшѣ, прервали, подъ предлогомъ повальныхъ болѣзней, засѣданія и ограничились единственно тѣмъ, что обѣщали посламъ московскимъ назначить коммиссію для разсужденія, на какихъ началахъ могутъ обѣ державы приступить къ соединенію (4). Царскіе послы поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время.

Поляки дѣятельно хлопотали, чтобъ преклонить Выговскаго и всю

---

(1) Ann. Pol. Cl. II, 295. Hist. pan. Jan. Kaz. I, 343. (2) Hist. pan. Jan. Kaz., 347. (3) Hist. ab. exc. VI. IV, 416. (4) Dzieje pan. Jan. Kaz. I, 95.

Украину къ соединенію съ Польшею. Хитрый Бенёвскій безпрестанно переписывался съ гетманомъ, со старшинами (1), держалъ въ Чигиринѣ агента, львовскаго мѣщанина Грека Ѳеодосія Томкевича, который вкрался въ довѣренность къ Полякамъ и козакамъ, и безпрестанно ѣздилъ изъ Украины въ Польшу и обратно, и служилъ посредникомъ между козацкимъ правительствомъ и Бенёвскимъ (2). Сначала Выговскій повидимому подавалъ Полякамъ такую же невѣрную надежду, какъ и покойный Хмельницкій. Послѣ избранія его, король послалъ къ нему поздравленіе; Выговскій отвѣчалъ съ благодарностію, но не показывалъ охоты къ возобновленію подданства Польшѣ (3). Гнѣзненскій архіепископъ написалъ ему, что вольному народу съ вольнымъ удобно соединиться. Выговскій въ отвѣтѣ своемъ соглашался,—съ такимъ, однако, замѣчаніемъ: »по Божіему устроенію, ни одинъ изъ нашихъ союзниковъ не оказалъ такого благородства, какъ царь московскій, не лишающій насъ милости (4)«. Онъ казался стоекъ и твердъ въ сношеніяхъ съ Поляками, не хотѣлъ уступать Пинска, отдавшагося Хмельницкому, и грозилъ войною, когда Поляки выгнали оттуда козацкій гарнизонъ (5).

Мало по малу все измѣнялось. Весною неутомимый Бенёвскій писалъ, что надежды его оправдываются, что козаки не уживаются съ Московіею, и приписывалъ это своимъ трудамъ (6). Къ-сожалѣнію, неизвѣстны всѣ продѣлки, какія употреблялъ этотъ ловкій дипломатъ, чтобъ внушать Выговскому и козацкимъ старшинамъ ненависть къ московскому правительству. Знаемъ только, что Поляки разсылали по Украинѣ воззванія и писали разнымъ лицамъ письма, гдѣ пытались напугать старшинъ разными опасностями, грозящими изъ Москвы. Несомнѣнно, что наклонность къ соединенію съ Польшею усиливалась вмѣстѣ съ тѣми недоразумѣніями, какія возникали съ Московіею.

Въ половинѣ іюня Выговскій отправилъ къ Бенёвскому Тетерю, самаго ревностнаго приверженца Поляковъ; писалъ, что отрекается отъ союза съ царемъ и, въ случаѣ надобности, готовъ съ Татарами идти на царя (7). Что касается до Бенёвскаго, то этотъ видимый благопріятель Украины, расточавшій козакамъ самыя мирныя, самыя лестныя обѣщанія, въ письмѣ своемъ коронному гетману изъяснялъ, что необходимость заставляетъ вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, если бъ мож-

---

(1) Пам. кіев. комм. III, 3. 161. 181. 190. 191. 202 203. 204. 244. 248. 251. 270. 211. (2) Ibid., 217. 219. 220—227. (3) Ibid., 166—169. (4) Ibid.; 173. (5) Ibid., 362. 193. 212. (6) Ibid., 221. (7) Ibid., 270. 276.

но привести козаковъ во власть Польши оружіемъ, безъ всякихъ трактатовъ (1).

Новыя сборища остатковъ партіи Пушкаря и Барабаша зашевелились на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Враги Выговскаго искали содѣйствія у Ромодановскаго и у пограничныхъ украинныхъ воеводъ; между тѣмъ гетманская политика склонялась къ рѣшительному союзу съ Польшею, и Виговскому надобно было опасаться, что какъ скоро на Москвѣ узнаютъ объ этомъ, такъ сейчасъ войско двинется въ Малороссію. Гетману нужно было поговорить о важномъ дѣлѣ съ народомъ на генеральной радѣ. Гетманъ, въ августѣ, разослалъ по всѣмъ полкамъ приказанія, чтобъ всѣ были въ сборѣ, въ вооруженіи и готовились въ походъ. Между тѣмъ московское правительство, хотя знало о волненіи умовъ въ Украинѣ, но приписывало его происканъ Поляковъ и показывало прежнюю довѣренность къ гетману. Изъ Москвы посланъ былъ къ Выговскому новый посланецъ, подъячій Яковъ Портомоинъ, съ подарками и милостивымъ царскимъ словомъ. Онъ прибылъ въ Чигиринъ 9 августа. Въ царской грамотѣ, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за вѣрность, предостерегали гетмана и козаковъ не вѣрить прелестнымъ письмамъ, которыя разсылаютъ Поляки по Украинѣ и въ нихъ клевещутъ на московскихъ бояръ и воеводъ, желая произвести ссору.

Но подъячій увидѣлъ, что вѣтеръ уже сильно перемѣнился. На его дружелюбныя рѣчи гетманъ отвѣчалъ, что онъ радъ служить государю; потомъ выразился въ такихъ словахъ:

»Изъ разныхъ мѣстъ пишутъ мнѣ полковники и сотники и эсаулы, что воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Ромодановскій присылаются къ намъ въ Малороссію для того, чтобъ меня известь. Въ разныхъ мѣстахъ по Украинѣ ратные люди полку князя Ромодановскаго убивали нашихъ людей, чинили грабежи и разоренія; самъ князь Ромодановскій принялъ къ себѣ въ полкъ Барабаша и Лукаша и иныхъ враговъ моихъ. Когда я просилъ помощи противъ Пушкаря, государь не послалъ мнѣ, а какъ я управился съ Пушкаремъ самъ, такъ тогда и войска пришли для того, чтобъ укрѣплять своевольниковъ да новые бунты заводить. Я не хочу ждать, пока ратные люди придутъ на насъ войною. Иду самъ за Днѣпръ со всѣмъ козацкимъ войскомъ и съ Татарами. Буду отыскивать и казнить мятежниковъ, а если государевы ратные люди вздумаютъ заступаться за нихъ, или сдѣлаютъ какой-нибудь задоръ въ на-

(1) Ibid., 239.

шемъ малороссійскомъ краѣ, то я молчать не стану; и буду биться съ государевыми войсками, если они станутъ укрывать мятежниковъ; и въ Кіевъ пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами; велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить городъ, который былъ состроенъ по указу его царскаго величества.«

— »Объ этомъ«, возразилъ ему посланецъ, »тебѣ, гетману, и мыслить нельзя, не токмо что говорить. Бояринъ Шереметевъ и окольничій князь Ромодановскій посыланы были по твоему челобитью. Нечего тебѣ вѣрить письмамъ твоихъ полковниковъ и сотниковъ и эсауловъ. По государеву указу ратнымъ людямъ учиненъ заказъ, чтобъ они никакихъ задоровъ не дѣлали и никого не обижали, и если бъ что̀ такое сдѣлалось, такъ тебѣ бы гетману объ этомъ писать къ великому государю, и его царское величество велѣлъ бы сыскать, и про то учинить свой указъ по сыску; а когда ты собралъ войско да призвалъ Татаръ, такъ это значитъ: ты преступаешь священную заповѣдь и нарушаешь крестное цѣлованіе.«

»Много я писалъ«, отвѣчалъ Выговскій, »и пословъ своихъ не разъ посылалъ, а теперь только и осталось мнѣ, что идти съ войскомъ да съ Татарами.«

Въ это время, какъ бы на обличеніе гетмана, бояринъ Шереметевъ прислалъ гонца съ письмомъ, приглашать Выговскаго на свиданіе.

»Уже не одинъ разъ ко мнѣ пишетъ бояринъ«, сказалъ Выговскій, »о томъ, чтобы намъ сойтись, да времени нѣтъ. Вотъ какъ полки соберутся, тогда и разговоръ у насъ будетъ.«

Царскаго посланца отпустили на квартиру. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ другой гонецъ изъ Москвы, Ѳедоръ Тюлюбаевъ, спрашивать: что̀ значитъ, что Войско Запорожское вооружается, и противъ кого?

11 августа, гетманъ выѣхалъ изъ Чигирина. Къ Портомоину явилось шесть человѣкъ съ ружьями и объявили, что гетманъ послалъ ихъ держать стражу у двора московскаго посланца. Вслѣдъ затѣмъ привели на тотъ же дворъ Тюлюбаева и помѣстили, вмѣстѣ съ Портомоинымъ, подъ карауломъ. Но караулъ былъ не крѣпокъ. Вѣроятно, гонцы имѣли возможность переговариваться съ приходящими, получать и передавать вѣсти. 30 августа, по приказанію гетмана, присланному въ Чигиринъ, явились на дворѣ, гдѣ сидѣли гонцы, мѣщанскій эсаулъ и два бурмистра съ отрядомъ козаковъ, взяли обоихъ посланцевъ и съ ними провожатахъ изъ Путивля, обобрали у нихъ платье и лошадей, повели въ гетманскій дворъ, заковали въ кандалы и приставили стражу. »И терпѣли мы«,

доносилъ Портомоинъ, »и голодъ и всякую нужу, а корма намъ давали мало. Три недѣли сидѣли мы въ кандалахъ, потомъ насъ расковали и развели по дворамъ, и сидѣли мы тамъ подъ карауломъ, какъ прежде.«

Между тѣмъ, въ началѣ августа, Ромодановскій препроводилъ Барабаша подъ стражею въ Кіевѣ къ Шереметеву — какъ послѣ объяснили — для того, чтобъ предать его войсковому суду. Московское правительство считало его виновнымъ и не хотѣло предоставить его безъ войсковаго суда мести Выговскаго. На дорогѣ, уже недалеко отъ Кіева, въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, когда сотенный отрядъ, провожавшій Барабаша, сталъ на ночлегъ, вдругъ напалъ на него козацкій отрядъ черкасскаго полка, подъ начальствомъ черкасскаго полковника Джулая. Нѣсколько дѣтей боярскихъ были побиты, другіе ограблены, нѣкоторые разбѣжались; самъ начальникъ конвоя Левшинъ попался въ плѣнъ съ Барабашемъ. Ихъ посадили на телѣги и умчали въ Переяславъ. Выговскій велѣлъ Барабаша везти за Днѣпръ въ обозѣ, чтобъ предать суду козацкой рады.

Около этого времени, какъ разсказывали, случилось будто бы сдѣдующее происшествіе.

Говорили, будто по Днѣпру плылъ гонецъ изъ Москвы съ грамотою къ кіевскому воеводѣ Шереметеву. Козаки схватили его и привели къ Выговскому.

На козацкой радѣ прочитана была перехваченная грамота. Въ ней, по сказкѣ современныхъ лѣтописцевъ польскихъ, было написано, что Выговскій и старшины хотятъ измѣнить царю, и предписывалось Шереметеву тайно схватить неблагонамѣреннаго гетмана съ соумышленниками и подъ стражею отправить въ Москву. Это, безъ сомнѣнія, выдумка, и если что-нибудь было подобное, то, вѣроятно, это была польская интрига. Грамота была подложная.

»Это еще не все« , говорилъ козакамъ гетманъ: »перебѣжчики изъ московскаго войска сказывали, что царь хочетъ послать на насъ свои силы и истребить все Козачество, оставить всего на все только десять тысячъ« .

Раздались крики негодованія.

»Чого́ ще ма́емо жда́ти? Ходи́ли до грома́ди и до оборо́ни самихъ себе́ и старшини́, присяга́ли еди́нъ дру́гому лягти́, рятуючи панівъ полковниківъ и старшину́.»

Выговскій воспламенялъ такой духъ, выкативши козакамъ нѣсколько бочекъ горілки (1).

Выговскій потянулся съ войскомъ къ восточнымъ предѣламъ малороссійскаго лѣвобережнаго края. А между тѣмъ, разсылались универсалы по всей Украинѣ, возбуждать народъ къ возстанію противъ Москалей.

Настроенные противъ Москалей козаки стали вездѣ задерживать, грабить и оскорблять Великороссіянъ, гдѣ только встрѣчали въ своей землѣ. Тогда между козаками были молодцы, что безъ всякаго повода готовы были пограбить и посвоевольничать надъ человѣкомъ; и теперь, конечно, такіе были рады случаю, когда своевольство не только могло пройти даромъ, а еще допускалось. Не было ни прохода, ни проѣзда: »и твоихъ государевыхъ проѣзжихъ всякихъ чиновъ людей по дорогамъ Черкасы побиваютъ, а иныхъ задерживаютъ и отсылаютъ къ гетману Ивану Выговскому«, доносили въ Москву пограничные воеводы.

Братъ гетмана, Данило, по порученію гетмана, покусился взять Кіевъ; съ нимъ было пять полковъ: бѣлоцерковскій, кіевскій, паволоцкій, брацлавскій и поднѣстрянскій.... Но порученіе окончено очень неудачно. Козаки, подступая къ Кіеву, стали ловить лошадей на пастьбищѣ и ударили на сторожевыя сотни, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ для наблюденія за приходомъ непріятеля. Сторожи побѣжали и дали знать въ пору, и воеводы собрали ратныхъ людей. Козаки вторгнулись на посадъ, перебили нѣсколько Великороссіянъ, зажгли посадъ, чтобъ очистить мѣсто для приступа, и начали копать шанцы, чтобъ вести правильный приступъ на городъ. Но Великороссіяне вышли изъ города, напали на козацкіе окопы, выбили изъ нихъ козаковъ и захватили знамена, литавры, бубны, бунчукъ, печать; простые козаки покидали оружіе и сдавались, другіе пустились бѣжать и хотѣли переправиться черезъ Днѣпръ, но потонули. Самъ Данило убѣжалъ раненый. Плѣнныхъ козаковъ подвергли пыткѣ. Со страху они старались какъ можно болѣе чернить Выговскаго, и увѣряли, что пошли подъ Кіевъ по неволѣ, что ихъ сѣкли и били для того, чтобъ они шли. Шереметевъ далъ имъ приказаніе не слушаться болѣе гетмана, и отпустилъ ихъ.

Выговскій жаловался, что послѣ того Шереметевъ началъ розыскивать, мучить, рубить головы—по подозрѣнію, и вообще преслѣдовать непокорный духъ. Отецъ Выговскаго, Евстафій, пріятель Бутурлина, съ се-

(1) Hist. panow. Jan. Kaz. I, 358. Ann. Pol. Cl. II, 308.

мействомъ убѣжалъ въ Чигиринъ. Шереметевъ сжегъ Боришполь близъ Кіева, гдѣ, какъ узналъ, собиралось мятежное ополченіе.

Когда, такимъ образомъ, разыгралось неудачное покушеніе отнять столицу южнорусскаго края у Москалей, Выговскій пошелъ къ Гадячу, подъ предлогомъ преслѣдовать и карать мятежниковъ и своевольниковъ, которые въ этихъ мѣстахъ снова воскрешали пушкаревскую партію. Съ нимъ были Татары и польскій отрядъ. Съ нимъ ѣхали польскіе послы Бенёвскій и Евлашевскій съ инструкціею для заключенія союза. Немиричъ былъ устроителемъ согласія.

X.

Когда войско достигло мѣстечка Камышни, 31 августа прибылъ новый царскій гонецъ, дьякъ Василій Михайловичъ Кикинъ, уже бывавшій прежде у Хмельницкаго и у Выговскаго. Въ Москвѣ узнали уже о вооруженіи, о похвалкахъ на великорусскія войска, и новый гонецъ ѣхалъ уже не такъ какъ злополучный Портомоинъ съ милостивымъ словомъ, а съ выговоромъ и съ упреками.

Первая встрѣча показывала новому послу, какъ идутъ дѣла у козаковъ. Къ нему явился Полякъ и объявилъ, что будетъ у него приставомъ. Но тѣмъ не менѣе, соблюдены были всѣ почести. Когда посолъ ѣхалъ къ гетману на свиданіе, выстроена была пѣхота и стрѣляла начесть; Кикинъ замѣтилъ послѣ, что пѣхота была плохо и худо одѣта. Высланный къ нему отрядъ чигиринскаго полка въ двѣсти человѣкъ сошелъ съ лошадей; всѣ кланялись, а полковникъ говорилъ привѣтствіе. Другая встрѣча ожидала его далѣе: ее отправлялъ Ковалевскій. Когда посолъ приблизился къ шатру гетмана, — на третью встрѣчу къ нему вышелъ Немиричъ: присутствіе такого лица и участіе въ дѣлахъ не обѣщало хорошаго.

Гетманъ изъ Камышни перешелъ въ Липовую-Долину, и тамъ принялъ посла торжественно, въ шатрѣ, окруженный полковниками, сидѣвшими около своего предводителя кругомъ. Дьякъ подалъ увѣщательную грамоту, и Выговскій пригласилъ его сѣсть возлѣ себя. Не смотря на неудовольствіе, которое было и поводомъ посольства, дьякъ отъ имени государя спросилъ гетмана о здоровьѣ.

Дошло до переговоровъ о дѣлахъ.

Посланникъ спросилъ отъ имени царя: »на какого непріятеля собрались вы съ такими силами козацкими и татарскими?«

Гетманъ роптaлъ, что, послѣ усмиренія Пушкаря, его приверженцы нашли покровительство у Ромодановскаго.

»Барабашъ«, говорилъ Выговскій, »именуетъ себя гетманомъ, при живомъ гетманѣ, а окольничій Ромодановскій величаетъ себя великимъ княземъ, а бояринъ Шереметевъ погубилъ безвинно много православныхъ душъ и пожегъ христіанскія церкви. Бояринъ Василій Борисовичъ меня зазывалъ къ себѣ, чтобъ погубить; я это зналъ, и не поѣхалъ къ нему, а послалъ на разговоръ брата своего Данила и въ предостереженіе далъ ему нѣсколько полковъ, именно для того, чтобъ бояринъ не учинилъ какого-нибудь зла. Такъ и сталось. Бояринъ нежданно напалъ ратью, и Данила и многихъ козаковъ и мѣщанъ побили. Глупъ мой Данило, не умѣлъ отдѣлать ихъ! За то я пошлю на боярина войско, и со всѣми его людьми прахомъ выкину изъ Кіева!«

— »Какъ же«, говорилъ дьякъ, »ты, гетманъ, это говоришь, не боясь страшнаго владыки херувимскаго? Своими устами читалъ ты присягу на евангеліи и цѣловалъ крестъ быть до смерти вѣрнымъ царскому величеству и никакого лиха не замышлять: а теперь поджидаешь Татаръ, идешь на помазанника и своего благодѣтеля, который васъ денежною казною надѣлялъ такъ щедро, что не можно и вмѣстить, и воинству своему повелѣвалъ кровь свою проливать за васъ! Блюдитесь же, чтобъ вамъ не навести на себя, за преступленія, праведнаго Божія наказанія! Вотъ то́, что́ мнѣ прилучилось слы́шать о Кіевѣ—это примѣръ, что Богъ свыше зритъ на неправду и мститъ за нее!«

»Мы отъ руки его царскаго величества не отступили«, сказалъ гетманъ, »а воеводы его Ромодановскій да Шереметевъ много намъ зла надѣлали: и права́ наши поломали, и церкви Божіи пожгли, и иноковъ и инокинь и христіанскія души невинно погубили. Мы зато будемъ имъ мстить и управляться съ ними, пока насъ самихъ станетъ. Какъ и при королихъ польскихъ мы за свои права стояли, такъ и теперь будемъ стоять.«

Дьякъ замѣтилъ: »это не дѣло подданныхъ—управляться между собою самимъ, воздвигать междоусобную брань и проливать кровь. Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій — люди честные и великородные; не годится ихъ такъ безчестити, а еслибъ что́ отъ нихъ и было, то можно послать бить челомъ государю нашему и ожидать его указа, а того и помыслить страшно, чтобъ, собравшись съ врагами креста Христова, нападать на людей его царскаго величества и воздавать зломъ за добро, на радость латинщикамъ и бу-

сурманамъ! А лучше вамъ, вспомня свое обѣщаніе предъ евангеліемъ, отстать отъ злыхъ дѣлъ и неправдъ, распустить войска свои и отпустить Татаръ, впередъ съ ними не ссылаться и не чинить соединенія.«

— »Этого и въ мысли нашей нѣтъ«, сказалъ гетманъ, »чтобъ не управясь съ непріятелемъ, да разойтись по домамъ и Татаръ отпустить; не токмо Татаръ — и Турокъ и Ляховъ сюда притянемъ!«

»Такъ если вы задоръ учините«, сказалъ дьякъ, »то его царское величество пошлетъ на васъ многія свои пѣшія и конныя силы, и будетъ вамъ разоренье самимъ отъ себя!«

— »Мы писали уже къ его царскому величеству, а государь не показалъ намъ своей милости, не изволилъ прислать намъ бунтовщиковъ, и окольничему Ромодановскому за его неправды никакого указа не далъ; такъ мы, посовѣтовавшись съ старшиною, идемъ на бунтовщиковъ и на тѣхъ, кто стоитъ за нихъ!«

— Князь Ромодановскій отправилъ уже Барабаша въ Кіевъ, чтобъ отдать его на войсковой судъ.«

— »Барабашъ уже въ моихъ рукахъ«, сказалъ Выговскій.

»Зрадлива Москва«, сказалъ черкасскій полковникъ Джулай, »дала Левшину наказную память, чтобъ Барабаша везли съ великимъ береженьемъ: это значитъ, чтобъ мы его не отбили да не взяли!«

— »Не годилось бы вамъ дѣлать такія грубости и Барабаша отбивать: и безъ боя отдали бы его тебѣ; а написано въ наказѣ: *везти съ береженьемъ* — не отъ васъ, а отъ такихъ своевольниковъ, какъ самъ Барабашъ. Вы жалуетесь, что воеводы вашихъ бунтовщиковъ укрываютъ, а нѣжинскій полковникъ зачѣмъ это держитъ у себя вора, у котораго за воровство уши порѣзаны? Онъ-то его на всякое дурно подводитъ. Вамъ бы прислать его къ его царскому величеству, да и впередъ не принимать такихъ воровъ.«

»Съ чего это взяли?« сказалъ Гуляницкій: »у меня такого московскаго бѣглаго человѣка нѣтъ и не бывало!«

Еще принялся дьякъ истощать свое краснорѣчіе, убѣждая оставить непріязненныя дѣйствія. Но гетманъ повторилъ тóже, что прежде говорилъ:

»Не враги мы царскому величеству; а боярамъ, которые насъ отъ царской милости отлучаютъ, будемъ мстить! Довольно. Въ другой день потолкуемъ, а мы пока со старшиной посовѣтуемся!«

Тѣмъ и кончилось это интересное свиданіе. На другой день, 3 сентября, пришелъ къ дьяку Немиричъ и сказалъ:

»Гетмана извѣстили, что Шереметевъ послалъ своихъ Москалей жечь и разорять города и мѣстечки: въ Боришполѣ всѣхъ людей побили; прямо на Переяславъ отправилъ воевода полковника Корсака; мучатъ православныхъ христіанъ разными муками. Пошли къ нему, чтобъ онъ пересталъ такъ поступать.«

»Я не смѣю«, сказалъ дьякъ, »писать къ нему: онъ бояринъ и воевода, и намѣстникъ бѣлозерскій, человѣкъ честный; за это мнѣ быть у его царскаго величества въ опалѣ.«

Затѣмъ дьякъ началъ просить отпуска.

Нѣсколько дней послѣ того пробылъ дьякъ безъ дѣла, и вотъ приходитъ къ нему эсаулъ Ковалевскій.

»Хотѣлъ бы«, говорилъ онъ, »гетманъ и всѣ старшины отправитьословъ своихъ къ царю, да не смѣетъ никто ѣхать — боятся гнѣва царского, задержанія и ссылки.«

Дьякъ сказалъ:

»Великій государь нашъ щедръ и милостивъ. Поѣзжай, Иванъ, ты безъ сумнѣнія, а старшину разговори, чтобъ войной не ходили на царскіе украинные города.«

Тогда Ковалевскій, сторонникъ Выговскаго, хотѣлъ поддѣлаться къ царскому послу и началъ наговаривать на своего предводителя:

»Правду скажу, и я и многіе изъ насъ не чинили бы этого, да гетманъ страшитъ насъ смертью и муками; да и всѣ козаки въ Запорожскомъ Войскѣ видятъ, что гетманъ великое разоренье дѣлаетъ, — видятъ да терпятъ, боятся татарской сабли.«

4 сентября, царскаго посла пригласили въ шатеръ къ Немиричу. Тамъ сидѣлъ гетманъ и нѣсколько полковниковъ. За день передъ тѣмъ привезли въ обозѣ скованнаго Барабаша. По извѣстіямъ, сообщеннымъ предъ тѣмъ тайно послу отъ одного козака, Барабашъ подъ пыткою сказалъ, что онъ гетманомъ назывался по своей охотѣ, а вовсе не по наущенію Ромодановскаго, и ему никакихъ грамотъ не присылано отъ царя. Но теперь гетманъ послу сказалъ такъ:

»Открылось намъ вотъ что: какъ мы съ войскомъ и съ крымскими Татарами пошли на бунтовщиковъ и злочинцевъ нашихъ, то царское величество, услыша объ этомъ, приказалъ бунтовщика Барабаша послать въ Кіевъ—будто бы отдавать его въ Войско Запорожское, на войсковыя права, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ гетманъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и тутъ бы Шереметевъ гетмана схватилъ. Барабашъ такъ говоритъ, можешь его спросить. Да еще видно немилосердіе къ намъ цар-

скаго величества: перебѣжчики изъ московскаго войска говорили намъ, что сами слушали царскую грамоту, присланную къ Ромодановскому, велѣно чинить промыселъ надъ гетманомъ и старшиною: всѣхъ переловить и побить.«

— »Какъ это вы Бога не боитесь! выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великій государь прислалъ меня къ вамъ съ своею милостью? Яшка Барабашъ говоритъ воровски, затѣваетъ съ досады, чѣмъ бы гетмана отъ милости государевой отлучить; и простой человѣкъ разсудитъ: какое ужъ добро говорить вору и измѣннику, на смерть осужденому! Незачѣмъ мнѣ видѣть Барабаша: съ такимъ воромъ мнѣ и говорить не годится!«

Послѣ того Немиричъ пригласилъ посла къ гетману на обѣдъ.

Когда обѣдали, Барабашъ стоялъ у полы шатра, прикованный къ пушкѣ.

»Что́ дѣлается въ Бѣлгородѣ«? спрашивалъ его Выговскій, пируя съ гостьми: »много ли ратныхъ людей въ Бѣлгородѣ?«

— »Бага́то людей», отвѣчалъ Барабашъ.

»Это Барабашъ на ссору наговариваетъ«, замѣтилъ дьякъ: »въ Бѣлгородѣ людей немного.«

Гетманъ пилъ чашу государеву. Пили гости. Барабашъ стоялъ на поруганіе предъ гостьми въ злополучномъ видѣ.

5 сентября опять позвали дьяка къ гетману:

»Говоришь ты, гетманъ« сказалъ дьякъ, »что царскаго величества воевода Ромодановскій и ратные люди, будучи въ Запорожскомъ Войскѣ, козакамъ и крестьянамъ учинили обиды и насильства и разореніе; а мнѣ случилось видѣть твой листъ къ Богдану Матвѣевичу Хитрово: ты просилъ его бить челомъ государю, чтобъ его царское величество приказалъ Ромодановскому съ ратными людьми выступить изъ черкасскихъ городовъ только потому, что своевольство у васъ укрѣпилось, и утруждать войска́ нечего. Тамъ ты не писалъ о насильствахъ и разоренъяхъ, а теперь говоришь мимо истинной правды, будто тебѣ дѣлаются отъ нихъ насильства и обиды! Вскладывать напраслину и затѣвать неправду отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно!«

Гетманъ на это отвѣчалъ:

»Когда я писалъ письмо къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, мнѣ еще не было подлинно извѣстно о тѣхъ невыносимыхъ несправедливостяхъ, какія дѣлали войска; а какъ мнѣ стало вѣдомо про всѣ насилія, и грабежи, и разоренія, и убійства, тогда я, посовѣтовавшись съ старши-

ною, призвалъ Татаръ и пошелъ на отмщеніе своихъ обидъ, и буду биться, пока насъ всѣхъ станетъ.«

Дьякъ началъ расточать прежнія убѣжденія, напоминалъ о присягѣ, о единовѣріи, о царской милости, и просилъ по крайней мѣрѣ удержаться отъ непріятельскихъ дѣйствій, пока придетъ царскій указъ.

Гетманъ отвѣчалъ:

»Неудобно намъ съ большимъ войскомъ стоять на мѣстѣ. У насъ не заготовлено припасовъ, войско будетъ дѣлать тягости мѣщанамъ и пашеннымъ крестьянамъ.«

Дьякъ снова началъ убѣждать и стращалъ козаковъ гнѣвомъ Божіимъ. Послѣ долгаго упорства, гетманъ наконецъ сказалъ:

»Хорошо, я напишу съ тобою къ его царскому величеству и буду ожидать царскаго указу отъ сего числа три недѣли и четыре дни.«

— »Такъ скоро? Я за дебелостью своею не поспѣю!« сказалъ дьякъ.

»Болѣе четырехъ недѣль мы ждать не будемъ«, сказалъ гетманъ, »и послѣ четырехъ недѣль начнемъ биться съ княземъ Ромодановскимъ и съ измѣнниками своими, которые поселились въ новыхъ городахъ. Да еще вотъ что. Какъ листъ мой гетманскій придетъ къ государю, такъ принимаетъ его посольскій думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, а государю кажетъ не подлинные листы, а списки съ нихъ; а самъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ недоброхотенъ ни мнѣ, ни Войску Запорожскому, и я думаю, что онъ къ великому государю взносить несходные съ подлинными листами списки. Я самъ, какъ былъ писаремъ при Богданѣ Хмельницкомъ, то бывало—кто мнѣ недругъ, и о чемъ нибудь пишетъ гетману, такъ я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтобъ гетмана разсердить на того, кто пишетъ. Пусть его царское величество пожалуетъ гетмана и все Войско Запорожское: не велитъ вѣдать листовъ нашихъ думному дьяку Алмазу Иванову, а поручитъ кому-нибудь другому изъ ближнихъ людей; да чтобъ государь велѣлъ предъ собою читать подлинные мои листы, а не списки.«

— »Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ«, объяснялъ Кикинъ, »по милости его царскаго величества, человѣкъ честный, навычный книжному ученью и многимъ философскимъ наукамъ; ему вручены и повѣрены отъ государя всѣ грамоты отъ разныхъ христіанскихъ и бусурманскихъ государствъ; не для чего ему быть къ тебѣ и къ Запорожью недоброхотнымъ; и не годится тебѣ такъ безчестить думнаго палатнаго человѣка его царскаго величества.«

»Мнѣ мои посланцы сказывали«, — говорилъ Выговскій.

— »Посланцы твои«, сказалъ дьякъ, »пьяницы и баламуты, на ссору тебѣ говорятъ, не хотя видѣть тебя въ милости у его царскаго величества. Будь надеженъ на милость великаго государя нашего, не прельщайся на злохитрыя прелести и не вѣрь ссорнымъ и смутнымъ рѣчамъ.«

Съ этимъ словомъ дьякъ вышелъ отъ гетмана.

По приходѣ въ свой шатеръ, явился къ нему войсковой Ѳедоръ Лобода съ чигиринскимъ козакомъ Коробкою. Онъ былъ ему знакомъ издавна по прежнимъ его поѣздкамъ въ Малороссію.

»Гетманъ«, сказалъ Лобода, »положилъ тебя отпустить, а полковники, корсунскій Краховецкій, да черкасскій Джулай, да Павелъ Тетеря приговариваютъ тебя отдать Татарамъ, а Татары докучаютъ объ этомъ безпрестанно: но гетманъ отговаривается, сказываетъ, что отправитъ тебя въ Чигиринъ на работу — дѣлать городъ. Всей измѣнѣ у насъ заводчикъ Павелъ Тетеря: онъ все нынѣшнее лѣто проживалъ въ Корцѣ съ Ляхами и съ ними сговаривался, какъ бы освободиться изъподъ власти царскаго величества.«

На другой день явился Немиричъ и потребовалъ Кикина къ гетману на отпускъ. Гетманъ отдалъ ему свое письмо къ государю и изъявилъ желаніе, чтобъ государь умилосердился и оказалъ справедливость.

»О справедливости«, сказалъ дьякъ, »бей челомъ государю чрезъ своихъ посланцевъ, а войско распусти по домамъ и Татаръ отпусти.

— »Войска я не распущу и Татаръ не отпущу, а буду ожидать указа царскаго величества отъ настоящаго дня четыре недѣли.«

Посолъ поклонился и вышелъ. Въ тотъ же день пріѣхалъ сотенный отрядъ, и выпроводилъ его не на прямую дорогу, а въ Миргородъ. Подозрительно это казалось и давало достовѣрность тому, что́ говорилъ Лобода, но посла увѣряли, что это дѣлается для предостереженія отъ Татаръ.

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

IV.
ГОГОЛЬ,
КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья первая.

Когда г. Артемовскій-Гулакъ умолкнулъ, какъ-бы сознавъ несостоятельность украинскаго слова, вопросъ о нашей словесности былъ, казалось, рѣшенъ окончательно. Пара крошечныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень украинскихъ, изданныхъ въ 1819 и 1827 годахъ, одна пародія, двѣ театральныя пьесы да нѣсколько небольшихъ стихотвореній представлялись чѣмъ-то въ родѣ надгробныхъ памятниковъ нашей народности, къ которымъ только изрѣдка обращали взоры живые люди. Россійская словесность, усиленная и облагороженная Пушкинымъ, вступила во всѣ права своего господства на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, на Волыни, на Подоли, въ Черноморіи, Новороссіи и вездѣ, гдѣ есть Украинцы. Судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ періодъ нашего литературнаго безсилія изъ среды насъ, Украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ не-украинскимъ. Онъ убѣдительнѣе всѣхъ доказалъ своими повѣстями тогдашнему обществу, что для изображенія Украины нѣтъ надобности въ украинскомъ словѣ. Занявъ почетное мѣсто въ великорусской литературѣ, онъ сдѣлался единственнымъ представителемъ нашего народнаго духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его въ области понятій объ Украинѣ продолжалось и тогда, когда появились въ печати истинно украинскіе писатели, Квитка и Шевченко; оно ощутительно еще и въ наше время, когда у

многихъ уже совершенно измѣнились историческія и этнографическія воззрѣнія на эту страну. Вотъ почему, проходя критикой постепенное развитіе украинской идеи въ литературныхъ ея проявленіяхъ, мы дѣлаемъ и украинскія повѣсти Гоголя предметомъ своего изслѣдованія.

Въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ* я ужъ представилъ небольшой опытъ подобнаго изслѣдованія: я набросалъ въ общихъ чертахъ характеристику Гоголя, какъ живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочимъ, указалъ на нѣкоторые погрѣшности *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода* противъ исторіи и народнаго быта нашего. Это было дѣло смѣлое послѣ рецензій Бѣлинскаго и другихъ великорусскихъ критиковъ, признавшихъ повѣсти Гоголя вѣрнымъ отраженіемъ украинской прошедшей и настоящей жизни. *Русская Бесѣда*, вѣровавшая во многое съ дѣтскимъ простодушіемъ, рѣшилась отстоять Гоголя и дала у себя мѣсто очень странной статьѣ М. А. Максимовича, который съ перваго слова объявилъ, что будто бы я »умаляю достоинства повѣстей Гоголя изъ желанія возвысить этимъ значеніе *Черной Рады*« въ глазахъ читающаго общества (1). По мнѣнію г. Максимовича, личные виды могли заставить покривить искреннимъ судомъ о Гоголѣ даже и того, кто употребилъ столько трудовъ на собираніе матеріаловъ для біографіи Гоголя, кто дважды составилъ опытъ его біографіи, кто, изъ опасенія бросить какую-либо тѣнь на память высоко цѣнимаго имъ поэта, пересвѣтлилъ мѣстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порицанію со стороны другихъ біографовъ, кто еще недавно издалъ, со всевозможно кропотливой повѣркой по рукописямъ *Сочиненія и Письма* этого поэта, и вмѣняетъ себѣ въ особенную честь такое дѣло, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась къ бумагамъ его земляка, умершаго вдали отъ родины.

Еслибы сказать, что біографъ и издатель Гоголя, въ началѣ своего дѣла, не имѣлъ никакихъ литературныхъ претензій, но что потомъ, написавъ *Чорную Раду*, возгордился мнимыми преимуществами своими въизученіи и пониманіи украинской жизни и исторіи; то это придавало бы еще обвиненію г. Максимовича какую-нибудь послѣдовательность. Но *Чорная Рада* могла быть напечатана уже въ 1846 году, еслибъ это отъ меня зависѣло. Ссылаюсь на людей извѣстныхъ въ литературѣ, Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченка (2), которые уже тогда читали ее

(1) См. *Русск. Бес.* 1858 года.

(2) Писано при жизни Шевченка и читано въ его присутствіи, въ украинскомъ литературномъ кругу.

въ рукописи, на украинскомъ языкѣ. Слѣдовательно, собирая по листочку матеріалы для біографіи Гоголя, заводя объ этомъ переписку съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ самимъ г. Максимовичемъ, разъѣзжая по этому дѣлу въ разныя мѣста и лѣпя въ книгу всякую мелочь, относящуюся къ Гоголю, съ благоговѣніемъ къ его невозвратному существованію,—я былъ тѣмъ же авторомъ *Чорной Рады*, что и нынѣ, и преклонялся предъ его высокимъ талантомъ точно такъ же, какъ и теперь преклоняюсь.

Въ изданныхъ мною *Запискахъ о жизни Гоголя* я не подвергалъ его сочиненій критическому разбору, во исполненіе завѣщанія его, чтобы *не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ его произведеній* (1). Если же, начертывая, въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, историческое развитіе южнорусской словесности, я упомянулъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ украинскихъ повѣстей Гоголя, то это вовсе не значитъ, что я умышленно понижалъ ихъ достоинства. Извѣстно каждому, что полнаго совершенства достигаютъ поэты въ періодъ полной своей зрѣлости. Гоголю было 23 года, когда онъ писалъ *Тараса Бульбу*. Тогда онъ еще не былъ авторомъ произведеній, которыя составляютъ его истинную славу, и не напрасно сохранилось преданіе, что Пушкинъ, заинтересованный въ началѣ чтеніемъ *Тараса Бульбы*, сталъ потомъ обнаруживать неудовольствіе и наконецъ началъ говорить автору-чтецу: »Дурно! дурно! никуда не годится!« Само собою разумѣется, что негодившееся никуда для такого великаго поэта и строгаго судьи искусства, какъ Пушкинъ, безразлично восхитительно для такого критика, какъ г. Максимовичъ. Онъ называетъ *Тараса Бульбу* »дивнымъ созданіемъ«, не видя въ немъ вовсе недостатковъ, которые, по преданію, очень ясно видѣлъ Пушкинъ. Мало ли кто чему удивляется! но не мѣрою нашего удивленія опредѣляется достоинство поэтическихъ созданій. Иной дивится всему въ великомъ писателѣ, потому только, что это великій писатель; а другой гораздо болѣе дивится, что есть на свѣтѣ грамотные люди, которые нападаютъ на критика за то, что онъ обратилъ вниманіе цѣнителей искусства на погрѣшности писателя, къ которому уваженіе засвидѣтельствовалъ цѣлыми годами спеціальнаго труда своего.

Очень понятно для меня, что замѣтки, подобныя моимъ указаніямъ на недостатки Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, могли бы болѣе или менѣе вредить литературной репутаціи какого-нибудь ав-

(1) *Соч. и П. Гоголя*, т. III, стр. 333.

тора средней руки. Но вѣдь Гоголь богачъ, для котораго ничего не значитъ—заплатить дань критикѣ. Лучшія изъ его украинскихъ повѣстей, какъ бы мы ни понизили ихъ уровень, всѣ таки могутъ быть понижены только въ отношеніи къ послѣдовавшимъ за ними его произведеніямъ; въ сравненіи же со всякими другими повѣстями, онѣ до сихъ поръ остаются, въ своемъ родѣ, единственными.

Если бы я, внявъ замѣчаніямъ г. Максимовича, отказался отъ своего взгляда на украинскія произведенія Гоголя и призналъ ихъ, какъ онъ, просто *дивными*, тогда бы я долженъ былъ признать, что великому писателю совершенство дается сразу. Напротивъ, въ жизни такого таланта, какъ Гоголь, каждые пять лѣтъ — а пожалуй и менѣе — составляютъ новый періодъ развитія. Только люди съ посредственными способностями, поднявшись до извѣстной высоты умственнаго развитія въ эпоху своей зрѣлости, не идутъ далѣе, а подъ старость, пожалуй, тупѣютъ и становятся ниже самихъ себя. Ничего нѣтъ мудренаго, что кто-нибудь, четверть столѣтія назадъ, чувствовалъ живѣе и смекалъ кое-что лучше, нежели въ 1858 году; но было бы очень странно, еслибы Гоголь былъ столь же дивенъ въ *Тарасѣ Бульбѣ*, въ какъ и въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Я полагаю, что г. Максимовичъ написалъ свою критику противъ меня не по какимъ-нибудь побужденіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя предполагаетъ онъ во мнѣ. Я долженъ думать, что онъ писалъ ее искренно и прямодушно. Поэтому я прочелъ ее очень внимательно и, не смотря на то, что ея ревностный къ истинѣ авторъ присвоилъ себѣ право хозяйничать даже въ моей душѣ, вижу изъ нея, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишкомъ поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждаетъ вопросы, не давая на нихъ отвѣтовъ, и что, какъ ни ясна она для автора, имѣющаго спеціальныя свѣдѣнія о предметѣ, — въ глазахъ читателей она, можетъ быть, не болѣе, какъ собраніе афоризмовъ. Эти мысли приводятъ меня къ заключенію, что не слѣдуетъ мнѣ останавливаться на томъ, что высказано мною въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, а слѣдуетъ взяться за критическую работу вновь и внести въ нее возможную полноту изложенія, которая бы сама собой разрѣшала недоумѣнья, могущія опять возникнуть въ умѣ читателей.

Прежде всего, я нахожу нужнымъ выписать изъ моего эпилога къ *Чорной Радѣ*, всю характеристику Гоголя. Прошу читателей, при чтеніи моей критики, постоянно имѣть въ виду высказанный въ этой характеристикѣ мой взглядъ на нашего великаго поэта.

»..... Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ на украинскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію украинской жизни въ повѣстяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многіе изъ Украинцевъ сожалѣютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть украинскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творчествѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Каковъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество — никакого. Но, заговоривъ объ Украинѣ на языкѣ, общедоступномъ для обоихъ народовъ, онъ, съ одной стороны, показалъ своимъ землякамъ, что у нихъ есть и было прекраснаго, а съ другой — открылъ для Великороссіянъ своехарактерный и поэтическій народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по каррикатурамъ. Судя строго, украинскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины, но въ нихъ чувствуется общій поэтическій тонъ Украины. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти пѣсни. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать до конца родной народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за исторію Украины, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это *Тарасомъ Бульбою*, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ »пророчества въ прошедшемъ«. Перечитывая теперь *Тараса Бульбу*, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись или преданіе брасаютъ ему искру свѣта, — съ необыкновенной зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобъ распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ *Тарасъ Бульба* только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многіе изъ Украинцевъ сожалѣютъ, что Гоголь не продолжалъ изучать Украины и не посвятилъ себя худо-

жественному воспроизведенію ея прошедшаго и настоящаго; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливѣйшій инстинктъ генія. Въ его время не было возможности знать Украину больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ *мы*, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдался бы въ разработку украинскихъ архивовъ и лѣтописей, въ собираніе пѣсень и преданій, въ разъѣзды по Украинѣ, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, — наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Украины; то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обратясь къ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Всё таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ *Мертвыхъ Душахъ*, этой великой попыткѣ произвесть нѣчно колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ *Мертвыя Души?* Сами Москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь Украинецъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (1). Но созданіе *Мертвыхъ Душъ*, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ *Авторскоіѣ Исповѣди* и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи Украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія *бардъ* козацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это — самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо, оправдает-

(1) См. *Нѣсколько словъ о Поэмѣ Гоголя: Мертвыя Души*, К. Аксакова. Москва. 1842, стр. 17—18.

ся зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра (1). Со временъ Гоголя, взглядъ Великоруссовъ на натуру Украинца перемѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, Украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ такъ же почувствовать. Назначеніе Гоголя было — внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки.«

Вотъ онѣ, несчастныя страницы моего эпилога къ *Черной Радѣ*, которыя неумышленно огорчили г. Максимовича и подали ему поводъ къ психологическимъ догадкамъ на счетъ сокровенныхъ моихъ побужденій! Развернемъ теперь первый томъ *Сочиненій и Писемъ Гоголя*.

Съ самого появленія въ свѣтъ *Вечеровъ на Хуторѣ*, а потомъ и *Миргорода*, много было въ журналахъ толковъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя. Нѣкоторые изъ критическихъ разборовъ написаны были людьми, весьма опытными въ законахъ искусства, и утвердили въ русской эстетикѣ, по этому поводу, нѣсколько новыхъ понятій о художественности изображенія людей и природы. Но, какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографическому разбору украинскихъ повѣстей его, а пожалуй — не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественнаго произведенія требуется безусловная вѣрность относительно нравовъ и обычаевъ изображаемаго народа. Напримѣръ, въ первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, всѣ у-

---

(1) См. *Авторскую Исповѣдь* въ *Соч. и П. Гоголя*, т. III, стр. 500.

влеклись блестящимъ началомъ и не обратили вниманія на механизмъ повѣсти, противорѣчащій глубоко, до религіозности вкорененному у украинскихъ поселянъ обычаю выхода въ замужество....

Гоголь начинаетъ свою повѣсть *Сорочинская Ярмарка*, словами: »Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!« и т. д.

Все это правда, если смотрѣть на украинскую природу сквозь природу отсутствующаго изъ родины двадцати-лѣтняго поэта, который не навыкъ еще строго взвѣшивать значеніе и силу каждой фразы, а между тѣмъ у него въ тѣлѣ —

Младая кровь играетъ

и грезятся ему во-снѣ и на-яву, какъ изображенному имъ въ послѣдствіи козаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опоэтизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу »умалить« цѣну молодому творчеству автора *Вечеровъ на Хуторѣ*. Я хочу только показать степень его физической температуры, которая должна была болѣе, чѣмъ въ послѣдствіи, имѣть вліяніе на неокрѣпшую еще силу его творчества. Кому угодно посмотрѣть съ этой стороны на *Сорочинскую Ярмарку*, тотъ увидитъ ясно, отчего она такъ жарко и въ такомъ преувеличенномъ блескѣ начата Гоголемъ; тотъ безъ улыбки прочтетъ, на первыхъ ея страницахъ и про »влюбленную землю« и про »золото«, которое »прыщетъ« при сильномъ вѣтрѣ на живописныхъ массахъ листьевъ, и про »изумруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ«, и про »сладострастіе и нѣгу« украинскаго лѣта; тотъ почувствуетъ душою, что первыя страницы первой повѣсти поэтическихъ *Вечеровъ на Хуторѣ* суть не что́ иное, какъ радужное облако юныхъ грёзъ, окружавшее голову поэта при началѣ его литературной дѣятельности и препятствовавшее ему видѣть природу тѣмъ »прозрѣвшимъ сквозь всякій туманъ« взглядомъ *великаго* писателя, какимъ онъ впослѣдствіи видѣлъ ее при созданіи *Мертвыхъ Душъ*.

Развернувъ первый томъ сочиненій Гоголя на началѣ *Сорочинской Ярмарки*, мы коснулись только самой манеры Гоголя изображать украинскую природу и показали фантасмагорическое преувеличеніе этой манеры. Это, однакожъ, вовсе не значитъ, что мы низводимъ Гоголя, даже

и въ самыхъ первыхъ его повѣстяхъ, до уровня посредственности. Въ непомѣрной яркости красокъ, въ эскизности контуровъ, въ недоконченности исполненія пейзажа видна уже и тамъ болѣе или менѣе самостоятельная манера писать съ натуры. Перечитывая *Вечера на Хуторѣ*, мы имѣемъ право повторять отзывъ о нихъ самого Гоголя, въ предисловіи къ изданію 1842 года: »Много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!« но при этомъ никогда не должны терять изъ виду его же постепенной »зрѣлости« въ послѣдовавшихъ сочиненіяхъ, его многосторонней »обдуманности«, его достойнаго мужескихъ лѣтъ »совершенства.« Только тогда чтеніе его сочиненій, въ хронологическомъ порядкѣ, будетъ для насъ художественнымъ курсомъ критики; безразличнымъ же восхищеніемъ ничего не выиграемъ, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже съ Гоголемъ: »Это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя« (1). Но такой строгости, съ какою великій и »взыскательный художникъ« оцѣниваетъ свои произведенія, мы, въ качествѣ судей между нимъ и обществомъ, не должны позволять себѣ; и если авторъ *Мертвыхъ Душъ* включилъ *Сорочинскую Ярмарку* и другія подобныя ей повѣсти въ собраніе своихъ сочиненій, изданное имъ 1842 года, то какое право имѣетъ критика исключать ихъ изъ предметовъ своего *строгаго* вниманія?

Сдѣлаю кстати замѣчаніе о живописи и скульптурѣ, имѣющее свою параллель и въ поэзіи. Когда пишется молодымъ художникомъ картина, или когда молодой скульпторъ изсѣкаетъ изъ мрамора статую, — какъ бы ни былъ великъ природный его геній, онъ долженъ имѣть много технической опытности, чтобы, какъ выражаются художники, *докончить* изящное произведеніе. Смѣлость сочиненія, гармонія всѣхъ частей, красота въ почувствованіи художественной идеи, облеченной въ цвѣта или въ мраморъ, — все это дается всякому таланту въ пластическихъ искусствахъ гораздо ранѣе, нежели то, что̀ на языкѣ художниковъ выражается словомъ *доконченность*. Написать бойкую вещь могутъ многіе; докончить свою картину или статую могутъ только художники вполнѣ образовавшіеся. Поэтому-то, когда подходитъ къ картинѣ профанъ и предается очень понятному удивленію, его озадачиваетъ иногда отзывъ знатока: »Жаль, что не докончилъ!« и онъ, забравъ кой-какія справки о судьѣ, готовъ обвинить его очень неблаговидно въ »умаленіи« цѣны изящному произведенію. Эта же самая доконченность даетъ относительную

(1) Въ томъ же предисловіи.

цѣнность и художественнымъ произведеніямъ въ литературѣ. Въ глазахъ знатока важно не одно то, что поэтъ задумалъ свое созданіе смѣло; для знатока мало и гармоніи въ частяхъ; не удовлетворяетъ его вполнѣ и красота въ почувствованіи всей идеи созданія. Все это необходимыя условія изящнаго произведенія; но надобно, чтобы это произведеніе въ каждой мелкой своей чертѣ носило печать той же творческой силы, что и въ самыхъ крупныхъ своихъ массахъ, другими словами — чтобы оно было *докончено*. Въ глазахъ знатока, поэтому, небольшая картинка, исполненная con amore великимъ мастеромъ, стоитъ выше большой картины самаго геніальнаго, но еще не созрѣвшаго ученика. Какъ ни широка рама *Тараса Бульбы*, какъ ни живы въ ней мѣстами краски, какъ ни могущественна кисть живописца, создававшаго натуру даже и тамъ, гдѣ она существовать не могла въ такомъ видѣ; но его скромная повѣсть *Шинель*, написанная въ сѣромъ тонѣ, далеко превосходитъ эту повѣсть-поэму и поэму-повѣсть, а въ сущности ни то, ни другое.

Что я говорю здѣсь о доконченности вообще, то еще сильнѣе чувствуется, при чтеніи Гоголя, относительно стороны мѣстной и этнографической въ особенности. Акакія Акакіевича со всею его обстановкою Гоголь видѣлъ, поэтическимъ своимъ зрѣніемъ, среди бѣла дня; Тараса Бульбу онъ отыскивалъ—и съ трудомъ отыкалъ—въ историческихъ потемкахъ, и сколько онъ ни озарялъ эти потемки пѣсенными и лѣтописными преданіями старины, всѣ таки многія стороны жизни, вызванной имъ изъ прошедшаго, остались для него и для строгаго критика очень неясны, а иныя совершенно покрыты мракомъ, какъ это мы увидимъ послѣ, когда освѣтимъ *Тараса Бульбу* новыми свѣдѣніями и понятіями историческими. Теперь мы всѣ еще, покамѣсть, имѣемъ передъ собой *Сорочинскую Ярмарку* и заходимъ впередъ единственно по принятому нами правилу — измѣрять достоинство повѣстей Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведеніями. Но, какъ уже мы сблизили между собой двѣ разнородныя повѣсти Гоголя, одну изъ настоящаго, другую изъ прошедшаго времени и высказали мнѣніе о томъ, что помогало ему въ возсозданіи одной сферы и что препятствовало ему въ ясновидѣніи другой; то кстати привести изъ *Авторской Исповѣди* собственное объясненіе автора, согласное съ нашимъ взглядомъ. »У меня не было влеченья къ прошедшему«, говоритъ онъ. »Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, — можетъ быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ же-

ланіе быть писателемъ современнымъ« (1). Далѣе: »Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самого тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ-бы его собственное тѣло.... Это полное воплощенье въ плоть, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, содержа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ него все тряпье, до малѣшей бумажки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ—когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то есть способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и тороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно« (2).

Эти послѣднія слова какъ нельзя больше идутъ въ характеристику *Тараса Бульбы*. Гоголь далеко не всѣхъ выслушалъ, кого надобно было выслушать ему (т. е. изучить) для того, чтобы козакъ временъ Остряницы вполнѣ воплотился у него въ плоть, чтобы духъ того вѣка, нравы и обычаи того времени олицетворились въ такой безукоризненности, какъ чиновники и вся ихъ прозаическая обстановка въ повѣсти о шинели. Но возвратимся къ *Сорочинской Ярмаркѣ* и бросимъ этнографо-критическій взглядъ на завязку и развязку этой повѣсти. Тутъ мы укажемъ на слишкомъ крупный недостатокъ относительно знанія простонародной Украины, изображенной Гоголемъ въ этой, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ повѣстяхъ. Мелкихъ же промаховъ или невѣрностей мы исчислять не намѣрены, ибо повѣсть — не статистика, и учесть всего, что̀ въ ней есть и чего нѣтъ, невозможно; а если бы и было возможно, то ни къ чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встрѣчею на мосту удалого па́рубка съ сельской красавицей, которая ѣхала на ярмарку, вмѣстѣ съ своей мачихой, на возу, наваленномъ мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею. Возъ былъ запряженъ парой воловъ. За возомъ шелъ самъ хозяинъ, а рядомъ съ нимъ — назначенная въ про-

(1) Т. III, стр. 511.
(2) Тамъ же, стр. 515.

дажу и привязанная къ возу старая кобыла. Изъ описанія воза и наряда путешественницъ можно видѣть, что на ярмарку выѣхало семейство богатое. Все это намъ нужно взять во вниманіе для того, чтобы потомъ представить дѣло во всей ясности. Дѣвушка, ѣхавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя — и подъ перомъ автора, и въ устахъ познакомившагося потомъ съ нимъ отца красавицы — Голопу́пенковъ сынъ или Голопу́пенко. Авторъ могъ давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ, въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой, соблюдаетъ, на свой ладъ, ту же учтивость, что́ и мы, грѣшные, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни. Неугодно ли заглянуть въ повѣсти Квитки (Основьяненка). Тамъ вы увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо вѣдома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински въ украинскихъ повѣстяхъ его. Но мы увлеклись мелочью. Послѣдуемъ за новыми знакомыми и рѣшимъ, Украинцы ли это, по ихъ разговорамъ и обычаямъ?

»Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ.«

Это влюбленный молодой человѣкъ относится къ отцу своей возлюбленной. Сколько *мы* знаемъ *нашъ* народъ, такимъ тономъ могъ бы обратиться къ Солопію только близкій къ нему сверстникъ, присватываясь за своего сына, да и тотъ выбралъ бы для этого иное время и иное мѣсто, а не площадь, на которой происходитъ ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тотъ назвалъ бы его не Солопіемъ, а по имени и пожалуй — еще и по отчеству. Если бы и къ самому послѣднему изъ простолюдиновъ обратился парубокъ такимъ образомъ съ сватовствомъ, то и тотъ обидѣлся бы неучтивостью, понятною для мужика, такъ же какъ и для каждаго изъ насъ. Но Солопій, при всей каррикатурности даннаго ему имени, былъ не послѣдній изъ своей братіи, какъ это видно уже по одному тому, что онъ одной пшеницы вывезъ на ярмарку десять мѣшковъ (1). Въ Украинѣ замо́жность (зажиточность) хозяина соотвѣтствуетъ понятію о его трезвости, трудолюбіи и вообще, что́ называется, порядочности: украинскій пахарь не имѣетъ никакихъ *безгрѣшныхъ* доходовъ, подобно инымъ сословіямъ, и если что́ пріобрѣтаетъ, то не иначе, какъ трудомъ и хозяйственностію. Отъ этого и происходитъ у него извѣстная степень гордости своимъ достаткомъ, такъ какъ достатокъ есть его документъ на званіе достойнаго человѣка. Отъ этого же онъ держитъ

(1) См. разговоръ о пшеницѣ на стр. 17 *Сорочинской Ярмарки.*

себя въ какомъ-то неприкосновенномъ величіи относительно и къ равнымъ, а не только къ младшимъ. Но Гоголь, при сочиненіи первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, не зналъ поселянина близко. Онъ видѣлъ его только съ помѣщичьяго крыльца, или изъ коляски. Онъ не сиживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обычнымъ гостемъ; онъ не носилъ на его свадьбахъ какого-нибудь почетнаго званія, онъ даже не умѣлъ отличить свадебнаго термина *дружко́* отъ слова *дру́жка*, что́ читатель и увидитъ изъ примѣчанія, сдѣланнаго мною, какъ издателемъ его сочиненій (1). Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украины и изображалъ ее, какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное (2). Но обратимся къ новымъ знакомымъ на ярмаркѣ, знавшимъ дотолѣ другъ друга только по слуху.

Когда парубокъ зарекомендовалъ себя столь пріятно для будущаго тестя — предложеніемъ себя въ зятевья, Солопій ни мало не обидѣлся, нужды нѣтъ, что былъ въ трезвомъ видѣ, что былъ занятъ дѣломъ и что была тогда самая рабочая пора, въ которую у пахарей нѣтъ и помину о сватовствѣ, а пожалуй еще и *Спа́сівка* (Спасовъ постъ), ибо на страницѣ 12 сказано: »Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа.« (А первая половина августа жарче второй.) Если бы парубокъ-хлѣборобъ и вздумалъ приволокнуться въ это время за сельской красавицей, то всё таки не тѣмъ способомъ, какой представленъ у Гоголя. *Заня́ть* публично дѣвушку изъ чужого села по-Гоголевски ни одинъ, что-называется, *хазя́йський синъ* не осмѣлится и не захочетъ. *Не осмѣлится* потому, »что стыдно людей« и страшно порубковъ одного съ нею села, которые очень ревнивы къ неприкосновенности своихъ дівча́тъ вообще, а не то, что только невѣстъ или возлюбленныхъ, и, какъ извѣстно, приколачиваютъ до смерти на вечерницахъ непрошеныхъ гостей изъ другого села. *Не захочетъ* потому, что па́рубокъ *че́сного и хоро́шого ро́ду*, какимъ по всему надобно предположить Гоголева парубка, очень остороженъ и разборчивъ въ выборѣ себѣ подруги. Надобно, чтобъ было такъ, какъ, говоритъ въ пѣснѣ козакъ, котораго дівчи́на, лаская, назвала *сте́лющимся зеленёнькимъ барві́ночкомъ*:

Ой сла́вся я, дівчи́нонько, по твоймý горбу, —
Не тобі́ лишъ сподоба́вся, *всёму твоймý ро́ду.*

---

(1) Тамъ же, стр. 18.

(2) Я покажу, въ своемъ мѣстѣ, что́ и какъ ему казалось не-смѣшнымъ, и въ какомъ отношеніи это не-смѣшное находится къ смѣшному.

Точно то же надобно разумѣть и относительно къ дѣвушкѣ. Есть пѣсня:

Пійшóвъ би я нъ ýлоньку, — голóвка болúть:
Свáтавъ би я дівчúноньку, — такъ рідъ не велúть.

Видите, какъ народъ крѣпко держится своихъ обычаевъ! Это святыня, охраняющая его отъ нравственной порчи. Но Гоголь народныхъ обычаевъ не зналъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется современною критикою отъ автора украинскихъ повѣстей изъ народной жизни. Поэтому онъ и не могъ оскорбиться въ душѣ за представленнаго имъ Украинца *Солопія*, а, напротивъ, заставилъ его отвѣчать на предложеніе *Голопýпенкова сына*, обращаясь со смѣхомъ къ дочери, вотъ что́: »Что́ жъ, Параска? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того.... чтобъ и паслись на одной травѣ? Что́, по рукамъ? А ну ка, новобраный зять, давай могарычу!«

»И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной ресторацiи — подъ яткою у Жидовки«, и проч.

Оно, можетъ быть, и смѣшно, только не для тѣхъ, кто знаетъ простонародную Украину и не видитъ въ мужикѣ столько смѣшного, сколько видѣлъ Гоголь. Да и каждый, кому угодно сойти ниже крыльца помѣщичьяго дома, или, очутясь среди народа, выдти изъ коляски и поселить въ немъ къ себѣ дружелюбiе, увидитъ, что приволакиваются къ дівчáтамъ, по указанному Гоголемъ способу, на ярмаркахъ солдаты, судовые паничи, а пожалуй и заѣзжiе изъ столицъ Хлестаковы. Зато жъ о нихъ и не думаютъ такъ, какъ подумала Параска среди ярмарки: »Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого«, а просто кричатъ: »Геть къ нечúстому!« или: »Тю, навiжéний (¹)! чи е въ тéбе сóромъ мирський« (²)? И если у оскорбленной дѣвушки есть отецъ или братъ, то онъ не будетъ говорить такъ, какъ Гоголевъ Солопій: »Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дрýжкою (т. е. дружкóмъ: дрýжка у насъ — дѣвушка), уже надоумилъ«.

Кто въ этихъ непристойныхъ словахъ узнáетъ Украинца-отца, котораго совершеннѣйшiй типъ представилъ Квитка въ отцѣ непорочной Маруси, а Шевченко въ отцѣ падшей Катерины? Вспомни каждый, кто

(¹) Сумашедшiй.
(²) Не стыдно ли тебѣ предъ обществомъ?

пролилъ слезу изъ сочувствія къ высокимъ душевнымъ движеніямъ Квиткина пахаря, отеческія рѣчи Наума Дрота (¹). Вспомни каждый, кто знаетъ цѣну таланту Шевченка, его мрачно-торжественные стихи:

Сидѝть ба́тько кінéць сто́ла,
На ру́ки схили́вся,
Не ди́вится на свѣтъ Бо́жий,
Тя́жко зажури́вся!

И потомъ этотъ приговоръ отца опозорившей его дочери, послѣдній приговоръ, въ которомъ слышится вся глубина отеческой любви и вмѣстѣ вся убивающая, клонящая къ землѣ тяжесть позора:

Нехáй тебé Богъ прощáе
Та дóбриі лю́де!
Моли́сь Бо́гу та йди собі —
Мині лéгше бу́де.

Вѣдь обѣ эти личности въ сочиненіяхъ нашихъ народныхъ писателей принадлежатъ къ тому же классу, обѣ эти личности того же воспитанія, того же образа жизни, что и Солопій Гоголя, а, между тѣмъ, какая разница въ воззрѣніи на предметъ! Гоголь былъ такой же, какъ и они, талантъ, но онъ воспитался въ иной средѣ, жилъ въ иномъ кругу, былъ повѣствователь иной эпохи — и заплатилъ дань своему сословію, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но гдѣ же нашъ Украинецъ, изуродованный Гоголемъ такъ простодушно, такъ беззаботно, такъ *залюбки*, какъ часто случалось дѣлать и другимъ господамъ съ подвластными имъ Украинцами? Мы находимъ его съ будущимъ зятемъ и дочкою въ подвижномъ кабакѣ у Жидовки. За горожанку-прачку намъ бы не было стыдно; но за сельскую непорочную красавицу, въ свѣжихъ, какъ сама она, цвѣтахъ, намъ стыдно и даже больно! А Гоголю и нужды было мало. Насмотрѣвшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь, онъ спокойно заставилъ свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потомъ затащилъ ее, какъ непотребныхъ людей, въ кабакъ. Но пускай онъ отвѣчаетъ за себя собственноручными показаніями:

(¹) Главное дѣйствующее лицо въ повѣсти Квитки: *Маруся*. Никогда я не забуду, какъ оцѣнила Наума Дрота одна очень развитая въ области вкуса дама. »Это такой мужикъ, у котораго можно съ почтеніемъ поцѣловать руку«, сказала она.

—»Что́ жъ это за *красная свитка?*«

»Тутъ у нашего внимательнаго слушателя (Солопія) волосы поднялись дыбомъ.« (Такъ-то легко и испугать, среди бѣла дня и въ толпѣ народа, разсказомъ о чортѣ и его красной свиткѣ, человѣка, у котораго въ памяти есть пословица: *Не такій чортъ страшній, якъ єго́ малю́ють.*) »Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и па́рубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки.«

Тутъ-то онъ отъ ужаса перешелъ къ такъ называемому *малороссійскому юмору* и, что называется, *ля́пнувъ* такія слова о себѣ и о своей женѣ, какихъ ни у кого не поворотится языкъ сказать при дочери. Мужикъ нашъ сказалъ бы на это: »Можетъ, у пановъ такъ и водится, но у насъ—крий Боже!« Подобныя вещи можно слышать только отъ пьяницъ въ кабакахъ, куда всё-таки и пьяницы не ходятъ съ дочерьми, а развѣ съ жінкою, да и то въ такомъ горькомъ случаѣ, какой представленъ въ одномъ изъ лучшихъ печатныхъ произведеній Шевченка, которое оканчивается такъ:

Умо́вкъ кобза́рь, суму́ючи:
Щось ру́ки не гра́ють....
Круго́мъ хло́пці та дівча́та
Слізонько́й втира́ють.
Пійшо́въ кобза́рь по у́лиці,
Зъ журбо́й якъ загра́е!
Круго́мъ хло́пці навприса́дки,
А вінъ примовля́е:
»Неха́й бу́де отта́кечки:
»Сидіть, діти, у за́пічку,
»*А я зъ журбо́й та до ша́йку*,
»А тамъ найду́ мою́ жінку,
»Найду́ жінку, почасту́ю,
»Зъ воро́женькі́въ покепку́ю!«

Низведя величаваго и поэтическаго своего земляка до уровня съ петербургскими фризовыми шинелями, Гоголь рисуетъ въ прежнемъ тонѣ и сцену въ кабакѣ, да еще у Жидовки. Чувства украинскихъ поселянъ къ Евреямъ извѣстны. Оправдывать ихъ, или опровергать здѣсь не мѣсто; но объявляю не обинуясь, что поселянинъ сорочинскихъ окрестностей сказалъ бы: »Се все одно́, що запива́ти сва́тання у чо́рта въ пе́клі!«

Вотъ, вамъ еще разъ—уровень защищаемаго г. Максимовичемъ Го-

голева знанія простонародной Украины во время сочиненія украинскихъ повѣстей. Онъ конечно болѣе или менѣе зналъ ее, сколько могъ знать въ то время *паничъ*, несходившій ниже помѣщичьяго крыльца, сколько могъ знать пансіонеръ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, сколько могъ знать столичный чиновникъ и институтскій преподаватель исторіи географіи,— не болѣе.

Сцена въ кабакѣ у Жидовки написана *дивно*, какъ сказалъ бы иной критикъ.

»Эхъ, хватъ! за это люблю!« говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ её въ дребезги. »Что́ скажешь, Параска? Какого жениха я тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!«

Для наблюдающихъ простонародную жизнь съ помѣщичьяго крыльца я долженъ здѣсь замѣтить, что зажиточный поселянинъ, мозольнымъ трудомъ содержащій свое семейство, ни коимъ образомъ не можетъ восхищаться пьянымъ, рекрутскимъ молодечествомъ будущаго своего зятя. Народныя пѣсни, тысячами доходящихъ до сердца голосовъ, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства (1). Народныя пословицы опредѣляютъ слишкомъ выразительно, какъ смотрятъ родители на участь своихъ дочерей, которыхъ мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толкъ можетъ удостовѣрить каждаго, что въ ужасъ пришелъ бы отецъ, сдѣлавъ открытіе, что будущій зять его — опытный пьяница, и ему представилась бы та самая перспектива, какую увидѣла предъ собой, въ народной пѣснѣ, безпомощная вдова, которой кабачный повѣса (*нетяга*, неработящій и неимущій) сдѣлалъ предложеніе съ ироническою откровенностію пьянаго человѣка:

Ой зажури́лась бідная вдова́:
»Якъ мині жи́ти, якъ горюва́ти!
»Якъ своіхъ ді́точокъ прогодува́ти!«
Ой обізве́тця коза́къ-нетя́га:
»Ой не журі́ся, бідная вдо́во!
»Я жъ тебе́ люблю́, за се́бе візьму́:

(1) Напримѣръ:

Ой не спиня́йте у ставу́ води́, неха́й вода́ ри́не:
Не да́йте мене́ за пъяни́чку, неха́й вінъ изги́не!
Я съ пъяни́цею жи́ти не бу́ду, тільки роско́ші забу́ду;
Я съ пъяни́цею жи́ть не піймо́ся, хиба́ піду́ утоплю́ся.

»Я твою́ худібоньку попропива́ю,
»Я твоіхъ ді́точокъ порозгана́ю,
»Я твої ка́рі о́чи попідбива́ю!«

Гоголь слишкомъ мало имѣлъ и могъ имѣть подъ рукой источниковъ, изъ которыхъ могъ бы почерпнуть живыя понятія объ Украинѣ. Каждому, надѣюсь, ясно, какъ онъ удаленъ былъ отъ непосредственнаго изученія народа, и »по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и по вліянію окружающихъ его личностей, и по своему воспитанію, и по самому времени, съ которымъ совпало его дѣтство« (слова моего эпилога). Оставались ему однѣ книги и рукописи; и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ столько, сколько возможно было сдѣлать, при его талантѣ. Но много ли въ то время было дѣльныхъ книгъ объ Украинѣ? Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что́ же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что́ могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но неузнавшему ея въ такой степени, чтобы своими повѣстями не профанировать своего народа и собственнаго великаго таланта? Онъ исчерпалъ все, и изъ всего читаннаго и слышаннаго создалъ какой-то необыкновенный, причудливый міръ, который критика въ правѣ поставить очень, очень нижо, въ сравненіи съ его петербургскими повѣстями и другими позднѣйшими его произведеніями. Напримѣръ, сцена въ кабакѣ на ярмаркѣ. Вѣдь это перифразированная рѣчь каррикату́рнаго Зевеса, Котляревскаго, объ Енеѣ:

Чи бачишъ, вінъ яки́й парни́ще?
На сві́ті тро́хи е таки́хъ:
Сиву́ху, такъ якъ бра́гу, хли́ще!
Я въ парубка́хъ коха́юсь сихъ!

Что́ было хорошо въ устахъ *лига́вшого съ постаця́* Юпитера, относительно *завзя́тійшого изъ всіхъ бурла́къ* Троянца, то вышло дико и оскорбительно для человѣческаго чувства въ устахъ отца, честнаго, работящаго пахаря, ввѣряющаго свою дочь - красавицу *хвату* въ попойкѣ! Но Гоголь не виноватъ, что въ его время никто не смотрѣлъ на мужика такъ, какъ онъ самъ на себя смотритъ, если и наше время московскій журналъ возстаетъ противъ новаго воззрѣнія на ***Вечера*** и ***Миргородъ***.

Послѣдуемъ далѣе за повѣстью, въ качествѣ этнографа, желающаго видѣть въ произведеніи словесности вѣрный образъ своего народа.

Натянувшись порядочно сивухи вмѣстѣ съ будущимъ зятемъ, въ при-

сутствіи дочери, — Солопій отправился къ женѣ, »посмѣиваясь и пока чиваясь.«

»Ну, жинка, а я нашелъ жениха дочкѣ«, сказалъ онъ.

Еслибъ Гоголь *зналъ* простонародную Украину, то онъ въ язвительную рѣчь Хиври вложилъ бы факты, выражающіе бытъ народный. Она бы отвѣчала мужу, что добрыхъ людей женихи сами ищутъ, а только такой безпутный человѣкъ, какъ онъ, Солопій, не знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя отцу. Но Хивря смотрѣла на дѣло по-гоголевски, точно какъ будто и въ украинскомъ простонародьи существуетъ унизительная для достойныхъ родителей ловля жениховъ. Хивря отвѣчаетъ своему Солопію языкомъ московской купчихи: »Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы женіховъ отыскивать!... Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть«, и проч.

Если бы Солопій выразился у Гоголя предъ женой въ духѣ народнаго быта, то есть: »Ну, жінко, находится женихъ нашей дочери!« то и тогда язвительный языкъ супруги-Украинки залепеталъ бы иныя рѣчи. Она сказала бы: »*Хорошъ долженъ быть женихъ*» (1), который не чрезъ старостовъ, а самъ лѣзетъ въ глаза, да еще среди ярмарки! *Думаю, оборванньйщій изъ всьхъ голодрапцевъ*: отцовскіе сыновья (2) думаютъ теперь объ уборкѣ хлѣба! отцовскіе дѣти теперь чумакуютъ! добрые люди ожидаютъ Святой Покро́вы (3) для сватовства! А это видно какой-нибудь *пьяница* и *бродяга*, который, по твоей милости, срамитъ насъ ярмарочнымъ сватовствомъ своимъ!«

Вотъ мотивы, которые долженъ былъ имѣть въ виду Гоголь, изображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляетъ украинскихъ побранокъ, въ-перемежку съ такими анти-украинскими бранными терминами, какъ *сорванецъ*, но никакъ не можетъ выбиться изъ типа театральной великорусской мѣщанки. Скажу болѣе: она даже и въ ролѣ съ поповичемъ вовсе не украинская поселянка. Послушайте, что́ пишетъ новѣйшій наблюдатель украинскихъ нравовъ, объѣздившій всѣ наши ярмарки, И. С. Аксаковъ (4), говоря о козакахъ,

---

(1) Въ этомъ мѣстѣ слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ Гоголю.

(2) *Отѣцька дитина, отѣцький синъ* значитъ у Украинцевъ — парубокъ изъ порядочнаго семейства, а не бездомный бурлакъ.

(3) То, что́ по велико-русски *Покравá*.

(4) Въ *Русской Бесѣдѣ*, 1858, въ статьѣ: *Украинскія Ярмарки*, стр. 98—99. Когда была писана эта статья, интересная книга г. Аксакова *О торговлѣ на Украинскихъ Ярмаркахъ* еще не появилась отдѣльно.

хуторянахъ и мѣщанахъ: »Женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія. Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нельзя доведенная утонченность въ области чувства — равно присущи всѣмъ Малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія.«

Это говоритъ Москвичъ, это говоритъ сѣверно-русскій баринъ, сошедшій, по духу вѣка, ниже помѣщичьяго крыльца, вышедшій изъ коляски для того, чтобы вмѣшаться въ иноообычный и инноязычный ему народъ и внушить этому народу дружелюбіе къ себѣ. Въ немногихъ словахъ его слышится уже *непосредственное* изученіе простонародной Украины. У Гоголя, въ его сценѣ между Хиврею и поповичемъ, этого изученія не слышится, потому что еще не наступило въ немъ требованіе со стороны общества, мало развитаго въ области этнографическихъ свѣдѣній. Разверните *Сорочинскую Ярмарку* на 23-й страницѣ и читайте влюбленныя рѣчи Украинки *съ природною граціею, со вкусомъ къ изящному, съ художественнымъ складомъ мыслей и съ доведенною до нельзя утонченностью въ области чувства, заслоняющими недостатокъ образованія*:

»Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже борони, шеи?« говорила Хивря.«

Сломить шею, говорится по-великорусски въ смыслѣ грубомъ, или въ томъ, который выражается польскимъ словомъ rubaszne. Скажетъ ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: »Не сломили ли вы шеи?« На украинскомъ народномъ языкѣ *сломить шею* выражается еще рѣжче, грубѣе или *рубашнье;* именно: *скрутйть вя́зи*, или *звернýть вя́зи*. Въ устахъ любящей женщины эти слова звучатъ дико, кто бы она ни была, хотя бы послѣдняя изъ послѣднихъ. Можетъ быть, то и вѣрно, что́ написалъ г. Гончаровъ о медвѣжьихъ нѣжностяхъ великорусскихъ дворовыхъ людей въ повѣсти: *Обыкновенная Исторія* (1); но въ нашемъ украинскомъ народѣ, даже и между дворовою, панскою челядью можно услышать еще очень много *человѣческихъ* рѣчей. Любить у насъ до сихъ поръ умѣютъ, и формы выраженій, предназначенныхъ только для *одной* особы, да еще въ ночной тишинѣ, какъ у Гоголя, до сихъ поръ у насъ полны мѣстной поэзіи. Но спрашиваю, что́ за поэзія въ слѣдующихъ словахъ влюбленной Хиври: »Пойдем-

(1) Не имѣя подъ рукой книги, не могу указать страницъ. Но это мѣсто легко припомнятъ всѣ по похваламъ, которыми осыпали его въ великороссійскихъ критическихъ статьяхъ.

те же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка* или *сóняшниця* пристала: нѣтъ да и нѣтъ!«

Какой восхитительный первый мигъ свиданья! Очень понятно, что типографскіе наборщики, какъ это мы знаемъ изъ письма Пушкина къ Гоголю, »пырхали отъ смѣху«, трудясь надъ *Вечерами на Хуторѣ*. Очень понятно и поздравленіе Пушкина съ *первымъ успѣхомъ*, сдѣланное молодому, начинающему автору. Очень понятенъ также и общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, знавшихъ Украину не больше его самого и смотрѣвшихъ на простолюдина съ тѣхъ же помѣщичьихъ и чиновничьихъ подмостокъ, что и самъ авторъ.

Sed alia tempora!

комическое паясничанье теперь уже ничего не значитъ въ литературѣ. Теперь отъ писателя сценъ изъ народнаго быта требуется такой внутренней связи автора съ народомъ, которая на каждомъ шагу видна въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Я думаю, многіе согласятся, что Гоголь смотрѣлъ на простонародную Украину, представленную имъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, не по-украински, то есть, онъ ея незналъ, и что изображалъ онъ своихъ земляковъ по-городски, то есть, онъ между сельскимъ народомъ проживалъ не иначе, какъ въ роли барина. Прошу послѣ этого вспомнить приводимое г. Максимовичемъ, въ упрекъ мнѣ, сужденіе покойнаго Полевого, который, взглянувъ на нравы и обычаи, изображенные Гоголемъ, поглубже своего живого до сихъ поръ хулителя, подумалъ очень основательно, что Гоголь »вовсе не Малороссіянинъ, а Москаль, да еще и горожанинъ«. Если понимать слова Полевого въ буквальномъ смыслѣ, то, разумѣется, Полевой ошибся. Но если подъ именемъ автора-Малороссіянина разумѣть знатока Малороссіи, который не скажетъ ни одного этнографическаго факта въ разладъ съ характеромъ и бытомъ своего народа, то конечно Гоголь, по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, по своему воспитанію, по окружавшимъ его людямъ, между которыхъ поставили его житейскія обстоятельства, по вліянію важныхъ для него авторитетовъ и просто личностей, дѣлающихъ невольное впечатлѣніе, наконецъ по образу жизни въ Украинѣ и въ Петербургѣ, и по удаленію изъ родины въ періодѣ только-что выпущеннаго изъ затвора школьника, — Гоголь, какъ живописецъ быта украинскаго, былъ больше Москаль и горожанинъ, нежели Украинецъ, хорошо знающій жизнь изображаемаго народа.

У насъ въ Украинѣ до сихъ поръ въ ходу по хуторамъ веселые и говорливые вечера, которые желалъ, *искренно* желалъ изобразить Гоголь, да, къ несчастью, краски приготовлены были для него въ книгахъ и въ *его обществѣ* совсѣмъ не мѣстныя; потому онъ и характеризовалъ великорусскою балалайкою украинскія вечорйиці (1), а къ пасічнику Рудому Панькý назвалъ въ гости каррикатуръ. Впрочемъ, можетъ быть, въ тѣ времена гдѣ-нибудь на хуторѣ, близкомъ къ барской кухнѣ, въ самомъ дѣлѣ водились вечерницы съ балалайкою; а къ такому пасичнику, который пишетъ россійскія городскія повѣсти изъ украинской сельской жизни, ѣзжали гости, дававшіе другъ-другу *дулю* (кукишъ). Можетъ быть, геніальная каррикатура Гоголя вовсе и не каррикатура въ какомъ-нибудь уголкѣ, занимаемомъ барскимъ дворомъ съ передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать всѣ тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, еслибы Гоголь проникнулся духомъ своего народа, такъ какъ Шевченко, то, при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его *Вечера на Хуторѣ* были бы столь же неизмѣнно-многоцѣннымъ твореніемъ, какъ многія изъ его послѣдовавшихъ созданій, и Украинецъ какого-нибудь XXI столѣтія, прочитавъ у Гоголя о своихъ прототипахъ XIX вѣка, сказалъ бы: »Да, это мои предки! Хоть они часто подходятъ подъ категорію существъ, которыхъ natura prona atque ventri obedientia finxit, хоть они двигаются точно волы въ ярмѣ, хотя ихъ неразвитая свободною гражданственностію жизнь очень во многомъ расходится съ моею; но тѣмъ не менѣе представленные великимъ поэтомъ ихъ образы драгоцѣнны для меня, какъ фамильные, вѣрные съ подлинниками, портреты варварскаго вѣка«. Подобныя этимъ слова произнесетъ, можетъ быть, отдаленный потомокъ Великороссіянина о *Мертвыхъ Душахъ*, но не могутъ быть они произнесены нашими потомками о простонародныхъ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, — или ужъ пишущій эти строки и все, чѣмъ онъ ихъ оправдываетъ, есть грубая ошибка, и XXI столѣтіе будетъ смотрѣть на вещи тѣми же самыми глазами, какъ и вторая четверть XIX-го, тѣми же самыми глазами, какими мой почтенный критикъ до сихъ поръ смотритъ.

Если искусство состоитъ въ томъ, чтобы замѣтить въ народѣ самое пошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и *выставить* все это *выпукло и ярко на всенародныя очи* (2); то не для

(1) См. предисловіе къ *Вечерамъ на Хуторѣ*.
(2) *Мертвыя Души* въ *Соч. и П.* стр. 135.

того надобно это дѣлать, чтобы необразованность и нравственный упадокъ нашихъ меньшихъ братій сдѣлать смѣшными въ глазахъ тѣхъ людей, которые обязаны, съ высоты своего положенія, протянуть руку помощи къ людямъ пресмыкающимся гдѣ-то глубоко у нихъ подъ ногами. Если высокое искусство не допускаетъ со стороны автора какихъ бы то ни было объяснительныхъ сценъ или лицъ, и предоставляетъ самому читателю, *имущему возрастъ*, уразумѣть весь ужасъ картины, на которую онъ смѣясь заглядѣлся; то и тогда всё таки надобно изображать происходящее предъ глазами нашими дѣйствіе такимъ образомъ, чтобы видно было, на какой почвѣ оно происходитъ и чѣмъ обставлены дѣствующія лица; надобно, чтобы поселянинъ, въ своихъ порокахъ и невѣжествѣ былъ дѣйствительно поселяниномъ, а не горожаниномъ; чтобы Украинецъ дѣйствовалъ хоть и безумно, хоть и скотски, но всё же подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и всенародныхъ его обычаевъ. Сватовство среди ярмарки для украинскаго парубка рѣшительно невозможно; сватовство у пахарей въ такое время, когда идетъ уборка хлѣба и вообще горячая работа—просто небылица; сватовство въ Спасовъ постъ (ибо къ такому времемени пригналъ Гоголь свою повѣсть) просто — *чортъ знаетъ что такое*. Отсутствіе стыда у украинской дѣвушки, которую Гоголь заставилъ стоять обнявшись съ чужимъ парубкомъ среди ярмарки, для насъ, »преемниковъ Гоголя въ самопознаніи«, такое оскорбительное изображеніе, какъ если бы кто въ нашемъ присутствіи изобразилъ чистую и непрочную женщину въ видѣ рыночной вакханки. Наконецъ, отзывъ отца о публичныхъ поцѣлуяхъ, влѣпленныхъ его дочери кѣмъ-то среди многочисленнаго общества (1), долженъ быть возмутителенъ для каждаго, кому понятны отеческія чувства. И такія произведенія россійская столичная критика своего времени назвала вѣрною живописью украинской простонародной жизни! такія произведенія московскій журналъ до сихъ поръ держитъ подъ своею охраною и упрекаетъ критика въ самохвальствѣ, потому только, что онъ не принадлежитъ къ критикамъ, пишущимъ однѣ критики и ничего болѣе!

Упреки, сдѣланные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишкомъ тяжки и уничижительны для всякаго иного писателя съ его недо-

(1) Прошу извиненія за употребленное такимъ образомъ слово. Для мужика ярмарка — такое же общество, какъ для насъ клубъ или иное мѣсто, и если мы дорожимъ мнѣніемъ своего общества, зная въ немъ честныхъ людей, то онъ въ своемъ обществѣ знаетъ ихъ слишкомъ много и не можетъ не дорожить ихъ мнѣніемъ.

статками; но Гоголю слѣдовало сдѣлать эти упреки, во славу его торжества надъ самимъ собою. Какая поразительная у него разница между изображеніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ* и въ *Мертвыхъ Душахъ!* Здѣсь онъ уже не новичекъ въ искусствѣ, снисходительно похваленный Пушкинымъ, тоже не знавшимъ Украины, — здѣсь онъ полный, самостоятельный вѣдатель той среды, которую изображаетъ. »Умаляя«, по словамъ критика *Русской Бесѣды*, »достоинство украинскихъ повѣстей Гоголя, мы вовсе не умаляемъ цѣны имъ, какъ созданіямъ, безъ которыхъ не ясно было бы поступательное движеніе генія великаго поэта. Геній, произведшій *Мертвыя Души*, былъ тотъ же самый, который произвелъ и *Вечера на Хуторѣ*; но между ними та разница, что́ между зрѣніемъ образованнымъ и необразованнымъ. Сила зрѣнія одна и та же, но пониманіе и воспроизведеніе натуры въ картинкѣ—совершенно иныя. Человѣкъ, родившійся съ истиннымъ талантомъ, уже въ дѣтствѣ — геній; уже въ дѣтствѣ чудится ему какое-то высшее призваніе; уже въ дѣтствѣ — это не одинъ случай — лепечетъ онъ неточнымъ дѣтскимъ языкомъ о подвигахъ, которые онъ совершитъ когда-то. Но геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣля, опытностію—дѣло иное, и геній, созрѣвшій и выразившій себя вполнѣ — опять дѣло совершенно иное. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинствъ Гоголева таланта, то слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами не непогрѣшительность Гоголя въ искусствѣ, а геніальную работу его надъ искусствомъ, освободившую его мало-помалу отъ прежнихъ, слишкомъ важныхъ недостатковъ.

П. Кулишъ.

26 іюня, 1858.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

NB. Этнографо-критическій разборъ *Сорочинской Ярмарки* не могъ быть оконченъ въ первой статьѣ, безъ нарушенія ея предѣловъ. Мы посвятимъ этой повѣсти и вторую статью.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

(Продолженіе).

Напѣвы, которые здѣсь будутъ изданы, сообщены Ав. Вас. Марковичемъ; они записаны имъ изъ устъ народа со всевозможною вѣрностью. Онъ же, со своимъ счастливымъ слухомъ, служилъ и главною живою повѣркою гармонической обработки при каждой отдѣльной пѣснѣ. Будемъ совѣтоваться и съ другими знатоками Украинскаго пѣнія. Приглашаемъ всѣхъ ихъ содѣйствовать намъ въ настоящемъ случаѣ, по мѣрѣ силъ. Пусть каждый принесетъ свою лепту на народный олтарь.

При обработкѣ пѣсень мы будемъ далеки отъ всякаго притязанія на то, чтобы »блеснуть« виртуозною стороною гармоническаго дѣла, »щегольнуть« такимъ-то контрапунктомъ.

Всему, что̀ хоть сколько нибудь отзовется ухищреніемъ искусства, кабинетнымъ обдумываніемъ, здѣсь отнюдь не мѣсто. Въ отношеніи къ простонародной пѣснѣ все подобное — »отъ лукаваго«.

Вслѣдъ за переложеніемъ каждой пѣсни на ноты — мелодіею съ двумя строками аккомпанимента (переложенія эти должны быть приняты не больше, какъ въ видѣ *опыта*), помѣстимъ эстетико-техническій разборъ пѣсни, въ соединеніи съ ея текстомъ; сдѣлаемъ намеки на сокровища собственно-музыкальныя, зерномъ лежащія въ каждомъ изъ этихъ напѣвовъ, не »сочиненныхъ« а—повторяемъ—народомъ, т. е. самою натурою »созданныхъ«.

Въ выборѣ и группировкѣ матеріаловъ мы будемъ держаться разнообразія.

Въ каждой группѣ будутъ собраны пѣсни, по возможности, разнаго характера. Поле Украинскихъ напѣвовъ въ этомъ отношеніи замѣчательно-обильно.

Обработка техническая и критическая достаточнаго количества избранныхъ и прежде еще не бывавшихъ въ печати южнорусскихъ мелодій замкнется разборомъ замѣчательнѣйшихъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ Украинскихъ пѣсенъ, — а именно:

1. М. А. Максимовича. Голоса Украинскихъ пѣсенъ (въ аранжировкѣ Алябьева). Москва. 1833.

2. П. А. Кулиша. Записки о Южной Руси. Т. 2-й. С. П. Б. 1857. (Переложеніе пѣсенъ, числомъ 25, сдѣлано Андреемъ Ник. Маркевичемъ).

3. Гр. П. Галагана. Южно-руські пісні зъ голосами. Кіевъ. 1857.

4. Алоизія Едличка. Южно-русскія пѣсни, переложенныя для одного голоса съ фортепіано. (Изданіе М. Бернарда).

Эта провѣрка собраній пѣсенъ, уже извѣстныхъ публикѣ, будетъ полезна —

во-первыхъ, для указанія *варіантовъ* одной и той же мелодіи, записанной въ разныхъ мѣстахъ, а иногда видоизмѣненной при самомъ переложеніи на ноты;

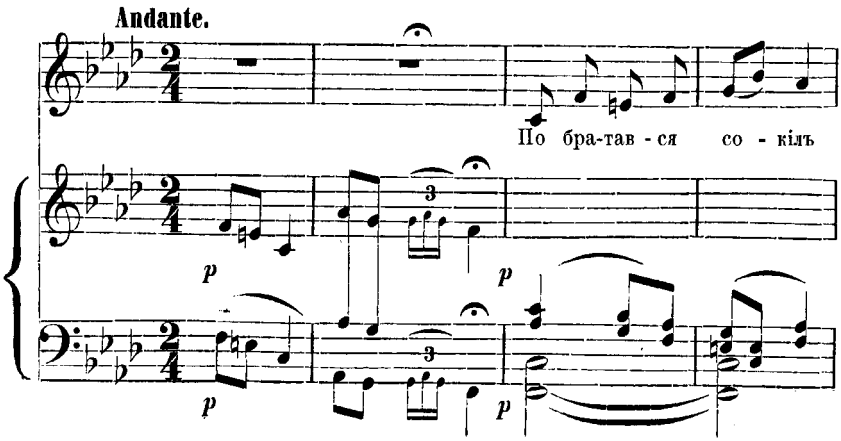
во-вторыхъ, для указанія бо́льшей или меньшей, по нашимъ понятіямъ, близости печатной *обработки* пѣсни къ характеру народной Украинской музыки.

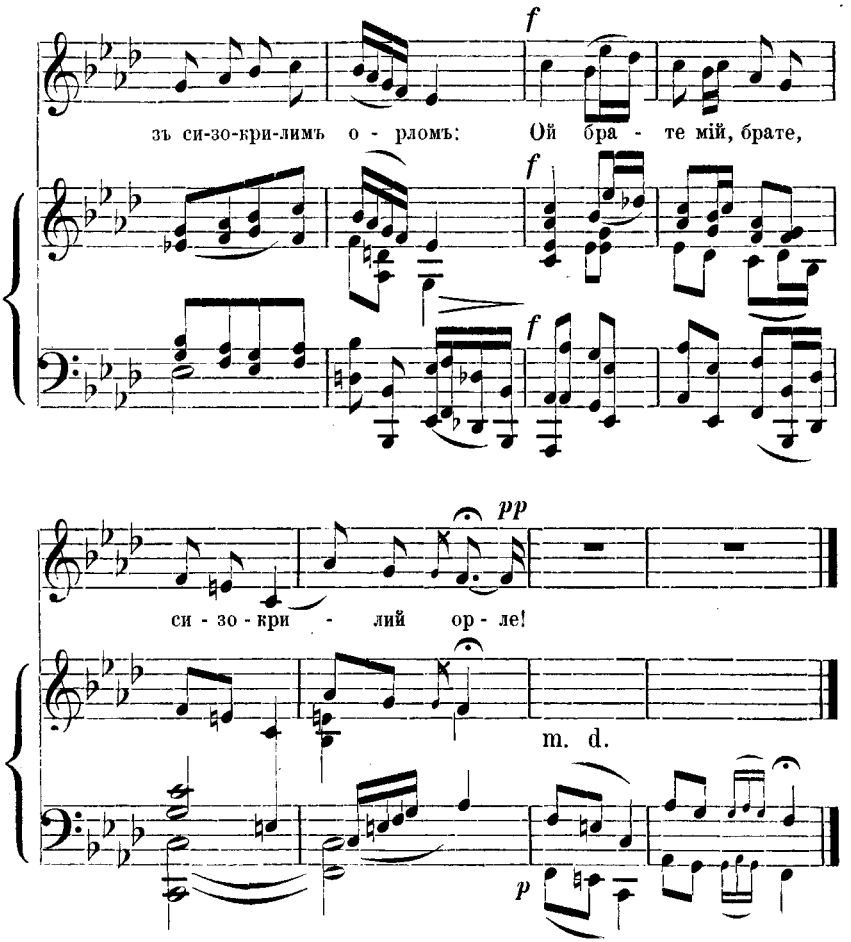
Выводы изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ и изъ сличенія прежде изданныхъ составятся, такимъ образомъ, почти сами собою и будутъ предметомъ особой, заключительной статьи.

На первый разъ предлагаемъ ноты, слова и разборъ *шести* пѣсенъ.

I.

ПОБРАТАВСЯ СОКІЛЪ.





По бра та́ вся со́ - кілъ зъ си зо кри́ лимъ о - - - рло́мъ:
»Ой бра́ - - те мій, бра́ те, си зо кри́ - лий о́ рле!
Зоста вля́ ю то бі всі мо і ро ско́ - - - ші,
Всі мо і ро - ско́ - - - ші, всі мо і - у жи́ тки;
Всі мо і ро ско́ - ші, всі мо і у жи́ - - - тки,
Всі мо і у - жи́ - - - тки, и ма ле́ - нькі ді тки.
А самъ по - ли - ну́ у чу жу́ - сто́ - - ро ну,
Въ чу жу́ сто ро - но́ - - - ньку шу ка́ть та - ла́ но ньку.
Ой якъ до́ бре бу́ - де, то я й за ба рю́ - - - ся;
А якъ ху́до - бу́ - - - де, то й на за́ - дъ ве рну́ ся.
Літа́ со́кілъ лі - то, літа́ со́ кілъ дру́ - - - ге,
На тре́ те е - лі - - - то со́ кілъ при - лі та́ е;
Со́ кілъ при лі та́ - е та ор ла́ пи та́ - - - е:
»А де́ жъ мо і -, бра́ - - - те, ма ле́ ньки - і ді ти?«

—Тво і, бра́ те, ді - ти по ли ну́ ли въ лу - - - ги́,
По ли ну́ ли - въ лу - - - ги́ зъ ве ли́ ко - і ту́ ги;
Сі ли, па́ ли ді - ти на ви со́ кімъ дре́ - - - ві,
На ви со́ кі - мъ дре́ - - - ві, на ко лю́ - чімъ те́ рні;
При і ха ли па - ни́ изъ чу жо́ і сто - - ро ни́,
Терни́ по ру - ба́ - - - ли, со ко ля́ - тъ за бра́ ли.
Те рни́ по ру ба́ - ли, со ко ля́тъ за бра́ - - - ли,
Ту ре́ цько му - ца́ - - - рю въ по да́ ро - къ по сла́ ли.—
Пла́ че со́ кіль, пла́ - че, слё за́ ми ри да́ - - - е,
Дрі бни́ ми слё - за́ - - - ми всі лу ги́ - сто пля́ е:
При до́ брій го ди́ - ні й чу жі по бра ти́ - - - ми,
При ли хій го - ди́ - - - ні не ма́ е - й роди́ ни;
При до брій го ди́ - ні, й чу жі бра та́ ю - - - тця,
При ли хій го - ди́ - - - ні й сво і цу - ра́ - ю тця.

(Зъ Перекопу).

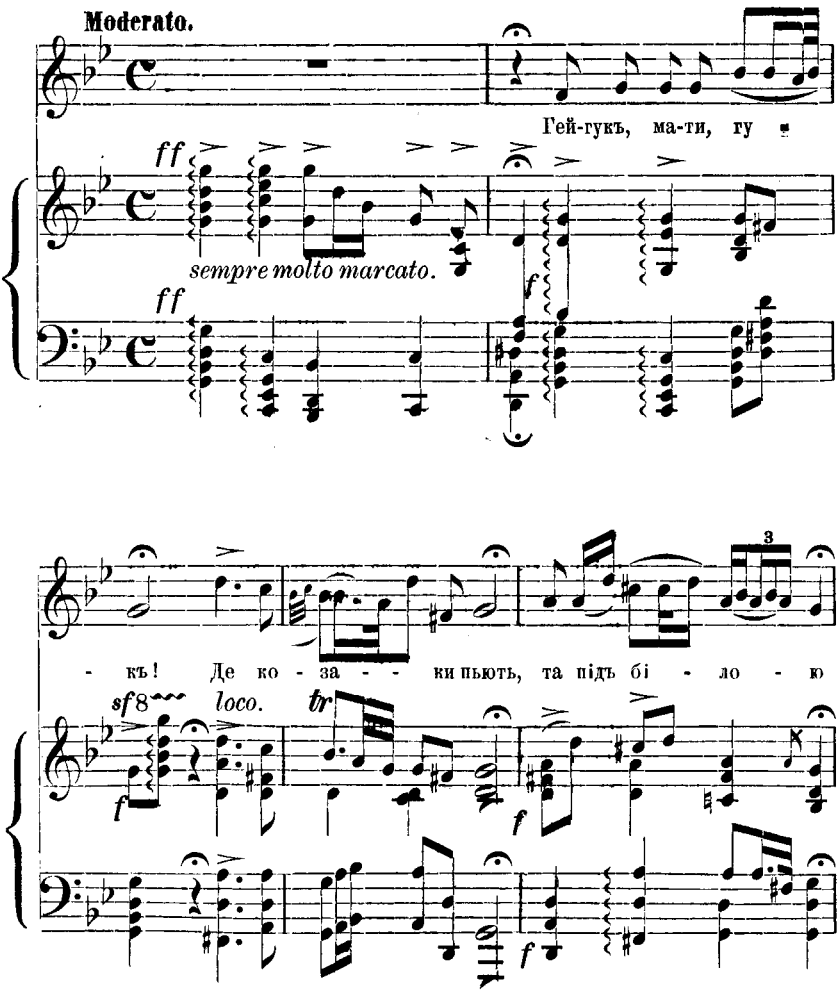
Весьма-типическая пѣсня въ характерѣ серьёзнаго, грустнаго раздумья и какой-то величавой торжественности, совершенно согласно грустной моральной мысли текста. Заключительныя два такта мелодіи — образчикъ часто-встрѣчаемыхъ въ украинскихъ пѣсняхъ весьма характерныхъ оборотовъ, которые будто рисуютъ музыкою широкую степь, съ ея эпическимъ спокойствіемъ, и органически-отвѣчающій этой ширинѣ размахъ жизни козацкаго быта. У насъ эти характерные два такта, въ ихъ единично-мелодическомъ, безъ-аккордномъ видѣ, выбраны въ видѣ прелюдіи, подготовляющей пѣсню.

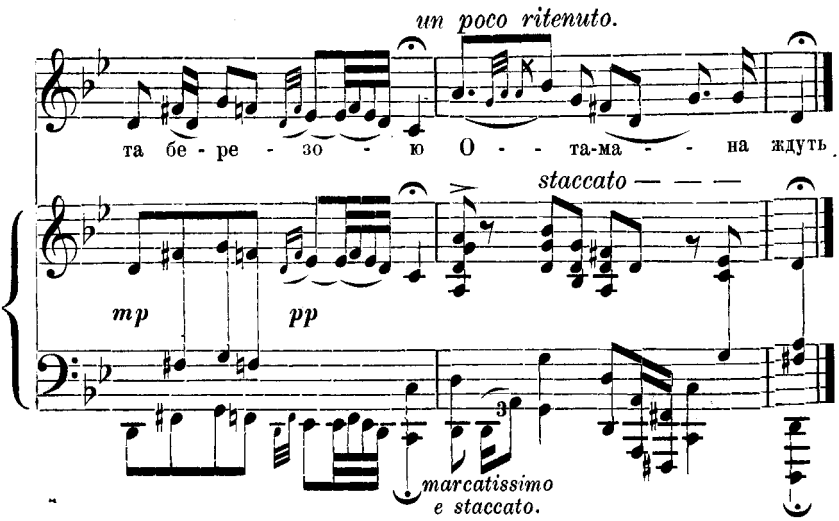
Начинаясь въ минорѣ, мелодія въ третьемъ и четвертомъ тактѣ переходитъ въ параллельный мажоръ (тонъ верхней терціи тоническаго аккорда) и остается въ этомъ мажорномъ тонѣ на весь пятый тактъ, а на шестой, седьмой и восьмой такты опять въ главномъ, минорномъ тонѣ. Это равновѣсіе минора и мажора (1, 2, 7, 8 въ минорѣ; 3, 4, 5, 6 въ мажорѣ) придаетъ логическому складу мелодіи весьма спокойный характеръ въ отношеніи къ модуляціи. Равновѣсіе такое будетъ встрѣчаемо нами весьма-часто и лучше всѣхъ умствованій говоритъ въ пользу естественныхъ законовъ гармоніи, присущихъ народному музыкальному инстинкту. Отдѣльно-взятый каждый мелодическій рисунокъ мотивовъ этой пѣсни (то есть, такты 1-й со 2-мъ, такты 3-й съ 4-мъ, 5-й съ 6-мъ, 7-й съ 8-мъ) — по нашему мнѣнію можетъ служить обильною темою для разработки симфонической. По пользованіе этимъ богатымъ матеріяломъ въ такомъ только случаѣ поведетъ къ результатамъ для искуства

счастливымъ, если разработываемая музыка, въ общей своей идеѣ, въ цѣломъ организмѣ своемъ, будетъ отвѣчать вполнѣ характеру украинскихъ мелодій, въ примѣненіи ихъ и къ выражаемому пѣснями тексту.

II.

ГЕЙ ГУКЪ, МАТИ, ГУКЪ!





Гей гукъ, ма́ти, гу - - - къ,
Де́ ко за - - - ки́ пъють!
Та підъ бі - ло - - - ю та бе - ре́ - зо - - - ю
О - - - та ма́ - - - на ждуть.
О та́ манъ и де́ - - -, ще й ко ня́ - - - ве де́,
Гей підъ бі - ло - - - ю та бе - ре́ - зо - - - ю
Го - - ло́ - вку - - - кла де́.
»О та ма́не на - - - шъ! По ра́дь же - - - ти насъ!
Ой у же́ - на́ - - - ші та ко - за́ - че - - - ньки
Ко́ - - - ні сі - - - дла́ ють.
— Не хай сі дла́ ю - - - ть,
А та Бо - - гъ по ма га́...
Ой у же́ - мо - - - ю та го - ло́ - во - - - нь ку
А - - хмі - ль ро - - - збіра́...
Ко ли́ я й у мру́ - - -,
То й по хо - - - ва́й те,
И до мо - е́ - - - і та ми - ле́ - нь ко - - - і
Ли - - сти́ - по - - - дай те.
Ой мо я́ ми ла́ - - -
Зъ го́ ро да - - - бу ла́,
Що пи са́ - въ же - - - я та дрі - бні́ - ли - - - сти́,
Во - - на́ - не - - - взя ла́...
»Не ве ли́ кий па - - нъ,
Ти самъ са - - - мо зва́нъ!
Ти по жа́ - лу - - - вавъ ко ня́ во ро но́ - - - го, —
Чо - мъ не при і - - - хавъ самъ?

(Зъ хутора Петрушовки, Борзенського повіту).

Характеръ пѣсни проникнутъ разгуломъ, пированьемъ беззаботныхъ »гульливыхъ рыцарей« . Но на этомъ общемъ фонѣ тѣмъ выпуклѣе выступаетъ эпическая грусть. Среди пира подъ бѣлою березою любимый козаками атаманъ умираетъ...

Согласно главному характеру пѣсни, у насъ сдѣлана прелюдія въ размашистомъ, почти буйномъ духѣ.

Особенность самой пѣсни — ферматы, оканчивающія *каждую* ея фразу. Этими ферматами безпрерывно нарушается плавное теченіе ритма — его хватаетъ только на каждую отдѣльную мысль, на каждый стихъ; потомъ ритмъ какъ будто каждый разъ останавливается, чтобъ снова сильно размахнуться. О правильномъ, т. е. симметрическомъ распредѣленіи тактовъ невозможно было бы и помышлять въ этой пѣснѣ, не испортивъ ея оригинальности.

Значительно богатство мотивовъ въ каждомъ тактѣ этой мелодіи, размѣромъ голоса невыходящей почти изъ предѣловъ одной октавы.

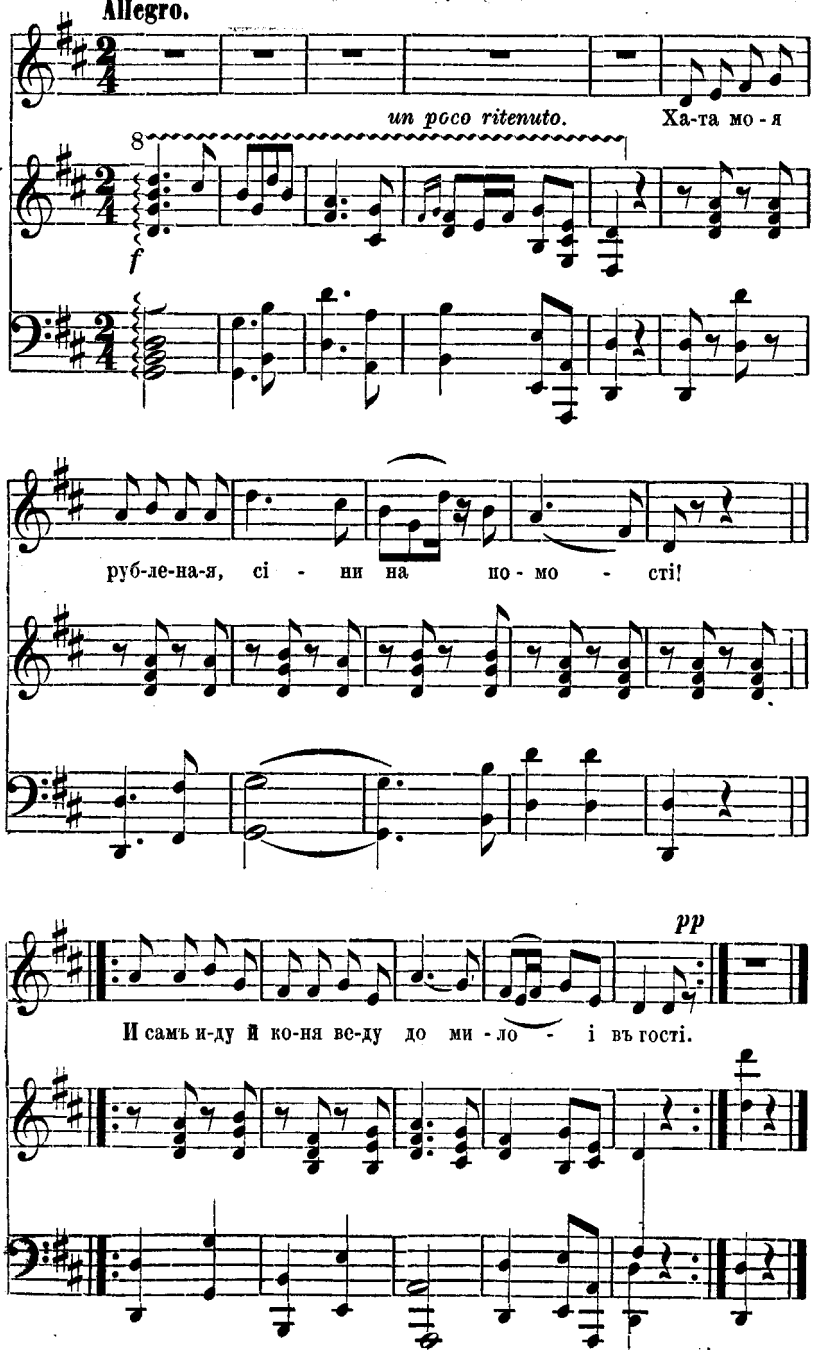
Первый тактъ пѣсни въ своемъ мотивѣ (впрочемъ весьма часто встрѣчаемомъ въ разныхъ малорусскихъ пѣсняхъ) до-того типиченъ, что Глинка, замышляя писать симфонію на сюжетъ Тараса Бульбы, въ изобрѣтеніи мотива для первой части очень близко подошелъ къ начальному такту разбираемой нами пѣсни (хотя, быть можетъ, *собственно ея* и не слыхалъ). Вторая фраза (на слова: »де козаки пьютъ«) не менѣе типична въ своемъ бойкомъ взмахѣ, будто уносящемъ въ степное раздолье, но уже съ подмѣсью печальнаго чувства, подъ ударомъ неожиданнаго горя.

Маленькія украшенія (gruppetti) въ мелодіи служатъ здѣсь ея характеромъ (должно замѣтить, что на фортепьянъ, гдѣ у насъ, въ 5-мъ тактѣ пѣсни, аккомпаниментъ идетъ унисономъ съ голосомъ, такое »группетто« выходитъ гораздо тяжелѣе и грубѣе, чѣмъ въ голосѣ, по самому свойству *раздѣльности* звуковъ подъ клавишами).

Въ гармонизаціи нѣтъ ничего, кромѣ трехъ *главныхъ* аккордовъ каждой тональности: тоника—аккордъ минорный въ настоящемъ случаѣ; доминанта—аккордъ мажорный, и нижняя доминанта—аккордъ минорный. Мелодія начинается и *оканчивается* доминантой. Самая высшая нота въ пѣснѣ опять—доминанта. Это предѣлы самыхъ естественныхъ мелодій,— какъ придется не разъ еще замѣтить.

III

ХАТА МОЯ РУБЛЕНАЯ.



Ха́та мо я́ ру́ бле на я,
Сі ни на - - по мо́ - сті;
И самъ и ду́ й ко ни́ ве ду́ } bis
До ми́ ло - - - і въ го́ сті. }

Охъ кінь не йде, води́ не пье,
Вінъ не бу́ - - де ни́ - ти:
Де ре́ вго́ ру го ло́ воньку, } bis
Хо́ че ме - - - не́ вби́ти. }

— — — — —

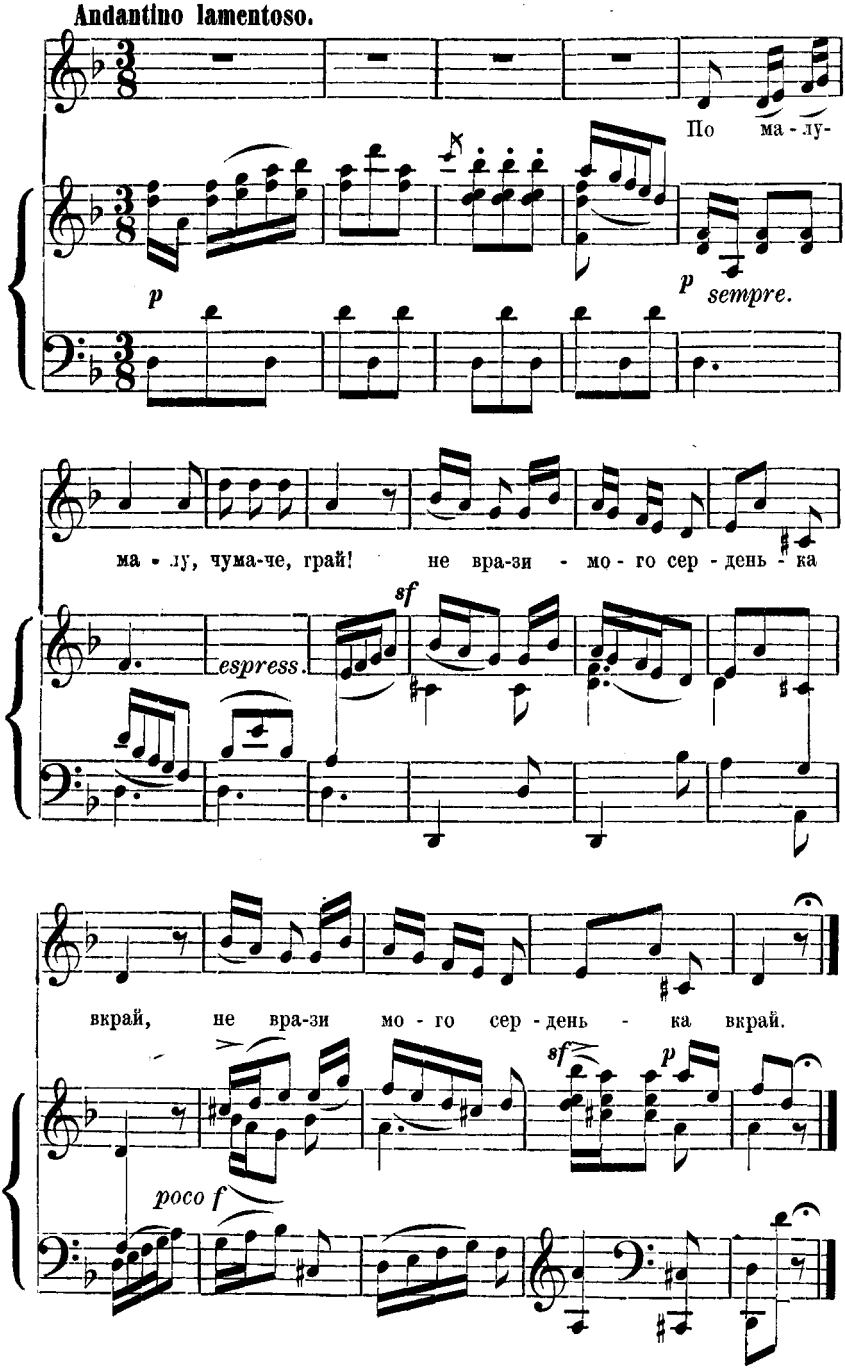
(Съ Чорномо́рії).

Пѣсня характера спокойно-веселаго, — проникнута чувствомъ самодовольства и откровенности на распашку.

Ритмическое движеніе, очень выпукло выдающееся, требуетъ здѣсь *шести* тактовъ въ каждой фразѣ; чтобъ удовлетворить этой симметріи, внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ подсказываемой, въ аккомпаниментѣ прибавленъ послѣдній тактъ во время паузы въ пѣніи. Это равносильно ферматѣ, т. е. манерѣ оканчиванья мелодіи, встрѣчаемой въ украинскихъ пѣсняхъ какъ нельзя чаще. Рисунокъ всей мелодіи заключается опять въ предѣлахъ одной октавы. Первые два такта—какъ-будто только предварительный разбѣгъ голоса; самостоятельный характеръ пѣсни обрисовывается явственно въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ, — которыхъ будто продолженіемъ, развитіемъ, служатъ такты 7-й и 8-й. — Паденіе первой фразы (каденца) въ тактахъ 5-мъ и 6-мъ, симметрически, но въ нѣсколько расширенномъ видѣ, повторено въ паденіи второй фразы, т. е., въ тактахъ 9, 10 и 11-мъ. Мелодія эта не изъ числа такихъ, которыя легко вызываютъ симфоническую обработку. Сильно развитый аккомпаниментъ уничтожилъ бы легкость, непринужденность теченія мелодической мысли. Здѣсь надо скорѣе довольствоваться намеками на гармоническія богатства. Впрочемъ изгибъ рисунка въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ весьма интересенъ и характеренъ — какъ зародышъ для красивыхъ переливовъ мелодіи. Такты 7 и 8 дышатъ особеннымъ украинскимъ юморомъ. Подобные повороты мелодіи—настоящій кладъ для національной южнорусской оперы, въ комическомъ или полукомическомъ родѣ.

IV.

ПО МАЛУ-МАЛУ.



По ма́ - лу - ма́ - лу, чу - ма́ че, грай!
Не - вра зи́ - мо - го́ - се рде́ - нька вкрай (2)!
Братъ ме - не́ - у би́въ, на ла ну́ за ри́въ
За - то́ го - ве́ - при - ка, що въ саду́ ривъ (2)!

Припѣвъ въ сказкѣ. Любимый родителями меньшой сынъ былъ убитъ старшимъ (о чемъ подробно разсказывается въ началѣ сказки), на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ схороненъ, выросла калина. Проходившіе чумаки вырѣзали изъ нея свирѣль, которая заиграла имъ эту пѣсенку. Остановясь здѣсь на ночлегъ, они случайно зашли въ хату семьи убитаго. Пораженные, взволнованные жалобной волшебною пѣснью, старики брали свирѣль и она имъ тоже пѣла, что́ и чумакамъ, съ перемѣной *чума́че* на *тату́сю* и *мату́сю*. Когда же долженъ былъ приложить къ губамъ своимъ чудную свирѣль старшій братъ, она въ немъ обличи́ла своего убійцу:

По ма́ - лу - ма́ лу, бра́ ті ку, грай!
Не - вра зи́ - мо́ - го - се рде́ - нька вкрай (2)!
Ти жъ ме - не́ - у би́въ, на лану́ за ри́въ,
За - то го́ - ве́ - при - ка, що въ саду́ ри́въ (2)!

(Зъ с. Кула́женець, Пира́тинського повіту.)

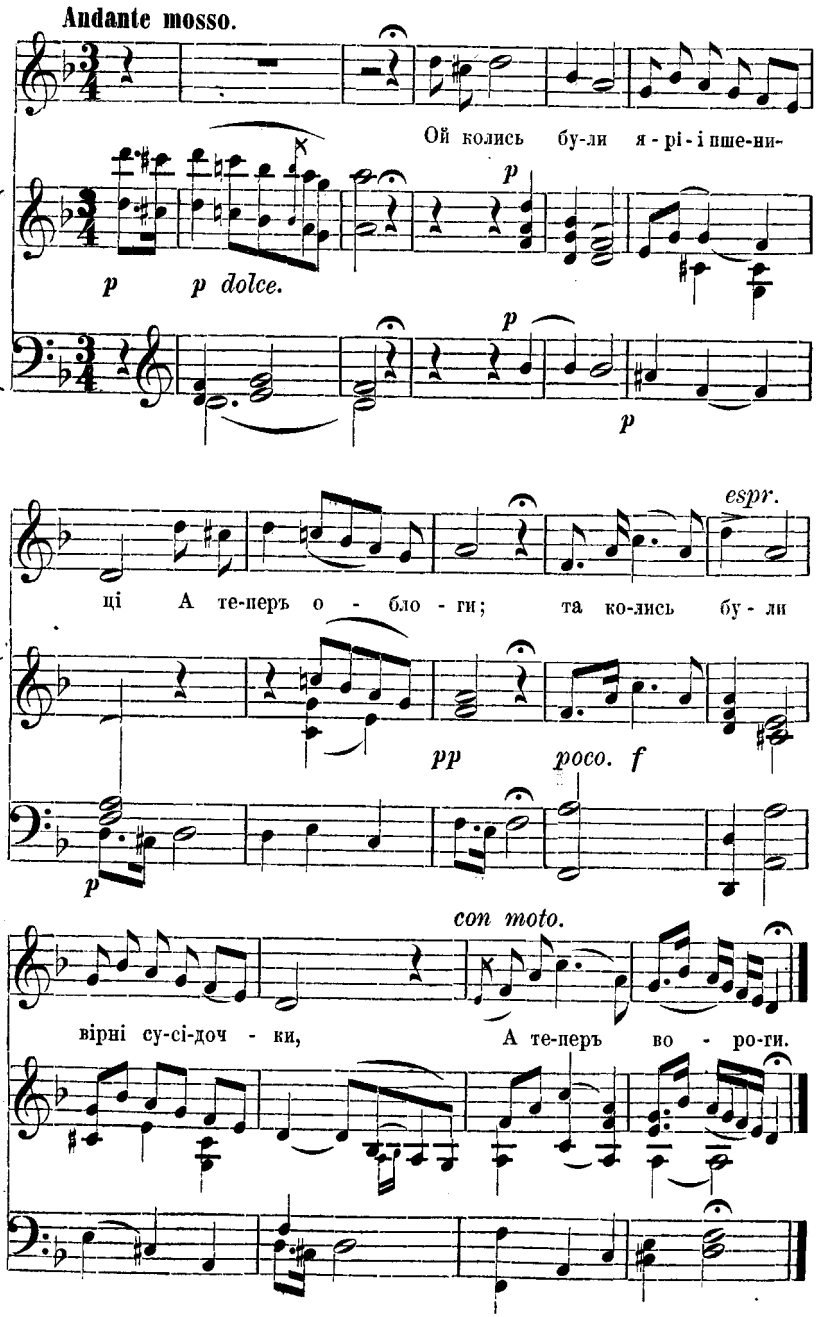
Меланхолически таинственная жалоба свирѣли, съ которою связана судьба страдальца, погубленнаго злодѣяніемъ. Томный, тусклый характеръ напѣва не измѣняетъ себѣ ни въ одномъ звукѣ.

Изгибы мелодіи, не покидая основнаго, минорнаго тона, дозволяли,— мало того — вызывали обработку аккомпанимента съ такими же мелодическими изгибами въ другихъ голосахъ и на другихъ ступеняхъ гаммы (выражаясь технически: аккомпаниментъ обработанъ нѣсколько въ стилѣ имитацій). Эти повторенья главныхъ рисунковъ въ аккомпанирующихъ голосахъ являются какъ-будто отголосками жалобы въ окружающей природѣ.

Размѣръ ($^3/_8$) и строгая симметричность въ поворотахъ мелодіи дѣлаютъ ее отчасти родственною польскимъ пѣснямъ и какъ будто отзываются элементами Шопеновской музыки. Между-тѣмъ, дышетъ въ этой мелодіи и что-то весьма древнее, какая-то первобытная простота, — скорбь души почти-младенческой. Эти оттѣнки должны быть переданы при исполненіи пѣсни, иначе она утратитъ всю глубокую прелесть свою и легко можетъ отзываться чѣмъ-то обыкновеннымъ, даже тривіальнымъ. Томность и нѣжность пѣнія здѣсь необходимыя условія.

V.

»ОЙ КОЛИСЬ БУДИ«,



Ой ко лúсь бу лú я́рі і пше нú ці,
А те пе́ръ о - - бло гú;
Та ко лú - сь бу лú вір ні су сі до - чки,
А те пе́ - ръ во - - - ро - гú.
Ой не сте лú ся, зе ле́ ний спо рú - шу,
А по кру ті - - й го рі;
Ой не ра - дій те, злú і во ро же́ - ньки,
Та объ мо́ ій при - - - го́ - ді!
Бо - й що мо я́ при - - го́ до - нька
Та якъ лі тня - - ро са́:
Со́ - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
Ро - са́ - о - - - па - де́;
Со́ - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
Ро - са́ о - - па де́:
О - тта́къ мо я́ при - - го до - нька
На - ві - къ про - - - па - де́!

(Зъ-підъ Лубе́нь.)

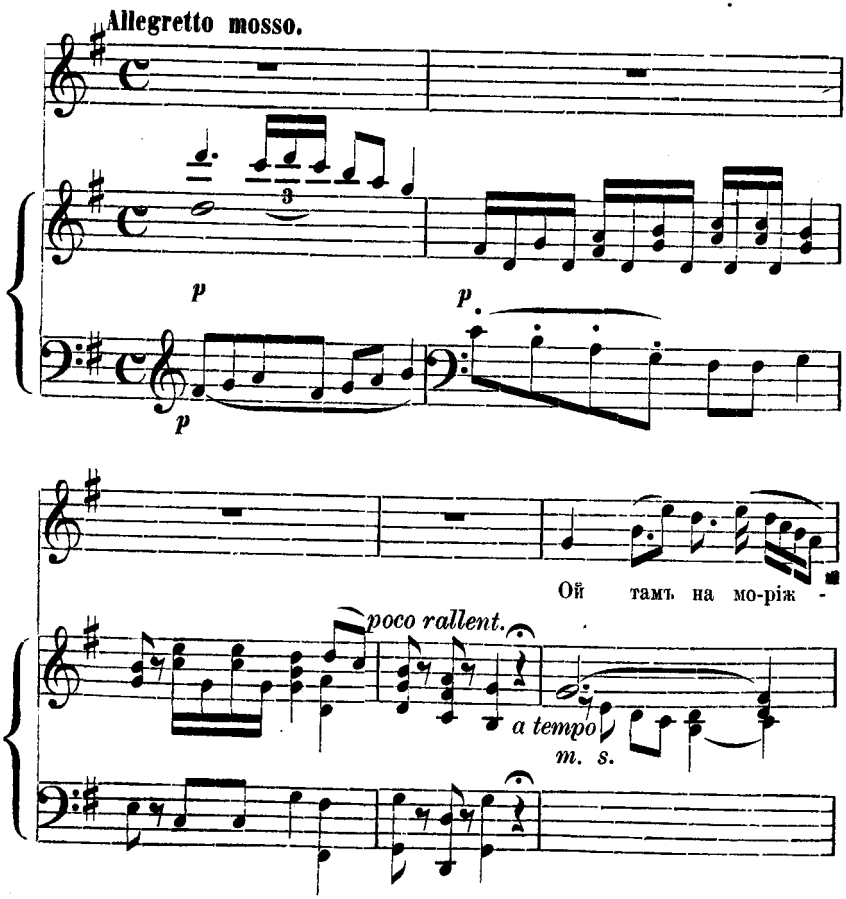
Пѣсня женской грусти. Мелодія задумчиво-граціознаго характера. Въ рисункѣ чрезвычайно много выразительности и мелодической красоты. Главная, характерная черта пѣсни—перекачиванье ритма, въ тактѣ 2-мъ и 8-мъ (въ оба раза на слово »були«). Это—ритмически выраженный *вздохъ*, т. е. сожалѣнье, глубоко запавшее въ душу. Только въ созданіяхъ великихъ творцовъ драматической музыки, въ операхъ Глука, Моцарта, въ *Фиделіо*, Бетховена, можно найти подобную правду чувства, высказанную какиминибудь двумя нотками пѣнія. Въ музыкѣ народной, созданной Богъ знаетъ кѣмъ, Богъ знаетъ когда, этого рода изумительныя красоты являются чуть не на каждомъ шагу, какъ цвѣтки въ полѣ, которыхъ никто не сѣетъ, никто не холитъ: для музыканта наблюдательнаго именно въ этихъ голосахъ *природы* человѣческой заключаются данныя для самыхъ богатыхъ результатовъ. Законы музыки, т. е. музыкальной выразительности и »обстановки« ея въ аккомпанирующихъ голосахъ, вытекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ сами-собой. *Тѣ же самые законы* внутренно-присущи и Моцарту, когда онъ писалъ свой *реквіемъ* и Бетховену въ его *девятой симфоніи*. А оффиціальные профессора гармоніи, директоры консерваторій, съ высоты своей мнимой учености находятъ какія-то »неправильности« (!), нарушенія гармоническихъ законовъ (!) и въ народныхъ пѣсняхъ и въ созданіяхъ Бетховена. »Правильно« сочиняютъ музыку на свѣтѣ только они сами и ихъ патентованные ученики. (Простите за отступленіе отъ предмета: къ слову пришлось).

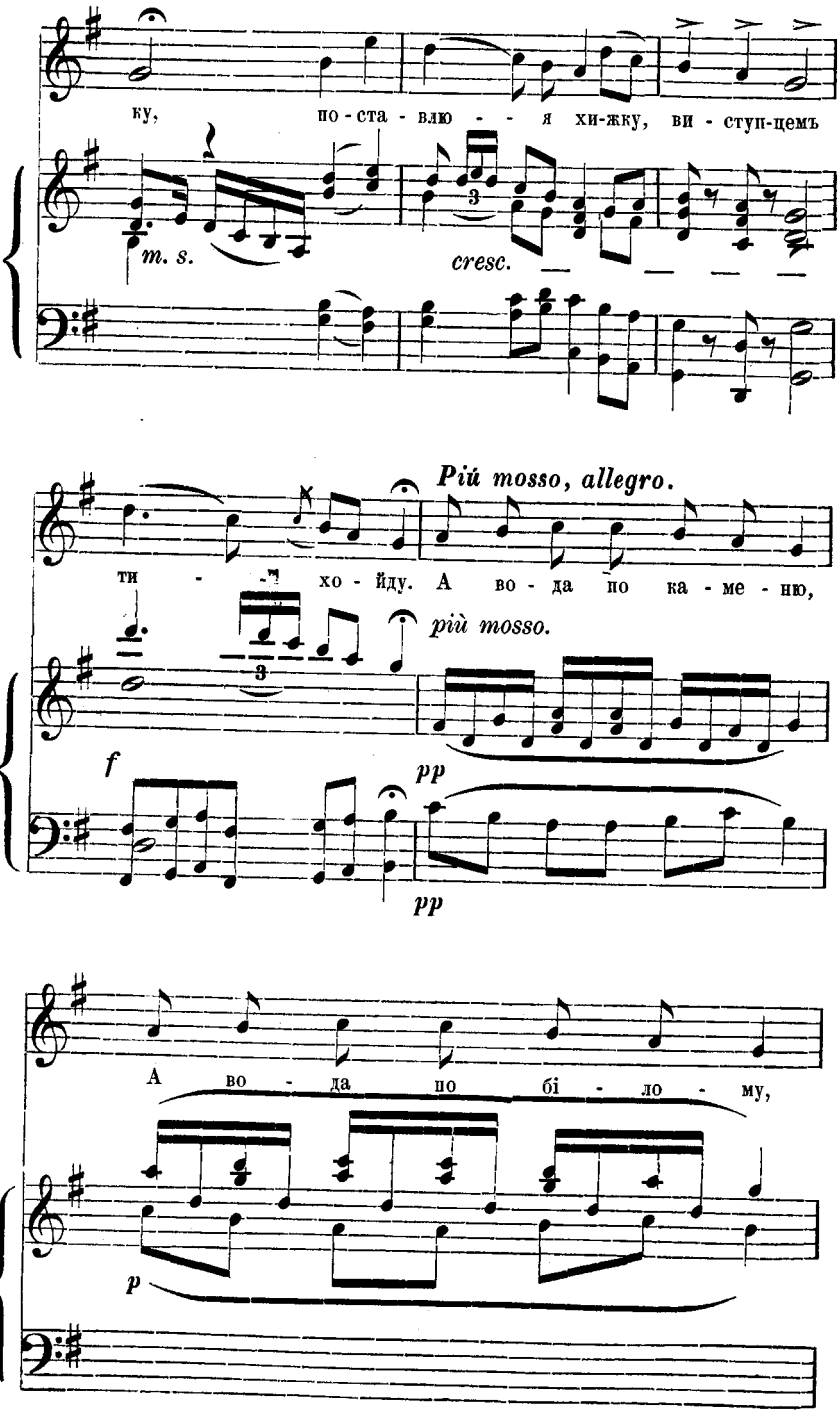
Въ прелюдіи и въ аккомпаниментѣ, по характеру пѣсни, здѣсь главная цѣль была—сердечность общаго тона; оттого—простота въ сочетаніяхъ аккордовъ, но вмѣстѣ ихъ тѣсная сплоченность между собою, довершаемая добавочными рисунками аккомпанимента, во время паузъ голоса (такты 4, 6, 10). Въ этихъ окаймляющихъ рисункахъ (опять въ стилѣ легкихъ »имитацій«) повторены главные мотивы самой пѣсни.

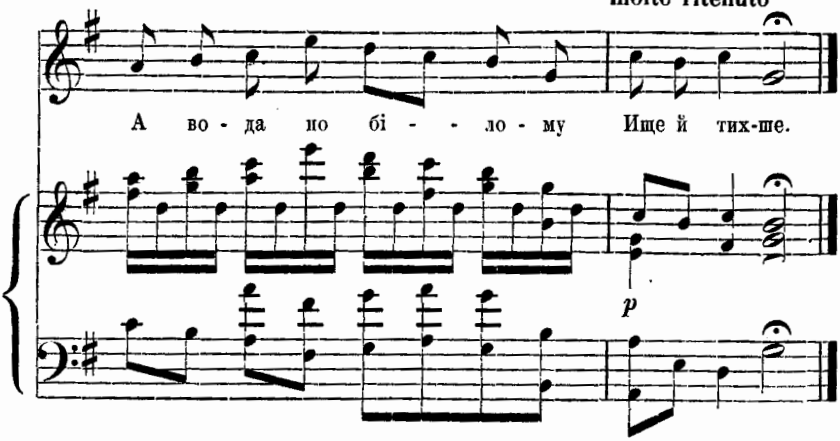
VI.

ОЙ ТАМЪ НА МОРІЖКУ.

(Веснянка.)




ку, по-ста-влю - - я хи-жку, ви-ступ-цемъ
m. s.
cresc.
Рій mosso, allegro.
ти - - хо-йду. А во-да по ка-ме-ню,
рій mosso.
f
pp
pp
А во - да по бі - ло - му,
p



Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
По ста́ влю - я хи́ жку –;
Ви́ сту пцемъ, ти́ - хо - йду,
А во да́ по ка́ мі ню, а во да́ по бі ло му,
А во да́ по бі - ло му и ще́ й ти́ хше.
Ой у - тій же хи́ - - - жці
Ді во чки́ - си ді ли–;
Ви́ сту пцемъ *и проч.*
Ді во - чки́ си ді - - - ли,
Ху сто чки́ - кро і ли –;
Ви́ сту пцемъ....
Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
По ста́ влю - я хи́ жку –;
Ви́ сту пцемъ....
Ой у - тій же хи́ - - - жці
Па ру бки́ - си ді ли –;
Ви́ сту пцемъ...
Па ру бки́ си ді - - - ли,
Но́ жи ки - го стри́ ли –
Ви́ сту пцемъ....
Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
По ста́ влю - я хи́жку –;
Ро́ зсту пця! ро́ - зсту - пця!
Па́ не Кре ме не́ - цький,
Во е во́ до gpé - цький!
Та ви́ ве ду та́ - нчикъ (¹)
Са ма́ мо ло де́ - нька я
По - Ні ме́ць кій!

(Зъ хут. Петрýшевки, Борзéнського повіту.)

(¹) Стихъ *Та ви́веду та́нчикъ* поется такъ, какъ предъидущій.

Послѣдній куплетъ относится къ свирѣпому врагу Украины, князю Іереміи Вишневецкому, збаражскому заключенцу, какъ указалъ на это въ Богданѣ Хмельницкомъ« Н. И. Костомаровъ; но это, сравнительно, новая, недавняя вставка въ этотъ чистѣйшій хрусталь, уцѣлѣвшій отъ глубокой древности.

Это одна изъ пѣсенъ, которыя поются бо́льшею частію дѣвушками, при обновленіи природы весною, и составляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ народной музыки. Въ словахъ и въ напѣвѣ есть нѣчто обрядовое, отзывающееся отдаленною, языческою древностію. Теплое дыханіе украинскаго апрѣля вѣетъ здѣсь въ каждой нотѣ. Простодушіе общаго характера и какая-то прозрачность, кристальность звуковъ—неподражаемы; есть что-то будто родственное имъ, — вѣроятно, Чешскимъ мелодіямъ въ нѣкоторыхъ квартетахъ Гайдна.

Пѣсня распадается на двѣ части—первая въ тихомъ, мѣрномъ, плавномъ движеніи (первые четыре такта въ голосѣ); вторая часть пѣсни поется быстрѣе (più mosso)—мелодія бѣжитъ, струится, какъ »вода по ка́меню«.

Согласно съ данными самой пѣсни, — и въ обработкѣ ея главное стремленіе было къ наивности и прозрачности звуковъ.

Въ прелюдіи сведены вмѣстѣ главные рисунки самой мелодіи, нѣсколько въ другомъ порядкѣ, нежели въ напѣвѣ. Подобнаго рода обработка (не больше какъ въ видѣ опыта) можетъ служить отчасти указаніемъ какъ музыканты могутъ пользоваться мелодическими матеріалами, щедро разсыпанными въ украинскихъ пѣсняхъ.

А. Сѣровъ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА,

изданная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи, Линейкинымъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ теченіе моей тридцатилѣтней службы перебывалъ я во многихъ гимназіяхъ этого края,—сначала въ должности младшаго учителя нѣмецкаго языка и ариѳметики, потомъ—старшаго учителя русской словесности, наконецъ — инспектора. Эту послѣднюю должность, со дня опредѣленія къ оной до конца моей службы, занималъ я въ татаровской гимназіи. Какъ инспекторъ гимназіи, я былъ обязанъ слѣдить за образомъ мыслей и связями учащихся. Немаловажнымъ къ тому средствомъ служило мнѣ, между прочимъ, пересматриваніе ученическихъ писемъ. Признаюсь, мѣра эта, которой пользу я испыталъ на опытѣ, навела меня на мысль разширить кругъ моего инспекторскаго контроля, и я сталъ, собственно въ интересахъ службы, заодно съ ученическою, пересматривать корреспонденцію и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Близкое знакомство съ татаровскимъ почтмейстеромъ, сынъ котораго воспитывался въ нашей гимназіи, и авторитетъ моей инспекторской должности облегчили мнѣ это довольно щекотливое занятіе. Съ особенно-интересныхъ писемъ я снялъ копіи и хранилъ ихъ на всякій случай.

Прослуживъ свое двадцатипятилѣтіе и еще одно пятилѣтіе, и потерявъ наконецъ всякую надежду добиться директорскаго мѣста, распрощался я съ татаровскою гимназіею и со службою. Очевидно, что, послѣ этого, хранившаяся у меня въ копіяхъ корреспонденція потеряла для меня весь свой прежній интересъ. Я было рѣшился сжечь ее и уже вынулъ изъ шкатулки письма, чтобы исполнить это намѣреніе, какъ во мнѣ родилось желаніе прочесть ихъ еще разъ. Господи, какъ мы измѣнились! Правда,

на служебной сценѣ многіе изъ прежнихъ дѣятелей остались, но какое различіе въ началахъ или, какъ теперь говорятъ, въ принципахъ ихъ дѣятельности! Въ послѣднее время моей службы, я самъ не узнавалъ себя: дотого, по долгу служебной исполнительности, усвоилъ себѣ принципы. Ревностью къ просвѣщенію отличались мы всегда; но какимъ образомъ столь внезапно успѣли проникнуться чувствомъ собственнаго достоинства и въ равной мѣрѣ чувствомъ уваженія къ личному достоинству другихъ; откуда вдругъ явились у насъ эта утонченная гуманность воспитательныхъ мѣръ, это глубокое знаніе таинствъ педагогіи и такое обиліе системъ улучшеннаго преподаванія? Собственнымъ ушамъ не вѣришь, слыша, какъ тотъ, кто еще вчера говорилъ о выправкѣ и маршировкѣ, какъ о надежнѣйшихъ средствахъ здравой педагогіи, теперь твердитъ о превосходствѣ непринужденнаго умственнаго труда. Собственнымъ глазамъ не вѣришь, видя какъ тотъ кто прежде съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ, какъ величайшую учебную контрабанду, пестрыя брюки, теперь и усовъ не замѣчаетъ. Но что̀ удивительнѣе всего, такъ это то, что извѣстные дѣятели, отличившіеся особенною изобрѣтательностью на поприщѣ старой педагогіи, и на поприщѣ новой обнаружили такой же духъ изобрѣтательности на поприщѣ старой педагогіи. Какъ удачно разсуждали они прежде, напримѣръ, о преимуществахъ формы, такъ удачно разсуждаютъ теперь о суетѣ ея. И при перемѣнѣ точки зрѣнія, привилегія природной дальновидности осталась за ними! Но не объ этомъ рѣчь. Къ-удивленію моему, чтеніе хранившихся у меня въ копіяхъ писемъ въ этотъ разъ не произвело на меня того непріятнаго чувства, которое производило прежде, когда еще я самъ вращался въ учебномъ мірѣ сплетень, интригъ, желчи и педантизма. Какъ душа, разставшись съ тѣломъ, равнодушно, говорятъ, смотритъ на свое тѣло, такъ я, вышедши въ отставку, сталъ равнодушно смотрѣть на всѣ гимназіи въ мірѣ. Что̀ прежде, въ письмахъ моихъ сослуживцевъ, возбуждало во мнѣ зависть, раждало опасеніе, оскорбляло самолюбіе, вызывало чувство мести, то теперь, подъ примирительнымъ вліяніемъ отставки съ пансіономъ, показалось не болѣе какъ безобиднымъ образчикомъ здѣшнихъ гимназическихъ нравовъ, и притомъ нравовъ не теперешнихъ, а прежнихъ, въ настоящее время только по преданію извѣстныхъ. Теперь уже нѣтъ обязательныхъ ученическихъ квартиръ; надзиратели старой школы перевелись, по крайней мѣрѣ измѣнили свое обращеніе съ учениками; отношенія членовъ педагогическаго совѣта къ властямъ административнымъ стали другія; прежній способъ производства гимназическихъ и университетекихъ испытаній за-

мѣненъ новымъ; положеніе господъ учителей во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось; измѣнились даже отношенія общества къ учебнымъ заведеніямъ края. Посмотрѣвши съ этой точки зрѣнія на мою коллекцію писемъ, я не только не сжегъ ее, но напротивъ — рѣшился напечатать. Картина учебной жизни, которую представляетъ »переписка«, какъ картина прошедшаго, и безъ-того не имѣетъ никакого обличительнаго значенія для настоящаго времени; независимо однако отъ того, я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы изображенія разныхъ лицъ, встрѣчающіяся въ этой картинѣ, какъ можно менѣе походили на портреты лицъ живыхъ, то есть обрѣтавшихся и обрѣтающихся *in rerum natura*. Для этого, настоящія фамиліи, упоминаемыя въ письмахъ, я замѣнилъ вымышленными и уничтожилъ, до малѣйшаго слѣда, всѣ нескромныя черты, прямо указывавшія на отдѣльныя личности. Такимъ образомъ, пусть никто не ищетъ въ »перепискѣ« никакихъ намековъ, никакихъ извѣтовъ на отдѣльныя лица, пусть никто не старается узнать здѣсь ни себя, ни своихъ знакомыхъ. По моему мнѣнію, было бы крайне несправедливо слагать на личную отвѣтственность кого бы то ни было общую принадлежность мѣста и времени. Когда холера въ воздухѣ всякій легко можетъ сдѣлаться ея жертвою. Каяться намъ, а не обличать другъ друга, каяться всѣмъ, и первому мнѣ многрѣшному, бывшему татаровскому инспектору! Господи, аще бо назриши прегрѣшенія, кто постоитъ? Да не подумаетъ кто нибудь, что, говоря это, я хочу только оправдать утайку фактовъ, лично до меня относящихся. Какъ несправедливо было бы такое предположеніе, доказательствомъ служитъ, что всѣ мѣста, въ которыхъ не слишкомъ лестно говорится о татаровскомъ инспекторѣ, то есть обо мнѣ и которыя безъ нескромности можно было напечатать, я напечаталъ. Уничтоживъ въ издаваемой мною перепискѣ все непріятное для самолюбія или скромности отдѣльныхъ лицъ, я расположилъ письма въ хронологическомъ порядкѣ и въ выноскахъ дополнилъ необходимыми поясненіями.

Бывшій инспекторъ татаровской гимназіи, Иванъ Линейкинъ.

№ 1. *Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Тропаревича, къ секретарю крюкославской духовной консисторіи.*

Ваше высокоблагородіе,

милостивый государь и благодѣтель,

Ѳома Петровичъ!

Священнымъ долгомъ считаю увѣдомить васъ, что послѣ всѣхъ испытанныхъ мною треволненій, достигъ я наконецъ мирной пристани подъ кровомъ татаровской гимназіи въ званіи надзирателя (1). Рекомендаціонное письмо ваше къ господину директору премного къ тому способствовало и, такъ сказать, открыло мнѣ путь моего поприща. Да наградитъ васъ за то Всевышній!

Представъ со страхомъ предъ особу господина директора, я доложилъ ему о моемъ пребываніи въ семинаріи до риторики включительно. Въ отвѣтъ на сіе ихъ высокородіе изволили спросить меня, искусенъ ли я въ нотномъ пѣніи. Часть эта достаточно мнѣ извѣстна, и я, не обинуясь дерзнулъ увѣрить въ томъ господина директора. Тогда ихъ высокородіе, принявъ отъ меня прошеніе, благоволили немедленно допустить къ исправленію надзирательской должности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложили на меня и обязанность регента гимназическаго хора.

Всѣхъ насъ надзирателей при татаровской гимназіи седмь человѣкъ. Пять блюдутъ за воспитанниками общихъ квартиръ, два—за вольноприходящими.

---

(1) Какъ добросовѣстный издатель, я старался сохранить текстъ писемъ во всей его полнотѣ и подлинности, на сколько это было согласно съ требованіями скромности. Однако, что̀ касается правописанія, то я предпочелъ сообразоваться не съ подлиннымъ правописаніемъ издаваемыхъ мною писемъ, а съ господствующими въ наше время правилами грамматики. Въ слѣдствіе этого, во многихъ письмахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими особенностями ихъ подлиннаго правописанія, я не сохранилъ и всѣхъ тѣхъ орѳографическихъ тонкостей, которыхъ сущность заключается въ выраженіи бо́льшей или меньшей степени уваженія къ разнымъ лицамъ и предметамъ посредствомъ относительной величины буквъ, которыми начертаны названія этихъ лицъ и предметовъ. Впрочемъ выраженія характеристическія, (попадающіяся, напримѣръ, въ письмахъ надзирателя Михайлова) переданы здѣсь безъ всякаго измѣненія, хотя выраженія эти, какъ кажется, и противорѣчатъ господствующимъ въ наше время правиламъ грамматики. Говорю: какъ кажется, потому что съ другой стороны выраженія эти—фактъ, un fait accompli, и слѣдовательно, въ нашъ безпристрастный вѣкъ, имѣютъ свой авторитетъ даже для науки.

ходящими. Мнѣ воспослѣдовало назначеніе въ общія квартиры (1). Квартиры сіи именуются общими по совокупности пребыванія въ нихъ учениковъ. Это родъ бурсы, съ платою за содержаніе по усмотрѣнію начальства. Разумѣется, возможна въ семъ и нѣкая экономія, паче же, по внушенію господина директора, облегченіе надзора и духъ воспитанія. Сего ради и содержатся здѣсь надзиратели: я и еще другихъ четыре. Два, подобно мнѣ, изъ духовнаго званія, одинъ изъ отставныхъ воинской службы, одинъ изъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства. Дежуримъ мы чредою, каждый не болѣе четырехъ разъ въ седмицу.

Переписка есть и здѣсь, только умѣренная: двѣ книги для записыванія штрафовъ, одна—для успѣховъ, одна для ученическихъ отлучекъ, одна для внесенія именъ посѣтителей, одна для особыхъ произшествій и, кромѣ того, ежедневно составляется краткое извлеченіе изъ всѣхъ книгъ и при рапортѣ подается его высокородію господину директору.

Жалованія надзирателю полагается ежемѣсячно 16 рублей 33 копѣйки. По особому условію съ подрядчикомъ, продовольствующимъ учениковъ пищею, надзиратели, кромѣ квартиры, пользуются и столомъ отъ заведенія. Понеже одобреніе яствъ зависитъ отчасти отъ надзирателей, то подрядчикъ пріемлетъ особенное попеченіе о надзирательскихъ порціяхъ.

Что касается доброхотныхъ приношеній, или, такъ сказать, приватной

---

(1) Общія квартиры были открыты здѣсь въ 1840 году, въ видѣ опыта на 10 лѣтъ, и просуществовали съ своимъ первоначальнымъ, обязательнымъ, характеромъ до 1856 года. Всѣ воспитанники извѣстнаго учебнаго заведенія, если только не жили у своихъ родителей, обязаны были квартировать въ общей ученической квартирѣ: исключенія допускались рѣдко, и только по очень уважительнымъ причинамъ. Вслѣдствіе такого сосредоточенія учащихся, во-первыхъ, облегчался училищному начальству надзоръ за ними, во-вторыхъ, самое содержаніе обходилось дешевле. Поэтому плата за содержанія въ общей квартирѣ была самая умѣренная. Всѣ расходы по общей квартирѣ (не исключая и жалованія надзирателямъ и прочимъ чиновникамъ) производились единственно изъ денегъ, вносимыхъ родителями за содержаніе своихъ дѣтей. Не смотря однако на свои ограниченныя средства, многія общія квартиры, стараніемъ опытныхъ педагоговъ, доведены были до возможной степени не только внутренняго, но и внѣшняго, совершенства. Не хвастая могу сказать, что во время моего инспекторства, и въ особенности въ первые годы, общія квартиры при татаровской гимназіи представляли образецъ чистоты, порядка и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже великолѣпія. Мы гордились тѣмъ, что изъ остатковъ суммъ, положенныхъ на продовольствіе и учебныя пособія, безъ всякаго впрочемъ ущерба продовольствію и учебнымъ пособіямъ, могли содержать мебель и зданія общихъ квартиръ въ блестящемъ видѣ, который сдѣлалъ бы честь и заведенію, располагающему значительными штатными суммами.

благостыни, то, по недавности моего здѣсь пребыванія, въ точности еще не знаю. Слыхалъ, однако, что сослуживецъ мой, надзиратель Кондаковскій, имѣетъ нѣкіе источники, изъ коихъ главный заключается въ отдачѣ ученикамъ денегъ въ ростъ. Въ случаѣ несостоятельности должниковъ, займы взыскиваются съ ихъ родителей, подъ видомъ уплаты за будто бы разбитую учениками посуду и якобы утерянныя казенныя книги.

Хотя при опредѣленіи моемъ имѣлось въ виду и нотное пѣніе, однако, по малочисленности учениковъ православнаго исповѣданія, господинъ директоръ еще не успѣлъ составить гимназическаго хора. Безъ поддержки со стороны господъ учителей, изъ коихъ многіе и сами нечужды нотному искусству, басъ мой былъ бы, на клиросѣ гимназической церкви, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Мѣстечко Татаровка на видъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстечекъ нашей губерніи: такое же множество іудеевъ и такія же ветхія іудейскія корчмы. Грязь однако здѣшняя превосходитъ все извѣстное по губерніи въ этомъ родѣ.

По случаю, мнѣ достался очень изрядный турецкій табачекъ, коего три фунтика, честь имѣю вашему высокоблагородію почтительнѣйше представить. Не отвергните, достопочтеннѣйшій благодѣтель, сіе приношеніе отъ глубины благодарнаго сердца.

№ 2. *Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Цаповскаго, къ столоначальнику крюкославскаго губернскаго правленія.*

Честь имѣю рекомендоваться вамъ, любезнѣйшій Артемій Спиридоновичъ: надзиратель за вольноприходящими учениками татаровской гимназіи, Амфилохій Аввакумовичъ Цаповскій. Пусть не думаетъ твой господинъ совѣтникъ, выжившій меня, по наущенію жидковъ, изъ крюкославскаго городоваго магистрата, что всѣ мѣста въ губерніи зависятъ отъ губернскаго правленія. На зло господину совѣтнику и всѣмъ врагамъ моимъ, я, послѣ трехмѣсячной безмездной переписки бумагъ въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ мѣсто надзирателя гимназіи, по предписанію господина управляющаго округомъ отъ 17-го сентября сего года за № 9,999.

Изъ дѣлъ губернскаго правленія тебѣ извѣстно особое положеніе сего края: оно остается особымъ и по учебной части. Поэтому въ над-

зиратели при учебныхъ заведеніяхъ назначаются предпочтительно такія лица, которыя, по своей служебной опытности, могли бы имѣть бдительный надзоръ за ходомъ воспитанія.

Директоръ татаровской гимназіи удивилъ меня своимъ знаніемъ всякаго канцелярскаго порядка. И самому Вавилѣ Аммосовичу, первому докѣ крюкославскаго губернскаго правленія, поучиться бы у господина директора. Пріятно служить у такого начальника: можешь спать покойно, въ полной увѣренности, что никакая въ мірѣ бумажка не захватитъ тебя врасплохъ. Похвалюсь, что и господинъ директоръ почтилъ меня своимъ довѣріемъ на значительную сумму, по части заготовленія дровъ и разныхъ матеріаловъ для общихъ ученическихъ квартиръ, а госпожа директорша приблизила къ своему дому порученіетъ закупки съѣстныхъ припасовъ для ихъ собственной кухни. Въ общей сложности, однако, я не въ убыткѣ. Бываютъ также и экстренные случаи, не говоря уже о пестромъ платьи, чубукахъ, кисетахъ и о прочемъ, подлежащемъ, по нашимъ гимназическимъ правиламъ, конфискаціи. Разумѣется, для всякаго желательнѣе монетою; но по возможности отъ сего удерживаюсь, чувствуя благовидность учебной службы.

Въ сущности и учителя подлежатъ нашему надзору, особенно касательно аккуратнаго хожденія въ классъ и содержанія въ чистотѣ и опрятности классныхъ журналовъ; но отъ учителей, кромѣ непріятностей, не жди ничего. Эти люди не чувствуютъ никакой благодарности. Справедливо, что безъ учителей не можетъ состояться и гимназія; но, сколько я понимаю это дѣло, присмотрѣвшись къ гимназіи на мѣстѣ, въ учительскомъ штатѣ возможны значительныя сокращенія. Довольно сказать, что всегда только одна половина этихъ господъ бываетъ на должности, а другая въ то время разгуливаетъ. Особенно не нравятся мнѣ въ учителяхъ ихъ азартные манеры. Иной, вбѣжавши изъ класса въ инспекторскую, броситъ передъ тобою на столъ классный журналъ, такъ что столъ задрожитъ. Не могу однако пожаловаться на учителей нѣмецкихъ: эти ужъ, видно, отъ природы расположены ко всякой служебной деликатности. Даромъ что и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по русски, однакожъ требованія высшаго начальства смекаютъ не хуже нашего брата, стараго служаки. Право, въ нихъ гораздо больше настоящей преданности и кореннаго духа, нежели въ учителяхъ русскаго языка и словесности.

Прощай, любезный Артемій Спиридоновичъ; кланяйся крюкославскому городовому магистрату и пожелай ему отъ меня, чтобы онъ про-

валился, вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ совѣтникомъ, который болѣе вѣритъ жидамъ, чѣмъ благородному офицеру.

№ 3. *Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Михайлова, къ его женѣ.*

Дражайшая наша супруга,

Анна Семеновна!

Увѣдомляю тебя, что, по теперешнему моему званію и офицерскому чину, получилъ я мѣсто надзирателя въ татаровской гимназіи, крюкославской губерніи. Должность моя смотрѣть за мальчишками, чтобы не портили казенной небели и не пачкали книгъ, а болѣе же по гардеробной части, на счетъ сапогъ. Еще обучаю я здѣшнихъ школьниковъ пѣшей выправкѣ и маршировкѣ: теперь вся ихняя гимназія прикомандирована подъ начальство его превосходительства нашего генерала.

На второй недѣлѣ великаго поста пріѣзжалъ къ намъ начальникъ: кто говоритъ—казенный инспекторъ, а кто—визитатуръ. Выправкою остались довольны и благодарили. Одно показалось мнѣ обидно: сравнили наше ученіе съ танцованіемъ. Танцмейстеромъ я не былъ и быть не желаю.

Съ пріѣздомъ своимъ ко мнѣ ты, мать моя, повремени. Здѣшнія учительскія и надзирательскія жены говорятъ на языкахъ и наряжаются, какъ помѣщицы. Гимназическая попадья и та въ шляпкѣ подъ зонтикомъ. Тебѣ покажется скучновато, а особенно безъ хозяйства, по строгости здѣшняго начальства на счетъ чистоты: въ гимназическомъ дворѣ свиней не терпитъ. Я самъ одной перешибъ полѣномъ ноги; кажись, письмоводительской.

Просилъ я тебя не называться и не писаться прежнимъ нашимъ прозваніемъ — Сопляковой, а теперешнимъ — Михайловой. Забыла развѣ, что когда на смотру фельдфебель первой роты при всѣхъ ляпнулъ свою фамилію, то былъ приказъ, чтобы въ полкахъ не было разныхъ мужицкихъ прозваній и что тогда и меня переименовали изъ Сопляка въ Михайлова.

Посылаю тебѣ 25 рублей денегъ и два фунта жидовскаго чаю: онъ, какъ сама увидишь, не хуже нашего деркачевскаго, а между тѣмъ не въ-примѣръ дешевле.

№ 4. *Отъ ученика татаровской гимназіи къ бывшему ученику той же гимназіи.*

Имя твое, дорогой Саша, исключенное рукою директора изъ гимназическихъ списковъ, живетъ по прежнему въ сердцахъ твоихъ товарищей. Страшно подумать, въ какомъ ты теперь безвыходномъ положеніи, по милости директорской отмѣтки: *поведенія былъ добропорядочнаго*. Роковыя слова! Тяжелымъ камнемъ легли они на пути твоемъ. Казалось, близокъ былъ конецъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ испытаній; еще шагъ — и университетъ спасалъ жертву татаровскаго воспитанія; но не такъ было угодно судьбѣ. Скажи, какъ принялъ тебя отецъ, что сказала мать?

У насъ все по старому: надзиратель, по милости котораго тебя исключили, такой же какъ и былъ; Соня (да простятъ мнѣ боги, что упоминаю ея имя рядомъ съ именемъ негодяя) по прежнему составляетъ главный предметъ стиховъ и воздыханій нашихъ поэтовъ.

Недавно ярыжка Цаповскій посѣщалъ нашу квартиру и при этомъ, по обыкновенію, утащилъ одесскій чубукъ Стася и прекрасный кисетъ Больця, вышитый ручками его божественной Мариси. Больця не было въ квартирѣ; мы знали, что онъ дорожитъ кисетомъ, какъ святыней, поэтому предложили Цаповскому, вмѣсто кисета, девять злотыхъ, то есть все, что имѣлось тогда у насъ въ наличности. Какъ нарочно, не согласился.

Миша Чупинскій съигралъ недавно отличную штуку съ Филиппомъ Потаповичемъ. Ты знаешь, бѣдняжкѣ Митѣ не далась географія. Не желая оставаться на третій годъ въ третьемъ классѣ, за незнаніе водяныхъ коммуникацій, задумалъ Миша уволиться изъ гимназіи и поступить въ аптекарскіе ученики. Но и для этого необходимо представить свидѣтельство объ удовлетворительномъ знаніи предметовъ третьяго класса, слѣдовательно необходимо было держать экзаменъ и получить переводный шаръ изъ географіи. Настало время годичныхъ испытаній; Филиппъ Потаповичъ, по обыкновенію, развѣсилъ у себя на заборѣ, вмѣстѣ съ сушившимся бѣльемъ, разныя географическія карты и открылъ свою фабрику частныхъ уроковъ. Не хотѣлось Мишѣ выбросить 25 рублей за частно-гуртовые уроки и онъ придумалъ слѣдующую штуку. Въ день экзамена изъ георафіи, Миша пораньше отправился въ классъ, а къ Филиппу Потаповичу отправилъ нѣсколькихъ товарищей, съ тѣмъ чтобы они, подъ

видомъ переговоровъ о частныхъ урокахъ, задержали его дома, какъ можно долѣе. Встрѣтивши Филиппа Потаповича въ корридорѣ, Миша извѣстилъ его о своемъ намѣреніи поступить въ аптекарскіе ученики, показалъ свое прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, помѣченное рукою директора, просилъ снисходительно экзаменовать его и въ заключеніе сунулъ Филиппу Потаповичу въ руку десять мѣдныхъ пятаковъ, завернутыхъ въ чистенькую бумажку. Не приходилось Филиппу Потаповичу при свидѣтеляхъ повѣрять содержаніе свертка: онъ спряталъ пятаки въ карманъ и отправился прямо въ экзаменаціонный залъ, гдѣ уже поджидали его предсѣдатель и ассистенты. Такимъ образомъ и здѣсь не удалось ему пересчитать деньги, что́, по своей примѣрной на этотъ счетъ аккуратности, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если бы дѣло происходило съ глазу на глазъ. Кончился экзаменъ, Миша получилъ переводной шаръ, а Филиппъ Потаповичъ принужденъ былъ молча проглотить пилюлю, искусно приготовленную рукою будущаго аптекаря.

Сообщаю тебѣ печальную новость: Петя попалъ въ число директорскихъ любимцевъ и уже два раза пилъ чай у директора. Ты знаешь уловку нашего директора — зазвать къ себѣ ученика, поить чаемъ, кормить конфектами, ласкать, а между тѣмъ искусно вывѣдывать отъ него разныя ученическія тайны. Кто пилъ у директора чай, того мы считаемъ директорскимъ шпіономъ. На другой день, когда Ваня Гробельскій спросилъ Петю, вкусенъ ли ему показался директорскій чай, Петя покраснѣлъ, отвернулся и сквозь слезы отвѣчалъ: »со временемъ узнаете«. Упрекнула ль его совѣсть, или оскорбился онъ намекомъ?

Прощай, другъ Саша: ждемъ визитаціи, поэтому надо приняться за дозубриваніе положеннаго числа страницъ. Право, какъ подумаешь, что иные изъ насъ остаются по два и по три года въ одномъ и томъ же классѣ для того только, чтобъ одно начальство могло похвалиться нашими твердо выученными отвѣтами предъ другимъ начальствомъ....

№ 5. *Отъ бывшаго ученика татаровской гимназіи къ его товарищамъ.*

Благодарю тебя, дорогой другъ, благодарю всѣхъ васъ за память и участіе. Правда твоя: *добропорядочное поведеніе* закрыло мнѣ много путей, но не закрыло всѣхъ; остался свободнымъ одинъ, намъ близкій, на который такъ часто бросались мы нскати и некстати, но по которо-

му всегда шли съ честью — это путь военной службы. Поздравь меня, я солдатъ. Вотъ какъ это случилось.

Когда безъ спроса и вѣдома моихъ родителей, мнѣ приказали уволиться изъ гимназіи, то я, чтобы не попасть въ руки Татаровскаго становаго, тотчасъ нанялъ балагулу (1) и отправился домой. Ты знаешь моего отца, поэтому догадаешься, что не безъ страха за свою шкуру приближался я къ родительскому дому: Какія ни придумывалъ оправданія, чтобы представить отцу дѣло въ самомъ выгодномъ для меня свѣтѣ, какъ ни подбиралъ патетическія фразы, а все казалось мнѣ, что не обойдется безъ расправы. Увидѣвъ меня, старикъ строго спросилъ: зачѣмъ я пріѣхалъ домой въ учебное время. Поклонившись отцу въ ноги, я признался, что удаленъ изъ гимназіи за то, что безъ позволенія инспектора пошелъ въ костелъ; разумѣется, о столкновеніи моемъ въ костелѣ съ надзирателемъ Цаповскимъ я благоразумно умолчалъ. »Pierwzse posłuszeństwo, łajdaku, jak nabożeństwo« (повиновеніе, негодяй, важнѣе набожности), отвѣтилъ старикъ и уже снялъ со стѣны нагайку, какъ явились въ комнату моя мать и нашъ приходскій священникъ, ксендзъ Галуха. Разсказы мои, подтвержденые свидѣтельствомъ матери, которая, во время пріѣздовъ своихъ въ Татаровку, имѣла случай вдоволь наслушаться разныхъ былей и небылицъ о строгости татаровскаго директора, и нѣсколько сентенцій въ пользу набожности ксендза Галухи, спасли меня отъ родительскаго жезла. »Видно, не умѣютъ теперь васъ сѣчь въ школѣ и придумали выгонять«, сказалъ старикъ и повѣсилъ нагайку на ея мѣсто, между одноствольнымъ ружьемъ и охотническимъ рогомъ.

Все состояніе моего отца заключается въ дворянской родословной, которой подлинности не успѣли опровергнуть и строжайшія розъисканія современныхъ критиковъ; поэтому мнѣ необходимо было подумать о службѣ, какъ единственномъ для меня кускѣ хлѣба. Туда нельзя, тамъ не принимаютъ, здѣсь самому не хотѣлось бы: оставалось одно, ѣхать въ корпусную квартиру и опредѣлиться въ полкъ. И здѣсь однако чуть не помѣшало мнѣ *добропорядочное поведеніе*, отмѣченное въ моемъ гимназическомъ свидѣтельствѣ крупнымъ директорскимъ почеркомъ. Начальникъ штаба, пересмотрѣвъ мои документы, спросилъ меня, за что это я выпущенъ изъ гимназіи не съ хорошимъ, а только съ добропорядочнымъ поведеніемъ? Тебѣ извѣстно, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ

(1) Балагулами называются въ Западныхъ губерніяхъ Евреи, промышляющіе извозомъ.

всѣ подобные мнѣ гимназическіе отверженцы. »За куреніе папироски, полковникъ«, сказалъ я. Почтенный ветеранъ улыбнулся. »Въ такомъ случаѣ, надѣюсь«, замѣтилъ онъ, »что въ военной службѣ, гдѣ курить позволяется, поведеніе ваше будетъ безупречно«, и меня опредѣлили.

Военная служба и кругъ людей, въ который я попалъ, пришлись мнѣ по душѣ. По крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ выгнанныхъ изъ магистрата надзирателей и другихъ высшаго разбора соглядатаевъ. Въ искренномъ, задушевномъ кружкѣ военной молодежи, я въ три мѣсяца успѣлъ въ русскомъ языкѣ болѣе, нежели въ теченіи всего гимназическаго курса. Но, говорятъ, впечатлѣнія школьной жизни неизгладимы. Жаль, что для насъ съ воспоминаніемъ о школѣ соединено теперь такъ много горькаго и обиднаго. Надѣюсь однако, что время и добрыя силы незлопамятной юности скоро изгладятъ въ душѣ моей непріятные образы надзирателей и директоровъ, пріучающихъ насъ къ подличанью и шпіонству. Уже и теперь я, кажется, встрѣтилъ бы ихъ безъ вражды и чувства обиды; а учителей, которые, сказать правду, такія же безотвѣтныя жертвы татаровской дисциплины, какъ и мы несчастные, встрѣтилъ бы съ радостью. Воспоминаніе же о васъ, друзья мои, и о той, дорогое имя которой ты упомянулъ въ своемъ письмѣ, воспоминаніе о первыхъ порывахъ сердца и первыхъ мечтахъ воображенія я свято сохраню на всю жизнь. Прощай, дорогой другъ; обними крѣпко всѣхъ товарищей. Пишите комнѣ, адресуя Александру Францовичу Ращу, въ полковой штабъ.

№ 6. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Колпаковскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Рогатовскому.*

Исполняя твое желаніе, любезный сосѣдъ, спѣшу какъ можно подробнѣе разсказать тебѣ о всѣхъ обстоятельствахъ опредѣленія сыновей моихъ въ татаровскую гимназію, чтобы ты, наученный моимъ опытомъ, зналъ, какъ лучше поступить и тебѣ, при опредѣленіи своего дитяти.

Само собою разумѣется, что въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе дѣтей въ учебное заведеніе, голосъ матери особенно важенъ; поэтому въ нашемъ домашнемъ совѣтѣ положено было ѣхать съ дѣтьми въ Татаровку не только мнѣ, но и женѣ моей. Жену, вмѣстѣ съ паномъ Цибовичемъ, нашимъ домашнимъ учителемъ и дѣтьми, отправилъ я въ особомъ экипажѣ; самъ же выѣхалъ послѣ и догналъ ихъ въ Кривомъ-Рогѣ, сдѣлавъ на моихъ гнѣдыхъ болѣе 35 верстъ въ два часа. Переночевали мы

у Тренбовича, въ Романсовкѣ, и на другой день благополучно пріѣхали въ Татаровку, гдѣ, выдержавъ неизбѣжный натискъ мишуресовъ (1), остановились въ постояломъ домѣ Янкеля Цимеса. Кое-какъ устроившись, а главное—защитивъ себя отъ напора разныхъ разнощиковъ, пригласили мы къ себѣ ветхозавѣтную чету, Янкеля и его почтенную Сару, чтобы пораспросить ихъ о татаровской гимназіи и о всемъ, относящемся до учебнаго и административнаго въ ней порядка. Ветхозавѣтная чета насказала намъ три короба разныхъ ужасовъ о высокомѣріи татаровскаго директора, о строгости пріемныхъ испытаній и о притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются родителямъ въ выборѣ для дѣтей квартиры. Предметъ этотъ, повидимому, очень близко интересовалъ Янкеля и его Сору, и они съ большимъ жаромъ передавали намъ различныя черты татаровской дисциплины. Едва успѣлъ Янкель разсказать намъ одинъ случай, рисующій нравъ и политику татаровскаго директора, какъ Сора уже начинала разсказывать другой, по ея мнѣнію, болѣе поразительный; лишь только Сора собиралась перевести духъ, чтобы продолжать свой разсказъ, какъ перебивалъ ее Янкель и начиналъ свое. Когда же кому-либо изъ нихъ приходилось говорить о событіи, которое обоимъ казалось особенно замѣчательнымъ, тогда голоса ихъ сливались, и они вмѣстѣ воспѣвали одно и то же: точь въ точь италіянскіе артисты, которыхъ мы съ тобою слышали, въ прошедшемъ году, на одесской сценѣ. Выслушавъ этотъ дуэтъ, я показалъ Янкелю кошелекъ и спросилъ его, не улаживаются ли здѣсь дѣла посредствомъ вотъ этого; но, къ удивленію моему, онъ отрицательно замоталъ головою. Недовѣряя разсказамъ Янкеля и его Соры, отправился я, за полученіемъ свѣдѣній о гимназіи, къ извѣстному въ нашемъ уѣздѣ фортепьянному мастеру и настройщику; жену же отправилъ пораспросить о гимназіи татаровскую модистку. То, что услышали мы здѣсь, еще болѣе испугало насъ. Особенно смущали меня разсказы о манерѣ татаровскаго директора принимать родителей, какъ провинившихся подчиненныхъ и просителей. Чтобы избавить меня отъ непріятныхъ объясненій съ директоромъ, моя добрая Юзя вызвалась взять на себя первую аудіенцію, въ томъ предположеніи, что для ней, какъ для дамы, татаровскій директоръ будетъ вѣжливѣе и уступчивѣе. Но увы! только напрасно моя бѣдная барыня провела лишній часъ за своимъ туалетомъ. Представь себѣ: этотъ камчадалъ, татаровскій директоръ, вы-

(1) Мишуресъ — Еврей, исполняющій въ еврейскихъ постоялыхъ домахъ обязанности и дворника, и лакея, и фактора.

шелъ къ моей Юзѣ въ какомъ-то бекешѣ и, не обращая вниманія на ея вѣжливости, не давши ей кончить комплимента, съ которымъ она обратилась къ нему, сухо спросилъ: »что вамъ угодно«, и затѣмъ узнавши, что дѣло состоитъ въ опредѣленіи нашихъ дѣтей въ гимназію, сказалъ: »подайте прошеніе; экзаменъ въ 5 часовъ«; повернулся и ушелъ. Чортъ ихъ знаетъ, у кого эти люди учились учтивости и съ кѣмъ они живутъ! Юзя моя, обиженная пріемомъ директора, страшно его бранила, панъ Цибовичъ ей вторилъ, дѣти слушали, я молчалъ. Но вѣдь какъ ни разсуждай, а гимназіи теперь не обойдешь.... За полтинникъ мнѣ написали гдѣ-то прошеніе о принятіи моихъ дѣтей въ гимназію, и я рѣшился повести ихъ на экзаменъ, пригласивъ съ собою и Цибовича. Когда дѣтей экзаменовали, мы съ Цибовичемъ оставались у порога экзаменаціоннаго зала и издали могли видѣть только испуганныя физіономіи Яся и Стася, отвѣтовъ же ихъ не слышали. Оказалось, что дѣти, которыхъ Цибовичъ взялся приготовить въ третій классъ, могли, по своимъ познаніямъ, поступить только въ первый. Я бы не повѣрилъ этому, если бы меня увѣряли только учителя и директоръ; но и учитель Закона Божія, ксендзъ Пущайло, сказалъ то же самое. Между тѣмъ Цибовичъ старался убѣдить Юзю, что всему виною одно русское произношеніе, которымъ будто бы въ отвѣтахъ моихъ дѣтей остался недоволенъ директоръ и которое одно было причиною, что учителя поняли въ превратномъ смыслѣ отвѣты моихъ дѣтей изъ географіи и ариѳметики. Боюсь однако, не надулъ ли меня самъ Цибовичъ: здѣшніе учителя узнали его и сказали мнѣ, что, года четыре тому назадъ, онъ, по неспособности къ ученію, уволился изъ третьяго класса татаровской гимназіи. Если это дѣйствительно такъ, то, разумѣется, поступивъ въ гувернеры, не могъ другихъ научить тому, чего и самъ не зналъ. Обманщикъ! а когда поступалъ ко мнѣ, то говорилъ, что знаетъ гимназическую программу, со всѣми ея правилами, исключеніями, толкованіями и дополненіями, какъ своихъ пять пальцевъ. Такъ-то нашего брата, помѣщика, всякій надуваетъ!

Сколько я ни увѣрялъ директора и господъ учителей, что дѣти мои прекрасно приготовлены, что только по робости могли сбиться въ отвѣтахъ, сколько ни упрашивалъ членовъ педагогичекаго совѣта — принять моихъ дѣтей, если не въ третій, то по крайней мѣрѣ во второй классъ (въ который дѣйствительно и намѣренъ былъ опредѣлить ихъ; въ третій же запросилъ для вѣрнѣйшаго пріема во второй); но всѣ просьбы мои были напрасны. Наконецъ, умолялъ, чтобы хотя старшаго сына, щадя

его самолюбіе и сердце матери, приняли во второй; но и въ этомъ не успѣлъ: оба поступили въ первый.

Послѣ преній о классѣ, перешли (уже въ директорской квартирѣ и собственно съ директоромъ) къ преніямъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на квартирѣ. Я намѣренъ былъ помѣстить ихъ у госпожи Чубацкой. Дочь этой почтенной дамы говоритъ по французски; зять отчасти тоже говоритъ по французски и кромѣ того играетъ на скрипкѣ; сынъ отлично танцуетъ. Мнѣ очень понравилось соединеніе столькихъ талантовъ въ одномъ семействѣ, и я, чтобы не потерять случая помѣстить дѣтей моихъ на квартирѣ съ такими воспитательными преимуществами, очень охотно согласился дать госпожѣ Чубацкой, въ счетъ платы за содержаніе моихъ дѣтей, 50 рублей задатку. Но директоръ и слушать не хотѣлъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на вольной квартирѣ и требовалъ, чтобы ихъ помѣстить въ такъ называемыя казармы, или общія квартиры. Полагаю, нѣтъ нужды разсказывать тебѣ, что это такое—общія квартиры: всѣ мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ заключается вся сила этого милаго учрежденія. Напрасно выставлялъ я директору нѣжный возрастъ моихъ дѣтей, привычку жить въ семьѣ, напрасно умолялъ, горячился, наскучалъ, напрасно самъ просилъ и подсылалъ другихъ просить за меня; онъ былъ неумолимъ. Каменное сердце! Если бы я на свои глаза не видѣлъ, какъ десятки другихъ отцовъ возились съ нимъ тоже безъ всякаго успѣха, то подумалъ бы, что бѣсъ этотъ не расположенъ только лично ко мнѣ. Три дня осаждалъ я татаровскаго директора: ловилъ его дома, въ гостяхъ, на улицѣ, въ гимназіи, въ церкви, все не теряя надежды уломать его какъ нибудь; наконецъ принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ и согласился помѣстить сыновей въ общія ученическія квартиры. Пошли счеты. Въ началѣ нашихъ переговоровъ, восхваляя дешевизну содержанія въ общей квартирѣ и выставляя эту дешевизну, какъ одно изъ преимуществъ, директоръ сказалъ мнѣ, что за содержаніе въ общей квартирѣ обоихъ моихъ сыновей, въ первомъ полугодіи, слѣдуетъ заплатить только 120 рублей; но когда дошло дѣло до расплаты, то вдругъ прибавилось еще 80 рублей на какое-то первоначальное обзаведеніе; затѣмъ, при сдачѣ бѣлья и платья, обраковали, подъ предлогомъ неформеннаго вида, почти весь гардеробъ моихъ дѣтей, и обракованныя вещи надо было перевести на звонкую монету; наконецъ потребовалось представить, въ пользу заведенія, нѣчто и натурою, именно серебренную ложку, ножъ, вилку и 20 аршинъ какого-то салфеточнаго холста. Всѣ эти сдѣлки облечены въ законную форму, и, въ полученіи отъ меня вещей и денегъ, директоръ вы-

далъ мнѣ формальныя квитанціи. Покончивъ съ директоромъ, я завернулъ въ общія квартиры, чтобы увидѣть будущее помѣщеніе моихъдѣтей. Здѣсь ожидали меня новыя, уже приватныя сдѣлки и новые расходы. Надзиратель совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, для сугубѣйшаго повторенія уроковъ, договорилъ особаго репетитора; особый репетиторъ намекалъ, что, для вящшаго надзора за моими дѣтьми, не мѣшало бы мнѣ пригласить особаго надзирателя; инспекторъ рекомендовалъ поручить бѣлье и платье особому попеченію гардеробщика; гардеробщикъ отсылалъ, для особыхъ переговоровъ о чаѣ, къ буфетчику; буфетчикъ во всемъ ссылался на инспектора. Когда я уладилъ все это, то оказалось, что дешевое помѣщеніе въ 120 рублей на бумагѣ, обошлось мнѣ на дѣлѣ въ 220. Задатокъ, данный Чубацкой, пропалъ. Дома я не могъ поймать никого изъ членовъ талантливаго семейства: ни дочери, говорящей по французски, ни музыканта — зятя, ни танцмейстера — сына. Наконецъ удалось мнѣ застать дома старуху Чубацкую, которая на отрѣзъ сказала, что задатка не возвратитъ, потому что издержалась на заготовленіе необходимой для моихъ дѣтей мебели и отказала въ это время другимъ квартирантамъ. Въ заключеніе моихъ татаровскихъ похожденій, плутъ Янкель, подъ предлогомъ большаго съѣзда родителей и дороговизны квартиръ, содралъ съ меня лишнее и по своей части. Когда я выѣхалъ изъ Татаровки, у меня въ душѣ и въ карманѣ было такъ пусто, какъ послѣ пожара.

Такимъ образомъ, любезный сосѣдъ, какъ плодъ моей горькой опытности, можешь принять къ свѣдѣнію и руководству слѣдующія замѣчанія.

1-mo. Когда повезешь сына въ татаровскую гимназію, то не бери съ собой жены,— по крайней мѣрѣ не посылай ее къ татаровскому директору. Сколь я могъ замѣтить, видъ прекраснаго пола еще болѣе раздражаетъ этого варвара, который, вопреки обычаю образованныхъ націй, готовъ скорѣе уважить резоны отцовъ, какъ резоны матерей.

2-do. Не входи съ татаровскими жителями въ необдуманныя сдѣлки и никому изъ нихъ не давай задатку: это народъ деморализованный.

3-tio. Отправляясь къ татаровскому директору, сними съ себя всѣ туалетныя украшенія: часы, перстни, брелоки, булавки, пуговки; надѣнь старые сапоги и старое пальто, словомъ нарядись бѣднякомъ; бѣдняковъ, какъ я узналъ, они освобождаютъ отъ помѣщенія дѣтей въ общей квартирѣ. Только предупреждаю тебя, что обмануть этого чорта, татаровскаго директора, черезвычайно трудно: у него вездѣ свои шпіоны. При выдачѣ квитанціи, онъ шутя сказалъ мнѣ, копѣйка въ копѣйку,

сколько я привезъ съ собою денегъ и какою монетою, также пересказалъ слово въ слово, какъ бранила его моя Юзя.

4-to. Отправляясь въ Татаровку, потуже набивай бумажникъ. Тамъ всякій своимъ манеромъ умѣетъ заставить нашего брата заплатить дань воспитанію.

№ 7. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Роватовскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Колпаковскому.*

По совѣту твоему, любезный сосѣдъ, я одинъ повезъ сына въ Татаровку; Касю же мою, какъ ни больно ей было разстаться съ ребенкомъ, оставилъ дома. Пришлось также оставить дома и нашего домашняго учителя, пана Трежескоцкаго, потому что, какъ справедливо замѣтила моя Кася, въ Татаровкѣ привезенный мною домашній учитель могъ бы показаться роскошью, несообразною съ средствами бѣдняка, роль котораго я намѣренъ былъ, по твоему совѣту, разъиграть передъ татаровскимъ директоромъ. Чтобы выдержать эту роль не только въ костюмѣ, но и въ декораціяхъ, отправился я въ Татаровку шарабаномъ, на парѣ фоль-верковыхъ лошадокъ. Въ Татаровкѣ, подъѣзжая къ постоялому дому, кучеръ мой, позабывши, что держитъ въ рукѣ простой мужицкій кнутъ, а не тотъ трехъ-аршинный бичъ, которымъ такъ мастерски владѣетъ, замахнулся и хотѣлъ хлопнуть; но слабый звукъ кнутика, не соразмѣрный съ артистическимъ размахомъ руки, только возбудилъ хохотъ и ѣдкія замѣчанія въ толпѣ мишуресовъ, равнодушно взиравшихъ на появленіе незвычнаго шарабана, мало обѣщавшаго поживы для хозяина постоялаго до а и его мишуреса.

Тщательно побрившись, надѣлъ я на себя самое старое изъ моихъ пальто и тотчасъ же отправился къ директору. У воротъ директорской квартиры, сквозь рѣшетчатый заборъ, замѣтилъ я выбѣжавшую изъ дверей директорскаго дома знакомую намъ даму, жену чернобродскаго управляющаго, госпожу Роскидальскую. Щеки ея пылали, глаза сверкали гнѣвомъ, бурнусъ, небрежно наброшенный, развѣвался на подобіе флага, шляпка подалась назадъ, какъ уланскій киверъ. Не шла, а летѣла она, крича: »piechotą pójdę do Petersburga! piechotą pójdę do Petersburga!« (пѣшкомъ пойду въ Петербургъ). Встрѣтившись съ нею въ калиткѣ, я посторонился и подалъ ей руку, чтобы помочь переступить черезъ лужу; но она, не обращая вниманія ни на лужи, ни на мою вѣжливость,

промчалась мимо меня, прокричавъ еще разъ »piechotą pójdę do Petersburga!« Еще звучалъ у меня дискантъ Роскидальской, какъ тѣ же слова: »piechotą pójdę do Petersburga!« ,произнесенныя громкимъ мужскимъ басомъ, вновь раздались въ директорскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на оныя директорскихъ индюковъ. Я оглянулся и увидѣлъ огромную фигуру нашего сосѣда Цимбалинскаго. Лице его побагровѣло отъ гнѣва; извѣстная тебѣ малиновая шапочка, надѣтая на бекрень, отчаянно подалась къ лѣвому уху; славутская бурка, вѣроятно, второпяхъ, во время быстрой ретирады отъ господина директора, была надѣта на выворотъ, то есть, красною подкладкаю наружу; такъ что въ ту минуту, когда я его увидѣлъ, онъ весь былъ красенъ, какъ свекла. Ступая гигантскими шагами и повторяя тотъ же кликъ: »piechotą dójdę do Petersburga!« онъ пронесся, вслѣдъ за Раскидальской, тоже не замѣтивъ меня.

Разсудивъ, что благочестивый обѣтъ Роскидальской и Цимбалинскаго — пѣшкомъ свершить столь дальній путь, обѣтъ, возвѣщенный всенародно и притомъ тотчасъ по выходѣ отъ директора, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ какихъ либо непріятностей съ директоромъ, и что поэтому и этотъ послѣдній можетъ находиться теперь въ раздражительномъ состояніи духа, я отложилъ мой визитъ до болѣе благопріятнаго времени и поспѣшилъ догнать Цимбалинскаго. Исправивъ превратный видъ своей бурки, онъ велъ уже подъ руку Раскидальскую. Оказалось, что причиной ихъ волненія были дѣйствительно неудачи по части воспитанія. Раскидальская просила директора позволить ея сыну квартировать у ея родственницы, Щупальской, а Цимбалинскій просилъ позволить его экономy помѣстить своего сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ. Директоръ отказалъ и той, и другому, находя, что для удовлетворенія просьбы Раскидальской не довольно достаточна степень родства, а для удовлетворенія просьбы Цимбалинскаго, недовольно достаточна степень бѣдности. Экономъ Цимбалинскаго, впрочемъ, дѣйствительно бѣденъ, какъ только можетъ быть бѣденъ экономъ небогатаго помѣщика, но нечистый духъ хвастовства подстрекнулъ Цимбалинскаго явиться предъ блюстителемъ татаровскаго просвѣщенія въ роли мецената и хлопотать за своего экономa. Увидѣвъ такую важную персону, разумѣется, для перваго визита прилично костюмированную, директоръ заключилъ, что персона эта изволитъ безпокоиться не безъ особенно важныхъ побудительныхъ причинъ; поэтому не только отказалъ помѣстить экономскаго сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ, но, какъ искусный негоціантъ въ торгахъ это-

го рода, еще потребовалъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ въ самый дорогой разрядъ общей ученической квартиры.

Разставшись съ Цимбалинскимъ и Роскидальскою, которые завернули къ родственницѣ Роскидальской, вѣроятно, посовѣтоваться на счетъ своего путешествія въ Петербургъ, я встрѣтился съ господиномъ, въ которомъ узналъ моего стараго знакомаго, чиновника крюкославскаго городоваго магистрата, Цаповскаго, сочинявшаго и переписывавшаго мнѣ въ Крюкославѣ разнаго рода дѣловыя бумажки. Я очень удивился, увидѣвъ его въ синемъ фракѣ съ бархатнымъ воротникомъ и пуговицами министерства народнаго просвѣщенія. Занятый мыслями о своемъ собственномъ маскарадѣ, я и на костюмъ Цаповскаго сначала смотрѣлъ съ маскарадной точки зрѣнія; но онъ увѣрилъ меня, что костюмъ этотъ составляетъ дѣйствительную принадлежность его оффиціальной роли—надзирателя за вольноприходящими при татаровской гимназіи. Тогда я пригласилъ его къ себѣ и, представивъ ему несомнѣнныя доказательства моей расположенности къ благодарности, просилъ посовѣтовать, какимъ бы образомъ избѣгнуть мнѣ помѣщенія дѣтей моихъ въ общей ученической квартирѣ. По совѣту и при содѣйствіи Цаповскаго, я взялъ отъ уѣзднаго врача свидѣтельство о болѣзненномъ тѣлосложеніи моего сына, именно такомъ тѣлосложеніи, которое требуетъ особаго діетическаго содержанія, несогласнаго съ нормальнымъ порядкомъ общихъ ученическихъ квартиръ; затѣмъ послалъ къ нашему уѣздному предводителю за свидѣтельствомъ о моемъ близкомъ родствѣ съ какимъ-то майромъ, у котораго Цаповскій договорилъ для моего сына квартиру, и наконецъ оба эти свидѣтельства, вмѣстѣ съ прошеніемъ объ освобожденіи сына моего отъ квартированія въ общей квартирѣ, послалъ по эстафетѣ, на имя нашего всеобщаго ходатая, Загоновскаго, съ приличнылъ приложеніемъ, въ его безотчетное расположеніе. Дня черезъ два Загоновскій увѣдомилъ меня, что на прошеніе мое вскорѣ послѣдуетъ благопріятная резолюція; но что, для окончательнаго успѣха моего дѣла, мнѣ необходимо расположить въ мою пользу и Татаровскаго директора, которому для формы предложить сказать свое мнѣніе по этому дѣлу. По совѣту того же благодѣтеля Цаповскаго, я отправился къ директору тотчасъ послѣ одного изъ моментовъ, опредѣленныхъ у него для пріема пищи (въ это время, по замѣчанію подчиненныхъ, онъ сговорчивѣе), выразилъ ему, что я считаю учрежденіе общихъ квартиръ одною изъ благодѣтельнѣйшихъ воспитательныхъ мѣръ нашего времени; изъявилъ сожалѣніе мое о томъ, что по болѣзненному тѣлосложенію, требующему особаго діетическаго содержанія,

сынъ мой не можетъ воспользоваться воспитательными преимуществами общихъ ученическихъ квартиръ, ввѣренныхъ его попеченію и славящихся по округу своимъ образцовымъ устройствомъ; предложилъ позволить мнѣ внести, въ пользу этого благодѣтельнаго учрежденія, сумму, положенную за годичное содержаніе ученика, и наконецъ просилъ засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ, что резоны мои, изложенные въ прошеніи, посланномъ по эстафетѣ, заслуживаютъ уваженія. Директоръ сразу на все согласился. При мнѣ же пожертвованныя мною деньги были записаны въ кассовую книгу прихода. Въ послѣдствіи Цаповскій, за стаканомъ пунша, объяснилъ мнѣ, что изъ суммъ подобнаго рода, равно какъ и изъ денегъ, вносимыхъ родителями за дѣйствительное содержаніе дѣтей, при соблюденіи всевозможной экономіи въ расходахъ, составляется общая экономическая сумма, которая, въ концѣ учебнаго года, совершенно легальнымъ образомъ переписывается изъ кассовой книги прихода въ кассовую книгу расхода и распредѣляется по карманамъ благоразумныхъ составителей экономическихъ суммъ и всѣхъ пріемлющихъ о томъ попеченіе. Вещь, какъ изволишь видѣть, организована очень прилично.

И такъ, любезный сосѣдъ, какъ говоритъ ксендзъ Галуха, est modus in rebus. При пособіи одной лжи, засвидѣтельствованной медикомъ, и другой — предводителемъ дворянства, мнѣ удалось обдѣлать мои дѣла успѣшнѣе твоего. Противъ моихъ аргументовъ не устоялъ и самъ татаровскій директоръ.

Въ заключеніе, позволь и мнѣ, любезный сосѣдъ, окончить письмо мое, въ видѣ совѣта тебѣ на будущее время, слѣдующимъ замѣчаніемъ: самая лучшая гарантія отъ всѣхъ золъ и напастей — это листъ чистой гербовой бумаги, съ приличнымъ приложеніемъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАРОДНОСТИ ВЪ РЕЛИГІОЗНОЙ ЖИЗНИ,

(по поводу смерти Шевченка).

Одно изъ характеристическихъ явленій жизни человѣчества въ наше время есть стремленіе каждаго народа къ уясненію и развитію своей *народной* жизни. Славяне восточные, или точнѣе—Славяне великорусскіе, довольно разработавъ прошедшее своей жизни, порываются установить свой славянорусскій взглядъ на многое въ жизни своей и чужой. Не одобряя крайностей въ воззрѣніяхъ этого рода, мы тѣмъ не менѣе, признаёмъ, что въ основаніи этихъ воззрѣній лежитъ начало справедливое. Безъ сомнѣнія, быть замкнутымъ въ своей жизни и отрицать постороннія *разумныя* вліянія не значитъ дѣйствовать ко благу своей народности: народность не исключаетъ усвоенія извнѣ того, что́ необходимо для ея развитія, точно такъ же, какъ, напримѣръ, то или другое растеніе, самобытное въ своей жизни, не исключаетъ внѣшнихъ условій, необходимыхъ для его развитія. Каждый народъ имѣетъ право усвоять себѣ *лучшее* у другихъ народовъ на столько, на сколько оно дѣйствительно есть лучшее *для него*. Онъ не теряетъ въ этомъ случаѣ своей самобытности, потому что въ выборѣ для себя того́ или другого изъ внѣшнихъ вліяній онъ самъ господинъ себѣ, а не внѣшнія вліянія располагаютъ имъ по своему произволу. Безусловное подчиненіе — такая же крайность въ жизни народа, какъ и замкнутость.

Среди народныхъ стремленій разныхъ народовъ не только славянскихъ, но и неславянскихъ, могъ ли быть равнодушнымъ къ этимъ стремленіямъ народъ южнорусскій, имѣющій свою исторію, говорящій своимъ языкомъ, не смѣшавшійся ни съ однимъ изъ окружающихъ его народовъ славянскихъ, но сохранившій свою самобытную жизнь, и съ свѣтлыми надеждами смотрящій въ будущее?... Находясь въ благопріятныхъ для

развитія условіяхъ своего существованія,—не какъ Славяне австрійскіе и турецкіе, — онъ обратилъ вниманіе на свою *внутреннюю* жизнь, сталъ вникать въ свое прошедшее, присматриваться къ своему настоящему, для того, чтобы уловить черты своей *народной* жизни. Плодомъ этихъ стремленій было появленіе украинской литературы, еще весьма юной, но уже успѣвшей обратить на себя вниманіе не однихъ Малороссовъ.... И во главѣ этого-то современнаго литературнаго движенія стоялъ одинъ изъ отличныхъ сыновъ народа—Шевченко!... Нѣтъ надобности говорить, чѣмъ онъ былъ для насъ Украинцевъ и чего мы лишились въ немъ.... Еще такъ недавно мы опустили его въ могилу, а уже онъ является для насъ какимъ-то миѳическимъ героемъ, предъ которымъ до земли склоняешь свою голову.... Шевченко успѣлъ сдѣлать то, къ чему былъ призванъ: онъ доказалъ собою, что стремленіе народа южнорусскаго къ своенародной жизни — не мечта, какъ казалось и нашимъ маловѣрамъ, и другимъ невѣрамъ. Народъ, среди котораго появилась такая личность, какъ Шевченко, не погибнетъ въ круговоротѣ исторіи, не совершивъ своего назначенія.... Послѣ Шевченка наша народность имѣетъ законное право на свое существованіе.

Но если, подобно другимъ народомъ, народъ южнорусскій имѣетъ право развивать свою народную жизнь вообще: то можетъ ли онъ быть народнымъ и въ жизни *религіозной* въ частности? Безъ сомнѣнія, религія христіанская — одна истинная религія для всѣхъ народовъ; православная церковь, къ которой принадлежитъ вмѣстѣ съ другими, и народъ южнорусскій, сохраняетъ догматы религіи христіанской во всей чистотѣ и неповрежденности; но можетъ ли нашъ народъ (равно какъ и другіе народы) быть *народнымъ* и въ своей православно-христіанской жизни—*безъ противорѣчія* какъ догматамъ христіанства вообще, такъ и догматамъ православія въ частности? Вопросъ о значеніи народности въ жизни религіозной, какъ онъ ни новъ, заслуживаетъ вполнѣ нашего вниманія, особенно при настоящихъ стремленіяхъ. Религія составляетъ важный элементъ жизни народной. А народъ южнорусскій отличается глубокою религіозностью, какъ это замѣчаютъ и не Малороссы тамъ, гдѣ сталкивается онъ съ другимъ народомъ. При своихъ стремленіяхъ къ жизни народной, народъ нашъ можетъ ли поэтому оставить въ сторонѣ вопросы религіозные? Напротивъ, не захочетъ ли онъ, чтобъ и религія принимала участіе въ важномъ для него дѣлѣ народной жизни? Стараясь рѣшить этотъ вопросъ—вопросъ объ участіи народности въ жизни религіозной, мы высказываемъ только свое *мнѣніе*, не считая его обязатель-

нымъ для чьей бы то ни было совѣсти: ученые и строгіе догматисты могутъ соглашаться и не соглашаться съ нами.

Задача жизни человѣчества—возможное для человѣка совершенствованіе. Милліоны дѣятелей во всѣ времена стремятся къ выполненію этой задачи: но искомое совершенство всегда будетъ для человѣчества тѣмъ идеаломъ, который человѣчество будетъ стараться вмѣстить въ себѣ, но котораго никогда не обниметъ. Иначе и быть не можетъ: конечнымъ дѣятелямъ не обнять совершенства — безконечнаго по самой природѣ своей.... Однакоже, назначеніе человѣчества стремиться къ совершенству, и оно приближается къ этому совершенству, — не вдругъ, а по частямъ и постепенно. Каждый народъ, какъ соединеніе (нравственное) многихъ личностей въ одну общую великую личность, призванъ выполнить одну какую нибудь *частную* задачу жизни, указываемую ему природою и исторіею, и онъ выполнитъ ее непремѣнно, если достигъ необходимой для этого степени развитія сознательно-разумной жизни.... Такъ, древній греческій народъ развивалъ однѣ идеи, напримѣръ идею искусства, тогда-какъ древній римскій народъ—другія, напримѣръ, идею права. Когда народъ выполнитъ уже свое назначеніе, тогда онъ уступаетъ мѣсто другому народу, который въ свою очередь дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ-образомъ, одна великая задача человѣчества—совершенствованіе рѣшается многими народами, дѣйствующими не только совмѣстно—другъ подлѣ друга, но и преемственно другъ за другомъ. Каждый народъ вноситъ свою долю истины и добра на пользу общую. Такъ какъ цѣль человѣчества — усовершенствованіе, то нѣтъ и не будетъ ни одного народа, который могъ бы сказать, что уже все сдѣлано для блага человѣчества и ему ничего не остается дѣлать. Одинъ народъ начинаетъ новое какое нибудь дѣло, другой продолжаетъ начатое,—одинъ дѣлаетъ болѣе, другой менѣе, но чѣмъ болѣе выступаетъ великихъ дѣятелей, т. е. народовъ, вырабатывающихъ своею жизнію ту или другую идею, тѣмъ болѣе движется впередъ общечеловѣческое усовершенствованіе. Такимъ образомъ, безъ множества и разнообразія народностей невозможенъ никакой прогрессъ человѣчества. Школа, которая старается выкроить головы своихъ воспитанниковъ по одной задуманной мѣркѣ, не допуская никакой свободы въ развитіи, подавляетъ и губитъ развитіе подпавшихъ ея вліянію личностей. Но надъ человѣчествомъ нѣтъ такаго деспота-губителя: оно развивается свободно, хотя и борется со многими препятствіями. Если развитіе жизни общечеловѣческой совершается посредствомъ различныхъ частныхъ народностей: то отчего такимъ же образомъ не можетъ совершаться и разви-

тіе жизни религіозно-христіанской? Вѣдь и христіанство проповѣдуетъ нравственное усовершенствованіе. Вѣдь и жизнь христіанская есть идеалъ необъятный ни для кого, слѣдовательно ничего не будетъ противнаго христіанству, если тотъ или другой народъ своею жизнію разовьетъ ту или другую сторону жизни христіанской; напротивъ, это весьма естественно—при ограниченныхъ силахъ человѣка съ одной стороны и при необъятности идеала жизни христіанской съ другой. Это тѣмъ болѣе возможно, что христіанство не отвергаетъ всего человѣческаго: напротивъ, старается возстановить и утвердить въ человѣкѣ все, что̀ есть въ немъ истиннаго, добраго, законнаго. Христіанство ведетъ человѣка къ совершенству не только средствами сверхъестественными, но и естественными. Слѣдовательно тѣ или другія особенности народныя не отвергаются христіанствомъ, если въ этихъ особенностяхъ есть сторона добрая, а она всегда есть въ характерѣ народномъ; напротивъ, чѣмъ сообразнѣе съ характеромъ народа взятая имъ сторона жизни христіанской, тѣмъ успѣшнѣе будетъ развитіе этой жизни... она, въ такомъ случаѣ, своя, *родная* для народа. Такимъ образомъ, различныя народности, развивая различныя стороны жизни христіанской, мало по малу приближаютъ къ человѣчеству общій великій идеалъ жизни христіанской, хотя вполнѣ этотъ идеалъ не можетъ быть обнятъ человѣчествомъ ни въ одно время.

Въ исторіи христіанства у различныхъ народовъ, мы можемъ замѣтить, что тотъ или другой христіанскій народъ развивалъ у себя *преимущественно* одну какую нибудь сторону христіанства — ту, которая болѣе сообразна съ его народнымъ характеромъ. Такъ справедливо замѣчаютъ, что въ первыя времена христіанства, на востокѣ—среди господствующаго народа греческаго—развивалась преимущественно теоретическая, или догматическая, сторона христіанства, а на западѣ—среди господствующаго народа римскаго — развивалась преимущественно сторона практическая. Народъ греческій, съ одной стороны — примыкающій къ Востоку, любившему созерцаніе, съ другой—самъ развившій мыслительную способность свою философіею,—естественно, болѣе всего разсуждаетъ о теоретической сторонѣ христіанства. Народъ римскій, народъ практическій, способенъ владѣть мечемъ, а не разсуждать. Оттого на Востокѣ спорили о догматахъ вѣры, а на Западѣ и лучшіе умы не совсѣмъ искусны въ теоретическихъ соображеніяхъ: такъ, Тертулліанъ разсуждаетъ, что если Богъ не создалъ овецъ зелеными или голу-

быми, то намъ и не нужно цвѣтныхъ одеждъ... и это въ одно почти время съ существованіемъ на Востокѣ знаменитаго философа-христіанина, Климента Александрійскаго! Самый аскетизмъ христіанскій на Востокѣ имѣемъ характеръ болѣе созерцательный,—на Западѣ—болѣе практическій. Въ послѣдствіи времени, различнымъ народамъ предстояло продолжать начатое, развивая то ту, то другую сторону въ ихъ широкомъ содержаніи. Такъ-какъ сторона теоретическая и сторона практическая обнимаютъ всю полноту христіанства, необъятную ни для кого, то различныя народности всегда могутъ найти для себя ту или другую задачу жизни христіанской, которая (задача) оставалась до этихъ поръ не разрѣшенною и которая, при томъ, вполнѣ сообразна съ природнымъ характеромъ народа.... Трудно указать, какую сторону христіанства развили новые народы христіаскіе, занявшіе мѣсто древне-греческаго и древне-римскаго и достигшіе необходимой для этого степени нравственнаго развитія: объ этомъ можно будетъ судить тогда, когда они сдѣлаются предметомъ исторіи, окончивъ свое назначеніе; но и теперь, нельзя не замѣтить, что развивая разныя стороны жизни христіанской, каждый изъ этихъ народовъ дѣлаетъ то, что вполнѣ сообразно съ его народнымъ характеромъ. Не бѣда, если тотъ или другой народъ не рѣшитъ окончательно взятой имъ задачи: онъ сдѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать, а другой народъ продолжитъ начатое. Иныя частныя задачи не такъ легко рѣшить, какъ это представляется: кто, напримѣръ, можетъ указать предѣлъ развитію искусства христіанскаго?... Одна опасность предстоитъ здѣсь народамъ, раскрывающимъ въ своей жизни тѣ или другія частныя стороны христіанства: чтобы, развивая ту или другую частную сторону христіанства, народъ не унижалъ другихъ сторонъ жизни христіанской, раскрываемыхъ или раскрытыхъ иными христіанскими народами,—чтобы своего частнаго дѣла не возводилъ въ законъ общій для всѣхъ, какъ единственно лучшее дѣло жизни христіанской,—чтобы вообще не считалъ себя обнявшимъ всю полноту жизни христіанской. Такъ, Германецъ, любящій углубляться мыслію въ предметъ, остается вѣренъ своей природѣ и народности и дѣлаетъ законно-христіанское дѣло, если старается открыть въ религіи христіанской то, что есть въ ней удобопостижимаго для ума человѣческаго: но онъ погрѣшаетъ, если единственнымъ руководительнымъ началомъ въ жизни религіозно-христіанской полагаетъ разумъ. Такъ, Англичанинъ правъ и предъ своею народностію, и предъ христіанствомъ, когда дорожитъ свободою совѣсти: но онъ погрѣшаетъ, если принципъ свободы считаетъ единственнымъ началомъ

въ жизни христіанской. Такъ, Итальянецъ вправѣ развивать и свою искусства христіанскаго: но если онъ увлекается своимъ предметомъ до того, что забываетъ прочія стороны жизни христіанской и все христіанство полагаетъ въ искусственной сторонѣ его, то онъ погрѣшаетъ, какъ это и видно на самомъ дѣлѣ: напримѣръ, богослуженіе римской церкви до того блестяще, пышно и разнообразно, что заслоняетъ собою внутреннюю сторону жизни христіанской. Такъ, общительность Француза — прекрасное дѣло: но если онъ навязывается всѣмъ и всякому съ своими услугами и старается утвердить свое вліяніе во всемъ мірѣ, то онъ заблуждаетъ: любовь христіанская не дѣлаетъ насилія независимости ближняго. Словомъ, тотъ или другой народъ, желающій быть народнымъ и въ жизни религіозной, не долженъ смотрѣть на *все* христіанство сквозь призму своей *исключительной* народно-христіанской жизни, а, оставаясь роднымъ въ своей собственной жизни — какъ общечеловѣческой, такъ и христіанской, отдавать должное уваженіе и всѣмъ прочимъ сторонамъ христіанства, которыя раскрыты или раскрываются другими народами. Въ противномъ случаѣ, онъ отступитъ отъ истины и погрѣшитъ противъ христіанскаго ученія. Такъ возникли церковь римско-католическая и общество германо-протестантское съ своими народно-исключительными взглядами, перенесенными на христіанство: особенности католицизма — главенство Папы и особенность протестантства — раціонализмъ имѣютъ свое основаніе въ характерѣ обоихъ народовъ — римскаго, привыкшаго къ обладанію всесвѣтному, и германскаго, склоннаго къ самоуглубленію. Но если они захотятъ сдѣлать эти свои особенности общимъ правиломъ для всѣхъ, если они всю полноту христіанства заключатъ въ эти особенности свои: то становятся въ высшей степени неправы. Пусть римскій первосвященникъ признается главою римско-католической церкви: но зачѣмъ онъ распространяетъ свое владычество на *всю* церковь? Пусть народу германскому будетъ особенно близка теоретическая сторона христіанства, пусть онъ съ особенною любовію останавливается на понятіи *о вѣрѣ* съ теоретической точки зрѣнія: но зачѣмъ онъ отвергаетъ сторону практическую и не даетъ надлежащаго значенія *дѣламъ* (добрымъ)? Вѣроученіе одной православной церкви обнимаетъ всѣ стороны христіанства; она, въ своей *догматикѣ*, отдаетъ должное каждой сторонѣ жизни христіанской, хотя *на дѣлѣ* — въ практикѣ, развиваетъ болѣе то ту, то другую сторону христіанства, сообразно народнымъ требованіямъ.

Понятно теперь, отчего церковь римско-католическая подавляетъ

развитіе народностей, а церковь православная не препятствуетъ самостоятельному развитію народовъ, принадлежащихъ ей, (если только не злоупотребляютъ представители церкви....) Первая хочетъ сдѣлать всѣхъ *римскими* католиками, послѣдняя заботится о томъ, чтобы всѣ были *истинно-вѣрующими* христіанами. Оттого, на Западѣ, народы римско-католическіе тотчасъ отлагаются отъ католической церкви, если захотятъ быть самостоятельно народными, какъ, напримѣръ, народы германскій, англійскій, даже (въ извѣстной степени) французскій и даже—италіянскій. На Востокѣ, православно-христіанскіе народы получаютъ самостоятельность народную и церковную, ни сколько не нарушая единенія съ древне-греческою православною церковію и не отступая отъ православія какъ напримѣръ, народы — русскій, сербскій, ново-греческій, или болгарскій.... Православная церковь, давая развитіе различнымъ народностямъ, къ ней принадлежащимъ, возвышается надъ всѣми этими частными народными развитіями въ своемъ общемъ вѣроученіи, которое обнимаетъ всѣ стороны жизни христіанской и при которомъ, поэтому, возможно развитіе всякой частной стороны — безъ противорѣчія общей полнотѣ христіанства. Впрочемъ, можно думать, что съ теченіемъ времени западные народы оставятъ свой исключительный взглядъ на христіанство и станутъ воздавать должное уваженіе и другимъ—разнообразнымъ, но тѣмъ не менѣе законнымъ — взглядамъ на него, хотя въ то же время, каждый народъ будетъ жить своею особною жизнію, отличною отъ жизни другихъ, но и не противорѣчащею ей. Папа, волей-неволей теряющій свое господство, основанное на историческихъ обстоятельствахъ,—вѣдь это шагъ къ сближенію христіанскаго Запада съ христіанскимъ Востокомъ...,

Какія же характеристическія черты жизни религіозной у народа южнорусскаго? Какія стороны жизни христіанской онъ взялъ для развитія у себя? Отвѣчаемъ прямо: мы еще не въ силахъ опредѣлить съ точностью и полнотою свои народныя отличія съ этой стороны; мы такъ еще недавно начали изучать свой народъ, такъ еще мало его знаемъ. Теперь мы можемъ указать на нѣкоторое отличіе религіозности народа южно-русскаго отъ религіозности великорусскаго. Въ религіозной жизни великорусскаго народа, прежде всего насъ поражаетъ громадное явленіе называемое *расколомъ*. Малороссы, не бывшіе въ Велико россіи, и не присматривавшіеся къ ея жизни, думаютъ, что расколъ есть какая-то секта, не стоющая вниманія, не подозрѣвая, что расколъ считаетъ сво-

ихъ послѣдователей милліонами, дышетъ здѣсь повсюду, пустилъ свои корни глубоко въ жизнь. Но сильный въ народѣ велико-русскомъ, расколъ нисколько не проникъ въ среду народа южно-русскаго, не смотря на постоянныя связи одного народа съ другимъ — гражданскія и церковныя: явленіе, заслуживающее вниманія! Безъ сомнѣнія, появленію раскола въ одномъ племени и отсутствію въ другомъ способствовали историческія обстоятельства, какъ церковныя, такъ и гражданскія: но тамъ, гдѣ расколъ такъ принялся и развился, нужна была предрасположенность къ нему: иначе историческія обстоятельства не подѣйствовали бы на народъ такъ сильно, какъ онѣ подѣйствовали. Равнымъ образомъ, нужно предположить, что и въ народѣ южно-русскомъ существуютъ такія черты нравственной жизни, въ которыя воспрепятствовали ему заразиться расколомъ, которыя прямо противоположны жизни народа великорусскаго иначе народъ нашъ не остерегся бы отъ раскола послѣ того, какъ великорусскіе раскольники стали появляться среди него не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми обществами, — слободами, монастырями. Какъ частный человѣкъ, такъ и народъ, если симпатизируетъ чему-нибудь или отвращается отъ чего-нибудь, то въ немъ самомъ — въ его природѣ — лежитъ основаніе его симпатіи или отвращенія. Объяснять происхожденіе и распространіе раскола какимъ-нибудь внѣшнимъ *случаемъ* — невозможно.... Какая же внутренняя, въ самой жизни двухъ народовъ скрывающаяся, причина того, что одинъ — допустилъ у себя появленіе раскола, а другой — отвергъ его? Что́ касается до Великоросіянъ, то она скрывается въ религіозной жизни этого народа, именно въ его привеженности къ внѣшней *церковно-богослужебной* сторонѣ жизни христіанской. Когда появилась нужда сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ церковномъ богослуженіи велико-русской церкви, то часть народа захотѣла лучше отложиться отъ Церкви, чѣмъ допустить поправку чего-нибудь. Расколъ есть *яркая, выпуклая* сторона этой приверженности къ существующему обряду (ка́къ бы ни было недавне существованіе его), есть *неумѣренное* ея выраженіе. Приверженность къ внѣшности церковной, въ существѣ своемъ, законна, но не законна только *степень* этой приверженности, обнаружившаяся въ расколѣ.

Не такимъ показалъ себя нашъ народъ при исправленіи церковнаго богослуженія въ южно-русской церкви. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, сдѣлалъ болѣе въ исправленіи церковнаго богослуженія въ южной церкви, чѣмъ Никонъ патріархъ московскій: но гдѣ протесты противъ

этого, подобные русскому расколу (1)? Мало этого: Петръ Могила допустилъ въ православное богослуженіе своей церкви нѣкоторые обряды изъ католическаго богослуженія, приспособивъ ихъ, конечно, къ православному богослуженію, напримѣръ, такъ называемыя *пассіи*, т. е. чтенія евангелій о страданіяхъ Христовыхъ въ первыя четыре пятницы великаго поста: и однако, южнорсскій народъ съ особенною любовію спѣшитъ на это трогательное богослуженіе. Можно себѣ представить, какъ было бы принято подобное въ Великороссіи, гдѣ четвероконечный крестъ, употребляемый всѣми не только не православными, но и православными народами, называется *печатію антихриста*.... Что же значитъ это разумное отношеніе народа южнорусскаго къ церковной обрядности? То, что тогда-какъ великорусскій народъ обращаетъ вниманія болѣе на внѣшнюю сторону богослуженія, народъ нашъ придаетъ больше значенія внутренней сторонѣ его, обращая вниманіе на его смыслъ. И тотъ, и другой народъ не противорѣчатъ другъ другу въ своемъ взглядѣ на богослуженіе, хотя и различаются другъ отъ друга, слѣдуя склонностямъ своей природы. Это отнюдь не значитъ, чтобы народъ южнорусскій менѣе цѣнилъ православно-церковное богослуженіе, чѣмъ великороссійскій: народъ, ведшій такія продолжительныя и кровавыя войны съ римской уніей — не только за догматы своей церкви, но и за ея обряды, доказалъ свою приверженность къ православію.... Если онъ допустилъ у себя нѣкоторые новые обряды, заимствованные изъ католической Церкви, то потому, что эти обряды непротивны духу православныхъ обрядовъ. Указывая на эти факты, мы хотимъ только сказать, что и теперь уже замѣтно нѣкоторое различіе въ нравственно-религіозной жизни двухъ народовъ, не смотря на то, что тотъ и другой народъ строго православны въ своемъ вѣроученіи.

Но если мы не знаемъ въ подробности, въ чемъ именно состоитъ народность религіозной жизни южно-русскаго народа, — то все таки знаемъ и видимъ, что религіозный элементъ *вообще* есть существенный элементъ его жизни, на основаніи котораго, раньше или позже, должна опредѣлиться народность и самой религіозной его жизни. Обращаемся къ представителю украинской народности—Шевченку. Шевченко—поэтъ

(1) Любопытныя историческія изслѣдованія объ изправленіи церковнаго богослуженія Петромъ Могилою помѣщены въ духовномъ журналѣ. »Руководство для сельскихъ Пастырей«, за 1860 г., подъ названіемъ: *Недостатки церковной обрядности въ южной Церкви и Требникъ Петра Могилы.«*

народный въ полномъ смыслѣ этого слова: но кто не замѣчалъ, что въ его народной поэзіи религіозность свѣтится яркими лучами (1). Такъ, представляя въ народно-художественныхъ чертахъ образъ поэта, Шевченко говоритъ, что слово поэта —

..... то Бо́жее сло́во,
То се́рце по во́лі зъ Бо́гомъ розмовля́,
То се́рце щебе́че Госпо́днюю сла́ву;

что мысль поэта стремится къ небу, а на землѣ не находитъ себѣ пріюта: — его

.....ду́мка край світа на хма́рі гуля́,
Орло́мъ сизокри́лимъ лета́е, ширя́е,
Ажъ не́бо блаки́тне широ́кими бье;
Спочи́не на со́нці, ёго́ запита́е:
Де́ воно́ ночу́е, я́къ воно́ встае́?
Послу́хае мо́ря, що́ воно́ гово́рить,
Спита́ чо́рну го́ру: чого́ ти нима́?
И зно́ву на не́бо, бо на землі го́ре,
Бо на ій, широ́кій, куто́чка нема́
Тому́, хто все зна́е, тому́, хто все чу́е:
Що́ мо́ре гово́рить, де со́нце ночу́е —
Ёго́ на сімъ сві́ті ніхто́ не прийма́.
Оди́нъ вінъ між ни́ми, якъ со́нце висо́ке:
Ёго́ зна́ють лю́де, бо но́сить земля́;
А якъ-би́ почу́ли, що́ вінъ одино́кий
Співа́ на моги́лі, зъ мо́ремъ розмовля́,
На Бо́жее сло́во воны́ бъ насмія́лись,
Дурни́мъ би назва́ли, одъ се́бе прогна́ли.
»Неха́й по-надъ мо́ремъ«, сказа́ли бъ, »гуля́!«

Воспроизводя историческіе подвиги въ »Гайдамакахъ«, Шевченко рисуетъ своихъ героевъ и религіозными красками: они преслѣдуютъ Ляховъ и Жидовъ за то, что, по ихъ милости, козацкія

»Дiти не хре́щені расту́ть«,

или, какъ выразился Шевченко въ другомъ мѣстѣ, они, истребители Ляховъ и Жидовъ, »віру рятую́ть« (стр. 51). Приготовляясь къ своимъ кровавымъ подвигамъ, они молятся и притомъ не своею одною молитвою а и молитвою церковною — при служителяхъ церкви. Они освящаютъ молитвою церковною самое орудіе казни враговъ своихъ — »ножі« и уже

(1) Мы имѣемъ ввиду одни напечатанныя произведенія Шевченка.

»съ свячéнимъ гуля́ють....« Предводитель ихъ, Гонта, налагаетъ руку на собственныхъ дѣтей за то, что они католики, и — мы не можемъ безъ содроганія читать тѣхъ сценъ, гдѣ изображается борьба двухъ противоположныхъ чувствъ въ героѣ — любви отца-христіанина къ дѣтямъ съ ненавистью къ врагамъ-католикамъ? (Кобзарь, стр. 208—216). Но, можетъ быть, поэтъ, воспроизводя прошедшее народной жизни, не питаетъ сочувствія къ нему, а относится безразлично? О, нѣтъ:

....згада́ешъ—
Се́рце усміхне́тця,

говоритъ Шевченко, при взглядѣ на прошедшіе подвиги народа (стр. 168, 169). Но тотъ жестоко ошибся бы, кто сказалъ бы, что поэтъ сочувствуетъ не чему нибудь другому въ герояхъ прошедшей народной жизни, а этой крававой расправѣ ихъ съ Ляхами и Жидами. Поэтъ прямо и ярко высказывается, что въ его сердцѣ лежатъ иныя истинно-христіанскія чуства, а не кровная месть:

.... за віщо,
За́ що лю́де ги́нуть?
Того́ жъ ба́тька, такі́ жъ ді́ти,
Жи́ти бъ та брата́тьця,
Ні, не вміли, не хотіли,
Тре́ба розъедна́тьця!
Тре́ба кро́ви бра́та, кро́ви,
Бо за́здро, що въ бра́та
Е въ комо́рі и на дво́рі
И ве́село въ ха́ті.
»Убье́мъ бра́та! спа́лимъ ха́ту!«
Сказа́ли и — ста́лось.
Все бъ, здае́тця; ні, на ка́ру
Си́роти зоста́лись.
Въ слізáхъ росли́, та й ви́росли;
Замýчені рýки
Розвъяза́лись — и кровъ за кровъ,
И мýки за мýки!
Боли́ть се́рце, якъ згада́ешъ:
Стари́хъ Славья́нъ ді́ти
Впили́сь кро́вью, а хто ви́неньъ?
Ксёндзи́, езуіти! (стр. 182).

Поэтъ сочувствовалъ своимъ героямъ не за ихъ кровавыя расправы, а за *народно-христіанскую идею*, одушевлявшую ихъ. Облечь эту идею въ иную форму поэтъ, конечно, не могъ — безъ противорѣчія *истори-*

ческой истинѣ. Правъ и чистъ не одинъ поэтъ; мы не можемъ осуждать и самыхъ героевъ его: ибо можно ли было дѣйствовать имъ иначе *въ то время* и *при тѣхъ обстоятельствахъ?*.... Не герои виноваты, а »ксёндзи, езуіти«, Польша, съ своимъ римскимъ католицизмомъ.....

Въ исторіи »Наймички« поэтъ рисуетъ черты народной жизни, относящіяся къ прошедшему и *современному* быту народа: но не забыты и черты религіозныя. — Героиня разсказа ходитъ въ Кіевъ »усімъ святи́мъ поклони́тись« и изъ Кіева приноситъ своимъ домашнимъ нѣкоторые священные для нихъ предметы — »ша́почку зъ Ива́на свято́го и пе́рстеникъ одъ Варва́ри;« дома, въ ожиданіи своего Марка, долго не возвращающагося »изъ дороги,« она собирается

»Ака́ѳистъ наня́ти
Микола́еві свято́му
Й на ча́сточку да́ти,«

а въ послѣдніе минуты своей жизни, она тихо говоритъ: *Отче нашъ*.....

Шевченко влагаетъ въ свою поэзію элементъ религіозный не только тогда, когда воспроизводитъ жизнь народа—прошедшую или современную, — но и тогда, когда его собственная душа волнуется и кипитъ тѣми или другими мыслями и чувствами. Воспоминая, въ чужой сторонѣ, свою милую родину — предъ тѣмъ временемъ, когда

« . . . . надвóрі
Наступа́е свя́то,«

т. е. праздникъ Рождества Христова, Шевченко съ глубокою сердечною скорбію говоритъ о томъ, что

« . . . . за́втра ра́но
Заревýть дзвіни́ці
Въ Украíні; за́втра ра́но
Зберýтця моли́тись
Лю́де до́бр. . . «

а здѣсь — на чужбинѣ

. . . за́втра ра́но
Завúе голо́дний
Звіръ въ пусти́ні, та повіе
Урага́нъ холо́дний
И занесе́ снігомъ білимъ
Курінь, мою ха́ту....
Отта́къ мені доведе́тця
Свя́то зустрічáти! (Хата, стр. 78.)

Но и въ этой далекой и негостепріимной сторонѣ, поэтъ-христіанинъ,

»свої ду́ми тя́жкі
И се́рце убо́ге
Заховáвши, хо́дить собі
Та мóлитця Бо́гу« (тамъ же)

Неволя, тягчайшее изъ бѣдствій человѣка, не вырываетъ у поэта ропота на Промыслъ, напротивъ —

» А я, во́ленько, въ нево́лі
Помолю́ся Бо́гу,« (стр. 83.)

говоритъ поэтъ, и, возводя очи къ небу, обращается къ »зарѣ — другу своему«, чтобы она »росказа́ла Бо́гові« о его тяжкихъ думахъ (стр. 68). Или, сравнивая прошедшую-бурную судьбу Украины съ настоящею, когда »все замóвкло....« поэтъ замѣчаетъ: »така́ Бо́жа во́ля!«

Мы сдѣлали бы большой пропускъ, если бы, говоря объ участіи религіознаго элемента въ поэзіи Шевченка, не сказали о его переложеніи »Псалмовъ Давидовыхъ« съ церковно-славянскаго на украинскій языкъ. Много болѣла душа поэта по многимъ причинамъ.... и изливала свое горе въ тѣхъ звукахъ, которые вылились изъ скорбной души древняго библейскаго пророка. Не всѣ звуки пророческой поэзіи облекаются у поэта нашего въ родную рѣчь его, но только тѣ, которые отвѣчаютъ настроенію души его. Таково всегда отношеніе истинно-великаго поэта къ произведеніямъ другихъ (какъ и вообще къ окружающему міру); онъ не рабски копируетъ ихъ въ своей поэзіи, а относится къ тѣмъ изъ нихъ, которыя прямо совпадаютъ съ его душею, которыя составляютъ часть его собственной поэзіи.... Это совпаденіе такъ велико у Шевченка, что не знаемъ: кто болѣе вызываетъ наше сочувствіе — древній ли пророкъ, или поэтъ, подражающій ему..... Приведемъ одинъ, LIII, псаломъ: онъ такъ живо припоминаетъ жизнь поэта.....

»Бо́же, спаси́, суди́ мене́
Ти по своїй во́лі.
Молю́сь, Го́споди, внуши́ імъ
Устъ моіхъ глаго́ли!
Бо на ду́шу мою́ вста́ли
Си́лині чужи́і,
Не зрять Бо́га надъ собо́ю,
Не зна́ють, що́ дiють.
А Богъ мінí помага́е,
Мене́ заступа́е

И імъ пра́вдою Свое́ю
Верта́е іхъ зла́я.
Помоли́ося Господеві
Се́рцемъ одино́кимъ,
И на злихъ моіхъ погля́ну
Незлимъ моімъ о́комъ.«

Заключимъ наши выписки изъ поэта величественною картиной, которую Шевченко рисуетъ красками, взятыми изъ Библіи, — когда въ посланіи къ Шафарику, главному дѣятелю возрожденія Славянъ, онъ изображаетъ живительную дѣятельность его въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ нему:

И Славъя́нъ семью́ вели́ку
— —
Переліч и́въ до о́дного,
Переліч и́въ тру́пи —
Ане Славья́нъ—и ставъ-еси́
На вели́кихъ ку́пахъ —
На роспу́тті всесві́тнёму —
Іезекіилемъ...
И—о ди́во! — тру́пи вста́ли
И о́чі роскри́ли!
И братъ зъ бра́томъ обняли́ся
И проговори́ли
Сло́во ти́хоі любо́ві
На віки и віки!

Такимъ образомъ, во всѣхъ родахъ поэзіи Шевченка, элементъ религіозный ярко видѣнъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что поэзія Шевченка есть поэзія религіозная: въ такомъ случаѣ мы приписали бы поэзіи Шевченка (вопреки всякой истинѣ) исключительность и лишили бы её той полноты, какая свойственна поэзіи всѣхъ истино-великихъ поэтовъ. Нѣтъ, мы хотѣли сказать только то, что въ поэзіи Шевченка есть и элементъ религіозный.....

О, еслибы истина религіозная такъ всегда была близка къ жизни народа! Намъ не нужно ни средневѣковаго фанатизма, ни схоластицизма, занесенныхъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда..... Мы съ любовію остановливаемая на служителяхъ вѣры, когда они, какъ въ поэмѣ Шевченка (1) одушевлены тою же народно-религіозною идеею, какъ и окружающій ихъ народъ; но нельзя безъ отвращенія смотрѣть на такія лица, какъ

(1) См. »Гайдамаки« проповѣдь благочиннаго, »Кобзарь« стр. 164

монахъ Климентій, украинскій стихотворецъ XVII в., у котораго рука-об-руку идутъ, съ одной стороны, нестерпимый фанатизмъ и схоластицизмъ, съ другой—грязный цинизмъ, возмущающій всю душу! Странное примиреніе! Впрочемъ, изъ уваженія къ достоинству религіи и достоинству человѣка, мы готовы думать, что лица, подобныя Клементію, составляютъ меньшинство. Иногда недостатки общества, долго таившіеся внутри его, отъ тѣхъ или другихъ причинъ начинаютъ выявляться наружу и скопляться въ одно какое-нибудь мѣсто: тогда появляется одно или нѣсколько лицъ, въ которыхъ сосредоточиваются эти недостатки, какъ въ фокусѣ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ Климентій и ему подобные. Но чѣмъ сосредоточеннѣе болѣзни общественнаго организма въ одномъ какомъ мѣстѣ, тѣмъ свободнѣе отъ болѣзней прочія части тѣла: значитъ, появленіе такихъ уродливо-болѣзненныхъ лицъ, какъ Климентій, — признакъ того, что у насъ есть надежда на исцѣленіе...., что скоро такихъ лицъ вовсе не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не видитъ теперь недостатковъ того направленія, которое обнаруживается въ поэзіи Климентія! Пусть же религіозная истина не извращается и не отгоняется отъ народнаго сердца схоластицизмомъ и фанатизмомъ, а проникаетъ въ него чистою, *живою* струею; пусть она не заключается въ мудреныя книги, а старается сблизиться съ жизнію народа, станетъ нашею *родною* истиною. Примѣръ для всѣхъ насъ — основатель нашей Вѣры: нѣтъ истинъ ближе къ нашему сердцу, какъ святыя и чистыя истины Евангелія..... Пусть же получаетъ и почерпаетъ нашъ народъ и истину изъ Евангелія. Оно же недавно и перевено на великорусскій языкъ, который всё-таки понятнѣе для Малоросса, чѣмъ церковно-Славянскій. Но не пора ли подумать объ изданіи перевода Евангелія на языкъ Украинскій....

Г. Т.

5 марта 1861.
С. п. б.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ IV.

ПРО ЗЛО́ДІЯ У СЕЛІ ГАКІВНИ́ЦІ.

Диву́ютця, ка́жете, добро́дію, лю́де, що десь на ху́торі про Тара́сову смерть не згірш ъ одъ горо́дянъ письме́нних ъ метику́ють, а ми диву́емось тимъ городя́намъ, що, якъ ска́же нашъ братъ пу́тне сло́во, то вони́ й роти́ пороззявля́ють: дивись, мовля́въ, про́стий чоловікъ, а гово́рить розу́мно! Коли́ хо́чете зна́ти, добро́дію, то се *нам*ъ на-вдивови́жу, якъ тамъ по города́хъ лю́де не позабува́ли говори́ти и оберта́тися по-лю́дській. Поча́токъ и ко́рінь городя́нства оста́вс ь у ху́торі, то, зда́ється, тутъ би тре́ба й шука́ти осно́ви вся́кої спра́ви городя́нської, тутъ би шука́ти й пра́ведного ро́зуму вся́кої городя́нської устано́ви. Коли́ ви не цура́етесь мого́ писа́ння, то я вамъ де́-що оповіда́ю, що́ мині на віку́ ба́чити й чу́ти луча́лося. Мо́же, зъ оповіда́ння більшъ дорозуму́ється ва́ша городя́нська гро́мада, аніжъ изъ моє́і хуторя́нської философіи.

Згоріла въ насъ у селі, недале́чко одъ мого́ ху́тора, це́рква. Селя́не й прийшли́ до ме́не въ па́сіку: »Добро́дію, потурбу́йтесь на послу́гу грома́ді, объ їдте зъ на́шимъ ти́таремъ се́ла, чи не зна́йдете люде́й побо́жних ъ, щобъ допомогли́ це́ркву збудува́ти.

Ви жъ бо такі всюди бували, усякихъ людей знаете, то, за вашимъ приводомъ, и титарь нашъ краще справитця.«

Ну, коли вамъ правду сказати, то въ насъ по хуторахъ люде не дуже-то звикли про церкви дбати. Байдуже намъ, хуторянамъ, про церкву; а селяне, то ті вже кажуть: »то намъ не хвала, якъ у селі церкви немае«, а городяне, то ажъ золотомъ верхи побиваютъ. Ну, коли жъ хочете знати, то въ насъ по хуторахъ до зорявого неба, або вранці до сходъ сонця, на росі, люде щиримъ серцемъ молятця, а инший батько дітей краще відъ попа навчае. Та дарма: що намъ про те зъ селянами широко річъ розводити? Треба, такъ и треба церкву. Чомъ не послухати громади? Я такої чоловікъ думки, що громада — всюди великий чоловікъ. И тоді вона була великий чоловікъ, якъ ище наши предки у житахъ та по-надъ річками въ дибровахъ Богові молилися, и тоді, якъ почали молитися по-грецькій, и тоді буде великий, якъ поклонятця Богу духомъ и истиною, занедбавши Ерусалимъ. Инше, мабуть, не можна, якъ такъ у исторіі, бо колибъ можна було, то певно громада иншимъ би робомъ собі пійшла. Ото жъ я такъ и про селянъ, моіхъ сусідъ, у серці своему помисливъ, а імъ того марно не виявлявъ: на що? »Добре«, кажу: »що громади, те й бабі.«

И ото зібрались ми съ титаремъ, сіли на візокъ, потуркотіли. Часъ бувъ такий, що люде на весні пообъорювались, а косовиця ще не починалася, то мині хочъ би въ пасіці й треба бжоли доглядіти, та въ мене е такий дідокъ про се, а на косовицю ще до господи встигну. Весну давъ Господь на той рікъ рясну: ажъ нахиляемось, ідучи попідъ садами; біле віття по виду займае, запашною росою кропить.

Титаръ — чоловікъ побожний и трошки притаманкуватий — каже:

»Се насъ, добродію, ангели білими крильми обвиваютъ; се вони на землю поспускалися и садовину мовъ лебеді всю вкрили.«

— »Такъ, такъ, Петре!« кажу (а его звали Петромъ). Любе мині було те серце тихе та сояшне въ того дідуся старенького. »Се«, кажу, »ангели людей у рай заманюють.« Та ще й додавъ ему зъ свого розуму: »Не живе,« кажу, »чоловікъ на світі безъ високої думки про якийся миръ, кращий одъ нашого. Ся«, кажу, »думка свята одъ землі его підіймае и знікчемніти не дае ему.

По городáхъ, Пéтре, міжъ товáриствомъ блискýчимъ е такі лю́де, що про корúсть та набýтокъ байдýже, а все кудúсь далéко за край свíта зазирáють и такé лю́дямъ оповíдують, що хúба тíльки въ гáрному снí присни́тця. Тихъ людéй, Пéтре, поэтами величáютъ и до робóти ні до я́кої іхъ не змýшують, и у всёмý імъ потурáють, бо воні́ городя́намъ не даю́ть усімъ пожидовíти.«

Кивнé мині Петрó сúвою чупри́ною, а самъ ажъ гóлову хúлить, прислухáючись до соловéйка, що въ томý пúшному цвíті, у тій садовині запáшній голоснóю луно́ю розлягáетця: ёмý тамъ áнгельскі співи здаю́тця, и все собі шéпче: »святъ, святъ, святъ«, мовъ той вітерéць попідъ густúми вéрбами.

Залюбкú ми громáді прислужúлися, мовъ де въ гостя́хъ у якóгось ласкáвого, несказáнно щéдрого пáна побувáли: трáви всю́ди вже филю́ютця; річкú, ставú, озéра стоя́ть упóвні, ясне́ нéбо зъ веснянúми хмáрками въ нихъ виглядáетця, дітвóра весéла золотúмъ вóлосомъ на сóнці тобі свíтить, — и свою́ малéчу згадáешъ, и на сéрці тобі тúхо и я́кось смýтно, и знявсь би, та й полетівъ, співáючи, по-надъ землéю.

Тíльки вже, якъ вертáлись додóму, почалú ми трівóжитись, я́къ би громáдського скáрбу не втеря́ти, бо — відóме дíло — городú багáто такúхъ людéй порозвóдили, що, мовъ вовкú, въ сéрці тíльки хижáцтво мáють. Заночувáти въ пóлі — страшно. Атó ми знай булó въ пóлі ночýемо. Ну, вже жъ и пáша стáла не вíльна: почалú хлóпці на ношлíги по толóкахъ тíльки ставáти. А тудú іхавши, ми булó такъ прилáжуемось, щобъ свої коні міжъ чужі пустúти: тамъ ужé, звíсно, вáрта чергýетця — не вкрáдуть. У насъ, бáчте, по сéлахъ міжъ хлóпцями ношлíжниками дáвній козáцький звúчай. Ватáга спить на оброта́хъ та на шапкáхъ, головáми докýпи, а одúнъ вартýй. Якъ же якúй гуртъ убезпéчитця та вкладéтця увéсь спáти, то гля́ди — зъ и́ншого табурúща прискóчить, та й поволочé кого́ схóче до Ерусалúму. Воно́-то, колú хóчете знáти, страшна́ зáбавка въ хлóпцівъ той Ерусалúмъ, а про-тé батькú за сонли́вихъ дітéй не вступáютця. »Нехáй«, кáжуть, »козáцький звúчай знáе.« До Ерусалúма въ насъ іздять отъ якъ: скрýтить изъ тáволги петéльку, на нóги сóнному накúне, конéві до хвостá привя́же, скóчивъ óхляпъ — гайдá по пóлю! и до-схочý тимъ гéрцемъ у чúстому пóлі тішитця, що въ бідолáхи и спúна й потúлиця облізе. Оцé въ насъ звéтця до Ерусалúму

їздити. То ми вже були́ безпе́чні, де була́ ва́рта: не пропаду́ть на́ши ко́ні між господа́рськими, та й до ска́рбу лихи́й чоловік не підкра́дется. А тепе́р уже́ й мо́торошно самим у по́лі стоя́ти; бо дідусь мій, ти́тарь, и го́лосу гара́здъ не одведе́, не то́ що. Він тільки на те мині въ доро́зі й зда́вся, що якъ увійдемо було́ до госпо́ди, то він съ тарілочкою — си́вий якъ го́лубъ, борідка біле́нька, кучеря́венька, самъ тихе́сенький, лагідне́нький таки́й! такъ тутъ уже́ господа́рь и господи́ня не пожа́лують и оста́нню копійку на це́ркву пода́ти. Отъ и почали́ ми съ ти́таремъ обночо́вуватись уже́ по людськи́хъ госпо́дахъ, — до́брі лю́де всю́ди на́ нічъ пуска́ли.

Оце́ жъ разъ на́дъ-вечіръ уіхали ми въ село́ Гаківни́цю. Га́рне село́ коза́че. Ставъ таки́й, що по тімъ бо́ці тільки чу́ти, якъ ячя́тъ гу́си, а діте́й на бе́резі и не розгле́дишъ; ве́рби але́кі ажъ имла́ си́ня поняла́, на́че въ вели́кому лу́зі за Поро́гами. Це́рква старосвітська, що ще́-то ті лю́де будува́ли, кото́рі въ підда́шшяхъ та въ ґа́нкахъ, та въ баля́сахъ коха́лися. Тепе́р тобі збуду́е це́ркву або́ дзвини́цю — стоїть якъ штиль, мовъ шва́йкою въ хма́ру ко́ле; а що старосвітські на́ши церкви́, то лю́бо й погля́нути. Віко́нця скрізь обмере́жені та позакру́глювані, а якъ де́, то на́че квітку тобі на пи́санці ви́веде, ажъ жаль бере́, що те старе́незне дре́во мо́хомъ проросло́, вітромъ та дощемъ обкри́шуетця та тру́хне. Підъ віко́нцями ґонтови́й дахъ навкруги́ це́ркви и навкруги́ мере́жані, вирізувані підда́шшя. Тільки скрізь ґра́ти ле́две-ле́две низові вікна мрію́ть. Зади́висся на таку́ це́ркву, загада́ється: де-то лю́де ти́і на спочи́вокъ повкладалися, що докупи підъ тими́ ґо́нтами зелена́стими збіра́лися!... Оттака́ жъ була́ це́рква въ тій Гаківни́ці, въ тому́ селі вели́кому коза́чому. Га́рне село́. Усе́ майда́ни та широ́кі узберіжжя на верхівця́хъ того́ ста́ву величе́нного. Роски́нулось по во́лі: есть де й дітямъ погуля́ти, и дівча́тамъ у хре́пцика побігати, и парубка́мъ, лиця́ючись до дівчи́ни, противъ місяця посто́яти.

Отъ, ви́брали дво́рикъ весе́лий зъ моріжко́мъ, про́симось обночува́ти. Молоди́чка противъ череди́ ви́йшла. »Не мо́жна«, ка́же, »лю́де до́брі.«

— »Чомъ не мо́жна?«

»Такъ«, ка́же, »у насъ не мо́жна ночува́ти.«

— »Де жъ намъ, голу́бко, съ кіньми подітися?«

»Ідьте«, ка́же, »лю́де до́брі, до зло́дія.«

— »До ко́го?«

»До зло́дія. У зло́дія васъ пу́стять на́ нічъ.«

Сказа́ла, та й ки́нулась своіхъ овеча́тъ займа́ти.

Згля́нулись ми зъ дідусе́мъ: що́ се за дивови́жа така́? скільки світу проіхали — всю́ди намъ була́ одъ люде́й шано́ба, а тутъ, глянь, до зло́дія насъ одсила́ють на́ нічъ!

Проіхали ще дворівъ зо́ два; зновъ таки́й двіръ ви́брали, що й до водопо́ю не дале́ко, и весели́нький, чи́стий, ве́рбами зъ у́лиці понахи́ляний. Вита́емось изъ дідомъ (дідъ за ворітьми́ си́вий сиди́ть у старо́му кожушку́; дити́ну на рукáхъ, укри́вши въ по́ли, голу́бить, коло ёго хлопя́тъ и дівча́токъ ку́пець). Про́симось на́ нічъ.

»Ідте«, ка́же, »лю́де до́брі, до зло́дія, а тутъ васъ нігде́ не пу́стять.«

Що́ за повітря! ду́маю собі.

»Чомъ же не пу́стять?«

Не говірки́й бувъ дідъ, кивну́въ голово́ю. »Не пу́стять«, ка́же. »Въ насъ нико́го не пуска́ють.«

Що́ жъ се зъ на́ми, Го́споди, дієтця? ду́маемо собі. Одъ злодіївъ усю́ доро́гу остерега́лися, а тепе́ръ би то до зло́дія ночува́ти заіхати!

Ідемо по селу́. Вже й коненя́та на́ши ржуть озира́ючись; спочи́нку бажа́ють. Стріли молоди́цю зъ відрами, въ не́і пита́емось.

»До зло́дія«, ка́же, »заіжджа́йте: тамъ вамъ бу́де гара́здъ.«

»Та побійся ти Бо́га, душе́ спасе́нна: якъ таки́ до́брому чоловікові въ зло́дія ночува́ти?«

А вона́ підтупцемъ перехо́дить намъ доро́гу впо́вні, спаси́бі ій, та тільки руко́ю на край села́ маха́е. »Тамъ«, ка́же, »всі ночу́ють.«

Ма́буть, вечéрю хапа́лася вари́ти — ніколи съ подоро́жніми розмовля́ти.

Що́ за напа́сть така́?

»Ді́ду Пе́тре!« кажу́ до свого́ ти́таря. »Сповіда́йся, кажу́, мині, чи, нема́ въ те́бе яко́го гріха́ на душі: мо́же, въ тре́тє жени́тися надýмавсь?«

Шутку́ю, а на душі я́кось ажъ су́мно, що куди́ се ми проти́вночи заіхали? міжъ які се ми лю́де заіхали, що до зло́дія спрова́джують на́ нічъ?

Стоімо́, вже й не ідемо; стоімо́ середъ майда́ну. Ажъ тутъ ко-

сáрь косóю противъ крáсного зáходу крізь кýряву, що чередá пройшлá, світить. Підождáли пóки надійде, жалкýемось, що оттакá й такá річъ.

А чоловікъ, здаéтця, дóбрий, неглумлúвий. Осміхнýвся. »Та ідте«, кáже. »Чогó ви боітéсь? Вамъ тамъ бýде дóбре. Нігдé на всёмý селі крáще не бýде.«

»Де жъ той злóдій у васъ живé?«

»А оттó«, кáже, »на ріжкý коло цáрини ёгó двіръ. Онъ«, кáже, »вербá черезъ усю дорóгу зъ двора перегнýлась и зъ другóгою вербóю навпротивъ изійшлáся. Оттó й злóдій у насъ.«

Здвигнýли ми плечúма, ззирнýлися.

»А рушáйте«, кáже, »добрóдію!«

Ну, вже колú тúтарь не боітця въ злóдія ночувáти, то щó вже тутъ? Рýшили, надблúжились: двіръ гáрний, зелéний, на узгíрьі; у дворі хáта чепурнá, висóка, білимъ причілкомъ на ýлицю зпідъ вербú, мовъ молодúця світлоóка, дúвитця. Кошáри въ дворі, повітки́, все гáрно повкрúвано, хмéлемъ та гарбузúннямъ зъ горóду повилóся. Тутъ и колóдязь підъ вербóю коло ворітъ, и воротá настіжъ очúнені. Кóні самú такъ и повернýли. Ну, се хорóша прикмéта.

Уіздимó, ажъ сей злóдій справді господáрь багáтий. Волú стоя́ть у зáгороді гáрні, вивозни́і, такі-то, бачъ, що хочъ якý паровúцю сóли черезъ дрючóкъ зъ місця рýшили бъ (1). Свинéй зъ деся́токъ у велúке корúто повлáзили. Молодúця гáрну корóву дóіть. Усю драбúну на хáту засіли индúки. Вúдно зáразъ, що господáрь хорóший.

Роздивля́емось ми, ажъ до насъ изъ комóри чоловікъ вихóдить, на видý чепурни́й такúй.

»Здорóві лю́де дóбрі!« шáпку противъ насъ издіймáе. »Ночувáти заіхали? Дóбре, ночýйте зъ Бóгомъ. У насъ простóро.«

Такъ лю́бо та лагіднéнько до насъ говóрить; и молодúця зпідъ корóви весéлимъ óкомъ на насъ озирнýлася. Дітн новибігáли зъ сінéй; кучеря́ві такі, повновúді. Все бъ воно́ такъ до ладý, що

(1) Якъ набірáють сіль, на соляни́хъ озéрахъ, то накладáй якъ хóчешъ мáжу, абú пáрою зъ місця рýшивъ. Хазяінъ дрючкá підъ колéса підкúне, щобъ не такъ-то лéгко рýшити. Отъ протой-то случáй держя́ть чумакú дóбру пáру *вивозни́хъ* волівъ, що пóтімъ одну́ мáжу на два й на три вóзи пересипáють, у дорóгу.

й Го́споди, а намъ я́кось нія́ково: що куди́ се ми заіхали? Ще зъ-ро́ду въ зло́дія не ночува́ли; та ми зви́кли зло́дія и на селі обхо́дити.

Отто́ вже я зла́жу зъ во́за, а чоловікъ уже́ й ко́ней розгнýздуе. »Не турбýйтесь«, ка́же, »дя́дьку, я вамъ и повипряга́ю ко́ні и напою́. Прошу́ ва́шої ла́ски вступи́ти до госпо́ди.«

»Та ми«, ка́жемо, »спаси́бі вамъ, и тутъ переночу́емо. У насъ есть изъ собо́ю й харчъ.«

— »Та що́ се ви, Госпо́дь зъ ва́ми? У насъ, якъ и двіръ стоіть, своéі харчі ніхто́ ще не івъ. Не погордýйте, блага́ю«, та ажъ кла́няется.

А чоловікъ статéчний такий, мотóрний. Намъ и со́ромъ вимовля́тися, та якъ же ёго́ й поки́нути усé на во́зі?

»Я«, ка́же, »все за ва́ми и знесу́, хочъ воно́ й на дво́рі въ насъ, неха́й Бігъ кри́е, ніхто́ чужо́го не зачéпить.«

Коли́ жъ на поро́зі стоіть стари́й чоловікъ: придиви́всь тро́хи на насъ изпідъ руки́. »Та не бійтеся«, ка́же, »лю́де до́брі: тутъ ва́ша й порошúна не пропаде́. Уступіте, спаси́бі вамъ, до госпо́ди, а синъ мій упо́рае вамъ ко́ней и сіна хоро́шого заки́не.«

Познима́ли ми шапки́, вітáемо господаря́. Вінъ две́ри передъ на́ми въ світли́цю одчиня́е; дітво́ра ёму́ въ по́ли повчіплювалась, весели́нько на насъ позира́е.

Увійшли́: світли́ця просто́ра и кімна́та по-старосвітській зро́блена: не збо́ку відгоро́жена, а проти́въ двере́й, якъ по стари́хъ будо́вахъ позоставáлося. Образи́ га́рні, все Ки́ївської робо́ти; тіхъ Су́здальцівъ, нема́ й одного́. Вишúванимъ рушникóмъ повкри́вані, квітка́ми позати́кані, голубки́ съ папе́ру ви́сять, писанки́ передъ образа́ми; все такъ, якъ у до́брихъ люде́й.

Посади́въ насъ господа́рь у сто́лу, росперізуватись про́сить, шапки́ на́ши, поясú на кілóчкахъ повішавъ. А тутъ и скри́ньку зъ на́шимъ ска́рбомъ синъ ёго́ вніс и на ла́ві гарне́нько постановúвъ.

Ми вже такъ якъ малі діти, ні до чо́го й не міша́емось.

За́разъ ви́нісъ господа́рь и съ кімна́ти тарілку ме́ду га́рного, хліба покра́явъ передъ на́ми, рушни́къ заки́нувъ намъ поза столо́мъ, достае́ съ поли́ці ча́рку й кувбýшечку поливя́ну, по ча́рці намъ налива́е и самъ до насъ звича́йно ви́пивъ, и таки́й же то чоловікъ увічливий, що хочъ куди́. Та намъ усé я́кось нія́ково.

Поглянемо по собі, та й годі; дідусь тільки сивенькі кучері свої приглажує.

Випили, закусили трохи; наче й повеселішало намъ, а все не йде зъ думки, що де жъ оце намъ Господь привівъ ночувати?

Господарь по другій просить, самъ припиває. Треба намъ випити й по другій.

»А по третій«, каже, »за вечерею. Ось моя невістка впорається, вечеряти намъ дасть.«

То про се, то про те зъ нами говорить, и такий вінъ чоловікъ пріязний и розумний, що ми тільки плечима здвигаемо.

Далі я кажу: »Пане господарю! вибачте«, кажу, »що я въ васъ поспитаю.«

»А що таке вашій ласці завгодно?«

— »Та тутъ«, кажу, »въ васъ люде якісь чудні; чи вони на васъ ворогують, чи Богъ іхъ знае; я вже й не знаю, якъ вамъ и сказати.«

А вінъ засміется та й каже: »Знаю, знаю, що въ васъ на язиці вертится. Ніхто не пустивъ васъ до себе на нічъ?«

»Эге жъ, добродію.«

— »Ідте«, кажуть, »до злодія, такъ?«

»Та вже жъ нехай буде й такъ, бо й справді такъ говорено.«

— »Ге«, каже, »ото жъ вони й знають, що говорять: я й справді злодій.«

Ми ажъ стрепенулись. »Що се ви? Господь зъ вами!«

»Не турбуйтесь, люде добрі, годуйтесь на здоровья, а я вамъ роскажу, що воно й якъ. Ось слухайте.«

Та й почавъ роказувати.

»Зостався я«, каже, »після батька-матери у сиротстві, служивъ по наймахъ. Вже й парубокъ зъ мене, а чужі, мовляв, воли пасучи та чужі возивъ мажучи, не багато придбавъ. Нема зъ мене чоловіка; бурлака я въ світі безрідний. Чи такъ же мині й вікъ звікувати? думаю було собі гірко. Коли бъ мині хочъ на пару воликівъ розгорити, то бъ я собі якъ-такъ ростаданивъ господарствечко. Такъ що жъ? чи заробишъ якого цілкового — на подушне піде, одежинку треба про свято справити, бо господарь одежи не дае про празникъ, тільки про будень. То — господарь, не батько: ёму аби грішне тіло не світилось, та й роби. А треба жъ и міжъ люде, до церкви, чи на майданъ до дівчатъ вийти. Такъ я

собі не живу́, а бі́ду́ю. Що́ на мині, то й усёго въ ме́не. И жени́тись мині, якъ до́брим ъ лю́дямъ, не прихо́дитця. Уже́ й такъ дівча́та, жарту́ючи, мині приспівують:

»Ой гульта́ю гульта́ю,
Чого́сь тебе́ спита́ю:
На́ що мене́ ква́таешъ,
Коли́ ха́ти не ма́ешъ?
Збуду́й свою́ зъ лободи́,
А въ чужу́ю не веди́.«

Зна́ете, дівча́ча нату́ра: шутку́ючи, усю́ пра́ву тобі ви́співають; и одспівуватись нічимъ; сти́снувши себе́ за се́рце, одійдешъ та й го́ді. »Бо́же жъ мій!« ду́маю, »що́ мині діяти на сві́ті? Хочъ »би мині або́ вкра́сти де, або́-що, чи не розжи́вся бъ я хочъ тро́»хи?« — Якъ поча́въ, якъ поча́въ такъ ду́мати. »А що жъ? укра́»ду!« — Отъ, наду́мавшись, прихо́жу до свого́ господаря́. »Спаси́бі »ва́мъ, па́не господа́рю, за хлібъ за сіль и за до́бру нау́ку. Не »хо́чу вже я въ васъ бу́ти.« — »Що́ ти, Дми́тре? чомъ не хо́»чешъ?« — А я, зна́ете бувъ парубі́ка трудя́щий и тверезий, то господа́рь мене́ ду́же вподо́бавъ. »Такъ«, кажу́, »рощита́йте мене́, »піду́ вже я одъ васъ.« — »Куди́ жъ ти підешъ?« — »Та вже ми»ні-то про те зна́ти. Го́ді вже мині чужі воли́ па́сти!« — Ну, господарю́ нічого зо мно́ю роби́ти, рощита́въ мене́, відпусти́въ. Які́ гро́ши мині впада́ли, я въ ёго зоста́вивъ. »Я«, кажу́, »візьму́ іхъ »опісля́; неха́й вони́ въ васъ бу́дуть.« — Узя́въ підъ повіткою ві́жечки старе́нькі, змота́въ, сви́тку на пле́чи, саківки́ взявъ и съ хлібомъ, пійшо́въ собі зъ села́. Було́ вже на́дъ-вечіръ. По́ки ввійшо́въ я верстъ изъ десятокъ, зовсімъ сте́мніло. Назира́въ я въ по́лі — огонь кладу́ть хло́пці, ночу́ють; вартува́ти не зви́кли, за́разъ и ви́дно. Підожда́въ, по́ки вкладу́тця спа́ти, съ тихъ ві́жечо́къ поробивъ обро́ті. Упа́въ навко́лішки, звівъ на не́бо о́чи. Зо́ряве не́бо миготи́ть. Хотівъ моли́тись, та й моли́тви не добра́въ, ті́льки запла́кавъ. У по́лі ти́ша, роса́ блищи́ть по зорі, ко́ні пасучи́сь ни́рхають. Місяць поча́въ изхо́дити; ро́гомъ у зе́млю впе́рся, піднявсь уго́ру. До ме́не кінська тінь досяга́е. Такъ мині здало́сь тоді, на́че Богъ надо мно́ю зми́лувавсь, а на се́рці така́ сміливость, що и въ пе́кло полізъ би, не то́-що. Обійшо́въ я ко́ней, ви́бравъ, кото́рі найкра́щі. Па́ра га́рнихъ ко́ней пасе́тця, уку́пі спу́тані. »Ні«, ду́маю собі, »се одного́ господаря́ ко́ні; не

тре́ба ёго́ ду́же обіжа́ти.« Роспу́тавъ тільки одного́, а дру́гого зъ дру́гої па́ри ви́путавъ. Хло́пці хропу́ть; не боя́тця Ерусали́ма: ще не проу́чені. Понадіва́въ я на ко́ней обро́ті, сівъ, сви́снувъ, — тільки зо́ри всміхнулися. До світу незнать де опини́вся. Пере́дъ світомъ забра́вся у гущиню́, потрино́живъ ко́ні, пусти́въ; самъ припа́въ підъ кущъ; ви́спався до́бре; поснідавъ, що́ було́ въ саківка́хъ; найшо́въ во́ду, напоївъ ко́ней; гайда́ да́лі. А була́ въ ме́не така́ вда́ча, що іду и но́сомъ чу́ю, куди́ веде́ доро́га. Зъ-ро́ду було́ не заблужу́. Якъ разъ у я́рмарокъ утра́пивъ. Я таки́ й знавъ, що въ тако́му й тако́му місте́чку буває у ту по́ру я́рмарокъ. Хожу́ собі по база́рю, ко́ней вожу́, мовъ спра́вді оте́цький синъ. Вже я на що́ нава́жусь, то мині все байду́же.«

Оттаку́ нашъ господа́рь розвівъ исто́рию. Ми зъ дідусе́мъ тільки згля́дуемось. Ве́чіръ насу́пився; кукурікнули на сідали пі́вні. Молоди́ця свічло внесла́, низе́нько намъ уклони́лася. Господа́рь хрестъ на се́бе положи́въ, вече́рять звелівъ подава́ти. Бо́же жъ мій, що́ се за чоловікъ таки́й? ду́маю собі; а вінъ, прогорну́вши у́сі, да́лі оповідуе, и таки́й у ёго по́глядъ ти́хий и весе́лий, — я́къ же ёму́ злодія́кою бу́ти? Ще проти́въ світла ви́різались морщи́ни на чолі и у́ста ожили́лися, то мовъ ка́зань у це́ркві намъ ка́же.

»Хожу́ я«, ка́же, »по тому́ я́рмарку. За́разъ Жидки́ моіхъ ко́ней нази́рили, що до́брі ко́ні, почали́ торгува́ти; збувъ я тихъ ко́ней карбо́ванцівъ за шість-деся́тъ, бо й спра́вді ко́ні до́брі були́, завяза́въ гро́ши въ хусти́ну, пійшо́въ собі зъ села́, на́че до́бре діло зроби́въ. Со́нце са́ме захо́діло, якъ я ви́йшовъ. Ярмарко́вимъ ни́ломъ по́ле затума́нило. Такъ на́че тепе́ръ стою́ я середъ зеле́ного по́ля и дя́кую Бо́га, а со́нце ни́жче, ни́жче западае, кра́снимъ про́менемъ бъючи́ по лева́дніхъ ве́рбахъ, по вітряка́хъ крила́тихъ, по висо́кихъ моги́лахъ. Мовъ я на Бо́жий світъ народи́вся, мовъ упе́рше поба́чивъ, якъ со́нечко за зе́млю кри́етця и Бо́жа роса́ хо́лодомъ по́ полю ди́ше. Стрепе́нувсь я, мовъ той птахъ, и степо́мъ на Кри́мський шляхъ ви́нувъ. Ро́зуму я зъ-ро́ду не позича́въ ні въ ко́го. Оберну́въ сякъ-такъ свої гро́ши, — верну́вся въ-осени́ додо́му съ паровицею со́ли. Тутъ уже́ й дівча́та го́ді мині гульта́я приспівувати: вже въ ме́не свій двіръ, своя́ ха́та. Одружи́всь я, поня́въ собі дівчи́ну-господа́рку: не погордува́ли мно́ю лю́де хоро́ші — оддали́ зъ га́рнимъ ві́номъ. Отъ уже́ ми й

живемо́, вже въ насъ и дітки; добрі лю́де насъ зна́ють. Тільки все мині кортúть, я́къ би ще па́ру во́ликівъ придба́ти. Ду́маю: »Го́споди! ти мене́ закри́въ одъ людського́ о́ка: закри́й мене́ ще »разъ! неха́й я бу́ду господаре́мъ, якъ и всі лю́де.« — Иноді й середъ по́ля ста́ну — молю́ся, го́лосно середъ по́ля сло́во здійму́ до Бо́га, ажъ су́мно мині ста́не, и на́че хто зза́ду въ ме́не всміха́етця. До́вго такъ я нава́жувавсь, да́лі зновъ у се́рці сміливость така́, одва́га така́.... зновъ не бою́сь нічо́го въ світі. Добу́въ ще па́ру ко́ней пі́дъ чужи́мъ село́мъ; прода́въ — нега́дки. Що́ жъ би ви ду́мали? Съ того́ ча́су такъ мині й ру́пить леда́че ді́ло, такъ и трушу́сь, якъ забачу́ де безъ на́гляду ко́ней попу́танихъ. Покріпи́всь ище́ зъ рікъ, — ище́ разъ Бо́га прошу́, ще разъ пійшо́въ на здо́бичъ. Погоди́въ мині Бігъ и на сей разъ. Почáвъ я вже розживáтися. Вже лю́де я́кось на ме́не чу́дно поглядáють, и на се́рці часа́ми въ ме́не ду́же пога́но. Було́ молю́ся Бо́гові: »Не кара́й мене́, Бо́же, за моі гріхи́ ні на мині само́му, ні на дітяхъ.« И вже працю́ю було́ на господа́рстві, не жа́луючи си́ли. Лю́де й ба́чять, що я тверезий и трудя́щий и нікого́ въ селі во́лосомъ не чіпа́ю, та мині вже такъ здае́тця, на́че вони́ мене́ не такъ щи́ро вітáють и чогось пи́льно мені въ вічи ди́вляться. Вже въ ме́не ста́рший хло́пчикъ підпарубо́чимъ ви́рісъ. Світли́цю навпро́тивъ старо́і ха́ти я собі ви́будувавъ, и все мині йде въ ру́ку, чи бжола́, чи худо́ба, у всёму́ Богъ мені приспоря́е, а про-те́ наймилíйшъ мині було́ кра́дене. Держу́сь-держу́сь було́, та й потягну́ що-не́будь у чужи́хъ се́лахъ. Було́ и́ноді самъ оддаси́ ста́рцеві соро́чку, а чуже́ ря́мъя съ ти́ну знімешъ; ажъ ду́шу тобі тя́гне, якъ розмине́сся, не занявши. И вже такъ бувъ роздроди́вся на чуже́ до́бре, що кра́дені ко́ні въ ме́не у за́городі по два, по три дні перестою́ють, по́ки збу́ду на я́рмарку. Нічо́го не бою́сь: то́ мині свя́то, то́ мині вели́кдень, якъ що́ вкра́ду.«

Ді́ду́сь мій, ти́тарь, ажъ хри́ститця, таке́ слу́хавши. Тутъ и молоди́ця вже подае́ вече́ряти, и синъ увійшо́въ знадво́ру, до сто́лу сіда́е; ще оди́нъ синъ молоди́къ съ по́ля пригна́вся. Не соро́митця вінъ и при семъі свою́ о́повідь оповіда́ти, що вже я ду́же здівува́вся. Скільки світу я ба́чивъ, а таке́ впе́рше на віку́ мині тра́пилось.

»Добро́дію!« кажу́, »якъ же ва́ша господи́ня? якъ ва́ши ді́ти?«

— »Господи́ня моя́«, ка́же, »ца́рство ій небе́сне! все же зна́ла и ді́ти зна́ли, та що́ жъ? своє́ рі́дне, своя́ кровъ. Було́ пла́чучи покійна На́стя про́сить: »Чоловіченьку, голу́бчику! поки́нь ти сю »леда́чу ва́ду, себе́ пожа́луй, насъ пожа́луй, люде́й посоро́мся. »Вже мині парче́вого очіпка надіти стра́шно; вже я въ це́ркві »становлю́ся по са́мому за́ду, и свічку поста́вити мині со́ромъ, и »лю́дямъ у ві́чі гля́нути бою́ся.« — Що́ жъ би ви ду́мали? запри́сягну́ передъ не́ю, о́бразъ зніму́ и поцілу́ю, а піду́ въ доро́гу — не втерплю: хочъ стригунця́ приведу́ додо́му, хочъ плахти́ну привезу́, ніби купи́въ на я́рмарку. На́стя було́ й пізна́е одъ ра́зу, що надівана пла́хта, у пічъ було́ вки́не и го́лосомъ голо́сить. И въ само́го въ ме́не се́рце заня́е, а безъ кра́жи нема́ мині життя́ на світі. Да́лі вже синъ почавъ за мно́ю на́зирцемъ ходи́ти, не пуска́е мене́ безъ се́бе зъ дво́ру. Було́ вночі не сплю, піджида́ю, по́ки поснуть усі, скра́дуюсь, то вінъ: »А куди́ се ви, та́ту?« Я й ля́жу. Прошу́сь було́ въ ёго, якъ дити́на, що мині ні що́ не ми́ле на світі, тільки й мого́, якъ де здале́ка хи́стю засягну́ти. Такъ-то вже мині Богъ давъ, що й ро́зумъ одняло́ въ ме́не и со́ромъ, и зовсімъ я пропа́щий чоловікъ зроби́вся. Ото́ жъ уже́ таюсь и передъ си́номъ, на́че мині й байду́же; ді́ло роблю́, хожу́ до це́ркви разъ у разъ. Угамува́вся синъ, ставъ мині по́пускъ попуска́ти. Вже жъ я й поси́вівъ, и ону́чатъ діжда́въ, хвали́ти Бо́га; то й ду́мае — неха́й здоро́вий буде — синъ, що я вже схаменувся и на свою́ се́мъю згля́нувся. А въ ме́не ду́мка давно́ засіла, страшна́ ду́мка — це́ркву свою́ обікра́сти.«

Тутъ уже́ й самъ той зло́дій перехристи́вся, и всі ми, скільки насъ ні сиділо за вече́рею, усі охристи́лися. Зроби́лась ти́ша вели́ка. Тільки кага́нчикъ тріскае.

»Тимъ я«, ка́же, »й до це́ркви вчаща́въ, щобъ роздиви́тись и зміркува́ти, якъ те ді́ло вчини́ти. Вже й Бо́га не прошу́, щобъ мині помігъ, щобъ оборони́въ мене и закри́въ ві́дъ людського́ о́ка. Ви́бравъ я таку́ нічъ, якъ не було́ ста́ршого си́на въ госпо́ді. Кри́кнули другі пі́вні, я вже й на цви́нтарі. Якось мині й ніяково по могилка́хъ ступа́ти; батьки́, дядьки́, ді́ди мої лежа́ть, и вже мині приви́джуетця, що вони́ підъ тими́ піддашшями хо́дять; во́лосъ вя́не, та, на́ лихо мині, сторожі захропли́ підъ дзвині́цею. Живі лю́де — не стра́шно мертці́въ. За́разъ та окая́нна сміливость мене́

взяла́; підва́живъ у це́ркві две́ри, ви́ставивъ. Про́сто до грома́дськоі скарбо́вні, до церко́вноі скри́ньки. Тамъ ще стара́ Тере́щиха ку́бки сріб'ні на схо́ванку въ це́ркву віддала́, — все те я знавъ, де й якъ лежи́ть. Набра́въ по́вну то́рбу. Місяць у це́ркву скрізь гра́ти зазира́е, щось ніби ша́мкае, ступа́е поза престо́ломъ, — схо́плять мене́ дрижаки́, та й зновъ байду́же. На образи́ не дивлю́ся, въ зе́млю поту́пивсь, ви́йшовъ изъ це́ркви.... де тобі ви́йшовъ? ви́скочивъ! Ду́мка була́ две́ри до одві́рківъ притули́ти — стра́шно, наза́дъ стра́шно оберну́тись; уте́комъ черезъ могилки́ до хвіртки. Холо́дна роса́ зъ де́рева мене́ обси́пала; мовъ щось мене́ держи́ть за пле́чи, мовъ хтось за но́ги хапа́е; я біжу́ о́сліпъ. Вже одбігъ дале́ко геть-то, и не зна́ю, де я. Упе́рше зъ-ро́ду зъ доро́ги зби́вся. Ставъ, озирну́вся.... та се жъ я середъ могило́къ, на цви́нтарі коло це́ркви! Місяць підби́вь уго́ру, крізь ли́пину стари́й го́нтовий дахъ світомъ своімъ мере́жить, у вікна бъе; зъ віконъ хтось визира́е. Ки́нувсь я съ цви́нтаря, ажъ хвірткою бря́знувъ; до Буняко́вого гайка́, до байра́ку, за село́ поспіша́ю: тамъ уже́ въ ме́не й я́мка гото́ва, щобъ свій скарбъ прикопа́ти. Такъ біжу́, такъ біжу́! Вже й за село́мъ; гля́ну — незнако́ма доро́га, та й зовсімъ нема́ доро́ги, мо́кра ро́сяна трава́ въ ме́не підъ нога́ми. Озирну́сь навкруги́ — зновъ я коло це́ркви! У вікна лю́де якісь мині всміха́ютця. Ти́хо, ти́хо яка́сь пта́шка підъ кри́шею сто́гне, мовъ чия́ душа́ пла́че. А сторожі хропу́ть підъ дзвини́цею. На́ що імъ стерегти́, де самъ Богъ стереже́?... Зновъ я бігти, зновъ я втіка́ти; пітъ зъ ме́не такъ и ве́рне; но́ги вже підо мно́ю тру́сятця. И такъ я, лю́де до́брі, бігавъ навкруги́ це́ркви до са́мого світу. Со́нечко вже по даховому́ мо́ху кра́снимъ світомъ гра́е, чередá озива́етця; проки́нулись сторожі, ди́влятця — це́рква відчи́нена, а я зъ мішко́мъ на пле́чахъ по росі бігаю, сте́жку навкруги́ це́ркви ви́бивъ. Узяли́ мене́ — я й ру́ки попусти́въ. Зійшли́ся лю́де, попа́ покли́кали. Я й призна́вся, що отта́къ и такъ, пано́ве грома́до; тепе́ръ я въ ва́шій во́лі. Ну, піпъ тутъ за́разъ кри́кнувъ на ота́мана, щобъ пода́въ залізне пу́то, щобъ мене́ за́разъ до станово́го відвезти́; а старі грома́дські лю́де, пора́дившись міжъ се́бе, ка́жуть: »Що́ жъ намъ, пано́тче, за кори́сть, якъ ми сего́ чоловіка запро»то́римо туди́, де ко́замъ ро́ги пра́влять? Хиба́ то намъ сла́ва? А »лу́чче ми отъ що вчинімо. Ось одчепіть, хло́пці, одъ дзво́нівъ віж»ки́, дамо́ ёму́ за́разъ прочуха́на та наки́немо на ёго бра́тську по-

»ку́ту. Неха́й три ро́ки паламарю́е въ це́ркві, неха́й три ро́ки »прийма́е до се́бе вся́кого подоро́жнёго, стра́ннёго, неха́й даре́мне »вся́кого прича́нина, й захо́жого и проізджа́чого, контенту́е, и щобъ »ніхто́, по́ки й живе́ на сві́ті, и́нше ёго́ не звавъ ні на и́мення, »ні на прізвище, якъ зло́дій.« — Отто́ жъ мене́ ви́били середъ гро-ма́ди тими́ віжками відъ дзво́нівъ, та й пусти́ли. Якъ мину́ло три ро́ки мое́і поку́ти, я й кажу́ грома́ді: »Що́ жъ, пано́ве грома́до! »уже́ неха́й бу́де ва́ша ла́ска: зоста́вте мене́, по́ки снаги́ мое́і, на-»ламарюва́ти, та й проіжджа́чихъ неха́й селя́не до ме́не відсила́ють, »щобъ уже́ я оди́нъ за все село́ ни́ми турбува́вся.« — Грома́да, спаси́бі ій, на те зозво́лила. Оце́ жъ я вже охо́тою паламарю́ю въ це́ркві, стра́нніхъ прийма́ю, якъ госте́й, и звуть ме́не лю́де на все село́ зло́діемъ.«

Сказа́вши, ни́зько намъ обо́мъ уклони́вся, а ми ёму́ вклони́лися ни́зько.

Отъ вамъ, добро́дію, о́повідь, кото́ру я своїми уши́ма чувъ, и чоловіка того́ своїми очи́ма ба́чивъ. И тепе́ръ поідьте въ село́ Гаківни́цю, то й тепе́ръ ще зна́йдете той двіръ на рі́жку́ коло ца́рини зъ величе́нною верб6́ю, а навпро́тивъ тиі верби́ дру́га нахили́лась, и въ село́ на́че крізь зеле́ні воро́та въідете. Вже вмеръ стари́й Дмитро́ Гарбу́зъ, що зва́ли зло́діемъ, а вінъ Гарбу́зъ изъ діда й пра́діда. Си́на ёго́ не звуть злодіе́нкомъ, крий Бо́же! Усі поважа́ють, бо чоловікъ хоро́ший и стра́нніхъ по-ба́тьківській залюбки́ прийма́е.

Ну, а въ васъ, добро́дію, у города́хъ, що́ бъ съ тако́го чоловіка зроби́ли?

Хуторяни́нъ.

КАЛЮЖА.

.... А отъ вамъ ка́зка и не ка́зка...
Весно́ю іхала каля́ска,
Упро́стяжъ ко́ней шестирня́;
Каля́ска, на́че та свиня́,
Була́ забо́втана грязе́ю;
Хвалѣ́таръ, ку́черъ, два лакеі,
Юхто́вий зза́ду чамайда́нъ; —
Зъ вікна́ дививсь старе́нький панъ, —
Людці шапки́ ёму здійма́ли;
На лісу діти позліза́ли —
Поба́чить: що́ воно́ за-бісъ?...
Проіхало воно́.... а да́лі —
Яко́сь-то Богъ не перенісъ —
Серед'ъ калю́жі ко́ні й ста́ли —
Усі, одра́зу, якъ оди́нъ!...
Чому́ й не ста́ть! — якъ роздиви́лись:
У грязь коле́са заситились
Троха́ не більшъ, якъ на арши́нъ!...
Тутъ ку́черъ за́разъ: »Ну, *ребя́тка!*
Ну-ну́! — *витя́гувай!!* кричи́ть...
Тоне́нька ну́жка, знай, свисти́ть!...
— »Ні, па́рень! чо́ртового ба́тька!«
Стоіть и ду́мае наро́дъ:
— »Се, бачъ, калю́жа—нашъ дохо́дъ,
Троха́ мабу́ть не цілий годъ....
Тутъ, бра́те, ко́ні не потя́гнуть:
Неха́й тамъ бу́дуть хочъ які —
Чи генера́льські, чи царські —
Де́-де,—а тутъ вони́ постря́нуть!...«
А й справді людъ той угада́въ,
По іхнёму, бачу́, и ви́йшло:
Хвалѣ́таръ мовъ кома́рь пища́въ,
Витя́гувавъ, ажъ тріснувъ ди́шель;
Той бідний ку́черъ ажъ охри́пъ —

А все нічо́го!... Ко́ні — сіпъ, —
Та й го́ді... дергону́ть — и ста́нуть...
Упріли та́къ, що жа́лко й гля́нуть!
Доста́лось біднимъ лошака́мъ!...
До-віку́ бъ ку́черъ мордува́вся,
Коли́бъ до насъ не обізва́вся
Изъ про́зьбою панюга самъ:
— »А чи не можна, до́брі лю́де,
Зарятува́ть? одъ ме́не бу́де
Карбо́ванець, чи й більше вамъ...«
— Чому́ не мо́жна? За вола́ми,
Якъ що таке́, то и пі́ти,
А конинятокъ одпрягти́,
То й ви́тягнемъ... Ходімъ, Овра́ме!... —
И привели́, и запрягли́;
Зъ каля́ски че́лядь постяга́ли, —
Тому́ мизе́рству показа́ли,
Що ко́ні, ба́чте, не воли́ —
Сере́дъ Юркі́вськоі калю́жі:
Бо кінь яки́й не бу́де ду́жий,
Та, бачъ, гаря́чий: стрибъ да сіпъ,
Кипи́ть, мовъ у горшку́ окріпъ
И си́лу да́ромъ потраче́...
Святе́е діло — вілъ: ступа́е
Пова́гомъ, сти́ха римига́ —
А ви́таска вагу́ зъ багню́ки...

Ся вірша вамъ за-для́ нау́ки —
Не вамъ, старі, а вамъ, ону́ки!...

Иванъ Затиркевичъ.

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ XVI ВѢКА.

(Изслѣдованіе Д. Мордовцова, въ III т. Архива, издав. Н. В. Калачовымъ).

Историческое изображеніе юридическаго прошедшаго у всякаго народа, сообразное съ установившимися требованіями современной науки, исполнено живаго и назидательнаго интереса. Безполезныя попытки ученыхъ отыскать общее начало, или право, на которомъ держится все общество, будетъ ли такимъ началомъ первобытный контрактъ, польза или понятіе человѣческой личности, заставили науку права оставить міръ остроумныхъ гипотезъ и низойти на реальную почву. Смѣшонъ теперь нашимъ современникамъ многоученый Бентамъ съ его вѣрою въ могущество открытаго имъ начала, съ затѣею писать кодексъ государственныхъ учрежденій для всѣхъ народовъ и съ легкомысленнымъ предложеніемъ своихъ услугъ иностранцамъ, занимавшимся въ его время составленіемъ уложеній. Съ тѣхъ поръ государственная мудрость успѣла вступить въ тѣсный и неразрывный союзъ съ историческою дѣйствительностію. Требуя оцѣнки государственнаго или общественнаго учрежденія, мы не справляемся о томъ, согласно-ли оно или нѣтъ съ отвлеченнымъ началомъ какой нибудь философской системы права, но желаемъ прежде всего знать исторію этого учрежденія: когда оно принято народомъ; нашло-ли оно, въ новомъ кругу своего примѣненія, противодѣйствующія и благопріятствующія стихіи; было-ли парализировано противодѣйствіемъ, или восторжествовало, и вышло-ли изъ борьбы во всей первобытной чистотѣ своей, или получило новый, не бывалый прежде, оттѣнокъ. Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы будемъ вправѣ дѣлать свои заключенія о томъ, есть-ли

въ разсматриваемомъ законѣ условія народности, возможно–ли ожидать, отъ примѣненія его, благодѣтельныхъ послѣдствій, или же, для общаго блага, нужно желать его уничтоженія.

Развитіе этого взгляда на право заключается въ признаніи юридической силы обычая, въ изысканіи органической связи всякаго отдѣльнаго опредѣленія писаннаго и неписаннаго закона со всею совокупностію юридическаго быта народа. Историкъ–юристъ, ставшій на такую точку зрѣнія, видитъ въ массѣ народа, для котораго пишутся законы, не одно страдательное, но также и дѣятельное, начало. Въ его глазахъ, люди, занимающіеся редакціею законовъ, вращаются въ кругу народа и невольно переносятъ его юридическія понятія въ свои труды; съ другой стороны, — историкъ–юристъ допускаетъ, что утвердившійся въ юридическомъ бытѣ и обществѣ обычай можетъ ослабить примѣненіе и совершенно парализировать силу непопулярнаго закона. Подобное историческое изученіе юридическаго быта народа находитъ свое приложеніе въ физіологическомъ направленіи науки права и современно признанію въ политикѣ начала народностей.

Какимъ бы смутнымъ ни представлялся намъ образъ славянскихъ законодательствъ, начерченный нетвердымъ перомъ Польскаго законовѣда Мацѣёвскаго, но, навѣрно, ничѣмъ нельзя поколебать увѣренность современнаго общества въ томъ, что право славянскихъ народовъ имѣетъ свою физіономію, ему одному свойственную; что въ немъ есть характеристическія особенности, рѣзко отличающія его отъ законодательствъ Германскихъ и Римскаго права, долго считавшагося нормою всякаго права — вѣчнымъ правомъ. Не менѣе сильно наше убѣжденіе и въ томъ, что Польское и Русское законодательства, близкія между собою по племенному единству народовъ, которымъ они принадлежатъ, имѣютъ свои рѣзкія черты различія.

Задача науки — отыскать необходимое присутствіе въ каждомъ изъ нихъ народныхъ началъ и прослѣдить преемственную жизнь и видоизмѣненія послѣднихъ въ исторіи права. Только достигнувъ такимъ путемъ простаго, сжатаго, и вмѣстѣ полнаго представленія юридическаго быта двухъ народовъ, законодатель можетъ дѣлать безошибочную оцѣнку, въ общечеловѣческомъ и національномъ смыслѣ, достоинства существующихъ и вновь вводимыхъ опредѣленій права. Только на этой ступени исторія права достигнетъ той цѣли, къ которой она постоянно стремится: быть откровеніемъ прошедшаго и руководствомъ для настоящаго.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время Польская и Русская литературы не имѣютъ исторіи права, которая бы вполнѣ удовлетворяла современнымъ требованіямъ науки. Въ русскомъ правовѣденіи первое мѣсто въ области историческихъ трудовъ безспорно принадлежитъ *Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ*, Неволина. Но вотъ слова, которыми г. Кавелинъ охарактеризовалъ его въ части, относящейся къ наслѣдству по русскому праву. «Обладая изумительною начитанностію, г. Неволинъ свелъ всѣ данныя, всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обслѣдовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всѣми, даже по видимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Будучи по преимуществу легистомъ, г. Неволинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому представляетъ одни отрывочныя правила, неимѣющія между собою непосредственнаго отношенія. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо вглядѣться во всю совокупность быта, по среди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочные юридическіе факты и въ немъ, чрезъ него искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи (1)». Въ Польской литературѣ замѣчательнѣйшій по объему историко-юридическій трудъ составляетъ сочиненіе Чацкаго *о литовскихъ и польскихъ законахъ*.

О достоинствѣ этого труда новѣйшій польскій писатель по исторіи права, г. Мацѣёвскій говоритъ такъ: «Чацкій, въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, былъ послѣдователемъ Монтескьё, который занимался болѣе основаніемъ и задачею устройства человѣческихъ обществъ, чѣмъ системами политической ихъ организаціи. Между тѣмъ, Чацкій не усвоилъ себѣ, глубокимъ изученіемъ римскихъ юристовъ, ихъ ученаго такта, ихъ удивительнаго искусства выводить изъ извѣстныхъ опредѣленій права ближайшія и дальнѣйшія логическія слѣдствія, и потому, при всѣхъ достоинствахъ ученаго труда Чацкаго, можно сказать о немъ, что авторъ сочиненія о литовскихъ и польскихъ законахъ не открылъ ни духа литовскаго права, ни древнѣйшаго его источника (2)».

(1) Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка закон. наслѣдов. *Мацьёвскій*. Historya prawodawstw Słowiańskich, т. 1, стр. 365.

При такомъ состояніи науки исторіи русскаго и польскаго права, мы вправѣ многаго ожидать отъ тѣхъ ученыхъ изслѣдованій, которыя, опираясь на знаніи источниковъ права обоихъ народовъ, будутъ пользоваться явленіями изъ жизни одного изъ нихъ для критической оцѣнки юридическихъ фактовъ другой народной сферы, и воспользуются ими въ своихъ научныхъ выводахъ путемъ анологическихъ заключеній. Путь сличенія близкихъ между собою законодательствъ для юриста-историка тотъ-же, что сравнительная лексикографія для филолога, что минералогія, эмбріологія и зоологія для физіологіи животной жизни.—Какъ филологъ и физіологъ не могутъ, при настоящемъ состояніи наукъ, опредѣлить, гдѣ оканчивается одинъ языкъ и гдѣ начинается другой, или гдѣ оканчивается жизнь растеній и начинается животная, но имѣютъ постоянною задачею своею опредѣленіе качествъ разсматриваемыхъ ими предметовъ и ихъ особенностей, — такъ и юристъ не можетъ указать всѣхъ чертъ отличія одного права отъ другаго; а открывъ ихъ, онъ постигъ бы все существо изучаемаго права.

Въ этомъ новомъ направленіи чисто историческія сочиненія предупредили юридическія, въ особенности съ того времени какъ исторія, воспользовавшись богатствомъ открытыхъ и вновь открываемыхъ памятниковъ прошедшаго, получила возможность заниматься больше изслѣдованіемъ внутренней жизни народа, чѣмъ явленіями политической сферы. Созданный историческими изслѣдованіями профессора Костомарова образъ древней Руси, какъ группы земель, различныхъ между собою по языку и обычаямъ ихъ обитателей, и въ то же время связанныхъ по происхожденію, въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, единствомъ началъ, отдѣляющихъ Русскую Землю отъ другихъ славянскихъ и неславянскихъ союзовъ, ясно указываетъ дальнѣйшій путь изслѣдованій юристовъ-историковъ.—Проявленіе въ этой формѣ народнаго начала указываетъ на то, что, при изслѣдованіи юридическаго быта народа, мы вправѣ пользоваться явленіями изъ жизни на одномъ пространствѣ земли для объясненія закона и обычая другаго соплеменнаго союза, и что юристъ-историкъ, оставаясь на этомъ сбивчивомъ и трудномъ пути, никогда не долженъ терять надежды достигнуть своей цѣли—создать и вылить въ юридическую форму предметъ своего изслѣдованія: бытъ народа съ его національною особенностью.

Для Русской исторіи и права вообще большой интересъ представляетъ изученіе юго-западной Руси, гдѣ столкнулись Русская, Литов-

ская и Польская національности и гдѣ исторія считаетъ 4 столѣтія ихъ совмѣстнаго, болѣе или менѣе близкаго существованія. Въ югозападной Руси, подъ державою сперва В. Князей Литовскихъ, а потомъ Польской Речи-посполитой, по всей вѣроятности, въ законодательствѣ, а еще болѣе въ обычаѣ, обозначались начала національныя, начала трехъ названныхъ нами народовъ. Раскрытіе ихъ въ наукѣ должно обогатить народное самопознаніе и, быть можетъ, сдѣлаетъ рѣшительный переворотъ въ Польской и Русской наукахъ исторіи и права. Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ этого рода на первомъ планѣ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть юридическій бытъ крестьянъ королевскихъ и помѣщичьихъ, потому, во-первыхъ, что народныя начала всегда вообще дольше удерживаются въ массахъ, для которыхъ закрыта политическая арена съ ея характеромъ легкости и быстротечности и во-вторыхъ потому, что крестьяне, по Литовско-Польскому законодательству, были подведены подъ одну юридическую формулу со всѣми людьми *простого стану*, составлявшими противоположность привиллегированнаго шляхетскаго сословія. Слѣдовательно, пиша о крестьянахъ юго-западной Руси, нужно захватить весь строй гражданскихъ и политическихъ отношеній въ Литовско-Польской Речи–посполитой.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни въ Польской, ни въ Русской литературѣ труды, посвященные исключительно этому предмету.

Начинаніе въ этомъ дѣлѣ, казалось бы, должно принадлежать Польскимъ писателямъ, которые, при знаніи своей литературы вообще и польскихъ источниковъ права, соединены съ русскимъ народомъ политическими и общественными связями. Но они, по неизвѣстнымъ причинамъ, и быть можетъ находя собранные у нихъ матеріалы недостаточными, не остановливались еще, сколько намъ извѣстно, съ полнымъ вниманіемъ на юридическомъ бытѣ юго-западной Руси. Что же касается писателей Русскихъ, то самая мысль о подобномъ изслѣдованіи, ни въ чемъ положительнымъ образомъ не высказывалась, и казалось совсѣмъ была ими оставлена. Еще въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи живы были воспоминанія о прошедшей исторіи страны подъ державою Польской Речи - посполитой; еще тогда дѣйствовалъ Литовскій Статутъ, и мѣстное управленіе носило на себѣ отчасти польскій характеръ,—и потому мы имѣемъ отъ того времени писателей, которые заглядывали въ памятники прошедшаго Малороссіи, принадлежавшей къ Польской коронѣ, и считали повидимому знаніе польскаго права необходимою принадлежностью своего политическаго образованія.

Такими писателями были Шафонскій, Политика и др. Но когда были уничтожены нѣкоторыя прежнія учрежденія, и Малороссія вошла въ число губерній, управляемыхъ отчасти по общимъ Русскимъ законамъ, и въ особенности, по отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго Статута—любознательность образованныхъ Малороссіянъ получила другое направленіе. Прекратившаяся при новомъ порядкѣ вещей, нравственная и политическая связь съ Польшею долго не вызывала воспоминаній о себѣ Русскихъ писателей-юристовъ и публицистовъ, и только въ послѣднее время стали чувствовать потребность сдѣлать юридическій бытъ юго-западной Руси предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

Статья г. Мордовцова, помѣщенная въ III т. Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи 1861 г., кажется, первое въ Русской литературѣ сочиненіе о крестьянахъ юго-западной Руси. Авторъ занимается бытомъ крестьянъ юго-западной Руси въ XVI в. Сочиненіе это по предмету своему (права и обязанности крестьянъ) юридическое, хотя по развитію содержанія и по характеру выводовъ автора оно выходитъ, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, изъ юридической сферы.

Статью свою г. Мордовцовъ начинаетъ изложеніемъ правъ крестьянъ по статуту В. Княжества Литовскаго 1588 г.; въ приводимыхъ статьяхъ статута авторъ усматриваетъ, что, по понятію самаго закона, между человѣкомъ *простого стану* и *станомъ шляхетскимъ* существовало неизмѣримое различіе: вдова стану шляхетскаго, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человѣка простого стану, навсегда теряла свое достояніе. Если шляхтичъ поселялся въ городѣ и начиналъ вести торгъ, или заниматься ремесломъ, то онъ терялъ права шляхетскія. Предпочтеніе шляхтича передъ человѣкомъ простого стану замѣчается и въ назначеніи наказаній за уголовныя преступленія. Крестьяне королевства Польскаго раздѣлились на крестьянъ коронныхъ и крестьянъ частныхъ владѣльцевъ; были также въ сословіи крестьянъ и люди вольные. Первые изъ нихъ жили на землѣ, принадлежащей королевскимъ помѣстьямъ, платили за эту землю поземельный оброкъ, прибавляя къ нему плату натурою, и работали для казны по опредѣленію мѣстныхъ властей. Самыя близкія власти, съ которыми крестьянинъ имѣлъ постоянно дѣло, были «войты» и «лавники», избиравшіеся изъ среды самыхъ же крестьянъ, но они не были избавлены и отъ казенныхъ чиновниковъ «ревизоровъ», «возныхъ», «подкоморыхъ» и другихъ, наводившихъ на нихъ ужасъ своимъ по-

явленіемъ. Земская полиція и все, что̀ относилось до судебной и распорядительной власти, сосредоточивалось въ такъ называемыхъ «урядахъ», которые посылали чиновниковъ на слѣдствія, для разбора тяжебныхъ дѣлъ, на ревизіи, за сборомъ податей, и пр.; чинили судъ и расправу надъ крестьянами, не имѣвшими права апелляціи, дѣлали смертные приговоры, и приводили ихъ въ исполненіе, не относясь къ высшимъ судебнымъ властямъ».

Этими немногими словами ограничился г. Мордовцовъ въ опредѣленіи правъ коронныхъ крестьянъ по отношенію къ полиціи и суду. Но читатель безъ сомнѣнія хотѣлъ бы знать, что̀ такое были уряды, о которыхъ здѣсь говорится; было ли это тоже самое учрежденіе, что̀ извѣстный, въ литовскомъ статутѣ, урядъ гродскій съ стоявшимъ на челѣ его судебнымъ старостою, или употребленное въ настоящемъ случаѣ названіе уряда относится къ управленіямъ старостъ, тіуновъ и державцевъ, которымъ поручались королевскія имѣнія, и соединялась-ли, такимъ образомъ, въ лицѣ послѣднихъ судебная власть съ полицейскою и хозяйственною.—На это г. Мордовцовъ не даетъ отвѣта, и видитъ дурную сторону этихъ учрежденій въ томъ, что крестьяне на судъ ихъ и расправу не имѣли права апелляціи. Пользовались ли крестьяне правомъ апелляціи, въ томъ смыслѣ какъ теперь ее понимаютъ, т. е. правомъ перенести дѣло въ установленный срокъ изъ низшаго суда въ высшій для ревизіи постановленнаго приговора—мы не знаемъ, и очень вѣроятно, что г. Мордовцовъ правъ, отрицая существованіе такихъ апелляцій; но въ уставѣ *о волокахъ* на *войтовъ*—должностныхъ лицъ, назначавшихся по выбору крестьянъ,—возлагалась обязанность доносить ревизору о лихоимствѣ уряда (*абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ*). Изложенное въ этомъ уставѣ запрещеніе войтамъ и лавникамъ судить крестьянъ въ какихъ бы то ни было дѣлахъ,—подъ угрозою взысканія, въ противномъ случаѣ, пени въ казну рубля грошей, очень явно говоритъ о томъ, что эти выбранные люди прежде судили крестьянъ, и что послѣдніе усвоили себѣ привычку обращаться къ ихъ суду. Кромѣ того, намъ извѣстно, что Сигизмундомъ III были учреждены суды референдарскіе при его особѣ, для разрѣшенія споровъ между *державцами крулевщизнъ и экономіи* и поселянами (*); слѣдовательно коронным крестьянамъ въ Польшѣ и Литвѣ не былъ закрытъ

(*) *Herbarz*, Нѣсецкаго.

путь принесенія жалобъ вообще на своихъ урядниковъ. При томъ же, право апелляціи имѣетъ слишкомъ относительное значеніе въ судопроизводствѣ. Въ древнія времена, когда вся общественная жизнь совершалась подъ открытымъ небомъ, публичность судебной расправы и участіе въ ней всего народа или его представителей стояли на стражѣ правосудія,—и тогда не было надобности въ апелляціяхъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ произошла перемѣна въ судопроизводственныхъ формахъ Европейскихъ государствъ. Свѣтскіе суды заимствовали изъ церковной практики принципъ инквизиціи, что вмѣстѣ съ введеніемъ въ европейскія судопроизводства римской ученой юриспруденціи и съ всеобщимъ ослабленіемъ политическихъ правъ народа и его участія въ судѣ, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ Западной Европѣ заперлись судебныя залы, введена въ судопроизводство тайна, и для ограниченія произвола судей государства стали установлять законныя нормы доказательствъ. Тогда-то именно явилась потребность въ апелляціяхъ.

Глядя съ этой точки зрѣнія на судопроизводство вообще, мы думаемъ, что невозможно сдѣлать юридической оцѣнки судебныхъ учрежденій въ имѣніяхъ польской короны безъ опредѣленія степени участія въ нихъ народныхъ мужей. Слѣды участія послѣднихъ въ судахъ, отправляемыхъ надъ крестьянами вообще, несомнѣнны. Народное начало, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, мало по малу съуживалось и наконецъ совсѣмъ было подавлено усилившимся могуществомъ пановъ и шляхты, но, по всей вѣроятности, оно еще долго жило въ памяти народа, который былъ привязанъ къ своему обычаю и считалъ нарушеніемъ права ни чѣмъ неограниченную юрисдикцію своихъ господъ. Не говоря о драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи матеріалахъ, указанныхъ въ статьѣ профессора Иванишева, *объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ въ Юго-западной Руси*, мы можемъ сослаться на указаніе, содержащееся въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества, Шафонскаго (ч. 1, § 34). Авторъ говоритъ, «что въ мѣстечкахъ, за Польскаго владѣнія, отъ владѣльцевъ установлены ратуши, въ которыя изъ ихъ же подданныхъ, мѣщанами называемыхъ, по волѣ владѣльца, выбирались войты и бургомистры, которые словесно, по естественному закону и своему разсудку, какъ своего мѣстечка, такъ и по деревняхъ живущихъ и того мѣстечка прежде владѣльцу принадлежащихъ жителей, судили. Такимъ образомъ, въ Гадячѣ есть замковыя дневныя записки съ

1645 года, изъ которыхъ видно, что замку Гадяцкаго королевскаго управитель, на Польскомъ языкѣ намѣстникъ, иногда самъ, иногда обще съ Гадяцкимъ воитомъ, всѣ дѣла жителей Гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ, разбиралъ. По изгнаніи въ 1654 г. Поляковъ, намѣстники замковые также, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали». Не обратить вниманія на это обстоятельство, по нашему мнѣнію, значитъ потерять юридическую почву, трактуя о предметѣ столь юридическомъ, какъ права и обязанности крестьянъ. Въ обычаяхъ, существовавшихъ прежде и упорно оскорбляемыхъ насиліемъ, заключался идеалъ ихъ гражданскихъ отношеній и источникъ вражды къ притѣснителямъ. Безъ знанія обычаевъ, мы можемъ видѣть только давящую сверху силу, но намъ будутъ непонятны юридическое воззрѣніе народа, его права и характеръ нарушенія этихъ правъ. Въ глазахъ нашихъ, отзывъ г. Мордовцова, что крестьяне не имѣли права апелляціи, имѣетъ какой то лѣтописный характеръ. Безъ сомнѣнія, крестьянамъ, испытывавшимъ насилія лично и по имуществу и оскорбляемымъ въ драгоцѣннѣйшемъ ихъ правѣ—жить какъ они привыкли, некому было жаловаться, если они взялись за оружіе, возложивъ упованіе на Господа Бога. Но война плохой критерій для оцѣнки всякихъ учрежденій. Подобно пожару, она имѣетъ то свойство, что, глядя изъ за нея, мы видимъ элементы внутренней жизни народа въ состояніи смѣшенія, а не такъ, какъ они были прежде. Стоя лицемъ къ лицу съ войною, современники не могутъ отрѣшиться отъ впечатлѣній страсти и стать выше точки зрѣнія той политической партіи, къ которой они сами принадлежатъ. Даже писатели, исполненные возвышенной любви къ человѣчеству и противники, по своему религіозному принципу, кровопролитія, кто бы ни былъ его начинателемъ, призываютъ благословеніе Неба на оружіе одного лагеря и называютъ Богоотступниками и раздирателями отчизны тѣхъ сподвижниковъ внутренней войны, которымъ они не сочувствуютъ. Сочинители лѣтописей, современники войнъ, не дали намъ вѣрныхъ изображеній внутренней жизни народа, и потому тонъ ихъ сказаній совершенно не умѣстенъ тамъ, гдѣ требуется анализъ фактовъ.

Окончивъ изложеніе правъ крестьянъ, г. Мордовцовъ переходитъ къ ихъ обязанностямъ, составлявшимъ обширнѣйшую и разнообразнѣйшую долю народной жизни, потому что у польскихъ крестьянъ, можно сказать, со всѣмъ не было правъ, а обязанностей было множе-

ство. Здѣсь овторъ пользуется матеріалами, напечатанными въ двухъ отдѣлахъ II и III томовъ *Памятниковъ* Кіевской Коммиссіи, т. е. *уставомъ о волокахъ* короля Сигизмунда Августа, инвентарями помѣщичьихъ имѣній Луцкаго уѣзда, и арендными контрактами, записанными во Владимірскихъ гродскихъ книгахъ.

Существенные выводы, дѣлаемые авторомъ изъ фактовъ, содержащихся въ этихъ источникахъ, слѣдующіе: каждый коронный крестьянинъ обязанъ былъ работать на короля по два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней—такъ называемой *толоки*. Произволъ въ распредѣленіи повинностей видѣнъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *маеть быти на бачности вряду и ревизоровъ нашихъ*. Сверхъ исполненія различныхъ работъ, они платили въ казну поземельный оброкъ и довольно сложныя пошлины; жалованье чиновникамъ большею частію падало, хотя нѣсколько косвенно, на тѣхъ же крестьянъ. Кромѣ платы натурою, были поборы въ казну и деньгами. Сумма всѣхъ повинностей крестьянскихъ не велика,—если станемъ ее мѣрить по своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тому времени такіе поборы были тяжелымъ бременемъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI-го вѣка это было тяжеле татарскаго набѣга и только не тяжеле развѣ одного арендаго состоянія. — Обозрѣвъ затѣмъ инвентари помѣщичьихъ имѣній, авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: «достатокъ въ быту поселянина выражается матеріальнымъ его состояніемъ: исправностью земледѣльческихъ орудій, большимъ или меньшимъ количествомъ рабочаго скота и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ. Это необходимое рѣдко имѣлъ у себя малорусскій крестьянинъ. Въ инвентаряхъ постоянно встрѣчаются слѣдующія извѣстія: на 250—260 хозяйствъ причитается 110 лошадей и 195 воловъ; на 113 хозяйствъ—47 лошадей и 74 вола и т. д. Если въ этомъ числѣ были богатые крестьяне, имѣвшіе по двѣ пары воловъ, то были и цѣлыя семьи, не имѣвшія ни вола, ни лошади, или часто одна лошадь приходилась на два хозяйства. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было обѣдненіе крестьянъ. И притомъ положеніе ихъ не улучшалось. Напротивъ, можно даже хронологически показать, какъ возрастали съ каждымъ годомъ цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности. Эта возрастающая прогрессія началась съ половины XVI столѣтія. Чтобы видѣть это, стоитъ только

сравнить инвентарь 1566 года съ инвентарями 1573 и 1598 годовъ. Уничтоженіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщины повлекло за собою установленіе порютовщины, подымовщины и проч. налоговъ; сѣнокосы отданы крестьянамъ за плату, которая восходила до 8 грошей за одинъ моргъ или 40 коп. сер. за 1587 кв. саж., на которыхъ, по самой большей мѣрѣ, можно накосить три большіе воза сѣна; а возъ сѣна стоилъ тогда три гроша и даже грошъ. Видя, какъ дорого обходился мужику моргъ сѣнокоса, нельзя удивляться, что въ хозяйствѣ малорусскаго крестьянина находилось такъ мало рабочаго скота. Въ XVI вѣкѣ, въ Малороссіи, считалось хорошею цѣною заплатить за добраго вола 2 или $2^1/_2$ руб. сер., за мужицкіе сани — грошъ или полтора, за четверикъ ржи—тоже грошъ или еще меньше: стало быть, въ то время, когда и трудъ человѣка и произведенія земли цѣнились такъ неимовѣрно дешево — платить 3 р. сер. и довольно большую подать натурою, при ежедневной барщинѣ, было не легко. Но ужаснѣе всего была полная неограниченность правъ владѣльца и обычай отдавать имѣнія въ арендное содержаніе. Во всѣхъ записяхъ неизмѣннымъ арендаторомъ является жидъ. Жиду этому предоставляется право брать себѣ всякіе доходы, судить и рядить бояръ *путныхъ*, также всѣхъ крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежною пенею и смертію».

«При такихъ условіяхъ, южнорусскій поселянинъ», говоритъ г. Мордовцовъ, «доведенный до послѣдней степени нищеты и безпрестанно оскорбляемый въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствованіяхъ,—въ чувствѣ религіозномъ и патріотическомъ, — мѣнялъ косу и цѣпъ на саблю и винтовку, или же просто съ косою и граблями уходилъ къ козакамъ, движимый послѣднимъ чувствомъ — животнаго самосохраненія».

Изъ приведенныхъ нами словъ г. Мордовцова видно, что для опредѣленія положенія крестьянъ юго-западной Руси онъ пользуется понятіемъ цѣны ихъ повинностей и вещей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ, и сравненіемъ ея съ цѣнами теперь существующими. Ошибка автора въ этомъ отношеніи очевидна. Во первыхъ, онъ не принялъ во вниманіе географическаго измѣненія крестьянскихъ повинностей въ юго-западной Руси. Въ Украйнѣ повинности были легче, чѣмъ на Волыни (*), такъ какъ возвышенію ихъ не благопріятствовали, по всей

(*) Записки о Южной Россіи. Кулиша, т. II, акты изъ собранія Руликовскаго, стр. 331.

вѣроятности, изобиліе земли, частые набѣги татаръ и свободный духъ крестьянъ, поддерживаемый присутствіемъ козаковъ. Между тѣмъ, авторъ, дѣлая общія заключенія о положеніи крестьянъ юго-западной Руси, пользовался актами, относящимися только до имѣній, находящихся на Волыни. Во вторыхъ—начало цѣнности, взятое въ отдѣльности, односторонне и недостаточно для объясненія внутренней жизни народа, и можетъ повести насъ къ такимъ же произвольнымъ заключеніямъ, какія бы мы получили, подводя дѣйствительные факты подъ отвлеченныя понятія первоначальнаго контракта, пользы и пр. Напримѣръ: по расчету г. Мордовцова, у крестьянъ, какъ коронныхъ такъ и помѣщичьихъ, за уплатою лежавшихъ на нихъ повинностей, ничего или очень мало оставалось на расходы для собственныхъ надобностей. Между тѣмъ, изъ инвентаря имѣнія Заборольскаго, по словамъ автора, видно, что 64 души (тягла), находившіяся въ этомъ имѣніи, имѣли 46 лошадей и 95 штукъ воловъ, или, въ селѣ Бруховичахъ, на 50 работниковъ, 37 тяглыхъ и остальные огородники или подсосѣдки. Такое количество рабочаго скота и подобное отношеніе тяглыхъ работниковъ къ огородникамъ, даже и при настоящемъ состояніи земледѣлія въ Малороссіи, слѣдуетъ считать удовлетворительными. Въ этомъ убѣждаютъ насъ оффиціальныя свѣдѣнія, доставленныя въ послѣднее время помѣщиками, по которымъ въ Полтавской губерніи отношеніе пѣшихъ крестьянъ къ тяглымъ 73 : 100. Въ той же Полтавской губерніи, по свѣдѣніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, на 466,020 наличныхъ душъ мужескаго пола имѣется крупнаго скота: лошадей и рогатаго скота: 437,853 штуки. Если вычесть изъ этого числа коровъ и малолѣтковъ неспособныхъ къ работѣ, то можетъ быть окажется, что и теперь не каждый государственный крестьянинъ въ Полтавской губерніи можетъ обработывать землю своимъ скотомъ.

Но мы очень хорошо знаемъ, что у государственнаго крестьянина Полтавской губерніи осталось не одно чувство животнаго самосохраненія. Напротивъ, посреди незавидной и часто крайне скудной обстановки домашняго быта, онъ является человѣкомъ нравственнымъ, съ человѣческими мыслями и желаніями и способностью къ развитію своего умственнаго и вещественнаго богатства.

Понятіе цѣнности само по себѣ недостаточно для опредѣленія даже и экономическихъ явленій народной жизни: нельзя оцѣнивать даровыхъ силъ природы, и трудно дѣлать какія либо предположенія о

цѣнѣ тѣхъ вещественныхъ богатствъ страны, которыми пользуется человѣкъ, употребляя лишь столько труда, сколько нужно для того, чтобы сорвать плодъ съ дерева, поймать рыбу, убить птицу и проч. Наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, независимо отъ цѣнности вещей, имѣетъ важное значеніе способъ распредѣленія богатства. Еще менѣе понятіе цѣнности можетъ удовлетворить юриста. Цѣнность, какъ результатъ сравненія вещей между собою, составляетъ въ юридическомъ быту только одну сторону имуществъ, находящихся въ обращеніи. Кромѣ цѣнности, право допускаетъ еще и другія основанія въ опредѣленіи отношеній нашихъ къ вещамъ. Такимъ образомъ, оно недозволяетъ незаконному владѣльцу недвижимаго имущества освободиться отъ справедливаго требованія собственника уплатою одной цѣнности этого имущества; но предписываетъ возвратить отыскиваемое въ его наличномъ состояніи. Равнымъ образомъ, никакое законодательство не полагаетъ оцѣнки личнымъ правамъ состоянія, праву законнаго рожденія, праву опеки и проч. Въ отношеніяхъ нашихъ къ вещамъ, всѣ законодательства признаютъ что-то непосредственное, и въ нашихъ правахъ—внутреннюю и нерасторгаемую связь съ живымъ существомъ ихъ юридическаго субъекта. Нарушеніе всякаго права удручаетъ насъ не одними послѣдствіями матеріальнаго лишенія, которыя можно предотвратить замѣною отнимаемаго равноцѣнными вещами, но также и душевнымъ оскорбленіемъ, которое наноситъ намъ нарушитель права, вторгаясь во внутреннее святилище нашего юридическаго бытія. Ошибочно по этому прилагать къ исторіи человѣческихъ обществъ такой взглядъ, что они могутъ спокойно существовать при извѣстной суммѣ находящихся въ ихъ пользованіи вещественныхъ цѣнностей, и коль скоро насиліе доводитъ ихъ матеріальный достатокъ до извѣстнаго предѣла, то имъ, по выраженію автора, остается одно чувство животнаго самосохраненія—и они возмущаются. Такая мѣрка состоятельности гражданъ нигдѣ не существуетъ ни въ дѣйствительности, ни въ отвлеченіи. Извѣстная сумма цѣнностей можетъ показаться необразованному поселянину достаточнымъ фондомъ его безбѣднаго существованія; но если бы оставить при ней одной человѣка съ развитыми потребностями, то въ душѣ его не останется ни одного мѣста, не пораженнаго чувствомъ лишенія, которое болѣе слабыхъ можетъ довести даже до отчаянія и самоубійства.

Чѣмъ выше благосостояніе человѣка, чѣмъ болѣе въ немъ обра-

зованности и энергіи, тѣмъ живѣе чувствуется имъ матеріальное лишеніе и тѣмъ сильнѣе оскорбляется нарушенное право. Человѣкъ, матеріально-духовное существо, переноситъ въ міръ матеріи свое субъективное бытіе и цѣнитъ въ вещахъ не одно достоинство ихъ, какъ матеріи, но и ихъ связь съ своимъ внутреннимъ міромъ. Заставляя вещи служить своимъ потребностямъ, онъ получаетъ отъ нихъ не только животную пищу, но и духовную.

Что замѣчается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, тоже самое имѣетъ примѣненіе и къ цѣлымъ обществамъ. Обитатели востока, которымъ испоконъ вѣка давящій деспотизмъ постоянно препятствовалъ развивать матеріальное благосостояніе и лучшія понятія гражданственности, гораздо терпѣливѣе переносятъ лишенія, чѣмъ жители Европы, поставившей задачею своей исторіи эманципацію личности и обезпеченіе ея индивидуальной свободы. Политическая мудрость въ матеріальномъ богатствѣ народа и его цѣнности видитъ одно относительное значеніе, и достаточность или недостаточность народнаго богатства для удовлетворенія нуждамъ націи объусловливается прежде всего ея потребностями, ея внутреннимъ міромъ. Такимъ образомъ, въ статистикѣ Европейскихъ государствъ, извѣстенъ, какъ примѣненіе этого начала, тотъ законъ, что государственные союзы съ національнымъ правительствомъ и одноплеменнымъ населеніемъ носятъ въ себѣ условія прочности, и дольше сохраняются, несмотря на превратности исторической судьбы, большую или меньшую чувствительность общихъ и частныхъ лишеній.

Обращаясь къ крестьянамъ юго-западной Руси XVI столѣтія, мы можемъ сказать, что народъ этотъ терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишенія. Терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ-арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить смертію. Все это подтверждается свидѣтельствами современниковъ, *думами* и преданіями народа и, наконецъ, тѣми актами Кіевской Коммиссіи, которыми пользовался авторъ для составленія своей статьи. Но этого мало: намъ еще нужно знать, какъ смотрѣлъ народъ на эти притѣсненія, какія права свои онъ считалъ нарушенными, какъ хотѣлъ жить и къ какому порядку стремился? Чтобы отвѣчать на эти вопросы нуженъ анализъ внутренней жизни народа; но г. Мордовцовъ, привязавшись къ одностороннему началу цѣны, не взялъ на себя этого труда, и потому его объясненія фактовъ, записанныхъ въ актахъ

Кіевской Коммиссіи, не имѣютъ ни юридическаго характера,—потому что въ нихъ нѣтъ ничего о правахъ крестьянъ по обычаю и собственнымъ ихъ понятіямъ, ни историческаго—потому что въ исторіи предполагается движеніе; а изъ всѣхъ выводовъ автора соотвѣтствуетъ этому условію только одно замѣчаніе, что съ 1566 г., съ каждымъ годомъ возрастали цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности, ни статистическаго, потому что статистика занимается отысканіемъ среднихъ и постоянныхъ чиселъ, а г. Мордовцовъ пользуется находившимися у него цифрами, какъ примѣрами и образцами; наконецъ, въ разсматриваемой статьѣ г. Мордовцова, нѣтъ ничего и политико-экономическаго, потому что авторъ даже не вспоминаетъ ни объ одномъ законѣ развитія народнаго богатства.

Выраженіе автора, что у Южно-русскаго поселянина XVI в. не оставалось ничего, кромѣ чувства животнаго самосохраненія, мы считаемъ обмолвкой: иного значенія не можемъ придать этимъ словамъ, потому что самъ г. Мордовцовъ приводитъ въ своей статьѣ пѣсни и думы народа, въ которыхъ сказалось его оскорбленное чувство человѣческаго достоинства и, по видимому, хорошо знаетъ событія исторіи, обратившей Южно-русскій народъ въ военный лагерь, въ которомъ неграмотный земледѣлецъ, наравнѣ съ просвѣщенными людьми, предводительствовалъ военною силою и участвовалъ въ образованіи внутренняго управленія и заключеніи политическихъ союзовъ.

Въ заключеніе скажемъ о статьѣ г. Мордовцова, что радуемся появленію ея, какъ доказательству любознательности просвѣщенныхъ людей, обращенной на ту сторону русской жизни, которой мы придаемъ большую важность по причинамъ, выше нами изложеннымъ. Мы очень благодарны автору за составленное имъ довольно тщательное извлеченіе изъ актовъ Кіевской Коммиссіи, которое познакомитъ многихъ читателей съ этимъ драгоцѣннымъ источникомъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній о Южной Руси. Что же касается до выводовъ автора, то въ нихъ, какъ мы прежде сказали, нѣтъ анализа внутренней жизни народа.

Авторъ раскрываетъ передъ нами картину насилія, являющагося то въ формѣ притѣснительнаго закона, то въ видѣ произвола пана и жида-арендатора, но не нисходитъ къ самому народу съ его правами, мыслями и желаніями, взлелѣянными нравами и обычаями прошедшаго. Въ своихъ *заключеніяхъ*, г. Мордовцовъ ничего не прибавилъ,

по нашему мнѣнію, къ всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Кіевской Коммиссіи и другихъ источниковъ. Заключенія эти сами по себѣ ничего не говорятъ, или, пожалуй, говорятъ новаго на столько, на сколько дополняетъ характеристику 1674 года наивно простодушная острота лѣтописца Величка: «Тотъ годъ на лѣтерѣ *добрѣ* теченіе свое отправовати начавій, долженъ былъ отъ имени своего доброе и благополучное даровати житіе; еднакъ добра не было». Дѣйствительно не было добра въ Юго-западной Руси, ни въ XVI столѣтіи, ни въ 1674 году, и это не ново. Остается намъ узнать, какого добра намъ нужно было въ то время и что помѣшало ему осуществиться.

А. П.....кій.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

I.

Много лѣтъ тому назадъ, *Тарасъ Григорьевичъ Шевченко* началъ издавать альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ «*Живописная Украина*». Любя, и глубоко уважая Тараса Григорьевича, я рѣшился назвать свое изданіе тѣмъ же именемъ, въ память Шевченка. Пусть мой трудъ служитъ какъ бы продолженіемъ бывшаго труда Тараса Григорьевича.

Поясню назначеніе своего альбома подробнѣе, чѣмъ въ объявленіи. Цѣль моя—ознакомить не только съ стариною Малороссіи, но и съ современной физіономіей Украинскаго народа, со всею обстановкой его быта, съ утварью, постройками, шитьемъ, рѣзьбой, и съ видами южнаго края; словомъ, все, что составляетъ жизнь Малороссіи, найдетъ мѣсто въ моемъ альбомѣ. Ежели число подписчиковъ увеличитъ мои настоящія средства, то я расширю размѣръ и объемъ своего изданія; а именно, я бы хотѣлъ издавать въ краскахъ все, что имѣетъ интересъ красокъ, также выкройки одеждъ и изображенія всякаго рода произведеній, хотя бы даже не составляющихъ мѣстной особенности, но сдѣланныхъ Малороссами.

Еще разъ прошу каждаго, имѣющаго что-либо снятое съ натуры, какъ-бы оно ни казалось малозначущимъ, доставлять мнѣ, для помѣщенія въ альбомѣ, прилагая только подробное описаніе того, что сдѣлано, кѣмъ сдѣлано и когда. Все будетъ возвращено мною, по минованіи надобности, въ полной исправности и съ душевной благодарностью.

Случалось и не одному мнѣ ѣздить по Малороссіи и дѣлать за-

мѣтки съ натуры; но, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, эти записныя книжки хранились каждымъ про себя, какъ былыя впечатлѣнія, какъ справочные листы, или же складывались въ домашній архивъ, гдѣ часто стирались, марались и терялись. Я самъ, дорожа подобными трудами всегда, потерялъ три такихъ книжки, въ которыхъ было сотни три рисунковъ; при переѣздахъ и перемѣнѣ квартиръ—это неизбѣжно. Потерявъ эти—для меня—драгоцѣнности, я еще болѣе оцѣнилъ ихъ; утрата была невозвратимая, и тогда я еще упорнѣе захотѣлъ подѣлиться собраннымъ матеріаломъ съ другими любителями подобныхъ чертежей и роднаго края; съ того времени, я еще живѣе чувствую необходимость спасать трудъ каждаго.

Мнѣ очень жаль, что размѣръ рисунковъ моего альбома такъ малъ; но увеличить его я не могъ: это повлекло бы къ двойнымъ издержкамъ меня и подписчиковъ.

— У насъ не много людей, понимающихъ оконченныя произведенія художества, и едвали не менѣе такихъ, которые поняли-бы и вполнѣ оцѣнили очеркъ и эскизъ. Большая часть смотритъ на картину съ слѣпымъ благоговѣніемъ, а на эскизы и легкія наброски, какъ на маранье, едва заслуживающее вниманія, и не придаетъ имъ никакой цѣны. Такой рутинный взглядъ вреденъ; онъ мѣшаетъ уразумѣнію художества; слѣдить за эскизами поучительно. Конченное произведеніе требуетъ для оцѣнки своей большóго знанія, тогда-какъ очеркъ часто доступенъ и не спеціалисту. По этому поводу можно сказать много и разговоръ этотъ можетъ продолжиться на нѣсколько страницъ, но я постараюсь пояснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе эскиза и неконченнаго чертежа.

Эскизъ есть набросокъ зародившейся мысли. Все, что̀ будетъ дѣлать художникъ далѣе, будетъ имѣть, конечно, свою цѣну; но это будетъ уже обработка той, первоначальной, мысли. Эскизъ есть основаніе будущаго произведенія, и рѣдкое конченное произведеніе удерживаетъ впечатлѣніе и свѣжесть эскиза. Отъ эскиза надо требовать того, что̀ можетъ дать, и что̀ долженъ дать эскизъ; а отъ картины то, что̀ должна дать картина. И эскизъ и картина, повидимому, иногда неконченные, совершенно окончены. Конченность не въ сухости, не въ кропотливой обработкѣ, а тамъ, гдѣ мысль, или чувство высказались. Есть художники, которые интересны, изящны—только въ эскизахъ. Далѣе они не идутъ, ихъ жаръ остываетъ, выгараетъ на эскизѣ; эскизомъ кончается ихъ бытіе, какъ художниковъ. Одинъ съ

каждой чертой, съ каждымъ мазкомъ кисти, дѣлаетъ свое произведеніе лучше и лучше; другой—хуже и хуже. Наконецъ, есть еще такого рода очерки, которые *должны навсегда остаться очерками*; это тѣ черты, которыя были сняты съ натуры, особенно—изображающія народъ. Въ нихъ малѣйшее дополненіе безъ натуры есть преступленіе. Путешествуя, нѣтъ возможности чертить окончательно, а потому у меня въ изданіи много рисунковъ неконченныхъ,—я берегъ эту неконченность....

Поѣздки художниковъ по Россіи случаются рѣдко, да притомъ, поѣздки съ художественной цѣлью затруднительны (1); а потому замѣтки художниковъ тѣмъ дороже.

Теперь перейду къ объясненію рисунковъ 1-го выпуска.

Форма *дверей* (изъ двора въ сѣни), изображенная на заглавномъ листѣ, не знакомая многимъ въ Черниговской губерніи, очень извѣстна въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской и прочихъ.

Рисунокъ подъ № 1, изображаетъ *Козачій судъ въ Черномории*; рисовалъ съ натуры, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ, онъ же и награвировалъ его теперь. Налѣво сундукъ, — это казна; возлѣ ней—козакъ на сторожѣ. При подобныхъ судахъ, въ Малороссіи, очень часто выбираются, для переписки бумагъ, мальчики, чтобъ не понимали дѣлъ и не сплетничали, — черта весьма практическая. На Черноморьи также пишетъ, какъ мы видимъ, мальчикъ. Очень жаль, что художникъ не могъ разсказать намъ подробностей,—это было такъ давно, что онъ забылъ все, даже, въ какой именно стани—

(1) Въ 1840-хъ годахъ, Л. Ф. Лагоріо былъ остановленъ на Кавказѣ комендантомъ крѣпости, который заставилъ его рисовать *при себѣ* и затѣмъ уже отпустилъ его. Въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ былъ остановленъ солдатомъ крѣпости Ларсъ, въ ущельи, за Владикавказомъ... В. Ѳ. Тиммъ былъ арестованъ въ Землѣ Войска Донскаго. И такихъ примѣровъ очень много; почти ни одному художнику не обошелся его рисунокъ съ натуры безъ непріятности. Я былъ остановленъ, въ 1852 г., въ г. Прилукахъ, грубымъ полицейскимъ чиновникомъ, и только послѣ крупнаго объясненія съ городничимъ, выѣхалъ свободно изъ города. Въ 1854 г., въ хуторѣ Зáрогѣ Полтавской губ., Лубенскаго уѣзда, мнѣ даже грозила большая непріятность. Меня огласили турецкимъ шпіономъ, обвинили въ томъ, будто-бы я подсыпалъ что-то въ воду бабѣ, которая послѣ меня схватилась за сердце и упала; наконецъ, будто бы одинъ видѣлъ даже у меня своими глазами фальшивый паспортъ. Меня хотѣли связать и доставить въ станъ. Отъ всего этого я былъ избавленъ П. А. Кулишомъ. Въ 1856 г., въ Бахчисараѣ, я былъ остановленъ какимъ-то маіоромъ и отправленъ съ будочникомъ по улицамъ города за то, что рисовалъ.

цѣ онъ рисовалъ: въ Темишбекской, Прочномъ-Окопѣ, или Баталъ-Пашинской?

№ II, гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который ѣздилъ много по Малороссіи съ цѣлію изучить ее и собиралъ матеріалъ чрезвычайно добросовѣстно. Рисунокъ этотъ снятъ съ натуры въ селѣ Еремѣевкѣ (Полтавск. губ. Золотоношскаго уѣзда), и представляетъ «*дивчину въ дрибушкахъ*». Ленты разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ *коралі*, образки, *личмани*—медали, которыя еще попадаются; *свитка* бѣлая, суконная.

№ III,—гравированъ тоже мною съ рисунка И. И. Соколова, сдѣлавшаго рисунокъ съ натуры въ томъ же селѣ Еремѣевкѣ. Онъ представляетъ «*бабусю въ намиткѣ*». Свита тоже бѣлая, суконная. Село Еремѣевка—одно изъ тѣхъ, которыя сохранили въ себѣ старину.

Считаю долгомъ благодарить *И. И. Соколова* за доставленные мнѣ рисунки; они такъ хороши, такъ добросовѣстно сняты, что лучшихъ и подобныхъ имъ я не знаю. Благодарю также *А. Е. Бейдемана*, пожелавшаго даже участвовать трудомъ въ моемъ изданіи; *О. Пл. Челищеву*, *Л. Ф. Лагоріо* и *П. А. Кулиша*, доставившихъ мнѣ свои рисунки; *Ю. В. Толстаго*, доставившаго мнѣ два рисунка Штернберга и *А. Ф. Чернышева*, обѣщавшаго дать рисунки, которые вывезетъ изъ теперешней своей поѣздки въ Малороссію.

Левъ Жемчужниковъ.

ЗАМѢТКА О НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ 4-мъ № «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», въ отчетѣ о русинской депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Вѣну, напечатано слѣдующее разсужденіе о южно-русскомъ литературномъ языкѣ: «они (Галичане) имѣютъ письменность; языкъ ими употребляемый гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что̀ пишется на южно-русскомъ нарѣчіи, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, обще-русскимъ языкомъ, не слѣдуя примѣру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора».

Это странное мнѣніе автора «Современой Лѣтописи» удивляетъ насъ своею неопредѣленностію, неизвѣстностію началъ литературной критики, которыхъ держится авторъ, и непонятностію требованій, съ которыми она относится къ языку южно-русской литературы.

По всему видно, что онъ не благоволитъ къ тому южно-русскому языку, которымъ пишутъ украинскіе писатели, и симпатизируетъ галицкимъ литераторамъ за то, что они *не передразниваютъ* народнаго говора,—какъ это дѣлаютъ первые. Передразнивать же народный говоръ, если мы не ошибаемся, значитъ писать на языкѣ, похожемъ на народный, но не на народномъ; придавать словамъ и выраженіямъ такой смыслъ, какого они не имѣютъ въ изустной рѣчи народа, или, говоря иначе, писать языкомъ какъ бы народнымъ, но непонятнымъ самому народу. Передразниваніе вообще и передразни-

ваніе народнаго говора въ особенности—забава празднаго воображенія, пріятная развѣ тому, кто передразниваетъ, но, безъ сомнѣнія, неумѣстная въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ литература, гдѣ удовольствіе и польза обѣихъ сторонъ, предлагающей и принимающей услуги, составляютъ условіе sine qua non... Литературное передразниваніе дурно, и не должно быть терпимо. Но кто именно изъ украинскихъ литераторовъ передразниваетъ народный говоръ; находятъ ли читателей уродливыя произведенія этихъ авторовъ и преслѣдуются ли они критикою—вотъ вопросы, которые авторъ Современной Лѣтописи оставляетъ въ сторонѣ, и даетъ, такимъ образомъ, поводъ думать, что, съ своей точки зрѣнія, онъ готовъ назвать передразниваніемъ народнаго говора даже и тѣ произведенія украинской литературы, которыя читаетъ и любитъ народъ какъ свои думы и пѣсни, пережившія въ его памяти сотни лѣтъ. Произведенія эти, народныя по содержанію и по формѣ, писаны языкомъ русскимъ, далеко непохожимъ на литературный языкъ великорусскихъ писателей, и, вѣроятно, не имѣли бы такого успѣха въ украинскомъ народѣ, если бы были писаны языкомъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и проч.

Значеніе народнаго элемента, въ русской литературѣ, Бѣлинскій характеризовалъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «русская литература есть не туземное, а инородное, растеніе. Это обстоятельство даетъ особенный характеръ ей самой и ея исторіи; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего вниманія, значитъ не понять ни русской литературы, ни ея исторіи. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленіи отрѣшиться отъ результатовъ искуственной пересадки, взять корни въ новой почвѣ и укрѣпиться ея питательными соками. Идея поэзіи была выписана въ Россію по почтѣ изъ Европы,—и явилось у насъ заморское нововведеніе. Ее понимали какъ искуство слагать вирши на разные торжественные случаи....» «Пѣснопѣвческій» и «воспѣвательный» взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщенной Европѣ. Всеобщею извѣстностію тогда пользовались только древнія литературы.... Эпическая поэзія, по понятію псевдоклассиковъ, должна была воспѣвать какое-нибудь великое событіе въ жизни человѣчества, или въ жизни народа, и въ какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, лишиться мѣстнаго колорита, при-

водиться въ движеніе сверхъ-естественными силами, выражаться напыщенно и безцвѣтно, — чего необходимо требуетъ всякая поддѣлка подъ чужую форму и тѣмъ болѣе подъ чужую жизнь. Вотъ происхожденіе риторической поэзіи. Основаніе ея—отложеніе отъ жизни, отпаденіе отъ дѣйствительности. Такая-то поэзія была перенесена на Русь.»

Какъ бы далеко ни ушла русская поэзія до Бѣлинскаго и послѣ него въ своемъ стремленіи сдѣлаться народною, и какъ бы много языкъ ея ни принялъ въ себя естественности, живости и разнообразія народной рѣчи; но пройденный путь, — путь заимствованія чужаго и долгаго разобщенія съ живымъ источникомъ русской народной рѣчи, — еще и теперь очень явственно даетъ себя замѣтить во всякомъ новомъ литературномъ произведеніи велико-русской школы и его языкѣ.—Перифразируя, такимъ образомъ, взглядъ Бѣлинскаго на русскую литературу, мы должны прибавить, что высказанная въ приведенной выпискѣ мысль даровитаго критика въ свое время имѣла всѣ условія для того, чтобы удивить читателей своею новостью и рѣзкою противоположностью съ утвердившимися литературными взглядами и предубѣжденіями; но теперь она за-частую высказывается новѣйшими писателями-критиками. Мы съ нею, по-видимому, уже хорошо освоились, и забываемъ о ней только тогда, когда намъ приходится примѣнить общій взглядъ къ отдѣльнымъ явленіямъ литературы, или не узнаёмъ ее тамъ, гдѣ она говоритъ о себѣ самимъ дѣломъ, хоть бы, напримѣръ, такимъ, какъ возникновеніе южнорусской литературы въ Галиціи и Украинѣ.

Авторъ «Современной Лѣтописи», находя въ языкѣ литературныхъ произведеній галицкихъ Русиновъ болѣе сходства съ литературнымъ велико-русскимъ языкомъ, чѣмъ въ языкѣ украинскихъ литераторовъ, не остановился ни на минуту вывести заключеніе въ пользу первыхъ, и обвиняетъ послѣднихъ въ дурномъ обращеніи съ народнымъ языкомъ. Наблюденіе, сдѣланное авторомъ надъ языкомъ должно бы было подвигнуть его — обратить вниманіе на внутренее содержаніе литературныхъ произведеній, и вникнуть по глубже въ характеръ и особенности литературной дѣятельности галицкихъ и украинскихъ писателей. Но авторъ «Современной Лѣтописи» не захотѣлъ, или не счелъ нужнымъ, взять на себя такой трудъ, и потому въ результатѣ его словъ какъ бы скрывается совѣтъ украинскимъ литераторамъ подражать языку галицкихъ писателей.

Попавшійся намъ подъ-руку Галицкій Сборникъ 1857 г. даетъ

возможность представить образцы литературнаго вкуса галицкихъ писателей, и предоставить самимъ читателямъ оцѣнку отзыва Современной Лѣтописи о ихъ языкѣ. Начнемъ съ оды на торжественное рукоположеніе въ епископы Кура Спиридіона Литвиновича съ эпиграфомъ изъ русской лѣтописи: «И бысть великое веселіе и велія слава Руси нарещи толь оумна и доблестна мужа своимъ». Вотъ самая ода:

Въ престольномъ градѣ Австрійской Державы,
Въ церкви, гдѣ Бога Русь наша хвалитъ,
Восходитъ намъ въ мірѣ мужъ ума, славы,
Отчизны сладость, украса и щитъ.
Владыча митра, що свѣжими краски
Блеститъ на свѣтлой его головѣ,
Сплетена зъ Божой и Царской ласки
Во мзду заслугамъ его и любви...

Хотя въ произведеніи этомъ нѣтъ ни »пою«, ни обращенія »къ музамъ«, и эпиграфъ, взятый изъ русской лѣтописи, свидѣтельствуетъ, повидимому, о желаніи автора быть народнымъ; но нельзя, думаемъ, и на минуту ошибиться, что стихотворенію этому, по его содержанію, размѣру стиха и языку, почти такъ же далеко до народнаго склада, какъ и одѣ Ломоносова на взятіе Хотина, да еще пожалуй подалѣ.

Другую выписку дѣлаемъ изъ стихотворенія: »Ѣдь на село.«

Якъ Гамлетъ все твердилъ Офельи:
Иди, прекрасна, въ монастырь!
Иди, и скройсь въ самотной кельи,
Не возмущай собою міръ!
Такъ я, въ волненіи любови,
Склонивши жаркое чело,
Прошу тебе все темижъ словы:
Ѣдь на село! Ѣдь на село!
. . . . . .
Ѣдь на село! у насъ тутъ въ мѣстѣ
Саміи ложніи цвѣты;
Ихъ барва, воня, сокъ и листѣ
Отравою суть честноты.
. . . . . .
Я тутъ противъ ударамъ грому
Поставлю дерзкое чело,—
Хоть сердце пукне... Жій другому...
Ѣдь, чѣмъ скорѣйше, на село!

Изысканность содержанія этого стихотворенія, сентиментальность,

доходящая до приторности, и разглагольствованіе, при отсутствіи живыхъ и выразительныхъ красокъ, не только не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями народной южнорусской музы, но и не находятъ себѣ ничего подобнаго въ кругу поэтическихъ твореній великорусскихъ авторовъ новѣйшаго времени. Вообще въ произведеніяхъ галицкихъ писателей, какъ прозаиковъ такъ и поэтовъ, стремленіе писать языкомъ, который живетъ въ устахъ народа, и писать народно по содержанію,—отодвинуто на второй планъ, и потому въ прозѣ у нихъ мы встрѣчаемъ выраженія очевидно не народной конструкціи, въ родѣ такого: »Солнце приглядалося въ полыскаючомъся желѣзѣ и розносило отблескъ по лѣсѣ.«

Если приведенные нами образцы стихотвореній, напечатанныхъ въ Сборникѣ 1857 г., по языку своему ближе къ литературному русскому, чѣмъ произведенія украинскихъ авторовъ, то это свидѣтельствуетъ только объ удаленіи галицкихъ писателей отъ своей народности и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено ни къ чести русской литературы, ни къ заслугѣ галицкихъ писателей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не имѣютъ, какъ по всему видно, достаточно вкуса и такта для того, чтобы подражать новѣйшимъ и лучшимъ образцамъ русской литературы, и напоминаютъ въ своихъ произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-классической школы прошлаго столѣтія.

Неестественность и натянутость червоно-русскаго литературнаго языка, кажется, понимаютъ нѣкоторые изъ галицкихъ писателей, какъ это можно заключать изъ напечатаннаго въ томъ же Сборникѣ отзыва объ украинскомъ литературномъ языкѣ, по поводу стихотвореній Карпенка. Здѣсь авторъ обозрѣнія обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что языкъ, употребляемый въ ихъ странѣ, имѣетъ своихъ писателей и въ далекомъ краѣ, и существуетъ на зло тѣмъ, «которіе неумѣючи тогоже, ради бы вознестися на орлѣныхъ крылахъ въ высоту учености и предписовати правила якогось литературнаго языка».

Недостатки, замѣчаемые въ языкѣ галицкихъ писателей, находятъ, думаемъ, отчасти свое оправданіе въ особенныхъ отношеніяхъ русской литературы въ Галиціи къ нѣмецкой и польской и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскіе писатели выдерживаютъ борьбу съ могущественнымъ преобладаніемъ соперницъ. Пиша очень много и о предметахъ крайне разнообразныхъ, трактуя за-разъ о погодѣ,

урожаѣ, болѣзни скота, о политикѣ, наукахъ и искуствахъ, они не всегда находятъ для себя удобнымъ выискивать употребляемыя въ народномъ говорѣ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе къ нему подходящія слова и выраженія, и, вмѣсто того, кое-какъ заимствуютъ чужія готовыя формы, или предпочитаютъ имъ свои наскоросоставленныя quasi-народныя изрѣченія. На украинскихъ авторахъ не лежитъ столь трудная задача, и потому средства ихъ не носятъ на себѣ характера такой экстренности, какая замѣчается въ произведеніяхъ галицкихъ писателей. Украинскіе авторы, кромѣ, конечно, немногихъ исключеній, которыя дѣятельно преслѣдуются критикою, не дѣлаютъ посягательства на чистоту народнаго языка. Имъ нѣтъ надобности въ произвольномъ обращеніи съ русскимъ языкомъ, потому-что каждый изъ нихъ можетъ писать на установившемся языкѣ великорусскихъ авторовъ, языкѣ школы и образованнаго круга общества. По южно-русски пишетъ только тотъ, кто имѣетъ призваніе писать языкомъ народнымъ. Произведенія немногихъ, пріобрѣвшихъ извѣстность, украинскихъ авторовъ, по выдержанности въ нихъ народнаго характера, не оставляютъ ничего больше желать, въ настоящую минуту, относительно языка ихъ и содержанія. Какъ далеко пойдетъ украинская литература въ этомъ направленіи, и на долго ли она сохранитъ свой языкъ отъ вліяній, способныхъ сдѣлать его чужимъ для народа—объ этомъ трудно сказать теперь что-нибудь положительное, какъ трудно вообще угадывать будущее. Во всякомъ случаѣ, украинская литература, съ нынѣшнимъ ея направленіемъ, составляетъ замѣчательное явленіе посреди другихъ литературъ, какъ явленіе чисто-народное, и имѣетъ полное право на сочувствіе всѣхъ тѣхъ, для кого участіе массы въ умственномъ движеніи, представляемомъ литературою, не есть одно пустое слово, и для кого дорогъ вопросъ о грамотности и развитіи народа. Не нужно забывать, что полуграмотный и совсѣмъ неграмотный народъ имѣетъ свои мысли и чувства, свое міросозерцаніе, выработанныя прошедшимъ и настоящимъ его жизни, и что его внутренній міръ не представляетъ собою такого матеріала, на которомъ его учители могутъ записывать что имъ захочется—какъ на доскѣ, покрытой воскомъ.

Только языкъ, который живетъ въ разговорной рѣчи народа и въ его преданіяхъ, можетъ вызвать въ душѣ человѣка тѣ чувствованія, образы и сближенія понятій, съ которыми сроднилось его міро-

созерцаніе. Народное остроуміе, въ названіи вещей, любитъ соединять указаніе на другія, показавшіяся народному уму по чему-либо съ ними сходныя. Таково, напр., по объясненію г. Кулиша, слово *сіромаха,* (названіе бѣдняка,) которымъ народное остроуміе привыкло напоминать вамъ его сѣрую одежду и скитальческую жизнь сѣраго волка (сіроманця). Замѣните это слово соотвѣтствующимъ ему, хотя бы и понятнымъ, выраженіемъ великорусскаго языка — и оно не воспроизведетъ въ воображеніи украинца сейчасъ-указаннаго нами сближенія. Въ сближеніи же понятій, какъ извѣстно—творчество и внутренняя жизнь нашего духа.

Языкъ народа, со всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ его содержанія, есть его созданіе и существенная принадлежность съ той минуты, какъ только народъ выступилъ на поприще исторической жизни. Смотря по ходу событій, народная рѣчь воспринимаетъ больше или меньше чуждыхъ словъ; но всѣ такія прибавки количественно ничтожны въ сравненіи съ богатствомъ народнаго языка, который, съ матеріальной стороны, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Смѣняются событія внѣшней исторіи и явленія внутренней жизни: на горахъ, гдѣ гнѣздились разбойники, устраиваются великолѣпные города; пустыни обращаются въ великолѣпныя пажити; сосѣднія племена, вносившія въ страну ужасъ и опустошеніе, мирными сношеніями своими споспѣшествуютъ развитію народнаго богатства, процвѣтанію наукъ и искуствъ; сосѣди-враги дѣлаются союзниками; племена, составлявшія прежде отдѣльные политическіе союзы, соединяются подъ одну власть, и, наоборотъ—соединенные прежде-отдѣляются. Одни внутреннія учрежденія замѣняются другими. Сообразно съ этою смѣною явленій народной жизни, языкъ его, оставаясь, въ сущности, однимъ и тѣмъ же, измѣняется со стороны внутренняго значенія и формы. Измѣняются понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слово народнаго языка, имѣвшее прежде одно значеніе, получаетъ въ послѣдствіи другое. Прослѣдивъ видоизмѣненія понятій, которыя народъ соединялъ съ словами отъ начала своей исторіи до послѣдней минуты, мы узнаемъ всю его исторію, все его міросозерцаніе. Объясните затѣмъ, почему народъ одни понятія выражалъ только такими, а другія — иными словами, и въ чемъ именно состоитъ отличіе его, въ этомъ отношеніи, отъ другихъ народовъ:—тогда вамъ представится физіономія народа и его исторія въ смыслѣ прагматическомъ. Слово народное, употребленное въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ настоящемъ говорѣ народа,

естественно вызываетъ то̀ понятіе его, которое народный умъ соединялъ съ нимъ прежде, если только память о первоначальномъ предметѣ, выражаемомъ словомъ, сохранилась въ народныхъ преданіяхъ. Возьмемъ для примѣра слово: «подданный». Теперь оно означаетъ отношеніе къ верховной власти; но прежде подданнымъ назывался крѣпостной человѣкъ, крестьянинъ. Употребите это слово въ бесѣдѣ съ Украинцемъ—и его память, по народнымъ воспоминаніямъ, пѣснямъ и думамъ, нарисуетъ вамъ феодальный бытъ польскихъ пановъ съ его характеристическою обстановкою: съ замками, съ надворными хоругвами, съ губернаторами (управителями), съ данями, охотами и проч. Напротивъ, попробуйте употребить хоть общерусское, но забытое на Украинѣ, слово «плѣнникъ», вмѣсто *невольникъ*, *бранецъ*, *бранка*:—это слово, конечно, вызоветъ, въ вашемъ слушателѣ, воспоминаніе отряда плѣнниковъ, проходившаго безмолвно, во время послѣдней войны, съ нѣсколькими солдатами чрезъ селеніе, если только ему случилось ихъ видѣть; но не такъ легко его памяти перейти къ тому, что̀ сохранилось въ сокровищницѣ изустнаго слова о невольникахъ и бра́нцяхъ. Между тѣмъ, народная муза сохранила память о невольникахъ, которые дѣлались друзьями, домочадцами и спутниками всей жизни своихъ господъ. Въ невольницкихъ пѣсняхъ описываются тоска и страданія въ турецкой каторгѣ, и вмѣстѣ возношенія къ небу души, измученной несчастіемъ. Назовите Украинцу плѣнника—*невольникомъ*—и вы вызовете въ его душѣ многіе образы невольниковъ, созданные народною музою; его созерцаніе будетъ дѣятельнѣе и богаче, а благотворное дыханіе поэзіи ему подскажетъ любовное обращеніе къ жертвамъ несчастія.

Однимъ словомъ, говоря къ простому народу его языкомъ, мы входимъ въ непосредственное отношеніе съ его мірозерцаніемъ, потому что слова и понятія, нами высказываемыя — его собственныя и органически связаны съ его внутреннимъ міромъ. Если же мы попробуемъ съ нимъ объясниться на языкѣ, несовсѣмъ ему понятномъ, и хотя бы, въ основаніи своемъ, языкѣ народномъ, но сложившемся и установившемся въ письменной литературѣ, помимо участія, въ образованіи его, самого народа, то намъ придется многое объяснять неграмотному простолюдину, а отъ ученика нашего потребуется достаточно времени и усилій для того, чтобы усвоить себѣ понятія, которыя соединяетъ литературное употребленіе съ такими или иными словами русской рѣчи,—чтобы овладѣть несовсѣмъ понятнымъ ему меха

низмомъ литературнаго языка. Разрывая такимъ образомъ въ наукѣ связь съ міросозерцаніемъ народа, мы заставляемъ его проходить путь, уже имъ пройденный, или, выражаясь образнѣе, мы, стоя на горѣ, толкаемъ его внизъ для того, чтобы онъ опять подымался въ гору.

Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить то̀ явленіе, что произведенія великорусской литературы читаются только тѣми, кому судьба дала возможность посвятить наукѣ нѣсколько лѣтъ жизни, и какъ бы совершенно не существуютъ для малограмотныхъ простолюдиновъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ неприхотливыхъ умственныхъ организацій, которыя процессъ чтенія принимаютъ за самое чтеніе.

Произведенія Квитки, Шевченка и Марка Вовчка, напротивъ, читаются съ большою охотою всѣми, кто только кое-какъ овладѣлъ способностію изъ буквъ составлять слова. И—странное дѣло—произведенія эти читаются съ любовью даже и малограмотными великороссіянами, несмотря на болѣе или менѣе значительное отличіе малорусскаго и великорусскаго нарѣчій. Вотъ неопровержимое доказательство народности этихъ произведеній и преимущества ихъ предъ галицкою и отчасти великорусскою литературою.

А. П.....кій.

ОДЪ РЕДАКЦІЇ.

Високоповажнимъ: О-т-п-ч-с-к-у,—М-му В-р-вѣ и І. Ч-рискому, въ Кишиневѣ,—О. К-цову, въ Таганрогѣ,—П-ну—М-чу Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Кролевецъ,—А. С-в-чу, въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, Н. Т-х-р-скому, А. З-му К-пк-му, въ Петербургъ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-лу Ал-чу М-л-ш-ку, въ Кіевъ, — В. Д-б-к-му, въ Сосницу,—Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежную,—А-ру А-чу Ост-п-ку Б-л-ку, въ Ананьевъ,—В-ю С. М-вѣ, въ Харьковъ,—А-ю Сл-цкому, въ Переяславъ, Н. П. П-т-ну, въ Градижскъ,—В. М-с-л-ю, въ Казань,—и А. Е. Зв-н-г-скому, въ Кременчугъ.

Якъ квіту по землі, такъ люду и слова різного по світу,—и для кожного народу нема скарбу дорогшого надъ ёго рідне слово... Отъ же (хоть воно й чудно) — ще недавно здавалося, що наше Українське слово або зовсімъ зникне, або переробитця у иншу річъ, виступить у чужій одежі,—бо вже забували рідню мову люде письменні, що брали ключъ розуміння и звались отцями и руководниками народу.— Да якъ у давні роки простий людъ нашъ судьбу України на своіхъ плечахъ виносивъ, такъ и по сей часъ вінъ сберігъ свое рідне слово, и—дяки пашому народові—пережило воно віки, пережило и тіхъ письменнихъ, у котріхъ заснула народня душа, котрі, своімъ невеличкимъ розумомъ, давно вже материну мову въ могилу положили и каменемъ привалили. Не розуміли й сторонні, а де-які й наші, письмаки, що зерно, у добру землю положене, якъ часъ настигне, изновъ вийде на світъ, и буйнимъ колосомъ закрасуетця... Такъ дісне й сталося зъ нашею рідною мовою! Чого вона не перебула, якихъ му-

дрощей не переслухала одъ своіхъ и чужіхъ людей—що бачять ажъ за лісомъ, а у себе передъ очима не бачять... Отъже, не загубила ії ни холодна розсудливость, ни лиха година: »незагинула вона въ неволі,—незагине й зъ нами по волі«... »Зрадня ваша рада«, одказали ми тімъ письмакамъ, що насъ на свій—да позичений—ладъ навертали: » у насъ есть рада вірна, батькова:

»Не цурайтесь «(мовлявъ Тарасъ)» того слова,
Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла«...
«...Бо хто матіръ забуває,
Того Богъ карає,
Того люде цураютця—
Въ хату не пускають—
Свої люде якъ чужиі—
И немає злому
На всій землі безконечній
Веселого дому!...«

Прозріли теперъ всі ми,—домислились и дознались, що своя свита міцніше за плечи взялася, — що зъ свого двóру ніхто дороги не покаже—на виступці не попросить. «Лучче свое лáтане, ніжъ чужее хвáтане,—лучче свое лохмáтне, ніжъ чужее прохáтне«, думавъ нашъ справедливий и мудрий народъ... Такъ и ми, письменні, теперъ думаемо.

На оповістку про »Основу«, и тутешні и дальні земляки стали слать намъ — зъ усіхъ кінцівъ Украіни, зъ надъ Дністра и Дунаю, зъ Одеса, Криму, Чорноморіі и Кавказу, изъ Москви, Казані, Астрахані и зъ иншихъ сторінъ,—хто на щó змігся... Протежъ, посилаючи вамъ привітъ и дяку одъ щирого серця, одповідаемъ вамъ зъ такою щиростю и правдою, якъ и ви до насъ озвалися. Може, тихе да тепле слово наше, наша дружня рада, на добро вамъ здастця, а ви насъ за те своєю радою зарадите: коли дé треба—навчіть, поправте—и діло наше піде веселішъ, и дружнішъ и краще.

Наша Украінська мова, якъ и самі, здорові, знаете, маєвъ собі велику вагу и силу; все, що перейшло черезъ серце и розумъ незлічимоі семьі, котра зъ давніхъ-давенъ жила и живе на нашій Украіні широкій, — все одзначилось въ нашій рідній мові: и море въ хвилю и въ тишу, и зорі, що въ глибý его світятця, зъ яснимъ місяцемъ и палючимъ сонцемъ, зъ горами, степами й лісами; радість и

тугá невсипуща; кохання щире и проклінъ; воля широка й темниця глибока,—голосъ неустанний великої душі народнёі, що все життя свое довговічне и дивне въ слові оповідала. — Кожне словечко не просто по чиій-небудь единичній волі вилетіло зъ устъ та й стужавіло, и стало въ рядъ зъ іншими: ні, воно, може, довго блукало по громаді, поки дойшло свого права. Трапляетця нагледіть у книжкáхъ яке небудь нáново стулене слово, — отъже й змічаешъ—інше й не пішло далі: якъ послідъ, зогнала ёго мітла людської подоби геть изъ чистого зерна. Се жъ у книжкахъ швидка справа; а такъ, у громаді, скільки треба було часу, щобъ изростись новому слову зъ живою мовою! А зъ сёго кожному буде розумно, що всяке слово мае свое непомильне місце. Великий нашъ покійникъ, Шевченко, зразу урозумівъ усю красу, всю тонщну и глибиню Української мови, и полились изъ струнъ міцної лири ёго не слова́, здалося намъ, а чисті слёзи чистої душі народнёі. Бажаетця и намъ іти слідомъ народнёго великого чоловіка. Досёго жъ довожу й річъ, бо въ присланій намъ праці щирихъ земляківъ нашихъ—въ іншій и не доглежено за мовою. Ми, боронь Боже, не думаемо провóдить дорогу́ гостю тісними дверима, якъ и спершу въ «Основі» сказано; нехай коженъ добрий чоловікъ пише якъ уподобавъ и змалку наслухався; тільки треба пильної уваги—чи та́къ же якъ-разъ веде народъ річъ въ тімъ случаі, який хочемо оповістити. Не для кожного одразу здвине́тця камінь, що кривъ ціли віки скарбъ слова, хочъ воно, мовъ барвінокъ підъ снігомъ, зосталося зелененьке и свіже. Мовчало воно, якъ дитина-сирітка, що сидитъ собі де-нéбудь підъ тиномъ, да погляда на людей, ле́две важучись до іхъ обізватись. Чужі діти гуляють, красуютця, а нашу сирітку тільки сонечко гріе, та дощикъ обмивае,— и нема до ёго ділa нікому. А приголу́бъ ёго, обізвись до ёго, якъ матінка,—воно такъ на те́бе гляне, що ажъ на душі у тебе вияснитця, и вгледишъ ти рай у тімъ по́гляді. — Оттакъ-то и мова наша затуркана—не гляне вона на тебе до-ладу́, поки не покохаешъ ii, поки вона тобі віри не пойме: тогді тільки кожна думка наша объявитця тимъ самимъ словомъ, що живе для неі межи́ народомъ. А то—найшли ми, у присилкахъ, и думъ доволі хорошіхъ и щирості багато, да якъ би, кажу, прибрать іхъ якъ-разъ по нашому!.. якъ мати до́чку виряджае у празникъ—у білу сорочечку, у плахотку, та й иде вона, якъ струночка. О, кожна мова у світі любить сее, щобъ ii по своему оденуть, чи московська—въ сарафанъ, чи німецька—у плаття. Якъ станешъ убірать

звичайненько, ди́висся—кожна мисль, коженъ вірши́къ, заразъ и вияснятця, и заговорять по своему; и вже твої думки не грають мовъ же у тісноі баби—рядо́чкомъ усі посідають, якъ того треба.

Нашъ Марко Вовчокъ, якъ бжола Божа, випивъ найкращу росу изъ квітокъ нашоі мови, бо покохавъ ії, покохавъ той людъ, котрий виливъ всі свої думки та га́дки, все свое серденько, тією мовою. Безъ любові одна міцъ его *таланту* не помогла-бъ ему; нічого бъ вінъ не вдіявъ и однимъ розумомъ; а то читаешъ — не одірвесся одъ ёго речі, якъ въ жнива одъ криничини: чуетця, віритця, що та́къ, а не інако, помисливъ, чи потуживъ, чи порадувався чоловікъ, якъ у его малюнку знято.

Не можна тежъ запевнять, що и въ такихъ людей, якъ М. Вовчокъ, не різнить де́що зъ народнёю мовою. Не легка річъ змогти сее. Ми попередили свою мову розвиваючись на інчихъ поляхъ, и вискочивши на гору, часомъ недочуваемо гараздъ, що́ вона до насъ, голубка, промовляе. Протежъ радісно намъ слухать ії чарівний голосъ и співать за нею, якъ зъуміемо. Не ле́гко, кажу, не помилитись, щобъ кожне слово було постановлено якъ-разъ тіи ціни, яко́і потрібно для мислі: одъ сёго замочка справжній ключикъ и въ старшихъ словесностяхъ не всякому дався, а у нашіхъ почáткахъ и геть-то!... на кожному ступні спіткнесся. Тамъ уже кожне слово занесено на папіръ, да огляжено, обпоряжено, да обдумано зъ усіхъ боківъ,—часомъ ажъ передумано, що інше стратило свій цвітъ, свій запахъ рідний. А ми, кажу, пісьменні, схожі на чоловіка, що ввійде у чужу громаду, да поки розбере що́ до чо́го, — кличе Ивана замість Степана. У золоту обручку часомъ уставимо такий камінець, якими греблі тільки бъ гатити.., У поважній мові, дивись, стоіть слово, якъ пьяний чоловікъ у церкві; або кучеряве, да голосне́, де треба гладенького, та тихенького.—Правдивий батько, — жалібникъ нашоі мови, покійничокъ,—земля надъ нимъ перомъ!-літаючи ви́соко у синій далечині, щобъ придивитьця до зірокъ, почува́вся іноді, що нема тіі струни, якоі ёму треба; може була, да порвалась и зато́птана за довгі ча́си. Отъже було поні́шпорить по святому пісьмі, або по іншихъ древніхъ нашихъ книжка́хъ, да витягне відтіль, озираючись, словечко, вставить его, зле́гка, у свою річъ, да обгорне своімъ щирце́мъ добірнимъ,— то мовъ воно тамъ и вродилось,—зрослось, и не пізнаешь его: одинъ цвітъ и пахъ у всему пучечку. Намістникъ Шевченка, Марко Вовчокъ, ізрісъ далеко одъ батька у чужій на́ущі, а перелетівъ – таки

чужі го́ри — порвавъ усі пута, — не стомились міцні крила у молодого орляти — и спавъ вінъ на чесну и просту дорогу—дойшовъ до самої души народнёї. Спасибі незліченне нашому Маркові молодому, да тільки ёго кругосвіть немаленький, ёго крила широ́кі,-нестае ему всіхъ піръ до лёту, якого бажае. Однакъ, чимъ більшъ уваги буде до мо́ви, чимъ більшъ ій шаноби, щобъ, гнучи, де́ не надломить,— тимъ незмірéнно більше буде и доброго ділa нашого для Украіни. Марко Вовчокъ—наша надія—все зможе. Горе, якъ хто зъ гордою думкою, а не зъ щиростью, да коханнямъ до люду Божого, приступае до рідного слова, та й почне ёго калічить... А якъ напустимо калічокъ до чистої нашої мови, то не довга річъ ій и змарніти: якъ горо́дина молоденька, стече міжъ бурьяномъ. Хибажъ мало прúкладу на се по світу? Хоть и въ нашій хатí, що́ поробило калічене старе письмо ізъ нашою книжною мовою? Або й Москва—чи скоро збулась надима́ння своеі словесности—«се росска Флакка зрака»? Насилу такі люде, якъ Пушкинъ, повимітали ту полову лавровими віниками, и начерпали живого сло́ва зъ живого люду. Отъже, вважаемо, и у насъ се въ іншихъ письмахъ вкидаетця; може й одъ щирості,—дахапаючись черезъ силу, щобъ не ввірвать. Найкраще—по́вагомъ; и косарь, якъ, знай, маха руками, та роскида́ очима: «а що́», мовъ, «чи й не косаріжъ ми»! то не вробить за того́, що коса тільки—ше - ле́-сть! ше-ле́-сть! — пíдъ са́мий корінець бере: оттутъ и зиску ждать, — все вибере при земліí,—ні половни́шинку, ні чебрецю́ пахучого не зоставить.

Інші думають, що у тому глини́щі нашому мало щирого злота, що въ нашій землі мало заживу? Бíльшъ може, а коли не більшъ, то стільки жъ, якъ и де інде, — да, бачте, безъ труда ні що́ не даетця. Народню мову не жартъ осягнуть усю въ іі о́бширі,—та нехай тільки добрі, та щирі, па́харі зъ ува́гою берутця за діло и розгоняють ширше и ширше цілину ві́ковічню. Будемо припадать ухомъ до самихъ борозенъ, до голосу того, що зъ само́ї землí підіймаетця и въ якому строю йде, бо чи візьмешъ низче, чи вишче, вже й чути: дзизчить твое слово осою въ у́сі, и не озветця воно луною по Днíпровихъ скеляхъ, по широкихъ степахъ и лугахъ,—не зросится щирими слёзами, якъ рідна, живуча, давня, якъ світъ, а усе свіжая пісня.

Що отсе заразъ ми завважили, найбільшъ припадае до присланнихъ намъ віршівъ: увъ однихъ видно, що де́-хто, взявшись за перо,

не тільки-що нового нічого межъ нашимъ людомъ, зъ устъ ёго, не довідався, да й того ще не прочитавъ, що вже десятки літъ якъ списано и напечатано... Такъ, не спорядившись, авторъ пішовъ собі *світъ за-очима* и мусивъ звернуть зъ простого народнёго шляху туди, куди й не треба, або, знову, замісь своеі, ступивъ на чужу тропу и переспівуе думки чи народні, чи вже проспівані кімъ-другимъ.

Кохані земляки, посилаючи въ *Основу* свою первинку, найбільшъ на насъ здаютця: аби, кажуть, нашъ візъ у ладъ котився—додаваймо рукъ: хто обома, хто—одніею, а хто й пучкою навіть,—все жъ тягтимемъ по-троху.—Зъ щирою дякою для всіхъ и про все, випишемо по гарній частині зъ де-якіхъ віршівъ, котрі не підійшли підъ нашу программу: нехай разомъ зъ нами полюбуютъ на нихъ и другі читателі:

— — — — —

Світіть кагáнчикъ—не лучúну...
Той—нúточку, а пáсмо—другий,
Робóта й вúйде для почúну...
И я на стáрості візьмýсь
Хочъ валъ... щобъ и свóго додáти,—
Бо въ спражні прúхи не гожýсь:—
Абú крутúть, абú не спáти.

(А. Е. Звенигородський).

II.

Дé ти, дóле, дé ти, дóле?
Чи ти въ лúсі, чи ти въ пóлі?
Чи недýжа підъ копóю
Притулúлась самотóю?
Чи по сéлахъ тиняесся?
Чи у морі купáесся?
Чи на Дону зъ чумакáми,
Чи въ будúнкахъ межъ панáми,
Чи съ хлопьятками у шкóлі,—
Скажи мені моя доле?...

Було, 'тсе сúду у садкý—
Підъ лúпою въ вечірню пóру,
И цúльно, цúльно все дивлюсь

Якъ пи́шно сія́ють въ не́бі зо́рі;
— — — —
А тамъ, диви́сь, волосожа́ръ,
Ниначе пава похожае..,
А тамъ іхъ скільки! Боже мій!
Неха́й хто злічить—угада́е...

(Зъ меньшихъ віршівъ А. Я. КОНСЬКОГО).

III.

И ба́чу я тоді широ́ке си́не мо́ре—
Клеко́че глибиня́ и сто́гне́ и реве́,
И хви́лі піняві збіга́ютця якъ го́ри,—
И гуртъ човнівъ по мо́рі тимъ пливе́;
И дру́жно козаки́ на ве́сла налига́ють,
И ко́жний піну бье и ко́жний хви́лю рве....
Лютує, стогне море, зъ ре́беръ іхъ скида́е,
И піною, скаже́не мовъ, імъ о́чі забива́е—
Я чу́ю го́лосъ іхъ... я ба́чу—потопа́ють!...

(Козакъ В. М. Мова).

IV.

Коза́че–небо́же, чого́ ти суму́ешъ?
Чого́ ти часте́нько и тя́жко здиха́ешъ?
Чи жінка недужа, чи, мо́же, горюешъ
Що дітки поме́рли? худо́би нема́ешъ?—
— И жі́нка здоро́ва и дітки живе́нькі,
Въ госпо́ді и въ скри́няхъ худо́би дово́лі,
И вівці веду́тця, и ко́ні гарне́нькі,
Все ма́ю—да тільки не ма́ю я во́лі!
Нужу́ся—хоть ча́сомъ хотівъ би сміятьця,—
Забавить дити́ну, якъ бідне запла́че,—
Такъ де́жъ тамъ! насу́плюсь, що й діти боя́тця,
Ди́влятця на ба́тька—на вовка нина́че.

(П. М. СТАЦЕНКО).

V.

Якъ гля́ну—погля́ну у чи́стее по́ле
Роскішне, широ́ке, якъ си́нее мо́ре,
Дале́ке, якъ небо, привітне, якъ до́ля,

Весе́ле, тихе́ньке—ні сму́ти, ні го́ря;
Якъ гля́ну я въ поле́—душа́ затрепе́че,
Се́рце на́че пта́шка въ кліткі защебе́че,
И я забажа́ю широ́кої во́лі,
Яко́ю кохався коза́къ на роздо́ллі,
И кли́чу ту́ во́лю,—въ степу́ луна́ ги́не...
А во̀ля козацька до ме́не не ли́не!...

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Статья *«о народномъ языкѣ»* была напечатана раньше нежели мы прочли, въ мартовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, мнѣніе объ украинской литературѣ, — на которое мы намѣрены вскорѣ отвѣтить.

2) Въ слѣдующей книжкѣ будутъ помѣщены стихотворенія на смерть Шевченка и отрывки изъ его *дневника*, а также продолженіе статей, начало которыхъ напечатано въ III и IV книжкахъ.

3) Желая представить читателямъ *Основы* подробный отчетъ о состояніи первоначальныхъ училищъ въ южно-русскомъ краѣ, редакція покорнѣйше проситъ людей близко стоящихъ у дѣла, сообщить ей свѣдѣнія, сообразно IV пункту программы, приложенной къ I-й книжкѣ *Основы*.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

1861

МАЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XIV—XIX. Предсмертні думи, **Т. Г. Шевченка.**
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
III. Салдатка, **Д. Л. Мордовцева.**
IV. Липовыя пущи, **Д. И. Хоречко.**
V. Сиротина—**Олександра Коніського.**
VI. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, **М. А. Максимовича.**
VII. Автобіографія Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**
VIII. Плачъ Россійскій, съ предисловіемъ **П. А. Кулиша.**
IX. Багата Кутя, **М. Т. Номиса.**
X. Обзоръ украинской словесности. IV. Гоголь, **П. А. Кулиша.**
XI. Гимназическая переписка, **Линейкина.**
XII. Хуртовина, **С. Д. Носа.**
XIII. Письма о пчеловодствѣ, **Я. И. Костенецкаго.**
XIV. Географическое обозрѣніе края, населеннаго южнорусскимъ народомъ, **И. М.**
XV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Жемчужникова.**
XVI. Приглашеніе, **И. И. Аненкова.**
XVII. Вісті. (письма изъ разныхъ мѣстъ южнорусскаго края).
XVIII. Отъ Редакціи.
XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XX. Музыкальное и библіографическое извѣстія.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владимiръ Мономахъ.

1861

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Мая 30-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕРТНІ ДУМИ (*).

XIV.

Минýли літа молодíї...
Холóднимъ вітромъ одъ надíї
Уже́ повіяло... Зíмá!...
Сидú одúнъ въ холóднiй хáтi...
Немá-съ-кимъ тúхо розмовлятú
А нi порáдитúсь... Немá!
А нікогíсінько немá!
Сидú жъ одúнъ, покú надíя
Одýрить дýрня, осмié...
Морóзомъ óчi окуé,
А дýми гóрдíї розвіе,
Якъ ту сніжúну по степý...
Сидú жъ одúнъ-собí въ куткý,
Не ждú весни́—святóї дóлі!
Вонá не зійде вже нікóли
Садóчокъ твій позеленúть,
Твою́ надíю оновúть—

(*) Прочитáвши оці *предсмертні думи*, всякъ зрозуміе—що́ голýбила, на остáнку життя́ свого́, велúка душá Тарáсова,—и кóжному невірі бýде я́сно—чому́-то такъ вúсоко станóвимо ми, Украíнці, свого́ едúного, всенарóднёго, Кобзаря́.

И ду́му во́льную на во́лю
Не прийде ви́пустить.... Си́ди—
И нічогісінько не жди!...

18 октября, 1860 р.
Петербургъ.

XV.

И тутъ, и всю́ди—скрізь пога́но!...
Душа́ убога вста́ла ра́но,
Напря́ла ма́ло, та й лягла́
Одпочива́ть собі небо́га.
А во́ля ду́шу стерегла́...
«Прокинься», ка́же: «плачъ, уббга!
Не зійде́ со́нце!.. тьма и тьма!
И пра́вди на землі нема́!»
Леда́ча во́ля одури́ла
Мале́ньку ду́шу: со́нце йде
И за собою день веде́!..
— — — —

30 октября, 1860 р.
Петербургъ.

XVI.

— — — —
Въ ночі и о́желедь и мря́ка,
И снігъ, и хо́лодъ... и Нева́
Тихе́сенько куди́сь несла́
Тоне́ньку кри́гу попідъ мо́стомъ.
А я, ото́-жъ-таки́ въ ночі,
Иду́ та ка́шляю йдучи.
Дивлю́сь:-нина́че ті ягня́та,
Иду́ть задрі́пані дівча́та,
А дідъ (серде́шний инвали́дъ)
За ни́ми гне́тця—шкандиба́е,
Мовъ у кошу́ру заганя́е
Чужу́ худобу.... Де́жъ той світъ!.?

И де́ та пра́вда?!... Го́ре! го́ре!
Ненагодо́ванихъ и го́лихъ
Дівча́точокъ, якъ ту ота́ру,
Женуть!... Чи бу́де судъ и ка́ра
Усімъ непра́вдамъ на землі?
Чи бу́де пра́вда між людьми́?..
Повинна буть!.. бо со́нце ста́не
И оскверне́нну зе́млю спа́лить.

3 ноября, 1860 р.
Петербургъ.

XVII.

И день иде́, и нічъ иде́...
И, го́лову схопи́вши въ ру́ки,
Дивуе́сся—чому́ не йде́
Апо́столъ пра́вди и нау́ки?!

5 ноября 1860 р.
Петербургъ.

XVIII (*).

Чи не поки́нуть намъ, небо́го,
Моя́ сусідонько убо́га,
Вірши́ ні́кче́мні віршува́ть,
Та заходи́ться решту́ва́ть
Вози́ въ дале́кую доро́гу?—
На *то́й світъ*, дру́же мій, до Бо́га,
Почимчику́емъ спочива́ть...
Втоми́лися и підтопта́лись
И ро́зуму-таки набра́лись,—

(*) Стихи́ оці, (мабуть—*До Музи*), зда́ється, оста́ннє поэти́чне сло́во на́шого вічно-па́мьятного Тара́са. На по́длиннику, під пе́рвою ёго полови́ною (після́ стиха́: *Сла́вою свято́ю*), стоіть «14 февраля»; під другою полови́ною—дня не озна́чено.

То й бу́де зъ насъ!—ходімо спать—
Ходімо *въ ха́ту* спочива́ть...
Весе́ла ха́та, щобъ ти зна́ла!...

Ой не йдімо, не ходімо,
Ра́но, дру́же, ра́но;
Похо́димо, посидимо́—
На *сей світъ* погля́немъ!
Погля́немо, моя́ до́ле...
Бачъ, яки́й широ́кий,
И широ́кий та весе́лий,
Ясний та глибо́кий...
Похо́димо жъ, моя́ зо́ре!
Зійдемо на го́ру—
Спочи́немо... а тимъ-ча́сомъ
Твоі се́стри-зо́рі,
Безвічніі, попідъ не́бомъ
Попливу́ть, зася́ють...
Підождімо жъ, моя́ се́стро,
Дружи́но свята́я!
Та нескве́рними у́ста́ми
Помо́лимось Богу,
Та й ру́шимо тихе́сенько
Въ дале́ку доро́гу...
Надъ Ле́тою безно́нною
Та каламутно́ю
Благослови́ мене́, дру́же,
Сла́вою свято́ю!...

А по́ки те́, да се́, да о́не,
Ходімо про́сто—навпросте́ць
До Эскула́па на рале́ць—
Чи не оду́рить ві́нъ Харо́на
И Па́рку-пря́лку?... И тогді,
Поки́ бъ химе́ривъ му́дрий дідъ,
Твори́ли бъ, ле́жа, эпопе́ю—
Пари́ли бъ скрізь по-надъ земле́ю—
Та все бъ гекза́метри плели́,
Та на гори́ще бъ однесли́

Мишáмъ на снідання.... А пóтімъ
Співáли бъ прóзу—та по нóтахъ,
А не якъ-нéбудь...

Дрýже мій,
О мій сопýтниче святúй!
Покú огóнь не захолóнувъ,
Ходíмо лýчче до Харóна—
Черезъ Лéту бездóнную,
Та каламутнýю
Перепливéмъ, перенесéмъ
И слáву святýю —
Безвічнюю—молодýю...
Абó—цýръ ій, дрýже!
И безъ нéі обíйдýся—
Та якъ бýду здýжать,
То надъ сáмимъ Флегетóномъ
Абó надъ Стúксомъ у раю,
Нинáче надъ Дніпромъ широ́кимъ,
Въ гаю́—предвічнёму гаю́,
Постáвлю хáточку,—садóчокъ
Кругóмъ хатúни насажý:
Прилúнешъ ти у холодóчокъ,
Тебé, мовъ крáлю, посажý:
Дніпрó, Украíну згадáемъ,
Весéлі сéлища въ гаяхъ,
Могúли-гóри на степáхъ—
И веселéнько заспівáемъ....

14—26 февраля 1861 р. Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА (*).

Первый отрывокъ.

Іюня 12, 1857 г.

Первое замѣчательное происшествіе, которое я вношу въ мои записки, суть слѣдующее: обрѣзывая сію первую тетрадь для помянутыхъ записокъ, я сломалъ перочинный ножъ. Происшествіе, повидимому, ничтожное и незаслуживающее того вниманія, которое я ему оказываю внося его какъ что́–то необыкновенное въ сію пеструю книгу. Слу–

(*) Въ–увѣренности, что всякое слово нашего незабвеннаго поэта дорого и любопытно каждому читателю «Основы,» помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника. Шевченка,—дневника, который не предназначался къ печати и задуманъ имъ съ цѣлью — сократить время въ ожиданіи разрѣшенія—возвратиться къ друзьямъ, послѣ 10–лѣтней разлуки. Дневникъ этотъ занимаетъ 102 большихъ полулиста и представляетъ драгоцѣнныя біографическія данныя съ 12 іюня 1857 по 13 іюля 1858 года, и не многія, но высшей степени любопытныя, воспоминанія поэта о своей молодости. При жизни Тараса Григорьевича, дневникъ его почти никому не былъ извѣстенъ; онъ былъ подаренъ, за тайну, ближайшему другу покойнаго, М. М. Л—скому, которому всѣ почитатели поэта обязаны, вмѣстѣ съ нами, благодарностью за позволеніе — взглянуть поближе на эту простую, сильную, истинно-художественную натуру, на эту глубоко-печальную, но поучительную, геройски-выдержанную, жизнь. Только изъ «дневника» можно узнать, сколько дѣтской искренности и мужественнаго самосознанія, сколько человѣчности, можно-сказать—благости, было въ чистомъ сердцѣ *нашого Тараса*. Изъ «дневника» и нѣкоторыхъ поэтическихъ его откровеній становится я́сно—что́ дало ему силы—вынести горестную свою *долю:* безграничная любовь, къ народу, непрестанное сочувствіе *ко всему страждущему* въ этомъ чудномъ мірѣ, красота котораго была неизмѣнно присуща ему, какъ художнику: вотъ–что увлекало его до забвенія о себѣ-самомъ, о своей собственной участи...

. . . вінъ не про̀сить,
Не пла́че, не сто́гне:
Ра́зъ добро́мъ налі́те се́рце
Ввікъ не прохоло́не.

Онъ былъ добръ тою возвышенною добротою геніальнаго ума и сердца, безъ которой для *человѣка* не возможно истинное величіе. — Геніальность природы Шевченка видна и въ томъ, что онъ такъ-много понималъ, и та́къ–вѣрно угадывалъ *правду*, почти безъ всякого научнаго, школьнаго, образованія: до послѣдней своей минуты, онъ не зналъ русскаго правописанія; его «дневникъ» наполненъ ошибками въ историческихъ именахъ, техническихъ названій, въ словахъ изъ иностранныхъ языковъ; но много ли у него ошибокъ въ пониманіи природы, искуства, человѣка, родины и—себя-самого?

чись этотъ казусъ въ столицѣ или даже въ порядочномъ губернскомъ городѣ, то, натурально, онъ не попалъ бы въ мою памятную книгу. Но это случилось въ Киргизской Степи, т. е. въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ подобная вещица для грамотнаго человѣка, *какъ напримѣръ—я*, дорого стóитъ; а главное—что не всегда ее можно достать и даже за порядочныя деньги. Если вамъ удастся растолковать свою нужду армянину-маркитанту, который имѣетъ сообщеніе съ Астраханью, то вы все-таки не ближе какъ черезъ мѣсяцъ — лѣтомъ, а зимою—черезъ пять мѣсяцевъ, получите прескверный перочинный ножикъ и, разумѣется, не дешевле *монеты*, т. е. рубля серебромъ. А случается и такъ,—и весьма часто,—что вмѣсто ожидаемой вами съ нетерпѣніемъ вещи, онъ васъ попотчуетъ или московской бязью, или кускомъ верблюжьяго сукна, или, наконецъ, кислымъ—какъ онъ говоритъ—*дамскимъ* чихиремъ. А на вопросъ вашъ, почему онъ вамъ не привезъ именно то, что́ вамъ нужно, онъ вамъ пренаивно отвѣтитъ,—что «мы люди комерческіе, люди неграмотные,—всего не упомнишь.» Что́ вы ему на такой резонный доводъ? Ругнете его,—онъ усмѣхнется,—а вы все-таки безъ ножа останетесь. Теперь понятно, почему въ Новопетровскомъ укрѣпленіи утрата перочиннаго ножа—событіе, заслуживающее бытописанія. Но Богъ съ нимъ—и съ укрѣпленіемъ, и съ ножомъ, и съ маркитантомъ; скоро, дастъ Богъ, вырвуся я изъ этой тюрмы и тогда подобное происшествіе не будетъ имѣть мѣста въ моемъ журналѣ.

Сегодня уже второй день, какъ сшилъ я себѣ и акуратно обрѣзалъ тетрадь для того, чтобы записывать, что́ со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый часъ; утро прошло, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣчательнаго происшествія; увидимъ, чѣмъ кончится вечеръ? а пока—совершенно нѣчего записать; а писать—охота страшная, и перья есть очиненныя. По милости ротнаго писаря, я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чемъ! А сатана такъ и шепчетъ на ухо— пиши что́ ни попало, ври сколько душѣ угодно: кто тебя станетъ повѣрять? И въ шканичныхъ журналахъ врутъ, а въ такомъ—въ домашнемъ—и Богъ велѣлъ.

Если бы я свой журналъ готовилъ для печати, то—чего доброго—пожалуй, и искусилъ бы лукавый врагъ истины, но я, какъ сказалъ поэтъ нашъ,

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлеченья, для забавы,

Для милыхъ искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

Мнѣ слѣдовало бы начать свой журналъ со времени посвященія моего въ новый санъ, сирѣчь съ 1847 года. Теперь бы тò была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшіе грустные десять лѣтъ, я сердечно радуюсь, что мнѣ не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Чтó бы я записалъ въ ней? Правда, впродолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, чтó не всякому удается видѣть; но какъ я смотрѣлъ на все это? какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатаго окна на веселый свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ впродолженіи этого времени приводитъ меня въ трепетъ; и чтó же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорацію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ привелось разыгривать эту мрачную, монотонную, десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, моя коварная память! Не возмутимъ сердца любящаго друга недостойнымъ воспоминаніемъ, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбецъ...— — — Обратимся къ свѣтлому и тихому, какъ нашъ украинскій осенній вечеръ, и запишемъ все видѣнное и слышанное, и все, чтó сердце продиктуетъ.

Отъ 2-го мая получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Михаила Лазаревскаго съ приложеніемъ 75 р. Онъ извѣщаетъ меня — или, лучше, поздравляетъ съ свободою. До-сихъ-поръ однакожъ нѣтъ ничего изъ корпуснаго штаба, и я, въ ожиданіи распоряженій помянутаго штаба, собираю свѣдѣнія о волжскомъ пароходствѣ. Сюда пріѣзжаютъ иногда астраханскіе флотскіе офицеры (крейсера отъ рыбной экспедиціи); но... по ихъ разсказамъ... я, при всемъ моемъ желаніи, не могу до сихъ поръ составить никакого понятія о волжскомъ пароходствѣ. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ я не имѣю надобности, но мнѣ хочется знать, какъ часто отходитъ пароходъ изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ, и какая цѣна мѣстамъ для пасажировъ. Но увы! при всемъ моемъ стараніи, я узналъ только, что мѣста разныя, и цѣна разная, а пароходы изъ Астрахани въ Нижній ходятъ очень часто. Не правда ли — точныя свѣдѣнія?

Не смотря однакожъ на эти точныя свѣдѣнія, я уже успѣлъ (разумѣется, въ воображеніи) устроить свое путешествіе по Волгѣ уютно, спокойно и—главное — дешево. Пароходъ буксируетъ (одно, единственное, вѣрное свѣдѣніе!) нѣсколько барокъ, или, какъ ихъ

называютъ, подчалками, до Нижняго-Новгорода съ разнымъ грузомъ. На одной изъ такихъ барокъ я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать въ ней до нижегородскаго дилижанса. Потомъ въ Москву, а изъ Москвы, помолившись Богу за фультонову душу, черезъ 22 часа и въ Питеръ,—не правда ли, яркая фантазія? Но на сегодня—довольно.

Нынѣшній вечеръ ознаменованъ прибытіемъ парохода изъ Астрахани. Но какъ событіе сіе совершилось довольно поздо, въ девятомъ часу, то до слѣдующаго утра я не получу отъ него никакихъ извѣстій. Важнаго я ничего и не ожидаю отъ астраханской почты. Вся переписка моя идетъ черезъ Гурьевъ—городокъ, а черезъ Астрахань я весьма рѣдко получаю письма. Слѣдовательно, мнѣ отъ парохода ждать нечего. Не вздумаетъ ли *Батько Кошовый*, К — ко, написать мнѣ? То-то бы одолжилъ меня старый черноморецъ! Замѣчательное явленіе между людьми этотъ истинно благородный человѣкъ. Съ 1847 г., всѣ друзья мои должны были прекратить со мною всякое сношеніе. К. не зналъ о такомъ распоряженіи, равно не зналъ и о моемъ мѣстопребываніи и, будучи въ Москвѣ, во время коронаціи, депутатомъ отъ своего войска, познакомился со старикомъ М. С. Щ—мъ и отъ него узналъ о мѣстѣ моего заключенія. И, благороднѣйшій другъ! написалъ мнѣ самое искреннее, самое задушевное письмо. Черезъ десять лѣтъ—и не забыть *друга*, и еще въ несчастіи друга! это—рѣдкое явленіе между себялюбивыми людьми. Съ этимъ же письмомъ, послучаю, какъ онъ пишетъ, послучаю полученія имъ Станислава первой степени, прислалъ онъ мнѣ, на поздравку, 25 р. ср. Для семейнаго и небогатаго человѣка большая жертва. И я не знаю, чѣмъ и когдй я ему воздамъ за эту искреннюю нелицемѣрную жертву.

Послучаю этого дружескаго неожиданнаго привѣтствія, я расположилъ было мое путешествіе такимъ образомъ: черезъ Кизляръ и Ставрополь проѣхать въ Екатеринодаръ прямо къ К—у. Насмотрѣвшись досыта на его благородное выразительное лицо, я думалъ проѣхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ—въ Минскъ, Несвижъ и, наконецъ, въ село *Чирковичи*, и обнявъ своего друга и товарища... Бр. З—го, черезъ Вильно проѣхать въ Петербургъ. Планъ этотъ измѣнило письмо М. Л—го отъ 2 мая. Изъ письма этого я увидѣлъ, что мнѣ нигдѣ не останавливаясь нужно поспѣшить въ академію художествъ и облобызать руки и ноги графини Н—и И—ы Тол—ой и ея великодушнаго супруга, графа Ѳ—ра П—ча. Они — единственные виновники моего избавленія, и имъ первый поклонъ; —

независимо отъ благодарности, этого требуетъ простая вѣжливость. Вотъ главная причина, почему я, вмѣсто ухарской тройки, выбралъ тридцатидневное монотонное плаваніе по матушкѣ-Волгѣ. Но состоится ли оно,—я этого еще навѣрное не знаю. Легко можетъ статься, что я еще, въ своей хламидѣ, попунтирую въ Уральскъ; всего еще можно ожидать! И потому не слѣдуетъ давать слишкомъ много воли своему неугомонному воображенію. Но—утро вечера мудренѣе. Посмотримъ, что̀ завтра будетъ? Или, лучше сказать, что́ привезетъ Гурьевская почта.

14 іюня.

Я что́-то черезчуръ усердно и акуратно взялся за свой журналъ; не знаю, долго ли продлится этотъ писательскій жаръ? Какъбы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности въ этой пунктуальной акуратности, а та̀къ—отъ не́чего дѣлать. На бездѣльи и это рукодѣлье. Записному литератору, какому-нибудь поставщику фельетона — тому необходима эта бездушная акуратность, какъ упражненіе, какъ его насущный хлѣбъ; какъ инструментъ виртуозу, какъ кисть живописцу, такъ литератору необходимо ежедневное упражненіе пера. Та̀къ дѣлаютъ и геніальные писатели, та́къ дѣлаютъ и пачкуны. Геніальные писатели потому, что это ихъ призваніе; а пачкуны потому, что они иначе себя и не воображаютъ, какъ геніальными писателями; а то бы они и пера въ руки не брали.— — — — —

Кажется, кто-то написалъ книгу подъ заглавіемъ *солдатскіе досуги*. Заглавіе ложное. У русскаго солдата досуга слишкомъ не много.... — — — — —

Солдату простительно окунуть иногда свою одинокую душу въ полштофѣ сивухи. — — — — —

Какая же, спрашивается, была цѣль у прославленнаго сочинителя писать подобные досуги? И что́ нравственнаго въ подобныхъ досугахъ, если они писаны съ натуры (я книги не читалъ); а если это просто *сочиненіе*, т. е. фантазія, то опять—какая цѣль подобной фантазіи? а не лучше ли бы сдѣлалъ почтеннѣйшій авторъ сихъ ненужныхъ фантастическихъ досуговъ, если бы написалъ истинные досуги линейныхъ, армейскихъ и даже гвардейскихъ молодыхъ офицеровъ? Этимъ онъ оказалъ бы величайшую услугу чадолюбивымъ—родителямъ.

15 іюня.

Что́же я сегодня занесу въ мой журналъ? Совершенно не́чего занести, *а ни ни ничего* хоть сколько-нибудь выходящаго изъ круга

обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру началъ я рисовать портретъ Б., чернымъ и бѣлымъ карандашомъ, въ киргизской кибиткѣ на огородѣ. Прекрасное освѣщеніе, — и я съ охотою принялся за работу. Пріятельница помѣшала,—я закрылъ портфель и вышелъ изъ кибитки. Скромная пріятельница неутерпѣла взглянуть однимъ глазкомъ на мою работу и нашла рѣшительное сходство еслибы ротъ и и носъ поменьше. И, неудовольствовавшись собственнымъ замѣчаніемъ, спросила мнѣнія у горничной и у своего фаворита—молчалина. Это меня рѣшительно взбѣсило и я, не простившись, ушелъ въ укрѣпленіе. Въ укрѣпленіи видѣлъ—офицію; солдатамъ выдавали жалованье, мнѣ тоже выдали; я передалъ его своему, еще трезвому, дядькѣ и велѣлъ ему сшить изъ подкладочнаго холста *тóрбу* для дороги. Потомъ зашелъ къ М—скому, выслушалъ въ другой разъ исторію (съ нѣкоторыми прибавленіями) о будущемъ тестѣ и зятѣ, выпилъ рюмку водки и возвратился на огородъ. Обѣдалъ,—послѣ обѣда, по доброму обычаю предковъ, зяснулъ часика два, и тѣмъ кончилось 15 число іюня. О вечерѣ совершенно нѣчего написать.

16 іюня.

Сегодня воскресенье. Я ночевалъ на огородѣ. Поутру былъ въ укрѣпленіи. Дождь (весьма рѣдкое явленіе) помѣшалъ мнѣ возвратиться на огородъ, и я остался обѣдать у М—скаго. М—скій—человѣкъ, котораго я люблю и уважаю; человѣкъ—не сплетня, не верхоглядъ, человѣкъ акуратный, положительный и въ высокой степени благородный. Говоритъ плохо по-русски, но русскій языкъ знаетъ лучше многихъ.—Въ 1830 году служилъ онъ въ артиллеріи бывшей польской арміи, и изъ военно-плѣнныхъ зачисленъ былъ рядовымъ въ русскую службу. Я много отъ него слышалъ интересныхъ подробностей о 1830 годѣ. Достойно замѣчанія то, что онъ разсказываетъ о собственныхъ дѣйствіяхъ и неудачахъ безъ малѣйшихъ украшеній: рѣдкая черта въ военномъ человѣкѣ, тѣмъ-болѣе—въ Сарматѣ. Однимъ словомъ, М—скій—человѣкъ, съ которымъ можно жить, не смотря на видимую сухость и прозаичность его характера.

Сегодня же милѣйшая миледи М. сообщила мнѣ, впрочемъ—не по секрету, со всѣми подробностями, исторію объ одномъ семейномъ побоищѣ. Изъ этой исторіи можно бы выкроить водевиль, разумѣется, водевиль для здѣшней публики. Назвать его можно *свадебный подарокъ* или *недошитая кофта*. Премиленькій и назидательный могъ бы выкроиться водевильчикъ!——— И это гнусное происшествіе, не

выходящее изъ круга обыкновенныхъ происшествій въ Н. П. укрѣпленіи, и я, въ этомъ омутѣ, среди этого нравственнаго безобразія; седьмой годъ уже кончаю... Страшно! Теперь, когда уже узнали о моемъ освобожденіи то ближайшіе мои начальники—фельдфебель и ротный командиръ, не увольняя меня отъ ученья и караула, позволили мнѣ, въ свободные часы отъ службы, проводить на огородѣ, зачтó я имъ сердечно благодаренъ. На огородѣ, или въ саду, лѣтняя резиденція нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу въ ея семействѣ; у нея двое маленькихъ дѣтей: Наташенька и Наденька, и это—единственный мой отдыхъ и разсѣяніе въ этомъ захолустьѣ.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, пришелъ я на огородъ. Утро было тихое, ирекрасное. Иволги и ласточки нарушали, изрѣдка только, сонную, сладкую тишину утра. Съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ какъ мнѣ позволено уединяться, я чрезвычайно полюбилъ уединеніе. Милое уединеніе! Ничего не можетъ быть въ жизни слаще, очаровательнѣе уединенія. Особенно передъ лицомъ улыбающей, цвѣтущей красавицы матери-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обаяніемъ, человѣкъ невольно погружается самъ въ себя «и видитъ Бога на землѣ», какъ говоритъ поэтъ. Я и прежде не любилъ шумной дѣятельности, или, лучше сказать, шумнаго бездѣлья. Но послѣ десятилѣтней *здѣшней* жизни, уединеніе мнѣ кажется настоящимъ раемъ, а я все-таки не могу ни за чтó приняться. Ни малѣйшей охоты къ труду. Сижу или лежу молча по цѣлымъ часамъ, подъ моею любимою вербою и хоть бы на-смѣхъ чтó-нибудь шевельнулося въ воображеніи. Таки совершенно ничего. Настоящій застой! И это томительное состояніе началось у меня съ 7 апрѣля, т. е. со дня полученія письма отъ М. Лазаревскаго. Свобода и дорóга меня совершенно поглотили. Спасибо еще К—у, что догадался прислать книгъ, а то я не зналъ бы, чтó съ собою дѣлать. Въ-особенности благодаренъ я ему за *Записки о Южной Руси*. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мнѣ такъ живо, такъ волшебно-живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ-будто съ живыми бесѣдую съ ея славными лирниками и кобзарями. Прекраснѣйшій, благороднѣйшій трудъ, бриліантъ въ современной *исторической* литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренній, силу, любовь и терпѣніе продолжать эту неоцѣненную книгу. Прочитавши въ первый разъ эту алмазную книгу, я дерзнулъ-было дѣлать замѣчанія, но когда прочи-

талъ въ другой и въ третій разъ, то увидѣлъ, что замѣтки мои—замѣтки пьянаго человѣка и—ничего больше. Окромѣ Суботова, т. е. на счетъ мѣста бывшаго дома Богдана Хмельницкаго. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замѣчаемо на драгоцѣнной ткани. Я обѣщалъ, начитавшись до-сыта этой книги, послать ее К — ку, и теперь жалѣю, что обѣщалъ. Во-первыхъ, потому, что я и никогда не начитаюсь до-сыта, а вовторыхъ, потому, что поля книги испачканы нелѣпыми замѣчаніями. Дастъ Богъ, я ему изъ Петербурга вышлю чистенькій экземпляръ.

Вчерашній водевиль кончился, какъ и слѣдовало ожидать, сегодня миромъ и гомерической попойкой съ пѣсельниками. Интересно знать—чѣмъ кончится свадьба. Вѣроятно—дракой.

18 іюня.

Сегодня я, какъ вчера, точно также рано пришелъ на огородъ; долго лежалъ подъ вербою; слушалъ иволгу и, наконецъ, заснулъ. Видѣлъ во снѣ Мижигорскаго Спаса Дзвонковую-Криницю, и потомъ Выдубицкій монастырь, а потомъ—Петербургъ и свою милую Академію. Съ недавняго времени мнѣ начали грезиться во снѣ знакомые, давно-невиданные предметы. Скоро ли увижу все это я на-яву? Сновидѣніе имѣло на меня прекрасное вліяніе впродолженіе всего дня, а тѣмъ болѣе, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. Къ вечеру, дѣйствительно, почта пришла, но ни мнѣ, ни обо мнѣ ничего не привезла. Опять я спустилъ носъ на квинту! Опять тоска и безконечное ожиданіе! Неужели отъ 16 апрѣля до сихъ поръ не могли сдѣлать въ штабѣ, на счетъ меня, распоряженія? Холодные равнодушные люди! Вечеромъ возвратился я въ укрѣпленіе и получилъ приказаніе отъ фельдфебеля готовиться къ смотру. Это результатъ давно ожиданной почты и съ такимъ трепетомъ ожиданной свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурѣю, наконецъ, отъ этого безконечнаго ожиданія....

Какъ быстро и горячо исполняется приказаніе—арестовать, такъ, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить. А исполнители одни и тѣже. Отчего же эта разница? Въ 1847 году, въ этомъ же мѣсяцѣ, меня на седьмые сутки доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ, а теперь, дай Богъ, на седьмой мѣсяцъ получить приказаніе—отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе.... Форма... Но я не возьму себѣ въ толкъ этой формы!

КОБЗАРЬ.

XIX.

Въ невóлі тя́жко, - хоча́ й вóлі,
Сказа́ть по пра́ві, не булó,
Та всé-таки́ якóсь жилóсь
Хоть на чужóму—та на пóлі;
Тепéрь же злóї тії доблі
Якъ Бóга ждáти довелóсь,
И жду ії, и виглядáю,
Дурни́й свій рóзумъ проклинáю,
Що дáвся дýрнямъ одури́ть—
Въ калю́жі вóлю утопи́ть...
Холóне сéрце, якъ згадáю,
Що не въ Украйні поховáють,
Що не въ Украйні бýду жить,
Людéй и Гóспода любúть.

1847 р.

Т. Шевченко.

САЛДА́ТКА.

(Іереміі Галці, на-неза́будь.)

I.

Товкачи́сі ра́дість—Богъ давъ си́на; дві́йко бі́гае, тре́те у коли́сці,—кричи́ть. А Товкаче́ві й байду́жки: сиди́ть край вікна́; ду́мки та га́дки одоліли. Люби́въ, небо́га, міркова́ти самъ зъ собо́ю, хочъ и голова́ ёму не розуміла, про що́ ду́мала.

«Якъ-то вже, «ду́мае», усе́ чу́дно та на́че нерозу́мно на сві́ті постано́влено: па́ні рожа́е панича́, Товкачи́ха—па́робка; одному́ — хо́ля-во́ля; дру́гому — па́нщина. Отъ якъ неви́дно—реви́зія; неси́, ба́тько, за Товкаче́нка поду́шне, бо й Товкаче́нко ди́витця на бо́жий світъ...»

Ду́мавъ, ду́мавъ, ажъ плю́нувъ.

Лежи́ть синокъ у коли́сці, пруча́етця. Ёго охрести́ли — ставъ Семе́нкомъ.

Семенко вже хло́пчикъ чима́лий—ста́рші брати́ пого́ничами.

Брати́ пожени́лись, и Семенко вже па́рубокъ, білоли́цій, чорня́вий, та висо́кий. Ба́тько й ма́ти не нади́влятця на Семе́на.

Ча́сомъ ма́ти тужи́ла, що найкра́щу дити́ну пи́сано до му́штри,—та ще більшъ пильнова́ла за нею: «Неха́й, ка́же, хочъ у ма́тері на роско́ші поживе́: — спомина́тиме».

Товка́чъ ходи́въ до ку́ма, зъ ку́момъ до пи́саря: »Чи не мо́жно сёго́ минова́ти?«

— Не мо́жно, — ка́же.

«Неха́й бу́де во́ля бо́жа».

II.

Нічъ якъ день: ясна́ та те́пла. Мі́сяць ви́соко стоїть надъ лева́дою. Ти́хо.

Хтось иде́ при мі́сяці, співа́е:

«Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ голо́воньку кло́нить...»

Товкаче́нківъ го́лосъ; ёго́ пі́сня. Ле́гко на серці молодій дити́ні,—ле́гко и ве́село.

Семе́нъ порівня́всь съ Соло́шиною ха́тою. У садку́, підъ черешнею, щось стоя́ло коло са́моі лі́си.

— Се ти, Ка́тре?

— Я, — каже.

— Добри́вечіръ. Кого́ виглядаешъ?

— Се я та́къ,—нікого... Мо́тря каза́ла—прийде...

А сама́ почервоні́ла. Семе́нъ ставъ передъ дівчиною.

— Ка́тре,—почавъ Товкаче́нко, та й забу́въ що думавъ сказа́ти... «Ка́тре...»

Ка́тря мовчи́ть. Семе́нъ одчини́въ две́рці и ввійшо́въ у горо́дчикъ.

— Я... ти ви́йдешъ сёго́дні на у́лицю?

— Ні, въ ме́не голова́ боли́ть,—каже Ка́тря.

Семе́нъ гля́нувъ ій пря́мо у ві́чі. Ка́тря рукаво́мъ закри́лась. Товкаче́нко хотівъ узя́ть ії за́ руку—не посмівъ, и вернувсь на у́лицю.

— Я пі́йду додо́му.

— Постривай! Я чу́ла... Лю́де каза́ли, що у восени́ хло́пцівъ у москалі брáтимуть.

— Бра́тимуть,—каже,—и мене́ візьмуть.

Жаль ста́ло Семе́на. Отяжа́ли слізьми́ очи́ці у Ка́трі... Вона хотіла щось промо́вить... Семе́нъ тихе́нько узя́въ ії за́ руку. Ка́тря стоіть якъ уко́пана.

— А ти за мно́ю тужи́тимешъ?

— Тужи́тиму.

— И по Андрієві тужи́тимешъ?

Ка́тря мовчи́ть.

— Прощай, Ка́тре.

Ка́тря запла́кала.

— Хиба́ тобі мене́ жаль?

Ка́тря мовчи́ть.

— Не жаль?

— Жаль!

И ще дýжче вонá заплáкала. Семéнъ обняв ії рукóю коло стáну. Кáтря одвелá ёго рýку.

— Пусти́ мене́,—я пійдý.

— Кáтре, постривáй, не втікáй такъ скóро.

Вінъ узя́въ ії за руку. Кáтря зновь почервоніла якъ макъ. Товкачéнко стоя́въ мовъ несамовúтий.

— Кáтре!

Кáтря тільки гля́нула на ёго. Товкачéнко нахили́всь и тихéсенько поцілувáвъ ії у гóлову.—А вона, мовъ тая дитúна, пригорнýлась до Семéна, хотіла дé-що сказáти — склепи́лися устá дитя́чі; обхопи́ла рученятами ёго шию, кріпко-кріпко поцілувáла—и якъ божевільна побігла у хáту.

Товкачéнко прики́півъ на мíсті,—не побігъ за нéю. Вінъ самъ не тя́мивъ, щó зъ нимъ робúлось.

Ту нічъ на ýлиці не бáчили Семена, не було й Катрі.

III.

— Стари́й!

— А гóу?...

— Чи Семéну-пакъ бýде гóдівъ зъ двáдцять?

— А тóжъ!—розмовля́ли поміжъ сéбе Товкáчъ съ Товкачúхою, у неділю сидючи́ за воротьми́ на при́зьбі. А дáлі впять обóе змóвкли. Товкáчъ сидúть та палічкою по пíску пúше.

— Стари́й!

— А гóу!

— Щó я тобі казáтиму...

— А нужъ...

— Чи не часъ вже намъ Семéна одружúти?

— А щó съ тóго?

— Щó! хибá вінъ не такúй якъ усі лю́де?

— Звісно, що не такúй. Не те ёму одвіку напúсано. Семéнко — нéкрутъ.—Хибá кому дýрно світъ завьязáти? шкодá!... нехáй Богъ борóнить...

— Та дéжъ-такú ви́дано, щобъ дитúна до двадцятú літъ дружúни не мáла?

— Ні, стара́, гріхъ одъ Бо́га, гріхъ и одъ люде́й: утопи́ти дівчину мо́жно, та я́къ-то на тімъ сві́ті держа́тимешъ одвітъ передъ Бо́гомъ.. Семе́нкові зъ ро́ду-віку та́ка до́ля ви́пала, а чужу́ дити́ну страхъ зарізати... Така́ моя́ ду́мка.

Товкачи́ха ва́жко зітхну́ла.

— И хлопья́ жаль, — промо́вила стара́: — бідна дити́на що-дня вбива́етця, и Ка́тря пла́че.

— Ка́тря?

— Та Со́лохівна жъ, Ива́нівни дочка́... Со́хне, и ма́тіръ су́ше.

— А нашъ?

— И нашъ тежъ са́ме: хочъ у пе́кло, каже, та зъ Ка́трею.

Стара́ перехрести́лась.

Товка́чъ до́вго сидівъ сму́тний-невесе́лий.

IV.

Суди́ли-ряди́ли Товкачі́ поміжъ се́бе, гада́ли и се́ и те́, каза́ли Семе́нкові, щобъ поду́мавъ—не губи́въ дівчини... Уже стари́й и сюди́ й туди́ умо́мъ роски́дувавъ, и до пан'отця́ ходи́въ, чи не розсу́дить ёго́ Пісьмо́мъ Свяги́мъ да розу́мнимъ сло́вомъ, навідувавсь и до ба-бу́сі За́тірки, — такъ ніщо́ не помогло́. «Коли́,» ка́же, «мене́ не оже́-ните, самъ на се́бе ру́ки підійму́, бо мені за́-одно пропада́ти.» — Стари́й Товка́чъ и погрози́всь би на си́на, мо́же бъ то де́-чимъ и полякавъ ёго́, та само́му жаль було́ хло́пця. Оце́ ча́сомъ якъ поба́че іхъ у-ку́пі на у́лиці, почу́е якъ Ка́тря щебе́че, — підбіжи́ть до Товкаче́вої при́зьби, любе́нько поздоро́вкаетця — «живе́нькі-здоровенькі діду́сю зъ бабу́сею,» — то Товкачеві й ру́ки опу́стятця. А ще до то́го й стара́ про́світку ёму́ не дава́ла: сто́гне та пла́че, та на свою́ до́лю нарика́е, що ажъ нудьга́ взяла́ чоловіка, світъ ёму́ неми́лий, и о́чі ні на що бъ не диви́лись. Иноді гри́мне на не́і, а да́лі мер-щій за ша́пку, та й пі́йде до ку́ма ту́гу розважа́ти. Чого́-то вже вони́ не перебала́кають, сидючи́ собі у холодо́чку під повіткою: и якъ-то тепе́рички усе́ на світі діетця не по бо́жому, и якъ-то ва́жко ста́ло чоловікові хлібъ зароби́ти.... и чима́ло де́-чого було́ згада́ють та недо́бримъ сло́вомъ помья́нуть. Ото́ воно́ на́че тро́хи й поле́гша після́ таки́ розмо́ви, бо се таки́ воно́ бачъ луча́етця, що коли́ вже чоловікові не-въ-си́лу тяжка́ до́ля тра́питця, то якъ поба́че,

що й кругóмъ ёго кóжне зъ своімъ лúхомъ, якъ москáль зъ оріжжямъ, бідкаетця, що кóжному той хлібъ гіркúй та свій панъ важкúй, — то нібú й тé лúшенько не такé досáдне буде и геть-геть відъ сéрця одкóтитця.

Оцé такъ якось вернýвсь старúй одъ кýма, та й кáже: «Посилáймо, жінко, старостú до Солóшихи, — хай Семéнко хочъ рóківъ зó-два поживé чоловікомъ, поки ёго у некрути не взято; а тамъ— щó Богъ дасть, — Ёгó свята вóля.»

Пóслано. Старостú вернýлись зъ рушникáми. — «Тілько, — кáжуть, — стара Йванівна дýже вбивáлась.»

А Товкáчъ и кáже: «Щó-то вже ті бабú повáдні плáкати! Отó й моя—скільки тúжнівъ очі тéрла та хлúпала, що Семéнко бáйдики бивъ, а тепéръ обúдві, и моя й Солóшиха, роспустúлись, що дітéй до-кýпи звели!»

А кумъ: «Оцé, якъби світъ та на жінкáхъ стоявъ,» — кáже,— «тó бъ чудáсія вúйшла!»

Ні въ кóго жъ-то такъ я́сно та тéпло на душі не булó, якъ у Кáтрі. Мовъ тáя я́сочка дивúлась вонá въ вічі старій нéньці, розважáла ій тýгу щебетáннямъ щúримъ, лю́бою лáскою дитя́чою.

— Мáмочко моя́ рідна, нéне моя́ лю́бая! не плáчте, не журітця, мáмо.

— Якъ мині, доню, не плáкати? Болúть моé сéрденько, — тимъ и плáчу.

— Мáмо! якъ-бú ви знáли ёго, — могó Семéночка, — якъ-бú ви тілько знáли!!

— Знáю ёгó, дитúно моя́, знáю, сéрденько.

— Ні, мáмочко, ні, моя́ зозýленько! не тогó Семéнка ви знáете...

— Гóді, дóчко, гóді-бо.

— А хибá жъ, мáмо, вінъ не гáрний?

— Та гáрний (каже), гáрний.

— Тóто жъ, мáмо, я кáзала...

— Якá ти дурнá, Катрýсю, — кáже Солóшиха.

Отó мáти нáче трóхи й повеселíшала, пригорнýла до сéбе дитúну свою лю́бу, щúро поцілувáла й перехристúла. — Кáтря хутéнько побігла до кімнáти, зачинúлась тамъ, щобъ ій мáти не бáчила, одімкнýла малёвану скрúню, и стáла вбірáтись та рядúтись, мовъ на Велúкъ-день: и те приміря́е — скúне, и дрýге надíне, — подúвитця, та зновъ скúне, — буцімъ малá дитúна цяцькáми граетця,—

ажъ втоми́лась: ли́чко ій розкраснілось якъ макъ у горо́ді, очи́ці мовъ зіронькй сяю́ть. Тамъ ки́нулось до дзе́ркальця, що ще ма́ти молодо́ю біля вікон'ця вма́зала, подиви́лась, осміхну́лась, — та й засоро́милась... «Яка́ я га́рна... Семе́нко пра́вду ка́же.» — А далі, дурна́ дити́на, за́разъ и засмути́лась, зітхну́ла тяже́нько-тяже́нько — и голо́вку повісила. Чого́сь стра́шно ій ста́ло після́ тако́і ра́дости, защеміло коло се́рденька, мовъ воно́ що недо́бре віщува́ло. Ка́тря мерщій на-вко́люшки, мо́литця — сама́ не зна́е про що́, та ажъ запла́кала серде́шна дити́на. Чи моли́лась вона́, чи та́къ, бідна, пла́кала, — тілько чу́ти бу́ло — шепта́ла: «Ма́ти Бо́жа! неха́й не беру́ть у москалі мого́ Семе́нка...»

Коли́ ось увійшла́ ма́ти — зиркъ, ажъ дочка́ вже пла́че. Хита́е стара́ голово́ю, та:

— «Дурна́, дурна́ дити́на,» каже. — «Не плачъ, до́ню: таки́хъ якъ оце́ ти, безневи́нних дітей, самъ Госпо́дь доглядае.»

V.

Спра́вили весілля. Ка́тря молоди́цею ста́ла — и яка́-то вже га́рна молоди́чка була́!

Люби́въ ії Семе́нъ надъ ба́тька и не́ньку; люби́ла й вона́ Семе́на більшъ усього на сві́ті. И що́-то вже, Бо́же, за кохання було́!

Не мину́ло ще либо́нь такъ и півро́ку, якъ отъ прийшла́ зъ Мо́скви бумага: «Очередни́й набо́ръ тре́ба призвести́.»

И призвели́.

Семе́нъ Товкаче́нко бувъ на очереди́. — «Твоя́ че́рга, Пили́повичу,» ка́же десятникъ Товкаче́ві: «благослови́,» каже, «сина...» И Семе́на привели́, — узяли десь съ поля — ора́въ зъ брата́ми.

— Благословіть, пано́че.

Благослови́въ .. підняла́сь рука́! — — —

Забряжча́ли важкі кайда́ни у ха́ті: закува́ли Семе́нка.

Стоіть ба́тько середъ ха́ти, а самъ білий, білий, якъ кре́йда. Ва́жко ёму́ на́ серці, та́къ ва́жко, та́къ ва́жко — оди́нъ Богъ зна́е. Не сподіва́всь на оста́нку літъ діжда́тись сёго. — — —

— Бо́же милостивий, — каже, — та й запла́кавъ, — стари́й ба́тько запла́кавъ!

У-пе́рше Семе́нъ поба́чивъ, якъ ба́тько пла́че... Світъ ёму́ на́че тума́номъ заволокло́, ніби́ те́мно у оча́хъ ста́ло, но́ги ёму́ затру-си́лись. Семе́нъ перехрестви́сь,та: «Та́ту, ка́же, не вбива́йтесь».

— Бо́га ви не боїте́сь, Пили́повичу, — озва́всь кумъ, бо и въ ёго се́рце надрива́лось, дивлячи́сь на таки́й сумъ та слёзи.

А Товка́чъ мовъ нічо́го не чу́е й не ба́чить: стоїть, пону́рився си́вою голово́ю, а слёзи ёму́, одна́ за дру́гою, якъ гря́дъ на помістъ ка́пають. А да́лі й промо́вивъ: «Дежъ,» ка́же, «ма́ти та Ка́тря? Вони́ може й не зна́ють, що́ въ насъ ро́бится.»

Ка́трі таки́ не було́ дома́—пішла́ до ма́тері навідатыця; старо́і тежъ не ви́дно у госпо́ді. Мо́же й спра́вді нічо́го не зна́ють.

Отъ и ка́же деся́тникъ: «Чи не часъ бува́, Пили́повичу, до кантóри руша́ти,— а то нача́лство гніватиметця. Чу́ете бо, Пили́повичу?»

Пили́повичъ ні па́ри зъ устъ.

А той: «Ходіть,» каже, «пан'о́че: мо́же бува́ за́йдете до це́ркви — помо́литесь».—Шкода́!—озва́всь Семе́нъ.

А ба́тько ніби проки́нувсь та й каже: «Схамени́сь, си́нку. Не гніви́ Бога: тепе́ръ твоя́ моли́тва дохо̀днійша до Го́спода.

Отъ и пійшли до це́ркви — а лю́де ди́влятця, та пла́чуть, идучи́ за ни́ми слідко́мъ.—Иду́ть такъ, та пла́чуть,—коли́ якъ закрича́ть: «Ли́шенько жъ на́ше! то Ка́тря біжи́ть...» А вона́, Бо́же мій ми́лий! біжи́ть якъ несамовита, мовъ нічо́го не ба́чить и не чу́е. Лю́де розступи́лись. Вона́ до Семе́нка, та та́къ и повисла въ ёго на ши́і, такъ и обомліла, и не пла́че—хочъ би тобі слізи́ночка.—Вінъ стоїть та тру́ситця, а самъ білий-білий, якъ мертве́ць.

— Ка́тре,—каже...

— Охъ, Семе́ночку! тебе́ беру́ть!

— Беру́ть, ма́тінко,—каже, та й обня́въ ії, а вона́ запла́кала, да та́къ же гірко да невтішно, що Го́споди! На що́ вже старий деся́тникъ—не одну́ дити́ну на своїмъ віку́ довелось одірва́ти одъ ма́тері,—и той стоїть та кулако́мъ слёзи втира́е: «Оце, га́спидська му́ха», каже: «якъже жъ жа́лко куса́етця»!—а въ само́го слёзи тілько капъ, капъ,—десь вра́жа му́ха са́ме за о́ко вкуси́ла...

Ка́тря жъ, знай, пла́че та обніма́е Семе́на. А тамъ незабаро́мъ и де́-які́ жіночки́ заголоси́ли, а за ни́ми ді́ти—то таки́й плачъ піднявсь, що ажъ су́мно ста́ло.

Семе́нъ и ка́же, я́кось гірко всміха́ючись: «Не плачъ, Ка́тре,— салда́ткою бу́дешъ».

Такъ ёго́ й привели́ до канто́ри.

VI.

А скільки-то тамъ було́ таки́хъже, якъ ото́ Семе́нко, вя́знівъ; який-то тамъ, го́мінъ та га́ласъ, старе́ й мале́, матері та діти,— плачъ та сумъ таки́й, що Го́споди! И ніхто́ жъ то такъ не пла́кавъ, якъ ті матері. Молоде́ попла́че да й втішитця, бо ёму́ ще надія оста́лась: «Хочъ калікою коли́сь, на деревья́нці», ду́мае, «ве́рнетця до насъ ро́ківъ черезъ два́дцять, то все-таки́ поба́чимо»,— а старо́му—де́ вже пережи́ти сі два́дцять літъ? Тимъ и вбива́ютця такъ матері, тимъ и пла́чуть.

Чи скільки тамъ ти́жнівъ остава́лись до́ма новобра́нці, а тре́ба було́ руша́ти до го́рода. Припасли́ гро́шей одда́тчики. Поши́ли хло́пцямъ кожу́хи нові, те́плі, а де́-які й на́нкою або́ кита́йкою кри́ті; перевьяза́ли ихъ стрічка́ми та хусти́цями черво́ними,—да такъ, у па́хмурний да холо́дни́й осінній день, и ста́ли випровожа́ти.—Що Бо́же мій! скільки ми́ру ру́шило прово́дити іхъ та попрощатись геть за слободо́ю, бо у ко́жного було́ своє́, котре́ йшло у да́льню незна́ему сто́рону. За батька́ми та матерьми́ уся́ дітвора́ ви́сипала. Одно́ кричи́ть: «дя́дінька! якъ бу́дешъ салда́томъ, прино́сь мині я́блучка;» дру́ге:—«братіку, верта́йся икъ Різдву́ або́ къ Вели́кодню: у насъ тогді коро́ва оте́летця и молочко́ бу́де;» тре́тє—«Васи́лечку! заріжъ скорійшъ Ту́рка та прихо́дь ху́тко додо́му, щобъ ма́ти не пла́кала.»

А матері пла́чуть, пла́чуть!

А новобра́нці, де́-які моло́дші, кото́рі нічо́го, окрі́мъ дівча́тъ, не зоставля́ли на роди́ні, йдуть попе́реду та го́лосно, го́лосно співа́ють:

Ой Бо́же мій, Бо́же, на що́ я вроди́вся?
Кінь вороний, самъ молоди́й, та ще не жени́вся!
Тре́ба мені, дівчино, ма́тері спита́ти:
Чи звели́ть ма́ти коня́ продава́ти?—
Не звеліла ма́ти коня́ продава́ти,
Та звеліла ма́ти въ похо́дъ виступа́ти...

А матері такъ до нігъ и припада́ють та голо́сять, мовъ у домовину синівъ опуска́ють. И дівча́та змо́вкли—не хихи́кають: одна

буцімъ по дядині ту́жить, що торікъ вме́рла; у дру́гої очи́ці кра́сні —сусідиної тітки жалко. А не́крути го́лосно, та жа́лібно співа́ють:

Иди́, си́ну, за рідне́є бра́ття,—
Даду́ть тобі, си́ну, салда́цькее пла́ття;
Иди́, си́ну, за рідну дити́ну,
Даду́ть тобі, си́ну, салда́цьку ружи́ну;
Иди́, си́ну, за рідну сестри́цю,
Даду́ть тобі, си́ну, салда́цьку муни́цію.

А якъ ви́йшли геть за сло́боду та збли́жились до «проща́льної моги́ли» (бо у тие́і моги́ли ко́жне було́ проща́ється зъ ро́дичами, якъ коли́ виряжа́ють хло́пцівъ у прису́тствіе, або́ хто йде въ го́родъ у суда́хъ тяга́тьця),—якъ сбли́жились до тіі моги́ли, помоли́лись, ста́ли опроще́ння брать,—то вже ніби́ й плачу́ не чу́ти було́,—така́ сму́та та жаль мі́жъ наро́домъ ста́ла, що Ма́ти Бо́жа!

Попрости́лись. Де́-які пійшли́ зъ хло́пцями до го́роду, а дру́гі верну́лись додо́му.

У слободі такъ-то су́мно та неве́село ста́ло,—хочъ и не чу́ти вже того́ плачу́.

Ка́тря пійшла́ за Семе́номъ.

VII.

И попове́шталась же серде́шна Ка́тря, чужі поро́ги оббива́ючи та свою до́лю гірку́ проклина́ючи.

Сказа́ли Семе́нкові «лобъ», и ста́ла Ка́тря салда́ткою.

Що-ра́нку ходи́ла вона́ диви́тись на му́штру, не такъ на ту му́штру, якъ на Семе́нка, и нема́ло її се́рденько переболіло, дивля́чись на се муштрова́ння— та́ка му́ка,—здавалось ій,—що бороні́ Боже!—Оце́ постано́влять іхъ ла́вою, а воні́, соко́лики, стоя́ть не живі, не мертві. Ото́ старши́й и почне́ ихъ рівня́ти,—а самъ серди́тий, розсерди́тий та страшни́й. Го́споди, поки-то на́вчять іхъ ходи́ти помоско́вські —щобъ-то й рука́ми не маха́ти и підъ но́ги не диви́тись!

Семе́нові Товкаче́нкову (се бачъ Товкаче́нко ставъ Товкаче́нковимъ) давъ Богъ гру́ди висо́кі,—то оце́ коли́ старши́й порівня́е москалівъ, самъ и за́йде зъ бо́ку, ди́витця, та було́ оце́ й кри́кне: «Товкаченковъ! хова́й гру́ди... фланго́вого не ви́дно»,—той и посу́питця наза́дъ, щобъ груде́й не було́ ви́дно, та такъ и го́лову не́хіть схова́ за дру́гого. А той зновъ: «Пода́й», гука́, «го́лову до ли́ніи!»—пода́сть го́лову, а гру́ди собі впьять упе́редъ ви́лізуть.

Якось разъ вінъ ду́же си́льно розлютова́вся, — такъ, що й не приведи́ Го́споди! Ра́зівъ шість зачина́въ му́штру, рівня́въ пле́чі та випря́млювавъ но́ги, а да́лі приня́вся упья́ть за Семе́нови гру́ди— ажъ скавучи́ть. Що Бо́же мій милостивий! — — — Серде́шний Семе́нъ не встоя́въ на нога́хъ, упа́въ...

Ка́тря якъ ки́нетця туди́, якъ заголо́сить: «Па́ночку-голу́бчику!»

А вінъ и зопини́вся, та: «Хто сміе наруша́ти поря́докъ? Чого́ тобі тре́ба?» пита́етця.

— Семе́ночку... се мій Семе́нко!—ка́же вона, гірко пла́чучи.

— Се твій мужи́къ?—зновъ пита́етця, а въ само́го о́чі такъ и загорілись, якъ у кота́ на са́ло.

— Мій, па́ночку.

Той ніби тро́хи втихоми́рився, та й каже: «Не плачъ, ду́шенька...»

Ка́тря ёму́ въ но́ги: «Спаси́бі,» ка́же, «па́ночку;» а той підня́въ ії, та й заказа́въ удру́ге кла́нятись. «Коли́,» ка́же, «твій чоловікъ слу́хатиме му́штри, то й кла́нятись не тре́ба, бо я таки́й же чоловікъ, якъ и ти».

Ка́тря подивилась на ёго, та й нічого не сказа́ла.

А Семе́нъ стоіть блідий-блідий.

VIII.

Перебули́ вони́ такъ ти́жнівъ съ пьять чи шість у тому́ го́роді, та бу́цімъ тро́хи й попривы́кли,—тілько ча́сто зга́дували про свій рідъ и сло́боду, де росли́ й люби́лись, де ко́жне и́хъ зна́ло и ко́жного вони́ зна́ли. Ча́сомъ було́ потужять, потужять, а Ка́тря й попла́че ни́шкомъ,—то Семе́нъ ії розважа́е, або́ вона́ ёго́, якъ коли́ прийде зъ му́штри сму́тний та невесе́лий. Ка́тря на́че тро́хи зъ ли́чка спа́ла, а все жъ таки́ була́ га́рна-розга́рна, — ій и Семе́ну на го́ре....

Одно́го ра́зу, на́дъ вечіръ, сидя́ть вони́ собі двійко́ та-таки́ жу́рятця, коли́ у ха́ту ввійшо́въ деньщи́къ, звичайно помоли́вся та й позва́въ Ка́трю сорочки ши́ти.

До́вго одмовля́лась Ка́тря, каза́ла, що не здужае й не вміе, а той приста́въ, и манить та й манить ії. Пішла серде́шна. «Тілько, будь ласкова, моторнішъ одяга́йсь,» дода́въ.

Одяга́етця Ка́тря, а у само́ї ру́ки й но́ги тру́сятця. Семе́нъ мов-

чи́ть, не сміе й дихнути, а коло се́рця мовъ отру́тою па́лить-та́къ ва́жко!

Одягла́сь Ка́тря, попроща́лась зъ Семе́номъ а сама́ холо́дна-холо́дна... Семе́нъ ле́две промовивъ: «шви́дче, лю́бко, верта́йся,» та й сівъ на ла́вку, мовъ після́ тяжко́і пра́ці засла́бъ.

Переждавши та́къ чимало, посумова́вши, ба́чить—не йде Ка́тря; погоди́въ ще тро́хи—нема́, мовъ у во́ду впа́ла. Вінъ и пішо́въ та́къ якъ би су́проти півночі: «може,» думае, «чи не зустріну де́ на дорозі. Вийшовъ на улицю—те́мно, хо́лодно. Сухи́й та різки́й вітре́ць де-не-де сніжокъ по дорозі зрива́е та кру́тить, а ні душі людськоі не чути,-тілько ніби бо́-зна звідки по вітру доно́сить, якъ еоба́ка у-ночі га́вкне. Городо́къ мале́нький — усе́ спить. У-горі ні хма́рки, ані місяця,—тілько зірочки́ далеко у не́бі бли́мають: *Візи* ставъ су́протипівночі; надъ ха́тами *Чепіга* ви́яснилась.

Су́мно у холодну нічъ одному́ на у́лиці та ще́ въ кого́ журба́ пеку́ча. Усю́ди ти́хо якъ у домови́ні, та́къ ти́хо, що чу́ти, якъ се́рце коло́титця. До́вго стоя́въ вінъ на у́лиці якъ знавіснілий; деєь, на це́ркві, годи́нникъ продзвони́въ пе́рву годи́ну, — а Катрі нема́ та й нема́. Ажъ о́страхъ обня́въ Семе́на.

«А мо́же вона́ до́ма,—мене́ дожида́е,»-ду́ма Семенъ, — та мерщій й по́бігъ до се́бе на кватирю.

Ні, не верта́лась Ка́тря!.. Та́къ и нічъ перейшла́.

У-до́світку вже верну́лась вона́, та на Семе́на й очей не зведе́,— упа́ла на стілъ—а сама́ пла́че-пла́че....

IX.

Са́ме підъ Різдво́ ка́зано новобра́нцямъ у похо́дъ виступа́ти. Дали́ имъ казённу оде́жу — одяглі́ й обу́ли якъ слідъ вели́ть. Сі́рі шапочки́ й свиточки́ та аби́-які чобітки́ — бо́-зна-що, ка́же Ка́тря: и хо́лодно и у́зько, и ма́ло й ко́ротко.

Нала́годились у доро́гу й Товкаче́нки, а сами́ якъ у во́ду впу́щені: де́-то дівалися Ка́трини жа́рти й сміхи, ско́ки та співа́ння? Усе́ мовчи́ть, нена́че ії заворо́жено. И Семе́нъ ставъ не той, яки́мъ колись ёго́ лю́де зазна́ли, а найгіршъ съ того́ ча́су зажури́всь.

Зібра́ли свою́ худібоньку — сорочечки́, та хусточки́, незбілшъ то́го якъ у за́йвого ци́гана; помоли́лись, написа́ли листъ до своіхъ у

слóбоду, що оттáкъ и тáкъ, тáту та мáмо, вихóдимо до вíйська, — та й рýшили рáнкомъ изъ гóрода. Завирюха такá, що й свíту бóжого не вúдно... Якъ-то вже перемáялись вони́ цíлий день, а нáдъ вечíръ підъ Різдвó, сáме тоді, якъ кутя́ стоíть на пóкуті, сінцéмъ облóжена, — увíйшлú въ якéсь лю́дне та багáте селó, що на шляху́ стоя́ло. Розвелú салдáтівъ по двóрахъ, и нáшихъ постановúли до якúхъ-сь дóбрихъ, богобоя́знихъ людéй: — щó-то вже за щúра та прия́зна сім'я́!

Привітáли Кáтрю якъ рідну дитúну и до Семéна булú такі-то ласкáві та дóбрі: не знáють, куди́ й посадúти, якúмъ слóвомъ роспитáти.

— Та якá жъ молодéнька!» кáже старá бабуся: «звідки, дóбрі лю́де?» питáетця.

— Зъ Улáсівки, бабу́сю,» кáже Кáтря.

— Чу́ла, чу́ла про Улáсівку, моя рúбко. — А далеко!

— Далéко, бабу́се.

— А се твій чоловíкъ?» дру́ге питáетця.

— Чоловíкъ, тіточко.

— Охъ, лúхо, лúхо,» каже бабу́ся: — «здáлека: та якіжъ-то ще молодéнькі обóе. Отъ и въ мéне Йвáсичокъ десь на чужúні бідкаетця: рóківъ зо три вісточки одъ ёго немáемо.... охъ, лихо, лихо! А то дé-коли булó й пúше, — плáчетця на насъ, що оддалú. Та якъ ёго́ не оддасú, колú панъ велúть? Се вже такъ намъ, чóрнимъ лю́дямъ, десь на роду́ напúсано, щобъ чужі слёзи ковтáти.

— «Про сé й я такъ, бабу́се, ду́маю,» кáже Кáтря: «та нічимъ пособúти.»

— Нічимъ, моя́ рúбко, нічимъ, бо такъ воно́ зро́ду-віку ведéтця. — — — Усé отъ Бóга, моя́ рúбко, — ніхто́ ёго́ писáния не змінить. —Отъ хибá чи не...

— А дітéй, бабу́сю, ніхто жъ не íсть?» питáетця малéнький хлóпчикъ, літъ шестú, що сидівъ собі у зáпічку та слу́хавъ, якъ бабу́ся розмовля́ла зъ молодúцею. — «Аджé-жъ людéй, бабу́сю, не ідя́ть?»

— Ні, моé дúтятко, не ідя́ть людéй; а колú дитúна неслухня́на, то зáразъ ягá-бáба у ступку посáдить.

Хлóпчикъ сховáвсь ще дальшъ у зáпічокъ. А бáба зновъ за свое:

— Охъ, лúхо, лúхо,» каже: «оцé ми усé жу́римось, що Йвась

давно́ не писа́въ. Де́ вінъ, що́ зъ нимъ, нічо́го не зна́емо; мо́же хво́рий де-не́будь лежи́ть, або́ на войні вби́то, то й похова́ти ні-кому.... А чо́мъже ми своіхъ лю́бихъ гостéй не нагоду́емо? Часъ вже вечеря́ти и кутю́ на стілъ ста́вити.

Повечеря́ли. Горли́ва бабу́ся, якъ ма́тінка рідна, годи́ла дорогі́мъ гостя́мъ — «и сёго́ поіжте, и того́ цокошту́йте,» — тілько й чу́ти, якъ стара́ лепе́че.

Ско́ро дітво́ра полягала́ спать, а Семе́нъ зъ мужика́ми ви́йшовъ у дру́гу ха́ту опочи́ти; невістки́ посіда́ли за гребні куде́лю пря́сти и стара́ зъ Ка́трею коло іхъ притули́лась.... И до́вго ще чу́ти було́, якъ верете́на у ха́ті сюрча́ли, а бабу́ся зъ Ка́трею тихе́нько базі-кала та здиха́ла. А на дворі мете́ та си́пле таке́, що Ма́ти Божа!

— Охъ, ли́хо, ли́хо,» ка́же бабу́ся: «се бъ то мені, молоди́це, здае́тця, що твого́ чоловіка журба́ су́шить: десь ту́жить серде́шний по ба́тькові-ма́тері.

— Та́къ-то ту́жить, бабу́сенько, що диви́тись на ёго — такъ уся́ душа́ переболи́ть.... Отъ и въ ме́не зоста́лась стара́ ма́тінка, одна́ якъ перстъ, а все жъ то бу́цімъ я не ста́къ жалку́ю та вбива́юсь: оце́ коли́ ду́же тя́жко ста́не на се́рці, помолю́сь, попла́чу, то ніби́ й поле́гшае. А вінъ усе́ жу́ритця, усе́ жу́ритця.

— О, ли́хо, ли́хо!» ка́же стара́, зітхну́вши: «якъ-то чу́дно оце́ на бо́жому світі веде́тця, коли́ подивлю́сь. Лю́де-то хочъ и ка́жуть, що у старови́ну було́ лу́чче жи́ти — ні, не вірь, моя́ дити́но: отъ уже́ девья́тий деся́токъ оча́ми на бо́жий світъ бли́маю, а мені здае́тця, що вінъ усе́ таки́й. «Батьки́,» ка́жуть, «пла́кали у жме́ню, а діти—при́горшнями; батьківъ би́то стоячи́, а ді́токъ и въ-ле́жку бьють...» Охъ, ли́хо, ли́хо... Та мо́же я тебе́ втоми́ла, молоди́чко: ти бъ спочи́ла тро́хи, бо мо́же за́втра васъ погна́ть, и не роз-говіетесь.

— «Спаси́бі вамъ, бабу́сенько, за ва́шу ла́ску,» сказа́ла на се Ка́тря, помоли́лась и лягла́ спа́ти.... та щось до́вго не спа́лось. До́брі лю́де та іхъ щи́ра ла́ска збуди́ли Ка́трине го́ре. Усе́ тоді згада́лось — и стара́ ма́ти, садо́къ коло ха́тки, и весіння нічъ, ії дівова́ннячко, весілля, и му́штра.... Го́споди, такъ и згоріла, якъ згада́ла ёго...

X.

Чи до́вго, чи ко́ротко вони́ тамъ пле́нтались по бі́лому світу, сёго́ не скажу́, — мо́же ро́ківъ зо три й бу́де; тілько Семе́нъ ско́ро Бо́гу ду́шу оддавъ: усе́ ка́шлявъ та хорівъ, до-то́го звівсь, що було на му́штрі й ружи́ною не здужае бря́знути. Усе́ ёму́ щось у гру́дяхъ боліло. Було́ лікарі́ й лічать, и мя́тою напова́ють, и бузи́ною, и ли́повимъ цвітомъ, такъ ніщо́ не помогло́. Ка́шлявъ, ка́шлявъ, та такъ весно́ю объ те́плому Олексіёві и похова́ли ёго́. Тимъ ча́сомъ, ти́жнівъ за чоти́рі до ёго́ сме́рти, Ка́тря привела́ дити́ну, — хло́пчика Богъ давъ. А якъ уме́ръ Семе́нъ, то вона́ й загада́ла верну́тись додо́му. Узяла́ свого́ Пили́пка, обгорну́ла свити́ною, та са́ме у велико́дну суббо́ту и ви́йшла ра́нкомъ изъ го́рода, де́ іхъ полкъ стоя́въ.

День бувъ те́плий та ясни́й. Тра́вка чи всніла-то й ви́ткнутись изъ земли́, а вже степъ зеленівъ, и ве́рби набро́стились. Надъ шляхо́мъ, ви́соко, якъ пау́къ, сну́е жа́йворонокъ, ве́сну стріча́е, гніздя́ підъ били́ною шука́е. Со́нце такъ гріе, що буцімъ ви́дно, якъ тра́вка сама́ до ёго тя́гнетця зъ во́хкоі землі, густіе та могилки́ вкрива́е. И Ка́трі поле́гшало.

Чи скільки тамъ вона́ йшла, а, по́ки, ли́ха не ба́чила. Су́мно, було́, й стра́шно ста́не середъ степу́; окру́ги тілько не́бо, та со́нце пече́, та могилки́ стоя́ть по́ полю розси́пані, а тутъ и́ноді шляхъ перестріча́ють другі шляхи́, або доро́га розіхо́дитця, вона́ й не зна́е, яки́й шляхъ додо́му доведе́: то, було́, постоіть, та й візьме на ту доро́гу, яка́ найбі́лшъ ве́рне насхідъ со́нця, або́ біжи́ть до яко́го бли́зького жилля́. Иноді хто перестріне, чи обго́нить, Ка́тря спита́е про шляхъ, то було́ до́брі лю́де й навча́ть. Ча́сомъ бува́ прито́митця йдучи́, ся́де собі де-не́будь у холодо́чку, коли́ тра́питця, підъ дубко́мъ коло яко́і гре́бельки, чи биля́ чума́цькоі криниці, або́ й такъ въ степу́ підъ моги́лою, — нагоду́е Пили́пка, то й спочи́не. Ночува́ла и́ноді въ подоро́жніхъ се́лахъ, а ча́сомъ тра́пилось й у по́лі въ плуга́тирівъ, якъ нічъ середъ степу́ засти́гне. И на чужи́ні не безъ до́брихъ люде́й, пе́вне між про́стими та бідними.

За ти́ждень добрела́ Ка́тря до яко́гось незна́мого го́рода. Го́родъ вели́кий та га́рний. Ще звідки чу́ти було́, якъ по церква́хъ у дзво́ни дзвони́ли, бо вечірня слу́жба йшла. Увійшла́ Катери́на въ го́родъ,

та й сама́ не зна́е, де́ ій дітись, бо тимъ ча́сомъ смерка́лось. Вона́ до яко́ісь мале́нькоі ха́тки — підійшла́, та чу́е що гомоня́ть, и ка́же:

— Помага́йбі, лю́де до́брі: пустіть стра́нну у ха́ту переночува́ти.»

— А ти хто́ така́?» пита́ютця.

— «Салда́тка,» ка́же: «мій чоловікъ уме́ръ, то я оце́ зъ дити́ною додо́му йду.»

— «Э, шкода́,» ка́жуть: — «салда́тка, та ще десь зъ байстря́мъ?»

— «Ні, лю́де до́брі,» ка́же Катери́на, та й засоро́милась, а въ само́і на се́рці ста́ло тя́жко-тя́жко, що Го́споди!

— «Зна́емо́ ми,» ка́жуть, «тихъ салдато́къ, які́ вони́ есть. Иди́ геть одъ на́шихъ віконъ.»

Пішла́ Катери́на одъ тихъ віконъ, слёзи ковта́ючи, — та до дру́гихъ:

— «Добри́вечіръ,» ка́же, «лю́де до́брі: чи не пу́стите христо́вимъ и́мьямъ убо́гу переночува́ти?

— А звідки ти, молоди́це?» пита́ютця. Та якъ почу́ли, що вона́ салда́тка, то за́разъ и обізва́ли него́жимъ сло́вомъ, урика́ючи, що вона́ зъ се́бе вродли́ва та чорня́ва, та ще й молоде́нька. — «Иди́ собі, лю́бко,» ка́жуть, «до и́ншихъ.»

Нічо́го не сказа́ла Катери́на, — тілько більшъ уже́ до віконъ и не підхо́дила. Тре́ба було́ десь підъ ти́номъ почува́ти — и переночува́ла: та́къ, зъ дити́ною на рука́хъ, и засну́ла.

XI.

Сказано: «На ко́го лю́де гомоня́ть, на то́го й сви́ні хрю́кають.» Та́къ и Ка́трі. Не всціла вона́ о́чі проте́рти, якъ ось иде по у́лиці чоловічокъ, самъ мерзе́ний, міця́ні гу́дзики, на ша́пці бля́шка зъ до́брого семигри́венного. Пізна́ла Ка́тря, що воно́ таке́ е́, та ду́же злека́лась, бо чува́ла одъ люде́й про яки́хсь гайдама́ківъ, що по суда́хъ пи́шуть та люде́й до сме́рти запи́сують, — а се́ жъ вінъ и бувъ.

— Яко́го біса ти тутъ по-підъ ти́нню валя́есся? «Що ти таке́ есть?» пита́е ій.

— Я салда́тка, пане; иду́ зъ дити́ною на свою́ сто́рону.» А сама́ боіться, що Го́споди!

— Салда́тка... гмъ... а біле́тъ ма́ешъ!

— «И білéтъ, пáне, мáю,» кáже.

— А кé ёгó сюдú: — подивлю́сь, чи твій то білéтъ?»

Подалá ёму́ Кáтря білéтъ, а у самóі рýки й нóги трýсятця — тáкъ-то бóязно. — Ставъ вінъ той білéтъ прочúтувати, а самъ усé на нéі очúма скúдуе та щóсь собі шéпче: «росту середнёго,» кáже: — «тáакъ, невелúчка;» «вóлоси темнорýсии: — «тáакъ, чорнáва й гáрна;» підборóдокъ крýглий: — гмъ, не дýже крýглий!... Та се не твій білéтъ,» кáже: «ти ёгó вкрáла.»

Кáтря ажъ похолóнула. «Ні, пáночку,» кáже: — «нехáй менé Богъ убьé, колú я ёгó вкрáла. Се мій.

— Шкодá,» кáже: «тутъ пропúсано, що підборóдокъ крýглий, а въ тéбе гóстрий, — га?

— Нітъ-бо, пáночку: далебі я не вкрáла. Оцé я схудáла трóхи, вúсохла, тимъ и бородá гóстра стáла.»

— Оввá! вúсохла... тáкъ би й пропúсано булó, що вúсохла; а тó бачъ пúше — крýгла. — Ти, я бáчу, бродя́га, безъ пісьменного вúду. Тебé въ турмý трéба посадúти.»

У Кáтрі рýки й нóги однялúсь, побілíла, якъ рядно́, стоíть и очéй не зведé. А той и кáже: «Жáлко менí тебé, молодúце, отъ якъ Богъ святъ жáлко, — та щó мáю робúти! Слýжба — святé дíло. Отъ колúбъ у тéбе бýлú грóши, то я бъ попрохáвъ начáлство, щобъ тебé у турмý не садовúли.»

— Охъ, пáночку! а скíльки начáлству трéба? мóже въ мéне й достáне.

— Та скíльки?—такú й немáло. Якъ би ти булá безъ дитúни... а тó й цілкóвого нáмалі. Слýжба — святé дíло... Хибá цілкóвого та семигрúвенного. Кé сюдú цілкóвого та семигрúвенного: — я дóбрий чоловíкъ, оборонú тебé передъ начáлствомъ.»

У Кáтрі й на душі полегшало, що дóброго чоловíка знайшлá,— зáразъ ёму́ у нóги. «Спасúбі вамъ», каже, «пáночку, за вáшу лáску». Вúтрусила изъ калúточки того цілкóвого, знайшóвсь и семигрúвенний. А той — такий добрий, та щúрий,—узявъ та ще й дя́куе: «спасибі тобі», кáже, «молодúце: тепéръ идú зъ Бóгомъ, та нічóго не бíйся».

— Чимъ же васъ, пáночку, дя́ковати?» питáетця Кáтря.

— Менé Богъ наградúть», той кáже. Съ тимъ и повіявсь собі геть по ýлиці.

Перехрести́лась Ка́тря, и пішла́ своє́ю доро́гою: «Отъ же», ду́мае: «и въ го́роді знайшла́сь душа́ щи́ра та богобоя́зна. Якъбы́ бі́льшъ таки́хъ...» А іхъ и та́къ дово́лі...

XII.

До́вго йшла Ка́тря, бо не бли́зько була́ та Ула́сівка. Притоми́ла ніженьки бі́лі; натерпілась ли́ха й сорому, а бі́льшъ тимъ, що була́ салда́тка, та Бо́га боя́лась.

Коли́ я́кось ура́нці забованіла геть-геть въ степу́ «проща́льна моги́ла», замиготіли въ оча́хъ хатки́ бі́лі й зеле́ні ве́рби знаёмі. Се жъ и була́ Ула́сівка.

Згада́ла Катери́на про Семе́на, и гірко запла́кала.

Дійшла́ ото́. вона́ до моги́ли и сі́ла спочи́ти та дити́ну погодува́ти, бо хочъ и бли́зько вже бу́ло́ до Ула́сівки, та вона́ ду́же вто́ми́лась. Коли́ ось иду́ть шляхо́мъ, до Ула́сівки жъ, якісь перехо́жі: бабу́ся, старе́нька, а зъ не́ю дівчина, йдуть и поміжъ се́бе тихе́нько розмовля́ють. Збли́жились до Катери́ни и «добри́день» сказа́ли.

— Спаси́бі, лю́де добрі», ка́же Ка́тря: «чи не въ Ула́сівку Богъ несе́?»

— Та въ Ула́сівку жъ.

Тутъ стара́ ста́ла пи́льно придивля́тись до Ка́трі, а далі й ка́же:

— Коли́бъ, молоди́це, не опізна́тись оце́ на старости літяхъ. Здае́тця мені, що ти Ка́тря Солохівна, покійної Йва́нівни дочка́?

— Та Солохі́вна жъ бу́ла... А хиба́ моя́ ма́ти вме́рла?» пита́етця, а у само́і й дити́на тро́хи зъ рукъ не ви́пала.

— Уме́рла, до́чко. Ото́ торікъ, са́ме підъ Пречи́сту, похова́ли, неха́й царству́е. А якъ по тобі моя голу́бочка вбива́лась....

Ка́тря гірко, гірко пла́кала.

— А де́жъ твій чоловікъ?» пита́ють.

— И Семе́на похова́ла», ка́же Катря, а сама́ пла́че, пла́че....

— Неха́й ёму́ земля́ перо́мъ: тамъ, мо́же, лу́чче бу́де», ка́же бабу́ся, и перехристи́лась, а дівчина, що була́ зъ не́ю, й запла́кала.— «Го́ді тобі, до́ню, пла́кати, го́ді, се́рце.... Се, коли́ зазна́ла, Яструбе́нкова дочка́: ту ве́сну була́ засва́тана, а ото́ у осени́ и її жениха́ узя́то до му́штри, такъ оце́ й ходи́ли у го́родъ, — я — угод-

нику помоли́тись, а вона́ хло́пця навідати. — Охъ, лиха́ годи́на та нещасли́ва... Ходімъ, Катру́сю, и ти зъ на́ми, — вже недале́чко.— А се́жъ твоє?

— Моє́, бабу́се.

— А скільки ёму́?

— Оце́ вчо́ра третій місяць пішо́въ, и Семе́нові вже дру́гий бу́де.

Прийшли́ въ Уласівку. Тя́жко ста́ло Ка́трі, Бо́же, якъ тя́жко. Хочъ усе́ було́ ніби́ поста́рому, и лева́да съ зеле́ними ве́рбами, и ставо́къ, и ли́па кучеря́ва биля́ це́ркви, и той садо́къ, де упе́рве съ Семе́номъ спізна́лась,—та на се́рці вже не по ста́рому: сумъ та жаль такій, що, Го́споди, якъ ва́жко!

Све́кіръ приня́въ ії до се́бе. Жила́ вона́ въ ёго, а все така́ невесе́ла. Товка́чъ було́ часте́нько ії про Семе́на роспи́тує, про му́штру, про звича́і салда́цьки, про панівъ; а самъ, якъ хма́ра, су́мний, су́мний. Ка́тря було́ пла́че, якъ роска́зує ёму́ про все, що́ ба́чила, а старий мовчи́ть, тільки слу́хае та и́ноді головою́ хита́е.

Такъ до сме́рти й оста́лась Ка́тря салда́ткою, а Пили́пка діти звали салда́тенкомъ, и мовъ цура́лись.

Таки́й случа́й!

Д. Мордовцевъ.

1859 р.

ЛИПОВЫЯ ПУЩИ.

Начало романа, найденнаго въ бумагахъ покойнаго Д. П. Хоречко.

Имя Д. П. Хоречко извѣстно только небольшому кружку его пріятелей, которые любили его за его прямой, искренній характеръ. Никто, однакожъ, не видѣлъ въ немъ автора. Онъ казался намъ любознательнымъ человѣкомъ, умнымъ человѣкомъ, человѣкомъ съ душою—и только. Смерть обнаружила, что онъ готовилъ себя къ литературному поприщу съ тѣмъ уваженіемъ къ своему призванію, которое въ наше время становится рѣдкостью. Въ его бумагахъ найдено много этюдовъ, писанныхъ съ натуры, много плановъ для повѣстей, набросанныхъ въ психологическомъ, внутреннемъ смыслѣ, который для читателей долженъ былъ быть выраженъ пластически. Начатыя имъ повѣсти показываютъ, что онъ поражался многими художественными идеями въ одно и то же время, и что только обиліе сюжетовъ, просившихся подъ перо его, мѣшало ему что-нибудь окончить. Въ предлагаемомъ романѣ не развита еще *исторія*. Выведены только лица, которыя должны начать дѣйствіе; но ихъ обстановка можетъ заинтересовать читателей, какъ живопись нравовъ недавно исчезнувшаго панскаго быта въ Украинѣ, того быта, который сохранилъ на себѣ отпечатокъ старинаго козачества. Вотъ почему мы, друзья покойнаго автора, рѣшились послать его въ *Основу*. Впрочемъ есть надежда отыскать и продолженіе романа. Въ Черноморскомъ Екатеринодарѣ жилъ и до сихъ поръ живетъ нѣкто г-нъ Р***, соученикъ и, можно сказать, наперсникъ покойнаго Хоречко. Мы знаемъ, что они много разъ пересылали другъ другу черезъ почту свертки, на которыхъ было подписано *рукопись*. Хоречко, на вопросы наши, отвѣчалъ бывало, что его другъ г. Р***

занимается литературою и проситъ его совѣтовъ. Теперь дѣло является въ обратномъ смыслѣ. Мы отнеслись къ г. Р*** и просили его подтвердить нашу догадку и, если у него сохранилось продолженіе *Липовыхъ Пущъ* (въ чемъ мы почти увѣрены), прислать также въ редакцію *Основы*.

П. Шишакъ-Васильевскій-Гребля.

ПРОЛОГЪ.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній,—въ которой именно, нѣтъ надобности знать,—процвѣтало еще очень недавно помѣщичье семейство Вѣниковыхъ. Послѣдніе, современные намъ представители этого семейства, выбросили изъ своей фамиліи букву *и*, и назывались *Вѣнковыми*; но они не смѣли отречься отъ нея въ документахъ, по которымъ принадлежали имъ лѣса, луга и земли, называющеіся *Липовыми Пущами*. Если сказать всю правду, то родоначальникъ этой фамиліи былъ не Вѣниковъ, а просто Віникъ; но у насъ, малороссіянъ, была страсть облагороживать свои фамильныя имена прибавкою къ нимъ великорусскихъ окончаній или переиначиваніемъ и вставкою буквъ.

Трудно было бы доискаться, кто первый изъ господъ Вѣниковъ стеръ съ своего имени признакъ козацкаго происхожденія. Но имѣніе Вѣниковыхъ называлось *Липовыми Пущами*, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ. Еще оно и не принадлежало имъ, еще въ козацкихъ реэстрахъ не было вписано ни одного Вѣника, а *Липовыя Пущи* уже значились въ спискѣ старыхъ *ранговыхъ* (1) помѣстьевъ. Какъ бы ни гордились Вѣники древностью своего дворянскаго рода, наперекоръ демократической малороссійской исторіи, но историческое имя начинается съ недавняго и, надобно сказать, пустаго событія. Когда козаки стояли шатрами въ степи надъ рѣчкой Самарой, одинъ изъ сотниковъ, по прозванію Мурло́, выразилъ свою

(1) Такъ назывались земли, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе гетману и генеральнымъ старшинамъ.

преданность полковнику Носачу необычнымъ способомъ: собственноручно связалъ изъ степнаго бурьяну вѣникъ и подмелъ земляной полъ въ полковничьей палаткѣ. Козаки прозвали его, за этотъ подвигъ, Вѣникомъ, и до такой степени новое прозвище сдѣлалось общеупотребительнымъ, что дѣти и внуки услужливаго сотника уже не принимали его себѣ въ обиду; ихъ записали подъ этимъ именемъ въ козацкій реэстръ, и пошли они писаться Вѣниками, позабывъ свое прежнее прозвище Мурло́, данное ихъ предку еще во времена гетмана Павлюка.

Въ эпоху самарскаго похода, ранговое помѣстье *Липовыя Пущи*, доставшееся впослѣдствіи Вѣникамъ, соотвѣтствовало своему имени, потому что состояло изъ первобытныхъ липовыхъ лѣсовъ; но въ наше время, липы уцѣлѣли только въ видѣ бревенъ, въ стѣнахъ помѣщичьяго дома. Домъ срубленъ изъ толстыхъ липовыхъ брусьевъ и, благодаря плотной, *очеретяной* крышѣ, которую смѣнявшіяся поколѣнія владѣльцевъ возобновляли своевременно, пережилъ окрестные лѣса, состоявшіе преимущественно изъ липъ. Странное чувство овладѣвало моей душою, чувство особенной, поэтической, грусти, когда я, сидя въ свѣтлицѣ господъ Вѣниковыхъ, срубленной изъ благороднаго липоваго дерева, съ *мытыми* (1), стѣнами вспоминалъ, по какой причинѣ все это имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ всякаго рода земель, называется *Липовыми Пущами*. Кругомъ—ни одной липы на корняхъ, а названіе помѣстья и чрезвычайная толщина брусьевъ въ стѣнахъ дома воздвигаютъ въ воображеніи необозримыя массы густыхъ вѣтвей, высокотолпящіяся вокругъ липоваго дома. Домъ построенъ во вкусѣ гетманскихъ временъ съ тяжелою вычурною отдѣлкою орнаментовъ по дубовымъ косякамъ оконъ и дверей, по карнизамъ навѣсовъ, по оглавіямъ и подножіямъ тонкихъ, витыхъ на разные манеры, колонокъ, по слуховымъ окнамъ, вырѣзавшимся далеко впередъ изъ мшистой очеретяной крыши и по самымъ *дымарямъ*, которые высоко чернѣютъ съ своими острыми кровельками на малороссійскомъ, почти всегда ясномъ, небѣ. Въ главной, такъ называемой крестовой, свѣтлицѣ (2), на толстомъ рѣзномъ сволокѣ, вы читаете сла-

(1) То-есть, не закрашенными краскою и безъ обоевъ. Такія стѣны отъ времени до времени моютъ и скоблятъ, и это сообщаетъ комнатѣ чистоту шкатулки.

(2) Старинные люди вѣшали, или вдѣлывали въ стѣны, четыре креста въ свѣтлицѣ.

вянскую надпись: «храмина сія сооружена благочестивымъ рабомъ Божіимъ, полковникомъ Вѣникомъ, *року Божого 1760*». Не прошло, значитъ и столѣтія, а ужъ все кругомъ до такой степени измѣнилось! Выходите на *рундукъ* (1), срубленный изъ того же благороднаго дерева, видите широкій дворъ, обставленный раскидистыми каштанами; видите, въ промежуткѣ между каштановъ, отлогій скатъ къ пруду и за прудомъ водяную мельницу съ густыми, наклоненными къ водѣ, вербами; тутъ, подлѣ васъ, въ самихъ углахъ, образуемыхъ выступившимъ впередъ старосвѣтскимъ рундукомъ, выросли уже довольно старые клены, бросающіе густую тѣнь съ зубчатыми, трепещущими пятнами свѣта, на дубовый полъ подъ вашими ногами и позволяющіе только мѣстами рисоваться на немъ зигзагамъ столбовъ, подпирающихъ навѣсъ. Но липамъ какъ-будто объявлена была война строителемъ этого дома. На всемъ кругозорѣ усадьбы, въ саду, въ дубовой рощѣ, выглядывающей изъ-за плодовыхъ деревъ, и вдоль села, поднимающагося на отлогую высоту, по ту сторону пруда и мельницы, — нигдѣ не видно ни одной липы!

Не довѣряя глазамъ своимъ, вы спросите у хозяевъ, (какъ сдѣлалъ я и какъ дѣлали, безъ сомнѣнія, многіе другіе): «неужели у васъ въ Липовыхъ Пущахъ нѣтъ вовсе липъ?» И вамъ скажутъ, что даже въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ имѣнію, исчезли липовыя деревья. «Исчезли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благочестивый рабъ Божій, полковникъ Вѣникъ, повалилъ столько великолѣпныхъ деревъ для своей храмины!..» Вы невольно это подумаете, и вамъ представится варварскій стукъ топоровъ въ густой первобытной рощѣ, гдѣ раздавался до тѣхъ поръ только голосъ иволги, гдѣ ворковали влюбленныя горлицы, и дикія козы водили въ тишинѣ свои робкія семейства. По-крайней-мѣрѣ мнѣ живо представилась картина опустошенія со всѣми побочными обстоятельствами.

Панъ полковникъ пріѣзжаетъ на охоту въ липовый лѣсъ, пожалованный ему царскою грамотою за такіе и такіе, чинимые имъ надъ непріятелемъ, промыслы; пріѣзжаетъ онъ, разумѣется, не одинъ; разбиваютъ для *его милости* палатку; достаютъ изъ возовъ бочонки и провизію; варится въ котлѣ походная каша, *кулишъ*, съ жирной бараниной. Веселъ полковникъ и громогласенъ; никто такъ

(1) Крыльцо съ навѣсомъ.

громко не смѣется, какъ онъ, потому что никого нѣтъ здѣсь равнаго ему по сану и богатству. Онъ говоритъ больше всѣхъ, и всѣмъ его рѣчи доставляютъ истинное удовольствіе. Мѣсто ему очень нравится. Сквозь темную липовую зелень видна озаренная солнцемъ рѣчка въ камышахъ, и за ней, весь въ деревьяхъ и кустахъ, отлого идущій въ высоту берегъ.

«Построю тутъ *будинокъ*(*), — вскрикнулъ онъ вдругъ вдохновеннымъ голосомъ, — посажу слободу! На рѣчкѣ можно построить славную мельницу! Пускай у Панька *заболятъ печінки*, отъ зависти!» (Панькомъ онъ величалъ полковника нѣжинскаго полка, своего вѣчнаго врага, такъ какъ безъ непримиримой вражды къ кому-нибудь ни одинъ малороссійскій панъ прожить не можетъ). «Да, — продолжалъ онъ, — не будь я Вѣникъ, если не вгоню своего врага въ могилу этой усадьбой! Самъ гетманъ позавидуетъ моимъ *Липовымъ Пущамъ!*»

Это подаетъ поводъ къ отбиванію чоповъ у боклагъ и бочонковъ съ наливками и медами. Стукнулъ полковникъ съ своими гостями въ ковши и позабылъ о предпринятой охотѣ; поѣздка кончилась походною кашею и крѣпкимъ сномъ въ густой тѣни вѣковѣчныхъ липъ. Но, пробудясь, и возвращаясь домой въ пріятномъ изнеможеніи, панъ Вѣникъ не забылъ о мгновенно возникшемъ въ его умѣ предпріятіи. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію полковаго *осаула*, явились казаки на караулы, или какъ у нихъ говорилось, *на стойку* въ Липовый Пущи. Странное выбрано было мѣсто для стоянія пикетами: липовый лѣсъ, въ который проникали только женщины изъ сосѣднихъ хуторовъ за грибами. Но козакамъ было все равно: гдѣ стоять, то стоять. Они отвыкли уже брать отчетъ съ старшинъ на громадскихъ вѣчахъ, какъ было встарину. Они забыли уже, какъ нѣкогда ихъ дѣды и прадѣды вооружались на пановъ за то, что вольныхъ казаковъ употребляли на работы въ своихъ дворахъ, вмѣсто военной службы. Старшины, вышедшіе изъ среды, нагнули ихъ шеи подъ ярмо свое гораздо успѣшнѣе тѣхъ старыхъ пановъ, которые происходили отъ варяжскихъ князей и древнихъ полководцевъ княжнецкихъ.

Смиренно работали козаки на полковниковъ, какъ на законныхъ своихъ владѣльцевъ, и потому никому не показалось необычайнымъ

(*) Господскій домъ.

отданное полковымъ есауламъ приказаніе, чтобы *стойчики* явились на *стойку* не съ *мушкетами* и *списа́ми*[1], а съ топорами, пилами и долотами. Закипѣла работа и скоро все вокругъ измѣнилось въ Липовыхъ Пущахъ. Отъ стука и говора рабочихъ разлетѣлись иволги и горлицы; стройныя козы увели въ болотистыя низины и трущобы свое робкое поколѣніе; а полковничій домъ со всею обычною, по тогдашнему времени, обстановкою, воздвигся какъ бы какимъ чудомъ на очищенномъ просторѣ, среди густаго лѣса.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣжинскій Панько́ возгорѣлся новою завистью къ благоденствію своего непріятеля и подалъ протестъ въ генеральную канцелярію, что *якобы таковый и оный Вѣникъ неправдою осягъ* сосѣдствующее съ Липовыми Пущами и принадлежащее ему, нѣжинскому полковнику, рыболовное мѣсто. Дѣло, разумѣется, затянулось, и челобитчикъ умеръ, оставивъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство вражду къ поколѣнію Вѣниковъ и вѣрное средство спустить съ рукъ, черезъ суды, нажитое предками имущество.

Въ самомъ дѣлѣ, и гетманъ, запрошенный Вѣникомъ *на бенкетъ* въ новую усадьбу, позавидовалъ, не хуже Панька, прекрасному мѣстоположенію Липовыхъ Пущъ (ка́къ назывался и самый хуторъ), гдѣ, по его словамъ, заведя пасики, можно бы было получать чистый липецъ. Онъ удостоилъ даже молвить съ гетманскою небрежностью, что отдалъ бы за полковничій хуторъ свою нѣмецкую карету съ осмью длинногривыми лошадьми. Но полковникъ Вѣникъ не понялъ тонка́го намека и, имѣя въ Петербургѣ сильныхъ покровителей, спокойно продолжалъ удить рыбу въ широко-запруженной камышчатой рѣчкѣ, да попивать съ пріятелями меды и наливки.

И умеръ полковникъ Вѣникъ въ свою очередь, и пошло его любимое помѣстье изъ рукъ въ руки, по наслѣдству, даже до нашихъ дней, и мало-по-малу не осталось въ немъ ни одной липы на корнѣ. Но домъ сплоченъ былъ, видно, очень усердно козаками. Въ немъ подалась только крѣпкая дубовая подвалина, осадивъ едва замѣтно одну стѣну и покосивъ немного шестиугольные рѣзные косяки въ окнахъ; но липа, не смотря на свою мягкость въ работѣ, нигдѣ не далась шашелю и устояла противъ дождей, зноя

[1] Ружьями и копьями.

и вѣтровъ. Правда, снаружи домъ всегда былъ вымазываемъ такъ называемою зѣньковскою глиною (1) и, если бы не рѣзьба на *угластыхъ* дубовыхъ косякахъ оконъ и дверей, то казался бы каменнымъ. Внутри же его нагрѣвали большія старосвѣтскія печи изъ зеленыхъ выпуклыхъ изразцовъ, а вѣчная бѣготня слугъ, топотъ, говоръ, пѣніе гостей и дѣтскій крикъ и гамъ не давали завестись въ липовыхъ стѣнахъ разрушительнымъ шашелямъ, которые работаютъ всего дѣятельнѣе въ тишинѣ и неподвижности покинутыхъ людьми строеній и разрушаютъ дома, въ которыхъ долго еще могли бы жить люди.

ГЛАВА I.

Слобода, *осаженная* полковникомъ Вѣникомъ, прилегала къ рѣчкѣ, на которой онъ запрудилъ прудъ и построилъ мельницу. Заселеніе совершилось по зазыву, обычному въ то время. На ярмаркахъ на храмовыхъ праздникахъ, на многолюдныхъ свадьбахъ и вездѣ, гдѣ собирались толпы народа, являлись дворчане осадчаго и громогласно призывали поселянъ на слободу. Для того, чтобъ обратить на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самаго яркаго краснаго цвѣта съ золотыми галунами поперекъ груди, на подобіе петель, и съ такими же *усами* на перехватѣ, въ видѣ двухъ крестовъ. Въ рукахъ держали они высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная *корогóвка* (2). Всякъ, съ перваго взгляда, признавалъ въ нихъ *окличниковъ* и прислушивался къ ихъ кликамъ. Въ болѣе отдаленную старину такъ наряжались есаулы охочекомонныхъ полковъ; проѣзжая по селамъ съ хоругвями, они вызывали охотниковъ или *охочихъ козаковъ*, въ походъ на невѣрныхъ, а иногда, среди ярмарки, взгромоздивъ одинъ возъ на другой, выставляли они на этомъ подножіи полковое знамя, и, собравъ вокругъ себя народъ, читали съ этого возвышенія полковничье воз-

(1) До-сихъ-поръ въ Зѣньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи сохранилось искусство штукатурить дома съ особенною прочностью. Помѣщики сосѣднихъ уѣздовъ нанимаютъ Зѣньковскихъ женщинъ для штукатурки своихъ домовъ. Зѣньковская глина составляется ими на мѣстѣ.

(2) Небольшая хоругвь.

званіе. Во времена Вѣника охочекомонные полки не собирались болѣе въ окрестныхъ городахъ и селахъ; выдвинулись далеко въ степи за рѣку Орель полтавскія поселенія и заслонили собою внутренніе малороссійскіе повѣты отъ вторженія Татаръ. Національный обычай взывать къ народу посредствомъ есауловъ усвоенъ былъ осадчими ихъ окличникамъ, и, по старой памяти, окличники становили на ярмаркахъ телѣгу на телѣгу, а среди свадебнаго разгула или храмоваго праздника, взбирались на крышу ближайшей къ народу хаты, выставляли свою короговку и кричали: «на слободу! на слободу, добрые люди! У нашего пана богатѣютъ селяне днями, а не годами, ходятъ въ *саетахъ* (1), турецкими *килимами* (2) столы застилаютъ, сребромъ коней куютъ, сами золотыми подковами въ танцахъ побрякиваютъ!» Чѣмъ больше преувеличивалъ окличникъ благоденствіе селянъ своего пана, тѣмъ больше слушатели развѣшивали уши, хотя, разумѣется, знали, что это только игра словъ. Но любитъ народъ краснобайство про золотыя горы и, терпя нужду, воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ то, чего не имѣетъ. Поэтому, окличникъ, безъ зазрѣнія совѣсти, увѣрялъ, что на лугахъ у его пана ростетъ трава въ человѣческій ростъ, что рыба въ прудахъ и озерахъ сама лѣзетъ въ невода, что пшеница остается на поляхъ не сжатая, а жи́тняго *борошна* (3) никто въ глаза не видалъ. Все это выслушивалось со смѣхомъ, но безъ опроверженій.

— А сколько лѣтъ льготы отъ *чи́ншу* (оброка)? — спрашивали главы семействъ.

— Столько, — отвѣчалъ окличникъ, — сколько минуло его старшему сыну, — а минуло ему семь лѣтъ.

— *Поздоро́вить его, Боже*, — говорили поселяне. — Семь лѣтъ — слобо́да хорошая; за такую слободу не жаль принести добрый *ралець* осадчему.

Ральцемъ называлась добровольная дань отъ *рала* (4), приносимая поселянами землевладѣльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая и уменьшаемая.

---

(1) *Саѐтою* называлось тонкое англійское сукно.
(2) Коврами
(3) Муки.
(4) Главная часть плуга.

Узнавъ въ чемъ дѣло, и гдѣ слобода осаживается, и какія земли, и какія будутъ пастбища и водопои, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своемъ сосѣдствѣ, и вскорѣ начинали появляться на пустынной почвѣ, сперва — курени, а потомъ — хаты и хутора. Первые, явившіеся на мѣсто, выбирали для себя лучшіе *горбы* [1] для хаты и двора, лучшія *низины* для *пастовниковъ*, или *левадъ* [2] и огородовъ; а потомъ ужъ отводили *грунта* новымъ поселянамъ *громадскіе мужи*, наблюдавшіе, чтобы никому не было обидно въ займѣ низменныхъ прирѣчныхъ мѣстъ и чтобы чей-нибудь дворъ не былъ отрѣзанъ новымъ дворомъ отъ сообщенія съ водою. Эти громадскіе мужи, выбиравшіеся изъ стариковъ въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по величинѣ села, были полными вѣдателями всѣхъ интересовъ между *осадчимъ* и поселянами, ограничивая произволъ одного и внушая другимъ, что они должны и чего не должны исполнять по его требованію. Они же собирали подати въ казну и владѣльцу за пользованіе землею. Ихъ власть была велика, потому что они олицетворяли собою образъ мыслей и волю всего своего сословія и пала только со введенія въ Малороссію крепацтва, когда произволу помѣщика открылось безграничное поприще. Самое имя громадскихъ мужей позабыто съ обычаемъ, и только въ старинныхъ актахъ любитель старины встрѣчаетъ слѣды ихъ существованія, дивясь, какъ это гражданственность сдѣлала въ Малороссіи нѣсколько шаговъ назадъ со времени введенія, при Екатеринѣ Второй, новой системы управленія!..

«Но мы исторіи не пишемъ», — наше дѣло — вести повѣсть о томъ времени, когда Липовыя Пущи пана Вѣника дѣйствительно были еще Липовыми Пущами, о томъ времени, когда заселенная имъ слобода, сдвинувшись тѣснѣе своими хуторами отъ прибавки новыхъ хатъ и дворовъ, образовала наконецъ *село*.

Былъ уже очень старъ полковникъ Вѣникъ; уже давно полковничья булава висѣла въ свѣтлицѣ полковаго судьи, который, являясь съ нею передъ козаковъ и въ полковой судъ, заступалъ собой полковника и принималъ всѣ почести, слѣдующія полковничь-

---

[1] Хату стараются становить на возвышеніи, на горбѣ.

[2] За огородомъ у малороссіянъ отдѣляется особое огороженное мѣсто, пастóвникъ, или левада, для пастьбы телятъ или нужной всякую минуту скотины. Левады обыкновенно окружены, или усѣяны, купами деревъ, которыя сажаетъ сама природа.

ему званію. Не разъ носились слухи, что будутъ выборы полковые, по случаю дряхлости пана Вѣника, и что козаки вольными голосами выберутъ себѣ полковника помоложе — изъ полковыхъ старшинъ; но всѣ такіе слухи оканчивались толками. Панъ Вѣникъ, не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ изъ своей пасики, гдѣ у него была особая, удаленная отъ всякаго шума, хатка,—не смотря на то, что отпустилъ себѣ сѣдую бороду и похожъ былъ больше на пустынника, чѣмъ на начальника обширнаго округа козацкихъ поселеній, называвшихся вообще полкомъ, — удерживалъ за собою *столъ реймента́рскій* (1), и не къ полковому судьѣ являлись на *стойку* козаки съ косами въ косовицу, съ серпами въ жнива́ и съ топорами для хуторскихъ построекъ, а все-таки, по прежнему, къ пану Вѣнику, въ кото́рое имѣніе онъ назначитъ. Судья пользовался только ненужными пану полковнику рабочими, наравнѣ съ сотниками, которые, не мѣшая полковнику въ его повелѣніяхъ, довольно имѣли всегда молотниковъ, косарей, жнецовъ, плотниковъ и разныхъ мастеровыхъ изъ вольна́го козачьяго сословія, если мало оказывалось рабочихъ рукъ, назначенныхъ для подсосѣдковъ, пользовавшихся ихъ землями. Дряхлый пасичникъ, удалившійся отъ міра, ворочалъ всѣмъ полкомъ по своему произволу, хотя давно уже не ходилъ съ козаками въ походы и не водилъ ихъ, какъ другіе, на работу сѣверныхъ каналовъ и южныхъ крѣпостей, или, такъ называвшейся, *линіи*. Секретъ непоколебимости его власти состоялъ не въ преданности къ нему козаковъ: козаки давно уже не знали ни одного популярнаго имени между старшинами, такъ какъ выборъ только счита́лся вольнымъ, а въ сущности зависѣлъ отъ генеральныхъ старшинъ и гетмана; и всѣ полковые старшины, всѣ сотники и сотенное начальство были для нихъ уже не *батька́ми*, возвышенными на степень власти общею оцѣнкою ума и мужества, а помѣщиками, которыхъ власть, какими-то скрытыми отъ гражданъ путями, переходила отъ отца къ сыну до самого паденія грѣшной Гетманщины. Секретъ могущества престарѣлаго полковника заключался въ благоразумномъ его распредѣленіи, кому сколько возовъ гостинцевъ, укрытыхъ кожами, отправить ежегодно въ столицу, и какіе посылать подарки гетману и генеральнымъ старшинамъ къ новому году, въ день имя-

(1) Т. е. полковничество.

нинъ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Мудрое правило: *живи и жить давай другимъ*—соблюдалось полковникомъ Вѣникомъ до конца дней его, и перешла его полковничья власть къ сыну, котораго избрали въ полковники *полчане* единодушно по словамъ форменнаго акта, но который явился за полученіемъ булавы изъ Петербурга—въ башмакахъ, въ нѣмецкихъ коротенькихъ штанахъ, или, по козацкому наименованію, *галáнцях*, и въ парикѣ, обсыпанномъ, какъ говорили земляки, *бóрошномъ*. Но не о томъ рѣчь.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ,—не помню, въ которомъ именно году,—на полковничій дворъ въѣхалъ крытый, такъ называемый, *кованный* возъ. Въ такихъ возахъ козацкіе старшины совершали свои походы, наполнивъ ихъ одеждою, войлоками для палатокъ, запаснымъ оружіемъ, а, всего больше, саломъ, пшеномъ, солью и бочонками съ подкрѣпительною *ковúтою* (1). Кованными назывались эти возы потому, что покрыты были множествомъ желѣзныхъ бляхъ и скобокъ для предохраненія отъ пуль не только бочéнковъ, но и самихъ старшинъ, которые, изнемогши отъ движенія, а, пожалуй, и отъ подкрѣпительной оковиты, забивались между войлоковъ и спали въ своихъ возахъ безопасно, какъ въ крѣпостяхъ. Извѣстно, что козаки, застигнутые непріятелемъ на походѣ, дѣлали четвероугольникъ изъ возовъ, соединяя ихъ одинъ съ другимъ, посредствомъ цѣпей, и отбивались, изъ такой крѣпости до тѣхъ поръ, пока съѣдали всю свою провизію. Въ старину, возы служили убѣжищемъ только для раненныхъ. Здоровый старшина, спрятавшись въ кованный возъ, вышелъ бы оттуда на козацкихъ *списахъ*. Но съ того времени, какъ старшины начали падать, на голову *товáрйства*, изъ *паничей*, трусость ихъ не обращала на себя вниманія, и козаки въ бою управлялись не распорядительностью вождя, а тѣмъ инстинктомъ самосохраненія, который заставляетъ табунъ дикихъ лошадей строиться въ грозную толпу противъ нападенія стаи голодныхъ волковъ. Тогда-то устройство кованныхъ возовъ доведено было до послѣдняго совершенства, и *чóвенъ*, то есть кузовъ такого воза, составленный изъ воловыхъ шкуръ и листоваго желѣза, былъ дѣйствительно несокрушимою твердынею.

---

(1) Такъ называлась водка высшаго сорта.

И вотъ, этакой-то кованный возъ, съ высокою будкою сверху, съ толстыми *бушо́ванными* (1) колесами, запряженный не лошадьми, а дюжими волами, взъѣхалъ на полковничій дворъ и остановился противъ выступившаго далеко впередъ рундука, осѣненнаго *очере́тянною* крышею вмѣстѣ съ *подда́шьемъ* (2), которую поддерживали, вмѣсто карiатидъ, толстые, плоскіе столбы, вырѣзанные красивыми зигзагами. Вмѣстѣ съ кованнымъ возомъ, взъѣхало на дворъ и двое верховыхъ козаковъ, похожихъ другъ на друга лицомъ до того, что это каждому тотчасъ бросалось въ глаза, и невольно у каждаго рождался вопросъ: не родные ли они братья? Впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ уже въ лѣтахъ, тогда-какъ другой принадлежалъ болѣе къ *молодика́мъ*, или юношамъ, чѣмъ къ мужамъ (3). Солнце стояло уже на закатѣ. Въ красномъ его свѣтѣ засіяли, какъ на картинѣ, двѣ конныя фигуры, проѣзжая мимо бѣлыхъ стѣнъ полковничьяго дома и украшенныхъ рѣзьбою оконъ, сверкавшихъ круглыми стеклами. Младшій козакъ остался неподвижно на конѣ; старшій соскочилъ на землю и помогъ выйти, изъ крытаго кованнаго воза, старику воинственной наружности, но съ длинной сѣдой бородой, которую отпускали наши дѣды, сознавъ однажды навсегда свою дряхлость.

Все это рисую по преданію, не примѣшивая вымысла, и потому не могу прибавить ни одной черты въ дополненіе простой, такъ-сказать, *ля́паной* живописи старыхъ обычаевъ, которая сохранилась въ моемъ воображеніи, — живописи, въ родѣ картинъ, писанныхъ нашими неучеными малярами по воспоминанію о видѣнномъ, но не глядя на натуру. Все въ нихъ крупно, рѣзко, ярко и мѣстами уродливо, но тѣмъ не менѣе переноситъ воображеніе въ прошедшее и заставляетъ всматриваться въ подробности изображеній. Такъ и словесное преданіе рисуетъ намъ старину ляпаною живописью и многаго недосказываетъ, но рождаетъ въ умѣ живые образы, которые для насъ дороже наблюдаемой собственными глаза-

---

(1) Окованными желѣзомъ.

(2) Поддашьемъ называлась собственно часть брусьевъ съ карнизами, находившаяся подъ крышею (отъ стариннаго, вышедшаго изъ употребленія, слова — *даха*); но поддашьемъ называютъ обыкновенно лѣтнюю комнату, не имѣющую четвертой стѣны. Это—родъ углубленнаго въ домъ навѣса.

(3) Молодиками назывались вообще неженатые; но въ то время неженатыми и были только *молодики*.

ми дѣйствительности. Я, по крайней мѣрѣ, вижу, какъ наяву, этого высокаго, сгорбеннаго лѣтами, морщинистаго и закаленнаго жизнью на долгіе годы старика, который вылѣзъ, крехтя, изъ кованнаго походнаго воза и, опираясь на длинный *кéлепъ* (1), взошелъ тяжелыми ногами на дубовые ступеньки полковничьяго рундука. Остановясь подъ навѣсомъ, спускавшимся изъ подъ очеретянной стрѣхи хитро вырѣзанными, въ липовыхъ брусьяхъ, кривульниками, онъ оборотился лицомъ къ двору. Заходящее солнце обдало его своимъ вѣчно плѣнительнымъ свѣтомъ, вырисовывая въ тоже время сверху, надъ нимъ и по сторонамъ, зигзаги своехарактерной малороссійской рѣзьбы на архитравѣ и столбахъ рундука. Углубленіе навѣса все ушло въ синеватую, холодную тѣнь, изрѣдка разорванную яркой золотистой полоской или узорнымъ кускомъ пробившагося свѣта. Старикъ показался точно въ сіяющей рамѣ, сіяя весь на темномъ полупрозрачномъ фонѣ, съ своими сѣдинами, озолоченными солнцемъ, въ козацкой, перегнутой на половинѣ, шапкѣ, въ длинномъ кобенякѣ, въ большихъ сапогахъ изъ выношеннаго краснаго сафьяна и съ келепомъ, на который онъ положилъ обѣ жилистыя, изморщенныя руки, нагнувшись впередъ надъ этой опорой. Волосы его, по причинѣ старости, не были подстрижены и вылетались жидкими, сквозящими кудрями въ бороду, по которой замѣтными издали сѣрыми струями спускались два длинные уса.

Всѣ люди, которымъ на ту пору случилось быть на полковничьемъ дворѣ,—отъ сторожеваго козака, сидѣвшаго съ мушкетомъ у *камяни́цы* (2) съ запаснымъ добромъ пана полковника, до ключника, убиравшаго съ очередными стойчиками просушенную пшеницу въ амбары, — обратили вниманіе на старика, пріѣхавшаго такимъ необычайнымъ образомъ и остановившагося подъ навѣсомъ, на солнцѣ.

Постоялъ онъ съ минуту, не болѣе, какъ бы для того только, чтобы обвести глазами весь дворъ, съ окружавшими его хатами, съ приземистою камяницею, въ которой видно было всего только двое маленькихъ рѣшетчатыхъ оконъ по одну сторону двора, и съ деревянными, затѣйливо украшенными рѣзной галлерейкой, амбара-

---

(1) Палка съ насаженнымъ на нее молоткомъ въ видѣ топорика.

(2) Для безопасности отъ пожара, въ старину строились небольшія кладовыя камяницы изъ кирпича, съ желѣзными дверями и ставнями. Въ нихъ сберегалось все, что́ было подороже изъ одежды, оружіи и домашней утвари.

ми по другую. Стоя къ нему ближе, можно было замѣтить, по движенію нависшихъ на глаза бѣлыхъ бровей и легкому качанію головы, что все ему было по вкусу.

Дворъ былъ просторенъ, не засоренъ соломой или щепками, не заросъ репейникомъ, беленою или инымъ бурьяномъ, выростающимъ на смѣтникахъ и въ другихъ нечистыхъ мѣстахъ. Какъ ковромъ, устлана его ровная мурава, перекрещенная въ разныхъ направленіяхъ тропинками отъ безпрестанной ходни рабочаго народа. Одна часть этой зелени ушла въ холодную тѣнь отъ хатъ, амбаровъ, голубятни, садовыхъ деревъ, и все это вырисовало на ней свои верхушки удлиненными чертами; другая сіяла червоннымъ золотомъ, которое, изливаясь теплымъ потокомъ отъ запада, обдало всю лицевую сторону узорчатаго будинка, захватило одинъ бокъ камяницы, вырисовавъ все множество карнизовъ и зубчиковъ, окружавшихъ ей низенькую дверь и маленькія окна, прошло по садовому, выгнутому изъ березовыхъ палокъ, частоколу, превращая его въ легкую, сквозящую на зелени драгоцѣнную рѣшетку; потомъ поднялось по деревьямъ, перегнувшимся изъ-за частокола на дворъ. Маки въ ближайшемъ огородѣ загорѣлись огнемъ среди зелени, и всякая мелочь на землѣ, въ саду или на строеніяхъ, засіяла отъ прощальнаго взгляда солнца на покидаемую имъ природу, такъ что даже высокіе дымари, поднимавшіеся деревянными башнями изъ сѣней будинка и служившіеся постепенно по мѣрѣ приближенія къ крышѣ, и тѣ даже, не смотря на то, что вся наружная часть ихъ была покрыта сажею, залѣпившею отчасти и зубчатую рѣзьбу на доскахъ, и тѣ позолотились и вырисовались ярко-сіяющими островерхими башенками на потемнѣвшей лазури восточнаго неба, а жестяные пѣтухи, вывезенные пану полковнику изъ нѣмецкой земли въ видѣ флюгеровъ, не смотря на то, что имъ больше всего доставалось коптиться въ дыму, поворачиваясь на право и на лѣво, теперь казались чисто золотыми. На востокѣ свѣтился уже полукругъ луны, но закуренные дымомъ пѣтухи помрачали его своимъ блескомъ.

И въ такомъ-то сіяніи остановился передъ полковничьимъ домомъ кованный возъ съ дюжими волами, которыхъ крутые рога, костистые бедра, выгнутые мохнатые хребты и толстые, развалистые бока съ дыхательными углубленіями, выказались во всей красотѣ своей,—съ лошадьми, убранными и навьюченными по поход-

ному и верховыми козаками, отъ которыхъ, при всякомъ движеніи, ходила рѣзко рисовавшаяся тѣнь, ложась то поперекъ воза, то узкою, безконечною полосою по травѣ, то вѣрнымъ силуэтомъ по бѣлой стѣнѣ дома, точно примѣшавшіеся къ ѣдущимъ верховымъ новые верховые козаки.

Но вотъ одна, другая минута — и чары заходящаго солнца исчезаютъ. Весь дворъ со всѣми животными и людьми погрузился въ сумерки. Сѣрая тѣнь, точно какая-то стихія, залила сперва сіяющую мураву двора, потомъ поднялась выше, выше—по ступенямъ рундука, по рѣзнымъ дубовымъ косякамъ оконъ, по крышѣ, и уже только дымари съ золотистыми своими пѣтухами сіяли въ высотѣ, затмѣвая вырѣзавшійся явственнѣе прежняго мѣсяцъ. Кованный возъ, верховые козаки, старикъ, остановившійся подъ навѣсомъ — все это утонуло въ тѣни.

Долго сіяетъ, но быстро гаснетъ, украинскій день. Южная короткая ночь спѣшитъ воспользоваться своими правами, чтобы дать время соловьямъ напѣться, а молодежи наслушаться милыхъ рѣчей, которымъ нѣтъ мѣста днемъ и которыя приходятъ на языкъ только въ тѣни вишневыхъ садовъ, да подъ развѣсистыми вербами, да на опустѣлыхъ берегахъ рѣчекъ и прудовъ, когда смолкнетъ шумъ человѣческихъ работъ и поднимутся миріады голосовъ изъ благоухающихъ травъ и деревьевъ, изъ прозрачныхъ безднъ водянаго царства, и все сольется въ стройный хоръ, сладко волнующій молодыя, поэтическія чувства.

ГЛАВА II.

Но кто же этотъ старикъ, сопровождаемый двумя рослыми, статными, другъ на друга похожими, козаками? Подъѣхалъ онъ прямо къ крыльцу полковничьяго дома, въ знакъ своего равенства съ хозяиномъ, если не по сану, то по сословію и богатству: иначе онъ бы вышелъ изъ повозки у воротъ и пѣшкомъ приблизился бы къ панскимъ будинкамъ. Таковъ былъ обычай старосвѣтскаго общежитія въ Малороссіи. Не вошелъ онъ однакожъ прямо въ полковничью свѣтлицу. Сѣлъ онъ на скамьѣ, которая шла кругомъ всего рундука, оставляя только проходъ изъ двери въ дверь; подперся ке-

лепомъ, положивъ обѣ руки на чеканный серебренною насѣчкою топорикъ и опустилъ тяжелую отъ старости голову, покрывъ сѣдою бородою обѣ свои морщинистыя руки. Шевельнулъ онъ нависшею на глазъ бровью и понялъ его старшій козакъ, помогшій ему выдти изъ кованнаго воза. Наклонивъ высокую черную шапку, онъ вошелъ въ сѣни и скоро появился опять, провожая на рундукъ старушку, которая вышла къ гостю въ домашней кофтѣ изъ зеленой байки съ красными мушками и въ такъ называемой *кибалкѣ* на головѣ,—нѣчто въ родѣ клобука изъ темной, протканной золотомъ матеріи. Сѣдыя пряди волосъ, высунувшись изъ подъ шапочки, убирали точно кружевами ея бѣлое, панское, ласковое лицо, покрытое тонкими морщинами. Она поклонилась гостю съ уваженіемъ къ его полу, которое въ то время оставалось преимущественно за мужчинами, и назвала его, привѣтствуя, паномъ хорунжимъ. Панъ хорунжій приподнялся съ своего мѣста и, отвѣчая поклономъ на поклонъ и привѣтствіемъ на привѣтствіе съ медленностью, приличною его старости, которою онъ видимо гордился, назвалъ ее паніею сотничкою; потомъ обнялъ ее со всѣми знаками подобающей учтивости и напечатлѣлъ на ея мягкихъ щекахъ троекратный почтительный поцѣлуй.

Оказалось, что пріѣздъ его не былъ неожиданностью, что давно знали пана хорунжаго въ полковничьемъ домѣ, хотя много лѣтъ его не видали. Оказалось также, что пани сотничка была сестра полковника Вѣника, исправлявшая должность хозяйки дома со времени смерти полковницы.

Зналъ престарѣлый гость очень хорошо, что панъ полковникъ давно уже остается безвыходно въ своей пасикѣ, полюбивъ уединеніе, по обычаю всѣхъ старинныхъ людей, но не спѣшилъ къ нему, а вошелъ въ свѣтлицу, держась за руку, которую подала ему пани сотничка въ знакъ гостепріимства.

Посадила она гостя на почетномъ мѣстѣ, въ концѣ стола, который стоялъ подъ образами, покрытый старымъ ковромъ, а на коврѣ—большой хлѣбъ *и дробо́къ* соли, въ знаменованіе, что живутъ здѣсь люди гостепріимные.

Но прежде нежели сѣлъ панъ хорунжій на скамью съ высокою спинкою, завѣшенною косматымъ ковромъ, онъ поднялъ голову къ образамъ. А образа были все большихъ размѣровъ, кіевской живописи, и шли въ два ряда отъ главнаго угла, въ которомъ

стоялъ Богъ Отецъ съ скипетромъ и державою въ рукахъ, въ треугольномъ сіяніи на головѣ и съ Святымъ Духомъ на груди, отъ котораго лучи проникали въ извивы его бороды и развивались по облакамъ внизу иконы. Большая серебряная лампада, какъ церковное паникадило, озаряла яркія краски живописи, и, мѣшая свой свѣтъ съ полусвѣтомъ потухающаго дня, проливала желтыя лучи по выступамъ рѣзной обдѣлки оконъ, по завиткамъ и углубленнымъ буквамъ на сволокѣ, по блестящимъ зеленымъ изразцамъ большой печи, по многосложнымъ ея карнизамъ и колонкамъ и по точенымъ стульямъ съ высокими спинками, обитымъ желтымъ, поблѣднѣвшимъ отъ времени, сафьяномъ.

Остановился сѣдой гость противъ образовъ и, помолясь съ низкимъ старческимъ поклономъ, вынулъ изъ-за пазухи небольшой хлѣбъ, завернутый въ бѣлый платокъ съ красными мережками, развернулъ его дрожащими отъ старости руками и подалъ хозяйкѣ въ руки.

Хозяйка приняла съ уваженіемъ этотъ залогъ дружескаго общенія сосѣдей, поцѣловала и положила на столъ.

Что дѣлаетъ теперь простой народъ, то дѣлали въ то время всѣ, сохранившіе родные обычаи общежитія, дѣлали до тѣхъ поръ, пока молодое поколѣніе, образовавшись въ чужихъ національностяхъ и возвратясь домой въ парикахъ и чулочкахъ, предало осмѣянію жизнь предковъ, назвавъ ее мужичествомъ, не введя на то мѣсто ничего, соотвѣтствующаго гражданскому и бытовому развитію своего племени вообще и своего сословія въ особенности.

Оказалось (продолжаю свой разсказъ), что два козака, пріѣхавшіе съ старикомъ, были два его сына. Старшій изъ нихъ, у котораго на усахъ проступила уже сѣдина, — спутница охлажденія играющей крови,—остался вмѣстѣ съ отцомъ въ свѣтлицѣ, но сѣлъ поотдаль, на концѣ почетной скамьи.

Хозяйка заняла мѣсто по другую сторону прислоненнаго къ углу стола, и двое старыхъ людей, сложивъ руки на столѣ, почти симметрически другъ противъ друга, въ самомъ покойномъ для нихъ положеніи, повели тихую бесѣду о прошломъ, взаимно имъ неизвѣстномъ, что совершилось въ длинный промежутокъ между ихъ послѣднею и настоящею встрѣчею. А день между тѣмъ, совсѣмъ потухъ, и уже только свѣтъ лампады, падая сверху, обрисовывалъ ихъ выступавшія изъ мрака черты, ихъ сѣдины и старыя, утомленныя долгою жизнью, руки.

Слушатель ихъ не вмѣшивался въ разговоръ, хотя не сводилъ съ нихъ глазъ, скрестивши на груди руки и потупивъ слегка голову. Онъ могъ говорить только въ такомъ случаѣ, когда бы старики сами къ нему обратились.

— Сколько это лѣтъ мы не видались, панима́тко?—сказалъ гость, величая старушку, изъ учтивости, материнскимъ именемъ, хотя самъ былъ вдвое старѣе. Она отвѣчала ему съ той же учтивостью, дѣлая должный почетъ его преклоннымъ лѣтамъ:

— А будетъ больше двадцати, пано́тченьку!... Какъ же! Еще мой покойный панъ Игнатъ не ходилъ тогда въ *канальскій* походъ.

(Канальскими называли козаки извѣстные свои походы для рытія каналовъ).

— Охъ, походы, походы!—сказалъ старикъ, нахмурясь, и покрутилъ одинъ усъ такъ, что онъ изъ косы принялъ форму серпа. Но рѣчи старикъ не докончилъ, и выразилъ свою мысль только сердитымъ качаньемъ головы.

— Да,—продолжала пани со́тничка: погибъ и мой панъ Игнатъ, какъ садовый цвѣтъ на морозѣ!

— Что́ ты говоришь, панима́тко! А я слышалъ... мнѣ кто-то говорилъ, что панъ Игнатъ умеръ дома! Другихъ много тамъ сгнило и перегибло, а онъ—говорили мнѣ—воротился!

— Воротились только его кости, пано́тченьку! а тѣло и здоровье оставилъ тамъ. Однѣ измученныя кости воротились, чтобъ отдохнуть на цвинтарѣ (1) отъ канальской работы. Перенесъ,—Боже избавь, сколько нужды перенесъ на чужой чужбинѣ и привезъ домой только дыханіе въ тѣлѣ. Посмотрѣлъ на меня..., а глаза впалые... Боже, какіе глаза! благословилъ дочку и погасъ, какъ на снѣгу искра. Встрѣтила я его у воротъ съ немовля́ткомъ (2) на рукахъ: везутъ моего пана паровицею (3), какъ мертваго! Выѣзжалъ въ походъ на бодромъ конѣ..., пятьдесятъ золотыхъ заплатилъ въ Коронѣ..., и двое добрыхъ коней въ торокахъ шло, а воротился на чужомъ возу,—раскинулся на возу, лицомъ къ небу, какъ мертвый! Каково же было мнѣ его встрѣтить! И кони, и риштунки, и кованные возы, и саетовые жупаны, и самопалы, и

---

(1) На кладбищѣ.
(2) Не говорящимъ ребенкомъ.
(3) Парою воловъ.

сабли—все прохарчили козаки на той канальской работѣ (1)! Кормили ихъ тамъ не казною, а зневагою (2); богатѣли ихъ потомъ и кровью, и кто не сжилъ, таскаючись по болотамъ, то нищимъ домой воротился.... Увидѣлъ дочку и заплакалъ: «какая судьба твоя будетъ, что уже нѣтъ ни одного вольного козака на Украинѣ!..»

— Годи, годи, паниматко! годи, моя голубка!—прервалъ ее старикъ хорунжій. — ты безъ ножа рѣжешь мое сердце. Неужели ты не знаешь, гдѣ у меня всего больше болитъ? Скажи лучше, хорошо ли тебѣ у брата и почему не осталась ты на родномъ пепелищѣ?

— Какъ же мнѣ было тамъ оставаться? Пока покойный панъ Иванъ былъ живъ, на дворъ приходили очередные козаки, хозяйство шло по-людски; а какъ его не стало, то и подсосѣдки перестали слушаться. Я одна съ маленькой дочкой, а кругомъ—гайдамаки рыскаютъ.... До васъ, паночку, дошелъ слухъ, что они сдѣлали въ Миргородскихъ хуторкахъ?

— Такъ то-жъ не гайдамаки, голубко, а настоящіе Запорожцы.

— Никогда этому не повѣрю!—сказала съ живостью старушка.—Мой отецъ былъ запорожецъ; я знаю, каковы Запорожцы! Запорожцы боятся Бога, а эти изверги и Бога не боятся, и людей не стыдятся. Перерядились Татарами и заняли въ плѣнъ людей на продажу (3). Развѣ это запорожское дѣло?

— Эхъ, паниматко! не во гнѣвъ тебѣ, женскимъ розумомъ ты о военномъ народѣ судишь. Твой отецъ былъ изъ старыхъ Дорошенковскихъ запорожцевъ. Развѣ я не знаю твоего отца? Я знаю его лучше твоего. Онъ остался у насъ, между полчанами, въ то время, какъ Игнатъ Галазанъ, радѣючи царю Петру, пошелъ разорять Сѣчь... Тебя тогда и на свѣтѣ еще не было, а мы съ твоимъ отцомъ были молодиками. Онъ съ нами гулялъ у Лизогуба, да приглянулась ему Лизогубова дочка, твоя паниматка, такъ онъ и остался между Гетманцами, и чуприну свою запорожскую подрѣ-

---

(1) Въ просьбѣ гетмана Апостола къ графу Головкину: «Козаки, за дальними и трудными походами, оружія своего лишились». *Матеріалы для отечественной исторіи*, изданные г. Судѣнкомъ, т. I, стр. 57.

(2) *Зневага*—пренебреженіе, выражаемое оскорбительными поступками.

(3) Въ 1736 году, Запорожцы вмѣстѣ съ Татарами дѣйствительно захватили въ плѣнъ 700 душъ, сдѣлавши набѣгъ на хутора миргородскаго полка (Архивъ Н. А. Маркевича, № 379).

залъ и, раскинувши по головѣ, женился послѣ Шведчины. Такъ понимаешь ты разницу? Запорожцы хоть и воротились отъ Турка, какъ умеръ царь Петръ, да не съ добрымъ духомъ противъ нашего брата. И въ самомъ дѣлѣ, весело развѣ имъ смотрѣть на пановъ, которымъ роздалъ царь войсковыя земли безъ мѣры, рыболовни и мельницы безъ счету, за то, что ихъ поколотили и къ Туркамъ прогнали (*)?

— Да чѣмъ же народъ бѣдный виноватъ?—сказала панисо́тничка.

— Это, паниматко, старая пѣсня, что когда паны дерутся, то у мужиковъ чуприны трещатъ. Вотъ и мы всѣ: за кого терпимъ? За Мазепу. Мы не любили этого польскаго блюдолиза, а намъ посадили его на шею гетманомъ, и самъ же царь Петръ носился съ нимъ, какъ съ писанною торбою, и личманъ ему на шею съ своимъ образомъ повѣсилъ, и голубою лентою его, какъ дружка на свадьбѣ, перевязалъ, а послѣ съ нимъ задрался, а на насъ сердце согналъ. Мы первые подорвали Шведа, не давши ему ступить шагу спокойно, переморивши его холодомъ и голодомъ; мы своею кровью облили полтавское поле; безъ насъ не совладали бъ съ нимъ ни Шереметы, ни Меньщики; а насъ дѣлаютъ пріятелями Мазепы. За кого мы гніемъ и гибнемъ въ канальскихъ походахъ? все за Мазепу. Охъ, походы, походы! долго васъ не забудетъ Украина!

И старикъ застоналъ и поникъ головой, такъ, что борода покрыла его сложенныя на столѣ руки. Долго онъ оставался въ раздумьи: потомъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и продолжалъ спокойно:

— Такъ тебѣ, паниматко, не пожилось на вдовьемъ дворѣ? А славный дворъ былъ, и будинокъ не хуже полковничьяго. И церковь славную твой покойный мужъ выстроилъ: надъ самимъ прудомъ, на пригорѣ. Я былъ на освященіи. Подъѣзжаю: на горѣ церковь и въ водѣ церковь, на горѣ народъ и въ водѣ народъ, и сады и хаты, какъ въ зеркалѣ. Вѣдь отсюда близко. Братъ могъ бы тебя и отъ гайдамакъ оборонить, и очередныхъ козаковъ «отъ своего боку» посылать.

— Оно-то и та́къ, панотченьку,—отвѣчала старушка,—а вышло

(*) *Универсалъ* гетмана Скоропадскаго: «Понеже маетности, належные на чины енеральныхъ особъ, по змѣнѣ Мазепиной одойшли въ разныя владѣнія и утверждены жалованными монаршими грамотами», и пр. (Матеріалы изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 85).

иначе. Братъ разослалъ сыновей по московскимъ столицамъ: теперь уже такъ повелось, чтобъ дѣти дома не росли; теперь только и защиты нашимъ козацкимъ дѣтямъ, что подъ парикомъ да подъ нѣмецкимъ кафтаномъ. Дружатся и роднятся съ московскими панами, и только черезъ нихъ выходятъ въ панство: вотъ наши выборы вольными голосами! Только старые паны держатся еще на своихъ мѣстахъ по выборамъ, а новые полковники всѣ изъ столицъ посылаются.

— Да и то—какіе выборы, паниматко!—сказалъ хорунжій. Гетманская ласка, шашни—Генеральной Канцеляріи. Мы выборовъ не знаемъ съ того времени, какъ Мазепа купилъ себѣ булаву у князя Голицына за войсковыя деньги! Вотъ у меня два сына: перебывали и въ Туреччинѣ, и въ Польшѣ, и въ Пруссіи, заглядывали близко въ глаза непріятелю, довольно и добычи домой вывезли: могли бы, кажется, старшиновать надъ козаками. Нѣтъ, купи сотничество, поклонись этимъ фертикамъ, что набились въ гетманскую канцелярію, этому плюгавому бунчуковому и войсковому товариству, которое только и знаетъ буянить по всему краю, подъ гетманскою протекціею (1). Такъ не куплю же! чорта получите! Будетъ съ васъ и *протекціоннаго листа*, которымъ вы, какъ тютюномъ, торгуете (2);

---

(1) Это былъ родъ охранной грамоты, которую высшіе малороссійскіе сановники покупали у петербургскихъ сановниковъ, а люди незнатные—у Генеральной Канцеляріи. Такъ, жена гетмана Скоропадскаго, присвоивъ себѣ, по смерти мужа, войсковую собственность, объявила, что она въ Малороссіи не судима, *понеже имѣетъ грамоту протекціонную*. Такъ гетманъ Апостолъ, по просьбѣ епископа Бужинскаго, выдалъ свойственнику его, Михаилу Петрову, роменскому жителю, универсалъ, «пріймучи его въ протекцію гетманскую, дабы полковникъ, старшина полковая, особливо сотникъ роменскій съ урядомъ тамошнимъ, его до жадныхъ повинностей сотенныхъ не потягали». (*Матеріалы*, изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 16).

(2) Записка Теплова: «...чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы полку то ни было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ, а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. И такъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ... При гетманѣ Скоропадскомъ бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человѣкъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ: но, въ междугетманство, больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія надобна, что они нигдѣ, кромѣ гетмана, не судимы» (*Записки о Южной Руси*, т. II, стр. 191).

а сотничество — дѣло громадское. Не у всякаго глаза, какъ у васъ, безстыдны: покупной сотникъ *хуба въ собаки очей позичить*, явившись передъ товарищество! Да и что за счастье? Только на каналы да на линію козаковъ водить! Рейментарское дѣло, нечего сказать—погонять людей наземляной работѣ! Съ протекціоннымъ листомъ по крайней мѣрѣ дома будешь сидѣть... да и то не даютъ, окаянные!.., Охъ, времена! времена! ужъ не конецъ ли свѣту приходитъ!

Это было время послѣдняго разложенія такъ-называемой Гетманщины, то есть старыхъ гражданскихъ формъ, въ которыхъ существовала Малороссія, какъ отдѣльная, самоуправляемая, область. Съ паденіемъ Мазепы, началось быстрое уничтоженіе стараго порядка вещей извнѣ и казалось полное безсиліе поддержать его изнутри. Не смотря на то, что весь народъ и все войско, за исключеніемъ немногихъ тысячъ отважныхъ людей, вооружились противъ Шведовъ, не смотря на то, что общая ненависть къ Мазепѣ, усиленная еще больше извѣстною анаѳемою, обезсилила враговъ царя Петра задолго до полтавской битвы и что козацкіе полки больше всего остальнаго войска пролили крови подъ Полтавою, нашъ край былъ какъ бы завоеваннымъ. Отважное предпріятіе Мазепы открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія, созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу, имперіи, слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственной одному ему геніальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія Гетманщины. Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпораціи генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, — которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые раздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалѣть о паденіи Гетманщины. Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ

обстоятельствахъ, которыми сопровождалось выполненіе предначертанія великаго разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетманской булавѣ и оставшихся, послѣ приверженцевъ Мазепы, земель великороссіянамъ[1], въ противность коренному малороссійскому праву и притомъ со введеніемъ неслыханнаго въ Малороссіи закрѣпощенія свободныхъ поселянъ, повлекла къ безчисленнымъ притѣсненіямъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новыхъ владѣльцевъ, сильныхъ царскими милостями и посылавшихъ въ Малороссію своихъ управителей и старостъ, нѣмцевъ и великороссіянъ, какъ въ землю завоеванную. Въ лѣтописи Конисскаго, вѣрнаго историка своей современности, занятіе и управленіе новопожалованныхъ иноземцамъ имѣній въ Малороссіи описаны не чернилами, а кровью и слезами. Введеніе въ малороссійскій трибуналъ великорусскихъ членовъ, породило сцены насилій и ужасовъ, отъ которыхъ становится дыбомъ волосъ у историка. «Еслибы, говоритъ лѣтописное преданіе, перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мѣстѣ такъ названной Тайной Экспедиціи, то ударила бъ изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая на пыткахъ, по однимъ подозрѣніямъ (1).» Систематическое ослабленіе козацкой тактики и изнурительныя земляныя работы въ финскихъ болотахъ, работы, превосходившія своею тягостью великанскія сооруженія древнихъ Артаксерксовъ и Фараоновъ, быстро уменьшили народонаселеніе края и наполнили его кладбищами. Квартированіе войскъ великорусскихъ въ Малороссіи на военномъ положеніи, безъ всякихъ мѣръ къ ограниченію своеволія и бѣсчинствъ солдатъ, и произвольные сборы *порціоновъ* и *рацоновъ*, сопровождаемые безнаказанными притѣсненіями и грабежомъ, породили въ народѣ бѣдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбѣжаться. Не только лѣтописи, но и самые архивы, уцѣлѣвшіе отъ того времени, наполнены описаніями страшнаго произвола каждаго чиновника, каждаго командира и каждаго курьера, являвшагося въ Малороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссійскимъ ничего другаго не оставалось, какъ только ладить съ правительственными лицами въ Петербургѣ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдѣлался общею добычею тѣхъ и другихъ. Съ уничтоженіемъ выбора вольными го-

(1) Лѣтопись Конисскаго.

лосами, уничтожился страхъ общественнаго мнѣнія для начальствовавшихъ. На мѣсто его развилась канцелярская формальность и, какъ непроницаемымъ облакомъ, закрыла собою отъ народа правду на судѣ. Кто не падалъ въ это время подъ бременемъ нужды и притѣсненій, тотъ невольно клонился и падалъ душою подъ нравственнымъ гнетомъ повсемѣстнаго беззаконія. Все бѣдное, все смиренное и незнатное, приникло молчаливо къ землѣ и образовало отдѣльную, пассивную, націю; все стремившееся къ обогащенію, къ власти, къ знатности, насѣло сверху и образовало націю активную; а эта активность обращена была на составленіе связей съ богатыми и сильными, на угодничество опаснымъ, на захватываніе разными способами козачьихъ земель, на грабежъ и на насилія всякаго рода и на тяжбы съ сосѣдями за всякую мелочь, въ надеждѣ выиграть протори и убытки. Это было безобразное разложеніе стараго порядка вещей, подъ разрушительнымъ вліяніемъ дикой силы, которая воплотилась въ нравственный образъ лица и, за много десятилѣтій, а, можетъ быть, и вѣковъ впередъ, повелѣла тремъ безплодно враждовавшимъ славянскимъ націямъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ онѣ были, которая покрыла почву этихъ націй гніющею массою старыхъ формъ жизни, чтобы, подъ безобразнымъ ихъ гніеніемъ — незримо для современниковъ, но видимо для исторіи — родились новыя начала во славу благородства души человѣческой... И потому, безъ злобы къ мрачной старинѣ и съ сочувствіемъ къ ея бѣдствіямъ и мгновенно промелькавшимъ радостямъ, будемъ живописать картины народнаго быта, который уже никогда не повторится. Я люблю прошедшее, не увлекаясь фантазіями о золотомъ вѣкѣ, люблю такимъ, какимъ оно было, люблю за то, что оно *было*, ибо всякое бытіе есть поэзія.

Тихо сіяла въ липовой свѣтлицѣ лампада, повѣшенная на трехъ тонкихъ цѣпяхъ изъ мѣдной проволоки передъ образомъ Бога Отца. Старики вели свои длинныя рѣчи ослабѣвшими голосами. Представитель слѣдовавшаго за ними поколѣнія молча слушалъ. Его очередь говорить и быть выслушиваемымъ до послѣдняго слова — впереди; его старость недалека, и недалеко то время, когда онъ мало будетъ встрѣчать вокругъ себя старѣйшихъ.

Спокойно старушка ведетъ свою бесѣду съ гостемъ, не думая объ угощеніи: есть кому за нее думать. У нея есть, въ полномъ

цвѣтѣ лѣтъ, дочь, которая знаетъ о чемъ слѣдуетъ позаботиться по случаю пріѣзда гостей. Вотъ отворилась боковая дверь, и служанка, въ цвѣтахъ на головѣ, въ красныхъ монистахъ и вышитыхъ красными узорами бѣлыхъ рукавахъ, принесла восковую свѣчу и поставила на столѣ, съ низкимъ поклономъ престарѣлому гостю. За нею слѣдомъ вошла стройная высокая дѣвушка, держа въ рукахъ подносъ съ графинчиками и низенькими серебряными чарками. Еслибъ она и не отличалась отъ первой своимъ нарядомъ, то одна ея поступь, въ которой видно было что-то величавое, обратила бы на нее вниманіе каждаго. Въ движеніяхъ человѣка невольно выражаются его понятія о своей личности. Въ этой дѣвушкѣ, при всей мягкости и, вмѣстѣ, какомъ-то грустномъ оттѣнкѣ движеній, выражалось что-то самостоятельное, опредѣлившееся и навѣки сознанное въ глубинѣ души. Было что-то таинственное въ изгибахъ ея тонкихъ чорныхъ бровей, осѣнявшихъ нѣжно обрисованные глаза, которые какъ-будто стыдились своей выразительности, и, опускаясь безпрестанно внизъ, прикрывались длинными рѣсницами.

— — — — —

СИРОТИНА.

Не то́й сиротина,
Кого́ рі́дъ не зна́е,
У ко́го хати́ни
Й худо́би нема́е;
Не той сироти́на,
Хто хо́дить въ деся́тці,
У ко́го свити́на—
Вся—ла́тка на ла́тці....
Аби́ була́ въ ёго
Голова́, да ру́ки,
Любо́въ до народу,
Во́лі и нау́ки—
Вінъ не сироти́на,
Вінъ ро́дичівъ ма́е:
Вінъ Кра́ю дити́на
И Край ёго зна́е!
Вінъ — ча́до грома́ди:
Вона́ ёго лю́бить,
Щи́ро пова́жа́е
И щи́ро голу́бить!

Хто жъ всімъ коверзу́е,
Зневажа́ Краіну,
Свого́ не шану́е,
А слу́жить чужи́ні;
Хто въ кра́ще не вірить,
Душе́ю не рве́тця
Те́, що́ бу́де; змірить,
Й живе́ якъ живе́тця;
Хто пра́вди боітця,
Якъ — па́нська дити́на: —
Отто́й-то безрі́дний,
Отто́й сироти́на!
Тому́ тре́ба пла́кать
На се́бе-само́го;
Бо не привіта́е
Грома́да тако́го!

Олександръ Коніський.

ПИСЬМА

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 5-е.

О Никольскомъ пирѣ Хмельницкаго.

Думалось повести рѣчь о той шляхетской повѣсти, какъ молодой Богданъ бѣжалъ на Запорожье изъ Бродъ, отъ меча *какого-то пана Потоцкаго;* а пришлось остановиться еще на той исторической были, какъ бѣжалъ на Запорожье изъ Чигирина старый Хмельницкій, когда надъ его головою повисъ мечъ короннаго гетмана *Николая Потоцкаго*. Въ нынѣшній день мнѣ вспомянулся знаменитый *Никольскій пиръ*, заданный Богданомъ на утѣху Козацкой Украины, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ несчастливой битвы Кумейской. (Памятенъ былъ нынѣшній день и для Украины Княжеской, взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побесѣдовать съ вами сегодня о Никольскомъ пирѣ Богдана — и вотъ по какому поводу: въ вашей книгѣ онъ положенъ годомъ ранѣе, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиринѣ, а въ Суботовѣ; а я на такое назначеніе времени и мѣста не могу съ вами согласиться. Тамъ достопамятный пиръ устроенъ былъ для отобранія *штучнымъ способомъ* у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грамотъ; и какъ только онѣ очутились въ рукахъ Хмельницкаго, ему нельзя было уже ни одного дня оставаться на Украинѣ, и онъ поскакалъ съ ними на Запорожье на разсвѣтѣ 7 декабря, а прибылъ туда 11-го. И такъ между днемъ Никольскаго пира и днемъ прибытія Богдана на За-

порожье, прошло только 4 дня; а въ вашемъ повѣствованіи тѣ роковые два́ дня раздвинуты на цѣлый годъ. Противъ этого я представлю вамъ слѣдующія соображенія и доводы.

1) Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, не попустилъ бы ему оставаться цѣлый годъ на Украинѣ — съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тѣ королевскіе грамоты. При содѣйствіи всѣхъ Польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ Козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тѣ грамоты у Хмельницкаго, не *штучнымъ способомъ*, а просто насиліемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отцовское его наслѣдіе Суботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.

2) Самъ Хмельницкій, имѣя уже въ своихъ рукахъ вожделѣнную для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспѣшать къ достиженію своей цѣли; и не сталъ бы онъ безполезно маяться цѣлый годъ на Украинѣ, отдаваясь на тѣ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпѣлъ онъ — въ тотъ бѣдственный, *переломный* годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за́ что, а черезъ то лишить и Украину спасительной помощи, какая была у него и въ немъ.

3) Вы говорите, что Хмельницкій приступилъ къ похищенію грамотъ у Барабаша тогда, »когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули на Украину жолнѣры, а Барабашъ, потакая панамъ, казнилъ козаковъ смертью за малѣйшій ропотъ, для предупрежденія бо́льшихъ преступленій и заговоровъ, — тогда Хмельницкій понялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель Русскаго народа.« (I. 52).

Хорошо; но вы на все это даете только *десять* дней сроку, назначая Никольскій пиръ на 6-е декабря 1646-го года: вѣдь тотъ Варшавскій сеймъ, на которомъ королевское предпріятіе рѣшилось такимъ неудачнымъ концомъ, только *начался 25-го ноября* того года (I. 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ *1646* году, вы полагаете, что онъ данъ былъ въ *Суботовѣ*; а послѣ, когда этотъ хуторъ отнятъ былъ Чаплинскимъ, Хмельницкій, »потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попало, и собирался на Запорожье (I. 77)«. По этому представленію, вы говорите, что Хмельницкій, въ письмѣ изъ Запорожья къ комисару Шембергу, просилъ его »взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и *какой-то домикъ его въ Украинѣ*.« (I. 83). Но въ письмѣ Хмельницкаго къ Барбашу, того же числа *(27 декабря)* писанномъ, ясно сказа-

но, что тотъ домикъ былъ въ *Чигиринѣ;* тамъ и жилъ нашъ Чигиринскій сотникъ, по отнятіи у него Суботова; въ томъ дому Барабашъ, упившійся крѣпко на козацкомъ пирѣ, проснулся на другой день, когда хозяинъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабашу: »Тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдый тайная сердецъ людскихъ и всенародное Украинское стенаніе, удостоилъ мя по желанію моему слушнымъ способомъ зъ недишкретной неволи вашой вызволити и на вожделѣнну до Войска Запорожскаго свободу привезти оные привилеи королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбаченя, въ чомъ не выгодилемъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отъѣхалъ сюда на Запорожже безъ вѣдома и позволеня вашого.« (Величко. I. 33). Изъ этого пасмѣшливаго извиненія ясно, мнѣ кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденіи грамотъ, и объ угощеніи Барабаша въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отъѣздѣ на Запорожье — говоритъ какъ о происшествіяхъ *недавнихъ*, т. е. случившихся въ *декабрѣ того же 1647* года.

6 декабря.

ПИСЬМО 6-е.

Повѣсть о побѣгѣ Хмельницкаго изъ Бродъ.

Обращаюсь къ происшествію, которымъ начинается лѣтопись Величка и которое онъ заимствовалъ »зъ повѣсти певной шляхты Польской.« Я сказалъ въ письмѣ къ Погодину, что этой повѣсти совсѣмъ не слѣдовало бы принимать въ историческое повѣствованіе о Хмельницкомъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною, и полагаете, что еслибъ къ той повѣсти не былъ примѣшанъ разсказъ о Кодацкомъ событіи, то мнѣ — »не пришло бы въ голову сомнѣваться въ ея достовѣрности.«

Много значитъ, изъ какого источника выходитъ извѣстіе. Разсказъ о Кодацкомъ событіи, составляющій главную завязку той повѣсти, переданъ въ ней съ такимъ лганьемъ, что и остальная половина ея становится отъ того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменитый отвѣтъ Богдана Конецпольскому на Коданѣ 1639 года, перенесенъ въ повѣсти на молодость Хмельницкаго; вмѣсто Кодацкой крѣпости на Днѣпрѣ — поставленъ замокъ Бродскій; вмѣсто Конецпольскаго, Хмельниц-

кій отвѣчаетъ Потоцкому: »Ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаетъ, то тая жъ и зопсовати можетъ!« Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крѣпкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который тамъ и скончался, весною 1646 года.

Защищая остальную половину повѣсти, вы говорите: »правила исторической критики не требуютъ на томъ основаніи, что событіе предоставлено съ невѣрностями, отвергать его сущность, какъ скоро нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ.«

Но я отвергаю остальную половину повѣсти не по одному только подозрѣнію, падающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той *сущности*, которую вы извлекли для своего повѣствованія, вижу такую же передѣлку событія дѣйствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бѣжитъ на Запорожье отъ *какого-то пана Потоцкаго*, который, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ отрубить ему голову, на потѣху своимъ собесѣдникамъ (I. 43). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извѣстный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своею охотою казнить Украинцевъ, показанною имъ послѣ войны Кумейской. Этотъ короный гетманъ и хотѣлъ казнить Хмельницкаго въ исходѣ 1647 года, и уже далъ переяславскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнѣйшей резолюціи; но Кречовскій, по пріязни къ Хмельницкому, предостерегъ его, и тотъ бѣжалъ изъ Чигирина на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хмельницкаго—также точно, какъ и событіе Кодацкое, сплетенное съ нимъ въ одну повѣсть. Если бы и не было въ ней Кодацкаго событія, я и тогда усомнился бы въ ея достовѣрности — потому именно, что въ ней представленъ побѣгъ Хмельницкаго на Запорожье отъ меча Потоцкаго; — происшествіе столь же извѣстное, какъ и первое. Съ тѣмъ и другимъ *историческая критика* должна поступить одинаково; и я не отступилъ, кажется, отъ ея *правилъ*, признавая эту повѣсть баснословною въ обѣихъ ея половинахъ, отвергая равно и завязку и развязку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографіи Хмельницкаго, столь скудной извѣстіями о его молодости? Развѣ ту, что онъ служилъ *конюшимъ у какого-то пана*; если не у Потоцкаго, то хоть у Конецпольскаго. Но изъ такого мутнаго источника, какъ эта повѣсть, едва ли надежно взять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказаніяхъ, относящихся къ Хмельниччинѣ, современныхъ и

позднѣйшихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть не мало такого, съ чего нѣчего взять для повѣствованія *историческаго*. Вотъ, напримѣръ, хоть у того же Величка: какой живой разсказъ о томъ, какъ Чаплинскій взятъ былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Желтую-Воду, и тамъ обезглавленъ — въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ обозу Польскаго, »дабы врагъ м. . а и покою не лежалъ съ тѣми шляхетскими трупами, которыи зъ его причины тамъ на Жолтой-Водѣ свои отъ оружія козацкого всеобѣдственно положили головы«. (I. 64). И все это — выдумка!

7 декабря.

ПИСЬМО 7-ое.

О Цецорскомъ плѣнѣ и Черноморскихъ походахъ Богдана Хмельницкаго.

Приступаю къ главному мѣсту вашего объясненія. Вы говорите: »Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плѣнѣ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказалъ, что онъ былъ въ плѣну *недолго*, вмѣсто того, чтобъ сказать опредѣлительно: *два года*. Вѣря положительно Сѣрку, что Хмельницкій именно въ 1621-мъ году одержалъ надъ Турками побѣду на морѣ, Максимовичъ увидѣлъ, что по этому разсчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволѣ, а самъ Хмельницкій говоритъ о своемъ двухлѣтнемъ плѣнѣ; Максимовичъ смѣло прибѣгаетъ къ догадкѣ, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ прежде Цецорскаго дѣла и, какъ слѣдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію. Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ слѣдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ. Что дѣлать съ такимъ разнорѣчіемъ? Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго*, и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ: въ приведенной выше рукописи (1), подъ 1624 годомъ, я нашелъ извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самаго Константинополя. Полагаю, что

(1) Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad dien 18 Julii 1632 (Имп. Публ. Библ. кат. Польск. рукоп., отд. IV № 138.

морской походъ Хмельницкаго именно относится къ этому времени или ранѣе нѣсколько (въ 1624 г. козаки воротились, а воевать могли въ 1623), но не въ 1621 г., а въ письмѣ Сѣрка — просто ошибка, происшедшая можетъ быть отъ переписчика копіи этого письма. Но предположеніе, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина; во всякомъ случаѣ, думаю, что есть больше основанія допустить послѣднее, чѣмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ.«

Вы имѣли полную власть отдать своему предположенію преимущество передъ моимъ и назвать его болѣе основательнымъ; но за чѣмъ было вамъ обо мнѣ говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ *прежде Цецорскаго дѣла*, выставляю *фактомъ* не подлежащимъ сомнѣнію! Въ моемъ письмѣ къ Погодину, на 172 страницѣ Украинца, сказано такъ: »въ какіе именно года былъ онъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (вѣроятно, это было еще до 1620 года).« — Видите: *вѣроятно* — и только! Моя догадка предложена на утвержденіе или на отверженіе будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можетъ быть откроется, что Хмельницкій пробылъ два года въ неволѣ—спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы Цецорской! А пока откроется что-либо новаго и опредѣленнаго объ этомъ предметѣ, я признаю *достовѣрнымъ* и *положительнымъ* только то, что Хмельницкій самъ написалъ о себѣ—въ письмѣ къ королю, побѣжденному имъ подъ Зборовомъ: что онъ пробылъ въ плѣну *два года*; а *вѣроятнымъ* я нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чѣмъ поступилъ Богданъ на службу въ Низовое Запорожское Войско. Но этой *смѣлой догадки* моей никакъ не выдаю за *фактъ*, неподлежащій сомнѣнію.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, что »*предположеніе*, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина«; но не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморская побѣда Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена была *ошибочно*. Я вполнѣ вѣрю ему, что та побѣда была *именно 1621 г.* Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ принимали эту побѣду и называли ее *блистательною* (I, 44): это ясно видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II. 381) и Симоновскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Что же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ Сѣрка — *просто ошибкою?* Не ужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ *Компендіумѣ* нашли подъ 1624-мъ годомъ »извѣстіе, что ко-

заки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя?« Не ужели только эта находка дала вамъ увѣренность, съ какою вы говорите: »Полагаю, что морской походъ Хмельницаго *именно* относится къ этому времени, или нѣсколько ранѣе (въ 1624 году козаки воротились, а воевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ?« Другихъ основаній въ объявленіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ основательно ваше новое *предположеніе*.

1) Начать съ того, что вы нашли извѣстіе о такомъ морскомъ походѣ козаковъ, о которомъ давно извѣстно *положительно*, что онъ былъ *именно 1624* года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на примѣчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова Описанія Украины; тамъ на 138 страницѣ сказано: »въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, козаки пристали въ милѣ отъ Константинополя, опустошили загородные домы и мызы....« и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ *1623*-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляетъ Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походѣ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновенно въ одно лѣто, и къ зимѣ возвращались въ Запорожье.

2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, но не къ 1621-му году. Но развѣ нашли вы въ Компендіумѣ, что Хмельницкій былъ въ походѣ 1624 года? Кажется, ни откуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утвержденіе не имѣетъ достаточнаго основанія.

3) Но если бы и нашлось современное извѣстіе, что Хмельницкій дѣйствительно былъ съ морскомъ походѣ 1624 года, —это была бы новая прибавка къ его Запорожскимъ подвигамъ; а первая побѣда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же нерушимой силѣ, какъ она поставлена въ письмѣ кошеваго атамана Сѣрка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.

4) Вы отрицаете теперь побѣду 1621 года, называя ее въ письмѣ Сѣрка *ошибкою*... Ошибки въ годахъ встрѣчаются безпрестанно въ старомъ и новомъ лѣтописаньи Малороссійскомъ. Но — развѣ ошибся и Самуилъ Зорка въ своей надгробной рѣчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ громахъ, отъ которыхъ потрясались ясносвѣтная Сармація, и берега бурнаго Эвксинопонта, и самыя стѣны Царегр адскія, сказалъ: »особливе року *1621* (Вел. I. 291)?« Развѣ ошиблись и гет-

манъ Сагайдачный и король Жигимонтъ III-й, когда въ королевской грамотѣ, данной гетману послѣ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: »Посылаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000 битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей войсковой черни, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ *съ Хмельницкимъ* на понтѣ Эвксинскомъ.« (Вел. I. приб. 41) А вотъ и самая первая вѣсть о той козацкой побѣдѣ на Черномъ морѣ, записанная въ Дневникѣ Хотинской войны такъ называемаго Матѳія Титлевскаго.« *6 сентября.* — Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ нѣкій, который седмъ лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволѣ.... Онъ же козакъ и се возвѣщаше, что во обозѣ своемъ Турки проговорюютъ: дванадесятъ суденъ, узброенныхъ арматою на морѣ Евксинскомъ козаки емши потопиша, избывшіи же въ Константинополь убѣжаша, ихъ же даже до самыхъ стѣнъ града козаки гоняще, всѣхъ Цареградцовъ устрашиша; сея новины перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое жъ самое и Турки многіи, на стражѣ ятыи, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху,« (Вел. I. приб. 11).

Приведенныя три свидѣтельства (за которыя съ благодарностью вспомянемъ Величка!) подтверждаютъ показаніе Сѣрка о *1621* годѣ. Вамъ надо опровергнуть всѣхъ ихъ четырехъ свидѣтелей и пятого Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имѣть достаточнаго основанія.

Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побѣду Хмельницкаго я признаю такимъ же *достовѣрнымъ* фактомъ, какъ и *двухлѣтній* срокъ его плѣна. А какъ только я призналъ эти два историческіе факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плѣна напрасно полагается съ битвы Цецорской: она была въ октябрѣ 1620 года, слѣдовательно, только за *девять* мѣсяцевъ до побѣды Черноморской, этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себѣ: »Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *не долго* и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ.« Не вижу, чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, и на что вамъ нужно теперь это неопредѣленное *не долго*, вмѣсто опредѣленнаго самимъ Богданомъ: *два года!* Иное дѣло въ вашей книгѣ, гдѣ вы принимали и Цецорскій плѣнъ, и Черноморскую побѣду

1621 года: тогда вамъ необходимо было прибѣгнуть къ сокращенію двухлѣтняго плѣна, ибо другаго выхода вамъ не было. А теперь, когда вы переставили Черноморскую побѣду на три года впередъ (какъ нѣкогда Ригельманъ переставлялъ ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мѣшаетъ Хмельницкому выдержать *двухлѣтній* срокъ своего плѣна. Избѣгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измѣненіе двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ *Украинцѣ*, я обратилъ вниманіе на письмо Хмельницкаго къ королю, 1649 года,— и пояснилъ, какимъ образомъ изъ этого письма произошло мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ. Вы говорите въ возраженіе мнѣ: »По Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ *слѣдствіе* Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ.« Нѣтъ, это слѣдствіе выведено уже Польскимъ историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побѣды 1621 года. Въ письмѣ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службѣ своего отца и его смерти подъ Цецорою; а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о себѣ, начавъ съ своего плѣна, по освобожденіи изъ котораго поступилъ онъ въ войсковую службу; его рѣчь о своемъ плѣнѣ пришлась къ упоминанію о Цецорѣ, отнесящейся къ отцу: отъ того и кажется, что плѣнъ происходилъ подъ Цецорою. Но когда признаешь Черноморскую побѣду, тогда видишь, что здѣсь Цецорскій плѣнъ только кажущійся. Во всякомъ случаѣ, это такое мѣсто въ письмѣ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкованіе. Но тѣ слова его письма, что онъ »уведенный въ плѣнъ, содержался въ тюрьмѣ *два года*« — не подлежатъ никакому толкованію и разногласію: это чистый, ясный фактъ, который и слѣдуетъ принять изъ его письма прежде всего, и оставить нерушимымъ. Мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сдѣланное Коховскимъ. Но крайней мѣрѣ для нашего лѣтописанья онъ есть первый источникъ Цецорскаго плѣна, которымъ у него позаимствовался Грабянка для своей исторіи; а изъ нея это свѣденіе перешло и во Введеніе, придѣланное неизвѣстнымъ компиляторомъ къ лѣтописи Самовидца. За то же у нихъ нѣтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (то же у Бантыша-Каменскаго, и у того, кто написалъ *старыми словесы* повѣсть »О томъ, что случилось на Украинѣ«, которые прибавили еще и подробности, какъ молодой Богданъ въ Цецорской битвѣ показалъ *первые опыты* своей храбрости, ворвался далеко въ непріятельскій станъ, и прочая). Такъ смотрю я на происхожденіе и распространеніе мнѣнія о Цецорскомъ плѣнѣ; я отвер-

гаю его, какъ историческій призракъ подобный, разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія Козацкой Украины и представителя ея Богдана Хмельницкаго. Когда идетъ розыскъ о его жизни, для насъ важны свидѣтельства современныя, осмотрѣнныя и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ письма Запорожца Сѣрка. Прочтемъ же слова этого »витязя сильнаго« — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

»По немъ, року *1621*, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Чорномъ воюючи въ своихъ моноксилахъ, многіе корабли и катарги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулся; потомъ року *1629* братя наши Запорожци съ певнымъ вождомъ своимъ, воюючи въ чолнахъ по Евксинопонту, коснулися мужественно и самыхъ стѣнъ Константинополскихъ, и оные доволно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликій султанови и всѣмъ мешканцемъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторые одлеглѣйшіе селенія Константинополскіе запаливши, тожъ щастливе изъ многими здобычами до Коша своего повернули.«

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя подробности и самыя выраженія Сѣрка—*превеликій страхъ и смятеніе*, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка, ни у послѣдующихъ историковъ не былъ отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, что у Сѣрка подъ именемъ *певнаго вождя* разумѣется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походѣ. А если онъ былъ побѣдоноснымъ вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товарищество онъ поступилъ за нѣсколько лѣтъ до битвы Цецорской.

12 декабря.

ПИСЬМО 8-ое

О плѣненіи двухъ Кантемиричей, 1629 года.

Къ историческимъ призракамъ я отношу и плѣненіе двухъ Кантемировыхъ сыновъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хмельницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утвержденъ за нимъ большинствомъ Малороссійскихъ бытописателей; но въ Украинцѣ моемъ я передалъ этотъ подвигъ по

принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современныя о томъ свидѣтельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки *созвучіемъ* двухъ именъ. Вы, въ своемъ объясненіи, не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами мнѣніе, какъ сказаніе козака Самовидца »близкаго къ этому времени и, вѣроятно, видѣвшаго самаго Хмельницкаго: едва ли бы этотъ лѣтописецъ могъ обмануться созвучіемъ именъ.«

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ Хмельницкаго, напримѣръ, на похоронахъ Золотаренка въ Корсунской Рождественской церкви. Но сказаніе о поимкѣ Кантемиричей находится не въ самой лѣтописи Самовидца, а во Введеніи къ ней, котораго я не признаю уважительнымъ, ибо нахожу, что оно есть позднѣйшая выборка изъ исторіи Грабянкиной, написанной спустя полвѣка по смерти Богдана. Во Введеніи сказано: »Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій, при другихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Полс.омъ, двохъ Кантимировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и по латынѣ изученъ« (стр. 4). Это отголосокъ Грабянкина сказанія: »ходячи въ чамбулы, орду бивалъ и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1629 двохъ Кантимѣровъ живо до кроля привелъ (отъ которыхъ король много о тайныхъ замыслахъ Турецкихъ на Ляховъ извѣстился), чрезъ что мѣвалъ у кроля милость великую, бо былъ съ природы разуменъ и въ наукѣ языка Латинскаго бѣглый« (стр. 33). Посмотримъ теперь, какъ это происшествіе передано въ Лѣтописцѣ Ерлича, современнаго Богдану Хмельницкому. Тамъ сказано, что *Стефанъ Хмелецкій*, разбившій орду одинъ разъ подъ Тарнополемъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бѣлою-Церковью, въ 1629 году онъ, омѣстѣ съ козацкимъ гетманомъ Гришкомъ Чернымъ, разбилъ 8,000 татаръ подъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ одного убито, а другаго, живьемъ взятаго, королю отдали (I, 36). Тутъ дѣйствуетъ *Хмелецкій* (какъ и по другому свидѣтельству участника въ томъ походѣ, которое напечатано въ Старожитностяхъ А. Грабовскаго); а у Грабянки — тутъ дѣйствуетъ *Хмельницкій*.... Какъ же не признать, что это не иное это, какъ ошибочная замѣна перваго имени вторымъ? А какъ легко было случиться этой замѣнѣ, можно видѣть на той же 36-й страницѣ Ерлича, гдѣ поставлено одинъ разъ *Chmielecki*, а потомъ *Chmielnicki!* Такая описка и могла ввести въ заблужденіе нашего не слишкомъ осмотрительнаго историка Грабянку, и онъ принялъ подвиги *Хмелецкаго* за подвиги *Хмельницкаго*, измѣнивъ по-своему и подробности, т. е.

вмѣсто названныхъ опредѣлительно двухъ предыдущихъ побѣдъ надъ Татарами, Тарнопольской и Бѣлоцерковской, сказалъ общимъ выраженіемъ: орду бивалъ.... вмѣсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привелъ къ королю обоихъ живыхъ.... Въ моемъ первомъ письмѣ къ вамъ я представилъ, какъ историкъ нашъ Грабянка передѣлалъ по-своему сказаніе о Кодацкомъ событіи, взятое имъ очевидно у Коховскаго; а составитель Введенія къ лѣтописи Самовидца взялъ изъ Грабянки голую сущность этого сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: »Если въ лѣтописи Ерлича говорится объ участіи въ этой битвѣ Гришки Чернаго, то это развѣ исключаетъ Хмельницкаго?« Непремѣнно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* поставлено здѣсь только по ошибкѣ, вмѣсто имени *Хмелецкаго*, героя той битвы. Вы спрашиваете: »почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій?« Отвѣчаю: когда мы видимъ ясно, что имя Хмельницкаго замѣшалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже передъ нами *дѣйствительность* о Хмелецкомъ, то не слѣдуетъ и предполагать здѣсь *возможности* о Хмельницкомъ. Вѣдь это то же, что походъ, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромѣ того, Хмельницкій весьма могъ не участвовать въ походѣ Хмелецкаго, потому что онъ ходилъ тогда съ Запорожцами на море подъ Константинополь и задалъ тамъ *превеликій страхъ и смятеніе* — слова Сѣрка, которыя и въ вашей книгѣ отнесены къ Хмельницкому (I, 44), но съ перемѣщеніемъ ихъ отъ похода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумѣ, что »въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели множество плѣнныхъ Татаръ; а 11 ноября являлся къ королю Хмелецкій.« Что же? эта отысканная вами подробность служитъ только дополненіемъ къ сказанію двухъ современниковъ о побѣдѣ Хмелецкаго, и ни сколько не относится къ Хмельницкому.

Изо всего вмѣстѣ, для васъ — »кажется *достовѣрнымъ*, что съ козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года и представлявшими ему плѣнниковъ, находился Хмельницкій.« Но я и въ этомъ не вижу *достовѣрности*: она была бы тогда, когда бы въ Компендіумѣ поименованъ былъ *Богданъ Хмельницкій*. (Было нѣсколько *Хмельницкихъ* и въ гетманство Богдана.)

Изъ всего сказаннаго, для меня остается *достовѣрнымъ*, что побѣда надъ Татарами и Кантемиричами 1629 года вовсе не относится къ

Хмельницкому; она принадлежитъ *Хмелецкому* и тогдашнему его сподвижнику гетману *Черному*; а вмѣсто поимки Кантемиричей и представленія ихъ обоихъ живыми королю, будто бы *Хмельницкимъ*, справедливѣе вспомянуть тотъ случай, что въ 1646 году онъ отвезъ двухъ плѣнныхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это извѣстно изъ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Комиссіею).

15 декабря.

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантемиричахъ, слѣдуетъ еще такое свѣденіе о Хмельницкомъ: »Изваживши кроль его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити на Турчину за перешкожованую войну Московскую, будучую въ року 1635 (т. е. 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій региментъ морской всей арматы ему вручалъ.« Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

ПИСЬМО 9-ое.

О Введеніи къ Лѣтописи Самовидца.

Вы ссылаетесь на это Веденіе, какъ на свидѣтельство *самаго Самовидца*, современнаго Хмельницкому; а по моему мнѣнію оно составлено *кѣмъ-то другимъ*, должно быть тѣмъ же, кто написалъ продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. По этому разногласію, я считаю необходимымъ дѣломъ объяснить: на чемъ основано мое мнѣніе. Оно основано преимущественно на очевидномъ сходствѣ Введенія, отъ начала и до конца, съ Исторіей Грабянкиной, такъ что это Введеніе представляется мнѣ выборкою изъ Грабянкиной Исторіи, сочиненной около 1710 года. Преположить бы наоборотъ, т. е. что козакъ-самовидецъ прибавилъ впослѣдствіи къ своему *Лѣтописцу* краткое историческое *Введеніе*, а Грабянка распространилъ и пополнилъ его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ Введеніи и у Грабянки такія подробности, какихъ не могу предположить въ писаніи Заднѣпровскаго козака, современнаго Хмельницкому. Тотъ »*Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго*« обличаетъ въ своемъ сочинителѣ козака грамотнаго, бывалаго и разумнаго, но не книжнаго, писавшаго

по живому устному преданію, какое ходило въ козачествѣ о событіяхъ того времени. Ему ли было на старости вдаваться въ составленіе историческаго Введенія — отъ стараго Владиміра до современнаго Богдана! А Гадяцкій полковой старшина, *Григорій Ивановичъ Грабянка*, былъ человѣкъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и Польскимъ лѣтописаньемъ. Сочиняя въ молодые свои годы »*Исторію* о дѣйствіяхъ презѣльной брани«, — онъ не только поработалъ надъ исторіей козацкаго гетманства, но предпослалъ еще главу »о началѣ проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно же и о древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращенно.« За тѣмъ слѣдуетъ у него сказаніе: »како Малая Россія подпаде Лядскому игу«, начинающееся одушевленнымъ вопросомъ: »Откуду раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе?«

1) Съ этого сказанія позднѣйшій составитель Введенія и началъ свою выборку — отъ завладѣнія Кіевской земли *Гедимомъ* (т. е. Гедиминомъ) и до Желтоводской битвы, о которой у Грабянки сказано: »что ся стало року 1648 мая 2«; а во Введеніи: »что стало ся въ року 1648, мая 2 дня.« Могъ ли это написать козакъ-самовидецъ? Нѣтъ, у современныхъ людей, пищущихъ по живой памяти, не рѣко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни произшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская побѣда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ совсѣмъ не означить дней и чиселъ этихъ двухъ блистательныхъ побѣдъ, какъ они и дѣйствительно не означены въ его Лѣтописцѣ; но ужъ никакъ не могъ онъ здѣсь поставить *2 мая* вмѣсто 8-го. Это ошибка или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель Введенія, повторявшій и другія ошибки своего подлинника.

2) Такъ въ самомъ началѣ Введенія сказано, что со времени Гедимина, поставившаго въ Кіевскомъ княжествѣ намѣстника Миндовга, князя Ольшанскаго,—«Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олелковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ. Въ 1340 году, по смерти князя Олелковича, король Полскій Казиміръ I княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлилъ.« Это взято почти слово въ слово изъ Грабянки, который написалъ эту путаницу, не давши себѣ труда повѣрить и того, что чрезъ 260 лѣтъ по раззореніи Кіева Батыемъ въ 1240 году выйдетъ 1471-й годъ, въ которомъ дѣйствительно скончался обновитель Печерской церкви, Кіевскій князь Си-

меонъ Олельковичъ; а по смерти его, въ слѣдующемъ году, Казиміръ Ягеллович обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годомъ, въ которомъ этотъ король завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагаютъ, въ воеводство, называвшееся до послѣднихъ временъ воеводствомъ *Русскимъ*. Такимъ смѣшеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ *Русскаго* и *Кіевскаго*, не смотря и на приведенныя 230 лѣтъ послѣ Батыя, Кіевское княжество — у Грабянки, а за нимъ и во Введеніи, и еще въ нѣкоторыхъ писаніяхъ прошлаго столѣтія — обращается въ воеводство 1340 года, т.е. 130-ю годами ранѣе, чѣмъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVII вѣка оно полагалось вѣрно, *1471* года. Не знаю, почему въ вашей книгѣ оно положено *1476-го* (I. 4). Не опечатка ли это?

3) Грабянка въ своей исторіи, помѣщая любопытную »*Супльку* до всей Речи-Посполитой Полской отъ утѣсненнаго Ляхами народа Русскаго, поданную въ року 1632« ,—вспоминаетъ при этомъ, что »*и прежде* отъ всей Руси много челобитныхъ подавалось до королей Полскихъ, и князь Острозскій Константинъ Ивановичъ (нынѣ въ Печерскимъ зъ камеця выбитый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды суплѣковалъ« (стр. 34). Здѣсь ошибка Грабянкина состояла въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а назвалъ отца его, князя Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 1533 года. Составитель Введенія взялъ этотъ отрывокъ изъ Грабянки и помѣстилъ его вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго въ *1622* году, въ такихъ словахъ: »*Около сихъ годовъ* (!) князь Острозскій Константинъ Ивановичъ, котораго статуя въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародныя обиды Русскія супликовалъ до всего Сенату.« (стр. 4). Тутъ въ составителѣ Введенія обличается компиляторъ, совсѣмъ отличный и отъ козака-Самовидца, и отъ Грабянки.

4) Къ ошибкамъ Грабянкиной исторіи, перешедшимъ во Введеніе, я отнесъ уже—и Цецорскій плѣнъ Богдана, и поимку двухъ живыхъ Кантемиричей. Назову еще одну: это постановка въ гетманы Тараса и его Переясловщины — подъ *1628-й* годъ. Ошибка эта тоже повторялась не одинъ разъ въ послѣдующемъ Малороссійскомъ бытописаніи, до вашей книги включительно (I. 29). Но Тарасъ былъ гетманомъ послѣ Гришки Чернаго, слѣдовательно, послѣ 1629 г. Современный Львовскій

лѣтописецъ описалъ Тарасову войну подъ *1630-мъ* годомъ, который подтверждается и другими современными свидѣтельствами, напримѣръ, *Тератургимою* Аѳ. Кальнофойскаго, гдѣ описано чудесное событіе той войны, при осадѣ Печерской лавры Поляками и Нѣмцами. (Объ этомъ записано и въ Лѣтописи Львовской). Гетманство Тараса означено 1630 годомъ и въ томъ скудномъ списочкѣ гетмановъ, который составленъ Величкомъ (I. 24).

5) Этотъ списочекъ можетъ служитъ свидѣтельствомъ, какъ бѣдно было у насъ въ Малороссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, познаніе о козацкихъ Гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. — Но какая разница между Величковымъ списочкомъ и тѣмъ, что за десять лѣтъ до него собралъ и написалъ Грабянка! А во Введеніи прибавлено еще два гетмана: *Семенъ Перевязка* 1632 г. и *Булюкъ*, 1640 г. Предположить ли, что они поставлены были во Введеніи козакомъ-самовидцемъ, да Грабянка не захотѣлъ принять ихъ въ свою исторію? Но развѣ могъ козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, написать слѣдующее:

»1640 року былъ еще гетманъ козацкій *Булюкъ*, на которомъ Ляхи гетманство Запорожское окончивши, наслали козакамъ вмѣсто гетмана комисаровъ и вождовъ своея Лядскія державы, породы и вѣры....« и прочая (стр. 5)?

Нѣтъ, современникъ Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое гетманство было прекращено послѣ войны Остряницынской, что въ концѣ того *1638* года поставлены были надъ козачествомъ — комисаръ и полковники Польскіе. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что послѣ Остряницынской войны — »поставыша надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину Лядскія вѣры« (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватилъ немного, добавкою »сотниковъ и всей старшины« ; но сущность дѣла въ томъ, что составитель Введенія выключилъ это мѣсто изъ сказанія Грабянки о жестокихъ послѣдствіяхъ Остряницынской войны, и отнесъ къ прекращенію гетманства на *Булюкъ*, *1640* года.

Кстати: въ лѣтописцѣ Ерлича подъ *1630* годомъ поставлено: »W tymże roku znowu kozacy wojnę podnieśli, którzy pociechi nie otrzymali, którym dano szlachtę za pułkowniki, a za hetmana kommiszarza. Postanowiono aby 6,000 na usługę Rzeczy Pslitéj było« (I. 38). Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ Остряницынской, и что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто; ему слѣдуетъ быть въ концѣ *1638* года (I. 43), передъ кото-

рымъ говорится о войнѣ Павлюковой; но годъ этой войны тамъ ошибочно означенъ *1636*, вмѣсто 1637-го.

Что за гетманъ *Булюкъ?* По моему мнѣнію, это нашъ завзятый *Павлюкъ* (или Павелъ Михновичъ Бутъ), въ смутномъ представленіи Пуфендорфа явившійся гетманомъ *Балукомъ*. Величко первый у насъ воспользовался этимъ *Балукомъ* изъ Пуфендорфовой исторіи, напечатанной въ Русскомъ переводѣ 1718 года, и включилъ его въ свой списочекъ гетмановъ, въ замѣнъ недостающаго тамъ *Павлюка*, но поставилъ ошибочно между Тарасомъ и Сулимою, означивъ годъ его гетманства: *1631 или 1637*. Вскорѣ послѣ Величковой Лѣтописи, напримѣръ, въ томъ »Собраніи Гетмановъ« которое прилагается въ исторіи Грабянкиной, является *Булукъ* подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и *Павлюка* подъ 1637-мъ, а Семена Перевязки еще нѣтъ; во Введеніи являются уже и *Перевязка* 1632 г., и *Павлюкъ* 1637 г. и *Булюкъ* 1640 г., что повторяется и во многихъ послѣдующихъ писаніяхъ Малороссійскихъ. Кажется мнѣ, что эта прибавка можетъ служить примѣтою о составленіи Введенія — не ранѣе, какъ въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія.

6) Первые козацкіе гетманы у Грабянки означены въ такомъ порядкѣ: 1) *Предславъ Ланцкоронскій* съ 1506 г. 2) *Венжикъ Хмельницкій*— 1534 г. (1) 3) Князь *Дмитрій Вишневецкій*. 4) Князь *Евстафій Ружинскій*. 5) *Свѣргювскій*, 1574 г. 6) *Богданко*, 1575 г.

Этотъ порядокъ вѣренъ, и за него мы съ благодарностью вспомянемъ о Грабянкѣ. Но во второй четверти прошлаго столѣтія кто-то измѣнилъ этотъ порядокъ — напрасною перестановкою *Вишневецкаго* и *Ружинскаго* передъ Венжика Хмельницкаго, т. е. изъ *второй* половины XVII столѣтія въ первую (2). Въ такомъ безпорядкѣ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ »Собраніи гетмановъ« и остаются почти во всемъ дальнѣйшемъ Малороссійскомъ бытописаніи прошлаго столѣтія— въ лѣтописцѣ Рубановомъ, у Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана, и во всѣхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссіи въ довольномъ числѣ, на послѣдяхъ и на концѣ гетманства. Вотъ эта постановка князей Дмитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго передъ Венжика

(1) Въ Кіевскомъ изданіи ошибочно напечатанъ 1514 вм. 1534.

(2) Подобныя перестановки гетмановъ дѣлались у насъ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ *Иванъ Петрижицкій*, бывшій гетманомъ въ *1632* году (какъ извѣстно по его универсаламъ) — у Ригельмана и въ Хронологіи гетмановъ переставленъ за полвѣка назадъ, передъ гетмана Шаха!

Хмельницкаго, т. е. до 1534 года, находимая и во Введеніи къ Лѣтописи Самовидца, служитъ мнѣ новымъ показателемъ, что оно составлено въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія, когда прибавлено къ этой лѣтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для поясненія и оправданія моего мнѣнія.

17 декабря.

ПИСЬМО 10-е.

О похищеніи королевской грамоты у Барабаша.

Въ дополненіе къ предыдущему письму, надо мнѣ разобрать еще особенный случай, который представляетъ рѣзкое различіе между Введеніемъ и самою Лѣтописью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это — похищеніе Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барбаша. Во Введеніи сказано: »...какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ, Хмельницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время (крестинъ) дитины его воспріемникомъ бывшаго, и вычиталъ предъ козаками, и усовѣтовалъ ступать на Запороже, и рушилъ декабря 7 дня 1647 года« (стр. 6). Это очевидное извлеченіе изъ сказанія Грабянки. Но въ лѣтописи Самовидца, отмѣнно отъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и позднѣйшихъ сказаній, вмѣсто Барабаша поставленъ Ильяшъ Переясловскій, и Хмельницкій у него похищаетъ королевскую грамоту, хранившуюся въ Переясловѣ. Ригельманъ такъ уладилъ дѣло, что заставилъ Хмельницкаго звать къ себѣ въ гости и Барабаша и Ильяша, и посылать гонцовъ за грамотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не рѣшаетъ намъ спорнаго дѣла. Предположить бы такъ, что Самовидецъ, написавши сперва сказку объ Ильяшѣ, во Введеніи поставилъ настоящую быль о Барабашѣ; но тогда бы онъ выбросилъ изъ своей лѣтописи сказку объ Ильяшѣ, или же какъ-нибудь оговорился, какъ, напримѣръ, Величко въ своей лѣтописи, приводя сказку о Тимошѣ Хмельницкомъ: »же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвѣсилъ« (I.14).

Вы, въ своемъ объясненіи, желая согласить сказаніе Введенія о Барабашѣ и сказаніе самой лѣтописи Самовидца объ Ильяшѣ, говорите: »Я понимаю дѣло такъ, что здѣсь говорится объ одномъ лицѣ, именно

о Барабашѣ«. Съ этимъ заключеніемъ вашимъ нѣтъ возможности согласиться; ибо слишкомъ ясно и опредѣлительно сказано въ лѣтописи объ *Ильяшѣ*, значномъ козакѣ *Переяславскомъ*, хранившемъ грамоту въ *Переяславѣ;* и нѣтъ никаго вѣроятія, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, могъ объ этомъ старшинѣ и о Барабашѣ Черкаскомъ говорить какъ *объ одномъ лицѣ*: то были два старшія лица въ тогдашнемъ козачествѣ! Но ваши слова, что здѣсь говорится — »именно о Барабашѣ« — заставили меня передумать это дѣло и рѣшить его зáново.

Невозможно, чтобы современный Хмельницкому козакъ-лѣтописецъ не зналъ, что королевская грамота похищена Хмельницкимъ — *именно у Барабаша*, въ Черкасахъ. О томъ самъ Богданъ, спустя полгода, объявилъ всему Малороссійскому народу, въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, говоря такъ: »Теды я Хмельницкій, взявши Господа Бога на помощь, и одобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привиліе королевскіе, мусилемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло.« Какъ же можно было козаку-самовидцу написать въ своей лѣтописи такую небылицу, будто Хмельницкій отобралъ грамоты — у Ильяша Переяславскаго? Нѣтъ, онъ въ своей лѣтописи не могъ написать такой чепухи о дѣлѣ общеизвѣстномъ; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*, — а какой-нибудь проказникъ переправилъ *Черкасы* на *Переяславъ*, а имя Ивана *Барабаша* на *Ильяша*, отчего и стало: зъ *Иваномъ Ильяшемъ*....«

Подобную штуку я замѣтилъ уже прежде на извѣстномъ спискѣ 15-ти полковъ (вмѣсто 16-ти), на которые раздѣлилъ Малороссію Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждого полка сохранились у Коховского. Какой-то проказникъ въ прошломъ столѣтіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ:

Въ Черниговскомъ — вмѣсто 996 — *9,096!*
Бъ Нѣжинскомъ — вмѣсто 983 — *9,083!*
Въ Кальницкомъ — вмѣсто 2,046 — *6,046!*

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, напечатанный въ Лѣтописцѣ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи — Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Срезневскаго, Маркевича!...

Такъ-то вышло и съ похищеніемъ грамоты — у *Ильяша*, изъ *Переяслова*: съ этими именами разошлась лѣтопись Самовидца во многихъ

спискахъ по Малороссіи. Такой же списокъ ея былъ и въ рукахъ Грабянки, ибо онъ въ свое сказаніе о похищеніи грамоты у Барабаша прибавилъ еще грамоту — »на робленіе суденъ водныхъ, данную королевскому зычливцу Илляшу Переясловскому!« Но извѣстно положительно, какъ и въ вашей книгѣ означено, что грамота королевская, въ которой дозволялось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяша доставалось совсѣмъ другое: полученіе и исполненіе приказанія сжечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспѣло намъ дѣло до Ильяша Караимовича Переясловскаго, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ лѣтописи Самовидца, отнять у него королевскія грамоты и передать ихъ по принадлежности — *Ивану Дмитріевичу Барабашу* и женѣ его *Агаѳіи*. Черкасскому старшинѣ не посчастливилось и въ лѣтописи Ерлича, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войцицкимъ 1853 г. Тамъ, при сказаніи о королевскомъ позволеніи и денежномъ вспоможеніи на построеніе челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: »давши имъ и ихъ старшему, по имени *Дорошенкови*« (I. 52). Это явная ошибка: Дорошенко — вмѣсто *Барабашенка*.

По изложенному мною соображенію, я предлагаю возстановить подлинное чтеніе лѣтописи Самовидца такимъ образомъ:

»Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ; и у писмѣ вѣжливый, и часто у двора кролевского въ поселствѣ будучій; и подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ Черкасскимъ зъ *Иваномъ Барабашемъ* (а той *Барабашъ* барзо зычливый королеви его милости), и упросили писмо албо привилей на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ *Черкассахъ*.« И далѣе: »...бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того *Барабаша*....«

Согласны ли вы признать такое чтеніе, и тѣмъ порѣшить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ лѣтописаньи? А что въ драгоцѣнной Лѣтописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подъ конецъ 1656 года поставлено: »Тылко тое войско зостаючое къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмельницкого Тимошемъ на помочъ господареви Волоскому, тестеви его Василеви Липулу...« и т. д. (стр. 26). Ясное дѣло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто,

конечно, при позднѣйшей переписке лѣтописи; ему слѣдуетъ быть подъ 1653 годомъ.

Подъ 1657 годомъ сказано: »Але Выговскій... высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Стародубовскій* у повѣтъ Полтавскій на залогу« (стр. 28). Здѣсь, по моему примѣчанію, Стародубовскій полкъ поставленъ обмолвкою; ибо этого полка не было еще въ 1657 году; онъ установленъ уже въ *1663-мъ* году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лѣтописи надо поправить такъ: »...высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Черниговскій*«.

20 декабря.

ПИСЬМО 11-е.

О сотничествѣ Хмельницкаго.

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно мѣсто вашего объясненія — о *сотничествѣ* Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ *писарствѣ*. Тутъ вы позабавились надъ тѣмъ, что Богданово сотничество я назвалъ — *скромнымъ званіемъ*. Вы говорите: »Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій послѣ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ званіи сотника, то въ промежуткѣ отъ 1637-го до 1648-го года онъ могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Конискій, какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ.«

Шутки въ сторону, а дѣло вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вашей книгѣ о Хмельницкомъ слѣдующее мѣсто: »Онъ получилъ въ ней (т. е. въ службѣ реестровыхъ козаковъ) чинъ *сотника*, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые, *генеральнаго писаря*.« (I. 44). *Какъ говорятъ нѣкоторые*—и при этой оговоркѣ — ссылка только на двухъ позднѣйшихъ писателей, *Миллера* и *Конискаго:* это показалось мнѣ требующимъ подтвержденія, что Хмельницкій дѣйствительно былъ войсковымъ писаремъ, и опредѣленія, когда именно былъ онъ въ этомъ званіи, что и сдѣлано мною въ Украинцѣ: я назвалъ Миллера и Конискаго только потому, что вы на нихъ двухъ

сослались; будь у васъ еще и *Коховскій*, у меня сказано было бы, что вы ссылаетесь на трехъ свидѣтелей; но ваши оговорки (»какъ говорятъ нѣкоторые«) все таки заставили бы меня опредѣлять: когда же именно Хмельницкій былъ писаремъ? Оказалось, что не было той постепенности, какую и вы дали, что былъ онъ сотникомъ сперва, а *потомъ* занималъ мѣсто въ войсковой старшинѣ, въ званіи писаря. Такъ представлять могъ Миллеръ, оставлявшій его писаремъ до самаго гетманства; но въ старой коваччинѣ не разъ случалось, что полковникъ становился сотникомъ и просто — *товарищемъ*. По моему примѣчанію, Хмельницкій сталъ войсковымъ писаремъ *по взятіи Павлюка* подъ Боровицею, т. е. въ половинѣ декабря 1637 года; это видно мнѣ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ »Писарь Богданъ Хмельницкій«; а до той поры, въ продолженіе Павлюковой войны, были войсковыми писарями — прежній *Ѳедоръ Онушкевичъ*, а потомъ *Иванъ Догоринскій*. Опредѣливъ такимъ образомъ, когда началось писарство Хмельницкаго, я замѣтилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, ибо подъ конецъ Остряницынской войны, т. е. въ половинѣ слѣдующаго 1638-го года, былъ уже другой войсковый писарь, а Богданъ Хмельницкій остался попрежнему — *Чигиринскимъ сотникомъ*. Былъ ли онъ въ другой разъ войсковымъ писаремъ, на это нѣтъ у меня въ виду современныхъ, опредѣлительныхъ извѣстій. Возможности къ тому — я не отрицаю, но дѣйствительности — не вижу, потому и не признаю. А между тѣмъ вижу, что Хмельницкій и подъ конецъ своей до-гетманской жизни былъ въ званіи *сотника*, напримѣръ, въ 1647 году, когда онъ *съ своимъ полковникомъ* ходилъ изъ Чигирина противъ Татаръ. Величко, писавшій подъ вліяніемъ Дневника Зорки, говоритъ, что Хмельницкій былъ *на тотъ часъ сотникъ Чигиринскій*. А всего важнѣе для меня, что Козакъ-Самовидецъ знаетъ его и называетъ *Чигиринскимъ сотникомъ*. Вотъ почему я и оставляю его въ этомъ званіи, съ половины 1638-го и до конца 1647-го, не имѣя еще *положительнаго* извѣстія, чтобы онъ въ промежутокъ этихъ лѣтъ *былъ* войсковымъ писаремъ.

Вамъ непремѣнно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ пріѣзду канцлера Осссолинскаго, Хмельницкій былъ не сотникомъ, а войсковымъ писаремъ. Вы говорите: »И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкій занималъ чинъ войскового писаря въ то время, какъ Оссолинскій велъ съ нимъ и съ Барабашемъ переговоры. Иначе странно было бы предположить, чтобы канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, для котораго нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество,

обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послѣ неудачной развязки Владиславова предпріятія, возвратился въ свою сотню.«

Ничего *страннаго* не вижу я въ предположеніи, что Оссолинскій, когда ему нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ *сотниковъ* не было ни прежде, ни послѣ, въ Украинѣ Козацкой.... Что могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествѣ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто *товарищемъ* Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ порученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомнѣнія, онъ первый въ козачествѣ былъ на примѣтѣ. Оссолинскій, какъ сказано въ вашей книгѣ, довѣрилъ тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще нѣкоторымъ козакамъ. Въ какомъ же чинѣ предстали тѣ козаки на совѣтъ канцлера? Ужь вѣрно, не старше сотницкаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подъ конецъ Остряницынской войны, наряженъ былъ тогда въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго Войска; а тутъ, въ пріѣздъ канцлера къ козакамъ, съ тайнымъ порученіемъ отъ короля, мало Хмельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили все— для Владислава; и Оссолинскаго, и для козачества добавлю вашими словами: »самъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія....« И такъ—пока не откроется современнаго свидѣтельства, что Хмельницкій въ сороковыхъ годахъ былъ войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званіи — Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подъ конецъ его догетманской жизни.

М. Максимовичъ.

21 декабря, 1860 года.
Михайлова-Гора.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКА

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЪ ШКОЛѢ И ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ДОМОЙ.

.... Погрозилъ мнѣ отецъ пальцемъ, и я онѣмѣлъ.... Хома началъ было уговаривать меня итти въ хату, но я не слушался; Хома хотѣлъ увести меня насильно, но я схватился обѣими руками за ворота..... И все смотрѣлъ я и смотрѣлъ на удаляющагося.... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто что́ оборвалось.... Я застоналъ и, рыдая, повалился въ снѣгъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату, или пусть тутъ броситъ!...

Добрый Хома внесъ въ хату, и, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убѣждать; но я отворотился отъ него.... И рыдалъ я до тѣхъ поръ, пока не стало ни слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди.... Затѣмъ истощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ.... Спустился, наконецъ, благодѣтельный, на измученную скорбію мою душу и успокоилъ ее осиротѣлую забвеніемъ всего и всѣхъ....

Проснулся я только передъ ужиномъ, и проснулся бодрый, веселый, много болталъ.... Такъ ночь послѣ томительнаго, знойнаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освѣжительною росою.... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидѣлъ, что не Васька стелетъ мнѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не *попестивъ* (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ.... И когда я услышалъ еще слова Усти: »На що́ ему сте́лешъ, вкладаешъ, якъ маленьку дитину? Хіба́ не чувъ«, говоритъ, »що татусь проси́въ до всего привча́ть!« , и слова хозяйки: »Себе́ знай, ледача!« слова, повѣявшія на ме-

ня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе,—слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо припоминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свѣтлицѣ... то образъ удаляющагося и грозящаго мнѣ пальцемъ отца... нѣтъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ!... »Поки́нули мене́, всі поки́нули!...«

Таковъ былъ первый день перваго моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слѣдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь мнѣ видѣлись: то столъ, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: »А какъ«, говоритъ, »Авраамъ хотѣ́лъ убить Исаака?« то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхкающій мнѣ подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, всѣмъ толкующая: »Нехáй самъ привикá, нехáй до всёго привикá!« —и я сжимался и сжимался, какъ-будто спрятаться хотѣлъ въ постели, вскрикивалъ со сну....

Но не покинули меня, не покинулъ меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ, — на лавкѣ сидитъ и разговариваетъ съ хозяйкою и съ Хомою.... Всѣ сны, всѣ страданія забыты.... »Батюшка!« и, какъ былъ въ постели, къ нему, прижался къ колѣнямъ, охватилъ обѣими руками....

— Що се, що се!.. таки́й вели́кий, та пести́тьця!...

А между тѣмъ одну руку мнѣ на шею, прижимаетъ къ колѣнямъ, а другую на голову, тихо гладитъ....

— Голóвка не боли́ть?

»А мáма де?« поднявъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Я дóма не бувъ....

Снова опустилъ голову и еще крѣпче прижался къ его колѣнямъ, а онъ снова....

»Нѣтъ, говорю, не болитъ!...«

Кажется, не повѣрилъ, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности лѣвый бокъ, около сердца....

— Мóже ти, говоритъ, плáкавъ?... Чи ни плáкавъ, вінъ?—къ Хомѣ, хозяйкѣ, Устѣ....

Устя захохотала... я и дыханіе притаилъ когда-то, когда я учился еще у дяди, высѣкъ онъ меня больно за слезы подобнаго рода!

Старикъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомѣ.

»Ні, не плáкавъ!« ответилъ добрый Хома: »чого́-бъ же ёму́ плáкать?...«

— Коли́ не пла́кавъ, то розу́мний!.. й ма́ти не бу́де пла́кать, неду́жать!...

— — —

.....Послѣ завтрака отецъ велѣлъ одѣться:—Въ училище, говоритъ, одведу́!...

Я надѣлъ сюртучокъ, кожушокъ; завязалъ, какія были у меня, книжки въ платокъ.

»Помоли́мся жъ Бо́гу!« началъ креститься....

Я слѣдовалъ его примѣру.

— Съ Бо́гомъ!... Прощава́йте!

»Прощава́йте!« Хома и хозяйка. »Неха́й вамъ Богъ помага́!«

Проводили обое до самыхъ воротъ....

— — —

Учители сидѣли по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявилъ намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ морозѣ сидѣнію за скамьею.... Сторожа же налицо не имѣлось: и въ этотъ день, какъ и каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдашняго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домашними занятіями, конечно не своими....

— Гдѣ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?

»Тамъ!« отвѣчаетъ тотъ, указывая на одну изъ дверей взглядомъ и движеніемъ головы,—руки заняты были согрѣваніемъ ушей.

— Какъ бы его вызвать?

»Надо постучать въ дверь.... А вы развѣ хотите его вызывать?

— Да!

»Такъ обождите немного!..« и школяръ съ крыльца, и стрѣлой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай....

Старикъ искоса посмотрѣлъ на улепетывающаго школяра, взглянулъ потомъ мелькомъ на меня... вошелъ въ сѣни и постучалъ довольно громко въ дверь.... Дверь тихонько скрыпнула, и изъ-за нея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ....

— Зачѣмъ ты такъ громко стучишъ? Учитель *сердятця!*—но потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, у меня книги, мягче: — Кого́ тре́ба?

»Вчи́теля ва́шого!...«

Слизнячокъ смѣшался....

— Такъ мо́жна ви́кликать ва́шого вчи́теля?

»За́разъ, за́разъ! підождіть тро́шечки!...«

И скользнулъ за дверь, какъ-будто она и не отворялась....

— — —

Наконецъ Александръ Прохоровичъ явился въ сѣни.... Поздоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачѣмъ пришли, велѣлъ мнѣ итти въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ сѣняхъ....

Я пошолъ въ классъ, споткнулся на порогѣ, поднялъ голову....

Головы и головы рядами... всѣ смотрятъ, улыбаются, насмѣшливо перешептываются.... »Село, село!«

Я растерялся, и, самъ не зная, что дѣлаю, и къ заднимъ скамьямъ, чтобы не чувствовать непривѣтливыхъ взглядовъ....

— Куди, село!!. кто-то изъ средины....

Какъ заяцъ, налетѣвшій на выстрѣлъ, я отпрянулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въ головѣ шумитъ, линіи насмѣшливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ мѣшаются, перепутываются, уходятъ въ глубь, ничего не вижу... только хохотъ, да тяжелый мракъ... тоска въ душѣ безпредѣльная!...

О, друзья мои, много въ дѣтской натурѣ есть жестокаго!...

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступилъ и какими тысячи мнѣ подобныхъ, можетъ быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое прошлое, сглаженное въ своихъ угловатостяхъ временемъ и облитое милымъ свѣтомъ отдаленнаго и счастливаго дѣтства, пріятно воспоминается мнѣ всегда, даже пріятно было мнѣ воспоминать о моемъ первомъ прощаньи съ матерью; но тутъ и воспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дѣтствѣ, еще не успѣла совсѣмъ закрыться, хоть съ того времени много-много утекло уже воды изъ нашихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Черное море! я дотронулся до больного еще мѣста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ понадобилось непремѣнно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннаго удара, а съ зрѣніемъ близорукихъ — пусть кто другой возится, а я умываю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному дѣлу ни малѣйшаго призванія!.. Да и вообще, будемъ веселѣе! веселіе — свѣтъ!...

— — —

Сколько я ни стараюсь вызвать воспоминаніемъ, что происходило въ классѣ послѣ описанной мною сцены, — т. е., какъ учитель вошелъ въ классъ, что я тамъ дѣлалъ, или что со мною дѣлалось, — ничего не помню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что когда выпустили изъ клас-

са, я опрометью бросился на квартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдалъ еще сильнѣе вчерашняго....

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!..

На третій день отецъ опять пріѣхалъ ко мнѣ утромъ и, отведши меня въ класъ, опять исчезъ. На четвертый день явился онъ уже послѣ обѣда и провелъ со мною около часу; на пятый — вечеромъ, тоже неболѣе какъ на одинъ часъ... А потомъ уѣхалъ домой и уже цѣлыхъ двѣ недѣли ко мнѣ не являлся.

Что́ со мною дѣлалось въ эти двѣ недѣли, почти ничего не помню; помню только: первую встрѣчу съ своимъ хозяиномъ, помню, ка́къ Устя утѣшала меня въ тоскѣ, и помню, ка́къ я возвращался обыкновенно изъ школы на квартиру.

Первая встрѣча съ хозяиномъ была на третій день пребыванія моего въ городѣ. Пришедши изъ училища, я сидѣлъ возлѣ стола и ожидалъ, пока дадутъ обѣдать.

— Отъ, говоритъ Устя, выглянувъ въ окошечко: и тату́сь иду́ть!

Я бросился и себѣ къ окошку....

Солдатъ идетъ — было первое впечатлѣніе; но оно было мгновенно, и его тотчасъ закрыло другое впечатлѣніе: у солдата что́-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, *ке́нда*... (1) »Что́ это за ке́нда?...Зачѣмъ она?... И только одна!..« и открылъ даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, ка́къ она плыветъ по снѣгу, въ сѣни...

»А, въ сѣни!« и отъ окошечка... началъ глядѣть на порогъ..

Дверь скрыпнула, поднимается *ке́нда* и шлёпъ черезъ порогъ!... Снова поднимается, и снова шлёпъ!... шлёпъ, по хатѣ шлёпъ!... какъ какая-то лягушка пуза́тая!..

Я захохоталъ!...

— Вишъ, яки́й вінъ! раздалось у меня надъ самою головою.

Я сконфузился... поднялъ голову: меня разсматриваетъ—какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамъ и бакенбардамъ — снѣгъ; бѣлая шинель, фертомъ въ бока.... а внизу всё таки эта ке́нда... Ахъ, какая она смѣшная!...

Второе воспоминаніе тусклѣе видвигается въ моей памяти. Помню только, что когда бывало затоскую крѣпко, и хозяйка велитъ Устѣ пойти со мною гулять, — Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала изъ моего кармана деньги, пока водились еще данныя матерью

(1) Кенга

и оставленныя отцомъ, покупала на нихъ *маковникй* или другія лакомства, ѣла ихъ и мнѣ иногда удѣляла: »На«, говоритъ, »покошту́й — воно́ смашне́!...« (1) И я коштува́въ, крѣпко всегда недоумѣвая, отчего она ѣстъ лакомства, а я только кошту́ю, а не я ѣмъ ихъ, а она только кошту́етъ!... »Мо́же воно́ такъ и тре́ба!« думалъ я, »мо́же тутъ такі звича́і!«

За то третье воспоминанье рѣзко выдвигается въ памяти — какъ-будто это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бѣгу, а лечу! и на другой день такъ, и на третій... Сзади хохочутъ школяры; прохожіе указываютъ пальцами: »Наро́дникъ«(2), говорятъ,« втіка́! наро́дникъ втіка́!...« собаки гонятся за мною, духъ у меня захватываетъ, а я лечу и лечу!... Куда?.. гдѣ мнѣ будетъ теплѣе, куда инстинктъ поведетъ!...

Устя однажды стала было ему, инстинкту этому, на перепутьи, но что́-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

— Оце́ дурни́й! — сказала она мнѣ однажды, видя, ка́къ я лечу изъ училища:—Коли́ вже тіка́ть (3), такъ тіка́въ би въ свій ху́тіръ!—и засмѣялась своимъ бездушнымъ смѣхомъ....

»Втіка́ть (4)? втіка́ть додо́му?« подумалъ я: »Чувъ я, що втіка́ють, и що....« — и мнѣ страшно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой мысли.... Но въ особенно тяжелыя для меня минуты, какъ демонъ-искуситель приходили мнѣ на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторѣ, на свободѣ...

Почему тутъ дѣло не дошло до исполненія, рѣшительно не могу объяснить: время давнее, да и мудрено въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дѣйствованія дѣтской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мнѣ тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: »Чомъ же? хіба́ гірше (5) бу́де, якъ оце́?..« — такой приснился мнѣ сонъ.... Смѣетесь? Не смѣйтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важнѣе занимаютъ мѣсто, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ мы сознаемся; а у дѣтей — они въ числѣ сильныхъ двигателей ихъ дѣйствій, и въ особенности у дѣтей съ живою натурою и пріученныхъ оглядываться во всѣ стороны, отовсюду выводить заключенія.

---

(1) Отвѣдай — оно вкусное.

(2) Ученикъ *народнаго* училища. Уѣздныя училища, какъ извѣстно, назывались прежде народными.

(3) и (4) Уходить — (5) Хуже.

Мнѣ снилось, будто я въ училищѣ, живу на той же самой квартирѣ и проч.—словомъ, вся обстановка тогдашней моей дѣйствительности,—и по окончаніи уроковъ, пустился летѣть... но не туда, куда я обыкновенно леталъ прежде, а въ другую сторону, и не по землѣ, а по воздуху, — надъ домами, церквами, садами.... Вотъ уже и городъ назади, я уже лечу надъ лѣсами и глубокими ярами....

Вдругъ: — »Васи́льку, Васи́льку!« надо мною.

Поднимаю голову—надо мною бѣлое облако, а на облакѣ—бабушка...—»Куди́ ти, дити́но моя́?« —»Додо́му!« говорю.—»Додо́му?... Ой не лети́, моя́ дити́но, додо́му!« убѣждать меня начала, доказывать, разсказывать, что́ ожидаетъ меня.... »Ты«, говоритъ, не »долетишь, устанешь, сядешь отдохнуть....«

»А поки́ бъ ти отдихну́въ, знайшо́въ яки́й чоловікъ и до ота́мана.... — »Що ти за хло́пець?« спита́въ би ота́манъ—сказа́въ—»Чого жъ ти?« —»Не зна́ю!« —бо якъ же«, говоритъ, »сказа́ть, що ти відтіля́.... (1) изъ міста (2).... на́ветъ закля́вся бъ, забожи́вся.... Ой, не літа́й, Васи́льку, не літа́й додо́му нікóли!... (3) И одісла́въ би тебе́«, продолжала далѣе, »ота́манъ до ба́тька.... и звелівъ би.... »Може́ лаки́зка« (4), дума, »втікъ, — зно́ву втече́, ли́ха (5) набіжи́шъ«.... И такъ по се́лахъ зва́заного.... ху́торомъ: »Втіка́чъ«, (6) ка́жуть, »втікачъ, втікачъ!« ...«

Я вздрогнулъ, проснулся, облитый холоднымъ потомъ, съ невыразимою тоскою въ душѣ....

И теперь невольная дрожь пронимаетъ меня, когда я припоминаю этотъ сонъ, и когда подумаю, ка́къ я близокъ былъ ко всему, что́ пророчило мнѣ сновидѣніе! И случись все это, — много-много язвъ нанесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дѣтской души.... А тамъ—дальше и дальше!... И кончилъ бы я, можетъ быть, такъ, какъ кончилъ — помните, мои школьные товарищи? — школяръ Гу́ря, начавшій тоже бѣгствомъ домой.... И не писалъ бы я, можетъ быть, своей автобіографіи, какъ теперь ее пишу, а выводилъ бы, можетъ быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписывалъ заступомъ въ какой-нибудь таинственной шахтѣ таинственныя дорожки.... И мало ли еще чего не могло случиться со мною!... И кто же этотъ невѣдомый, или что́ это за невѣдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на пере-

---

(1) Оттуда. — (2) Изъ города. — (3) Никогда. — (4) Лакеишка. — (5) Бѣды. (6) Бѣглецъ.

путьи Устѣ?... Или я еще не успѣлъ тогда выпить чаши огорченій до дна? душевная сила? случай?... мое незнаніе дороги домой?... Или въ самомъ дѣлѣ эта картина ужаснаго будущаго, промелькнувшая предъ моими духовными очами сквозь таинственное окошечко сновидѣній?... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

О, добрые земляки мои! учите своихъ дѣтей ласковѣе и привѣтливѣе встрѣчать новоприбылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ними упражняютъ послѣ, когда новоприбылые оботрутся уже, станутъ въ школѣ, какъ у себя дома, могутъ имѣть своихъ сторонниковъ и, слѣдовательно, могутъ бороться равнымъ оружіемъ! Я бы попросилъ объ этомъ и педагоговъ, но это не по ихъ части, а начальствующихъ просить — у начальства и безъ того много разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

— — —

И долго я леталъ изъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не приняла во мнѣ участія одна добрая женщина.... Разскажемъ объ этой женщинѣ, — кто она была, какое она приняла во мнѣ участіе, и какія послѣдствія для меня имѣло вмѣшательство ея въ мою судьбу,—я забѣгаю нѣсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ покончить новозможности полнѣе, чтобы потомъ къ нему не возвращаться!

Въ одномъ со мною классѣ, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ.... По фамиліи я его не назову вамъ Ивана— по разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ классѣ не называлъ его по фамиліи.... У насъ, — вы, можетъ быть, знаете давніе наши обычаи школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность, — прощайся она съ своимъ предковскимъ прозваніемъ! Ее будутъ называть пятью, шестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ — никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ имѣлъ фамилію, которая рифмовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами *галага́нъ*, *тарка́нъ*, — его звали Иванъ Галага́нъ, Ивакъ Тарка́нъ; потомъ Иванъ имѣлъ лицо, усыпанное веснушками, — его звали за это Иванъ Горобѝне-Яйцѐ, Иванъ Сороче-Яйцѐ; онъ былъ маленькаго роста — его звали Иванъ Знісокъ.... Иванъ былъ страшный охотникъ подраться на-кулачки, и когда дрался, прыгалъ въ глаза и все норовилъ, какъ бы *лихтарі посвіти́ть* подъ глазами, или *паску́дникъ збить* (1) съ носа, —

(1) *Паску́дникъ* — лошадиная болѣзнь; *сбить паскудникъ* — пустить ло-

его и звали Иванъ Оса́ или Иванъ Слёта́ (1); у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался, — его окрестили за это *іжако́мъ*, *іршёмъ* (ёжъ, ёршъ); у Ивана были рыжіе волосы — учители звали его Рудая шельма, а учитель Лепёкинъ, изъ Калужской губерніи, — Рыжая бестія.... Словомъ, сколько особенностей, выпуклостей было въ Иванѣ, столько и прозваній, и каждый крестилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не гармонировала съ его понятіями о нормальности человѣческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учители, — за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вмѣстѣ веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго веснушками его лица. А ужъ я какъ его любилъ!! Потому и буду называть его просто по имени, Ива́семъ, какъ я звалъ его въ школѣ.

У Ивася былъ отецъ, отставной солдатъ, угрюмый старикъ, съ сабельнымъ рубцомъ на щетинистой сѣдой головѣ, и безъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и была мать, женщина съ блѣдно-желтымъ лицомъ. Отецъ этотъ былъ отецъ многочисленнаго семейства, и обладалъ въ высшей степи искусствомъ добывать льняное и конопляное сѣмя въ своей *олійниці*, что́ не только давило ему возможность содержать безбѣдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нѣкоторыми жизненными удобствами, конечно по своему состоянію: купить и держать коровъ, расширить прикупкою и умножить посадкою деревъ свой садъ и т. д. Мать же Ивасева была—отличная мастерица приготовлять вареники съ *гу́рдою* (2) и капустою, добрая жена, добрая мать семейства, хорошая хозяйка, женщина въ высшей степени нѣжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда жолчь не одолѣвала ея, деликатности необычайной. Эта-то женщина, мать Ивасева, и приняла во мнѣ участіе.

шади кровь *съ храпъ*. Отсюда перенесено выраженіе къ тѣмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кула́чкахъ и проч.

(1) *Слёто́ю* называется человѣкъ, лѣзущій къ вамъ съ просьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться,— словомъ, *якъ слёта́*. Какой корень этого слова, или что́ собственно имъ обозначается, — т. е. какой предметъ или какое живое существо — не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. Слёта́—какъ-будто *о́вадъ*, велико-русскій *слѣпень*, — что-то въ этомъ родѣ.

(2) *Гу́рда* — начинка, извѣстнымъ образомъ приготовленная изъ *маку́хи*. Что́ значитъ *маку́ха* — объяснено ниже.

Живя въ сосѣдствѣ съ моими хозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ *кутку́* явился новый обитатель, *наро́дникъ*, и что этотъ народникъ живетъ у Решо́тки. Да и ка́къ было не узнать ей объ этомъ! Такое важное событіе, какъ появленіе тамъ новаго обитателя, — да объ этомъ если не въ самый день моего пріѣзда въ городъ, послѣ того, какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду, — такъ по крайней мѣрѣ на другой же день, послѣ всеобщей сходки на *мі́сті*(1), затараторили по всѣмъ хатамъ этого захолустья всѣ наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что молъ такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на такихъ и такихъ лошадяхъ пріѣзжалъ, и т. д.! Отъ Ива́ся, она узнала, ка́къ я встрѣченъ былъ школярами, ка́къ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. п.....Ея нѣжное сердце было тронуто моимъ одинокимъ положеніемъ въ кругу товарищей... и, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ самого Ивася, она крѣпко пожурила его, что онъ вмѣстѣ съ другими преслѣдуетъ меня насмѣшками, и велѣла непремѣнно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ былъ исполнить приказаніе матери, но познакомиться со мною онъ не имѣлъ никакой возможности: входилъ я въ классъ почти вмѣстѣ съ учителемъ, а на дворѣ и на улицѣ никто изъ школяровъ не могъ ко мнѣ приблизиться, потому что я уходилъ отъ всѣхъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-степняка, были быстрѣе, чѣмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, непріученныхъ къ бѣганью и ходьбѣ, какъ насъ пріучалъ отецъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ слѣдующей стратагемѣ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста), выслушавъ обѣдню въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ.... Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкою, ведущею ко двору моихъ хозяевъ, и уличкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числѣ и къ ея собственному.

Вотъ она тамъ себѣ стоитъ, опершись локтяти на плетень, и будто что́-то за нимъ разсматриваетъ, а я тѣмъ временемъ изъ церкви лечу.... Добѣжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрѣтиться съ ка-

(1) На рынкѣ.

кимъ-нибудь школяромъ, — я пріостановился перевести духъ и, по обыкновенію, оглянуться, далеко ли остались всѣ эти разные.... чужіе..., — какъ съ боку у меня: — Чи ти, будь ла́скавъ, хло́пчику, не Білокопи́тенківъ! —

Я отпрянулъ въ сторону, какъ-будто выстрѣлили у меня подъ самимъ ухомъ, и быстро обернулся.... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!... должно быть, что-нибудь разсматривала за плетнемъ... — и я быстро пробѣжалъ по немъ взглядомъ — что́ тамъ? не видно ли въ скважины?...

»Бѣлокопи́тенківъ!...«

— Тимъ бо то!... Я тільки, — говоритъ, — гля́нула, — за́разъ пізна́ла: якъ дві ка́плі води́ — матуся!...

И такъ ласково улыбается, — мнѣ и въ голову не прійди, что я, какъ увѣряютъ домашніе, вылитый отецъ, а на мать нисколько не похожъ.

»Здоро́венька вона?

— Здоровенька!

»Сла́ва тобі, Царице небе́сная!... Одна́ко, що це ми не привита́емось! (1) — Съ улыбкою подошла ко мнѣ.

Я робко снялъ шапку; мы поцѣловались.

— Яки́й же ти, сина́шу, мото́рний! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасемъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже почиваешь въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ липъ Толо́чанскаго кладбища, миръ праху твоему. Твой добрый примѣръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Нетяму́щаго, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него чрезъ своего Ивася. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Нетямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и гдѣ, впрочемъ, равняться медвѣжьей мужской лапѣ съ нѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Нетяму́щій былъ — мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ *горо́бчикъ* (2).... острая и низко остриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовыя, пухленькія внизу, *кожу́шокъ* назадъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ

(1) Не здороваемся. — (2) Воробушекъ.

влетѣлъ онъ въ первый разъ и въ классъ,—къ тому, къ другому, заливается, болтаетъ, щебечетъ!... Но тамъ его оттолкнули, тамъ захохотали, тамъ отворотились — конфузится, бѣдненькій, еще больше сжимается, притаился въ углу!... А урокъ кончился, —изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, лѣтомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послѣзавтрего.... Припомнилъ я, добрая, твой примѣръ, и умудрился!... Жолчно ты насмѣхалась надъ моею неловкостію и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами.... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетяму́щаго изъ класса, засѣлъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозрѣвая, налетѣлъ,—я, какъ коршунъ на него, за кожу́шокъ.... Вырвался, — догналъ, снова за кожушокъ, и о землю!... Пищитъ бѣдный мальчикъ! »Що я«, говоритъ, »тобі таке заподіявъ!...«(1) — »И я«, отвѣчаю, »нічо́го не заподію, ходи́ тільки зо мною, не бійся менé!...« И подружились мы потомъ, особенно, когда я вытащилъ его изъ рѣки, а онъ чуть не утопилъ меня при этомъ....

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще — благодарный тебѣ вздохъ!...

Знакомство съ Ивасевою семьею было для меня, во многихъ отношеніяхъ, благодѣтельно. Это было единственное въ городѣ семейство, гдѣ я былъ не чужимъ и гдѣ, слѣдовательно, могъ участвовать во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю теплоту, которою никакими средствами не напитаешь сердца дитяти, живущаго отособленною жизнію, и, выросши безъ которой, сердце наше никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень — ни съ лучшими стремленіями своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народныхъ массъ: человѣкъ, вырѣсшій безъ такой теплоты, все только будетъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мѣрѣ, мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу нестремящихся, ни къ землѣ неприкрѣпленныхъ. — Тутъ же, въ семьѣ Ивася, при нуждѣ, мнѣ не отказывали въ кускѣ хлѣба; а раздавали дѣтямъ лакомство,— маковниковъ, напримѣръ, мать приносила съ *міста*, доставала изъ *хи́жі*(2) куски маковой *маху́хи*(3), такъ любимой, бывало, ими, *бычка́*(4)

---

(1) Сдѣлалъ, причинилъ зло. — (2) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую изъ сѣней.

(3) и (4) *Бычкомъ* называется комъ толченаго и поджаренаго въ *олійниці* конопляного сѣмени. Лакомствомъ этимъ подчиваютъ у насъ обыкновенно дѣтей, во время самаго добыванія масла. *Маку́хою* называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послѣ добыванія масла.

дѣлалъ старикъ въ своей *олійницї* и давалъ дѣтямъ, — меня тоже не обходили. А ужъ садъ просторный и тѣнистый для гулянья, яблока и *дýлі* (1) доставать съ деревьевъ, вишни срывать очеретяными *лúпками*, — все это было вполнѣ къ моимъ услугамъ.

Но больше всего, по крайней мѣрѣ осязательнѣе всего, было для меня полезно—знакомство, можно сказать, даже дружба, съ самимъ Ивасемъ. Это былъ неразлучный спутникъ во всѣхъ моихъ забавахъ, шалостяхъ и похожденіяхъ, а прежде всего — онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не примирилъ, можетъ быть, вполнѣ моей души съ этою школьною жизнію, — по крайней мѣрѣ по возможности сдѣлалъ сноснымъ ея бремя.

Не безкорыстна, впрочемъ, была ко мнѣ дружба Ивася! Играемъ, бывало, съ нимъ гдѣ-нибудь *у булки*, или шляемся по горамъ и выслѣживаемъ зайцовъ, — просто, только бы найти, спугнуть и потомъ *потюкать*, — вдругъ: »Стой!... Бýдемо, Васю́тко, на́ кула́чки би́ться!« Такая ужъ проклятая у него страсть была! Отнѣкиваюсь, бывало, отговариваюсь; — нечего дѣлать, умолитъ! и »братіку«, и »голубчику!«. И какъ согласишься, бывало, та́къ и разгорятся глазки! прыснетъ въ сторону, надвинетъ шапку на носъ, подскочитъ, упрется головою тебѣ въ животъ, — и начнетъ какъ мельница работать руками.... и по головѣ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы.... Самъ, бывало, плачетъ, какъ увидитъ, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но что́ будешь дѣлать!... И на другой день — опять тоже.... Я, впрочемъ, скоро умудрился, ка́къ съ нимъ быть. Какъ обуетъ, бывало, его демонъ кулачокъ: »Добре!« говорю, »согласенъ; тільки дай свій кожу́шокъ!...« А надобно вамъ знать, что кожу́шокъ у него былъ сдѣланъ изъ кожуха его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ олійницѣ, — замасленый, затужавѣлый, — словомъ, какъ желѣзный, да еще и покрытъ толстою пестрядью: закутаюсь хорошенько, и, сколько душѣ угодно, пусть колотитъ! И что́ жъ бы вы думали? Какой бы ни былъ морозъ, сниметъ съ себя и дастъ! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!...

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасемъ, но заступничество его было для меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ива́ся. Другой этотъ заступникъ прозывался

(1) Лучшаго сорта груши, имѣющія продолговатый видъ.

Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами, — да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классѣ важивались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой — своего рода кліентство, водившіяся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь, — только въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнусныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такимъ образомъ удовлетворять своему тщеславію и самолюбію, а при случаѣ и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ послугами, — какъ напримѣръ, сбѣгать на базаръ и купить *бу́бликівъ*, сбѣгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому-нибудь другому сильному »ду́рня« и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ я ему платилъ за его патронатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслѣ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всѣмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всѣмъ очевиднѣе, придумалъ такое средство. Станетъ, бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги: — »А ну«, говоритъ, »Білокопи́тенко!... Дивітця, дивітця!« И всѣ школяры *дйвлятця*, а я, сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходилъ греческій корабль на всѣхъ парусахъ межъ ногъ Колосса Родосскаго.... И если я бывало пройду между Денисенковыхъ ногъ, не задѣвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напустить его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется...

Не правда ли, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ нимъ! Ужъ на роду, вѣрно, написано всѣмъ сильнымъ имѣть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался — да оно, впрочемъ, не слишкомъ-то послѣ и нужно

мнѣ было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти всѣ сильные.... Напроказили ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумали поучиться уму-разуму хоть послѣ, коли прежде, въ свое время, этого не успѣли сдѣлать,—не знаю; но только они какъ-то всѣ, говорю ,у насъ исчезли, —скоро послѣ поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извѣстно: — сильныхъ въ школѣ нѣтъ, безсильные въ покровительствѣ не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротимся снова назадъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнѣ отецъ. Пріѣхалъ онъ очень рано, еще передъ разсвѣтомъ,— изъ чего, зная его обычаи, я тотчасъ догадался, что дома случилось что-то необыкновенное. Дѣйствительно, тамъ случилось важное событіе: въ мое отсутствіе помолвлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ, — отецъ пріѣхалъ въ городъ за покупками,—свадьба должна быть чрезъ недѣлю.

Дождавшись разсвѣта, отецъ велѣлъ мнѣ одѣться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поѣхалъ со мною въ лавки. Что́ онъ тамъ покупалъ и ка́къ,—не буду разсказывать, потому что не намѣренъ разсказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако, не передать сцены, бывшей при покупкѣ лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покупщика, и купца, какъ продавца, черты, обнаружившіяся по поводу этой покупки. Подобныя черты у нашихъ покупщиковъ и продавцовъ и теперь еще не рѣдкость.

Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дѣлать покупки и особенно не терпѣлъ разнаго мѣрянья, прицѣнки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ человѣкъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непремѣнно, напримѣръ ситцу, что́ ли; и нужно, положимъ, десять аршинъ. »Да́йте« ,говоритъ, »такого и такого си́тцю! Та небага́то: мені треба де́сять арши́нъ!« и какъ подастъ купецъ цѣлую штуку, и понравится ситецъ: »Га́рний (1)! говоритъ: »а скільки тутъ аршинъ?... Та го́ді мірить — та́къ ка́жіть!

— Три́дцять!

»Три́дцять! А сто́ітця що?

— Сімна́дцять!

»Сімна́дцять!... Не сімна́дцать, а пятна́дцять?

Словомъ, почнется торгъ на глазомѣръ, за цѣлую штуку, или, гово-

(1) Хорошій.

ря точнѣе, не торгъ, а, съ одной стороны; *пятна́дцять, пятнадцять;* а съ другой: »Ну, безъ золото́го!... Ну, безъ коп́й (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)....« Потому что, надобно знать, если старикъ сказалъ цѣну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкѣ. Развѣ бы сказалъ свою цѣну такъ себѣ, чтобы *довíдатьця ума у молодóго крáмаря* (1), или чтобы обмѣняться шутками съ старымъ знакомымъ....

— И то́ гро́ші! — скажетъ купецъ...

»Чомъ же не гро́ші? хоро́ші гро́ші! карбо́ванці—не жидівскі обрізáнці, а по́вні (2), — бумажки́ зъ свíтомъ!«

И купитъ старикъ такимъ образомъ ситцу цѣлую штуку; купитъ, раззадорившись, еще штукъ нѣсколько; купитъ и другихъ разныхъ разностей! Наймета потомъ *тригу́бого* жида Гершка, съ бродячею его труппою, на нѣсколько недѣль, и обошьетъ всѣхъ лѣтъ на нѣсколько! И сдѣлаетъ въ заключеніе старикъ генеральную ревизію: »Глядíть же менí, бережíть, шкоду́йте (3)! бо це вже«, говоритъ, »го́ді (4)! го́ді гро́ші мáрно (5) тра́тить на прокля́ті ганчíркй (6)! Всѣ улыбнутся, выслушавъ такую рѣчь:—есть новые наряды....а вмѣстѣ и вздохнутъ, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть всѣмъ навѣрное безъ обновокъ.... И обратитъ потомъ старикъ рѣчь къ Гершку: »А ти,« говоритъ, »Ге́ршку, и въ двíръ бíльше не загля́дуй; бо да́лебі (7), са́ломъ нагоду́ю!« Усмѣхнется Гершко своею добродушною *тригу́бою* улыбкою, приподниметъ правою рукою съ правой стороны яломокъ, поскребетъ надъ правымъ *пе́сикомъ:* »Гм, ню!... А къ великодню робо́та бу́де?« Проведетъ послѣ этого старикъ ладонью крѣпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: »Проно́за, молъ, ти жидівська!« —»Бу́де жъ«, говоритъ, »бу́де робо́та, якъ са́ломъ тебе́ нагоду́ю!« И закончитъ онъ свои похожденія, по нелюбимымъ имъ *палести́намъ* покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ пода́ть графинчикъ, *покропи́ть* съ Гершкомъ новое платье, что́ тамъ еще покроено и пошито....

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дѣлахъ! не любилъ, крѣпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицѣниванья къ товарамъ, и т. д. и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскорѣе.

Такъ онъ хотѣлъ поступить и при покупкѣ свадебныхъ лентъ. Но

---

(1) Купца. — (2) Полные, т. е. необрѣзанные. — (3) Жалѣйте. — (4) Полно! — (5) На пустяки, напрасно. — (6) Тряпки. — (7) Божба »Ей!«

не тутъ-то было! Купецъ, у котораго старикъ дѣлалъ закупки, былъ изъ тѣхъ украинцевъ-купцовъ, которые, увы! начинаютъ уже переводиться. Это былъ человѣкъ аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любилъ все дѣлать отчетливо, не спѣша. Онъ любилъ *добра́ть* свой процентъ и твердо на этомъ стоялъ, но никогда не позволялъ ни себѣ, ни своимъ приказчикамъ, никакихъ *недомі́рівъ*, *недовісківъ*, не позволялъ *заганя́ть* и *завертя́ть* цѣны, брать съ покупателя *лишню копійку*.... Потому-что ему хотѣлось *одному* отправиться на тотъ свѣтъ, а не въ сопровожденіи этихъ *недомі́рківъ*, *недовісківъ*, *ли́шніхъ копіёкъ*, и чтобы эти *недомі́рки*, *недовіски* и *ли́шні копійки* не выступили впередъ на Страшномъ Судѣ и не засвидѣтельствовали предъ лицемъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, »мы вонъ какіе и вонъ какіе; что, молъ, як ъ тому-то долженъ бы пойти, а я у того-то остаться но что человѣкъ сей, на томъ, человѣческомъ, свѣтѣ, купцомъ Ру́дею звавшійся, не довѣсилъ насъ, не домѣрилъ, сорвалъ....« И чтобы, выслушавъ эти свидѣтельства, Богъ не велѣлъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы вѣчно руки мѣрить раскаленными аршинами, а несытую *пе́льку* (1) набивать раскаленными копейками и горящими недомірками и недовісками.

—Покажіть ще мені,—говоритъ отецъ, накупивъ у купца разныхъ разностей: — стрічо́къ весільнихъ (2), стёжо́къ!

Купецъ досталъ огромный пукъ пунцовыхъ и розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттѣнковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвѣтовъ; отецъ взялъ, повертѣлъ въ рукахъ: »Та тутъ«, говоритъ, »есть и невесільні.... Одна́къ да́рма (3), въ хазя́йстві пригоди́тця! А що сто́їтця (4) сей жмутъ (5)? та скоріше, бу́дьте ла́скави, бо ніколи!

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болѣе или менѣе на память мѣру своихъ товаровъ, тутъ рѣшительно воспротивился продажѣ глазомѣромъ.

— Якъ мо́жна — скоріше!—говоритъ:—тутъ тре́ба поміри́ть: не напамятує́сся (6) всёго́!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мѣрить, безъ мѣры дѣло пойдетъ скорѣе; а тотъ—что безъ мѣры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужимъ воспользоваться не желаетъ. Спорили, спорили, и дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ пре-

---

(1) Глотку. (2) Свадебныхъ. (3) Но ничего! (4) Стоитъ. (5) Пукъ. (6) Нельзя помнить.

доставилъ отцу взять ленты,—тамъ ихъ, дома у него, помѣряютъ, а поторгуются и расчитаются, когда отецъ пріѣдетъ на маслянскую ярмарку.... А купцу отецъ былъ не то: что́ называется знакомый покупщикъ это я положительно знаю!

Отецъ согласился на сдѣлку, но заставилъ купца взять, въ обезпеченіе уплаты, *білу бума́жку* (25 р. асс.).... И отцу купецъ тоже былъ не то, что́ называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!...

Этотъ случай, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не знаю почему, привелъ мнѣ на память обычай, бывшій, конечно въ низшихъ слояхъ общества, у насъ повсемѣстнымъ въ старину, какъ расказываютъ наши сторожилы,—именно обычай, въ слѣдствіе котораго тяжущіеся обыкновенно ѣздили *въ судъ* вмѣстѣ и на одной повозкѣ, то-есть, на одной повозкѣ и истецъ и отвѣтчикъ, пожалуй и съ свидѣтелями обѣихъ сторонъ.... ѣдучи вмѣстѣ, ѣли и пили водку, толковали о своей тяжбѣ, высказывая свои шансы и ожиданія.... Разсказывавшіе мнѣ про этотъ стародавній, обычай старожилы наши всегда присовокупляли, что, въ слѣдствіе такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяетъ тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, по замѣчанію старожиловъ, часто случалось, и особенно, при участіи въ поѣздкѣ и свидѣтелей, что, доѣхавъ до какого-нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за *по́луднемъ* или за *сніданнямъ* по двѣ, по три чарки, веселящей сердце человѣческое, *тиéі гáспидьскоі, розгу́торятця*, объяснятся, обнимутся, поцѣлуются и воротятся домой, плюнувши туда, назадъ, на свой слѣдъ: »Неха́й, мовъ, западу́тця вони́, тіі позви́, зъ судами ёму и зо всімъ!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нимъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло, врученныхъ ему заѣзжимъ кулакомъ въ сибиркѣ, т. е., не глядя на него, прехладнокровно сунулъ въ карманъ, — только не въ задній карманъ и не своего *сюртука*, а въ находившійся съ боку карманъ синяго *капта́на*....

Послѣ этого, отецъ отвезъ меня въ училище и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дѣйствительно, черезъ часъ онъ пріѣхалъ проститься и, прощаясь, объявилъ мнѣ, что въ

пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, пришлетъ за мною лошадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой пятницы!... А вечеръ наканунѣ!... Случалось ли вамъ самимъ, помните ли?

Какъ въ чаду какомъ-то вы: укладываете вещи, прислушиваетесь,— авось сегодня еще пріѣдутъ!... А тутъ и урокъ еще назавтра: »Что́ есть покаяніе?... Покаяніе есть.... А жилетикъ!« вскрикиваете, вспомнивъ, что его-то и не уложили. ..

И такъ вы отъ связки съ вещами къ книгѣ, отъ книги къ связкѣ... а тамъ къ дверямъ: кажись въ сѣняхъ что-то стукнуло....

А эти томительныя ночи наканунѣ, помните ли? Сонъ не идетъ, думаете, что́ тамъ дома будетъ, — мать....

— А ну, забудутъ прислать лошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на мысль: — или лошади захромали?... »Нѣтъ«, отвѣчаете рѣшительно: »не забудутъ, не захромали....«

— Однако? и переворачиваетесь на другой бокъ.—Или смотритель скажетъ.... Ну, что́ же онъ скажетъ?... Ну, скажетъ: »не ѣзди, да и полно!...« Или — *Арапъ бѣлый прiйде?...*

Переворачиваетесь снова.

— Нѣтъ, *загадаю!* наконецъ рѣшаете вы—надо же этимъ несносным предположеніямъ положить конецъ!...

»И подпяшись на постелькѣ, вертите указательными пальцами и потомъ ихъ сводите,—со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Мимо!...

»Да вѣдь нужно три раза загадать!...

Снова вертите, снова сводите, зажмуривъ глаза, — какъ-будто въ темнотѣ можно что́ увидѣть.... Попали!

»Я такъ и думалъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло мимо, гадаете *трижды-три*, на томъ основаніи, что вы не думали, о чемъ гадаете.... а думать непремѣнно надо.

И такъ волнуется и волнуется ваша дѣтская душа — долго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькѣ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечаянно-нежданно, какъ-нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не успѣло еще смѣниться другимъ.... не налетитъ и какимъ-то тяжелымъ угаромъ не прикуетъ къ подушкѣ накалившуюся отъ безсонницы и тревожныхъ мы-

слей вашу головку, а раскаленную вашу фантазію не пуститъ на свободу: пусть, молъ, пока! И во снѣ ему разные *Бѣлые Арапы* пальцами вертятъ подъ носомъ: »Не пришлютъ по тебѣ лошадей, — отецъ забылъ, — захромали, и ты — въ школу, въ школу!...« И такъ — долго, долго, пока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнетъ обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послѣ такого сна!... Остался только день, только одинъ день!... И сколько хитростей вы употребляете потомъ съ этимъ днёмъ, чтобъ онъ ушелъ себѣ поскорѣе.... Вы ужъ обзавелись на квартирѣ собственнаго изобрѣтенія солнечными часами: дойдетъ тѣнь отъ коморы до этого мѣста — *такая* пора дня, дойдетъ сюда — *такая;* а знаете навѣрное — не смотрѣть на тѣнь, день уходитъ скорѣе....

»Ну«, говорите, »не буду смотрѣть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возлѣ пальца оборочу тысячу разъ, потомъ.... ну, потомъ и посмотрю!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ.... стараетесь дѣлать это какъ можно медленнѣе, а между тѣмъ, несносная тѣнь — ну, какъ нарочно!...

Впрочемъ, на этотъ разъ судьба была ко мнѣ благосклонна.... Дѣло вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавкѣ у *пóкуття*). Хома — за *верстáттю*, свѣча подъ *начúннямъ*, — словно мальчишка на верёвочной качелѣ, — ярко освѣщаетъ заднюю стѣну, нагнувшуюся надъ *робóтою* (1) соломенную Хомину покрышку.

Хома тчетъ: чóвникъ (2) играетъ, *начúння* танцуетъ, *шáйда* въ ладоши похлопываетъ.... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами, — носомъ, губами, соломенною покрышкою.... работаетъ, противъ воды будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатью, въ полумракѣ, словно въ темной влагѣ рѣчныхъ зыбей....

Возлѣ Хомы, у печки на лавкѣ, лысиною къ хатѣ, — такъ знаете, по домашнему, — съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго столѣтія, — цівкú сýче.... Забывъ про свое военное и унтеръ-офицерское званіе, и отложивъ, такъ-сказать, въ сторону

---

(1) *Робóта* — работа; но въ ткацкомъ дѣлѣ, *робóта* — основа на верстати, — словомъ, то, что ткутъ. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумѣнія картины, что верстать у насъ помѣщается обыкновенно за печкою, гдѣ бываетъ *пíлъ*, переднею частію къ хатѣ. — (2) Челнокъ.

и свой, никуда негодный, тесакъ, и свое, никуда негодное, ружье, мужъ браней предается занятіямъ мирнаго гражданина, — предается со всею любовью праведной души, проведшей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею внимательностью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и притомъ имѣющей предъ собою такого знатока-судью, каковъ Хома.... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды,—все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, съуживается.... превратилось въ какое-то мышиное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвернувшееся лакомство.... или какъ-будто, вмѣсто головы у героя браней, рука съ пятью пальцами, и эти пять пальцовъ протянулись къ станку, *пу́чечкою* (1).... что-то снять съ него хотятъ.... но что́-то сзади мѣшаетъ, толкаетъ подъ локоть.... Станокъ гудетъ, клубокъ въ *обича́йці* (2), словно двадцать чертей гонятъ его кнутами, — мечется какъ угорѣлый, скачетъ, кувыркается....

За спиною у героя торчатъ съ печки ноги Усти, а надъ лысиною— рыжій котъ свѣсилъ съ *ко́міна* (3) голову, и внимательно слѣдитъ за работою....

Въ сторонѣ отъ героя, предъ истопленною жарко печью,—хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ до́красна: сидитъ на скамейкѣ, беретъ одинъ за другимъ лежащіе возлѣ, на столѣ, на чистыхъ подушкахъ, *буханці* (4), и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку....

Всторонѣ отъ хозяйки, въ темномъ углу, *кто-то*, изъ деревни вѣрно.... вѣрно, дрова хозяйкѣ привезъ, муку.... или, можетъ, кто изъ родичей хозяина заѣхалъ.... должно быть, дремлетъ,—то и дѣло, кланяется хозяйкѣ и печкѣ....

Я зѣзвулъ — о-хо-хо-хъ! славно, молъ, выспался!... потянулся и поднялся на постели.... При моемъ зѣвкѣ все въ хатѣ притихло, а рыжій насторошилъ уши.... и удостовѣрившись, что они его не обманули, перекинулся на спину и протянулъ ко мнѣ свои лапы....

»А що́, — говоритъ Хома, отводя въ сторону свѣчку съ качелею и

---

(1) *Пу́чки* — оконечности пальцевъ. Взять *пу́чкою, пу́чками*, — взять о́конечностями пальцевъ, и большею частію — взять осторожно; взять *пу́чечкою, пу́чечками* — очень осторожно, нѣжно.

(2) *Обича́йка* — обручъ у сита или у *ре́шета*. Въ *обича́йку* кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

(3) *Ко́мінь* — верхняя часть печки. — (4) Булки.

выставивъ свое добродушное лицо: — А що, — говоритъ, — тобі снилось?...

— Нічо́го!

»Якъ — нічо́го? Мо́же, сни́лось, що присла́ли?...

— Ні! — подхватилъ герой браней, выпуская съ руки *сучо́къ* (1), насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя, — знакъ, что былъ въ очень сильномъ юмористическомъ настроеніи: — Ні, — говоритъ, — ёму́ сни́лось, що не бу́де зъ нами обідать!... безъ обіду бу́де!...

»Безъ о́біду не буде! « перебиваетъ хозяйка: »я ёму́ буханёць дамъ....

Рыжій, тѣмъ временемъ — съ *ко́міна*, на печку.... царапнулъ мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герою — »Брысь! тьфу! « — на верстать, на лаву, и ко мнѣ на колѣни.... тернулся разъ головою и бокомъ мнѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая меня по лицу и по носу, и опрокинулся вверхъ ногами....

»До́вго-жъ ти спишъ, Васи́льку! — отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

— Грицько!...

И я — съ постели, на полъ, къ Грицьку на колѣни и принялся цѣловать его въ усъ, въ *чупри́ну*, въ щоки....

И всегда такъ случалось со мною въ дѣтствѣ: Радости и печали приходили ко мнѣ какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, или не тогда, когда онѣ должны бы, по моему разсчету, прійти. Разсчеты мои, въ этомъ отношеніи, всегда какъ-то оказывались невѣрными. Въ одномъ только расчетъ мой всегда былъ вѣренъ: если я предполагалъ, что радость мнѣ не пройдетъ даромъ, что позже или раньше я долженъ порядочно за нее поплатиться. Впрочемъ, у меня оказывался вѣрнымъ еще слѣдующій разсчетъ: если, бывало, мнѣ приснятся ночью вьюны, и на этомъ основаніи я разсчитывалъ на *па́лі* (2) — непремѣнно сбывалось!...

(1) Ручка, которою приводится въ движеніе сукальный станокъ.
(2) Удары линейкою по рукѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЛАЧЪ РОССІЙСКІЙ.

Стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ найдено мною въ рукописи, принадлежащей библіотекарю С.-Петербургской Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкову, писанной въ полулистъ и оправленной въ кожу. Это сборникъ, составленный въ началѣ XVIII вѣка на польскомъ, латинскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. По содержанію статей, видно, что онъ принадлежалъ какому-то духовному лицу. На предпослѣднемъ листѣ рукописи (которыхъ всего 29) обозначенъ 1718 годъ, въ который сдѣлана копія. За тѣмъ слѣдуетъ предлагаемое стихотвореніе. Не рѣшаюсь опредѣлять, когда̀ именно оно сочинено, но видно, что относится ко временамъ колебанія Украины между Московскимъ государствомъ и Польшею. Какъ выраженіе духа времени, вражды партій и понятій духовенства о Польшѣ и Россіи, оно заслуживаетъ вниманія. Подобныхъ сочиненій ходило много по рукамъ, и они поддерживали въ народѣ вражду ко всему польскому, пережившую въ немъ и самыя воспоминанія о борьбѣ за личную независимость съ вельможною шляхтою. Я сохранилъ въ точности правописаніе подлинника, такъ-какъ оно можетъ повести къ разнымъ соображеніямъ о мѣстѣ и времени сочиненія этихъ виршъ. Не могу не указать мимоходомъ на безсиліе выраженія и отсутствіе поэзіи въ этомъ произведеніи подавленной схоластикою семинарской музы, сверстницы свободной музы народной, которая и до, и во времена, и послѣ Богдана Хмельницкаго производила столько пѣсень и думъ, дышащихъ вѣчною свѣжестью и красотою.

П. Кулишъ.

20 января 1861.
С.Петербургъ.

О Боже мой милостывій!
возри на плачь мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
якъ я россія малая?
Всѣ маткою называють,
а не всѣ за матку мають:

Другій хощетъ загубити,
въ ложцѣ води утопити.
Бо чи треба горшой муки,
якъ подати ляхомъ въ руки?
Давно вони острать зуби,
давно моей ищутъ згуби.
А ви, дѣтки, якъ чужіи,
садите іхъ мнѣ на шіи.
Отъ якъ скоро все забули,
что видѣли и что чули,
Якъ под тими ворогами
стогнала я тяжко зъ вами!
Стогнала я, ни отради
не мѣючи, ни поради,
Коли жиди проклятіе
держали церкви святые,
А отъ святой креста банѣ
витягали у насъ данѣ.

І тое все вже би стало,
щобъ имя наше пропало,
Еслибъ Богъданъ, мужъ избранный,
не билъ отъ бога намъ даній.
Той стеръ сѣмя проклятое,
зскинулъ зъ мене ярмо злое,
И за мудримъ самъ совѣтомъ
поставилъ подъ крипкимъ щитомъ,
Подъ рукою царей славнихъ,
самодержцовъ православныхъ.
А ви, дѣтки, ахъ, утѣха,
прошлого зхотѣли лиха.
Еще я крилъ не простерла,
еще и слезъ не оттерла,
А вамъ, дѣтки, жалко стало,
що я оддихнула мало.
Охъ мнѣ бѣда! дѣтей лаю,
не знать што зъ жалю гадаю.
Ой не сини, ой не дѣти
хощутъ мене загубити,
Ляхолюбци, лихолюбци,
тии мои, тии згубци!
Якъ саранча налетѣли,
доми, церкви поскверпили.
Куда пойдемъ — ляховъ хвалятъ,
вѣрнихъ тилько що не палять,

Простимъ уши набивають,
лихимъ ядомъ заражаютъ.
Безъ хвалъ лядскихъ анѣ слова:
идать, чи пють — о ихъ мова.
Знайте жъ, дѣтки родиміе,
якъ ви имъ же любиміе.
Идать и пють и гойнують,
еднакъ нѣ вчомъ не смакуютъ.
Що лядское, то имъ смачно (1),
хочь лядащо, то имъ вдячно.
Хощуть бути унѣяти,
папу въ ногу цѣловати.
Къ ляхомъ весь духъ, вся охота;
то имъ мудрость, то и цнота.
Тии теперь хощутъ цѣло
привести замислъ свой въ дѣло.
Ті мене загубити
мислять, — не ви, мои дѣти.
Да и на васъ нарѣкаю
и на самихъ васъ жаль маю,
Що зъ такими дружба ваша,
а невдячна любовь наша.
Що видите у ихъ мосцѣ,
опрочь дурной хвальшивосцѣ?
Що мнѣ за синъ, що зъ врагами
сердце его, а не зъ нами?
Не той то синъ мнѣ здажився,
що въ моемъ дому родився;
Нехай прийде и за свѣта
да мнѣ жичить многа лѣта;
Той мнѣ будеть синъ родимій,
не иначе, якъ любимый.
Осе жъ, дѣти, ви глядѣте,
ляхолюбцевъ не любите.
Поти добра въ насъ не буде,
поки у насъ сіи люде.
Нехай идуть на сухѣй лѣсъ,
куда зоветь ихъ гордій бѣсъ,
Нехай идуть славить папу
— — —
Нехай же имъ безъголовя,
а намъ живучи на здоровъя. Finis.

(1) Въ подлинникѣ — *вдячно*, но это, очевидно, описка.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ

ПИСЬМО 2-е.

БАГАТА КУТЯ.

Пойдемте-ка сегодня, друзья мои, на рѣку... да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые пѣтухи пропоютъ... Сегодня Багáта кутя́, сегодня день тáмъ, на рѣкѣ, начинается, — такъ чтобы чего не прозѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Днѣпръ, что ли, — нѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью — ничего нѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдемте лучше на Сулу или Псёлъ, или еще лучше, пойдемте на Удай или на Оржицу какую: тутъ тоже иногда между берегами версты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко виднѣется большой островъ, а на острову — большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трехверстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очерета́ да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложемъ рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровівъ*, *рівчаківъ* (каналовъ, канальчиковъ), *бакаівъ*, *ковбо́тъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ....

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходовъ.... Тутъ вотъ очеретъ выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толкъ нельзя было добраться!.. вотъ *вéрша* темнѣется вдали на снѣговой кучѣ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ... а вотъ

Собой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ, какъ развѣ, испуганный ходьбою, пырснетъ изъ болотной купы и промчится гдѣ-то мимо.... будто легкій вѣтерокъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *осітняґу*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... послышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тявканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ....А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая ноша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надувшіяся (1), словно красавицы мои землячки, когда отъ Іордани разсыплются домой.... Боже, какъ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на рѣкѣ!... Бѣлая, снѣжная полоса вьется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемыя поперегъ торчащими, словно зубья гребня, кольями *ізківъ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духівъ*.... (2)

Тихо; еще никого нѣтъ! на рѣчкѣ. Неужели еще спятъ до сихъ поръ *рибáлки?* А посмотримъ туда, на гору, на село!.. Нѣтъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стінка* (3), тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: вонъ ровная полоса, это—*водопіло* (спускъ къ водопою)... дальше, вонъ что-то *буваніе*, это живутъ Коржі... а вотъ, дальше, блеститъ, словно волкъ въ темнотѣ очами *світить*, — это въ Калéниковой хатѣ *світитця*... Но — тише!...

Слышится вдали мѣрный скрыпъ чьихъ-то шаговъ по снѣгу, тамъ, по направленію къ селу, — и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ.... О, это *рибáлка*, непремѣнно рыбалка!.. твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешні*—только рыбалка въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льдý этихъ болотъ и только рыбалка бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ плешнею напередъ, *не ви-*

---

(1) О звѣздахъ, если онѣ не свѣтятъ ярко, Украинцы говорятъ, что онѣ *понадувáлись, понапухали.*

(2) *Ізóкъ* — запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ* — прорубь, тоже для ловли рыбы. Духъ закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

(3) Гора, расположенная по отлогости горы.

мерзла ли гдѣ вода, не *підпáрило* (1) ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ *óпаря*, или брошеннаго и незамерзшаго *дýха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы, — на снѣгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посмíттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотныхъ кущъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякій заячій, лисій или волчій слѣдъ, бѣгать и кричать при видѣ посміттюшки или зайца,—это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуетъ близко звѣря, или чужого человѣка....

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отъ насъ, изъза ближайшаго куста лозы, вырѣзались наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы, сперва лающая собака, а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ сѣромъ, въ *шáпці-майрці*, въ коротенькой *свíтці* поверхъ коротенькой *кожушáнки*, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сокúрою* за поясомъ, съ *тóрбою* черезъ плечо, съ лопатою въ лѣвой рукѣ и съ длинною плешнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: »мовчи, Мýшка, свои!« и по кличкѣ собаки, и по голосу ея владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбалокъ села Ріжківъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрáя.

— Добрúдень, чи добрúдосвітокъ! — привѣтствовалъ насъ старикъ.

»Здорóви були, Данúловичу!«

— Бýдьте здорóви зъ Багáтою Кутéю!

»Спасúбі, бýдьте й ви здорóві!«

— А що, порá вже приймáтьця за дíло!

»Порá, порá, Данúловичу! порá!...«

— Порá, порá!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними ру-

(1) Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *прогнóяхъ*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промоина, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опарь*.

ками открылъ на Рожкивскихъ болотахъ святой день Багатой Кути — и для села Рожкивъ, и для села Хвощивъ, и для хутора стараго и веселаго Череваня, и для всѣхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности....

Но оставимъ Каленика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыбалокъ! пусть они открываютъ лопатами *духи*, вытаскиваютъ изъ воды *кобзи* и *верші* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрушиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотрѣть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатой Кути: увидѣли, — домой пойдемъ теперь и соснемъ немного, потому что начнетъ разсвѣтать еще нескоро, да и всѣ еще спятъ. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *досвіток* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подолѣе.... А пока дойдемъ, — такъ сказать, на сонъ грядущій, я вамъ разкажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *посудъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *ізківъ* и *духівъ*: »У насъ щобъ тее... щобъ хто иноді чужій собі... крий Бігъ!« развѣ иногда, какъ говорится, »панщина затешетця« (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники — кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени — можно, что нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лѣдахъ* столько шляется парубковъ, дівчатъ и такъ всякаго веселаго народу — *ковзаютця, зъ колядками ходять* и т. д., обуетъ шаль кого, натащитъ вершу на голову, или нацѣпитъ кобзу черезъ плечо,— офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дивчатамъ, дескать, пришолъ погулять; или бандуристъ или *рильникъ* онъ съ бандурою или *релею* (лирою), компанію пришолъ потѣшить, и — гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою!.. и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Раскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцѣниваютъ достоинство улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ день Багатой Кути для оцѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли

понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатой Кути, во всей почти Украинѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина? я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычай, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запастись любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и имѣли бы полную возможность достать, напримѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже и тѣ, у которыхъ стародавніе обычаи начали ужь понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ *гирява* (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья снаряжать для Багатой Кути *вечéрю*. Послѣ щуки и карася больше всего годится у насъ для Багатой Кути — *линь*, за линомъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудитъ моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, или же крайняя его бѣдность заставитъ его ограничиться одними вьюнами. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою въ день Багатой Кути оцѣниваютъ мои земляки-рыбалки свой уловъ! — »А що, Данíловичу, спрашиваетъ Каленика Переграя Федоръ Ополóнка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли: — яковó (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообще не любятъ разглагольствовать широковѣщательно, любятъ выражаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?« — »Та слáва Бóгу! нічóго! *сёгóднішнёї* такúй вúало чимáло (сегоднешней, т. е. нужной для сегоднешняго дня, поймалось таки довольно).« —« А въ мéне, — замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка: — тільки пáра щупелятъ, ато все одинъ уюнъ наголó!«

Скажу еще вамъ въ заключенье, что рыбаки наши, возвращающіеся въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончитъ, не поджидая другъ друга, — въ день Багатой Кути отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдями, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно погуторить, можно разспросить, кому и сколько *вúало сёгóднішнёї*. Это и интересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ

распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбалки другъ другу разныя свои рыболовныя *приведéнціи*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долголѣтнею практикою разные пріемы рыбной ловли, и разсказываются несвѣдущимъ такія *приведéнціи*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоустою и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекія-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Разсказывается, напримѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою что́-то; что это *что́-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбалкамъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно выныриетъ изъ ополонки и ѣстъ на льду рыбу, а приблизится рыбалка — *что́-то* въ воду.... Къ этимъ дѣйствительнымъ произшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудъ рыболовный оно воруетъ, и дѣлаетъ добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекида́етця оно въ рыбалку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ промоины и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, »ма́будь чи не самъ чо́ртівъ ба́тько«, потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бісівъ синъ*, мѣсто подъ льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти, — обыкновенные, т. е. черти, вотъ что́ вездѣ водятся у крещенаго люду, — тѣ холоду боятся и на зиму изъ рѣкъ и болотъ выбираются (1).... словомъ, въ болотѣ черти *лѣтуютъ* только (слово *лѣтуютъ*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значитъ, что для чертей болото только — дача).... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *что́-то*, и рыбалки порѣшили, во что́ бы то ни стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жінокъ и дівчатъ, — изгнать, хоть бы ради этого нужно было *нанятъ* молебень и отслужить надъ ополонкою водосвятіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбалки ра́дились и обдумывали средства, ка́къ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *что́-то*, выждалъ его и. . застрѣлилъ!... Оказалось, *что́-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ куница. — Или же разсказывается, напримѣръ, при такомъ возвращеніи рыбалокъ домой на Багату Кутю, — ка́къ надъ Днѣп-

(1) Какъ гражданинъ *пе́кла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидитъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ, — о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ итти рѣчь объ *Ордàні*.

ромъ, у Переяславля, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: роговъ у него какъ на *перекоти́полі* колѣньевъ, быстрый—лошади быстрѣе, зовется — олень; что когда кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Днѣпру, какъ по *степу́*... что на срединѣ Днѣпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *гру́знуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздо! что́ разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непремѣнно... что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душогу́бці* (легенькая лодка изъ липы), краса всѣхъ приднѣпровскихъ рыбалокъ окрестностей Переяславля, преславный рыбалка Бо́ва... что налетѣлъ Бо́ва на оленя, схватилъ его рогатого за рога и такъ его на берегъ, а оттуда домой... что олень достался Бо́вѣ, а рога его принесены Бо́вою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ память Бо́вы, когда дерзкая его отвага сложитъ наконецъ легкія его кости на вѣчно-волнующемся днѣ Днѣпровскомъ.

— — —

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ окнахъ, сперва у *дѣда* Опана́са, потомъ у старой Мо́трі, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *воруши́тьця* по дворамъ и огородамъ: выпускаютъ изъ хлѣвовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болотняго или лугового сѣна, носятъ *гуля́щому* (нерабочему) скоту и гуляющимъ лошадямъ *я́шницю, пшенѝшницю, прося́ницю, овся́ницю* (ячменную или пшеничную и т. д. солому), подкладываютъ рабочимъ воламъ, дойнымъ коровамъ и *їзжа́лимъ* лошадямъ сѣна степнаго, а послѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль гладкая зимняя дорога, и подобравшіяся къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Ріжківъ съ обсѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавлями... а слѣва — поворотившимися къ дорогѣ вѣтряными мельницами.... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны, — словно какіе *шляхетно-урожо́ные* на Іордань, акрещенскій зефиръ, подѣлавши прорѣзы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право

и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами этими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, снѣжная степь, съ темнѣющими кое-гдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушка́ми* (грушевыми деревьями), съ степными хатка́ми и *хлівчиками*, и съ вырѣзывающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками, — обитателями степныхъ сосѣднихъ селеній и хуторовъ, поспѣщающими за чѣмъ-то въ селеніе Ріжки и другія сосѣднія селенія и хутора прирѣчные....

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *Ріжківці* (жители селенія Ріжківъ) — что́ это они такъ засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а иные запрягли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ни гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли назавтра оттепели!....

Да всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя, — такъ хозяйка-Украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и приводя въ порядокъ то, что́ приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ или жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха — выкатаетъ ее; если есть у нея *запіка́нка*, она наполнитъ ею *пля́шку*, чтобъ была готова, а за неимѣніемъ *запіка́нки*, наточитъ, изъ бочонка или *барильци*, или нальетъ изъ *ти́кви*, просто *бі́ленькоі;* она пришьетъ къ новому *очі́пку* ленты, поможетъ дочкѣ нанизать новое монисто, она *насу́че* восковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около полудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или, лучше сказать, сегодня у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *ідя́ть* кутю и *стрічаю́ть* или *ідя́ть вечеро́ю*, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ, кому что Богъ послалъ, но большею частію—пироги съ капустою и жареную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, спѣшатъ такъ въ Ріжки и въ другія селенія и хутора прирѣчные жители нашихъ селъ и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то ѣдутъ и сами *Ріжківці*: всѣмъ нужна сегодня

свѣжая *сёгóднішня* рыба, и всѣ потому стараются достать ее, во что бы то ни стало. Степняки поэтому спѣшатъ въ Ріжки; Ріжківці, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, но имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, спѣшатъ къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегодняшняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя покрупнѣе и порыболовнѣе, мы открыли у себя на Багату Кутю, помимо вѣдѣнія предержащихъ становыхъ приставовъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и покупки *сёгóднішнёї*: сбѣгутся со всѣхъ сторонъ на лёгенькихъ *саночкáхъ*, купятъ, продадутъ и разбѣгутся.... останется только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на снѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! по неволѣ добрый человѣкъ напишетъ, что таковыхъ, во ввѣренномъ ему станѣ, не оказалось.... А между тѣмъ, *сегóднешней* мы себѣ припасли!... а пожалуй, припасли и еще кой-чего, что́ намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и »йноді, знáете, тёе, въ чаркý.... живітъ заболи́тъ, або́ що!« а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серьги-польки....

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой кути замѣчаніемъ: что всѣ мы запасаемся ею главнымъ образомъ въ день Багатой же Кути, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрúбьямъ*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, въ рыболовныхъ селахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбьи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись — и домой!... »Ну жена«, говоритъ хозяинъ дома, входя въ хату: »а я рыбы досталъ!« — »А щука есть?« — »Есть!« — »Ну слава тебѣ, Господи!« и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ печки, кто съ *прúпічка* кто съ *пóлу*, — побросали и очеретяныя трубы, и кота *рудóго*, которому собирались было привязать къ хвосту *кунúцю* вмѣсто кисти, — и всѣ *до-дóлу* къ мѣшку съ рыбою: выпотрошили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормошатъ красноглазаго карася.... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленькій Петрусь высунулся изъ висящей надъ по-

ломъ люльки и, вцѣпившись своими ручонками за *бíльця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую кучу, къ щукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости....

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяíнъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то́ на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимется на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободнаго не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Вопервыхъ, ему надобно напоить скотъ, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличнѣе; далѣе надо осмотрѣть сани и упряжь, можетъ что́ надо починить, не изорвалось бы что́, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и топлива женѣ на праздники нужно припасти́, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть — дровъ наколоть и сложить подъ коморею или въ *повíтці* (навѣсъ), не то — очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски хозяинъ идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сíни*, — вообще, у котораго есть свободный уголъ, — идетъ бриться (*голи́тьця*),—*голи́ть бороду* и *пíдголювать чýба*.... Туда же приходятъ еще человѣкъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои добрые земляки принимаются бриться.... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хазяíнівъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причипури́тьця*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбривая свой подбородокъ и свой чубъ.... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налитой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, а на зеркальцо нужны деньги!...). Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазяíнівъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ, — мыльницъ, кистей, бритвъ, — а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величиною въ грецкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *кóсі* — отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черенокъ!... Гру-

стно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдаютъ въ распоряженіе свои лица, исполненныя ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному докѣ въ бритвенномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *косарями!*... и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь бытъ этихъ бѣдняковъ, и какъ ни осязательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ милліоновъ, вносимыхъ ими, куда слѣдуетъ, за винныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебряныхъ рублей для покупки, на первый разъ, хоть пятикопѣечныхъ кистей и мыльницъ и тридцатикопѣечныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время ни приходили, но если только у васъ осталась какая-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвигаться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутренняго смѣха за этими серьезно-произносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣемаго, за этими, на половину притворными, болѣзненными его стонами, за этими восклицаніями его: *мотузка́, мотузка́* (спурка, спурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не имѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ всѣмъ понятными, и — вы будете хохотать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритья до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.; но главнымъ образомъ, на приготовленіе для нихъ корма къ завтрешнему дню, чтобы завтра ни о чемъ уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *хазяінівъ*! воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что́ тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *лѣпить* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ онѣ уже покончили и переносятъ кутю.... а еще лучше — послушаемъ, что́ разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокопытенко.

»Надобно вамъ сказать,« говоритъ Василій Петровичъ, »что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ста́вленія* кути на *по́куття:* самъ я кути на покуття еще никогда не ставилъ, а какъ ста-

вили ее другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствованія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устраняемы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття, — зналъ, что ставленіе это окружаютъ какого-то таинственностію, — слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вмѣстѣ какое-то многозначительное: »что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобные) еще нѣтъ!« видѣлъ, что допущеніемъ къ ставлянню кути на покуття дается дитяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вмѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волчцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ.... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе — не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моей фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ ставляння кути на покуття чудесами: — фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію, какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу — какою-то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому....

— — — — — —

— —»ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчиками, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *дренджо́лята* (извѣстнаго устройства маленькіе сани) и *гримакй* (куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуцї* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ.... Я пошолъ....

»На порогѣ *пекáрні* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемѣна! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ — легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ — счастіе. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!... Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

»— Ну, Васю́ню, поста́въ намъ кутю́ на по́ткуття! говоритъ... и улыбнулась....

»— Кутю на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

»Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню....

»Молча, съ сильно-бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все во кругъ, вошолъ я робкими шагами въ святилище....

»Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучною его развязкою, переводитъ дыханіе, учащенное прежде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дівчата и молодиці стоятъ вокругъ хаты у лавокъ, скрестивъ на груди руки... смотрятъ на меня и тихо улыбаются; у печки сидитъ на лавкѣ *кухова́рка* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотритъ на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ, — пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдоволосая баба Ми́ниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

»Я остановился по срединѣ пекарни, не зная, что́ мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

»— Сюда, сюда йди, Васи́льку!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха.

»Я подошелъ къ покуттю.

— Ну, перекрестись и ударь три поклони!

»Я машинально исполнилъ приказаніе.

»— Тепе́ръ ходімъ зо мно́ю!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кожухъ, пошла изъ хаты.

»Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Миниха къ скирдѣ степнаго сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жосткихъ травъ, *бади́лля*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала наконецъ она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *сми́кать* изъ средины.... Я насмикалъ порядочную кучу.

»— Ну, возьми-жъ и неси его за мною.

»Я забралъ сѣно и пошолъ за бабою Минихою.

»—Положи-жъ его на пóкутти!« сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

»Я положилъ.

»— Розстели́ ёго́ гарне́нько.

»Я разостлалъ.... Затѣмъ, баба Миниха заставила меня, собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покуття горшки съ кутею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно (1), чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутти: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу-свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи....

»Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ моимъ гренжолятамъ и гримакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дівчатъ и молодиць, я пошолъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошолъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я что́-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не разслышалъ....«

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покуття въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непремѣнно мальчикъ? Не берусь разъяснять вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, занялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или покрайней мѣрѣ значенія обрядовой оболочки,

---

(1) Мальчикъ, неся кутю на покуття, долженъ при этомъ *квокта́ть*, какъ *ква́кчетъ ква́чка*, насѣдка, когда созываетъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дівчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василія Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ.

въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ, — ставить кутю на покуття руками неженатого мужчины, и именно — невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння кути на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрешнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе припечковъ, на мазаніе *рудóю* глиною челюстей и *зàпічківъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покупать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечéрю*.

Но послушаемъ снова Василія Петровича, его разсказа о томъ, какъ садятся у насъ за *вечéрю* на Багату Кутю, или какъ у насъ *встрічаютъ кутю*.

»....Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эта невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, будничной; торжественное выраженіе лицъ и движеній—и повидимому обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ....

»Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ сторонѣ, уставленные приборами (1), съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ гвоздю прилѣплена зажженная восковая свѣчка—больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него курильница, онъ поднялъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймиты и наймички, душъ двѣнадцать, и вся семья — мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

---

(1) Во время Багатой Кути болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

»Стали всѣ, стихли....

»Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: »Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице дѣво, радуйся, благодатная Маріе!«

»За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы....

»Послѣ »Богородице« старикъ прочиталъ »Отче нашъ«, и когда закончилъ словомъ »отъ лукаваго, (1) перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы — у другого стола.

»Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....

»Отецъ взялъ графинчикъ съ любимою своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ — »Нехáй же легéнько згадáетця сúнові моéму Ивáнові, де вінъ здорóвъ повертáетця!...« и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что́ было въ хатѣ, за обоими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго какъ загартованная сталь, старого *дiда* Мины....

»А отецъ сквозь слезы продолжалъ: — »Нехай легенько згадаетця й дочці моі Гáлі, де вонá здорóвенька повертаетця! « Мать, сестры и всѣ женщины за обоими столами повзрыдъ заплакали.... — »Нехай легенько згадаетця й моему пáймитові Петрóві, де вінъ здоровъ повертаетця!« ... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обѣими руками.... а сирота Федоря, сестра наймита Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую....«

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Василіемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первою чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Василій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и все это наша общая и постоянная принадлежность. Все, что́ онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первою чаркою на Ба-

(1) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукаваго*.

гату кутю́, непремѣнно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастіемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ—не плачутъ, а если и плачутъ, то или въ слѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, ка́къ у насъ говорится, они *пі́дъ ча́рочкою;* но на Багату Кутю плачутъ они непремѣнно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе — въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію Украинцевъ, большое для человѣка несчастіе жить вдали отъ семьи, большое несчастіе не быть или не поспѣть во́-время на такую семе́йную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастіе — не быть или не поспѣть во́-время на Багату Кутю; и въ слѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша семья, заплачутъ домочадцы, заплачетъ и вашъ сѣдоволосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо, — нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнятъ одинъ членъ семьи....

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василія Петровича.

Вопервыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багатой Кути, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, покрайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятья, живущіе въ *пріймахъ*, съ семействами, и наконецъ домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домочадцы, чѣлядь*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатой Кути и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей, — вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи, — и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Имѣющіе же свои семейства сыновья и дочери — хорошо если бы были, а нельзя имъ—они покрайней

мѣрѣ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, *съ вечерею*, къ дѣду и бабкѣ, и къ болѣе чтимымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василія Петровича домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги, — нѣтъ! Если бы у Василія Петровича смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатой Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, что́ ли, какъ и дѣлаютъ иные между моими земляками: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ, во время Багатой Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и ихъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежъ или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василія Петровича видно, что отецъ его былъ то, что́ называется *старосвѣцький чоловікъ*, а старосвѣтскій человѣкъ почелъ бы съ своей стороны большою неделикатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ — не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кутя, что всѣ члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: »Цáрство жъ небéсне нáшимъ батькáмъ и матерямъ« (или »нашимъ родúтелямъ« . Нашимъ — т. е. его самого и его жены), нашому Ивáсевi« и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатой Кути!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отираетъ себѣ слезы.... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи;—и вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что всѣ плачутъ — восклицаетъ: — »Э-ге-ге!.. та оцé ви бачý плáчете?!.. А та дурнá якъ розрюмалась!... Гóдi жъ ужé, кажý, гóдi!... Идú сюдú, Федóрко!...« , и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федóрка входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ. — »Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда всѣ стихли: — нехай же легенько згадаетця всiмъ!... помершимъ царство небесне, а намъ всiмъ на здорóвья!. .« выпиваетъ чарку и дѣлаетъ извѣстное возліяніе, быстро брызгая изъ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождая иногда еще словами: »Щобъ виюрúкували!« За главою семьи пьетъ вод-

ку хозяйка дома, за хозяйкою дома — старшій сынъ и т. д. по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте всѣ — *такъ годи́тця* (1).

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаются на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ — пироги съ вареным и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *квасо́лею*, помазанные сверху *сма́женымъ* съ лукомъ, конопляным, или льняным, масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шатко́ваною* капустою, съ варенымъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые подостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями, — и съ гречневою крупою, перемѣшанною съ визигою. — Пирогами закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ. Борщъ для Багатой Кути приготовляютъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ: квасъ изъ квашеныхъ *бурако́въ* (свеклы), одна-двѣ луковицы луку, нѣсколько зеренъ нетертаго круглаго перцу, конечно — соль, и неподжареные свѣжіе караси, пожалуй съ прибавкою нѣсколькихъ линовъ.

За борщемъ слѣдуютъ наши *товчёники*, уха изъ щуки, приготовляемая на постномъ маслѣ. Щука въ товченикахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клёцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ. — Товченики, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни (2), въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечёрі* на Багату Кутю особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ-что нѣтъ товчени-

(1) Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему по крайней мѣрѣ намочатъ ею немного темя.

(2) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товченики вкусно приготовлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жостко и безвкусно.

ковъ — кутя выходитъ *пряма*. По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ щукѣ.

Послѣ товченниковъ подаютъ жареную на постномъ маслѣ рыбу, — главнымъ образомъ щуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечери, *кутя́*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша.... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготовляетъ такимъ образомъ *ситу́*. За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вощину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ мои земляки и землячки немного; впрочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто разсказываетъ, и въ которомъ объѣвшійся глава семьи, метаясь на *полу́*, взываетъ къ женѣ и къ дѣтямъ: »Жінко моя́, діти моі, кутя́ мене́ зъ світа зжене́!« Есть еще и другіе анекдоты на туже тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что́ хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него́ похоже, а нашелъ представленными такія послѣдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узва́ръ* — отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ письмѣ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечери водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше *никто* не пьетъ *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ: не годи́тця, не звича́йно, гріхъ!* Тѣмъ не менѣе, хоть за вечерею этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Туть забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все.... и все, что́ тутъ есть, отдается прелести настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счастья.... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задушевности: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды.... Но въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ

и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ—счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону,—только вспомнитъ—улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронитъ.... Старикъ — глава семьи — оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутливъ.... женщины и дѣти спѣшатъ къ нему съ роемъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей чихнетъ за вечерею — корову, теленка, ягнёнка.... и хитрости дѣтскія — нюхать перецъ, чтобы чихать.... Отецъ понялъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягненка, даритъ рудóго кота Брýньку, или рябýю кошку Мáшку.... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ созналъ хорошо, что́ такое для него Кутя, и сознаніе свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется »на догáдъ буряківъ, щобъ далú капýсти« и »знай догадáйсь!«,— выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который разсуждаетъ, что хорошія, дескать, вещи Великдень и Різдвó: сегодня кормятъ хорошо и завтра недурно; но нѣтъ въ мірѣ ничего лучше Багатой Кути — сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... »А что ужъ заговѣнье,« заключаетъ цыганъ: »то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣжь хоть тресни, а завтра — *зъ хріномъ борщъ, зъ хріномъ борщъ!*« (1)

Послѣ вечери тотчасъ и отправляютъ дѣтей съ *вечéрею* къ дѣду, бабкѣ, къ любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Кáкъ ихъ снаряжаютъ и кáкъ отправляютъ,—предоставляю объ этомъ разсказать послѣ, болѣе опытному разсказчику, Василію Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужнія дочери и женатые сыновья, пріѣзжаютъ ли они къ *вечéрі*, или послѣ, во время праздниковъ—и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

(1) Въ первый день поста, какъ извѣстно, звонятъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *коромисла*, и издаютъ мѣрные звуки въ три темпа. Въ этомъ трехтемпномъ звукѣ постоваго звона моимъ землякамъ послышались слова *зъ хріномъ борщъ*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

Выпроводивъ съ вечерею дѣтей, хозяйка тѣмъ изъ нихъ, которыя остались дома (что впрочемъ бываетъ только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это же время моютъ себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать всѣ безъ исключенія*, и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечери на Багату Кутю, не пойдетъ ни куда ни подъ какимъ видомъ, на *дóсвітки*, на *ýлицю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безтыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нравамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшимся съ нашею плотью и кровію обычаямъ, что оказаннаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *хижъ* и коморъ все, что имъ нужно для завтрашняго стола и убранства, перемываютъ посуду, мажутъ *дíлъ* рудою глиною снова, моютъ себѣ головы и ноги, надѣваютъ чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, что только есть въ ней грязнаго, и — кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти, — поджидавшая уложитъ и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣникомъ еще разъ полъ. .. потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ воскресеньемъ и предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ своею святою ножкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожитель.... Послѣ этого, поджидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ цѣлую свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганецъ, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари.... И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій насъ и нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать чрезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьянствуемъ въ это время или что непотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, »Духъ Святíй при нихъ и при нáшихъ осéляхъ!« населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строитъ съ ними какія бѣсовскія проказы...

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ откроетъ ее на Ріжківскихъ болотахъ, съ своею лопатою и плеш-

нем семидесятилѣтній рыбалка, Каленикъ, по отечеству Даниловичъ, по прозванію Переграй, до того момента, какъ закончитъ ее, всыпавъ въ каганецъ масла или сала поджилавшая дѣтей, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкина невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь повѣсти, кѣмъ нибудь описанной, вѣрьте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно спѣлъ, но сказалъ правду,—не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацію нашей Багатой Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полнаго уразумѣнія ея внутренняго смысла, мнѣ кажется, вы никакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца идущаго чествованія *своему близкому, родному*. Я говорю это потому, что своимъ, *рідним*, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начипая отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первою чаркою и развозки *куті* по *роднымъ, близкимъ!*... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія, — не берусь разсуждать; »хто ёго знáе! про те пісьмéнні лю́ди знáють — іхъ роспитáйте!«

Въ заключеніе послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерею и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ кути и узвару, дѣйствительно посылаютъ и еще разныя разности, какъ говоритъ и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣда, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые,— только узваромъ и кутею, а вторые — одною кутею.

»....Вотъ,« говоритъ Василій Петровичъ, »мать моя уже хлопочетъ около вечери! Горщечки, баночки, *макітерки*, тарелки, — съ кутею, узваромъ и разными разностями — уставлены въ безмѣрной величины бѣлую миску, въ которой обыкновенно святятъ паску.... Вотъ миска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти снѣжной бѣлизны; терпѣливо поджидаетъ насъ и обливается испареніями отъ варёнаго, какъ обливается потомъ красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами новенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджидающая своего мѣшкотнаго сибарита-мужа.

»Вотъ на насъ, дѣтяхъ, уже *білéнькі сорочéчкі*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ всѣхъ лентами.... На насъ верхняя теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьемъ мѣху, пред-

метъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!..

»Вотъ уже и нянька моя собралась — смотрѣть за дѣтьми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечерею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вечеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ только одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ случаѣ!

»Вотъ, лучшія сани, устланныя лучшими коврами изъ материныхъ сундуковъ и запряженные непремѣнно лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца,—а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидитъ самъ дѣдъ Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочно-сдѣланныя возжи, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерею!...

»Вотъ дівчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерею, а за ними и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперегъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, какъ пряники въ кульки, и усажены въ сани, а тотъ тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія.... Нянька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой....

»—Съ Богомъ! — говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

»Дідъ Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ уздцы, отскочилъ въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихся кочкахъ.

»Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемся вдоль хутора, поворотили на *взвізъ*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки: — на горѣ, на крыльцѣ, виднѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣроятно любуется лоснящеюся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *мірошникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что коников-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька-*килимница* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрая моя мать!... и безъ-сомнѣнія, думаетъ она не о крутошеихъ жеребцахъ, и не о надежныхъ коникахъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ....»

М. Номисъ.

20 декабря 1858.

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ.

Статья вторая.

Вся повѣсть *Сорочинская Ярмарка* основана на сватовствѣ. Выше сказано уже, что пáробокъ *честнаго и хорошаго роду* (а, по моему объясненію, это одно и тоже, что зажиточный женихъ), какимъ представленъ Гоголевъ Фатъ въ попойкѣ, не рѣшится приволокнуться слишкомъ явно за дѣвушкой, увидя ее впервые отроду, какъ бы она ни была хороша собой. Гоголь, *не зная простонародной Украины*, живописалъ ея нравы и обычаи по образцамъ антинароднымъ, которые составляютъ предметъ насмѣшекъ въ простонародныхъ бесѣдахъ. Если угодно, я приведу здѣсь очень характеристическій случай. Въ одномъ изъ украинскихъ городовъ, дѣлающихъ скачки изъ XVII въ XIX вѣкъ, не имѣя на то никакихъ разумныхъ правъ, данъ былъ лакейскій балъ. Нѣкто, отличающійся большою наблюдательностью, отпустилъ на балъ своего слугу, только-что поступившаго въ высшее сословіе изъ сословія пахарей. Возвратясь домой, слуга, на вопросъ своего господина: что происходило на балу? отвѣчалъ слѣдующими словами: *Танчили крутька* (1) *и таке неподобне робили, якъ и настоящі пани. У дівчатъ—груди голи, а сзаду—вибачайте въ сімъ слові—якъ пічъ, и все те, мабуть, фалшиво надуто!*

---

(1) Т. е. вальсъ.

Видите какая бездна раздѣляетъ пахаря отъ пана и лакея, которые служили Гоголю прототипами въ изображеніи простонародной Украйны? Не правда ли, что смѣшна рѣчь слуги-пахаря?.. Но мы вовсе смѣемся не тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣялся Гоголь, когда живописалъ извѣстнаго рода ночныя свиданія простонародья, когда изображалъ сватовство влюбленнаго паробка и когда—помните это?—заставилъ украинскаго рыцаря, полковника XVII вѣка, биться на кулакахъ съ возвратившимся изъ бурсы сыномъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Мы смѣемся тому, что образъ жизни пановъ названъ здѣсь *неподобнымъ*. Смѣшно и вмѣстѣ поразительно вѣрно: даже и *подобія* нѣтъ между людьми, брошенными на произволъ судьбы съ XVII вѣка, и между тѣми, которые ускакали на московской тройкѣ въ XIX вѣкъ! Подобіе между ними находилъ только незнавшій простонародной Украины Гоголь, вмѣстѣ съ своими близорукими книжниками–цѣнителями. Мы смѣемся тому, что дівча́та горничныя подражаютъ здѣсь госпожамъ своимъ, которыя такимъ точно образомъ подражали нѣкогда иноземнымъ женщинамъ, притупившимъ тонкое цѣломудріе. Но сквозь этотъ смѣхъ видѣнъ намъ чистый, бѣдностью и отчужденіемъ сохраненный отъ псевдо–просвѣщенія, образъ женской граціи, которую эстетическіе Греки прозвали *стыдливою* и которая стыдлива до–сихъ–поръ въ украинскомъ простонародьи. Намъ смѣшна въ устахъ пахаря-слуги злѣйшая каррикатура, отъ которой не отказался-бы и Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ*. Мы хохочемъ надъ комическимъ простодушіемъ необразованнаго мужчины, лишеннаго «*утонченнаго вкуса*», а между тѣмъ не можемъ не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющій призадуматься, смѣхъ началъ производить Гоголь, забравъ въ свой умъ «всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ» и «соображая все отъ мала до велика, ничего не пропустивши» (1). Но въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, по его собственному признанію, его «подталкивала молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы» (2) и которая для многихъ остается неизмѣннымъ состояніемъ. Этихъ-то многихъ, первыя произведенія Гоголя, которыя такъ горячо отстаивалъ критикъ

(1) «Сочин. и Письма Гоголя», т. III, стр. 515.
(2) Тамъ-же, стр. 500.

Русской Бесѣды, «заставили смѣяться такъ-же беззаботно и безотчетно, какъ и самого автора»; но «другихъ», которымъ, вмѣстѣ съ приближающеюся старостью, даются и ея преимущества, «приводили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости (1)!» Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: пахарь-слуга обнаружилъ гораздо больше условій украинскаго юмора, нежели великій писатель, неприготовленный къ своему дѣлу жизнію, — нежели геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію.

Я дѣлаю это сближеніе не для шутки. Слова паробка—слуги о фальшивыхъ прелестяхъ городскихъ красавицъ характеризуютъ вкусъ каждаго паробка, а въ томъ числѣ и Голопу́пенкова сына, какъ-бы ни было смѣшно данное ему авторомъ имя. Вообще нашъ поселянинъ ничего не любитъ фальшиваго; чувство это лежитъ не только въ основаніи его быта, но и въ основаніи самой его природы, создающей и возсоздающей безпрестанно этотъ бытъ, несмотря на всѣ извращающія его обстоятельства. Онъ до-того не любитъ называть вещи несоотвѣтствующими имъ именами, до-того противна ему фальшивая оцѣнка чего-бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, онъ не запрашиваетъ лишней цѣны своему товару. Не угодно ли прочесть у И. С. Аксакова, въ его изслѣдованіяхъ украинскихъ ярмарокъ, слѣдующее мѣсто: «Другое существенное различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли.... Малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажѣ, одной опредѣленной цѣны, которая, разумѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается съ честною умѣренностью. Мы нарочно наблюдали простыхъ Малороссіянъ и Великорусскихъ торговцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что́ стоитъ вещь? напримѣръ, гусь? спрашиваете вы.— «Тридцать шаговъ» (грошей), отвѣчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ.— «Вотъ тебѣ гривенникъ» (5-ю коп. ср. дешевле), говорите вы, по русской привычкѣ торговаться.... «И то гро́ши (т. е. деньги), отвѣчаетъ флегматически Малороссіянинъ, и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, великорусскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя, по платью, по рѣчи, по пріему, мигомъ смекнетъ, должно-ли сдѣлать ему «уваженіе», т. е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны» и проч. (2)

(1) Тамъ-же, далѣе.

(2) *Русская Бесѣда*, 1858 года, кн. II, отд. наукъ, стр. 101.

Послѣ этого не трудно понять, какъ остороженъ, какъ щекотливъ долженъ быть нашъ простой пахарь, чумакъ, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой *хохолъ*, относительно фальши въ товарѣ, который онъ продаетъ. Если-же онъ не любитъ продавать фальшиваго, то судите, можетъ ли онъ, безъ строгой разборчивости, пріобрѣтать фальшивое, а тѣмъ болѣе, когда это пріобрѣтеніе называется: *невѣста!* Паробокъ встрѣтилъ дѣвушку, о которой невольно воскликнулъ: «ай, да дівчи́на!» — этого еще слишкомъ для него мало. Онъ знаетъ, что въ городахъ еще больше красавицъ, нежели въ селахъ; но, можетъ-быть, другіе не знаютъ, что ни на одной изъ нихъ онъ не согласился-бы жениться, несмотря ни на богатство, ни на что, — и это не отъ чего иного, какъ отъ одного опасенія фальши. Заѣзжій корнетъ, продувной помѣщикъ, купчина, воздыхающій о капитальцѣ, могутъ, воскликнувъ: «ай да дѣвушка!» черезъ часъ приступить къ сватовству; но Голопупенковъ сынъ, какъ бы онъ ни былъ смѣшонъ въ глазахъ автора, объ этомъ и не подумаетъ.

Можетъ быть, не одинъ изъ моихъ читателей слышалъ разсказы о вечорницахъ,—не о тѣхъ, которыя совершаются подъ балалайку и которыя авторъ *Вечеровъ на Хуторѣ* могъ видѣть на барской кухнѣ, а о настоящихъ украинскихъ хуторскихъ вечорницахъ. Это — сходки молодыхъ людей обоихъ половъ, у одной изъ сосѣдокъ; вовсе не въ домѣ зажиточнаго пасичника, къ которому ѣздятъ въ гости горожане, а непремѣнно у какой нибудь одинокой вдовы, у которой нѣтъ дѣтей и въ хатѣ просторно. Собираются на вечерницы какъ-будто для работы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы, вдали отъ надзора женатыхъ, наговориться и наслушаться рѣчей, которыя не приходятъ на языкъ среди степеннаго люду, озабоченнаго дѣтьми и хозяйствомъ. Тутъ-то душа у каждой дѣвушки на-распашку; тутъ-то льются поэтическія пѣсни; тутъ-то ея богатства сіяютъ въ живыхъ рѣчахъ, нестѣсненныхъ предержащею домашнею властью; тутъ-то обнаруживается вся та *природная грація*, весь тотъ *художественный складъ мыслей*, вся та, *доведенная до-нельзя, утонченность въ области чувства*, которыя И. С. Аксаковъ, во время своихъ разъѣздовъ по Украинѣ, находилъ, безъ различія сословій, въ украинскихъ женщинахъ (1). И вотъ гдѣ наши па-

(1) Тамъ-же, стр. 98—99.

робки́–пахари выбираютъ себѣ невѣстъ, или — лучше сказать — возлюбленныхъ. Это *лучше сказать* прибавлено мною потому, что наши паробки очень долго не женятся, очень долго живутъ одной близкой дружбой съ *коханою дівчиною*, и наконецъ удостовѣрясь, *що вона любить вірно* и *що нема й на всему свиті такої щирої души*, рѣшаются сдѣлать такъ, чтобъ ихъ не разлучили ни отецъ, ни мать, ни чужая сторона (1), подъ которою разумѣется разлука для чумацкаго промысла и заработковъ, а прежде разумѣлись военные походы. Если-же случится такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюби́ла коза́ченька, не спита́ла й відки,

или такъ, какъ случилось у Квитки между Василемъ и Марусею, или такъ, какъ случилось у Макаровскаго въ его поэмѣ: *Наталя* (2):

Вінъ ні мо́ви, я ні сло́ва, тіло затряслó́ся, —
Ста́лось ли́хо, и на віки въ се́рденько впило́ся;

тогда паробокъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ поступалъ Василь, который подробно развѣдалъ о Марусѣ: кто она? каковъ ея родъ? каковъ ея отецъ? какова ея мать? какихъ она нравовъ? каковъ ея обычай? и прочая, и прочая, и потомъ уже искалъ симаго благовиднаго предлога, что́ называется, *занять* ее, да не такъ занять, чтобъ тотчасъ влѣпить поцѣлуй среди народа, какъ у Гоголя, а съ полнымъ уваженіемъ къ женщинѣ, въ которой онъ видѣлъ не что́ нибудь *клубничное*, какъ выразился бы, можетъ быть, Гоголь, а будущую жену свою. Или-же такъ поступаетъ въ этакомъ любовномъ казусѣ паробокъ, какъ у Макаровскаго поступилъ Опанасъ Левенецъ, не имѣющій никакой надобности для своего прозвища въ смѣшномъ сочетаніи такихъ словъ, какъ *пупъ*, *пузо*, *ре́пать* и тому подобныхъ, очень понравившихся у Гоголя любителямъ живописи народныхъ нравовъ.

---

(1) Перифразировка слѣдующихъ словъ народной пѣсни:

Ой поможи, Боже, намъ на рушничку́ стати!
Тогді не разлу́чить ні отець, ни мати,
Ні чужая чужи́на,
Коли судилася дружина.

(2) См. *Южный Русскій Сборникъ*, изданный Амвросіемъ Метлинскимъ.

Онъ, въ качествѣ чумака, проѣзжалъ черезъ село, въ которомъ жила вдова съ дочкой-красавицей. Пригнавши къ сельскому водопою поить своихъ воловъ, онъ встрѣтилъ Наталю, которая раннимъ утромъ возвращалась отъ рѣчки съ полными ведрами. Чумакъ тоже былъ пораженъ красотою дѣвушки, какъ и Гоголевъ Голопу́пенко; но, какъ онъ былъ сынъ честныхъ родителей - пахарей, а не былъ взятъ съ толкучаго рынка и наряженъ, для повѣсти, въ украинскую свитку, то и не вскричалъ: «ай да дѣвушка!» по—солдатски. Онъ попросилъ позволенія напиться изъ ведра, и только послѣ этого пристально взглянулъ на красавицу. Тутъ—то совершилось обоюдное очарованіе выраженное выше въ двухъ стихахъ. Но Опанасъ не сказалъ ни слова красавицѣ. Все, что̀ онъ сдѣлалъ, по внушенію украинской народной влюбчивости, было—освѣдомленіе въ селѣ (и то, безъ сомнѣнія, очень деликатное), кто такая эта красавица? Воротясь домой и услышавъ, что отецъ и мать, въ бесѣдѣ съ пріятелями, высказали готовность принять, въ свой богатый домъ, даже самую бѣдную дѣвушку,

Аби́ до́брая, покірна й сорому́ боя́лась
Да Пана́сові душе́ю й се́рцемъ сподоба́лась, —

онъ началъ помышлять о сватовствѣ. Но для него мало забранныхъ мимоходомъ справокъ: онъ посылаетъ *на розвідини* родственника, человѣка бывалаго и расторопнаго, и, между прочимъ, говоритъ ему:

Роспита́йся: дівка, ка́жуть, до́ня удови́ці....

Прошу обратить вниманіе на подозрительность украинскаго искателя невѣсты. Одно уже то, что̀ въ семьѣ нѣтъ отца, главы и блюстителя нравовъ, наводитъ его на сомнѣніе; ибо дочь отцовская, или по—нашему *отéцька дитина*, была—бы болѣе надежной женою, была-бы наименѣе фальшивымъ товаромъ въ этого рода пріобрѣтеніи. Но, такъ какъ украинецъ ни въ чемъ не держится безсмысленно одной формы, то Опанасъ говоритъ своему послу далѣе:

Хай и такъ. Якъ-же у се́рці ві́ру й Бо́га ма́е
И худо́і за собо́ю сла́воньки не зна́е,
То я ви́кину, да й швидко, молоде́цьку шту́ку:
Дамъ ій се́рденько за се́рце, ру́ченьку за ру́ку!

Прошу позволенія остановиться на этихъ стихахъ. Въ чемъ тутъ

заключается *молодецкая штука?* Въ томъ, что *зажиточный* паробокъ долженъ жениться на *зажиточной* дѣвушкѣ, если слѣдовать обычаю слѣпо; ибо, какъ я уже объяснялъ, зажиточность и достоинство поведенія каждой семьи, въ простомъ пахарскомъ быту, неразлучны. У меня могутъ спросить: почему-же дочь вдовы предполагается незажиточною? Отвѣчаю: дочь вдовы—дворянки, дочь вдовы-мѣщанки, дочь вдовы—горожанки, вообще—не должна, во мнѣніи паробка — предполагаться незажиточною потому только, что у ней нѣтъ отца. Но Опанасъ и авторъ смотрятъ на вещи практическимъ взглядомъ человѣка, очень близко знающаго условія пахарской сельской жизни. Здѣсь капиталовъ и текущихъ безъ труда доходовъ нѣтъ. Здѣсь трудъ награждается самою природою, и притомъ на столько, на сколько нужно для извѣстнаго времени, можно-сказать — для одного сезона. Когда хозяинъ обезпечитъ свое существованіе до весны и когда у него есть рогатый скотъ для весенней запашки, то онъ считаетъ себя и слыветъ во мнѣніи другихъ богатымъ. Онъ до такой степени удовлетворяется тѣмъ, что́ для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него трудъ — для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрокъ. Онъ, по евангельскимъ словамъ, не печется объ утріи, ибо утрій самъ о немъ печется. Онъ знаетъ, что послѣ зимы настанетъ лѣто со всей своей благодатью, и спокойно ѣстъ свой домашній кусокъ хлѣба, не помышляя о болѣе лакомомъ.

Само собою разумѣется, что я говорю о большинствѣ; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно какъ есть и такіе, которые спустятъ на ярмаркахъ весь осенній сборъ и, по народной пословицѣ, *кладутъ зуби на полицю* до новаго урожая, а попросту—перебиваются кое-какъ. Вообразите же себѣ положеніе семьи пахаря, когда выбываетъ изъ нея мужчина, на которомъ лежала главная часть полевыхъ работъ и домашняго управленія. Наймитъ-пахарь хорошъ только въ глазахъ хозяина. Вдова не въ состояніи держать его въ страхѣ Божіемъ и порядкѣ. На нивѣ онъ заспитъ, а волы попадутъ въ *спашъ*, за который надобно отвѣчать пенею. Воловъ онъ не напасетъ всегда до сыта, не напоитъ во время, не предохранитъ отъ дождя, который дѣлаетъ подъ ярмомъ мучительныя прогоины: отъ этого скотъ зимою худаетъ, хвораетъ и мало по малу изводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера, должна наконецъ уступить силѣ вещей, должна лишиться собствен-

наго *плуга воловъ*, отдать землю въ чужія руки и довольствоваться частью урожая, который весь принадлежалъ хозяину. Такъ и во всемъ другомъ. Вдову и сельская полиція обременяетъ излишнимъ постоемъ; у вдовы и огородъ опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скорѣе, нежели въ иномъ дворѣ, и комора будетъ обокрадена, и проч., и проч. Подобныя явленія у сельскаго паробка-пахаря безпрестанно передъ глазами. Поэтому онъ и не можетъ съ понятіемъ о вдовѣ соединять понятіе о богатствѣ. И въ народныхъ пѣсняхъ вдова всегда изображается небогатою; напримѣръ:

Чи се та́я вдова́ живе́, що на ріжку́ ха́та?
Хоро́шую дочку́ мае, сама́ небога́та.

Упадокъ дома, изъ котораго выбылъ тотъ, кѣмъ все держится въ порядкѣ, очень хорошо изображенъ въ думѣ о козацкой жизни, въ которой постоянное отсутствіе хозяина соотвѣтствуетъ его смерти:

Зна́ти, зна́ти коза́цьку ха́ту
Скрізь деся́ту:
Вона́ соло́мою не покри́та,
При́спою не оси́пана,
Коло двора́ нечи́ста ма и кола́,
На дрівітні дровъ ні поліна, —
Седи́ть въ ній коза́цька жінка — околі́ла.
Зна́ти, зна́ти коза́цьку жінку,
Що всю зіму бо́са хо́дить,
Горшко́мъ воду но́сить,
Поло́никомъ ді́ти напува́е (1)

Эти стихи сами собой наводятъ насъ на другую сторону сомнѣнія сельскаго паробка въ томъ, чтобы дочь вдовы могла быть для него достойной женой и хозяйкой въ домѣ; ибо, при разстройствѣ хозяйства, мало-по-малу ослабѣваютъ въ хозяйкѣ привычки, въ которыхъ слѣдуетъ ей воспитывать дочь свою. Предположивъ вдову женщиною самою твердою въ правахъ и обычаяхъ, все-таки надобно допустить, что хозяйство у ней не можетъ быть такъ полно, какъ въ домѣ, нелишенномъ главы своей; а при исчисленныхъ мною не-

1) *Записки о Южной Руси*, т. I, стр. 220.

благопріятныхъ обстоятельствахъ, случающихся сплошь да рядомъ, она лишается не только воловъ, но часто коровъ и овецъ, для которыхъ не въ силахъ запасать на зиму корму. Чаще всего вдова съ дочерью ограничиваются небольшимъ доходомъ съ пахатнаго поля и лѣтнимъ зажономъ у богатаго землевладѣльца; остальное же время онѣ проводятъ въ домашнихъ рукодѣльяхъ: прядутъ, ткутъ, вышиваютъ. Когда въ пѣснѣ поется:

Чи се тая дівчи́нонька живе́
Що хоро́ші шири́ночки ши́е?

то это непремѣнно говорится о дочери вдовы, ибо *хозяйскимъ* дочерямъ бываетъ не до того, чтобы совершенствоваться въ сельскихъ изящныхъ искусствахъ. Суровый взглядъ главы семейства на жизнь и ея нужды всѣ цацки называетъ *пустошью*, и въ домахъ, полныхъ, какъ говорится, всякой благодати, мать съ дочерьми занимаются только украдкой мере́жками, шитыми рушниками, писанками передъ Вели́коднемъ, или же заказываютъ все это одинокимъ вдовамъ и ихъ дочерямъ, платя пшеничной мукой, горохомъ, а иногда и просто насущнымъ хлѣбомъ. Отъ этого выходитъ, что вдовины дочки вырастаютъ бѣлоручками, развиваются, какъ уединенныя лиліи и вознаграждаютъ недостатокъ богатства красотою, — непривеволиваемыя къ полевымъ и надворнымъ работамъ, а, пожалуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшаго въ семействѣ и воспиталась въ дружескихъ бесѣдахъ и *пора́дахъ* съ нѣжною, горюющею, но зато свободною, матерью. Эти преимущества привлекаютъ къ нимъ вниманіе паробковъ-богачей и, такимъ образомъ, уравномѣриваются блага жизни въ простомъ сельскомъ быту, украшаемомъ въ то же самое время поэзіею, рождающеюся изъ лишеній и страданій.

Но паробокъ-богачъ есть болѣе или менѣе представитель нравовъ, которыми весь его родъ дожилъ до его времени, не потерявъ своего кореннаго характера. Есть ли у него родители, или же онъ самъ дошелъ до того *по́вного зро́сту*, въ которомъ уже не пошатнется на-сторону и не спуститъ съ рукъ *батьковщины*, все равно онъ — великій практикъ въ своей сферѣ дѣйствій, при всей поэтичности своей души, влекущей его къ тому, что́ насъ очаровываетъ въ женщинѣ. Развитому гражданственностію человѣку дается особенное, вполнѣ для него ясное, уразумѣніе своего положенія въ жизни

и своей будущности. Неразвитому — дается, такъ сказать, инстинктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобъ она напоила его травою забвенія:

Ой дай мині такé зілля, щобъ тебé забýти!

Борьбою и колебаньемъ между поэтическими симпатіями и практическою необходимостью — поступать по внушенію родителей и даже *роду* (1) — наполнены народныя самыя изящныя пѣсни, — эта вѣчная, драгоцѣнная книга жизни народной, въ которую любившія и страдавшія сердца вписали неизгладимыми словами свою исторію, въ науку и въ симпатичное наслажденіе отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ людей, съ поэтическою всезнающею и всечувствующею душою (2).

Если–бы Гоголь, при своемъ, истинно–творческомъ, дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, — онѣ однѣ повели-бы его перо совсѣмъ въ иную сторону, и тогда-бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія, картины природы въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили–бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцевъ, былъ, по словамъ Полеваго, больше москаль и горожанинъ, нежели украинецъ, ознакомленный съ бытомъ своего народа, хотя въ то же время онъ былъ и поэтъ, да еще геніальный.

Смотрите однакожъ, въ какой зависимости находится природный геній отъ изученія предмета своей дѣятельности! Сибирякъ, вышедшій изъ лавочныхъ сидѣльцевъ въ литераторы, первый обличилъ геніальнаго поэта въ беззаконіи его творчества.

По–случаю появленія украинскихъ повѣстей Гоголя, нагромождена вавилонская башня сужденій; но народъ, безъ согласія и мимо вѣдома котораго строилось это чуждое его жизни зданіе высшихъ взглядовъ на жизнь и искусство, не сговариваясь между собой, протестовалъ противъ современныхъ властелиновъ знанія — или своимъ очень, очень медленно измѣняющимся бытомъ, или своею единодушною поэтическою

---

(1) Свáтавъ–бы я дівчúноньку, такъ рідъ не велúть.

(2) Послѣднія слова покажутся странными тому, кто не помнитъ превосходнаго стиха Шевченка:

Тому́, хто все знáе, тому́ хто все чу́е...

рѣчью, или, наконецъ, устами своихъ вдохновенныхъ литературныхъ представителей, которыхъ повѣсти о немъ «живы, какъ сама жизнь, прекрасны и вѣрны, какъ сама правда.» Гоголь возвысился впослѣдствіи до уразумѣнія художественнаго самообразованія. Онъ поднялся въ этомъ выше всѣхъ своихъ критиковъ. Въ немъ отъ природы такая заключена была сила истиннаго творчества, сила создавать изящное на долголѣтнюю жизнь въ потомствѣ, такой вѣрный инстинктъ генія, что онъ не былъ остановленъ въ саморазвитіи, въ стремленіи выйти на собственный свой путь даже и неумѣренными похвалами почти всей читающей Россіи, — опаснѣйшимъ изъ всѣхъ препятствій, какія только существуютъ для развитія великаго таланта. Ибо строгая школа предназначена въ жизни всякому истинному поэту, и величайшая требуется отъ него осторожность въ наслажденіяхъ благами, которыя люди обыкновенные могутъ вкушать безъ-оглядки. Гораздо спасительнѣе для поэта, если только онъ истинный поэтъ, быть встрѣченнымъ со стороны большинства цѣнителей такъ, какъ писалъ, по горькому опыту, Шевченко о своихъ первыхъ произведеніяхъ:

Знáю вáшу слáву:
Поглузýють, покепкýють,
Да й кúнуть пiдъ лáву!

Не бойтесь, его не сломятъ порицанія, насмѣшки и даже совѣты великихъ авторитетовъ, часто очень опасные совѣты для поэта, явившагося не оттуда, откуда приходили другіе поэты, и не съ тою рѣчью, какой они бывали одарены. Сильные аргументы приводятъ эти судьи, справедливо уполномоченные въ своемъ кругу идей — судить объ искусствѣ и изрекать праведные законы искусства. Но, какъ всякій народъ живетъ по своимъ особеннымъ, часто невписаннымъ и въ книгу, законамъ, такъ и законы высокаго дара — потрясать сердца людскія — внушаются избраннымъ людямъ не отъ прославленнаго уже ареопага. Поэты это знаютъ, или, лучше сказать, чувствуютъ, и несмотря на то, что они иногда бываютъ не посвящены въ тайны книжной науки, «огни, а не слова» излетаютъ изъ ихъ устъ въ отвѣтъ на императивные совѣты записныхъ судей дѣла. Такъ, Шевченко, въ слѣдующихъ стихахъ, увѣковѣчилъ современные толки о немъ премудрыхъ міра сего:

Одъ козáцства, одъ гетьманства
Висóкі могúли,

Більшъ нічо́го не оста́лось,
Да й ті розрива́ють,
А вінъ хо́че, щобъ слу́хали,
Якъ старці співа́ють!

Ему совѣтозали писать общепринятымъ въ россійской имперіи языкомъ. Ему совѣтовали изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, т. е. у всѣхъ цѣнителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что онъ погребетъ свой талантъ въ стихахъ, которыхъ никто не понимаетъ, и въ изображеніи явленій, которымъ никто не сочувствуетъ. Устами этихъ добродушныхъ людей говорила сама истина, но только горизонтъ ея былъ видимъ съ небольшой высоты. Поэтъ нашъ, озирая, съ своего подъоблачнаго полета, несравненно обширнѣйшія, невѣдомыя другимъ, пространства, отвѣчалъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Пра́вда, му́дрі!
Спаси́бі за ра́ду!
Те́плий кожу́хъ, тілько шко́да —
Не на ме́не ши́тий,
А розу́мне ва́ше сло́во
Брехне́ю підби́те.

И потомъ, развернувъ, въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями, и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергіею стараго времени и разумною энергіею современнаго генія, онъ восклицаетъ:

Одъ-де моé добро́, гро́ши,
Одъ-де моя́ сла́ва!
А за ра́ду спасибі вамъ —
За ра́ду лука́ву.

Въ этихъ стихахъ каждый, кто понимаетъ дѣло собственнымъ толкомъ, увидитъ тяжкую борьбу таланта за свое существованіе, за свою будущность и, главное, за идею, которую онъ долженъ возвѣстить міру. Но Гоголь, борясь съ посыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ похвалами, совершилъ подвигъ еще болѣе высокій и назидательный. Исторія его жизни, собраніе его писемъ и при этомъ его сочиненія — это такія книги, которымъ не много равныхъ завѣщало

человѣчество будущимъ поколѣніямъ для уразумѣнія высокихъ психологическихъ, критическихъ и философскихъ истинъ.

Но возвратимся къ несчастнѣйшему изъ несчастнѣйшихъ Голопупенкову сыну, котораго уже одно имя дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ читателя, а непониманіе, какъ взяться за сватовство, просто — срамитъ во мнѣніи каждаго мужика.

Мы видѣли, какъ зажиточные и, что̀ все равно, порядочные паробки поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, Опанасъ Левенець: этотъ посылаетъ своего дя́дька (но не дядьку) Хмару *на розвідини* въ то село, въ которомъ онъ полюбилъ случайно встрѣченную дѣвушку, и дя́дько Хмара тотчасъ даетъ читателю понять, что не напрасно выбранъ для такого порученія. Онъ разсуждаетъ не по-гоголевски, а прямымъ толкомъ своего народа, — тѣмъ толкомъ, котораго авторъ украинскихъ повѣстей добился впослѣдствіи, несмотря на весь угаръ отъ журнальныхъ и нежурнальныхъ славословій. Онъ говоритъ молодому человѣку:

. . . . . Чи тобі-жъ то талану́ не зна́ти, —
Незнако́му сироти́ну за хозя́йку бра́ти!
Мо́же, ця́ця та по се́ламъ бро́дить безъ свити́ни,
По комо́рі не ходи́ла и коло скоти́ни.
А краса́ — плёва́ть на не́і, якъ добра́ не ма́е,
Коли́ пле́чи и грудни́цю ру́бьемъ покрива́е!

Дя́дько Хмара — большой прозаикъ; но его проза совпадаетъ съ народною поэзіею. Въ пѣсняхъ воспѣта жалкая участь невѣстки, взятой изъ такого дома, въ которомъ она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетерпящей отлагательства. Ее будитъ свекруха, жестоко упрекая въ былой ея бѣдности, положившей на ней печать свою, нестерпимую для людей работящихъ:

Встава́й, невістко, часъ до чередѝ гна́ти!
Подій ти́і коро́ви, що одъ ба́тька нагна́ла,
Попрого́нь ове́чки, що роди́на здарова́ла.

Вотъ какимъ взглядомъ на вещи вооружаютъ старшіе молодыхъ людей, сбирающихся жениться! Но часто молодость беретъ свое, и любящіеся приходятъ къ такому заключенію:

Зъ вели́кою худо́бою — се́рденьку доса́да,
А зъ лю́бою друзи́ною — о́ченькамъ одра́да.

Зъ велúкою худóбою — бúтись та сварúтись,
А зъ лю́бою дружúною — на свiтi нажúтись.
Зъ велúкою худóбою — гóре мини бу́де,
А зъ лю́бою дружúною — не стúдно й межъ лю́де.

Это, однакожъ, происходитъ въ такомъ случаѣ, когда они очень хорошо другъ друга знаютъ и когда зависятъ сами отъ себя. Но, не зная дѣвушки, сельскій пáробокъ не бросится на одну красоту и не рѣшится на сватовство, какъ у Гоголя. Дя́дько Хмара заѣхалъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, переночевать къ матери Натáли, а на другой день завернулъ въ сельскій шинокъ для повѣрки своихъ наблюденій и привезъ небожу самыя удовлетворительныя извѣстія. Тогда только Опанасъ открылся въ своихъ чувствахъ родителямъ и просилъ ихъ благословенія.

Не извѣстно, были–ли родители у Гоголева паробка. Онъ рѣшился на сватовство скорѣе, нежели каждый изъ его земляковъ, невведенныхъ въ повѣсть, рѣшился на покупку коня, и запилъ съ будущимъ тестемъ, Солопiемъ, могоричъ въ кабакѣ у Жидовки. Въ Украинѣ эти вещи, можетъ быть, слишкомъ для кого нибудь прозаическія, дѣлаются иначе. Украинскій сельскій паробокъ обращается къ самымъ достойнымъ изъ своего сословія людямъ съ просьбою — быть посредниками между нимъ и домомъ невѣсты, и въ этомъ виденъ нетолько народный, скрытый во всякомъ обычаѣ, практическій разумъ, но и тонкое чувство приличія. Еслибы молодой человѣкъ обратился къ родителямъ своей возлюбленной непосредственно, этимъ-бы онъ поставилъ себя съ ними какъ-бы наравнѣ, этимъ-бы онъ всю отвѣтственность за судьбу ихъ дочери принималъ на себя, этимъ-бы онъ явился въ ихъ глазахъ собственнымъ представителемъ и самъ себя аттестовалъ-бы достойнымъ столь великой довѣренности. Но, посылая вмѣсто себя сватовъ, людей степенныхъ, имѣющихъ собственныхъ дѣтей, онъ этимъ самымъ свидѣтельствуетъ передъ родителями невѣсты, что недостоинъ заводить непосредственно съ ними рѣчи о такомъ важномъ предметѣ, въ которомъ онъ, по молодости своей, не можетъ еще быть судьею; въ лицѣ сватовъ онъ представляетъ имъ поручителей, на которыхъ, яко имѣющихъ собственныхъ дѣтей, могутъ они положиться относительно участи дочери; наконецъ — и это самое главное — рекомендація людей постороннихъ, извѣстныхъ трудолюбiемъ и добрыми нравами, тоже гораздо больше

должна значить въ глазахъ родителей невѣсты, нежели все, что̀ могъ бы сказать имъ о себѣ женихъ, или внушить имъ своими поступками.

Поэтому-то, въ повѣсти Квитки *Маруся*, молодой паробокъ, будучи долго вхожъ въ домъ къ Науму Брусу, будучи любимъ въ этомъ домѣ какъ семьянинъ, не осмѣлился заикнуться, въ простыхъ и задушевныхъ бесѣдахъ, о сватовствѣ. Это оскорбило-бы чувства хозяевъ: это показало-бы, что онъ считаетъ себя въ ихъ глазахъ слишкомъ важной особой, если смѣетъ заговаривать съ ними о такомъ предметѣ, о которомъ, по чувству народнаго украинскаго цѣломудрія, ни въ какомъ случаѣ не прилично говорить холостому человѣку съ отцомъ семейства. Это, кромѣ того, уронило-бы его, во мнѣніи хозяевъ, какъ паробка *незвычайнаго*, то есть незнающаго, какъ слѣдуетъ вести себя, выражаясь по-городски, съ людьми порядочными Ибо манера быть съ людьми, тонъ разговора, деликатность въ выборѣ словъ, умѣнье избѣгать въ бесѣдѣ щекотливыхъ предметовъ,— все это внушается доброму украинскому паробку самою природою, а также нравами и понятіями народа, среди котораго онъ выростаетъ. Поэтому-то, зная близко народъ нашъ, не по его худшимъ, облакееннымъ, или обкулаченнымъ, образцамъ, мы находимъ дикими въ повѣстяхъ Гоголя такія вещи, какъ вопросъ Хиври: не сломили-ли вы себѣ шеи? Да и самъ паробокъ Квиткинъ смотрѣлъ на сватовство, какъ на религіозный обрядъ, и профанировалъ-бы его въ собственномъ чувствѣ, еслибы, сидя запросто съ отцомъ своей возлюбленной, сказалъ ему, какъ оный паробокъ Салопію: «Ну, Наумъ, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ-что хотьбы и на вѣки жить вмѣстѣ.»

Не знаю, какъ дѣлается у скитающихся Цыганъ, подъ ихъ «изодранными шатрами»; но въ украинской хатѣ чувство приличія играетъ очень важную роль, что̀ касается до деликатныхъ сердечныхъ струнъ, къ которымъ грубое прикосновеніе такъ нестерпимо для человѣка, развитаго общественностію. Посмотрите въ повѣсть Квитки, въ это совершеннѣйшее зеркало народныхъ нравовъ: нетолько Василь, въ бесѣдахъ съ стариками, не смѣлъ пикнуть о своемъ намѣреніи, но даже Маруся ни единымъ словомъ не выразила передъ матерью своихъ ожиданій. Этого мало: даже мать, желая отъ всего сердца видѣть Василя своимъ зятемъ, никогда не проговорилась объ этомъ передъ дочерью.

Обращу вниманіе читателя, въ новѣсти Квитки, на тотъ моментъ,

когда Настя, мать Маруси, объявила, что идутъ старосты и когда старосты стучались подъ дверью. Читатель не предвидѣлъ отказа со стороны Наума Бруса; но, какъ для каждаго изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ это событіе было невыразимою тайною въ ожиданіяхъ, то въ повѣсти возбужденъ интересъ необыкновенный, и вся церемонія сватовства совершается въ такой торжественности, какъ будто это какое-то религіозное дѣйствіе, исполненное таинственнаго значенія. Видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Квитка не имѣлъ высшихъ теоретическихъ понятій объ искусствѣ; онъ писалъ свою повѣсть въ простотѣ сердца, изъ поэтической любви къ изображаемому имъ быту; онъ разсказывалъ, со всею полнотою милой ему народной рѣчи, о томъ, что̀ узналъ самою жизнью своею, а не научнымъ наблюденіемъ; и потому его твореніе выходитъ «живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно какъ сама правда».

Взгляните еще, ка́къ торжественно дѣйствуютъ у Квитки сваты, ка́къ величаво они держатъ себя. Они сознаютъ, что не для забавы своей взялись за это дѣло и что дѣло это̀ касается счастья отживающей и другой, будущей, семьи. Таковы дѣйствительно бываютъ сваты. Слушая ихъ такъ называемыя *законныя рѣчи*, нельзя удержаться отъ улыбки; но это потому, что мы оставили этихъ людей съ XVII вѣка и воспитаны въ иныхъ нравахъ и обычаяхъ. И при всемъ томъ видишь въ нихъ членовъ общества, которымъ нельзя отказать въ уваженіи. Они дѣлаютъ честное дѣло; они дѣлаютъ дѣло честно. Будущему тестю давно извѣстны личность и достатокъ жениха. Они не надуваютъ ему въ уши небылицъ, подобно обычнымъ московскимъ свахамъ. Они пышными метафорами объ охотящемся за куницею князѣ рекомендуютъ жениха молодцомъ, достойнымъ того, чтобы такіе почтенные люди, какъ они, пришли съ «святымъ» хлѣбомъ въ такой почтенный домъ и произнесли, стоя, тѣ *законныя рѣчи*, которыя произносились ихъ дѣдами, прадѣдами и далѣе — до отдаленнѣйшей старины.

Еслибы Гоголь зналъ демократическую Украину, какъ знаемъ ее «мы, преемники Гоголя въ самопознаніи,» то онъ не заставилъ-бы конокрада Цыгана быть посредникомъ между Голопупенковымъ сыномъ и Солопіемъ, онъ содрогнулся бы за своего паробка, когда этотъ бродяга сказалъ ему: «мы заставимъ Черевика отдать *намъ* Параску!»

его сердцу было бы больно, что свѣжая сельская красавица, убранная свѣжими, какъ она сама, цвѣтами и лентами, будетъ отдана жениху руками, запятнанными воровствомъ, а пожалуй и человѣкоубійствомъ. Самъ же онъ говоритъ: «Человѣкъ, взглянувшій на него (на Цыгана), уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица.» Но паробокъ, взглянувъ на Цыгана — нетолько не почувствовалъ къ нему естественнаго, въ его сельской простотѣ, отвращенія, напротивъ, тотчасъ заключилъ съ нимъ унизительную для себя сдѣлку, оскорбляющую чувство читателя. Это не украинскій паробокъ: это — петербургскій *мазурикъ* въ нашей честной украинской свитѣ, точно такъ какъ Хивря — не украинская баба, а московская горожанка, и притомъ самая распутная, самая грубая, грубая до-того, что не знаетъ даже различія между ласковымъ и грубымъ словомъ, точно такъ какъ и хата съ подмостками подъ потолкомъ, на которыхъ она спрятала поповича, — не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями. Надобно думать, что Гоголь видалъ только снаружи хаты украинскихъ поселянъ, иначе — онъ зналъ бы, что доведенная до-нельзя въ нашемъ народѣ брезгливость къ нечисто приготовленной пищѣ заставляетъ его содержать свои хаты въ необыкновенной чистотѣ, чему препятствовали бы въ значительной степени полати, такъ такъ въ полатяхъ заводятся неискореняемо тараканы и всякія иныя не очень пріятныя насѣкомыя. Украинская хата очень немногосложна, и потому очень чиста; всё въ ней на виду; нѣтъ въ ней темныхъ угловъ, въ которыхъ сосѣдскій или хозяйскій глазъ не замѣчаетъ нечистоты. Скорѣе снаружи запуститъ хозяйка стѣны, въ рабочее время, но внутри она не можетъ сносить на стѣнѣ никакого пятна. Вообразите, какъ бы ее мучилъ видъ почернѣлыхъ и закопченныхъ полатей подъ потолкомъ, который у ней содержится въ такой же опрятности, какъ и столъ! Она каждый день стелетъ на чистыхъ подмосткахъ у стѣны постель, и каждый день сворачиваетъ ее и убираетъ къ мѣсту, оставляя подмостки, называемыя *поломъ*, для сидѣнья за работой и для дѣтей. Съ полатей постель сволакивать трудно; лазить на полати для приготовленія постели еще труднѣе. Она должна тамъ оставаться нерушимо какъ въ берлогѣ. Словомъ, видъ полатей непріятно поражаетъ украинца въ великорусской избѣ, и не поразилъ только Гоголя, такъ какъ онъ былъ, по воспитанію, больше москаль и горожанинъ, а простонародный бытъ

украинскій изображалъ только по распросамъ и по соображенію, котораго, какъ видимъ теперь и какъ увидимъ далѣе, у него часто не хватало на изображеніе самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ предметовъ.

Чтобы понять, какъ благоговѣетъ простой поселянинъ нашъ передъ сватовствомъ, вспомните у Квитки сцену, наступившую послѣ неожиданнаго отказа со стороны Наума Бруса. Торжественность обычая уступила на-время сильному волненью патетическаго момента. Но когда всѣ приступили къ Науму съ просьбою — объяснить причину непостижимаго ни для кого отказа, авторъ, хорошо знавшій демократическую Украину, вдругъ возстановилъ все достоинство сватанья слѣдующимъ отвѣтомъ отца семейства: *Не той часъ: при такому важному дiлi, якъ е сватанье, не можна всѣго говорити.* Повторяю опять мое замѣчаніе: видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Гоголь зналъ за собой большіе промахи въ изображеніи того, надъ чѣмъ всѣ смѣялись и надъ чѣмъ самъ онъ смѣялся также безпечно, какъ и читатели, но онъ смѣялся этакъ только до извѣстной поры, послѣ которой онъ, возвысясь надъ самимъ собой, становился уже на точку зрѣнія тѣхъ, которые по его словамъ, «приходили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости!» Не даромъ написаны имъ эти слова въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ главнѣйшимъ условіемъ «полнаго воплощенія» своихъ дѣйствующихъ лицъ считалъ полное вѣдѣніе ихъ сферы дѣйствій и соображеніе всего, отъ мала до велика, безъ всякаго пропуска. Въ «*Сорочинской Ярмаркѣ*» нѣтъ ни одного воплощеннаго лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины, придалъ своимъ поселянамъ рыночныя городскія свойства и побужденія, и лишилъ ихъ всей поэзіи народнаго быта, которой полны повѣсти непризнаннаго современною ему критикою Квитки, а этимъ самимъ лишилъ ихъ поэзіи правды, поэзіи дѣйствительности. Теперь, когда настали иныя требованія, указанныя самимъ же Гоголемъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, — надъ его украинскими повѣстями *пырхаютъ* только такіе люди, которые, въ познаніи Украины, не выше столичныхъ типографскихъ наборщиковъ, а защищаетъ ихъ отъ строгой этнографической критики одинъ только г. Максимовичъ.

Какъ ничтожна сцена между двумя кумовьями, которыхъ освобо-

дилъ отъ узъ Голопупенко, и между имъ самимъ и Цыганомъ (словомъ—XII глава *Сорочинской Ярмарки*)! Не одно то составляетъ здѣсь ничтожество, что украинскіе нравы оцыганены, что малороссійскіе поселяне уничтожены. Авторъ могъ найти между поселянами такія же относительно низкія личности, какъ его чиновники и помѣщики въ первомъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*, но надобно изображать и самый упадокъ нравовъ такъ, чтобы въ этомъ изображеніи была поэзія дѣйствительности. У Квитки, въ повѣсти *Мертвецькій Великдень*, представленъ пьяньчужка, котораго колотитъ жинка, который неисправимъ въ своей беззаботности и пристрастіи къ пьянству. Этотъ типъ очень распространенъ въ Украинѣ (1) и вошелъ даже въ пѣсенность:

Би́ла жінка мужика́, пішла́ позива́ти.

Національное чувство наше ни мало не оскорбляется изображеніемъ Квитки; ибо это—*мы*, въ нашемъ упадкѣ; это порокъ нашъ; этотъ выставленный великимъ писателемъ на вѣчный позоръ украинецъ-дрянцо—*братъ нашъ*, недостойный членъ, но тѣмъ не менѣе членъ великаго нашего семейства, и какое бы большинство нашего простонародья ни подходило подъ Квиткинъ унизительный для нашей гордости типъ, мы отъ него не отречемся,—все равно какъ не отречемся отъ стиха Шевченка:

А на́ша пра́вда пья́на спить!

Но отъ Гоголевыхъ украинцевъ, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, отъ Гоголевыхъ рыцарей-полковниковъ, которые позволяютъ себя тузить бурсаку сыну «такъ, что хоть бы и не пробовать (2),» мы рѣшительно отрекаемся. Можетъ быть, и есть на свѣтѣ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными типами, но *мы*, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ вообще, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевскихъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры или угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣй-

(1) О причинѣ мы не говоримъ, покамѣстъ.

(2) См. начало «*Тараса Бульбы*».

ствуютъ не по-украински, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ земляками не можемъ. Есть у Гоголя прекрасныя страницы объ Украинѣ, возстановляющія значеніе нашей націи въ глазахъ нашихъ соплеменниковъ. Есть у Гоголя художественныя изображенія человѣческаго ничтожества въ образѣ украинцевъ, изображенія, которыя мы сами готовы выставлять «на всенародныя очи», да возгнушается каждый тѣмъ, что́ унижаетъ насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но того, что̀ даже и могло бы льстить народному нашему самолюбію, но что̀ взято не изъ нашей жизни, мы признать художественно вѣрнымъ дѣйствительности не можемъ.

Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, ка́къ смотритъ самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили, въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и ученой точки зрѣнія, безъ пособія народовѣдѣнія. Онъ не подозрѣвалъ, что мужикъ, занесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужикъ, валяющійся *по-пiдъ тинню*, какъ наша пьяная правда въ стихахъ Шевченка, мужикъ въ одеждѣ невѣжества и непониманія даже азбуки нашихъ книжныхъ знаній, есть не что̀ иное, какъ старосвѣтскій кладъ, заклятый тѣмъ, кто положилъ его, на многіе годы, чтобы не дался онъ въ руки тому, кто не въ состояніи сдѣлать изъ него должнаго употребленія.

Всякъ изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ съ глупыми бабьими запечными *байками* о кладахъ. Одни клады навалены камнями непомѣрной тяжести, и эти камни можно сдвинуть съ мѣста только двѣнадцатью черными волами отъ одной коровы. Другіе скрыты въ землѣ, подъ нашими ногами, но чтобъ ихъ увидѣть, надобно провести въ бдѣніи Иванову ночь и не продремать того мгновенія, въ которое цвѣтетъ папоротникъ. Третьи являются ослѣпленнымъ гордынею нашимъ глазамъ въ видѣ невзрачнаго, заслюненнаго и—извините—сопливаго старичка, отъ котораго всѣ отворачиваются, не подозрѣвая, что этотъ гадкій старикашка — ходячій кладъ. Но бывали примѣры высокой поэтичности душевной, которая, высшимъ, святымъ взглядомъ на жизнь, уразумѣвала простую, очень простую истину: что

этотъ отверженный всѣми дряхлый старецъ—братъ нашъ. Народъ сохранилъ о такихъ примѣрахъ воспоминаніе, или лучше сказать—передалъ намъ глубокое свое убѣжденіе въ возможности чистаго, невиннаго добра на землѣ, — подъ видомъ кроткой сельской сиротки, которая, приближась безъ отвращенія къ старичку, утирала ему *хусточкою* носъ,—и вдругъ старичокъ разсыпался *скáрбомъ*!

Смотрите, при какихъ трудныхъ условіяхъ, послѣ какихъ тяжкихъ усилій, при какой трезвенности чувствъ и при какой святой любви къ ближнему *дается* наконецъ кладъ, скрытый отъ людей въ теченіе долгихъ лѣтъ, завѣщанный отдаленными предками отдаленнымъ потомкамъ и недоступный ни силѣ, ни мудрости тѣхъ, которые не въ надлежащее время захотѣли бы его открыть! Гоголь, при всей барскости своего дѣтскаго воспитанія, могъ такъ же, какъ и другіе, слышать глупыя бабьи запечныя байки о кладахъ. Гоголь, при всемъ отчужденіи своемъ отъ народа, при всемъ удаленіи отъ непосредственнаго его изученія, могъ быть и былъ наведенъ на мысль, что простой народъ нашъ—какой-то старосвѣтскій кладъ. Но Гоголь не прожилъ столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дождаться, на собственномъ хозяйствѣ, двѣнадцати черныхъ воловъ отъ одной коровы и сдвинуть съ клада камень непомѣрной тяжести. Гоголь, описавшій Иванову ночь по разсказамъ, лично не приносилъ жертвъ таинственному, поэтическому, убранному весенними цвѣтами, божеству сельской молодежи, чтобъ оно открыло ему, бодрствующему среди всеобщаго сна, то короткое мгновеніе, въ которое вспыхиваетъ и гаснетъ волшебный всеоткрывающій цвѣтъ папоротника. Гоголь, наконецъ, не бродилъ по селамъ въ такомъ видѣ и съ такой репутаціей въ народѣ, чтобы отъ него не скрывались робкіе, гонимые и вмѣстѣ презираемые, безсильные несчастливцы, и не сближался съ подобными ходячими скарбами до-того, чтобъ они разсыпались передъ нимъ всѣми своими душевными сокровищами.

Принадлежа однакожъ, по своей природѣ, къ тѣмъ избраннымъ вѣдателямъ тайнъ бытія, которыхъ нашъ поэтъ характеризовалъ стихомъ:

Тому, хто все знае, тому, хто все чуе, —

Гоголь не могъ остановить народъ безъ допроса о его старосвѣтскихъ сокровищахъ, и въ повѣстяхъ своихъ не разъ пробовалъ дѣлать съ предполагаемыми ходячими скарбами то, что̀ и оная сельская сиротка, но онъ дѣлалъ это не въ простотѣ сердца, онъ дѣ-

лалъ это съ-высока, по-барски, а иной разъ и такъ, какъ описано у Квитки въ его повѣсти: *Отъ тобі й Скарбъ!*

Поэтическая шутка Основьяненка, какъ все истинно поэтическое, вѣрное дѣйствительности, идетъ изъ рода въ родъ и имѣетъ многоразличныя примѣненія. Нѣкій Хома Масля́къ слыхалъ, подобно многимъ поэтамъ, что въ народѣ являются иногда ходячіе скарбы, и выдумалъ обогатиться безъ всякой заслуги, безо всякаго на то права; но вмѣсто обогащенія попалъ только подъ отвѣтственность передъ обществомъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

«То про́сючи, то пла́чучи, протурила его́ жінка объ Середохре́стті на заробітки, чи не добувъ бы чого́ икъ свя́ту, щобъ було чимъ разговітись. Потя́гъ Хома до слободы верстовъ за сімъ, и йде, и все свое думае: я́къ бы то на скорбъ наско́чити, забрати его́ та тогді бъ и гадки не мати! Ажъ ось, ди́витця—назу́стрічъ иде́ дідусь, старе́нькій, мале́нькій, горба́тенькій, та ще зігну́всь одъ старости, такъ мовъ при самій землі. Пика ёму не вмита, волоссе роскудо́вчане, нісъ не втертий, слина зъ рота такъ и бье, ажъ запінився, по всій бороді.

«Хома зъ ра́дощівъ самъ себе не тя́мить. Чувъ, що́ и якъ у тако́му ділі робити; за́разъ підбігъ до дідуся́, втеръ ёму́ нісъ, обіте́ръ ёму ріть,—нічо́го! Діду́сь не розсипавсь, а тілько муги́че щось таке́ та весели́нько усміха́ючись, знай ёму́ низе́сенько кла́няетця.

«Хома думае собі: «Чому́ сей скарбъ та не розсипа́етця?... Эге! зна́ю!» Та зъ симъ словомъ хряпъ дідуся по щоці! а той—бебе́хъ о́бъ землю!... Эге, та й лежи́ть цілісінькій, и скиглить, и плаче, и стогне, и нічо́го не гово́рить. Хома думавъ, що ще тро́хи его́ потовкма́чивъ,—принявсь лежа́чого шкваріти. Дідусь не розсипаетця, а Хома́ знай его́ бебеха́ми году́е....

— «А що́ ти, чоловіче, робишъ? За́ що ти нашого німого старця бьешъ?» обізвавсь до его́ чоловікъ изъ надъулісся, та й гукну́въ на товари́ство...»

Вотъ обращикъ того, какъ люди, чуждые народа и его чувствъ, допрашиваютъ народъ о его старосвѣтскихъ скарбахъ. Достается отъ нихъ иногда народу, какъ тому дідусю отъ Хомы Масляка, и должны они, рано или поздно, отвѣчать передъ своимъ обществомъ, какъ и Хома Маслякъ передъ своимъ.

Никакой талантъ не можетъ загладить погрѣшностей противъ коренныхъ нравовъ и обычаевъ, сохраняющихъ изъ вѣка въ вѣкъ из-

вѣстную національность, и чѣмъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ живѣе воображеніе незнакомаго съ простонародьемъ писателя, тѣмъ въ большія впадетъ онъ несообразности и противорѣчія дѣйствительности. Такъ Гоголь, выдумавъ, въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, невозможную интригу, лишилъ народный бытъ лучшихъ поэтическихъ цвѣтовъ его, оборвалъ эти цвѣты цыганскими руками, обратилъ сѣдаго отца невѣсты въ театральнаго пажа или въ ребенка, «забывающаго про всѣ дѣла свои» оттого только, что увидѣлъ дочку, танцующую съ зеркаломъ въ рукѣ подъ собственную пѣсенку. «Когда онъ услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ-присядку» (1) наединѣ съ дочерью! Такая сцена возможна на театральныхъ подмосткахъ; такая сцена возможна, можетъ быть, въ жизни городничаго, размечтавшагося вслухъ о генеральствѣ; но въ простомъ быту украинскаго пахаря она не возможна, она дика до такой степени, что сама дочь, передъ которой отецъ пустился бы выплясывать въ-присядку, убѣжала бы отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Этотъ вставочный случай самъ по себѣ испортилъ бы весь характеръ Солопія, какъ бы онъ ни былъ веденъ натурально отъ самаго начала повѣсти. Но въ *Сорочинской Ярмаркѣ* испортить ничего невозможно: она вся отъ начала до конца представляетъ самый краснорѣчивый аттестатъ, съ какимъ жалкимъ запасомъ знанія простонародной Украйны уѣхалъ Гоголь, въ 1829 году, въ Петербургъ, откуда пріѣзжалъ къ матери мѣсяца на два, авторомъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*,» а потомъ еще разъ, на короткое время, прославленнымъ авторомъ *Миргорода*.

Еслибы этнографія въ то время, какъ нынѣ, входила въ кругъ научныхъ знаній, дающихъ право на имя просвѣщеннаго человѣка, то голосъ Полеваго противъ «Вечеровъ на Хуторѣ» не вопіялъ бы въ пустынѣ: его бы поддержали другіе критики. Еслибы, въ ту эпоху, Украина, въ области ученыхъ изслѣдованій и литературныхъ бесѣдъ, играла ту роль, какую играетъ въ наше время, то *Вечера на Хуторѣ* показались бы передовымъ умамъ дѣтскимъ опытомъ, и первенствующій поэтъ русскій не обратилъ бы вниманія на то, что надъ ними пырхаютъ наборщики въ типографіи.

Еслибы русское читающее общество было воспитано въ духѣ роднаго ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно

(1) Стр. 37.

Квитку и Шевченка, какъ ближайшихъ ему всеславянскихъ поэтовъ, то въ этихъ совершеннѣйшихъ зеркалахъ народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидѣло бы вопіющія погрѣшности повѣстей Гоголя, и пожалѣло бы только, что столько воображенія потрачено на блестящіе призраки изъ несуществующаго въ дѣйствительности міра. Но читающее общество, неохраняемое и невразумляемое критикою, бываетъ легковѣрно и легкомысленно до чрезвычайности. Оно въ литературѣ ищетъ забавы или, такъ-называемаго, легкаго чтенія, точно какъ-будто великіе таланты посылаются Богомъ ему на потѣху, а не въ науку, точно какъ-будто жизнь, которую они изображаютъ, какая-то игрушка, точно какъ-будто, неуразумѣвъ того вполнѣ, что́ было и есть въ этой жизни, можно сдѣлать хоть маленькій шагъ впередъ! Украинскія повѣсти Гоголя приняты были всѣми на-вѣру, потому что «въ его время невозможно было знать Украины больше, нежели *онъ* зналъ; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшее и настоящее». Голосъ Полевого заглушенъ былъ повсемѣстнымъ хвалебнымъ жужжаньемъ и журнальными толками. Вслѣдъ за *Миргородомъ* явился Квитка, подъ именемъ Основьяненка, съ своими повѣстями, точно художникъ-обличитель, и заставилъ плакать ту самую Украину, которая по-дѣтски хохотала, вмѣстѣ съ господствовавшими въ ней журналами, надъ позоромъ собственнаго простонародья. Вслѣдъ за Квиткою явился Шевченко уже изъ среды того простонародья, надъ которымъ потѣшался Гоголь, — и тяжело повернулись многія сердца отъ его демократической, вмѣстѣ и суровой, и нѣжной, и саркастической, и грозной рѣчи. Но и тутъ Гоголь, подъ прикрытіемъ лавровъ, пожатыхъ на всероссійскомъ чиновничьемъ и дворянскомъ полѣ, остался, во мнѣніи публики, всё тѣмъ-же Гоголемъ, какимъ провозгласили его столичные первенствующіе критики. Правда, кругъ читателей Квитки и Шевченка былъ очень малъ, такъ какъ они повели рѣчь о Гоголевой родинѣ языкомъ этой родины, извѣстнымъ въ столицахъ больше всего по такимъ словамъ, какъ *Довгочхунъ*, *Свербигузъ*, *Перерепенко* и тому подобнымъ, которыя Гоголь употреблялъ, въ повѣстяхъ своихъ, не стѣсняясь, но которыя крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ, понимающемъ смыслъ каждаго произносимаго въ немъ слова. Правда и то, что многіе изъ украинцевъ оскорблялись не на шутку украинскими повѣстями Го-

голя; но ихъ назвали поклонники журнальной критики людьми отсталыми, и продолжали изучать простонародную Украину по Гоголю.

Извѣстно, что огромное большинство читающаго общества въ Украинѣ составляли помѣщики, которые не могли возвыситься надъ гоголевскою точкою воззрѣнія на предметъ, а любя наслажденія изящныя, увлекались картинностью его описаній природы и нѣкоторыхъ идеализированныхъ личностей, до которыхъ дойдетъ очередь въ нашей критикѣ. Естественно, что наука объ Украинѣ не могла двинуться такимъ повѣствователемъ, какъ Гоголь. Но, по своей поэтической натурѣ, онъ первый почуялъ, что въ области его живописи кроются великія сокровища для поэта, и не разъ подошелъ къ нимъ очень близко. Оставалось только сбросить съ глазъ повязку, наложенную на него первоначальнымъ воспитаніемъ, незнаніемъ народа и обществомъ,—сокровища были бы въ его рукахъ, и украинскія повѣсти Гоголя, въ этнографическомъ отношеніи, стали бы наравнѣ съ другими его повѣстями. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, общество обратило глаза въ ту сторону, въ которую онъ такъ долго смотрѣлъ. Украина явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эоирныхъ насѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, по которымъ прыщетъ золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, лѣнивыми и беззаботными до-того, что даже выдача дочери замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающаго, съ исторіею, въ которой происходятъ великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ воеводскими дочерями, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдьмѣ семинаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которыя обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до тѣхъ поръ въ россійской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужныя грезы поэта о родинѣ, что

это только отводъ нападавшаго на него уныніи, очень естественнаго на сѣверѣ въ уроженцѣ Украины.

Уныніе это обыкновенно называютъ въ украинцахъ тоской по родинѣ. Оно больше всего губило козаковъ, работавшихъ Ладожскій каналъ по волѣ Петра Перваго, какъ это мы знаемъ изъ исторіи Ладожскаго канала, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Оно гнететъ почти каждаго изъ насъ до сихъ поръ на сѣверѣ, вдали отъ нашей не столь пышной, какъ описано у Гоголя, но гораздо болѣе плѣнительной, природы, вдали отъ нашего не столь комическаго, какъ у Гоголя, но гораздо болѣе влекущаго къ себѣ народа. Оно заставляетъ нашего брата въ Петербургѣ или работать за десятерыхъ, или пустить въ ходъ то, что̀ называется малороссійскимъ умишкой, или играть запоемъ въ карты и спустить съ рукъ всю *ба́тьковщину*, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, какъ уроженецъ Полтавской губерніи, да еще и великій природный талантъ, не могъ не чувствовать гнета этой особенной болѣзни. Онъ нашелъ отводъ ея въ своемъ богатомъ воображеніи и пустился писать «какъ попало, куда ни поведетъ перо», по собственному его признанію въ *Авторской Исповѣди* (1), гдѣ читатель найдетъ слѣдующія слова: «На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза (2).»

Само собою разумѣется, что Гоголь старался развлекать себя не однимъ смѣшнымъ: фантазія уносила его въ родныя степи, онъ живо писалъ впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, онъ олицетворялъ характеры, навѣянные ему родными пѣснями; но смѣхъ, въ его украинскихъ повѣстяхъ, преобладаетъ надъ всѣми иными чувствами и объясняетъ успѣхъ ихъ больше, нежели что-либо другое. Гоголь сознавалъ это самъ: «Я увидѣлъ», говоритъ онъ въ *Авторской Исповѣди*, «что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, за-

(1) См. «Соч. и П. Гоголя», т. III, стр. 516.
(2) Тамъ же, стр. 500.

чѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно — и надъ тѣмъ, что́ дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго (1).»

Гоголь, какъ талантъ первоклассный, не могъ не понимать, или лучше сказать — не чувствовать, что одно смѣшное да смѣшное надоѣстъ читателю, и поэтому онъ вездѣ, гдѣ представлялся ему удобный случай, бралъ ноту грустную (напр., въ окончаніи *Сорочинской Ярмарки*, или повѣсти о миргородскихъ помѣщикахъ), онъ вводилъ между смѣшнаго величавое или трогательное; но этимъ онъ, такъ сказать, только приправлялъ свою похлебку, какъ человѣкъ со вкусомъ. Всего лучше читатель это увидитъ изъ первоначальнаго его намѣренія, касательно *Мертвыхъ Душъ*: «Я думалъ просто, что смѣшной проэктъ, исполненьемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными (2)».

Подобная пересыпка трогательнаго съ смѣшнымъ довершила очарованіе, произведенное на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя; а когда онъ выпробовалъ свое перо на Украинѣ, тѣмъ самымъ перомъ написалъ нѣсколько вещей изъ петербургской жизни съ безпощадною вѣрностію натурѣ, которая у него была передъ глазами, тогда исчезло и послѣднее сомнѣніе, что Украина не совсѣмъ похожа на его повѣсти.

Гоголь высказалъ однакожъ столько любви къ Украинѣ, сколько можетъ чувствовать поэтъ къ тому, что представляется ему въ поэтическомъ свѣтѣ. Онъ первый открылъ въ украинской старинѣ нѣчто величавое; онъ первый далъ характеру древняго козака широкіе размѣры; онъ первый заговорилъ о поэтической сторонѣ исчезнувшаго уже нашего прошедшаго. Онъ и въ настоящемъ быту поселянъ старался угадать изящныя черты нравовъ и обычаевъ, пробивающіеся сквозь грубую кору повседневности. Но все, что́ онъ ни изобразилъ подъ вліяніемъ оборотной стороны своего комическаго таланта, было помѣщено имъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сферахъ, было представлено безъ связи съ другими предшествовавшими и послѣдовавшими явленіями, не имѣло вокругъ себя этой мелочи, которая свидѣтель-

(1) Тамъ же, стр. 501.
(2) Тамъ же, стр. 502.

ствуетъ, что взятое лице или явленіе дѣйствительно существовало въ такомъ видѣ и иначе существовать не могло. Въ его украинскихъ повѣстяхъ слышится тонъ пѣсень, которыя поэту, содержащему въ своей единицѣ нравственный образъ всего своего народа, открываютъ никому невѣдомыя тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не разскажутъ ничего такъ, какъ разсказываетъ повѣсть: это уже дѣло вдохновеннаго пѣснями поэта. Онъ схватилъ чуткимъ слухомъ только поэтическій тонъ пѣсень, набралъ изъ нихъ полныя горсти очаровательныхъ въ своей дикости ароматныхъ цвѣтовъ. Онъ поставилъ между читающимъ обществомъ и Украиною радужную ткань своего воображенія и заставилъ взглянуть на Украину иными глазами, заставилъ почувствовать въ этой странѣ и въ населяющемъ ее народѣ достоинства великія, дотолѣ неподозрѣваемыя; но та же самая радужная ткань воображенія поэта не дала обществу ничего разсмотрѣть въ такой ясности и полнотѣ, въ какой является у него многое, если не все, въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, какъ я уже сказалъ, общество обратило глаза на Украину, и послѣ Гоголя началось многостороннее изслѣдованіе и опредѣленіе этой страны, которой онъ своими повѣстями не объяснилъ, и объяснить не могъ. Онъ самъ говоритъ, что «угадывать человѣка могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности (1)». Какимъ же образомъ могъ онъ угадать Тараса Бульбу, прочитавъ только Конискаго да Боплана? Какимъ образомъ могъ онъ угадать украинскаго простолюдина, зная украинскій простонародный бытъ въ такой степени, какую обнаружила передъ нами *Сорочинская Ярмарка?* Сколько онъ ни собиралъ, черезъ переписку по почтѣ, народныхъ пѣсень, сколько онъ ни распрашивалъ объ Украинѣ заѣзжихъ въ Петербургъ земляковъ, онъ не могъ достигнуть такого познанія простонародной Украины, чтобы, творя въ умѣ образъ изъ старины, или изъ настоящаго, не пропустить нѣсколько подробностей; а творческій талантъ его, по собственному его опредѣленію, былъ такого свойства, что «стоило ему нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе—и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другаго» (2). Но она выступала только для такого изощреннаго кри-

(1) Тамъ же, стр. 508.
(2) Тамъ же, стр. 509.

тическаго зрѣнія, какое онъ самъ имѣлъ, когда говорилъ, что «чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія къ своему юмору, когда находилъ, что все у него выходило натянуто, насильственно, и даже то, надъ чѣмъ онъ смѣялся, становилось печально [1]».

Мы сами, незнавшіе еще ни Квитки, ни Шевченка, встрѣтили съ восторгомъ «Вечера на Хуторѣ [2]». Мы, будучи дѣтьми, въ эпоху появленія въ свѣтъ повѣстей пасичника Рудого Панька, бросили для него всѣ свои книги и даже *Библіотеку для Чтенія* съ ея первыми повѣстями [3]. Мы выучили ихъ наизусть и потѣшались Голопупенками и Перерепенками отъ всей души, а отъ фантастическихъ и печальныхъ сценъ приходили въ восторгъ и умиленье. Но, когда попали намъ въ руки повѣсти Квитки, мы такъ же выучили ихъ наизусть; когда забрело въ Украину московское изданіе *украинскихъ народныхъ пѣсень*, мы и его приняли съ восторгомъ и выучили наизусть; когда явились, наконецъ, *объясняющіе* Украину со многихъ сторонъ стихи Шевченка, печатные и непечатные, мы также и стихи Шевченка, всѣ, до послѣдняго слова, выучили наизусть. Пока происходили эти и другія, второстепенной важности, литературныя явленія, каждый изъ насъ сдѣлался человѣкомъ взрослымъ и началъ жить болѣе или менѣе независимымъ умомъ. И если самъ авторъ украинскихъ повѣстей могъ освободиться наконецъ отъ очарованія своего неосмысленнаго юмора и своей неопредѣленной фантазіи, до-того что находилъ свои поэтическія конценціи, несвязанныя тѣсно съ дѣйствительностію, натянутыми и насильственными, а то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся, становилось для него печальнымъ,— то что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ взросшіе посреди своего народа, находятъ многія конценціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что́ прежде ихъ смѣшило?

Я помню, съ какимъ восторгомъ мы встрѣтили Солонія въ пре-

---

(1) Тамъ же, стр. 502.

(2) Говоря *мы*, я разумѣю здѣсь своихъ сверстниковъ, сходныхъ со мною во вкусахъ и стремленіяхъ, хотя бы они воспитывались и не вмѣстѣ со мною.

(3) *Библіотека для Чтенія* явилась позже *Вечеровъ на Хуторѣ*, но въ Украинѣ, въ нашемъ малокнижномъ затишьѣ, въ одно время съ ними.

лестной сценѣ размечтавшейся съ зеркальцемъ въ рукахъ, Параски. Мы находили его театральный танецъ очень умѣстнымъ и очень естественнымъ. Но теперь, когда мы въ состояніи, на мѣсто выставленной Гоголемъ куклы на пружинахъ, вообразить живую натуру,—намъ танецъ Параски съ сѣдымъ отцомъ напоминаетъ святочные столичные балаганы, гдѣ крещеный людъ коверкаетъ себя на всѣ манеры, не справляясь съ эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для насъ былъ бы естественъ въ танцующей дѣвушкѣ крикъ ужаса при видѣ впавшаго въ безуміе отца, и неестественна плѣнительная сцена цвѣтущей молодости, насильственно сгармонированной съ старостью, у которой, не говоря уже о семейныхъ отношеніяхъ, «другія хладныя заботы, другія строгія мечты.»

Во времена оны, мы отъ души раздѣляли радость Параски, которой, въ ярмарочной квартирѣ, объявили, что пришелъ женихъ—вести ее къ вѣнцу. Но теперь ея радость для насъ такъ же противна, какъ и движенія мертваго тѣла подъ вліяніемъ гальванизма. Для незнающихъ простонародной Украины, кажется очень простымъ дѣломъ взять за руку сельскую дѣвушку и повести къ вѣнцу. Для знающихъ—это былъ бы вопіющій фактъ нарушенія обычаевъ, передъ которыми сельская невѣста благоговѣетъ, какъ язычникъ передъ своимъ кумиромъ.

Я уже не говорю о старшихъ; я уже не говорю о *родѣ*, который былъ бы оскорбленъ до глубины души подобнымъ событіемъ и не простилъ бы никогда своего *безчестья* обвѣнчавшейся такимъ образомъ женщинѣ. Но сама невѣста, при всей своей молодости, не согласилась бы на вѣнчанье безъ почетнаго конвоя своихъ сверстницъ—*дружокъ* и *свѣтилокъ*, безъ того конвоя, впереди котораго несутъ свадебный *мечъ* съ пылающею на его остріѣ свѣчкою, какъ эмблему свидѣтельствуемой передъ цѣлымъ міромъ вѣрной, пылающей до гроба, любви. Сама невѣста не пошла бы подъ вѣнецъ безъ *честного* коровая, который печется, наканунѣ вѣнчанья, съ такими торжественными, полуязыческими, очень древними пѣснями и разными изъ рода въ родъ неизмѣнными обрядами. Сама невѣста ужаснулась бы мысли — выдти въ церковь не изъ отцовскаго дома, а изъ этой чужой хаты съ московскими полатями, съ которыхъ наканунѣ упалъ подобравшійся къ ея мачихѣ поповичъ.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшійся на высоту критическаго воззрѣнія, не почувствуетъ не-

вольнаго отвращенія къ подобному юмору? Кому не покажется въ этой сценѣ печальнымъ то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся? Сама Хивря, кричащая: «Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!» является обличительницею автора, «незнавшаго простонародной Украйны и изображавшаго ее какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное». Пара Цыганъ, держащихъ ее за руки, профанируютъ въ ея, вовсе не народномъ, тинѣ весь народъ нашъ съ его священнѣйшими обычаями. Я скажу гораздо болѣе, если прибавлю, что подобнымъ образомъ поступали у насъ только нѣкоторые помѣщики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украины, иногда среди жнивъ брали съ одной нивы паробка, а съ другой дѣвушку и заставляли ихъ быть мужемъ и женою, по экономическимъ и домашнимъ соображеніямъ. Еслибы Гоголь наполнилъ свои простонародныя повѣсти подобными фактами да озарилъ ихъ своимъ талантомъ, тогда-бы онъ *объяснилъ* Украину. Но, безъ этого, онъ сдѣлалъ ими одно только истинно достойное дѣло: «далъ новое, сильное побужденіе къ ея объясненію», какъ сказано у меня въ осмѣянномъ *Русскою Бесѣдою* эпилогѣ къ *Черной Радѣ*.

Оканчивая свою повѣсть, Гоголь говоритъ: «Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе».

Хорошо сказано, но только противно истинѣ. На нашихъ простонародныхъ свадьбахъ нестройная, разговорившаяся и разшумѣвшаяся толпа дѣйствительно обращается къ единству и переходитъ въ согласіе отъ одного удара смычка. Но музыка тамъ повершаетъ гармонію жизни со всѣми ея варіаціями; музыка обращаетъ къ единству разнородныя чувства свадебной толпы, начиная отъ молодой четы, которая, взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, предъявила свои права на состоятельность, до старшихъ въ семействахъ, давшихъ, послѣ долгихъ обдумываній и совѣщаній, свое благословеніе на эту самостоятельность, и до послѣдняго посѣтителя свадьбы, свидѣтельствующаго передъ міромъ ея законность.

Простонародныя свадьбы наши никогда не совершаются въ тихомолку. Объ нихъ возвѣщаетъ всему селу хоръ дружекъ, которыя, сбираясь на *дівичъ-вечіръ*, ходятъ по всѣмъ улицамъ и воспѣваютъ въ поэтическихъ образахъ готовое совершиться событіе. Лишь только

соберется народъ, музыка водворяетъ гармонію между нестройными голосами и обращаетъ чувства толпы къ единству. На дѣвичь-вечерѣ у бѣдныхъ людей голоса дружекъ замѣняютъ музыку, такъ какъ голоса коровайницъ замѣняли ее во время печенья коровая. Она дѣлаетъ свое дѣло уже въ день бракосочетанія, и тогда-то оживляются звуками музыки даже тѣ, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка», и даже самыя «старушки, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы (1)».

Наблюдая это явленіе мимоходомъ или мимоѣздомъ, какъ наблюдаютъ помѣщики, подобные автору *Вечеровъ на Хуторѣ*, можно подумать, что оно происходитъ «отъ одного удара смычка». Но это все равно, какъ еслибы думать, что душа католика трепещетъ и стремится къ небесамъ отъ одного того, что органистъ ударилъ по клавишамъ органа. Пускай тотъ самый органистъ играетъ свою религіозную симфонію въ мастерской у того, кто дѣлаетъ органы. Набожный католикъ, проходя мимо и зная, что это только проба органа, не содрогнется душою, не перестанетъ размышлять о своихъ дѣлахъ и будетъ продолжать свой путь спокойно. Точно такъ свадьба, сыгранная внезапно, при содѣйствіи ярмарочныхъ конокрадовъ вмѣсто почетныхъ старостовъ и прочихъ представителей сельскаго общества, еслибы только была возможна такая свадьба, — не произвели-бы на народъ такого впечатлѣнія, какъ у Гоголя напѣвъ дочери на старика отца и ударъ смычка на толпу людей, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ повидимому вѣкъ не проскальзывала улыбка и вѣяло равнодушіемъ могилы». Было-бы совершенно напротивъ. Одни развѣ Цыганы-конокрады участвовали-бы въ такой свадьбѣ и удостоили-бы танцовать на ней. Честные же поселяне съ ужасомъ отхлынули-бы отъ сумасшедшихъ, которые, отвергнувъ весь *законъ* (2), затѣяли свадьбу вдали отъ своего дома, точно *жиды на смѣтникѣ* (3). Не понеслось бы все и не затанцовало бы, какъ у Гоголя. И тѣ самыя старушки, которыя «подплясывали у него за веселящимся народомъ, даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, подъ вліяніемъ одного хмѣля, заставлявшаго ихъ дѣлать что-то подоб-

(1) *Сорочинская Ярмарка*, стр. 38.

(2) Всѣ свадебныя церемоніи вмѣстѣ называются *закономъ;* оттого и *законныя рѣчи.*

(3) Такъ выражается о еврейской свадьбѣ народъ.

ное человѣческому, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата», тѣ самыя старушки явились бы на такой свадьбѣ главными представительницами пораженнаго ужасомъ и оскорбленіемъ общества: онѣ бы вдругъ ожили, точно вставшія изъ гробовъ покойницы, и предали-бы всенародно проклятію безумнаго Солопія и безумную молодую чету. Ихъ ветхія лица, на которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, сдѣлали-бы страшное впечатлѣніе на «новаго, смѣющагося, живаго человѣка», между которымъ они безсмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человѣкъ не забылъ-бы ихъ замогильныхъ воплей, и въ грядущія поколѣнія перешла бы какая нибудь волшебная легенда въ память ужаснаго беззаконія, совершившагося всенародно.

И вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое на критика-этнографа тою самою молодою, смѣющейся поэзіей *Сорочинской Ярмарки*, которая во времена оны заткала радужною сѣткою передъ его глазами дѣйствительность, и непреодолимою силою увлекала его воображеніе въ свой фантастическій причудливый міръ, невозможный на нашей почвѣ. «Не такъ ли и радость», скажемъ словами Гоголя, «прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ (съ лѣтами), и напрасно одинокій думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему (1)»!

Да, намъ жалко разстаться съ тѣми восторгами, какіе мы чувствовали во времена оны при чтеніи *Вечеровъ на Хуторѣ* — все равно, «какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности (2)». Но всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества и свою замѣну того, что́ было безразлично–хорошо въ прежнее время. Это должно сказать какъ объ одномъ человѣкѣ, такъ и о цѣломъ обществѣ....

П. Кулишъ.

29 іюня 1858.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

---

(1) Заключительныя слова *Сорочинской Ярмарки*.

(2) Слова Гоголя въ предисловіи къ изданію его *Сочиненій* въ 1842 году.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

II.

№ 8. *Отъ исправляющаго должность старшаго учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, баталіонному лькарю.*

Какъ куколка сбрасываетъ съ себя свою некрасивую оболочку и превращается въ блестящую бабочку, такъ, въ одно прекрасное утро, по выдержаніи выпускнаго университетскаго испытанія, сбросилъ я съ себя свою подержанную студенческую оболочку и явился въ новой, учительской формѣ. Вмѣсто сюртука, давно уже отжившаго вѣкъ, назначенный ему законами суконной природы и положеніемъ о срокѣ казенныхъ сюртуковъ, на мнѣ былъ новый вицъ-мундиръ, со всѣми опредѣлительными и дополнительными къ нему частями туалета. Превращеніе это совершилось при пособіи 133 рублей, съ копѣйками, третнаго, не въ зачетъ, жалованья. Не разъ, въ минуты безтабачья, испыталъ я, какъ бываютъ дороги и 15 копѣекъ — цѣна вожделенной пачки Жукова; — поэтому сто тридцать три рубля показались мнѣ неистощимымъ капиталомъ, и я тогда только убѣдился въ противномъ, когда у меня въ кошелькѣ осталось не болѣе, какъ сколько было необходимо на прогоны и путевыя издержки въ Татаровку. Зато я былъ во всеоружіи учительскаго облаченія, съ ногъ до головы, то есть отъ клуговскихъ сапогъ до циммермановской шляпы.

Представленіе мое директору — вотъ истинный Рубиконъ, отдѣляющій міръ моихъ прежнихъ, юношескихъ понятій отъ міра оффиціальной жизни. Прежде всего директоръ самымъ чувствительнымъ образомъ поразилъ меня именно съ той стороны, съ которой я считалъ себя менѣе всего уязвимымъ, то есть со стороны безукориз-

ненности моего туалета. «У васъ нѣтъ мундира, г. Троповъ» сказалъ онъ, остановивъ меня почти у порога: «всѣ вы, господа казеннокоштные, таковы! чуть только получили третное не въ зачетъ жалованье, тотчасъ спѣшите запастись клуговскими сапогами, циммермановской шляпой, галстучкомъ изъ Нѣмецкаго магазина, позолоченною цѣпочкою, а о главномъ — о мундирѣ, и забываете. Впрочемъ я васъ и не виню; естественно, что галстучекъ и воротнички интересуютъ студента болѣе, нежели форма; но ваше университетское начальство могло бы наблюсти, чтобы всякій казеннокоштный, получившій не въ зачетъ третное жалованье, прежде всего сшилъ себѣ мундиръ. Не имѣть мундира значитъ неуважать начальства, не дорожить своимъ званіемъ. На безмундирныхъ я смотрю, какъ на санкюлотовъ; ихъ нѣтъ въ моей гимназіи. Поэтому, г. Троповъ, вы немедленно должны сшить себѣ мундиръ. Я знаю, у васъ денегъ нѣтъ: галстучки, воротнички, пуговки, поглотили весь капиталъ; но мундиръ будетъ сшитъ вамъ въ счетъ вашего жалованья, съ васъ снимутъ мѣрку, а постройкою займется надзиратель Михайловъ.»

Говоря это, директоръ въ то же время взглядомъ, голосомъ и жестомъ старался испытать степень моей впечатлительности. То сдѣлаетъ нѣжные глазки и заговоритъ тономъ дружеской бесѣды, то вдругъ посмотритъ сурово и возвыситъ голосъ до самой высокой начальнической ноты, то подойдетъ ко мнѣ, возьметъ за пуговицу, положитъ мнѣ на плечо руку, то отойдетъ и, потомъ вновь приблизившись, вдругъ сдѣлаетъ рукою ораторскій жестъ, будто для того, чтобы испытать степень моей природной расположенности къ перенесенію пощечинъ. Посредствомъ этихъ магнетизерскихъ пріемовъ, директоръ, вѣроятно, желалъ испытать мой нравъ и произвести на меня обаяніе, подобно тому, какъ ремонтеръ испытываетъ нравъ лошади и укротитель животныхъ подчиняетъ ихъ своей волѣ. Въ заключеніе этого магнетизерскаго сеанса, директоръ показалъ видъ, будто желаетъ проститься со мною и подать мнѣ руку, но лишь только я протянулъ свою, какъ онъ объ свои спряталъ въ карманы и, кивнувъ мнѣ головою, сухо сказалъ: «прощайте.» Я ушелъ, но не успѣлъ еще запереть дверь, какъ онъ вновь кликнулъ меня. «Г. Троповъ», сказалъ онъ: «пожалуйста, остригитесь; учитель долженъ подавать примѣръ ученикамъ; вакаціонное время дано намъ начальствомъ не на то, чтобы отрощать себѣ волоса.» Такъ кончилось мое первое свиданіе съ директоромъ. По всему замѣтно, что я попалъ въ руки

великаго мастера въ дѣлѣ укрощенія и дрессировки подчиненныхъ. Но напрасно со мною, человѣкомъ смирнымъ, онъ сразу обошелся такъ жестко; Богъ ему судья!

На слѣдующій день, директоръ пригласилъ меня къ себѣ поговорить о способѣ преподаванія моего предмета. «Вы назначены въ татаровскую гимназію преподавать русскую словесность», сказалъ онъ; «предметъ вашъ я считаю однимъ изъ запутаннѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса; съ нимъ однимъ директору хлопотъ болѣе, нежели со всѣми остальными; разумѣется, запутанъ онъ не по своему содержанію, котораго я не касаюсь, а собственно по трудности преподаванія на законномъ основаніи. Вамъ извѣстно, что основаніемъ преподаванія у насъ служатъ: во-первыхъ, начальническое распоряженіе, во-вторыхъ, программа нашего учебнаго округа, въ-третьихъ, одобренные начальствомъ учебники. Къ несчастію, по словесности, начальство, программа и учебники — не во всемъ между собою согласны: въ учебникѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы программы, а въ программѣ нѣтъ вопросовъ на статьи учебника. Равнымъ образомъ программа наша расходится и съ начальническимъ распоряженіемъ, которое состоялось послѣ напечатанія программы и, по словесности, имѣло въ виду только еще подготовлявшійся въ то время учебникъ. Вотъ собственно въ чемъ заключается трудность и запутанность вашего предмета. Ограничишься однимъ учебникомъ — не удовлетворишь требованіямъ программы: а вы знаете, кто составлялъ программу! Станешь придерживаться программы — отступишь отъ учебника, который не только одобренъ, но и напечатанъ самимъ начальствомъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, я вижу только одно средство, которое, впрочемъ, не нравится начальству, котораго я самъ не люблю и на которое только крайность заставляетъ меня рѣшиться: это — выдавать дополнительныя записки. Но здѣсь новое затрудненіе. По всѣмъ другимъ предметамъ, заглавія разныхъ европейскихъ сочиненій, которыми, на законномъ основаніи, можетъ руководствоваться учитель, въ программѣ разсыпаны щедрою рукою; по отечественной же словесности, какъ нарочно, ни одного. Нечего дѣлать, г. Троповъ: по тѣмъ вопросамъ программы, которые не вошли въ учебникъ, составьте ваши собственныя записки, разумѣется, въ духѣ руководства; составивши, препроводите ихъ при рапортѣ ко мнѣ, а я представлю на усмотрѣніе его превосходительства Кузьмы Демьяновича. При этомъ рекомендую вамъ имѣть въ виду, что употребленіе вашихъ записокъ

учащимися должно оставаться безъ всякаго вліянія на употребленіе учебника; кромѣ того, предлагаю вамъ сдѣлать необходимымъ для учениковъ всѣхъ классовъ употребленіе двухъ русскихъ хрестоматій: теперешней и прежней, которой осталось еще у насъ, въ книжномъ магазинѣ, значительное число экземпляровъ.» — Прощай, любезный братъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я дамъ тебѣ понятіе о моемъ положеніи въ здѣшнемъ обществѣ и объ отношеніяхъ моихъ къ сослуживцамъ и ученикамъ.

№ 9. *Отъ Софіи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.*

Только послѣ разлуки съ тобою, ma chère Constance, я узнала всю цѣну твоей дружбы. Полжизни отдала бы я зато, чтобы ты теперь была со мною, чтобы имѣть друга, съ которымъ могла бы дѣлиться чувствами. Еще никогда я такъ не тяготилась одиночествомъ моей жизни въ Татаровкѣ. Особенно весна этого года навѣяла на меня какую-то грусть и тревогу. Иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю въ нашемъ садикѣ, въ какомъ-то странномъ душевномъ состояніи. Сердце чего-то проситъ, душа куда-то рвется; среди безмятежной природы, я испытываю непонятную борьбу и чувствую, какъ, подъ вліяніемъ какихъ-то неясныхъ грезъ, то краснѣю, то блѣднѣю. Ахъ! если бы въ эти минуты я могла прильнуть къ твоей груди, въ горячихъ поцѣлуяхъ и ласкахъ высказать тебѣ мою душу. Но вокругъ меня все такъ пусто и безжизненно. Маменька постоянно занята по хозяйству, мы рѣдко—гдѣ бываемъ, еще рѣже видимъ у себя чужаго человѣка. Только и отрады, что книга. Зато съ какою жадностію я предаюсь этому удовольствію, съ какимъ восторгомъ переселяюсь изъ бездушной татаровской дѣйствительности въ очаровательный міръ фантазіи. На дняхъ я читала *Валентину*. Ахъ! ma chère Constance, сколько чувства, какое наслажденіе для сердца и воображенія. Въ одномъ только я не согласна съ сочинительницею (говорятъ, что Жоржъ-Зандъ сочинительница, а не сочинитель) мнѣ кажется, что героини ея романовъ слишкомъ уже самоотверженно подчиняются мужчинамъ и переносятъ ихъ капризы. Иногда я ставлю себя въ ихъ положеніе и тогда чувствую, что никогда не позволила бы мужчинѣ имѣть надо

мною столько власти. Чаша блаженства обща, но она должна оставаться въ рукѣ женщины. Всякая зависимость нестерпима для моей *сарматской* натуры.

Раза два я была у мадамъ Риво. Сколько воспоминаній воскресло въ моей душѣ, при видѣ комнатки, гдѣ провели мы столько счастливыхъ, беззаботныхъ дней. У мадамъ Риво по прежнему десятка два ученицъ, съ которыми она занимается тайкомъ отъ властей учебныхъ и по секретному договору съ властями гражданскими мѣстечка Татаровки. Помнишь, какъ поспѣшно, съ крикомъ: мракъ! мракъ! (1) прятали мы подъ передники всѣ книги и тетради и брали въ руки работу, коль скоро намъ давали знать, что на улицѣ появился кто либо изъ гимназическихъ чиновниковъ. Maman говорила мадамъ Риво, почему она не выхлопочетъ себѣ права открыть формальный пансіонъ, чтобы избавиться наконецъ отъ этой вѣчной тревоги. Но мадамъ Риво отвѣчала, что ей гораздо выгоднѣе знать одного становаго пристава, нежели подчиниться всѣмъ законнымъ формальностямъ и личнымъ капризамъ татаровскаго директора и компаніи.

Вчера мы были съ maman на имянинахъ у аптекарши. Общество состояло изъ нѣсколькихъ семействъ знакомыхъ тебѣ татаровскихъ старожиловъ и полнаго штата гимназическихъ учителей. Сынъ аптекаря воспитывается въ гимназіи, и за то, что учителя набиваютъ разнымъ вздоромъ голову сына, аптекарь считаетъ себя обязаннымъ набивать учительскіе желудки. Танцовали. Я танцовала мазурку и одну кадриль съ недавно назначеннымъ сюда учителемъ литературы, который чрезвычайно смѣшилъ меня своимъ польскимъ произношеніемъ. Онъ—русскій; не смотря на то, не дурно танцуетъ и умѣетъ найтись въ обществѣ. Вѣроятно, или родился, или долго жилъ въ нашихъ мѣстахъ, а только притворяется, что не умѣетъ по-польски. Этотъ господинъ простеръ свою любезность до того, что и за ужиномъ не оставилъ дамскаго общества и не присоединился къ своимъ сослуживцамъ, которые, за особымъ столомъ, очищали, наперерывъ другъ передъ другомъ, блюда и бутылки. Впрочемъ ихъ и зовутъ только за тѣмъ, чтобы накормить, и на этотъ разъ они честно исполняютъ свое *призваніе*.

Посылаю тебѣ выкройку мантильи моего собственнаго изобрѣтенія.

---

(1) Въ подлинникѣ: ćma, что, кромѣ тьмы, мрака, значитъ еще: ночная бабочка.

Тебѣ извѣстенъ мой талантъ въ дѣлѣ шитья и вышиванья. Недавно я выучилась шить перчатки, и теперь другихъ не ношу, кромѣ своей собственной работы. Кожечку выписываемъ изъ Бердичева. Тетинька кланяется тебѣ. Цѣлую тебя милліонъ разъ въ губки, въ щечки, въ носикъ, въ лобикъ, и прошу не забывать твоей — Sophie.

№ 10. *Отъ учителя исторіи татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю русской словесности Носачевской гимназіи, Наивному.*

Только по прошествіи года, уже порядкомъ окунувшись въ здѣшней жизни, я передаю тебѣ впечатлѣніе, которое эта жизнь произвела на меня. Кажется, Иванъ Андреевичъ, въ университетѣ мы обѣщали другъ другу переписываться чаще; но мало ли что обѣщается и не исполняется. Утѣшимся однако (хоть солжемъ, а утѣшимся!): теперь всѣ замѣчанія наши, какъ болѣе зрѣлый плодъ опытности и размышленія, будутъ гораздо основательнѣе.

Прежде всего я желалъ бы въ нѣсколькихъ словахъ выразить тебѣ отличительный характеръ края, въ которомъ, по волѣ судебъ и начальства, нынѣ обрѣтаюсь. Англію мы представляемъ себѣ не иначе, какъ краемъ разумной свободы гражданской; Германію — царствомъ мысли; Францію — страною утонченныхъ нравовъ. Что же такое Польша, по крайней мѣрѣ тотъ слой Польши, который я видѣлъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ? Это земля славянская, сильно заправленная папизмомъ. Папизмъ и славянская національность діаметрально противоположны другъ другу. Какъ противоположны лукавая казуистика и неподкупный голосъ сердца, задолбленный принципъ и вдохновеніе, Парагвайская республика отцовъ іезуитовъ и Запорожская Сѣчь: такъ противоположны папизмъ и славянская національность. И однако папизмъ глубоко пустилъ здѣсь свои корни.

Напрасно у насъ смѣшиваютъ духъ папизма съ духомъ польской національности: папизмъ только пользуется національностью; но польсти ему — и онъ станетъ подъ знамена какой-угодно національности. Австрія, непопулярная въ католической, но издревле свободномыслящей, отчизнѣ Гусса, очень уважаема въ Моравіи, гдѣ папизмъ всесиленъ. Лишь бы и самому властвовать надъ омраченными умами, моравскій

папизмъ протянулъ руку Австріи и заключилъ съ нею братскій договоръ на порабощеніе славянина нѣмцу. Папизмъ — естественный союзникъ обскурантизма. Живой примѣръ у меня передъ глазами. Директоръ нашъ — страшный деспотъ и обскурантъ; его здѣсь никто не любитъ; но въ ксендзѣ Пущайлѣ онъ нашелъ себѣ ревностнѣйшаго поборника и защитника. Ксендзъ понимаетъ, что іезуитская дисциплина директора готовитъ и ему обильную жатву.

Только вліяніемъ папизма я могу объяснить себѣ нѣкоторыя черты здѣшнихъ нравовъ, несвойственныя славянской природѣ; только папизмъ могъ внушить славянину чуждый ему духъ нетерпимости, самообожанія, пропаганды, резонерства.

Папизмъ говоритъ: «я—свѣтъ міру; все остальное—мракъ, ересь, «расколъ, достойная добыча огня вѣчнаго, а подчасъ и времен«наго; одинъ путь къ Небу—мой путь, и мое призваніе — всѣхъ, во«лею и неволею, обращать на этотъ единственный путь спасенія.» Затѣмъ слѣдуетъ очень справедливое въ устахъ славянина замѣчаніе: «мы всегда отличались ревностью и религіознымъ чувствомъ.» Изъ соединенія этихъ двухъ посылокъ выводится заключеніе: «ergo, мы народъ избранный, насъ ожидаетъ великая будущность, мы должны твердо вѣровать въ свое превосходство и стараться передѣлать другихъ на свой ладъ.» Разумѣется, все это — слова; поэтому фразерство всегда играло здѣсь важную роль и будетъ играть, пока безпристрастный судъ свободной мысли не восторжествуетъ надъ искусственной энергіей папизма. Прискорбенъ видъ смерти: грустно видѣть, какъ умираетъ человѣкъ, какъ исчезаетъ идея, жившая въ убѣжденіи людей въ теченіи многихъ поколѣній; но непріятенъ и видъ насильственной жизни: непріятно видѣть, какъ гальванизуетъ людей уже отжившее свой вѣкъ начало.

Теперь слѣдуетъ дать тебѣ понятіе о томъ, что̀ дѣлаемъ здѣсь мы, наставники, чтобы поставить школу въ должныя отношенія къ жизни. Ты полагаешь, что для этого мы употребили какія нибудь особенно тонкія воспитательныя мѣры: открыли новыя каѳедры, позаботились о приготовленіи педагоговъ, объ изданіи хорошихъ учебниковъ? Извини, любезный другъ: сражаться невидимымъ оружіемъ педагогіи и всякихъ другихъ *гогій* и *логій* не наше дѣло. Это не только головоломно, но и опасно. Пожалуй, пустившись въ разсужденія, еще самъ попадешь въ просакъ, какъ нѣкій западный докторъ богословія, неосторожно затѣявшій диспутъ съ чертомъ. Мы распо-

рядились по своему. *C'est le petit ventre qui gouverne le monde.* На этомъ основаніи, мы и на воспитаніе дѣйствуемъ здѣсь посредствомъ питанія, и дѣйствуемъ такъ удачно, что о способѣ воспитанія здѣсь теперь никто не думаетъ и не говоритъ, а всѣ заняты только способомъ питанія учащихся. Для всѣхъ самый жизненный воспитательный вопросъ заключается въ томъ, гдѣ дѣти будутъ жить и кто ихъ будетъ кормить. Этихъ блестящихъ результатовъ мы достигли учрежденіемъ большаго питательнаго заведенія, или, такъ-называемой, *общей ученической квартиры.* Ты дворянинъ, хочешь учиться — такъ давай денежки и ступай въ общую квартиру: тамъ ѣшь, пей, ложись, вставай, а за тѣмъ и учись по росписанію и командѣ, безъ излишнихъ разсужденій. Въ сущности общія квартиры не лишены раціональнаго основанія: это учебно-смирительныя заведенія, въ которыхъ успѣхъ элемента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліяніи элемента смирительнаго. Боюсь однако, чтобы образовательная сила подобнаго метода, направленная по преимуществу на органы физическіе, не произвела въ нравственныхъ особаго рода рефлективныхъ движеній, съ которыми, пожалуй, потомъ и не сладишь.

До сихъ поръ однако, все обстоитъ благополучно, особенно на бумагѣ. Какъ докторъ Панглосъ, всѣ мы хоромъ твердимъ, что все у насъ идетъ къ лучшему, въ нашемъ наилучшемъ мірѣ, зачтò хвалимъ другъ друга и благодаримъ другъ другу, по обыкновенію, исправно. Но чтò, если все это не болѣе, какъ самообольщеніе? Тогда раньше или позже послѣдуетъ разочарованіе, и незавидна будетъ участь тѣхъ, которые примутъ отъ насъ въ наслѣдство только хаосъ утраченныхъ иллюзій.

Вотъ тебѣ, дружище, основныя черты здѣшней жизни и здѣшней школы; самъ ты уже догадаешься, что отношенія ихъ другъ къ другу не могутъ быть любезны. Школа и знать не хочетъ жизни, — зато и жизнь всѣми силами старается нагадить школѣ. Блаженна страна, которой чуждо подобное раздвоеніе; блаженна носачевская гимназія, живущая одною общею жизнію со всѣмъ народонаселеніемъ мирнаго города Носачевки; блаженъ и ты, Иванъ Андреевичъ, просвѣщающій юношество, которое въ школѣ ведетъ борьбу только съ буквами *еры* и *иже*, въ области произношенія и правописанія. Какъ бы и мнѣ хотѣлось попасть въ ту родную страну, *wo die Citronen blühen*, то есть, гдѣ такъ безподобно варенье и такъ неподражаемо соленье. Прощай.

№ 11. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, баталіонному лькарю.*

Чтобы дать тебѣ вѣрное понятіе о моемъ здѣсь положеніи, я долженъ познакомить тебя съ здѣшнимъ обществомъ.

Просвѣщеніе, или правильнѣе, воспитаніе, *edukacya*, играетъ важную роль въ жизни здѣшняго общества: это одинъ изъ главныхъ, и нравственныхъ, и экономическихъ, здѣсь двигателей. Всякій считаетъ долгомъ, какъ можно лучше воспитать своихъ дѣтей. Для воспитанія, богатый не жалѣетъ денегъ; бѣдный—жертвуетъ послѣднимъ. Почти четвертую долю всѣхъ учениковъ гимназіи составляютъ дѣти людей достаточныхъ, издерживающихъ на воспитаніе сына отъ 400 до 1000 рублей. Люди эти, по большей части, помѣщики, нерѣдко сами съ семействами поселяются въ гимназическомъ городѣ и привлекаютъ туда множество разныхъ учителей языковъ, музыки, танцованія. Татаровка съ виду деревня, состоящая изъ мазанокъ подъ соломенными крышами; но въ каждой мазанкѣ, съ утра до вечера, совершается служеніе музамъ на разныхъ языкахъ и инструментахъ. Это — Аѳины крюкославской губерніи; всѣ здѣсь живутъ или для воспитанія, или посредствомъ воспитанія. Не смѣшивай однако этого всеобщаго стремленія къ воспитанію съ стремленіемъ къ тому просвѣщенію, душу котораго составляетъ поклоненіе истинѣ. Подъ наружнымъ покровомъ этой гоньбы за воспитаніемъ, таится какой–то консерватизмъ мысли, какая-то вѣра въ букву и авторитетъ, верховнымъ выраженіемъ котораго признаются здѣсь виленскіе и кременецкіе педагоги и ихъ воспитанники. Скорѣе Вагнеръ, нежели Фаустъ, могъ бы быть представителемъ стремленія къ наукѣ здѣшняго общества; это не столько внутренняя жертва духа, сколько внѣшній обрядъ, но все таки обрядъ искренній, а не пустая дань модѣ. Кажется, католическое духовенство, въ рукахъ котораго долгое время находилось здѣсь воспитаніе, дало умственной жизни этого краѣ какой-то старообрядческій характеръ; тѣмъ не менѣе, здѣсь съ давнихъ поръ ведется вѣра въ науку и уваженіе къ наставникамъ. Но увы! уваженіе это ни чуть не распространяется на насъ, оффиціальныхъ распространителей современнаго ученія. Въ насъ они упорно отвергаютъ наставническій характеръ и также мало вѣрятъ нашей образованности, какъ и храбрости австрійскихъ солдатъ. Мы для нихъ не болѣе, какъ чиновники, по-

жалованные начальствомъ въ учителя. По ихъ мнѣнію, процесъ ученія въ гимназіи совершается какъ-то самъ собою, при пособіи благотворнаго вліянія здѣшняго климата и кременецкихъ преданій; а мы только ставимъ шары, переводимъ изъ класса въ классъ и выдаемъ аттестаты. Съ этой только стороны мы и интересны для нихъ. Пока ихъ дѣти въ гимназіи, между ими и нами есть связь, но такая, какая между покупателемъ и лавочникомъ, пока идетъ торгъ. Выбыли дѣти изъ гимназіи — они забываютъ о существованіи нашемъ, какъ забываетъ покупатель о лавочникѣ, когда товаръ взятъ изъ лавки. Правда и то, что, допустивъ въ нашъ учебный міръ разные подъяческіе пріемы, мы сами отчасти способствовали тому, что на учебное заведеніе здѣсь смотрятъ, какъ на подъяческую инстанцію. Довольно тебѣ сказать, что здѣсь есть люди, считающіе татаровскаго директора агентомъ тайной полиціи: *to szpieg, panie* — это шпіонъ, сударь, говорятъ они о нашемъ директорѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ обществѣ всѣ вдругъ встревожились и замолчали, потому что кому-то показалось, что подъ окошкомъ подслушивалъ.... директоръ гимназіи.

Учителей, однако, общественное мнѣніе щадитъ въ этомъ отношеніи. Дверь здѣшнихъ гостинныхъ для насъ не закрыта, — разумѣется, кромѣ высшихъ аристократическихъ, которыя и внутри Россіи, какъ и во всемъ образованномъ мірѣ, не слишкомъ-то открыты для учительскаго сословія. Но сближеніе съ здѣшнимъ обществомъ тоже имѣетъ свои невыгоды. Коль скоро вы сблизились, тотчасъ перестаютъ щадить въ васъ ваши убѣжденія, ваше общественное положеніе. Будто для того, чтобы доказать вамъ свое довѣріе и хорошее мнѣніе о вашемъ вкусѣ и чувствахъ, начинаютъ васъ подчивать избитыми анекдотами, въ которыхъ главную роль играетъ невѣжество русскихъ офицеровъ; читаютъ quasi-патріотическіе стихи, въ которыхъ Россія представляется въ видѣ неосѣдлой татарской орды, еще странствующей на повозкахъ, со всѣмъ скарбомъ своимъ и всѣми плодами своего умственнаго и общественнаго развитія. Если духъ фанатической нетерпимости ко всему чужому и слѣпаго пристрастія къ своему такъ силенъ теперь, то что было бы тогда, когда бы этотъ духъ нашелъ себѣ болѣе обширное примѣненіе въ жизни гражданской и политической? Въ исторіи покойной инквизиціи, кажется, можно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Вѣжливость, или, лучше сказать, любезность обращенія состав-

ляетъ здѣсь одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ добродѣтелей; даже въ сношеніяхъ оффиціальныхъ должно быть любезнымъ. Какъ ни внимателенъ кто къ дѣлу, но если въ тоже время не будетъ внимателенъ и къ лицу — его назовутъ варваромъ.

Я разскажу тебѣ анекдотъ, выдуманный здѣшнимъ же юморомъ, въ насмѣшку надъ излишнею щекотливостью здѣшнихъ понятій о вѣжливости. Во времена оны, когда каждый польскій шляхтичъ былъ *eo ipso* и прямой кандидатъ на польскій престолъ, случилось одному шляхтичу быть на балу у короля. Онъ пригласилъ королеву протанцовать съ нимъ краковяка; но едва успѣлъ пройтись съ королевой разъ, другой, какъ музыка перестала играть краковяка и заиграла мазурку. Шляхтичъ очень обидѣлся такимъ невниманіемъ къ танцующей парѣ и, желая поставить на своемъ, продолжалъ танцовать краковяка. Положеніе королевы было крайне затруднительно: танцовать мазурку—обидѣть шляхтича; танцовать, вмѣстѣ съ шляхтичемъ, краковяка—обидѣть танцующихъ мазурку. Она однако побѣдоносно вышла изъ этого затруднительнаго положенія, протанцовавъ, по вдохновенію утонченной королевской вѣжливости,—одною ногою мазурку, а другою — краковяка. Нерѣдко приходится здѣсь и намъ, чтобы не разстроить гармоніи, танцовать одною ногою краковяка, а другою мазурку; но подобные фокусы вѣжливости тягостны.

Между тѣмъ, тѣ же самые люди, которые такъ требовательны и щекотливы въ дѣлѣ вѣжливости, по своимъ понятіямъ, часто бываютъ очень невнимательны къ требованіямъ вѣжливости, по понятіямъ другихъ. Записные остряки, составляющіе здѣсь штатную принадлежность всякой компаніи, на каждомъ шагу готовы угостить васъ, подъ видомъ плоской шутки, самыми неделикатными намеками. Даже крайняя безцеремонность и невѣжество здѣсь какъ-то уживаются съ любезностью. Недавно я былъ на вечерѣ у здѣшняго аптекаря. Нужно тебѣ замѣтить, что, для сокращенія формальностей, здѣсь въ рѣдкомъ домѣ есть передняя: прямо изъ сѣней являешься въ пріемную. Въ аптекарской пріемной, подъ звуки флейты—гезеля и скрыпки—провизора, танцовали кадриль, когда предъ танцующими явился новый гость, одѣтый по дорожнему. Гость этотъ, господинъ почтенныхъ лѣтъ и наружности, снимаетъ шинель, шарфъ, теплые сапоги, наконецъ садится на стулъ и съ словомъ: *przepraszam*, извините, начинаетъ снимать брюки. Я остолбенѣлъ. Вышло однако, что подъ этими верхними брюками, надѣтыми почтеннымъ господиномъ для пре-

дохраненія себя отъ простуды, были другія, въ которыхъ онъ явился предъ обществомъ и оказался не только почтеннымъ, но и очень любезнымъ господиномъ.

О любезности здѣшнихъ женщинъ не скажу тебѣ ни слова; любезность ихъ—это фактъ, засвидѣтельствованный всѣми образованными путешественниками, впрочемъ, по моему, отчасти фактъ взаимной любезности между образованными путешественниками и здѣшними женщинами. Туземцы, а въ особенности мужья, могутъ быть на этотъ счетъ другаго образа мыслей. Лучше обращу твое вниманіе на рѣдкій даръ прозорливости въ дѣлахъ сердечныхъ здѣшнихъ матерей и тетокъ. Ни одинъ докторъ не опредѣлитъ такъ болѣзни, какъ онѣ, по самымъ легкимъ, едва замѣтнымъ, симптомамъ, опредѣлятъ, кто кому нравится и въ какой степени, и ни одинъ докторъ не съумѣетъ такъ повести болѣзни, какъ онѣ поведутъ къ желанному исходу сердечную склонность. На томъ же вечерѣ у аптекаря, довелось мнѣ танцовать кадриль съ очень миловиднымъ созданіемъ — Софіей Строинской. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ возлѣ насъ очутилась какая-то тетушка Софіи, видимо съ дружелюбнымъ намѣреніемъ облегчить намъ наше знакомство. Я вполнѣ увѣренъ, что въ томъ же самомъ обществѣ возлѣ меня очутилась бы другая тетушка, если бы только въ моей душѣ мелькнула тѣнь предпочтенія къ другой племянницѣ. Достойно замѣчанія, что на русскихъ чиновниковъ–жениховъ здѣсь смотрятъ гораздо гуманнѣе, нежели на просто русскихъ чиновниковъ: это родъ жертвы, приносимой прекраснымъ поломъ въ пользу цивилизаціи варваровъ.

Прекрасную черту здѣшнихъ нравовъ составляетъ религіозное чувство, если только оно соотвѣтствуетъ степени наружнаго благочестія. На развитіе этого послѣдняго, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе католическое духовенство, которое, оставляя догматъ неприкосновеннымъ, умѣло искусно пользоваться и логикою страстей, и логикою ума, чтобы облечь благочестіе въ мягкія, успокоительныя, формы.

Труднѣе всего здѣсь примириться свѣжему человѣку съ оффиціальными, гимназическими, нравами. Это, по–истинѣ, міръ сплетень, доносовъ, раболѣпства, взаимнаго недовѣрія и бездушнаго формализма, созданный и поддерживаемый политикою директора, принявшаго за основное правило управленія—*divide et impera*. Не видѣвши, трудно себѣ представить, какимъ образомъ вся эта грязь страстей могла развиться въ учебномъ кругу, гдѣ, кажется, интересы такъ благо-

родны, отношенія такъ просты. Но тѣмъ именно и отвратительны здѣсь страсти, что уродуютъ простыя и благородныя отношенія учебной жизни: это именно мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Жена учителя географіи купила шляпку и подверглась осужденію жены учителя ариѳметики; учитель физики поссорился за преферансомъ съ учителемъ высшей математики; учитель латинскаго языка не поклонился инспектору; дочь учителя русскаго языка пѣла венгерскій романсъ; у младшаго учителя нѣмецкаго языка явились пара утокъ и индѣйскій пѣтухъ, не купленные, сколько извѣстно, на базарѣ; обо всемъ этомъ присяжные директорскіе донощики тотчасъ рапортуютъ директору; а какъ, по долгу службы, инспекторъ долженъ знать прежде директора все, что̀ дѣлается въ гимназіи, то инспекторскіе шпіоны съ своей стороны развѣдываютъ и собранныя свѣдѣнія передаютъ инспектору. Пока производятся разслѣдованія, въ которыхъ сторожа, лакеи, кухарки, являются главными дѣятелями, члены гимназическаго сословія шепотомъ спрашиваютъ другъ у друга: что̀ такое случилось, зачѣмъ у избранныхъ директорскихъ агентовъ такія озабоченныя, таинственныя физіономіи, какъ будто бы они нечаянно открыли комплотъ, угрожающій опасностью политическому равновѣсію Европы? Въ конфиденціональныхъ разсказахъ фактъ искажается, сплетня растетъ, мнѣнія раздѣляются, образуются партіи, разгараются страсти, является новая тема для новыхъ доносовъ и разслѣдованій. И это наше нормальное состояніе. Между тѣмъ, директоръ, пользуясь междоусобицей, старается порозшь прибрать къ рукамъ каждаго изъ членовъ гимназическаго сословія. Сначала онъ будто не замѣчаетъ промаховъ подчиненнаго, даже нерѣдко, тѣмъ или другимъ образомъ, смотря по характеру подчиненнаго, самъ вводитъ его въ искушеніе, и когда неосторожная жертва уже достаточно запуталась въ разставленныя сѣти, тогда вдругъ поражаетъ ее и дѣлаетъ съ нею что̀ ему угодно. Обыкновенно онъ казнитъ виновнаго только посрамленіемъ и униженіемъ въ глазахъ всѣхъ, не исключая и учениковъ, и это для того, чтобы потомъ имѣть возможность распоряжаться и лицомъ и голосомъ порабощеннаго, какъ ему угодно. Всякая незапятнанная, и потому болѣе или менѣе независимая, личность для него — какъ бѣльмо на глазу.

Какъ ни всесиленъ директоръ, однако не отдыхаетъ на лаврахъ своего всемогущества: онъ и самъ долженъ вѣчно находиться въ томъ же вооруженномъ положеніи, въ которое поставилъ другихъ. Прежде

всего ему необходимо зорко слѣдить за дѣйствіями своего прямаго врага—инспектора. По наружности они хороши между собою, но въ душѣ ненавидятъ другъ друга, ненавидятъ уже и потому, что власть и блескъ одного могутъ увеличиваться только на счетъ власти и блеска другаго. Рѣшеніе самыхъ непріятныхъ дѣлъ и исполненіе самыхъ щекотливыхъ порученій директоръ возлагаетъ на инспектора; инспекторъ же, при исполненіи подобныхъ коммиссій, чтобы оградить себя отъ нареканій, настоящимъ виновникомъ непріятныхъ приговоровъ старается выставить директора, а иногда, чтобы увеличить раздраженіе, прибавляетъ и отъ себя, на счетъ директора, какую-либо непріятность. Затѣмъ опаснѣйшими врагами директора являются тѣ учителя, которые болѣе другихъ пользуются довѣріемъ родителей и любовью учениковъ. Чтобы не потерять своей популярности, они съ умысломъ и безъ умысла даютъ замѣтить ученикамъ, что не одобряютъ директорскихъ дѣйствій и выставляютъ директора, какъ какую-то чуждую, демоническую власть въ кругу учебной жизни. Не спорю, подобные постушки учителей слишкомъ неблагоразумны и, быть можетъ, безнравственны; но они явились, какъ неизбѣжное слѣдствіе униженія учителей; грубое насиліе отняло у учителей ихъ законную власть, и теперь учителя стараются беззаконно возвратить себѣ то, чего беззаконно лишились: обыкновенная исторія всякой борьбы за права.

Изъ учителей здѣшнихъ мнѣ особенно понравился учитель исторіи, Трезвый, человѣкъ очень даровитый и съ благороднымъ отъ природы характеромъ. Жаль только, что жизнь его какъ-то странно сложилась. Едва успѣлъ сюда пріѣхать, какъ, поддавшись вліянію романтической поэзіи и здѣшнихъ нравовъ, влюбился въ какую-то польку. Дѣвушка сначала кокетничала съ нимъ, потомъ бросила его для какого-то гусара, сама была оставлена гусаромъ, и наконецъ уѣхала въ гувернантки къ почетному попечителю нашей гимназіи. Сильная, здоровая, натура Трезваго глубоко почувствовала рану, нанесенную его сердцу и самолюбію. Къ страданіямъ сердечнымъ присоединились огорченія по службѣ: директоръ безпощадно издѣвался надъ неудачною любовью Трезваго, разсматривая ее, съ своей точки зрѣнія, какъ униженіе учительскаго званія въ глазахъ здѣшней публики, и слѣдовательно, какъ преступленіе по службѣ. Выдержавъ это испытаніе, Трезвый сталъ избѣгать общества, сдѣлался желченъ, язвителенъ, недовѣрчивъ, и, наперекоръ своей фамиліи, началъ придерживаться рюмочки.

Не привлекательна картина моей татаровской жизни, однако въ ней есть и свѣтлая сторона. Бываютъ минуты, когда я вполнѣ доволенъ своимъ учительскимъ званіемъ и не промѣнялъ бы его ни на какое другое; этими минутами я обязанъ—моимъ ученикамъ. Какая славная, даровитая молодежь, и сколько въ ней благородныхъ порывовъ! Право, удивляешься иногда, какъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ власти, при вредномъ вліяніи пристрастнаго суда общества, и при тѣхъ фальшивыхъ отношеніяхъ, въ которыя мы, учителя, нерѣдко ставимъ ее къ себѣ, она успѣла сохранить столько добрыхъ, искреннихъ чувствъ и такой вѣрный инстинктъ правды. Странно только то, что та же самая молодежъ, вышедши изъ гимназіи, тотчасъ проникается понятіями и предубѣжденіями большинства, начинаетъ смотрѣть на вещи съ узкой, исключительной, точки зрѣнія здѣшнихъ сплетницъ, воспитанниковъ разныхъ піарскихъ и базиліанскихъ школъ, органистовъ и другихъ мѣстныхъ политиковъ. Я встрѣчался здѣсь съ молодыми людьми, недавно вышедшими изъ гимназіи, и мнѣ казалось, что примирительный голосъ вѣка и науки никогда не проникалъ въ ихъ душу. Для многихъ еще въ университетѣ начинается это перерожденіе, потому что многіе еще въ университетѣ начинаютъ жить помѣщичьею жизнью.

№ 12. *Отъ студента университета къ ученику татаровской гимназіи.*

Зная нашу Татаровку — акустическій центръ всѣхъ сплетень трехъ губерній — представляю себѣ, сколько тамъ у васъ разныхъ противорѣчивыхъ толковъ объ успѣхѣ нашихъ пріемныхъ университетскихъ испытаній. Одни, вѣроятно, говорятъ, что университетъ пришелъ въ ужасъ отъ нашего невѣжества, и начальство уже командировало чиновника для произведенія строжайшаго разслѣдованія о причинахъ малоуспѣшности учениковъ татаровской гимназіи; другіе разсказываютъ, что мы на экзаменѣ удивили всѣхъ своими познаніями и развитіемъ, и что зато директоръ нашъ представленъ къ ордену, инспекторъ — къ чину, а надзиратель Цаповскій — къ денежному награжденію. Чтобы успокоить на этотъ счетъ татаровскихъ сплетниковъ и сплетницъ, спѣшу сообщить тебѣ, любезный другъ, самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о результатѣ нашихъ пріемныхъ испытаній. Смѣло

можешъ сообщить ихъ, для опубликованія, старой паннѣ Кунигундѣ или пану Гербатовичу, этимъ двумъ подвижнымъ телеграфнымъ станціямъ татаровскихъ новостей.

И въ этомъ году экзаменаціонная лотерея разъигралась не безъ фарсовъ капризной фортуны, обманывающихъ своею неожиданностью всякій человѣческій разсчетъ. Вопреки всѣмъ предположеніямъ нашимъ, основаннымъ на степени познаній каждаго изъ насъ, приняты по экзамену въ университетъ: Ясь, Стась, Олесь и даже Михась, который самъ долго не могъ повѣрить своему счастію; не приняты же Булковскій и Щупацкій, на которыхъ такъ много надѣялись наши учителя и всѣ мы. Мнѣ тоже удалось выдержать. — — — —

Къ счастію нашему, съ профессорской точки зрѣнія, безошибочность правописанія еще не можетъ служить пробнымъ камнемъ нормальности нашихъ убѣжденій и нашего воспитанія, и потому басни Крылова намъ диктуются съ музыкальными интонаціями, облегчающими различеніе буквы: *ъ* отъ буквы *е* и запятой отъ двоеточія. Но бѣда въ томъ, что въ гимназіяхъ рѣшительно не обращаютъ вниманія на развитіе слуха, какъ одной изъ познавательныхъ способностей, даже преслѣдуютъ участіе этого органа въ отвѣтахъ нашихъ на учительскіе вопросы; поэтому, лучшіе изъ насъ менѣе всего приготовлены къ тому, чтобы, при диктовкѣ, пользоваться указаніями слуха, а пользуются ими только тѣ, которые еще въ гимназіи привыкли надѣяться болѣе на свой слухъ, нежели на свою память и постояннымъ упражненіемъ развили свой органъ слуха до того, что явственно могутъ различать каждое слово, шопотомъ имъ подсказанное съ третьей скамейки. Послѣ того не удивительно, что Булковскаго погубили буквы *ъ* и *е* въ словѣ *тельга*, а Щупацкаго доѣхалъ мягкій знакъ въ словѣ *тюрьма*, тогда какъ Михась, у котораго дѣйствію вполнѣ развитаго слуха не мѣшало излишнее знаніе грамматики, не сдѣлалъ ни одной ошибки въ своей диктовкѣ.

Не понравился мнѣ нашъ университетскій городъ: это смѣсь пустыни съ постоялымъ дворомъ. Къ этимъ двумъ главнымъ элементамъ, пожалуй, можно прибавить и третій, какъ плодъ различныхъ комбинацій двухъ первыхъ, — элементъ перспективы. Здѣсь достраивается красивый домъ, къ которому тѣмъ не менѣе уже прибита дощечка съ надписью: «*сей домъ продается и нанимается;*» за этимъ домомъ большое пустопорожнее мѣсто; за пустопорожнимъ мѣстомъ опять три–четыре дома съ неизбѣжною на каждомъ надписью·

«сей домъ нанимается и продается», а тамъ опять пустырь или оврагъ. Далѣе, крутая гора, воздвигнутая мощнымъ духомъ пустыни. На этомъ пунктѣ предпріимчивый духъ караванной централизаціи побѣждаетъ, положимъ, преграду, поставленную духомъ пустыни и пролагаетъ черезъ гору дорогу; но, у подошвы горы, среди песчаныхъ или топкихъ низменностей, опять принужденъ вступить съ духомъ пустыни въ борьбу, изъ которой не всегда выходитъ побѣдителемъ. Зато перспектива хороша здѣсь вездѣ. Поднявшись, въ потѣ чела, на гору, путникъ можетъ, съ вершины горы, любоваться прекраснымъ видомъ низменностей; а утопая въ песку или тундрахъ низменностей, можетъ наслаждаться прекраснымъ видомъ горъ. Городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе рѣзкими естественными границами, нежели естественныя границы прусскаго королевства. Въ каждой изъ этихъ частей имѣется свой особенный комплектъ разныхъ географическихъ принадлежностей: есть свои горы, свои овраги, свои тундры, и свои песчаныя степи. Здѣсь кстати было бы сказать: еже Богъ разлучи, человѣкъ да не соединяетъ; но къ несчастію, эти естественно-разрозненныя части соединены въ одно гражданское цѣлое, и горе путнику, принужденному странствовать черезъ горы и долы изъ одной части города въ другую.

Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ таже борьба двухъ враждебныхъ элементовъ: пустыннаго съ караваннымъ. Какъ на постояломъ дворѣ, ты найдешь здѣсь предметы роскоши, для удовлетворенія прихоти проѣзжаго графа, и, какъ въ пустынѣ, нуждаешься иногда въ предметахъ первой необходимости, потому что и самый запасливый содержатель гостинницы все таки не хозяинъ, для котораго домъ—гнѣздо, свитое не на одинъ день и не для аферы.

Самое народонаселеніе города постоянно измѣняется, какъ въ гостинницѣ. Вмѣсто однихъ бюрократовъ, являются другіе; прежніе полки гарнизона смѣняются новыми; на мѣсто прежнихъ паціентовъ Эскулапа, Минервы и Ѳемиды, поступаютъ новые. И между всѣми этими лицами внутренней общественной связи не болѣе, какъ и между случайными обитателями постоялаго двора. Есть здѣсь и театръ, и клубъ, бываютъ и собранія, но на всемъ этомъ лежитъ печать непостоянства, аферы, будто все это только затѣя содержателя гостинницы для развлеченія временныхъ гостей. Кто здѣсь коренные жители, гдѣ они, какой ихъ образъ жизни, — не знаю; вижу только содержателей постоялыхъ дворовъ и проѣзжихъ. Развѣ одно только

можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь съ давнихъ поръ ведется человѣческая осѣдлость, что въ основѣ караванъ-серая лежатъ кадры добраго стараго города—это духъ сплетни.

Адресъ мой: студенту университета, за журавлиными песками, на бараньемъ болотѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Замороки.

№ 13. *Примѣчаніе издателя.* Въ связкѣ сохранившихся у меня писемъ, № 13 выставленъ на моемъ собственномъ письмѣ къ одному изъ лицъ начальствующихъ. Помѣщаю здѣсь, безъ всякой перемѣны, и это письмо.

Ваше Высокородіе

Милостивый Государь,

Архипъ Сисоевичъ!

Въ письмѣ своемъ отъ 23 мая сего года, Ваше Высокородіе изволили обратиться ко мнѣ съ вопросомъ о дѣйствительныхъ причинахъ бѣгства подрядчика продовольствія общихъ ученическихъ квартиръ при татаровской гимназіи. По долгу службы и моей личной къ Вамъ преданности, потщусь оправдать довѣріе Вашего Высокородія и разскажу все, ничего не утаивая и не прибавляя.

Продовольствіе общихъ ученическихъ квартиръ отдается въ нашей гимназіи съ подряда тому, кто согласится взять на себя эту обязанность на самыхъ выгодныхъ для заведенія кондиціяхъ. Въ этомъ учебномъ году явилось нѣсколько подрядчиковъ-соискателей. Воспользовавшись возникшею при торгахъ перебивкою, г. директоръ предложилъ такія условія, отъ которыхъ болѣе всего могли выиграть экономическія суммы заведенія. Условія эти были приняты нынѣ бѣжавшимъ подрядчикомъ, Лазанковичемъ, какъ человѣкомъ несостоятельнымъ, и слѣдовательно ничѣмъ не рисковавшимъ, кромѣ 150 рублей залога, и то занятыхъ имъ у Еврея Шмуля Бохера.

На основаніи пункта шестаго упомянутыхъ условій, плата подрядчику за продовольствіе учениковъ въ каждомъ истекшемъ мѣсяцѣ производится перваго числа слѣдующаго мѣсяца, *по наличному числу учениковъ*, то есть, если, напримѣръ, перваго апрѣля, при уплатѣ подрядчику за продовольствіе въ мартѣ, въ общей квартирѣ было на лицо только десять учениковъ, то подрядчикъ получалъ только

за продовольствіе десяти, хотя бы, въ теченіи марта, продовольствовалъ и двѣсти. Условіе это оказалось въ этомъ учебномъ году очень выгоднымъ для заведенія, потому что не только перваго января, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Рождества Христова, въ общей квартирѣ не имѣлось на лицо ни одного ученика, и слѣдовательно подрядчикъ ничего не получилъ за продовольствіе въ декабрѣ; но также и перваго апрѣля, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Христова Воскресенія. Обстоятельство это, непредвидѣнное подрядчикомъ, дотого разстроило его денежныя средства, что онъ дождался только перваго мая, чтобы получить деньги за продовольствіе въ апрѣлѣ и, затѣмъ, ночью, съ перваго на второе мая, тайно бѣжалъ, о чемъ дежурный надзиратель и не упустилъ своевременно донести господину директору.

Хотя, по произведенному осмотру, въ анбарахъ и кладовыхъ общихъ ученическихъ квартиръ не оказалось никакихъ запасовъ; однако смѣю увѣрить Ваше Высокородіе, что внезапное бѣгство подрядчика не имѣло никакого вліянія на твердый у насъ порядокъ ученическаго продовольствія, за исключеніемъ только того, что второго мая, то есть на другой день послѣ бѣгства подрядчика, ученики остались безъ завтрака; но въ замѣнъ онаго данъ былъ имъ неположенный по росписанію полдникъ. Съ третьяго числа сего мая, впредь до пріисканія благонадежнаго подрядчика, въ завѣдываніе продовольственною частью вступилъ надзиратель Цаповскій. Если до Его Превосходительства, Кузьмы Демьяновича, дошли жалобы на счетъ продовольствія пищею воспитанниковъ общихъ квартиръ татаровской гимназіи, то это слѣдуетъ приписать извѣстной нерасположенности жителей сего края къ общимъ квартирамъ.

Что́ касается до печальнаго происшествія 20 мая, то я уже имѣлъ честь донести объ ономъ Вашему Высокородію по эстафетѣ, отъ 22 мая.

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года, заведеніе наше удостоилось посѣщенія его высокопревосходительства, г. корпуснаго начальника 15-го кавалерійскаго корпуса. Его высо́копревосходительство изволили остаться вполнѣ довольны, въ чемъ Ваше Высокородіе можете убѣдиться изъ письма надзирателя Михайлова къ его женѣ, которое при семъ честь имѣю приложить. Письмо это было вручено мнѣ, для отсылки на почту, вмѣстѣ съ гимназическою корреспонденціею, но оказалось не

запечатаннымъ. Такъ какъ въ немъ не заключалось ничего особенно интереснаго для г–жи Михайловой, то я позволилъ себѣ удержать оное, для представленія Вашему Высокородію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть

Вашего Высокородія
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Линейкинъ.

№ 14. *Письмо надзирателя Михайлова къ женѣ.*

Извини, мать моя, Анна Семеновна, некогда мнѣ было переписываться съ тобою: ждали смотра его высокопревосходительства господина корпуснаго командира 15 легкаго кавалерійскаго корпуса; повозились довольно, зато представили заведеніе въ полной парадной формѣ.

И у насъ не безъ грѣха. Къ концу учебнаго года въ иныхъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ иныхъ полъ прогнилъ отъ сырости. Все это было прикрыто, такъ сказать, нашею собственною грудью. Возлѣ печки стоялъ надзиратель Тропаревичъ и прикрывалъ своимъ корпусомъ вывалившіяся зимою печныя дверцы; чернильное пятно на стѣнѣ въ учебной комнатѣ находилось подъ прикрытіемъ надзирателя Кондаковскаго; у самого входа въ общую квартиру, гдѣ прогнилъ полъ, былъ постъ твоего благовѣрнаго; прочіе чиновники были разставлены въ прочихъ неприличныхъ мѣстахъ. Его Высокопревосходительство изволили найти заведеніе въ отличномъ состояніи и благодарили господина директора; замѣтили только на счетъ ученическаго ранжира, о чемъ я всегда говорилъ господину директору.

Съ нѣкотораго времени у насъ неладно: ученики заводятъ свою сумбурдинацію; мѣсяца два назадъ, одного исключили, теперь другой накуролесилъ. Я, слава Богу, здоровъ, чего и тебѣ желаю.

№ 15. *Отъ надзирателя крюкославской гимназіи, Архикарманскаго, къ надзирателю татаровской гимназіи, Цаповскому.*

Позвольте, многоуважаемый Амфилохій Аввакумовичъ, по старому знакомству, просить Вашего ходатайства у господина директора татаровской гимназіи о перемѣщеніи моемъ изъ крюкославской гимназіи

въ татаровскую. Не безъизвѣстно, вѣроятно, Вамъ, что у насъ воспослѣдовала перемѣна въ начальствѣ. Господинъ новый директоръ фонъ-Лобенбрехъ, въ противность видамъ своего предмѣстника, явно выражаетъ свое неудовольствіе мною. Между учителями завелъ буттерброды (1); но меня, равно и письмоводителя съ бухгалтеромъ, въ оные не пригласилъ. Злые языки донесли ему на меня, что я будтобы обманывалъ господина бывшаго директора, при дѣлежѣ денегъ, собираемыхъ съ родителей за, якобы, незаконную переправку шаровъ и переводы въ высшій классъ. По наущенію тѣхъ же недоброжелателей, господинъ фонъ-Лобенбрехъ возобновилъ дѣло объ оскорбленіи, нанесенномъ въ моемъ лицѣ надзирательскому званію. Словомъ, всячески тѣснитъ меня и прочитъ на мое мѣсто родственника здѣшняго аптекаря, Цулобенбреха, въ которомъ принимаетъ участіе родственникъ господина директора, статскій совѣтникъ, Лобенанбрехъ, по рекомендаціи ихъ общаго сродника, его превесходительства Ивана Ивановича Ащулобенбреха. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ, я рѣшился перемѣститься изъ крюкославской гимназіи, гдѣ новый начальникъ заводитъ новые порядки, въ татаровскую, подъ крыло его высокородія, Спиридона Павловича. Не откажите, достопочтѣннѣйшій Амфилохій Аввакумовичъ, оказать мнѣ въ семъ случаѣ свое ходатайство, за что, по мѣрѣ силъ моихъ, постараюсь благодарить Васъ.

№ 16. *Отъ адвоката Загоновскаго къ поселившемуся въ Татаровкѣ, бывшему адвокату Пржепіорковскому.*

Прежде всего, любезный, спѣшу сообщить тебѣ новость, новость важную, радостную, новость, дѣйствіе которой на нашу братію шляхту можетъ сравниться развѣ съ дѣйствіемъ, произведеннымъ нѣкогда на народъ библейскій новостью о торжествѣ Мардохея надъ Аманомъ. Если ты еще не совершенно позабылъ священную исторію, то знаешь, кто былъ Аманъ и какія были его отношенія къ народу библейскому; если же наука ксендзовъ піаровъ уже испарилась изъ твоей головы, то по крайней мѣрѣ имѣешь понятіе о той необыкновенной радости,

(1) Подъ именемъ буттербродовъ надзиратель Архикарманскій разумѣетъ, вѣроятно, ученые вечера, заведенные директоромъ крюкославской гимназіи, на которыхъ подавалась умѣренная закуска, сообщившая свое названіе и самимъ вечерамъ. *Примѣчаніе издателя.*

которую обнаруживаютъ наши евреи, во время *пурима*, и которую ты ежегодно имѣешь удовольствіе читать на лицахъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ твоихъ знакомыхъ, не забывающихъ, надѣюсь, поздравить тебя съ пуримомъ и при этомъ поднести тебѣ вкусныя амановы уши (1). Боюсь, что всѣ вы, сколько васъ ни есть въ Татаровкѣ, затѣете своего рода пуримъ, когда узнаете счастливое событіе, послѣдовавшее 22 іюля сего года за № 777; боюсь, что, отъ частыхъ тостовъ, у Лафура не станетъ въ погребѣ шампанскаго, а у васъ, отъ крику и толковъ, изсѣкутся языки; боюсь, что вы надсадите всѣхъ лошадей вашихъ, разсылая гонцовъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ извѣстіемъ о радостномъ событіи; боюсь, что, желая сдѣлать участниками въ общей радости и дѣтей вашихъ, вы позволите имъ цѣлую недѣлю не ходить въ классъ; боюсь, что, вдавшись въ соображенія о связи этого важнаго событія съ политикою европейскихъ кабинетовъ вы зафантазируетесь и, пожалуй, потеряете должное уваженіе къ вашему исправнику. Тогда мнѣ же бѣда: бѣгай и хлопочи у центральныхъ властей о переводѣ вашихъ дѣтей въ слѣдующіе классы, или о примиреніи васъ съ исправникомъ.

Но, быть–можетъ, вы знаете уже эту несравненную новость, отъ 22 іюля сего года за № 777? Быть–можетъ, на этой недѣлѣ, въ Татаровкѣ, случилось землетрясеніе, на крюкославскомъ горизонтѣ являлись необычайныя небесныя знаменія; быть можетъ, у васъ ручьи потекли вспять, и оба татаровскіе пруда, выступивъ изъ береговъ, затопили обѣ татаровскія мельницы; быть можетъ, съ 21 на 22 іюля татаровскія курицы пѣли пѣтухами или чья–нибудь гончая сука родила щенка съ заячьимъ хвостомъ? Умы татаровскихъ политиковъ, настроенные этими необыкновенными явленіями къ ожиданію столь же необыкновенныхъ событій, быть–можетъ, уже смекнули въ чемъ дѣло; жидовская почта, не уступающая въ быстротѣ соображеніямъ татаровскихъ политиковъ, быть–можетъ, уже успѣла дополнить положительными извѣстіями смутныя гаданія политиковъ, и вы уже знаете, что 22 іюля сего года за № 777.... Однако, любезный другъ, если ты еще не знаешь никакой необыкновенной новости, превосходящей все то́, на что́, въ дѣлѣ новостей, можетъ рѣшиться изобрѣтатель-

(1) Амановыми ушами называются здѣсь пряники, которые Евреи разсылаютъ другъ другу и христіанамъ, поздравляя съ пуримомъ — праздникомъ, учрежденнымъ въ память гибели Амана. *Примѣчаніе издателя.*

ный умъ панны Кунигунды, то не мѣшаетъ предупредить тебя, чтобы ты приготовился услышать вещь, которая, если ее сказать тебѣ безъ приготовленія, можетъ слишкомъ поразить тебя, разстроить нервы. Смотри, когда узнаешь эту необыкновенную новость, не растеряйся, торопясь сообщить ее другимъ, не выбѣги изъ дому безъ шляпы или безъ чего другаго.

И такъ слушай. Распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777— еще разъ, любезный другъ, предупреждаю тебя, приготовься услышать вещь необыкновенную — распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777, его превосходительство, господинъ главный начальникъ, Кузьма Демяновичъ. . . . . получилъ другое назначеніе. Быть-можетъ, съ разу ты не понялъ всего значенія этихъ словъ: «получилъ другое назначеніе,» быть–можетъ, еще боишься понимать. «Получилъ другое назначеніе» значитъ, что Кузьма Демяновичъ уже не нашъ начальникъ, что на его мѣсто назначенъ къ намъ другой. Чтобы довершить вашу радость, спѣшу увѣдомить васъ, что́ на мѣсто Кузьмы Демяновича назначенъ къ намъ графъ, намъ старый знакомый. Во всемъ образованномъ мірѣ, гдѣ только извѣстны почтенныя званія судей, адвокатовъ и вообще чиновниковъ, благость и мудрость законовъ, сами по себѣ, а злость и глупость ихъ исполнителей сати по себѣ; изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ образованномъ мірѣ характеръ управленія во многомъ зависитъ отъ личности главнаго мѣстнаго начальника, а изъ сего непосредственно вытекаетъ, что назначеніе къ намъ графа, мы должны считать истиннымъ для себя благодѣяніемъ. — — — — —

Что́ касается перевода дѣтей твоихъ въ слѣдующій классъ, то, не смотря на всѣ старанія, я не могъ устроить этого дѣла канцелярскимъ порядкомъ. У старшаго твоего сына четыре единицы, у младшаго пять; у обоихъ въ среднемъ выводѣ $1^{2}/_{5}$. Эти математическія выраженія, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значатъ, что сыновья твои ничего не знаютъ. Развѣ представишь медицинское свидѣтельство, въ которомъ должно быть выражено, что дѣти твои были больны именно во время производства годичныхъ испытаній, и будешь просить о допущеніи ихъ къ переиспытанію. Только, въ такомъ случаѣ, прежде всего надо позаботиться на мѣстѣ, чтобы переиспытаніе было удачнѣе испытанія.

Если ты имѣлъ терпѣніе дочитать мое письмо и не побѣжалъ еще разгласить по мѣстечку новость отъ 22 іюля сего года за № 777,

то смотри, повторяю, не выбѣги безъ шляпы и вообще сохрани должную умѣренность. Помни этотъ совѣтъ и не забывай твоего искренняго друга.

№ 17. *Отъ Софіи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.*

Ты знаешь, безцѣнная Констанція, и мои чувства, и мои убѣжденія: скажи, посовѣтуй, что́ мнѣ дѣлать? Я растерялась, сердце съ головой въ разладѣ; совѣты близкихъ мнѣ такъ пристрастны; людскіе толки такъ противорѣчивы. Ка́къ мнѣ отвѣтить Тропову: да или нѣтъ? Сказавши *да*, не измѣню ли я другимъ моимъ обязанностямъ? Тетушка Щупальская сначала сама старалась сблизить меня съ Троповымъ, теперь перешла на сторону корнета Раща, бывшаго ученика здѣшней гимназіи, которому, кажется, я нравлюсь и который еще болѣе нравится тетушкѣ. Еслибы не различіе вѣры, я не колебалась бы соединить судьбу мою съ судьбою Тропова. Я сама дочь учителя и съ дѣтства привыкла къ той скромной жизни, которая можетъ ожидать меня, какъ жену учителя. Другъ безцѣнный, уничтожь мои сомнѣнія, успокой меня, скажи что́ дѣлать мнѣ?

№ 18. *Отъ Констанціи Подлипской къ Софіи Строинской.*

Ты избрала, дорогая Соня, судью не безпристрастнаго. Помнишь, года два тому назадъ, я сама была въ твоемъ положеніи, сама испытывала твою борьбу, твои сомнѣнія. Въ то время и мнѣ внушали, что я не вправѣ сказать—да, и однако потомъ, когда я сказала—нѣтъ, сами же меня осудили, назвали легкомысленной, кокеткой. Вѣрь мнѣ, дорогой другъ, лучшій судья въ этомъ дѣлѣ—собственное сердце. Голосъ его неподкупенъ. Вотъ скоро три года, какъ каждый день мое бѣдное сердце спрашиваетъ меня, кто далъ мнѣ право пожертвовать его чувствами для людскихъ понятій. И кто знаетъ, справедливы ли эти понятія. Вѣдь Богъ одинъ. Что́ думаю — я сказала; что́ дѣлать тебѣ — рѣши сама.

О корнетѣ Ращѣ замѣть слѣдующее: часть его эскадрона размѣ-

щена по квартирамъ въ нашей деревнѣ, и онъ часто у насъ бываетъ. Если меня не обманываетъ мой женскій инстинктъ, онъ очень неравнодушенъ къ старшей дочери господина попечителя и еще болѣе, какъ кажется, къ ея приданному. Но—*za wysokie progi na jego nogi* (высокъ порогъ для его ногъ.)

№ 19. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Наивному.*

Изъ письма твоего, Иванъ Андреевичъ, вижу, что и у васъ, въ административныхъ сферахъ, тѣже тенденціи, таже заботливая опека; вся разница въ тенденціяхъ опекаемыхъ. Вами овладѣлъ духъ высшихъ соціальныхъ теорій и стремленіе къ уясненію міровыхъ общественныхъ вопросовъ; у насъ, напротивъ, преобладаютъ мѣстные интересы, а общегуманные отодвинуты на второй планъ. Вы вѣруете въ обновленіе человѣческаго рода, по рецептамъ Прудона; на Ламартина смотрите, какъ на пророка новой политической жизни; вы съ сердечнымъ трепетомъ читаете листочки иностранной газеты и, съ каждымъ новымъ номеромъ, ждете извѣстія о благополучномъ наступленіи вѣка фаланстерскаго блаженства, чаяніе коего не прекращалось въ родѣ человѣческомъ, со временъ грѣхопаденія до дней господина Фурье. Блаженъ, кто вѣруетъ. Оно, разумѣется, пріятно, благоденствуя подъ кровомъ носачевской гимназіи, мысленно отправиться, вмѣстѣ съ мосье Жакомъ, *à la recherche de la meilleure des républiques*; жаль только, что подобное препровожденіе времени порождаетъ въ васъ превратные, по моему мнѣнію, вкусы и понятія. Пожалуй, нѣкоторое причастіе массъ къ благамъ міра сего или эманципація прекраснаго пола, при ограниченности учительскаго жалованья, вещи хорошія и, если хочешь, вещи въ порядкѣ вещей; но зачѣмъ, напримѣръ, вслѣдствіе тревоги по дѣламъ общественнымъ, у васъ объявлено, на военномъ положеніи, и искусство? Ты говоришь, что въ нашъ вѣкъ искусство—не игрушка празднаго воображенія, а мощный двигатель общественный; что, поэтому, и художественное достоинство произведеній искусства болѣе всего зависитъ отъ прогрессивности ихъ содержанія. Не спорю, во всѣ времена, начиная отъ вѣка царя Викромадитіи и поэта Калидасы до вѣка императора Августа и Виргилія и отъ сихъ послѣднихъ до Людовика XIV и Расина, поэты всегда обнаруживали

нѣкоторое поползновеніе къ облизыванію чужихъ блюдъ; однако и вѣкъ Кромвелей имѣлъ своихъ Мильтоновъ, и во времена Аристофана, Данте, Шекспира, Кальдерона, людямъ не чужды были общественные вопросы. Не правильнѣе ли поэтому было бы сказать, что вѣкъ величія гражданскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкъ поэзіи; что упадокъ искусства—вѣрный признакъ упадка всей духовной жизни; что посредственности чужда безкорыстная любовь къ искусству, не потому, однако, что посредственность призвана къ разрѣшенію важныхъ общественныхъ вопросовъ, а потому, что она посредственность.

Ваши общественные вопросы, о которыхъ, увы! общество и не знаетъ, сбили съ толку даровитѣйшаго романиста нашего времени и заставили его писать окружныя посланія о присылкѣ ему общеполезныхъ и душеспасительныхъ поэтическихъ данныхъ; благодаря тѣмъ же общественнымъ вопросамъ, у васъ прослыли великими поэтами люди, которыхъ стихъ, вѣроятно, мучимый демономъ общественныхъ вопросовъ, производитъ эффектъ лѣсопильнаго завода. Но у всякаго свой вкусъ или, пожалуй, свое безвкусіе.

Твоя новелла, о любовныхъ похожденіяхъ вновь назначеннаго къ вамъ инспектора, очень интересна. Чтобы не остаться у тебя въ долгу, сообщу тебѣ нѣсколько татаровскихъ новостей.

Тотъ самый вопросъ, который вашъ испекторъ, рискуя спиною, пытался разрѣшить эманципированнымъ способомъ, у насъ учитель Троповъ разрѣшилъ на законномъ основаніи, по старому заведенному порядку, то есть, по-просту, женился. Бракъ его, какъ бракъ старой школы, не обошелся безъ участія свахи, роль которой, въ настоящемъ случаѣ, разъиграла тетушка невѣсты, мадамъ Щупальская, одна изъ тѣхъ дамъ, которыхъ средства и общественное положеніе здѣсь очень удачно выражаютъ непереводимой фразой: *na kapitale siedzi, a z procentow zyje*. Она свела, развела и опять свела Тропова съ его дульцинеею.

Но интереснѣйшая новость — это назначеніе къ намъ новаго директора; прежній, бѣдняжка, палъ жертвою страстей, возбужденныхъ его же собственнымъ чаемъ и конфектами. Сначала, говорятъ, предполагали назначить къ намъ Лобенбреха, или, какъ называли его университетскіе сторожа, Лобобрюхова; но потомъ передумали и назначили какого-то господина, который, на своемъ директорскомъ мѣстѣ, находится теперь въ положеніи пирожника, тачающаго сапоги.

Въ сѣрогорскую гимназію назначенъ тоже новый директоръ. Этотъ

послѣдній разсматриваетъ, говорятъ, псовую охоту, какъ средство сближенія школы съ жизнью. Онъ, вѣроятно, полагаетъ, что если чаще будетъ являться въ гимназію въ егерскомъ костюмѣ, нежели въ форменномъ вицъ-мундирѣ, то въ публикѣ и ученикахъ возбудитъ болѣе довѣрія и симпатіи къ себѣ и заведенію, котораго онъ представитель. Къ сожалѣнію, этотъ путь сближенія заведенія съ обществомъ имѣлъ до сихъ поръ вліяніе только на распространеніе между учениками кражи гончихъ и лягавыхъ собакъ.

№ 20. *Отъ Эльвиры Щупальской къ Темирѣ Гузицкой, въ С. Петербургъ.*

Помнишь ли, дорогая Темира, кіевскіе контракты и бердичевскую ярмарку, помнишь ли гусаръ коріноскаго полка и балы графа Буцефала, помнишь ли восторги и увлеченія нашей молодости и твою подругу Эльвисю? Какъ все измѣнилось теперь! Тебя счастливый случай привелъ въ Петербургъ, гдѣ твой умъ и красота были оцѣнены по достоинству и доставили тебѣ твое блестящее и независимое положеніе въ обществѣ; я, послѣ смерти нашей благодѣтельницы, принуждена была изъ барскихъ палатъ перейти подъ соломенную крышу моихъ родственниковъ и навсегда остаться въ Татаровкѣ — ничтожномъ мѣстечкѣ. Но и здѣсь жизнь моя прошла не безъ радостей и тревогъ сердечныхъ. Остальные мои годы я рѣшилась посвятить людямъ, съ которыми связана узами родства и дружбы. Недавно племянница моя вышла замужъ за учителя здѣшней гимназіи, Тропова. Боже милостивый! Теперь только я вижу, какое это несчастное учительское сословіе. Есть и умъ, и чувство, и умѣнье найтись въ обществѣ, а жалованья не стаетъ и на хлѣбъ насущный; между тѣмъ, здѣсь же какое нибудь чучело, жена становаго пристава, въ бархатѣ и кружевахъ, разъѣзжаетъ себѣ въ коляскѣ. Темира, дорогая Темира! Именемъ нашей прежней дружбы умоляю тебя, сдѣлай что-нибудь для Тропова: доставь ему мѣсто штатнаго смотрителя или инспектора въ одной изъ гимназій здѣшняго учебнаго округа. По твоимъ связямъ въ Петербургѣ и твоему вліянію, ты можешь это сдѣлать. Ты все можешь сдѣлать. *My rządzim światem, a nami kobiety* (мы управляемъ міромъ, а женщины—нами).

Тебѣ только стóитъ сказать, чтобы написали нѣсколько словъ

въ пользу здѣшняго округа. Только ради Бога, чтобы не переводили его въ другой учебный округъ и въ даже въ другія губерніи здѣшняго округа. Здѣсь, покрайней мѣрѣ, племянница моя живетъ съ людьми. Суровый сѣверъ не могъ охладить твоего нѣжнаго сердца, и блескъ настоящаго не могъ сдѣлать тебя равнодушною къ воспоминаніямъ прошедшаго; поэтому надѣюсь на твое участіе и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, утромъ, лишь только я вошелъ въ инспекторскую, мнѣ дали знать, что татаровскій почтмейстеръ проситъ меня немедленно явиться на почту, по очень экстренному дѣлу. Оставивъ въ инспекторской, для наблюденія за порядкомъ, надзирателя Цаповскаго, я поспѣшилъ къ почтмейстеру. Почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ встрѣтилъ меня вопросомъ: что у васъ случилось?—Ничего, сколько мнѣ извѣстно,—отвѣтилъ я.—Какъ—ничего,—возразилъ Иванъ Петровичъ:—изъ-за-чего же эта сумотоха: всѣ ваши учителя и чиновники, въ томъ числѣ и вы, вчера сами отправили, а сегодня получили. по нѣскольку писемъ. Это не безъ причины.—Мои письма, Иванъ Петровичъ, самыя обыкновенныя; что же касается другихъ, то, кажется, мы можемъ удостовѣриться.—Мы удостовѣрились, и, къ удивленію нашему, нашли, что во всѣхъ письмахъ говорилось объ одномъ и томъ же, и почти одними и тѣми же словами: именно, во всѣхъ письмахъ заключалось извѣстіе о воспослѣдовавшей перемѣнѣ формы, съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія, по поводу формепныхъ сюртуковъ.

№ 21. *Отъ учителя носачевской гимназіи, Наивнаго, къ учителю татаровской гимназіи, Трезвому.*

Состояніе педагогіи и соціальное положеніе инструктирующаго корпуса—это два коррелата, которыхъ прогрессъ составляетъ постулатъ разумнаго развитія общественнаго организма. Гдѣ нѣтъ конкурренціи, гдѣ педагогія является въ видѣ монополіи лица нравственнаго или физическаго, тамъ положеніе педагоговъ должно быть гарантировано по крайней мѣрѣ привиллегіею. При отсутствіи конкурренціи и безъ атрагирующей силы привиллегіи, монополія можетъ парализовать интеллекту-

альную дѣятельность, поставленную въ условіе отъ субъективности дѣятелей. Только люди теоріи и доктрины, съ заднею мыслію обскурантизма, могутъ оспаривать универсальность этого принципа. Ясно, количество гонорара составляетъ главный элементъ педагогической привилегіи, поэтому и главный нервъ педагогической дѣятельности. Движеніе прогрессивныхъ идей, такъ побѣдоносно заявившихъ въ наше время свою экспансивную силу, коснулось и этого капитальнаго педагогическаго вопроса. Говорятъ, вопросъ этотъ первоначально былъ поднятъ на периферіи административнаго центра, но, энергически промовированный, теперь достигъ окончательнаго фаза своего развитія. Кому бы впрочемъ ни принадлежала честь иниціативы, громадное значеніе самого вопроса внѣ всякого сомнѣнія. Оптимисты наши поднимаютъ проектированный гонораръ до непривычной цыфры; пессимисты выставляютъ фантомъ бюрократической развязки; умѣренные боятся, чтобы экстрема предъявленныхъ требованій не произвела конфликта, могущаго рефлектироваться ретроградным рѣшеніемъ вопроса. Я полагаю, что переставивъ этотъ вопросъ изъ сферы гувернаментальной въ сферу общественную, то-есть, признавъ въ рѣшеніи его компетентнымъ судьею само общество, можно достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Разумѣется, было бы слишкомъ поспѣшно доводить автономію общества до предѣловъ супрематіи; но согласись, одно неполное пониманіе общественныхъ интересовъ и обязанностей можетъ назначать обществу въ этомъ случаѣ только пассивную роль. Очевидно, стоитъ перевести раціонально-опредѣленную плату за ученіе въ общественное сознаніе, и вопросъ разрѣшится самъ собою. Здѣсь неумѣстны ни скрупулы рутинистовъ, которыхъ идеалъ въ прошедшемъ, ни обидная апатія скептиковъ, отрицающихъ всякій идеалъ и унижающихъ общественные инстинкты. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо отказаться отъ всякой нивелирующей нормы и допустить нѣкоторую децентрализацію соціальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ по условіямъ жизни исторической и изолирующихся по условіямъ административнаго прогресса. Въ противномъ случаѣ, тенденціи привилегированнаго меньшинства могутъ измѣнить назначеніе ценза непривилегированной массы. Какъ бы то ни было, несостоятельность прежней системы очевидна, и реформа должна быть произведена какъ можно скорѣе и на возможно широкихъ основаніяхъ: пребываніе *in statu quo* угрожаетъ обязаннымъ дѣятелямъ всѣми бѣдствіями пауперизма. Не можешь вообразить, какую жалкую роль

играютъ наши педагоги въ здѣшнемъ обществѣ, въ которомъ, вопреки даже примитивной мудрости пословицъ, по платью не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. Особенно печальна участь тѣхъ педагоговъ, которые, по своей вульгарной непредусмотрительности, позволили себѣ жениться.

№ 22. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Наивному.*

Письмо твое, любезный Иванъ Андреевичъ, я получилъ, но, извини, не поручусь, что безошибочно понялъ, о чемъ ты въ немъ говоришь и что́ хочешь сказать. По прочтеніи твоего письма, я сталъ ясно понимать только одно—сказаніе о смѣшеніи языковъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Пойми меня, любезный другъ, и прости мнѣ мою откровенность: я упрекаю тебя не въ неумѣніи выразиться, а въ злоупотребленіи таланта выражаться. Я всегда признавалъ и цѣнилъ въ тебѣ дарованіе складно говорить и писать, отдаю и теперь полную справедливость твоему искусству владѣть перомъ на всѣ манеры и только не вижу ничего хорошаго въ томъ манерѣ, которымъ ты теперь вздумалъ выражаться. По самому точному счету письмо твое состоитъ изъ двухъ третей словъ иностранныхъ и только изъ одной трети русскихъ. Но болѣе всего меня удивило то, что твои иностранныя выраженія показались мнѣ удобопонятнѣе употребленныхъ тобою выраженій отечественныхъ. При пособіи словарей и ученой терминологіи, насколько она мнѣ извѣстна изъ разныхъ наукъ и художествъ, я разобралъ смыслъ твоихъ коррелатовъ съ постулатами, соціальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ въ центрѣ и изолирующихся на периферіи; но како́й точный смыслъ твоихъ нравственныхъ и физическихъ лицъ съ задними мыслями, что́ значатъ поднятые и переставленные вопросы, заявленные (какъ вескеля) идеи, несостоятельные (какъ должники) системы,—рѣшить не берусь ни на широкихъ, ни на узкихъ основаніяхъ. Спасибо, братъ, зато, что въ письмѣ своемъ ты разставилъ, какъ часовыхъ, оберегающихъ общественное спокойствіе, слова: ясно, очевидно, разумѣется. Безъ успокоительной силы этихъ ободряющихъ откликовъ, мною могла овладѣть мрачная мысль, что—либо въ моéй головѣ не все благополучно,—либо въ твоей.

Скажи, сдѣлай милость, Иванъ Андреевичъ, наитіемъ какого демона ты вдругъ заговорилъ такимъ тарабарскимъ языкомъ, съ какихъ поръ и вслѣдствіе чего приключился съ тобою этотъ грамматическій переворотъ? Не лишній ли аршинъ содержанія, прибавленный къ формѣ, такъ подѣйствовалъ на тебя? Ты жестоко, любезный другъ, ошибаешься, если движеніе бумаги и типографскйхъ станковъ принимаешь за движеніе идей. Видѣли мы уже не разъ это словесное движеніе и знаемъ его результаты. Было время, когда не только всѣ саардамскія и амстердамскія слова двинулись на русскую землю, но и самыя православныя имена передѣлывались на амстердамскій манеръ; и, однако, вся эта этимологическая революція не одолѣла нашей природной грамматической конструкціи. Напрасно ожидаешь ты какихъ-то особенныхъ результатовъ и отъ современнаго словеснаго движенія; напрасно въ явленіяхъ его усматриваешь какой-то особенно-знаменательный смыслъ. Другъ ты мой милый, это не прогрессъ, а только ремонтъ, и притомъ ремонтъ, не выходящій изъ смѣтныхъ суммъ, положенныхъ на содержаніе такъ-называемаго общественнаго организма. Слыхалъ я, что, вмѣстѣ съ новыми идеями, появляются и новыя слова, но въ этомъ случаѣ, полагаю, честь иниціативы принадлежитъ не словамъ, а идеямъ. Правда, русскій человѣкъ мастеръ говорить одно, а думать другое,—умѣетъ, въ случаѣ нужды, наборомъ глупыхъ словъ и выраженій прикрыть прехитрую работу ума. Это особая риторическая фигура національнаго краснорѣчія, о которой не упоминается въ твоемъ руководствѣ, составленномъ по образцамъ иноземнымъ. Но не пора ли уже отстать намъ отъ этого литературнаго лукавства? Къ чему оно? Публика, располагающая обстоятельствами, отъ другихъ независящими, очень хорошо понимаетъ, что упражненія въ краснорѣчіи на языкѣ временъ смѣшенія языковъ такъ же неопасны, какъ и томы нѣкоторыхъ книгъ, покоящіеся на полкахъ университетскихъ библіотекъ, для поддержанія бодрости духа посвященныхъ. Но, быть можетъ, ты только желаешь попасть въ присяжные ораторы этого краснорѣчія, которое, какъ свѣтъ, выставляется на удивленіе Европы,—какъ мракъ, годится и для домашняго обихода? Это другое дѣло. Но, въ такомъ случаѣ, не совѣтую тебѣ пускаться въ перестановки вопросовъ изъ центра на периферіи, а смѣло и рѣшительно сосредоточиться въ центрѣ.

Если не ошибаюсь, въ письмѣ своемъ ты говоришь о предполагаемой прибавкѣ жалованья. Дай Богъ, чтобъ это случилось, какъ

можно скорѣе. Что́же касается твоихъ собственныхъ предположеній объ обращеніи суммы за ученіе исключительно въ пользу учителей, то предположенія эти я считаю несбыточною мечтою. Всѣ суммы, названія которыхъ ты знаешь изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, представляютъ, говоря твоимъ языкомъ, номинальную модификацію суммы государственнаго казначейства; одна эта сумма имѣетъ объективную реальность и то́ только вѣрно, что́ будетъ отпущено намъ изъ этого источника.

При случаѣ, пришли мнѣ неводокъ и хорошую складную удочку, со всѣми къ ней принадлежностями, о которыхъ распроси у Афанасія Ивановича Куцаго. Въ здѣшнихъ мѣстахъ усовершенствованы средства только для ловли жениховъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Логика школы Кузьмы Демьяновича была непоколебима, риторика — сильна, философскія начала этой школы внушались намъ, подъ руководствомъ Спиридоновъ Павловичей и Архиповъ Сисоевичей, съ должнымъ настояніемъ; и, однако, опытъ показалъ, что дѣйствіе ихъ на наши умы было довольно слабо и поверхностно. Лишь только новое начальство посмотрѣло на воспитаніе съ другой точки зрѣнія и послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ учебной администраціи, какъ все гимназическое сословіе, даже въ своей частной корреспонденціи, заговорило на другой ладъ и, сказать правду, заговорило на этотъ новый ладъ съ большимъ убѣжденіемъ и достоинствомъ, какъ будтобы весь вѣкъ свой училось думать и говорить въ школѣ какого-нибудь парламентскаго лорда, а не въ школѣ Кузьмы Демьяновича. Гимназическую переписку, относящуюся къ этому послѣднему времени, я намѣренъ издать особо.

И. Линейкинъ.

ХУРТО́ВИНА.

«А що, Пе́тре, чи далеко заідемо? бачъ яка хурто́вина, бачъ якъ куёвдить! уже такъ-що й світа Божого не видно, ажъ ко́ней збивае зъ дороги... Дивись, якъ стреля́е у видъ, — чи воно крупи́, чи хто ёго зна?... Аже́ ти не забувъ, Трохиме, якъ ище, мабуть, лі́тъ тому шість, ми блудили съ тобою за Депті́вкою; тоді прихо́дилось та́къ, що трохи душі не рішили́сь... Приіхали у Депті́вку, уже смеркло, а хурто́вина такъ розгулялась: крутить да стрі́хи рве, слеве, Божого світу невидно. Якъ би тоді сей розумъ бувъ, що́ теперъ! Ви́іхали ми за Депті́вку а темно стало, хоть би що дрючко́мъ потягну́ло, то не вгледівъ би; якъ убра́лись ми у долину, такъ ко́нямъ по че́рево, — тілько уші видно, — такъ-тілько: плигъ, плигъ, плигъ! насилу ми вибрались изъ тіеі доли́ни; а воно, въ-ночі, хоть яка маленька долинка, стане такъ якъ велике провалля. Ви́брались ми, поіхали, — хто ёго знае куди и ідемо; а тутъ такъ припікае! — то було по ві́тру угадаешъ куди і́хать, а то та́къ якъ заморо́чило; та сбились ми на Коронецькый шляхъ, — ди́вимось, ажъ люде і́дуть; ми тоді давай гука́ть на іхъ: «скажіть, люде добрі, куди дорога на Понори?» — «Э, се ви не туди попали: дорога осталась сзаду!» Дакъ ми давай і́хать за ни́ми, та й переночували у Коронецькій; отъ, я, съ того часу, и зарі́кся, — ні въ світі не пої́ду у-ночі, якъ ху́рія на дворі, бо трохи не наложили головою.

«Ти́! ёго, вражого сина, — я́къ стреляе у ліву щоку! Давай лишъ сяду за вітромъ! (Пересівъ на правий бікъ ро́звальнівъ, — звісивъ ноги) Отепе́ръ трошки затишній буде. Надержуй, Петре, оглобельну у ліво, бо ві́теръ все збивае у-право!... Ну, вже, учора померзли руки у ме́не! Колибъ не стидно, тобъ и заплакавъ; якъ потеръ сні́гомъ, дакъ ище й лучче... Дивись, дивись, заець, заець! отже, дорогу перебігъ: катя́, катя́, га-га, га-га! бачъ, и перебігъ! Ка́жуть, буде якась притичина, не тутъ ка́жучи... Дивись, — и сівъ! що́-то сучого сина за звіръ! бачъ, и не боітця; а якъ-би було ружжя́, тоді-бъ и

не лучилось такъ. Хитрий звіръ. Нащо́ ворона — инший разъ якъ за хвістъ не вхопишъ; а піди зъ ружжя́мъ, — такъ, о́сторонь, одъ тебе усе и пі́де.

«Ні, да й припікае! учора руки поме́рзли, а сёгодня ноги... А ти, Пе́тре, змерзъ? — Да ще ні! — «Держи, держи у-ліво, щобъ не збитьця зъ доро́ги, бо такъ у слідъ и замі́та́, и сліду не видно! Уже, підъ таку хуру́ мовъ у диму́ усе́: и млинъ тобі здаетця такимъ чуднимъ, и дерево мовъ маній яка вста́ла, — такъ и нависло, мовъ на те́бе хоче падать. Нема въ світі, якъ літомъ! Хоть и на́-полі доведетця заночувать, дакъ не страшно; иноді и ру́ба сухого не буде, — порозвішуешъ одежу, пригріе сонечко, — не знать де й ді́лось, — и пішовъ далі. Літомъ, хоть и проти́-ночі виідешъ, — тілько півень заспівае — и не бійсь нічого; бо то, кажуть, нічъ весела: зла тварь недуже вештаетця; самъ перехри́стисся, перехри́стишъ дорогу, та й ідешъ сміло.

«Дивись, Пе́тре, онъ щось чорніе?» — Да то не́хворощъ, здаетця! А ми якъ іхали у Конотіпъ, передъ Миколаемъ, — подушне, правда, возивъ, — іхавъ я, та ще Санбі́рскихъ чоловіка два, виіхали за Санбі́ръ; сижу я собі, — тілько стали доіздить ось до первого ярка́, — зиркъ на́-бікъ, дивлюсь — два вовки, такъ якъ дві тичини, стоять; ми на іхъ: тю, тю, тю! а вони, хочь би тобі зъ місця ру́шили. Покійний Лисько́ (уже було якъ ідешъ изъ нимъ, дакъ не задрімаешъ, якъ стане росказувать, може що́ збреше, а що́ й правду скаже, — да вже було инший и правди такъ гладко не роскаже, якъ він було́ збреше: уже чистобре́ха бувъ покійний!) росказувавъ, що у вовківъ есть свій богъ — *Ригорій*, каже. Пасли пастухи, а далі пішли у лісъ, дивлятця: стійло збито коло дуба; що́ воно за-знакъ, що коло дуба такъ стопцёвано? А одинъ парубокъ и обізвавсь: що́ дасте́? я переночую на сімъ дубі! Отъ, злізъ на того дуба, узявъ — привьязавъ себе́ поясомъ до дерева, та й сидить; тілько такъ, якъ у глупу — нічъ, приходить чоловікъ у бі́лому о́дягу, поназбігалась сила вовківъ — він и давай ділить: ти піди те́ візьми, ти пі́ди, — те́, ти піди до удови́ — у неі одно порося, да й те́ візьми. Остаетця старий: а тобі те́, що́ на дубі! — Розсвіло, товариші и приходять. «Отеперъ же, пропавъ я!» — якъ? — Він и росказавъ імъ усе. — Да ну, годі, чо́р-зна чого боятьця! — Стали ночувать на другу нічъ; узяли — полягали усі головами на того парубка; устають у ранці: тілько одні кістки валяютця; звісно — су́жене: не счуесся, якъ тебе й розі́рве, и другі не почують. Вже на-що́, годівъ тому

три, поіхали ми зъ ба́тькомъ за копами на́-нічъ, виіхали до Корсунки, наложили ячме́ню на візъ, (та й ячмінь ще добрий бувъ тоді); корови́ пасутця, а ми полягали спать, — думка така щобъ світомъ до дому; батько жъ заснувъ, а мі́ні усе не спится, уже я повертавсь и сюди́, и туди́, — ні! Слухаю, коли корови́ чмишуть; я вставъ, о́страхъ мене́ такъ и взявъ; дивлю́сь — нічо́го не ви́дно, а корови́ все чмишуть; я тоді до ба́тька: та́ту! о, тату! тату! чи ви спите́? — А чого? Та поідьмо до-дому, щось корови не ідять!» — То й запрягай, и поідьмо. —

Запрягли; на во́зі положили півтори ячменю (та й ячмінь же добрий!) а вони та́къ идуть, та́къ идуть; проіхали, такъ-сказать, го́нівъ зо́ двое; стали, ось, такъ якъ противъ Го́лубовоі-верби, — тілько воно: ме-ме-ме! Батько на мене поглянувъ, да й мовчить; а мі́ні здалось що дія́конъ стереже конопе́ль, та книжку читае, — такий синъ, коли брешу! Се, кажу, дія́конъ стере́же конопель у полі; дакъ, видно, читае книжку, щобъ не скучно було. Ті́лько воно зразу: ме-ме, ме-ме, ме-ме! Я тоді, собі на думці: добрий дія́конъ! а вовки напали на теля, — що тутъ-же и люди ночували! — сказать-що коло са́мого во́за зъіли на́зімка живого: — такъ якъ укусне́ одинъ, то воно тілько: ме! другий кусне, то воно — ме-ме! Такъ живого и зъіли. Батько каже: «одпустімъ корову, до вона одніме:» дакъ побоялись. Уже якъ гуртова скотина, дакъ ні въ ві́къ-ві́чний не візьме вовкъ; скотина становитця задами у сере́дину, а ко́ні мордами у середину; и свині́ гуртовоі не візмуть. Покійний дідъ, Мики́та, росказувавъ, що набі́гъ вовкъ на табунъ гуртови́хъ свиней; вони і́ого якъ напьяли́, одна и попі́нила: дакъ того вовка и розирвали другі вовки́.»

— Постой, Трохи́ме, и я тобі роскажу: ище покійний мій батько бувъ живий, — поіхали ми на гречку орать; орали ми у Сі́дьковихъ-мо́гилокъ; стали ночувать, волівъ поодпрягали да й полягали. Тілько ставъ я очима зводить, чую щось: хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, хрьо-хрьо; я пі́двівсь, — дивлюсь: такъ якъ го́нівъ двое сидить свиня на заднііхъ ногахъ, а воно — щось якъ розжене́тця, да якъ ви́тягнетця, да такъ про́жогомъ до свині́, — то вона тоді — хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, та до ёго риломъ; то, отсе, свиня якъ пожене́тця, воно тоді назадъ, зогнетця, да скорчитця, да тоді, вньять, якъ випрямитця, та до свині, — то свиня такъ и сунетця до ёго. Я тоді: «тату! тату! о, тату! чи ви чуете, що воно таке́!» — Да то́ лисиця граетця изъ свинею. — Дакъ и не аби́-якажъ и свиня: — нічого и не вдіявъ. На другий вже день батько каже: — то не лисиця, а вовкъ; се я тобі не

казавъ, щобъ ти не лякавсь. — А вона, сучого сина свиня, одбилась одъ черíдки. Якъ би вовкъ пíни не боявсь, то вíнъ би íї не помилувавъ. —

«Отже вітеръ бувъ у лівий бікъ, а теперь прямо, у пику. Постой лишъ, здаетця, собаки гавкають! Держи, Петре, оглобе́льну, бо такъ и збиваетця. — Уже воно якъ чоловíкъ розумний, то любо й словомъ перекинутьця; та якъ и скотина придастця гарна!.. Була въ мене кобила ворона́, — пусти íй вíжки, сама такъ и простуе, а де була разъ, туди такъ и верне, — вже не забуде, ні въ-вíкъ.» — Ти кажешъ, Трохиме, кобила: — нащо́ заець — якíй! пíди ти одури ёго́: — якъ тíлько думае лягать, такъ слíдъ и заплу́тае: попу́та, попута, та тодí ступнíвъ на пьять и перестрибне́, и зариется; або птиця, отже — яке хитре: пíшли ми торíкъ у леваду зъ Тарасомъ; тíлько утка дика лопъ-лопъ-лопъ, кри́лами; я на Тараса: отже, утка підбита! та за нею, а вона одъ мене, а я за нею; одвела мене отъ дíтей, да тодí знялась, да й полетíла. Не лихого жъ батька, яке хи́тре! засмíялись ми зъ Тарасомъ, да й пíшли. —

— Зайця тíлько ноги ратують, — каже Петро: — кого вíнъ не боíтця! и чоловíка, и вовка, и лисиці. Разъ ми поíхали у лугъ, — тíлько íхъ шість чоловíка вовківъ, якъ напьяли одного зайця: одинъ бíжить, а другі одстануть; а далі другий, якъ уляже: отъ-о́тъ нажене́, отъ-отъ нажене́; отъ, заець у-бíкъ, якъ уломить, — вовкъ и останетця. Вовкъ зайця не дожене́, — хиба та́къ, лежачого наги́ба. — Заець, кажуть-би-то, намíривсь утопитьця: пíду утоплюсь, каже, нíщо́ мене не боíтця; пíду самъ собі смерть заподію — утоплюсь у морі. Прийшовъ до моря; тíлько жаба — плигъ! злякалась, та въ море. «Отже, вернусь: годі топитьця, — есть таке щó й мене боитця.» Щó отсí стрíльц íхъ перенівечять! Орали ми зъ Лиськомъ надъ гайко́мъ; тíлько два стрíльцí íздять, та й íздять. Тíлько десь и назо́рили зайця, та зразу: бухъ! та ногу й перебивъ; вíнъ такъ якъ димъ, — такъ и котитця, да прямо на ме́не. Я и́стикъ наготовивъ, — думаю собí: якъ порівняетця, та́къ ёго и вчищу. Не вспівъ и окомъ змигнуть, вíнъ такъ по пíдъ ногами и шамну́въ. Отакъ, каже Лиcько: упустивъ со́кола зъ рукъ.

«Ти кажешъ, Пе́тре, що самий плохий звíръ — заець; надъ вівцю нема й пліхшого. Сміхъ та й годí: колись я волочивъ, а ватага не подалеці ходила; вовкъ и підкравсь. Я — тю-тю, тю-тю, тю-тю! а вíнъ не слуха, — та́къ и кинувсь до баранцí; ватага у-ро́стичъ, баранець проти ёго: тупъ-тупъ-тупъ, ногою; а вовкъ ёго за шию, — пере-

кусивъ горло, скинувъ на спи́ну, да й помчавъ. Вівчарі́ за нимъ: тю-тю, тю-тю, тю-тю! дакъ ві́нъ такъ и подався до Тимоше́нкового ярка́.

«Отже й Саранівка! (Спустились у яръ) «У яру́ заразъ и поти́хшало, и ві́теръ не той. — Привертай до ши́нку: нехай коні́ духъ переведуть, а ми трохи погріємось. Ото́ замело! обтруси, Петре, мене, а я тебе. (Уходять у хату) «Здорова шинкарко! Дай Боже здрастувать! — «Ну, да й пить-же хочетця.» — «Не пий, Петре, води, — виний лучше горі́лки! Я зві́ривъ на собі, що нема й гірше, якъ води випьешъ съ холоду; а горілки хоть трошки випьешъ — и смагу проженешъ. Уже якъ Савка нашъ! ві́нъ не розбі́ра ніколи: якъ допавсь до води, такъ и дудлить; дивись, и не минетця ёму, черезъ те́ такъ часто и занепада́. Бачъ, у шинку якъ замуровало ві́кна!.. А де́ твій чоловікъ, молодице!» — У мене нема чоловіка—Бачъ, и вклепався. — «Отсе другий разъ топишъ?» — Та де́-тамъ! уже третій. — «А ну, пора, Трохиме: нерано. Якъ би давъ Богъ на́-нічъ у Депті́вку.» (Виїхали на Степокъ.) «Отже, хурто́вина и не здаетця.» — «А куди поідемъ?» — Паняй побі́ля могили... Ти кажешъ, Петре, заець хитрий? Надъ лиси́цю нема, мабуть, и хитрішого звіра! Іхавъ я у восени́, — да не самъ, а зобралась валка чимала. Я дивлюсь — коли́ лисиця бі́жить; тілько зу́здріла насъ, та́къ и прилягла, якъ грудочка; я тоді: онъ-онъ, онъ-онъ, онъ-онъ, лисиця! — Де? — Онъ прилягла! — Да то ввиді́лось тобі, та́къ! — Дивлюсь, коли и друга побачила, и та прилягла; а далі третя, четверта, та́къ и поприлягали. Якъ тілько ми поминули, — вони тоді повставали, да такъ, стопа́-въ-сто́пу, и біжять. Я тоді: а що́, не правда?... Да ще які здорові!... Торікъ ми зъ Тарасомъ нагиба́ли нору́ лисичу, на Лізкахъ; отъ, и давай копать. Якъ почали, якъ почали! оце поведе туди, а далі въ бі́къ, а потімъ прямо, а далі впьять зверне; чуемо, щось хропе; оце, думка така, лисинята; — докопались, ажъ тамъ кубло́, такъ якъ собаці повернутьця; дивимось — ажъ тамъ два і́жаки! Я, зъ серця, узявъ та й повбивавъ. «А вона уже вивела.»

— А то, разъ, та й видрали Царе́нкови лисинятъ; вона, по сліду, и дойшла, ажъ до самоі хати, — та все ходить. А надъ Дубиною оравъ Хведоръ Курченко. Отъ, лисиця прийшла, та й лягла, надъ горою, у борозенці. Вінъ примітивъ, та й підкравсь, — та якъ учи́стить и́стикомъ: вона такъ и витяглась... А вона молока напрягла. —

«А ну, ну, паняй, Петре, бо невидно... Міні здаетця, що пьяному чоловіку, у ночі, частій усёго лучаютця приведенції; чоловікъ якъ

не пье довго, та зразу почне пить багато, то ёму, що́-небудь, и привидитця. Аже́ ти чувъ, якъ Наумъ бивъ пеньки: ёму здалося що чорти... А я, такъ, якъ-би и теперъ, тверезий, якъ сёгодня знаю, на масниці,—уставъ у ночі,—бачу—вітеръ;—піду,—кажу,—пущу млинъ. Вийшовъ на го́ру, ось-такъ, якъ порівнятьця зъ Дворянською пивою; — чую, грімъ загремівъ! зімою, та грімъ загримівъ? Дивлюсь—змій такъ и розсипавсь искрами, да й упавъ у Лепу́рчиному саду.» —Да вінъ, кажуть, часто сідае тамъ,—обізвавсь Петро́. «Уже я злякавсь тоді, такъ, що й себе не знаю!» — Нико́ли я не злякавсь та́къ, якъ позаторікъ,—каже Петро. Шивъ чоботи у дворі; літомъ, дакъ лубка́ нестало: побіжу,—кажу,—до-дому, та візьму лубка на закаблуки. Біжу собі,—тілько зъ конопель вовкъ, проти провалля, такъ и вискочивъ; я такъ злякався, що волося на голові такъ и полізло въ гору. Я тоді на дівчатъ: (а дівчата у Гудевівщині тютюнъ підбивали)—Дівчата, ось вовкъ!—Де́?—Ось!—Вінъ такъ и прянувъ на гору... Да ще злякався здорово, якъ покійний дідъ живий бувъ. Поіхали гречки вьязать; у ночі, я коло дітей,—коли дідъ прибігае: «тікайте, діти, на візъ!» Узявъ, та й поссажувавъ на візъ. А нічъ була місячна. Тілько-що посхо́плювались ми на візъ, ажъ табунъ коней біжить — гнали вовки; отъ и погнали ажъ у Миронівъ яръ; тіжъ погнали, а одинъ перебігъ навпере́йми, та й засівъ;—якъ тілько порівнялись ко́ні, вінъ якъ прискочивъ до лошака, якъ ухопивъ за горло, такъ и повали́въ! и почали тутъ істи. Корній да Йванъ, побачивши, узяли—вічтівъ навьязали изъ соломи,—отсе запалять, та до іхъ: то вони назадъ отбіжять ступнівъ двадцять, да тоді постаю́ть, та зубами—клацъ-клацъ-клацъ!.. Отже, ноги стали промерзать, — давай про́йдемо.

«И Санбірські млини́ уже манячять! Якъ собаки гавкають! чи не пробіраетця до овець собачий дядько... А ну, сідай! лучче ранше настигнемо у Дептівку... Що за славний дідъ отсей Конопляний! — якъ сяде, та якъ почне гу́тарить, и тебе пришануе и конямъ сіна по́-боки. Воно бъ и до-дому можно у волю настигнуть, та дорога забитна; тамъ, за Дептівкою, по глибокимъ дорогамъ, снігу ва́лява:— лучче рано встанемо.» —А куди поідемо, чи прямо, чи кругомъ? — «Паняй прямо!» — Лучче поідьмо кругомъ: хто кругомъ їздить, той дома ночуе. Аже́, якъ питали жінки, чи скоро чоловікъ приіде: якъ поіхавъ, каже, кругомъ, такъ сёгодня буде, а якъ навпрошки, то хиба завтра.

«Вжежъ, якъ приідемо до дiда, дакъ я заразъ на пічъ; я люблю, съ холоду, на печі попаритьця: хочъ якъ перемерзнешъ, а на печі, якъ спотіешъ, то все минетця, и здоровъ станешъ.» — А я люблю,— обізвавсь Петро́,—долі, на соломі: долі, кажуть, дві волі, и рука и нога спить... А вставай, Трохиме, та одчиняй ворóта; на́ пу́гу одъ собакъ!—(Собаки такъ и гуну́ли, та впьять назадъ) Отже, и собаки хвижі боятця,—такъ и ховаютця.»—Отже, щось иде,—каже дiдъ Ничипоръ.—А вийди, Секлето!—«Та се, якісь люде приіхали,—за хвижею и невидно.» (Убігла Секлета, та заразъ и скóчила на пічъ грітьця.)

«Обтруси мене, Петре, а я тебе.» (И давай тупотіть у сіняхъ.)—А Гривкó ажъ двері гризе.—«Добривечіръ, діду!» — Здоровъ!—(Дiдъ придивляетця)—Се ти, Трохиме? бачъ, я й не пізнавъ! «Пустіть ночувать!» — Добривечіръ, діду!—Здоровъ, Петре! скидай кобенякъ.—Ну, дай хуга́ жъ! и світа Бóжого невидно... Пiдъ таку хвижу не одно одубіе, не тілько пьяне, а й тверезе.—Роспрягайте жъ коні,—та отамъ, у клуні, сіно.—

«Йди, Петре, роспрягай, а язъ дiдомъ табáки понюхаю... А дай лишъ діду табаки.»—Біжи, Марку, до Тимошá, позичъ табаки. Отсе якъ-разъ не стало, а міні вже якъ нема табаки...! Устанешъ у ночі, сядешъ на припічку — отсе мое місце, — разівъ десятокъ понюхаешъ, и мислі розибьешъ; — звісно, старому не спитця, а друге те — и думки... Сідай, Трохиме! — «Ну, въ тебе, діду, и собачкй!» — Бачишъ, Трохиме,—одъ поля живемо, звірі тягаютця. — «Та и въ насъ, сю зи́му, у Мусія Нагірного потягнули свиню.»

—Не чого й вовки ходять у село,—почавъ дiдъ: — може воно й брехня, дакъ и я буду брехать,—а може воно колись и правда була, та теперъ за брехню править... Собаки та й зробили договоръ зъ вовками, щобъ вовки у село не ходили; вовки й дали росписку собакамъ, що уже, бачъ, вони не будуть ходить у село. Отъ, собаки та й отдали сю росписку, на схóванку, котамъ, а коти мишямъ, а миші, возьми, та и зжіжъ! Отъ, и завелась сварка: собаки на котівъ сердятця, а коти на мишей,—а вовки все-таки ходять у село; якъ тілько собаки скажуть вовкамъ: а чого ви ходете у село? ви жъ дали росписку!—дакъ вовки́ и кажуть: «а покажіть росписку!»

(Уходить, Петро, выпрігши коней.) «А що́, постановивъ коней?» —Постановивъ, діду!—И сіна підложивъ?—Підложивъ!—А, ну, лишъ, стара, чи буде намъ що́ вечерять?... А моя стара да хоче мене покинуть!...—Якъ-то, діду,—каже Трохимъ:—я заходивъ до тебе у

хату, ідучи у Конотіпъ,—дакъ баба журилась за тобою: «поіхавъ», каже, «мій старий,—колибъ не змерзъ, бо на-дво́рі хура́ піднялась.»— То́ вона при людяхъ та́къ каже.—(Усміхнувся Ничипоръ, да й поглянувъ на стару.)—Ти вже зъ жартами своіми, старий!...—Усе у людяхъ: учора гребенівъ уводили, а сёгодні веретена запряда́ли,— видно, хоче собі молодого підчипити.—(Зареготались усі.)—И почавъ витрибіньковать! узявъ би лучче та людей почастувавъ. — А ну лишъ, дочко, бери настільникъ, та накривай стілъ; клади хлібъ, ложки́, та станови борщъ. — (Дідъ бере пляшку, чарку, и насипа́.)— Пий, Трохиме! — У хазяіна у рукахъ, у хазяіна и въ устахъ.— Будьмо живі, та Богу милі!—(Випивъ дідъ.)—Колись и дешевша була горілка, та міцніша... Нехай же въ го́роді, що подешевшала, а въ насъ и подорогшала, та погана така: иноді ажъ кисла, ажъ живі́тъ обдима́: тілко зва́ніе, що горілка.—(Сказавъ и сплюнувъ дідъ.)— Ну, пий, стара: гості будуть та й підуть, а ми съ тобою вікъ зжили! — (Почастовавъ дідъ Трохима, а потімъ — Петра; посідали за стілъ.)—А ну лишъ, стара, чоловікъ на'дній нозі не ходить, а на двохъ: наливай лишъ по дру́гій! — Пошли, Боже, вікъ, здоровье и спасеніе!—(Випила сама,—тоді старого почастовала, а тоді вже гостей. Поіли борщъ.)

— Подавай іще тамъ, що е́! Выпий три, да й уси́ протри, пословиця гово́ритця; наливай лишъ по третій!... — Чому ти, ді́ду, кобили не перемінишъ? У мене уже, після тиеі, що на *Че́сного* (¹). купивъ,—дру́га. «А на́ що міні перемінять? Міні кобили не гризти. Міні, якъ и ся возить, дакъ и до́бра.

(Повечеряли, выпили на-поту́ху, стали дякувать:) «Спасибі Господу-Богу, Матері Божій и всімъ святимъ, за хлібъ, за сіль и за вече́рю; и тобі, ді́ду, и тобі, бабо, и тобі, Марку, и тобі Секлето!»— Богу милосердному! —

— Дакъ ти, ді́ду, і́здивъ у Мельню?

— Та іздивъ: купивъ тамъ дощокъ съ пьять! Думка така́,— якъ прійдетця помірать, дакъ ні-съ-чого́ буде и домовини збить. Я вже домовину готую, а вона, не бійсь, молодого собі шукае...

— Стеліть соломи: хто ляже долі, а я на полу, а ти, стара, на печі... «Та же-жъ!»—Баба тоді й хвабра, якъ на печі. Подавайте сюди онучки, та у́стілки, яіположу на ко́мні, то вони висохнуть.—

(¹) *На Чесного*, значить—на Дрдвиженіе.

(Помолились Богу, полягали де-кому припало.)—Тушішь же й каганéць.—

Трохимъ и Петро такъ и захропли, мовъ побитí; а тамъ, заснувъ и дідъ, понюхавши разівъ съ пьять табáки. А хуртóвина все завивае, та порощить у вíкна; вже й людъ, утихомирившись, а вона все насвистуе, та все дёрготить вікнами. Спить людъ Божий, кому припало тепло; а инший, у кого думка думку пошибае, той и не спить, та повертуетця зъ боку-на-бíкъ; та не спить той, кого застигла хвижа, у полі: хýкае собі у руки, та стукае ногами, повертаетця зъ своею скотиною, мовъ той червякъ у кучугурі; ажъ засáпа лась Булана, та повéртуетця у заметахъ,—поспішаетця до-дому, бо и ій хочетця у затишку, у хлівці, задрімати. Уже й собаки не чутно на селí, хиба, де-небудь, зла тварь пробіраетця для своеі поживи.

Нічъ-мати усіхъ пригорнула; тíлько зайчичокъ-стрибайчичокъ, обгризуе молодii пáгонці на вишняхъ, да й той козирить ушима, щобъ не попастись у слопéць. Заспівали треті півні; уже старий устававъ тричі, посидівъ на припічку, понюхавъ табаки, та й опьять задрімавъ. Тутъ и стара давай бухикать; а тутъ и бабина унука заходилась плакать; заворушились усі. Уже и Трохимъ прокинувся. — А що, дíду, чи унишкла хуртóвина?—Та внишкла: уже тихо стало, и морозець малий; пíсля хуртóвини, на дощъ перевелось; а перéдъ-свiтомъ морозець ухопивъ. Теперь такъ, якъ листовимъ жалізомъ покрило снігъ...

— Міні, Секлето, снилась Тимошенкова Настя,—озвалась баба:—здаетця, я бачу, що у ii дворі огонь: такъ поломья и пíднімаетця, и пíднімаетця стовпомъ; а потімъ—димъ! такий димъ, такий димъ, да кучерявий—такъ и качаетця по землí.—Кажуть, буде якесь диво,—обізвалась Секлета.

(Засвітили каганéць; дé хто лежить; Секлета на гребині пряде.)

— Скілько не лежать, а треба вставать,—каже Трохимъ.—Пора й до-дóму братьця. —

— Чого ви такъ поспішаете? Іщебъ поснідали, —каже дідъ.

— Та спасибі! íсти не хочетця.—Прощавайте жъ!

— Спасибі-жъ вамъ за хлíбъ, за сíль, и за вашу ласку! дай, Боже, вамъ здоровья! —

— Богу святому дякуйте!...

Степанъ Нісъ.

Село Понори, Черніговського повіту. 1860.

ИМЪ

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

Помѣщаемыя въ «Основѣ» *Письма о Пчеловодствѣ* взяты изъ полнаго сочиненія, подъ этимъ же названіемъ, извѣстнаго малороссійскаго пчеловода, *Як. Ив. Костенецкаго*, вполнѣ изучившаго, собственнымъ опытомъ, эту, столь любимую и распространенную, въ нашемъ краѣ, отрасль сельскаго хозяйства. По отзыву людей, близко знакомыхъ съ предметомъ, *Письма о Пчеловодствѣ* представляютъ замѣчательнѣйшее у насъ явленіе, и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Сочиненіе нашего пчеловода можетъ служить чрезвычайно-полезнымъ руководствомъ для любителей и хозяевъ, и потому редакція «Основы» пріобрѣла все сочиненіе и намѣрена издать его отдѣльною книгой въ теченіи настоящаго лѣта.

Въ помѣщаемыхъ *трехъ письмахъ*, г. Костенецкій излагаетъ многія собственныя наблюденія надъ природой и дѣятельностью пчелъ, и свою новую гипотезу о таинственномъ и самомъ спорномъ вопросѣ въ жизни этихъ насѣкомыхъ—«о взаимномъ отношеніи и свойствахъ трехъ членовъ пчелинаго семейства»,—при чемъ разбирается существующія, до настоящаго времени, теоріи иностранныхъ и нашихъ пчеловодовъ по этому любопытному предмету.

ПИСЬМО II.

Пчелиное семейство: матка, трутни, рабочія пчелы. Дѣланіе пчелами меду и воску. Рожденіе пчелъ. Прежнія гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства. Моя объ этомъ гипотеза. Гипотеза Дзирзона.

Подобно нѣкоторымъ другимъ насѣкомымъ, пчелы живутъ большимъ семействомъ, заключающимъ въ себѣ иногда до сорока и болѣе тысячъ существъ. Каждое семейство живетъ отдѣльно, дружелюбно и имѣетъ свою общую собственность, но не имѣетъ никакихъ сношеній съ другими семействами и даже враждебно одно другому, такъ-что ежели внезапно соединить между собою два семейства, то между ними произойдетъ драка, могущая уничтожить оба семейства. Пчелиное семейство состоитъ существъ изъ трехъ видовъ: матки или царицы — всегда одной; нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ пчелъ и множества трутней — странный тройственный составъ, какого, сколько извѣстно, не имѣютъ никакія другія животныя.

Матка, пожалованная пчеловодами въ царицы, отличается отъ рабочихъ пчелъ и трутней видомъ и величиною. Единственное, до-сихъ-поръ подсмотрѣнное пчеловодами, ея занятіе есть—класть яички въ ячейки. Она несетъ два рода яичекъ: пчелиныя и трутневыя,—послѣднія нѣсколько болѣе первыхъ. Въ сотахъ три вида ячеекъ: обыкновенныя пчелиныя, трутневыя—нѣсколько шире пчелиныхъ, и маточныя, имѣющія видъ жолудя, или наперстка. Матка кладетъ яички или сѣмена во всѣ три вида ячеекъ; хорошая, или добрая, матка кладетъ каждый рядъ яичекъ въ назначенныя для нихъ ячеи и всегда по одному, дурная же (дѣлаетъ безпорядокъ) кладетъ въ одну ячейку часто по нѣскольку яичекъ, или и во-все не кладетъ пчелиныхъ, а одни трутневыя. Другаго какого-либо занятія матка не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, до-сихъ-поръ болѣе не открыто. Она очень рѣдко вылетаетъ изъ улья, только во время роенія, и изрѣдка на *прогиру*, будучи еще молодою. Она имѣетъ жало, но рѣдко его употребляетъ, развѣ будучи раздражена до-крайности. Одна матка ненавидитъ другую, и если ихъ въ одномъ семействѣ случится двѣ, то онѣ дерутся до-тѣхъ-поръ, пока одна не убьетъ другой. Почти всѣ пчеловоды приписываютъ маткѣ неограниченную власть въ семействѣ и разныя, даже умственныя свойства, отъ которыхъ будто бы зависитъ все благосостояніе семейства; но, по моему мнѣнію, въ этомъ взглядѣ много фантазіи. Матка живетъ долѣе пчелы, (которой вѣкъ менѣе года), отъ пяти и до восьми лѣтъ; въ молодости бываетъ цвѣта темнаго, а подъ старость—желтѣетъ.

Отъ качества матки зависитъ все благосостояніе пчелинаго семейства: если въ немъ будетъ дурная матка, т. е. такая, которая или вовсе не кладетъ яичекъ, или кладетъ однѣ только трутневыя, то семейство это непремѣнно вскорѣ уничтожится. А потому пчеловоды прежде всего должны знать основательно всѣ тѣ признаки, по которымъ узнается качество матки. По наружному виду матки, нельзя узнать ея достоинства: оно узнается только по ея дѣйствіямъ. Но такое знаніе не легко, и составляетъ еще секретъ для многихъ пасичниковъ, не изучившихъ этого предмета отъ образованныхъ пчеловодовъ. Читая иностранныя руководства къ пчеловодству, убѣждаешься, что не только прежде, но и въ настоящее время, иностранные пчеловоды неимѣли никакого понятія о разныхъ качествахъ матокъ. У насъ же, можно сказать, всѣ примѣты, по которымъ узнаются добрыя и худыя матки, подсмотрѣны окончательно и до-того вѣрно, что для

ученаго и опытнаго пчеловода это не составляетъ уже никакой трудности. Честь всѣхъ этихъ наблюденій, систематическаго ихъ изложенія и практическаго распространенія между пчеловодами, безспорно принадлежитъ нашему Прокоповичу, который своимъ ученіемъ о разныхъ качествахъ матокъ и вѣрными способами исправленія дурныхъ пчелиныхъ семействъ, разогналъ бывшую до него тьму въ пчеловодствѣ и указалъ совершенно новый и вѣрный способъ выгоднаго веденія пасики.

Всѣхъ матокъ, по ихъ происхожденію, можно раздѣлить на два рода: на *натуральныя* и *свищевыя*, или самовыпложенныя. Первыя рождаются естественнымъ образомъ, отъ сѣменъ, положенныхъ въ маточники самими матками, а вторыя,—въ случаѣ лишенія матки,—производятся уже пчелами изъ сѣменъ, или яичекъ, первоначально предназначаемыхъ для рабочихъ пчелъ. Такъ-какъ яичекъ этихъ нельзя переносить съ одного мѣста на другое, то маточники этихъ матокъ, дѣлаемые изъ пчелиныхъ ячеекъ, бываютъ не на ребрахъ сотовъ, какъ это обыкновенно бываетъ у природныхъ матокъ, но на пластахъ. Натуральныя и свищевыя матки, по качеству своему, раздѣляются на *добрыя* и *трутневыя*. Добрыми матками признаются тѣ, которыя кладутъ пчелиныя и трутневыя яички сообразно времени и потребности и содержатъ въ должномъ порядкѣ все пчелиное семейство; трутневыми же считаются тѣ, которыя кладутъ однѣ только трутневыя яички, или вовсе никакихъ. Матки бываютъ трутневыми или по природѣ, или отъ приключеній: отъ старости, увѣчья послѣ драки и отъ болѣзни; поэтому и добрыя матки впослѣдствіи дѣлаются трутневыми. Пчеловоды-писатели утверждаютъ, что матка въ брюшкѣ своемъ имѣетъ два отдѣленія: одно для пчелиныхъ яичекъ, а другое для трутневыхъ. Сваммердамъ и Кристъ утверждаютъ, что въ лучшіе микроскопы можно примѣтить. въ яичникѣ матки, двѣ вѣтви яицъ, одну трутневую а другую пчелиную. Но я не думаю, чтобы это было совершенно такъ, и полагаю, что въ происхожденіи яичекъ того и другаго рода есть тайна, еще никѣмъ неразгаданная. Такъ я заключаю изъ того, что матка, при неблагополучіи своемъ, теряетъ всегда способность класть только пчелиныя яички; но еще никогда не замѣтили, чтобы матки, способныя класть пчелиныя яички, были бы не въ состояніи класть яичекъ трутневыхъ. Свищевыя, или самовыпложенныя, матки производятся пчелами при двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда онѣ по какимъ либо обстоятельствамъ лишаются сами нечаянно своей натуральной матки, и во 2-хъ, когда пче-

ловодъ отбираетъ ее у нихъ при дѣланіи насильныхъ роевъ, или для другой надобности.

Трутни — второй видъ существъ въ пчелиномъ семействѣ. Они больше рабочей пчелы, отличаются отъ нея наружностью, имѣютъ совершенно другіе органы и неимѣютъ жала. Они рождаются изъ яичекъ, положенныхъ маткой въ ячейки, собственно для нихъ предназначенныя, которыя дѣлаются болѣе ячеекъ рабочихъ пчелъ, а отъ этого и трутни бываютъ болѣе рабочей пчелы; но иногда они раждаются и въ пчелиныхъ ячейкахъ: тогда они величиною бываютъ почти равны рабочей пчелѣ. Пребываніе трутней въ пчелиномъ семействѣ есть только временное: они раждаются весною и истребляются пчелами осенью. Какое занятіе трутней?—Этого, кажется, еще никто настояще не опредѣлилъ; вѣрно только то, что они не собираютъ меду, а ѣдятъ его готовый, собранный пчелами. Поэтому, они, не только осенью, когда въ нихъ, какъ бы уже минуется какая-то неизвѣстная намъ надобность, но даже и лѣтомъ истребляются пчелами, какъ—скоро сдѣлается въ ульѣ недостатокъ въ кормѣ. Вопросъ о назначеніи трутней всегда занималъ не только пчеловодовъ, но и знаменитыхъ натуралистовъ. Въ послѣднее время, трутни считается за самцевъ, оплодотворяющихъ матку, и эта гипотеза признана на столько правдоподобною, что болѣе не дѣлаютъ никакихъ надъ ними наблюденій; но, по моему мнѣнію, это обстоятельство также сомнительно, какъ и всѣ другія мнѣнія объ отношеніяхъ между собою всѣхъ трехъ видовъ существъ пчелинаго семейства, о чемъ я ниже буду говорить подробнѣе.

Третій и главнѣйшій видъ существъ пчелинаго семейства составляютъ *рабочія пчелы*, такъ названныя потому, что онѣ однѣ производятъ всѣ работы, необходимыя для существованія семейства. Рабочая пчела менѣе матки и трутня, потому что выводится въ ячейкѣ гораздо менѣе маточной и трутневой ячеекъ. Ячейки, въ которыхъ пчелы еще въ первый разъ выплаживаются, бываютъ болѣе тѣхъ, въ которыхъ онѣ уже нѣсколько разъ выводились, а отъ этого и самыя пчелы бываютъ менѣе или болѣе, ибо пчелы, какъ и бабочки, вышедшія изъ кокона, не растутъ болѣе. Цвѣта онѣ всегда одинаковаго съ небольшою только разницею, то темнѣе, то желтѣе; я полагаю, что пчелы во всѣхъ странахъ бываютъ одинаковой наружности, величины и цвѣта съ самыми небольшими развѣ измѣненіями, и поэтому не думаю, чтобы были различныя породы пчелъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Пчелы снабжены разными орудіями, нужными для

производства работъ. Изъ нихъ первое—хоботокъ или язычокъ, находящійся надъ самимъ ртомъ, помѣщающійся въ особаго рода трубочкѣ, какъ бы футлярчикѣ, куда пчела его прячетъ когда неупотребляетъ. Хоботокъ этотъ длиненъ, остроконеченъ, гибокъ, но, какъ описываетъ Кристъ, не имѣетъ внутри отверстія, а покрытъ волосиками на подобіе лисьяго хвоста, и потому пчела не втягиваетъ имъ медоваго сока, а слизываетъ его изъ цвѣточныхъ чашечекъ. Кромѣ хобота пчела имѣетъ на головѣ межъ глазъ два *усика* или *щупальца* служащіе ей какъ бы осязательными органами; *клещи*, состоящіе изъ двухъ зубовъ, довольно твердыхъ, которые также составляютъ пособіе въ ея работахъ. Она имѣетъ четыре крыла и шесть ногъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ члениковъ. На обѣихъ нарахъ заднихъ ногъ находится. на каждой, по *щеточкѣ* или небольшому четвероугольнику, покрытому волосами, которыми она собираетъ съ цвѣтовъ цвѣточную пыль. Между вторымъ и третьимъ членомъ двухъ заднихъ ногъ находятся углубленія на подобіе ложечки, называемыя *лопаточками*, въ которыя она набиваетъ цвѣточную пыль. Брюшко пчелы состоитъ изъ шести параллельныхъ чешуекъ, растягивающихся и сжимающихся по надобности. Въ брюшкѣ помѣщены кишки, медовой пузырекъ, желудокъ, пузырекъ съ ядомъ и жало.

Всѣ вообще работы, въ пчелиномъ семействѣ, производятся рабочими пчелами; онѣ собираютъ изъ растеній медъ, составляющій ихъ главную пищу, дѣлаютъ изъ него воскъ, а изъ воску—вощину, собираютъ цвѣточную пыль, или *пергу*, составляющую пособіе въ пищѣ лѣтомъ и которая особенно необходима для приготовленія пищи для молодой *дѣтки*, носятъ воду и выводятъ дѣтку изъ сѣмянъ, положенныхъ маткой. Каждое пчелиное семейство всегда имѣетъ у себя стражу, которая, прогоняя чужихъ пчелъ, впускаетъ въ улей только своихъ, опознавая ихъ щупальцами. Каждая пчела узнаетъ свой улей не по его наружному виду, но по его мѣсту или по навыку своего полета, такъ-что если улей сдвинуть съ мѣста хотя на аршинъ, то пчела его уже не найдетъ, а сядетъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ улей. Но если перевезти улей на далекое разстояніе, версты на три, то пчела обознавши мѣстность, привыкаетъ опять къ новому направленію. Пчелы могутъ отлетать отъ своего улья верстъ на шесть и болѣе и никогда, при возвращеніи, не сбиваются съ пути. Пчела можетъ издавать звукъ, который она разнообразитъ, смотряпо надобности, и всѣ другія пчелы одного семейства хорошо понимаютъ эти условные тоны.

Если пчела чужаго семейства захочетъ пристать въ улей, то она всегда, ставъ на *летикъ*, упрашивается, издавая особый звукъ, или, какъ говорятъ пчеловоды, присягаетъ, послѣ чего ее и принимаютъ въ улей.

Дѣланіе меду и воску.

Пчелы собираютъ медъ, изъ многоразличныхъ цвѣтовъ, иногда изъ листьевъ различныхъ растеній, болѣе или менѣе имѣющихъ свойство производить эту сладкую жидкость, которую пчелы слизываютъ хоботкомъ и, если хотятъ употребить въ пищу, то чрезъ ротъ препровождаютъ ее въ желудокъ, если же хотятъ сохранить въ запасъ, то пропускаютъ ее чрезъ ротъ въ особый пузырекъ, находящійся въ брюшкѣ, гдѣ она, подвергаясь измѣненію, дѣлается уже медомъ и опять чрезъ ротъ извергается въ ячейки.

О дѣланіи пчелами воска было много предположеній. Первые и, разумѣется, самые неопытные наблюдатели принимали за воскъ пергу, которую пчелы носятъ на своихъ ножкахъ, цвѣтомъ дѣйствительно похожую на воскъ. Женевскій натуралистъ—пчеловодъ Губеръ, который, какъ я уже говорилъ, былъ слѣпъ и свои наблюденія надъ пчелами дѣлалъ съ помощью слуги, еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, первый началъ оспаривать это мнѣніе и утверждалъ, что пчелы дѣлаютъ воскъ изъ меду и другихъ сладкихъ соковъ, но съ нимъ не только не соглашались, но даже называли это мнѣніе нелѣпостью. Иные утверждаютъ, (даже Кристъ и за нимъ Прокоповичъ) что пчелы, эту цвѣточную пыль, или особо собираемое восковое вещество, смѣшиваютъ съ медомъ въ особомъ восковомъ желудкѣ и изъ него выпускаютъ чрезъ ротъ уже воскъ. По моему—жъ мнѣнію, которое я уже давно печатно изложилъ въ одной изъ статей моихъ о пчеловодствѣ, пчелы дѣлаютъ воскъ прямо и единственно только изъ меду, который онѣ, переработавъ въ своемъ желудкѣ, испускаютъ не чрезъ ротъ, а чрезъ поры брюшка, гдѣ онъ, охладѣвая и твердѣя, образуетъ между брюшными чешуйками маленькія и иногда видимыя для глаза пластинки, которыя онѣ берутъ потомъ въ ротъ, мѣсятъ зубами и дѣлаютъ изъ нихъ вощину. Это ясно изъ того, что пчелы дѣлаютъ вощину и тогда, когда у нихъ вовсе не бываетъ перги, и когда онѣ даже не вылетаютъ изъ улья; такъ напримѣръ, если раннею весною подрѣзать соты въ ульѣ, въ которомъ много будетъ меду, а мало вощины, то пчелы, даже не вылетая изъ улья, будутъ дѣлать вощину. Также и во время сильнаго взятка, когда недостаетъ порожнихъ сотовъ

для наполненія ихъ медомъ, пчелы съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ дѣлаютъ вощину, между-тѣмъ какъ въ то время почти не носятъ перги. Когда, во время сильнаго взятка, производится самая большая и поспѣшная работа вощины, то пчелы, въ торопливости, даже роняютъ множество восковыхъ пластинокъ, которыя тогда, на подобіе разсыпаной крупы, можно видѣть на подмосткахъ подъ ульями. Однажды у меня случилось, что вышедшій рой, собранный въ *роевню*, отъ недосмотра задушился. Когда я началъ его разсматривать, то у каждой пчелки между брюшными чешуйками явственно были видны продолговатыя, тоненькія, бѣленькія пластинки воска. Однимъ словомъ, дѣланіе пчелами воска изъ меду, а не изъ чего-либо другаго, и выкатываніе его изъ желудка сквозь поры тѣла, а не выпусканіе его чрезъ ротъ, такъ очевидно, что я, съ самаго начала занятія моего пчеловодствомъ, составилъ себѣ это понятіе, и удивляюсь, какъ другіе пчеловоды, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, этого не постигли и даже большая часть ихъ, а особливо иностранныхъ, еще и теперь остается при невѣрномъ понятіи объ этомъ предметѣ.

Изъ воску пчелы дѣлаютъ разной величины ячеи для выплаживанія въ нихъ своей дѣтки или *черви*:—пчелиныя трутневыя ячеи, составляющія непрерывные, сверху внизъ идущіе пласты вощины, а на концахъ ихъ, на ребрахъ вощинъ, маточныя ячеи. Кто не знаетъ этихъ сотовъ, и кто при видѣ ихъ не удивляется той геометрической правильности и вѣрности, съ какою эти чудныя насѣкомыя устраиваютъ свои ячейки, и у кого при этомъ не раждается желаніе имѣть хотя какое-либо понятіе о естествѣ и свойствахъ этого непостижимаго животнаго?

Рожденіе пчелъ.

Не смотря на всю таинственность пчелинаго семейства, не смотря на многочисленность его ядовитыхъ жалъ, всегда устремленныхъ противъ любопытнаго, наблюдательные пчеловоды успѣли проникнуть въ самыя сокровенныя ихъ убѣжища, высмотрѣть все, что только можно видѣть невооруженнымъ глазомъ, и, послѣ разныхъ недоразумѣній и ошибокъ, исправляя одинъ другаго, достигли наконецъ до самаго точнаго понятія о многихъ занятіяхъ пчелинаго семейства. Послѣ дѣланія воска, самое любопытнѣйшее и необходимѣйшее для знанія дѣйствіе составляетъ рожденіе пчелъ и другихъ существъ этого семейства.

Пчела, подобно прочимъ насѣкомымъ, до полнаго своего развитія имѣетъ два превращенія, что́ называется двумя періодами ея образованія: въ первый періодъ она находится въ состояніи зародыша или яичка и,, потомъ червяка или личинки, а во второй—въ состояніи куколки.

Матка, которая одна только несетъ яичка, передъ сѣмененіемъ, дѣлается очень полною, до-того, что ежели чуть-чуть пожать ее пальцами, то она испускаетъ изъ конечной части своего брюшка свѣтлую, желтоватую жидкость. Когда пчелы очистятъ отъ сора ячейки, тогда матка, въ сопровожденіи ихъ, отправляется класть въ нихъ яички. Вложивши въ ячейку брюшко, она опускаетъ туда одно маленькое, продолговатое, бѣленькое яичко, которое прикленвается въ ней посрединѣ и первоначально стоитъ въ ячейкѣ, не прислоняясь къ стѣнкамъ, вертикально къ отверстію; положивши въ ячейку одно яичко, матка кладетъ въ смежную ячейку другое, и такъ далѣе, пока не истощится. Добрая матка кладетъ всегда по одному яичку въ ячейку и притомъ пчелиные яички—въ пчелиныя, а трутневыя—въ трутневыя ячейки, которыя, какъ я сказалъ, нѣсколько болѣе пчелиныхъ; дурная же матка кладетъ ихъ по два и по три вмѣстѣ и въ какія ни попало ячейки, и преимущественно кладетъ яички трутневыя. Неизвѣстно только, можетъ ли добрая матка, положивши сначала пчелиныя яички въ пчелиныя ячейки или, какъ говорится, засѣменивши пчелиный пластъ вощины, засѣменить потомъ безъ остановки трутневой пластъ, и обратно; или она, для каждаго такого сѣмененія, употребляетъ особое время, и слѣдовательно не разомъ имѣетъ въ себѣ запасъ тѣхъ и другихъ яичекъ. По мнѣнію Криста, матка до тѣхъ поръ кладетъ одного рода яички, пока истощатся у нея всѣ бывшія въ готовности для того дня. Мнѣніе Зибольта противоположно мнѣнію Криста. Такое несеніе маткою яичекъ начинается съ самой выставки пчелъ и продолжается до положенія ихъ въ омшаникъ (даже и въ омшаникѣ она кладетъ ихъ, но только въ самомъ маломъ числѣ) и количество ихъ всегда сообразно бываетъ теплотѣ времени, а еще болѣе обилію или скудости взятка. Иногда она кладетъ ихъ очень много, такъ что засѣменяетъ вдругъ почти всю порожнюю вощину; но пчелы выспиживаютъ ихъ столько, сколько въ холодное время могутъ закрыть собою ячеекъ, а въ теплое, сколько успѣютъ ихъ запечатать, то есть вскормить и снабдить необходимымъ продовольствіемъ; прочія же яички остаются въ ячейкахъ, гдѣ онѣ, въ хорошее время, могутъ сохраняться довольно долго, или же съѣдаются пчелами.

Надъ опредѣленными для высиживанія яичками пчелы сидятъ постоянно, поддерживая тѣмъ необходимую теплоту. Три дня яичко находится въ одинаковомъ положеніи, не претерпѣвая никакого видимаго измѣненія; наконецъ, на четвертый, изъ него раждается червячокъ бѣлый и безногій, состоящій изъ нѣсколькихъ колецъ. Червячокъ этотъ, или личинка, растетъ до-тѣхъ-поръ, пока одинъ его конецъ сойдется съ другимъ и своею величиною займетъ все основаніе ячейки,—что продолжается для пчелъ—четыре, а для трутней—шесть дней. Впродолженіе этого времени, пчелы неупустительно заботятся о питаніи и согрѣваніи дѣтки. Пищу составляютъ для нея изъ меду и перги, только-что принесенной съ поля или же имѣющейся въ запасѣ—и вотъ единственное назначеніе этой перги, носимой пчелами на своихъ ножкахъ, а вовсе не для дѣланія воска, какъ нѣкоторые объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пища эта съ возрастомъ червячка дѣлается разнообразною во вкусѣ и цвѣтѣ и, слѣдовательно, въ составныхъ своихъ частяхъ.

Когда червячку будетъ отъ семи до восьми дней отъ положенія яичка, смотря по погодѣ, и когда онъ приблизится къ превращенію, тогда онъ переходитъ ко второму періоду своей жизни: онъ перемѣняетъ свое положеніе, перевертывается со всею силою и оборачивается однимъ концомъ ко входу ячейки, тѣмъ именно, изъ котораго должна образоваться голова пчелы. Въ это время, пчелы, наполнивъ ячейку пищею, дѣлаютъ надъ нею плотный сводъ изъ воску, или, какъ говорится, *печатаютъ* дѣтку; послѣ того прекращаютъ уже питаніе и только неотступно сидятъ на дѣткѣ, усиливая тѣмъ надъ нею теплоту. Вскорѣ по заключеніи своемъ, червячокъ, въ продолженіи трехъ дней, завертывается въ куколку, состоящую изъ самой нѣжной, бѣлой плевочки, которую онъ образуетъ, выпуская изо рта своего тончайшую липкую нить и обвивая ее вокругъ своего тѣла. Это явленіе, впрочемъ, только предположительное, котораго никто, по невозможности наблюденія, подсмотрѣть не можетъ.

Послѣ этого начинается второй періодъ образованія пчелы, въ продолженіи котораго, въ одинадцать или тринадцать дней отъ запечатанія ячеи, смотря по погодѣ, куколка, находясь въ состояніи сна, живетъ только внутреннею жизнью, и въ это время постепенно образуются въ ней разныя части тѣла будущей пчелы. По достиженіи полнаго развитія, продолжающагося отъ положенія яичка въ ячейку не менѣе 20-ти дней, пчелка сама, или съ помощью старыхъ пчелъ,

разгрызываетъ сводъ своёй ячейки и вылазитъ изъ нея, оставляя въ ней свою плеву или коконъ, который плотно пристаетъ къ стѣнкамъ ячейки, отчего она послѣ нѣсколькихъ выходовъ пчелъ; значительно уменьшается и чернѣетъ. Еще день или два, смотря по погодѣ, молодая пчелка остается въ ульѣ, гдѣ ее очищаютъ старыя пчелы, а потомъ она вылетаетъ, сначала на такъ—называемую *прогиру* около улья, а потомъ и въ поле, за добычей. Пчелы любятъ только совершенныхъ во всемъ молодыхъ пчелъ, калѣкъ же умерщвляютъ, или живыми выносятъ вонъ изъ улья и бросаютъ. Это жестокосердіе очень не нравится тѣмъ пчеловодамъ-писателямъ, которые изъ этого насѣкомаго сдѣлали самое радушнѣйшее и нравственнѣйшее существо, и ставятъ его въ примѣръ не только человѣку, но даже государствамъ.

Такъ образуются и растутъ рабочія пчелы и трутни; матки же, хотя зараждаются изъ такого же яичка, какъ и рабочія пчелы, но получаютъ совершенно другое воспитаніе и, вслѣдствіе этого, выходятъ совершенно иными существами. Ячеи для матокъ дѣлаются гораздо болѣе пчелиныхъ, круглыя, на подобіе жолудя или наперстка, и висящія на ребрахъ сотовъ. Едва яичко обратиться въ червяка, какъ для него приготовляется самая обильная, а, можетъ—быть, и особая пища, такъ что червячекъ въ ней плаваетъ совершенно незамѣтнымъ, и когда этою пищею наполнится ячейка (или маточникъ), тогда ее печатаютъ. Матка подвергается такимъ же періодамъ превращенія какъ и пчела, но они бываютъ короче, и матка выростаетъ въ двѣнадцать или тринадцать дней отъ положенія въ маточникъ яичка.

Гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства.

Составъ пчелинаго семейства изъ трехъ видовъ, представляю—большую рѣдкость въ природѣ, весьма рано началъ обращать на себя вниманіе и пчеловодовъ, и натурали стовъ, которые, весьма правильно, подозрѣвали въ немъ загадку все го непонятцаго въ жизни пчелы; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что они ограничились только гипотезами по этому предмету, и, сочтя ихъ достаточно правдоподобными, перестали имъ болѣе заниматься. По моему же мнѣнію, всѣ, до-сихъ-поръ, составленныягипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства еще далеки отъ истины, и натуралистамъ еще предстоитъ большое поприще для изслѣдованій. Здѣсь я постараюсь изложить важнѣйшія объясненія этихъ отношеній, какъ прежнія, такъ и теперешнія, также и мои объ этомъ предположенія.

Матка, или царица, почитается всѣми единственною настоящею самкою, которая одна несетъ яички всѣхъ видовъ, производящія какъ матку, такъ и прочія виды существъ пчелинаго семейства. Сначала думали, что матка несетъ яички въ одномъ мѣстѣ, которыя потомъ рабочія пчелы разносятъ по ячейкамъ; но это мнѣніе, при первомъ же, болѣе внимательномъ, наблюденіи было опровергнуто, ибо въ каждомъ ульѣ можно видѣть, какъ сама матка кладетъ яички въ каждую ячейку. Также думали, что матка раждается только изъ яичка, положеннаго маткой въ особо для того назначенную ячейку—маточникъ; но Ширахъ, нѣмецкій пчеловодъ, первый (въ 1761 г.) доказалъ, что матка можетъ быть выведена пчелами и изъ яичка, положеннаго въ пчелиную ячейку и даже изъ червячка рабочей пчелы, когда онъ не старѣе трехдневнаго возраста, какое открытіе и послужило основаніемъ къ дѣланію отводковъ или искуственныхъ роевъ. Открытіе Шираха, показавшееся сначала нелѣпостью, возбудило впослѣдствіи много къ нему неудовольствія, и желаніе унизить такое открытіе заставило многихъ обнаружить, что искуственное выплаживаніе матки давно уже было извѣстно многимъ простымъ германскимъ, и въ особенности, польскимъ пчеловодамъ. Но если это и дѣйствительно такъ, то все-таки Шираху принадлежитъ честь что это открытіе сдѣлалось достояніемъ науки. Знаменитый нѣмецкій пчеловодъ, Дзирзонъ, утверждаетъ, что онъ дозналъ многолѣтними наблюденіями, что время годности личинокъ для вывода изъ нихъ матокъ простирается съ 8–ми дней почти до времени запечатанія ячеекъ и превращенія червячка въ куколку. Изъ этого обстоятельства Кристъ выводитъ слѣдующія заключенія: 1) что внѣшнія обстоятельства, какъ-то: обильный кормъ, большая ячейка, въ которой зародышъ имѣетъ болѣе свободы развиться, производятъ, что изъ всякаго пчелинаго яичка или червячка, изъ котораго вышла бы обыкновенная пчела, можетъ произойти и матка, и 2) что всѣ рабочія пчелы первоначально суть *несовершенныя самки*, изъ которыхъ каждой слѣдовало бы быть одной только степенью болѣе образованной для того, чтобъ сдѣлаться *совершенною самкою* и матерью другихъ пчелъ. Впрочемъ, говоритъ Кристъ, вѣроятно, что дѣторадные члены пчелъ должны быть или очень малы, либо и совершенно изглажены, ибо, какъ не могъ бы примѣтить яичниковъ у пчелъ знаменитый голландскій натуралистъ и анатомикъ *Сваммердамъ*, столь превосходно описавшій и изобразившій маточные яичники? Какъ не могли примѣтить ихъ великіе натуралисты Миральди и Реомюръ? Между тѣмъ, въ примѣчаніи, Кристъ присовокупляетъ,

что Реймъ, въ опытахъ своихъ въ 1776 году, утверждаетъ, что у него и рабочія пчелы произвели до ста яицъ, изъ которыхъ выходятъ только трутни, но что ни онъ (Кристъ), ни Бонне никогда не замѣтили, чтобы пчелы несли яичка. Заключенія Криста очень логическія и поэтому справедливы; но онъ несправедливо допускаетъ совершенное уничтоженіе въ пчелахъ дѣторолныхъ частей, и наблюденіе Рейма въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно. Нашимъ пчеловодамъ давно извѣстно, что рабочія пчелы имѣютъ способность несть яички, изъ которыхъ раждаются только трутни, и такихъ пчелъ называютъ *выродками*. Когда пчелиное семейство лишится матки и нѣтъ въ немъ ни яичка, ни червячка, изъ котораго можно бы вывести матку, тогда нѣкоторыя изъ рабочихъ пчелъ кладутъ трутневыя яички, только въ небольшомъ количествѣ и безъ должнаго порядка, по два и по три въ одну ячейку. Этихъ пчелъ-матокъ нельзя отличить отъ другихъ пчелъ, и сколько ихъ бываетъ въ семействѣ—неизвѣстно, хотя Пономаревъ и утверждаетъ что не болѣе пяти. Такія пчелы-выродки тѣмъ бываютъ вредны, что ихъ прочія пчелы любятъ какъ матокъ, и поэтому не принимаютъ уже настоящихъ матокъ. Любопытно мнѣніе Прокоповича объ этомъ явленіи, изложенное въ сочиненіи послѣдователя его, Пономарева. Онъ полагаетъ, что каждая пчела, еще въ состояніи червя, *изъевнушивается*, или кастратится другими пчелами, то-есть, лишается своихъ половыхъ органовъ; но когда пчелы потеряютъ свою матку, то, въ безпокойствѣ, забываютъ поскопить нѣкоторыхъ пчелъ, которыя поэтому и не лишаются способности быть матками, хотя и несовершенными. — Гипотеза, вызванная только необходимостію чѣмъ-либо объяснить это непонятное явленіе.

Принимая матку за единственную совершенную самку, всѣ вообще пчеловоды и натуралисты, начиная съ Сваммердама, считаютъ самцами трутней. Реомюръ, составившій превосходные анатомическіе рисунки половыхъ органовъ трутня, и Реймъ, говорятъ, что они были сами очевидцами совокупленія трутней съ матками, какъ внутри, такъ и внѣ улья, хотя послѣднее, по словамъ ихъ, и рѣдко случается. Матка, по свидѣтельству Реомюра, вскакиваетъ на трутня, ибо мужескій членъ его выходитъ вверхъ, на подобіе дуги, что̀ можно видѣть и въ такомъ случаѣ, если трутня прижать по срединѣ. Но членъ этотъ не можетъ уже обратно войти въ тѣло, имѣя неровности, препятствующія втащить его, а потому самецъ послѣ совокупленія всегда умираетъ. Губеръ утверждаетъ, что онъ дѣлалъ наблюденія надъ маткою только-что совокупившеюся будто бы съ трутнемъ, и въ маточ-

никѣ ея ясно видѣлъ бѣловатую сѣмянную жидкость и остатки дѣторо-дныхъ частей трутня, которыя матка сама изъ себя старалась извлечь; послѣ чего, говоритъ Губеръ, нѣтъ мѣста сомнѣнію копуляціи матки съ трутнемъ. Такъ думаетъ и Кристъ, присовокупляя, что природа для того и обезпечила матку большимъ количествомъ трутней, простирающимся въ ульѣ отъ 300 до 1000. Какъ бы ни было рѣдко это явленіе совокупленія трутня съ маткой, но безъ сомнѣнія могли бы когда-нибудь замѣтить его и многіе другіе пчеловоды, всегда съ особеннымъ стараніемъ употреблявшіе къ тому всѣ средства, между-тѣмъ это никому неудалось; а потому увѣренія Реомюра и Рейма безъ-сомнѣнія ошибочны, а мнѣніе Губера, какъ слѣпца, видѣвшаго не своими глазами, а глазами своего слуги, еще менѣе достовѣрно (1). Мнѣніе Реомюра, Рейма и Губера о копуляціи матокъ оспаривали многіе — между прочимъ Ширахъ, который утверждалъ, что его молодыя матки, выпложенныя пчелами, въ особыхъ ящикахъ, изъ червы, куда онъ не впускалъ ни одного трутня, наносили потомъ значительное число оплодотворенныхъ яичекъ. Это бываетъ и ежегодно съ матками, которыя весною, почти до половины мая мѣсяца, когда еще во всей пасикѣ нѣтъ ни одного трутня, кладутъ пчелиныя и трутневыя яички безъ всякаго, разумѣется, сообщенія съ трутнями. Сваммердамъ, предполагая, что мужескій членъ трутня слишкомъ великъ противъ женскаго матки, думаетъ, что матка оплодотворяется душистыми частицами, исходящими изъ тѣла самцевъ; это предположеніе, быть-можетъ, и не такъ странно, какъ его обыкновенно считаютъ. При разговорѣ моемъ объ этомъ предметѣ съ Пономаревымъ, прежде нежели я высказалъ ему мое предположеніе, онъ сталъ мнѣ доказывать, что матка кладетъ пчелиныя яйца безъ совокупленія съ трутнемъ. «Въ этомъ,» говоритъ, «я убѣдился неоднократными опытами: часто я, набравши въ маленькій улей немного *мухи*, и впустивши туда только что выплодившуюся матку, отвозилъ его верстъ за восемь отъ всякой пасѣки, и возвратясь къ нему чрезъ нѣкоторое время, находилъ заложенною пчелиную черву; иногда же ставилъ такіе ульи въ омшашкъ — и тамъ тоже находилъ чрезъ нѣсколько времени такую же черву.»

Принимая во вниманіе, что матка часто бываетъ плодовита, когда

(1) Копуляція всѣхъ вообще перепончато-крылыхъ насѣкомыхъ, къ какимъ принадлежатъ и пчелы, продолжается долгое время и потому видима нами; отчего же мы не видимъ копуляціи пчелъ?

еще нѣтъ трутней, Кристъ думаетъ, что матка, оплодотворясь одинъ разъ трутнемъ, не только сама дѣлается плодовитою на нѣсколько лѣтъ, но передаетъ плодовитость и другимъ, рожденнымъ отъ нея, маткамъ, подобно тому какъ улитки, а въ особенности древесныя вши, которыя, по наблюденіямъ Левенгока, Цестини и Бонне, могутъ распложаться безъ совокупленія съ самцами даже до шестаго поколѣнія. Еще въ 1848 году, не зная этого мнѣнія Криста, я помѣстилъ, въ «Земледѣльческой Газетѣ» (стр. 361), статью о самооплодотвореніи пчелиной матки, гдѣ изложилъ, что, основываясь на наблюденіяхъ ученыхъ, дѣлаемыхъ надъ пауками, травяною вошью (aphis) и разными бабочками, которыя плодятся нѣсколько поколѣній безъ участія самца, быть-можетъ, можно сдѣлать такое же заключеніе и о пчелахъ. Ученый Карлье получилъ изъ яицъ бабочки-липарисъ (Liparis dispar) три поколѣнія, изъ которыхъ предпослѣднее произвело только однихъ самцевъ; подобное явленіе бываетъ постоянно и у пчелъ, ибо когда состарѣется матка, то она кладетъ только трутневыя яички. Еще разительнѣе представляетъ примѣръ самооплодотворенія *свищевая* матка, которую сами пчелы выплаживаютъ весною и которая потомъ кладетъ яички, такъ-сказать, отроду не видавъ трутня, потому-что ихъ въ то время еще не бываетъ въ пасикѣ. Сюда можно присоединить еще и примѣръ осы, очень близко подходящей къ пчелѣ. Извѣстно, что осы на зиму всѣ пропадаютъ, а весною являются однѣ только ихъ матки, которыя, отыскавъ сдѣланное прошлымъ лѣтомъ гнѣздо, кладутъ въ ячейки яица и производятъ молодыхъ ось, которыя къ зимѣ опять погибаютъ. Мнѣніе мое о самооплодотвореніи пчелиной матки, изложенное въ помянутой статьѣ, было только *предположеніемъ*, а не полнымъ убѣжденіемъ, и написано болѣе для того, чтобы вновь возбудить вниманіе натуралистовъ къ этому важному, но оставленному ими, явленію природы. Всѣ сравненія пчелъ съ другими насѣкомыми, какъ бы они ни были къ нимъ подходящи, не могутъ быть вполнѣ примѣнимы. Изъ замѣчанія моего о свищевой маткѣ можно вывести только одно вѣрное заключеніе, что всѣ вообще матки дѣйствительно дѣлаются плодородными безъ участія трутня, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ получали это свойство, какъ бы по наслѣдству отъ прежде оплодотворенной своей матки, — даже напротивъ, мнѣ кажется, что обстоятельство это можетъ служить опроверженіемъ такого мнѣнія. Извѣстно, что свищевыя матки выплаживаются пчелами по смерти настоящей матки изъ всякаго пче-

линаго яичка или молодаго пчелинаго червя. Эти матки не могли получить отъ прежней матки плодотворной способности болѣе нежели получаютъ ихъ всѣ пчелы, потому что онѣ не могли быть опредѣлены прежнею маткою къ тому назначенію, которое получили по смерти ихъ.

Нѣмецкій пчеловодъ, Лукасъ, признавая неосновательною гипотезу объ оплодотвореніи матки трутнями, въ сочиненіи своемъ о пчеловодствѣ 1796 года, излагаетъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ предметѣ: почитая матку совершенною самкою, онъ думаетъ, что самцевъ должно искать только между рабочими пчелами, изъ которыхъ одна часть бываетъ мужескаго пола, а другая — женскаго. Сіи послѣднія — не совершенныя матки, а выродки; будучи неспособны раждать подобныхъ себѣ, они раждаютъ трутней–ублюдковъ, которыхъ какъ строеніе тѣла, такъ и недостатокъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлаетъ какими–то уродами, нисколько неспособными къ совокупленію, но которыхъ назначеніе, впрочемъ, ему неизвѣстно. Пчелы женскаго пола или несовершенныя самки — трутневыя матки, которыя порождаютъ трутней, по мнѣнію его, суть тѣ продолговатыя черныя пчелы, которыхъ называютъ *лакомками*, которыя весной вьются подобно хищнымъ пчеламъ передъ ульями, хотя онѣ вовсе не хищныя пчелы. Такъ-какъ въ то время нѣтъ еще надобности въ самкахъ, то рабочія пчелы мужескаго пола ихъ прогоняютъ, а потомъ, когда выйдетъ молодая муха, настанетъ изобиліе меду, и родится потребность въ совокупленіи, то ихъ принимаютъ. Это сочетаніе, или совокупленіе, самцевъ съ трутовыми матками совершается чрезъ одно цѣлованіе, что́ можно видѣть даже передъ ульями. Совокупленіе настоящей матки съ самцами изъ рабочихъ пчелъ производится также, по мнѣнію Лукаса, чрезъ соединеніе язычковъ или цѣлованіе, ибо всегда видѣть можно, что матка безпрестанно окружена свитою пчелъ, ласкающихся около нея и цѣлующихся съ нею, протягивая къ ней язычки свои. Сіи–то пчелы суть совершенные самцы, имѣющіе дѣторадные свои члены напереди, такъ какъ и матка. Что́ же касается того, что эти члены находятся не назади, какъ у прочихъ животныхъ, а напереди, то этому нечего удивляться, ибо это бываетъ не только у пчелъ, но вообще у всѣхъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя снабжены жаломъ и ядовитымъ пузыркомъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства, Кристъ присовокупляетъ, что пауки, улитки и проч. имѣютъ дѣторадный членъ напереди, улитки — на шеѣ, а пауки — на головѣ, на подобіе усиковъ. Эта замысловатая гипотеза Лукаса, явившаяся въ то время, когда

еще такъ мало было сдѣлано наблюденій надъ жизнью пчелъ, могла дѣйствительно въ свое время обратить на себя большое вниманіе, но теперь, когда извѣстно, что одна и таже матка несетъ пчелиныя и трутневыя яички, гипотеза эта можетъ служить только примѣромъ оригинальности взглядовъ. Однако, отвергая мнѣніе Лукаса о существованіи въ пчелиномъ семействѣ особыхъ трутневыхъ матокъ и объ отсутствіи всякаго назначенія въ существованіи трутней, въ вышеизложенной гипотезѣ есть нѣчто похожее на истину, о чемъ я скажу ниже.

Въ послѣднее время обратила на себя особенное вниманіе теорія половыхъ отношеній пчелъ, обнародованная силезскимъ священникомъ, пчеловодомъ Дзирзономъ. Теорія эта имѣетъ тѣсную связь съ предшествовавшими гипотезами по этому предмету и подтверждена весьма сильными авторитетами, каковы: баронъ Берлепшъ, повѣрившій всѣ опыты Дзирзона, Зибольтъ и Лейкартъ, доказавшіе микроскопическими изслѣдованіями основательность теоріи Дзирзона. Ученіе Дзирзона состоитъ въ слѣдующемъ: 1) матка оплодотворяется трутнями и оплодотвореніе ея совершается въ воздухѣ, внѣ улья. Въ копуляціи оплодотворяется не яичникъ, а хранилище сѣмени—пузырекъ, который у молодыхъ матокъ бываетъ наполненъ водянистою жидкостью, по оплодотвореніи же наполняющая его влага имѣетъ бѣлый цвѣтъ; 2) дѣятельность яичниковъ пробуждается копуляціею, но не всегда. Иныя неоплодотворенныя матки вовсе не кладутъ яицъ, другія же кладутъ яица только трутневыя, что́ иногда случается и съ рабочими пчелами, оплодотвореніе которыхъ Дзирзонъ считаетъ невозможнымъ по недостаточному развитію у нихъ хранилища сѣмени. Яйцо, изъ котораго должна развиться пчелка или матка, должно придти въ соприкосновеніе съ оплодотворенною влагою, наполняющею хранилище семени, а потому произведеніе такихъ яицъ возможно только для матки; 3) матка оплодотворяется однажды и получаетъ запасъ плодотворности на два или на четыре года: для этого матка только разъ въ жизни вылетаетъ изъ улья; если же она не вылетитъ, то остается безплодна навсегда, или будетъ плодить однихъ трутней. Для кладки яицъ на трутня нужно не оплодотвореніе, а способность класть яица; на это же бываютъ способны и матка и пчелы безъ участія самцовъ. Дзирзона навело на эту мысль наблюденіе надъ тремя матками, которыхъ крылья были изкалѣчены отъ рожденія, и которыя потому не могли вылетѣть и оплодотвориться, но, не смотря на то, во всю свою жизнь клали трутневыя яица.

Анатомико-микроскопическіе опыты Зибольта, относящіеся къ этому предмету, повидимому во всемъ согласны съ теоріей Дзирзона и тѣмъ самимъ даютъ ей особенную вѣроятность. Зибольтъ, еще въ 1837 году, открылъ присутствіе *живчиковъ* (spermatozoa) въ самкахъ многихъ насѣкомыхъ и, въ томъ числѣ, въ самкахъ пчелъ, которыхъ онъ долгое время содержалъ отдѣльно отъ самцовъ, и которыхъ, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать оплодотворенными послѣ копуляціи. Живчики и самая жидкость, содержащая ихъ, лежатъ у самки въ особомъ хранилищѣ (receptaculum seminis, Siebold), отдѣленномъ отъ яйцевода. Этихъ живчиковъ онъ находилъ и въ такихъ маткахъ, которыя были плодотворены уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Дѣлая микроскопическія наблюденія надъ самыми яичками, Зибольтъ открылъ несомнѣнное присутствіе живчиковъ въ пчелиныхъ яичкахъ и отсутствіе ихъ въ трутневыхъ. Баронъ Берлепшъ дѣлалъ слѣдующій опытъ: имѣя въ виду, что живчики должны быть чувствительнѣе къ холоду, нежели самый организмъ содержащихъ ихъ матокъ, и что слѣдовательно, можно умертвить живчики не умертвивъ матки, т. е. можно отнять у матокъ возможность класть яйца на рабочихъ пчелъ, не отнимая возможности класть яйца на трутней, онъ подвергалъ оплодотворенную матку сильному холоду, положивши ее на ледъ. Изъ трехъ такихъ матокъ двѣ пропали, а одна осталась живою и клала потомъ во всю свою жизнь яйца только на трутней. Наши пчеловоды тоже давно уже замѣтили, что свищовыя матки, выплаживаемыя весною въ холодную погоду, всегда бываютъ трутневыя.

Ученіе Дзирзона о половыхъ отношеніяхъ и о зарожденіи пчелъ, подтвержденное, или лучше сказать, выведенное изъ опытовъ натуралистовъ Лейкарта и Зибольта, Рулье въ сочиненіи своемъ: *Три открытія въ естественной исторіи пчелы*, считаетъ совершеннѣйшимъ, которымъ будто бы разрѣшается окончательно вся таинственность зарожденія пчелы. Но съ этимъ я согласиться не могу.

Во 1-хъ: довѣряя вполнѣ показаніямъ Лейкарта и Зибольта о присутствіи живчиковъ какъ въ хранилищѣ сѣмени у матки, такъ и въ самыхъ яйцахъ пчелиныхъ и объ отсутствіи ихъ въ яйцахъ трутневыхъ, я могу изъ этого вывесть только то, что они дѣйствительно тамъ бываютъ, но откуда эти живчики берутся?—этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ еще изслѣдованій. Дзирзонъ рѣшаетъ его тѣмъ, что матка оплодотворяется трутнями и что для этого она должна непремѣнно, хоть одинъ разъ въ жизни, вылетѣть изъ улья. Это

онъ выводитъ изъ наблюденія своего надъ тремя матками, у которыхъ онъ подрѣзалъ крылья и которыя, оттого, будучи не въ состояніи вылетѣть изъ улья, не могли имѣть копуляціи съ трутнями, и поэтому не могли класть яицъ на рабочихъ пчелъ, а только на трутней. Но если наблюденіе это и вѣрно, то тѣмъ не менѣе оно недостаточно. Дзирзону могли попасться три матки, отъ природы уже несовершенныя, какихъ въ пчелиномъ семействѣ множество; иногда изъ десяти вновь-вышедшихъ матокъ едва одна бываетъ доброю, которую пчелы избираютъ для поддержанія ихъ рода, а остальныхъ или умерщвляютъ, или прогоняютъ. Чтобы совершенно убѣдиться въ своемъ предположеніи, Дзирзону нужно было сдѣлать опытъ не надъ тремя, а по крайней мѣрѣ надъ тридцатью матками и то съ самою точною наблюдательностью и съ соображеніемъ еще многихъ другихъ обстоятельствъ этого явленія.

Во 2-хъ: ежели допустить утвержденіе Дзирзона, что матка только одинъ разъ во всю свою жизнь оплодотворяется трутнемъ и залогъ оплодотворенія сохраняетъ на три и четыре года своей жизни, то по закону природы, молодая матка, первое время послѣ оплодотворенія, должна бы быть наиболѣе плодородною, т. е. класть наибольшее количество пчелиныхъ яицъ, а потомъ, постепенно, по мѣрѣ ея старости, класть ихъ менѣе. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно противное: матка бываетъ вначалѣ менѣе плодородна, нежели впослѣдствіи, и даже можно утвердительно сказать, что чѣмъ матка старѣе, тѣмъ она плодовитѣе, кромѣ, разумѣется, послѣдней старости. При этомъ сдѣлаю очень важное замѣчаніе, что большая или меньшая плодовитость матки, кромѣ ея собственнаго достоинства, зависитъ еще отъ *количества пчелъ* въ ульѣ: чѣмъ пчелиное семейство сильнѣе, т. е. чѣмъ больше оно имѣетъ мухи, тѣмъ и матка его плодовитѣе, а при маломъ семействѣ матка, самая добрая, кладетъ немного яицъ.

Въ 3-хъ: основное положеніе ученія Дзирзона состоитъ въ томъ, что матка, безъ копуляціи съ трутнемъ, не можетъ класть яицъ на рабочую пчелу и подобныхъ себѣ матокъ. Но я и многіе лучшіе пчеловоды знаемъ положительно изъ опытовъ, что *матка кладетъ яйца* и *на рабочую пчелу безъ участія трутня*, что, какъ я упомянулъ выше, было первоначально и давно уже замѣчено Ширахомъ, а этотъ фактъ — *кладка пчелиною маткой яицъ на рабочую пчелу безъ копуляціи съ трутнемъ*, въ дѣйствительности котораго я не

сомнѣваюсь, и который каждый пчеловодъ легко можетъ повѣрить, въ особенности надъ свищевыми матками, — разбиваетъ совершенно все ученіе Дзирзона о зарожденіи пчелъ.

Кромѣ всего этого, мнѣ приходятъ на мысль еще слѣдующія соображенія. 1-е: Одна матка, по увѣренію Прокоповича и многихъ другихъ пчеловодовъ, кладетъ въ годъ до сорока тысячъ яичекъ, а по наблюденіямъ Понамарева даже до ста тысячъ; въ одинъ день она кладетъ иногда до трехъ тысячъ яицъ. Какъ эти яички ни малы, но если взять ихъ всѣ три тысячи вмѣстѣ, то они объемомъ своимъ далеко превзойдутъ брюшко матки, слѣдовательно они не могли образоваться въ ней разомъ заблаговременно. Но неужели же такъ сильна въ маткѣ образовательная способность и такъ много у нея образовательнаго матеріала, что она въ одинъ день можетъ порождать сама собою такое огромное количество яичекъ?—2-е. При извѣстной надобности, для того, чтобы матка не закладывала червы, пчеловоды запираютъ ее въ клѣточку, гдѣ, какъ бы долго она ни находилась, (иногда недѣли три) но будучи удалена отъ сообщенія съ пчелами и отъ ячеекъ, она дѣйствительно не несетъ яичекъ, ни весною, когда еще нѣтъ трутней, ни лѣтомъ въ самое сильное время закладыванія червы; но коль скоро выпустятъ ее изъ клѣточки къ пчеламъ, она на другой или третій день начинаетъ уже нести яички въ большомъ количествѣ. Какъ же это объяснить? Если бы матка имѣла сама въ себѣ полную образовательную способность, то она, будучи заперта въ клѣточку, до-того бы наполнилась плодотворной матеріей, что или не вольно несла бы яички и клала ихъ, если не въ ячейки, то въ клѣточку, или же умерла бы; но этого съ ней не бываетъ: находясь въ клѣточкѣ очень долгое время, она даже особенно не полнѣетъ и имѣетъ обыкновенное брюшко.

Послѣ всѣхъ изложенныхъ мною замѣчаній и фактовъ, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ: Рабочія пчелы, по устройству своего организма, и по способности, въ извѣстныхъ случаяхъ, класть яички, весьма близко подходятъ къ маткамъ; если же онѣ самки, т. е. способны несть какія бы то ни было яички, то нужно, чтобы онѣ, или были оплодотворяемы самцами, или же получали эту способность еще въ зародышахъ отъ своей матки, по примѣру травяной вши или бабочки-липариса. Если допустить это послѣднее предположеніе, то въ такомъ случаѣ матка, передавъ, какъ будущей другой маткѣ, такъ и всѣмъ пчеламъ, плодотворное начало, не имѣла бы уже надобности

порождать самцевъ—трутней, до тѣхъ поръ пока бы не истощилось ея оплодотворяющее начало, какъ это бываетъ, по наблюденіямъ Карлье, съ бабочкою-липарисъ. Но мы видимъ, что самцы или трутни нарождаются въ пчелиномъ семействѣ ежегодно и въ значительномъ количествѣ: по изсчисленію нѣкоторыхъ пчеловодовъ, на двадцать рабочихъ пчелъ приходится по трутню.

У матки нѣтъ физической возможности производить собственными силами организма то огромное количество яицъ, которое она въ одинъ день кладетъ лѣтомъ, и такъ-какъ она, будучи удалена отъ ячеекъ и заперта въ клѣточку, не мечетъ ихъ совершенно, и не обнаруживаетъ особенныхъ страданій отъ избытка въ ней образовательной матеріи, то нѣтъ возможности не усомниться въ основательности ученій (о зарожденіи пчелъ и ихъ половыхъ отношеніяхъ) всѣхъ тѣхъ натуралистовъ и пчеловодовъ, которые признаютъ матку единственною виновницей поддержанія пчелинаго семейства.

Всѣ эти противорѣчія и неполнота теорій могутъ, какъ мнѣ кажется, быть обойдены предположеніемъ, что въ распространеніи пчелинаго семейства, т. е. въ произведеніи новаго поколѣнія пчелъ, участвуютъ не только однѣ матки и ничтожная, по мнѣнію Дзирзона, Губера и другихъ, часть трутней, но всѣ вообще существа составляющія пчелиное семейство. Наблюдательные пчеловоды весьма хорошо знаютъ слѣдующее явленіе въ жизни пчелъ: во время кладки яицъ маткою ее окружаютъ рабочія пчелы. Послѣ кладки каждыхъ 7—10 яицъ, матка отдыхаетъ, и въ это время, окружающія ее рабочія пчелы, кормятъ ее и ухаживаютъ возлѣ нея съ особенною заботливостію. Почему не допустить, что кормъ, который въ это время рабочія пчелы передаютъ посредствомъ своихъ язычковъ, маткѣ, есть не простой медъ, но та образовательная матерія, тотъ высшій продуктъ организма пчелъ, изъ котораго производятся яйца? Допустивъ это предположеніе, мнѣ кажется, имъ будутъ объяснены многіе факты, бывшіе въ наукѣ пчеловодства до сего времени загадками, и, сверхъ-того, получатъ болѣе правдоподобное объясненіе тѣ факты, которые имѣли уже нѣкоторыя толкованія. При такомъ предположеніи, надобно будетъ допустить, что всѣ рабочія пчелы должны быть оплодотворяемы трутнями, и въ такомъ случаѣ трутни получаютъ законное мѣсто въ порядкѣ природы, тогда какъ до-сихъ-поръ ихъ считаютъ какими-то уродами или ублюдками, вовсе ни къ чему негодными и какъ-бы лишними, каковыя предположенія совершенно противны природѣ, которая ни-

чего не создаетъ безполезнаго или ненужнаго. При господствѣ убѣжденія, что трутни имѣютъ совокупленіе только съ маткой, всѣ старались подсмотрѣть исключительно это явленіе, и нѣкоторые, какъ-то Реомюръ и Губеръ, утверждали даже, будтобы видѣли это совокупленіе; но никто до сихъ поръ не обратилъ никакого вниманія на совокупленіе трутней съ пчелами, а потому никто его и не замѣчалъ, между-тѣмъ, есть одно явленіе въ пчелиномъ семействѣ, которое очень похоже на такое дѣйствіе. Когда выходитъ изъ улья рой и носится еще въ пасикѣ, то пчелы, сильно и радостно кружась въ воздухѣ, играютъ съ трутнями, гоняются за ними, ловятъ ихъ, сцѣпляются съ ними и отбиваютъ ихъ одна отъ другой. Этого явленія никакъ нельзя назвать дракой: трутни видимо выражаютъ восторгъ свой; они весело снуютъ по всему рою и трубятъ самымъ сильнымъ и энергическимъ голосомъ. Такое зрѣлище каждый пчеловодъ видитъ ежегодно, а во время роенія и ежедневно, но, по предубѣжденію, никому не приходитъ въ голову вывести изъ него сказанное мною заключеніе, и каждый относитъ его къ игрѣ или шалости этихъ насѣкомыхъ. Это предположеніе объясняетъ причину, почему матка, закладывая пчелиную дѣтку, закладываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трутневую, а особливо передъ роеніемъ. Производя на свѣтъ пчелъ-самокъ, она производитъ для нихъ и соразмѣрное количество самцевъ-трутней. Быть можетъ, даже очень вѣроятно, что пчела, одинъ разъ совокупившись съ трутнемъ, сохраняетъ надолго способность плодотворенія, подобно многимъ яйценоснымъ животнымъ, вслѣдствіе чего, старая пчела, въ прошедшемъ году совокупившаяся съ трутнемъ, не имѣетъ болѣе къ тому побужденія, трутни же необходимы только для молодой пчелы. Этому можетъ быть подтвержденіемъ то обстоятельство, что, когда выходитъ первый рой, большею частію съ старою маткой и быть можетъ со старою пчелою, то его сопровождаетъ немного трутней; вторые рои, выходящіе съ молодою маткой и съ большимъ количествомъ молодой мухи, имѣютъ болѣе трутней; третіе же или четвертые рои, состоящіе почти исключительно изъ одной молодой мухи, имѣютъ на половину трутней, и столькоже ихъ остается и въ старомъ ульѣ, гдѣ тоже остается одна молодая пчела. Это очень сообразно съ потребностію пчелы, хотя одинъ разъ въ жизни, совокупиться съ самцомъ.

Безъ помощи матки, пчелы не могутъ производить подобныхъ себѣ совершенныхъ существъ; матка же, принимая отъ пчелъ плодо-

творную матерію и присоединяя къ ней свою, образуетъ настоящія яички, изъ которыхъ рождаются совершенными всѣ виды существъ пчелинаго семейства. Еслибы не было такого отношенія между пчелами и маткой, вслѣдствіе котораго она становится для нихъ единственнымъ существомъ, могущимъ дать полную жизнь ихъ зародышамъ, то, во-первыхъ, пчелы жили бы отдѣльно одна отъ другой, какъ мухи, а во-вторыхъ, между ними не было бы такой сильной любви и взаимности, которая, какъ извѣстно, въ царствѣ животномъ, бываетъ только вслѣдствіе половыхъ отношеній существъ между собою. Какъ пчелы любятъ свою матку, во всемъ ей повинуются, вездѣ за нею слѣдуютъ, кормятъ и берегутъ ее, такъ и матка любитъ своихъ пчелъ, любитъ быть только единственною между ними и потому уничтожаетъ всякую другую матку, а предвидя, съ увеличеніемъ семейства, необходимость для молодыхъ существъ другой матки, уходитъ съ приверженными пчелами изъ стараго жилища и ищетъ себѣ новаго. По такому моему предположенію, рабочая пчела, будучи въ отношеніи къ трутню самкой, становится въ отношеніи къ своей маткѣ самцомъ — какъ бы двуполымъ существомъ, гермафродитомъ.

Вотъ моя гипотеза о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства. Быть-можетъ, она и невѣрна, но ею, какъ мнѣ кажется, можно объяснить всѣ явленія, какія до-сихъ-поръ замѣчены въ этомъ насѣкомомъ. Этой гипотезой объясняется и назначеніе трутней, и способность рабочихъ пчелъ класть яйца, и приверженность ихъ къ маткѣ, и необыкновенная плодовитость сей послѣдней, и, наконецъ, роеніе пчелъ. Матка сначала закладываетъ пчелиную червь, потомъ соотвѣтственное ей количество трутневой; когда же семейство ея значительно увеличится, и еще будетъ много червы, отъ которой оно еще болѣе можетъ умножиться, тогда она закладываетъ матокъ, и дождавшись удобнаго времени, сама, съ приверженными къ ней пчелами, оставляетъ улей. Еслибы она захотѣла остаться въ томъ же семействѣ, то она, быть можетъ, не имѣла бы возможности удовлетворить желаніямъ народившагося новаго поколѣнія, которое, оплодотворившись съ трутнями, чувствовало бы необходимость совокупиться съ нею или передать ей свою плодотворную влагу. А потому, она вылетаетъ навсегда изъ улья, вѣроятно вмѣстѣ со старыми пчелами, т. е. уже совокупившимися съ трутнями, и оставляетъ въ немъ новое поколѣніе съ новыми зародышами пчелъ, трут-

ней и матокъ. Когда народится новая муха и вылупится нѣсколько матокъ, тогда опять новая пчела съ трутнями, видя, что въ ульѣ должно еще народиться много новыхъ пчелъ и матокъ, избравъ себѣ новую матку, ищетъ новаго мѣста для своего поселенія.

Эти предположенія были составлены мною еще до 1857 года, до выхода въ свѣтъ сочиненія К. Ф. Рулье: *три открытія въ естественной исторіи пчелы.* По выходѣ этой брошюры, которую я получилъ только въ 1859 году, я думалъ найти въ ней окончательное разрѣшеніе этой двухвѣковой задачи о половыхъ отношеніяхъ пчелъ, и, въ случаѣ опроверженія моихъ предположеній объ этомъ предметѣ, бросить ихъ какъ неудачную мою попытку. Но послѣ самаго внимательнаго и безпристрастнаго обсужденія всего изложеннаго въ этой брошюрѣ, я рѣшаюсь сдѣлать извѣстными мои предположенія, какъ ни мало не опровергнутыя новѣйшими наблюденіями надъ пчелами.

Впрочемъ, моя гипотеза, сколько ни кажется мнѣ удовлетворительною, но чтобы ей быть вполнѣ доказанною или же совершенно отвергнутою, требуетъ многихъ наблюденій и открытій. Нужно прежде всего сдѣлать множество дзирзоновскихъ опытовъ надъ матками съ подрѣзанными крыльями; потомъ, сдѣлать, напримѣръ, такой опытъ: изъ сильнаго пчелинаго семейства, гдѣ много пчелиной червы, готовой къ выходу и нѣсколько созрѣвшихъ маточниковъ, выгнать всю муху, вырѣзать въ гнѣздѣ трутневую черву, закрыть его и продержать нѣсколько дней въ тепломъ мѣстѣ. Потомъ, когда часть мухи вылупится, раскрыть готовую къ выходу матку и отвезти этотъ улей въ такое мѣсто, куда бы ни одна посторонняя пчела не залетала. Чрезъ нѣсколько времени въ этомъ ульѣ вышла бы вся черва, которая, равно какъ и матка, не видѣла бы трутней, и слѣд. не могла бы имѣть съ ними совокупленія. Еслибы тогда матка заложила пчелиную черву въ гнѣздѣ, то этимъ подтвердилась бы гипотеза оплодотворенія матки и пчелъ еще въ зародышѣ ихъ, подобно бабочкѣ-липарисъ; но еслибы въ такомъ изолированномъ отъ трутней гнѣздѣ вовсе не оказалось никакихъ яичекъ, то это совершенно подтвердило бы мою гипотезу о двупололомъ устройствѣ рабочей пчелы, о совокупленіи ея сначала съ трутнемъ, а потомъ — съ маткой. Я пробовалъ дѣлать такой опытъ, но онъ мнѣ не удавался по близости сосѣднихъ пасикъ, пчелы которыхъ уничтожали такое гнѣздо, но, быть-можетъ, кому другому онъ и удастся. Но еслибы, послѣ такихъ тщательныхъ и многочисленныхъ наблюденій, подтвердилось и мое предположеніе о

копуляціи пчелъ съ трутнями, и ученіе Дзирзона о копуляціи матки съ трутнями, чего бы я даже желалъ, тогда бы составилось такое понятіе объ отношеніи существъ пчелинаго семейства: матка и рабочія пчелы суть самки; та и другія совокупляются съ самцами трутнями, и послѣ такого совокупленія и въ маткахъ и въ пчелахъ образуется матерія, изъ которой хотя и могутъ образоваться существа, но не совершенныя; но когда матка получивъ отъ рабочихъ пчелъ плодотворную влагу, присоединитъ къ ней свою, въ которой, положимъ, есть и живчики, тогда только, изъ положеннаго ею яичка образуется существо уже совершенное. Такое ученіе, которое соединяетъ въ себѣ всѣ противоположныя мнѣнія наблюдателей, и объясняетъ собою не часть, а уже всѣ извѣстныя доселѣ явленія въ жизни пчелинаго семейства, было бы уже вполнѣ истиннымъ и, слѣд., окончательнымъ рѣшеніемъ этихъ таинственныхъ отношеній между собою трехъ различныхъ существъ пчелинаго семейства.

Поэтому я хотя питаю особенное довѣріе къ составленнымъ мною предположеніямъ, но имѣю въ виду также и то, что всѣ доселѣ сдѣланные опыты и наблюденія еще недостаточны для полнаго убѣжденія въ ихъ истинѣ, и если я рѣшаюсь теперь сдѣлать эти предположенія извѣстными, то единственно съ тою цѣлію, что, по мнѣнію моему, гипотезы о какомъ бы то ни было явленіи, какъ бы онѣ ни были нелѣпы, бываютъ часто полезны тѣмъ, что вызываютъ къ труду новыхъ дѣятелей, которые проводятъ новыя идеи, и производятъ новые, болѣе удачно поставленные опыты, которые, или подтверждаютъ прежнія предположенія изыскателей, или опровергаютъ ихъ и даютъ новое направленіе предмету. Я позволяю себѣ надѣяться, что многіе пчеловоды обратятъ на мои предположенія свое вниманіе, и не только попробуютъ пополнить мои наблюденія производствомъ своихъ опытовъ, о которыхъ я упомянулъ выше, но произведутъ также многіе другіе, которые послужатъ въ подтвержденіе или въ опроверженіе моихъ предположеній. Желательно только чтобы эти опыты, и всѣ соображенія пчеловодовъ по этому предмету не оставались безъизвѣстными. Если они въ отдѣльности будутъ неполны и нерѣшительны, то, быть можетъ, изъ соображенія ихъ, можно будетъ впослѣдствіи вывести какое-либо положительное заключеніе. Какъ бы я желалъ, чтобы окончательное рѣшеніе этой двухвѣковой загадки половыхъ отношеній существъ пчелинаго семейства, надъ которою такъ много трудятся иностранные пчеловоды и натуралисты, достались бы на долю нашимъ пчеловодамъ!..

При всемъ моемъ несогласіи съ мнѣніемъ Рулье о томъ, что ученіе Дзирзона будто бы окончательно уже разрѣшило эту задачу, я не могу не отдать полной справедливости покойному профессору за сочиненіе его: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. Это сочиненіе есть первое, которое объяснило намъ историческое развитіе ученія о зарожденіи пчелъ и о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства, и заявило, что разрѣшеніемъ вопроса о зарожденіи пчелы занимаются и теперь многіе пчеловоды и натуралисты германскіе. Жаль только, что они оставляютъ безъ вниманія наши наблюденія и мнѣнія.

Въ сочиненіи г-на Рулье находится изображеніе внутренняго устройства брюшка матки, сдѣланное еще Сваммердамомъ.

ПИСЬМО VII.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ СОСТОЯНІЯ ПАСѢКИ: — РОЕНІЕ ПЧЕЛЪ. ПРИЧИНЫ РОЕНІЯ. ДВА РОДА РОЕНІЯ. ИЗОБРѢТЕНІЕ ИСКУСТВЕННАГО РОЕНІЯ. ДѢЛАНІЕ ИСКУСТВЕННЫХЪ РОЕВЪ. МЕТОДЫ ПЧЕЛОВОДСТВА: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ, ПРОМЫШЛЕННАЯ И СМѢШАННАЯ. ИСПРАВЛЕНІЕ СЛАБЫХЪ ПЧЕЛЪ РОЯМИ. ПРЕКРАЩЕНІЕ РОЕНІЯ ПЧЕЛИНАГО СЕМЕЙСТВА. ЗАНЯТІЕ ВЪ ПАСИКѢ ВО ВРЕМЯ ЭТОГО ПЕРІОДА.

Роеніе пчелъ есть отдѣленіе части пчелинаго семейства и удаленіе ея изъ роднаго жилища. Это явленіе принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ въ природѣ, по крайней мѣрѣ, сколько намъ до-сихъ-поръ извѣстно, оно свойственно однимъ только пчеламъ. Причина роенія пчелъ, по моей гипотезѣ о половыхъ отношеніяхъ ихъ между собою, есть потребность чувства любви, дарованное природою вообще всѣмъ тварямъ, но котораго до сихъ поръ натуралисты не признаютъ въ пчелахъ. Когда увеличеніе пчелинаго семейства доходитъ до огромнаго количества, простирающагося иногда до сорока и болѣе тысячъ пчелъ, изъ которыхъ каждой хочется жить и любить: тогда невозможность одной матки удовлетворить любви всѣхъ заставляетъ пчелъ заботиться о выведеніи большаго количества матокъ. Вслѣдствіе этого, пчелы дѣлаютъ маточники, матка кладетъ въ нихъ яички, которыя

потомъ, пчелы, по своему произволу или по чувству потребности, возвращаютъ или уничтожаютъ. Когда выплодятся молодыя матки, тогда старая матка, не желая имѣть себѣ соперницы, удаляется изъ улья, а съ нею и приверженныя къ ней, вѣроятнѣе всего, старыя пчелы. Что́ улей оставляетъ старая матка, а не молодая, это происходить быть можетъ еще и оттого, что въ то время пчелы необыкновенно расположены къ любви, вслѣдствіе чего слишкомъ изобильно осѣменяютъ матку, въ старомъ же ульѣ, гдѣ все гнѣздо занято червою или медомъ, нѣтъ ячеекъ для положенія яичекъ. Сыскавши новое мѣсто, пчелы необыкновенно быстро дѣлаютъ вощину, и по мѣрѣ того какъ она поспѣваетъ, матка кладетъ въ ячейки сѣмена. Молодая же матка, которая остается въ ульѣ, не вдругъ дѣлается плодовитою, и самыя пчелы не вдругъ оплодотворяются трутнями, а потому они удобнѣе могутъ ожидать того времени, когда, по выходѣ червы, будетъ вновь мѣсто и для кладки яичекъ. Эти, по мнѣнію моему, естественныя причины производятъ роеніе пчелъ, которое, поэтому, можно назвать слѣдствіемъ ихъ любви. Это сильное расположеніе пчелъ къ любви и, вслѣдствіе того, сильная плодовитость матки бываютъ только подъ условіемъ извѣстной, довольно высокой, температуры и при изобиліи хорошаго корма, а потому, когда весна бываетъ теплая и погода постоянная, тогда при хорошемъ кормѣ, даже искуственномъ, пчела будетъ хорошо роиться; напротивъ въ холодную, дождливую и непостоянную весну, она нѣсколько разъ приготовляется къ роенію и потомъ уничтожаетъ маточники, такъ-что часто мало, или же и вовсе не роится. Замѣчу еще одно важное свойство роевъ по выходѣ ихъ изъ роднаго своего улья: гдѣ бы вы ихъ ни поставили, они тотчасъ привыкаютъ къ новому своему мѣсту и *роевая муха* никогда не возвращается къ старому семейству, даже если вы какого роя и не поставите отдѣльно и соедините съ другимъ семействомъ, чего, въ другое время, какъ вамъ извѣстно, не бываетъ, и пчела *пероевая* переселенная въ другое мѣсто, всегда возвращается на старое. Поэтому *роевая* муха есть самая удобнѣйшая для усиленія слабыхъ пчелъ.

Кто занимается пчеловодствомъ, какъ хозяйственною статьею и какъ удовольствіемъ, тому зрѣлище выхода роя доставляетъ большое наслажденіе. Сначала видѣнъ необыкновенный и быстрый вылетъ пчелы изъ улья, предъ которымъ она сгущается почти облакомъ; потомъ разнообразный, круговращательный полетъ по пасикѣ, гдѣ она видимо наслаждается своею жизнію и—то вертится быстро, то гоняется одна

за другою и сцѣпляется съ трутнями: все это сопровождается самымъ радостнымъ жужжаніемъ, которымъ любитель природы всегда будетъ надаться также какъ шумомъ водопада или ревомъ моря. Къ этому величественному зрѣлищу особенно неравнодушны пчеловоды. Кристъ говоритъ, что любитель природы не промѣнялъ бы его ни на какое театральное зрѣлище, а для него этотъ пчелиный концертъ пріятнѣе иного музыкальнаго концерта, хотя онъ также любитель и музыки. Любуйтесь этимъ зрѣлищемъ смѣло и не бойтесь пчелинаго жала. Пчела въ это время бываетъ очень кротка, и не укуситъ васъ если вы ее не прижмете или не ударите.

Первонально, въ пчеловодствѣ, было одно только естественное или натуральное роеніе и пчеловоды долго имъ довольствовались; но какъ пчела роится не каждый годъ, а безъ роевъ не знали прежде никакого способа получить отъ пасики значительный доходъ, то придумали еще другой, искуственный, способъ роенія. Поэтому, въ настоящее время два рода роенія: *естественное*, когда пчелиное семейство само собою отпускаетъ роя, и *искуственное*, когда пчеловодъ отбираетъ его отъ семейства, и поэтому первые рои называются *натуральными*, а вторыя *искуственными*, или *насильными*.

Когда пчелиное семейство приготовляется къ естественному роенію, то въ маточникахъ, поставленныхъ на ребрахъ или концахъ вощины, появляются сначала яички, по одному въ каждомъ, потомъ они наполаяются постепенно густою, бѣлою наподобіе молока жидкостію, въ которой совершенно тонетъ родившійся изъ яйца червячекъ; наконецъ маточники печатаются, и чрезъ двѣнадцать или четырнадцать дней отъ положенія яичка, выходятъ изъ нихъ матки, послѣ появленія которыхъ въ ульѣ, если только благопріятствуетъ погода, выходитъ первый рой, или *первáкъ*, съ старою маткою. Сначала рой летаетъ по пасикѣ, а потомъ гдѣ нибудь собирается въ кучку около своей матки, гдѣ будетъ сидѣть часа два; въ это время его убираютъ въ улей. Всегда стараются чтобы рой собрался въ поставленную для того нарочно сборню, натертую растѣніемъ мелиссой или маточникомъ, куда онъ большею частію и садится. Матка перваго роя, будучи старою и сѣменистою, отъ слабости или тягости выходитъ изъ улья очень медленно, а иногда возлѣ него падаетъ; поэтому искусный пасичникъ, во время выхода перваго роя, сидитъ всегда возлѣ летика улья и схватываетъ матку руками, которую, посадивъ въ клѣточку, ставитъ въ сборню, что́ значительно ускоряетъ поимку

роя. Первые рои, выходящіе изъ ульевъ имѣющихъ природную матку, которые собственно и называются перваками, имѣютъ ее всегда одну, и поэтому матку сажаютъ въ улій прямо безъ всякой переборки пчелы. Но иногда даютъ роя и такіе ульи, которые, лишившись природной своей матки, выплодили потомъ у себя нѣсколько свищевыхъ матокъ, и какъ въ такихъ рояхъ, хотя и первакахъ, бываетъ по нѣскольку матокъ, то, при посадкѣ ихъ въ улей, перебираютъ пчелу, излавливаютъ всѣхъ матокъ и даютъ рою только одну лучшую; такимъ же образомъ поступаютъ при вторыхъ и третьихъ рояхъ. Пчеловодамъ часто кажется, что первые рои выходятъ прежде нежели изъ маточниковъ выйдутъ молодыя матки. Это потому, что они въ то время видятъ наружные маточники, бывающіе на концахъ вощины; но пчелы закладываютъ прежде маточники внутри гнѣзда, которыхъ нельзя видѣть, и изъ которыхъ, какъ прежде заложенныхъ, матки выходятъ ранѣе. Появленіе этихъ матокъ можно узнать по ихъ писку или пѣнію, которое отличается совершенно отъ пчелинаго жужжанія и слышно даже внѣ улья, особенно вечеромъ. По выходѣ изъ улья первака, дней чрезъ шесть, а иногда ранѣе или позже, выходитъ другой рой, или *другакъ*; потомъ чрезъ день послѣ сего третій, и такъ далѣе. Всѣ эти рои выходятъ уже съ молодыми матками, которыхъ имѣютъ отъ одной и до десяти, вслѣдствіе чего посадка ихъ въ ульи должна производиться съ переборкою пчелы. Вторые и послѣдующіе рои бываютъ менѣе первыхъ, а потому не всегда сажаются отдѣльно, но соединяются по два или по три роя въ одно семейство. Иногда, въ хорошее лѣто, первые рои даютъ сами роевъ, которые называются *парои*.

Вообще при натуральномъ роеніи, слѣдуетъ имѣть правиломъ: 1-е, сажать большіе, сильные рои, потому что слабые будутъ худо плодиться, и мало внесутъ меду. Величину ихъ можно соображать съ временемъ. Если ройба началась рано, то вначалѣ можно ставить рои и не такъ сильные съ двумя фунтами мухи, потому что ко времени взятка онѣ успѣютъ еще сами собою усилиться, но съ приближеніемъ взятка необходимо ставить ихъ сильнѣе; рои же, выходящіе въ самое взяточное время, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ до шести. 2–е. Не ослаблять старыхъ пчелъ. Поэтому не слѣдуетъ желать, чтобы улей слишкомъ роился; достаточно, если онъ дастъ одного роя и, развѣ очень сильный, двухъ; еслижъ онъ будетъ роиться болѣе, то не допускать его къ тому, извѣстными способами;

иначе онъ до-того изроится, что нетолько будетъ хуже роевъ своихъ, но можетъ и совершенно погибнуть. 3-е. Не допускать въ одномъ роѣ нѣсколькихъ матокъ, отчего пчелы бунтуются и часто оставляютъ улей; но, отобравъ всѣхъ матокъ, дать рою одну любимую матку и то, сначала, въ клѣточкѣ.

Другой видъ роевъ составляютъ искуственные или насильные рои. Самовыплаживаніе пчелами свищевой матки открылъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, какъ я уже говорилъ выше, нѣмецкій пчеловодъ и натуралистъ Ширахъ, который, заключивъ въ нѣсколько отдѣльныхъ ящиковъ по одному соту съ пчелиной дѣткой и пчелой, увидѣлъ потомъ, что въ каждомъ изъ нихъ пчелы сами вывели себѣ матокъ. Это подало ему мысль къ дѣланію искуственныхъ роевъ, чѣмъ онъ доказалъ неслыханную до того новость, что изъ каждаго пчелинаго червя, до трехдневнаго его возраста, можетъ выплодиться пчелиная матка, между—тѣмъ какъ въ то время думали, что пчелиная матка раждается только изъ особыхъ яичекъ, которыхъ будто бы матка несетъ много, но пчелы ихъ прячутъ въ особомъ мѣстѣ и хранятъ до надобности. Открытіе Шираха развилъ въ—особенности французскій пчеловодъ Пальто, а Кристъ изложилъ очень много правилъ и пріемовъ дѣланія искуственныхъ роевъ. Нашъ Прокоповичъ обогатилъ это открытіе многими новыми наблюденіями и правилами, и первый сдѣлалъ извѣстною у насъ эту методу роенія. Въ настоящее время, ученикъ и послѣдователь его Пономаревъ, въ своемъ сочиненіи о пчеловодствѣ, объяснилъ этотъ предметъ самымъ лучшимъ образомъ.

Искуственный рой отбирается отъ пчелинаго семейства преимущественно въ то время, когда оно уже само приготовляется къ роенію и имѣетъ уже печатные маточники или только налитые, называемые *назолки*. Рои съ назолковъ я и буду называть собственно *искуственными*. Но очень часто они отбираются гораздо ранѣе появленія зародыша въ маточникахъ, когда въ ульѣ бываетъ много мухи и много червы. Такіе рои, взятые съ червы, я буду называть, для различія отъ первыхъ, *насильными*. Преимущество искуственныхъ роевъ предъ натуральными состоитъ въ томъ, что, 1-е, рои эти можно дѣлать произвольной величины, тогда—какъ натуральные бываютъ величины случайной; 2-е, при натуральномъ роеніи, когда нѣсколько роевъ выходитъ вмѣстѣ, они смѣшиваются и уничтожаютъ или калѣчатъ много матокъ; разбирать ихъ потомъ трудно: этого не бываетъ при иску-

ственномъ роеніи; 3-е, насильными роями вѣрнѣе и значительнѣе увеличивается пасика, тогда–какъ неблагопріятная погода можетъ очень уменьшить натуральное роеніе или, даже, совершенно не допустить его; когда же пасика не увеличится роями, то, при употребленіи исключительно цѣльныхъ ульевъ, нельзя получить иного дохода отъ пасики, какъ уничтоженіемъ старыхъ пчелъ и чрезъ то уменьшить ея комплектъ. Невыгода же искуственныхъ роевъ противъ натуральныхъ заключается въ томъ, что они, 1-е, требуютъ вывозки ихъ изъ пасѣки; если же оставляются въ ней, то требуютъ много заботъ и предосторожностей; 2-е, ихъ труднѣе отбирать нежели натуральные, и 3–е, въ ульяхъ, изъ которыхъ взяты насильные рои съ червы, выводятся не натуральныя матки, а свищевыя, которыя, какъ извѣстно, не всегда бываютъ добрыми.

Выгоды и недостатки одного и другаго вида роенія пчелъ породили много мнѣній и споровъ, которые и теперь еще остаются нерѣшеными. Одни пчеловоды придерживаются только натуральнаго роенія и свойственной ему методы пчеловодства, доказывая основательность своихъ убѣжденій, кромѣ трудностей операцій, требуемыхъ искуственнымъ роеніемъ, преимущественно тѣмъ, что отъ сего послѣдняго роенія заводится въ пасикѣ много свищевыхъ матокъ, которыя, если и бываютъ добрыми, то недолговѣчны, а также и тѣмъ, что искуственные рои составляютъ большой рискъ, и если отъ нихъ, при хорошемъ взяткѣ, бываетъ большая выгода, за то не только при худомъ, но даже при посредственномъ взяткѣ, погибаютъ какъ самые рои, такъ и старыя семейства, которыя такимъ роеніемъ ослабляются и получаютъ дурныхъ матокъ. Методы натуральнаго роенія придерживаются, большею частію, простолюдины и помѣщики, неимѣющіе ученыхъ и опытныхъ пасичниковъ; ее можно назвать *натуральною* или *хозяйственною* методою пчеловодства. Другіе же пчеловоды, напротивъ, не ожидая натуральнаго роенія, которое не всегда бываетъ успѣшно, въ видахъ полученія отъ пасики бо́льшей прибыли, берутъ насильные рои изъ каждаго улья, изъ котораго только можно ихъ взять, не смотря на то, приготовляется ли онъ къ роенію или нѣтъ, и такимъ способомъ быстро увеличивая, даже удвоя, свою пасику, въ хорошее лѣто получаютъ очень значительный доходъ. Эту методу можно назвать *промышленною*, потому что ее употребляютъ большею частію пчеловоды–промышленники, думающіе только о наивозможно-большемъ полученіи дохода отъ своей пасики. Этой методѣ слѣдуютъ у насъ

всѣ пчеловоды-старообрядцы, живущіе въ Новозыбковскомъ уѣздѣ и служащіе пасичниками у многихъ помѣщиковъ другихъ уѣздовъ. При благопріятномъ лѣтѣ, быстрое увеличеніе пасики и большое количество продаваемаго меда, удивляя и восхищая многихъ, заставляетъ ихъ слѣпо слѣдовать этой промышленной методѣ. Но какъ послѣдствія ея, при неблагопріятномъ лѣтѣ, бываютъ иногда до-того пагубны, что разомъ уничтожается почти вся пасика, то нельзя сказать, чтобы она была дѣйствительно лучше хозяйственной методы. — Которой же изъ нихъ слѣдовать?—По моему мнѣнію, въ простомъ пчеловодствѣ, при неопытныхъ пасичникахъ, гораздо лучше придерживаться натуральнаго роенія; но кто имѣетъ у себя знающаго пасичника, тотъ долженъ въ этомъ случаѣ избрать путь, указанный намъ Прокоповичемъ и объясненный Пономоревымъ, который я постараюсь изложить здѣсь систематическимъ образомъ.

Начну съ того, что искуственные рои не всегда берутся только по произволу пчеловода, но иногда они составляютъ необходимость; такъ, во 1-хъ, бываютъ такія пчелиныя семейства, которыя независимо отъ погоды, то приготовятся къ роенію, то уничтожатъ назолки, что повторяя нѣсколько разъ, потомъ совершенно не роятся. Съ такихъ пчелъ необходимо взять искуственные рои, иначе вы потеряете новое и хорошее пчелиное семейство. Во 2-хъ, иныя семейства бываютъ до-того сильны, что мухи въ нихъ полонъ улей, а между-тѣмъ, хотя уже и роевая пора, но они и не думаютъ роится, и ежели ихъ такъ оставить, то они впослѣдствіи ослабѣютъ; съ такихъ пчелъ, по тому же расчету, необходимо брать насильные рои, хотя бы то и съ червы. Въ 3-хъ, при перевозкѣ пасѣки иныя пчелы до-того бываютъ сильны, что едва помѣщаются въ ульѣ; если изъ нихъ не взять насильныхъ роевъ, хотя бы они впослѣдствіи и могли дать натуральныхъ, то они могутъ задохнуться или обломать соты. Этихъ трехъ случаевъ достаточно уже, чтобы видѣть, какъ много теряютъ тѣ, которые придерживаются одного натуральнаго роенія. Но польза искуственнаго роенія очевидна еще и въ другихъ случаяхъ, а именно: 1-е. Въ большой пасикѣ, гдѣ въ одинъ день выходитъ пятьдесятъ и болѣе натуральныхъ роевъ, они непремѣнно смѣшаются, отъ чего погибнутъ многія хорошія матки, и самый разборъ ихъ будетъ труднѣе нежели взятіе искуственныхъ роевъ; кромѣ того, изъ пятидесяти роевъ натуральныхъ едва удается пасѣчникамъ поставить тридцать, тогда какъ взявши эти пятьдесятъ роевъ искуственнымъ образомъ

вы не подвергнете ихъ никакимъ приключеніямъ и всѣ они будутъ цѣлы и хороши; 2-е. Многія сильныя пчелы даютъ очень слабыхъ натуральныхъ роевъ; а искуственнымъ образомъ можно взять у нихъ рои желаемой величины; 3-е. Съ первыми роями, которые всегда бываютъ лучшими, обыкновенно выходятъ старыя матки, которыя, вылетая изъ улья, иногда отъ слабости, и въ самую тихую погоду падаютъ на землю и теряются, а потеря такой матки очень значительна; но этого не бываетъ, когда эти рои отбираются искуственнымъ образомъ.

Но эта метода искуственныхъ роевъ, при всѣхъ своихъ выгодахъ, будетъ нетолько безполезною, но даже гибельною, если брать насильно рои безъ всякаго соображенія, на-удачу, какъ дѣлаютъ большею частію пчеловоды – промышленники, а потому въ ней слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: 1-е. Брать рои только *съ прибора*, т. е. изъ тѣхъ пней, въ которыхъ появятся печатные или налитые маточники, назолки, чрезъ-что не только рои будутъ хороши, но изройки будутъ имѣть натуральныхъ матокъ, и слѣдовательно не заведется въ пасикѣ множество свищевыхъ матокъ, какъ бываетъ при промышленной методѣ. 2-е. На основаніи этого правила, а также вслѣдствіе того, что рои, выходящіе натурально съ старыми матками, часто ихъ теряютъ, должно всѣ первые рои, особливо въ большой пасикѣ, отбирать непремѣнно искуственно. 3-е. Въ трехъ вышеуказанныхъ мною случаяхъ, а именно, когда пчелы, приготовляясь къ роенію, уничтожаютъ потомъ свои назолки, когда онѣ, будучи очень сильны, не приготовляются къ роенію въ самое роевое время и, наконецъ, при перевозкѣ пасики изъ ульевъ, полныхъ мухою, необходимо брать искуственнымъ образомъ рои нетолько съ приборныхъ пчелъ, но даже съ червы. 4-е. Всѣхъ вообще искуственныхъ роевъ, особенно раннихъ, сажать на медки, и позднѣйшихъ, за неимѣніемъ медковъ, на вощанки, и отбирать ихъ не иначе какъ вѣсомъ; ранніе рои могутъ быть меньше, а поздніе — больше. Меньшій вѣсъ раннихъ роевъ, сажаемыхъ на медки, можетъ быть два съ половиною фунта; по мѣрѣ приближенія взятка нужно постепенно увеличивать вѣсъ ихъ до шести фунтовъ, а для сажаемыхъ на вощанки,—что можно дѣлать только при началѣ яриннаго взятка,—меньшій вѣсъ можетъ быть пять фунтовъ. 5-е. При отборѣ искуственныхъ роевъ, кромѣ знанія правилъ, должна быть соблюдаема акуратность, большая осторожность и необходимое проворство,—чего ловкій пасѣчникъ при

частыхъ опытахъ можетъ легко достигнуть. Легче отбирать искусственные рои изъ тѣхъ ульевъ, у которыхъ снимается дно и пчела гонится чрезъ голову улья. Въ линеечныхъ ульяхъ ловкимъ пасичникомъ отбирается рой въ пять и не болѣе десяти минутъ. 6-е. Въ-особенности надобно стараться, чтобы рои эти *по посадкѣ въ ульи* не слетали на старые ульи: въ такомъ случаѣ они ослабѣютъ и пропадутъ, и вы только напрасно разстроите старое семейство. Для этого, лучше всего вывозить ихъ изъ пасики въ другое мѣсто, не ближе четырехверстнаго разстоянія: поэтому, выгоднѣе всего отбирать ихъ при перевозкѣ пасики. Но можно ставить и въ одной пасикѣ каждый рой возлѣ его изройка, по способу ихъ раздвиганія, въ особенности если ульи въ пасикѣ стоятъ рѣдко, не менѣе сажени одинъ отъ другаго. Этотъ способъ, однакожъ, требуетъ большой внимательности пасичника; при заботливости и знаніи, онъ также безопасенъ, какъ и первый. Я всегда употребляю этотъ способъ, и всегда удачно, а перевозкой пользуюсь только при случаѣ. Способъ этотъ объясненъ мною въ письмѣ XI-мъ.

Руководясь этими правилами, при искуствѣ и ловкости пасичника, вы всегда будете имѣть отъ своей пасики болѣе выгоды, нежели въ томъ случаѣ, еслибы вы придерживались исключительно одного только натуральнаго роенія, и будете подвергаться менѣе риску, нежели при промышленной методѣ. Вы будете всегда имѣть больше и лучшихъ роевъ, которые, такъ же какъ и ихъ изройки, сдѣлавшись къ яринному взятку сильными, даже при посредственности его, внесутъ достаточно меду и, слѣдовательно, вы получете бо́льшую пользу. Совершенно скудный взятокъ будетъ конечно гибеленъ для пасики, но это самое случилось бы и при натуральномъ роеніи, ибо, по этой методѣ, насильнымъ роеніемъ вы берете почти тѣхъ же натуральныхъ роевъ только искуственнымъ образомъ. Методу эту, для отличія ея отъ натуральной, промышленной, я назову *смѣшанною*, такъ-какъ въ ней приняты всѣ три рода роенія: натуральное, искуственное и насильное. Всѣ эти три методы, имѣющія цѣлію главнымъ образомъ увеличеніе пасики, предполагаютъ полученіе отъ нея дохода не иначе, какъ посредствомъ уменьшенія количества пасики увеличившейся роями, чрезъ умерщвленіе части ея пней, — о чемъ я буду говорить впослѣдствіи.

Для тѣхъ пчеловодовъ, которые держатъ пчелъ въ цѣльныхъ ульяхъ, всѣ эти способы роенія не представляютъ достаточно надежнаго

способа для полученія хорошаго дохода въ нероистое лѣто. Не увеличивая числа семействъ, они должны лишиться почти всякаго дохода отъ пасики; съ другой стороны, не зная, будетъ ли впереди хорошій и продолжительный взятокъ, они не могутъ рѣшиться брать насильныхъ роевъ съ червы, потому что, въ случаѣ неудачи, они рискуютъ потерять всю пасику. Поэтому во всякое нероистое лѣто эти пчеловоды бываютъ сначала въ большомъ недоумѣніи, а по истеченіи его, если они были осторожны, то почти не получаютъ дохода отъ пчелъ; если же дѣйствовали на авось, то торжествуютъ удачи риска или оплакиваютъ потери. Эти обстоятельства бываютъ причиною всѣхъ тѣхъ безконечныхъ толковъ о преимуществахъ различныхъ способовъ роенія пчелъ, которые постоянно ведутся между пасичниками, и частыхъ перемѣнъ убѣжденій пасичниковъ, послѣ испытанныхъ ими потерь или удачъ. Въ продолженіи моихъ занятій пчеловодствомъ, обсуждая и испытывая всѣ эти методы, я подвергался также частымъ колебаніямъ, но наконецъ рѣшилъ мои недоумѣнія только тѣмъ, что оставилъ цѣльные ульи и ввелъ составные, и теперь рѣшаюсь сказать, что одно только веденіе пчелъ въ составныхъ ульяхъ есть единственное средство, которое можетъ избавить пчеловода отъ рисковъ и колебаній, при избраніи системы роенія пчелъ, и принести ему, во всякомъ случаѣ, обильный доходъ. Въ такой пасикѣ, еслибы роевъ и вовсе не было, при изобильномъ взяткѣ, получится тотъ же самый доходъ безъ уменьшенія пасики, какой бы могъ получиться и при роеніи, а иногда и бо́льшій; въ случаѣ же скуднаго взятка, нѣтъ риска лишиться всей пасики. Особенно легко и удобно достигается все это въ линеечныхъ ульяхъ, о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Прежде нежели я достигнулъ *въ своей пасикѣ* до надлежащаго количества линеечныхъ ульевъ, я придумалъ еще одну особую методу для полученія и изъ цѣльноулейной пасики значительнаго дохода, не уменьшая увеличившагося роями количества пасики и не подвергая ее, въ случаѣ неблагопріятнаго взятка, значительному риску, — о чемъ также скажу въ другомъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ занятіямъ въ пасикѣ въ продолженіе періода роенія. Они бываютъ слѣдующія:

1. *Отборъ* и *посадка роевъ*. Въ это время пасичникъ долженъ неотлучно находиться въ пасикѣ, и къ нему, смотря по величинѣ ея, нужно еще прибавить рабочихъ людей, проворныхъ и хотя нѣсколько пріученныхъ къ обращенію съ ульями. При пересмо-

трѣ пасики, почти ежедневномъ, небходимо отмѣчать приборные ульи установленными для того знаками, изображающими различный возрастъ маточниковъ, и, при натуральномъ роеніи, слѣдить за приборными ульями, не прозѣвать выхода роя; при выходѣ перваковъ, сидѣть у самаго летика и стараться изловить матку, а потомъ, собравши рои, сажать ихъ, со всѣми предосторожностями, въ заблаговременно приготовленные, съ медками или вощанками, ульи. По выходѣ вторыхъ и послѣдующихъ роевъ, въ которыхъ большею частію бываетъ нѣсколько матокъ, никогда не сажать ихъ въ ульи, не отобравъ всѣхъ матокъ, какъ то́ дѣлаютъ простолюдины, отъ чего матки дерутся, иногда погибаютъ лучшія изъ нихъ, и рои бунтуютъ. Наблюдать, чтобы натуральные рои имѣли достаточно силы, и ежели выходятъ малые рои, то ихъ или соединять по два вмѣстѣ, или же усиливать ими слабыхъ перваковъ, или изройковъ. При искуственномъ роеніи, изъ отмѣченныхъ вечеромъ приборныхъ ульевъ, на слѣдующее утро отобрать рои, и стараться кончить это пораньше, до вылета пчелы на взятокъ, если только погода не сдѣлается холодною. При этомъ надобно стараться какъ можно скорѣе изловить матку, ибо чѣмъ она скорѣе будетъ поймана, тѣмъ скорѣе сдѣлается искуственный рой, но надобно быть также очень осторожнымъ, чтобы не задавить ея. Для отбора искуственныхъ роевъ поставить попарно пасичника съ рабочимъ и каждой парѣ брать рои особо, что́ ускоряетъ работу. По отборѣ роевъ, непремѣнно по вѣсу мухи и по посадкѣ ихъ въ ульи, необходимо или вывозить ихъ изъ пасики, или же ставить возлѣ ихъ изройковъ, поступая при этомъ такъ, какъ будетъ сказано въ письмѣ XI-мъ. По посадкѣ въ ульи какъ искуственныхъ, такъ и натуральныхъ роевъ, необходимо сдѣлать на нихъ постоянную надпись года и дня посадки роя, а также первый ли или второй рой; на изройкахъ отмѣтить время выхода, или отбора изъ нихъ, роевъ, что́ необходимо какъ для наблюденія надъ роями, такъ и для другихъ работъ. Изъ ульевъ, у которыхъ взяты первые искуственные рои, вторые выходятъ большею частію натурально; но если они не выходятъ, а въ изройкѣ сила и черва большáя, то можно брать и вторые рои искуственно, но уже такъ, что для роя забрать почти всю муху, а на изройка, въ которомъ останется много червы, накинуть маленькаго натуральнаго ройка.

2. *Усиленіе слабыхъ.* Когда нѣкоторыя пчелиныя семейства отъ какихъ либо обстоятельствъ ослабѣли, то въ это время представляется

самый лучшій случай ихъ усилить. Для этого уже не нужно подбавлять имъ мухи изъ другихъ ульевъ, пересаживать, или переставлять ихъ — какъ дѣлалось до ройбы, а стоитъ только накинуть имъ натуральнаго ройка, такого, котораго особо сажать не слѣдуетъ, или прибавить имъ сколько нужно роевъ мухи, имѣющей свойство тотчасъ привыкать къ новому своему жилищу и не возвращаться въ старое. Такія усиленныя пчелы, если уже и не будутъ роиться, то, по крайней мѣрѣ во время взятка, внесутъ довольно меду и будутъ хорошими *зимовиками*—пчелами, оставляемыми въ зиму. Вообще надобно постоянно помнить основное правило, что выгоднѣе имѣть менѣе пчелъ, но сильныхъ, нежели много слабыхъ, а потому не слѣдуетъ стараться каждый небольшой роекъ сажать въ отдѣльный улей, но лучше употребить его на усиленіе слабаго.

3-е. *Недопущеніе изройковъ до ослабленія.* Иныя пчелы даютъ двухъ и болѣе роевъ, которые, будучи всегда небольшими, не могутъ быть сажаемы отдѣльно; изройки же при этомъ сильно ослабѣваютъ. Для предупрежденія этого нужно въ старомъ ульѣ, по выходѣ изъ него перваго или втораго роя, смотря по силѣ его, посчищать всѣ маточники; если же и послѣ сего онъ будетъ продолжать отпускать роевъ, то нужно выгнать изъ него всю муху и, соединивъ ее съ вышедшимъ роемъ, посадить въ особый улей, т. е. сдѣлать насильнаго втораго роя, а на гнѣздо изройка накинуть маленькаго натуральнаго ройка. Ко взятку они будутъ оба хороши, а безъ этого они будутъ оба слабы и, слѣдов., не въ состояніи будутъ внести себѣ достаточно на зиму меду. Вообще на изройковъ надобно обращать большое вниманіе и не допускать ихъ до слабости: они большею частію предназначаются для полученія отъ нихъ меду въ доходъ, а потому нужно чтобъ было кому работать и наполнять медомъ ихъ длинные зано́сы. Но многіе пасѣчники объ этомъ не заботятся и, какъ остроумно замѣчаетъ Пономаревъ, хотя, во время большаго выхода роевъ, въ пасикѣ у нихъ есть такіе изройки, которые едва существуютъ, но они бѣгаютъ, ищутъ новой посуды и дорого за нее платятъ, не подозрѣвая вовсе того, что у нихъ есть очень достаточно ульевъ — слабыхъ изройковъ, куда они могли бы посадить рои, и не только избавили бы себя отъ хлопотъ и убытка, но даже получили бы гораздо больше пользы, нежели сажая каждый маленькій рой отдѣльно.

4-е. *Исправленіе безматковъ.* Во время роенія, когда такъ

много молодыхъ и хорошихъ матокъ, надобно всѣмъ тѣмъ семействамъ, которыя не имѣютъ матокъ или имѣютъ худыхъ, дать новыхъ хорошихъ матокъ. Въ это время слѣдуетъ: 1-е, удостовѣриться въ качествѣ свищевыхъ матокъ, ежели таковыя завелись въ нѣкоторыхъ семействахъ, и если онѣ дурны, то перемѣнить; 2-е, наблюдать, есть ли матки и хороши-ли онѣ у первыхъ искуственныхъ или натуральныхъ роевъ, — что́ узнается по червѣ и другимъ признакамъ гнѣзда, и въ случаѣ неблагополучія дать новыхъ матокъ, за которыми опять имѣть такое же наблюденіе; 3-е, наблюдать за качествомъ матокъ у тѣхъ изройковъ, которые не предназначаются для подкурки на медъ, а пойдутъ въ зиму или на перегоны; у тѣхъ же, которые назначаются на медъ, если матки нѣтъ, особенно если это случится уже во взяточное время, то нѣтъ надобности давать ее имъ, и даже иногда лучше, если можно лишить ихъ матки. Въ такихъ изройкахъ, по выходѣ изъ ячеекъ всей червы, прежде нежели свищевая матка будетъ способна класть яички, пчелы зальютъ медомъ всю вощину, а отъ этого по окончаніи взятка, у нихъ нетолько будетъ болѣе меду, но медъ, сверхъ того, будетъ совершенно чистый и безъ червы.

5-е. *Кормленіе пчелы.* Въ роевое время, если въ природѣ нѣтъ обильнаго взятка, вся пасека требуетъ хорошаго корму отъ хозяина; особливо онъ нуженъ молодымъ роямъ, которые, если не будутъ достаточно кормлены, то, ослабѣвъ, или погибнутъ, или же если доживутъ до яриннаго взятка, то не будутъ въ состояніи внести себѣ достаточно меду на зиму. Поэтому, въ роевое время нечего жалѣть меду и надобно кормить, какъ вообще всю пасику на корыто, такъ особливо рои, тѣмъ–болѣе въ ненастную погоду, подставкою меду въ корытцахъ.

6-е. *Перевозка пасики.* Пасики, расположенныя въ лѣсной или луговой мѣстности, гдѣ бываетъ изобиленъ весенній взятокъ, большею частію отроиваются на мѣстѣ, до яриннаго взятка; но полевыя пасики роятся позже, и очень часто роеніе ихъ происходитъ въ то время, когда нужно перевозить пасику къ степному или яровому взятку. Такая необходимость перевозки, кромѣ пользы хорошаго взятка, можетъ быть выгодна и для роенія. Если вы вспомните необходимость отвоза изъ пасики всѣхъ насильныхъ роевъ, то догадаетесь какъ можно воспользоваться въ этомъ случаѣ перевозкою пасики. Если перевозка пасики случится въ роевое время, то сначала нужно постепенно отвозить въ избранное новое мѣсто всѣхъ взятыхъ прежде искуствен-

ныхъ роевъ и усиленныхъ пчелъ, а потомъ, во время самой перевозки, взять насильные рои изъ всѣхъ тѣхъ ульевъ, которые къ тому назначены вами, и, по отвозѣ ихъ изройковъ, дня черезъ два, перевезти ихъ въ новую пасику.

Когда будутъ приняты во вниманіе всѣ изложенныя въ этомъ письмѣ правила, тогда къ яринному взятку — этому важнѣйшему періоду пчеловодства, при благопріятной, разумѣется, погодѣ, пасика будетъ нетолько обильна роями, (иногда удвоится), но всѣ рои, изройки и старыя пчелы или *герои* будутъ обильны мухою—этою рабочею силою, которой чѣмъ больше въ ульѣ, тѣмъ лучше; и ежели будетъ хорошій взятокъ — медъ польется рѣкою въ пасику, и каждый улей внесетъ его нетолько достаточно для своего, почти годоваго, существованія, но и для дохода хозяина. Въ противномъ же случаѣ, при слабости пчелиныхъ семействъ, при недостаткѣ рабочей мухи, и самый изобильной взятокъ принесетъ хозяину мало пользы, а при посредственномъ взяткѣ всѣ слабые рои и изройки подкурятся сѣрой, и удвоенная пасика вдругъ уменьшится на—половину своего весенняго количества, не принеся хозяину никакого дохода.

(VIII-е письмо въ слѣдующей книжкѣ.)

КРАТКОЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ,

НАСЕЛЕННАГО ЮЖНОРУССКИМЪ (УКРАИНСКИМЪ ИЛИ МАЛОРОССІЙСКИМЪ) НАРОДОМЪ.

Страна, населенная Южноруссами (Украинцами, Малороссами), занимаетъ часть Восточной Европы. Протяженіе ея съ запада на востокъ занимаетъ собою почти 20 градусовъ долготы, т. е. отъ 38 до 58 градусовъ восточной долготы (считая отъ острова Ферро), что̀ составитъ слишкомъ 1,800 верстъ. Наибольшее протяженіе съ сѣвера на югъ простирается до 900 верстъ, т. е. отъ 44 градусовъ 30 минутъ, до 53 градусовъ 45 минутъ сѣверной широты.

Изъ разсмотрѣнія *границъ* Южной Руси читатели увидятъ, что край этотъ имѣетъ весьма разнообразную фигуру и входитъ въ составъ двухъ государствъ: Россіи и Австріи; меньшая часть (одна четырнадцатая) принадлежитъ послѣдней.

На западѣ граница Украины начинается отъ г. Сандеча, въ Галиціи, въ 10-ти миляхъ отъ Кракова, и идетъ на сѣверо востокъ чрезъ г. Ярославъ въ Цэрство Польское до мѣстечка Туробина и далѣе; оттуда граница поворачиваетъ на востокъ, переходитъ Западный Бугъ и идетъ на Ковель и по южной долинѣ р. Припети до ея впаденія въ р. Днѣпръ при м. Старе–място; отсюда граница идетъ на сѣверъ по Днѣпру до м. Лоева и потомъ на сѣверо-востокъ до г. Мглина, самаго сѣвернаго пункта южнорусскаго населенія. Отъ Мглина Украинское населеніе граничитъ съ великорусскимъ (Орловскою губерніею) и идетъ на юго-востокъ; далѣе,—въ Курской губерніи, съ точностію границу эту опредѣлить нельзя, потому что нѣкоторыя селенія Украинскія находятся восточнѣе Курска, и нѣкоторыя великорусскія села

лежатъ близъ границъ Черниговской губерніи. Отъ г. Богодухова на югъ, жители сплошь Украинцы и граница, направляясь на востокъ, входитъ нѣсколько въ Воронежскую губ. и оттуда круто поворачиваетъ на югъ до верховьевъ р. Калміуса. Отъ этого мѣста на югѣ лежитъ отдѣльная земля Кубанскаго (б. Черноморскаго) Козачьяго Войска, населенная безъ исключенія Украинцами. Между Азовскимъ моремъ и Украинскимъ населеніемъ Екатеринославской и Таврической губерній, поселены Ногайскіе татары и нѣмецкіе колонисты (1). Затѣмъ, отъ Перекопскаго перешейка до Турецкихъ владѣній, берега Чернаго моря заселены Украинцами и составляютъ южную границу страны. Рѣка Днѣстръ составляетъ юго-западную границу Украины до м. Ямполя, а оттуда граница идетъ на западъ по южному склону Карпатскихъ горъ и доходитъ, на крайнемъ западѣ, до г. Сандеча. Изъ этого обзора границъ видно, что населеніе южно-русскаго народа занимаетъ большую часть Австрійской Галиціи, половину Люблинской губерніи Царства Польскаго, малую часть Гродненской и Минской губерній, всю Волынскую, Каменецъ-Подольскую, Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую губернію, части Курской и Воронежской, Екатеринославскую, третью часть Таврической губерніи и Землю Кубанскаго (Черноморскаго) войска.

Мы не говоримъ, что на всемъ этомъ пространствѣ обитаютъ одни Украинцы; такъ, напримѣръ, въ Галиціи и Люблинской губерніи высшій классъ и городскіе обыватели большею частію Поляки; въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ почти всѣ помѣщики и нѣкоторые мѣщане также Поляки; въ Херсонской и Таврической живутъ Нѣмцы-колонисты, Сербы, Болгары, Греки и проч.; въ Харьковской—много переселенцевъ великорусскихъ; и, во всей западной Украинѣ весьма много Евреевъ. По земледѣльческій классъ почти весь состоитъ изъ населенія, говорящаго Южно-русскимъ или Украинскимъ языкомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ горахъ Карпатскихъ, Припетскихъ болотъ и земель, лежащихъ на лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, вся описываемая нами страна отличается плодородіемъ и считается житницею Россіи и даже Европы. Чер-

(1) Отсюда къ сѣверовостоку, отдѣльныя украинскія поселенія разсѣяны въ Донской Землѣ, преимущественно на правой сторонѣ верхняго и нижняго Дона, частію въ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ.

поземъ доставляетъ обильную жатву зерноваго хлѣба, а умѣренный климатъ способствуетъ произрастанію плодовъ.

Пространство земель, населенныхъ Украинцами, въ точности опредѣлить нельзя, но, приблизительно, оно составляетъ слишкомъ 10,870 кв. геогр. миль, изъ коихъ на Австрійскія владѣнія въ Галиціи, Венгріи и Буковинѣ приходится около 1,650 миль. На всемъ этомъ пространствѣ находится около 14,300,000 жителей, говорящихъ южнорусскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, по пространству, Украина или Малороссія превышаетъ Францію на тысячу географическихъ миль, а по абсолютному населенію уступаетъ Испаніи двумя милліонами жителей. По причинѣ значительнаго пространства, занимаемаго страною, *мѣстность* въ ней весьма разнообразна: начиная отъ гористаго запада Галиціи, Венгріи и Буковины, до пространныхъ степей Екатеринославской и Херсонской губерній и до болотистой равнины р. Припети, можно встрѣтить мѣстоположеніе всѣхъ родовъ; такъ, *Карпатскія* горы, на границѣ Венгріи и Галиціи, достигаютъ до 6,000 футовъ высоты надъ поверхностію моря. Главный хребетъ этихъ горъ тянется отъ запада къ юго–востоку и имѣетъ въ ширину отъ 40 до 70 верстъ. Покатости его положе къ югу и обрывистѣе къ сѣверу. Отъ хребта къ югу отдѣляется нѣсколько замѣчательныхъ вѣтвей, какъ напримѣръ, идущая отъ деревни Полянки до г. Варано между притоками р. Ондавы; вѣтвь, отдѣляющаяся отъ хребта при деревнѣ Ростоки и оканчивающаяся двумя отраслями: западною, называемою *Свинскій камень* и восточною, оканчивающеюся при г. Унгварѣ. Восточнѣе, отъ горы Шерейнкъ (Ширинка), идетъ гребень горъ, который кончается круто при кр. Мункачѣ. Отъ горы *Попадья*, тоже отдѣляется нѣсколько вѣтвей на югъ, — не длинныхъ, но весьма суроваго характера. Гора *Петро́* служитъ узломъ, при которомъ Карпатскій хребетъ круто поворачиваетъ на югъ, распространяя отрасли на востокъ по Буковинѣ до долины рѣки Прута. На сѣверъ отъ главнаго хребта, вѣтвей гораздо менѣе, но зато тѣ, которыя существуютъ, длиннѣе, хотя онѣ не сохраняютъ альпійскаго характера южныхъ отраслей. Самая важная начинается отъ горы Ширинки, проходитъ между источниками рѣкъ Сана и Днѣстра и тянется сперва на сѣверъ до Новаго–мѣста, потомъ на востокъ до Львова (Лемберга), откуда раздѣляется на три отрасли, изъ коихъ одна идетъ на сѣверозападъ до р. Танева, впадающей въ р. Санъ; другая, по сѣверному направленію, между притоками Сана съ одной и притоками р. Буга

(Западнаго) съ другой стороны, направляется въ Люблинскую губ., гдѣ, при м. Томашовѣ, принимаетъ направленіе съ запада на востокъ и служитъ началомъ р. Вепржа и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ рѣки Вислу и Бугъ. Наконецъ, третья отрасль направляется на востокъ, проходя между притоками Днѣстра и Буга, входитъ въ предѣлы Россіи и служитъ раздѣленіемъ водъ, текущихъ въ Черное и Балтійское моря.

Самый хребетъ Карпатскій, проходящій по западной части Южнорусскаго края, хотя и не бываетъ покрытъ вѣчными снѣгами, однако имѣетъ почти вездѣ алпійскій характеръ, т. е. рѣчки, имѣющія въ немъ начало, не пересѣкаютъ хребта и имѣютъ берега обрывистые и скалистые; подъемы на горы возможны только по дорогамъ; во многихъ мѣстахъ вершины оканчиваются пиками, и снѣга почти на всемъ гребнѣ лежатъ 8 и болѣе мѣсяцевъ.

Не смотря на такой суровый характеръ горъ, дорогъ въ нихъ весьма много, въ особенности въ западной части, какъ-то: изъ Н. Сандеча въ Мусину; изъ Грибова туда же и въ Бартфельдъ; изъ Горлице, чрезъ Зборо, въ Бартфельдъ; изъ Змигрода туда-же; изъ Змигрода въ Свидникъ; изъ Дуклы въ Стропко, и проч.; въ восточной же части, отъ дороги изъ Турки въ ст. Веречку до восточнаго поворота, исключая тропинокъ, нѣтъ ни одной удобной дороги. Южный склонъ Карпатовъ сохраняетъ тотъже характеръ, что́ и ихъ гребень. Сѣверный же, не смотря на крутые спуски, понижается мало по малу и, при рѣкахъ Санѣ и Бугѣ, обращается въ равнины.

Вся Галиція съ запада на востокъ имѣетъ видъ холмистый, въ Люблинской же губерніи — на западѣ мѣстность волнообразная, а на востокѣ представляетъ большею частію плоскія возвышенія, теряющіяся въ долинѣ Западнаго Буга.

Эти возвышенія входятъ въ Польшу при Тарнополѣ и потомъ разворачиваются, какъ-бы вѣромъ: на западъ до Вислы, на востокъ до Буга, а на сѣверъ ограничиваются большою дорогою изъ Грубешова въ Люблинъ. Въ этой части самое возвышеное мѣсто есть гора *Гута*, Красноставскаго уѣзда, болѣе 1,095 футовъ.

Въ южной Галиціи и Буковинѣ рѣки прорѣзали глубокія, въ нѣсколько сотъ футовъ, долины и текутъ чрезвычайно изгибисто; въ сѣверной же части, тамъ гдѣ почва наносная, рѣки имѣютъ теченія почти прямыя и долины ихъ широкія.

Въ Россію отрасли Карпатовъ входятъ небольшими горами между

городами Владиміромъ–Волынскимъ и Кременцомъ и образуютъ три главныя вѣтви: 1-я вѣтвь, идущая на сѣверъ между источниками р. Луга, впадающей въ Бугъ и притоками р. Стыри, Туры и Припети, имѣетъ на югѣ характеръ гористый съ нѣсколькими возвышеніями до 1120 ф. (при м. Бѣлозеркѣ); на сѣверѣ же и востокѣ, постепенно понижаясь, превращается въ равнину; 2-я идетъ на востокъ, составляя нагорный берегъ р. Припети, возвышаясь до г. Староконстантинова и отбрасывая отрасли къ сѣверу между рѣками Стырью, Горынью, Случемъ и другими, впадающими въ Припеть. Отъ г. Староконстантинова горы обращаются въ возвышенную равнину и только подъ Кіевомъ становятся холмисты; 3-я отрасль направляется на юго-востокъ,—подъ г. Кременцомъ достигаетъ 1,328 футовъ высоты и составляетъ нагорный берегъ р. Днѣстра, образуя глубокія долины его притоковъ; эта же отрасль, давъ начало р. Бугу (Южному), идетъ на востокъ не превышая 1,180 футовъ. Южныя отпрыски даютъ странѣ видъ горный, съ нѣсколькими остроконечными гранитными вершинами и крутые берега рѣкъ и овраговъ. Отрасль же, идущая на востокъ, волнообразна и проходитъ по сѣвернымъ уѣздамъ Херсонской губерніи до Никополя и Днѣпровскихъ пороговъ. Вся эта полоса имѣетъ въ основаніи гранитъ, который показывается въ обрывистыхъ берегахъ рѣкъ и рѣчекъ и проходитъ отъ м. Ямполя на востокъ, пересѣкаетъ р. Бугъ между Ольвіополемъ и Вознесенскомъ, и потомъ, близъ Никополя, р. Днѣпръ.

Все это гористое, возвышенное пространство ограничено—на сѣверо–западъ—ровнымъ плато, служащимъ раздѣльною чертою водъ, текущихъ въ Балтійское и Черное моря; на сѣверѣ Волынской и Кіевской губерній оно превращается въ плоскую равнину, почти сплошь поросшую лѣсами и называется *Полѣсьемъ*. Возвышенности оканчиваются и Полѣсье начинается по слѣдующей чертѣ: отъ м. Торчина на г. Луцкъ, м. Олыку, Клевань до Бронниковъ, по р. Горыню до м. Тучина, а оттуда чрезъ Новгородъ–Волынскій и, отдѣляя двѣ трети Радомысльскаго и третью часть Кіевскаго уѣздовъ, доходитъ до р. Днѣпра.

Отъ вышесказанной гранитной полосы мѣстность, постепенно понижаясь на югъ, доходитъ до береговъ Чернаго моря, образуя плодородныя степи, покрытыя черноземомъ.

Изъ этого обзора мѣстности отъ запада до Днѣпра, мы видимъ, что Карпатскій хребетъ составляетъ самую возвышенную часть края и пускаетъ отъ себя вѣтви короткія на югъ, длинную на сѣверъ, и

еще длиннѣйшую на востокъ и составляетъ, такимъ-образомъ, выпуклую часть, оканчивающуюся на юго-востокѣ берегами Чернаго моря, на сѣверо-востокѣ—болотистою равниною Полѣсья и на сѣверѣ равнинами Польши.

По лѣвой сторонѣ Днѣпра тянутся двѣ главныя возвышенности: одна идетъ изъ сѣверной части Курской губерніи на юго-западъ, на югъ и юго-востокъ и даетъ начала рѣкамъ: Окѣ, Соснѣ, Сейму и др; а другая, перерѣзавъ Днѣпръ между Екатеринославомъ и с. Знаменкою, идетъ сперва на востокъ, а потомъ на сѣверо-востокъ и составляетъ такимъ образомъ продолженіе гранитной полосы, о которой мы упоминали выше. Эти двѣ возвышенности нигдѣ не образуютъ горъ, но имѣютъ характеръ холмистый и только по берегамъ рѣкъ бываютъ круты. Вѣтви этихъ возвышенностей, проходя между рѣками Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерній, образуютъ какъ бы котловину къ лѣвому берегу Днѣпра между м. Лоевымъ, гг. Черниговомъ, Лубнами и Золотоношею. Полуостровъ Крымъ состоитъ изъ двухъ частей: горной и степной; большая дорога изъ Ѳеодосіи, чрезъ Симферополь, въ Севастополь служитъ чертою раздѣленія этихъ мѣстностей. Къ сѣверу отъ дороги есть холмы, но горъ не имѣется, къ югу же сплошь все горы. Эти горы суть продолженіе Кавказскихъ горъ. *Крымскія* горы, начинаясь на южномъ берегу полуострова отъ монастыря св. Георгія, тянутся по берегу на востокъ; первая часть ихъ до Біюкъ-Ламба—та носитъ названіе *Яйла*; далѣе, отъ Балаклавы, хребетъ, приближаясь къ Черному морю, отъ мыса Віолента до мыса Аія, образуетъ отвѣсные берега моря; отъ Аія-горы опять нѣсколько удаляются отъ южнаго берега, такъ-что гребень ихъ отдаленъ отъ одной до четырехъ верстъ.

Наиболѣе возвышенные пункты хребта суть: *Ай-петра*—3,661, *Чатырь-Даг*ъ — 5,047 и *Бабуганъ* — 5,117 футовъ. Отъ горы *Демерджи* горы удаляются отъ моря верстъ на десять и притомъ становятся все ниже и ниже, и подъ Ѳедосіею теряются въ степи. Южный склонъ горъ крутъ и скалистъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, совершенно отвѣсенъ. На немъ примѣчательна гора *Аюдагъ;* она выдается далеко въ море, и, образуя мысъ, занимаетъ пространство въ три версты длиною и въ двѣ съ половиною шириною; высота ея равняется 1,918 футовъ. Оканчивая орографію страны, мы укажемъ на примѣчательныя высоты относительно поверхности Океана: *Черная гора* въ Карпатахъ, на границѣ Галиціи и Венгріи, 6,000 футовъ;

Гута, Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи—1,095½ футовъ; *Кавенчинъ* Замойскаго уѣзда—1,088½ футовъ; *Бѣлозерскія* горы Волынской губерніи—1,120 футовъ; у деревни *Кривочинцы*, на границѣ Подольской и Волынской губерніи, 1,155 футовъ; при м. *Фельштинъ* Подольской губерніи—1,159 фут.; *при с. Тучѣ*, Бердичевскаго уѣзда Кіевской губерніи—1,055½ фут. Г. *Кіевъ*, старый, 651½ фут. и гора *Кременецъ*, Харьковской губ., на берегу р. Донца—800 фут. Земля Черноморскаго, или Кубанскаго, козачьяго войска почти вся есть равнина, прорѣзанная небольшими рѣчками, имѣющими медленнное теченіе съ юго-востока на западъ; она ограничена съ юга р. Кубанью, которая имѣетъ берега весьма низменные, въ-особенности у своего устья.

Обратимся теперь къ описанію примѣчательныхъ равнинъ края, начиная съ запада.—Въ Царствѣ Польскомъ наибольшая равнина находится по обѣимъ сторонамъ р. Западнаго Буга. На лѣвомъ берегу этой рѣчки, она начинается отъ м. Опалина и тянется на юго-востокъ до Владиміра; длина ея—болѣе 80, а ширина отъ 7 до 30 верстъ. Въ Галиціи примѣчательна равнина, лежащая между городами Соколомъ и Бродами и идущая по юго-восточному направленію; она соединяется съ другою, идущею отъ г. Сокола на западъ до м. Любицы.

Въ Русскихъ предѣлахъ особенно замѣчательна равнина р. Припети, называемая *Полѣсьемъ*. Она занимаетъ страну плоскую, низменную, покрытую огромными болотами и дремучими лѣсами. Открытыя поля составляютъ исключенія; рѣка Припеть и ея притоки имѣютъ паденіе ничтожное и потому теченіе медленное, а берега плоскіе, неопредѣленные. Въ этой странѣ населеніе весьма скудное, сообщенія затруднительны, а во время весеннихъ разливовъ почти вездѣ прекращаются; такъ-что въ Минской и Волынской губерніяхъ нѣкоторыя селенія не имѣютъ между собою сообщенія по два и болѣе мѣсяца. Полѣсье имѣетъ въ длину до 450 верстъ, а въ ширину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе 80-ти. Въ Подольской губерніи находится одна большая равнина, имѣющая въ длину 110, а въ ширину до 15-ти верстъ. Она начинается отъ м. Уланова, по лѣвому берегу р. Синеводы и Буга до с. Приборовки; Балтскій уѣздъ, какъ степной, также образуетъ равнину. Въ Кіевской губерніи, кромѣ Полѣсья, большая равнина находится около м. Бѣлой-Церкви, ограниченная съ юга р. Росью, съ запада — р. Красною, съ востока — берегомъ р. Стугны и съ сѣвера с.с. Пологи и Мозепицы. Длина равнины 80,

ширина 40 верстъ. Вся южная часть Херсонской губерніи, принадлежа къ разряду степей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обширная равнина, перерѣзанная рѣками: Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ, незначительными рѣчками и болотами. Черниговская губернія хотя сама по себѣ ровна, но—будучи покрыта большими лѣсами — имѣетъ не много равнинъ. Можно указать только на южные, степные уѣзды: Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій и частію Козелецкій, небольшія ровныя открытыя мѣста близъ г. Глухова и м. Воронежа, имѣющія каждое пространства около 130 квадр. верстъ. Сѣверные и восточные уѣзды Полтавской губерніи принадлежатъ къ степнымъ мѣстамъ, а потому тамъ находятся обширныя равнины.

Харьковская и Екатеринославская губерніи, почти безъ исключенія, составляютъ одну общую равнину, пересѣкаемую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмами, рытвинами и рѣками, имѣющими крутые и пологіе берега.

О полуостровѣ Крымѣ мы уже говорили; сѣверная же часть Таврической губерніи представляетъ степь, кончающуся около Азовскаго моря и Сивашскаго залива частію песчаными, частію глинистыми солончаками. Кромѣ отроговъ возвышенностей, проходящихъ между рѣками, Землю Войска Донскаго можно назвать равниною открытою; исключеніе составляетъ Міускій округъ, который имѣетъ мѣстность волнообразную и возвышенную.

Рѣки южнорусскаго края принадлежатъ къ бассейнамъ водъ Балтійскаго и Чернаго морей. Балтійское море не входитъ въ предѣлы нашего края, а потому займемся описаніемъ только Чернаго съ его заливомъ — Азовскимъ моремъ. *Черное море*, есть море внутреннее, имѣющее исходъ на юго-западѣ, гдѣ посредствомъ Константинопольскаго пролива оно соединяется съ Средиземнымъ. Наибольшая длина его отъ запада къ востоку 1,060 верстъ; наибольшая ширина отъ Тилигульскаго лимана до устья р. Сакарты, на Анатолійскомъ берегу,—585 верстъ. Берега Чернаго моря вообще возвышены съ востока и юго-юго-запада, и низменны съ сѣверо-запада и сѣвера, а потому это море болѣе открыто для сѣверныхъ вѣтровъ. Море имѣетъ теченіе постоянное, отъ Керченскаго пролива, по сѣвернымъ берегамъ съ востока на западъ до Одессы, а оттуда на югъ въ проливъ, куда стремится и общее теченіе моря.

Черное море острововъ (кромѣ трехъ небольшихъ) не имѣетъ. Отмели находятся только на сѣверномъ берегу между устьемъ Дуная и Перекопскимъ перешейкомъ, а также въ Керченскомъ проливѣ; а

потому плаваніе около береговъ безопаснѣе, чѣмъ въ другихъ моряхъ. Самыя сильныя бури бываютъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, при южныхъ и юго-западныхъ вѣтрахъ.

Море ежегодно замерзаетъ на мелководьи; порты же съ глубокою водою никогда не замерзаютъ. Вода въ Черномъ морѣ менѣе солона, чѣмъ въ Средиземномъ и болѣе солона, чѣмъ въ Балтійскомъ. Приливамъ и отливамъ Черное море не подвержено, за исключеніемъ тѣхъ приливовъ, которые происходятъ отъ постоянно и сильно дующихъ нѣсколько дней, съ одной стороны, вѣтровъ.

Главныя углубленія въ материкъ, на сѣверныхъ берегахъ моря, суть: *Азовское* море съ заливомъ *Сивашъ*, *Каркинитскій* заливъ, омывающій сѣверо-восточные берега Крымскаго полуострова и южный берегъ материка; западнѣе этого залива находятся другіе, образуемые лиманами рѣкъ: Днѣпра, Тилигула, Днѣстра и Кагульника. Берега Азовскаго моря вообще низменны, за исключеніемъ части южнаго берега отъ Казантинскаго мыса до входа въ Керченскій проливъ. *Сивашскій* заливъ, или *Гнилое* море, соединяется съ Азовскимъ посредствомъ Геническаго пролива, имѣетъ берега плоскіе и весьма извилистые. Длина этого моря, отъ устья р. Дона до Керченскаго пролива, равна 290, а ширина—212 верстамъ; наибольшая глубина 46 футовъ. Вода гораздо прѣснѣе воды Чернаго моря. Отъ Азовскаго моря Сивашъ отдѣляется узкою полосою земли, называемою Арабатскою косою. Проливъ имѣетъ только 45 саженъ ширины. На Сивашѣ находится множество полуострововъ, изъ которыхъ примѣчателенъ Чангаръ, соединенный съ Крымомъ посредствомъ постояннаго моста. Азовское море ежегодно замерзаетъ на полтора и два мѣсяца.

Керченскій проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, имѣетъ фарватеръ длиною въ 40 верстъ, чрезвычайно извилистъ, съ нѣсколькими песчаными отмелями и каменистыми рифами,—что при малой глубинѣ (уменьшающейся иногда до $2^1/_4$ футовъ), дѣлаетъ плаваніе кораблей весьма затруднительнымъ. Теченіе пролива—съ сѣвера на югъ; но при южныхъ продолжительныхъ вѣтрахъ оно останавливается. Проливъ начинается отъ мыса Фанаря и кончается на югѣ м. Таклынскимъ, отъ котораго берега становятся возвышеннѣе, и тамъ, гдѣ къ нимъ примыкаютъ Крымскія горы, круты и скалисты. Для укрытія судовъ отъ бурь на полуостровѣ удобны слѣдующія углубленія: *Ѳеодосійскій* заливъ,—открытъ только южнымъ вѣтрамъ и, при твердомъ грунтѣ, способенъ для якорной стоянки; *Судакскій* рейдъ

удобенъ менѣе Ѳеодосійскаго, но хорошо защищенъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ; *Ялтинскій* портъ неудобенъ, по причинѣ каменистаго грунта; *Балаклавская* гавань глубока, закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, но весьма узкій входъ (95 саженъ) представляетъ важное неудобство. На западномъ берегу Крыма въ-особенности замѣчательна *Севастопольская* бухта, длиною въ 6 верстъ, шириною до 400 саженъ; глубина бухты отъ 6 до 10 сажень при илистомъ грунтѣ. Эта бухта еще имѣетъ три небольшіе рукава, въ которыхъ суда совершенно защищены отъ западныхъ вѣтровъ, единственныхъ, волнующихъ главную Севастопольскую бухту. Послѣдняя на полуостровѣ гавань, *Эвпаторійская*, совсѣмъ неудобна для якорной стоянки по своей открытости.

Отъ Карканитскаго залива на западъ, берега Чернаго моря хотя и имѣютъ много углубленій въ материкъ, но устроить въ нихъ порты невозможно по мелководью. Отъ Перекопа до оконечности Кинбурнской косы море у береговъ мелко. Отъ этой же косы начинается обширный Днѣпровскій лиманъ, о которомъ, равно какъ и обо всѣхъ лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, мы скажемъ при описаніи рѣкъ. Берега моря отъ устья Кагальника нигдѣ не превышаютъ 30-ти саженъ, какъ напримѣръ около Одессы; въ другихъ же мѣстахъ они почти въ уровень съ моремъ и образуютъ соленыя озера, какъ пространство на югъ отъ Одессы до устья Дуная. Городъ Одесса есть единственный портъ на этомъ пространствѣ; рейдъ Одесскій открытъ для восточныхъ, сѣверо и юго-восточныхъ вѣтровъ, покрывается въ большіе морозы льдомъ, и грунтъ его состоитъ изъ клейкаго ила. — Нѣкоторые писатели прославили Черное море, какъ опасное для плаванія кораблей; но это мнѣніе не совсѣмъ справедливо, потому-что на этомъ морѣ очень мало подводныхъ камней и рифовъ; песчаныя отмели всѣ извѣстны; бури бываютъ сильны только въ извѣстноя время, т. е. въ концѣ осени, и для береговаго плаванія по берегамъ, какъ Чернаго, такъ и Азовскаго морей, устроено много маяковъ и другихъ знаковъ.

Рѣкъ, протекающихъ по странѣ, населенной южно-русскимъ народомъ и принадлежащихъ къ Балтійскому бассейну, весьма мало и всѣ онѣ суть притоки р. Вислы. *Санъ* вытекаетъ изъ горы Ширшики на сѣверъ до м. Дынова; потомъ поворачиваетъ на востокъ до г. Пржемысля, а оттуда, принявъ сѣверо-западное направленіе, впадаетъ въ Вислу между городами Завихостомъ и Сандомѣржемъ. Все теченіе простирается на 360 верстъ. Въ вершинѣ своей, Санъ

есть горный, быстрый потокъ и течетъ до Пржемысля въ узкой долинѣ и чрезвычайно извилисто до г. Ярослава, а отсюда по широкой долинѣ до своего впаденія въ Вислу. Судоходство по Сану начинается отъ Дубецка, но оно удобно только въ полноводье; внизъ спускается не болѣе 300 барокъ и 200 плотовъ. Изъ притоковъ Сана примѣчателенъ ***Вислокъ***, впадающій въ него съ лѣвой стороны ниже г. Пршеворска. Съ правой стороны при м. Улановѣ, Санъ принимаетъ сплавную р. ***Таневъ***. Санъ и Вислокъ протекаютъ по Галиціи, а Таневъ по Царству Польскому. Рѣка ***Вепржъ*** имѣетъ источники близъ м. Томашева, протекаетъ 243 версты,—сперва на сѣверъ и сѣверо-западъ, потомъ 60 верстъ на западъ, и вливается въ Вислу при кр. Иванъ-городѣ. Ширина ея, на 170 среднихъ верстахъ, до 20, у устья70 саженъ. Русло рѣки сжато берегами до Красностава, а далѣе долина ея шире и рѣка дѣлается судоходною. Кромѣ 40 различнаго рода переправъ, чрезъ р. Вепржъ, на шоссе, перекинутъ отличный ***американской*** постройки мостъ, при д. Косьмино.

Р. ***Бугъ*** (западный) получаетъ начало въ Галиціи, верстахъ въ 20 отъ г. Бродъ, изъ отрасли Карпатскихъ горъ, называемыхъ ***Недоборжецъ***. До кр. Бреста-Литовскаго течетъ на сѣверъ, потомъ на сѣверо-западъ до сліянія съ р. Пуржецъ, потомъ поворачиваетъ на западъ и при м. Сероцкѣ сливается съ р. Наревомъ, гдѣ, принявъ наименованіе ***Буго-Нарева***, впадаетъ въ Вислу при кр. Новогеоргіевскѣ. Длина его 676 верстъ, ширина средняго теченія отъ 15 до 20, а въ нижнемъ—до 100 сажень. Долина Буга только въ верховьяхъ своихъ сжата между берегами; отъ г. Бродъ она уже разширяется и становится ровною, и въ немногихъ мѣстахъ пересѣкается холмами, какъ при Устилугѣ и Городло. Отъ впаденія же въ Бугъ рѣчки Кржны долина становится низменною и болотистою. На всемъ теченіи р. Буга до м. Грана (сѣверный предѣлъ южнорусскаго населенія) можно указать только на слѣдующія возвышенныя на рѣкѣ мѣста: при м. Крыловѣ, Влодавѣ, Славатычѣ, Коденѣ—на лѣвомъ, и при м. Гранѣ — на правомъ берегу рѣки. Переправъ чрезъ Бугъ весьма много; примѣчателенъ при Брестѣ висячій, чугунный мостъ, Р. Бугъ служитъ водянымъ сообщеніемъ Балтійскаго и Чернаго морей. Съ первымъ соединяется посредствомъ Августовскаго канала и р. Нѣмана, а также и посредствомъ Вислы; со вторымъ—посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго канала и Днѣпра. До впаденія въ Бугъ Муховца, судоходству препятствуютъ мельницы и плотины, кото-

рыхъ, на указанномъ нами протяженіи, считается 52. Замѣчатетьные притоки Буга съ лѣвой стороны: *Ливецъ*, имѣетъ въ длину 98 верстъ и впадаетъ въ Бугъ въ Варшавской губерніи; *Кржна* или *Тржна*, длиною въ 88 верстъ; по ней весною сплавляютъ лѣсъ; *Гучва*, впадающая въ Бугъ ниже Грубешова, имѣетъ теченіе длиною въ 69 верстъ. Съ правой стороны, кромѣ судохдной р. *Муховца*, впадаютъ въ Бугъ двѣ сплавныя рѣки—*Неретва* и *Луг*ъ.

Обратимся теперь къ описанію замѣчательнѣйшихъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Чернаго моря. *Днѣстръ* имѣетъ источники въ $8^1/_2$ верстахъ отъ м. Турки и впадаетъ въ Черное море при Овидіополѣ, пробѣгая 1,550 верстъ, — одну треть изъ нихъ по Галиціи, а остальныя по русскимъ владѣніямъ. До м. Фельштина, въ видѣ горнаго потока, рѣка течетъ на сѣверъ, до с. Конюшки на сѣверо-востокъ, а оттуда по восточно-юго-восточному направленію до г. Ямполя, гдѣ поворачиваетъ на югъ до впаденія. Теченіе этой рѣки чрезвычайно извилисто, въ берегахъ крутыхъ, иногда возвышающихся до нѣсколькихъ сотъ футовъ. Сплавная до г. Самбора, она становится отъ него судоходною; но судоходство вообще весьма затруднительно, какъ по быстротѣ теченія, такъ и по причинѣ крутыхъ, на ней имѣющихся, поворотовъ. Поднимаются же по рѣкѣ суда на незначительное разстояніе отъ устья. При м. Ямполѣ на Днѣстрѣ находятся пороги, образовавшіеся отъ Карпатскаго гранитнаго отрога, пересѣкающаго рѣку въ этомъ мѣстѣ. Множество мелей, острововъ и полуостововъ составляютъ отличительный характеръ Днѣстра. Эти послѣдніе образуются отъ чрезвычайно изгибистаго теченія рѣки. Ширина ея весьма разнообразна: берега то съуживаются до 15, то расширяются до 200 саж. Въ Галиціи есть нѣсколько постоянныхъ мостовъ; въ русскихъ же предѣлахъ ни одного, и переправы производятся на паромахъ. Грунтъ рѣки каменистый и скалы иногда встрѣчаются на обоихъ берегахъ, какъ напримѣръ отъ Бамоса до Козлова. Выше р. Ягорлыка, Днѣстръ входитъ въ степь, и ширина его до лимана отъ 80 до 120 саженъ. Отъ г. Тирасполя долина рѣки расширяется, дѣлается болотистою и образуетъ на низменномъ берегу нѣсколько озеръ. Въ Днѣстрѣ полноводье бываетъ три раза каждое лѣто: весеннее, около Иванова дня, и около осенняго Іакова (Якуба). Днѣстровскій лиманъ имѣетъ въ длину 40, а въ ширину отъ 6 до 9 верстъ; отъ Чернаго моря лиманъ отдѣляется песчаною низменностію, соединяющею два противоположные берега узкою пересыпью. Въ обыкновенное время,

глубина его отъ $6^1/_2$ до 8 футовъ. Входъ въ лиманъ совершается съ моря двумя протоками и не затруднителенъ, потому что глубина протоковъ до 9 футовъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣстра въ Галиціи—*Стрый*, вытекаетъ съ вершины горы Пикуй и впадаетъ въ Днѣстръ съ правой стороны, при Жидачовѣ. Съ той же стороны Днѣстръ принимаетъ въ себя р. *Свинцу* и *Быстрицу*. Съ лѣвой стороны въ Днѣстръ впадаютъ, въ Галиціи: *Злота-Липа*, *Стрія*, *Середъ* и *Збручъ* или *Подгорца*; послѣдняя составляетъ пограничную черту австрійскихъ и русскихъ владѣній, протекаетъ 176 верстъ и вездѣ проходима въ бродъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроены плотины, которыхъ на рѣкѣ весьма много; р. *Смотричъ* съ высокими и скалистыми берегами, длиною въ 143 вер.; р. *Ушица*, впадающая въ Днѣстръ при мѣстечкѣ того же имени, протекаетъ 105 верстъ; р. *Мурафа* течетъ въ глубокомъ, каменистомъ корытѣ на протяженіи 145 верстъ.

Между Днѣстромъ и Бугомъ въ Черное море впадаютъ: р. *Куяльникъ; Тилигулъ*, лиманъ коего имѣетъ до 40 верстъ длины и отъ 2–хъ до 4-хъ верстъ ширины, и *Аджалыкъ*, съ лиманомъ въ 10 верстъ длины. Р. *Бугъ* (*южный*) имѣетъ источникъ на сѣверо-западѣ отъ г. Проскурова, сперва течетъ на востокъ, а потомъ на юго-востокъ до впаденія своего въ Днѣпровскій лиманъ. Длина его около 600 вер., глубина въ нижнемъ теченіи до 28 фут. Бродовъ много въ верховьяхъ; на 200 же нижнихъ верстахъ бродовъ Бугъ не имѣетъ. Ширина его весьма разнообразна: при Вознесенскѣ 70 саженъ, а 40 верстъ ниже Николаева — до 975 саж. Берега его въ Подольской губерніи большею частію примыкаютъ къ руслу рѣки, ниже Ольвіополя возвышаются до 20 саж., круты и состоятъ изъ гранитныхъ скалъ. Въ этихъ же мѣстахъ находятся и пороги. Полноводье бываетъ только весною. Судоходство по Бугу производится отъ Вознесенска до устья. Примѣчательнѣйшіе притоки р. Буга суть: р. *Волкъ* и *Бужокъ* — двѣ болотистыя рѣчки; *Ивва*, течетъ по ровной мѣстности, имѣетъ много прудовъ и заливныхъ озеръ; *Синевода* весьма быстрая въ полноводье; *Синюха* имѣетъ пороги и гранитные берега; *Ингулъ* имѣетъ начало близъ с. Сентона, теченіе его, въ 200 верстъ, съ сѣвера на югъ; ширина у устья до ста саженъ. Въ верховьяхъ рѣка имѣетъ быстрое теченіе, а при впаденіи въ Бугъ при Николаевѣ медленное. Между с. Христофоровкою и Балацкимъ, на рѣкѣ находится озеро, длиною въ 2, шириною въ $1^1/_2$ версты.

Р. *Днѣпръ* имѣетъ источники въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи проходитъ чрезъ Могилевскую, Минскую, Черниговскую, Полтавскую, Кіевскую, Херсонскую и Екатеринославскую губерніи и имѣетъ всего протяженія около 2,000 верстъ. До г. Копыса, Днѣпръ течетъ въ тѣсныхъ и открытыхъ берегахъ, а оттуда долина расширяется отъ 1 до 6 верстъ; нагорные берега его большею частію круты, но противъ сліянія Припети берега плоски и покрыты лѣсами. Отъ Кіева до Кременчуга Днѣпръ усѣянъ песчаными отмелями, перемѣняющимися ежегодно. Около г. Черкассъ и Чигирина и с. Мошны видно прежнее русло Днѣпра. Отъ Кіева почти до самаго устья правый берегъ Днѣпра выше лѣваго. При впаденіи Самары лѣвый далеко отходитъ отъ русла. Ниже Екатеринослава оба берега составляютъ отвѣсныя, высокія скалы (до 35 саж.), гдѣ рѣка пересѣчена порогами. Отъ Александровска лѣвый берегъ дѣлается низменнымъ и болотистымъ, а правый — нагорнымъ, доходитъ до р. Базавлука и потомъ понижается. Въ 12-ти верстахъ ниже Екатеринослава начинаются пороги, тянущіеся по Днѣпру на $65^1/_2$ верстъ. Пороговъ считается 13, но главнѣйшихъ, опасныхъ для судовъ, спускающихся по Днѣпру, 9-ть: 1) *Старокайдацкій*, на 150 саженяхъ имѣетъ паденія 8 футовъ. 2) *Сурскій*, при впаденіи р. Суры, имѣетъ двѣ каменныя поперечныя гряды; длина порога 120 саж., паденія 3 фут. 6 дюймовъ. Сурскій порогъ лежитъ отъ перваго въ 7 вер. 3) *Лоханскій*, одинъ изъ опаснѣйшихъ; на серединѣ три гранитныхъ острова. Онъ начинается въ полуверстѣ отъ Сурскаго и на 200 саж. длины имѣетъ паденія 86 ф. и 2 дюйм. 4) Въ разстояніи 5 верстъ, начинается порогъ *Звонецкій*, длиною во 125 саж., паденія 4 ф. 9 дюйм. 5) *Ненасытенскій*, самый опасный изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ; онъ удаленъ на 6 верстъ отъ предъидущаго. Гряды подводныхъ и надводныхъ камней, косвенное съ одного берега на другой теченіе, и въ особенности одна пучина, называемая *адомъ*, при малѣйшей неосторожности въ управленіи и при боковомъ вѣтрѣ губятъ суда мгновенно. Длина порога 643 саж., паденія 24 саж. 3 дюйма. 6) Ниже на разстояніи 13 верстъ лежитъ *Волнинскій* порогъ, длиною въ 150 саж., паденія 5 ф. 7 дюймовъ. 7) *Будиловскій* въ 5 вер. отъ предъидущаго, длиною во 100 саж., паденіе 4 ф. 10 дюйм. 8) Въ 14 верстахъ отъ этого находится *Лишній* порогъ, длина его 150 саж., паденіе 3 фут. 5 дюйм. и 9) *Вильный* порогъ, чрезвычайно извилистый, проходитъ по гранитному грунту, со множествомъ острововъ'

лежитъ въ $5^1/_2$ верстахъ отъ предъидущаго. Длина порога 450 саж., паденіе въ 1 саж. 11 дюймовъ. Паденіе всѣхъ же пороговъ, на разстояніи $65^1/_2$ верстъ, составляетъ 22 саж. и 1 фут. За порогами Днѣпръ принимаетъ медленное теченіе и далѣе образуетъ много рукавовъ. При устьяхъ Буга и Днѣпра находится *Днѣпровскій лиманъ*, имѣющій въ длину съ востока на западъ 60 верстъ, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ 15 верстъ, съуживаясь у моря до 5-ти. Вдоль обоихъ береговъ тянутся мели, между которыми три прохода въ море, отъ 25 до 45 футовъ глубиною. Фарватеръ расчищенъ до 140 саженъ ширины и до 22 футовъ глубины. Днѣпръ вливается въ лиманъ шестью рукавами, или гирлами, изъ коихъ *Бѣлогрудовскій* считается для судоходства лучшимъ. Говоря вообще о судоходствѣ Днѣпра, нельзя назвать его удовлетворительнымъ, по причинѣ отмелей перемѣняющагося русла рѣки и описанныхъ выше пороговъ. Постоянное же судоходство существуетъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ, отъ Кременчуга до Шклова, и отъ моря до Херсона и нѣсколько выше. Сверху же внизъ по теченію, пользуясь весеннимъ полноводьемъ, суда ходятъ отъ г. Дорогобужа до самаго моря. Изъ притоковъ Днѣпра мы укажемъ только на примѣчательнѣйшіе, протекающіе по странѣ, населенной Украинцами.

Съ правой стороны, Днѣпръ принимаетъ *Березину*, имѣющую источники въ м. Докшицахъ Минской губерніи; она протекаетъ по этой губерніи 310 верстъ, а по Могилевской только 4 версты и при г. Рогачевѣ сливается съ Днѣпромъ. Березина входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Западною Двиною, посредствомъ *Березинскаго* канала, (прокопаннаго на $7^3/_4$ верстахъ) между озерами *Плавіо* и *Берештою;* изъ Плавіо въ озеро Манецъ, а оттуда въ р. Сергутъ — притокъ Березины, изъ Бересты въ р. Берешту, потомъ въ Эссу, въ Лепельское озеро и оттуда въ р. Уллу, впадающую въ Двину. Рѣка *Припять* (Припеть) вытекаетъ изъ болотъ и озеръ близъ м. Шацка и направляется на востокъ до г. Мозыря 360 в., потомъ на юго-востокъ до впаденія въ Днѣпръ (120 верстъ). Припеть получаетъ свое названіе при соединеніи рѣкъ: Пины, Ясёльды и Стыри, откуда она становится судоходною. Берега ея низменны, неопредѣленны, болотисты и покрыты лѣсами и кустарниками. Глубина ея лѣтомъ отъ 5 до 10 фут. Весною разливается рѣка на значительное пространство, въ иныхъ мѣстахъ до 20 верстъ. Единственное исключеніе въ низменности береговъ составляетъ правый

берегъ около г. Мозыря, который возвышенъ и скалистъ. Теченіе рѣки весьма медленно, и во время полноводья, для указанія пути судамъ, надобно фарватеръ обозначать вѣхами. Припеть также входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Вислою и Нѣманомъ. Съ Вислою Припеть соединяется посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго (Королевскаго) канала, проведеннаго между р. Пиною (притокъ Припети) и р. Мухавцемъ (притокъ Буга). Изъ Припети въ Нѣманъ суда поднимаются по Ясёльдѣ, Огинскому каналу въ р. Щару, которая впадаетъ въ Нѣманъ. Съ правой, т. е. съ южной стороны, въ Припеть впадаютъ слѣдующія рѣки: *Стырь*, начало которой въ Галиціи, протекаетъ 425 верстъ; ширина отъ 15 до 30 саж.; нижнее же теченіе во всемъ подобно р. Припети; а южнѣе есть берега возвышенные и крутые, какъ напримѣръ, между с. Вербяевымъ и Мстишиномъ. Общее паденіе рѣки отъ 4 до 6 дюймовъ на версту. Хотя рѣка Стырь считается сплавною, но по ней, при небольшомъ исправленіи бичевника и нѣкоторыхъ отмелей, могли бы суда подниматься и вверхъ по теченію. Р. *Иква*, притокъ Стыри съ правой стороны, длиною 150 верстъ; по ней сплавляются плоты. *Горынь* имѣетъ источники на югѣ Волынской губерніи, судоходна на 537 верстъ. *Случь* вытекаетъ изъ Староконстантиновскаго уѣзда и, пройдя 400 верстъ, впадаетъ въ Горынь. По Случу весною сплавляются внизъ плоты. *Стоходъ* — болотистая рѣка, притокъ Припети. *Тетеревъ*, источники котораго около м. Янушполя, вливается въ Днѣпръ близъ с. Пилявы. По рѣкѣ этой сплавляется внизъ болѣе 800 плотовъ. Р. *Рось* течетъ изъ Бердичевскаго уѣзда весьма быстро, имѣетъ утесистые берега. Эта рѣка несудоходна, но, по обилію воды, на ней много устроено мельницъ и вододѣйствующихъ фабрикъ. *Тясминъ* впадаетъ въ Днѣпръ при Новогеоргіевскѣ; это довольно быстрая рѣка во время весеннихъ разливовъ. *Ингулецъ* беретъ начало изъ мѣстности Александрійскаго уѣзда (Херс. губ.), называемой *Чернымъ лѣсомъ* и верстахъ въ 15 отъ Херсона вливается въ Днѣпръ. Правый берегъ рѣки этой крутъ, обрывистъ и во многихъ мѣстахъ каменистъ, а лѣвый — отлогій; при устьи оба берега низменны, болотисты и поросли камышемъ. Ингулецъ имѣетъ въ длину 320 вер. а ширины 30 саженъ; онъ не судоходенъ, по причинѣ запрудъ.

По лѣвую сторону въ Днѣпръ вливаются: *Сожь*, вытекаетъ изъ Смоленской губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ у м. Лоева, на границѣ Могилевской, Черниговской и Минской губерній. Длина ея болѣе 300

верстъ; ширина въ нижнемъ теченіи до 40, а глубина отъ г. Чирикова внизъ — до 2 саж. Долина рѣки широкая, въ иныхъ мѣстахъ до 4-хъ верстъ и весною затопляется; берега круты и возвышены, правый выше лѣваго. *Сожь* становится сплавною отъ м. Кричева, а ниже — и судоходна. *Десна* имѣетъ источники въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи и сливается съ Днѣпромъ въ 10 верстахъ выше Кіева. Въ обыкновенное время ширина ея отъ 12 до 70 саж. Берега Десны вообще пологи, крутые встрѣчаются рѣдко; правый господствуетъ надъ лѣвымъ. Судоходною рѣка становится отъ г. Брянска, вверхъ же по Деснѣ ходитъ только небольшое число судовъ съ солью. Важный притокъ Десны—*Сеймъ*—имѣетъ нѣсколько шлюзовъ, посредствомъ которыхъ нѣсколько десятковъ судовъ спускается внизъ по рѣкѣ. *Трубежъ* сливается съ Днѣпромъ близъ Переяславля. Р. *Сула* имѣетъ начало въ Харьковской губерніи и вливается въ Днѣпръ при м. Чигринъ-Дуброва; Сула течетъ по широкой долинѣ. *Псёлъ* выходитъ изъ Курской губ., имѣетъ большею частію возвышенные и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистые берега; рѣка могла бы быть судоходною по причинѣ глубины ея — отъ 2 до 3-хъ саж. Псёлъ извѣстенъ своею живописностью. *Ворскла* впадаетъ въ Днѣпръ близъ м. Переволочны; правый берегъ ея возвышенъ, иногда обрывистъ, лѣвый — пологій; глубина отъ 4-хъ футовъ до 2-хъ саж. *Орель*, составляющая границу Полтавской и Екатеринославской губерній и впадаетъ въ Днѣпръ при м. Орликѣ, гдѣ берега рѣки усѣяны гранитными отломками. Р. *Самара* вытекаетъ изъ Харьковской губерніи въ Изюмскомъ уѣздѣ, впадаетъ въ Днѣпръ при с. Михайловкѣ и м. Игрени, противъ Екатеринослава, имѣя въ длину 200 вер. Правый берегъ рѣки почти вездѣ выше лѣваго, но лѣвый круче; въ верхнемъ теченіи берега пологи. Глубина рѣки отъ 1 аршина до 4 саж., ширина доходитъ до 100 саж. Самара судоходна на незначительномъ разстояніи. Притокъ Самары—р. *Волчья*—не уступаетъ ей въ протяженіи; на ней устроено много мельницъ. Р. *Конская* или *Конка* замѣчательна медленнымъ теченіемъ, въ особенности въ нижнихъ частяхъ; длина ея 160 верстъ. Рѣка *Молочная*, впадающая въ озеро Молочное, съ притокомъ Токмакомъ, маловодная рѣка, хотя теченіе ея простирается на 120 верстъ.

Въ Азовское море впадаютъ: р. *Кальміусъ*; беретъ начало въ с. Яковлевкѣ, Бахмутскаго уѣзда, течетъ на протяженіи 150 верстъ и впадаетъ въ море при г. Маріуполѣ; судоходенъ только на 6 верстъ отъ устья. Р. *Міусъ* при впаденіи своемъ въ море образуетъ лиманъ, имѣющій до

30 верстъ длины и до 3 верстъ ширины. Р. *Донъ* вытекаетъ въ Тульской губерніи изъ Ивановскаго озера и проходитъ Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую губерніи и Землю Войска Донскаго и впадаетъ въ море при г. Азовѣ. Длина Дона около 1,500 верстъ. При входѣ въ Донскую Землю онъ имѣетъ ширины 100 саженъ, а при устьѣ 260; глубина не превышаетъ 10 саженъ. Въ полноводье Донъ вполнѣ судоходенъ отъ впаденія въ него Воронежа и выше. На рѣкѣ, впрочемъ, много отмелей, которыя измѣняютъ ежегодно свое положеніе. Донъ соединяется съ моремъ 30 рукавами (гирлами); изъ нихъ только по тремъ проходятъ суда: по *Мертвому Донцу*, *Каланчь* и *Донскому-гирлу*; еще слѣдуетъ указать на рукавъ *Южный Аксай*, который служитъ сообщеніемъ Ново-Черкаска съ Дономъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, правые берега рѣки выше лѣвыхъ. Съ лѣвой стороны Донъ принимаетъ въ себя: р. *Воронежъ*, вытекающую изъ Рязанской губерніи и впадающую въ Донъ ниже г. Воронежа въ 16 верстахъ. Въ Тамбовской губерніи эта рѣка плавная, въ Воронежской же судоходна. *Битюгъ*, имѣетъ протяженіе до 200 верстъ, ширина отъ 5 до 10 саженъ; рѣка проходитъ чрезъ *Черкаское* озеро. Р. *Хоперъ*, имѣетъ источники на границѣ Пензенской и Саратовской губерніи; всего теченія имѣетъ до 500 верстъ; сплавъ на немъ бываетъ только весною. *Медвѣдица* беретъ начало въ Саратовской губерніи и впадаетъ въ Донъ у Спасова монастыря. Теченіе рѣки медленное, берега возвышенные, судоходство бываетъ по низовьямъ весною. *Иловля* весьма излучиста и мелководна. *Манычъ* сливается съ Дономъ при Манычской станицѣ. Составленная изъ непрерывнаго почти ряда озеръ, рѣка имѣетъ теченіе только при устьѣ, а потому предположеніе о соединеніи Азовскаго съ Кайспійскомъ моремъ не только возможно посредствомъ Маныча, но и не потребуетъ большихъ издержекъ. Съ правой стороны Донъ имѣетъ слѣдующіе притоки: въ верховьяхъ можно указать только на сплавную рѣку *Сосну*; на Землѣ же Войска Донскаго, Донъ принимаетъ въ себя р. *Сѣверный Донецъ*, который беретъ начало въ Карачевскомъ уѣздѣ Курской губерніи и впадаетъ въ Донъ при Кочетовской станицѣ. Имѣя глубину не менѣе $3^1/_2$ футовъ, Донецъ могъ бы быть судоходенъ на протяженіи болѣе 500 верстъ. Берега во многихъ мѣстахъ скалисты, возвышаются надъ уровнемъ воды отъ 10 до 20 саженъ, вообще же правый берегъ выше лѣваго, который въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ низменныя пространства. Судоходству по рѣкѣ препятствуютъ устроенные въ верхнихъ и среднихъ частяхъ ея плотины и запруды. Впрочемъ, въ Изюмѣ строятся суда и спускаются внизъ до Ростова

Важнѣйшій притокъ Донца—р. *Осколъ* вытекаетъ изъ Тимскаго уѣзда, Курской губерніи и сливается съ Донцомъ въ 12 верстахъ отъ Изюма.

Всѣ рѣки Земли Черноморскаго войска берутъ начало на юго-востокѣ, не далеко отъ р. *Кубани* и впадаютъ въ Азовское море. Медленное теченіе рѣкъ, какъ напримѣръ—*Челбаса*, *Бейсука* и *Заразной*, есть главное ихъ отличіе, а судоходство, по малой промышленности края, почти не существуетъ. Р. *Кубань*, составляя южную границу Земли Черноморскаго войска, имѣетъ источники на горѣ Эльбрусъ и соединяется многими рукавами съ Азовскимъ моремъ. На востокѣ Черноморской земли Кубань имѣетъ правый берегъ возвышенный, при устьѣ же оба берега низменны, покрыты болотами и камышемъ.

Рѣки Таврическаго полуострова весьма не велики. Укажемъ ихъ: *Салгиръ*, источникъ котораго у подошвы Чатыръ-Дага, а устье близъ деревни Шимкой, гдѣ онъ впадаетъ въ Сивашъ. Длина его 140 верстъ, но лѣтомъ, въ верховьяхъ, Салгиръ на пересыхаетъ. Принявъ въ себя р. *Біюкъ-карасу*, Салгиръ изъ горъ вступаетъ въ степь, гдѣ также на нёмъ много бродовъ. Рѣки *Алма*, *Кача* и *Бельбекъ* или *Кабарта* вытекаютъ изъ хребта Яйлы и текутъ сперва на сѣверъ, потомъ поворачиваютъ на западъ и впадаютъ въ Черное море,—первая у мыса Лукулъ, третья у Севастопольской бухты, а вторая между устьями Алмы и Белбека.

Подробное разсмотрѣніе теченія показываетъ, что почти всѣ рѣки, лежащія на западъ отъ Днѣпра, въ верховьяхъ своихъ имѣютъ направленіе или съ юга на сѣверъ, или съ запада на востокъ и, небольшая часть — съ востока на западъ; а потому эти рѣки, описывая дугу, всѣ склоняются на югъ и впадаютъ въ Черное море. Такое положеніе рѣкъ никакъ нельзя приписать какому либо геологическому перевороту, а скорѣе общему склону Карпатскихъ отроговъ, которые въ Галиціи имѣютъ покатость на сѣверъ, на границахъ владѣній Прусскихъ и Австрійскихъ—на сѣверо-востокъ и востокъ, и потомъ общая, почти ровная, покатость степной полосы имѣетъ склонъ на югъ. По лѣвую сторону Днѣпра текущія рѣки, почти безъ исключенія, имѣютъ правые берега выше лѣвыхъ.

Значительныхъ *озеръ* въ Ю.—русскомъ краѣ нѣтъ; въ Галиціи на всѣхъ рѣкахъ дѣлаются запруды, въ которыхъ сберегается рѣчная рыба для употребленія. Въ сѣверной части Люблинской губерніи много небольшихъ озеръ, но они не заслуживаютъ вниманія, потому что самое большое изъ нихъ—*Ставъ Вельско-Семенскій* въ ширину не имѣетъ и $1^1/_2$ еврсты, при длинѣ въ $5^1/_2$ верстъ. На долинѣ р. Припети число озеръ.

значительно; изъ нихъ, бо́льшія по пространству суть: *Князь* или *Жидъ*, Мозырскаго уѣзда, *Погосье* Пинскаго уѣза, *Свитязькое* и *Пулемецкое* Волынской губерніи. Въ нагорной полосѣ Волынской, Подольской, Кіевской и Херсонской губерній озеръ совсѣмъ нѣтъ, но зато на каждой рѣкѣ встрѣчаются запруды, какъ для вододѣйствующихъ фабрикъ и мельницъ, такъ и для храненія рыбы. По долинѣ Днѣпра, на тѣхъ мѣстахъ, которыя заливаются водою, находятся озера, но какъ они ежегодно измѣняются, то многія изъ нихъ не имѣютъ даже названій. Въ долинѣ же нижняго Днѣпра, постоянныя заливныя озера, хотя и имѣютъ названія, но по малости своей не заслуживаютъ вниманія. Озера, составляющія богатство страны, суть соленыя: они снабжаютъ солью даже сѣверныя мѣстности Южнорусскаго края. *Тузла* отдѣляется отъ Чернаго моря пересыпью; *Аджиполь* или *Горькое*; оба находятся въ Одесскомъ уѣздѣ. Озеро *Лонго*, въ г. Новомиргородѣ, съ соленою минеральною водою. Въ Таврической губерніи наибольшее число озеръ; изъ нихъ примѣчательны: *Молочное*, длиною въ 30, шириною отъ 6 до 8 верстъ; вода въ немъ мало-солона. *Бердянское*, образуемое р. Бердою, какъ лиманъ ея; имѣетъ длины 8, ширины до 3 верстъ. По Кинбургской косѣ раскинуто до 180 озеръ. Семь озеръ находится въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, четыре въ Днѣпровскомъ; изъ всѣхъ добывается поваренная соль. Близъ Геническаго пролива два соленыя озера: *Геническое* и *Аверьяновское*. Въ Перекопской дистанціи: *Старое* озеро имѣетъ въ окружности болѣе 14 верстъ; въ немъ добывается отличная соль. *Красное* озеро, въ окружности до 33 верстъ, даетъ соли около трехъ милліоновъ пудовъ. По бѣлизнѣ и легкости лучшая соль добывается изъ *Кіятскаго* озера. Во внутреннихъ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской и Харьковской находятся небольшія озера; но можно упомянуть только объ озерѣ *Лиманъ* (Зміевскаго уѣзда, Харьковской губ.), имѣющемъ въ длину 7, а въ ширину 3 версты; вода въ немъ горько-солонцеватая, и объ *Моисѣевскомъ* (въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.), которое постоянно увеличивается. Въ Землѣ ВойскаДонскаго всѣ озера лежатъ на заливныхъ долинахъ большихъ рѣкъ; ихъ считается болѣе тысячи, но они не важны ни по обширности, ни въ промышленномъ отношеніи (1).

(*Продолженіе впредь*).

(1) Названія мѣстностей, въ этой статьѣ, бо́льшею частію, не народныя. Мы были бы весьма благодарны за сообщеніе въ «Основу» мѣстныхъ названій, — чего мы прежде всего ожидаемъ отъ людей, живущихъ въ окрестностяхъ упомянутыхъ мѣстъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

II.

Рисунокъ IV — представляетъ *бабу́сю въ намитк҃ѣ и свиткѣ*; гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который снялъ его съ натуры, въ селѣ Вереміевкѣ, Полтавской губерніи. Свитка—бѣлая, сапоги—двухъ цвѣтовъ: голенища—желтыя, а низъ—черный. Тамъ, гдѣ носятъ цвѣтные сапоги, почти всегда—у старухъ сапоги желтые, а у дѣвушекъ—красные.

Кому не извѣстны украинскіе *бандуристы, кобзари*? Кто не видѣлъ ихъ, живя въ Малороссіи? Эти поэтическія личности, бродящія по свѣту—прямые наслѣдники Бояновъ и Гомеровъ,—это воплощенная дума — пѣснь и исторія народа. Самое достойное и поэтическое мѣсто въ народной украинской жизни принадлежитъ бандуристамъ. Они одушевляютъ своей игрой сходку, свадьбу, ярмарку; разгоняютъ *тугу* зажурившагося *дiда*, учатъ молодое поколѣніе старинѣ и внушаютъ любовь къ тѣмъ могучимъ руинамъ, которыя заростаютъ мхомъ и пшеницей.—Мнѣ попадались бандуристы двухъ родовъ:—у однихъ преобладала печаль, доброта, мягкость,—въ другихъ я встрѣчалъ крутой нравъ, жесткую, суровую рѣчь. Тѣ, которые думаютъ, что узнали кобзарей наблюдая ихъ только на улицѣ, знаютъ ихъ мало, хотя и больше тѣхъ, которые иногда заставляютъ спѣть бандуриста за деньги. Чтобъ имѣть понятіе о бандуристѣ болѣе полное, надо съ нимъ познакомиться ближе, пріобрѣсть довѣріе его, сдружиться съ нимъ. Образъ жизни имѣетъ на нихъ, какъ и на каждаго, сильное вліяніе. Вліяніе это не только внутреннее, но и внѣшнее: рѣчь бандуриста не та, что́ у простаго селянина; руки его можно отличить межъ сотней пахарскихъ рукъ; игра развила ихъ и онѣ деликатны, тогда какъ пахарю плугъ натеръ мозо-

ли. Часто, во–время пѣнія, выраженіе кобзаря бываетъ вдохновенно, нѣжно; ему знакома трудовая жизнь и вся поэзія народа; онъ знаетъ цѣну поэзіи; она его кормитъ, она ему и мила и доходна.

Я никогда не могъ равнодушно слушать бандуристовъ: они сразу были мнѣ по сердцу и я полюбилъ ихъ съ ихъ рубищемъ, съ ихъ слѣпотой, съ ихъ бродячей пѣснью. Въ первый разъ мнѣ случилось видѣть и слышать бандуриста въ мѣстечкѣ *Сѣдневъ*, Черниговскаго уѣзда. Слѣпой, онъ шелъ на ярмарку; я остановилъ его на перепутьи, чтобъ его послушать,—зазвалъ къ себѣ и начертилъ его портретъ, какъ могъ. Выраженіе его лица особенно меня удивляло своею вдохновенностью и идеальностью.—Прилагаемый рисунокъ (V) представляетъ именно этого бандуриста, съ поводиремъ, у меня въ комнатѣ.

Левъ Жемчужниковъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ (1)

(отъ директора Земледѣльческой Школы и редактора журнала «Сельское Хозяйство»).

Два года тому назадъ былъ изданъ мною «Ботаническій Словарь» или собраніе названій, какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растеній на языкахъ латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными инородцами, живущими въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Первоначальною цѣлію этого труда, изданнаго первымъ изданіемъ

---

(1) Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ *Приглашеніе* автора извѣстнаго *Ботаническаго Словаря, Н. Ив. Анненкова*, въ «Основѣ», гдѣ было уже указано на важность изученія народной ботаники (*О естествознаніи на Русскомъ Югѣ. Основа, февраль*), и душевно желаемъ, чтобы новое обращеніе къ просвѣщенному содѣйствію нашихъ читателей и читательницъ увѣнчалось успѣхомъ. *Приглашеніе* придетъ на Югъ во время собиранія ягодъ, грибовъ, травъ, хлѣбовъ и проч., — когда грамотные чаще обыкновеннаго сходятся съ простымъ народомъ, — когда самъ-собою открывается сподручный, богатѣйшій источникъ народныхъ преданій, опытовъ, наблюденій, повѣрій, примѣтъ и названій, относящихся къ растительному міру. — Разные обычаи, которыми сопровождаются лѣтніе сельскіе праздники, украшеніе жилищъ травами и цвѣтами, лекарственные запасы, и т. д. представляютъ удобный случай для собиранія матеріяловъ народной ботаники.—Вспомнимъ, при этомъ, охотниковъ, рыбаковъ, пастуховъ, красильщиковъ, маляровъ, бабокъ, костоправовъ, знахарей и знахарокъ, отъ которыхъ также можно добыть драгоцѣнныя для ботаники и этнографіи свѣдѣнія. — Занятіе, къ которому мы приглашаемъ всѣхъ, чрезвычайно пріятно, вовсе не трудно и неизмѣримо-полезно: знакомство съ внутреннею жизнью народа, съ его вѣковымъ опытомъ, своеобразными вѣрованіями и понятіями, открываетъ намъ новый міръ, котораго мы, не смотря на такое близкое сосѣдство, и не подозрѣвали... Знаменитый Мишлé говоритъ, что «польза, поучительность, пріобрѣтаемая нами отъ разумнаго сближенія съ народомъ, равняется той, которую доставляетъ намъ знакомство генія». Мы, грамотные до-сихъ-поръ еще, ксожалѣнію, не привыкли такъ думать. *Ред.*

подъ именемъ: «Простонародныя названія русскихъ растеній», было желаніе доставить возможность понять русскія мѣстныя названія и опредѣлить ихъ латинское наименованіе. При второмъ изданіи, значеніе это было расширено и Ботаническому Словарю было дано уже назначеніе болѣе обширное—служить вообще пособіемъ при чтеніи сочиненій о растеніяхъ, будутъ ли онѣ писаны по русски, французски, нѣмецки или латински. Трудъ этотъ состоитъ нынѣ изъ списка латинскихъ названій растеній въ алфавитномъ порядкѣ. Латинскія названія приняты самыя общеупотребительныя при настоящемъ состояніи науки. При каждомъ названіи растенія, приведены его русскія мѣстныя, простонародныя, названія съ указаніемъ мѣстностей, въ которыхъ употребительны они, имени лица, сообщившаго ихъ, или сочиненія, въ которомъ они обнародованы. Далѣе, приведены французскія и нѣмецкія названія этого растенія, заимствованныя изъ лучшихъ ботаническихъ сочиненій и, наконецъ, названія на языкахъ различныхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, какъ-то: татаръ, финновъ, мордвы, черемисъ, чувашъ, эстоновъ, остяковъ, вотяковъ, тунгузовъ, армянъ, грузинъ и т. д.

Кромѣ того, приведены фармацевтическія названія растеній врачебныхъ и главнѣйшая синонимія растеній, получившихъ въ послѣднее время, въ наукѣ, новыя названія.

Со времени изданія этого словаря, я имѣлъ случай собрать еще множество новыхъ матеріаловъ, которые увеличиваютъ сумму изданныхъ названій, можетъ-быть вдвое, но тѣмъ-не-менѣе я совершенно далекъ отъ мысли, что мною исчерпано все. Зная по опыту, что пополненія подобнаго рода изданія совершаются медленно и только при содѣйствіи многихъ сотрудниковъ, проживающихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи,—я обращаюсь ко всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ журнала «Основы» съ моей покорнѣйшей просьбой—оказать содѣйствіе къ возможному пополненію изданнаго мною Ботаническаго Словаря сообщеніемъ:

1) всѣхъ мѣстныхъ простонародныхъ названій растеній, на какомъ бы то ни было нарѣчіи, съ указаніемъ, если возможно, свойствъ, употребленія растеній и, вообще, тѣхъ данныхъ, которыя заставили простолюдина обратить вниманіе на растеніе и дать ему имя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу сообщить существующій выговоръ названія принятыми знаками ударенія;

2) всѣхъ названій на языкахъ различныхъ народовъ, живущихъ

въ Россіи. На эту просьбу прошу обратить особенное вниманіе. Большая часть нашихъ иноплеменниковъ, особенно тѣхъ, которые живутъ въ Сибири, на Кавказѣ и Восточной Россіи, находясь вдали отъ сношенія съ другими народами, и не будучи знакомы съ научной стороной цивилизаціи, естественнымъ—образомъ должны обратиться къ природѣ для отысканія въ ней удовлетворенія своихъ нуждъ въ практической жизни, и путемъ опыта и наблюденія изучить пользу или вредъ различныхъ растеній. Отъ этого, собраніе названій растеній, даваемыхъ этими народами, имѣетъ для насъ интересъ изслѣдованія; и я покорнѣйше прошу—вмѣстѣ съ названіемъ растенія сообщить, буде возможно, значеніе этого названія по—русски, не говоря уже, что знаніе свойствъ и употребленія этихъ растеній, у различныхъ туземцевъ, было бы въ высшей степени любопытно. Здѣсь также прошу обратить вниманіе на способъ выговариванія инородческихъ названій;

3) указанія на неправильности и ошибки, вкравшіяся въ нынѣ изданное сочиненіе.

4) Имѣя въ виду—въ слѣдующее изданіе Ботаническаго Словаря ввести названія отдѣльныхъ частей растенія, я при этомъ покорнѣйше прошу обратить вниманіе на существующія простонародныя названія этихъ частей, которыя, вѣроятно, не всегда одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ и, что всего замѣчательнѣе, вѣроятно, не всегда совпадаютъ съ названіями, принятыми въ наукѣ. Это вопросъ тоже важный. Мы говоримъ — вѣнчикъ, чашечка, прицвѣтникъ и т. д., а народъ, можетъ—быть, называетъ эти части иначе.

5) Всѣ другія свѣдѣнія и пополненія будутъ приняты съ особенной благодарностью.

Всѣхъ, желающихъ оказать мнѣ услугу сообщеніемъ просимыхъ мною свѣдѣній, я покорнѣйше прошу адресовать свои письма по слѣдующему адресу: *въ Москву, въ домъ Земледѣльческой школы, Николаю Ивановичу Анненкову.*

Вслучаѣ затрудненія, какъ назвать по-латыни то растеніе, котораго извѣстно мѣстное, простонародное, русское или инородческое, названіе, я прошу присылать мнѣ экземпляры самого растенія въ засушенномъ видѣ. Всѣ издержки переписки и пересылки я съ удовольствіемъ принимаю на свой счетъ, высоко цѣня одно участіе къ общеполезному дѣлу.

Н. Анненковъ.

ВІСТІ.

Изъ г. Ромна (Полт. губ).

(3 марта, 1861).

Маслянская роменская ярмака. Маслянская ярмарка, по результатамъ своимъ, плоха. Обыкновенно, эта ярмарка всегда начиналась съ 15 февраля и длилась до 1 марта, а теперь, до 22 числа, не было покупателей и, начавшись съ 22, она все таки кончилась 1 марта. Покупателей было немного, покупали мало, сбираясь на плохую торговлю по городамъ, да притомъ, по случаю дурного пути очень дороги были провозы.—Казалось бы, послѣ Крещенской (въ Харьковѣ) и контрактовъ (въ Кіевѣ), гдѣ торговали очень хорошо, слѣдовало ожидать и здѣсь хорошей торговли, но вышло совершенно иначе: въ Крещенской ярмаркѣ рѣдкій изъ торговцевъ былъ *недоволенъ* ярмаркой, а въ Маслянской рѣдкій *доволенъ*; — мануфактурщики торговалиплохо, еврейскій рядъ (галантерейный) тоже; бакалейщики и сахарники, которыхъ здѣсь было не много, тоже крѣпко жалуются.

Касательно Украинскихъ товаровъ сообщаю вамъ слѣдующее:

Воску здѣсь было до 2000 пуд.; въ началѣ ярмарки, цѣна была 22 р. 75 коп.; потомъ, по причинѣ неудобной и дорогой отправки, упала до 22 рублей.

Щетины было до 4000 пуд., цѣна—Слободской отъ 16 до 20 рублей, Рашевской—отъ 22 до 23 рублей.

Перо мелкое—$4^1/_2$ рубля за пудъ.

Пухъ—16 рублей за пудъ.

Грива—(3000 пудъ) отъ $3^1/_2$ до 4 рублей.

Заяцъ—въ заминкѣ, безъ требованія, и хотя количество было

гораздо меньшее противъ прошлаго года, именно 120 тыс.;—но за него не давали и 20 рублей—(за сотню).

Табакъ—лучшій сортъ—до 12 рублей за куль (5 пуд.); средній—до 10 рублей.—Желтыхъ тонколистыхъ табаковъ здѣсь бываетъ очень мало.—Торговля этимъ товаромъ составляетъ принадлежность Нѣжина.

Сахара рафинада было не болѣе 10 тыс. пудъ; продавали отъ 8 р. 70 к. до 7 р. 70 коп.

Песку сахарнаго привезено было около 3 тыс. пуд. Проданъ тъ 5 р. 10 к., до 5 р. 60 к.—Назывались песками при заводахъ, оно въ покупки никто не входилъ.

Теперешняя зима причинила огромныя потери и извощикамъ и хозяевамъ. Дороги, отъ большого снѣга, дотого дурны, что гдѣ было ѣзды извощику 20 дней, тамъ онъ ѣхалъ 30 и 40,—многіе извощики измучили лошадей, разбросали товаръ и «попроѣлись».—Позднія отсюда отправки табаку заставляютъ многихъ призадуматься (товаръ этотъ боится подмочки, а теперь, отъ наступившихъ оттепелей, по дорогамъ много воды). Провозы здѣсь достигли неимовѣрныхъ цѣнъ: въ Москву (разстояніе 740 верстъ) подъ табакъ и сахаръ платили 80, 90 к., рубль, съ пуда, и дороже; до Мценска подъ табакъ 40 коп.

За февраль, съ табакомъ, вышло въ Москву около 2 т. лошадей; съ сахаромъ и пескомъ около 500 лошадей; въ Мценскъ съ табакомъ до 700 лошадей. Были значительныя отправки табаку въ Ростовъ (Яросл. губ.), Калугу и Арзамасъ; главныя же отправки были въ январѣ. До Елисаветграда (на Егорьевскую ярмарку) за мануфактурный товаръ платятъ рубль съ пуда; туда требуется ежегодно около 1000 лошадей.

О. Н—ій.

Изъ с. Карабиновки,

(Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губ.).

(4 марта, 1861 г.).

Разставшись съ вами въ Петербургѣ 12 января, въ день выхода первой книжки «Основы», я, возвратившись домой, получилъ ее толь-

ко 12 февраля, т. е. ровно *чрезъ мѣсяцъ*. Я вамъ и лично жаловался на чрезвычайно позднее полученіе у насъ ежемѣсячныхъ журналовъ: вообразите себѣ, что мы до сихъ поръ еще не получили здѣсь первыхъ книжекъ ни «Отечественныхъ Записокъ», ни «Современника», которыя уже почти *шесть недѣль* какъ вышли въ Петербургѣ! Вѣдь и мы, провинціальные подписчики на столичныя періодическія изданія, имѣемъ свои права на вниманіе къ намъ гг. издателей во-первыхъ, мы доставляемъ не малую, едвали не бо́льшую, вправленіи съ столичными подписчиками, матеріальную поддержку всякихъ періодическихъ изданій; во-вторыхъ, болѣе или менѣе дальнее разстояніе отъ столицъ справедливо возбуждаетъ въ насъ и бо́льшее любопытство къ свѣжимъ новостямъ, которое жители столицъ могутъ удовлетворять та̀къ или иначе, мы же единственно посредствомъ періодическихъ изданій... Если старые журналы равнодушны въ этомъ случаѣ, не смотря на неоднократно заявлявшіяся издателямъ ихъ какъ письменно, такъ и печатно, претензіи провинціальныхъ подписчиковъ на позднее полученіе этихъ журналовъ; то вашему новому изданію въ видахъ успѣшнѣйшаго распространенія его и сугубаго интереса для провинціальныхъ подписчиковъ, которыхъ оно, конечно, имѣетъ преимущественно въ виду, не мѣшало бы подать первый примѣръ скораго и исправнаго доставленія его въ провинціи. Нѣтъ сомнѣнія, что высшее почтовое начальство, приглашающее къ обнаруживанію всякихъ неисправностей и неудобствъ для частныхъ лицъ по его вѣдомству, не откажется содѣйствовать благовременной разсылкѣ по провинціямъ періодическихъ изданій, издаваемыхъ въ столицахъ. Естественно, чѣмъ скорѣе мы будемъ получать періодическія изданія, выходящія въ столицахъ, тѣмъ быстрѣе и дѣятельнѣе можетъ быть и участіе съ нашей стороны въ нихъ—какъ кореспондентовъ и сотрудниковъ.

Этимъ самимъ я перехожу къ обѣщанію, данному мною вамъ, сообщать для вашего изданія нѣкоторыя мѣстныя свѣдѣнія... Есть пословица: «что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Вамъ извѣстна моя библіоманія; поэтому начинаю *библіографическими свѣдѣніями*, а за скудость ихъ не взыщите, по другой пословицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ».

Въ слѣдствіе вызова редакціи «Основы», спѣшу сообщить о настоящемъ состояніи книжнаго дѣла въ г. Екатеринославѣ. Въ 1859 году, напечатана въ «Библіографическихъ Запискахъ» № 18, статья

моя *объ общественной библіотекѣ и книжномъ магазинѣ въ г. Екатеринославѣ*. Въ ней было объяснено, что первоначальная формальная переписка объ учрежденіи публичной библіотеки въ г. Екатеринославѣ относится къ 1830 году; а въ 1834 г. 9, мая въ первый разъ открыта библіотека, составившаяся изъ книгъ большею—частію пожертвованныхъ, а въ теченіи времени пополнявшаяся почти исключительно періодическими изданіями, присылаемыми безденежно отъ разныхъ оффиціальныхъ редакцій. Но и эта первоначальная библіотека истреблена пожаромъ въ 1836 году, во время помѣщенія ея въ домѣ дворянскаго собранія; въ 1843 году, будучи возобновлена, она имѣла нѣкоторое время успѣхъ, но, постоянно упадая, съ 1851 г. перестала существовать вовсе. Изъ остатковъ этой библіотеки и новыхъ пріобрѣтеній, она открыта 1 сентября 1859 года и, по составленному тогда же каталогу, состояла изъ 546 сочиненій. Въ минувшемъ 1860 году она продолжала преуспѣвать, и впродолженіи года, пріобрѣтено дла нея на деньги подписчиковъ и посѣтителей 22 лучшихъ періодическихъ изданія русскихъ и иностранныхъ и 102 тома разныхъ сочиненій, такъ, что теперь бибтіотека состоитъ изъ 1552 томовъ. Въ доходъ библіотеки поступило, отъ подписчиковъ и посѣтителей, 452 руб. 70 коп. Читавшихъ въ библіотекѣ и бравшихъ книги для чтенія на домъ было 153 лица. Библіотека эта обязана своимъ существованіемъ въ настоящемъ ея видѣ г. Ульману, который завѣдываетъ также и книжнымъ магазиномъ А. А. Смирдина (сына) и комп. Магазинъ этотъ существуетъ здѣсь съ 1 сентября 1858 года. Книги въ этомъ магазинѣ продаются по петербургскимъ цѣнамъ, съ надбавкою 10%. Эта выгода могла бы значительно распространить мѣстную книжную торговлю, еслибы не препятствовала тому весьма медленная доставка книгъ посредствомъ тяжелыхъ транспортовъ, такъ—что интересующіеся свѣжими литературными новостями вынуждены выписывать книги изъ столицъ чрезъ почту: обоюдная потеря и для покупателей книгъ и для магазина! По свѣдѣніямъ отъ г. Ульмана, въ минувшемъ 1860 году продано книгъ на 4782 руб. 92 коп. Въ статьѣ «Библіографическихъ Записокъ» упоминалъ я, что главными покупателями были помѣщики; за ними слѣдовали чиновники, ученики—особенно гимназисты и мальчики изъ евреевъ, потомъ колонисты—нѣмцы, купцы и мѣщане, и, въ послѣднее время, государственные крестьяне. Больше всего распродано дѣтскихъ книгъ и учебниковъ; затѣмъ, надо назвать полныя собранія произведеній

русскихъ классиковъ,—книги, относящіяся къ сельскому хозяйству и политико-экономической дѣятельности,—далѣе, сочиненія богословскія; романовъ и повѣстей книгъ легкаго чтенія — безъ особеннаго внутренняго достоинства, почти вовсе не спрашивалось; математическія сочиненія не имѣли хода; историческія, съ народнымъ интересомъ, какъ вообще все современное, продавались тотчасъ. Екатеринославъ, не смотря на относительную свою ограниченность по пространству и народонаселенію между губернскими городами, можетъ похвалиться, что кромѣ типографіи при губернскомъ правленіи имѣетъ двѣ частныхъ типографіи съ литографіями, и одну собственно литографію. Въ типографіи губернскаго правленія напечатана «памятная книжка для Екатеринославской губерніи на 1860 годъ», заключающая въ себѣ 1) адресъ-календарь лицъ служащихъ въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, 2) статистическое обозрѣніе Екатеринославской губерніи за 1859 годъ и 3) разныя свѣдѣнія, какъ-то: о цѣнѣ гербовой бумаги, о полученіи и отправленіи почтъ въ Екатеринославской губернской почтовой конторѣ и въ почтовыхъ мѣстахъ Екатеринославской губерніи, о разстояніи отъ г. Екатеринослава до смежныхъ губернскихъ городовъ, почтовой дорожникъ Екатеринославской губерніи, свѣдѣнія о количествѣ земли и о числѣ мукомольныхъ мельницъ въ Екатеринославской губерніи, и, наконецъ, объ уѣздномъ городѣ Новомосковскѣ, или, собственно, о кожевенномъ въ немъ промыслѣ. Изданіе книги не дѣлаетъ чести губернской типографіи:—бумага и печать напоминаютъ *дѣла давно минувшихъ дней — преданья старины глубокой*. За сообщенныя же въ памятной книжкѣ свѣдѣнія нельзя не быть признательнымъ заботливости мѣстнаго начальства и не пожелать, чтобы какъ въ Екатеринославѣ, такъ и въ другихъ губернскихъ городахъ такія памятныя книжки издавались ежегодно.

Н. Мизко.

Изъ Полтавы.

(Мартъ 1861.)

I.

Полтавскіе колонисты. Болѣе 50-ти лѣтъ, какъ въ Полтавѣ поселены нѣмецкіе колонисты; но до-сихъ-поръ, кажется, объ нихъ не вспомнили ни однимъ печатнымъ словомъ, какъ-будто этихъ

полезныхъ людей и не существуетъ, или, какъ-будто совершенно нѣчего сказать объ нихъ; но стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобъ убѣдиться въ противномъ. Я представлю здѣсь лишь краткій очеркъ нашихъ колонистовъ, прося всѣхъ, кому болѣе моего извѣстно ихъ положеніе, дополнить мой очеркъ (*).

На основаніи доклада министра внутр. дѣлъ, утвержденнаго 20 іюня 1808 г., для усиленія въ Россіи сукнодѣлія, вызваны были изъ Богеміи и Моравіи суконные фабриканты и поселены: — въ Полтавѣ, 54 семейства (249 душъ обоего пола), и въ Константиноградѣ — 41 семейство (218 душъ). При поселеніи ихъ, правительство сдѣлало имъ разныя пособія: построены для нихъ на городской землѣ каменные дома; куплены, необходимые для сукнодѣлія, инструменты; для выдѣлки суконъ, на счетъ казны покупалась шерсть, а за работу, отъ штуки сукна, платилось 30 р. асс.; но кто хотѣлъ, — могъ выдѣлывать сукно въ сырцѣ (суровьѣ) и изъ собственной шерсти; за штуку такого сукна казна платила 20 р. асс. Завѣдывалъ этими фабрикантами особый инспекторъ фабрикъ. — Повидимому, благосостояніе колонистовъ было упрочено; но на дѣлѣ, оно годъ-отъ-году становилось хуже, и чрезъ 10 лѣтъ, въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 27 Декабря 1818 г. министру внут. дѣлъ, сказано: что «иностранные суконщики находятся въ разстроенномъ положеніи.» Для поправленія ихъ благосостоянія тѣмъ же указомъ повелѣно: 1) казенный долгъ съ колонистовъ сложить и не взыскивать; 2) каменные дома, въ коихъ они живутъ, предоставить имъ въ собственность и присоединить къ дому необходимую часть земли для огорода и сѣнокоса; 3) казенные инструменты для сукнодѣлія отдать тоже въ собственность; 4) выдать заимообразно изъ казны, на каждое семейство, по сто р. на три года; 5) предоставить колонистамъ учредить у себя судъ и расправу, по примѣру прочихъ иностранныхъ колонистовъ въ Россіи, съ изъятіемъ ихъ отъ управленія, доселѣ ими завѣдывавшаго; и 6) предоставить имъ свободу заниматься ремесломъ своимъ независимо отъ мѣстнаго начальства. При этомъ, колонисты поручены въ особенное попеченіе бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора, на обязанность котораго возложено приведеніе ихъ *въ лучшее устройство*. Князь Рѣпнинъ, исполняя это повелѣніе, 13 мая 1820 года издалъ особую инструкцію, по которой для управленія колони-

(*) За эти свѣдѣнія приношу благодарность г. Дробышу.

стами учреждены приказы изъ старосты и двухъ бейзицеровъ, избираемыхъ обществомъ на три года.

Но и эта мѣра не достигла своей цѣли; благосостояніе колонистовъ не улучшилось: не смотря на то, что они никакихъ, ни частныхъ, ни государственныхъ повинностей не несутъ, они все таки приходили въ бѣдность. Какая была коренная причина этого зла — трудно опредѣлить: сами колонисты находили её въ присоединеніи колоніи къ управленію государственныхъ имуществъ; сторонніе же лица причину обѣдненія видѣли въ томъ, что фабриканты продавали издѣлія свои (сукно, фланель, одѣяла, и проч.) по самымъ низкимъ цѣнамъ, нерѣдко съ убыткомъ. Какъ бы то ни было, только князь Долгоруковъ, будучи генералъ-губернаторомъ здѣшняго края, обратилъ вниманіе на бѣдное положеніе колонистовъ; и по ходатайству его, комитетъ министровъ призналъ «единственнымъ благонадежнымъ средствомъ къ улучшенію благосостоянія фабрикантовъ» выдать имъ заимообразно, изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія 40,000 р. асс. на пять лѣтъ по 6%. На это послѣдовало 4 ноября 1842 г. Высочайшее повелѣніе, съ тѣмъ, чтобы выдѣлываемое сѣрое фабричное сукно было поставляемо въ кременчугскую коммиссаріатскую коммиссію для обмундированія рекрутъ полтавской губерніи, съ платою за выдѣлку штуки сукна въ сырцѣ, мѣрою 42 аршина, 7 р. 43 к. серебр. Въ то же время, учрежденъ «особый комитетъ» для улучшенія состоянія суконныхъ фабрикантовъ. Комитетъ составляется изъ шести членовъ, избираемыхъ самимъ обществомъ изъ среды себя, подъ предсѣдательствомъ попечителя колоній, назначаемаго мѣстнымъ начальствомъ. — Въ томъ же году, 13 апрѣля, объявлено Высочайшее повелѣніе объ отчисленіи полтавскихъ колонистовъ изъ вѣдомства палаты государственныхъ имуществъ и подчиненіи ихъ общему городскому управленію.

Въ настоящее время, всѣхъ колонистовъ въ Полтавѣ считается 254, а въ Константиноградѣ 268 душъ; но межъ ними найдется не болѣе пяти-шести сколько-нибудь достаточныхъ семействъ; всѣ же прочіе въ самомъ скудномъ положеніи, хотя долгъ приказу общ. призрѣнія уже выплаченъ. — Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, зло бѣдности? Между колонистами *положительно нѣтъ* ни пьяницъ, ни воровъ, ни расточителей; всѣ они люди трудолюбивые, аккуратные; но отчего они бѣдны? отчего правительственныя пособія не улучшили ихъ состоянія? Наши нѣмцы объясняютъ это явленіе слѣд. образомъ: 42 арш.

сукна выдѣлывается, семействомъ изъ 4 душъ, въ 14 дней; при этомъ, кромѣ труда, фабрикантъ разсходуется на масло, клей, освѣщеніе, отопленіе, на починку инструментовъ, на валку, стрижку и отдѣлку сукна, да на свой счетъ укупоритъ и отвезетъ сукно въ Кременчугъ, гдѣ изъ коммисіи ему дадутъ, за каждый аршинъ, 75 к.; а съ этого не разживешься. По этому расчету выработаешъ въ сутки отъ 7 до 10 к. Развѣ можно изъ этого содержать семейство? Слава Богу, теперь долгъ казнѣ уплатили, авось поправимся!..»

Въ обѣихъ колоніяхъ, для поддержанія состарѣвшихся фабрикантовъ, заведены особыя суммы, составляемыя изъ ежегодныхъ взносовъ. Каждый мастеръ вноситъ ежегодно 10 р., подмастерья—5, а ученикъ — 1 р. ассиг.; сверхъ того, при удостоеніи въ мастера́, при выдачѣ свидѣтельства, платится, единовременно, 5 р. асс. Въ колоніяхъ находятся учители нѣмецкаго языка, обучающіе дѣтей обоего пола и содержимые на счетъ общества. Всѣ колонисты, при малѣйшихъ средствахъ, охотно отдаютъ своихъ дѣтей учиться въ городскія учебныя заведенія. Вѣроисповѣданія они частію лютеранскаго, частію римско-католическаго; въ обѣихъ колоніяхъ устроены церкви (довольно бѣдныя).

О чистотѣ, опрятности и честности колонистовъ нѣчего и говорить: сто́итъ только придти въ воскресный день въ церковь, чтобъ увидѣть, какъ эти бѣдные труженики прилично одѣты. За все существованія колоній, едва-ли между колонистами было два-три уголовныхъ преступленія, и наши присутственныя мѣста не могутъ жаловаться на обремененіе ихъ дѣлами отъ колонистовъ, или о колонистахъ... (*)

Александръ Конисскій.

II

— — — Чи воно жъ-таки до ладу́ слухать усякого *полу́панка*, якъ почне розводить—про народъ и школи? Чого вінъ не наговорить! Чижъ

(*) **Редакція весьма была бы благодарна почтенному автору за сообщеніе свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ туземцевъ — украйцевъ и поселенцевъ— нѣмцевъ; безъ-сомнѣнія, можно подмѣтить много характеристическихъ чертъ сходства и различія обоихъ племенъ.**

и міжъ ними мало такихъ, що кажуть: «судовикамъ не соромъ брать хабарі, бо имъ малѣ жалованнѣ дають;» такъ чи тожъ імъ и ймуть віри? Гай-гай! та й годі!... Нехай же наша недільня школа бувае здорова, а ми поговоримо дé-про-що инче, приміромъ: хочъ про журнали й газети.

То-рікъ у Полтавѣ получалось усіхъ московськихъ и чужеземнихъ газетъ и вістниківъ мало не 800. Ми приведемо ліку тілько такіхъ, которіхъ получалось більше 10-ти штукъ: *Московськихъ Відомостей*—45, *Сина Отечества*—43, *Современника* 36, *Петербурськихъ Відомостей* 34, *Руського Вістника* 29; *Библіóтеки для чтенія* 26; *Отечественнихъ Записокъ* 23; *Странника* 23; *Духовної Беседи*, *Вістника Министерства Юстиції и Вістника для Земледѣльцівъ по* 20; *Иллюстраціі* 18; *Нашого Времени*—17; *Народнёго Чтенія*, *Московського Вістника*, *Искри*, *Семейного Листка и Иноземніхъ романівъ*—*по* 15, *Вали* 14; *Библіотеки медицинськіхъ наукъ* 12, *Русскаго Слова* 11. Приміромъ можно класти що усіхъ газетъ и вістниківъ торікъ у Полтавѣ виписувалось на 10,000 карбованцівъ; а въ сёму року мабуть буде більше. Книжокъ то-рікъ найбільше куповали: «*Кобзаря*, *Хати*, *сочиненій Білинського и Гизо*. *Кобзаря* куповали бъ въ трое бíльшъ, колибъ бувъ дешевий; а тó—якъ-таки бíдному селянинові заплатить за книжку 2 карбóванці? Отъ колибъ найшлась добра душа, та напечатала удруге дешевого «Кобзаря», такъ би сказать не дорогше коповика, щòбъ то за добре дíло було! П. А. Кулíшъ надруковавъ у друге «Хату» да все таки не поцінно для селянъ. А скілько доводилось минí стрічать людій, котрі и проби ради бъ купити «Кобзаря,» або «Хату», та ба! у кишені пусто! и виходить, що *рада бъ мама за пана, да панъ не бере*... Намъ здаетця, пайкраще бъ було, коли бъ хто ставъ видавати для народу дешевий вістникъ на украінскій мові: изъ сёго бъ вийшла польза не тільки для селянъ, а й для всіхъ насъ; бо такимъ вістникомъ ми скорíй усёго установили бъ чисту литературню и, разомъ, народню украінську мову.

Теперъ поведемо рíчъ о *дорóгахъ*. Звíсно, що въ Полтавѣ грунтъ земли глеёватий, а черезъ тé—у весну, а особливе—осінню, по улицяхъ стоíть пекельна грязюка. Кому довóдилось íхать въ грязь у Полтаву изъ-за Ворскли, черезъ Подíлъ на гóру, той, певно, набрався доброї чиховицí що и досí памьятуе. У самому городі есть-таки улицí, вимощенí каменемъ. До 1860 року було мóщенихъ улиць, здаетця,

шість; улиці лáгодивъ нанятий Думою по *договору* Еврей Горштейнъ; та лагодивъ-то не дуже пильно: бувало, въ грязь, и на мощеній улиці ускочишъ тáкъ, що коли не колесо, то швирень лусне. Торішнёю весною, п. губернаторъ, зібравши городську громаду, сказавъ,—не хай би вона порадилась, якъ-би такъ лучче зробить, щобъ и улиці похожі були на улиці и щобъ хазяінáмъ поменьшить мостову плату. Громада нарядила одъ себе виборнихъ,—людей чеснихъ и правдивихъ; виборні перемíряли улиці и, зібравшись на раду, вищитали, що якъ будуть вони самі наймать роботниківъ лагодить улиці, то и хазяінáмъ буде легше и улиці краще можна держать. И справді, теперь улиці тіжъ сáмі, щó й були, та ізда по імъ и гéть-то краща! От-такъ и у всякому громадському ділі—треба що бъ громада не здавалась на *найминтівъ*. Коли бъ ще наша громада нарядила одъ себе виборнихъ на повірку, якъ полиціянти у темні ночі світять по улицямъ лихтарі. Не дала бъ вона и тутъ маху! Ми знаемо, що й до сёго діла старші приглядувались, тáкъ одному жъ чоловікові не розірватьця; а лихтарі придумані для всеі громади и на громадські гроши; громада и повинна сама глядіть свое добро, а коли щó найшла не тáкъ — объявить кому слідъ: — отъ и буде усе гараздъ! Ми чули що у насъ думають Городську Думу переробить по приміру петербурськоі. Нічого й говорить яка бъ одъ сёго була польза для всеі громади. Я ніякъ не візьму собі въ голову: чого тáкъ, що тільки изъ самихъ купцівъ та зъ міщанъ можна вибірати городського голову? Чому не можна настановить головою усякого розумного чоловіка, коли вінъ у гóроді мае свою осéлю? И чого се тáкъ, що головами вибірають людей—аби багатихъ, а тамъ — нехай хоть жуки гудуть у голові, коли кишеня у его повна. Хіба жъ таки у кишéні водитци розумъ? Хіба кишеня загляне уво всі народні нужді? Хіба вона ділитьця зъ біднимъ? Ні, вона буде ділитьця та не съ тимъ, кому справді треба, а.... вона знае съ кимъ....

Покиль-то ще переобразують Думу, скажемъ слово о погоді. Ні одинъ полтавський дідъ зъ 1836 року не зазнае такоі зіми, якъ була остатня. За неділю до Роздва, якъ ставъ валить снігъ, якъ стали крепить морозы, да такі що градусівъ въ 30-ть, та такечки більшъ місяця крепили. Холоднеча така була, що крий Боже! Гляпешъ—було на двіръ, та заразъ и назадъ, бо на дворі щó-дня

«Реве-стóгне хуртóвина,
Кóтить, вéрне пóлемъ»....

Черезъ такую холоднечу, топливо въ Полтавѣ дуже подорогшало: за сажінь дровъ платили карбованцівъ по 14, або й зъ половиною. Гіршъ усёго зіма далась у знаки, тимъ, у котрихъ нема своіхъ хатъ. Плата за кватирі геть-то повизшала; проізжающі платили по гостиницямъ, за одну кімнáтку, по півтора карбованця въ сутки. А спиатешъ: чомъ такъ дорого? Кажуть: — топливо дороге. Не жаль би ще плáтить, колибъ хоть хату теплу одвели, а то́ — одинъ мій приятель росказувавъ, що у гостинниці вінъ підъ двома кожухами цілісеньку нічъ дрижаки івъ. Да таки и всі хазяіни полтавскі *не вміють* поцінно наймáть кватиръ. Прійде, кажуть, Ильінскій ярмалокъ, ми свого не загубимъ. И справді, у ярмаркову пóру зъ приізжого беруть якъ за рідного батька.

Хто бувавъ объ Иллі въ Полтаві, той знае чи правду я кажу. Правда, що у насъ хозяінáмъ тільки и заробітку, що зъ кватиръ: ну, да все жъ таки, треба и честь знать....

Олександръ Переходовець.

Изъ Лубенъ (Полтавской губ.)

(21 апрѣля, 1861 г.).

Лубенская воскресная школа. Воскресная школа, объ открытіи которой мы хлопотали еще въ октябрѣ мѣсящѣ 1860 года, наконецъ, послѣ многихъ препятствій и затрудненій, встрѣчаемыхъ добрымъ дѣломъ тáмъ, гдѣ еще не всѣ сознали его необходимость, открыта въ Лубнахъ 25 марта 1861 года при лубенскомъ уѣздномъ училищѣ.

Средства школы такъ ограниченны, что мы не имѣемъ возможности поощрить учащихся предоставленіемъ имъ на домъ учебныхъ пособій, между-тѣмъ-какъ число учащихся для Лубенскаго народонаселенія, не превышающаго 4000 душъ, очень достаточно; 25 марта явилось въ воскресную школу учащихся 72, а 26 марта—77 человѣкъ; изъ этого числа было 40—ничего незнающихъ, 26—знающихъ склады, а 11—умѣющихъ читать.

Не смотря на то, что учрежденіе воскресныхъ школъ одобрено и поощряемо правительствомъ и обществомъ, отсталые люди, во что бы то ни стало, не хотятъ уступить современному направленію образованія: такъ, 9 апрѣля, въ воскресной лубенской школѣ оказалась половина только учащихся, посѣтившихъ ее въ первый разъ, по той причинѣ, что неблагонамѣренные люди увѣрили многихъ учениковъ въ томъ, что за обученіе въ воскресной школѣ будутъ впослѣдствіи налагаемы на нихъ казенныя работы!.. Ученики, посѣтившіе воскресную школу 9 апрѣля, объявили, что именно по этой причинѣ не явились дѣти мѣщанина Костырки и работники портнаго Лейзера.

Преподаваніе въ школѣ раздѣлили между собою учители Лубенскаго уѣзднаго и духовнаго училища. Блюститель школы,—онъ же первый подалъ и мысль объ ея учрежденіи,—Денисъ Дмитріевичъ Тирютинъ, кромѣ главной своей обязанности принялъ участіе и въ преподаваніи. По предложенію Дениса Дмитріевича, занятія въ школѣ распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ:

Школа раздѣляется на два класса: въ 1-мъ учатся, по группамъ, грамотѣ — ничего еще незнающіе, во 2-мъ — начинающіе и умѣющіе уже читать.

Во 2-мъ классѣ, 1 полчаса опредѣляются для чтенія,
2 » » » ариѳметики,
3 » » » русскаго письма,
4 » » » вѣроученія.

Въ первые три полу-часа преподаватели занимаются по группамъ; 9 апрѣля на каждаго преподавателя приходилось по 2 и по 3 человѣка. Старшіе ученики уѣзднаго училища помогаютъ въ преподаваніи подъ наблюденіемъ преподавателей:

Въ 1-мъ классѣ, 1 часъ опредѣляется на обученіе грамотѣ,
полчаса » изустному счисленію,
полчаса » вѣроученію.

Такое распредѣленіе оказывается очень удобнымъ.

Намъ остается теперь просить «Основу» и другіе журналы—печатно пригласить всѣхъ сочувствующихъ доброму дѣлу — помочь намъ высылкою книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Въ нашемъ народѣ, любознательности и потребности сознательнаго образованія—много; позвольте же надѣяться, что и наша школа не останется безъ отклика и участія.

Пособія для мужеской лубенской воскресной школы могутъ быть высылаемы или на имя блюстителя школы, Дениса Дмитріевича Тирютина, или на мое.

Распорядитель лубенской мужской воскресной школы,

Василій Шевичъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ф—ну Га—з—ку, въ Ніжинъ. Дýже Вамъ дя́куемъ за тéпле слóво и за «Максúма Галýзу.»

В—са—р—ну И—чу В—сю—ву, въ Уфу. Вы совершенно правы; мы искренно благодарны Вамъ за совѣтъ; постараемся исполнить его по мѣрѣ возможности. Впрочемъ, намъ слѣдуетъ дорожить лишь тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляется не подъ вліяніемъ мгновеннаго впечатлѣнія. Нашъ незабвенный поэтъ выше всего цѣнилъ искренность и постоянство.

М—д—у Г—л—чу Д—м—скому, въ Хоролъ. Гарáздъ говóрите! Вашъ листъ и стихи́ прочита́ли ми рáзъ и вдру́ге. Не забува́йте про насъ, а ми Вамъ щи́рою пра́вдою одда́чимо.

Ал—д—у П—т—п—чу К—р—т—ку, въ Екатеринославъ. Постараемся исполнить Ваше желаніе; но просимъ немного обождать. Отвѣтимъ особымъ письмомъ.

М—х—лу М—чу Л—ч—ку, въ Ананьевъ. Всѣ Ваши посылки полýчены; мы чрезвычайно признательны Вамъ за нихъ. Насъ óчень радуетъ Ваша неутомимость; отъ Вашего внимательнаго изученія мы ожидаемъ много полезнаго и весьма дорожимъ Вашимъ сотрудничествомъ.—Не забывайте писать къ намъ чаще обо всемъ, что́ вокругъ Васъ происходитъ; мы съ удовольствіемъ читали «Степныя письма».

Ан—р—ю Г—р—чу М—др—кь, въ Козелецъ и *Вл—ру Шм—ч—ку, въ Кишиневъ.* Ваши письма, съ статьями, полýчены нами съ благодарностью. Просимъ обождать окончательнаго отвѣта до слѣдующей книжки.

П—ну Га—ку, въ Москву. Багато дé-объ-чімъ треба Вамъ одписáти, да чи тóжъ лéгко вільного чáсу діждатись? Найкрáще, якъбúй Ви самі у нáшу хáту загля́нули.

М—х—лу С—пр—у, въ Воронежъ. Ваше желаніе и Вашъ

упрекъ вполнѣ справедливы; мы вѣримъ Вашему участію и отвѣчаемъ искреннею благодарностью. Мы давно сознаемъ замѣченный Вами недостатокъ, котораго никакъ не могли предвидѣть въ началѣ дѣла,— принимаемъ мѣры къ его устраненію, и надѣемся, что время, а можетъ быть и наше стараніе исправятъ его.

М—кс—му Ч—рн—у, въ Кіевѣ. Безъ сомнѣнія, будетъ напечатано, — хотя не всегда вполнѣ, — все, что Вы сообщите; возраженія могутъ найти мѣсто въ «Основѣ», если они не противорѣчатъ существеннымъ убѣжденіямъ. Ваше возраженіе съ эпиграфомъ: «правду ріжъ», тоже будетъ помѣщено, если Вы потрудитесь яснѣе высказать, развить, свои мысли. Надѣемся, «второе письмо», за которое искренно Вамъ благодарны, войдетъ въ VI книжку. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ Васъ извѣстій о многихъ явленіяхъ мѣстной общественной жизни.

Отчетъ о перевезеніи тѣла покойнаго Т. Гр. Шевченка на родину, отлагается по обстоятельствамъ, до слѣдующей книжки. Ожидаемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и представимъ свой отчетъ въ возможно-полномъ видѣ.

Послѣ Т. Гр. Шевченка здѣсь остались еще непроданными нѣкоторыя его гравюры, рисунки и рисовальныя принадлежности. Желающіе пріобрѣсти себѣ что-либо изъ этихъ предметовъ, или узнать подробности, могутъ обращаться въ квартиру *Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, домъ Воронина, въ 5-й линіи, противъ сада Академіи Художествъ.*

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́йдики бить—проводить время въ праздности, бить баклуши.

Ба́читця—кажется, видится.

Бі́дкатись — жаловаться на нужды, недостатки, неудачи.

Бла́гу́щий—умоляющій.

Бли́мать—слабо свѣтиться.

Блуди́ть—сбиться съ пути.

Бухи́кать—кашлять (густымъ кашлемъ).

Ва́лява—куча, множество (снѣгу).

Вбива́тись—жалѣть, тосковать.

Вгамува́тись—уняться, успокоиться.

Вдоволня́ти—довольствовать, удовлетворять.

Видира́ть — забирать, вытаскивать (изъ гнѣздъ и норъ дѣтенышей).

Видъ—лицо.

Витребе́ньковать — выдумывать, болтать.

Виклика́ти—вызывать.

Вогки́й—сырой, влажный.

Волочи́ть—боронить.

Га-га!—междометіе.

Гидкува́ти—брезгать.

Гнучки́й—гибкій.

Годи́нникъ—часы.

Го́ни—извѣстное разстояніе; гонями измѣряютъ вспаханное поле: «ви́оравъ го́ней зо́ дві».

Грімъ—громъ.

Гру́дочка—комочекъ.

Грядъ—градъ.

Гу́нуть—устремиться толпой; толкнуть сильно.

Гучни́й—звучный, громкій.

Дзига́рі—часы.

Ди́хать—дышать.

Ду́длить—пить съ жадностью (дуть).

Забитна́ (дорога)—занесенная (снѣгомъ дорога).

За-вітромъ—по теченію вѣтра.

Заволокти́—подернуть, затянуть.

Задріпана (оде́жа) — съ запачканнымъ въ грязь подоломъ.

За́йвий—лишній

Заморо́чить—обмануть, затуманить.

За́полочь—красныя бумажныя нитки, которыми вышиваютъ воротники и рукава рубашекъ, полотенца и другія вещи.

Захоло́нуть—застыть.

Зашамоті́ть — зашумѣть платьемъ; зашелестѣть.

Збі́то—вытоптано.

Зляка́тись—испугаться.

Змига́ть—мигать.

Зоупини́ть—удержать, остановить.

И́стикъ — деревянная, заостренная, довольно большая палка, которую (*плугата́рь* (работникъ, управляющій сохою или плугомъ) во время оранія держитъ въ рукѣ и очищаетъ ею приставшую къ плугу или сохѣ землю.

Каламу́тний —грязный, взболтанный (о водѣ и о другой жидкости).

Ке́ мині; **ке́ сюди**—подай мнѣ.

Клацъ-клацъ!—междометіе, выражающее щелканье зубами (о волкѣ).

Коверзува́ти—своенравничать, вертѣть по своему.

Ковта́ть—глотать.

Кози́рить (ушима) — насторожить (уши), прислушиваться.

Копа́—шестьдесятъ сноповъ ржи или другаго хлѣба.

Кубло́—гнѣздо.

Личко—(умен.)—лицо.

Лопъ-лопъ!—хлопъ-хлопъ! (междометіе звукоподражательное, означающее хлопанье птицъ крыльями).

Манія—привидѣніе, призракъ, фантомъ.

Маня́чить — виднѣться издали въ неопредѣленныхъ формахъ.

Ме-ме!—междометіе, обозначающее блеяніе овецъ.

Млинъ—мельница.

Му́штра—солдатское ученье.

Набро́іть — наколобродить, надѣлать безпорядку.

Навцере́йми—навстрѣчу (забѣжать кому, чтобъ задержать),

Навпро́шки — напрямикъ (о дорогѣ).

Наги́бать—набрести, найти.

Нагодува́ть—накормить.

Назо́рить—усмотрѣть, завидѣть.

Наріка́ть — роптать, обвинять.

Насти́гнуть—догонять, поспѣвать, подоспѣть.

На́ський — домашній, доморощенный.

Не-подале́ць—неподалеку.

Незабу́тний—незабвенный.

Нес-та́къ—не такъ много, не столько какъ.

Несчу́тись—не замѣтить, не опомниться; слово это происходитъ отъ гл. чуть, слышать и всегда употребляется въ отрицательной формѣ.

Не́хворощъ — artemisia campestris, L., растеніе, изъ котораго дѣлаютъ вѣники.

Ні-що́—ничто́.

Обдима́ (живітъ)—дуетъ (животъ).

Одягъ—одежда.

Ополо́нка—прорубь.

Осторонь—всторонѣ, поотдаль.

Отъ-о́тъ—вотъ-вотъ.

Па́гонці—молодые побѣги, отростки.

Перелігъ—нива, вспаханная прошлый годъ.

Перенівечить — испортить, привесть что́ въ дурное состояніе. Слово это употребляется въ рѣчи не только о вещахъ, напр. ізнівечить кожухъ (тулупъ), но и о человѣкѣ, напр. чоловіка (мужъ) ізнівечивъ жінку.

Перестрибну́ть — перепрыгнуть, перескочить.

Пита́ти—спрашивать.

Підводи́тьця—привставать.

Поверта́тьця—ворочаться (съ боку-на-бокъ).

Позаторікъ—третьяго году.

Поли́нуть—полетѣть.

Поназбіга́лись—сбѣжались, столпились.

Поскори́тьця — поторопиться, поспѣшить.

Помістъ—полъ.

Почимчику́вать — побрести, поплестись.

Почу́ть—слышать, почувствовать.

Притьмо́мъ—скоро, поспѣшно.

Прова́лля — глубокій, обрывистый оврагъ, провалъ.

Про́жогомъ—весьма быстро, стремительно, пронзительно.

Пручáтьця — высвобождаться, вырываться.

Пу́га—плеть.

Рале́ць—приношеніе должностному лицу; пану.

Розважа́ть — развлекать, успокоивать.

Рештува́ть—снаряжать.

Ру́шить—тронуть, трогать; тронуться съ мѣста.

Са́вка—Савелій.

Секле́та—Сиглитикія.

Си́ла (вовкі́въ) — множество (волковъ).

Сібі́рний (ругат. слово) — заслуживающій Сибири.

Скорбо́та—скорбь.

Слези́на—слеза.

Слопе́ць—

Сріблó—серебро.

Срібнохви́лий—Среброволный.

Ставо́къ—небольшой прудъ.

Стійло—стойло.

Стовпъ—столбъ.

Стопцёваний — истоптаный, выбитый.

Стриба́йчичокъ — **За́йчичокъ-стриба́йчичокъ** — (умен.) пригунчикъ.

Торікъ—прошлый годъ.

То́рба—мѣшокъ.

Улягáть—налегать.

Уна́дився—повадился.

Уни́шкнуть — утихнуть; присмирѣть.

Хва́брий—храбрый, бойкій.

Хихи́кать—хихикать, смѣяться.

Хля́ґа слякость.

Хо́ля—нѣга.

Хуга́ —вьюга.

Ху́рія—мятель.

Хустúця—платочекъ.

Цькува́ти—травить (собаками).

Чепі́га—одно изъ созвѣздій.

Чері́дка — свиное стадо; уменьшительное слово отъ чередá (стадо коровъ). Коровы и свиньи, возвращаясь съ поля, идутъ одна за другой, въ нѣкоторомъ порядкѣ или очереди; вѣроятно, оттого и слово чередá.

Чистобре́ха — тотъ, кто гладко вретъ.

Чми́шуть—**чми́хать** — сильно дышать (о волахъ, коровахъ).

Чо́р-зна-чого́—чортъ знаетъ чего.

Чудáсія—диво, чудо.

Шáта — одѣяніе; окладъ на образахъ.

Эге́!—**эге-ге́!**—да; э!

Яро́чокъ—небольшой оврагъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ВЫХОДѢ

ВТОРОЙ КНИЖКИ

БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

При 4-мъ нумерѣ «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», вышла 2-я книжка *Библіотеки для Дѣтскаго Чтенія*. Содержаніе ея слѣдующее:

1) Бесѣды о природѣ. (Бесѣда вторая: общія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи, съ тремя рисунками.)

2) Географія въ разсказахъ.

3) Солнце, земля и луна.

4) Секундные часы, съ 15-тью рисунками.

5) Теплая вода. Изъ Бока.

6) Лошадь. Изъ Бюффона.

7) Смерть Шевченка.

8) Украинскій козакъ въ степи. Изъ поэмы «Марія» Мальчевскаго.

При этой книжкѣ приложены: портретъ Тараса Григорьевича Шевченка, гравированный на камнѣ, и 18-ть рисунковъ (къ статьямъ 1-ой и 4-ой), гравированныхъ на деревѣ.

Подписка на «Библіотеку для Дѣтскаго Чтенія» принимается: въ Петербургѣ — въ конторѣ журнала «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова, а въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ г. Свѣшникова.

Цѣна за годовое изданіе «Библіотеки», состоящее изъ шести книгъ, *6 рублей съ пересылкой и доставкой*, а для выписывающихъ ее вмѣстѣ съ «Русскимъ Педагогическимъ Вѣстникомъ»—*5 рублей*, или за «Русскій Педагогическій Вѣстникъ и Библіотеку для Дѣтскаго Чтенія» *13 рублей*. Можно получать каждую книжку отдѣльно по 1 руб.

Для воскресныхъ школъ уступается по слѣдующей цѣнѣ: за годовое изданіе «Библіотеки»—2 руб. съ пересылкой, а отдѣльно—первая книжка по 25 коп. сер., вторая книжка по 41 к. сереб.

Редакторъ и издатель **Александръ Григоровичъ**.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Ев. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

1861

І Ю Н Ь

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XX—XXIII. Предсмертні думи, **Т. Г. Шевченка.**
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
III. Не було змалку—не буде до'станку, **А. Нечуй-вітеръ.**
IV. Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину изъ Петербурга.
V. Автобіографія Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**
VI. Замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ, **М. А. Максимовича.**
VII. Святій Вечіръ, **М. Т. Номиса.**
VIII. Письма о пчеловодствѣ, **Я. И. Костенецкаго.**
IX. О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи, **М. И. Сухомлинова.**
X. Объ ярмаркахъ (до сільскіхъ парафіянъ).
XI. Училища, образовавшіяся на югѣ въ послѣднее время.
XII. Прощаніе **Н. Ив. Пирогова.**
XIII. Недоразумѣніе по поводу слова «жидъ.»
XIV. Концертъ 27 апрѣля, **А. В. Побратима.**
XV. Вовчиця, **И. Н. Свячченка.**
XVI. Вісті. (письма изъ разныхъ южнорусскихъ мѣстностей).
XVII. Объ изданіи »черниговскаго листка.«
XVIII. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **А. М. Жемчужникова.**
XIX. Отвѣты редакціи.
XX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
XXI. Библіографическое извѣстіе.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владимiръ Мономахъ.

1861

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Іюля 16 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕ́РТНІ ДУ́МИ.

XX.

Не нарі́каю я на Бо́га,
Не нарі́каю ні на ко́го:
Я са́мъ-себе́, дурни́й, дурю́,
Та́ ще й співа́ючи... Орю́
Свій перелігъ—убо́гу ни́ву,
Та сію сло́во: до́брі жни́ва
Коли́сь-то бу́дуть!... И дурю́—
Себе́-таки́, себе́-само́го,
А більше, ба́читця, нико́го....

Ори́ся жъ ти, моя́ ни́во,
До́ломъ та горо́ю,
Та засійся, чо́рна ни́во,
Во́лею ясно́ю!
Ори́ся жъ ти, розверни́ся,
По́лемъ розстели́ся,
Та посійся до́бримъ жи́томъ,
До́лею поли́йся!
Розверни́ся жъ на всі бо́ки,
Ни́во-десяти́но!
Та посійся не слова́ми,
А ро́зумомъ, ни́во!
Ви́йдуть лю́ди жи́то жа́ти....
Весе́лиі жни́ва!...
Розверни́ся жъ, розстели́ся жъ,
Убо́гая ни́во!!

Чи не дурю́ себе́ я зно́ву
Своїмъ химе́рнимъ до́брим ъ сло́вомъ?...
Дурю́! Бо лу́чче одури́ть
Себе́-таки, себе́-само́го,
Ніжъ зъ во́рогомъ по-пра́вді жить
И всу́е наріка́ть на Бо́га!

Сентября 1861 р.
Петербургъ.

XXI.

Якъби съ кімъ сі́сти, хлі́ба ззісти, —
Промо́вить сло́во, — то воно́ бъ,
Хочъ и якъ-не́будь, на сімъ світі,
А все бъ таки́ яко́сь жило́сь.
Та ба́!.. нема́ съ кімъ! Світъ широ́кий,
Люде́й чима́ло на землі,...
А доведе́тця одино́кимъ—
Въ холо́дній ха́ті кривобо́кій,
Або пі́дъ ти́номъ—простягти́сь!...
Або... ні!... Тре́ба одружитись,
Хоча бъ на чо́ртовій сестрі́!
Бо доведе́тця одурі́ти
Въ самотині... Пшени́ця, жи́то,
На до́брімъ сіялось лану́,
А лю́де та́къ-собі пожну́ть
И ска́жуть:—десь ёго́ уби́то,
Серде́шного, на чужині...
О го́ре, го́ренько мені!...

Т. Шевченко.

4 ноября 1860 р.
Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ Т. РГ. ШЕВЧЕНКА.

Второй отрывокъ.

1857 г., 19 іюня.

Вчера ушелъ пароходъ въ Гурьевъ и привезетъ оттуда вторую роту и самого баталіоннаго командира, а по случаю прибытія его сюда,— остающаяся здѣсь рота, къ которой принадлежу и я, готовится къ смотру. Для этого важнаго грядущаго событія, мнѣ сегодня пригоняли аммуницію. Какое тягостное грядущее важное событіе! Какая безконечная эта пригонка аммуниціи! Неужели и это еще не въ послѣдній разъ? — — — — — Въ дѣтствѣ, сколько я помню, меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми. — — —

20 іюня.

Сегодня рота придетъ въ Гурьевъ, а по случаю полноводія въ Уралѣ, она пройдетъ прямо на Стрелицкую-Косу, и сегодня же сядетъ на пароходъ. Завтра рано пароходъ подыметъ якорь, и послѣзавтра высадитъ роту въ Новопетровской гавани. Держись наша офиція! гроза, гроза ужасная близится. Баталіонный командиръ, подобно тучегонителю Кроніону, грядетъ на тебя въ облацѣ мрачнѣ, въ томъ числѣ и насъ солдатиковъ. Многіе уже блажатъ и умоляютъ эскулапа засвидѣтельствовать ихъ небывалыя немощи душевныя и тѣлесныя, а паче—душевныя. — — — —

«Къ добру ли это я такъ сегодня разфантазировался? Въ прежніе годы, въ эти истинно-критическіе дни, со мною этого не было. Не было однакожъ и того, не въ похвалу будь сказано, чтобы я прятался подъ кровомъ стоновъ и воздыханій. Въ этомъ случаѣ я никогда не искалъ медицинскаго пособія. Съ трепетнымъ замираніемъ сердца

я всегда фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся предъ лицо отца-командира сдать экзаменъ въ пунктахъ, ружейныхъ пріемахъ и, въ заключеніе, выслушать длиннѣйшее наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя бравый солдатъ, — — любить Бога и своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капральнаго ефрейтора. — — — —

Странно еще вотъ-что. Все это неисповѣдимое горе прошло какъ-будто не касаясь меня. Малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Опытъ, говорятъ, есть лучшій нашъ учитель. Но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Мнѣ кажется, что я точно тотъ же, что былъ и десять лѣтъ тому назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо ли это? Хорошо. По-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. И я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтьми моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій. Нѣкоторыя вещи просвѣтлѣли, округлились, приняли болѣе естественный размѣръ и образъ; но это — слѣдствіе не возмутимо-летящаго старика Сатурна, а никакъ не слѣдствіе горькаго опыта.

Получивши отъ К—ка письмо съ приложеніемъ 25 р.,—значитъ—съ приложеніемъ весьма вещественнымъ,—я отблагодарилъ его письмомъ же, со вложеніемъ собственнаго поличья, и вторымъ письмомъ, со вложеніемъ еще менѣе вещественнымъ — со вложеніемъ небывалаго разсказа мнимаго *варнака*, подъ названіемъ *Москалёва Криница*. Я написалъ его вскорѣ по полученіи письма отъ *батька атамана Кошового*. Стихи оказались почти одной доброты съ прежними моими стихами,—немного упруже и отрывистѣе. Но это ничего: дастъ Богъ, вырвусь на свободу, и они у меня потекутъ плавнѣе, свободнѣе, проще и веселѣе. Дождусь ли я этой хромой волшебницы—свободы? — — — —

25 іюня.

Только-что успѣлъ я написать — *слѣдовательно, тоже птица не мелкаго полета*,—какъ раздалось во всѣхъ концахъ огорода слово—*пароходъ*. Я, разумѣется, бросилъ свое писаніе и побѣжалъ въ крѣпость. Съ пароходомъ я ожидалъ Оренбургской почты, а съ почтой—свободы. Вышло однакожъ противное тому, чего я ожидалъ. Пароходъ почты не привезъ, а слѣдовательно и волшебнаго, очаровательнаго слова... А вмѣсто онаго *слова* привезъ *дѣло* въ

видѣ баталіоннаго командира, первымъ дѣломъ котораго было обѣгать казармы — — — И послѣ этого вступленія, назначенъ былъ формальный смотръ той ротѣ, къ которой и я принадлежу. Бѣдная рота всю ночь готовилась къ этому истинно-страшному суду, и въ пять часовъ утра, 23 іюня, умытая, причесаная, нафабренная, выстроилась на полянкѣ, точно игрушка, вырѣзанная изъ картона. Отъ 5 и до 7 часовъ, въ ожиданіи судіи праведнаго, рота равнялась. Въ 7 часовъ, явился, во всемъ своемъ грозномъ величіи, самъ судія и испытывалъ ее ровно до 10 часовъ. — — — Для всѣхъ гроза прошла, а для меня она еще только собиралась. Въ числѣ прочихъ конфирмованныхъ, долженъ былъ и я предстать, послѣ обѣда въ 5 часовъ, на вторичное, и еще горшее, испытаніе. Къ этому вторичному испытанію я готовился довольно равнодушно, какъ человѣкъ вполовину-свободный. Но когда предсталъ предъ неумолимаго экзаменатора, куда что̀ дѣвалось! Ни же малѣйшей тѣни, ничего похожаго на человѣка вполовину-свободнаго во мнѣ не осталось... Та же самая, мучительная, холодная, дрожь пробѣжала по моему существу. То же самое что̀ и въ прежніе годы чувство, — — — охватило меня; однимъ словомъ, я превратился въ ничто. Экзаменъ повторился слово-въ-слово, какъ и десять лѣтъ тому назадъ: четверти буквы не прибавлено, не убавлено. — — — — По примѣру прежнихъ годовъ, экзаменаторъ спросилъ насъ по ранжиру, кто́ и за что́ несетъ — — обязанность солдата.

— Ты за что́? — спросилъ онъ у перваго.

— За утрату казенныхъ денегъ, ваше высокоблагородіе.

— Да, знаю: ты не осторожно загнулъ уголъ. Надѣюсь, впередъ не будешь гнуть углы, — сказалъ онъ насмѣшливо, и оборотился къ слѣдующему: — А ты за что́?

— По волѣ родительницы, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ не будешь и... — и обратился къ слѣдующему. — Ты за что́?

— За буйные поступки, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ...и — Ты за что́? — спросилъ онъ у слѣдующаго.

— По волѣ родителя, ваше высокоблагородіе.

— Надѣюсь... А ты за что́? — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ.

— Надѣюсь, впередъ не будешь... — А ты за что? — спросилъ онъ у послѣдняго.

Послѣдній отвѣчалъ, что тоже по волѣ родительницы, и не выслушавши послѣдняго, онъ обратилъ къ намъ сильную рѣчь, замкнувшуюся вовсе не новой истиной, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. — — — —

Всѣ эти конфирмованные, такъ называемые здѣсь *господа-дворяне,* съ которыми я теперь представлялся предъ лицо отца-командира, всѣ они — люди замѣчательные по своимъ нравственнымъ качествамъ, но одинъ субъектъ всѣхъ ихъ перещеголялъ. Всѣ ихъ пороки онъ вмѣстилъ въ своей двадцатилѣтней особѣ. Странное и непонятное для меня явленіе этотъ отвратительный юноша. Гдѣ и когда́ успѣлъ онъ такъ глубоко заразиться всѣми гнусными нравственными болѣзнями? Нѣтъ мерзости, низости, на которую бы онъ не былъ способенъ. Романы Сю, съ своими отвратительными героями, — пошлыя куклы передъ этимъ двадцатилѣтнимъ извергомъ. И нельзя предполагать, по чину отца, чтобы не было средствъ дать ему не какое нибудь, а порядочное, воспитаніе. И что́ же? Никакого. Хорошъ долженъ быть и родитель! Да вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающіе дѣтей своихъ въ солдаты на исправленіе! И для чего, наконецъ, попечительное правительство наше беретъ на себя эту неудобоисполнимую обязанность? Самое лучшее — предоставить ихъ попеченію нѣжныхъ родителей: пускай спотѣшаются на старости лѣтъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. Разумѣется, до перваго криминальнаго проступка.

До прибытія моего въ Орскую крѣпость, я и не воображалъ о существованіи этихъ гнусныхъ исчадій нашего православнаго общества. И первый этого разбора *мазурикъ* меня поразилъ своимъ зловреднымъ существованіемъ. Особенно, когда мнѣ сказали, что онъ тоже *несчастный,* такой же какъ и я разжалованный и, слѣдовательно, мой товарищъ, по званію и по квартирѣ, т. е. по казармамъ. Слово *несчастный* имѣло для меня всегда трогательное значеніе, пока я не услышалъ его въ Орской крѣпости. Тамъ оно для меня опошлѣло и я до сихъ поръ не могу возвратить ему прежняго значенія.

По распоряженію О., я имѣлъ случай просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клейменными каторжниками, и нашелъ, что къ этимъ заклейменымъ злодѣямъ слово *не-*

счастный больше къ лицу, нежели къ этимъ растлѣннымъ сыновьямъ безпечныхъ эгоистовъ-родителей.

26 іюня.

Два дня уже прошло, какъ выѣхалъ отъ насъ отецъ-командиръ нашъ, но я все еще не могу освободиться отъ тяжелаго вліянія, наведеннаго его короткимъ присутствіемъ. Этотъ смотръ такъ плотно притиснулъ мои блестящія розовыя предположенія, такъ меня обезкуражилъ, что еслибы не Лазаревскаго письмо у меня въ рукахъ, то я бы совсѣмъ обезсилѣлъ подъ гнетомъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Но слава Богу, что у меня есть этотъ неоцѣненный документъ; значитъ, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливые, самые затѣйливые арабески.

Надеждою живутъ ничтожные умы, сказалъ покойникъ Гёте. И покойный мудрецъ сказалъ истину вполовину. Надежда свойственна и мелкимъ, и крупнымъ, и даже самымъ матеріальнымъ и положительнымъ умамъ. Это наша самая нѣжная, постоянная, до гробовой доски неизмѣнная, нянька-любовница. Она, прекрасная, и всемогущаго царя, и міроваго мудреца, и бѣднаго пахаря и меня, мизернаго, постоянно лелѣетъ довѣрчивое воображеніе, и убаюкиваетъ недовѣрчивый умъ своими волшебными сказками, въ которыя всякій изъ насъ такъ охотно вѣритъ. Я не говорю—безотчетно: тотъ, дѣйствительно, ничтожный умъ, который вѣритъ, что на вербѣ груши выростутъ. Но почему не вѣрить мнѣ, что я, хотя къ зимѣ, но непремѣнно, буду въ Петербургѣ? увижу милыя моему сердцу лица, увижу мою прекрасную академію, эрмитажъ, еще мною невидѣнный, услышу волшебницу-оперу. О, какъ сладко, какъ невыразимо сладко вѣровать въ это прекрасное будущее! Я былъ бы равнодушный, холодный атеистъ, еслибы не вѣрилъ въ этого прекраснаго бога, въ эту очаровательную надежду.

Матеріальное мое существованіе я предполагаю устроить *такъ* (разумѣется, съ помощію моихъ друзей). О живописи мнѣ теперь и думать нѣчего. Это было бы похоже на вѣру, что на вербѣ выростутъ груши. Я и прежде не былъ даже и посредственнымъ живописцемъ, а теперь и подавно. Десять лѣтъ неупражненія въ-состояніи сдѣлать и изъ великаго виртуоза самаго обыкновеннаго, кабашнаго, балалаишника. Слѣдовательно, о живописи мнѣ и думать нѣчего. А я думаю посвятить себя безраздѣльно гравюрѣ *аква-тинта*. Для

этого, я полагаю ограничить свое матеріальное существованіе до крайней возможности и упорно заняться этимъ искуствомъ, а въ промежуткѣ времени дѣлать рисунки сепіею съ знаменитыхъ произведеній живописи, рисунки для будущихъ эстамповъ. Для этого, я думаю, достаточно будетъ двухъ лѣтъ прилежнаго занятія. Потомъ, уѣду на дешевый хлѣбъ въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ, и первымъ эстампомъ моимъ будетъ *казарма*, съ картины Теньера, — съ картины, про которую говорилъ незабвенный учитель мой, великій Карлъ Брюловъ, что можно пріѣхать изъ Америки, чтобъ взглянуть на это дивное произведеніе. Словамъ великаго Брюлова, въ этомъ дѣлѣ, можно вѣрить.

Изъ всѣхъ изящныхъ искуствъ мнѣ теперь болѣе всего нравится гравюра, — и не безъ основанія. Быть хорошимъ гравёромъ, значитъ быть распространителемъ прекраснаго и поучительнаго въ обществѣ, — значитъ быть распространителемъ свѣта истины, — значитъ быть полезнымъ людямъ и угоднымъ Богу. Прекраснѣйшее, благороднѣйшее призваніе гравёра! Сколько изящныхъ произведеній, доступныхъ только богачамъ, коптилось бы въ мрачныхъ галлереяхъ безъ твоего чудотворнаго рѣзца! Божественное призваніе гравёра!

Кромѣ копій съ мастерскихъ произведеній, я думаю, современемъ, выпустить въ свѣтъ, въ гравюрѣ *аква-тинта*, и собственное чадо — *притчу о блудномъ сынѣ*, принаровленную къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія. Я раздѣлилъ эту поучительную притчу на двѣнадцать рисунковъ; они уже почти всѣ сдѣланы на бумагѣ. Но надъ ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести ихъ въ состояніе, въ которомъ они могутъ быть переданы мѣди. Общая мысль довольно удачно принаровлена къ грубому нашему купечеству, но исполненіе ея оказалось для меня не по силѣ. Нужна ловкая, мѣткая, вѣрная, а главное — не каррикатурная — скорѣе драматическій сарказмъ, нежели — насмѣшка. А для этого нужно прилежно поработать и съ людьми свѣдущими посовѣтоваться. Жаль, что покойный Ѳедотовъ не наткнулся на эту богатую идею: онъ бы изъ нея выработалъ изящнѣйшую сатиру въ лицахъ для нашего темнаго полутатарскаго купечества.

Мнѣ кажется, что для нашего времени и для нашего средняго полуграмотнаго сословія необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, напримѣръ, какъ *Женихъ*, Ѳедотова, или *Свои люди, сочтемся*!, Островскаго, и *Ревизоръ*, Гоголя. Наше юное

среднее общество, подобно лѣнивому школьнику, на складахъ остановилось, и безъ понуканья учителя не хочетъ и не можетъ перешагнуть черезъ эту безтолковую *тму, мму*. На пороки и недостатки нашего высшаго общества не стоитъ обращать вниманія. Во-первыхъ, по малочисленности этого общества, а во-вторыхъ, по застарѣлости нравственныхъ недуговъ; кроткій способъ сатиры тутъ не дѣйствуетъ. Да и имѣетъ ли какое нибудь значеніе наше маленькое высшее общество въ смыслѣ національности? Кажется, никакого. А средній классъ — это огромная и, къ несчастію, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце національности; ему-то и необходима теперь не суздальская лубочная притча о блудномъ сынѣ, а благородная, изящная и мѣткая сатира. Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, еслибы удался мнѣ такъ искренно, чистосердечно, задуманный мной безсознательный негодяй, мой *блудный сынъ*.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Мнѣ здѣсь года два тому назадъ говорилъ Н. Д—скій, человѣкъ стоющій вѣры, что будто бы комедія Островскаго—*Свои люди, сочтемся*, не дается на сценѣ по просьбѣ московскаго купечества. Если это правда, то сатира, какъ нельзя болѣе, достигла своей цѣли. Но я не могу понять, что̀ за расчетъ въ этой уступкѣ невѣжеству? Странная мѣра!

27 іюня.

Отъ купечества перехожу къ офицерству. Переходъ не рѣзкій, — — оно также принадлежитъ къ среднему сословію, съ тою только разницею, что купецъ вѣжливѣе: онъ называетъ офицера — *вы, ваше благородіе*, а офицеръ его называетъ — *эй, ты, борода*! Ихъ, однакожъ, нисколько не разъединяетъ это наружное разъединеніе, потому-что они, по воспитанію, родные братья. Разница только та, что офицеръ — вольтерьянецъ, а купецъ — старовѣръ; а въ-сущности — одно и то же.

Сегодня къ вечеру появились комары на огородѣ, и я, чтобы избавиться этихъ несносныхъ насѣкомыхъ, ушолъ на ночь въ укрѣпленіе. Но увы! Неумолимая Немезида преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу. Избѣгая комаровъ, я наткнулся на шмелей... Съ подобающимъ почтеніемъ проходя мимо офицерскаго флигеля, я услышалъ новую для меня пѣсню, начинающуюся такъ:

Коврики на коврики
И шатрики на шатрики.

Далѣе я ничего не могъ разслышать, потому–что пѣвецъ слишкомъ густо забасилъ. — — Хозяинъ — — выбѣжавъ на площадь, не знаю для какой надобности, и увидя меня, вздумалъ оказать мнѣ небольшую услугу и покровительство, познакомивъ меня съ вновь прибывшими *лихими ребятами,* по его выраженію. Для этого, схватилъ онъ меня за рукавъ и потащилъ въ коридоръ. Вновь прибывшіе лихіе ребята сидѣли и лежали на разостланой кошмѣ — — живая сцена изъ *Двумужницы,* кн. Шаховскаго. Я, чтобы не дополнить собою такой группы, вырвался изъ объятій покровителя и выбѣжалъ на площадь — — — —

Записывая въ журналъ эту весьма обыкновенную въ моемъ положеніи траги-шутку, я въ глубинѣ души прощаю моихъ гонителей.— —

Сегодня ожидаютъ парохода съ почтою изъ Гурьева, и никто его не ожидаетъ съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ, какъ я. Что, если не привезетъ онъ мнѣ такъ долго ожидаемой свободы? что я тогда буду дѣлать? Придется — — знакомиться со вновь прибывшими — — Мрачная, — — перспектива! А если, паче чаянія, привезетъ эту лѣнивую колдунью—свободу,—о, какая радостная, какая свѣтлая перспектива! Иду въ укрѣпленіе и, на всякій случай, упакую въ *чувавъ* (торба) мою мизерію, авось либо и совершится.

28 іюня.

Совершилось, — только совершилось не то, чего я ожидалъ, — — Пошелъ я вчера въ укрѣпленіе, въ ожиданіи парохода, паковать свою мизерію и, какъ это обыкновенно бываетъ, когда человѣкъ ожидаетъ чего–нибудь хорошаго, то на этомъ хорошемъ и хорошіе строитъ планы. Такъ и я, въ ожиданіи вѣстника благодатной свободы, развернулъ коверъ-самолетъ, и еще одна-одна только минута— и я очутился бы на седьмомъ магометовомъ небѣ. Но, не доходя укрѣпленія, навстрѣчу мнѣ посланный за мною вѣстовой отъ коменданта.—Не пришолъ ли пароходъ?—спрашиваю я у вѣстоваго.—Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ онъ. — Какая встрѣтилась во мнѣ надобность коменданту?—спросилъ я самъ–себя, и прибавилъ шагу. Прихожу. И комендантъ, вмѣсто всякаго привѣтствія, молча подаетъ мнѣ какую-то бумагу. Я вздрогнулъ, принимая эту таинственную бумагу какъ несомнѣнную вѣстницу свободы. Читаю—и глазамъ не вѣрю. Это рапортъ на имя коменданта отъ К—ни о томъ, что я *не въ трезвомъ видѣ надѣлалъ ему дерзости* — — — —

29 іюня.

Широ́кій бі́тий шля́хъ изъ ра́ю, а въ рай—узе́нька сте́жечка, та й та́ колю́чимъ те́рномъ поросла́,» говорила мнѣ, еще ребенку, одна замиравшая старуха. И она говорила истину. Истину, смыслъ которой я теперь только вполнѣ разгадалъ.

Пароходъ изъ Гурьева пришелъ сегодня, и не привезъ мнѣ совершенно ничего, ни даже письма. Писемъ, впрочемъ, я не ожидаю, потому–что вѣрные друзья мои давно уже не воображаютъ меня въ этой конурѣ. О, мои искренніе, мои вѣрные друзья! Еслибъ вы знали, что́ со мною дѣлается, на разставаньи, — вы бы не повѣрили, потому что я самъ едва вѣрю въ эти гнусности. Мнѣ самому это кажется продолженіемъ десятилѣтняго, отвратительнаго сна... И что́ значитъ эта остановка? Никакъ не могу себѣ и растолковать. Мадамъ Эй—тъ, отъ 15 мая, изъ Оренбурга, поздравляетъ меня съ свободой, а свобода моя гдѣ-нибудь съ дѣльцомъ-писаремъ въ кабакѣ гуляетъ. И это вѣрно,—вѣрно потому, что— — письменныя дѣла вѣдаетъ какой-нибудь писарь Петровъ, разжалованный въ солдаты за мошенничество. Та́къ принято искони, и нарушить священный завѣтъ отцовъ изъ-за какого–то рядоваго Шевченка было бы противно и заповѣди отцовъ, и правиламъ службы.

На сердцѣ страшная тоска, а я себя шуточками спотѣшаю! А все это дѣлаетъ со мною вѣтренница надежда. — —

Сегодня празднуется память величайшихъ двухъ провозвѣстниковъ любви и мира. Великій въ христіанскомъ мірѣ праздникъ! А у насъ— колосальнѣйшее пьянство по-случаю христова праздника.

О, святые, великіе верховные апостолы! еслибъ вы знали, какъ мы запачкали, какъ изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, свѣтлую истину! Вы предрекли лжеучителей—и ваше пророчество сбылось: — — во имя ваше учреждали инквизицію и ужасное автодафе; — — во имя же ваше мы покланяемся безобразію и совершаемъ въ честь вашу безобразнѣйшую вакханалію.... Истина стара и, слѣдовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истинѣ, которой вы были крестными отцами, минуетъ уже 1857 годо́чекъ. Удивительно, ка́къ тупо человѣчество!..

30 іюня.

Чтобы придать болѣе прелести моему уединенію, я рѣшился завестись мѣднымъ чайникомъ. И эту мысль привелъ я въ исполне-

ніе только вчера вечеромъ, и то случайно. Къ тихому, прекрасному утру на огородѣ, прибавить стаканъ чаю—мнѣ казалось это роскошью позволительной. Съ самаго начала весны, меня преслѣдуетъ эта милая, непышная затѣя. Но я никакъ не могъ привести ее въ исполненіе по неимѣнію здѣсь въ продажѣ такой затѣйливой вещицы. Только вчера вечеромъ пошелъ я къ З—скимъ, и проходя мимо кабака, увидѣлъ оборваннаго, но трезваго, деньщика одного изъ вновь прибывшихъ офицеровъ, съ мѣднымъ чайникомъ въ рукѣ такой величины, какой мнѣ нужно.—Не продаешь ли чайникъ?—спросилъ я.—Продаю,—отвѣчалъ онъ.—Не *хапаный* ли онъ?—Никакъ нѣтъ-съ. Сами баринъ велѣли продать. Они думаютъ самоваръ завести.—Хорошо, я спрошу. А что стоитъ?—Рубль серебромъ.—Полтину серебра,—сказалъ я сколько могъ хладнокровнѣе, и пошелъ своей дорогой. Едва успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ деньщикъ догналъ меня и безъ торгу вручилъ мнѣ давно желанную посуду; а деньщикъ, получивши полтину серебра, отправился прямо въ кабакъ и черезъ минуту вышелъ изъ него съ штофомъ въ рукѣ, и направился прямо къ своей квартирѣ.—Туда и дорога!—подумалъ я. Проводя вечеръ въ сообществѣ Филемона и Бавкиды (такъ я въ шутку называю З—скихъ), по дорогѣ зашелъ я къ маркитанту, взялъ у него полфунта чаю, фунтъ сахару, и сегодня я, въ 4 часа утра, сибаритствую себѣ на огородѣ и вписываю въ свой журналъ происшествіе вчерашняго вечера, благословляя судьбу, пославшую мнѣ мѣдный чайникъ.

Собираясь *путеплавать* по Волгѣ отъ Астрахани до Нижняго, я обзавелся чистой тетрадью для путеваго журнала и пологомъ отъ комаровъ, которые неутомимо преслѣдуютъ путешественника отъ устьевъ Волги до самаго Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мнѣ и въ умъ не приходилъ мѣдный чайникъ. И вчера только—спасибо старику З—скому—онъ объяснилъ мнѣ важность этой нехитрой посуды во время плаванія на рѣчной водѣ, гдѣ необходимъ крѣпкій чай во избѣжаніе поноса, и просто для препровожденія времени, какъ онъ выразился въ заключеніи. И многимъ кое-чѣмъ совѣтовалъ онъ мнѣ запастись въ Астрахани на дорогу, но это все лишнее. Я отправляюсь, да не на пароходѣ, а на одной изъ барокъ, буксируемыхъ пароходомъ, просто отставнымъ солдатомъ.

Странно, что меня считаютъ здѣсь всѣ, въ томъ числѣ и З—скіе, темнымъ богачемъ. Это, вѣроятно, потому, что если я дѣлаю долги, разумѣется—ничтожные, то въ сказанный срокъ аккуратно ихъ выплачиваю, не прибѣгая къ помощи Израиля, и не закладываю послѣд-

ней рубашки, какъ это дѣлаютъ иные изъ офицеровъ. Когда я сказалъ З—скимъ, что весь мой капиталъ состоитъ изъ 100 р. ср., на который я, кромѣ дорожныхъ издержекъ, намѣренъ еще сдѣлать въ Москвѣ необходимое платье, то они въ одинъ голосъ назвали меня Плюшкинымъ. Я не нашелъ нужнымъ разочаровывать ихъ своей нищетою, и разстался съ ними какъ настоящій богачъ.

Странные старые люди эти З—скіе! Бездѣтные, старые, одинокіе, имѣютъ—обезпечивающее—даже прихотливую старость—состояніе, вздумали поселиться въ этой безводной, безплодной пустынѣ! И добро бы на отдыхъ: нѣтъ, онъ взялъ обязанность. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной въ юности физической дѣятельности, или просто, жажда къ пріобрѣтенію. Послѣднее, можетъ быть, только вполовину, потому что не замѣтно было скряжничества, нерѣдко сопровождающаго въ могилу одинокую, безпомощную старость. Она, т. е. З—ская, мнѣ очень нравится; это—добродушно улыбающаяся, гостепріимная, кубическая старушка, бывшая нѣмка, а теперь православная. Онъ тоже добродушный старикъ, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Напримѣръ, онъ очень простодушно, и каждый разъ съ новыми варіаціями, разсказываетъ, какіе онъ прошелъ мытарства, пока достигъ настоящаго званія. Происхожденіе свое ведетъ отъ какого-то короля польскаго, Сигизмунда, вѣроятно, третьяго. О ближайшихъ предкахъ онъ не упоминаетъ, равно какъ и о виновникѣ собственнаго существованія; дѣтство тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. Первую часть юности провелъ онъ въ званіи домашняго учителя, у извѣстнаго табачника Анисима Головкина, въ Петербургѣ. И въ этотъ-то періодъ его жизни случилось съ нимъ таинственное происшествіе, которое разомъ поставило его на ноги. Происшествіе такого сорта. Однажды, ночью, на улицѣ, ему кажется, что на Литейной,—но за достовѣрность не ручается,—схватываютъ его два гайдука, сажаютъ въ карету, завязываютъ глаза, везутъ, везутъ, и наконецъ привозятъ прямо въ роскошнѣйшій будуаръ, надо думать какой нибудь богатѣйшей особы. Является, наконецъ, и таинственная обладательница будуара, вся въ дезабилье (собственное выраженіе), только лицо покрыто маской. Тутъ—таинственная любовь;—завязываютъ ему опять глаза, сажаютъ въ карету, провозятъ на то самое мѣсто, гдѣ взяли и одинъ изъ гайдуковъ вручаетъ ему пачку ассигнацій не болѣе, не менѣе какъ 20 тысячъ.

Долго онъ думалъ, какую основать будущность на этомъ незыблемомъ фундаментѣ и, хладнокровно отринувъ почести и злато, всту-

пилъ (внемля внутреннему призванію) въ скромный кружокъ поклонниковъ Мельпомены, гдѣ имѣлъ блестящій успѣхъ въ роляхъ Эдипа, Фингала, Дмитрія Донскаго и въ *Ябедѣ*, Капниста, къ несчастію не помнитъ, въ какой именно роли; но по проискамъ знаменитаго учителя Каратыгина, Яковлева, долженъ былъ оставить избранное поприще и вступить въ морскую службу, разумѣется—лейтенантомъ. Здѣсь онъ совершилъ плаваніе (два раза) вокругъ свѣта, и одинъ только разъ къ южному полюсу вмѣстѣ съ Лазаревымъ. И во время этихъ плаваній, онъ узналъ досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованскимъ. Вотъ гдѣ его родина: между Ливорно и Сингапуромъ (удивительное знаніе географіи!) есть островъ Провансъ,—на этомъ островѣ Провансѣ растетъ огромное масличное дерево, изъ котораго и выпускаютъ масло, какъ у насъ, напримѣръ, весною изъ березы. Островомъ и деревомъ владѣетъ англичанинъ, французъ и италіанецъ, а мы и нѣмцы уже отъ нихъ получаемъ этотъ дорогой продуктъ.—Изъ корабля переселился онъ въ земскій одесскій судъ, неизвѣстно въ какомъ рангѣ. Тутъ онъ велъ жизнь отчаяннаго кутилы, попалъ въ сонмище *политиковъ* и былъ сосланъ безсрочнымъ арестантомъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ въ скоромъ времени сдѣлался правой рукой коменданта и, по стеченію удивительныхъ обстоятельствъ, былъ переведенъ въ городъ Астрахань, въ званіи квартальнаго надзирателя. Но щекотливыя иногда обязанности этого званія заставили его выйти въ отставку и принять званіе повѣреннаго въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

К—ни, мой *покровитель*—не меньшій враль, но не такой безвредный и совѣстливый, заврался однажды до-того, что назвалъ себя племянникомъ графа З—скаго и кандидатомъ дерптскаго университета. Чтобы разомъ озадачить и уничтожить дерзкаго лгунишку, З—скій разомъ махнулъ въ ротмистра лейбъ-гусаръ и въ ближайшіе родственники графу Г—чу. Знай нашихъ!

Несмотря на этотъ невинный недостатокъ, онъ все-таки добрый и наивный старикъ, а она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка; и я ихъ не иначе называю, какъ Филемонъ и Бавкида. Они получаютъ, вмѣстѣ съ Н—скимъ, Петербургскія Вѣдомости, я частенько приношу имъ съ огорода укропъ и петрушку и тому подобный злакъ, пью чай, прочитываю фельетонъ и выслушиваю волшебныя похожденія наивнаго Филемона, за что и пользуюсь полной довѣренностью Бавкиды.

НЕ БУЛО́ ЗМА́ЛКУ — НЕ БУДЕ Й ДО'СТА́НКУ.

I.

По деся́тому го́ду я оста́лась сирото́ю. Ба́тько й ма́ти на однімъ ти́жні поме́рли, одъ яко́ісь промо́ріі, — да ма́ти ще́ й уду́шливенька була́: було́ усю́ ніченьку сси́дить, усе́ бухи́кае. Батько изра́зу занеду́жавъ — такъ и занеду́жавъ; ма́ти по́слі захорова́ла; ду́мали, що вінъ скорішъ умре за ма́тюръ, а ба́тько ще, якъ ма́ти вме́рла, очу́нявъ, вста́въ, на полу́ посе́дівъ, пла́кавъ на насъ гле́дючи: (у мене́ ще сестра́ и братъ були́ меньші мене́:), велівъ навари́ть вече́рять — помину́ть ма́тюръ. Якъ вече́рявъ,—тільки й ре́чи чу́ли. *Сме́рти — не одпе́рти.*

Тілько й згада́ю тепе́ръ про іхъ, що оце́ було́ ми, дітво́ра, на печі, або́ та́къ, захо́димось пустова́ти,—зи́къ таки́й сколо́тимо, що хоть изъ ха́ти тіка́й, — отъ ма́ти за дерка́чъ, да до насъ прожо́гомъ такъ и ки́нетця,—ми й вти́хнемъ; оді́йшла́ до пе́чи — ми й зновъ за свое́. Неха́й же було́ ба́тько тілько озве́тця, го́лосъ пода́сть, — уже́ й не теле́хнешъ. Тільки й зазна́ю про іхъ. Ще було́, оце́, ба́тько пійде въ го́сті въ Ба́хмачи, неділю прохо́дить — байду́же; бо вінъ тільки жа́ловавъ одного́ Олекса́ндрика: «сей,» ка́же, «мене́ хлібомъ догоду́е;» така́ бъ то ду́мка:—сіі дівча́та—чужа́ кори́сть, поки́нуть, ростечу́тця,—а хло́пець при ёму́ бу́де, ста́рости догле́дить. А ма́ти всіхъ одна́ково жа́ловала: було́ що-субо́ти позмива́е и поросчісуе го́лови, сорочки́ чисте́нькі понадіва́е, комірі́ було́ повишива́е,—а мені, разъ-коли́сь, тілько присцёбала, бо се́рдилась.

Ма́ти було́ якъ зірве́тця хочъ на оди́нъ день куди́, — Бо́же мій! нудимъ світомъ, вибіга́емъ ій назу́стрічъ, гука́емъ, прислуха́емся до іі го́лосу, — примівъ би всіхъ пти́ць изъ га́ю порозганя́въ, щобъ не щебета́ли, гай би ви́вернувъ зъ коріннемъ щобъ не шумівъ; у́ши

насторбшимъ да й слухаемъ, чи не кашляне́, чи не йде́ ма́ти: ска́зано — *ма́тюръ не купи́ти, не заслужи́ти...* Оце́ було́ йде́ да й кашляне́ — не ду́жа була́: біжимо́! «Ма́мо, ма́мо!» опадемо́ її, улі́пнемъ, якъ му́хи до ме́ду; що́ зро́бимо — хва́лимось... Бо́же, які́ ра́ді! Я мала́ була́; нихто́ вже́, якъ я, було́, матусі дожида́юсь,— якъ оповесні ла́стівки! Жду, пожду́, а послі біжу́ гаями цілу верству́ ій назу́стрічъ. Разъ була́ ажъ заблуди́лась блука́вши; а тутъ зірва́лась фу́га така́, вітеръ, до́щъ ставъ накрапа́ти, — такъ те́мно въ лісі зроби́лось, наче воронне́ на до́щъ ску́пилось; лісъ шуми́ть, зме́рзла я — такъ мене́ й бье́; коли́жъ нагоди́лись ночліжники, що зна́ли батька, — такъ мене́ й забра́ли на коня́; ве́рхи їхали, взяли́ мене́, посади́ли, у мішо́къ угорну́ли: та́къ и довезли́ до до́му. Оце́ було́ якъ ма́ти куди́ пійде, то ба́тько требува́въ, щобъ ми у ха́ті сиділи, а я не вси́жу, біжу́ вслідъ, шука́ю, а ба́тько й ви́йде: огля́нусь — вінъ за мно́ю, ба́чу неподале́ку зру́блену бере́зу, я й прихили́ося на́че сплю...

Якъ ба́тько й ма́тюръ поме́рли — бігали ми до́вго на мо́гилки,—ту́жимо; ище́ такъ бли́зько лежа́ли — въ вишне́вому саду́, коло ха́ти. Кли́кали й ба́тька й ма́тюръ, дакъ не йду́ть!... не докли́чесся вже́! Сама́, коли́ ни шйду́-було́, дакъ пла́чу. Все зга́дую, якъ ма́ти було́ намъ ка́же: «Діточки, *запобіга́йте світа, по́ки слу́жять лі́та:* коли́ я посвару́сь, або́ ба́тько, то не на́ лі́хо, а на добро́ вамъ, для ми́ру васъ готу́емъ, а тамъ усёго спіткаетця»... Ба́тьку поста́вили хрестъ, а ма́тері й ні. Ма́ти попе́реду вме́рла да й хреста́ нема́! Пройшло́ вже́ те давно́, а се́рце щими́ть и до́сі якъ згада́ю. Гірко було́ безъ матері жить; счасли́ва́ моя́ сестра́, що Богъ її приня́въ ра́но. Всяке пе́стить по сво́ему: нема́ надъ чоловіка, нема й надъ ма́тюръ, нема й надъ дити́ну. Якъ сю тро́йцю поло́жимъ, то хочъ и самъ живи́й заривайся въ зе́млю: ні роди́ни, ні до́броі годи́ни тогді нема́. *Се не те́, що мете́, а те́, що зве́рху йде́.* Що згля́не дити́на, то вже́ не згля́нуть такъ чолові́кові; що погля́не ма́ти, то вже́ ніхто́ въ світі такъ дру́гий не погля́не. Тепе́ръ тільки моеі и втіхи, що дити́на: и світъ би мені не світи́въ, и зо́ри не сяли, якъ би не воно́.

По́слі сме́рти батька й матері, взяла́ мене́ до се́бе дя́дина замісь дити́ни. Вона́ була́ одино́ка и замо́жня, скри́ні не причиня́лись одъ того́ добра́: усе́ поспо́внёвано.—Усе́,—ка́же,—Зіню, тобі бу́де. Дай Бо́же мені тільки здоровья тебе́ ви́кохать, доро́зуму довести́...—Я підійма́юсь.

Вона́ мене́ почала́ прихо́роше води́ти,—було́ між дівчатами такъ и зорію. Пла́хти, зна́ете, все хоро́ші, карта́цькі, старосві́цькі; запа́ски все зъ розво́дами, якъ по пи́санці, що неділі то й убере́. Я її шанова́ла за ма́тюръ. Такъ мені лю́бо й ве́село. Пі́длітки мої по́други коло́ мене́, якъ бжо́ли кругомъ квітки, опаду́ть. Вони́ мене́ люблять а я—іхъ; гуля́емъ-було́; проти́ Ду́ха, у насъ такъ га́рно коли́ску вішають, парубки́ ключи́нъ чоти́рі ви́рубають, ужи́вками зви́жуть да батоги́въ два, да на батоги́ привья́жуть до́шку да й гойда́ютця и веху́ вью́ть. Ко́лесо надінуть, квітка́ми вберу́ть, люби́сткомъ, чорнобри́вцями и поста́влять на майда́ні де́ у́лиця дівча́ча; че́редъ иде́,—вони́ ще гуля́ють, пісе́нь співа́ють; хто іде, дакъ и ка́жуть: краса́ яка́!... И тутъ дівча́та не поленова́лись: підмича́емъ було́ за дівча́тами, за парубка́ми, хто съ кімъ покоха́етця, — жартуємъ було́; підмича́емъ тожъ на музи́кахъ, котрі лу́чше до та́нцівъ, и собі у кутку́ у́чимось. Примича́емъ у кого́ яка́ мере́жка, у кого́ які стёнжки въ ко́сахъ. Пося́димо було́ усі ря́домъ, луза́емъ сімьечко и йде́ між на́ми своя́ весе́ла бесе́да!.. А у тане́ць, поміжъ дівча́тъ и парубо́цтво, іще́ не пуска́лись... Було́, на мої намиста́, запа́ски, личмани́ загле́жуютця и дівча́та й молоди́ці и роспи́тують про дя́дину, чи вона́ мене́ уже́ зовсімъ за дити́ну взяла́, чи та́къ?,... про її добро́. «Гмъ, щасли́ва,» — ка́жуть на мене́: — «се все ій бу́де! тепе́ръ, ка́жуть, да якъ ря́дить! якъ ви́шню... За пи́саря, або́ за яко́го міщани́на, една́е.» А я́—хі-хі! да й захили́ся за кого́-не́будь. Я объ сёму ще й не ду́мала: мені тільки ве́село, та лю́бо... Усе́ ве́село, усе́ кругомъ мене́ мовъ всміха́етця! Хру́щъ гуде́ надъ у́хомъ, оле́нка... а мені—що твій соловей́... Ска́зано—пьятна́дцятий годъ пости́гъ, не ма́ла ще го́ря... а старе́—гли́бше запа́ло, дити́ною ще пройшло́... На Велико́дні святки́ — чого́ у мене́ нема́! сами́ми писанка́ми обмінююсь було́, якъ христо́суюсь съ по́другами. Уберу́ було́ мене́ дя́дина, въ дрібу́шки поплете́, стёнжки до кірокъ попу́стить, — тілько квітки ро́бленої було́ ще надіва́ть не дае́. «По́рано ще,» ка́же, «небо́го: ще ви́гуляйся, підійми́сь на кірхъ, — тогді й квітки́ и въ тане́ць дозрівши, а то що́! не роспу́ковкою ходи́ти: не на те́бе будуть диви́тьця, а на твою́ квітку.» — Я було́ стёнжки понадкро́юю, дівча́тамъ пороздаю; разки́ понадни́зую, такъ би все й розділи́лась зъ ни́ми. А послі було́ й сама́ призна́юсь дя́дині, що надполови́нула, а дя́дина вже́ сёго́—ні... «Я,» ка́же, «копи́ла, не ру́ки скла́вши, а ти его́ ма́рне поростри́нькуешъ... а мені ажъ на ши́ї ва́жко.»

II.

Отъ, на Велúкдень, пішла я, зъ сусідомъ и зъ пóдругами вгурті пáски святúти. У насъ и порося́ и сáло, й ковбáси: спасúбі Бóгу, усёгó булó. Привезлú, — постáли на цвúнтарі: я пóручъ зъ своімъ сусідомъ,—вінъ на своімъ вóзі й привізъ, бо моя́ дя́дина на хазя́йстві зоставáлась. Изъ ворітъ на цвúнтаръ лю́де тáкъ и точя́тця, якъ бжóли зъ у́лля, съ паскáми; ажъ дýшно зробúлось. Кругóмъ лю́де у два ряди́ постáли ря́сно, мовъ квітóкъ хто рядóчками насажáвъ, тільки поміжъ пропустúли попý съ причéтомъ пройти́; почалú зъ рушниківъ уся́чину вивья́зовати, и колó мéне хтóсь по прáву рýку стáвъ, да я й не огля́нулась: сáме піпъ изъ цéркви зъ причéтомъ вúйшовъ и почáвъ кропúти, идé рядáми да всé крóпить, а тутъ за нúмъ вслідъ тúтаръ прóскури клáдé, а одъ мúру одбірáе крашанкú, я́блука, пьятáччє.

Порівня́лись изо мнóю и одъ менé одібрáли, я й грóши подалá; підійшлú й до могó сусіда, що по прáву рýку, — ажъ и взять-то нічого. Пáсочка пшенúшна маленька, сáла шматóкъ, пáра крашанóкъ и хріну корінчикъ. У менé ажъ тёхнуло. Зглянула я, — ажъ Бóже жъ мій мúлий! Пáрень, якъ квіта, стоїть, — тільки врóда ёгó! Взявъ тúтаръ крáшанку, подéржавъ у руці, подивúвсь на ёгó, да й положúвъ назáдъ мóвчки. Бáчила я сёго пáрубка на музúкахъ и всé дивовáлась, чомъ вінъ не йде у танéць, чомъ вінъ не женихáетця? Гордúй, думаемъ... пишáетця-я́къ своéю врóдою... и пáри собі не подберé. Статніший одъ усіхъ, молодúй и худорля́вий; чорноýсий, смугля́вий, óчи якъ терéнъ, и кýчері по ёмý. Тільки на ёгó й дивовáлась, — а то й байдýже. Дівчáта кáжуть: и той гáрний и той багáтий,—я на тé й не вважáла; тільки тепéръ скúнула очúма, що усі-то въ сúніхъ жупанáхъ, якъ волóшки въ жúті синіють, а мій — въ такúй день въ сірачúні, да тільки врóда ёгó гóрда й пúшна все зкрашáе,—мовъ місяць надъ зóрами... Стоїть вінъ зо мнóю пóручъ. Менí ажъ жáрко стáло, да такъ щось одъ сáмого сéрця и покотúлося: и жаль менí чогóсь и когóсь, и самá не знáю; и вéсело й не знáю — куди́ менí óчи своі повестú? хочъ я й поведý іхъ куди́, до все рівно — нічóго не бáчу й не чýю. Хотілось би на ёго... дакъ вúі замигтя́ть - замигтя́ть — и не зглянý, якъ на сóнце... Такъ и чýю, якъ крáска менí шибáе вгóру, ажъ у óчи наллéтця, да й опýстится... Одхлúнуло; я—зірквъ: прóти мéне

стоя́ть зъ паска́ми, а я й забу́ла де́ я: спаси́бі імъ, и не ди́влятця на ме́не. Я хусти́ну ви́няла, уте́рлась; ста́ла затика́ти за запащи́ну, ру́ки трясу́тця — не заложу́, да й упусти́ла; вінъ нахили́всь мені підійма́ти, а я й собі,—да якъ ски́нулись збли́зька очи́ма, такъ я й до до́му приіхала зъ паска́ми, нічо́го не тя́мивши.

Дя́дина насъ зустріла: «що́ се́ ти, моя голу́бко, якъ по́вна ро́жа розцві́ла?..» А я й сло́ва не промо́влю. «Охъ, чи не нагля́нуло тебе́ що́?» Соро́чку мені за́разъ навиворотъ наді́ла. Я горіла ажъ два дні,—тільки кри́шечкою па́ски розговілась и то дя́дина ублага́ла: «мо́же,» ка́же, «одъ свяче́ного поду́жчаешъ;» а то й рісочки не було́ въ ро́ті.

Зъ того́ ча́су вінъ уже й на віки зоста́всь у мое́му се́рці, зъ тое́і годи́ночки якъ згля́нулись зъ нимъ на цви́нтарі. Вінъ мій, мій! Усе́ мені ста́ло неми́ло; ёго́ хо́чу ба́чить,—не дя́дину, не дівча́тъ... ёго́!.. сі́ру убо́гу свити́ну, ку́чері... Якъ би кри́ла—полену́ла бъ до ёго зозу́лею, кова́ла бъ, визива́ла бъ его́: да куди́ жъ?.. У люде́й би роспита́ла—да я́къ же ёго́ величати?.. Бо́же жъ мій! сіра свити́на, чо́рні ку́чері, да й тільки:—не врозуміють... да оце́ бъ то імъ и сказа́ти?... Сама́ зпе́ршъ надивлю́ся, сама́... нико́му не скажу́ про ёго́,—бу́ду ду́мкою жи́ти...

III.

Прихо́дять дівча́та, кли́чуть на музи́ки,—я тільки на тре́тій день пішла́. Підхо́димъ до ши́нку; на га́нкахъ тако́го наро́ду зібра́лось,—музи́ка у сіняхъ гуде́, дівча́та кругомъ одна́ за одні́ю якъ у́тки пливу́ть. Я—ти́ць на порігъ, а о́чи за́разъ и зустріли, чого́ бажа́ли. Я ні туди́, ни сюди́; дівча́та на мене́ зза́ду: «що́ ти прикипіла? йди́ швидче;» а мене́ но́ги не несу́ть. Си́лою гу́рьба допха́ла. Прийшли́, посіли. Усі гомоня́ть,—музи́ка такъ и ріже *го́рлиці, журавля́;* бу́бонъ гуде́; а у мене́ въ оча́хъ усе́ верти́тця. Дівча́та на ме́не гука́ють,—я не чу́ю; котра́сь мене́ схибну́ла за плече́: «що́ це ти, Зінько? не здужаешъ, чи що́? Оце́ хтось нагля́нувъ, або ти ступи́ла въ таке́ місце де зла́ чоловічина не до́бре поду́мала... Оглу́хла?!» Тутъ молоди́ці підійшли́,—ка́жуть, «чи не переполо́хъ,—що пойти́ бъ до Золотари́хи—вона́ до́бре вміе вилива́ти,—усе́ роска́же—съ чого́ ста́лося и чи́мъ лічи́ти одъ яко́і хоро́би.» Лю́де почали́ потро́ху збіра́тись коло́ насъ, а я все́ горю́.

Бідкаюсь, на що́ між люде пішла́; — дакъ и то́жъ біда́, — ёго́ не поба́чила бъ; а тимъ ча́сомъ за мно́ю помічаю́ть. Ди́влятця на мої що́ки, да до́бре що не зна́ють, що́ се́рденько моє́ мені ка́же: а въ ёму́ такъ и розлива́етця мовъ у котлі, такъ тобі и бо́лізько и лю́бо... Прийшла́ додо́му, — не ве́село мені, не зна́ю за що взятьця, світъ мені не милъ. Дя́дині бъ одкри́ть усе, дакъ не хо́четця: здае́тця не такъ згля́не, якъ я́, на ёго. Хожу́ на́че впу́стці, ня́нчусь зъ своїмъ се́рцемъ, да все одна́ ду́мка: якъ би мені ёго́ поба́чить, я́къ би мені провідать, де вінъ живе́, якъ ёго́ зову́ть. А тутъ дя́дина усе́ коло́ ме́не клопо́четця. «Нічо́го, ті́точко,» кажу́ ій: «се мене́ соба́ки налякали. Я ду́жа, зовсімъ ду́жа.»

Вийшла уве́чері, сіла на при́зьбі: такъ вінъ въ моіхъ оча́хъ и увиджа́етця! 'Якъ же мені провідать, нико́му не каза́вши? Згада́ла я, що молоди́ці про воро́жку Золотари́ху каза́ли. «Пойду́ жъ,» ду́маю: «що Богъ да́сть. Хай вона́ мені ска́же, хто́ то́ и де́ вінъ; да якъ» згада́ю и про дя́дину, що ій моро́чу — пра́вди не кажу́, — то ажъ серце мое заболи́ть: та́къ мені жа́ль ста́не. Ду́маю собі: скажу́ ій, — а послі знова́ — ні. Тільки Золотари́сі одкрию́: й тожъ ли́хо! Якъ же я прихили́ося по́слі до дя́дини, котра́ мені за ма́тюръ ста́ла? Сижу́, а се́рце такъ у мене́ коло́титця; припа́ла я на холо́дну при́зьбу, ажъ стогну́, метушу́ся. Бо́же жъ мій! Боже жъ мій! коли́бъ хочъ разъ погля́нуть на *ёго́* безъ люде́й! Одну́ годи́ночку, одну́ хви́лечку... А тутъ соловьі ду́шу дотина́ють: вме́рти мені не хо́четця и жи́ть мені ну́дно. «Мовчіть,» кажу́ собі, «солове́ечки; да́йте тро́хи душі ути́хнуть, а то ви́становитця... Охъ, щобъ не затхну́тись одъ тіе́і му́ки!» А дя́дина одсу́нула кваті́рочку, почу́ла, й почала́ гука́ти: — Зінечко, Зінечко! се ти́, моя кри́шко, такъ сто́гнешъ и розмовля́ешъ? съ кімъ се ти та́къ... зъ зоре́ю вечірнёю, чи що́? —

У мене́ й духъ занявся... що́ се я наробила!

— Ходи́ сюди́, моя́ до́не... Що́ це на те́бе приго́донька? За́втра пійдемъ до Золотари́хи, — не́хай ви́лле. Вона́ всю пра́вду ска́же. Коли́сь мені вилива́ла якъ я но́гу звихну́ла: я то коли́сь въ гарбузо́вій гу́дині заплу́тавшись упа́ла; боли́ть нога́ да й боли́ть, а хто ёго́ зна́е й чого́, які ліки прикладати?.. Иди́ въ ха́ту, се́рце. Коли́ бъ якъ переждати нічъ: уже́ пізно, моя́ дити́но; я прилягла́ да й засну́ла, послі вече́рі. А ти й не вхо́дила и въ ха́ту до́сі? подивись на зо́рі: уже́ на світъ займа́етця. —

«Дя́диночко, дя́диночко!» кажу́, да й сло́ва бі́льшъ не промо́влю: та́къ се́рце розходи́лося.

— Що́ тобі?—

«Нічо́го. Ай!...»

— Да таки́ що́ жъ, моя́ квіточко? —

«Ту́тъ щось,» кажу́, пока́зуючи на се́рце. Не вмію гара́здъ и росказа́ти — що́.

— Ну́дно? — ка́же.

«Ну́дно.»

— Ля́жъ. —

Лягла́ я; скропи́ла вона́ мене́ свято́ю водо́ю, уложи́ла спа́ть, — сама́ до́вго не спа́ла, да й я — ні.

IV.

Вста́ли ра́но; дя́дина скоре́нько споряди́ла мене́, — ми й пішли́ до Золотари́хи. Виливала́ вона́, зъ во́ску, два́ ра́зи: такъ и запли́ве́ й стуманіе. Золотари́ха ажъ головою покру́тить и якось ніби жа́лібно на ме́не згля́не. У тре́тє взяла́ да й ви́лила изъ са́мого о́лива, да тогді й ка́же: «дивітця по прекме́тамъ, чи не вгада́ете чого́?» Я згля́нула да на́че на доло́ні все ба́чу. А дя́дина моя́ толкує: — Ото́, що на́че ко́пи здаю́тця, то паски́ розста́влені, — тамъ ії й нагля́нуто. — А я ще й більшъ добача́ю: — що ми схили́лися, и якъ вінъ мені ху́стку пода́въ, — а ій здае́тця — то́ ті соба́ки, що мене́ налякали — зіпьяли́сь, гризу́тця. А Золотари́ха на мене́ згля́нула: — а тобі що́, до́ню, — ка́же, — здае́тця? — Я такъ и зарді́лась, да й кажу́: «соба́ки.» А вона́: — Ні: то́ — па́рень, моя́ голубко, тобі до нігъ уклоня́етця. — Готу́йся, — ка́же моій дядині: — ско́ро старости́ завіта́ють у ха́ту до твое́і небо́ги, хоть ище й ра́но, до-пори́. И тебе́, моя́ до́ню, нагля́не не одно́ парубо́цьке о́ко и зза сёго бу́де твоій молодій голові бага́то ту́рбу... Що мо́жна, то одведу́, — а чого́ не мо́жна, то й дури́ть, мое́ серде́нько, не ста́ну. Се тільки втре́тє мені довело́сь на віку́ тру́дно вилива́ти, а то — одра́зу: хочъ и во́скомъ, то все якъ намолю́етця. —

Да й ви́слала дя́дину у дру́гу ха́ту. А мені: — ляжъ, — ка́же. — Я лягла́. Вона́ налила́ у стакане́ць води́: навхрестъ наліпи́ла до стака́на чоти́рі страсни́і свічки, и запали́ла. И ста́ла диви́тьця у

во́ду, а послі покло́ни покладáти; да изно́въ погля́не у во́ду да й изно́въ кладе́ й хрести́ й покло́ни вели́кі. По́слі подéржала мене́ за пья́ти, пошепта́ла щось и сплёва́ла; послі притули́ла руко́ю до очéй, до се́рця, и почала́ зно́въ моли́тись, а послі звеліла менí подýть на свічки и напи́тись тіéї води́. — Голýбко моя́, — каже: — жаль менí тебé. Ти, — ка́же, — ще дити́на, а се́рденько твоé ужé заня́те, якъ голýбка зъ гнізда ви́пурхнуло. Попоно́сися ти зъ ни́мъ, — бода́й не каза́ти!.. Ось же що́: Дождáвши неділі, вста́нь вра́нці, ра́но-рано, й пойди́ до крини́ці, возьми́ непоча́тої води́ и не оглядáючись повертайсь до-дому́, пійди до це́ркви, и якъ дочитаютця до *Иже Херуви́ми*, обійди зъ тіéю водо́ю кругомъ це́ркви три ра́зи. — «До́бре,» кажу́, «бабу́сю.»

Ввійшла́ я у другу хату, до дя́дини, и усé ій росказа́ла: дядина подала́ Золотари́сі на стано́къ полотна и ко́пу гро́шей. Тільки жъ Золотари́ха не взяла́: — Якъ помо́жетця, тогді, — ка́же, — й принесіть; вку́пі хліба й со́ли перекýсимъ. Я не изза-гро́шей по́мічъ людямъ даю́, а изъ ла́ски. Я ра́да, що дя́кують лю́де и ка́жуть, що помога́етця. А ми всі рівні, у Бо́га все еди́ні діти. —

Отъ и пішла́ я изъ дядиною до це́ркви діжда́вшись неділі и пля́шечку зъ водою взяла́. Передъ тимъ, якъ співать *иже херувими*, я й ви́йшла изъ це́ркви. Отъ, иду́, обійшла́ разъ кругóмъ да й ду́маю: «чи до́бре жъ то менí бу́де, якъ я оджену́ оту́ лю́бу мою́ ту́гу одъ се́рця, и не поба́чу ёго́? Чи йти́ менí вдру́ге, втре́те, чи ні?»

Зупини́лась тро́хи й мірку́ю. Посто́яла, поду́мала: «не пі́йду більшъ... Лю́бо за ми́лого и потужи́ти.»

Ру́хнула щобъ ити́ до церкви... Бо́же мій! ле́дві зъ нігъ не збила: вінъ передо мно́ю! якъ изъ води́ ви́рісъ. Поту́пилась, стою́: ні туди́, ні сюди́, мовъ окаменіла. А вінъ—такъ до ме́не: «Світе мій, світе мій,» ка́же. «Ти менí світъ завьяза́ла. Погля́нь на ме́не, моя́ га́лочко, ще разъ, якъ тогді... світъ менí знеми́лила... Ста́ньмо сюди́.» Взя́въ мене́ за пле́чи, одвівъ тро́хи въ бокъ: (ба́чте, село́ кругóмъ, лю́де щобъ не нагле́діли, а то ска́жуть—«мала́, ще пі́длітокъ, а вже спізнаётця, й моли́тву поки́нула:) я йду́,—слу́хаюсь... згля́нула на ёго. А вінъ изно́въ: «рибчи́но моя́, замо́въ менí одно́ слове́чко... одно́... чия́ ти? я́къ звать тебé?» Я трушу́сь: каза́ла бъ, да уста́ не мо́влять; дивлю́сь на ёго́, упива́юся, й со́ромно менí, и вінъ зъ мене́ оче́й не зведе́. Обвівъ руко́ю кругомъ плече́й, ди́шимъ одни́мъ ду́хомъ, що́ки на́ши ажъ па́шуть... Вінъ зхили́вся, бо висо-

кий, а я́ ще недо́літокъ: ди́вимось, дєвимось мо́вчки, ди́вимось въ вічи одно́ другому, ажъ хто́сь зъ дзвінко́мъ по шляху́ пронісся,—ми й розійшли́сь, не промо́вивши ні сло́ва... Сіла я у це́ркви на рундуку́, по́ки лю́де ста́ли вихо́дить. Доро́гою каза́ла дя́дині, що въ мене́ голова́ розболілась у це́ркві,—ду́шно, дакъ я й вийшла. Прийшли́ до до́му; дядина мені и те́ и се́,—розмовля́е, а мені світъ неми́лъ,—такъ мені ну́дно, що усе́ перебива́е мені думать про ёго; а тутъ незаба́ромъ біжя́ть дівча́та на музи́ки кли́кати йти́. А, Боже жъ мій! що́ мені каза́ти? постережу́ть якъ скажу́, що не хо́чу йти́. «Погуляйте жъ; зго́домъ пійдемо»... И дя́дина таки́ ка́же: тре́ба ій юнчи́ну дру́гу зодягти́ и гро́шей припасти́ на маковники́, до́-що. «Дядиночко́,» кажу́: «доста́ньте зъ скри́ні всє́;» а сама́ зъ ха́ти, да за двєри; въ сіняхъ ста́ла, закри́лась рука́ми, и у́ши затулила, й о́чи заплю́щила щобъ ніхто́ не поло́хавъ; одверну́лась у куто́къ, та й ду́маю... Одвела́ тро́хи ду́шу; ввійшла́ въ ха́ту, прибра́ла мене́ дядина и провела́ насъ ажъ у сіни за двє́ри, ще й подиви́лась вслідъ—я́къ-то мені. Идемо́ доро́гою; а нудьга́ жъ яка́ йти міжъ лю́де! я бъ тепе́ръ у лёхъ забра́лась, у гай густи́й, щобъ тільки про ёго ду́мать. «Ай, постойте,» кажу́, «стри́ці! но́гу підколо́ла. «Шкити́льгъ, шкити́льгъ:» ні, не пійду шкитильга́ючи міжъ лю́де,—верну́сь»—и верну́лась. Дядина тро́шки зляка́лась, а по́слі й нічо́го: пообідала й ля́гла спа́ти. Мені й істи́ не хо́четця,—кажу́: «дівча́та насіннемъ, до́-що, нагодова́ли.» А вона́ ду́же й не домага́лась: — Да и мені щось на́ душу не йде; ма́буть того́, що по́рано вста́ли. —

Дядина заснула,—я й пішла́ блука́ть по двору́, по горо́ду. Журу́ся, що дурна́ була́—не поспита́ла, де́ вінъ живе́ и хто́ вінъ?... А уста́ мої горя́ть... ли́стечко рву́, притуля́ю до гу́бъ,—та́къ и скипи́ть, и скипи́ть! Журу́ся, пика́ю, серденько ни́е... а й лю́бо жъ якъ!.. Со́нце ся́е, соловы́... ажъ лісъ розляга́етця,—вишне́ві сади́ всміха́ютця... квіточки, якъ зірочки, понасторо́шовались,—усе́ пригорта́ла бъ да свого́ се́рця, усе́ бъ цілова́ла! Прийшла́ до бере́зи, сокъ то́читця, пи́ть хо́чу, да й не пью: що́ки па́шуть, я—гиллечка молоди́хъ берізокъ въ жме́ню зберу́ да притулюю щобъ прохоло́ли, огорта́ю собі ши́ю. Зду́маю, якъ вінъ мене́ такъ обня́въ; чую ёго́, ба́чу—якъ стоіть зо мно́ю, якъ ди́витця,—хо́чу кри́кнуть, назва́ть ёго да й не вмію. Се́рце мое, се́рце мое!... Ду́маю:—якъ не поба́чу ёго́ сёго́дні,—побіжу́ село́мъ, буду крича́ть, бу́ду звать кого́-не́будь, а, мо́же, й вінъ ви́рне...

Ой Бо́же, Бо́же, коли́ той ве́чіръ бу́де!...

Терпітиму до вечора якъ моги. Буду Бога благати,—а вже на ту водицю, що тільки двічи обнесла и віри не покладала.—Ще поблукала; далі втомилася, зхилилась на лісу надъ дорогою и думаю: у якій-то вінъ бікъ живе? усе бъ туди дивилась, туди й поленула бъ—...

V.

Такъ собі стою, й загадалась. Тутъ два діди підійшли, поздоровкались изо мною.—А що се,—кажуть,—небого, на музики нейдешъ? Дідина не пускае, щобъ хто не зурочивъ, чи що?—А другий каже: —Э! добре робить, добре робить—ще порано бігати.— «Ні,» кажу, «дідусю: ногу підколола, дакъ вернулась.» А тамъ згодомъ старці зъ чужого села пройшли, по шагу подала и спровадила іхъ зъ бандурою на музики. «Усі» думаю, «идуть, а мого й немае...

Вся челядь гуляе—
Тілько тебе, да мене немае.

Знову щось куріе,—тілько не туди, а відтиль. Ближче, ближче, пилъ такій збива... ближче... охъ, лихо! се жъ вінъ, се жъ моє серденько бринить! Я й присіла за тинъ! Вінъ за руку.—Не ховайсь, моя рибонько золотастая.. Ось де ти живешъ, ось! я зблукавъ усе село, обтеръ усі тини лазючи, зполошивъ усіхъ собакъ, тебе, моя доле, шукаючи... на музики два рази забігавъ: сидять твоі подруженьки,—тебе, мое сонце, не світить.—

А самъ такій блідий, пітъ по щокамъ такъ и котитця, увесь у пилу.— Ось ти де живешъ!—Окинувъ окомъ кругъ себе. Я перехилила голову черезъ тинъ; вінъ притулівъ мою голову до себе, а я—мовъ давно вже зъ імъ снізналася!—Ходімъ,—каже,— у гай;— (а у насъ, коло села, гонівъ два лісу)... ходімъ куди-небудь, моя ти доле красная. Якъ не ти... умру, ні буду ничиіхъ устъ цілувати. Кажи мені, що хочъ, а я твій; хочъ покинь... дарма... пойду світъ за очи, а твій буду,—не покину тебе, моє коханне...—

Да й изнявъ мою каблучку зъ пучки, а свою мені надівъ.—Дай ручеята я пересажу тебе.—Я подала, да такъ и перелетіла, мовъ не своею. Пійшли.—Куди жъ я тебе оце веду? люде стрінутця, убачять, пійде поголоска... Вернімось, моє серце...—

А я йду, и землі підъ собою не чую. «Ні,» думаю, «не вер-

нусь.» Держу́ его́ міцно за ру́ку, мовъ прикипіла.. *Двічі лі́та не буває́*... «Ходімъ,» ду́маю; а куди́—й сама́ не зна́ю, й сло́ва не промо́влю. Вінъ мене́ си́лою поверну́въ и переки́нувъ чере́зъ лісу, и самъ перескочивъ.

У горо́ді у насъ стоя́ла повіточка старе́нька—уже́ похили́лась,—колись бжоляни́къ бу́въ при дідьку-покійнику; тепе́ръ тамъ тільки негоді́щиі у́ллі да тріски лежали. Вінъ пока́зуе руко́ю на повіточку:—тамъ не страшно?—Духъ у мене́ займаетця; я ті́льки кивну́ла голово́ю. Вінъ узявъ мене́ за ру́ку и ввівъ підъ повітку.—Тутъ не стра́шно, моє́ се́рце: люде не нагля́нуть,—ка́же; а я мовчу: «мені,» ду́маю, «нігде́ не стра́шно.» Якъ прийшли́,— сіли у куто́чку—вінъ оди́давъ тріски, а спе́реду заложи́въ у́ллями—насъ и не ви́дно, хоть би хто й ввійшо́въ,—да тільки літомъ туди ніхто́ не заглядавъ.

Сівъ вінъ, узя́въ мене́ на ру́ки до се́бе:—ти моя дити́на, ти моя зоря небе́сна!—такъ мене́ пе́стить!..—Умре́мъ,—ка́же,—тутъ!—

«Умре́мъ,» кажу́.

— Я зна́ю, я бідаха, да ще къ тому й крепа́къ; твій рідъ такий великій—змага́тиметця...—А я до ёго припа́ла: «я твоя́,» кажу́... Обнялись, и ні сло́ва. Вінъ мені диви́тця въ вічи, вигля́жуе мені бро́ви, цілу́е мене́, милу́е. Бо́же мій! а що́ вже зо мно́ю ро́битця!.. Вінъ знявъ съ пу́чки зъ моє́і каблу́чку, почепи́въ мені її на ши́ю на шнуро́чку, зъ образко́мъ вку́пі, и свою́ мені да́въ; я ёму́ тожъ повісила на ши́ю...

Якъ ди́витця! якъ голу́бить мене́ очи́ма своіми!...

— Пора,—ка́же... А я—не хо́чу йти.—Пора́... якъ же тебе́ узива́ть, ри́бонько?

«Твоя́,» кажу́.

— До́бре. А я—твій. Прощай, га́лонько! Забра́въ би тебе́ зъ собо́ю, да й зайшо́въ би куди́ зря.—И поцілова́въ мене́.—Люде́й бою́ся, тебе́ жалію.—Обнявъ и прихили́вся до ме́не.—Пора!—Ми вста́ли—иде́мъ,—я ступи́ла на порігъ,—вінъ ще разъ обня́въ мене́—постоя́въ, здихну́въ и пішо́въ, заду́мавшись... и я́ вслідъ за нимъ!

— Иди́,—ка́же,—до до́му́.— Я схопи́ла ёго́ за ру́ку...

— Ні, йди́, йди́! Диви́сь: село́ жъ пере́дъ тобо́ю, лю́де!...—Стрібъ—и нема́!.. Я ру́ки до ёго... Бо́же мій,—дале́ко вже!—Я обняла́ лісочку, дивлю́сь—куріе доро́гою, а послі несе́тця горо́дами, ле́дві манячить; онъ, ставъ на лісі, изно́въ зни́къ, и нема́, нема́... изно́въ буваніе... Бо́же!

Ой видсіль туди́ пішла—поіхала
Лю́бая розмо́ва...

и моє́ се́рце несе́тця вслідъ. Ось изновъ ˈставъ коло́ ха́ти на лісі, ша́пку зня́въ... чи ба́чить-то вінъ мене́? Я пізнаю ёго́, да вро́ди ёго́ не ба́чу,—каріхъ очéй ёго́: зни́къ и нема́, й нема́... Тепе́ръ же я зна́ю, де́ вінъ живе́!

VI.

Верну́лась я въ ха́ту,—та́къ мені ве́село,—ажъ всміха́юсь, и землі нога́ми не сяга́ю,—такъ би й ки́нулась дя́дині на ши́ю и всю бъ щи́ру пра́вду росказа́ла. Дя́дина не спа́ла вже, тільки лежа́ла. Я ввійшла́; вона́ й ка́же: — скуча́ешъ, моя голу́бко а що́, чи ска́бку ви́няла зъ ноги́?—«Уже́,» кажу́: «тільки тро́шки боли́ть.»

Вста́ла вона́, погомоніла, по́тімъ заходи́лися вече́рять: ілось намъ обо́мъ такъ сма́шно; посе́діли ще у вікна́, послу́хали соловьівъ, що зъ га́ю ажъ луна́ по зорі йде́. Наша ха́та була на ви́гоні и лісо́къ у боку́ понадъ доро́гою недале́чко: и въ огоро́ді на бере́зі сви́щуть соловьі, и де́сь у кущі щебета́въ... послу́хати лю́бо! Місяць зі́йшо́въ, світить—пливе́ по не́бу, хмарки лете́нькі, якъ серпа́нокъ, коли́-не-коли перепина́ють ёго́; у селі почало́ стиха́ти; ті́льки де-не-где́ воро́та заскрипля́ть, звідъ здійметця; ове́чка замеке́че; пісьню зти́ха хто, додому верта́ючись, заспіва́е; а да́лі все ти́хше, ти́хше, и пилъ надъ доро́гою ста́въ осяда́ть; роса́ спа́ла; свіжий паху́чий вітере́ць повіявъ, ути́хло все́—тільки соловьі ще ду́жче перекрика́лись и се́рцю мойму́ наче одъ мого́ лю́бого звісточку передава́ли: «мо́же й вінъ тепе́ръ,» думаю, «слу́хае, — може й вінъ зо́рі лічить и мене́ зга́дуе.»

— Хто?—дя́дина пита́е... А я—якъ стрепену́лась!—Що́ се ти? задрі́мала?! Ля́жмо спа́ть,—годи́на вже́ и мені щось позіха́етця.—

Полега́ли спа́ть на полу́; я підкоти́лась до дя́дини, почала́ ії пригорта́ти, цілова́ти. «Дя́диночко,» кажу́, «я покоха́ла...» да й не домо́вила: хотіла призна́тьця, що покоха́лась, а послі прищу́лилась до ії, да такъ уже й не просина́лася до світа. Уранці вста́ла, причипури́лась; хожу́ по горо́ду, підкочу́ коло́ду до ліси, зіпну́сь,—усе́ на ту ха́ту, усе́ туди моя́ душа́ рве́тця! А гара́здъ, що я зна́ю, у якій стороні вінъ живе́! се́рце що годи́ни заходомъ бье́тця — не ді-

ждусь ёго́. «Ну,» думаю: «до ся́къ до такъ, до ве́чора буду жи́ть, а въ вечері мій миленькій прибіжи́ть; усе надіею жила́. И дя́дина прийде, на село́ погля́не,—ду́мае, що й я того́ дивлю́сь:—хто про́йде, проі́де,—доро́га до міста ми́мо насъ поля́ми постягла́сь... День мені го́домъ зда́вся,—нема́ ёго́! На другий, ще́ тре́ті півні не заспіва́ли, я уже́ схопи́лася, біжу́—нема́ ёго́... не чу́ть!... стою́, дивлю́сь... тільки верба́ коло́ ёго́ ха́ти коси́цями рясни́ми тремти́ть, темни́мъ стовбо́мъ ди́мъ пішо́въ зъ ёго́ бо́вдура, незабаромъ звідъ звівся вго́ру и зно́въ опусти́всь... «Хто-то ёму́,» ду́маю, «ха́ту зато́пивъ, води́ці ви́тягъ?..» Нема́ й нема́! Оце́-то! кому́ ща́сте, тому й до́ля! И ве́чора діжда́лась и спа́ти ляглá жу́рячись... Мо́же насмія́вся... Коли́бъ була́ не люби́ла, го́ренька бъ не зна́ла,—такъ—ні!..Побігла бъ по ёго́ сліду стежка́ми, перела́зами,—да снаги́ нема́ю, на́че мені світъ завья́зано, хмели́ною но́ги спу́тано, о́чі заснічино. Де́ ща́сте, та́мъ и ворогъ: мо́же люде що́ наколоти́ли? не стра́шно соба́ки, а звя́ги ёго́. Тиня́юсь по за́куткамъ... Та́къ пройшло́ изъ неді́лю, ру́ки опусти́ла... якъ водо́ю зми́то—нема́ й нема́!.. Тільки й рідного, здае́тця, що те́ містечко, що ми сиділи, та ліса, де́ ми размовля́ли. Вже й на дру́гій ти́ждень повернýло якъ ёго́ не ба́чила...

Ве́чоръ на дворі; дядина заходи́лась лега́ти спа́ть, и я вже́ розбіра́лась, ажъ що́сь бурти́сь въ горо́дъ, бурти́сь, а послі ліса трісь... у мене́ й у душі похоло́ло: «чи не вінъ се», ду́маю. Я такъ до вікóнця підійшла, мовъ що беру́ на ла́ві: ба́чу, тінь до́вга постягла́сь по зеле́нихъ грядка́хъ; въ серце мене́ заколо́ло... Я—зъ ха́ти, дядина ще й завернýла:—надінь, до́ню, корсе́тку;—я ски́нула на пле́чи що похватніше, й ви́бігла не о́бзиръ на горо́дъ, ста́ла коло́ ха́ти да й ми́мрю:

Ой чи се той Мики́та,
Що на о́пашку сви́та?
Підъ вікóнцемъ зогну́вся,
Чи не вийде Мару́ся?

Тільки що почала, вінъ до мене й обізва́всь:

— Моя́?—ка́же.

— «Твоя», да такъ и при́снула до ёго. Я по сей бікъ ліси стою́, вінъ по той.—Тутъ ви́дно,—ка́же.

Ми поступи́ли такъ щобъ тінь зза бере́зи не була́ ви́дна.

«Де́ ти бувъ, моé се́рце?»

— Бо́же жъ мій,—ка́же́:—поверни́сь до місяця! гу́боньки у тебе́ якъ посма́гли!—Пригорну́въ мене́ кріпко.

«Я ду́мала», кажу́: «що ти мене́ поки́нувъ...»

— Ні, ні, моя зо́ре я́сная,—ні! Хіба́бъ я скоси́всь... и на одну́ хвили́ну ти въ мене́ зъ се́рця не спада́ла, а мене́ такъ ра́но на па̀нщину зана́то, що я не ма́въ ча́су тебе́ оповісти́ти. На ху́торі хлібъ домоло́чувати тре́ба було́, що одъ зими́ оста́вся. Иду́ тими поли́ми зеле́ними, якъ на ши́биницю. Ка́жуть, у по́лі, въ козака́, ду́мка молодіе, а у мене́ се́рце боліло. Коли́бъ годи́на, щобъ я тебе́ оповісти́въ,—то бъ и байду́же. Де роби́ть, до роби́ть,—я ді̀ла не бою́ся... Лета́ть журавлі, гу́си изъ ви́рия, лета́ть галки́, голуби́, — гада́ю якъ не промо́влю: — накажіте́ моій дівчині̀ вірноі, я́къ мое́ се́рце ни́е, де́ я й чого́ я забари́вся, и слова оста́ннёго ій не замо́вивъ... Оце за́разъ відтиля повернулися; я й до ба́тька не захо́дивъ. Ду́маю:—подивлюсь хочъ на іі віко́нце коли́ спи́ть. И грудцемъ пуска́въ въ горо́дъ, чи не почу́е... нейдешъ!.. хотівъ лісу злама́ть—така̀ мене́ ту́га взяла́.. Проща́й, моя́ голу́бко! спи... А дядина?

«Лягла́», кажу́.

— Иди́ жъ спочи́ть: за́втра...—

Кріпко, до-любови, поцілова́лись, и розійшли́сь. Біжучи́ люби́сточку рвану́ла, унесла́ въ ха́ту. «Оце,«кажу́,» заслу́халась соловьівъ, да люби́сточку ввірва́ла—у го́лови положу́, щобъ душіло.... да лю́бощи снились», ду́маю, «да ти́хая розмо́ва». Да й загада́ла:—хто на вине́ць мені суди́тця, той сю нічъ мені присни́тця. Проки́нулась на зорі. Зновъ ве́село! Ста́ла хлібъ місити, пічъ затопи́ла, въ ха́ті убра́ла,—та́къ мені лю́бо! и со́нце світить и́ншъ и ха́та світла, біле́сенька, мовъ усміха́етця... Божни́къ квітка́ми ути́кала, лавки́ зми́ла, обідъ застанови́ла, хлібъ посади́ла,—ще кажу́ дядині—«пойду́, грядки́ пополю́»: такъ и знесу́, знесу́ гря́дку; а тамъ усе́ на́зірцемъ, чи не йде́. Дядина до ме́не ви́йшла, — ску́чила. Ажъ и пройшо́въ, да поба́чивъ, що дядина—ша́пку подня́въ:—будьте здоро́ві зъ суботою!—и пійшовъ да́лі; тільки й ба́чились. Дядина стоіть на гря́дці, а я такъ, похнюпившись, полю́, — займа́ю не тільки бурья́нъ, да й бурякй, и все́, що підве́рнетця, — та́къ и оголи́ла.

А дя́дина ка́же:—Оце́ крепа́къ пройшо́въ, Тещенковихъ панівъ. Таке́ убо́жество! Ска́зано—безъ хазя́йки: ба́тько старий, ні ма́тері,

ні сестри́ нема́, сами́ собі й обідати ва́рять, хлібъ печу́ть, ва́рево кладу́ть. Сей Хве́діръ на па́нщині, а той стари́й тільки чо́боти на люде́й ла́дить. Да й Хве́діръ обуча́вся сёму реме́ству; зіму ши́е, літомъ у по́лі ро́бить. Що загору́ють у дво́хъ, те й зъідя́ть. Хве́діръ що заро́бить, то себе́ тро́хи споря́дить и ба́тька. Да й самъ-то яки́й собі уда́вся: якъ тичи́на, висо́кий, худорля́вий,—не ціпомъ би ёму́ й ору́довать! Уже скільки було ёму́ стари́й ка́же: «ожени́сь, Хве́доре: до́ки одино́кими намъ жи́ти?» — Ні,—каже: — іще па́ра мо́я десь, ви́дно, на при́пичку ка́шу ість: ніко́го не вподо́баю.—«Дакъ я́къ же?! у робо́чу годи́ну и соро́чки нікому ви́прать».—Я лу́чче,—ка́же, —самъ ви́полощу, а ніжъ візьму́ собі не до любо́ви. — *Отъ яки́й ви́рісъ, а ума не ви́нісъ*: таке́ прова́дить! зъ душкомъ уда́вся якъ и ма́ти ёго́. И поло́щитця було́ самъ, на́че се́лехъ на воді. Жу́ритця ёго ба́тько ста́ростю; ка́же: «не доведе́тця тебе́ поба́чить въ па́рі. Подби́вся я, хиля́ючись самъ коло́ пе́чи...» Иногді й ха́ти не то́пить; та́къ у холодній и сиди́ть якъ си́на нема́.

Пішла̀ дя́дина до ха́ти. А я тільки й ба́чила ёго́ той день. На дру́гий зострілись на одну́ хви́лечку. Все боімо́сь до́вго вку́пі стоя́ти, що бъ лю́де не поміча́ли, да й дя́дина — хто іі зна́е, що ми́слить. Не замо́вилажъ—та́къ: отъ якъби ти́, небо́го, ста́ла ёму́ подру́жжемъ, — старо́го бъ догля́нула и ёму бъ, худорля́вому, соро́чечку сполосну́ла, хату бъ ви́чипурила,..—а то й обійшла́,—тільки на язи́къ его́ взяла́... Поба̀чилась я ще разъ зъ Хве́доромъ.—Коли́ бъ—ка́же мені Хве́діръ,—пора́ твоя́ ви́йшла: сказа́въ би ба́тьку, сватівъ посла́въ. Пі́йдешъ?—«Пійду́».

А тутъ до ме́не старости́ за староста́ми: одні — въ ха́ту, дру́гі зъ ха́ти якъ за прича́стемъ. Дя́дина радіе да одмовля́етця: — Ще ій пора́ не ви́йшла, —шісна́дцяти нема́, —ще погуля́е.—А я шутку́ю зъ нею да приспівую:

Ой я жъ тобі, моя́ ма́ти, перекіръ наряжу́:
По́вну ха́ту и кімна́ту женихівъ наведу́;
Ой я тобі, моя ма́ти, перекірочку:
Повну ха́ту и кімна́ту, ще й комірочку!...

А тамъ собі радію, що мене́ не турбу́ють: «не пора» — и одхли́нуть.

VII.

Пройшóвъ и рікъ. Ми крадькома́ вбача́лися. Ось упа́въ мені и сімна́дцятий годъ. Умбвилась я зъ Хведоромъ стрітитись у лісу́. Убра́лась я, уквічча́лась якъ на Вели́къ-день. «Дай, дя́диночко, зъ шóвкомъ мені пла́хту.» Дя́дина дала́, — и ро́блені квітки достає́. «Ні, дядиночкó: я свіжéнькими ути́каюсь,—пойду́ въ лісъ.» — Иди́ жъ, иди́... —

Сама та́къ радіе, що тутъ-то вжé на́товпъ бу́де старостівъ: пора́ насти́гла.—

Якъ я зраділа, якъ стрілись! якъ я обняла́ могó Хвéдора! «Сежъ мені,» кажу, «сёгóдні упа́въ сімна́дцятий, — дядина каза́ла» А вінъ ка́же:—Ти й зъ бу́дня яке́ мені свя́то зроби́ла!...—Гуля́ли, сиділи, співа́ли, квітóкъ уку́пі нарва́ли бага́то, вінокъ извили́,—я й ёму́ звила́,—понадіва́ли; сидимó,—смiéтця вінъ!.. Здаéтця, що се все на нéбі рóбитця: ти́хо въ сéрці й кругóмъ, якъ у Бóга! пахýчо, свіжо, тільки ли́стечко шéпчитця; я́къ сóнечко по ёму́ граé, пробива́етця, — и по насъ, мовъ що живé, бігае,— ми лóвимо; а на личмані въ менé,— каза́въ Хвéдіръ,—якъ зора́ скри́тця, и згля́нуть не мóжна.

Погуля́ли ми, суни́ць набра́ли, квітокъ — божни́къ убра́ть; измóвились сёгóдні старостівъ посила́ть до мéне. —Я,—ка́же Хвéдіръ,— зъ ба́тькомъ поговорю́ й пришлю́.—

Прийшла́ я до дóму; дя́дина коло варéниківъ зъ я́годами заходи́лась, я уквічча́ла усю́ ха́ту, прибра́ла, повимі́тала: весéлі ми такі оби́дві! Дя́дина й ка́же: — постели́ настільникъ, — той, що на спóді у скри́ні, и хлібъ положи́ на столі; — ще сама́ й ви́брала— запéчений, легки́й. Уже й надвéчіръ; я усé позира́ю у вікóнце; чýемо — гóмінъ: по той бікъ ýлиці, черезъ лісу, хтóсь берéтця. У менé въ душі мóвъ занялóся,—такъ сéрце й заколоти́лось. Пóтімъ гомінъ сти́хъ, ажъ ди́вимось—у воротяхъ, на дворі, показа́лось двóе пова́жнихъ чоловікъ: идýть зъ хлібомъ-зъ сіллю. Я місця не знайду́. Почервоніла, зраділа, ледві у нóги не впа́ла дядині. Снуюся по ха́ті, тиняюсь,—ажъ старости́!.. Сама́ чýю, якъ у менé вінóкъ той трýситця, мовъ усі квіточки зашамотіли. Ажъ и на порóзі. «Здорóві! зъ пра́зникомъ! Кля́няемось хлібомъ и сіллю. Ми прийшли́ по ва́шу Зіньку, — що бъ ва́шого хліба не іла бíльшъ, порóгівъ не оббива́ла.» А у менé ажъ ýшки смiю́тця.

— Сідайте, до́брії лю́де, щобъ все до́бре сіда́ло.

«Спаси́бі вамъ. Сади́, Бо́же, все до́бре!»

— Одъ кого́ жъ васъ Богъ несе́? —

А я́ ажъ рука́ми затули́ла видъ, бо згоріла, да хі—хі собі потихе́ньку въ доло́ні: «одъ мого́ Хве́дорка,» гада́ю... а вони́ якъ гри́мнуть: «одъ Мики́ти Воло́щенка!» Я за пічъ такъ и вхопи́лась, а по́тімъ и сіла на прила́вокъ. Дядина всміхну́лася: — Хай Богъ помага́е, —ка́же:—зъ дорого́ю душе́ю... А що, Зіне, ска́жешъ?—«Я ще, дя́диночко, погуля́ю.»—Да воно́ таки по́рано.—«Нічо́го, голу́бко,» —всі тро́е загомоніли, мовъ у дзво́ни вда́рили: «мо́жна заручи́ти.»—«Ні, дя́диночко, ні! мені тогді не вільно бу́де диви́тись на кого́ я схо́чу.

— Ну, до́брії лю́де, ви́пийте по ча́рці, и варе́ничківъ зъ суни́цями посмаку́йте, — а се́ не втече́: да́сть Богъ, не огле́димось, якъ и рікъ про́йде,—ма́йте надію.

— Сіли вони́ до тіхъ варе́никівъ;—дядина імъ такъ го́дить, а вони́ ій; вона́ іхъ припро́шуе, а вони́: «Да спаси́бі Бо́гу та й вамъ; що бъ у васъ весь вікъ такъ було́ ря́сно, якъ оце тепе́ръ на столі».

Ще́ чарочку, ще́, — да, слава Бо́гу, й зди́хали іхъ.

А мого́ й нема́е й нема́е! Зада́въ мені ду́мки, кло́поту,—душі не ста́ло!... що́ се вінъ?!—Пізне́нько ви́йшла, уже́ пе́рший сонъ засну́вши, ажъ вінъ попідти́нню блука́е; я пізна́ла,—до ёго.—Ба́тько змага́етця, —не хо́че. Я зовсімъ того не сподіва́вся. «Що́ ти,» ка́же, «сброму набра́тьця хо́чешъ? Ти—крепа́къ, гольтя́й, поткне́сся до багати́рки? Вони́ спокóнъ-віку во́льні козаки́, на всю гу́бу. Ти у іхъ попи́хачемъ бу́дешъ, якъ я́ бувъ у твое́і жъ ма́тері... Ні! зъ чужо́го по́ля я́годи не бери́; я й зарі́къ положи́въ — не жени́ть тебе́ на коза́цці. Якъ вони́ надъ на́ми знуща́ютця и панськими помийницями взива́ють... пійде, а послі сама́ й о́чи ви́ість... поймі́ ти мені віри. Лу́чче мені въ холо́дній ха́ті сидіти, соро́чку коря́ву носи́ти, ніжъ тебе́ утопи́ти, мій си́ну. Ти стільки зъ є́ю бу́дешъ ба́чить того́ сча́стя, якъ свою потили́цю. А рідъ же ій якъ знуща́тиметця! *не такъ пани́ якъ панина́та*».—И ні за́ що, ні за́ що, не схотівъ. Блага́въ я ёго́, моли́въ, зе́млю цілова́въ: вінъ все своє́. «Бери́ убо́гу, да свою́, а не коза́чку. *Чортъ бери́ й сребро́, якъ жи́ть не добро́.* Я старий чоловікъ, я се́ до́бре зна́ю».—Ні за́що! якъ завья́зано.

«Я скажу́ сама́ дядині, що я тебе́ покоха́ла, и оповіщу тебе́».—По́тімъ росказа́ла ёму, що́ зо мно́ю було́ и розійшли́ся. Якъ... же ме-

ні до ії доступи́тьця, якъ замо́вити? Стра́шно!.. а якъ отка́зъ? Да й не кажу́ день, другий, неділю, місяць и дру́гий: не приступлю до не́і,—усе́ ра́жусь зъ Хве́доромъ якъ лу́чче. А тутъ две́рі, що су: бо́ти, не перестаю́ть ри́пать: старости́! Дя́дина Воло́щенка уподо́бала: бага́тий и лю́де ёго́ зна́ють. «Бага́тий,» кажу́, «дакъ ёму́ й добро́. А на вро́ду яки́й! увесь помо́рхъ, а ходя́, а мо́ва яка́! худо́ба за плечи́ма, а ли́хо пере́дъ очи́ма. Богъ изъ імъ, дя́диночко: я ні за ко́го не пійду́».

— Що́ жъ ти собі гада́ешъ, до́ню?.. зроби́ть би зару́чени!

«Ні, ні! я ёго́ не люблю́».

— Дакъ що́ жъ ти ду́маешъ? на музи́ки переста́ла ходи́ть, одъ дівча́тъ одби́лась,—уже́ бъ и сама́ у тане́ць пійшла́...

«На що мені дівча́та й музи́ки тепе́ръ? Нехай мені й со́нце зни́кне!..

— Що́ тобі таке́?...—

«Я покоха́ла Хве́дора крепака́.

Дя́дина ажъ за го́лову схопи́лась, вся затряслась:—Отъ тобі:—ка́же, — добула́ся якъ сова́ на току́! Бідна жъ моя голо́вонько! всі надії моі ка́нули... Ні, до́ню, ні, се́рце! за крепака́ не пі́йдешъ... на́шому ро́ду такъ не пригоже,—свої потови́ скарби у па́нські дво́рища передава́ти. Ми у іхъ бере́мъ дівку, то й ви́купъ даємъ; а якъ у насъ, то ще дода́й,—да вона́ ще імъ и робитиме,—що бу́демъ іхъ дворі́ сповня́ти, а свої збідня́ти. Що ска́же рідъ, що й сусіде близні́? И вінъ хістки́й, за вітромъ би пішо́въ якъ би пусти́въ! ти за імъ не наживе́сся, а краси́ своє́і збавишъ, замордуе́сся: те́ старе́, а те́ хістке́. Ти ёго́ тільки ввечері хіба поба́чишъ, — тре́ба па́нщину справля́ти.

«Ми́», кажу́, «у двохъ ходи́тимемъ, то намъ дней більше перепада́тиме».

— *Що той чи́нъ, якъ борщъ не съ чи́мъ!..*

«*Хоть ніжка въ гнойку́, дакъ зате́ ду́шка въ лойку́*», всмілилась я ій на се́.

— Ні, ні, го́ді, Зінечко: ви́бий зъ голови́ се́й дуръ. Не гніви́ Бо́га й мене́. Я тебе́ за дити́ну ма́ла, доглядала; а ти́ нібі мій найпе́рший во́рогъ заговори́ла. Весь рідъ спозо́рити хо́чешъ. Воло́щенка лю́де зна́ють,—вінъ у два плу́ги о́ре; ёго́ семья́ зро́ду пішки до це́ркви не ходи́ла й пова́жного ро́ду: надъ такіхъ и нема́ у насъ на селі.

«Дя́диночко,—смію́ся ій:—*ми посіемъ наволо́комъ, уро́дить якъ*

наро́комъ... якъ дiждемо́ лiта да нажнемо́ жи́та, поста́вимо въ ко́пи да вда́римо го́пи!»

— Да ну, го́ді витребе́ньковати! слу́хай сюди́!... на ёго́ матері намітка до кірокъ чепа́е—а ху́сткою до це́ркви й не повьяжетця. Кунту́шъ, пла́хта зъ шо́вкомъ, усе́ старосві́ччини держи́тця. А гро́ши и ка́мень довба́ють. А що вро́да ёго́, да підстарий... да що́, Зіню? жа́ловатиме бі́льшъ, за дочку́ ма́тиме. Вінъ оди́нъ у ма́тері.—

А я ій въ одвітъ:

Ой ти дубъ,—я бере́за;
Ой ти па́нъ,—я тверёза:
Ой изъ те́бе, ду́бе, нічого не бу́де,
А изъ мене́, берізки, віники и різ́ки».

— Ти зовсімъ скоси́лася,—зъ се́рцемъ промо́вила дядина.

Я замо́вкла: се́рце зти́снуло..

Зно́въ лізуть старости́ зъ кінця́ села́. «Щобъ», я ду́маю, «ви доро́ги не зна́ли, ні зъ до́му, ні до до́му, якъ ви мій вікъ заіда́ете!»

Підъ повіточку сі́ду, да ду́му гада́ю. Світъ завьяза́ла и собі й ёму́; измучилася такъ! Дя́динині ре́чи на́че грімъ прогремівъ; и ёго́ не хо́чу ба́чить, сму́тку ему завдава́ть. Вінъ гне́тця якъ ги́чечка одъ ту́ги, и я затого́ звалю́ся. На кра́й світа одъ люде́й би бігла.

VIII.

Дя́дина ба́чить, що вже́ й на восімна́дцятий поверну́ло, а я не йду́,—ду́мае, що я за Волощенка тільки не хо́чу:—Ну,—ка́же,—дру́гого вибірай. Пра́вду лю́де ка́жуть! до́ки сидіти? Я стара́ и ча́сто не здужаю...—

И той у ії хоро́ший, и той, а Хве́дора и обійде.

«Бо́же мій! дядиночко!» ки́нулась я до не́і.» Не кра́йте мого́ се́рця! Окроме́ Хве́дора я нікого́ не люблю́, нікого́! Я кохаю ёго́ уже три ро́кі.»

— И мені не каза́ла?! а той волоцю́га, костогри́за, ще дити́ною тебе́ зво́дивъ! а ти й на дядину забу́ла и не признава́лася, а горну́лася до ме́не мовъ щи́ра пра́вда?!..

«Дя́диночко,» кажу́, роспина́ючись:—«простіть мене́! я скільки разъ хотіла каза́ти, дакъ со́ромно й стра́шно... Мені бажа́лось самій у ёму́ накоха́тьця. Прости́ мене́, моя́ ма́тінко!»

— За ёго́ не благословля́ю!.. Дакъ бачъ, якъ за рідну дити́ну ста́ла!.. пригріла сиротý... Обдурью ти зо мно́ю жила и на мої літа не огля́нулась!.. Не спідка́лася бъ тобі така́ біда, не покоха́ла бъ ти нері́вню своїмъ мали́мъ ро́зумомъ....

«Вінъ и тепе́ръ и довіку бу́де мені мили́ший одъ усіхъ багатирівъ...

— Ні, сёго́ не бу́де! Шви́дче умру́, ніжъ благословлю́ тебе́ підъ вінець: не зневажу добрий рідъ свій, не ста́ну костей на́шого ро́ду ру́шити. Се й съ того́ світу повстаю́ть, якъ би скоілось.

«А ма́тіночко жъ! ні за ко́го, якъ ні за ёго.»

— Коли́ мене́ за ма́тюръ не ма́ешъ, то...—махну́ла руко́ю, и не ста́ла бі́льшъ говори́ти...

Поба́чилась я зъ Хве́доромъ: «Що́ роби́ти? Не пійду́ я ні за кого... и за тебе́. Боже жъ мій! на що́ я її дури́ла? Вона жъ мене́, бідола́шну, взяла́, за ма́тюръ мені ста́ла, коха́ла, пе́стила мене́ якъ! Я зра́дниця́ їй, не скра́сила їй старо́го віку, а ще́ въ дя́ку й засмути́ла... Хве́дорку, світе мій! на що́ я зра́дила дя́дині, матінці мое́і... Не пійду́, мій го́лубе, проти її во́лі: вона́ сёго́ не несе́. Пла́кала я гі́рко, и въ ёго́ слёза на ви́і повисла.

— Се я зъ тебе зроби́въ таку́ безчасну́!..—Обняли́ся ми й розійшли́ся съ такимъ сму́ткомъ, що й не ска́зати.

Сумна́ моя́ дядина, сумна́ якъ нічъ! мене́ о́страхъ бере́, моро́зомъ обдае́, а за се́рце якъ пьявки́ ссу́ть.—А старости́—якъ ті репьяхи́: изно́въ одъ Воло́щенка.

«Чи до́вго твоя небо́га ростиме? та на хусткй пря́стиме?

— Да неха́й же Богъ помага́е. Я її не спиня́ю, — неха́й иде́.

«Пора́ вже па́ру ма́ти и працюва́ти.

Дядина до ме́не:—За кого́ ти йдешъ?

«Ні за ко́го!»

— Да́рма,—ка́жуть старости́:—ми собі и́ншу зна́йдемо, а ви собі держіть на насінне.—Да й ля́сь дверми́, ажъ гли́на съ сте́лі посы́палась.

— Иди́, до́ню, хочъ за Дмитра́ Му́ху,—Бо́га бійся,—пля́му на нашъ рідъ накладáти. Бу́дешъ яко́ю господи́нею! Подвірье яке́ широ́ке, зеле́не! горобина ажъ на землі лежи́ть якъ зоздріе, королівъ цвітъ повився по лісі, ви́шні поперехиля́лись: Бо́же! цвіту того́, цві́ту! якъ молоко́мъ улито!.. и назимочка, и третячо́къ и корівка; въ васі́кахъ по́вно... чого́ тобі? и самъ па́рубокъ мото́рний, и я—все́ що въ мене́ е—тобі оддамъ: скри́ню и сто цілко́вихъ гро́шей и

корівку, а ха́ту, горо́дъ и подвірье по сме́рти; хочъ и е́ въ мене́ ріду дово́лі, да ти въ мене́ найбли́жча, найкра́ща. *Розу́мна жона́ якъ сту́па пшона́, а якъ нема́, дакъ и дурна́.*

«Дядиночко! не кажіть мені сёго́...

— Иди́, кажу́!не дурій: тобі́ не шоснадцятий. Изъ пьяти́ па́ръ мо́жно ви́брать хочъ кому́: дру́га й одніе́і не діждётця... и ха́та по́ручъ—якъ бли́зько!

«*Бли́зько, да сли́зько дале́ко, да ле́гко.* Я лу́чче ні за ко́го не пійду́, матінко, якъ не за ёго́.

Почми́хають було́ старости́ по три́чі ходи́вши, да й пійдуть. Усе́ на насінне мене́ про́чять, на ви́садки...

Дя́дина, я и Хве́діръ ходимо́ такі невеселі... А ту́тъ вре́мья йде; уже́ й девьятна́дцятий насти́гъ... сижу́ въ дівка́хъ! Лю́де заторо́чили: «чого́ се́, чого?» Дядина ста́ла мене́ підстерега́ти, щобъ я зъ ни́мъ не ба́чилась, а ба́тько Хве́дорівъ—собі, бо й пра́вда,—зъ насъ добра́ нема́: собі світъ завьяза́ли и імъ... Отъ, и ста́ли ми рідко вбача́тись—у лі́сі хіба́, якъ зострінимось. У селі, якъ на доло́ні, не схова́ється. Дядина відсіль постерега́е, якъ горо́дами йде́, а ба́тько ёго́—відти́ль; обла́вою стоя́ть,—по мі́сяцю, бу́ло, не ба́чимось, ки́немось,—обіймемось, не промо́вивши сло́ва, и розійдимось. Тільки одинъ Богъ зна́е на́ші му́ки! Всю́ди наче стережу́ть, всю́ди о́чи. Дядина до ме́не й ре́чи не обе́рне.

Зійшлися́ ми разъ,—Хве́діръ мені й ка́же: — Изнуди́вся я зовсімъ, моє́ се́рце, да й наду́мався: сёго́дні ходи́въ до панівъ, проси́вся на обро́къ, у го́родъ... На сімъ ти́жні я батька похова́въ Нема́ мені до́лі, ні складу́, ні ла́ду; кому́ не було́ зъ-ма́лку, то й до'ста́нку: такъ намъ обо́мъ. Ма́буть, я ёму́ не́мощи дода́въ. Тлівъ вінъ се́рцемъ, гля́дючи на мене́. Ха́та мені рідная замість труни́ ста́ла... Щобъ уже́ тебе́ й себе́ не суши́ти, пійду на місто жи́ть, до шевця́ и пана́мъ полови́ну плати́тиму. Мо́же мені ле́гше бу́де, якъ я тебе́ не ба́читиму, дай ти́ очи́ своіхъ не стира́тимешъ. —

«До́бре, мій го́лубе! Розійдемось... и я пійду́ въ лю́де. Щобъ мені й містечка того́ не ба́чити, де ми́ спозна́лися»... Да такъ и вда́рилася о́бъ землю... «Неха́й,» кажу́, «моя́ коса́ побіліе́, а я не бу́ду ничи́я́ більшъ, якъ твоя́»... Такъ и поедна́ли, и розійшли́ся якъ хма́ра на не́бі.

Дя́дина мовчи́ть,—не замо́вить. Въ ха́ті мені тісно,—духъ спіра́е,—пеке́льний ого́нь мене́ пожира́...

IX.

Вста́ла я ра́но, уклони́лася дя́дині мо́вчки въ но́ги, а вона мо́вчки по́ясъ ла́дитця плести́, — тільки здихну́ла. Переступи́ла я порі́гъ,—якъ не впаду́: заверну́лась, поці́лова́ла ёго́,—да й пішла́, пішла́ обло́гомъ,—сама́ не зна́ю куда́ й до ко́го,—ажъ на край села́. Всю доріженьку слёзами злила́—опла́кала свою́ до́лю.... Загле́діла ха́ту Золотари́сину,—біліе якъ ма́ківка на воді... все кохáннечко своé згада́ла! Зайду́ до ii не съ ти́мъ, щобъ хліба-со́ли одвідати, а де́ мені по́дітись зъ своімъ го́ремъ—грішною душе́ю. Иду́ поузъ ii двіръ, слёзо́ю вмива́юся. Вона́ мо́тки вішае, мене́ не ба́чить. Заверну́ла я у двіръ.

«Бабу́сенько, бабу́сенько: де́ по́дітись?.. я́къ се го́ре забу́ти?»

— На сі му́ки,—одка́же мені Золотари́ха,—нема́, се́рце, зілля: не, посіявъ Госпо́дь... Хто сімъ занеду́жавъ, той и въ труну́ зъ сімъ пійде.

«Я пійду мiжъ лю́де вчи́тись свій хлібъ iсти... Дя́дина не ве́ли́ть мені ба́читись зъ моімъ Хве́доромъ; сама́ свiтомъ ну́дить й мені докоря́е.»

— Иди́, до́ню, у ше́сту ха́ту по пра́ву ру́ку: тамъ ня́ньку тре́ба.—Тільки й пора́ди дала́.

Пішла́ я собі; підійшла́ мимохо́домъ икъ коло́дязю до кори́та; промила́ о́чи, щобъ лю́де не такъ-то дозира́лись. Прийшла; двое́ дітóкъ бігае мале́нькихъ на подвірьі, а тре́тє на рука́хъ у молоди́ці: вдову́ю. Пита́ю, чи не треба наймички?

— Ні, стри́це, не тре́ба: вчо́ра собі наня́ла. Да якъ же ти зморилась! присядь тро́шки. Пойди́,—ка́же,—тутъ не по́далі, багати́ръ живе́,—Свиріпенко; вінъ по по́штахъ смотри́телемъ бувъ;—ото́, зъ кра́сними око́ницями, ёго будинки и клу́ня нова́.—Япішла́. Тільки-що прочини́ла въ двіръ фіртку, соба́ка за пу́чку, а по́слі за запа́ску, и пошматова́ла,—чу́ть зъ нігъ не звали́ла. Го́споди! се що́сь не до́бре. Де́ то я притулю́ся?!..

Тутъ стара́ дівка ви́бігла, да такъ про́жогомъ и лізе:—одъ кого́ и чого́, ка́же?, да та́къ ди́витця зпідъ ло́ба.

«Кажуть лю́де, вамъ на́ймичку треба?»

— Намъ и самúмъ iсти нічого.—Такъ мені одмо́вила.

«Да мені», кажу́, «не бага́то й тре́ба.» А тутъ и підста́ркова-

тíй чоловíкъ на ґанки́ ви́йшовъ: у жилетці; въ кармани ру́ки заложи́въ; халя́ви чирво́нимъ сапья́номъ обши́то; лице́ блищи́ть.

— Дівчино, дівчино! — на ме́не.

Я уклони́лась, да й кажу: «вамъ на́ймичку тре́ба?» А сама́ такъ и колочу́сь,—таки́й неприязни́й, Господи!

— Тре́ба. Чтожъ! тебѣ, мо́жетъ, мно́го потре́буетця?

Боже мій! да яка́жъ мо́ва! а ка́жуть — изъ на́шихъ,! Сво́го одбігъ, — чужо́го не доско́чивъ.

«Ні».

— А скілько жъ тебѣ воспослѣдуетъ да́ть въ годъ мѣста?

«Вісімъ кіпъ», кажу́, «да юпчи́ну»: вже й не домо́вила про чо́боти. «Я чу́ла одъ лю́дей, що та́къ пла́тятъ».

— Изоби́луешъ требованіемъ жесто́ко. Три копи́...три́, три. Ну?? И ю́пку мо́жна да́ть, е́сли Хавро́нья, какъ одхо́дила, не захвати́ла зъ собо́ю,—мо́жно снабди́ть...—додавъ,—да ще такъ на носки́ ди́бки зпья́всь и опусти́вся, и язикомъ прицмо́кнувъ.

«Ну, неха́й и по ва́шому».

— Работать, — ка́же, — все.

«До́бре».

Зо́ста́лася... А яки́ ящури́ни у ёго о́чи! яки́ жъ вони́ мені не ми́лі!... Посади́ли мене́ за́разъ сорочки́ лата́ть и ду́ху перевести́ не дали́. Рубе́ць на рубцю́, ла́тка на ла́тці!... діжу вчини́ла—попола́мъ зъ греча́нимъ; поляга́ли спа́ть, и я,такъ,— на соло́мці, юпчи́ну въ го́лови. На зорі мене́ збуди́ли до коро́ви, хлібъ заміси́ть, въ ха́ті убра́ть, стра́ву застанови́ть Ха́зя́інъ зъ двома́ хло́пцями у по́ле поіхавъ. Я днемъ, до обідъ, гурки́ підбива́ла. По́ки самъ не поверну́всь зъ по́ля, безъ ёго́ й сестра́ не присо́лювала, не зато́вкувала стра́ви: у са́мого хазяіна ключъ одъ скри́ні и все́ хазя́йство: мірою й одсипа́е. За обідъ пося́димо, — такъ и гли́па на всіхъ, якъ хто ло́жку до ро́та несе́. Хлібъ підъ замко́мъ,—скна́рость така́! и зви́чая сёго нема́, щобъ хлібъ на столі бувъ на приходя́щого. Да ще й всміха́етця до ме́не, за плече́ мене́:—косни́ки,—ка́же,—куплю́ тобі но́ві,—по щоці мене́ тре́пле... А то, разъ, у сіняхъ мене́ догна́въ зъ пляхо́ю привели́кою. — Ви́пий чарку, ви́пий.

«И хлібъ твій,» ду́маю, «ставъ въ го́рлі, а не то щобъ ва́шу горілку пи́ть... Зги́нь ти», ду́маю собі, «стари́й шкарба́нъ зъ своими жа́ртами»,—да й поки́нула іхъ чере́зъ три дні. Ви́йшовши за воро́та ажъ сплю́нула и но́ги отруси́ла: та́къ гідко було́! Та́къ гідко,

що зпе́ршу й не журі́лась и не ду́мала ні про дя́дину, ні про Хве́дора; а послі бігóмъ, бігóмъ до дя́дини,—ажъ на зу́стрічъ пі́пъ нашъ иде́... «Оце́ жъ», ду́маю, «не кіне́ць моій біді»,—та до ёго: «Ба́течку», кажу́, у[illegible]они́вшись у но́ги: «візьміть мене́ до се́бе!»

— Шó ти? Бóга бійся!.. а дя́дина?

«Равнó пійду́ въ лю́де, якъ не візьмите.

— А гріхъ же старý ки́дати! Вона жъ тобі...

«Я бу́ду моли́тись,» перебúла я ёго: «вона́ й сама́ одсту́питця... візьмíть!

— Ну, прихóдь: равнó мені тре́ба; тільки я не совітую.

А я ще́ разъ пішла́ до дя́дини, и зновъ въ но́ги ій.

— Де́ ти валаса́лася?.. Дóню моя, послу́хайся мене́. Красу́ свою́ знівичишь,—літа́ свої ма́рне стра́тишъ. Иди́ за любóго,—тільки не за крепака́... и духъ мій не ди́ше, якъ поду́маю... Дити́но моя́, се́рце моé, опамьята́йся!

«Ні, ма́тіночко, живи́ съ кімъ хóчъ, а я тільки па́мьять твою́ не забу́ду довіку... Прощáйте! Я иду́ въ лю́де».

И пішла́... и жила́ у попа́ да́ромъ,—тільки зодяга́ли.

X.

Дя́дина взяла́ до се́бе двóхъ ро́дичокъ: та́къ и віку дожила́... Оце́, було́, я пійду́ до це́ркви—у тій ще запащи́ні, що соба́ки кіне́ць порва́ли, якъ я зняла́сь изъ до́му,—а тутъ ще не ввернýлись спра́вить новóі,—отъ, вихóдячи зъ це́ркви, на цви́нтарі, уклонюся ій ни́зько, як ма́тері,—поткну́ся до не́і: вона́ мóвчки рукóю й одведе́. Мені не ска́рбівъ тіхъ жа́ль, що я тамъ поки́дала, а та́къ,—ій, и того́, що я ій зобідила, що пра́ця ій пропа́ла не за́ що.

По́слі й зъ Хве́дорóмъ поба́чилась, одійшóвши одъ дя́дини. Якъ зраділа! усе́ ли́хо мину́лось, и на дя́дину забу́лась...

Прійшла́ я додóму до попа́; трóхі згóдомъ, ви́йшла за ворóта, а Хве́діръ мене́ й постерега́въ, на пригóрку, у яки́й я двіръ поверну́, поóддаль ста́въ и дожида́всь, чи не пройду́ я по двору́. Я тільки-що переступи́ла съ порóга, за́разъ помітила сірачи́ну; вінъ изъ пригóрка, да й пішóвъ поузъ ворóта: мовъ не до ме́не, а своéю дорóгою, бо люде́й бага́то по-де́-куди́ гуля́ло. Порівня́вся, и ка́же сти́ха: — Прихóдь у лісъ, на старе́ місце: цілий де́нь жда́тиму.—Я

ви́зиркала таку́ годи́ну, що людъ похова́всь тро́хи... да й у га́й: я́годъ, грибівъ, зілля цілю́щого пошука́ти бъ то.

«Не сподіва́лась я тебе́ такъ шви́дко ба́чити, се́рце».

— Ні, моя́ голу́бко си́зая, — не сте́рпівъ: въ привели́ку си́лу дожда́всь неді́лі.

Я ёму росказа́ла все своє́ житте́, що́ и я́къ.

— Дакъ *моя́*, — ка́же.

«Твоя́ навіки».

— Поду́май, яка́ ти ста́ла! ніщо́ на тобі не бли́щить....

«Аби я тобі блища́ла, мій о́рле́!»—да й обняла́ ёго́.

— Коли́ жъ ми поберемо́ся?

«Не приступлю́, се́рце, зако́на, не бу́ду більшъ дя́дини гневи́ти. Та́къ уже́ й ру́ки зложу́, якъ не поблагослови́ть.

— Охъ, біда́, се́рце, въ тобо́ю!—да й замовкне.

Не огле́димось, якъ и повечоріе: тільки пти́ця хіба́ сполохне́. Розійдимось. Вінъ ище́ недале́чко поблукае́; послі, піхо́ю, на всю нічъ, за де́сять версто́въ, на місто.

Дя́дина три го́ди пожила да й переста́вилась; хай ій земля́ перо́мъ! мене́, сироту́, до літъ довела́. Умира́ючи сказа́ла ро́дичкамъ:— Усе вамъ. Ха́ту й скри́ню, пятдеся́тъ карбо́ванцівъ и това́ръ; а пятдеся́тъ — похова́ть мене́, попу́, старця́мъ и на це́ркву: все́ на рі́вні ча́сті. Про ме́не сказа́ли,—дакъ тільки о́чи кріпко сти́снула и го́лову одверну́ла. Я гірко пла́кала, що не довело́сь мені о́чи ій заслони́ти: стою́, було́, въ сіняхъ, слізно пла́чу, а до ій й не поткну́лась, щобъ на Бо́жій доро́зі ій не спиня́ти, ій поко́ю не ру́шити. Хай ій Госпо́дь у ца́рство небе́сне прийме́! До віку спаси́бі.

Поба́чилась я зно́въ изъ Хве́доромъ. И Хве́діръ журився зо мно́ю.

— Зіронько моя,—ка́же:—коли́ тобі со́нечко засвітить? Пра́вду сказано: *не роди́сь въ пла́ттечку, а роди́сь въ ща́стечку; хочъ ряба́ и пога́на, да ій до́ля кохана́....* журба́ тобі за журбо́ю!— Обніма́е, цілу́е мене́, голу́бить.—Я,—ка́же,—надума́въ: місяць доживу́ у хазя́іна, заплачу́ обро́къ пана́мъ да й старостівъ до тебе́ пошлю́. И зно́въ у селі зоста́нусь жи́ть, — па́нщину бу́ду одробля́ти. Ти́ жъ моя́?

«Твоя, се́рце!»

XI.

Діждáли місяця; Хвéдіръ заплатúвъ обрóкъ, одпросúвся знóвъ у селó. Самъ хáту змáзавъ, зчипурúвъ такъ–що!.. Лю́де дивýютця: — Бóже нашъ, — кáжуть: якъ-то вонú люблятця. Вонá жъ іщé пíдліткомъ булá, а óсь скíльки рóківъ лúхо терпíла, чужі порóги тéрла послі роскóшівъ такúхъ: да й вінъ же!... Отъже й діждáли свогó. Самъ хáту, прúзьбу мáже, — дожидáетця своéі голýбки...

Повінчáли насъ. Весілле одгуля́ли тúхо, да до любóви. Переступúла я порігъ въ ёго хáту мовъ у рай Бóжий. Якъ покúнули насъ уже́ лю́де, якъ зостáлись ми на самоті,—сіни, хáту засýнули,—не змовля́вшись, кúнулись одно́ до 'дногó, ажъ заплáкали: змúли той кúпть, що за сімъ літъ на сéрці осівъ. Цілий день не іли й не пили́, на́че зарекли́сь спости́ти той дéнь святúй. и світлий Такъ лю́бо, такъ тúхо на сéрденьку... Сидимó обня́вшись, — и мýха не пролети́ть, гріхъ на́че... Самъ Богъ, здаéтця, міжъ нами.

Цілий місяць насъ обóхъ на пáнщину не ганя́ли, одпочúнокъ молоди́мъ дали́. Такимъ яснимъ цвітомъ зацві́лá знóвъ на́ша дóля, морóзомъ прибúта... Щó то душá наболíла, сéрце намлíло!...

Почали́ ми порядкувáти, а вінъ у людéй робóту брáть де-якý малéньку. Въ своíй хáті и угли́, кáжуть, помагáють. Що зарóбимъ, то й кýпимъ що-нéбудь въ хазя́йствечко. И гáрно у насъ, и вéсело. Одну́ стрáвочку булó постановлю́, ю́шку, чи бóрщъ, да якúй же то присмашнúй здáстця! *На щó*, кáжуть, *та й шанóба, якъ дóбрее слóво*... Я всі роскóши позабувáла! Иногді й віри не доймáемо, що дóля нáша такá крáсна. Не трéба мені ні зóлота, ні срíбла́, що булó дивýю людéй; нічóго мені того́ не треба,–нічóго не стрáшно. *Чоловíче мíй, затýло моя́! якъ за тéбе захилю́сь, то й нікóго не бою́сь.* На пáнщину менé не звáли; — тільки въ зіму на панівъ одпрядáла. Хвéдіръ одбувáвъ свої дні, а я дóма скíльки мóги працёвáла.

Два рóки прожили́ ми одинóкі. Не даé намъ Богъ дітóкъ;—жаль, ад не скýшно. Одно́ тільки гóре: згоріла хáта у пáнськихъ людéй, дакъ вдовý, зъ тромá дітьми, до насъ перевезли́, бо у насъ простóрно булó. А дé багáто господúнь, тамъ хáта немéтена. Усёго булó: діти и побью́ть и попереставля́ють усé, и гáмъ такúй складýть, що ажъ ýши булó затикáешъ. У нáшій хатúни чúсто й затúшно булó. Хвéдіръ булó ажъ метушúтця: тáкъ крúкъ той ёгó доймáе!

На третій годо́чокъ я ста́ла у вазі: Госпо́дь и мені да́въ. Радъ мій Хве́дірко и я ра́да: свое́, то й не ва́дить. Ми все зъ нимъ живимо́ дру́жно. Зроди́ла я дівчя́тко, Ната́лкою взва́ли. — Дай, Боже, до́лю!—ка́же Хве́діръ,—да не таку́ якъ тобі.—«Що́жъ, се́рденько, я те́е вже́ забу́ла. Коли́бъ тільки тобі Богъ да́въ здоро́вье!...»

А мій Хве́дірко усе́ марніе. Вінъ изро́ду бувъ худорля́вий, да ставъ ще гірший. Згада́ла я тогді дя́динине сло́во, що не ціпомъ би ёму ору́довати, и що й моя́ пра́ця ма́рне пійде... Усе́ справди́лось!...

XII.

Втіша́емось ми Ната́лочкою; росте́ воно́, всміха́етця: ручеля́та дае́, уже́ й ди́бки, уже́ й ходи́ти почало́, и говори́ти. Що́ вінъ було́ ёю втіша́етця! Тільки го́ренько жъ мое́! я притоми́лась: підбива́юся, зъ нігъ валю́ся, а нізащо рукъ зачепи́ти, бо чоловікъ занепада́е; тре́ба и отопи́тьця и одягти́ся и прокорми́тись, а зъ ёго по́мочи ніяко́і. А тутъ — мала́ дити́на: звісно, коло ёго зага́ісся...

Хве́діръ зъ ча́су на часъ хиріе: якъ що́ болить, то й соро́чка ва́дить. Прийде зъ па́нщини и ні за холо́дну во́ду; зогне́тця якъ похи́ле де́рево, и сиди́ть. На па́нщині ро́бить, а свої дні до́ма й та́къ,— иду́ть пу́сто. Ни́е и ни́е мое се́рце на ёго гля́дючи; та́не вінъ въ моіхъ о́чахъ якъ віскъ. А я одъ ту́ги, й того більшъ, дни́ми рука́ми не вхопля́ю. Пійде вінъ зъ двора́, а я й світонька Бо́жого за слёза́ми не ба́чу и ділечка за іми не вроблю́: та́къ вінъ мене́ кру́шить!

Упа́ли ёго ще три дні незаба́ромъ; ото́ жъ вінъ до́ма день и дру́гий пробу́въ, говори́въ и ходивъ, зъ пе́чи зла́зивъ, да усе́ такъ скоре́сенько. Я зъ Степани́дою ему́ дві соро́чки одрізали; сижу́, ши́ю; и вінъ поліня́ку дро́въ, віде́рце води́, принісъ, да вже й не здю́жае,— сто́гне, и зновъ злізъ на пічъ.

«Що́ у тебе́, Хве́дорку, боли́ть?

— Колю́чка.

«Извару́ я тобі узва́рцю?

Отъ горщо́къ наварі́ла, два ра́зи напоіла.

— Изведи́ мене́ на пілъ, — ка́же.

А я зъ На́талочкою: у мене́ такъ тісно!

«Ні», кажу́, «Хве́дорку, голу́бчику: иди́: — нігде мені примости́тьця зъ дити́ною.

— Дай мені сирóватки зъ хлібомъ.

Я накриши́ла, подала́. Вінъ сёрбъ,-сёрбъ разівъ зъ пья́ть, да й го́ді.

— Ой, якъ, — ка́же, — доса́дно на печі лежа́ть...

Я посла́ла́ на полу́, сіла биля́ его; изчепи́ла ру́ки; въ се́рці мене́ мовъ цу́ркою кру́тить; глянýла на его да й изхопи́лась,—зляка́лась: такъ вінъ змини́вся.

«Хве́дорку, мій світоньку, що́ це зъ тобо́ю?

А Степани́да и ка́же:—чи не посла́ть за попо́мъ? заприча́сти́ть,— ёму й полу́ччае.

— Пійди́, кажу́, — будь ла́скова, Степанидо́.

Хве́діръ почу́въ, скоре́сенько схопи́вся́, перевернýвъ соро́чку, бо навúворотъ, на́швидку, надіта була́. Сівъ, сиди́ть, дожида́етця попа: нема́! Вінъ и лігъ. Я хожу́ по ха́ті, — не зна́ю, що мені въ світі й робúти... Я за кожуши́ну, на се́бе,—нічъ, и хви́ща така́ йде!— да за дяко́мъ. Вінъ мені й кумъ. «Ку́мочку», кажу́, «голу́бчику, сходіть за попо́мъ. «А вінъ:—да уже́ пьять разъ ходи́въ: попа́ на́шого нема́ до́ма, а до дру́гого ходи́ли на той кутокъ, — не ба́чили нико́го; ходи́ли, ходи́ли по підъ-віконню,—нема́ нико́го: тільки гу́сі да ко́ні, а лю́де са́ме облягли́—поснýли кріпко, не досту́каесся.

Въ коротки́й вікъ мій бага́то ка́рбівъ лягло́ на мойму се́рці, да ще ні о́дного тако́го глибо́кого не було́, якъ це́й послі́дній. Нікóли не загóішъ...

Изборóла лиха́ годи́на... Хве́діръ уме́ръ: сама́ осталась на білому світі! Хочъ, бацця́, й широ́кий, а нема́ де дітись—безъ гро́шей, безъ ро́ду. И ха́ти своє́і дру́жнёі одцура́лась: въ чужи́й у́голъ пійшла́ дожива́ть, зъ Ната́лочкою ба́тька опла́ковать...

Такъ чуствúтельно вмірáвъ!... Я пішла́ до дити́ни, ажъ чу́ю— вінъ на печі та́къ сто́гне. Я припа́ла до ёго:—«Хве́дорку, що́ у те́бе, мій світе?«Якъ устреми́въ у мене́ о́чи, такъ якъ не пробье́. Чи ти мене́ ба́чишъ, Хве́дорку, дружúно моя́ вірная, пора́дь же мене́?»

— Ти вже сама́ себе́ пора́дишъ, бачу́... — Да три ра́зи позіхну́въ—и Бо́гу ду́шу оддавъ,—одъ на́съ одклони́вся.

Я такъ и засти́ла, на́че духъ у мене́ ви́становивсь. Степани́да ки́нулась, сусідокъ кликнула. Три ба́би прийшло́, одха́яли мене́, ёго изряди́ли... Якъ живи́й ходи́въ... ніякóі ему й приго́ди не було́. Положи́ли ёго на по́кути, на ла́ві... Ната́лочка у ру́ченьку ёго цілу́е... припа́ло до ёго нігъ, обняло́ да й тя́гне до се́бе. А я... и ре́чи

у мене́ нема́, що зо мно́ю тогді ді́ялось! Ната́лочка було́, що-ве́чора, та́та гука́с... а тепе́ръ и не помьяне́... Оце́, було́, малю́сенькe, вста́не да й гука́е: та́то, тато-о-о-о́! а тепе́ръ спита́ю — де́ та́то, прищу́литця до ме́не, на́че зна́е, — и мовчи́ть. А я—на́че зъ ума́ схибну́ла... якъ було́ вінъ жа́луе ій:—ти жъ моя манюсю́нечка! Хотя́ бъ намъ,—бува́ло ка́же,—діжда́ть, щобъ воно́ ходи́ло.—И діжда́ли жъ, хвали́ть Бо́га; а вінъ — и не стя́милась якъ вінъ и ви́линувъ изъ моіхъ рукъ...

Такъ мені гірко тепе́ръ якъ згада́ю, що ще вінъ, якъ ду́жчий бувъ, то я разъ коли́сь ёму́ й сказа́ла: «Боже мій! тимъ у насъ, Хве́дорку, нічо́го й нема́, що не хо́чемо роби́ти... На горо́ді—посці́ліе, поме́рзне: нічи́мъ ти мені не запомога́ешъ, а я сама́ не ввернусь. И ти бъ,» кажу́, «Хве́дорку, копи́чку накоси́въ,—продали́ бъ: аже́ жъ,» кажу́,» «на всіхъ, коло́ кру́чи, сі́нокосу да́но.» А вінъ мене́ й нала́явъ. Я ни́щечкомъ и собі; дакъ вінъ мене́ у потилицю:—и рідъ твій не діжде,—ка́же. А я зъ се́рця: «отъ, наказа́въ мене́ Богъ таки́мъ чоловікомъ!» Тільки оце́ всёго́ и було́ між ъ на́ми сва́рки... Вінъ жа́ловавъ мене́ кріпко: е́ чимъ згада́ть!..

Якъ хова́ли, я дала́ на Ева́нгелію, а то піпъ самъ одъ себе́ чоти́рі прочита́въ. «Вінъ,» ка́же, «и на мене обла́тувавъ, царство ёму небе́сне!» А то свої пани́ дали́ півкарбо́ванця гро́шей, горілкі, дощо́къ на труну́, и чужа́ одна́ па́ні дала́ сальця́ й хліба помьяну́ть. «Вінъ,» ка́же, «мене́ якъ своіхъ панівъ обла́тувавъ,—такъ и мене́, спаси́бі ёму́. Хай леге́нько лежа́ть!..»

Хведіръ не торгова́вся; мене́ було́ суди́ть кого́ запреща́е...—Не вчи́сь, було́—ка́же,—та́къ роби́ти. Бу́дешъ ти́хше ходи́ть, тобі жъ лу́чче бу́де...

Я ёго́ га́рно помьяну́ла и похова́ла: шпалерками зеле́ними труну́ обби́ла, ру́тою, васи́льками обложи́ла... Господи́! все дівова́нне своє́ тогді згада́ла, сірачи́ну мою лю́бу споряжа́ючи у вічнюю доро́гу... припа́ла до ёго. да на оста́нній доро́зі поговори́ла якъ зъ живи́мъ. Хто жъ мені світітиме тепе́ръ, якъ вінъ? съ кімъ я буду жи́ть, съ кімъ и горова́ть?.. Тогді мені здава́лося, що вінъ те усе́ чу́е, що вінъ огля́нетця на моє́ сирітство!.. ажъ и тепе́ръ не вдержуся отъ слізъ... Нізакого тепе́рь мені захили́тись... Не огля́нувся на мене́ Госпо́дь! пі́дліткою все поки́нула, пісні, музи́ки, жа́рти

дівоцьки... Надъ сірачи́ну не було́ мені нічо́го доро́гшого.... Заквіч-ча́въ вінъ мій вікъ колю́чими терна́ми,—не довело́сь пожи́ть изъ лю́бимъ моімъ Хве́доркомъ: самъ изся́къ и я захи́ріла...

Иногді, якъ прийдетця, такъ тя́жко ста́не на се́рці, що й молю́ Бо́га, що бъ мені о́чи засла́ть; а по́слі—та́къ зро́битця Ната́лочки жа́лко....

А. Нечуй-вітеръ.

30 мая, 1860.

КОБЗАРЬ.

XXII.

СЕСТРІ.

Минáючи убóгі сéла
По-над-Дніпрáнські невесéлі,
Я дýмавъ: дéжъ я прихилю́сь,
И дé подінуся на свíті?...
И сни́тця сонъ мені... дивлю́сь:
Въ садóчку, квітами повúта,
На прúгорі собі стоíть—
Ненáче дівчина—хатúна;
Дніпро геть-геть собі роскúнувсь!
Сіяе бáтько та горúть!
Дивлю́сь: у тéмному садóчку,
Підъ вúшнею, у холодóчку,
Моя́ едúная сестрá,
Многострадáлиця святáя,
Ненáче въ раі, спочивáе,
Та зза широ́кого Дніпрá
Менé, небóга, виглядáе.

И ій здаéтця—виринáе
Зза фúлі чóвенъ... допливá...
И въ фúлі чóвенъ порина́...
— Мій брáтіку! моя́ ти дóле!—
И ми прокúнулися: ти—
На пáнщині! а я—въ невóлі!..

Отáкъ намъ довелóся йти,
Ще змáлечку, колю́чу ни́ву!
Моли́ся, сéстро! бу́демъ живі,
То Богъ помóже перейти́.

20 іюля 1859 р.
Г. Черкаси.

XXIII.

Течéводá зпідъ я́вора
Яромъ на долúну;
Пишáетця надъ водóю
Червóна калúна;
Пишáетця калúнонька,
'Яворъ молодіе,
А кругóмъ іхъ верболóзи
Й лóзи зеленіють.

Течéводá изза гáю
Та по-підъ горóю;
Хлюпóщутця качáточка
Поміжъ осóкою;
А кáчечка випливáе
Зъ качурóмъ за ни́ми,
Лóвлять ря́ску—розмовля́ють—
Зъ дітками свóіми.

Течéводá край горóда:
Водá стáвомъ стáла;
Прийшлó дівчá вóду брáти—
Брáло, заспівáло;
Вийшли зъ хáти бáтько й мáти
Въ садóкъ погуля́ти—
Порáдитись—когó бъ-то імъ
Своімъ зя́темъ звáти?

7 ноября 1860 р.
Петербургъ.

Т. Шевченко.

ЗНАЧЕНІЕ ШЕВЧЕНКА ДЛЯ УКРАЙНЫ. ПРОВОДЫ ТѢЛА ЕГО ВЪ УКРАЙНУ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Підрано ще, пандве-громадо, прорекáти остáтнє слдво про Тарáса: щѣ ми гарáздъ не змірили, скільки ми зъ нймъ утеряли! **Надъ могйлою, у сороковйй день. П. А. К.**

Кто-то сказалъ, что впечатлѣніе, производимое *смертью* человѣка, показываетъ значеніе его *жизни*. И это правда. Только смерть, какъ послѣднее слово вполнѣ-высказавшейся идеи — жизни, — заставляетъ насъ сосредоточиться, отдать себѣ отчетъ въ ея смыслѣ, привести въ ясность и отношенія наши къ умершему и ощущенія нашего сердца, пораженнаго неожиданнымъ ударомъ судьбы, которая часто такъ-безжалостно останавливаетъ человѣка на полпути и въ самую лучшую для него минуту.

Смерть общественнаго дѣятеля примиряетъ непримиримыхъ, пробуждаетъ сочувствіе охладѣвшихъ, вызываетъ безпристрастіе въ пристрастныхъ, погружаетъ въ безвыходное горе слабыхъ и воодушевляетъ сильныхъ духомъ на дальнѣйшее дѣло, на новую борьбу, борьбу усиленную, потому что еще одной силой стало меньше. Смерть общественнаго человѣка уясняетъ и его-самого и самое общество: по впечатлительности и послѣдующимъ проявленіямъ общественнаго сердца можно навѣрное судить, чѣмъ оно бьется, и если оно нездорово, то симптомы болѣзни выкажутся скорѣе всего тутъ, въ его тревожномъ состояніи.

По нашему наблюденію, и смерть Шевченка вызвала наружу все, что́ есть живаго въ нашемъ южнорусскомъ обществѣ. Шевченко обнималъ такъ широко прошедшую и настоящую жизнь родины, такъ вѣрно понималъ состояніе современнаго нашего общества и потреб-

ности народа, что его поэзія, естественно, должна была коснуться всякаго. Поэтому, у насъ нѣтъ человѣка, который, имѣя какое-нибудь понятіе о Шевченкѣ, могъ остаться совершенно равнодушнымъ къ его смерти и не высказаться такъ, или иначе. Прослѣдить за всѣми дѣйствіями и взаимными отношеніями людей сочувствующихъ родинѣ, за всѣми толками, возникшими вслѣдствіе этой великой утраты — было бы въ высшей степени полезно и любопытно: вся *громада* и отдѣльныя личности, волею-неволею, опредѣлились бы при этомъ настолько ясно, что можно было бы смѣло сдѣлать нѣкоторые не безплодные выводы и для настоящаго и для будущаго... Мы на этотъ разъ ограничиваемъ свою задачу исторически-вѣрнымъ изложеніемъ фактовъ, которые дошли до насъ по сю пору.

По всѣмъ извѣстіямъ, смерть бѣднаго Козбаря отозвалась повсюду—отъ хатъ до палатъ, въ украинцахъ и неукраинцахъ, читавшихъ и нечитавшихъ Шевченка, а только слышавшихъ объ этомъ крепакѣ—поэтѣ.

И—что всего замѣчательнѣе—сочувствіе это въ большинствѣ возбуждено не произведеніями его за послѣднее время, извѣстными лишь весьма немногимъ: оно идетъ съ давняго времени, со времени появленія «Кобзаря» въ 1840 году, и только обновлено изданіемъ его въ 1860. Это сочувствіе не измѣняло поэту во всѣ 20 лѣтъ его литературной извѣстности; онъ и самъ, быть-можетъ, не подозрѣвалъ какъ оно было велико и глубоко, такъ-точно, какъ весьма многіе только по смерти Шевченка поняли все высокое его значеніе, только по смерти его узнали, что *Тарасъ*—дѣйствительно былъ для Украинцевъ *батькомъ*. Да иначе и не могло быть: стóитъ только припомнить наше прошедшее, характеръ Шевченка какъ человѣка, и уяснить себѣ содержаніе и направленіе его поэзіи...

Десятилѣтняя разлука Украины съ Шевченкомъ нисколько не охладила восторга и любви молодаго поколѣнія къ поэту, который нежданно, (въ 1840 году) заговорилъ языкомъ, по мнѣнію *письмéнныхъ* — уже замершимъ на устахъ *простаго, непросвѣщеннаго* народа, языкомъ, давно осужденнымъ ими на безжизненность. Съ самыхъ первыхъ пѣсенъ Кобзаря, оживилась надежда немногихъ, еще связанныхъ съ корнемъ народной жизни, что этотъ мелодическій родной языкъ, эта богатая и прекрасная народная поэзія, отразившая въ себѣ такую живую жизнь, не умрутъ безплодно; а чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда взглядъ Шевченка расширился, когда жизнь и искуство

мало по малу восполнили въ его развитіи то, чего не дало ему образованіе, когда его пѣсни зазвучали всѣми струнами народной души и народное слово какимъ-то чудомъ стало выражать самыя задушевныя думы современнаго человѣка—надежда немногихъ перешла въ отрадную увѣренность, и вскорѣ самые невѣрующіе повѣрили въ возможность развитія нашего языка, словесности и жизни на чистыхъ народныхъ началахъ. «Впечатлѣніе, которое производили стихотворенія Шевченка,» говоритъ Н. И. Костомаровъ,» напомнило Шиллерову балладу «Занавѣшенный Саискій Истуканъ». Муза его раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!... Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса,—не знающей, что́ сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала своимъ свѣтомъ какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатьми, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло проникла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя (1).»

То́, что́ принимали за смерть, былъ только сонъ, утомленіе, разочарованіе, послѣ долгой и безплодной для народнаго блага борьбы: явился истинный поэтъ, съ неугасимой искрой Прометея —

И—о, ди́во! тру́пи встали
И о́чі раскри́ли:

(*) Воспоминаніе о двухъ малярахъ.

И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слóво тихоі любові
На віки и віки....

Облегчить обремененнаго, поднять покинутаго или падшаго, возвысить его до достоинства *человѣка*, пробудить его къ жизни *ему* свойственной, самобытной—вотъ идея, одушевлявшая Шевченка отъ первой до послѣдней минуты жизни. Независимо отъ того, что поэзія Шевченка была въ высшей степени проста, нѣжна, óбразна, независимо отъ того, что она народна, — понятна рѣшительно каждому, — жизненность ея заключалась именно въ общечеловѣчности его думъ и чувствъ: при всей своей народности, поэзія Шевченка не носитъ въ себѣ ни малѣйшаго признака какой бы то ни было исключительности—національной, религіозной, политической, сословной; его пѣсни исполнены такой глубокой наивности — искренности, такой человѣчной правды, что нѣтъ ни одного народа, нѣтъ ни одного современно-развитаго человѣка, который бы не призналъ ихъ близкими, родными себѣ. Намъ разсказывалъ извѣстный славянистъ, Лужицкій Сербъ, г. Смолеръ, что въ одномъ обществѣ изъ представителей разныхъ славянскихъ племенъ кто-то предложилъ, чтобы каждый прочиталъ на своемъ нарѣчіи тó, чтó емý всего болѣе по сердцу. И вотъ, одинъ, вмѣсто того чтобъ читать на родномъ языкѣ, просилъ согласія на прочтеніе украинскихъ стиховъ Шевченка: въ своемъ собственномъ онъ не нашелъ ничего болѣе симпатичнаго... Великая душа Шевченка была полна безграничной любви къ человѣку и сочувственнаго безпристрастія ко всякому: отъ киргиза до украинца, отъ дикаря до Тургенева, отъ богача до бѣдняка, отъ пана до варнака; онъ, учась немногому, или, вѣрнѣе, почти не учась ничему, понималъ *жизнь* лучше весьма и весьма многихъ, которые цѣлый вѣкъ свой просидѣли за книгами и ничего изъ нихъ не умѣли вычитать, кромѣ узкой, обрамленной, все заранѣе порѣшающей, системы. Шевченко любилъ и уважалъ *человѣка* какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ рукъ жизни, исторіи; онъ яснѣе многихъ разумѣлъ—отчего люди вышли такими, а не иными—и былъ снисходителенъ ко всѣмъ ихъ недостаткамъ, — быть-можетъ и оттого, что самъ прошелъ всѣ степени нравственнаго развитія, могъ на себѣ наблюдать весь ходъ его, всѣ трудности, лежащія внѣ и внутри человѣка, на пути къ тому, чтобы стать истиннымъ *человѣкомъ*.

Безъ малодушой укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей;
Прочесть всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла —
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы: —
Се — человѣкъ!... (1)

Злоначина̀ющихъ спини́,
У пу́та ку́тиі не куй,
Въ глибо́кі тю́рми не муру́й;
А до́бре зи́здущимъ рука̀мъ
И покажи́ и поможи́ —
Святу́ю си́лу низпошли́;
А чи́стихъ се́рцемъ... коло іхъ
Поста̀ви а̀нгели своі
И чистоту́ іхъ соблюди́;
А всімъ намъ вку́пі на земл̀і
Любо́въ, о Го́споди, пода̀й,
И правдолю́біе пошли́!

Не наріка́ю я на Бо́га,
Не наріка́ю ні на ко́го:
Я са́мъ-себѐ, дурни́й, дурю́,
Та́ ще й співа́ючи... Орю́
Свій перелігъ—убо́гу ни́ву,
Та сію сло́во: до́брі жни́ва
Коли́сь то бу́дуть!...
Ори́ся жъ ти, моя́ ни́во,
До̀ломъ та горо́ю,
Та засійся, чо́рна ни́во,
Во̀лею ясно́ю!

---

(1) *Тризна,* соч. Т. Гр. Шевченка на в.-русск. языкѣ.

Ори́ся жъ ти, розверни́ся,
По́лемъ розстели́ся,
Та посійся до́бримъ жи́томъ,
До́лею поли́йся!
Розверни́ся жъ на всі бо́ки,
Ни́во-десяти́но!
Та посійся не слова́ми,
А ро́зумомъ, ни́во!
Вийдуть лю́ди жи́то жа́ти...
Весе́лиі жни́ва!...
Розверни́ся жъ, розстели́ся жъ,
Убо́гая ни́во!!

«Да пусть Марко Вовчокъ пишетъ хоть по-самоѣдски,—лишь бы въ его писаніяхъ была *правда*», сказалъ онъ однажды по поводу вопроса, не слѣдуетъ ли высокоцѣнимому имъ писателю ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ.

И день иде́, и нічъ идѐ...
И, го́лову схопи́вши въ руки,
Диву́есся, чому не йде́
Апо́столъ пра́вди и на́уки!...

Вотъ его идеальныя, задушевныя желанія! Разумѣется, Шевченко не могъ, какъ истинный народный поэтъ, поэтъ правды и жизни, а не личныхъ только идеаловъ,—выражать одну любовь, одни идеальныя стремленія въ тѣхъ своихъ пѣсняхъ, гдѣ онъ былъ выразителемъ массы, которая такъ много выстрадала и такъ много горечи вынесла изъ своей исторической прошедшей и современной ему жизни. Но тамъ, гдѣ онъ выражаетъ самого себя, его поэзія всегда проникнута духомъ новой жизни, примирительныхъ отношеній даже къ врагамъ, тѣмъ духомъ, какой видѣнъ, напримѣръ, въ поступкахъ современнаго героя — Гарибальди. Шевченко, какъ великой нравственной силѣ, не надобно были проклятія. Даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ онъ, съ такою страшною горечью и съ необычайною силой убѣжденія, высказывалъ правду современному обществу, — у него слышится *юморъ*, а не презрительно-холодный сарказмъ; — крикъ и слезы страданія,

источникъ котораго — оскорбленная любовь, — это зовъ къ благородству человѣческой природы, а не отчаяніе, — не смертный приговоръ.

Въ этомъ-то строѣ поэзіи Шевченка заключается всеувлекающая сила, которой поддавались невольно, какъ голосу нѣжнолюбящаго брата, люди всякаго возраста, состоянія, мнѣній — и въ-особенности женщины, сочувствіемъ которыхъ онъ дорожилъ выше всего и которымъ не переставалъ сочувствовать до послѣдней своей минуты.

Но мы слишкомъ отвлеклись отъ прямой своей задачи: наше дѣло изложить данныя; выводы возникнутъ сами-собою.

Возвращеніе Шевченка, послѣ 10-лѣтней разлуки, привѣтствовала вся Украина и не-Украина истиннымъ восторгомъ: на всемъ пути, отъ Астрахани до Петербурга, его встрѣчали, какъ друга, всѣ, безъ различія національностей, — знавшіе его по сочиненіямъ, или по слухамъ; всѣ старались дать ему почувствовать, что разлука и 10-лѣтнее молчаніе его ничуть не измѣнили ни уваженія къ нему, какъ человѣку, ни любви и сочувствія, какъ къ народному пѣвцу. Вотъ стихи (найденные въ бумагахъ покойнаго), которыми привѣтствовалъ его, въ то время, одинъ Украинецъ, *потомокъ Запорожца:*

Здоровъ, Кобзарь, здоровъ, брате,
Иди-лишь до хати:
Годі тобі журитися,
Годі сумувати!
Уже старі позбірались,
Прибігли дівчата,
Уже й хлопцівъ позбігалось —
Повнісенька хата.
Усі тобі зóстрічь вийшли,
Усі ми радіимъ,
Що Тараса побачили
Тимъ же добродіимъ;
Що вінъ й теперъ, якъ бувало,
Добре въ кобзу грае,
Украину нашу любить
И гарно співае...
Заспівай же намъ, Тарасе,
Про тую чужину
Де ти бувавъ, якъ покинувъ
Свою Украіну;

Чи у полі, чи у лісі,
Чи, може, на морі—
Умивався слізоньками
У біді та горі?
Чи тамъ світить ясне сонце
И зіркі, якъ очі,
Або, може, хмари звисли
Одъ ночі до ночі?
Заспівай намъ, сизий голубъ,
Віддай серця долю:
Забуть тобі легше буде
Про злую неволю...
Сідай, друже, на покуті,
Кинь объ землю лихомъ:
Нехай воно пропадае,
Або лежить тихо;
Нехай тебе, нашъ кобзарю,
Хранить Божа Мати,
Подасть тобі довго жити
И довго співати.

На перепутьи, въ Москвѣ, за обѣдомъ, даннымъ Шевченку, прочитано было слѣдующее стихотвореніе:

25 марта 1858.

На святе Благовіщеннє
Тебе привітаю,
Що ти, друже мій, вернувся
Зъ далекого краю!
Ой, якъ дуже за тобою
Тужила Вкраіна;
Усе тебе споминала,
А якъ мати сина.
Твоі думки—туманами
По лугахъ вставали;
Твоі слёзи —росою
По степахъ спадали;
Твоі пісні—соловейкомъ
Въ садахъ щебетали...

Да що́ й казать! Треба кажуть,
Великої хусти,
А щобъ людямъ завьязати
Говорливі усти.
А тепера вже й не треба,
Бо вже времья иньше:
Теперъ людямъ говорити
И ди́хать ві́льні́ше.
Хвалить Бога!... Вже й ти зъ нами,
Нашъ любий кобза́рю!
Бувай здоровъ—намъ—на радість,
А собі—на славу.
Перебувъ ти тяжке лихо
И лиху́ недолю;
Заспі́вай-же новихъ пісень
Про людську волю;
Заспі́вай намъ такихъ пісень,
Щобъ мати-Вкрайна
Веселилась, що на славу
Тебе породила!

За другимъ обѣдомъ, 12 апрѣля 1858 г. въ Петербургѣ, была такъ тепло и просто высказана общественная признательность многострадальному, но неизмѣнному, поэту:

«Несчастіе Шевченка кончилось, и съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилась одна изъ неправдъ... Отрадно видѣть человѣка, который, среди ужасныхъ, убійственныхъ обстоятельствъ, не ослабѣлъ духомъ, не отдался отчаянію, но сохранилъ любовь къ своей тяжелой долѣ, потому-что она благородна. Это высокій примѣръ всѣмъ современнымъ нашимъ художникамъ и поэтамъ и уже одно это достойно обезсмертить Шевченка...

«Позвольте-же предложить тостъ признательности за Шевченка, который своими страданіями поддержалъ то святое вѣрованіе, что истинно нравственную природу человѣка не въ-силахъ побороть никакія обстоятельства!..»

Едва радостная вѣсть о возвращеніи батька—Тараса достигла Украины, какъ тотчасъ полетѣли къ нему привѣтствія и стихи, ему посвященные, просьбы о томъ, чтобъ онъ не измѣнилъ своему поэти-

ческому призванію. Тотъ проситъ у него новыхъ громкихъ пѣсенъ, «що бъ усі почули, чтобы снова отозвалось на нихъ людское сердце, чтобы веселѣе улыбнулась доля»; другой повѣряетъ ему свои собственныя думы:

Минáють днi, лiтя́ть годá, —
Чимáло iхъ у вiчность ли́не,—
И омивá землю вода
Испóкiнъ-вiку, — й нéбо си́не,
Увéсь миръ Божий оглядá...
Въ однаковiсеньку дорóгу —
Все по наказу, въ ладъ оди́нъ,
Куди́сь идé, чогóсь кружля́...
Чи жъ безъ мети́ христиани́нъ?
Чи жъ безъ кiнця́ — ота́ земля́?
И звiдкi мiсяць яснoли́цiй?
Те нéбо — сóнце — крáсний рай?
И звiдкi зiркi-чарiвни́цi? —
Нашъ бiдний рóзумъ поспита́й! —
Про все ёгó ти поспита́й —
Про свiтъ, за Бóга и про люде, —
Про жизнь, за нéбо и про рай —
Та-ба! — одповiдi не бу́де, —
Зати́хне рóзумъ перéдъ тимъ —
Вели́чнимъ рóзумомъ святи́мъ...

Какъ къ другу, какъ дѣти къ отцу, обращались къ Шевченку съ своими надеждами, съ своимъ собственнымъ и народнымъ горемъ и радостію. Изъ далекой и дикой горной страны, *брати́*-переселенцы посылали свои жалобы въ Украину, черезъ *ба́тька Тарáса*, который живѣе всѣхъ могъ имъ сочувствовать:

— — — Кругомъ лiсá, кругомъ гори,
Байракъ зеленiе,
Да щó зъ того, колú хлiба
Нiде братамъ сiять!
Скрiзь кáменемъ взялась земля. —
Не можна орати:
Извелися нi-на-вiщо,
Бáтьку, нашi брати!..

У де-якихъ й куска хліба
У хаті немае...
Друга річка буде текти
Скоро іхъ слёзами.
Оттакую, батьку рідний,
Брати встріли долю:
Біднимъ дітямъ въ Украіні —
Що батькй придбали
Степъ, широку славу—волю—
Й куточка не стало...
Щó жъ робити? сíромахи
Попрощались зъ родомъ,
Завьязали собі очи —
И — якъ камень въ воду! — —

Шевченко былъ очень скроменъ во всемъ, чтó до него лично касалось; о степени сочувствія къ нему узнали только послѣ его смерти.

Въ числѣ писемъ къ Т. Гр., мы встрѣтили письмо его *названоі дочки:* — кто она — угадать не трудно. Невозможно было читать это письмо безъ особеннаго трогательнаго чувства: оно не застало уже Тараса Григорьевича въ живыхъ, и такъ живо его напоминаетъ:

«Мій дуже дорогий Тарасъ Григоровичъ! Чую, що Ви усé нездужаете та боліете, а сама вже своімъ розумомъ дохóжу, якъ то Ви не бережете себе и які сердиті теперъ. Отсе, добрі люди скажуть: «Тарасъ Григоровичъ! може Ви шапку надінете: вітеръ!» а Ви заразъ и кирéю зъ себе кúдаете.—«Тарасъ Григоровичъ, треба вікно зачинити:—холодно...»,—а Ви хутенько до дверей:—нехай на стежі стоять. А сами Ви тілько одно слово вимовляете: «одчепітця,» да дивитесь тілько у лівий кутокъ. Я все те добре знаю, та не вбоюся, а говорю Вамъ и прошу Васъ дуже: бережіте себе. Чи такихъ якъ Ви въ мене поле засіяно?..

«Іздили Ви на Украіну, були Вамъ тамъ пригоди, писали мині. Коли-то побачимось?—буду дожидати. Я теперъ пишу до Васъ зъ Риму; коли бъ же Васъ сюди занісъ який човничокъ, щобъ Ви не одъ людей почули, а на свої очи побачили, які тутъ руіни, дерева, квіти, а народъ який, а яке тепло, яке сонце. Я була у Колизеі на самому вúшку, на окні сиділа, а якъ звідти зийшла, то й сама

не знаю. Була въ Ватикані:—колибъ же Ви були тамъ, Тарасъ Григоровичъ. У мене є для Васъ фотографія, та якъ її Вамъ передати? Я тутъ и роботаю, и вчуся, и гуляю. Ви напишіть мині словечко, коли часъ буде. Ви забули, чи ні, що Ви названий батько? Коли взяли имья, то взяли и біду батьківську: теперъ думайте и не забувайте.

«Прощавайте. Бережіть же себе, прошу Васъ дуже. Щиро до Васъ прихильна М. М.»

Вѣсть о болѣзни Тараса Григорьевича нашла названу дочку далеко отсюда; съ нѣжнымъ, истинно женскимъ участьемъ и совѣтомъ подходитъ она къ непокорному, равнодушному къ жизни больному, но... теплое слово дружбы достигаетъ до *названого батька* уже тогда, когда онъ былъ холоденъ и недвижимъ на вѣки...

Съ какою почтительною любовью, съ какимъ восторгомъ обращаются къ *Кобзарю,* вовсе незнакомые ему люди, въ телеграмахъ и письмахъ, посланныхъ, изъ разныхъ сторонъ Украины — увы! — къ послѣднему дню его именинъ, а также по случаю освобожденія крестьянъ,—котораго онъ ждалъ съ такимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ...

Вотъ-что́, между прочимъ, прочитали мы на одномъ посланномъ ему листѣ, съ рисункомъ, изображающимъ, въ лицахъ, освобожденіе крестьянина отъ крѣпостной зависимости (1).

«Гей, степи́ безкра́і, го́ри тума́номъ пови́ті, могі́ли висо́кі, байра́кі глибо́кі, го́ді вамъ сумовати!... не бу́дете ви більше одкликатись на слёзи и жа́лібні пісні своіхъ сині́въ; загуркоти́ть, мовъ грімъ, голосна́ и во́льна пісня, ви́рвутця зъ душі високі думки и вітромъ бу́йнимъ пронесу́тця відъ кра́ю до кра́ю... стрепену́тця відъ ра́дости сині́ Украі́ни... Кобза́рю ди́вний! будь здоровъ й щасливъ на мно́гі літа; хай до́ля шану́е ти́хий супокой твоє́і душі, щобъ стру́ни твоє́і ліри го́лосно звеніли, на втіху и нау́ку ріднимъ дітямъ Украіни. День твого́ я́нголя зійшо́всь зъ вели́кою годи́ною во́лі народнёі семьі... Наста́не часъ, що й вони́, бідні, дозна́ютця гра́моти, що й іхъ ду́ші

(1) Мы не сочли себя вправѣ назвать авторовъ по имени, не имѣя на то отъ нихъ позволенія, но готовы объявить объ нихъ по первому требованію съ ихъ стороны.

освітятця й одъ тёмного сну прокúнутця; зашумотя́ть крúла рóзуму и полетя́ть за хмáру висóкі дýмки нарóдні...»

Но — увы! — нашъ Кобзáрь не дождался дня освобожденія *братівъ своіхъ;* не слыхалъ уже ни привѣтствій, ни поздравленій: не залечили они смертельныхъ ранъ, нанесенныхъ ему жизнью...

Шевченко умеръ—и когда горестная вѣсть достигла Украины и Галицкой Руси, тотчасъ увидѣли, что это было *общественнымъ* несчастьемъ, *народной* утратою. Львовская молодежъ носила трауръ (*жалóбні кокáрди*, какъ пишутъ отъ́туда), на своихъ козацкихъ шапкахъ. Въ Кіевѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и Полтавѣ, извѣщенныхъ о смерти Шевченка по телеграфу, служили панихиды. Изъ Кіева по телеграфу сообщали желаніе принять, на свой счетъ, издержки на перевезеніе тѣла Шевченка въ Украину, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ похороненъ въ Кіевѣ; въ то же время, одинъ молодой помѣщикъ, изъ Черниговской губерніи, предлагалъ похоронить его въ своемъ имѣніи и насыпать надъ нимъ, по древнему народному обычаю, *висóку мóгúлу*. Можно павѣрпое сказать, что смерть Шевченка отозвалась даже въ людяхъ равнодушныхъ, хоть чѣмъ-нибудь связанныхъ съ Украиной. Это всеобщее сочувствіе показалось бы, безъ сомнѣнія, больше всего неожиданнымъ для самого поэта. Онъ не сдѣлалъ во всю жизнь ни одного ни лишняго, ни криваго шага для списканія популярности и чьего бы ни было благорасположенія. Онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ, что *шелъ прямо* и *не лукавилъ*. Для себя собственно онъ ничего не ждалъ отъ жизни и ничего не желалъ отъ людей. Онъ съ трудомъ вѣрилъ, что его не позабудутъ современники, но это его не смущало: онъ зналъ, что жилъ не даромъ, что его вспомнятъ когда-то на Украинѣ—и эта мысль была для него единственною отрадой, если только онъ могъ находить отраду въ себѣ-самомъ.

Но глубоко почувствованная печаль Украинцевъ показала, что и современное поколѣніе умѣло оцѣнить Шевченка, что и оно умѣетъ быть признательнымъ. Мы не говоримъ объ его похоронахъ въ Петербургѣ: они уже были описаны въ *Основѣ* (мартъ); здѣсь мы только дополнимъ, что въ самый день смерти Тараса Григорьевича, всѣ бывшіе вечеромъ на панихидѣ собрались къ другу его, М. М. *Л* — му, гдѣ тотчасъ же было приступлено къ подпискѣ на увѣковѣченіе памяти Шевченка, и положено: 1) перевезти тѣло его на Украину, согласно (поэтическому) его завѣщанію; 2) поставить ему памятникъ; 3)

основать народную школу, подъ именемъ *Тарасовой* или *Шевченковой*; 4) содержать одного, или нѣсколькихъ, стипендіатовъ въ университетахъ—Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ лицеѣ и Академіи Художествъ; 5) издать наилучшимъ образомъ его сочиненія; 6) назначить преміи за лучшее жизнеописаніе поэта на украинскомъ языкѣ и за лучшій критическій разборъ его сочиненій; 7) издавать народныя руководства по разнымъ предметамъ; 8) помогать его роднымъ, и 9) кому-либо изъ ближайшихъ друзей его, ежегодно посѣщать его могилу на Украинѣ.

Разумѣется, все это было высказано какъ желанія, исполненіе которыхъ обусловливается количествомъ сбора по подпискѣ до сихъ поръ вполнѣ исполненъ лишь первый пунктъ, но мы увѣрены, что при добромъ содѣйствіи земляковъ, для которыхъ дороги память поэта и народная польза все предположенное будетъ исполнено. Увѣренность свою мы основываемъ на множествѣ писемъ, стиховъ и предложеній, съ которыми связано имя дорогаго поэта. Приводимъ нѣкоторыя въ подлинникѣ, чтобы читатели могли вывести сами свое заключеніе.

Насъ чрезвычайно тронуло письмо, присланное изъ за-границы, однимъ москвичемъ, который, путешествуя по Киргизскимъ степямъ, въ 1852 году, имѣлъ случай видѣться и познакомиться съ Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Вотъ-что писалъ г. Г — овъ при первой вѣсти о нашей утратѣ:

«Шевченко умеръ!... —

«Плачь, плачь, скорбный плачъ души отозвался на это извѣстіе. Это былъ человѣкъ, передъ которымъ, по огромности его таланта и самымъ горькимъ испытаніямъ, безмолвно клонилась вся Россія. И, только-что освобожденнаго, только спокойно зажившаго, подышавшаго свѣжими намеками настоящаго времени, настоящаго царствованія, судьба скрутила. Неужели всегда судьбѣ нужны бываютъ, при исполненіи чего-нибудь великаго, люди, которые живутъ мыслью совершаемаго,— лучшія жемчужины вѣка? Скорбно, невыразимо скорбно.... Это страшное извѣстіе какъ громъ поразило меня. Тарасъ Григорьевичъ! Неужели не увижу я тебя больше, не услышу твоей рѣчи, не упьюсь твоимъ свѣтлымъ, свободнымъ словомъ? Конецъ концовъ насталъ для тебя, и мы всѣ, съ сжавшимися отъ горя и скорби сердцами, плачемъ, и только плачемъ, безсильные противъ страшныхъ ударовъ судь-

бы. И какъ-то страшно и не хочется сказать: «миръ праху твоему,» какъ будто прахъ тотъ не прахъ еще, какъ будто оживетъ онъ, какъ будто судьба не могла такъ насмѣяться надъ нами....

«Видѣли ли вы его въ послѣднее время, и что съ нимъ было? Что говорилъ онъ, глядя на настоящія событія въ Землѣ Русской, на начинанія чего-то свѣтлаго, начинанія, которыя, увы! не дано было ему увидѣть; я увѣренъ, что вы, не откажете тотчасъ же написать мнѣ объ этомъ. Грустно, невыразимо грустно, не могу ни о чемъ больше думать, ни о чемъ больше говорить. Это ужасно: въ послѣдніе два мѣсяца Аксаковъ, Хомяковъ и наконецъ—Шевченко! Это неистовство смерти!..»

Во множествѣ другихъ писемъ и стиховъ высказалось такое же соболѣзнованіе. Общественное сочувствіе къ памяти народнаго поэта, живѣе всѣхъ выразила Полтава:

«Щирі Полтавські Украинці,»—писавъ А. Я. Коніський,—25 лютого, послали Т. Гр. Шевченку телеграмму, и поздоровляючи его зъ именинами, сподівались, що певно любий «Кобзарь» утне на своій голосній кобзі нову голосну пісню, котру почують далеко-далеко! Та ба!..

«Передъ обідомъ, 27 лютого, прогриміла въ Полтаві несподівана звістка, и коло серця гадюкою обвилася... Черезъ телеграфъ, намъ дано знáти, що 26 лютого, въ половині шестої години зранку, умеръ Шевченко... Чи треба жъ объ тімъ й говорити, яке горе, яка смута, якá страшна нудьга залягла въ душу кожного, хто хоть чувавъ про Шевченка...

«У вечері того жъ дня була випущена по городу печатна оповістка, що завтра буде по покійному панахида. Сёгодні (28-го) въ $^1/_2$1-і години зранку Стрітенська церковъ була повнісенька усякого народу: панівъ, козаківъ, крепаківъ, міщанъ и купцівъ. Отъ, очинились олтарні двері и вийшли, въ чорнихъ ризахъ, протопопъ съ трома пантотцями и стали править панахиду... Коли бъ же ви бачили, якъ щиро, якъ тепло молились усі люди за покійного поэта! які тихі, та гарячі слёзи лились зъ очей у кожного! А якъ заспівали *вічну памьять*, отутъ-то було плачу!.. Здавалось, що и дзони гули якось не такъ: неначе и вони голосили жалібно-жалібно!.. Наче й вони говорили: «ні, нема, нема вже Кобзаря! Нікому теперъ могучимъ голосомъ звеселить Украіну!.. Що жъ теперъ станешъ діяти, Украіно, Украіно, рідна наша ненько!...

«Тяжко-тяжко зга́дувать про Т. Г. Шевченка и якъ про чоловіка, и якъ про поэта...

«Спочивай же, любий Кобза́рю, тихо–тихо, та часомъ поглядуй изъ за могили на насъ, на всю Украіну, и привітай ласкаво нашу молитву, нашу любовъ и наше щире, жалібне слово:

Вийшовъ місяць—на могилки
Зъ неба подивитись,
Кругомъ глянувъ яснимъ окомъ,
И почавъ журѝтись...
Далі въ хмару завернýвся
Не схотівъ світи́ти;
За нимъ й зірки поховàлись,
Якъ за ба́тькомъ діти.
Нічъ, якъ воронъ чорний, стала,
Хмари скрізь блукають,
Вітри буйніі съ хрестами
Сумно розмовляють...
Чого жъ місяць, чого ясний
Хмара́ми укрився?
Чого, вітеръ, чого буйний,
Грізно росходився?...

— Місяць бачивъ, якъ учора
Могилу копали,
И въ могилу домовину
Стиха опускали...
Зачинилосъ въ Украіні
Покутнє віконце! —
Заховалось підъ землею
Украінське сонце!..
Умеръ Кобзарь!.. Его пісні
Більше не греміти.....
И ставъ вітеръ на могилі
Сумно голосити,
То завие, то застогне,
Жалібно заллетця:
Наче сокілъ объ могилу
Крилами забьетця;

Бьетця, квилить,—свіжу землю
Зъ могили змітае, —
Молить: «встань мій вольний брате!»—
Ні! не дочувае!...
Спи, Тарасе, тихо–тихо,
Поки Богъ розбудить;
Твого жъ слóва въ Украіні
Повікъ не забудуть...

Кромѣ *А. Я. Конисскаго*, стихи на смерть Т. Гр. Шевченка доставлены еще отъ гг. А. *Василенка*, *В. Э. Дьяковскаго*, *Ив. Кривоносова*, *В. С. Кулика*, *А. Липянскаго*, *М. А. Максимовича*, *М. А. Малашенка*, *В. Маслія*, *К. Мовы*, *А. А. Навроцкаго*, *Неизвѣстнаго*, *В. Пивтора-Кожуха*, *А. Славира*, *И. Л. Соколова*, *Авкс. Ив. Тарновскаго*. Приводимъ нѣкоторые:

I.

В. С. КУЛИКА.

Поховали.... Украіна
Загадавшись плаче,
Поховали духъ великий
И серце гаряче;
Кобзаря свого втеряла
Вдова-Украіна,—
Поховала бідна мати
Найкращого сина!..

Ні, не всёго поховали
Тебе на чужині.....
Твое слово животворне
Живе на Вкраіні;
Твоя дума, твоя пісня
Повікъ не загине,
Поки буде рости-жити
Козацька дитина;
Твое слово измáлечку
Повйтвердять діти:

Будешъ зъ ними зеленіти
Украінський квіте!
Тее жито, що посіявъ,
Зійде... жати будемъ.
Розбудивъ еси насъ, батьку...
Тебе не розбудимъ!

II.

М. А. МАЙСИМОВИЧА (*).

Все утрата въ певнихъ людяхъ —
Ой, якъ не тужити!
Отъ, и нашого Шевченка
Не стало на світі...
Порóвнявся день изъ нóччю,
Сонце пригрѣвае,
Пропадá зима велика,
Весна настигае.
Отъ, затóго Днѣпро скине
Ледяныи шаты;
Стануть луги зеленѣти,
Сади розцвѣтати;
Заспѣвають жайворонки
Весело у полі,
И возрадуютця люде,
Що дождались волі.
А ты, друже, непробудно
Заснувъ на чужинѣ,
И не будешъ твоихъ пѣсень
Співать на Вкраинѣ.
Не судилось, якъ хотѣлось,
Щобъ у своéй хатѣ,
На тóй горѣ надднѣпровóй
Життя зазнавати.

(*) 12 марта, 1861 г. *Михайлова-Гора.*
Сохраняемъ, по желанію автора, правописаніе подлинника.

Иншу долю Божа воля
Для тебе судила,
Що високимъ даромъ пѣсень
Тебе надѣлила;
Дала серце, щобъ любило
Широкую волю;
Вѣщу душу, щобъ боліла
За людьську недолю;
Ясны очи, щобъ лилися
Зъ ихъ слёзи гарячи,—
Щобъ по світу роздалися
Твои дивни плачи...
Стоить верба підъ горою,
На Днѣпръ похилилась;
За коханымъ своимъ синомъ
Мати зажурилась.
Вѣчна памьять тобѣ, друже,
Кобзарю единый!
Твоя пісня, твоя слава
Не вмре, не загине...

III.

А. А. НАВРОЦКАГО.

1.

То не вітеръ стогне въ полі,
Не филя у морі:
То постигло Украіну
Тяжке-важке горе:
Наше щастя, наша радість,
Наша кріпка сила,
Душа чиста, праведная,
Якъ свічка згоріла!..
Плачъ же, нене, плачъ нещасна
Вдово-сиротино:

Нашъ кобзарь, нашъ батько щирий,
Тарасъ насъ покинувъ!
Хто жъ піснею високою,
Чистою, святою,
Тутъ підніме наши души
Зъ мертвого покою?
Не роздастця смілий голосъ
На всю Україну,
Не порадить щирихъ дітокъ
У лиху годину....

Тільки вставъ ти —
Тільки визволивсь — и щирий
Голосъ твій роздався,
Тільки-що живе́е слово
Міжъ нами пробігло,
Якъ изнову похололо,
Навіки застигло
На устахъ твоіхъ холодныхъ,
И безъ тебе діти
Осталися сиротами
Малими на світі...
Осталися... А ти жъ, орле,
А ти жъ, рідний тату,
Піднімавъ насъ всіхъ у гору,
Привертавъ до хати;
Еднавъ Славянъ всіхъ до купи
У семью велику,
Благавъ Бога, щобъ злилися
Славянськиі ріки,
Щобъ братами люде стали
Во віки и віки.

Літай, орле, й зъ того світа,
Літай поміжъ нами,
И віщуй намъ живе слово
Й мертвими устами,

Вѣщуй дітямъ слово правди,
Щобъ не забували,
И любовию святою
Ввесь світъ обгортали!

2.

Не втихомирйлась душа,
Сумуе и плаче,
Виливае тугу-горе
И серце гаряче,
Виливае гіркі слёзи,
Якъ мала дитина...
То не одні моі слези —
Чистая росина:
Въ моій тузі—то по тобі,
По великімъ сину,
По тобі, Тарасе, плаче
Мати—Украіна:
Стогне, бьетця и голосить,
Жалібно ридае,
Що безъ тебе порадоньки
Де найти не знае...
Твоя пісня не озветця
Соловейкомъ въ гаі,
Не розважить, не рознесе
Вдовиного жалю;
Не наповнить знову души
Живою росою —
Сцілющою, живущою
Дрібною слёзою...

Ні, не вмре вона, не згине
Та пісня висока:
Всімъ запала вона въ душу
Глибоко, глибоко.
Хоча бъ, батьку, після тебе
Затихло, змарніло

Наше слово молодее,
Й навіки въ могилу
Полягло воно зъ тобою,
То намъ, хвалить Бога,
На вікъ вічній стане твого
Слóва голоснóго.
Не вмре воно — животворне,
Не вмре—не поляже,
И про твою тяжку славу
Всімъ людямъ роскаже;
И освітить всёму миру
Твій рай — Украіну,
Всімъ покаже, що недаромъ
Жила сиротина;
Що ii тихая доля —
Не пустоцвітъ въ світі,
Що ище колись здадутця
Ii щирі діти....
А ти, батьку, й зъ того свíту
Доглядуй за нами,
Щобъ не пішли твоі діти
Чужими шляхами.

IV.

А. ВАСИЛЕНКА.

Пýгу-пýгу!!! ні, не чути!..
Вже Тарасъ не відгукнетця.
Надало ёму майнути...
Хто слёзою засміетця,
Хто про горе намъ заграе,
Щобъ ажъ лихо танцювало...
Батька нашого не стало:
Хто жъ сирітъ насъ привітае?!
Плачте, браття, плачте, діти,
Сталось люте горе:

Наша доля слёзи лити...
Виллємъ ціле море;
Ні, не стане й моря—мало—.
Горе утопити...

Гай-гай! кете-лишъ кресало
Люльку запалити!..
Ой, на серці дуже тьмяно,
А дихнути —важко, важко.
Душу всю укрили рани...
А де-жъ нашъ ватажко?!..

Ти все знавъ, Тарасе, кобзарю нашъ рідний,
Чого реве вітеръ въ безкраімъ степу,
Чого вінъ питае козацьки могили,
И сумно гуде про вдову-сироту.
Ти знавъ, чого чайка надъ Дніпромъ кигíче,
Объ чімъ соловейко співа на тополі,
Чого й пугачъ стогне, и жалíбно кличе
Когось-то, щобъ глянувъ на гіркую долю....
Ти знавъ, чого й батько—Дніпро нашъ широкий,
Надметця и филю горою здійма,
И кинетця въ море и въ Чорнімъ, глибокимъ,
Чогось и шука й підіймае зо дна....

Живая любовь Украинцевъ къ своему поэту не могла ограничиться однѣми пѣснями и слезами: тотчасъ же явилось желаніе—увѣковѣчить память Шевченка общеполезными дѣлами. Изъ нѣсколькихъ писемъ, выражающихъ это, приводимъ письма Н. М. Мельника и М. Н. Дарагана.

«Дуже спечалила насъ вість про смерть дорогого нашого Тараса Григоровича...» (озвався щирий землякъ нашъ Н. М. Мельникъ). «Покійний батько одинъ у насъ бувъ, та чи й діждемо другого. Мабуть уже намъ не дожидати, а хоть би дітямъ нашимъ. Вінъ такъ багато зробивъ и для родного письма и для народу, що ми не знаемо, съ кімъ его й рівнять, якъ его й почитать. — У такого чоловіка, который самъ, своими гіркими трудами и окровавленними ногами, зійде на ту дорогу, якъ покійний Тарасъ, мабуть не ба-

гато останется въ калитці або скрині, мабуть стілько, що нічимъ буде и поховать, а щобъ хрестъ на могилі поставить—про те нічого й думать... Отъ же мені й прийшло на думку: чи не можна бъ зібрать покійному на хрестъ? И Земля наша велика, и насъ, спасибі Богу, багато (хоть мало багатихъ, а всі—якъ то кажуть—безгрішні): то, я думаю, треба начать, а въ добрімъ ділі и другі поможуть, — не пожаліють, хто скільки зможе, да такъ може й зберемо стільки, що й на хрестъ стане—не на деревьяный, а на такий, що ні въ огні не горить, ні въ воді не тоне. Отъ моя думка: якъ би зо всеі Вкраіни назбірать стільки, щобъ воспитовать, во имья покійного Тараса, ёго родича, або земляка, въ Київскимъ университеті,—звичайно—на процентъ изъ зібранихъ грошей. Ото булабъ вічна памьять покійному! легше булобъ ёму лежать підъ землю, якъ би хоть посмерти его почтили, якъ подоба, коли за живота не вміли. Прошу васъ, земляче, гукніть, будьте ласкові, землякамъ столичнімъ, Кіевскимъ, Полтавськимъ и всімъ Украинцямъ: побачите коли воно не вийде до діла. Ище якъ я вчився въ Полтавській гимназіи, то збірали по всімъ школамъ на памьятникъ Крылову; дітвора давала по сороківці, а вже багато—по коповику, та й дуже важний памьятникъ изъ збору зробили, що стало бъ процентівъ не на одного школяра. Жаль тільки, що вінъ даромъ бованіе, а сей, що хотілось би поставить Тарасові, знатимуть и будуть почитать люди, бо не одна бідна душа черезъ ёго може світъ побачить. Збірашка наша не пійде въ осудовище, а всі похвалять, и подякують, и поможуть... »

Вотъ другое предложеніе.

«Я желалъ бы,»—писалъ М. Н. Дараганъ,—« обратиться къ почитателямъ безсмертныхъ произведеній нашего украинскаго поэта съ нижеизложеннымъ предложеніемъ, и надѣюсь, что оно не останется безъ сочувствія со стороны просвѣщенныхъ соплеменниковъ.

« Извѣстно, что покойный Т. Г. Шевченко, по своему рожденію, принадлежалъ къ крѣпостному состоянію изъ имѣнія помѣщика Флёрковскаго, Кіевской губерніи. Геніальныя поэтическія дарованія открыли ему, впослѣдствіи, возможность свободно развивать свои таланты, но едва ли онъ могъ когда нибудь забыть извѣданныя въ лѣта юности испытанія, едва ли онъ могъ забыть прежнихъ собратій своихъ. Это скорбное чувство, которое Тарасъ Григорьевичъ, безъ сомнѣнія, ко конца жизни не переставалъ носить въ сердцѣ своемъ, и было, донечно, въ значительной степени причиною, что почти всѣ его сти-

хотворенія проникнуты глубокою, иногда безотрадною, грустью. Смерть похитила поэта только за нѣсколько дней до великаго торжества (5 марта), когда всенародно произнесенъ былъ смертный приговоръ крѣпостному праву. Ему не привелось видѣть погребенія того начала, которое было источникомъ многихъ его несчастій... Нельзя не пожалѣть объ этомъ, нельзя не грустить о преждевременной кончинѣ... Намъ остается однакожъ утѣшеніе,—это—право дѣлать все, чтобъ память о Тарасѣ Григорьевичѣ запечатлѣлась какъ можно болѣе твердыми чертами въ томъ народѣ, которому онъ всю жизнь былъ всецѣло преданъ, въ томъ сословіи, изъ котораго онъ вышелъ. Какъ одно изъ средствъ для этой цѣли, я предлагаю воспользоваться великимъ событіемъ дарованія помѣщичьимъ крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и соединить имя нашего поэта съ обезпеченіемъ судьбы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ прежнихъ его собратій, кои не имѣютъ средствъ для выкупа у помѣщика своей усадебной осѣдлости и полевыхъ угодій. Я предлагаю открыть подписку на пожертвованія, съ цѣлію оказать пособіе въ упомянутомъ случаѣ сначала родственникамъ покойнаго Тараса Григорьевича, а потомъ, если сумма будетъ достаточна, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, поселеннымъ въ той деревнѣ, гдѣ родился поэтъ. Кромѣ подписки, для увеличенія средствъ, можно было бы устроить также литературныя чтенія. Собранныя деньги могутъ быть употреблены по назначенію или черезъ мироваго посредника, въ уѣздѣ котораго находится сказанное имѣніе, или чрезъ посредство другаго довѣреннаго лица, какъ это будетъ признано болѣе удобнымъ.

«Какъ бы ни былъ малъ итогъ будущихъ пожертвованій, но если онъ будетъ достаточенъ на пособіе, въ необходимой мѣрѣ, даже только одному семейству, то и этотъ фактъ, совершенный въ память славнаго пѣвца нашей родины, уже будетъ долго служить хоть малымъ и скромнымъ, но живымъ памятникомъ Тарасу Григорьевичу.

«Если предложенная мною мысль найдетъ въ обществѣ сочувственный отзывъ, то можно будетъ приступить къ ходатайству о дозволеніи открыть подписку. Зная восторженный успѣхъ, какимъ пользуются произведенія поэта и популярность его имени въ Малороссіи, можно надѣяться, что это дѣло не встрѣтитъ недостатка въ единодушіи со стороны нашего общества. Что́ касается до меня, то, какъ первый подавшій мысль о пожертвованіи, я напередъ обязываюсь представить куда потребуется ту малую долю (25 р.), какую позволяютъ мнѣ удѣлить, на общеполезное народное дѣло, мои ограниченныя средства. Да послужатъ

намъ примѣромъ, въ настоящемъ случаѣ, наши единоплеменники—Чехи, которые, начиная подписку съ самой незначительной суммы, успѣваютъ собирать большія средства на воздвиженіе памятниковъ своимъ знаменитымъ литературнымъ дѣятелямъ (*).

Мысль объ увѣковѣченіи памяти Шевченка явилась также въ Полтавѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Одессѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ: осуществить ее предполагалось посредствомъ подписки, концертовъ, спектаклей и публичныхъ чтеній.

Нѣкоторыя лица уже прислали деньги для этого назначенія. Отъ Черноморцевъ, изъ Екатеринодара, доставлено 200 р., при слѣдующемъ письмѣ:

«Пройшла чутка й на Чорноморіі, якъ ви тамъ, у Петербурсі, ховали нашого, на віки вічні славного Тараса. Читали й ми увъ *Основі* ті речі, що ви, спасибі вамъ, говорили біля труни ёго, и на серці полегшало одъ думки, що й у далекій сторонѣ знайшлись-таки люде зъ щирою душею,—що й тамъ уклонилися на могилі Незабутного!.. Батьки наші не вміли гарно, якъ-то кажуть—по-пісьменному балакати, або хвалити;—такички й ми: серце ворушитця, на душі наче промінь божий, а язикомъ не втнешъ—вибачайте!

«Довелось и намъ прочитати, що люде й у Московщині збірають поміжъ-сéбе гроші, щобъ зробити щó на памьять Тарасові; а ми-бъто й сидітемемъ, мовъ се діло чуже, абó-що?.. Ні!.. А ну-лишъ, бідолашне козацтво, хапайсь за «*Наталку-Полтавку*,» та заграємо на тіятрі, та заспіваемо: отъ и зберемо грошенятъ хочъ трохи...

Чорноморські Паніі *Любовъ Шарáпова* да *Марѳа Головата* изъ радістю узяли свої ролі; *Клеофасъ Головáтий*, *Дмитро Кучерóвъ*, *Иванъ Плохúй* и *Стецькó Шарáпъ*—тежъ,—та оце ті гроши, що зібрали зъ невеличкоі Екатеринодарськоі громади нашоі, и посилаемо: не багацько,—вибачайте: — обідрались, бачте, кишені Запорозькі въ вісімдесятъ рікъ..—тільки посилаемо ми іхъ одъ щірого серця!—Робіть зъ ними—що хочеше—на памьять Тараса Шевченка,—и не порéмствуйте на Чорноморцівъ...»

Съ искреннею благодарностью и невыразимою радостью приняла здѣшняя громáда не столько самое приношеніе, сколько родное теплое

(*) Нельзя не пожелать, чтобы благородныя мысли, высказанныя въ приведенныхъ письмахъ, нашли себѣ полный отголосокъ въ обществѣ, и скорѣе осуществились на дѣлѣ. *Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій* не отказался бы принимать у себя присылки для вышеозначенныхъ цѣлей.

слово и благородныя чувства, его сопровождавшія, какъ явное опроверженіе невѣрныхъ слуховъ, будто *Чорноморці*, вдали отъ родины, какъ вѣтка оторванная отъ роднаго дерева, уже измѣнились, *охолодимися для неньки старенької, для Вкраіни милої, для дорогихъ ії памьятокъ*.—Нехай же добрі люде довідаютця, що сему не була правда й ніколи не буде: щира й правдива душа и на край-світа несе зъ собою оттой найдорогший скарбъ—найкращу втіху — при добрій и при лихій годині!—

6 мая, въ Полтавѣ, на память о Шевченкѣ посаженъ дубъ (надъ дорогою, въ саду И. Н. Гуссона). Дубъ этотъ будетъ обгороженъ желѣзною рѣшеткой; на мѣдной дощечкѣ будутъ вырѣзаны стихи: «*Твоя дума, твоя пісня не вмре, не загине.*»

Украинская *громада* въ Петербургѣ свѣжо хранитъ священную память о Тарасѣ: въ каждый воскресный день—день смерти великаго *громадянина*—собираются земляки вмѣстѣ, чтобъ помянуть его добрымъ словомъ или любимою его пѣснѣй, и всякій разъ при этомъ собирается небольшая сумма на увѣковѣченіе его памяти какимъ-нибудь общеполезнымъ дѣломъ. Пока тѣло Шевченка оставалось здѣсь, Украинцы собирались повременамъ на его могилу; обыкновенно почтенный священникъ-землякъ правилъ панихиду, которая сопровождалась также и пѣніемъ земляковъ, знающихъ церковную службу. Могила Шевченка постоянно вся была въ зелени и вѣнкахъ; изъ-за нихъ не было видно ни земли, ни снѣгу, и она скорѣе напоминала весну, жизнь, чѣмъ смерть.

Въ сороковой день, передъ отправленіемъ гроба въ Украину, земляки собрались на могилу проститься; послѣ панихиды, М. И. Комаровъ произнесъ слѣдующее слово:

«Щé разъ зібрáлись мú до тéбе, по Тарáсе, дáкувати тобí за всé, щó зробúвъ тú для нáсъ,—за гіркí слéзи, що лúвъ тú цíлий вíкъ свíй за своíхъ дітéй. Дýже, мáбуть, булú вони́ палючí, бо схаменýлась вся Украíна, якъ побáчила іхъ. Схаменýлась та й загадáлась... Нагадáвъ ти ій, Тарáсе, про слáвну давнину, про велúкі діла нáшихъ батькíвъ, про слáвнее козáцтво... Нагадáвъ ти ій про всé, що колúсь дíялось на Вкраíні:

«Чия прáвда, чия крúвда,
И чиí ми дíти».

«Якъ Бóжий грímъ грímнула твоя святá пíсня по всíй Украíні. За-

ворушилась бідолаха,—прокинулись твої дітки, ажъ дивлятця, а ти покажуешь имъ далеко-далеко щось ясне та блискуче.

«Не одна Україна здивувалась твоій святій речи: здивувались ій всі, кому дороге слово правди.

«Ніхто, до тебе, Тарасе, не зъумівъ такъ голосно заявить, що й підъ сірякомъ бьется щире серце й правдива душа. Честь тобі, Тарасе, и козацька слава: якъ никатувала якъ ни мордовала тебе злая твоя доля, не зломила вона тебе.

«Проволочивъ еси, Тарасе, своє тяжке горе ажъ до самої могили:—вибачай,—не вміли ми тебе шанувати. Теперъ тільки, якъ ти вже покинувъ насъ, зважили ми наше лихо, та не вернетця. Теперъ тільки побачили ми, що зъ тобою заховали ми въ труну все те, чимъ билось серце України, чимъ живилась и душа. Своімъ лихомъ протоптавъ ти намъ надъ Дніпромъ добру стежку; маемо въ Бога надію, що всіми не похибно підемъ по тій стежці. А якъ-же котрі зъ насъ похилятця, або відцураютця одъ твого великого завіту, то відцурайся й ти відъ нихъ, Тарасе, бо то не твої діти. Але жъ маемо въ Бога надію, що не знайдетця міжъ нами такихъ, бо наші батьки такъ не робили, та й дітей своіхъ не вчили такъ робить....

«Бачъ, Тарасе, яка тіснёнька купка зібралась била тебе: оце все твої щирі діти прийшли сказать тобі останне велике спасибі. Благослови-жъ насъ, батьку, кінчать те діло, що обілляв ти гіркими слёзами....»

П. А. Кулишъ также приготовилъ-было рѣчь, но не могъ произнести ее—по нездоровью. Сообщаемъ ее читателямъ *Основы*.

«Панове-громадо! Усяка людина має свою вагу на світі, усяке наше діло має свій таемничий розумъ; тільки що-дрібнимъ дрібязкомъ точатця наші що-денні справи,—тимъ и не змогли бъ ми зважити, хочъ би й хотіли, чого стоіть міжъ нами оттака й така людина и що за сила въ оттакихъ и такихъ ій учинкахъ. Виднійше намъ усе те въ високихъ розумомъ письменникахъ, або въ великихъ гетьманахъ. Тимъ-то біографія, менша сестра исторіи, пильно придивляется до життя значнихъ мужей громадськихъ, а ще пильпійшъ до життя славнихъ писателівъ: сі бо великі люде знаменують собою нашу родову високість народню, нашу живу силу громадську. Такий знаменатель бувъ и Шевченко. Порано ще, панове громадо, прорекати слово остатне про Тараса: ще ми гаразд не зрахували, скільки ми зъ нимъ утеряли. Хочъ же бъ се була й найбільша наша втрата

після Берестéцькоі хáлепи, то все жъ намъ не честь, не подóба безъ пуття́ надъ ёго́ моги́лою смуткува̀ти. Живи́й живе́ гада̀е: живи́й чоловíкъ перемóже вся́ку ту́гу й печа̀ль, и найбíльша пригóда найбíльше додаé живóму чоловíкові си́лі. Отъ же, якъ я вважа̀ю, пано́ве–громà до, то смерть Тарáсова нічóго въ насъ не одняла̀, я́ко въ наро́ду. Ні, вона́ намъ, я́ко наро́дові, о́чи осия́ла; вона̀ передъ на̀ми велúке дíло Шевчéнкове впóвні явúла, а самóго Шевчéнка мовъ на горí посередъ насъ поста́вила, що вся́кому теперъ розу́мно, якóю терновою стéжкою добрáвся Тарáсъ до свого́ вíчнёго опочúнку.

«Изъ панськоі *перéднёї*, швиргону́ла Тара̀са дóля на край свíта, на оцé ба́лище химéрне, та й поста́вила передъ чоловíкомъ, котóрий трохá чи не одúнъ въ столицí уважа́въ себé вíльнимъ всемирнимъ громадя́ниномъ. Рíчъ про Брюло́ва Ка́рла. Пíдъ ёго́ гóрдимъ крилóмъ вúкохавъ Шевчéнко своі ду́ми висóкі; одъ ёго перенявъ Шевчéнко гаря́чу живóпись, а фа́рбами до нéі взявъ рíдне, щúре, голосне́ слóво. Чи по всякъ же то день, пано́ве громà до, пробува́въ Тарáсъ на висóкости висóкий? Пéвно, що нí.

«А що́ жъ вíнъ, спускà вшись, дóлі знахóдивъ?... Овва́!... Згада́йте лишъ пано́ве бра́ття, сла́вні коза́ченьки, згада́йте сорокóві рóки столúчні, ти́і-то рóки, якъ ище́ свíжою си́лою кипíла кровъ у Тара̀са. Що тоді було́ въ на́шій громà ді столúчній?... До ко́го було́ Шевчéнкові тоді въ товари́ствi прихили́тися? чи до тихъ, що себé людьми́ статéчними велича́ли и людське́ безголíвья гà рнимъ яки́мся поря́дкомъ уважа́ли, чи до тихъ, що на ввесь миръ руко́ю махну́ли и бурла̀цькимъ рóбомъ пó свíту буя́ли, що «свою́,» мовлявъ, «пили́, а не кровъ людську́ю»? Хто зъ нихъ бли́жче припада́въ до сумнóі души́ поэти́чнёі?.. Эге́!.. Отъ же, коли́ хóчете зна́ти, то й та статéчність, и те буя́ння необа́чне рівно огóнь святúй у людськúхъ ду́шахъ гасúли, и куди́ бъ нí ки́нувся Шевчéнко, куди́ бъ нí оберну́вся, всю́ди вінъ бага́то своéі си́ли збувъ би, якъ и всі ми збува́ли. Передъ очи́ма жъ у ёго́ бувъ таки́й же, якъ и вінъ, горопа́ха, що́ поглядомъ глибóкимъ збагну́въ невила́зні затóни життя́ грома́дського, та й попусти́въ своі орлóви кри́ла вíдъ смýтку. Тя́жко вони́ сумува́ли оби́два, що нема́ кра́ю тимъ затóнамъ, нема̀ черезъ нихъ бро́ду,—сумува́ли, па́дали ни́зько ду́хомъ висóкимъ, и бага́то однявъ у іхъ обóхъ той упадокъ. Мóже, тíльки части́ну, малу́ части́ну свого́ душéвного скà рбу, вúявивъ намъ Шевчéнко; мóже, вінъ не прорíкъ намъ що–найкрà щихъ рíчéй своіхъ. Чи ду́рно жъ бо въ ёго́ напúсано про Перебéндю: «Оди́нъ вíнъ мíжъ

ни́ми, якъ со́нце висо́ке?..» Ой,–ой,–ой, пано́ве грома̀до! Хіба̀ жъ бо й спра̀вді вінъ бувъ не оди́нъ середъ блиску́чого на̀товпу столи́чнёго, кото́рому було́ байду́же про те́мнихъ братівъ своіхъ? Хіба̀ жъ бо й спра̀вді не оди́нъ вінъ міжъ усіма̀ поэтами заговори́въ мужи́чимъ, тимъ забутимъ сло́вомъ про всеми́рню пра̀вду? Хіба̀ жъ не одному́ ёму́, мужико́ві вбо́гому, сироті безтала̀нному, му́сили ни́зько вклони́тись лю́де розу́мні и пова̀жні, я́ко «тому́, хто все зна̀е, тому,хто все чу́е»?.. Отъ же, пано́ве–грома̀до, оцёй Шевче́нко, ви́йшовши ди́вомъ яки́мся изъ тиі темно́ти прито́птаноі, похи́лоі, безъязи́коі, знаменує́ намъ собо́ю, що́ то за глибиня́ нескінченно-бага̀та, кото́ра ёго́ на світь появи́ла! До́бре ви чи́ните, що вели́кимъ поэтомъ ёго́ велича̀ете и шано́бу ёму́, я́ко вели́кому поэтові, воздаете́; а ще лу́чче, а ще кра̀ще зро́бите, якъ погля́нете на ёго и́ншимъ по́глядомъ. Вінъ бувъ проро́комъ и́ншого життя́ грома̀дського. Вінъ, ви́йшовши съ того́ мужи́цтва таемни́чого, не бага̀то кому́ розу́много и доступно́го, гори́ть передъ на̀ми, мовъ у ночі ясна̀ свічка надъ вели́кимъ ска̀рбомъ,—и чи даре́мне жъ вінъ горітиме? Чи до́вго ще той скарбъ вели́кий, незрахо́ваний, по́тай на̀шого товари́ства письме́нного лежа̀тиме? Ні, пано́ве грома̀до, земляки́ моі коха̀ні! наста̀въ для насъ усіхъ вели́кий часъ пра̀ці свято́і на кори́сть на̀ції на̀шій, на іі честь и шано́бу міжъ наро́дами, и моги́ла Шевче́нкова му́сить намъ ста̀тись поча̀ткомъ но́воі науки и по́двигівъ, праведно христия́нськихъ.»

Наконецъ, въ апрѣлѣ, получено разрѣшеніе, на перевезеніе тѣла Шевченка на родину; всѣ приготовленія для этого сдѣланы заботливымъ другомъ поэта; гробъ выкопанъ изъ земли переложенъ въ другой, свинцовый, и поставленъ на особыя ресорныя дроги, которыя должны были довести тѣло на Украину; Гр. Н. Ч—скій и Ал. М. Л—скій уже готовы сопровождать его. Всѣ Украинцы, имѣвшіе возможность быть 26 апрѣля на могилѣ Шевченка, явились туда раннимъ утромъ, чтобъ въ послѣдній разъ проститься съ тѣмъ, кто, въ теченіи 20 лѣтъ, былъ самою живою общею связью съ родиною для всѣхъ, оторванныхъ отъ нея по какимъ–либо обстоятельствамъ.

Чорный гробъ уже возвышался на запряженныхъ дрогахъ. Какое тяжелое впечатлѣніе! Какія печальныя, серьезныя у всѣхъ лица! Всѣ были поглощены минутой, всѣхъ пронзала мысль о вѣчной разлукѣ съ дорогимъ поэтомъ и человѣкомъ. Пока онъ оставался здѣсь, пока

была передъ глазами хоть эта могила въ зелени и цвѣтахъ, казалось будто смерть еще не все унесла съ собою; а теперь—*прощай, Тарасе, навіки прощай!* Въ эту минуту не могло утѣшить и то, что наконецъ исполнится хоть одно его желаніе,—что онъ будетъ хоть мертвый спокойно лежать въ Украинѣ!

Когда всѣ, такимъ образомъ, находились подъ гнетомъ сосредоточенной печали, вдругъ заговорилъ П. А. Кулишъ:

«Що́ жъ се ти, ба́тьку Тара́се, одъіжджа́ешъ на Вкраіну безъ черво́ної кита́йки, заслу́ги коза́цької? Чимъ же ти ни́жчий одъ тихъ коза́цькихъ лицарівъ, що черво́ною кита́йкою вкрива́лися, заслу́гою коза́цькою пиша́лися? Ні оди́нъ вільний пре́докъ твій, Тара́се, не схо́дивъ зъ сёго́ світу безъ сёї оста́ннёї че́сти. Чи вже жъ ти — неха́й Богъ кри́е — уме́ръ чужи́мъ чужени́цею на чужи́ні? Що́ жъ се про насъ на Вкраіні ска́жуть, якъ ми тебе́ ви́рядимо въ доро́гу, непокри́того черво́ною кита́йкою? Ска́жуть, що й ми такі пере́вертні, якъ ті ду́ки, що позабіра́ли всі коза́цькі луги́ й лу́ки, та й старосві́тські звича́і позанедбо́бували. Ні, ба́тьку Тара́се, не годи́тця тобі такъ одъіжджа́ти на Вкраіну! Ищé—дя́кувати Бо́гові свято́му—не попереводились коза́цькі діти, коза́цькі ду́ши: е кому́ тебѣ на доро́гу китайкою черво́ною обми́слити. Воні́ тобі нагото́вили че́сне коза́цьке покри́вало... Роски́ньте жъ, небожа́та, черво́ний цвіть славе́тний по чо́рній, сумній домови́ні Тара́совій. Неха́й нашъ ба́тько зъя́вится на Вкраіні ли́царемъ щи́римъ, що живъ и вмеръ побива́ючись про добро́, про честь и во́лю на́шу... Оттепе́ръ ідь, ба́тьку Тара́се, до своєі домівки. Неха́й земляки́ ба́чять, що ти зъ мало́і рі́дної семьі у вели́ку рі́дну се́мью верта́есся; неха́й зна́ють, що ми тутъ на столи́ці своє́і свято́і старосвіщини не занедбо́вуемо, що ми свого́ вели́кого пое́та по-сво́ёму шану́емо».

— Но подъ мокрымъ дождевымъ снѣгомъ, обильно падавшимъ на непокрытыя головы присутствующихъ, скоро потемнѣла *червона китайка*, будто знаменуя, что не красна была жизненная борьба народнаго пѣвца и не такъ была радостна смерть его *на чужи́ні*, какъ *козацьки́хъ лицарівъ* его предковъ—*на рі́дній Вкраіні*,— и лица унылыхъ земляковъ не просіяли съ появленіемъ новаго покрова на чорномъ гробѣ....

«Въ-остáннє вита́емо тебе на чужи́ні, дру́же нашъ Тара́се!» (такъ началъ П. А. Кулишъ другую рѣчь свою). «Не вдéржала тебѣ чужа́ земля́ у своєму холо́дному ло́ні: тя́жко бо сумува́въ еси́,

що тобі засиплють чужимъ піскòмъ óчи; гáряче жадàвъ еси́, щобъ тебé на Вкраіні похóвано:

Якъ умру́, то поховáйте
Менé на моги́лі,
Середъ стѐпу широ́кого
На Вкраіні ми́лій;
Щобъ лані широкопóлі
И Дніпрó и кручи
Булó ви́дно,—булó чу́ти
Якъ ревé реву́чий...

«Отъ же ми ввóлили твою́ вóлю, Тарáсе: провожáемо тебѐ на слáвну Вкраіну... На слáвну!?.,.. а чимъ же вонá слáвна, Тарáсе? зá що ти іі полюби́въ щи́римъ сéрцемъ твоімъ, рідний нашъ бáтьку? за яку́ слáву, за яку́ честь міжъ нарóдами?

Обідрана, сиротóю
По–надъ Дніпрóмъ плáче...
Тя́жко–вáжко сироти́ні,
А ніхтó не бáчить!...

«Отъ уся́ похвалá, що ти воздáвъ своій Украíні! отъ за щó іі полюби́въ еси́ твоімъ сéрцемъ вели́кимъ! — — —

«Зъяви́ся, бàтьку, середъ рідного крáю підъ своéю червóною китáйкою, заслу́гою козáцькою; згромáдь навкруги́ сéбе сліпи́хъ, глухи́хъ и безъязи́кихъ: нехáй побáчять, якъ далеко вони одъ правди постали, нехáй почу́ють изъ мéртвихъ устъ твоіхъ твое слово безсмéртне; нехай, хочъ помиля́ючись, зачнуть глагóлати непози́ченою мóвою після столітніхъ пóзичокъ! Чи дарéмне жъ бо ти прокля́въ тую слáву, що въ літóписяхъ нáшихъ восхвáлена? чи дарéмне, бáтьку, проклінъ твій, нáче моли́тву, лю́де слу́хали! Ой, ні, Тарáсе! твоя́ душá вели́ка нову, свіжу Вкраіну посередъ старóі тру́хлоі вбачáла.

«И забу́детця сромóтна, дáвняя годи́на... »Нехáй вонá забу́детця на віки! Нехáй оживе добра слава Украіни! — Тарáсъ Шевчéнко—нашъ первий добрóдій нарóдній. У насъ *громáда–вели́кій чоловікъ*: отъ нашъ корогóвъ, отъ нашъ стягъ чéсний! И підъ сімъ-то корогвóмъ навкруги́ твоéі домови́ни, бáтьку, твоі правди́ві діти зберу́тця. Вони́ тебе, бáтьку, до твоéі домівки провожáтимуть; вони́ тобі моги́лу висóку наси́плють, на моги́лі прáпоръ непорóчний постá-

влять и слóво твоé животворя́ще по всёму мíру рознесýть. Вони зрозумíють, бáтьку, чóго се ти притьмóмъ посередъ Украíни на вíчний спочúнокъ уклáвся. Не пáнська въ іхъ, Тарáсе, буде душа, щобъ твое сéрце въ марморя́ну ýрну клáсти, абó надгрíбокъ тобí зъ горорíзьбами велúкимъ кóштомъ споружáти. Ні, бáтьку, вонú нерукотворний тобí спóминъ на Вкраíні зроблять.

»Ти докінчáвъ свій пóдвигъ, Тарáсе, обíдрану сиротý-Украíну на ввесь свíтъ оплáкавши. Спочивáй тепéръ, бáтьку, у святій мановí, посередъ рíдного крáю. Знáйдутця люде, що твоé святé *слóво* на святе дíло обéрнуть. Ті люде, Тарáсе, на сирíтські лáти, на мáтерене рáмья не скрíзь лорнéтки дивúтимутця: вонú душéю побивáтимутця, щобъ не сидíла вже бíльше нéнька у безверхíй хатí; вонú, шануючи слóво твоé, обмúслять íї усíмъ дóбримъ щобъ вонá тебé по всі вíчні рóки споминала. — — —

»Спочивáй, бáтьку Тарáсе! а ми вже знáтиммео, якъ твою могúлу шановáти. Вже не по-козáцькій ми про свою дóлю дбáтимемо. Ти насъ навчивъ, ти намъ очи одкривъ, шо съ того козáцтва необáчного добрá не вúйшло. Рóзумомъ, а не гвáлтомъ, мýсимо ми усяке лукáвство переважати.— —Такъ якъ ти, бáтьку, безъ гвáлту, безъ бýчи вúзволивсь, и вже ніяке ярмо на свíті твоéі шиі до зéмлі не нахилúло: такъ бýдемо ми й усíхъ братівъ твоíхъ визволяти. Нехáй инші своíмъ геро́ямъ монумéнти висóкі стáвлять,—вонú зъ нáми не зрівняю́тця: ми тобí воздвúгнемо тúсячи и деся́тки тúсячъ живúхъ монумéнтівъ, распростéрши духъ твій спасéнний поміжъ людьми нехáй зóлотомъ та срíбломъ утішáютця: нáшою втíхою буде сúла нáшого духу невгамóваного; тиéю сúлою ми собі бíльше добрá набудемо. Нехáй хто хоче велúкимъ рóдомъ своíмъ пишáетця,—а зъ насъ усякий— нóвий, чúстий рíдъ починатиме. Твоíмъ слíдомъ, Тарáсе, всі ми пíйдемо. Ти насъ ожививъ—всú слóвомъ своíмъ на свíтъ, прокля́вши нáшу слáву, нашу предківщину.

»Нашъ всú поэтъ, а ми народъ твій; ми дýхомъ твоíмъ вовіки и вíки дúхатимемъ, и духъ твій прóстий и ясний всели́тця въ нáшу освíту и въ наши справи громадські, и слáва ненарожде́ннихъ нáшихъ бýде слáвна по-твоéму, а не такъ якъ про нáшихъ прéдківъ писано; и якъ зъя́витця нóвий такúй поэтъ, якъ ти, то вже тиéі слáви не проклина́тиме».

Печáльный поѣздъ тронулся съ Смоленскаго кладбища; черезъ Васильевскій островъ, Адмиралтейскую площадь и Невскій проспектъ,

гробъ накрытый червоною китайкою прибылъ на станцію Московской желѣзной дороги. «Встрѣтивъ гробъ Шевченка» — такъ писалъ въ *Основу* г. Т—, о своихъ впечатлѣніяхъ, «я пошелъ вслѣдъ. Всѣ лица, сопровождавшія его, кажутся близкими, знакомыми: какъ будто ты много говорилъ съ ними, когда-то задушевнаго, тосковалъ съ ними и воодушевлялся пѣснями великаго Кобзяря... Но теперь—ничего не умѣешъ сказать этимъ неизвѣстнымъ друзьямъ, и, въ угрюмомъ раздумьи, тупо бредешъ, не смотря на непогоду, за печальнымъ поѣздомъ. И весь находишься въ какомъ-то забытьи: поскользнешься ли на мокромъ камнѣ, ступишь ли въ лужу—не сердишься; идетъ кто мимо, ѣдутъ экипажи, бьетъ барабанъ проходящаго полка, гудитъ праздничный колоколъ,—ничего, будто, не замѣчаешъ, не слышишъ...

«Проводили мы тебя, славный Кобзарю, въ степи и горы — на широкій Днѣпръ, твой родной и любимый...

«Тихо столпились друзья вокругъ твоего гроба, тихо и бережно подняли его на плечи, поставили въ вагонъ,—снарядили въ далекій путь. Молча думали любящіе тебя люди; много было грусти въ каждомъ сердцѣ, когда, на память, отрывали они отъ твоего могильнаго вѣнка зеленыя вѣтки. Въ тоскѣ, съ которой мы смотрѣли на женщину стоявшую у твоего гроба съ глазами полными слезъ, была заключена любовь къ тебѣ дорогій *Кобзарю*, и горькая дума по нашей милой *Украинѣ*... Чѣмъ же увлёкъ ты наши серца?

«Давно спала-почивала когда-то шумная шумная Русь. Давно Днѣпровскія волны задумчиво текутъ среди разбитыхъ на нивы молчаливыхъ полей; по полямъ, по степямъ давно ужъ не скачетъ рыцарь-козакъ въ погонѣ за врагомъ, и сёла, что когда-то шумѣли широкой, народной жизнью, стихли подъ гнетомъ тяжелаго труда, а по верхушкамъ старинныхъ могилъ давно прошелъ плугъ.

«Украина спала...

«Вдругъ, среди этого сна, глубокаго, сокрушительнаго, мертвящаго, послышался стонъ, плачь, раздирающій вопль сына Украныи. Все, что въ столько вѣковъ кровавой жизни и потомъ безжизненнаго покоя, накопилось въ растерзанной душѣ народа,—все это вмѣстила въ себѣ душа бѣднаго *маляра* и *слезами-словами* вылилась та скорбь...

«Ты, славный кобзарь, взошелъ на самую высокую могилу — на крутыя горы златоглаваго Кіева—и грянулъ на своей бандурѣ вѣщія пѣсни. И пѣсни тѣ облетѣли всю Украйну, весь Славянскій міръ,—

пронеслись надъ могилами, что́ стоятъ по всей Украинѣ и — самыя могилы ожили...

«Все прошедшее—съ его славой и безславьемъ—встало передъ нами:—ты, какъ чародѣй, вызвалъ его чудными звуками своей бандуры... Шумѣло войско козацкое, со страхомъ бѣжали враги Украіны; снова тучей они наносились на нее и, закрывъ ее своимъ чернымъ крыломъ отъ всего свѣта, дѣлились дорогою козацкой добычей, не оставляя ничего народу...

«И глубоко запало въ твое сердце пережитое горе бѣдной родины...

«Также глубоко залегла въ сердцѣ каждаго изъ насъ печаль о тебѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ тѣхъ чистыхъ, высокихъ думъ и пѣсенъ, которыми такъ дорого купилъ ты у своей родины право на вѣчную любовь ея къ тебѣ—вѣрному и неизмѣнному своему сыну!»

Мы думали–было остановится на этомъ, отлагая свой дальнѣйшій разсказъ до полученія подробнаго описанія проводъ Шевченка отъ Москвы до новой его могилы, и рѣчей, сказанныхъ надъ нимъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Каневѣ, какъ въ это время получили отъ М. А. Максимовича, (присутствовавшаго на похоронахъ въ Каневѣ), стихи, которые сейчасъ же спѣшимъ сообщить читателямъ *Основы*.

НА ПО́ХОРОНЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА

пiдъ Ка́невомъ.

Сподѣва́лися Шевче́нка
Сей годъ на Вкрайну;
А дожда́лися поба́чить
Его домови́ну.

Стои́ть въ Ка́невѣ въ собо́рѣ,
Вся квѣтка́ми вви́та;
По–коза́цьки — черво́ною
Кита́йкою вкри́та.

Иду́ть лю́де,—передъ не́ю
Покло́нъ покла́даютъ,
И за ду́шу Кобзаре́ву,
Го́спода блага́ютъ.

Скôлько вы́плакавъ вôнъ го́ря
Гôркими слёзами,
Скôлько вы́спѣвавъ печа́ли
Вѣщими слова́ми!

Все бажа́лось ёму́ во́ли
Для свого́ наро́да...
И не дождавъ того́ ча́су,
Якъ зыйшла́ свобо́да!

У столи́цѣ, надъ Нево́ю,
Ёго́ похова́ли;
Честь вели́кую и сла́ву
Ёму́ воздава́ли.

Ти́жко-жъ ёму́ на чужи́нѣ
И въ вѣнку́ лавро́вомъ...
Душа́ рва́лась на Вкраи́ну,
Къ гора́мъ Наддне́про́вымъ.

«Тамъ ши́роко, тамъ ве́село
Одъ кра́ю до кра́ю...»
Такъ спѣва́въ вôнъ надъ Нево́ю,
У вели́кôмъ жа́лю.

Изъ моги́лы домовина
На свѣтъ пôдняла́ся;
Черезъ Мо́скву, черезъ Кіевъ,
Сюды́ донесла́ся.

На Си́мона на Зи́лота
Задзвони́ли въ дзво́ны;
Ста́ли пра́вить Кобзаре́ви
Нови́ похоро́ны.

Отъ, несу́ть ёго́ на ма́рахъ
Зъ собо́ру пôдъ го́ру,
Де стары́й Днѣпро́-Славу́та
Иде́ по просто́ру...

Увóлили твою вóлю
Украйньськи дѣти:
На *Чернéчу* несýть *гóру*,
Де ты хотѣвъ жúти.

Увóлили твою вóлю,
Дружé незабýтный....
И по смéрти, якъ за жúзни,
Твóй путь многотрýдный!...

Хóдять хмáры кругомъ сóнця;
Вѣтеръ подыхáе;
Шумúть Днѣпрó пóдъ човнáми,
Тебé провожáе...

Везýть тебé прóстымъ вóзомъ
До новóи úмы,
Везýть хлóпци и дѣвчáта
Крýчами, ярáми.

Передъ тéбе — червóными
Корогвáми мáе...
Христóсъ воскрéсъ! хоръ церкóвный
До грóбу спѣвáе...

Отъ, и стáли всѣ кругъ тéбе
На горѣ Чернéчóй...
Чи ты чýешъ людськúй гóмóнъ,
Надгрóбныи рéчи?

Чи ты чýешъ: *вúчну пáмять*
Тобѣ возгласúли;
Братú й сéстры надъ тобóю
Зновъ заголосúли;

Плáчуть, тýжять твои другы;
Ввесь нарóдъ сумýе:
Сыплють зéмлю тобѣ, й кáжуть:
Нехáй вóнъ царствýе!

Прощáй, слáвный нашъ Тарáсе!
Прощáй, мúлый брáте!
Справдѣ, — лýчче въ своéй землѣ
И кóсткáмъ лежáти.

12 мая 1861 р.
Михайлова-Гора.

М. Максимовичь.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКА

(*Продолженіе*).

Нацѣловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся разспрашивать, ка́къ и что́. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ пріѣхалъ съ *шинкаре́мъ* и двумя саньми — нашими *гла́бцями* и шинкаревыми *дренджо́лятами*; что шинкарь пріѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: «тільки де́ ёму́! говоритъ: — въ сёму́ ді́лі, здае́тця, нічо́го не тя́мить» (1)! При этомъ Грицько разсказа́лъ, что это шинкарь не тотъ, что́ прежде былъ, а другой, новый. «Вінъ», говоритъ, «таки́й, отъ якъ би й вони́, му́ндырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина: — тільки́ зъ оставни́хъ... И таки́й же то бідо́вий и кумедний—самъ поба́чишъ!..» Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани и лошади съ шинкаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водкою, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одѣлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно настаивала обождать, пока *буханці* спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать ничего не хотѣлъ.

Приходимъ на площадь,—лошади выпряжены, возлѣ *ре́птуха* (2), а Му́ндырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и *капелю́хахъ* изъ со-

(1) Не смыслитъ.

(2) Родъ мѣшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и всыпаютъ въ него овесъ для корма лошадей въ дорогѣ.

бачьяго мѣха, сидитъ на *дренджо́лятахъ* и, отъ нечего дѣлать, по видимому, упражняется въ искусствѣ смотрѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть... Грицько пошелъ дальше, къ *гла́бцямъ*, къ лошадямъ, а я къ Му́ндыру, «здоро́въ бувъ» сказать и посмотрѣть, что́ это за *бідо́вий* и *куме́дний чоловікъ*. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть *бідо́вий* и *куме́дний чоловікъ*!..

Это былъ тоже герой браней первой четверти нашего столѣтія, но это была уже одна изъ тѣхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болѣе совершенное развитіе получили нѣсколько позднѣе, и которыя теперь, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ перевелись. Какова внутренняя физіогномія такихъ личностей — не берусь разсказывать, мудрено! Скажу только, что такъ-какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завѣшивать, что ли... Физіогно́міи такихъ личностей — т. е. наружныя физіогноміи — какъ-будто не раждались на свѣтъ Божій, какъ раждались всѣ остальныя физіогноміи Божьяго міра, а какъ-будто тачались по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, накли въ середку (да потуже: — тогда любили мордашей), сверху—кожею изъ стараго ранца, въ лобъ—пару оловяшекъ, подъ носъ — два пучка щетины, къ вискамъ—по сапожной щоткѣ,— и физіогномія готова... А на счетъ рта—хватилъ отъ уха до уха ножомъ—будетъ чѣмъ рявкнуть! «Уши бы», думаетъ тамъ Нефедьевъ или Анисимовъ: — но изъ-за *бракенбаровъ* не тово, *авось* сбредетъ!.. «А брови, мошенникъ!» — «Виноватъ, ваше благородіе! на счетъ бровей не приказывали!»

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева крѣпкаго-раскрѣпкаго.. изъ такого дерева, которое двѣнадцать лѣтъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготовлялась изъ тѣхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредѣлили слѣдующей пословицей: «ти, моска́лю, и до́брий чоловікъ, та шене́лія твоя́ зло́дій (1)!»

И какъ выведутъ бывало такого му́ндыра и пустятъ его въ свѣтъ— и Боже, ка́къ умѣли его ручища подбираться къ казеннымъ и нека-

(1) Воръ.

зеннымъ физіогномія̀мъ, къ казенной и неказенной движимости! Какими страшными казались всѣмъ его дубовые кулаки! Ка́къ му́ндыръ кричалъ и молчалъ!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отмѣнены поэтому, говорятъ, такіе му́ндыры...

Мундыръ сидѣлъ, говорю, на саняхъ и упражнялся въ искусствѣ глядѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть. Я подошелъ поближе, снялъ шапку...

— Здоро́въ бувъ! говорю.

Мундыръ очнулся.

— Что́ тѣ надо?

— Здоро́въ бувъ, кажу́!

— Къ чорту убирайся съ своимъ «зда-ровъ-бувъ!..» Спрашиваю, что́ надо?

— Та мені жъ и на́да «здоро́въ бувъ!»

— Шутишь ты, чертенокъ, что̀ ли?—выпрямился, ощетинился, какъ разъяренный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тѣ! — заревѣлъ и, схвативъ лежавшій возлѣ него кнутъ, ко мнѣ...

Чѣмъ бы кончилась эта первая встрѣча съ Мундыромъ, еслибъ Грицько не послышалъ и не поспѣлъ ко мнѣ на помощь,—не знаю (занятый чѣмъ-то возлѣ лошадей и съ шапкою, крѣпко натянутою на уши, онъ сначала ничего не слыхалъ); вѣрно, моему кожу́шку, а можетъ быть и чему другому, крѣпко бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хватитъ, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Що́ ти, що́ ти!—крикнулъ Грицько, бросаясь между насъ:— чи не скази́вся ти!?

Мундыръ оторопѣлъ, увидавъ Грицька — онъ теперь только его замѣтилъ.—А!—говоритъ:—ты ужъ здѣсь!.. А привелъ?—и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ: — не привелъ развѣ?..

Очевидно, въ паклѣ Мундыра никакъ не могло помѣститься, чтобы сынъ его хозяина, и притомъ городской школьникъ, могъ носить нагольный тулубчикъ и имѣть видъ обыкновеннаго сельскаго «хохленка»...

Грицько растолковалъ ему, въ чемъ дѣло, — и какое превращеніе!—Виноватъ!—говоритъ и вытянулся передо мною въ струнку:— виноватъ! — даже *благоро́діемъ* меня назвалъ...

— Та перестáнь! — перебилъ его Грицько:—тамъ зъ батогóмъ, а се зъ «благорòдиями!» Бачъ, якъ засорóмивъ (1)!..

Дѣйствительно, Грицько былъ правъ... Ни въ какомъ отношеніи непринадлежавшее мнѣ «благородіе» это такъ меня смутило и сконфузило, что я не зналъ, что́ съ собою и дѣлать, куда дѣваться... Я подошелъ къ воронóму и, наклонивъ голову къ персямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шеѣ... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головѣ, принялось тихо тормошить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнаннаго на меня неловкимъ «благородіемъ.» Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормошить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго сѣна и кормить только тогда, когда Мундыръ съ Грицькомъ пошли себѣ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Кáкъ они выбирали водку, я ужъ не видалъ: все мое вниманіе поглощено было воронымъ. Знаю только, что и Грицько, и Мундыръ, *нализáлись* тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны послѣдняго. Такъ, напр., онъ хотѣлъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за что́ — я не понялъ тогда. Видѣлъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою *волочóкъ* (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ груди, лѣвою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленію къ землѣ—вонъ–оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ—*вкравъ:* «вкравъ,» говоритъ, «вкравъ, вкравъ!» а Мундыръ вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое *вкравъ* отвѣчалъ: — «врешь, врешь, спряталъ!»

Наконецъ бочка *Коропскóі* (2) куплена и скочена на *глáбці*, куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ — *сýщківъ* для гостинца домой), лошади запряжены, и мы поѣхали, — Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундыръ больше уже не говорилъ мнѣ «благородіе...»

---

(1) Сконфузилъ.

(2) Коропъ — заштатный городъ Черниговской губерніи, славившійся нѣкогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествѣ продавалась и въ Полтавской губерніи.

Не смотря однакожъ на это, не смотря на всѣ его пьяныя заботы, чтобъ я не озябъ, — если бы только Грицько согласился, я бы охотнѣе предпочелъ перебраться къ нему и помѣститься съ нимъ верхомъ на бочкѣ, чѣмъ ѣхать на мягкомъ сѣнѣ, закутаннымъ въ теплые кожухи, *въ теплі та добрі*, но вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его сѣсть со мною рядомъ, когда еще собирались выѣзжать изъ города, онъ никакъ не согласился! На всѣ мои доводы онъ только отвѣчалъ: — «какъ можно-съ!», и ременное его лицо всякій разъ расквашивалось и морщилось отъ тяжести и сырости фронтоваго деликатеса, какъ расквашивается и морщится голенище солдатскаго сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужѣ... Конечно, теперь, когда горькій опытъ, скорбные примѣры, испытанные на себѣ самомъ и видѣнные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что–либо другое... и что горе тѣмъ, которые принимаютъ ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, паклю и дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ), — встрѣтить подобный деликатесъ въ какомъ-нибудь Мундырѣ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. «Что́, молъ, дѣлать!» обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человѣчество!...» Но въ тѣ блаженные годы моей жизни, такой деликатесъ передо мною былъ просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ понятіяхъ и нравахъ среды, къ которой я принадлежалъ по происхожденію, и выросши по ея примѣрамъ, я думалъ въ своей дѣтской головѣ: «какъ же это? я — мальчишка, а онъ — старикъ... притомъ и сани, и лошадь его!.. Вѣдь увидятъ въ хуторѣ, пожалуй, и обо мнѣ скажутъ, какъ говорятъ о засѣдателѣ, когда тотъ ѣдетъ на обывательской подводѣ: «що вже чортъ, якъ іде на чоловікові, то тільки на ёго шиї»...

Потомъ этотъ человѣкъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болѣе — чѣмъ? Теперь я могу разсказать — чѣмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнѣ, кажется, не слѣдуетъ его слушать... Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклею, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ конецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ саней мнѣ соскочить — уйти отъ этого человѣка!

Виною всему была страсть моя къ сказкамъ и вообще къ раз-

сказамъ, — страсть, которой я старался удовлетворять при всякомъ удобномъ случаѣ, и которая получила въ послѣднее время особенный оттѣнокъ подъ вліяніемъ разсказовъ того мундыра, моего городскаго хозяина, — разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вмѣстѣ и полныхъ какой-то особенной прелести, повѣявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другаго міра, мнѣ въ ту пору еще невѣдомаго, — изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго столѣтія. Желая и теперь на досугѣ удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы проѣхали версты три-четыре (мы ѣхали сначала медленно) и когда нѣсколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: «что, молъ, вамъ, людямъ грамотнымъ!»; а послѣ разколыхался-таки и пошелъ писать — конечно, съ точки зрѣнія скроеннаго извѣстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ воззрѣнію оловяшекъ, разумѣнію пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить нечего, что мнѣ хотѣлось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за неимѣніемъ этого другого, я слушалъ и то, что мнѣ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, паклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундыръ расколыхался уже совсѣмъ, и когда водка, выпитая имъ въ городѣ и въ шинкахъ (шиночковъ, которые намъ встрѣчались, онъ не пропускалъ ни одного), пробрала его поглубже, — сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ началъ выбирать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура.... Можете вообразить, что должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цѣломудренной Украины, слушая подобные разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саней соскочить и уйти отъ этого человѣка, я былъ не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что я придумалъ для своего спасенія, — погрузиться въ кожухи и притвориться спящимъ...

Но что рѣшительно меня вооружило противъ него и даже поселило ненависть — такъ это слѣдующіе поступки.

Когда Мундыръ замѣтилъ, что я будто заснулъ, — притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намѣреніемъ удостовѣриться, крѣпко ли я сплю, — сначала звать тихо, а потомъ громче и громче: «Василька! Василька! а Василька!» И такъ какъ я не отвѣтилъ на

его зовъ, — счелъ меня дѣйствительно спящимъ. «Эка, говоритъ, и заснулъ!...» и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси употребляется въ разговорѣ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія.... но которой въ печати еще никто, никогда и нигдѣ не употреблялъ.... Стыдно и обидно было мнѣ услышать такую побранку, но что́ дѣлать, надо было молчать... притворился спящимъ, притворяйся и неслышащимъ!... не у всякаго хватитъ совѣсти признаться, что, дескать, сонъ мой былъ ложь, притворство....

Убѣдившись, что я не сплю, Мундыръ остановилъ лошадь, слѣзъ съ саней и началъ поджидать ѣхавшаго ровною ѣздою и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

— А чого́ ти стоішь?—спросилъ послѣдній, приблизившись и тоже останавливаясь.

— Тише, тише! Вѣдь чертенокъ-то спитъ!

Новая побранка!... И сколько бы, можетъ быть, и еще новыхъ услышалъ я потомъ, въ своей жизни, если бы имѣлъ хоть сколько-нибудь поползновенія врываться воровскимъ образомъ въ дѣла, не для моего вѣдѣнія творимыя, и въ рѣчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдовалъ у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Му́ндыра—что, дескать, «подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ карманѣ *волочо́къ* — я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!» а со стороны Грицька— «Оце́, на тебе́ все зле лихе́!... Хіба́ ще ти не насмокта́вся!»

Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться,—не знаю; но я не могъ долѣе выдерживать и началъ ворочаться на саняхъ... Замѣтивъ мое движеніе, Му́ндыръ тихонько на сани... и мы тронулись далѣе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатлѣніе произвели на меня всѣ эти продѣлки Му́ндыра! Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть вещи въ такой возмутительной наготѣ... Я еще болѣе закутался въ кожухи и еще болѣе старался казаться спящимъ, чтобы не видѣть этого человѣка и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня другой его поступокъ, бывшій тоже по поводу водки въ бочкѣ, но уже направ-

ленный прямо на меня. Сценою дѣйствія на этотъ разъ была теплая хата одного добраго человѣка, къ которому мы заѣхали обогрѣться и, вмѣсто обѣда, поѣсть что́ тамъ наготовлено моею доброю матерью для путниковъ.

Обогрѣлись немного, и Грицько сталъ доставать, изъ мѣшка и ящика, съѣстное.

— Что́ жъ,—говоритъ Му́ндыръ, которому хмѣль и бесѣда въ саняхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чѣмъ при выѣздѣ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красѣ: — что жъ, къ обѣду надо таво!... и щолкнулъ себя извѣстнымъ способомъ по галстуху....

Я не зналъ, куда и глядѣть; Грицьку тоже, повидимому, хотѣлось спрятаться въ мѣшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо:—«всякові, мовъ, на світі лю́де бува́ють!»

— Что-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Васи́лька! отпусти-ка намъ къ обѣду таво!..

— Дежъ я тобі візьму́?... Въ ме́не гро́шей нема́!—пролепеталъ я, совершенно уже растерявшійся, не смѣя ни на кого взглянуть.

— И не надо *грошей!*... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знаешь, таво, съ Григоріемъ?...

У меня покатились слезы по лицу.

— Чи ти до́вго ще бу́дешъ, прокля́тый!... закричалъ наконецъ Грицько, въ бѣшенствѣ вскакивая съ мѣста:—оце́! се наважде́ние, а не чоловікъ!... и ударилъ себя о полы руками.

— Чу́ешъ, моска́ло!—отозвался наконецъ и хозяинъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:—въ мої ха́ті ніхто́ ще такихъ річей не чувъ, якъ оце́ ти бала́каешъ—щобъ підмовлять незмисле́нихъ дітей на крадіжку (1)!... Ти вибача́й (2), будь ла́скавъ, що я тобі, старо́му, таке, та ще въ свої ха́ті... Ми хоть и бі́дні лю́де, и па́ньскі, тільки, кажу́, въ насъ нікóли ще сёго не було, та ще су́противъ вла́сныхъ роди́телівъ... Такъ коли́ хо́чешъ бу́ти тутъ, въ мої ха́ті, не бала́кай тако́го! а хо́чешъ бала́кать—зъ Бо́гомъ зъ моéї ха́ти! ото́ тобі богь, а ото́—поро́гъ!...

И онъ указалъ ему рукою сначала на *по́куття* съ образами, а потомъ на дверь...

---

(1) На воровство.

(2) Извини.

Мýндыръ, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофѣ. Какъ ни глупъ онъ былъ, но изъ моихъ слезъ и бѣшенства Грицька онъ понялъ, что почва, на которой ему, вслѣдствіе какого-то безсмысленнаго распоряженія безсмысленной судьбы, суждено теперь дѣлать разные житейскіе марши, не изъ тѣхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживалъ своими ножищами, и гдѣ все такъ ужъ и прилажено болѣе или менѣе, чтобы руки, подобныя его рукамъ, могли находить свое должное примѣненіе. Онъ замолчалъ, и во все время нашего обѣда, и пока мы снова не поѣхали далѣе, не проговорилъ ни слова. Только когда выѣхали за село, онъ открылъ свой огромный ротъ, и первыя его слова были—просьба, ничего неговорить отцу о случившимся:—«Я,» говоритъ, «предъ вами буду, Васи́лька, — енералъ бы остался доволенъ!..» Чтобы отвязаться отъ него, я обѣщалъ молчать—и онъ послѣ этого обратилъ все свое вниманіе, что́ бы дѣлать такое, чѣмъ, по его выраженію, и генералъ бы остался доволенъ, т. е., немилосердо меня терзать цѣлый день...

Первое, чѣмъ бы, по его мнѣнію, остался генералъ доволенъ, было—скорая ѣзда...

И я любилъ скорую ѣзду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонъ за степнымъ вѣтромъ на выстоявшихся скакунахъ, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстъ! Но въ болѣе далекой ѣздѣ, или на усталыхъ лошадяхъ — развѣ бы непремѣнно нужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкѣ, по особенному уходу, бѣдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя.... и какъ-то веселѣе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, какія впадины у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ устали!...) Безъ нужды же гнать въ далекой ѣздѣ измученныхъ животныхъ,—нѣтъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мýндыръ о моемъ вкусѣ не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегалъ кнутомъ Сѣраго... А когда ужъ не въ-мочь мнѣ это стало, и я рѣшился сказать, что не за-чѣмъ гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковалъ мое неудовольствіе по своему... «Проклятая!» ревѣлъ:—«уши повѣсила!... голову держать смѣло, смотрѣть веселѣй!...», и неистово передергивалъ возжами!...

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на ноздряхъ, бѣдное животное сѣменило ногами, держало голову смѣло и смотрѣло веселѣе... какъ сѣменитъ бывало, во времена давно минувшія, и держитъ голову смѣло и смотритъ веселѣе какого-нибудь полка

запѣвало... Офицерикъ словно пляску выплясываетъ впереди, словно камешки — мечетъ рѣчи назадъ, чрезъ эполетъ: «веселѣй, ребята, веселѣй! такъ и такъ вамъ и всѣмъ вашимъ родственникамъ!..», справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окошечка стоятъ, на офицерика глядятъ, улыбочками браваго-молодца манятъ... а запѣвало — на глаза каска, лицо горитъ-почернѣло, губы запеклись, а онъ — веселѣе и веселѣе! а за нимъ веселѣе и веселѣе и весь хоръ пѣсельниковъ:

Что́ веселая-то наша жисть солдатская!...

или:

Какъ во тысяча сѣмсотъ такомъ-то году!..

Второе, чѣмъ по мнѣнію Му́ндыра, остался бы и генералъ доволенъ, было... Впрочемъ, вы сами сейчасъ увидите, что́ это такое было; а пока — разскажу, какого маршрута держался нашъ Му́ндыръ во время нашего путешествія и куда онъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лѣтній и зимній. Каковъ лѣтній путь, нѣтъ необходимости теперь вамъ говорить; зимній же путь — пролегаетъ сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по рѣкѣ, т. е. подъ горою вдоль рѣки, по окаймляющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путешествіе по́ немъ, если только онъ человѣкъ расторопный и внимательный, довольно трудно сбиться, потому что, какъ я сказалъ сейчасъ, путь идетъ вдоль рѣки подъ горою, и, слѣдовательно, сто́итъ не только отдаляться особенно отъ горы — и всегда можно попасть, куда слѣдуетъ. Но на пути этомъ встрѣчается много перекрестковъ и поворотовъ къ рѣкѣ. Все это большею частію дорожки, ведущія къ скирдамъ и стогамъ сѣна, разбросаннымъ по обѣимъ ея сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лѣсамъ, поросшимъ кое-гдѣ вдоль рѣки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальныя же дорожки идутъ къ разнымъ зарѣчнымъ селамъ, болѣе или менѣе отъ рѣки отдаленнымъ. Слѣдовательно, при всей трудности сбиться съ этого пути путешественнику расторопному и внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путешественнику нерасторопному или невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы слѣдовало. Онъ можетъ тутъ побывать и на рыбныхъ тоняхъ и посмотрѣть, какъ рыбаки тащатъ неводъ изъ-подъ льда; можетъ попасть и въ какой далекій лугъ и покончить эту прогулку

тѣмъ, что наконецъ ни дороги, ни слѣду нѣтъ, и только впереди, передъ лошадьми, мѣсто виднѣется, на которомъ стоялъ стогъ сѣна,.. а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ вѣсть куда!

Мундыръ, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладалъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей поѣздкѣ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову пріобщить къ своему свѣдѣнію разъ навсегда, какъ и совѣтовалъ ему Грицько сдѣлать это нѣсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горѣ, вдоль которой мы ѣдемъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слѣдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прійти ему въ голову! Вѣдь это значило бы послушаться умнаго совѣта и потомъ разсуждать, —а какъ, ему признать чей-нибудь совѣтъ умнѣе своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и разсуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не разсуждалъ, который самъ вооружался противъ разсужденій, онъ — разсуждать!.. Тьфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога протореная—катай-валяй! Вѣдь куда-то да доведетъ!...

И каталъ-валялъ мой Мундыръ!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ, — полбѣды еще было; полбѣды было первое время, когда мы спустились и къ рѣкѣ: Мундыръ хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все-таки болѣе или менѣе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдѣ, пока мы понавѣдаемся тамъ къ тонямъ, съѣздимъ въ лѣсъ; словомъ, до обѣда дѣло шло болѣе или менѣе сносно. Но послѣ сцены за обѣдомъ, Мундыръ поѣхалъ по такому маршруту, какого, вѣроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и какъ... гонимъ только Сѣраго — куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же *линіи*!.. Выскочимъ за рѣку, въ поля: «Э, нѣтъ», говоритъ: «*линію* потеряли!», и назадъ... Можетъ быть, это не наша ужъ рѣка, притокъ, не наша линія — что намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія!...

А когда стемнѣло,—потеряли и линію.... гонимъ Сѣраго гдѣ-то ужъ степью... Селъ и хуторовъ нѣтъ, лѣсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали заслышало мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторонятся гуси, утки и разная домашняя птица, когда

быкомъ овладѣетъ бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвостъ, мчится на нихъ, словно бѣшенный, и — то лягнетъ, то рявнетъ, то воздухъ рогами боднетъ...

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Сѣраго—хуторъ, село ли, Богъ его вѣдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хуторъ...

Мýндыръ остановилъ Сѣраго у первой хаты, въ которой свѣтился огонекъ въ окошечкѣ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!.,

— Хто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяинъ хаты, открывая *кватúрочку* (форточку).

— Х–т–о–т–амъ! — передразнилъ Мýндыръ, вѣроятно въ видахъ внушенія страха, деморализированія, такъ сказать, непріятеля:—Глаза есть—смотри, ктó!... Какъ деревня зовется?

— Та се не дерéвня, а хýторъ... Провáллямъ звéтця!

— Чтó за Провáлъ?... А повѣта какого?

— Нáшого таки, Ськóго...

Господи, какъ разсвирѣпѣлъ Мýндыръ, узнавши, что мы въ чужомъ уѣздѣ! Досталось тутъ и *проклятой сторонѣ и проклятымъ дорогамъ!* а ужъ *Сѣрому проклятому* досталось—и говорить нечего! Кончилось тѣмъ, что велѣлъ разговаривавшему чрезъ окошечко земляку проводить насъ до *отáмана*.

— На що–жъ тобі, — говорю, — отáманъ!..

— Да ужъ надо!

— Та на що нáда?

— Да ужъ молчите! Сказалъ, генералъ—такъ генералъ!

Я замолчалъ... Я догадался, что Мýндыръ снова какъ-то собирается угодить мнѣ, по своему; но чтó дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что разскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случаѣ или молчать и, затаивъ свои чувства, какъ говорится, кипѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ, «плюю на твою дурнýю гóлову», чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мýндыра уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволитъ себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ посторонимъ, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконецъ отаманъ былъ отысканъ, и Мундыръ велѣлъ ему одѣться и сейчасъ выйти на дворъ. «Да жива!» кричалъ онъ.

...Мундыръ досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родѣ тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащилъ изъ него какую-то бумагу, *отставку*, какъ я узналъ послѣ; сунулъ отставку въ руки отаману и велѣлъ «сейчасъ, жива», давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочитать бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мундыръ такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другаго, какъ поскорѣе вести насъ къ какому-нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое-что другое еще, но... но... но что̀ объ этомъ толковать?!...

Повелъ насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ти, — говоритъ, — до писаря... Якъ що не *тée*, — до Деркача!...

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мундыръ принялся тотчасъ распоряжаться—и то̀ прочь, и то̀ подавай!... Тѣмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, взъерошенная, крѣпко подержанная фигура писаря... Фигура была и очень *тée*, а всё-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала *слебезовáть* (1). Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всѣ присутствовавшіе слушали, ровно ничего не понимая—нечего и разсказывать! Довольно, что тотъ слебезовалъ, а тѣ слушали... И быть можетъ, онъ прослебезовалъ бы всю отставку хоть къ полуночи, какъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство — подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда-то Мундыръ, премудреное, непреоборимое названіе!..

Видали вы, какъ пьяный, слоняясь по улицѣ, наткнется на бревно? «Вишь,» говоритъ, «и бревно!»... плечами вздвигиваетъ, грустно покачиваетъ головою... «Да,» говоритъ, «бревно!» Вдругъ овладѣваетъ имъ рѣшимость: «Что̀,» говоритъ, «бревно! экая невидаль!» распахнулъ полы поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиліе и... Но нога покачнулась, хватила въ сторону, и бѣднякъ шлепнулся! а круглая его шляпа съ павлиньимъ перомъ и низкой тульей далеко-далеко покатилась по мостовой!... Поднимается, достаетъ шляпу, снова — и снова шлепнулся!... Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревнѣ невидимая сила безплотная, издѣвается надъ добрымъ человѣкомъ, чтобы

(1) Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

не перешагнулъ, а валился бы и валился, на посмѣяніе образа и подобія Божія, на соблазнъ всѣмъ другимъ добрымъ людямъ!...

Что́-то подобное творилось и съ бѣднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тѣмъ непреоборимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—и вдругъ какъ оборвется, какъ хватитъ *штрпр!*

— Эхъ ты чучело хохлацкое!—воскликнулъ наконецъ Му́ндыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его мнѣнію, обиднымъ коверканьемъ полка:—и полка-то нашего не знаетъ, а тута же рыло суётъ!... Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай!—крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.

— Такъ якъ же?..—возразилъ-было отаманъ; но Му́ндыръ такъ принялся браниться и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее «удалиться отъ зла и сотворить благо», махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:—«нехáй, мовъ, на тебé все зле-лихé, манія ти гáспидьска (вѣроятно отъ, греческаго *μανία*)!» За отаманомъ выползъ молча изъ хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко-крѣпко этотъ мудреный полкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ разсказовъ (1), въ какой степени развито было во мнѣ чутье смѣшнаго и комическаго во всемъ, что́ ни встрѣчалось мнѣ, и въ какой степени развита была во мнѣ смѣшливость, вы, можетъ-быть, думаете, друзья мои, что я смѣялся, глядя на всю эту сцену? Нѣтъ, не до смѣху мнѣ было тогда! Не имѣй эта сцена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извѣстнаго явленія въ ряду другихъ явленій,—словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумѣвшимъ мотивы, которыхъ она была послѣдствіемъ, и весь печальный ихъ смыслъ, и т. д, и т. д., я бы смѣялся тогда, глядя на нее, очень бы смѣялся, какъ смѣюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въ воображеніи на это всеобщее глубокое вниманіе къ тому, чего никто не понималъ—«А ну, ну! мовъ... эгé! бачъ!..» на это слебезованіе писаря, на штурмъ, который онъ нѣсколько разъ предпринималъ противъ полка, на ярость Му́ндыра,—«кáкъ де не знать его полка!..», «еще опорочатъ отставку!...» Но зная, кáкъ и что́, понимая, что вѣдь то́, что́ мы дѣлаемъ, почти воровство и грабежъ,—я, какъ дитя своей

(1) Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ къ неизданнымъ еще разсказамъ.

родины, какъ членъ сословія, которое такимъ глубокимъ уваженіемъ окружило въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ право *господáря въ ёго́ госпóди* и которое право пользованія чужимъ хлѣбомъ и солью понимаетъ только въ формѣ гостепріимства,.. и наконецъ, я, какъ членъ семьи, которой самой, хоть можетъ быть и въ другомъ видѣ, приходилось не разъ испытывать на себѣ то, что́ мы съ Мýндыромъ дѣлали теперь другимъ,—могъ ли я смѣяться, глядя на ту сцену! Даже теперь у меня исчезаетъ охота смѣяться, когда я, оставляя простое созерцаніе въ воображеніи, начинаю думать обо всемъ... Мнѣ даже совѣстно становится за свой смѣхъ!.. Но тогда—для меня было что́-то глубоко возмутительное въ нахальствѣ, съ которымъ Мýндыръ добывалъ ночлегъ и которымъ поставилъ меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! «Что́», думаю, «если объ этомъ да узнаютъ въ хуторѣ!..»,—и не знаю, на что́ бы я не рѣшился тогда, лишь бы всего этого не было... чтобы, такъ сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдѣ-угодно, хоть даже въ училищѣ, только бы не здѣсь, не въ этой хатѣ, предъ этими людьми, какими-то унылыми, будто истомленными какимъ-то горемъ!... Но возстать противъ Мýндыра, открыть его тутъ же, всенародно,—пѣтъ! Чтобы люди такой духовной комплекціи, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ мýндырово, надо, чтобъ они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дѣтской наивности и непорочности души, а вмѣсто ихъ запаслись бы многимъ-многимъ... А до того,—они умѣютъ только страдать, страдать и страдать!...

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Мýндыръ почувствовалъ себя вполнѣ на свободѣ, — удаль и прыть его развернулись совершенно...

— Ужинъ готовить—крикнулъ онъ хозяину:—да жива!...

— Коли́-жъ (1) уже?—осмѣлился было возразить тотъ:—пізно!..

— Пѣз-но!... и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорятъ «готовить!» такъ не разсуждать!...

— Та у насъ же,—отозвался я,—и своé есть...

— Вы ужъ молчите,—говоритъ,—Василька, молчите!—и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь,—говоритъ хозяину,—енеральское дитя везу!...

---

(1) Когда же.

Я снова не выдержалъ, какъ и передъ обѣдомъ, и снова заплакалъ...

Всѣ смутились. Мýндыръ, конечно, подумалъ, что, выходитъ, онъ что̀-то лишнее брякнулъ... а хозяевамъ, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ: «генеральское, молъ, дитя!.. боится, голодно будетъ!..» По крайней мѣрѣ что-то подобное, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ старухи, матери хозяина, сидѣвшей на печкѣ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во всемъ происходившемъ; потому что, замѣтно встревоженная, обратилась съ такими словами къ своей невѣсткѣ: «Ти бъ, дòчко, варѐничківъ пшени́шнихъ імъ, и ще бъ чого!.. А поки що̀,— орішківъ, медяниківъ, (1) що зъ города Иванъ привізъ!»..

— Спаси́бі, — прервалъ я сквозь слезы:—я вечéрять не хóчу... и не зная, что больше сказать: — пустіть менé, — говорю, — туди́, до сéбе на пічь... — — — —

. . . Пока выѣхали мы изъ Прова́лля, солнце и совсѣмъ взошло... Ѣхать, однако, было все-таки очень холодно: рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, а морозъ пронималъ все крѣпче и крѣпче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани поглубже. Но послѣднее оказалось дѣломъ очень труднымъ: сани полны были сѣна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если ужъ мнѣ захотѣлось бы непремѣнно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть сѣна.

— На́що, — говорю Мундыру, — ти накупи́въ стíльки сіна? Тату́сь бу́де се́рдитьця!

— Да я, Василька, не покупалъ!

— Якъ не купова́въ?

— Да такъ! у бездѣльника много.... въ ефтомъ *Провалѣ*.... деньги цѣлы, всѣ сдадимъ старику! Только ужъ божескую милось, Василька, на счетъ, то есть, бочки.... и тово... то есть, вечеромъ....

. . . Уже солнце собиралось опуститься за горизонтъ, когда мы приблизились къ горѣ.... Я не могъ долѣе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ — на гору!..

Вонъ телята навстрѣчу — къ рѣкѣ, бѣгутъ... мурое, рябое, *кривéньке*!... «Здравствуй, здравствуй, мое бѣдненькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксéнтію!..»..

И овечки... «би́рю, би́рю!».. И Антонъ, и рябко́, и *білка*...

(1) Пряниковъ.

«Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, всѣ дорогіе мои!.. а мама здоро́венька?»...

И не дожидаясь отвѣта, стрѣлой на гору...

Въ *прихо́жі* народу много, много,—гости!... Вонъ, въ спальнѣ, сестра старшая... братья старшіе,—въ *пека́рню*...

— Матю́сю!

— Ахъ!...

Все и всѣхъ забыла!.. обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ:—Дити́ночко моя!... синочку мій!...

— Стара́!.. стара́!—старикъ оттуда, изъ свѣтлицы.

— Заразъ, заразъ!... Голу́боньку мій, чи живъ ти, чи здоро̀въ?

— Панотець васъ кличуть!

— Заразъ!... А матері не забувъ?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилою могъ когда-нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и изъ-за нея выглянулъ самъ мой сѣдоволосый...

— Эгѐ,—говоритъ:—не въ-чімъ не реве́, ажъ до́ма нема́!.. Дивітця!—и отворилъ двери настежъ.—Мо́же ви,—говоритъ,—не ба̀чили, якъ коро́ва теля́ облизу́е, то подивітця!....

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входилъ въ остальныя комнаты, а всё сидѣлъ въ кухнѣ и всё плакалъ—и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедѣльникъ! Сколько ни утѣшали меня, сколько ни доставляли мнѣ разныхъ развлеченій,—я плакалъ и плакалъ, сидя въ кухнѣ за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ—для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, слѣдовательно, мы теряемъ одного члена семьи,—или шумное и многолюдное весе́ліе и тогда уже производило на мою душу тяжелое впечатлѣніе,—рѣшительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видѣлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, не́когда! Прибѣжитъ бывало ко мнѣ, начнетъ меня утѣшать, обливаясь и сама слезами,—зовутъ!... обниметъ, поцѣлуетъ, дастъ какое лакомство,—и снова убѣжитъ:—«Не плачь же,» говоритъ, «моя дити́ночко, не круши́ мене!..» Чрезъ нѣсколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной неразлучно, если только

сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ ночномъ пированьи.... Когда бывало въ домѣ шумъ нѣсколько стихнетъ, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за всѣмъ присмотрѣть, возьметъ соннаго гдѣ тамъ я заснулъ, отыщетъ мѣсто и приютится: «Хоть полéжу колò ёго... хоть рукá моя бýде на ёму!..»

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто видѣтсья съ матерью, или что вообще мнѣ было тяжело быть на этой свадьбѣ... а можетъ быть, что чрезъ недѣлю я снова долженъ былъ пріѣхать домой, на масляную,—выѣзжать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и, сколько помню, не плакалъ во время сборовъ нисколько.....

М. Номисъ.

ЗАМѢТКА

о словутномъ пѣвцѣ Митуѕѣ.

Не знаю, кому первому изъ русскихъ ученыхъ принадлежитъ мнѣніе, давно принятое многими, что *словутный пѣвецъ Митуѕа*, упоминаемый Волынскою Лѣтописью подъ 1241 годомъ, былъ пѣснотворецъ, подобный Бояну и Пѣвцу Игоря Святославича. Но изъ сказанія Волынской Лѣтописи напрасно, мнѣ кажется, выведено такое заключеніе; скорѣе слѣдовало принять, что помянутый *Митуѕа* (т. е. Димитрій) былъ знаменитый въ свое время церковный пѣвецъ, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки Перемышльскаго, но не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Данилы Романовича. Вотъ самое сказаніе лѣтописи: «Данилъ же дворецького посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньского, посланаго отъ Ростислава, и владыцѣ Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слышавъ Костянтинъ Андрея, грядуща на нь, избѣже нощью. Андрей же не удоси его; но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутьного пѣвца Митуѕу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы *связьня* (*) приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: буесть дому твоего съкрушиться, бобръ и волкъ и язвець спѣдяться».

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о домѣ сопротивнаго князю Данилу владыки Перемышльскаго, и его гордыхъ служителей, въ числѣ которыхъ былъ и словутный пѣвецъ Митуса. И такъ, этого

(*) Такъ поправляю я; въ подлинникѣ: *акы связаного*, и не выходитъ смысла. Переписчикъ, вѣроятно, не зналъ или не разобралъ слова *связень* — узникъ (въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1185 годомъ, полоненный на р. Каялѣ князь Игорь Святославичъ говоритъ: «и *связня* преда мя.). Нарѣчіе *древле* здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи, значитъ: *прежде*, предъ тѣмъ.

пѣвца пельзя ставить въ число древнихъ южнорусскихъ пѣснотворцевъ, какими были *Боянъ* (современникъ Нестора) и *Пѣвецъ Игоря* (1185—86); ему чета—развѣ «скопець *Мануйло—пѣвець гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мьстиславу» (Кіев. Лѣт. подъ 1137 г.).

Кстати, о шапкахъ, упомянутыхъ при описаніи гордыхъ слугъ владыки Перемышльскаго: *тулы бобровые*—высокія шапки въ видѣ клобуковъ; *прилбицы* (волчьи и барсуковые)—шапки съ мѣховыми околышами и съ верхами суконными, бархатными. О *прилбицѣ* княжеской см. въ Кіевской лѣтописи (подъ 1172 годомъ); а изображеніе можно видѣть на картинахъ въ древнемъ харатейномъ житіи св. Бориса. О *прилбицахъ* простыхъ ратниковъ Русскихъ XVI вѣка упоминается въ Статутахъ Литовскихъ.

М. Максимовичъ.

29 марта, 1860 г.
Михайлова-Гора.

РІЗДВЯ́ННІ СВЯТКИ́.

ПИСЬМО 3-е.

Святій вечі́ръ (1).

Теперь, мой чита́тель, не на *Ріжкі́вскі* болота, не къ *Ріжкі́вскимъ духа́мъ и ізкамъ*, а въ самую глубь села *Ріжкі́въ*, на площадь передъ Рижкивскою церковью, а пожалуй и на самую Рижкивскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пѣтухи запоютъ, а Рижковскому *паламаре́ві* (пономарю) не то, что Нестору Рижкивскихъ риба́локъ (2). Примется Кале́никъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже,—ни чьи интересы не потерпятъ, никто за это не осудитъ; но Рижкивскій пономарь—зазвони слишкомъ рано—«яке́ вже тамъ и моління такъ рано!»—слишкомъ поздо—«и вже́! якъ такъ и паламарюва́ть!» Конечно, иному прочему на эти *су́ди и пересу́ди* можно и вниманія не обратить, и какая-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фа́ра* или *и́нфима* (3),—словомъ, какая-нибудь

---

(1) Первый день Рождества народъ большею частію называетъ *Різдво́мъ*, *Різдво́*. Но какъ *Різдво́мъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святій ве́чіръ*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

(2) См. 2-е Письмо.

(3) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались Фа́ра, Инфима, Грамматика, Синтаксисъ, Риторика или Поэзія (послѣднее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), Философія и Богословія. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: Фари́стъ или Фари́ста, Инфими́стъ, Грамма́тикъ, Синта́ктикъ, Ре́торъ, Философъ и Богословъ. но иногда какъ и у меня: Фа́ра, Инфима и т. д.

вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но теперешній Рижкивскій пономарь, *Гара́ська Трохи́мовичъ*, лицо грома́дское и избранное судомъ грома́дскимъ, а что́ всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—«Э, ні! оцюди́ слу́хай!» Какъ только избрали Гараська Трохимовича въ пономари: «А яка́ бу́де ра́да?» тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ. *Ра́да була—дру́ги пі́вні*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а Рижкивскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-Рижкивскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотѣлось Рижкивскимъ колоколамъ подремать, хоть немножко, хоть *чу́точку*, хоть *пі́вчу́точки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ — видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гаврилёнкивъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лёбедь—*тільки-тільки*!.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ — крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дороши́хи, удивительныхъ держитъ пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гара́ська Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ-будто колышется: это *зъ лихтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *ба́тюшку*... Нѣтъ, остановился у Гавриленкивъ, стучитъ... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, напримѣръ, прозвонить по *вмі́рущому*: «А ну! Пе́тре или Ива́не», и Петро́ или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *лиха́ годи́на*. Случится, прійдетъ, мѣста́ заняты—ничего! покрайней мѣрѣ послушаетъ, ка́къ оно тамъ—*якъ въ котлі кипить*. Я знавалъ любителей, что

въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бываетъ трезвонъ, съ кококольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашёвкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *ку́рці но́сомъ пігде клю́нуть!* Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кахи́кнуть*, перевѣсившись изъ окна... затарабанить пальцами по *шалёвці*, а пожалуй и *жа́ртомъ* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старики близко—*не го́же, незвича́йно*); но главное—какъ я сказалъ.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ извѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большій колоколъ и чѣмъ въ большій праздникъ прозвонить, тѣмъ лучше, *вели́чніше* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *вели́кдень*, *на храмъ*,—это ужь такъ хорошо и *вели́чно*, что просто и сказать нельзя!.. А на семъ, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай —*гривні гри́вня*—(десять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешёні* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *гривёнь* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздразнить! Довольно, что Гараско Трохимовичъ стучитъ въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большаго зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровий Гарасимёнченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ извѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... «Га? Чого́? Щó, сестри́ці, ка́жете?»

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ—пусть онъ *пова́жно* совершаетъ свое пова́жное теченіе! Прійдетъ *до ба́тюшки*, до *пека́рні*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *на́ймичка*, да не встаетъ,—посылаетъ *на́ймита;* наймитъ тоже слышитъ — посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажигать и

т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вотъ хоть къ старому Ту́ркуту: «ха́та те́пла, лю́ди до́брі (1)», да кстати и въ Гринькі́, съ женою и съ *кутє́ю* (2), къ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Ту́ркута: старуха-жи́ва; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замужнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *жени́ло* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери *навида́нню* (невѣсты), невѣстки, куча *ону́ківъ* и *ону́чокъ*. Туркутъ не изъ богачей—*молодожо́нъ* (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужняя дочь вчера не пріѣхала изъ Вишняки́въ; вся семья, поэтому, на лицо, пріѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ *ті ха́ті*, въ чистой, *черезъ сіні*, огня нѣтъ, а тутъ, на по́лочкѣ, у *ко́мина кагáнчикъ*, *е́ле-е́ле*, нагорѣлъ *цні́къ* (свѣтильня). Спятъ—на *полу́* старикъ съ *дідовимъ ону́комъ*; на печкѣ—старуха съ *ба́биними* ону́ками и ону́чками; на *ла́ві*—женило: «таке зілля, якъ па́рубокъ, тре́ба мать на о́ці—не то, щобъ... про те у насъ крий Бігъ! а такъ—дурни́й ро́зумъ, разъ би въ разъ на у́лицю, ще нашурубу́рить!» (на землѣ) *до́лі*, *по́котомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые поспокойнѣе, *дідові* не будутъ мѣшать спать. А тамъ, *черезъ сіни*, остальная семья: незамужнія дочери на печкѣ: «у насъ, кажу́, про те крий Бігъ, а дівоті яко́сь незвича́йно при стари́хъ, хоть ба́тько й ма́ти;« на полу́—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молодожо́ни* съ *дрібязкомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по ла́вахъ*.

Тихо, крѣпко спятъ, даже старикъ крѣпко спитъ; только изрѣдка одинъ изъ ону́ковъ: »переймá́й, переймá́й!« вскрикиваетъ, или: »на свій бікъ! на свій, на свій!«—*бу́лка* (3) должно, быть, ему

---

(1) Сокращеніе извѣстной прибаутки; «Ха́та-те́пла, лю́де-до́бри; ка́баки-дово́лі». Въ такомъ сокращенномъ видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе *деликатной* бесѣдѣ.

(2) См. 2-е письмо.

(3) *Булки, или ковінька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка, помѣщеннымъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды за 1858 г.

грезится... да отъ времени до времени, *підъ пі́ччю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *Кутє́ю* Богъ далъ! то́-то праздниками полакомится *дітво́ра моло́зивомъ* (1)!

Но вотъ *бе́вкнуло* (ударили въ колоколъ) — не громко еще хорошенько *се́рця* не *роскомиха́ли*... въ другой разъ—громче — старикъ притихъ... еще громче—услышалъ. «Сла́ва тобі,» говоритъ, «Го́споди!» *заворуши́вся*, крестится, поднимается...

Чрезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Туркута — яркій огонь, бѣготня, *умива́ння*, *одяга́ння*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасиме́нченко Степанъ звонитъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: «Дiва днесь Пресуществе́нного рожда́е!»

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ *хи́жі* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комі́ръ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дівчата съ своими *стрічка́ми*, да пожалуй еще молодая невѣстка — *ви́мостить ріжє́чки* у платка, у новой плахты *гри́ви*, *черво́ний* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, посматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *підпереза́въ капта́но́къ*, надѣлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, стара́, доста́нь тепе́ръ гро́шi!—говоритъ, окончивъ *одяга́ння* и поправляя что-то за *комі́ромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ скрыни мѣдныя деньги, завязанныя въ *хусти́ну* — беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ каганьцю: «шагъ воно́ (грошъ ли это), чи копійка.» «Ну,» «говоритъ, ужъ деньги теперь настали! просто *кинці́ зъ нили́ погу́бишь!* На, лише́нь, стара́, подиви́сь ти!» или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ разсчеты, старикъ подзываетъ старшаго онука: «Оце́,» говоритъ,» тобі шажо́къ (грошикъ), свічку обмінишъ (не купишь, а вымѣняешь, или поставишь) Бо́жі Матері... А оце́, Петру́сю, тобі!»

---

(1) *Моло́зиво* — извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже нязывается молозывомъ.

Получившіе совершенно счастливы!...« А ви, объявляетъ остальнымъ: — ви на слу́жбі (на обѣднѣ, т. е. *обліните*)... На, стара́, даси́ імъ тоді, а то погу́блять (потеряютъ).» Неполучившіе немножко опечалены: — имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ; — *дідівъ* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, ба́ба хочетъ замолвить слово за *своихъ:* «Ні, ні!» говоритъ тихо: — идіть!» — онъ знаетъ, что́ дѣлаетъ, онъ разсчиталъ крѣпко!..

Двери скрипнули, *чо́боти* (сапоги) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дітво́ри* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утренѣ и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Жени́ло* проситъ и себѣ!.. «Ще й тобі!» говоритъ старикъ: — я, якъ бувъ таки́мъ, нікóли у ба́тька не просивъ!.. Ну, на; та йди́ собі, геть!.. Архистрати́хові жъ Михаилові поставъ!.. «уже ввслѣдъ, а тотъ только усмѣхается; — «а на слу́жбі Ива́нові Во́іну!.. чи не оду́чять хоть вони́ тебе́ одъ кула́чокъ!... (1) «На жъ и тобі, стара́!» заключаетъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себѣ нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: «гдѣ ужъ! мнѣ-ли *прото́впитьця* (протолкаться, т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)!» Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бо́жі* свою, *самодíлкову* (домашняго, своего приготовленія).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери.... Какіе *дукачі* (въ родѣ медальоновъ—мѣдные, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, *намиста́, стрічки́!* Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Послѣднею собирается

---

(1) Старикъ намекаетъ на предстоящія, во время праздниковъ, кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ-будто чужой: воно́ таке́ зілля—задира́кувате, гуллявое, въ лѣсъ смотритъ, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ лѣсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе наружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тобі!» говоритъ старикъ Туркутъ: — ну, на, та йди собі геть!» Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насупленному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулачокъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Таранівский кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тарани) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ чéреду. Не даромъ же повѣса, уходя, усмѣхался!

старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себя и все кругомъ, ка́къ бы еще чего не забыть. Ушла — и чрезъ нѣсколько секундъ снова назадъ, стучитъ въ окошечко: «Глядіть же мені,» говоритъ: «не забу́дьте теля́ти нагоду́вать!»

Остаются дома: только невѣстка съ грудны́мъ ребенкомъ, всѣ *дівча́тка*-онучки! —гдѣ имъ толкаться ночью! —да онуки-мальчики, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ обѣднѣ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покрупнѣе — старуха возьметъ, — *матері;* а теперь: — «воно́ ще зовсімъ мале́, — яки́й ще у й ёго й гріхъ!»

Главная забота остающейся дома невѣстки — убрать хаты, накормить теленка и затопить *пе́чі*.

Уборка хаты въ настоящемъ случаѣ состоитъ уже не въ подбѣливаньи и вымываньи: все, что́ нужно было вымыть и вымазать, вымыто и вымазано вчера́ послѣ вечёри, или,–какъ объ этомъ сказано мною въ своемъ мѣстѣ — и раньше. Не займется теперь невѣстка и украшеніемъ хаты. То́ ли, что для народа, говоря вообще, праздникъ становится осязательнѣе, ближе его сердцу, теплѣе, только съ того момента, когда въ празднованіе начнутъ привходить предметы, болѣе доступные его пониманію и ему близкіе — напр., на Свѣтлый Праздникъ, когда, на заутрени, «обнимемъ другъ друга», еще болѣе, когда вокругъ церкви станутъ рядами *паски́*, и еще болѣе, когда хата, все и всѣ въ праздничномъ, всѣ цѣлуются, христосуются, а на столѣ—паски, то, другое,—другими словами, то ли, что праздникъ у народа, по крайней мѣрѣ у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ обѣденное и послѣдующее за тѣмъ время, или же тутъ имѣютъ значеніе какія-либо другія причины, напр., просто разсчетъ, заняться украшеніемъ, когда вытоплено, подметено, пыль не подымется и не сядетъ ни на чемъ— то́ ли, или это; но сколько я замѣтилъ, украшеніе хаты на Рождество дѣлается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ обѣдни!... подразумѣвается, если кто нибудь изъ женщинъ во время обѣдни до́ма; если же всѣ уходятъ въ церковь — что́, скажу мимоходомъ, бываетъ только въ семействахъ слишкомъ немногочисленныхъ, да и то́ не всегда, — украшеніе—во всякомъ случаѣ—послѣдняя вещь, чѣмъ займется хозяйка, или кто тамъ вмѣсто нея, такъ-что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ — свѣженькое все, чистенькое, хата какъ съ иголочки... Невѣстка Туркутишина,

потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—кстати, она такая *джиджулу́ха* (1)! она уберетъ постели, одежу, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшіе дѣти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ — *налúстечка* по *разóчку* (по ниткѣ) или по два, а, пожалуй, и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ—копѣечной тесемки по кусочку, *въ застіжки*; а встанутъ всѣ—солому подобрать, гдѣ спали, *підъ пічь*, хаты подмести, повынимать *рушники* для убранства хаты, и т. д.

Кормленіе теленка,—не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Різдвя́нныхъ святка́хъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Різдвя́нныхъ святокъ*—Різдвяныхъ святóкъ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *са́ме Різдво́*, или на *Святíй Вéчіръ*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богоро́дицю* и на *Трóйцю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телеята должны *въ прúпустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, раждающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ дѣтей; но послѣднія—въ такомъ снисхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ тóго не разлучны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ праздненствъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мои земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечери на Багату Кутю, телятъ впускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣ-

(1) Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, принаряжено. О мужчинѣ не говорится джиджулу́нъ, хотя и говорится приджиджулився.

стѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *товаря́ка*,— держатъ въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормить. «А що,» спрашиваетъ молодой *ха́зя́інъ* у своей молодой *хазя́йки*:—мо́же бъ пора́ до коро́ви теля́?»—«Та тільки що носи́ла!»—«Ну, и що жъ?»—«Такъ цмоли́ть (съ охотою, съ аппетитомъ сосетъ, *ажъ цмокае*), такъ цмоли́ть!» — «А та?» — «Та?... ска́зано, ма́ти—ажъ підтюпцемъ (1), якъ поба́чила!... и такъ ли́же ёго́, ли́же!» И молодой *ха́зя́інъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благодать Божія на домѣ семъ: «Ну,» говоритъ, «полижи́ жъ и ти своё!»

Самая главная забота остающейся невѣстки — топить *пе́чі* и *прийма́тьця по́ратьця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сіни*, топится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействѣ порядку, немножко позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топі́нка* окончилась непремѣнно до окончанія обѣдни—а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и *приджиджули́ть* хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ,—вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *дотоплювать* некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *задзво́нять у всі*.

Впрочемъ, хлопоты тутъ *зъ топі́нкою* не бываютъ такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *бу́ддень*. Блюдъ, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, приготовляется немного; все, что́ нужно для *варі́нки*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А что́ вчера сало накрошено, мясо нарублено —

(1) Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго въ великорусскомъ языкѣ. Тюпать—бѣжать рысцею, підтюпцемъ—идти такъ быстро, что вотъ-вотъ побѣжитъ, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество, вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *ва́риво* изъ погреба, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости (1); но крошить, рубить—вообще, *рьзать* — изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домови́ну* (гробъ) — не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоитъ въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и еще грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у Украинскаго народа, не выключая Галичанъ и потомковъ Запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на то, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать *досвітчану* и *вра́нішну* порцію корму, погнать до *ополо́нки* и проч., и чтобы немножко *прикорхну́ть*, *замину́ть* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвітчану* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣднею, дать и *вранішню* порцію.— Кормленіе и напованіе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гурто́мъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. «А нуте, діти, ки́ньтесь!» говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осоку́*, тотъ солому *сми́кать*, тотъ ополонку пробивать — не прорубливать, а пробивать—а *малéча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хоть о́чі поламáть* (2),—съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *вдо́світа* никогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до це́ркви*, — (конечно, у *вели́кого*

(1) Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

(2) Непереводимое выраженіе. «Не заспу́ла, а тільки о́чі поламáла», говорятъ преимущественно женщины.

дзво́на другой кто звонитъ, а не Гарасиме́нченко)—снова опросталась хата, да ужъ такъ, что только наименьшая невѣстка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хво́ренькихъ* или совсѣмъ *не́змислнівъ*, дома, — даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джиджулу́ха* принимается, наконецъ хату *джиджули́ть*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ разсказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искуснаго ваятеля, мало-помалу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ—взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ-сказать, послѣдній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соотвѣтственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *го́рнички*, и въ великопанскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгороднему доброму моему земляку — панское и великопанское въ сторону — такъ и рѣзнетъ сейчасъ тебѣ въ глазъ: какая-нибудь яркаго цвѣта занавѣска у кіота — у купца; шпалеръ, теремокъ — у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза,-дѣло извѣстное—и вниманіе тамъ остановится, недоумѣваешь или усмѣхаешься,а дальше не пойдешь, а пойдешь, — не скоро, или такъ пойдешь, что́ и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ землякамъ, хуторскимъ или сельскимъ захолустникамъ,—бѣденъ ли онъ, достаточенъ, — сначала, отъ порога, только чистота—не та, какою-то терпкостію дышащая чистота, которая обдаетъ васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбающаяся... отъ *пе́чі*, зъ підпі́ччя, отъ *ми́сника*, лавы, *поли́ць*... потомъ, на *коло́чкахъ*, постепенно: *рушнички́*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божнику́*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божника́* обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ гнізде́чку*, — маленькій, потемнѣвшій... ликъ какъ и наши, изможденный какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается крестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочеловѣчившимся* (1), на *по́кутті*, — ясли, гдѣ Онъ когда-то...

---

(1) Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразилъ себя въ иконописи, больше, чѣмъ народъ украинскій — конечно въ иконописи своей, а не заим-ствованной, или привозной.

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чѣмъ такъ проникнута *вечéря*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ — веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумяненными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками...

За первою чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ — «нехáй же, мовъ, легéнько и імъ згадáється!» — но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать — очень, очень рѣдко!

Предложатъ дѣтямъ *горíлки* — если еще и предложатъ: пьютъ — пусть пьютъ, а не пьютъ — «дурні, такóго дúва та не хóчуть!»

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непремѣнно замѣтитъ, что того, чтó было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непремѣнно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товчéники*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто чтó хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго— даютъ немножко кути или узвáру; но только, говорю, начать обѣдъ непремѣнно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса — смотри, *джиджолýхо*, чтобъ была она горячая, шкварчащая! Ужъ не даромъ же шесть недѣль «и въ вíчі не бáчили, якá вонá!»

Колбаса — «не та чóрзна–яка, а хорóша ковбасá, нáська» — вообще говоря, для насъ желанный гость на столѣ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ осклабленіемъ въ лицѣ и ковтаніемъ слюнокъ; чтóжъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли — шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малéча:* чуть *джиджолýха зашамотíла* у печки, послала *хвáтки* доставать сковороду — позаворачивали *головкú*, повытягивали шеи... А старшіе — «оцé бъ такúй й воніí!»

Но вотъ сковорода визжитъ, тянутъ по черепі... вытянули, *сичúть* — мысли и сердца дѣтскія, áможе шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе — только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта са-

мая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ *садку́*, или просто гдѣ-нибудь въ *гайку́*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась—въ село, въ печку, и прямо на сковороду! Поневолѣ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ — не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра... Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнитъ, ка́къ, во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени — переѣзжать надобно было черезъ лѣсъ:— «А что́,» спрашиваешь,» колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева?» — «Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно: — еще рано!» — «Да гдѣ жъ она? — не видно!» —«Въ *гущині*, ночь!» Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: «Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно, ужъ *на півдéрева* спустилась!» А возвращались изъ церкви: «Вонъ-вонъ!» говоритъ:—видишь, какъ *чхурнýла!*» — «Гдѣ, гдѣ?» — «Да вонъ же, впереди!» — «Да гдѣ же?» — «Эхъ, яки́й же ти дурень! говорю—впереди!» Вы напрягаете все вниманіе, *зпина́етесь* (поднимаетесь) на саняхъ — нѣтъ! — «Схова́лась уже́,» говоритъ, «за́ рігъ повернýла!»

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ снѣдь, прибавками, къ колбасѣ по́даютъ соленые огурцы. «Що́ то воно́ за пти́ця була́ бъ, та ковба́са, якъ би ій крила!»

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капу́ста*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще — почти розмазнею: приготовляется изъ сѣченой капусты, немножко пшена, *съ свини́ною*. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капустѣ* отдается преимущество предъ борщомъ—не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не нужно ни *пелюстóкъ* рѣзать, ни *бурякíвъ кришúть?* Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *коло́ нéї захóду и забобонóвъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли кути, послѣ ка-

пусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ; но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джиджулу́ха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гринькй—да чтобы все новое да лучшее надѣть! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются — «вотъ», молъ, «у *Йвивни:* ко́міръ у не́і на кожу́сі бабако́мъ оббйтий, платокъ — съ золотыми цвѣтами!» Джиджулу́ха бѣгаетъ, суетится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать *сватáмъ*, и просить въ гости *прибувáть*. И непремѣнно добавитъ: «Та скажи́,, що, мовъ, свéкоръ щодня́ бье́!» — «А свекру́ха», подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: — «щодня́ істи не даé!..» Тѣ собираются, а остальная семья — вся спать, даже дѣти: надо вознаградить за ночное бдѣніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выспится хорошенько, считаю нужнымъ прервать на время свой разсказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, разсказывая про *праздникъ*, прошолъ молчаніемъ то, что́ считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелъ васъ въ церковь? Вмѣсто всякаго объясненія, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо.» Подъ словомъ «святки,» праздники, я буду разумѣть не то, что́ мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что́ празднуетъ или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ» и т. д. — Рождественскія заутреня и обѣдня не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскія «обнимемъ другъ друга» и паски вокругъ церкви, или же *Орда́нь*, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на *Маковія*, особенно если еще освященіе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливаютъ, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественскія заутреня и обѣдня для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ — какъ заутреня и обѣдня послѣдняго воскресенья, воскресенья предпослѣдняго и т. д. Вся разница въ томъ, «що то була́ неділя, а то вели́ке свя́то, *Рíздво́*, ро́зговіни»— а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго цер-

ковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество «слу́жба ду́же до́вга;» но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошолъ нелегкимъ колесомъ; но наскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, что́ это правилось на Рождество послѣ обѣдни: «та то», говоритъ, «про Фра́нцуза... Фра́нцузъ, ка́жуть, коли́сь... ра́тникiвъ бра́ли», и разскажетъ вамъ многое на тему «постача́ли — постача́ли!..» да въ добавокъ, пожалуй, укажетъ на свой *капта́нъ фабри́цького* сукна, сшитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: «Ба́чите», говоритъ, «яке́ дермо́ (дрянь), а по пятна́дцять рублiвъ, якъ одна́ копiйка!»

Считаю нужнымъ, «за одни́мъ за́ходомъ,» сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный подъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не что́ иное, какъ продолженіе праздника, начавшагося вечерею на Багату Кутю,—продолженіе съ помарками и пробѣлами,—и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на что́-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣяніе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *рiднимъ*, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багатой Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озеря́винами* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то рѣка, да мѣстами высохла или берега обвалились, мѣстами ее засыпали и лизапрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, что́ разгадать въ состояніи только сондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ извѣстной степени сходство — обѣда на Рождество съ вечерею на

Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*итти́* или *іхать* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай — проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непремѣнно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ, — такъ-что, на дворѣ, вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ — «діти до ба́тька ідуть, ону́ки до діда и ба́би;» и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Свя́тъ-вечіръ*, *Святи́й ве́чіръ:* въ однихъ мѣстахъ Свя́тъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ — вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ — оба дня, — различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *свя́тъ-вечіръ*, а для послѣдняго — *Святи́й вечіръ*.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *сі ха́ті*, тутъ же и пріѣзжая дочь съ своимъ мужемъ — сейчасъ послѣ сна пріѣхали—бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, *забавляютця* разными *за́бавками; мале́ча* — въ той хатѣ, тоже забавляются разными за́бавками, играютъ въ разныя *ха́тні* игры.

Самыя употребительныя въ это время *за́бавки: со́яшникове* и *гарбузо́ве насіння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ со́яшниковаго и гарбузо́ваго—*ди́няче* и *кавуно́ве*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кисли́ці зъ ква́су*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ піспи* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусти*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными *при́мхами* (выдумками, капризами); *медяні коржі* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ-того иногда: *вергуни́* или *ба́нти*, *орішки*, *шишечки́* и тому подобные продукты мѣстнаго кондитерскаго искуства, *маковники́* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурни́ці* большею частію не по зубамъ, и они ихъ и называютъ та́къ: «дурни́ця!» говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узва́ру* — это другое дѣло! «Ке-лише́нь мені горщо́къ зъ узва́ромъ (Дай-ка, и проч.)!» Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперь: тѣ—орѣхи, сѣмена, а онъ—свое, *зоба́ та й зоба́* (¹)!

(¹) Зобать—клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ вылущиваніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насіння,

Изъ игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *Ціціба́ба* (1). Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляютъ взяться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: «А ну!» скажетъ какой-нибудь *цвіркýнъ* (сверчокъ), изъ-подъ *пóкуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—«уже!» говоритъ, и цицибаба, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *гвалтъ* и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгаютъ, хохочутъ, дергаютъ, *сіпають*, а бѣдная цицíбаба, какъ вьюнъ на огнѣ: и сюда, и туда!.. Пойманный, въ свою очередь, становится цицíбабою. — Въ бóльшомъ ходу въ это время и *Чмихъ*. Садятся въ кружокъ — посединѣ хаты или на *полу́*, гдѣ лучше—и одинъ объявляетъ, что «запира́ется Чмихъ», т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чми́хнуть*. Игра состоитъ въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ числомъ ударовъ *джгутомъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дітво́ри* довольно одной мысли,—и чмихнуть нельзя—ужасно какъ смѣшно! а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣрнѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *того́*... но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено — и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, посинѣли даже—и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмихъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выхотятъ сцены и другаго рода: дѣло доходитъ до слезъ и до разбирательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣть начало,— пора засвѣтить *каганéць*— на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не тонятъ, *вечéряють* то, что́ осталось отъ обѣда,— почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашмотíла дітво́ра:* кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганецъ засвѣтили — дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шмигну́въ*, нѣтъ даже

ѣдящихъ что́-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, съ разстановкою. — словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмотритъ, поворотитъ головку—другимъ, и клюнетъ. Вылущила — и снова.

(1) Въ иныхъ мѣстахъ куці-баба.

одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *гу́торить*, забавляются *за́бавками*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобі́тъ*; отворилась хата—*дітво́ра—коля́дники*, первая *бу́рта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пишущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ–премалымъ *пахо́лкомъ!*..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старе́сенькая* моя—не *старе́сенькою* тогда были! всѣ, и я возлѣ *старе́сенької, притули́вшись*...

Воспоминается, какъ одни за другими колядники: *дітво́ра*, дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія; — благословятъ, колядуютъ...

Воспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*приспівували* мнѣ...

Ой ра́но, ра́но ку́ри запіли,
Свяги́й ве́чіръ!
А ще раніше панъ Матвійко вставъ...

какъ я прятался подъ рукавъ матери....

Панъ Матвійко вставъ, коня́ осідла́въ,
Коня осідла́въ, въ по́ле виіжжавъ...

Но всего памятнѣе, когда два брата Лѣдове́нки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядокъ! Про какихъ-то *орлівъ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доноситъ—что-то больно, больно щемящее серце... какъ будто:

Вилі́тали орли́
Зза крутої гори́,
Вилі́тали, буркута́ли,
Ро́скоші шука́ли...

«*Вернітеся*», говорятъ, «*літа́ мої!*»—«Нѣтъ,— отвѣчаютъ *не верне́мось, не ве́рнемось*!..»

М. Номисъ.

13 Февраля 1861 г.
С. Петербургъ.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

(Продолженіе).

ПИСЬМО VIII.

Третій періодъ пасики. Яринный взятокъ. Методы полученія съ ульевъ меда. Моя метода. Занятія въ пасикѣ въ этотъ періодъ.

Въ предыдущемъ письмѣ я сказалъ, что ежели, ко времени настоящаго взятка, пасика будетъ въ отличномъ состояніи, сильна и благополучна, то при изобиліи взятка и благопріятной погодѣ медъ польется въ нее рѣкою. Но чтобы собрать этотъ медъ, необходимо много знанія, безъ котораго можно потерять его не только половину, но даже и болѣе.

Изъ медистыхъ растеній, въ средней полосѣ Россіи, болѣе другихъ доставляетъ меду гречиха, изъ которой пчелы собираютъего такое количество, котораго бываетъ слишкомъ достаточно для ихъ годоваго продовольствія, и часть его можетъ быть, безобидно для нихъ, отдѣлена въ пользу человѣка. Цвѣтеніе гречихи продолжается между пятнадцатымъ числомъ іюля и пятнадцатымъ августа, въ продолженіи почти мѣсяца, но не всегда взятокъ съ нея бываетъ непрерывный и одинаковый; съ-начала и подъ-конецъ этого періода слабѣе, а въ срединѣ—сильнѣе, настоящаго же хорошаго взятка бываетъ иногда пять, семь дней и очень рѣдко—четырнадцать. Поэтому каждый взяточный день очень дорогъ для пчеловода, и его не только не слѣдуетъ терять, но сколько возможно болѣе надобно имъ пользоваться, и стараться, чтобы и одинъ его часъ не прошелъ безъ пользы. Но къ-сожалѣнію, надобно сказать, что въ пасикахъ нашихъ теряется очень много этого дорогаго времени;—это бываетъ во-первыхъ тогда, когда

пасика стоитъ далеко отъ гречихи, и слѣдовательно пчела употребляетъ много времени на пролетъ свой туда и обратно. Вмѣсто того, чтобы слетать за добычей разъ десять, она слетаетъ всего разъ или два въ день: — потеря очевидна. Во-вторыхъ, если пасика стоитъ въ срединѣ гречихи, пчела часто остается праздною оттого, что, прилетѣвши въ улей съ медомъ, некуда ей его выпустить. Если въ ульѣ мало порожней вощины, или если и довольно, то за тѣснотою одна половина пчелъ ожидаетъ, — иногда очень долго, пока другія пчелы выпустятъ свой медъ и имъ уступятъ свое мѣсто; а тѣ, потомъ, прилетѣвши съ медомъ, опять ожидаютъ своей очереди, что продолжается безпрестанно, и чрезъ это навѣрное теряется половина рабочаго драгоцѣннаго времени, и, слѣдовательно, половина вноса. Это важное упущеніе происходитъ отъ улья, въ какомъ помѣщаются пчелы. Впослѣдствіи я опишу разные ульи, теперь же скажу, что всѣ они бываютъ двухъ главныхъ родовъ: *цѣльные* и *составные*, или такъ сказать *одноэтажные* и *многоэтажные*. Въ цѣльныхъ ульяхъ, каковы малороссійскіе и другіе имъ подобные, бываетъ одинъ только рядъ сотовъ, отъ пяти до девяти, которыхъ, при изобиліи взятка и силѣ пчелинаго семейства, очень мало для того, чтобы вся пчела разомъ работала. Чтобы болѣе убѣдить васъ въ невольной праздности половины пчелъ въ самое взяточное время, я укажу на одно обстоятельство. Когда въ хорошій взяточный день вы войдете въ свою пасику, состоящую изъ цѣльныхъ ульевъ, то вы увидите, особливо къ вечеру, что на всѣхъ вашихъ, самыхъ сильныхъ, ульяхъ половина пчелы сидитъ снаружи улья, покрывая толстымъ слоемъ всю его переднюю часть и даже землю вокругъ него. Спросите вы пасичника: отчего это? — онъ вамъ отвѣтитъ: оттого, что пчелѣ жарко въ ульѣ, и какъ въ это время дѣйствительно жаръ бываетъ невыносимый, то вы вполнѣ съ нимъ соглашаетесь. Это дѣйствительно происходитъ частію отъ жара въ ульѣ, но тутъ есть еще и другая причина, именно та, что этой пчелѣ нечего дѣлать въ ульѣ. Она прилетѣла съ поля полная меду, но въ ульѣ нѣтъ еще готовыхъ ячей для положенія его; дѣланіемъ этихъ ячей занимается часть пчелъ, остальныя же, которымъ дѣйствительно было бы жарко въ ульѣ, какъ полнымъ меда, выходятъ наружу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, попробуйте только взять въ руку одну изъ этихъ пчелокъ и подавить ее немножко пальцами: — она тотчасъ выпуститъ изо рта большую каплю меду. Еслибы этой пчелѣ было что дѣлать въ ульѣ, то-есть, еслибы

было куда выпустить свой медъ, то она бы не томилась возлѣ улья, но выпустивъ медъ, полетѣла бы въ поле. Въ составныхъ ульяхъ, а особливо въ тѣхъ, гдѣ въ каждой части устроивается особый рядъ сотовъ, какъ въ *линеечныхъ* и во *втулочныхъ*, гдѣ отъ этого образуется не девять, но двадцать семь и болѣе сотовъ, и гдѣ поэтому пчелѣ достаточно и пространства и работы, тамъ всякая пчелка ежеминутно имѣетъ для себя занятіе, и какъ бы жарко ни было, вы не увидите праздныхъ пчелъ снаружи улья; всѣ онѣ ежеминутно работаютъ, а отъ сего въ такихъ ульяхъ пчелы вносятъ въ одно и то же время гораздо болѣе меду, нежели въ одноэтажныхъ ульяхъ. По самымъ точнымъ и многократнымъ опытамъ оказывалось, что изъ двухъ равносильныхъ ульевъ, одноэтажнаго и многоэтажнаго, одинъ вносилъ въ день меду четыре фунта, а другой двѣнадцать. Послѣ этого вы согласитесь, что не всегда можно воспользоваться всѣмъ тѣмъ медомъ, какой могли бы доставить вамъ ваши пчелки, еслибы вы дали имъ къ тому всѣ средства, и что я нисколько не увеличилъ, сказавъ, что многіе пчеловоды теряютъ его на-половину.

Во время самаго сильнаго и окончательнаго медоваго взятка, когда пчелы изо всѣхъ силъ трудятся, чтобы наполнить свои ульи для будущаго своего, почти годичнаго, продовольствія, — въ этотъ періодъ, въ концѣ его или въ срединѣ, пчеловодъ приступаетъ къ полученію дохода отъ своей пасики, къ сбору меда, употребляя для этого разные способы, которые зависятъ преимущественно отъ устройства ульевъ его пасики. Я не стану говорить здѣсь объ отборѣ меда изъ составныхъ ульевъ, а особливо изъ линеечныхъ. Это такъ обширно и ново, что требуетъ особаго, подробнаго изложенія (письмо X!); а теперь я буду говорить только объ отборѣ меду изъ цѣльныхъ ульевъ, въ какихъ по преимуществу водятся у насъ пчелы.

Самый первоначальный и простой способъ полученія меду заключался въ томъ, что по окончаніи взятка, или даже и въ срединѣ его, подрѣзывали въ каждомъ ульѣ часть сотовъ. При этомъ вырѣзывали, конечно, молодую вощину, а въ ульяхъ оставляли старую, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе чего соты дѣлались почти неспособными къ выводу пчелъ. Теперь этотъ способъ, какъ невыгодный для хозяина и вредный для пасики, оставленъ почти вездѣ, гдѣ только есть сколько нибудь уже ученые пасичники.

Другіе способы полученія меду состоятъ въ убіеніи нѣкоторыхъ

пчелиныхъ семействъ и въ перегонѣ ихъ въ новые ульи,—что́ тоже составляетъ почти убіеніе. Многіе сердобольные пчеловоды, въ особенности иностранные, и нашъ Прокоповичъ, сильно возстаютъ противъ убіенія пчелъ и нетолько называютъ этотъ способъ полученія дохода отъ пасики варварскимъ, но и доказываютъ, что онъ убыточенъ для пчеловодства, что́ и дѣйствительно справедливо. Но получить сколько нибудь значительный доходъ отъ пасики безъ убіенія пчелъ, можно только при употребленіи составныхъ ульевъ, на что никакъ не рѣшаются наши даже достаточные пчеловоды, изъ страха мнимой ихъ дороговизны; а потому убіеніе пчелъ въ круглоулейныхъ пасѣкахъ составляетъ необходимость. Въ наставленіи Пономарева, защитника пчелоубійства, указано, какихъ пчелъ убивать и какихъ оставлять въ заводъ, о чемъ и я скажу впослѣдствіи, говоря о приготовленіи пчелъ къ зимѣ. Получаемый этимъ способомъ медъ будетъ лучше перегоннаго, потому что въ немъ будетъ гораздо менѣе червы, но за-то, при употребленіи его, значительно уменьшается пасика и нѣтъ возможности имѣть запасы медковъ или вощанокъ, очень полезныхъ для роевъ будущаго года.

Перегонъ пчелъ состоитъ въ томъ, что тѣ пчелиныя семейства, которыя имѣютъ много меду, разумѣется старыя не роившіяся вовсе или изройки, перегоняютъ въ новые ульи, а медъ ихъ получаютъ въ доходъ. Чтобы такія пчелы, называемыя *перегонами*, могли внесть себѣ сколько нибудь меду, то перегоны дѣлаютъ обыкновенно въ половинѣ взятка. Но рѣдко случается, даже и при продолжительномъ взяткѣ, чтобы онѣ внесли себѣ столько меду, чтобы могли перезимовать съ нимъ; а потому, большею частію, по окончаніи взятка, подкуриваютъ, а небольшія, образованныя ими гнѣзда, сберегаютъ на медки для будущаго года. Такъ какъ въ ульѣ, откуда выгнано пчелиное семейство, остается, кромѣ меда, много червы, которая потомъ смѣшивается съ медомъ, то, отъ этого, такъ-называемый перегонный медъ бываетъ самый худой, скоро окисаетъ и не годится для корму пчелъ. Но на это не смотрятъ пчеловоды, потому что медъ и хорошій и дурной, сырцомъ, продается тоже по одной цѣнѣ.

Эти способы полученія дохода отъ пчелъ употребляютъ совмѣстно или раздѣльно, смотря по методѣ пчеловодства, которой держутся пасичники. При натуральной системѣ бываетъ въ пасикѣ больше нероевъ, нежели изройковъ, и какъ первые имѣютъ больше меду нежели вторые, то опредѣленное количество нероевъ обыкновенно перего-

няютъ, а изройковъ подкуриваютъ, развѣ будетъ очень хорошій взятокъ и изройки многомедны,—тогда и ихъ перегоняютъ. При методѣ промышленной, гдѣ въ пасикѣ почти нѣтъ нероевъ, опредѣленное для дохода количество изройковъ преимущественно подкуриваютъ, потому что, по малости въ нихъ меду, не выгодно дѣлать изъ нихъ перегоны. При методѣ смѣшанной, гдѣ въ пасѣкѣ есть и нерои и изройки, поступаютъ также какъ и при натуральной методѣ. Однимъ словомъ, при всякой методѣ пчеловодства, перегоняютъ многомедныхъ, а подкуриваютъ маломедныхъ. Когда при натуральной методѣ не желаютъ уменьшить первоначальнаго комплекта пасѣки, то подкуриваютъ или перегоняютъ столько старыхъ ячей, сколько прибавилось роевъ, также точно, въ этомъ случаѣ, поступаютъ и при другихъ методахъ. Вслѣдствіе этого сколько-нибудь опредѣлительный доходъ можетъ быть получаемъ только при промышленной системѣ, а при другихъ всегда будетъ вполнѣ случайный: больше роевъ — больше и доходу, а при неройбѣ—или мало, или и вовсе не будетъ никакого дохода. Но промышленная метода очень опасна по большому риску, съ нею сопряженному,—вслѣдствіе чего весьма не многіе пчеловоды рѣшаются ей слѣдовать. А потому ни одна изъ описанныхъ мною трехъ системъ пчеловодства, основывающихъ свою доходность исключительно на увеличеніи числа семействъ пасики, недостаточна для того, чтобы пчеловодство могло сдѣлаться сколько нибудь надежною хозяйственною статьею.

Хотя чрезъ перегоны получается меду менѣе и худшаго качества, нежели чрезъ подкурку пчелъ, но какъ этимъ способомъ можно имѣть много запасныхъ медковъ и вощанокъ, и иногда нѣкоторые перегоны могутъ даже пойти въ зиму, то перегоны предпочитаются убою пчелъ. Если вы имѣете запасъ пустыхъ пчелиныхъ гнѣздъ, хотя безъ меду, но съ порожнею длинною вощиною, напр. до половины улья, и въ такія вощанки будете перегонять пчелъ: то, если, послѣ перегона пчелы, взятокъ продлится хотя пять, шесть дней,—перегоны ваши успѣютъ внести столько меду, что, безъ сомнѣнія, пойдутъ въ зиму, и вы даже можете дѣлать такіе перегоны нѣсколькими днями позже, нежели какъ бы сдѣлали при перегонѣ на порожніе ульи. Этотъ способъ полученія меду изъ круглыхъ ульевъ былъ бы самымъ лучшимъ, еслибы можно было всѣ перегоны сажать на большія вощанки. Но этого достигнуть очень трудно. Хотя тогда значительное количество вощанокъ удастся собрать пчеловоду отъ неудавшихся прошлогоднихъ

перегоновъ, отъ пчелъ умершихъ за зиму, а также при пересадкѣ семействъ весною, вслѣдствіе различныхъ неблагополучій, о чемъ сказано мною подробно въ письмѣ V, но этого всего бываетъ недостаточно, чтобы обезпечитъ себя отъ риска, сопряженнаго съ перегонами.

Пока я не имѣлъ у себя достаточнаго количества линеечныхъ ульевъ, которыми, какъ я сказалъ выше, рѣшилъ окончательно вопросъ полученія значительнаго дохода отъ пасики въ нероистое лѣто, не уменьшая ея комплекта, я нашелъ одинъ способъ пріобрѣтенія значительнаго количества длинныхъ вощанокъ, и тѣмъ открылъ новую методу полученія въ доходъ изъ круглоулейной пасѣки значительнаго количества меду, не уменьшая ни увеличившагося роями количества пчелиныхъ семействъ, ни ихъ доброты. Метода эта совершенно новая, никогда неупотреблявшаяся никакимъ пчеловодомъ и нигдѣ неописанная. Она составляетъ такъ-сказать секретъ моей пасѣки, за который меня благодарили всѣ, кому я сообщалъ его; теперь я намѣренъ описать его здѣсь обстоятельно.

Когда въ періодъ роенія, при естественномъ или искуственномъ роеніи съ приборовъ, у васъ отроилась, положимъ, половина пасѣки, а другая половина хотя и сильна, но не приготовляется къ роенію, то эту половину, или лучше сказать, сколько вы найдете такихъ шей, раздѣлите на два сорта: къ первому отнесите тѣхъ пчелъ, у которыхъ при сильной мухѣ и большой червѣ, заносъ вощины до половины улья, или нѣсколько болѣе, и вощина не очень старая, однолѣтняя или двулѣтняя, а также и посуда хорошая; ко второму же сорту отнесите пчелъ тоже сильныхъ, но имѣющихъ длинный и старый заносъ вощины, и старый улей, т. е. тѣ гнѣзда, которыхъ вы не хотите болѣе держать въ пасикѣ, но предполагаете впослѣдствіи выбить на медъ. Тѣхъ и другихъ должно быть поровну. Эти сорты означьте на донышкахъ ульевъ мѣломъ; на однихъ напишите 1-й, на другихъ 2-й. Тогда изъ перваго сорта начинайте постепенно брать насильныхъ роевъ съ червы, и непремѣнно замѣчайте на изройкахъ карандашомъ. Въ этихъ изройкахъ дней чрезъ тринадцать или пятнадцать выйдутъ свищевыя матки, а дней чрезъ двадцать или двадцать три выйдетъ и вся черва, какая только была въ нихъ заложена прежнею маткою,—между-тѣмъ-какъ новая, свищевая, матка еще не успѣетъ завести новой червы. Этимъ безчервяннымъ состояніемъ гнѣзда нужно воспользоваться для пріобрѣтенія вощанокъ. Въ это

время, то—есть дней чрезъ двадцать или двадцать три отъ взятія насильныхъ роевъ, слѣдуетъ выгнать изройки съ матками и посадить въ новые ульи, на медки или на навощанки, а ихъ гнѣзда, какъ порожнія и чистыя, спрятать и хранить до употребленія. Такимъ образомъ, изъ отобранныхъ вами ульевъ, обозначенныхъ 1-мъ нумеромъ, вы будете имѣть двойное количество семействъ пчелъ, роевъ и раннихъ перегоновъ и количество превосходныхъ гнѣздъ, равное половинѣ всѣхъ, отобранныхъ вами сильныхъ, но нероившихся пчелъ. Ранніе перегоны, если у нихъ будутъ хорошія матки,—за чѣмъ, конечно, слѣдуетъ весьма внимательно слѣдить,—къ осени, при хорошемъ яринномъ взяткѣ, поровняются совершенно съ роями; если-же нѣтъ, то по—крайней—мѣрѣ дадутъ хорошіе медки. Теперь обратимся ко второму сорту. Когда гречишный взятокъ достигнетъ высшей своей степени и вы увидите, что въ ульяхъ этого сорта много уже меду, частію даже печатнаго, тогда вы сдѣлайте изъ нихъ перегоны и посадите ихъ на тѣ гнѣзда, которыя у васъ хранятся отъ перваго сорта пчелъ. Изъ перегнанныхъ ульевъ, какъ нероевъ, вы получите много меду, а перегоны, будучи посажены на большія вощанки (гнѣзда), если хорошій взятокъ продлится хотя пять дней, сдѣлаются *линейными* пчелами, ибо пчелѣ трудно дѣлать вощину, а въ готовую она вдвое болѣе и скорѣе наноситъ меду.

Чтобы показать явственнѣе выгоду этого способа, я объясню его числами. Не говоря о прочихъ ульяхъ вашей пасѣки, то есть тѣхъ, которые роились натурально или искуственно (но не насильно), и съ которыхъ вы будете получать медъ чрезъ подкурку или перегоны, производимые обыкновеннымъ способомъ,—положимъ—у васъ осталось 100 пней, неготовившихся къ роенію, но сильныхъ и съ большою червою. Если вы со всѣми ими поступите по промышленной методѣ и со всѣхъ возьмете насильныхъ роевъ, то вы ихъ будете имѣть 100, да потомъ перегоните изройковъ и получите, положимъ, 50 пудовъ меду, а съ перегоновъ, сдѣланныхъ на порожніе ульи, по подкуркѣ ихъ, получите, положимъ, штукъ пятьдесятъ самыхъ маленькихъ вощанокъ. Если-же вы поступите по моей методѣ, то вы получите сначала 50 насильныхъ роевъ; потомъ, изъ 50-ти раннихъ перегоновъ, тоже пятьдесятъ пней неуступающихъ роямъ. Изъ пятидесяти позднихъ перегоновъ вы получите тоже 50 пней; да такъ, какъ вы перегоняли не изройковъ, а лучшихъ нероевъ, и перегоны дѣлали нѣсколько позже противъ обыкновеннаго, то непремѣнно вы получите изъ

нихъ меду вдвое болѣе противъ изройковъ. Итого, изъ ста пней вы будете имѣть: 150 пней хорошихъ линейныхъ пчелъ и 100 пудовъ меду. Сравните-же что выгоднѣе? Я полагаю, что излишекъ пятидесяти хорошихъ пней пчелы и пятидесяти пудовъ меду, съ избыткомъ вознаграждаетъ недочетъ пятидесяти небольшихъ вощанокъ, которыя, когда нужно будетъ, вы можете сдѣлать и искуственнымъ образомъ. Метода эта составляетъ какъ бы средину между промышленною и смѣшанною методами пчеловодства. Она уменьшаетъ отважность одной и устраняетъ нерѣшительность другой. Въ случаѣ успѣха, она вознаграждаетъ васъ вдвое; въ случаѣ же крайней неудачи, вы лишаетесь не всего, но только половины. — Кромѣ того, при этой системѣ будетъ гораздо менѣе пчелоубійства, а при хорошихъ обстоятельствахъ, даже вовсе его не будетъ, и только половина перегоновъ дѣлается во взяточное время; этимъ выигрывается огромное количество драгоцѣннаго времени для ухода за прочими семействами пчелъ и представляется возможность дѣлать перегоны акуратнѣе, а не такъ какъ это обыкновенно дѣлается, съ большею торопливостію, причемъ теряются матки и много семействъ чрезъ то погибаетъ.

Не знаю, захочетъ ли кто, или съумѣетъ ли, примѣнить мою методу полученія меду изъ круглоулейной пасики, но какъ обыкновенная метода перегоновъ уже вкоренилась, то я хочу сдѣлать, въ отношеніи ея, собственно одно полезное наставленіе. Большею частію перегоняютъ или пероевъ, или раннихъ изройковъ, т. е. самые сильные пни пчелъ, въ которыхъ и мухи много, и червы въ изобиліи. По перегонѣ всей мухи въ порожніе малороссійскіе ульи, ея бываетъ такъ много (почти половина улья), что только часть ея въ состояніи заниматься работою, а остальная сидитъ праздно; слѣдовательно здѣсь почти половина мухи совершенно не нужна. Въ старомъ ульѣ, гдѣ наполовину червы, меду очень мало, да и тотъ, по выбитіи, отъ червы бываетъ не хорошаго свойства; слѣдовательно пчеловодъ, заставивъ муху праздновать въ перегонахъ, теряетъ и въ старыхъ ульяхъ. Поэтому я совѣтую, изъ назначаемыхъ къ перегону сильныхъ ульевъ, выгонять и брать для перегона не всю муху, а только ея половину, или соразмѣрную часть, а другую половину оставлять въ старомъ ульѣ; или лучше сказать, вмѣсто перегона, взять насильнаго роя. Въ такомъ случаѣ насильный рой сдѣлаетъ въ новомъ ульѣ столько же залога, какъ бы сдѣлалъ и перегонъ; оставленная же въ старомъ ульѣ

муха высидитъ себѣ свищевую матку, высидитъ всю черву, и если взятокъ продлится, зальетъ всю вощину медомъ. Тогда пчеловодъ, по окончаніи взятка, подкуривши изроекъ, получитъ меду болѣе, самаго чистаго, и безъ червы. Сравните же, что́ лучше и выгоднѣе. Въ яринномъ взяткѣ надобно различать три періода: начало, средину и конецъ. Знать эти періоды крайне необходимо, потому—что въ каждый изъ нихъ производятся свойственныя имъ дѣйствія въ пасикѣ; и если какое либо изъ сихъ дѣйствій будетъ сдѣлано не въ надлежащую часть взятка, то оно не удается и причинитъ потерю. Хотя опытные пасичники узнаютъ наглядным образомъ средину взятка и его уменьшеніе, но все это не точно и слѣдовательно сопряжено съ потерею нѣсколькихъ дней. Кто хочетъ вести пасику правильнымъ образомъ, и вѣрнѣе дѣлать въ ней всякія операціи съ пчелами, тотъ непремѣнно долженъ, передъ началомъ взятка, избрать одинъ благополучный сильный улей съ пчелами, поставить его на вѣсы, и каждый день наблюдать прибавку или уменьшеніе въ этомъ ульѣ меду и все замѣчаемое записывать. Изъ сравненія прибыли или убыли одного дня съ другимъ, вы будете имѣть самое точное понятіе, увеличивается ли взятокъ, остается ли постояннымъ или, наконецъ, уменьшается; при чемъ, конечно, не слѣдуетъ принимать въ расчетъ особыхъ случайностей погоды. Сообразно этимъ наблюденіямъ вы можете болѣе опредѣлительно распоряжаться своими дѣйствіями въ пасикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы удовлетворите своему любопытству, знать, сколько одинъ улей вноситъ въ день меду и будете имѣть возможность дѣлать заключеніе о хорошемъ или худомъ взяткѣ одного лѣта сравнительно съ другимъ. Это весьма нетрудное средство можетъ предохранить вашу пасику въ неблагополучное лѣто отъ тѣхъ бѣдствій, которымъ вы легко можете ее подвергнуть, слѣдя, по обыкновенію наглядно, за успѣхами ея дѣйствій.

Сообразно тремъ частямъ періода яриннаго взятка, должны производиться въ пасикѣ слѣдующія занятія:

При началѣ взятка: 1-е. *Перевозка пасики.* Въ началѣ этого письма я говорилъ о томъ, какъ драгоцѣнно для пчеловодства взяточное время и ка́къ его теряютъ, когда пасика находится въ далекомъ разстояніи отъ гречихи. Поэтому, едва начнутъ цвѣсти гречихи, слѣдуетъ непремѣнно вывозить пасику въ средину ея. Но прежде перевозки слѣдуетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и поотбирать всѣхъ тѣхъ насильныхъ роевъ, которыхъ вы, по соображенію

вашему, предположили взять. Такъ-какъ въ это время пасика бываетъ очень сильна, ульи полновѣсны, а время жаркое, то при перевозкѣ пасики, производящейся обыкновенно въ ночное время, будьте очень внимательны, соблюдайте разныя объ этомъ наставленія, и какъ тутъ отъ несоблюденія чего-либо можетъ произойти потеря, то лучше присутствуйте сами при ея укладкѣ, перевозкѣ и поставкѣ на новомъ мѣстѣ. Въ-особенности наблюдайте слѣдующія правила: чтобы вы успѣли поставить на новомъ мѣстѣ всю пасику до солнечнаго восхода, чтобы пчела не кусала людей и лошадей и чтобы облетъ пчелы на новомъ мѣстѣ былъ въ самую тихую погоду; а еще лучше, если вы изберете для сего пасмурный день. Перевезя пасику въ гречиху, гдѣ находится также нѣсколько другихъ пасикъ, нужно становиться такимъ образомъ, чтобы ни ваша пчела не имѣла хода чрезъ другую пасику, ни чужая пчела чрезъ вашу; для избѣжанія чего ставьте вашу пасику по одной линіи съ другими, а всего лучше если можно на самое дальнее отъ нихъ, не менѣе версты, разстояніе. Иначе, ставши *подъ перелетъ* чужой пасики, ваша пчела будетъ въ ней оставаться; еслижъ чрезъ вашу пасику будетъ итти чужая пчела, а особливо бо́льшей пасики, то хоть сначала она и усилитъ вашу пасику, но съ прекращеніемъ взятка нападетъ на вашу и заставитъ васъ бѣжать.

2. *Уравненіе пасики.* При всемъ предвидѣніи будущаго тихаго дня, иногда пчеловодъ обманывается: при поставкѣ пасики на новомъ мѣстѣ надымается вѣтеръ и тогда совершенно измѣняется ея внутреннее состояніе; иные ряды пней ослабѣютъ, а на другіе будетъ налетъ мухи. Если вы это такъ и оставите, то пасика ваша жестоко пострадаетъ: ослабѣвшіе пни или совершенно погибнутъ, или не принесутъ никакой пользы, а потому необходимо на другой же день заняться приведеніемъ ея въ прежній видъ. Но въ этотъ періодъ слѣдуетъ производить уравненіе пчелы не тѣми способами, какъ въ первый или второй періодъ состоянія пасѣки, о которыхъ я говорилъ прежде, т. е. прибавкою мухи изъ другихъ ульевъ или пересадкою пчелъ однѣхъ на мѣсто другихъ, что́ было бы очень медленно и крайне затруднительно, но всего лучше и удобнѣе дѣлать это *перестановкою* ульевъ слабыхъ на мѣсто сильныхъ, а сихъ послѣднихъ на мѣсто слабыхъ; причемъ изъ предосторожности побрать у слабыхъ ульевъ матокъ въ клѣточки. Этотъ способъ усиленія пчелъ почти исключительно долженъ быть употребляемъ въ этотъ періодъ, потому что пчелы, почувствовавъ хорошій взятокъ, не такъ бываютъ строги и враждебны къ пчеламъ другаго

семейства и легко ихъ къ себѣ принимаютъ, а эти легко привыкаютъ къ чужой матькѣ и не стараются ее уничтожить.

3. *Исправленіе безматковъ*. Въ этотъ періодъ, въ отношеніи благополучія пчелиныхъ семействъ, нужно неупустительно наблюдать все то, что было сказано прежде объ этомъ предметѣ.

4. *Посадка роевъ*. Не во всякой мѣстности роеніе пчелъ оканчивается до яриннаго взятка; большею частію оно и въ это время продолжается, а въ иныхъ пасѣкахъ только начинается. Въ той мѣстности, гдѣ существуетъ большой промежутокъ между весеннимъ и яриннымъ взяткомъ, при недостаткѣ кормоваго меду, даже лучше если пчела роится незадолго до начала яриннаго взятка: тогда не будетъ надобности долго кормить роевъ. Но такіе рои, а особливо выходящіе или отбираемые во время взятка, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ по шести мухи; если же они выходятъ маленькіе, то соединять ихъ вмѣстѣ понѣскольку, помня правило, что одинъ сильный рой внесетъ гораздо больше меду, нежели два маленькіе, которые потомъ, по слабости, придется уничтожить оба. — Если вы по какимъ либо обстоятельствамъ, или по ошибкѣ,—что бываетъ очень часто,—не взяли прежде достаточнаго количества насильныхъ роевъ, а натуральныхъ вышло очень мало, да и теперь, несмотря на наступившій хорошій взятокъ, пчела ваша не думаетъ роиться,—что при хорошемъ взяткѣ большею частію и бываетъ,—я совѣтую, вмѣсто общепринятаго, въ такихъ случаяхъ, перегона или убіенія пчелъ, для полученія отъ нихъ дохода, прибѣгнуть къ способу описанному мною выше, т. е. взять, въ началѣ яриннаго взятка, у сильныхъ нероившихся пчелъ, насильные рои, а изройковъ, по окончаніи взятка, обратить въ доходъ.

Въ срединѣ взятка главное занятіе въ пасикѣ составляетъ *перегонъ пчелъ*. У тѣхъ пчеловодовъ, которые, для полученія отъ своей пасики меду, слѣдуютъ общепринятой методѣ перегоновъ, занятіе это имѣетъ самый варварскій характеръ: пчелъ жестоко мучатъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ большой доходъ, но въ дѣйствительности получаютъ весьма немного и, въ большей части случаевъ, губятъ почти всѣхъ перегоняемыхъ пчелъ. При употребленіи описаннаго мною выше двойнаго способа перегона пчелъ, употребляемые при этомъ пчеловодомъ труды и причиняемое пчеламъ безпокойство останутся тѣ же, но раціональныя основанія способа дадутъ совершенно иной характеръ этому занятію и будутъ всегда причиною выгодныхъ для хозяина и благополучныхъ для пчелъ результатовъ. Какъ во время роенія,

такъ и во время перегоновъ, къ пасичнику прибавляются необходимые рабочіе люди.

Въ концѣ взятка, кромѣ обыкновеннаго надзора за благополучіемъ пчелиныхъ семействъ и предохраненія пасики отъ нападенія пчелъ, почти не предстоитъ въ ней никакихъ особенныхъ занятій.

Время хорошаго роенія пріятно для пчеловода; онъ радуется каждодневному увеличенію своей пасики; но время хорошаго взятка еще пріятнѣе. Тутъ онъ видитъ удачу всѣхъ своихъ дѣйствій и осуществленіе всѣхъ своихъ надеждъ. Ульи его ежедневно болѣе и болѣе наполняются медомъ, онъ любуется ими, а потомъ, когда набиваютъ бочки медомъ, получаетъ богатую награду за свои труды. Этотъ періодъ пчеловодства, самый пріятный во всякой пасикѣ, въ особенности восхитителенъ въ пасикѣ состоящей изъ линеечныхъ ульевъ, гдѣ, раскрывши втулки, можете ежедневно видѣть возрастающую прибыль меда и восхищаться различными таинственными работами пчелъ.

Я. Костенецкій.

О ПРЕДАНІЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Лѣтописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лѣтописи весьма рано являются, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ, впослѣдствіи въ видѣ пространной повѣсти временныхъ лѣтъ. Древнѣйшая лѣтописная повѣсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лѣтописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое, необходимо разсмотрѣть самыя части, изъ которыхъ составлена лѣтопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное разсмотрѣніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лѣтописи, какъ и вообще древней русской словесности, библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю лѣтопись не подлежитъ сомнѣнію; оно выразилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе лѣтописца, его взглядъ на событія, тонъ повѣствованія и даже отдѣльныя выраженія напоминаютъ библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лѣтописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода поэзіи; явленіямъ, установленнымъ природою и потому неизбѣжнымъ, дается въ апокрифахъ объясненіе, нечуждое поэтическаго колорита. Апокрифическое сказаніе о смерти Авеля изображаетъ впечатлѣніе, произведенное первою смертью на землѣ, на которой не имѣли еще понятія о гибели и разрушеніи: Адамъ и Ева были поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ трупа и не знали, что̀ дѣлать съ нимъ, пока не прилетѣли птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ лѣтописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лѣтъ, и не сгнило тѣло его, и не умѣли похоронить его; и повелѣніемъ Божіимъ прилетѣло два птѣнца,—одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму, положилъ въ

нее умершаго и похоронилъ его: увидѣвши это, Адамъ и Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходятъ въ могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлекшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ лѣтописецъ, поклонялся кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ» сказалъ отцу: ты обманываешь людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворилъ небо и землю. Взявши огонь, Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный идолопоклонникъ, хотѣлъ «вымчать» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъ-то поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата Авраамова, сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ (1).

Поэтическій элементъ въ древней лѣтописи является въ ней съ одной стороны подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византіи, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни — вѣрованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народѣ во времена древнихъ лѣтописцевъ. Хроники византійскія, безспорно, имѣли вліяніе на нашу лѣтопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лѣтописи, то есть многія извѣстія и разсказы заимствованы нашими лѣтописцами изъ сочиненій византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничиваясь письменною словесностію, проникали даже въ народъ. Такъ, въ хроникѣ Амартола и другихъ, при повѣствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго, разсказывается о счастливой жизни *Врахмановъ*, которые «не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножины, питаются овощами и сладкою водою. Женщины живутъ у нихъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины—на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахмановъ не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ. Галичане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «на Юра—Ивана, на рахманській великдень» и въ Галиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черными морями, живутъ люди Рахмане. Они

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, стр. 38 и 39.

счастливѣйшіе между людьми; сильно постятся, только разъ въ году ѣдятъ мясо, на «великдень», а праздникъ «великдень Рахманській» приходится тогда, когда скорлупа благословеннаго яйца отъ насъ до нихъ переплыветъ по морю. *Рахмане* суть не что иное, какъ *Врахманы*, то есть *брамины*, съ которыми наши предки знакомы были изъ Александріи, или баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ (1). «Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя средневѣковой повѣсти, соединяется преданіе о чудномъ и страшномъ народѣ, въ которомъ предки наши видѣли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народѣ ходили легенды и въ Западной Европѣ; на средневѣковыхъ картахъ обозначалась страна, гдѣ все ужаснѣе, нежели можно себѣ представить, гдѣ постоянно невыносимый холодъ, а люди до того жестоки, что ѣдятъ мясо человѣческое и пьютъ человѣческую кровь. Жители страны—потомки Каина. Они заключены въ своихъ предѣлахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясеніе и, вмѣсто прежнихъ равнинъ, явились горы, заключившія на вѣки отверженный народъ (2). Русскій лѣтописецъ, говоря объ ужасномъ народѣ (3), приводитъ свидѣтельство Меѳодія Патарскаго. Византійскій писатель, Меѳодій Патарскій разсказываетъ, что Александръ Македонскій видѣлъ въ такъ-называемой «Солнечной Странѣ» нечистое племя, которое ѣстъ всякую скверну: комаровъ, мухъ, змѣй, всякую падаль, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычаями, собралъ всѣхъ ихъ, и женъ, и дѣтей, и весь родъ ихъ, и изгналъ ихъ съ востока на сѣверъ. И нѣтъ имъ выхода отъ востока до запада, потому что Богъ, по молитвѣ Александра Македонскаго, велѣлъ двумъ горамъ, называемымъ «сосцами борея», приблизиться другъ къ другу на двѣнадцать локтей и образовать мѣдныя ворота, они покрыты асинхитомъ,—составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Только въ послѣдніе дни выйдутъ изъ странъ сѣверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ (4).

(1) *Буслаева*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I, стр. 121. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ., слово—рахманний употребляется въ смыслѣ—кроткій, тихій, ласковый: рахма́нна дитина, рахма́нний кінь.

(2) *Santarem*: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge. II, p. 338.

(3) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 99 и 189.

(4) Monumenta S. Petrum orthodoxographa. Basileae. 1569. стр. 94—95 и 104—105.

Съ сказаніемъ Меѳодія Патарскаго находится въ связи цѣлый рядъ сказаній о послѣднихъ дняхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и повѣсть о снахъ Мамера, ожидающая издателя и объяснителя. Передадимъ содержаніе этой повѣсти, имѣвшей большой интересъ для нашихъ предковъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Мамеръ. Онъ видѣлъ двѣнадцать страшныхъ сновъ и не находилъ человѣка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконецъ нашелся мудрый мужъ, успокоившій встревоженнаго царя увѣреніемъ, что сны относятся не къ нему и ни къ его царству, а что все это сбудется въ послѣднія времена.

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи.—Это значитъ, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердцѣ мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и студь съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посѣютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихоимства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинятъ. Не только судьи,—сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище виситъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ.—Это значитъ, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присвояться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучатъ; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска.—Это значитъ, что въ

послѣднія времена бѣдняки будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать роскошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормитъ.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лижутъ кобылу.—Это значитъ, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху, и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежитъ на гноищи, а въ чревѣ ея брешутъ щенята.—Это значитъ, въ то злое время отцы станутъ учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорятъ отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, кивaютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ.—Дикіе звѣри значитъ лихоимцы, двуглавые и треглавые—лжецы и клеветники, хромые—значитъ уклоняющіеся на злыя дѣла, скрежещутъ зубами—значитъ съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и кивaютъ головою—льстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ—какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья—искореняютъ добрыя мысли. Огонь-истребитель—гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубитъ злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іереи, впадающіе въ илъ, кричатъ и не могутъ вылѣзти.—Это значитъ, что іереи нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эпитиміи.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его.—Это значитъ, въ послѣднія времена люди станутъ давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Красивый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ.—Значитъ: князья и судьи, и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у праваго и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоцѣнныхъ

камней, и пришли разсыпавшіе и ничего не могли найти. — Значитъ: нападетъ на богачей великій страхъ, они станутъ отдавать имѣніе свое друзьямъ и сосѣдямъ на сохраненіе, и въ скоромъ времени потребуютъ назадъ и не найдутъ того, что́ отдано ими для сбереженія.

Одиннадцатый сонъ. Видѣлъ гору высокую и на ней камень самоцвѣтный, гора разсѣлась и камень погибъ. — Значитъ: одно правовѣрное царство отпадетъ отъ вѣры и раздѣлится на двѣ доли, и Божія правда не воспомянется въ то время.

Двѣнадцатый сонъ. Скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ какое будетъ скончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта, пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни (ср. лѣтоп. «еда исѣче Гедеонъ, восемь ихъ бѣжа въ пустыню... по сихъ восьми колѣнъ къ кончинѣ вѣка изыдутъ заклепеніи Александромъ Македонскимъ»), и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ предъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плѣнъ и запустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и тойже женщины.... И предана будетъ земля Перская во тьму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ, и владыки греческіе въ бѣгство и въ плѣненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи, и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всѣ человѣки въ погибель и плѣнъ будутъ расхищены, и грады многіе разорятся (1).

(1) Нѣкоторые ученые предполагаютъ связь сказанія о снахъ царя Мамера съ одною изъ повѣстей сборника, извѣстнаго подъ именемъ «Калила и Дамна» и распространеннаго у многихъ восточныхъ народовъ. Но содержаніе показываетъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ десятой книгѣ сборника говорится, что царь Биладъ (Biladh) видѣлъ восемь сновъ, которые брамины хотѣли растолковать въ свою пользу: увѣряли царя, что сны предвѣщаютъ бѣду, и отъ нея можно избавиться только казнью нѣкоторыхъ лицъ, заклятыхъ враговъ браминовъ. Царь отвергъ ихъ предложеніе, а болѣе добросовѣстный мудрецъ объявилъ, что сны означаютъ дары, которые Биладъ получитъ отъ другихъ царей, а именно: двѣ красныя рыбы, стоящія на хвостахъ своихъ — два короба съ перлами и драгоцѣнностями; цѣна имъ четыре тысячи фунтовъ золота. Змѣя, вьющаяся на лѣвой ногѣ — мечъ изъ чистѣйшаго желѣза, которому нѣтъ подобнаго. Кровь, покрывающая тѣло — драгоцѣнная пурпуровая одежда, свѣтящаяся въ темнотѣ. Царь стоитъ на бѣлой горѣ — значитъ, царь получитъ въ даръ бѣлаго слона, который быстрѣе лошади, и т. п.

Мы привели сказаніе о снахъ Мамера по связи его съ сочиненіемъ Меѳодія Патарскаго. Слово Меѳодія «о царствѣ языкъ», то есть о послѣднихъ дняхъ міра, дѣйствовало на воображенье нашихъ старинныхъ читателей, и, судя по числу списковъ и заимствованій изъ него, можно полагать, что оно было однимъ изъ любимыхъ предками нашими произведеній въ мистическомъ родѣ.

Другаго рода преданія перешли въ лѣтопись изъ живыхъ источниковъ, изъ русской жизни, изъ сказаній современниковъ, изъ легендъ, жившихъ въ устахъ народа. Таковы преданія о сотвореніи человѣка, о добромъ и зломъ началѣ, о мудрости Ольги, о смерти Олега и т. п. Не вдаваясь въ предположенія, мы приведемъ несомнѣнное свидѣтельство лѣтописи — самыя преданія, составляющія ея народный элементъ, и укажемъ соотвѣтствующія имъ преданія, съ одной стороны—скандинавскія, съ другой—славянскія, и въ частности южнорусскія. Мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ слѣдовъ космогоническихъ понятій въ разсказѣ о волхвахъ и преданьями о мести Ольги и гибели Олега.

По понятіямъ, жившимъ въ народѣ, независимо отъ ученія, передаваемаго людьми книжными, въ созданіи человѣка принимали участіе двѣ враждебныя одна другой силы—добрая и злая: отсюда проистекаетъ добро и зло въ жизни, и въ свойствахъ, и судьбѣ человѣка. Лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ, что весь народъ—«людье вси»—обнаружилъ полное сочувствіе подобному разсказу о сотвореніи человѣка. Въ Эддѣ происхожденіе исполиновъ описывается только въ одной чертѣ сходно съ ученіемъ нашихъ волховъ, происхожденіе же обыкновенныхъ людей совершенно различно: Имеръ спалъ и вспотѣлъ, подъ лѣвою рукою у него произошли мужчина и женщина, ноги его произвели сына. Три Аса пришли на берегъ морской и нашли тамъ два дерева—ясень и яворъ; одинъ изъ Асовъ далъ имъ дыханіе и жизнь, другой духъ и чувствительность, третій—кровь, языкъ, слухъ и зрѣніе; такимъ образомъ сотворены первобытные мужчина и женщина, отъ которыхъ произошли всѣ люди (1).

Преданіе, до сихъ поръ слышанное въ народѣ, на югѣ и на сѣверѣ, основывается на вѣрѣ въ двѣ первобытныя силы, источники добра

(1) Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ со времени Владиміра до Іоанна Грознаго, соч. Руднева. 1838, стр. 18 и примѣч. 12.

и зла (1). Земля, говоритъ это преданіе, въ началѣ была покрыта водою. Богъ, задумавъ создать твердую землю (будтобы) послалъ діавола достать горсть земли со дна моря и велѣлъ сказать доставая: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Діаволъ взялъ въ руку земли, но не сказалъ ни слова, и зато, когда выплылъ, въ рукѣ его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли утаилъ, спрятавши себѣ въ ротъ. Богъ посыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовать три части свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ начала расти земля и во рту у бѣса, причиняя ему ужаснѣйшую боль. Наконецъ Богъ разрѣшилъ бѣсовы уста: діаволъ плюнулъ на всѣ стороны, и изъ выплюнутой изо рта земли явились болота, пустыни и безплодныя мѣста. Сотворивъ тѣло человѣка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ принести душу. Завидуя прекрасному творенью Божью, дьяволъ хотѣлъ разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на приставленнаго стража. Діяволъ подошолъ и оплевалъ тѣло человѣка; отсюда болѣзни, страданія, грѣхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложилъ душу, но не хотѣлъ передѣлывать тѣла, ибо увидѣлъ, что и страданія необходимы человѣку (2).

Приведенное преданіе извѣстно на сѣверѣ Россіи, у Псковичей;

---

(1) *Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человѣка, отзывающіяся еретичествомъ Манихейскимъ и Павликіанскимъ, — по своему сходству съ подобными легендами у другихъ народовъ,—показываютъ весьма древнее свое происхожденіе. Безъ-сомнѣнія, онѣ зашли съ Востока, гдѣ существовало нѣкогда понятіе о равносильности двухъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, началъ — добра и зла. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Русскій православный народъ, подъ вліяніемъ святыхъ истинъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго вѣрованія въ два равносильныя начала: добра и зла. По его же (народа) представленію, просвѣтленному ученіемъ святой Библіи, діаволъ есть злой духъ, надъ гордынею котораго посмѣвается и торжествуетъ всемогущество, мудрость и благость Господня, разрушая всѣ козни сатанинскія. Познаніе народныхъ легендъ и ихъ нелѣпостей интересно и важно для уразумѣнія тѣхъ путей, коими шелъ родъ человѣческій, пока свѣтъ Божественнаго Откровенія не озарилъ всѣхъ язычниковъ. Съ этой только цѣлію мы и осмѣлились привести здѣсь вышеозначенныя легенды и надѣемся, что добрые и благонамѣренные изыскатели старины, въ своихъ изслѣдованіяхъ, раскроютъ всю ихъ тщету.*

(2) Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. 4 band, 2 heft. 1858.

подобные же разсказы о сотвореніи міра и человѣка слышатся и на югѣ. Въ примѣръ можно привести слѣдующія *оповидкі*:

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити світъ, то й говорить до найстаршаго ангела Сатанаила: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити світъ». «Да ходимо, Боже» каже Сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне,—сказано—безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: «бачешь», каже, «оттую безодню?»—«Бачу, Боже».—«Идижъ», каже, «у тую безодню на самее дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будешь брати, то скажи про себе: «беру тебе, земле, на имя Господне». — «Добре, Боже».—И впернувъ Сатанаилъ у самую безодню, надъ самий пісокъ, та й зазлістно ему стало: «ні, каже, Боже, приточу я и свое имянехай буде разомъ и твое и мое». И бере вінъ той пісокъ та й каже: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое». Сказавъ—сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и измивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! закимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змила. «Не хитри, Сатанаиле», каже Господь: «иди знова та не приточуй свого имя»! Пишовъ знову Сатанаилъ! знову примовляе: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое», и знову піску не стало. Ажъ за третімъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: «беру тебе, земле, на имя Господне». И ото уже несе та й не стискае жмені, такъ и несе на долоні щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вінісъ до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та й розсівае, а Сатанаилъ давай облизовати руку: «хочь трохи», думае, «сховаю для себе, а потімъ, думае собі, и землю збудую». А Господь розсіявъ: «А що», каже, «Сатанаиле, нема більше піску?»—«А нема, Боже».—«То тря благословити» каже Господь, та й благословивъ землю на вси чотирі части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ розрослася, що й губу росперае. Богъ и каже: «плюнь, Сатанаиле»; той зачавъ плювати та харкати; и де винъ плювавъ, то тамъ виростали гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ черезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знае доки бъ росли, — а то Петро та Павло якъ закляли ихъ, то вони вже й не ростуть. А ото вже Господь и каже до Сатанаила: «теперъ», каже, «тілько бъ посвятити землю, але

нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо». — «А добре, Боже», каже Сатанаилъ. И лягли вони спочивати. Господь почивая, а Сатанаилъ и думае, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ — и тамъ не видати. Побивався на вси чотирі часті світа — нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіе, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нёго лягае. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Боже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатанаиле, земля моя свячена: освятивъ я ії сеи ночи на всі чотирі боки». — Чоловіка, кажуть, выліпивъ Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую постать...., и т. д. (1).

Не только въ созданіи человѣка и вселенной, но и въ происхожденіи всѣхъ условій жизни человѣка, всей обстановки ея, природной и искуственной, участвовали двѣ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побѣдою Бога и добра надъ зломъ и дьяволомъ. Дьяволъ–тьма, Богъ–свѣтъ, говорятъ южноруссы; дьяволъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ нечистий похвалиться передъ Богомъ своімъ розумомъ да й построівъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідуе,—а тоді ще хатъ робить люди не вміли. Тілько щожъ? сказано—нечиста сила! усе поробивъ у хаті, тілько віконъ не тямивъ попрорубовать: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народѣ, представляютъ повѣсти, находящіяся въ различныхъ видахъ въ письменныхъ памятникахъ нашей старинной словесности. Въ рукописяхъ встрѣчается «сказаніе, како сотвори Богъ Адама»—апокрифическое произведеніе слѣдующаго содержанія:

Богъ создалъ человѣка изъ восьми частей: отъ земли тѣло, отъ камени кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли; отъ свѣта свѣтъ (?), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. И оставилъ Богъ человѣка одного, положивъ его на землю, и пришелъ сатана и измазалъ лежащаго тиною. Воротившись Богъ омылъ человѣка егоже слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ за душею Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отсутствія, са-

(1) Слышано въ селѣ Хомутинцахъ, на Подоли, въ Виницкомъ повѣтѣ.

тана взялъ дерево, изранилъ имъ всего Адама и тѣмъ сотворилъ въ немъ семьдесятъ два недуга. По возвращеніи Бога, сатана оправдывался передъ нимъ тѣмъ, что чѣмъ болѣе недуговъ у человѣка, тѣмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дьявола, и онъ исчезъ, какъ тьма исчезаетъ предъ свѣтомъ. Ангеламъ же повелѣлъ взять *а* на востокѣ, *д*—на западѣ, *м*—на югѣ, *ѵ*—на сѣверѣ, и далъ человѣку душу живу.

Образованіе человѣка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о голубиной книгѣ. Подобныя же космогоническія понятія встрѣчаются и въ литературахъ западной Европы, преимущественно средневѣковыхъ. Въ числѣ рукописей знаменитой парижской библіотеки есть хроники XV вѣка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всѣ существа, Господь создалъ человѣка изъ восьми силъ: первая—земля, вторая—море, третья—солнце, четвертая—облака небесныя, пятая—вѣтеръ, шестая — камни, седьмая — духъ святой, восьмая — красота вселенной.

Византійское происхожденіе нашего апокрифа всего очевиднѣе изъ того, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свѣта. Это объясняется названіемъ странъ свѣта на греческомъ языкѣ. Еще въ первые вѣка христіанства Греки замѣтили, придавая своему замѣчанію таинственный смыслъ, что имя Ἀδαμ заключаетъ въ себѣ первыя буквы четырехъ странъ свѣта: А—ἀνατολή востокъ, *δ*—δύσις западъ, *α*—ἄρκτος—сѣверъ, *μ*—μεσημβρια югъ, полдень.

По мусульманскому преданью, также съ четырехъ краевъ свѣта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тѣло человѣка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа человѣка сотворена за тысячу лѣтъ до тѣла, и когда Богъ велѣлъ ей войти въ тѣло, она не охотно покидала безконечныя, полныя свѣта, небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяешься въ тѣло, такъ противъ воли своей ты и разлучишься съ нимъ (). Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела принести земли для сотворенія человѣка, ангелъ долго не хотѣлъ выносить ее со дна морскаго, потому что ему становилосъ больно, что будетъ на свѣтѣ такое несчастное созданіе, какъ человѣкъ (2).

(1) Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von Weil. 1845. стр. 12 и слѣд.

(2) Г. Патриченко, прославшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповідку, замѣчаетъ: «наша байка за початокъ земли подібна до байки

Народныя преданія въ лѣтописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югѣ столъ всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица—Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное во-первыхъ на томъ, что она дѣйствовала въ духѣ народа; по крайней мѣрѣ изъ лѣтописи видно, что она раздѣляла народныя антипатіи; во-вторыхъ на томъ, что ея предшественникъ уступалъ ей въ умѣньи ладить съ народомъ, а ея преемникъ былъ врагомъ вѣры, усвоенной послѣдующими поколѣніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавистное Полянамъ племя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Полянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненьи съ личностію ея мужа, разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, названіе волка въ овечьемъ стадѣ. Ольга приняла вѣру, впослѣдствіи сдѣлавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побѣдѣ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителяхъ христіантсва отличаются мягкостью въ изображеніи своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ невѣрными; принятіе Ольгою христіанства содѣйствовало тому, что въ сказаніяхъ она является въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, нежели бы можно ожидать, судя по жестокой мести древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ея сына, разумная и честная вдова и, притомъ, христіанка, имѣла для воображенія христіанскаго потомства болѣе привлекательности, нежели сынъ ея Святославъ, оскорблявшій мать, не смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, ѣвшій конское мясо и глумившійся надъ святою вѣрою. Честное вдовство высоко цѣнилось «лучшими людьми» древней Руси, какъ можно судить и по письменнымъ памятникамъ и по произведеніямъ устной словесности. На второй бракъ смотрѣли невыгодно по вліянію его на судьбу дѣтей отъ перваго брака, и Ольгу славили книжники особенно за то, что она, оставшись съ малолѣтнымъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, уподобяся «горлицѣ единомужней». «Честная вдова» — обычное выраженіе и одинъ изъ любимыхъ типовъ нашей народной поэзіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обу-

---

турецькоі за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь захтівъ сотворити чоловіка, то посилавъ підъ воду за землею архангела Уріила, и архангелъ два рази не хотівъ виносити земли, бо ёму було жалко, що буде на світі таке несчасне творінэ якъ чоловікъ».

здываетъ буйные порывы сына: въ этомъ отношеніи, преданіе объ Ольгѣ и сынѣ ея, Святославѣ, напоминаетъ отчасти былины о Васильѣ Буслаевѣ и его «желанной матушкѣ, честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ». Святославъ не внималъ разумному голосу матери, издѣвался надъ ея единовѣрцами и «творилъ норовы поганскіе»; но, не смотря на то, не оставлялъ матери до ея смерти, пребывалъ съ нею въ любви и плакалъ надъ ея могилою. Таже смѣсь, хотя и въ болѣе яркихъ чертахъ, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдовѣ замѣчается и въ Васильѣ Буслаевѣ. Онъ обращается къ матери съ такими словами:

Ты старушка лукавая,
Лукавая старушка толковая,
Ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ государинѣ-матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго.

Не слушаетъ онъ совѣтовъ матери, незваным идетъ на почестной пиръ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословеніе материнское и купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ-рѣкѣ. Не смотря на все это, къ матери-вдовѣ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить-пошучивать: за руку возьметъ—рука прочь; за ногу возьметъ—нога прочь; двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ — безъ души лежатъ»; просятъ мать уговорить его «хоть бы оставилъ народу на сѣмена». Недоступный ничьимъ увѣщаньямъ, прогоняющій всѣхъ словами: «у насъ дѣло дѣется: головами играемся», Василій Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говоритъ: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку» (1).

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутаго волокиту Цимисхія, который, видя ее «добру лицемъ и разумомъ украшенну и въ премудрости довольну», хотѣлъ уловить ее «гаданьми и ласканьми», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рѣчи отвѣчала въ строгомъ, наставительномъ тонѣ. Легенда прославляетъ также цѣломудріе Ольги при первой встрѣчи ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лѣтописяхъ позднѣйшей редакціи, говоритъ, что однажды молодой Игорь утѣшался ловитвами, и, замѣтивъ на той сторонѣ рѣки желанный ловъ, а на рѣкѣ пловца, призвалъ пловца

(1) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 1861. часть I, стр. 335—336.

къ берегу и сѣлъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорѣлся желаніемъ, и «очи лакомѣ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувши въ чемъ дѣло, пресѣкла бесѣду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолѣть меня: я хотя и молода и простой обычай имѣю, но все таки понимаю, что ты хочешь поругаться надо мною. Если отдаешься неправедной страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазняю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина рѣчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему невѣстъ собрали дѣвицъ изо всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы» (1).

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ кроткомъ, назидательномъ видѣ. Ольга «переклюкала» не только Игоря и Цимисхія, но и Древлянъ и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банѣ, пожаръ отъ птицъ, напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримѣръ Niala Saga, Styr Saga и другія.

Сага о Ніалѣ—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по разнообразію и обрисовкѣ характеровъ. Содержаніе ея слѣдующее. Витязь Гуннаръ женится на Гальгердѣ, первой красавицѣ въ Исландіи. На пиру возникаетъ споръ между ею и женою Ніала; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велитъ убить одного изъ слугъ Ніала; жена Ніала возбуждаетъ сыновей своихъ къ мщенію; но Гуннаръ и Ніалъ живутъ по прежнему въ дружбѣ. Жаждущая мести, злобная Гальгерда вовлекаетъ кроткаго мужа и въ другіе споры, и дотого раздражаетъ его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнѣйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выѣздѣ со двора, конь споткнулся и Гуннаръ рѣшается остаться, не смотря на всю опасность своего положенія. Враги окружаютъ домъ его, убиваютъ вѣрныхъ псовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совѣту матери, пускаетъ обратно стрѣлою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ проситъ у жены нѣсколькихъ изъ ея длинныхъ волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказываетъ, говоря: это тебѣ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память

(1) Книга степенная. 1775. часть I, стр. 7—9, 16—17.

его пѣсни, а сынъ Ніала принялъ на себя мщеніе за его смерть. Также печальна была и судьба Ніала. Послѣ долгихъ странствованій и приключеній Ніалъ погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Ніала окружили, чтобы сжечь, его домъ: Ніалу предлагали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояніи мстить за погибшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На тоже предложеніе, жена Ніала отвѣчала: «въ молодости я полюбила Ніала и обѣщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внукъ сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережить Ніала и его жену. Старики опустились на ложе, положили между собою внука и погибли въ пламени.

Сага о Стирѣ—конца X и начала XI столѣтія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина былъ въ Норвегіи для покупки строеваго лѣса. Ярлъ предложилъ ему выбрать себѣ что-либо изъ его драгоцѣнностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукаго великана. Видя невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ обѣщалъ ее выдать, если онъ съ братомъ проложатъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали страшно, до изступленія, низвергали въ бездну огромные камни, и въ двадцать четыре часа дорога была готова. Между тѣмъ, Стиръ выстроилъ въ землѣ баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложилъ берсеркамъ, усталымъ отъ работы, идти въ баню, жарко натопилъ ее и заперъ отверстіе. Берсерки хотѣли спастись, одному удалось выскочить, но его убилъ Стиръ; другой сожженъ въ банѣ (1).

Послѣдняя месть Древлянамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ каждаго двора по три воробья и по два голубя, велѣла привязать къ нимъ зажженный трутъ съ сѣрою и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ее Аннибалу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) разсказываетъ, что Аннибалъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землѣ около двухъ тысячъ быковъ и велѣлъ привязать къ рогамъ ихъ пуки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и

(1) SagaenBibliothek des skandinavischen alterthums.... von Müller, aus der dänischen handschrift übersetzt von Karl Lachmann. 1816. стр. 26—30; 37—44.

зажгли привязанный къ рогамъ хворостъ; близость огня, жаръ, а потомъ и боль, привели быковъ въ бѣшенство, они метались изъ стороны въ сторону и зажигали кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ движенія произвели въ римскомъ войскѣ ужасъ и недоумѣніе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олава святаго, взялъ одинъ городъ въ Сициліи. Сага говоритъ, что Гаральдъ велѣлъ ловить птицъ, имѣвшихъ гнѣзда въ стѣнахъ и прилетавшихъ въ городъ за пищею; къ пойманнымъ птицамъ велѣлъ привязать хворосту съ сѣрою и смолою, подложивъ пылающіе уголья. Выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда, свитыя между стѣнами въ верхней части строеній, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пѣсняхъ. «Мы видѣли»—говоритъ онъ въ пѣсни—«берега Сициліи, и, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря, взволновалось море и грузный корабль наполнился водою—мы вычерпали ее и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ (1)!»

У славянскихъ народовъ не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, преданія сходнаго съ хитростію Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слѣды, что разсказъ о взятіи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числѣ старочешскихъ собственныхъ именъ попадается имя Ольги вмѣстѣ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владиміра. Между *чешскими* именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одинадцатомъ, двѣнадцатомъ и отчасти тринадцатомъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣдующія: Баба, Дѣва, Мила, *Ольга*, Слава, и т. д. (2). Въ хроникѣ

(1) Исторія Карамзина, II, примѣч. 41.—Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, Погодина. III, стр. 104, прим. 180.

(2) Czasopis czeskeho museum. 1832, swazek prwní. Popis staroczeskych osobnjch a krzestných gmen od *Palackého.—Dobrowsky*, Geschichte der böhmischen sprache und älteren literatur. Prag. 1818. стр. 91—92; das necrologium des klosters Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:.. Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Ср. Dějiny rzecz literatury czeskoslovenské, sepsal *Szembera*. 1859. I, стр. 88 и др.

Далимила, начала XIV вѣка, въ томъ мѣстѣ, которое напоминаетъ месть Ольги, имя лица и города не то, что въ нашей лѣтописи; вмѣсто Коростена—Кіевъ, вмѣсто Ольги—татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смѣшиваются эпохи Владиміра и татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двѣсти тридцать втораго года пришли Татары, раздѣлившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... tateřі vznidù,
i třmi prameny pojidu;
iako po svéi zemi jdiechù,
neb zpytáci ie vediechu.
v Rusiéch Kyieva dobychu... (1)

Въ рукописи XV вѣка послѣдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu;
gedny *w Russech Kygowa welikeho holuby* dobychu.

Русскій Кіевъ называется *великимъ* въ отличіе отъ другаго, *малаго*, Кіева въ Моравіи.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверовостокѣ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлецера, заимствованы лѣтописцемъ изъ разсказовъ скандинавскихъ купцевъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи производятъ отъ скандинавскихъ корней (2). Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ народныхъ преданій, сохраненныхъ

(1) Dalimilova chronica Çeská, od Váceslava Hanky. 1851, стр. 138.

(2) *Погодина*, изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Томъ III. Норманскій періодъ.—*Буслаева*, историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сѣверная жизнь (I, 257—268) и др.—Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum, edidit Miklosih. 1860 I. Миклошичъ считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глѣбъ, замѣчая, что Блудъ встрѣчается между старочешскими именами, а мѣсто Глибовъ есть въ Галиціи; Лютъ, Диръ, Лыбедь—отъ lifandi, причастіе отъ lifa жить, vivens, viva; Прѣтичь отъ fretr и славянскаго суффикса *ичь*; прозвище «волчій хвостъ»—славянскій переводъ скандинавскаго имени, и т. п.

лѣтописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидѣтельства. Преданіе объ Олегѣ, и по мысли, и по подробностямъ, извѣстно и на югѣ, и на сѣверѣ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мірѣ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человѣку не избѣжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человѣкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполнѣ безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примѣры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый панъ—гласитъ польская *клѐхла*—жилъ надъ Вислою, всѣ окна обращены были на рѣку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рѣшался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звѣздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слѣдовали болѣзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалилъ было къ бѣлому двору, но разсерженный панъ взглянулъ на него, пловецъ упалъ замертво, заболѣлъ лютой болѣзнью и долго не могъ оправиться; разсказами своими, онъ еще болѣе запугалъ пловцовъ: плывя по Вислѣ, не смѣли взглянуть на бѣлый дворъ и втайнѣ творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старый слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время вьюги, панъ, отвыкшій отъ человѣческаго голоса, изумленъ былъ пріѣздомъ семьи, спасавшейся отъ стаи волковъ. Сбившаяся съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великолѣпно, заросшая трава измята поѣзжанами. Но потомъ опять опустѣлъ домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложѣ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанный страданіями жены, онъ рѣшился положить имъ предѣлъ—выколоть себѣ глаза. Раздалось два крика—новорожденнаго, впервые увидѣвшаго свѣтъ, и пана, видѣвшаго его въ послѣдній разъ: зловѣщіе глаза упали на-земь съ окровавленнымъ ножемъ. Вѣрный слуга закопалъ ихъ въ саду. Все перемѣнилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гумно, пловцы пристаютъ къ бѣлому двору, всѣ любуются

прекрасной дѣвушкой, водящей слѣпаго отца. Между тѣмъ, слугѣ, зарывшему глаза въ землю, вздумалось посмотрѣть, что́ сталось съ ними, цѣлы ли они; онъ отрылъ ихъ;—они горѣли какъ свѣчки, и блескъ ихъ такъ поразилъ старика, что онъ упалъ и умеръ; въ первый и въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же прежде не вредили? Оттого, что панъ *любилъ* его и *сердце* отнимало губящую силу у глазъ, а теперь они лежали *одни* и набрались пущей силы (1).

Таже мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ днѣ—суђен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку суждено какою смертью умереть и отъ судьбы невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суђена се не може утећи». Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи; чтобы спасти дочь отъ судьбы, царь сдѣлалъ для нея стекляный домъ, въ который не могло даже заползти насѣкомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ суженый день, она захотѣла винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти скрывалась змѣйка, и эта то змѣйка укусила царскую дочь, и она умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой разсказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи. Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село, и дорога къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту провожали сваты верхомъ; во время поѣзда, на нее напалъ волкъ, но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать, «отишли у походе»; «походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не выходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло; собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ, и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе убили его. Она встала съ лошади, и съ досады ударила ногою въ голову убитаго волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщина, обреченная на смерть отъ волка, умерла (2).

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два

(1) Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał *Wojcicki*. I, 55—72.

(2) Слышано въ Сербіи, въ Чаганскомъ округѣ, въ селѣ Дѣдоевцѣ.

преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубинѣ Сербіи (1).

«Вѣщунья предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе которыхъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи срока погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, зарылъ его и сдѣлалъ надъ нимъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путешествія. Ровно черезъ триста лѣтъ воротился онъ въ отечество. Многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказалъ Орваръ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица выползла изъ конской головы, и уязвила Орвара Одда въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу».

Сербское преданіе «о судьбини» переноситъ мѣсто дѣйствія въ Турцію и, вмѣсто волхва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себѣ коня, котораго до того любилъ, что по цѣлымъ днямъ проводилъ подлѣ

---

(1) Слышано въ Шабцѣ отъ уроженца села Беочина въ Фрушкой горѣ. Приводимъ самый подлинникъ:

«Био е едан султан, турскій цар, кои е одвеђе радо имао конѣ. Добіе едног особитого хата, кога е тако волео, да е по вас дан у аару кол нѣга бавіо се, у него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у дивани, па су га у аару нашли. Іеданпут га доктор нѣгов опомене, да се он чува тога коня, јер ђе тай конь, кога он тако люби, нѣму главе доћи. Султан се поплаши, и даде га у едну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о нѣму не води Кад зимнѣ доба наступи, конь цркне. Султанъ се обрадуе, кад е чуо, да е конь цркао, и рекне: Фала пророку, сад нема више онога, од кога сам е страшіо, да ђе ми главе доћи. И 5—6 година ніе у ливаду ишао. Іеданпут му дође воля, да чини зіяфет. Сазове многе великаше, и ту ій е почастіо царскіи. Кадсе захлади, пође с гостима проходити се по ливади. Наиђе на едну кость—коньску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога тога хата, кога сам я волео, него ишта на свету, и за кога ми е овай той доктор казао, да ђе ми той хат главе доћи. То рекши, гурне главу ногом, скочи гуя из главе, уеде султана у ногу, од кога уеда цар трећи дан умре. И тако се испуни и пророчество доктора и непостижима судба.»

него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищутъ его въ сенатѣ, а находятъ въ конюшнѣ. Однажды докторъ сказалъ ему, что онъ умретъ отъ своего любимца—коня. Султанъ испугался и велѣлъ отвести коня на лугъ и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь издохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала пророку, сказалъ онъ, нѣтъ уже больше того, отъ кого я ожидалъ смерти. Пять–шесть лѣтъ царь не ходилъ по лугу. Но вдругъ вздумалось ему устроить пиръ; онъ созвалъ вельможъ, угостилъ ихъ по царски, а когда стало прохладнѣе, пошелъ съ гостями гулять по лугу. Во время прогулки попалась ему подъ ноги лошадиная голова; обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ котораго докторъ пророчилъ мнѣ смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ ногою конскую голову, изъ нея выскочила змѣя и уязвила его въ ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ образомъ, исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Преданіе о смерти Олега находится. въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакціяхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спискомъ (1). Оно считалось достопамятнымъ событіемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненье для доказательства, что предсказанія волхвовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ извѣстія о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изо лба змія, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда разсказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ противиться нельзя и суда Божія никому не избѣжать...

М. Сухомлиновъ.

---

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, 16; II, 240—241; IV, 174.

ОБЪ ЯРМАРКАХЪ.

(До сі́льскіхъ парафія́нъ).

...Нера́зъ буває, що якъ прийде неділенька свята́я, а часомъ и пра́зникъ, то бу́длі де́ кого поба́чишъ у це́ркві: ки́дають усе́, и слу́жбу Бо́жу, та по́спіхомъ въ я́рмарокъ те іде, те йде́. А ті ярмарки на на́шу годи́ну лиху́ найбі́льшъ припада́ють якъ не въ пра́зникъ, то въ неді́лю. Чи-то жъ спра́вді що ко́жного ра́зу потрі́бно вамъ до міста? Чи-то́ ра́зъ-у-ра́зъ само́му тре́ба буть у мі́сті, що бъ купи́ть що, або́ прода́ть? Чи тільки жъ и гріха́ тому́, хто до ярмарківъ вчаща́є, що опра́ву святу́ю втеря́є? Чи мо́же и́нший и тамъ добра́ не придба́є, до до́му вѣ́рнетця—и тутъ добра́ не зна́йде? — Всяково буває.—Ході́мъ же та поди́вимось, я́къ-то лю́ди въ я́рмарокъ збира́ютця, я́къ тамъ себе́ повожа́ють и до до́му верта́ютця? Чи все́-то по Бо́жому въ іхъ робитця?.. Ні, всяково буває.

Вечоріе у суббо́ту; потоми́лись лю́ди на робо́ті и со́нечко вже на взаході. Отъ бо́вкнули до вечѣ́рні въ дзвінъ; сполохну́лись лю́ди на ни́вахъ, розігну́лись, ста́ли на церкву, здихнули до Бо́га, три́чі перехрести́лись, та й знов хто за ко́су, хто за се́рпъ, — ру́чки дійти́, снопа́ довяза́ти. Благослови́ іхъ, Бо́же! то до́брії лю́ди,—вони́ Бо́га въ сѣ́рці ма́ють. Ще годи́нъ скі́льки, зняли́сь усі, якъ водо́ю зми́ло,—въ се́ло пішли́. Передзвони́ли до вечѣ́рні... а въ це́ркві ні́кого нема́є: тільки такъ ба́бокъ изъ пьять, що пі́дъ дзвини́цею сиді́ли, въ бабинці стоя́ть, та Бо́гу мо́лятця за діточо́къ, за вну́ківъ. Де́ жъ діти, де́ вну́ки?.. На по́лі, пі́дъ село́мъ, у селі, поузъ це́рковъ иду́ть, перехри́стятця, и це́ркву минають. — Иде́ опра́ва: дітки ягня́токъ заганя́ють, жінки стра́ву готу́ють, а чоловіки вози́

справля́ють — въ я́рмарокъ іхать. — Мо́же й спра́вді ніколи до це́ркви... а ще жъ и я́рмарку нема́!

Стемніло скрізь: дѐ – котрі й спать поляга́ли, Бо́гу помолившися. Пійді́ть тепе́ръ по селу́: чого́-то світитця въ де́-яки́хъ ха́тахъ, чого́ лю́ди гомоня́ть? То въ я́рмарокъ збіра̀ютця. Тамъ батько зъ си́номъ, ма̀ти зъ зя́темъ, або чолові́къ зъ жінкою ра̀дятця, що́ бъ-то купить, я́къ би-то прода́ть. Нема́ тутъ сло́ва лихо́го, розмовля́ють вони́ любѐсенько, - тільки ча́сомъ вздихне́ котре́ леге́нько, та промо́вить тихе́нько: «якъ Богъ помо́же доста́тьця за́втра... на Бо́га надія... коли́ бъ то давъ Господь.» И згада́ешъ тутъ, яку́-то за́повідь даѐ на сей слу́чай Св. Апо́столъ Іа́ковъ: «*а́ще Госпо́дь восхо́щетъ и жи́ви бу́демъ, сотвори́мъ сіе́ или о́но*», — такъ, ка́же, трѐба каза́ти, якъ ду́маешъ що зро́бити. — Та не бага́то на світі люде́й побо́жнихъ: тамъ ді́ти змага́ютця за ба́тьківське добро́, одно́ прода́ть хо́че, другѐ зоста́вить, и ла́ютця на вми́ръ въ ночі про́ти неділі и ме́ртвихъ зъ гро́ба викида́ють; тамъ жі́нка вереду́е, очіпка, ху́стки бажа́е; ось чолові́къ жі́нку бье́, гро́ші видира́е, що до це́ркви помини́лась на моле́бінь однести́; ёму́, бачъ, хо́четця пропи́ть кріва́ву копійку: зу́всімъ до я́рмарку не тре́ба. Тамъ въ безве́рхій ха́ті лиху́ до́лю клену́ть, що ніде гро́шей доста́ти и нічого прода́ти, а тутъ бага́ті виізжа́ють зъ дво́ру зъ ри́бою, та зъ сі́ллю, а въ и́ншого мішкі́въ по́венъ візъ: ті Бо́га гнівля́ть, ці про Ёго́ ла́ску не згада́ють. Отъ ище́ въ одній ха́ті ого́нь погаса́е, вдова́ убо́гая сиди́ть на ла́вці, на діточо́къ погляда́е, слёзами вмива́етця, що хліба й со́ли нема́е и нічимъ зодягну́тьця, и не зна́е, куди́ бъ поверну́тить въ такій лихій недо́лі бага́ті горду́ють, а вбо́гій—що́ помо́же? —Неха́й же іі Богъ на́вчить, неха́й утішить Бо́жа Ма́ти! — Оста́ння душа́ въ селі не спи́ть: то ма́ти си́на спиня́е, щобъ не йшовъ за дурни́цею у місто, та попроси́въ би сусі́дівъ де́ – що въ я́рмарку ску́пить: «чи то жъ не гріхъ,» вона́ ка́же, «що такъ зневажа́ешъ ти неділю святу́ю? —Слу́жба Бо́жа по всёму́ світу ити́ме, а ти бу́дешъ ла́зить міжъ воза́ми, та слу́хать даре́мниі слова́, та сва́рку, та ла́йку. Вставъ би ране́нько, пішо́въ би до це́ркви, Бо́гу помоли́вся бъ; бачъ— я слаба́, та й ба́тька на світі нема́е.» — Не слу́хае синъ, стару́ не́ньку зневажае́, недо́бре щось бурмо́че, мабуть ві́нъ ла́ски ві́дъ Бо́га и сча́стя не хо́че. Ході́мъ відъ ёго,—за село́, у по́ле: мо́же ще́ де́-кого́ поба́чимъ.

Світить місяць надъ земле́ю; по доро́зі вози скрипля́ть, наро́дъ

гомонить, хто іде, хто йдé, а дѐ-якí стáли спочивáть. Отъ чумакú въ бáльці на нічъ стáвши, повечѐряли, та Бóгу щúро мóлятця; геть одъ шляху слíпці въ траві сидя́ть: хто молúтовку шѐпче, той *Лáзаря* на лíрі ніби твердить; и сі бачъ у я́рмарокъ поспішáють—хлíба прохáти.—Помóжи́ імъ Бóже!—то душі приязні, не бáчять вонú нікóго, ні зъ кóго не сміютця, лихóі дóлі не кленуть, за людéй Бóга все прóсять и Бóгу навчáють молúтись. Далѐко у пóлі щось маячить: то убóгая вдовá манівцéмъ шкандибáе, остáннёго пíвника у я́рмарокъ несѐ, щобъ сóли дрíбóчкивъ скíльки купúти. Втомúлась небóга, впáла на межý, кулáкъ підъ гóлову підклáла, слёзóю на нічъ умúлась и стáла ніби бъ дрімáть. Коло нѐі пíдъ копóю старчикъ Бóжий спочивáе, помолúвшись Гóсподеві за онýківъ недóбрихъ, що на стáрість зъ хáти виганя́ють. Заснýвъ и той, заснýли всі, въ селі, и въ пóлі и въ мíсті. Бідному сни́тця, що вінъ багáтимъ ставъ,—багáтому що гróші втеря́въ, худóбу покрáли; и́ншому сни́тця, що хтось ёгó ошукáвъ,—другóму нічóго не сни́тця,—мабýть не мúсливъ вінъ нічóго лихóго, бо тó вже скáзано, щó въ день кому́ на умі верзлóсь, те й во сні ввижáетця.

Минýла нíчъ, свíтать вже стáло; стрепенýлись люди: и́нше перехристúлось, дрýге помолúлось, и́нше жъ такъ чимъ-дужъ бíжúть до мíста. Та не помóже Богъ тому́, хто объ Ёму́ не згадáе. Ідýть и йдуть изъ ближніхъ и дáльніхъ сíлъ,—хто зъ вéчора знявся, хто въ рáнці прокúнусь; а по сѐламъ утреню прáвлять,—немá нікóго въ церкві. Отъ посхóдились, позъіздúлись у мíсто; мíсця́ займáють, стáвлять возú, розвя́зують, розставля́ють, щó хто принíсъ, абó привíзъ. Гóсподи! скíльки тутъ крúку, скíльки тутъ свáрки. Нехáй би то перéкупки: тí не знать зáщо заведýтця; а тожъ лю́ди, здаетця, повáжні, та й ті свáрятця: не на тому́, каже, мíсті ставъ, та не такъ вóза постáвивъ, або кóлесомъ зачепúвъ. Чи есть тутъ защó змагáтьця, та лихослóвить? Оттакъ недíлю святýю стрічáють! Не бýде добрá тому́, хто дия́вола такъ рано згадáвъ.

Отъ стáли дзвонúть и на девя́ту пісню; мóже лю́ди схаменýтця. И справді дé-котрі перехристúлись, а дрýгимъ не до тóго: що дальшъ, то бíльшъ народу прибувáе,—хóдять, обглядáють, прицiня́ютця, торгýють: ті дóрого прáвлять, дрýгі ненáче не чýють, товáромъ кепкýють, та докоря́ють одúнъ другóго словáми лихúми. Чи то жъ христия́не, що Бóжого дня не шанýють? Чи мáють вонú Бóга въ сéрці? А чи давнó жúдú справля́ли шáбасъ, та ні одúнъ

не ви́гляне въ мі́сто, лавки позапіра́ні, мо́лятця Бо́гу до́ма, чи въ школі. А якъ прийшла́ неді́ля, то тутъ-то са́ме й жиди торгу́ють. Якъ ка́жуть, то й пра́вда, що безъ жи́да и я́рмарку не бу́де. Нічого роби́ти: ході́мъ подивімось, якъ то христия́не въ свя́то торгу́ють, що продаю́ть, и якъ купу́ють.

Зійшло вже со́нечко и людъ Бо́жий пригрі́ло, освіти́ло: не пригрі́ло ті́льки душі скупо́го, та не освіти́ло чоловіка лука́вого, що ми́слить все кого́сь оша́храть. Отъ бага́ті на воза́хъ сидя́ть, сі́ль продаю́ть, повиїзди́ли зъ сво́єю мірою, та ваго́ю, обмірюють, обвішують, та до́рого пра́влять. Бага́тому все здае́тця ма́ло. А ви́дурить у ко́го копійку ли́шню, чи то жъ не все одно́, що зъ кише́ні въ ёго вкра́сти? Такъ ні; не вважаю́ть воні́ на Бо́га, ті́льки на свое́ бага́цтво. Прийшла́ жінка мізе́рна со́лі купова́ти, та такъ бага́того прохае́, щобъ шажо́къ спустивъ, та хоть дрібо́чокъ прики́нувъ: «сгляньтесь, «ка́же,» дя́дечку, на ме́не убогу: дітки мале́нькі, гро́шей нема́е. Неха́й вамъ Богъ запла́тить!» Одверну́вся, ніби не чу́е, та спе́ршу про се́бе ка́же: «Богъ запла́тить!» а по́тімъ до не́ї: «вибача́й небо́го; неха́й тобі Богъ помо́же...» Чи мо́жна жъ такъ каза́ти, чи мо́жно Бо́га цура́тьця?—Замо́вчала серде́шна, не ля́ітця, не пла́че й не про́сить; скриви́лась тро́шки, завину́ла въ хусти́ночку, що́ купи́ла, та й пішла вздовжъ база́ру. Оста́лось въ не́ї шажківъ зо́ два, такъ одного́ ста́рцеві отдала, а другого́ до цє́ркви занесла́. Оттутъ прийшло́ мині на па́мьять, якъ-то Христосъ Спаси́тель, якъ ще живъ на землі, стоя́въ разъ коло хра́му Іерусали́мського и диви́вся, якъ лю́ди гро́ші ки́дали до карна́вки церко́вної. Лю́ди замо́жні кла́ли бага́то, одна жъ удовиця ті́льки дві ле́пти вки́нула, а Христо́съ уздрівъ та й ка́же: «ся найбі́льшъ усі́хъ уки́нула, бо що ма́ла—все Бо́гові оддала́.» — Такъ не бага́то такихъ люде́й зна́йдемо и въ я́рмарку, хочъ скі́льки тамъ народу.—Отъ ще десь дво́е убо́гихъ змага́ютця за ці́ну́: оди́нъ овечку прода́е, щобъ поду́шне оплати́ть, другий купу́е для діточо́къ мале́нькихъ. Ли́хо змага́етця; ті́льки жъ чу́ю,—оди́нъ ка́же: «спусти́, дя́дьку! нехай тобі Богъ зъ ви́щого не́ба припошле́.» Замо́вкъ сердѐга, голову схили́въ, тихе́нько промовля́е: «и то́ правда. Неха́й же мині Господь запла́тить, коли́ въ тѐбе нічимъ!» Тамъ да́лі пашню́ уся́ку продаю́ть: въ и́ншого́ мішечки мале́нькі, не по́вні, а до́рого пра́вить и бо́житця, що по два́ четверики́ вла́зить; въ дру́гого ті́льки зве́рху чи́сте зерно́, а въ сере́дині зъ поло́вою намішане; у того́ бо́рошно зу́всім чо́рне, бо зъ ку́кілемъ та вся́-

кою не́чистью моло́лось, а вінъ присяга́етця, що на млині спали́ло, або́ въ ко́пахъ змочи́ло; той кавуни́й ча́сомъ продае́ зелені́, та такъ завіря́е, що ду́же спі́лі. Тамъ у ти́ковці тільки зве́рху олія, на споді жъ вода́; тутъ ма́сло коро́вяче ніби продае́ въ горще́чку, а въ середи́ні ове́че, або́ самий сма́лець, та ще й пога́ний. И, Го́споди, скі́лько тутъ брехні, обма́ну! а бо́жятця, присяга́ють: «бода́й,» ка́же, «мині добра́ не було́! бодай я до до́му не дійшовъ! Дай мині Бо́же такъ по пра́вді вікъ изжи́ть и діте́й роспоряди́ть, якъ я по пра́вді кажу́». А на торгови́ці, де ко́ней, та волівъ продаю́ть, скі́льки тамъ моше́нства, непра́вди! У волівъ ча́сомъ зубівъ нема́,—ка́же: на бра́зі зімо́вані; конька зовсімъ па́дае,—нагайкою вда́рить, вибри́кує бідна; коли́ стара́, то ка́же, що тільки сімъ ро́кивъ, а якъ підо́рвана, то въ дале́кій доро́зі була́. И Бо́га не боя́тця и люде́й не стидя́тця.

Поторгува́ли дово́лі, оша́храли, кого́ и якъ мо́жна було́, продали́, що ма́ли, купи́ли, що кому́ тре́ба, та й ста́ли росхо́дитьця. Куди́ жъ? Мо́же до це́ркви? Тамъ слу́жба Бо́жа пізне́нько пра́витця. Такъ ні; хутчій до щи́ньку, щобъ наістись, та напи́тьця. Воно́ и то бъ нічо́го: підживи́тись тро́шки, та, поди́кувавши Бо́гу, додо́му скоріше; коли́ жъ міри не зна́ють,—не пьють, але впива́ютьця, не на́че справді то до́бре діло. И чого́ вже въ тихъ шинька́хъ не буває: подуріють лю́ди розу́мні, співа́ють, кричя́ть, лихосло́влять, докоря́ють оди́нъ друго́го, згада́ють живи́хъ и поме́ршихъ, згадають усе́, що коли́ робилось, чого́ бъ и не тре́ба зга́дувать; и́нші ла́ютця въ ду́шу и въ віру, а ча́сомъ и бьютця, та ще якъ?—коліньми въ гру́ди, та въ живітъ. Го́споди! чи то жъ люди? Ні, такъ зу́всімъ якъ зві́рі,—ра́ди бъ, здае́тця, оди́нъ друго́го зъісти, або вби́ть,—поки́ то лю́ди розборо́нять. Вста́нуть розхрістані; на люде́й сти́дно гля́нуть, а вони́ знову ла́ютця, та ще й нахваля́ютця. А за віщо? За пусті́ ре́чи. И нічо́го бъ того́ не було́, коли́бъ не впива́лись. И́нші жъ пла́чуть дурни́чки, або́ обнима́ютця, та цілу́ютця, хто спра́вді, а хто зъ пья́нихъ оче́й: оди́нъ друго́го не ба́чить, сліна ко́титця зъ ро́та, ажъ ги́дко збо́ку диви́тьця. Що жъ да́лі? Де́-де хто тверезий вихо́дить, до до́му йде́, чи іде: той пі́дъ ла́ву звали́вся, той на стілъ спе́рся та хроне́ и ча́сомъ жаха́етця и врагъ ёго зна що́ блее́; той у две́рі не попаде́, объ одві́рокъ ло́бомъ бье́тця; и́нший підъ ха́тою жидівською валя́етця, пси й сви́ні на́вить обхо́дять, и сча́стя вели́ке, якъ хто́ до во́за доберетця:

на візъ злізе, на скоти́ну гукне́, пішла́ німа́ скоти́на... Вона́ не промо́вить, не осу́дить; такъ лю́ди осудять, Госпо́дь покара́е й на сімъ світі й на тімъ.

Поросхо́дились, порозъізди́лись усі, геть по шляха́мъ ростягну́лись. Спотика́ютця піші, лежа́ть ніби ме́ртві на воза́хъ: той гро́ші згуби́въ, того́ сма́га пече́,—вінъ пи́ти про́сить и крізъ со́нъ жі́нку, та дітей лае́, що ніби води́ ёму́ не даю́ть; той горшки́ пото́вкъ, вікна поби́въ; у того́ скоти́на зъ доро́ги зби́лась — візъ полама́вся. Де́-котрі прохміли́лись тро́хи, та й зно́въ коло шиньківъ постава́ли— оста́тні гро́ші пропива́ть. Заси́ділись хозя́і надъ горілкою, та надъ пусто́ю мо́вою; дру́гі вилічують гро́ші, співа́ють, танцю́ють, а скоти́нка бідна стоіть голо́дна, пи́тки хо́че; нікому догля́нуть, а вона́бачъ—не скри́витця, не запла́че й сло́ва не промо́вить. Ли́шко тя́жке, та не однімъ лю́дямъ, и скоти́ні за ни́ми! Коли́ бъ же то на тому́ й кіне́ць, що въ я́рмарку, та по шляха́мъ виробля́ють, а то додо́му ве́рнутця,—ще гірше ча́сомъ бува́е: и́нший жінку ла́е, або́ й бье́ Богъ зна за віщо, мо́же за те́, що обідать зоста́вила; порозганя́е, попереля́куе діте́й, що такъ до́вго та́та вигляда́ли, на тинъ спина́лись, гости́нчика чека́ли. А проки́нетця вночі, або́ вра́нці вста́не,—за́спаний, заку́дланий, голова́ якъ не розвалитця, о́чі чирво́ні — тільки не повила́зять, и сти́дно, и тру́ситця, и мі́сця не зна́йде, де́ бъ то присі́сти, куди́ бъ поверну́тьця, и до́бре, ду́же до́бре, якъ не потя́гне зно́въ до ши́ньку.

Оттакі-то ярмарки́ ва́ши! Отта́къ-то ви шану́ете неділеньку святу́ю! И одъ люде́й сміхъ, и Госпо́дь кара́е, и сами́мъ невірно! Але́жъ то ди́вно, що самі лю́ди ли́хо ро́блять, а на біса зверта́ють: бісъ, кажуть, повиду́мувавъ я́рмарки, та постанови́въ по неділямъ та по празника́мъ. Ні, не бісъ, а грішниі лю́ди... бо за робо́тою гірько́ю спра́вді ніколи вамъ въ бу́ддень ярмаркува́ти. Та не було́ бъ зъ то́го ли́ха вели́кого, якъ би то ко́жне зъ васъ тогді тільки йшло́ въ я́рмарокъ, якъ уже́ доконе́чне тре́ба и нікого попроха́ти, що бъ купи́въ де́-що, або́ прода́въ; не було́ бъ зъ то́го ли́ха, якъ би́ то ко́жне Бо́га въ се́рці ма́ло, та не обма́нювало, губо́ю не клепа́ло, и купова́ло бъ и продава́ло по щи́рій пра́вді; якъ би поторгува́вши, котрімъ бли́зче, ишли́ скоріше въ се́ло до слу́жби Бо́жоі, а хто́ здале́ка, що бъ у місті до це́ркви пішовъ; не було́ бъ, кажу́, зъ то́го ли́ха, якъ би́ по шинька́мъ не тяга́лись та не впива́лись. Сами́ жъ ви ка́жете, що ніко́ли та го-

рідка до добра́ не доведе́. Пока́йтеся жъ, якъ до́брíі лю́ди и не робіть того́ нікóли. Тогдí и Богъ васъ не оста́вить, и Ма́ти Бо́жа поми́луе, и всі святі на все до́бре до по́мочі вамъ ста́нуть. — Амінь (*).

(*) Оцю́ бесе́ду зъ селя́нами привізъ намъ, зъ Ки́ївщини, нашъ славний Кобза́рь-народолю́бець, ду́же ії похваля́ючи. Вінъ розумівъ ії образце́мъ учи́тельної розмо́ви зъ на́шимъ щиримъ лю́домъ. Для того, щобъ наро́дъ послу́хавъ нашої науки, тре́ба говори́ти зъ нимъ умію́чи, тре́ба про́мовить до его поэтичнёго, чу́лого се́рця.—Сочини́тель цéї бесе́ди я́сно зрозумівъ свою зада́чу, и ми не зна́емъ нікóго дру́гого, хто бъ учи́въ народъ такъ га́рно, та́къ про́сто и о́бразно,—по-нашому.

Високопова́жний сочини́тель не підписа́въ свого́ йме́ння: тимъ и ми тутъ не підпи́суемо; а ради бъ усімъ его оповісти́ти.—Жада́емъ серцемъ, щобъ вінъ вибравъ ще и́нші ре́чи, зъ ши́ршою осно́вою, для своє́ї наро́дньої ка́зані.

УЧИЛИЩА, ОБРАЗОВАВШІЯСЯ НА ЮГѢ

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ (1).

Въ числѣ первыхъ, насущныхъ, потребностей общества стоитъ народное образованіе. Вопросъ о немъ поднятъ у насъ давно и уже получилъ право гражданства въ литературѣ и жизни, хотя и нельзя сказать, что необходимость образованія ясно сознана всѣми или по-крайней-мѣрѣ большинствомъ, и хотя невѣжество и злонамѣренность поднимаютъ иногда противъ него голосъ.

Нѣсколько лѣтъ уже наше общество думаетъ объ улучшеніи воспитанія женщинъ. До сихъ поръ у насъ преобладали закрытыя женскія школы и притомъ такъ-называемыя *благородныя;* школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, было крайне мало; двери ихъ, по дороговизнѣ въ нихъ воспитанія, были закрыты для небогатыхъ людей, которыхъ у насъ, какъ и вездѣ, большинство. Наконецъ, женщина наша воспитывалась далеко отъ семьи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, отчего нерѣдко получала ложное понятіе о народѣ и о жизни съ ея вѣчнымъ трудомъ и борьбою. Всѣ эти неудобства привели къ мысли объ учрежденіи женскихъ школъ, во-первыхъ открытыхъ, во-вторыхъ недорогихъ, въ-третьихъ доступныхъ для дѣтей всѣхъ сословій. Такими школами явились женскія гимназіи.

Кіевъ первый изъ украинскихъ городовъ открылъ у себя женскую гимназію.

Кіевская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ пожертвованію бывшаго кіевскаго гражданскаго губернатора, *И. И. Фундуклея*, по имени котораго она и называется Фундуклеевскою

(1) Въ предлагаемомъ сводѣ извѣстій о нашихъ училищахъ, неизбѣжно есть пропуски, и потому покорно просимъ всѣхъ, кто можетъ въ чемъ-либо дополнить или исправить эту статью,—сообщать намъ свои замѣчанія; мы не преминемъ ими воспользоваться.

женскою гимназіею. Вначалѣ 1859 года, въ Кіевѣ уже поговаривали о женской гимназіи, но, какъ говоритъ *Кіевскій Телеграфъ* (1), «общество было совершенно равнодушно къ ея учрежденію. Еще купечество рѣшилось—было сдѣлать пожертвованіе, хотя и подъ условіемъ основанія гимназіи исключительно для дѣвицъ своего сословія. Оно было сдѣлано изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, пожертвованіемъ воспользуются только *благородные*. *Благородные* же не показали *ровно никакого участія*.» Такимъ образомъ участь проекта о гимназіи была самая плачевная... Для осуществленія этого проекта, «г. попечитель учебнаго округа *принужденъ былъ* обратиться за содѣйствіемъ къ г–ну генералъ-губернатору. Князь И. И. Васильчиковъ принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, вслѣдствіе котораго и сдѣлано г–мъ Фундуклеемъ пожертвованіе (2).» Г. Фундуклей отдалъ для гимназіи каменный двухъэтажный домъ на кадетской улицѣ въ г. Кіевѣ и, кромѣ того, на содержаніе ея, въ продолженіе всего времени, пока она будетъ существовать, ассигновалъ 1200 руб. серебромъ въ годъ. Эту сумму онъ обезпечилъ своимъ имѣніемъ.—Въ концѣ августа, (или въ началѣ сентября) былъ полученъ указъ Правительствующаго Сената по Высочайшему повелѣнію, объ открытіи въ Кіевѣ училища для приходящихъ дѣвицъ. Оно должно было именоваться Фундуклеевскимъ и состоять въ вѣдѣніи главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Почетное попечительство присвоено г. Фундуклею, а постоянное Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ–губернатору, которому предоставлены всѣ распоряженія по учрежденію училища. Главнѣйшія основанія, на которыхъ учреждено училище, слѣдующія: къ обученію въ училищѣ допускаются дѣти всѣхъ свободныхъ, безъ различія, состояній, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ; по уважительнымъ причинамъ могутъ быть принимаемы и 8-ми-лѣтнія, а равно и старѣе 13–ти лѣтъ. Полный курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ; 7–й годъ образуетъ классъ приготовительный, куда принимаются вовсе неграмотныя. Курсъ ученія раздѣляется на два отдѣленія: *низшее* и *высшее*, по три года въ каждомъ. Низшее отдѣленіе образуетъ само – по – себѣ самостоятельный курсъ, «*удовлетворяющій потребностямъ* образованія *низшаго* и *менѣе зажиточнаго* класса

(1) К. Телеграфъ № 5. Іюль, 1859 года.
(2) Тамъ же.

жителей.» Предметы *обученія* дѣлятся въ обоихъ отдѣленіяхъ на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ относятся: молитвы, священная исторія, исторія церкви, катехизисъ, «*который долженъ быть не столько вѣроученіемъ, сколько нравоученіемъ*»; русская грамматика, исторія русской словесности, всеобщая и русская исторія, географія и, для высшаго отдѣленія, одинъ изъ новѣйшихъ языковъ; а къ необязательнымъ: языки, музыка, танцы и рисованье. Рукодѣліе—предметъ общій для обоихъ отдѣленій. Окончившимъ курсъ выдается аттестатъ:—отлично окончившимъ курсъ въ высшемъ отдѣленіи, съ правами изложенными въ §§ 134 и 135 устава женскихъ учебныхъ заведеній; воспитанницамъ низшаго отдѣленія — безъ означенныхъ правъ. Плата въ низшемъ отдѣленіи по 15 руб. ср. въ годъ, въ высшемъ по 30 р., за ученіе обязательнымъ предметамъ; за необязательные плата особая, очень умѣренная.

При самомъ открытіи, гимназія не встрѣтила большаго сочувствія въ обществѣ г. Кіева: «много было невыгодныхъ толковъ относительно ея пользы, говорили, что никто не рѣшится отдать свое дитя въ *общее* заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери *простаго ремесленника* и дочери *знатнаго сановника* (1); но потомъ, вѣроятно, убѣдясь въ пользѣ, приносимой *общимъ заведеніемъ*, гдѣ за дешевую плату можно получить то же образованіе, какъ и въ дорогихъ сословныхъ женскихъ пансіонахъ, большинство измѣнило мнѣніе и, въ іюнѣ 1860 года, предположено было открыть еще одно женское училище въ видѣ особаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи,» такъ какъ открытая женская гимназія, при всѣхъ своихъ удобствахъ для многихъ изъ жителей города, не могла одинаково удовлетворять всѣхъ. Кіевъ слишкомъ разбросанъ, раздѣленъ горами и оврагами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно великъ. Не для всѣхъ одинаково удобно посылать дѣтей, по большей части малолѣтнихъ, въ новую гимназію съ Подола и Печерска (2). Поэтому предположили открыть училище на Подолѣ, которое должно было, для сокращенія расходовъ, составлять, пока, часть существовавшей гимназіи, имѣть съ нею одно управленіе и называться, поэтому, «Подольскимъ Отдѣленіемъ при Фундуклеевской женской гимназіи.» Открытіе этого отдѣленія вызвано чисто потребностью общества, что̀ доказываетъ пожертвованіе купечествомъ 25-ти

(1) К. Телеграфъ, 1860 г., № 77.
(2) К. Т. 1860 г., № 43.

тысячъ рублей сребромъ для этой цѣли. Открытіе послѣдовало 20-го января 1861-го года. Училище состоитъ изъ 3-хъ нормальныхъ классовъ и одного приготовительнаго; программа его та же, какая существуетъ для низшаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи; существованіе училища обезпечивается ежегоднымъ доходомъ съ пожертвованнаго капитала, что̀ составляетъ не менѣе 1750 р. ср. Для полноты свѣдѣній о Фундуклеевской женской гимназіи, остается прибавить, что, несмотря на невыгодный для нея взглядъ большинства при ея открытіи, къ концу перваго (1860) года ея существованія, въ ней было 134 воспитанницы.

Въ томъ же 1859–мъ году, когда состоялся проектъ Кіевской женской гимназіи, — на дворянскихъ выборахъ Екатеринославской губерніи, — 21–го сентября принятъ былъ проектъ женской гимназіи въ г. Екатеринославѣ. Въ пожертвованіи приняли участіе преимущественно дворяне, которые ассигновали для этой цѣли 100 тысячъ рублей сребромъ, а г. Понятовскій пожертвовалъ особый домъ, для помѣщенія гимназіи. Пожертвованныя деньги положено было распредѣлить такимъ образомъ: 20 тысячъ рублей употребить на устройство гимназіи, а остальныя 80 тысячъ обратить въ неприкосновенный ея капиталъ, на проценты котораго содержать нѣсколько дѣвицъ дворянскаго званія. Въ этомъ дѣлѣ принимало участіе, какъ мы видимъ, само общество, безъ всякихъ приглашеній со стороны, слѣдовательно оно разумно сознало необходимость того, что̀ дѣлало. Но было бы любопытно знать, въ какой степени приняли участіе въ этомъ дѣлѣ купечество и духовенство?

Въ то самое время, какъ въ Екатеринославѣ состоялся проектъ женской гимназіи, — на выборахъ Херсонскаго дворянства положено было стараться объ учрежденіи женскихъ училищъ въ городахъ Херсонской губерніи. Между прочимъ, эти выборы замѣчательны еще тѣмъ, что во время засѣданій дворянскаго собранія было обсуждаемо нѣсколько другихъ вопросовъ, касающихся образованія, такъ напримѣръ: объ ассигнованіи ежегодно 6000 руб. серебр. на усиленіе камеральнаго отдѣленія Одесскаго лицея; о предположеніи открыть въ г. Кременчугѣ гимназію и о мѣрахъ къ скорѣйшему начатію постройки зданія для Херсонской губернской гимназіи...

Въ слѣдующемъ 1860 году, 21 августа — была открыта женская гимназія въ Харьковѣ. Для устройства гимназіи въ этомъ городѣ, было собрано до 15 тысячъ рублей сребромъ. Гимназія по-

мѣстилась въ домѣ купца Павлова, которому за наемъ помѣщенія платитъ 1000 р. ср.; учителя согласились давать уроки безъ платы,—а съ ученицъ положена плата отъ 25 до 50 р., смотря по числу предметовъ, которымъ онѣ обучаются.

26 августа, того же года, было открыто женское училище 1-го разряда въ Полтавѣ; это училище обязано своимъ существованіемъ благороднымъ усиліямъ учителей гимназіи и кадетскаго корпуса, которые, послѣ долгихъ хлопотъ, успѣли организовать силы для его поддержанія и сами взяли на себя безмездное преподаваніе впродолженіи 7-ми лѣтъ. Безъ всякаго предварительнаго сбора — какъ это было при открытіи гимназіи въ другихъ городахъ, — Полтавское женское училище поддерживается суммами, получаемыми за концерты, публичныя лекціи, спектакли и т. п..;—такъ въ пользу этого училища читали публичныя лекціи: въ декабрѣ 1860 года, Г. В. Котельниковъ,—въ январѣ 1861 года, К. В. Ковальскій и М. В. Кизимовскій,—всего сбора было 580 р.; кромѣ того, въ 1861 году, въ пользу училища поступили: сборъ за спектакли, устроенные А. М. Абазою—1554 р. сребромъ.; за лотерею 180 р., отъ г. Дмитріева-Свѣчина половинный сборъ за 2 концерта-30 р. и проч. Преподавателей въ Полтавскомъ женскомъ училищѣ 56, — изъ нихъ только двое получаютъ плату: учитель танцевъ и одна изъ учительницъ музыки; классныхъ дамъ при заведеніи 35; изъ нихъ три получаютъ плату по 150 р. ср. каждая. Плату съ воспитанницъ положено было взимать умѣренную: по 10 р. сер., и то *съ состоятельныхъ*. Училище было открыто въ августѣ 1860 года, а къ январю 1861 года — въ немъ было 190 воспитанницъ, число, сравнительно съ другими городами, напримѣръ съ Харьковомъ,—гдѣ при открытіи училища было только 30 воспитанницъ, а черезъ мѣсяцъ 50 (*),—довольно значительное. Открытіе Полтавскаго училища, его существованіе при незначительныхъ средствахъ, значительное число воспитанницъ, большое число безплатныхъ учителей показываютъ, что въ Полтавскомъ обществѣ есть сочувствіе къ дѣлу образованія (2).

Достойна особеннаго вниманія исторія женской школы въ г. Сумахъ (Харьк. губ.), о которой было первоначально сообщено въ Моск. Вѣдомостяхъ. Мы заимствуемъ разсказъ объ этомъ изъ «Современной Лѣтописи «Русскаго Вѣстник а». «Въ началѣ 1859 г., губерн-

(1) Кіевск. Телегр. 1860 г., № 67.

(2) См. статью объ этой гимназіи, въ январьской книжкѣ *Основы*.

ское начальство предложило думѣ города Сумъ, позаботиться объ учрежденіи въ Сумахъ женскаго училища, на что̀ общество выразило полную готовность; приговоромъ своимъ оно опредѣлило вносить ежегодно, въ теченіи пяти лѣтъ, на содержаніе этого училища съ купеческихъ капиталовъ 1–й гильдіи по 15 р., 2-й по 10 р., 3-й по 3 р.; мѣщане и цеховые съ каждой ревизской души должны вносить первые по 7, а вторые по 5 к. Дворяне не приняли участія въ этомъ сборѣ, который составилъ однако же около 500 р. Кромѣ того, общество выбрало изъ среды своей почетнаго блюстителя, для предполагаемаго училища, который обязался жертвовать ежегодно, въ пособіе этому училищу, по 400 р. Независимо отъ этого, была составлена подписка для единовременныхъ пособій, по которой было собрано до 1000 р. Предполагая при этомъ плату съ учащихся отъ 10 до 15 р.,общество изъ предварительно составленной смѣты увидѣло, что училище обезпечено по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ, а потому просило думу утвердить составленный имъ приговоръ и разрѣшить открытіе въ Сумахъ женскаго общественнаго училища на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленномъ имъ проектѣ, котораго особенность состоитъ въ томъ, что хозяйственная часть подчинялась думѣ и, кромѣ того, нѣкоторые предметы положено проходить въ уменьшенномъ размѣрѣ противъ уѣздныхъ училищъ. При этомъ общество выразило желаніе имѣть начальницею училища указанное имъ лицо. Прошло полтора года, а дѣло не подвигалось впередъ, и городъ Сумы оставался безъ училища, на учрежденіе котораго готовъ былъ принесть всѣ нужныя жертвы. Вдругъ, въ іюлѣ 1860 г., предводитель дворянства получаетъ отъ губернскаго начальства предложеніе открыть попечительный совѣтъ женскаго училища, выбрать начальницу и приступить къ открытію самого училища. Это предложеніе не упоминало ни словомъ о проектѣ, который былъ составленъ обществомъ, тогда какъ общество выразило желаніе открыть училище только на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ. По положенію о женскихъ училищахъ, вышедшему уже послѣ начала этого дѣла, училищемъ управляетъ попечительный совѣтъ, въ которомъ въ числѣ членовъ состоитъ предводитель дворянства и два депутата отъ дворянъ. Но такъ–какъ дворяне не приняли участія въ содержаніи училища, а между тѣмъ должны участвовать въ управленіи его, то градской голова донесъ, что безъ согласія общества онъ не приступитъ къ открытію училища на новомъ основаніи, и просилъ дозволить ему вновь собрать общество для обсуж–

денія сего дѣла. Полгода прошло въ ожиданіи этого дозволенія. Наконецъ, общество было собрано и отказалось передать свои пожертвованія въ распоряженіе лицъ, незахотѣвшихъ участвовать въ ихъ дѣлѣ. Такимъ образомъ учрежденіе сумскаго женскаго училища кончилось ничѣмъ, несмотря на полную готовность общества содѣйствовать ему словомъ и дѣломъ». Пусть читатель самъ судитъ, могутъ ли, такимъ образомъ, итти успѣшно общественныя дѣла.

Въ этотъ же періодъ времени было задумано открытіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.

Изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій мы узнаемъ только два факта объ открытіи училищъ этого рода. Въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1860 года № 88, подъ рубрикою «мѣстныя извѣстія» читаемъ: «Мы слышали за достовѣрное, что въ Кіевѣ, въ непродолжительномъ времени, будетъ учреждено особое учебное заведеніе для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Говорятъ, что теперь разсматривается духовнымъ вѣдомствомъ проектъ по этому предмету. Для новаго училища предполагаютъ употребить домъ на Кловѣ, въ которомъ помѣщалась прежде первая гимназія, и который, года три тому назадъ, сильно пострадалъ отъ бывшаго въ Липкахъ большаго пожара.» Далѣе, тамъ же: «мы готовы даже напередъ предсказать новому училищу полный успѣхъ, если только оно, соотвѣтственно духу времени, не будетъ вполнѣ закрытое, т. е. если будутъ допущены въ него приходящія ученицы. Этимъ могутъ быть хотя отчасти устранены тѣ недостатки, которые давно уже замѣчены въ заведеніяхъ закрытыхъ. До пріисканія удобнаго помѣщенія, собранныя ученицы, какъ говорятъ, *будутъ временно помѣщены въ Кіево-Фроловскомъ женскомъ монастырѣ* на Подолѣ.» Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого училища неизвѣстна. Ужели до сихъ поръ продолжается разсмотрѣніе проекта?

По поводу открытія женскаго духовнаго училища при Лебединскомъ монастырѣ, въ № 1-мъ журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», за 1860 г., появилась статья, въ которой говорилось о необходимости завести подобное училище и въ Кіевѣ и между прочимъ былъ высказанъ взглядъ на воспитаніе женщинъ духовнаго званія,—взглядъ замѣчательно странный: авторъ находилъ, что для дѣвицъ духовнаго званія необходимо *особое* училище, на томъ основаніи, что въ свѣтскихъ пансіонахъ въ воспитаніе не входитъ мысль—приготовленія дѣвушекъ *на религіозное служеніе народу*, которое необходимо въ особенности для женщинъ духовнаго званія, въ воспитаніи ко-

торыхъ *церковная обрядность должна быть главнымъ*. На эту статью, въ № 54-мъ «Кіевск. Телеграфа» 1860 г, было помѣщено возраженіе подъ заглавіемъ: «Мысли сельскаго священника.» Возражатель, вполнѣ соглашаясь съ мыслію о необходимости образованія для женщинъ духовнаго званія, справедливо утверждалъ, что открытіе подобныхъ сословныхъ училищъ рѣшительно не имѣетъ въ основаніи насущной потребности... «Развѣ,» спрашиваетъ авторъ возраженія, «по городамъ и мѣстечкамъ мало училищъ и пансіоновъ, гдѣ могутъ воспитываться и дочери священниковъ? Неужели всѣ эти училища учреждены и основаны на иныхъ началахъ? Развѣ разныя училища могутъ и должны имѣть разныя начала своихъ основныхъ цѣлей? Развѣ всякая мать въ обществѣ христіанскомъ не одно и то же, что́ жена священника и мать его дѣтей? Развѣ дочь священника нужно воспитывать и образовать только для того, чтобы она была женою священника?» Эти дѣльныя мысли встрѣчены были въ томъ же «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ свою очередь, возраженіемъ. Авторъ возраженія, священникъ Крамаренковъ, доказывалъ необходимость особыхъ женскихъ училищъ на томъ основаніи, что для купечества есть коммерческія училища, для будущихъ воиновъ—кадетскіе корпуса, для медиковъ—медицинскій факультетъ,.. Ergo—для дочерей священниковъ тоже что-нибудь особенное нужно... «Согласитесь,» говоритъ авторъ убѣдительно: «вѣдь нельзя же воспитывать всѣхъ *безъ различія званій* въ одномъ училищѣ».

Говоря объ учрежденіи обществомъ южнаго края женскихъ училищъ, нельзя не обратить вниманія на одно поразительное явленіе,—на разъединеніе сословій при осуществленіи этого важнаго дѣла, неоставшееся безъ вліянія на ходъ его. Дворяне, привыкшіе воспитывать своихъ дочерей въ благородныхъ пансіонахъ, показали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непостижимое равнодушіе къ женскимъ гимназіямъ. Купечество, сочувствовавшее этому дѣлу, бралось за него медленно, разсуждая такъ: «мы и готовы жертвовать на учрежденіе женской гимназіи, но что́жъ, если управленіе ея перейдетъ въ чужія руки? если люди, показавшіе полное равнодушіе къ этому дѣлу, станутъ первые пользоваться плодами его?» Нѣкоторые изъ духовныхъ серьёзно доказывали, что необходимо учредить *отдѣльныя* женскія школы для дѣвицъ духовнаго званія. Всѣ эти факты—грустныя послѣдствія вѣковаго раздѣленія сословій. Со времени рѣшительнаго, крутаго поворота въ жизни Украинской (съ XVIII столѣтія), мало-по-малу

общественные интересы замѣнились интересами дворянскими, купеческими, мѣщанскими, духовнаго сословія. Каждое сословіе имѣло и имѣетъ свое особое управленіе. Отсюда происходитъ апатія нашего общества къ мѣстному устройству, безсиліе его предпріятій въ дѣлѣ улучшенія своего быта. Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей мыслящихъ и желающихъ быть полезными обществу; но до сихъ поръ наши силы раздроблены, парализированы отсутствіемъ общественнаго сознанія важности громадьского дѣла. Всѣ преобразованія совершались правительственнымъ путемъ и, не находя крѣпкой почвы въ обществѣ, оставались почти безъ дѣйствія, на бумагѣ.

Переходимъ къ другаго рода училищамъ,—воскреснымъ школамъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ обществу. Воскресныя школы получили свое начало на югѣ, въ Украинѣ, быстро распространились и встрѣтили повсемѣстно горячее сочувствіе, какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ массѣ народа.

Мысль объ этихъ, въ высшей степени полезныхъ для образованія, преимущественно ремесленнаго класса, школахъ возникла въ 1859 году въ Кіевѣ, въ средѣ университета св. Владиміра и принадлежала извѣстному профессору, благородному дѣятелю на поприщѣ народнаго образованія, Платону Васильевичу Павлову. Едва возникнувъ, она немедленно была приведена студентами въ исполненіе подъ руководствомъ профессора. Насколько въ этой мысли угадана народная потребность и насколько удачно она примѣнена къ жизни, доказывается сочувствіемъ тѣхъ, для кого школы были заведены. Значительное число являющихся въ школы по праздникамъ, послѣ тяжелаго недѣльнаго труда, говоритъ краснорѣчивѣе всевозможныхъ разсужденій о ихъ пользѣ и необходимости. Въ свою очередь, пожертвованія и постоянно значительное число желающихъ преподавать, говоритъ о степени симпатіи къ школамъ образованнаго общества, преимущественно въ лицѣ своихъ молодыхъ представителей. И хотя, какъ увидимъ далѣе, при столкновеніи преподавателей воскресныхъ школъ съ нѣкоторыми лицами, случалось видѣть странные, уродливые факты, но они исчезали въ массѣ утѣшительныхъ явленій.

Первое извѣстіе о воскресныхъ школахъ встрѣчаемъ въ Кіев. Тел. 23 сентября 1859 года; въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій» напечатано: «Мы слышали, что въ Кіевѣ скоро будутъ учреждены, съ разрѣшенія начальства, воскресныя школы во всѣхъ частяхъ города, для мастеровыхъ мальчиковъ и вообще неграмотныхъ людей, неимѣ-

ющихъ времени, въ продолженіи недѣли, заняться чтеніемъ и письмомъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, 17 человѣкъ студентовъ университета и 1 студентъ духовной академіи получили разрѣшеніе отъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа (г. Пирогова) на открытіе первой воскресной школы, въ части города, называемой Подоломъ, въ дворянскомъ училищѣ. Школа была открыта 11 октября 1859 года; желавшіе поступить въ школу должны были предварительно записываться у штатнаго смотрителя дворянскаго училища, г. Слѣпушкина, или у профессора университета, г. Павлова, которымъ и былъ порученъ надзоръ за ходомъ преподаванія. Школа, сообразно знанію поступавшихъ въ нее, была раздѣлена на два класса, высшій и низшій. Низшій раздѣлялся въ свою очередь на два отдѣленія: въ первое поступали совершенно неграмотные, во второе—кое-какъ разбиравшіе буквы и усвоившіе механизмъ чтенія; высшій классъ былъ назначенъ для тѣхъ, которые уже читали достаточно бѣгло.

Вслѣдъ за школою на Подолѣ, другимъ обществомъ студентовъ, 25 октября, была открыта новая воскресная школа въ части города называемой Новымъ-Строеніемъ, (гдѣ находится университетъ). Эта школа учреждена была на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Подольская; надзоръ за ходомъ преподаванія въ ней былъ порученъ смотрителю, г. Проценку, вмѣстѣ съ профессоромъ г. Павловымъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, были открыты двѣ школы и притомъ съ самыми незначительными средствами. О ходѣ ученія въ этихъ двухъ школахъ, также о числѣ учащихся и средствахъ, которыми школы существовали въ первое время, мы узнаемъ изъ отчетовъ, которые печатались въ мѣстной газетѣ. Такъ изъ отчета за первое время существованія Кіево-Подольской воскресной школы (*), мы видимъ, что въ день ея открытія пришло учиться до 50 человѣкъ. Затѣмъ это число возрастало и доходило до 110 и болѣе. Но, какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь, между людьми, истинно чувствовавшими потребность образованія, были и такіе, которыхъ занимала болѣе новость учрежденія. Вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, лежащихъ внѣ школы, однѣ понемногу отставали,—зато школа наполнялась другими, такъ, что постоянный численный составъ учащихся подвергался незначительнымъ колебані-

(*) Кіевск. Тел. 1860 г. № 17.

ямъ. Послѣ сдѣланнаго строгаго пересмотра пріемной тетради оказалось, что число записанныхъ и болѣе или менѣе постоянно посѣщающихъ школу доходитъ до 101 человѣка. Въ дѣйствительности же еженедѣльно бываетъ въ классахъ отъ 67 до 80 человѣкъ». Записанные въ пріемную книгу ученики распредѣлялись, по національности, слѣдующимъ образомъ: Малороссіянъ 75; Великороссіянъ 17; Поляковъ 3; Евреевъ 3 и Нѣмцевъ тоже 3. «Самое большее число, какъ слѣдовало ожидать, остается за жителями южно-русскихъ губерній. Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ. Что́ касается распредѣленія учениковъ по сословіямъ, то изъ 101 человѣка, 76 принадлежало ремесленному классу,—только 5 человѣкъ лакеевъ, а 20 человѣкъ большею частію дѣти, которыхъ занятія еще не опредѣлились. Изъ этого же отчета узнаемъ, что въ числѣ учащихся было 5 человѣкъ дворянъ, 5 купцовъ и 4 одноодворца. Слѣдовательно, воскресныя школы могутъ быть полезны не для одного только *простаго* народа. Относительно возраста учащихся, изъ отчета видно, что «всего охотнѣе посѣщаютъ школу отъ 10—15 и отъ 16 до 20 лѣтъ (первыхъ 53, а вторыхъ 36), возрастъ, въ который непритупившаяся воспріимчивость особенно содѣйствуетъ успѣшному ходу обученія». «Всякая новая мѣра, всякое улучшеніе обсуживались предварительно въ педагогическомъ совѣтѣ, въ присутствіи штатнаго смотрителя дворянскаго училища, Слѣпушкина. «Учащіеся были снабжаемы въ школѣ всѣми необходимыми пособіями, т. е. книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и т. п.» Средства существованія школы доставлялись пожертвованіями; «самымъ дѣятельнымъ участникомъ и ревностнымъ собирателемъ матеріальныхъ средствъ былъ г. Дехтеревъ. Пожертвованной суммы для всѣхъ трехъ школъ (въ то время, когда составлялся этотъ отчетъ, въ Кіевѣ было уже три школы, какъ увидимъ далѣе) было всего 230 руб. 55 коп. Изъ этой суммы издержано на учебныя пособія 136 руб. 78 к. и затѣмъ въ наличности осталось 93 р. 77 к. Само собою разумѣется, что эти средства не велики и что прочное существованіе школъ требуетъ и прочнаго фонда. Весьма важно въ этомъ отношеніи было бы дозволеніе публичной подписки въ пользу воскресныхъ школъ.» Выраженное въ этомъ отчетѣ желаніе исполнилось: въ № 51 «Кіевск. Телегр.» 10 іюля, было напечатано: «Для пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій, которыя должны быть безмездно раздаваемы учащимся, генералъ-губернаторъ, князь Ил. Ил. Васильчиковъ, исходатайствовалъ разрѣ-

шеніе у министра внутр. дѣлъ на принятіе добровольныхъ пожертвованій, съ соблюденіемъ установленныхъ, въ ст. 298 и 299 Уст. Общ. Призр., условій. Пожертвованія принимаются деньгами и книгами, также періодическими изданіями. Кромѣ этого, въ пользу кіевскихъ воскресныхъ школъ разрѣшено отпускать изъ доходовъ г. Кіева по 150 р. с. въ годъ; сумма небольшая, но постоянно обезпеченная.— Конечно, отъ общества надо ждать многаго; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій, какъ воспользовалось оно разрѣшеніемъ дѣлать пожертвованія въ пользу школъ. Впрочемъ, пожертвованія книгами для Подольской школы были еще въ началѣ 1860 года, и въ февралѣ начала составляться, разумѣется очень небольшая, библіотека.

Открытая, вслѣдъ за Подольскою, Ново-строенская школа тоже напечатала свой отчетъ, изъ котораго мы представимъ здѣсь небольшія извлеченія: «Въ день открытія школы поступило 34 человѣка. Количество это возрастало съ каждымъ днемъ, такъ-что въ началѣ марта 1860 года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась безпрестаннымъ колебаніямъ. Число дѣйствительно посѣщающихъ школу не превышало 60.» Изъ таблицы, приложенной при отчетѣ Подольской школы, видно, что и въ этой школѣ преобладающее число осталось за Малороссами, которыхъ было 121 человѣкъ, между-тѣмъ какъ число учащихся другихъ національностей выражалось слѣдующими цифрами: Великороссовъ 21, Поляковъ 5 и Нѣмцевъ 1. Отличіе отъ Подольской школы, какъ говорится въ отчетѣ, состояло въ томъ, что тамъ преобладающее число мѣщанъ, а здѣсь—наоборотъ: количество крестьянъ почти въ два съ половиною раза больше количества мѣщанъ. Это объясняется, по словамъ отчета, тѣмъ, что Ново-Строеніе и ближайшая къ нему часть города—Крещатикъ имѣютъ наибольшее число мастерскихъ, въ которыхъ мастеровые—по большей части—крестьяне, отданные помѣщиками *въ выучку*; однимъ словомъ, это различіе имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Результаты обученія въ обѣихъ школахъ были значительны; по обоимъ отчетамъ видно, что ученики въ нѣсколько уроковъ успѣвали усвоивать основательно то, что въ прочихъ, регламентированныхъ, школахъ обыкновенно плохо усвоивается въ четверо—большій срокъ. Что значатъ—съ одной стороны—свободное желаніе учиться, а съ другой—нестѣсняемое, рабски и педантически выполняемыми программами, преподаваніе. Будемъ продолжать обозрѣніе открытія воскресныхъ школъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ концѣ того же 1859 года было предположено открыть женскую воскресную школу, такъ-какъ успѣхъ мужскихъ воскресныхъ школъ указалъ очень ясно на сильно сознаваемую простыми классами народа потребность учиться грамотѣ. Г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона, «желая, по возможности, удовлетворить этому стремленію и принимая во вниманіе, что для дѣвочекъ еще нѣтъ никакого заведенія, гдѣ бы недостаточныя изъ нихъ могли получать образованіе (1), рѣшились открыть, съ дозволенія начальства, воскресную женскую школу, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ были открыты мужскія. Школа была открыта черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ была задумана, именно 31 января 1860 года и помѣстилась въ зданіи 2-ой гимназіи. Учебныя пособія для учащихся положено было выдавать безплатно.

Въ декабрѣ 1859 же года, по примѣру Кіева, были открыты разомъ четыре воскресныя школы въ Могилевѣ.

Начало 1860 г. было не слишкомъ благопріятно для воскресныхъ школъ, — по крайней мѣрѣ въ это время почти не было извѣстій объ ихъ открытіи; только въ началѣ мая была открыта воскресная школа въ Нѣжинѣ, въ которой изъявили желаніе преподавать студенты Нѣжинскаго лицея. О характерѣ, средствахъ этой школы и результатахъ ученія въ ней, мы ничего не можемъ сказать; знаемъ только, что она есть явленіе благотворной дѣятельности П. В. Павлова, который, проѣздомъ черезъ Нѣжинъ, подалъ молодымъ людямъ мысль—завести у себя такого рода школу. Около этого же времени, т. е. въ концѣ мая, учреждена воскресная школа въ Житомірѣ, открытію которой кажется плохо симпатизировало общество. Подобный фактъ можно объяснить только мѣстными причинами; впрочемъ въ немъ нашлись люди и сочувствующіе: такъ, г. Спиглазовъ пожертвовалъ сумму на покупку необходимыхъ книгъ.

Впродолженіи всего лѣта 1860 г. не было открыто ни одной воскресной школы. Затѣмъ, въ № 80 *Кіевскаго Телеграфа*, мы читаемъ: «Съ ноября мѣсяца, студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ безплатную *будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо.» Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ ни *точнаго распредѣленія времени*, ни программы занятій не было объявлено; поэтому мож-

(1) Кіевск. Тел. 1859 года № 52.

но заключить, что школа не была открыта. Нельзя не сожалѣть, что такое полезное дѣло, какъ учрежденіе будничной школы, не состоялось. Думаемъ, что въ этомъ нельзя винить студентовъ академіи; вѣроятно, они встрѣтили дѣйствительное препятствіе.

Студенты университета св. Владиміра продолжали и въ 1860 году свою дѣятельность по открытію воскресныхъ школъ. Они открыли, въ концѣ октября, школу въ части города, называемой Печерскомъ, и въ то же время предположили открыть еще школу на Новомъ-Строеніи. Кіевскіе гимназисты въ свою очередь тоже принесли посильную дань полезному дѣлу:—въ «Кіевск. Телегр.» 1860 г. № 86 отъ 10 ноября, помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Въ первой Кіевской гимназіи уже около мѣсяца существуетъ воскресная школа, учрежденная по желанію гимназистовъ. Сначала, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ обученіемъ гимназической прислуги, а потомъ допущены и приходящіе извнѣ. Теперь уже приходящихъ бываетъ, говорятъ, человѣкъ до 60; впрочемъ, самая школа не открыта еще такъ-сказать офиціально, т. е. еще не сдѣлано о ней надлежащихъ объявленій». По поводу этой школы, въ той же газетѣ выражено слѣдующее мнѣніе: «Намъ кажется даже, что при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непремѣнно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая: и для учащихся и для учащихъ.»

6 Ноября 1860 г. была открыта женская воскресная школа,—помѣстившаяся въ домѣ женской Фундуклеевской гимназіи. Открыли ее дамы. Эту школу предположено было открыть гораздо раньше и все уже было приготовлено, но учредительницы *не рѣшались* выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей.... Въ это же самое время—тоже дамы, преимущественно изъ купеческаго сословія, задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ—и то же отсутствіе *рѣшимости* долго мѣшало дѣлу.... Наконецъ школы были открыты.

Въ этомъ же году были открыты воскресныя школы въ Харьковѣ, но развитію ихъ, кажется, сначала что-то мѣшало; вообще о харьковскихъ воскресныхъ школахъ было мало писано. Между тѣмъ, отъ Харькова, университетскаго и торговаго города, можно, повидимому, ожидать многаго.

Въ Полтавской губерніи воскресныя школы были учреждены въ слѣдующихъ городахъ: въ Полтавѣ,—учащихся 169; въ Кременчугѣ—двѣ, мужская и женская, по 40 учащихся въ каждой; въ Пе-

реяславлѣ—учащихся 116; въ Золотоношѣ,—гдѣ, по незначительности населенія учащихся, было только 13 и наконецъ—въ Лубнахъ. Какъ число учащихся, такъ и число самихъ школъ въ губерніи, подтверждаютъ наше мнѣніе о полтавскомъ обществѣ, высказанне по поводу открытія женской гимназіи въ г. Полтавѣ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи воскресныхъ школъ въ настоящемъ 1861 году, остановимся на одномъ важномъ фактѣ въ жизни воскресныхъ школъ,—именно на изданныхъ въ 1860 г. «Правилахъ для воскресныхъ школъ», которыми должны были руководствоваться учредители воскресныхъ школъ, и послѣдовавшемъ въ 1861 году циркулярѣ, подтверждавшемъ и объяснявшемъ эти правила.

Правила эти раздѣляются на три части: въ первой излагаются общія положенія для воскресныхъ школъ:

«Воскресныя школы, для первоначальнаго образованія въ народѣ, могутъ быть учреждаемы какъ по желанію сословій, изъявленному установленнымъ порядкомъ, такъ и частными лицами съ разрѣшенія начальства учебнаго округа, по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Воскресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа. Часы для учебныхъ занятій опредѣляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу и директоромъ училищъ, *съ наблюденіемъ притомъ, чтобы классныя занятія начинались послѣ поздней обѣдни и вообще не лишали учениковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію* (§ 4). Въ воскресныя школы принимаются лица всѣхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть помѣщаемы отдѣльно отъ школъ для дѣвицъ (§ 7).»

Во второй части правилъ—изложены основанія, которыми должны руководствоваться преподаватели, «По курсу и объему ученія, воскресныя школы относятся къ одному разряду съ приходскими училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 8).» «(§ 9. Въ воскресныхъ школахъ преподаются: 1) Законъ Божій, 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, 3) ариѳметика и 4) по мѣрѣ надобности, рисованіе и черченіе. § 10. Обученіе Закону Божію производится священно-служителями и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, воспитанниками духовныхъ академій и семинарій. Учащимся должны быть объясняемы важнѣйшія молитвы, краткая священная

исторія, краткій катехизисъ, воскресныя евангелія, значеніе праздниковъ православной церкви и обрядовъ богослуженія. При преподаваніи Закона Божія, вниманіе законоучителя должно быть преимущественно обращено на объясненіе нравственнаго значенія излагаемыхъ фактовъ, на развитіе религіознаго чувства учащихся и смягченіе нравовъ. § 11. Чтеніе не слѣдуетъ ограничивать однѣми книгами гражданской печати; полезно знакомить учащихся и съ чтеніемъ рукописей, а учениковъ православнаго исповѣданія *и съ церковно-славянскою печатью*. § 12. Преподаваніе ариѳметики должно быть чисто практическое, развивающее соображеніе учащихся и заключающееся преимущественно въ рѣшеніи задачъ, взятыхъ изъ быта близкаго къ учащимся. § 13 Рисованіе и черченіе, по самому существу воскресныхъ школъ, должны быть преимущественно примѣнены къ ремесламъ. Относительно книгъ,—въ § 14 сказано, что въ воскресныхъ школахъ, должны употребляться только тѣ книги, которые признаны начальствомъ Округа полезными для приходскихъ училищъ.

Въ третьей части «Правилъ» говорится о средствахъ содержанія и о помѣщеніи училищъ. «Воскресныя школы содержатся или на счетъ общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ приговорами сословій, по установленію, или на счетъ частныхъ учредителей. Къ предметамъ содержанія относятся снабженіе учащихся учебными пособіями, отопленіе школъ и плата нижнимъ служителямъ. *Эти издержки ни въ какомъ случаѣ не должны падать на училищное вѣдомство*. (§ 16). Помѣщенія для воскресныхъ школъ могутъ быть отводимы безплатно или въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, или въ казенныхъ зданіяхъ другихъ вѣдомствъ, съ разрѣшенія ихъ начальства. На помѣщеніе же воскресныхъ школъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству, должно быть испрашиваемо Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества (§ 17).

Спустя нѣкоторое время послѣ изданія этихъ правилъ, начальство сочло нужнымъ объяснить ихъ точнѣе, дабы не могло быть никакихъ недоразумѣній и особенно «уклоненія столь полезныхъ для народнаго образованія заведеній отъ прямаго пути, указываемаго имъ самымъ ихъ назначеніемъ (1).» Для этого, въ 1861 году, былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ поясняялось, что воскресныя школы должны служить *только пособіемъ приходскимъ училищамъ* и препору-

(1) Циркуляръ по управленію С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ.

чалось мѣстному начальству не упускать изъ виду такое ихъ назначеніе и заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій. Циркуляръ былъ изданъ потому, что изъ полученныхъ свѣдѣній министерство усмотрѣло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ говорится въ циркулярѣ по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, — усердіе учредителей или распорядителей школъ иногда завлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ ихъ назначеніемъ. Такъ напримѣръ, въ Кіевѣ въ одной школѣ преподавалась исторія, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимались съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Новыя правила, поясняющія прежнія, были слѣдующія: 1) обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается Закономъ Божіимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами ариѳметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. *Преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.* 2) При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ. 3) Особенное вниманіе должно быть обращаемо на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ *были люди вполнѣ благонадежные*; а потому, не ограничиваясь офиціальною перепискою, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать объ нихъ точныя удостовѣренія и, затѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами. 4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ, должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства Округа, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, коимъ сіе будетъ отъ начальства поручено. 5) Въ случаѣ, если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ предложеніи, а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности, таковые неблагонадежные преподаватели или распорядители должны быть немед-

ленно отстраняемы и недопускаемы затѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ. 6) Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители *молодые люди всякаго рода службы и званія*; но весьма желательно бы, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола.

О результатахъ, которые произошли отъ примѣненія этихъ правилъ къ руководству въ воскресныхъ школахъ, можно судить сравнивъ число преподавателей и учащихся въ школахъ — до и послѣ изданія правилъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ статистическихъ данныхъ. Изъ отчета Фундуклеевской воскресной школы въ Кіевѣ, который у насъ есть, мы ничего не можемъ заключить, потому что онъ составленъ только за первые два мѣсяца 1861 года; а позднѣйшихъ отчетовъ воскресныхъ школъ на югѣ мы не имѣемъ. Но о томъ, какого рода результаты могутъ принести эти правила въ примѣненіи къ воскреснымъ школамъ, вообще можно нѣсколько судить по «краткому отчету о Рогачевской воскресной школѣ за мартъ 1861 года [1]», въ которомъ читаемъ слѣдующее: «Всѣ вообще ученики, посѣщавшіе школу въ мартѣ мѣсяцѣ, были грамотны, и потому занимались больше письмомъ на русскомъ языкѣ и ариѳметикою; причемъ преподаватели вовсе не выходили изъ программы обученія въ приходскихъ училищахъ, строго придерживаясь правилъ для воскресныхъ школъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и циркуляра по управленію того же округа. Несмотря на выгодное помѣщеніе въ домѣ, занимаемомъ уѣзднымъ училищемъ, достаточное число преподавателей, простирающееся до восьми, одинаковое всегда ихъ усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, надлежащую педагогическую обстановку и избытокъ даже средствъ къ успѣху обученія въ школѣ, все-таки *число учениковъ въ ней, въ послѣднее время*, уменьшилось въ четыре раза. Не мѣсто здѣсь говорить о причинѣ столь прискорбнаго для насъ явленія; остается только просить высшее начальство объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ вышесказанныхъ правилъ, насколько это возможно, по мѣстнымъ причинамъ, особенно относительно часовъ обученія; потому что ученики наши, послѣ поздней обѣдни, обыкновенно бываютъ заняты дома исполненіемъ разныхъ хозяйственныхъ надобностей, преимущественно же въ теплое время года; *да притомъ не довольствуются однимъ лишь чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, равно какъ первыми началами ариѳметики.*

[1]) Могил. Губ. Вѣд. 1861 года.

Въ 1861 году, сочувствіе общества къ воскреснымъ школамъ не ослабѣвало, а напротивъ возрастало болѣе и болѣе, разумѣется—не всего, а у образованныхъ его представителей,—и школы продолжали открываться несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства; притомъ появились не однѣ воскресныя но и будничныя безплатныя школы. Подобная школа была открыта въ г. Новомиргородѣ Херсонской губерніи. Изъ воскресныхъ была открыта школа въ Сергѣевѣ, Бессарабской области, существованіе которой, на весь настоящій годъ, обезпечилъ тамошній исправникъ г. Лазо; другая воскресная школа Бессарабской области, — женская, открытая въ Кишиневѣ, преобразилась въ постоянную женскую школу и, въ началѣ 1861 года, въ ней было уже 180 ученицъ.

Въ Черниговской губерніи были открыты школы въ гг. Черниговѣ и Новгородсѣверскѣ; въ послѣдней, къ маю мѣсяцу, было 50 учениковъ; преподаваніемъ въ ней занимаются исключительно гимназисты подъ наблюденіемъ своихъ учителей. Въ этомъ же городѣ нѣсколько дамъ,—преимущественно жены учителей,—задумали открыть женскую воскресную школу въ самомъ скоромъ времени.

Оканчивая краткій отчетъ о воскресныхъ школахъ въ Украинѣ, мы видимъ, что онѣ, при значительной долѣ сочувствія образованныхъ членовъ общества, существовали довольно незначительными, по большей части, ничѣмъ необезпеченными, средствами. И въ настоящемъ году — также какъ и прежде,—онѣ поддерживались единственно пожертвованіями и сборами за благотворительные спектакли, концерты и т. п. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется прекраснымъ предпріятіе студентовъ университета св. Владиміра, о которомъ помѣщено слѣдующее извѣстіе въ № 5 К. Т. 1861 года: «Студенты кіевскаго университета, заботясь о матеріальныхъ средствахъ воскресныхъ школъ, которымъ они положили начало, учредили музыкальные вечера по субботамъ (въ самое свободное время для всякаго). Эти вечера, имѣютъ два весьма важныя значенія: 1) крайне умѣренною цѣною за входъ, 25 — 50 коп. ср., — они доставляютъ возможность эстетическаго наслажденія людямъ, лишеннымъ возможности слушать дорогіе концерты, и 2) пріобрѣтаютъ воскреснымъ школамъ существенное пособіе, безъ всякихъ вымогательныхъ мѣръ, въ родѣ раздачи билетовъ чрезъ полицію,—какъ это водится въ нѣкоторыхъ филантропическихъ обществахъ, неразборчивыхъ въ дѣлѣ способовъ благотворенія». Кромѣ того, въ началѣ года, въ Кіевѣ дано было лю-

бителями два спектакля въ пользу воскресныхъ школъ,—было собрано довольно, несмотря на то, что директоръ театра, *Борковскій взялъ съ воскресныхъ школъ за два представленія—600 руб. сребр.*! Вѣроятно кіевскія воскресныя школы, на ряду съ именами благотворителей, не забудутъ и почтеннаго г. Борковскаго. Изъ отчета женской воскресной школы въ Кіевѣ при Фундуклеевской гимназіи,—о которомъ мы говорили выше,—мы узнаемъ, что ея матеріальныя средства за 4 мѣсяца существованія (отъ Ноября 1860 по Мартъ 1861 г.) заключались въ 132 р. 85 к., которыя составились: изъ суммы ассигнованной кіевской городской думой на воскресныя школы (15 р.); части общаго сбора пожертвованій (64 р.), изъ 25 рублей, пожертвованныхъ княгиней В. Голицыной, части изъ половинной суммы, собранной за спектакль, данный г-жею Нельговскою, и за концертъ и живыя картины, данныя кн. Васильчиковой въ пользу воскресныхъ школъ и студенческой лекторіи (28 р. 85 к.). На учебныя пособія было издержано 65 р. 40 к. Въ отчетѣ сказано, что оставшейся суммы достаточно для обезпеченія существованія школы *на годъ* и прибавлено: «Смѣемъ надѣяться, что и нравственное существованіе нашей школы будетъ поддерживаться, какъ преподавательницами, такъ и сочувствіемъ публики къ образованію народа. Желательно-бъ имѣть большее число преподавательницъ; къ сожалѣнію мы должны сказать, что *на многія приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные*». Чтобъ представить возможно-полную характеристику воскресныхъ школъ, дѣлаемъ изъ того же отчета слѣдующую, нѣсколько объясняющую причины непосѣщенія воскресныхъ школъ ремесленниками выписку: «Большая часть ученицъ живетъ у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ; замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлые десятки дѣвушекъ, ученицъ очень мало, всего — 4; притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу, (несмотря на ихъ желаніе посѣщать постоянно), потому что онѣ *бываютъ заняты работой и въ праздничные дни*».

Нѣтъ сомнѣнія, что воскресныя школы въ городахъ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства,—найдя сочувствіе въ народѣ, на что́ можно расчитывать, судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы видѣли, принесутъ большую пользу и окажутъ ощутительное вліяніе на самый бытъ народа, просвѣтляя его взглядъ на жизнь и отношенія и приготовляя матеріалы для дальнѣйшаго развитія. Но они все-таки

существуютъ для меньшинства; вдали отъ городовъ, въ селахъ и деревняхъ, живетъ огромное бо́льшинство народа, называемаго многознаменательно—*простымъ*,—который не имѣетъ возможности получать образованія въ городахъ, какъ по недостатку средствъ, такъ, наконецъ, по самому характеру и роду своихъ занятій, требующихъ его постояннаго присутствія дома. Слѣдовательно школы, въ которыхъ онъ можетъ получать образованіе, должны быть въ средѣ его, въ селахъ и деревняхъ. Для благосостоянія всего народа эти школы имѣютъ громадное значеніе,—понятое наконецъ всѣми образованными народами, у которыхъ на эти школы обращено уже вниманіе. У насъ давно уже были открываемы школы въ селахъ государственныхъ крестьянъ. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ подобныя школы открывались очень рѣдко; если и открывались, то были назначены для обученія преимущественно церковно-славянскому чтенію, письму, и молитвамъ,—вообще обученіе въ нихъ было скудное, результаты ничтожные и народъ не имѣлъ къ нимъ, сочувствія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, съ развитіемъ промышленности и торговли, надо ожидать, что взглядъ народа на школы и образованіе измѣнится и потребность обученія уяснится. Въ послѣдніе два — три года начали открываться сельскія школы во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и, кажется, на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежнія. Мы представимъ здѣсь краткій очеркъ сельскихъ школъ, открытыхъ въ послѣднее время, начиная съ конца 1859 года.

Въ декабрѣ 1859 года, Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда въ Каменно-Бродской вотчинѣ, принадлежащей помѣщикамъ Сивицкимъ, была открыта школа для мальчиковъ. По этому поводу, редакція Кіевскаго Телеграфа получила слѣдующій актъ, за подписью владѣльцевъ и священника Радзіевскаго: «Владѣльцы Каменно-Бродской вотчины, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Ивановичъ и титулярный совѣтникъ Варфоломей Ивановичъ Сивицкіе, владѣя нѣсколько лѣтъ этою вотчиною, положительно убѣдились, что главнымъ, между прочимъ, зломъ худой нравственности крестьянъ и ихъ нерадѣнія въ домашнемъ быту служитъ нетолько совершенное незнаніе ими грамоты, но даже необходимѣйшихъ ежедневныхъ молитвъ и десяти заповѣдей, установленныхъ церковью. Въ видахъ постепеннаго искорененія вѣковыхъ между крестьянами предразсудковъ и направленія ихъ къ честному труду и доброй нравственности, владѣльцы учредили *наконецъ* первоначальное приходское училище, для обученія въ

немъ крестьянскихъ мальчиковъ, пригласивъ для этого мѣстнаго приходскаго священника. Предназначивъ такимъ образомъ, для открытія училища, 6 Декабря сего года, владѣльцы вотчины распорядились— сперва *избрать изъ среды многосемейныхъ крестьянъ способныхъ мальчиковъ*, а потомъ, по отслуженіи священникомъ въ церкви обѣдни и молебна, призваны были какъ новые ученики, такъ и ихъ родители въ назначенный для училища временной домъ (впредь до устройства постояннаго), гдѣ въ присутствіи владѣльцевъ и при стеченіи крестьянъ, отслужено священникомъ молебствіе о ниспосланіи успѣховъ въ предстоящемъ ученіи для пользы общей; а затѣмъ самими владѣльцами вручены каждому ученику заранѣе приготовленные буквари, или начальное ученіе, по которымъ съ слѣдующаго дня и началось уже преподаваніе имъ уроковъ. *Нельзя при этомъ не сказать, что какъ во время созванія крестьянскихъ мальчиковъ, такъ и при торжественномъ открытіи училища, нѣкоторые ученики и ихъ отцы и матери, по сродной вѣмъ имъ простотѣ и боязни* (!), *первые плакали, а послѣдніе также со слезами упрашивали не отдавать дѣтей ихъ въ училище, пока не была имъ внятно объяснена благая цѣль ученія*». Приведенный актъ довольно краснорѣчиво говоритъ какъ о взглядѣ народа на училища, такъ и взглядѣ на средства привлекать мальчиковъ въ школу. Впрочемъ, школа пошла успѣшно, такъ-что, къ марту слѣдующаго 1860 года, двѣнадцать обучавшихся въ ней мальчиковъ оканчивали ученіе букваря и вседневныхъ молитвъ; послѣ чего предположено было дать имъ гражданскіе учебники и начать учить писать. Лѣтомъ предполагалось обучать воспитанниковъ училища садоводству и огородничеству подъ руководствомъ помѣщичьяго садовника. Не ограничиваясь этимъ училищемъ, владѣльцы предполагали открыть такое же для дѣвочекъ и, кромѣ того, основать въ своей вотчинѣ крестьянскую библіотеку. Не знаемъ, какъ гг. Сѣвицкіе привели въ исполненіе свое благородное намѣреніе...

Въ томъ же декабрѣ, 9 числа, была открыта школа въ селѣ Козаровичахъ, Кіевскаго уѣзда, помѣщицы Бобръ-Петровецкой; она была открыта при церкви приходскимъ священникомъ Филимономъ Пасинскимъ вмѣстѣ съ поссесоршею Мицкевичевой и крестьянами. Въ школѣ начали учиться 19 крестьянскихъ мальчиковъ, 2 мальчика изъ военнаго званія и 2 духовнаго. — Безъ сомнѣнія въ этомъ

же году было открыто еще нѣсколько школъ, но о нихъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій.

1 Января 1860 года, была открыта школа въ селѣ Микуличахъ, имѣніи графа Остенъ–Сакена,, (Кіевскаго уѣзда), стараніями управляющаго имѣніемъ г. Карпова и приходскаго священника, о. Захарія Шереметинскаго. Въ этой школѣ начали ученіе 12 крестьянскихъ мальчиковъ и 4 дѣвочки. Преподаваніе, какъ въ Микуличской, такъ и Козаровичской школѣ взяли на себя священники и причетники безплатно. Обѣ школы, какъ видно, не стѣснены никакими условіями относительно учащихся; кромѣ крестьянъ, ихъ посѣщаютъ дѣти и другихъ сословій, что̀ доказываетъ крайнюю необходимость подобныхъ школъ. Въ Черниговской губерніи была открыта школа въ селѣ Пьяный–Рогъ (Мглинскаго уѣзда), владѣнія графа А. К. Толстого. Нельзя не сочувствовать прекрасному желанію гр. Толстого—доставить возможность первоначальнаго ученія въ этой школѣ не только дѣтямъ крестьянъ, но и всѣхъ сословій.

Къ открытію сельскихъ школъ въ Кіевской губерніи много способствовалъ указъ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго (нынѣ С.–Петербургскаго) Исидора, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ сельскимъ священникамъ заводить при церквахъ школы.

12-го генваря 1860 года, открыта была при церкви безплатная школа въ м. Бѣлогородкѣ, Кіевской губерніи, тамошнимъ приходскимъ священникомъ; къ маю того же года, ученики уже свободно читали церковно-славянскую грамоту;—такъ какъ, въ этомъ училищѣ былъ всего одинъ учитель священникъ, то болѣе способные и знающіе мальчики въ свою очередь учили вновь поступавшихъ неграмотныхъ.

Въ м. Бѣлой Церкви (Кіевск. губ. Васильковского уѣзда) еще съ конца прошлаго года начали заводиться сельскія школы и въ началѣ 1860–го, въ мѣстечкѣ было уже 4 училища съ 97 учениками. Первая изъ этихъ школъ открыта 25–го ноября 1859 года, въ домѣ священника Преображенской бѣлоцерковской церкви М. С.; на первый разъ явилось только 17-ть мальчиковъ; но въ теченіи пяти дней число желающихъ учиться возросло до 50. 15-го декабря того же года, въ приходѣ Магдалинской церкви за рѣкою Росью, была открыта вторая школа; въ ней изъявили желаніе учиться 14 мальчиковъ; третья школа открыта 17-го декабря того же 1856 года на

урочищѣ Ротку, учениковъ въ нее явилось всего 9; и наконецъ четвертая школа открыта уже въ 1860 году 3-го февраля, въ предмѣстіи м. Бѣлой Церкви, Александріи; въ нее пришло 22 мальчика и 7 дѣвочекъ.—Ученіе въ школахъ не безплатное, потому что и само общество и учредители школъ нашли нужнымъ получать хотя самую небольшую сумму за ученіе, для поддержанія средствъ существованія школъ; добыть же средства изъ другихъ источниковъ пытались но не могли, благодаря цивилизаторской дѣятельности откупа и сочувствующихъ ему лицъ. Объ этомъ вотъ-что говорится въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» въ извѣстіи изъ Бѣлой Церкви: Общество прихожанъ, изыскивая способы къ содержанію, постановило-было: при ведерной покупкѣ водки къ праздникамъ, крестинамъ, свадьбамъ и т. п. взимать съ каждаго покупателя по 20-ти копѣекъ съ ведра, сверхъ нормальной цѣны. Этотъ добровольный сборъ, падавшій преимущественно на зажиточнѣйшихъ крестьянъ и касавшійся предмета прихоти, могъ быть весьма значительнымъ, при значительномъ числѣ прихожанъ, простирающемся до 8000 душъ обоего пола; но въ самомъ началѣ своемъ онъ былъ пріостановленъ претензіями мѣстнаго откупа и нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ съ нимъ лицъ, непрепятствующихъ однакожъ подобному сбору съ еврейскаго общества на постройку каменной синагоги.» Въ томъ же извѣстіи о бѣлоцерковскихъ школахъ дальше сказано, что «педагогическій совѣтъ бѣлоцерковской гимназіи съ своей стороны изъявилъ желаніе содѣйствовать пробудившемуся въ крестьянахъ м. Бѣлой Церкви стремленію къ образованію и для сего предполагаетъ, въ наступающіе весенніе и лѣтніе мѣсяцы (извѣстіе писано отъ 27 апрѣля 1860 г.) открыть классы гимназіи, гдѣ въ послѣобѣденное время, съ 3-хъ часовъ пополудни, ученики высшихъ классовъ закрытаго заведенія, подъ руководствомъ г.г. учителей, будутъ обучать чтенію по гражданской печати, ариѳметикѣ и начальнымъ правиламъ русскаго языка тѣхъ дѣтей, которыя уже выучились славянской грамотѣ и письму въ церковныхъ школахъ; законоучитель гимназіи будетъ преподавать имъ Законъ Божій. Бѣлоцерковское общество чиновниковъ и дворянъ также выразило свое сочувствіе къ образованію низшаго класса здѣшнихъ жителей, пожертвовавъ въ пользу этого дѣла доходъ (въ 150 р. сер.) съ музыкальнаго и танцовальнаго вечера, состоявшагося 17 апрѣля сего года. «По другимъ извѣстіямъ, объ этихъ школахъ, мы узнаемъ, что тамошніе помѣщики не принима-

ютъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ (*). — Въ томъ же журналѣ (1860 года), изъ котораго мы привели выписку, есть извѣстіе объ открытіи, въ 1859 году, школы въ деревнѣ Карашинѣ Каневскаго уѣзда Кіевской губерніи, близь мѣстечка Корсуня; не помѣщая всего извѣстія, мы сдѣлаемъ изъ него нѣкоторыя выписки указывающія между прочимъ на всегда-присущее нашему народу горячее желаніе помочь общему дѣлу. «Деревня Карашина,» пишетъ священникъ А. Лебединцевъ,— «находится въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, верстахъ въ 5-ти отъ мѣстечка Корсуня. Въ этой деревнѣ есть церковь во имя св. Архистратига Михаила, но она приписана съ давняго времени къ приходу Спасской церкви м. Корсуня. Въ самомъ Корсунѣ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ существуетъ школа на иждивеніи мѣстнаго владѣльца, князя Лопухина: но эта школа предназначена *исключительно для обученія поступающихъ въ хоръ пѣвчихъ, въ музыканты и на услуженіе при дворѣ владѣльческомъ*; поэтому въ ней обучаются далеко не всѣ крестьянскіе мальчики м. Корсуня, дѣти же жителей д. Карашины оставались безъ всякихъ средствъ къ обученію. Годъ отъ году все болѣе и болѣе убѣждался я въ необходимости открыть въ д. Карашинѣ школу. Придумывался источникъ, изыскивались средства, наконецъ средства были найдены: въ Карашинѣ жилъ 80-ти лѣтній старикъ, церковный староста, Несторъ Сунчакъ, крестьянинъ князя Лопухина. Въ теченіе долгой своей жизни, рѣдкою честностью и трудолюбіемъ, онъ нажилъ значительное состояніе. Умнаго и добраго старика безпокоила мысль, что, кромѣ престарѣлой жены, для которой не многое было нужно, не осталось у него другихъ наслѣдниковъ, которымъ онъ пожелалъ бы передать свое достояніе..... Я предложилъ старику, отдѣливъ часть имущества на починку и украшеніе церкви, остальное употребить на основаніе школы. Старикъ не только согласился на мое предложеніе, но видимо обрадовался ему. Спустя немного, старческая немощь его усилилась и онъ скоро отошелъ къ Господу, завѣщавъ мнѣ съ двумя прихожанами, кромѣ приличнаго исправленія церкви, устроить на его счетъ училищный домъ со всѣмъ обзаведеніемъ, съ окладомъ жалованья, на первый годъ, для учителя и полнымъ содержаніемъ для десяти мальчиковъ-сиротъ, или дѣтей бѣдныхъ родителей. Для поддержанія училища на всегдашнее время назначена часть дохода съ водяной мельницы, принадлежащей старику и состоящей на рѣкѣ Ро-

(*) Кіев. Тел. 1860 г. № 75.

си. «Затѣмъ училище было открыто 8 ноября 1859 года и ученіе пошло довольно успѣшно; ученики на лѣто были отпускаемы домой съ обязательствомъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для повторенія пройденнаго. Въ это же время о. А. Лебедицевъ предположилъ открыть въ д. Листвинѣ, находящейся тоже недалеко отъ м. Корсуни, женскую школу.

По оффиціальнымъ извѣстіямъ послѣдняго времени, духовенство Кіевской губ. открыло, при церквахъ, 1036 школъ, въ которыхъ число учениковъ доходитъ до 19,000. Для надзора за этими школами учреждены, духовнымъ вѣдомствомъ, особые блюстители, которымъ дана въ руководство инструкція. Нельзя не пожелать, чтобъ эти школы, вызванныя къ жизни извнѣ, а не внутреннею дѣятельностью общества, также скоро не были заброшены, какъ и образовались. Существованіе и развитіе ихъ столько зависитъ отъ личной энергіи духовенства, сколько и отъ матеріальныхъ средствъ. Желательно, чтобы нашлось то и другое, и чтобы методъ обученія дѣтей не былъ схоластическій.

Объ открытіи въ 1860 г. школъ въ Каменецъ-Подольской епархіи, протіерей Евфимій Лозинскій, сообщаетъ редакціи «Кіевскаго Телеграфа» слѣдующее: «Въ нашей Каменецъ-Подольской епархіи духовенство всѣхъ безъ исключенія приходовъ чрезвычайно торопится заводить, на первый разъ—въ своихъ домахъ, школы для обученія грамотѣ преимущественно крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Къ такому единственному стремленію въ-особенности *поощрило* насъ письменное воззваніе къ духовенству нашего архипастыря и присылка букварей въ даръ отъ начальника края, князя И. И. Васильчикова, въ числѣ 10,000 экземпляровъ. Въ одномъ моемъ благочинницкомъ округѣ, *въ одну недѣлю*, открыто мною 8 школъ и собрано учениковъ, мальчиковъ 86 и ученицъ дѣвочекъ 7 и есть полная надежда, что къ началу будущаго года подобныя школы распространятся во всемъ моемъ округѣ, состоящемъ изъ 29 приходовъ.» О сочувствіи гг. помѣщиковъ къ образованію народа въ этомъ же извѣстіи сказано,: «гг. помѣщики не хотятъ содѣйствовать намъ въ столь насущной потребности, какъ народное образованіе, и *смотрятъ на распространеніе грамотности между крестьянами съ какимъ то предубѣжденіемъ*; тогда-какъ для нихъ ничего не стоило бы поощрить по этому случаю крестьянъ; тогда все пошло бы впередъ легче, а то *даже отопленія жалютъ для школъ*.» Тотъ же Евфимій Лозинскій, въ генварѣ 1861 года, сообщаетъ въ ту же газету,

что въ остальныхъ 21 приходѣ — къ началу настоящаго года заведены имъ школы при церквахъ, въ которыхъ учатся 491 мальчикъ и 131 дѣвочка;—въ преподаваніи приняли участіе и дамы изъ духовнаго сословія; во вновь открытыхъ школахъ въ настоящее время 4 такихъ наставницы. Къ несчастію, и эти школы, при своемъ открытіи, встрѣтили со стороны нѣкоторыхъ то же упорное предубѣжденіе и антипатію къ образованію, что̀ видно изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ г. Лозинскаго: «Судя потому, какъ велико стремленіе въ народѣ къ обученію дѣтей грамотѣ, надо сказать, что далеко выше была бы цифра учениковъ и учениць въ этихъ школахъ, еслибы была возможность пріискать помѣщенія особыя, просторныя, свѣтлыя, теплыя и сухія,—а то всѣ онѣ находятся въ домахъ церковныхъ, большею частію такихъ, въ которыхъ самые причты съ семействами едва только помѣщаются, не бывъ поддержаны никакими властями, ни отапливаемы и очищаемы, когда у причтовъ нѣтъ въ достаткѣ ни собственнаго топлива, ни прислуги.»

Трудно существовать школамъ, при такой обстановкѣ,—но теперь, при большей свободѣ, естественнымъ образомъ улучшатся средства крестьянъ и они, надо надѣяться, не будутъ нуждаться въ помощи тѣхъ, которыхъ прямою обязанностью и долгомъ было бы помочь имъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне сами находили возможность изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлить нетолько на школу, но и на помощь бѣднѣйшимъ своимъ собратьямъ, желавшимъ обучать своихъ дѣтей; такъ «крестьяне Новградволынского уѣзда, села Пищева, помѣщика графа Ал. Потоцкаго, 22 ноября 1860 года, собравшись на мірскую сходку, составили приговоръ, которымъ постановили: жертвовать при каждомъ взносѣ податей въ казну по 5 коп. сребр. съ души на устройство ихней сельской школы, а именно: на покупку учебныхъ пособій, *на содержаніе и обученіе дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и сиротъ*, на наемъ учителя въ помощь ихъ приходскому священнику, на наемъ сторожа и т. п... Причемъ они избрали изъ среды себя благонадежнаго крестьянина, которому поручили, по распоряженію ихъ духовнаго отца, производить расходы денегъ на школу и, по-временамъ, отдавать имъ отчетъ въ расходѣ ихъ денегъ.» (1) Въ открытіи этой школы принималъ самое дѣятельное участіе приходскій священникъ села Пищева, Михаилъ Чечетъ.

Въ началѣ настоящаго 1861 года, заведена сельская школа въ селѣ Макіевкѣ, Васильковскаго уѣзда Кіевск. губерніи, стараніями мѣст-

(1) Кіев. Тел. 1860 г. № 99.

наго приходского священника; школа въ этомъ селѣ существовала уже давно, но въ малыхъ размѣрахъ, — она была заведена священникомъ для обученія собственныхъ дѣтей, и небольшаго числа дѣтей прихожанъ,—и помѣщалась въ домѣ священника. Въ концѣ 1860 г. положено было стараться дать школѣ большіе размѣры и выстроить для нея домъ. «Мѣстный владѣлецъ Г. Д., *испытывая плоды* прежняго обученія его крестьянъ (въ домѣ священника), *изъ коихъ двое оказались весьма полезными при управленіи его экономіею и домомъ*, по предложенію того же священника и прошенію крестьянъ, отпустилъ нужный для постройки дома матеріалъ и обѣщалъ дать хлѣбъ, какой окажется нужнымъ для прокормленія учителя (*).»

Въ раскольничьемъ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губ., уже довольно давно образовалась сама–собой сельская школа съ вѣдома начальства. Одинъ дворянинъ успѣлъ пріобрѣсть довѣріе посадскаго населенія, которое начало поручать ему своихъ дѣтей въ науку. Число учениковъ скоро возрасло настолько, что потребовалась постройка особаго дома, которую, съ разрѣшенія начальника губерніи, взяли на себя два посадскіе купца. Училище находится теперь въ вѣдомствѣ Министерства Нар. Пр.; учитель получаетъ 350 р. жалованья; общество имѣетъ объ немъ попечительство чрезъ почетныхъ блюстителей и ратушу. Нѣтъ сомнѣнія, что эта школа можетъ принесть большую пользу. До сихъ поръ всѣ усилія правительства вразумить раскольниковъ оставались безуспѣшны; время подумать о другихъ средствахъ для достиженія этой цѣли. Единственный ведущій къ этому путь есть просвѣщеніе, которое одно открываетъ глаза. Но чтобы раскольники охотно посылали своихъ дѣтей въ школы, необходимо допустить ихъ участіе въ учрежденіи и управленіи школъ, въ избраніи учителя, и т. п.

Сельскія школы наши только еще въ зародышѣ. Въ Малороссіи, въ прежнее время, были распространены сельскія школы частныя; онѣ помѣщались большею частію въ церковныхъ домахъ, гдѣ жили причетники, или въ собственныхъ домахъ дьячковъ и пономарей —тогдашнихъ сельскихъ учителей. До сихъ поръ еще существуютъ при церквахъ домы, которые носятъ названіе *школъ*, хотя въ нихъ давно замолкли крики школяровъ. Поселяне посылали своихъ дѣтей въ эти

(*) Кіев. Тел. 1861 г. № 14.

школы, платя дьячку за науку большею-частію сельскими продуктами. Въ одной изъ такихъ-то школъ учился грамотѣ и Шевченко.

Съ 1840 г. заведены сельскія школы вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя, при содѣйствіи полицейскихъ мѣръ, нанесли ударъ прежнимъ школамъ. Курсъ теперешнихъ школъ шире; но методъ преподаванія тотъ же—заучиваніе и вытверживаніе безъ пониманія. Школы эти не пользуются особенною симпатіею поселянина по многимъ причинамъ. Онѣ учреждены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большихъ селахъ; поселянинъ, для того, чтобы научить своего сына грамотѣ, долженъ везть его за 8–10 и болѣе верстъ, отыскать для него квартиру, доставлять на него провизію и наконецъ лишиться, съ его отсутствіемъ, члена семейства, который могъ бы быть, въ свободное отъ школы время, въ помощь отцу и матери. Кромѣ того, ученіе въ этихъ школахъ не можетъ идти успѣшно, такъ какъ оно поручается большею частію священнику, который и безъ того имѣетъ много занятій. Оттого мы видимъ, что учитель-священникъ не рѣдко нанимаетъ за себя дьячка, который иногда можетъ съ успѣхомъ учить чтенію псалтыря и часослова, но рѣдко въ состояніи научить ариѳметикѣ и наставить въ христіанской нравственности; случается и то, что священникъ, оторванный отъ школы другими занятіями, поручаетъ школу одному изъ своихъ учениковъ.

Для того, чтобы образованіе народа пошло успѣшно, необходимо учрежденіе училищъ въ каждомъ селѣ; учителемъ должно быть лицо, исключительно посвящающее себя этому званію. Скажутъ, что на заведеніе такого числа училищъ нужны правительству громадныя суммы.. Справедливо, если правительство захочетъ держать въ своихъ рукахъ не одно общее управленіе народнымъ образованіемъ, а и завѣдываніе каждою школою. Но если правительство пожелаетъ только способствовать народному образованію, оно въ самомъ народѣ найдетъ великія средства. Пусть учредятся особенныя семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей, заведеніе же и содержаніе сельскихъ школъ пускай останется на обязанности каждаго общества.

ПРОЩАНІЕ Н. ИВ. ПИРОГОВА

СЪ УЧЕБНЫМЪ СОСЛОВІЕМЪ И ГОРОДОМЪ КІЕВОМЪ.

Пять лѣтъ тому назадъ, знаменитый во всей Европѣ, ученый хирургъ Н. Ив. Пироговъ, явился дѣятелемъ въ другой сферѣ, въ сферѣ учебно-административной и успѣлъ пріобрѣсти общую извѣстность и на этомъ поприщѣ. Славный дѣятель на себѣ-самомъ доказалъ справедливость положенія, высказаннаго имъ, съ такою убѣдительностью, въ «Вопросахъ Жизни»: *образовательную* силу общества и *главную* задачу воспитанія—составляетъ не спеціалистъ, а *человѣкъ*.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей благонамѣренныхъ, образованныхъ и честныхъ; но въ людяхъ, истинно-полезныхъ для практической жизни, для общественной дѣятельности, общество наше ощущаетъ крайнюю бѣдность. Гдѣ тѣ практики, которые бы въ своей дѣятельности соображались съ желаніями и потребностями общества, которые бы твердо рѣшились проводить въ жизнь то, что̀ дознано наукой, опытомъ и исповѣдывается въ теоріи иногда ими-самими? которые способны были бы вызывать общество въ самодѣятельности? Наши практическіе дѣятели, съ своею *слу́жебною* опытностью и воспитаніемъ, по большей части не имѣютъ ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ, конечно, цѣлей частныхъ; это—рутинисты, невѣрующіе ни въ природу человѣка, ни въ самихъ-себя, ни въ возможность улучшеній. Неудивительно, поэтому, если общество не обнаруживаетъ никакого сочувствія къ ихъ дѣятельности.

Дѣятельность Н. Ив. Пирогова, какъ попечителя Кіевск. Учебн. Округа, не подходитъ подъ общій, обыкновенный, уровень. Она останется навсегда плодотворнымъ преданіемъ въ памяти людей, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, и послужитъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ. Особенно – замѣчательна вѣрность принятымъ

началамъ и послѣдовательность дѣятеля, желаніе его быть дѣйствительно-полезнымъ обществу—безъ слабости, безъ угоднической поблажки его страстямъ, но съ постояннымъ, неподдѣльнымъ, уваженіемъ къ *человѣку*, кто бы онъ ни былъ. Общество оцѣнило заслуги Н. Ив. и съ энтузіазмомъ высказало ему свою признательность. Въ описаніи «Прощанія» и въ рѣчахъ, которыя при этомъ были сказаны, — характеръ дѣятельности Н. Ив. Пирогова очерченъ полнѣе и выразительнѣе, нежели мы въ состояніи это сдѣлать.

Прощальный обѣдъ 4-го апрѣля—такъ начинается описаніе прощанія Кіевскаго Учебнаго Округа съ Пироговымъ,—имѣлъ особый, своеобразный характеръ, который рѣзко выдвигаетъ его изъ ряда торжественныхъ обѣдовъ. На немъ присутствовало болѣе 120 участниковъ, но все это были люди учебнаго вѣдомства, съ которыми Н. И. находился, по самому положенію своему, въ болѣе или менѣе частыхъ, въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. А служить вмѣстѣ съ нимъ, служить подъ начальствомъ его, значило для большинства быть его учениками. Потому-то отъ собранія удалена была всякая торжественность и публичность: ихъ никогда не любилъ Николай Ивчъ. Это былъ домашній обѣдъ, на которомъ огромная семья людей, родныхъ по убѣжденіямъ, прощалась съ главою дома. На отходящаго патріарха—учителя грустно устремлены были всѣ взоры, къ нему одному обращались всѣ желанія и привѣтствія. Каждый говорилъ объ немъ одномъ, каждый, оцѣняя его заслуги, объяснялъ себѣ и другимъ всю тягость испытываемой утраты. Восторженно и одушевленно выражали свои чувства растроганные ученики, а онъ задумчиво и спокойно говорилъ намъ объ одномъ, вѣчно непреходящемъ царствѣ идеи и утѣшалъ насъ возможностію и въ разлукѣ постоянно сообщаться мыслями въ этомъ мірѣ идей. Особенно—памятными пребудутъ для насъ тѣ минуты, когда устами студента, недавняго гимназиста, будущее поколѣніе общественныхъ дѣятелей выразило, какъ оно понимаетъ Пирогова, когда представитель нравственно—поднятыхъ имъ еврейскихъ училищъ провозгласилъ тостъ за совершеннѣйшаго представителя образованныхъ христіанъ, когда наконецъ издалека раздался голосъ полтавскихъ гимназистовъ, просящихъ своего бывшаго руководителя »благословить ихъ быть достойными гражданами.« Въ эту минуту мы не жалѣли о Пироговѣ,—нѣтъ! мы завидовали ему тою высокою, плодотворною завистью, которая вызываетъ на благородное соревнованіе и усиленный трудъ.

Заимствуемъ болѣе замѣчательныя рѣчи, объясняющія дѣятельность Пирогова.

Послѣ І. Г. Михневича, который первый выразилъ воодушевлявшія собраніе чувства, при разставаніи съ уважаемымъ человѣкомъ, ректоръ университета Н. Х. Бунге сказалъ:

«Лѣтъ шесть тому назадъ. среди разгара войны, въ лѣтописяхъ которой сохранится дорогое намъ имя, общество наше пробудилось къ новой жизни. Великія, совершившіяся съ тѣхъ поръ преобразованія вызвали много новыхъ дѣятелей на гражданское поприще и тѣ, которые слѣдили за ходомъ нашего мирнаго развитія, могли замѣтить сколько людей въ это короткое время пережили и свою старую, и свою новую славу.

Отчего же добрая слава Николая Ивановича устояла и противъ ожесточенныхъ порицаній и противъ восторженныхъ похвалъ? Оттого, мм. гг., что Н. И. опирался въ своей дѣятельности на служеніе наукѣ и нравственному авторитету, а то и другое вызываетъ не мимолетную популярность, а уваженіе и любовь.

Я не стану исчислять всего, что сдѣлалъ Н. И. для университетской науки; довольно упомянуть о живомъ участіи, которое онъ принималъ во всѣхъ ученыхъ вопросахъ по изданію университетскихъ извѣстій, по замѣщенію каѳедръ, по раздѣленію факультетовъ; довольно упомянуть о томъ, какъ щедро ассигновались и тратились наши средства на переустройство астрономической обсерваторіи, на передѣлку помѣщенія для практическихъ занятій химіею, какъ скупо расходовались они на роскошь ремонта; о томъ, какъ много обязана ему студентская библіотека, въ пользу которой онъ, на-дняхъ, предоставилъ изданіе своихъ педагогическихъ статей, написанныхъ въ истекшіе три года.

Но главная тайна вліянія Н. И. заключалась въ служеніи нравственному авторитету.

Онъ старался упрочить его устройствомъ университетскаго суда, порученнаго правленію. Каковы бы ни были недостатки этого учрежденія, но оно дало приговорамъ за проступки студентовъ характеръ законности, а не личнаго произвола.

Онъ старался сообщить инспекціи студентовъ духъ благородства и прямоты и упрочить за нею большую степень довѣрія.

Онъ основывалъ свою власть на преданности наукѣ и на внутреннемъ убѣжденіи; но гдѣ власть опиралась на эти силы, гдѣ зрѣлыя понятія только начинали проникать въ умы молодаго поколѣнія, испытывавшаго на себѣ постороннія вліянія, чуждыя и университету и намѣреніямъ его бывшаго руководителя, тамъ нельзя было ожидать внезапнаго торжества нравственнаго самообладанія.

Будущее принадлежало намъ; оно готовило неразрывную связь между всѣми служителями истины и добра. Поэтому позвольте, мм. гг., выразить надежду, что этотъ союзъ осуществится, и предложить тостъ за Н. И., его основателя и представителя нравственнаго принципа въ дѣлѣ образованія».

Послѣ ректора, ученикъ и восторженный поклонникъ Пирогова, профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ представилъ одушевленную картину по-преимуществу ученой дѣятельности славнаго медика.

«Мм. гг! Мы всѣ чувствуемъ, что этотъ обѣдъ, это собраніе не есть обыкновенное прощаніе съ уѣзжающимъ начальникомъ. Мы увѣрены, что еслибъ во всей обширной Россіи знали о настоящемъ днѣ и его значеніи, то мысли и чувства всѣхъ многочисленныхъ приверженцевъ и почитателей Н. И Пирогова были бы съ нами здѣсь въ эту торжественную минуту. Давно извѣстно, что современная Россія глубоко сочувствуетъ Николаю Ивановичу, т. е., что онъ въ полной гармоніи съ большимъ числомъ современниковъ. Но такъ-ли было всегда? Вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе важно въ это время для того, чтобы почерпнуть изъ исторіи его жизни ручательство за вѣрность стремленій какъ его самого, такъ и его послѣдователей.

Я вправѣ говорить объ этомъ, ибо мнѣ досталось на долю рѣдкое счастіе слѣдить въ продолженіи 26 лѣтъ за подвигами и дѣйствіями Н. И.

Произношу съ гордостію: я ученикъ Н. И. Я видѣлъ, какъ въ 1836 году молодой профессоръ вступилъ на каѳедру императорскаго дерптскаго университета, въ которомъ до тѣхъ поръ привыкли видѣть дѣльныхъ профессоровъ только изъ Германіи. Тѣмъ не менѣе вся молодежь, увлекаемая пылкимъ и неутомимымъ рвеніемъ молодаго ученаго къ наукѣ, бросилась вслѣдъ за нимъ. Имя Пирогова наполнило всѣ сердца и умы, и онъ основалъ первую въ Россіи и одну изъ лучшихъ хирургическихъ школъ, разсѣянные члены которой и теперь приносятъ пользу во всей необъятной Россіи. Онъ издалъ въ Дерптѣ два замѣчательныя сочиненія. Первое изъ нихъ было Лѣтописи дерптской клиники, въ которыхъ молодой профессоръ жертвовалъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно неохотно жертвуютъ врачи: своимъ renommée. Въ этомъ сочиненіи онъ исповѣдалъ публично свои клиническія ошибки, онъ доказалъ ту высокую правдивость, которая характеризуетъ всю его жизнь. Сверхъ того онъ написалъ въ Дерптѣ сочиненіе, теперь выходящее вторымъ, неизмѣненнымъ изданіемъ, которымъ занятъ нашъ будущій товарищъ, профессоръ Шимановскій. Стало быть въ продолженіе 25 лѣтъ, въ которые анатомическія науки сдѣлали неслыханные успѣхи, ученый свѣтъ не могъ произвести ничего лучше перваго литературнаго труда Н. И. Пирогова. Изъ Дерпта Н. И. перешелъ въ С.-Петербургъ для того, чтобы лучше служить наукѣ и быть полезнѣе для Россіи, чѣмъ это ему было возможно въ образованномъ, но отдаленномъ углѣ нашего обширнаго отечества. При переѣздѣ его въ Петербургъ, его слава, послѣ пятилѣтней профессорской дѣятельности, была уже такъ велика, что президентъ петербургскаго общества русскихъ врачей принялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы немедленно увѣдомили его о прибытіи Пирогова. Ночью пріѣхалъ знаменитый хирургъ, а наутро президентъ явился къ нему и поднесъ дипломъ на званіе члена общества русскихъ врачей. Дѣятельность Н. И. въ столицѣ была и ученая и административно-медицинская. Упомянемъ вкратцѣ о важнѣйшихъ его заслугахъ. Ему принадлежитъ первое осуществленіе присоединенія нашихъ госпиталей къ клиническому преподаванію и, если эта мысль еще не вездѣ у насъ проведена, то ея будущее осуществленіе едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Подъ исключительнымъ вліяніемъ его мысли составленъ нашъ уставъ объ испытаніяхъ для полученія медицинскихъ степеней, уставъ, который, независимо отъ колебаній состоянія науки въ извѣстное время, весьма практиченъ и реализируетъ необходимость соединенія науки съ практикою въ медицинѣ. Н. И-чу принадлежитъ нѣсколько страницъ изъ исторіи доблестныхъ подвиговъ русскихъ врачей на полѣ сраженія. При началѣ крымской войны онъ изобрѣлъ гипсовую повязку, облегчившую страданія многихъ ты-

сячъ раненыхъ воиновъ. Онъ раздѣлялъ труды нашей арміи въ Крыму и никогда, въ особенности русскій солдатъ, не забудутъ его искусной руки и его доброй, сердобольной души. Въ Петербургѣ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: Anatome topographica (льдяная анатомія), плодъ пятилѣтнихъ трудовъ. До этого сочиненія, кто говорилъ объ анатоміи, тотъ говорилъ объ анализѣ, о разложеніи; Пироговъ ввелъ въ эту науку синтезисъ. Что въ продолженіи 2000 лѣтъ разлагали, раздѣляли, то онъ соединилъ, свелъ въ одно и доказалъ, что, за избыткомъ анализа, мы не понимаемъ синтеза. Какъ поняты были эти заслуги и труды современниками Пирогова? Критика разразилась укорами надъ его клиническою лѣтописью, нашли, что онъ слишкомъ пренебрегаетъ терапіею. Но чтожъ? Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ—и эта же терапія, въ которую тогда вѣрили противники Н. И., была признана ничтожною. Н. И. былъ правъ. Какъ вѣрно онъ угадалъ потребность хирургіи въ своемъ сочиненіи о перевязкѣ артерій, доказываетъ то, что этотъ трудъ не отсталъ отъ современности въ теченіи цѣлыхъ 25 лѣтъ и сразу былъ признанъ первокласнымъ, въ высшей степени практическимъ сочиненіемъ. Льдяная анатомія, хотя еще не признана какъ слѣдуетъ и встрѣчена только всеобщимъ удивленіемъ, но уже настаетъ, уже начался тотъ періодъ анатоміи, когда станутъ изслѣдовать устройство не мертваго, а живаго человѣка; а когда это будутъ дѣлать вездѣ, тогда сочиненіе Пирогова обратится въ ежедневную справочную книгу для всѣхъ анатомовъ и врачей въ свѣтѣ. Это сочиненіе составляетъ эпоху въ наукѣ; соединеніе же клиникъ съ госпиталями есть начало реформы медицинскихъ училищъ въ Россіи. Никогда, ни чей голосъ не отвергалъ пользы его экзаменаціоннаго устава: онъ соотвѣтствовалъ вполнѣ своему времени и не утратилъ этого значенія и теперь.

Но великій анатомъ, великій врачъ оставляетъ медицинскую каѳедру, и, о чудо! анатомъ, хирургъ и испытатель матеріи въ природѣ человѣка дѣлается поборникомъ его духовнаго начала. Онъ требуетъ признанія и развитія достоинства человѣка, въ знаменитыхъ строкахъ о вопросахъ жизни онъ кладетъ руку на больное мѣсто въ воспитаніи русской молодежи, но кладетъ ее какъ врачъ, для исцѣленія ранъ. Онъ произнесъ то, что всѣ чувствовали, но никто не облекъ въ слово. Вся Россія его поняла, вся Россія согрѣвалась его теплою вдохновенною рѣчью, вся Россія стала требовать гуманности, человѣчности въ воспитаніи. Пироговъ указалъ на сущность университетскаго образованія въ противоположность спеціальному. Онъ доказалъ связь гуманнаго образованія съ божественнымъ ученіемъ. Понялъ-ли тутъ Пироговъ духъ своего времени? Кажется объ этомъ спорить излишне.

Потомъ Н. И. дѣлается ученымъ администраторомъ, попечителемъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ эманципируетъ бѣдныхъ дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія, онъ подаетъ руку загнанному племени Евреевъ, онъ указываетъ христіанамъ сколько гуманности и любви къ просвѣщенію кроется въ этой расѣ. И чтожъ? Какъ отозвалось на все это современное общество? Едва-ли кто у насъ болѣе популяренъ, любимъ, уважаемъ, какъ Пироговъ.

Я кончаю свою рѣчь:

Н. И. Пироговъ, какъ человѣкъ науки, былъ всегда передовымъ двигателемъ ея; общество шло за нимъ и всегда время доказывало, что онъ не ошибался. Когда же онъ сталъ заниматься вопросами жизни, то великій врачъ, привыкшій всегда однимъ взглядомъ окидывать всю цѣлость явленій, а не

увлекаться однимъ, всегда схватывалъ вѣрно потребности момента. Храмъ идей былъ открытъ всѣмъ, но первый въ него вошелъ Н. И. и за нимъ уже вошли всѣ другіе съ криками радости и удивленія. Онъ былъ вполнѣ не только человѣкъ своего времени, но и вождь своихъ современниковъ. Число людей нераздѣляющихъ его взглядовъ не велико, оно никогда не было велико! Н. И. не воевалъ противъ зла, онъ возвышалъ, укрѣплялъ приверженцевъ добра, онъ увлекалъ ихъ теплотою чувствъ и закрѣпилъ ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ. Его врагами не были поборники зла, они его не боялись. Его противниками были собственно тѣ люди, которые, въ свое время и въ свою очередь, стояли за прогрессъ, но, будучи обязаны охранять блага добытаго прогресса, страшатся опрометчиво идти дальше за Н. И., пока не поймутъ прочности и вѣрности его идеи. Но они напрасно сомнѣваются въ счастливой звѣздѣ, въ геніальной смѣтливости Н. И.: и они послѣдуютъ за нимъ, и тогда идеи Пирогова вполнѣ восторжествуютъ. За это намъ ручается весь ходъ его жизни, успѣхъ его мыслей и трудовъ. Итакъ, господа, я предлагаю тостъ за попечителя двухъ учебныхъ округовъ, великаго ученаго, славнаго писателя, благороднаго гражданина, нашего незабвеннаго друга и руководителя Николая Ивановича Пирогова!

Отъ имени двухъ кіевскикъ гимназій говорили старшіе учители Ѳ. О. Петрушевскій и И. О. Самчевскій.

Г. Петрушевскій сказалъ:

Обращаюсь къ вамъ, Николай Ивановичъ, съ краткимъ словомъ, въ которомъ попытаюсь выразить ощущенія, съ какими мы предаемся безплодному сожалѣнію о томъ, что недолго привелось намъ быть свидѣтелями вашей безпримѣрной дѣятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая кіевская гимназія, на ряду съ прочими, назвала васъ своимъ начальникомъ, мы сами увидѣли, кто не былъ слѣпъ, то, о чемъ до той поры говорила намъ молва. Мы поняли въ чемъ заключается истинная власть и какъ она выражается; всякій испыталъ, что знаменитый ученый, человѣкъ истинно просвѣщенный и глубоко преданный дѣлу человѣческаго развитія пріобрѣлъ надъ нами вліяніе, недоступное никакому другому олицетворенію власти, вооруженному всѣми возможными знаками отличія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали свидѣтелями вашего неутомимаго трудолюбія, никто изъ насъ не могъ сказать ни вслухъ, ни мысленно, что онъ сдѣлалъ все, чего могло ожидать отъ него общество. Безмолвная, но неотразимая укоризна, исходя изъ тиши кабинета, гдѣ неутомимо работалъ Пироговъ, ложилась нерадивому на совѣсть, и напрасно онъ принималъ на себя мниморавнодушный видъ, не успѣвая обмануть даже и самого себя.

Свободно и самостоятельно трудились мы, каждый по-своему; мы мѣнялись мыслями, и ни чье доброе пожеланіе, ни чья счастливая идея на пользу общую не были останавливаемы никакимъ опасеніемъ, потому что мы всѣ, благодаря вамъ, пользовались одинаковою разумною свободою.

Никогда не позволю себѣ оскорблять слухъ вашъ льстивыми фразами, не буду говорить, наприм., что гимназія наша будто бы достигла высшей степени благосостоянія, но я долженъ сказать здѣсь во имя истины, что никогда мы, воспитатели и наставники, не испытывали болѣе благодѣтельнаго нравственнаго и умственнаго вліянія, какъ въ то короткое время, когда имѣли счастіе

называть васъ своимъ главою. Мы видѣли не начальника надъ собою, но человѣка, гражданина, ученаго и воспитателя, находившаго высшее удовлетвореніе въ своемъ собственномъ сознаніи.

Этого рода впечатлѣнія не скоропреходящи,—нѣтъ, они глубоко вошли въ наши натуры и принесутъ полезные плоды.

Скоро вы будете далеко отъ насъ, но ни разстояніе, которое будетъ между нами, ни долгіе годы предстоящей намъ разлуки не истребятъ ихъ, и позвольте заявить вамъ, что всегда мы будемъ вспоминать о васъ со всѣмъ чистымъ и глубокимъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ знаменитое имя Пирогова, за котораго, мм. гг., честь имѣю предложить торжественный тостъ.

Самчевскій сказалъ отъ имени второй гимназіи:

«Отъ лица второй гимназіи, собравшейся здѣсь въ полномъ своемъ составѣ, я осмѣливаюсь возвысить мой слабый голосъ, чтобы выразить вамъ, Николай Ивановичъ, наше глубокое сочувствіе и искреннюю благодарность за неутомимую и въ высшей степени плодотворную вашу дѣятельность въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа.

Вы старались провести въ дѣло ту благую мысль, что произволъ особенно вреденъ въ дѣлѣ воспитанія, и плодомъ этого стремленія было осуществленіе въ гимназіяхъ *коллегіальнаго управленія*, бывшаго до того времени только на бумагѣ въ уставѣ 1828 г. Устройство это успѣло въ настоящее время правильно организоваться и принести благодѣтельные плоды: оно избавило и удержало въ извѣстной мѣрѣ учащихъ и учащихся отъ произвола и начало вызывать живую нравственную связь между тѣми и другими; оно пробудило сознательную дѣятельность преподавателей и подняло ихъ значеніе въ обществѣ, въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ учащихся. Безъ сомнѣнія, здѣсь имѣло огромное вліяніе и то въ высшей степени гуманное обращеніе съ лицами подвѣдомственными вамъ, которое присуще было вашей человѣчной природѣ, которое вытекало у васъ, безъ сомнѣнія, изъ сознанія его необходимости, а не изъ другихъ побужденій, въ высшей степени, повторяю, гуманное обращеніе, которое рѣдко и въ настоящее время, хотя объ немъ такъ много пишутъ и говорятъ. Предъ вами мы всѣ были равны, доступъ къ вамъ для всѣхъ былъ одинаковъ, не было различія въ званіи, въ каждомъ изъ насъ вы прежде всего видѣли человѣка; оттого истина была вамъ доступна и между вами и вашими сослуживцами существовала та нравственная связь, то искреннее довѣріе, при которомъ только и возможны прочные успѣхи въ великомъ дѣлѣ воспитанія. Благодаря этимъ отношеніямъ и вашей постоянной заботливости о ввѣренномъ вамъ вѣдомствѣ, среднія учебныя заведенія наши много выиграли и въ нравственномъ и учебномъ отношеніи. Тѣлесныя наказанія, вредно дѣйствующія на нравственность учащихся, при произвольномъ ихъ употребленіи, почти устранены, разумѣется, насколько это возможно при нынѣшнемъ состояніи нашего общества и нашихъ учебныхъ заведеній; преподаваніе получило болѣе раціональное направленіе, въ ученикахъ возбуждена сознательная дѣятельность, къ чему много способствовали вами учрежденныя *литературныя бесѣды*, въ которыхъ вы принимали такое живое участіе.

Отъ каждаго изъ насъ вы требовали дѣла и дѣло говорило само-за-себя; громкія фразы формальное только исполненіе обязанностей, льстивыя обѣщанія и увѣренія потеряли свою силу. Протекціи утратили свое значеніе: мѣста замѣщались по *конкурсамъ*, слѣдовательно—людьми способными къ педагогической дѣятельности.

Вы не ограничивались одними требованіями и исполненіемъ этихъ требованій. Вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность собственнымъ участіемъ и готовностію содѣйствовать ей всевозможными средствами. Блестящимъ памятникомъ въ этомъ отношеніи останутся *циркуляры* по управленію округомъ: офиціальный перечень служебныхъ перемѣнъ, извѣстный подъ именемъ циркуляра, вы обратили въ одно изъ лучшихъ педагогическихъ изданій въ Россіи. Въ нихъ знакомились мы съ различными мнѣніями о преподаваніи, они служили проводникомъ вашихъ честныхъ убѣжденій и просвѣщеннаго взгляда на воспитаніе. Въ двухлѣтнее ваше управленіе *библіотеки* и *кабинеты* наши значительно увеличились, нѣкоторые изъ преподавателей гимназій получили *средства къ самоусовершенствованію* за границей.

Въ заключеніе г. Самчевскій прибавилъ:

Намъ хотѣлось бы вѣрить, что начала положенныя вами будутъ имѣть благодѣтельные результаты. По крайней мѣрѣ мы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и возможности, будемъ руководствоваться тѣми убѣжденіями, которыми была запечатлѣна ваша дѣятельность.

Но сильное впечатлѣніе произвели на всѣхъ присутствовавшихъ и замѣтно тронули самого Н. И—ча слѣдующія простыя, но исполненныя глубокаго смысла, слова студента историко-филологическаго факультета Драгоманова:

«Николай Ивановичъ! Прислушиваясь къ рѣчамъ, только что произнесеннымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку.

Я недавно былъ гимназистомъ и, пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ о томъ вліяніи, какое имѣло это начало на нравственное развитіе молодаго поколѣнія.

Въ прежнее время одни начальники съ суровой строгостью требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду, другіе были маниловски мягки и тѣмъ располагали насъ къ неуваженію. Отсутствіе гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе мелочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уваженіе заслуживается, а не требуется, что оно должно быть взаимно. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я былъ въ седьмомъ классѣ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика проявлялась въ самыхъ уродливыхъ формахъ и вражда къ старшимъ достигала крайнихъ предѣловъ. Когда же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумѣніяхъ съ учителемъ сталъ надѣяться когда нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши послѣдніе школьные годы.

Я не буду, изъ лести къ вамъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смѣло, что бо́льшая часть этого вліянія узаконялась и самоотверженно поддерживалась вами. И безъ вашего участія гуманныя начала

вошли бы, конечно, со временемъ въ наши гимназіи, но входили бы неспокойно, насильственно, еще болѣе усиливая вражду къ старшимъ. Между тѣмъ какъ, при вашихъ преобразованіяхъ, благія послѣдствія постепенно устанавливавшихся человѣческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ седьмомъ классѣ мы стали преслѣдовать нелѣпое молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей, стали понимать, что начальникъ представитель закона, а не произвола.

Конечно, наши младшіе товарищи могли развиваться еще нормальнѣе: въ какіе нибудь два съ половиною года вы не успѣли окончить вашего дѣла, съ корнемъ уничтожить произволъ и своеволіе. Но васъ-ли винить за то?.. При великомъ уваженіи къ вамъ, я рѣшусь сказать, что даже въ самыхъ обвиненіяхъ, дѣлаемыхъ вамъ непонимающими васъ, есть своя доля правды. Вы дѣйствительно были слишкомъ гуманны. Но можно только пожалѣть о томъ обществѣ, въ которомъ гуманность иногда бываетъ излишнею и производитъ рядомъ съ законной свободой хотя случайное своеволіе! Развѣ слѣдуетъ бояться эманципаціи крестьянъ, изъ-за того только, что иными она можетъ быть ложно понята? И еще вопросъ, что̀ виновато въ этомъ непониманіи: эманципація или закрѣпленіе?

И все-таки въ ваше управленіе не было такихъ взрывовъ своеволія, какіе помнитъ каждый помнящій свои прежніе школьные годы. И все-таки, если вообще здѣшнее юношество теперь ранѣе прежняго сознало, что понятіе о свободѣ необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себѣ и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

А потому, господа, позвольте мнѣ отъ лица моихъ товарищей предложить тостъ за людей, разумно воспользовавшихся свободой въ гимназіи и въ университетѣ, за будущихъ серьёзныхъ гражданъ нашего отечества, за человѣка, которому они обязаны началомъ нормальнаго воспитанія, за Николая Ивановича Пирогова!»

Громкія одобренія безпрерывно прерывали слова молодаго человѣка и долго не умолкали послѣ его рѣчи. Когда улеглись взволнованныя чувства, началъ говорить, наканунѣ нарочно присланный изъ Бердичева, смотритель еврейскаго училища Н. Н. Горенбергъ:

«Николай Ивановичъ! Бердичевское образованное общество Евреевъ и учителей прислало меня уполномоченнымъ, чтобы сказать вамъ на этомъ прощальномъ обѣдѣ нѣсколько словъ отъ ихъ имени. Извѣстно, какое шаткое основаніе положено было вновь устроеннымъ въ 1848 г. спеціально еврейскимъ училищамъ для образованія Евреевъ въ Россіи: организація дана имъ была весьма слабая; въ смотрители училищъ назначены были люди по большей части оказавшіеся лишними для христіанскихъ заведеній; для воспитанниковъ и еврейскихъ учителей не дано ни правъ, ни преимуществъ. Слѣдствіемъ такого устройства еврейскихъ училищъ было то, что съ самаго-же начала между училищемъ и обществомъ образовалась преграда: на сторонѣ училища обнаружилось равнодушіе, даже пренебреженіе, на сторонѣ общества—недовѣріе и жалобы; но причина этихъ жалобъ можетъ быть понятна только для того, кто смотритъ на человѣка съ такой *человѣчной* точки зрѣнія, какъ вы. Сколько намъ извѣстно, вы первый въ здѣшнемъ краѣ рѣшились возвысить свой справедливый голосъ въ защиту загнаннаго еврейскаго

племени. Какъ человѣкъ, стоящій выше всякихъ предразсудковъ, вы собственнымъ гуманнымъ примѣромъ больше имѣли вліянія на своихъ подчиненныхъ, чѣмъ всѣ ваши предшественники своими строгими формальными предписаніями. Сила этого личнаго вліянія была такъ велика, что даже люди прежняго порядка нѣхотя поддавались ей и измѣнялись. Это устраняло отъ васъ непріятность удалять ихъ. Какъ попечитель, вы справедливо считали еврейскія училища, если не самою важною, то по-крайней-мѣрѣ самою больною частію своего округа. Какъ медикъ, привыкши сочувствовать страданію человѣчества, вы подавали руку помощи образованной партіи Евресвъ и тѣмъ поддерживали ихъ энергію въ неровной борьбѣ какъ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовѣрцевъ, такъ и съ предразсудками отсталыхъ христіанъ. Евреи все это чувствуютъ и сознаютъ. Они понимаютъ, что вы все это дѣлали не для выставки, а для самаго дѣла, не только по долгу, но и по убѣжденію. За то не преувеличивая можно сказать, что всѣ образованные Евреи въ Россіи и многіе за границею съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя, и этотъ, такъ сказать, нравственный памятникъ народной признательности переживетъ всякій матеріальный. Николай Ивановичъ! Образованная партія Евреевъ съ большою скорбію услышала вѣсть о томъ, что вы разлучаетесь съ нами: если христіане потеряли много, то Евреи потеряли весьма и весьма много. Въ несчастіи люди мнительны, а потому Евреи теперь считаютъ свое дѣло задержаннымъ, если не болѣе... Будущее направленіе нашего округа покажетъ, насколько справедливо ихъ предчувствіе. Дай Богъ, чтобъ оно ихъ обмануло! Впрочемъ, что бы ни было, Евреи надѣются, что вы, Николай Ивановичъ, гдѣ бы вы ни были, не перестанете возвышать въ пользу справедливаго еврейскаго вопроса голосъ болѣе сильный, чѣмъ голосъ попечителя,—голосъ Пирогова. Николай Ивановичъ! Бердичевское общество не только Евреевъ, но и христіанъ, не прощается еще съ вами; оно надѣется, что будетъ имѣть честь проститься съ вами у себя, въ Бердичевѣ.

Васъ, господа, какъ представителей образованія въ здѣшнемъ краѣ, васъ Евреи просятъ поблагодарить вмѣстѣ съ ними Николая Ивановича за все то, что онъ сдѣлалъ для нихъ какъ попечитель и человѣкъ; но еще больше за то, что онъ хотѣлъ сдѣлать... Господа! образованные Евреи предлагаютъ тостъ за здоровье всѣхъ гуманныхъ христіанъ вообще и за совершеннѣйшаго ихъ представителя—Пирогова.»

Тостъ, предложенный г. Горенбергомъ, былъ принятъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ наглядное доказательство высокой, во имя науки всѣхъ братски сближающей и примиряющей дѣятельности Николая Ивановича.

Подали свой голосъ и воскресныя школы: первая идея ихъ была энергически поддержана Н. И-чемъ, который ближе всего принималъ къ сердцу интересы простаго народа и почиталъ образованіе его самою насущною необходимостію для осуществленія великой реформы Освободителя. Заѣдывающій подольскою воскресною школою, штатный смотритель кіево-подольскаго дворянскаго училища, И. И. Слѣпушкинъ сказалъ:

«Позвольте мнѣ не обойти молчаніемъ факта, опущеннаго въ рѣчахъ пред-

шествовавшихъ и которому можетъ быть суждено занять видное мѣсто въ исторіи нашего народнаго образованія. Я разумѣю воскресныя школы.

Первыя школы, какъ извѣстно, открылись въ Кіевѣ, въ ваше управленіе. Здѣсь онѣ развились, упрочились и отсюда уже, быстро размножаясь, распространились по всей Россіи. Если первая мысль этого, богатаго надеждами, дѣла и не принадлежитъ вамъ, Николай Ивановичъ, если съ первыми школами связано имя человѣка еще живущаго въ памяти университета; то во всякомъ случаѣ, смѣло скажу,—безъ вашего ободряющаго содѣйствія, безъ вашей дѣятельной инициативы, эта мысль еще долго и долго не могла бы осуществиться.

Конечно, теперь, когда дѣло воскресныхъ школъ уже упрочено, легко думать, что оно могло бы совершиться безъ препятствій. Но мы еще живо помнимъ, какимъ общимъ недовѣріемъ были онѣ встрѣчены. И потому не можемъ забыть, что вы первый упрочили положеніе ихъ въ Кіевѣ, а можетъ быть нашъ примѣръ облегчилъ появленіе ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Говорить о значеніи воскресныхъ школъ для образованія народа я считаю и преждевременнымъ и лишнимъ. Врядъ ли кто будетъ сомнѣваться теперь, что это дѣло великой, огромной важности. Напомнивъ о нихъ, я хотѣлъ только заявить, что всякая добрая мысль, всякое истинно-полезное начинаніе встрѣчало въ васъ всегда горячую поддержку и ободреніе.

Не мудрено, если при разставаньи съ вами, въ общемъ тонѣ рѣчей, сказанныхъ сегодня, выразилось такъ много скорбнаго. Въ этой скорби всего менѣе можно видѣть личное чувство. Я не хочу сказать, что оно не сильно къ вамъ; но все личное должно смолкнуть теперь предъ общественной потерей. А въ вашемъ лицѣ, Николай Ивановичъ, общество теряетъ много, *неизмѣримо много!*

Всегда и повсюду являются люди, на долю которыхъ выпадаетъ рѣдкое счастье быть выразителями лучшихъ стремленій времени. На нихъ покоятся надежды тѣхъ, которые желаютъ истиннаго блага странѣ своей и правдиво понимаютъ это благо. Они — неподкупные вожатые, ободряющіе на честномъ пути другихъ; и благо тамъ, гдѣ умѣютъ ихъ цѣнить!

Въ васъ, Николай Ивановичъ, мы, да и не только мы, привыкли видѣть такого вожатая.

Вотъ почему собрались мы сегодня, *печальные, глубоко-потрясенные!*:..

Потеря наша не въ безпримѣрномъ начальникѣ, даже не въ высоко-нравственномъ человѣкѣ... мы проигрываемъ болѣе, — да и не одни мы: вся просвѣщенная и мыслящая Россія понимаетъ смыслъ и значеніе вашей дѣятельности!

Разставаясь съ вами, мы выносимъ только одно высокое, но печальное утѣшеніе, что во всякомъ обществѣ остаются люди, ни для чего и ни для кого не жертвующіе своими убѣжденіями!

Позвольте же, мм. гг., предложить тостъ за этихъ людей и, слѣдовательно, за Пирогова.»

Когда высказаны были такимъ образомъ значеніе и плодотворная дѣятельность Пирогова по всѣмъ частямъ ввѣреннаго ему управленія, всталъ онъ самъ и, среди благоговѣйнаго молчанія, раздалась симпатичная, вдумчивая рѣчь его:

«Мм. гг.! Сочувствіе, которое вы мнѣ оказываете, столько же относится ко мнѣ, сколько и къ вамъ самимъ.

Не правда ли, вѣдь вы сочувствуете моимъ взглядамъ на жизнь, науку и школу? Но эти взгляды и убѣжденія столько же мои, сколько и ваши собственные.

Безъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія, безъ вашего теплаго участія, могъ ли бы я проводить ихъ, могъ ли бы я имѣть хотя малѣйшую надежду на успѣхъ?

Не имѣя надежды на успѣхъ, могъ ли бы я сохранить и довѣріе къ самому себѣ?

Ваше же содѣйствіе и участіе потому именно было дѣятельно и задушевно, что убѣжденія ваши были моими и мои вашими. Скажу болѣе, они не только мои и ваши, но и общечеловѣческія. Какъ бы, въ наше время, ни казались различными взгляды просвѣщеннаго общества на жизнь, науку и школу, между ними есть все таки одно общее, — это понятіе, глубоко хранящееся въ душѣ каждаго образованнаго, о человѣческомъ достоинствѣ и о высокомъ значеніи нравственной свободы человѣка, заставляющее насъ цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ.

Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

Я угадалъ, что вы не смотрите на жизнь, какъ на фантасмагорическій призракъ, которымъ распоряжается каждый фокусникъ для забавы, или для выгоды.

Я угадалъ, что наука въ вашихъ глазахъ не есть одна только гимнастика ума и памяти, видимо полезная себѣ и другимъ.

Я догадался, что школа въ вашемъ понятіи не есть учрежденіе, похожее на мастерскую ваятеля, въ которомъ художникъ по заказу выдѣлываетъ различныя формы изъ грубаго матеріала.

Я понялъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трехъ какъ на что-то отдѣльное и замкнутое, какъ на что-то, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную, органическую связь.

Нѣтъ. Я понялъ, что жизнь человѣка для васъ есть безпрерывная, не рѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ неостановимаго стремленія къ совершенству.

Я узналъ, что въ наукѣ вы не принимаете другой цѣли, кромѣ того же стремленія къ истинѣ, служащаго самому себѣ цѣлью, и считаете школу за одно изъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды.

Наконецъ, понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы всѣ какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ не уважать человѣческаго достоинства, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?

Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполняли эту обязанность, значило бы судить о самихъ себѣ.

Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

Время обсудитъ и оцѣнитъ лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, — гдѣ все проходитъ, — есть для насъ одно ненарушимое, — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами.

Я, съ моей стороны, не перестану служить ей также вѣрно, какъ служилъ вмѣстѣ съ вами. И теперь ли, когда Россія, руководимая благодѣтельнымъ Монархомъ, вступаетъ въ новую эру ея существованія, кто-нибудь изъ насъ осмѣлится нарушить святость долга, оставаясь въ бездѣйствіи?

Какъ ни грустно разставаться съ тѣми, съ кѣмъ были связаны единствомъ мысли и дѣйствій; но все таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что и разлучившись можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединятъ телеграфическія нити мысли.

Итакъ, останемся вѣрны нашему призванію и будемъ пользоваться тѣмъ, что доставляютъ намъ наши понятія о жизни, наукѣ и школѣ, которыя соединяли и будутъ соединять насъ всегда, не смотря ни на пространство, ни на время.»

Онъ кончилъ. Въ раздумьи всѣ какъ-бы прислушивались къ послѣднимъ, умирающимъ звукамъ знакомой рѣчи, которую не суждено уже болѣе слышать. Много уже было сказано рѣчей. На обычномъ обѣдѣ они могли-бы наконецъ утомить слушателей, а тутъ незамѣтно летѣли минуты и собесѣдники ждали еще словъ, какъ будто не могли наговориться и наслушаться вдоволь о Пироговѣ.

О христіанской дѣятельности Пирогова сказалъ теплое слово духовникъ его, законоучитель первой гимназіи, священникъ В. П. Каменскій.

Наконецъ, резюмировать все выраженное въ предыдущихъ рѣчахъ досталось на долю профессора исторіи Шульгина. Вотъ слова его:

«Въ послѣднее время такъ размножились торжественные обѣды по случаю, такъ часто раздаются на нихъ рѣчи, въ которыхъ ораторы не столько заботятся выставить заслуги того, о комъ говорятъ, сколько воздвигаютъ памятникъ собственному краснорѣчію, что, право, становится подчасъ совѣстно и ѣсть, и пить, и говорить въ честь личности, истинно и высоко цѣнимой и уважаемой. Но чтожъ дѣлать, когда въ настоящее время это единственное средство заявить свое мнѣніе о человѣкѣ противъ превратныхъ толковъ.....

И потому неудивительно, что сегодня столь многіе и такъ много говорили, да и я еще говорить хочу о человѣкѣ, который нынѣ съ нами разлучается. Я увѣренъ впрочемъ, что всѣ изъ говорящихъ сегодня согласились-бы наложить на себя обѣтъ долгаго молчанія, лишь-бы можно было еще долго трудиться и мыслить вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, слушать одну его вдохновительную рѣчь, почерпать въ его словѣ, въ его примѣрѣ, силы для безмолвнаго труженичества на пользу общую.

Въ моихъ словахъ будетъ наглядный сводъ того, о чемъ говорили подробно мои предшественники и о чемъ гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе говорятъ сами дѣла ваши:

1) Конкурсовый порядокъ замѣщенія каѳедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ, 3) спеціализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета на историческій, классической филологіи и славянорусской филологіи, 4) правила о судѣ надъ студентами, 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ, 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ, 7) преобразованіе окружнаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе, 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, 9) совершенное преобразованіе гимназическихъ испытаній, 10) литературныя бесѣды учениковъ, 11) воскресныя школы, 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

Довольно, кажется, совершено въ $2^1/_2$ года для того, чтобы свидѣтельствовать о вашей неутомимой дѣятельности даже передъ тѣми, которые имѣютъ неслишкомъ зоркіе глаза, чтобы видѣть! Надо при этомъ замѣтить, что и передовые люди подчинены тому же закону, какъ и непередовые: подъ вліяніемъ окружающей дѣйствительности, они не все то могутъ совершить, что желали-бы совершить и что способны совершить.

Но не въ видимой ломкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которымъ избранныя личности воодушевляютъ и лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Н. И. при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую *образовательную силу* имѣетъ эта наука и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Н. И. вызвать къ *самодѣятельности* и непочатыя, свѣжія силы младшаго, и, быть можетъ, уже усталыя силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросятъ, быть можетъ, люди, которымъ духовное явленіе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнёшь...

А хоть-бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаніемъ обязанъ...

А развѣ не указываетъ, на вліяніе Пирогова, Еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ—Евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

А этотъ наконецъ представитель Евреевъ, только-что провозгласившій отъ ихъ имени тостъ за образованныхъ христіанъ, имѣющихъ такого представителя человѣчности въ Пироговѣ...

Во время обѣда получены были депеши изъ стоящихъ на телеграфической линіи городовъ учебнаго округа: изъ *Полтавы*—7, отъ совѣта губернской гимназіи, женской гимназіи, уѣзднаго училища, пансіоновъ г-жъ Куммингъ и Лерцеръ, отъ 35 полтавскихъ жителей и, особо, отъ полтавскихъ гимназистовъ; отъ *Черниговской* гимназіи; изъ *Житомира*—3, отъ губернской гимназіи и, особо, отъ почет

наго попечителя гимназіи, и отъ раввинскаго училища; изъ *Ровна*—2, отъ гимназіи и, особо, отъ гимназистовъ; изъ *Петербурга*—отъ студентовъ университета, отъ евреевъ-студентовъ университета и медикохирургической академіи, отъ бывшихъ студентовъ *Кіевскаго* университета, и отъ многихъ другихъ лицъ.

Послѣ обѣда, по удаленіи Н. И., нѣкоторые изъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, иниціатива которой принадлежитъ студентамъ. Собранную сумму предположено употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общеполезной ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому Н. И-вичу.

Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ обѣда, студенты, съ разрѣшенія начальства, открыли въ зданіи университета *безплатную ежедневную школу*, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ.

Нѣсколько дней спустя получено было письмо отъ кременчугскаго 1-й гильдіи купца, Исаака Германа. Въ немъ онъ проситъ у Николая Ивановича позволенія назвать по его имени *стипендію*, на учрежденіе которой въ университетѣ св. Владиміра онъ намѣревался просить разрѣшенія высшаго начальства.

8-го апрѣля, къ 10-ти часамъ утра, въ большой актовой залѣ университета собрались студенты и ожидали своего бывшаго руководителя. Никакихъ распоряженій для соблюденія внѣшняго порядка не было принято, потому-что молодые люди (говоритъ «*Описаніе*») обязали другъ друга честнымъ словомъ—проститься съ Пироговымъ достойно Пирогова. Прощаніе показало, что довѣріе было совершенно оправдано. Въ 10-ть часовъ вошелъ Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи ректора, и сказалъ студентамъ:

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ уни-

верситета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ-ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что̀ меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и въ гоньбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило-бы для меня перестать жить. Я остался мною и разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, которое имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и все другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицемъ науки, я никогда не мечталъ

о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода развьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ посторонніхъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнію мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣрнымъ моимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

Итакъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы, состарѣвшись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.»

На эти слова, которыя ясно говорятъ сами за себя, отвѣчалъ студентъ юридическаго факультета, г. Сологубъ:

«Николай Ивановичъ! Разставаясь съ вами, кромѣ благодарности за ваше высоко-гуманное обращеніе, за ваше отношеніе къ намъ не какъ начальника, а доброжелательнаго, опытнаго совѣтника во всѣхъ благородныхъ намѣреніяхъ, мы благодаримъ васъ за дѣло, которое, какъ память вашего всегдашняго сочувствія къ распространенію интересовъ науки между студентами, перейдетъ къ поколѣніямъ лишеннымъ возможности развиваться при просвѣщенномъ попечительствѣ вашемъ. Дѣло это: открытіе нашей библіотеки. Вашему участію, скажемъ больше, вашей настойчивости, вашимъ пожертвованіямъ обязана библіотека своимъ существованіемъ. Каждый, посѣщающій лекторію, каждый, пользующійся библіотекой, съ благодарностію вспомнитъ перваго ихъ основателя.

Мы просимъ позволенія украсить вашимъ портретомъ нашу лекторію. Кому не выпала завидная участь развиваться при вашемъ попечительствѣ, тотъ будетъ имѣть возможность, посѣщая лекторію, постоянно встрѣчаться съ портретомъ личности, которой имя съ сочувствіемъ и уваженіемъ произносится не въ одномъ нашемъ университетѣ, имя, ободряющее трудъ, постоянство убѣжденій и развитіе всего лучшаго въ человѣкѣ.

Если обязанность попечителя въ отношеніи къ университету—возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ наукѣ, то обязанность эта достойно выполнена вами. Но вы сдѣлали болѣе: вы поставили насъ въ положеніе, вызвавшее болѣе самостоятельности въ каждомъ. Вы вѣрили, что мы дожили до того времени, когда предоставленіе человѣку большаго простора въ дѣйствіяхъ, уменьшеніе формальностей, доставленіе большихъ средствъ къ занятіямъ, а не принужденіе къ нимъ, дѣйствіе не приказаніемъ, а убѣжденіемъ, доставятъ ему болѣе вѣры въ себя и укажутъ настоящее направленіе. Мы съ гор-

достію можемъ указать на только что сказанныя вами слова: «я никогда не раскаявался въ своихъ убѣжденіяхъ относительно васъ».

Позвольте же выразить вамъ наше глубокое уваженіе, нашу искреннюю благодарность за все сдѣланное вами для насъ. Библіотека, основанная вами, будетъ подтверждать истину того свѣтлаго воспоминанія, той симпатіи, той благодарности, которыя до тѣхъ поръ будутъ жить въ нашемъ университетѣ, пока онь будетъ сочувствовать лучшимъ человѣческимъ и научнымъ стремленіямъ.

Намъ, лишившимся васъ, остается только пожелать продолженія вашей дѣятельности, которая вездѣ и всегда будетъ достойна вашей личности, слѣдовательно всегда полезна, всегда цѣнима всѣми, тѣмъ болѣе дорога для насъ: она напомнитъ намъ то время, когда дѣятельность эта преимущественно посвящена была намъ.

Вечеромъ того же дня происходила литературная ученическая бесѣда, послѣдняя, на которой присутствовалъ основатель бесѣдъ, да и то́ уже въ качествѣ гостя, а не хозяина. По окончаніи бесѣды, ученикъ 2-й гимназіи, Василій Лѣсковъ, произнесъ прощальную рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

«Вы были для насъ попечителемъ въ полномъ, истинномъ значеніи этого слова, потому что всѣ наши интересы были близки сердцу вашему и составляли предметъ постоянныхъ попеченій вашихъ. Вы всегда старались вести насъ путемъ правды и добра. *Правила о наказаніяхъ и проступкахъ*, которыя мы имѣли всегда передъ глазами, предостерегая насъ отъ шалостей, въ то-же самое время показывали намъ, что наказанія назначаются намъ не произвольно, но въ силу утвержденныхъ правилъ. Измѣненіемъ системы нашихъ *экзаменовъ* вы заставили насъ сознательно и постоянно заниматься предметами, и заниматься не для экзаменовъ только, но для того чтобъ усвоить то, что́ намъ преподавалось. Вы всегда старались способствовать нашему развитію. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для этого были *литературныя бесѣды*, которыя были направлены къ установленію взаимнаго обмѣна мыслей между воспитанниками и воспитателями и сближали ихъ между собою. А этого-то сближенія недоставало въ гимназіяхъ, и отсутствіе его мѣшало дѣлу воспитанія».

9-го апрѣля данъ былъ Н. И. Пирогову обѣдъ кіевскимъ обществомъ.

«Великая заслуга Пирогова, въ ряду другихъ заслугъ его, «говоритъ авторъ *Опасанія прощанія его съ Кіевомъ*, »и заключалась именно въ томъ, что онъ сблизилъ общество съ учебнымъ міромъ.

«При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстныхъ и временныхъ, препятствовавшихъ его дѣятельности, онъ съумѣлъ первый въ здѣшнемъ краѣ сдѣлать интересы учебнаго вѣдомства интересами общественными. Распоряженія его, какъ руководителя воспитательной части, были открыты для каждаго. Сколько-нибудь существенная мѣра всегда предавалась печати. Поэтому каждый заинтересованный въ дѣлѣ воспитанія зналъ эти мѣры и въ «собственномъ домѣ, на самыхъ близкихъ, какъ выразился одинъ изъ участвующихъ на обѣдѣ, повѣрялъ ихъ благіе результаты». Притомъ Пироговъ былъ доступенъ

какъ частное лицо для каждаго и, сверхъ того, личнымъ письменнымъ трудомъ и непреоборимымъ вліяніемъ онъ вызвалъ округъ къ небывалой умственной и педагогической дѣятельности. Общество, по крайней мѣрѣ мыслящая часть его, осязательно поняло, что воспитаніе не есть формальная дрессировка, удобное средство для пріобрѣтенія привилегій; оно увидѣло, что авторъ *Вопросовъ жизни* самъ, и, подъ его вліяніемъ, окружающіе его стараются сообщить воспитанію будущихъ поколѣній характеръ жизненнаго, насущнаго вопроса. Общество поняло это и оцѣнило. Отсюда неудивительно, что вѣсть объ оставленіи Н. И-мъ должности попечителя отозвалась такъ же скорбно и съ тою же силой въ самомъ обществѣ, какъ и между учебнымъ вѣдомствомъ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подпискѣ, о стипендіи, въ желаніи многихъ пріобрѣсть портретъ Пирогова. Тѣ, для которыхъ онъ трудился послѣдніе два года, сознавали ясно, что теряютъ въ немъ, независимо отъ необыкновенной симпатической личности знаменитаго педагога и человѣка, выразившаго въ себѣ лучшія, хотя, можетъ-быть, инстинктивныя ихъ стремленія.

«Съ этой точки обѣдъ 9-то апрѣля представлялъ фактъ небывалый и многознаменательный.

«Едва только была заявлена мысль о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія отъѣзжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и штатскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ. Конечно, тупое и безсильное недоброжелательство, обыкновенно сопровождающее замѣчательныя личности, пыталось и здѣсь уронить значеніе обѣда, придавъ ему далеко не такой характеръ, какой онъ имѣлъ по составу лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Разумѣется, эти усилія остались безъ успѣха, потому что дѣло говорило само за себя. Утромъ, въ день обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не вмѣщала въ себя болѣе посѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Н. И., сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе, но всего опредѣленнѣе оно выразилось, разумѣется, въ рѣчахъ».

Говорили отцы семействъ, благодарившіе Пирогова за дѣтей своихъ, Еврей отъ лица своихъ соплеменниковъ, иностранецъ, высказавшій удивленіе, возбужденное въ немъ простотой обхожденія Пирогова, говорили и другіе. Не имѣя возможности помѣстить здѣсь все сказанное, приводимъ только нѣкоторыя замѣчательнѣйшія мѣста рѣчей:

«Граждане города Кіева,» сказалъ Пирогову почтенный отецъ семейства и бывшій градской глава Н. С. Балабуха, «не одною славою, которая разноситъ имя ваше по всей Россіи и даже по всей Европѣ, какъ извѣстнѣйшаго благодѣтеля человѣчества, побуждаются изъявлять вамъ свое глубокое уваженіе и душевную признательность.

«Наши дѣти, обучающіяся здѣсь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ отъ университета до воскресныхъ школъ, вамъ обязанныхъ своимъ существованіемъ, возбуждаютъ насъ къ тому, потому что всѣ они питаютъ къ вамъ почтительную привязанность и часто повторяютъ имя ваше, какъ ихъ высокаго руководителя и воспитателя въ правилахъ чести, человѣколюбія, въ духѣ правды и

истины. За нихъ-то мы почитаемъ святымъ долгомъ благодарить васъ и отъ глубины души искренно, сердечно благодаримъ, благодаримъ! Дай Богъ, чтобы добрыя сѣмена, вами и подъ вашимъ руководствомъ, достойными наставниками посѣянныя въ юныхъ умахъ и сердцахъ дѣтей нашихъ, сохранялись, возрастали и приносили благіе плоды любезному отечеству нашему, плоды, радующіе наше сердце.»

Г. Каценъ сказалъ:

«Не стану говорить о фактической, всѣми видимой сторонѣ вашей дѣятельности: она уже была понята и оцѣнена представителями другихъ еврейскихъ обществъ. Я остановлюсь на сторонѣ еще болѣе свѣтлой, болѣе богатой послѣдствіями—на нравственномъ вліяніи вашей дѣятельности, отразившемся такъ благодѣтельно на русскихъ Евреяхъ. Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка оставила насъ въ состояніи человѣка, ошеломленнаго постоянными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. Наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственнаго оцѣпенѣнія, этого гибельнаго недовѣрія ко всему не-европейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ—физическая сила, въ новыхъ—низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство успѣло примириться съ настоящимъ и съ любовію и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массѣ, къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особеннымъ чувствомъ состраданія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высоконравственная, нужны были вы Н. И.! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя Русскаго стало популярнымъ между Евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго Еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Простыя слова Француза г. Морена, недавно пріѣхавшаго въ Россію и дивившагося благосклонному пріему, которымъ удостоилъ его бывшій попечитель, оказавшійся не суровымъ и не неприступнымъ, а просто-привѣтливымъ, равно какъ и рѣчь г. Судовщикова, оставляютъ глубокое, отрадное впечатлѣніе. Вотъ-что сказалъ г. Судовщиковъ:

«На службѣ ли, въ частныхъ ли отношеніяхъ, мы видѣли въ васъ ту же неизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріе къ человѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему человѣческому.

«Мало того, кто хоть разъ побылъ въ вашемъ кабинетѣ, тотъ могъ уже заключить, что уваженіе къ человѣку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоилось всѣмъ организмомъ вашимъ, сдѣлалось вашею

натурой, и сказалось въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вашемъ; эти человѣчныя начала проникли въ самую манеру вашу. которую иначе нельзя назвать, какъ человѣчною.

«Генералъ, учитель, профессоръ, сторожъ, гимназистъ, богатый купецъ и жалкій продавецъ спичекъ—вы встрѣчали ихъ всѣхъ равно человѣчно. Ваше естественное, даже рѣзкое прямодушіе легко отражалось на посѣтителѣ и никто не стѣснялся совѣтоваться съ вами ни о какомъ честномъ дѣлѣ. Скажу больше: я знаю людей, которые искусственно пріискивали предлоги пойти къ вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы наглядѣться на ваше открытое, спокойное лицо.

«Какъ, повидимому. ни обыкновенны въ человѣкѣ такія человѣческія свойства, сколько ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, но у насъ пока она—вещь рѣдкая, слишкомъ рѣдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнымъ людямъ нашимъ—и все-таки не можемъ не замѣтить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высокомѣрнымъ взглядомъ на всякое противорѣчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серіозномъ кружкѣ и показываетъ свое общественное положеніе въ комильфотной гостиной, третій отдѣлывается чиновническою вѣжливостью отъ всѣхъ, кромѣ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случаѣ, просто подымаетъ плечи и щеголяетъ украшеніемъ на шеѣ.

«А впрочемъ все это передовые люди наши, представители нашего образованія, всѣ они такъ убѣдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добросовѣстно умиляются собственною.

«Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настроя ихъ жизни, не проходитъ сквозь ихъ житейскія отношенія.

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средѣ, гдѣ воспитались онѣ; не умѣя возвыситься надъ нею нравственно и сохранивъ многіе недостатки большинства, лучшія личности наши успѣли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себѣ по умственному развитію.

«Вы, Н. И., смѣло можете находить еще меньше подобныхъ себѣ, вы больше другихъ оказали услугъ обществу, вы имѣете много внутреннихъ и внѣшнихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средѣ.

«Какъ же вы успѣли раздѣлаться съ мелочною спѣсью даже лучшихъ людей нашихъ?

«Какъ же вы остались такъ гуманны на дѣлѣ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человѣкомъ?

«Кто же виною тому?

«Конечно, не русская жизнь—она успѣла испортить много и лучшихъ людей—а ваша собственная нравственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человѣчно выражается и въ общественной дѣятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношеніяхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатію даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человѣка.»

Какъ ни ярко изображаютъ характеръ дѣятельности и личныя свойства Николая Ивановича приведенныя нами слова присутствовавшихъ на обоихъ обѣдахъ, но яснѣе и нагляднѣе основныя начала си-

стемы его отразились въ краснорѣчивомъ и мудромъ словѣ самого знаменитаго гостя.

«То, что́ мнѣ теперь предстоитъ,» сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ,» сходно съ тѣмъ, что́ для меня прошло.

«Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля (*), запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчей.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь сдѣлать все какъ-можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И можетъ-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина: то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что́ могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

(*) Н. И. уѣзжалъ въ деревню.

«Вотъ это-то полное, нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серіозный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ расчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ-быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я былъ не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить кто крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

«Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобъ утѣшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное, нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

«Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дождаться этого счастливаго времени; но вамъ, мм. гг., членамъ общества, предстоитъ, если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему благу.»

Весьма замѣчательна рѣчь М. В. Юзефовича, бывшаго помощника попечителя кіевскаго округа:

«Настоящее собраніе, независимо отъ прямой своей цѣли, есть фактъ весьма утѣшительный: оно доказываетъ, что у насъ есть уже элементы для высшихъ требованій жизни, есть достаточно развитія для сознанія главныхъ ея интересовъ, есть, слѣдовательно, способность итти впередъ. Дѣятельность

Н. И. Пирогова была здѣсь такова, что ее не могла бы осмыслить неподвижная рутина; насъ же собрало здѣсь сознательное сочувствіе къ знаменитому двигателю отечественнаго просвѣщенія.

«Оставленіе имъ этого поприща отзовется, безъ сомнѣнія, грустнымъ чувствомъ во всей мыслящей Россіи. Тѣмъ грустнѣе оно для тѣхъ, кто могъ воочію слѣдить за его дѣятельностію.

«Конечно, не всѣ у насъ одобряли систему Пирогова. Многіе, смотря на воспитаніе съ формальной его стороны, не могли примириться съ тѣми явленіями, которыя неизбѣжны на поверхности всякаго переворота, и не дождавшись результатовъ, по наглядным признакамъ, осуждали самую систему. Такова судьба всѣхъ реформаторовъ. Переходъ отъ одного порядка къ другому никогда не совершается ровнымъ шагомъ и потому всегда сопутствуется недовѣріемъ, опасеніемъ, обвиненіями. Одинъ только передовой вожатый идетъ мѣрнымъ, твердымъ шагомъ и приводитъ къ цѣли, если ему не мѣшаютъ.

«Педагогическая система Н. И. Пирогова была глубоко задумана и обдумана. Она была разсчитана вѣрно, скажу болѣе, она одна вѣрна, если мы хотимъ серьёзно покончить съ старою рутиной.

«Согласуясь съ требованіями современнаго у насъ движенія, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ мысли, и въ совѣсти, имѣлъ въ виду не уклоняться отъ параллели общаго хода у насъ вещей. Гражданская честность его была такъ строга, что онъ не только не считалъ такого уклоненія позволительнымъ, но называлъ его преступленіемъ. Я привожу его собственныя слова, сказанныя въ искренней бесѣдѣ. Такой взглядъ на гражданскія свои обязанности онъ и формально подтвердилъ, дважды заявивъ программу своего управленія.

«Отмѣченъ долженъ быть въ лѣтописи русскаго народнаго просвѣщенія тотъ день, въ который Пироговъ призванъ былъ на педагогическое поприще. Тогда еще общее мнѣніе встрѣтило автора *Вопросовъ жизни* съ полными надеждъ ожиданіями. Но когда его дѣятельности, заявившей уже себя въ Одессѣ, стеченіе обстоятельствъ открыло здѣшнее, болѣе широкое, поле, тогда всѣ люди благомыслящіе привѣтствовали это событіе, какъ начало новой эры въ исторіи нашего общественнаго образованія. И они не обманулись. Здѣсь знаменитый дѣятель неутомимо, съ настойчивостію доконченныхъ убѣжденій, приступилъ къ осуществленію своихъ преобразовательныхъ плановъ. Не выходя изъ круга существующихъ постановленій, онъ внесъ въ этотъ кругъ всѣ новыя начала, какимъ былъ возможенъ въ него доступъ; возстановленіе значенія педагогическихъ совѣтовъ, по закону имъ принадлежавшаго, введеніе конкурсовъ для выбора преподвателей, принятіе въ основу воспитанія начала законности, все это вмѣстѣ придало ходу какъ учебной, такъ и воспитательной части, новое направленіе, конечно только приготовительное, но оживившее прежнюю учебную рутину и выведшее наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учрежденій. Будучи убѣжденъ въ нравственномъ безсиліи дисциплинарной системы и въ воспитательной недѣйствительности повиновенія безъ убѣжденія, онъ прежде всего желалъ утвердить воспитательный авторитетъ на безусловномъ довѣріи воспитываемыхъ, и начавъ, собственнымъ примѣромъ, съ признанія права въ самомъ ребенкѣ, этимъ путемъ повелъ юношество къ сознанію значенія и обязанностей человѣка и гражданина. Много прекрасныхъ началъ пробудилось въ юныхъ душахъ съ тѣхъ поръ, какъ дали имъ свободу распахнуться. Но при

этомъ, разумѣется, юная жизнь не могла воздержаться отъ прыжковъ и скачковъ перваго увлеченія, что́ и дало поводъ къ опасенію и недовѣрію, о которыхъ я упомянулъ выше.

«Дѣйствуя положительными мѣрами тамъ, гдѣ было можно, онъ въ то же время разработалъ и выяснилъ множество педагогическихъ вопросовъ, общихъ и частныхъ, какъ въ своемъ циркулярѣ, такъ и въ другихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ. Въ числѣ этихъ работъ есть въ особености одна, которая привьется къ жизни, если не въ наше время, то въ будущемъ, потому что вѣрная идея, вызванная на свѣтъ, никогда не погибаетъ. Я разумѣю планъ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, составленный имъ въ отвѣтъ на проектированный у насъ новый уставъ этихъ заведеній и разрѣшающій одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ нашего времени, именно: примиреніе двухъ образованныхъ направленій—общечеловѣческаго съ реальнымъ. Съ удивительною простотой здравой логики разрѣшаетъ нашъ педагогъ этотъ капитальный вопросъ,—съ тою простотой, которая доступна лишь геніяльнымъ умамъ.

«Но трудно было Н. И. совершить здѣсь спокойно свою педагогическую реформу. Въ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго края совмѣщаются двѣ разнородныя и разнохарактерныя національности. Борьба между ихъ началами пока еще неустранима. Хотя Н. И. формально устранялъ отъ себя этотъ вопросъ, какъ чуждый чисто-воспитательнымъ цѣлямъ, какъ вопросъ, сверхъ того, не разрѣшающійся воспитательными пріемами, что́ доказалъ тридцатилѣтній нашъ опытъ, а зависящій отъ воздѣйствія другихъ умиряющихъ способовъ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ посторонній вопросъ мѣшалъ правильному развитію системы, стѣсняя во многомъ свободу дѣйствій педагога.

«Онъ, однакожъ, велъ къ разумному разрѣшенію и эту трудную задачу здѣшняго университета. Онъ оставляетъ поприще въ ту самую минуту, когда приготовительныя мѣры давали уже ему возможность перейдти къ самой организаціи студентской общины, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ радикальной реформы.

«Намъ остается скорбѣть, что такая глубокозадуманная дѣятельность не успѣла совершить всего своего подвига и водворить въ нашей жизни новыя начала общественнаго воспитанія.

«Какъ близкій свидѣтель дѣйствій Н. И. Пирогова и какъ человѣкъ, имѣющій всѣ данныя для сравненія прошедшаго съ настоящимъ, я утверждаю положительно, что и въ неполной мѣрѣ своего развитія система его достигла результатовъ, достаточныхъ для оправданія своей состоятельности, именно: она достигла возбуженія педагогической дѣятельности въ наставникахъ и любви къ образованію въ учащихся, возвышенія научныхъ требованій со стороны студентовъ и, наконецъ, несомнѣннаго улучшенія въ общемъ нравственномъ направленіи молодежи, внѣ увлеченія стремленіями, независящими отъ воспитанія.

«Каждый, кому дорого отечественное благо, проводитъ Н. И. Пирогова съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности за услуги, оказанныя имъ, словомъ и дѣломъ, нашему просвѣщенію, и каждый долженъ обратиться къ нему съ желаніемъ и просьбой, чтобъ онъ и на покоѣ, въ тиши уединенія, не оставлялъ безъ помощи вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависятъ всѣ наши судьбы, вся наша будущая исторія.

«Выпьемъ же, мм. гг., въ лицѣ нашего Пирогова, за здоровье міроваго ученаго геніяльнаго мыслителя, знаменитаго педагога и образцоваго гражданина!»

Въ заключеніе, приведемъ слова автора *Описанія Прощанія* о послѣднихъ проводахъ Н. И.

«Пироговъ выѣхалъ изъ Кіева 15-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (отъ 200 — 300) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ жителей города, пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидала у зданія первой гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее *прости* искренно любимому и цѣнимому человѣку. Еще бо́льшая толпа (отъ 700—800) заранѣе отправилась на дачу Санъ-Суси (на 7-й верстѣ отъ города) съ тою же цѣлью. Тамъ, между собравшимися, было много и дамъ, лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду послышались крики сожалѣнія и разлуки. Еще въ воздухѣ раздавались слова «прощайте, помните насъ,» а уже почтовый экипажъ уносилъ изъ Кіева человѣка, память котораго будетъ долго и долго жить въ немъ. Длинный кортежъ всякаго рода экипажей потянулся до Санъ-Суси за тарантасомъ Пирогова. Когда пріѣхали,—уже совершенно стемнѣло. Можно было только разсмотрѣть, что на пространствѣ ¼ версты по шоссе все было занято народомъ и экипажами. Воздухъ огласился снова криками сожалѣнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова; онъ долженъ былъ выйдти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ, захотѣвшимъ почтить и послѣднія минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе, ему выраженное, напомнилъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ обѣдахъ, напомнилъ о непреходящемъ царствѣ идеи, гдѣ онъ не перестанетъ еще встрѣчаться съ любящими его, простился со всѣми, обнялъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станціи и болѣе счастливые сказали ему послѣднее «прощайте.»

Въ Бердичевѣ, Н. И. оказанъ былъ также горячій пріемъ. Признательные Евреи и здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, выражали ему свои чувства, за благородныя заботы объ ихъ просвѣщеніи и за тѣ человѣчныя отношенія, которыя Н. И. соблюдалъ къ нимъ самъ, и въ которыя другихъ умѣлъ поставить.

Въ заключеніе, прибавимъ, что Н. Ив. Пироговъ принялъ на себя должность *мироваго посредника*. Кто не согласиться съ нами, что едва ли къ кому-другому больше пристало это благородное званіе и едва ли кто-другой лучше Н. Ив-ча исполнитъ этотъ трудный, высокій подвигъ... Какъ было-бы полезно, еслибъ великій педагогъ сообщилъ во всеуслышаніе свои наблюденія въ новой сферѣ жизни...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

по поводу слова «Жидъ».

Мы получили письмо, въ которомъ дѣлаютъ намъ незаслуженный упрекъ. Вотъ что̀, между прочимъ, пишетъ г. П—въ:

«Я былъ увѣренъ, что въ программу «Основы» не входило намѣреніе оскорблять кого-нибудь. На дѣлѣ вышло иначе...

«Позвольте мнѣ объясниться. Всего годъ, какъ я кончилъ университетское образованіе, и впродолженіи шести лѣтъ, имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ лучшими своими товарищами, посѣтить русскіе университеты (Харьковскій, Кіевскій и Казанскій). Я вступилъ въ университетъ въ прежнее время. Тогда еще въ университетахъ раздавалась гнусная кличка «жидъ», и этой кличкой часто называли студента еврейскаго исповѣданія. Но, съ обновленіемъ Россіи, эта кличка исчезла изъ университетовъ. Многочисленные мои товарищи подчасъ уже обозначали этимъ *нарицательнымъ* словомъ вообще всякого плута и мошенника,—все равно, былъ ли онъ еврейскаго, католическаго или православнаго исповѣданія. Значитъ, молодое поколѣніе дальше васъ шагнуло. Оно отрѣшилось отъ національныхъ узкихъ предразсудковъ и отличаетъ человѣка по его личнымъ достоинствамъ, а не по вѣрѣ. Признаюсь, я радовался этому совершенному примиренію молодого поколѣнія и былъ счастливъ, что это совершилось на моихъ глазахъ. Радостная вѣсть эта разносилась нами во всѣ концы Россіи. Русская литература заявила себя въ томъ же духѣ и давно отрѣшилась отъ слова *жидъ*. Вдругъ являетесь *вы* съ журналомъ, гдѣ хотите пробудить средневѣковую вражду, еле-еле задремавшую; вы хотите возвратить свой народъ (по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отношеніи) ко временамъ *Богдана*. Скажите на милость, неужели вамъ это доставитъ душевное удоволь-

ствіе, когда разъяренная чернь проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ несчастныхъ жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безвинно прольется по Украинѣ?... Или вы хотите имѣть побольше подписчиковъ, обязавшись льстить грубымъ и черствымъ натурамъ разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей? Если — *да*, то я васъ поспѣшу увѣрить въ слѣдующемъ. Вы учились давнымъ-давно, а я только-что оставилъ университетъ. Молодое поколѣніе Малороссовъ, сочувствуя вашей *Основѣ* во всемъ другóмъ, нисколько не раздѣляетъ отсталыхъ понятій относительно Евреевъ. Въ послѣдніе годы, студенты русскихъ университетовъ научились отличать Евреевъ и не клеймить ихъ болѣе позорнымъ словомъ «жидъ». Слѣдовательно, выраженія: «жидъ, жидова», и тому подобныя, уже не производятъ теперь того эффекта, какой производили они во времена Ѳаддея Венедиктовича Булгарина и К°. Напрасный трудъ, ложный путь!...

«Далѣе. Я имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ своими товарищами православнаго исповѣданія, посѣтить и тюрьмы. Странно, что нашъ слухъ нигдѣ не былъ оскорбляемъ никѣмъ изъ смотрителей, вахтеровъ, унтеровъ, ефрейторовъ и другихъ бывшихъ при насъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и острогахъ. А тутъ пришлось встрѣтиться съ этимъ милымъ эпитетомъ, послѣ долговременной разлуки, въ вашемъ журналѣ. Отъ души жаль!

«Вы, конечно, легко поймете, что раздраженный тонъ моего письма порожденъ чувствомъ *глубоко-оскорбленнаго самолюбія*. Нельзя же иначе. И я умоляю васъ—не оскорблять насъ больше. Неужели вамъ это трудно? Согласитесь, что если образованные молодые люди изъ Евреевъ оскорбляются этимъ прозвищемъ, то вамъ, какъ редактору, слѣдуетъ избѣгать его. Кто-жъ изъ Евреевъ этимъ не оскорбляется, тотъ ничѣмъ не оскорбится.

«Во имя успѣха вашего журнала, во имя благоденствія Украины, отъ имени Евреевъ, оскорбленныхъ гнусными выраженіями вашего журнала, умоляю васъ замѣнять ихъ впередъ нашимъ національнымъ именемъ. И только вѣра въ благородство вашихъ цѣлей и стремленій побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ письменно, а не печатно, не гласно (1). Въ подтвержденіе своей правоты, ссылаюсь на судъ

(1) Только ложь и зло любятъ скрываться, а мы не мыслимъ ни того, ни другаго, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ отвѣтить всѣмъ, кто удостоитъ наше откровенное мнѣніе своимъ вниманіемъ. *Ред.*

университетовъ и въ-особенности на голосъ нашего великаго учителя, котораго вы, вѣроятно, знаете. Можете передать ему мои претензіи. Знакомый съ студентами–Евреями, онъ васъ увѣритъ, насколько вашъ журналъ несовременъ въ этомъ отношеніи.

«Я надѣюсь, что вы удовлетворите нашей просьбѣ и тѣмъ обяжете всю сочувствующую вамъ еврейскую молодежъ, а въ-особенности меня, Еврея.»

Мы почли своею обязанностью отвѣчать на это письмо печатно, въ томъ предположеніи, что мнѣніе, высказанное г. П—вымъ, (котораго человѣчности и любви къ своимъ соплеменникамъ мы искренно сочувствуемъ), вѣроятно, раздѣляютъ и другіе Евреи.

Положа руку на сердце, мы можемъ смѣло сказать, что насъ меньше тронуло обидное предположеніе о служеніи своимъ интересомъ посредствомъ угожденія средневѣковымъ понятіямъ, нежели то́, что кто-либо оскорбленъ выраженіемъ, употребленнымъ въ «Основѣ», будто–бы *умышленно, изъ вражды и презрѣнія къ какому бы то ни было племени на землѣ.* Смѣю увѣрить почтеннаго моего обвинителя и вообще всѣхъ Евреевъ, сочувствующихъ намъ и не сочувствующихъ,—просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ сознаніемъ братства всѣхъ безъ-исключенія людей,—что никогда враждебное къ еврейскому племени чувство не входило въ «Основу», что мы не считаемъ себя вправѣ оскорблять *кого бы то ни было*; что явленія, въ родѣ избіенія Евреевъ во времена *Богдана* и *Максима*, представляются намъ печальнѣйшими симптомами разстроеннаго общественнаго организма; что, по нашему глубокому убѣжденію, никакія, повидимому, добрыя послѣдствія подобныхъ болѣзненныхъ содроганій не искупаютъ того зла, которое наноситъ другимъ и самимъ–себѣ местью для мести, жестокостью и убійствомъ; что уваженіе и справедливость къ *человѣку*, а тѣмъ–болѣе къ *племени*, *народу* и *народности*, легло въ основаніе нашей «Основы», и что только *одно это начало* оправдываетъ ея появленіе и существованіе; что мы вѣруемъ только въ силу и плодотворность одной *правды*, безъ которой, пока она не станетъ главнымъ двигателемъ человѣческихъ отношеній, не можетъ осуществиться идеалъ человѣческаго общества,—а правда не мирится съ враждой и неуваженіемъ къ человѣческой личности;—что если мы надѣемся на успѣхъ, то единственно въ силу этого начала, которому никогда и ни для чего не измѣнимъ; и что, наконецъ, если мы (естественно) желаемъ для «Основы» больше подписчиковъ, то во имя то-

го, что она служитъ на пользу самопознанія, просвѣщенія, справедливости и любви, а ужъ никакъ не вражды, избытокъ которой долго еще будетъ и безъ насъ ощущаться въ нашемъ обществѣ, на каждомъ шагу и каждый часъ (1).

Но признавая общія начала, искренно и горячо желая осуществленія ихъ въ жизни, мы не должны забывать, что стоимъ на исторической, обусловленной извѣстною минутой и обстоятельствами, почвѣ; что эти начала, близкія, понятныя и убѣдительныя для насъ, еще долго будутъ неубѣдительны для массы, которая живетъ настоящею дѣйствительностью, фактомъ и каждую минуту ощущаетъ на собственной спинѣ его давленіе.

Держась исторической почвы, разсмотримъ безпристрастно недоразумѣніе относительно употребленія слова *жидъ*.

Слово *жидъ*, родственное латинскому *Judaeus*, нѣмецкому и французскому *Jude* и *Juif* и польскому *Zyd*, ни по словопроизводству, ни по смыслу своему, ни по значенію іудейскаго племени въ ряду прочихъ племенъ, нисколько не уступаетъ названіямъ *Еврей* (2) и *Израильтянинъ* (3). Имя *Жида*, т. е. Іудея, только позднѣйшее (появилось не за тысячи — какъ другія два, — а за сотни лѣтъ до Р. Х.), но значеніе его одно и то же съ значеніемъ Израильтянина и Еврея.

Автору письма, вѣроятно, неизвѣстно, что Малороссы стали называть издавна и теперь называютъ Евреевъ *жидами* не въ презрительномъ, бранномъ, оскорбительномъ смыслѣ, а точно такъже, какъ Великороссіянъ называли и называютъ Москалями, Поляковъ —

---

(1) Быть-можетъ, кому-нибудь покажется смѣшно, что мы публично исповѣдываемъ руководящія насъ начала по поводу письма, написаннаго въ раздраженіи самолюбія изъ-за слова (никогда, впрочемъ, нами лично неупотребленнаго) *жидъ* вмѣсто *еврей*. Намъ, напротивъ, грустно, что такъ мало взаимнаго пониманія между людьми, что 5 книжекъ журнала было недостаточно для уясненія другъ другу нашего взгляда; что г. П — въ, съ своимъ университетскимъ образованіемъ и знакомствомъ съ текущей литературой, нуждается, съ нашей стороны, въ разъясненіи, и чуть не съ угрозой предъявляетъ свои требованія къ украинскимъ писателямъ, у которыхъ встрѣтилъ слово *жидъ* и которые между тѣмъ, въ числѣ первыхъ, печатно протестовали въ «Русскомъ Вѣстникѣ» противъ несправедливаго поступка «Иллюстраціи» съ г. Горвицемъ.

(2) Отъ слова *Геберъ*,—которое означаетъ—*по ту сторону* (народъ, обитающій по ту сторону Евфрата), или—какъ нѣкоторые думаютъ—имя одного изъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ.

(3) Происходящій отъ Израиля.

Ляхами; что другого слова, для названія еврейскаго племени, они почти и не знаютъ. Слово это пришло въ Южную Русь, вмѣстѣ съ еврейскимъ населеніемъ, изъ Польши, гдѣ и до сихъ поръ служитъ народнымъ названіемъ не только у Поляковъ, но и *у самихъ Евреевъ*. Даже въ ту эпоху, когда Евреи, подъ покровительствомъ польскихъ пановъ, пользовались на Украинѣ, такими (невѣроятными) правами и привиллегіями, какихъ не имѣлъ цѣлый классъ южнорусскаго народа, — названіе *жидъ* употреблялось нетолько въ разговорномъ, но и въ офиціальномъ языкѣ самихъ пановъ-покровителей. Г. П—въ можетъ найти многочисленныя подтвержденія нашихъ словъ въ актахъ стараго и новаго времени, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются слѣдующія выраженія: «объявляемъ симъ арендным листомъ нашимъ, что мы отдали въ аренду *славному пану Абраму Шмойловичу*, *жиду Турейскому* и потомкамъ его наше наслѣдственное имѣніе». (Памятн. изд. Кіевскою Коммисіею, т. III., отд. II, стр. 68—70). Самое значеніе этого акта и слова не намекаетъ ни малѣйшей чертой на что-нибудь поносное для Еврея (это, конечно, хорошо извѣстно и автору письма).

Наша южно-русская литература ведетъ свое начало и почерпаетъ свои силы непосредственно отъ народа: основаніемъ ей послужили народные памятники изустной словесности; украинскіе писатели вышли или прямо изъ среды народа, или, будучи оторваны отъ него сословнымъ воспитаніемъ, — съ пробужденіемъ сознанія возвратились къ народу и долго не только изучали его, но и учились у него сами. Оттого-то языкъ и содержаніе нашей литературы вполнѣ народны. Ясно, поэтому, что украинскій писатель, желая оставаться вѣрнымъ основному началу своей литературы, не долженъ, въ противность своей народности, вносить въ литературный языкъ, безъ нужды, новыя слова. Всякій малороссъ могъ бы упрекнуть г. Кулиша въ безполезномъ нововведеніи, еслибъ онъ въ своей *Хмельнищинѣ* сталъ употреблять вмѣсто *жидъ* слово *еврей*. Ученый, занимающійся изученіемъ старой украинской жизни, также не можетъ избѣжать слова *жидъ*, потому что вся старая южно-русская письменность только и знала это слово для обозначенія еврейскаго племени, и всякое, приведенное въ подлинникѣ мѣсто акта, лѣтописи, думы, пѣсни, касающееся Евреевъ, будетъ содержать это слово. Вотъ почему тѣ писатели, которые протестовали противъ «Иллюстраціи», употребляютъ между-тѣмъ слово *жидъ*, отнюдь не соединяя съ этимъ име-

нимъ другаго значенія, кромѣ прямаго. Южно-русскій поэтъ Шевченко, котораго никто не можетъ упрекнуть во враждѣ къ какой бы то ни было народности, произведенія котораго проникнуты негодованіемъ противъ всякихъ притѣсненій и несправедливостей, но не противъ народовъ, — также употреблялъ это слово. Еслибы г. П—въ сообразилъ эти факты, то,—мы думаемъ,—онъ не сталъ бы, въ пылу раздраженнаго, Богъ вѣсть почему, *самолюбія*, упрекать насъ, въ томъ, будто бы мы хотимъ пробудить средневѣковую вражду къ еврейскому племени,—будто мы желаемъ возвратить свой народъ ко временамъ *Богдана!?* Воображеніе такъ далеко увлекло г. П—ва, что ему чудится даже разъяренная *чернь*, которая «проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ *несчастныхъ жертвъ*», т. е. Евреевъ, и все это потому только, что въ «Основѣ» допущено слово *жидъ*, которое постоянно, въ теченіе вѣковъ, произносилось и произносится 12-милліоннымъ населеніемъ. Г. П—въ домогается, чтобы мы, ради его народности, отказались отъ своего народнаго слова... а почему бы г. П—ву не подумать, въ это время, и о нашей народности, которая имѣетъ же свои права, и прежде всего—право говорить тѣмъ языкомъ, какимъ она всегда говорила?... Послѣ этого Полякъ станетъ требовать, чтобы южно-русскіе писатели, въ своихъ народныхъ произведеніяхъ, называли его Полякомъ, а не Ляхомъ, какъ называлъ его народъ, для котораго они пишутъ. Подобныя притязанія, съ гораздо большимъ правомъ, могъ бы предъявить и *Нѣмецъ* (такъ-какъ это слово происходитъ, вѣроятно, отъ *нѣмой*), а — чего добраго! — и Татаринъ, на томъ основаніи, что этимъ именемъ Малороссъ называетъ иногда недобраго человѣка. Что касается до насъ лично, то мы согласились бы, въ этомъ отношеніи, на самыя широкія уступки... но что въ томъ пользы? «Розу какъ ни назови—она все-таки будетъ розой.»

Мы знаемъ, что народъ нашъ, отличающійся терпимостью вообще и вѣротерпимостью въ-особенности, смотритъ на Еврея несовсѣмъ дружелюбно, и что—поэтому, а не по чему другому—слово *жидъ*, въ устахъ его, означаетъ и человѣка, о которомъ народъ невысокаго мнѣнія,—извѣстный нравственный образъ котораго не возбуждаетъ къ себѣ особенной расположенности. Винить ли въ этомъ народъ... Представьте же себѣ, что въ нашей печати слово *жидъ* исчезло; и неужели вы думаете, что съ изгнаніемъ его изъ южно-русской литературы измѣнится и взглядъ народа на еврейское племя? Развѣ перерожденіе понятій и убѣжденій можно совершить пу-

темъ мелкихъ, теоретическихъ уступокъ, не служащихъ ни къ чему, кромѣ минутнаго удовлетворенія щекотливому самолюбію и болѣзненной раздражительности? Развѣ не смѣшно обольщать себя тѣмъ, что, съ перемѣной названія, хоть на волосъ улучшатся отношенія народностей? Дѣло такъ важно! Оно требуетъ, чтобы люди, искренно готовые служить дѣлу, занялись его сущностію, а не внѣшностію, опустились до глубины, добрались до источника зла, и не думали, что, перемѣняя названія предметовъ, шагаютъ впередъ.

Въ народѣ образовалось невыгодное о Евреяхъ мнѣніе вслѣдствіе тѣхъ притѣсненій, которыя онъ когда-то вытерпѣлъ отъ нихъ. Вотъ-что онъ-самъ повѣствуетъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Еврею:

Якъ одъ Кумівщини да до Хмельнищини,
Якъ одъ Хмельнищини да до Брянщини,
Якъ одъ Брянщини да до сёго-жъ то дня,
Якъ у Земли Кралевскій да добра не було:
Якъ жиди—рандáрі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили,—
Становили шинки по долинахъ,
Заводили щоглі по высокихъ могилахъ.

Ище-жъ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украíні всі козацькі торги зарандовáли
Да брали мито-промито:
Одъ *возового*
По пів-золотого,
Одъ *пішого-піщеници* по три денежки мита брали,
Одъ неборака-старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«*Ци нема, котикъ, сце цого?*»

Ище-жъ жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украíні всі козацькі церкви зарандовали:
Которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ шостакъ,

Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину окрестити.
Ище-жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ
Богъ дитину одружити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ битий *тарель*,
Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити.

Ище-жъ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украіни всі козацькі реки зарандовали:
Перва на Самарі
Друга на Саксані,
Третя на Гнилій,
Четверта на Пробійній,
Пьята на речці Кудесці.
Который-бъ то козакъ, альбо мужикъ, исхотівъ риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити:
То не йди до пана благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря да поступи ёму часть оддать,
Щобъ позволивъ на річці риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити.

(Записки о Южной Россіи, П. А. Кулиша, 1856 г. т. II стр. 58.)

Изображенныя въ народной думѣ отношенія измѣнились. Но до сихъ-поръ еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или—что́ еще хуже—стремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаимное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отношеній—вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ посвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Вмѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое самолюбіе, внимательно и безпристрастно изслѣдовать зло во

всѣхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и средства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга,—а «пониманіе есть начало примиренія». Будемъ не словами только,—не однимъ бездѣятельнымъ сочувствіемъ, а самимъ дѣломъ слѣдовать Н. Ив. Пирогову, этому наставнику и руководителю на этомъ пути,—и, несмотря на предразсудки, несмотря на всѣ—повидимому—непреодолимыя трудности, представляемыя дѣйствительными, настоящими, отношеніями, мы успѣемъ больше сдѣлать, нежели сдѣлало бы повсемѣстное исчезновеніе названій и прозвищъ, непріятныхъ для чьего-либо народнаго самолюбія.

Не отказываясь, за своихъ сотрудниковъ, отъ употребленія, въ *Основѣ*, народнаго слова *жидъ*, мы съ своей стороны искренно желаемъ дѣйствительнаго сближенія народностей и всегда готовы и словомъ и дѣломъ тому содѣйствовать. Зная, какъ даровито еврейское племя, какими богатыми способностями оно надѣлено къ нѣкоторымъ въ особенности родамъ дѣятельности, мы убѣждены однакожъ, что только то развитіе его будетъ прочно и благотворно для Южной Руси, которое выйдетъ изъ потребностей нашей страны и народа и найдетъ въ немъ сочувствіе. Всякое явленіе, въ этомъ духѣ, мы встрѣтимъ съ искреннею радостію и любовію, подобно тому, какъ мы порадовались, узнавъ объ участіи кіевскихъ студентовъ евреевъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ. *Ред.*

КОНЦЕРТЪ 27 АПРѢЛЯ,

(сборъ съ котораго былъ предназначенъ на покупку земли для родственниковъ Т. Гр. Шевченка.)

Въ *южно-русскомъ вѣстникѣ* я надѣюсь найти мѣсто своему, хотя и запоздалому, сужденію объ артистическомъ явленіи, въ которомъ преобладала украинская народная музыка, и съ которымъ соединялась мысль о помощи семейству дорогаго поэта, который такъ понималъ, такъ любилъ и такъ часто пѣвалъ свои родныя пѣсни.

Почти два мѣсяца прошло со дня концерта 27-го апрѣля, но желая быть какъ-можно справедливѣе и безпристрастнѣе, мы нарочно не торопились печатно высказывать свое мнѣніе, прислушиваясь къ устнымъ и печатнымъ толкамъ другихъ *за* и *противъ*... Толковъ этихъ было довольно, и они находили себѣ отзывъ въ газетахъ: одно это уже свидѣтельствуетъ, что концертъ въ значительной степени возбудилъ вниманіе.

Подобный нашему, (по-преимуществу—украинскому), концертъ изъ славянской музыки, въ память знаменитаго Чеха, В. В. Ганки, (данный въ университетской залѣ 23-го марта), подъ управленіемъ одного прославленнаго піаниста и плохаго — (по-крайней-мѣрѣ для народной славянской музыки)—дирижёра, прошелъ почти незамѣтно. Съ послѣднимъ звукомъ «Комаринской», Глинки, — (піэсы, поставленной, въ программѣ и исполненной послѣднею, слѣдовательно, по обыкновенію, въ заботахъ о разъѣздѣ—недослушанной), съ послѣднимъ звукомъ этого концерта, замерло и впечатлѣніе отъ него. И никто объ немъ ни слова...

Многіе украинцы ушли съ этого концерта весьма неудовлетворенные, и вотъ почему. Не вдаваясь въ разборъ достоинствъ и недостатковъ исполненія, укажемъ на составъ программы: большая часть

піэсъ, слабо, безъ воодушевленія исполненныхъ, принадлежала къ *ученой* музыкѣ; народной—и то только чешской и польской—было мало, и притомъ ни одной *народной* пѣсни великорусской, ни сербской, ни самой мелодической славянской пѣсни — украинской... Такъ ли слѣдовало поминать знаменитаго народолюбца, автора тутъ же спѣтой, по музыкѣ Воячка, піэсы — *nârody ne hàsnau?*

Эта-то исключительность (или недогадливость?) и была поводомъ неудовольствія многихъ, но, вмѣстѣ, навела на мысль о концертѣ, въ которомъ бы отозвалась и народная музыка Славянъ юговосточныхъ. Задумали это украинцы, незадолго предъ тѣмъ глубоко опечаленные утратой своего вѣчнопамятнаго *батька Тараса,* и потому, естественно, въ концертѣ первое мѣсто должна была занять народная украинская пѣсня: хотѣли помянуть поэта, напомнить о его семействѣ и познакомить съ южнорусскими напѣвами тѣхъ, кто не имѣлъ случая ихъ слышать.—Признаемся, это намѣреніе намъ показалось очень смѣлымъ: гдѣ средства, гдѣ исполнители и слушатели для народной *южной* музыки въ *сѣверной* столицѣ? Для гостиной можно, пожалуй, найти и здѣсь то́ и другое, но для концертной залы??—да, это было слишкомъ смѣло...

Но — *концертъ* въ большой залѣ дворянскаго собранія состоялся, и при такомъ стеченіи слушателей, что сбора было достаточно не только на покрытіе значительныхъ расходовъ по устройству концерта, и даже на подарки нѣкоторымъ артистамъ — не-украинцамъ, заслужившимъ особенную признательность, но и на сбереженіе суммы для доброй цѣли. Значитъ—мысль объ украинскомъ концертѣ нашла сочувствіе въ обществѣ; объ этомъ концертѣ, повторяемъ, толковали, спорили—это тоже не дурной знакъ,—хотя бы сужденія нѣкоторыхъ были и неблагопріятны... Чтобъ показать, въ какой степени справедливы неблагопріятныя сужденія, необходимо вспомнить тѣ затрудненія, которыя слѣдовало преодолѣть для устройства концерта.

Главнымъ затрудненіемъ было то, что никто не счелъ себя вправѣ, и не вызвался, быть распорядителемъ по *музыкальной* части концерта, хотя каждый, кто сочувствовалъ мысли концерта и кому позволяло время, принялъ на себя часть заботъ распорядителя,—а заботъ этихъ было не мало: надо было ознакомить незнавшихъ украинскаго языка и народной нашей музыки, — мало вѣровавшихъ въ успѣхъ— артистовъ и любителей, — съ новымъ въ Петербургѣ предметомъ, выбрать и доставить ноты пѣсенъ и, насколько было возможно, въ ко-

роткое время передать исполнителямъ манеру народнаго пѣнія, — эту живую прелесть естественности, исключающую всякую манерность, напряженность, чуждыя прикрасы, и т. д.

Когда, наконецъ, артистами и любителями были выбраны: для концерта: любимая Т. Гр. увертюра «Вильгельма Теля» и другія партіи изъ украинской и не-украинской музыки, земляки наши обратились, за совѣтомъ въ выборѣ пѣсенъ къ любителямъ народныхъ мотивовъ, (въ томъ числѣ и къ П. А. Кулишу), а затѣмъ къ извѣстному знатоку музыки, А. Н. Сѣрову, (разработывающему украинскія пѣсни для «Основы»), съ просьбой восполнить составъ концерта нѣсколькими хорами. А. Н. принялъ на себя этотъ трудъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и арранжировалъ два превосходныхъ украинскихъ хора—мужской и женскій, и одинъ сербскій военный хоръ, прибавивъ къ программѣ отлично-оркестрованный маршъ, Франца Листа, изъ симфоніи его, на поэму Байрона «*Мазепа*». Бывшій въ это время, въ Петербургѣ, землякъ нашъ, извѣстный пчеловодъ и любитель музыки, Як. Ив. Костенецкій, указалъ на фантазію, составленную, Авкс. Ив. Тарновскимъ, въ 40-хъ годахъ, изъ украинскихъ мотивовъ, подъ названіемъ *Покосарщина*. Поименованныя пьесы, составили существенную часть концерта, вмѣстѣ съ слѣдующими украинскими народными пѣснями:

1) *Зеленéнькій барвінóчку, стелúся низéнько*, и 2) *Ой вúйду я на шпилéчокъ*, исполненныя г-жею Леоновою; 3) *Чи я въ лýзі не калúна булá*,—г-жею Леонтьевою; 4) *Стоїть яворъ надъ водою*,—г-мъ Артемовскимъ; 5)*Ой крúкнула лебéдонька изъ-за фúлі виринáючи* и 6) *Ой дівчúна по грибú ходúла*, — г-мъ Чумачевскимъ; 7) *Ой не шумú, лýже!* и 8) *Ой ходивъ чумакъ*, — г-мъ Ревуцкимъ; 9) *Ой тамъ на моріжку Постáвлю я хижку* и 10) *Ой на річці та на дóщечці*, — женскимъ хоромъ; 11) *Ой Морóзе, Морóзенку!*—мужскимъ хоромъ.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ полный отчетъ о крайне-разногласныхъ мнѣніяхъ, возбужденныхъ этимъ концертомъ, выпишемъ главнѣйшіе печатные объ немъ отзывы, а въ заключеніи представимъ и собственный нашъ взглядъ.

Въ 95 № (1 мая) *Съверной Пчелы*, въ фельетонѣ, сказано: «Въ-особенности замѣчателенъ былъ концертъ, данный въ четвертокъ, въ залѣ дворянскаго собранія, съ благотворительною цѣлію, на покупку земли родственникамъ покойнаго академика, Тараса Григорьевича Шевченка. Большая часть пьесъ этого концерта, какъ и долж-

но ожидать, состояла изъ малороссійскихъ мелодій и пѣсенъ, изъ которыхъ лучшія для мужскаго и женскаго хора и оркестра принадлежали таланту г. Сѣрова. И чудно-торжественно звучали эти пѣсни, и какая-то особенная интонація слышалась въ нихъ, при сознаніи цѣли, съ которою раздались онѣ подъ сводами залы благороднаго сословія, при воспоминаніи о томъ, что благостояніе семейства даровитаго многострадальнаго поэта будетъ куплено лишь цѣною его преждевременной смерти и что эта земля, въ которой, можетъ-быть, навсегда успокоятся его останки, можетъ отнынѣ называться единственною его собственностью, трехъ-аршиннымъ владѣніемъ, на необозримой поверхности Россіи! Всѣ, кому болѣе или менѣе была дорога память Шевченка, присутствовали на этомъ концертѣ, и не мало глазъ были какъ-то особенно маслянисты и влажны, и чудились, быть-можетъ, многимъ и слышались, быть-можетъ, среди заунывныхъ, гладящихъ душу, малороссійскихъ напѣвовъ, иные напѣвы—не роднаго украинскаго языка, а напѣвы, приличные настоящему случаю, умиляющіе, сглаживающіе всѣ общественныя разстоянія.»

По странной игрѣ случая, именно въ томъ же номерѣ, но не въ фельетонѣ, помѣщено письмо П. А. Кулиша къ издателю газеты, съ самымъ неодобрительнымъ приговоромъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и вообще о людяхъ, которые, не будучи патентованными украинцами, таковыми именовать себя смѣютъ. Приводимъ это характерное письмо вполнѣ:

«Одна изъ печальныхъ слабостей покамѣстъ малочисленнаго украинскаго общества—это величаться своимъ украинисмомъ передъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ. У насъ много господъ, которые, воображая себя знатоками малороссійскаго языка, превозносятъ похвалами даже такія вещи, какъ *Энеида*, *Котляревскаго*, или какая-нибудь повѣсть, очевидно, написанная pecuniarum causa. Эти господа, смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ, несмотря даже на фальшивыя ударенія въ словахъ, поддерживаютъ въ публикѣ заблужденія объ украинской поэзіи. Они, возглашая изустно и тиская посредствомъ равнодушнаго ко всему станка всякую чепуху подъ названіемъ украинской поэзіи, профанируютъ строгій характеръ и вкусъ украинскаго народа.

«Такъ поступили они и съ концертомъ, предназначеннымъ на покупку земли родственникамъ покойнаго поэта, Шевченка. Мы давно слышали о приготовленіяхъ къ этому концерту, давно видѣли озабо-

ченныя лица. Хотя мы и знали по опыту, какъ эти господа несостоятельны въ понятіяхъ объ истинно-украинскомъ, объ истинно-народномъ, но составъ концерта и распоряженіе практическою его частью превзошли всѣ наши горестныя ожиданія. *Выбраны* были пѣсни *худшія изъ худшихъ* по напѣвамъ и содержанію; если же *попали* въ концертъ какими-то судьбами и *прекрасныя* произведенія народной музы, то были изуродованы анти-народнымъ выполненіемъ. Призываю на судъ весь русскій міръ: что́ за идея, что́ за поэзія въ слѣдующихъ словахъ, столь же ничтожныхъ въ подлинникѣ, какъ и въ переводѣ: «Дѣвушка ходила за грибами и заблудилась въ зеленомъ лѣсу; пришла она къ зеленому дубу. Здѣсь я буду ночевать. Я думала, что это зеленый дубъ, анъ это молодой козакъ. Ой козакъ-повѣса, выведи меня изъ зеленаго лѣса, Когдабъ ты меня не звала повѣсою, я вывелъ бы тебя изъ зеленаго лѣсу»,—и только! (?!) Но одинъ изъ пѣвцовъ, г. Артемовскій, одолжилъ насъ еще больше: онъ одной народной пѣснѣ придалъ собственный анти-украинскій напѣвъ, а вмѣсто другой—спѣлъ бездушный и уродливый романсъ г. Виктора Забѣлы, въ которомъ есть такіе поэтическіе стихи:

А коли сёго не зро́бишъ,
Кинь мене́ у мо́ре.

Это, видите ли, поэтъ обращается къ вѣтру, которому онъ завидуетъ, потому что вотъ-молъ—

Ревешъ, вітре, та не стогнешъ,
Бо тобі не тяжко:
Ти не знаешъ въ світі горя,
Такъ тобі й не ва́жко.

Да, хорошо бы и намъ было вооружиться подобнымъ безчувствіемъ! а то намъ было не только *тяжко*, но и *важко*, слушать эту пошлую тарабарщину, *выдаваемую нашими знатоками* Украины за поэзію въ народномъ духѣ. И какъ это обидно, что *подобный вой* раздается надъ могилою поэта, который такъ чисто, такъ благородно понималъ вкусъ народной поэзіи (*)!»

(*) Каждому, надѣемся, ясно, что мы говорили собственно только объ украинской части концерта. Что́ касается до прочихъ пьесъ, то онѣ были выбраны и исполнены превосходно. Намъ очень жаль, что не-украинскіе пѣвцы и пѣвицы довѣрчиво вообразили, что имѣютъ дѣло съ *знатоками* народной музыки, а тѣ своими совѣтами уничтожили въ ихъ пѣніи то́, что́ было бы для насъ дороже,—уничтожили характеръ народной музыки, который, будучи строго вы-

Вслѣдъ за этимъ отзывомъ, въ томъ же совершенно тонѣ, послышался голосъ въ правдивой (но—безъ ея вины—не въ настоящемъ случаѣ) *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, голосъ враждебный не столько къ концерту, сколько къ распорядителямъ: (въ число ихъ, прикрывшійся обманчивымъ именемъ, авторъ, вѣроятно, попасть не могъ по какой-нибудь основательной причинѣ). Вотъ-какъ повѣствуетъ г. Тымишъ Львенко-Маренко:

«27 апрѣля, мы были на давно-ожидавшемся малороссійскомъ концертѣ. Признаемся, судя по долгому приготовленію и *громаднымъ* издержкамъ на этотъ концертъ, мы ожидали встрѣтить если не что нибудь необыкновенное, то по крайней мѣрѣ соотвѣтствущее великолѣпному содержанію афиши. Но каково же было наше разочарованіе, когда мы положительно не нашли ни того, ни другаго. Вмѣсто малороссійскихъ піесъ, мы услышали нѣчто такое, чего нельзя назвать ни русскимъ, ни малороссійскимъ. Прекраснѣйшая хоровая пѣсня «Морозенко» и другая, женская, «веснянка», до-того были обезображены, что ихъ нельзя было узнать. Послѣднюю скорѣе можно было принять за извѣстную пѣсню: «Ахъ на что было огородъ городить» (которой достоинство мы, впрочемъ, совсѣмъ не хотимъ унизить, да никто и не можетъ), чѣмъ за очаровательную музыку нашей родины. А г. Артемовскій не удовольствовался даже коверканьемъ мотива,—онъ переиначивалъ и самыя слова... Изъ всѣхъ піесъ сноснѣе другихъ, и то относительно, была пѣсня *чумака* , исполненная г. Ревуцкимъ. Самый выборъ піесъ доказываетъ, что у гг. распорядителей музыкальной части концерта вкусъ слишкомъ непзящный... Однимъ словомъ, неуспѣхъ былъ полный. То-то наживутся родственники Тараса Григорьевича на землѣ, купленной распорядителями на деньги, вырученныя отъ концерта! Изъ трехъ цѣлей его: 1) почтить память незабвеннаго поэта, 2) ознакомить публику съ украинской музыкой, 3) и самая главная, выручить деньги на покупку земли для родственниковъ покойнаго,—положительно ни одна не была достигнута...»

Между тѣмъ, опять въ той же *Сѣверной Пчелѣ* (№ 107, 15 мая) зазвучала, согласно съ приведеннымъ фельетономъ, восторженно-хвалебная пѣснь концерту и въ-особенности нѣкоторымъ исполнителямъ (по правдѣ заслужившимъ горячую признательность украинцевъ за

держанъ, перенесъ бы наши души въ нашу милую, поэтическую родину. Судя по ихъ обработаннымъ и прекраснымъ голосамъ, мы думаемъ, что они, *при другомъ руководствѣ*, выполнили бы свое дѣло вполнѣ удовлетворительно. *П. К.*

радушное участіе). Изъ этой статьи, написанной авторомъ симпатическихъ стиховъ, сказанныхъ надъ гробомъ Т. Гр. Шевченка, П. Н. Таволгою — Мокрицкимъ, выпишемъ нѣкоторыя характеристическія мѣста:

«Желая чѣмъ-нибудь отозваться на только-что замершій голосъ любви, земляки Шевченка, устроили 27 апрѣля, концертъ, съ цѣлію услышать родные звуки пѣсенъ, въ которыхъ вылилась вся чувствительная душа южно-русса, или украинца, вся радость и тоска его, всѣ высокія побужденія души, которыя родили такъ много прекрасныхъ чувствъ и думъ въ сынахъ Украины. Шевченко, котораго душа отзывалась на все изящное, особенно на звуки, самъ пѣлъ превосходно и любилъ пѣсни украинскія до увлеченія. Въ память его, земляки пожелали дать концертъ, достойный своей пламенной, нѣжной любви къ домашнему крову,—оправдать, осмыслить эту любовь передъ братьями своими, великоруссами.

«Концертъ начался увертюрою «Карлъ Смѣлый».

«Соло и украинскія пѣсни выполняли любители: гг. Чумачевскій, Ревуцкій и г-жа Леонтьева, а также артисты: г-жа Леонова, г. Артемовскій и г. Никольскій.

«Послѣ каждаго исполненія задушевныхъ мотивовъ, не сочиненныхъ въ кабинетахъ, а вылетѣвшихъ въ народѣ изъ сердца безъискусственно, подъ вліяніемъ чувства, которое оттого такъ свѣжо и безсмертно, публика рукоплескала. Г. Артемовскій былъ вызванъ два раза. Появленіе г-жи Леоновой въ бѣломъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, было встрѣчено бурей аплодисментовъ, долго неутихавшихъ. Г. Вителяро началъ прелюдію къ украинской пѣснѣ (которую должна была исполнить артистка. Публика съ большимъ вниманіемъ устремила на эстраду глаза, прислушиваясь что́ споетъ Леонова на нарѣчіи ей чуждомъ; что создастъ изъ звука, неполучившаго еще законнаго права, бродящаго сироткой подъ плетнемъ,—которому искусство не подало еще дружелюбно руки́, не привело въ свѣтлицу, не усадило на приличномъ мѣстѣ...

«Г-жа Леонова совершенно правильно по-украински пропѣла слѣдующія трогательныя слова, выражающія плачъ «дівчини», случайно отыскавшей могилу отца:

«Ой ви́йду я за гаёчокъ,
Та гля́ну я на доли́ну,
Доли́на глибо́ка, кали́на висо̀ка,
Ажъ до землі вітття гну́тця,
А въ мене́, дівчи́ни, въ мене́, молодо̀і,

Річенькою слёзи ллю́тця.
Підъ тіею кали́ною
Висо́кая моги́лонька: —
Моги́ла висока и яма глибо́ка —
Коза́цькая постілонька;
У тій у моги́лі, въ холо́дній постілі
Лежи́ть ба́тенько нашъ ми́лий....
Ой Тарасе, голу́боньку!
Ки́нувъ мене́ сво́ю до́ньку,
Ки́нувъ усіхъ до́чокъ—си́зихъ голу́бочокъ,
И старе́ньку на́шу не́ньку.
Розступи́ся зе́мле—подивись на ме́не,
Якъ пла́чу я, дівчинонька...

«Всякій пойметъ, что не легко сразу овладѣть выговоромъ, интонаціею, духомъ языка, приложить все это къ обстоятельству, требу́ющему извѣстнаго выраженія каждаго слова и звука. Но г–жѣ Леоновой ничто нетрудно. Ее, какъ перлами, осыпали рукоплесканіями и возгласами, въ которыхъ наблюдательное ухо легко могло примѣтить отраду и благодарность украинцевъ, необыкновенное, истинное удовольствіе всей публики. Послышалось множество «bis! bis!» Она снова вышла и — о ужасъ украинцевъ! — вмѣсто повторенія той же трогательной пѣсни, начала игривую пѣсенку:

«Зелене́нький барві́ночку,
Стели́ся низе́нько,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий,
Прису́нься близе́нько;
Зелене́нький барві́ночку,
Стели́ся ще ни́жче,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий,
Прису́нься ще бли́жче.

«Я видѣлъ ясно, какъ нѣкоторые увлаженные глаза во мгновеніе измѣнили выраженіе, блеснувъ недружелюбно. Но во второмъ куплетѣ:

Не сте́летця барві́ночокъ —
Ко́рень посиха́е;
Не ди́витця коза́ченько —
Тя́женько здиха́е.
Ой, чого́жъ ти одверну́вся,
Мій о́рле-коза́че?
Глянь на мене весели́ньку —
Я смію́ся... й пла́чу...

она начала вводить солидный тонъ, растягивая мотивъ и придавая голосу, таинственность—и тотъ же веселый мотивъ, который въ украинской пѣснѣ всегда имѣетъ грустный оттѣнокъ, принялъ другой характеръ. Въ этомъ тонѣ она, изобразивъ неизмѣнное чувство козака къ его милой:

«Дівчи́ночко, пташи́ночко,
Щебету́шечко!
Співа́й мені, кажи мені,
Говору́шечко!»

окончила безотраднымъ воплемъ козака:

«Співа́й що хо́чъ, кажи́ що хочъ —
Не чу́ю я гласа —
Ні слова́ми, ні слёзами
Не ве́рнешъ Тараса!»

«Неожиданность эта была эффектна и выразилась сильнѣйшею признательностью публики; на многихъ глазахъ блестѣли слезы.

«Настроеніе публики было прекрасное,—нецеремонное, непатянутое, сердечное.

«Г. Сѣровъ, который, несмотря на свои разнородныя занятія, не можетъ не быть артистомъ-композиторомъ, понялъ высшимъ чутьемъ новый рудникъ разнообразной русской музыки и оркестровалъ въ видѣ опыта, мужскую и двѣ женскія пѣсни—веснянки для хора. Первая сочинена на смерть воинственнаго Морозе́нка, выражающая мощь духа сотоварищей его, поющихъ какимъ-то рокотомъ, катящимся по степи. Двѣ женскія составляютъ второй хоръ, раздѣленный на двѣ разнородныя части: въ первой рисуется граціозно дѣвушка, которой походка сравнена съ струею воды, льющейся тихо по камешкамъ; во второмъ, игривымъ, для разнообразія, мотивомъ, представлена также юная красавица, сидящая на дощечкѣ въ водѣ; она плещется, какъ рыбка, потомъ одѣвается на зеленой травкѣ и, любуясь собою, весело припѣваетъ (къ своимъ черевичкамъ:)

«Сежъ мені пан-оте́цъ покупи́въ,
Щобъ хоро́ший молоде́цъ полюби́въ,
А панчішки (чулочки) па́ні-ма́тка дала́,
Щобъ хоро́ша я пани́нка була́.»

«Третій хоръ, положенный г. Сѣровымъ (сербская пѣсня,) также прекрасно оркестрованъ, какъ и прочіе. При исполненіи хоровъ съ акомпанементомъ оркестра, г. Сѣровъ былъ вызванъ публикою.

«Встрѣча г. Никольскому была шумнымъ всплескомъ моря при налетѣвшемъ ураганѣ.

«Онъ исполнивъ романсъ: «Скажите ей!» очаровательно.

«Оркестръ исполнилъ маршъ изъ симфонической фантазіи «Мазепа», сочиненіе Фр. Листа, и другую очень милую вещь «Покосарщину», фантазію для скрипки, на украинскіе мотивы, соч. Авксентія Тарновскаго. Звонъ косъ, какъ ихъ острятъ въ косовицу, придуманный кстати композиторомъ,—прелестный букетъ мотивовъ, такъ близкихъ сердцу,—перенесли насъ изъ блестящей залы на зеленый безконечный коверъ родины, надъ которымъ, какъ лампадки, висятъ въ воздухѣ жаворонки, составляя обширный хоръ Создателю.... Звуки, свѣжесть степей, солнце родины!—ахъ, вы ничѣмъ незамѣнимы!... Недостаетъ вамъ одного: Леоновой и Никольскаго!

«Г–жа Леонова и г. Никольскій, исполнили дуэтъ «Неискушай меня» музыка великаго Глинки. Послѣ этого дуэта, будто вся зала обрушилась на нихъ, но они ушли невредимы, какъ отмѣченные судьбою воины среди кипящаго боя.

«Г. Никольскій прекрасно закончилъ впечатлѣніе, исполнивъ: «Его ужъ нѣтъ!» величественно, съ высокою любовью.

«Концертъ этотъ, не смотря на свои маленькіе недостатки, которые бываютъ вездѣ и вовсемъ, особенно при новости дѣла и скорости исполненія его, можно назвать необыкновеннымъ. Онъ похожъ былъ на свѣтлый майскій день среди зелени и цвѣтовъ, среди звуковъ, которыми дышетъ вся природа.

«О! не завидую вамъ, мужи велемудрые, операторы всякого чувства! въ самый усовершенствованный лорнетъ вы проглядите его. Сколькихъ наслажденій вы лишены, если не забѣгаетъ къ вамъ порѣзвиться это дитя Божіе, если не отдохнетъ вашъ утомленный, суетный взоръ на чистой лазури глазъ его, на улыбающейся, свѣженькой его головкѣ! Это дитя имѣетъ такое же законное мѣсто въ нашей душѣ, какъ и старшія его сестры—мысли, которыя, въ отсутствіи этого чистаго *Веніамина*, остаются пусты, холодны...

«По окончаніи концерта, благодарность г. Сѣрову была выражена съ восторгомъ.

«Г–жа Леонова вышла изъ уборной комнаты, и оставшаяся часть публики аплодировала ей, идя чрезъ всю залу. Каждый просилъ оторвать ему цвѣтокъ или листикъ изъ ея букета. Мы чувствовали, что,

не смотря на новыя положенія, закрѣпостила насъ окончательно эта русская боярыня родныхъ звуковъ, такъ-сказать, вздоховъ нашей души.»

Наконецъ, тамъ же (25 мая, № 116) встрѣчаемъ еще двѣ статьи по поводу концерта 27 апрѣля: одна—П. Н. Т.–Мокрицкаго, другая — Ае. В. Марковича. Вторую, — съ которою нельзя вполнѣ не согласиться всякому, кто безпристрастно, но съ теплымъ участьемъ отнесся къ концерту, — мы помѣщаемъ отъ слова до слова; изъ первой же статьи, которая представляетъ скорѣе рѣзкое возраженіе П. А. Кулишу, нежели критическую оцѣнку артистическаго явленія, мы извлечемъ немногое, оставляя въ сторонѣ обстоятельства, не идущія къ самому предмету и не подлежащія частному, личному суду.

Вотъ отзывъ г. Марковича:

«Много говорили и писали объ этомъ концертѣ и толки о немъ еще не окончились. Онъ очень далекъ, конечно, отъ совершенства; но и бранить его намъ кажется дѣломъ неблагодарнымъ. Одна искренность и теплота отношенія къ нему его участниковъ, особенно г. Сѣрова и г-жи Леоновой, придаютъ ему такія прекрасныя симпатическія достоинства, какими не похвалятся многіе и многіе концерты.

«Участіе А. Н. Сѣрова въ этомъ концертѣ было весьма важно. Оно состояло въ аранжировкѣ на хоры и оркестръ трехъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ и одной сербской; въ составленіи программы концерта также онъ участвовалъ, хотя и не могъ здѣсь быть самостоятельнымъ, получивъ для программы выбранныя самими исполнителями пѣсни и готовыя соображенія, болѣе или менѣе обязательныя, частныхъ лицъ, хлопотавшихъ объ этомъ концертѣ.

«Въ составленіи самихъ хоровъ, столько оживившихъ концертъ, г. Сѣровъ былъ парализованъ неблагопріятными случайностями и неудачами: писавъ партитуры, онъ не имѣлъ подъ рукой инструмента; не могъ провѣрить переписанныхъ партій; не имѣлъ возможности присутствовать на спѣвкахъ, и едва попалъ, случайно, на репетицію, кончившуюся за часъ передъ концертомъ. Винить въ этомъ кого бы то ни было нельзя, потому, что *главныхъ распорядителей по концерту вовсе не было*. Самъ г. Сѣровъ, по независимости своего характера, конечно, не обращался къ кому нибудь за тѣмъ, за чѣмъ, по всей справедливости должны были къ нему обращаться. А. Н. Сѣрову остаются не упреки, а полнѣйшая, глубочайшая благодарность искреннихъ друзей Шевченка и истинныхъ почитателей его великой

памяти. Нашему критику музыкальному, котораго имя съ почтеніемъ произносится въ музыкальной Германіи, и даровитому композитору, какимъ онъ вдругъ обнаружилъ себя передъ нами, принадлежитъ теперь честь первой значительной ученой разработки народной украинской музыки; ему же и наша горячая любовь на всю жизнь, живая струя той любви, какую каждый украинецъ питаетъ къ чарующимъ, глубокимъ, задушевнымъ пѣснямъ своей милой родины.

«И тѣмъ выше заслуга г. Сѣрова, чѣмъ онъ сознательнѣе утверждаетъ, что работу свою, по ея спѣшности и, слѣдовательно, неудовлетворительности, считаетъ не иначе, какъ предварительною, почти черновою, и тѣмъ обязательнѣе для каждаго признаніе этой заслуги, что выполненіе этихъ малороссійскихъ пьесъ въ концертѣ оставляло еще многаго желать. Композиторъ не только-что не имѣлъ времени поправить ошибки, вкравшіяся въ партіи или придать выдержку и энергію инструментамъ и голосамъ, но изъ опасенія, чтобы не сбить исполнителей на единственной пробѣ, имѣвшей мѣсто передъ самымъ концертомъ, не могъ поправить даже собственныхъ ошибокъ; напримѣръ, не могъ ускорить такта въ мужскомъ малороссійскомъ хорѣ и въ первой половинѣ первой пѣсни женскаго хора, уничтожить поставленныхъ въ срединѣ пѣсенъ ферматъ, сообщившихъ имъ какой-то для нихъ чуждый, отчасти театральный, характеръ. Что же касается самихъ исполнителей хоровъ, то съ ихъ голосами и добрымъ вниманіемъ къ дѣлу можно было многаго достигнуть. Затѣмъ ужъ почти лишнее жалѣть о томъ, что слоги словъ въ хоровыхъ украинскихъ пѣсняхъ кое-гдѣ не были разставлены подъ соотвѣтственными имъ нотами, а въ пѣніи недоставало вольныхъ и смѣлыхъ переливовъ, требуемыхъ характеромъ исполненія пѣсень самимъ народомъ. По стѣсненному времени, несправедливо обвинять кого бы то ни было, ни благосклонныхъ артистовъ, ни усердныхъ, но чуждыхъ иногда другъ другу, любителей, и всего менѣе — г. Сѣрова.

«Напротивъ, если, и за всѣмъ этимъ, нашъ прелестный женскій хоръ, наравнѣ съ блистательно-оркестрованнымъ сербскимъ, продолжаетъ составлять предметъ оживленныхъ разговоровъ въ обществѣ, то это лучше всего показываетъ, сколько г. Сѣровымъ положено въ эти работы любви и таланта.»

Въ статьѣ П. Н. Мокрицкаго высказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Не позволяя себѣ рѣшительно никакихъ разсужденій, обратимся

къ фактамъ. Сознаваясь въ своей недальновидности, мы откровенно скажемъ, что не понимаемъ слѣдующихъ словъ г. Кулиша: «покамѣстъ малочисленнаго украинскаго общества», а также «смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ.» равно не понимаемъ, къ чему здѣсь нарушенъ прахъ давно-почившаго Котляревскаго, малороссіянина съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеиды считалась всегда удачнѣйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть всѣми украинцами; котораго «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ» играются десятки лѣтъ на театрѣ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публики никому даромъ не дается; украинская пословица говоритъ: «громада—великий чоловікъ»; она не издаетъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь.

«За пораженіемъ Котляревскаго, у г. Кулиша слѣдуетъ пораженіе композитора, Глинки, признаннаго Европою великимъ артистомъ. Положенный имъ на ноты романсъ, на слова г. Забѣлы, исполненный г. Артемовскимъ, г. Кулишъ назвалъ «бездушнымъ и уродливымъ романсомъ!» а въ концѣ статьи, всѣ сердечныя изліянія людей, которыхъ привела безкорыстная любовь къ памяти одного изъ прекраснѣйшихъ сердецъ человѣческихъ и желаніе пособить доброму дѣлу, названы «воемъ» надъ могилою Шевченка....

«Гдѣ же искать причину этого разочарованія въ которомъ находится одинъ г. Кулишъ, тогда какъ публика очень признательно выражала свое сочувствіе въ концертѣ, что̀ видѣлъ и слышалъ каждый бывшій и что доказываетъ фельетонъ, выглядывающій, какъ укоръ, изъ-за другой страницы того же листа? Намъ совершенно непонятно, ка̀къ могли родиться враждебныя движенія, и въ такой сильной степени, въ людяхъ, пришедшихъ раздѣлить одно съ нами чувство. Неужели человѣкъ, въ которомъ есть хоть одна теплая искра въ груди, сталъ бы насмѣхаться надъ выраженіемъ лица особы, посѣтившей могилу его отца?»

Заявивъ уже, что вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Марковича, мы думали-было сдѣлать замѣчаніе противъ нѣкоторыхъ фразъ, нѣкоторыхъ преувеличенныхъ похвалъ и нападокъ въ другихъ мнѣніяхъ, но—остановились: намъ сдѣлалось и скучно и грустно при одной мысли полемикѣ, обращенной къ тому, что̀ было, прошло, и если когда-нибудь повторится, то совершенно въ иномъ видѣ. Многое, что̀, по

первому впечатлѣнію, охватываетъ и голову и сердце, — смотришъ потомъ — только отвлекло тебя отъ лучшаго, прямаго дѣла. Не словопреніе теперь нужно, а дѣло, — любовь: одна любовь творитъ достойное и настоящаго и будущаго.

И такъ, отсторонивъ частности и предоставивъ ихъ суду общественному, скажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно музыкальнаго исполненія и музыкальной критики: быть–можетъ, они впередъ къ чему–нибудь послужатъ.

Справедливо замѣчено въ одной изъ приведенныхъ нами статей, что концертъ былъ далекъ отъ совершенства; но можно ли требовать *совершенства* отъ чего-бы-то-ни-было, а тѣмъ болѣе отъ концерта, образовавшагося на́-скоро, на–сѣверѣ, гдѣ такъ еще мало знанія и пониманія нашей народной музыки. Надо было испытать *возможное*, и оно показалось обществу не чуждымъ, не страннымъ, не безплоднымъ; *возможное* въ настоящемъ подаетъ надежды къ лучшему въ будущемъ. Кто чуетъ нашу пѣсню не однимъ ухомъ, но и сердцемъ, тотъ долженъ понимать, что она, для артистическаго своего выполненія, требуетъ свободы вдохновенія, создавшаго ее въ народѣ, — т. е. такого глубокаго проникновенія словами и звуками пѣсни, какъ будто бы они родились въ минуту самого пѣнія. Такъ иногда поетъ извѣстный многимъ Украинцамъ, Гр. Н. Честоховскій, — но его голосъ не для концертной залы. Такъ нѣкогда пѣлъ Шевченко — и голосомъ и стихами... но легко ли и на одну минуту стать Шевченкомъ?... Вотъ-что́ слѣдовало помнить критикамъ концерта 27 апрѣля: — тогда бы вѣроятно, взглядъ ихъ былъ прямѣе и справедливѣе, — тогда бы требованія ихъ относительно *украинскаго* концерта *въ Петербургѣ* въ такой же степени умепьшились, въ какой — относительно себя — увеличились...

Да! критики должны бы быть гораздо требовательнѣе въ–отношеніи къ себѣ и осмотрительнѣе въ своихъ приговорахъ, нежели они это показали. Концертъ есть дѣло музыкальное и, слѣдовательно, для *вѣрнаго* сужденія о концертѣ *какомъ-бы-то-ни-было*, прежде всего необходимо, хотя до нѣкоторой степени, знаніе музыки въ томъ, кто берется судить о музыкальномъ дѣлѣ печатно. Кажется, что въ такомъ требованіи довольно основательности. Такимъ-образомъ, хотя концертъ въ память Т. Г. Шевченка былъ больше чѣмъ на–половину программы составленъ изъ музыки южно–русской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы концертъ этотъ подлежалъ исключительному суду од-

нихъ украинцевъ, — и вовсе не каждый украинецъ, на томъ только основаніи, что онъ слыхалъ пѣсни своего народа, народомъ исполняемыя, можетъ превратиться въ музыкальнаго знатока и критика. Никто, напримѣръ, не усомнится въ истинной «народности» русской плясовой пѣсни, извѣстной по всей Руси подъ именемъ «Комаринской». Эта пѣсня симфонически разработана М. И. Глинкою, но—еслибъ потребовалось оцѣнивать это мастерское и великолѣпное произведеніе Глинки—хотябы и со стороны собственно-народности,—неужели бы любой «русскій,» быть-можетъ неразъ плясавшій подъ звуки этой пѣсни, съ аккомпанементомъ балалайки, могъ быть приглашенъ въ судьи для оцѣнки эфектовъ и впечатлѣнія оркестровой разработки этой пѣсни Глинкою?—Весьма вѣроятно, подобный импровизированный судья изрекъ бы такой приговоръ: «Сначала-то, вотъ пока скрышки наигрываютъ пѣсню (т. е. еще на-голо́, одну мелодію, безъ аккомпанемента), узнать можно: — совсѣмъ какъ у насъ выходитъ; а что́ дальше, такъ ужъ хитро больно,—заплелъ, заплелъ разныя припѣвочки да подпѣвочки, да въ трубы, въ литавры грянулъ, — отъ пѣсни-то чуть-ли не въ сторону метнулъ. У *насъ* поютъ и играютъ ее попроще;—а это уже на нѣмецкіе лады смахиваетъ.» Могъ ли бы такой приговоръ, хотя бы и очень искренній, служить укоромъ симфонической фантазіи Глинки, или прямымъ доказательствомъ недостатка народности въ разработкѣ «Комаринской»?

Не ставя нисколько въ параллель съ этимъ могучимъ, зрѣлымъ произведеніемъ Глинкиной музы первые и вовсе не особенно-значительные опыты А. Н. Сѣрова на поприщѣ разробатыванія украинскихъ мотивовъ для хора и оркестра, мы все-таки скажемъ, что сужденія враждебныя этимъ небольшимъ, но — по отзыву дѣльныхъ музыкантовъ— весьма удачнымъ, опытамъ, враждебныя именно со стороны «народности» въ музыкальныхъ звукахъ, совершенно несправедливы и выказываютъ только въ г.г. порицателяхъ незнаніе предмета.

Что́ можетъ быть, напримѣръ, забавнѣе упрека женскому хору (въ его второй половинѣ) за то́, что мотивъ пѣсни «*Ой на рiчцi та на дощеццi*» сбивается на великорусскую пѣсню «Ахъ, начто́жъ было огородъ городить»? Можно, пожалуй, и еще прибавить, что мотивъ этотъ похожъ и на другую русскую пѣсню «Ты поди, моя коровушка, домой», а изъ земли Чеховъ, или Сербовъ, или Словаковъ найдутся, быть-можетъ, и десятка два еще другихъ мотивовъ все вполнѣ народныхъ, и какъ нельзя ближе похожихъ и на упомянутые

великорусскія пѣсни и на ту украинскую, которая была спѣта женскимъ хоромъ въ концертѣ, съ аккомпанементомъ оркестра, разработаннымъ совершенно согласно наивно-веселому характеру самаго напѣва: что́ жъ изъ этого слѣдовало бы, (еслибъ и было сходство, о которомъ говоритъ (вѣроятно, не разобравъ музыки), г. Маренко)? Ужъ навѣрное не то́, что́ онъ думалъ. А что мотивъ, разумѣется, сохраненъ въ хорѣ вездѣ, отъ ноты до ноты, объ этомъ и распространяться не слѣдуетъ: достаточно заглянуть въ музыкально-критическій этюдъ А. Н. Сѣрова надъ украинскими пѣснями, чтобы увидѣть ка́къ цѣнитъ и понимаетъ онъ народную музыку. Читатели видѣли замѣчательную ошибку другого критика, который одно изъ весьма удачныхъ произведеній Глинки — давно оцѣненную пѣсенку «*Гуде вітеръ*» смѣшалъ *съ словами*, которыхъ авторъ В. Н. Забіла. Музыкальная критика всегда умѣетъ ясно разграничивать область текста и область музыки, хотя бы и въ народной пѣснѣ; случайные судьи музыкальныхъ явленій, наоборотъ, никакъ не могутъ отдѣлить звука отъ слова и, за-часту́ю, не узнаютъ и мотива пѣсни, если она имъ спѣта съ инымъ, незнакомымъ для нихъ, текстомъ, или сыграна безъ пѣнія и, слѣдовательно, безъ словъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что область народной музыки, когда уже она выступаетъ въ концертъ, непремѣнно должна стать *въ уровень* съ художественными произведеніями *не-народными*. Пѣсня, точь въ точь какъ она поется народомъ, съ длиннымъ, однообразнымъ повтореніемъ двухъ-трехъ фразъ, иногда весьма-короткихъ, — богатѣйшій *матеріалъ* для музыки, но этотъ матеріалъ, въ своемъ *необработанномъ* видѣ, еще не есть музыка, *готовая для концерта*. А для сцѣпленія, для сплетенія между собою разныхъ народныхъ мотивовъ, даже для лёгкой разработки ихъ, хотя бы и въ видѣ импровизированной фантазіи, требуется вниканіе въ законы *развитаго* искусства и опытность въ техникѣ музыкальнаго дѣла, — чего отчасти недостаетъ, напримѣръ, въ «Покосарщинѣ;» хотя мотивы этой пьесы, сами по-себѣ, весьма интересны съ своимъ чисто-народнымъ оттѣнкомъ.

Нельзя не отозваться съ благодарностью объ усердіи всѣхъ господъ и госпожъ исполнявшихъ чисто-украинскую часть программы: всѣ они свое дѣло исполнили весьма-удовлетворительно. Глубокаго проникновенія задачею, напримѣръ въ хорахъ и акомпанементѣ имъ, конечно, недоставало, но на это есть очень уважительная причина: совершенное отсутствіе въ Петербургѣ вполнѣ хорошаго *капельмейсте-*

ра для народной музыки, истиннаго по всѣмъ правамъ *предводителя* оркестровыхъ и хоровыхъ силъ (*отличныхъ* въ отдѣльности)... Кромѣ техническаго знанія и опытности (которые найдутся и въ оперныхъ и концертныхъ дирижерахъ)—кромѣ таланта (который, какъ высшій даръ, вовсе не часто встрѣчается въ музыкантахъ-профессіонистахъ), тутъ необходимо еще одно важнѣйшее условіе: безграничная любовь къ своему дѣлу, призваніе, неразлучное и съ безкорыстіемъ и съ самоотверженіемъ. Музыканты оркестра, пѣвцы и пѣвицы хора, не могутъ смотрѣть на музыку иначе, какъ на поденное занятіе, на работу, за которую, по уговору, получаютъ извѣстную плату. Начальникъ оркестра и хоровъ, начальникъ *всего* исполненія, во всецѣлости музыкальной, обязанъ смотрѣть на дѣло иначе. Онъ долженъ душею горѣть, пламенѣть къ музыкѣ; долженъ, по *внутреннему*, сильнѣйшему побужденію стремиться къ идеально-совершенному выполненію ввѣряемыхъ ему задачъ. Его дѣло—вдохнуть душу живую въ матеріальныя силы голосовъ человѣческихъ и музыкальныхъ орудій,—понять духъ, характеръ того, что́ исполняется,—осуществить все, что́ только въ видѣ мертвой буквы заключено въ холодныя страницы партитуръ. Для всего этого, безъ сомнѣнія, никакъ недостаточно было *одной* (!) пробы, при музыкѣ, для г. капельмейстера совершенно-чужой и незнакомой; для всего этого, конечно, и пробу никакъ нельзя дѣлать за какой-нибудь часъ до концерта!.. Когда капельмейстеръ занимаетъ свое мѣсто вовсе не по призванію, а та́къ, Богъ знаетъ почему,—какъ не рѣдко случается со всякими другими должностями,—когда и онъ—никакъ не менѣе музыкантовъ оркестра и хористовъ—поденщикъ, наемникъ, которому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до цѣлей искуства,—когда, вмѣсто того, чтобъ «одушевлять» исполненіе, онъ скорѣе, своею вялостью, сухостью, равнодушіемъ, самъ парализуетъ и ту маленькую энергію, которая изрѣдка, почти безсознательно, является въ хорахъ и оркестрѣ: тогда... гдѣ же требовать *силы* впечатлѣнія на слушателей, гдѣ же требовать смысла, разумности въ оттѣнкахъ, гдѣ же требовать истинной музыкальности и отъ концертовъ, тысячу разъ повторявшихся, — тѣмъ болѣе отъ концерта, въ основаніи котораго совершенно новая музыка?..

Въ заключеніе, не считаемъ лишнимъ сказать, что многіе Украинцы, въ томъ числѣ и Н. Ив. Костомаровъ, выразили свою признательность артистамъ и любителямъ, за участіе въ концертѣ, осо-

быми письмами; что оркестръ, хоры и устройство концертной залы обошлись — какъ и для всѣхъ здѣсь обходятся — очень дорого, не смотря на все усердіе друга покойнаго поэта, — М. М. Л—скаго, — который завѣдывалъ хозяйственною частью концерта; и, наконецъ, что — какъ говорятъ — нѣкоторые изъ артистовъ и любителей, участвовавшихъ въ концертѣ 27 апрѣля, — въ томъ числѣ г-жа Леонова и г. Никольскій, — вскорѣ намѣрены посѣтить Кіевъ, Полтаву, Черниговъ и Харьковъ. Въ ихъ успѣхѣ и сочувствіи тамошняго общества не сомнѣваемся.

А.-В. Побратимъ.

ВІСТІ.

ВОВЧИЦЯ.

(*Изъ письма моего пріятеля*).

— — Солнечные лучи ложились параллельно землѣ, пробиваясь сквозь свѣтлыя зимнія облака. Слабо освѣщали они стѣны убогихъ хатъ, плетни и вербы, когда почтовая тройка тронулась изъ хутора Карчая и понеслась по степной дорогѣ, оглашая воздухъ рѣзкимъ дребезжаньемъ колокольчика. Сѣвшій въ рогожную кибитку проѣзжающій закурилъ сигару, отъ которой дымъ быстро вылеталъ изъ-подъ кибитки и тотчасъ же исчезалъ въ сжатомъ зимнемъ воздухѣ. Тихій вѣтеръ началъ усиливаться болѣе и болѣе; отдѣльно бродившія облака стали сходиться въ сплошную массу, и пошелъ снѣгъ. Наконецъ, солнце совершенно скрылось, а снѣгъ усилился до-того, что узкую дорогу, походившую болѣе на тропинку, стало заносить совершенно; ее не было бы возможности узнать, еслибъ она съ обѣихъ сторонъ не была утыкана палками, обвернными соломой, которыя у насъ называются *тычками*.

«Да!!» вздохнувши подумалъ проѣзжающій, глядя на безконечное чистое пространство, покрытое снѣгомъ: «еще одно здѣсь спасаетъ человѣка — тычки! а не будь ихъ въ мятель, непремѣнно сбился бы съ дороги и застылъ бы въ этомъ снѣговомъ морѣ».

Онъ бросилъ въ сторону недокуренную сигару и, закутавшись въ шубу, прижался къ той сторонѣ кибитки, въ которую дулъ бушующій вѣтеръ, и, поглядывая въ обѣ стороны, прислушивался къ пѣснѣ ямщика, напѣвавшаго полнымъ степнымъ голосомъ:

Забіліли сніги, заболіло тіло,
ще й голóвонька;
Ніхтó не запла́че по бíлому тíлу,
по бурла́цькому....

Ямщикъ поминутно стегалъ батогомъ свою тройку, движеніе которой по занесенной снѣгомъ дорогѣ становилось все тише и тише. Она проѣхала уже нѣсколько верстъ, а ни впереди, ни въ сторонѣ никакого жилья не было замѣтно: все только и виднѣлась одна неизмѣримая, покрытая снѣгомъ степь, на которой въ лѣтнее время не мало можно встрѣтить дикихъ козъ и зайцевъ. Наконецъ, тройка спустилась въ глубокій яръ, гдѣ, къ удивленію ѣхавшаго господина, въ первый разъ встрѣтился дубовый лѣсокъ, и онъ, не разговаривая съ ямщикомъ всю дорогу, не вытерпѣлъ и спросилъ:

— А что́, здѣсь есть жилье, или одинъ только лѣсъ?

— Жилля нема́ ніякого, а тільки одинъ лісъ,— отвѣчалъ ямщикъ хлеснувъ батогомъ лошадей.

— Большой?

— Ні, не вели́кій, та й не мали́й.

— А сколько верстъ отъ этого лѣсу до станціи?

— Та, якъ бы вамъ сказа́ть?—верстовъ... три́дцять, чи три́дцять пять.

— А впередъ встрѣтится какой нибудь хуторъ?

— Буде маленькій хутире́ць, та й той оста́нетця у боку́.

— Въ лѣсу, недалеко отъ дороги, что-то блеснуло, словно огонекъ. Всматриваясь въ ту сторону, путешественникъ спросилъ у ямщика:

— Тутъ нѣтъ ли избушки, что вонъ вправо видѣнъ огонь?

— Це не огонь, — отвѣчалъ ямщикъ.

— А что́же?

— Вовкъ. То у ёго о́чи блища́ть якъ ого́нь.

— Развѣ здѣсь ихъ этакъ бываетъ и много?

— Та не такъ бага́цько, а коли не ідешь, то все попада́ютця назу́стрічъ.

Когда они поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился волкъ, лошади подняли уши и стали храпѣть, а сидѣвшій въ саняхъ господинъ такъ струсилъ, что не только прервалъ разговоръ, но прижался поближе къ одной сторонѣ саней и едва переводилъ духъ. Онъ даже забылъ про пистолетъ, который имѣлъ всегда заряженнымъ и возилъ съ собою изъ предосторожности. Но, переводя съ большою осторожностію дыханіе, онъ чувствовалъ себя нисколько не легче; а когда спустились въ самый яръ, ему сдѣлалось еще жутче оттого, что лошади, утопая по самое брюхо въ мягкомъ снѣгу,

чуть двигались впередъ, и нерѣдко даже совершенно останавливались. А волкъ съ горящими, какъ двѣ свѣчки, глазами стоялъ неподвижно. Герой нашъ хотя былъ и не изъ самаго трусливаго десятка, а въ этомъ случаѣ совершенно оплошалъ. Онъ не могъ замѣтить, что здѣсь уже не было видно ни дороги, ни тычекъ, которыя были занесены снѣгомъ и что ямщикъ, будучи знакомъ съ мѣстностью, ѣхалъ по лѣсу почти *манівцемъ*, ежеминутно покрикивая и ударяя батогомъ лошадей, которыя насилу выбивались изъ глубокаго снѣгу, залегшаго спокойно въ лѣсу. Наконецъ, умыленная до изнеможенія тройка перебралась чрезъ глубокій яръ и, такъ сказать, вынырнувъ изъ снѣговой топи, очутилась на гладкой дорогѣ, изрѣдка перерѣзанной большими валивами снѣгу. Изъ лѣсу, въ которомъ остался страшный волкъ съ огненными глазами, долетали до нашихъ ѣздоковъ свистъ сильнаго вѣтра и шумъ деревьевъ.

Оставивъ позади себя лѣсъ и выѣхавъ на ровную мѣстность, ямщикъ опять началъ напѣвать потихоньку, какъ-будто сквозь зубы:

Забіліли сніги, заболіло тіло....

Лошади, получая менѣе ударовъ батога, пошли однакожъ шибче, а проѣзжающій снова спросилъ ямщика:

— А что, эти свѣтлоглазые ничего не трогаютъ, или этакъ что нибудь и пощипываютъ?

— Да якъ ще гáрно щипáють! Торікъ до насъ у хутіръ такъ унáдились, шо не було того дня, шобъ чого-небудь изъ хлівá не витягли: спéрву стáли крáсти гусéй, а тамъ свинéй и овéчокъ; та такъ сібірні унáдились, шо и въ день бувáло підкрáдутця до вівéць, ухóпить ягня́, або старý вівцю́, та й побіжить у лісъ. Лісъ цей невели́кій.... Отъ ми зібрáлись разъ чоловікъ изъ шість; взяли́ зъ собою всі по кійкý и чотирі ружжя́, та й и пішли́. Дай, кáжемъ, прóйдемо цей лісъ, чи не нáйдемъ тамъ ихъ скóти (1). Тільки прихóдимъ у лісъ, и всі шéстеро розійшлúсь по бокáхъ.... ну, и найшóвъ одúнъ, такъ, у ярóчку, вóвчу скóту, и закричáвъ: «Сюди́, брáтці»! Отъ ми якъ прийшли́ всі, такъ одúнъ смíлий и вúбрався, та й полізъ у скóту.... А тамъ були́ тільки сами́ вовченя́та и обóе

(1) Берлоги.

гарцюва́ли зъ маленькимъ ягня́ткомъ. Ну, ми тутъ скорíше забра́ли цíхъ маленькихъ вовченя́тъ и ягня́тко и понесли́ до до́му, шобъ не зострíтись изъ вовчи́цею. А щобъ вона́ и по слíдамъ не найшла́ своíхъ дíтей, то ми якъ перехо́дили черезъ мiсто́къ, взяли́ та iхъ и поми́ли.

— Развѣ волчица по слѣдамъ могла найти, еслибы вы волченятъ не обмыли?—спросилъ путешественникъ.

— Эге́! вона́ бъ тодí и домъ той розори́ла, куди́ принесли́ вовченя́тъ: вона́ по слiда́мъ прийшла́ до са́мого мiстка, а да́лi вже не пíйде, бо зъ нихъ увесь духъ во́вчий обми́ли.... Бíдну скоти́нку ажъ жаль було́, якъ вона́ цíлу недíлю лíзла въ во́ду, та все ви́ла, да й здо́хла тамъ на бе́резi.

Хуторъ, о которомъ ямщикъ говорилъ прежде своему сѣдоку, только сейчасъ они проѣхали; но путешественникъ, завалившись въ уголъ саней и закутавшись отъ сильнаго вѣтра и снѣга въ шубу, не замѣтилъ его.

— Что́же вы съ волченятами сдѣлали?

— Становий дозна́вся, та до се́бе й забра́въ. У станово́го; ба́чте, на тiй недíлi, якъ вовчи́ця все ви́ла и лíзла у рíчку, кор о́ва пропа́ла. Ёму́ хтось про це й сказа́въ; вiнъ узя́въ писаря, ота́мана (²) и двухъ деся́тникiвъ, та й прiхавъ до насъ у ху́тiръ и за́разъ же звелíвъ зiбра́ть усíхъ старикíвъ и всíхъ насъ у гром а́ду. Мене́ тодí до́ма не було́: я вози́въ яко́гось па́на; такъ за мно́ю посла́ли въ пого́ню, шобъ якъ мо́жно скорíше я íхавъ у ху́тiръ до станово́го. Коли́ я приíхавъ у ху́тиръ — а тамъ уже всí хло́щí, шо зо мно́ю забра́ли въ лíсí изъ ско́ти вовченя́тъ, стоя́ть у громадí. Отъ становий и пита́е: «Шо? ви, ка́же, забра́ли изъ лíсу вовченя́тъ»?— «Ми, кажимъ, за́брали». — «Де жъ вони́»? — «У ме́не до́ма», сказа́въ одинъ зъ насъ.—«Ну, такъ посла́ть, шобъ iхъ привезли́ сюда́... А iхъ, ка́же, посади́ть у холо́дню» (пока́зуе на насъ). Ми ста́ли ёго проси́ти, вiнъ и диви́тьця на насъ не хо́че; такъ росходи́вся, шо и въ два не вбере́шъ. Послí: «нí,» ка́же, «не сажа́йте iхъ у холо́дню, а приводíть по одному́ до ме́не въ ха́ту». Отъ насъ усíхъ по одному́ у ха́ту, де бувъ становий, писарь и ота́манъ, переводи́ли, и все у насъ пита́ли, а ми все iмъ каза́ли, а

(²) У насъ отаманъ избирается изъ среды сельскаго общества, какъ у великороссіянъ старшина.

воні́ все писа́ли. Якъ усіхъ до одного́ перебра́ли, такъ становій ви́йшовъ, та й почáвъ читáть при всій громáдí: шо такí-то и такí-то, тодí-то и тодí-то, ходи́ли въ лíсъ и вóвчу скóту розори́ли, и вовченя́тъ забра́ли, и зъ ни́ми дойшли́ до мíстка́ и ихъ у рíчцí обми́ли. Вовчи́ця про це не зна́ла, и якъ прíйшла́ въ скóту, глядь, ка́же, а тамъ вовченя́тъ нема. Ну; вона́ побíгла по слíдамъ до са́мого мíстка́, де вовченя́та були́ обми́ті, та й ну ви́ти и ки́датьця въ воду; та такъ разсе́рдилась, шо ззíла мою́ коро́ву.... Та це ще нічо́го, ка́же, а якъ би вона́ ззíла чоловíка, тодíбъ шо було́? ка́же становíй усій громаді. Тодíбъ и мене підтягну́ли, сказа́ли бъ, шо отъ–шо ро́битця въ твоїмъ ста́ні»! А старики́ зъ ля́ку: «Ні,» ка́жуть, «и за коро́ву неха́й воні́ вамъ запла́тють, шо вона́ сто́їть». А ми й кажимъ: «Та якъ же вовчи́ця корову ззíла, ва́ше благоро́діе, коли́ вона́ одъ ва́шого ху́тора па́слась бíльше, якъ пятна́дцять верстъ? Скорíй бы вона́ зъ на́шого ху́тора чию́-не́будь иззíла». «Ні,» ка́же вся громáда: «це могло́ случи́тьця, бо вона́ не ходи́ла въ че́реді, а по во́лі, де хотíла.... такъ вона́, може, пря́мо черезъ пшени́ці и пройшла́ пíдъ ва́шъ ху́тіръ». «Отъ то–то и есть!» ста́ли ми казáти: «якъ вона́ ходи́ла по пшени́цямъ, то хто–не́будь и прицькува́въ íї соба́ками, а воні́ й загна́ли дале́ко»... «Не пра́вду ви ка́жете, переби́ла вся громáда: скíльки разъ ми всі ба́чили, шо вона́ пасе́тця въ пшени́ці, а ма́ло того и ля́же — и то нíхто́ не чіпа́въ, а не то шобъ соба́ками цькувáть». А становíй: «такъ,» ка́же, вы, господа́ чесни́і, согла́сні, шобъ воні́ заплати́ли менí за коро́ву, чи нí?... та самъ же й ка́же: «по менí и нічо́гобъ не тре́ба; такъ, якъ прости́ть імъ, то и дру́гі таке́ дíло зро́блять». «Согла́сні, согла́сні,» сказа́ла вся громáда: «стíльки, скíльки ви прика́жете». А становíй: «скíльки я самъ заплати́въ Жукові: сто карбо́ванцівъ. Це коро́ва не на́ська, а Чорномо́рська». Якъ сказа́въ вінъ це, такъ-такъ ми всі, грíшні, й поду́мали: «Якъ ёго ще сира́ земля́ де́ржить на свíті, шо вінъ такъ людéй моро́чить!» Всі зна́ли, шо коро́ва станово́го не ку́плена, а про́сто взя́та у Жука́ за те, шо вінъ якъ пра́сілъ, такъ вся́ке лíто приганя́е бага́цько скоти́ни; а старики́ жа́луютця, шо вінъ своє́ю скоти́ною вибива́е на́ полі кормъ, такъ–шо й на́шій скоти́ні нічого́ íсти. Отъ цей пра́сілъ вся́ке лíто и дару́е скоти́ною, або́ грíшми, становóму, пи́сареві и ота́манові, якъ яки́й бере (1); тимъ и коро́ву цю вся станово́го дво́рня, коли́ шука́е бува́ло въ пшени́ці, такъ усé ка́жуть: «Чи не ба́чили *Жучи́хи*?»

(1) Отаманы, будучи часто перемѣняемы, рѣдко пользуются случаемъ взять.

— Почему же вся громада не вооружится противъ того, чтобы становаго корова не паслась въ пшеницѣ?

— Не то шо коро́ва пасе́тця въ пшени́ці, — и всі тро́е ко́ней хо́дять де хотя́,—и то́ ніхто нічо́го не ка́же; тілько насъ Бо́га ра́ди не чіпа́й!...

— Ну, а чѣмъ же кончилось дѣло о волчицѣ?—спросилъ путешественникъ, желая скорѣе узнать развязку.

— Та тимъ, шо зъ насъ изъ усіхъ злупи́ли сто карбо́ванцівъ за коро́ву, та три́дцять карбо́ванцівъ и шість мішківъ пшени́ці за безче́сте; а зо всёго ху́тора зобра́ли яе́ць на яе́шню и куре́й на за́куску всімъ пана́мъ стілько, шо вони́ тутъ пообідали, та ще одвезли́ станово́му и пи́сареві на підво́ді.

— А что́ такое значитъ — безчестье?

— Та безче́сте въ насъ зове́тця те, шо якъ бу́дешъ позива́тьця, такъ все рівно беру́ть — и съ пра́вого и непра́вого: тільки ра́зниця та, шо зъ винова́того беру́ть за вину́ и безче́сте, а съ пра́вого тілько за одно безче́сте.

— А всякій ли разъ бываетъ сборъ яицъ и куръ, когда пріѣзжаютъ ваши власти?

— Хтобъ ні приіхавъ—станови́й по свое́му ділу, пи́сарь и збо́рщикъ обро́къ збіра́ть,—все хо́дять деся́тники и збіра́ють зъ душі по скільки чо́го слідуе.

— Ка́къ? развѣ опредѣлено поскольку чего съ души?

— А я́къже! Станово́му одному́ по два яйці зъ душі, а зъ двадцяти́ душъ по ку́рочці; а пи́сареві и збо́рщикові, на двохъ стільки, скільки одному́ станово́му. А ота́манові, коли бува́е, то прибавля́етця, я́къ тамъ бу́де прика́зано.

Бесѣда съ ямщикомъ дотого увлекла проѣзжающаго, что онъ невольно задумался и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время отъ станціи до станціи. Но онъ счелъ излишнимъ выражать свое удовольствіе словами, и только лишнихъ пять копѣекъ серебромъ, прибавленныхъ къ обычной его платѣ ямщикамъ на водку, выразили его безмолвную благодарность.

И. Свяччéнко.

Изъ Черниговской губ.

(Іюнь 1861 г.).

I.

Вы просили меня писать обо всемъ, что́ будетъ любопытнаго въ той мѣстности, гдѣ я живу уже около двухъ недѣль.

Вы, можетъ-быть, разсчитывали получить отъ меня свѣдѣнія интересныя для «*Основы*» и для читателей ея; но я сомнѣваюсь — удастся ли мнѣ сообщить что́-нибудь подобное. Помѣщиковъ, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, я еще не видѣлъ; сосѣди же, бо́льшею частью, жалуются на судьбу. Они окончательно рѣшили въ своей головѣ, что выхода изъ бѣды нѣтъ ни съ какой стороны; съ главами, поникшими долу, ждутъ они голодной смерти, и не внимаютъ голосу умнаго человѣка, по временамъ взывающему къ нимъ. Всѣ помыслы ихъ устремлены теперь къ тому, чтобы накопить какъ можно больше денегъ; продается все, что́ можно продать; продукты, залежавшіеся по нѣскольку лѣтъ, сбываются по какой-бы-то-ни-было цѣнѣ. Но съ собранными деньгами они рѣшительно не знаютъ ка́къ поступить и прячутъ ихъ по угламъ, подальше отъ постороннихъ взглядовъ. Нѣтъ ни желанья, ни умѣнья распорядиться ими разумно, употребить въ дѣло. Привыкнувъ смотрѣть на деньги какъ на цѣль жизни, они и теперь не видятъ въ нихъ средства къ благосостоянію, и жмутся до-крайности, лишь бы не выпускать денегъ изъ рукъ. О правильномъ употребленіи капитала нѣтъ никакого понятія. Я пробовалъ убѣдить нѣкоторыхъ господъ обратиться къ промышленности, смотрѣть правильно на свободный трудъ, стараться выиграть время—не внемлютъ!.. Одинъ отвѣтъ: все погибло!

А между тѣмъ, въ первый же годъ, можно бы уже воспользоваться выгодами свободнаго труда; но у насъ такъ привыкли къ патріархальному способу вести хозяйство, что боятся и подумать о какомъ либо промышленномъ оборотѣ, и скорѣе соглашаются вздыхать, сложа руки, нежели заняться чѣмъ-нибудь. Словомъ, человѣкъ свѣжій испытываетъ здѣсь впечатлѣніе самое тяжелое, и невольно вспоминаются слова лѣтописца: «Запустѣніе на стогнахъ градовъ и весей: то бо суть Агаряне» и проч.

Начало этого зла заключается, прежде всего—благодаря централизаціи—въ совершенномъ отсутствіи молодыхъ образованныхъ людей, которые бы своимъ примѣромъ, на дѣлѣ, показали несостоятельность ста-

раго порядка и жизненность новаго. Нѣтъ силы, которая подвинула бы съ мѣста застоявшуюся массу, расшевелила бы ее и указала путь.

Да! отсутствіе молодежи здѣсь очень чувствительно. Если нѣтъ постоя войскъ, то, на съѣздахъ помѣщиковъ, нѣкому танцовать, а въ уѣздной жизни безъ этого не могутъ обходиться. Здѣшнія барышни выходятъ замужъ, обыкновенно, за военныхъ всякихъ націй, вводя, такимъ—образомъ, въ свои семейства и великорусовъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и перекрещенныхъ евреевъ, и *азіатовъ* и т. д. Это ведетъ къ тому, что ихъ имѣнія мужья стараются обращать въ деньги, и земля снова переходитъ въ старыя, привыкшія къ кулачному праву руки. Да если правду говорить, и молодежь военная, оставаясь здѣсь, принесла бы еще меньше пользы, а скорѣе вредъ. Безъ образованія, часто безъ здраваго смысла, съ неодолимою страстью къ кутежу, попойкамъ, картамъ — она способна только разорять и уничтожать, а не создавать. А посмотришь, какія иногда славныя имѣнія попадаютъ въ руки этихъ господъ! Что бы можно сдѣлать при умѣньи да при правильномъ веденіи хозяйства! Все гибнетъ!.. У этихъ господъ дѣлается все наоборотъ. Вмѣсто того, чтобъ начать дѣло экономіей и устройствомъ порядка и постепенно переходить къ довольству и комфорту, они, захвативъ въ руки разстроенное имѣніе, заводятъ оранжереи, тысячные экипажи, рысаковъ, строятъ громадные дома и проч., и тѣмъ окончательно убиваютъ свое состояніе. А жены ихъ, здоровыя деревенскія барышни, вскормленныя плодоносною Малороссіею, начиная съ перваго же года, отличаются аккуратной производительностью. Уѣзжая прошлый годъ на сѣверъ, я оставилъ здѣсь нѣсколько невѣстъ, вышедшихъ замужъ уже послѣ меня. Возвращаюсь домой, — и что же? всѣ онѣ пріѣхали изъ полковъ къ своимъ родителямъ—родить.

Впрочемъ, здѣсь есть два–три молодыхъ человѣка... Они могутъ служить интересными сюжетами для наблюденія. (Мы съ ними еще встрѣтимся и познакомимся, современемъ, покороче). Люди эти — кара небесная для здѣшняго уѣзда. Это — шулера, пьяницы, мошенники, отъ которыхъ добрымъ людямъ покоя нѣтъ. Я сообщилъ бы вамъ нѣсколько очень характеристическихъ разсказовъ, но боюсь, что это будетъ похоже нѣсколько на *бабьи сплетни*. Кстати, о сплетняхъ. Тутъ имъ раздолье и почетъ! Дѣлать нечего, читать половина *помѣщицъ* не привыкла или нехочетъ: пьютъ, ѣдятъ спятъ, рѣжутся по цѣлымъ суткамъ въ карты, да слушаютъ, раз-

вѣсивъ уши, сплетни безмолвно-уполномоченныхъ на то особъ прекраснаго пола...

Мнѣ особенно понравились просьбы нѣкоторыхъ дамъ, поданныя ими въ губернское присутствіе о зачисленіи ихъ въ мелкопомѣстныя. У нихъ было больше 21 души; а потому лишнее количество крестьянъ онѣ предлагали перечислить въ государственные, чтобъ самимъ попасть въ мелкопомѣстныя!.. Конечно, просьбы ихъ были отвергнуты. Такія и подобныя явленія бываютъ тутъ сплошь и рядомъ.

Недавно, въ Конотопскомъ уѣздѣ, начали составляться волости. Много мѣшаетъ полной свободѣ подачи голосовъ отсутствіе правильной баллотировки. Крестьяне совѣстятся гласно объявлять себя противъ лица, котораго они не желаютъ; а потому, многіе, нéхотя, подаютъ голосъ *за*. Еслибы у нихъ были ящики, какіе существуютъ вообще при всякаго рода другихъ баллотировкахъ, это было бы несравненно лучше.

Скоро поступятъ въ продажу, въ уѣздныхъ казначействахъ, бланки для уставныхъ грамотъ. Предстоитъ, стало быть, интересное зрѣлище!

Урожай хлѣбовъ, озимаго и яроваго, вездѣ отличный; но травы въ степяхъ нехороши.

Плодовъ и ягодъ, въ нашей, южной, мѣстности, почти нѣтъ. Табакъ значительно поднялся въ цѣнѣ; но, съ переполоху, его посажено гораздо меньше противъ прежнихъ лѣтъ.

Межеваніе медленными шагами подвигается впередъ. И не удивительно: члены межевой здѣшней коммиссіи, вмѣстѣ взятые, принадлежатъ къ возрасту, который вовсе не располагаетъ къ дѣятельности... Видно — таковые понадобились...

Вісточка зъ Непитáй-города.

Окликаемся до братіи, хто поважае старинні мури, будинки и старинну осéлю нашої прéжнёї Краіни. У Чернігові, окроме святихъ церковъ стародревніхъ, устóяли старинні будинки: покоі Полуботка, — ще зъ прошлого вíку одъ Григоровича поступили у духовні руки (1), а теперь пíдъ семинарíею. На взіръ вони цíлі и крíпкі, іще постóять для потомнёго часу. Другі будинки, ще давнíшого часу (2); у нихъ була Черніговська полкова канцелярія; стоять на валу; іхъ построй-

(1) Истор. и статист. описаніе г. Чернігова. Н. Маркевича. Въ Черниговскихъ вѣдомостяхъ, за 1852 г.

(2) Кажуть ще за Пóльщі построені.

ка, усякі ви́води и прикра́си на стінахъ, такъ и вимолвляють прежній смакъ и руку давнёго часу. Покоі чепурненькі, розведені всякими прикрасами и зубчиками: любо подивитьця! Вони були запустіли, прийшли въ розо́ръ; кажуть, недавнёго часу, підъ приіздъ царський, сее знамено́ прежнёі постройки, по вищому приказу, підно́влено по прежнёму, покрито листовимъ жалізомъ, и до сёго часу красовалось, якъ квіточка прихороша, хоронячи въ собі другий памьятникъ прежнёго давнёго часу: ді́ла и житло нашихъ предківъ, на пісьмі записане; тутъ, зложена архива губерського правленія: староі Гетьманщини ді́ла, різнихъ полківъ, про всяку всячину.

А теперъ—за серце хапае, якъ поглянешъ, що сіі старинніі мури розоряютця одъ недо́гляду полиції. Листове жалізо крадуть, розносять, уже на двохъ углахъ обі́драли кривлю; піде течь, мокрота, пропадуть и бумаги одъ мокроти и сама схованка іхъ, памьять прежнёго часу, тожъ піде прахомъ.

Заявляемъ передъ чеснимъ людомъ, коли не найдется спроможності оберегти сіі будинки одъ такоі напусті, то нехай братія, хто матиме спроможность, або случай буть у Чернігові, змалюе на папері, щобъ доберегти ді́дівськую памьять потомнёму часу.

С. Волошинъ.

Непита́й-городъ.
1861 року, Квітня 12-го.

Изъ Чернигова.

(іюнь 1861.)

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю въ *Основу* одно распоряженіе нашего начальства, которому могли бы подражать многіе и во многомъ. Это распоряженіе принесетъ несомнѣнную пользу, если будетъ поддержано энергически, на дѣлѣ, если не останется однимъ добрымъ желаніемъ:

Циркулярное предписаніе г. Начальника Черниговской губерніи, *отъ 21 мая 1861 года, Городскимъ и Посадскимъ Полиціямъ здѣшней губерніи.*

«При вступленіи моемъ въ управленіе губерніею, когда я имѣлъ честь въ первый разъ принимать гг. чиновниковъ мѣстнаго губерн-

скаго правленія, я высказалъ, что нами должно руководить безусловное уваженіе къ законамъ, отвращеніе отъ произвола какъ въ собственныхъ нашихъ распоряженіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ нашихъ подчиненныхъ, и непрестанная память о томъ, что мы прежде всего обязаны охранять общественное спокойствіе въ губерніи и безопасность всѣхъ и каждаго, и что только въ случаяхъ особенныхъ мы должны являться исполнителями карающаго закона.

«Къ-сожалѣнію, я замѣчалъ неоднократно, что дѣйствія лицъ полицейскаго вѣдомства ввѣренной моему управленію губерніи находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ высказанными мною убѣжденіями. Не только нижніе чины означенныхъ учрежденій дозволяютъ себѣ насиліе и самоуправство, но и многіе изъ гг. чиновниковъ уничтожаютъ всякое довѣріе жителей грубымъ произволомъ и вовсе не примѣрнымъ поведеніемъ.

«Обращаю еще разъ вниманіе гг. начальниковъ полицейскихъ учрежденій на то, что дѣлается ихъ подчиненными, и напоминаю имъ словесныя мои замѣчанія. Полиція не должна забывать, что она учреждена для жителей, а не жители для нея; что если ей и приходится являться часто исполнительницею наказаній и взысканій, то все же первое ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы служить защитою правыхъ, какого бы кто званія ни былъ. Оказывая уваженіе къ личностямъ, Полиція пріобрѣтетъ и для себя то уваженіе, которое жители обязаны оказывать лицамъ облеченнымъ законною властію.

«Ожидаю, что отнынѣ полицейскія учрежденія будутъ подавать примѣръ уваженія къ законамъ; если же за этимъ мною будутъ замѣчены вновь отступленія отъ правилъ, то я вынужденъ буду принять мѣры къ удаленію изъ полицейскихъ учрежденій тѣхъ лицъ, которыя поступками своими уничтожаютъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ.»

Зъ Полтáви.

Щобъ хочъ трóхи познакóмити народъ зъ теáтромъ, охóтники почалú побивáтись объ тíмъ, щобъ на великóднихъ свáткахъ показáть зóтри, або зъ чотúрí народнíхъ спектáклі. Найняли́ ужѐ й теáтръ, вúвчили, на пéрвий спектакль, комéдії: «*Бідность–не порóкъ*» и

«Шельме́нко, волосни́й пи́сарь»,—да ба! не позво́лено гра́ти... черезъ те́, ка́жуть, що для наро́ду ще *дуже ра́но* заво́дити теа́три, та й ці́ни назна́чили дешеві (ложи 8, 4, 3, и 1½ карбо́ванці, а дзи́глики 50, 30, и 25 коп.) Охо́тники просили, щобъ ці́ни набавити, въ афишці не писа́ти *«народній спектакль...»* — не помоглось!.. *ра́но*, кажуть, та й годі.—Мині здае́тця, що нехай би лучче наро́дъ седівъ у теа́трі, ніжъ у шінку́; а якъ дру́гимъ—про те не зна́ю...

Саранча въ южной части Черниговской губерніи.

(7 Іюня 1861).

Въ августѣ прошлаго. года, въ Остерскій, Козелецкій и Нѣжинскій уѣзды, прилетѣла саранча и, сдѣлавъ небольшой вредъ гречкѣ, залегла преимущественно на *облогахъ*. Въ настоящее время появилось ея множество, въ видѣ черныхъ кузнечиковъ, но большая часть еще не выползла изъ земли, гдѣ закопалась. Не смотря на всѣ старанія земской полиціи и окружныхъ начальниковъ, отъ ихъ дѣйствій нельзя ожидать значительной пользы, по невозможности уничтожить саранчу повсемѣстно. Надо опасаться голода. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись, но саранча уже начала уничтожать хлѣба; такъ напримѣръ, въ с. Щасновкѣ Козелецкаго уѣзда, пѣшая (въ видѣ кузнечиковъ) саранча уничтожила въ одинъ день, пятнадцать десятинъ озимаго хлѣба.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

«Предпринимая въ Черниговѣ, съ іюля мѣсяца, изданіе еженедѣльной газеты, подъ названіемъ «ЧЕРНИГОВСКІЙ ЛИСТОКЪ», программа которой будетъ объявлена впослѣдствіи, мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ сочувствующимъ общественной пользѣ — содѣйствовать намъ въ успѣхѣ нашего предпріятія. Цѣль изданія—доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть, за умѣренную плату (2 р. ср.), свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности, а потому намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, навод-

неніяхъ, неурожаяхъ, падежахъ и т. под., о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п. Мы покорнѣйше просимъ не стѣсняться формою изложенія: дѣло не въ формѣ, а въ содержаніи.

«Для отдѣла *литературнаго* предназначаются вообще статьи для легкаго чтенія: небольшіе разсказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтки, эпизоды изъ охотничьей жизни и т. под.

«Въ отдѣлѣ *общеполезныхъ свѣдѣній* мы съ удовольствіемъ дадимъ мѣсто каждой дѣльной практической замѣткѣ, заключающей въ себѣ свѣдѣнія по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышленности, торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

«Адресовать: *Леониду Ивановичу Глѣбову, въ Черниговъ, въ зданіи пансіона при гимназіи.*»

Редакція *Основы* отъ всего сердца желаетъ успѣха этому прекрасному предпріятію, и увѣрена, что подъ редакціею Л. Ив. Глѣбова, *Черниговскій Листокъ* заслужитъ сочувствіе общества и найдетъ себѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

Рисунокъ VI-й взятъ мною изъ альбома *И. И. Соколова*. Это — *молоди́ця*, Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, села Вереміевки. Свита—бѣлая; сзади—*у́си*—синіе.

VII-й—портретъ *чумака*, снятый *К. А. Трутовскимъ* въ Харьковской губ. У К. А. Трутовскаго очень большое собраніе рисунковъ съ натуры; благодаря ему, я могу теперь сдѣлать ихъ извѣстными. Эти рисунки имѣютъ большой интересъ. Я передамъ, по возможности, все снятое съ натуры. *Головою чумака* начинается рядъ головъ съ натуры.

Л. Жемчужниковъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Ан-р-ю Г-р-чу М-др-кѣ, въ Козелецъ. Ваша статья не можетъ быть напечатана.

М-ру О-ль-вичу, въ Козелецъ. По мнѣнію людей знающихъ, Вамъ трудъ, при всѣхъ его достоинствахъ, не можетъ имѣть должной полноты безъ соображенія съ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. За «Записки» весьма благодарны; постараемся ими воспользоваться. — Ожидаемъ отъ васъ мѣстныхъ извѣстій.

Д-лу И-чу Л-вр-у, въ Черниговъ. Дуже вамъ дякуемо; мусимо підождать зъ печаттю... Не забувайте насъ; запоможіть ище чимъ-ласка.

Г-ву О-ги-му, въ Екатеринославъ. Ваша тетрадь получена. Окончательный отвѣтъ—въ VIII книжкѣ.

С-ну Д-чу Н-у, въ Конотопъ. Одібрали. Дѣка Вамъ одъ щирого серця. Ра́ди Вашої послухаемо, до Васъ одпишемо.

Ѳ-ну Д-л-чу Л-д-ц-ву, въ Кіевъ. Зміна заголовка й почáтку не зъ нашої вини. Ждемо—не—діждемось Вашої по́силки.

Підводному. Правдива Ваша рада, да треба огледітись. Одпишемо, а поки-що—наша прозьба: не забувайте й надальшъ,—якъ до сёго часу, спасибі Вамъ, насъ не забували.

К-ст-ну Е-с-чу Тр-нѣ, въ Нѣжинъ. Слова объясняются въ *Основѣ* только въ томъ значеніи, въ какомъ они тамъ же употреблены авторами. Слово *пригóда* употребляется также и въ смыслѣ *событія, приключенія*, какъ въ польскомъ *przygoda*. Стихотвореніе, о которомъ Вы писали, извѣстно, и даже переведено въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

П. Рос-ш-скому, въ Петербургѣ. Спѣшимъ увѣдомить Васъ, что мы получили *Воспоминаніе изъ прошлаго* и весьма рады повидаться съ Вами до напечатанія.

Въ слѣдующей книжкѣ, между прочимъ, будетъ напечатано весьма любопытное письмо 1840 года, отъ *Основьяненка* къ *Шевченку*, по поводу *Кобзаря*.

Въ *апрѣльской* книжкѣ *Основы* обращаютъ вниманіе три типографскихъ недосмотра: 1) въ статьѣ «Воспоминаніе о двухъ маляpахъ», стр. 49, вмѣсто Санскій» должно быть Саисскій; 2) въ нотахъ къ пѣснѣ «Гей, гукъ, мати, гукъ», (стр. 95), въ самомъ началѣ, вмѣсто *f* должно быть *d*, подъ первой линейкой; и 3) подъ байками «Мірошникъ» и «Жаба й Вілъ» должна быть подпись: *Р. Витавський*.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 6-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Баби́нець — мѣсто въ церкви, гдѣ стоятъ женщины.
Багати́рка — богачка.
Бі́да́ха — бѣдняга.
Бо́вкнуть — (о колоколѣ издать густой звукъ).
Бо́лізько — больно.
Бриніти — чуть блеститъ, яснѣть вдали, виднѣться будто въ туманѣ.
Бурти́сь! — междометіе звукоподражательное, обозначающее паденіе тѣла съ извѣстнымъ шумомъ.

Вага́ — тяжесть; уваженіе (въ смыслѣ: принять въ уваженіе, напр. жаль ваги́ не ма́е); беременность (я була въ вазі, — важка́); вѣсы.
Ввижа́тись — привидѣться, казаться.
Ви́прать — вымыть.
Відсіль, відсіля́ — отсюда; отсюдова.
Вії — рѣсницы.
Вилі́чувать — высчитывать.
Ви́пурхнуть — выпорхнуть.
Ви́садки — коренья, сохраненные до весны и посаженные опять въ землю для полученія изъ нихъ сѣмянъ.
Ви́тягнуть — вытянуть, вытащить.
Волоцю́га — бродяга.
Воло́шки — васильки.
Вра́нці — утромъ.
Вчини́ть — замѣсить (хлѣбъ въ квашнѣ).

Га́нки — крыльца.
Гі́ршій — худшій.
Гойда́тись — качаться.
Го́ренько (уменьш.) — горе.
Гречаний — гречневый.
Гу́дина — плети въ зелени огурцовъ. дынь, арбузовъ, и проч.

Дерка́чъ — истертый вѣникъ.
Да́бки (нарѣчіе) — дѣлать первые слабые шаги (о дѣтяхъ).
Дові́датись — освѣдомиться, навѣдаться.
Дово́лі — достаточно.
Догодува́ть (хлібомъ) — докормить; призрѣть въ старости до самой смерти.
Дозира́тись — присматриваться; обращать вниманіе.
Доконе́чне — непремѣнно.
До (о)ста́нку — до конца, до послѣдней минуты.
Дотина́ть — досаждать; надоѣдать.
Дрібо́чокъ — кусокъ соли.
Ду́жий — здоровый, сильный.
Дурни́чка — даромъ, по пустякамъ.
Дя́дина — жена дяди.

Една́ти — согласить, согласиться, условиться.

Женіха́тись — ухаживать за дѣвушками.

Завдава́ти — причинять.
Зага́ятись — замѣшкать, замедлить.
Заго́їть — залечить.
За́здрість — зависть.
Заку́дланий — взъерошенный.
За́кутокъ — закоулокъ.

Замордова́тися — замучиться, выбиться изъ силъ.

Занапасти́ть—затратить, погубить.

Заня́тись—загорѣться, вспихнуть.

Запобіга́ти — о заботиться, предупреждать что́-либо заранѣе принятыми мѣрами.

Засні́тити (очі) — заслонить, затуманить глаза.

Заторо́чити — заговорить, затуманить.

Заходи́тьця—начать; засуетиться.

Займа́тися (на свѣтъ)—свѣтать.

Зблука́ти—исходить.

Зви́тьця—подняться вверхъ.

Звісто́чка—вѣсточка.

Звідъ — взводъ (снасть надъ колодеземъ), верхняя перекладина журавля́.

Зго́домъ—повременивъ, обождавъ.

Зикъ—крикъ; шумъ.

Зінька—Зиновія.

Зірва́тись—сорваться; быстро подняться съ мѣста.

Зкраша́ти—украшать.

Зма́лку—съ малыхъ лѣтъ.

Зморйтись—утомиться, устать.

Зпущáтись—издѣваться; наругаться; насмѣхаться надъ кѣмъ.

Зодяга́ть—одѣвать.

Зполо́шить—встревожить; испугать и поднять съ мѣста (напр., птицу и т. п.).

Зуро́чити—сглазить.

Изборо́ти—побороть; одолѣть.

Каблу́чка—кольцо.

Карна́вка—церковная кружка.

Кача́точка—утёнки.

Ка́чуръ—селезень.

Кирхъ—кулакъ, поставленный перпендикулярно; мѣра (вышиною въ кулакъ).

Клопота́тись—хлопотать; суетиться.

Ключи́на—срубленное и очищенное отъ вѣтокъ, тонкое длинное дерево.

Колоти́тись—биться (о сердцѣ); тревожиться.

Колю́чка—колика (болѣзнь).

Копи́ця,—**чка**—копна сѣна.

Коро́вячий—коровій.

Королі́въ-цвітъ—цвѣтущіе бобы (красный цвѣтъ, phaseolus multiflorus, Willd).

Кри́пка,—**ечка**—крощка.

Куріти—вздымать пыль.

Личма́нъ—медальонъ, носимый въ монистѣ, какъ украшеніе.

Ліки—лекарства; **лікъ**—счетъ.

Лой, **лій**—топленое сало, изъ котораго приготовляются свѣчи; свѣчное сало.

Лу́скать—щелкать.

Любі́стокъ—пахучее растеніе. (Levisticum officinale, Koch.)

Маня́чить—виднѣться вдали.

Мере́жка—сквозное шитье, узоръ.

Мовля́ть—говорить.

Мошéнство—мошенничество.

Мря́ка—сырость въ воздухѣ.

На-всю́-гу́бу—въ полной мѣрѣ (напр. панъ на всю гу́бу.)

Навза́ході—на заходѣ (о солнцѣ).

На́волокъ—наносная земля?

На́-вхрестъ — накрестъ; крестообразно.

Нагоди́тьця—нечаянно подоспѣть; случиться.

Надкро́ювать—надкроивать; вырѣзать.

На-насі́ннє—на сѣмена; на посѣвъ.

Недоля́шокъ — отставшій отъ своихъ и не успѣвшій сдѣлаться Полякомъ.

Ни́кать—ходить изъ угла въ уголъ, заглядывать то сюда, то туда.

Оберну́ти—опрокинуть.

О(б)нада́ти—обступить; окружить.

Огорта́ти—окутать; обвернуть.

Одмовля́тись—отговариваться.

Одпіра́ти—отталкивать.

Одпра́ва—служба (церковная).

Одробля́ти—отбывать долгъ работой.

Одсу́нути—отодвинуть.

'Ожеледь—гололедица.

Озва́тись—откликнуться, отозваться.

Оле́нка—весенній жукъ золотисто-зеленеватаго цвѣта. **Оле́нка**—уменьш. имя отъ **Оле́на**, Елена.

Опо́весні—въ весеннюю пору.

Орудова́ть—управлять; самоуправствовать, употреблять другого какъ орудіе.

Очу́няти—придти въ себя; въ здоровое состояніе; встать на ноги послѣ болѣзни.

Ошáхрать—надуть.

Ошука́ть—обмануть.

Па́шити—горѣть пламенемъ.

Переста́витись—умереть; преставиться.

Перна́чъ—одно изъ козацкихъ оружій.

Пилъ—пыль.

Пиша́тись—гордиться, кичиться.

Підживи́тись—покрѣпиться, подкрѣпить силы пищею.

Пі́длітокъ—птичка начинающая летать; пі́длітками называются также дѣти въ отроческомъ возрастѣ.
Пля́ха—бутыль.
Побра́тись—повѣнчаться.
Погля́нути—взглянуть; посмотрѣть.
Подбива́ть (гурки́)—взрыхлять землю около растенія, очищая его отъ сорныхъ травъ.
По-де́-куди́—кой-куда.
Поки́нути—бросить; оставить.
Поліня́ка—большое полѣно.
Помини́тись—намекнуть, проговориться.
Помі́йниця—кадка, куда сливаютъ помои.
Поми(ья)ну́ть—помянуть.
Посма́гти—стянуть, обсохнуть (отъ жару, о губахъ).
Посповнёвано—наполнено.
Посвари́тись—погрозить.
Посці́літи—(о растеніи)—вытянуться прежде времени, безплодно.
По́ручъ—подлѣ; рядомъ.
Потовкти́—побить, потолочь.
Похню́питись—повѣсить голову; задуматься.
При́снуть—быстро подскочить, броситься.
Пристёбувать—пристегнуть, привѣшивать
Промо́рія—повальная болѣзнь.
Причипури́тись—красиво одѣться.
Прищу́литись—прижаться; прильнуть.
Пусти́ця—нежилая хата.
Пустова́ти—шалить.

Разо́къ (намиста)—низка намиста.
Ри́пати—скрипѣть.
Рі́сочка—маленькая капля воды.
Роди́на—родство.
Розборо́няти—разводить дерущихся.
Роспоряди́ти—распредѣлить, устроить.
Роспу́ковка—распускающійся цвѣтокъ.
Ростіка́тися—расходиться; разбѣгаться.
Ру́хнутись—тронуться съ мѣста.
Ря́ска—водное растеніе, (съ мелкими круглыми листочками).
Рясні коси́ці—(на вербѣ) обильныя тонкія вѣтви.
Ря́сно—обильно; густо (о деревѣ).

Серпа́нокъ—родъ кисеи.
Сиро́ватка—сыворотка.
Сірачи́на—сѣрая свита, и кто ходитъ въ ней.
Ска́бка—заноза.
Скри́тись—блестѣть; искриться.
Ску́питись—сойтись; собраться въ одно мѣсто.
Сли́зько—скользко.
Сліна—слюна.
Спе́ртись—опереться.
Спиня́ти—удерживать; отговаривать.
Спізна́тись—познакомиться; сблизиться.
Спітка́тись—встрѣтиться; случиться.
Спости́ти—провести время въ постѣ.
Стано́къ (полотна)—цѣльный кусокъ холста.
Стогна́ти—стонать.
Ссать—сосать.
Схибнуть—оступиться, промахнуться.

Теле́хнуть—издавать тихій звукъ, произносить по-тихоньку слово.
Ти́ць!—(междометіе отъ ти́кнуть—ткнуть.
То́-що—и тому подобное.
Третячо́къ, — теленокъ которому третій годъ.
Тріска—щепка.
Турбъ—хлопоты; безпокойство.

Уба́чити—увидѣть.
Убага́ти—умолять упрашивать.
Уве́чері—ввечеру.
Угорта́ти—увернуть; запрятать.
Ужи́вки—веревки.
Узива́ть—называть.
Уквічча́ти—убрать цвѣтами.

Хви́ща—ненастье, бурясъ дождемъ.
Хропти́—храпѣть
Хоря́вий—болѣзненный.

Цу́рка—небольшая палка, посредствомъ которой что-либо скручено.

Чи-що́—что-ли.
Чека́ти—ждать.
Чорнобри́вці—бархатцы.

Шкітильга́ти—хромать.

Щось—что́-то.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

ЦЕНТРАЛЬНАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА:

СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ: Цѣна въ С.-Петербургѣ.

I. Списокъ населенныхъ мѣстъ Архангельской губерніи. Въ большую 8-ку, XXIV и 131 стран., съ хромолитографированною картою . . . . . 1 р. 20 к.

(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочн. 10 коп.)

II. Списокъ населенныхъ мѣстъ Астраханской губерніи. Въ большую 8-ку, XVI и 51 стран., съ хромолитографированною картою . . . . . 70 к.

(Вѣсов. за 1 ф., укупорочн. 10 коп.)

Продаются:

у коммисіонера Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, С. П. Лоскутова и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ «Основы» при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова;

ВЪ МОСКВѢ: у И. В. Базунова;

ВЪ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго;

ВЪ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака;

ВЪ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова,

и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* «Основы», *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за **12** книжекъ, каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписавшіеся и послѣ выхода 6-ти книжекъ «Основы» получаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома, (о которомъ объявлено въ 1-ой книжкѣ Основы), будутъ выходить непрерывно каждый мѣсяцъ.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ: 4 р. с. съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, а для прочихъ 5 р. с. безъ пересылки и 6 р. с. съ пересылкой; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 к. с., а за всѣ рисунки вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна 6 р. с. безъ пересылки. Рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Дм. Еф. Кожанчикова и В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектѣ. Иногородные могутъ обращаться съ требованіями *въ редакцію* Основы.

ОСНОВА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

1861

ІЮЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобза́рь, XXIV—XXVII. **Т. Г. Шевченка.**
II. Листъ **Основьяненка** до Шевченка.
III. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
IV. Ледащи́ця, **Марка Вовчокъ.**
V. Автобіографія Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**
VI. Мои Воспо́минанія, **Ка—ша.**
VII. Стихи: Мину́лося, **Павлуся.** Думка, **Ал—ва.**
VIII. Гетманство Выговскаго. **Н. Костомарова.**
IX. Байки: I. Вовкъ та Ягня, II. Левъ та Миша, **Л. И. Глѣбова.** III. Лисиця и Бабакъ, **Р. П. Витавського.**
X. Географическое обозрѣніе Южнорусскаго Края, **И. М.**
XI. Общественныя библіотеки на Югѣ.
XII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
XIII. Слово о Сковородѣ, **Н. И. Костомарова.**
XIV. Замѣтка о возраженіяхъ г. Мордовцова.
XV. Замѣтка о Русинской терминологіи, **М. М. Левченка.**
XVI. Вісті и мелкія статьи. Хоро́лъ, **Модеста Демьского.** Что́ объ этомъ думать? **Владиміра Антоновича и проч.**
XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**
XVIII. Одъ редакціи.
XIX. Объясненіе нѣсколькихъ непонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
—*Владиміръ Мономахъ.*

1861

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Августа 9 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXIV.

Ой чого́ ти почорні́ло,
Зеле́нее по́ле?
—Почорні́ло я відъ кро́ві
За во́льную во́лю.
Кругъ місте́чка Бере́стечка,
На чоти́рі ми́лі,
Мене́ сла́вні Запоро́жці
Своімъ тру́помъ вкри́ли.
Та ще мене́ га́йворони
Укри́ли съ ні́вно́чі...
Клюю́ть о́чі коза́цькіі,
А тру́пу—не хо́чуть.
Почорні́ло я зеле́не
Та за ва́шу во́лю...
Я зновъ бу́ду зеленіти,
А ви вже нико́ли
Не верне́теся на во́лю...
Бу́дете ора́ти
Мене́ сти́ха, та о́рючи
До́лю проклина́ти...

XXV.

Якъ би мині, ма́мо, нами́сто,
То пішла́ бъ я за́втра на місто,—
А на мі́сті, ма́мо, на мі́сті—
Тамъ музи́ка гра́е троі́ста;
А дівча́та зъ парубка́ми
Коха́ютця... Ма́мо! ма́мо!
Безтала́нна я!

Ой пійду́ я Бо́гу помолю́ся,
Та пійду́ я у на́йми наймо́ся,
Та куплю́ я, мамо, черевики́,
Та найму́ я троі́сти музи́ки:
Нехай лю́де не здиву́ють,
Якъ я, ма́мо, потанцю́ю...
До́ленько моя́!

Не дай мині вікъ дівува́ти,
Ко́си моі плести́-заплі́та́ти,
Бровеня́та до́ма носи́ти,
Въ самоти́ші віку дожи́ти....
А поки́ я заробля́ю—
Чо́рні бро́ви полиня́ють...
Безтала́нна я!

XXVI.

Ой уме́ръ стари́й ба́тько
И старе́нькая ма́ти,
Та нема́ кому щі́роі
Тії ра́доньки да́ти...
Що́ мині на сві́ті
Сиро́ті робити:
Чи йти́ въ лю́де жи́ти,
Чи до́ма жури́тись?
Ой пійду́ я въ га́й зеле́ний
Посажу́ я ру́ту:
Якъ що зійде моя ру́та,
Оста́нуся ту́та;

При́йде ми́ли́й въ мою́ ха́ту
Хазяінова́ти;
А якъ же ні—то я пі́йду́
До́леньки шука́ти...
Посхо́дила та́я ру́та,
Въ гаі зеленіе...
А дівчина сироти́на
У на́ймахъ марніе!

XXVII.

На горо́ді коло бро́ду
Барвінокъ не схо́дить;
Чому́сь дівчина до бро́ду
По во́ду не хо́дить.

На горо́ді коло ти́ну
Со́хне на тичи́ні
Хміль зеле́ний; не вихо́дить
Дівчина зъ хати́ни.

На горо́ді коло бро́ду
Верба́ похили́лась;
Зажури́лась чорнобрива —
Тя́жко зажури́лась.

Пла́че-пла́че та рида́е,
Якъ ри́бонька бье́тця..
А надъ не́ю, молодо́ю,
Пога́нець сміе́тця.

Т. Шевченко.

ЛИСТЪ ОСНОВЬЯНЕНКА ДО ШЕВЧЕНКА (1)

23 октября (18) 40 г. Основа.

Десь, я думаю, ни зъ однимъ чоловікомъ и ни зъ якимъ письмомъ не було того, що мині було зъ вами, мій коханий пане, Тарасъ Григорьевичъ. Щось дуже не просто почалося и до чого-то воно дійдется—побачимо. А почалось и зъ почину, що васъ я кріпко улюбивъ, знайшовши таке мнякесеньке серденько и душу чисту, мовъ хрусталь. Улюбивъ, кажу вамъ, та не знаю —кого, и хто винъ и де винъ, и якъ ёго назвати? Хтось такій—а люблю кріпко; хочъ би и у вічи побачивъ, то не пизнавъ би, бо зъ роду не бачивъ и не знаю, хто такій йё. Ось слухайте, батечку, якъ насъ зъ самого першу зводило докупы.

Сидимо мы у двохъ зъ моею жиночкою, та де-объ-чимъ базікаемо, ажъ ось и примчали намъ книжокъ, знаете—тихъ, которыми пасъ, дурныкивъ, обдурюють,—грошики попереду злуплять, та й пишутъ и дрюкують московську нісе-нітницю, якъ яка *разляпушка* вбивалася объ своему бахурові, або якъ який живжыкъ одурывъ джинджигилясту панянку, що боялася и на людей дивитись, а тутъ... треба колиску дбати... Отъ таке усе пишуть, звісно Москаль: винъ по своій вірі такъ и пише. От-такихъ-то книжокъ намъ нанесли, а тутъ и письмечко.... не видгадаю видъ кого. Я узявъ, та гарненько и розпечатавъ... Господи милостивій! сежъ по-нашому!.. Читаю.... ну, ну! Сміемося зъ жинкою, якъ у васъ тамъ поводилося зъ панею, що усе каже: pardon.... а далі якъ почали вірши читати.... такъ—ну!... Бодай вы мене не злюбили, коли брешу: волосься въ мене на голові, що вже ёго и не багацько, та и те навстопужилося, а биля сердця такъ щось и щемить,

(1) Напечатано съ подлинника, буква въ букву.

у вочахъ зеленіе.... Дивлюсь.... жиночка моя хусточкою очиці втира.... «От-се такъ;» кажу: «хтось мудро написавъ и живо усю правду списавъ... хтожъ такій?... *Перебендя*... Вгадуй-же ёго, що и хто воно таке е... не знаемо«. Послали до мого брата, що край насъ живеть, и що то за чоловікъ: бувавъ не тілки у Москві, у Кіёві, та у самому Петенбурсі бувавъ, и зайцівъ добре стриля, та й лисиця не понадайся,—такъ и вшкварить; такъ и той прочитавши,-поплямкавъ, та й сказавъ: «хто такій писавъ—не звісно, а дуже розумно написано».

Нуте. Що жъ намъ робити? якъ до «Перебенді» звістку подати, що ёго думка пала намъ на душу и такъ полискотала ім, мовъ чорнява дівчина, зъ карими очицями, біленькими пальчиками пошурудурила за шіею. Якъ обизватись? куди? черезъ кого?—От-такъ сумуемо, а думкою вашою частенько потішаемося—.... Ажъ ось, у одній книжці читаемо звістку, що, каже, е написаный *Кобзарь*, отъ зъ такими думами и піснями, та и списавъ одну.... а мы зъ жинкою такъ и вдарились объ поли и кажемо:« се Перебендя, непремінно Перебендя!« Ну, теперъ знаемо, що списавъ сіи думки панъ *Шевченко*,—та хто винъ?, та де винъ?, якъ до нёго видизватись? Не вжежъ зробити якъ Евгеній Павловичъ (1) зробивъ, що написавъ: *Грицьку Основьяненку*, та такъ и пустивъ. Такъ добре жъ, що поштарі наши уторопали—де мене знайти; а у васъ, кажуть, городъ, троха чи не билшъ и самихъ Кобелякивъ и вулиць билше: дежъ тамъ знайти безъ именьня? От-такъ и розсуждаемо и думаемо написати до пана *Шевченка*, та й послати у журналъ якій-небудь. Такъ щожъ бо? Треба написати по-нашому, а москаль, що журналъ коппонуе, закопилить губу, та й не схоче дрюковати. Не приходится. А, головонька бідна! Такъ собі сумуемо и таки пиджидаемо, чи не озовется самъ панъ Шевченко до насъ... и усе ждемо, не знаючи що робити.... Ажъ гулькъ! тилки-що позавчора несуть зъ пошти письмо и книжечку. А письмо пише Петръ Ивановичъ Мартосъ, та й пише слово у слово такъ:« Посылаю Кобзаря, сочиненіе *такого-то*. Оно было поручено авторомъ одному изъ его товарищей, ѣхавшему въ Малороссію, для доставленія вамъ (*имъ бы то*); но какъ онъ ѣхалъ не черезъ Харьковъ, то книга поступила ко мнѣ (*къ г. Мартосу*); при книгѣ

(1) Гребінка.

было и письмо къ вамъ (*ко мнѣ*) отъ автора, но оно затеряно его товарищемъ.»

От-така-то кумедія лучилася зъ вашими письмами!

А книжку, якъ розгорнувъ, — дивлюсь—*Кобзарь*, та вже дуже вычитанный. Дарма! я ёго притупивъ до серця, бо дуже шаную васъ, и ваши думки крішко лягають на душу. А що *Катерина*, такъ такъ-що Катерина! Гарно, батечку, гарно! Билшъ не вмію сказати. От-такъ-то москалики-военни обдурюють нашихъ дівчатокъ! Списавъ и я *Сердешну Оксану*, отъ точнісінько якъ и ваша *Катерина*. Будете читати якъ панъ Гребинка выдрюкуе. Якъ-то мы одно думали про біднихъ дівчатокъ, та про бузовіровихъ москалівъ...

Ні, вже та́къ, що ваши думки! Прочитаешъ и по складамъ и по верхамъ, та впьять знершу; а серце та́къ и іока! Щобъ-то, паночку-голубчику, якъ вы е такъ гарно закладаете вірши, щобъ-то якъ би вы мою *Панну Сотниківну* (въ 3 кн. *Современника* сёго (1840) года) та розказали по-своему, своіми віршами: тогді бъ вона була дуже гарно розказана, и яка була добра, и якъ постраждала. Та ще бъ и змалёвали ім патретъ,—бо чую, що вы лучче малюете, чимъ *Борисівській* иконописець, що *Салдата* колись списавъ.

Не здивуйте на мое письмо и выбачайте що тутъ е́. Ей, истинно! Видъ серця я дякую и прошу: утніть ище що. Потіште душу, мовъ топленого масличка злійте на неи, а то, видъ московськихъ побреченёкъ, щось дуже вже до печинокъ дохо́дить. Вірьте, що шаную васъ дуже и повікъ вамъ щирий на услугу,

Григорій Квитка

або

Основьяненко.

P. S. Коли ласка ваша буде що́ написати до мене, то зпишіть и те письмечко, що пропало, коли усе згадаете. Та ще що припишіть.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Третій отрывокъ.

1 іюля.

Сегодня послалъ я съ пароходомъ письмо М. Лазаревскому. Быть можетъ, послѣднее изъ душной неволи; далъ бы Богъ. Я много виноватъ передъ моимъ нелицемѣрнымъ другомъ. Мнѣ бы слѣдовало отвѣчать на письмо его отъ 2 мая тотчасъ же по полученіи, т. е. 3 іюня; но я, въ ожиданіи радостной вѣсти изъ Оренбурга, которую хотѣлось мнѣ сообщить ему первому, прождалъ напрасно цѣлый мѣсяцъ, и все-таки долженъ былъ ему написать, что я несвободенъ... и до 20 іюля, а можетъ быть и августа, такой же точно солдатъ, какъ и прежде былъ, съ тою только разницею, что мнѣ позволено нанимать за себя въ караулъ, и ночевать на огородѣ,—чѣмъ я и пользуюсь съ благодарностью. До 20 іюля я удалилъ отъ себя возмутительныя помышленія, и наслаждаюсь теперь по утрамъ роскошью совершеннаго уединенія, и даже стаканомъ — правда, не казистаго, но все-таки—чая. Еслибы еще хорошую сигару воткнуть въ лицо, такую напримѣръ, какъ прислалъ мнѣ 25 штукъ мой добрый другъ *Л*—скій, тогда бы я себя легко могъ вообразить на петербургскомъ праздникѣ. Но это ужъ слишкомъ. А сегодня дѣйствительно въ Петербургѣ праздникъ. Великолѣпный царскій праздникъ! Когда-то давно, въ 1836 году — если не ошибаюсь, я дотого былъ очарованъ разсказами объ этомъ волшебномъ праздникѣ, что, не спросясь хозяина (я былъ тогда въ ученьи у маляра, или, такъ-называемаго, комнатнаго живописца, нѣкоего Ширяева—человѣка грубаго и жестокаго) и пренебрегая послѣдствіями самовольной отлучки (я зналъ навѣрное, что онъ меня не отпуститъ), съ кускомъ чернаго хлѣба, съ полтиною мѣди въ карманѣ и въ тико-

вомъ халатѣ, какой обыкновенно носятъ ученики–ремесленники, убѣжалъ съ работы прямо въ Петергофъ на гулянье. Хорошъ, должно быть, я былъ тогда! Странно однакожъ: мнѣ и въ-половину не понравился тогда великолѣпный *Самсонъ* и прочіе фонтаны, и вообще праздникъ, противъ того, что́ мнѣ объ немъ наговорили. Слишкомъ ли сильно было воспламенено воображеніе разсказами, или, просто, я усталъ и былъ голоденъ. Послѣднее обстоятельство кажется вѣрнѣе. Да ко всему этому я еще увидѣлъ, въ толпѣ, своего грознаго хозяина съ пышною своею хозяйкой. Это-то послѣднее обстоятельство въконецъ помрачило блескъ и великолѣпіе праздника и я, не дождавшись иллюминаціи, возвратился вспять, совершенно *не дивяся бывшему*. Продѣлка эта сошла съ рукъ благополучно. На другой день нашли меня спящимъ на чердакѣ, и никто и не подозрѣвалъ о моей самовольной отлучкѣ. Правду сказать, я и самъ ее считалъ чѣмъ-то въ родѣ сновидѣнія.

Во второй разъ, въ 1839 г., посѣтилъ я петергофскій праздникъ совершенно при другихъ обстоятельствахъ. Во второй разъ, на Бердовскомъ пароходѣ, сопровождалъ я, въ числѣ любимыхъ учениковъ, Петровскаго и Михайлова, сопровождалъ я своего великаго учителя—Карла Павловича Брюлова. Быстрый переходъ съ чердака грубаго мужика–маляра, въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка. Самому теперь не вѣрится, а дѣйствительно та́къ было. Я—изъ грязнаго чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы Академіи Художествъ. Но чѣмъ же я хвалюся? чѣмъ я доказалъ, что я пользовался наставленіями и дружескою довѣренностью величайшаго художника въ мірѣ? Совершенно–ничѣмъ. До его неумѣстной женитьбы и послѣ умѣстнаго развода, я жилъ у него на квартирѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ его мастерской. И что́ же я дѣлалъ? чѣмъ занимался въ этомъ святилищѣ? Странно подумать... я занимался тогда сочиненіями малороссійскихъ стиховъ, которые впослѣдствіи упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу. Передъ его дивными произведеніями я задумывался и лелѣялъ въ своемъ сердцѣ своего *сльпца–кобзаря*, и своихъ кровожадныхъ *гайдамаковъ*. Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ знойной дикой степи наддѣпровской передо мною мелькали мученическія тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мной разстилалась степь усѣянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бѣдная Украина, во всей непорочной мелан-

холической красотѣ своей... И я задумывался; я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной чарующей прелести. Призваніе—и ничего больше.

Странное однакожъ это всемогущее призваніе. Я хорошо зналъ, что живопись—моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобы изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто ни гроша не заплатилъ, и которые наконецъ лишили меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее человѣческое запрещеніе, я все-таки въ-тихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тисненіи (разумѣется подъ другимъ именемъ) этихъ плаксивыхъ и тощихъ дѣтей своихъ. Право, странно неугомонное призваніе.

Не знаю, получу ли я отъ К—ка здѣсь мнѣніе насчетъ моего послѣдняго чада (Москалева Криниця). Я дорожу какъ мнѣніемъ чувствующаго благороднаго человѣка и какъ мнѣніемъ неподдѣльнаго самобытнаго земляка моего. Жаль мнѣ, что я не могу теперь посѣтить его на его раздольной Черноморіи. А какъ бы хотѣлось! Но что дѣлать. Сначала—уплачивается долгъ, потомъ—удовлетворяется голодная нужда, а на остатки — покупается удовольствіе. Такъ по-крайней-мѣрѣ дѣлаютъ порядочные люди. А я и тѣнью боюсь быть похожимъ на безолабернаго разгильдяя. Кутнулъ и я на свой пай когда-то. Довольно.

Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода.

Въ прошломъ году получалась-было здѣсь комендантомъ «Библіотека для Чтенія». Бывало, хоть переводъ Курочкина изъ Беранже прочитаешь: все-таки легче станетъ. А нынѣ, кромѣ фельетона «Петербургскихъ Вѣдомостей» совершенно ничего нѣтъ современно-литературнаго. Да и за эту тощую современность нужно платить петрушкою и укропомъ. Хоть бы рѣдька скорѣе выростала, а то совѣстно уже стало потчивать стариковъ однимъ и тѣмъ же продуктомъ.

2 іюля.

Двѣ случайно сдѣланныя много вещи такъ удачны, какъ рѣдко удаются произведенія, глубоко обдуманныя. Первая вещь—это—сей

журналъ, который, въ эти томительные дни ожиданій, сдѣлался для меня необходимъ, какъ страждущему врачъ. Вторая вещь—это—мѣдный чайникъ, который дѣлается необходимъ для моего журнала, какъ журналъ для меня. Безъ чайника, или безъ чая, я какъ-то лѣниво бывало принимался за сіе рукодѣлье. Теперь же едва успѣю налить въ стаканъ чай, какъ перо само просится въ руки. Самоваръ—тотъ шипѣніемъ своимъ возбуждаетъ къ дѣятельности: это понятно. Правда, я не имѣлъ случая испытать на себѣ это благодѣтельное вліяніе самовара. Но имѣлъ случай существенно убѣдиться въ этомъ волшебномъ вліяніи на другихъ, а именно: Былъ у меня, во время оно, пріятель. Въ 1846 г., судьба столкнула насъ въ *Цареградѣ*, не въ Отоманской столицѣ, а въ единственномъ трактирѣ города Чернигова. Меня судьба забросила туда *по дѣламъ службы*, а его по неопредолимой любви къ разсѣянности или, какъ онъ выражался, по влеченію сердца. Я зналъ его какъ самаго неистоваго и неистощимаго стихотворца, но не зналъ скрытнаго механизма, которымъ приводилось въ движеніе это неутомимое вдохновеніе, и тогда только, когда поселились мы вмѣстѣ, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ во-первыхъ, а во-вторыхъ, чтобы, какъ товарищи по ремеслу, созерцать другъ друга во всѣ минуты дня и ночи,—тогда только узналъ я тайную пружину, двигавшую это истинно-неутомимое вдохновеніе. Пружина эта была — шипящій самоваръ. Сначала я не могъ взять въ толкъ, почему мой товарищъ по ремеслу не спроситъ, когда ему вздумается, стаканъ чая изъ буфета, какъ я это дѣлаю, а непремѣнно велитъ подать самоваръ; но когда я разсмотрѣлъ пріятеля поближе, то оказалось, что онъ собственно не самоваръ велѣлъ подавать, а велѣлъ подавать вдохновеніе, или пружину, приводящую въ движеніе эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда и изъ какого источника вытекаютъ у него такія громадныя стихотворенія, а оказалось, что ларчикъ просто отворялся. — —

Мы прожили съ нимъ вмѣстѣ весь великій постъ, и не оказалось въ городѣ не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы онъ не написалъ въ альбомъ не четырехстишіе какое-нибудь (онъ мелочь презиралъ), а полную увѣсистую идиллію. Если же альбома не обрѣталось у какой-нибудь очаровательницы, то онъ подносилъ ей просто на шести и болѣе листахъ самое сантиментальное посланіе.

Не помню—кто именно, а какой-то глубокій сердцевѣдецъ, ска-

залъ, что вѣрнѣйшій дружбометръ есть деньги. И онъ сказалъ справедливо. Истинная настоящая дружба, которая высказывается только въ критическихъ трудныхъ случаяхъ, и она даже требуетъ этого холоднаго мѣрила. Самый живой одушевленный языкъ дружбы—это—деньги. И чѣмъ болѣе нужда, тѣмъ дружба искреннѣе, прогоняющая эту голодную вѣдьму. Я былъ такъ-счастливъ въ своей, можно сказать, *коловратной* жизни, что неоднократно вкушалъ отъ плода этого райскаго дерева. И въ настоящее, мнѣ кажется—самое критическое, время, я получаю 75 р. За что? за какое одолженіе? Мы съ нимъ видѣлись всего два раза. Первый разъ въ Орской крѣпости; второй разъ въ Оренбургѣ. Пошли, Господи, всѣмъ людямъ такую дружбу и такого друга, какъ Лазаревскій. — —

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Такъ и дружба—безъ существенныхъ доказательствъ—пустое, лукавое слово. Блаженны, стократъ блаженны, друзья, которыхъ жизнь была осѣнена радужнымъ сіяніемъ улыбающагося счастія и голодная нужда, своимъ желѣзнымъ посохомъ испытанія, ни разу не постучала въ дверь ихъ безкорыстной дружбы. Блаженны! они и въ могилу сойдутъ благословляя другъ друга.

3 іюля.

Сегодня во снѣ видѣлъ я Лазаревскаго,—будто бы онъ пріѣхалъ за мною въ укрѣпленіе, и несмотря на мои доводы о невозможности оставить мнѣ укрѣпленіе безъ пропуска, увезъ меня насильно, не позволивъ проститься даже съ М—скимъ. Вскорѣ очутились мы въ какомъ-то русско-татарско-нѣмецкомъ городѣ, въ родѣ Астрахани. И верблюды, и англизированныя лошади по улицѣ ходятъ, и фонтаны бьютъ, и кумысъ продаютъ, и папиросная фабрика, и театръ; наконецъ вечеръ, ночь; Лазаревскій скрылся; ищу его, спрашиваю, и просыпаюсь. Проснувшись, я обрадовался, что это только сонъ, и что я, слава Богу, не дезертиръ. А иначе опять бы меня вооружили лѣтъ на десять. Нужно будетъ зайти къ сотнику Чеганову, посмотрѣть въ сонникъ, что значитъ видѣть сонъ: самовольную отлучку?

Сегодня, т. е. 4 іюля, когда я, по-обыкновенію, всталъ въ три часа, согрѣлъ свой чайникъ, налилъ стаканъ чая и взялся за перо, начали собираться дождевыя тучки, а черезъ нѣсколько минутъ пошелъ тихій, меланхолическій дождикъ. И я, оставивъ всякое писаніе

и мечтаніе, любуюсь этимъ прекраснымъ и чрезвычайно рѣдкимъ здѣсь явленіемъ. Вѣтеръ изъ Астрахани, т. е. нордъ-вестъ. Можно надѣяться, что дождикъ усилится и продлится за полдень. Какая была бы благодать для этой безводной пустыни!

4 іюля.

Ночевалъ на огородѣ, въ комендантской бесѣдкѣ. Это моя теперешняя резиденція. Вскорѣ по пробитіи вечерней зари, пошолъ тихій дождикъ, и поэтому случаю я раньше обыкновеннаго легъ спать. Подъ тихій, гармоническій шумъ падающихъ на крышу бесѣдки капель дождя, я сладко задремалъ, и видѣлъ во снѣ покойника Карла Павловича Брюлова и съ нимъ вмѣстѣ товарища своего Михайлова, сначала въ какой-то огромной галереѣ, въ которой, кромѣ какого-то эскиза Гвидо-Рени, ничего не было, и который Михайловъ собирался копировать. Потомъ перешли мы въ мастерскую, что̀ въ портикѣ, вмѣстѣ съ Карломъ Павловичемъ. Тутъ тоже ничего не было, кромѣ большаго, во всю залу натянутаго и загрунтованнаго, полотна, какъ это дѣлается для декораціи, и къ стѣнѣ приклеенной, грубо-раскрашенной, литографіи Калама съ подписью Ріо-Джанейро. Потомъ Карлъ Павловичъ пригласилъ насъ на Лукьяновскій (?) ростбифъ, какъ это бывало во времена незабвенныя. Но ударилъ громъ и я проснулся. Пошелъ проливной дождь. Затворивъ окна и двери бесѣдки, я снова уснулъ. Во второй сеансъ увидѣлъ я, въ Москвѣ, Михаила Семеновича Щепкина, такимъ же свѣжимъ и добрымъ, какъ видѣлъ его въ послѣдій разъ въ 1845 г.; говорили о театрѣ и о литературѣ. Я ему замѣтилъ, почему онъ не продолжаетъ свои *Записки Артиста*, начало которыхъ напечатано въ первой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ. На что̀ онъ мнѣ сказалъ, что жизнь его протекла такъ тихо, счастливо, что не о чемъ и писать. Я хотѣлъ ему на это возразить что-то, но мы очутились въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, и встрѣтились съ П. А. К—шемъ, собирающимъ какія-то тощія растенія. Я, какъ хозяинъ, захлопоталъ объ обѣдѣ, и пошелъ искать полевой спаржи, которой здѣсь и въ поминѣ нѣтъ. Но новый ударъ грома разбудилъ меня и я уже не могъ заснуть.

Съ недавняго времени мнѣ начали представляться во снѣ давновидѣнные мною милые сердцу предметы и лица. Это, вѣроятно, оттого, что я объ нихъ теперь постоянно думаю. Ложась спать, вчера

я думалъ объ *Осадѣ Пскова* и о *Генгерихѣ*, Брюлова. И я увидѣлъ во снѣ самого ихъ великаго творца. — Довольно! утро послѣ ночной грозы тихое, свѣжее, рѣдкое въ здѣшней знойной пустынѣ утро. И я буду большой тетеря, если проведу его за своимъ журналомъ.

5 іюля.

Голинькій — охъ, а за голинькимъ — Богъ. Изъ моей библіотеки, которую я знаю наизустъ всю, и которую уже давно упаковалъ въ ящикъ, не нашлось книги достойной сопутствовать мнѣ въ моемъ радостномъ одинокомъ путешествіи по Волгѣ. Ригельмана *Исторія Донскаго Войска* показалась мнѣ слишкомъ старою спутницей и я упаковалъ ее на самый спудъ. Что же дѣлать безъ книги въ такомъ медленномъ, спокойномъ путешествіи, какъ плаваніе по Волгѣ, отъ Астрахани до Нижняго? Это меня безпокоило. И въ самомъ дѣлѣ, что я буду дѣлать цѣлый мѣсяцъ безъ хоть-какой-нибудь книги? Но фортуна — эта гордая повелительница повелителей міра, эта безглазая царица царей — сегодня мой лакей, хуже — Бердичевскій факторъ.

Насладившись прекраснымъ свѣжимъ утромъ на огородѣ, я, въ девятомъ часу, пошелъ въ укрѣпленіе. Мнѣ нужно было взять хлѣба у артельщика и отдать высушить на сухари, для дороги. Прихожу въ ротную канцелярію, смотрю — на столѣ, рядомъ съ образцовыми сапогами, лежатъ три довольно-плотныя книги въ сѣрой подержаной оберткѣ. Читаю заглавіе — и что же я прочиталъ! Estetyka, czyli umnictwo piękne, przez Karola Libelta. Въ казармахъ — эстетика! Чьи это книги? спрашиваю я писаря. — Каптенармуса, унтеръ-офицера Кулиха. — Отыскиваю вышерекомаго унтеръ-офицера Кулиха. И на вопросъ мой, не продастъ ли онъ мнѣ Umnictwo piękne, онъ отвѣчалъ, что оно принадлежитъ мнѣ, что Пржевлоцкій, уѣзжая изъ Уральска на родину, передалъ ему, Кулиху, эти книги съ тѣмъ, чтобы онѣ были переданы мнѣ, и что онъ, Кулихъ, принесъ ихъ съ собою сюда, положилъ въ цейхгаузъ и забылъ про ихъ существованіе, и что вчера только онѣ попались на глаза, и что онъ очень радъ, что теперь можетъ ихъ препроводить по-принадлежности. Для вящшей радости, я послалъ за водкой, а книги положилъ въ свою дорожную торбу.

Видимое, осязательное дѣло услужливой факторши фортуны! И такъ, по милости этой царицы царей, я имѣю въ дорогѣ чтеніе, на которое вовсе не расчитывалъ. Чтеніе, правда, не совсѣмъ по моему вкусу, но что дѣлать! на безрыбье и ракъ рыба. Несмотря на

мою искреннюю любовь къ прекрасному въ искуствѣ и въ природѣ, я чувствую непреодолимую антипатію къ философіямъ и эстетикамъ, и этимъ чувствомъ я обязанъ сначала Галичу и окончательно — почтеннѣйшему профессору, читавшему намъ когда-то лекціи о теоріи изящныхъ искуствъ, девизомъ которыхъ было: *побольше разсуждать и поменьше критиковать.*

Съ Либельтомъ я немного знакомъ по его «Дѣвѣ Орлеанской» и по его критикѣ и философіи. На первый взглядъ онъ мнѣ показался мистикомъ и непрактикомъ въ искуствѣ. Посмотримъ, что́ дальше будетъ. Боюсь какъ бы вовсе не раззнакомиться.

6 іюля.

Видѣлъ во снѣ Академію Художествъ. Михайловъ показывалъ мнѣ какую-то неоконченную копію, и потомъ скрылся отъ меня вмѣстѣ съ копіею. Изъ Академіи я вышелъ на Большой Проспектъ, и не доходя церкви Андрея Первозваннаго, встрѣтился съ семействомъ здѣшняго коменданта. И отъ радости — проснулся.

Третьяго-дня, вечеромъ, былъ я случайнымъ зрителемъ, кажется, послѣдней сцены изъ водевиля, подъ названіемъ: *Недошитая Кофта.* Я не хотѣлъ-было вносить въ мой журналъ эту балаганную сцену, но какъ она оказалась важною по своему неожиданному результату, то я и заношу ее со всею пошлою точностію въ мою неизмѣнную хронику.

Сіе событіе совершилось 5 числа текущаго мѣсяца. Въ отсутствіе родителя нареченной, жениху пришла благая мысль, — попотчивать свою будущую супругу серенадой со всѣми онѣрами. Для этого собралъ онъ изъ 2 ротъ пѣсенниковъ, также со всѣми онерами—съ бубномъ, тарелками, ложками, треугольникомъ и еще съ какими-то погремушками. И когда былъ пропѣтъ, разумѣется—съ танцами, весь репертуаръ солдатскихъ пѣсенъ, и даже «Послѣ батюшка остался сиротою молодецъ», съ небольшими измѣненіями, — восторженному этой послѣдней пѣсней жениху, которая изображала въ нѣкоторомъ родѣ его собственное положеніе, захотѣлось, чтобы ребята маленько его покачали. Почему же и не такъ. Ребята принялись за дѣло, и— о, судьба-злодѣйка! — въ воротахъ показался комендантъ, протяжное *ура* вдругъ оборвалось, и вѣрные, неизмѣнные ребята бросили своего отца-командира среди улицы, а сами скрылись гдѣ-кто-могъ. Поло-

женіе жениха, дѣйствительно, критическое, и тѣмъ болѣе критическое, что онъ, безъ нѣжнаго участія своей возлюбленной нареченной, не могъ стать на ноги по случаю безхитростной радости, или, проще, онъ былъ мертвецки-пьянъ.

На другой день рано является отецъ нареченной и проситъ, на законномъ основаніи, избавить его опозоренную дочь, а равно и все его семейство отъ гнуснаго, безобразнаго пьяницы и жениха. На такое законное требованіе резолюціи еще не послѣдовало.

Каково же быть порядочному и семейному человѣку начальникомъ этого заграничнаго гнѣздилища безграничныхъ мерзостей! Быть судьей и разбирателемъ этихъ безконечныхъ ежедневныхъ гадостей! а онъ, какъ начальникъ, обязанъ пачкаться въ этой вонючей грязи. Незавидная обязанность!

7 іюля.

Видѣлъ я сегодня Москву, не встрѣтилъ никого знакомыхъ и храма Спаса не видалъ. Былъ на Красной площади и Василія Блаженнаго не видалъ. Искалъ въ гостинномъ дворѣ ивановскаго полотна для рубахъ, и не нашелъ. Такъ и проснулся. Проснувшись, я, по-обыковенію, нагрѣлъ свой чайникъ, положилъ чаю и началъ вытирать стаканъ, какъ является ко мнѣ дядька и объявляетъ мнѣ повелѣніе фельдфебеля—немедленно явиться къ пригонкѣ аммуниціи.—Да ее недавно пригоняли,—говорю я.—Не могу знать-съ: приказано,—отвѣчаетъ.—Итакъ, для воскресенья, не удалось мнѣ чайкомъ побаловать себя. Прихожу въ укрѣпленіе и узнаю, что вчера пришелъ какой-то татаринъ изъ Астрахани съ казеннымъ провіантомъ, и распустилъ слухъ, что въ концѣ августа мѣсяца въ Астрахань дожидаютъ важную особу изъ Петербурга, и что по этому, случаю въ Астрахани, дѣлаются большія приготовленія для встрѣчи. Капитанъ, завѣдующій двумя ротами 1 баталіона, тотчасъ смекнулъ дѣло; и чтобы не ударить въ грязь лицомъ, вчера же, съ помощію писаря П., назначилъ почетный караулъ, въ число котораго по протекціи писаря П., назначенъ и я. Головоломная эта задача была кое-какъ рѣшена къ разсвѣту, а съ восходомъ солнца (несмотря на воскресенье) приказано пригнать аммуницію, и, какъ будетъ готово, вывести людей на смотръ.

Сказано—сдѣлано. Къ 7 часамъ все было готово. Въ полной ам-

муниціи люди были выведены на полянку, въ томъ числѣ и я; въ 6 часовъ явился самъ капитанъ, и, послѣ привѣтствія, подошелъ прямо ко мнѣ, благосклонно хлопнулъ меня по плечу и сказалъ: «чтó, братъ, отставка? Нѣтъ, мы еще изъ тебя сдѣлаемъ отличнаго правофланговаго, а потомъ — и съ Богомъ!» И тутъ же отдалъ приказаніе капральному ефрейтору заняться со мной маршировкой и ружейными пріемами часика четыре въ день. Я ужаснулся, услышавъ это благосклонное приказаніе. Вотъ тебѣ безмятежное уединеніе на городѣ!..

Тотъ же самый татаринъ, вмѣстѣ съ накладной, привезъ коменданту письмо изъ Астрахани, въ которомъ его увѣдомляютъ, что тамъ получено извѣстіе изъ Петербурга, чтобы важной особы въ Астрахань не ожидали и, слѣдовательно, не трепетали. Комендантъ, узнавши о распоряженіи предупредительнаго капитана К., натянулъ ему носъ и даже погрозилъ ему гауптвахтой, если онъ впередъ осмѣлится тревожить людей безъ его вѣдома. Тѣмъ все и кончилось. И я, какъ ни въ чемъ не бывало, всталъ сегодня, по-обыкновенію въ 3 часа утра, нагрѣлъ свой чайникъ, очинилъ новое перо и занесъ сей невѣроятный казусъ въ мою вѣрную хронику... Господи, настанетъ ли для меня часъ искупленія! Настанутъ ли для меня блаженные дни, когда я буду читать эти грустныя правдивыя сказанія, какъ ложный сонъ, какъ небывалую небылицу!

8 іюля.

Сегодня ушла почтовая лодка въ Гурьевъ. Вѣтеръ зюйдъ-вестъ. Въ среду или въ четвергъ она должна быть на Стрѣлецкой Косѣ, 15 верстъ отъ Гурьева. Въ субботу получитъ послѣднюю оренбургскую почту, воскресенье попразднуетъ, а въ понедѣльникъ — въ обратный путь. Какъ-разъ черезъ недѣлю, при благополучномъ вѣтрѣ, ее должно ожидать 17 или 18 числа, и никакъ не дальше 20. Неужели она для меня ничего не привезетъ? Не можетъ-быть. Это была бы уже умышленная пытка.

Сегодня же поутру пригласилъ я къ себѣ на огородъ унтеръ-офицера Кулиха, того самаго, что принесъ мнѣ изъ Уральска Umnictwo piękne Libelta. Разговоръ нашъ, разумѣется, вертѣлся на баталіонѣ и, въ-особенности, на 2 ротѣ, которая два года тому назадъ ушла отсюда и которая теперь сюда возвратилась, [illegible] и теперь я въ этой ротѣ. Начиная съ бывшаго тогда командира, мы пере-

брали всю роту по одиначкѣ и наконецъ дошли до рядоваго Скобелева. Этотъ Скобелевъ, несмотря на свое прозваніе, былъ мой землякъ, родомъ Херсонской губерніи, и въ-особенности мнѣ памятенъ по малороссійскимъ пѣснямъ, которыя онъ пѣлъ своимъ молодымъ, мягкимъ теноромъ, удивительно просто и прекрасно. Съ особеннымъ же выраженіемъ онъ пѣлъ пѣсню:

Тече річка невеличка
Зъ вишневого саду.

Я забывалъ, что я въ казармахъ слушаю эту очаровательную пѣсню. Она меня переносила на берега Днѣпра, на волю, на мою милую родину. И я никогда не забуду этого смирнаго, полунагаго бѣдняка, штопающаго свою рубаху и уносившаго меня своимъ безыскусственнымъ пѣніемъ такъ-далеко изъ казармы.

По сложенію своему и по манерамъ, онъ не былъ похожъ на браваго солдата, но онъ пользовался въ ротѣ славою честнаго и смышленаго солдата. И не смотря на смуглое, аляповатое и осною изрытое лицо, въ его лицѣ свѣтилась отвага и благородство. И я любилъ его какъ земляка и какъ честнаго человѣка, независимо отъ пѣсенъ. Онъ былъ, какъ онъ мнѣ говорилъ по-секрету, бѣглый крѣпостной крестьянинъ, попался въ бродяжничествѣ, сказался непомнящимъ родины и семейства и былъ зачисленъ въ солдаты, гдѣ и дали ему прозвище Скобелева, въ честь извѣстнаго русскаго инвалида, Скобелева. Такъ объ этомъ-то бѣднякѣ Скобелевѣ мнѣ разсказали слѣдующую прискорбную повѣсть.

Вскорѣ по прибытіи въ г. Уральскъ, *господинъ* О. взялъ къ себѣ въ постоянные вѣстовые Скобелева, какъ трезваго и благонадежнаго, но слабаго по фронту, солдата.——А Скобелевъ неумышленно сдѣлался повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ своего господина.——

Однажды, въ минуты сердечныхъ изліяній, коварная измѣнница открыла Скобелеву, что два мѣсяца тому назадъ на его имя получены *господиномъ* О. изъ Москвы 10 р. ср., отъ какого-то его бывшаго товарища (вѣроятно, по бродяжеству), теперь лавочнаго сидѣльца. И, въ доказательство истины словъ своихъ, показала ему конвертъ съ [redacted] печатями... Несмотря на прежнія подобныя продѣлки, господинъ О. какъ-то умѣлъ концы въ воду прятать и слыть вообще порядочнымъ человѣкомъ. Скобелевъ, узнавши такую продѣлку, явился къ нему, съ пустыми [redacted] рукахъ, требовать вынутыхъ [redacted] денегъ. Произошло что-то *обоюдное*: *привѣтъ* и *отвѣтъ*. —— Будь

это самъ-на-самъ, тѣмъ бы и кончилось, но какъ эта сцена была представлена при благородныхъ зрителяхъ, то сконфуженный господинъ, арестовавъ Скобелева, подалъ рапортъ о случившемся. Вслѣдствіе рапорта произведено слѣдствіе, а вслѣдствіе слѣдствія господину О. велѣно подать въ отставку, а Скобелева предали военному суду. — — —

Бѣдный Скобелевъ! родился ты и выросъ въ неволѣ... Вздумалось тебѣ попробовать широкой, сладкой, вольной воли, и ты залетѣлъ въ ридикуль (такъ обыкновенно называютъ солдаты Новопетровское укрѣпленіе), залетѣлъ ты въ мою семилѣтнюю тюрьму пѣвуньей птицей изъ Украины, какъ-будто для того только, чтобы своими сладкими заунывными пѣснями напоминать мнѣ мою милую, мою бѣдную родину... Бѣдный, несчастный Скобелевъ! ты понесъ тяжелые кандалы на берега пустынныхъ Иртыша и Оми. Встрѣтишъ ли въ своей новой неволѣ такого внимательнаго и благодарнаго слушателя-товарища твоихъ заунывныхъ, сладкихъ пѣсенъ, какъ я былъ?.. Встрѣтишъ — и не одного такого же, какъ и ты, невольника-сироту, земляка-варнака заклейменнаго, который прольетъ слезу благодарности на твои тяжелые кандалы за отрадные сердцу, милые, родные звуки... Бѣдный, несчастный Скобелевъ!

ЛЕДАЩИ́ЦЯ.

I.

. . . . . Па́ні на́ша була́ не перволітокъ, та й не яка́ стара́; а зъ се́бе була висо́ка, огрядна́, говірки ско́роі, гу́чноі. Вбіра́лася шпетне́нько—шнуро́чокъ до шнуро́чка, гапли́чокъ до гапли́чка. Хо́дить було́ якъ намалёвана.

И въ кімна́тахъ у насъ було́ га́рно: ви́чищено, ви́лощено, покра́шено,—и кріслечко, и сто́личокъ, усе́ якъ слідъ, по-па́нськи́й. Було́ па́ні камьяни́хъ цяцёкъ понаставля́е, чароч о́къ, мисочо́къ зъ зеле́ного, зъ черво́ного скла. Бувъ у не́і и соба́ка зъ ме́ді ко́ваний, и за́йчикъ черепья́ний, мереже́ні у́шка. Все те ні до чо́го, а вкупі́ воно́ блищи́ть и на о́чі наверта́етця, и рябіе,—ажъ бье. А найдоро́жша шту́ка—ви́сівъ у неі на стіні́ панъ малёваний, чорня́вий, якъ жукъ, а хму́рий, якъ нічъ, зъ золоти́ми пе́рснями на руці,—іі́ ба́тько покійний, князь вельмо́жний. Хто було́ не прийде до па́ніі зъ гостей, ко́жному па́ні оповісти́ть: «Се мій та́тонько покійничокъ!»

Зна́ла вона́, якъ съ кимъ пово́дитись, якъ заговори́ти, якъ гля́нути, зідхну́ти. Прийде яки́й-не́будь бідола́хъ, то вона́ ёму́ гу́чно гово́рить: «Се мій ба́тько — князь!» Другому́, пиха́тому, богачёві, зідха́ючи: «ото́, якъ мій ба́тенько живи́й бувъ,—ось изъ ёго малёва́нне,—не зна́ла я бідй!» А тре́йтёму, щи́рому й молодо́му хлопья́ті: «що,» ка́же «те світове́—и вельмо́жність, и ба́га́тство? Отъ бувъ мій панъ оте́ць—князь, — вели́кого чи́ну дойшо́въ.....»

Отъ же, то сякъ, то такъ, а ко́жному роска́же, що вона́ князька́ дочка́. А про те не зга́дувала, якъ жукова́тий князь прогайнува́въ усю́ ба́тьківщину, оста́вивъ ій тілько буди́нокъ невели́чкий у

мі́сті, зъ садо́чкомъ и дворо́мъ, бо то була́ ій матери́зна—того́ вже не змігъ прогайнува́ти.

Чоти́рі кімна́точки було́ кругле́нькихъ въ тімъ буди́нкові; ство́рчаті вікна, рундучо́къ зъ піддашшемъ. За буди́нкомъ садо́чокъ густи́й, стари́й вже. Зеле́ний двіръ трабо́ю висо́кою порісъ; одъ воріть дві сте́жечки по ёму́ бігло узе́нькихъ: до буди́нку одна́, дру́га до ха́ти. Середъ дво́ру гілля́ста я́блуня стоя́ла.

Полови́ну буди́нку па́ні оддава́ла якимсь паничамъ підъ на́йми; ще й столова́ла іхъ,—съ того́ й жила́ небо́га. А чоловікъ ій десь дале́ко служи́въ; ми ёго́ й не ба́чили. Та й па́нії було́ байду́же.

Паничі скуча́ти ій не дава́ли: що-дня́, що-ве́чора зъ не́ю ба́вились, то въ ка́рти гра́ли, то пісенёкъ співа́ли...

Нега́дки на́шій па́нії по такому́ життю!...

II.

Мене́ ій подаро́вано. Я ро́домъ изъ Глущи́хи; була́ коли́сь Ива́нь-ковськихъ панівъ. Жила́ я въ ба́тька—ма́тері,—Бо́же мій ми́лий! Тепе́ръ спогада́ю, якъ то жило́сь то́гді мині! Оженився пашъ панъ, и взяли́ мене́ на вслу́гу до молодо́ї па́нії. А вона́, ся вже моя́ па́ні, у пригоді яко́сь ій става́ла. Гостю́е було́ мі́сяць, або й бі́льшъ, дого́ждае ій. Отъ, якъ ста́ла вона́ жалкова́тись: «Що мині робити? нема́ слуги́! чи не дасте́ ви мині яку́ зъ ва́шихъ?» — «Чому́ ні? Беріть собі, котру́ схо́чете:»—то вона́ и взяла́ мене́, и завезла́ зъ собо́ю одъ ро́ду мого́, одъ роди́ни. Безъ ме́не и ба́тько и ма́ти поме́рли; безъ ме́не рідъ увесь перевівся. Зоста́лась я сама́ одна́ у світі.

Жила́ я въ па́нії ро́ківъ зъ пять. Спе́ршу я сама́ була́ въ не́і, а да́лі, якъ уже столовниківъ завело́ся бага́то, па́ні взяла́ свою́ кріпосну́ молоди́цю зъ дочко́ю. До́ти па́ні іхъ держа́ла у яки́хсь прия́телівъ своіхъ, бо въ не́і, окро́мъ сёго́ дво́ру, не було́ ні сади́би, а ні кро́ку землі своёі: усе́ спро́дане,—тілько отсю́ молоди́цю зъ дочко́ю до вслу́ги ій прида́но. Князь то́ такъ—панотёць ій вельмо́жний—похазяйнува́въ. Дале́ко десь були́ вони́ завда́ті, и до́вго па́ні вважа́ла, поки́ зва́жилась іхъ до се́бе забра́ть. А вони́ ще яко́сь були́ зъ вільного ро́ду, козаки́, чи-що́: яко́сь то ними князь той жукова́тий непра́вдою завладавъ; то й опа́сувалась небо́га держа́ти

іхъ у місті, щобъ не збаламу́тились за вільность про́ти не́і, зайшо́вши у ра́ди, въ совіти, зъ городя́нами.

Молоди́ця зва́лася Чайчи́ха Горпи́на, дочка́—На́стя. Не великомо́вна була́ та Чайчи́ха, не привітна́: яка́сь хма́ра пови́ла іі на-віки. Чи па́ні сва́ритця, чи бье (бо хочъ па́ні й незла́ була́, а все ча́сомъ попобье́) чи тамъ спідни́цю дару́е, або́ ху́стку, — Чайчи́ха при́йме усе́ мо́вчки, й одійде. Роботя́ща, покірна люди́на здае́тця зъ неі, по́ки не гля́нешъ на ті бро́ви здви́гнуті, чо́рні, на ті о́чи ямкува́ті, огне́мъ блискотю́чи. —

Яко́сь було́ мині смутне́нько. Отъ я й пла́чу собі, си́дючі на ла́вці. Звісно, чоловікъ и въ ща́сті, то ча́сомъ сму́токъ обійма́е,— не то, що на́мъ. Воно́ ка́жуть: приви́кнешъ!... Ні!... вто́мисся, те́рплючи, то й здае́тця тобі, що все тобі байду́же, — та ра́зомъ проки́нетця ли́хо. Ча́сомъ одно́ сло́во... А що́ ви ду́маете? ча́сомъ бійку забу́дешъ у-годи́ну, а яке́сь тамъ сло́во гірке́е вра́зить тебе́ до са́мого се́рця, — місяці, ро́ки памьята́тимешъ.....

Су́мно мині було́ и перемо́вити щи́ре сло́во жада́лося. А Чайчиха коло́ пе́чі, по́раетця.

«Горпи́но!» кажу́: «ось я журю́ся, я пла́чу, а ви все одна́кові. Такъ вамъ, ма́буть, Богъ давъ!... пе́вно, що й ви ли́хо зна́ете?»

Вона́ ски́нула на ме́не чо́рними очи́ма, немо́въ пита́ла, яка́ въ ме́не ду́мка, та й одказа́ла:

— Чому́ ні? —

«Го́споди!» кажу́ зновъ: «якъ я коли́сь молодо́го віку жила́ въ ба́тька, въ ма́тері!»

— А я,—ка́же,—вікъ извікува́ла, усе́ тяга́ючись по чужи́хъ двора́хъ. —

Та й змо́вкли ми.

«Ви сирото́ю зоста́лися зма́лку, Горпи́но?» зновъ пита́ю.

— Ні, мене́ взя́то зъ семьі мале́нькою. Ба́тька й ма́тіръ ле́две зазна́ю. И вони́, чи позна́либъ, упослі мене́ поба́чивши!... та не ба́чили — вме́рли. —

«А чоловікъ вашъ небо́жчикъ звітки бувъ ро́домъ?»

— Съ того́ села́, де я жила́ съ пана́ми, зъ Горіевки. Двора́къ бувъ. —

«И довге́нько ви жили́ зъ нимъ?»

— Півро́ку. —

«Го́споди! и не нажили́ся! що́ жъ то ёму́ за ли́хо ста́лося?»

— Спьянчи́вся и вме́ръ.

По сімъ сло́ві, вийшла зъ ха́ти, и вже нико́ли я до тії ре́чі зъ не́ю не верта́лась.

III.

Було́ на́дъ – вечіръ одро́бимося, па́ні куди́ въ гости́ну пійде,— сидимо́ коло ворітъ. То съ тимъ перемо́вимо, то зъ други́мъ, — спита́емо, привітаемо; а Чайчи́ха мо́вчки сидить. На́стя щебе́че зъ сусідчиною дівчиною. Жила́ про́ти насъ міща́ночка. Сирітка була́, Кривоши́енкова зва́лася. Така́ сла́вна дівчинка була́! Очі въ не́і було ясні, коси́ до́вгі, вели́кі чорноро́сі, а ли́чко—якъ я́блучко. Було́, якъ не поба́чишъ, весела́ собі, щебетли́ва, и голосо́чокъ бувъ въ не́і—на́че стру́мочокъ, пру́дко біжа́чий. Ду́же вони́ зъ На́стею люби́лися: якъ се́стри рі́дні—все було́ вку́пці. Діла не бага́то въ На́сті: ще тоді вона́ тілько зъ дітей вихо́дила; отъ собі й щебе́ – чуть щебету́шечки. А Горпи́на все сама́, все мовчи́ть.

«Горпи́но!» кажу́: «чому́ ви хочъ зъ дочко́ю свое́ю не погово́рите? Веселійшъ вамъ було́–бъ....»

— Яка́ ще зъ нею мо́ва? вона́ ще дурна́, неха́й пе́рше ро́зуму дійде. —

«А на ме́не» гово́рю, «то я бъ и зъ мало́ю дити́ною розмовля́ла. Нехай мині спочу́е аби́-хто! Свої ду́мки-га́дки повимовля́ю, попла́чу.....»

— А дити́на, то пя́тому, деся́тому оповіща́тиме, яке́ ва́ше горе... На те воно́ молоде́ въ Бо́га! —

«Що жъ!» кажу́: «до́брий чоловікъ пожалку́е.«

На те мині Чайчи́ха нічо́го не відказа́ла.

А дівчина въ неі була́ хоро́ша, якъ квітка. И така́ вона́ була́ яка́сь палка́, чующа.... Вже було́ якъ зажу́ритця чимъ, то ажъ занеду́жае; якъ - же́ весе́ла—що то за жа́рти, що въ неі за пісні, за ви́гадки!...

Шамка́, легка́, ста́номъ струнька́, во́лосомъ чорня́ва, а що вже о́чі! тамъ були́ такі що й безъ мо́ви гово́рять. Отъ и́нше, то попла́че собі тихе́нько, зітхне́, та й го́ді; а ве́село — всміхне́тця. Ні, воно́ було́ у го́рі, то слёзи ви́плаче, у ра́дощахъ — сміхъ ви́смі́е. Що спочу́е, то зъ са́моі душі, зъ са́мого се́рця, щи́рого, кипля́чого.... Отъ и росла́ вона́ и виросла́.

IV.

А Чайчи́ха, що да́лі, усе вона́ хмурнійша—отъ мовъ хма́ра чо́рна. И заміча́ти я ста́ла, що вона́ почала́ куди́сь ходи́ти. Уве́чері пізно якісь до не́і люде прихо́дять, и до́вго вона́ зъ ни́ми гово́рить. Я собі мовчу́, въ не́і не пита́ю. Коли́ одного́ дня—ба́чу, иде́ у двіръ, чи моска́ль, чи хто ёго зна, зъ черво́нимъ ко́міромъ, таки́й пика́тий, уса́тий, и пита́е, чи до́ма па́ні. Отъ я кажу́—до́ма, а сама́—зіркъ: Горпи́на стоіть на ха́тнёму поро́зі, біла́ якъ ху́стка, и прово́дить того́ москаля́ очи́ма. Я ажъ зляка́лася. До неі: «Що вамъ Горпи́но?» Вона́ тільки мині руко́ю махну́ла.

Одда́въ той моска́ль бума́гу яку́сь па́ніі. Вона́ жъ якъ прочита́ла, розгнівалась, стриво́жилась. Написа́ла щось и дала́ тому москале́ві. Вінъ понісъ. Незаба́ромъ прийшо́въ яки́йся панъ-черева́нь, и ста́ли вони́ у-дво́хъ изъ па́нію ра́дитись. Па́ні такъ и си́пле слова́ми, и ху́сточкою о́чи обітре́, и рука́ми сплесне́. Дала́ ёму́ гро́ши. А вінъ усе́ слу́хавъ, бро́ви піднима́ючи, та по кріслечку нігтями сту́каючи. Гро́ши взя́въ и, схова́вши въ кише́ню: «Не бійтесь,» ка́же, «нічо́го не бійтесь!» Па́ні ёму́ дя́куе, до ворітъ прово́дить и тамъ дя́куе.

Прихо́жу я, та й роска́зую Горпи́ні.

«Що́ се таке́?»

А вона́ тільки зу́би сціпила, та простогна́ла ніби: «Зна́ла я, зна́ла!»

Я нічо́го не розумію. А тутъ прихо́дять якісь судови́і два панки́.

Веліли Горпи́ні ста́ти передъ се́бе, а сами́ сіли.

Оди́нъ таба́ки поню́хавъ, други́й ху́сточкою обте́рся, та й пита́ють:

«Ти́, молоди́це, вільности шука́ешъ?»

А вона́: — Я. —

«Попаде́сся у біду́, дурна́! Лу́чче служи́ своій па́ніі та роби́.»

Вона́ мовчи́ть.

«Чу́ешъ? розумі́ешъ?... Гляди́ жъ, шану́йся! не зводь напа́сти на се́бе! Почу́емо ище́—нега́рно бу́де!»

Та й пішли́.

Хо́чу я ій сло́во ска́зати.... та гля́ну на не́і—неви́мовлю. Сі́ла вона́ та го́лову на ру́ку схили́ла. Не пла́че, не ту́жить... якъ заме́рла!

И На́стя тутъ стоіть; заду́малась и на лиці мінитця.

V.

Го́споди, якъ вже свари́лась па́ні на Горпи́ну! и на о́чи ії не пуска́ла ти́жнівъ изо́ два.

А На́стя мині яко́сь и ка́же: «Такъ отъ чого́ мату́ся така́ думна́ ходи́ла!... ось чимъ жури́лась! Ото жъ вона́ мині мале́нький було́ роска́зуе про на́шихъ батьківъ вільнихъ, та й сама́ во́лі забажа́ла! Веселійша вона́ тоді була́,» ка́же—сама́ заду́малася, зажури́лася—«не така́, якъ тепе́ръ.... Роска́зуе було́ мині, прядучи́, ка́зки,—якъ на́ші батьки́, вільними козака́ми по Дніпру́ жили́, и пісе́нь га́рнихъ про ту старовину́ співа́ла.»

А я ій говорю́:—То чого́ жъ се ти́ й собі, Насту́сю, усе́ ду́маешъ? —

«Та все мині,» ка́же, «да́вня во́ля снитця. Чого́сь мині не впокійно: усе́ чого́сь дожида́ю, сама́ не зна́ю чого́... И ду́мки мої міша́ютця, и сонъ мене́ не бере́; а засну—все сни́тця що на во́лі!...»

VI.

А На́стя вже шісна́дцятий рочо́къ почина́е. Па́ні гаптова́ти ії у́чить, ши́ти: розу́мна, жва́ва, вона́ шви́дко й навчи́лась—на свою́ го́лову. Па́ні зраді́ла, та чужу́ робо́ту поча́ла бра́ти. Було́, кому́ тре́ба, вона́ погоди́тця: «Ма́ю тутъ сусідку молоди́цю; вона́ га́рно ши́е,» та й даеть На́сті поши́ти. И до́брі гро́ші вона́ бра́ла и бага́то робити ій дава́ли. На́стя сиди́ та ший. А воно́ таке́ молоде́, юна́ ще така́, а въ не́і ще се́рце одъ ко́жного сло́ва кипи́ть, въ неі ще ду́мки ро́ятця весе́лі діво́чі, ще бъ молоде́нькій пороскошова́ти, по зеле́нихъ садка́хъ, ти́хими вечора́ми, кра́сними зо́рями, побі́гати, лю́бихъ річей, про́ти місяця сто́я, послу́хати. Ну́ що жъ роби́ть! Инша, кажу́, попла́кала бъ та й сумири́лась. На́стя не така́ вдала́ся. Скілько вона́ слізъ ви́лила, Бо́же мій, світе мій! Ста́нула, якъ віскъ. Ясні о́чі весе́лі стемніли, и ста́ла вона́ похму́ра, якъ іі ма́ти. —

VII.

Яко́сь па́ні пішла́ въ гости́ну и ніко́го зъ столовниківъ до́ма не було́. Ми съ Чайчи́хо́ю, упо́равшись у ха́ті, пішли́ до На́сті.

А На́стя ши́ла у па́ніному поко́ю. Увійшли́, а дівчи́на, затули́вшись рука́ми, рида́е-рида́е! ажъ задиха́етця.

«Що́ тобі На́сте?» пита́ю.

А Чайчи́ха тілько гля́нула на дочку́, нічо́го не сказа́ла, й сіла.

«Що́ тобі?«

На́стя мині въ вікно́ пока́зуе, на улицю кива́е.

«Що тамъ, голу́бко?»

— Тамъ лю́де!—покри́кнула.—Живу́ть, хо́дять собі, на Бо́жій світъ ди́влятця, а я отту́тъ надъ чужо́ю робо́тою пропада́ю.—

«О, пта́шко!» я вмовля́ти: «хиба́ въ іхъ го́ря нема́е, въ тихъ люде́й!»

— То що́ го́ре! Я го́ря не бою́ся!... Мині гіршъ: я не зна́ю ні го́ря ні ра́дощівъ; я мовъ ка́мінь тутъ каменію!»

Гля́ну на Горпи́ну, а вона́ сиди́ть, слу́хае, наче ій ся пісня ві-до́ма,—и голово́ю не поведе́.

Зітхну́ла На́стя ва́жко, обте́рла слёзи дрібні, та й ка́же: «Сиди́-те бли́зченько, ма́мо! Погомоніть, тіточко, розговоріть мене́.»

Що́ тутъ мині ій говори́ти!

«Ти, На́сте, не журися, не пла́чъ....»

А вона́, не вважа́ючи, не слу́хаючи, якъ ки́нетця до ма́тері, якъ ухопить ії за ру́ки: «ма́мо, ма́мо! скажіть мині слове́чко, скажіть! Моя́ душа́ переболіла.... моє се́рце схне́!

— А що́ я тобі каза́тиму, до́чко?—зговори́ла Чайчи́ха похму́ро. «Пора́ди нема́!»

Коли́ тутъ хтось—шамъ, шамъ! «Па́ні», кажу́, «па́ні!» А вона́ въ две́рі.

VIII.

«Отъ» кри́кне па́ні, «яки́й собо́ръ. Аби́ я зъ двора́, то й не пита́й робо́ти!»

Бере́ сороч́ку въ На́сті, ди́витця. «Та ти й не ши́ла, мабу́ть нічо́го, га́?»

— У ме́не голова́ боли́ть,—ока́зуе На́стя понуро.

«А гавъ ловити, то въ те́бе й неболи́ть тоді голова́? ... Ледащи́це: у ма́тіръ удала́ся! Мо́же й тобі на во́лю заману́лось? Ось я вамъ дамъ во́лю...»

А сама́ па поро́зі стоіть, не дае́ й намъ зъ Чайчи́хо́ю пройти́.

«Я її году́ю, я зодяга́ю, я її на світі держу́, а воно́ леда́що мині роби́ти не хо́че!»

— Мо́же собі роблю?—ка́же На́стя, да такъ-то вже гірко ка́же тії слова́:—мо́же собі заробила що́!

«Ти мині смієшъ такъ одвітувати? Я ще тебе́ не вчи́ла!» Та й ста́ла її би́ти.

— Би́йте, би́йте!—покри́кнула На́стя,—та й за се́ кажіть дя́ковати!

«Мовчи́ жъ! мовчи́! а то́ бу́де на ввесь вікъ тобі ли́ха!»

— Неха́й бу́де!

Гля́ну я—па́ні у гніву́, розгорілась. Гля́ну на дівчи́ну—блідá, грізна́, сама́ ро́спачъ гірка́я! Гля́ну на Чайчи́ху—хма́ра хма́рою!

Та на на́ше ща́сте столовники́ надійшли́. Па́ні ви́пхала тоді На́стю за две́рі. «Отъ житте́ моє́!» жалку́етця. «Яке́ леда́що, да и те́ грубить мині. А за що́? що не шко́лено по-хозя́йській, не би́то, якъ у и́ншихъ. О, мій та́тонько! (зи́ркае на малёваного кня́зя, а въ само́і о́чи такі зроби́лись, якъ у ёго, въ само́і така́ морщи́на міжъ брова́ми): «чи думавъ ти, чи гадавъ, що твоя́ до́ня—княжна́ му́сить изъ то́ю не́гіддю пога́нитись, клопота́тись!»

А столовники́ ій: «Та годі вамъ клопота́тись! Чи сто́іть того́ леда́що, щобъ ви себе турбова́ли? Ну́мо вече́ряти!...

Житте́ на́ше, житте́! Молодо́го віку ро́бишъ-ро́бишъ, а самъ въ убо́жестві, въ гани́бі,—и та́кеньки ста́рість нахо́питця.... Почімъ васъ, молоді літа, зга́дувати?..

IX.

И вже въ насъ у ха́ті ні мо́ви, ні говірки. Чу́тно съ поко́ївъ якъ тамъ смію́тця, гово́рять, жарту́ють го́лосно.

Па́ні було́ на ка́ртахъ столовника́мъ до́лю вга́дуе, або що роска́зуе, и́ноді співа́е и все́ про яко́гось дру́га ми́лого співа́е: чому́ дру́гъ не лю́бить, забува́е, чому́ не буває, се въ то свого па́на зга́дуе, чи що́....

А въ насъ ти́хо. У печі пала́е. Я въ кутку́; На́стя у другому́ пону́ра. Чайчи́ха коло пе́чі, якъ мара́, хи́баетця, ро́бить.

Убіжи́ть було́ сусідочка-дівчи́на до Насті: «На́сту́сю, иди́ бо до на́съ! поговори́мо... Чого́ така́ смутна́? Коли́ вже тебе́ па́ні не пу-

ска́е, то ти́ тімъ не жури́сь; а ось, якъ годи́нонька вільна, то собі й погуля́й, надложи́ що втеря́ла!»

— Не надложу́, сестри́це, не надложу́!—ска́же гірко такъ, ажъ та весе́ла щебету́шечка голівку схи́лить, зітхне́ и змо́вкне.

Коли́се та́къ уже почало́ся: якъ ве́чіръ, то й нема́ На́сті. И такъ було́ не два́, не три́ ве́чорі.

Одного́ ве́чора ми й спа́ти полега́ли:—ії нема́. У де́нь ії не ба́чили: роби́ла при па́нії, а ввечері зновъ зни́кла. Не лягла́ Чайчи́ха, сиди́ть и дожида́е дочки́. И я собі не спло́: су́мно мині та́кеньки, Ма́ти Бо́жа!

И отъ иде́ вона́ вже вночі, вже зо́рі попередъ не́ю ме́рхнуть. Иде́ вона́, а ма́ти стріча́ й пита́е: «Де́ була́, до́чко?»

А го́лосъ у само́і, якъ струна́ перебита...

— Не пита́й мене́, моя́ ма́ти! не питай!—ода́же ій Настя. И задзвеніли слова́ ії по ха́ті, якъ пла́чъ....

И почне́ Чайчи́ха: «Що се ти ро́бишъ, до́чко? Що ти собі заду́мала? Чи не на мою́ го́лову, безтала́нну?»

А дочка́ лягла́; лежи́ть—німа́, мо́въ уби́та.

«Де́ ти була́? де́ ти була́, до́чко?» Ні про́зьби, ні гро́зьби не чу́е—німа́.

X.

На дру́гій день уве́чері Чайчи́ха біля воріть зажида́е. Вибіга́ дочка́, вона́—ії за ру́ку: «Куди́ иде́шъ? верни́сь!»

Завернула́, приве́ла до ха́ти, и ці́лісінький ве́чіръ проси́діла На́стя у кутку́, ру́ки схристи́вши, ди́влючись у зе́млю, сло́ва не промо́вивши.

И вже та́къ пішло́ся: аби́ ма́ти не догле́діла—дочка́ втіче́. Якъ вже не проси́ли, я́къ не блага́ли—нічо́го не сказа́ла. Ми й слідко́мъ за не́ю слідкова́ли, — иде́ вона́, оглядаетця; а загле́дівши що ії доганяють, побіжи́ть, якъ полети́ть на кри́лахъ; не дожене́ и молоде́, не то-що підби́та ма́ти або́ й я́. А ні слізъ, а ні сли́въ не чуе́, не вважа́е.

Якъ-то су́мно було́ въ на́съ у ха́ті! я́къ-то ти́хо, глу́хо!.. По тижня́хъ словця́ було́ не перемо́вимо лю́бого. Я було́ й хо́чу озва́тись до ма́тері, або́ до дочки́: — не зва́жуся, хіба́ тілько подивлю́сь на їхъ.

Одного́ ве́чора сидимо́ ми съ Чайчи́хою въ ха́ти. Пани́ вже спа́ть полега́ли, усе́ ти́хо. На́сті нема́. Довге́нько сиділи ми. Тілько й чу́ти, якъ вітеръ у садку́ зіллемъ колисе́ та солове́йко свище-щебе́че.

Коли́ зъ-необа́чка На́стинъ ре́гітъ почувся. Ажъ ми издрігну́лись. Я злякалась... А На́стя розчахну́ла две́рі зъ гу́комъ, ста́ла на поро́зі й смі́ється. Въ ха́ті каганє́ць ледві—ледві світи́въ. Стоїть вона́ така́ черво́на, о́чи горя́ть; стоїть и смі́ється. Ма́ти проти не́ї ста́ла, ди́вится. И отъ На́стя почала́... та такъ ве́село, що мині су́мно-су́мно: «Матусенько моя́! мабу́ть ви мене́ дожида́ли? Ось дочка́ прийшла́... Чого́ ди́витесь, ма́мо? Хиба́ мене́ не пізна́ли? Се я́... мині ве́село...»

Та ступи́ла й захита́лась... Бо́же мій! світе мій! се́ жъ вона́ пья́на!

Хита́ючись, пришла́ до сто́лу й сіла.

«Ну́, моя́ ма́тінко! изнайшла́ вже я чолові́ка, що мене́ ви́зволить.... напе́вно вамъ говорю́, що ви́зволить. Бу́демо ві́льні, ста́немо жи́ти, на самихъ-себе́ роби́ти, бу́демо за ёго Бо́гу моли́тись.. Хоть ві́нъ тепе́ренькі й зневажа́е мене́ и одъ люде́й мене́ не кри́е... та нехай. Я ёму, ма́тінко, дя́кую, я ёму́, ма́тінко, низе́сенько кла́няюсь, у са́мі но́ги... Ві́нъ бума́гу мині напи́ше... Па́ні нема́е пра́ва жа́дного на на́съ! У не́і землі, мовля́въ, нема́е... Ми жъ, моя́ ма́тінко, коза́чого ро́ду... Якъ-то намъ застря́ти у неволі вічній... Ні, ві́нъ насъ ви́зволить... и ії ви́зволить (на ме́не вже). Ве́село мині, якъ-то вже ве́село, ма́ти моя́ рі́дна!.. А засмучу́ся—ві́нъ гро́шей мині да́сть... я горілки куплю́... и зо́рі я́сні въ голові въ ме́не світять!..»

И та́къ-то вона́ гово́рить и смі́ється, а Чайчи́ха тілько слу́хае, не зво́дячи зъ дочки́ очей похму́рихъ... Заснула На́стя, на стілъ схили́вшись... и каганє́ць изга́съ... Те́мна іхъ нічъ покри́ла.

XI.

И съ того́ ча́су, що-ве́чіръ, вона́ було́ й пья́на; а ви́рве въ день годи́нку, то и въ де́нь упье́тця. Постерегла́ й па́ні: гнівалась ве́лико, сором'ила ії и ма́тіръ. «Ти ма́ти: чому́ не впиня́ешъ?..»

Замика́ли На́стю—вона́ було́ таки́ втече́; чи дверима, чи вікнами, а втече́. Ла́е па́ні, бье́, а вона́ було́:

«Неха́й, неха́й! Упью́ся—все забу́ду,—ве́село бу́де!»

Чого́ вже па́ні не робила! Було́, якъ ще тверёза На́стя, то па́ні умисне її передъ столовника́ми сором'ить:

«Отъ дівка, отъ золото, отъ ледащи́ця!»

А На́стя ніби й не чу́е. Смію́тця вони́, и вона́ ще всміхне́тця. Втоми́лася вже й па́ні се́рдившись. «Хоть уде́нь же роби́ мині до́бре, леда́що! неха́й тобі вся́чина!»

Замика́е було́ у де́нь її, стереже́; а въ ве́чері тільки пусти́ла,— вона́ й зни́кне до но́чі.

XII.

Найшла́ся въ На́сті дити́нка... таке́-то мале́сеньке, сухе́сеньке, слабе́ньке!

Якъ забачила ёго́ На́стя: «Дити́но моя́! ли́хо мое́!» Застогнала, и затули́вшись рука́ми, запла́че... А давно́ вже вона́ не пла́кала... Я бою́ся, що Чайчи́ха, ду́маю, вже на дочку́ не ди́витця, то й дити́ну не привіти́ть, та підно́шу до не́і тихе́нько—«Богъ»... кажу: «дити́нку намъ Богъ давъ!»

Вона́ взяла́ дити́нку на ру́ки та й ди́витця пи́льно й журли́во, и понуро.., ди́витця, ди́витця, поки ажъ слёзи въ не́і покоти́лися. «Го́ре,» ка́же, «го́ре, да го́ре...»

Я й собі кажу́—«го́ре!» пла́чучи. Отта́къ ми нарожде́нця привіта́ли, су́момъ та плаче́мъ!

И росло́ жъ воно́ тру́дно та бо́лезно; усе́ нездужае та нездужае, та квили́ть. А На́стя ста́ла більшъ ище́ пи́ти. Якъ пьяна, то було́ ще заговори́ть до ме́не, и дити́ну попести́ть, пожа́луе. «Дити́но мо́я! чому́ твій та́то не прийде одвідати?.. шкода́ ёго́ дожида́ти: не прийде. Що ёму́? вінъ и не спита́е нико́ли... А ти́ мене́, янголя́тко, не клени́.» Отакі було́ слова́ промовля́е ,а сама́ до дити́ни всміха́етця и ла́дки ій бье́. Бье́ ла́дки,—су́мно було́ диви́тись: дити́но мовъ не живе́нька, а вона́ зъ не́ю гра́етця... Якъ-же́ тверёза, то зро́ду не підійде до дити́ни, не гля́не,—біжи́ть геть. Ми вже ту безтала́нпочку молочко́мъ напува́ли.

Одного́ ра́зу, якъ не пусти́ли На́сті два дні, чи-що́,-Го́споди! би́лась вона́, крича́ла, на́че її горя́чимъ заліза́мъ пекли́: «Ой пустіть мене́, пустіть! або́ зъ ме́не го́лову здийміть! зми́луйтеся! му́чите мене́ на що́ й про що́? Я пьяни́ця вічняя... Поми́луйте мене́, пусті́ть! Упью́ся я, своє́ ли́хо засну́плю... А въ тверёзої ли́хо о́-бікъ ме́не си-

ди́ть, ли́хо мині въ вічі ди́вится!» А па́ні все не вели́ть пуска́ти, та жалку́ється столовника́мъ: «Які сі лю́де пьяни́ці! Мабу́ть вони́ вже и́ншу исто́ту ма́ють, не таку́ якъ у насъ... Гля́ньте, молоде́сенька, а вже впива́ється! Ледащи́ця, та й го́ді!.. пхе́!.. А дитя́ своє́ зо́всімъ занедба́ла,—пропада́е дитя́...»

А вони́ вже ій на те́: «Стра́хъ! У сіхъ люде́й ні со́рому, ні со́вісти, ні душі, десь, нема́е!»

Да такъ и су́дятъ собі, смачне́нько вече́ряючи, або́ та́къ ба́влючись.

XIII.

А дити́нка ти́хо дійшла́... Одного́ ра́нку прихо́жу я ій попести́ти, нагодува́ти; вхо́жу—у ха́ті те́мно, бо на дво́рі нахма́рило, дале́ко грімъ одгрімує, вітере́ць залігъ десь, ти́ша...

Вхо́жу, дивлю́сь, а дити́нка вже очи́цями пово́дить. Я до 'не́і ки́нулась, перехристи́ла. Воно́ зідхну́ло разо́чокъ, и ду́шечка ії одлетіла... Ні Чайчи́хи ані На́сті не було́ до́ма. Я дити́нку обми́ла, прибра́ла, стілъ засла́ла, и на столі ії положи́ла. Збігала—свічечку куни́ла, засвіти́ла въ голо́вкахъ... ру́чечки ій зложи́ла...

Прийшла́ Горпи́на, перехристи́ла, поцілува́ла холо́дну ину́чечку, и до́вго стоя́ла надъ не́ю, до́вго. Прийшла й На́стя весе́ла й пья́на. «Що́ се таке́?» ка́же. «Дочка́ моя́ вме́рла? До́чко, до́чко мала́я! Ру́ченьки мої холодні́сінькі! Ли́ченько моє́ привья́ле!» Сама́ бере́ ії за ру́чечки, цілу́е, у голо́вку цілу́е. «Яке́ жъ німе́! Колись-то́ кви́лило тихе́нько: теперъ німе́... Такъ отсе́ ти вме́рло? До́бре, до́нечко, до́бре!.. ей-же-Бо́гу до́бре!

А сама́ слізьми обсипа́ється, на́че й горю́е й радіе чого́сь ра́зомъ.

Коли́ схо́питця хуте́нько: «Горілки тре́ба, горілки! Лю́де бу́дуть: хова́ти до́ню прийду́ть!.. Чи прийду́ть же? Що́-жъ? все тре́ба горілки... Побіжу́!»

И побігла, и до но́чі не верта́лась. А ми тутъ розго́рили тру́ночку, прибра́ли, зіллячкомъ уквітча́ли. Уночі На́стя верну́лась. Зновъ дити́ну за ру́чечки бра́ла, зновъ у голо́вку цілува́ла. Коло́ тру́ночки й звали́лась и засну́ла, и все: «До́бре, до́бре, ей-же-Бо́гу до́бре!» все те сло́во промовля́ла.

А вра́нці проки́нулась, поба́чила тру́ночку,—издрігну́лась, збіли́ла.

«Уме́рла!» промо́вила, на́че вона́ того́ й не зна́ла, забу́ла... До дити́ни,—а я її одво́жу: «На́сте! На́сте!»

— Пустіть: — грімнула; — неха́й подивлю́сь! Я ще не ба́чила її й до́сі, до са́моі сме́рти її...

Диви́лась-диви́лась, якось ти́хшала все, ніби сумиря́лась, та й ви́шла зъ ха́ти.

Ми й похова́ли дити́нку—її не було́; а по́тімъ, якъ уже́ прийшла́—прийшла́ того́ ве́чора тверёза и біла-бі́ла, сто́млена така́ прийшла́,—ні́чо́го въ насъ не пита́ла... Пі́сля сёго ще́ гіршъ запила́.

XIV.

Не де́нь же й не два́ таке́ житте́ вело́ся... ма́тінко, два ро́ки! Коли́ На́стя ра́зомъ поки́нула пи́ти, ні́куди й ніро́ку зъ двора́ не йде́; а сама́ така́ трива́жна! въ лиці мінитця, здріга́етця, тру́ситця, отъ на́че бъ вона́ собі сме́рти, чи...во́лі жда́ла! Пита́ю — мовчи́ть! И такъ три дні. На тре́йтій день уве́чері промо́вила сло́во: «обмани́въ!»

«На́сте, голу́бко!» кажу́ їй: «що тобі таке́? Скажи́ жъ мині, моя́ безтала́нна!»

«Що́ мині зроби́ти?.. Я пі́ду́ до ёго, пі́ду́!.. Або́ я ёго́ зъ світа зведу́, або́ сама́ зійду́. Вінъ мене́ впе́внивъ, що въ понеділокъ во́лю пришле́... Пійду́, пійду́, хоть задушу́ ёго́... мо́же, поле́гшае...»

Ви́рвалась у мене зъ рукъ, та й побігла. Я за не́ю,—сама́ старі́й кричу́: «Ли́хо, го́ре бу́де!»

А стара́ тілько головою кивну́ла, ніби й не жда́ла и́ншо́го.

Біжу́ я та кричу́: «На́сте, На́сте! пожди́ мене́! Я зъ тобо́ю хо́чу йти́... Я тобі поможу́ у всёму́.»

Не слу́хае,—біжи́ть. Му́сила я до до́му верну́тись.

Нема́ На́сті до но́чі; нема́ у ночі; не прийшла и въ де́нь. Посила́ла па́ні шука́ти. Шука́ли ми, не знайшли́.

Коли́ такъ, на дру́гий уже день, въ обідню до́бу, иде́ вона́ и два́ москалі її прово́дять.

Ки́нусь я до ни́хъ: «Голуби́ моі си́зі! що́ ви зъ нею роби́тимете?»

«Отъ ба́ба здуріла! Пе́вно всі ви дурно́го ро́ду!» ка́же мині сухе́нький, жовте́нький моска́ликъ, розма́хуючи бума́гою. «Отъ и си

(на На́стю пока́зуе). Тутъ ій во́ля, тутъ би ій вибри́кувати, а вона́ оста́нній ро́зумъ звуби́ла.»

«Яка́ во́ля?» питаю не розуміючи.

«А вже́жъ вільна бу́де! отъ яка́!.. Вже поріши́ли. Який пани́чъ га́рний за не́і проси́въ!»

А други́й моска́ль: «Эге́! за стару́ не попро́сять! пропада́й стара́!»

И жарту́ють та́кеньки межи се́бе. А На́стя йде́ біла якъ ху́стка, ні журли́ва, ні весе́ла, отъ мовъ съ ка́меню.

Ви́бігла Чайчи́ха. Кажу́ ій—віри не йме́ и слу́хати не хо́че. А па́ні переляка́лась: то за ти́мъ знае́мимъ шле́, то за други́мъ, пла́че, ра́ди про́сить, жалку́етця. А ми чека́емо—ждемо́: чи смерть, чи во́ля бідолашнимъ бу́де. Колоти́лося въ насъ та́кеньки ажъ ти́ждень. Зовсімъ уже́ поріши́ли що ми ві́льні, а все па́ні пуска́ти насъ не хотіла,—та му́сила вже.

Отъ, якъ зібра́ли насъ въ оста́нній разъ та объяви́ли, що ми всі вільні, у ру́ки бума́гу дали́,—ви́йшли ми за воро́та па́нські,—якъ зарида́е тоді Чайчи́ха!.. рида́е, рида́е такъ, Го́споди! та тілько прика́зуе: «Ой світе мій, сві́те мі́й ми́лий, світе мі́й кра́сний.»

Зійшли́ся сусіде, то́вплютця на у́лиці, оступи́ли, поздоровля́ють насъ, сами́ зъ на́ми пла́чуть, а насъ омовля́ють. А Чайчи́ха імъ на те́: «Сестри́ці! брати́! роди́на!» такъ-то вже велича́е іхъ! «не бороніть, неха́й попла́чу! Я два́дцять ро́ківъ не пла́кала!»

И такъ вона́ ви́мовила, що всі зновъ дрібними слёза́ми вми́лися.

Якъ я тоді на не́і гля́нула, тоді я тілько й поба́чила, які въ не́і о́чі до́брі, яки́й у́сміхъ ласка́вий,—на́че то не Чайчи́ха передо мно́ю мовчу́ща, пону́ра... А да́лі, якъ схамену́лась вона́, якъ гля́нула на дочку́, охмурніла и осмутніла зновъ тя́жко.

А На́стя стоіть, на всіхъ—на все ди́витця, та ше́пче: «Я вже сёгодні ви́пила... шуми́ть мині въ голові...»

А далі: «Лю́де до́брі!» простогна́ла: «чи я вільна, чи я тілько пьяна?».....

XV.

На́стина подру́га да́вня, ота́ Кривоши́енківна, приняла́ насъ до се́бе въ ха́ту. Зібра́лось ще скі́лько до́брихъ сусі́дочокъ туди́ до насъ, та ра́димось. Тілько На́стя—якъ сіла въ кутку́, якъ схили́ла го́лову,—не мовъ заме́рла такъ.

«На́сте!» кли́чемо: «иди́ лише́нь до ра́ди, пора́димось.»

— Голова́ боли́ть!—одказа́ла.

На дру́гій день, ще гірше вона́ занеду́жала; вже съ того́ дня й не встава́ла. Та́нула вона́, якъ свічечка. Нікого́ не познає́, ди́вить-ця стра́шно и все за го́лову себе́ хапа́е.

— Гори́ть, гори́ть! — ка́же.

На пья́тий де́нь підвела́сь, ху́стки шука́е, зрива́етця ніби куди́ бігти.

«На́сте, куди се?»

— Горілки хо́чу!... піду́! піду́! —

Ма́ти запла́кала,—про́сить: «До́ню моя́, схаменись!»

— Пустіть мене́, пустіть! —

«Куди жъ тебе пусти́ти? Ти на нога́хъ не встоішъ... Ляжъ!»

— То вби́йте мене́, вби́йте! — кри́кне, ла́млючи ру́ки.

Положи́ли ії зновъ на ліжко. Почала́ вона́ ки́датьця, почала́ стогна́ти, крича́ти.

— Я ві́льна, вільна!... ну, до́бре!... И вільна, и пьяни́ця, и леда́що!... Де́-жъ мині прихили́тись, де́? До́брий хазя́інъ ви́жене: «Пьяни́ця, леда́що, тре́ба ії зъ свого́ дво́ру ви́гнати!» ска́же, и ви́жене.... и до́бре зро́бить.

Къ-но́чі вже зъ си́ли зо́всімъ ви́билася:—тільки стогна́ла сти́ха та проси́лась.

— Не женіть мене́, не женіть,—неха́й я хочь тро́хи одпочи́ну! Ма́тінко, я жъ ва́ша дити́на, — не женіть!»

Усе́ ій привіджуетця, що ії женуть. И дити́ну свою́ зга́дувала.

— Сховайте, сховайте мою́ дити́ну,» ше́пче: «вона́ вже давно́ вме́рла!»

Такъ, о-півночи, підняла́сь на ліжку....

«Зима́ лю́та:» ви́мовила, «куди́ ви мене́ женете́?»

И впа́ла.

Се вже ії оста́нне сло́во було́.

Марко Вовчокъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКО.

(Продолженіе.)

...Наконецъ, я совсѣмъ собрался, ***Біла*** готова, и въ прихожую вошелъ ***Козе́лъ*** за моими вещами.

— Гляди́ жъ, будь ла̀сковъ, — говоритъ ему отецъ: — бережи́ хлопця, щобъ не змерзъ!..

— Та вже жъ, извѣсно! ***Бережёного и Богъ бережёт!*** и Козе́лъ погладилъ рукою по своей высоко-подбритой чупринѣ.

— И кобы́лу тежъ?

— И кобылу тежъ! ***Пошану́й скоти́ну — вона́ тебе тричі пошану́е!*** и снова погладилъ рукою Козелъ по своей высоко-подбритой чупринѣ...

И, будь ла̀сковъ,—зна́ешъ, яка̀ Біла!.. Поідете болота̀ми, — на доро́гу направля́й, навпросте́ць (прямо) не ідьте нігдѐ!.

— Та вже жъ, звісно!.. ***Поідь круго́мъ, то сёго́дня поспі́ешь, а поідь навпросте́ць — дай Боже, щобъ пі́слязавтрёго!*** и высоко-подбритая чуприна была поглажена въ третій разъ.

— Випий же!..

Выпилъ Козе́лъ одну чайную чашку водки—большую чашку!—выпилъ другую, выпилъ и третью!.. Конечно, дать Козлу выпить такую пропорцію, значило сдѣлать его совершенно неспособнымъ шануватъ скотину; но отецъ всё-таки далъ выпить... почему? Богъ его знаетъ! Можетъ-быть, угаръ трехсуточной погуляпки заставилъ сѣдоволосаго упустить изъ виду и то́ и другое, а можетъ-быть, онъ поддался обычаю нагружать все выѣзжающее изъ свадебнаго двора̀ какъ-можно поплотнѣе.

Наконецъ Козелъ былъ нагруженъ, я простился со всѣми домашними и Біла пустилась со двора .. Пусть же она мчится себѣ, сначала

черезъ дворъ, потомъ вдоль хутора, потомъ съ горы на рѣку, а я тѣмъ временемъ кое-съ-кѣмъ и кое-съ-чѣмъ васъ познакомлю.

Во-первыхъ, познакомлю васъ съ содержаніемъ праваго кармана моего полосатаго нанковаго жилета. Тамъ, въ этомъ правомъ карманѣ, было ниболѣе нименѣе, какъ шестьдесятъ копѣекъ ассигнаціями — сумма огромная въ то время для мальчика моихъ лѣтъ, а въ-особенности—ѣдущаго въ городъ всего на одну недѣлю! На эту сумму можно было у насъ тогда купить по-крайней-мѣрѣ два пуда муки, или шестьдесятъ огромнѣйшихъ бубликовъ,—просто, можно было кормиться цѣлую недѣлю. Но, что́ для насъ гораздо важнѣе, — на эту сумму можно было пріобрѣсть тогда въ какомъ-угодно шиночкѣ, кромѣ, разумѣется, городскихъ, квартъ пять водки, и это можно было сдѣлать тѣмъ легче, что всѣ шестьдесятъ копѣекъ, бывшія у меня въ карманѣ, были мѣдною монетою, пользовавшеюся въ то время, вмѣстѣ съ ассигнаціями, такимъ важнымъ предпочтеніемъ въ Малороссіи предъ монетою серебряною.

Не мѣшаетъ познакомить васъ нѣсколько и съ *Білою*... Самка эта принадлежала къ породѣ тѣхъ лошадиныхъ самокъ, которыя и на старость сохраняютъ юношескій жаръ и юношескую прыть,.. и принадлежала къ ней, къ этой породѣ—если только можно такъ выразиться—безусловно и беззавѣтно, со всѣмъ своимъ лошадинымъ существомъ, покрытымъ бѣлою шерстью.

Какъ, напримѣръ, она ни была стара, и сколько разъ она ни была въ необходимости испытывать на себѣ всѣ варварства лошадиной акушеріи хуторскаго изобрѣтенія,—знать ничего не хочетъ, да и только!.. и—что́ годъ, то и лошонокъ!.. Годы даже какъ-будто только увеличивали въ ней юношескій пылъ,—и она дошла наконецъ до того, что даже забыла про свою материнскую гордость и про свою бѣлую шерсть: пная, въ ея лѣтахъ, если ужъ нельзя одѣть дѣтище въ бѣлую рубашечку, какъ и у себя,—хоть звѣздочку бѣлую на лобъ прилѣпитъ или копытокъ побѣлитъ, а она и отъ этого отказалась, и просто до шерстинки одноцвѣтныя лошонки, гнѣдые тамъ или рыжіе, смотря по обстоятельствамъ .. И опять: сколько она на долгомъ вѣку своемъ ни избѣгала пространства и по дорогамъ и безъ дорогъ, *навпростéць*,.. и какъ ни стары были ея бѣлыя ноги, но поручите бывало ей что́—«пожалуйста-молъ, *Біла*, такъ и такъ... вонъ тамъ далеко село, или *байрачокъ*, или—вонъ у тебя изъ-подъ переднихъ ногъ побѣжала впередъ дорожка..»—и, съ сѣдокомъ на спинѣ, или

съ саньми, или съ повозкою назади, пустится она какъ стрѣла рысью (и именно рысью, а не *скóкомъ* или *навзáводи: скóкомъ* или *навзáводи* бѣгать—было не по ея части), пустится со всѣмъ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ, и именно туда, куда вы ее направили: по дорогѣ направили — пустится по дорогѣ, и будетъ бѣжать, пока дороги у нея не станетъ подъ ногами; на село или бáйрачокъ направили, полетитъ на село или на байрачокъ, не спуская съ нихъ глазъ и не обращая вниманія ни на засѣянныя поля, ни на рытвины, ни на чтó... и будетъ летѣть такъ (если, конечно, не попадетъ гдѣ въ канаву) до тѣхъ поръ, пока не влетитъ въ байрачокъ и не запутается въ немъ межъ деревъ и кустарниковъ, повозкою, чтó–ли,.. или пока не влетитъ въ село и не хватитъ носомъ, или оглоблями, въ плетень или въ избу, или во чтó другое, чтó очутится ей тамъ на перепутьи... Остановится потомъ, искры, можетъ–быть, отъ толчка посыпались изъ глазъ, паръ изъ ней столбомъ, бока крутые *хóдоромъ хóдять*, а она только уздечкою весело побрякиваетъ, да ушами самодовольно поводитъ: «Сполнила,» молъ, «свой долгъ!..»

Любили за это *Бíлу*, за эти полезныя, пріятныя и веселыя качества, любили всѣ очень, очень! А ужъ возницы и особенно всадники —и говорить нечего! Да и кáкъ было имъ не любить ея? вѣдь имѣть дѣло съ лошадью, которая такъ «сполняетъ свой долгъ»,—просто—кладъ!.. укажи только ей дорогу, да и заваливайся смѣло спать въ повозку или сани, или дремли, ухвáтясь покрѣпче за сѣдельную луку!.. потому-что надобно и тó еще сказать, что рысь у Бíлой была необыкновенно-легкая, и ѣхать было на ней—*якъ на пóдушці*, какъ у насъ выражаются въ подобномъ случаѣ. Любилъ ее за эти качества и покойникъ-отецъ, и если предстоялъ путь, который долженъ быть совершенъ быстрою и скромною и послушною лошадью,—«Бíлу запрягайте!»,—въ–особенности, если возница былъ не вѣтрогонъ, а человѣкъ солидный.

Позвольте жъ еще въ заключеніе познакомить васъ и съ Козломъ,—возницею, который долженъ былъ управлять *Бíлою* во время обратнаго моего путешествія въ городъ.

Козелъ—это типъ, довольно распространенный въ Малороссіи. Онъ изъ дѣда и прадѣда былъ Украинецъ, но въ немъ была еще примѣсь какой-то восточной крови, этакъ турецкой, чтó-ли: можетъ быть чрезъ какую бабку–*брáнку*, или чрезъ какого прапрадѣда–*брáнця*, или какого *побрó* изъ Черной-Горы, любителя бранныхъ тревогъ и

привольной разгульной жизни Запорожья временъ оныхъ... Это присутствіе какой-то захожей крови, изобличалось во всемъ его существѣ... Былъ онъ высокаго роста и довольно строенъ; шея длинная, съ кадыкомъ на горлѣ, носъ тоже длинный, лицо и голова тоже длинныя, даже черезъ-чуръ ужъ длинныя... Прибавьте къ этому еще крѣпкую смуглоту лица и шеи, какой-то тупой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, черный покляпый усъ, черныя густыя брови и черную высоко-подбритую чуприну — и вотъ вамъ Козелъ!

Еще бы внутреннюю сторону его описать вамъ, но это статья чрезвычайно-трудная... Богъ съ нею! Скажу только, что мысль у Козла, должно-быть, постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, потому что выраженіе лица его было всегда серьёзное и глубокомысленное. Это выраженіе лица было у него до того постояннымъ, что, сколько мнѣ извѣстно, онъ всего одинъ только разъ въ жизни засмѣялся, именно, когда ему сказали, что ужъ пора ему жениться... — такъ по-крайней-мѣрѣ гласитъ хроника замѣчательнѣйшихъ событій въ нашемъ хуторѣ! Пожалуй, еще скажу вамъ, что хоть мысль у Козла должно-быть и постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, но результатовъ этой работы онъ никогда и никому не сообщалъ... да и вообще онъ говорилъ очень-мало, и если говорилъ, то всегда кратко, серьезно и догматически, заканчивая всегда пословицею, болѣе или менѣе идущею къ дѣлу, — что̀ подало одному мѣстному остряку поводъ остриться надъ Козломъ, — впрочемъ, въ его отсутствіи, — якобы въ своихъ ясляхъ у Козла всегда пусто, и онъ, при нуждѣ, воруетъ изъ чужихъ... до иной-разъ хватитъ и сѣнца, а иной соломки, просто или и бурьяну...

Пожалуй, еще и то скажу, что Козелъ, если только погода позволяла, всегда ходилъ безъ шапки, — и когда, въ ясный лѣтній день, шагалъ онъ вдоль хутора, въ бѣлой сорочкѣ и бѣлыхъ штанахъ, безъ сапогъ и безъ шапки, — держался всегда важно и прямо, съ закинутою назадъ головою, — вслѣдствіе чего чуприна всегда качалась на затылкѣ, какъ чорный султанъ у марширующаго солдата....

Скажу еще, что Козелъ былъ добрѣйшее въ мірѣ существо... пилъ очень рѣдко, но если пилъ, — пилъ очень много и всегда молча... и когда напивался крѣпко, любилъ плакать... и когда падалъ, напившись крѣпко, падалъ не какъ другіе добрые мои земляки падаютъ въ подобныхъ случаяхъ, на-бокъ тамъ или *сторчъ*, а всегда назадъ,

навзничъ, и такъ, что шапка отлетала Богъ-вѣсть-куда, чуприна разстилалась по землѣ, а ноги задирались вверхъ высоко—высоко...

Первое время, когда выѣхали мы со двора, я молчалъ; хоть и безъ особеннаго горя выѣзжалъ я изъ дому, а все-таки нѣкоторая тяжесть была на душѣ. Но когда спустились мы внизъ на рѣку, и когда *Бѣла* весело и густо зазвенѣла своими подковами по гладкому льду, мало покрытому снѣгомъ... а по сторонамъ зарябили кусты курчавой лозы и стѣны золотистаго очерету, облитаго солнечнымъ свѣтомъ,—на душѣ у меня повеселѣло, и я началъ заговаривать съ Козломъ. Впрочемъ, мои усилія, завязать съ нимъ бесѣду, остались безъуспѣха. Выпитая имъ водка, очевидно, всё болѣе и болѣе пробиралась къ центру его мыслительныхъ способностей, и все болѣе и болѣе располагала его душу къ состоянію, за которымъ необходимо должны были у него послѣдовать слёзы. Онъ упорно молчалъ, разсуждая о чемъ-то важно и глубокомысленно, и упорно глядѣлъ въ *передо́къ*, изрѣдка похлопывая своими черными и посоловѣвшими глазами. На всѣ мои вопросы, онъ отвѣчалъ мнѣ однимъ тихимъ: «у!» или тихо и какимъ-то особеннымъ способомъ, извѣстнымъ однимъ только порядочно-нализавшимся людямъ, шевелилъ своими усами, да еще раза два-три муркнулъ мнѣ, что̀ называется, «ни къ селу, ни къ городу«, пословицами серьезно-моральнаго содержанія, въ томъ числѣ и изреченіемъ »суета суетъ«, не вѣсть какимъ путемъ попавшимъ въ этотъ ходячій сборникъ народныхъ пословицъ и поговорокъ. О, Козелъ! о, мой премудрый Соломонъ!.. Видя, что Козелъ плохой для меня собесѣдникъ, я началъ перебирать въ головѣ своей, какое бы придумать тутъ развлеченіе, какъ бы убить время. Ужъ я думалъ и о томъ, и о сёмъ,—нѣтъ! Наконецъ придумалъ-таки: досталъ изъ жилета двѣ мѣдныя монеты, и сдѣлавъ, подъ верхнимъ кожухомъ, въ который я былъ закутанъ, *бу́дку*, началъ самъ съ собою играть на колѣняхъ *въ реше́тки*.

— Э?!—вопросительно *экнулъ* Козелъ, заслышавъ у меня подъ кожухомъ звонъ монетъ—и ткнулъ носомъ ко мнѣ въ *бу́дку*:—багато?

— Ось-скількі!—отвѣтилъ я, довольный, что наконецъ онъ заговорилъ-таки,—и вытащилъ наверхъ одну за другою всѣ мѣдныя монеты, бывшія у меня въ жалетномъ карманѣ.

— И-ги!!.. на чвертку, на чвертку!... *багатому чортъ дiти коли́ше...*» —и онъ снова предался глубокомышленному размышленію,

упорному молчанію и похлопываніе чорными и посоловѣвшими глазами съ созерцаніемъ *передка*,—такъ-что я думалъ, что все дѣло о деньгахъ, возбужденное его любопытствомъ, на этомъ и кончится.

Но не кончилось на этомъ дѣло о моихъ деньгахъ, какъ и никогда такъ не оканчиваются дѣла о деньгахъ! Высшими судьбами разъ навсегда опредѣлено, чтобы всѣ дѣла о деньгахъ, какого бы они рода, вида, качества, номера и т. д. ни были, до тѣхъ поръ не оканчивались, пока всѣ деньги, или по-крайней-мѣрѣ какая-либо часть ихъ, не перейдутъ въ другіе карманы... Въ первомъ селѣ, которое попалось намъ на пути, часть моихъ денегъ перешла въ руки какого-то пана, конечно-чрезъ руки его шинкаря, — и Козелъ вынулъ чвертку... «На чвертку, на чвертку!» говорилъ онъ: «багатому чортъ дiти колише!.. Всякое даяніе благо!...» и я далъ на чвертку... Что мнѣ было дѣлать? какъ не дать?.. Не мнѣ же, мальчишкѣ, учить Козла, что, молъ, лишнее будетъ, когда я вездѣ и всѣхъ вижу, что пьютъ лишнее, и когда и шинки Богъ создалъ на то, чтобъ люди пили побольше.

Въ слѣдующемъ затѣмъ селѣ повторилась та же самая исторія, съ тою только разницею, что изъ шинку Козелъ вышелъ уже плачущій, а на сани садился уже не одинъ разъ, а два раза, т. е. собственно говоря, онъ уже теперь не сѣлъ въ сани, а ввалился, и не въ *задокъ*—рядомъ со мною, а въ передокъ-поперегъ саней, что именно и было причиною, что помѣщеніе Козломъ своей особы на сани произведено было имъ въ два пріема, такъ-какъ первый пріемъ оказался неудачнымъ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго размаха туда, навзничь, съ летаніемъ, по описанному мною выше способу, шапки подальше, на снѣгъ, со взмахомъ чуприны по воздушному пространству и съ поднятіемъ ногъ вверхъ, высоко-высоко... «Суета,» молъ, все, суетъ!...».

Можетъ-быть, и въ третьемъ селѣ пришлось бы мнѣ дать Козлу на чвертку, но... чего не можетъ случиться между двумя селами, находящимися одно отъ другаго въ разстояніи семи-восьми верстъ и отдѣленными одно отъ другаго только болотами и рѣками—замерзшими, правда, но все-таки болотами и рѣками!.. а тѣмъ болѣе—чего не можетъ случиться съ путниками, ѣдущими на такой *Білой*, какова была наша *Біла*, и помѣщенными на саняхъ такъ, какъ мы были помѣщены съ Козломъ!

Когда мы выѣхали изъ втораго села и когда Козелъ, проливая

слезы, указалъ Білой на виднѣвшуюся впереди церковь: «туда, молъ, Біла, въ *Сідѣцьку*!,» Бѣлая только головою кивнула («смекаю, дескать»,) и стрѣлой пустилась на впростѣць, по кочкамъ, болотнымъ кущамъ и по всему, что́ ей ни попадалось подъ заднія и переднія ноги.

— Що́ ти, — говорю, — робишъ!.. въ *опарь* вскочимо де-небудь!...

Но Козелъ только слезы проливалъ, да усами шевелилъ извѣстнымъ образомъ...

И неслась Бѣлая стрѣлой до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не вскочила въ опарь, да еще не ка́къ-нибудь вскочила, а со всѣхъ четырехъ ногъ и, что́ называется, по са́мыя уши... Не знаю, какъ и мы туда съ саньми не попали!..

— У!..—мычитъ Козелъ на бѣдную Бѣлую:—у!.. (ужъ и *ну*! не въ состояніи выговорить)... но Бѣлая.. только болтается, бѣдная, межъ кусками обломавшагося льда, да копытами взбалтываетъ со дна цѣлую массу тины...

Что́ мы тутъ дѣлали съ Козломъ, чтобы вытащить на ледъ Бѣлую, или, лучше сказать, что́ я дѣлалъ для этого, (потому-что Козелъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, способенъ былъ только проливать слезы да *у́кать*), не буду тутъ разсказывать; но не могу пройти молчаніемъ одной операціи, которой подверглась несчастная, и не могу пройти молчаніемъ именно потому, что мнѣ хочется показать, на какія остроумныя концепціи бываютъ горазды люди, похожіе на Козла, и въ состояніи, въ какомъ онъ былъ тогда.

Измученный безуспѣшною вознею съ Бѣлою, я сѣлъ наконецъ на сани и рѣшился ждать: авось-либо кто близко проѣдетъ и поможетъ намъ, а пока—плакалъ и плакалъ, слезами облегчая свое горе.. Сижу я на саняхъ и плачу, а Козелъ стоитъ передъ Бѣлою и покачивается во всѣ стороны. И стоялъ-стоялъ онъ такъ, потомъ вдругъ:—у!—и шапку съ головы, рукавицы съ рукъ, прочь все!.. самъ передъ Бѣлою на колѣни и наклоняется ртомъ къ ея уху... и чуть-чуть не бултыхнулъ въ воду!...

— Що ти,—говорю,—хочешъ робить?.. Ще и самъ въ воду...

— У! — промычалъ Коле́лъ: — *якъ припече́, то втече́*!.. и доставъ зубами за ухо Бѣлую, началъ его кусать немилосердно! Больно станетъ, молъ, ттакъ выскочитъ!..

Я едва могъ оторвать его отъ уха!.. И хорошую, должно быть, представляли мы группу: я, всѣми силами тянущій сзади Козла за

свиту,—колѣнопреклоненный на снѣгу и безъ шапки и рукавицъ, Козелъ, вцѣпившійся зубами за ухо несчастному животному... оно, визгливо ржущее отъ боли, и болтающееся въ *опарѣ*, а позади его, на льду, оттащенныя подальше сани съ протянутыми впередъ оглоблями... «Прійди, молъ, Бѣлая, въ мои объятія...» Забылъ сказать, что я—таки умудрился распречь Бѣлую, возясь съ нею.

Такъ мы провозились здѣсь безуспѣшно часа два, пока не увидѣли въ полуверстѣ отъ насъ какихъ—то проѣзжихъ. Я началъ звать, тѣ услышали, пріѣхали къ намъ и вытащили Бѣлую... Шея, грудь и бока изрѣзаны льдомъ и обливаются кровью; ноги окоченѣли отъ холода; дрожитъ и едва держится на ногахъ... Но она едва почувствовала, что ступать уже можетъ, ступила одною ногою, потомъ ступила другою, опять, опять—и къ санямъ, и стала въ оглобли: запрягай, молъ, меня, буду свой долгъ исполнять!.. Запрегъ я ее съ помощью проѣзжихъ, свалился Козелъ въ передокъ, вывелъ я Бѣлую за поводъ на дорогу, и она пошла исполнять свой долгъ, сначала дрожа и дрябло какъ—то тыкая ногами въ ледъ, а потомъ съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ, — и снова юношескій жаръ, и снова юношеская прыть!...

Въ третьемъ и четвертомъ селахъ, Козелъ ужъ не говорилъ мнѣ: «*Багатому чортъ дiти колише!*» зато въ пятомъ селѣ, гдѣ мы остановились покормить Бѣлую и пообѣдать, онъ столько-разъ говорилъ, мнѣ это что когда мы поѣхали дальше, онъ даже и *ýкать* былъ не въ состояніи, а только плакалъ и плакалъ... прерывая по-временамъ свой плачъ лишь для того, чтобы дернуть за ту или другую возжу, такъ, по какому—то вдохновенію, и такимъ образомъ перевести, такъ сказать, Бѣлую съ одного вѣтра на другой, направить ее, куда намъ прійдется, направо или налѣво,—куда укажетъ вдохновеніе.....

Путались мы съ Козломъ по лѣсамъ, лозамъ, и очеретамъ до самого вечера, какъ и тогда, съ Мýндыромъ, съ тою только разницею, что съ Мýндыромъ ѣздили мы всё по протореннымъ дорогамъ, а теперь, — всего случалось: иногда путались и не по протореннымъ дорогамъ, иногда и просто безъ дорогъ... Случалось и въ лозу запутываться, случалось перебираться и черезъ поваленныя деревья въ лѣсахъ, барахтаться въ кустахъ очерету, всего, говорю, случалось! И долго мы, можетъ—быть, еще путались бы по лѣсамъ, лозамъ и очеретамъ, можетъ проплутались—бы всю ночь,

еслибъ не случилось одного обстоятельства, которое легко можно было предвидѣть всякому, кромѣ, разумѣется, плачущаго и дергающаго, за возжи по вдохновенію, Козла.

Какъ теперь вижу эту сцену! какъ-будто она вонъ-тамъ, вонъ прямо предо мною!.. Вечеръетъ; морозъ крѣпчаетъ; по обѣимъ сторонамъ нашей дороги стѣны лозы и очерета... Но вотъ стѣны эти справа и слѣва распахнулись и побѣжали куда-то въ сторону, и Бѣлая уже летитъ по какому-то открытому мѣсту...

Вдругъ Бѣлая тише-тише... тукъ-тукъ-тукъ подковами—и стала!.. Козелъ дернулъ за одну возжу, за другую:—стоитъ и дрожитъ...

Я высунулъ голову изъ кожуха и заглянулъ впередъ... Боже! въ четырехъ шагахъ передъ Бѣлою рѣка размытая на нѣсколько саженей!... а Козелъ Бѣлую погоняетъ и погоняетъ!..

«Стій!» крикнулъ я, сколько было у менякрику въ груди, и, во мгновеніе ока, выпрыгнулъ изъ саней на ледъ...

Козелъ и себѣ глянулъ впередъ—и слезы его исчезли!... Да, это фактъ! въ одно мгновеніе слезы исчезли, когда онъ увидѣлъ, что у Бѣлой предъ самымъ носомъ!... глаза его были сухи какъ-будто ему сегодня мой отецъ не подносилъ ни одной чашки, какъ-будто онъ ни одного разу не сказалъ мнѣ: «*багатому чортъ діти колише*» а если все это и случилось съ Козломъ, то какъ-будто онъ спалъ послѣ того три дня и три ночи, и всталъ настолько съ свѣжею головою, насколько могла помѣщать подъ собой свѣжести его высоко-подбритая чуприна!..

И какими умницами всѣ мы оказались въ эту критическую минуту!.. и Козелъ, который послушавшись меня—тихонько полѣзъ вдоль саней и, спустившись чрезъ ихъ спинку на ледъ, прицѣпилъ къ нимъ возжи, мною отстегнутыя у Бѣлой... и началъ тянуть сани назадъ, (впрочемъ, для большей вразумительности, я-таки долженъ былъ поддѣлываться подъ его смыслъ и сказать ему поговорку: *(послухай мене, дурня, то будешъ розумнимъ)*; и Бѣлая, которая вся какъ листъ дрожала, втягивая въ себя воздухъ, чтобы быть легче, и не проломиться на льду, промытомъ водою до-того, что фонтаны прыскали сквозь дыры, когда даже я ступалъ по льду;—поумнѣлъ и я, слѣдуя примѣру Бѣлой, и не позволяя Козлу приближаться къ ней, чтобъ подать ее назадъ, а сдѣлалъ это самъ... Страхъ погибели умудряетъ и скотовъ безсловесныхъ и дѣтей несмысленныхъ!...

Когда мы были внѣ опасности, и когда нѣсколько прошло во мнѣ—

(не знаю какъ назвать состояніе, въ которое впадаютъ извѣстнаго сорта натуры во время большихъ опасностей?.. назовемъ его, пожалуй—экзальтированнымъ состояніемъ!)—когда прошло во мнѣ такое экзальтированое состояніе, я бросился къ Бѣлой, и охвативъ ея морду обѣими руками, началъ горячо цѣловать ее и въ носъ и въ губы и въ подбородокъ:—Білочко моя, утонько моя!.. якъ вернесся, скажи нені, щобъ сама вона тебѣ нагодувала!... А Козелъ только: — *якъ Божа воля, то вúрнишъ зъ моря!...*

Перебравшись на другую сторону рѣки, Козелъ рѣшилъ ни за что́ больше къ ней не приближаться, а держаться степи,—и пустилъ Бѣлую... И Бѣлая полетѣла и полетѣла снова!.. И долго, почти до полуночи, она летѣла... а я, и на обратномъ пути въ городъ, ночевалъ въ чужомъ уѣздѣ.

М. Номисъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

.... Меня вывезли изъ Малороссіи девятилѣтнимъ мальчикомъ,—и съ тѣхъ поръ,—цѣлыя 12 лѣтъ я не заглядывалъ на родину. Звуки роднаго языка изрѣдка, — но поистинѣ — ласкали мой слухъ, когда пріѣзжали ко мнѣ, на праздники, родные: тогда сердце мое билось радостно, на душѣ становилось легко, всѣмъ существомъ моимъ овладѣвали чрезвычайно-нѣжныя ощущенія. и мнѣ отрадно было сознавать—кто́ я, откуда,—не затеряться посреди иной народности.

По цѣлымъ часамъ слушалъ я разсказы стараго слуги, обыкновенно пріѣзжавшаго съ матушкою. Трудно было доброму старику отдѣлаться отъ безконечныхъ распросовъ, которыми я засыпалъ его съ перваго дня свиданія. Много сказокъ, много преданій о старинѣ, о козакахъ и запорожцахъ, слышалъ я отъ него; въ минуты хорошаго расположенія, мнѣ удавалось упросить старика и спѣть что́-нибудь. Зналъ онъ много пѣсенъ, очень много.... Но никогда я не слыхалъ отъ него ни одного веселаго мотива: пѣлъ ли онъ про стародавнее время, была ли пѣсня сложена уже въ его время—всѣ онѣ были грустны-грустны; не разъ плакалъ я отъ однихъ звуковъ, почти не понимая содержанія, не понимая потому, что старикъ пѣлъ почти сквозь зубы, невнятно, тихимъ голосомъ, точно боялся дать волю голосу и языку.... Я тогда не понималъ причины этой сдержанности; а когда добрался до ея причины и смысла—добрый *Ондрій* отказывался уже пѣть. Потрясенный до глубины сердца какимъ-нибудь тоскливымъ напѣвомъ, я спрашивалъ у него, почему онъ не запоетъ веселыхъ пѣсенъ... онъ обыкновенно отвѣчалъ: *не знаю*.

Иногда пѣла и матушка, но я не такъ любилъ слушать ея пѣнье, какъ Ондріево. Хотя голосъ у матушки былъ лучше, и мотивы также грустны, но замѣтно было, что она пѣла ихъ та́къ потому только, что заучила отъ другихъ, и что не знаетъ иныхъ пѣсенъ. Совсѣмъ не то впечатлѣніе производило пѣніе Ондрія: онъ пѣлъ будто не подозрѣвая, что такъ всѣ поютъ, и кажется, еслибъ онъ и не никогда слыхалъ тѣхъ пѣсенъ—все-таки запѣлъ бы ихъ тѣмъ же тихимъ, унылымъ, но страстнымъ, прочувствованнымъ напѣвомъ, словно душа его пѣла. И вотъ отчего, теперь, когда Ондрій давно умеръ, я не иначе представляю его себѣ, какъ сидящаго на сундучкѣ, на скамеечкѣ, вообще на чемъ-нибудь очень низенькомъ, упершаго локтями въ колѣни, съ глазами, устремленными почти безсознательно на одну точку, и въ полголоса мурлыкающаго что-то невыразимо-грустное. Вспоминая Ондрія, я совершенно ясно сознаю причину грусти, которой печать лежитъ на всѣхъ народныхъ украинскихъ пѣсняхъ; я понимаю, почему, всякій разъ, соглашаясь пѣть мнѣ—*пашчу́*, онъ пѣлъ, какъ бы не-хотя, словно поневолѣ; понимаю, почему въ голосѣ у него не было всей силы, свободы, точно изъ груди его неслось подавленное, будто сдержанное страхомъ, рыданіе; понимаю, отчего онъ говорилъ, что не знаетъ веселыхъ пѣсенъ, и говорилъ это та́къ, будто не долженъ былъ ихъ знать... Дѣйствительно, странно было бы въ его положеніи, и неестественно, запѣть что-нибудь веселое: чистый душой и сердцемъ, Ондрій ни съ кѣмъ не могъ лукавить, и меньше всего съ самимъ-собою. Безъ свободы, безъ искры надежды на нее, онъ могъ только мечтать о вольномъ быломъ, котораго ему не пришлость испытать, да скорбѣть о настоящемъ, всю тяжесть и безвыходность котораго онъ извѣдалъ вполнѣ.

Такъ, подъ свѣжимъ, нѣжно-грустнымъ впечатлѣніемъ, навѣяннымъ на меня ласками горячо-любившей меня матери и печальными напѣвами Ондрія, разставался я съ ними, когда приходило время уѣзжать имъ домой. Грустный, возвращался я въ школу, гдѣ долго въ ушахъ моихъ звенѣли родные звуки и напѣвы. Съ неописаннымъ восторгомъ мечталъ я о счастливомъ времени, когда, наконецъ, я перестану учиться и уѣду на родину, въ Малороссію. Представленіе дѣйствительности, посреди которой я жилъ до 9 лѣтъ, мало-по-малу слабѣло, тускнѣло, вытѣсняемое воображаемымъ міромъ, который составился у меня въ головѣ по разсказамъ Ондрія о давнопрошедшемъ;

наконецъ, дѣйствительность почти исчезла, уступивъ мѣсто чему-то фантастическому, чудесному. Часто, помню, не могъ я заснуть по цѣлымъ ночамъ, когда фантазія рисовала въ воображеніи моемъ дивные образы, подъ какими представлялся мнѣ украинскій народъ—чуть не весь на коняхъ въ блестящей сбруѣ, разодѣтый въ яркіе, расшитые золотомъ и серебромъ, кунтуши и кармазинные шаравары, гремящій кривыми саблями, съ длинными усами и чубами, развѣваемыми вѣтромъ и, какъ волна за волной, шумной и стройной толпой несущійся туда, впередъ, куда-то далеко-далеко... Сердце мое билось сильно и скоро; я задыхался, дрожалъ отъ удовольствія, и съ неописаннымъ восторгомъ сознавалъ, что я — Украинецъ, и ни на что въ мірѣ не промѣнялъ бы этого горделиваго сознанія....

Когда же, во время такого восторженнаго настроенія, невзначай представлялся мнѣ образъ Ондрія, повѣствующаго о всѣхъ этихъ чудесахъ и одѣтаго, въ то же время, въ длиннополый табачнаго цвѣта сюртукъ и бѣлый жилетъ,—что̀ естественно разрушало мои представленія о живописныхъ нарядахъ козацкихъ,—мнѣ было досадно и никакъ не хотѣлось разстаться съ дорогими мечтами... Но волей-неволей я обращался тогда къ собственнымъ воспоминаніямъ моего ранняго дѣтства и—увы!—вмѣсто бархатныхъ и шелковыхъ кунтушей, широчайшихъ шараваръ и закрученныхъ за ухо чубовъ, мнѣ очень ясно представлялись видѣнныя мною туловища во фракахъ и сюртукахъ, узкихъ панталонахъ со штрипками, лица безъ усовъ, съ коротко-подстриженными и гладко-прилизанными волосами, или народъ, одѣтый, большею частью, бѣдно, въ сѣрыя и коричневыя *свиты*, нерѣдко заплатанныя вставками совершенно другаго цвѣта. И, Боже! какъ больно, какъ тяжело становилось мнѣ тогда! точно самое близкое существо умирало на моихъ глазахъ; слезы грусти и стыда душили меня; я гналъ отъ себя эти образы, закрывалъ глаза и плотнѣе прижимался къ подушкамъ, стараясь поскорѣе забыться. И дѣтская голова моя, утомленная продолжительнымъ напряженіемъ, снова наполнялась какими-то небывалыми призраками, и я засыпалъ гдѣ-нибудь въ степи, между козаками варящими кашу и играющими въ кости...

Между-тѣмъ, дѣтство, мало-по-малу, проходило; дѣтскія впечатлѣнія и представленія, на-половину фантастическія, незамѣтнымъ образомъ уступали мѣсто окружавшей дѣйствительности. И какъ ни тяжело, а нужно было, однако, разстаться съ дорогими образа-

ми, составлявшими цѣлый міръ, въ который я такъ любилъ убѣгать на досугѣ. Я, наконецъ, долженъ былъ сознаться въ невозможности существованія, въ 500 верстахъ, народа, вѣчно-гуляющаго, шумящаго, посвящающаго всю жизнь войнѣ съ бусурманами за вѣру и свободу. Изъ книгъ я узналъ, что свобода утрачена давнымъ-давно, что воинственные и хищные когда-то татары обратились въ мирныхъ хозяевъ – торговцевъ, привозившихъ виноградъ и въ тотъ городъ, гдѣ я учился; что вѣра, которую исповѣдывалъ народъ украинскій, была господствующею въ государствѣ, и, слѣдовательно, никакимъ гоненіямъ не подвергалась. Изъ книгъ же и изъ разсказовъ очевидцевъ узналъ я, что и Малороссія, какъ и вся Россія, раздѣлена на губерніи и уѣзды, что соотчичи мои характера крайне-миролюбиваго, порядочно лѣнивы, съ чѣмъ я, между прочимъ, вполнѣ соглашался, обращаясь къ самосозерцанію, народъ угрюмый, сосредоточенный въ себѣ и—страстный любитель *горілки*. Узналъ я также, что хотя Малороссія и имѣетъ свой языкъ, весьма отличный отъ языка великорускаго, но что на немъ говоритъ только простой народъ—*мужики*, а доблестное дворянство наше чуждается его какъ чего-то неприличнаго и недостойнаго, и если понимаетъ его, то потому только, что крестьяне иного языка не знаютъ, а ихъ нужно же заставлять работать и получать съ нихъ какъ можно больше дохода. Всѣ эти свѣдѣнія наводили на меня раздумье. Сталъ я опять припоминать, перебирать въ головѣ все, что̀ тамъ удержалось изъ собственныхъ воспоминаній, изъ разсказовъ и пѣсенъ Ондрія и матери, сталъ сводить да сравнивать съ тѣмъ, что̀ читалъ и слышалъ теперь, и долго не зналъ—кому и чему вѣрить. Въ ту пору, прочелъ я разсказы Квитки, которые чуть-было, снова, не утвердили меня въ сознаніи, что родина моя—страна, по-преимуществу, прекраснаго и чудеснаго... Словомъ, это было время мучительныхъ сомнѣній, которыя я пытался разрѣшить со всѣмъ пыломъ первой молодости, и чуть ли не въ эти минуты сама-собою возникла въ моей головѣ мысль, что украинскій народъ — не одинъ, а два въ одномъ, или — два изъ одного; мнѣ представился онъ въ какомъ-то раздѣльномъ видѣ, и тутъ же невольно вспомнились мнѣ мысли, которыя намъ задавали учителя выучивать: «всякое царство раздѣлившееся на ся — погибнетъ», «раздѣляй и — повелѣвай», и т. д. Въ хаосъ моей головы начиналъ проникать лучъ свѣта....

Наконецъ, мое ученіе кончилось; я былъ свободенъ, и черезъ нѣсколько времени долженъ былъ увидѣть Малороссію. Я не умѣю вы-

разить того чувства, которое испыталъ при видѣ тройки, на которой долженъ былъ выѣхать изъ чужаго города, гдѣ прожилъ почти 13 лѣтъ. Это было такое чувство, какого я никогда потомъ не испытывалъ, и сравненія которому рѣшительно не могу прибрать. Я вскочилъ въ телѣгу, зажмурилъ глаза, крикнулъ: пошелъ! и полетѣлъ куда-то, чуть не въ седьмое небо....

Въ первые сутки ѣзды, мнѣ попадались по доро́гѣ бороды, почти всѣ рыжія, безконечные обозы на тройкахъ, бѣдныя деревушки съ курными избами—немазанными, закопченными дымомъ, бѣдными, грязными; красныя рубахи поверху штановъ, безобразные, перетягивающіе грудь, сарафаны та̀къ и рябили. Это была еще Великая Россія: мнѣ не то было нужно. Я торопилъ ямщиковъ, насвистывалъ и напѣвалъ какіе-то мотивы, желая во что́ бы то ни стало, чтобы то были малорусскіе, чуть ли не на каждой верстѣ спрашивалъ, далеко ли еще до родной губерніи?, былъ, однимъ-словомъ, въ самомъ невыносимомъ состояніи; въ это время, кажется, вѣрнѣе всего можно было бы меня сравнить съ игрокомъ, который горячится при проигрышѣ. Нечего и говорить о томъ, что дорогой я почти не ѣлъ, боясь, малѣйшими остановками, отдалить, хоть на нѣсколько минутъ, мигъ свиданія съ родиной.

И вотъ, на второй день, передъ вечеромъ, я наткнулся на обозъ, —но на какой! на обозъ чумаковъ—на чумацкую *ва́лку*! Въ два ряда вытянулось возовъ 60; выпряженные волы паслись всторонѣ, а у дороги, между возами, пылалъ огонь; надъ огнемъ стоялъ *трено́жокъ*, съ висящимъ котломъ, и вокругъ огня, человѣкъ 20 чумаковъ, загорѣлыхъ, запыленныхъ, въ вымазанныхъ дегтемъ рубашкахъ, сидя и лежа на животѣ, варили кашу. Огонь, отъ пылавшаго костра, причудливо извиваясь краснымъ пламенемъ, бросалъ пріятный отсвѣтъ на сидѣвшихъ вокругъ него чумаковъ, когда, вспыхивая широко, разомъ освѣщалъ и возы и смуглыя суровыя лица чумаковъ и пасшихся круторогихъ воловъ. Эффектъ былъ полнѣйшій, восторгъ мой—неописаный. Я велѣлъ ямщику остановиться, слѣзъ съ телѣги, подошелъ къ чумакамъ, поклонился имъ, по всей вѣроятности, очень ловко, хотѣлъ сказать имъ какое-нибудь привѣтствіе на родномъ языкѣ, но—растерялся и едва могъ попросить огня—по-великорусски...

Одинъ изъ сидѣвшихъ, концомъ кнутовища, отбросивъ къ сторонѣ горящій уголекъ, произнёсъ: *о́сь-де*, и снова повернулся къ огню.

Все еще не успѣвъ прійти въ себя отъ волненія, я пробормоталъ что-то, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ дальше. Мнѣ стало отчего-то грустно. Бросившись къ чумакамъ съ такимъ жаромъ, я ждалъ, вѣроятно, и отъ нихъ сочувствія, но они только флегматически посмотрѣли на меня, подвинувъ немного шапки на затылокъ, помогли закурить папиросу.... и только. Конечно, мнѣ нечего было больше и ждать, но тогда это соображеніе не пришло мнѣ въ голову. Я завернулся въ шинель, и задумался. Но новый характеръ картины, разстилавшейся передо мной, — большое село, (*неначе писанка–село*! *)

(*) Т. Гр. Шевченко.

въ которое мы скоро въѣхали,—множество дѣтей, бѣгавшихъ по улицѣ съ страшнымъ шумомъ, — кучки молодыхъ дівчатъ и парубковъ, стадо овецъ, поднявшее освѣщенную солнцемъ пыль, — пѣсня, несшаяся съ другаго конца села,—мычанье коровъ,—свѣжесть вечера, послѣ знойнаго дня,—скрипъ журавля–колодца — снова развеселили меня. Еще двое сутокъ пути, два–три уѣздныхъ города, десятка два многолюдныхъ селъ, наконецъ — верстъ пятнадцать степи — и я — дома!

II.

Дóма я не засталъ никого: матушка уѣхала куда-то на богомолье, не ожидая меня такъ-скоро, и, нѣсколько дней, мнѣ предстояло провести въ полномъ одиночествѣ, между людьми, которыхъ я не помнилъ, и которые и меня не узнали. Ондрія, неразлучнаго спутника матушки въ ея поѣздкахъ, также не было. Первый день я посвятилъ отдохновенію послѣ долгаго пути, а вечеромъ поджидалъ матушку. Но на другой день меня проняла скука. Я попалъ въ самое неожиданное положеніе: быть совершенно одному, между людей неизвѣстныхъ. Нѣсколько разъ я пытался поговорить съ жившею въ домѣ прислугою, но отчего–то робѣлъ, путался, говорилъ вздоръ, и кончилъ тѣмъ, что просилъ или кусокъ хлѣба для собаки, или стаканъ воды для себя. Позовешь, бывало, по имени,—человѣкъ выскочитъ изъ прихожей, вытянется въ струнку, и тѣмъ окончательно смутитъ; хочешь одно спросить, а скажешь совсѣмъ другое. Особенно пугало меня раболѣпіе, проявлявшееся при встрѣчѣ со мной дворовыхъ людей. Только выеунусь изъ дома,—все начинаетъ снимать шапки, кланяться очень низко;—сконфузятъ меня,—я поклонюсь нáскоро и спрячусь по-

скорѣе куда-нибудь. Я и успѣлъ только сказать нѣсколько словъ съ матушкиной домоправительницей, женщиной лѣтъ 70; но это была такая уморительная и слезливая старушка, что ядолго не могъ привыкнуть—говорить съ нею и не разсмѣяться.

Попробовалъ поговорить съ садовникомъ, но онъ оказался страшно-глупымъ человѣкомъ, все ухмылялся и не позволялъ мнѣ ходить по газону. Когда же я хотѣлъ полакомиться вишнями, то онъ рѣшительно воспротивился этому, и совѣтовалъ мнѣ обратиться прежде къ экономкѣ, безъ дозволенія которой онъ никому не позволялъ касаться къ ягодамъ.

Находившись вдоволь и проголодавшись, я воротился въ домъ, располагая обѣдать, какъ послышался звонъ колокольчика и бубенчиковъ. Заглянувши въ окно, я увидѣлъ подскакавшій къ крыльцу легенькій тарантасикъ, запряженный тройкою *вятокъ*, обвѣшенною бляхами и лентами. Почти въ ту же минуту, вошелъ въ комнату господинъ, такъ-что я не могъ не удивиться быстротѣ, съ какою онъ успѣлъ выскочить изъ тарантаса и очутиться у меня въ комнатѣ.

— Григорóвичъ Иванъ Константиновичъ—сосѣди,—версты три не больше,—вонъ тамъ за лѣсомъ; если стать на крышу, такъ и видно,»—говоритъ вошедшій, подавая мнѣ руку.

Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ, этакъ, 23, брюнетъ, очень красивой наружности; курчавые волосы на головѣ его были взбиты, что́ очень шло къ его смуглому лицу. Одѣтъ онъ былъ очень странно, чтобъ не сказать смѣшно. На немъ были широчайшіе запорожскіе шаравары, красная русская рубаха поверхъ ихъ, подвязанная шелковымъ снуркомъ, а сверхъ всего что-то крайне неопредѣленное, не то куртка, не то короткій сюртукъ темнозеленаго бархата. Движенія его были быстры, рѣзки, но казались какими-то неоконченными.

— Вы, кажется, недавно изволили пріѣхать? — спросилъ Григоровичъ.

Я отвѣчалъ.

— Позволите?—продолжалъ онъ, вытащивъ изъ кармана своихъ шароваръ коротенькую голландскую трубочку изъ бѣлой глины и кисетъ.

Я попросилъ не стѣсняться. Набивши и закуривши трубочку, Иванъ Константиновичъ, со всего размаху, бросился на диванъ, но тутъ же опять вскочилъ на ноги.

— Не хотите ли сигару?—спросилъ онъ, вынувъ изъ другаго кармана серебряный портъ-сигаръ.

Я отказался.

— А съ собой я вожу́,—продолжалъ онъ. Многіе любятъ. Я самъ ихъ не курю—не люблю, душатъ. Турецкій лучше. Если у васъ выйдетъ, такъ я вамъ пришлю; мнѣ доставляетъ Янкель прямо изъ Бухареста.

Съ этими словами мой гость опять обрушился на диванъ.

— А скажите, пожалуйста, у васъ есть лягавая?—совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Константиновичъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— А у меня вчера сука ощенилась пятью. Двухъ велѣлъ утопить, а троихъ оставилъ. Какъ подростутъ, я вамъ пришлю пару.

Я поблагодарилъ, объясняя, что я вовсе не охотникъ.

— Ничего! я пришлю. Вчера мы, знаете, затравили 12 штукъ зайцевъ и лисицу. Доскачъ Панченка ногу сломалъ.

Я изъявилъ сожалѣніе.

— Ничего,—продолжалъ невозмутимый Григоро́вичъ:—онъ у меня на прошлой недѣлѣ выигралъ трехъ борзыхъ. Три раза, бестія, банкъ сорвалъ.

Трубочка между тѣмъ докурилась. Иванъ Константиновичъ вычистилъ ее и спряталъ въ карманъ. Потомъ, съ такою же быстротою, какъ сѣлъ, онъ снова вскочилъ съ дивана, и началъ прощаться. Я, для перваго знакомства, не счелъ нужнымъ удержать его. Выскочивъ на крыльцо, онъ во всю глотку крикнулъ: *дава́й, Юрко́*! Тарантасъ съ звономъ подъѣхалъ, подхватилъ Ивана Константиновича и помчался.

Особенно поразило меня въ моемъ знакомомъ то, что физіономія его не принимала никакого участія въ разговорѣ: она оставалась все время неизмѣнною и спокойною. Слова вылетали изъ устъ Ивана Константиновича, какъ птицы изъ кустовъ, совершенно неожиданно, и также неожиданно перебѣгали отъ одного предмета къ другому. Пока я размышлялъ объ этомъ, послышался опять колокольчикъ и бубенчики. Не успѣлъ я оглянуться, какъ передо мной уже стоялъ Григоровичъ, и говорилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:

— А я забылъ: завтра... или нѣтъ,—въ субботу, судья—именинникъ. Пріѣзжайте. Будетъ и столъ и банкъ, музыка тоже будетъ.

Я хотѣлъ что-то сказать, какъ онъ опять перебилъ меня.

— А арбузы у васъ есть?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У меня есть. Я вамъ пришлю... На ярмарку въ Кролевецъ поѣдете?

Я совсѣмъ не зналъ, что́ на это отвѣчать. Вѣроятнѣе всего было, что не поѣду, но я отвѣчалъ «можетъ-быть».

— Хорошо,—говорилъ Иванъ Константиновичъ.—А знаете: прошлую зиму здѣсь были актеры, играли.

Я изъявилъ удивленіе, что въ такой маленькій городокъ заѣхали актеры.

— Какъ же!—были, продолжалъ Григоровичъ.—Вы винъ еще не покупали здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У Костюка извольте брать: прямо изъ Риги получаетъ. Впрочемъ, до свиданья!

И Иванъ Константиновичъ исчезъ съ прежнею быстротою, и на этотъ разъ уже не возвращался.

Когда жаръ спалъ, я опять пошелъ ходить, чтобъ познакомиться съ мѣстностью. Хуторокъ нашъ былъ расположенъ хотя не живописно, но выглядывалъ очень гостепріимно и пріятно. Прежде всего я скажу, что хуторъ назывался *Гарнымъ*. На большомъ дворѣ стоялъ небольшой домикъ, старый, низкій, подъ соломенной крышей, налѣво — флигель, направо — разныя службы. За домомъ расположенъ огромный фруктовый садъ, въ концѣ котораго помѣщается гумно. За садомъ, ни чѣмъ отъ него не отдѣляясь, тянется прекрасная роща, изрѣзанная множествомъ узенькихъ дорожекъ, чрезвычайно хитро переплетенныхъ между собою, что, по-моему, дѣлаетъ большую честь искуству того, кто этимъ занимался. Въ одномъ углу рощи помѣщается пасѣка пней въ 500, и при ней омшинникъ. Далѣе идетъ густой лѣсъ, принадлежащій уже другому владѣльцу. Передъ домомъ открытое, со всѣхъ сторонъ, поле, по которому бѣжитъ, извиваясь змѣйкой, дорога въ городъ. Влѣво, на горизонтѣ виднѣется нѣсколько селеній, теряющихся въ синевѣ дали. Изъ двора идетъ улица, образуемая десятками двумя избъ, параллельно построенныхъ и, поворачивая, подъ прямымъ угломъ, налѣво, превращается въ дорогу, ведущую въ сосѣдніе хутора.

Обошедши садъ, гдѣ, по распоряженію экономки, мнѣ было уже дозволено пользоваться ягодами, и рощу, я выбрался на небольшой лугъ,

покрытый сочною, густою травою. За рѣкой, на противоположномъ берегу косари косили траву. Это зрѣлище, совершенно для меня, новое доставило мнѣ большое удовольствіе, и я каждый день ходилъ любоваться этой картиной. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ наслажденія смотрѣть, какъ, человѣкъ 40, въ рядъ, подъ предводительствомъ отамана, мѣрно взмахивали косами, на которыхъ разсыпались лучи догаравшаго солнца. Какой-то особенный, пріятный звукъ издаетъ трава, падая отъ взмаха острой стали, точно прощается съ жизнью. Послѣ, часто, любилъ я, улегшись неподалеку отъ косарей, вслушиваться, закрывъ глаза, въ эту своеобразную, впослѣдствіи времени музыку. Но ни что не имѣло для меня такой прелести, какъ косовица въ степи, гдѣ, на пространствѣ почти такомъ, сколько хватитъ глазъ, ни деревца, ни хуторка,—одна высокая золотистая трава, изъ которой мѣстами проскакиваютъ пушистыя метелочки ковыля. Забьешься, бывало, въ эту траву съ разсвѣта, и пролежишь до вечера любуясь степью, косорями и косовицей.

Едва начнетъ показываться солнце, косари приготовляются къ работѣ. По командѣ отамана, которымъ бываетъ лучшій косарь и который обыкновенно идетъ впереди и ведетъ *ручку*, всѣ начинаютъ оттягивать косы. Не слышавши, нельзя вообразить той музыки, какую разливаютъ удары 50—60 молотковъ о звонкую сталь косъ, въ безпредѣльной степи, гдѣ звонъ этотъ не встрѣчаясь на своемъ пути ни съ чѣмъ, чтóбы отразило его, долго несется, постепенно слабѣя, и замираетъ наконецъ въ чистомъ воздухѣ. Потомъ, мѣрно, взмахъ за взмахомъ, косы взлетаютъ и падаютъ, оставляя за собою параллельные покосы. Шабашъ! скажетъ отаманъ; косари идутъ *снідать*, а потомъ снова за косы уже безъ шапокъ, и т. д. до вечера.

Жаръ стоитъ такой, чтó страхъ! земля трескается... ничего!.. косы звѣнятъ, и пѣсню кто-нибудь затянетъ, лежишь да слушаешь — не наслушаешься! Приподымешься, оглянешься: тѣнь какая-то бѣжитъ по степи; посмотришь вверхъ—орелъ летитъ, а не то коршунъ вытянется, распластается въ воздухѣ и стоитъ недвижно, шевеля только концами крыльевъ. Прелесть! Или бойкій кобчикъ, завидѣвши добычу, стрѣлой летитъ въ вышинѣ... вдругъ кинется къ землѣ, издастъ пронзительный крикъ, и снова, какъ пуля, взовьется подъ небо, перевернется, остановится, задрожитъ—и пропалъ! А косы звѣнятъ, трава плачетъ, пойдетъ *мара* по степи, неугомонный жаворонокъ, этотъ воздушный колокольчикъ, то уходитъ въ высоту, то пропа-

даетъ въ травѣ. Стихаетъ жаръ, косари принимаются за ужинъ;—настаетъ такая тишина, что уху больно; небо поблѣднѣетъ, на окраинахъ его покажутся розовыя полоски, едва замѣтная сырость пощекочетъ въ носу,—съ юга, что-ли, потянетъ легенькій вѣтерокъ, обдастъ ароматомъ отъ скошенной травы; вскочишь на ноги, оглянешься, посмотришь, прищурясь, вдаль, въ синюю глубь безконечнаго пространства, потянешь въ себя этотъ чудный воздухъ, вздохнешь полною грудью, сядешь на коня, который тутъ же, спутанный, ѣлъ траву, и тихо, тихо поѣдешь къ жилью. Совершенно довольный полнымъ ощущеніемъ жизни, съ пріятною истомою ѣдешь, забывая все на свѣтѣ. Какое бы горе ни давило человѣка, на это время, все, кажется, можно забыть: всѣ желанія замолкнутъ, ничто не встревожитъ сердца,—и самое неугомонное затихнетъ послѣ такихъ ощущеній. Да! дивно необыкновенно успокоительно дѣйствуютъ степи! Мнѣ стало понятно то вдохновеніе, которымъ наполнялись души козаковъ, когда они носились по неизмѣримымъ степямъ. Неудивительно, что Запорожцы, для своего *товари́щества*, отказывались отъ всѣхъ благъ, предлагаемыхъ домовитою жизнью. Хороша спокойная, семейная жизнь, съ ея тихими радостями и печалями; хороша жена и сестра, еще лучше невѣста и любовница; все это хорошо,—но степи—рай земной!.. Но я ужъ залетѣлъ съ Запорожцами въ рай: возвратимся еще въ *Гарный* хуторъ...

Выйдя на дорогу, что́ вела въ городъ, я своротилъ влѣво, къ пруду. Небольшой этотъ прудъ мнѣ очень нравился. Правильный кругъ его, съ покатыми зелеными берегами, обсаженный березами и липами, имѣлъ чрезвычайно заманчивую наружность: такъ и хотѣлось войти туда, и полежать на бархатистой травкѣ, въ тѣни старыхъ деревъ. Я такъ и сдѣлалъ: улегся, да и сталъ смотрѣть въ воду, въ которой отражалось небо, деревья и моя физіономія. Изрѣдка бросалъ я маленькіе камешки на воду... Кругомъ все было тихо; только, по-временамъ, долеталъ до меня крикъ дѣтей съ хутора, да глупая лягушка отзовется и сдѣлаетъ прыжокъ на водѣ. Солнце начинало садиться, вытягивая свои лучи какъ можно далѣе, и часть пруда усѣялась мелкими полосками блѣдно-алаго цвѣта, а верхушки липъ и березъ слегка позолотились. Легкій вѣтерокъ перебѣжалъ по листьямъ, потянулъ мелкою рябью поверхность пруда, и пронесся дальше. Я всталъ, посмотрѣлъ на Гарный. Въ это время онъ представлялъ самую веселую картину. Маленькій домикъ между тополей,

стройныхъ и высокихъ; передъ нимъ зеленый дворъ съ домашнею птицею, роющеюся въ землѣ, кучки—двѣ дѣтей, сидящихъ и лежащихъ съ поднятыми вверхъ ногами; свернувшаяся клубкомъ большая сѣрая собака; дѣвушка, вытаскивающая изъ колодца воду,—все это, точно, замерло, не шевелилось. Съ востока, между-тѣмъ, будто нехотя, выплывалъ огромный красный мѣсяцъ, на смѣну солнца, успѣвшаго уже совсѣмъ спрятаться за сосѣднимъ лѣсомъ. Стало довольно свѣжо. Къ хутору подходила *череда*, возвращавшаяся съ пастьбы; нѣсколько женщинъ съ дойниками и бѣлыми полотенцами вышли къ ней навстрѣчу; пастухъ, въ изорванныхъ, по-обыкновенію, штанахъ, и свитѣ, въ огромномъ *бриль*, съ сумкою за плечами, лѣниво шелъ за коровами, подгоняя ихъ разными восклицаніями, изрѣдка помахивая длинною палкою, въ родѣ швейцарской булавы. Телята, почуявъ приближеніе своихъ родительницъ, разными голосами изъявляли самую непритворную радость, а въ отвѣтъ толстыя ихъ мамаши мычали немнѣе чистосердечно. Пока доили коровъ, луна поднялась уже аршина на три, стала изъ красной блѣдно-жолтой, обѣщая скоро сбросить и эту одежду и остаться въ серебряной. Длинныя тѣни, самыми причудливыми фигурами, вытягивалась по землѣ; въ 30 шагахъ трудно уже было узнавать предметы, а вдали, подъ лѣсомъ, стало такъ черно, что́ страшно было и пойти туда. Маленькая дрожь охватила меня, и я пошолъ къ дому. Вдругъ, изъ-за кухни, голосовъ 20 мужскихъ и женскихъ хватили какую-то хоровую пѣсню. Я сталъ какъ вкопанный. Пѣсня была недлинна, а голоса были такіе звонкіе и пріятные, пѣнье такое согласное, что я готовъ былъ прійти въ отчаяніе, зачѣмъ такъ скоро они перестали пѣть. Но погодя немного, три голоса, мужской и два женскихъ-снова запѣли. Пѣсня эта уже не была веселая, какъ первая. Медленный жалобный напѣвъ ея напомнилъ мнѣ пѣніе Ондрія. Я подошелъ такъ близко, къ пѣвцамъ, какъ только было можно чтобъ оставаться невидимымъ, сѣлъ подъ дерево и заслушался. Сильный чистый теноръ, съ довольно хорошимъ контръ-альто, пѣли особенно хорошо. Казалось, будто два голоса вылетали изъ одной груди: такъ они спѣлись. Долго они пѣли; я весь погрузился въ слухъ такъ, что когда они перестали, я вздрогнулъ. Хоръ вытягивалъ: *гу-гу*... Эхо подхватило; понеслось окликомъ между деревьевъ, прозвенѣло во всѣхъ концахъ — и затихло. Все снова погрузилось въ тишину. Луна стояла уже очень высоко, серебряная, холодная; тысячи звѣздъ, мелькая, помогали

ей освѣщать успокоившуюся землю. Парубки и дивчата расходились; обрадовавшіяся наступленію ночи, лягушки затянули свою грустно-шутливую пѣсню...

Бувъ-кумъ
Пото-нувъ...
Нумо-плакать,
Нумъ-нумъ.

Ка—на.

1860 годъ.

(*Будетъ продолженіе.*)

МИНУ́ЛОСЯ.

Защебета́въ солове́йко
Въ садо́чку на ви́шні;
Хо́дить дівка по садо́чку —
Слу́ха ёго́ пісні.

И слу́хае и радіе,
И сама́ співа́е;
Ве́село ій дівова́ти,
Бо во́леньку мае:

Вільна слу́хать солове́йка,
До зіръ придивля́тись,
Кого́ се́рце забажа́е —
Съ тимъ и цокоха́тись.

Закува́ла зозу́ленька
На вербі зеле́ній;
Ви́йшла съ ха́ти молоди́ця
Смутна́, не весе́ла.

«Заку́й мині, зозу́ленько,
Чи до́вго ще жи́ти?
Чи до́вго ще на сімъ сві́ті
Вья́нути, тужи́ти?»

Накува́ла зозу́ленька
Літъ ду́же бага́то;
Запла́кала молодиця —
Смутна́ пійшла́ въ ха́ту...

Ви́йшла вона́ и за то́го,
Съ кимъ коли́сь кохалась,
Съ кимъ слу́хала солове́йка,
До зіръ придивля́лась...

А тепе́ра не до зірокъ,
Не до солове́йка...
Пла́че, слу́ха якъ на вербі
Куе́ зозуленька...

Павлусь.

Боришполь.

ДУМКА.

Не та́къ мене́ пра́вда,
Якъ ду́мка зсуши́ла,
Що буцімъ дівчи́на
Мене́ розлюби́ла;
Забу́ла, якъ щи́ро
Зо мно́ю коха́лась;
Забу́ла, якъ щи́ро
Кляла́сь-присяга́лась.

Охъ, що́ жъ то за ду́мка,
Ревни́вая ду́мка!
Що все́ тамъ літа́е,
Де ми́ла вита́е!..
Літа́е и вьє́тця,
И во́рономъ кря́че,
И кру́шить и су́шить
Серде́нько коза́че...

Гей, ду́мко ти, ду́мко,
Ревни́вая ду́мко!
Лети́ жъ ти до не́і,
Дівчи́ни мое́і;
Скажи́ й прика́жи ій—
Неха́й ві́рно лю́бить;
Скажи́: якъ розлю́бить —
Дві души́ загу́бить!..

В. Ал—овъ.

1861 року.
Чугуївъ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО.

(Продолженіе).

XI.

Между тѣмъ, произошло слѣдующее: 6 сентября (16 н. с.), подъ Гадячемъ, собрана была рада. Посреди очищеннаго мѣста (майда́на) сидѣли старшины, полковники, сотники, въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, каждый съ своимъ знакомъ. Выговскій, съ булавою въ рукахъ, ввелъ въ собраніе польскихъ коммисаровъ — Бенёвскаго и Евлашевскаго.

»Войско Запорожское«, сказалъ Выговскій коммисарамъ, »изъявляетъ желаніе вѣчнаго мира и соединенія съ Рѣчью Посполитою, если только услышитъ отъ господъ коммиссаровъ милостивое слово его королевскаго величества.«

Коммисары поклонились. Бенёвскій началъ говорить:

»Высочайшее существо, по волѣ своей возвышающее и уничтожающее царства, укоренило въ сердцѣ каждаго изъ насъ врожденную любовь къотечеству, такъ-что, гдѣ бы кто ни скитался, а всегда хочется ему домой воротиться. Вотъ, я думаю, теперь такъ сдѣла́лось съ Запорожскимъ Войскомъ, когда оно именемъ своимъ и своего гетмана обратилось къ его величеству королю Іоанну Казимиру съ желаніемъ вѣрнаго подданства, и проситъ его покровительства себѣ и всему русскому народу. Это хорошо вы дѣлаете, паны-молодцы: дай Богъ, чтобъ изъ этого вышло счастье для общаго нашего отечества. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ, словно двѣ матери за одного ребенка, спорятъ за Украину два народа: Поляки и Москали. Поляки называютъ ее своею собственностію, своимъ порожденіемъ и членомъ, а Москали, пользуясь вашею храбростію и вашимъ оружіемъ, хотятъ завладѣть чужимъ. Трудно намъ удержать одному кому-нибудь за собою одно нераздѣлимое тѣло; мы хотимъ разрубить или разодрать его пополамъ и присвоить себѣ по половинѣ: оттого гибнетъ край вашъ, пустѣютъ поля; сѣетъ Москаль ненависть между вами и нами на плодородныхъ поляхъ Украины, утучняетъ ихъ кровью христіанскою, а врагъ душъ человѣческихъ, чортъ проклятый, нарочно насъ къ тому подзадориваетъ для погибели нашей. ——— Истинно скажу вамъ,

паны-молодцы: божьею благодатію такъ сталось, что мы, сами себя ударивши въ грудь, познали грѣхи наши и отпустили другъ-другу наши вины. Самъ Богъ открылъ вамъ глаза натò, чтобъ сбросить ярмо неволи и возвратиться къ старинной свободѣ. Съ какою отеческою любовію, съ какою радостію найяснѣйшій король услышалъ о прибытіи вашихъ пословъ—этому и я былъ свидѣтель, и они сами тоже вамъ скажутъ. Теперь насъ присылаетъ къ вамъ цѣлая Рѣчь Посполитая,—проситъ она васъ, паны-молодцы, соединиться съ нами, чтобъ вмѣстѣ спасать отечество, вмѣстѣ славы добывать, вмѣстѣ миромъ утѣшаться. Вы теперь попробовали и польскаго и московскаго правленія, отвѣдали и свободы и неволи; говорили: не хороши Поляки; а теперь навѣрное скажете: Москаль еще хуже. Что̀ приманило народъ русскій подъ ярмо московское? Вѣра? Неправда: у васъ вѣра греческая, а у Москаля вѣра московская. Правду сказать, Москали такъ вѣрятъ, какъ царь имъ прикажетъ.(1) Четырехъ патріарховъ святые отцы установили, а царь сдѣлалъ пятаго и самъ надъ нимъ старшинствуетъ; чего соборы вселенскіе не смѣли сдѣлать, то̀ сдѣлалъ царь. Вы своихъ духовныхъ уважаете, а Москаль распоряжается какъ хочетъ духовнымъ управленіемъ: митрополитовъ отрѣшаетъ, какъ съ Никономъ недавно поступилъ; священниковъ и монаховъ въ неволю беретъ, какъ недавно поступилъ съ отцемъ Ипатіемъ; достояніе алтарей и храмовъ забираетъ на свои нужды. Это та́къ поступаютъ въ духовныхъ дѣлахъ, а въ мірскихъ что̀ дѣлается? того подъ польскимъ владычествомъ вы и не слыхивали. Всѣ доходы съ Украины царь беретъ на себя; установили новыя пошлины, учредили кабаки, бѣдному козаку нельзя ужь водки, меда или пива вышить, а про вино ужь и не вспоминаютъ! Но до чего, паны молодцы, дошла московская жадность? Велятъ вамъ носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти! Вотъ неслыханное тиранство! Чего послѣ этого ждать? Прежде вы сами старшинъ себѣ выбирали, а теперь Москаль вамъ даетъ кого хочетъ, а кто вамъ угоденъ, а ему не нравится того—прикажетъ извести. И теперь уже вы живете у нихъ въ презрѣніи: они васъ чуть за людей считаютъ, готовы у васъ языки отрѣзать, чтобъ вы не говорили, и глаза вамъ выколоть,

(1) *Нѣтъ необходимости распространяться въ опроверженіяхъ противъ фальшиваго взгляда, умышленно составленнаго, въ этой рѣчи Беневскаго, подъ вліяніемъ національной злобы. Въ-особенности, обвиненіе на Московское правительство относительно Церкви кажутся нелѣпыми. Историческое знаніе у насъ развито настолько, что всѣмъ, безъ-сомнѣнія, извѣстно какъ о единствѣ Греческой и Русской Церкви въ XVII вѣкѣ, такъ и о неизмѣнности ея древнихъ уставовъ и постановленій. Какъ можно было сказать, что цари установили патріаршество вопреки церковному порядку, когда оно было установлено согласіемъ другихъ Патріарховъ? Никона также судилъ не царь, а духовный соборъ.*

чтобъ не смотрѣли . . . да и держатъ васъ здѣсь только до тѣхъ поръ, покаиасъ, Поляковъ, вашею же кровію, завоюютъ, а послѣ переселятъ васъ за Бѣлоозеро, а Украину заселятъ своими московскими холопами. Такъ вотъ, пока есть еще время, нечего медлить: спасайте себя; соединяйтесь съ нами; будемъ спасать общую отчизну! И возвратится къ намъ и зацвѣтетъ у насъ свобода; и будутъ красоваться храмы святынею, города богатыми рынками; и народъ украинскій заживетъ въ довольствѣ, спокойно, весело; будетъ земледѣлецъ ухаживать за своею нивою, пасичникъ за своими бортями, ремесленникъ за своимъ ремесломъ; убійства, грабежи, несправедливости будутъ наказываться безъ пощады. Никого не станутъ принуждать къ рабству: строгій законъ не допуститъ панамъ своевольствовать надъ подданными. У насъ теперь общее дѣло — мы васъ, а вы насъ отъ бѣды избавимъ; и Богъ будетъ съ нами, а чортъ шею сломитъ! Чего еще медлить? Отчизна взываетъ къ вамъ: я васъ родила, а не Москаль; я васъ вскормила, взлелѣяла—опомнитесь; будьте истинными дѣтьми моими, а не выродками!«

— »А що«, вскричалъ Выговскій: »чи сподоба́лась вамъ, пано́ве молодці, раці́я ёго́ ми́лости па́на комиса́ра?«

»Гара́здъ гово́рить!« закричали козаки(¹).

Выговскій поклонился коммисарамъ и въ кудрявой рѣчи изъявилъ отъ имени всего Запорожскаго Войска благодарность за вниманіе короля.

Послѣ взаимныхъ комплиментовъ и обычныхъ церемоній, гетманъ отобралъ изъ каждаго полка коммиссаровъ для заключенія трактата съ польскими коммиссарами. Тогда были сочинены и написаны статьи, извѣстныя подъ названіемъ *Гадяцкихъ*. Онѣ касаются четырехъ предметовъ: государственнаго значенія Украины, внутренняго порядка, вѣры и просвѣщенія.

Украина — т. е. земли, заключавшія тогдашнія воеводства черниговское, кіевское и брацлавское (нынѣшнія губерніи: полтавскую, черниговскую, кіевскую, восточную часть волынской и южную половину подольской) — объявлялась вольною и независимою страною, соединенною съ Польшею подъ именемъ Великаго Княжества Русскаго, на правахъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ что Рѣчь-Посполитая должна была образовать союзъ равныхъ между собою и одинаково свободныхъ республикъ — польской, литовской и русской, подъ управленіемъ короля, избраннаго тремя соединенными народами. Всѣ три народа должны были общими усиліями завладѣть берегами Чернаго моря и открыть по немъ свободную навигацію; всѣ три народа должны помогать другъ другу

(¹) Annal. Polon. Clim. I, 311 — 316. Hist. pan. J. Kazim., I, 360 — 336.

въ войнахъ, не исключая войны съ Московіею, въ случаѣ, если царь московскій откажется воротить принадлежавшія Рѣчи-Посполитой земли. Въ случаѣ соединенія Московіи съ Польшею, договоръ о цѣлости Великаго Княжества Русскаго, со всѣмъ его устройствомъ, долженъ былъ сдѣлаться кореннымъ закономъ, и тогда Царство Московское вошло бы въ этотъ союзъ славянскихъ народовъ, какъ четвертое соединенное государство. Великое Княжество Русское отказывалось отъ всякаго особаго сношенія съ иностранными державами.

Внутри Великаго Княжества Русскаго все должно было носить видъ самобытнаго государства. Верховная законодательная власть должна истекать изъ національнаго собранія депутатовъ, избранныхъ жителями трехъ воеводствъ, вошедшихъ въ великое княжество русское; исполнительная должна находиться въ рукахъ гетмана, избраннаго пожизненно вольными голосами сословій и утвержденнаго королемъ. Гетманъ вмѣстѣ былъ верховнымъ сенаторомъ трехъ воеводствъ и гражданскимъ правителемъ великаго княжества русскаго. Великое княжество русское должно имѣть свой верховный трибуналъ, куда будутъ поступать для рѣшенія дѣла изъ низшихъ судебныхъ инстанцій и производиться на русскомъ языкѣ; свое государственное казначейство, куда единственно могли поступать всѣ доходы и поборы съ украинскаго народа и обращаться единственно на потребности великаго княжества русскаго; своихъ государственныхъ сановниковъ или министровъ, канцлеровъ, маршаловъ, подскарбіевъ (министровъ финансовъ) и другихъ, какіе окажутся нужными; свою монету и свое войско, которое должно будетъ состоять изъ тридцати тысячъ или болѣе (по усмотрѣнію) козаковъ и десяти тысячъ регулярнаго войска; какъ то, такъ и другое, должно состоять подъ командою русскаго гетмана, и никакое другое войско не могло быть вводимо въ княжество безъ дозволенія русскаго правительства, а еслибъ представилась для этого крайняя необходимость: то оно должно состоять подъ командой гетмана. Владѣльцы получали свои права не иначе какъ съ дозволенія гетмана. Въ договорѣ не было написано правильныхъ условій относительно правъ владѣльцевъ на тѣхъ, которые будутъ жить на ихъ земляхъ, кромѣ того что воспрещалось владѣльцамъ держать подлѣ себя надворныя команды. Въ числѣ статей относительно внутренняго порядка возникающаго великаго княжества замѣчательно то, что гетманъ во всякое время могъ представлять королю козаковъ для возведенія ихъ въ шляхетское достоинство, съ условіемъ, чтобъ изъ каждаго полка число кандидатовъ не превышало ста человѣкъ. Изъ этого видно, что

у составителей договора было намѣреніе возвысить все козацкое сословіе и уравнить его съ шляхетскимъ, но постепенно. Это возведеніе, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, могло коснуться со временъ и посполства, ибо козаки пополнялись изъ посполитыхъ. По мѣрѣ того какъ козаки будутъ получать дворянское достоинство, на ихъ мѣста будутъ поступать въ козаки изъ посполитыхъ.

Относительно вѣры, положено было Унію, какъ вѣру произведшую раздоръ, совершенно уничтожить, не только въ краѣ, который входилъ въ новое государство, но и въ остальныхъ соединенныхъ республикахъ польской и литовской, такъ что въ Рѣчи-Посполитой должны быть двѣ господствующія вѣры: греко-каѳолическая и римско-католическая. Духовенство восточной вѣры оставалось съ правами своей юрисдикціи, имѣнія его были неприкосновенны; всѣ церкви, отобранныя католиками уніатами, возвращались православнымъ; повсюду дозволялось строить новые храмы, монастыри, духовныя школы и богадѣльни, прекращалось всякое стѣсненіе вѣроисповѣданія, и въ знакъ почести, митрополитъ и пять православныхъ епископовъ: луцкій, львовскій, перемышльскій, хелмскій и мстиславскій — должны были занять мѣста въ сенатѣ наравнѣ съ римскими епископами.

Составители договора не позабыли просвѣщенія. Положено было въ великомъ княжествѣ русскомъ завесть двѣ академіи съ университетскими правами: первая была кіевская коллегія, долженствовавшая сдѣлаться университетомъ; вторую слѣдовало основать въ другомъ мѣстѣ, какое признается удобнымъ. Профессора и студенты должны будутъ отрекаться отъ всякой ереси и не принадлежать къ протестантскимъ сектамъ — аріанской, лютеранской и калвинской. Кромѣ этихъ двухъ академій должны быть учреждены училища въ разныхъ мѣстахъ Великаго Княжества Русскаго, смотря по потребности, безъ ограниченія ихъ числомъ. Позволялось каждому, кому угодно, вездѣ заводить типографіи: объявлялось совершенно вольное книгопечатаніе, даже и относительно вѣры можно было писать всякія возраженія и мнѣнія безпрепятственно.

При составленіи договора уничтоженіе уніи было щекотливымъ вопросомъ. Въ тайной инструкціи, данной посламъ, поручалось имъ сколько возможно отстаивать унію и меньше давать силы православному побужденію противъ нея. Послы должны были обходить вопросъ объ уніи, указывать козакамъ, что это дѣло можетъ разсматриваться только на всеобщемъ съѣздѣ духовенства, и что этотъ съѣздъ непремѣнно состоится по волѣ короля и за ручательствомъ Рѣчи-Посполитой. Такъ-какъ вмѣ-

стѣ съ вопросомъ объ уніи связывалась отдача церковныхъ имѣній, то коммисарамъ въ тайной инструкціи предписывалось всѣми силами стараться не отдавать имѣній, перешедшихъ въ уніатскія руки, и только въ крайнемъ случаѣ позволялось согласиться на отдачу такихъ имѣній, кокорыя, по ясному праву, окажутся принадлежащими дизунитамъ; а коль скоро возникъ бы споръ о принадлежности имѣній уніатамъ либо дизунитамъ, тогда такія имѣнія должны оставаться въ рукахъ дѣйствительно владѣющихъ ими въ настоящее время. Коммисары должны были доказывать, что несправедливо будетъ, не выслушавъ голоса той стороны, которая уже пользуется имѣніями, отнимать у нея то, что́ она давно привыкла считать своимъ достояніемъ. Очевидно здѣсь скрывалась цѣль— никогда не отдавать требуемыхъ имѣній: сторонѣ, владѣющей такимъ имѣніемъ, стоило только подать просьбу въ судъ, дѣло затянется, и православная сторона, съ своимъ правомъ на возвратъ своего имѣнія, никогда бы его не получила въ самомъ дѣлѣ. Условіе—оставлять имѣнія въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ, если они станутъ защищать свое владѣніе судебнымъ порядкомъ, поворачивало весь вопросъ въ пользу уніатской стороны; это было даже высказано въ тайной инструкціи, такимъ выраженіемъ: проволочка времени можетъ помочь намъ. Коммисары никакъ не должны были соглашаться на совершенное уничтоженіе уніи; даже уступать православнымъ право признавать собственностью своей церкви духовныя имѣнія и отыскивать ихъ, коммисары могли не иначе, какъ съ условіемъ, что козаки отъ себя пошлютъ посольство къ папѣ и станутъ просить его содѣйствовать къ утвержденію всеобщаго религіознаго согласія въ Рѣчи-Посполитой. Послы должны были дѣйствовать какъ можно хитрѣе съ козаками (utendum est artificiis) (¹). Но унія была такъ ненавистна, что едва коммисары заговорили объ этомъ предметѣ, тотчасъ увидали, что нѣтъ никакой возможности согласиться съ русскими, какъ пожертвовавъ уніею. И они взяли на свою отвѣтственность это важное дѣло.

При чтеніи договора на радѣ, вѣроятно собранной изъ немногихъ, ибо простые козаки по большей части не знали ничего о томъ, что́ происходило,—по извѣстію современника — поднялись возраженія и требованія чрезвычайно разнообразныя и до того запутанныя, что козаки сами не понимали, чего хотѣли, такъ, что одинъ и тотъ же предъявлялъ требованіе, а чрезъ нѣсколько минутъ измѣнялъ свое мнѣніе и требовалъ

(¹) См. Gradus ad action. И. Публ. Библ., польск. рукоп. № 15.

противнаго. Только одно требованіе было ясно и упорно высказываемо: русскіе хотѣли расширить объемъ своего княжества и присоединить къ нему воеводства волынское, подольское, русское, бельзское (т. е, остальныя части нынѣшнихъ губерній волынской и подольской), и Червоную-Русь, — страны, гдѣ народъ говорилъ южнорусскимъ языкомъ и гдѣ правили прежде русскіе князья. Коммиссары спорили упорно; дѣло начало-было расходиться, но Выговскій и его приверженцы кое-какъ успокоили волненіе. По извѣстію современниковъ, всѣхъ болѣе оказалъ тогда вліянія Тетеря. Его простонародныя выходки, говоритъ современный писатель, болѣе подѣйствовали на козаковъ, чѣмъ философскіе аргументы другихъ (¹).

»Эй!« кричалъ онъ весело: »*згодімося, панóве молодці, зъ Ляхáми — більшъ бýдемо мáти; покірливе телятко дві мáтері ссеть!*«

Старшины начали вторить этому замѣчанію, и толпа, указывая пальцами на Тетерю, закричала:

»*Оттóй всю прáвду сказáвъ! Згóда! згóда! згода!*«

Коммиссары, отпраздновавши мировую съ козаками — ѣдою и питьемъ, уѣхали къ королю съ радостною вѣстью объ успѣхѣ, обдаренные старшинами, и долго слышали они за собою пушечную пальбу, »возвѣщавшую, »говоритъ современникъ,« примиреніе съ Поляками, какъ еще недавно она возвѣщала о непримиримой къ нимъ ненависти.« Выговскій увѣрялъ козаковъ, что по этому договору всѣ они будутъ произведены въ шляхетство (дворянство) (²).

На возвратномъ пути послы встрѣтились съ Кикинымъ, который ѣхалъ на Лохвицу, чтобъ повернуть другимъ путемъ назадъ къ московской границѣ. Пословъ провожали Тетеря и эсаулъ Ковалевскій, недавно еще передъ Кикинымъ поносившій поступки гетмана, а теперь отправившійся вмѣстѣ съ Тетерею, котораго обвинялъ въ предательствѣ, посломъ къ польскому королю съ засвидѣтельствованіемъ ему покорности. Сошедшись съ однимъ шляхтичемъ, Москаль всѣми силами хотѣлъ допытаться, отъ кого и съ чѣмъ пріѣзжало посольство это, но шляхтичъ увѣрялъ его, что самъ онъ ничего не знаетъ.

(¹) См. Гадячск. Ком., Ист. Малор. Марк. III. 159. 172.—Ann. Polon. Cl. II, 316-317.—Лѣт. малор.—Hist. ad exc. Vlad. IV, 419.—Лѣт. Велич. I, 335-337,—Hist. pan. Jan. Kaz. I, 361-365.—Кр. опис. о коз. мал. нар., 83-89.—Лѣт. пов. о Мал. Рос., II. 7. — Jerl. II, 17-30. Списки въ дѣлахъ Архива Иностр. Дѣлъ, и въ Архивѣ Синодскомъ.

(²) Ann. Pol. Cl., II, 317-318.—Hist. pan. Jan. Kaz., 365.—Wojna dom., ч. II, 273.

Выговскій двинулся къ границамъ, вошелъ въ московскіе предѣлы, сталъ подъ городомъ Каменнымъ и отправилъ къ воеводамъ требованіе, чтобъ ему выдали бунтовщиковъ, которые скрываются въ пограничныхъ московскихъ городахъ. У путивльскаго воеводы онъ домогался возвращенія своихъ враговъ, братьевъ Залогъ и показывалъ видъ, что стоитъ, дожидаясь возвращенія Кикина изъ Москвы, который долженъ былъ привезти рѣшительный отвѣтъ. Въ случаѣ неудовлетворенія, гетманъ грозилъ нападать на великорусскіе города и вести войну. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали немедля идти войной прямо на Бѣлгородъ, а оттуда на Путивль, но большинство было противъ этого, въ особенности послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ: въ концѣ сентября козаки напали-было на городки Каменное и Олешню, но великорусскіе ратные люди отразили ихъ съ уономъ. Изъ Глухова партіи козаковъ наскакивали на великорусскія сосѣднія деревни, но были также отбиты.

Между тѣмъ, Татары, скучая ожиданіемъ войны, разсыпались по малороссійскимъ селеніямъ, грабили и брали въ плѣнъ людей и гоняли ихъ въ Крымъ. Поднялись жалобы.

»Что же мы здѣсь стоимъ?« кричали казаки въ обозѣ: »дома у насъ татары женъ уводятъ!«

И козаки стали толпами расходиться назадъ. Гетманъ не могъ удержать волненія, созвалъ къ себѣ мурзъ и говорилъ имъ:

»Мы призвали васъ ускромить бунтовщиковъ, а не для того, чтобъ невинныхъ убивать и загонять въ плѣнъ. Если вы будете такъ поступать съ нашими, то вамъ не отойти отъ насъ въ добромъ здоровьи.«

Чтобъ не навлечь на себя возстанія, гетманъ отступилъ къ Веприку въ предѣлы Малороссіи; онъ былъ принужденъ дозволить козакамъ бить Татаръ, если тѣ будутъ своевольничать. Тогда Татары стали уходить и пошли за рѣку Псёлъ; козаки гонялись за ними; съ каждымъ днемъ обозъ пустѣлъ. Воевать съ великороссіянами вовсе не было охоты въ массѣ, а между тѣмъ нападенія нѣкоторыхъ шаекъ на Каменное и Олешню вызвали то, что Великороссіяне, собравшись шайками, вторгнулись въ Украину, стали жечь селенія и бить Малороссіянъ. Вдобавокъ, Сербы, бывшіе также въ войскѣ Выговскаго, дозволяли себѣ надъ Малороссіянами всякаго рода своевольства и неистовства. Козаки, слыша, что и Татары, и Москали и Сербы распоряжаются у нихъ дома, когда сами они въ чужой землѣ, бѣжали изъ табора безъ удержу. Полковники стали роптать на гетмана и другъ на друга. Даже тѣ, которые были сильными не-

другами московскаго владычества, и тѣ поднялись на гетмана. Гуляницкій упрекалъ его, зачѣмъ онъ вошелъ прежде времени въ царскую землю и раздражаетъ москалей.

»Да не ты ли первый пуще другихъ меня на эту войну поджигалъ?« говорилъ ему гетманъ.

Въ радѣ учинилась ссора и безладица; толковали и такъ и иначе; осмотрѣлись, что сдѣлали кличъ къ войнѣ слишкомъ торопливо и неразсудительно. Царскаго посланника не было обратно. Выговскій надѣялся, что испугаетъ московское правительство рѣшительными выходками, ожидалъ, что тотъ же дьякъ Кикинъ опять пріѣдетъ съ рѣчами, пріятными для козацкаго самолюбія и уже приказывалъ приготовлять встрѣчу желанному послу. Но наступалъ октябрь, приближались осенніе дожди,—время неудобное для походовъ въ чужой землѣ. Великоруссы, которые безпрестанно ѣздили отъ путивльскихъ воеводъ въ козацкій обозъ и обратно, пугали козаковъ тѣмъ, что въ Сѣвскѣ собирается большое войско. Гетманъ, побуждаемый всеобщимъ ропотомъ, долженъ былъ возвратиться, не дождавшись посла и не показавши Москалямъ силы своего оружія.

8 октября гетманъ написалъ письмо къ путивльскому воеводѣ князю Григорію Долгорукову изъ табора подъ Богачкою, за пятнадцать верстъ отъ Днѣпра.

»Всегда я служилъ его царскому величеству вѣрно, и теперь ничего злого не замышляю, и хоть мы съ войскомъ своимъ двинулись, а вовсе не думаемъ наступать на городы его царскаго величества; я только хотѣлъ усмирить домашнее своевольство, и теперь, усмиривъ его, мы возвращаемся домой, надѣясь на милость его царскаго величества, уповая, что онъ, православный государь, не допуститъ проливаться христіанской крови. Только то насъ удивляетъ, что бояринъ Шереметевъ поступаетъ по непріятельски съ Малою Россіею, посылаетъ на козаковъ своихъ ратныхъ людей, а тѣ, обнадеживаемые государевою милостью, убиваютъ и въ неволю берутъ людей по нашимъ городамъ и деревнямъ.«

Долгорукій въ письмѣ своемъ упрекалъ его въ томъ, что онъ задерживалъ Портомоина и Тюлюбаева и посадилъ ихъ въ тюрьму. Выговскій отвѣчалъ: »Все это несправедливый извѣтъ на меня сложили; я ихъ не задерживалъ, а они сами по своей волѣ остались: боятся проѣзду отъ своевольниковъ; въ тюрьму никто ихъ не сажалъ: они ходили и ходятъ себѣ на волѣ; а какъ я въ Чигиринъ пріѣду, тотчасъ и отпущу ихъ съ честію къ его царскому величеству.«

Козацкое войско отступило.

XII.

Вмѣсто царскаго посла, ожидаемаго Выговскимъ съ милостивымъ словомъ и съ удовлетвореніемъ его требованій, явилась грозная царская печатная грамота отъ 24 сентября; она была направлена ко всѣмъ Малороссіянамъ, но преимущественно къ козакамъ полтавскаго полка, какъ къ прежнимъ противникамъ Выговскаго. Въ ней были исчислены преступленія Выговскаго противъ царя, не одобрялось то, что онъ нападалъ на Пушкаря съ Татарами, не дождавшись великороссійскихъ войскъ, тогда какъ самъ же онъ просилъ прислать войска; признавались явною измѣною противъ власти его поступки: задержаніе Портомоина и Тюлюбаева, нападеніе на Кіевъ, послѣднее объявленіе Кикину о рѣшимости идти съ оружіемъ на Ромодановскаго и выдумка, будто бы у московского правительства есть намѣреніе побить всю старшину и уничтожить козаковъ. Царь оправдывалъ свое правительство въ томъ, что Пушкарю не было подано помочи: оно должно же было довѣрять гетману, избранному народомъ. Въ заключеніе, гетманъ объявлялся измѣнникомъ и клятвопреступникомъ, и Малороссіяне призывались къ соединенію съ великорусскими воеводами и ратными людьми и къ совмѣстному дѣйствію противъ Выговскаго для сверженія его и для избранія новаго гетмана.

Быстро ожила придушенная пушкаревская партія. Полтава провозгласила полковникомъ Пушкарева сына, Кирика; въ другіе полки изъ Полтавы расходились увѣщанія — отторгнуться отъ власти гетмана; явились на волѣ Донецъ и Довгаль и другіе, которыхъ прежде московское правительство держало подъ стражею, какъ мятежниковъ, а теперь считало защитниками правой стороны. Товарищъ и другъ Пушкаря, Искра, задержанный въ послѣднее время въ Москвѣ, какъ его посланецъ, былъ знакомъ московскимъ боярамъ еще прежде, при Хмельницкомъ; теперь его не только отпустили съ честію, но подали ему надежду сдѣлаться гетманомъ. Онъ прибылъ въ полтавскій полкъ; около него составилась партія и провозгласила его гетманомъ. Искра разослалъ универсалы и требовалъ себѣ покорности. Своевольства, которыя терпѣлъ народъ въ послѣднее время, когда войско пребывало въ восточной Украинѣ, озлобили народъ еще пуще противъ гетмана. Кличъ новаго предводителя находилъ себѣ отзывъ въ массѣ. Разогнанные голики стали собираться; опять составился полкъ *дейнековъ*, готовыхъ служить воеводамъ, въ надеждѣ грабежа и своевольства.

Гетманъ пріѣхалъ въ Чигиринъ. За нимъ привезли Барабаша въ оковахъ; Выговскій не казнилъ его: онъ какъ-будто тѣшился его страданіями и униженіемъ. Узнавъ о томъ, что дѣлалось по слѣдамъ его въ полтавскомъ полку, онъ написалъ 17 октября путивльскому воеводѣ, выхвалялъ свою умѣренность, какую онъ показалъ недавно, отступивши назадъ отъ границъ Московіи, представлялъ, что, не дождавшись дьяка Василья Михайлова, подозрѣваетъ, что этотъ дьякъ оговорилъ его передъ царемъ, и упрекалъ правительство, зачѣмъ оно допускаетъ какому-то Искрѣ называться гетманомъ. Задержанныхъ посланцевъ онъ не сталъ болѣе удерживать: 18 октября Портомоинъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и призванъ къ гетману. Выговскій вручилъ ему листъ къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ этомъ листѣ гетманъ жаловался, что царь выдалъ противъ него печатную грамату, гдѣ объявлялъ его измѣнникомъ, гдѣ будто-бы обвинялъ его въ намѣреніи вводить латинскую вѣру (этого въ грамотѣ и нѣтъ); онъ увѣрялъ въ своей вѣрности царю, просилъ не посылать войскъ. Гетманъ сказалъ Портомоину:

— Мнѣ теперь подлинно стало извѣстно, что тѣ бунтовщики, которые посланы были въ Москву отъ Пушкаря и Барабаша, пожалованы государевымъ жалованьемъ, ихъ подѣлали и гетманами и полковниками, и дали имъ знамена, литавры, трубы, и съ честію на свободу ихъ отпустили изъ Москвы. Бояре и воеводы готовятся на меня идти съ ратными людьми, по наговору Пушкаревыхъ и Барабашевыхъ пословъ, за то, что будто я съ войскомъ и съ Татарами ходилъ на украинные города великаго государя; а я ходилъ вовсе не для разоренія государевыхъ городовъ, но для усмиренія своевольниковъ, и не сдѣлалъ ничего дурнаго государевымъ людямъ. Какъ прежде я служилъ вѣрно великому государю, такъ и теперь вѣрно служу ему. Пусть же государь окажетъ намъ всѣмъ свою государскую милость, пусть не посылаетъ бояръ и воеводъ своихъ съ ратными людьми войною на насъ, пусть пришлетъ къ намъ по договору своихъ ближнихъ людей, чтобы мы съ ними постановили статьи; а если государь не изволитъ этого учинить и пошлетъ на насъ ратныхъ людей, то мы будемъ стоять противъ нихъ и станемъ съ ними биться, и будутъ помогать намъ польскіе, шведскіе, волошеніе ратные люди, и Татары крымскіе придутъ, а турскій султанъ давно уже пишетъ ко мнѣ о соединеніи и даетъ ратныхъ людей на помощь. Повсюду, гдѣ только можно найти ратныхъ людей, нарочно разошлю своихъ станичниковъ, чтобы по мнѣ собирались поскорѣе. Теперь однако еще не стану воевать и пошлю къ государю своихъ пословъ.

— Я сидѣлъ въ неволѣ, — сказалъ Портомоинъ, — и мнѣ ничего неизвѣстно; а что ты, гетманъ, говоришь, все это я передамъ его царскому величеству.

— Вслѣдъ за тобою,—продолжалъ Выговскій,—я отпущу и Тюлюбаева и всѣхъ прочихъ московскихъ людей, задержанныхъ здѣсь, а самъ пойду подъ Кіевъ, Кіева добывать... на разговоръ подъ Кіевъ пойду! прибавилъ онъ засмѣявшись.

Провожаемый такими угрозами, выѣхалъ Портомоинъ изъ Чигирина, но во время дороги скоро испыталъ, что эти угрозы на самомъ дѣлѣ не очень страшны. Народъ говорилъ ему:

— Какъ гетманъ ходилъ съ войскомъ на границу, тогда много селъ и городовъ разорили козаки, а Татары увели много полону въ Крымъ. Теперь, говорятъ, еще царскіе воеводы придутъ насъ разорять; но мы съ государевыми ратными людьми биться не станемъ; за одно съ ними пойдемъ противъ гетмана.

Дѣйствительно, Выговскій намѣревался сдѣлать другое покушеніе на Кіевъ. Когда онъ возвратился въ Чигиринъ, то узналъ о непріязненныхъ для него поступкахъ Шереметева: отрядъ ратныхъ людей, по приказанію кіевскаго воеводы, отправился на Бѣлую Церковь; бѣлоцерковскіе козаки вступили съ ними въ бой и были разбиты; самъ полковникъ взятъ въ плѣнъ. Въ Кіевѣ совершено было нѣсколько казней. Гетманъ, распустивъ своихъ полковниковъ, приказалъ имъ собирать полковые рады и уговорить козаковъ добывать Кіевъ. Но на этихъ радахъ чернь не показывала большой охоты, и нѣкоторые полковники извѣстили гетмана, что вообще, какъ они замѣтили, на своихъ надежда слаба: остается надѣяться на крымскаго хана да на его татаръ. Въ Путивлѣ и пограничныхъ городахъ сильно тревожились; разнеслись слухи, что гетманъ приступилъ къ Кіеву; Шереметевъ былъ отрѣзанъ, невозможно было достать вѣстей, всюду были перехвачены пути; появится какой нибудь Москаль въ Украинѣ,—его тотчасъ задержатъ или даже убьютъ. Изъ Путивля какой-то молодецъ Малороссіянинъ взялся провезти въ Кіевъ записку, зашивши ее въ рубаху: это показываетъ, какъ опасно и трудно было тогда проѣзжать черезъ край нескончаемыхъ мятежей и безпокойствъ. Молодецъ не воротился. Другой вмѣсто его нежданно, для путивльскихъ воеводъ, явился вѣстовщикомъ изъ Кіева: это былъ племянникъ нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова, равностнаго сторонника Москвы. Узнавши, что на Шереметева собирается новая гроза, протопопъ составилъ для племянника проѣзжую память, укрѣпилъ ее гетманскою пе-

чатью, снятою съ какой-то гетманской грамоты, и съ этимъ фальшивымъ документомъ отправилъ его будто бы въ Чигиринъ. Онъ ѣхалъ черезъ Кіевъ какъ бы проѣздомъ, видѣлся съ Шереметевымъ, взялъ отъ него письмо къ Ромодановскому, и такимъ же образомъ пробрался черезъ Малороссію въ Путивль. Оттуда воевода благополучно доставилъ его въ Москву, и это побудило правительство послать скорѣе Ромодановскаго въ Украину.

Выговскій готовился къ рѣшительнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, а все еще продолжалъ увѣрять московское правительство въ своей вѣрности и желаніи признавать царя своимъ государемъ. Письма за письмами посылались въ Москву; главнымъ виновникомъ зла признавался Шереметевъ: обвинялся онъ въ томъ, что разоряетъ украинскія села и деревни, губитъ народъ, кровь проливаетъ. Старикъ Евстафій, отецъ гетмана, писалъ къ пріятелю своему Бутурлину (съ которымъ такъ подружился въ Кіевѣ, что даже называлъ его нареченнымъ сыномъ), что еслибъ Бутурлинъ оставался воеводою, то и никакихъ смутъ не было бы; все приписывалось поступкамъ Шереметева да Ромодановскаго. »Сынъ мой«, выражался онъ, »какъ присягалъ, такъ и сохранить свою присягу хочетъ и остаться неизмѣннымъ подданнымъ и слугою его царскаго величества; не былъ онъ измѣнникомъ и не будетъ. Но панъ Шереметевъ и панъ Ромадановскій не обращаютъ вниманія на его заслуги; они хотѣли его убить, — намъ сообщали это извѣстіе ваши же милости Москали; потому-то сынъ мой и братъ вашей милости долженъ поневолѣ промышлять, какъ охранить свою жизнь. Шереметевъ святые монастыри ни во что обратилъ, иноки выгнанные скитаются по чужимъ городамъ и по пустынямъ, слугѣ вашей милости Левку велѣлъ Шереметевъ голову срубить, а меня принудилъ бѣжать изъ Кіева въ Чигиринъ.«

Въ одно и тоже время, Выговскій, съ одной стороны, чрезъ полковниковъ возбуждалъ козаковъ на Кіевъ и посылалъ Гуляницкаго съ полками отражать войска, если они выйдутъ; съ другой стороны писалъ универсалы народу, гдѣ запрещалъ оказывать непріязнь къ великорусскимъ войскамъ. Съ московской стороны стали обращаться съ ними подобнымъ же оружіемъ. Выговскій получилъ грамоту, гдѣ было сказано, что если онъ перестанетъ проливать кровь, то ему простятся всѣ вины и будутъ его держать въ милости, ео всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Въ то же время данъ былъ указъ Ромодановскому войти въ Малороссію, а путивльскіе воеводы по царскому повелѣнію приказали

стрѣлецкому Григорію Касогову идти съ отрядомъ на помощь полтавской партіи, вооружившейся противъ гетмана.

XIII.

Въ началѣ ноября, Ромодановскій вступилъ въ Малороссію съ войскомъ и распустилъ въ народѣ пространный универсалъ: въ немъ (1) исчислялись преступленія Выговскаго, какъ и въ прежней грамотѣ, данной полтавскому полку, опровергались клеветы, распущенные имъ и его сторонниками, будто царь хочетъ уничтожить козачество, затрогивались интересы и народа: указывалось, что по статьямъ гетмана Хмельницкаго, изъ доходовъ, собираемыхъ въ Малороссіи, слѣдовало давать жалованье козакамъ, а Выговскій не давалъ его и присвоивалъ себѣ доходы, платилъ изъ нихъ иноземному войску, которое держалъ такимъ образомъ на счетъ малороссійскаго народа, для его отягощенія. Народъ малороссійскій приглашался содѣйствовать великороссійскому войску и доставлять ему продовольствіе. По смыслу этихъ статей, какъ-бы цѣлому народу отдавалось на судъ недоразумѣніе, возникшее между московскимъ правительствомъ и гетманомъ.

Съ своей стороны и Выговскій распустилъ въ народѣ универсалъ въ полтавскій полкъ, убѣждалъ казаковъ оставаться ему покорными и стоять противъ непріятеля, то-есть великорускихъ войскъ: »а въ противномъ случаѣ, »выражался онъ,« намъ ничего инаго не приведется учинить, какъ освидѣтельствовавшись милостивымъ Богомъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ объявить вашу злобу всему свѣту.«

Пришествіе Ромодановскаго было сигналомъ для Пушкаренковой партіи. Она ожила. По призыву Ромодановскаго, къ войску его начала сбираться разогнанная голота, почуявшая грабежъ; опять составился полкъ дейнековъ. Миргородскій полкъ первый долженъ былъ испытать казнь, которая готовилась Украинѣ. Великорусскіе ратные люди и дейнеки вторгнулись въ Миргородъ и ограбили его такъ, что жители, по извѣстію лѣтописца, остались совершенно голыми. Степанъ Довгаль сдѣлался опять полковникомъ. Оттуда ополченіе двинулось къ Лубнамъ. Швецъ не въ состояніи былъ защищаться, собралъ козаковъ и заранѣе вышелъ; состоятельные люди съ своими пожитками бѣжали во всѣ стороны.

(1) Собр. госуд. грамотъ, IV, № 13.

Только бѣдняки остались въ Лубнахъ и пристали къ дейнекамъ. Ратные люди и дейнеки сожгли Лубны и ограбили мгарскій монастырь, гдѣ нашли деньги, замурованныя въ стѣнѣ, по обычаю того времени; князь Ромодановскій едва удержалъ толпу отъ конечнаго разоренія обители. Изъ Лубень ополченіе двинулось далѣе, разорило Чорнухи, Горошинъ, Ирятинъ; подъ Варвою имѣло незначительную стычку съ Гуляницкимъ. Потомъ князь расположился съ войскомъ подъ Лохвицею на зимнія квартиры. Дейнеки бродили по лѣвобережной Украинѣ, грабили зажиточныхъ, сожигали ихъ домы....

Лохвицкій лагерь князя Ромодановскаго началъ наполняться и великорусскими ратными людьми, и козаками. Прибыли князь Куракинъ, князь Семенъ Пожарскій и Львовъ. Чѣмъ болѣе вѣсть о договорѣ съ Польшею разносилась въ народѣ, тѣмъ охотнѣе простаки, отвращаясь отъ мысли побрататься съ Ляхами, бѣжали къ великороссійскому войску. Къ Ромодановскому явился генеральный судья Безпалый, недавно назначенный въ эту должность. Князь собралъ горсть вѣрныхъ царю козаковъ и предложилъ избрать гетмана; они выбрали Безпалого (1). Новый гетманъ утвердилъ свое пребываніе въ Ромнѣ. Вмѣстѣ съ нимъ назначенъ генеральнымъ есауломъ Воронокъ (2). Вѣроятно тогда же были избраны новые полковники, вмѣсто отпадшихъ отъ царя приверженцевъ Выговскаго: вмѣсто Швеца избранъ былъ Терещенко (3); у полтавцевъ не долго былъ на полковничьемъ урядѣ Кирикъ Пушкаренко: они избрали Оедора Жученка (4). Въ Украинѣ образовалось два управленія и два гетмана. Но не хотѣлъ сложить съ себя достоинства и третій, —Искра, бунчуковый товарищъ полтавскаго полка. Онъ писалъ въ Москву, ссылался на то, что ему указали гетманское достоинство еще въ Москвѣ, увѣрялъ, что народъ стоитъ за него. Правительство не нашлось сдѣлать ничего лучше, какъ поручить самому Ромодановскому утвердить, по своему усмотрѣнію, кого-нибудь изъ двухъ. Искра явился въ Гадячъ, называлъ себя гетманомъ, собиралъ около себя поспольство, и готовился свергнуть и Выговскаго и Безпалаго. По зову Ромодановскаго, 10 января онъ отправился къ Лохвицѣ, и »такъ«, говоритъ лѣтописецъ, »былъ упоенъ мыслью о предстоявшемъ гетманствѣ, что не побоялся идти въ сопровожденіи незначительнаго отряда, хотя повсей лѣвобережной Украинѣ отряды партіи Выговскаго сражались съ *дейнéками*. За семь верстъ

(1) Лѣт. Велич. I, 339 — 340. (2) Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 9.
(3) Лѣт. Велич. I, 405. (4) Ист. Мал. Рос. II, прим. 14.

отъ Лохвицы, на Искру напали чигиринскіе козаки подъ начальствомъ Скоробагатенка. Искра напрасно просилъ помощи у князя чрезъ гонцовъ. Ромодановскій отговаривался ночнымъ временемъ и послалъ отрядъ тогда уже, когда этотъ отрядъ могъ увидѣть одни трупы. »Угасла искра, готовая блеснуть!« говорили украинцы. Ромодановскій избавился отъ необходимости выбирать одного изъ двухъ (1). Но въ концѣ января, какъ кажется, Ромодановскаго не было уже въ Лохвицѣ: является тамъ главнымъ начальникомъ одинъ князь Ѳедоръ Куракинъ.

Такими стычками ограничивались военныя дѣйствія. Выговскій долго не трогался. Онъ не довѣрялъ своимъ козакамъ, видѣлъ повсемѣстное колебаніе и надѣялся на помощь отъ Крыма и Польши, а между тѣмъ составлялъ наемную дружину изъ Сербовъ, Волоховъ, Нѣмцевъ и Поляковъ: послѣднихъ пришло къ нему три тысячи подъ начальствомъ Юрія Потоцкаго и Яблоновскаго, да два драгунскихъ полка подъ командой Лончинскаго (2). Съ одной стороны онъ выжидалъ, какъ приняты будутъ въ Варшавѣ статьи, постановленныя имъ съ Бенёвскимъ, съ другой заискивалъ расположеніе хана, но въ тоже время показывалъ желаніе оставаться вѣрнымъ царю и отправилъ въ Москву посломъ бѣлоцерковскаго полковника, Кравченка.

Въ концѣ января, Выговскій рѣшился выступить на войну, но не противъ великороссіянъ, а противъ Запорожцевъ: Запорожская Сѣчь объявляла себя рѣшительно противъ намѣреній гетмана. »Хотя мы«, писалъ ему кошевой Гомонъ, »и не противились твоему избранію, надѣясь отъ тебя какого-либо добра отечеству, но надежда насъ обманула. Ваша милость не сохранилъ присяги пресвѣтлѣйшему монарху, отцу нашему и благодѣтелю, преклонилъ сердце свое къ лядскимъ прелестямъ, обратился, какъ песъ на свою блевотину, къ полякамъ отщепенцамъ, отъ которыхъ мы освободились съ такимъ трудомъ и кровопролитіемъ, и разоряешь мать нашу Украину, воздвигшую тебя отъ гноища и удостоившую сидѣть съ князьями. Знай же, что ни ты, ни монархъ твой, король польскій, къ которому возвратился, ничего не сдѣлаете противъ нашего православнаго монарха, при Божіей помощи (3).« Запорожцы, по словамъ современника, ненавидѣли Выговскаго еще сильнѣе послѣ того, какъ онъ побратался съ Татарами и, слѣдовательно, не могъ одобрять обычныхъ запорожскихъ набѣговъ на татарскія поля и Черное море (4).

(1) Лѣт. Велич. I, 363 — 364.
(2) Hist. pan. Jan. Kaz. II, 22. — Ann. Pol. Clim. II, 377.
(3) Лѣт Велич. I, 353 — 356. (4) Пам. Кіев. Ком., т. III, 223.

Запорожцы послали на помощь царскому войску сильный отрядъ подъ начальствомъ Силки. Силка явился въ Зѣньковъ и началъ возбуждать восточную Украину противъ гетмана. Противъ этого-то отряда пошелъ Выговскій, стараясь не допустить до соединенія съ лохвицкимъ войскомъ какъ его, такъ и отряды, которые составлялись въ близкихъ мѣстечкахъ. Чтобъ Ромодановскій не ударилъ ему въ тылъ, гетманъ послалъ Немирича безпокоить его.

Немиричъ, 29 января, подошелъ къ Лохвицѣ. Московское войско вышло противъ него, но начальники московской конницы были люди, по увѣренію лѣтописца, неопытные и не могли устоять противъ Немирича. Московитяне заперлись въ Лохвицѣ, и Немиричъ безпокоилъ и удерживалъ ихъ до-тѣхъ-поръ, пока Выговскій расправился съ ихъ союзниками.

4 февраля, Выговскій осадилъ Миргородъ и послалъ въ городъ убѣжденіе отстать отъ Москвы и стоять вмѣстѣ за отечество, и обѣщалъ никому не мстить. Миргородскій протопопъ, по имени Филиппъ, сталъ говорить за Выговскаго и такъ подѣйствовалъ своими рѣчами, что не только убѣдилъ миргородскихъ козаковъ, но и самъ Степанъ Довгаль склонился. Своевольства и грабежи, которые позволили себѣ великорусскіе ратные люди въ городѣ, раздражили миргородцевъ; они отворили ворота и признали власть гетмана. Заклятой врагъ его, котораго взять онъ домогался такъ упорно вмѣстѣ съ другими коноводами противной партіи, явился къ Выговскому, былъ имъ принятъ дружелюбно и повелъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ козаковъ далѣе. Великорусскіе ратные люди, находившіеся въ Миргородѣ, были отпущены къ своимъ. Выговскій сталъ обращаться кротко вездѣ, гдѣ слушали его убѣжденій; мѣстечки и села, одно за другимъ, сдавались ему и переходили на его сторону. Великорусскіе воеводы боялись за самого Безпалаго, чтобъ и онъ не отказался отъ своего гетманства и не передался Выговскому. Куракинъ изъ Лохвицы поспѣшилъ послать въ Ромень отрядъ ратныхъ пѣшихъ людей для защиты этого пункта новаго козацкаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ подъ Зѣньковомъ, Выговскій посылалъ къ Безпалому увѣщанія отстать отъ Москвы и соединиться для общаго дѣла. Прочнаго и надежнаго не было ничего въ народномъ убѣжденіи: сдавшись легко на убѣжденія Выговскаго, малороссіяне потомъ говорили великорусскимъ ратнымъ людямъ: «Пусть только придетъ сильное царское войско, мы будемъ помогать вамъ противъ Выговскаго.» Зѣньковъ упорствовалъ противъ

гетмана; тамъ засѣли Запорожцы съ своимъ атаманомъ Силкою, и впродолженіи четырехъ недѣль отражали Выговскаго (1). Выговскій сталъ подъ Зѣньковомъ и переговаривался съ Москвичами.

Въ Москвѣ приняли ласково Кравченка и готовы были уже отпустить его съ благосклонною грамотою къ гетману, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Скоробагатко уничтожилъ Искру, а переяславскій полковникъ, Тимофей Цыцура, нападалъ на великорусскихъ ратныхъ людей. Кравченка задержали до времени. Московское правительство увидѣло необходимость обращаться съ Выговскимъ, какъ онъ обращался, и не отвергая вовсе его миролюбивыхъ предложеній, собирало на него сильное войско. Главное начальство поручено было боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому. Сборное мѣсто назначено было въ Сѣвскѣ, куда бояринъ прибылъ 30 января.

И Выговскій, и Безпалый разомъ обращались въ Москву: первый просилъ попрежнему прекратить междоусобія, изъявлялъ желаніе сойтись съ уполномоченнымъ и возобновить согласіе; второй просилъ прислать пороха и свинца. 13 февраля, Трубецкому доставленъ тайный наказъ, гдѣ поручалось ему устроить съ Выговскимъ мировую, а вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ восемнадцать экземпляровъ царской грамоты, возбуждающей Малороссіянъ противъ измѣнника и клятвопреступника Выговскаго, и по царскому приказанію, 18 февраля послалъ Безпалому снаряды и ратныхъ людей на помощь. Въ тайномъ наказѣ Трубецкому, отъ 13 февраля, предписывалось ему сойтись съ Выговскимъ и назначить раду въ Переяславѣ, съ тѣмъ, чтобъ на этой радѣ были всѣ полковники и чернь, и эта рада должна была рѣшить споры. До собранія рады, бояринъ уполномочивался сдѣлать Выговскому широкія уступки, если окажется надобность. Бояринъ долженъ былъ снестись съ Выговскимъ, и, прежде всего, по обоюдному согласію съ нимъ, Трубецкому слѣдовало развести своихъ ратныхъ людей, а Выговскому отпустить отъ себя Татаръ. Для предупрежденія, со стороны Выговскаго, недовѣрія, съ обѣихъ сторонъ слѣдовало учинить вѣру. Бояринъ, съѣхавшись съ Выговскимъ, именемъ царя объявитъ ему забвеніе всего прошлаго, и гетманъ покажетъ ему статьи, постановленныя съ Поляками. Бояринъ согласится даровать гетману и всему козацкому войску такія же права и привиллегіи, какія сулили козакамъ Поляки. Должно думать, содержаніе

(1) Лѣт. Велич. I, 365.

гадячскаго договора тогда еще было не вполнѣ извѣстно въ Москвѣ, ибо въ наказѣ дѣлается оговорка, что согласиться на подобный договоръ съ царемъ можно только тогда, когда въ этомъ договорѣ не окажется *высокихъ и затѣйныхъ статей*, которыя *не къ чести государева имени*. Московское правительство знало однако хорошо, какія выгоды вымогалъ отъ Поляковъ, по гадячскому договору, Выговскій лично себѣ и старшинѣ; оно понимало, что главные поводы склоненія къ Польшѣ заключаются въ личныхъ видахъ старшинъ, и потому щедро расточало дары свои. Гетману обѣщали дать прибавку на булаву; соглашались сдѣлать его кіевскимъ воеводою; его родственникамъ и пріятелямъ и вообще полковникамъ и всей старшинѣ рѣшено дать каштелянства и староства; обѣщали удалить Шереметева и не вводить ратныхъ людей въ Украину, а гетманъ долженъ будетъ оставаться въ подданствѣ и прервать союзъ съ Татарами. Всѣ такія обѣщанія, конечно, могли имѣть силу только тогда, когда на радѣ, которую Трубецкой созоветъ въ Переяславѣ, народъ признаетъ гетманомъ Выговскаго; но если произойдетъ иначе, то Трубецкой долженъ былъ вручить булаву тому лицу, кого выберутъ, и новому гетману слѣдовало отдать чигиринское староство, какъ принадлежность гетманскаго уряда.

20 февраля, прибылъ изъ Москвы въ Сѣвскъ подъячій Старковъ съ предложеніями къ Выговскому, и тотчасъ былъ отправленъ въ зѣньковскій лагерь. Вслѣдъ за нимъ, Трубецкой съ войскомъ подвинулся ближе къ предѣламъ Украины и, 1 марта, прибылъ въ Путивль. Съ тѣхъ поръ три недѣли шли переговоры, которыхъ подробности къ сожалѣнію намъ неизвѣстны. Трубецкой писалъ дружелюбныя письма къ Выговскому и уговаривался, какъ уладить мировую, но разсылалъ къ народу воззванія — стоять крѣпко противъ измѣнника *Ивашки* и не склоняться на его прелестныя письма.

24 марта, пріѣхалъ отъ Выговскаго Старковъ съ извѣстіемъ, что Выговскій проситъ Трубецкаго съѣхаться съ нимъ для переговоровъ за десять верстъ отъ Ромна, но въ письмѣ къ Трубецкому не написано было ничего о такомъ свиданіи.

Отпустивъ Старкова въ Москву, Трубецкой, 26 марта, отслужилъ молебенъ *грозному и страшному* Спасу и двинулся со всѣмъ войскомъ въ Украину. Онъ написалъ въ Лохвицу къ Куракину, а въ Роменъ къ Безпалому, чтобъ сходились къ нему. 30 марта, явился Безпалый съ своими полковниками и эсаулами. Трубецкой объя-

вилъ козакамъ, что пришелъ не для войны, а для усмиренія междоусобій и кровопролитія, обнадеживалъ ихъ царскою милостію, и приказывалъ писать въ города и мѣстечки, которые поддались увѣщаніямъ Выговскаго, чтобъ жители раскаялись и, по-прежнему, обратились подъ самодержавную царскую руку. «Учини, гетманъ, крѣпкій заказъ, подъ смертною казнію, своимъ полковникамъ и эсауламъ и всѣмъ козакамъ»,—говорилъ Безпалому Трубецкой,—«чтобъ они не дѣлали ничего дурнаго въ государевыхъ черкасскихъ городахъ, не били людей, не брали ихъ въ полонъ, не грабили и ничѣмъ не обижали, и не дѣлали бы имъ никакихъ насилій и разореній, а государевымъ ратнымъ людямъ нашимъ отъ меня заказано тоже подъ смертною казнію.» Безпалый обѣщалъ, и былъ отпущенъ въ Роменъ снова.

Наступилъ апрѣль. Отъ Выговскаго не было извѣстія. Приведенные въ великорусскій лагерь языки извѣщали, что гетманъ отступилъ отъ Зѣнькова и уѣхалъ въ Чигиринъ; а, между тѣмъ, Гуляницкій съ козаками и Татарами прибылъ въ Конотопъ и оттуда разсылалъ партіи, которыя нападали на великорусскія села около Путивля, Рыльска и Сѣвска, разоряли ихъ, убивали и брали въ плѣнъ людей.

Пріѣхалъ изъ Москвы Кравченко. Трубецкой, призвавъ его къ себѣ, изложилъ ему все поведеніе Выговскаго, и сказалъ:

— Скажи гетману и всѣмъ козакамъ, чтобъ они отстали отъ своихъ неправдъ и остались подъ рукою великаго государя по-прежнему, безо всякаго сомнѣнія; а если они не придутъ въ познаніе и не станутъ бить челомъ государю о своихъ винахъ, то я иду съ ратными людьми, и что̀ надъ ними учинится, то̀ будетъ имъ не отъ меня, а отъ самихъ-себя.

Кравченко поклялся, что будетъ уговаривать гетмана и полковниковъ.

— Мы,—сказалъ онъ,—посыланы къ государю отъ всей черни съ рады, и будемъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ выславлять премногую милость и жалованье великаго государя.

Въ концѣ марта, Выговскій возвратился въ Чигиринъ. Наступила Пасха. По тогдашнему обычаю, на праздникъ Пасхи полковники и другіе чиновники съѣзжались къ гетману съ поздравленіемъ. Выговскій, пользуясь этимъ случаемъ, созвалъ ихъ на раду.

Выговскій не довѣрялъ московскимъ предложеніямъ. Въ нихъ полагалось условіемъ—собрать раду: Выговскій опасался, что на этой радѣ стечется много недоброжелателей, выберутъ другаго гетмана, и

боярин, который будетъ рѣшителемъ дѣла, нарушитъ всѣ данныя ему обѣщанія. Притомъ же, московское правительство очевидно ему не довѣряло, и предлагая мировую, дѣйствовало противъ него, и соединялось съ его врагами. Онъ представилъ полковникамъ грозящую всѣмъ имъ бѣду, увѣрилъ, что москали ихъ обманываютъ, и по общему приговору, разослалъ по Украинѣ универсалъ. Гетманъ извѣщалъ въ немъ украинскій народъ о причинахъ, которыя побуждаютъ его призывать народъ къ оружію противъ московскихъ войскъ; онъ доказывалъ, что царскіе коммисары на виленской коммисіи 1656 года постановили отдать Украину подъ польское владычество, коль скоро царь получитъ польскую корону; поэтому гетманъ и старшины разсудили, что гораздо лучше соединиться съ Польшею на правахъ вольной націи, чѣмъ быть отданными въ неволю. «Другая причина», писалъ Выговскій, «побуждающая насъ отложиться отъ державы россійской, есть та, что мы освѣдомились несомнѣнно, что его царское величество прислалъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому свою высокую грамоту, повелѣвающую истребить гетмана со всею старшиною, уничтожить всѣ права и вольности наши, оставить козаковъ только десять тысячъ, а весь остальной народъ украинскій сдѣлать вѣчными крестьянами и невольниками (1)».

Этотъ универсалъ на первыхъ порахъ перепугалъ Украинцевъ на правой сторонѣ Днѣпра (2); на лѣвой только переяславскій, прилуцкій, нѣжинскій и черниговскій полки держались Выговскаго (3).

Между тѣмъ, Трубецкой, 10 апрѣля, въ Константиновскомъ соборѣ отслужилъ молебенъ грозному и страшному Спасу и двинулся на Конотопъ, и въ то же время написалъ къ Безпалому въ Роменъ, и въ Лохвицу къ Куракину, чтобъ съ обѣихъ сторонъ сходились къ нему для соединенія. 13 апрѣля, на дорогѣ, присталъ къ нему Безпалый съ своими козаками; 16-го, они достигли Конотопа, прогнали отрядъ, наблюдавшій за путемъ; 21-го, явился къ нему князь Ѳедоръ Куракинъ съ Пожарскимъ и Львовымъ и со всѣмъ войскомъ, стоявшимъ въ Лохвицѣ. Малороссійскій лѣтописецъ пишетъ, что прилуцкій полковникъ, Дорошенко, хотѣлъ загородить москвитянамъ дорогу, но товарищъ Ромодановскаго, отважный князь Семенъ Ивановичъ Пожарскій, поразилъ его подъ Срибнымъ. «Дорошенко», говоритъ лѣтописецъ, «словно заяцъ бѣжалъ

(1) Лѣт. Велич. I, 366—367.
(2) ibid. 367.
(3) Лѣт. Сам. 31.—Лѣт. Велич. I, 367, 372.

по болотамъ, спасаясь отъ гибели, а князь Пожарскій приказалъ перерѣзать всѣхъ жителей мѣстечка Срибного (1)».

Въ Конотопскомъ замкѣ было два полковника, нѣжинскій и черниговскій, съ своими полками, всего до четырехъ тысячъ человѣкъ. Прежде приступа, Трубецкой написалъ къ Гуляницкому письмо, извѣщалъ, что присланъ для успокоенія междоусобій и для прекращенія кровопролитія, убѣждалъ вспомнить единую православную вѣру и царскую милость, отстать отъ неправдъ, бить челомъ въ винахъ своихъ и выслать добрыхъ и знатныхъ людей для переговоровъ.

Вмѣсто отвѣта, изъ города раздались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей. «Мы сѣли на смерть,» закричали козаки: «не сдадимъ города!»

Тогда Трубецкой приказалъ стрѣлять по городу и въ городъ.

Соединенное великорусское войско принялось осаждать Гуляницкаго. Съ 21 апрѣля до 29 іюня, длилась эта осада; многочисленное великорусское войско, подъ командою Трубецкаго, осаждало четыре тысячи нѣжинцевъ и черниговцевъ и не взяло ихъ. Замокъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Нѣсколько дней безъ умолку гремѣли пушки, летали гранаты въ городъ, ратные люди рыли подкопы; 28 апрѣля, передъ разсвѣтомъ, отпѣвши молебенъ, все войско полѣзло на приступъ. Все было напрасно: не зажигался замокъ отъ гранатъ, перерваны были подкопы; московитяне успѣли-было взобраться на стѣны, но отбитые съ урономъ, возвратились съ приступа, и осажденные съ высокихъ валовъ отвѣчали осаждающимъ ядрами и картечью такъ-мѣтко, что нанесли имъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ сами претерпѣли. Московскіе стрѣльцы и пушкари только даромъ тратили «государево зелье», какъ называли они порохъ. Трубецкой задумалъ иной родъ войны: онъ хотѣлъ засыпать ровъ, окружавшій замокъ, но козаки частыми выстрѣлами перерывали работу, дѣлали смѣлыя вылазки, спускались въ ровъ и уносили землю, накиданную туда великороссіянами, на свой валъ: такимъ образомъ, ровъ оставался такъ же глубокъ какъ и прежде, а валъ дѣлался выше, и козацкія ядра поражали осаждающихъ еще удачнѣе. Такъ прошло нѣсколько недѣль (2). Наскучивъ осадою, Трубецкой послалъ Ромодановскаго и Скуратова къ Борзнѣ. 12 мая, московитяне напали на Борзну. Начальствовавшій борзенскими козаками, Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельниц-

(1) Лѣт. Велич. I, 372.

(2) Лѣт. Самов. 31.—Ист. Мал. Росс. II, 36—37.

каго, былъ разбитъ; Борзна была взята и сожжена; много жителей истреблено; женъ и дѣтей козацкихъ привели плѣнными подъ Конотопъ и отправили въ Великороссію. 21 мая, по тайному письму неизмѣннаго благопріятеля московской стороны, протопопа Филимонова, Ромодановскій, Куракинъ и козаки, подъ начальствомъ Безпалаго, двинулись къ Нѣжину. Нѣжинцы сдѣлали вылазку; великороссіяне прогнали ихъ въ городъ, но на другой сторонѣ стояло большое войско, состоявшее изъ сербовъ, поляковъ, татаръ; великороссіяне пошли на нихъ, произошелъ бой,—татары отступили; въ плѣнъ попался козацкій предводитель Скоробагатенко, наказный гетманъ. Однако князь побоялся преслѣдовать татаръ, предполагая, что они нарочно заманиваютъ его за собою въ погоню, чтобъ навести на большое войско, и воротился къ Трубецкому вести осаду (1).

Не зная, гдѣ Выговскій и что̀ съ нимъ дѣлается, Трубецкой, 4 іюня, рѣшился еще разъ попытаться прекратить кровопролитіе мирными средствами. Онъ отправилъ отыскивать его донскихъ козаковъ съ письмомъ: по-прежнему, бояринъ предлагалъ мятежному гетману миръ и просилъ прислать трехъ знатныхъ человѣкъ для разговора. До 27 іюня не было ни слуху ни духу отъ Выговскаго.

Выговскій не помогалъ Гуляницкому, потому что дожидался хана; козаковъ, державшихся его партіи, было только шестнадцать тысячъ. Махметъ-Гирей явился не ранѣе 24 іюня, съ тридцатью тысячами ордынцевъ (2). Первое свиданіе его съ гетманомъ было на Крупичъполѣ. Союзники утвердили свою дружбу взаимною торжественною присягою: гетманъ съ старшинами присягнулъ отъ лица всей Украины,—полковники присягали за свои полки, сотники за свои сотни; потомъ ханъ, султаны и мурзы присягали по-своему закону—не отступать отъ козаковъ и помогать противъ московитянъ, пока не изгонятъ изъ Украины московскихъ войскъ (3). У Выговскаго, сверхъ-того, было нѣсколько тысячъ наемныхъ войскъ—сербовъ, волоховъ, но преимущественно—поляковъ (4).

Соединенное козацкое и татарское войско выступило къ Конотопу.

---

(1) Лѣт. Самов., 31.

(2) Ann. Polon. Clim. II, 377.

(3) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

(4) Ann. Polon. Clim. II, 377.—Лѣт. Сам. 32.—Лѣт. Велич. I, 373.—Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 20.—Ист. Мал. Росс. II, 38.

Подъ Шаповаловкою встрѣтился съ ними московскій отрядъ, посланный для взятія языковъ. Произошло сраженіе; великоруссы были разбиты на-голову, и этотъ первый успѣхъ ободрилъ козаковъ (1).

Въ числѣ плѣнниковъ былъ Силка, храбрый защитникъ Зѣнькова, котораго Выговскій приказалъ приковать къ пушкѣ (2).

Плѣнники высказали положеніе войска подъ Конотопомъ и прибавили, что полководцы вовсе не дожидаются прихода непріятелей. Въ самомъ дѣлѣ, воеводы не имѣли никакого свѣдѣнія о томъ, что непріятель былъ такъ близко отъ нихъ (3).

Союзникамъ оставалось до Конотопа пятнадцать верстъ; тутъ надобно было переправляться чрезъ болотистую рѣку Сосновку. Выговскій осмотрѣлъ мѣстность: она показалась ему такова, что сраженіе, данное на ней, могло кончиться совершеннымъ пораженіемъ одного изъ враждебныхъ войскъ. Козаки могли надѣяться на побѣду, потому что у нихъ было время устроить свое войско выгоднымъ образомъ; надобно было только заманить московитянъ.

Выговскій расположилъ свое козацкое войско на широкомъ лугу, въ закрытомъ мѣстѣ (4), и отдалъ начальство надъ войскомъ Стефану Гуляницкому, брату осажденнаго въ Конотопѣ, а самъ, отобравъ себѣ небольшой отрядъ, пригласилъ съ собой султана Нураддина и переправился на другую сторону рѣки Сосновки, съ намѣреніемъ напасть въ тылъ на осаждающихъ, потомъ побѣжать, заманить за собою московитянъ и навести ихъ на оставшееся козацкое войско; ханъ съ ордою отправился вправо на урочище Торговицу, верстъ за десять, съ цѣлью ударить въ другой разъ въ тылъ непріятелю, когда Выговскому удастся его вывести (5).

27 іюня, во вторникъ, Выговскій переправился черезъ рѣку и внезапно ударилъ въ тылъ осаждавшимъ конотопскій замокъ. Неожиданное появленіе непріятеля смѣшало великороссіянъ; въ тревогѣ, они побѣжали, и козаки захватили много лошадей у конницы, которая, впопыхахъ, не успѣла вскочить на нихъ во-время. Но въ нѣсколько часовъ московитяне поправились. Воеводы замѣтили, что у Выговскаго войска по крайней мѣрѣ въ десять разъ меньше чѣмъ у нихъ. По-

(1) Лѣт. Велич. I, 373.
(2) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.
(3) Gründliche und wahrhaftige Relation von dem glücklichen Siege, etc. —
(4) Лѣт. Велич. I, 373.
(5) Лѣт Самов., 32.

жарскій ударилъ на козаковъ—они повернули назадъ и убѣжали за Сосновку.

Настала ночь. Нѣсколько козаковъ было взято въ плѣнъ, другіе добровольно явились служить царю.

— Неужели у Выговскаго всего-на-все столько войска, сколько было здѣсь?—спросилъ ихъ Пожарскій.

— Нѣтъ,—отвѣчали козаки.—Не гонись, князь, за нимъ: онъ нарочно заманиваетъ васъ въ засаду. Съ нимъ много козаковъ, и самъ ханъ съ ордою, а съ ханомъ славные воины: султаны Нураддинъ, и Калга, мурзы Дзяманъ-Сайдакъ и Шуринбей.

— Давай ханишку!—закричалъ Пожарскій:—давай Нураддина, давай Калгу, давай Дзяманъ-Сайдака и Ширинбея! Всѣхъ ихъ бодёныхъ матерей вырубимъ и выплѣнимъ!

Напрасно Трубецкой останавливалъ Пожарскаго. Отважный князь не послушался. «Онъ,» говоритъ лѣтописецъ, «слишкомъ вѣрилъ въ свою непобѣдимость послѣ удачи подъ Срибнымъ. 28 іюня, рано, Пожарскій съ тридцатью тысячами переправился за Сосновку (1). Другая половина войска, подъ начальствомъ Трубецкаго, оставалась подъ Конотопомъ; при ней былъ Безпалый съ козаками (2).

Перешедши черезъ Сосновку, московитяне ставили батареи, устраивались въ боевой порядокъ; Выговскій не препятствовалъ имъ. Но въ то время, когда московитяне приписывали это бездѣйствіе козаковъ трусости, пять тысячъ украинцевъ, подъ командой Стефана Гуляницкаго, рыли извилинами ровъ по направленію къ широкому мосту, по которому прошло московское войско. Какъ-только они довели свои работы близко къ московскому войску и могли быть имъ замѣчены, Выговскій сдѣлалъ нападеніе, но послѣ первыхъ отвѣтныхъ выстрѣловъ, побѣжалъ. Пожарскій, увѣренный, что козаки трусятъ передъ его доблестью, бросился за ними. Выговскій отступилъ еще далѣе... Все войско московское снялось съ своей позиціи, съ жаромъ преслѣдовало козаковъ и удалилось на значительное разстояніе отъ моста.

Тѣмъ временемъ, козаки, быстро копавшіе ровъ, очутились въ тылу московскаго войска, бросились на мостъ, изрубили его, и остатками его запрудили мелководную рѣку: вода начала разливаться изъ русла по вязкому лугу. Это неожиданное явленіе подало Гуляницкому мысль не только преградить московитянамъ обратный путь черезъ Сосновку,

(1) Лѣт. Велич. I, 374.

(2) Ист. Мал. Росс. 38.

но затруднить имъ ходъ по лугу. По его приказанію, козаки разсѣялись по болоту: одни косили траву и камышъ, другіе рубили тальникъ и лозу и бросали въ воду. Въ нѣсколько минутъ рѣка была запружена, и вода разливалась во всѣ стороны.

Увидѣвши позади себя козаковъ, московитяне перестали гнаться за Выговскимъ и обратились назадъ; тогда въ свою очередь погнались за ними бѣжавшіе козаки, и вдругъ московитяне были оглушены страшнымъ крикомъ и свистомъ: орда съ ханомъ и воинственными мурзами порывисто летѣла прямо на лѣвое крыло московскаго войска. Московитяне хотѣли удержать напоръ, но тутъ Выговскій съ козаками и наемнымъ войскомъ ударилъ на нихъ съ правой стороны. Московитяне, стѣсненные съ боковъ, подались назадъ...

Но назадъ имъ не было ходу: вода, разлившись по лугу, превратила его въ болото; не двигались московскія пушки; погрязли по-брюхо московскія лошади; московитяне пустились—было бѣжать пѣшкомъ, но идти было также невозможно (1). «Развѣ тотъ могъ убѣжать», говоритъ лѣтописецъ, «у кого были крылатые кони (2).»

Напрасно рвался изо всѣхъ силъ Пожарскій, напрасно хотѣлъ выбраться на сухое мѣсто (3): тридцать тысячъ вѣрныхъ царю русскихъ погибло въ этотъ ужасный день. Татары не жалѣли ихъ, потому что съ простыхъ нельзя было надѣяться окупа; а козаки были ожесточены противъ этого войска, которое, по увѣренію Выговскаго и старшинъ, приходило будто бы для того, чтобы уничтожить ихъ права и обращать ихъ самихъ въ невольниковъ.

Пожарскій былъ схваченъ и приведенъ къ Выговскому. Князь рѣзко началъ выговаривать ему за измѣну царю, и Выговскій отослалъ его къ хану.

Повелитель правовѣрныхъ сказалъ ему чрезъ толмача:

— Ты слишкомъ безразсуденъ, князь, и легкомысленъ: ты осмѣлился не страшиться нашихъ великихъ силъ и теперь достойно наказанъ, ибо черезъ твое легкомыслiе погибло столько храбраго и невиннаго московскаго войска.

Князь Пожарскій, говоритъ лѣтописецъ, не посмотрѣлъ, что былъ въ плѣну, но въ отвѣтъ на ханское замѣчаніе угостилъ ханскую мать

(1) Ann. Pol. Cl. II, 380–381.—Лѣт. Велич. I, 375.—Hist. pan. Jan. Kaz. II, 24.

(2) Лѣт. Велич. I, 375.

(3) Hist. pan. Jan. Kaz. II, 25.

эпитетомъ, неупотребительнымъ въ печатномъ словѣ, и плюнулъ хану въ глаза. Разъяренный ханъ приказалъ отрубить ему голову передъ своими глазами. «Отозвалось ему», говоритъ украинскій лѣтописецъ, «истребленіе невинныхъ жителей Срибнаго (1)». Вмѣстѣ съ нимъ, ханъ въ ярости приказалъ изрубить и другихъ знатныхъ плѣнниковъ; въ числѣ ихъ былъ сынъ знаменитаго Прокопья Ляпунова, Левъ, двое Бутурлиныхъ и нѣсколько полковниковъ. Пожарскій явилъ себя настоящимъ великорусскимъ народнымъ молодцомъ. Народная память оцѣнила это и передала его подвигъ потомству въ пѣснѣ (2).

---

(1) Лѣт. Велич. I, 375.

(2) За рѣкою, переправою, за деревнею Сосновкою,
Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣлокаменной,
На лугахъ, лугахъ зеленыихъ,
Тутъ стоятъ полки царскіе,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянскія.
А изъ далеча изъ чиста поля,
Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
Кабы черные вороны табуномъ табунилися,
Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцаии,
Напущалися Татарове на полки государевы;
Они спрашиваютъ Татарове
Изъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку государева сопротивника
Не выбрали ни изъ Стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцевъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарской князь
Князь Семенъ Романовичь,
Онъ бояринъ большой словетъ, Пожарской князь,
Выѣзжалъ онъ на вылазку
Сспротивъ Татарина и злодѣя наѣздника;
А татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
А славной Пожарской князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слиталися,
А сѣѣжались въ чистомъ полѣ
Пожарской бояринъ съ Татариномъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому—
Своею саблей острою онъ отводилъ остро копье Татарское,
И срубилъ ему голову, что Татарину наѣзднику.
А завыли злы Татарове поганые,
Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина.
А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго,
Падаетъ его окорачь доброй конь,

29 іюня, вышелъ Гуляницкій, съ своими нѣжинцами и черниговцами, изъ двѣнадцати-недѣльнаго заключенія. Въ отрядѣ его оставалось тогда только двѣ тысячи пять-сотъ человѣкъ ([3]).

2 іюля, князь Трубецкой сталъ отступать, переправился черезъ рѣку, съ большими неудобствами; многіе утонули во время переправы.

Побѣдители погнались за нимъ, но Трубецкой окопался и отразилъ напоръ непріятеля; самъ Выговскій былъ въ опасности: осколокъ ядра ранилъ его лошадь и задѣлъ ему кафтанъ ([4]). Трубецкой

Возкричитъ Пожарской князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобранные, вы стрѣльцы государевы!
Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
Увезите во полки государевы».
Злы Татарове крымскіе, они злы да лукавые,
А метался грудою, полонили князя Пожарскаго,
Увезли его во свои степи крымскія
Къ самому Хану Крымскому—деревенской шишиморѣ,
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семенъ Романовичь!
Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою правдою,
Заочью неизмѣною,
Еще какъ ты Царю служилъ, да Царю своему Бѣлому;
А и такъ-то ты мнѣ служи, самому Хану Крымскому,
Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
Да и женки прелестными: и душами красными дѣвицами».
Отвѣчаетъ Пожарской князь самому Хану Крымскому:
«А и гой еси Крымской Ханъ—деревенской шишимора!
Я бы радъ тебѣ служить, самому Хану Крымскому.
Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
Кабы мнѣ сабелька острая,
Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
Я срубилъ тебѣ буйну голову».
Скричитъ тутъ Крымской Ханъ,—деревенской шишимора:
«А и вы Татары поганые!
Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,
Изрубите его бѣло тѣло во части во мѣлкія,
Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю».
Кабы черные воровы закричали, загайкали,
Ухватили Татарове князя Семена Пожарскаго,
Повезли его Татарове они на гору высокую.
Сказнили Татарове князя Семена Пожарскаго,

([3]) Лѣт. Самов. 32.
([4]) Gründl. Relation.

дошелъ до рѣки Семи, въ десяти верстахъ отъ Путивля; но далѣе не могъ обороняться, и ушелъ къ Путивлю. Выговскій отказывался преслѣдовать войско московское на московской землѣ. Напрасно поляки, служившіе у Выговскаго на жалованьѣ, изъ мести за Гонсѣвскаго, только-что передъ тѣмъ, въ мирное время, схваченнаго Хованскимъ въ Вильнѣ, упрашивали его; напрасно ханъ убѣждалъ гетмана (5): Выговскій показывалъ видъ, что поднялъ оружіе только для того, чтобъ изгнать изъ Украины московское войско, причиняющее бѣдствія народу и разореніе краю, а вовсе не намѣренъ вести войны

Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мѣлкія,
Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю,
Они сами уѣхали къ самому Хану Крымскому.
Они день другой нейдутъ, никто не провѣдаетъ,
А изъ полку было государевы козаки двое выбрались,
Эти-двое козаки молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли туто на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы то вѣдь тѣло Пожарскаго:
Голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны,
А его бѣло тѣло во части изрублено.
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовой лубъ накрѣпко,
Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ и дьяконовъ
И церковныхъ причетниковъ
И тѣмъ казакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склали его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто сросталося,
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому (*).

(5) Hist. pan. Jana Kaz. I, 26.—Ann. Polon. Clim. II, 381.

(*) Древн. стих., собр. Киршею Даниловымъ.

съ царемъ и великорусскимъ народомъ. «Вѣроятно,» замѣчаетъ польскій историкъ, «онъ боялся, чтобъ козаки не отпали отъ него, если онъ выйдетъ изъ Украины (1).»

Выговскій отступилъ къ Гадячу (2) и отослалъ къ Іоанну-Казиміру взятое у московитянъ большое знамя, барабаны и пушки (3); потомъ отправился въ Чигиринъ и занялся планомъ изгнанія великорусскаго войска изъ Кіева (4). Ханъ съ татарами удалился въ Крымъ, а нѣсколько татарскихъ *загоновъ* разсыпались по московской землѣ (5).

XIV.

Въ Варшавѣ начался сеймъ. Собранные члены Рѣчи-Посполитой разсуждали о своихъ дѣлахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали козаковъ. Явились наконецъ и послы отъ новосозданнаго Великаго Княжества Русскаго. Изъ генеральныхъ старшинъ прибыли Носачъ и Груша, полковникъ Лѣсницкій, опять начальствовавшій миргородскимъ полкомъ; отъ полковъ были присланы по два сотника; сверхъ того, была съ ними толпа знатныхъ козаковъ,—всего человѣкъ до двухъ-сотъ. Юрій Немиричъ, депутатъ отъ Кіева, и Прокопъ Верещага—отъ Чернигова, были на челѣ посольства.

Въ день, назначенный для торжественнаго ихъ пріема въ сенатской залѣ, сидѣлъ король посреди сенаторовъ. Вошли русскіе послы; впереди шелъ Немиричъ, и остановясь, произнесъ рѣчь, въ которой, послѣ реторическаго приступа, говорилъ такъ:

«Мы являемся въ настоящій день предъ престоломъ его королевскаго величества, предъ собраніемъ всей Рѣчи-Посполитой, послами свѣтлѣйшаго и благороднѣйшаго гетмана всего войска запорожскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлаго русскаго народа, признать предъ лицомъ цѣлаго міра, передъ грядущими вѣками, его величество повелителемъ свободныхъ народовъ, Рѣчь-Посполитую и корону польскую нашею отчизною и матерью. Держава вашего величества во всемъ свѣтѣ сла-

(1) Dzieje pan. Jana Kaz. I, 196.
(2) Лѣт. Самов. 32.
(3) Полн. Собр. Зак. I, 498.—Ист. Мал. Рос. II, 38.
(4) Лѣт. Велич. I, 376.
(5) Лѣт. Самов. 32.

вится свободою и подобна царству божію, гдѣ, какъ огненнымъ духамъ, такъ и человѣческому роду, даются божескіе и человѣческіе законы, съ сохраненіемъ ихъ свободной воли безъ малѣйшаго нарушенія, на всѣ времена съ сотворенія міра. Пусть другія государства и державы славятся своимъ теплымъ климатомъ, стеченіемъ земныхъ богатствъ, избыткомъ золота, драгоцѣнныхъ перловъ и камней, роскошью жизни; пусть красуются передъ цѣлымъ свѣтомъ подобно дорогимъ камнямъ, оправленнымъ въ золотые перстни: ихъ народы не знаютъ истинной свободы; забывая, что одарены отъ Бога свободною волею, они живутъ какъ-будто въ золотой клѣткѣ, и должны оставаться рабами чужаго произвола и желанія. Въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найти такой свободы, какъ въ польской Коронѣ. Эта неоцѣнимая, несравненная свобода — и ни что другое — привлекаетъ насъ теперь къ соединенію съ вами: мы рождены свободными, въ свободѣ воспитались, и свободно обращаемся къ равной свободѣ. За нее, за честь и достоинство вашего величества, за благосостояніе всеобщаго отечества, готовы положить жизнь нашу. На ней да созиждется наше неразрывное единство, какъ и на сходствѣ религіи, жизни и правъ нашихъ народовъ; свобода и братское равенство да будутъ основою нашего соединенія для потомковъ нашихъ! Государства поддерживаются тѣми же средствами, какими созидаются (nam regna quibus mediis fundantur, iisdem et retinentur). Быть-можетъ, всесильная рука устроила наше соединеніе для того, чтобъ другіе народы. послѣдовавъ нашему примѣру, преклонились предъ вашимъ величествомъ, обняли и облобызали этотъ драгоцѣнный талантъ и клейнотъ польской короны. Да возрастетъ Рѣчь-Посполитая великою и могущественною державою, божіимъ благословеніемъ, счастливымъ царствованіемъ и попеченіемъ вашего величества и благоустройствомъ соединенныхъ земель. Съ нашимъ подданствомъ приносимъ мы вашему величеству, королю и государю, наши просьбы и желанія, въ которыхъ мы не могли быть удовлетворены посредствомъ коммисаровъ; только королевское величество и Рѣчь-Посполитая могутъ дать этому дѣлу совѣтъ, окончательно рѣшить возникшіе вопросы, успокоить озабоченные умы вѣрныхъ подданныхъ его величества, и кроткою королевскою десницею привлечь ихъ всецѣло къ себѣ въ объятія.

«Мы не надѣемся, чтобъ нашелся кто-нибудь въ Рѣчи-Посполитой, кто бы сталъ смотрѣть на насъ съ завистью и недоброжелательствомъ: благородныя души свободны отъ этого порока, а низкія обыкли скрывать свои постыдныя побужденія!»

Собраніе наградило рукоплесканіемъ оратора. Онъ остановился на минуту, потомъ продолжалъ:

«Вотъ блудный сынъ возвращается къ своему отцу... Да приметъ его отецъ поцѣлуемъ мира и благоволенія! да возложитъ золотой перстень на палецъ его, да облечетъ его въ нарядныя одежды, да заколетъ упитаннаго тельца и да возвеселится съ нимъ на зависть другимъ! Обрѣтается потерянная драхма, возвращается огорченной матери, общей отчизнѣ: да веселится матерь сердечною радостью! Заблудшая овца возвращается къ своему пастырю, обрѣтшему ее: да возложитъ онъ ее на рамена свои, и понесетъ, и возрадуется великою радостію! Не тысячи — милліоны душъ стремятся къ подданству его величества и всей Рѣчи-Посполитой! Радуйся, найяснѣйшій король! твоимъ счастьемъ, вѣрностію и трудомъ совершилось это дѣло! Радуйся, найяснѣйшая королева, прилагавшая свою заботу объ этомъ дѣлѣ! Примите эту богатую землю, этотъ плодоносный египетъ, текущій млекомъ и медомъ, обильный пшеницею и всѣми земными плодами, эту отчизну воинственнаго и древлеславнаго на морѣ и на сушѣ народа русскаго! Радостно восклицаемъ отъ полноты души: vivat feliciter serenissimus rex Johannes Casimirus! vivat respublica Polona.»

Эта рѣчь показалась очень мудрою. Оратору отвѣчали:

«Найяснѣйшему королю и всей Рѣчи-Посполитой невыразимо пріятно видѣть васъ, нѣкогда свирѣпыхъ мятежниковъ, нынѣ вѣрныхъ подданныхъ отечества. Благо вамъ, что вы измѣнили старую ненависть къ Польшѣ и желаніе погубить насъ на искреннее расположеніе къ матери вашей—отчизнѣ и желаете снова вступить съ нами въ соединеніе, отъ котораго оторвали васъ старшины.»

Поданы были пункты, и послы были допущены къ рукѣ королевской.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ того происходили пренія о гадячскомъ договорѣ, и всеобщій восторгъ уступилъ мѣсто ропоту—и въ сенатѣ, и въ посольской избѣ. Въ статьяхъ, представленныхъ козацкими депутатами, возобновлялись требованія, которыя приводили въ недоумѣніе и коммисаровъ въ Гадячѣ, и были оставлены не совсѣмъ рѣшенными. Требовалось полное уничтоженіе уніи во всей Рѣчи-Посполитой на всемъ пространствѣ, гдѣ только существуетъ русскій языкъ (póki jęzẏk narodu ruskiego zasięga in genere et in specie): всѣ церкви, монастыри и всѣ заведенія, состоявшія подъ церковнымъ вѣдомствомъ, какъ школы, госпитали, и всѣ имѣнія, если когда-либо они принадлежали къ православной церкви и захвачены уніатами или єзуитами,

должны быть возвращены, и при этомъ католической или уніатской сторонѣ не предоставлять права, поднявъ споръ о ихъ принадлежности, удерживать ихъ до рѣшенія суда въ своемъ владѣніи. Для этого слѣдовало назначить коммиссію, составленную изъ депутатовъ трехъ соединенныхъ земель—Польши, Литвы и Руси, а великій инстигаторъ Русскаго Княжества отберетъ все требуемое и отдастъ православной церкви, а потомъ долженъ быть созванъ въ Брацлавѣ сеймъ, и на немъ представлено будетъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ. Уніаты и езуиты, коль-скоро станутъ противиться или звать православныхъ къ суду за оскорбленіе святыхъ таинъ, какъ это дѣлалось прежде и составляло обычный предлогъ сдѣлать придирку къ православнымъ, уже за одно упорство и подачу такого позыва должны подвергаться инфаміи (безчестію) и наказанію. Равнымъ образомъ за утайку отъ коммисаровъ чего бы то ни было, что будетъ слѣдовать къ возвращенію православной церкви, инстигаторъ Великаго Княжества Русскаго имѣлъ право звать виновныхъ къ надлежащему суду и требовать наказанія — какъ за нарушеніе правъ личныхъ и по имуществу, присвоенныхъ народу, исповѣдующему греческую вѣру — наказанія, положеннаго вообще за сопротивленіе сеймовымъ и трибунальскимъ опредѣленіямъ (ratione bonorum et personarum et omnium injuriarum ludzi religii greckiéj nie uniekiej pro poena contra convulsores decretorum tam comitialium iako tribunalitiorum sancita). Козачество энергически объявляло, что оно твердо рѣшилось не уступать никому всего, что считаетъ церковнымъ достояніемъ на Руси и въ Литвѣ; уніатамъ не слѣдовало позволять быть ни архіепископами, ни епископами, ни архимандритами, ни игуменами, ни священниками; езуитамъ не дозволять пребывать въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ. Козаки просили расширенія Великаго Княжества Русскаго и присоединенія къ нему воеводствъ Волынскаго, Подольскаго и Русскаго. Всѣ старóства и русская земля должны быть присоединены къ воеводствамъ и каштелянствамъ русскимъ; а такъ какъ воеводами и каштелянами могли быть только лица греческаго исповѣданія, то тѣмъ самимъ у католиковъ отнималось право на коронныя имѣнія внутри Русскаго Княжества. Чтобъ вознаградить потери пановъ католическаго вѣроисповѣданія, имѣвшихъ имѣнія въ Руси, русскіе просили давать этимъ панамъ первыя вакантныя мѣста въ Польскомъ королевствѣ, а ихъ прежнія имѣнія должны быть отданы туземцамъ. Въ самомъ Великомъ Княжествѣ Русскомъ хотѣли полнаго равенства шляхетскаго сословія, чтобы князья не присвоивали себѣ преимуществъ. Козаки просили

полной вольности не только въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Гетманъ и старшины хлопотали о себѣ: гетманъ просилъ себѣ судебной власти надъ всѣмъ рыцарствомъ въ Украинѣ, съ правомъ не являться лично ни въ какой судъ ни по какой жалобѣ, а старшины домогались сугубой награды, ссылаясь на то, что̀ имъ обѣщалъ царь московскій. Разныя лица прислали на сеймъ просьбы, и депутаты должны были ходатайствовать за нихъ (1).

«Договоръ этотъ,» говорили сенаторы, «нарушаетъ коренные уставы государства въ духовномъ и мірскомъ отношеніи. Въ духовномъ—потому чго мы должны противъ совѣсти признать равенство восточной вѣры съ римскою, сами должны хулить унію—соединеніе съ нашего собственною религіею. Въ политическомъ отношеніи гадячскій договоръ разрываетъ старинный договоръ Казимира съ русскою землею, уничтожаетъ старое устройство, вводитъ новое: Русь, давняя провинція Рѣчи-Посполитой, договаривается съ нею какъ – будто чужая страна; мы должны допустить изгнаніе изъ Руси старинаго дворянства, для того, чтобъ водворить новое, должны терпѣть холоповъ въ самомъ сенатѣ. Очевидно, что Русское Княжество, котораго они домогаются, будетъ совершенно независимое государство, только по имени соединенное съ Рѣчью-Посполитою. Этого мало: можемъ ли мы надѣяться, чтобъ гетманъ украинскій могъ быть вѣрнымъ слугою короля и Рѣчи-Посполитой, когда онъ будетъ облеченъ почти царской властью и имѣть въ распоряженіи нѣсколько десятковъ тысячъ войска? Конечно, онъ будетъ повиноваться до тѣхъ поръ, пока захочетъ; а не захочетъ, будетъ сопротивляться!»

Противъ этихъ доводовъ возражали такимъ образомъ:

«Намъ необходимъ миръ. У насъ трое непріятелей. Дѣла ихъ перепутались. Козаки хотятъ мириться съ нами потихоньку отъ Москвы; Москва разсорилась съ Шведомъ. Теперь самъ Господь Богъ подаетъ намъ способы: козаки, безъ принужденія нашего, сами къ намъ возвращаются; они увидѣли, что ихъ свобода безъ нашей, а наша безъ ихъ свободы, несостоятельна. Если же мы соединимся, то не только возвратимъ отечеству его блескъ, но и силу. Будемъ съ ними договариваться искренно. Не надобно соблазняться тѣмъ, что они желаютъ самобытности, хотятъ своего правительства; конечно, намъ не желательно разлагаться на народы, но такой союзъ съ козаками не разорветъ

(1) Акты Кіев. Комм. III, 315—328.

Рѣчи-Посполитой. Этотъ союзъ будетъ точно такой, какой уже существуетъ съ Литвою. Пусть народъ надъ народомъ не имѣетъ преимущества: чрезъ то и сохранится наше государство; напротивъ, предпочтеніе ведетъ къ смутамъ. Часто, подъ видомъ свободы, угнетаютъ другихъ, и оттого возникаютъ междоусобія. Равенство безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ есть душа свободы. Не нужно намъ никакихъ чужеземныхъ гарантій нашего союза съ козаками. Чужеземные государи, хотя бы самые честнѣйшіе, всегда будутъ проводить свою пользу и возмущать наше государство; чужеземцы насъ не сохранятъ. Лучшая гарантія будетъ взаимная любовь и довѣріе, безъ всякаго предпочтенія одной изъ сторонъ. Мы будемъ охранять свободу Украины или Руси и ея народа, а козаки— насъ. Свобода козаковъ не можетъ быть безопасна безъ связи съ нами. Опытъ уже научилъ ихъ.———А когда мы будемъ соединены безъ всякихъ внѣшнихъ посредствъ, тогда наша сила будетъ несокрушима. Миръ съ козаками не долженъ насъ ссорить съ Москвою. Напротивъ, соединимся съ козаками съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ того помириться и съ Москвою. Вѣдь и козаки намѣрены быть въ соединеніи съ Москвою, чтобъ потомъ взаимными силами обратиться къ какому-нибудь великому предпріятію. Надобно представить московскому правительству, что примиреніе съ козаками ему не во вредъ; надобно съ кротостію доказывать ему, что христіанскимъ государствамъ не слѣдуетъ пріобрѣтать оружіемъ то, что̀ можно пріобрѣсть путемъ согласія. Мы не отрекаемся отъ договора о наслѣдствѣ; мы знаемъ, что отъ этого будетъ великая польза всему христіанству. Притомъ же, мы—народы одного племени, и мало различны по языку. Будемъ договариваться прямо, не вымышлять никакихъ невозможныхъ условій, обезпечимъ будущимъ королемъ изъ московскаго дома неприкосновенность религіи, обезпечимъ свободу какъ нашу, такъ и Украины, и право избранія государей, хотя только для предостереженія. Москва не станетъ продолжать войны: она и безъ оружія все пріобрѣтетъ честно и мирно, съ выгодою для своего и нашего народа. Согласіе наше съ козаками покажетъ Москалю нашу силу и побудитъ согласиться на условія. Вѣдь шведскій король дѣлаетъ намъ теперь гордыя предложенія признать его наслѣдникомъ; но если съ кѣмъ-нибудь мириться на условіяхъ наслѣдства, такъ ужъ лучше съ Москвою. Предложеніе московскому государю остановитъ войну и позволитъ намъ раздѣлаться съ Шведами; Шведы должны будутъ помириться, ибо увидятъ иначе свою погибель. Но еслибъ Москва стала посягать на нашу свободу,

то, соединившись съ козаками, мы всегда можемъ взаимными силами охранить ее и воздать за оскорбленіе.»

Другихъ оскорбляло раздаваніе шляхетскаго званія козакамъ. «Умноженіе новыхъ дворянъ унизитъ достоинство стараго дворянства,» говорили они. «Получившіе благодѣяніе будутъ сильнѣе благодѣтелей. Какому благородному сердцу не больно будетъ, когда старинныя почести польской націи будутъ раздаваться презрѣннымъ холопамъ? Дворянское достоинство, эта награда доблестямъ, потеряетъ свою цѣнность, какъ алмазъ въ кучѣ навоза. Несчастенъ нашъ вѣкъ, когда мы принуждены платить почестями за преступленія и награждать злодѣянія! Да и кому дается дворянское званіе? Тѣмъ, которые не умѣютъ цѣнить его высокаго достоинства, тѣмъ, которые дворянскія грамоты почитаютъ дѣтскими игрушками! Были примѣры, что по случаю потери шляхетской чести за преступленіе, козаки въ насмѣшку спрашивали: а дозволено ли ѣсть и пить потерявшимъ дворянское достоинство? Вотъ—какъ они понимаютъ дворянское достоинство! Да и можемъ ли мы расположить къ себѣ этимъ козаковъ? Козаки всѣ равны между собою; если мы возведемъ въ дворянское достоинство только нѣкоторыхъ, то раздражимъ остальныхъ, которые не получатъ этого званія, столь для нихъ ненавистнаго. И, правду сказать, мы болѣе вооружимъ противъ себя огромную толпу, чѣмъ возбудимъ благодарность въ тѣхъ, которыхъ допустимъ въ благородное сословіе. Да, если давать козакамъ дворянство, то давать всѣмъ, а не кому—нибудь, дабы всѣхъ, а не малую часть, преклонить къ повиновенію Рѣчи—Посполитой. Но кто же согласится на такое униженіе, чтобъ кивотъ Рѣчи—Посполитой, хранимый отъ вѣковъ какъ величайшее сокровище, отдать на приманку черни? Нѣтъ! если козаки хотятъ соединиться, пусть идутъ къ намъ добровольно, безкорыстно, а не такъ какъ плотоядныя животныя, которыхъ надобно приманивать пищею!»

Другіе были противнаго мнѣнія. «Достоинство дворянское,» говорили они, «болѣе имѣетъ цѣны, когда пріобрѣтается доблестями, чѣмъ когда получается чрезъ наслѣдство, когда оно—даръ признательности за службу отечеству, а не награда за лежаніе въ колыбели. Кто своими предками тщеславится, тотъ хвалится чужимъ, а не своимъ: пусть же онъ своими дѣлами покажетъ, что достоинъ званія, которое носитъ! Иначе закопченыя изображенія предковъ, висящія по стѣнамъ его дома, его фамильные гербы—все ничто, если онъ даетъ свое имя единственно быкамъ, которыхъ стадами отправляетъ изъ своего

имѣнія на продажу. Въ прошедшія войны много погибло шляхетства; надобно замѣнить убитыхъ; чѣмъ давать шляхетство за деньги, гораздо справедливѣе даровать его козакамъ въ награду за возвращеніе ихъ къ отечеству и за присоединеніе Украины къ Рѣчи-Посполитой, и черезъ то́ мы утвердимъ въ нихъ любовъ къ общему отечеству. Намъ слѣдуетъ даровать какъ-можно-болѣе свободы козакамъ, чтобъ расположить ихъ къ себѣ. — — Нечего бояться образованія Княжества Русскаго: сохраняя свое правильное устройство, подобное великому княжеству Литовскому, оно всегда останется частью Рѣчи-Посполитой. Что́же касается до прежнихъ мятежей, которые козаки поднимали противъ насъ, то надобно все приписать божію наказанію надъ нами и все покрыть полною амнистіею.»

Тогда нѣкоторые шляхтичи съ большимъ жаромъ говорили за козаковъ. «Вотъ,» говорили они, «сбывается предреченіе Стефана Баторія, который говорилъ, что изъ этихъ удальцовъ—козаковъ со временемъ образуется вольная Рѣчь-Посполитая. Козаки никому не кланялись, не выпрашивали шляхетства черезъ поклоны придворнымъ, а добываютъ его мужественнымъ сердцемъ и саблею. Что́ за бѣда, что они были мужики, а теперь шляхтичи? Вѣдь и Македоняне были грубые долопы, и Римляне возникли изъ пастуховъ, и Турки изъ разбойниковъ, и наши Поляки прежде не были шляхтичи, а пріобрѣли шляхетское достоинство кровью и отвагою (1).» При этомъ шляхтичи въ утѣшеніе себѣ приводили на память пѣсенку, сочиненную въ Англіи въ XIV вѣкѣ и потомъ распространившуюся въ Польшѣ: «когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла,—никто никому не служилъ, никто никого не называлъ холопомъ (2).»

Были даже такія, полныя сознанія, рѣчи:

«Не козаки нарушили союзъ, а мы. Гордость наша виновата. Мы съ ними обращались безчеловѣчно. Мы не только унижали ихъ предъ собою, но предъ человѣчествомъ; мы не только лишали ихъ правъ, которыя были ихъ достояніемъ, но отнимали у нихъ естественныя права. Вотъ Господь Богъ и показалъ намъ, что и они люди какъ и другіе, и достойно покаралъ наше высокомѣріе. Они болѣе заслуживаютъ нашего уваженія, чѣмъ тѣ, которые раболѣпно отдаются ко-

(1) Лѣтоп. малор.—Лѣт. Велич. I, 337—338.

(2) Hist. panow. Jana Kaz. II, 28.

Jak Ewa kądziel przędła, Adam ziemię kopał—
Nikt nikomu nie służył, ani kogo chłopał.

ролю и чужому государству, не думая расширять свою свободу. Козаки упорно предпочитаютъ лучше погибнуть и исчезнуть, чѣмъ торжествовать безъ свободы. Мы ниже ихъ: они сражались съ нами за свободу, а мы — за безсильное господство!»

Требованіе уничтоженія уніи въ томъ видѣ, какъ хотѣли козаки, не нашло поборниковъ даже между самыми отъявленными защитниками вѣротерпимости и полной свободы совѣсти. Одобряя прежнее обращеніе Поляковъ съ протестантскимъ ученіемъ, когда предоставлялась полная гражданская свобода всѣмъ, независимо отъ вѣрованія, либеральные депутаты говорили:

«Все это относится до еретиковъ, — не относится до Руси. Греческіе обряды, различные отъ римскихъ, не противны религіи, коль скоро догматы вѣры правильны и неизмѣнны. Но уничтоженіе уніи будетъ уже насиліе нашей собственной совѣсти. Унія есть та же католическая вѣра, только съ своими обрядами: какъ же намъ осуждать религію, которую сами исповѣдуемъ? Это было бы крайнее неблагоразуміе, зло и настоящая ересь; это значитъ признавать приговоръ беззаконія надъ собою. Уничтожить унію есть дѣло несовмѣстное съ совѣстью, и нѣтъ никакого способа поставить его такъ, чтобы наша совѣсть осталась спокойна. Конечно, никакъ не слѣдуетъ присоединять греческаго обряда къ римскому; пусть патріархъ, какъ и прежде, правитъ русской церковью, лишь бы догматы вѣры были неизмѣнны; а зависимость приговоровъ отъ единаго главы не выдумана римскою гордостью, какъ нѣкоторые говорятъ: это благоразуміе, установленное отъ самого Бога. Нельзя назвать вселенскою церковью ту, которая зависитъ отъ произвола церковныхъ властей. Слѣдуетъ существовать соборамъ, а рѣшеніе и зависимость исходитъ отъ одного лица: иначе церковь распадается на различныя ученія. Впрочемъ, этотъ вопросъ слѣдуетъ предоставить богословамъ на ихъ конферéнціи ([1]).»

Среди разнородныхъ толковъ и споровъ на сеймѣ, возвысилъ тогда предъ сенаторами свой голосъ Казимиръ Бенёвскій, котораго тогда сильно порицали за гадячьскій договоръ.

«Козаковъ,» говорилъ онъ, «такое множество, и такъ они сильны, что надобно радоваться, если они, на какихъ бы то ни было условіяхъ, присоединяются къ Рѣчи-Посполитой; раздражить ихъ въ на-

([1]) Польск. ркп. И. П. Б., отд. II, № 15.

стоящее время, какъ дѣлали мы прежде, будетъ величайшимъ безумiемъ; вы сами знаете, въ какомъ теперь состоянiи Рѣчь-Посполитая: съ одной стороны намъ угрожаютъ Шведы, съ другой — Москали; въ нашемъ положенiи, противиться требованiямъ козаковъ значило бы самимъ отвергать помощь, когда она намъ добровольно предлагается. Надобно сначала ласкать козаковъ, и современемъ, когда они обживутся съ нами, чины Рѣчи-Посполитой могутъ измѣнить все на старый ладъ. Что́ жъ такое уничтоженiе уни? Неужели вы думаете, что козаки большiе богословы и апостолы? Мы теперь должны согласиться для вида на уничтоженiе уни, чтобъ ихъ приманить этимъ; а потомъ... объявится свобода греческаго вѣроисповѣданiя, отдадутся благочестивымъ церкви и имѣнiя, отобранныя уніатами — это ихъ успокоитъ; потомъ мы создадимъ законъ, что каждый можетъ вѣрить какъ ему угодно: — вотъ и унiя останется въ цѣлости. Отдѣленiе Руси въ видѣ особаго княжества будетъ тоже не надолго: козаки, которые теперь думаютъ объ этомъ, перемрутъ, а наслѣдники ихъ не такъ горячо будутъ дорожить этимъ, и мало по малу все приметъ прежнiй видъ.»

Пренiя успокоились отъ убѣжденiй человѣка, который самъ заключилъ трактатъ, и самъ теперь представляетъ въ будущемъ надежду нарушить его. Сдѣлали нѣкоторыя смягченiя по вопросу объ уничтоженiи уни, отвергли присоединенiе остальныхъ воеводствъ къ великому княжеству Русскому, и отправили къ Выговскому. Мы не знаемъ этихъ измѣненiй, ни вообще относительно вопроса объ уни; они касались, вѣроятно, только подробностей, ибо статья уничтоженiя осталась въ договорѣ. Король самъ писалъ очень любезное письмо къ гетману. Тотъ послалъ свое согласiе, и 6 мая послалъ гонца къ королю, и приказалъ ему ѣхать скоро днемъ и ночью. Гетманъ просилъ какъ-можно-скорѣе утвердить договоръ и прислать обратно депутатовъ для спокойствiя края.

Обѣ Избы утверждали договоръ въ полной увѣренности, что это дѣлается для приманки русскаго народа: представители Рѣчи-Посполитой утѣшали себя тѣмъ, что будутъ имѣть возможность нарушить его.

XV.

По утвержденiи договора на сеймѣ, назначили день торжественной присяги. Это событiе происходило 22 мая. Въ сенаторской Избѣ, посреди всѣхъ собранныхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ сената и всѣхъ пословъ Рѣчи-Посполитой, приготовленъ былъ великолѣпный

тронъ. Собрались члены засѣданія; въ одиннадцатомъ часу утра явился король и сѣлъ на тронъ. Тогда позвали пословъ Великаго Княжества Русскаго. Они взошли въ парадной процессіи и стали въ рядъ. Канцлеръ коронный во имя короля и Рѣчи-Посполитой проговорилъ красно-сложенную рѣчь: объявлялъ козакамъ и русскому народу совершенное прощеніе и примиреніе, и извѣщалъ, что его величество король соизволилъ утвердить гадячскій договоръ, заключенный Бенёвскимъ 16 сентября 1658 года. По окончаніи этой рѣчи, примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ, всталъ съ своего мѣста и подалъ королю написанную присягу. Положа два пальца на евангеліе, Іоаннъ-Казиміръ проговорилъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Я, Іоаннъ-Казиміръ, милостію Божіею король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, кіевскій, жмудскій, волынскій, лифляндскій, смоленскій, черниговскій, шведскій, готскій и вандальскій наслѣдственный король, присягаю Господу Богу всемогущему, въ Троицѣ святой сущему, единому, предъ святымъ его евангеліемъ въ томъ, что я принимаю и утверждаю договоръ, заключенный, отъ имени нашего и отъ имени всей Рѣчи-Посполитой, съ Войскомъ Запорожскимъ, и обѣщаю сохранять и исполнять и оберегать этотъ договоръ, ни въ чемъ его не уменьшая, но всячески предохраняя отъ какого бы то ни было измѣненія. Никакія привилегіи, древнія и новыя, никакія сеймовыя конституціи, какъ прошлыя, такъ и будущія, никакія уловки и толкованія никогда во вѣки не будутъ вредить этому договору и всѣмъ пунктамъ его, заключающимъ права и преимущества греческой религіи Великаго Княжества Русскаго и народной свободы. Я и наслѣдники мои обязываемся королевскою присягою хранить этотъ договоръ ненарушимо и неприкосновенно на вѣчные вѣки и оказывать справедливость жителямъ Великаго Княжества Русскаго безо всякой проволочки и лицепріятія, по ихъ правамъ и обычаямъ; и еслибъ я, сохрани Боже, нарушилъ эту мою присягу, то народъ русскій не долженъ мнѣ оказывать никакой покорности: такимъ поступкомъ я увольняю его отъ достодолжнаго повиновенія и вѣрности, причемъ обѣщаюсь не требовать и ни отъ кого не принимать разрѣшенія этой моей присяги. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ и святое его евангеліе. Аминь.»

За королемъ присягали отъ лица всего римско-католическаго духовенства архіепископъ гнѣзненскій — примасъ духовенства въ королевствѣ Польскомъ, и епископъ виленскій — главное духовное лицо

въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Архіепископу гнѣзненскому читалъ присягу канцлеръ. «Клянусь,» гласила присяга, «что ни я, ни преемники мои не станемъ нарушать ни въ чемъ гадячской коммиссіи и не будемъ допускать къ нарушенію оной ни его королевское величество, ни кого бы то ни было въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, ни явными, ни тайными средствами, ни протестаціями, ни клятвами, ни порицаніями.»

Присягнули гетманы коронный и литовскій за все войско. «Обѣщаемся,» говорили они, «не нарушать гадячской коммиссіи и не допускать къ нарушенію ни совѣтомъ нашимъ, ни войскомъ, и если бы кто хотѣлъ ее нарушить, того мы обязываемся укротить войскомъ нашимъ.»

Присягали канцлеры и подканцлеры королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. «Обязываемся,» говорили они, «никакихъ грамотъ, указовъ, привилегій, завѣщаній, противныхъ гадячской коммиссіи, заключенной съ Войскомъ Запорожскимъ и совсѣмъ народомъ русскимъ, не выпускать и не дозволять выпускать изъ нашихъ канцелярій.»

Присягнулъ Янъ Гнѣнскій, маршалъ Посольской Избы, отъ лица всѣхъ представителей Рѣчи-Посполитой. «Мы и наслѣдники наши,» говорилъ онъ, «обязываемся и присягаемъ хранить гадячскую коммиссію, заключенную именемъ короля и всей Рѣчи-Посполитой съ Войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ народомъ русскимъ, ни въ чемъ ее не нарушать и всегда препятствовать нарушать оную; равнымъ-образомъ, не требовать ни отъ кого и не принимать разрѣшенія нашей присяги.»

По окончаніи присяги всѣхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой, слѣдовала присяга со стороны представителей Великаго Княжества Русскаго. Кіевскій митрополитъ принесъ евангеліе, окованное золотомъ, и распятіе, и положилъ на столѣ. Начальные люди изъ козацкихъ пословъ произносили присягу сначала по одиночкѣ, поднявъ вверхъ пальцы, и по окончаніи рѣчи цѣловали евангеліе; потомъ, по два человѣка разомъ, присягали—атаманы, эсаулы и сотники; а наконецъ, когда эта церемонія показалась слишкомъ длинною, всѣ остальные стали на колѣни и подняли вверхъ два пальца. Генеральный писарь, Груша, читалъ за всѣхъ присягу и, по окончаніи, всѣ цѣловали евангеліе и крестъ. Присяга русскихъ пословъ была такова:

«Мы, послы русской націи, отъ имени ея присягаемъ Богу всемогущему, во святой Троицѣ сущему, въ томъ, что отъ сихъ поръ мы пребудемъ вѣрны его величеству государю своему Іоанну-Казиміру,

королю польскому и шведскому и великому князю литовскому, и его законнымъ наслѣдникамъ и польской Рѣчи-Посполитой, обѣщаемъ во всякое время охранять ихъ своимъ тѣломъ, кровію, жизнью и имуществомъ противъ всякаго врага, при всякомъ случаѣ; отрекаемся отъ всякихъ союзовъ, прежде нами заключенныхъ съ иными, и отъ сношенія съ чужими государствами, особливо съ царемъ московскимъ; обѣщаемъ не принимать и не посылать посланниковъ и ни съ кѣмъ не переписываться безъ вѣдома его величества или наслѣдниковъ его ивсей Рѣчи-Посполитой; въ случаѣ безкоролевья, участвовать въ избраніи королей купно со всею Рѣчью-Посполитою и ничего не постановлять безъ позволенія Рѣчи-Посполитой; не начинать бунтовъ, но укрощать всякое малѣйшее покушеніе къ онымъ, коль скоро оно сдѣлается намъ извѣстнымъ; во всемъ сообразоваться съ волею его величества и Рѣчи-Посполитой и споспѣшествовать всему, что́ къ пользѣ его величества и цѣлой короны польской служить можетъ. Если же, сохрани Богъ, кто-нибудь изъ насъ дерзко станетъ дѣйствовать вопреки сему, то мы свидѣтельствуемъ предъ Богомъ, что насъ никто отъ этого грѣха разрѣшить не можетъ, ни патріархъ, ни митрополитъ, ни другое какое-либо лицо.»

Въ другомъ экземплярѣ, подробнѣйшемъ, и вѣроятно, написанномъ уже послѣ обряда, конецъ этой присяги таковъ: «Если же мы, съ гетманомъ и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, кромѣ бунтовщиковъ, которыхъ обѣщаемся истреблять, окажемся противными гадячской коммиссіи, то теряемъ всѣ права и вольности, намъ данныя.»

По окончаніи присяги послы были допущены къ королевской рукѣ, и все собраніе торжественнымъ шествіемъ отправилось въ церковь св. Іоанна, гдѣ отправлено было благодарственное богослуженіе. Едва только хоръ окончилъ «Te Deum laudamus», какъ въ то же мгновеніе пошелъ дождь; «этотъ дождь,» говоритъ современникъ, «былъ теплый и плодотворный дождь, и вслѣдъ за нимъ послѣдовала прекрасная, свѣжая погода. Поляки принимали это явленіе за счастливое прообразованіе: ка́къ этотъ дождь приноситъ свѣжесть и плодородіе, та́къ возстановленный миръ да обогатитъ благословеніемъ и даруетъ процвѣтаніе Рѣчи-Посполитой!»

Послѣ того, знатнѣйшіе сановники приглашали пословъ Великаго Княжества Русскаго на пиршества, принимали ихъ съ знаками любви и уваженія; козаки показывали большую привязанность къ королю и Рѣчи-Посполитой. «Мы теперь желаемъ одного,»—говорили они,—

«чтобъ насъ послали противъ Москалей или Шведовъ, дабы доказать, какъ охотно готовы мы принесть свою жизнь за его величество. Въ-случаѣ, если Шведъ откажется заключить честный миръ, мы съ большими силами вторгнемся въ Ливонію, даже въ сердце самой Швеціи, чтобъ возвратить нашему государю права, данныя ему Богомъ и справедливостію.» Они, дѣйствительно, отправили грека Ѳеодосія въ Швецію съ извѣстіемъ, отъ имени всей русской націи, что русская нація заключила съ королемъ и Рѣчью-Посполитою вѣчный миръ, и поэтому нетолько должны прекратиться всѣ прежніе договоры съ Швеціею, но если шведскій король не вознаградитъ польскаго короля за всѣ потери, которыя нанесъ ему во время войны, то они вторгнутся въ Швецію и въ принадлежащія ей земли (1).

Такъ совершилось это громкое и—безплодное дѣло. Король и чины Рѣчи-Посполитой произносили свою страшную присягу въ полной увѣренности, что измѣнятъ ей. Козаки, несмотря на свои увѣренія, мало въ сущности подавали надежды: если они за пять лѣтъ передъ тѣмъ присягали въ вѣрности московскому государю, а теперь присягали королю, то и послѣдняя присяга ихъ могла подвергнуться участи первой. Прибывшіе козаки произведены были въ шляхтичи, но навѣрно не всѣ, ибо о Носачѣ послѣ говорено было, что онъ остался неудовольствованъ, въ то время, когда давали дворянство слугамъ Выговскаго (2). Тогда же Ноляки съ неудовольствіемъ замѣтили, какъ одинъ какой-то весельчакъ, изъ произведенныхъ въ шляхтичи, спросилъ своего товарища:

— А что, братъ, не сдѣлалась ли тѣнь моя больше, когда я сталъ дворяниномъ (3)?

Обласканные, они возвратились въ свое Великое Княжество Русское, и Великое Княжество Русское пало при самомъ своемъ основаніи.

XVI.

Мы уже видѣли, какъ много было враговъ у Выговскаго и его партіи, и какъ удобно могли они найти себѣ опору въ народной массѣ. Гадячскій трактатъ грозилъ Украинѣ утвержденіемъ шляхетскаго

(1) Umständliche Relation. — Присяги при спискахъ гадячскаго договора.
(2) Пам. Кіев. комм. III, 3. 427.
(3) Ann. Pol. Cl. II, 394.

порядка, ненавистнаго черни. То, чего народъ такъ боялся, теперь совершалось. Еще смыслъ новозаключеннаго союза съ Польшею не былъ вполнѣ извѣстенъ народной массѣ; но для народа было уже достаточно того, что Украина соединялась съ Польшею: это соединеніе, въ какой бы формѣ оно ни являлось, было ненавистно при слишкомъ свѣжихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ.

По возвращеніи изъ Варшавы, Немиричъ принялъ начальство надъ *затяжнымъ* войскомъ, и разставилъ его въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Борзнѣ и другихъ мѣстахъ. *Консистенція* (квартированіе) затяжнаго войска всегда была самымъ тягостнымъ для народа обстоятельствомъ и одною изъ важнѣйшихъ причинъ ненависти къ польскому владычеству. Народъ, не зная и не понимая сущности договора съ Польшею, видѣлъ въ этомъ появленіи войска въ Украинѣ возвращеніе къ старымъ временамъ. Легко могли тогда воспользоваться недовольствомъ народа враги Выговскаго и честолюбцы, увидавшіе въ его низверженіи возможность подняться самимъ. Протопопъ Филимоновъ усилилъ свою работу. Въ Нѣжинѣ присталъ къ нему Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельницкаго. Онъ надѣялся сдѣлаться гетманомъ. Въ Переяславѣ, полковнику Тимоѳею Цюцюрѣ пришла тоже мысль достичь гетманства услугами московскому правительству. Двѣ соперничествующія стороны на-время дѣйствовали, пока, заодно. Между-тѣмъ, другіе внушили Юрію Хмельницкому притязаніе искать гетманства, какъ своего права, уже дарованнаго ему народомъ на радѣ. Юрій отправилъ слугу своего отца, Ивана Мартыновича Бруховецкаго, въ Запорожье: храбрый Иванъ Сѣрко, Кальницкій полковникъ, бывшій въ Сѣчѣ, принялъ его сторону, и Сѣчь провозгласила его гетманомъ. Сѣрко съ Запорожцами шелъ на города, призывая подъ свои знамена козаковъ именемъ Хмельницкаго. Цюцюра, чтобъ выслужиться скорѣе, рѣшился на смѣлое дѣло: въ послѣднихъ числахъ августа, онъ началъ призывать къ себѣ значныхъ козаковъ Переяславскихъ, сотника Стефана Северина, нѣкоторыхъ изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, каковы были—Сулимы, Лободы и другія. Каждаго призывалъ онъ по одиначкѣ и склонялъ ихъ принять сторону Москалей и пригласить князя Трубецкаго съ войскомъ; каждый отвергалъ предложенія, и каждаго Цюцюра приказывалъ связывать и потомъ убивать. Такъ погибалъ каждый, добровольно приходя на смерть, не зная, что сдѣлалось съ тѣмъ, кто являлся къ Цюцюрѣ прежде. Гонецъ поскакалъ къ Трубецкому съ извѣстіемъ, что враги царя истре-

блены, и съ просьбою скорѣе двинуться къ Переяславу. 1 сентября присланы были изъ Переяслава отъ Цюцюры козаки въ Нѣжинъ. Въ городѣ стояли затяжные жолнеры; полковника Гуляницкаго не было въ городѣ. Золотаренко, вмѣсто его начальствовавшій въ Нѣжинѣ, оставилъ ворота безъ стражи; козаки вошли ночью, и крикнули: *бійте Ляхівъ*! Посполитые пристали къ козакамъ, и въ теченіе одного часа перебили всѣхъ жолнеровъ безъ разбора: пять *хоругвей* ихъ погибло, говоритъ современникъ; никого не щадило поспольство, потому—что не хотѣло давать *стаціи* (содержанія) жолнерамъ. По примѣру Нѣжина, и въ другихъ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ начали избивать жолнеровъ. Ихъ *реймептарь* — Немиричъ бѣжалъ; козаки поймали его за Кобизчею, близь села Свѣдовца, и изрубили въ куски.

Выговскій, услыхавъ о возмущеніи, убѣжалъ изъ Чигирина, по собственнымъ словамъ его, верхомъ, въ одной *сукманкѣ* (1), и назначилъ раду подъ Германовкою (2). Онъ приказалъ Верещакѣ и Сулимѣ читать предъ собраніемъ Гадячскій договоръ, и собирался объяснить выгоды, какія получитъ отъ этого отечество, и разсѣять возникшіе толки. Но въ собраніи поднялся шумъ и крикъ. Обвиняли гетмана за разореніе мѣстечекъ и селъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, за жестокія казни надъ своими врагами; нѣкоторые говорили, что гетманъ продаетъ Украину крымскому хану и хочетъ возстановить Астраханское царство; укоряли его, что онъ оклеветалъ московскаго государя и взвелъ на него такіе умыслы, о которыхъ царь и не думалъ (3). Многихъ пугала возрастающая власть Выговскаго, который, изъ избраннаго и зависящаго отъ собранія предводителя, дѣлался воеводою и княземъ русскимъ (4). Его возвышеніе вооружало противъ него и старшинъ, прежнихъ соучастниковъ его замысловъ,—однихъ—по зависти, другихъ—по причинѣ личнаго его высокомѣрія и вражды: такимъ-образомъ, онъ раздражилъ Носача, который былъ хуже другихъ вознагражденъ на сеймѣ; раздражилъ Ковалевскаго, умышляя тайно на жизнь его въ Чигиринѣ (5). Но болѣе всего воружились противъ Гадячскаго договора козаки, не попавшіе въ дворянство

(1) Пам. кіевск. комм. III, 325.
(2) Пам. кіевск. комм. III, 377.
(3) Лѣт. малоросс.
(4) Пам. кіевск. ком. III, 425.
(5) Пам. кіевск. ком. III, 3, 430.

и завидовавшіе тѣмъ, которые получили его (1). Они были увѣрены прежде, что Гадячскій договоръ дастъ имъ всѣмъ шляхетское право, но потомъ увидѣли, что только немногимъ оно досталось, по произволу гетмана, и для того, чтобъ властвовать надъ остальными. Рада превратилась въ неистовую междоусобную драку. Верещака и Сулима были изрублены въ куски; самъ Выговскій избѣжалъ смерти, оттого, что его закрыло наемное войско — польскій отрядъ въ тысячу человѣкъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ разъяреннаго собранія. «И бѣжалъ онъ»,—говоритъ украинскій лѣтописецъ,—«какъ бѣжитъ обожженный изъ пожара».

XVII.

Нѣкоторые пріятели совѣтовали Выговскому бѣжать въ степь къ хану. Посланникъ турецкій предъ тѣмъ только пріѣзжалъ къ нему, съ готовностью, отъ имени Порты, защищать его и толковалъ, что Турція давно уже имѣетъ право на Украину, потому-что одиннадцать лѣтъ охраняетъ ее своимъ оружіемъ отъ разныхъ непріятелей. Выговскій отвергъ это предложеніе, несмотря на то, что жена его находилась въ Чигиринѣ, и вмѣстѣ съ Андреемъ Потоцкимъ, отправился въ Бѣлую-Церковь.

Толпа козаковъ послѣдовала за нимъ, и недалеко отъ Бѣлой-Церкви, въ Взиньи, собралась снова рада. На этой радѣ Выговскій былъ отрѣшенъ отъ гетманства и гетманомъ провозглашенъ Юрій Хмельницкій. Къ Выговскому явились посланцы и требовали, чтобъ онъ пріѣхалъ на раду и торжественно сложилъ булаву. Выговскій не поѣхалъ. Тогда снова явились къ нему каневскій полковникъ Лизогубъ и миргородскій-Лѣсницкій и требовали, чтобы Выговскій, если самъ не хочетъ ѣхать, то прислалъ бунчукъ и булаву. При этомъ они обратились къ начальнику вспомогательныхъ польскихъ войскъ, Андрею Потоцкому, просили его склонить гетмана и увѣряли, что Войско Запорожское желаетъ оставаться въ вѣрности и подданствѣ короля. Выговскій еще сопротивлялся, но разсудилъ, что противъ воли цѣлаго козачества нельзя удерживаться, и сказалъ: «Я отдаю бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, что Войско Запорожское останется въ непоколебимой вѣрности королю».

Полковники обѣщали.

(1) Hist. pan. Jana Kaz. II, 483, 102.

Выговскій вручилъ свою булаву и бунчукъ брату своему, Данилу, и вмѣстѣ съ послами отправилъ его на раду.

Андрей Потоцкій послалъ съ ними польскаго полковника, Корчевскаго, съ тремя пунктами: во-первыхъ, чтобъ козаки дали присягу въ вѣрности королю, чтобъ ввели дворянство въ имѣнія и выпустили жену Выговскаго и другихъ людей, находящихся въ Чигиринѣ, для чего дали бы заложниковъ въ вѣрности.

На дорогѣ, эти послы встрѣтили козацкое войско. Козаки грозили силою схватить Выговскаго, показывали длинное обвиненіе, написанное на радѣ, и требовали, чтобъ Поляки его оставили. «Каждый изъ насъ»,—отвѣчалъ Корчевскій,—«лучше радъ—и не разъ, а нѣсколько разъ — умереть, нежели постыдно оставить усерднаго слугу короля».

Но козаки успокоились, когда узнали, что Выговскій добровольно отказывается отъ гетманства. Бунчукъ и булава положены были на радѣ.

Козаки радостными окликами провозгласили Юрія Хмельницкаго гетманомъ.

Взявши булаву, Юрій спросилъ: — кого желаете признать государемъ: — польскаго короля или московскаго царя? —

Старшины и простые козаки закричали, что они желаютъ короля. Но на этой радѣ было немногочисленное собраніе: черезъ нѣсколько дней оказалось, что большинство было вовсе не на сторонѣ короля.

«Благодарю васъ за вѣрность,» — сказалъ Корчевскій, и подалъ имъ другіе два пункта.

На выпускъ жены Выговскаго козаки согласились. Что же касается до требованія ввести шляхту въ имѣнія, то они — говоритъ Андрей Потоцкій въ своемъ донесеніи — отложили разсужденіе объ этомъ на дальнѣйшее время, а исполненіе будетъ развѣ въ день судный.

По окончаніи рады, обозный Носачъ, полковники Гуляницкій и Дорошенко, прибыли въ Бѣлую Церковь и дали Выговскому подписку гетмана и всѣхъ старшинъ въ томъ, что они доставятъ ему жену и поляковъ изъ Чигирина (1).

---

(1) Пам. Кіевск. Комм. III. 3. 378—382.

Такъ окончилось гетманство Выговскаго; съ нимъ кончилось и Великое Княжество Русское. И Украинцы и Поляки были не въ состояніи — первые — понять этотъ плодъ созданія головъ, стоявшихъ не въ уровнѣ съ народомъ, вторые — съ честію и прямотою сохранить данное слово.

Эти междоусобныя смуты разстроили Украину нравственно и физически. «Сила козаковъ ослабѣла въ буряхъ междоусобныхъ», — писалъ Выговскій къ королю (1): «громаднѣйшіе полки: Полтавскій, гдѣ было сорокъ тысячъ населенія, Миргородскій, гдѣ было тридцать тысячъ, Прилуцкій и Ирклѣевскій, погибли въ конецъ; города и села заростаютъ крапивою. Здѣсь страшное вавилонское столпотвореніе,— говоритъ Полякъ современникъ, описывая междоусобія при Выговскомъ (2): мѣстечко воюетъ противъ мѣстечка, сынъ грабитъ отца, отецъ — сына. Цѣль ихъ — чтобы не быть ни подъ властію короля, ни подъ властію царя; и они думаютъ этого достигнуть — ссоря и стращая короля — царемъ, а царя — королемъ. Благоразумнѣйшіе молятъ Бога, чтобъ кто нибудь — король ли, царь ли — скорѣе забралъ ихъ въ крѣпкія руки, и не допускалъ безумной черни своевольничать.»

Н. Костомаровъ.

Январь 1861.

---

(1) Пам. Кіевск. Ком., III. З. 405.

(2) Пам. Кіевск. Ком., III. З. 302, 300.

БАЙКИ.

I.

ВОВКЪ ТА ЯГНЯ.

На свíті вже давнó ведéтця,
Що ни́жчий передъ ви́шчимъ гнéтця,
А бíльший мéнчого тусáе та ще й бье́,—
За-тимъ, що си́ла е...
Приміръ не дóвго-бъ показáти,—
Та—цуръ ёму!—на щó чіпáть...
А все щобъ прáвди не ховáть,
Я хóчу бáйку росказáти.

У-лíтку, сáме середъ дня́,
Пусту́ючи, дурне́ Ягня́
Само́ заби́лося до рíчки—
Напи́тися води́чки.
Отъ, чи пило́, чи ні,—гледить—
Ажъ су́не Вовкъ—таки́й страше́нний
Та здорове́нний!
Та такъ прямíсінько й бíжи́ть
До бíдного Ягня́ти.
Ягня́ті нікуди тіка́ти:
Стоíть, серде́шне, та дрижи́ть...
А Вовкъ, нена́че комиса́ръ, кричи́ть
(Вінъ, щобъ присíкатьця, знайшóвъ причи́ну):
«На щó се ти, соба́чий си́ну,
Тутъ каламу́тишъ бе́регъ мій

Та ква́пишъ нісъ пога́ний свій
У чи́стую оцю́ю во́ду?
Та я тобі за сю́ю шко́ду—
Ти зна́ешъ—що́ зроблю?..
Якъ му́ху задавлю!»
— «Ні, па́ночку...» Ягня́ ёму́ мовля́е:
«Води́ці я не зколоти́въ,
Бо ще й не пивъ;
А хочъ би й пи́въ, то шко́ди въ тімъ нема́е,
Бо я сто́ю зовсімъ не тамъ,
Де́ тре́ба пи́ти вамъ,
Та ще й вода́ одъ васъ сюди́ збіга́е».—
«Такъ се-бъ то я брешу́?» тутъ Вовкъ ёму́ гукну́въ.
«Чи бачъ! іще й базікать ста́ло...
Тако́го ще пога́ньця не бува́ло?..
Здае́тця, ти й позаторікъ тутъ бувъ
Та ка́пості мині роби́въ.... Трива́й-же!
Ти ду́маешъ, що я забу́въ?...
— «Поми́луйте!» ёму́ Ягня́тко ка́же:
«Я на́ сві́ті ще й го́ду не прожи́въ».
«Такъ братъ твій бувъ».—«Нема́ братівъ».—
«Такъ, мо́же, ба́тько,
Коли́ не дя́дько...
Або́ жъ хто-не́будь зъ ва́шихъ бувъ...
Хіба́ не зна́ю я, не чувъ,
Що ви усі мене́ бъ иззі́ли,
Якъ-би вловили?
Соба́ки й вівчарі твоі,
Усі ви—вороги́ моі;
Одъ васъ мині життя́ нема́е...
Ще́ ма́ло я терпівъ?»
— «Такъ чимъ же *я* вамъ досади́въ?»
Ягня́тко, пла́чучи, пита́е.
«Цить, ка́постне! либо́нь не зна́е...
Ще й огриза́етця, щени́!
Що́ ти за пти́ця?! ти—Ягня́!
Якъ сміло ти мене́ пита́ти?

Вовкъ, може, їсти захотівъ!..
Не вамъ про тéе, дýрнямъ, знáти!»

И—Вовкъ Ягнáтко задавúвъ...
На щó ёмý про тéе знáти,
Що, мóжé, плáче бідна мáти,
Та побивáстця якъ рúбонька объ лідъ:
Вінъ вовкъ, вінъ панъ... ёмý не слідъ....

Л. Глѣбовъ.

II.

ЛЕВЪ ТА МИША.

Старéнька Мúша горювàла—
Ій бідній, нігде булó жить,
Головоньки на старість прихилúть:
Самá-собі по свíтові блукáла...
Дітóкъ нема: булú колúсь,
Тепéрички по світу розбрелúсь...
Однúмъ-однá зостáлась мáти! —
Отъ и пішлá вонá звичáйненько прохáти,
Щобъ Левъ въ дуплí дозволивъ ій,
Самóтній и старій,
Хазяйство завестú малéньке,
Билú *їхъ мúлости* блúзéнько:
«Хочъ сúла всімъ страшнá твоя́,
Хочъ панъ ти, (кáже), міжъ панáми,
Та, хтó зна, щó ще бýде зъ нáми?
Въ пригóді, мóже, стáну й я...»
— Хтó? ти́? — Левъ заревівъ: — такá погáна,
Менé, такóго пáна —
Сюдú задýрювать прийшла?..
Пішлá!!
Бачъ, теревéні роспустúла!
Тікáй, поки ще ціла! —
Злякáлась Мúша, та притьмóмъ,
Поміжъ травóю, лопушкóмъ,

Зъ перепóлоху почухрáла —
Туди́-сюди́ — й зъ очéй пропáла.
А Левъ пішовъ пожи́ви розглядáть, —
Та у тенéта, якось, и́ піймáвся.
Рвонýвъ вінъ разъ — тенéта не тріщáть;
У-дрýге, въ-трéте — ні!.. Вже якъ не силкувáвся,
Якъ не ревівъ,
И не вертівъ,
А все-такú но вивертівсь: зостався!
Прибігли люде, — узялú,
Звязáли бідного, та й повезлú,
По ярмаркáмъ въ залізній клітці,
На дúво світові всéмý
(Мабуть булú німéцькі мúтці!)
Прийшлося гірко бідному ёму...
Згадáвъ про Мúшу, щó вонá казáла,
Та й дýма, плáчучи: «якъ-би вонá булá,
Загúнýти бъ мині, дурнóму, не далá, —
Тенéта бъ всú попрогризáла...
И я бъ гуля́въ, оцé, въ зелéному гаю,
Мовъ у раю...»
А самъ, сердéшний, слізонькú ковтáе:
Е каятте, та вороття́ немáе!

Скажý я, лю́де дóбрі й вамъ:
(До кáзки прúказка годúться, —
Хочъ и панамъ —):
Не плюй въ колóдізь: — пригодúться, —
Водú напúться...

Л. Глѣбовъ.

III.

ЛИСИЦЯ И БАБАКЪ.

«Куди такъ, кумо, удираешъ?»
Питáвъ Лисúцю кумъ Бабакъ.

— Охъ, ку́моньку-голу́бчику, хібажъ не знаешъ?
Терплю не знать за що́, а такъ —
Напа́ли, да й напа́ли,
Да, будьсімъ-то, за хабарі й прогна́ли.
Ти звісенъ, міжъ курми́ су́дде́ю я була:
Ні іла, ні пила́,
И нічки не доспа́ла,
И тільки те й роби́ла,
Що все куре́й суди́ла;
И скі́лькі-то мого́ здоро́вьячка пропа́ло!
Ище́ жъ за те и въ бідоньку попа́ла;
А все дурнісінько... Що́ будешъ вже каза́ть,
Якъ нападу́ть, да візьмутця бреха́ть?
Отсебъ я хабарі брать заходи́лась?
Неха́й Богъ ми́луе... хіба бъ скози́лась!
Я зда́мся, ку́ме, на тебе́: чи ска́жешъ ти,
Щобъ я на гріхъ такий задумала пійти́?
Подумай-лишъ, да погада́й пильненько. —
«Ні, ку́монько... а ба́чивъ я часте́нько,
Що коло те́бе пірьячка рясненько...»

Такъ инчий при суді зідха́е,
Мовъ хлібъ останній доідае́;
Да що й казать? Уся́къ те зна,
Що у ёго́ худібчини катъ-ма́,
Да и за жінкою не взявъ,
А ди́вився — хоро́ми спьявъ;
Хочъ грошей, ка́же, и голо́,
Однакъ за віщось-то купивъ село...
Тепе́ръ неха́й розу́мний пощита́е,
Що напере́дъ въ ёго́ було,
И що тепе́ре́ньки вінъ мае.
Воно-то, бачъ, и не дока́жешъ
Съ чого вінъ те́е все громи́ть;
А вже хочъ гріхъ, хочъ два, а ска́жешъ
Що и въ ёго́ на пи́ці пірьячко стреми́ть.

Р. Витавський.

КРАТКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ,

НАСЕЛЕННАГО ЮЖНОРУССКИМЪ (УКРАИНСКИМЪ ИЛИ МАЛОРОССІЙСКИМЪ) НАРОДОМЪ.

II.

Край, населяемый южнорусскимъ народомъ, *въ отношеніи лѣсовъ*, можетъ быть раздѣленъ на три части: страну *лѣсную*, безлѣсную или *степную*, и *переходную*. Лѣсная страна съ степною нигдѣ не сходится близко, а напротивъ, онѣ разграничены переходными полосами, т. е. такими, въ которыхъ жители хотя не богаты лѣсами, однако еще не ощущаютъ въ нихъ сильнаго недостатка. Обильны лѣсами слѣдующія полосы: гребень, сѣверныя покатости и часть южныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ; сѣверовосточная часть Люблинской губерніи; все Полѣсье, начиная отъ долины западнаго Буга до береговъ Днѣпра, и сѣверная часть Черниговской губерніи. Къ степной полосѣ можно причислить, по правую сторону Днѣпра, все пространство между нижнимъ теченіемъ Днѣстра, на сѣверъ, почти до г. Балты, а оттуда, на востокъ, до г. Черкасъ при Днѣпрѣ, съ юга ограниченное берегами Чернаго моря. По лѣвую сторону Днѣпра, степная полоса захватываетъ всю Полтавскую губернію, три южныхъ уѣзда Черниговской, южную часть Курской, Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губерніи (за исключеніемъ Крымскихъ горъ) и Земли Войска Донскаго и Черноморскаго. Мы не говоримъ, что въ этой степной полосѣ вовсе нѣтъ лѣсовъ, но лѣса тутъ болѣе или менѣе рѣдки. Наконецъ, къ переходной полосѣ принадлежатъ всѣ остальныя части края.

Въ Галиціи, Буковинѣ и Сѣверной Венгріи лѣса находятся и въ долинахъ, и вообще вся страна, населенная Русинами на западѣ не нуждается въ лѣсѣ. Въ горахъ растетъ сосна, ель, береза и—на высшихъ точкахъ—pinus cembra—дерево, сравниваемое, по крѣпости его, съ тиковымъ деревомъ, растущимъ въ Остъ-Индіи; оба эти рода безопасны отъ чревоточины. Въ долинахъ преобладаютъ дубъ и букъ, а около селеній—пирамидальный тополь. Во всей Люблинской губерніи считается лѣсовъ 797 тысячъ десятинъ, а какъ восточная половина губерніи, населенная русинами, болѣе лѣсиста, чѣмъ западная, то и можно положить на эту половину $^2/_3$ всего количества лѣсовъ, что́ показываетъ избытокъ въ нихъ. И дѣйствительно, въ весеннее полноводье, по всѣмъ притокамъ Буга и Вепржа, лѣсъ сплавляется въ Вислу въ значительномъ количествѣ. На сухихъ мѣстахъ, на песчаномъ грунтѣ Люблинской губ., растутъ лѣса игольчатые, какъ-то: сосна, ель, пихта и, весьма рѣдко, лиственница. Въ черноземной же полосѣ лѣса смѣшаные, изъ деревъ игольчатыхъ и изъ вербы, березы, ольхи, дуба, бука, граба, явора, ясеня, клена, вяза и липы. Кустовыя же и малыя деревья здѣсь произрастаютъ всѣхъ родовъ, свойственныхъ умѣренному климату. Полѣсье обильно по преимуществу елью и сосною. Но лѣсъ, растущій въ Полѣсьѣ, по причинѣ болотистаго грунта и влажнаго климата, не проченъ и не въ цѣнѣ; и какъ по этой причинѣ, такъ и по неимѣнію дорогъ, деревья здѣсь часто пропадаютъ на корнѣ; притомъ же, изо всего количества лѣсовъ въ Полѣсьѣ, и половина деревьевъ не достигаетъ хорошаго роста. Однако есть пространства, составляющія какъ бы острова, въ которыхъ сосна достигаетъ и полнаго роста и полнаго объема. Лѣса Черниговской губерніи не тянутся сплошь, какъ въ Полѣсьѣ, а растутъ отдѣльно большими пространствами. Остерскій уѣздъ—самый обильный лѣсами въ этой губерніи, а Козелецкій—самый бѣдный. За исключеніемъ этого и Нѣжинскаго уѣздовъ, принадлежащихъ къ степной полосѣ, въ Черниговской губерніи подъ лѣсами 770 т. десятинъ, т. е. $^1/_6$ часть всего пространства. Породы деревъ въ этихъ лѣсахъ тѣже, что́ и въ Люблинской губ., съ тою разницею, что въ сѣверной части Черниговской губ. преобладаетъ сосна и ель, а въ южной—лиственныя породы. Въ Волынской губерніи, изъ 640 т. десятинъ всей земли, подъ лѣсами 2700 дес. Эти лѣса принадлежатъ болѣе къ Полѣсью, или къ сѣвернымъ уѣздамъ; южные же или малолѣсны, или не имѣютъ вовсе лѣсовъ, какъ напр. Старо-Константиновскій, въ которомъ

лѣса занимаютъ только $^1/_{29}$ часть всего пространства. Въ Кіевской губерніи только одинъ Радомысльскій уѣздъ принадлежитъ къ лѣсной полосѣ, и мѣстность чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ открытѣе, но безлѣсныхъ уѣздовъ вовсе нѣтъ, а потому ее можно причислить къ лѣсной переходной полосѣ. Подольская губернія принадлежитъ также къ этой полосѣ, потому что лѣса занимаютъ въ ней менѣе $^1/_5$ части всего пространства. Больше лѣсовъ въ Ольгопольскомъ, менѣе всѣхъ въ Проскуровскомъ уѣздѣ. Игольчатыхъ деревъ здѣсь весьма мало; лиственныя же принадлежатъ къ родамъ, растущимъ обыкновенно въ умѣренномъ климатѣ; между ними дубъ здѣшній отличнаго качества.

Въ Херсонской губ. лѣса занимаютъ только $^1/_{45}$ часть пространства; изъ этого количества только $^1/_2$ строеваго. Есть полосы въ нѣсколько сотъ верстъ, на которыхъ не встрѣчается ни малѣйшей рощи; кое-гдѣ только въ полѣ одиноко ростутъ дикія яблони и груши, да по селамъ, въ садахъ, фруктовыя деревья. Воронежская и Курская губ. хотя и причисляются къ степнымъ губерніямъ, но въ первой подъ лѣсами находится $^1/_{10}$, а во второй почти $^1/_7$ часть всего пространства. Сплошныхъ лѣсовъ въ этихъ губерніяхъ почти нѣтъ, а существуютъ отдѣльныя рощи. Въ Харьковской губ. лѣса разбросаны рощами и почти равномѣрно распредѣлены по всѣмъ уѣздамъ, составляя $^1/_{40}$ часть всего пространства. За исключеніемъ Переяславскаго и Прилуцкаго уѣздовъ, Полтавская губ. бѣдна лѣсами, такъ-что подъ ними находится только $^1/_{30}$ часть общаго пространства, въ вышесказанныхъ же двухъ уѣздахъ $^1/_{10}$ часть. Вся Екатеринославская и сѣверная часть Таврической, равно и степь полуострова Крыма почти безлѣсны, въ нихъ только $^1/_{60}$ заняты лѣсами. Горы же, тянущіяся по южному берегу полуострова, покрыты большими лѣсами. Наконецъ, въ Землѣ Войска Донскаго лѣса занимаютъ только $^1/_{40}$ часть всего пространства, а округъ Черкасскій имѣетъ всего три рощи въ 560 десятинъ дровянаго лѣса, что составитъ двухтысячную часть пространства округа.

Описываемый нами край не богатъ *дорогами*, столь необходимыми для развитія промышлености: на всемъ пространствѣ только одна *желѣзная дорога*, по которой открыта ѣзда; это дорога изъ Кракова чрезъ Львовъ въ Черновицъ; проходитъ по Австрійской Галиціи и Буковинѣ. Въ южнорусскихъ нашихъ предѣлахъ, желѣзная дорога существуетъ лишь въ предположеніи.

Предположеній о постройкѣ *шоссе* есть нѣсколько; готовы же слѣдующія линіи: 1) изъ Варшавы чрезъ Люблинъ, Хелмъ до Грубешова,

2) отъ этой отдѣляется вѣтвь на югъ чрезъ Красноставъ, кр. Замосць до м. Томашева; 3) изъ Люблина идетъ на западъ въ г. Радомъ. Эти дороги лежатъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ Галиціи самое длинное шоссе отъ г. Бродъ въ Львовъ, оттуда чрезъ г. Перемышль, Ярославъ, Бохню въ Краковъ. Это шоссе есть первое, устроенное въ Германіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а по прочности и искуству считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. 2) Изъ Бохни въ м. Дуклу, потомъ переваливается чрезъ Карпатскій хребетъ и идетъ въ Эперьесъ (въ Венгрію.) 3) Изъ Перемышля круговое шоссе въ Дуклу же, идущее сперва на югъ, потомъ на западъ. 4) Изъ Львова на югъ чрезъ горы въ Венгрію до кр. Мункачь, и 5) Изъ Львова на сѣверъ до границъ Польши. Въ Русскихъ предѣлахъ устроены шоссе: 1) изъ кр. Бреста-Литовскаго въ кр. Бобруйскъ, вдоль Полѣсья, по малонаселенному краю; оно продолжается до Москвы. 2) Изъ Кіева въ Черниговъ, откуда чрезъ Могилевъ на С. Петербургъ; 3) изъ Орла чрезъ Курскъ въ Бѣлгородъ; 4) изъ Кіева чрезъ Житомиръ, Новоградъ-Волынскій, Ровно, Дубно въ Радзивиловъ, что́ на границѣ Австріи, и 5) изъ Симферополя круговое шоссе, идущее по южному берегу Крыма въ Севастополь. Шоссе, на которыхъ производятся работы: 1) изъ Ровно на Владиміръ-Волынскій, для соединенія съ Грубешовымъ, 2) изъ Ровно въ Брестъ, 3) отъ Брестъ-Бобруйскаго шоссе на югъ чрезъ Припеть, на соединеніе съ Радзивиловскою дорогою, 4) изъ Бобруйска на югъ чрезъ Мозырь въ Житомиръ и 5) продолженіе шоссе изъ Задонска на Тулу. Шоссе, предполагаемыя къ постройкѣ: 1) изъ Житомира на югъ, чрезъ Брацлавъ, Балту въ Одессу, 2) изъ Кіева, по лѣвому берегу Днѣпра на Кременчугъ, Елисаветградъ въ Николаевъ и оттуда въ Одессу, 3) изъ Николаева, чрезъ Херсонь, Перекопъ въ Симферополь, и 4) изъ Харькова чрезъ Полтаву къ Кременчугу, составляющее продолженіе оконченнаго Бѣлгородскаго шоссе. Кромѣ указанныхъ имѣется въ виду соединеніе городовъ Новочеркаска съ Херсономъ, чрезъ Бердянскъ и Бериславъ.

Почва Южнорусскаго края [1]). Подъ именемъ почвы разумѣется верхній слой земли, изъ котораго земледѣлецъ добываетъ разныя

---

[1]) Говоря о почвѣ нашего края со стороны геологической и сельско-хозяйственной, нельзя избѣжать многихъ научныхъ терминовъ. Такъ-какъ эти термины могутъ быть незнакомы нѣкоторымъ читателямъ, то мы признали полезнымъ предпослать объясненіе устройства коры земнаго шара,—впрочемъ, въ возможно-сжатомъ видѣ.

растительныя произведенія;—почвою называютъ также и извѣданные слои земли на извѣстной глубинѣ коры земнаго шара.

1.

Нынѣ всѣ ученые геологи согласны, что земной шаръ состоитъ изъ ядра, находящагося въ огне-расплавленномъ состояніи, и скорлупы, окружающей это ядро. Земной шаръ имѣетъ въ поперечникѣ 12 тысячъ верстъ, тогда-какъ скорлупа его толщиною около 50 верстъ, что составляетъ только 240 часть поперечника.

Эта скорлупа, или твердая кора земнаго шара, гдѣ она не покрыта водою, была изслѣдована на незначительную глубину; но и этого достаточно было, для довольно вѣрнаго заключенія объ образованіи земной коры посредствомъ огня и воды, которые и до сихъ поръ остаются главными дѣятелями при измѣненіи земной поверхности. Изслѣдованія эти показали, что теплота земли увеличивается пропорціонально глубинѣ, и, что на извѣстной глубинѣ отъ поверхности, примѣрно въ 1000 футовъ, темнература земли достигаетъ 10 градусовъ (стоградуснаго термометра) постоянной теплоты, тогда-какъ на поверхности она измѣняется отъ температуры воздуха. Такимъ образомъ, на 50-верстномъ разстояніи вглубь, температура должна возвыситься до 1750 градусовъ жару, слѣдовательно — тамъ металлы уже въ расплавленномъ состояніи. При изслѣдованіи твердыхъ частей земной коры найдено, что онѣ состоятъ: изъ камней кристаллическихъ породъ, выдвинутыхъ изъ нѣдръ земли на ея поверхность, для произведенія которыхъ необходимъ былъ сильный жаръ; изъ камней и другихъ матеріаловъ, лежащихъ слоями одинъ на другомъ, которые показываютъ, что они нѣкогда находились въ жидкомъ состояніи и постепенно осѣли въ разныя времена; и наконецъ, изъ легкихъ матеріаловъ, перенесенныхъ съ одного мѣста на другое.

Сообразно этимъ положеніямъ геологи причислили первый разрядъ къ *огненному* (*плутоническому*) происхожденію, второй—*осадочному* (*нептуническому*) и третій—*наносному* происхожденію.

Для образованія плутоническихъ породъ, безъ сомнѣнія, не требовалось много времени; въ соприкосновеніи съ воздухомъ онѣ должны были остыть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окрѣпнуть. Совсѣмъ другое было съ породами нептуническаго происхожденія: можетъ-быть сотни вѣковъ прошли отъ начала первыхъ осадковъ до новѣйшаго образованія земной поверхности.

Минералы огненнаго происхожденія всегда бываютъ кристаллическіе, какъ граниты, сіениты, порфиры, мраморы и др.; они выходятъ рѣдко на поверхность, а залегаютъ вообще подъ осадочными почвами и потому ихъ считаютъ самыми древними, первозданными. За ними слѣдуютъ кристаллическія же породы, но которыя лежатъ пластами, слоями, какъ-то: гнейсы и разнаго рода сланцы; потомъ ближе къ поверхности земли лежатъ, въ видѣ камней, или земель — известь и известняки, глины, песчаники, гипсы, каменные угли и каменная соль. Въ иныхъ мѣстахъ пластовыя, или нептуническія, породы, въ непосредственномъ прикосновеніи съ огненными были, прокалены ихъ жаромъ и измѣнены въ составѣ и сложеніи, а потому названы *измѣненными* (*метаморфическими*).

Нептуническія почвы отличаются отъ плутоническихъ преимущественно остатками окаменѣлыхъ животныхъ и растеній; въ плутоническихъ—окаменѣлостей не бываетъ; а въ метаморфическихъ онѣ попадаются весьма рѣдко, какъ исключенія.

Нептуническая осадочная почва произошла, какъ надобно полагать, въ то время, когда земной шаръ былъ частями покрытъ водою, и это покрытіе продолжалось значительное время, такъ-что органическіе остатки, находимые въ одномъ изъ пластовъ, уже рѣдко попадаются въ другихъ, или попадаются измѣненными. Замѣчено, чѣмъ пластъ образовался ближе къ нашему времени, тѣмъ животныя въ немъ совершеннѣе. Окаменѣлостей же человѣка не найдено ни въ одной изъ осадочныхъ почвъ. По различнаго рода и вида окаменѣлостямъ познается степень древности осадочныхъ почвъ, которыя геологами называются *формаціями*. Частныя названія имъ даны отъ мѣстностей, въ которыхъ найдены первые полные признаки формацій, или отъ названія окаменѣлостей, въ нихъ преобладающихъ.

Главныя формаціи, покрывающія первозданныя породы, суть: *самыя древнія: силлурійская, девонская, каменноугольная и пермская; вторичныя: тріасовая, юрская и мѣловая, и третичныя: эоценовая и неогеновая* формаціи, съ подраздѣленіями.

Къ новѣйшему образованію земной коры, кромѣ вулканическихъ изверженій, землетрясеній и медленныхъ вздутій земли, принадлежатъ измѣненія отъ моря, прѣсныхъ водъ и атмосферы. Море производитъ осадки, береговыя террасы, дюны, рифы и коралловые острова. Такъ называемыя прѣсноводныя измѣненія состоятъ: изъ осадковъ, наносовъ, заносныхъ камней и торфяниковъ. Атмосфера образуетъ вѣчные снѣ-

га и ледники и переноситъ легкія земли и разрушенныя ею частицы минераловъ.

Не надобно однакожъ думать, что осадочныя почвы лежатъ правильно одна на другой. Многія мѣста земнаго шара вовсе не покрыты ими и состоятъ изъ первозданныхъ породъ, какъ, напримѣръ, пики альпійскихъ, пиренейскихъ и другихъ горъ, выдвинутыхъ силою подземнаго огня и которыя, не бывъ потомъ покрыты водами, остались обнаженными по настоящее время. Въ другихъ мѣстахъ, на первозданной почвѣ-залегаетъ одна какая-нибудь формація, а въ иныхъ—нѣсколько почвъ одна надъ другою. Осадочныя почвы рѣдко находятся въ горизонтальномъ положеніи, а чаще пласты ихъ лежатъ наклонно, а иногда и отвѣсно. Такое разнообразное положеніе ихъ произошло, безъ сомнѣнія, отъ внутренняго, подземнаго и понынѣ дѣйствующаго огня, который продолжаетъ измѣнять поверхность земли. Мы здѣсь укажемъ на нѣсколько данныхъ въ доказательство этихъ измѣненій. Въ Финляндіи, на восточномъ берегу Ботническаго залива нѣкоторыя селенія, лежавшія 200 лѣтъ тому назадъ у самаго берега моря, теперь удалены отъ него на цѣлую милю, и болѣе. Въ окрестностяхъ Неаполя въ Пуццоли сохранились три колонны, которыя, безъ сомнѣнія, были поставлены на сушѣ, но потомъ опустились вмѣстѣ съ горизонтомъ земли въ море, а нынѣ вновь видны съ своими пьедесталами. Что̀ колонны эти были подъ водою значительное время, доказывается тѣмъ, что, футовъ на 15 отъ земли, на нихъ видны углубленія, выдолбленныя моллюсками. Это показываетъ, что берегъ неаполитанскаго залива, въ этомъ мѣстѣ, то возвышался, то понижался надъ уровнемъ моря. Вулканическія изверженія производятъ также важныя измѣненія на земномъ шарѣ. Самый разительный примѣръ этому показываетъ огнедышущая гора *Хорулло*, которая образовалась въ 1759 году. Мѣстность, ею занимаемая, до изверженія была равнинная, послѣ же изверженія явилась гора въ 4335 футовъ.

Всѣ горы и возвышенности земнаго шара образовались отъ внутренняго огня, находящагося подъ земною корою. Но одна и та же причина не придала горамъ одинаковой формы, что̀ зависѣло отъ большей, или меньшей силы дѣйствія огня. По формамъ, горы дѣлятся: 1) на *первородныя*, образовавшіяся изъ матеріаловъ расплавленнаго зерна, выдвинувшихся на поверхность земли и тамъ застывшихъ. Горы эти состоятъ изъ пиковъ и трещинъ, образуемыхъ гнейсами, а также и первородными сланцами и нигдѣ непокрытыхъ осадочными

пластами; 2) на *поднятыя*, формировавшіяся иногда послѣ покрытія земли осадочными почвами, но всегда выдвинутыя внутреннимъ огнемъ на поверхность земли, отчего осадочные пласты дали трещины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыли кристаллическія породы; 3) на *складочныя*. Онѣ выдвинуты также внутреннимъ огнемъ, но дѣйствія его были здѣсь слабѣе, такъ-что первородныя породы на поверхность не вышли, а видны только въ трещинахъ и по берегамъ текучихъ водъ; 4) на *вылившіяся* изъ нѣдръ земли огненно-расплавленными массами; представителями такихъ горъ суть: трахиты и базальты; и 5) на *вулканическія* горы, образующіяся и донынѣ отъ изверженій огненныхъ матерій, которыя въ составѣ своемъ отличаются отъ первозданныхъ породъ. Знаменитый Гумбольдтъ справедливо назвалъ вулканы отдушинами земли; дѣйствительно, въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они существуютъ, бываютъ часто землетрясенія, которыя прекращаются, когда вулканъ начинаетъ изверженія. Они выбрасываютъ каменья, пепелъ, шлакъ, грязь; пемзу, лаву и воду. Огнедышущія горы, хотя бы совершенно погасшія, познаются по конусообразной ихъ формѣ, болѣе или менѣе вверху усѣченной, а также и по составу матеріаловъ ихъ покрывающихъ. Обыкновенно нижній слой состоитъ изъ плотной лавы, похожей на трахитъ, или базальтъ; чѣмъ лава ближе къ поверхности земли, тѣмъ она губчатѣе, легче; пемзу и обсидіанъ находятъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ. Отъ вулканическихъ изверженій въ морѣ образуются цѣлые острова. 6) *Высокія страны и углубленія*, которыя, вѣроятно, также подняты, или опущены дѣйствіемъ подземнаго огня, потому-что приписывать поднятіе первыхъ осадочнымъ почвамъ невозможно, по значительной ихъ высотѣ, какъ наприм., Тибетъ имѣетъ среднюю высоту надъ поверхностію океана въ $7^1/_2$ тысячъ футовъ. Углубленіе—особенно-замѣчательное по пространству—Каспійское море, ниже поверхности Чернаго на $82^1/_2$ ф., а по глубинѣ—Мертвое море, которое ниже Средиземнаго на 1230 футовъ.

Перейдемъ теперь къ краткому обозначенію нѣкоторыхъ примѣтъ осадочныхъ почвъ (формацій):

1) *Силлурійская*, называемая также *граувакковою*, по преобладанію въ ней сѣрой ваки. Отличительныя окаменѣлости въ этой почвѣ находящіяся суть: унгулиты—маленькія раковины, похожія на ноготь; трилобиты—изъ класса раковъ, которые весьма рѣдко попадаются еще въ девонской формаціи и никогда въ слѣдующихъ затѣмъ

почвахъ; нѣкоторые кораллы, простѣйшія растенія, отпечатанныя въ известнякахъ, и множество слизняковъ. Въ этой формаціи верхняя почва состоитъ преимущественно изъ известняковъ, и вода, ниспадающая сверху, обыкновенно уходитъ чрезъ трещины въ землю; поэтому болотъ въ ней мало, а озеръ еще менѣе.

2) *Девонская* или *краснопесчаниковая* почва, распространенная въ Россіи на 7000 квадр. миль. Въ ней, между окаменѣлостями, находится много раковъ и рыбъ; но тамъ, гдѣ имѣются въ большомъ количествѣ рыбы, мало раковъ, и наоборотъ.

Въ этой формаціи много рыхлаго песчаника, глины и мергеля, которые, не пропуская внутрь земли атмосферныхъ водъ, образуютъ озера, большія болота и даютъ начало значительнымъ рѣкамъ.

3) *Каменноугольная* формація получила названіе отъ каменнаго угля, въ ней находящагося. Періодъ образованія этой почвы былъ необыкновенно-богатъ растительностію, которую можно отчасти сравнить съ нынѣшнею растительностію экваторіальныхъ странъ; растенія того времени принадлежали къ древеснымъ хвощамъ, гигантскимъ папоротникамъ и плаунамъ и мхамъ.

Изъ этихъ породъ и трфяниковъ образовались нынѣшніе пласты каменнаго угля, по занесеніи ихъ землею, вслѣдствіе жара изъ внутренности земли и сильнаго давленія верхнихъ пластовъ. Пласты эти иногда простираются на значительное пространство, какъ напр. бассейнъ Пенсильваніи, Огіо и Виргиніи занимаетъ собою около 63000 квадр. миль. Толщина пластовъ весьма разнообразна; изъ разработываемыхъ есть въ два дюйма, есть и въ 40 футовъ; нѣкоторые достигаютъ и до 250 ф. толщины. Угольные пласты лежатъ иногда въ одинъ только рядъ, а существуютъ и такія копи, въ которыхъ насчитываютъ до 150 рядовъ. Изъ окаменѣлостей въ этой почвѣ болѣе другихъ примѣчательны раковины. Кромѣ того, въ каменноугольной формаціи найдено множество растеній папоротниковыхъ породъ и хвощей, которые хорошо сохранились, хотя и окремнились.

4) *Пермская* почва, весьма схожая по органической жизни съ предъидущею, но всегда на ней сверху лежащая. Она отличается своимъ руднымъ богатствомъ и бѣдностію окаменѣлостей. Желѣзныя, мѣдныя и другихъ металловъ руды, сѣра, гипсъ, каменная соль здѣсь находятся въ изобилiи. Какъ на отличающія ее окаменѣлости можно

указать: на продуктъ комочій (морская раковина) и палеонискъ (рыба)—еще съ несимметрическимъ хвостомъ.

5) Въ *юрской* почвѣ, на равнинахъ и на плато, пласты залегаютъ горизонтальнѣе, чѣмъ въ прочихъ формаціяхъ. Въ ней найдены разнаго рода амфибіи, рыбы, сходныя съ нынѣшними, и летучія мыши. Изъ амфибій пящеровъ, которые были тогда главными обладателями земли, примѣчательны: птеродактиль, съ огромною головою и рядомъ длинныхъ зубовъ; видно, что это животное ползало по сушѣ, летало по воздуху и плавало въ водѣ. Ихтіосавръ до 20 фут. длиною. Плесіосавръ, длиною въ 10 фут.; тонкая его шея съ маленькой головкой была равна длинѣ всего туловища съ хвостомъ. Изъ рыбъ этой эпохи находятъ: Тетрагонолепидъ уже съ симметрическимъ хвостомъ, нѣсколько похожъ на нашего карася и аспидорнихъ остроносый, отчасти подобный нынѣшней стерляди.

6) *Мѣловая* формація, состоящая изъ плотныхъ известняковъ, мергелей и мѣлу, не находится въ холодныхъ странахъ; такое географическое положеніе ея показываетъ, что въ эпоху ея образованія земной шаръ въ различныхъ своихъ поясахъ имѣлъ уже различный климатъ. Въ этотъ періодъ число рыбъ увеличилось, въ особенности акулъ, кругочешуистыхъ и гребенчато-чешуистыхъ; появились лиственныя и хвойныя деревья, которыхъ въ древнѣйшихъ почвахъ не замѣчено; безчисленное множество мельчайшихъ животныхъ, инфузорій, служатъ матеріаломъ толщамъ изъ мѣлу.

7) Въ *третичныхъ* формаціяхъ органическія животныя становятся болѣе и болѣе похожи на нынѣшнія, но все еще разнятся отъ нихъ. Такъ, аноплотерій, въ эоценовой формаціи, видомъ и величиною подобный ослу, но разнится отъ него устройствомъ хвоста. Въ *неогеновой* почвѣ попадаются исполинскія животныя.

Что́ касается до новѣйшаго образованія коры земнаго шара, то мы укажемъ только на нѣкоторыя измѣненія въ его поверхности.

Наносы, образующіеся изъ раздѣльныхъ, мелкихъ частей песку, глины, мергеля, разрушенныхъ горныхъ породъ, которые, частію силою движущагося атмосфернаго воздуха и большею частію потоками воды переносятся съ одного мѣста на другое. Эти наносы, состоя изъ матеріаловъ, вблизи находящихся, называются *наплывными* (*аллювіальными*); наносы же, происшедшіе въ давнія времена и лежащіе толстыми слоями на большомъ пространствѣ, носятъ названіе *потопныхъ* (*диллювіальныхъ*). Первые мы встрѣчаемъ повсемѣст-

но; происхожденіе вторыхъ приписываютъ сильнымъ земнымъ переворотамъ, сопровождаемымъ большими потоками воды. Въ диллювіальныхъ наносахъ находятъ остатки слоновъ, носороговъ, львовъ, гіенъ и другихъ звѣрей жаркаго климата, хотя наносы эти находятся и въ холодныхъ странахъ, какъ напр. на берегахъ Ледовитаго моря, въ Сибири. Въ нихъ попадаются также первородные слоны, или мамонты, отлично сохранившіеся, и исполинскіе мастодонты, достигавшіе ростомъ $25^1/_2$ ф. Потоки водъ передвигаютъ и каменья, разумѣется не значительной величины; большіе же камни, видимые на равнинахъ и состоящіе изъ горныхъ породъ, вовсе ненаходящихся въ почвѣ этихъ равнинъ, вѣроятно были перенесены издали на льдинахъ, послѣ какого либо могущественнаго переворота. Процесъ перенесенія камней съ одного мѣста на другое, посредствомъ льда, совершается и по настоящее время съ горныхъ ледниковъ въ долины. Камни, перенесенные изъ дальнихъ странъ и непринадлежащіе по составу къ почвѣ, на которой они лежатъ, называются *валунами*; ими покрыта вся сѣверная и средняя европейская Россія и сѣверная Германія, а происхожденіе ихъ относятъ къ скандинавскому хребту и финдлиндскимъ горамъ. *Дюны* суть тѣ же наносы; онѣ образуются на плоскихъ морскихъ берегахъ отъ вѣтровъ, часто дующихъ съ моря, которые наносятъ песчаные холмы вдоль береговъ, пологіе со стороны моря и обрывистые со стороны суши.

Кромѣ вулканическихъ острововъ, выдвигаемыхъ изверженіями подземныхъ огней на поверхность моря въ короткое время, и острововъ, отдѣлившихся отъ континента какимъ-либо переворотомъ, въ океанахъ существуютъ острова и рифы, которые строятся весьма медленно полипами.

Торфяники суть болота, поросшія вглубь растеніями, остатки коихъ составляютъ турфъ (торфъ). Главное условіе существованія торфяниковъ есть стоячая вода. Иногда они образуются изъ потонувшаго лѣса, но такіе, одинъ разъ вынутые, не возобновляются; поросшіе же мхами, травами и другими небольшими растеніями, иногда бываютъ неистощимы. Глубина торфяниковъ весьма различна, начиная отъ 2 футовъ; бываютъ массы торфа въ 40 и даже 50 футовъ. Торфяники могутъ существовать только въ такомъ климатѣ, въ которомъ бываютъ и лѣто и зима: первое способствуетъ произрастанію отпрысковъ, вторая останавливаетъ развитіе корней.

По устройству земной коры и на основаніи постоянныхъ физиче-

скихъ законовъ, геологи составили довольно вѣроятную гипотезу, что вся твердая земля вначалѣ представляла расплавленную массу и, вслѣдствіе постояннаго охлажденія, получила настоящій свой видъ. Какъ жидкость, она приняла форму шара. Постепенное охлажденіе образовало кору изъ твердыхъ, порвозданныхъ породъ, которая постепенно утолщалась и наконецъ закрыла расплавленную массу до того, что поверхность земли охладилась до температуры не превышающей кипѣнія воды, отчего эта послѣдняя и образовалась. Тогда къ внутреннему жару земли присоединилось дѣйствіе воды; она то растворяла нѣкоторыя твердыя части и увлекала ихъ въ своемъ теченіи, то осаждала ихъ на поверхности. Внутренній же огонь продолжалъ дѣйствовать и производилъ трещины, извергалъ огнежидкую массу, которая, по охлажденіи, превращалась въ плутоническія породы, какъ гранитъ, порфиръ, діоритъ и проч. Вода, продолжая производить осадки, утолщала земную кору до такой степени, что масса осадковъ начала производить на нижніе слои сильное давленіе, отъ котораго, съ помощію внутренняго жара, образовались пласты горно-каменныхъ породъ, нѣсколько разнствующихъ отъ плутоническихъ, хотя состоящихъ изъ однихъ съ ними матеріаловъ. Покрывала ли потомъ вода одновременно земную поверхность повсемѣстно—это неизвѣстно, но что въ разныя времена частями земля наша находилась подъ водою, доказывается повсюду лежащими осадочными пластами. Охлажденіе земли продолжается и по настоящее время, хотя такъ медленно, что въ продолженіе 2000 лѣтъ, она не охладилась даже на $^{59}/_{10\cdot000}$ градуса стоградуснаго термометра. Населеніе земнаго шара началось только со времени первыхъ осадковъ, что́ доказывается нахожденіемъ первыхъ животныхъ въ древнѣйшей, силлурійской, почвѣ. До сихъ поръ въ осадочныхъ почвахъ даже третичнаго образованія не найдено никакого остатка человѣка, поэтому появленіе его относятъ только къ позднѣйшимъ временамъ.

2.

За исключеніемъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна, южнорусскій край, въ геологическомъ отношеніи, изслѣдованъ весьма мало, меньше Уральскаго и даже Алтайскаго хребтовъ.

Воспользуемся тѣмъ, что́ до сихъ поръ извѣстно.

Карпатскія горы, на большей части своего протяженія, принадлежатъ къ системѣ складочныхъ и частію поднятыхъ горъ, образо-

вавшихся, по всей вѣроятности, послѣ юрской и даже мѣловой формацій, которыя здѣсь непосредственно налегаютъ на горнокаменныхъ, кристаллическихъ породахъ. Слѣдовъ вулканическихъ изверженій здѣсь нигдѣ не замѣчено. Первозданныя породы находятся на крайнемъ западѣ, въ *Татрахъ*, и при поворотѣ горъ на югозападъ. Юрская почва покрываетъ незначительную часть Галиціи, по сѣверному склону горъ; вся же западная часть этой провинціи верхнюю почву имѣетъ мѣловую, за исключеніемъ пространства между Краковомъ, Дуклою и Кашау, гдѣ залегаетъ такъ-называемая Карпатская соляная формація, причисляемая къ третичнымъ почвамъ, а частію и къ новымъ осадкамъ. Сѣверная часть Буковины также покрыта соляною формаціею. Западная часть Карпатовъ весьма богата металлами; серебро и мѣдь тамъ разработываются въ большомъ количествѣ; есть также желѣзо и золото; возлѣ Эперьеса найдены отличные опалы. Мѣловая почва изъ Галиціи вдается клиномъ на сѣверъ въ Царство Польское и идетъ также на востокъ, въ Волынскую и Подольскую губерніи. Холмы сѣверной Галиціи состоятъ изъ пластовъ глинъ, мергелей, песчаниковъ и глинистыхъ сланцевъ; на гребнѣ же Карпатовъ преобладаютъ граниты,—на южныхъ покатостяхъ—трахиты и гнейсы, а на сѣверныхъ, въ незначительномъ количествѣ—порфиры.

Въ Люблинскую губернію Царства Польскаго, какъ мы говорили выше, входитъ мѣловая почва, клиномъ, основаніе котораго на югѣ, а верхъ на сѣверѣ. На западъ къ р.р. Таневу и Вислѣ и на востокъ — къ р. Бугу залегаютъ новѣйшія почвы, которыя оканчиваются наносами нынѣшняго образованія. Сѣверъ губерніи покрытъ валунами, — полагаютъ — изъ скандинавскихъ горъ. Въ сѣверо-восточной части есть торфяныя болота, но торфа, по изобилію лѣсовъ, здѣсь не добываютъ.

Изъ Галиціи мѣловая формація входитъ въ русскіе предѣлы, касается сѣверо-западной части Подольской губерніи и покрываетъ южную полосу Волынской. Эта почва покоится на гранитѣ, который выходитъ на поверхность весьма рѣдко, а видѣнъ въ обрывахъ береговъ р.р. Тетерева, Случи и Корчика. Граниты здѣсь обыкновенно кристаллическаго сложенія, за исключеніемъ находящихся на р. Каменкѣ, въ которыхъ преобладаетъ слюда; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдена фарфоровая глина, происшедшая отъ разрушенія изъ гранитовъ полеваго шпата. Въ здѣшней же мѣловой формаціи находится мѣлъ, гипсъ и плиты литографическаго камня, а пласты ея состоятъ изъ песча-

наго мергеля, песчаника и известняка, наполненнаго множествомъ раковинъ. Сѣверная полоса губерніи покрыта наносными почвами, перемѣшанными съ торфяниками и представляетъ равнину, имѣющую самый слабый склонъ къ востоку, въ которой попадается болотная желѣзная руда, добываемая туземцами.

Въ Каменецъ-Подольской губерніи гранитъ болѣе обнаженъ, чѣмъ въ Волынской; въ Кременецкомъ уѣздѣ онъ выходитъ на поверхность и, подъ третичными формаціями, простирается отъ Днѣстровскихъ до Днѣпровскихъ пороговъ. Мѣловая формація залегаетъ въ сѣверной полосѣ губерніи, не достигнувъ береговъ Южнаго Буга. Въ Подольской губерніи, по лѣвому берегу Днѣстра и по нѣкоторымъ его притокамъ залегаетъ островъ силлурійской формаціи, длиною на 150 и шириною не болѣе 50 верстъ. Минералами эта губернія весьма бѣдна; можно указать только на гипсъ, алебастръ и мѣловой камень въ Каменецкомъ и на литографическій камень въ Могилевскомъ уѣздахъ; металловъ здѣсь вовсе не найдено.

Мѣловая почва прекращается въ Волынской и Подольской губерніяхъ; въ Кіевской же на поверхность выходитъ только островомъ по берегу Днѣпра между м. Трактоміровымъ и г. Черкасами; все же остальное пространство этой губерніи покрыто формаціями новѣйшаго образованія, которыя лежатъ на кристаллическихъ породахъ. Наилучшія обнаженія гранитовъ находятся по берегамъ р.р. Тетерева, Ирши, Гнилопяти, Роси и Соби. Въ Черкасскомъ уѣздѣ залегаютъ сіениты, около с. Каменнаго-Брода въ Радомысльскомъ уѣздѣ лабрадоръ превосходнаго качества, который нынѣ дѣятельно разработывается. Кіевская губернія заключаетъ въ себѣ много земель, полезныхъ для промышленности: фаянсовая глина отличной доброты въ окрестностяхъ Межигорской фабрики, близъ Кіева, гидравлическая известь въ Радомысльскомъ и суконовальная глина въ Черкасскомъ уѣздахъ. Въ наносной почвѣ сѣверной части находятся желѣзныя руды; замѣчательнѣйшія изъ нихъ лежатъ по р.р. Иршѣ, Здрывлѣ, Бѣлкѣ и Тетереву; впрочемъ, добываніе желѣза здѣсь въ младенчествѣ. Торфяниковъ весьма много на низменностяхъ Радомысльскаго уѣзда, но торфъ употребляется только для удобренія полей, а не какъ топливо.

Херсонская губернія составляетъ плоскость покатую на югъ къ Черному морю и состоитъ изъ двухъ полосъ: сѣверная есть продолженіе гранитнаго образованія Подольской и Кіевской губерній; южная-известковая третичныхъ и новѣйшихъ формацій. Къ послѣдней при-

надлежатъ Херсонскій, Одесскій, Тираспольскій и полуденныя части Бобринецкаго и Ананьевскаго уѣздовъ. На югозападѣ губерніи находятся солончаки новѣйшаго образованія. Кромѣ известковаго камня, употребляемаго на постройки, въ губерніи находятся ископаемые янтари по берегамъ Днѣпра, аспидный сланецъ въ сѣверовосточномъ углу Херсонскаго уѣзда, фарфоровая глина въ Александрійскомъ и торфъ, какъ въ этомъ, такъ и въ Бобринецкомъ уѣздахъ.

На всемъ пространствѣ отъ запада Галиціи на востокъ до Днѣпра, мы видимъ, что кристаллическія породы проходятъ, съ запада на востокъ, то закрытыя осадочными почвами, то открытыя выходятъ на поверхность земли. Изъ древнѣйшихъ формацій, только силлурійская залегаетъ на небольшомъ пространствѣ; — изъ вторичныхъ преобладаетъ мѣловая; третичныя же и новѣйшаго образованія покрываютъ югъ и западъ этого пространства. Здѣсь находимы были остатки животныхъ уже исчезнувшихъ съ этой полосы, какъ-то: слоновъ, носороговъ, гіенъ и др.. Осадочныя же формаціи опредѣлены ископаемыми окаменѣлостями, ихъ характеризующими.

Полоса Малороссіи, лежащая по восточную сторону Днѣпра, нѣсколько богаче минералами, чѣмъ западная, въ-особенности каменнымъ углемъ, который добывается хотя не въ такомъ изобиліи, какъ въ Англіи, Франціи и въ Бельгіи, однако, при бо́льшемъ стараніи въ разработкѣ его, могъ бы составить богатство края.

Каменноугольный бассейнъ, тянущійся по р. Донцу, и оттого получившій названіе донецкаго, лежитъ между $47^1/_2$ и $49^1/_2$ гр. сѣвер. широты и между 36 и $41^1/_2$ гр. вост. долготы. — Наибольшая длина его простирается на 345, а ширина не менѣе 150 верстъ; общая же поверхность занимаетъ около 24 тыс. квадр. верстъ.

На этомъ пространствѣ залегаютъ богатыя копи каменнаго угля, который хотя и разработывается, но къ сожалѣнію, по небрежности производства, не даетъ потребнаго количества угля южному краю; по неисправности же сообщеній и, вслѣдствіе-того, дорогой доставки—каменный уголь продается въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей и за Днѣпромъ дороже привознаго изъ Англіи. Здѣшняя каменноугольная формація, изслѣдованная по обрывамъ рѣкъ и рѣчекъ и колодцами, рытыми горнымъ вѣдомствомъ, на сѣверѣ прикрыта мѣловою, а отчасти и юрскою почвами; на югѣ же она отдѣлена отъ моря узкою полосою мѣловой и частію третичными осадочными формаціями.

На югозападѣ каменноугольный бассейнъ касается полосы кри-

сталлическихъ породъ, приходящей изъ-за Днѣпра и кончающейся на берегахъ р. Кальміуса, которая и отдѣляетъ его отъ третичныхъ почвъ полуострова Крыма. Кристаллическая формація характеризуется здѣсь чрезвычайнымъ разнообразіемъ породъ, какъ по составу, такъ и по различію цвѣтовъ, хотя строеніе ихъ состоитъ изъ простыхъ минераловъ, преимущественно—обыкновеннаго шпата, кварца и амфиболя, къ которымъ иногда присоединяются слюда и альбитъ и нѣкоторые другіе. Главнѣйшія же кристаллическія породы составляющія этотъ кряжъ суть: пегматиты, встрѣчаемые большими массами и въ весьма разнообразныхъ смѣшеніяхъ; діориты, изъ которыхъ примѣчательны зеленовато-сѣраго цвѣта; многочисленныхъ оттѣнковъ порфиры; сіениты въ значительныхъ накопленіяхъ по р. Калміусу, близь Ласпи; рѣже другихъ встрѣчаются граниты, а еще того рѣже—гнейсы.

Породы, составляющія каменноугольную донецкую формацію, и въ особенности — известняки, заключаютъ весьма много органическихъ остатковъ, которые указываютъ на характеръ здѣшней почвы древнѣйшаго каменноугольнаго образованія.

Пласты каменнаго угля залегаютъ въ здѣшней формаціи весьма неправильно; горизонтальныхъ почти не существуетъ; часто одинъ и тотъ же слой лежитъ горизонтально, наклонно и отвѣсно; иногда такой слой разрывается на нѣсколько частей въ видѣ ступеней. Такое положеніе пластовъ показываетъ, что на этомъ пространствѣ происходилъ какой-либо земной переворотъ, или сотрясеніе, позднѣе образованія каменнаго угля. Общее направленіе этихъ слоевъ лежитъ на сѣверо-западъ, хотя въ частностяхъ оно и измѣняется.

Толщина слоевъ каменнаго угля здѣсь незначительна; до-сихъ поръ найденъ только одинъ слой около 7 футовъ толщиною, большая же часть ихъ бываетъ около двухъ футовъ. Число слоевъ угля въ этой формаціи нигдѣ не превышаетъ десяти, а почти повсемѣстно уголь залегаетъ въ одинъ слой.

Мѣсторожденій каменнаго угля въ донецкомъ бассейнѣ насчитывается до ста, которыя разрабатываются въ 250 мѣстахъ. Въ 1839 году они давали слишкомъ 900 тыс. пудовъ; количество это увеличивается годъ отъ году и въ 1850 году общая добыча угля составляла уже 3,540 тысячъ пудовъ. Мѣсторожденія можно соединить въ слѣдующія группы: группа Верхняго Донца, около с. Петровскаго даетъ до 100 тысячъ пудовъ. Группа Лисичьей Балки, между с. с. Привольнымъ и Верхнимъ Бѣлинькимъ, въ которой добывалось, въ 1839

году, до 450 тыс. пудовъ, въ 1850 добыто только 340 тыс.; группа р. Лугани даетъ 250 тыс. пудовъ; въ пріискѣ Анненскомъ этой группы получается превосходный уголь. Группа р.р. Луганчика и Каменки, разработывавшаяся до 1840 года только мѣстными поселянами въ ничтожномъ количествѣ, нынѣ даетъ около $1^1/_2$ милліона пудовъ. То же самое можно сказать и о группѣ р. Каменки, въ которой уголь дурнаго качества; она дала въ 1850 году слишкомъ 700 тысячъ пудовъ. Группа Нижняго Донца, пересѣкаемая этою рѣкою и нѣкоторыми притоками Дона, дававшая только до 21-й тыс. пудовъ угля, нынѣ производитъ болѣе 2,320 тыс. пудовъ. Группа р. р. Міуса и Кринки, лежащая въ южной части бассейна, даетъ около милліонна пудовъ угля, который въ Краснокутскомъ мѣсторожденіи отличнаго достоинства. На западѣ бассейна лежитъ группа р.р. Кальміуса и Торца; заключаетъ уголь довольно хорошій и въ ней находится на р. Кальміусѣ самый толстый слой въ 7 футовъ; добыто въ 1850 году въ немъ угля до 300 тыс. пудовъ. Хотя теперь, по лѣвой сторонѣ Донца весьма мало разработокъ, но такъ-какъ каменноугольная формація здѣсь подходитъ подъ мѣловую, то, по истощеніи копей на правой сторонѣ рѣки, необходимо будетъ добывать уголь на лѣвой подъ мѣловой почвою, хотя бы глубина копей при этомъ была значительнѣе.

Мѣловая формація по лѣвую сторону Днѣпра есть преобладающая; на правой же сторонѣ она залегаетъ: отъ сліянія Донца съ Дономъ до р.р. Міуса и Кринки; къ югу отъ Лугани отдѣльными толщами, доходящими иногда до 700 футовъ глубины; и сверхъ того, по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Донецъ (Дубовой, Глубокой и др.). Въ окрестностяхъ Изюма, на р. Донцѣ, находятся небольшіе острова юрской формаціи, которая подходитъ подъ мѣловую. Эта послѣдняя распространяется по Харьковской и Курской губерніи,-только пласты ея здѣсь тоньше. Отъ Харькова же на западъ и сѣверо-западъ, въ Полтавскую губернію простирается почва, въ которой до-сихъ-поръ не найдено никакихъ органическихъ остатковъ. Французскій ученый, Лепле, назвалъ её *Бахмутскою*, *рухляковою*, *формаціею*; но онъ изслѣдовалъ только ея южную часть и нашелъ даже въ красныхъ рухлякахъ массу, слѣпленную изъ мелкихъ раковинъ, обнаруживающихся въ отпечаткахъ, или слѣпкахъ. Къ сѣверу отъ Бѣлгорода показываются вновь толщи мѣла и известь съ разными окаменѣлостями, которыя и доходятъ на сѣверъ до Курска и на сѣверо-западъ до Нов-

города-Сѣверскаго и, по р. Деснѣ, до Кролевца. На Дону, мѣловая формація также распространена значительно, начиная отъ Воронежа, гдѣ она покрываетъ Девонскую почву пластами около 70 футовъ, она доходитъ до крутаго поворота, образуемаго Волгою на востокъ; наконецъ, эта же почва залегаетъ по сѣвернымъ покатостямъ кавказскихъ и крымскихъ горъ. Подъ мѣловою формаціею этихъ горъ лежитъ юрская почва, которая выходитъ на поверхность, мѣстами, южнѣе кристаллической днѣпровской полосы. Самый же хребетъ кавказскій состоитъ преимущественно изъ трахита и другихъ кристаллическихъ породъ, которыя продолжаются на западъ и выказываются вновь въ крымскомъ кряжѣ. Какъ одинаковый геологическій составъ, такъ и общее обоихъ хребтовъ направленіе, показываютъ, что крымскія горы составляютъ продолженіе кавказскихъ, и что, быть, можетъ, въ древнія времена онѣ составляли одно цѣлое.

Все южное степное пространство, по сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, между Дунаемъ и Дономъ, нѣкоторые геологи относятъ къ особенной третичной формаціи и называютъ её *третичною формаціею Понтійской степи*. Господствующую породу этой почвы составляетъ ячеисто-раковистый известнякъ, большею частію цвѣта желтоватаго, или красновато-бѣлаго. Этотъ известнякъ весьма мягокъ, такъ-что можно его рѣзать; но попадаются также и твердые известняки, какъ, напримѣръ, таганрогскій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть известняки, проникнутые кремнистымъ цементомъ. Въ особенное отличіе этой формаціи ставятъ раковины: кардіумъ съ выдающимся хребтомъ, митилисъ и дрейссена.

Въ южной части донецкаго кряжа, въ восточномъ полуостровѣ Крыма и на Тамани находятся желѣзныя руды. Часто можно встрѣтить глинистые и песчаные слои, пропитанные желѣзнымъ окисломъ; нѣкоторые даютъ до 12 проц. этого металла. Выгодныя же, для добыванія руды, мѣсторожденія суть: въ окрестностяхъ казеннаго Луганскаго завода: около с. Закатино даетъ до 50 проц. чугуна; въ долинахъ р. р. Луганчика, Бѣлой, Азовой и Каменки; близъ с. Извольнаго. Около Камышъ-Буруна въ Крыму 13 мѣсторожденій, дающихъ отъ 36 до 58 проц. чугуна и близъ Тамани, гдѣ руды хорошаго качества.

Вообще, опредѣленіе третичныхъ системъ Южной Руси еще весьма неполно; можно только сказать слѣдующее: эоценовая формація найдена въ небольшой части Подольской и южнѣе гранитной оси Херсонской гу-

берніи; нуммулитовая, опоясывающая собою значительную часть Средиземнаго моря, лежитъ на южномъ берегу Крыма на мѣловой формаціи, а міоценовые осадки опредѣлены отъ Гродно по направленію къ Кіеву и нѣкоторые ихъ острова въ Бессарабіи.

На востокъ отъ устья Дона до Аральскаго моря, по ископаемымъ остаткамъ, въ-особенности — по раковинамъ, можно заключить, что въ послѣосадочную эпоху — Черное, Каспійское и Аральское составляли одно море; впослѣдствіи, чрезъ поднятіе Усть-Урта, Аральское отдѣлилось отъ Каспійскаго, а потомъ, посредствомъ новаго поднятія, и Каспійское отдѣлилось отъ Азовскаго. Упомянутыя раковины, найденныя на вновь поднятыхъ материкахъ, тождественны съ раковинами живущими въ этихъ трехъ моряхъ въ настоящее время.

Кромѣ обыкновенныхъ наносовъ, производимыхъ рѣками и господствующими вѣтрами, косъ и плотинъ, образующихъ лиманы на берегу Чернаго моря, примѣчательны дюны, лежащія между Перекопомъ и устьемъ Днѣпра, въ окрестностяхъ м. Алешекъ. Онѣ состоятъ изъ холмовъ зыбучаго песку, наносимаго съ моря. Песокъ этотъ, при каждомъ вѣтрѣ, измѣняетъ свое положеніе и засыпаетъ большую, гладкую степь, такъ-что на ней видны теперь цѣлыя деревни, занесенныя пескомъ. Степь же представляетъ безжизненную пустыню, на которой не прозябаетъ ни малѣйшее растеніе. Березовый лѣсъ, посаженный вдали отъ берега, удерживаетъ нынѣ распространеніе дюновъ, и за нимъ уже появляется растительность.

Вся земля Черноморскаго Козачьяго Войска принадлежитъ къ новѣйшему образованію. На Тамани почва вулканическая, но вулканы не извергаютъ твердыхъ матеріаловъ, а только грязь и воду, и потому мало измѣняютъ поверхность этого плоскаго полуострова. Впрочемъ, южный его берегъ возвышенъ надъ поверхностію Чернаго моря, хотя образованіе его относятъ къ новому времени.

И. М.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ НА ЮГѢ.

Въ предъидущей книжкѣ *Основы*, мы представили краткій очеркъ женскихъ гимназій и народныхъ школъ—воскресныхъ и сельскихъ, а теперь обратимъ вниманіе на другіе пути, избранные обществомъ къ распространенію образованія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ образованія, естественнымъ образомъ является потребность чтенія; книги у насъ вообще очень дороги и доступны только достаточнымъ людямъ; люди безъ значительныхъ средствъ должны поневолѣ оставаться безъ удовлетворенія своему желанію — дополнить чтеніемъ то, чего не успѣли узнать въ школахъ. Съ цѣлью доставить возможность дешеваго и разнообразнаго чтенія всѣмъ, въ послѣднее время начали открывать публичныя библіотеки въ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ; слѣдовательно, эти библіотеки вызваны насущною потребностью. Насколько онѣ могутъ удовлетворить этой потребности, какіе результаты принесли онѣ въ короткое время своего существованія и въ какой степени вызывали сочуствіе того общества, среди котораго появлялись, мы увидимъ ниже изъ обзора ихъ открытія.

Какъ при открытіи школъ, такъ и при заведеніи библіотекъ, — наряду съ сочувствіемъ къ столь важному дѣлу,—бывали явленія, поражающія своей дикостью и показывающія совершенное равнодушіе къ просвѣщенію со стороны нѣкоторыхъ, привыкшихъ считать себя образованными.

Публичныя библіотеки начинали открываться у насъ преимущественно съ половины прошлаго 1860 года; впрочемъ и раньше этого существовала мысль о такихъ библіотекахъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ были даже и самыя библіотеки. Такъ, въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* 1859 года, мы читаемъ: «до насъ дошли слухи, что въ Кіевѣ въ скоромъ времени откроется городской кабинетъ для чтенія. Мысль

объ этомъ кабинетѣ давно уже была выражена однимъ изъ профессоровъ нашего университета въ проэктѣ, который онъ сообщилъ многимъ изъ своихъ знакомыхъ; но недостатокъ средствъ мѣшалъ до сихъ поръ исполненію этой мысли. Теперь, какъ мы слышали, В. А. Кокоревъ, сочувствуя этому предпріятію, предложилъ съ своей стороны средство для его осуществленія. Онъ уже купилъ мѣсто для постройки дома, въ коемъ будетъ помѣщаться библіотека и удобныя комнаты для занятія пріѣзжихъ художниковъ.» Дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ кабинетѣ не встрѣчается; библіотека, которая доставляла бы возможность имѣть дешевое чтеніе, — для такого города, какъ Кіевъ, гдѣ такъ хорошо пошли воскресныя школы и гдѣ, судя по сообщаемымъ свѣдѣніямъ, нѣтъ хорошихъ книжныхъ магазиновъ,—очень необходима. При Кіево-Подольской воскресной школѣ, вскорѣ послѣ ея открытія, начала устраиваться библіотека изъ пожертвованій, но, нельзя думать, чтобы она достигла значительныхъ размѣровъ, къ тому же она имѣетъ своею цѣлью служить помощью только для этой школы, слѣдовательно, считать ее публичною нельзя. Къ числу весьма полезныхъ учрежденій, основанныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, должно отнести открытый при университетѣ кабинетъ чтенія для студентовъ; польза его огромна, потому что студенты, несмотря на существованіе при университетѣ большой библіотеки, всегда ощущали недостатокъ въ книгахъ.

Городовъ, въ которыхъ библіотеки существовали прежде, чѣмъ онѣ начали открываться повсемѣстно, немного, всего два: *Керчь* и *Одесса*. Въ первомъ городѣ библіотека была открыта въ началѣ 1858 года; сначала она имѣла довольно скромные размѣры, по современемъ, при сочувствіи общества, которое видѣло въ ней явную пользу,—она приобрѣла достаточныя и, главное, постоянныя средства. Объ этой библіотекѣ, въ Книжномъ Вѣстникѣ (1861 № 4) помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Съ окончаніемъ 1860, окончился третій годъ существованія въ г. Керчи (12, 787 ж.) библіотеки. Существованіе это въ настоящее время можно считать почти обезпеченнымъ при тѣхъ средствахъ, какими она располагала и располагаетъ теперь, и которыя дали возможность дирекціи значительно пополнить въ 1860 г. каталогъ библіотеки, бывшій до этого года довольно скромнымъ.» Затѣмъ, въ этомъ же извѣстіи, вотъ-что́ говорится о самыхъ средствахъ библіотеки: «Средствамъ этимъ много содѣйствовали здѣшніе г.г. солепромышленники, согласившись, при отправкѣ черезъ Керченскій

портъ соли, взносить 15 к. съ каждой тысячи пудовъ, что доставило библіотекѣ дохода до 350 руб. и этимъ дало возможность уплатить бывшіе на ней долги и пріобрѣсти почти большую часть сочиненій русскихъ авторовъ по части беллетристики, а это послѣднее обстоятельство было причиною, что доходъ отъ частныхъ подписчиковъ противъ 1859 г. удвоился. Въ 1860 г. поступили въ библіотеку слѣдующія суммы: бывшіе въ остаткѣ къ 1-му январю 26 р. 50¼ к. взятые заимообразно на выписку 200 р., однопроцентнаго сбора съ жалованья г.г. чиновниковъ и офицеровъ—298 р. 17½ к., отъ частныхъ подписчиковъ 40 р., отъ солепромышленниковъ 339 р. 50¾ к., отъ содержателя клуба, за занавѣсы, принадлежавшія библіотекѣ—13 р., итого 917 р. 27½ к. Далѣе приводится расходъ по библіотекѣ,—составляющій вмѣстѣ съ жалованьемъ библіотекарю, платою за наемъ помѣщенія, выпискою и переплетомъ книгъ и другими издержками, всего 894 р. 89 к.,—а книгъ въ 1860 г. было выписано 198 названій, въ 311 томахъ. Для перваго времени существованія подобныя цифры довольно значительны и надо надѣяться, что впослѣдствіи и книгъ будетъ выписываться больше и расходы уменьшатся,—потому что «съ декабря мѣсяца,—говорится въ томъ же извѣстіи,—библіотекѣ, по распоряженію керчь-еникольскаго градоначальника, отведено постоянное безплатное помѣщеніе въ бесѣдкѣ городскаго садика.» По всему видно, что керченская библіотека будетъ существовать и улучшаться—,сочувствія къ ней достаточно,—средствъ тоже пока довольно,—между прочимъ, приведенный нами отрывокъ изъ краткаго отчета о ея средствахъ, указываетъ на ихъ разнообразіе. Во многихъ городахъ, многія полезныя предпріятія не осуществляются за неимѣніемъ будто бы средствъ, но—по примѣру г. Керчи—можно почти въ каждомъ городѣ найти ихъ; была бы охота и желаніе устроивать что-нибудь болѣе полезное, чѣмъ *общественныя* танцовальныя собранія съ исключительнымъ правомъ входа въ нихъ только благороднорожденныхъ особъ.

Одновременно съ открытіемъ библіотеки въ Керчи, была открыта для публики библіотека въ Одессѣ. И эта библіотека, поддерживаемая какъ общимъ сочувствіемъ, такъ и пожертвованіями частныхъ лицъ, тоже можетъ служить доказательствомъ, что для учрежденій подобнаго рода надо только горячее желаніе сдѣлать, а средства для дѣла найдутся. «Одесская городская публичная библіотека» (сказано въ Кн. Вѣстникѣ 1861 г., № 3,) «пользуется живымъ сочувствіемъ

ученыхъ и литераторовъ, что̀ дѣлаетъ честь ея распорядителю. Во второй половинѣ 1860 года, также какъ и въ первой, поступило много пожертвованій, изъ которыхъ самыя капитальныя: 1482 томовъ и брошюръ медицинскихъ книгъ и періодическихъ изданій на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, отъ общества Одесскихъ врачей; 496 томовъ книгъ, преимущественно на французскомъ языкѣ, относящихся до исторіи, географіи, политической экономіи и комерціи, отъ Хр. К. Сикарда; 23 тома англійскихъ книгъ, по географіи, естественной исторіи, математикѣ и механикѣ отъ Смитсоніанскаго ученаго учрежденія въ Вашингтонѣ, и 68 даровыхъ журналовъ и газетъ.» Относительно того, что̀ стоила эта библіотека городу, въ *Книжномъ Вѣстникѣ* сказано, что съ начала 1858 года, при нынѣшнемъ управленіи библіотеки, она пріобрѣла добровольными пожертвованіями 6,636 томовъ книгъ и періодическихъ изданій, на сумму 7,678 р. 55 к. Если вычесть, отпущенныя за эти три года изъ городскихъ доходовъ: на жалованье служащимъ, отопленіе, покупку, переплетъ книгъ и проч. 3450 р., то окажется, что библіотека нетолько ничего не стоила городу Одессѣ, но еще *увеличила его имущество на 4188 р. 55 коп.*, не говоря о пользѣ, доставленной всему населенію города, предоставленіемъ безплатнаго чтенія 22,264 томовъ, состоящихъ нынѣ на-лицо книгъ и періодическихъ изданій, 17,736 посѣтителямъ.» Это могло бы повториться въ каждомъ городѣ, и говоритъ само за себя.

Въ половинѣ 1860 года, необходимость и польза публичныхъ библіотекъ была сознана ясно; и онѣ начали открываться, при содѣйствіи образованныхъ людей; но такъ-какъ образованность и пониманіе выгодъ умственнаго развитія пока удѣлъ меньшинства, то появленіе библіотекъ въ иныхъ мѣстахъ сопровождалось странными явленіями, а въ другихъ и самое существованіе ихъ довольно сомнительно.

Объ открытіи библіотекъ въ послѣднее время, мы можемъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ г. Екатеринославѣ учреждена публичная библіотека. Въ ней выписываются всѣ русскія газеты и журналы и нѣсколько иностранныхъ.» Это краткое извѣстіе К. Т-фа (1860 г. № 26) довольно утѣшительно, но мы имѣемъ причину сильно бояться за безбѣдное существованіе этой библіотеки. Въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (1860 г. августъ) помѣщена статья «о состояніи Екатеринославскаго уѣзднаго училища и находящихся въ вѣдѣніи его народныхъ училищъ за

1859—60 академическій годъ:» изъ нея видно полнѣйшее равнодушіе Екатеринославскаго городскаго общества къ дѣлу образованія. «До 1860 г., городское общество »—говорится въ этой статьѣ—« еще принимало въ училищѣ нѣкоторое участіе: оно давало на жалованье приходскому учителю 100 р. с., деньги, которыми трудно, конечно, удовлетворить въ настоящее время потребностямъ самаго невзыскательнаго человѣка; расходы же на прочіе предметы уѣздное училище вынуждено было производить изъ своихъ, и безъ-того ограниченныхъ, средствъ; но съ 1860 года, Екатеринославское городское общество прекратило совсѣмъ отпускъ даже и тѣхъ ничтожныхъ денегъ, которыя оно прежде отпускало. Никакія усилія училищнаго начальства, ни даже распоряженія начальника губерніи, а также и Новороссійскаго генералъ-губернатора, до сего времени не могли подвинуть городское общество къ поддержанію училища, учрежденнаго для обученія дѣтей торговаго и ремесленнаго сословія. Оно *съ какимъ-то недоброжелательствомъ упорствуетъ въ своемъ предубѣжденіи* къ училищу.» Воскресная школа также бѣдствуетъ: въ 1860 г. она поддерживалась кое-какими пожертвованіями *частныхъ* лицъ... чего же послѣ этого ожидать и публичной библіотекѣ? Но, можетъ быть, ей больше посчастливилось?.. желали бы узнать правду...

Равнодушіе общества къ полезному учрежденію — хотя грустное, но весьма естественное явленіе тамъ, гдѣ общество долго было погружено въ апатію и жило, не имѣя разумныхъ интересовъ. Выходя изъ апатіи, оно смотритъ на многое недовѣрчиво и не все принимаетъ; вводить и поддерживать полезныя учрежденія выпадаетъ, въ такихъ случаяхъ, на долю отдѣльныхъ, передовыхъ личностей. Но и дѣятельность подобныхъ личностей часто не приноситъ пользы или по причинѣ того же общаго равнодушія, или же, при сочувствіи общества, вслѣдствіе примѣси стремленій и цѣлей постороннихъ прямому и открытому дѣлу образованія, а иногда и вслѣдствіе подозрительности и непониманія со стороны такихъ лицъ, которыхъ главная обязанность содѣйствовать общей пользѣ.

Грустная исторія случилась съ проэктомъ публичной библіотеки въ г. Житомирѣ. Въ началѣ 1860 года, было напечатано въ *Кіевскомъ Телеграфѣ*, а потомъ перепечатано и въ другихъ журналахъ и газетахъ, слѣдующее письмо графа В. Платера къ Волынскому губернскому предводителю дворянства:

«М. г.! Съ нѣсколько-необыкновенною просьбою я обращаюсь къ

вамъ; но мысль, постоянно меня занимающая, ревностное желаніе сдѣлать добро для своего края, заставляютъ меня вѣрить, что мое настоящее намѣреніе найдетъ у васъ и покровительство, и сочувствіе. Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развилось, до тѣхъ поръ всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль, и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить непогладимое вліяніе на своей эпохѣ, — я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки. Надѣюсь, что мысль моя не останется заброшенною, и я встрѣчу къ ней доброе вниманіе ваше. Нашъ Императоръ милостиво заботится о распространеніи просвѣщенія; мы постоянно видимъ новыя учрежденія; замѣтки въ русскихъ газетахъ указываютъ на проектированныя библіотеки по всѣмъ городамъ имперіи (Петербургскія вѣдомости № 185–й 1859 г.). Ужели одни мы должны отступать и исчезать въ тѣни? Считая, что тридцатилѣтнее существованіе есть наименьшая проба для убѣжденія въ пользѣ извѣстнаго учрежденія (потому что только по прошествіи этихъ лѣтъ можно сказать, что оно годится и должно существовать, или же рука основателей отшатнется отъ него, какъ отъ дѣла пустаго и–чего не дай Богъ–безплоднаго), я желалъ бы, чтобы сдѣлали тридцатилѣтнюю складку на публичную библіотеку въ Житомирѣ.

«Я полагаю, что 3,500 р. въ годъ (т. е. 3,000 съ губерніи и 500 съ города) достаточны на усовершенствованіе и постоянное ея содержаніе (наемъ дома, отопленіе, библіотекарь и его помощникъ, прислуга); эти 3,500 руб., кажется, не большая сумма на 1300 кв. миль губерніи; если отнимемъ отъ этой цифры казенныя имѣнія, все–таки на остальное 3,000 не много. Въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ или распоряженій правительства, складка прекращается теперь же, или по истеченіи нѣкотораго времени, и пріобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью. Но, желая поскорѣе видѣть начало этого учрежденія (котораго будущую судьбу предоставляю вашему покровительству), я отдаю во временное владѣніе библіотеки, послѣ первой складки, часть моей библіотеки, 7,000 томовъ. Если состояніе ея упрочится, я охотно увеличу свой вкладъ; но въ случаѣ какихъ нибудь пе-

ремѣнъ или по прошествіи тридцати лѣтъ, я хочу, чтобы начальники края дали мнѣ ручательство, что книги будутъ мнѣ возвращены въ цѣлости. Я полагаю, что и другіе не отказались-бы способствовать основанію библіотеки одолженіемъ книгъ лѣтъ на десять, на пятнадцать, или по желанію вкладчика,—по истеченіи которыхъ онѣ должны быть возвращены къ прежнему владѣльцу, его роднымъ или наслѣдникамъ. Гг. Левковичи обѣщали даже подарить библіотекѣ собраніе картинъ, а я предлагаю только одолженіе на время. Нѣкоторые менѣе важные вопросы по этому предмету легко можно бъ было уяснить потомъ. Теперь прошу васъ покорнѣйше, м. г., чтобы извлеченіе изъ моего письма или цѣлое письмо разослать гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства и другимъ помѣщикамъ, извѣстнымъ по благороднымъ стремленіямъ и благоразумнымъ намѣреніямъ. Ваше сочувствіе и участіе можетъ довольно скоро привести дѣло къ окончанію, а наше правительство теперь вѣрно препятствовать не будетъ. Свѣтлую и дорогую память оставили бы вы, м. г., въ краѣ, осуществивъ мое скромное намѣреніе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ могло бы принять бо́льшіе размѣры; покрайней мѣрѣ прошу васъ дать ходъ этой мысли».

Сочувствуя мысли гр. Платера, многіе изъявили готовность пожертвовать, для общественной пользы, свои библіотеки, музеи, картины; г. Зб..... предложилъ свои естественныя колекціи, собранныя имъ, во время путешествій по востоку. Ровенскій предводитель дворянства, г. Заленскій и студенты Кіевскаго университета, выразивъ сочувствіе, изъявили готовность содѣйствовать словомъ и дѣломъ. Значитъ, и начало было, и сочувствіе общества... и все-таки библіотека не состоялась, — благородная мысль осталась неосуществленною, потому что встрѣтила въ тѣхъ, кому сначала была предложена, — странное непониманіе и даже недоброжелательство. «Дворянскій предводитель Житомирскаго уѣзда, — писали въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* (1860 г., № 55), — г. Невмѣжицкій, взявшійся сначала охотно помогать дѣлу, съ каждымъ днемъ терялъ этотъ искуственный огонь и наконецъ назвалъ мысль основанія публичной библіотеки: *пустякомъ*. Примѣръ, разумѣется, шелъ свыше: губернскій Волынскій предводитель, г. Микуличъ, никогда не увлекался особеннымъ сочувствіемъ къ библіотекѣ, — не сообразивъ вѣроятно, что на предводителѣ дворянства лежитъ священная обязанность и примѣромъ и средствами подвинуть общество по пути прогресса.» Библіотека не состоялась, и

гг. Невмѣжицкій и Микуличъ могутъ утѣшать себя тѣмъ, что имена ихъ долго не забудутся и въ Житомирѣ и въ литературѣ.

Въ 1860-мъ году была открыта публичная библіотека въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, стараніями штатнаго смотрителя тамошняго уѣзднаго училища, г. Андреева и уѣзднаго судьи, г. Солецкаго, при дѣятельномъ содѣйствіи Н. К. Алчевскаго, которые собрали для этой цѣли по подпискѣ 600 р. ср. Изъ первыхъ подписавшихся были—уѣздный предводитель дворянства и градской голова; мѣстное купечество выразило особенное участіе къ начатому полезному дѣлу. «Но въ то время, какъ на собранныя деньги нанято уже было помѣщеніе, выписаны журналы и газеты, и библіотека ожидала только для своего открытіи полученія разрѣшенія отъ начальства, въ городѣ, въ ожиданіи разрѣшенія, составилась опозиція противъ учредителей библіотеки, въ главѣ которой стояли никогда не читающіе ничего печатнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, значительные мѣстные жители (Ж. М—ва Н. Пр. 1860 г., октябрь).» Г. Копѣйчиковъ, сообщившій объ открытіи этой библіотеки въ С. Пб. Вѣдомостяхъ (№ 205),—пишетъ, что «одинъ изъ нихъ говорилъ даже своимъ знакомымъ, что если онъ захочетъ, то разоритъ всю библіотеку, а читателей побьетъ.» Очень жаль, что имена подобныхъ замѣчательныхъ людей, этихъ героевъ мрака и кулака, остаются въ большей части случаевъ неизвѣстными; а они весьма заслуживаютъ извѣстности. Несмотря на такую фанатическую ненависть къ чтенію одного изъ «значительныхъ мѣстныхъ жителей,» — библіотека все-таки была открыта и помѣщена въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, стоящемъ въ центрѣ города. Она занимаетъ весь верхній этажъ; самый кабинетъ для чтенія состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ, убранныхъ со вкусомъ. — Библіотека выписываетъ почти всѣ журналы и газеты, издаваемыя въ Россіи,—многіе въ 4 экземплярахъ. Годовая подписная плата 10 р. ср.; но для лицъ недостаточнаго состоянія она понижается до 3 р. Учители уѣзднаго и приходскаго училища имѣютъ право пользоваться книгами изъ библіотеки безплатно. Любопытно было бы знать, сколько подписчиковъ въ этой библіотекѣ, какую пользу приноситъ она городу и насколько доступна всѣмъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, библіотеки, вскорѣ послѣ своего открытіи, обращались въ мѣсто, куда сходились преимущественно для игры въ карты люди «высшаго общества,» присутствіе которыхъ, какъ извѣстно, сильно стѣсняетъ «низшихъ» и даже «средняго рода» людей; сверхъ того, важный недостатокъ въ этихъ библіо-

текахъ (впрочемъ, почти неустранимый, пока библіотека находится въ небольшихъ размѣрахъ), тотъ, что книгъ, въ особенности — журналовъ, обыкновенно малое число экземпляровъ; они выдаются на домъ, и хотя срокъ возврата книгъ въ библіотеку опредѣленъ, но для «значительныхъ мѣстныхъ жителей» дѣлаются, обыкновенно, исключенія; это бываетъ причиною, что «незначительные» должны долго томиться ожиданіемъ, пока получатъ желанную книгу. — Разумѣется, впослѣдствіи времени всѣ эти недостатки въ библіотекахъ устранятся: — и экземпляровъ будетъ больше и въ карты будутъ играть гдѣ — нибудь въ болѣе приличныхъ мѣстахъ;—а до тѣхъ поръ—постараемся быть довольны и тѣмъ, что открываются хоть какія—нибудь библіотеки.

Въ этомъ отношеніи уѣздные города идутъ впереди многихъ губернскихъ и даже такихъ, въ которыхъ есть университеты; напр.— въ Харьковѣ, до сихъ поръ нѣтъ городской библіотеки, если не считать книжнаго магазина г. Сакмейера, при которомъ находится библіотека съ 87-ю подписчиками,—хотя, какъ сообщаетъ *Кн. Вѣстникъ*, «Харьковскую университетскую библіотеку уже много лѣтъ собираются сдѣлать публичною.» Желательно, чтобы это предположеніе скорѣе осуществилось; открытіе университетской библіотеки для всѣхъ принесло бы великую пользу, потому что въ библіотекѣ, по словамъ Книжн. Вѣстн., до 70,000 томовъ книгъ, кромѣ драгоцѣнныхъ собраній рисунковъ, старинныхъ журналовъ и даже рукописей, но, какъ слышно, библіотеки не открываютъ, потому, «что все еще не составленъ каталогъ.» Послѣднее обстоятельство достойно удивленія, если взять во вниманіе, что библіотека существуетъ давно,—что при ней, съ первыхъ дней существованія, былъ библіотекарь и, вѣроятно, не одинъ, что библіотека была открыта для очень небольшаго числа читателей, слѣдовательно было и время и возможность, составить каталогъ самый полный. Должно сказать, что библіотеки и уругихъ университетовъ, пока, мертвый капиталъ, и что обращеніе ихъ въ публичныя было бы весьма благодѣтельною мѣрою для споспѣшествованія просвѣщенію. Мы знаемъ, что еще недавно одна университетская библіотека, вмѣщающая въ себѣ до 90 т. томовъ, была мало доступна и мало посѣщаема даже студентами. Въ 1856 г. одно важное правительственное лицо, обозрѣвая университетъ, осматривало и эту библіотеку. На вопросъ, обращенный къ сопровождавшимъ его студентамъ, какъ часто они посѣщаютъ библіотеку, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «въ первый разъ». И это было почти справедливо.

Въ такомъ сравнительно богатомъ и многолюдномъ городѣ, какъ Харьковъ, публичная библіотека, намъ кажется, могла бы образоваться, не дожидаясь открытія университетской библіотеки;—тѣмъ болѣе, что въ Харьковскомъ дворянскомъ собраніи (Харьк. губ. вѣдомости 1861 г. № 1) «нѣкогда уже существовала публичная библіотека»— и *на чердакѣ* дворянскаго собранія находится *3000 томовъ*, пользующихся правомъ полной неприкосновенности.» Какъ пособіе къ этому, могли бы служить, если ужъ такъ трудно въ Харьковѣ найти средства для хорошаго дѣла, на первое время, журналы и газеты, выписываемые дворянскимъ клубомъ...

Въ 1860-мъ году была открыта публичная библіотека въ Кишиневѣ (Бессарабскій области). Г. библіотекарь Беллеръ, въ статьѣ своей «Годъ библіотеки» въ Кишиневѣ, (Бесс. обл. вѣдом., 1861 г.) сообщаетъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія, и между прочимъ,—что читателей въ ней, въ продолженіи года, было 700, — и они посѣтили библіотеку 8000 разъ. Г. Беллеръ находитъ эту цифру недостаточною на 80,000 населенія и жалуется, что посѣщавшіе библіотеку читали преимущественно политическія извѣстія и статьи журналовъ и газетъ,—также беллетристическія произведенія, мало интересуясь «серьезными» книгами. По этому поводу, Кн. Вѣстникъ (1861 г. № 4.) замѣчаетъ: «Для чтенія *серьезной* книги или статьи нужно размышленіе, уединеніе, свобода, спокойное, удобное, сообразное привычкамъ читателя, тѣлесное положеніе, а возможно ли это въ общей комнатѣ, наполняемой людьми самыми разнообразными? Давайте книги на домъ— и не одна серьезная книга или статья будетъ прочтена съ пользою. Мы и не понимаемъ, почему обыкновенная книга, въ которой нуждаются многіе, не должна во вѣки вѣковъ выходить изъ своихъ четырехъ стѣнъ, немогущихъ помѣстить въ себѣ всѣхъ нуждающихся съ надлежащимъ удобствомъ.»

Въ томъ же, 1860 году, предложено было открыть публичную библіотеку въ г. Тирасполѣ Херсонской губ.,—но это предположеніе начало осуществляться только въ настоящемъ году. «Недавно,»—сообщаетъ Кн. В. (1861 г. № 4), —нѣсколько лицъ, собравшись въ одномъ домѣ провести вмѣстѣ вечеръ, вспомнили о библіотекѣ и, не долго думая, тотчасъ же и составили подписку. Въ настоящее время въ списки внесены уже имена болѣе 20 лицъ, жертвующихъ въ пользу библіотеки minimum по 10 р., а г. предводитель дворянства тираспольскаго уѣзда предназначилъ для помѣщенія библіотеки

во вновь устроенномъ домѣ дворянскаго собранія одну комнату, для меблированія которой пожертвовалъ весьма значительную сумму. Опредѣлительнаго устава для библіотеки еще не составлено, но на первомъ совѣщаніи подписчиковъ предположено тотъчасъ же приступить къ выпискѣ нѣкоторыхъ журналовъ и современныхъ русскихъ сочиненій.»

Въ концѣ прошлаго года, правительство тоже изъявило желаніе принять участіе въ открытіи библіотекъ въ уѣздныхъ городахъ и результатомъ этого было разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовавшее 18-го ноября 1860 года,—«открывать библіотеки уѣздныхъ училищъ въ городахъ харьковскаго учебнаго округа по *мѣрѣ возможности* и *надобности*, для чтенія жителямъ тѣхъ городовъ, гдѣ находятся училища. Чтобы дать правильное устройство этимъ библіотекамъ, бывшій министръ, г. Ковалевскій, утвердилъ особое положеніе,—которое, между прочимъ, предоставляетъ окружному начальству право допускать *измѣненія, какія надобность укажетъ*, по его усмотрѣнію. Относительно денежныхъ способовъ, это положеніе дозволяетъ единовременныхъ расходовъ на библіотеки по 300 р. сер. изъ свободныхъ училищныхъ суммъ,—гдѣ это позволятъ средства и *«не окажется возможности обратить такой расходъ на другіе способы.»*—«Радостно привѣтствуемъ, —говоритъ Кн. Вѣстникъ.,— это разрѣшеніе и будемъ ждать съ нетерпѣніемъ извѣстій, какимъ образомъ васпользуются ими училища харьковскаго округа. Просимъ ихъ не упустить изъ виду соображенія, что если библіотеки должны расчитывать на сильную и даже исключительную поддержку мѣстнаго общества, то послѣднее должно быть допущено къ участію во всѣхъ интересахъ библіотекъ, безъ чего онѣ не будутъ общественными и прочность и успѣхъ ихъ будутъ вполнѣ зависѣть отъ лицъ и ихъ произвола: если лицо и произволъ его хороши — библіотеки будутъ процвѣтать и приносить надлежащую, весьма важную пользу; если нѣтъ,—изъ библіотеки ничего не выйдетъ. Общество же никогда не можетъ проявить вреднаго для себя произвола, въ особенности подъ руководствомъ людей образованныхъ, каковыми представляется прежде всего училищное сословіе.»

Въ настоящемъ году, открыта библіотека въ Новгородѣ Сѣверскомъ, или въ Новогродкѣ, Черниговской губ.; объ открытіи ея помѣщено въ Черниг. губ. вѣд. 1861 № 5-й объявленіе, изъ котораго мы приведемъ нѣкоторыя извлеченія: «На основаніи распоряженія высшаго начальства, библіотека Новгородсѣверскаго уѣзднаго училища открыта для

публики на слѣдующихъ основаніяхъ: Библіотека Новгородсѣверскаго уѣзднаго училища, оставаясь собственностью этого заведенія, открывается для пользованія лицамъ всѣхъ сословій, за опредѣленную плату. Библіотека состоитъ въ завѣдываніи одного изъ учителей уѣзднаго училища, на полной его отвѣтственности. Онъ выдаетъ и принимаетъ книги и наблюдаетъ за сохранностью ихъ; онъ же принимаетъ отъ подписчиковъ деньги за чтеніе книгъ, выдаетъ имъ билеты, и деньги, по запискѣ въ особую книгу, представляетъ штатному смотрителю ежемѣсячно. Въ домѣ, занимаемомъ училищемъ, комната библіотеки открывается ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, утромъ съ 8 часовъ до 1 чису и послѣ обѣда съ 3 до 8 часовъ вечера, а въ воскресные и праздничные дни только послѣ обѣда съ 3 до 8 часовъ. Желающіе читать книги вносятъ: 1) за чтеніе на дому: за годъ 6 руб., зя полгода 3 р. 50 к., за три мѣсяца 2 р, и за одинъ мѣсяцъ 75 к., и 2) за чтеніе въ библіотекѣ: за годъ 3 р., за полгода 2 р., за три мѣсяца 1 р. и за одинъ мѣсяцъ 35 коп. Деньги вносятся при самой подпискѣ, впередъ, за все время абонимента. Списокъ книгъ и періодическихъ изданій (которыя предполагается выписать) утверждается директоромъ, по разсмотрѣніи его въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи. Если подписка составитъ болѣе 100 р. въ годъ, то изъ нихъ 20% обращаются на вознагражденіе завѣдывающаго библіотекою и освѣщеніе оной во время вечернихъ чтеній. Вновь полученные журналы и газеты находятся въ библіотекѣ на столѣ открытыми для всѣхъ: журналы 7 дней, а газеты до полученія новыхъ нумеровъ съ слѣдующею почтою. Затѣмъ, какъ журналы, такъ и газеты обращаются къ подписчикамъ для чтенія на дому, для чего составляется списокъ подписчиковъ по порядку подписки. Книга можетъ находиться у подписчика на дому не болѣе 10 дней, журналъ не болѣе 7, и газета не болѣе однѣхъ сутокъ. Библіотека ревизуется на законномъ основаніи, два раза въ годъ въ іюнѣ и въ декабрѣ.»

Послѣ открытія библіотеки въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, — открылась другая библіотека въ Черниговской губерніи, въ г. Глуховѣ, выписывающая 17 газетъ и журналовъ. Цѣна за годовое пользованіе въ ней книгами—5 р. сер. Подписчиковъ очень не много «отчасти потому, что цѣну эту находятъ высокою, а отчасти и потому, что въ библіотекѣ нѣтъ повѣстей сладкорѣчиваго Марлинскаго, краснорѣчиваго Загоскина и многорѣчиваго Дюма..» (такъ сказано въ Книжномъ Вѣстникѣ). Изъ этого можно заключить, что въ Глуховѣ еще не ясно

сознана потребность образованія. Что́ же касается до выбора книгъ, то было бы неблагоразумно вовсе не примѣняться къ желанію большинства: тамъ гдѣ *зло* неустранимо,—ничего другаго не остается, какъ предпочесть меньшее зло—большему: лучше пусть читаютъ что-нибудь, чѣмъ ничего.

При Хотинскомъ уѣздномъ училищѣ, по словамъ Современной Лѣтописи Русск. Вѣстн., открыта публичная библіотека, въ которой приняли живое участіе помѣщики и чиновники Хотина, такъ что библіотека въ нынѣшнемъ году выписываетъ 22 періодическія изданія.

Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* напечатано извѣстіе, что въ Бобрицѣ (Херсонской губерніи) открыта при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ публичная библіотека, въ которой находится весьма значительное число томовъ; эта библіотека имѣетъ много русскихъ журналовъ, газетъ и новыхъ книгъ.

Къ числу библіотекъ, существующихъ пока въ проэктѣ, — относится предполагаемая библіотека въ Сорокахъ (Бесарабской области). Тамошнее общество намѣрено вскорѣ приступить къ устройству библіотеки для чтенія при уѣздномъ училищѣ. Нѣкоторые уже подписались на журналы, другіе жертвуютъ свои собственныя книги и, кромѣ того, общество рѣшилось дать нѣсколько представленій легкихъ водевилей, нетребующихъ особыхъ декорацій и затѣйливыхъ костюмовъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги обратить на пріобрѣтеніе книгъ (Кн. Вѣстникъ 1861 г. № 3).

Должно сказать, что мысль—открыть библіотеки уѣздныхъ училищъ для городскихъ жителей—есть одна изъ счастливыхъ мыслей. Это можетъ быть полезно и для общества и для училища. Общество за небольшую плату можетъ пользоваться значительнымъ количествомъ книгъ; оно будетъ читать нетолько вновь выписываемыя книги, но и старыя, на пріобрѣтеніе которыхъ должно было бы жертвовать капиталомъ. Съ другой стороны, училища получаютъ новыя средства увеличить свои библіотеки, которыя до сихъ поръ были крайне бѣдны. Можно также надѣяться, что открытіе училищныхъ библіотекъ для публики сблизитъ ее съ училищемъ и возбудитъ ея вниманіе къ образованію молодаго поколѣнія. Поэтому должно желать, чтобы мысль эта нашла повсемѣстное примѣненіе.

Изъ нашего — хотя, вѣроятно, не полнаго — обзора, видно, что какъ школы, такъ и библіотеки обязаны своимъ открытіемъ преимущественно частной дѣятельности немногихъ лицъ, — которые вызывали остальное общество на пожертвованія; такимъ образомъ, хотя об-

щество въ иныхъ мѣстахъ и принимало, повидимому, самое живое участіе въ дѣлѣ образованія, — выражавшееся сочувствіемъ и денежною помощью, но инициатива дѣятельности все-таки принадлежала отдѣльнымъ личностямъ. Это естественное слѣдствіе въ обществѣ, непривыкшемъ къ самодѣятельности и единодушію въ стремленіи къ опредѣленной цѣли.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

Существуетъ законъ, что «невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться.» Между-тѣмъ, ни что такъ-мало намъ неизвѣстно изъ всего того, что́ насъ касается, какъ наши законы. Это и понятно, если взять во вниманіе ту степень *общественности*, на которой до сей поры мы стоя́ли. Знаніе законовъ есть признакъ возмужалости народа, результатъ его общественной дѣятельности, а мы едва только начинаемъ думать о томъ, каки́мъ путемъ удобнѣе достигнуть общественнаго благосостоянія. Равнодушіе общества съ этой стороны, разумѣется, непростительно; но—нельзя не принять во вниманіе и того, откуда бы оно могло и научиться законамъ. — —

Если утвержденіе закона въ народномъ сознаніи обусловливается развитіемъ общественной жизни, то несомнѣнно и то, что общественность въ свою очередь развивается по мѣрѣ сознанія обществомъ своихъ правъ и обязанностей, по мѣрѣ познанія и пониманія своихъ законовъ, уразумѣнія ихъ смысла и вліянія ихъ на общественное благосостояніе. Одна изъ главныхъ причинъ общественныхъ недостатковъ, отъ которыхъ мы терпимъ, заключается и въ томъ, что общество наше почти незнакомо съ законами, не выработало общаго о нихъ понятія и такимъ-образомъ не опредѣлило, въ какой мѣрѣ тотъ или другой законъ полезенъ обществу. — —

Кажется, однакожъ, что наше общество вступаетъ въ новый періодъ развитія, въ тотъ періодъ, когда вопросы о гражданскомъ устройствѣ начинаютъ занимать всѣхъ. То, что́ еще недавно считалось особою принадлежностью нѣкоторыхъ, дѣлается теперь предметомъ любо-

знательности, изученія и разговоровъ всего образованнаго общества, и уже нѣкоторые члены его призывались даже къ участію, посредствомъ своихъ мнѣній и познаній, въ нѣкоторыхъ правительственныхъ постановленіяхъ. При такомъ настроеніи, общество все больше и больше чувствуетъ потребность слѣдить за вновь издаваемыми законами, въ которыхъ желаетъ видѣть разрѣшеніе того или другаго вызваннаго жизнью вопроса.

Главнѣйшимъ, существеннѣйшимъ вопросомъ общественной жизни, который разрѣшался законодательствомъ въ первую половину текущаго года, было, безъ сомнѣнія, крестьянское дѣло. Въ законодательствѣ, какъ и въ жизни народа, иногда проходятъ цѣлые десятки лѣтъ, въ теченіи которыхъ не появляется ничего особенно-замѣчательнаго и характеризующаго общественное направленіе. Но наступаетъ иногда, хотя очень рѣдко, время, когда втеченіе одного года совершаются перемѣны, представляющія собою итогъ долгой жизни народа и дающія направленіе его будущему. Къ подобнымъ годамъ принадлежитъ и 1861. Къ такому году, къ такому законодательному акту, какъ положеніе объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, жизнь ведетъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Положеніе 19 февраля улучшаетъ бытъ цѣлой трети населенія; оно даетъ крѣпостнымъ крестьянамъ гражданскія права и полагаетъ начало свободѣ экономической. Конечно, всё это только начало, всё это еще должно перейти изъ области закона въ жизнь; но разъ совершенное въ этомъ смыслѣ преобразованіе требуетъ уже настоятельно дальнѣйшаго *развитія*, но не *повторенія* законодательной мѣры: жизнь пойдетъ впередъ сама-собою, не останавливаясь, и довершитъ то, чего не дано предвидѣть никакому законодателю. Многое должна осуществить практика, опытъ; многое предстоитъ еще совершить Главному Комитету, котораго труды должны обнять устройство всего сельскаго населенія, подвѣдомственнаго нынѣ нѣсколькимъ, отдѣльнымъ одно отъ другаго, управленіямъ. Соединеніемъ всего сельскаго населенія въ одно цѣлое устранится раздробленность, вообще характеризующая доселѣ наше общественное устройство.

Въ предлагаемомъ перечнѣ постановленій и распоряженій правительства, заключаются всѣ важнѣйшіе для южнорусскаго края законы, изданные въ первые шесть мѣсяцевъ текущаго года. На будущее время мы намѣрены представлять отчетъ о новыхъ законахъ за каждый мѣсяцъ.

ОБЩІЯ
ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1) *Благоустройство.*

При указѣ Правительствующаго Сената, распубликовавшемъ 10 марта, разосланы для повсемѣстнаго обнародованія и должнаго исполненія: I. Высочайшій Манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ ихъ быта, II. Именный Высочайшій указъ, данный, Правительствующему Сенату объ учиненіи надлежащаго распоряженія къ приведенію въ исполненіе Высочайше утвержденныхъ положеній и правилъ о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; III. Высочайше утвержденныя 19 февраля 1861 года положенія: 1. Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости: 2. Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; 3. Положеніе о выкупѣ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, ихъ усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ пріобрѣтенію сими крестьянами въ собственность полевыхъ угодій; 4. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ; 5. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; 6. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ; 7. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ малороссійскихъ: Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 8. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской; 9. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской; 10. Дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и о пособіи симъ владѣльцамъ; 11. Дополнительныя правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ вѣдомства министерства финансовъ; 12. Дополнительныя правила о крестьянахъ и работникахъ, отбывающихъ работы при Пермскихъ частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ; 13. Дополнительныя правила о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; 14. Дополнительныя правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ землѣ войска Донскаго. 15. Дополнительныя правила о крестьянахъ и дворовыхъ людахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Ставропольской губерніи; 16. Дополнительныя правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Сибири, и 17. Правила о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области. IV. Высочайше утвержденное 19 февраля 1861 года мнѣніе государственнаго совѣта относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній по изданіи положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и V. Высочайшее повелѣніе 19 февраля

1861 года, объ исполненіи послѣдовавшаго въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія о распространеніи на дворовыхъ людей въ Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ правилъ, изложенныхъ въ положеніи объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (Сен. вѣд. 10 марта № 20).

19 февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ о учрежденіи Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. (Въ Сен. вѣд. 10 марта №20).

5 марта послѣдовали Высочайшіе указы министрамъ государственныхъ имуществъ и Императорскаго двора и удѣловъ о составленіи предположеній къ примѣненію началъ положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости къ крестьянамъ государственнымъ, водвореннымъ на земляхъ казенныхъ а также государевыхъ и дворцовыхъ имѣній и о предоставленіи имъ нынѣ же нѣкоторыхъ облегченій. (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

8 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о приведеніи въ исполненіе положенія о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ вѣдомства министерства финансовъ. (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

8 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ министру Императорскаго двора о дарованіи облегченій и преимуществъ горнозаводскимъ людямъ вѣдомства кабинета Его Величества (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

Высочайшимъ указомъ, Сенату объявленнымъ 16 марта, распространено на посессіонныхъ крестьянъ дѣйствіе правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ. (Сен. вѣд. 21 марта 1861 г. № 23).

Предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, назначать пострадавшимъ отъ пожаровъ и наводненій пособія изъ государственнаго казначейства, доводя лишь о томъ до свѣдѣнія комитета министровъ, въ размѣрѣ до 15,000 руб. сер. по каждому отдѣльному случаю, на основаніи особыхъ правилъ, изъ которыхъ главнѣйшія слѣдующія: 1, по полученіи ходатайства о необходимости пособія и ссудъ погорѣльцамъ, министерство внутреннихъ дѣлъ входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ изложенныхъ въ представленіяхъ и соображенія свои съ заключеніемъ о томъ, какую сумму необходимо назначить въ ссуду или безвозвратно, сообщаетъ министерству финансовъ. 2. Пособія опредѣляются въ ссуду преимущественно при пожарахъ недвижимаго, а безвозвратно при потери одного движимаго, не застрахованнаго имущества. 3. Ссуды выдаются въ размѣрѣ не свыше $^1/_3$ части убытковъ въ недвижимомъ, а безвозвратныя пособія въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части убытка въ движимомъ имуществѣ; притомъ послѣднія не болѣе 100 р. сер. на одно лицо, и только тѣмъ, кои находятся въ совершенной крайности; такимъ образомъ безвозвратныя пособія лицамъ купеческаго сословія вообще не назначаются, въ томъ вниманіи, что они могли сохранить капиталы. 4. Изъясненный размѣръ для ссудъ въ $^1/_3$ части и безвозвратныхъ пособій въ $^1/_{10}$ части потерь, можетъ быть умепьшаемъ по соображеніямъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. 5. Обезпеченіемъ выданныхъ ссудъ служитъ все имущество погорѣльцевъ, а гдѣ возможно и круговое ручательство сихъ лицъ. 6. Для возврата ссудъ назначаются сроки, смотря по положенію погорѣльцевъ, но не далѣе 15-ти лѣтъ, съ платежемъ ежегодно по равной части. 7. На тѣхъ же основаніяхъ назначаются пособія и лицамъ, пострадавшимъ отъ наводненій, коимъ доселѣ выдавались пособія наравнѣ съ погорѣльцами. (Полож. Ком. Мин. 7-го февр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 8-го марта, № 25).

— Въ видахъ образованія возможно-большаго числа фельдшеровъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, 12 января 1861 г., разрѣшилъ пріемъ вольнослушателей въ подвѣдомственныя приказамъ общественнаго призрѣнія фельдшерскія школы.

— Циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ 17 января 1861 г. разрѣшена выдача пособій воспитанникамъ приказовъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ врачебно-учебныхъ заведеніяхъ.

— Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, для ближайшаго опредѣленія способа покрытія расходовъ на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, между прочимъ постановилъ: Впредь до составленія и утвержденія смѣтъ и раскладокъ сбора на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и на другія издержки, опредѣленные въ положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, разрѣшается отпускъ на этотъ предметъ суммъ, заимообразно, изъ состоящаго въ государственномъ казначействѣ особаго крестьянскаго капитала. При раскладкѣ же сего сбора можетъ, въ случаѣ необходимости, быть допущено отступленіе отъ постановленнаго въ пунктѣ 14 прил. къ ст. 557 Уст. о Зем. пов. т. IV правила, по коему поземельный сборъ не долженъ превышать 5 коп.

— 31-го марта 1861 года Высочайше утверждены, въ видѣ опыта на три года, правила для найма рабочихъ для казенныхъ, общественныхъ или государственныхъ работъ.

Согласно этимъ правиламъ, наемъ рабочихъ, какъ крестьянъ всѣхъ наименованій, такъ и лицъ прочихъ сословій, производится артелями, заключающими въ себѣ не свыше 100 человѣкъ и по одиначкѣ, причемъ условія найма артелью обозначаются въ контрактахъ, а одиночнаго записываются въ расчетныя книжки, какъ тѣ, такъ и другія по установленнымъ формамъ. Во время работъ артели состоятъ подъ вѣдѣніемъ и въ повиновеніи выбранныхъ ими старшинъ и выборныхъ, которые наблюдаютъ за исполненіемъ своихъ обязанностей и за ненарушеніемъ условій контракта и разбираютъ споры рабочихъ между собой.

Въ случаѣ неудовольствія рабочихъ на подрядчика или его повѣреннаго, старшины и выборные объявляютъ претензіи свои подрядчику; но если не получатъ отъ него удовлетворенія, то обращаются къ начальнику полицейскаго управленія при работахъ, или къ начальнику строительной дистанціи или же наконецъ къ мѣстной полиціи.

Артель, заявивъ свою жалобу, отнюдь не должна до разрѣшенія оной уклоняться отъ работъ; въ случаѣ же замедленія разрѣшенія, артель можетъ послать отъ себя не болѣе 3-хъ довѣренныхъ, для объясненія жалобы своей мѣстному начальнику губерніи или начальнику строительнаго округа, если работы производятся подъ вѣдѣніемъ округа. Подрядчику и назначаемымъ отъ него прикащикамъ, десятникамъ и нарядчикамъ вмѣнено въ обязанность обращаться съ рабочими справедливо и кротко; причемъ подрядчикъ долженъ немедленно удалять отъ работъ тѣхъ изъ десятниковъ и нарядчиковъ, которые будутъ изобличены въ дурномъ обращеніи съ рабочими, или на коихъ будутъ поступать частыя жалобы рабочихъ.

Къ непосредственнымъ обязанностямъ подрядчика относятся: 1) помѣщеніе рабочихъ въ здоровыхъ и помѣстительныхъ жилищахъ; 2) снабженіе рабочихъ свѣжею, здоровою и обильною пищею и здоровою водою; 3) леченіе

больныхъ въ ближайшей къ мѣсту работъ больницѣ, или если рабочихъ болѣе 1000, то въ особо для сего устроиваемыхъ лазаретахъ; 4) призрѣніе увѣчныхъ, подвергшихся сему на работахъ, вознагражденіемъ его выдачею двойной за весь наемный срокъ платы, а въ случаѣ смерти рабочаго отъ ушиба или полученной раны, выдачею такого же вознагражденія его семейству и наконецъ погребеніе на свой счетъ умершихъ рабочихъ. (Полож. Ком. Мин. 31-го марта, 1861 г. въ сен. вѣд. 26-го мая, № 42).

— Прекращено назначеніе крестьянъ въ служительскія должности при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, а находящіеся нынѣ при оныхъ служители оставлены въ этомъ званіи на установленный Высочайше утвержденнымъ 19 февраля 1861 года положеніемъ о дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, двухлѣтній срокъ для обязательной ихъ службы. Въ замѣнъ же назначенія служителей, отпускать архіерейскимъ домамъ и монастырямъ особыя суммы, для чего и опредѣлено ежегодно 307,850 рублей. Расходъ этотъ обратить въ Европейской Россіи на общественные сборы съ государственныхъ крестьянъ, увеличивъ сей послѣдній по каждой губерніи на ту сумму, какая причтется при раскладкѣ, не включая впрочемъ иновѣрцевъ, и присоединить означенный расходъ къ разряду общественнаго сбора, назначеннаго на содержаніе волостныхъ и сельскихъ управленій и на мѣстныя по онымъ расходы. Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ есть римско-католическіе монастыри, отъ которыхъ приняты въ казну населенныя имѣнія и къ которымъ назначаются служители изъ государственныхъ крестьянъ того же исповѣданія, гдѣ таковые есть, принять ту же мѣру, т. е. отпускать симъ монастырямъ особыя суммы, всего 36,950 рублей въ годъ; для покрытія же сего расхода присоединить къ общественному сбору сельскихъ обществъ, состоящихъ изъ римско-католиковъ, особый сборъ; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ государственныхъ крестьянъ римско-католиковъ, оставить денежное тѣмъ монастырямъ пособіе для содержанія служителей на существующемъ нынѣ основаніи. (Полож. Главн. Ком. 14-го апрѣля, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47).

2) *Народное образованіе.*

8-го января 1861 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о надзорѣ за воскресными школами и о назначеніи въ воскресныя школы священниковъ для преподаванія Закона Божія. (См. въ іюльской книжкѣ *Основы* статью «Училища на югѣ»).

— 31-го мая, послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ для университетовъ.

Государь Императоръ, признавъ необходимымъ усилить мѣры наблюденія за университетскими студентами, по случаю безпрерывно возникающихъ безпорядковъ, удостоилъ внимательнаго обсужденія это дѣло въ совѣтѣ министровъ и, выслушавъ разностороннія мнѣнія по сему предмету, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Производить пріемные экзамены желающимъ поступить въ университеты въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется возможнымъ, депутатовъ отъ университета, къ округу коего принадлежитъ гимназія.

2) Строго исполнять предписанныя правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета, воспрещая положительно всякія сходки безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ нимъ чрезъ депутатовъ или сборищемъ.

3) Составить для студентовъ правила относительно точнаго посѣщенія лекцій, съ соблюденіемъ необходимаго порядка и тишины. На лекціяхъ не допускать ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ шумнаго одобренія или порицанія преподаванія.

4) Вмѣнить въ непремѣнную обязанность университетскаго начальства имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ университетѣ. Неисполняющихъ сихъ правилъ, несмотря на сдѣланныя имъ напоминанія, увольнять изъ университета, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ.

5) Допускать на лекціи вольнослушателей, соображаясь съ вмѣстимостью университетскихъ аудиторій, съ представленіемъ притомъ профессорамъ права удалять тѣхъ вольнослушателей, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка.

6) Не принимать впредь студентовъ ранѣе 17-ти-лѣтняго возраста. Отмѣнить форменную одежду и не дозволять ношеніе какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, или какихъ-либо товариществъ, или обществъ. Частная одежда студентовъ должна быть приличная.

7) Отъ ежегоднаго денежнаго взноса освобождаются только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, полагая на первое время для каждой губерніи, принадлежащей къ университетскому округу, но два такихъ студента, въ томъ числѣ одного изъ учившихся въ гимназіи. Другихъ исключеній не допускается ни подъ какимъ предлогомъ.

8) Пособія и стипендіи назначаются только отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа.

9) Взыскиваемыя съ студентовъ деньги за право слушанія лекцій назначаются на увеличеніе содержанія профессоровъ, адъюнктовъ, лекторовъ и приватъ-доцентовъ и на означенныя въ предъидущемъ пунктѣ пособія и стипендіи студентамъ.

10) Выборъ ректоровъ и проректоровъ производится на точномъ основаніи устава 1835 года. Данную въ 1851 году ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ точный смыслъ 11-го пункта оной, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструкцій.

11) Окончившимъ полный университетскій курсъ и получившимъ аттестаты сохранить предоставляемыя имъ нынѣ закономъ права при поступленіи на службу.

12) Предоставить министру народнаго просвѣщенія составить соображеніе объ увеличеніи содержанія преподавателей въ университетахъ.

13) Всѣ вышепрописанныя мѣры приводить въ исполненіе постепенно и по мѣрѣ возможности.

Высочайшее повелѣніе это сообщивъ 31-го мая 1861 года начальствамъ учебныхъ округовъ къ исполненію по университетамъ и гимназіямъ, что до послѣднихъ относиться можетъ, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ попечителямъ, по пункту 3-му, предписать нынѣ-же университетскому начальству озаботиться немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ

относительно точнаго посѣщенія лекцій и проектъ сихъ правилъ представить министерству на утвержденіе; по пункту-же 12-му доставить предварительно министерству нужныя свѣдѣнія и соображенія съ заключеніемъ окружныхъ начальствъ относительно размѣра и основаній увеличенія окладовъ содержанія преподавателямъ въ университетахъ, какъ-то: профессорамъ, адъюнктамъ и лекторамъ.

— 3 марта 1861 года утвержденъ уставъ общества распространенія полезныхъ книгъ.

Согласно уставу, общество учреждается съ цѣлью развивать и укрѣплять здравыя нравственныя понятія и для того предлагать по возможно дешевой цѣнѣ полезное и общепонятное чтеніе для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей. Книги издаются обществомъ на русскомъ языкѣ и могутъ быть оригинальныя и переводныя.

Управленіе Общества находится въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ лица женскаго пола, на томъ основаніи, что первая мысль объ учрежденіи въ Москвѣ настоящаго общества принадлежитъ женщинамъ, и что таково желаніе учредителей.

Общество состоитъ изъ членовъ (вносящихъ ежегодно по 10 рублей), членовъ-сотрудниковъ и коммисіонеровъ. (Сен. вѣд. 14 апр. 1861 г. № 30.)

— 7 апрѣля 1861 года утвержденъ уставъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ, имѣющаго главною цѣлью способствовать самостоятельнымъ трудамъ отечественныхъ врачей на пользу медицины. Для этой цѣли Ощество имѣетъ свои засѣданія, издаетъ медицинскую газету, журналъ или записки и наконецъ издаетъ замѣчательныя медицинскія сочиненія.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, изъ которыхъ каждый обязывается ежегоднымъ взносомъ 5 руб. сер. При этомъ членами общества могутъ быть избираемы: а, всѣ врачи, извѣстные въ Россіи медицинскими сочиненіями, какъ оригинальными, такъ и переводными; б, врачи, представившіе въ Общество замѣчательную статью по какимъ либо изъ отдѣловъ его повременнаго изданія, в, врачи, извѣстные по своей образованности и дѣятельному распространенію медицинскаго просвѣщенія въ Россіи; г, врачи, издатели медицинскихъ книгъ и періодическихъ сочиненій, и д, врачи, извѣстные въ практикѣ, а также ученые спеціалисты, не исключая изъ числа послѣднихъ и аптекарей. (Журн. Ком. М-въ 28 марта и 11 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 2 іюня № 44).

— Находя, что число устроенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ приходскихъ училищъ весьма ограниченно въ сравненіи съ народонаселеніемъ, министръ государственныхъ имуществъ предписалъ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ пригласить священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и ихъ женъ для обученія крестьянскихъ дѣтей молитвамъ, чтенію, письму и счету, производя обученіе въ собственныхъ домахъ священнослужителей или въ зданіяхъ по отводу крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы необходимые расходы относить съ разрѣшенія управляющихъ палатами, на остатки отъ училищныхъ суммъ по губерніи.

При этомъ предоставить крестьянскимъ обществамъ, по добровольному ихъ согласію, назначать мірскіе сборы для увеличенія средствъ школъ и выдачи усердныхъ преподавателямъ вознагражденія, которое не должно превышать 2 руб. сер. на каждаго обучающагося мальчика или дѣвочку. (Циркуляр. пред. министра госуд. имущ. 8 февр. 1861 г.)

3) *Промышленность, торговля, пути сообщенія.*

Въ видѣ временной мѣры, впредь до окончательнаго разсмотрѣнія, составляемаго въ министерствѣ финансовъ проэкта новаго торговаго устава, постановлено: что купцы 1 и 2 гильдій, перечислившіеся въ 3 гильдію, или вовсе выбывшіе изъ купечества, пользуются предоставленнымъ ст. 93 уст. торг. т. XI правомъ на полученіе изъ-за границы товаровъ съ платою обыкновенной таможенной пошлины, не далѣе шести мѣсяцевъ со времени выбытія изъ означенныхъ гильдій, и затѣмъ съ тѣми товарами, кои будутъ привезены на ихъ имя, послѣ сего срока, поступать согласно 94 ст. того же тома. (Пол. Ком. М-въ 28 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 1861 г. № 14).

— Въ измѣненіе 571 ст. уст. о пошл. (св. зак. т. V изд. 1857 г.) постановлено: купцу, который за необъявленіе въ положенный закономъ срокъ желанія записаться въ гильдію, выписанъ въ мѣщане, дозволяется въ теченіи года объявить вновь таковое желаніе, и заплативъ городскія и земскія повинности (ст. 549) за весь годъ, явиться въ казначейство для полученія свидѣтельства на торговлю, съ платежемъ годовой пошлины и еще четвертой части оной. Сему платежу годовой пошлины и четвертой части оной подлежатъ мѣщане и крестьяне, если они возобновляютъ свидѣтельство на торговлю не въ установленный срокъ. (Мнѣн. Гос. Сов. 16 января 1861 г. въ Сен. вѣд. 3 марта № 18).

— Разрѣшено впредь на шесть лѣтъ всѣмъ молодымъ людямъ торговаго сословія, русскимъ подданнымъ, достигшимъ 17-лѣтняго возраста, отправляться въ чужіе краи, для практическихъ занятій въ иностранныхъ купеческихъ конторахъ. (Пол. Ком. М-въ 17 янв. въ Сен. вѣд. 17 марта № 22).

— Разрѣшено женамъ служащихъ чиновниковъ вступать въ гильдію и заниматься торговлею, если при запискѣ въ гильдію представятъ удостовѣреніе: а, отъ мужа, что онѣ будутъ производить торговлю на собственный свой независимый отъ мужа капиталъ, и б, отъ ближайшаго начальства ихъ мужей, что мужъ по роду службы своей не можетъ имѣть вліянія на торговлю своей жены. (Мн. Гос. Сов. 24 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 27 іюня № 51).

Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: 1, выдаваемое изъ уѣздныхъ казначействъ, на основаніи 491 ст. уст. о пошл. (Св. Зак. т. V, изд. 1857 г.), свидѣтельство о взносѣ дополнительныхъ по высшей гильдіи пошлинъ, какъ купцамъ 2 и 3 гильдій, такъ личнымъ дворянамъ и крестьянамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ 2 и 3 разрядовъ, предоставляетъ имъ всѣ права высшей гильдіи, относительно заключенія контрактовъ, и потому таковыя лица, заключившія съ казною договоры о подрядахъ по одному департаменту какого либо министерства, могутъ быть въ теченіе того года, на который выдано дополнительное свидѣтельство, допускаемы къ заключенію контрактовъ на сумму, для высшей гильдіи опредѣленную, вообще по всѣмъ казеннымъ общественнымъ установленіямъ, и 2, если исполненіе принятаго означенными лицами подряда, или другаго какого либо обязательства, будетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ и причитающаяся, на каждый годъ, сумма подряда будетъ превышать установленный, по званію контрагента, размѣръ, то обязывать его вносить слѣдующія по закону гильдейскія повинности до истеченія срока контракта. (Мн. Гос. Сов. 24 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 27 іюня № 51).

4) Законы уголовные и полицейскіе.

Вскрытіе мертвыхъ тѣлъ священниковъ, діаконовъ и монаховъ, въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ (ст. 1738 уст. суд. мед. Св. зак., изд. 1857 г. т. XIII), допускается на общемъ основаніи, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1, чтобы вскрытіе труповъ сихъ лицъ производилось съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея при депутатѣ съ духовной стороны, въ крайнемъ же случаѣ, когда, по отдаленности, и по другимъ обстоятельствамъ, нельзя благовременно получить разрѣшенія архіерея, оно можетъ быть произведено съ согласія духовнаго правленія или благочиннаго, также при депутатѣ съ духовной стороны, и 2, засвидѣтельствованная слѣдователемъ копія съ протокола осмотра тѣла должна быть на мѣстѣ сообщена депутату, а имъ представлена епархіальному архіерею при обстоятельномъ донесеніи. (Мн. Гос. Сов. 24 окт. 1860 г. въ Сен. вѣд. 3 янв. 1861 г. № 1).

— Разрѣшено судебнымъ мѣстамъ: не стѣсняясь состоявшимися рѣшеніями, примѣнять ко всѣмъ дѣламъ рѣшеннымъ, мнѣніе государственнаго совѣта 22 марта 1860 года, которымъ отмѣнена отдача въ военную службу за преступленія и проступки лицъ гражданскаго вѣдомства, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. (Выс. пов. 21 марта 1861 г. въ Сен. в. 21 марта № 23).

5) Законы гражданскіе.

Въ дополненіе законовъ гражданскихъ, постановлено: 1) Въ случаѣ смерти лица, предложившаго на публичныхъ торгахъ высшую за имѣніе цѣну, и непредставленія, вслѣдствіе сего, ни имъ самимъ, ни его наслѣдниками, въ 15-ти-дневный срокъ дополнительной, къ внесенному умершимъ лицомъ задатку, покупной суммы, публичная продажа считается несостоявшеюся, а имѣніе назначается вновь въ продажу, по той же описи, немедленно. 2) Внесенныя умершимъ покупателемъ задаточныя деньги отсылаются въ то присутственное мѣсто, въ коемъ производится дѣло объ оставшемся послѣ умершаго наслѣдствѣ. (Мнѣн. госуд. сов. 14-го ноября 1860 г., въ Сен. Вѣд. 5 января 1861 г. № 1).

Отмѣнено содержащееся въ 3-мъ пунктѣ 1389 ст. Зак. Граж. Т. X ч. I, изд. 1857 года, ограниченіе относительно пріема въ залогъ еврейскихъ домовъ въ 50-верстной чертѣ отъ границъ съ Австріею и Пруссіею. *) Мнѣн. госуд. сов. 5-го декабря 1860 г., Сен. Вѣдом, 10 января 1861 г. № 3).

— Въ дополненіе статей 1862 и 1953 зак. о судопр. граж. (X. Т. ч. 2 прод. 1) постановлено: что свидѣтели, назначаемые для присутствованія при описи продаваемыхъ съ публичнаго торга имѣній, а равно и оцѣнщики тѣхъ имѣній, за уклоненіе отъ своихъ обязанностей, подвергаются взысканію по статьѣ 310 Улож. о Нак. въ порядкѣ административномъ, если они не пожелаютъ сами предоставленія дѣла судебному разсмотрѣнію. (Мнѣн. госуд. сов., 14-го ноября, 1860 г. Сен. Вѣдом. 13 января 1861 г. № 4).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: 1) Сохранныя росписки не подлежатъ дѣйствію 10-лѣтней давности; посему, при-

(*) Ограниченіе это установленно по случаю бывшаго предположенія о высезеніе евреевъ изъ 50-верстной пограничной полосы въ западныхъ губерніяхъ и заключалось въ запрещеніи принимать въ залогъ по договорахъ съ казною еврейскіе дома въ чертѣ этой полосы.

нявшій что-либо на сохраненіе обязанъ возвратить принятое имъ, по первому востребованію, когда бы таковое, во все время жизни его, владѣльцемъ отданнаго на сохраненіе имущества къ нему предъявленно не было. 2) Въ случаѣ смерти лица принявшаго чужое имущество на сохраненіе, наслѣдники его обязаны, до вступленія ихъ въ права его по имѣнію имъ оставленному, сдѣлать въ теченіи 6-мѣсячнаго срока, со дня открытія наслѣдства, вызовъ лицъ, имѣющихъ у себя сохранныя отъ него росписки. Наслѣдники, несдѣлавшіе сего вызова или хотя и сдѣлавшіе, но вступившіе во владѣніе имѣніемъ умершаго до истеченія срока, опредѣленнаго для предъявленія, по ихъ вызову, сохранныхъ росписокъ, обязаны отвѣтствовать по предъявленнымъ сохраннымъ роспискамъ. 3) Вызываемые для предъявленія росписокъ обязаны въ теченіи 6 мѣсяцевъ со дня послѣдняго припечатанія вызововъ въ вѣдомостяхъ, предъявить оныя, безъ чего они лишаются права на взысканіе по нимъ; въ случаѣ же благовременнаго предъявленія своихъ росписокъ, лица сіи пользуются правомъ иска въ продолженіи 10 лѣтней давности. 4) Въ случаѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя сохранныя росписки, наслѣдники его обязаны также, въ теченіи 6 мѣсяцевъ со дня открытія наслѣдства, вызвать черезъ вѣдомости лицо, принявшее имущество на сохраненіе, лишаясь въ противномъ случаѣ права на вчинаніе иска о возвращеніи имъ имущества по сохранной роспискѣ. Для наслѣдниковъ, же сдѣлавшихъ вызовъ въ установленный срокъ, дѣйствіе 10-лѣтней давности къ начатію исковъ считается со дня послѣдняго припечатанія вызова. 5. Обязанность дѣлать означенные вызовы, въ случаѣ если неизвѣстны наслѣдники или же они не вступятъ въ права умершаго, возлагается на мѣста и лица, обязанныя вызывать кредиторовъ и должниковъ умершаго. и 6. Дѣйствіе всѣхъ сихъ правъ не распространяется на сохранныя росписки, выданныя до обнародованія настоящаго закона. Эти росписки подлежатъ дѣйствію общихъ постановленій о 10 лѣтней давности; причемъ срокъ сей давности исчисляется со дня написанія оныхъ или же со времени какого либо по онымъ дѣйствія. (Мѣн. госуд. сов. 21 ноября 1860 г., въ Сен. Вѣд. 14 апрѣля 1861 г. № 30).

— 21 апрѣля обнародованъ Сенатскій указъ о наблюденіи за опекунами, чтобы они въ распоряженіи капиталами малолѣтнихъ, попеченію ихъ вѣренными, руководствовались существующими на сей предметъ узаконеніями.

Поводомъ обнародованія сего указа послужило то обстоятельство, что капиталы малолѣтнихъ часто берутся опекунами взаймы подъ залогъ ихъ имѣній. Правительствующій Сенатъ призналъ подобные займы опекуновъ дѣйствіемъ самовольнымъ и подвергающимъ ихъ за сіе отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что если допустить опекуновъ дѣлать у малолѣтнихъ займы съ обезпеченіемъ ихъ своимъ имѣніемъ, то тѣмъ самимъ имѣніе ихъ было бы освобождено отъ отвѣтственности, возлагаемой на оное 290 ст. 1 ч. X т, изд. 1857 г. въ случаѣ причиненія опекуномъ убытка малолѣтнему, при нерадѣніи или умыслѣ въ управленіи его имѣніемъ, такъ какъ имѣніе опекуна не всегда въ одно и то же время служитъ обезпеченіемъ и займа денегъ у малолѣтняго и потерь, которыя могутъ быть причинены малолѣтнему, управленіемъ опекуна его имуществомъ. (Сен. Вѣд. 21 апрѣля 1861 г. № 32).

— Въ дополненіе ст. 375 ч. I Т. X, изд. 1857 года, постановленно: безумные и сумашедшіе, несовершившіе преступленія и отдаваемые для излеченія въ частныя лечебныя заведенія, могутъ быть свидѣтельствуемы установленнымъ порядкомъ только по требованію ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечите-

лей или наслѣдниковъ, и когда они будутъ отданы въ такія заведенія безъ предварительнаго формальнаго ихъ освидѣтельствованія, то содержатели сихъ заведеній обязаны немедленно увѣдомлять о семъ мѣстное медицинское начальство, которое также предоставляетъ о семъ безотложно начальнику губерніи. Сей послѣдній, получивъ такое увѣдомленіе, собираетъ немедленно, частнымъ образомъ и безъ огласки, свѣдѣнія: не было ли при помѣщеніи тѣхъ больныхъ въ лечебныя заведенія какого либо злоупотребленія власти надъ ними и независимо отъ того сообщаетъ, смотря по состоянію и званію больнаго, о собраніи такимъ же образомъ означенныхъ свѣдѣній мѣстному предводителю дворянства или городскому головѣ.

Если по собраннымъ свѣдѣніямъ обнаружатся обстоятельства, требующія какихъ либо особыхъ распоряженій, то начальникъ губерніи поступаетъ, смотря по обстоятельствамъ на основаніи ст. 527 и 533 Т. II ч. 1 Общ. Губ. Учр. (мнѣн. госуд. сов. 17 апрѣля 1861 г. въ Сен. Вѣд. 9 іюня № 46).

6) Законы о службѣ гражданской и военной.

Постановлено, что должности бухгалтеровъ въ городскихъ думахъ и ратушахъ замѣщаются, какъ по опредѣленію отъ правительства, лицами, имѣющими право на вступленіе въ государственную службу, такъ и по найму, лицами всѣхъ вообще сословій, имѣющими достаточную опытность и знанія въ счетной части, безъ предоставленія симъ послѣднимъ правъ государственной службы. (Мнѣн. госуд. сов. 16 января 1861 г. въ Сен. Вѣд. 17 февраля № 14).

— Лицамъ, назначаемымъ почетными блюстителями по хозяйственной части въ духовно-учебныя заведенія, изъ дворянскаго сословія, предоставлены права государственной службы. (Выс. повел. 3 декабря 1860 г. въ Сен. Вѣд. 14 марта № 21).

— Разрѣшено увольнять чиновъ межеваго корпуса и чиновъ губернскаго межеваго вѣдомства, по ходатайству землевладѣльцевъ, на частныя межевыя работы, съ тѣмъ, чтобы сроки увольненія для каждаго лица не превышали одновременно шести мѣсяцевъ. При этомъ увольняемые на частныя работы считаются въ командировкѣ и, вмѣсто окладнаго своего содержанія, получаютъ задѣльную плату, по взаимному условію съ землевладѣльцами. (Выс. повел. 27 марта 1861 г. въ Сен. Вѣд. 9 іюня № 46).

7) Повинности.

По городскимъ рекрутскимъ участкамъ одиночекъ и двойниковъ, равно какъ и по общимъ участкамъ многорабочихъ семействъ, дозволено ограничиться, при первомъ будущемъ наборѣ, призывомъ къ рекрутскому жеребью лишь того числа людей, которое требуется статьею 812 уст. рекрутскаго Св. Зак. изд. 1857 г. Т. IV (именно за исключеніемъ подлежащихъ изъятіямъ не болѣе 7 человѣкъ для выбора одного рекрута или не болѣе 70 человѣкъ на каждую тысячу душъ, подлежащихъ рекрутству), съ исключеніемъ затѣмъ излишнихъ старшихъ возрастовъ, хотя бы они и не участвовали еще ни разу въ вынимании жеребья. Причемъ это правило распространено и на однодворцевъ западныхъ губерній, у которыхъ существуетъ такой же порядокъ призывовъ къ рекрутскому жеребью, какъ и у мѣщанскихъ одиночекъ и двойниковъ. (Мн. гос. сов. 12 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 21 янв. 1861 г. № 9).

Постановлены слѣдующія, общія, какъ для очереднаго, такъ и для жеребьеваго рекрутскаго порядка правила: 1, люди, подлежащіе призыву къ рекрутскому жеребью въ первый будущій наборъ, равно какъ состоящіе на первой или второй очереди рекрутской, могутъ, до объявленія сего набора, получать увольнительные виды, для отлучекъ, изъ своихъ участковъ, на тѣ же сроки, на кои вообще дозволено выдавать оныя лицамъ податнаго состоянія. Но виды сіи сохраняютъ силу лишь до объявленія рекрутскаго набора въ той полосѣ Имперіи, къ коей принадлежитъ отлучающійся; по объявленіи набора, хотя бы срокъ виду еще не кончился, дѣйствіе онаго прекращается и тотъ, кому онъ выданъ, обязанъ немедленно возвратиться въ свой участокъ. 2, Въ продолженіи времени отъ окончанія одного набора до объявленія другаго, означенныя въ предшедшемъ пунктѣ лица могутъ получать и отсрочки по увольнительнымъ видамъ, на общемъ основаніи; причемъ сказанное о билетахъ и паспортахъ примѣняется и къ отсрочкамъ. 3, За неявку ко времени набора въ свой участокъ, виновные подвергаются дѣйствію правилъ, въ уставѣ рекрутскомъ (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. IV ст. 433, 862, 969, 1162 и 1319) опредѣляемыхъ. Тѣ же, кои послѣ объявленія на мѣстѣ манифеста о наборѣ, будутъ болѣе десяти дней держать ихъ у себя, подлежатъ взысканіямъ, положеннымъ за держаніе людей безъ видовъ, хотя бы и не было съ ихъ стороны намѣреннаго укрывательства сихъ лицъ отъ рекрутства (ст. 577 по прод. IV № 2 Улож. о Нак.) (Мн. гос. сов. 16 янв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 3 марта № 18).

8) *Учрежденія.*

26 декабря 1860 года утвержденъ составленный министромъ внутреннихъ дѣлъ проэктъ положенія о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ, причемъ предоставлено министру приступить нынѣ же къ преобразованію по сему проэкту сихъ комитетовъ, съ тѣмъ, чтобъ причитающіеся на содержаніе ихъ суммы изъ земскихъ губернскихъ сборовъ были назначены къ отпуску съ 1863 года, а между тѣмъ заняться предварительными мѣрами для устройства ихъ. Главнѣйшія основанія новаго положенія о статистическихъ комитетахъ слѣдующія:

Губернскіе или областные статистическіе комитеты учреждаются во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ; главное назначеніе ихъ состоитъ въ исправномъ содержаніи мѣстной административной статистики, т. е. въ установленіи правильнѣйшихъ способовъ собиранія, по требованіямъ правительства и указаніямъ центральнаго статистическаго комитета, точныхъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ и качествѣ земель, народонаселеніи и производительныхъ силахъ губерніи или области и въ составленіи изъ собранныхъ свѣдѣній требуемыхъ статистическихъ таблицъ и вѣдомостей.

Кромѣ того комитетамъ вмѣняется въ обязанность составлять, по мѣрѣ возможности, подробныя описанія губерній, областей, городовъ, мѣстностей, замѣчательныхъ въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско—хозяйственномъ и пр. и объ изданіи трудовъ своихъ въ свѣтъ.

Статистическіе комитеты состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и подъ главнымъ вѣдѣніемъ генералъ-губернаторовъ, гдѣ они находятся, изъ помощника предсѣдателя, членовъ непремѣнныхъ, дѣйствительныхъ и почетныхъ и секретаря. (Мнѣніе Госуд. Сов. 26 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 10 февр. 1861 г. № 12.

II.

МѢСТНЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1) *Благоустройство.*

Вслѣдствіе ходатайства дворянъ Крымскаго полуострова, касательно преподанія разныхъ способовъ къ поддержанію устройства тамошнихъ владѣльческихъ имѣній, опредѣлены особыя правила о заселеніи владѣльческихъ въ Крыму земель иностранными выходцами и русскими переселенцами изъ другихъ губерній.

а) Главнѣйшія правила для заселенія земель иностранными выходцами слѣдующія:

Земледѣльцамъ предоставляется вступать въ предварительныя соглашенія съ иностранцами, которые предъявятъ удостовѣреніе подлежащей Россійско-Императорской миссіи о неимѣніи препятствій къ водворенію ихъ въ Россіи, съ устраненіемъ затѣмъ всякаго въ этомъ дѣлѣ посредства правительства, которое не будетъ дѣлать никакихъ вызововъ иностранцамъ.

Принимаемые землевладѣльцами заграничные выходцы должны быть водворяемы не цѣлыми массами, или сплошными округами, а лишь селеніями и деревнями, наряду съ русскими поселенцами, или же на фермахъ и хуторахъ, подчиняясь общему мѣстному завѣдыванію и управленію.

Всѣ заграничные выходцы, по водвореніи на владѣльческихъ земляхъ и принятіи русскаго подданства, освобождаются пожизненно съ наличными сыновьями отъ рекрутства; если же въ числѣ ихъ будутъ меноносты, то по прошествіи 25 лѣтней льготы, они облагаются денежнымъ сборомъ подъ именемъ рекрутскаго.

Водворившіеся выходцы, по вступленіи въ русское подданство, обязаны причислиться къ свободному, непользующемуся особыми правами состоянію; приписка же ихъ въ званіе колонистовъ съ предоставленными симъ послѣднимъ, по прежнимъ узаконеніямъ, правами и преимуществами, не допускается.

Для скорѣйшаго заселенія полуострова, предоставляется иностранцамъ, которые прочно водворятся на помѣщичьихъ земляхъ, вступятъ въ русское подданство и изберутъ себѣ тогда же состояніе,—льгота отъ платежа казенныхъ податей и отъ исправленія общихъ натуральныхъ повинностей; водворившимся въ 1861, 1862, 1863 и 1864 годахъ, въ теченіи 10, а позднѣйшимъ переселенцамъ, въ теченіи 5 лѣтъ со времени причисленія сихъ людей въ избранное ими состояніе.

б) Главнѣйшія правила для заселенія владѣльческихъ земель русскими переселенцами изъ другихъ губерній:

Лицамъ свободныхъ, сельскаго и городскаго, сословій, всѣхъ губерній, дозволено переселяться на владѣльческія земли въ Крыму по соглашенію съ владѣльцами.

Желающіе переселиться должны имѣть увольнительное свидѣтельство отъ своихъ обществъ и получить разрѣшеніе губернскаго начальства, которому

они подчинены. Для предупрежденія бродяжничества подъ предлогомъ переселеній, требуется удостовѣреніе отъ обществъ, что выселяющіеся изъ нихъ въ Крымъ имѣютъ достаточно собственныхъ или получаемыхъ отъ владѣльца средствъ для прибытія съ семействомъ на мѣсто и на предварительное обзаведеніе; причемъ переселяющійся долженъ имѣть свидѣтельство о составѣ его семейства, съ удостовѣреніемъ, что въ немъ находится не менѣе одного совершеннолѣтняго и вполнѣ способнаго работника, могущаго обезпечить содержаніе прочихъ членовъ семейства.

При воспослѣдованіи разрѣшенія, которое, однакожъ, для устраненія затрудненій дается на отдѣльныя семейства, а не на цѣлыя селенія или общества, допускаются слѣдующія облегчительныя правила: выдачѣ разрѣшеній не препятствуютъ податныя недоимки, такъ какъ онѣ по причисленіи переселенцевъ, слагаются; рекрутская повинность также не служитъ препятствіемъ, потому что должна быть отправлена переселенцами на новомъ мѣстѣ ихъ жительства; прошенія о переселеніи пишутся на простой бумагѣ и разрѣшеніе означается на увольнительномъ приговорѣ и сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года, по истеченіи котораго, если переселенцы не водворятся окончательно въ Крыму, увольнительный приговоръ подлежитъ уничтоженію; наконецъ этотъ приговоръ служитъ и видомъ для слѣдованія прямымъ путемъ въ Крымъ.

Переселенцы составляютъ въ случаѣ возможности особыя общества, въ которыхъ учреждаются сельскія управленія, подчиняясь въ административномъ и судебномъ отношеніи общимъ губернскимъ учрежденіямъ, или же причисляются по распоряженію мѣстнаго начальства къ ближайшимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ.

Для причисленія ихъ не требуется пріемныхъ свидѣтельствъ отъ новыхъ обществъ, къ которымъ переселяющіеся захотятъ причислиться, и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, они сами лично отвѣчаютъ за исправный взносъ податей и повинностей.

Льготы состоятъ въ томъ, что переселенцы всѣхъ губерній, кромѣ смежныхъ съ Таврическою, Новороссійскихъ губерній: Херсонской и Екатеринославской, а равно земли войска Донскаго, освобождаются отъ казенныхъ податей и повинностей на 10-ть лѣтъ и отъ исполненія рекрутской повинности на три набора (*).

Правила, при заключеніи договоровъ между Крымскими землевладѣльцами и русскими переселенцами, почти тѣ-же, какъ и для договоровъ этихъ владѣльцевъ съ иностранными выходцами; но на первый разъ договоры эти могутъ быть заключены не далѣе, какъ на десять лѣтъ.

Министру Государственныхъ Имуществъ предоставлено дополнить или измѣнить эти правила согласно обстоятельствамъ и указанію опыта, подобно тому, какъ ему предоставлено также это право относительно правилъ заселенія Крыма иностранцами. (Полож. Комитета Министр. 25-го октября и 8-го ноября, въ Сен. вѣд. 1861 г. 24-го января, № 7 и 7-го февраля № 11.)

— Сложены со счетовъ, числящіяся на недвижемыхъ имѣніяхъ обывателей Керчь-Еникольскаго градоначальства казенныя взысканія, долги, по коимъ иму-

(*) Очевидно, что правительство, не препятствуя переселенію въ Крымъ изъ пограничныхъ съ Таврическою, губерній: Херсонской, Екатеринославской и земли войска Донскаго, не предоставляетъ никакихъ льготъ переселенцамъ изъ этихъ мѣстностей, потому что онѣ принадлежатъ къ числу многоземельныхъ и малонаселенныхъ.

щества сіи приняты были въ залогъ по питейнымъ откупамъ, казеннымъ подрядамъ и ссудамъ на постройку каботажныхъ судовъ, до вторженія въ Керчь непріятеля 12-го мая 1855 года, и владѣльцы коихъ представятъ удостовѣреніе мѣстной городской Думы или подлежащаго начальства въ томъ, что они подвергнулись разоренію во время войны и не въ состояніи обойтись безъ такой льготы. (Полож. Ком. Министр. 1-го янв. 1861 г. Сен. вѣд. 24-го февр. № 16.)

— Высочайшимъ повелѣніемъ 15-го февраля 1861 года распространена сила Высочайше утвержденнаго 13-го апрѣля 1859 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта о дарованіи льготъ переселенцамъ изъ отшедшей части Бессарабіи на казенныя земли, или въ города, и на тѣхъ лицъ, которыя переселились въ Россію до воспослѣдованія сего постановленія.

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 13-го апрѣля 1859 года, переселяющіяся лица свободнаго податнаго состоянія, освобождены отъ платежа податей и повинностей на 8 лѣтъ и имъ выдавалось въ видѣ пособія на водвореніе по 35 р. на семью. Кромѣ того повелѣно не возбуждать никакой переписки о недоимкахъ на перечисляющихся, въ податяхъ и другихъ сборахъ по прежнему ихъ состоянію. (Сов. вѣд. 24 Марта № 24.)

2) *Народное образованіе.*

Для усиленія средствъ Новочеркаской гимназіи, установлена плата съ приходящихъ учениковъ, за ученіе въ оной, по 5 руб. сер. въ годъ съ каждаго ученика, не подчиняя этому правилу учениковъ недостаточнаго состоянія. [Полож. Воен. Сов. 24 янв. 1861 г. Сен. вѣд. 17 марта № 22.]

— Согласно представленію попечителя Одесскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія 31 января 1861 г. разрѣшилъ вмѣсто взимавшейся съ своекоштныхъ пансіонеровъ Симферопольской гимназіи платы по 230 руб. взимать съ 1-го января 1861 года по 270 руб. сер. въ годъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы таковая плата при первой возможности была понижена и чтобы сумма, которая составится вслѣдствіе этой прибавочной платы, была распредѣляема ежегодно слѣдующимъ образомъ: 1000 р. на столъ пансіонеровъ, прислугу и прочіе хозяйственные предметы, 830 руб — на увеличеніе жалованья комнатнымъ надзирателямъ при пансіонѣ и 150 руб — на прибавку жалованья законоучителю гимназіи и исполненіе разныхъ духовныхъ требъ.

— Въ городѣ Екатеринодарѣ учреждается Маріинское женское училище Кубанскаго Казачьяго войска съ благороднымъ при немъ пансіономъ для доставленія лицамъ всѣхъ сословій Кубанскаго казачьяго войска средствъ къ образованію ихъ дочерей. Въ училище принимаются приходящими ученицами, дочери: а. офицеровъ и нижнихъ чиновъ Кубанскаго казачьяго войска, б. чиновниковъ, къ сословію сего войска не принадлежащихъ; в. священнослужителей Христіанскихъ исповѣданій· г. купцовъ всѣхъ гильдій, и д. лицъ всякаго званія мусульманскаго исповѣданія. Съ каждой приходящей ученицы изъ купеческаго званія взимается ежегодно въ доходъ училища по 10 руб. сер. Деньги эти предназначаются преимущественно на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для училища. Непосредственное наблюденіе за преподаваніемъ ввѣряется инспектору классовъ, назначаемому изъ лицъ кончившихъ курсъ въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Возрастъ для пріема дѣвицъ назначается отъ 8 до 13-ти лѣтъ.

Училище состоитъ изъ 7-ми классовъ, въ томъ числѣ одного приготовительнаго; въ каждомъ классѣ ученицы остаются по одному году. Общій пріемъ ученицъ въ училище бываетъ каждый годъ въ началѣ учебнаго курса, т. е. съ 16 августа. Въ училищѣ преподаются слѣдующіе предметы: 1. Законъ Божій, 2. Русскій языкъ и краткія понятія о воспитаніи дѣтей. 3. Ариѳметика, 4. Начальныя основанія естественной исторіи и домашнее хозяйство 5. Географія 6, Исторія, 7. Чистописаніе и рисованіе 8, Пѣніе церковное 9. Женская гимнастика и 10. Рукодѣліе. Кромѣ того дозволяется обучать за особую плату какъ приходящихъ ученицъ, такъ и воспитанницъ пансіона французскому языку, танцованію и музыкѣ.

Всѣ науки преподаются учителями, окончившими курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или же выдержавшими испытаніе въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ на званіе учителя гимназіи.

Уроки бываютъ только до обѣда, по три урока каждый день начиная съ $8^1/_2$ часовъ утра по $1^1/_4$ часа каждый урокъ.

Каждой дѣвицѣ, кончившей курсъ ученія. выдается аттестатъ, на основаніи котораго она получаетъ свидѣтельство на званіе домашней учительницы не подвергаясь особому испытанію.

При училищѣ учреждается благородный пансіонъ, въ коемъ воспитанницы получаютъ полное содержаніе. Число воспитанницъ пансіона полагается 120: изъ нихъ 40 содержатся на полномъ, 40 на половинномъ казенно-войсковомъ и 40 на собственномъ иждивеніи.

Въ пансіонѣ принимаются на полное казенное и полуказенное содержаніе дочери недостаточныхъ офицеровъ Кубанскаго казачьяго войка, преимущественно сироты. Своекоштными пансіонерками принимаются дочери офицеровъ, чиновниковъ и священнослужителей Кубанскаго казачьяго войска или иногородныхъ лицъ, служащихъ въ войскѣ, — съ платою ежегодно по 140 рублей.

Ближайшее наблюденіе о воспитаніи ввѣряется начальницѣ училища и пансіона, которая и должна заботиться о достиженіи цѣли учрежденія училища и пансіона, состоящей преимущественно въ томъ, чтобы дочерямъ офицеровъ Кубанскаго казачьяго войска дать воспитаніе соотвѣтствующее ихъ будущему назначенію, быть добрыми женами, преимущественно людей, которыхъ большая часть жизни посвящена тяжелой службѣ, попечительными матерями и знающими хозяйками; по мѣрѣ возможности воспитанницамъ сообщается понятіе о хожденіи за больными, и о свойствѣ и употребленіи общихъ врачебныхъ растеній, а также домашнихъ средствъ для преподанія первоначальной помощи заболѣвающимъ.

Училище и пансіонъ содержатся на счетъ войсковыхъ казенныхъ суммъ Кубанскаго казачьяго войска. (Въ сен. вѣд. 20-го марта 1861 г. № 23).

— Для доставленія дѣтямъ мужескаго пола офицеровъ и способнѣйшимъ изъ дѣтей нижнихъ чиновъ Новороссійскаго казачьяго войска, возможности пріобрѣсть тѣ свѣдѣнія, которыя, по образу жизни ихъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны какъ въ общественной жизни, такъ и для продолженія дальнѣйшаго образованія, учреждено въ г Аккерманѣ войсковое училище, примѣрно на 100 учениковъ.

Учрежденіе сего училища въ г. Аккерманѣ назначается временно, впредь до окончательнаго устройства станицы Николаевки-Новороссійской. Войсковое училище подчиняется начальству Одесскаго учебнаго округа, состоитъ

подъ надзоромъ войсковаго наказнаго атамана, обязанности котораго соотвѣтствуютъ обязанностямъ почетнаго смотрителя и управляется однимъ изъ учителей, на основаніяхъ, предписанныхъ для штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ.

Учителей полагается 5, преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержавшихъ установленное испытаніе, по положеніямъ существующимъ на этотъ предметъ, въ училищахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Кромѣ того полагается законоучитель изъ лицъ духовнаго званія.

Предметы преподаванія въ войсковомъ училищѣ, слѣдующіе: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ, 3) ариѳметика и геометрія, 4) географія, 5) краткая исторія — всеобщая и русская, 6) черченіе, чистописаніе и рисованіе. 7). Въ сводобное время, гимнастика, верховая ѣзда, плаваніе, стрѣльба въ цѣль и присутствіе при ученьяхъ пѣхоты и кавалеріи съ объясненіемъ движеній.

Всѣ эти предметы распредѣляются между тремя классами; въ каждомъ классѣ полагается пробыть одинъ годъ.

Ученики содержатся на собственный счетъ, за обученье же ихъ, никакой платы не полагается и при поступленіи въ первый классъ училища, кромѣ знанія читать и писать по-русски, никакихъ познаній не требуется. Ученики же, пріобрѣвшіе до поступленія въ училище предварительныя познанія, могутъ быть, по испытаніи, приняты въ одинъ изъ высшихъ классовъ.

Возрастъ для поступленія въ училище назначается не моложе 8-ми и не старѣе 13-ти лѣтъ. Ученіе въ училищѣ продолжается весь годъ съ исключеніемъ лѣтнихъ каникулъ съ 25-го іюня по 1-е августа. Порядокъ управленія училищемъ, отношенія къ нему учителей, ежегодные экзамены и выпускъ окончившихъ курсъ учениковъ, опредѣляется общимъ положеніемъ объ уѣздныхъ училищахъ.

По открытіи училища, наказному атаману предоставляется составить и представить на утвержденіе соображеніе объ учрежденіи общихъ квартиръ для помѣщенія учениковъ и ближайшаго за ними надзора, а также о платѣ за экстерновъ невойсковаго сословія и другихъ подробностяхъ.

Расходъ на училище назначается изъ войсковыхъ суммъ.

Воспитанники, оказавшіе способности, принимаются, съ разрѣшенія начальства, въ высшія военно-учебныя заведенія и гражданскія учебныя учрежденія на вакансіи, на счетъ казны.

Для большаго удобства къ первоначальному образованію дѣтей учреждаются въ станицахъ: Николаевкѣ-Новороссійской, Волонтеровкѣ, Акмапчитѣ и Староказачей—приходскія одноклассныя училища.

Училища эти содержатся на счетъ обществъ тѣхъ станицъ и хуторовъ, при которыхъ они будутъ учреждены.

Въ первоначальныя училища допускаются дѣти мужескаго пола не моложе 8-ми и женскаго не старѣе 11-ти лѣтъ.

Отъ поступающихъ въ училище не требуется никакой платы и никакихъ предварительныхъ познаній.

Предметы преподаванія въ училищѣ, — общіе для дѣтей мужескаго и женскаго пола, слѣдующіе: 1) краткій катихизисъ, 2) знаніе чтенія и письма, 3) первыя четыре правила ариѳметики.

Сверхъ того дѣтямъ мужескаго пола преподаются правила военнаго искуства, сколько они необходимы для казачьей службы, гимнастика и стрѣльба въ цѣль.

Преподаваніе закона Божія возлагается на мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, въ учителя допускаются лица, выдержавшія установленное испытаніе по положеніямъ, существующимъ на этотъ предметъ въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Для преподаванія же правилъ военнаго искуства, гимнастики и стрѣльбы въ цѣль, назначаются урядники съ содержаніемъ отъ станицъ.

Ученіе начинается по окончаніи полевыхъ работъ и продолжается до начала оныхъ въ слѣдующемъ году; но оно должно ежегодно продолжаться не менѣе 7-ми мѣсяцевъ.

Ближайшій надзоръ за каждымъ училищемъ ввѣряется учителю русскаго языка; всѣ же они подчиняются лицу, завѣдывающему войсковымъ училищемъ.

Во всемъ остальномъ первоначальныя училища руководствуются общими правилами постановленными для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ. (Пол. Воен. Сов. 16-го ферв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11-го апрѣля, № 20).

— По ходатайству бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, о необходимости и пользѣ съѣзда въ Кіевъ учителей естественныхъ наукъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа, для научныхъ и педагогическихъ совѣщаній, какъ съ профессорами естественныхъ наукъ университета св. Владиміра и другими естествоиспытателями, такъ и взаимно между собою, министръ народнаго просвѣщенія, признавая съ своей стороны эту мѣру полезною въ научномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, 13 апрѣля 1861 г. разрѣшилъ привести оную въ исполненіе.

— Ришельевскій лицей освобожденъ на будущее время отъ обязанности отпускать ежегодно по 1300 рублей на наемъ для помѣщенія второй Одесской гимназіи и этотъ расходъ отнесенъ на сумму сбора за ученье въ сей гимназіи. Вслѣдствіе сего увеличена и взимаемая съ учениковъ этой гимназіи плата за ученье до 20-ти рублей въ годъ съ каждаго ученика. (Полож. главн. правл. учил. 2-го мая, въ Сен. вѣд. 13-го іюня, № 47).

— Допущенъ пріемъ приходящихъ учениковъ въ 1-ю Кіевскую гимназію съ платою по 20-ти рублей въ годъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы отъ платы сей никто не былъ освобождаемъ и чтобы съ каждаго пансіонера было постоянно отчисляемо въ сумму сбора за ученье по 20 руб. сер. въ годъ. (Полож. главн. прав. учил. 2-го мая 1861 г. въ Сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

— Предоставлено министру народнаго просвѣщенія разрѣшить пріемъ приходящихъ учениковъ и въ состоящую при Ришельевскомъ лицеѣ гимназію, когда окажется въ томъ дѣйствительная надобость. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

— Разрѣшено открыть при Харьковской 1-й гимназіи, съ начала 1861—62 учебнаго года, особое отдѣленіе съ четырьмя низшими классами, для чего и назначено изъ государственнаго казначейства 600 рублей ежегодно. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

3) *Промышленность, торговля, пути сообщенія.*

По ходатайству общества Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства, измѣненъ въ нѣкоторыхъ параграфахъ уставъ сего общества, утвержденный 19-го іюля 1858 года. Это общество учреждено для устройства сообщенія между Волгою и Дономъ посредствомъ паровозной желѣзной дороги и

для развитія пароходныхъ сообщеній по Дону и Азовскому морю. Капиталъ общества опредѣлялся въ 8.000,000 руб. сер., состоящихъ изъ 16,000 акцій по 500 руб. каждая. По уставу общества, правленіе его должно находиться въ С.-Петербургѣ или другомъ мѣстѣ, по приговору общаго собранія акціонеровъ.

Главнѣйшія измѣненія въ уставѣ общества, слѣдующія: § 18, капиталъ на устройство предпріятія опредѣляется въ 6,400,000 руб. раздѣленныхъ на 16,000 акцій, по 400 руб. каждая; сверхъ того обществу предоставляется собрать впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія дѣла, еще до 1,600,000 руб. или посредствомъ займа, или черезъ выпускъ облигацій, по усмотрѣнію общаго собранія акціонеровъ и съ особаго утвержденія правительства. На капиталъ 6,400,000 руб. сер., правительство даетъ обществу гарантію въ $4^1/_2$% чистаго годоваго дохода, съ тѣмъ, что сумма гарантируемыхъ процентовъ не можетъ превышать 288,000 руб. въ годъ. Въ этой суммѣ заключается гарантія какъ дохода на общественный капиталъ, такъ и погашенія сего капитала. Гарантія начинается по окончательномъ освидѣтельствованіи всей дороги между Волгою и Дономъ со всѣми ея принадлежностями, и по открытіи полнаго на этомъ протяженіи движенія, а равно Донскаго и Азовскаго пароходства. Она продолжается въ теченіи опредѣленнаго въ уставѣ срока владѣнія общества дорогою, или до выкупа оной правительствомъ. Въ случаѣ еслибы правительству пришлось дополнить изъ казны вышеупомянутые $4^1/_2$ процента, то на возмѣщеніе таковой издержки онаго обращается потомъ весь чистый доходъ общества, превышающій $4^1/_2$% до тѣхъ поръ, пока правительство возвратитъ сполна всѣ суммы, выданныя обществу изъ казны, съ простыми процентами, по 4 на 100 въ годъ. Свидѣтельства общества на внесенныя акціонерами деньги, принимаются по казеннымъ подрядамъ и прежде полной платы акціи, но не иначе какъ въ двѣ трети уплаченной суммы.

Въ § 47 сдѣлано измѣненіе въ томъ, что по уставу 1858 года, чистый доходъ опредѣлялся за вычетомъ изъ прибылей между прочимъ и $^1/_2$% съ основнаго капитала на выкупъ акцій; нынѣ не соразмѣрную часть на срочное погашеніе акцій, положено отдѣлять изъ чистаго дохода. (Полож. ком. министровъ 8-го ноября 1861 года, въ сен. вѣд. 1861 г., № 1).

— Открыто срочное пароходное сообщеніе Русскимъ Обществомъ пароходства и торговли, отъ Поти до Константинополя и по Азовскому морю въ Темрюкъ. Общество, между прочимъ, обязывается содержать слѣдующія линіи сообщенія:

1) Между Одессою и Константинополемъ, не менѣе одного раза въ недѣлю.

2) Между Таганрогомъ и Константинополемъ, не менѣе одного раза въ двѣ недѣли. Если признано будетъ полезнымъ, то пароходы будутъ по пути заходить въ Ѳеодосію. Во время же прекращенія навигаціи по Азовскому морю, сообщенія будутъ содержаться между Ѳеодосіею и Константинополемъ, тоже не менѣе одного раза въ двѣ недѣли.

3) Между Одессою и Крымскими портами до Керчи, не менѣе одного раза въ недѣлю.

3) Отъ Керчи вдоль Кавказскаго берега до Редутъ-Кале, заходя на пути въ тѣ порты, гдѣ будетъ признано нужнымъ, не менѣе одного раза въ двѣ недѣли.

5) Между Одессою, Кинбурномъ, Очаковымъ и Николаевымъ и выше по р. Бугу, если окажется нужнымъ, не менѣе одного раза въ недѣлю.

6) Между Одессою, Кинбурномъ, Очаковымъ и Херсономъ, и выше по р. Днѣпру, если окажтся нужнымъ, не менѣе одного раза въ недѣлю.

7) Между Керчью, Маріуполемъ, Бердянскомъ, Ейскомъ, Темрюкомъ и Таганрогомъ, не менѣе одного раза въ недѣлю. Если признается полезнымъ, то пароходы будутъ еще заходить и въ другіе порты, лежащіе на пути между означенными выше пунктами.

8) Между Керчью и Таманью по стольку разъ въ день, сколько окажется нужнымъ.

9) Между Овидіополемъ и Аккерманомъ (по Днѣпровскому лиману), по стольку разъ въ день, сколько окажется нужнымъ.

10) Между Одессою и Галацомъ и между Одессою, Кюстенджи, Константинополемъ и Тріестомъ или Марселью, или же другими портами Средиземнаго и Адріатическаго морей.

Означенныя сообщенія будутъ открываться постепенно, по мѣрѣ сооруженія пароходовъ и сначала при меньшемъ числѣ рейсовъ. Не позже пяти лѣтъ со дня утвержденія устава, т. е. къ 5-му августа 1861 года, пороходы Общества должны содержать сообщенія между портами, упомянутыми въ первыхъ семи пунктахъ, при полномъ количествѣ рейсовъ. (Полож. Ком. Минист. въ Сен. вѣд. 20-го января 1861 № 6.

— 18 Дскабря 1860 года, утвердено положеніе о комитетѣ для сооруженія Грушевско-Донской желѣзной дороги и пристани на рѣкѣ Донѣ.

Комитетъ этотъ учрежденъ въ г. Новочеркасскѣ для устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ каменноугольныхъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ.

Комитетъ состоитъ подъ пресѣдательствомъ Наказнаго Атамана войска Донскаго, одного члена отъ Военнаго Министерства, двухъ отъ войска Донскаго и инженеръ-строителя. (Сен вѣд. 20 января 1861 г. № 6).

— Кіевское шоссе, отъ Довска до Бровaровъ 296 верстъ, окончено и открыто къ проѣзду на всемъ протяженіи, 22-го ноября 1860 года. (Сен. вѣд. 20-го января, 1861 г. № 6.)

— Допущенъ привозъ сахара рафинада ко вновь образованной Ейской таможнѣ 1-го класса на все время срока опыта, опредѣленнаго для дѣйствія сей таможни въ преобразованномъ видѣ, а именно по 1-е января 1863 года (Полож. Кавказ. Комит. въ Сен. вѣд. 31-го января, 1861 г. № 9.)

— 27-го января 1861 года утвержденъ Уставъ Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства, учреждаемаго съ цѣлью улучшенія и успѣшнаго развитія сельской промышленности въ Кіевской губерніи. Посему исключительными занятіями Общества должны быть тѣ предметы, которые, касаясь сельскаго хозяйства и различныхъ его отраслей, могутъ способствовать развитію сельской производительности и указанію сбыта самихъ предметовъ.

Для достиженія этой цѣли, общество полагаетъ: стараться изслѣдовать настоящее состояніе губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, заботиться объ усовершенствованіи земледѣлія, обратить вниманіе на размноженіе, улучшеніе и содержаніе домашняго скота, слѣдить за развитіемъ сельскаго хозяйства за границей; устроить учебныя фермы, издавать періодическіе журналы сельско хозяйственнаго содержанія, и т. п.

Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица всякаго званія и сословія, кои своими занятіями по сельскому хозяйству могутъ быть

полезны Обществу, когда они предложены будутъ предсѣдателемъ Общества или двумя членами, съ письменнымъ поясненіемъ краткихъ о нихъ и занятіяхъ ихъ свѣдѣній и затѣмъ будутъ избраны большинствомъ голосовъ Общаго Собранія.

Въ почетные члены принимаетъ Совѣтъ Общества, большинствомъ голосовъ трехъ четвертей полнаго своего состава, какъ россійскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, коихъ участіе можетъ принести дѣйствительную пользу Обществу.

Общество приглашаетъ въ корреспонденты лицъ, кои могутъ быть ему полезны доставленіемъ свѣдѣній и предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества. Число членовъ Общества неограниченно. Непосредственное управленіе дѣлами Общества принадлежитъ совѣту, избираемому на общемъ годовомъ собраніи изъ дѣйствительныхъ членовъ.

Совѣтъ составляется: изъ президента Общества, вице-президента, 18 членовъ засѣдающихъ поочередно, такъ, чтобы полный имѣющій законную силу комитетъ представлялъ не менѣе пяти голосовъ включительно съ голосами президента, секретаря и казначея.

Совѣтъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ г. Кіевѣ; дѣйствіе онаго непрерывное, засѣданіе же будетъ имѣть мѣсто по мѣрѣ надобности (Сен. вѣд. 21 марта 1861 г. № 23).

— На время Ильинской ярмарки (съ 10-го іюля по 8-е августа) положено открывать ежегодно въ Полтавѣ отдѣленіе Харьковской Банковой Конторы, причемъ этому отдѣленію предоставлено: а) пріемъ вкладовъ для трансферта, и б) выдача ссудъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ шерсти для Харьковской акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью на существующихъ нынѣ основаніяхъ (Мнѣніе Госуд. Сов. 20 марта 1861 г. въ Сен. вѣд. 14-го апрѣля, № 30.)

— Срокъ существованія Ивановской (24-го іюня) ярмарки въ городѣ Зѣньковѣ (Полтавской губ.) назначенъ вмѣсто 7 дней,—на 3 дня. (Сен. вѣд. № 38.)

Срокъ существующей въ городѣ Городнѣ (Черниговской губ.) Георгіевской ярмарки вмѣсто 23-го перемѣненъ на 27 апрѣля (Сен. вѣд. 27 іюня № 51.)

4) Законы гражданскіе.

Дозволено владѣльцамъ мельницъ, состоящихъ въ станичныхъ юртахъ казачьихъ войскъ, продавать оныя не одному обществу или члену той станицы, въ коей таковыя мельницы находятся, но всѣмъ безъ изъятія жителямъ войсковаго сословія, съ тѣмъ, чтобы земля, отведенная подъ мельницы, съ уничтоженіемъ оныхъ, оставалась собственностью станицы (Пол. Воен. Сов. 9 февр. въ Сен. вѣд. 24 марта № 24).

5) Учрежденія.

По малому числу помѣщичьихъ имѣній въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, опредѣлено: не имѣть впредь въ семъ уѣздѣ особаго предводителя дворянства и особой дворянской опеки, но первую должность соединить съ должностью Мелитопольскаго уѣзднаго предводителя дворянства, а дворянскую опеку съ опекою Мелитопольскаго уѣзда. (Мнѣніе Гос. Сов. 14 ноября 1860 г. въ Сен. вѣд. 20 янв. 1861 г. № 6.)

— Съ выходомъ за границу Татаръ Евпаторійскаго уѣзда Таврической губерніи упразднено съ 1-го марта 1861 г. Евпаторійское окружное управленіе; завѣдываніе же остающимися въ семъ уѣздѣ казенными землями и государственными крестьянами передано въ сѣверной части уѣзда Перекопскому окружному начальнику, а въ южной—одному изъ чиновниковъ особыхъ порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ, для наблюденія за волостями Симферопольскаго уѣзда. (Рапортъ Мин. Гос. Им. 12 янв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 21 февр. № 15).

СЛОВО О СКОВОРОДѢ,

по поводу рецензіи на его сочиненія, въ «Русскомъ Словѣ.»

Въ нашей текущей литературѣ случается, что писатель, особенно рецензентъ какой-нибудь выходящей книги, произноситъ рѣшительнымъ тономъ знатока сужденія и даже осужденія надъ предметами, которыхъ не изучалъ, надъ которыми прежде не думалъ, которыхъ вовсе не знаетъ. Сверхъ того, у насъ стало входить въ обычай печатно бросать грязью въ дѣятелей мысли и слова, оскорблять ихъ личность, не считая необходимымъ даже сколько-нибудь объяснять—какой поводъ подали эти лица такъ презрительно обращаться съ ними. Быть можетъ, нѣкоторые думаютъ, что они этимъ творятъ поклоненіе призраку гласности? По нашему мнѣнію, отозваться неуважительно, хотя бы и слегка—вскользь—о какой либо личности въ печати, мы вправѣ или тогда, когда эта личность была прежде обличена достаточно и поражена невыгоднымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, или-же когда мы сами представляемъ несомнѣнныя доказательства ея виновности предъ судомъ общества. Иначе, это будетъ оскорбленіе не только тѣмъ, на которыхъ незаслуженно мы нападаемъ, но и обществу. Какое мы имѣемъ право ожидать, чтобъ общество, не требуя отъ насъ доказательствъ и объясненій, одобряло оскорбленія, которыя мы наносимъ его членамъ? Эти мысли пришли намъ, когда мы, перелистывая VII книгу «Русскаго Слова», встрѣтили въ ней рецензію «сочиненій въ стихахъ и прозѣ *Григорія Савича Сковороды*», подписанную буквами Вс. К—овскій. Рецензентъ, приводя слова издателя сочиненій Сковороды: «*которыя* (*сочиненія*) *считались народными*», ставитъ два вопросительныхъ знака, приводитъ затѣмъ нѣсколько стиховъ и потомъ произноситъ такіе возгласы: «но вотъ-что за мысль терзала насъ неотступно сначала книги до самого конца: для чего и кого неизвѣстный издатель Сковороды издавалъ въ свѣтъ

всю эту схоластическую ерунду, семинарскую мертвечину? Кому какое до нея было дѣло?»

Стихи Сковороды чрезвычайно-плохи и уродливы и могутъ сравниться, по художественности, развѣ съ безсмертными произведеніями *Василія Кириловича*: тѣмъ не менѣе рецензентъ напрасно поставилъ два вопросительныхъ знака. Мало можно указать такихъ *народныхъ* лицъ, какимъ былъ Сковорода, и которыхъ бы такъ помнилъ и уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ отъ Острогожска (Воронежской губ.) до Кіева, во многихъ домахъ, висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіянинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь—предметъ разсказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣщалъ, гдѣ любилъ пребывать и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сковороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующіе слѣпцы усвоили его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ, нерѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рапсодовъ и со слезами умиленія слушающихъ: *всякому граду свой правъ и права*. До какой степени пѣсни Сковороды сдѣлались народными во всей южнорусской странѣ, можно судить потому, что нѣкоторыя вошли въ собраніе Галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эти пѣсни сочинены Сковородою.

Сочиненія Сковороды не нравятся рецензенту; не нравятся они, быть-можетъ, и намъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они не имѣютъ никакого достоинства и что не надобно ихъ печатать. Значеніе писателя прошедшаго времени измѣряется или по эстетическому достоинству, или по его вліянію на свой вѣкъ, по степени въ какой онъ выражаетъ направленіе, нравственное состояніе окружающей его среды, по вмѣстимости въ немъ умственныхъ требованій и вкуса современниковъ. Рецензентъ полагаетъ, что слѣдуетъ довольствоваться первымъ, а все, что̀ намъ не нравится, предавать забвенію. Такъ у насъ и дѣлаютъ: въ архивахъ, мыши и сырость поѣдали старыя дѣла; ханжи замазывали древнія фрески въ храмахъ; губернаторы разбирали, для лучшаго вида въ городѣ, старинныя зданія; кухарки пекли аладьи на листахъ сборниковъ XIV-го и XV-го вѣковъ. Благодаря всему этому, мы такъ мало знаемъ свою старину. И теперь еще многое

лежитъ подъ спудомъ: пусть себѣ лежитъ! по мнѣнію рецензента, нѣтъ никому дѣла до этой «ерунды и мертвечины». Но вѣдь и многое изи древнихъ памятниковъ, драгоцѣнныхъ для насъ по выраженію своего вѣка, само-по-себѣ—безотносительно къ исторіи—можетъ показаться, сообразно нашимъ эстетическимъ воззрѣніямъ, хуже виршей и посланій Сковороды... Зачѣмъ же издавать его?.. Такъ по вашему??

Нашедши у Сковороды такіе стихи:

Убій злую волю, братъ,
Такъ упразднишъ увесь адъ,—

рецензентъ говоритъ:

«Григорій Савичъ особенно не долюбливаетъ воли, каковое качество, впрочемъ, для такого мудреца весьма почтенно». «Но довольно! Бога ради, довольно!!», слышу я возгласы нетерпѣливаго читателя, которые имѣютъ на меня дѣйствіе холоднаго душа,—и я останавливаюсь.»

Рецензентъ вообразилъ себѣ, что Сковорода преслѣдовалъ умственную и гражданскую свободу, тогда-какъ Сковорода говоритъ о *злой волѣ*, то-есть о дурныхъ и порочныхъ наклонностяхъ. Тутъ-то рецензентъ и попалъ впросакъ! Григорій Савичъ Сковорода былъ поборникомъ свободы въ сферѣ религіозной, нравственной, гражданской, терпѣлъ за то гоненіе и, не уживаясь въ деспотизмомъ окружающей его среды, обрекъ себя на скитальческую жизнь. Ханжество, низкопоклонничество, угнетеніе слабыхъ, лѣнь барства, постоянно находили въ немъ смѣлаго обличителя. Всѣ народные разсказы о немъ, переходящіе изъ устъ въ уста, отъ поколѣнья къ поколѣнью, изображаютъ его такимъ. Даже въ извѣстной пѣснѣ «*Всякому граду нравъ и права,*» онъ громитъ и того, «*кто для чиновъ углы панскіе третъ*» и попа, безъ христіанской добродѣтели, исполняющаго одинъ внѣшній обрядъ, и ханжу-пана, который «*на нищихъ роздалъ сто рублей, что̀ содралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей, — и всякого вышчого шчо нижчого гне, и дужчого шчо недужого давить и жме.* Какъ проповѣдникъ правды и добра, Сковорода сталъ народнымъ идеаломъ мудреца. Можетъ-быть, теперь уже надобно отличать Сковороду дѣйствительнаго отъ Сковороды идеальнаго, народнаго; но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній образъ возникъ изъ перваго, а потому нельзя не поблагодарить за изданіе его сочиненій. Мы надѣемся поговорить подробнѣе объ этомъ, въ высшей степени замѣ-

чательномъ, лицѣ, когда будемъ владѣть достаточнымъ запасомъ свѣдѣній объ умственномъ развитіи южнорусскаго народа въ XVIII вѣкѣ: только въ связи съ нимъ можно оцѣнить Сковороду.

Въ заключеніе, рецензентъ «Русскаго Слова,» задавъ себѣ вопросъ: для кого издаются такія сочиненія, выбралъ трехъ подписчиковъ и покрылъ ихъ своимъ презрѣніемъ: первый изъ нихъ — г. Аскоченскій; второй — г. Данилевскій; третій — г. Срезневскій... Вотъ-что говоритъ смѣлый критикъ: «все понятно! Понятно и высокое достоинство произведеній Сковороды, и сочувствіе ему такихъ именитыхъ людей какъ гг. Данилевскаго, Срезневскаго и Аскоченскаго. Всѣмъ имъ предстоитъ равное безсмертіе съ Григоріемъ Савичемъ Сковородой. И по заслугамъ!»

И. И. Срезневскій извѣстенъ намъ какъ труженикъ науки, оказавшій важныя, по нашему мнѣнію, услуги языкознанію и исторіи своими сочиненіями и изданіями. Вѣдь вы, г. рецензентъ, привели его имя наравнѣ съ издателемъ ханженской газеты, (предающей анаѳемѣ и изданіе въ свѣтъ историко-литературныхъ памятниковъ и всякій оттѣнокъ мысли, съ нею не согласный), — не потому что г. Срезневскій подписался на изданіе сочиненій Сковороды: иначе за чѣмъ же вы пощадили библіотеку харьковскихъ студентовъ, — которая подписалась на десять экземпляровъ? Да притомъ, вы бы никакъ не сѣшились поставить здѣсь на позоръ имени неизвѣстнаго вамъ какого-нибудь отставнаго полковника или вятскаго купца, подписавшагося на сочиненія Сковороды? Очевидно, вамъ хотѣлось бросить комкомъ грязи въ И. И. Срезневскаго. Надѣемся, что вы найдете совершенно умѣстнымъ нашъ вопросъ: *за что?*,—потому что дѣятельность г. Срезневскаго какъ ученаго, литератора, профессора, академика, еще не была оцѣнена печатно и не подверглась осужденію общественнаго мнѣнія. Послѣ вашего неуважительнаго обращенія съ этимъ именемъ мы именно отъ васъ имѣемъ право этого требовать, если у васъ достанетъ столько свѣдѣній въ археологіи, филологіи, исторіи... Иначе, вы сами не должны оскорбляться если мы скажемъ вотъ-что: на васъ, г. Вс. К—овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной души, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства.

Н. Костомаровъ.

ЗАМѢТКА О ВОЗРАЖЕНІЯХЪ Г. МОРДОВЦОВА.

Въ 4-й книжкѣ *Основы* помѣщены были критическія замѣчанія г. А. П—аго на статью г. Мордовцова: «*Крестьяне въ юго-западной Руси.*» Г. Мордовцовъ, отвѣчая въ іюльской книжкѣ *Русскаго Слова* другому своему критику, г. Костомарову, сказалъ мимоходомъ нѣсколько словъ и г. А. П—ому, и попрекнулъ его въ «панскихъ и арендаторскихъ» (!) понятіяхъ, которыхъ г. А. П—ій не имѣлъ и, по своимъ убѣжденіямъ, имѣть не могъ.

Г. Мордовцовъ, въ первой своей статьѣ, изображая бѣдственное состояніе крестьянъ югозападной Руси XVI в., въ доказательство приводилъ цифры платимыхъ ими повинностей и, переводя ихъ на нынѣшнія цѣны, опредѣлялъ этимъ всю тягость положенія крестьянъ.

Г. А. П—кій замѣтилъ ему, во-первыхъ, что повинности въ Украинѣ были легче чѣмъ на Вольни, а между-тѣмъ авторъ имѣлъ ввиду только послѣднія; во-вторыхъ, что опредѣлять внутреннюю жизнь народа цѣнностію вещей, взятою въ отдѣльности, значитъ опредѣлять односторонне и недостаточно,—потому, что понятіе цѣнности не опредѣляетъ даже всѣхъ экономическихъ явленій жизни,—что извѣстная сумма цѣнностей удовлетворяетъ одного и не удовлетворяетъ другого,—что, поэтому, г. Мордовцовъ необходимо долженъ былъ объяснить, насколько сумма получаемыхъ южнорусскимъ крестьяниномъ цѣнностей не удовлетворяла его потребностей. Ясно, что г. А. П—кій не возражалъ противъ главной и основной мысли г. Мордовцова, что западно-русскіе крестьяне были въ бѣдственномъ положеніи: (возражать противъ этого, и при настоящемъ состояніи исторической разработки, было бы нелѣпо): онъ указалъ только на слабую сторо-

ну статьи автора, на рѣшительность его приговоровъ и выводовъ, которые требуютъ больше положительныхъ основаній, большей доказанности;—указалъ на то, что г. Мордовцовъ «въ своихъ заключеніяхъ ничего не прибавилъ ко всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Кіевской Коммиссіи и другихъ источниковъ.»

Но г. Мордовцовъ, задавшись тѣмъ, что г. П—кій не согласенъ съ основной мыслью его статьи, приписываетъ г. П—ому убѣжденія и мысли, какихъ послѣдній и не думалъ высказывать.

Такъ г. Мордовцовъ говоритъ: «Вообще г. П—ій держится того мнѣнія, что южнорусскому пахарю XVI в. было довольно легко жить на свѣтѣ и нечего было жаловаться на польскихъ пановъ»: между тѣмъ какъ, у г. П—каго, г. Мордовцовъ читалъ совершенно-противоположное мнѣніе. «Народъ въ югозападной Руси», «говоритъ г. А. П—ій, терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишенія,—«терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ-арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить ихъ смертію.»

Изъ общей мысли, что потребности поселянина ограниченнѣе, нежели, напримѣръ, потребности горожанина, г. Мордовцовъ выводитъ, что г. П—ій смотритъ на южнорусскаго пахаря XVI в. какъ на существо низшей породы, какъ на человѣка «не одной съ нимъ кости — не бѣлой!?»

Г. Мордовцовъ могъ нападать на самый фактъ существованія такого различія менѣе и болѣе развитыхъ потребностей, а не на того, кто этотъ фактъ напомнилъ ему для соображенія: указать на какое-либо явленіе жизни еще не значитъ — принимать его за нормальное, за справедливое и неизмѣнное.

Вообще, намъ кажется, что г. Мордовцовъ безъ нужды перешолъ отъ изслѣдованія предмета къ изслѣдованію убѣжденій своего критика, и, не имѣя достаточно данныхъ, просто-на-просто приписываетъ ему такія, какихъ тотъ не отыщетъ ни въ своей статьѣ, ни въ своемъ сознаніи. Намъ кажется, что этимъ существеннымъ недостаткомъ страдаетъ г. Мордовцовъ и въ отношеніи г. Костомарова. — Мы этимъ не говоримъ, чтобъ убѣжденія пишущаго не могли быть предметомъ критики, опроверженія, изслѣдованія, — но утверждаемъ, что о нихъ должно говорить настолько, насколько самъ пишущій высказывается, а главное — не забывать самого пред-

мета. Иначе — можно потерять твердую почву и перейти въ область невѣрныхъ предположеній и безплодныхъ споровъ о личныхъ — невысказываемыхъ — убѣжденіяхъ, и упустить изъ виду самое дѣло.

Спрашиваемъ: такимъ ли путемъ можно добыть истину, которой, безъ сомнѣнія, ищетъ уважаемый изслѣдователь «Положенія крестьянъ въ югозападной Руси XVI вѣка?...»

ЗАМѢТКА О РУСИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ.

Въ настоящее время, надо думать—вслѣдствіе освобожденія крестьянъ,—у Русиновъ, равно какъ и у Великороссовъ, стремленіе къ образованію становится искреннимъ яв нымъ.

Людямъ, пользующимся матеріальною обезпеченностью, и вслѣдствіе того, имѣвшимъ возможность получить какое-нибудь образованіе, предстоитъ святой долгъ помочь своимъ землякамъ въ этомъ благородномъ стремленіи.

Многіе уже трудятся на этомъ поприщѣ, приготовляя учебники для простаго народа, и мнѣ хотѣлось бы, въ видахъ общей пользы, обратить ихъ вниманіе на научную терминологію.

Научная терминологія западныхъ народовъ, принятая, почти цѣликомъ, въ русскія учебныя книги, образовалась, большею частью, въ средніе вѣка, когда наука была не общимъ достояніемъ, а особенною принадлежностью—какъ бы ремесломъ—извѣстныхъ людей, составлявшихъ замкнутую корпорацію, съ своею собственною іерархіею (баккалавръ, магистръ и т. д.). Эти люди избѣгали сближенія съ профанами, непосвященными въ таинства науки; у нихъ была особаго рода одежда и условный языкъ, отъ котораго ведетъ свое начало и научная терминологія, языкъ, составленный именно такъ, чтобъ быть понимаемымъ только *спеціалистами, адептами науки*.

Теперь наука дѣлается общимъ достояніемъ; поэтому и термины научные должны бы быть общепонятны; но вліяніе средневѣковаго пониманія вещей отзывается и нынѣ. Такъ, напримѣръ, всѣ малограмотные люди, желая показать, что они принадлежатъ къ образованному классу, любятъ оснащивать свой разговоръ иностранными словами (подчасъ имъ самимъ малопонятными): вмѣсто *дикій садъ*, они непремѣнно скажутъ *паркъ*, вмѣсто *бесѣдка—павильонъ*, и т. п. Особенно характеристично, въ этомъ отношеніи, слово *діалектъ*,—такъ-что услыша отъ малозна-

комаго мнѣ человѣка вопросъ: *говорите ли вы на иностранныхъ діалектахъ?* я уже знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Ученикъ, заучившій нѣсколько звучныхъ словъ, въ родѣ: *перпендикуляръ*, *параллель*, *сегментъ* и т. п., уже чувствуетъ себя маленькимъ *ученымъ*, становится *педантомъ*, старается парадировать этими словами и вставлять ихъ, кстати и некстати, въ разговоръ.

Въ прежнія времена, это средневѣковое явленіе было еще замѣтнѣе; такъ, достопочтенный іеромонахъ Климентій (см. 1-ю книжку *Основы*) прямо совѣтуетъ грамотнымъ избѣгать, словно заразы, всякаго сношенія съ неграмотными. Даже современные ученые не совсѣмъ еще отреклись отъ средневѣковщины;—читающаго эти строки, также какъ и меня, безъ-сомнѣнія поражали химическія названія: *глиній*, *кремній*, и т. п. Видите ли: пришлось окрестить по-русски простыя тѣла или металлы, которыхъ руда называется: глина, кремень и т. д. По духу русскаго языка, кажется, ближе всего было бы назвать ихъ — *глинякъ*, *глинецъ*, или *глиневикъ*, и *кремнякъ*, *кремнецъ* или *кремневикъ*, но вотъ—почли приличнѣе сочинить—*глиній* и *кремній*,— слова́, какъ-будто взятыя изъ того латинскаго языка, на которомъ, въ присутствіи родителей, объяснялся *доминусъ Галушкинскій* съ сыновьями *пана Халявского*. Мало того: вскорѣ, какъ будто опасаясь, что эти названія черезчуръ понятны профанамъ, придумали новыя клички: алюминій и силицій!

Русинскимъ писателямъ, составляющимъ учебники для народа, предстоитъ дѣло совершенно новое, и я рѣшился высказать свои, по этому поводу, соображенія.

Такъ-какъ желательно, чтобы образованіе усвоивалось массою народа, то, я думаю, и термины научные слѣдуетъ составлять въ духѣ народнаго языка, такъ, чтобы, впослѣдствіи, они могли быть приняты самимъ народомъ. Слѣдуетъ еще принять во вниманіе и то́, что у насъ, по числу нуждающихся въ образованіи, очень мало дѣльныхъ учителей, слѣдовательно учебники и научные термины надо составлять, по-возможности, такіе, которые и безъ толкованія учителя были бы доступны учащимся.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что метода зубренія, врядъ ли скоро выведется изъ первоначальныхъ училищъ, для которыхъ собственно и назначаются руссинкіе учебники.

Для убѣжденія въ томъ, какое значеніе имѣетъ непонятная терминологія, спросите у любаго ученика объясненія, что́ такое эклип-

тика? и навѣрное онъ вамъ не съумѣетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. А спросите ученика польскихъ училищъ: что такое *droga ziemi* (дорога земли), и онъ вамъ непремѣнно объяснитъ. Я знаю это по опыту.

Если бы и приходилось употреблять въ учебникѣ иностранныя слова, то слѣдуетъ избѣгать, по крайней мѣрѣ, неудобопроизносимыхъ, какъ напримѣръ: *параллелопипедъ*, и такихъ, въ которые входитъ звукъ *ф*, несвойственный русинскому языку, вслѣдствіе чего такія слова, въ народномъ употребленіи, неизбѣжно искажаются— нерѣдко самымъ неблагозвучнымъ образомъ.

При составленіи учебниковъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на математическія и естественныя науки, которыя, безъ-сомнѣнія, должны занять важное мѣсто въ народномъ образованіи: а въ этихъ-то наукахъ наиболѣе непонятна терминологія...

Въ-заключеніе, представляю вниманію читателей небольшой русинскій терминологическій словарь, въ видѣ опыта. Руководствомъ, при его составленіи, служили мнѣ словари, чешскій и польскій а также нашъ Украинскій языкъ. Искренно порадуюсь, когда мой опытъ вызоветъ критическія замѣчанія, и дополненія. Faciunt meliora potentes.

Ариѳметика—*Щотниця*.
Алгебра—*Німа Щотниця*, або *Німощотъ*.
Аллегорія—*Инословъ*.
Амальгама—*Зплавъ*.
Арсеналъ—*Збройовня*.
Анархія—*Безправность*.
Аптека—*Лікарня*.
Аптекарь—*Лікарникъ*.
Архитекторъ—*Будовничій*.
Архитектура—*Будовничество*.
Астрономія—*Зірниця*.
Астрономъ—*Зірникъ*.
Атомъ (хим.)—*Первець*.
Эквивалентъ (хим.)—*Пай*.
Автоматъ—*Саморуховъ*.
Математика—*Численниця*.
Аналитика—*Розборниця*.
Бухгалтерія—*Счотоводство*.
Анализъ—*Разборъ*.
Алькоголь—*Вінець*.
Кали—*Вапнець* (металлъ, котораго руда известь).
Оригиналъ—*Первотворъ*.
Орѳографія—*Писовня*.
Параллельно—*Опоручь*.
Параллельные круги—*Опоручні кола*.
Тропикъ—*Поворотникъ*. *Теплівець*.
Тропическія Страны—*Теплівщина*.
Перспектива—*Зглядность*.
Орбита—*Обіжниця*. *Обігъ*.
Пульсъ—*Живчикъ*.
Магній (мет.)—*Горчвець*.
Физика—*Сильниця* (*Наука о дѣйствіи тѣлъ на другія тѣла, о силахъ*).
Физическій—*Сильничный*.
Физикъ—*Силознитъ*.
Механика—*Силодѣйня* (*Наука о дѣйствіи силъ*).
Механизмъ—*Силодійство*.
Механикъ—*Силодій*.
Химія—*Лучба* (чешск.), *истниця*, *або властниця*. (*Наука о соединеніи*) — *естествъ*,—*свойствахъ тѣлъ*.
Грамматика—*Мовниця*.

Натръ—*Солець* (металлъ котораго извѣстнѣйшее соединіе—повар. соль).
Силицій—*Кремнець*.
Алюминій—*Глинець*.
Углеродъ—*Уголець*.
Теплородъ—*Теплець*.
Азотъ—*Душець*.
Газъ—*Чадъ*.
Хлоръ—*Зеленець*.
Фармація—*Лікарниця*.
Физіономія—*Поглядъ*
Конусъ—*Стожокъ*.
Конический—*Стожковий*.
Баластъ—*Тяжъ*.
Бальзамъ—*Живника*.
Бальзамический—*Живничний*.
Библіотека—*Книгарня*.
Блокъ—*Вертіло*.
Ботаника—*Рослинниця*.
Ботаникъ—*Рослинарь Билинарь*
Гербарій—*Травникъ*.
Медикъ—*Лікарь*.
Хирургъ—*Гойникъ* (отъ го́іти).
Хирургія—*Гойниця*.
Результатъ—*Послідокъ*.
Форель—*Пестрюга*.
Форматъ—*Укладъ*.
Географія—*Землепись*.
Географическій—*Землеписный*.
Географъ—*Землеписець*.
Градусъ—*Ступень*.
Бассейнъ—*Котловина*.
Грифель—*Писа́ло*.
Агентъ—*Діячъ*.
Гротескъ—*Дивообразъ*.
Группа—*Купа*.
Горизонтъ—*Поземъ*. *Небосклонъ*.
Горизонтально—*Поземо*.
Перпендикулярно—*Стрямко*.
Гипербола—*Збитниця*.
(отъ *збитъ*—излишне).
Идеалъ—*Видина*. *Правозоръ* (съ чеш).
Насѣкомое—*Кузька*.
Инстинктъ—*Побудка*.
Инструментъ—*Статокъ*.
Эклиптика—*Путниця*.
Квадратъ—*Двукратъ*.
Кубъ—*Трикратъ*.
Истокъ—*Жерело*.
Буксиръ—*Волокъ*.
Буксировать—*Волочити*.
Каналъ—*Проводъ*.
Карикатура—*Потвора*.
Характеристика—*Вдачность*.
Циркуль—*Кружало*.
Колонія—*Осада*.
Колонистъ—*Осадчій*.
Колоритъ—*Квітистость*.
Контрактъ—*Умова*.
Корректоръ—*Справщикъ*.
Курсъ—*Токъ*, *Обігъ*.
Цилиндръ—*Валець*.
Цилиндрический—*Вальцёвий*.
Машина—*Строй*.
Паровая машина—*Паростроі*.
Элементъ—простоее тѣло—*Первіна*.
Электричество—*Громовина*. (чешск.)
Эмаль—*Полі́ва*.
Эпоха—*Доба*.
Экстрактъ—*Витяжки*.
Фабрика—*Виробня*. *Дільня*.
Фабрикантъ—*Виробщикъ*.
Интересъ—*Зискъ*. *Ужитокъ*.
Регулярный—*Сталий*.
Каѳедра—*Столець*.
Лабораторія—*Дільня*.
Ландкарта—*Землевидъ*.
Ландшафтъ—*Краевидъ*.
Мануфактура—*Рукодільня*.
Массивный—*Тильчастій Литий*.
Матросъ—*Пловець*.
Спеціалистъ—*Мітець*.
Спеціальность—*Мітецьтво*.
Машинистъ—*Стройникъ*.
Меридіанъ—*Полудникъ*.
Метафора—*Переносня*.
Металлъ—*Ковань*.
Минералъ—*Нѣрость*. *Крушець*.
Нейтральный—*Ніякій*.
Нейтралитетъ—*Ніякость*.
Полюсъ—*Бігунъ*.

М. Левченко.

ВІСТІ.

ХОРО́ЛЪ,

який вінъ тепе́ръ е́.

Въ Хорóлі — всёго довóлі!
(Послóвиця.)

Зъ якóї сторонú ни погля́нь на нашъ Хорóлъ, — якъ гóродъ — ледачéнькій, — а якъ сéльбище, — то прехорóше! Полу́горье, на пра́вому бéрезі р. Хорóла, дé стоїть гóродъ, дíлитця широ́кимъ ло́жби-

---

* **Вісті про Хорольъ прислані намъ разомъ съ такою гарною, вимовною приказкою, що було бъ жалко не поділитися нею зъ щирими земляками, котрі розуміють ціну рідного слова, що, мовлявъ, якъ сиротина наля́кана, не до кожної душі проговорить. Читаешь — и не начитаесся оповідання п. Димського; — а такі, здаетця, прості речи вінъ оповіда́е..! Въ ёго устахъ наша мова и мьякка и вира́зна и послу́шлива, якъ той смичокъ и скрипка у рукахъ доброго музи́кі: що захоче, те́ вона ёму й ви́співае. — Оце жъ частина зъ приязного листу п. Димського:**

«Посилаю де-що про нашъ Хорольъ: найдете путнімъ — гараздъ, а ні — такъ у пічъ — и ділу кінець... *Основа* та́къ мині вподоба́ла, якъ вовку весільні пісні: такъ и кортúть протягнути въ ій и свою стрічку, — якъ тому вовкові зъ дружечками заспівати. Може й моему голосу буде те, що вовчій пісні, — та вже жъ — запросъ не біда! Приміряйте: прийдетця моя мережка до *Основи*, — засмуйте, а ні — вибачайте... Зо всіхъ украíнъ сиплють до васъ, мовъ зъ рукава, листú, стихú и багато ще дé-чого, на прівітъ *Основоньки* — баловúці на́шого незабутнёго Тараса-кобзаря (нехай ёму перомъ земля!) треба жъ то розібрати весь крамъ, щобъ усёму порядокъ дати и вибрати до гожого виду гожую стрічку; треба жъ то одвіяти жито відъ полови; треба... та мало чого треба?... А все-таки думка й та́, що може и въ моїй мові знайдетця хочъ одно зернятко, и на рідній нашій ниві воно проросте, відкрасуетця и вродить рясненькимъ колоскомъ. — — »— Амінь! — одказуючи Вамъ звича́емъ нашого Кобзаря: та́къ воно й станетця! Нехай же частíнъ зоріе ваше тепле и гарне слово въ привітній до щиріхъ земляківъ *Основі*.

щемъ течіі Лáгодівки на дві чáсти: Покрівську и Городську; а ся ще дíлитця, крутúми ярáми, на мéньшіі укрóми, и на нихъ-то, вíдъ Лáгодівки и р. Хорóла, замíтне старúнне кріпостнé будовáння.

Хорóлъ-рíчка течé въ Псёлъ; по весні заливáе всі лýки; лíтомъ станóвитця озéрами, а пíдъ гóродомъ — невелúчкимъ лимáномъ, и скрізь зъ берегівъ заростáе висóкимъ та густúмъ очерéтомъ... Якъ глúнути зъ могúли, щó на валý, то далéко-далéко,—зъ-вóсхідъ сонця до полýдня крáю,—вíдко сéла, хуторú, широкіі лýки, лісú, озéра зъ очеретáми, и гóри, що геть-гéть пішлú прáвимъ бéрегомъ; а що найблúжче, на островý, село Вишнякú, уквíчане садóчками, окáймлене, якъ барвінкомъ, сúніми озéрами зъ зелéними очеретáми, вéрбами и топóлею.

Самъ гóродъ усіянъ и по гóрамъ и по ярáмъ, то въ одинóчку, то вкýпці, якъ печерúцями, низéнькими, білéнькими хатúнами, крúтими очерéтомъ и солóмою. Пьять церквéй, на Городській сторонí, и однá на Покрівській, веселéнько вибігáють въ нéбо и сяють святúми хрестáми; а де-де червонíють и зеленíють покрівлі пáнськихъ будинківъ, крáмарськихъ рядíвъ и казéнныхъ построёкъ; а найбíльшъ насíла, негúдою, на гóродъ тюрмá, — котрá ще тíльки відстроюетця, и сýмно зорúть, на свíтъ божій, дворядóвими вíкнами, зарештóванними залізомъ. Народу въ гóроді зъ невелúчкимъ 4,000, а мíжъ нимъ и жидовú чоловíкъ сотъ зъ дві, осíдлихъ и прибльýднихъ. Три стовбóві шляхú стéлютця черезъ гóродъ: одúнъ въ Полтáву, другúй у Кременчýкъ, а трéтій, на Лубнú, въ Кúївъ... Здаéтця, тутъ би и торгáмъ бýти, — та щось не тáкъ!... одúнъ святúй хлíбъ визволяе: въ Кременчукъ хурýютъ ёго четвертéй, мóже, тúсячъ на дéсять, а то такú и по вúнницямъ пáнськимъ чимáло ёго забирáють. Мóже, пíсля вóлі, крáще бýде и въ Хорóлі; звíсно, народъ слободнíше заробля́теме собі худóбоньку,—не такъ, якъ було ще недáвно, жúвши въ хатúні якъ сорóка на тинý.

Самé мíсто гóрода дýже привíльне й весéле; водú довóлі, та ще якá й вода! Е́ у насъ Зубанівська кринúця,—пьешъ—не напьéсся!.. Старí лю́ди кáжуть, що вóду зъ нéі, рядчикú возúли колúсь ажъ до Херсóні,—вельмóжному Потéмкіну, якъ вінъ воевáвъ зъ Тýркомъ, и якъ їхала въ Кримъ царúця Катерúна. Чудóва вода! úнші и лíчутця нéю, — мабуть Богъ помагáе... Грунтъ въ Хорóлі, для садовúни, або й огорóдини, дýже хорóший; 1849 рóку, я ще застáвъ тутъ дуже рясні садкú; а що найкрáще тутъ ростýть—мурéлі: продавáлись

по сорокі́вці за ві́дро; и тепе́ръ є́ садки́, та все не те́: якъ почала́ селя́тись въ го́роді жидова́,—такъ садки́ й та́ють; жидъ въ садку́ не уживе́тця,—одно́ що ко́зи заіда́ють, а то таки́ й до́гляду нема́; звісно, наро́дъ торго́вий! а наші, горожане, бі́льшъ працю́ють у по́лі, — а па́нство коли́ не на слу́жбі, то до́ма—та за ка́ртами... Ще то хо́роше въ Хоро́лі, що яки́й би-то дощъ ни їшо́въ, а годи́нъ черезъ дві сміло іди́ гуля́ти; по у́лицямъ нема́ тихъ озе́ръ, котри́ми поки́йний Го́голь осла́вивъ Ми́ргородъ—на́шого сусі́ду; хочъ и у насъ нихто́ не боро́нить сви́нямъ и теля́тамъ гуля́ти по майда́ну, середь го́рода, де́ всі суди́, а все-таки́, Богъ боро́нить,—сви́ні бума́гъ изъ судівъ не кра́дуть, хочъ тамъ папі́ру ку́чи, ку́чи (*)... а мо́же вже й сви́ні, пі́сля Го́голя, розумні́ші ста́ли,—ті́льки, до-я́кого-ча́су, тако́го бе́шкету у насъ не ро́блять.

Живимо́ жъ ми, въ го́роді, ні ве́село, ні ску́шно,—ра́дощівъ мало; хочъ тепе́ръ и дуди́ть, кажні́сенькій ра́нокъ и ве́чіръ, гусарська музи́ка,—та все я́кось смутно: — щось ду́же ту́га копійка, — бі́дному чоловікові прожи́ти не ле́гко, житнёго бо́рошна пудъ—четвертакъ,—а бара́нини, або я́ловичини фунтъ—10 шагі́въ, — се въ то такъ якъ и въ Полтаві; а відъ чого воно́ та́къ? хто ёго зна! Ажъ слу́хати мо́торошно объ таки́хъ ці́нахъ, гле́дя на тіі широ́ки лани́, де хлібъ свяги́й ма́е відъ кра́ю до кра́ю,—гле́дя на ті ти́сячні ота́рки, де продаю́тця вивця́ за 2, а коро́ва за 12 карбо́ванцівъ,—та що́ робити? *привозити мя́со изъ селъ — запре́тъ*, а на́ськи різники́ вига́дують щобъ усі́мъ було́ гара́здъ... опри́чь хто у нихъ купу́е...

Що бъ не ску́шно жило́ся у насъ,—то бува́ють случа́і на всякъ мі́сяць,— що бъ було́ де-объ чімъ помірковáти наро́ду. Са́ми судіте:

У сімъ го́ді, *въ генварі мі́сяці*,—у насъ, въ самісенькому го́роді, трохи́ не опівдня́, заме́рзла (було—17 град.) ще не ду́же стара́ бабу́ся, сажéняхъ въ 10-ти відъ своéі ха́ти: ішо́вши съ хрести́нъ свого́ вну́ка, посковзну́лась та й упа́ла въ яръ, де́ було́ трохи́ не сажéнь сні́гу; би́лась-би́лась, та й заспу́ла. Ка́жуть лю́ди, що вона́ мо́же бъ и проснýлась (бо якъ ії ви́тягли зъ я́ру, то ще би́лося се́рце), та ли́шко тя́же! на той часъ, *ніко́го*, изъ 4-хъ лікарі́въ, не найшли́: були́, ка́жуть, десь у гостя́хъ... На дру́гий день, городови́й лі́каръ ії карбова́въ,— ка́же: вме́рла!.. Поховáли... якъ бу́де тре́ба, тоді проснéтця...

(*) *Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*, въ сочиненіяхъ Гоголя.

Въ *февралі*, разъ, опівночі, була у насъ пожежа: палко горіла хата, критая очеретомъ; весь городъ освітився, улиці ажъ стогнуть відъ дзвону; всякъ зъ постелі схоплювався, та въ чімъ попало — на пожаръ... Багато бъ було горя и слёзъ, якъби не салдати инвалиди й гусари; а то вже якъ роспалалось пекломъ, тоді тільки прибігли і пожарні, — мабуть ждали пори, щобъ відпішъ було їхати, — та ще жъ бо й то:—що робити зъ гаспедськими кіньми?—їхъ до огню, а вони—драла, та задомъ,—ажъ клепки въ бочонкахъ торохтять!.. Се вже, мабуть, не натачанки возити!.. А тутъ імъ и смокъ ще страху завдае: оце якъ прийматця качати, то винъ—сопе, сопе, а далі якъ чвиркне зъ боківъ, то такъ и кони, и люди вростічь! Нічого робити, — коней на-сторону, та за лопати: принялись за снігъ, що по улицямъ стоявъ кучугурами, та й покрили пожежу!..

Въ *марті* була объявлена народові царська воля за *паньщанъ*: то-то радощі! По всімъ церквамъ були молебні о здравіі Царя. Молились щиро, а далі й порішили: зробили складъ, и проводили старихъ людей на прощу у Київъ. Плакали, сміялись, обнимались, поздоровляли, мовъ на Великдень. Увесь містъ бувъ празниками; а якъ настало Великодне Свято, то радощамъ и кінця не було!

— *И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*!—твердивъ народъ.. Чудно де-кому здавалось, що не було опійства, бійки, лайки, а скрізь тільки й чути, що *паньщена* заручаетця,— готуютця весілля... Ажъ серце сміялось!.

Въ *апрелі*, на празникахъ, у пьятницю, въ Хоролі, пронеслася чутка, що, опівдня, молоденька дівчина, літъ 16-ти, кинулась изъ будинку, та прямісенько въ колодязь — шубовхсь!.. а колодязь той сажнівъ вісімъ глибини... Побачили люди, закричали, збіглись до колодязя, та й постали... ажъ-ось біжить, зъ другими салдатами, не дуже старий инвалидъ, (родомъ зъ Кременчука), *Павловъ* прозиваетця, схопивъ вірёвку, оперезався, та въ колодязь и юркнувъ... а тамъ, пирнувши, и витягъ дівчя; подали другу вірёвку, — винъ обвязавъ ею обмерлу дівчину, — такъ її й витягли, — а далі й Павлова; принялись утоплену качати на рядпахъ, та й відвалали: ожила... Кажуть, начальство узялось розібрати се діло, и, мабуть, дознаютця.— —А народъ все гуторить: чого бъ тій дівчини топитьця?.. Молоде якъ квіточка.. Жаль сердешної убоги!.

Ще не вспіли й посумувати по сій новині, якъ черезъ два дні, у неділю, нова оказія, вже міжъ панствомъ: офицеръ-черкесъ, та дру-

го́го офице́ра–гу́сара, у жи́да въ трахти́рі, якъ штирхону́въ кінджа́ломъ у живі́тъ разъ, и вдру́ге, — такъ якъ и не було́ чоловіка!.. Се лу́чилось пі́дъ ве́чіръ; музи́ка гуса́рська вже гра́ла на майда́ні; наро́ду зібра́лось чима́ло, а тутъ и піднялось... че́ркеса посади́ли въ тюрьму́, а ме́ртвого понесли́ въ больни́цю... Черезъ два дні хорони́ли зарізанного; наро́ду було́ мабу́ть ти́сячъ зо́ дві; гра́ла музи́ка; а якъ несли́ покійника, біля́ тюрьми́, то вивóдили и зарізя́ку–черке́са... Покійника похорони́ли зъ стрільбо́ю.. Неха́й ёму́ перо́мъ земля́! до́брий и молоди́й чоловікъ бувъ! ка́жуть, що ро́домъ зпідъ Москви́, и хоро́шого ро́ду.

7–го *мая* бу́ла у насъ одкри́та недільня шко̀ла; я й оповідавъ объ сімъ въ *Московськихъ Відомостяхъ* (№ 135–й), да мене́ тутъ злицёва́ли въ Длінского. Знершу записа́лось у шко́лу вчи́тьця—29, а теперъ запи́санныхъ—75 чоловіка. Хо́дять же вчи́тись відъ 45 до 60–ти чоловікъ; полёви́ робо́ти, ярмарки́, а для салда́тъ — эта́пъ и калаву́ри, на перешко̀ді. Якъ одкрива́ли шко̀лу, то не забу́ли и того *Па́влова*, (що́ ви́тягъ дівчя́ зъ коло́дязя): зробили складъ, та й дали ёму, на пе́рший разъ, шість карбо̀ванцівъ на доро́гу, бо вінъ вже йшовъ у *чи́сту*; а на більшъ – ще йде підпи́ска. Щи́ро принявся наро́дъ учи́тись; вже де́–яки, изъ ра́ньшихъ, почина́ють чита́ти Евангеліе, и ті манисенькі книжички́, що якъ мете́лики, летя́ть до насъ одъ п. Камінецького. Не зна́ю що́ дальшъ бу́де, а тепе́ръ ді́ло йде, якъ за водо̀ю; хто у́читця—радъ, та й хто у́че—радіе.

Про шко̀лу спершъ було́ поговóру нема́ло; теперъ вже ворожби́ти тро́хи вгамова́лись; ба́чуть, що нічо́го не вко̀ять, то ті́льки гарча́ть. Вже й жидиня́та почали́ ходи́ть учи́тись гра́моти, а на́ші щи́ро і́мъ помага́ють, и зъ ла́скою до нихъ. Я, першъ, опа́сувався, щобъ наші хлопця́та не обіжда́ли́ і́хъ, на–щотъ *са́ла, га̀менового у́ха* и ще́ – де – чого, – ажъ ні: нау́ка здружи́ла й зъедна́ла усіхъ. Жаль ті́льки, що учителі́ пристаю́ть: — изъ 17, що записа́лись, навря́дъ чи й сімъ наберéтця, котрі бъ ходи́ли рядъ-у-рядъ; а наро́ду все бі́льшъ и бі́льшъ прибува́е... Та вже жъ *Богъ не безъ ми́лости, коза́къ не безъ до́лі*!—поба́чимо...

Въ *маї* жъ, були́ ви́брані Мирові Посере́дники: все лю́ди го́жи,— молоді́, трудя́щі; а що всёго кра́ще—и наро́ду и па́нству лю́бі. Неха́й же мирую́ть на здоро́вья!

Въ *іюні*, ви́брали ново́го Предводи́теля: ждуть одъ ёго бага́то хоро́шого... Тежъ, и Петрівська я́рмарка обійшла́сь не безъ поговò-ру: шарпани́ни — сіллю, полотно́мъ, горшка̀ми, лопа́тами, діжка̀ми и

другимъ де́-чимъ и де́-кому—було́ дово́лі!. И чого́ бъ тутъ, здае́тця, дивова́тися? Діло обича́йне... такъ ні! наро́дъ свое́ товче́... аджѐжъ олі́і не ви́товче?..

Явлѐннє *мітли* на не́бі, або то коме́ти, якъ вче́ні лю́ди зову́ть іі, тежъ дало́ по́суду нема́ло; москалі угадували́, що мітла̀ мабуть — чі не къ войні́ зъ ту́ркомъ?—козацство—чі не змете́ вона́ окружни́хъ?—паньщена́ — що вона змітае крепа̀цтво; де́-яки пани́—що бу́де страшни́й судъ, *якъ віщова́ли, той рікъ, въ Моско́вськихъ Відомостя́хъ;* судові́ — чі не віщуе́ вона́ зоста́тись і́мъ за шта́томъ?.. одні жидки́ мо́вчки погляда̀ли на мітлу́, та мета̀рились, де-бъ, набіръ, закупи́ти у панівъ шлёнську во́вну, що бъ мерщій пха́тись на Иллі́нську я́рмарку, въ Полта̀ву.

Въ пе́ршихъ дняхъ *ію́ля*, зновъ, у Хоро́лі, нови́нка: въ го́роді, незабаро́мъ після́ полу́дня, найшли́ 80-ти лі́тню ба́бу-удову́, въ іі́ жъ ха́ті, зъ розби́тою голово́ю, двома̀ узла́ми заду́шену, и зъ потро́щеними ре́брами... Скри́ня, що стоя́ла въ хаті, розби́та, и все добро́ пороски́дувано: мабу́ть шука́ло гро́шей... Покі́йна бабу́ся на-видъ здава́лась літъ 50-ти; була́ хазя́йлива, заможне́нька и прівітна до всіхъ; синівъ жини́ла и зроби́ла хазяіна́ми, та й ще ма́ла худо́би чима́ло: ха́ту зъ хи́жею, комо́ру до́бру, млинъ, весе́лий двіръ, огоро́дъ хоро́шій, садо́къ вишне́вий, — та й, окро́мъ сёго, на̀йдено въ неі́ грошеня́тъ карбо́ванцівъ сотъ чоти́рі, и всёго добра́ дово́лі, та, мабу́ть, не дано ій до́лі вме́рти якъ слідъ,—по зако́ну христія́нському: найшла̀сь рука́ га́спіда, що закри́ла старі́ о́чі обу́хомъ, та петле́ю... а хто́ той га́спідъ—ще не зна̀ють.

А оце́, на тій же неді́лі, друга нові́на: рознеслась чу́тка, — що розбира̀тимуть містъ, котри́й стоі́ть въ го́роді, черезъ яръ, на шляху́ изъ Лубень,—відкіля́ теперъ і́де вся я́рмарка на Иллінську, въ Полта́ву, изъ Київа, Воли́ні и геть-ге́ть да́льнёго, рідного намъ Га́ліча... Якъ-то-сь ни́шкомъ пове́дено та́къ, бу́цімъ *містъ* той *нікче́мний* й що *тре́ба ёго́ ла́годити*; назна́чили зе́мського ко́шту *600 карбо́ванцівъ*; вже *й жидъ підряди́вся*, такъ-що, въ го́роді, ніхто не сподіва́вся й га́дки не мавъ, що те́е затіва́етця... Якъ прочу́ли жъ про се́ горожа́не, та второ́пали, що я́рмарка по уса́мъ про́йде, а въ ротъ не попаде́, то за́разъ грома́дою и ки́нулись зъ пісьмо́мъ въ Полта́ву: що *містъ* ще *до́брий*—що ще *літъ пьять просто́іть*, а *раштова́ння коло нёго* бага́то якъ *на три карбо́ванці*; то й одвала́ли: *зоста́вся містъ годя́щимъ* — на я́рмарку... а да̀лі—хто

ёго зна, що бу́де? — мо́же—таки́ й лу́сне 600 карбо́ванцівъ на по́стукъ....

Отъ—таке́-то, якъ ба́чете! И у насъ, въ Хорбо́лі, е́ надъ чімъ поду́мати... Се въ усе́ дія́лось ті́льки въ го́роді, а въ уі́зді? — та й що́ каза́ти!—не перегово́ришъ и за ти́ждень петрівській! Бу́демо жда́ти, що то вдіе небе́сна мітла́, либо́нь-то коме́та, що пішла́ відъ насъ на полу́нічъ?..

12 іюля 1861 року.

Модестъ Димський.

ЧТО́ ОБЪ ЭТОМЪ ДУМАТЬ?

Письмо къ редактору изъ Кіева.

(7 іюля 1861.)

Обращаюсь къ вамъ съ просьбою о помѣщеніи настоящаго возраженія, вынужденнаго несправедливымъ и крайне-вреднымъ пристрастіемъ польской журналистики, которая, въ отношеніи къ южно-русскому краю, позволяетъ себѣ выходки самыя непростительныя и самыя обидныя для насъ—жителей Украины. Представляю вамъ два весьма разительныхъ примѣра: пусть изъ этихъ данныхъ сами читатели выведутъ свое заключеніе и произнесутъ заслуженный приговоръ. За все сказанное я принимаю нравственную отвѣтственность *на себя*, и прошу заявить объ этомъ въ *Основѣ*, на которую, безъ-сомнѣнія, кое-кто разсердится.

Въ апрѣльской книжкѣ «*Варшавской Библіотеки*» (Biblioteka Warszawska), въ отдѣлѣ *литературныхъ извѣстій*, сообщается объ изданіи г. Маріяномъ Горжковскимъ *въ типографіи Propagandae fidei, въ Римѣ*, двухъ повѣстей изъ *Украинской* жизни, писанныхъ отчасти по-польски, отчасти по-русски; объ повѣсти, по словамъ «Библіотеки Варшавской,» преисполнены эрудиціи *греческой, римской и еврейской* (?!) и имѣютъ благую цѣль — объединить, обобщить, на основаніи древнеклассическихъ цитатъ, интересы польской шляхты съ интересами нашего южно-русскаго народа. Такъ-какъ вышеупомянутыя повѣсти здѣсь еще не появлялись, то для насъ становится невозможнымъ указать: какія именно мѣста Софокла, Квинтиліана или Соломоновыхъ Пѣснопѣній въ состояніи доказать тож-

дественность интересы польской и католической съ народомъ южно-русскимъ и православнымъ; поэтому, предоставляя разгадку этой задачи пророческому вдохновенію любого отца іезуита, обратимся къ дальнѣйшей части упомянутаго сообщенія.—Въ немъ находится еще слѣдующая замѣтка о трудахъ г. Горжковскаго:

«Въ прошломъ году, редакція «Библіотеки Варшавской» получила «отъ г. Горжковскаго важныя извлеченія изъ Ватиканскаго архива «относящіяся къ исторіи Украины, особенно же къ личности Богдана «Хмельницкаго,—личности, изъ которой писатели малороссійскіе сдѣ-«лали народнаго героя, между-тѣмъ какъ это былъ лишь предводитель «разбойничьей сволочи,—человѣкъ безъ всякой мысли и вѣры, бандитъ, «который, для достиженія своихъ цѣлей, готовъ былъ принять любое «вѣроисповѣданіе, даже магометанизмъ.—По причинамъ, независящимъ «отъ редакціи, мы не могли напечатать этихъ важныхъ документовъ, «но тѣмъ-не-менѣе они проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія Укра-«ины къ Польшѣ. Со-временемъ истина откроется, и тогда писатели «малороссійскіе перестанутъ извращать историческую истину и фа-«натизмъ ихъ погаснетъ. Тогда Богданъ Хмельницкій — этотъ мни-«мый герой, этотъ ратникъ вѣры и свободы, которому они готовы «воздвигать памятники, предстанетъ въ дѣйствительной своей роли ата-«мана украинскихъ разбойниковъ.—Со-временемъ только, повторяемъ, «выяснятся обстоятельства, омраченныя теперь недобросовѣстностью «и страстями.»

Оставивъ въ сторонѣ площадной тонъ и ругательства этой статейки, вовсе несвойственныя историческому безпристрастному взгляду и серьёзной критикѣ, постараемся (хоть это, впрочемъ, нетрудно) объяснить цѣль, съ которою всѣ подобныя выходки появляются въ нѣкоторыхъ польскихъ журналахъ.

Еслибы пишущими руководило желаніе раскрыть научную истину, то, разумѣется, они-бы принялись за дѣло похладнокровнѣе, стали-бы разработывать источники и представили-бы для науки неопровержимыя данныя своихъ изслѣдованій, и уже потомъ выводили-бы изъ нихъ сужденія объ общемъ характерѣ исторической дѣятельности въ ту или другую эпоху, объ общемъ значеніи той или другой исторической личности. Между-тѣмъ, довольно взглянуть хоть на вышеприведенный отрывокъ, чтобъ убѣдиться, что тутъ дѣло вовсе не въ историческомъ изслѣдованіи:—авторъ, вмѣсто представленія источни-

ковъ, *хвалится* только, что они у него есть въ рукахъ, требуя въ этомъ отношеніи безусловнаго къ себѣ довѣрія и, вмѣсто оцѣнки этихъ источниковъ, сообщаетъ только то, что они присланы г. Горжковскимъ и что выписаны изъ Ватиканскаго архива; зато, по великодушію своему, не скрываетъ результатовъ, добытыхъ имъ-самимъ, въ тищи кабинета, изъ этихъ неподдѣльныхъ источниковъ — результаты же являются въ видѣ пасквильной брани на мертвыхъ и живыхъ!

Причина, вызвавшая такую странную методу историческаго изслѣдованія, проста:—этимъ публицистамъ хочется доказать невозможное, а именно, что край, лежащій между Карпатами и рр. Вепржемъ, Припятью и Днѣпромъ, и теперь и искони былъ край польскій; но извѣстно, что простымъ, научнымъ путемъ не докажешь невозможнаго, ни очевидно-ложнаго положенія, — поэтому необходимо прибѣгнуть къ суженіямъ a priori, да къ брани, вмѣсто доказательствъ. Попробуйте начать съ ними полемику, у нихъ никогда не окажется недостатка въ такого рода доказательствахъ; такъ, если вы укажете въ прошедшемъ фактъ борьбы всего народонаселенія южно-русскаго съ польскою шляхтою, то вамъ скажутъ, что все это народонаселеніе было не что иное, какъ сволочь, бродяги, разбойники, бандиты,—что *людьми* на Украинѣ въ то время должно считать только шляхтичей, гнавшихъ на панщину да сажавшихъ на колъ всю эту сволочь,— насиловавшихъ женъ и дочерей этихъ бандитовъ,—глумившихся надъ вѣрою и обычаями этихъ разбойниковъ. Если кто-нибудь осмѣлится взглянуть на прошедшее съ иной точки зрѣнія, представить статистику края или издать акты, несовпадающіе съ цѣлью и взглядомъ этихъ господъ, тотъ, разумѣется, въ ихъ глазахъ—мечтатель, фанатикъ самый безсовѣстный, человѣкъ подкупной, издающій фальшивые акты и т. п. Такъ недавно нѣсколько польскихъ журналовъ обвинили въ подлогѣ всю *Кіевскую коммиссію для разбора древнихъ актовъ*, единственно за то, что коммиссія обнародовала акты, доказавшіе отдачу церквей въ аренду жидамъ, вмѣстѣ съ правомъ смертной казни надъ крестьянами. Напрасно коммиссія, указывая подлинники, объявила, что она открываетъ къ нимъ каждому свободный доступъ: она считается тѣмъ виновнѣе, потому, что акты, неправящіеся польскимъ публицистамъ-фанатикамъ, не должны были и существовать въ архивѣ; если же они существуютъ, такъ развѣ изданіе ихъ не доказываетъ, что коммиссія руководствуется самымъ недобросовѣстнымъ фанатизмомъ?!—Отчего-бы членамъ коммиссіи не обратиться лучше за актами въ Ватикан-

скій архивъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ редакцію «Библіотеки Варшавской»: тамъ-бы они нашли настоящіе акты, тамъ бы имъ объяснили, что всё, что̀ ни существовало на Руси, существовало или въ католическо-шляхетскихъ формахъ, или же было разбоемъ, беззаконіемъ, историческою аномаліею, подлогомъ, чѣмъ-то незаслуживающимъ ни малѣйшаго вниманія, а въ доказательство, къ вящшему убѣжденію, г. Горжковскій приведетъ цитаты на всѣхъ древнихъ языкахъ, какъ знакомыхъ, такъ и незнакомыхъ ему-самому!

Да, г. Горжковскій лице давно извѣстное своею добросовѣстностію, въ подтвержденіе чего мы можемъ сообщить многознаменательные факты изъ его біографіи. — Нѣсколько лѣтъ назадъ, г. Горжковскій былъ учителемъ въ Черниговской гимназіи. Заявивъ о желаніи своемъ научно разработать исторію Малороссіи, онъ успѣлъ выхлопотать право заниматься во всѣхъ монастырскихъ библіотекахъ кіевской митрополіи и пересматривать всѣ находящіеся въ ея предѣлахъ церковные архивы.— Изъ собственныхъ словъ г. Горжковскаго, мы знаемъ, какъ онъ воспользовался этимъ позволеніемъ: то по довѣрію иноковъ, то подъ видомъ лица, будто бы присланнаго митрополитомъ Филаретомъ, частнымъ образомъ, для повѣрки состоянія монастырей, онъ присвоивалъ себѣ все, что̀ относилось къ исторіи края и къ его сношеніямъ съ Польшею. Мы видѣли у него огромное собраніе древнихъ актовъ, изданій Кіевской академіи, церковныхъ книгъ и т. п.—Спрашивается, съ какою цѣлью была сдѣлана вся эта коллекція?—Г. Горжковскій не издалъ изъ нея никакихъ извлеченій, не сдѣлалъ ее доступною публикѣ и даже *частнымъ знакомымъ* не позволялъ заняться собранными имъ матеріалами,—онъ ее упряталъ такъ, что и слѣдъ простылъ... а вѣроятно были въ ней вещи не ватиканскаго свойства... Такого добросовѣстнаго дѣйствія, вѣдь, не постыдился-бы любой фанаріотъ, безчинствующій въ Булгаріи, съ цѣлью уничтожить всѣ древніе памятники исторіи и литературы края. Въ заключеніе, *г. Горжковскій* уѣхалъ за границу, и *въ Римъ*, въ прошломъ году, *поступилъ въ іезуитскій монастырь*; тогда, движимый, должно-быть, угрызеніемъ совѣсти, онъ рѣшился возмѣстить утащенные имъ памятники изъ нашихъ церквей и монастырей, другими, вѣроятно — болѣе подлинными и достовѣрными, которые онъ отыскалъ, или, можетъ быть, и предугадалъ въ Ватиканскомъ архивѣ. (Вѣдь благочестивые отцы Societatis Jesu—мастера предугадывать даже небывалое, если только это имъ выгодно). Послѣ всего сказаннаго, можно-ли сомнѣваться въ

добросовѣстности трудовъ г. Горжковскаго и въ безпристрастіи «Библіотеки Варшавской?»

А вотъ другой фактъ, не менѣе ясно доказывающій ту умѣренность, то стремленіе къ безусловной истинѣ, въ недостаткѣ котораго польскіе журналисты упрекаютъ южнорусскихъ историковъ и, вообще, авторовъ всѣхъ ненравящихся имъ сочиненій. Въ *Польской Газетѣ* (Gazeta Polska), въ концѣ мая или началѣ іюня настоящаго года, кіевскій корреспондентъ этой газеты, сообщая о провожаніи черезъ Кіевъ тѣла Тараса Шевченка, передалъ совершенно-ложно всѣ подробности этого грустнаго обряда. Мы готовы были его ошибки, довольно впрочемъ непростительныя мѣстному корреспонденту, приписать незнанію: но одна остановила наше вниманіе, — онъ гласилъ, что панихида надъ нашимъ народнымъ поэтомъ была отпѣта въ Кіевѣ въ *уніатской церкви;* всѣдъ затѣмъ, въ одномъ изъ послѣдовавшихъ номеровъ, каневскій корреспондентъ той-же газеты, извѣщалъ о погребеніи тѣла его въ Каневѣ, и опять является извѣстіе, что панихида была отпѣта въ *каневской уніатской церкви;* наконецъ, въ послѣднихъ числахъ кіевскій корреспондентъ опять сообщаетъ о похоронахъ въ Кіевѣ, въ уніатской-же церкви, г. Пихилевича, и т. д.— Такъ-какъ намъ, жителямъ южнорусскаго края, очень хорошо извѣстно, что у насъ вовсе нѣтъ уніатскихъ церквей; такъ-какъ, съ другой стороны, не возможно допустить, чтобы мѣстные корреспонденты ошибались въ этомъ отношеніи, то, въ настойчивыхъ намекахъ на мнимыя уніатскія церкви, нельзя было не видѣть преднамѣренной неправды, порожденной скрытною мыслью католическаго прозелитизма. Полагая однако, что вымыселъ этотъ есть достояніе кіевскихъ корреспондентовъ, мы обратились въ редакцію Польской Газеты, — и указавъ на ошибки менѣе значительныя въ статьѣ о похоронахъ Шевченка, мы потребовали гласной поправки насчетъ уніатскихъ церквей. ...И вотъ-что намъ отвѣчала редакція въ 152-мъ номерѣ *Польской Газеты:*

«Мы благодарны вамъ за вашу поправку насчетъ погребенія «Тараса Шевченка. Относительно названія церкви, въ которую было «принесено тѣло покойника, мы не считаемъ для него обиднымъ, ес«либы даже было такъ, какъ сообщилъ нашъ корреспондентъ: это не«только не бросаетъ никакой тѣни на покойника, а напротивъ (*i ogr«szem*)... Въ нашемъ изданіи, вы найдете намеки, доказывающіе, что «мы сознаемъ артистическое и поэтическое значеніе Шевченка; стран-

«но, какъ въ нихъ можно было усмотрѣть поводъ къ отзыву, при-«дающему такое значеніе совершенно-невинной и дружелюбной коррес-«понденціи.—Впрочемъ, не всѣ мы на столько озабочены покойни-комъ, чтобы заниматься такими подробностями.»

Можемъ, съ нашей стороны, увѣрить достойную редакцію, что мы вовсе не желали расположить ее въ пользу покойнаго нашего Кобзаря, и еслибы она совсѣмъ умолчала его имя, мы бы отъ это-го ничуть не пришли въ отчаяніе. Но такъ-какъ ей угодно было ве-ликодушно обратить вниманіе на его артистическое значеніе, то ей слѣдовало или совершенно удержаться отъ дальнѣйшихъ подробностей, или передать ихъ вѣрно, но ужъ никакъ не представлять ложныхъ фактовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что предметъ, о которомъ она из-вѣщаетъ, мало ее занимаетъ. Наконецъ, мы просили-бы редакцію объ-яснить сказанное ею «*і owszem*»... Неужели она думаетъ, что сдѣ-лала честь покойному поэту, пожаловавъ его за артистическое дара-ваніе въ *уніаты*?!.. Если такъ, то она непростительно-грубо за-блуждается: принятіе уніи, въ сознаніи украинскаго народа, происхо-дило или вслѣдствіе католическаго насилія, или служило признакомъ отступничества отъ всего того, что̀ считалось нравственнымъ достоя-ніемъ народа. Тарасъ Григорьевичъ не былъ жертвою перваго, а вто-раго и враги не осмѣлятся приписать ему. Кого же хотѣла обма-нуть редакція, упорно настаивая на томъ, что церкви въ нашемъ краѣ не православныя, а уніатскія, между-тѣмъ какъ несомнѣнно ей самой извѣстно, что, за исключеніемъ Галиціи и Русинской части Люблинской губерніи, уніатскихъ церквей и уніатовъ на Руси нѣтъ нигдѣ, и, слѣдовательно, имъ не откуда взяться ни въ Кіевѣ ни въ Каневѣ. Если эти намеки объ уніи относятся къ намъ, — они напрасны: ни къ уніи, ни къ падающему, по нравственному безсилію (не-смотря на всѣ іезуитскія усилія) папизму, мы не имѣемъ, да и никогда не имѣли, влеченія; напротивъ, мы хорошо помнимъ, сколько крови пролилъ нашъ народъ и сколько обидъ онъ претерпѣлъ отбиваясь отъ уніи въ теченіи двухъ столѣтій! Если-же эти намеки написаны для удовольствія нѣкоей публики, съ цѣлію убѣдить ее въ томъ, что мы или Уніяты de facto, или стремимся къ Уніи, или по крайней-мѣрѣ стремились къ ней въ лицѣ нашего вдохновеннаго поэта, то это трудъ еще болѣе напрасный. Къ чему *напускати ману?* вѣдь-же прій-дется когда нибудь разъубѣдиться, и отъ временнаго обольщенія нав-рядъ-ли будетъ нравственный или вещественный выигрышъ...

Взамѣнъ за учтивости, почтенной редакціи, мы можемъ отплатить ей однимъ совѣтомъ, а именно: просимъ ее хорошенько подумать надъ глубокой правдой одной изъ нашихъ народныхъ пословицъ: «*Брехнею світъ перейдешъ, та назадъ не вернесся*». Намъ кажется, что вельможная шляхта совершила уже одинъ — помянутый пословицею—путь подъ предводительствомъ іезуитовъ. Неужели она захочетъ возвращаться по той-же дорогѣ? Если такъ, то намъ остается еще разъ предостеречь ее словами той же пословицы: «*назадъ не вернесся*!..»

Владиміръ Антоновичъ.

ИЗЪ СЕЛА ТОВКАЧІВКИ, ПІДЪ Г. ПРИЛУКОЮ.

Якъ тілько люди почули въ церкві волю, заразъ почли рядить, судить, яке-то теперъ уже буде житте вольнимъ людямъ: чи хоть трошки посолодшае іхъ гірка доля. Діти поспішали до батька-матері, кумъ до кума, сусідъ до сусіда; тілько, — казали люде,—безрідний той Иванъ, якъ бобиль у полі, ні до кого не йде, ні съ кимъ не розмовляе о своій гіркі долій. Ёго и воля не дуже звеселила. Ёму у пана добре жилося, бо панъ бувъ ёму якъ рідний батько: чи прикажчикъ почне дуже налягать на Ивана безрідного, то панъ и заступитця, чи такъ які недобрі люди почнуть смикать бідного сироту, то знова панъ и пожаліе Ивана. Добрий бо бувъ да розсудливий панъ у насъ: гріхъ сказать! Одъ такого пана не хочетця и людямъ одходить; иншому, мабуть, не краще буде и у волі. Отъ такъ-то, кажу, почали судить, рядить: розумні люди виказували свої мислі, а другі слухали, да навчались; до сіёі жъ челяді пристававъ и я, бо я и недуже смишленній и язикъ у мене, часомъ, якъ той пень—не повернетця...

А чужі речі слухать я дуже люблю, и для сёго частенько навідуюсь у шинокъ: бо дé більшъ, у насъ на селі, почуешъ людей, якъ не въ шинку? Тутъ, правду-сказать, дé чого й пустóго паслухаесся, да то вже тогді, якъ дуже підіпьють и розходятця; покіль же ще всі тверéзі, то иноді багацько де-чого доброго почуешъ. Да не все жъ и пьяниці въ шинку. Одні приходять сюди побачитись зъ добрими людьми, да побалакать, а другі—такъ, якъ оце й я—щобъ послухать розумнихъ людей и почуть щò робитця у світі. Бачите—у насъ на селі нікуди більшъ и збира-

тися людямъ для розмови. Добре, що у васъ тамъ—по великимъ городамъ да по столицямъ—есть, кажуть, якісь *клубки*, де о политиці розмовляють... Сёго у насъ немае, — такъ ми збіраемось у шинокъ, де побачився зо всякимъ. А, мабуть, воно такъ уже Богъ создавъ чоловіка, що ёму не можна довго безъ людей бути: все шукае собі челяді, де бъ и другихъ почувъ и собі вкинувъ яке словечко. Се й учені знають; бо наука імъ указуе все: якъ и земля крутитця, якъ и вітри віють. Чи нашъ братъ селянинъ дійшовъ би до такоі мудрости? Ні за́ що, мабуть! чудасія да й тілько, щобъ оце сказать що земля навкруги́ сонця вертитця... а учені кажуть що вертитця: отъ же й маішъ імъ віру,—бо вони багацько знають, чого ми не розуміемо. Хай же імъ Богъ помага, а чрезъ іхъ и насъ навчить!

Оттакі-то речі чувъ я підъ шинкомъ. Щобъ ви знали суждіния и нашого брата, щобъ знали, я́къ де які зъ насъ приняли волю, и чого вони ждуть одъ неі, и що́ думають сами робити, якъ будуть вольні,—я оце здумавъ вамъ те списати. Просимо тілько не поскучать: я́къ и що́ чувъ самъ, те саме и вамъ оповідаю.

«Здорові були, люде добрі!» почавъ Остапъ, підійшовши и къ шинку до челяді.

— Здоровъ, здоровъ, озвались зо всіхъ кінцівъ: всі почитали Остапа, бо вінъ чоловікъ дуже розумний и розсудливий, да ктому жъ ще загумений и заможний чоловікъ.

«Объ чімъ ви, братці, балакаете? Може про волю? Теперъ тільки й чутка, що про волю, да про волю. Вона понудила-таки и нашого брата взятись за свій розумъ: чужимъ розумомъ въ люди не вийдешъ;—прийшовъ часъ, що *жить—не вола́ корми́ть*. Самому треба всёму давать пораду; а безъ того—пропадешъ.»

— Се, мабуть, таке вже время настало, Остапе,—озвавсь Петро—чоловікъ тежъ бувалий и дуже розбитний: *всякъ Еремій свое розумій*. Теперь усякъ довженъ устроіть свою судьбину. Хто міцніший, да роботящий, той не згине,—той найде собі свою доріжку; а хто дурень, або лежень який, тому, мабуть, частенько прийдетця сидіть безъ шматочка хліба. Да ще добре якъ вінъ одинъ; а якъ у ёго ще есть сімья? Пропаща и сімья зъ такимъ! То було хоть панъ приневолюе такихъ лінивихъ до діла, да й сімьі бідноі не оставить; теперъ хто? Всякий думатиме объ собі.»

— Такъ! воно теперъ — перебивъ Петра Михайло — треба кожному держать ухо на сторожі. Охъ! багацько треба подумать, а потімъ

щиро приняться за діло, щобъ придбать хоть маленьку худобу. А безъ праці пропадешъ — и ти, и сімья.

«Да сёго жъ ще й мало» зновъ озвався Остапъ. Теперъ більшъ и потребують одъ насъ. Хочуть изробить зъ насъ розумнихъ людей; на́ що, кажуть, требоватимуть, щобъ всюди були школи и щобъ всякий оддавъ туди своіхъ дітей для грамоти. Тогді вона и намъ очі розкрие!»

«Да розкрить – то, розкрие, — заговоривъ почухавшись Стёпка (що бувъ колись лакеемъ у дворі) да, мабуть, та наука и біди багацько наробить. Тогді, мабуть, треба буде попрощатись зъ своею спокійною жизню. Розуму,—чувъя не разъ одъ ученихъ,—ніякъ не можна здоволнить, наче якого прожору, що вінъ все івъ би и не наівся. А якъ почне, кажуть, мудрить вінъ, якъ тілько ёго розбудишъ, то и Бога не чтить и людей не боітця. Да хиба жъ ви не подмічали, які бувають еретики?.. Прийде въ церкву, (якъ то ще коли – не – коли прийде!) стоіть якъ пень, и не перехриститця. А одъ чого? Каже: цилизація не позволя, — політика того требуе: не въ моді, бачъ! Да якъ би ми знали що розумъ коіть на білімъ світі, то, ій–Богу, одказались би одъ ёго!»

«Постривай-лишень, постривай! — перебивъ Степку Остапъ. Ти вже щось дуже на розумъ напався? Ти подивись на ёго и зъ другого боку, а не все гледи зъ одного... Само – собою розуміетця, все стане погане у дурнихъ рукахъ. Хиба жъ зъ нашого брата не мае такихъ що ходять до церкви за тимъ тільки, що другі ходять? Се, Стёпка, зовсімъ не одъ розуму! Худі люде розумомъ хочуть тілько покрить свое нечисте и недобре серце, а одъ серця усе и добре и зле. Тілько хиба та розниця межъ розумнимъ и дурнимъ, що розумній, котрий мае серце добре, здужае більше зробить добра и собі и другимъ, ніжъ дурень зъ добримъ серцемъ; и навпроти: одъ розумного та злого чоловіка тілько держись! Вінъ токо́го накоіть и проти Бога, и проти людей, да ще й оправдаетця: якъ соколъ чистий стане. Дурень же, хочь и злий, не багацько навредить, да и поймаетця заразъ.—Такъ-то Степане! Понапрасну ти осудивъ розумъ! Одъ ёго багацько людямъ пользи, коли вінъ добре вигостренний. На що жъ би Богъ и давъ ёго людямъ, якъ не на те́, щобъ вони умножали все добре своіми трудами, и черезъ те пособляли бъ безбідно жить и собі и другимъ? Ти не бачишъ въ розумі нічого доброго, а не вінъ же хиба зробивъ тобі сокиру, серпъ, або косу, безъ чого не було бъ у тебе ні хати, ні хліба? Не вінъ-хиба

давъ тобі плугъ, безъ котораго ти и за всю весну и за всю осень не скопавъ би заступомъ твоеі ниви? Чи безъ розуму пошивъ би ти шапку, свиту, чоботи, сорочку, щобъ ти не бувъ и голий, и холодній! Чи не вінъ зробивъ людямъ млинъ, де або вода, або коні, або самъ вітеръ дае тобі муку? Охъ, багацько, Степане, багацько розумъ робить на світі чудасій такихъ, котрихъ ми ще й не знаемо, и все-то на помічъ чоловікові. Ти жъ самъ бачивъ въ паньскій клуні молотилку, що разомъ и молотить, и віе и оббірае полову. А хто її зробивъ? Мабуть не такі дурні, якъ ми зъ тобою. А подивись, яка одъ неі польза! Тиждень цілий, мабуть, треба у-трохъ, або й більшъ, молотить стілько кіпъ хліба, скілько вона сама, безъ усякого нашого труда, измолотить тобі и перевіе? Скажи жъ самъ теперъ, чи жъ розумъ не стоіть того щобъ ёго почитать и до ёго добуватьця? А подивись на ёго ще съ другого да съ третёго боку,—такъ и станешъ прохать Бога милосердного, щобъ вінъ не перестававъ пособлять усімъ розумнимъ да роботящимъ людямъ. Тогді не скажешъ: «ій Богу, одказався бъ одъ розуму!» а ще моливъ би Бога щобъ вінъ и тебе не обділивъ сімъ неоціннимъ даромъ!

— Да годі вже вамъ споритись за розумъ! — сказавъ Кузьма-мирошникъ, уставши зъ колоди, потягуючись. Почали волею, а кончили онъ чимъ! Те ще далеко! вернітця знова до волі, да подивітця хорошенько, чого вона одъ насъ заразъ потребуе; а те, що буде ще,— те, Богъ знае, якъ ище буде: може до того чи й доживемо?

« А чого жъ вона требуе одъ насъ?» одвітивъ Кузьмі Остапъ. «Першъ усёго треба, якъ и батюшка говоривъ у церкві, щобъ люди меньшъ пили горілки, а коли можна, дакъ и зовсімъ її покинули да не лінувались, а щиро принялись за роботу; бо теперъ кожний довженъ устроіть свое нове житте. Кожний довженъ подумать, що теперъ вінъ вольний чоловікъ; що самъ довженъ одягти и прокормить и себе и сімью. Уже теперъ ёму треба не аби-яке хазяйство, бо изъ дурного хазяйства не дуже потягнешъ...»

— Правда, правда!—загомоніли люде....

«Отъ добре теперъ парубкамъ, да хлопцямъ!» озвавсь дідъ Уласъ. «Парубкамъ затимъ, що вони, якъ захотять такъ и пристроять себе, и сили у іхъ ще свіжі да кріпкі, да значалу воно все охітнійшъ робитця; а намъ старимъ людямъ—аби віка дожить; хоть добре, хочъ недобре, а не хочетця якось покидать того, съ чимъ сжився и до чого привикъ. Хлопцямъ же ще краще, затимъ, що вони не дознались

ще ні нашої неволі, ні нашого горя. Вони теперъ наче народились на новий вольний світъ: куди зхотять—туди й повернуть свою доріжку. Имъ и въ яке-небудь ремество можна пуститьця: хто въ шевці, хто въ кравці, хто въ столярі, а хто ще куди-небудь; и грамота, мабуть, уже не втече відъ іхъ. Я вже самъ старий, а радію хочъ за своіхъ онуківъ. Колибъ хоть вони, моі курупьятка, не знали нашого горя! Нехай щасливійше проживуть свій вікъ, нижъ ми!..»

Довго ще балакали добрі люди объ волі, да—те перекажу другимъ разомъ.

Павло Ромашка.

СОРТИРОВКА ЛЮДЕЙ ПРИ ВХОДѢ ВЪ ЦЕРКОВЬ (1).

До чего можетъ довести непониманіе должныхъ общественныхъ отношеній, нежеланіе или неумѣнье отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, до какого высокомѣрія, грубости и даже, можно-сказать, невѣжества, можетъ доводить привычка къ этой безотчетности, когда лицо о облечено будетъ какою-нибудь властію,—грустнымъ примѣромъ тому можетъ служить обычай сортировать людей при входѣ въ церковь,—операція, повторяющаяся всегда и вездѣ у насъ, при сколько-нибудь торжественномъ богослуженіи, до-того часто повторяющаяся, что даже не возбуждаетъ скандала, не ставится никому въ проступокъ, а признается самымъ-обыкновеннымъ, какъ бы законнымъ дѣломъ, не производя ни шума, ни особенныхъ заявленій.

Какими законоположеніями, соображеніями и, наконецъ, побужденіями руководствуются въ такихъ случаяхъ полицейскіе агенты, на которыхъ обыкновенно выпадаетъ у насъ доля сортировать людей для допущенія къ торжественному богослуженію? Какъ смотрятъ они при этомъ на народъ, на церковь? Любопытно было бы это разобрать, но

---

(1) Считаемъ весьма полезнымъ перепечатать настоящую статью изъ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника (№ 28), Читатели увидятъ, почему мы поспѣшили перенести её на страницы *Основы*: непремѣнное и полное уваженіе къ человѣку—безъ сортировки на большихъ и малыхъ, добрыхъ и злыхъ и проч.,—мы признаемъ первымъ и главнымъ началомъ общественнаго катихизиса; пока оно не войдетъ въ убѣжденіе и въ нравы каждаго, до-тѣхъ-поръ всякія другія идеи, преобразованія и стремленія, не много принесутъ пользы обществу.

трудно прослѣдить. Какъ посмотришь, иногда на нихъ вдругъ налетаетъ снисходительность и позволяютъ они кому-либо изъ простолюдиновъ, конечно очень смиренныхъ, униженно имъ кланяющихся, войти въ церковь; а то снова вдругъ дѣлаются не въ мѣру строги и даже слѣдующаго по пятамъ за человѣкомъ, только-что пропущеннымъ въ церковь, съ грубостью останавливаютъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ, локтемъ въ грудь, или какъ иначе, отсаживаютъ назадъ. Нерѣдко, уже ступившаго на порогъ церкви и уже занесшаго руку для крестнаго знаменія, прогоняютъ съ паперти безъ всякихъ объясненій. Все это такъ обыкновенно, дотого часто повторяется, что рѣдко кто изъ отогнанныхъ рѣшается возражать или заявлять свое право быть впущеннымъ въ церковь, по примѣру другихъ, не говорю—хорошо одѣтыхъ, въ нѣмецкое платье, но хоть по примѣру такихъ же какъ и онъ, одѣтыхъ въ тулупъ или *свиту*. Народъ, видимо, свыкся съ произволомъ, а быть-можетъ даже и воображаетъ себѣ, что власть и сила должны проявляться только такъ, а не иначе, въ видѣ всесокрушающаго урагана: налетѣть, повергнуть, сокрушить. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ всякое возраженіе со стороны простого человѣка было бы напрасно: оно бы ровно ни къ чему хорошему не повело, развѣ къ новому толчку и къ новому, грубо выраженному, вопросу: «Куда лѣзешь? Пошелъ, тебѣ говорятъ!» Еслибы даже удалось какимъ-нибудь образомъ заслужить милость стражей, находящихся у входа въ церковь, кто ручается, что столь же снисходительны будутъ другіе агенты, которые находятся внутри самой церкви? Вѣдь каждый простолюдинъ хорошо знаетъ, что и тамъ онъ не обезпеченъ отъ произвола, что и тамъ, если вздумается кому изъ полицейскихъ показать свою власть, ему и тамъ, энергическимъ, хорошо-знакомымъ жестомъ и особенно выразительною мимикой, а подъ-часъ и толчкомъ, могутъ указать двери, и волей или неволей, такъ или иначе, выпроводятъ изъ церкви. Опытъ грозный, не одного только года, доказалъ имъ, какъ мало нужно со стороны простолюдина, чтобы навлечь на себя гнѣвъ блюстителей тишины и порядка, и какъ много нужно потомъ униженія, просьбъ и моленій, чтобъ умилостивить гнѣвъ ихъ. Многіе, подпавъ подъ немилость, уже и не пытаются прибѣгать къ милосердію: такъ оно бываетъ рѣдко.

Предшествующія размышленія возбуждены въ насъ случаемъ, которому мы были очевиднымъ свидѣтелемъ. 2-го февраля въ нашемъ городѣ въ Срѣтенской церкви былъ храмовой праздникъ. Въ этотъ

день въ ней отправлялъ богослуженіе здѣшній преосвященный; вслѣдствіе чего и была, какъ водится, назначена туда полиція. Хотя тутъ почти самъ собою является неизбѣжный вопросъ: въ чемъ же должна состоять, при такихъ случаяхъ, обязанность полицейскихъ, какъ тѣхъ, что̀ стоятъ въ преддверьи церкви, такъ и тѣхъ, которые помѣщаются внутри ея?—въ томъ ли, вопервыхъ, чтобы при самомъ входѣ сортировать прихожанъ по платью (другихъ данныхъ для сортировки у полицейскихъ быть не можетъ), и вовторыхъ, въ самой церкви сортировать, кому, какъ и гдѣ стоять, и опять-таки сортировать по платью и наружнымъ знакамъ, потомъ сопутствовать, т.-е. прокладывать въ толпѣ дорогу болѣе или менѣе значительнымъ лицамъ? — или же, наконецъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ, т.-е. внутри церкви и внѣ ея, обязанность полицейскихъ—быть только для одного такъ-называемаго порядка, въ самомъ обширномъ и самомъ неопредѣленномъ смыслѣ этого слова, какъ, кажется, по большей части и понимаетъ его полиція?—но этотъ самъ-собою напрашивающійся вопросъ я рѣшать не стану, потому-что назначенію полицейскихъ чиновниковъ въ церковь я вообще не сочувствую; а не сочувствую потому, что присутствіе физической силы, каковою является полиція, считаю не совсѣмъ умѣстнымъ, тамъ въ особенности, гдѣ, предполагается, должны постоянно пребывать миръ и тишина, гдѣ каждому христіянину предлагаетъ церковь «всякое житейское отложить попеченіе.»

Понятно, что простой человѣкъ, какъ всякій труженикъ, радъ празднику болѣе всѣхъ. Изъ нихъ пожилые и религіозные, конечно, поспѣшили въ этотъ день отправиться въ церковь. Многіе изъ этого сословія, прихожане Срѣтенской церкви, считали за священную обязанность побывать въ своей церкви. Многіе, въ этотъ день, раньше прибытія полиціи, раньше перваго колокола, уже были на паперти церкви, и дожидались когда отворятся двери. Многіе, зная на опытѣ, какъ трудно бываетъ попасть въ церковь въ присутствіи полиціи, забирались туда спозаранку и заняли мѣста поудобнѣе, кто по уголкамъ, а кто и поближе къ клиросу, думая, что изъ церкви—то, конечно, ужъ ихъ не выгонятъ. Послѣдствія покажутъ, насколько оправдывались ихъ, въ этомъ отношеніи, совершенно-законныя ожиданія.

Подходя къ церкви, еще издали видѣлъ я, какъ у дверей ея молодой бѣлокурый парень, лѣтъ двадцати, одѣтый въ новый дубленый тулупъ, низко, въ поясъ, кланялся стоящимъ у дверей церкви десятскимъ.

— Пошелъ, пошелъ!—отвѣчали тѣ на его просьбу: —и безъ тебя тамъ тѣсно.

Я остановился. На паперти, изъ простонародья стояло уже нѣсколько человѣкъ обоего пола, все забракованные полицейскою стражей. Эти люди, непризнанные достойными быть въ церкви, видно было, съ завистью посматривали на счастливцевъ, которые при нихъ же были невозбранно пропускаемы въ церковь. Такъ прошла, шумя немилосердно платьемъ, въ огромнѣйшемъ кринолинѣ, барыня, а за нею гордою поступью и лакей ея; такъ прошелъ и господинъ какой-то, съ крестикомъ въпетличкѣ; такъ прошмыгнула и горничная дѣвушка, подъ опекой какой-то старушки-барыни; прошелъ, наконецъ, безпрепятственно и каретникъ-нѣмецъ, а русскому человѣку—(для кого же церковь?!) какъ ни сунется онъ, все одно: «пошелъ,» да «не лѣзь!»

— Да помилуйте! вѣдь вотъ же другіе идутъ,—почти завопилъ тотъ же парень, чуть-ли не десятый разъ отгоняемый отъ церкви.—Будьте ласковы, пропустите,—добавилъ онъ, пренизенько кланяясь десятскимъ.

— Да пропустите его,—вдругъ отозвался неизвѣстно откуда взявшійся высокаго роста квартальный, почему-то сжалившійся надъ мужичкомъ.

— Конечно, отчего и не пустить его,—сказалъ я квартальному, идя за парнемъ,—вѣдь и онъ хочетъ помолиться.

— Хочетъ!—повторилъ онъ, и обращаясь ко мнѣ добавилъ:—вотъ вы такъ говорите, а тамъ, послушайте—(при этомъ онъ указалъ на церковь)—тамъ совсѣмъ другое говорятъ.

— Да что вамъ смотрѣть на каждаго? вы исполняйте свое дѣло,—почти невольно отвѣтилъ ему я.

— Легко сказать — исполняйте!—замѣтилъ онъ, махнувъ рукой, какъ будто выразивъ тѣмъ всю невозможность такого исполненія.

И въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что полицейскіе чиновники, — я говорю о мелкихъ, — находясь въ совершенной зависимости отъ произвола или каприза начальника, не огражденные въ своихъ обязанностяхъ точными инструкціями, безпрестанно находятся въ отвѣтственномъ положеніи? Угодить каждому невозможно. Какая порча для нравственности чиновника, когда онъ долженъ постоянно приноравливаться, постоянно угождать, постоянно, какъ говорится, Богъ знаетъ для чего, лѣзть изъ кожи! Можно ли тутъ быть твердымъ въ исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей, когда зачастую должно толь-

ко улыбаться и кланяться высшимъ по чину и, какъ бы въ возмездіе за это, имѣть въ свою очередь право или безправіе вымещать горечь своего положенія на своихъ наименьшихъ братіяхъ? Болѣе невыгодную постановку даже придумать трудно, и должно сказать правду, нельзя не жалѣть тѣхъ, кого судьба обрекла на такое положеніе. Конечно, тѣмъ больше чести тому, кто съумѣетъ стать выше своего положенія, при всей его невыгодѣ, невольно влекущей къ униженію нравственнаго достоинства. Такихъ людей немного; да и можетъ ли быть много? Само общество уже заранѣе имѣетъ о каждомъ полицейскомъ извѣстное, далеко не почетное, мнѣніе. Человѣку образованному, вполнѣ-развитому, нужно имѣть много мужества и самоотверженія, чтобы вступить въ служебную сферу, пользующуюся—пусть даже и несправедливо — такою незавидною репутаціей; а тѣмъ болѣе нужно мужества честному человѣку, нужно ему почти быть героемъ, чтобы не искать возможности вырваться изъ этой сферы, гдѣ подвигъ такъ тяжолъ, а истинная оцѣнка, даже общественная, такъ недостижима.

Но если жалко положеніе полицейскаго, то не легче отъ того положеніе простолюдина, когда ему, за исключеніемъ развѣ кабака, почти нѣтъ мѣста ни въ какомъ общественномъ собраніи, а въ извѣстныхъ случаяхъ почти нѣтъ мѣста даже въ церкви! Куда ни пошелъ бы онъ, отовсюду—но за что́ же? онъ самъ того не знаетъ; неужели за то, что онъ мужикъ?—его отовсюду гонятъ. Пойдетъ ли онъ въ городской садъ въ праздничный день, тамъ тоже стоятъ у воротъ тѣ же блюстители чистоты и проч., и тоже не пустятъ. Да они и сами, т.-е. народъ, лишь только завидятъ полицейскихъ, не пойдутъ въ этотъ садъ. Въ театръ? но театры до сего времени не для народа строились: тамъ ему бывать не по карману, да опять и мѣста отведено въ райкѣ немного; значитъ не для народа. Общественныхъ собраній, чего-нибудь въ родѣ клубовъ для народа—объ этомъ многимъ покажется и говорить смѣшно. Что́жъ имъ остается дѣлать и гдѣ имъ быть въ праздничный день? Въ кабакъ, въ кабакъ!.. Оттого-то кабаковъ та́къ и много у насъ. Каждое общественное собраніе имѣетъ несомнѣнно свою нравственную, конечно не всегда выполняемую, цѣль; а тутъ, въ кабакѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль?

Въ день, который мы описываемъ, въ церкви оказалось вовсе не такъ тѣсно, чтобы была надобность возбранить дальнѣйшій приливъ народа. Дѣйствіе полицейскихъ служителей въ этомъ, какъ и во мно-

гихъ другихъ случаяхъ, было не что иное, какъ только одно *благое предусмотрѣніе*, преимущественно на тотъ случай, чтобы, при ненадобности, возможно было, для лицъ вліятельныхъ, свободно расчистить дорогу и, конечно, при этомъ кстати выказать и свою рьяность въ угодливости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя не сплошными массами, а кой-гдѣ, какъ рѣдкость, можно было замѣтить и простой народъ: можно было замѣтить и бородку, и даже нагольный тулупъ, вѣроятно изъ тѣхъ, что забрались сюда спозаранку. Мѣста было еще до-того достаточно, что я, безъ особаго усилія, могъ довольно свободно пробраться на середину церкви; тутъ только, въ-особенности около возвышенія, предназначеннаго для преосвященнаго, было значительно тѣсно, и то, вѣроятно, потому, что на это возвышеніе многіе желали вскарабкаться, чтобъ удобнѣе оттуда видѣть совершаемое богослуженіе. Нечего и говорить, что изъ числа добивавшихся занять мѣсто на возвышеніи не было ни одного простолюдина: простой народъ скромно стоялъ по мѣстамъ, которыя каждый занялъ, вѣроятно, еще съ самаго начала службы. Напротивъ, на возвышеніи было нѣсколько молодыхъ, такъ-называемыхъ *паничей*, большею-частію незначительныхъ чиновниковъ. Все говорило, даже самому неопытному глазу, что не пользовались они въ своемъ, быть-можетъ новомъ, чиновномъ положеніи, такъ-сказать на зарѣ чиновной карьеры, особыми благами міра сего. Все доказывало, что дорого досталось имъ право носить извѣстнаго вида *патріотку*, довольно сильно потасканную и вѣтромъ подбитую, взамѣнъ теплаго кожуха (тулупа), фуражку съ козырькомъ и, что́ важнѣе всего, со звѣздочкой, взамѣнъ прежней бараньей шапки; но, несмотря на то, они, видимо, гордились выгодами своего чиновнаго положенія и требовали у простаго народа преимуществъ даже въ церкви, грозясь, въ противномъ случаѣ, выгнать оттуда простолюдиновъ. Спросите: откуда такая рысь взялась, откуда могутъ приходить въ голову такія нелѣпыя мысли? на чемъ они могутъ основываться? Вопросы та́къ и возникаютъ. Неужели все зло сидитъ въ формѣ, въ этомъ наружномъ отличіи человѣка, въ той легкости, съ которою мы дѣлаемъ рѣшеніе о человѣкѣ по одному платью?

Въ церкви дѣлалось все тѣснѣе и тѣснѣе. Начали появляться и дамы, предводимыя офицерами, смѣло прокладывающими путь въ толпѣ. Кринолинамъ приходилось плохо: стѣсненные спереди и съ боковъ, они, силою пружинъ, вскидывались вверхъ, чуть не на го-

ловы рядомъ стоящихъ. Слышались остроты и жалобы на тѣсноту; кто порицалъ кринолины, кто ихъ обладательницъ. Конечно, во всякомъ дѣлѣ, возбудившемъ чье-либо негодованіе, виновные должны же быть. Но кто же бы могъ подумать, что и тутъ, какъ и въ большей части другихъ случаевъ, какъ въ баснѣ «Моръ Звѣрей», опять окажутся виновными люди самые смирные, менѣе всего причастные къ дѣлу, что и здѣсь окажутся виновными тѣ изъ присутствовавшихъ, которые были одѣты въ тулупы? Не знаю, былъ ли кѣмъ изъ господъ поданъ совѣтъ стоявшему въ церкви полицейскому чиновнику, или же ему самому пришла великолѣпная мысль поразчистить немного толпу и тѣмъ дать болѣе свободы для кринолиновъ, только слышу, что за мною кого-то спроваживаютъ; оглядываюсь: того самаго молодца, котораго такъ-недавно, съ такою трудностью впустили въ церковь.

— Пошелъ, пошелъ, безъ разсужденій!—говорилъ ему квартальный, осаживая его въ грудь рукой.

Тотъ, къ кому относилась эта рѣчь, хотя и неохотно, но повиновался: подавался назадъ, оглядываясь по сторонамъ, видимо ища въ комъ-либо защиты.

— Да смотри ты у меня,—продолжалъ тотъ же квартальный, грозя ему кулакомъ, отъ котораго тотъ еще сильнѣе долженъ былъ пятиться назадъ, — не останавливайся; а не то я тебѣ, знаешь?...

Бѣдный молодой человѣкъ вспыхнулъ; на лицѣ показалось что-то въ родѣ стыда. За кого онъ стыдился? Какъ хотите, для человѣка, привычнаго къ униженію, — стыдъ, и величайшій стыдъ — быть выведеннымъ, или, лучше-сказать, выгнаннымъ изъ церкви. Сотни глазъ были устремлены на него съ разныхъ сторонъ; каждый видѣлъ, что полицейскій грозился ему, велѣлъ выйдти ему изъ церкви; но за что, кто это зналъ, кто могъ слышать особаго рода грозный шопотъ полицейскаго? два-три близь стоящихъ человѣка, — для другихъ же изгнанный былъ преступникъ: ужъ не укралъ ли онъ чего?

Но вотъ, раздѣлавшись съ однимъ, квартальный принимается за другаго, тоже одѣтаго въ тулупъ: молча подходитъ къ нему, молча беретъ его сзади за шиворотъ и грозно, безъ словъ, однимъ жестомъ указываетъ на двери. Тутъ мнѣ невольно взбрела мысль: какимъ образомъ у насъ на Руси могла выработаться поговорка: «Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ?» Ужъ не изъ подобныхъ ли, часто повто-

рявшихся выпроваживаній народа изъ церквей? Выпроводивъ втораго, квартальный тоже дѣйствіе повторяетъ и съ третьимъ, все съ одинакимъ успѣхомъ: всѣ выпроваживаемые хотя удивлены и озадачены, но повинуются, и хоть медленно и потупя глаза, удаляются изъ церкви. И это неудивительно; но что удивило меня, такъ это то, что каждый новый такого рода поступокъ квартальнаго находилъ одобреніе и возбуждалъ смѣхъ и даже какую-то дикую радость—и въ комъ же? въ этихъ несчастныхъ, взгромоздившихся на возвышеніе *паничахъ*, все время, безнаказанно, въ виду того же полицейскаго чиновника, къ соблазну другихъ, смѣявшихся довольно-громко, разговаривавшихъ между собою и безпрестанно, то и дѣло, то вскарабкивавшихся на возвышеніе, то, отъ напора толпы, снова съ него обрывавшихся.

— А вонъ еще этого, этого, въ тулупѣ,—подсказываютъ они квартальному, съ хохотомъ. — Такъ его, такъ! хорошенько!—слышится оттуда же къ немалому изумленію изгоняемыхъ, ничѣмъ непогрѣшившихъ противъ *паничей*.

Такъ передъ моими глазами, въ церкви, во время богослуженія, были оскорбляемы одинъ за другимъ самые смирнѣйшіе изъ прихожанъ, и оскорбляемы потому только, что на плечахъ ихъ были тулупы, что они принадлежали къ такъ-называемому *низшему* сословію. Я видѣлъ все это и молчалъ. Чего жъ я ждалъ? Отчего мнѣ было не заступиться за перваго же изъ нихъ? Чѣмъ оправдать такое непростительное равнодушіе къ ближнему? Его совершенно незаслуженно оскорбляютъ, его изгоняютъ изъ церкви; онъ видимо ищетъ въ комъ-либо себѣ сочувствія, ищетъ защиты, и ни въ комъ, нигдѣ, ни того ни другаго не находитъ. Напротивъ, это многимъ очень нравится; многіе не стыдятся всенародно заявлять свое удовольствіе. Неужели такъ и должно быть? Неужели мы только личную обиду всегда будемъ ставить въ проступокъ другимъ?

Нѣтъ, и здѣсь не всѣ были равнодушны къ обидамъ другихъ! Въ самомъ дѣлѣ, равнодушіе было только кажущееся. Не успѣлъ я сказать нѣсколько словъ квартальному, въ защиту изгоняемыхъ, какъ вокругъ меня всѣ заговорили и всѣ стали на мою сторону; даже двѣ, тутъ же стоявшія старушки — и тѣ поднялись горой противъ обидчика, и тѣ заговорили, что передъ Богомъ всѣ равны. *Паничі* притихли и столпились, какъ бараны, въ кучу. Квартальный, казалось, былъ удивленъ моимъ замѣчаніемъ; онъ видимо ожидалъ, судя

по моимъ свѣтлымъ пуговицамъ, скорѣе встрѣтить похвалу чѣмъ порицаніе.

— Зачѣмъ вы ихъ гоните?—сказалъ я квартальному.

— Да они, вѣдь, и назади могутъ стоять,—отвѣчалъ онъ, вымѣривая меня глазами.

— Зачѣмъ же назади,—возразилъ я,—когда они уже заняли тутъ мѣсто?

— Мало ли чего, заняли! здѣсь для господъ нужно,—отвѣтилъ онъ, тономъ, видимо не допускавшимъ никакихъ опроверженій, продолжая выпроваживать новый субъектъ въ тулупѣ.

— Но кто же вамъ далъ право такъ распоряжаться?—замѣтили ему, уже съ нѣсколькихъ сторонъ разомъ.

На это квартальный ничего не отвѣчалъ, и только, попрежнему, новой жертвѣ своей все указывалъ на двери, но, не найдя на этотъ разъ безпрекословнаго повиновенія, угомонился, что-то бормоча про себя, вѣроятно негодуя на наше неумѣстное вмѣшательство.

Физіономія нашего доблестнаго квартальнаго была очень обыкновенная, не только дюжинная, но даже, если можно такъ выразиться, сотенная, тысячная: она была простовата, серьёзна и неподвижна; на его довольно мясистомъ лбу, прорѣзанномъ глубокими горизонтальными морщинами, какъ и на всемъ лицѣ его, такъ и вывѣшивалось: «приказано; не наше дѣло разсуждать». Вообще же онъ, какъ мнѣ казалось, былъ болѣе способенъ для мирныхъ занятій, чѣмъ для преслѣдованія тулуповъ, и преслѣдовалъ ихъ потому, что считалъ это обязанностью своей службы. Я поинтересовался собрать о немъ отъ моихъ сосѣдей кой-какія свѣдѣнія, и узналъ только, что онъ изъ фельдфебелей кадетскаго корпуса, который впрочемъ далъ уже здѣшней полиціи не одного ревностнаго чиновника, и по преимуществу чиновника-служаку, съ ногъ до головы, привыкшаго въ теченіи многолѣтней службы исполнять всѣ приказанія, если можно такъ выразиться, съ радостью, никогда не разсуждая, съ совершенною точностью и безпрекословно. Этотъ-то господинъ, съ своею каской на рукѣ, торчалъ теперь между нами, тупо посматривая на всѣ стороны, вездѣ ища безпорядка, который бы потребовалъ его толковаго вмѣшательства.

Вотъ то происшествіе, о которомъ я счелъ нужнымъ заявить печатно.

Спрашивается теперь—стоитъ ли все это серьёзнаго разсужденія?

Стóитъ ли того, чтобъ изъ-за какихъ-нибудь двухъ трехъ, ни за-что ни про-что выведенныхъ изъ церкви тулуповъ, исписывать нѣсколько листовъ бумаги, просить о напечатаніи, занимать такими, можно сказать, пустяками мѣсто въ почтенномъ журналѣ, быть-можетъ въ ущербъ чему-нибудь болѣе интересному? Для кого это можетъ быть занимальтельно? Неужели такія мелкія происшествія, въ какомъ-нибудь провинціальномъ городишкѣ, заслуживаютъ право на вниманіе цѣлой Россіи? Не есть ли это своего рода мелкое тщеславіе, что дескать и у насъ кое-что замѣчательное, не лишенное общаго интереса, да случается? Не прямѣе ли, не легче ли, не полезнѣе ли было бы для самого дѣла, чѣмъ подымать изъ пустяковъ бурю въ стаканѣ, разсказать обо всемъ этомъ, напримѣръ, хоть полиціймейстеру и попросить его, чтобъ онъ не оставилъ того и другаго безъ должнаго, съ кого слѣдуетъ, взысканія? У насъ теперь, и въ-особенности послѣ опубликованной исторіи г. Якушкина съ г. Гемпелемъ, навѣрно, полиціймейстеры люди вполнѣ понимающіе свои обязанности, можно-сказать, просвѣщенные, которые не потерпятъ поступковъ, подобныхъ здѣсь описаннымъ. Наконецъ, еслибъ и съ этой стороны встрѣтилось неудовлетвореніе чьихъ-либо справедливыхъ жалобъ, въ такомъ крайнемъ случаѣ, навѣрно, можно было бы, собравшись, для большей достовѣрности, человѣкамъ пяти-шести, видѣвшимъ происходившее въ церкви, прямо отправиться къ начальнику губерніи: и онъ, конечно,—въ томъ нѣтъ да и не должно быть никакого сомнѣнія—былъ бы очень благодаренъ всякому, кто открылъ бы ему, такъ-сказать, домашнимъ образомъ, невидимыя ему, неправильныя дѣйствія полиціи. Онъ, вѣроятно, въ случаѣ нужды, велѣлъ бы дѣло это разслѣдовать самымъ добросовѣстнымъ и самымъ тщательнымъ образомъ. А то... печатать! Что́ за страсть все оповѣщать, все, безъ разбора, предавать гласности?

Да, хорошо, конечно, было бы, безъ большаго шума, кончать дѣла такимъ образомъ. Я и самъ того мнѣнія: что о каждомъ происшествіи, гдѣ страдаетъ чья-либо личность отъ непониманія или произвола разныхъ исполнителей, слѣдовало бы каждый разъ безотлагательно доводить до свѣдѣнія начальства и тѣмъ, такъ-сказать, прекращать зло на мѣстѣ. А еще бы лучше, конечно, чтобы совсѣмъ никогда и нигдѣ не страдала ничья личность, отъ чьего бы то ни было непониманія и произвола.

Но развѣ въ томъ вопросъ? Развѣ вопросъ въ Иванѣ, Семенѣ,

Петрѣ, здѣсь именно, такого-то именно числа выведенныхъ изъ такой-то церкви? Или вопросъ развѣ въ такомъ-то Трифонѣ и Кузьмѣ, дозволившихъ себѣ грубо-невѣжественное обхожденіе съ простымъ народомъ? Въ самомъ началѣ своей статьи, мы, кажется, заявили, въ чемъ заключается существенная важность описаннаго нами случая, конечно мелкаго, можно сказать даже—микроскопическаго. Важность не въ томъ или другомъ отдѣльномъ лицѣ, не въ той случайной подробности, какою, въ данномъ мѣстѣ и времени, обстановилось событіе, а въ его характерѣ; важность въ той безотчетности, съ какою можно еще у насъ обращаться съ лицомъ; важность въ привычкѣ къ этой безотчетности; важность въ нравахъ, которые отчасти ее поддерживаютъ и питаютъ. И объ этомъ не сказать ни слова? и это не стóитъ того, чтобъ оповѣстить во-всеуслышаніе! Фактъ мелокъ, микроскопиченъ, это правда. Да не отъ того ли такіе факты у насъ и существуютъ и повтореніе ихъ возможно, что они считаются за пустые, за мелкіе, за микроскопическіе? Оскорбитъ кто-нибудь лицо сколько-нибудь видное, да и выберетъ форму оскорбленія показистѣе,—что̀ и говорить—все раскричится и наполнится негодованіемъ. Но вѣдь этакіе же случаи рѣдко и бываютъ. А вотъ всмотритесь-ка въ то, что уже за привычку, что такъ мелко, что уже и въ глаза не бросается, а что между тѣмъ совершенно въ насъ въѣлось, и въ то же время заключаетъ въ себѣ такъ много глубоко-оскорбительнаго и унизительнаго... Вотъ объ этомъ-то внимательно подумать и поговорить стóитъ: чѣмъ же иначе и воспитаются нравы и перемѣнятся привычки?

В. Лобода.

29 марта 1861 г.
Полтава.

ОТЧЕГО ПРОПОВѢДЬ ИНОГДА БЫВАЕТЪ БЕЗСИЛЬНА.

Въ *Херсонскихъ Епархіяльныхъ Вѣдомостяхъ* напечатано любопытное письмо сельскаго священника А. П. Вотъ оно:

При исполненіи христіанскихъ требъ, я старался внушать моимъ прихожанамъ, какъ вредно излишнее употребленіе горячаго вина. Неоднократныя внушенія мои увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ. Однажды приходятъ ко мнѣ три почетнѣйшіе прихожанина, и просятъ, отъ имени всего общества, придти въ сельскую расправу.

Немедленно прихожу, и спрашиваю о причинѣ ихъ собранія. Мнѣ отвѣчаютъ: «Благодаримъ васъ, батюшка, за неоднократныя убѣжденія ваши о прекращеніи въ нашемъ обществѣ пьянства. Мы наконецъ убѣдились, что все зло между нами происходитъ отъ излишняго употребленія водки, а потому и рѣшились совершенно оставить пить ее. Но чтобы наша общая, добровольная рѣшимость была ненарушима, то мы покорнѣйше просимъ васъ, батюшка, въ слѣдующій воскресный день привести насъ всѣхъ къ присягѣ, и отслужить Господу Богу молебствіе». Я объяснилъ имъ, что къ присягѣ приводитъ ихъ по этому дѣлу совершенно излишне, и притомъ просилъ ихъ поусерднѣе помолиться Господу Богу о томъ, чтобъ онъ оградилъ ихъ отъ нападенія врага, который, сказалъ я имъ, немедленно начнетъ ратовать противъ нихъ, за это доброе, истинно-христіанское ихъ намѣреніе. И не замедлилъ врагъ начать свои дѣйствія!

«Черезъ два или три часа послѣ свиданія моего съ прихожанами, пріѣзжаетъ ко мнѣ главноуправляющій питейною конторой, и объявляетъ, что прихожане мои—бунтовщики (собственныя слова его), а я—ихъ предводитель. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить мнѣ, что если мои прихожане перестанутъ пить водку, то этимъ сдѣлаютъ великій подрывъ государственнымъ доходамъ, взносимымъ откупщикомъ, а такъ-какъ я внушалъ имъ прекратить пьянство, то, говорилъ онъ, васъ будутъ судить, какъ государственнаго преступника.

«Терпѣливо выслушавъ приговоръ, я пригласилъ главноуправляющаго конторою выйдти изъ моего дома. Послѣ сего, онъ вдругъ перемѣнилъ тактику, предлагая мнѣ 100 р. ср. и безденежный отпускъ вина изъ конторы, за то только, что я не буду слѣдить за исполненіемъ даннаго моими прихожанами обѣта. Услышавъ въ другой разъ то же требованіе оставить меня, онъ удалился. Вскорости послѣ него, пріѣзжаетъ ко мнѣ начальникъ волости, благодаритъ меня (искренно, повидимому) за мои заботы о нравственности моихъ прихожанъ, восхваляетъ ихъ доброе намѣреніе, и тутъ же приказываетъ сельскому старшинѣ немедленно выслать въ волостную расправу двѣнадцать человѣкъ, первѣе рѣшившихся оставить пьянство, для выслушанія за то особенной благодарности. Но мужички заблагоразсудили, что лучше выслушать особенную благодарность отъ волостнаго начальника не двѣнадцати только человѣкамъ, а всему обществу, рѣшившему изгнать изъ среды себя нетерпимѣйшій порокъ; итакъ къ

волостному начальнику отправилось болѣе 400 человѣкъ. Видя такое множество жаждущихъ благодарности, волостной начальникъ приказалъ двѣнадцать человѣкъ изъ этой массы за карауломъ отправить въ окружное управленіе.

«Устрашенные этимъ приказомъ, прихожане мои приходятъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ имъ, что, сдѣлавъ доброе дѣло, они не должны бояться, а напротивъ, явившись начальству и обстоятельно разсказавъ ходъ дѣла, они должны ожидать непремѣнно благодарности. На другой день, семь человѣкъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ жителей рѣшились явиться въ окружное управленіе, гдѣ немедленно, по приказанію г. окружнаго командира, были посажены за рѣшетку, какъ преступники. Извѣстіе объ арестованіи этихъ почетнѣйшихъ семи прихожанъ немедленно разнеслось въ селѣ, и прихожане мои, а наипаче семейства заключенныхъ въ тюрьму, рѣшительно упали духомъ; кромѣ того, и здѣсь почти ежедневно требовалось въ волостную расправу неменѣе двѣнадцати человѣкъ, которымъ волостной голова и писарь, конечно — подкупленные уже конторой, объясняли, какъ велико ихъ преступленіе и какому они современемъ подвергнутся наказанію. Не излишнимъ считаю замѣтить, что волостной начальникъ при подобныхъ увѣщаніяхъ лично не присутствовалъ, а дѣйствовалъ чрезъ вышеозначенныхъ голову и писаря, что́ и видно изъ его форменнаго ко мнѣ отношенія.

«Ежедневно получая отъ моихъ прихожанъ свѣдѣнія о безсовѣстныхъ дѣйствіяхъ волостнаго головы и писаря, я обратился къ начальнику волости съ покорнѣйшею просьбой о томъ, чтобъ онъ прекратилъ такое дѣйствіе своихъ подчиненныхъ. Формальною бумагой онъ не замедлилъ извѣстить меня между прочимъ и о томъ, что на основаніи 2025 ст. закона,—за то, что назвалъ я дѣйствіе головы и писаря безсовѣстными, подлежу заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года; послѣ заключенія я обязанъ испросить у обиженныхъ прощеніе, а буде пожелаютъ, то уплатить имъ безчестіе.

«Таковъ результатъ заботъ моихъ объ искорененіи въ приходѣ самаго нестерпимаго порока!

«Какое, послѣ этого, нравственное наставленіе могу я преподать моимъ прихожанамъ, знающимъ по опыту, что наставленія волостнаго головы и писаря дѣйствительнѣе и справедливѣе моихъ?

«Прихожане мои, послѣ вышеописанныхъ испытаній, начинаютъ

опять употреблять горячее вино — и, къ прискорбію, въ большей прежняго мѣрѣ. Теперь какъ ни стараюсь внушать имъ, чтобы воздерживались отъ излишняго употребленія водки, но вижу, что всѣ мои убѣжденія—гласъ вопіющаго въ пустынѣ!»

САРАНЧА ВЪ КІЕВСКОЙ И ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Г. Руккертъ сообщаетъ, отъ 24 іюня, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, слѣдующія свѣдѣнія. Проѣхавъ уѣзды Кіевскій, Васильковскій, Сквирскій, Бердичевскій, Литинскій, Летичевскій, Проскуровскій, Каменецкій, Ушицкій, Могилевскій и Винницкій, г. Руккертъ убѣдился, что зимніе и весенніе холода, вопреки ожиданіямъ, не истребили сѣменъ саранчи, а только отдалили ея вырожденіе, такъ что она начала выходить въ послѣднихъ числахъ мая и въ началѣ іюня. Обыкновенно думаютъ, что сѣмена саранчи сохраняются въ почвѣ твердой и пропадаютъ въ рыхлой землѣ; но въ настоящее время она вышла преимущественно на поляхъ, перепаханныхъ минувшею осенью, на которыхъ яички ея считались совершенно истребленными. Саранча стала выходить прежде изъ тѣхъ яичекъ, которыя лежали ближе къ поверхности земли и, слѣдовательно, были пригрѣты солнцемъ. Только что вышедшая саранча — цвѣта сѣраго, величиной не больше обыкновенной мухи, но растетъ очень скоро, цвѣтъ ея темнѣетъ и вскорѣ доходитъ до очень темносѣраго, почти чернаго, а потомъ, когда саранча подростетъ, она становится краснаго или, скорѣе, оранжеваго цвѣта; эта саранча бываетъ около дюйма величиной, но еще пѣшая; только на четвертой недѣлѣ послѣ вырожденія, начинаютъ показываться у нея крылья. Такъ какъ на одномъ и томъ же полѣ саранча выходила послѣдовательно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; то въ одномъ и томъ же мѣстѣ она была разнаго цвѣта и разной величины. На какомъ именно пространствѣ она появилась, г. Руккертъ въ точности не опредѣляетъ; но разсказываетъ, что до 3 іюня, въ одномъ Каменецкомъ уѣздѣ, молодая саранча появилась на поляхъ пятидесяти одного селенія; въ десяти селеніяхъ Васильковскаго уѣзда она вышла на пространствѣ 3,400 десятинъ и, кромѣ того, появилась, въ довольно-значительномъ количествѣ, въ девяти другихъ селеніяхъ; въ Бердичевскомъ уѣздѣ, она

находится на поляхъ тридцати трехъ селеній, на пространствѣ 3,250 десятинъ; полоса, занятая саранчой, тянется въ этомъ уѣздѣ по границѣ Винницкаго, Липовецкаго и Сквирскаго уѣздовъ, на протяженіи до семидесяти верстъ въ длину и около двадцати пяти верстъ въ ширину, съ промежутками.

Для истребленія саранчи употребляются слѣдующіе способы: мѣста, гдѣ она появляется, окапываются рвами, глубиною около аршина; во рвахъ настилается немного соломы, и затѣмъ въ нихъ гонятъ метлами саранчу, которую снова покрываютъ небольшимъ слоемъ соломы, потомъ опять гонятъ саранчу, такъ что въ одномъ рву образуется нѣсколько слоевъ соломы и саранчи; солома зажигается и перемѣшивается нѣсколько разъ палками, для того, чтобы находящаяся во рву саранча могла сгорѣть или по крайней мѣрѣ изжариться. Нужно замѣтить, что она необыкновенно живуча: окунутая на мгновеніе въ кипятокъ, она черезъ два часа приходитъ въ себя; живетъ съ обгорѣлыми ногами; на мягкомъ грунтѣ ее невозможно растоптать, она вдавливается въ землю и чрезъ нѣсколько времени выходитъ оттуда снова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саранчу не жгутъ, а, вогнавъ во рвы, утаптываютъ плотно особыми колотушками похожими на тѣ, которыя употребляются при утрамбовкѣ дорожекъ въ садахъ; потомъ прикрываютъ ее толстымъ слоемъ земли, которую также крѣпко утаптываютъ.

Какъ только саранча забралась въ хлѣбъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ пропасть; если она не успѣетъ его съѣсть, то его или надобно скосить, или его вытопчутъ люди, которые гонятъ саранчу. Въ жаркое время дня саранча особенно подвижна и уходитъ отъ малѣйшаго шума, и потому тогда ее легко бываетъ загонять во рвы; но съ пяти часовъ ее уже трудно согнать съ мѣста. Домашнія животныя и птицы, собаки, свиньи, индѣйки, куры, ѣдятъ саранчу очень охотно.

Убытки отъ саранчи огромны; сюда относятся, кромѣ поѣденнаго хлѣба, цѣна всей работы, употребленной на истрбленіе саранчи, и соломы, израсходованной для сожиганія саранчи, стоимость уничтоженныхъ посѣвовъ и наконецъ убытки, причиненные въ хозяйствѣ недостаткомъ рабочихъ силъ, которыя всѣ направлены противъ этого ужаснаго врага. Къ сожалѣнію г. Руккертъ приводитъ очень неутѣшительные примѣры, доказывающіе равнодушіе нѣкоторыхъ личностей къ общему бѣдствію. Уѣзды, гдѣ появилась саранча, раздѣлены на

участки, изъ которыхъ въ каждомъ, для истребленія ея, назначены особые распорядители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и управителей болѣе значительныхъ имѣній. Въ одной изъ деревень богатаго помѣщика А. саранча вышла на пространствѣ восьми десятинъ; этотъ помѣщикъ, ежегодные доходы котораго составляютъ не менѣе ста тысячъ руб. ср., имѣлъ полную возможность истребить саранчу собственными средствами, и даже оказать содѣйствіе менѣе зажиточнымъ сосѣдямъ; но, къ несчастію, въ участкѣ, къ которому причислено имѣніе этого почтеннаго помѣщика, распорядителемъ для истребленія саранчи назначенъ его же управитель. Онъ немедленно распорядился вытребовать въ управляемую имъ деревню рабочихъ и солому изъ окрестныхъ селеній, даже не принадлежащихъ къ его участку, и, конечно, истребилъ у себя саранчу; но у его незажиточныхъ сосѣдей, помочь которымъ прежде всего было прямою обязанностію распорядителя, саранча успѣла, между тѣмъ, совершенно истребить посѣвы. Въ другомъ участкѣ, къ богатому помѣщику распорядитель прислалъ требовать соломы, для сожиганія саранчи на поляхъ его сосѣдей; у самого этого помѣщика саранчи не было вовсе, а соломы горы; но онъ не исполнилъ требованія распорядителя. Подъ предлогомъ отсутствія самого помѣщика, супруга его, распоряжающаяся полновластно имѣніемъ, объявила посланнымъ, что не считаетъ себя вправѣ исполнить требованіе, но по экстренности дѣла подъ своею отвѣтственностію (конечно—передъ супругомъ) разрѣшаетъ взять четыре воза соломы, тогда какъ несравненно меньшія имѣнія послали, на гораздо болѣе значительное разстояніе, по пятидесяти возовъ. Наконецъ, иные, сберегая свои рабочія силы, перегоняли саранчу съ своихъ полей на поля сосѣдей, и одинъ, у котораго саранча вышла на полѣ невспаханномъ и незасѣянномъ, загналъ ее къ сосѣду въ пшеницу, которую, вслѣдствіе этого, необходимо было скосить... Это ужасно!

НОВЫЙ СПОСОБЪ КОВКИ ЖЕРНОВОВЪ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ открытъ новый способъ ковки жернововъ, съ помощію котораго, при одинаковой силѣ, значительно увеличивается размолъ, и мука выходитъ изъ-подъ жернововъ

гораздо холоднѣе. На это остроумное изобрѣтеніе взята привилегія и въ Россіи, изобрѣтателемъ г. Бродвелемъ и компаньонами его гг. Грантомъ и Рейтомъ. Сообщаютъ, что методъ г. Бродвеля уже употребляется на крупчаткахъ г. Полежаева въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи и г. Смольянинова въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, а равно и въ С.-Петербургѣ на Гутуевской мельницѣ г. Бенардаки. Этотъ способъ даетъ выгоды 50% во времени размола, то-есть прежняя работа цѣлыхъ сутокъ оканчивается въ 16 часовъ. Удобства новой ковки жернововъ состоятъ въ томъ, что она не требуетъ никакой перемѣны въ механизмѣ мельницы и приводовъ и никакого особеннаго искусства со стороны рабочихъ. Желающіе испытать это изобрѣтеніе могутъ сдѣлать это безъ всякихъ предварительныхъ издержекъ. Лишь послѣ того, какъ превосходство новой ковки будетъ вполнѣ доказано на одномъ или двухъ поставахъ, владѣльцы мельницъ платятъ по 200 р. с. съ каждаго постава, и притомъ только въ томъ случаѣ, если будетъ дѣйствительно сберегаться 8 часовъ времени въ сутки; если же выгода во времени будетъ менѣе, то плата соразмѣрно понижается. «Мы сочли полезнымъ,» пишетъ Русскій Вѣстникъ, «сообщить объ этомъ изобрѣтеніи, такъ какъ улучшенія въ устройствѣ мельницъ и удешевленіе размола имѣютъ большое значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. За болѣе-подробными свѣдѣніями можно обращаться къ Р. А. Гранту въ конторѣ Робертса и Говарда въ Москвѣ, у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ Комарова.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

VIII. *Бабу́ся*, рисованная съ натуры К. А. Трутовскимъ

IX. *Тимішъ Сапе́нко*—чумакъ изъ Хороля, рисованный съ натуры тоже К. А. Трутовскимъ.

X. *Чумакъ*—рисованный И. И. Соколовымъ. Всѣ три рисунка гравированы мною.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Въ VIII кни́жці *Осно́ви* ми почнемо́ рядъ наро́днихъ оповіда̀ній, (чи—якъ мовля́е *Ст. Д. Нісъ* «при́вістей,») високопова̀жнихъ: *Тиміша Колома́цького, Ст. Д. Носа, Митра́ Олелько́вича, Василя́ Тище́нка* и и́нші. Зъ VIII книжки почне́тця и печа̀ть *діе́писніхъ* и *пра́ведчіхъ а́ктівъ.*

М. М. Левченко присла́въ намъ по́спитъ народнёі земле́писі (*Руси́нська Роди́на*); *Ст. Д. Нісъ* и *А. Савичъ* де́-що зъ ліка́рськоі и росли́нноі нау́ки, та̀кожъ про ліса̀ и про сади́. Не заба̀ромъ напеча́таемо іхъ по̀лезний трудъ въ *Осно́ві*, и пѐвно не ми одні подя́куемо одъ щи́рого се́рця високопова̀жнимъ народолю́бцямъ.

Одъ *Василя́ Степа́новича Кулика́, зъ Полтави*, ми одібра́ли теплі и га̀рні стихи: 1, *Моя́ До́ля*, 2, *Въ ме́не се́рце до любо́ви*, 3, *Весня́нки*, 4, *Весна́ на ху́торі*, 5, *Украіна до своіхъ синівъ*, 6, *Загублені Ду́ші*, 7, *Захо́жий Коса́рь*, и 8, *Весе́ла Удова́*. Посила̀емо одъ се́бе и одъ и́ншіхъ земляківъ серде́шний привітъ, и напечата̀емо якъ найскоріше.

Петру Семеновичу Кузьменку. Не на̀шою вино̀ю ста̀лося, що до́сі не напеча̀тані Ва́ші стихи́ и оповіда̀ннє: «*Не та́къ жда́лося, да та́къ скла́лося*». По щирій правді Вамъ говоримо: *не та̀къ и у насъ жда́лося*. Ва̀ші душе́вні рѐчі ми исти́нно цінимо, и въ доконе́шне напечатаемо, въ бли́жній кни́жці.

Ува́ги надъ инъ-якими слова̀ми Украінськоі мо̀ви, доста́вленні намъ *М. М. Левченкомъ, Митромъ Олельковичемъ* и другими, напеча́таютця въ VIII або IX книжці. Раді бъ були ми получи́ть іхъ якъ найбільшъ: тепе́ръ въ ко́жній кни́жці вони́ на́йдуть для се́бе місце.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

1861

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Ковзáрь, XXVIII—XXXI. **Т. Г. Шевченка.**
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
III. Не такъ ждалося, да такъ склалося, **П. Кузьменка.**
IV. Танський, **Митра Олельковича.**
V. Мои воспоминанія, **Ка—на.**
VI. Стихи **Ст. Руданського, В. Ст. Кулика, А. А. Навроцького, И. Н. Петрова.**
VII. Отвѣтъ на статью В. Крестовскаго, **Н. И. Костомарова.**
VIII. Кобзарь: Частина поэми: Еретикъ Иванъ Гусъ, XXXII, XXXIII, **Т. Г. Шевченка.**
IX Черноморскіе козаки, **Н. И. Костомарова.**
X. Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конисскимъ? **Ал. М. Лазаревскаго.**
XI. Отвѣтъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи Малорусскомъ, **П. Лавровскаго.**
XII. Памятное дѣло.
XIII. Акты историческіе и юридическіе.
XIV. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
XV. Вісти и мелкія статьи. Листъ зъ Дударівъ, **Б. Познанського,** Зъ Подорожника, **Кузьмы Шаповала,** Погуковщина, **П. П. Чубинскаго,** «Ясная—Поляна,» Южные экспоненты, Механическія заведенія.
XVI. Историческая Библографія, **Б. И. Межова.**
XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**
XVIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
XIX. О дѣтскомъ языкѣ, **Л. Ященка,** и проч.
XX. Отъ редакціи.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Сентября 22 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXVIII.

И ширóкую долúну,
И висóкую могúлу,
И вечірнюю годúну,
И що снúлось—говорúлось —
Не забýду я́.
Та щó зъ тóго?.. не побрáлись:—
Розійшлúся, мовъ не знáлись...
А тимъ чáсомъ дорогúі
Літá наші молодúі
Мáрне пронеслúсь.
Помарніли ми обóе,
Я—въ невóлі, ти—вдовóю,
Не живéмъ, а тільки хóдимъ
Та згáдуемъ тії гóди,
Якъ жилú колúсь.

XXIX.

Зійшлúсь, побрáлись, поеднáлись,
Помолоділи, підросли́,
Гаёкъ, садóчокъ розвели́
Кругóмъ хатúни. И пишáлись
Неначе кня́зі. Діти грáлись,
Росли́ собі та виростáли...

Дівча́токъ москалі́ украли́,
А хло́пцівъ въ москалі́ забра́ли,
А ми нена́че розійшли́сь—
Нена́че бра́лись—не една́лись.

XXX.

Не верну́вся изъ похо́ду
Гуса́ринъ — моска́ль.
Чого́жъ мині ёго́ шко́да
Чого́ ёго́ жаль?
Що на ёму́ жупа́нъ ку́ций,
Що гуса́ринъ чорноу́сий,
Що Ма́шою звавъ?
Ні, не того́ мині шко́да;
А марніе моя вро́да
Лю́де не беру́ть;
А на у́лиці дівча́та
Насміха́ющця прокля́ті —
Гуса́ркою зву́ть!..

XXXI.

Титарівна—Немирівна
Гапту́е хусти́ну,
Та коли́ше московщиня́—
Малу́ю дити́ну.
Титарівна—Немирівна
Людьми́ гордува́ла...
А моска́ля—пройди́світа
Ни́щечкомъ вита́ла!
Титарівна—Немирівна
Почéстного ро́ду...
Виглядáе пройди́світа
Москаля́ зъ похо́ду.

19 октября 1860 р.
С-П-Б.

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Четвертый отрывокъ.

9 іюля.

Передъ закатомъ солнца, заштилѣло, а въ сумерки поднялся свѣжій вѣтеръ отъ нордъ-оста, прямо въ лобъ нашей почтовой лодкѣ. Она теперь въ открытомъ морѣ бросила якорь; а когда подыметъ — Богъ знаетъ. Нордъ-остъ здѣсь господствующій вѣтеръ. Онъ можетъ простоять долго и продлить мою, и безъ того — длинную, неволю далеко за предначертанную мною границу, т. е. за 20 іюля. Грустно, невыразимо-грустно. Впродолженіи ночи я не могъ заснуть: меня грызла и гоняла, какъ на кордѣ, вокругъ огорода, самая свирѣпая тоска. На разсвѣтѣ, я пошелъ къ морю, выкупался, и тутъ же, на пескѣ, заснулъ. — Видѣлъ во снѣ покойнаго Аркадія Родзянку въ его веселомъ *Подолѣ*, близъ Хорола; — показывалъ онъ мнѣ свой черезчуръ-затѣйливый садъ, толковалъ о возвышенной простотѣ и идеалѣ въ искуствахъ вообще и въ литературѣ въ-особенности; ругалъ наповалъ грязнаго циника — Гоголя, и въ-особенности *Мертвыя Души* казнилъ немилосердо; потомъ потчивалъ какими-то герметически-закупоренными кильками и своими сальными малороссійскими виршами. — — Разбудилъ меня мелкій тихій дождикъ, и я побѣжалъ на огородъ мокрой курицей.

Говорятъ, о чемъ наяву думаемъ, то́ и во снѣ пригрезится. Это не всегда та́къ. Я, напримѣръ, Аркадія Родзянку видѣлъ одинъ разъ, и то́ случайно, въ 1845 году, въ его деревнѣ — *Веселый Подолъ*, и онъ мнѣ въ нѣсколько часовъ такъ надоѣлъ своей тупой эстетикой и своими малороссійскими стихами, что я убѣжалъ — — къ его ближайшему сосѣду, и, какъ водится, злѣйшему врагу. Я забылъ даже, что видѣлся когда-то съ сальнымъ стихоплетомъ, а

онъ мнѣ сегодня во снѣ пригрезился. Какая же связь между моими грустными мечтами и между этимъ давно-забытымъ мною человѣкомъ? Капризъ нашей нравственной природы и совершенно никакой логической связи. И *Оракулъ* сотника Ч——нова едва ли объяснитъ загадку подобныхъ сновидѣній. Пойду однакожъ, на всякій случай, посмотрю въ это зерцало сокровенныхъ таинствъ натуры.

10 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же. Тоска та же самая. Дождь продолжаетъ омывать новую луну. Такія длинныя любезности здѣсь съ нимъ рѣдко случаются. Я недвижимо пролежалъ весь день въ бесѣдкѣ и слушалъ однотонную тихую мелодію, производимую мелкими и частыми каплями дождя о деревянную крышку бесѣдки. Принимался нѣсколько разъ дремать, но неудачно. Проклятыя мухи со всего огорода слетѣлись въ бесѣдку и не даютъ покоя. Принимался нѣсколько разъ строить воздушные замки на своихъ будущихъ эстампахъ акватинта — также неудачно. *Гензерихъ* и *Осада Пскова*, Брюлова, мнѣ особенно не удавались. Нужно избѣгать на первый разъ наготы. Нуженъ опытъ и опытъ, а иначе эта очаровательная Брюловская нагота выйдетъ въ эстампѣ — безобразіе. Я не желалъ бы, чтобы мои будущіе эстампы были похожи на парижскій эстампъ акватинта, съ картины *Послѣдній день Помпеи*. Топорный, безобразный эстампъ. Поругано, обезображено геніальное произведеніе.

Въ такомъ скверномъ настроеніи унывающей души вспомнилъ я про *Umnictwo piękne*, Либельта, и принялся жевать: жостко, кисло, приторно, — настоящій нѣмецкій супъ-вассеръ. Какъ, напримѣръ, человѣкъ такъ-важно трактующій о вдохновеніи, простосердечно вѣритъ, что будто бы Іосифъ Вернетъ велѣлъ себя, во время бури, привязывать къ мачтѣ для полученія вдохновенія. Какое мужицкое понятіе объ этомъ неизреченномъ божественномъ чувствѣ. И этому вѣритъ человѣкъ, пишущій эстетику, трактующій объ идеальномъ, возвышенно-прекрасномъ, въ духовной природѣ человѣка. Нѣтъ, и эстетика сегодня мнѣ не далась. Либельтъ, онъ только пишетъ по-польски и чувствуетъ (въ чемъ я сомнѣваюсь), а думаетъ по-нѣмецки, или, по-крайней-мѣрѣ, пропитанъ нѣмецкимъ идеализмомъ (бывшимъ,—не знаю какъ теперь). Онъ смахиваетъ на нашего Жуковскаго, въ прозѣ. Онъ также вѣритъ въ безжизненную прелесть

нѣмецкаго, тощаго для жизни, идеала, какъ и покойный В. А. Жуковскій.

Въ 1839 году, Жуковскій, возвратившись изъ Германіи съ огромною портфелью, начиненною произведеніями Корнеліуса, Гессе и другихъ свѣтилъ Мюнхенской школы живописи, нашелъ Брюлова произведенія слишкомъ матеріальными, — придавляющими къ грѣшной землѣ божественное выспреннее искуство, и, обращаясь ко мнѣ и покойному Штернбергу, случившемуся въ мастерской Брюлова, предложилъ зайдти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ, и на другой же день явились въ кабинетъ германофила. Но, Боже! что́ мы увидѣли въ этой огромной, развернувшейся передъ нами, портфели: длинныхъ безжизненныхъ мадонъ, окруженныхъ готическими, тощими, херувимами, и прочихъ — настоящихъ — мучениковъ живаго улыбающагося искуства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей девятнадцатаго вѣка. До какой степени, однакожъ, помѣшались эти нѣмецкіе идеалисты живописцы. Они не замѣтили, что въ архитектурѣ Кленца, для которой они творили свои готическія безобразныя творенія, и тѣни нѣтъ напоминающаго готическую архитектуру. Странное, непонятное затмѣніе!

Umnictwo piękne, Либельта, спряталъ я въ доро́жную *торбу*, и снова привелъ свою фигуру въ горизонтальное положеніе. Что́ дальше будетъ — не знаю.

Незабвенные золотые дни, мелькнули вы свѣтлымъ, радостнымъ сновидѣніемъ передо мною, оставивъ по себѣ неизгладиммый слѣдъ чарующаго воспоминанія. Мы были тогда съ Штернбергомъ едва оперившіеся юноши, и, разсматривая эту единственную коллекцію идеальнаго безобразія, высказывали вслухъ свое мнѣніе, и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василія Андреевича дотого, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича, и хотѣлъ-было уже закрыть портфель передъ нашими носами, какъ вошелъ въ кабинетъ князь Вяземскій и помѣшалъ благому намѣренію Василія Андреевича. Мы продолжали, съ невозмутимымъ равнодушіемъ, перелистывать портфель и были награждены за терпѣніе первоначальнымъ эскизомъ *Послѣдняго дня Помпеи*, ловко начерченнымъ перомъ и слегка попятненнымъ сепіею. За этимъ геніальнымъ очеркомъ, почти неизмѣненнымъ въ картинѣ, слѣдовало нѣсколько топорныхъ чертежей Б., которые ужаснули насъ своимъ

заученымъ однообразнымъ безобразіемъ. И гдѣ, и изъ какого тлетворнаго источника почерпнулъ и усвоилъ онъ эту ненатуральную манеру? Неужели это одно желаніе — быть оригинальнымъ такъ страшно обезобразило произведенія неутомимаго Б.? Жалкое желаніе. Грустный результатъ. И этотъ человѣкъ мечталъ еще равняться съ Карломъ *великимъ!* (такъ обыкновенно называлъ Брюлова В. А. Жуковскій.).

Одинъ мой знакомый не-художникъ и даже не-записной, а такъ, просто — любитель изящнаго, смотря на извѣстную картину Б., сказалъ, что еслибы онъ былъ матерью того ребенка, что валяется на первомъ планѣ картины, то онъ не только взять на руки, — боялся бы подойти къ этому маленькому кретину. Замѣчаніе чрезвычайно вѣрное, и ловко высказано. А другая огромная его картина? Это — толпа безобразныхъ и самыхъ безталанныхъ актрисъ и актеровъ. Я видѣлъ ее въ подмалёвкѣ, и она меня ужаснула. Непріятное, но все-таки впечатлѣніе. Оконченная же эта картина не произвела на меня даже и этого непріятнаго чувства. А вѣдь цѣль ея была уничтожить *Послѣдній день Помпеи.* Колоссальное, но, увы! неудачное намѣреніе.

11 іюля.

Въ полночь перемѣнился вѣтеръ и отошелъ къ нордъ-весту. Я полюбовался прозрачными исчезающими облаками и легъ спать. Проснулся до восхода солнца. Небо было чисто. Только одна, единственная звѣздочка, какъ алмазъ, горѣла высоко на востокѣ. Это должна быть Аврора. Солнце не успѣло выглянуть изъ-за горизонта, — она исчезла. Я весело принялся за свой чайникъ. И когда все было готово для моего утренняго одинокаго пиршества, я очинилъ внимательно перо, развернулъ свой журналъ и — что́ называется — полбуквы не могъ написать: такъ мнѣ вдругъ сдѣлалось весело! И напившись чаю, и наслушавшись чириканья веселыхъ ласточекъ, отправился въ укрѣпленіе заказать торбу для сухарей и взять второй томъ Либельта; — зашелъ къ М——скому; онъ мнѣ предложилъ стаканъ чаю, отъ котораго я не имѣлъ силы отказаться, потому что чай былъ съ лимономъ — неслыханная роскошь въ этой пустынѣ. За чаемъ сообщилъ онъ мнѣ о начавшемся слѣдствіи надъ женихомъ и невѣстой. Слѣдствіе началось медицинскимъ освидѣтельствованіемъ невѣсты какъ

водится въ присутствіи понятыхъ. При чемъ лекарь острилъ, — что подало поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ надъ женихомъ. Мерзость!

Заказавши торбу для сухарей, я окончательно упаковалъ свою мизерію, взялъ второй томъ Либельта и три оставшіяся сигары, изъ числа тѣхъ 25 сигаръ, что прислалъ мнѣ Лазаревскій вмѣстѣ съ сепіею. Отличныя сигары, — настоящія гаванскія. Возвратившись на огородъ, я, по обыкновенію, до обѣда лежалъ подъ своею любимою вербою и читалъ Либельта. Сегодня и Либельтъ мнѣ показался умѣреннымъ идеалистомъ, и болѣе похожимъ на человѣка съ тѣломъ, нежели на безплотнаго нѣмца. Въ одномъ мѣстѣ онъ (разумѣется, осторожно) доказываетъ, что воля и сила духа не можетъ проявиться безъ матеріи... Либельтъ рѣшительно похорошѣлъ въ моихъ глазахъ, но онъ все-таки школяръ. Онъ пренаивно доказываетъ присутствіе всемогущаго Творца вселенной, во всемъ видимомъ и невидимомъ нами мірѣ, и такъ же хлопочетъ объ этой старой, какъ свѣтъ, истинѣ, какъ-будто это его собственное открытіе.

За обѣдомъ было веселѣе обыкновеннаго: комендантъ подтрунивалъ надъ моими сборами въ походъ, другіе ему вторили болѣе или менѣе любезно, но вообще вся компанія была, какъ говорится, въ своей тарелкѣ. Послѣ обѣда я, также по обыкновенію, заснулъ подъ своей фавориткою — вербою, а передъ вечеромъ надѣлъ чистый китель, соломенную шляпу-самодѣльщину и пошолъ на туркменскія *бакчи* (баштаны) и, не смотря на скудость зелени, мнѣ и бакчи понравились. Я зашелъ къ хозяевамъ въ аулъ; около кибитокъ играли съ козлятами нагія, смуглыя дѣти, визжали въ кибиткахъ женщины, должно быть — ругались, а за ауломъ мужчины творили свой намазъ передъ закатомъ солнца. Вечеръ былъ тихій, свѣтлый. На горизонтѣ чернѣла длинная полоса моря, на берегу его горѣли въ красноватомъ свѣтѣ скалы и на одной изъ скалъ блестѣли бѣлыя стѣны второй батареи и всего укрѣпленія. Я любовался своею семилѣтнею тюрьмою. Возвращаясь на огородъ, набрёлъ я на тропинку, на уже-засохшей грязи которой видны были отпечатки миніатюрныхъ дѣтскихъ ножекъ. Я любовался и слѣдилъ этотъ крошечный дѣтскій слѣдъ, пока онъ не исчезъ въ степной полянѣ, вмѣстѣ съ тропинкою. На огородъ пришелъ я къ вечернему чаю и попотчивалъ Ираклія Александровича и Николая Ефремовича своими завѣтными сигарами, и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Наташеньки, не мало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчащую, дымящуюся сигару, а нянька Авдотья,

уральская козачка, — та совершенно во мнѣ разочаровалась. Она досихъ-поръ думала, что я по-крайней-мѣрѣ *часовенный*, а я такой же еретикъ–щепотникъ, какъ и другіе. Всѣ же вообще находили, что мнѣ сигара къ лицу, и что съ сигарой я похожъ на вояжёра порядочнаго тона. Такому удачному сравненію я и не думалъ противорѣчить, и мысленно переносился на палубу парохода «Меркурія» или «Самолета,» а о скромной разшивѣ, о бурлацкихъ пѣсняхъ, о преданіяхъ про Стеньку Разина, забылъ и думать...•

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна, но — все не впрокъ.

Отуманенный лестію, я, противъ обыкновенія, и — разумѣется — во вредъ желудку, не имѣлъ силы отказаться отъ *пельменей*. Пельмени были мастерски приготовлены, и я оказалъ имъ неложную честь. Послѣ ужина, я долго гулялъ вокругъ огорода, и, мало-по-малу, освобождаясь отъ вліянія самолюбія, привелъ наконецъ свой гордый духъ въ нормальное состояніе и тихо запѣлъ гайдамацкую пѣсню:

Ой поізжáе по Украíні та козáченько Швáчка...

Отъ этой любимой моей пѣсни, я незамѣтно перешелъ къ другой — не менѣе любимой:

Ой, изійди, зійди, ти, зіронько, та вечірняя...

Эта меланхолическая пѣсня напомнила мнѣ тотъ вечеръ, когда я и молодая жена Кулиша пѣли въ два голоса эту очаровательную пѣсню. Это было на другой день послѣ ихъ свадьбы, въ роковомъ 1847 году. Увижу ли я эту прекрасную украинку? Запою ли съ нею эту задушевную пѣсню?

Воспоминанія меня убаюкали; я сладко заснулъ, и видѣлъ во снѣ Новгородъ-Сѣверскій (вѣроятно, вслѣдствіе недавняго чтенія *Алексѣя Однорога*). По улицѣ ѣздили въ старосвѣтскомъ огромномъ берлинѣ, огромные, рыжіе, пьяные монахи, и между ними очутился мой трезвый другъ, Семенъ... Это все пельмени такъ наметаморфозили.

12 іюля.

Одинадцатымъ, нечетнымъ, несчастливымъ для меня, числомъ кончился первый мѣсяцъ моего журнала. Какой добрый геній шепнулъ мнѣ тогда эту мысль? Ну, что́ бы я дѣлалъ впродолженіи этого минувшаго, безконечо-длиннаго мѣсяца? Хотя и это занятіе мимо-

ходное, но все-таки оно отнимаетъ у безотвязной скуки нѣсколько часовъ дня. А это—важная для меня теперь услуга. Въ первые дни не нравилось мнѣ это занятіе, какъ не нравится всякое занятіе, пока мы его себѣ не усвоимъ, не смѣшаемъ его съ нашимъ насущнымъ хлѣбомъ. Сначала я принимался за свой журналъ какъ за обязанность, какъ за *пунктики*, какъ за ружейные пріемы; а теперь, и особенно съ того счастливаго дня, какъ завелся я мѣднымъ чайникомъ, журналъ для меня сдѣлался необходимъ, какъ хлѣбъ съ масломъ для чая. И не случись этого несноснаго ожиданія, этого тягостнаго бездѣйствія, мнѣ бы и въ голову никогда не пришло обзавестись этой эластической мебелью, на которой я теперь каждый день такъ безмятежно отдыхаю. Справедливо говорится: нѣтъ худа безъ добра.

Сегодня утромъ, записавши счастливое одинадцатое число, я вздумалъ попробовать ветчины собственнаго приготовленія. Для этого я вышилъ фундаментальную рюмку водки, закусилъ молодой рѣдькой, а потомъ уже приступилъ къ собственному произведенію. Ветчина оказалась превосходною, свѣжею, не смотря на то, что еще приготовлена въ январѣ мѣсяцѣ. Перваго января текущаго года получилъ я первое радостное письмо изъ Петербурга отъ графини Т——ой, и съ того же дня началъ готовиться въ дорогу. Такъ какъ путешествовать мнѣ предстояло,—можетъ-быть, и теперь еще предстоитъ,—по серебрянымъ берегамъ Урала, гдѣ благочестивые Уральцы, а особенно Уралки, нашему брату-раскольнику воды напиться не даютъ, то я и заготовилъ для труднаго пути сей необходимый копченый продуктъ. Не знаю, чѣмъ восхищается въ Уральцахъ этотъ статистико-юмористъ Н—инъ? Грязнѣе, грубѣе этихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ я ничего не знаю. Сосѣди ихъ,—степные дикари Киргизы—тысячу разъ общежительнѣе этихъ прямыхъ потомковъ Стеньки Разина. А помянутый господинъ въ восторгѣ отъ ихъ общежитія и мнимаго гостепріимства. Вѣрно, ему въ грязномъ погребкѣ диктовалъ какой-нибудь Ж——овъ статейку подъ названіемъ: *Уральскіе Козаки*, а онъ, подъ веселую руку, записалъ, да и посвятилъ еще В. И. Далю.———Вредны такіе писатели.

Попробовавши дорожняго продукта и найдя оный болѣе нежели удовлетворительнымъ, я самодовольно успокоился подъ своей фавориткой-вербою, и принялся за Либельта. Онъ сегодня мнѣ рѣшительно нравится: или онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ, или онъ мнѣ

только кажется такимъ, потому, что мнѣ вотъ ужъ другой день даже вовсе непривлекательные предметы кажутся привлекательными. Блаженное состояніе! Либельтъ, напримѣръ, весьма справедливо замѣчаетъ и высказываетъ эту, — правда, не совсѣмъ моложавую истину, — коротко, изящно и ясно: что религія у древнихъ и новыхъ народовъ всегда была источникомъ и двигателемъ изящныхъ искуствъ. Это вѣрно. А вотъ это такъ не совсѣмъ: онъ, напримѣръ, человѣка-творца въ дѣлѣ изящныхъ искуствъ вообще, въ томъ числѣ и въ живописи, ставитъ выше натуры, потому-дискать, что природа дѣйствуетъ въ указанныхъ ей неизмѣнныхъ предѣлахъ, а человѣкъ-творецъ ничѣмъ не ограниченъ въ своемъ созданіи. Такъ ли это? Мнѣ кажется, что свободный художникъ настолько же ограниченъ окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вѣчными, неизмѣнными законами. А попробуй этотъ свободный творецъ на волосъ отступить отъ вѣчной красавицы-природы, онъ дѣлается богоотступникомъ, нравственнымъ уродомъ, подобнымъ Корнеліусу и Б. Я не говорю о дагерротипномъ подражаніи природѣ: тогда бы не было искуства, не было бы творчества, не было бы истинныхъ художниковъ, а были бы только портретисты, въ родѣ З.

Великій Брюловъ черты одной не позволялъ себѣ провести безъ модели, а ему, какъ исполненному силы творчества, казалось бы, это позволительно. Но онъ, какъ пламенный поэтъ и глубокій мудрецъ-сердцевѣдецъ, облекалъ свои выспреннія, свѣтлыя фантазіи въ форму непорочной вѣчной истины. И потому-то его идеалы, полные красоты и жизни, кажутся намъ такими милыми, такими близкими, родными.

Либельтъ сегодня мнѣ рѣшительно нравится. Впродолженіи десяти лѣтъ я кромѣ стени и казармы ничего не видѣлъ, и кромѣ солдатской, запуганной, рѣчи, ничего не слышалъ. Страшная, убійственная проза... И теперь, случайный собесѣдникъ Либельтъ — самый очаровательный собесѣдникъ. Искренняя моя сердечная благодарность унтеръ-офицеру Кулиху.

Какъ начался пріятно, такъ и кончился этотъ второй для меня день пріятно. Вечеръ былъ тихій, прекрасный. Для моціону я обошелъ два раза укрѣпленіе. Началъ было и третій обходъ, только у второй батареи остановилъ меня уральскій козакъ своею старинной пѣсней про Игнашу Степанова сына Булавина. Первый стихъ пѣсни мнѣ чрезвычайно нравится:

Возмутился нашъ батюшка
Славный тихій Донъ,
Отъ верховьица
Вплоть до устьица.

Эта пѣсня собственно — донская, но она усвоена и Уральцами, какъ братьями по происхожденію. Я не мало удивился, услышавъ въ первый разъ здѣсь эту пѣсню, — потому-что приходящіе сюда на службу Уральцы большею частію народъ бывалый въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и поютъ все модные нѣжные романсы, захваченные или въ салонахъ на *Козихѣ* или въ *Мѣщанскихъ* и *Подьяческихъ* улицахъ. Такъ я не мало удивился, услыхавъ этого отступника отъ закона моды.

Съ удовольствіемъ слушалъ я незримаго пѣвца, пока онъ замолчалъ или, вѣроятно, уснулъ, — чему и я благоразумно послѣдовалъ. На разсвѣтѣ приснилось мнѣ, будто бы пріѣхалъ въ укрѣпленіе фельдмаршалъ Сакенъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ, и потребовалъ меня къ себѣ. Но такъ-какъ у меня не оказалось солдатскаго облаченія, кромѣ шинели, и то́ — безъ эполетъ, то, пока нашивали эполеты, я проснулся, и былъ сердечно радъ этой неудачѣ.

13 іюля.

Сегодня суббота; вѣтеръ все тотъ же — нордъ-вестъ. Это хорошо. Значитъ, волею-неволею лодка должна дожидаться оренбургской почты. Чѣмъ ближе ко мнѣ это радостное событіе, тѣмъ дѣлаюсь я нетерпѣливѣе и трусливѣе. Семь тяжелыхъ лѣтъ, въ этомъ безвыходномъ заточеніи, мнѣ не казались такъ длинными и страшными, какъ эти послѣдніе дни испытанія. Но все отъ Бога. Заглушивъ въ себѣ, по мѣрѣ возможности, это ядовитое сомнѣніе, я принялся за моего неизмѣннаго друга Либельта и съ наслажденіемъ пробесѣдовалъ съ нимъ до самого вечера. Вечеромъ пошелъ я опять ко второй батареѣ, въ надеждѣ услышать вчерашняго Баяна. Но вчерашній Баянъ обманулъ мои ожиданія. Я возвратился на огородъ, легъ подъ своей завѣтною вербою, и самъ не знаю, какъ это случилось, — уснулъ и проснулся уже на разсвѣтѣ. Рѣдкое, необыкновенное событіе! Такіе дни и такія событія я долженъ вносить въ мою хронику, потому-что я вообще мало спалъ, а въ послѣдніе дни сонъ рѣшительно меня оставилъ.

14 іюля.

Сегодня воскресенье. Вѣтеръ все тотъ же. Не пора ли отойти въ нордъ–осту? О, какъ бы онъ меня обрадовалъ, еслибы хоть къ завтрему отошелъ. Лучше рѣшительный ударъ обуха, нежели тупая деревянная пила ожиданія.

Въ полдень вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Добрый знакъ. Сегодня третьи сутки, какъ я не посѣщалъ — — укрѣпленія. И это теперь мое единственное счастіе, что я безнаказанно могу дѣлать такое укрывательство, а чтобы не видѣть еще сутки топорной декораціи мѣстнаго вертепа и рьяныхъ соратниковъ Вакха, я не побрился и не пошелъ къ обѣднѣ. А передъ вечеромъ, во избѣжаніе встрѣчи съ тѣми же соратниками (они по праздникамъ имѣютъ обыкновеніе нарушать спокойствіе обывателей огорода), я, надѣвши чистый бѣлый чехолъ на фуражку и положивши въ карманъ огурецъ и рѣдьку, отправился къ Филемону и Бавкидѣ. Филемонъ, вопреки своему постоянному расположенію духа, былъ не въ духѣ, а Бавкида, вопреки своей постоянной улыбкѣ, была тоже не въ духѣ, даже не показала мнѣ своей новой соломенной шляпки, о которой я слышалъ стороною. Я вспомнилъ пословицу — *не во время гость хуже татарина*, и взялся за фуражку; но Филемонъ остановилъ меня, просилъ садиться и также просилъ свою печальную Бавкиду подать на пробу недавно-полученнаго изъ Астрахани варенья, а самъ принесъ кружку холодной воды, и послѣ первой апробаціи повѣдалъ мнѣ свое новое горе. Неосторожный и жадный лоцманъ, взявшійся представить ему товаръ изъ Астрахани, нагрузилъ свою утлую ладью такъ грузно, что при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ долженъ былъ половину груза выбросить въ море. Къ несчастію Филемона и Бавкиды, ихъ товары, состоящіе изъ двухъ ящиковъ горячихъ напитковъ и 30 мѣшковъ муки, лежали на палубѣ, и, разумѣется, первые полетѣли за бортъ. Уцѣлѣли только ничтожныя мелочи, какъ–то: варенья, лимоны, соленые огурцы и соломенная шляпка. Откровенная бесѣда, какъ исповѣдь, умиляетъ наше тоскующее сердце. Старики, разсказывая мнѣ про постигшее ихъ несчастіе, пришли въ свое нормальное положеніе. Филемонъ простодушно началъ врать о какой–то стычкѣ съ французами въ 1812 г., а Бавкида показала мнѣ шляпку и даже мантилью, а на прощаньи подарила мнѣ лимонъ, съ которымъ я имѣю

радость сегодня, т. е. въ понедѣльникъ, пить чай, записывая свой визитъ и грустное событіе, совершившееся въ ущербъ торговлѣ моего Филемона и Бавкиды.

Вчера, какъ я сегодня узналъ, не смотря на воскресенье и хорошую погоду, ни одинъ, изъ офицію имѣющихъ, не появлялся на огородѣ. Странная, непонятная антипатія къ благоухающей зелени! Они предпочитаютъ пыль и несносную духоту въ укрѣпленіи прохладной тѣни, цвѣтамъ и свѣжей зелени на огородѣ. Непонятное затвердѣніе органовъ. Настоящіе суровые сыны Беллоны. Одно, чѣмъ я могу растолковать себѣ это отсутствіе обонянія и зрѣнія суровыхъ дѣтей Беллоны, это—всепокоряющая владычица—водочка. На огородѣ, извольте видѣть, хотя и можно пропустить рюмку—другую, потому что самъ на́большій предлагаетъ, но нельзя нализаться какъ слѣдуетъ, не потому, чтобы это было неприлично, а потому, чтобы не очутиться въ мѣстной *калабріи*. Такъ что́ же и въ самомъ дѣлѣ за удовольствіе посѣщать огородъ. Не лучше ли дома, втихомолку, нализаться та́къ, чтобы въ глазахъ позеленѣло? Вотъ тебѣ и огородъ съ цвѣтами и съ благоуханіемъ!

Независимо отъ этой глубокой политики, въ великороссійскомъ человѣкѣ есть врожденная антипатія къ зелени, къ этой живой, блестящей зарѣ улыбающейся матери-природы. Великороссійская деревня, это, какъ выразился Гоголь, наваленная куча сѣрыхъ бревенъ, съ черными отверстіями вмѣсто оконъ, вѣчная грязь, вѣчная зима. Прутика зеленаго не увидишь, а по сторонамъ непроходимые лѣса зелепѣютъ, а деревня какъ-будто нарочно вырубилась на большую дорогу изъподъ тѣни этого непроходимаго сада, растянулась въ два ряда около большой дороги, выстроила постоялые дворы, а на-отлетѣ часовню и кабачекъ, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатія къ прелестямъ природы!

Въ Малороссіи совсѣмъ не то́. Тамъ деревня и даже городъ укрыли свои бѣлыя, привѣтливыя хаты въ тѣни черешневыхъ и вишневыхъ садовъ. Тамъ бѣдный, улыбающійся мужикъ окутался себя великолѣпною, вѣчно-улыбающеюся природою; поетъ свою унылую, задушевную пѣсню, въ надеждѣ на лучшее существованіе. О, моя бѣдная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоимъ живительнымъ, сладкимъ воздухомъ? Милосердый Богъ—моя нетлѣнная надежда.

15 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же—нордъ. Хоть бы на одну четверть румба отошелъ къ осту, все бы мнѣ легче было. Впродолженіи двухлѣтняго плаванія по неизслѣдованному еще Аральскому морю, я одного раза не взглянулъ на компасъ; а въ эти послѣдніе, безконечно-длинные, дни и ночи я изучиль его во всѣхъ самомалѣйшихъ направленіяхъ. О, вѣтеръ, вѣтеръ! еслибы ты могъ сочувствовать моему неусыпному горю, — ты бы еще третьяго-дня отошелъ къ нордъ-осту! и сегодня я бы уже сидѣлъ съ карандашемь въ рукѣ на палубѣ аргонавтомъ татарскаго корабля, идущаго къ берегамъ Колхиды, т. е. Астрахани, и въ послѣдній разъ рисовалъ бы видъ своей тюрьмы. Хорошо, еслибы такъ, а если иначе, — тогда что́? Тогда я и самъ не знаю—что́.

Вчера вечеромъ обошелъ я два раза укрѣпленіе, и, прійдя на огородъ, прилегъ, усталый подъ своей завѣтною вербою, съ крѣпкимъ намѣреніемъ вздремнуть хоть полчасика. Я уже другіе сутки глазъ не смыкаю. Но Морфей, по обыкновенію, измѣнилъ мнѣ, и я лежалъ себѣ подъ вербою и разсѣянно слушалъ болтовню огородниковъ, недалеко расположившихся на травкѣ. Между ними былъ уральскій казакъ,— онъ-то и владѣлъ разговоромъ, или болтовнею. Послѣ разныхъ случаевъ, случившихся съ разказчикомъ въ разныхъ походахъ, свелъ онъ рѣчь на колдуновъ, мертвецовъ и, нааконецъ, и самоубійцъ. Онъ разсказалъ исторію о какомъ-то самоубійцѣ, которая меня совершенно не интересовала, но меня заинтересовало религіозное повѣрье уральскихъ казаковъ о душѣ самоубійцы, которое онъ при этомъ случаѣ разсказалъ. Самоубійцу хоронятъ безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, и не на общемъ кладбищѣ, а выносятъ далеко въ поле и закапываютъ какъ падаль. Въ дни поминовенія усопшихъ, родственники несчастнаго, или просто, добрые люди, выносятъ и посыпаютъ могилу хлѣбнымъ зерномъ, житомъ, пшеницею, ячменемъ и прочая, для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили Бога объ отпущеніи грѣховъ несчастному. Какое поэтически-христіанское повѣрье!

На моей памяти, въ Малороссіи, на могилахъ самоубійцъ, совершался обрядъ неменѣе поэтическій и истинно-христіанскій, который однакожъ кому-то показался обрядомъ языческимъ, и потому велѣно уничтожить. —

Въ Малороссіи, самоубійцъ хоронили также въ полѣ, но непремѣнно на перекрестной дорогѣ. Впродолженіи года, идущій и ѣдущій мимо несчастнаго покойника, долженъ былъ что-нибудь бросить на его могилу,—хоть рукавъ рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истеченіи года, въ день его смерти, а болѣе—въ *зеленую* субботу (на канунѣ Троицына дня), сжигаютъ накопившійся хламъ какъ очистительную жертву, служатъ панихиду и ставятъ крестъ на могилѣ несчастнаго.

Можетъ ли быть чище, возвышеннѣе, богоугоднѣе молитва, какъ молитва о душѣ нераскаявшагося грѣшника? Религія христіанская, какъ нѣжная мать, не отвергаетъ даже и преступныхъ дѣтей своихъ, за всѣхъ молится и всѣмъ прощаетъ. А между-тѣмъ, *нѣкоторые* отвергаютъ именно тѣхъ, за которыхъ должны бы молиться. Гдѣ же любовь, завѣщанная намъ на крестѣ нашимъ Спасителемъ-человѣколюбцемъ? И что языческое нашли вы въ этомъ христіанскомъ, всепрощающемъ жертвоприношеніи? — — — — —

Туркменцы и Киргизы святымъ своимъ (*аулье*) не ставятъ, подобно богатырямъ, великолѣпныхъ *абу* (гробницъ): на трупъ святого наваливаютъ безобразную кучу камней, набросаютъ верблюжьихъ, лошадиныхъ и бараньихъ костей, остатки жертвоприношеній, ставятъ высокій деревянный шестъ, иногда увѣнчанный копьемъ, увиваютъ этотъ шестъ разноцвѣтными тряпками, и на томъ оканчиваются замогильныя почести святому. Грѣшнику же, по мѣрѣ оставленнаго имъ богатства, ставятъ болѣе или менѣе великолѣпный памятникъ. Противъ памятника, на двухъ небольшихъ изукрашенныхъ столбикахъ, ставятъ плошки: въ одной, ближніе родственники жгутъ по ночамъ бараній жиръ, а въ другую плошку, днемъ, наливаютъ воду для птичекъ, чтобы птички напившися воды, помолились Богу о душѣ грѣшнаго и любимаго покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, въ чистотѣ и возвышенности которой вѣроятно бы *нѣкоторые* усумнились и запретили бы какъ языческое богохуленіе.

НЕ ТАКЪ ЖДА́ЛОСЯ, ДА ТАКЪ СКЛА́ЛОСЯ.

I.

Живъ колись у насъ на селі козакъ Степанъ Дубро́ва. Замі́жний бувъ чоловікъ, сказати: що́ поля, що́ скоти́ни, а найбі́льшъ—бджоли́. Бува́ло, хлопцями ще, позбі́раемось на *Головосіка* до Степа́новоі пасіки: «ді́дусю, дай меду!» Стара ёго то часомъ и гримае було на насъ, а старий—ніколи: наріже у миску стельникі́въ, та доцці́ у руки, — а та вже и роздае́ намъ черезъ тинъ по шматочку.

За́ молоду Дубро́ва чумаковавъ, дакъ тамъ десь, далеко, и одружився. До́бра, наче, и людина була ёго жі́нка, тільки пановита дуже; вже була стара, а ще подавай ій и спідниці баёві, и юпкі габзёвані, зъ мі́щанъ, кажуть, була́, чи-що. И до нашого брата, про́стого козака, не хилилась якось (невроку ій, нехай царствуе), чубрі́ями звала:—чубрії, каже. Семья въ ёго була чимале́нька, да Богъ прибравъ до се́бе. Я знавъ жі́нку ёго Стеху, та дочку Христину. Да живъ у ёго приймі́тъ Микола, — хто й що—святі ёго знають! Була ревизія,—хлопця й привели до волости, не знаю відкіля́. Хлопья жило у шпиталі́, росло въ поводиряхъ, да тільки й знало, що ёго зовуть Миколою. Привели, покинули. Хлопця у ревизію записа́ли, а де ді́тись сироті́—людямъ и клопі́тъ мало. Тра́пилося Дуброві йти коло розправи; ди́витця — хлопья и бо́се и го́ле, — лу́пае очи́ма коло ganокъ да ковтае сле́зи; може — то сердешне день-деньскій и хліба у ві́чи не бачило. Старий до хлопця,—мовчить; другі́ вже розказали; воно тільки такъ жа́лібно, каже, дивитця на старо́го. «Такъ якъже вон», панове—громадо, зъ ці́мъ хлопьямъ буде?» пита́е Дубро́ва.—Записали, кажуть, у ревизію: нехай теперъ батька та матері шука́е.—«Такъ!» каже Ду-

бро́ва: «тíльки *поки сонце зíйде, роса очи вúсть*. Кажíть минí, панове, сёго хлопця до сéбе узя́ти; я буду й ростити, и подушне за ёго платити.» — За всí го́лови!—кажуть. Взявъ, отто, Дуброва Миколу до себе, та й виростивъ, — грíхъ сказати, — якъ рíдну дитину.

II.

Микола й Христина росли собí у-купí — и выросли. Любо було й чужому дивитись, якъ изíйдутця воны́ на роботí: обое молоденькі, обое трудящі,—и дíло робитця, и пíсня луна́е. Микола якось бувъ неговíркий, все вече сумýе, або думае що, а Христина, якъ та ча́ечка, прудка та весела. Посядуть було оддихати, Христина, знай, щебече: и хто на ю́лицю ходить, и хто кохае кого, и коли рушники даватимуть, все таке, вúсти́мо, дíвоче; Христина щебече, Микола слухае, а одно зъ одного й очей не зведе. Старий було́ ча́сомъ пíдкрадетця до молодя́тъ, слухае, слухае, перехри́стить дітей издалíкъ та й пíде собí геть, усмíхаючись. Гарна була дíвчина Христина, ясноока, чернобрива; и Микола бувъ незгíрший парубокъ. Якъ теперъ ба́чу: високий, на лівій щоці значокъ родимий, поглядъ такий поважний, а дíло въ рукахъ кипíло. Настане було́ лíтечко свяге́: старий коло бджолú, стара́ зъ дочко́ю у господí, а на полí Микола зъ наймитомъ юрядкуе. Вийде, иноді, старий на поле одвíдати, — усе якъ слíдъ, усе гаразд, — Микола радіе, якъ дитина рідна.

— До́бра въ насъ, жíнко, дитина, Микола, — загомонíвъ разъ старий до жíнки: — роботящий, слухмяний, — и насъ поважае, та й по селу, опрíчъ доброго, нíчого про его не чути.

— Треба бути роботящимъ, треба бути й слухмянимъ,—одка́зуе жíнка. Не роби, не слухай—проженуть: тоді—куди голову прихили́ти?..

— Може воно й такъ, стара́, може й не такъ; а Микола, все таки, велика намъ помíчъ... Дасть Богъ ёму долю, и ми ёму поможемо: великимъ ні-зъ-чого, а півсотні грошей, да пара волівъ, и у насъ найдетця Миколí на нове́ хазяйство.

— Такъ, такъ, старий!... дочка рушники готу́е... якъ бу́дешъ кожному наровúцí зъ півсотнями роздавати — дождесся зятя!..

— А правду кажешъ, стара́: воно й лучче, якъ би не дава́ти

Мико́лі ні паровиці, ни півсотні... поглянь, ді́ти такъ гарно, здаетця, живуть поміжъ собою.

— Дакъ щобъ, — якъ се?

— А та́къ: нехай би імъ безъ по́ділу усе, що ми зъ тобою придбали на віку. Микола—добра дитина—сказати; луччого зятя намъ би й не треба.

— Схаменись, старий! чи то жъ до діла-таки, едину дитину віддати за чоловіка, що може де підъ тиномъ на світъ народився?. Христина у насъ, дякувати Господеві, якъ и въ людей: и худоба, и врода... ні, старий, ніяко. До́бра дитина!?. треба бути добримъ, нігде ді́тись; чи батько заступитця, чи мати, чи, може, рі́дъ поважний, чи худоба вели́ка?.. Не будь добрий,—такъ и слова промовить ніхто не захо́че.

— Дурень ти еси,—баба! — одказавъ старий жінці.

У Степана така вже вдача була: якъ що не по ёго, вінъ верзікать довго не буде, — махне рукою: «дурень ти еси, — баба!»—хочъ би то була зовсімъ не баба, а спражній чоловікъ.

III.

У Дуброви бувъ свій лісъ, а въ лісі — сінокоси добрі. Діждали Зеленихъ Святъ. «А що, ді́ти». каже старий: «дівоча косовиця настае!» — а тимъ того й треба, — *до се́го торгу і пішки.* Забрала Христина дівчатъ, та й до лісу; а въ лісі жъ то въ ту пору любо та гарно: бджоли гудуть по вітамъ пахучимъ, соловьіна пісня горохомъ сиплетця по зеленому рясту, а квітокъ, а пташо́къ—рай Божий, та й го́ді. У насъ що-году: зберутця дівчата, да гуртомъ на сіно́жаті, да днівъ у два, въ три, зайграшки и повгребають сінокоси и въ того, и въ другого, и въ третёго, ажъ воно й геть до́бре.

На другий, чи на третій день, стали дівчата до-дому збіратись; воно щебъ и не пора трохи, да Христині тілько до—дому чогось треба.

— А ти, Миколо?—питае Христина.

— Я зъ кіньми тутъ зостанусь,—одказавъ:—а завтре у обі́дню пору приіду.

— Лучче бъ сёгодні, Миколо: на юлицю пішли бъ; тамъ теперъ такъ весело,—Васи́лёвичь прихавъ.

— Який Василёвичъ?—питае Микола.

— Василя Калю́жного, що́ въ окрузі́ бувъ — хиба не знаешъ? — Прі́хавъ до насъ у розправу писарувати. Не нашихъ парубкі́въ — сказати: на вигадки та на прикладки, то й пари ёму нема, — у жупані́... Прийди Миколо!...

Миколу мовъ би вкололо що.—Побачу,—каже.

Дівчата пі́шли співаючи до-дому, а Микола у лі́сі зоставсь; ходить козакъ, — самъ не свій, наче у москалі́ зібра́вся. Смеркло.— Поприпинай, Грицю, лошятъ, та й на коней поглядай, — каже Микола наймитові: а я піду вівса одві́даю въ ярузі, щобъ часомъ спашу́ небуло. Пі́йшовъ, да мабуть, заблудивъ сердега: опинивсь не въ ярузі, а прямі́сінько на юлиці коло дівчатъ.

— Микола..! що це ёму сталось?.. на-силу!.. закричали дівчата.

Поздоровкавсь Микола зъ дівчатами; дивитця—поміжъ дівчатами паробі́чка, — въ жупанині, — на голові козі́ръ. — Оце-то воно... гмъ!... Сі́въ. Спі́ви, ре́готъ, — звісно—юлиця; а писаръ, якъ те шило: одну обні́ме, другу поцілуе,—часинки не поси́дить тихо: такъ и шнипорить усю́ди... а найбі́льшъ залицяетця до Христини. Обі́зветця який парубокъ, — він заразъ и пришие квітку: дівчатамъ реготъ, парубкові соромъ... Посидівъ Микола, подививсь — «прощайте, дівчата!»

— Миколо, не втікай! ще рано,—просють дівчата.

— Крамно́го—немного,—обізвавсь по панськи писаръ.

— Нехай же тебе, Миколо, вовки зсідять,—закричали дівчата, коли — нехочешь гуляти зъ нами.

— Чого доброго!—приложивъ писаръ,—бо вінъ бараномъ пахне. — Дівчата зареготали.

Повісивъ голову Микола, иде; ёму й байдуже, що тамъ глузують зъ ёго. Вийшовъ за царину; пахнувъ зъ поля свіжій вітерець—Микола ніби прочнувсь. Посто́явъ—посто́явъ.... «вернусь!» каже: «може се вона та́къ, може се воно нічого; роспитаю про все, роскажу про все, чи такъ, чи не такъ:—нехай буду знати свою долю. «Прийшовъ до воріть—не засунуті; вінъ сівъ на колодці, — жде́. Коли́ та́къ, геть-геть уже, бубонить щось по юлиці — вінъ за ліску й сховався; ближче — Христина зъ писаремъ, — постали підъ воріть ми. Писаръ та́къ любенько заводить... Слуха Микола.

— Ні,—каже Христина — ніяко: побачять люде, осудять; лучче виходь на юлицю—на юлиці побачимось и поговоримо.

— Моя перепілочко! при людяхъ я не хочу. та й невгаренъ розказати, якъ вірно та щиро тебе люблю; а въ садочку, Христино, опрічь соловейка, нікого нема, ніхто й не побачить, ніхто й не осудить. Посядимо любенько підъ вишенькою, підъ рястомъ пахучимъ: нехай собі співа соловейко; а я бъ тобі усе́ росказавъ, Христино, все: що въ мене й на думці, що въ мене й на серці... вийди, моя ясочко!...

— Побачу,—каже, да й стрибнула у ворота.

— Постривай же, серце, поцілу́ю, ще разъ—ще....

— Оце,—каже,—якъ тобі се цілованя,—та й засунула ворота.

— Побачу!.... гмъ.... — пробурчавъ усміхаючись писаръ, — вийдешь! зъ носа видно!—Викресавъ огню на люльку, та й потягъ назадъ, співаючи.

Піднявся Микола. Місячко вже гень-гень височенько. По небу блакитному хмари плили́ тихесенько, да білолиций, якъ той лебедь у хви́лю на озері, то виринае між іми, то потопае; а на селі тихо-тихо, наче й душі живої нема. Дивитця Микола, кругомъ озираетця, ніби не второпае де́ вінъ, и якъ? Злігъ на лісу, постоявъ, постоявъ, здихну́въ важко, та й нюплентавсь сердека до га́ю.

IV.

Христині минуло шостнадцять; розви́лася, росцвілася дівчи́на якъ квіточка рожева. Мати було й очей не зводить зъ любої дитини. «Зіронько моя вечірняя, крале моя ясноока, тобі й чоловіка немае у нашому селі — чубріі все», частенько, було, говорить своій доні стара, жалуючи. «Чи таки жъ припадае оттакимъ білимъ ручи́цямъ піклуватись коло мужицького діла»?... Багато паробківъ, багато й матерокъ закидали око на Христину, да не знали зъ якої й підступити. Дуброва на багатство не вповавъ,—це всі знали; знали и те, що Дуброва любить Миколу якъ рідну дитину. А проте и Микола бувъ таки́й парубокъ, що хоть би й хотівъ чимъ зга́нити — не зуміешъ.

— Мині здаетця, старий, чи не лучче бъ намъ уже Миколу поблагословити на всі чотирі,—каже разъ жінка Степану:—виростили, викохали — нехай зъ Богомъ иде у люде, да шукае собі долі, а то кожне думае, що ми въ зяті ёго собі готуемо. Христині найдутця хороші люде.

— Пошли, Го́споди,—каже старий.—Тільки я спершу казавъ и теперъ кажу: луччого намъ зятя не треба, якъ Микола; коли и дітямъ пошле Господь любовъ да совітъ, я за иншого дочки не ддамъ.

— Отцёго вже, старий, не буде.

— Дару́й, Господи, щобъ було.

— Не буде.

— Поба́чимо...

— Поба́чимо!... такъ—бачъ, чого твій Микола якъ сичъ той, ставъ похожати, що слова не добьесся.... Ажъ и вінъ, мабуть, задумавъ у чужімъ добрі господарювати,—побачимо!

Такъ було́ й частенько. А Микола не знае и не відае, що за ёго́, сироту, безъ ёго́ вини, недобре поміжъ старими заводитця. Приіде зъ поля, візьме що треба, та й зновъ на поле. Вістимо—літо; літомъ хліборобова хата—степъ широкий. То бувъ небалакливий, а то́ й ище лучче мовчавъ, да тільки не господарство въ чужімъ добрі, а инши думки збавили речи козакові....

Разъ—такъ—приносить Христина обідати Миколі на поле. Сіли підъ возомъ, а Микола—чи істи, чи не істи.

— Який ти невеселий ставъ, Миколо,—озвалась Христина: и на виду змарнівъ... може, нездужаешъ?

— Богъ милувавъ по который часъ,—каже́.

— У тебе, Миколо, щось недобре на думці, та не кажешъ,—недобрий ставъ. Мати казали, що ти скоро покинешъ насъ, — не кидай, Миколо!

— Я покину? кого? васъ?

— Некидай, Миколо! укупі́ зросли, укупі и жити. Може, тебе щоденна ся праця сушить; я—таки́ батькові казала, що десь Миколі и оддихати не треба — усе на роботі, усе на роботі.... Та не довіку, Миколо, будемъ день при дні працёвати: я останне́ літо оце хожу по полю, да піклуюсь ніби крепачка гіркая. Буде́, дасть Богъ, скоро и хата съ кімна́тою, и істи́ и пити и хороше ходити; и ти, Миколо, знайдешъ собі пару, та й будемо жити любенько укупці?...

— А ти собі хиба́ найшла вже, Христино?

— Я? ні... одказала Христина, та й почирвоніла.

— А відкіля жъ се на тебе такий панській вітеръ віе?..

Христина ще й більше почирвоніла.

— Не соромайся мене, Христино! коли ти кого щиро полюбила и тебе тежъ, я перший радітиму твоій долі.

— Спасибі тобі, Миколо. И мати радіють, що, може, скоро я не буду мужичкою...

Микола здихнувъ. Посиділи, ще поговорили, Христина за горшки, та й до-дому.

Оставсь Микола; провожае очима Христину, й очей не зведе; а вона поспішае співаючи до-дому, да якъ та перепілочка, здаетця, и ніжками до землі не черкаетця. Христини вже давно и не видно, а Микола стоіть, дивитця.... потімъ утеръ рукавомъ очи, да й зновъ за сóху—ниви добрувати.

V.

— Не гніви Бога, стара: за́ що-таки ти Миколу такъ обіждаешъ?—обізвавсь одного разу старий Дуброва до жінки.—Лучче сироту зъ двора прогнати, а ніжъ докоряти ёму кускомъ хліба. Чи вінъ же ёго даромъ ість у насъ? Поглянь-лишъ, який вінъ на видъ ставъ... камьяна́ душа—и та бъ пожаліла.

— А чи можна жъ зтерпіти, коли твій Микола обезглуздівъ зовсімъ?.. *Ему кажи́—та́ту, а вінъ каже—ка́ту*,—якъ навіжений... Коли не мусишъ до ладу ді́ла робити, такъ и хліба чужого не іжъ.

А Микола, справді́, наче збожеволівъ: ёму треба у Черне́щину, а вінъ опинитця у Шкра́бовці, — поіде по сіно, а ли́квъ привезе. Заманулось разъ старому одві́дати на поле,—сіяли жито. Приходить—Микола сіе.—Помогай Бі́гъ, Миколо!—«Спасибі, дядьку.» Старий ближче,—ажъ Микола сіе гречку. Дивитця старий на Миколу, а той блідий—блідий... куди́ тутъ лайки!... пригорнувъ ёго: —Миколо, сиро́то мій безталанний! прости мене, мій голубе! тяжко, бачу́, виходить тобі хлібъ мій, моя дитино.... Микола счепивъ руки: «Дядьку! я... мині...» Годі, годі, Миколо,—каже стари́й: не журись, не плачъ,—усе́ бу́де якъ слідъ, усе буде гараздъ...—а въ само́го такъ и котятця зъ старихъ очей слёзи.

Гірке життя ста́ло Миколі: одно те́ що Христина.... а друге — мати. Такъ и ість, такъ и ість наче іржа зелізо. Обізветця ча́сомъ старий—куди́!

— Погане въ нáсъ життя,—нехай де лучче шукае:—не привьязаний!—каже жíнка.

Дождали Покрови. Сидять такъ разъ у вечері, и діла ніякого не роблять, и речи нема, коли забрехало на двíрні. Трохи згодомъ, увіходить двое сусíдівъ, поважні люде, у новихъ свитахъ, красними поясами підперезані, у одного підъ правицею хлібъ у білій хустині. Поздоровались, привітались. — «Покланя́лись вамъ, кажуть гості, Василь и Василиха счастямъ та здоровьямъ та хлібомъ святимъ.»

Стара заслала білою скатертиною стілъ, просить дорогихъ гостéй до покутя; така весела, говірка, и запіканої поставила на стілъ кубишечку. Сидять, гуторять про се да про те, звичайно, якъ свати.

— Дакъ якъ воно буде, пане Степане?

— А такъ буде,—каже Степанъ: — покланяйтесь и відъ насъ Василю и Василисі счастямъ та здоровьямъ, дякуйте за іхъ ласку, та повагу щиру, панове. Хліба святого не цураемось, а дочки цей годъ не оддамъ,—молода. Більшъ погуляе, луччимъ згадае батька старого.

Чого вже не робили, що́ не говорили, на Степана наче пеня московська напала: не оддамъ до году, та й не оддамъ; съ тимъ свати й до дому повернулись.

Стара́ и руки попустила; не придумае, не пригадае, якъ-таки за такóго чоловíка якъ писаръ — дочки не оддати: — се не чубрíй який! первий чоловікъ у селі, судить и рядить якъ знае, кожному прúйдетця до ёго съ покірною.... «Обезглуздівъ, каже, «старий та й годі! Да не бу́де жъ и по ёго, не дíжде й приблуда моімъ зятемъ бу́ти!...»

Зробилась хата Степанова гіршъ пе́кла. День-у-день сварка, та лайка, та слёзи; а що вже терпівъ Микола — Господи! Нехай би стара́, а то й доня; и тíй мати натруюдила—чого знала; довелось Миколі и одъ Христини терпіти и речи недобріі, и зневагу. А того́ вінъ ждавъ?... Того серце сподівалося? Глянешь було на паробка — серце щимить. Усі знали що вінъ терпівъ у Дуброви, а щобъ вінъ ставъ на кого жалковатись—ні въ свíті!

VI.

— Бачъ, старий, на мое й вийшло! Отъ тобі й добра дитина! бачъ, яка добра! якъ водивъ старці да ночувавъ по-підъ тинью,

такъ тоді и дядечко и тіточко, и сухі и немазані; а викохали да виростили, згинувъ якъ харцизяка, и спасибі за хлібъ-сіль нашу не сказавъ... Мовчишъ, старий? не любо правду слухати?

А Микола и справді згинувъ. День, два — нема. Коли такъ, тижнівъ у два чи-що, прийшла до волости бумага за Миколу; почувъ старий, да мерщій туди, питае: що? якъ?

— Иде, кажуть, вашъ Микола охотою у москалі,—такъ начальство учинило запросъ: що вінъ и якъ?

— Такъ якъ?

— Громада одвістила, що препятствія не имієтця, а що Микола добра людина. Здихнувъ старий: «добра людина, промовивъ, тяжко добра»!...

Почула и стара зъ дочкою: раді-раді! думка, — теперъ старому нічого пручатись, а старий все-таки свое: не 'ддамъ до году, та й не 'ддамъ, и то ще, каже, коли покине писарувати.

— Да схаменись старий, чого це ти коверзуешъ? подумай, які люде! Богъ дае дитині долю, а вінъ — нехай покине писарувати! Писарь—первий чоловікъ у селі; Христина за імъ якъ у Бога за дверми житиме: и дома панство, и въ людяхъ повага, на хвості не посадять, да и намъ кожне голову схилить.—А тутъ и доня пристане: и таточку и голубчику, не губи своеі дитини единоі, лучче мині зъ мосту та въ воду, ніжъ зъ иншимъ одружитись.

Якъ до стіни!

Дождали *Дмитра*.—Якъже хочешъ,—домовляетця стара: буде каяття, та не буде вороття; дождесся ти, старий, лихоі години, гіркими слізьми заплачешъ на старости віку... плачь тоді на свою голову!... Та й почала щось на вуха шептати.... Старий ажъ здрігнувъ. Побілівъ, побілівъ: «необачная ти мати,» каже, та й заплакавъ.... А черезъ тиждень, чи-що, молодихъ и перевінчали.

Якъ понуривъ старий Дуброва голову, такъ и весільля не помогло. Пьютъ гуляють у хаті, а Дуброва ходить по двору смутний ти мовчущий. На другий день, чи на трейтій, весільні поіхали у Шаболтасівку, верстовъ шість, коли знаете, у перезву; тамъ дядько живъ молодого, а дома старий зъ наймитомъ зостався. Обіднёі такъ пори, сидить Дуброва кінець стола, сумуе, — коли рипнули двері. Піднявъ старий голову.

— Москаль! Микола! — Скочивъ дідъ та до ёго: зрадівъ, — зрадівъ! то цілуе, то христить; спитае одно, друге, та зновъ на-ново.

— Мене, дядьку, вибрали у гвардіёнці,—каже, Микола: гонютъ у Петенбурхъ; такъ я ублагавъ старшого, спасибі ёму, та й прийшовъ одвідати васъ, та подякувати за хлібъ-сіль вашу, дядьку.

— Добре, Миколо, добре, спасибі... Та який жэ ти красний ставъ, мій голубе!...

— Трохи нездужавъ, каже. Звісно,—и люде незнакомі, и порядки не ті... поки привикнувъ.

— Такъ, такъ,—каже Дуброва, хитаючи головою: поки привикнувъ,— эге́....

Старий, здаетця, на все забувъ, мовъ повеселішавъ: росказуе Миколі и те и друге. Заспівали півні. «Отъже я зъ–дуру и геть загуторивсь зъ тобою, Миколо, а тобі зъ дороги и одпочити бъ треба; лягай же, сину, або́–що.

Переночували. «Такъ якъже оце, Миколо, непобачивши моіхъ и йдешъ,—каже старий, дивлючись що той вже лаштуетця у дорогу.

— Неха́й імъ Богъ дае щастя та здоровья,—каже Микола: и радъби побачити, та не можна,—на три дні тільки пущено. Чого ни робивъ старий—не можна та й неможна.

— Молись же Богу, Миколо! — Одбивъ Ми́кола три поклони, одбивъ три поклони и Дуброва старий.

Потімъ знявъ зъ божниці образъ невеличкий: «ходи́ сюди, Миколо.» Микола підступивъ, ставъ на вколі́шки. «Благослови тебе Боже, якъ я благословляю тебе, люба дитино моя! пошли тобі, Господи, вікъ довгий, розумъ добрий та долю щасливу»... схопивъ за голову, ще хотівъ щось казати, та й не сказавъ за слёзами.

— Слухай же, Миколо, що я тобі, може, въ останній разъ, казатиму. Бійся Бога, не бійся труда, не обіждай ме́ншого. Отцей гаманець, — тутъ сто рублівъ — возьми; се не плата за твою працю въ моімъ добрі—Богъ тобі заплатить за твою щиру правду!.. Не пручайсь, Миколо, — возьми; необіждай хоть ти мене на старости віку. Знаю,—поки ти здоровъ, чужі гроши тобі не въ жадібку, да на віку усяко бувае, моя дитино. Боронить тебе Богъ одъ немочи, або и́ншого лиха несподіваного,—оддай ці гроши за упокой души; ти сирота, Миколо, умрешъ,—такъ и помянути нікому.

Помолились Богу ще разъ, пойшли. Вийшли за царину—»Прощай, Миколо«, каже старий, »не забувай що я казавъ тобі. *Не такъ ждалося, да такъ склалося:* Божа воля!«...

Попрощались; старий пішовъ до дому, а Микола своею дорогою.

Иде сердека, а на полі—ні души живої. Зійшовъ на Кручиківъ-Грудъ, що коло дороги,—степъ, кругомъ степъ. Весело дивитись на степи наши безкраі, любо козацькій душі оглядати те широке роздольля степове, тільки не тоді, якъ немае въ тебе на світі ні хатини, ні родини; на степу широкімъ, безрідному сироті у-двое важче его сирітство. Поглянувъ Микола округи, поглянувъ на село, де звіковавъ вікъ свій молодий, на хатки знакомі, на садки вишневі, и гірко, гірко заплакавъ.

VII.

Минуло годівъ десять, чи й лучче. У дворі старого Дуброви господарюе писаръ Калюжний,—и двіръ не той зробився: те повалене, друге похилене, наче й хазяіна у дворі немае. Оженившись, писаръ спершу потроху, а потімъ и геть, ставъ пить. Старий було часто благае зятя: »покинь, сину, писарувати: писарство цее до добра не доведе!« Зять би, може, й послухавъ, коли жъ стара́... тій панство, да шаноба людьска на умі. За животи старого ще й туди-сюди було, а якъ умеръ, пішло по-паньскій. Наведе було зять день у день гостей: щобъ и те було, щобъ и друге було, а де его взяти—ему и горенька мало. Годівъ черезъ шість и старій вічну памьять заспівали: старий ранше Богу душу оддавъ. Зосталась на господарстві Христина съ чоловікомъ, и дітками Богъ благословивъ; а тутъ—и те треба и другого нема, а хазяйство зъ недогляду небагато давало. Чоловікъ зъ ранку до вечора у росправі, а въ вечері хочъ и тутъ, дакъ же такий, що ні любові одъ его, ні совіту, ні слова ласкавого. Кинетця було Христина по хазяйству сама, дакъ щожъ? одна голова за все... друге—діти дрібніі, и коло ихъ треба, а чоловікъ не звикъ, бачъ, до мужицького діла. Нема чого,—думати довго не буде,—нивку по боку.

Сидить такъ разъ Христина у хаті, сумуе, латаючи сорочечки дітямъ. »Господи, каже, чи не лихо яке ще крадетця до мене! на серці мовъ гадина вьетця...» коли сусідка на двері: »Христино, серце, лишенько твоій головоньці!..« Христина такъ и обмертвіла. »Везуть твого чоловіка у турму, вже въ путо закований.» И нестямилась Христина, якъ прибігла до росправи. Благае, плаче: »не можно, каже становий, начальство велить. Твій чоловікъ, голубко, фалшиві пашпорти постачавъ, да и суми *обчеськоі* недоста́ча.« Чого вже

ни робила сердешна, щобъ якъ-небудь одзволить чоловіка, худобу ростратила, здоровья занапастила, а чоловікъ все-таки пішовъ туди, де козамъ роги правлять.

Зосталась молодиця, якъ тамъ у пісні співають: ні солдацькою жоною, ні мужнёю удовою — бодай нікому хрещеному такъ не зоставатись!...

У годъ такъ, чи въ два, ишли москалі черезъ наше село, становилися на ночліги. Кому треба іхъ, кому й нетреба, усюди налізло. Ви, може, бачили коли, якъ поведуть іхъ по селу по кватеряхъ?— кумедія! Кожний такъ и дивитця, дé більши хаті, або двіръ, туди прямуе, а того й не зна бідолаха, що зъ великого двора часомъ и миши повтікали. Коло Дубровиного двору трохи небились, кажуть, думка-то: «оттутъ можна и питеньнямъ и іденьнямъ підживитись« — о бодай васъ! »бувъ квасъ, якъ кажуть, та небуло васъ, а настало квасило, дакъ и васъ розносило!«

Переночували, пішли. — Подивись, мамо, що це таке? — каже старша дочка Христині, подавши ремінний гаманець.

— Де ти взяла, доню?

— Мету хату, коли лежить підъ лавкою, де москаль ночувавъ.

— Положи жъ, — каже, — підъ горщокъ, на полицю: вернетця москаль — оддаси. Не бійся, вінъ не битиме.

— Вінъ не сердитий, мамо. Учора вибігла я зъ хати, а москаль сидить на призьбі — злякалась такъ! — а вінъ до мене: »не бійся, каже, дитино, не бійсь,« та до мене; узявъ за руку, пита: де твій батько, де мати. Батька, кажу, на Сибіръ задали, а мати въ кімнаті лежять — нездужають. И про діда питавъ, да такий ласкавий, мамо, такъ усе любо дивитця мині въ вічи.

— Добра якась людина, спасибі ему; и вечеряти не дали, а вінъ и слова поганого не сказавъ.

— А сёгодні, мамо, раненько, ми дивимось зъ печи черезъ комінъ, що то москаль робитиме, а москаль дивитця черезъ щілочку въ кімнату, де ви лежите, довго дививсь, потімъ ставъ Богу молитись, а слёзи ему такъ и ринуть зъ очей. Може й москалеві, мамо, жалко стало, що ви нездужаете.

Вже й півдня—нема москаля; день, два—нема. «Подай мині, доню, той гаманъ, що москаль забувъ,» каже Христина: що воно таке?« Розвязала—гроши, перелічила—сто рублівъ. Чудно Христині, що така велика сума, а москаля немае; тиждень и другий — нема.

Візьме Христина гаманъ у руки, дивитця-дивитця.... де вона ёго бачила?..

— Чи ти бъ угадала, доню, того москаля, що бувъ у насъ на кватері?

— Угадала бъ, мамо. Високий, чорнявий, вуси такі великі.

— А на виду, нічого въ его немае?

— Нічого нема — на лівій щоці значокъ такъ невеличкий, чогось.

Здихнула Христина, тяжко здихнула. »Мамо, мамо, каже, прости тобі Боже, на тімъ світі, за мою и за ёго нещасливу долю!«

Съ того часу Христина все ніби дожидала кого. Вечіръ зайде— Христина повкладае більшихъ спати, а сама за ворота зъ малою дитиною. Було и геть и геть мисяченько підійметця въ-гору, а Христина усе сидить за ворітьми да въ кінець юлиці поглядае. А про москаля більшъ и чутки не було.

П. Кузьменко.

Писано 1861 р.
въ Понорниці.

АНТІНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТАНСЬКІЙ.

(Легенда).

Давно се діялось, ще тогді, якъ гетьмани заправляли Україною, живъ на Вкраіни славний лицарь, вельможний панъ, полковникъ кіевскій, Антінъ Михайловичъ Танський. Багато було у ёго людей и худоби; багато земель, селъ и хуторівъ подарувавъ ёму царь Петро; багато накуповавъ Танській, узявши за жінкою, Параскою Паліівною, посаху дві куфи польского золота и срібла, а ще більшъ однявъ вінъ, гвалтомъ, одъ убогихъ козаківъ и посполитихъ.

Знали и поважали Танського въ Украіні и Польщі; ходила чутка про ёго щедрість и прихільність до ври православної и по далекихъ земляхъ турецькихъ, де ворогъ Христа мордуе христіянина.

Частенько відтіля, зъ обителей сербськихъ и болгарськихъ, а найбільшъ зъ гори Ахвонської, приіздили до насъ, на Украіну, ченьц и ніколи не вертались додому безъ багатіхъ дарівъ; щедро наділявъ побожний украінець своіхъ безталанних братівъ. Чи мало попередававъ и Танській грошей и подарунківъ на Ахвонську гору; имья ёго поминалось тамъ міжъ *строителями и благотворителями храма сёго.*

Разъ, якось, велика халепа постигла Ахвонську обитель. Ватага навіженних бісурманівъ поруйновала церкви, пообдірала ризи зъ иконъ и забрала церковний скарбъ. Ченьці поховались по горахъ, да байракахъ, а якъ одійшли вороги, зібрались на руінахъ плакати, да сумовати.

«Не журітця, діти,» почавъ сивий якъ голубъ игуменъ: «отчаяние—великий гріхъ! Се намъ за наши гріхи пòславъ Господь; не плачте, бо ще живуть въ Москòвщині и Украіні божі души,—вони посóблять намъ и, може, коли божа милость, зновъ во славу ёго одправ-

лятимемъ службу на нашій святій горі». Благословивъ вінъ трохъ ченцівъ и послався ихъ у Москву и на Вкраіну.

Холонуло серце земляківъ нашихъ, слухаючи оповідання ченцівъ. Останній шелягъ давала имъ бідна удова; повною жменею сипавъ вельможний панъ золото у чернечи капшуки; церкви и манастирі давали свої сосуди; Антінъ Танський подарувавъ барило червінцівъ. У ёго ховали мнихи свій скарбъ и зновъ росходились, щобъ зібрати щé більше. Дивовався Танський, дивлячись на те золото: «уся моя худоба», думавъ вінъ, «не винесе проти сёго». Заздрість и скнарість дерли ёго за серце.... Отъ, привезли ченьці и остатні гроши, щобъ зібрати усе до купи и у раньці рушити за гряницю. Підійшовъ Танський підъ благословение и привітавъ ихъ, якъ дорогихъ гостей.

Настала нічъ. Позасинáли ченьці, а Танський не спить: ходить и ходить вінъ по світлиці и думае тяжку думу. Передъ світомъ кличе вінъ до себе слугъ своіхъ, братівъ Петра да Семена Недовірківъ и Матвія Скарбовського.

«Здорові були, вірні мої слуги,» — озвався до іхъ панъ, да наче не своімъ голосомъ. «У раньці поідете ви у слідъ за ченьцями; велика филя на Дніпрі, часомъ потоплятця; дивітця-жъ, щобъ були цілі іхъ гроші. Молитимемось за іхъ души, а гроші отдасте міні!»

Знае Танський кому й казати такі рéчи. Обидва братú—перехрéщені Татаре, а Скарбовський—недоляшокъ; служивъ вінъ, колись, у гетьмана Потоцького, якъ той ходивъ підъ Хвастівъ, украв у его гроші, утікъ до Палія, и переказавъ ему дé стоять Ляхи. Неспóдівано напавъ Палій на Ляхівъ и вирубавъ ихъ у пень, а Скарбовського при собі зоставивъ.

—Добре, пане! — одказали слуги.

«Якъ буде усе гараздъ,» каже Танський,—«зроблю васъ сотникáми и кожному подарую по хутору».

Поіхали у-раньці ченьці; поіхали за ними и кати іхъ; наздогнали іхъ коло Дніпра, повязали імъ руки, та й укинули зъ кручи у воду; забрали гроші и привезли до Танського. Справдивъ Танський свое слово: зробивъ ихъ сотникáми, подарувавъ маетности, да й стявъ імъ голови у поході, буцімъ-то за зраду.

Думавъ Танський, що й не дознаютця люде, дé досягъ вінъ таку силу грошей, одначе Бігъ не попустивъ. Потонули два ченьці, а

третій бувъ чоловікъ великої сили, порвавъ вінъ вервечки и перепливъ Дніпро. Довго, безъ грошей и хліба, блукавъ вінъ по чужіхъ земляхъ, покі дійшовъ до Ахвонської гори и розсказавъ, якъ що було.

Самъ игуменъ поіхавъ на Вкраіну.

Прійздить вінъ до Танського, та й почавъ на самоті корити ёго: Душегубче! татю! занапастивъ ти еси души христіянскі, проливъ кровъ неповинну, обокравъ церкву Божу. Покайся ще поки часъ! Оддай тиі гроши, що втаівъ, та йди служити Богу:—може вінъ ще помилуе тебе.

«Які гроши?» питае Танській: «одкаснись, божевільний старче.»

Тяжко заплакавъ старий игуменъ,—бачить вінъ, що дияволъ опановавъ душею Танського:—Оддай хочъ половину, коли не хочешъ покаятись. Оддай хочъ сосуди церковні!»

«Не дамъ тобі нічого, бо нема у мене ні грошей, ни сосудівъ вашихъ,» одказавъ ёму Танській.

Перехрестився старий игуменъ, та й одійшовъ собі. Ставъ на високій могилі и принородно наложивъ на Танського таку клятву:

— За те, що Антінъ Танській занапастивъ неповинні душі, втаівъ церковні гроші, земля ёго непріймачиме; добро ёго придбане неправдою, счезне, *яко воскъ отъ лица огня*, перейде икъ чужимъ людямъ, и рідъ ёго нанівічъ зведетця.

Сумно стало людямъ, якъ почули такі речи; одинъ тільки Танській не йме імъ віри, пье, бенкетуе, и дере людей ще горій. Такъ и вмеръ, не покаявшись.

Поховали ёго сини; ще не вспіли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніе, якъ изъ домовини вилазить старий полковникъ: борода по поясъ, очи палають пекельнымъ огнемъ, зъ рота поломья сапле, права рука на серці, въ лівій перначь держитъ и ходить ажъ поки півні не заспівають, а тоді застогне такъ що чубъ у гору лізе,—и зновъ ляговитця въ домовину.

Думали-гадали сини, що імъ робити,—бачуть, що правду казавъ пророкъ-игуменъ. Позвали печерського архимандрита, роскопали могилу, ажъ лежить старий Танській, неначе живий,—тільки борода одросла и кігті повипростали. Узяли сини осиковий кілъ и пробили Танського

наскрізь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ заклятте, щобъ не виходивъ більшъ изъ домовини.

И теперъ старі люде показують ту могилу, де проклявъ Танського игуменъ; да часомъ, опівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неначе терпить несказанну муку.

Митро Олелькович.

СНИ.

Стоіть сосна одинока
На голій вершині
И, подъ снігомъ, на нівночі,
Снитця сиротині
Все полудень ясний, теплий,
Долина глибока,
Та джерела живучиі,
Та пальма висока.

Ст. Руданській.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

II.

До пріѣзда матушки, я провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи; за исключеніемъ Григоровича, я не видѣлъ никого изъ сосѣдей, не имѣя самъ охоты ѣздить съ визитами. Но какъ только возвратилась матушка, все пошло иначе. На другой же день, за обѣдомъ, у насъ сидѣло человѣкъ пятнадцать. Я не былъ знакомъ рѣшительно ни съ однимъ изъ гостей, и мнѣ предстояла тяжелая необходимость выдержать напоръ всевозможныхъ любезностей, на которыя я не зналъ что отвѣчать. Я принялъ за-благо отмалчиваться, и оставался нѣмъ какъ рыба. Какой-то господинъ, очень толстый, должно быть, служившій когда-то въ военной службѣ, схватилъ меня въ свои мощныя объятія, изцѣловалъ все мое лицо, и объявилъ, что я — рѣдкій мужчина, что, по его словамъ, было ужъ очевидно и тогда, когда я еще находился на рукахъ няни. Тутъ же, въ видѣ комплимента, толстякъ прибавилъ, что такая дама, какъ моя матушка, не иначе могла разрѣшиться отъ бремени, какъ молодцомъ-мужчиной или красавицей-дочерью. Вопросамъ не было конца: нѣкоторые по молодости моей, приводили меня въ сильное смущеніе. Всего непріятнѣе показались мнѣ распросы о видахъ, какіе я имѣю относительно моей будущности, намѣренъ ли я вступить въ службу, или жить въ деревнѣ, заниматься хозяйствомъ?, предпочту ли я военную службу гражданской, или наоборотъ? и если я не буду служить, то думаю ли вскорѣ жениться, или расчитываю еще пожить на волѣ, не заводясь своимъ домкомъ?—А впрочемъ, (прибавляли,) если жениться, то за этимъ дѣло у насъ не станетъ: стоитъ не то—сказать, а подумать, и невѣсты налетятъ какъ вороны на падаль, —замѣтилъ сидѣвшій противъ меня господинъ, съ огромными претензіями на остроуміе.

Барышни, слышавшія это, сильно краснѣли и опускали очи долу, почти за каждымъ словомъ. Тяжелъ былъ для меня этотъ день,—безжалостно разбивала каждая его минута, одинъ за другимъ, идеалы, которые еще носились въ моемъ воображеніи. Увы! не было никакого подобія между тѣми лицами, которыя торчали передъ моими глазами, и тѣми козаками, которые такъ плѣняли меня когда-то. Вмѣсто открытыхъ, добродушныхъ, и, въ то же время, мужественныхъ людей, о которыхъ сохранилась память въ народныхъ преданіяхъ, я очутился въ толпѣ жалкихъ ихъ потомковъ съ лицами — или высушенными до-нельзя, или же толстыми, расплывшимися до возбужденія въ свѣжемъ человѣкѣ тошноты. Заспанныя, испитыя, фіолетоваго цвѣта, съ выраженіемъ или лукавства и готовности на всякую мерзость, или же съ выраженіемъ лѣни, тупоумія, плотоугодія,—люди эти, если не возбуждали противъ себя негодованія и злобы, то ужъ непремѣнно заставляли отвернуться и грустно задуматься. Все это собраніе толковало о чинахъ, объ орденахъ, о наградахъ и штрафахъ, объ обѣдахъ, ужинахъ, карточной игрѣ, водкѣ, женщинахъ—въ ихъ смыслѣ, и т. п.

Все это были или чиновники, недумавшіе, впрочемъ, нисколько о службѣ, а расчитывавшіе только на выгодныя дѣла, или помѣщики, изъ отставныхъ, уже ровно ни о чемъ недумавшіе, толковавшіе вѣчно о пулькахъ да о роберахъ, погрузившіеся окончательно въ ѣду и питье, предоставившіе управленіе своими имѣніями мошенникамъ-прикащикамъ, умѣвшимъ побольше сдирать съ крестьянъ, неимѣвшіе нималѣйшаго понятія о правильномъ хозяйствѣ, непривыкшіе мыслить о чемъ-либо дѣльномъ, дѣйствовавшіе по какому-то особому вдохновенію, нападавшему на нихъ за зеленымъ столомъ, или за жирнымъ обѣдомъ. Между гостей, бывшихъ тогда у матушки, я замѣтилъ одного только человѣка, непричастнаго, повидимому, къ этой шайкѣ. Но онъ, по-большей-части, молчалъ, мало вмѣшивался въ разговоръ, и на разныя выходки, относившіяся къ нему, какъ усердному любителю женскаго общества, отвѣчалъ коротко или не отвѣчалъ вовсе. Объ немъ я разскажу послѣ.

Меня непріятно удивляло равнодушіе, съ какимъ матушка выслушивала всѣ пошлости, говорившіяся безъ-умолку. Она охотно смѣялась, охотно поддакивала гостямъ, когда они обращались ко мнѣ, и разсказала сама нѣсколько случаевъ изъ моей жизни, которые, по ея мнѣнію, могли возвысить меня въ глазахъ собравшейся публики.

Когда кончился обѣдъ, и до-отвала накушавшіеся гости встали изъ-

за стола, матушка поручила мнѣ *занять* мужчинъ, ушедшихъ на другую половину. *Занять* значило позаботиться о томъ, чтобъ они поскорѣе усѣлись за карты. Обрадовавшись этому обстоятельству, я расчитывалъ уйти къ себѣ и нѣсколько отдохнуть отъ той тяжести, которую чувствовалъ послѣ трехъ часовъ, проведенныхъ въ обществѣ, обычаямъ и привычкамъ котораго я былъ чуждъ. Два столика вскорѣ раскрылись. Вмѣстѣ съ картами и мѣломъ, поставили по двѣ бутылки наливки на каждомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, сквозь дымъ, поднявшійся отъ 8 трубокъ, въ комнатѣ ничего не было видно, и только неистовые возгласы игравшихъ, отъ времени до времени, оглашали комнаты. Отдѣлавшись, такимъ образомъ, отъ половины гостей, я поспѣшилъ убраться въ свою комнату. Но не тутъ-то было. Сперва явилось ко мнѣ два господина, непимѣвшіе партіи, и, извинясь, что обезпокоили меня, попросили позволенія маленько соснуть. Я провелъ ихъ въ другую комнату, и заперъ за ними дверь.

— Ну, слава Богу! — подумалъ я: — теперь, кажется, всѣ имѣютъ дѣло, и оставятъ меня въ покоѣ. — Но я ошибся: снова позвали меня *къ гостямъ*, именемъ матушки. Нечего было дѣлать, — пошелъ я. Войдя въ гостиную, я засталъ довольно интересную сцену: одна изъ посѣтительницъ, стоя посреди комнаты, выкидывала какія-то отчаянныя *па*; работая ногами съ замѣчательною для ея лѣтъ быстротою и ловкостью. Я остановился у двери и вполнѣ могъ налюбоваться и граціей почтенной дамы, и множествомъ наверченныхъ на нее грязныхъ юбокъ, и непривлекательными ногами. Зрѣлище этого рода было для меня совершенно ново; присутствовавшія поощряли актрису усерднымъ смѣхомъ; я не зналъ что мнѣ дѣлать, и нужно ли было мнѣ тутъ тутъ остаться или уйти. По окончаніи танца, нѣсколько похожаго на качучу, мнѣ объяснили, что эта дѣвица (я, по незнанію, судя по лѣтамъ, принялъ ее сначала за даму,) представляла, какъ на послѣднемъ балѣ танцовала одна знакомая. Нѣсколько голосовъ, когда общій смѣхъ немного утихъ, подтвердили, что Катенька, (помянутую танцовщицу звали Катей, хотя она имѣла полное право обидѣться этимъ уменьшительнымъ и потребовать, чтобы ее звали, прилично ея лѣтамъ, полнымъ именемъ) подтвердили, что Катенька необыкновенно-вѣрно представляла какую-то даму, и что развѣ только ноги подымала нѣсколько выше, чѣмъ того требовала строгая истина.

На столѣ, между тѣмъ, явился обильный десертъ. Чего тутъ не было! чѣмъ-то гомерическимъ дышалъ этотъ десертъ. На огромнѣйшемъ

подносѣ, который съ трудомъ можно было обнять обѣими руками, наставлено было такое множество сухихъ и жидкихъ вареній и другихъ сластей, что городскому жителю поглощеніе всѣхъ этихъ яствъ казалось рѣшительно невозможнымъ. Тарелки, тарелочки, блюдечки, корзиночки были наполнены вареньями, по крайней мѣрѣ, пяти сортовъ, сахарными и медовыми, фруктами свѣжими, засушенными, и засахаренными изумительно-вкуснымъ образомъ; разнаго рода ягоды, красивыми горками, были разложены на мисочкахъ изображавшихъ виноградные листья; орѣхи всѣхъ странъ также занимали тутъ не послѣднее мѣсто.

По приглашенію матушки, все женское общество разомъ поднялось съ мѣстъ, и прекрасныя посѣтительницы обступили столъ неприступной стѣною. Барышни съ особеннымъ усердіемъ хватились за орѣхи и тѣ части десерта, которыя можно было положить въ карманы и кушать, потомъ, разхаживая въ саду и по комнатѣ. Оживленный разговоръ, между-тѣмъ, не прекращался ни на минуту. Дамы были необыкновенно-бойки на языкъ, говорили почти всѣ разомъ, пересыпая свой разговоръ дружнымъ смѣхомъ. Дѣвица Катенька оказалась не менѣе искусною въ діалектикѣ, какъ и въ хореграфическомъ искусствѣ. Эта особа, вообще, была одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашего уѣзда и играла въ немъ довольно важную роль. Кто не желалъ испортить свою карьеру въ уѣздномъ кругу, тому необходимо было состоять съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ; кто попадалъ къ ней въ немилость, для того все потеряно! Живость природнаго ума, краснорѣчіе и насмѣшки Катерины Петровны, умѣвшей подмѣчать въ своей жертвѣ малѣйшіе недостатки и слабости, скоро повергали ее во прахъ какъ бы ни былъ высокъ пьедесталъ ея, и все общество, въ-особенности—женщины, лгало предъ этимъ цензоромъ въ юбкѣ, показывая своему бичу живѣйшую дружбу.

Послѣ десерта матушка поручила мнѣ проводить въ садъ трехъ миленькихъ барышень. Я и смутился и отчасти обрадовался этому порученію: свѣжій воздухъ былъ очень кстати послѣ комнатной духоты и шума въ гостиной. Двѣ изъ трехъ дѣвицъ въ самомъ дѣлѣ были очень миловидныя брюнетки; онѣ были бы еще милѣе, еслибъ ихъ не научили жеманству. Гуляли мы довольно долго. Я, подъ-вечеръ, сталъ развязнѣе и былъ *любезенъ*. Мои шутки не разъ заставляли барышень смѣяться отъ души; онѣ скоро освоились со мной до-того, что одна изъ нихъ, посмѣлѣе, назвала меня даже шалуномъ и спросила, не *сочиняю* ли я стихозъ. Я отвѣчалъ утвердительно.

Это ихъ очень занядо; и кончилось тѣмъ, что съ меня взяли слово пріѣхать къ нимъ, и написать что-нибудь *на память*, но при этомъ, одна изъявила опасеніе, чтобъ я не сочинилъ на нихъ критики. Впрочемъ, я разсѣялъ эти опасенія, увѣривъ ихъ, что воспѣваю только одни достоинства прекраснаго пола и смотрю очень снисходительно на его недостатки. Устроивши порядочно, мы возвратились, наконецъ, въ гостиную, гдѣ, на столѣ, пыпѣлъ уже огромный самоваръ. Продолжительная прогулка наша вызвала нѣсколько тонкихъ замѣчаній и намековъ, на которые мы не обратили вниманія; но когда матушка назвала меня *хомякомъ* и изъявила заботу, не скучали ли барышни въ моемъ сообществѣ, то онѣ хоромъ объявили, что совершенно *напротивъ*, что, *напротивъ того*, онѣ провели время очень пріятно, и что, *напротивъ*, онѣ боятся, не скучалъ ли я съ ними. При этомъ, одна нѣжная мамаша нѣжно поцѣловала въ лобъ свою дочь и погладила ее по головкѣ. Безполезно, думаю, говорить, что я, съ своей стороны, объявилъ, какъ пріятна была для меня прогулка.

Чай тянулся нестерпимо долго, такъ-какъ мужчины, все еще игравшіе въ карты, пили по пяти и шести стакановъ. Я прошелъ къ игравшимъ. Дымная атмосфера, попрежнему, густою массою наполняла комнату. Протеръ глаза, я наконецъ разсмотрѣлъ, что одинъ столъ уже опустѣлъ и всѣ столпились къ другому, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ и бутылка съ ромомъ. Гигантъ-исправникъ держалъ банкъ; столпившіеся понтеры, медленно вытягивали изъ колоды карты, вскрикивали, по временамъ, *атанде*!, горячились, изрѣдка, довольно выразительно, бранили валета и даже даму, которая, по мнѣнію извѣстнаго остряка, была просто подлая измѣнница. Исправникъ, очевидно, металъ очень-удачно: круглое, лоснящееся лицо его и маленькіе глазки, заплывшіе жиромъ, блистали довольствомъ, а физіономіи понтеровъ, напротивъ, были надуты и сумрачны. Григоровичъ, также явившійся вечеромъ, — сидѣлъ у стола съ взъерошенными волосами, раскраснѣвшійся, но съ тою же неподвижностью мускуловъ въ лицѣ, судорожно выдергивалъ карты, ставилъ, снималъ со стола и рвалъ, приговаривая только: «туды къ черту!» Стряпчій, бывшій тутъ, хотя и не принималъ участія въ игрѣ, но сочувствовалъ исправнику; онъ усердно слѣдилъ за картами, засунувъ два пальца въ ротъ и одобрительно качалъ головой всякій разъ, когда брала карта исправничья.

Въ полночь, начали приготовлять къ ужину. Въ часъ сѣли за столъ. Ужинъ отличался отъ обѣда рѣзко видомъ кушаньевъ, но

не количествомъ. Ѣли и пили столько же, но разговоры были нѣсколько другіе: вниманіе сосредоточивалось на огромномъ выигрышѣ исправника, простиравшемся до 400 р. Исправницу это очень обрадовало; она не могла скрыть своего удовольствія и безпрестанно шепталась съ дочерьми, сидѣвшими около нея, вѣроятно — о новыхъ бурнусахъ, платьяхъ или шляпкахъ, на которыя теперь можно было расчитывать. Къ концу ужина лошади стояли уже у крыльца; начали прощаться, и эта церемонія братской нѣжности тянулась не менѣе получасу. Съ дамами я вѣжливо раскланялся, а барышнямъ, съ которыми гулялъ, подалъ руку; мнѣ отвѣтили дружескимъ двукратнымъ пожатіемъ. «Браво!» подумалъ я: «вотъ что значитъ быть *сочинителемъ*!..» — — —

На другой день я проснулся съ головной болью отъ вчерашняго дыма, пустаго говора и суеты, произведенной въ нашемъ домѣ наѣздомъ гостей. Мнѣ стало грустно. То было первое мое знакомство съ обществомъ, посреди котораго я долженъ былъ провесть годъ, два, а можетъ-быть, и больше, смотря по обстоятельствамъ. Передъ глазами у меня носились еще образы вчерашнихъ посѣтителей, въ ушахъ раздавались неистовые возгласы за картами, вскрикиванья и хохотъ дамъ за десертомъ; 40 лѣтняя Катенька еще плясала передо мной качучу, и воображеніе вытягивало безконечную цѣпь дней, которые приходилось мнѣ проводить такимъ безобразнымъ образомъ. Вотъ во что разрѣшились мои мечтанія, вся таинственность и призрачность, такъ долго тревожившія мое воображеніе! Какое безотрадное разочарованіе! какая жалкая дѣйствительность! Что тутъ было дѣлать? Спокойно отказаться отъ идеаловъ и благоразумно примириться съ фактомъ несомнѣннымъ и неизбѣжнымъ? Но это было слишкомъ тяжело, это было выше силъ моихъ; для этого нужно было отречься отъ вѣрованій во что-то лучшее, безъ чего, казалось, невозможна для меня и самая жизнь. Я готовъ былъ обвинять самого-себя, свою нетерпимость, непроницательность, и рѣшился употребить всѣ старанія, чтобъ отыскать на родинѣ ту прелесть, которая такъ недавно еще меня плѣняла. Я видѣлъ до-сихъ-поръ одно неестественное, болѣзненное; я долженъ найти народный поэтическій первообразъ во всей его чистотѣ, и посредствомъ его — примиреніе со зломъ неизбѣжнымъ, но временнымъ. Съ помощью такихъ разсужденій, мнѣ удалось убаюкать себя и повеселѣть.

Поспѣшивъ одѣться, я вышелъ въ садъ. Чудный воздухъ и безд-

на ягодъ, на которыя я напалъ съ ожесточеніемъ, подѣйствовали на меня еще успокоительнѣе. Еще было рано, но матушка уже хлопотала въ саду около варенья. Ласково встрѣтивъ меня, она съ любовью поглядѣла на свое сокровище, (такъ она меня называла), нѣжно поцѣловала въ лобъ и предложила остаться съ нею. Я усѣлся на травѣ у ея ногъ и разговаривая съ матушкой, сталъ наблюдать за шипящимъ въ тазикѣ сиропомъ и дрожащимъ надъ жаровней воздухомъ. Неизмѣнный Ондрій, въ фартукѣ, съ полотенцемъ на лѣвой рукѣ и съ большой серебряной ложкой въ правой, выставивъ немного впередъ одну ногу, стоялъ поодаль и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ, изъподъ густо-нависшихъ своихъ бровей, за вареньемъ. Когда накипавшая пѣна густо затягивала варенье, онъ, медленно прикасаясь къ ней внѣшней стороной ложки, снималъ ее и собиралъ въ блюдечко; иногда подносилъ онъ тазикъ къ матушкѣ, которая дѣлала какое-нибудь замѣчаніе, впрочемъ, всегда несогласное съ мнѣніемъ Ондрія, обыкновенно одерживавшаго верхъ, въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Все было тихо кругомъ; солнце подымалось выше; птички начинали стихать,— только иволги живо и сладострастно перекликались въ рощѣ и *вишнякъ*, да дятелъ изрѣдка долбилъ дерево. Но вотъ, жаръ усилился,—припекло. Ондрій обтеръ полой сюртука потъ, проступившій на его лысинѣ, отдулся и отошелъ дальше, въ тѣнь.

— Ты бъ, Ондрій, снялъ сюртукъ,—сказала матушка.

Ондрій ничего не отвѣчалъ, пошевелилъ ложкой и остался какъ былъ.

Мухи, осы и шершни неотвязно кружились возлѣ варенья. Ондрій назвалъ ихъ *шельмовскими*, но потихоньку, безъ малѣйшей злобы. Все располагало къ лѣни и миру. Вдругъ трещетка, которою садовникъ пугалъ птицъ, объѣдавшихъ ягоды, затрещала такъ громко и неожиданно, что мы вздрогнули. Вдали *заковала* кукушка. Ондрій насчиталъ 5 разъ, и вздохнулъ: и ему было жаль разставаться съ жизнью.

— Жарко! — сказала матушка, махая платкомъ. Я мысленно согласился съ нею, но не сказалъ ни слова: хорошо было сидѣть и молчать, подъ лучами жаркаго солнца.

Наконецъ Ондрій снялъ тазикъ съ жаровни, помѣшалъ варенье ложкой, и объявилъ, что уже сварилось.

— Слава Богу!—замѣтила матушка. Пойдемъ въ комнаты,—обратилась она ко мнѣ.

— А больше не будемъ варить?—спросилъ Ондрій.

— Богъ съ нимъ,—отвѣчала матушка.

— А крыжовникъ надо бы приварить,—отозвался опять Ондрій.

— Охъ, нѣтъ, жарко,—сказала матушка.—Вари самъ, коли хочешь, а я пойду. Пойдемъ.

Мы встали и пошли; Ондрій остался, довольный тѣмъ, что его мнѣніе уважено. Я не замѣтилъ, какъ во мнѣ все улеглось, усмирилось, и въ эту минуту не понималъ, какъ я могъ до такой степени сердиться и огорчаться. Я былъ, казалось, всѣмъ доволенъ: мнѣ было такъ хорошо! Впечатлѣніе этого утра осталось во мнѣ навсегда. А что собственно въ немъ было хорошаго, трудно объяснить себѣ, а еще труднѣе разсказать. Этому хорошему, но невыразимому, я думаю, все отдается безотчетно и безсознательно. Въ такія минуты только чувствуется, а ни о чемъ не думается. Это что-то неуловимое, легкое какъ дымъ. Оно отлетаетъ отъ насъ незамѣтно, безвозвратно, и нѣтъ возможности удержать его.

Но подходя къ дому, я чувствовалъ, что съ каждымъ шагомъ теряю частицу прежнихъ ощущеній; упоеніе проходило; комнаты и запахъ пироговъ приготовленныхъ намъ на завтракъ, напомнили мнѣ вчерашнихъ гостей и всю прозу дѣйствительности, которая и не замедлила показать себя.

Только-что приступилъ я къ завтраку, какъ пріѣхалъ гость. Это былъ господинъ довольно толстый, большаго роста, съ красными, дрожащими щеками и съ носомъ, напоминавшимъ огурецъ, подъ которымъ разрослись огромные чорные усы, слегка помѣченные сѣдиною. Одѣтъ онъ былъ неопрятно и даже грязно. Ходилъ онъ точно оцасаясь, чтобъ подъ нимъ не подломилась земля. Въ лѣвой рукѣ у него былъ длинный чубукъ и шолковый, офицерскій, кисетъ.

Гость этотъ — никто иной, какъ тотъ самый острякъ, съ которымъ я познакомился на-канунѣ, по имени — Ардаліонъ Карповичъ, по фамиліи—Росоха. Говорилъ Росоха плавно и, по его мнѣнію, краснорѣчиво; то и другое качество пріобрѣтены имъ вслѣдствіе постояннаго упражненія, ибо молчитъ онъ тогда, когда спитъ, или такъ пьянъ, что не поворотитъ языкомъ. Послѣднее случается не рѣдко. Какую роль играетъ онъ въ обществѣ Гнильскаго уѣзда, (нашъ уѣздный городъ называется Гнилымъ), опредѣлить это довольно трудно.

Ардаліонъ Карповичъ имѣлъ, когда-то, очень хорошее состояніе и служилъ въ кавалерійскомъ полку. Ему теперь лѣтъ за пятьдесятъ; слѣдовательно, молодымъ былъ онъ давно. Любилъ онъ жить *хорошо*, чему доказательствомъ служитъ, между прочимъ, и то, что

имѣніе его, въ сосѣдней губерніи, пришло въ такой жалкій видъ, что онъ даже и не жилъ въ немъ, а переѣхалъ въ нашу губернію и поселился въ нашемъ городѣ, у одной сорокалѣтней вдовы — пріятельки. Молодость свою Росоха провелъ очень бурно. Умный, ловкій порядочно, по тогдашнему, образованный, онъ пользовался репутаціею прекраснаго молодаго человѣка и, что еще лучше, выгоднаго жениха. Женатъ, впрочемъ, никогда не былъ, хотя дѣлалъ невѣроятныя побѣды надъ нѣжными женскими сердцами. Дрался раза три, на дуэли, съ оскорбленными мужьями, и наводилъ такой страхъ на маменекъ, что, говорятъ, онѣ запрещали дочерямъ произносить его имя, хотя сами вели нескончаемые переговоры, черезъ ловкихъ дамъ, насчетъ брака. Но, благодаря его изобрѣтательной, дерзкой натурѣ, ему весело жилось и безъ жены. Украсть изъ пансіона, разомъ, нѣсколько пансіонерокъ было для него дѣломъ весьма-обыкновеннымъ. Безъ приключеній онъ не могъ жить. Женщины, карты, вино, а въ промежуткахъ, ѣзда на жидахъ, изъ одной деревни въ другую, — это называлъ Ардаліонъ Карповичъ *жизнью*. Молодыя дамы, къ полному отчаянію мужей, были отъ него безъ ума и, ради его, готовы на всевозможныя жертвы. Одинъ разъ, когда варварамъ—мужьямъ удалось засадить Арадіона Карповича на гауптвахту, дамы цѣлымъ соборомъ явились къ полковнику просить о помилованіи ихъ идола. Полковникъ помиловалъ, выпустилъ Росоху, а онъ, вмѣсто благодарности, исчезъ куда-то на нѣсколько дней, и явился въ полковую квартиру съ какой-то женщиной, которую долго скрывалъ отъ любопытныхъ взоровъ. Стали даже поговаривать, что онъ женился на ней. Но Росоха былъ не таковъ. Однажды задалъ онъ великолѣпную *вечеринку*, на которую созвалъ весь полкъ. Послѣ ужина онъ вывелъ свою любовницу, показалъ ее гостямъ, а на другой день о ней и слуху не было. Это была какая-то княжна, необыкновенная красавица, влюбившаяся въ Росоху дотого, что согласилась бѣжать съ нимъ; когда онъ ее бросилъ, несчастная ушла въ монастырь.

Такъ провелъ молодость Росоха. Между тѣмъ, состояніе его и здоровье разстроились. Забравшись въ долги по—уши, онъ долженъ былъ продать свои имѣнія одно за другимъ. Безъ денегъ, изжившійся и пресыщенный удовольствіями, онъ вышелъ въ отставку тридцати лѣтъ, но, послѣ буйной военной жизни, деревня ему показалась скучною; онъ началъ пить, продолжая, по временамъ, играть по маленькой. Водка неблагопріятно подѣйствовала на его наружность.

Прежде красивое лицо его обвисло и обрюзгло; подъ глазами явились мѣшочки; самые глаза потеряли блескъ и ту силу взгляда, которыми такъ плѣняли когда-то. Женщины стали отворачиваться отъ него, подсмѣиваться, дѣлать намеки на то, что время побѣдъ его уже прошло. Одна бойкая барыня пошла еще дальше: выслушавъ любовное объясненіе, она назначила ему свиданіе, но, въ бесѣдкѣ, вмѣсто барыни, его встрѣтила ея горничная.

Такая выходка, конечно, взбѣсила его; онъ вздумалъ отомстить, но месть вышла неудачная, плоская.

Его попросили не ѣздить въ домъ, и намекнули на розги. Великолѣпный когда-то Росоха смолчалъ. Видя, что женщины отъ него отступились, онъ попробовалъ пристать къ мужчинамъ. Тутъ сначала ему удалось сдѣлаться героемъ попоекъ, особенно между провинціальною молодежью, смотрѣвшею на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Но и это амплуа занималъ онъ недолго. Анекдоты его и разсказы о своей молодости скоро избились и надоѣли всѣмъ до такой степени, что ихъ перестали слушать и обращались къ нему съ видомъ покровительства. Каждый считалъ долгомъ подшутить на его счетъ; ни тѣни деликатности уже не было въ обращеніи его знакомыхъ. Между тѣмъ, ему стукнуло сорокъ; сѣдина начала пробиваться; кости стали побаливать; незамѣтно подкрадывалась старость. Оглянулся Росоха—состоянія нѣтъ, денегъ — тоже, прежней силы и воли — какъ не бывало; со всѣхъ сторонъ намеки, насмѣшки, грубости; чуть онъ на порогъ, ему тотчасъ предлагаютъ рюмку водки, просятъ, для потѣхи, кувыркнуться, или ногою ухо почесать.

Что оставалось дѣлать? Подумалъ-было Ардаліонъ Карповичъ пулю въ лобъ пустить, но повертѣлъ, повертѣлъ пистолетъ да и спряталъ,—духу не хватило. Запереться въ четырехъ стѣнахъ, никуда не показываться.... но для этого нужно чѣмъ-нибудь заняться, а это было для него труднѣе нежели застрѣлиться... Запилъ Росоха съ горя. Часто уже видѣли его шатающимся, болтающимъ страшную чепуху, и когда онъ завирался, его безъ церемоніи брали подъ руки, уводили изъ гостиной и укладывали спать, подъ присмотромъ прислуги. Это окончательно скрутило Росоху, онъ продалъ что могъ, купилъ что было понеобходимѣе, взялъ съ собой кучера да козачка, и убрался изъ своей губерніи въ нашъ уѣздъ, гдѣ у него были какіе-то родственники. Жилъ онъ нѣсколько времени, переѣзжалъ отъ одного къ другому, а наконецъ познакомился съ Марьей Ивановной, вдовой

титулярнаго совѣтника, сошелся съ нею да и поселился въ ея домѣ, на ея хлѣбахъ.

Такъ-какъ уѣздъ нашъ отличается необыкновенною терпимостью и снисхожденіемъ къ слабостямъ человѣческимъ, то и Росоху приняли радушно. Онъ сдѣлался непремѣннымъ членомъ всякихъ собраній, официальныхъ и неофиціальныхъ, другомъ каждаго дома, гдѣ бывалъ, вѣстникомъ всякихъ новостей, общимъ кумомъ, словомъ—получилъ право полнаго гражданина. Вотъ и повеселѣлъ немножко Ардаліонъ Карповичъ, бодрѣе сталъ и разъѣзжаетъ на сѣрой тройкѣ по уѣзду.

Въ этотъ періодъ коловратной жизни, я познакомился съ Росохой.

Ардаліонъ Карповичъ подошелъ къ матушкѣ, поцѣловалъ у ней руку, потомъ поздоровался со мной, и видимо нагруженный малою толикою, усѣлся въ углу, набилъ трубку, высѣкъ огня и закурилъ.

— А что, Ардаліонъ Карповичъ, можетъ быть водочки выпили-бы,—обратилась къ нему матушка.

— *Способенъ*,—отвѣчалъ Росоха.

Принесли водку. Росоха выпилъ, крякнулъ, закусилъ хлѣбомъ, еще выпилъ и крякнулъ, и снова закурилъ трубку.

— Что новенькаго?—спросила матушка.

— Да чтоже можетъ быть новаго, сударыня... ничего. Проигралъ вчера десять цалковыхъ.

— Какъ не стыдно играть,—наставительно замѣтила матушка.

Росоха пустилъ сквозь зубы нѣчто въ родѣ свиста.

— Не могу, сударыня, никакъ не могу. Къ тому же, вчера такой вечеръ вышелъ. Были мы у исправника, а этотъ барабанъ непремѣнно затѣетъ штосъ. Я таки сначала отказывался, да нельзя: пристали дураки: играй, братъ,—почему не играешь?—ну, и игралъ, и проигралъ,—протяжно проговорилъ Ардаліонъ Карповичъ.

— А вы играете, молодой человѣкъ?—обратился онъ ко мнѣ, немного помолчавъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— И прекрасно дѣлаете. А я играю, и водку пью, и буду пить и играть, пока живъ.

Въ этомъ, впрочемъ, нельзя было и сомнѣваться.

— Вы, вѣдь, въ университетѣ воспитывались?—опять обратился ко мнѣ Росоха.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Знаю, знаю. Были у насъ въ полку и университетскіе—плохіе-съ, я вамъ скажу. У нихъ, тамъ, все какіе-то каламбуры да финтифлюшки, да категоріи, а чтобъ *души*—этого нѣтъ. Все какъ-то имъ неправится, свысока у нихъ все... Понимаемъ мы это... А *я*, доложу вамъ, человѣкъ съ душой, товарища люблю. Да что! за товарища, бывало, на чорта полѣзу,—да-съ!.. Былъ у насъ поручикъ Ергаковъ — душа — человѣкъ, да дуракъ! Вы думаете, онъ дуракъ былъ? нѣтъ, онъ былъ не дуракъ,—золотая голова, да малый горячій, не умѣлъ держаться. Стоялъ нашъ полкъ въ Польшѣ; это было въ 38 году. Ну, Польки, знаете, бѣдовыя: такихъ брелоковъ пуститъ, такъ подъѣдетъ, что ни рукой, ни ногой. Вотъ, попался мой Ергаковъ къ какой-то паннѣ Юзѣ. Влянался человѣкъ да, и только! А она злодѣйка, себѣ на умѣ: дай-ка, думаетъ, женю я тебя на себѣ. Хаживала она къ офицерамъ. Меня тогда не было въ полку, въ командировкѣ былъ; пріѣзжаю,—говорятъ: Васька Ергаковъ женится.—На комъ?—«На Юзѣ».—На Юзькѣ?! Когда свадьба?—«Тогда-то». А его эскадронъ стоялъ верстъ за 20. Пошолъ я къ полковнику, отрапортовалъ, выспался да на другой день—туда. Прискакалъ къ нему на квартиру,—спрашиваю у деньщика: гдѣ Василій Петровичъ? «Въ церкви,» говоритъ.—Зачѣмъ?—«Вѣнчаются нынче». Я, сгоряча, далъ ему въ зубы, да въ церковь. Смотрю—эта скотина стоитъ и ожидаетъ невѣсту. Я къ нему:—что ты тутъ дѣлаешь?—«Женюсь», говоритъ. —Женишься? нѣтъ, братъ, шалишь: полковникъ зоветъ, сію минуту велѣлъ ѣхать. Ѣдемъ!—Тотъ, было, туда-сюда; какъ, молъ, можно, сейчасъ невѣста пріѣдетъ.—Не сейчасъ,—говорю ему,—а сію минуту: понимаешь?—За руки его, въ телѣгу и маршъ! Привезъ къ себѣ на квартиру да какъ распекъ, такъ онъ послѣ во всю жизнь былъ благодаренъ... Вотъ это значитъ: товарищъ! человѣкъ, значитъ. А ученыхъ не люблю,—воля ваша...

«Что́же—Юзька?—спросилъ я.

— Юзька, бестія, утѣшилась, и другихъ стала ловить, по прежнему...

Матушка ушла; мы остались вдвоемъ.

— Вы, я знаю, про себя скотиной меня называете, а я вамъ говорю, что я человѣкъ съ душой. Я, вотъ, пойду,—водки еще выпью. Вы скажете: пьяница—какъ вамъ угодно, а у меня сердце есть, душа! Я, вѣдь, книгъ не читаю, не вѣрю имъ, а еслибъ захотѣлъ, такъ самъ бы сочинялъ, да зачѣмъ?.. не хочу. Я уважаю

вашу матушку, это я всѣмъ скажу; а что я водки выпью, такъ она за это въ претензіи не будетъ. Мы тоже *жили:* да какъ жили! А теперь нѣтъ ничего... все судьба!

Ардаліонъ Карповичъ выпилъ водки и долго еще болталъ въ этомъ же родѣ, пока не позвали обѣдать. Отъ вина онъ отказался, объяснивъ, что вина не пьетъ; зато водку и наливку пилъ такъ усердно, что, вставъ изъ-за стола, не совсѣмъ уже твердо держался на ногахъ.

— Вы думаете, что вы женитесь, такъ и человѣкомъ будете?— ни съ того ни съ сего заговорилъ онъ ко мнѣ.—А я вотъ, не женился и не женюсь никогда... а я—жилъ! Теперь нѣтъ ничего!.. судьба!.. Ну, чтожъ? Пропаду,—а я не обидѣлъ никого... А друзья—подлецы! обманули!.. а обижать все-таки не надо,—Богъ съ ними! Вы думаете, я не любилъ?? Любилъ! и меня любили, и теперь всѣ любятъ; а что я проигралъ десять карбованцевъ—наплевать я на нихъ хочу. Да-съ!.. Прощайте!—также неожиданно заключилъ Ардальонъ Карповичъ, какъ и началъ.

— Куда это вы,—Богъ съ вами!—заговорила матушка.

— Не могу, Анна Ѳедоровна, ей Богу не могу! Прощайте!.... Кума—имянинница.

— Какая кума?

— А высоченская попадья... какъ же, кума! *Дітей христивъ, ажъ трохъ,* — объяснилъ Росоха, и уѣхалъ.

Такъ кончился еще одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Малороссіи. Мною овладѣла невыразимая, невыносимая тоска. Я весь былъ проникнутъ тяжелымъ сознаніемъ того, что такъ глубоко почувствовано и такъ сильно высказано нашимъ великимъ *Кобзаремъ*:

Україно, Україно!
Оце твої діті,—
Твої квіти молодіі...
и прочая.

Ка—па.

I

УКРАЇНА ДО СИНІВЪ.

(Чи́тано на бенке́ті, да́нім публи́чне у Полта́ві, въ день знесе́ння кре́пацтва, 19 Лютого 1861-го року.)

Довго Матіръ синівъ своіхъ
Слізми обливала, —
Сёго часу щасливого
Довго дожидала.
Діжда́лася.... Свою Матіръ
Послухайте жъ діти:
«Ту́ю пля́му народнюю
«Ділами зітріте!
«Творі́ть волю Господнюю:
«Въ добрі́ спійте, діти!
«Покажі́ть, що въ Украіні
«Столітня негода
«Не здоліла осквернити
«Правого народа...
«Голі діти, хата бідна,
«Соломьяна стріха,
«Чисте се́рце, віра въ Бога
«И розмова тиха....
«Не на наше племья ляже
«Со́ромъ тій неволі:
«Діди ваші умі́рали
«За святую волю;
«Ваша матіръ—Украіна
«Вся огнемъ пала́ла...

«Така доля.... встала кривда
«Й правду затоптала.
«На велику пра́цю, діти!
«Въ дале́ку дорогу! —
«Те, що снитця, будувати
«Помоливши́сь Богу!
«Те що снитця, колись, може,
«И правдою стане — — —
«А до того... праці, діти,
«Праці дужої й науки
«Україні треба.
«Зъ Богомъ, діти! хто ві́руе
«Той все переможе!
«Учі́теся, крещі́теся,
«'Хай вамъ Богъ поможе.

Полтава, 1861 р.

II.

Въ мене серце до любови,
Біле личко, чорні брови.
Що робила—мати знала,
Въ скриняхъ скарбу принадбала.
И вишневий е садочокъ,
Зъ шістю кри́лами млино́чокъ,
Хата біла, гай у полі —
Не жалкую я на долю!
Вмію голосно співати,
Ту́гу въ серці розганяти;
Мовъ ті зорі — очі сяють,
Коло мене хлопці грають, —
Та нема, нема нікого
Надъ козака молодого:
Вінъ на скарби не вважае, —
Вінъ за те́ мене кохае,
Що у мене чорні брови,
Въ мене серце до любови.

Полтава, 1860 р.

III.

ВЕСНА НА ХУТОРІ.

Поте́пліло; сонце сяе,
Травка зеленіе;
Жа́йворонокъ вже співае;
Нагідки́ й щавлія,
Чорнобривці и капуперъ
Сходять—божі квіти, —
И гріютця проти́ сонця
Босе́нькиі діти,
И бабуся до унуківъ
Старе́нька сміетця;
Надъ малими ла́стівочка
На-округи́ вьетця;
За горо́домъ, на ца́рині,
Плига́ють ягнята,
По-надъ річкою жовтіють
Малі гусенята;
Міжъ вербами синесенька
Пливе Ворскла – річка;
Ось, на липині, й гніздечко
Мостить божа птичка;
Гудуть бджо́ли у садочку,
Чу́ти пісню зъ поля.....
Такъ, здаетця, що й щастлива
Хліборо́ба доля;
Такъ здаетця!.... поди́висся —
Якъ въ божому раю,
Такъ-то ве́село и гарно
У нашому краю!

Ой колибъ не тая думка
Серце розривала,
Ой колибъ же отти́хъ пісе́нь
Мати не співала, —

Оттúхъ пісень тяжкихъ—тяжкихъ,
Що ажъ серце вьяне, —
Тодí, може бъ, я й повірив,
Що правда настане;
Ой колибъ до тебе въ хату,
Мíй добрий сусідо,
Не ходила біда люта
Та не гнула діда,
Не сушила молодиці,
Дітóкъ не губила, —
Тоді бъ, може, милий крáю,
Душа не боліла!... .

С. Нижні Млини. Весною 1861 р. **В. Куликъ.**

ОСТАННЯ ВОЛЯ.

Якъ умру я,—на могилі
Вербу посадіте:
Най широко роскинутця
Плакучіі віти;
Одрадніше мині буде
Въ самоті лежати,
Буде легше підъ землею
Въ холодочку спати...
Що повіе вітрець теплий,
Вербу заколише,
То й на мене рíднимъ духомъ
Пахнѐ и задише;
И я знову пригадаю
Вірную дружину,
Знову серцемъ привітаю
Рідну Украіну,—
Привітаю, забажаю,
Щобъ и ій щастило,
Щобъ сонечко ii гріло,
И не заходúло....

1861 р.

А. Навроцький.

ОБІДЪ У ВЕДМЕДЯ.

(Байка).

Ведмідь обідъ дававъ;
Зібравъ вінъ не одну рідню свою ведмідівъ:
Кликнувъ и другихъ ще сусідівъ,
Хто тілько въ лісі бувъ, усіхъ вінъ поззивавъ.
Чи то були родини, чи поминки,
А тілько сей обідъ ведмідь задавъ на диво:
Яке було мьясиво!
Якихъ не їли стравъ! и що́ пили горілки!..
Ведмідь пьяненький бувъ, и дружбу заходивсь
Доказувать гостямъ: співавъ імъ многі літи,
А кончивши обідъ, пішовъ писать мисліти
Й навприсядки пустивсь:
Лисиця, глянувши, сплеснула ажъ лапками:
«Ейбогу молодця! чи бачь, які прудкі!
«Михайло Йвановичъ! Эге! такъ ви такі?
«Якъ той метеличокъ! зъ якими тропаками!
«Небачивши сама, невірилабъ нізащо...»
Тутъ щось у-бікъ ій—торкъ!
Вона оглянулась, ажъ то старий бувъ вовкъ
И каже ій на вухо: «та й брехнишъ ти, ледащо!
Який тамъ вінъ прудкий? дробцює—й ноги вкупі,
И тілько гу́потить, — товче мовъ просо въ ступі.»
Лисиця вовкові въ одвітъ:
«Брехнею прійдишъ ти ввесь світъ,
А правда́ що? загинишъ зъ нею!
Не я жъ одна живу брехнею...
Поглянь и на людей: одъ ко́го есть пожива,
То якъ би не прийшлось—чи дурню, чи мурлу,
А кажуть и ёму велику похвалу...
У світі, куме, се не диво!
Чого жъ би й я брехала въ вічі?
Ведмідю угодить якъ слідъ,
То и вечеряти покличе,
Або іще-разъ на обідъ.»

Н. Петровъ.

Августъ 1861 р.
Петербургъ.

ОТВѢТЪ

НА СТАТЬЮ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО:

»*Ходатайство Костомарова за Сковороду и Срезневскаго*.«

Несносная манера — обращаться вмѣсто статьи на автора, задѣвать личность вмѣсто мнѣній. Въ VII книжкѣ *Основы* я напечаталъ возраженіе на статью о Сковородѣ, помѣщенную въ *Русскомъ Словѣ*. Кто́ былъ ея авторъ, что́ это за личность, гдѣ онъ служитъ, чѣмъ занимается, что́ прежде дѣлалъ и писалъ, — мнѣ до этого вовсе не было дѣла: я имѣлъ отношеніе къ одной статьѣ и къ *Вс. К—скому*, какъ автору *единственно этой* статьи. Теперь мнѣ возражаютъ, и при этомъ указываютъ на должность, которую я занимаю, на прежнія мои отношенія, называютъ меня даже по имени и отчеству, независимо отъ вопроса о Сковородѣ и о правѣ — оскорблять печатно личности безъ основанія, — что́ было предметомъ моей статьи въ *Основѣ*, — сулятъ мнѣ *старческія украшенія*, — однимъ словомъ, толкуютъ о томъ, что́ къ дѣлу не идетъ вовсе. Мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты, мнѣ совѣстно, г. Крестовскій, толковать печатно о себѣ, а между-тѣмъ я нахожусь въ этой печальной необходимости, потому-что вы взваливаете на меня напраслину и, притомъ, печатаете въ журналѣ, котораго добрымъ мнѣніемъ я не имѣлъ причины не дорожить. Сверхъ-того, вы касаетесь вопросовъ очень важныхъ, какъ-то: сохраненія историческихъ и народныхъ памятниковъ и народности вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вашею статьею связанъ вопросъ объ оскорбленіи личности въ печати безъ-основанія. По этимъ причинамъ, я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу вашего »*ходатайства г. Костомарова за Сковороду и Срезневскаго*.«

Въ концѣ своей статьи, г. Крестовскій приводитъ мои слова, которыми я окончилъ свою замѣтку въ *Основѣ*:

«На васъ, г. Вс. К — овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной души, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства».

Г. Крестовскій говоритъ:

«Скажите на милость, почтеннѣйшій профессоръ, что́ приходится отвѣчать на эти, пропитанныя тономъ литературно-генеральскаго презрѣнія, слова́ — мнѣ, простому рядовому въ батальонѣ россійской словесности? Одно только: «виноватъ, ваше превосходительство!...»

Это напоминаетъ мнѣ школяра, который ударитъ товарища, а потомъ бѣжитъ жаловаться, что его бьютъ. Да не вы ли, г. Крестовскій, взяли на себя генеральскій тонъ и бездоказательно, не давая никому отчета, бросили взглядъ своего литературно-генеральскаго презрѣнія на г. Срезневскаго? — Что́ касается до моихъ словъ, то они суть слѣдствіе правильнаго умозаключенія. Статьи, гдѣ, безъ всякаго основанія, безъ доказательствъ, оскорбляютъ кого бы то ни было, приличны невѣжеству и школьническому нахальству; статья г. Крестовскаго, не приводя никакихъ основаній и доказательствъ, оскорбляетъ г. Срезневскаго, ergo — она носитъ на себѣ отпечатокъ невѣжества и школьническаго нахальства. Впрочемъ, г. Крестовскому можно отклонить отъ себя этотъ неизбѣжный силлогизмъ, который не мнѣ одному, но и всякому другому читателю, придетъ въ голову: сто́итъ разъяснить, что́ побудило его къ такимъ выходкамъ противъ г. Срезневскаго? Въ настоящей своей статьѣ г. Крестовскій говоритъ мнѣ, что я долженъ былъ справиться съ дѣйствительностью его филологическихъ заслугъ. Мнѣ справляться объ нихъ не предстояло нужды: занимаясь русской исторіей, я безпрестанно нахожусь въ необходимости пользоваться многимъ изъ изданныхъ и объясненныхъ имъ памятниковъ. Другое дѣло — показать, ка́къ важны его заслуги, на-сколько онъ непогрѣшителенъ, въ чемъ ошибался, — но это не было моей цѣлью: я не думалъ ни превозносить, ни порицать г. Срезневскаго; но вы, коль-скоро вздумали бросить въ него комкомъ грязи, должны были подумать прежде — *за что́*, и высказать намъ объ этомъ. Теперь вы, г. Крестовскій, мнѣ говорите: «*вамъ, можетъ-быть, его заслуги кажутся подвигами Гримма и Гумбольдта* (откуда же вы это взяли, что мнѣ онѣ таковыми кажутся?), *но вы ужасно ошибаетесь: вся учено-литературная дѣятельность г. Срезневскаго представляется намъ, простымъ свистунамъ, чѣмъ-то въ родѣ взбитаго крема, прежде пріятнаго, но если положить*

«его въ ротъ, то отъ него ровно ничего питательнаго не оста-«ется. Вы ли предупредите насъ, или мы васъ, въ оцѣнкѣ «этой дѣятельности, но смѣю увѣрить васъ, въ результатѣ «правда будетъ на нашей сторонѣ...» Что же, предупреждайте, сдѣлайте одолженіе! когда же? А въ томъ, что вы теперь написали—еще брань, еще комокъ грязи въ г. Срезневскаго, — и только. Идетъ дѣло не собственно о г. Срезневскомъ, а о принципѣ, о литературной замашкѣ оскорблять всѣхъ и каждаго безъ-основанія, не давая никому отчета. Въ васъ возбуждаетъ негодованіе Срезневскій или другой кто нибудь; обличайте его, въ чемъ хотите, но не оскорбляйте голословно. По моему мнѣнію, грязь, бросаемая въ другаго безъ основательной причины, обращается на того, кто ее бросаетъ, и въ глазахъ честныхъ, добросовѣстныхъ людей, не смывается никогда. По-вашему, видно, иначе; кто вамъ не нравится, того безъ церемоніи выругаете печатно — и только; — въ полицію не посадятъ за это! и хорошо, и безопасно... У всякаго свой взглядъ, свои правила. Надѣюсь, что я имѣю столько же права высказывать свое, какъ и вы.

Вы говорите, что я съ самодовольствіемъ облекаю свои плечи въ *блестящія старческія украшенія*, и что это первый замѣтилъ г. Мордовцовъ. Г. Мордовцовъ, изъ моего разбора его статьи, выводилъ заключеніе, къ которымъ я никогда не приходилъ, именно — будто я утверждаю, что крестьяне малороссійскіе благоденствовали подъ Польскимъ владычествомъ, тогда-какъ я говорилъ единственно то, что матеріалы, которыми пользовался г. Мордовцовъ, были слишкомъ скудны, и что эта скудость не дозволяла ему дѣлать такіе рѣшительные выводы, къ какимъ онъ пришелъ, — что онъ увлекся въ натяжки.

Вы поступаете, въ отношеніи меня, нѣсколько схоже съ г. Мордовцовымъ: вы хотите какъ-будто убѣдить меня въ томъ, что Сковорода не стоитъ того, чтобъ имъ восхищаться. А я имъ никогда и не восхищался. Я утверждалъ, что онъ былъ лицо народное и теперь остаюсь при томъ же убѣжденіи, и не могу иначе думать, потому что знаю это, по опыту. Если мнѣ не вѣрите — спросите у другихъ малороссіянъ: я увѣренъ, что всѣ, жившіе въ Малороссіи, подтвердятъ истину всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые я привелъ, — въ-особенности, если вы спросите объ этомъ у стариковъ, потому-что память о немъ, какъ и о всякомъ народномъ человѣкѣ, живѣе во времена близкія къ его вѣку, и ослабляется мало-по-малу. Вы говорите, что надѣялись отъ меня большаго уваженія къ здравому смыслу малороссіянъ. А отъ чего же вы не требовали отъ

меня еще большаго уваженія къ истинѣ? И въ чемъ тутъ вы видите неуваженіе? Развѣ изъ ложнаго патріотизма я долженъ писать ложь подобно Конискому, Маркевичу и другимъ, которые выхваляли небывалое, скрывали существовавшее? Вы опрометчиво и неправильно составили себѣ понятіе. какъ Сковородины пѣсни перешли въ народъ. Съ вашимъ умозрѣніемъ, не зная предмета, о которомъ толкуете, вы снова попали въ просакъ, объявивъ Сковороду человѣкомъ отличавшимся *огромною симпатіею къ монастырскимъ обителямъ*. Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего, что Сковорода не любилъ монаховъ; объ немъ сохранились *устные* разсказы, какъ онъ убѣгалъ внезапно изъ того дома, гдѣ появлялись они, и *письменное* свидѣтельство о рѣзкомъ отвѣтѣ его на приглашеніе — поступить въ монашество, чтобъ стать столпомъ Церкви, и его обвиняли въ ереси.

Вы судите о сочиненіяхъ Скороводы, какъ-будто бы это новый писатель, только-что появившійся въ свѣтъ, — тогда-какъ на эти сочиненія слѣдуетъ смотрѣть какъ на памятникъ понятій, господствовавшихъ лѣтъ около ста назадъ, Примѣняя взглядъ, приличный рецензенту современнаго произведенія, къ памятникамъ минувшихъ временъ, вы приходите къ жалкому, варварскому принципу истребленія старины и народнаго достоянія. Странною мнѣ кажется непослѣдовательность *Русскаго Слова*, которое у себя даетъ мѣсто такимъ сужденіямъ, забывая—какъ прошлый годъ оно же выпустило и роздало безденежно своимъ подписчикамъ два тома in-4° *старинныхъ* произведеній русской литературы. Между-тѣмъ, издавая эти памятники по порученію редакціи *Русскаго Слова*, я легко могъ помѣстить въ нихъ и что-нибудь Сковородинское, если бы оно было постарѣе. Да тамъ и есть много гораздо хуже Сковородинскаго. Вы говорите:» и неужели же не надо стараться искоренять изъ среды народа все это дурное, на томъ только основаніи, что оно сдѣлалось народнымъ?» Вижу, что дѣло поворачивается на тотъ споръ, который недавно происходилъ у г. Пыпина съ г. Буслаевымъ. Для избѣжанія повтореній, я укажу на превосходную статью г. Буслаева, мнѣніе котораго, о несостоятельности покушеній воспитывать народъ по нашему образцу, я раздѣляю вполнѣ. Да еслибы и въ самомъ дѣлѣ вы сознательно рѣшились сдѣлаться воспитателемъ народа, то развѣ можно его воспитывать, не зная его понятій, убѣжденій, привычекъ, взглядовъ? Нѣкогда, въ однѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, печатались народныя пѣсни; ихъ нашли въ то время оскорбительными для народа. Дѣйствительно, многіе отличались страшнымъ цинизмомъ и безнравствен-

ностію, но, по нашему мнѣнію, собраніе ихъ было такъ же полезно, какъ и самыхъ прекрасныхъ произведеній народной поэзіи. Не восхищаться народностью, а знать ее слѣдуетъ. Точно также — не восхищаться, не любоваться исторіею прошедшей жизни — наше дѣло, а уразумѣть ее. Творенія Іосифа Волоцкаго развѣ удовлетворяютъ умственнымъ потребностямъ, вашимъ и моимъ? конечно нѣтъ, однако — не знаю какъ вы, а я — считаю ихъ чрезвычайно-драгоцѣнными, коль-скоро онѣ отражаютъ въ себѣ вѣрованія и понятія своего времени. Что̀ можетъ быть нелѣпѣе *повѣсти о Соломоніи*, напечатанной мною въ »Памятникахъ старинной русской литературы? А между тѣмъ эту чепуху не льзя не признать истинныхъ сокровищемъ для изображенія темныхъ, невѣжественныхъ вѣрованій народныхъ XVII вѣка. Поставляя правиломъ, что сочиненій Сковороды, какъ памятника литературы XVIII вѣка въ Малороссіи, не слѣдуетъ издавать, — вы должны будете распространить это правило и на произведенія XVII и XVI вѣковъ, и далѣе. Или, быть можетъ, вы снисходительнѣе къ тому, что̀ старѣе? Но если сочиненія Сковороды не будутъ собраны и изданы теперь, то они могутъ пропасть для того времени, когда станутъ такою же древностію, какъ тѣ, которыя, быть-можетъ, вы покроете археологическимъ уваженіемъ... Притомъ же, въ исторіи, вѣкъ болѣе древній и отдаленный отъ насъ не можетъ имѣть преимущества предъ вѣкомъ ближайшимъ къ намъ. Когда одинъ историкъ любитъ древность, другой можетъ заняться изученіемъ жизни въ ближайшую эпоху.

Посмотрите же, какъ, исходя изъ различныхъ точекъ, вы сходитесь съ г. Аскоченскимъ, столь ненавидимымъ вами, и достигаете одинакихъ требованій. Недавно г. Аскоченскій озлился на меня за статью *о мистической повѣсти о Нифонтѣ*, помѣщенной въ *Русскомъ Словѣ*. За чѣмъ-де я назвалъ ее *мистическою*, — какъ смѣлъ вознести на нее хулу, находя въ ней »затѣйливые образы фантазіи!» Въ порывѣ своего лжеблагочестія, суровый мой рецензентъ забылъ, а, быть-можетъ, и никогда не зналъ, что Нифонтова повѣсть признана православной церковью въ числѣ *отреченныхъ книгъ*, и въ Кормчей XIII вѣка, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, помѣщена въ ряду такихъ, за которыми не оставленъ авторитетъ достовѣрности. Да и въ наше время преосвященный Филаретъ, въ своемъ *Обзорѣ духовной литературы*, отозвался о Нифонтовой повѣсти какъ о сочиненіи, вовсе неуважаемомъ церковью. Эти обстоятельства, естественно, давали мнѣ право смотрѣть на нее не болѣе, какъ на поэтическое произведеніе своего вѣ-

ка. Но г. Аскоченскій явно желалъ бы, чтобы подобные памятники или не издавались вовсе, или же издавались подъ условіями превратнаго на нихъ взгляда, усвоеннаго тѣмъ пустосвятствомъ, которое, въ суевѣрномъ страхѣ, не смѣетъ произнести смѣлаго сужденія ни о чемъ, что показываетъ претензію на религіозность, хотя бы вовсе неправильно, и такимъ-образомъ, думая угодить Церкви, расходится съ нею.

Подобнаго, съ своей точки зрѣнія, добивается и г. Крестовскій. По его мнѣнію, Сковороды вовсе не слѣдуетъ издавать, а если онъ изданъ, то должно на него смотрѣть не по соотношенію его съ вѣкомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ воспитался и жилъ, и на которое оказывалъ вліяніе, а подъ условіемъ современныхъ взглядовъ на современныя требованія. Для насъ, съ одной стороны, чуждыхъ пустосвятства и ханжества, съ другой — не имѣющихъ желанія и призванія заниматься современными потребностями, предоставляя ихъ — съ полнымъ уваженіемъ — тѣмъ, кто спеціально посвятилъ себя этому предмету, — для насъ результатъ одинъ и тотъ же, какъ отъ г. Аскоченскаго, такъ и отъ васъ: памятники прошедшаго времени — или должны оставаться вовсе неизданными и недоступными, — или являться въ фальшивомъ, искуственномъ свѣтѣ!?..

Какъ съ памятниками минувшаго времени, такъ и съ современными произведеніями, получившими народное значеніе, не слѣдуетъ обращаться такъ легкомысленно, какъ вы, отзываясь съ такимъ презрѣніемъ о нѣкоторыхъ пѣсняхъ. Для васъ нѣтъ важнаго, что «какой нибудь хоръ пѣсенниковъ запѣлъ:

Распрекрасная столица,
Славный городъ Питербурхъ!
Шолъ по Невскому пришпехту,
Самъ съ перчаткой разсуждалъ,—

а досужіе слушатели подхватили — и пошла гулять по народу.» А задавали ль вы себѣ вопросъ: отчего же она пошла гулять по народу?— Значитъ, она удовлетворяетъ потребности народнаго вкуса. А понять народный вкусъ — не бездѣлица. Сдѣлайте-ка, чтобъ народъ запѣлъ ваше «изъ испанскихъ романсовъ,» напечатанное въ той же книжкѣ *Русскаго Слова*, гдѣ помѣщена ваша филиппика противъ меня. Пари готовъ держать, что не станетъ онъ пѣть этого, потому-что не найдетъ ничего по своему вкусу. А въ «*распрекрасной столицѣ*» вѣрно что-то есть для него. И въ «*не шей ты мнѣ, матушка,*» и въ «*среди о[illegible]лины ровныя*», вѣрно что-то есть....

Ни слова,—**ваши** стихотворенія мнѣ субъективно могутъ нравиться гораздо болѣе, чѣмъ многія народныя пѣсни; но коль-скоро я сталъ на точку изслѣдователя народной жизни, тогда какая-нибудь «*распрекрасная столица*» для меня несравненно важнѣе вашихъ стихотвореній.

То́, что нравится народу, невсегда нравится намъ,—и на оборотъ, оттого, что мы слишкомъ отдалились отъ народа. Какъже вы, съ различнымъ вкусомъ, не зная народа и не сочувствуя ему, станете искоренять въ немъ дурное? Да прежде оцѣните самого себя, повѣрьте хладнокровно: все ли то дурно, что́ *вамъ* кажется дурнымъ, все ли то́ хорошо, что́ *вы* считаете хорошимъ? И чѣмъ же вы будете искоренятъ то, что́ считаете дурнымъ? Неужели тѣмъ, что не станете издаватъ того́, что́ народъ считаетъ, или считалъ прежде, своимъ достояніемъ? Перваго вы этимъ не искорените, а только лишите средствъ познакомиться съ народомъ — тѣхъ, кто этого желаетъ и имѣетъ въ томъ нужду, второе — отжившее въ народѣ — искоренять уже не нужно, а предавая забвенію, вы лишаете исторію матеріала.

Желаніе искоренять въ народѣ дурное приводитъ иногда къ смѣшнымъ и вмѣстѣ печальнымъ результатамъ. Назадъ тому лѣтъ восемь, я былъ свидѣтелемъ, какъ, въ одномъ губернскомъ городѣ, полицмейстеръ, въ слѣдствіе какого-то распоряженія, своеобразно имъ понятаго, ѣздилъ по городу съ плетью и преслѣдовалъ поющихъ пѣсни. Онъ признавалъ пѣніе пѣсенъ на улицахъ неприличнымъ и самыя пѣсни *простонародныя* достойными истребленія. Это не вымыселъ; прибавляю это потому, что хоть преданіе свѣжо, а иной съ трудомъ ему повѣритъ. Жаль, что у насъ это не принято, а то́ бы я назвалъ чинъ, имя, отчество и фамилію этого врага народной музы. Я знаю, что вы, г. Крестовскій, отзоветесь объ немъ съ негодованіемъ; но, въ-сущности, онъ руководился убѣжденіемъ, подобнымъ вашему — *искоренять въ народѣ все дурное*. И кто поручится, что иной гуманный и прогрессивный публицистъ, забравъ себѣ въ голову, будто онъ обязанъ истреблять въ народѣ все дурное, не станетъ поступать точно также, какъ и вышеозначенный полицмейстеръ, еслибы ему въ руки дать плеть, съ правомъ обращаться съ нею съ извѣстнаго рода свободою.

Народные предразсудки уничтожаются сами-собой отъ просвѣщенія. Познакомится народъ съ физикой, съ исторіей,— перестанетъ самъ-собою вѣрить и въ созданныхъ имъ на свой ладъ чертей, и въ вѣдьмъ, и во многое, чему вѣритъ по преданію, не зная, откуда и какъ оно возникло, какъ образовалось, чѣмъ поддерживалось. Тогда не нужно *иско-*

ренять стараго: оно само-собой исчезнетъ. Невѣрныя понятія о землѣ сами-собой исчезли, когда открыта была Америка; нѣтъ мѣста астрологическимъ бреднямъ, при тѣхъ результатахъ, до какихъ дошла астрономія; нѣтъ мѣста громовымъ стрѣламъ для знакомаго съ законами электричества; умеръ и тотъ огромный китъ, на которомъ стояла земля, съ тѣхъ-поръ, какъ стали извѣстны законы взаимнаго притяженія; и магометовъ рай теряетъ свою прелесть по-мѣрѣ-того, какъ западная наука проникаетъ на мусульманскій востокъ; и власть папы держится на волоскѣ отъ неумолимой исторической критики. Ненужно народу говорить: «*не вѣрь этому — вѣрь другому*» — надобно показать ему лицомъ къ лицу истину, — предразсудокъ исчезнетъ самъ собою.

Задача—*искоренять* въ народѣ что́ бы то́ ни было—всегда ложная. Творите, а не разрушайте; ветхое разрушится и обратится въ пепелъ, развѣется по вѣтру само-собою. Иначе,—гдѣ искорененіе, тамъ насиліе—и часто приходится жалѣть о разрушенномъ. Наша исторія живой примѣръ этому: насильственныя дѣйствія Москвы убили нашъ удѣльновѣчевой строй; реформа Петра Великаго, продолжавшаяся слѣдующими за нею эпохами, оторвала насъ отъ старинной жизни и заставила насъ смотрѣть на нее съ презрѣніемъ; а когда мы познакомились съ нашею прошедшей жизнію покороче, то увидали, что многое, многое было въ основаніяхъ своихъ лучше новаго, и во многомъ, даже въ настоящее время, приходится возвращаться къ старинѣ, — конечно, не по развитію формъ, а по смыслу идей, лежавшихъ въ основахъ старой жизни. Можетъ-быть вы принадлежите къ тому кружку, для котораго подобная мысль — нелѣпость, къ кружку, къ которому принадлежатъ критики, подобные г. Шишкину, который, недавно, возноса Петра Великаго, ударилъ пятою въ Великій Новгородъ, а Псковскую вольность и общиное пользованіе землею помѣстилъ *въ кучу всякаго рода добродѣтелей* (?). Мы, напротивъ, всматриваясь въ эту *кучу добродѣтелей*, находимъ въ ней много такого, что́ еслибы возобновить въ наше время, то мы гораздо далѣе шагнули бы на пути общественности, чѣмъ безъ толку заимствуя и пересаживая къ себѣ *западныя добродѣтели*, изъ которыхъ очень многія, будучи *добродѣтелями* на западѣ, при условіяхъ тамошней исторической жизни, у насъ превращаются въ *пороки*, или, по-крайней-мѣрѣ, не даютъ такихъ плодовъ, какіе давали на своей прежней почвѣ, такъ точно, какъ бордосскія и рейнскія лозы въ Крыму не даютъ такого вина, какъ у себя дома. Истина вездѣ та же истина, но формы, въ которыхъ она явится, могутъ быть различны. Тѣ же са-

мыя формы, въ которыхъ сохранились вѣковые предразсудки, могутъ сдѣлаться хранителями истины: изъ нихъ исчезнетъ само собою только то, что несовмѣстимо съ просвѣщеніемъ.

Но чтобы умѣть показать эту истину, нужно прежде всего знать народъ, понимать его прошедшее и настоящее, заговорить съ нимъ именно съ той стороны, съ какой слѣдуетъ, и съ какой можно на него подѣйствовать. А все это достигается не пышнымъ фразерствомъ, не пустымъ фонфаронствомъ, а изученіемъ народной жизни въ его прошедшихъ и настоящихъ памятникахъ. Такое изученіе даромъ не дается и не скоро получается; и для такого изученія несравненно болѣе сдѣлалъ г. Срезневскій съ его *рутиной*, (какъ вы, г. Крестовскій, выражаетесь), чѣмъ мы съ вами *независимымъ* и *живымъ* словомъ. Вы назвали меня *свободнымъ художникомъ*: слишкомъ много для меня чести, также какъ слишкомъ много оскорбленія въ пожалованіи меня титуломъ превосходительства. Не желая отнюдь послѣдняго, не смѣю думать о первомъ. Но если когда-либо явится въ наукѣ русской исторіи историкъ-художникъ, то не прежде, какъ тогда, когда почтенные *рутинеры* своими изданіями и изслѣдованіями приготовятъ ему возможность проявить свой талантъ и свои силы. До сихъ поръ еще груды памятниковъ прошедшей жизни лежатъ погребенные въ архивахъ и библіотекахъ неизслѣдованные, необъясненные: — далеко намъ до художества!

Слова объ убійствѣ *злой воли* у Сковороды вы называете рабскимъ аскетизмомъ. Что же это? Преодолѣніе лѣни, принужденіе себя къ труду полезному для ближнихъ, воздержаніе отъ пьянства, пресыщенія, сладострастія, корыстолюбія—неужели у васъ это рабскій аскетизмъ?.. Совершенно не кстати вы прицѣпляете къ Сковородѣ? Аскоченскаго; послѣдній — вашъ современникъ и вы можете съ нимъ ратовать по несходству убѣжденій, которымъ суждено приниматься или отвергаться живыми людьми,—тогда-какъ Сковорода принадлежитъ исторіи, а если и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать вліяніе, то вы его не разрушите, ибо, до тѣхъ, на комъ ложится еще это вліяніе, едва ли дойдутъ ваши рецензіи, да онѣ и слишкомъ безсильны для того, чтобы передѣлать упроченные временемъ и наслѣдствомъ убѣжденія и взгляды. «*Вы слишкомъ любите и лелѣете плоть:*» ужъ и поэтому не годитесь вы въ учители народа, особенно — малороссійскаго.

Вы, г. Крестовскій, въ подражаніе, называете и себя свистуномъ. Что значитъ это названіе? Вы хотите осмѣивать дурное — не такъ ли? Сочувствуемъ этому, но не забывайте, что свистъ, смѣхъ надъ другимъ

есть наказаніе, а чтобы подвергнуть наказанію кого бы то ни было, слѣдуетъ его обличить: юридическое правило — *безъ суда никто да не накажется*—приложимо къ вамъ въ этомъ случаѣ. Васъ, конечно, смущаетъ всякое безсудное наказаніе, всякое проявленіе произвола надъ личностью чьею бы то ни было. Вы готовы ратовать противъ этого изо всей силы; въ васъ пробуждается благородное негодованіе при всякомъ нарушеніи правъ и чести человѣка. Но вѣдь вы, въ тоже время, дѣлаете то-самое въ своей сферѣ, что такъ охуждаете въ другой, чуждой вамъ: ни съ сего, ни съ того вы бросаете грязью, не думая дать обществу отчетъ, что побуждаетъ васъ къ этому. Поймите же наконецъ, что оскорбляя другихъ, вы вредите и себѣ. Вашъ *свистъ* станутъ презирать. Онъ даже не будетъ имѣть достоинства остроумія, потому-что для остроумія нужно же чтобъ тѣ, передъ которыми вы острите, понимали—въ чемъ дѣло противъ чего и за что вы ратуете. Притомъ, такой *свистъ*—какъ вы называете (такая *грязь*—какъ мы назовемъ ваши выходки), не свидѣтельствуетъ о чистотѣ вашихъ побужденій. Неблагородно нападать на соперника тогда, когда онъ не имѣетъ средствъ защищаться, если бы и могъ. Мы, повторяю вамъ—вовсе не беремъ на себя апологіи г. Срезневскаго: идетъ дѣло не о его личности, а о принципѣ. Вы замѣтили въ своемъ возраженіи, что г. Срезневскій самъ могъ себя защищать. Въ томъ-то и дѣло, что въ такомъ положеніи, въ какое вы ставите г. Срезневскаго, самозащищеніе невозможно. Въ чемъ ему оправдываться противъ вашей язвительной насмѣшки? Что можетъ онъ вамъ сказать на вторичную вашу выходку противъ него, гдѣ вы очень неловко сравниваете его сочиненія съ кремомъ? А между тѣмъ, ваши выходки оскорбительны, или, по крайней мѣрѣ, вы хотите ими оскорбить. По нашему мнѣнію, избѣгать такого рода задѣваній побуждаетъ благородное чувство, если оно есть въ человѣкѣ. Дѣйствуя такимъ способомъ, вовсе не значитъ быть обличителемъ; это не прямой бой; это безчестная нападка изъ-за угла, въ которой высказывается собственная трусость нападающаго. Это значитъ — ударить и убѣжать, такъ чтобы догнать не могли. Нѣтъ! когда хотите ратовать противъ человѣческихъ пороковъ и слабостей, то прежде обличите, поставьте человѣка передъ обществомъ лицемъ, разоблачите его, и тогда поражайте вашими остротати. Тогда дѣло само-за-себя будетъ говорить и вашъ смѣхъ довершитъ силу удара, если ваши обличенія будутъ столь важны и очевидны, что сопернику не останется возможности отстоять себя. Вы выражаетесъ — что *понимаете* меня, — даете такой оборотъ дѣлу, будто я рѣшился возра-

зить вамъ за то, что, дескать, гусей подразнили.—Вы не понимаете меня, а можетъ-быть, не хотите понять. О какихъ гусяхъ идетъ у васъ рѣчь? Будемъ говорить напрямикъ. Г. Срезневскій—профессоръ, академикъ, ученый, много лѣтъ трудившійся на своемъ поприщѣ. Вы себѣ вообразили, что, по этому, я признаю за нимъ какую-то неприкосновенность авторитета: какъ, то-есть, смѣетъ молодой писатель такъ дерзко отзываться о старикѣ, почтенномъ и лѣтами и опытностію, и своими трудами! Ошибаетесь, м. г! Патріархальныя отношенія въ наукѣ и литературѣ мнѣ столь же противны, какъ и вамъ. Но если не должно страшиться обличать того, кто пріобрѣлъ себѣ авторитетъ многолѣтнею дѣятельностью, то, съ другой стороны, не льзя же плевать на человѣка за то единственно, что онъ не молодъ, много трудился и пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе: онъ точно такъ же, какъ и молодой дѣятель, имѣетъ право быть огражденъ отъ несправедливаго презрѣнія со стороны всякого авторитета. Вы за что-то недовольны г. Срезневскимъ и, не думая долго, оскорбляете его печатно, надѣясь на то, что подобныя выходки останутся безъ возраженій. Нѣтъ, м. г., мы, читатели ваши, имѣемъ право потребовать отъ васъ объясненій, и тѣмъ-больше имѣемъ на то права послѣ-того, какъ вы повторили вашъ оскорбительный отзывъ: Извольте обличить г. Срезневскаго фактически, — раскройте передъ нами его дѣятельность ученую и, пожалуй, гражданскую, и тогда, если вы исполните эту задачу успѣшно, можетъ-быть и мы откликнемся одобрительно на вашъ свистъ. А до того времени, ваши выходки будутъ намъ представляться не болѣе, какъ плодомъ тѣхъ качествъ, за указаніе которыхъ въ вашей статьѣ вы такъ оскорбились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я бы просилъ васъ также и въ отношеніи ко мнѣ обличить меня и разъяснить значеніе вашихъ словъ, будто я *самодовольно одѣваюсь въ блестящія старческія украшенія*. Гдѣ, когда выразилъ я убѣжденія, которыя бы давали вамъ поводъ къ такому приговору, — убѣжденія противныя тѣмъ, которыя высказывалъ я прежде? Вы указали на г. Мордовцова. Но, вѣроятно, вы написали это, недолго разсуждая о томъ, что вы пишете, не задавая себѣ труда сравнить мой разборъ статьи г. Мордовцова съ его возраженіемъ. Послѣднее — есть верхъ недобросовѣстности. Съ болью въ сердцѣ принужденъ я сказать это; не за себя мнѣ больно, а за него, потому-что я не могу не уважать этого талантливаго и свѣдущаго писателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благороднѣйшаго человѣка. Увлекшись на минуту духомъ полемики, онъ взялъ, къ-сожалѣнію, оружіе, правда — очень нерѣдкое въ наше время, но

чрезвычайно-недостойное ни его личности, ни его дарованій. Онъ написалъ на меня и на другого своего противника, сдѣлавшаго ему совершенно-справедливыя замѣчанія, литературный *ложный* доносъ. Подобно тому, какъ въ инквизиціонныхъ и другихъ тайныхъ судилищахъ, *умышленно* давали сочиненіямъ и словамъ подсудимыхъ смыслъ, необходимый для обвиненія жертвы въ томъ, въ чемъ ее подозрѣвали, г. Мордовцовъ хотѣлъ вызвать изъ своихъ противниковъ убѣжденія и побужденія, которыми они глушаются точно такъ же, какъ и окружающая ихъ общественная среда. Способъ—недостойный, и притомъ—неудобный. Въ такихъ судилищахъ, противъ обвиненія нѣтъ оправданій; но судъ литературный есть судъ публичный: довольно, если обвиняемый скажетъ, что онъ не думаетъ того, въ чемъ его обвиняютъ, — оправданіе слѣдуетъ само-собою логически. За обвиняемымъ можетъ остаться одно пятно: темнота выраженія; но за мной, надѣюсь, и того не останется, потому-что г. Мордовцовъ, обвиняя меня, *не приводилъ моихъ словъ*, не прибѣгалъ даже къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ уловкамъ — выбирать выраженія безъ отношенія ихъ къ предъидущему и послѣдующему, а просто — перифразировалъ мои слова такъ, какъ ему было нужно, заставлялъ меня возвѣщать то, чего я никогда не думалъ говорить, да — для большаго эффекта — поставилъ еще эпиграфъ изъ моего же сочиненія: *зачѣмъ мы старѣемся!* Вотъ, дескать, онъ устарѣлъ, и дошелъ до ретроградныхъ убѣжденій!.. Теперь вы тоже повторяете. А предъ вами — чѣмъ я показалъ это? Тѣмъ ли, что утверждалъ и утверждаю, что памятниками литературы прошедшаго времени, имѣвшими вліяніе на свой вѣкъ, не слѣдуетъ пренебрегать, а напротивъ — надлежитъ ихъ сохранять, какъ матеріалъ для уразумѣнія теченія народной жизни и понятій? — или, можетъ-быть, тѣмъ, что считаю дѣломъ неблагороднымъ, достойнымъ невѣжества и нахальства, печатно бросать грязью въ личности и оскорблять ихъ изъ-за угла, не давая отчета и объясненій — за что и почему съ ними такъ поступаютъ? Это ли, по-вашему, тѣ *старческія украшенія*, которыя вы на меня хотите возложить? Это ли побудило васъ пожаловать меня превосходительствомъ? Это ли? Говорите не краснѣя...

Съ чего вы взяли обвинять меня еще въ раздражительности и забывчивости, увѣряя, что вы *не забыли*, вмѣстѣ съ Аскоченскимъ и Срезневскимъ, помѣстить библіотеку Харьковскихъ студентовъ? Вы, точно, помѣстили ее, перечисляя подписчиковъ, но не посулили ей *безсмертія* вмѣстѣ съ Сковородою, подобно тому, какъ наградили этимъ

безсмертіемъ г. Срезневскаго. Рѣчь шла объ этомъ *безсмертіи*, и я вамъ указывалъ на эту фразу,—на раздачи безсмертія подписчикамъ,—а не на перечисленіе подписчиковъ. Если вы меня напрасно упрекаете въ *забывчивости* по этому поводу, то я (убѣжденъ, что не напрасно) упрекаю васъ въ іезуитской уловкѣ — представить дѣло не такъ, какъ оно есть, и какъ вы сами его сознаете.

Ни къ селу, ни къ городу вы вздумали меня попрекнуть вопросомъ о происхожденіи Варягоруссовъ и г. Летголою; хотя это къ дѣлу нашему не относится, но я не оставляю и это безъ отвѣта для того, чтобы не сказали, что я не нахожусь что отвѣчать. Я постоянно занимался русской исторіей *на-сколько могъ*, по обстоятельствамъ, лишившимъ меня возможности изучать ее, какъ слѣдуетъ, въ лучшіе годы жизни; но вопросъ о происхожденіи Руси не занималъ меня, потому-что онъ относится къ тому періоду, въ которомъ не видно живыхъ людей, а бродятъ какія-то неясныя тѣни. Получивъ вновь каѳедру, я долженъ былъ заняться имъ по обязанности. Несостоятельность гипотезы о происхожденіи Руси отъ Норманновъ для меня казалось очевидною, а между-тѣмъ у насъ въ наукѣ она приняла значенія несомнѣннаго историческаго факта. Съ другой стороны, мнѣ слишкомъ бросалось въ глаза то, что въ нашихъ хронографахъ и отрывочныхъ сказаніяхъ о началѣ Руси, съ послѣднихъ годовъ XV в. вплоть до XVIII, повторялось призваніе Рюрика отъ Прусъ, изъ литовскаго міра. Это казалось мнѣ не вымысломъ писакъ, а древнимъ преданіемъ, которое они занесли въ свои сочиненія, и казалось тѣмъ-болѣе потому, что оно связывается съ нѣкоторыми миѳическими исторіями; наприм. о переименованіи Мутной въ Волховъ, о Волхѣ, о залеганіи пути, о чародѣйственной могилѣ Волха: эти миѳическія исторіи уцѣлѣли до-сихъ-поръ въ народѣ, въ Новгородской Землѣ. Очевидно, что писатели занесли ихъ въ свои хронографы отъ народа. По аналогіи, я предполагалъ, что и призваніе князей изъ Прусъ было такимъ же наслѣдственнымъ преданіемъ. Географическія названія *Руси* въ имени рѣки *Руса* и прилегавшей къ ней стороны, еще болѣе подкрѣпили меня въ томъ, чтобъ отдавать преимущество старому повѣрью предъ новыми мудрованіями. Я началъ заниматься литовскимъ языкомъ. Слишкомъ мало познакомившись съ нимъ въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца, при другихъ занятіяхъ, я нашелъ въ лексиконахъ нѣсколько словъ, которыя мнѣ показались напоминающими имена Руссовъ, сохранившіяся въ нашихъ лѣтописяхъ; я прочелъ ихъ на лекціи, сознавшись въ недостаточности знаній въ литов-

скомъ языкѣ, и просилъ обратить на нихъ вниманіе знающихъ. Вслѣдъ-за-тѣмъ, я получилъ отъ своихъ слушателей нѣсколько замѣчаній и, напечаталъ свою гипотезу Г. Летгола обличилъ меня въ невѣрности. Неправильность нѣкоторыхъ приведенныхъ мною словъ положительно зависѣла отъ опечатокъ. Что г. Летгола могъ открыть у меня ошибки — очень естественно, когда я не зналъ по-литовски — и мнѣ бы оставалось повѣрить ему и воспользоваться его замѣчаніями; но тутъ ко мнѣ стали присылать письма природные Литвины, обличавшія Летголу и меня разомъ, и притомъ — негдѣ правды дѣть — противорѣчившія другъ другу. Одно изъ нихъ, носившее наиболѣе ученый отпечатокъ и писанное дѣйствительно спеціалистомъ - филологомъ, г. Летувисомъ, я, по его желанію, напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Печатать другія я не имѣлъ права, а нѣкоторыя писаны были въ формѣ, неудобной для печати, такъ-что мнѣ нужно было бы составлять самому статьи по нимъ. Я остался въ совершенномъ недоумѣніи, кто̀ правъ, кто не правъ,—да притомъ и подтвержденіе теоріи посредствомъ сходства словъ было слишкомъ второстепенное. Продолжать же учиться по-литовски я не вижу необходимости, потому-что вопросъ о происхожденіи Рюрика не считаю на-столько важнымъ, чтобъ употребить на него время, которое можетъ быть отдано изученію эпохъ болѣе жизненныхъ и интересныхъ для мысли. Происхожденіе Руси изъ Литовскаго міра я считалъ и считаю гипотезою, въ моихъ глазахъ, тверже норманской, но все-таки гипотезою. Я не отрицаю возможности отказаться отъ нея и, пожалуй, принять хоть норманство, если представятся доказательства. Итакъ, вы напрасно меня упрекаете, будто я утверждалъ о томъ, чего не зналъ: я только предполагалъ, а не утверждалъ. Разница большая съ дѣломъ о народности Сковороды: здѣсь я не предполагаю, а достовѣрно *знаю*, и не можетъ быть возможности, чтобы кто-нибудь доказалъ невѣрность тѣхъ фактовъ, которые я привелъ въ доказательство народнаго значенія этого лица въ Малороссіи.

Н. Костомаровъ.

КОБЗАРЬ.

XXXII.

ЧАСТИНА ПОЭМИ:

ЕРЕТИКЪ ИВАНЪ ГУСЪ.

Камень, егоже небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла; отъ Господа бысть сей, и есть дивенъ во очесѣхъ нашихъ.

Псаломъ CXVII, ст. 22

Кругóмъ непрáвда и невóля,
Народъ замýчений мовчúть;
А на апóстольськімъ престóлі
Чернéць годóваний сидúть;
Людськóю крóвію торгýе
И рай у-нáйми оддаé....
О, Бóже! Судъ твій прáвий всýе
И всýе цáрствіе твоé!
Розбійники, людоіди
Прáвду поборóли,—
Осміяли твою слáву
И сúлу, и вóлю.
Лю́де стóгнуть у кайдáнахъ;
Немáе съ кимъ взя́тись —
Роскувáтись, — односта́йне —
Односéрде стáти
За Евáнгелію прáвди,
За тéмнії лю́де.

Нема́ кому́!... Бо́же Бо́же!
Чи то́жъ и не бу́де?
Чи наста́не вели́кий часъ
Небе́сноі ка́ри?
Чи розло́мимъ три коро́ни
На го́рдій ті́арі?
Розло́мимо!... Благосло́ви —
Не на месть и му́ки —
Благослови́ моі, Бо́же,
Нетве́рдиі ру́ки
Й сло́во ти́хее... О Бо́же!
Чи вони́ жъ почу́ють?...»
— — — — Отта́къ,
У ке́лііі своій правди́вий
Ива́нъ Гусъ ду́мавъ роскува́ть
Наро́дъ заму́чений, — и ди́во,
Свято́е ди́во показа́ть
Оча́мъ незря́чимъ....
»Поборю́сь!...
»За пра́ву Богъ!.. Да соверши́тця!..«
И въ Вифліе́мськую капли́цю
Пішо́въ моли́тьця вірний Гусъ.

XXXIII.

И не́бо не вми́те, и за́спані фи́лі,
И по — надъ бе́регомъ геть-ге́ть
Нена́че пья́ний — очере́тъ
Безъ вітру гне́тця.... Бо́же ми́лий!
Чи до́вго бу́де ще мині
Въ оцій не-за́мкнутій тюрмі,
По-надъ оцімъ нікче́мнимъ мо́ремъ,
Нуди́ти світомъ?... Не гово́рить,
Мовчи́ть и гне́тця, мовъ жива́,
Въ степу́ пожо́вклая трава́,—
Не хо́че пра́вдоньки сказа́ть...
А бі́льше ні-въ-кого спита́ть.

Т. Шевченко.

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ.

(Сочиненіе Ив. Попки.)

Нѣтъ необходимости доказывать важность отдѣльныхъ монографій, относящихся къ извѣстнымъ частямъ Русской Земли. При ея разнообразіи во всѣхъ отношеніяхъ, основательное знаніе общаго можетъ быть достигнуто единственно тогда, когда отчетливыя описанія странъ, представляющихъ своеобразныя черты, будутъ доставлять матеріалы, которые останется сложить и освѣтить взглядомъ, добытымъ изъ результатовъ, которые содержатся въ самомъ предметѣ. Въ ряду такихъ монографій безъ сомнѣнія важнѣйшими окажутся тѣ, которыя представляютъ состояніе краевъ, какъ въ географическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніяхъ, имѣющихъ автономическое значеніе. Явленія прошедшей нашей исторіи и разнообразіе настоящаго народнаго быта доставляютъ возможность всю Россію разбить на группы, имѣющія болѣе или менѣе условія для составленія объ нихъ самобытныхъ монографій.

Достоинствами такихъ монографій могутъ и должны быть: полнота, вѣрность и ясность изложенія.

Полнота можетъ разсматриваться двояко: во-первыхъ, по отношенію къ сторонамъ, какихъ должно касаться описаніе; во-вторыхъ, по отношенію къ богатству чертъ, служащихъ для изображенія каждой изъ такихъ сторонъ.

Вѣрность также можетъ быть двоякая: вѣрность фактовъ и добытыхъ изъ нихъ результатовъ.

Что касается до ясности изложенія, то при вышеозначенныхъ условіяхъ она, безъ-сомнѣнія, есть важное обстоятельство, которое такого рода сочиненіе дѣлаетъ доступнымъ какъ для науки, такъ и для чтенія, и состоитъ въ точномъ выраженіи факта и мысли и въ со-

размѣрномъ сопоставленіи свѣдѣній, по ихъ внутренней связи и внѣшней послѣдовательности.

Сочиненіе г. Попки «Черноморскіе Козаки въ военномъ и гражданскомъ быту» представляетъ изображеніе края, почти нетронутаго описательной нашей литературой, края, имѣющаго какъ по естественному своему положенію и свойствамъ, такъ и по жизни обитателей, своеобразную физіономію, и слѣдовательно представляющаго содержаніе чрезвычайно-важное для знанія Россіи. Мы разсмотримъ его по отношенію къ тѣмъ достоинствамъ, которыя поставили мѣрилами значенія такого рода сочиненій.

Сочиненіе г. Попки по-преимуществу этнографическое. Опредѣливъ названіе своего сочиненія, онъ раздѣлилъ его на двѣ части: въ первой разсматриваетъ все, что̀ входитъ въ кругъ гражданскаго быта: народонаселеніе, характеръ жилыхъ мѣстностей, сельское хозяйство, промышленность, торговлю, образованность и нравственность народа; вторая часть посвящена очерку военнаго состава козаковъ, образу службы и особенностямъ ея, принадлежащимъ исключительно краю и жителямъ, его населяющимъ. Собственно географія и исторія входятъ въ его сочиненіе какъ дополнительныя свѣдѣнія, необходимыя для этнографіи и поясняющія данныя послѣдней. Такимъ-образомъ, прежде изложенія гражданскаго быта Черноморскихъ Козаковъ, авторъ предпосылаетъ топографическое описаніе страны и сообщаетъ свѣдѣнія о ея климатѣ и произведеніяхъ, условливающихъ народное здоровье и народныя занятія. По сообщаемымъ г. Попкою свѣдѣніямъ, Черноморье представляетъ двѣ неравномѣрныя части, отличныя одна отъ другой по своей топографіи: собственно Черноморье и Таманскій полуостровъ. Послѣдній представляетъ такія же условія, какъ Керченскій полуостровъ Крыма, и, по словамъ г. Попки, до того съ нимъ сходенъ, что кажется какъ-будто разорванною случайно, пополамъ, глыбою земли. Собственно Черноморье, или Черноморье степное, есть обширное луговое пространство, изрѣзанное множествомъ протоковъ или рѣкъ, текущихъ въ море и образующихъ болота и лиманы. Описанія этихъ рѣкъ у автора очень кратки и не представляютъ отвѣтовъ на многіе вопросы, которые, естественно, могутъ родиться у всякаго, кто, заинтересовавшись его книгою, захочетъ познакомиться съ Черноморьемъ въ его подробностяхъ. Такимъ-образомъ, мы не знаемъ ни направленія теченія этихъ рѣкъ, ни глубины ихъ, ни ширины. Точно также и описаніе почвы и произведеній не приноровлено къ теченію рѣкъ

и ихъ взаимному положенію, тогда-какъ это было бы нужно, чтобы прослѣдить самый порядокъ заселенія страны, которое, естественно, находится въ прямомъ соотношеніи съ ихъ направленіемъ. Нѣкоторыя рѣки, означенныя на картѣ, не нашли себѣ мѣста въ описаніи. Почва и произведенія также описаны вообще кратко, и даютъ только приблизительное, легкое, понятіе о природномъ состояніи края. Вообще, географическая часть у автора слаба, и это можетъ найти себѣ извиненіе только въ томъ, что онъ и не думалъ описывать Черноморье во всѣхъ отношеніяхъ,—тѣмъ болѣе—его естественнаго состоянія, что цѣль его была — люди, а не земля. Но дѣло въ томъ, что людей, живущихъ на извѣстной землѣ, нельзя изучить, не зная земли, и кто хочетъ представить намъ очеркъ жизни Черноморья, долженъ напередъ познакомить насъ въ-подробности съ самою землею.

Авторъ сообщаетъ объ изобиліи кургановъ въ Черноморіи и допускаетъ очень смѣлую мысль: замѣтивъ, что курганы идутъ паралельно съ балками или оврагами, онъ думаетъ, что не только курганы, но и самыя балки были дѣломъ рукъ человѣческихъ, и вырыты были для осушки низменныхъ равнинъ и для усиленія слабаго естественнаго орошенія пастбищныхъ луговъ. Что́же касается до самихъ кургановъ, то, по его мнѣнію, они насыпались для жилищъ, или, лучше сказать, для крѣпкихъ убѣжищъ троглодитовъ. Но признавая, что въ этихъ курганахъ находили человѣческія кости, онъ допускаетъ для значенія кургановъ два періода: оставленные древними обитателями, они содѣлались въ другихъ поколѣніяхъ мѣстами погребенія умершихъ. Эта мысль только набросана авторомъ и оставлена безъ ученыхъ доказательствъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ; слѣдовало бы или не приступать къ ней вовсе, или по крайней мѣрѣ познакомить читателей подробнѣе съ самими курганами и указать ихъ сходства и отличія въ Черноморьѣ отъ тѣхъ, которые разсѣяны въ безчисленномъ множествѣ по степямъ южной и даже средней Россіи. Догадка автора дѣлается несостоятельною, когда вспомнимъ, что для подобныхъ работъ необходимо было бы густое населеніе края и такія условія, которыя бы заставляли жителей продолжительнымъ трудомъ отстранять неудобства *жилья*, а не оставлять край, ища лучшаго. Онъ указываетъ въ примѣръ на египетскія работы. Но долина Нильская, по своей природѣ, есть такая мѣстность, которая дѣйствительно представляла приманку оставаться въ ней и употреблять трудъ;—этого не видно въ Черноморьѣ. Притомъ, троглодиты, которые не въ со-

стояніи сдѣлать себѣ избы, едва ли способны къ осушенію болотистыхъ мѣстностей. Самая мысль о рытьѣ кургановъ для жилья, вмѣсто избъ, едва ли можетъ выдержать критику. Самъ же г. Попка говоритъ, что въ старину край былъ лѣсистъ; поэтому, для жителей, въ какой бы отдаленной отъ насъ эпохѣ они ни жили, кажется проще и удобнѣе было срубить избу, чѣмъ дѣлать земляную насыпь. Извѣстія о климатѣ очень любопытны, хотя желательнѣе было бы, чтобъ извѣстія слишкомъ общія были подтверждены самыми наблюденіями и примѣрами болѣе частными. Вообще, климатъ Черноморья представляется нездоровымъ, но это качество усиливается отъ запрудъ на балкахъ, образующихъ стоячую воду, и отъ гніенія камышей. Фактъ, сообщаемый авторомъ, стоитъ того, чтобъ на него обратить вниманіе и стараться объ искорененіи обычая, усиливающаго естественныя неудобства.

Описывая собственно гражданскій бытъ черноморскихъ жителей, книга автора становится удовлетворительнѣе и сообщаетъ дѣйствительно драгоцѣнныя свѣдѣнія. Очень знаменательны извѣстія о томъ, какъ возникали въ Черноморьѣ отдѣльные хутора и вообще ходъ установленія поземельной собственности (стр. 76—82). Здѣсь событія, совершившіяся на памяти нашей и нашихъ отцовъ, слѣдовательно свѣжія, суть повтореніе того, на что указываютъ намъ акты, относящіеся къ быту Малороссіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ и наводятъ аналогически на разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ вообще въ южнорусскомъ племени. Стремленіе къ обособленію, развитіе личной свободы, выдвиженіе изъ равнаго общества семействъ и образованіе, такимъ-образомъ, зажиточнаго класса, постепенно идущаго къ тому, чтобъ сдѣлаться аристократіею, и, вслѣдствіе этого, оппозиція противъ нихъ общинъ, которыя прежде сами способствовали ихъ возвышенію,—все это черты, составляющія сущность прежней исторіи малороссійскаго племени, объясняемыя и дополняемыя фактами болѣе очевидными, болѣе современными, и потому болѣе для насъ осязательными и вразумительными. Авторъ, правда, только сообщаетъ намъ то, что замѣтилъ въ Черноморьи, не относясь къ прошедшему, не вдаваясь въ аналогію, но описаніе его, сдѣланное ясно и точно, само собою наводитъ читателя, знакомаго съ исторіей малороссійскаго народа, на эту аналогію. Такъ, многое, что совершается въ наше время въ народѣ, исходя изъ его коренныхъ привычекъ, соединенныхъ съ образовавшимся въ древности и установившимся въ теченіи столѣтій взглядомъ, пояснитъ для насъ

прошедшее, которое само по себѣ дошло къ намъ въ неясныхъ образахъ.

Авторъ, знакомя насъ съ главными отраслями сельскаго хозяйства, составляющими источникъ богатства края, представляетъ земледѣліе въ состояніи довольно неважномъ; больше вниманія обращается на скотоводство и рыболовство; производство этихъ хозяйственныхъ отраслей описывается съ любопытными подробностями, хотя бы для спеціальнаго сочиненія о краѣ нужно было представить болѣе подробно и наглядно тѣ особенности, какія отличаютъ мѣстную промышленность (стр. 96). Относительно садоводства и лѣсоводства, г. Попка указываетъ, что Войсковое Правленіе принимаетъ мѣры для развитія этихъ вѣтвей сельской промышленности; для садоводства заведенъ общеполезный разсадникъ на войсковомъ иждивеніи. Но вообще авторъ малб поясняетъ вліяніе такой мѣры: видно только, что эта отрасль идетъ плохо. Выше, говоря о скотоводствѣ, онъ сообщаетъ, что существовали прежде войсковые заводы, конскій и овечій, но, безъ пользы для края, перевелись сами собою. О садоводствѣ авторъ не говоритъ этого, но почти вѣроятно изъ всего хода его описанія, что и въ этомъ отношеніи результаты прямаго попеченія сверху отъ органовъ управленія несостоятельны. Фактъ этотъ повторяется вездѣ. Всякій экономическій промыселъ идетъ тихо, если указывается сверху, и образцы всегда остаются пустою формою. Между тѣмъ, условія Черноморскаго Края, какъ видно, очень выгодны для скотоводства, которое сдѣлалось само-собою главнѣйшею отраслью богатства,—выгодны и для садоводства и виноградниковъ. Что не досказывается авторомъ, то ясно само собою: для поощренія первой отрасли и для успѣшнаго водворенія другой, необходимы—не примѣрные заводы отъ правительства, а частныя предпріятія туземцевъ, которыхъ примѣръ дѣйствительно можетъ увлечь общество, потому-что укажетъ прямую выгоду, добываемую такимъ занятіемъ; тогда-какъ, напротивъ, казенныя попытки, обыкновенно не удающіяся, какъ потому, что въ нихъ форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ, такъ равно и потому, что для руководителей недостаетъ близкаго къ нимъ интереса, только могутъ отвратить отъ подражанія. Точно тоже можно сказать о лѣсоводствѣ (стр. 107). Едва ли обычныя, принятыя у насъ повсемѣстно мѣры могутъ способствовать разведенію лѣсовъ, или и сохраненію ихъ, пока не распространится въ народѣ охота и сознаніе нужды ихъ сохранять. Это несравненно легче въ Черноморьѣ

и вообще у малороссіянъ, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи, потому что малороссъ любитъ деревья, тогда какъ великорусскій крестьянинъ ихъ обыкновенно истребляетъ. Для поддержки и распространенія лѣсоводства нужна тоже предпріимчивость частныхъ лицъ, которыя могутъ показывать дѣло и другимъ. Было бы успѣшнѣе для хозяйства, еслибъ издержки, которыя употребляются на заведенія отъ казны, отъ правительства, отъ общества наконецъ, обратить на поощреніе частныхъ лицъ и предоставить тѣмъ, которые занимаются отраслями промышленности и хозяйства, какія желательно ввести въ краю, наиболѣе льготъ и выгодъ, дабы, такимъ образомъ, пріобрѣтеніе—важнѣйшій стимулъ человѣческой дѣятельности — находило себѣ поощреніе.

Авторъ изображаетъ состояніе промышленности и торговли края въ младенческомъ состояніи. Весь промышленный и торговый оборотъ совершается не туземцами, а захожими, и оттого Черноморье представляется какимъ-то мѣстомъ стеченія разнородныхъ и разноплеменныхъ посѣтителей, въ такомъ множествѣ, что въ годъ перебываетъ тамъ 25 т. чужаго народа. Черноморская торговля сохраняетъ характеръ ярмарочнаго старообразнаго торгашества, мелкаго надувательства купцовъ между собою. Нелюбовь къ торговымъ занятіямъ малороссійскаго народа проявляется здѣсь въ полной степени. Мало исцѣляетъ ее и исцѣлитъ административное образованіе торговыхъ и промышленныхъ обществъ и всякаго рода корпорацій, ибо малороссійскій народъ не любитъ корпорацій, составляемыхъ по опредѣленному заранѣе плану и навязываемыхъ ему. Корпорація примется имъ только тогда, когда она не стѣсняетъ его личной свободы: иначе, если онъ и самъ на нее согласится, то скоро она ему опротивѣетъ своею обязательностью.

Статья о финансовомъ устройствѣ изложена авторомъ недостаточно. Правда, мы въ ней видимъ таблицы и доходовъ и расходовъ, но не знаемъ, какъ и когда возникала каждая статья, что истекаетъ изъ мѣстной жизни, что установлено сверху. Въ разсказѣ объ образованности Черноморцевъ, авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о древней методѣ обученія у духовныхъ лицъ и о знакомствѣ съ черкесскимъ языкомъ, которое дѣти пріобрѣтаютъ въ школахъ посредствомъ сближенія съ учениками изъ Черкесовъ; также любопытна повѣсть о попыткѣ одного Черкеса — дать своему языку литературное развитіе (стр. 160—163). Но г. Попка не сообщаетъ намъ подробностей о томъ, въ какой степени, съ какою охотою, усвоиваютъ себѣ просвѣ-

щеніе Черкесы, какъ пользуются имъ и какія послѣдствія оставляетъ оно на ихъ жизни. Равнымъ-образомъ, авторъ мало распространяется и о томъ, какіе слѣды школьное воспитаніе вноситъ въ жизнь самихъ Черноморцевъ и въ какомъ положеніи находится домашнее воспитаніе. Очень замѣчательно приводимое имъ мнѣніе наказнаго атамана, Рашпиля, о женскомъ воспитаніи: онъ считаетъ ненужнымъ заводить институты, на томъ основаніи, что черноморская женщина, по своему назначенію, не должна набираться барскихъ привычекъ. Мнѣніе — одностороннее; оно справедливо только въ томъ случаѣ, когда женскія заведенія будутъ основываться и поддерживаться въ такомъ духѣ, который, по здравому замѣчанію генералъ-лейтенанта Рашпиля, не годится для черноморскаго общества; но ничто не мѣшаетъ быть имъ основанными въ иномъ духѣ, съ цѣлію болѣе-соотвѣтственною мѣстной жизни.

Вторая часть посвящена военному устройству и быту Черноморья. Авторъ обстоятельно изображаетъ настоящій составъ и распредѣленіе войска, средства его существованія и особенности тамошняго военнаго быта. Послѣднее представлено авторомъ съ большимъ стараніемъ. Изображеніе *пластуновъ* и *плавней* (стр. 241 — 261), кажется, самая лучшая часть всего сочиненія. Жаль, что авторъ, коснувшись исторіи Черноморья, ограничился воспоминаніемъ объ эпохѣ перехода Запорожцевъ на новоселье и не познакомилъ насъ со всѣмъ теченіемъ старой южнорусской жизни, измѣнявшейся въ продолженіи семидесяти лѣтъ подъ другими условіями. Но г. Пошка не только оставилъ то, что было бы самымъ любопытнымъ и возбуждающимъ мысль въ его разсказахъ, но еще считаетъ это неважнымъ: «про другое что-нибудь», говоритъ онъ,—«про то, напримѣръ, какъ выростали козаки изъ падалицы, какъ властвовала и интриговала войсковая старшина, т. е. войсковая олигархія, и съ какими вспышками угасало запорожское своевольство—лучше умолчать». Напротивъ, лучше бы авторъ сократилъ свое описаніе церемоній, бывшихъ при современныхъ оффиціальныхъ торжествахъ, да познакомилъ насъ съ тѣмъ, что *ему кажется* маловажнымъ. Также можно пожалѣть, что авторъ не познакомилъ насъ обстоятельнѣе съ нравами, обычаями прежней домашней жизни, оттѣнками языка и народною поэзіею Черноморскихъ Козаковъ. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только замѣчаніемъ, что Черноморцы—Малороссіяне. И только. Мы мало знаемъ Черноморье, но стоитъ только проѣхать по этой странѣ, приглядѣться вскользь къ физіономіи,

житью-бытью жителей, услышать ихъ говоръ, и тутъ можно видѣть, что у нихъ есть нѣкоторыя особенности, составляющія принадлежность одного только Черноморья, и чуждыя Малороссіи.

О вѣрности сообщаемыхъ г. Попкою фактовъ нѣтъ повода сомнѣваться, когда авторъ — природный Черноморецъ, живетъ въ краю и знакомъ со всею мѣстною жизнью, по собственному опыту. Что же касается до вѣрности воззрѣній, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ напр. о курганахъ, гдѣ выводы автора произвольны, — въ книгѣ его не видно ни парадоксовъ, ни ошибочныхъ выводовъ; но вообще она и не отличается взглядами, будучи болѣе послѣдовательною цѣпью разсказовъ о разныхъ сторонахъ жизни Черноморья.

Изложеніе книги живо и легко, но страдаетъ подъ-часъ нѣумѣстными притязаніями показать автора человѣкомъ ученымъ, пренебрегающимъ ученую форму. Отсюда совсѣмъ не кстати приводятся латинскія выраженія, какъ-будто въ насмѣшку надъ учеными, пишущими по-латынѣ, какихъ, сколько извѣстно, у насъ и нѣтъ.

Изъ этого обзора ясно, что сочиненіе г. Попки любопытно и полезно, пока нѣтъ никакого иного описанія Черноморья; но еще нельзя не пожелать другого сочиненія о краѣ и его населеніи, обратившихъ на себя, въ послѣднее время, особенное вниманіе и правительства и общества.

Н. Костомаровъ.

ГОВОРИЛЪ ЛИ ПОЛУБОТОКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ РѢЧЬ, ПРИВОДИМУЮ КОНИССКИМЪ?

Исторія Конисскаго, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ немало ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ; обвинять строго за это знаменитаго архипастыря было бы не справедливо. Виновато тутъ больше время и, отчасти, та горячая любовь къ народу, которая руководила Конисскимъ въ его трудѣ. Дѣло нашего времени указать эти ошибки, но указывать ихъ нужно sine ira et studio.

Къ такимъ ошибкамъ Конисскаго принадлежитъ, между-прочимъ, и тотъ радужный цвѣтъ, который онъ придалъ личности Павла Полуботка. Онъ приписываетъ ему, какъ извѣстно, такія гражданскія доблести, передъ которыми потомство, по-справедливости, не могло не преклоняться. Теперь открытые историческіе факты показываютъ, что потомство въ этомъ случаѣ введено было въ ошибку. При всемъ своемъ умѣ, — въ послѣднемъ отказать ему нельзя, — Полуботокъ дѣйствовалъ нисколько не лучше современнаго ему панства и позволялъ себѣ такія же насилія, какъ и послѣднее (1). Со временемъ, вѣроятно, откроется еще болѣе подробностей объ этой сторонѣ нашей общественной жизни, и мы поймемъ, какимъ образомъ нажилъ Полуботокъ тѣ огромныя богатства, списокъ которыхъ сохранился до нашего времени (2).

Разсказывая о заключеніи Полуботка съ товарищами въ Петербургскую крѣпость, въ 1723 г., Конисскій говоритъ, что къ этому наказанію присудилъ ихъ судъ Тайной Канцеляріи и что когда укра-

---

(1) Записки о Южной Руси, II, 348.

(2) Мы видѣли этотъ замѣчательный списокъ у Гр. Ал. Милорадовича; въ настоящее время онъ, кажется, переданъ имъ О. М. Бодянскому, для напечатанія.

инцамъ объявленъ былъ приговоръ (вѣчное заточеніе и лишеніе имѣній), то Полуботокъ сказалъ при этомъ Петру Великому рѣчь, которую затѣмъ и приводитъ (1). Извѣстная эта рѣчь и была собственно причиною того ореола, въ которомъ мы привыкли представлять себѣ личность Полуботка. И не мудрено: будь она дѣйствительно сказана послѣднимъ, то въ ней одной явилъ бы онъ замѣчательный подвигъ гражданина. Но дѣло было не такъ; рѣчь эта сочинена, вѣроятно, самимъ Конисскимъ, и на Полуботка взведена тутъ напраслина. Это видно будетъ изъ слѣдующаго разсказа.

Послѣ измѣны Мазепы, участь Гетманщины была рѣшена Петромъ. Представляя собою, нѣкоторымъ образомъ, status in statu, она не нравилась ему, конечно, и прежде; теперь же она становилась окончательно опасною. Не будь Карла XII въ то время въ Украинѣ, легко могло случиться, что гетманство Мазепою бы и закончилось; но повернуть такъ круто, при Шведахъ, нельзя было и уничтоженіе Гетманщины отложено до смерти Скоропадскаго. Скоропадскій умеръ. Урядъ гетманскій временно порученъ былъ Полуботку, обще съ Генеральною Старшиною, съ тѣмъ, чтобы они «во всѣхъ дѣлахъ, совѣтахъ и въ разсылкѣ универсаловъ имѣли сношеніе съ бригадиромъ Вельяминовымъ» (2); избраніе же гетмана императоръ отлагалъ до своего возвращенія изъ персидскаго похода. Не дождавшись возвращенія, Полуботокъ, въ январѣ 1723 г., отправилъ въ Петербургъ Грабянку съ товарищами — просить сенатъ объ ускореніи избранія. Просьба эта, разумѣется, осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ, Вельяминовъ дерзкимъ своимъ обращеніемъ выводилъ изъ терпѣнія Генеральную Старшину и Полуботокъ послалъ государю жалобу (3). Узнавъ объ этомъ, Вельяминовъ самъ отправился въ Петербургъ и передѣлалъ дѣло такъ, что привезъ оттуда указъ, предписывавшій Полуботку, Чарнышу (генерал. судьѣ) и Савичу (генер. писарю) прибыть немедленно въ Петербургъ (4). Передъ отъѣздомъ, Полуботокъ отправилъ туда, совершенно некстати, новую челобитную о гетманствѣ. Всѣ эти просьбы

(1) Источникомъ для всего этого разсказа (Исторія Русовъ, 228) послужило, видимо, словесное преданіе, почему онъ и невѣренъ. Ср. Бант. Кам., III, 146.

(2) Бант. Каменскій, III, 142.

(3) Т. же, примѣч. 204.

(4) *Черниговская Лѣтопись*, по списку сообщенному намъ Тр. С. Тупицею, который значительно полнѣе противъ напечатаннаго г. Н. Бѣлозерскимъ (Южнорусскія Лѣтописи, 1855).

и жалобы, усложняя собою вопросъ, сильно не нравились Петру; къ нимъ прибавилось еще дѣло объ овцеводствѣ (1) и Полуботку трудно уже было сдобровать.

5 августа, онъ прибылъ въ Петербургъ и какъ дѣйствовалъ здѣсь, сколько подалъ просьбъ въ разныя мѣста, можно видѣть изъ журнала, приводимаго Бантышъ-Каменскимъ (2). Императоръ разгнѣванъ былъ окончательно. Черниговская лѣтопись говоритъ, что «тогожъ часу (какъ поданы были просьбы) наряженъ и посланъ на Украину лейбъ-гвардіи маіоръ преображенскаго полку, Александръ Ивановичъ Румянцовъ, для спросу Старшины и чернѣ малороссійской о тѣхъ челобитныхъ—чи всѣ о томъ вѣдаютъ и просятъ *и уже съ того числа видѣли быть монарху загнѣванного.*» Царское терпѣніе переполнялось.

На Украинѣ, въ это время, Апостолъ подбивалъ Старшину послать новую челобитную объ избраніи гетмана (3), кажется, также разсчитывая на булаву, какъ и Полуботокъ. Челобитная была написана, но почему-то Апостолъ отправилъ ее не тотчасъ: послана она была царю только мѣсяца черезъ два, когда не знали что̀ дѣлать и съ Полуботковыми. Этой новой челобитной, заключавшей въ себѣ къ тому жъ *досадные термины* (4), было достаточно для вспышки: «прислана изъ Украины», говоритъ черниговская лѣтопись, «отъ полковника миргородскаго Даніила Апостола и отъ всего войска малороссійскаго, за подписомъ рукъ всей полковой и сотенной старшины и товарищества бунчукового и значкового, другая челобитная, съ Коломаку, чрезъ канцеляриста Ивана Романовича, въ Питербургъ; которое, когда тотъ канцеляристъ подалъ до рукъ самому Императорскому Величеству, зъ церкви св. Тройцы (5), по службѣ Божой, идучому, поевря 10 числа, такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши (6) и вычитавши, и вышедши зъ того дому, *тогожъ моменту изволилъ приказать своими устами генералъ-маэору и гвардіи преображенского*

(1) Полн. Собр. Св. Закон., 1724 г., іюня 15.

(2) III, 146 и 147.

(3) Дневныя записки Якова Марковича, I, 24.

(4) Т. же.

(5) Въ Измайловскомъ полку.

(6) Кофейная находилась близъ церкви; тутъ же, недалеко, на Троицкой пристани, жилъ и Полуботокъ съ товарищами. Кратк. Лѣтоп. Мал. Россіи. изд. В. Рубаномъ 1777 г., стр. 181.

полку маэору Андрею Ивановичу Ушакову, съ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Ивана Чарныша, Семена Савича, писаря енералного, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шабли, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попроводити въ замокъ мурованій питербургскій» (1). Вотъ разсказъ, если не очевидца, то записанный со словъ его, ясно говорящій, при какихъ обстоятельствахъ арестованъ былъ Полуботокъ. О рѣчи тутъ не могло быть и помину.

Въ другихъ лѣтописяхъ заключеніе Полуботка записано такъ: 1) «Полковникъ Чернѣговскій съ старшиною енеральною самъ треть, позваны въ Петербургъ, гдѣ опослѣ, за *дерзостніе запросы*, взяты подъ арестъ» (2). 2) «Тогожъ року (1723) зимою, *дерзновенными запросами* полковникъ Черниговскій Полуботокъ съ товарищи, въ Санктпетербургѣ, прогнѣвили его императорское величество и за то взяты тамъ подъ арестъ» (3). Подъ *дерзостными запросами* лѣтописцы именно (4) разумѣли здѣсь тѣ челобитныя, которыя поданы были Полуботкомъ въ Петербургѣ. Очень можетъ быть, что неточное пониманіе этихъ выраженій и подало Конисскому поводъ сочинить эту замѣчательную рѣчь, которая должна быть объясняема общимъ

(1) Приводимъ здѣсь и конецъ этого мѣста: «где съ перваго часу порознь были всѣ за карауломъ посажени; потимъ, по 4 человика случени, а далѣй знову, недель у килка, поединцемъ розведени. А взято тогда при главной старшинѣ подъ караулъ, въ замокъ, полковниковъ наказныхъ трохъ: 1) Гадяцкого полкового судію Григорія Грабянку (лѣтописца), 2) Переяславского асаула полкового Ивана Кирпича, 3) Стародубовского, Петра Корецкаго, да бунчукового товарища Димитрія Володковского, канцеляриста войсковой енеральной канцеляріи Николая Ханенка, Іосифа Гаврилова, Василія Биковскаго, Стародубовского значкового Стефана Носовича, Чернѣговскаго значкового Ивана Римшу, а слугъ всѣхъ на господѣ, гдѣ стояли, подъ караулъ побрано и всѣ пожитки, у кого що было, сукнѣ и денги одобрано, попечатано и на Шаферовъ дворъ зопроважено.» Далѣе подъ годомъ 1724: «декаврія 18 преставился въ замку питербургскомъ, подъ карауломъ, полковникъ Чернѣговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при церкви св. Самсона Странноприимца, за Малою Невою, декаврія 29 числа». (У Марковича: «преставился 17 декабря, третой годины», I, 61).

(2) Краткая лѣтопись Малороссіи, ркпсь XVIII в.

(3) Краткое описаніе о Малой Россіи, ркпсь XVIII в.
Оба списка находятся у насъ.

(4) Почему-же — *именно*? Ред.

обычаемъ писателей того времени — при всякомъ удобномъ случаѣ, влагать въ уста своихъ героевъ пышныя рѣчи. Но Конисскій плохо понималъ характеръ Петра, допуская возможность, чтобъ онъ терпѣливо выслушалъ такую рѣчь... (1)

Ал. Лазаревскій.

---

(1) Считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшое замѣчаніе по вопросу, разрѣшаемому въ этой статьѣ. Корыстолюбіе, насилія, въ которыхъ, наравнѣ со многими современниками, обвиняется Полуботокъ, сами-по-себѣ не могутъ опровергнуть мнѣнія, записаннаго Конисскимъ, объ его гражданскихъ доблестяхъ. Въ человѣческой природѣ уживаются величайшія противорѣчія, — самыя, повидимому, противуположныя страсти. Исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ представляетъ намъ множество примѣровъ подобныхъ несообразностей; въ повседневномъ быту, мы также очень-часто встрѣчаемъ людей весьма-достойныхъ въ домашней, семейной, жизни, которые вовсе *не похожи на себя* въ дѣятельности общественной, — и наоборотъ. Мы это говоримъ къ тому, что нравственные недостатки Полуботка не могли бы помѣшать ему смѣло высказать Петру свое мнѣніе о тягостномъ положеніи родины и свои личныя претензіи, если наказный гетьманъ дѣйствительно привязанъ былъ къ отечеству и обладалъ сильнымъ характеромъ. Быть-можетъ Полуботокъ не сказалъ рѣчи въ такомъ видѣ, въ какомъ это записано у Конисскаго; быть-можетъ, Полуботокъ и вовсе не говорилъ *рѣчи*, но онъ объяснялся съ Петромъ, но онъ подавалъ бумаги, въ которыхъ высказывалъ обиды, испытываемыя Украинскимъ народомъ и Старшиною, которые остались вѣрны Царю, несмотря на обольщенія Мазепы и его приближенныхъ, и на обаяніе имени Карла. Намъ неизвѣстны подлинныя жалобы, поданныя въ Петербургѣ Полуботкомъ, тѣ дерзостные и *дерзновенные* запросы, о которыхъ говорятъ Лѣтописи: быть-можетъ, въ нихъ мы нашли бы тѣ самыя выраженія, которыя приводитъ Конисскій, и обвинили бы его не за содержаніе, а только за *форму* рѣчи, придуманную имъ-самимъ, въ подражаніе древнимъ историкамъ. — Наконецъ, почему не предположить, что Полуботокъ, не вѣрно понимая характеръ Петра и свои отношенія къ нему, *сочинилъ* и *написалъ* извѣстную рѣчь, но не произнесъ ея?.. Трудно допустить, чтобы Конисскій, разсказывая о такомъ недавнемъ, памятномъ для всѣхъ, событіи, какъ заключеніе Полуботка и прочей старшины, выдумалъ цѣлую рѣчь, ни на чемъ неосновавную. — *Ред.*

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМА г. МАКСИМОВИЧА КЪ г. ПОГОДИНУ О НАРѢЧІИ МАЛОРУССКОМЪ (1).

Горячо сочувствуя вопросу, рѣшаемому г. Максимовичемъ въ только-что прочитанныхъ мною письмахъ его къ М. П. Погодину, въ 3-й книжкѣ Русской Бесѣды, и имѣя намѣреніе высказать свои замѣчанія,

(1) Помѣщаемое ниже письмо автора къ г. Погодину объясняетъ, почему такъ-поздо является въ печати статья, написанная 4½ года тому назадъ. Г. Погодинымъ она была передана г. Костомарову, отъ котораго поступила къ намъ. Помѣщаемъ ее не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о Южнорусскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ-быть — и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда — съ одной стороны — Великороссы, а съ другой — Поляки — усматриваютъ въ древней южнорусской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго. Г. Лавровскій весьма часто ссылается на Новгородскія лѣтописи; но вспомнимъ мнѣніе, высказанное недавно г. Костомаровымъ *(Основа*, январь, стр. 143 и 144), о поразительномъ сродствѣ между новгородской и южнорусской народностью. — *Ред.*

«Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1856 года, я имѣлъ удовольствіе послать вамъ письмо, по прочтеніи доставленныхъ мнѣ кн. Голицынымъ корректурныхъ листовъ письма вашего къ И. И. Срезневскому, напечатаннаго потомъ въ «Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ».

Въ этомъ письмѣ незначительною долею коснулись вы и моего разсужденія, 1852 года, въ которомъ высказалъ я мнѣніе о несуществованіи на югѣ Руси, въ древнее время, нарѣчія малорусскаго. Возобновляя это мнѣніе, какъ самый первый его виновникъ, вы, въ упомянутомъ письмѣ къ г. Срезневскому, сдѣлали и упрекъ на счетъ мой и Измаила Ивановича, что такъ невнимательны мы къ столь важному вопросу и не продолжаемъ своихъ занятій нарѣчіемъ малорусскимъ.

Упрекъ такой показался мнѣ совершенно несправедливымъ, и въ письмѣ на ваше имя, въ 1856 году, я считалъ обязанностью высказать, что, во первыхъ, званіе профессора славянскихъ нарѣчій вовсе еще не служитъ ручательствомъ въ обработкѣ такого предмета, гдѣ главный матеріалъ разсѣянъ въ массѣ народной, на огромномъ пространствѣ, — а средства профессора русскаго университета едва достаточны, чтобы существовать, а не дѣлать, при всей задушевной готовности, ежегодныя экскурсіи по городамъ и деревнямъ ближайшихъ и отдаленныхъ губерній. Харьковъ же, мѣсто моей службы, слиш-

не съ цѣлію отстоять себя или задѣть за живое противника, а единственно съ желаніемъ дойти, по возможности, до истиннаго рѣшенія этого вопроса, я позволяю себѣ прежде всего ограничить предметъ для

комъ *цивилизованный* городъ, чтобы найти хотя какое-нибудь вознагражденіе на его базарахъ и рынкахъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ матеріалъ находится подъ рукою, будучи обнародованъ въ печати, профессоры не упускаютъ случая пользоваться имъ какъ можно скорѣе, и, въ доказательство, я указалъ вамъ тогда на свою статью, посланную въ концѣ 1855 года въ Петербургъ. Вотъ слова мои въ письмѣ къ вамъ: «эта статья еще въ ноябрѣ прошлаго года была отправлена въ редакцію журнала министерства народнаго просвѣщенія; быть можетъ, она уже и отпечатана, быть можетъ, вы ее уже и пробѣжали, но какъ я ничего этого не знаю, то и считаю долгомъ выписать изъ нея нѣсколько строкъ заключенія.» Не моя вина, что мои замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи появились въ печати только черезъ четыре года, въ половинѣ 1859-го. Изъ прилагаемаго теперь вамъ оттиска вы увидите, что еще до прочтенія корректурныхъ листовъ вашего письма къ г. Срезневскому, я, на основаніи данныхъ языка, вывелъ заключеніе о ближайшемъ родствѣ южно-русскаго языка съ южно-словянскими, что нашелъ вполнѣ возможнымъ объяснить продолжительнѣйшимъ сосѣдствомъ и сожительствомъ южно-русскаго народа съ Сербами и Хорватами въ первобытной ихъ родинѣ, въ Карпатахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старался подтвердить я и прежнюю свою мысль о несуществованіи на югѣ Руси, до XIII—XIV стол., малорусскаго языка какъ особеннаго отъ великорусскаго.

Между тѣмъ, въ ту пору, какъ статья моя лежала въ неизвѣстности, появились въ Русской Бесѣдѣ и письма къ вамъ г. Максимовича, имѣвшія задачею опровергнуть ваши доводы въ письмѣ къ г. Срезневскому и доказать ископность на югѣ Руси малорусскаго нарѣчія и даже несомнѣнное отраженіе его особенностей въ старинной письменности русской.

Въ отвѣтной статьѣ своей, вы снова упрекнули и Измаила Иваныча и меня въ неучастіи къ вопросу и прямо вызывали насъ на оцѣнку филологическихъ доказательствъ г. Максимовича. Но и въ настоящемъ случаѣ, упрекъ также оказался несправедливымъ. Едва только прочтены были одинадцать писемъ съ припискою г. Максимовича, какъ уже отвѣтъ мною былъ приготовленъ и тотчасъ же посланъ въ ту же редакцію, въ Петербургъ. Отвѣтная статья ваша появилась въ Харьковѣ мѣсяца черезъ два послѣ этого. Къ немалой досадѣ, и «замѣчанія на письма г. Максимовича» постигла участь нисколько не лучшая, какъ и статью о малорусскомъ нарѣчіи. Мнѣ оставалось лишь удивляться нежеланію редакціи возвратить мою статью и, въ заключеніе, невозможности найти ее въ ней, когда явился я самъ лично туда, во время проѣзда черезъ Петербургъ изъ-за границы, въ ноябрѣ 1860 года.

Во время этого проѣзда имѣлъ я удовольствіе посѣтить и васъ въ Москвѣ. На вашъ вопросъ о малорусскомъ вопросѣ, я въ сжатомъ видѣ сообщилъ все, что описываю теперь въ подробностяхъ.

Вы высказали желаніе познакомиться съ моимъ отвѣтомъ г. Максимовичу; съ полною готовностью посылаю его Вамъ и въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ вышелъ онъ изъ-подъ моей руки 8 декабря 1856 года. Позволяю вамъ распорядиться имъ, какъ найдете вы полезнымъ. 10 генваря, 1861 года. *И. Лавровскій.*

своихъ замѣчаній. Такихъ предметовъ два въ письмахъ г. Максимовича: одинъ составляетъ опроверженіе высказаннаго г. Погодинымъ тожества великорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ, другой — опроверженіе также тожества сѣверноруссскаго и южноруссскаго нарѣчій въ древнее время, до XIII вѣка, или иначе—опроверженіе мысли, будто малорусскаго нарѣчія вовсе не извѣстно въ древней южной Руси, будто оно появилось въ ней только послѣ погрома Татарскаго, съ запада, съ Карпатовъ, съ Волыни и Подоліи, вмѣстѣ съ колонизаціею народа на востокъ въ опустошенныя страны. Перваго предмета я не намѣренъ касаться вовсе, признавая въ глазахъ каждаго филолога не сомнѣнно очевиднымъ отличіе нарѣчій церковнославянскаго и древнерусскаго и невозможность отожествленія ихъ; имѣю въ виду лишь второй предметъ, и то одну часть его, именно: отразилось, или нѣтъ, въ письменности русской, въ давнее время, нарѣчіе малорусское, и въ чемъ оно могло положительнѣе и убѣдительнѣе всего высказаться. Разселеніе малороссіянъ съ запада на востокъ оставляю въ сторонѣ.

Г. Погодинъ, повторяя отзывы объ этомъ изъ приводимыхъ имъ изслѣдованій въ письмѣ къ г. Срезневскому, не только согласился съ ними, но и прибавилъ, что и самъ онъ, собственнымъ своимъ чтеніемъ памятниковъ, дошелъ до того убѣжденія, что въ этихъ памятникахъ, хотя писанныхъ и на югѣ, нѣтъ рѣшительно ничего что бы говорило положительно въ пользу нарѣчія малорусскаго. Г. Максимовичъ, считавшій для себя почему-то неумѣстнымъ возражать противъ этой мысли прежде, высказанной еще въ 49 году, быть можетъ, потому, что за мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ, въ 56 году, съ обнародованіемъ письма г. Погодина, прервалъ свое молчаніе и, въ письмахъ съ припиской представилъ свои опроверженія положеній г. Погодина и доказательства противнаго, что малорусское нарѣчіе исконно, что и въ первыхъ произведеніяхъ письменности, хотя и церковнославянской въ основѣ, оно выразило себя отличительными чертами. Вѣроятно, филологи порадовались предѣлу молчанія г. Максимовича по этому вопросу; да и нельзя не порадоваться тому, кто высказываетъ убѣжденія не ради заманчивости новизны, не для краснаго словца, а съ мыслію и желаніемъ добраться до настоящаго толку въ изслѣдуемомъ вопросѣ и уяснить дѣло такъ, какъ оно дѣйствительно было, а не какъ оно могло быть, или какъ намъ бы хотѣлось, чтобъ оно было. Безъ противорѣчія же, безъ опроверженія, достигнуть этого желанія трудно; молчаніе въ подобномъ случаѣ мо-

жетъ скорѣе повредить, давъ собою новую опору стоять за справедливость мнѣнія высказаннаго, иногда быть можетъ и наскоро и безъ глубокаго сознательнаго убѣжденія.

И г. Максимовичъ пятилѣтнимъ молчаніемъ своимъ только остановилъ вопросъ на цѣлыя пять лѣтъ. Радуясь съ другими разрѣшившемуся языку г. Максимовича, хотя и не какъ привиллегированный филологъ, а какъ живо сочувствующій дѣлу, я съ жаромъ и съ сильнымъ любопытствомъ пробѣжалъ его письма и тутъ же взялся за бумагу и перо, чтобы не дать остыть своему жару и немедленно передать свои замѣчанія.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ о способѣ, какимъ, по моему разумѣнію, возможно при настоящемъ вопросѣ доказывать то́ или другое, существованіе или отсутствіе въ южной Руси нарѣчія малорусскаго въ древнее время. Страннымъ показалось мнѣ, да, думаю, не менѣе страннымъ покажется и другимъ, что г. Максимовичъ, которому въ извѣстности по филологіи, конечно, никто не рѣшится отказать, опровергая своего друга—академика, въ число доказательствъ помѣстилъ и нѣсколько словъ изъ древнихъ южно-русскихъ памятниковъ, какъ исключительно малорусскихъ и, слѣдовательно, своимъ присутствіемъ указывающихъ на существованіе малорусскаго нарѣчія и въ древнее время. Какъ историкъ, г. Погодинъ, естественно, могъ поражаться при чтеніи южной лѣтописи и другихъ произведеній южной древней литературы подборомъ словъ, которыя, тамъ-сямъ, разбросаны *всѣ* и въ памятникахъ сѣверной литературы и между которыми не отозвалось ни одно чѣмъ-либо, только или по преимуществу, малорусскимъ; въ силу этого впечатлѣнія, онъ счелъ себя въ правѣ, между прочимъ, взять во вниманіе и это обстоятельство,—отсутствіе исключительныхъ словъ малорусскихъ,—какъ подтвержденіе своего положенія о несуществованіи, въ южной Руси, до XIII вѣка, нарѣчія малорусскаго. Но чѣмъ могъ поражаться историкъ, то, въ глазахъ филолога, можетъ не вести иногда ни къ какому результату. Составъ языка, разумѣя подъ этимъ его лексиконъ, въ самобытной основѣ своей, въ корняхъ словянскихъ, есть общее достояніе цѣлаго племени. Поэтому, причислять то́ или другое, чисто-словянскаго происхожденія, слово одному поколѣнію, нарѣчію, и отнимать его у другихъ или у другаго, для всей исторической жизни языка, уже по одному этому разсужденію, было-бы крайне неосторожно, неосновательно; а, принимая въ соображеніе словари древнихъ памятниковъ по нарѣчіямъ и

областныя рѣченія, въ которыхъ чѣмъ внимательнѣе изслѣдываютъ ихъ, тѣмъ больше и больше открывается словъ и древнѣйшихъ и общихъ съ другими родственными нарѣчіями, хотя и забытыхъ въ языкѣ книжномъ, литературномъ,—и несправедливо. Какая можетъ быть порука для филолога утверждать исключительную принадлежность, съ отдаленнѣйшихъ поръ, нарѣчію извѣстнаго слова, несомнѣнно славянскаго происхожденія? Рѣшительно никакой. Но изъ этого основнаго состава, корней, развиваются семьи словъ, для выраженія понятій болѣе частныхъ или ихъ оттѣнковъ, чрезъ приставки, окончанія или сложенія двухъ, трехъ и болѣе словъ; способъ такого развитія представляетъ уже различіе по нарѣчіямъ, которое можетъ и должно-быть принято въ соображеніе для ихъ характеристики. Но основный составъ языка, общій цѣлому племени нѣкогда, не можетъ оставаться навсегда единственнымъ его богатствомъ, со стороны лексической; при самобытномъ развитіи народа, при увеличеніи и усовершенствованіи его понятій, языкъ можетъ легко обойтись безъ заимствованій, какъ это дѣйствительно и бываетъ, вырабатывая изъ основнаго матеріала, посредствомъ свойственныхъ ему способовъ, новыя слова, для выраженія возникшихъ новыхъ понятій.

Но—съ одной стороны, неизмѣннымъ, постояннымъ, самобытнымъ развитіемъ едва-ли можетъ похвалиться какой-либо народъ, не исключая и Китайцевъ, съ другой—и при немъ, въ слѣдствіе близкаго сосѣдства съ иными народами, въ слѣдствіе общенія съ ними, враждебнаго или дружелюбнаго, весьма естественъ переходъ словъ и чужихъ. Такъ и у народовъ славянскихъ могли появиться въ словарѣ рѣченія иноземцевъ, смотря потому, кто былъ ихъ сосѣдомъ, и въ этомъ отношеніи, при обширной разселенности Славянъ, при разнородности сосѣдей для отдѣльныхъ поколѣній должно было произойти различіе и въ составѣ лексическомъ; могло оно быть на сѣверѣ и югѣ Россіи, въ силу того же различія сосѣдства. Но неужели же филологъ, на этомъ основаніи, рѣшится заключать и о различіи нарѣчій? Неужели же южно-русскій языкъ до XIII—XIV столѣтія должно почитать отличнымъ нарѣчіемъ отъ сѣвернаго, между прочимъ, и потому, что въ немъ попадаются, напримѣръ, слова половецкія, которыхъ нѣтъ на сѣверѣ? Въ такомъ разѣ, придется считать за отдѣльныя нарѣчія и многіе областные говоры великорусскаго нарѣчія, между которыми также разнообразная народность сосѣдей оставила и различные слѣды: на востокѣ есть слова неизвѣстныя вовсе на западѣ и въ срединѣ Великой Россіи, и наоборотъ. Нѣтъ, лексиконъ, въ

этомъ случаѣ, не приведетъ ни къ какому результату, доказательствомъ чему да послужатъ намъ доказательства изъ него самого г. Максимовича. Между очевидными въ его глазахъ малорусскими словами приведены: 1) *отпровадить*. Малороссійскому нарѣчію, говоритъ г. Максимовичъ (стр. 109), вполнѣ свойственны глаголы: *прова́дити, запрова́дити, отпрова́дити, препрова́дити* и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ «*допрова́димъ* съ куплею ихъ поздорову,—въ Кіевской лѣтописи «*отпрова́дя* Половци»,—въ Волынской лѣтописи «*препрова́диша* рѣку лютую» (1208 г.), то имѣемъ полное право (!!) сказать, что это писано по нарѣчію малороссійскому.» Ежели бы и дѣйствительно на сѣверѣ не нашлось всѣхъ этихъ словъ въ настоящее время, то и тогда не имѣли бы мы не только полнаго, но и никакого права утверждать, что ихъ не было и въ старину; но относительно приведенныхъ глаголовъ положительно отнимаетъ всякое право на подобный приговоръ господство ихъ понынѣ и въ нарѣчіи великорусскомъ. Какъ уроженцу сѣверному, тверскому, привыкшему съ малыхъ лѣтъ и слышать и употреблять иногда самому эти глаголы, для меня изумительнымъ показалось исключительное присвоеніе ихъ нарѣчію малорусскому. Еслибы г. Максимовичъ справился съ академическимъ, 1847 года, словаремъ, не говорю уже объ областномъ, то, навѣрное, удержался-бы отъ такого приговора, увидѣвъ, что *провадить* и *отпровадить*, и такъ далѣе, вполнѣ употребительныя слова на сѣверѣ, даже и не какъ только областныя. Ссылка же на опечатку въ письмѣ г. Погодина, гдѣ вмѣсто *отпрова́дя* напечатано *отпроводя*, какъ на свидѣтельство несвойственности корректору-великороссіянину произношенія *отпрова́дя*, конечно, г. Максимовичемъ сдѣлана для возбужденія улыбки или въ наставленіе корректорамъ, чтобы впередъ были внимательнѣе къ своему дѣлу; думаемъ, что почтенный филологъ серьезно не станетъ же разсматривать книжныхъ опечатокъ, какъ признаковъ нарѣчія или говора. 2.) «Что же касается до слова *хрестъ*, то малороссійское нарѣчіе постоянно удерживаетъ въ немъ звукъ Х, вмѣсто К: *хрестный, хрещеный, хрещатый, хрещатикъ, хрестины, водохрещи, средохрестная недѣля*. И такъ, если мы въ Кіевской лѣтописи читаемъ: *хрестъ, водохрещи* (тамъ же подъ 1118 г.), *средохрестная недѣля* (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать, что это написано по малороссійски. Въ Кіевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: «отторгоша *хрестъ* на немъ»; то же самое въ суздальской (лав-

рентьевской) лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ *крестъ*.» Хотя здѣсь дѣло идетъ вовсе не о словѣ, которое, какъ извѣстно, принадлежитъ, безъ исключенія, всѣмъ Славянамъ, а о звукѣ *х* вм. *к*.; но какъ приведено оно авторомъ писемъ, и приписки, въ числѣ словъ, то мы и не нарушаемъ порядка, и скажемъ только о звукѣ. Какъ въ южной Россіи, такъ точно во всѣхъ частяхъ и сѣверной, русскій народъ въ произношеніи слова *крестъ* и его сложныхъ и производныхъ не употреблялъ и не употребляетъ обыкновенно звука *к*, а постоянно *х*, равно какъ и въ словѣ *кто*. О нынѣшнемъ произношеніи *хрестъ* сѣвернымъ народомъ русскимъ, какъ обыкновеннымъ, считаю излишнимъ и говорить; что же до времени древняго, то пусть г. Максимовичъ обратитъ вниманіе на грамоты сѣверно-русскія или другія, отъ XIII столѣтія и позднѣе; въ нихъ увидитъ онъ почти постоянное употребленіе *хрестъ*, а не *крестъ*. Сопоставленіе Кіевской лѣтописи съ Лаврентьевской тоже неумѣстно, въ приведенномъ случаѣ, потому что какъ въ первой далеко не вездѣ пишется *хрестъ*, такъ и въ послѣдней, сравнительно, рѣже читаемъ *крестъ*. Для примѣра въ Кіевской лѣтописи привожу: «и чѣлова Святославъ *крестъ* съ братомъ своимъ Игоремъ, а наутрѣи день чѣловаста Володимеръ, Изяславъ съ Игоремъ, и тако яшася вси, рекуще: кто съступитъ *крестьецѣлованье*, дась *крестъ* взомьстить (подъ 1142 годомъ; сравн. *крестъ* и *крестецъ*, подъ 1152 год., на страницѣ 72, и множество другихъ)! въ Лаврентьевской: *хрестъ* еси ко мнѣ цѣловалъ (подъ 1127 г. сравн. 1037, и множество другихъ). Встрѣчаемое въ Волынской лѣтописи малороссійское слово *господа* (стр. 131) жило, во всей силѣ, въ древнее время и на сѣверѣ, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, справившись въ словаряхъ къ новгородскимъ лѣтописямъ и пробѣжавши хоть двѣ-три грамоты новгородскихъ, въ собраніи Румянцева. Правда, что на сѣверѣ съ этимъ словомъ соединялось нѣсколько другое значеніе; но, вѣдь, и значеніе словъ имѣетъ свою исторію, чего, увѣрены, не отвергаетъ и г. Максимовичъ; забыться же впослѣдствіи оно могло также, если только дѣйствительно всюду забылось, какъ забыли малороссіяне, по свидѣтельству самого же г. Максимовича, слово *хоробрый* (стр. 129.) Въ числѣ словъ малороссійскихъ поставлено и слово *тяну, тянути,*» въ которомъ великорусское нарѣчіе издревле выпускаетъ звукъ *г*—тяну, тянуть» (стр. 133). Положеніе о выпускѣ *г* издревле, въ глаголѣ *тянуть*, на сѣверѣ высказано такъ положительно, какъ бѣдто авторъ его намѣренно для этой

особенности перечиталъ всѣ памятники гражданской письменности сѣвера. Такъ-какъ и здѣсь дѣло касается не слова, а формы его, которая можетъ служить характеристикой нарѣчія, то мы и приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ грамотъ сѣверныхъ, отличающихся вполнѣ народнымъ языкомъ, гдѣ форма *тянути* обыкновенна, и только одна она, а не *тянути*: кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ *потянетъ* въ свой погостъ (Собр. госуд. грам. и догов. Румянцева, I, № 3, 1270 г.); и что сельцо *тянуло* къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися (тамъ-же, № 6, 1305; сравн. тамъ-же, №№ 7, 8). А кто... къ святому Спасу не *тянетъ* (тамъ-же, № 11, 1307 год.); а кто живетъ въ Новоторьскомъ уѣздѣ... а тѣ потягнуть къ Торжьку (там. 1318 г. № 14). И въ лѣтописяхъ новгородскихъ, языкъ которыхъ также постоитъ за свою народность, форма *тянути* единственно употребительна (сравн. словари къ лѣтописямъ новгородскимъ). И такъ, лексиконъ бездоказателенъ и подъ рукою г. Максимовича, какъ ничего не доказываетъ онъ и среди доказательствъ г. Погодина. Оставимъ же его на этотъ разъ въ покоѣ и повторимъ коротко сказанное, что важность лексикона заключается въ опредѣленіи богатства понятій народа, степени сохраненія имъ до позднѣйшаго времени, или забвенія, старины и, наконецъ, степень вліянія на него, намѣреннаго или ненамѣреннаго, чуждой народности; для характеристики же нарѣчій или говоровъ находится другое мѣрило, болѣе вѣрное и скорѣе ведущее къ цѣли—словообразованіе, звуки и формы въ склоненіи и спряженіи. Я не исключаю и синтаксисъ, потому что и онъ, говоря вообще, одинаковъ у цѣлаго—племени; въ этой одинаковости—то словосочиненія всего нагляднѣе и отражается родственность происхожденія, единство въ устройствѣ духовной природы, отсюда—и въ способѣ мышленія, съ которымъ неразрывно связано и словосочиненіе. Безспорно, что съ теченіемъ времени мы замѣчаемъ немало отличія и въ немъ, по разнымъ поколѣніямъ славянскимъ; но это различіе также легко опредѣлить, какъ и въ словарѣ отчислить слова несвоебытнаго происхожденія. Труднѣе подчиняется чужеземному вліянію эта сторона языка, болѣе продолжительное требуется время и болѣе усиленное вліяніе для ея измѣненія, чѣмъ для пріема словъ, входящихъ въ народъ часто незамѣтно и невольно; тѣмъ не менѣе не освобождена и она совершенно отъ уклоненія отъ роднаго своего строя. Доказательствомъ могутъ быть нарѣчія лужицкое и чешское, въ синтаксисѣ которыхъ во многомъ отзывается вліяніе

нѣмецкое. Отдѣлите это чужеземное вліяніе, и вы получите ту же свободу въ словорасположеніи, которою владѣетъ весь славянскій народъ, въ силу продолжающагося еще обилія формъ, дающаго полную возможность выражать словами понятія въ порядкѣ ихъ зарожденія въ головѣ. Тамъ, гдѣ ослабѣли и во многомъ исчезли формы, какъ въ языкахъ западныхъ, почувствовалась, естественно, необходимость и опредѣленнаго порядка въ словорасположеніи, безъ котораго мысль будетъ темна, потому–что внѣшнее выраженіе ея будетъ представляться наборомъ словъ, лишенныхъ связи, опредѣляемой такъ отчетливо у Славянъ обильными формами склоненія и спряженія. Такъ-какъ на словообразованіи г. Максимовичъ не остановился, указавъ нѣсколько чертъ въ звукахъ и формахъ этимологическихъ, и какъ мы имѣемъ въ виду лишь сдѣлать замѣчаніе на его положенія, а не подробно изслѣдовать вопросъ, то и обратимся прямо къ его доказательствамъ. Но и при этомъ нельзя обойтись безъ общаго разсужденія.

Признавая малорусское нарѣчіе и въ древнее время со всѣми тѣми отличными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значитъ, вовсе не признаетъ исторіи языка вообще, а съ нею и исторіи нарѣчій. Въ этомъ случаѣ, онъ впалъ въ противорѣчіе самъ съ собою, конечно, и не замѣчая этого. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣлая вполнѣ мнѣніе Шафарика (см. стр. 87), повторенное и нѣсколько-распространенное въ образцовомъ сочиненіи О. М. Бодянскаго, что «*чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу*, хотя, какъ показываетъ исторія и новѣйшія изслѣдованія, и при всемъ родствѣ и сходствѣ, нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ,» онъ, т. е. г. Максимовичъ, силясь пріурочить *всѣ* современныя особенности малорусскаго нарѣчія и древнѣйшему времени, тѣмъ-самимъ ставитъ его, по отношенію къ другимъ родственнымъ нарѣчіямъ, на ту же степень отдѣльности, на какой находится оно и въ настоящую пору и, слѣдовательно, отвергаетъ то, съ чѣмъ соглашается, будто: «чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу.» Конечно, гг. Шафарикъ и Бодянскій, равно и всѣ знакомые непосредственно съ источниками славянской письменности, выводятъ такую мысль изъ историческаго времени, потому-что для доисторической поры нѣтъ основаній; слѣдовательно, и въ историческую пору, хотя и обнаружилось уже

въ первыхъ произведеніяхъ письменности славянской отличіе, все-таки была большая близость нарѣчій, а слѣдовательно, нѣкоторыя черты, составляющія принадлежность нынѣ того или другаго нарѣчія, и не существовала въ XI в., въ противномъ случаѣ, нечего и утверждать большей близости нарѣчій въ-древности. Поэтому, и малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде. Да и странно было-бы настаивать на противномъ. Въ природѣ все подвержено измѣненію, какъ гласитъ мысль старая, избитая, хотя и справедливая; какъ же обрекать на неизмѣнность, въ теченіе десяти хоть вѣковъ, языкъ, живой органъ мысли человѣка, которая подвержена такимъ быстрымъ переворотамъ, вслѣдствіе переворотовъ въ самой жизни народа? Но намъ нѣтъ нужды останавливаться на теоріяхъ, когда подъ руками имѣется огромное множество фактовъ. Развѣ за три-четыре вѣка французкій языкъ былъ точно такой же, какимъ говорятъ французы теперь? Развѣ не во многомъ отличается и языкъ нѣмецкій въ средневѣковой письменности отъ современнаго? Зачѣмъ же стѣснять свободу языка славянскаго? Нѣтъ, и онъ не всегда былъ такимъ, какимъ знаетъ его нынѣ 80 милліоновъ его владѣтелей; и хотя существенно отличительныя черты нарѣчій высказались давно, но долго и послѣ этого гораздо болѣе хранилось общаго, чѣмъ теперь. Та же письменность, которая даетъ право на признаніе отдѣльности нарѣчій издавна, доказываетъ и неразвившіяся еще позднѣйшія особенности и сохраненіе многаго общаго, погибшаго впослѣдствіи. Возьмите нарѣчіе чешское, судьбу котораго можно прослѣдить съ отдаленныхъ временъ, вслѣдствіе уцѣлѣвшаго длиннаго ряда памятниковъ, и взгляните на него хоть въ XIII столѣтіи. Вы увидите въ немъ и двойственное число, и прошедшее на *хъ*, и достигательный видъ, и отсутствіе звуковъ двогласныхъ, напримѣръ, *оu*, немножко повыше въ древность, — несуществованіе и шепелеватаго *р*, увидите и многое другое древнее, въ чемъ легко убѣдиться, пробѣжавши опытъ старочешской грамматики достоуважаемаго Шафарика. Все это, приведенное мною, или не существуетъ теперь вовсе, будучи замѣнено другимъ, или осталось въ видѣ отрывковъ, иногда въ званіи провинціализмовъ; такъ, прошедшее на *хъ* живетъ въ одномъ словѣ *быхъ (bych)*; двойственнаго числа лишь остатки, которые открываютъ и на святой Руси. Потерянъ и *рь*, явилось и *оu*, и такъ далѣе.

Тоже, и въ то же время, находимъ и въ хорватскомъ нарѣчіи, не-

знающемъ нынѣче также ни прошедшаго на *хъ*, ни двойственнаго, ни многаго другаго. Даже въ польскомъ языкѣ, при всей бѣдности письменности въ-древности, можно отдѣлить нѣсколько свойствъ старинныхъ славянскихъ, между прочимъ и прошедшее на *хъ*, какъ въ псалтырѣ Маргариты, и двойственное, тамъ же и въ позднѣйшихъ памятникахъ языка, въ 15 столѣтіи. Первое употреблялось и въ 16 вѣкѣ, въ словѣ *bych*, послѣднее является довольно часто, и въ 3-хъ формахъ падежныхъ, у писателей польскихъ еще въ XVII вѣкѣ. А между тѣмъ, всѣ эти нарѣчія, въ то же самое время имѣли уже и выражали въ письменности и особенныя свои черты. Напримѣръ, Чешское имѣетъ уже и въ судѣ Любушиномъ: *z* изъ смягченнаго *d*, *c* изъ смягченнаго *t*, и такъ далѣе. Привожу все это съ цѣлію показать, что появившіяся отличительныя свойства нарѣчій не исключаютъ собою и многаго, многаго общаго въ старину, что̀ потомъ замѣнилось новымъ, сдѣлавшимся иногда тоже отличительнымъ свойствомъ нарѣчія, потому-что каждое изъ нихъ руководилось при замѣнѣ своими условіями.

Такъ было и въ русскомъ языкѣ. И онъ обнаружилъ свои черты, выказавшіяся и въ письменности. И эти-то обнаружившіяся черты дали полное основаніе гг. Шафарику и Бодянскому высказать приведенную выше мысль объ отдѣленіи, наряду съ другими нарѣчіями славянскими, и русскаго. Но ни тотъ, ни другой, безъ-сомнѣнія, вовсе не думали уничтожать въ древнемъ русскомъ языкѣ продолжительнаго храненія нѣкоторыхъ звуковъ и формъ древнихъ, болѣе сближавшихъ тогда нарѣчія славянскія, а потому еще менѣе думали пріурочивать древности всѣ нынѣшнія особенности языка русскаго. Теперь мы можемъ ближе подойти и къ главному вопросу,—къ отдѣленію нарѣчія малорусскаго. Отличительныя черты русскаго языка выдѣлились издавна: это безспорно. Письменность, въ которой онѣ и могли только выразиться въ то время, для насъ потомковъ, была на югѣ и сѣверѣ; слѣдовательно, въ южной и сѣверной письменности и должно искать количество и качество этихъ выразившихся чертъ отдѣльныхъ. Значительнѣйшая часть ихъ приведена и г. Максимовичемъ, къ которому и пустъ обратятся читатели и прочитаютъ письмо четвертое, хоть до половины страницы 103. Коротко, черты эти слѣдующія: *ж* вм. *жд* церк.-слав., развившееся изъ смягченія *д; ч* вм. *шт* или *щ* церковнославянскаго, развившееся изъ смягченія *т;* два *о* и два *е* вмѣсто одного *а* или *ъ* послѣ *л* и *р* (*глава — голова, млько —*

молоко, жребій — жеребій и другіе); *о* и *е* вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ *ъ* и *ь; у* и *я* вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ *ѫ* и *ѧ*; *о* вмѣсто *е*, вначалѣ словъ, какъ: *осень* вмѣсто церковнославянскаго *есень;* несущѣствованіе удвоенія гласныхъ въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ и въ прошедшемъ несовершенномъ на *хъ*.

Эти особенности, въ одинаковой степени принадлежащія и понынѣ югу и сѣверу Россіи, слѣдовательно, всему языку русскому, господствуютъ зачастую и въ произведеніяхъ письменности древне-русской, назначаемой для церкви, какъ въ поученіяхъ и проповѣдяхъ; еще болѣе употребительны въ лѣтописяхъ и почти исключительны въ грамотахъ и другихъ актахъ правительственныхъ. Какъ особенности роднаго говора, глубоко издавна укрѣпившіяся въ языкѣ, онѣ попадаются нерѣдко и въ спискахъ памятниковъ церковныхъ, появившихся вначалѣ внѣ Россіи и переписанныхъ русскими людьми. Наряду съ ними, попадаются во всѣхъ тѣхъ же произведеніяхъ и замѣна церковнославянскаго *ѣ* посредствомъ *и*, и наоборотъ, что̀ указываетъ прямо на древность этого свойства, развитаго понынѣ на югѣ Россіи и присущаго значительной части сѣвера, именно рѣчи новгородской. Не освободились тѣ же памятники, писанные на сѣверѣ, въ области новгородской или новгородцами, и отъ исключительной особенности этой рѣчи, взаимной мѣны звуковъ *ц* и *ч*. Такая мѣна принадлежитъ въ большомъ количествѣ и памятникамъ церковнославянскимъ, начиная съ XI столѣтія. Вотъ—что̀ высказалось въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ своего особеннаго, неотвергаемаго и г. Максимовичемъ. Но, вѣдь, во всемъ этомъ нѣтъ ни одного признака исключительно малороссійскаго; какъ же согласить теперь, съ одной стороны распространенность въ письменности древней, южной и сѣверной, приведенныхъ чистыхъ русизмовъ и даже, въ послѣдней, новгородизмовъ, и совершенное отсутствіе свойствъ малорусскаго нарѣчія; съ другой—желаніе возвести отдѣльность малорусскаго нарѣчія къ глубокой древности, къ первымъ вѣкамъ Русскаго государства? И вотъ, намъ положительно объявляютъ, что письменность въ древней Россіи была на церковнославянскомъ языкѣ и представляютъ патентъ на основательнѣйшее знаніе сего языка древними Руссами. Какъ можетъ иногда далеко заходить увлеченіе и знатоковъ дѣла, и заставлять ихъ противорѣчить очевиднѣйшимъ фактамъ!—Но остановится на этомъ.

Основаніемъ признавать языкъ древнихъ русскихъ памятниковъ,

во всѣхъ ихъ видахъ, церковнославянскимъ, служатъ, сколько извѣстно, слѣдующія два обстоятельства: а.) возбужденіе и развитіе образованности русскаго народа въ древнее время подъ непосредственнымъ и преимущественнымъ вліяніемъ христіанства и церкви, вслѣдствіе чего и главная масса произведеній письменности носитъ на себѣ характеръ или чисто-церковный или нравственно-поучительный. Отсюда прямой выводъ—господство принятаго и освященнаго церковью языка и глубокое знакомство съ нимъ людей письменныхъ, грамотныхъ.

б.) Этотъ выводъ, въ прежнее время въ глазахъ всѣхъ, въ настоящее время довольно еще многихъ, находитъ оправданіе и подкрѣпленіе въ рѣзкомъ различіи современнаго языка русскаго съ тѣмъ, какой встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, слѣдовательно — языкъ послѣднихъ не русскій народный; а какъ въ немъ весьма много общаго съ церковно-славянскимъ, то, значитъ, онъ и былъ церковнославянскій, какимъ и прилично ему быть въ древности на Руси, въ силу перваго обстоятельства. Неоспоримъ фактъ, что христіанство, а съ нимъ и церковь, въ первую пору господства своего въ русской землѣ, было главнымъ, ежели не единственнымъ, возбужденіемъ и орудіемъ просвѣщенія народа; неоспоримо и то, что древняя наша литература представляетъ факты, относящіеся по преимуществу къ дѣламъ вѣры и церкви; но слѣдуетъ-ли прямо отсюда, что языкъ и тѣхъ памятниковъ литературы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ единственно жизни народа, содержаніемъ своимъ прямо взяты изъ нея, и назначены исключительно только для нея,—что языкъ и такихъ памятниковъ долженъ быть непремѣнно церковнославянскій, какъ утверждаетъ г. Максимовичъ (на стр. 88)? Думаемъ, что такое заключеніе не вполнѣ послѣдовательно. Но, быть можетъ, церковнославянской языкъ былъ до такой степени хорошо знакомъ грамотѣямъ русскимъ, вслѣдствіе глубокаго уваженія къ нему, какъ къ языку вѣры, что писатели и грамотъ, и договоровъ и другихъ актовъ правительственныхъ, не только духовные, но даже и свѣтскіе, предпочитали его языку народному и въ предметахъ жизни обыденной, нерѣдко мелочной? Такое знаніе и утверждаетъ г. Максимовичъ. На страницѣ 121, онъ говоритъ: «да еслибы нашимъ богослужебнымъ языкомъ, при Владимірѣ, сталъ греческій или латинскій, и на нихъ писали бы свободно кіевскіе грамотники XI вѣка, какъ впослѣдствіи кіевляне, Яворскій и Прокоповичъ, можно сказать, играли латинскимъ языкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, свободно пи-

савши и на польскомъ, и на церковнославянскомъ, и на тогдашнемъ русскомъ въ двухъ его видахъ. А съ какою правильностію и отчетливостію писали прежде Нестора, на церковномъ языкѣ, и новгородскій діаконъ Григорій, въ Евангеліи Остроміровскомъ (1056 г), и діаконъ Іоаннъ, вѣроятно, кіевскій, въ Изборникѣ Святославовскомъ (1073 г.). Но то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ....» Что дьяконъ Григорій и діаконъ Іоаннъ могли знать языкъ церковнославянскій, отвергать трудно, но что они оба не писали, а переписывали по церковно-славянски, — это очевидно, и удивительно, какъ г. Максимовичъ могъ привести ихъ обоихъ въ образецъ записныхъ знатоковъ церковнославянскаго языка, писавшихъ будто на немъ съ особенною правильностію и отчетливостію; да въ такомъ случаѣ, что же мѣшаетъ считать записными знатоками русскаго языка и нынѣшнихъ нашихъ писцевъ, хоть изъ школы кантонистовъ, доводящихъ иногда мастерство свое въ каллиграфіи до высокаго совершенства? Вѣдь и Остромірово Евангеліе и Святославовъ Сборникъ суть только русскіе списки съ древнѣйшихъ оригиналовъ церковнославянскихъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не должны приводиться въ свидѣтельство отчетливаго знанія церковнаго языка ихъ переписчиковъ. Этимъ вовсе не думаемъ мы отвергать существованіе знатоковъ церковнославянскаго языка въ древней Руси; они были, и обнаружили свои отчетливыя познанія въ немъ, но только не въ перепискѣ, а въ собственныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, Митрополитъ Иларіонъ, Яковъ Мнихъ, св. Ѳеодосій печерскій и другіе писатели XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ.

Но, вѣдь, подобныхъ лицъ не такъ много; въ каждомъ вѣкѣ ихъ можно считать единицами; ктому же, лица эти всѣ отличены высокимъ саномъ духовнымъ, сочиненія ихъ исключительнаго религіознаго или церковнаго содержанія; а куда же пріурочить множество писателей свѣтскихъ сочиненій, правительственныхъ актовъ? Принимая во вниманіе ихъ сочиненія, а этимъ, разумѣется, мы только и должны руководиться, увидимъ, что авторовъ ихъ никакъ не возможно сравнивать ни съ Яворскими, ни съ Прокоповичами.

Да и вообще намъ кажется страннымъ такое сравненіе. И Яворскій и Прокоповичъ и другіе, подобные имъ, являются лицами учеными, получившими образованіе въ высшемъ, въ ихъ время, учебномъ заведеніи, гдѣ преподаваніе какъ языковъ, такъ и другихъ предме-

товъ, шло въ строгой системѣ, въ которой рѣзко уже были отличены всѣ частности, и для языка существовали уже спеціальныя грамматики. Всего этого не было ни въ 11, ни въ 12, ни въ 13 столѣтіяхъ, и писатели церковные этихъ вѣковъ являются знатоками языка церковнаго вслѣдствіе частаго и внимательнаго чтенія церковныхъ книгъ и основательнаго ихъ изученія.

Факты языка памятниковъ гражданскихъ лучше всего говорятъ противъ предложеннаго г. Максимовичемъ сравненія. Всѣ приведенныя выше особенности русскаго языка являются въ нихъ не какъ обмолвки, не какъ что-то случайное, а какъ вполнѣ обыкновенныя свойства тогдашняго языка письменнаго, какъ необходимыя, и потому являются постоянно и неизмѣнно. Ни Димитрій ростовскій, ни ему современные писатели на церковнославянскомъ языкѣ, ни послѣдующіе, хоть и въ наши годы, не употребляли и не употребляютъ этихъ особенностей, не ставили и не ставятъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*; не встрѣчаемъ у нихъ и русскаго полногласія и замѣны буквою *о* буквы *е*, тѣмъ менѣе смѣшенія *ѣ* и *и*, или какого либо свойства говора областнаго. Кажется, ясно, что древніе писатели свѣтскихъ произведеній нейдутъ въ уровень съ учеными писателями по церковно-славянски 17–19 столѣтій, и съ точки зрѣнія послѣднихъ можно прямо утверждать, что первые плохо знали церковный языкъ, ежели только допустить, что они писали по церковно-славянски. Но допуская это, невольно приходишь въ недоумѣніе, почему нетвердость знанія церковнославянскаго языка у писателей грамотъ и договоровъ выражалась исключительно лишь въ приведенныхъ чистыхъ руссизмахъ, и притомъ такъ послѣдовательно и постоянно? Почему они, какъ-будто по условію, по соглашенію, рѣшались нарушать чистоту церковнаго языка въ пользу народнаго единственно въ этихъ случаяхъ и не касались другаго? Какъ угодно, а безпристрастное рѣшеніе этого вопроса можетъ вести, полагаемъ, къ одному только отвѣту, что этого другого и не зачѣмъ было измѣнять, потому что оно употреблялось еще въ устахъ народа, было такимъ же руссизмомъ, какъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*, и тому подобное, жило, слѣдовательно, и двойственное число и прошедшее на *хъ*, и отличіе для всѣхъ падежей прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ, и смягченіе гортанныхъ звуковъ въ свистящіе и шипящіе, въ склоненіи, и тому подобное. Все это мы и встрѣчаемъ въ древнихъ грамотахъ, и сѣвера и юга, наряду съ отличительными

чертами древняго языка русскаго и со всѣми пріемами языка живаго, народнаго. Да и что́ же мѣшаетъ принимать это?

Несуществованіе въ современномъ русскомъ языкѣ этихъ формъ, сказали мы выше, служитъ оправданіемъ, для нѣкоторыхъ, мысли, что эти формы и въ древности не свои, чужія, попавшіяся въ письменность русскую изъ языка церковнаго. Не говоря уже о томъ, что такое оправданіе противорѣчитъ вообще неизбѣжности развитія, а слѣдовательно и измѣненія языка, оно противорѣчитъ и очевиднымъ фактамъ исторіи другихъ родственныхъ нарѣчій. Неужели же и Чехи, въ своей богатой древней письменности, и Хорваты, даже и Поляки употребляли языкъ церковнославянскій? Но вѣдь они съ отдаленнѣйшихъ временъ были католиками; а между тѣмъ и ихъ современный языкъ нисколько не менѣе, если не болѣе еще, ушелъ отъ того языка, какой находимъ мы въ ихъ древнихъ памятникахъ: и ни одинъ ученый чешскій, хорватскій или польскій не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковнославянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковнославянскія. Ктому же, такія формы не исчезли еще и въ жизни нѣкоторыхъ нарѣчій славянскихъ, господствуя вполнѣ и въ письменности ихъ древней, напримѣръ: въ хорутанскомъ, лужицкомъ, отчасти сербскомъ и болгарскомъ. За что́ же одинъ русскій языкъ приходится осуждать на застой и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Неужели за то, что народъ русскій имѣлъ и имѣетъ счастіе слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковнославянскомъ? Но, во–первыхъ, то же самое было и у другихъ Славянъ, и однакоже о ихъ языкѣ такъ–безусловно никогда не высказывалось такого приговора; во–вторыхъ, языкъ церковный все–таки языкъ неподвижный, мертвый, тогда–какъ языкъ письменный въ древней Руси обнаруживаетъ всѣ признаки жизни, а съ нею и неразлучныя перемѣны. Эти перемѣны самымъ яркимъ образомъ выразились въ *послѣдовательности* и *правильности* употребленія древнихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности и въ *непослѣдовательности* и *неправильности* ихъ въ памятникахъ, сравнительно, позднѣйшихъ, какъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Церковнославянскій языкъ оставался тотъ же; откуда же это различіе въ письменности русской, ежели въ ней господствовалъ языкъ церковнославянскій? Зачѣмъ въ XII и XIII вѣкахъ не встрѣчаемъ, напримѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ на *хъ*, или двой-

ственнаго числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда—какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *хъ* отнесеннымъ ко 2–му или 3–му лицу, и неумѣстное употребленіе числа двойственнаго? Не забудемъ при этомъ, что, при древней правильности этихъ формъ, мы замѣчаемъ постоянство и въ такъ-называемыхъ руссизмахъ, зачастую уже обращенныхъ въ церковно–славянизмы при позднѣйшей ихъ неправильности. Оттого, скажемъ съ увѣренностію, что въ древнее время, формы эти господствовали въ живомъ языкѣ и удерживали писателя отъ ошибокъ, и оттого, съ другой стороны, являются погрѣшности въ нихъ, въ позднѣйшую пору,— что забылись они тогда въ жизни языка и попадались подъ перо изъ подражанія старой письменности. А какъ эта старая письменность, по близости къ языку церковному, въ глазахъ писателей XIV, XV и послѣдующихъ вѣковъ принималась съ нимъ за тожественную, то и изъ подражанія церковному языку, наряду съ неправильнымъ употребленіемъ древнихъ формъ, стали нерѣдко замѣняться и чистыя руссизмы церковно–славянизмами, какъ *жд* вмѣсто *ж*, *щ* вмѣсто *ч*, одно *а* или *ѣ* вмѣсто двухъ *о* или *е*, и тому под. Да и возможно–ли, при такой отдѣльности русскаго языка отъ церковнославянскаго въ-древности, какая существуетъ нынѣ, не высказаться и другимъ его особенностямъ въ древнѣйшей письменности, кромѣ исчисленныхъ выше руссизмовъ? Факты рѣшительно противорѣчатъ этому положительно для древности и отрицательно для позднѣйшаго времени. Дѣйствительно, ежели при перепискѣ церковнославянскихъ памятниковъ, при перепискѣ иногда необыкновенно-тщательной, весьма медленной, подъ перомъ записныхъ знатоковъ языка церковнаго, какъ дьякона Григорія и дьяка Іоанна, прорываются руссизмы, какъ: *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *шт*, или *щ*, два *е* вмѣсто *ѣ* (въ Изборникѣ—*вередъ*, *вередити*), при перепискѣ же болѣе быстрой, менѣе внимательной являются довольно часто и другія особенности, даже областнаго говора, какъ взаимная мѣна *ѣ* и *и*, *ц* и *ч*, то какъ же возможно допустить, чтобы, тамъ–сямъ, не обнаружились всѣ свойства народнаго языка подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ относящихся къ быту житейскому и для него назначеннымъ? Но, кромѣ исчисленныхъ особенностей древнѣйшаго русскаго языка, въ нихъ не находимъ другаго ни изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ говоровъ русскихъ, ни изъ малорусскаго нынѣшняго нарѣчія. Значитъ, ихъ или не было вовсе, или онѣ не успѣли еще вполнѣ развиться и замѣнить собою

жившихъ еще свойствъ древнихъ. Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ,—это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею силою въ письменности. Такъ, на сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лъ*, въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго наклоненія; *тъ* въ 3–мъ лицѣ настоящаго времени, единственнаго и множественнаго чиселъ; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами сѣверными, явились и свои особенныя, какъ, напримѣръ: окончаніе *мо*, въ первомъ лицѣ множественнаго числа; измѣненіе *іе* или *ье*, въ окончаніе именъ существительныхъ, послѣ согласныхъ *л*, *н*, *т* и др., въ *я;* смѣшеніе *въ*, и *и;* обращеніе *о* въ *и;* употребленіе *з* вмѣсто *с*, въ предлогѣ *съ*, и другія; хотя сохранилось нѣчто и изъ древняго, потерянаго на сѣверѣ. Г. Максимовичъ, утверждая, что въ древности писалось все на Руси по церковно–славянски, доказываетъ возможность устранить особенности народнаго говора писцамъ сравненіемъ съ сочиненіями XVI-XVII вѣковъ, писанными тоже по церковно–славянски, гдѣ однакожъ также, по его убѣжденію, нѣтъ обмолвокъ въ пользу народныхъ особенностей. Съ этого цѣлію, онъ выписываетъ *семь* строкъ изъ Густинской лѣтописи, подъ 1516 годомъ, писанной малороссіяниномъ, и заключаетъ: «много–ли тутъ малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ козаччины, обронилъ изъ своего парѣчія?... Словцо *межи*, вмѣсто церковнаго *между?*... «Но во–первыхъ, и на *семи* строкахъ не одно словцо *межи* взято изъ народнаго языка; къ очевиднымъ признакамъ послѣдняго относятся: *нашой* вмѣсто *нашей (въ земль нашой)*, *вышше* вмѣсто *выше*, *изыйде* вмѣсто *изиде* (сравн. млр. *ишелъ*, *прійшелъ,)* обычаи *пріятнѣйшыи* вм. обычаи *пріятнѣйшіе*, (во что́, не знаемъ почему, и обращено первое чтеніе подлинника въ выпискѣ г. Максимовича); во–вторыхъ, въ такомъ дѣлѣ семи строкъ крайне недостаточно: въ русскихъ спискахъ церковнославянскихъ памятниковъ нерѣдко и семь листовъ пергаменныхъ не представляютъ ни одной обмолвки переписчика, въ пользу древнѣйшихъ руссизмовъ, неотвергаемыхъ г. Максимовичемъ; и, однако, онъ не усумнится считать переписчика русскимъ человѣкомъ, если хоть на 8–мъ или 9–мъ листѣ, или на какомъ бы то ни было, встрѣтитъ *ж* вм. *жд*, или два *о* вм. *а;* а здѣсь и не на листѣ, а на полустра-

ницѣ, на протяженіи 20 строкъ, изъ которыхъ семь выписаны въ пятомъ письмѣ г. Максимовича, кромѣ указанныхъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, читаемъ: *хотя миру зъ Москвою, да его зъ князем помирить; изъ земль; чотырохъ*, вмѣстѣ съ польскимъ предлогомъ *презъ*. И какъ же такой языкъ могъ показаться чистымъ церковнославянскимъ г. Максимовичу, будто, кромѣ *межи*, не включившимъ въ себя ничего малорусскаго? и какъ же, послѣ этого, мы не будемъ считать себя въ правѣ утверждать, что съ той поры, какъ появились новыя черты въ языкѣ, онѣ высказывались и въ письменности точно также, какъ высказывались постоянно въ-древности древнѣйшія особенности языка русскаго. Какъ трудно было малороссіянину, составителю Густинской лѣтописи, удержаться отъ особенностей своего говора, очевиднѣе всего свидѣтельствуетъ начало лѣтописи, гдѣ онъ былъ лишь переписчикомъ изъ древнихъ списковъ и гдѣ, при всемъ этомъ, находимъ: *зъ родомъ своимъ, зрубивъ городъ, здумавше, мають* (см. стр. 234), хотя, съ другой стороны, встрѣчаемъ и поправки древней лѣтописи, въ пользу языка церковнославянскаго, какъ: *бранилъ* ихъ, вм. *боронилъ*, *между* вм. *межу* и т. п. (тамъ же, 235). То же самое видимъ и у другихъ малорусскихъ лѣтописцевъ, положившихъ, въ основаніе своей лѣтописи, также языкъ церковнославянскій. Стоитъ только прочесть хоть одну страницу лѣтописи, напр., Грабянки, чтобы разомъ опредѣлить всю силу вліянія языка народнаго. Предоставляя на произволъ самому г. Максимовичу избрать *любую* страницу, я, съ своей стороны, приведу лишь нѣсколько строкъ, въ доказательство того, что этотъ лѣтописецъ 17 столѣтія имѣлъ рѣшительное намѣреніе писать по-церковнославянски, и затѣмъ коротко укажу на факты нарѣчія малороссійскаго. Вотъ 16 строкъ предувѣдомленія (см. лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1853, стр. 1.): «начинающу ми повѣсть о дѣйствіяхъ и бранехъ козацкихъ, аще и не весма требѣ бяше о праотцехъ народа того Козарехъ *предмовою* широко возвѣстити, обаче принужденъ для *лутшого* разумѣнія пространнѣе сказати, откуду Козаки имѣютъ свое проимѣнованіе, отъ котораго племени и *язика*, и яко ихъ Козаковъ праотцы, Козари, отъ времени праотца своего Гомера, внука Ноева, преходя *кочовисками* и отъ странъ до *страни*, подобіемъ *Колмиковъ*, премѣнялися въ розніе родства и *язики* и превошедше въ силу, составили были своя царства, и яко по оскудѣніи отъ браней премѣнялися съ Козаровъ въ Козаки, о всемъ томъ *нижей предмова по раду*

(po rządu) *скаже*, аще чтущій не стужая о пространствѣ ея, въ чтеніи потрудится, она бо желаніе подаетъ, и до внятія словесъ умъ *зготуетъ*.» Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ находимъ четыре случая замѣны *ы* посредствомъ *и*, какъ слѣдствіе смѣшенія обоихъ звуковъ, разъ перемѣну *с* на *з;* разъ окончаніе *й* въ нарѣчіе сравнительной степени; разъ потерю *тъ* въ 3–мъ лицѣ единственнаго числа, однажды употребленіе *о* вм. *е*, послѣ *ш;* вмѣстѣ съ этимъ, и два польскихъ слова: *предмовою* и *кочовисками*. Всѣ эти особенности разсѣяны въ огромнѣйшей массѣ въ лѣтописи, такъ что считаю лишнимъ и приводить ихъ, ограничась указаніемъ другихъ особенностей нарѣчія малорусскаго. Въ числѣ ихъ находимъ: *зъ словяни*, *зостаетъ* (стр. 7), *щастя* и *щасте* (стр. 8 и 65), *двохъ*, *двома* (стр. 261, 289); или въ лѣтописи Боболинскаго, изданной вмѣстѣ съ первою: *илинскимъ* (вм. Ильинскимъ, отъ Илья, по малороссійски Илля), *остовореню*, *чого* (стр. 275), *пріймовалъ* (277), *пріишолъ* (283), *до килка тисящій* (274), *абы ему тилко далъ:* послѣднія свойства особенно важны; вотъ какъ отзывается о нихъ г. Максимовичъ, въ 11–мъ письмѣ, г. Погодину: «можетъ быть, въ лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенности малорусскаго нарѣчія, какъ, напримѣръ, обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое *и: кóнь–кинь*, *нóжъ–нижъ*, и т. под. Но этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ южно–русскомъ языкѣ и грамотные малороссіяне, до исхода прошлаго столѣтія, не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: *конь*, *ножъ*.» Вполнѣ вѣримъ г. Максимовичу, что обращеніе *о* въ *и* не повсемѣстно; но тамъ, гдѣ оно существовало, отражалось въ письменности и раньше исхода прошлаго столѣтія, чему доказательствомъ служатъ приведенныя формы: *килко* и *тилко;* а въ Галицкой Руси оно замѣтно и въ началѣ 15 столѣтія.

Такъ, въ Межевой записи 1424 года, напечатанной въ Русалкѣ Днѣстровой, изданной у Будиму, 1837 года, на стр. 121, читаемъ: «а имають пана Юрковського люді изъ острова исьюшковець имають *дрыва* рубати, але не паствіті, ані свінеі оупоущаті оу лѣсь.» (1) По указанію самого г. Максимовича, мы взглянули на церковнославянскій

(1) Отношеніе, въ этомъ случаѣ, *ы* къ *и* объяснено въ статьѣ: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго;» см. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія, № 6, 1859 года, стр. 9—10.

языкъ лѣтописцевъ малорусскихъ, XVI—XVII вѣковъ, и, вопреки его утвержденію, нашли въ немъ довольно много, и притомъ рѣзкихъ, признаковъ нарѣчія малорусскаго.

Скажемъ теперь, что значительная часть этихъ признаковъ высказалась гораздо прежде въ письменности южнорусской, начиная съ конца 14 столѣтія, и чѣмъ позже, тѣмъ количество ихъ больше и больше. Такъ, въ концѣ грамоты Луцкаго епископа Іоанна польскому королю Владиславу, 1398 года, читаемъ: «у лѣта нароженья Сына Божія *тисяча* и триста девяносто осмого лѣта» (акты относ. къ исторіи западной Россіи I, № 12); въ присяжной грамотѣ Стародубскаго князя Александра Патрикіевича тому же королю польскому 1400 года: *тисяча* лѣтъ и *чотыриста* лѣтъ (тамъ-же, № 17); въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, 1415 года: у *Святошичохъ* у *Нѣжиловичохъ*, у *Сельци зъ Межирѣцкой земли*, у *Нородичохъ*, *чотырѣпядное*, *зъ Романова*, *зъ Дѣдъковьщины* (тамъ же, № 26); въ грамотѣ подъ 1421 годомъ: *маютъ* (тамъ же, № 30); подъ 1422 годомъ: *приводимо*, *нинѣшнимъ* (тамъ же, № 31); подъ 1424 годомъ: *знаемо*, *зъ Божьей милости* (тамъ же, № 32); въ грамотѣ 1429 года: *есмо*, *зъ вѣнци* (тамъ же, № 34) и т. д, Въ Мѣновой записи старосты луцкаго Петра Яновича (см. памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1845, отдѣлъ второй. стр. 1—2), 1490 года, находимъ также: *з митрополитовым*, *з ларисоніом*, *кмонастирю*, *и зставы и зводами*, *ктому именю* и др.—Вотъ какъ высказывались особенности малорусскаго нарѣчія, коль скоро появились онѣ въ жизни. Гдѣ же хоть одна изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, до XIV столѣтія? А, вѣдь, и въ нихъ, какъ нами замѣчено, черты русскаго языка господствуютъ, даже несравненно постояннѣе, чѣмъ въ церковнославянскихъ малорусскихъ лѣтописяхъ XVI—XVII столѣтій, зачастую измѣняющихъ, вопреки обыкновенію лѣтописей древнихъ, *ж* въ *жд*, *т* въ *щ*, два *о* въ *а*, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, пробѣжавъ хоть одну изъ первыхъ страницъ лѣтописи Густинской, или любую страницу въ лѣтописи Грабянки. И такъ, положа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія мы смѣло можемъ повторить, ровно за четыре года, высказанное положеніе, что древній русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, великорус-

ское и малорусское, какое встрѣчаемъ мы впослѣдствіи и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, во 1) на рѣшительномъ отсутствіи исключительныхъ малороссизмовъ во всей древней письменности русской, южной и сѣверной, во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была церковнославянская, что́ положительно доказывается, въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи новгородской, въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разсѣяны отличительныя свойства малорусскаго нарѣчія на югѣ, какъ великорусскаго на сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій славянскихъ другъ къ другу, до XIII — XIV столѣтій, что́, ни мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенныхъ чертъ въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей.

Послѣ этого общаго разсужденія, скрѣпленнаго, впрочемъ, необходимыми фактами, можно бѣгло взглянуть и на частности, предлагаемыя г. Максимовичемъ, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ словъ, признаваемыхъ имъ за чисто-малороссійскія, о чемъ говорено уже́ нами выше. Въ письмѣ пятомъ, на стр. 108, по случаю правописанія въ лѣтописи: Половци, авторъ говоритъ, что это чисто по-малороссійски, потому что господствующій великороссійскій выговоръ требуетъ послѣ *ц* дебелыхъ гласныхъ, тогда какъ малороссійскій въ концѣ словъ непремѣнно тонкихъ: *ь, я, ю*. Но господствующій нынѣ выговоръ не можетъ быть порукою въ такомъ сочетаніи звуковъ *ц* за 500, 600 и болѣе лѣтъ; а что, дѣйствительно,, и на сѣверѣ Россіи, въ древности, подобное сочетаніе было обыкновенно, доказываетъ положительно гражданская письменность новгородская, въ которой точно также господствуютъ слоги: *ци, цю, ця* (1); да и понынѣ еще не всюду исчезло это свойство, составляя принадлежность говора новгородскаго (см. статьи Даля: опытъ областнаго великорусскаго словаря, стр. 38. Вѣстникъ географическаго общества, за 1852 годъ, книжка V, въ отдѣлѣ библі-

(1) Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и прежде, при ссылкахъ на древніе памятники русскіе, я находилъ лишнимъ приводить примѣры, потому что въ значительномъ количествѣ на каждую особенность приведены они прежде, въ сочиненіи «о языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей.»

ографіи), и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что погибло уже и въ нарѣчіи малорусскомъ, какъ исчезло подобное же сочетаніе съ тонкими гласными, употребительное въ древности, звуковъ *ч* и *ш*. Такимъ образомъ, это свойство нарѣчія малорусскаго современнаго есть точно такой же отрывочный остатокъ общерусскаго древняго языка, какъ и смягченіе гортанныхъ передъ *и*. По поводу разсматриваемыхъ словъ въ лѣтописи: *на порозѣ, по дорозѣ*, г. Максимовичъ (на стр. 116), на слѣдующій вопросъ г. Погодина: если малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ,—отвѣчаетъ такимъ восклицаніемъ: «Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто малороссійскія формы: *на порозѣ, по дорозѣ*.» Нѣтъ, онѣ настолько же въ древности южнорусскія, насколько и сѣверно-русскія,—это доказываетъ та же сѣверная свѣтская письменность, со всѣми отличительными чертами древняго русскаго языка и съ постоянно-правильнымъ употребленіемъ смягченности гортанныхъ въ свистящія передъ *и* и *ь*. Даже и теперь, въ народныхъ пѣсняхъ, хоть, правда, и чрезвычайно рѣдко, въ пѣсняхъ самыхъ разгульныхъ, слышатся остатки этой общей древней смягченности, о чемъ мы и имѣли случай сказать, въ приведенномъ выше сочиненіи. Подобныя формы не суть только церковнославянскія и русскія, но, въ древности, общеславянскія, кромѣ, разумѣется, русскаго полногласія упомянутыхъ выше словъ; но и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ, не смотря на древнее господство смягченности гортанныхъ, эта смягченность нынѣ или осталась только въ отрывкахъ, касаясь одного звука гортаннаго, или забылась вовсе также, какъ забыли и сѣверные русскіе. Тутъ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія въ основаніяхъ г. Максимовича; онъ, напр., охотно допускаетъ исторію лексической части языка и, находя въ лѣтописи слова: *хоробрый, вѣверица, сапогъ* и др., несуществующія въ нынѣшнемъ нарѣчіи малорусскомъ, рѣшительно объявляетъ, что они были прежде, но теперь забылись (срв. стр. 123—130); между тѣмъ, никакъ не соглашается допустить измѣненіе звуковъ въ жизни языка, тогда какъ послѣдніе болѣе, чѣмъ что либо другое, подвержены непостоянству и превращеніямъ. — Относительно окончаній *шеть* и *хуть*, въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ прошедшаго времени, господствующихъ въ письменности древне-русской, г. Максимовичъ, повторяя свое мнѣніе, изложенное нѣкогда въ Исторіи Древней Русской Словесности, выразился въ письмѣ восьмомъ, на стр. 123, слѣдующимъ образомъ: «эта глагольная форма есть церковносла-

вянская, съ окончаніемъ *ху* (въ единственномъ числѣ *ше*), которому наши кіевскіе писатели XI вѣка придавали свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть*; а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали *ть* и *тъ*).» Во-первыхъ, намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ можно взять цѣлую форму изъ языка мертваго для мертваго же языка (потому-что г. Максимовичъ считаетъ письменный древне-русскій языкъ вообще церковнославянскимъ) и измѣнить ее приставкою новаго окончанія, неизвѣстнаго рѣшительно въ источникѣ, откуда взята эта форма: ни г. Максимовичъ, ни другой кто не представитъ, навѣрное, ни одного примѣра такого безцѣльнаго измѣненія заимствованной формы не только въ нарѣчіяхъ славянскихъ, но и въ другихъ языкахъ. Придавали русскіе писатели окончаніямъ *ше* и *ху* свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть*; но нарѣчіе церковнославянское, какъ извѣстно г. Максимовичу, нисколько не менѣе имѣло и имѣетъ донынѣ привычку прибавлять *ть* въ третьихъ лицахъ настоящаго и будущаго временъ, и, однако, при *ше* и *ху* не прибавляло и не прибавляетъ его; зачѣмъ же понадобилось *ть* русскимъ писателямъ, писавшимъ по-церковнославянски, особенно южнорусскимъ, когда въ ихъ нарѣчіи, ежели оно было, по теоріи г. Максимовича, нынѣшнее малороссійское *ть* не только не было привычнымъ прибавкомъ, а напротивъ, было непривычнымъ, и отбрасывается большею частію и нынѣ въ настоящемъ времени. Притомъ, почему же прибавка сочтена была необходимою лишь при *ше* и *ху* и опущена при коренныхъ гласныхъ, оканчивавшихъ 3-е лице прошедшаго совершеннаго, какъ: *имѣ*, *чита* и т. под., еще болѣе при *ша* (церк.-слав. *шѧ*), въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа: для послѣдовательности привычнаго *ть* слѣдовало бы непремѣнно ожидать ея и здѣсь. Что-то не такъ. Во-вторыхъ, или формы *шеть* и *хуть* составились такъ условно, внѣ жизни въ народѣ, подъ перомъ древнѣйшихъ писателей русскихъ, въ сочиненіяхъ оригинальныхъ русскихъ; то какъ же объяснить ихъ въ памятникахъ церковнославянскихъ, писанныхъ русскими переписчиками, въ XI вѣкѣ, слѣдовательно, въ первое время, когда только-что эта письменность появилась въ Россіи. Вѣдь для того, чтобы заимствовать форму, измѣнить ее и сдѣлать общераспространенною, хоть въ письменности, необходимо достаточное время; а между тѣмъ, *шеть* и *хуть* являются въ первыхъ русскихъ спискахъ съ старо-славянскихъ оригиналовъ, которые только-что успѣли познакомить Русскихъ съ языкомъ церковнославянскимъ. Еще болѣе

что-то не такъ. Въ-третьихъ, положительно невѣрно, будто сѣверные Рускіе только съ XII столѣтія переняли съ юга формы *шеть* и *хуть*.

Мы имѣемъ несомнѣнно русскіе списки XI вѣка новгородскихъ переписчиковъ, что̀ очевидно опредѣляется взаимною мѣною *ч* и *ц*, въ которыхъ весьма часто попадается приставка *ть*; привожу пока въ доказательство Минею XI столѣтія, хранящуюся въ императорской публичной библіотекѣ, гдѣ читаемъ: *видѧшеться*, *благоухъ нѧшеться*, *прѣдъобразовашеться*, и мн. др. Не доказываетъ-ли, напротивъ, это отрицательное объясненіе того, что окончанія *шеть* и *хуть* суть чисто народныя русскія, а что, слѣдовательно, народнымъ было и прошедшее на *хъ*, какъ было оно во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, есть и теперь еще въ нарѣчіяхъ: болгарскомъ, сербскомъ хорутанскомъ и лужицкомъ, и забылось на Руси также, какъ забылось оно въ нарѣчіи хорватскомъ, польскомъ и чешскомъ, кромѣ формы *bych*. Тогда и окончаніе *ть* становится уже не воображаемымъ, мечтательнымъ прибавкомъ, а остаткомъ, отъ глубокой древности, окончанія 3-го лица и въ прошедшемъ времени, необходимо существовавшемъ въ предавнюю старину во всѣхъ языкахъ отрасли индоевропейской, сберегшимся и въ старославянскомъ нарѣчіи въ отрывкахъ, какъ показываютъ: *бысть*, *повить*, начѧть, приѧть и др., и только погибшимъ издавна во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, кромѣ русскаго. И мы смѣло относили эти формы къ числу отличительныхъ признаковъ древняго языка русскаго, на ряду съ *ж*, *ч*, полногласіемъ и такъ д., сравнительно съ остальными родственными нарѣчіями славянскими.—Не менѣе страннымъ, натянутымъ и несправедливымъ представляется объясненіе и звуковъ церковнословянскихъ *жд*, млр. *дж* и общерусскаго *ж*, на стр. 98—99 въ письмѣ четвертомъ. Силясь видѣть въ малорусскомъ нарѣчіи все древнѣйшимъ, г. Максимовичъ, показавши, по своему разумѣнію, какимъ путемъ изъ кореннаго *д* являются приведенные только-что звуки, продолжаетъ: «языкъ южно-русскій въ своемъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напримѣр: *джерло — жерело*, *жерло*, *джбанъ — жбанъ*. Такъ и въ санскритскомъ *джани — жона*, *жена*; *дживя — жизнь*, и проч.» Эту первобытность звука *дж*, выводитъ онъ и примѣромъ, какъ «изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу*, выходитъ *ходжу*, какъ и теперь еще говоритъ южно-русскій народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Червоной Руси.» По нашему же крайнему убѣжденію

во 1) ни *жд*, ни *дж*, еще менѣе *ж* не суть первобытные звуки. Смягченіе простыхъ звуковъ, посредствомъ сочетанія съ звукомъ другимъ, есть и было всегда явленіемъ позднѣйшимъ, сравнительно съ смягченіемъ непосредственнымъ.—Какъ звукъ *д*, такъ и *т*, въ языкахъ древнѣйшаго вида, ограничивались при смягченіи йотированіемъ; это мы видимъ въ древне-нѣмецкомъ, латинскомъ, греческомъ и санскритскомъ; за этимъ, послѣдовало соединеніе двухъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ сохранилъ звукъ коренной; это мы находимъ въ языкахъ: пракритскомъ, литовскомъ и въ славянскомъ; наконецъ, сдѣлался ненужнымъ вовсе коренной звукъ въ звукѣ двусложномъ, какъ въ нарѣчіи русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ. Такимъ образомъ, первобытнымъ звукомъ отъ смягченія *д* будетъ всетаки *д* (*дь*, *ді*), а *дж* уже вторичнаго образованія, наравнѣ съ оборотнымъ церковнославянскимъ *жд* или польскимъ *дз*. То же происходило и съ звуками гортанными, *г*, *к*, причемъ и самый санскритскій языкъ обнаружилъ уже и развилъ посредственную ихъ смягченность въ *дж* и *ч*. Во 2) въ словахъ: *джерело* и *джбанъ* *дж* никоимъ образомъ не произошло отъ *д*, а приставлено произношеніемъ къ *ж*, также точно какъ приставляютъ его малороссіяне и къ з: *дзеркало*, *дзерно*, *дзвинъ*, *дзюрчать* и т. п. Равно не справедливо и сближеніе малорусскаго *дж*, происшедшаго отъ *д*, съ санскритскимъ *дж*, въ словахъ: *джани* и *джива*: и въ томъ и другомъ *дж* образовалось изъ кореннаго г (=g), на что, между прочимъ, прямо указываетъ греческое γυνή, γενω γνγνω. Это коренное *г* не рѣдко, въ санскритѣ, и возвращается въ формахъ, хотя послѣднія уже и образуются отъ вторичнаго корня, гдѣ является *дж*. Такъ, отъ *тадд* погружать, причастіе *тадна*, отъ, *відд*—возмущать,—*відна* и др.—Вообще, намъ очень жалко, что г. Максимовичъ не обратилъ на это строгаго вниманія. Оно освѣтило-бы передъ нимъ различіе въ церковно-слав. языкѣ *жд* отъ *д* и *жд* отъ *г* и дало-бы поводъ опредѣлить причину приставки *д*, въ малорусскомъ нарѣчіи, передъ *ж*, какъ въ словахъ: *джерело*, *джбанъ* и т. д.; вѣдь, и въ этой приставкѣ должна быть законная причина: случайностей, съ вѣтру, въ языкѣ не бываетъ. Г. Максимовичъ увидѣлъ-бы ясно, что и тутъ не приставное *д* къ *ж*, а двойный звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *г* (*горло*, *гну*, *гибать*, отсюда *жбанъ* въ рус., *джбанъ* м. рус. Смѣемъ думать и быть даже увѣреннымъ, что таково же происхожденіе и *д* при *з*, въ словахъ *дзеркало*, *дзвинъ* и т. п. Относительно глагольнаго окончанія *жу*, въ настоящемъ *ходжу*, я не

говорю въ 3), потому что скорѣе признаю въ этомъ опечатку, не допуская даже обмолвки или описки подъ рукою г. Максимовича.

Этимъ я прекращаю замѣтки о частностяхъ г. Максимовича, хотя бы ихъ можно было и удвоить, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерываю и вообще свои замѣчанія, вызванныя его письмами къ г. Погодину. Не измѣнивши ни мало своего мнѣнія вслѣдствіе этихъ писемъ, напротивъ, еще болѣе укрѣпившись черезъ нихъ въ прежнемъ своемъ положеніи, что малорусское нарѣчіе, дѣйствительно, ничѣмъ не выразило себя въ древней письменности русской, что на югѣ Россіи въ древности рѣшительно не видно и не было такого отдѣльнаго нарѣчія отъ языка сѣвернаго, какое существуетъ теперь, я тѣмъ не менѣе не могу не желать и, если смѣю, просить, чтобы г. Максимовичъ подвергнулъ вопросъ этотъ новому обслѣдованію и представилъ болѣе вѣрныя, справедливыя и прочныя доказательства своего убѣжденія, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, бездоказательнаго.

П. Лавровскій.

Харьковъ. 8 декабря,
1856 г.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Кому изъ жителей Черниговской и Полтавской губерній не приходилось слышать о Заботинѣ и его странной судьбѣ? Разсказы о немъ и его отцѣ, генералѣ Шираѣ, переходили въ Малороссіи изъ устъ въ уста съ разными вымыслами и украшеніями. Подобные случаи, какъ непризнаніе отцемъ сына, такъ рѣдки и необыкновенны, что невольно влекутъ любопытство каждаго — и неудивительно, если они служатъ темою для самыхъ романическихъ разсказовъ. Тамъ, гдѣ суды открыты для общества, молва скоро отрезвляется исторически-точнымъ разсказомъ о дѣлѣ; у насъ же, пока, открыто только обширное поле толкамъ, и мы узнаемъ самыя близкія къ намъ по времени происшествія, случаи, дѣла, по преданію и, большею частію, въ искаженномъ видѣ.

Пользуясь обнародованіемъ въ журналѣ Министерства Юстиціи всѣхъ документовъ, относящихся до признанія Александра Заботина законнымъ сыномъ Ширая, мы думаемъ, что читатели наши не безъ интереса прочтутъ подробныя свѣдѣнія о томъ, что до сихъ поръ они знали по слухамъ. Дѣло это представляетъ много занимательнаго. Самъ Ширай, отецъ Александра, представляетъ образчикъ человѣка другого вѣка. Екатерининскій генералъ, человѣкъ любившій жить на широкую ногу, онъ не хочетъ признавать своего сына законнымъ. Онъ воспитанъ въ томъ вѣкѣ, когда человѣкъ сильный и богатый не любилъ подчиняться законному порядку, и вотъ онъ совершаетъ актъ непризнанія своего сына собственною властію. И какъ это ему легко, какъ всё готово къ его услугамъ. Узнавъ о внесеніи новорожденнаго въ метрику, онъ велитъ вырвать листы и замѣнить ихъ другими. Онъ находитъ въ церковномъ причтѣ, въ членахъ и чиновникахъ духовнаго правленія и въ своемъ управляющемъ, совершенную готовность исполнить его желаніе. Онъ такъ самоувѣренъ, такъ увѣренъ въ своей

безнаказанности, что дѣлаетъ это почти открыто, и могущество его до-того велико, что въ теченіи 23 лѣтъ, пока онъ живъ, никто не берется его обвинить за самоуправство и подлогъ.

Въ концѣ 1842 г., флигель-адъютантъ полковникъ Демидовъ, находившійся въ Черниговѣ, для наблюденія за производствомъ рекрутскаго набора, представилъ бывшему шефу корпуса жандармовъ, графу Бенкендорфу, записку о томъ, что умершій Стародубскій помѣщикъ, отставной генералъ-маіоръ Степанъ Ширай, по ненависти къ женѣ своей, Ульянѣ, урожденной Бороздиѣ, не призналъ младшаго ея сына Александра законнымъ и уничтожилъ въ метрическихъ книгахъ листы, въ которыхъ было записано рожденіе и крещеніе того младенца, воспитаннаго впослѣдствіи въ московскомъ ремесленномъ училищѣ подъ вымышленною фамиліею Заботина.

По докладу графомъ Бенкендорфомъ этой записки, Государь Императоръ, въ январѣ 1843 г., повелѣлъ произвести о Заботинѣ формальное слѣдствіе черниговскому губернскому предводителю дворянства, Ладомірскому, флигель-адъютанту Демидову и штабъ-офицеру корпуса жандармовъ, полковнику Ливенцову.

Послѣ сего, 15 февраля 1843 г., черниговскій гражданскій губернаторъ препроводилъ къ слѣдователямъ полученную имъ отъ генералъ-губернатора записку—безъ года, мѣсяца и числа, и никѣмъ неподписанную , въ началѣ которой сказано, что у умершихъ Шираевъ, кромѣ двухъ дочерей, наслѣдовавшихъ имѣніемъ отца и матери, было четверо сыновей. Изъ нихъ старшій, Михаилъ, умеръ въ 1831 г., второй и третій, Петръ и Константинъ, умерли въ младенчествѣ, послѣдній же Александръ живъ, но удаленъ отъ своего рода, лишенъ всѣхъ правъ и даже имени. Далѣе, въ запискѣ этой, имѣющей видъ подметнаго письма, описывается исторія похожденій Александра Заботина и указываются доказательства и свидѣтели, которые могутъ подтвердить рожденіе сего послѣдняго отъ Ульяны Ширай и мужа ея Степана Ширая.

Къ слѣдствію доставлены были четыре экземпляра метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ; изъ нихъ одинъ принадлежалъ черниговской духовной консисторіи, другой стародубскому духовному правленію, третій, хранившійся при приходской церкви села Соловы, четвертый — представленный титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою.

По разсмотрѣніи консисторской метрической книги села Соловы за 1818 годъ, слѣдователи нашли: а) что рожденія отъ Степана

Ширая и жены его Ульяны сына Александра въ этой книгѣ не значится; б) что одинъ листъ въ этой книгѣ, половина котораго находится въ отдѣленіи родившихся, а половина въ отдѣленіи умершихъ, представляется сомнительнымъ, по блѣдности цвѣта противу прочихъ листовъ и по обрѣзкѣ его сверху; в) на обоихъ полулистахъ нумера по порядку родившихся и умершихъ идутъ вѣрно; но послѣ послѣдняго полулиста, оканчивающагося въ отдѣленіи объ умершихъ нумеромъ 11–мъ, всѣ послѣдующіе нумера, съ 12 до 20 включительно, переправлены такъ: изъ 11-го 12 и т. д.; г) почеркъ письма означеннаго листа имѣетъ мало сходства съ почеркомъ на прочихъ полулистахъ, скрѣпа протоіерея Рклицкаго сходна съ его почеркомъ, а скрѣпа священника и дьячка Лапчинскихъ вовсе не имѣетъ сходства, и проч.

При разсмотрѣніи метрической книги, хранившейся въ стародубскомъ духовномъ правленіи, слѣдователями обнаружено: а, пятый и шестнадцатый полулисты цвѣтомъ отличаются отъ прочихъ, внизу обрѣзаны, вшиты внизъ видимымъ внутри гербомъ фабрики и почеркомъ отличаются отъ прочихъ (1); б, на 5 полулистѣ подъ № 17 въ первой статьѣ 6 ноября показанъ рожденнымъ сынъ дворянина Василія Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, который въ той же книгѣ на 16 листѣ въ отдѣлѣ умершихъ значится подъ № 19 умершимъ двухъ лѣтъ 6 декабря (2); в, что въ концѣ 5 листа (отдѣлъ родившихся) послѣ окончанія 17 статьи послѣднія слова «жена Анна Васильева дочь Демьяненкова», повторены на слѣдующемъ 6листѣ, не тѣми чернилами, что на предъидущемъ, а послѣдняя статья на 16 листѣ (отдѣлъ умершихъ) подъ № 18 оканчивается такъ «причастился отъ приход» — затѣмъ пробѣлъ въ два вершка, и на слѣдующемъ 17 листѣ написаны другими чернилами «скаго священника».

Церковная метрическая книга села Соловы, по сличеніи слѣдователями съ двумя первыми, признана ими списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи; въ ней не оказалось записки о рожденіи отъ Ширая и жены его сына Александра.

---

(1) При обозрѣніи этой книги въ общемъ собраніи сената, найдено, что листы 10 и 11 также обрѣзаны, что на обрѣзанныхъ листахъ (5, 10, 11 и 16) водяные знаки изображаютъ буквы Я, Б, М, Я, гербъ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ и 1816 г., и что на необрѣзанныхъ листахъ буквы М. О. К. Ф. 1817 г. гербъ скачущая лошадь.

(2) Рожденіе этого младенца также записано и въ консисторской метрической книгѣ.

По разсмотрѣніи 4 метрической книги, отобранной отъ титулярнаго совѣтника Заверухи, слѣдователи нашли, что она написана на одинаковой съ первыми двумя книгами бумагѣ (1). Въ ней подъ № 15, написано: «отъ генералъ-маіора Ширая и жены его Іульяны Петровой дочери Борозновны, родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8 числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ; воспріемникомъ отъ святаго крещенія тому младенцу былъ тогожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій» (2). Книга эта вложена въ особый листъ, на которомъ собственною рукою архіепископа черниговскаго Павла сдѣлана слѣдующая надпись: «что сія книга есть та самая, которая взята у священника села Соловы Ивана Лапчинскаго въ 1839 г. титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, лично подтвердилъ мнѣ самъ священникъ Іоаннъ Лапчинскій.»

При допросѣ гражданскими слѣдователями, и, по указу синода, слѣдователями со стороны духовнаго вѣдомства, спрошенныя лица показали:

1) *Титулярный совѣтникъ Заверуха*, спрошенный гражданскими слѣдователями 25 февраля безъ присяги, а 2-го марта подъ присягою, показалъ, что, по приказанію генералъ-маіора Ширая, взялъ онъ, въ 1839 г., у приходскаго священника Ивана и дьякона Ѳедора Лапчинскихъ метрическую книгу села Соловы, а вмѣсто ея отдалъ копію съ метрики Стародубскаго духовнаго правленія, переданную ему секретаремъ правленія Борщевскимъ (3), умершимъ 14-го февраля 1840 г. По предъявленіи этой метрической книги Шираю, сей послѣдній, прочитавъ, возвратилъ ее ему, Заверухѣ, сказавъ: «пусть она у тебя останется». Метрику эту онъ, Заверуха, хранилъ у себя, боясь отвѣтственности за самовольное истребленіе.

2) *Священникъ села Соловы Иванъ Лапчинскій* показалъ духовнымъ и гражданскимъ слѣдователямъ, что Александръ сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ былъ записанъ рукою священническаго сына Ивана Лапчинскаго (сынъ священника Николая Лапчинскаго, впослѣдствіи отставной унтеръ-офицеръ). Метрическая

---

(1) При разсмотрѣніи этой книги въ канцеляріи общаго собранія найдено, что на листахъ оной знаки водяные тѣ же, что и на листахъ оподозрѣнныхъ правленской книги, а именно буквы Я. Б. М. Я. 1816 г.

(2) Священникъ Николай Лапчинскій умеръ 3 апрѣля 1821 г.

(3) Въ безприсяжномъ показаніи Заверуха утверждалъ, что копію съ правленской метрической книги секретарь Борщевскій передалъ не ему, а Шираю.

книга села Соловы, въ которой записано было рожденіе Александра, постоянно хранилась при церкви до 1839 г., а въ томъ году отдана имъ, по приказанію Ширая, Заверухѣ, который оставилъ копію съ оной безъ всякаго завѣренія; въ ней рожденіе Александра не было записано; подлинную книгу Заверуха не возвращалъ. О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ онъ словесно объявлялъ благочинному Ивану Демѣ, который никакого не сдѣлалъ распоряженія. Соловская метрическая книга за 1818 г. имъ не была подписана (Іоаннъ былъ тогда дьячкомъ) потому, что ее не подписывалъ священникъ Николай Лапчинскій; экземпляры книгъ консисторской и правленской подписаны имъ по листамъ, кромѣ листовъ, на правленскомъ 5 и 16, а на консисторскомъ 6 и 15; подпись здѣсь оказывается не его. Къ сему Іоаннъ Лапчинскій присовокупилъ, что отъ священническаго сына унтеръ-офицера Ивана Лапчинскаго онъ слышалъ о запискѣ Александра сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ за 1818 годъ, отправленныхъ въ консисторію и правленіе, что по просьбѣ Ширая и распоряженію протоіерея Леонтія Рклицкаго книги эти возвращены были священнику Николаю Лапчинскому для исключенія рожденія Александра, что и было исполнено; вновь вшитые листы переписывалъ, по приказанію отца, Иванъ Лапчинскій. Въ подтвержденіе своего показанія, священникъ Иванъ Лапчинскій представилъ подлинное къ нему письмо благочиннаго Демы, въ которомъ, между прочимъ, *Дема пишетъ*: «въ бытность у меня Ивана Яковлевича, я показывалъ ему метрическую книгу; онъ сказалъ мнѣ: «я это знаю, она переписана съ моего позволенія; только на васъ претендовалъ, зачѣмъ вы дали настоящую книгу и не донесли правленію.» Я просилъ, чтобы онъ умолчалъ и не объявлялъ никому; на это онъ мнѣ отвѣчалъ: «ежели можно будетъ, умолчимъ.» Теперь 7-го числа прислалъ мнѣ записку, чтобы вы непремѣнно донесли правленію насчетъ перемѣны метрической книги 1818 г. Поѣзжайте къ Ивану Яковлевичу для совѣта и наставленія, и просите его, нельзя ли умолчать хотя до смерти старика; если же не можно, то спросите, что́ дѣлать въ такомъ случаѣ, чтобы не огорчить тѣхъ персонъ, и чтобы не возвести на себя гнѣва». По объясненію священника Ивана Лапчинскаго, Иванъ Яковлевичъ Борщевскій былъ столоначальникъ духовнаго правленія, а подъ именемъ старика разумѣлся Ширай.

3) Бывшій дьякономъ села Соловы, *священникъ села Шкрябита, Ѳедоръ Лапчинскій*, гражданскимъ и духовнымъ слѣдователямъ

показалъ, что повѣренный Ширая, Заверуха, угрозами лишить мѣста, принудилъ ихъ отдать метрическую книгу за 1818 г., а взамѣнъ отдалъ копію, въ которой не было записано рожденія отъ Ширая и жены его сына Александра.

4) *Благочинный Дема* подтвердилъ показанія священниковъ Ивана и Ѳедора Лапчинскихъ, до него относящіяся, причемъ объяснилъ, что, подъ словомъ «не огорчить персонъ» разумѣлъ Ширая и дочерей его, Марью и Анастасью.

5) *Членъ духовнаго правленія, протоіерей Павелъ Рклицкій*, рукоприкладствовавшій книги села Соловы за 1818 г., отозвался, что, подписывая книги, вѣроятно въ 1821 г., онъ перемѣны листовъ въ двухъ экземплярахъ метрикъ не примѣтилъ и самъ въ томъ не участвовалъ; листы эти, какъ полагаетъ, должны быть перемѣнены до скрѣпы означенной книги.

6) *Вдова титулярнаго совѣтника Евфросинья Масловская* 25–го февраля безъ присяги, а 2–го марта 1843 г. подъ присягою, показала, что во время болѣзни мужа, бывшаго секретаремъ старо–дубскаго духовнаго правленія, Луки Масловскаго, она вмѣсто его приняла слѣдовавшую въ духовное правленіе метрическую книгу церкви села Соловы за 1818 г. отъ дьячка Ивана Лапчинскаго; помнитъ, что въ книгѣ той было записано рожденіе, отъ Степана Ширая и жены его, сына Александра; въ февралѣ или мартѣ 1819 г. помянутая книга похищена изъ духовнаго правленія членомъ онаго, священникомъ Иваномъ Пашинскимъ, уже умершимъ; когда, затѣмъ, книга возвращена, не помнитъ, а долженъ знать управляющій имѣніемъ Ширая Андрей Ракицкій. Кромѣ этого, Масловская, при духовномъ слѣдствіи, показала, что она собственными глазами видѣла, какъ Пашинскій, бывшій учителемъ сына Ширая Михайлы, въ часы послѣ присутствія уносилъ метрическія книги, о чемъ тогда же объявила мужу.

7) *Титулярный совѣтникъ Ракицкій* (1) подъ присягою объяснилъ, что въ метрическихъ книгахъ Александръ былъ записанъ приходскимъ священникомъ безъ спроса Ширая, а когда священникъ Пашинскій объявилъ ему о томъ, тогда Ширай былъ разсерженъ и велѣлъ Пашинскому выключить Александра; какъ исполнено это приказаніе — не знаетъ.

8) *Унтеръ–офицеръ Иванъ Лапчинскій* (сынъ священника Ни-

(1) Бывшій управляющимъ имѣніями генерала Ширая.

колая Лапчинскаго) подъ присягою объяснилъ: 1) что метрическія книги села Соловы писалъ онъ въ 1818 г. при жизни отца и по его приказанію; сынъ Ширая, Александръ, былъ записанъ въ тѣхъ книгахъ въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., но на мѣсто того Александра, около года спустя послѣ его рожденія, Лапчинскій, по приказанію отца, вписалъ въ тѣ книги сына дворянина Лапчинскаго Павла; книги были присланы претоіереемъ Леонтіемъ Рклицкимъ для перемѣны листа, на которомъ Александръ былъ записанъ; скрѣпу на вновь вшитыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, онъ сдѣлалъ также по приказанію отца.

10) Дворянинъ Василій Лапчинскій подъ присягою показалъ, что у него былъ сынъ Павелъ; когда родился, не помнитъ, а полагаетъ тому 27 лѣтъ; умеръ означенный сынъ чрезъ три года послѣ рожденія.

Слѣдственная коммисія, по соображеніи показанія Василія Лапчинскаго съ метрическою книгою 1818 г., по журналу заключила, что сынъ Лапчинскаго Павелъ, который въ метрикѣ 1818 г. показанъ умершимъ 2-хъ лѣтъ, не могъ родиться въ томъ же году, а изъ сего открывается, что, на мѣсто сына Ширая Александра въ метрическихъ книгахъ духовнаго правленія и консисторіи, былъ впослѣдствіи вписанъ Павелъ Лапчинскій.

О рожденіи Александра Заботина показали:

Священникъ Иванъ Лапчинскій,—что онъ находился въ званіи дьячка при крещеніи соловскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ родившагося, въ ноябрѣ 1818 г., у Ширая и жены его сына Александра; воспріемникомъ былъ означенный священникъ Николай, постороннихъ свидѣтелей и Ширая не было. Въ заключеніе Лапчинскій сказалъ: «кажется, Александръ жилъ въ младенчествѣ при матери и она сама его кормила; потомъ увезенъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а оттуда въ Москву, но кѣмъ—не знаетъ».

Присяжныя показанія.

Титулярный совѣтникъ Заверуха, — бывшій повѣреннымъ Ширая съ 1834 г. по смерть Ширая, т. е. по 1-е августа 1841 показалъ: съ 1834 г. Ширай жены не навѣщалъ, но поручалъ ему имѣть

попеченіе, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась; Ширай зналъ о нахожденіи Заботина въ Москвѣ, но никогда не называлъ его сыномъ своимъ и отрицанія о немъ въ записяхъ и завѣщаніи сдѣлать не хотѣлъ, слышалъ же о немъ Ширай болѣе всего отъ дочери своей Анастасьи (Чернолузской), которая никогда не называла его братомъ, а *несчастнымъ*.

Козакъ села Соловы Михайло Сапоновъ показалъ, что онъ знаетъ, что у Ширая и жены его Ульяны родился въ Соловѣ сынъ Александръ и жилъ при матери 4 года, потомъ отправленъ былъ, какъ онъ слышалъ, въ деревню Болдовку. Согласно съ Сапоновымъ, показали порознь 14 человѣкъ другихъ козаковъ.

Коллежскій секретарь Семенъ Гаевскій, — управлявшій имѣніемъ Ширая съ 1817 и съ мая 1818 г. до 1831 г., что онъ жилъ въ Соловѣ, гдѣ жила и жена Ширая; Ширай жилъ въ Стародубѣ и Пантусовѣ; но всякій разъ, проѣзжая въ Черниговъ по должности губернскаго предводителя дворянства, заѣзжалъ въ Солову и проживалъ тамъ по нѣсколько дней, но не жилъ въ одномъ домѣ съ женою; былъ ли Ширай въ концѣ 1817 г. въ Соловѣ, не знаетъ, но бывалъ тамъ въ началѣ 1818 г. Причина несогласія супруговъ ему неизвѣстна, и чтобы Ширай навѣщалъ жену свою послѣ того, какъ они не жили уже вмѣстѣ, того онъ не замѣтилъ; но въ маѣ 1818 г., она была беременна и 6-го ноября того года родила сына, котораго назвали Александромъ; въ тотъ день Ширай былъ въ Соловѣ проѣздомъ изъ Чернигова, но при крещеніи не былъ и Гаевскій полагаетъ, что Ширай о рожденіи и крещеніи сына не зналъ. Александръ былъ при матери до 4-хъ лѣтъ; потомъ сыномъ Ширая, умершимъ Михайлою, помѣщенъ, не знаетъ почему, въ крестьянскую избу въ деревнѣ Болдовкѣ, а оттуда порученъ онъ новгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу.

Титулярный совѣтникъ Ракицкій, — что онъ поступилъ къ Шираю въ 1811 г., жилъ съ нимъ въ Соловѣ по декабрь 1811 г., откуда переѣхалъ съ Шираемъ въ Стародубъ и постоянно при немъ находился до 1830 г. По образу жизни Ширая, можно было заключить, что онъ жилъ въ несогласіи съ женою, ибо Ширай, во всю бытность Ракицкаго у него, жилъ въ Соловѣ въ большомъ домѣ, а жена во флигелѣ; навѣщалъ ли Ширай жену, по переѣздѣ въ Стародубъ, не знаетъ. По слухамъ, у жены Ширая былъ сынъ Александръ; во время рожденія Ширай былъ въ Соловѣ, но о рожденіи и креще-

ніи узналъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Почему Ширай не признавалъ Александра сыномъ, не знаетъ.

Въ присяжныхъ отвѣтахъ, 21 человѣкъ дворянъ черниговской губерніи стародубскаго уѣзда показали:

1, *Титулярный совѣтникъ Кункевичъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1810 по 1841 г.: извѣстно ему, что у жены Ширая былъ сынъ Александръ, находившійся въ младенчествѣ при ней; но отъ Ширая ли онъ рожденъ и зналъ ли онъ о его существованіи, не знаетъ.

2, *Титулярный совѣтникъ Страшненко*, знакомый съ Шираемъ съ 1816 по 1841 г.: былъ ли у Ширая отъ жены сынъ Александръ и зналъ ли о томъ отецъ, не знаетъ; но если Ширай не признавалъ Александра сыномъ, то вѣроятно тому была причина, а только 20 лѣтъ носится слухъ въ народѣ, что есть таковой сынъ, увезенный отъ матери въ малолѣтствѣ.

3, *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*, знакомый съ Шираемъ съ 1824 по 1841 г.: по слухамъ, носившимся въ народѣ, былъ у жены Ширая сынъ; о существованіи его, вѣроятно, зналъ Ширай; а сынъ сего послѣдняго Михайла, разсказывая ему о намѣреніи исходатайствовать у отца распредѣлительный актъ, говорилъ: «между нами есть одна семейная тайна, есть лицо, которое называютъ сыномъ нашей матери».

4, *Титулярный совѣтникъ Середа*, знакомый съ Шираемъ съ 1808 по 1841 г.: жена Ширая родила сына Александра, но не отъ Ширая, какъ носился въ народѣ слухъ; ребенокъ этотъ находился нѣсколько лѣтъ при матери въ Соловѣ, потомъ у священника новгородъ-сѣверскаго и оттуда увезенъ въ Москву.

5, *Коллежскій регистраторъ Янжулъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1798 по 1841 г.: при женѣ Ширая видѣлъ сына Александра, который жилъ при ней до пяти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ, не знаетъ; по порученію матери, передавалъ новгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу для сына ея бѣлье и разныя вещи.

Другіе дворяне отозвались незнаніемъ.

Показанія по священническому увѣщанію.

25 крестьянъ и крестьянокъ, бывшихъ въ услуженіи при женѣ Ширая, принадлежавшихъ къ соловской дворнѣ, и двое камерди-

неровъ Ширая показали, что они совершенно знаютъ о рожденіи Александра у Ширая и жены его въ 1817 или 1818 г.; Александръ жилъ при матери до 4–хъ лѣтъ (двое до 5–ти, одинъ до 6–ти); не знаютъ, по чьему приказанію онъ отвезенъ былъ въ Болдовку, а оттуда въ Новгородъ–Сѣверскъ. *Попсуй* (бывшій при женѣ Ширая дворецкимъ) сверхъ того показалъ, что по приказанію, данному ему лично Шираемъ, онъ отправилъ Александра съ кучеромъ Ющенкомъ (умершимъ) въ деревню Болдовку вмѣстѣ съ нянькою Лобановою, гдѣ Александръ былъ помѣщенъ въ домѣ войта Винокурова, жилъ тамъ 6 недѣль, потомъ сынъ Ширая, пригласивъ Мануйловича, отправилъ его съ нимъ въ Новгородъ–Сѣверскъ. Трое показали, что во время рожденія Александра старикъ Ширай ночевалъ въ селѣ Соловѣ въ большомъ флигелѣ и утромъ уѣхалъ въ Черниговъ. Ширай постоянно жилъ въ Стародубѣ, но пріѣзжалъ въ Солову довольно часто и всегда останавливался въ большомъ домѣ, а во флигелѣ жила жена его, съ которою онъ видѣлся; за что Ширай жилъ въ несогласіи съ женою, не знаютъ, (Попсуй, что несогласіе произошло 15 лѣтъ назадъ, а Гредченковъ, что Шираи разошлись по пріѣздѣ старика изъ С. – Петербурга; по полученіи собственнаго ея имѣнія, Ширай запретилъ ей выѣзжать изъ Соловы далѣе деревень Болдовки и Еленки). Попсуй показалъ кромѣ того, что въ продолженіи уединенной жизни жены Ширая, ее навѣщали большею частію родственники, а также и сосѣди; дочери въ малолѣтствѣ жили при ней, а въ 1814 или 1815 г. отвезли ихъ въ Москву; по возвращеніи жили съ матерью, а потомъ при отцѣ въ селѣ Пантусовѣ.

Кромѣ вышепомянутыхъ присяжныхъ отзывовъ дворянъ, губернскій предводитель предлагалъ вопросы о рожденіи Александра Заботина 32 дворянамъ. Въ письменныхъ отзывахъ большая часть отозвалась незнаніемъ, другіе свѣдѣнія свои основывали на слухахъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ показанія генералъ–маіора графа Гудовича и поручика Губчица, дальнихъ родственниковъ Ширая.

Гр. Гудовичъ отозвался, что Ширай, узнавъ письменно изъ Москвы отъ Барковскаго, что по разсказамъ сынъ его находится въ Москвѣ подъ попеченіемъ учителя Кубарева, сказалъ ему, Гудовичу, передъ отъѣздомъ въ Москву: «узнай пожалуйста, что тамъ за хлопецъ явился и разскажи, когда возвратишься». Дочь Ширая Настасья (Чернолузская) дала Гудовичу адресъ ребенка. Въ Москвѣ Гудовичъ видѣлъ Александра Заботина и, возвратившись, хвалилъ его

Шираю и совѣтовалъ перевести его изъ ремесленнаго отдѣленія въ словесное, но Ширай слышать не хотѣлъ, говоря: «пусть будетъ, какъ есть». Впослѣдствіи Гудовичъ убѣждалъ Ширая сдѣлать какое либо назначеніе Александру, который по крайней мѣрѣ рожденъ отъ его жены, имъ нѣкогда любимой, но и на это Ширай не согласился.

Поручикъ Губчицъ, въ письменномъ отзывѣ показалъ, что Долинская говорила съ нимъ о распоряженіяхъ отца, признавала ихъ неудовлетворительными; причемъ сказала ему: «да вы знаете ли, что у насъ есть братъ Александръ въ Москвѣ?» Въ 1838 или 1839 г., пріѣхавъ въ Пантусово, онъ сообщилъ Шираю носившійся слухъ, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство; съ симъ словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ, и, обратясь къ Заверухѣ, сказалъ: «что́ это?» Заверуха отвѣчалъ: «неправда, ваше превосходительство, по всѣмъ мѣстамъ уничтожено».

Однокровные братья Ульяны Ширай, Василій и Иванъ *Бороздны*, сестры ея и родственники ихъ *Миклашевскіе*, въ письменныхъ отзывахъ, утвердительно доказывали, что Александръ Заботинъ законный сынъ ихъ сестры и Ширая, преслѣдуемый безвинно отцомъ со дня рожденія своего.

Показанія о жизни и характерѣ жены Ширая.

Титулярные совѣтники Кункевичъ и *Грасевичъ*: Извѣстно имъ, что Ульянѣ Ширай не велѣно было выѣзжать изъ села Соловы. *Священникъ Иванъ Лапчинскій, титулярный совѣтникъ Страшненко, коллежскій ассесоръ Животкевичъ и коллежскій регистраторъ Янжулъ:* что Ширай, проѣзжая изъ Стародуба въ Черниговъ и обратно, останавливался въ Соловѣ въ своемъ домѣ. *Титулярный совѣтникъ Коцкевичъ*: — совершенно извѣстно ему, что жена Ширая была удалена отъ общества и терпѣла крайніе недостатки. *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*,—что когда случалось ему быть въ Соловѣ, то всегда видѣлъ жену Ширая прилично одѣтою въ кругу дѣтей и постороннихъ. *Губернскій секретарь Лайкевичъ*,—что жизнь жены Ширая походила на заточеніе, и что въ 1817 г. мать его, проѣзжая съ нимъ чрезъ Солово, была у жены Ширая, которая въ то время не пользовалась пристойнымъ содержаніемъ и находилась въ крайней бѣдности. *Титулярный совѣтникъ Середа*,—что за женою Ширая присматривали крѣпостные лю-

ди, дабы она никуда не отлучалась. *Священникъ Лапчинскій*, — что Ширай съ женою не обращался жестоко и все содержаніе отпускалось ей изъ экономіи, какъ слѣдуетъ; *Янжулъ*,—что когда управлялъ имѣніемъ Солово дворянинъ Рухлядка, то обращался, по невѣжеству, съ женою Ширая грубо, а сей послѣдній всегда у него спрашивалъ, не заѣзжалъ ли въ Солово и здорова ли жена; *Животкевичъ*,—что жена Ширая находилась подъ присмотромъ крѣпостныхъ людей и однажды ему жаловалась на недостаточное содержаніе, относя это не къ мужу, а къ управляющему.

О характерѣ Степана Ширая спрошенные подъ присягою дворяне отозвались, что онъ былъ человѣколюбивъ, твердъ, рѣшителенъ, благороденъ, добръ, веселъ, любилъ общество, гостепріименъ, строгъ, скрытенъ, неуступчивъ, своенравенъ, гордъ, честолюбивъ, помнилъ нанесенное ему огорченіе. Другіе показали, что о характерѣ его ничего не знаютъ. Одинъ генералъ – маіоръ Гудовичъ, родственникъ Ширая, безъ присяги показалъ, что Ширай былъ честолюбивъ и гордъ, а къ крестьянамъ своимъ и служителямъ весьма снисходителенъ; съ дѣтьми суровъ.

Объ Ульянѣ Ширай отозвались, что она была умная, кроткая и добродѣтельная; характеръ имѣла тихій, скромный, благородный; одинъ (Животкевичъ), — что Ульяна Ширай была характера скромнаго, но сложенія горячаго. *Животкевичъ* подъ присягою показалъ, что Ульяна Ширай имѣла болѣзненный припадокъ въ родѣ сумасшествія и тогда дарила кому что попало и въ забывчивости выходила изъ границъ благопристойности къ мужескому полу. Во время освѣщенія соловскаго дома, когда Ширай жилъ съ женою, по просьбѣ перваго, преосвященный черниговскій назидалъ Ульяну Ширай въ особой комнатѣ о вѣрности супружеской.

Графъ Николай Гудовичъ безъ присяги: онъ рѣдко имѣлъ случай видѣть жену Ширая, но ему всегда казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ она была въ обращеніи скромна, кротка и привѣтлива.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій, безъ присяги: онъ слышалъ отъ родныхъ своихъ, посѣщавшихъ Ульяну Ширай, что она, будучи въ болѣзненномъ состояніи, предпочитала бесѣду и занятія званію ея несвойственныя, любила жить въ людскомъ флигелѣ, а не въ домѣ, и объ одеждѣ не была довольно заботлива. Впослѣдствіи говорилъ ему Ширай, что, по его приказа-

нію, дочь Анастасія (Чернолузская) посѣщала мать, а сама Чернолузская — что мать устроена въ Соловѣ прилично.

Стародубскій уѣздный врачъ штабъ-лекарь Кузьминскій, безъ присяги, отозвался, что онъ пользовалъ жену Ширая съ 1833 г., которая вскорѣ послѣ смерти сына Ширая, Михайлы, была больна желтухою; по излеченіи отъ этой болѣзни черезъ полгода, или немного болѣе, заболѣла водяною, которою страдала до самой смерти. Кромѣ этой болѣзни два раза подвержена была параличному удару: въ первый разъ отнялась у нея половина всего тѣла, но при пользованіи получила облегченіе; отъ другаго удара, кажется, чрезъ полгода послѣ перваго, она умерла въ 1839 г. Сверхъ того, иногда, а чаще періодически, во время малоколичественнаго очищенія, имѣла общее умопомѣшательство, продолжавшееся иногда по недѣлѣ и обнаруживавшееся безсонницею, говорливостью или молчаливостью, и угрюмостью.

Розысканія о воспитаніи Александра Заботина.

Священно-намѣстникъ Новгородъ-Сѣверска Логинъ Мануйловичъ, 2-го марта 1843 г., показалъ, что въ 1822 г., по письменному приглашенію Михайлы Ширая, пріѣзжалъ онъ въ Солово, гдѣ, наединѣ, сей послѣдній объяснилъ ему о притѣсненіи отцомъ его матери и объ удаленіи, по приказанію отца, управляющимъ Гаевскимъ, маленькаго его брата Александра въ деревню Болдовку, для воспитанія съ крестьянами. Въ Болдовкѣ Мануйловичъ взялъ Александра, который воспитывался у него около 3-хъ лѣтъ, но потомъ Михаилъ Ширай, объяснивъ ему въ д. Пантусовѣ, что отецъ его узналъ о мѣстѣ пребыванія Саши, сообщилъ ему намѣреніе свое взять Александра въ Москву,—для опредѣленія въ учебное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ впослѣдствіи поступилъ въ университетъ. Согласно волѣ Михайла Ширая, Мануйловичъ, въ іюлѣ 1825 г., отдалъ Александра присланному человѣку Ивану Терещенку, въ присутствіи штабсъ-капитана Емельяновича. Александръ, прозванный, не знаетъ почему, Заботинымъ, есть тотъ самый, который у него воспитывался; онъ имѣлъ маленькій шрамчикъ близъ глаза, и его признаютъ всѣ тѣ, которые видѣли въ его, Мануйловича, домѣ. Мануйловичъ представилъ слѣдователямъ 13 писемъ къ нему Михайлы Ширая и 2 письма Ульяны Ширай.

Въ письмахъ своихъ Михайла Ширай спрашиваетъ о здоровьѣ и

воспитаніи Александра, называя его *извѣстнымъ предметомъ, нашимъ безпокровнымъ Сашею*, и семьяниномъ Мануйловича.

Въ первомъ письмѣ отъ 18-го января 1824 г., Ульяна Ширай посылаетъ Мануйловичу шнурочикъ для часовъ своей работы, присовокупляя: носите его всегда; я еще лучшій постараюсь сдѣлать. Посылаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своему Сашинькѣ платье и бѣлье, проситъ писать о его потребностяхъ, ибо она можетъ все доставить. Далѣе она пишетъ: я думаю, у моего маленькаго Сашиньки нѣтъ шубки, смѣряйте его ростъ и въ письмѣ, хоть чрезъ почту, пришлите бумажную мѣрочку; не опасайтесь теперь ничего; мой старшій сынъ показывалъ мнѣ почтенное письмо ваше и открылъ мнѣ, что вы сдѣлали мнѣ благодѣяніе, взявши воспитывать и учить моего маленькаго Сашиньку. Я всегда буду чувствовать и благодарить васъ за это воспитаніе и ученіе и должна помнить васъ по гробъ и дорогаго моего сына Мишеньку. Моему сердцу очень больно было разстаться съ маленькимъ Сашинькою; но надобно было рѣшиться учить его; надѣюсь, что вы заступите мое мѣсто,—вѣрно сожалѣете его въ чужой сторонѣ. Я слышала, что малютка мой былъ опасно болѣнъ.

Во второмъ письмѣ отъ 14 іюня 1826 г., Ульяна Ширай проситъ Мануйловича возвратить посылку, «которую я посылала моему Сашинькѣ». Далѣе благодаритъ за воспитаніе и попеченіе о Сашѣ и въ заключеніе присовокупляетъ: «слава Богу, онъ здоровъ, учится хорошо, только очень далеко за Москвою».

Вслѣдствіе объясненія Мануйловича, подъ присягою показали:

Жена Мануйловича,—что представленный ей Заботинъ есть тотъ самый, который жилъ въ домѣ мужа ея около трехъ лѣтъ; узнаетъ она Александра по шрамику у лѣваго глаза, родимому круглому пятну на правой щекѣ, по всѣмъ чертамъ лица и, наконецъ, по воспоминаніямъ о разныхъ мелкихъ случаяхъ, бывшихъ въ ихъ домѣ во время его пребыванія.

Священникъ Ѳедоръ Мануйловичъ и *отставной штабсъ-капитанъ Емельяновичъ* и дьячекъ *Терасевичъ* подъ присягою показали, что они видѣли Александра у Мануйловичей; Емельяновичъ, кромѣ того, показалъ, что онъ провожалъ, съ Мануйловичами, Александра, при отправленіи его въ Москву.

Между тѣмъ, Александръ Заботинъ подалъ слѣдователямъ записку, изъ которой видно, что въ 1825 году, семи лѣтъ, онъ отданъ былъ священническою вдовою Кубаревою въ московскій воспитательный

домъ; на третьемъ году изъ классовъ переведенъ въ ремесленное отдѣленіе, изъ коего вышущенъ въ 1839 г. для пріисканія себѣ мѣста, а въ 1840 г. поступилъ, по контракту, къ помѣщику Орловской губерніи, штабсъ-ротмистру барону Таубе, съ жалованьемъ по 120 руб. асс. въ годъ. При запискѣ Заботинъ представилъ письма бывшаго профессора московскаго университета Кубарева на имя Ивана и Николая Бороздныхъ, однокровныхъ братьевъ Ульяны Ширай. Въ письмахъ этихъ Кубаревъ принимаетъ участіе въ судьбѣ Заботина относительно отысканія правъ на настоящее происхожденіе и изъявляетъ готовность свою и своей матери принять участіе въ дѣлѣ справедливомъ, по-христіанской совѣсти.

Адъюнктъ московскаго университета Кубаревъ, спрошенный подъ присягою, показалъ, что Александръ Заботинъ былъ принятъ матерью его, Кубарева, отъ его товарища и друга Михайлы Ширая и доставленъ имъ крѣпостнымъ его человѣкомъ, Иваномъ. Помѣщенъ Заботинъ матерью его, Кубарева, въ воспитательный домъ по письму Михайлы Ширая, который дѣлалъ ему денежное пособіе. Отъ Михайлы Ширая онъ ничего не слыхалъ о происхожденіи Заботина, но былъ свидѣтелемъ самаго заботливаго о немъ попеченія, какъ о человѣкѣ ему близкомъ. По общей молвѣ, ему извѣстно, что Заботинъ—сынъ отца Михайлы Ширая. При этомъ Кубаревъ представилъ 9 писемъ: пять Ивана Бороздны, два брата его Николая и два Александра Заботина.

Въ письмахъ къ Кубареву Ива́нъ Бороздна пишетъ отъ 22 іюля 1842 г., что всѣ родные покойницы не согласны на прежнее удовлетвореніе: нужно возстановить права извѣстнаго лица. Убѣждаетъ Кубарева, чтобы на случай пріѣзда къ барону (Таубе) одного ихъ родственника, Саша послѣдовалъ его совѣту и былъ твердъ, какъ адамантъ: уступчивость испортитъ дѣло, ея не должно быть ни съ вашей, ни съ Сашиной стороны. Въ письмѣ отъ 30 августа изъявляетъ сомнѣніе въ успѣхѣ предпринимаемаго имъ дѣла, говоря: Долинскій и Черполузскій имѣютъ связи и деньги, и разумѣется, не пощадятъ капиталовъ, чтобъ отстоять себя. Изъ 4 письма видно, что Бороздны посылали къ Таубе родственника своего Сребдольскаго со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и съ бумагою на имя графа Бенкендорфа. Бумагъ этихъ Заботинъ не согласился подписать и обѣщалъ съ Таубе пріѣхать къ Бороздамъ. Въ заключеніи письма, Иванъ Бороздна говорилъ, что съ Долинскою нельзя кончить дѣло миромъ.

Николай Бороздна, въ первомъ письмѣ къ Кубареву, отъ 15 января 1843 г., проситъ его и мать содѣйствовать въ кровномъ для нихъ дѣлѣ о возстановленіи правъ племянника ихъ Александра, и, извѣщая о посылкѣ Долинскою и Чернолузскою своего агента, Кароля, изъявляетъ надежду, что Кубаревъ изгонитъ его отъ себя. Во второмъ письмѣ Николай Бороздна извѣщаетъ о посылкѣ Сребдольскаго для обсужденія плана по дѣлу Заботина.

Александръ Заботинъ, отъ 12 августа 1842 г., пишетъ къ Кубареву, что онъ съ Таубе отправился-было въ Малороссію, не смотря на то, что онъ просилъ Таубе туда не ѣздить, благодаритъ Кубарева за письмо, которое остановило поѣздку; «я не знаю, пишетъ онъ, что́ было бы изъ нашей поѣздки: баронъ хотѣлъ тамъ дѣлать справки въ метрикахъ и Богъ знаетъ что́, между тѣмъ какъ все это вздоръ, а можетъ быть....» Во второмъ письмѣ Заботинъ проситъ Кубарева быть откровеннымъ съ барономъ Таубе и разсказать все, что́ знаетъ о его происхожденіи.

Вдова священника, Анна Кубарева, подъ присягою, показала, что Михаилъ Ширай, въ письмѣ отъ 17 іюля 1825 г., просилъ ее, Александра Алексѣева, сына умершей канцелярской вдовы Марьи Заботиной, помѣстить въ воспитательный домъ, для чего прислалъ просьбу и свидѣтельство, имъ самимъ приготовленное. О происхожденіи Заботина Михаилъ Ширай ей ничего не говорилъ и она никакихъ доказательствъ не имѣетъ. Въ подтвержденіе своего показанія, Кубарева представила подлинное письмо Михаила Ширая отъ 17 іюля 1825 года.

На предложенные слѣдователями вопросы генералъ-маіоршѣ Долинской и сестрѣ ея коллежской совѣтницѣ Чернолузской, онѣ отвѣчали:

1, *Марья Долинская*: 1, покойный братъ Михаилъ въ день свадьбы ея сказалъ ей: «въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть мальчикъ, котораго ты, въ случаѣ моей смерти, не должна оставить безъ пособія, когда будешь владѣть родительскимъ имѣніемъ». Но ни братъ, ни родители не говорили ей, что у нея есть или былъ еще братъ Александръ. 2, Сестра ея Анастасья Чернолузская говорила ей, не помнитъ когда, что послѣ брата найдено письмо, въ которомъ онъ проситъ каждую изъ нихъ внесть въ московскій воспитательный домъ на имя воспитанника Заботина по 30,000 рублей асс. 3, По смерти отца просила она дядю, Ивана Бороздну, ѣхавшаго въ

Москву, узнать о помянутомъ воспитанникѣ и на первый разъ сестра ея дала 500 руб. асс. Но дядя отвѣчалъ изъ Москвы въ первомъ письмѣ, что извѣстной «особы» нѣтъ въ Москвѣ и что о немъ пустая болтовня, а во второмъ, что денегъ ему давать не для чего, чтобъ онѣ ничему не вѣрили; онъ за нихъ горою. Полгода мѣсяцевъ черезъ пять, 27 марта 1842 г., получили онѣ отъ дяди страховыя письма, совершенно другаго содержанія. Послѣднее письмо Бороздны Долинская представила въ подлинникѣ.

Коллежская совѣтница Анастасья Чернолузская: 1, подтвердила показаніе сестры объ оставшемся письмѣ послѣ брата ихъ Михаила Ширая, о внесеніи для Заботина въ сохранную казну каждою изъ нихъ по 30,000 руб. асс. 2, Отецъ ея зналъ о существованіи въ Москвѣ Заботина не отъ нея, а потому, что братъ Михаилъ имѣлъ о немъ попеченіе, самъ же отецъ ея не только не принималъ никакого въ Заботинѣ участія, но былъ недоволенъ на сына за излишнюю заботливость. 3, Отца она никогда не убѣждала подать прошеніе объ устраненіи Заботина отъ наслѣдства, потому что сей послѣдній, какъ непринадлежавшій къ ихъ роду, и безъ-того къ имѣнію отца не могъ быть наслѣдникомъ. 4, Утверждаетъ, что у отца ея не было, кромѣ умершихъ Михаила и Петра, никакого третьяго сына, что подтверждается родословнымъ актомъ отца на родовое имѣніе, при жизни матери ихъ составленнымъ. Признавая Заботина самозванцемъ, въ чемъ можетъ удостовѣрить письмо изъ Шацка, въ которомъ другое лицо называетъ себя ихъ братомъ, Чернолузская просила слѣдователей: а) о другомъ самозванцѣ произвести розысканіе, Ивана и Николая Борозденъ и также Заверуху, прикосновенныхъ къ дѣлу о самозванствѣ Заботина, ни къ какому свидѣтельству не допускать, а Лейкевича, вмѣшавшагося произвольно въ это дѣло, отъ дѣла устранить; б) отъ Заботина истребовать доказательства и предъявить ей, а до того времени никого не допрашивать; въ допущеніи же къ присягѣ и свидѣтельству допрашиваемыхъ поступить по законамъ.

Изъ писемъ, представленныхъ Чернолузскою и сестрою ея Долинскою, видно:

1) Михаила Ширая, отъ 21 февраля 1828 г. изъ села Пантусова. Въ письмѣ этомъ Михаилъ Ширай открываетъ сестрамъ важную тайну, что подъ № 3561 въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть воспитанникъ Александръ Заботинъ. «Давъ слово его матери быть вторымъ его отцемъ», Михаилъ Ширай завѣщеваетъ своимъ

сестрамъ, въ случаѣ своей смерти, приложить попеченіе объ устройствѣ судьбы Заботина и внести въ Сохранную Казну каждою по 30,000 руб. асс. Дѣлая дальнѣйшія распоряженія относительно условій, на которыхъ вкладъ долженъ быть учиненъ и порядка выдачи Заботину, женѣ и дѣтямъ его денегъ, Ширай въ заключеніе присовокупляетъ: «все вышензложенное должно быть приведено въ исполненіе въ такомъ только случаѣ, если воспитанникъ Александръ будетъ чувствовать ихъ благодѣяніе; когда же, напротивъ, онъ окажется имъ неблагодарнымъ, предпринявъ что нибудь противъ нихъ,— въ такомъ случаѣ, оставшійся въ Совѣтѣ капиталъ поступаетъ къ нимъ обратно, за исключеніемъ денегъ, ему выданныхъ, коихъ не требовать».

Письма Ивана Бороздны содержатъ въ себѣ слѣдующее: Въ первомъ письмѣ, Бороздна, отъ 17 ноября 1841 г. изъ Москвы, извѣщаетъ Чернолузскую, что, несмотря на доходящіе до него слухи о глупыхъ въ нѣкоторыхъ обществахъ толкахъ, насчетъ извѣстной особы, которой еще нѣтъ въ Москвѣ, все это, по общему разсужденію съ Алексѣемъ Михайловичемъ (Кубаревымъ) и его матерью, кажется, кончится болтовнею и пустяками; во второмъ, отъ 27 марта 1842 г., которое въ двухъ экземплярахъ было послано къ Долинской и Чернолуской, Иванъ Бороздна извѣщаетъ, что молодой человѣкъ (Заботинъ), вызванный въ Москву непосредственнымъ своимъ начальствомъ, былъ препровожденъ къ нему и высказалъ всѣ совершенно извѣстныя ему, Заботину, обстоятельства странной судьбы своей и участіе, принимаемое въ немъ начальствомъ воспитательнаго дома; къ счастью, добрые Кубаревы, при самомъ пріѣздѣ его, Заботина, въ Москву, употребили стараніе, чтобы утушить на первыхъ порахъ дѣло. Онъ, Бороздна, сказалъ ему, Заботину, все, что внушало ему усердіе и любовь къ Долинской и Чернолузской и незабвеннымъ покойникамъ, совѣтовалъ ему положиться вполнѣ на Кубаревыхъ и на великодушіе Долинской и Чернолузской и далъ слово написать къ нимъ; что, вслѣдствіе сношенія Кубарева съ начальствомъ ремесленнаго училища при воспитательномъ домѣ, оставлена предположенная переписка этого начальства съ высшимъ, устранена отправка молодаго человѣка въ С.-Петербургъ, и онъ снова препровожденъ къ барону Таубе въ Орловскую губернію, впредь до полученія отвѣта на письмо. Если же онѣ не дадутъ никакого отвѣта, или дадутъ нерѣшительный, тогда уже ни Кубаревы, ни онъ, Бороздна, не будутъ

въ силахъ остановить ходъ дѣла, которое сопряжено съ такими для нихъ непріятностями. Бороздна проситъ не медлить и прислать мужа своего, генерала Долинскаго, поскорѣе въ Москву, присовокупляя, что когда старикъ (Ширай) не былъ погребенъ, Егоръ Яковлевичъ (Долинскій) въ Соловѣ сказывалъ ему и ручался за готовность ихъ, Долинской и Чернолузской, дать молодому человѣку по 100 т. каждая, лишь бы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ. «Напишите,» продолжаетъ Бороздна, «какою именно суммою хотите обезпечить его: тогда онъ изберетъ родъ жизни и состояніе, и вы останетесь спокойными.» Далѣе Бороздна пишетъ, что тѣнь матери ихъ, Чернолузской и Долинской, вошетъ въ пользу несчастнаго, котораго всѣ средства къ существованію ограничиваются 10 рублями жалованья въ мѣсяцъ; хвалитъ молодаго человѣка, описываетъ его умъ, способности, присовокупляя, что братъ ихъ Михаилъ за два дня до смерти сказалъ ему о Заботинѣ: «я умираю съ увѣренностію, что сестры мои не покинутъ его».

Въ третьемъ письмѣ Иванъ и Николай Бороздны изъясняютъ, что всѣ собранныя ими свѣдѣнія убѣждаютъ ихъ, что Александръ Заботинъ есть родной братъ ихъ, Долинской и Чернолузской, а потому убѣждаютъ страданіями ихъ матери, просить государя императора о дарованіи Александру имени, котораго онъ лишенъ несправедливо.

Въ представленномъ Чернолузскою письмѣ, полученномъ сю съ сестрою Долинскою изъ Шацка, отъ 13-го апрѣля 1842 г., за подписью «Александръ Ширай,» между прочимъ, сказано: «я слышалъ, что вамъ Бороздна писалъ, что онъ знаетъ обо мнѣ. Не вѣрьте ему, онъ вѣроятно давно потерялъ меня изъ виду, можетъ вамъ представить какого нибудь самозванца и назвать вашимъ братомъ, то будьте осторожны, не дайте воспользоваться тому, кто не наслѣдникъ. У меня не погасла любовь къ роднымъ, чувствую, что вы мнѣ сестры, то пусть лучше вы владѣете нашимъ общимъ имѣніемъ, нежели отдать тому, о комъ пишетъ Бороздна. Напишите Бороздѣ, чтобы онъ не безпокоился обо мнѣ и не думалъ бы васъ обманывать, а если онъ вздумаетъ представить вмѣсто меня самозванца, то я тихимъ образомъ самъ предъ вами явлюсь и докажу.»

По требованію слѣдователей, тамбовскій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ, что, по тщательному секретному розысканію, въ г. Шацкѣ Александра Ширая не оказалось; а по полицейскимъ книгамъ 16-го апрѣля 1842 г. не значится; Александръ Ширай, объѣзжій Долин-

ской и Чернолузской, въ письмѣ явиться для опроверженія правъ самозванца Ширая, какъ видно изъ дѣла, ни къ нимъ, ни къ слѣдователямъ не являлся.

Въ отзывѣ своемъ отъ 1-го марта 1843 г., Бороздна объяснилъ слѣдователямъ, что дочери Ширая могутъ представить письма его, смыслъ которыхъ покажется противорѣчащимъ объявленію, поданному имъ вмѣстѣ съ братомъ; но упомянутыя письма относятся къ тому времени, когда онъ, не вникнувъ въ существующія узаконенія, ошибочно думалъ, что права Заботина неопровержимо и законно уничтожены Степаномъ Шираемъ, и когда онъ не имѣлъ въ виду ни свѣдѣній, ни фактовъ, опровергающихъ его первоначальное убѣжденіе; послѣ чего, ему, Бороздѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ въ перепискѣ его съ племянницами (Долинскою и Чернолузскою) сильно выражаться въ пользу Александра Заботина, чтобы, склонивъ обѣихъ къ большему довѣрію, успѣшнѣе исходатайствовать отверженному несчастливцу хотя 200 т. руб. капитала.

Розысканія объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Ширямъ и совершенныхъ ими на оныя актахъ.

По требованію слѣдователей, стародубскій уѣздный судъ и дочери Ширая представили разные акты отца ихъ и матери на принадлежавшія имъ имѣнія.

Акты сіи суть слѣдующіе:

1) Запись 15 іюня 1802 г., которою Ульяна Ширай все принадлежащее ей движимое и недвижимое имѣніе записала мужу своему, предоставляя однакожъ себѣ право отмѣнить сію запись.

2) Вѣчистая запись 17 августа 1809, которою Ульяна Ширай записала все принадлежащее ей движимое и недвижимое имѣніе вѣчно и потомственно дѣтямъ своимъ, рожденнымъ отъ Степана Ширая, сыновьямъ Михайлу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасьѣ, съ предоставленіемъ мужу своему права владѣть, распоряжаться и распредѣлить его между дѣтьми по своему усмотрѣнію, безъ всякаго съ ея стороны вмѣшательства.

3) Актъ 1 ноября 1838 г., которымъ Ширай утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наслѣдницамъ (такъ-какъ (сказано въ актѣ) за смертію сына его,

Михаила, мужеское колѣно въ родѣ его вовсе пресѣклось) дочерямъ Марьѣ и Анастасіи свое родовое имѣніе (1581 д.).

4) Второй распредѣлительный актъ 5 ноября 1838 г., которымъ Ст. Ширай, по праву, женою ему предоставленному, утверждаетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе дочерямъ своимъ Марьѣ и Анастасіи, единственнымъ, за смертію сыновей его Петра и Михаила, наслѣдницамъ, родовое наслѣдственное жены своей имѣніе (1825 д.).

5) Третій распредѣлительный актъ 9 ноября 1838 г., которымъ Ст. Ширай завѣщеваетъ все благопріобрѣтенное свое недвижимое имѣніе (1114 душъ) и капиталы единственнымъ своимъ, за смертію сыновей, наслѣдницамъ Марьѣ и Анастасіи.

По окончаніи, въ апрѣлѣ, слѣдователями розысканія о происхожденіи Заботина, черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, представилъ слѣдствіе къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ слѣдствіемъ, къ главноуправляющему III отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу и къ министру внутреннихъ дѣлъ, поступили прошенія Долинской и Чернолузской, въ которыхъ онѣ, доказывая, что настоящее дѣло возникло по зависти и злобѣ ихъ враговъ, которые воспользовались завѣтною тайною ихъ фамиліи, и что ужасная болѣзнь матери ихъ, съ несчастными своими послѣдствіями разрушила союзъ родителей до гроба, представили письма дѣда ихъ и отца, объясняя, что первое письмо отца ихъ матери коллежскаго совѣтника Петра Бороздны къ отцу ихъ Шираю, а другое отца ихъ къ Николаю Ивановичу Немировичу—Донченку. Ссылаясь затѣмъ на Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу княгини Касаткиной—Ростовской, Долинская и Чернолузская жаловались на отступленіе слѣдственною коммисіею отъ узаконенныхъ формъ и, въ-заключеніе, просили дѣло по извѣтамъ Заботина вовсе уничтожить.

Содержаніе представленныхъ Долинскою и Чернолузскою бумагъ слѣдующее: письмо Петра Бороздны изъ села Медвѣдева отъ 16-го августа къ дочери Ульянѣ Ширай (года не означено): (1) «Простить тебя я могу только тогда, когда ты обратишься на путь истинный, угодный Богу, мужу твоему и мнѣ; безъ сего исполненія подвига ничто тебя не можетъ оправдать; преступленіе твое столь богопро-

(1) По словамъ Долинской и Чернолузской письмо это писано въ 1809 г.

тивно, мерзкое и меня убивающее, столь велико, что одно раскаяніе, благородное поведеніе и честные поступки могутъ оное загладить. Прошу тебя, заклинаю и приказываю правомъ отца и данною властью отъ Бога, перемѣни свое поведеніе, оставь дурачество и подумай хорошенько и здраво, что́ ты надѣлала: нарушила присягу свою, предъ Богомъ данную и мужемъ, огорчила его и меня убила, навела безчестіе моей и своей фамиліи и сдѣлала вѣчное безславіе твоимъ дѣтямъ? Гдѣ же наставленія, кои преподавалъ тебѣ я и вторая твоя мать (1) и благодѣтельница съ самаго твоего юношества? Гдѣ то воспитаніе, которое старался я дать тебѣ, сколько моихъ силъ и способовъ доставало? Всѣ таковыя благодѣянія забыла ты, и отдалась во власть демону, дабы симъ зломъ убійственно огорчить меня и вмѣстѣ лишить здоровья.» Совѣтуя ей обратиться къ Богу и съ его помощью сдѣлаться доброю женою и дочерью, на этомъ условіи Бороздна обѣщаетъ дочери исходатайствовать у мужа ея прощеніе. Для обезпеченія же участи дѣтей, которыхъ Бороздна своими считаетъ, онъ приказываетъ дочери записать имъ вѣчно имѣніе подъ управленіемъ мужа; для сего посылаетъ ей бумагу, которую она безъ сопротивленія должна сознать. Далѣе Бороздна объясняетъ дочери, что бумагу эту видѣлъ братъ Михаилъ Михайловичъ и сестра Анастасія Ивановна; обѣщаетъ пріѣхать къ дочери по выздоровленіи и кончаетъ письмо слѣдующими словами: «Смотри, я всякій твой шагъ знать буду. Старайся заслужить милость у мужа твоего и у меня».

Второе письмо черновое (2), въ началѣ поставлены буквы: М. Г. Н. И., безъ означенія числа и года и безъ подписи, а потому не видно, когда и къ кому писано и было ли послано. Письмо это начинается разсужденіемъ о суетѣ мірской и потомъ писавшій оное продолжаетъ: «видѣть васъ я имѣю великое желаніе, но пріѣздъ мой можетъ ли имѣть желаемый успѣхъ, о семъ да позволено мнѣ будетъ объясниться. Семейныя дѣла покрыты непроницаемою тайною, злостные почерпаютъ ихъ изъ источниковъ площадныхъ, а разсказы глупцовъ уподобить можно крику индѣекъ. То симъ способомъ заставить ихъ можно умолчать или признаться въ послѣднемъ; но я намѣренъ поговорить съ вами о первомъ. Вамъ много извѣстно, что́

(1) Ульяна Ширай рождена была отъ первой жены Петра Бороздны.

(2) Черполузская и Долинская, въ прошеніяхъ своихъ, показываютъ, что письмо это отецъ ихъ писалъ къ капитану Николаю Ивановичу Донченку-Немировичу въ 1811 г. послѣ окончательнаго выѣзда ихъ отца изъ села Соловы.

со мною происходило; вы обо мнѣ соболѣзновали, помогали и ни въ чемъ не погрѣшили противъ правилъ честности и я во всемъ слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ. Боровшись же долго не съ обстоятельствами, а съ безуміемъ, не оставалось мнѣ болѣе, какъ, поруча себя покрову всесильнаго, удалиться и не быть зрителемъ таковыхъ бѣдствій. И такъ, когда вы не перестаете и нынѣ быть при тѣхъ усердныхъ расположеніяхъ вашихъ семейству моему, то вы имѣете всѣ средства, паче же въ присутствіи и съ согласія родителя, начертать планъ для возстановленія спокойствія, удаленіемъ клеветы, а я, налагаю на себя обязанность исполнить вѣрно все то, что только не касается къ нарушенію моего покоя и чести, а потому и не можетъ войти, до нѣкотораго времени, въ составъ вашего расположенія, видѣться и жить вмѣстѣ; видѣться воспрещаютъ мнѣ права гражданскія, жить въ одномъ домѣ испугъ, страданіе и многія предосторожности, ибо свѣжеперехваченная переписка состоитъ въ желаніи мнѣ смерти, въ похищеніи имущества и въ похоти скотской; клянусь всемогущимъ Богомъ, что я не имѣю никакой ненависти за все мнѣ сдѣланное, признавая все то за произведеніе злыхъ духовъ; болѣзнь, притомъ неутолимая, къ мерзостямъ безъ разбора, тревога ежечасная въ домѣ, привлеченіе со всѣхъ сторонъ мошенниковъ, развратъ домашнихъ и безпрестанно подвергать себя опасности, все это заставило бы меня давно принять другія мѣры, если бы я не уважалъ правъ человѣчества и, не боясь гнѣва Господня, потому что тамъ нѣтъ преступленія, гдѣ творится невольнымъ побужденіемъ. Въ заключеніе сего письма сказано: «владѣемое мною имѣніе для зависти кажется быть только стромкимъ (огромнымъ), но мое собственное превосходитъ вдвое; не для прихотей и тщеславія, а для благосостоянія дѣтей моихъ, я долженъ сохранить и защищать его отъ всякаго неправаго притязанія».

Въ свидѣтельствѣ, данномъ предводителемъ дворянства суражскаго уѣзда и дворянами Степану Шираю о наслѣдственныхъ правахъ дѣтей его на имѣніе, оставшееся послѣ безпотомно-умершаго полковника Будлянскаго, сказано, что отъ Ульяны, урожденной Бороздны и Степана Ширая, родились сынъ Михаилъ и дочери Марья и Анастасія (1). Свидѣтельство это подписано предводителемъ дворянства и

(1) О Петрѣ, родившемся и умершемъ въ 1809 г., въ свидѣтельствѣ не упомянуто.

12 дворянами, въ томъ числѣ единокровнымъ братомъ Ульяны Ширай, коллежскимъ ассесоромъ Василіемъ Бороздною и родными братьями мачихи ея, Александромъ и Григоріемъ Кулябками-Корецкими и завѣрено стародубскимъ уѣзднымъ судомъ.

Въ такомъ видѣ настоящее дѣло поступило, по Высочайшему повелѣнію, къ судебному разсмотрѣнію.

Стародубскій уѣздный судъ заключилъ письмо отца Ульяны Ширай и Степана Ширай предъявить Ивану и Николаю Бороздамъ на тотъ конецъ, признаютъ ли они ихъ подлинность.

Вслѣдствіе сего, Бороздны, разсмотрѣвъ сіи письма, въ отзывѣ отъ 4 августа 1843 г., изъяснили: 1) что они не признаютъ подлиннымъ письмо отца ни по почерку, ни по грубымъ выраженіямъ, ему не свойственнымъ, ни по любви и уваженію, которое онъ постоянно питалъ къ дочери, ни по содержанію; ибо въ письмѣ сестра ихъ, извѣстная всѣмъ своею кротостью и добродѣтелью, обвиняется въ какомъ-то преступленіи, и ей приказывается записать имѣніе дѣтямъ, тогда какъ извѣстно всему семейству, что отецъ никогда не соглашался на таковую запись. 2) Подлинность черноваго письма Ширая, они, Бороздны, ни утверждаютъ, ни опровергаютъ, потому что не помнятъ почерка Ширая. Но какъ оно писано въ 1808 или первой половинѣ 1809 г. (мнѣніе это Бороздны основываютъ на томъ, что письмо это будто бы писано до совершенія сестрою ихъ записи, о которой въ письмѣ рѣчь идетъ), то оно не могло быть адресовано къ Немировичу-Донченкѣ, который въ 1810 г. женился на ихъ сестрѣ Аннѣ, а до того времени не былъ такъ близокъ къ отцу ихъ, чтобы на него дѣйствовать.

Для сличенія почерка ихъ отца, Бороздны представили три письма и одинъ документъ, гербъ рода Кобольчичей, Петромъ Бороздной подписанный.

Семь секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, по сличеніи почерка письма Петра Бороздны, представленнаго Долинскою и Чернолузскою съ письмами и документомъ, представленными сыновьями Петра Бороздны Иваномъ и Николаемъ, въ отзывахъ своихъ отъ 1-го сентября 1843 г., признали единогласно почеркъ письма, предъявленнаго дочерьми Ширая, неимѣющимъ сходства съ письмами и документомъ Петра Бороздны, представленными его сыновьями.

Стародубскій уѣздый судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, рѣшеніемъ 9-го сентября 1843 г. заключилъ: рожденнаго въ законномъ

бракѣ отъ Ширая и жены его, Ульяны, сына Александра признать законнымъ сыномъ; но какъ съ этимъ сопряжено возвращеніе правъ дворянскихъ, на что слѣдуетъ испросить Высочайшее соизволеніе, то дѣло представить на ревизію въ черниговскую гражданскую палату.

Повѣренный Долинской и Чернолузской, жалуясь черниговской гражданской палатѣ на неистребованіе уѣзднымъ судомъ исповѣдныхъ росписей о Заботинѣ и недопущеніе ихъ къ отвѣтамъ и рукоприкладству, представили одно письмо Петра Бороздны, для удостовѣренія подлинности ими прежде предъявленнаго и два письма Степана Ширая, для сличенія съ его почеркомъ.

Въ письмѣ отъ 17 іюня (года не означено) (1), Петръ Бороздна пишетъ: «весьма важныя обстоятельства, открывшіяся мнѣ мгновенно, до васъ, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, относящіяся и кои наводятъ на меня горесть съ нарушеніемъ спокойствія отцу семейства, вынуждаютъ меня просить васъ усерднѣйше пріѣхать ко мнѣ въ Медвѣдово, гдѣ я вамъ открою такую эпоху, которая требуетъ рѣшительныхъ мѣръ. Тайну сію я долженъ сокрыть, не смѣя начертать оную на бумагѣ. Вы узнаете оную отъ меня лично и тогда, можетъ-быть, удостовѣритесь въ моихъ благородныхъ чувствахъ и привязанности къ вамъ и дѣтямъ вашимъ. Сдѣлайте же только такимъ образомъ, чтобы о посѣщеніи меня вашемъ никто не видалъ. Скажу вамъ также, что я готовъ былъ самъ ѣхать къ вамъ въ Стародубъ, но существо дѣла сего запрещаетъ мнѣ то исполнить, сверхъ моего желанія. Завтра я васъ непремѣнно къ себѣ ожидаю.»

Черниговская гражданская палата 6-го октября 1843 года утвердила рѣшеніе стародубскаго уѣзднаго суда; но вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая, что для предоставленія Александру дворянскихъ правъ и фамиліи Ширая, слѣдуетъ испросить соизволеніе Государя, представила дѣло на ревизію въ правительствующій сенатъ.

На недопущеніе къ рукоприкладству и на необъявленіе имъ рѣшенія палаты, Чернолузская и Долинская жаловались правительствующему сенату.

Государственный совѣтъ, до разсмотрѣнія котораго доходило настоящее дѣло, вслѣдствіе несостоявшагося въ общемъ собраніи правительствующаго сената узаконеннаго большинства сенаторовъ, положилъ утвердить мнѣніе министра юстиціи, состоящее въ томъ, что дѣло

(1) Долинская и Чернолузская утверждаютъ, что оно писано въ 1809 г.

это должно производиться съ соблюденіемъ всѣхъ формъ гражданскаго суда, что Долинская и Чернолузская не могутъ быть лишены средствъ къ огражденію своихъ правъ. Это мнѣніе высочайше утверждено 16 октября 1844 года.

Въ исполненіе этого мнѣнія, черниговская гражданская палата разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла поручила суражскому уѣздному суду.

Суражскій уѣздный судъ, рѣшеніемъ 21 іюня 1845 г., заключилъ: рожденнаго въ законномъ бракѣ Степана Ширая и жены его, Ульяны, сына Александра, неправильно и противузаконно, по гнѣву къ своей женѣ, отчужденнаго отъ своего рода отцомъ его, признать законнымъ ихъ сыномъ, съ возвращеніемъ ему фамиліи, дворянства и части наслѣдственнаго достоянія родителей его, слѣдующей ему по законамъ. Опредѣленіе наслѣдственной части, по нахожденію имѣнія Ширая и жены его въ разныхъ уѣздахъ, уѣздный судъ предоставилъ черниговской гражданской палатѣ.

На это рѣшеніе Заботинъ подписалъ удовольствіе, а повѣренные Долинской и Чернолузской неудовольствіе и въ поданныхъ въ черниговскую гражданскую палату аппеляціонныхъ жалобахъ, опровергая рѣшеніе уѣзднаго суда, просили: 1) дополнить дѣло справками и дослѣдованіемъ; 2) истребовать изъ черниговской консисторіи метрическія книги села Соловы за 1818 г., а также слѣдствіе, произведенное духовнымъ вѣдомствомъ объ уничтоженіи въ метрикахъ записи рожденія отъ Ширая и его жены сына Александра; 5) истребовать изъ черниговскаго дворянскаго собранія свѣдѣніе въ удостовѣреніе ихъ показанія, что отецъ ихъ Ширай, съ 12 января по апрѣль, находился, по должности губернскаго предводителя дворянства, въ Черниговѣ.

Черниговское дворянское собраніе, по требованію палаты, увѣдомило, что изъ дѣлъ собранія не видно, чтобы бывшій губернскій предводитель дворянства Ширай въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ пріѣзжалъ по должности въ Черниговъ, въ чемъ удостовѣряетъ росписная книга 1818 г. исходящихъ бумагъ.

Независимо отъ сего, по требованію палаты, черниговская консисторія препроводила въ оную: 1) произведенное по указу святѣйшаго синода слѣдствіе (1) объ уничтоженіи по метрическимъ книгамъ села Соловы, хранившимся въ консисторіи и правленіи, рожденія

(1) Слѣдствіе это изложено выше.

отъ Ширая и жены его сына Александра и 2) метрическія книги церкви Соловы, консисторскую и правленскую (1).

Черниговская гражданская палата, 27 сентября 1846 г., признала рѣшеніе суражскаго уѣзднаго суда о законности рожденія Александра Заботина отъ генерала Степана Ширая и жены его Ульяны правильнымъ; въ отношеніи же правъ наслѣдственныхъ Заботина опредѣлила признать сего послѣдняго наслѣдникомъ имѣнія родителей и брата его Михаила, на основаніи 828, 952—957 ст. X. Т, съ назначеніемъ ему изъ родоваго отцовскаго и материнскаго указныхъ частей; о благопріобрѣтенномъ имѣніи Степана Ширая предоставила Александру начать искъ формальнымъ порядкомъ.

Рѣшеніемъ палаты Заботинъ остался доволенъ, а повѣренный Долинской и Чернолузской принесъ апелляціонную жалобу правительствующему сенату.

Въ апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Долинской и Чернолузской, статскаго совѣтника Нератова, изложены, вкратцѣ, слѣдующіе доводы, въ опроверженіе законности рожденія Заботина отъ Степана Ширая и жены его Ульяны и правъ его на имущество сихъ послѣднихъ: 1) Предметъ настоящаго дѣла есть притязаніе Заботина къ Степану Шираю и женѣ его Ульянѣ, за то, что они не только не приняли мѣръ, чтобы признаніе рожденія его отъ нихъ законнымъ было оглашено при жизни ихъ обоихъ надлежащими актами, или же другими событіями; но вовсе не признавали его своимъ сыномъ со дня рожденія его по день ихъ смерти. Долинская и Чернолузская, сопротивляясь вторженію въ ихъ фамилію Заботина, руководствуются однимъ только чистымъ побужденіемъ защитить священную для нихъ память отца ихъ отъ взведенныхъ на него, послѣ его кончины, ложныхъ извѣтовъ, ибо на имущество родителей, дошедшее къ нимъ по дарственнымъ записямъ и завѣщанію, Заботинъ по закону никакихъ правъ имѣть не можетъ; впрочемъ Заботинъ не самъ собою отважился предъявить этотъ странный искъ, но единокровные братья матери ихъ Ульяны Ширай, Бороздны, и въ особенности одинъ изъ нихъ Иванъ Бороздна, обольстили и возбудили Заботина къ самозванству, дабы въ лицѣ мнимаго племянника воспользоваться отнятіемъ у законныхъ дочерей Ширая и жены его бо́льшей части имѣнія, состоя-

(1) Въ метрическихъ книгахъ, представленныхъ въ палату, вытравлены мѣста, гдѣ была скрѣпа.

щаго изъ 4,510 рев. душъ, или, по-крайней-мѣрѣ исторгнуть у нихъ значительную денежную сумму за прекращеніе тяжбы. О Заботинѣ носились разные слухи: одни называли его сыномъ жены Ширая, Ульяны, происшедшимъ отъ прелюбодѣянія; другіе—сыномъ Ширая, непризнаннымъ отъ самой колыбели и удаленнымъ впослѣдствіи съ мѣста родины, по ненависти къ его матери; а третьи побочнымъ сыномъ сына Ширая, Михаила. Но Бороздны совершенно знали точно такъ, какъ знало семейство Ширая, что Александръ Заботинъ есть просто воспитанникъ Михаила Ширая (*). 2) Профессоръ Кубаревъ или помѣщица Стаховичева, какъ должно предполагать, а можетъ быть и другое лицо, провѣдавъ объ умыслѣ Ивана Бороздны выманить у своихъ племянницъ 200-т. руб., подъ предлогомъ обезпеченія участи Заботина, но не рѣшившись прямо отъ себя извѣстить о семъ Долинскую и Чернолузскую, послали къ нимъ предостерегательное извѣстіе изъ Шацка, въ видѣ письма, съ подписью «Александръ Ширай» отъ 13-го апрѣля 1842 г. Получивъ таковое предостереженіе, Долинская и Чернолузская не дались въ обманъ дядѣ своему Ивану Бороздѣ. 3) Слѣдователи, прибывъ въ Стародубъ, произвели, вмѣсто высочайше повелѣннаго имъ формальнаго изслѣдованія, большой повальный обыскъ объ умершемъ Шираѣ и женѣ его и о воспитанникѣ Заботинѣ, не истребовали отъ сего послѣдняго, по содержанію 931 ст. XV Т. Св. Зак. угол. и 3117 ст. Т. X. Св. Зак. гражд., яко отъ доносителя и истца, никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе какъ извѣта о совершеніи будто бы Шираемъ подлоговъ для сокрытія происхожденія его, Заботина, такъ и иска его по наслѣдственному праву на имущество, оставшееся послѣ Ширая и жены его, не пригласили отвѣтчицъ, дочерей Ширая, къ предъявленію отводовъ противъ свидѣтелей, въ противность 1097-1099 ст. XV Т. и 2377—2380 Т. X, и допустили, въ противность 1078 ст. Т. XV и 1-го пун. 2367 ст. Т. X къ свидѣтельству подъ присягою не только прикосновенныхъ къ дѣлу, Заверуху и тетку его, Маслов-

(*) Въ замѣчаніяхъ повѣреннаго Долинской и Чернолузской, читанныхъ во 2 отдѣленіи 3 департамента правительствующаго сената, на краткое изложеніе сказано, что розысканіе о рожденіи Заботина совершенно безполезно, потому что вопросъ о рожденіи Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору. Показаніе это содержится въ представленныхъ Долинскимъ, за его подписью, замѣчаніяхъ г. министру юстиціи (дѣло министерства юстиціи за № 26, часть 2-я).

скую, но и главнаго преступника, священическаго сына Ивана Лапчинскаго, сознавшагося въ перемѣнѣ двухъ листовъ въ метрической 1818 г. книгѣ. Крестьянъ Ширая увѣщевалъ и допросы за безграмотныхъ изъ нихъ подписывалъ священникъ села Соловы, Николай Лапчинскій, тотъ самый, который сознался въ выдачѣ Заверухѣ метрической книги 1818 года. Въ противность 1089 ст. Т. XV и 2367 ст. Т. X, слѣдователи допрашивали подъ присягою козаковъ села Соловы, съ которыми Ширай до самой смерти его имѣлъ поземельные споры и тяжбы, и притомъ, отобрали отъ нихъ показанія не отъ каждаго порознь, ибо записано показаніе одного перваго Михайлы Сапонова, а прочихъ 14 человѣкъ выставлены только имена съ объявленіемъ, что они утвердили показаніе Сапонова. Отбирали свидѣтельскія показанія безъ присяги отъ такихъ лицъ, кои имѣли всѣ качества, потребныя для свидѣтеля. Въ образѣ изложенія вопросовъ слѣдователи оказали пристрастіе къ Заботину, а многочисленныя противорѣчія, въ показаніяхъ свидѣтелей, не разъяснили очными ставками. Слѣдователи оставили безъ розысканія обстоятельство о четвертомъ сынѣ Ширая, Константинѣ, который упоминается въ запискѣ, переданной слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ, и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ; по словамъ записки этой, Константинъ умеръ будто бы въ малолѣтствѣ и Ширай его тоже будто бы не признавалъ, тогда какъ розысканіе это могло бы послужить къ объясненію того нравственнаго побужденія, по которому Ширай не признавалъ своимъ сыномъ и Александра. 4) Послѣ того, какъ по показанію одного изъ свидѣтелей (Животкевича), бывшій архіепископъ Михаилъ, по просьбѣ Ширая, назидалъ жену его о вѣрности супружества, случилось въ 1809 г. происшествіе столь важное для чести Ширая и тестя его, Петра Бороздны, что сей послѣдній письмомъ отъ 17 іюня изъ Медвѣдова, приглашалъ Ширая къ себѣ для сообщенія ему того происшествія, которое возбудило гнѣвъ отца на дочь его, Ульяну Ширай, до такой степени, что она увидѣла себя въ необходимости просить у отца прощенія письменно, не смѣвъ лично предстать предъ него. Въ отвѣтъ на просьбу дочери, отецъ послалъ ей письмо отъ 16 августа 1809 г., и слѣдствіемъ этого письма было то, что Ульяна Ширай на другой же день, т. е. 17 августа подписала, а 18-го представила лично въ уѣздный судъ запись о передачѣ имѣнія дѣтямъ ея. 5) Ширай не только не угнеталъ жены своей, но и не видался съ нею никогда. 6) Всѣ, спро-

шенные безъ присяги, дворяне, крѣпостные люди и козаки, показавшіе, что у Ширая и жены его былъ сынъ Александръ, отнюдь не разумѣли подъ этимъ выраженіемъ того, чтобы этотъ Александръ дѣйствительно рожденъ былъ отъ Ширая, но разумѣли только, что онъ рожденъ женою Ширая въ то время, когда она находилась въ законномъ съ нимъ бракѣ. Слѣдователи, видя невозможность доказать дѣйствительность или физическую подлинность рожденія Александра отъ Ширая, продолжали розыскивать, не удастся ли доказать возможность этого рожденія, т. е. доказать, что Александръ, если и не рожденъ, то могъ быть рожденъ отъ Ширая. Понятно, что подобное розысканіе не могло привести ни къ какому основательному результату; ибо и безъ розысканія всякій зналъ и знаетъ, что возможность рожденія Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра отъ своего мужа, жившаго съ нею въ разлученіи съ 1811 г., не болѣе вѣроятна, какъ и отъ всякаго другаго мужчины, имѣвшаго пребываніе въ Соловѣ, или пріѣзжавшаго туда. По словамъ приверженцевъ Ширая и его самого (писала Стаховичева въ запискѣ ея), Заботинъ рожденъ отъ учителя. Но учителя въ 1818 г. не было и не могло уже быть въ Соловѣ, слѣдовательно здѣсь ясное указаніе на такое лицо, которое жило въ господскомъ дворѣ, но не принадлежало къ числу дворовыхъ людей, т. е. на управителя. И дѣйствительно, въ маѣ 1818 г. смѣненъ былъ Шираемъ соловскій управляющій, дворянинъ Рухлядка. 7) По исповѣднымъ росписямъ новгородъ-сѣверской Никольской церкви, съ 1823 г. по 1826 г., Александръ показанъ питомцемъ священника Мануйловича. 8) Подлинность рожденія отъ отца никакимъ образомъ доказана быть не можетъ, а подлинность рожденія отъ матери, хотя бы и могла быть физически доказана, не поведетъ ни къ какому результату, потому что, по нашимъ законамъ, незаконныя дѣти не имѣютъ права на фамилію и на наслѣдованіе въ имуществѣ, и потому что Ширай и его жена не признавали гласно Заботина, рожденнаго въ 1818 г., своимъ сыномъ, въ чемъ удостовѣряютъ четыре акта съ 1809 по 1838 годъ, явленные въ судебныхъ мѣстахъ. Если признать за фактъ рожденіе женою Ширая сына Александра, то для чего не извѣстили Ширая объ этомъ радостномъ для отеческаго сердца событіи? И могъ ли приходскій священникъ окрестить и быть въ то же время воспріемникомъ сына Ширая, не спросивъ на то его согласія. 9) Гражданская палата (приписываетъ Михаилъ Ширай) отзывъ: «что отецъ его

притѣсняетъ мать по какой-то къ ней нерасположенности», принявъ основаніемъ къ тому показаніе священника Мануйловича, которое по всей вѣроятности несправедливо. 10) Записка, по метрическимъ книгамъ или исповѣднымъ росписямъ такого лица, которое было признаваемо и выдаваемо за законное дитя отъ самихъ родителей, служитъ оглашеніемъ или удостовѣреніемъ въ таковомъ признаніи; но, напротивъ того, записка по метрической книгѣ или исповѣдной росписи законорожденнымъ отъ извѣстныхъ супруговъ такого лица, которое ими самими никогда не было признаваемо и выдаваемо за законное дитя ихъ, служитъ доказательствомъ ошибки или злоупотребленія со стороны церковнаго причта, или позднѣйшей поддѣлки въ метрической книгѣ и исповѣдной росписи. Метрическія книги не были прошнурованы, а потому священникъ, записавшій ошибочно Александра сыномъ Ширая, по приказанію сего послѣдняго, могъ исправить свою ошибку весьма просто, переписавъ одинъ листъ. Тутъ не можетъ быть подлога. 11) Называемая палатою метрическая книга, взятая будто бы Заверухою отъ священнослужителей села Соловы въ 1839 года и хранившаяся у него до 1843 года, есть не что иное, какъ тетрадь, нарочно сфабрикованная для неблагонамѣренныхъ видовъ, а исторія о выносѣ Заверухою изъ соловской церкви списка съ метрической книги есть не что иное, какъ вымыселъ, нарочно придуманный для того, чтобы лучше скрыть новую фабрикацію тетради, представленной Заверухою. Если же принять показаніе благочиннаго Евфима Лапчинскаго, что самый слухъ о перемѣнѣ листовъ въ консисторскомъ и правленскомъ экземплярахъ пронесся уже послѣ смерти Ширая, послѣдовавшей 1-го августа 1841 г., то со всею вѣроятностію заключить можно, что изъясненные подлоги совершены унтеръ-офицеромъ Лапчинскимъ не ранѣе, какъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1842 г. 12) Черниговская палата гражданскаго суда неправильно поступила, отказавъ дочерямъ Ширая въ произведеніи новаго сличенія почерка дѣда ихъ по матери, Петра Бороздны, какъ на письмѣ его (отъ 16 августа безъ года), о которомъ у секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ послѣдовали различные отзывы, такъ и на другомъ (отъ 17 іюня, безъ года), по которому еще вовсе не было сличенія почерка, ибо письма эти весьма важны, какъ свидѣтельство отца противъ дочери, свидѣтельство, которое по закону (Т. X ст. 2367 п. 3 и ст. 2403 п. 3), имѣетъ такую важность, что дочерью отведено быть не можетъ, и одно само по себѣ служитъ

достаточнымъ доказательствомъ къ обвиненію ея. Равнымъ образомъ палата неправильно считаетъ ничтожнымъ въ этомъ дѣлѣ письмо Ширая къ другу его Немировичу-Данченку, оставшееся между бумагами Ширая въ спискѣ или отпускѣ, писанное собственною его рукою; считаетъ ничтожнымъ потому только, что на отпускѣ этомъ не отмѣчено, когда и кому оно писано. Письмо это писано Шираемъ не въ 1809 г., какъ предполагаетъ суражскій уѣздный судъ и черниговская гражданская палата, но именно послѣ происшествія, которое въ декабрѣ 1811 г. вынудило Ширая навсегда удалиться изъ своего соловскаго дома, оставивъ тамъ во флигелѣ жену свою, какъ это доказывается тѣмъ, что въ письмѣ относительно имѣнія жены Ширая, поступившемъ во владѣніе мужа по записи 18-го августа 1809 года, говорится, что имѣніе это было не такъ значительно, но, бывъ улучшено трудами и иждивеніемъ его, кажется для зависти громоздкимъ. Было ли послано это письмо или нѣтъ, все равно: существо его тѣмъ не измѣняется; оно служитъ свидѣтельствомъ самыхъ задушевныхъ мыслей и самыхъ сокровенныхъ чувствованій Ширая. Признавая затѣмъ, что при рѣшеніи дѣла о незаконности Заботина, слѣдуетъ принять въ соображеніе Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу о дочери княгини Касаткиной-Ростовской, апелляторъ просилъ обратить вниманіе на сіе мнѣніе совѣта. 13) Относительно оставшагося послѣ Ширая имѣнія, апелляторъ находилъ: а) что заключеніе палаты о признаніи ничтожною записи Ширая, совершенной въ палатѣ 1-го ноября 1838 г., не только несогласно съ приведенными самою палатою узаконеніями, но и вообще не имѣетъ правильнаго основанія: ибо означенная дарственная запись совершена Шираемъ на родовое его имѣніе, состоящее въ Черниговской губерніи; а по силѣ 794 ст. Т. X Св. Зак. граж., Ширай имѣлъ полное право подарить родовое свое имѣніе не только двумъ своимъ дочерямъ: Маріѣ и Анастасьѣ, еслибъ у него, кромѣ ихъ, было еще нѣсколько дѣтей, но даже дальнимъ родственникамъ или чужеродцамъ по своему произволу; б) по тѣмъ же причинамъ, неправильно заключеніе палаты и объ уничтоженіи записи Ширая, совершенной 5-го ноября 1838 г., о раздѣлѣ между дочерьми имѣнія матери ихъ: ибо эта раздѣльная запись была совершенно необходима, по самому содержанію дарственной записи 19 августа 1809 г.; в) равномѣрно несогласно съ приведенными палатою законами и съ 794 ст. Т. X, заключеніе палаты объ уничтоженіи акта

Ульяны Ширай, составленнаго въ 1809 г., ибо Ульяна Ширай, подарив, согласно ст. 794 Т. X, свое имѣніе однажды, не могла уже, за силою 1 и 5 арт. VII разд. лит. стат,, отмѣнить или уничтожить свою первую дарственную запись, какъ это сказано въ записи 1809 годъ; г) заключеніе палаты, коимъ она предоставила Александру Заботину, буде пожелаетъ, начать судебнымъ порядкомъ тяжбу о благопріобрѣтенномъ имѣніи Ширая, оставляемомъ палатою, по духовному завѣщанію его, во владѣніи дочерей его, Долинской и Чернолузской, противно 888 ст. Т. X, Св. Зак. и д) палата полагаетъ отдать Заботину, признаваемому ею сыномъ Ширая, все имѣніе, оставшееся послѣ умершаго въ 1833 году брата Долинской и Чернолузской, Михаила Ширая; но какъ въ рѣшеніи палаты не поименовано таковое имѣніе, и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ о немъ актовъ и свѣдѣній, то и нѣтъ возможности представить какія либо опроверженія противу означеннаго заключенія палаты, кромѣ того, что палата неправильно называетъ Заботина наслѣдникомъ Михаила Ширая, которому Заботинъ никогда братомъ не былъ, а потому и наслѣдникомъ его быть не можетъ. Въ заключеніе, повѣренный Долинской и Чернолузской просилъ: прежде приступа къ разсмотрѣнію сего дѣла, произвесть, чрезъ секретарей сената, сличеніе почерковъ Петра Бороздны и Степана Ширая на имѣющихся при дѣлѣ письмахъ ихъ, а затѣмъ, принявъ во вниманіе: во–1) что Ширай и жена его не только въ теченіи 10 лѣтъ отъ рожденія Александра, но и во всю свою жизнь не признавали его сыномъ своимъ; во–2) что подлоги въ метрическихъ книгахъ произведены Заверухою и соучастниками его не ранѣе 1842 г., т. е. послѣ состоянія всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля 1841 г., и въ–3) что Иванъ и Николай Борздны, обольстивъ и возбудивъ Заботина къ предъявленію притязанія на право законнаго рожденія отъ Ширая и на наслѣдованіе въ имуществѣ его, нанесли Долинской и Чернолузской значительные убытки и издержки, постановить слѣдующее: 1) состоявшееся по дѣлу сему въ черниговской гражданской палатѣ рѣшеніе уничтожить во всемъ его пространствѣ, а Заботину въ домогательствѣ его отказать; съ членами же и секретарями суражскаго уѣзднаго суда и черниговской палаты гражданскаго суда, которые рѣшили это дѣло съ явнымъ нарушеніемъ законовъ, поступить по 394 ст. св. улож. о наказ. уголовн. и исправ. 2. Заверуху и соучастниковъ его за подлоги, совершенные ими въ метрическихъ книгахъ села Соловы послѣ манифеста 16-го

апрѣля 1841 г., предать уголовному суду. 3) Предоставить Долинской и Чернолузской взыскивать съ Ивана и Николая Бороздень тяжебные убытки и судебныя издержки, установленнымъ въ законахъ порядкомъ, особо отъ сего дѣла.

3-й департаментъ правительствующаго сената, по 2 отдѣленію, выслушавъ настоящее дѣло, іюня 2, 7, 8, 9 и 10, іюля 10, сентября 2, 6 и 22 декабря 1848 года, опредѣлилъ: 1) воспитывавшемуся въ московскомъ воспитательномъ домѣ, Александру Заботину, въ правахъ его на фамилію Ширая и на сопряженныя съ нею права дворянства и на наслѣдство въ имѣніи, оставшемся послѣ смерти генералъ-маіора Степана и жены его Ульяны Шираевъ, *отказать;* 2) о безпорядкахъ и отступленіяхъ, при производствѣ слѣдствія по настоящему дѣлу допущенныхъ, дать знать участвовавшему въ производствѣ того слѣдствія губернскому предводителю дворянства чрезъ тамошнее губернское правленіе, съ тѣмъ, чтобы онъ при подобныхъ, на будущее время, возлагаемыхъ на него начальствомъ, а тѣмъ болѣе особенною Высочайшею волею, порученіяхъ, со всею точностію соблюдалъ во всѣхъ случаяхъ предписанные въ законахъ формы и обряды.

На это опредѣленіе, Александръ Заботинъ принесъ Государю жалобу, которую Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ собраніи сената; въ сенатѣ послѣдовали, по настоящему дѣлу, разныя мнѣнія, вслѣдствіе чего оно поступило на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ.

I.

Sposob, ktoryby rozumiał Metropolita być potrzebnym na wprowadzenie Unii do Kiiowa.

(1626?)

1. Mieć związek z Xiędzem Biskupem y s panem Woiewodą, z nimisię o wszystkim znaszać.

2. Iż sam Metropolita mieszkać w Kiiowie nie może, niemając tam wszystkiéy intraty nad tysiąc złotych, a Folwarku żadnego, Chcę poświęcić Suffragana, iako y sam był za Antecessora swego Pocieia, ktorego by powinność była mieszkać w Kiiowie y zawiadować Popami unitami, ktorzy są w maiętnosciach X. Biskupich y inszych Panow Katholickich, ktorzy y teraz posłuszni są, a tę intrate zdzierżałby na siebie ten, żeby obcował z ludźmi tamecznimi, upatrował okkasię do pomnożenia Uniy, zabiegał wszystkiemu co by było szkodliwego, y iako przytomny odprawował wszystko, co urzędowi Pasterskiemu należy.

3. Dla pomocy iego duchownéy s połowice teyże Intraty mieć Monastyr przy Swiętèy Sophij dobrych unitow, ludzi pobożnych y uczonych, o kturych z łaski Bożey iuż nietrudno, a czym daley tym sie ich spodziewamy więcey, ciż maią mieć y szkołe u siebie.

4. Oprocz Monastyra glownego, ktory Pieczerskim zową, iest Monastyrow trzy przy Kiiowie: Nikolski, Kirylski y Zlotowierszchy, ktore są w podaniu Króla Jego mości, te Monastyry, bez trudności y bez turbatycy ludzi tamtych, mogą być obięte przez pomienionych unitow czerncow: iedne, posmierci Ihumenow teraznieyszych, drugi zaraz, mianowicie Zołotowierchi, na ktory iest prawo u Metropolita, a na insze Monastyry kto kolwiek ma przywiley, oprocz Peczerskiego ma s tą partycullią sub unione. Niektorzy y bez Przywileiu otrzymaią za podaniem od Archimandryta Peczerskiego, ktory do tego podawania prawa żadnego nie ma, ieno Król Jego mość.

5. Sposob odyskania tych monastyrow, iesliby sie zdało Imsci P. Woiewodzie, zaraz nastąpić nańię, iest dwoiaki: 1) żeby Jego Mosc P. Woiewoda

abo urząd jego mości spytałsie u każdego z Ihumenow, za iakim prawem kto z nich trzyma iaki monastyr; iesli kto przywileiu niema, wziąc to od niego. 2) żby pozwal Metropolitę przed Króla Jego mości, że nullo iure tę monastyry trzymaią.

6. Rozumiemy, że nic sie dobrego ku chwale Bożey w Kiiowie stać niemoże, iesli Podwoiewodzy będzie heretyk abo schizmatyk, bo by mu naybarziey zlecał co w téy sprawie P. Woiewoda, pozwierchownie gotowość ukaże, a potaiemnie rzecz przeciwną będzie robił, iakosmy znacznie doznali tego na przeszłym Podwoiewodzym.

7. Na wielkiey *przekazie* Uniy w Kiiowie, iest nowe Bractwo, przedetrzema laty od schismatykow zaczętę w Kiiowie bez przywieleiu Króla Imsci, gdzie schadzki swoię maią y consultatia czynią, ktorych zaraz na początku ten był skutek, że officiala metropolego utopiono, potym sługę, ktory wybierał *dwoy pobor* s pieniędzmi, porwano, do dzikich pol zaprowadzono y do działa przykowano, y teraz Popa unita, ktory tylko ieden był, porwano y niewiedzieć gdzie podziano. To Bractwo, iesli zniesione niebędzie, trudno o czym dobrem myslić, a zniesie sie może tak władzą Imsci P. Woiewody, iako y zapozwem zadwornym, w czem są insimili dekreta w Litwie że takie Contubernia, chociaż na niektorych mieyscach byli priwilegiata, iako to w Wilnie, dekretem K. J. zniesione są.

Na przeszkodzie nie mnieyszey w jedności Swiętey y Chwały Bożey w tym krolewstwie są Władykowie cudzoziemscy Grekowie y Serbowie, ktorzy kiedy chcą przyieżdżaią, kiedy chcą wyieżdżaią, nikomu się nieopowiedziawszy, y nikomu Litteras conservationis suae nieukazawszy, popy święcą et omnia Episcopalia w dyocesiach naszych odprawuią. Zaczym mogą łacno być tacy impostores, ktorzy niemaiąc swięcenia Episkopskiego popy swięcą, Popi zaś niemaią swięcenia kapłańskiego, Litturgią Sw. et omnia Sacerdotalia odprawuią z wielką krzywdą Bożą y oszukaniem dusz ludzkich.

(Буквальный списокъ съ современной рукописи, хранящейся въ синодальномъ архивѣ, въ Петербургѣ).

II.

(1626.)

Zygmunt II, z Łaski Bożey Krol Polski Wielkie Xiąże Lithewskie Ruskie Pruskie Mazowieckie Zmudzkie Inflantskie. A Szwedzki Gottski Wandalski dziedziczny Krol.

Slawetnym Burmistrzowi Raycom Woytowi Ławnikom y wszystkiemu pospolstwu Miasta naszego Kiiowa wiek nam miłym łaska nasza Krolewska. Sławetni, wiek nam mili. Zabiegaiąc temu Wielebny w Bodze Ociec Metropolita Kiiowski, aby w Cerkwi katedralney kiiowskiéy S. Soffiei, ktora od dawnych czasów za spustoszeniem poganskim y dla ynczych przyczyn pusta bez otprawowania chwały Bożey zostawa, — nabożenstwo porządkiem zwykłym odprawowane było, y mury wpadłe do naprawy za czasem przyść mogly. Posyla na mieszkanie do Kiiowa, tak dla otprawowania w téy Cerkwi nabożenstwa, iako y dla dozoru porządku wszelakiego y doglądania poprawy, duchowienstwo swoie zakonnikow S. Wasila, ktorzy, aby tym bezpieczniey to co im iest zlecono na tamtym mieyscu odprawować mogli, onych pod obronę y protectią naszą krolewską przyięlismy. Przeto y Wier. W. tym listem naszym

napominamy y roskazuiemy, abyscie, o tym wiedząc, pilnie przestrzegali tego, iakoby ci zakonnicy w bezpiecezenstwie wszelakim zostawali, y tak od was samych, iako y od inszych, jakiey kolwiek condicyi ludzi, w pokoju zachowani byli y żadney przeszkody albo zatrudnienia ni w czym nie ponosili. Co W. W. uczynią dla Łaski naszey y z powinności swey. Dan w Warszawie dnia XVIII Msca Marca roku Panskiego MDCXXVI. Panowania krolewstw naszych P.....a Szwedzkiego...

roku.

Sigismundus...

Chrop... Bakowiecki.

(Подлинный актъ хранится въ синодальномъ архивѣ, въ Петербургѣ).

II.

(Переводъ).

Средства, которыя митрополитъ считалъ нужными для введенія уніи въ Кіевѣ.

(1626?)

1. Имѣть сношенія съ ксендзомъ-епископомъ и съ паномъ воеводой, съ ними обо всемъ сообщаться.

2. Такъ-какъ самъ митрополитъ не можетъ жить въ Кіевѣ, не имѣя тамъ дохоту болѣе тысячи злотыхъ, и никакого фольварка, то желаетъ посвятить суффрагана, какимъ и онъ самъ былъ при предшественникѣ своемъ Поцеѣ; обязанностью его было бы жить въ Кіевѣ и завѣдывать уніятскими попами, которые находятся въ имѣніяхъ епископа и другихъ господъ — католиковъ, и которые и теперь подчинены, и доходъ этотъ суффраганъ получалъ бы на себя съ тѣмъ, чтобы поддерживать общительныя сношенія съ тамошними жителями, усматривать случай къ распространенію уніи, предотвращать все, что́ было бы вреднымъ и, находясь на мѣстѣ, отправлять пастырскую должность.

3. Для духовной ему помощи, при монастырѣ Св. Софіи, имѣть, изъ половины того же дохода, хорошихъ уніятовъ, людей набожныхъ и ученыхъ, какихъ, по милости Божіей, найти не трудно и какихъ, надѣемся, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ больше; они же должны имѣть у себя школу.

4. Кромѣ главнаго монастыря, который называютъ Печерскимъ, въ Кіевѣ находится три монастыря: Никольскій, Кириловскій и Златоверхій, которые состоятъ въ вѣдѣніи Его Милости Короля. Монастыри эти могутъ быть заняты упомянутыми унитами-чернецами безъ затрудненія и безпокойства со стороны тамошнихъ жителей: одни послѣ смерти теперешнихъ игуменовъ, другіе—тотчасъ, именно Златоверхій, на который митрополитъ имѣетъ право, иные же монастыри, обладающіе привиллегіею, кромѣ Печерскаго, *ma s tą partycullią sub unione* (?).

Нѣкоторые (*игумены?*) удерживаютъ (*монастыри?*) за собою безъ привиллегіи, *съ разрѣшенія* (?) Печерскаго архимандрита, который на то не имѣетъ никакого права: оно принадлежитъ лишь Его Милости Королю.

5. Есть два способа получить эти монастыри, еслибы его милость панъ воевода пожелалъ тотчасъ приступить къ тому: 1) п. воевода, или его управленіе, должны спросить каждаго изъ игуменовъ, по какому праву кто изъ нихъ держитъ какой монастырь, и если кто не имѣетъ привиллегіи,—то отобрать у него; 2) начать съ митрополитами тяжбу о томъ, что монастырями владѣютъ безъ всякаго права.

6. Думаемъ, что въ Кіевѣ не состоится ничего во славу Божію, если подвоевода будетъ еретикъ или схизматикъ, потому что во всемъ, что-бы по этому дѣлу ни поручалъ панъ воевода, тотъ наружно покажетъ готовность, а въ тайнѣ будетъ дѣлать противное, что́ мы достаточно испытали при прежнемъ подвоеводѣ.

7. Большимъ препятствіемъ къ уніи въ Кіевѣ служитъ новое братство, основанное схизматиками, три года тому назадъ, безъ привиллегіи короля въ Кіевѣ, гдѣ происходятъ сходки и совѣщанія, которыхъ послѣдствіемъ, при самомъ началѣ, было то, что утопили митрополичьяго оффиціала; потомъ слуга, взимавшій двойной сборъ (dwoy pobor), схваченъ былъ съ деньгами, выведенъ въ степи и прикованъ къ орудію; а теперь попъ уніятъ, который всего одинъ и былъ, схваченъ и неизвѣстно гдѣ дѣвался. Если это братство не будетъ уничтожено, то трудно и думать о чемъ-нибудь добромъ, а уничтожить его можно какъ властью пана воеводы, такъ и по суду. Подобные декреты (рѣшенія) есть въ Литвѣ, гдѣ такія братства хотя и были привиллегированы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Вильнѣ, но декретомъ короля уничтожены.

Не меньшей помѣхой къ священному единству и славѣ Божіей въ королевствѣ бываютъ и иностранные владыки — Греки и Сербы, которые, когда имъ угодно — пріѣзжаютъ, когда угодно—уѣзжаютъ, никому не сказавшись и никому не показывая своихъ охранныхъ листовъ (litteràs conservationis), посвящаютъ поповъ и испрвляютъ въ нашихъ епархіяхъ всѣ епископскія обязанности. Поэтому тутъ легко могутъ быть такіе обманщики, которые посвящаютъ поповъ, не имѣя сами епископскаго посвященія, и такимъ образомъ, попы, безъ надлежащаго рукоположенія, служатъ св. литургію и исполняютъ всѣ священническія обязанности, съ великимъ оскорбленіемъ Бога и обманомъ душъ человѣческихъ.

II.

(Переводъ).

(1626.)

Сигизмундъ III, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Жмудскій, Инфлянтскій. А Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдственный Король.

Славетнымъ (именитымъ): Бурмистру, Райцамъ, Войту, Лавникамъ и всему народу города нашего Кіева всегда намъ милому, наша королевская милость. Славетные, навсегда намъ милые! Преподобный отецъ митрополитъ Кіевскій,

озабочиваясь тѣмъ, чтобы въ Кіево-Софійской соборной церкви, (въ которой не служится съ давнихъ временъ, вслѣдствіе опустошенія оной язычниками и по инымъ причинамъ), чтобы въ ней богослуженіе отправлялось надлежащимъ порядкомъ, и чтобы рушившіяся стѣны могли быть современемъ исправлены, посылаемъ на жительство въ Кіевъ, какъ для отправленія въ сей церкви богослуженія, такъ и для надзора за всякимъ порядкомъ и наблюденія за починкой, свое духовенство, монаховъ Св. Василія, которыхъ, для того, чтобы они безопаснѣе могли, на томъ мѣстѣ, исполнять все, на нихъ возложенное, мы взяли подъ защиту и королевское наше покровительство. Поэтому и Вѣр. В. симъ нашимъ письмомъ обязуемъ и приказываемъ, дабы вы, зная это, строго наблюдали, чтобы эти монахи всегда находились въ безопасности и въ покоѣ, какъ отъ васъ самихъ, такъ и отъ другихъ какого бы ни было состоянія людей, и не встрѣчали ни въ чемъ препятствія и затрудненія,— что В. В. учините ради нашей милости и по своему долгу. Данъ въ Варшавѣ дня XVIII мѣсяца марта, года Господня MDCXXVI, царствованія нашего II..... (*недостаетъ въ подлинникѣ*) а Шведскаго..... (*недостаетъ въ подлинникѣ*) года.

Сигизмундъ....

Баковецкій.

III.

Копія универсала Гетмана Тетери.

(1667).

Павелъ Тетеря Гетманъ.

Ознаймую симъ моимъ писаніемъ каждому, кому о томъ вѣдати надлежитъ, меновите экзакторамъ нашимъ на сей часъ и на-потомъ будучимъ, яко за антецессоровъ моихъ бывало, такъ и за уряду моего нехай будетъ, абы экзакторове войсковіе отъ купцовъ чужоземскихъ, то есть грековъ, армянъ и турковъ, до скарбу войскового вибирали отъ сорока соболей—золотихъ шесть, отъ сорока пупковъ соболлѣхъ—золотихъ два, отъ сорока куницъ—золотихъ два, отъ бунта лисицъ—золотихъ два, а отъ иншихъ товаровъ московськихъ—отъ ста талярей битихъ — по золотихъ пяти; знову отъ товаровъ турецкихъ, яко-то: отъ едвабовъ, коберцовъ, килимовъ, завоевъ, поясовъ, мусулбесовъ, киндяковъ і иннихъ дробнихъ и рознихъ товаровъ—отъ ста таляровъ левковихъ—два битихъ, а отъ кипи габи—по левку, а кто-би, зъ нашей земли, золото, сребро, камѣнніе дорогое, перла, випроважалъ, маетъ—отъ ста таляровъ—по золотихъ пяти давати. Естлижъ би тежъ хто зъ чужой землѣ, такъ зъ духовнихъ особъ, яко и свѣцкихъ людей, въ якихъ колвекъ потребахъ, подъ претекстомъ поселства, ехалъ и при себѣ купцовъ мѣлъ, теди экзакторови наши мають, сумнѣніемъ обовязавши, звичайную брати экзакцію, а гдибы купець екий нашъ, товари купуючи въ земского, за свои удаючи, за

границю випроважовать, такового зо всѣмъ кажемъ забирати, съ которого товару половиця до скарбу войскового, а половиця экзакторамъ нашимъ належати маетъ; при томъ приказую, даби и экзакторове надъ уставу больше не брали ничого и купці аби экзакціи отдавати не обороняли. Данъ зъ Рашевки 8 Декамврія 1667 году. *(Цифры здѣсь означены церковно-славянскими буквами.)*

въ подлѣнномъ подписано тако:

Павелъ Тетеря рука власна.

(М. Н.)

IV.

Письмо Петра I.

(1717).

Господинъ Гетманъ.

Понеже надобно намъ в гайдуки болшихъ мужиковъ человѣкъ десять или двенатцать, и для того прикажите такое число ихъ сыскать изъ малороссийского народа, чтобъ ростомъ были противъ приложенной при семъ мѣры и чтобъ оныя были не стары, а имянно отъ дватцати пяти до тритцати и до тритцати пяти лѣтъ.

Петръ.

Изъ санктъ питербурха
въ 13 день Ноября 1717 года.

(Эти два (III и IV) акта хранятся у Н. Н. Петрова.)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

О дозволеніи штабъ и оберъ-офицерамъ всѣхъ родовъ войскъ заниматься частными межевыми работами. Въ видахъ скорѣйшаго приведенія въ исполненіе Высочайше-утвержденнаго 19 февраля 1861 г. положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, для усиленія межевыхъ средствъ въ губерніяхъ, 21 мая разрѣшено штабъ и оберъ-офицерамъ всѣхъ родовъ войскъ, при производствѣ измѣренія и съемки земель, принимать участіе въ видѣ частныхъ занятій въ означенныхъ работахъ по взаимному соглашенію съ уѣздными мировыми съѣздами, на основаніяхъ, объявленныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 2 іюня 1861 г.

Въ этомъ приказѣ подробно изложенъ порядокъ увольненія штабъ и оберъ-офицеровъ для межевыхъ работъ, причемъ увольняемые, считаясь во временной командировкѣ, не лишаются ни правъ службы, ни получаемаго отъ военнаго вѣдомства содержанія; но прогонныхъ денегъ на переѣзды имъ не выдается. (Выс. пов. 21 мая; прик. по воен. вѣд. 2 іюня, въ Сен. Вѣд. 4 іюля 1861 г. № 53).

О предсѣдательствованіи уѣздныхъ предводителей дворянства въ мировыхъ съѣздахъ, учрежденныхъ для нѣсколькихъ уѣздовъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ будутъ учреждены мировые съѣзды для нѣсколькихъ уѣздовъ, мѣсто предсѣдателя, въ такомъ соединенномъ мировомъ съѣздѣ, долженъ занимать уѣздный предводитель дворянства, каждый по дѣламъ лицъ своего уѣзда. (Журн. глав. ком. об устр. сельск. сост. 1 іюня, въ Сен. Вѣд. 4 іюля 1861 г. № 53.

О закрытіи общества «Сельскій Хозяинъ». 21 іюля обнародовано о закрытіи и ликвидаціи акціонернаго общества «Сельскій Хозяинъ», учрежденнаго въ 1857 году, для приготовленія животныхъ и продовольственныхъ веществъ и торговли ими. (Сен. Вѣд. 21 іюля 1861 г. № 58).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Преобразованія по управленію Кіевской губерніи. Согласно предположеніямъ кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, князя Васильчикова, по предмету соединенія различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій, и объ упрощеніи формъ дѣлопроизводства во ввѣренномъ ему краѣ, комитетъ министровъ, въ мартѣ 1859 года, предоставилъ ему: 1) всѣ состоящія въ Кіевѣ губернскія учрежденія вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, кромѣ приказа общественнаго призрѣнія и комитета о тюрьмахъ, соединить въ одно общее губернское управленіе, относительно дѣлопроизводства ихъ канцелярій, съ тѣмъ, чтобы означенныя учрежденія, по своей цѣли, степени и объему ихъ власти и обязанностей, сохранили существующія для нихъ постановленія; 2) освободить кіевское губернское правленіе отъ разсмотрѣнія судебныхъ и другихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ о корчемствѣ, относительно которыхъ сохранить нынѣ существующій порядокъ; 3) измѣнить по своему усмотрѣнію форму дѣлопроизводства въ общемъ губернскомъ управленіи и преобразовать канцелярію кіевскаго гражданскаго губернатора; 4) кіевскую строительную и дорожную коммиссію присоединить къ общему губернскому управленію; 5) соединять, по усмотрѣнію, въ Кіевской губерніи магистраты съ уѣздными судами; 6) разрѣшить уѣзднымъ судамъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, совершать крѣпостные акты на сумму до 600 р. сер., и 7) войти въ концѣ года съ представленіемъ объ отпускѣ необходимой суммы, для усиленія средствъ уѣздной полиціи.

Затѣмъ, въ концѣ 1860 года, по всеподданнѣйшему докладу генералъ-губернатора, ему также предоставлено, въ видѣ опыта, соединить городскія и земскія полиціи, въ Кіевской губерніи.

Вслѣдствіе сего, какъ видно изъ доставленныхъ княземъ Васильчиковымъ свѣдѣній, имъ произведены слѣдующія преобразованія:

1) По губернскому управленію: въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1859 г. губернское управленіе, вмѣсто бывшихъ трехъ отдѣленій губернскаго правленія, составлено изъ 6-ти; причемъ три новыя отдѣленія: земское, врачебное и строительное, образованы изъ присоединенныхъ къ правленію коммисій: народнаго продовольствія, особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, врачебной управы, комитетовъ народнаго здравія и оспеннаго и бывшей строительной и дорожной коммисіи.

При совершеніи означеннаго преобразованія въ теченіи 1859 и 1860 года, требовались нѣкоторыя временныя учрежденія, особые столы и отдѣленія, которыя нынѣ, по мѣрѣ возможности, уже закрыты.

2) По городовымъ магистратамъ: существовавшіе въ 9-ти городахъ Кіевской губерніи магистраты упразднены 1 іюля 1860 года, дѣла ихъ переданы въ мѣстные уѣздные суды, въ которые прибавлено по два засѣдателя отъ городскихъ сословій христіанъ и Евреевъ; канцеляріи же уѣздныхъ судовъ усилены, насколько представилось возможнымъ, суммою, отпускавшеюся на быв-

шіе магистраты. Находящаяся въ г. Умани, не вышедшая еще окончательно изъ вѣдомства военнаго поселенія, городовая ратуша, предположена тоже къ соединенію съ тамошнимъ уѣзднымъ судомъ. Оставленъ одинъ только кіевскій магистратъ, по ходатайству о томъ жителей и во вниманіе къ особымъ правамъ, которыми магистратъ сей пользовался въ прежнее время.

3) По уѣзднымъ полиціямъ: съ 1-го февраля 1861 г., сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) Въ 10-ти городахъ Кіевской губерніи (исключая Кіева и Умани) обѣ полиціи, по соединеніи ихъ, составили общую уѣздную полицію. 2) Уѣздныя полиціи, вмѣсто исправниковъ и за упраздненіемъ городничихъ, ввѣрены начальникамъ уѣздныхъ полицій, съ назначеніемъ къ каждому изъ нихъ по одному помощнику; въ Бердичевѣ же, по значительной населенности этого города, двухъ помощниковъ. 3) Помощники при становыхъ приставахъ упразднены, по изъ нихъ при уѣздныхъ полиціяхъ оставлены по два, а при радомысльской полиціи три, для немедленныхъ командировокъ по неотложнымъ дѣламъ и надобностямъ и для замѣщенія вакансій становыхъ приставовъ. 4) Квартальные надзиратели переименованы въ городскихъ надзирателей, съ увеличеніемъ жалованья имъ (кромѣ Бердичева) до 150 р., вмѣсто отпускавшагося донынѣ по 28 р. 50 к. Увеличеніе окладовъ произведено на счетъ суммы, оставшейся свободною за упраздненіемъ должностей помощниковъ становыхъ приставовъ. 5) Всѣ дѣла, оставшіяся неоконченными до 1-го февраля, отдѣлены отъ дѣлъ новаго вступленія, для того, чтобы, имѣя ихъ на особомъ счету, рѣшались скорѣе, не смѣшивая съ новыми и не затрудняя теченіе сихъ послѣднихъ. 6) Веденіе старыхъ дѣлъ поручено старшему засѣдателю, съ правомъ разрѣшать нѣкоторыя изъ нихъ своею властью, на основаніи данныхъ въ руководство ему правилъ, и для производства ихъ оставлены временные столы, по закрытіи коихъ, отдѣляемыя для нихъ денежныя средства будутъ принадлежать постоянной канцеляріи уѣздныхъ полицій. Въ дѣлопроизводствѣ же полиціи сохраненъ прежній порядокъ. 7) Уѣздные города включены въ составъ ближайшаго стана, за исключеніемъ г. Бердичева, изъ котораго образованъ особый станъ, безъ учрежденія, однакожъ, должности становаго пристава, обязанности коего должны исполняться мѣстными частными приставами. 8) Уѣздныя полиціи, для безостановочной, съ самаго начала, дѣятельности ихъ, снабжены книгами, изъ коихъ нѣкоторыя сокращены противъ прежнихъ формъ. 9) Для приведенія въ однообразное съ уѣздными полиціями устройство, земскіе суды, кіевскій и уманьскій, переименованы въ земскія полиціи, а дѣла ихъ точно также раздѣлены на старыя и новыя, для производства по тѣмъ же правиламъ и формамъ, какъ и въ уѣздныхъ полиціяхъ.

Доводя до свѣдѣнія Государя Императора о послѣдствіяхъ, произведенныхъ преобразованій въ Кіевской губерніи, князь Васильчиковъ испрашивалъ разрѣшенія на введеніе его въ Подольской и Волынской губерніяхъ; вслѣдствіе чего и послѣдовало Высочайшее повелѣніе (объявленное сенату 8 іюня 1861 г.) о приведеніи сего ходатайства въ исполненіе. (Журн. ком. мин. 3 и 17 марта 1859 г. Высоч. повел 8 іюня 1861 г. въ Сен. Вѣд. 4 іюля № 53).

Новыя ярмарки въ г. Ольгополѣ. Разрѣшено учредить въ городѣ Ольгополѣ, Подольской губерніи, ярмарки, чрезъ каждыя двѣ недѣли, по четвергамъ, и кромѣ того три трехдневныя: 1-я, на сырной недѣлѣ во вторникъ, среду и четвергъ; 2-я—съ 9-го по 12-е мая, и 3-я—съ 26-го по 29-е сентября. (Сен. вѣд. 11 іюля 1861 г. № 55).

О передачѣ города Чугуева въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. По полученному нынѣ донесенію начальника Харьковскаго поселенія, городъ Чугуевъ, Харьковской губерніи, состоявшій въ вѣдомствѣ южныхъ поселеній, окончательно переданъ въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. (Сен. вѣд. 11 іюля 1861 г. № 55).

О дозволеніи на 6 лѣтъ свободной торговли лѣсомъ по рѣкамъ Днѣстру и Пруту (*). 21-го мая 1861 года дозволено какъ россійскимъ подданнымъ всѣхъ состояній, такъ и иностранцамъ и иностраннымъ Евреямъ, производить

(*) Въ первый разъ подобное дозволеніе свободной торговли иностраннымъ лѣсомъ по рѣкѣ Днѣстру послѣдовало 30 апрѣля 1840 года въ видѣ опыта на 3 года, т. е. по 1843 годъ. Въ слѣдующемъ году, 15 апрѣля 1841 года, даровано подобное же дозволеніе свободной торговли лѣсомъ по рѣкѣ Пруту въ видѣ опыта на два года, т. е. также до 1843 года. Послѣ того дозволеніе этой торговли по обѣимъ рѣкамъ было возобновляемо 29 сентября 1842 года на 4 года, т. е. по 1847 г. и, наконецъ, 28 мая 1847 года еще на 6 лѣтъ, т. е. до 1853 г.

При этомъ въ положеніи комитета министровъ 29 сентября 1842 г. были подробнѣе разъяснены правила о свободной торговлѣ иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, а именно: торгующимъ вмѣнено въ обязанность подавать отъ своего имени въ таможни объявленія, съ платежемъ установленной тарифомъ пошлины, а впускнымъ таможнямъ предписано выдавать промышленникамъ, производящимъ по Днѣстру и Пруту свободную торговлю лѣсомъ,—свидѣтельства о сплавляемомъ ими иностранномъ лѣсѣ.

Такимъ образомъ, свободная торговля иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, по этимъ двумъ рѣкамъ, существовала непрерывно въ теченіе десяти лѣтъ, и начавшись въ 1842 и 1843 годахъ, кончилась въ 1852 году, послѣ котораго года мы не нашли въ полномъ собраніи законовъ указаній, чтобы дозволеніе это было возобновляемо.

А между тѣмъ, при чрезвычайномъ недостаткѣ лѣса въ южномъ краѣ, потребность въ возможно-меньшемъ стѣсненіи торговли этимъ матеріаломъ, очевидна.

Кромѣ того, въ настоящее время, при большемъ движеніи капиталовъ въ Россіи, нельзя не выразить надежды, что свободная торговля лѣсомъ по Днѣстру будетъ способствовать скорѣйшему развитію правильнаго по этой рѣкѣ судоходства, которое до сихъ поръ находится въ младенческомъ состояніи. Самое теченіе Днѣстра, вытекающаго изъ юго-западнаго отклона Карпатовъ въ Галиціи, входящаго въ предѣлы Бессарабіи, недалеко отъ г. Хотина, вблизи мѣстечка Жванецъ и на протяженіи 869 верстъ, отъ Хотина до Аккермана, омывающаго съ лѣвой стороны часть Подольской и Херсонской губерній, а съ правой Бессарабію, примыкающую къ нему уѣздами Хотинскимъ, Сорокскимъ, Оргѣевскимъ, Кишиневскимъ, Бендерскимъ и Аккерманскимъ и ниже пристани Маякъ, образующаго лиманъ, который двумя протоками или гирлами, Цареградскимъ и Георгіевскимъ, соединяется съ Чернымъ моремъ, — показываетъ огромное его значеніе для Бессарабіи и Новороссійскаго края, какъ лучшаго торговаго пути для сбыта хлѣба изъ Подольской губерніи и Бессарабіи и сплава лѣса съ южнаго отклона Карпатовъ, тѣмъ болѣе, что сбытъ этихъ произведеній другимъ путемъ почти невозможенъ, по причинѣ отсутствія въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ желѣзныхъ дорогъ, дорого-визнѣ извоза и отдаленности главныхъ торговыхъ рынковъ. При всей однакожъ очевидной потребности, судоходство по Днѣстру, какъ мы уже сказали, находится въ самомъ жалкомъ положеніи; оно начинается въ Буковинѣ, въ 60-ти верстахъ отъ австрійской границы, а въ предѣлахъ Россіи отъ Исаковецкой таможни Плаваніе производится на судахъ особаго устройства, грубыхъ и неповоротливыхъ, цѣнностью каждое отъ 200 до 300 рублей, совершающихъ иногда съ трудомъ одинъ рейсъ, и по приходѣ въ Маякъ большею частью продающихся въ ломъ и на дрова. При отсутствіи конкуренціи, усиливающей это галерное судоходство, цѣна за доставку возвышается иногда до того, что берутъ по 1/10 к. сер. съ пуда или 1 коп. съ четверти за версту, а въ общемъ итогѣ до 6 р. сер. съ кило отъ Порогской пристани до Маяка.

свободную торговлю иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, по теченію рѣкъ Днѣстра и Прута, на томъ же основаніи, на какомъ подобное дозволеніе было допущено, по положенію комитета министровъ 8-го апрѣля 1847 года, распубликованному 28-го мая того же года.

Положеніемъ комитета министровъ 8-го апрѣля 1847 года, данное въ 1842 году дозволеніе свободной торговли лѣсомъ, по рѣкамъ Днѣстру и Пруту до 1847 года, вновь продолжено на 6 лѣтъ, т. е. по 1853 годъ, на прежнемъ основаніи, т. е. согласно правиламъ положенія комитета министровъ 29 сентября 1842 года. (Донесеніе м-ра финансовъ, 15-го іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 21-го іюля 1861 г. № 58).

Объ освѣщеніи г. Одессы газомъ. Дозволено отставному подпоручику Волохову устроить въ городѣ Одессѣ газовое освѣщеніе, на основаніяхъ, изложенныхъ въ особомъ для сего положеніи. Согласно сему положенію, въ которомъ подробно изложенъ порядокъ устройства газоваго освѣщенія, а равно и количество газа, сожигаемаго въ фонаряхъ, г. Волоховъ обязанъ черезъ

Хотя, при быстротѣ теченія, особенно въ верховьяхъ, Днѣстръ образуетъ, по-временамъ, довольно опасныя для судоходства, преимущественно же такого, какое теперь существуетъ, отмели, но это препятствіе легко бы устранилось, при незначительномъ пожертвованіи и болѣе правильномъ судоходствѣ, которое, конечно, не можетъ развиться безъ очистки русла, надзора за фарватеромъ рѣки, а равно устройства пристаней и складочныхъ пунктовъ.

Изъ наблюденій надъ уровнемъ Днѣстра, періодическимъ возвышеніемъ воды въ весенній разливъ и во время таянія снѣговъ въ Карпатахъ, начиная съ 20 іюня, есть возможность опредѣлить днѣстровское судоходство промежуткомъ въ три мѣсяца, а въ дождливое лѣто и больше. При этомъ плаваніе по Днѣстру совершенно возможно для судовъ плоскодонныхъ отъ 1 до 1½ фут. для гребнаго, паруснаго и даже пароваго судоходства.

Доказательствомъ важности днѣстровскаго судоходства служатъ очевидныя данныя ежегодной отправки груза и лѣсныхъ матеріаловъ, по всему протяженію Днѣстра отъ австрійской границы. Въ настоящее время, при самомъ жалкомъ судоходствѣ, по немъ проходятъ до 2,500 галеръ, вмѣстительностью каждая отъ 400 до 450 четвертей, слѣдовательно среднимъ числомъ провозится зерна 900,000 четвертей, да разныхъ сплавовъ строительнаго матеріала и дровъ не менѣе какъ на 200,000 р. сер. Такимъ образомъ, если уже и теперь цифра оборотовъ по днѣстровскому плаванію доходитъ до 6,000,000 рублей, то она легко возвысится съ устройствомъ правильнаго судоходства и при буксирныхъ пароходахъ, потому что избытокъ естественныхъ произведеній днѣстровскаго бассейна неистощимъ. Притомъ же, недавно въ верховьяхъ Днѣстра, въ Австрійской Буковинѣ, открыты каменноугольныя копи, обѣщающія въ годъ болѣе милліона пудовъ горючаго матеріала.

Какъ бы въ подтвержденіе того, что Днѣстръ положеніемъ своимъ можетъ служить выгоднымъ, а для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, быть можетъ, и единственнымъ торговымъ путемъ, служитъ еще недавняя, во время послѣдней войны, попытка сбыта за границу хлѣба, который былъ отправляемъ въ Тріестъ, чрезъ Австрійскія владѣнія, по шоссированнымъ путямъ Галиціи и по теченію рѣкъ Тиссы и Савы, не доходящей до Фіуме лишь нѣсколько миль. Попытка вполнѣ удалась, и хотя движеніе это, послѣ войны, прекратилось, но тѣмъ не менѣе оно показываетъ стремленіе проложить удобный путь къ одному изъ южныхъ портовъ и необходимость обратить вниманіе на Днѣстръ, по которому хлѣбъ Галиціи, Подольской губерніи и Бессарабіи можно доставлять въ огромномъ количествѣ и всегда за выгодную цѣну, а удобный сплавъ по Днѣстру и огромный запросъ на горючій матеріалъ въ приморскомъ южномъ краѣ обѣщаютъ счастливую будущность днѣстровскому судоходству и развитію прибрежныхъ къ нему мѣстъ. (Полн. Собр. Закон. Т. XV, 13,433; т. XVI, 14,457; т. XVII, 16,044; т. XXII 21,084. Бессараб. областн. вѣдомости).

два года и 6 мѣсяцевъ освѣтить городъ 1,100 фонарями, съ платою ему отъ городской думы по 18 р. 20 к. сер. въ годъ за фонарь. При этомъ г. Волохову предоставлено исключительное право освѣщать газомъ улицы и зданія въ Одессѣ, въ теченіе 39-ти лѣтъ со дня утвержденія сего положенія. (Мнѣніе госуд. сов. 19 іюля 1861 г., въ Сен. вѣд. 25 іюля, № 59).

Объ установленіи сбора съ вывозимыхъ изъ Одессы товаровъ на устройство мостовыхъ. На устройство мостовыхъ въ г. Одессѣ въ дополненіе къ назначенному на сей предметъ изъ городскихъ суммъ капиталу, 1,200,000, положено: взимать, впредь до окончательной уплаты всей остальной потребной на то суммы, по $^1/_2$ коп. сер. съ пуда отвозимыхъ изъ Одессы товаровъ и продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы таможня взимала этотъ сборъ безъ подробной повѣрки товаровъ, съ того лишь количества, какое показано будетъ въ грузовыхъ документахъ. (Мнѣніе госуд. сов. 26 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 28 іюля, № 60).

О расходѣ на истребленіе саранчи. Вслѣдствіе ходатайства Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, разрѣшено употреблять. по требованіямъ гражданскихъ начальниковъ, въ помощь, при истребленіи саранчи, войска, вблизи мѣстъ расположенія оныхъ; причемъ плату войскамъ за истребленіе саранчи производить въ размѣрѣ одной трети противъ вольнонаемныхъ работъ. Издержки же на этотъ предметъ отнести на счетъ государственнаго земскаго сбора, изъ коего также пополнить и всѣ тѣ расходы, которые съ 1860 г. уже произведены, или впредь будутъ сдѣланы на сей предметъ изъ продовольственныхъ капиталовъ. (Полож. ком. м-ровъ 7 апрѣля 1861 г., Жур. госуд. сов. 22 мая 1861 г., въ Сен. вѣд. 28 іюля, № 60).

Новое Положеніе о питейномъ сборѣ и новый Уставъ объ акцизѣ съ табаку. 1-го августа обнародовано положеніе о питейномъ сборѣ, Высочайше утвержденное 4-го іюля 1861 г. Въ указѣ Сенату, сказано, что «дѣйствующіе нынѣ способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распредѣленія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ, и еще болѣе, по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа отягощеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности.»

Соображенія министра финансовъ о томъ, на какихъ началахъ должна быть установлена система питейнаго сбора, наиболѣе удобопримѣнимая къ государству, были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ, и 26 октября 1860 г. Высочайше-утверждены главныя основанія однообразной, для всей имперіи, акцизной системы взиманія, съ 1863 г., питейнаго сбора, съ устраненіемъ вовсе откуповъ, и тогда же повелѣно было учредить особую, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра финансовъ, коммиссію изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, въ томъ числѣ — винокуренныхъ заводчиковъ и техниковъ, для начертанія подробныхъ, на помянутыхъ основаніяхъ, правилъ для взиманія акциза съ питей.

При указѣ Сенату, вмѣстѣ съ положеніемъ о питейномъ сборѣ, обнародованы: росписаніе патентнаго сбора съ заведеній для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, и съ заведеній для продажи питей, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво- и меловаренія, росписаніе должностей и издержекъ акцизнаго управленія, правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза и

правила о переходѣ къ казенному, съ 1-го января 1863 года, завѣдыванію питейнымъ сборомъ.

Одновременно съ питейнымъ положеніемъ, обнародованъ и новый уставъ объ акцизѣ съ табаку, Высочайше-утвержденный также 4-го іюля 1861 года. Поводомъ къ изданію новаго устава (какъ видно изъ указа Сенату) послужили—постоянно распространяющееся, во всѣхъ сословіяхъ, потребленіе табаку, и невозрастаніе, въ достаточной съ его потребленіемъ, соразмѣрности, дохода казны отъ налога на сей предметъ роскоши. —

Важное значеніе этихъ двухъ новыхъ законоположеній для южнаго края несомнѣнна, и потому въ слѣдующей книжкѣ «Основы» будетъ помѣщено подробное извлеченіе какъ Положенія о питейномъ сборѣ, такъ и Устава объ акцизѣ съ табаку.

ВІСТІ.

ЛИСТЪ ЗЪ ДУДАРІВЪ.

(Іюль 1861).

Не гараздъ я таки сміливий писать листи до незнаніхъ людей, да якось, здаетця, совісно доброю новиною зъ людьми не поділитись, а якъ ще роздумавсь, що моя новина де-кому й въ приміръ, може, пійде,—«ну, що̀ буде, те́ й буде, а напишу,»—та ось вамъ и діло:

Въ Канівськімъ повіті Киівскоі губерніі, недалеко відъ Дніпра, есть невеличке сельце — *Дударі* на прозвище. Ще, якъ-то казати, по давнёму (бодай не верталось!) ладу, — земля и душі въ сімъ сельці поділяні були міжъ двохъ панівъ. На одного приходитця трохи поля, та 31 душа; у другій зновъ маетності 505 десятинъ землі на 116 ревизькихъ душъ. Дідичкою въ цій частині пані G. Семья въ неі чималенька,—такъ вона, для науки дітей, проживае въ Киіві, а село припоручала управителямъ, котрі давали ій доходу чистого 1750 руб., да ще де-які вільготи. Земля у насъ, колибъ не гори, була бъ зовсімъ добра, да тільке те, що трохи погориста, якъ звичайне край по-надъ Дніпромъ зъ правого боку; однакъ у Дударяхъ можна добути, ще то якъ на старосвітський ладъ вести хазяйство, до 4000 карбованцівъ, защитавши й накладъ; а колибъ взятьця краще и трохи обновить хазяйський порядокъ, то було бъ и більшъ: Я, бачте, розумію та́къ, що можна бъ завести хазяйство въ чотирі руки, та на бурякахъ, та на сіні, котре не трудно бъ приховать, насіявши конічини, да такі й на хлібі святому — можно бъ зробить де – що. Отожъ, велось тее хазяйство чужими руками, — та ці руки не гараздъ були щирі и для панеі, и для громади, такъ-що, въ останнёму року, и хазяйство запустилося, и люде стали дуже жалітись. Бачить тоді пані G., що нічого не вдіе—не доберe доброго чоловіка на управителя, а сама не зможе Киіва покинути,—отъ и стала собі мірку-вать такъ: «а ну, віддамъ хазяйство на руки самій громаді.» Думка

пішла въ слово, а далі й въ діло; на цю звістку, приіхали виборні одъ Дударівської громади до Київа на *контрахти* и стали добивать торгу. Далі, такъ уговорились: що якъ громада виробить хазяйнуючи за-для пані вже не 1750, а тільки 1500 карбованцівъ и дасть тіжъ вільготи (100 пудівъ зерна, опорядить дімъ на *вакацію* (1), обробить по половині ії городъ и зімоватиме для неі жъ 2 штуки худоби), то решта достанетця громаді. Накладъ въ хазяйстві мае бути увесь громадській—худоба, и всі хазяйські причандали, и насінне. У насъ на Украіні біда велика зъ тимъ, що немае *дзбликівъ* для пожички, дебъ можно було у всяку пору, безъ великого клопоту и на меньшій процентъ, позичить гроші; а то, звичайне, беруть гроші у жидівъ, котрі не милують, а деруть скільки влізе, — отъ, въ приміръ, якъ и цей разъ. Пані за громаду позичае гроші, а громада, вертаючи самий *стовбъ* (капиталъ), за процентъ винна зъ 2000 пудъ пшениці спустить по 6-ти копіёкъ серебра проти ціни, яка буде коло Покрови (1-го октября), — а це виходить 17% відъ 700 карбованцівъ капиталу. На перве хазяйство треба було громаді найменшъ 1500—2000 карб., а жидки хотіли, щобъ зразу по 12 коп. спустили імъ съ пуда, — а тутъ и инші, за уступку хазяйства, підсовують панії свої карбованці... Ажъ объ поли бьютця виборні! — Одинъ панокъ, то вже зовсімъ бувъ напосівсь, да, на-щасте, довідались виборні, хто въ іхъ селі думае проживати и який вінъ чоловікъ,—заразъ внесли те панії — и діло розійшлося, а звернулося такъ, що хазяйство оддано на руки громаді, а насінне сама пані обіцялась позичити у сусідівъ. «Ну, теперъ-же», каже пані, «вже ми скінчили;—помагай же вамъ Боже:—глядіть, берітця гуртомъ за роботу, щобъ не було переборівъ, бо якъ що не такъ, то я за-для виручки накладу, хоть и середъ літа, одберу на себе хазяйство.» Після сёго, дідичка поіхала до Дударівъ и тутъ зробила умову зъ цілою вже громадою — и цей-то контрахтъ всі святимъ хрестомъ ствердили.

Тутъ громаді потрібно стало чоловіка письменного, разъ за-для того, щобъ вести всякому хазяйському ділу лікъ, — друге, и за-для того, щобъ завдовольнить всі канцелярські потреби. Такъ сталось, що громада, за радою самоі панії, наняла мене. Въ остатніхъ дняхъ марта, я покинувъ университетъ и приіхавъ у Дударі, заявився громаді и заразъ-же поговоривъ зъ нею о вспільній громадській праці,

(1) Такъ называють літню пору, коли дідичка приіздить зъ дітьми до-дому.

о повинностяхъ кожного чоловіка въ громаді и яснійше росказавъ повинности, які я беру на себе. Съ того часу я живу въ селі неначе управитель, а въ урядовихъ ділахъ я, справді, якъ управитель:— цебъ-то — поліцейська росправа ніби-то до мене належить; всякій торгъ можна скінчити на мое имя; мое жъ діло давать ладъ и зъ лісомъ. Якъ же що́ не такъ гаразъ піде въ хазяйстві, то моя совістливость мині наказуе, якъ чого самъ не порішу, звістити панію. Для громади, въ ділахъ хазяйственніхъ, я тільки писарь: — занисую роботу, дохідъ, трату и всякий щотъ. Щотъ ведеця у насъ рідною мовою, и якъ тільки громада запотребуе, то я завсігди повиненъ подать всі рахуби для перегляду тому, кого громада назначить. Хазяйські діла и всі порядки належать до 8 чоловіка виборніхъ, котрі що́-суботи, або що́-неділі збіраютця и радять раду—що треба робить: чи то—що продать, чи купить. На цій раді, всі виборні и я маемо рівноправній голосъ; що тамъ ураяно,—я записую, а потімъ, вже одинъ зъ виборніхъ, котрий за те бере особу плату,—*главний совітникъ* якъ ёго назвали—цей все що́ ураяно радою, сповняе. Громада мае право, коли схоче—перевірять весь ходъ діла. Окромъ того, на початку хазяйського року (въ марті), и коло Покрови (1 октября), а далі и въ кінці року (въ февралі), повинні бути сходи громадські, щобъ розгледітись у всіхъ порядкахъ и урядить все на-даль. Такимъ робомъ, у насъ все йде на добрий ладъ; сумяття, объ якіхъ чутно округи насъ, въ цей переходний часъ, у насъ не бувало, бо насъ всіхъ вьяже одно спільне діло. Наші жінки ще не гаразъ-то зрозуміли діло и трохи вередують, такъ и зъ ними ладъ можна найти, бо всю роботу одбуваемъ по инвентаряхъ. За цей годъ, хочъ и при добрімъ урожаі, доходу гаразъ не буде, бо багато накла́ду; а все-таки на долю громаді достанетця насіння, худоба, вся снадобъ хазяйська, харчъ на челядь, та, може, яка сотняга й карбованцівъ. Оттакъ-то ми, добродіи ласкаві, сами собі установились. Нема у насъ для нашого порядку и прозвища, чи, попросту, слова; бо, по вашому, це буде вже *организація*, чи що?—а ми, селяне, такъ безъ окраси робимо якъ знаемо. И багато есть у насъ, по селахъ, такихъ справъ, котрі и голоснихъ прозвищъ не мають, котрімъ тільки добре та тихе серце селянина усміхаетця часомъ. Любо мині служити нашій сільскій громаді; а де – які тутешні панкі, не зрозумівши, або — не хотячи зрозуміти діла и правди, дивуютця зъ моеі служби якъ зъ невиданого звіру: імъ здаетця, що тільки простий людъ служить повиненъ—

для іхъ користи; а на ёго користь служить наче заказано! Такі зъ іхъ чудні люде, зъ тіхъ панківъ.

У Дударяхъ ще е́ багато требівъ: и дзбанкъ пора зробить, и школу, и промиселъ піднять:—дай тільки, Боже, намъ зъ хлібомъ благополушно упоратись та збавитьця одъ цієі нечисті—одъ сарани, (ii–таки намъ трохи страшно), а то́ все піде до-ладу. Я кажу и всі добрі люде повинні сказати: «Помагай Бігъ!»

Отъ же ще не кінець, ще де–що треба сказати про *новий ладъ*.

Якъ надійшовъ наказъ—порядкувать громаду у обчество, зібралась громада уже зъ обохъ частей села до купи; я прочитавъ імъ правила объ обществахъ, и громада почала вибори. На-й-самъ–пере́дъ бувъ вибраний я, на *сільського писаря*, а далі почали вибірать *старосту*. То той обізветця зо своімъ кандидатомъ, то инший—да й назадъ, а далі хтось и каже: «Ні вже, ніхто не буде, якъ не Гаврило Кваша». Гаврило кивнувъ головою: «ні, люде добрі,—пехай хто старійший,» да не було часу одмагатьця, якъ всі почали усовіщать: Гаврило замовкъ и согласився. Вибрали далі й иншихъ:—*добросовістнихъ*, *помошника* и т. д. Зъ-початку кожний одмагаетця, а далі й замовкне—пристане. Якъ стали питать про плату за урядъ, то Гаврило Кваша наче прочнувсь зъ задуми, и такъ промовивъ: «А щожъ, панове громадо: ще то незвісно, якъ цей порядокъ пійде, а ми вже будемъ и плату брати? не треба!.. а що одбутки, то я такожъ підписувавсь: то, щобъ не сказали, що я зо всіма вкупі не робивъ, то я однаково посилатиму жінку на роботу и самъ ходитиму, якъ можна буде». Такъ-то вінъ и не подумавъ, яку́ добродітель гражданську виказавъ; ему про те байдуже: —вінъ сказавъ що́ ёму серце натякнуло.

Вибори одбулись безъ суперечча, а просто, по–совісті. Брехня ваша нарікающі на *людъ простий*! Слава Богу, що вінъ ще досі *простий*, що не зкривився на вашъ розумъ. Бувае й у насъ всяко—бо «люде якъ люде», та все воно утихоміряетця по-просту, серцемъ.

Прощавайте! якъ що можна, то цей листъ напечатайте — пехай люде почують, нехай всі судять це діло — та не гудять. Прощайте, и насъ, дударцівъ, не забувайте: може ще коли до васъ обізвемось.

Б. Познанський.

ЗЪ ПОДОРОЖНИКА.

I.

1861 р. Квітня 16. Полтава.

Відъ самісінькоі Полтави, по стовповому шляху на Харьківъ, по надъ річечкою Коломакомъ (котра тече підъ самимъ городомъ у Ворсклу) простяглися, низкою, слободи панські, села казенні и хутори козацькі. По-надъ шляхомъ маячать трахтирі и постояльні двори. По правому боці Коломака бованіють гори де-не-де й височенькі, и синіють ліси: зъ нихъ догляжені и найкращі князя Кочубея — самий дубъ вікові́чний. Казенні-жъ більшъ повирублювані, хоча теперъ й принялись іхъ доглядати; а про панські нічого й казати,—зоставсь тільки хворостъ та чагарникъ. Зъ лівого боку тіеі річки стелютця болота́, заросли вони очеретами, вільхами и вербами; рідко де побачишъ дуба або осику. Казенні ліси берутця чистити пани або жиди, поєднавшись на кільки тамъ сажнівъ хворосту, но три або по чотирі ка бованці відъ сажня, а хмизъ не въ щотъ. Не лучче бъ віддавати селянамъ? селянинъ свое громадьске берегтиме. Верба и вільха швидко ростуть, якъ зъ води йдуть; зъ вільхової кори роблять чорну краску для запасо́къ — варють ту кору зъ галуномъ. По левадахъ не побачишъ другого дерева опрічъ вербй: селяне не заводять лісу, а объ садкахъ—нічого й казати, хіба де е вишнякъ, одно або два дерева грушо́къ, або кислич о́къ—и то росте собі по волі. Нема того, щобъ ёго гарненько доглянути, підчистити. А якъ-би-то родюче дерево по нашимъ благодатнимъ грунтамъ розросталось! тільки жъ наші земляки садовину́ зовсімъ занедбали; откупъ охоту одбивъ.... По горахъ е терни́ки, та й тутъ шкода, що ніхто не догляда, бо скотинка ламае, або

позаростуть такъ, що й ягідки не знайдешъ. А воно гарна штука для наливки и на *загáти* (1), щобъ звíрь не переплигувавъ до овечатъ. Коломакъ весною дуже грае; відривае часомъ *плáви* зъ вільхами и лозою, и зносить далеко; а лítомъ пересихае; тільки зостаютця *плесá* (2). Риби вдоволі: ловитця частійшъ щука и плотва, де-коли линъ, карась, а раківъ и вьюнівъ—сила. Сёго добра, хочъ цілий мішокъ, панки добувають за колоду засмальцеванихъ картъ. Риба більшъ ловитця зімою; такі міста, що не замерзають—*узьмені* (3) и *гниловоди* (4). (Я навпісля побалакаю объ рибальстві); є́ й піску багато по лівому боці Коломака; шкода, що не розводють на німъ шелягу, якъ коло Дніпра, а вінъ би згодився; для огорожі нема й луччого—міцне́.

Відъ Полтави по стовповому шляху до гряниці Слободскоі Украіни є́ одно село-Сторожева. За гетьманщини тутъ стояла сторожа відъ татарскихъ наіздівъ; а за Екатерини вже стало село и належало до Черняковського дівочого манастиря (що біля Великихъ Будіщъ). Старі люди кажуть, що тоді лучше жили—вільготнійшъ. Бувъ млинъ водяний и гребля; йшла чумацька дорога, зъ Харьківскихъ селъ: Котельви, Мошнівъ, Баромлі и другихъ. По тимъ селамъ готують колеса, осі и друге, везуть на Дінъ и у Кримъ, и збувають за хорошу ціну; таъ оттой шляхъ, вигóдний для Сторожевоі, пани перевели на своі слободи. Теперъ же Сторожева обідніла,—всёго одна церква. Обивателівъ щитаетця: 1,700 казеннихъ поселянъ, та до 1,900 козаківъ. Казенні живутъ у самімъ селі; грунта громадьскі, розбивають на поділки; платять у казну до пьяти рублівъ зъ души. — — Козаки жъ живуть своіми хуторами, а хто не мае свого грунта, то живе, у сусідахъ, у заможнійшого. Другі козаки мають сельбу коло стовпового шляху; збудували великі хати и завели постояльні двори. Заізди безъ перерву; їдуть на ярмарки у Полтаву и Харьківъ. Тільки багато шкодять жиди, що понаймали панські двори; тай москалі закупили оселі. Жиди більшъ того́ сидять по шинкахъ, щобъ скуповувати у панівъ и ко-

(1) *Загáти* — такъ зветця терповий колючий хмизъ, котрий накладаетця поверхъ тинівъ, щобъ небуло перелазівъ.

(2) *Плéсо* — озеро по течії річки.

(3) *Узьмíнь* або *озьмíнь* — найглибша и найбистрійша течія води, котра зімою не замерзае.

(4) *Гниловоди* — болота, по которимъ течуть озьмені.

заківъ хлібъ та смушки для перепродажі. Наші ще не торгують. Та й ті козаки, що мають постоялні двори або трахтирі, хочь придбали багато худоби, а про те не кидають хліборобства. Така то вже натура нашого селянина! Отті трахтирі — довга хата на дві половини; въ одній половині дві кімнати, гарно прибрані; одна стіна вся въ образахъ, роботи Хорошевського манастиря и Полтавскихъ малярівъ. — Суздальска робота тільки у самихъ убогихъ. Коло образівъ висять дві або три лампадки, роблені квітки, зъ васи́льківъ звязані хрести. На другихъ стінахъ московські картинки—або енерали, або таке наляпано, що й не розберешъ: и червоне тобі и зелене! — столи, дзиглики, замісць стародавнеі лави—канапки, покриті килимами;... біля порогу стоіть шкапъ, а въ німъ чашки́, пляшки́, серебря́ні ложки, тали́рки; а въ другій кімнатці постіль зъ горою подушокъ. На другій же половині—одна здорова хата, зъ варистою піччю. Тутъ уся семья обідае и вечеряе. Кругомъ двору повітки́ для московськихъ звощиківъ и нашихъ хурщиківъ. Къ слову скажу, що у тихъ и другихъ свій норовъ: звощикъ тільки ввійде въ хату, заразъ гука и ластця и бі́льшъ бере на—віру, а фурщикъ мовчки жде, поки дадуть що треба и платить чистима грошима.

По сторонамъ роскинулись хутори, гарні якъ въ пісняхъ співають: и ставокъ, и млинокъ, и вишневий садокъ. Козакамъ невільно жити по селахъ, хіба въ приймахъ. Інколи дозволить громада збудувати и козакові хату у селі, а объ горо́ді и не думай; та проте козаки живуть, на своіхъ власнихъ грунтахъ, якось то вільнійшъ, и на виду здоровші. Знаете, заберетця у свій хутіръ, самъ собі господарь, старши́хъ своіхъ не бачить; не лякають ёго ні судові, ні постої; тай одна та думка, що вінъ свій шматокъ землі мае, придае ёму якусь тиху краси́. А вже казенний по всякий часъ мусить бути готовимъ, що позовуть у волостне; поділки у нихъ невеличкі, або такъ далеко відъ села, що якъ не мае воликівъ або шкапи, то й трудненько. Оттіжъ, що не мають поділокъ, пробуваютця рибальствомъ, або наймаютця у робітники, чи то у своіхъ, чи то у панківъ. Селяне завидують козакамъ и на сміхъ зовуть іхъ «глечиками», а тимъ — и байдуже. Якъ постановлять голову зъ козаківъ, то селяне не дуже раді.——— И козаки зневажають селянъ. Заможні селяне не ходять и на раду, бо голова и другі старші мають якусь пиху началничу, більшъ приказують, ніжъ

радятця. Селяне тулятця до своіхъ заможнихъ людей, котрі имъ помічь дають — визволяють изъ біди. Вбожество — — не зовсімъ викоренило у нашихъ селянъ ні вдячности, ні громадського духу. Разъ лучилось мені бачить таке: зібралась рада, голова щось торочивъ; одинъ зъ найбільшъ-шануемихъ селянъ, чоловікъ заможний и розумний, обізвався, що голова не до-діла каже, а той заразъ и гукнувъ: «у чорну ёго» (бо такъ и голови звикли—починовнёму). — — — Якъ громада стала розходитись, я й заговоривъ зъ однимъ чоловікомъ:

— Чого то вашъ голова такъ паномъ вигукуе?

— Э! бо дуже розбагативъ; бачете, женився вінъ на дочці господаря, котрий правивъ слободою одніеі багатирки—панії.

— Хиба бувъ багатий?

— Та нагарбавъ же зъ ії крепаківъ чи-мало грошей, а навпісля й самъ роспився та й пропавъ.

Подумавъ я собі: такий-то слідъ зоставля по собі кривда и бракъ освіти. Таке у насъ часто трапляетця. Я знову ставъ питати:

— Такъ все те неправедне добро мабуть перейшло до вашого голови?

— Эге жъ! тільки, що почувъ, що тесть померъ, такъ и чкурнувъ, та й захопивъ усе.... а далій позакупавъ грунта, завівъ постояльний, та й паномъ—діло.... А проте скупий—на громадьске вінъ и шага не дасть.

— Вінъ мабуть у васъ зъ письменнихъ-таки?

— Який врагъ! тілько що вміе підписатись. Громада ёго давно бъ зсадила, такъ колижъ мае руку десь вище—бо багатий.

Отті бачця протекціи — корінь усёму злому, якъ на столиці, такъ и у селі. Якъ міжъ судовими, що началникъ одного любе, а другого гонить — такъ и голови вже позвикали: одному писареві ввіритця, а сей набріхуе на другихъ. Та до того жъ усі вони и самі не цураютця горілки, та й селянъ не то щобъ відмовляти, а ще для своеі користи самі на той гріхъ наводять. Одинъ голова такъ-таки безъ сброму оповістивъ, що вінъ буде бити тихъ, котрі питимуть у другихъ шинкахъ, а не у тімъ, що любимий ёго писарь держе. Дарма, що указъ объ «обществахъ трезвості» попи получили,—вони объ тімъ и не повідали парафіянамъ, а сами бенкетують по-прежнёму зъ старшими — прихильними приятелями. За тежъ, якъ мають нужду яку, то вже сміло до тихъ берутця.

Хоча законъ вдоволі забезпечае неподлеглость сільскихъ громадъ и личне право кожного, а проте усюди доводитця бачити подорожнёму, що зневажають и те и друге. Наізди справниківъ, становихъ, и проч., ніколи не обходятця безъ гуку, лайки, витребеньківъ; а щобъ іхъ ублагати хоча трохи, тоставлять імъ закуски, за котрі не діждешъ плати. Та й голови, такъ — таки безъ приговору, а самохіть, охочі дуже до ляпасівъ и стусунівъ. Оттимъ-то наші селяне, мовъ не свої, перелякані якісь, передъ чиновнимъ людомъ. Козаки жъ, якъ я казавъ, рідче бачять отту колотнечу беззаконну и безправну тимъ, що живуть по хуторахъ.

II.

Ще объ тій Сторожевій, бо привелось мені пробувати тамъ довгенько. Місто глухе; нічого не достанешъ: якъ чого треба, то й посилай ажъ у Полтаву, верстовъ за 30-ть. Та ще якъ трапитця весною — якъ вода розіллетця, такъ-що й переправи черезъ Ворскло нема ніякої, — або у-осени по багнюці, то біда, та й тільки; сиди у тімъ селі, та куняй, коли не маешъ ніякої роботи. На папері значитця у Сторожевій три годовихъ ярмарки; а на ділі ні одного не бува,—що вже тамъ не робили, щобъ заманити. У такімъ-то закутку стоіть те село; нудьга та й годі!. Разъ сидю я, та й малюю де-що— а живъ я у одного полупанка — ажъ ось ввійшовъ Голова (я вже у ёго бувавъ) и зъ нимъ козакъ. Подивився Голова на мою роботу, похитавъ головою та й каже:

«Годі вамъ, пане, зъ отимъ возитись; на що воно вамъ здалося? Ходімте-лишень зъ нами на звіря; я усе село зібравъ.» — «А що... мабуть не переливки... —

— «Звірь дуже зобіжда людей,» сказавъ козакъ. —

— «Тай начальство загадуе робити облаву за звірёмъ,» добавивъ Голова. —

Я згадавъ, що й справді положено робити облави що-весни після Великодня, и въ-осени після Чесного Хреста; думаю собі: подивлюсь и я на ту облаву, бо зза молоду й зъ мене бувъ ловець.

— «Добре діло,» кажу: чому не пійти.» —

— «Якъ же недобре!» одказавъ козакъ: «то тутъ, то тамъ, попідъ самісінькими хатами, бере чи овеча, чи порося.» —

Зібралось насъ душъ зъ двадцять верхи, та чоловіка зъ півтори-

сотні піхотою. Чоловіка зъ шість зъ рушницями. Притягнули ми до байраківъ — підняли наші ловці галасъ та гукъ, мовъ татарва. А верхи до півдня гасали по степу ніби-то за звіремъ. Отъ, думаю собі, прийшла погибель на бідного звіря. Якъ понатомились, то й зійшлись усі на долинці. Дивлюсь: шкода, не зачепили ні одного! за те було чого послухати. Голова роспустивъ де-якихъ до дому, другі жъ зостались могоричи пити по тій користній праці, а до того казаковъ раківъ наварили. Сіли у-коло, випили по чарці. Голова й каже:

— «Стою я надъ стежкою,—чую—щось шумотить у кущахъ. Озирнувсь, ажъ вовкъ такъ прямісінько мені въ вічі й дивитця—а я на ёго. Ну якъ ёго стреляти у пику? Ні! хай далій подастця—а вжежъ ушкварю, думаю,... зиркъ—ажъ ёго катъ-ма передъ очима.»—

— А коли хочете,—нашъ Мина (обізвась хтось зъ гурту) лучче зробивъ: дивитця—вовкъ на нёго; такъ-таки й простуе. За рушницю... а, бісъ ёго батькові! и забувъ зарядити. Поки що до чого—вовкъ и прошмигнувъ; Мина тільки хвістъ загледівъ.» —

Мина—чоловічокъ собі зъ виду кумедний—гукнувъ мовъ зъ сердцівъ: «хай въ мене рушниця була не тее... а онъ Яківъ та Андрій—вовкъ пробігъ таки проміжъ нихъ; вони и стрельнули, та съ переляку улучили въ дуба... памьятатиме, що то за браві стрельці були.» — Усі зареготались.

«А Харько-жъ... (додавъ лісничий): той дакъ поставивъ рушницю біля дуба, а самъ достае зза халяви ріжокъ. Щось заворушилось—дивлюсь, Харько ріжокъ объ землю, та за рушницю;.. пукнувъ—ажъ воно бідне заскавучало... Чую, Панасъ гукае: тю-тю, скажений! за що ти мого сірка підстреливъ? Харько мовъ не чуе, та тільки: шкода, кабаку розспавъ.» —

Та оттакъ балакаючи та регочучись, тільки й добра зробили, що барильце повезли до дому порожне. Голова уставъ та й каже:

«Ну, люде добрі, оце жъ ми попрацювали; памьятайте, що въ осени повинна бути друга облава, бо такий приказъ!» —

— «А поки до-того, (обізвався кумедний Мина) хай вовки на нашихъ харчахъ?» —

Отъ така-то облава;.. не такі лови бачивъ я колись по Катеринославськимъ степамъ, зъ хортами, зімнёю добою!—

Хотілось мені запопасти у Сторожевій старенького діда, щобъ роспитати про давню давнину, або записати яку-небудь старинну пісню; алежъ такі діди переводятця у насъ на Вкраіні. А більше ні

відъ кого не почуешъ. Парубки нівечать салдатські пісні, а наші рідко коли згадують; дівчата жъ и молодиці більшъ держатця своіхъ,—тільки крий Боже, якъ співаючи загледять якого-небудь панича—заразъ и заведуть: «я въ пустиню удаляюсь...» Не знайшовъ я у Сторожевій ні одного такого діда, якого шукавъ; ажъ ось, трапилось мені зъ одніею родичкою поіхати у ії хутіръ, підъ містечкомъ Новими-Санжарами (объ тімъ містечці ма́тиму де-чого багато оповідати):—Пізно ми доплентались до того хутора; у хаті душно: я й послався підъ хижкою. Лежу собі та дивлюсь на небо—місяшно; чудовий пахъ такъ тебе и обдае. Згадавъ я про свое житте бурлацьке, думка за думкою... вже ставъ я куняти; ажъ ось зразу якъ гукне щось, та такимъ дикимъ голосомъ... я такъ и схопився: оце, бодай тебе! злякавъ, якъ запорозець татарюгу. А воно знову гукнуло,—а далій заспівало. Тоді вже на Сході зачервоніло; де-яка пташка пробуркалась й стала щебетати, на болоті кулики перекликались. Де вже тутъ спати—я й пішовъ у поле. Дивлюсь,—курінь, а біля ёго геть простягся баштанъ; по міжъ зеленою огудиною, кавуни, дині, гарбузи та́къ и визирали. А по закраіни щось плентаетця повагомъ, мовъ та мара. Я й підійшовъ—передо мною старий, старий дідуганъ стоіть зъ ціпкомъ.

— «А це ти, діду, такъ гукаешъ цілу нічъ?» —

— «Та яжъ, пане! —

«А, здо́рово гукаешъ, діду, хоча й старий...»—

— «Не що́ будешъ робити: оглядаю баштанъ, бачете, то якъ гукаешъ, то й задаси острахъ, щобъ не дуже ласувались на ті кавуни.» —

— «Чий же се баштанъ?» —

— «Та се москалівъ.» —

— «А вінъ тебе нанявъ сторожити?» —

— «Эгежъ! та оттакъ день и нічъ вештайся, ніколи и спочити; а тільки сімъ карбованцівъ за ціле літо, поки не визбирають.» —

— «Не багато!—Хиба тобі, діду, ні при кому жити?» —

— «Та воно е й семья, два сини жонатихъ; я імъ віддавъ усе хазяйство;—та, знаете, робити сили немае, а хотілось би, щобъ таки и своя копійчина була про нужду—не всежъ и дітямъ докучати.»—

— «А відкіля ти, діду?» —

— «Нездалека. Оттамъ, у Новихъ Санжарахъ, коли чули, біля мосту черезъ Ворскло, стоіть двіръ козака Блохи,—оттожъ и мій.»—

— «Давно жъ ти живешъ у тімъ містечці?» —

— «Э, давно, пане! мій дідъ зъ Запорожжя. Та якъ руйновали Січъ, такъ вінъ забрався у ліси Санжарівські, а були вони колись дуже великі...» —

— «Ти щось и співавъ діду—та ще якусь чудову?» —

— «Та то відъ нудьги, бачете; згадавъ якъ колись батько мій спивавъ, бо мій батько бувъ и у пикинерахъ.» —

Я такъ зрадівъ, мовъ скарбъ натрапивъ. Ставъ я просити діда, щобъ вінъ заспівавъ. Сіли ми біля куріня; дідъ почавъ співати, а я до слова записувавъ.

I.

Ой зъ устья зо Дніпра вершини
Сімъ сотъ річокъ и чотири
Усі въ Дніпръ упали,
Ні одно Дніпру правди не сказали;
Тільки одна річка
Сама невеличка
Та й та въ Дніпръ упала,
Дніпру всю правду сказала...
Ой повій, вітре, та низовий
На рямини (1) та на кедровиі,
На паруси та на персовиі (2),
Та на демину (3) та на малёвану.
Ой у демині та козакъ сидить;
Демену повертае,
На Чорне море поглядае...
Ой пливе судно
Однимъ-одно;
Ой у тімъ судні
Турчинъ сидить съ туркенію,
А туркеня не гуляе—
Шовкомъ вишивае.

(1) *Ramus*, — ὄραμνος — вѣтвь, — весло (?) *Ред.*
(2) »Персовиі« — надутиі. —
(3) »Демінъ« — човенъ. Такъ казавъ дідъ. *Demano* — плыть внизъ (?) *Ред.*

Ой кому сей платокъ буде,
Чи сотнику, чи півковнику,
А чи й отаману та вістовому,
А чи самому Кошовому?

II.

Ой у лузі надъ водою
Калина цвіте;
Ой де-то нашъ отаманъ
Съ козаками пье;
ть же вінъ хоне купуе,
Такъ правди глядить,
Которие лукавіі,
Такъ вінъ велитъ бить.
Наступала чорна хмара,
Ставъ дощъ накрапать,
Ой стали наші козаки
Въ намітъ утікать;
Которие багатие
У намітъ пішли;
Козаченьки нетяженьки
Не посміли,
Взяли кварту,
Ще й другу зъ жарту,
На дощи сіли.
А въ нашого отамана
Учинився жаль:
Скинувъ зъ себе голубий жупанъ,
Та й намітъ напьявъ.
Прийшовъ дука, прийшовъ багачъ,
Та й у порога ставъ;
Изъ нашого отамана
Сміятися ставъ.
Якъ крикнувъ нашъ отаманъ
Та на свое військо,—
Озьміть дука за чубъ и руку
Та виведіть вонъ!

Одинъ узявъ за чубъ и руку,
Дуломъ бье:
Ой не ходи, превражій дука,
Де голота пье.
Добра та беседонька,
Де отаманъ пье,
А ще й лучче, ще й краще,
Де отець и матірь е.

III

Ой теперъ наші славні Запорозьці
Усі ради стали,
Що поіхавъ Кошовий на Москву,
Щобъ намъ, братці, землю дали.
Который поіхавъ съ Кошовимъ на Москву,
То й буде панувати.
Зоберуть въ члени, помежують землі,
А ми будемъ свині пасти.
Ой помежували степи запорозькі
И козацькі славні луки! —
Писалися запорозьці
Не зъ роскоші, зъ муки (1).

— «Ну, діду, спасибі тобі за такі пісні! приходь же до хати— випьемо по чарці та пообідаемо.« —

— «Отъ за це дякую, бо москаль, якъ ёму притьмомъ треба було сторожа, то й обіцявъ харчъ давати — а потімъ и не тее... Знаете: якъ потопа, то й сокиру обіцяе; а виратуешъ — то й топорища не дасть. Принесе хлопья, таки зъ вашого хутора, щерби (2), то я зъ хлібомъ попоімъ — отто и вся іжа! — Прийду, прийду»...

Кузьма Шаповалъ.

1-го іюня 1861 року.
Полтава.

(Буде далій.)

(1) Дідъ послі добавивъ, що запорозьці: *зъ муки* писалися у пикинери.—
(2) «Щерба» — остання юшка після галушокъ.

ПОГУКОВЩИНА.

Одинъ мой знакомый, около 1846 года, былъ, по дѣламъ, въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Однажды, возлѣ оконъ дома, гдѣ онъ остановился, собралась многочисленная крестьянская сходка (село было помѣщичье). Зашелъ между крестьянами споръ. Одинъ изъ толпы вызвался съ своимъ мнѣніемъ; но его остановили такими словами: «*ти бъ мовчавъ, бо й досі не оддавъ погуковщи́ни.*» Эта «погуковщи́на» возбудила любопытство въ моемъ знакомомъ. Подозвавъ къ себѣ самаго расторопнаго изъ крестьянъ, онъ тогда же распросилъ о значеніи этого слова, и вотъ—что́ сохранилось въ его памяти:

При введеніи христіанства въ этомъ уединенномъ краю, старались расположить народъ ходить въ новопостроенную тамъ православную церковь. Народъ пошелъ туда сначала изъ любопытства; все, что́ онъ видѣлъ и слышалъ въ церкви, очень понравилось ему, такъ—что онъ самъ попросилъ у священника позволенія — «*погукать.*» Священникъ, вѣроятно, желая пріучить ихъ къ церкви, согласился на эту просьбу. Но такъ—какъ эта прихоть повторялась всякій разъ, то духовенство сочло нужнымъ обложить обычай *погуканья* податью: и каждый изъ прихотливыхъ прихожанъ долженъ былъ давать духовенству ежегодно *пень* (улій) пчелъ. Впослѣдствіи, когда народъ утвердился въ вѣрѣ и уже пересталъ гукать, обычай этой дани все—таки продолжался.

Съ теченіемъ времени, народъ счелъ ее для себя дорого́ю и рѣшилъ—вмѣсто *пенька*—давать по рублю съ души; а наконецъ, уже въ послѣднее время, сообразивъ, что эта дань излишня, сталъ платить ее въ пользу общества, въ мірской капиталъ, на уплату податей за бѣдныхъ и на другія благотворительныя цѣли.

Къ—сожалѣнію, мой знакомый не помнитъ ни названія деревни, ни другихъ подробностей. Желательно было бы, чтобы кто—нибудь изъ жителей Радомысльскаго уѣзда, сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнія о погуковщи́нѣ; тогда, можетъ—быть, гуканіе объяснилось бы какимъ—нибудь языческимъ обрядомъ, народной легендой, или повѣрьемъ.

П. Чубинскій.

БЛАГОРОДНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ СВОЕГО ИМУЩЕСТВА.

Въ польскомъ обществѣ, слишкомъ часто поражавшемъ и поражающемъ насъ, украинцевъ, исключительностью своихъ сословныхъ, національныхъ и религіозныхъ взглядовъ, нерѣдко встрѣчались и встрѣчаются благородныя личности, возвышенный умъ и гражданское чувство которыхъ выдѣляетъ ихъ изъ толпы и внушаетъ искреннее сочувствіе въ каждомъ, умѣющемъ цѣнить борьбу съ самимъ-собой и съ общественными предразсудками.

Наряду съ господами, которые желали бы выкопать тѣло Шевченка изъ родной земли и запрятать его такъ, чтобъ ни одинъ его соотечественникъ не могъ поклониться священной могилѣ, которые желали бы здѣлать украинскій языкъ навсегда нѣмымъ, отрадно встрѣтить такую благородную личность, какъ недавно умершій М. Ив. Конарскій, о завѣщаніи котораго мы прочли въ 134 № «Польской Газеты, этого года. Намъ было бы еще пріятнѣе узнать о честномъ дѣлѣ г. Конарскаго, если бы онъ, въ своей духовной, чѣмъ-нибудь выразилъ участіе къ нуждамъ тѣхъ *подольскихъ крестьянъ*, которыхъ трудъ, быть-можетъ, доставлялъ ему дорогую пшеницу и далъ возможность обогатиться и облагодѣтельствовать въ Одессѣ, а еще больше—*внѣ* южнаго края, многихъ, неимѣющихъ ничего общаго съ главными виновниками его богатства. Но, какъ говорится—*выше себя не будешь*: поэтому, воздавъ должное памяти почтеннаго человѣка, сдѣлавшаго то, что̀ для него было возможно, приведемъ отчетъ г.г. душеприказчиковъ, Вэрницкаго и Корейвы·

«Скончавшійся, 26 апрѣля текущаго года, въ городѣ Одессѣ, тамошній житель, помѣщикъ Подольской губерніи, Михаилъ Ивановичъ Конарскій, оставилъ, послѣ своей смерти, представленное въ Одесскій Коммерческій Судъ, для законнаго утвержденія, духовное завѣщаніе, въ которомъ, кромѣ отказовъ въ пользу своего семейства, онъ опредѣлилъ значительныя суммы на общую пользу. Но пока это завѣщаніе приведется въ исполненіе, мы, нижеподписавшіеся душеприказчики покойнаго, спѣшимъ познакомить публику съ пожертвованіями завѣщателя, сообщая редакціи «*Польской Газеты*»—въ чемъ они состоятъ.

Сумму въ 10,000 р. ср. покойный предназначилъ на окончаніе и обведеніе каменной стѣною католической церкви въ Вроцлавѣ, и желалъ, чтобы на остатокъ изъ сказанной суммы основанъ былъ, при той же

церкви, госпиталь его имени, для призрѣнія нѣсколькихъ неимущихъ и пожилыхъ лицъ.

Сумму въ 6000 р. ср. дѣлитъ такимъ образомъ: на церковь католическую въ Одессѣ *тысячу* руб.; на *конфессіоналы* въ той же церкви тысячу руб.; на школу при той же церкви двѣ тысячи рубл.; на школу лютеранскую тысячу руб.; и на школу при церкви реформатской тысячу рублей. Всѣ эти школы въ г. Одессѣ.

Земледѣльческому Обществу Южной Россіи завѣщана вилла, находящаяся въ Одессѣ, на Молдаванкѣ, съ тѣмъ, чтобы тамъ была основана ферма и земледѣльческая школа.

20,000 р. ср. съ процентами, назначено въ Земское Кредитное Общество (Towarzystwo Kredytowe Ziemskie) въ Варшавѣ, съ тѣмъ, чтобы редакція журнала «*Библіотеки Варшавской*,» отыскивая самыхъ бѣдныхъ учениковъ въ Варшавскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ равно и тѣхъ, кто, окончивъ эти заведенія, заслуживаетъ помощи для дальнѣйшаго образованія; доставляла имъ, изъ сказанной суммы, вспомоществованія въ теченіе 10 лѣтъ, со дня смерти завѣщателя.

Принадлежащіе завѣщателю два дома съ магазиномъ, находящіеся въ Одессѣ, по Херсонской улицѣ, и оцѣненные имъ въ 60,000 р. ср., предназначены на благотворительныя дѣла въ Царствѣ Польскомъ, въ особенности—для основанія какихъ-либо учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ. Имущество это поступаетъ въ вѣдѣніе Земскаго Кредитнаго Общества въ Варшавѣ, по распоряженію котораго оно можетъ быть продано, но не раньше, какъ черезъ десять лѣтъ со дня смерти завѣщателя, дабы такимъ образомъ, посредствомъ ежегодно получаемаго дохода, увеличить капиталъ и затѣмъ употребить для вышеозначенной цѣли.

11,000 р. ср., съ процентами, предназначены на окончаніе дома Ученаго Общества въ Краковѣ (Towarzystwo Naukowe), начатаго покойнымъ Францомъ Вэнжикомъ.

5000 р. ср. предоставлены въ распоряженіе того же Общества, съ тѣмъ, чтобы оно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, снабжало пособіемъ неимущихъ студентовъ Ягеллонскаго университета, руководствуясь въ этомъ собственнымъ усмотрѣніемъ.

Польскія и латинскія рукописи, находящіяся въ имѣніи завѣщателя, Вышковцахъ, предназначены также для Краковскаго Ученаго Общества.

Изъ суммы въ 6000 р. ср. получатъ проживающіе: въ г. Варшавѣ, *Юліанъ Бартошевичъ* и Александръ *Мацѣёвскій* (извѣстный

ученый), близъ Кракова—*Карлъ Шайноха* (историкъ) 1500 р.; и въ Силезіи—Осипъ *Лёмпа*—каждый по тысячѣ пяти сотъ рублей ср. Пожертвованія эти оставлены Конарскимъ на память о себѣ и въ пособіе для изданія историческихъ сочиненій.

Въ своемъ завѣщаніи покойный не забылъ о слугахъ и о ходившихъ за нимъ во время его болѣзни.

Всѣ вышеозначенныя суммы не находятся-пока въ наличныхъ деньгахъ, но должны поступить къ душеприказчикамъ по разнымъ документамъ.

«Какая мысль руководила Конарскимъ при жизни,» заключаютъ г.г. душеприказчики,—это видно изъ предсмертныхъ словъ его: «Мнѣ думалось, что я богатъ, а теперь я вижу, что у меня только было мало жизни потребностей, потому-что когда пришло желаніе удовлетворить душевнымъ потребностямъ, бѣдность моя явственна и даже чувствительна.»

Вэрницкій, Викторъ Корейва.

ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХЪ НАРОДНЫХЪ НРАВОВЪ.

Изъ Тирасполя, г. И. Шапира сообщаетъ въ «Одесскій Вѣстникъ», между-прочимъ, слѣдующій случай:

Въ деревнѣ Салупскѣ, Тираспольскаго уѣзда, одинъ крестьянинъ вырубилъ тайно изъ изгороди своего помѣщика вербу, которую и нашли у него въ саду. Помѣщикъ, не желая быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, увѣдомилъ объ этомъ только-что избраннаго голову. Послѣдній, созвавъ общество, предложилъ нарядить судъ надъ виновнымъ. Но такъ-какъ не было ясной улики о тайной порубкѣ, то крестьянинъ не признавался въ похищеніи дерева, утверждая, что оно неизвѣстно кѣмъ ему подкинуто. Прежде, можетъ-быть, крестьяне и не согласились бы выдать своего собрата на правый судъ, но теперь дѣло иное: нашлись свидѣтели, нашлись улики, открылось даже, что крестьянинъ произвелъ эту работу въ праздничный день. Поэтому, общество начало судъ. Виновный вздумалъ—было прибѣгнуть къ средству, которое неразъ способствовало прежде къ прикрытію вины поважнѣе настоящей, и предложилъ своимъ судьямъ ведро водки. Но общество не только не приняло этого обаятельнаго, для простаго человѣка, выкупа,

но даже сочло это большою для себя обидою, и приговорило виновнаго къ уплатѣ помѣщику за вербу, по ея стоимости, и къ наказанію исправительно-полицейскими мѣрами, а сверхъ-того, къ трехъ-дневной работѣ при мѣстной церкви.

ЛЮБОПЫТНАЯ ВЫХОДКА НѢМЦА.

«Варшавская Газета» (Gazeta Warszawska, № 193) сообщаетъ, что какой-то ученый нѣмецъ только-что издалъ въ Лейпцигѣ разсужденіе, подъ заглавіемъ; «Von einem verschollenen Deutschen Volcksstamm». Онъ доказываетъ, что галицкіе русины — нѣмецкое племя, и что они принадлежатъ къ поколѣнію тюрингцевъ, которые въ старинныхъ хроникахъ были извѣстны подъ именами ретовъ, рутовъ, ротовъ, отчего и произошло нынѣшнее названіе *рутеновъ*. По словамъ сочинителя, въ ту пору, когда готы проходили чрезъ славянскія земли, рутены, двинувшіеся вмѣстѣ съ ними, по странному стеченію обстоятельствъ, не пошли далѣе, а поселились по обѣимъ сторонамъ Карпатскихъ Горъ. Судьба этой нѣмецкой отрасли была, какъ гласитъ упомянутое разсужденіе, чрезвычайно-печальна: въ-теченіе тысячи лѣтъ, окрестные славяне до такой степени угнетали рутенскую народность, что рутены приняли въ свой языкъ половину словъ славянскихъ, но нѣмецкая закваска не истребима и руссины до-сихъ-поръ сохраняютъ очень-много германскаго въ своихъ обычаяхъ, нравахъ и языкѣ, и, какъ увѣряетъ авторъ, берегутъ въ своихъ сердцахъ симпатію къ нѣмцамъ (?). Мало этого: даже черты лица у галицкихъ руссиновъ и ихъ умственныя способности—суть чисто-германскія (!!)

«Вслѣдствіе всего этого», говоритъ ученый оригиналъ, «задачей германскихъ народовъ должно быть освобожденіе угнетеннаго германскаго племени рутеновъ изъ-подъ ига славянъ, которые, въ-теченіе слишкомъ десяти вѣковъ, попирали и топтали его ногами.»

Мы, украинцы, не удивляемся нѣмцу, когда нѣкоторые рьяные *славяне* отрицаютъ самобытность русиновъ и называютъ нашу народность *испорченною польскою!?* Чтобы показать нагляднѣе, въ какой степени правы тѣ и другіе, мы вскорѣ представимъ, въ *Основѣ*, описаніе старинныхъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, существующихъ и нынѣ въ Галиціи, въ селахъ по рѣкѣ *Збручу*.

ЮЖНЫЕ ЭКСПОНЕНТЫ

НА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВЫСТАВКѢ РУССКИХЪ МАНУФАКТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ 1861 ГОДА.

Изъ 985 экспонентовъ, доставившихъ изъ разныхъ губерній, а преимущественно изъ Петербурга и Москвы, предметы своего производства, южнорусскихъ было всего *сорокъ пять*. Они распредѣлялись по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

Харьковской 15 экспонентовъ, Черниговской 11, Кіевской 6, Херсонской 5, Полтавской 4, Екатеринославской 3, Таврической 1.

Подольская и Волынская губерніи, а также и Бессарабская область, не принимали никакого участья на выставкѣ.

Изъ 45 экспонентовъ, самое большее число выпадаетъ на долю табачныхъ фабрикантовъ: ихъ было 15; изъ нихъ 7 принадлежитъ городу Харькову. Кромѣ г.г. Кріона изъ Одессы и Капона изъ Харькова, остальные производятъ весьма незначительное количество табаку, или малоизвѣстны. Герзонъ, изъ Кіева снабжаетъ своимъ табакомъ Полтавскую и Черниговскую губерніи, но не пользуется никакой репутаціей.

Харьковскіе фабриканты — Айвазъ, выдѣлывающій табакъ въ разныхъ видахъ на сумму до 20,000 и Богомоловъ, котораго табакъ привозится на украинскія ярмарки, мало извѣстны и не могутъ похвалиться большимъ числомъ своихъ цѣнителей. Самъ знаменитый Кріона, котораго табакъ куритъ исключительно весь югъ и всѣ малороссіяне живущіе въ великорусскихъ городахъ, со времени увеличенія пошлины, сталъ значительно хуже; особенно первый и второй сорты его табаку стали плохи. Со времени же открытія, въ этомъ году, въ Кіевѣ фабрики Добровольскаго, многіе бросили табакъ Кріона, что особенно замѣтно между курящими малороссіянами въ Петербургѣ.

Нѣжинскихъ табаковъ вовсе не было на выставкѣ, также какъ и значительныхъ одесскихъ фабрикантовъ, напр: Плотлера, изучавшаго табачное производство и фабрикацію сигаръ въ самой Гаваннѣ.

Экспонентовъ сахара было *двѣнадцать*. Изъ кіевскихъ сахароваровъ явилось на выставку только *три*. Гг. Бобринскій, Яхненко и Симиренко, Сангушко, Клейнъ, заводы которыхъ производятъ глав—

ную массу сахара, вовсе не были. Удивительно также отсутствіе сахароваровъ Подольской и Волынской губерній, и значительныхъ сахороваровъ Харьковской губерніи, какъ напр , г. Кукель-Яснопольскаго, получившаго золотую медаль на лондонской всемірной выставкѣ. Изъ Полтавской губерніи не было привиллегированнаго Сребрянскаго сахаровара, С. М. Трифановскаго, имѣющаго отлично–устроенный паровой рафинадный заводъ.

Изъ старообрядческихъ слободъ Черниговской губерніи было *четыре* экспонента, въ томъ числѣ *три* изъ посада *Клинцовъ*, имѣющаго *двадцать двѣ* суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрики, изъ которыхъ 7 дѣйствуютъ паромъ.

Фарфоръ и фаянсъ Межигорскаго завода и г. Миклашевскаго тоже отсутствовали.

Экспонентовъ шелковой промышленности явилось только *три*, между тѣмъ, какъ на выставкѣ Вольнаго Экономическаго Общества 1860 года ихъ было *десять*.

Московскій комитетъ шелководства, херсонскіе помѣщики гг. Бефани и Чорба и г. Чижовъ, въ Кіевской губерніи, неутомимо дѣйствуютъ для развитія шелководства на югѣ Россіи. Московскій комитетъ шелководства разсылаетъ за весьма умѣренную цѣну деревца, шелковичныя сѣмена и яички шелкопряда своимъ членамъ и другимъ охотникамъ до этой важной отрасли сельской промышленности. Было бы весьма желательно, чтобы эта прибыльная промышленность привилась во всемъ нашемъ краѣ.

Въ настоящее время занимаются разведеніемъ шелковицы и выкормкой шелкопряда — въ Батуринѣ, Нѣжинѣ, Кролевцѣ, Лубнахъ, Хоролѣ, Воронежѣ, въ Херсонской, Подольской, Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ.

Гг. Бефани и Чорба, занимающіеся уже болѣе трехъ лѣтъ шелководствомъ, убѣдились въ важности этой промышленности для южнаго края и, по ходатайству бывшаго предсѣдателя южныхъ поселеній, графа Ламберта, получили въ арендное содержаніе, на 99 лѣтъ, огромныя тутовыя плантаціи (около 2 мил. деревъ) въ городѣ Новогеоргіевскѣ, въ посадѣ Новой-Прагѣ (Петриківка) и с. Новомъ-Стародубѣ. Шелкъ ихъ, размотанный на машинѣ колониста Янсена, продается въ Москвѣ и Варшавѣ по 300 р. пудъ.

Единственный опытъ *обширнаго* распространенія у насъ шелководства представляется намъ въ почтенной дѣятельности Ѳ. В. Чижова,

имѣющаго шелководное заведеніе въ 3-хъ верстахъ отъ Днѣпра, близь мѣстечка Триполя и села Жуковець, и въ 8-ми верстахъ отъ этихъ послѣднихъ — шелковичную плантацію у села Чернякова.

Крестьяне этихъ и окрестныхъ селъ малоземельны и хлѣбопашество ихъ не обезпечиваетъ; глубокія и обширныя долины, въ которыхъ расположены эти села, дали имъ возможность развесть много садовъ и левадъ. Крестьяне насильственнымъ образомъ познакомились съ шелководствомъ въ то время, когда какой-то французъ арендовалъ тутовыя плантаціи, на которыхъ, по условію, крестьяне обязаны были работать *въ пригонъ*. Но съ тѣхъ поръ, какъ шелководнымъ заведеніемъ управляетъ О. В. Чижовъ, отсутствіе всякихъ насильственныхъ мѣръ и дружественныя его отношенія къ крестьянамъ сдѣлали то, что они съ такою охотою взялись за эту важную для нихъ статью хозяйства, что въ 1855 году въ селахъ Жуковцѣ и Веремьѣ было *тридцать* хозяевъ занимавшихся шелководствомъ, въ 1857 — *восемьдесятъ*, а въ 1860 году — болѣе *ста*.

Кромѣ этихъ двухъ селъ, также м. Триполья и с. Черняковки, шелководствомъ занимаются и въ сосѣдствѣ.

Самымъ-замѣчательнымъ экспонентомъ по новости и важности представленнаго предмета былъ Михаилъ Васильевичъ Перошковъ (кіевлянинъ), такъ-давно и упорно занимающійся опытами надъ новымъ растеніемъ, способнымъ, современемъ, обогатить нашъ край.

Разныя произведенія, добытыя имъ изъ волокнистаго стебля *ласточника* (Asclepias syriaca) и изъ блестящаго пуха, облекающаго зерна стручковаго плода этого растенія, были доставлены имъ на выставку.

Волокно этого растенія даетъ пряжу, легко окрашивающуюся, нѣжную вату, войлокъ, оберточную бумагу, коллодіумъ и, въ примѣси къ хлопчатой бумагѣ, даетъ болѣе крѣпкую пряжу.

Г. Перошковъ, объяснявшій посѣтителямъ выставки свое открытіе, снабжалъ ихъ образчиками представленныхъ имъ продуктовъ и едвали найдется теперь человѣкъ, сомнѣвающійся въ великой заслугѣ г. Перошкова. Быть можетъ и современники воздадутъ ему должное; но нѣтъ сомнѣнія, что потомство поставитъ его очень-высоко между общеполезными дѣятелями.

Для успѣшной разработки новаго прядильнаго растенія необходимы живое сочувствіе общества и хозяевъ, и средства, значительнѣе тѣхъ, которыми можетъ располагать г. Перошкозъ, для котораго, по настоя-

щее время, существовали однѣ издержки безъ малѣйшей вещественной выгоды.

При Московскомъ Ремесленномъ Училищѣ производятся опыты надъ *ласточникомъ*, въ размѣрахъ, гораздо больше прежнихъ: г. Перошковымъ доставлено туда нѣсколько десятковъ тысячъ стеблей это растенія.

Носятся слухи, что недавно были сдѣланы изобрѣтателю весьма выгодныя предложенія изъ Англіи. Сѣверо-Американцы, узнавъ, что у насъ обратили наконецъ вниманіе на открытіе г. Перошкова, стали отыскивать ласточникъ у себя и, кажется, нашли въ штатахъ Пенсильваніи и Виргиніи.

Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ извѣстій объ опытахъ въ Москвѣ, а также и руководства для разведенія и ухода за ласточникомъ.

Въ непродолжительномъ времени *Основа* надѣется представить обстоятельное описаніе ласточника и исторію открытія, сдѣланнаго г. Перошковымъ.

Изъ числа прочихъ экспонентовъ, помѣщица Е. К. Закревская (Остерскаго уѣзда) представила замѣчательные образцы пеньки и кудели; г.г. Извѣковъ (Харьковской губ. Изюмскаго уѣзда) и Фундуклей (Херсонской губ. Бобринецкаго уѣзда) представили отличную мытую шерсть.

СПИСОКЪ ЮЖНОРУССКИХЪ ЭКСПОНЕНТОВЪ.

Харьковской губерніи (15).

1. ***Ротермундъ,*** Адольфъ Васильевичъ, фридрихсгамскій и московскій 1-й гильдіи купецъ.

   Рафинадный заводъ и для выварки свеклосахарнаго песку находится въ Сумскомъ уѣздѣ, въ Великой Бобрикѣ. Рабочихъ до 450 чел.; паровая маш. въ 40 силъ, котловъ 7, въ 200 силъ; ежегодно приготовляется до 200,000 пуд. рафинаду, на 1,700,000 руб. Сверхъ того выварка песку производится на заводахъ, состоящихъ въ Харьковской губ., 1) Лебединскаго у., въ дер. Чернаховкѣ, и 2) Ахтырскаго у., въ с. Грязномъ. На каждомъ изъ сихъ заводовъ по 2 паров. маш., въ 25 с., и по 300 чел. рабочихъ.

Рафинадъ 1-го и 2-го сорта, по 8 и 7 р. 75 к. пуд. Зюсъ-мелисъ, 7 р. 50 к. пуд. Сахарн. песокъ, по 5 руб. 25 коп. пуд.

2. *Шрейдеръ*, Левъ Петровичъ, генералъ-маіоръ.
Свеклосахарный заводъ находится Ахтырскаго у. въ с. Янковомъ Рогѣ; приводится въ дѣйствіе 3-мя паровыми машинами въ 20 силъ. Годовое производство сахару на 50,000 р. Свеклосахарный песокъ.

3. *Кондратьевъ*, Дм. Ив., помѣщикъ.
Сумскаго у. с. Ульяновка. На заводѣ, приводимомъ въ дѣйствіе 4 пар. машинами, выдѣлывается ежегодно отъ 10 до 15,000 пуд. сахару, цѣною отъ 9—10 руб. за пудъ.
Двѣ головы сахару рафинаду изъ свекловицы.

4. *Богомоловъ*, Ив. Никол. Харьковскій 3-й гил. купецъ.
Близь гор. Харькова.
Лаки спиртовые и политура, отъ 40 до 26½ коп. бут.
Лаки масляные, ц. отъ 18—80 к. бут. Скоро высыхающія краски, ц. отъ 20—12 к. ф.

5. *Рашке*, Осипъ Самойловичъ, Харьков. времен. 3 гил. купецъ.
Въ гор. Харьковѣ, фабрика скоровысыхающихъ масляныхъ красокъ существуетъ съ 1857 г.; рабочихъ 40 челов.; паровая машина въ 8 силъ.
Скоро высыхающія краски, отъ 40—5 р. 50 к. за пудъ. Вареное конопляное и льняное масло по 8 р. пуд.

6. *Павловъ*, Никита Акимовичъ, Харьковскій 2-й гильдіи купецъ.
Въ гор. Харьковѣ, свѣчной заводъ устроенъ въ 1830 году, рабочихъ 15 чел.; изъ 19,000 пуд. сала выдѣлывается ежегодно до 15,000 пуд. свѣчей, на сумму до 90,000 руб.
Свѣчи изъ прессованнаго и очищеннаго сала.

7. *Ралле*, Альфонсъ Антоновичъ, московскій 2-й гил. купецъ и *Бодранъ*, Эмиль, времен. москов. купецъ.
Фабрика косметическихъ издѣлій въ гор. Харьковѣ съ 1852 года. Сумма годоваго производства на обѣихъ фабр. (другая въ Москвѣ) простирается до 325,000 руб.
Разные косметическіе товары.

8. *Извѣковъ*, Илья Петровичъ, изюмскій 2-й гил. купецъ.
Въ городѣ Изюмѣ.
Шесть образцовъ шерсти испанской, мытой.

Табачные фабриканты въ гор. Харьковѣ.

9. *Болотовъ*, Курит. табакъ въ 72 к. и 2 р. 40 к. ф.
10. *Богомоловъ*, Ив. Ник. Нюхат. т. отъ 90—24 к. ф. сигары 1 р. 75—92 к. сотня.
11. *Саатчи*. Таб. отъ 72 к.—2 р. 40 к. ф. Папиросы по $43^3/_4$, 23 и $11^1/_2$ к. за 25 шт.
12. *Капонъ*. Табак. отъ 2 р.—36 к. ф.
13. *Айвазъ*. Таб. отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы отъ 92—46 к. сотня, сигары изъ русскаго табаку по $92^1/_2$ коп. за сотню.

Ежегодно выдѣлываетъ табаку, сигаръ и папиросъ на 20,000 руб.

14. *Ростовцевъ*. Табакъ курит. отъ 36—12 к. ф. Нюхательный по 48 и 24 к. за ф.

Въ прошломъ году приготовлено табаку на 10,000 р.

15. *Габай*. Кур. таб. отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы отъ $43^3/_4$—$11^1/_2$ за 25 шт.

Черниговской губерніи (11).

16. *Гребенниковъ*, Гордій Исакіевичъ, 2 гил. купецъ.
Въ посадѣ Воронкѣ.
Щетина разныхъ сортовъ, отъ 22—117 р. пуд.
17. *Горячкинъ*, Григорій Куприяновичъ. Ейскій 1 гил. купецъ.
Суражскаго у. посадъ Клинцы. Ежегодно выдѣлывается сафьяновъ до 41,800 шт. на 31,420 руб.
Рабочихъ находится въ заведеніи 40 человѣкъ.
Сафьяны козловые, отъ 2—1 р 25 к. шт.
Бронзированные сафьяны, отъ 75—50 к. шт.
Сафьяны баранье, отъ 1 р. 25 к.—75 к. шт.
18. *Кубаревъ*, Мих. Борис. Ейскій 1 гил. купецъ.
Суражскаго у. въ посадѣ Клинцахъ.
Паровая суконная фабрика; сукна выработывается болѣе 100,000 арш.
Чулки шерстяные, отъ 60—90 к. за пару.
Фуфайки, по 1 р. 60 к. и 2 р. 50 к.
Сукна разныхъ цвѣтовъ, отъ 1 р. 35 к. до $2^1/_2$ р. за арш
19. *Степушинъ*, Акимъ Васил., 2-й г. купецъ.
Суконная фабрика находится Суражскаго у. въ посадѣ Клин-

цахъ; существуетъ съ 1832 г.; приводится въ дѣйствіе 2-мя паров. маш., въ 30 и 15 с.; машинъ чесальныхъ 18, континю 9, прядильныхъ 6, мюльныхъ 7, ткацкихъ становъ 140, рабочихъ 765 человѣкъ. Ежегодно выдѣлывается 145 т. арш. суконъ и другихъ шерстяныхъ тканей, на сумму до 308 т. руб.

20. *Шостенскій пороховой заводъ.*
Глуховскаго у. существуетъ съ 1739 г.
Селитра литрованная, $19^{1}/_{10}$ к. ср.; сѣра, 5 к. ф. уголь, $1^{3}/_{4}$ к. ф.

21. *Голицына*, княгиня Аглаида Павловна.
Новгородсѣверскаго у., при с. Костобобрѣ.
Свеклосахарный заводъ имѣетъ четыре паров. маш., съ тремя паровыми котлами; вываривается ежегодно до 4,750 пуд. песку, до 29 т. р.
Образецъ свеклосахарнаго песку, по 5 р. 80 к. пуд.

22. *Кочубей*, Александръ и Аркадій, помѣщики.
Песокъ свеклосахарный.

23. *Терещенко*, А. Я. Глуховской 1-й г. купецъ.
Глуховскаго у. Михайловскій заводъ.
Песокъ свеклосахарный.

24. *Миклашевскій*, Іосивъ Михайловичъ, полковникъ.
Фабрика суконъ и шерстяныхъ тканей находится Стародубскаго у. въ мѣстечкѣ Понуровкѣ; учрежд. въ 1816 г.; раб. до 230 чел. об. пол. Пар. маш. въ 25 с.; прядильныхъ 4, каждая въ 240 веретенъ; ежегодно выдѣлывается до 37 т. арш. сукна и др. тканей и до 1 т. шт. одѣялъ, на сумму 75 т. р.
Сукна раз. цвѣтовъ, отъ 2 р. 75 к.—1 р. 80 к. арш.
Драдедамъ черн. и сѣр., по 1 р. 90 к. и 1 р. 65 к. »
Фланель, по 1 р. арш. Одѣяла, по 8 р. шт.

25. *Исаевъ*, Петръ Семеновичъ, съ сыновьями, потом. поч. граж Суражскаго у., въ кол. Новыхъ Мезиричахъ; сукон. фабр. устроена въ 1834 г.; рабоч. 580 чел.; приводится въ дѣйствіе 4 водяными приводами, устроенными въ каналахъ, проведенныхъ изъ двухъ соединенныхъ рѣчекъ, въ случаѣ же недостатка воды паровою маш. въ 26 с.; маш. чесальн. 24, континю 8, мюльныхъ 8, съ 1830 верет.; ежегодно выдѣлывается суконъ на 250 т. руб.

26. *Закревская*, Елисавета Константиновна, помѣщица.
Остерскаго у. въ дер. Барки.
Образцы пеньки нечесаной и кудели чесаной.

Кіевской губерніи (6).

27. *Браницкій*, графъ Владиславъ Владиславлевичъ.
Ольшанскій сахарный и рафинадный заводъ находится въ Звенигородскомъ у., существуетъ съ 1846 г.; приводится въ дѣйствіе 13-ю пар. маш. въ 79 силъ и 10 паров. котл. въ 350 силъ; при 700 раб.; выдѣлывается до 50 т. пуд. сахарнаго песку и до 380 т. пудъ рафинаду.
Три головы сахару, по 8 р. 80 к. пуд.

28. *Гальперинъ*, Іосифъ Израилевичъ, потомст. почет. граж.
Кіевскаго у. въ м. Ржищевѣ, на заводѣ, приводимомъ въ дѣйствіе 5-ю пар. маш. въ 54 с. выдѣлывается ежегодно до 15 т. пуд. песку.
Два пуда свеклосахарнаго песку, по 7 р. 25 к.

29. *Фундуклей*, Ив. Ив., сенаторъ.
Чигиринскаго у. въ с. Старой Осотѣ.
Свеклосахарный песокъ, ц. отъ 6 до 7 р. пуд.

30. *Перошковъ*, Михаилъ Васильевичъ, Кіевской губ.
Образцы растенія ласточника и издѣлій изъ него, какъ-то: ваты, ц. отъ 5 до 15 коп., оберточной бумаги, отъ 25 до 40 к. пуд., пряжа, коллодіумъ и проч.

31. *Клугъ*, Вильгельмъ Ив. купецъ, въ г. Кіевѣ.
Сапоги, по 7 р. 50 к. и 8 р. пара. Ботинки, изъ лакированной кожи, 7 р.
Примѣчаніе: работа г. Клуга отличается чрезвычайной прочностью, чистотой и красотой отдѣлки.

32. *Герзонъ, Бромбергъ и К°*, Бердичевскіе 3-й г. купцы.
Въ гор. Бердичевѣ. На табачной фабрикѣ, при 66 чел. рабоч., въ 1860 г. выдѣлано 3969 п. разн. сор. таб. на 83,617 р.
Табакъ курит., отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы, 2 р.—46 к. сотня.

Херсонской губерніи (5).

33. ***Бефани***, Анфиса Васильевна, помѣщица.
Александрійскаго у. въ с-цѣ Еремовкѣ.
Образцы размотаннаго шелка.

34. ***Бефани***, Павелъ Егоровичъ, капитанъ-лейтенантъ.
Александрійскаго у., въ Новой Прагѣ.
Образцы размотаннаго шелка, коконовъ и шелковой ваты (бурдина), съ плантацій бывшаго военнаго поселенія, взятыхъ имъ въ арендное содержаніе.

35. ***Фундуклей***, Ив. Ив. сенаторъ.
Борбинецкаго у.
Шерсть шпанская, по 10 р. пуд.

36. ***Фельдманъ***, Ицка, 3-й г. купецъ.
Въ г. Одессѣ.
Табакъ бессарабскій въ листьяхъ. Табакъ курительный, отъ 22—72 к. ф.

37. ***Кріона Папа Никола***, Николай, потом. поч. граж.
Въ Одессѣ, фабрика существуетъ съ 1845 г. Въ 1860 г. производство фабрики простиралось до 573,893 р. Табакъ разныхъ сортовъ, ц. отъ 3 р. до 72 к. ф.

Полтавской губерніи (4).

38. ***Комаровская***, графиня.
Прилуцкаго у.
Образцы шелковъ.

39. ***Михайловскій***, Петръ Акимовичъ.
Въ г. Полтавѣ.
Воскъ желтый очищенный, по 30 к. ф. Проволочныя маски для пчеловодовъ, по 2 р. 50 к.

40. ***Дурунчи***, Садакъ Бобовичъ, Евпатор. 1-й г. купеч. сынъ.
Табачныя фабрики находятся въ гор. Полтавѣ и Кременчугѣ.
Табакъ курит. разныхъ сортовъ, отъ 2 р. до 72 к. ф.

41. ***Бабанинъ***, Георгій Степановичъ, помѣщикъ.
Уѣздовъ: Полтавскаго и Константиноградскаго, въ с. Черняковкѣ и Зеньковкѣ.

Листовой табакъ американскій и турецкій по 15, 12 и 10 руб. пудъ.

Екатеринославской губерніи (3).

42. *Джинтъ*, Илья, 3-г. купецъ. Въ г. Екатеринославлѣ.
Табакъ курительный.

43. *Асмоловъ*, Вас. Ив. Ростовскій 3-й. г. купецъ.
Въ г. Ростовѣ на Дону.
Въ 1860 г. выдѣлано табаку 592 п. на 13 т. руб.
Табакъ разныхъ сортовъ, отъ 1 р. 80 к. до 36 к. ф.

44. *Буршинъ*, Ростовскій 3-й г. купецъ.
Въ Ростовѣ на Дону, заводъ сущест. съ 1829 г.; рабочихъ 40 чел.; ежегодно выдѣлывается до 10 т. кожъ.
Кожи бѣлыя, по 4 р. шт.

Воронежской губерніи (1).

45. *Кушелевъ-Безбородко*, графъ Николай Александровичъ.
Заводъ находится Бобровскаго у. въ с. Низовой Чиглѣ; устроенъ въ 1836 г.; паровое выпариваніе примѣнено въ 1858 году; высокаго давленія паровиковъ 5—всего 200 силъ; машинъ высокаго давленія 3—44 силы. Ежегодно выдѣлывается отъ 15 — 25 т. пудъ песку.
Свекловосахарный песокъ крупнаго, средняго и мелкаго кристалла, ц. 7 р. пудъ.

Таврической губерніи (1).

46. *Фундуклей*, Ив. Ив. сенаторъ.
Вино восьми сортовъ изъ имѣнія его Гурзуфъ, на южномъ берегу Крыма. Въ имѣніи этомъ разведено болѣе 150 т. кустовъ виноградныхъ лозъ; вино продается на мѣстѣ отъ 4 до 5 р. за ведро.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗАВЕДЕНІЯ И СКЛАДЫ МАШИНЪ И ОРУДІЙ ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ КРАѢ.

При настоящемъ измѣненіи въ способахъ и порядкѣ сельскаго хозяйства, считаемъ весьма полезнымъ сообщить нашимъ южнымъ читателямъ о томъ, въ какія мѣста можно обращаться за разнаго рода машинами и орудіями, облегчающими трудъ и ускоряющими работу. Г. профессоръ Ершовъ, въ статьѣ: «О машиностроительныхъ заведеніяхъ въ Россіи» (*Соврем. Лѣтопись Р. Вѣстника*, № 14), представилъ списокъ механическихъ заведеній за 1859 годъ. Изъ *семидесяти семи*, исчисленныхъ имъ, заведеній, 34 приходится на обѣ столицы (19 въ Москвѣ и 15 въ Петербургѣ), — а 16 принадлежатъ южно – русскому краю. Кромѣ этихъ шестнадцати заведеній, мы упомянемъ здѣсь еще о *пятнадцати* другихъ.

Изъ *тридцати четырехъ*, извѣстныхъ намъ, механическихъ заведеній, дѣйствующихъ нынѣ на югѣ, *пятнадцать* занимаются исключительно, или отчасти, приготовленіемъ земледѣльческихъ орудій. Наибольшее число механическихъ заведеній находится: въ Одессѣ и въ Кіевской губерніи — по *семи* и въ Черниговской — *пять*.

Самое обширное механическое заведеніе принадлежитъ *г.г. Яхненку* и *Симиренку* въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ.; оно производитъ въ годъ разныхъ машинъ и орудій на сумму около *400 тысячъ рублей* и уступаетъ, въ Россіи, по величинѣ своего производства, только двумъ,самымъ большимъ, механическимъ заводамъ: г. Огарева — въ Петербургѣ, и г. Шипова — въ Костромѣ.

Въ Одессѣ и Херсонской губерніи.

1. ***Механическое заведеніе Русскаго Общества Пароходства и Торговли***, въ Одессѣ, приготовляетъ части пароходныхъ машинъ и судовыя принадлежности, и части земледѣльческихъ машинъ на 100 тысячъ руб.

2. ***Фалькъ***, въ Одессѣ: молотильныя машины, вѣялки ручныя и конныя, плуги, рала, соломорѣзки ручныя и конныя; желѣзныя издѣлія: паровики и котлы, валы, оси и другія; физическіе, математическіе и химическіе инструменты; отливка изъ чугуна и мѣди, всего на 56,639 р.

3. *Ковалевскій*, въ Одессѣ: отливка изъ чугуна и мѣди, водопроводныя трубы, на 23, 700 р.

4. *Людвигъ Тальяферъ* и К° въ Одессѣ: издѣлья для паровыхъ мельницъ, на 1,250 р.

5. Слесарный мастеръ *Іосифъ Лакановичъ*, въ Одессѣ, изготовляетъ гогенгеймскіе плуги.

6. Слесарный мастеръ *Ив. Баташевъ*, въ Одессѣ: изготовляетъ Гогенгеймскіе плуги по 25 р.

7. *Робертъ Шнейдеръ и Вилліамъ Тетъ*, въ Одессѣ: большія кузнечныя работы для пароходовъ и парусныхъ судовъ. Доставка машинъ, мельницъ, котловъ и машинныхъ частей.

8. *Хорватъ*, въ Елисаветградѣ: паровыя машины. Заводъ существуетъ съ 1860 года.

9. *Лутковскій*, въ Елисаветградѣ: разныя машины.

При заводѣ предположено устроить складъ бельгійскихъ машинъ и земледѣльческихъ орудій Брёльса.

10. *Петръ Ив. Бредихинъ*, Хрсеонскаго уѣзда, въ с. Вавиловѣ: разное литье.

11. Колонистъ *Лепъ*, Херсонскаго уѣзда, въ с. Старая Хортица: литье мѣдное и чугунное.

Въ Кіевской губерніи.

12. *Яхненко и Симиренко*, въ Черкаскомъ уѣздѣ: паровыя машины разнаго устройства, аппараты для сахарныхъ саводовъ, котлы, пароходы, лѣсопильни, мельницы, на 389,835 р.

13. *Дехтеревъ*, въ Кіевѣ: разныя чугунныя, мѣдныя и желѣзныя издѣлья и паровыя машины, на 98,808 р.

14. *Графъ Браницкій*: молотильныя машины; вѣялки, сѣялки, плуги, бороны, экстирпаторы, насосы, мельницы для муки и солода, соломорѣзки и сортировки, на 62,530 р.

15. *Дзендзеловскій*: паровые котлы разнаго устройства и другія издѣлья, на 7,440 р.

16. *Мордасъевичъ*: разныя чугунныя трубы и колеса, молотильные приборы и полныя машины, мѣдные краны и др., на 11,776 р.

17. *Ментцель*, въ м. Бѣлой Церкви: земледѣльческія орудія.

18. *Графъ Бобринскій*, въ Смилѣ, Черкаскаго уѣзда: зем-

ледѣльческія машины; приготовляются въ большомъ количествѣ, но преимущественно для собственной надобности.

Въ Подольской губерніи.

19. *Ломейеръ и Герхнеръ*: машины необходимыя для сахарныхъ заводовъ (1858) на 35 т. р.

20. Фабрика земледѣльческихъ орудій, Ямпольскаго уѣзда *въ с. Боровкѣ*.

Въ Черниговской губерніи.

21. *Князь Долгорукій*, Кролевецкаго уѣзда: центробѣжныя машины для пробѣлки сахарнаго песку, газовые комплетные аппараты, паровыя машины разныхъ силъ, насосы, газовыя печи съ чугунными трубами, гидравлическіе прессы, паровые котлы, терки, костоломки и разныя подѣлски, на 30 т. руб.

Съ прошедшаго года при заводѣ приготовляются земледѣльческія орудія.

22. *Малковъ*, Суражскаго уѣзда, въ посадѣ *Клинцахъ*: паровыя машины, разные приборы для машинъ и разная отливка изъ чугуна и мѣди, на 5,596 р.

23. *Гаммеръ*, *Дюре и К°* въ Глуховѣ: машины и аппараты для заводовъ: свеклосахарныхъ, винокуренныхъ, пивоваренныхъ и селитряныхъ, а также и литье.

24. *Венедиктъ Антоновичъ Тарусѣвичъ*, въ Козельцѣ (переведенъ изъ Лубенъ въ этомъ году): вѣялки и молотильныя машины.

25. *Черновъ*, въ Нѣжинѣ: чугунное и мѣдное литье.

Въ Полтавской губерніи.

26. *Рихтеръ*, въ Ромнахъ: земледѣльческія орудія, молотильныя машины, конные приводы и аппараты для свеклосахарныхъ заводовъ.

27. *И. А. Потемкинъ*, въ Кременчугѣ (съ 1839 г.): паровыя машины, мельницы, молотильныя машины, вѣялки, соломорѣзки, земледѣльческія орудія, пожарные инструменты, прессы, терки; чугунное и мѣдное литье.

Въ Екатеринославской губерніи.

28. *Шмидтъ*: молотильныя машины съ цилиндрами, 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ конныя, ручныя вѣялки и конныя съ приводомъ, соломорѣзки, плуги воловые, конныя грабли, разныя машинныя части и другія принадлежности, на 35,717 р.

29. *П. О. Шуманъ*, Славяносербскаго уѣзда, близъ Луганскаго литейнаго завода, въ Штейндорфѣ: молотильныя машины, части машинныя и плуги.

Въ два послѣдніе года однихъ плуговъ Шумана продано болѣе чѣмъ на 30 т. руб.

Въ Харьковѣ.

30. *Сркынникъ*: мастерская машинъ.

31. Фабрика земледѣльческихъ орудій при *харьковской земледѣльческой фермѣ.*

Склады земледѣльческихъ машинъ и орудій и конторы механическихъ заведеній на югѣ:

Въ Кіевѣ:

1. Депо земледѣльческихъ орудій и машинъ Симонса и Гальске. Складъ орудій и машинъ Эккерта изъ Берлина, отличающихся своей дешевизной и прочностью.

2. Тамъ же: Коммиссіонерство г. Тарусѣвича изъ Козельца: на Подолѣ, по Александровской улицѣ, въ домѣ Черныша, подъ личнымъ управленіемъ Христіана Ив. Брана. Г. Тарусѣвичъ намѣренъ современемъ открыть въ разныхъ мѣстахъ смежныхъ губерній агентства для заказовъ и продажи своихъ машинъ.

Въ Одессѣ:

3. Складъ земледѣльческихъ орудій и машинъ коммиссіонера Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи братьевъ Стифель.

4. Депо земледѣльческихъ орудій Фендериха и К°.

5. Депо машинъ и земледѣльческихъ орудій Самюэльсона изъ Англіи при которѣ Тапонье.

Въ Харьковѣ:

6. Депо земледѣльческихъ машинъ при магазинѣ Садѣ и Маттѣ.

7. Коммиссіонеръ г. Шумана, Карлъ Карл. Шпорледеръ, на Московской улицѣ, въ домѣ Витковскаго.

8. Вестбергъ: продажа молотилокъ.

9. Депо земледѣльческихъ орудій и машинъ братьевъ Бутенопъ. Продано въ прошломъ году на 56,477 руб.

Изъ Московскаго депо братьями Бутенопъ продано въ южнорусскія губерніи всего 38 машинъ, изъ 213 штукъ, купленныхъ въ цѣлой Россіи.

Въ Таганрогѣ:

Коммиссіонеръ г. Шумана, баронъ Федоръ Карловичъ Ренне, на Большой улицѣ, домъ Шортонга.

Сергѣй Иван. Мальцовъ, приготовляющій на своемъ Людиновскомъ заводѣ (Калужской губер. Жиздринскаго уѣзда) разныя машины и земледѣльческія орудія, имѣетъ конторы для принятія заказовъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: ***Въ Кіевѣ***, на Подолѣ, въ собственномъ домѣ. ***Въ Харьковѣ***, на Николаевской улицѣ, въ собственномъ домѣ. ***Въ Одессѣ***, при заводскихъ складахъ въ домѣ Овчинникова, у коммиссіонера г. Мальцова. ***Въ Каховкѣ***, Таврической губерніи, а оттуда въ селеніе г. Мальцова, Софіевку–Пассаускую. ***Въ Екатеринославлѣ***, близъ Днѣпра, въ собственномъ домѣ, бывшемъ Гусева. ***На южномъ берегу Крыма***, близъ Ялты, въ селеніе Симензъ, г. Мальцова. ***На рѣкѣ Деснѣ***, Черниговской губерніи, при селеніи Кладьковкѣ, на пристани г. Мальцова. ***Тоже на рѣкѣ Деснѣ***, близъ Коропова, на пристани г. Мальцова. ***Въ Черкасахъ***, близъ лѣсопильной г. Котлярова, на пристани г. Мальцова. ***Въ Кременчугѣ***, въ городскихъ магазинахъ на берегу Днѣпра, къ коммиссіонеру г. Мальцова. ***Въ Ростовѣ на Дону***, къ коммиссіонеру. ***Въ Полтавѣ*** (вовремя Ильинской ярмарки) въ магазинѣ г. Мальцова.

«ЯСНАЯ-ПОЛЯНА.»

ДВА СЛОВА

О НОВОМЪ ЯВЛЕНІИ ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ВОСПИТАНІЯ.

Съ годъ тому назадъ стало извѣстно, что извѣстный повѣствователь, графъ *Л. Толстой*, завелъ у себя въ имѣніи (Ясной-Полянѣ) народную школу, самъ ею завѣдываетъ и даже почти исключительно одинъ обучаетъ бывшихъ своихъ крестьянъ. Каждый, кому дорого благо и просвѣщеніе народа, возможное только тогда, когда сознаніе общей пользы и взаимныхъ обязательствъ другъ къ другу соединитъ всѣ сословія въ одно общество, когда именемъ *народа* перестанутъ называть одинъ *простой* народъ,—каждый, кто признавалъ справедливымъ, чтобы первый шагъ къ взаимному сближенію раздѣльныхъ сословій сдѣланъ былъ образованными землевладѣльцами,—съ особенною радостью повторялъ вѣсть о благородномъ дѣлѣ графа Толстого. Но одного этого извѣстія было недостаточно: хотѣлось еще знать, какіе плоды принесло преподаваніе писателя-помѣщика, въ чемъ оно состояло и не имѣло ли какихъ-либо поучительныхъ особенностей.

Вскорѣ будетъ удовлетворено и это желаніе. «Какъ отголосокъ школы» гр. Толстого, съ 1-го октября 1861 года, въ сельцѣ Ясной-Полянѣ, Тульской губерніи Крапивенскаго уѣзда, будетъ издаваться ежемѣсячный журналъ, подъ названіемъ *Ясная-Поляна*.

Это изданіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ выпусковъ: *Школа Ясной-Поляны* и *Книжки Ясной-Поляны*. Школа будетъ заключать въ себѣ статьи педагогическія, Книжка будетъ содержать статьи народныя, то-есть удобопонятныя и занимательныя для народа. «Вотъ вся наша программа,» говоритъ издатель и редакторъ, графъ *Л. Толстой*, — «съ тою лишь особенностью, что, по нашему убѣжденію, педагогика есть наука опытная, а не отвлеченная, и что *для народа*, по выраженію Песталоцци, *самое лучшее только какъ-разъ въ пору*.»

Сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ изъ программы графа Толстого.

«Мы убѣдились, что успѣхъ ученія основанъ не на руководствахъ, а на духѣ, организаціи школъ, на томъ неуловимомъ вліяніи учителя, на тѣхъ отступленіяхъ отъ руководствъ, на тѣхъ ежеминутно-измѣня-

емыхъ въ классѣ пріемахъ, которые изчезаютъ безъ слѣда, но которые и составляютъ сущность успѣшнаго ученія. Уловить эти пріемы, и найдти въ нихъ законы, составитъ задачу нашей школы и ея отголоска—отдѣла нашего журнала, называемаго *Школой Ясной-Поляны*.

«Не философскими откровеніями въ наше время можетъ подвинуться наука педагогики, но терпѣливыми и упорными повсемѣстными опытами. Не философомъ–воспитателемъ и открывателемъ новой педагогической теоріи долженъ быть каждый преподаватель, но добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ наблюдателемъ, въ извѣстной степени умѣющимъ сообщать свои наблюденія.

«Для того чтобъ писать книги для народа, нужно болѣе чѣмъ необыкновенный талантъ и кабинетное изученіе народа,—*нужно живое сужденіе самого народа, нужно, чтобы назначаемыя для него книги были имъ–самимъ одобряемы*. Съ этою цѣлію мы намѣрены представлять на судъ народа, собирающагося въ нашей школѣ, всѣ тѣ книги, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, ближе подходятъ къ нему, и не стѣсняясь ничѣмъ, печатать въ отдѣлѣ *книжекъ Ясной–Поляны* только тѣ статьи и книги, которыя будутъ одобрены народомъ.

«Сверхъ-того, находясь въ постоянно-близкихъ отношеніяхъ къ народу, имѣя постоянно возможность повѣрять наши мнѣнія на практикѣ, мы намѣрены, въ отдѣлѣ *Школы*, отдавать отчетъ, какъ о всѣхъ народно-педагогическихъ статьяхъ, такъ и о книгахъ, назначаемыхъ для народа. Въ сужденіяхъ этихъ мы будемъ основываться только на опытѣ.»

Судя по этой программѣ, нельзя не признать за «Ясной-Поляной» весьма важнаго значенія. Никто глубже и яснѣе гр. Толстого не взглянулъ на вопросъ о требованіяхъ и способахъ, обусловливающихъ народное обученіе, никто такъ просто и прямо не подошелъ къ народу. Если исполненіе будетъ соотвѣтствовать задачѣ, то, безъ сомнѣнія, это почтенное дѣло русскаго писателя поставитъ его выше всѣхъ его сочиненій, какъ они ни прекрасны,—поставитъ его выше на-столько, на сколько *дѣло* выше самого–краснорѣчиваго *слова*.

Мы думаемъ,—всѣ русскіе таланты *обязаны* содѣйствовать гр. Толстому; онъ чуть ли не первый—въ Россіи попалъ на настоящую дорогу, опредѣлительно высказавъ ту вѣрную мысль, что въ дѣлѣ народнаго воспитанія необходимы, кромѣ необыкновеннаго таланта и призванія, еще непосредственная помощь и указанія *самого народа*. Кто сближался съ народомъ, кто вглядывался, съ любовью и уваженіемъ,

въ его жизнь, кто прислушивался къ его мнѣніямъ, однимъ словомъ—кто́ уразумѣвалъ его духъ,—тотъ только способенъ оцѣнить всю правду этой мысли. Она одушевляла пѣсни и думы нашего *Кобзаря* и все лучшее въ украинской литературѣ, которая тѣмъ-то та́къ и дорога, и незамѣнима, что она вполнѣ народна, что она выросла непосредственно изъ народнаго духа и жизни, и, слѣдовательно, всегда будетъ заключать въ себѣ воспитательныя стихіи для всего народа.

Украинскіе писатели и народолюбцы всѣмъ сердцемъ привѣтствуютъ гр. Толстого. То́, что́ говоритъ онъ въ своей программѣ, не разъ повторялъ нашъ Шевченко, который съ особеннымъ сочувствіемъ принялъ первую вѣсть о народной школѣ въ «Ясной-Полянѣ.»

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ

«РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ»

ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Съ 1-го января 1862 года, «*Русскій Инвалидъ*» будетъ издаваться на коммерческомъ правѣ новою редакціею, которая вступила въ завѣдываніе газетою въ половинѣ августа настоящаго года. Она поставляетъ себѣ задачею слѣдить за всѣми явленіями современной намъ жизни, какъ въ средѣ правительственной и общественной, такъ и въ средѣ наукъ и искусствъ, и намѣрена придать газетѣ по возможности реальное направленіе, во всѣхъ отношеніяхъ. «*Русскій Инвалидъ*» только въ-отношеніи военныхъ статей своихъ составляетъ оффиціальный органъ Военнаго Министерства; во всемъ же остальномъ редакція будетъ дѣйствовать независимо и самостоятельно, согласно современнымъ требованіямъ и собственнымъ убѣжденіямъ.

Программа *Р. Инвалида* также измѣнится и расширится. Кромѣ обычныхъ другимъ газетамъ рубрикъ, въ ней находятся еще слѣдующія: разсмотрѣніе важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, преимущественно съ исторической стороны; вопросы, относящіеся къ Славянскимъ Землямъ; техника; сельское хозяйство; юридическая хроника; объявленія казенныя и частныя, (дозволенныя однѣмъ привиллегированнымъ газетамъ).

Въ «Русскій Инвалидъ» войдетъ, въ видѣ прибавленій, отдѣлъ «*отвѣтовъ и возраженій*,» гдѣ будутъ помѣщаться, по желанію авторовъ, различнаго рода статьи, отвѣтственность за которыя редакція не принимаетъ на себя.

Цѣна газеты, въ этомъ году, остается та же: *на полгода*: въ Петербургѣ—6 руб.; съ пересылкою въ города—8 руб.; за доставку на домъ въ Петербургѣ—1 р. 50 коп.

Подписка принимается: для жителей С.-Петербурга—въ редакціи (на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Гамбса, подлѣ Главнаго Штаба); въ конторѣ при магазинѣ Генеральнаго Штаба (на углу Невскаго и Адмиралтейской площади); въ книжномъ магазинѣ Юнгмейстера (на Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина), а равно и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ; для иногородныхъ—въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
КНИГЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ,
относящихся до
ЮЖНО-РУССКАГО КРАЯ.

Съ 1858 — 1860 г.

1) Исторія, археологія и біографіи.

1. Поѣздка на пепелища Запорожскихъ Сѣчей (изъ путев. записокъ о Крымѣ и его окрестностяхъ) *Г. И. Спасскаго. Отечеств. Записки* 1858; 5, стр. 36 — 45.

   Авторъ разсказываетъ о 2-хъ осмотрѣнныхъ имъ пепелищахъ по Днѣпру; одно изъ нихъ находится въ 15 верстахъ отъ Никополя, другое въ 8 верстахъ отъ перваго.

2. О важности археологическихъ изслѣдованій на Дону. *Ю. Донскія войсковыя вѣд.* 1860; 2, 2 стр.

3 Кіевскія мозаики. *Кіевскій Телеграфъ*. 1860; 80, 84, 86, 87, 88 и 90.

4. Древности открытыя въ Кіевѣ въ 1858 г. *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній.* 1858; 2.

5. Ключъ къ изъясненію нѣкоторыхъ древностей Ольвіи и Херсониса Таврическаго. Соч. *П. Беккера.* Одесса. Въ город. тип. 1858; въ 4-ю д. л. 26 стр.

6. Городокъ Бѣлозерскъ. *Н. Вертильякъ. Записки Одесскаго Общества Исторіи.* 1858; 1.

7. Старый Крымъ, изъ путевыхъ замѣтокъ о Крымѣ. *Гр. Спасскаго. Записки Одесскаго Общества Исторіи.* 1858; 1.

8. О найденныхъ въ Новыхъ Млинахъ, Черниговской губерніи, старыхъ пятакахъ. *К. Попенченка. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 36, 1 стр.

9. Полтавскіе памятники. *Гр. Данилевскаго. Иллюстрація.* 1859; 60, 2 стр., съ 6-ю рисунками.

Эти памятники суть: 1) Церковь Спаса, 2) домикъ Котляревскаго, 3) Красный кутъ, 4) Крестовоздвиженскій монастырь, 5) Шведская могила и 6) бронзовый памятникъ на мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ Петръ I.

10. Курганы Таманскаго полуострова. *Я. М. Лазаревскій. Извѣстія И. Археолог. Общ.* Т. II вып. 1 стр. 28—32.

11. Керчь и Таманскій полуостровъ. *Ф. Жиль. С. Петербургскія Вѣдом.* 1859; 3—½ ст. и *Извѣстія И. Археол. Общ.*

12. Маркевичевскій архивъ. *Современникъ* 1859; 4, стр. 352 — 356.

Архивъ этотъ находится въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда въ селѣ Туровкѣ; состоитъ, во 1-хъ, изъ 6,550 дѣлъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи, Польши, Крыма, Молдовалахіи и русскаго войска, къ исторіи раскольнич. слободъ въ Черниговской губерніи, къ исторіи духовенства и монастырей, во 2-хъ изъ записокъ г. Маркевича, альбома его и 5,000 писемъ къ нему.

13. Грамота Петра В., пожалованная Стародубскому полковнику М. А. Миклашевскому на села и мельницы. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 25, 3 стр.

14. Универсалъ Гетмана Скоропадскаго Ѳ. Микревскому, 1710 г. Универсалъ *его же* панѣ Алексѣевой, 1711. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 23 и 24.

15. Универсалъ Гетмана Мазепы женѣ М. Миклашевскаго Стародубскаго полковника, 1706 г. *Черниговс. губ. вѣд.* 1860; 22.

16. Указъ гетмана Іоанна Скоропадскаго о починкѣ г. Кіева и крѣпосныхъ валовъ, пожаромъ разрушенныхъ, и о томъ, чтобы посламъ, отправляемымъ въ Цареградъ, были выдаваемы поводы безъ замедленія. Сообщ. *Ст. Д. Носъ. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 34, 2 стр. Указъ отъ 1719 р.

17. Старинные акты. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 13, 18, 21, 6 стр.

Эти акты суть: 1) Экстрактъ жалованной грамоты Великаго Государя Алексѣя Михайловича городу Гадячу, 2) грамота жалованная Миргородскому полковнику Гр. Гладкому отъ царя Ѳеодора Алексѣевича, 3) рейментарскій приказъ писаря генеральнаго С. Савича. 1722; 4) универсалъ гетмана Скоропадскаго 1721.

18. Старинные акты, касающіеся Малороссіи. *М. Миклашевскій* и *Ст. Носъ. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 35, 2 стр.

19. Дневныя записки малоросс. Подскарбія генеральнаго, *Якова Марковича*. Изд. А. Марковича. Съ портретомъ автора и гетманши Скоропадской. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1859. Въ 8-ю д. л. 2 ч. 535 и 414 стр.

Драгоцѣнная книга, для всякаго, желающаго познакомиться съ бытомъ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, заключающая: а) краткую хронологическую записку о нѣкоторыхъ главныхъ историч. событіяхъ въ 1452 — 1716 г., составлен. славнымъ Полуботкомъ, и б) ежедневный журналъ Марковича, зятя Полуботкова, съ 1723—1757.

20. Малороссійское козачество до Хмельницкаго. *С. Соловьевъ Рус. Вѣстникъ*. 1859; 18, стр. 177—196.

Встрѣчающіяся въ этой статьѣ подробности взяты изъ дѣлъ малороссійскихъ, польскихъ и греческихъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; изъ Бѣлорусской лѣтописи Синодальной Библіотеки, № 790; изъ польской рукописи И. Публ. Библіотеки № 94.

21. Замѣчаніе на ст. г. Соловьева. *Н. Костомаровъ. Современникъ*. 1859; 11, стр. 51—57.

22. Замѣтка о казацкихъ гетманахъ (письмо къ С. М. Соловьеву).

М. Максимовичъ. Русскій Вѣстникъ. 1859; 22, стр. 163 — 166.

23. Вопросъ о козачествѣ. *Н. Сокальскій. Одесскій Вѣстникъ.* 144; 12—½ ст.

Разбирая статью г. Соловьева, г. Сокальскій говоритъ, что г. Соловьевъ невѣрно опредѣлилъ значеніе Козачества и поставилъ его не на своемъ мѣстѣ въ общемъ ряду историческихъ явленій.

24. Споръ г. Костомарова съ Соловьевымъ объ Украйнѣ. Ст. *Ѳ. Падалицы. Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 38, 39 и 40.

Переводъ изъ Виленскаго Вѣстника.

25. О козачествѣ. Отвѣтъ «Виленскому Вѣстнику». *Н. Костомаровъ. Современникъ.* 7; стр. 75—92.

26. Богданъ Хмельницкій. Соч. *Н. Костомарова.* Т 1-й и 2-й. Изд. 2-е, дополненное. Спб. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Въ типографіи И. Глазунова и Комп. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й ч. XXI и 459 стр., во 2-й ч. IX и 550 стр.

Критич. статьи на это сочиненіе помѣщены: 1) въ «Русск. Словѣ». 1859 г. № 9, 44 стр. ст. *А. Зернина* и 2) въ «Современникѣ» того же года № 12, стр. 161 — 214, ст. *Грыцко.*

27. Письма о Богданѣ Хмѣльницкомъ къ М. П. Погодину. *М. Максимовичъ. Украинецъ.* 1, стр. 149 — 174.

28. Критическія замѣчанія и поправки относящ. къ сочиненію г. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій». *М. Максимовичъ.*

29. Объясненіе. *Н. Костомаровъ. Спб. Вѣд.* 1859; 122, 5—½ ст.

30. Въ отвѣтъ на объясненіе г. Костомарова. *М. Максимовичъ,* и отвѣтъ г. Максимовичу. *Н. Костомарова. Спб. Вѣд.* 1860; 8, 6—½ ст.

31. О пріѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья (5-е письмо *М. Максимовича* къ М. П. Погодину). *Рус. Бесѣда.* 1859; 6, стр. 93—100.

Замѣчанія на книгу Н. И. Костомарова «Богданъ Хмельницкій».

32. Очеркъ исторіи козачества на югѣ Россіи. *Я. Прокофьевъ. Одесскій. Вѣстникъ.* 1860; 6 и 7, 24—½ ст.

33. О КАЗАКАХЪ. Соч. *И. Маркевича*. Москва. Въ университ. тип. 1859. Въ 8-ю д. л. 42 стр. (Отд. отт. изъ 4-й кн. «*Чтеній въ И. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.*)

34. ГЕТМАНЪ Иванъ Выговскій. *С. Соловьевъ*. *Отеч. Записки*. 1859, 11; стр. 43—64.

35. ПОВѢСТЬ о Южной Руси. *П. Кулишъ*. *Народное Чтеніе*. 1859, 3 и 6; стр. 85—120, 32—59 и 1860; стр. 1—38.

36. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ дѣятельности графа Румянцова-Задунайскаго и его сотрудниковъ: Кн. Прозоровскаго, Суворова и Бринка, съ 1775—1780. *П. М. Саковича*. *Русская Бесѣда*. 1858; 2, 3, 4; стр. 1—86, 62—151 и 138—258.

37. АДАМЪ КИСЕЛЬ, Кіевскій воевода. (Отрывокъ изъ біографіи). *Ю. Бартошевичъ*. *Литературное прибавленіе* къ 99-му № Кіевск. Телеграфа 1860 г. стр. 95—104.

38. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ о югозападной Руси по поводу писемъ изъ Польши. Кіевъ, 1860. Ц. 15 к.

39. УНІЯ, КОЗАЧЕСТВО, расколъ. *С. Соловьевъ*. *Атеней*. 1859, 8; стр. 393—420.

Разборъ 3-хъ соч.: 1) Литовская церковная унія, изслѣдованіе *М. Колловича*. 2) Богданъ Хмельницкій, соч. *Н. Костомарова*, и 3) Русскій расколъ старообрядства, соч. *А. Щапова*.

40. ВЫПИСЬ ИЗЪ ГРАДСКИХЪ КНИГЪ Витебскаго воеводства: протестація уніатскаго митрополита, Полоцкаго архіепископа Ант. Селлявы, на полоцкій магистратъ и мѣщанъ, что они почти всѣ отпали отъ уніи въ православіе. 1646 г. марта 21. *Витебск. губ. вѣд.* 1859.

41. ВЫПИСЬ ИЗЪ ЗЕМСКИХЪ КНИГЪ Полоцкаго воеводства. Жалобы полоцкаго уніатскаго архіепископа А. Селлявы на православнаго епископа Сильвестра Коссова о въѣздѣ его въ Полоцкъ, совершеніи имъ здѣсь богослуженія и возвращеніе многихъ жителей изъ уніи въ православіе. 1636 г. мая 23. *Витебск. губ. вѣд.* 1859, 1.

Списано съ подлинной выписки, хранящейся въ архивѣ полоцкой духовной консисторіи.

42. ПЕРЕПИСКА между греко-уніатскимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ и римско-католическимъ архіепископомъ Львовскимъ Вячесл. Іерон. Сѣраковскимъ. *Чтенія въ Об-*

ществъ Исторіи и Древн. Россійск. 1859; 3, стр. 45—58.

На польскомъ и латинскомъ языкахъ. Сообщ. Я. Ѳ. Головацкій.

43. **Письмо** литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ уніатскому митрополиту Іосифу Велямину Рутскому. *Могилев. губерн. вѣд.* 1859; 80, 2 стр.

44. **Объ уніи** Венгерскихъ Русиновъ. *О. В. Русская Бесѣда.* 1859; 4, 50 стр.

45. **Голосъ Уніата** объ уніи. *Воскресное Чтеніе.* 1859; 30, 6 стр.

46. **Объ отношеніяхъ** западно-русскихъ православныхъ къ литовско-польскимъ протестантамъ во время уніи. *Христіанское Чтеніе.* 1860; 9, стр. 225—256.

47. **Справа братства** церковнаго Виленскаго передъ судомъ трибунальскимъ виленскимъ съ іеродіакономъ Антоніемъ Грековичемъ, передавшимся въ Унію и осужденнымъ на смерть 1605 г. Съ книгъ справъ судовъ головныхъ трибун., отправованныхъ у Вильни. *Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Рос.* 1859; 3, стр. 17—28.

48. **Свѣдѣнія о началѣ** уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевскаго центральнаго архива. *Н. Иванишевъ.* Москва. Въ типографіи А. Семена. 1858. Въ 8-ю д. л. 61 стр. (Изъ *Рус. Бесѣды* № 3, 1858).

49. **Письмо** уніатскаго митрополита Іасона Сморгожевскаго къ кн. Любомірскому и отвѣтъ князя Любомірскаго. *Труды Кіев. Духовн. Академіи.* 1860; 1, стр. 243—254.

Письма эти заимствованы изъ старинной копіи, имѣющейся при дѣлахъ бывшей смѣлянской прототипіи, въ архивѣ звенигородскаго духовнаго правленія.

50. **Литовская церковная унія.** Изслѣдованія *М. Кояловича.* Т. I-й. Спб. Въ тип. Н. Тихменева. 1859. Въ 8-ю д. л. I, V и 315 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ Библіотекѣ для Чтенія 1859 г. № 9, и 2) въ журн. Странникъ 1860 г. № 2.

51. **Извѣстія объ уніи.** *О. Контаровскій. Домашняя Бесѣда.* 1859; (14), 15, 16, 17, (18), 19 и 20.

52. Голосъ изъ провинціи. *П. Лебединцевъ. Домашняя Бесѣда.* 1859; 30, 2 стр.

Нѣкоторыя дополненія къ предъидущей статьѣ.

53. Историческое свѣдѣніе Войска Донскаго о Верхней Курмоярской станицѣ, составленное изъ сказаній старожиловъ и собственныхъ примѣчаній Евл. Кательникова. 1818 г. дек. 31 дня. *Донскія Войск. Вѣд.* 1860; 12, 13, 14, 15 и 18.

Содержаніе: I. Происхожденіе донскихъ козаковъ (пѣсня). II. Составленіе Верхне-Курмоярской станицы, построеніе церкви и переселки ея. III. Юрта. IV. Общежитіе. V. Правленіе и судъ. VI. Религія. VII. Сосѣдніе непріятели. VIII. Царскіе слуги. IX. Одежда. X. Хлѣбопашество и пр. XI. Лѣса и луга. XII. Дикій скотъ и пр.

54. Историческій очеркъ города Переяслава и образованіе уѣзда. *И. Богдановъ. Полтав. губ. вѣд.* 1860; 49, 10 стр.

55. Для исторіи Корона. Сообщ. *А. Лазаревскій. Черниговъ. губ. вѣд.* 1860; 49, 2 стр.

Списано съ современной копіи 1669 г.

56. Низовые и верховые Донскіе козаки. *Донскія войск. вѣд.* 1860, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 25.

57. Военныя дѣйствія Донцовъ противъ Нагайскихъ Татаръ въ 1777—1783 гг. *М. Сенюткинъ. Военный Сборникъ.* 1860; 8, стр. 345—390.

Содержаніе: I. Взглядъ на внутреннее состояніе Донцовъ и Нагайцевъ въ 1775—1781 гг. II. Нападенія Черкесъ и Нагайцевъ на донскіе посты въ 1777 и 1778 гг. III. Вторженіе Черкесъ въ нагайскія орды въ 1779 и 1780 гг. IV. Первое возмущеніе Нагайцевъ и мѣры правительства къ усмиренію ихъ въ 1781 г.

Главн. матеріалами для этой статьи служили оффиц. акты войсковаго архива, Донскія войсковыя вѣдомости, за 1855—1858 г. и исторія Антинга.

58. Источники малороссійской исторіи, собранные *Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ*, и изданные *О. Бодянскимъ*. Ч. I, II. 1649—1687, 1691—1722. *Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.* 1858; 339 и 340 стр.

Источники эти касаются Мазепы, Кочубея, Орлика, Скоропадскаго и др. Эта часть малороссійскихъ источни-

ковъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о козняхъ, лицемѣріи и самоуправствѣ Мазепы, о заблужденіяхъ, или, правильнѣе сказать, о непостижимомъ ослѣпленіи Петра Великаго, не смотря на многіе доносы и «пашквили» (въ стихахъ), явно обличавшіе гетмана еще за 17 лѣтъ до Полтавской битвы и т. д. (*Рус. Вѣстникъ*. 13. ст. *Н. Сушкова*.)

59. **Бѣдствія временъ**. О бѣдствіяхъ постигшихъ Евреевъ въ 408 и 409 (1648 и 1649) годахъ, (въ Украинѣ, Подоліи, Литвѣ и Бѣлоруссіи) отъ соединенныхъ бунтовщиковъ, подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Составлено Егоміею, сыномъ Львовскаго раввина, праведника Давида. (Изъ Замостья). Напечатано въ Венеціи 416 (1656), по повелѣнію коммисара Виндраминскаго (Per G. Imberti). Перевед. *М. Берлиномъ*. *Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1859; 1 и 15 стр.

60. **Письмо самозванца** Тимошки Акиндинова къ дворянину Василію Унковскому, пріѣхавшему въ Чигиринъ посломъ отъ царя къ гетману Богдану Хмельницкому въ 1650 году. Сообщ. *С. М. Соловьевымъ*. *Лѣтописи Русской Литературы*. 1859; 2, 2 стр.

61. **Матеріалы для донской исторіи**. *Донскіе войск. вѣд*. 1859; 30, 32, 37, 38, 40, 42, 43, 44, 46, 47 и 49; 25 стр.

Эти матеріалы заимствуются изъ дѣлъ войсковаго архива, сохранившихся послѣ пожаровъ, бывшихъ въ Старочеркаскѣ въ 1744 г. и въ Новочеркаскѣ въ 1858 г.

62. **Реестръ монаршихъ** грамотъ и гетманскихъ универсаловъ, данныхъ Троицкому Ильинскому Черниговскому монастырю на жалованныя маетности, сочин. 1763 г. *Черниговскія губ. вѣд*. 1859, 49.

Сообщ. А. Тищинскій. 7 грамотъ и 10 универсаловъ.

63. **Списокъ угодьямъ** архіепископіи Черниговской и Новгородъ-Сѣверской, составл. по царскимъ жалов. грамотамъ. *П. Ефименко*. *Черниов. губ. вѣд*. 1859; 34.

64. **Наставленіе выборному** отъ малорос. коллегіи въ коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, Дм. Наталину и возраженія депутата Гр. Полетики на оное наставленіе.

Москва. Въ универс. типографіи. 1858. (Отд. оттискъ изъ 3–й кн. «Чтеній въ Императ. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос.) Сообщ. *Гр. Милорадовичемъ*. Въ 8–ю д. л. 54 стр.

65. Милость Божія, Украину отъ неудобъ–носимыхъ обидъ ляхскихъ, черезъ Б. З. Хмельницкаго, свободившая, репрезентованная въ школахъ кіевскихъ, 1728 лѣта. Москва. Въ 8-ю д. л. IV и 26 стр. (Отд. оттискъ изъ 1–й кн. «Чтенія въ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос.» 1858 г.)

66. Діаріушъ или журналъ, т. е. повседневная записка, случающихся при дворѣ ясновельможнаго его милости пана Іоанна Скоропадскаго окказій и церемоній... наченшійся 1722 г. и оконч. въ томъ же году *И. Ханенкомъ*. Москва. Въ унив. тип. 1858. Въ 8-ю д. л. XXI и 74 стр. (Отд. оттискъ изъ 1–й кн. «Чтеній въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.»)

67. О владѣніяхъ гетмана Мазепы и переходѣ ихъ въ родъ кн. Барятинскихъ. *Памятная книжка Курской губ.* на 1860 годъ. Стр. 110—122.

Эти владѣнія находятся въ Курской губерніи.

68. Грамота Императора Петра I-го къ Антонію, архіепископу Черниговскому. *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1858; 3.

69. Письмо М. Л. Кутузова къ М. А. Милорадовичу. *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древностей Рос.* 1858; 2.

70. Хозяйство украинскаго пана XVII ст. *М. Лазаревскій. Черниговскія губ. вѣд.* 1860; 7.

Здѣсь помѣщена опись недвижимаго имущества бунчуковаго товарища Забѣлы.

71. Историческіе матеріалы. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860; 8, 10, 9 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено здѣсь нѣсколько современныхъ извѣстій, относящихся къ Полтавской битвѣ и грамота митрополита Варлаама Ясинскаго, данная Густынскому монастырю. Два частные указа гетмановъ Мазепы и Скоропадскаго.

72. Историческіе матеріалы. Дума о Мартынѣ Пушкарѣ. *Полтавс. губ. вѣд.* 1860; 13, 4 стр.

73. Историческіе матеріалы. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860; 14—15, 8 стр.

Думы, относящіяся ко времени битвы Полтавской: 1) Семенъ Палій, 2) Полтавская битва, 3) Мазепа, 4) Смерть Мазепы.

74. Посѣщеніе Каневскихъ церквей Польск. королемъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ въ 1788 г. *П. Л—въ. Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 14, 3 стр.

Извлечено изъ дневника, веденнаго во время пребыванія короля въ Каневѣ — Польскимъ историкомъ, латинскимъ епископомъ Нарушевичемъ.

75. Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края. Вып. 1-й *А. М. Лазаревскій*. Спб. 1858. Въ 8-ю д. л. 121 стр. Ц. 60 к.

76. Дополненіе къ 1-му вып. «Указателя источниковъ для изученія Малороссійскаго края». *А. Лазаревскаго. П. Ефименко. Черниговскія губ. вѣд.* 1860; 9 и 20, 4 стр.

77. Матеріалы для исторіи Южной Руси, изданные *Григ. Милорадовичемъ* (Отд. оттиски изъ №№ 10 — 12 и 14 — 24. *Черниговс. губ. вѣд.*) Въ 12-ю д. л. 109 стр. Ц. 50 к.)

78. Молочныя воды. *А. Р. Русскій Міръ*. 1860; 17, 12—$^1/_2$ ст.

Въ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ. Въ этой статьѣ разсказана исторія Меноннтскихъ колоній въ Россіи.

79. Свѣдѣнія о дворянскихъ выборахъ въ Полтавской губ. съ открытія губерніи. *Полтавс. губ. вѣд.* 1859; 38.

80. Отчетъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей, съ 14-го ноября 1855 по 14-е ноября 1857. Одесса. Въ городской тип. 1858. Въ 8-ю д. л. 21 стр.

81. Отчетъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей, съ 14-го ноября 1858 по 4-е ноября 1859 г. Одесса. Въ город. тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

82. Отчетъ Одесскаго общества Ист. и Древн. Рос. съ 14-го ноября 1857 по 14–е ноября 1858. Одесса. Въ городской тип. 1859. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

83. Указаніе біографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. *Гр. Милорадовичъ. Черниго. губ. вѣд.* 1859; 20, 21, 6 стр.

84. О нѣкоторыхъ рукописныхъ и рѣдкихъ печатныхъ сочине-

ніяхъ, относящихся до Малороссіи. *С. Соловьевъ. Библіографическія Записки.* 1858; 9.

85. Памятная книжка Кіевской губерніи, составл. *П. Чернышевымъ*, на 1858 г. Кіевъ. Въ губер. тип. Въ 8-ю д. л. II и. 379 стр., ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Дневникъ веденный въ 1787. А. Полетикою, 2) Историческія свѣдѣнія о Десятинной церкви, 3) О древнихъ мѣстахъ и урочищахъ Кіевскихъ, 4) Корсунь, 5) Братская Баргащовка, 6) Макаровъ м., Животовъ м., Карастышевъ м., Мошны с., Смила м. Біографіи: 1) Сковорода, Гр. Сав., 2) Иннокентій архіеп. Херсонскій, 3) Журавскій, и пр.

86. Записка генерала Неверовскаго о службѣ своей въ 1812 г. Чтенія въ *Моск. Общ. Ист. Древ. Рос.* 1859; стр. 77—82.

Генералъ Неверовскій род. въ селѣ Прохоровкѣ, Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ., въ 1771, умеръ 1813, въ Галле, отъ раны, полученной при взятіи Лейпцига. Записка сообщена *М. А. Максимовичемъ*.

87. Графы А. Г. и Г. А. Кушелевы-Безбородко. *Л. Мей. Лицей князя Безбородко.* 1859; стр. 47—63.

88. Князь А. А. и графъ *И. А. Безбородко. В. Толбинъ. Лицей князя Безбородко.* 1859; стр. 25—47.

89. Горкуша, украинскій разбойникъ. *И. Маркевичъ. Русское Слово.* 1859; 9, стр. 138—144.

Въ своемъ разсказѣ авторъ основывался на допросахъ и показаніяхъ самого Горкуши и его товарищей, на подлинныхъ документахъ съ автографами, печатями, даже съ фальшивыми паспортами, сохранившимися въ архивѣ автора. Разсказъ относится къ 1739—1780 г.

90. О полковникѣ корсунскомъ Андреѣ Кандыбѣ. *Черниг. губ. вѣд.* 1859; №30, 3 стр.

Сообщилъ Ст. Носъ. А. Кандыба былъ первоначально сотникомъ въ Конотопѣ, потомъ канцеляристомъ Мазепинымъ. Корсунскимъ же полковникомъ назначенъ послѣ 1715 г. Въ настоящей статьѣ помѣщены: юридическій актъ 1703 и 2 письма А. Кандыбы 1714 г.

91. Историческая записка о лицахъ, принадлежащихъ къ

фамиліи Носъ (18-го столѣтія). *Ст. Носъ. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 37, 5 стр.

92. Жизнеописаніе Іоасафа Горленка, епископа Бѣлоградскаго. *Памятная книжка Курской губ.* на 1860–й г. стр. 98—109.

I. Горленко родился, въ 1705 г., въ г. Прилукахъ.

(*Продолженіе будетъ*)

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Въ августовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*, въ отдѣлѣ *Современной Хроники*, г. Громека нашелъ почему-то нужнымъ напечатать, будто бы «*редакторъ Основы публично поссорился съ П. А. Кулишомъ.*» Въ-предупрежденіе недоразумѣнія нашихъ читателей, считаемъ полезнымъ заявить, что г. Громека вовлеченъ былъ въ непростительную ошибку чрезмѣрною своею поспѣшностью, но, повинившись, напечаталъ объ этомъ въ августовскихъ номерахъ *Сѣверной Пчелы* и *Русскаго Инвалида*.

Високоповажнімъ: *С—му*, въ г. Колу, *И. Кр—і*, въ г. Бобринець, *Петру Украинцеві* и *М. Н—каз—ві*, въ Кнівъ. Дуже жалкуемо, що не можна дать місця Вашимъ стихамъ увъ *Основі*: не підходящі.—Коли наша рада въ-ладъ зъ Вашою власною думкою, то вчітесь поэзіі ў нашого народу, въ его пісняхъ и думахъ, — вчитуйтесь, серцемъ и мислю, въ нашихъ и иншихъ правдивіхъ поэтівъ, и тоді вже ступайте до вишчої мови (поэзіі); а до-того — виповідайте лучче сво думки простомовою (прозою).

Ст—ну Д—п—чу Н—су, въ Черніговъ. Дякуемо Вамъ и високоповажному М—сію Ст—чу Л—б—скому за рисунокъ Собору. Вибачте, будьте ласкові, що ваши «привісти» одложені до IX книжки: такъ було треба. Объ тімъ же наша прозьба и до високоповажнихъ *Тиміша Коломацького* и *Василя Тищенка*.

Двомъ Українцямъ, въ Варшаву. Рубъ и шість рублівъ, що прислані при листахъ безъ ймення, передали ми Михайлу Матвіевичу Лазаревському. Щира вамъ дяка за щире слово и діло.

Д—тру П—чу П—ч—ву, В—лю Ст—чу К—л—ку и *К—лі Ш—п—лу, въ Полтаву*. За все, про все, наша вічня дяка. Запомагайте насъ и діломъ, и радою, и щирою правдою, а ми до Васъ на все одпишемо.

Олександру Переходовцеві. Вашъ листъ зъ дороги буде напечатанъ незаборомъ; объ иншихъ речахъ одпишемо Вамъ особно. Не судіть насъ до-часу.

П—у И—чу Р—в—кину, въ с. Красне. — Щира Вамъ дя́ка за «Пасішниківъ.» Дѐ жъ таки—забувъ! Ні, добре й досі памьятаю, якъ вчились ми разомъ у школі. Не забувайте й насъ; засилайте вісті объ собі,—объ тімъ, що́ на-вкруги́ у васъ дѣтця.

П. Б—л—аву Рудн—му, на Волинь. Ваша одповідь *Р. Вістникові* не буде напечатана, хоча бъ ми й не того бажали. Не забувайте объ *Основі*; нагадуйте объ Волині.

Карпу И—чу Ш—р—гр—му, въ Харьковъ. Редакція была бы весьма благодарна Вамъ за доставленіе собранныхъ вами матеріаловъ для изученія Украинскаго языка, и съ удовольствіемъ исполнила бы Ваши порученія.

М—р—ну О—ль—к—чу, въ с. Калиту. Мы были бы весьма благодарны за дальнѣйшее доставленіе народныхъ пѣсенъ, въ-особенности историческихъ и былевыхъ, указаніемъ — гдѣ, кѣмъ и отъ кого онѣ записаны.

Г—ну Езучевскому, въ Кременчугъ. Благодаримъ Васъ за письмо. Ваше требованіе не было доселѣ исполнено по-ошибкѣ.

Г—ну Харченку, въ Верхнеднѣпровскъ. С. петербургскій Почтамтъ оффиціально увѣдомилъ редакцію, что въ полученіи 2-ой книжки *Основы* есть собственноручная росписка г-на Харченка и хранится въ Газетной Экспедиціи.

Г—ну Аствацурову, въ Тифлисъ.—Основа Вамъ выслана; слѣдуетъ доставить въ редакцію 10 рублей.

«ОСНОВА»

будетъ издаваться и въ 1862 году, по прежней программѣ и при содѣйствіи всѣхъ сотрудниковъ, принимавшихъ участіе въ нашемъ вѣстникѣ съ начала нынѣшняго года. Подробное объявленіе напечатается въ IX книжкѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

1861

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XXXIV. Частина поэми: «Черниця Маръяна», **Т. Г. Шевченка.**

II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**

III. Народня Слава, Солоница, Зза Дунаю, Чтó есть мнѣ и тебѣ, жено? **П. А Кулiша.**

IV. Русалка, **Ломуса.**

V. Матусине Благословéння, **Олекси Стороженка.**

VI. Украинскія незабудки, **П. А. Кулиша.**

VII. Съ того свiту, Кумейки, **П. А. Кулiша.**

VIII. Обзоръ украинской словесности. V. Гоголь, **П. А. Кулиша.**

IX. Зъ народнiхъ устъ: I) Се такá бáба, що чортъ iй на маховúхъ вúлахъ чóботи оддавáвъ, **Олекси Стороженка.** II) Жидiвська Дяка, **Митра Олельковича.**

X. Исторiя Украiни, **П. А. Кулiша.**

XI. Памятное дѣло.

XII. Передовые Жиды, **П. А. Кулиша.**

XIII. О повѣсти Кузьменка, **П. А. Кулиша.**

XIV. Грамота на Рошицы, **М. А. Стаховича.**

XV. Нравительственныя постановленiя и распоряженiя, кáсающiяся Южнорусскаго края.

XVI. Вiсти.

XVII. Объясненiе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**

XVIII. Отъ редакцiи.

XIX. Объясненiе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА,

ЮЖНОРУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ,

будетъ издаваться и въ 1862 году, по прежней программѣ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: стихотворенія, повѣсти и разказы на южнорусскомъ языкѣ, а также на великорусскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. ИСТОРІЯ. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. НАРОДОПИСАНІЕ. Языкознаніе. Современный, общественный и частный, бытъ.

IV. ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ.

V. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ и ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

VI. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ и распоряженія, относящіяся къ южнорусскому краю.

VIII. РАЗБОРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южнорусскій край.

IX. ОБЛАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи (1).

---

(1) Не входя теперь въ объясненіе каждаго изъ этихъ отдѣловъ, припомнимъ для желающихъ ближе познакомиться съ нашимъ взглядомъ на дѣло *Основы*, что подробное объявленіе было напечатано въ октябрьскихъ номерахъ *С. Петербургскихъ* и *Московскихъ вѣдомостей*, *Сѣверной Пчелы* и *Сына Отечества*, разослано при *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Современникѣ* и приложено въ 1-й книжкѣ *Основы*.

Предметъ *Основы* остается тотъ же: всесторонное и безпристрастное изслѣдованіе Южнорусскаго края и Южнорусскаго народа. Направленіе *Основы* также не измѣнится. Оно заслужило общее одобреніе, и намъ остается только повторить главныя начала, которымъ постоянно слѣдовала и будетъ слѣдовать редакція: уваженіе къ правамъ личности, къ народу и народности, и устраненіе сословной, національной и религіозной вражды и всяческихъ недоразумѣній, посредствомъ разъясненія темныхъ вопросовъ нашей современной и прошедшей жизни.

Руководящею идеею *Основы* будетъ просвѣщеніе въ народномъ духѣ. Редакція, отвергая всякую исключительность и замкнутость, въ то же время считаетъ вреднымъ и космополитизмъ, который, раньше или позже, переходитъ въ полное равнодушіе къ мѣстнымъ народнымъ пользамъ и нуждамъ. Общеніе съ другими народностями необходимо и плодотворно для каждаго народа, но оно приноситъ истинную пользу только тѣмъ обществамъ, которыя почерпаютъ главныя жизненныя силы изъ родной почвы, — которыя богатѣютъ не столько заимствованіями отъ сосѣдей, сколько разработкою нравственныхъ и вещественныхъ даровъ природы въ своемъ краю, въ своемъ племени. Признавая значеніе каждой народности въ общей жизни человѣчества, мы всего больше должны стараться уразумѣть *наши* національныя особенности, *наши* природныя, ни у кого не заимствованныя, средства существованія; мы должны стремиться къ тому, чтобы занять между другими народами такое же мѣсто, какое занимаетъ дѣятельный семьянинъ въ кругу прочихъ членовъ семейства. Пока человѣкъ не созналъ себя и не опредѣлилъ ясно своихъ отношеній къ другимъ людямъ, до-тѣхъ-поръ онъ — существо безличное. Тоже самое можно сказать и о цѣлыхъ народахъ. Всякій народъ только съ того времени становится необходимымъ членомъ человѣческой семьи, когда, посредствомъ всесторонняго самопознанія и полнаго проявленія нравственныхъ силъ своихъ, начнетъ вносить въ общую жизнь человѣчества такой вкладъ, какого другой народъ не вноситъ. На этомъ основаніи, мы считаемъ необходимымъ и *общеполезнымъ* — дальнѣйшее развитіе украинскаго народнаго языка и словесности, которая уже заявила свое право на вниманіе просвѣщеннаго общества, представивъ нѣсколько произведеній, замѣчательныхъ по красотѣ образовъ, по достоинству чувствъ и мыслей — общечеловѣческихъ и, въ тоже время, возможныхъ, по своему внутреннему и внѣшнему характеру, только въ одномъ Украинскомъ народѣ. Вопросъ — *быть или не быть* нашей словесности? еще недавно составлялъ предметъ спора для многихъ; но его

разрѣшила утвердительно сама жизнь, неподдающаяся никакой предвзятой теоріи. Никто теперь не скажетъ, что украинской словесности *нѣтъ*, какъ, бывало, говорили и писали прежде. Одного Шевченка, признаннаго великимъ поэтомъ во всемъ Славянскомъ мірѣ, достаточно для того, чтобы убѣдить самыхъ закоренѣлыхъ старовѣровъ въ томъ, что украинская словесность существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Но еще не умолкли послѣдніе звуки перваго нашего *Кобзаря*, а уже мѣсто его заступаетъ другой, въ поэзіи котораго слышится новый строй народнаго стиха, является новое содержаніе и новая сила. Въ сентябрьской книжкѣ *Основы* мы сообщаемъ мелкія его стихотворенія, которыя, надѣемся, пріятно удивятъ нашихъ читателей; но у насъ есть въ запасѣ цѣлыя поэмы того же автора, соотвѣтствующія этимъ начаткамъ.

Украинская проза также дѣлаетъ успѣхи рѣшительные и разширяетъ область своего выраженія почти съ каждымъ мѣсяцемъ. Безпрестанно являются новые дѣятели украинской словесности, кругъ преданныхъ ей людей увеличивается быстро. Все убѣждаетъ насъ, что вопросъ о ея существованіи есть вопросъ жизненный, порожденный не мечтателями, а самою силою вещей. Поэтому-то она и вызвала къ энергической дѣятельности столько талантливыхъ людей; поэтому она и въ обществѣ читающемъ находитъ себѣ такое сочувствіе. Итакъ, съ увѣренностію, что приносимъ своимъ изданіемъ пользу существенную, что дѣлаемъ дѣло, нужное не для однихъ Украинцевъ, но для всего Славянскаго міра, мы будемъ продолжать его по мѣрѣ нашихъ силъ, въ ожиданіи новыхъ и новыхъ помощниковъ. Особенное вниманіе людей мыслящихъ обращаетъ на себя оживившаяся русская народность въ Галиціи, гдѣ она до-того была задавлена, что Нѣмцы и Поляки начали уже печатно утверждать, будто *Руси* въ Галиціи нѣтъ вовсе. Говоря языкомъ украинскимъ и живо сочувствуя нашей словесности, Галицкіе Русины, въ настоящемъ году, начали издавать собственную литературно-политическую газету *Слово*. Въ школахъ у нихъ вводится преподаваніе на родномъ языкѣ; русинскій же языкъ начинаютъ употреблять и въ судопроизводствѣ. Даже въ своей одеждѣ, Галицкая молодежь старается быть *рускою*, но никакъ не нѣмецкою, или польскою. Пробужденіе долго дремавшихъ моральныхъ силъ, которыя обнаруживаются теперь съ такою своеобразностью, пророчитъ Русскому міру существованіе еще болѣе самобытное, менѣе и менѣе подчиненное вліянію чуждыхъ народностей, хотя и связанное съ ними общечеловѣчески. Многіе образованнѣйшіе Великороссіяне дѣйствительно смотрятъ на оживленіе украинской словесности съ чувствомъ тро-

гательнаго для насъ доброжелательства; мы слышимъ отовсюду, что даже языкъ украинскій сдѣлался предметомъ изученія для многихъ просвѣщенныхъ людей. Многіе уже понимаютъ, что Русская Земля до тѣхъ поръ не проявитъ себя всесторонне, пока на ея огромномъ пространствѣ не затрепещетъ жизнью все, что способно къ жизни. Поэтому, работая на украинскомъ полѣ, *Основа* работаетъ для всего рускаго міра и притомъ, какъ спеціалистъ, котораго замѣнить некѣмъ. Вотъ нашъ взглядъ на наше дѣло. Надѣемся, что это — взглядъ всѣхъ друзей просвѣщенія, всѣхъ истинныхъ почитателей самаго мудраго законодателя — *жизни*, неподкупный судъ котораго, въ нашемъ литературно-народномъ дѣлѣ, есть единственно вѣрный судъ.

Неможемъ не радоваться, что съ такой точки посмотрѣли на дѣло *Основы* лучшіе русскіе журналы, и считаемъ своею обязанностью выразить имъ нашу *громадську* признательность.

Переходя къ болѣе частнымъ обстоятельствамъ нашего вѣстника, скажемъ, что первое время его существованія необходимо должно было быть — и было — очень труднымъ. Программа наша, съ перваго начала, не могла быть выполнена удовлетворительно во всѣхъ частяхъ ея. Вполнѣ сознавая недостатки *Основы*, мы употребимъ все стараніе — устранить ихъ въ будущемъ году, и надѣемся представить — *современную южно-русскую лѣтопись, вѣсти изъ Русинской Галиціи и съ Юга вообще, разборъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій на украинскомъ языкѣ и разные этнографическіе, историческіе и юридическіе матеріялы* — въ такой полнотѣ, что они составятъ какъ-бы новый отдѣлъ *Основы*. Но и въ настоящемъ году, не смотря на скудость нѣкоторыхъ отдѣловъ, редакція всё-таки имѣла столько рукописей въ своемъ распоряженіи, что обѣщанное ею количество листовъ оказалось недостаточнымъ, такъ что, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, она, вмѣсто обязательныхъ *108* печатныхъ листовъ, выпустила около *160* листовъ. Такимъ образомъ, при томъ запасѣ матеріяловъ, какой *Основа* уже имѣетъ, и при возрастающемъ числѣ трудящихся и готовыхъ для нея трудиться, назначенное число листовъ для книжки оказывается недостаточнымъ, и съ 1862 года каждая книжка *Основы*, для выполненія нашей программы, необходимо должна заключать въ себѣ неменѣе 15 листовъ. По причинѣ сопряженнаго съ этимъ увеличенія издержекъ, бывшихъ и въ этомъ году весьма значительными, мы должны увеличить и подписную цѣну нашего изданія.

Чтобы познакомить съ содержаніемъ *Основы* тѣхъ, кто не могъ до-

селѣ читать ее, представляемъ перечень статей, помѣщенныхъ въ *девяти вышедшихъ книжкахъ:*

Анны Барвинокъ (псевдонимъ): Съ Волыни.

Антоновича (*В.*): Что́ объ этомъ думать?

А. Нечуй-вітеръ (псевдонимъ): 1) Съ дороги, 2) Сирітський жаль; 3) Не було змалку — не буде й до 'станку.

Бѣлухи-Коханоскаго (*М. А.*): 1) О молотильной машинѣ съ локомобилемъ; 2) О рабочемъ скотѣ и о *хворобѣ*.

Волокитина (*Н. Н.*): О естествознаніи на Югѣ.

Гоголя (*Н. В.*): Замѣтки и наброски для драмы изъ Украинской исторіи.

Дымскаго (*М.*): Хоролъ.

Жемчужникова (*А. М*): 1) По поводу выставки въ С. Петербургской академіи художествъ; 2) Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе (съ рѣчами, говоренными у гроба); 3) Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ (съ портретомъ); 4) Объясненія къ рисункамъ *Живописной Украины*, издаваемой авторомъ.

Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину изъ Петербурга.

Иванишева (*Н. Д.*): О провинціальныхъ дворянскихъ сеймахъ въ Юго-Западной Руси.

Историческіе и юридическіе акты.

П. Казюки (псевдонимъ): 1) О публичныхъ лекціяхъ Н. И. Костомарова; 2) Півпівника.

Ка-па (псевдонимъ): Мои воспоминанія.

Костенецкаго (*Я. И.*): 1) О руководствѣ къ пчеловодству г. Краузе; 2) Письма о Пчеловодствѣ.

Костомарова (*Н. И.*): 1) О федеративномъ началѣ въ древней Руси; 2) Отвѣтъ иностраннымъ публицистамъ по вопросу о Руси; 3) Двѣ народности (черты нравственныхъ различій въ племенахъ: Великорусскомъ и Украинскомъ); 4) Черты народной Южнорусской исторіи; 5) Гетманство Выговскаго; 6) Воспоминаніе о двухъ малярахъ (одинъ изъ нихъ — Шевченко); 7) Слово о Сковородѣ; 8) Отвѣтъ на статью В. Крестовскаго; 9) Черноморскіе козаки.

Кузьменка (*П. С.*) Не такъ ждалося, да такъ склалося.

Кулика (*В С.*): Дé-що зъ Полтавы

Кулиша (*П. А.*): 1) Хмельнищина; 2) Старосвѣтское дворище; 3) Другой человѣкъ: 4) Характеръ и задача Украинской критики; 5) Обзоръ Украинской словесности: I. Климентій, II. Котляревскій, III. Артемовскій-Гулакъ, IV. Гоголь; 6) Исторія Украины; 7) Украинскія Незабудки; 8) О повѣсти г. Кузьменка; 9) Передовые Жиды; 10) стихотворенія: Народня Слава; Солонúця; Кумейки; Съ того світу; Зъ-за Дунаю; Что́ мнѣ и тебѣ, жено?

Лавровскаго (*П.*): Отвѣтъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину, о Малорусскомъ языкѣ.

Лазаревскаго (*А. М.*): Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конискимъ?

Л-б-цева (*Ѳ. Г.*): Объ ярмаркахъ (до сільскихъ парафіянъ).

Левченка (*М. М.*): 1) Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ; 2) Замѣтка о Русинской терминологіи.

Линейкина: Гимназическая переписка (прежнія педагогическія понятія и порядки).

Ломуса (псевдонимъ): Русалка, стихотворный переводъ изъ Мицкевича, на украинскомъ языкѣ.

М. (*И. В.*): Географическое обозрѣніе края, населеннаго Южнорусскимъ народомъ.

Макарова (*Н. Я.*): Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ.

Максима-Чорного (псевдонимъ): Съ другого берега Днѣпра.

Максимовича (*М. А.*): 1) Письма о Богданѣ Хмельницкомъ; 2) Замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ.

Марко-Вовчка (псевдонимъ): 1) Три долі; 2) Не до пари; 3) Два сини; 4) Ледащиця.

Межова (*В. И.*): 1) Библіографія крестьянскаго вопроса въ Южнорусскомъ краѣ; 2) Историческая библіографія.

Мизко (*Н. Д.*): Воспоминаніе о Соленикѣ.

Мордовцева (*Д. Л.*): 1) Дзвонарь; 2) Салдатка.

Недорозумѣніе по поводу слова »жидъ«.

Номиса (псевдонимъ): 1) Тітка Пастя; 2) Різдвяні святки; 3) Отрывки изъ автобіографіи Бѣлокопытенка; 4) О крѣпостномъ населеніи въ Россіи; 5) Багата кутя; 6) Святий вечіръ.

Носа (*С. Д.*): 1) Хуртовина; 1) Зъ Непитай-Города.

Необачного (псевдонимъ): Знайденій на дорозі листъ.

Олельковича (*Митра*): 1) Антінъ Танський; 2) Жидівська Дяка.

Основьяненка (*Квитки*): Листъ до Шевченка.

Побратима (псевдонимъ): Концертъ 27 апрѣля.

Познанського (*Б*): Листъ зъ Дударівъ.

Пестержецкаго (*А. Л.*): 1) О крестьянахъ старинной Югозападной Руси; 2) О народномъ языкѣ.

Стороженка (*А. П.*): 1) Закоханний чортъ; 2) Стехинъ рігъ; 3) Матусине благословення; 4) Страшна Баба.

Свячченка (псевдонимъ): Вовчиця.

Сухомлинова (*М. И.*): О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи.

Сърова (*А. Н.*): Музыка южнорусскихъ пѣсень (съ нотами 6 пѣсень для пѣнія и фортепьяно).

Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнаго края.

Памятное дѣло.

Т. (*Г.*): О народности въ религіозной жизни.

Хоречко (псевдонимъ): Липовыя пущи.

Хуторянина (псевдонимъ): Листи съ хутора: 1-й и 2-й, о городской и сельской жизни; 3-й о значеніи Шевченка, какъ народнаго поэта; 4-й о сельскомъ ворѣ. Всѣ четыре письма на украинскомъ языкѣ.)

Чубинскаго (*П. П.*): Погуковщина.

Чужбинскаго (*А. С.*): Изъ Украины.

Шаповала (*К.*): Зъ подорожника.

Шевченка (*Т. Г.*): 1) Посланіе славному Шафарикові; 2) Чернець (Семенъ Палій); 3) Москалева Криниця; 4) Невольникъ; 5) Черниця Маръяна; 6) Мелкія стихотворенія; 7) Дневникъ.

Юзефовича (*М. В.*): Объясненіе по поводу издаваемыхъ Кіевскою Комисіею древнихъ актовъ.

Стихи на украинскомъ языкѣ: Гг. *Витавскаго, Гльбова, І. Галки, Галузенка, Кузьменка, Кулика, Конискаго, Навроцкаго, Петрова, Руданскаго, Таволги-Мокрицкаго, Чубинскаго* и друг.

Мѣстная переписка, объясненіе южнорусскихъ словъ, встрѣчающихся въ *Основѣ*, и другія статьи.

Имѣя въ виду статьи, находящіяся въ распоряженіи редакціи, она можетъ обѣщать, что слѣдующія книжки *Основы* не уступятъ занимательностію содержанія вышедшимъ.

Надѣемся, что многіе профессора и учители мѣстныхъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній также примутъ съ будущаго года живое участіе въ *Основѣ*, какъ единственномъ изданіи, программа котораго обнимаетъ всѣ стороны южнорусской жизни.

Всѣхъ сообщавшихъ и желающихъ сообщать въ *Основу* вѣсти изъ разныхъ сторонъ Юга, усердно просимъ увѣдомить объ условіяхъ, выполненіе которыхъ должно быть обязательно для редакціи: необходимо установить опредѣленныя отношенія заранѣе, дабы избѣжать впослѣдствіи напрасныхъ недоразумѣній.

Подписка принимается: *въ С. Петербургѣ, для городскихъ*: въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Д. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; *въ Москвѣ*: у И. В. Базунова; *въ Кіевѣ*: у В. Г. Борщевскаго; *въ Полтавѣ*: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; *въ Таганрогѣ*: у К. Д. Данилова; *въ Одессѣ*: у Ал. С. Великанова, и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородные ***ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО*** адресуютъ:

Редактору Основы, Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.

Цѣна за 12 книжекъ, каждая не меньше 15 листовъ, 10 р. 50 к. безъ пересылки, — 12 р. съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Для своевременнаго распоряженія о напечатаніи надлежащаго числа экземпляровъ, редакція проситъ поспѣшить подпискою

Подписавшіеся и послѣ выхода *девяти* книжекъ *Основы* получатъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Редакторъ В. Бѣлозерскій.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ,

И ОБЪ ИЗДАНІИ

ЖИВОПИСНАГО СБОРНИКА И РИСУНКОВЪ

ИЗЪ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Изданіе *Живописной Украины* будетъ также продолжаться и въ 1862 году. Условія подписки слѣдующія: для подписчиковъ, получающихъ *Основу*, цѣна остается таже, т. е. **4** р., городскіе подписчики платятъ **6** р., а подписчики иногородные, не получающіе *Основы*, платятъ за годовое изданіе **9** р.; исключеніе дѣлается только въ такомъ случаѣ, если иногородный подписчикъ выписываетъ не менѣе *десяти* экземпляровъ: тогда цѣна остается прежняя, т. е. **6** р. за каждый экземпляръ. Подписка принимается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и на *Основу;* иногородные *исключительно* подписываются *въ редакціи Основы.*

Прошу гг. подписчиковъ высылать мнѣ разнаго рода рисунки, типы, одежды и т. д. и сообщать письменно свои замѣчанія относительно моего изданія. Это доставитъ мнѣ возможность узнать вкусъ общества и исполнить справедливыя его требованія.

Съ 1862 года, я выпускаю, кромѣ настоящаго изданія, — другой альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ *Живописный Сборникъ*, въ гораздо-большемъ размѣрѣ, — куда войдутъ не одни Малороссійскіе сюжеты и типы, но и Великорусскіе, а также фантазіи, пейзажи и проч. Вообще программа *Ж. Сборника* — самая обширная и не стѣсненная никакой особой народностью. Цѣна будетъ объявляться печатно, по мѣрѣ выхода рисунковъ.

Кромѣ этого, я приготовляю къ изданію *рисунки изъ народной архитектуры* Великорусской и Малороссійской, съ объясненіями, а потому покорнѣйше прошу всѣхъ, кто интересуется и кто занимается этимъ предметомъ, высылать мнѣ, чрезъ редакцію *Основы*, рисунки, какъ цѣлыхъ зданій и построекъ, такъ и частей ихъ и подробностей, равно и замѣчанія свои о русской народной архитектурѣ.

Левъ Жемчужниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

IX-я книжка *Основы* была уже напечатана, когда мы получили 2-й номеръ *Дня*, издаваемаго И. С. Аксаковымъ. Объяснивъ нашимъ читателямъ причину, по которой мы не могли обстоятельно отвѣчать на статью *Современника*: »Національная безтактность« (см. IX книжку *Основы*, стр. 193), спѣшимъ добавить, что отвѣтимъ, со всею возможною откровенностью, и на нѣкоторыя положенія, высказанныя въ 2-мъ номерѣ *Дня*, Вл. Ив. Ламанскимъ и поддержанныя И. С. Аксаковымъ. Возразить имъ мы считаемъ своимъ долгомъ, хотя намъ приходится вступить въ борьбу съ неравнымъ оружіемъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 21 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXXIV.

ЧАСТИ́НА ПОЭМИ:

ЧЕРНИ́ЦЯ МАРЪЯ́НА.

Эта поэма, какъ можно догадываться, написана была Т. Гр. Шевченкомъ вслѣдъ за *Катериною*. Черневой, неполный, подлинникъ ея писанъ почти весь карандашомъ. Поправокъ почти нѣтъ въ рукописи, но оригиналъ, очевидно, содержитъ въ себѣ первый набросокъ. Отъ-этого нѣкоторые стихи не дописаны, въ другихъ не соблюденъ размѣръ; нѣкоторые состоятъ изъ повтореній, а въ одномъ мѣстѣ, черта, проведенная отъ слова *оддáмъ*, которымъ начинается неизвѣстный намъ стихъ, показываетъ, что авторъ былъ намѣренъ дополнять и совершенствовать свою поэму. Много въ ней стиховъ слабыхъ, много мѣстъ растянутыхъ, но, какъ набросокъ, поэма эта весьма замѣчательна; она дышетъ свѣжею силою молодаго еще таланта, и есть въ ней мѣста высоко-поэтическія. Указывать ихъ мы не будемъ, предоставляя читателю удовольствіе отыскать самому лучшее между слабымъ и прекрасное между хорошимъ. Я списалъ ее съ оригинала, часто очень нечеткаго и сбивчиваго, собственноручно, и нѣкоторыя мѣста редактировалъ, замѣняя, по-возможности, авторскую работу, что́ и означено въ примѣчаніяхъ.

П. Кулишъ.

У неділю на ви́гоні
Дівча́та гуля́ли,
Жартува́ли зъ парубка́ми,
Де-які співа́ли —
Про до́світки, вечорни́ці
Та якъ би́ла ма́ти,

Щобъ зъ козакóмъ не стоя́ла...
Звича́йно — дівча́та,
То про своє́ все й співа́ють,
Яка́ про що зна́е.
Ажъ ось, съ хло́пцемъ стари́й сліпе́ць
Въ село́ шкандиба́е;
Въ рука́хъ чо́боти; на пле́чахъ
Ла́тана торби́на
У старо́го. А дити́на,
Серде́шна дити́на,
Обідрана, ле́две, ле́две
Носе́ оженя́та...
Безтала́нний синъ Катру́сі.
»Дивітця, дівча́та,
Кобза́рь иде́, кобза́рь иде́!«
Та всі, яко мо́га,
Хло́пцівъ ки́нули, — побігли
Зострічать сліпо́го.
»Діду-се́рце, голу́бчику!
Заграй намъ що-не́будь:
Я шага́ дамъ; я — чере́шень;
Я напою́ ме́домъ;
А тимъ ча́сомъ опочи́нешъ,
А ми потанцю́емъ.
Загра́й же намъ яку́-не́будь!«
— »Чу́ю, лю́бі, чу́ю!
Спаси́бі вамъ, моі квіти,
За сло́во ласка́ве.
Загра́въ би вамъ, та ба́чите —
Спра́ви нема́, спра́ви.
Учо́ра бувъ на база́рі —
Ко́бза зопсува́лась,
Развали́лася...«
— «А стру́ни?«
— »Тілько три оста́лось.«
— »Та хочъ на трёхъ яку-не́будь!«
— »На трёхъ? Охъ, дівча́та!
И на одній колись-то гравъ,

Та ба́, вже не гра́ти!
Пострива́йте жъ, мої лю́бі,
Тро́шки одпочи́ну...
Ся́дьмо, хло́пче.«
Посіда́ли.
Розвяза́въ торби́ну;
Ви́йнявъ ко́бзу; разівъ зо́ два
Уда́ривъ по рва́нихъ...
»Що́ бъ вамъ загра́ть?... Пострива́йте...
Черни́цю Маръя́ну...
Чи чува́ли, чи не чу́ли?....
Слу́хайте жъ, дівча́та,
Та ка́йтеся...
Давно́ коли́сь
Була́ собі ма́ти;
Бувъ и ба́тько, та не ста́ло, —
Оста́лась вдово́ю...
Ой оста́лась удово́ю [1],
Та й не молодою, —
Изъ вола́ми, изъ воза́ми,
Зъ мало́ю дочко́ю.
Росла́ дочка́ Маръя́ночка [2]
Ви́росла, якъ па́нна,

[1] Этого стиха недоставало у Шевченка, очевидно, по недосмотру. *П. К.*

[2] Этотъ и слѣдующіе стихи, очевидно, не были читаны авторомъ послѣ перваго наброска, и потому въ нихъ много разъ нарушена мѣра. Шевченко, безъ сомнѣнія, выправилъ бы ихъ лучше, нежели это сдѣлано мною; но чтобы не придать ему собственнаго вкуса моею редакціею и сберечь мелкія, по необходимости сглаженныя мною черты, помѣщаю его стихи точь-въ-точь. (То-же сдѣлано мною и дальше). *П. К.*

Росла́ дочка́ Марья́на,
А ви́росла, якъ па́ина,
Чернобрі́ва, уродли́ва,
Хочъ за пана гетьма́на.
Ста́ла ма́ти гада́ти
Та зя́тя една́ти,
А Марья́на не до па́ина
Вихо́дила стоя́ти, —
Не до па́ина товсто́го,
Уса́того, старо́го,
До Петруся́, въ гаю́, въ лу́зі,
Що-вечора свитого.

Чорнобрíва, уродли́ва —
Хочъ би й за гетьмана.
Ста́ла ма́ти мíркува́ти
Та зя́тя една́ти,
А Маръя́на не до па́на
Ходи́ла стоя́ти, —
Не до па́на уса́того,
Сідо́го, старо́го, —
До Петруся́, що-ве́чора,
Ве́чора свято́го.
Розмовля́ла, жартува́ла,
Обніма́ла, мíла,
Въ раю́ жила́... а и́ноді
Пла́кала, нíміла.
»Чого́ пла́чешъ, моя́ ита́шко?«
Петро́ запита́е.
Вона́ гля́не, усміхне́тця:
»И сама́ не зна́ю«.
— »Мо́же, ду́маешъ, поки́ну?
Ні, моя́ рибчи́но.
Бу́ду́ ходи́ть, бу́ду люби́ть,
По́ки не заги́ну.
Хиба́ було́ коли́ въ свíті,
Щобъ ті, що кохали́сь,
Розійшли́ся, не взяли́ся, —
Живи́ми оста́лись?«
— »Ти жарту́ешъ, мій го́лубе!
Ти чувъ, що співа́ють...
То́ кобзарі вига́дують;
Бо, сліпі́, не́ зна́ють, —
Бо не ба́чять, що е бро́ві,
Чо́рні й ка́рі о́чи
И висо́кий станъ коза́чий,
И гнучки́й дівочий, —
Що е ко́си, чо́рні ко́си,
Коза́цька чупри́на, —
Що на мо́ву на Петро́ву
Въ глухíй домови́ні

Усмíхнýся... скажý ёмý:
»Орле сизокри́лий!
»Люблю́ тебе́ й на тімъ свíті,
»Якъ на сімъ люби́ла.«
Ота́къ, се́рце, обнимімось,
Ота́къ поцíлýю!
Неха́й вку́пі заховáють...
Умрý — не почýю...
Не почýю...«
Обняли́ся,
Обняли́сь, зомліли.
Ота́къ вони́ люби́лися,
На той свíтъ хотіли [1],
Щобъ на той свíтъ переступи́ть,
Та не по íхъ ста́ло...
Що-ве́чора схо́дилися,
И ма́ти не зна́ла,
Де Маръя́на до півночи,
Съ кимъ вона́ гуля́ла.
»Воно́ мале́, ще дити́на,
Нíчо́го не зна́е.«
Угада́ла стара́ ма́ти,
Та не все вгада́ла:
Знать, забу́ла, що колúсь же
Сама́ дівувала [2].
Угада́ла ма́ти... Маръя́на — дити́на,
Не зна́ла, якъ тре́ба на сімъ свíті жить,
Ду́мала ні лю́ди, ані домови́на
Съ Петромъ не розлу́чять — уміла люби́ть [3].
Ду́мала, що тілько кобзарі співа́ють,

---

[1] Вмѣсто этого стиха было сперва написано:
Ота(къ) и хотіли.
П. К.

[2] Эти два стиха написаны были сперва такъ:
Знать, забу́ла, що мину́ло, —
Чи не дівува́ла.
П. К.

[3] Этотъ стихъ у Шевченка такъ:
Съ Петро́мъ не розня́ть — уміла люби́ть.
П. К.

Бо сліпі, не ба́чять ка́рихъ очени́тъ,
Що тілько ляка́ють молоди́хъ дівча́тъ...
Ляка́ють, дівча́та, пра́вдою ляка́ють.
И я васъ ляка́ю, бо те ли́хо зна́ю...
Бода́й на сімъ сві́ті нико́ли не знать
Того́, що я зна́ю!... Мину́ло, дівча́та, —
Се́рце не засну́ло — я васъ не забу́въ;
Люблю́ васъ и до́сі, якъ діточо́къ ма́ти;
Бу́ду вамъ співа́ти, по́ки не заги́ну...
Тойді, моі лю́бі, якъ мене́ не ста́не,
Згада́йте про ме́не, про мою́ Маръя́ну, —
Я вамъ съ того́ світа се́рцемъ усміхнусь...
Усміхнуся...«
Та й запла́кавъ.
Диви́лись дівча́та,
Не пита́ли, чого́ пла́че,
Та й на́ що пита́ти?
Мину́лося — помага́ло
Ласка́ве дівоче
Щи́ре сло́во...
»Вибача́йте...
(Уте́ръ сліпі о́чи)
Вибача́йте, моі лю́бі!
Не́хотя журю́ся...
Такъ о́тъ, ба́чите, Маръя́на
Зъ убо́гимъ Петру́семъ
Що-ве́чора розмовля́ла,
А ма́ти не зна́ла.
Дивува́лась: »Що-се таке́
»Маръя́ну спітка́ло?
»Чи не пристрітъ? Ся́де ши́ти —
»Не те вишива́е;
»Замісь *Гри́ця*, заду́мавшись,
»*Петруся́* співа́е [1];

[1] *Гриценъ* называется пѣсня;
Ой не ходи, Гри́цю, на ті вечорниці,
а *Петрусемъ* —
Полюби́ла Петру́ся,
Та й сказа́ти боюся. *П. К.*

»Ча́сомъ со́нна розмовля́е,
«Поду́шку цілу́е...«
Ма́ти спе́ршу сміялася:
Ду́мала — жарту́е;
По́тімъ ба́чи(ть), що не жа́рти,
Та й ка́же Маръя́ні:
»Тре́ба старостівъ намъ жда́ти [1],
»Та, мо́же, й одъ па́на.
»Ти вже ви́росла — не вро́ку,
»Уже́ й дівува́ла;
»Я вже ду́маю, що ба́чишъ [2],
(Наси́лу сказа́ла),
»Що вже й за́міжъ, коли́ те́е...»
— »А за кого́, ма́мо?»
— »Хто вподо́ба, то (я) й оддам̀ъ.»
Співа́е Маръя́на:
»Мину́лася твоя́ до́ля,
»На-віки мину́ла...
»Чомъ ти вчо́ра, якъ верну́лась,
»На-вікъ не засну́ла?
»Було́ бъ ле́гше въ домови́ні
»Одино́кій спа́ти.
»Тойді, мо́же бъ, надъ тобо́ю
»Запла́кала ма́ти.
»Тепе́ръ ма́ти не запла́че,
»Та й не заспіва́е;
»А ли́ха ще бу́де, бу́де,
»По́ки заховаю́ть!«

Отаке́-то, мої лю́бі,
Бува́ на сім̀ъ сві́ті:
Одна́ дочка́ у ма́тери,
Та й тій тя́жко жи́ти...

---

[1] У Шевченка этотъ стихъ такъ:
Тре́ба буде старостівъ жда́ти.
П. К.

[2] Этотъ стихъ написанъ былъ сперва такъ:
Я вже ду́маю, що й те́е...

По садо́чку похожа́е,
Слізонький втира́е;
Поглядáе на со́нечко —
Пече́, а не ся́е.
Стоїть собі середъ не́ба,
Мовъ сміється зъ не́і.
Воно́ не зна, що Маръя́на
Ра́да бъ підъ земле́ю
Заховáться одъ ма́тери,
Щобъ не почуть знову
Тії мо́ви, що вже чу́ла,
Проклятоі мо́ви.
Воно́ не зна, що якъ за́йде
Спочи́ти за га́емъ,
Петру́сь ви́йде на доли́ну,
Петру́сь заспіва́е,
Петру́сь ії роспита́е,
Якъ братъ загово́рить,
Поцілу́е, роспита́е
Про лю́тее го́ре.
Не зна́ла Маръя́на, чого се́рце мліе,
Чого́ пла́чуть очі... на́ що ёго́ знать?
Хи́литця топо́ля, куди́ вітеръ віе...
Тя́жко одино́кій на степу́ стоя́ть.
Уто́митця вітеръ — топо́ля спочи́не:
Ота́къ и дівóча мине́ хуртови́на.
Тя́жко одино́кій въ степу́ зустріча́ть,
А ще гірше лю́бій попе́реду знать,
Де́ и я́къ спіткáе лиха́я годи́на.
Несподівано Маръя́на
Зостріла недо́лю;
Співá-було́, а и́ноді
Даé слёзáмъ во́лю.
Сама́ не зна́, чого́ пла́че;
Мо́же, се́рце й чу́е,
Та не вміе росказа́ти
Про те́, що віщу́е.

Разъ увéчері Маръя́на,
Якъ мáти заснýла,
Пішлá слýхать соловéйка,
Мовъ зрóду не чýла.
Вийшла въ садóкъ, послýхала,
Самá заспівáла,
Та й замóвкла; підъ я́блуню
Тихéсенько стáла,
Заплáкала, якъ дитúна
Безъ мáтери плáче...
Петрó стоíть передъ нéю —
Нічóго не бáчить.

»Оддáй менí, моя́ мáмо,
»Та не за старóго,
»Оддáй менé, моé сéрце,
»Та за молодóго.
»Нехáй старúй бурлакýе,
»Гróши заробля́е,
»А молодúй менé любúть,
»Дóлі не шукáе.
»Не шукáе, не блукáе
»Чужúми степáми.
»Свої волú, свої возú,
»А міжъ парубкáми,
»Якъ мáківка на вгородí,
»Цвітé-процвітáе.
»Мáе пóле, мáе вóлю,
»Та дóлі не мáе.
»Егó дóля — мої бровú,
»Мої кáрі óчі;
»Моé слóво — пáнство-цáрство,
»Нічóго не схóче.
»У кайдáнахъ, моя́ сúза,
»Та не сиротóю,
»Тільки, мáмо, що(бъ) плакати,

»Щобъ співáть зо мнóю.
»Оддáй...
— »Дóчко моя́, Маръя́но!
»Оддáмъ тебé за пáна
»За старóго, багáтого,
»За сóтника Йвáна.«
— »Умрý сéрце мáмо,
»За сóтникомъ Йвáномъ.»
— »Не вмрешъ, бýдешъ панувáти,
»Бýдешъ дітокъ годувáти.«

Мáти гáлка, мáти чóрна,
Літáючи, кря́че;
Чорнобрíва дівчи́нонька,
Хóдя гáемъ, плáче.
Летúть гáлка черезъ бáлку
Въ степý погуля́ти,
А дівчúна нýдить світóмъ, —
Ні съ кимъ розмовля́ти.
Не пускáе íї мáти
Врáнці до кринúці,
Ні жúта жать, ні лёну брать,
Ні на вечірнúці,
Де дівчáта съ парубкáми
Жартýють, співáють,
Та про мéне, чорнобрíву,
Нúшкомъ розмовля́ють:
»Багáтого дочкá бáтька,
»Шляхéцького рóду...«
Тя́жко, мáмо, вáжко, мáмо...
Нá що далá врóду?
Нá що брóви змалювáла,
Далá кáрі óчі?
Усé далá, тільки дóлі —
Дóлі дать не хóчешъ.
Нá що менé годувáла,
Нá що доглядáла?

По́ки ли́ха я не зна́ла,
Чо́мъ не заховала́?

Не слу́хала стара́ ма́ти,
Лягла́ спочива́ти,
А Маръя́на запла́кала,
Ле́дві пішла́ съ ха́ти.
»Зляка́лася«, ду́ма ма́ти:
»Неха́й запла́че!«
А Маръя́на за слёза́ми
И світу не ба́чить.
Пішла́ въ садо́къ... се́рце мліе,
Якъ згада́е па́на.
Се́рце мое́, ри́бко моя!
Маръя́но, Маръя́но!
Пострива́йте... заспівала —
Пішла́ луна́ га́емъ, —
Не про *Гри́ця*,—про *Петруся*,
Такъ и вилива́ла.
Заспівае, опи́нитця,
Послу́ха та зно́ву, —
Ажъ голосо́къ утоми́вся.
Петро́вої мо́ви
Не чуть, нема́, не гука́е,
Не кли́че: »Маръя́но!
»Де ти, пта́шко? ви́линь, се́рце,
»Серденько коха́не!«
Нема́ Петра́, не чуть Петра́...
Не вже жъ то поки́нувъ
Сиротою чорнобріву
При лихій годи́ні?..
Поба́чимо... А тимъ ча́сомъ
По-надъ те́мнимъ га́емъ,
Якъ руса́лка жде місяця,
Маръя́на блука́е.
Не співа́е чорнобріва,
Тя́жко, тя́жко пла́че...
Ой верни́ся, подиви́ся,

Зрадли́вий коза́че!
Утоми́лась би Маръя́на, —
Уто́ми не чу́е;
Безъ Петруся́ въ гаю́, въ лу́зі
Хо́дячи почу́е.
На східъ со́нця червоніе,
Хова́ютця зо́ри;
Иде́ дівчина до ха́ти,
Несе́ свое́ го́ре.
Пришла́ въ ха́ту — спа́ла ма́ти;
Гля́нула на не́і:
»Ой якъ би́ ти, ма́мо, зна́ла,
«Яко́ю зміе́ю
»Окрути́ла мое́ се́рце,
»Рідноі дити́ни...«
Та й упа́ла на посте́лю,
Якъ у домови́ну!...

Т. Шевченко.

Мы не теряемъ надежды добыть эту поэму въ полномъ, обработанномъ видѣ. Говорили намъ, что экземпляръ ея хранится у издателя альманаха *Снѣпъ*, г. Корсуна, котораго убѣдительно просимъ сообщить намъ эту драгоцѣнность. *Ред.*

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Пятый отрывокъ.

16 іюля.

Послѣ заката солнца заштилѣло, и въ первомъ часу ночи вѣтеръ поднялся отъ зюйдъ–оста, вѣтеръ тихій и ровный, такой самый, какой нуженъ для нашей почтовой лодки. Дождавшись разсвѣта, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ захотѣлось ѣсть, т. е. до полудня. Не увидѣвши на горизонтѣ ни завѣтнаго, никакого паруса, я въ унынiи пришелъ на огородъ, и, въ ожиданiи обѣда, принялся за свою ветчину подорожнюю. Копчоный продуктъ мой съ каждымъ днемъ умаляется. Еще нѣсколько дней ожиданiя—и отъ него останутся ни–къ–чему годныя руины. Хорошо, если я поѣду черезъ Астрахань. Тамъ есть лавки сарептскихъ колонистовъ, а между ними, вѣроятно, есть и колбасныя. Безъ колбасы нѣмецъ и дня не проживетъ, слѣдовательно, копчоный продуктъ можно пополнить. А если придется прогулятьcя черезъ Гурьевъ и Уральскъ, по злачнымъ и серебрянымъ берегамъ благочестиваго Урала? тогда что? Аппетитъ въ торбу, а зубы на полку, или, во избѣжанiе голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего—мученикомъ за вѣру, растригою–попомъ. Тогда, какъ по щучью велѣнью, все явится передъ тобой, начиная съ каймыка и джурмицы и оканчивая *свальнымъ грѣхомъ*. Отвратительно! хуже всякихъ язычниковъ...

Въ 1848 году, послѣ трехмѣсячнаго плаванiя по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ–Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Косъ–Аралѣ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскiе козаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я—

непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ да бацъ передо мною на-колѣни. «Благословите», говоритъ, «батюшка! Мы», говоритъ, «уже все знаемъ». Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный эсаулъ облобызалъ мою руку, и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

Вскорѣ послѣ этого казуса, уже обривши бороду, отправился я въ Раимъ—главное тогда укрѣпленіе на берегу Сыръ–Дарьи. Въ Раимѣ встрѣтили меня Уральцы съ затаённымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ, тоже не будучи дуракъ, испросивъ мое благословеніе, предложилъ мнѣ 25 рублей, отъ которыхъ я неблагоразумно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету, и, если возможность позволитъ, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я.

Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дураками, я поскорѣе оставилъ укрѣпленіе, и уже аккуратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду. Случись это глупое, смѣшное происшествіе гдѣ–нибудь на берегахъ Урала, гдѣ были бы женщины, я не раздѣлался бы такъ легко съ этими изувѣрами. Весь фанатизмъ, вся эта мерзость, гнѣздится въ ихъ распутныхъ дочеряхъ и женахъ. Въ Уральскѣ постоянно набитъ острогъ бѣглыми солдатами—ихъ мнимыми пресвитерами, и, несмотря на явныя улики, они благоговѣютъ передъ этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные чиновные козаки... Непонятная закоснѣлость!

Послѣ полудня отошелъ вѣтеръ къ зюйдъ–весту, прямо въ лобъ почтовой лодкѣ.

17 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же, какъ заколдованный. Передъ вечеромъ, по направленію Астрахани, на горизонтѣ показался пароходъ. Въ укрѣпленіи засуетились, увидя это неожиданное явленіе, а въ особенности капитанъ К–въ, съ своимъ почетнымъ карауломъ и съ ординарцами. Но кого несетъ пароходъ? никому положительно неизвѣстно. По всѣ, даже самые умѣренные фантазеры, догадывались, что если не В. К. К. Н., то непремѣнно адмирала, губернатора астраханскаго. Послѣдней догадки, или предположенія, капитанъ К–въ сначала и слушать не хотѣлъ.

Но, внимая доводамъ ученаго друга своего, лекаря Н–го, о невозможности такого чисто–историческаго событія въ такомъ темномъ уголкѣ имперіи, какъ наше укрѣпленіе,—и ученый мужъ подкрѣпилъ свое мнѣніе историческими фактами, сказавши, что послѣ Петра Великаго, изъ членовъ царской фамиліи, никто не посѣтилъ не только полуострова Мангишлака, даже знатнаго портоваго города Астрахани. Противъ этого аргумента сказать было нѣчего. Но смѣтливый капитанъ К–въ нашолся, сказавши: «ну, чтожъ? если и не В. К., такъ по-крайней мѣрѣ губернаторъ: все же особа въ генеральскомъ чинѣ, и почетный караулъ необходимъ». На такое простое, по видимому, слово, даже ученый мужъ полѣзъ въ карманъ за возраженіемъ. Но, увы! пока ученый эскуланъ рылся въ своемъ умственномъ карманѣ, таинственная задача разрѣшилась. Прискакалъ козакъ съ пристани, и донесъ коменданту, что на параходѣ, кромѣ его командира, лейтенанта П–на, никого не имѣется. Гора мышь родила...

Комендантъ послалъ тарантасъ за командиромъ парохода, и велѣлъ его просить къ себѣ на огородъ. А я, чтобы мой походъ въ укрѣпленіе не втунѣ совершился, зашелъ въ казармы и побрился; потомъ зашелъ къ М–скому, посмѣявшись надъ совершившимся. Мы, по–поводу подобнаго же происшествія, случившагося въ 1847 году въ Орской крѣпости, перенесли нашъ разговоръ въ Орскую крѣпость,—какъ ему, такъ и мнѣ хорошо пáмятную. И. М–скій, своимъ неживописнымъ слогомъ, такъ живо описывалъ эту не живописную пустынную крѣпость, что я заслушался его,—и первые темные дни моей неволи просвѣтлѣли и улыбнулись въ моемъ воспоминаніи. Неужели и для настоящаго моего положенія придетъ когда–то свѣтлое улыбающееся воспоминаніе? Фактъ передъ глазами, а все–таки не вѣрится.

Въ девятомъ часу вечера я возвратился на огородъ, и засталъ еще моряковъ, громко–любезничавшихъ съ комендантшею. Но мнѣ такъ опротивѣло пустое хвастовство, что я издали, заслышавъ громкіе голоса, сдѣлалъ полъ–оборота направо, и до пробитія зари обошелъ вокругъ укрѣпленія. Несвоевременная прогулка утомила меня и, прежде времени, къ великому моему удовольствію, уложила спать, за что́ я въ душѣ поблагодарилъ любезныхъ астраханскихъ мореходовъ.

Сонъ мой не былъ, однакожъ, такъ спокойный, какъ я ожидалъ: впродолженіи ночи, я нѣсколько разъ просыпался и наблюдалъ вѣтеръ. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ затихъ, и я, въ надеждѣ на его непостоянство, успокоился и заснулъ. Во снѣ видѣлъ я Кулиша, Костомарова

и Семена Артемовскаго, будто бы я встрѣтилъ ихъ въ Лубнахъ, во время успенской ярмарки,—Кулиша и Костомарова въ обыкновенныхъ, а Артемовскаго—въ какомъ-то театральномъ костюмѣ; въ этомъ фантастическомъ нарядѣ онъ представлялся на улицѣ Петру В., а я тутъ же, для Кулиша, рисовалъ молодого слѣпого лирника въ тирольскомъ костюмѣ. Продолженію этой безалаберщины помѣшалъ мой услужливый дядька: онъ принесъ мнѣ на огородъ новый китель и разбудилъ меня, за что́ наградилъ я его большимъ огурцомъ и рѣдькой.

Вѣтеръ не измѣнилъ моей надеждѣ: къ утру отошелъ къ зюйдъ-осту. Пароходъ поутру вышелъ изъ гавани и направился къ Кизляру. Я проводилъ его глазами на горизонтъ, принялся за свой чайникъ и потомъ за журналъ.

18 іюля.

Кончивши сказаніе о вчерашнемъ событіи, я началъ мечтать о рюмкѣ водки и умѣренномъ кускѣ ветчины,—какъ присылаютъ за мной Б–ва проситъ на чашку кофе: нашъ Филатъ чему и радъ. Пошелъ я. Прихожу. Командирша тутъ же, послѣ поздорованья, начала рѣчь о вчерашнихъ гостяхъ. Я спросилъ о цѣли ихъ кратковременнаго пребыванія на нашихъ берегахъ, и на прямой мой вопросъ получилъ отвѣтъ довольно косвенный, и перепутанный, какъ водится, отступленіями, ни къ чему не ведущими. Однимъ–словомъ, я выслушалъ изъ милыхъ устъ такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и въ модномъ салонѣ. Гостей оказалось не два, какъ я полагалъ, а пятеро, кромѣ флотскихъ— командира парохода и его штурмана, весьма образованнаго (по словамъ разсказчицы) молодаго человѣка, еще трое штатскихъ, два ученые, а третій — докторъ; и что пароходъ ходитъ около нашихъ береговъ, для какихъ–то наблюденій, и что штатскіе ученые должны быть не ученые, а просто—политическіе педанты, потому что говорили о вліяніи на здѣшнюю туркменскую орду; одинъ изъ нихъ, что помоложе, блондинъ съ длинными волосами à la–мужикъ, можетъ–быть и дѣйствительно только ученый, потому–что, вмѣстѣ съ Данилевскимъ и другими, участвовалъ въ экспедиціи Бера, и что точно такъ же какъ и Беръ, собираетъ степной полынь и другія травы, и что онъ спрашивалъ обо мнѣ, но такъ двусмысленно, что милыя собесѣдницы даже косвенно не умѣли удовлетворить его любопытства, и, какъ я догадываюсь, ловко отстранивши этотъ, по ихъ понятіямъ, щекотливый

вопросъ, онѣ, какъ водится, перенесли свою бесѣду въ Астрахань, прямо въ персидскія лавки съ канаусомъ и другими недорогими матеріями.

Если это былъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то какое понятіе получилъ онъ о нашемъ бонтонѣ, о сливкахъ здѣшняго дамскаго общества?— —

Собравши такія положительныя свѣдѣнія о вчерашнихъ таинственныхъ посѣтителяхъ, я, разумѣется, пересталъ объ нихъ думать и до самого обѣда лежалъ подъ вербою и читалъ Либельта. О вѣтрѣ я также старался не думать. Онъ изъ меня душу вытянетъ—этотъ проклятый зюйдъ-вестъ. На однѣ сутки, на полсутокъ отойди онъ къ осту—и я свободенъ. Невыносимая пытка!

За обѣдомъ опять завязался разговоръ о таинственныхъ путешественникахъ, и, благодаря коменданту, онъ въ-половину пояснилъ это загадочное событіе. Въ числѣ вчерашнихъ гостей не было главнаго двигателя всей этой суматохи, именно—астронома, который остался на пароходѣ, и дѣлалъ вычисленія. Звѣздочетъ сей присланъ гидрографическимъ департаментомъ, повѣрить астрономическіе пункты на берегахъ Каспійскаго моря, опредѣленные въ прошломъ году какимъ-то другимъ звѣздочетомъ. Вотъ настоящая цѣль неожиданнаго прибытія парохода къ нашему берегу. А два ученые мужа, которые сдѣлали честь огороду и его милымъ обывательницамъ своимъ посѣщеніемъ, не кто иной, какъ одинъ — чиновникъ, мнимый политическій агентъ, отправляющійся на службу въ гебрійскій городъ Баку, а другой—учитель словесности при Астраханской гимназіи, пользующійся свободнымъ каникулярнымъ временемъ, и чуть ли еще не землякъ, потому-что передалъ мнѣ поклонъ черезъ здѣшняго плацъ-адъютанта, за что я ему сердечно благодаренъ.

Таинственное происшествіе, къ немалому удивленію нашихъ романическихъ дамъ, объяснилось очень просто и даже прозаически. Но новость, которую сообщилъ плывущій въ Баку чиновникъ, мнѣ кажется, просто, сочиненіемъ будущаго великаго администратора. Онъ сообщилъ, и даже съ подробностями, что образовалась коммерческая компанія пароходства на Каспійскомъ морѣ, на началахъ Тріестскаго Ллойда, и что уже вызываетъ морскихъ офицеровъ служить на ея пароходахъ съ правомъ чинопроизводства, и что уже назначены три директора, и что онъ—сей будущій великій администраторъ ѣдетъ въ Баку занять мѣсто помощника при директорѣ, нѣкоемъ баронѣ

Вр. съ содержаніемъ 1500 р. сер. въ годъ. Что̀ будетъ дѣлать этотъ Ллойдъ въ Каспійскомъ озерѣ и какое довѣритъ порученіе этому помощнику директора, выпущенному въ настоящемъ году, по его словамъ, изъ С.-Петербургскаго университета?

Съ закатомъ солнца вѣтеръ отошелъ къ зюйдъ-осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли наконецъ это грустное существованіе, это однообразное записываніе однообразнѣйшихъ безконечныхъ дней?

19 іюля.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Обрадовавшись такому неожиданному явленію, я принялся ходить вокругъ укрѣпленія и до пробитія зари обошелъ четыре раза, — значитъ я сдѣлалъ безъ присѣсту 12 верстъ. Прогулка порядочная, но я не почувствовалъ и тѣни усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенесъ своего лагеря въ бесѣдку, оставивъ его подъ вербою, чтобы удобнѣе было наблюдать вѣтеръ по флюгеру, вертящемуся на голубятнѣ. Часы въ укрѣпленіи пробили 12, вѣтеръ перемѣнился и не слабѣлъ. Добрый знакъ. Въ надеждѣ на добрый знакъ, я задремалъ, и на крыльяхъ волшебника Морфея перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарскій лачугѣ нашелъ М. Лазаревскаго, Левицкаго и еще какихъ-то земляковъ, играющихъ на скрѣпкахъ и поющихъ малороссійскія пѣсни. Я присоединилъ и свой теноръ къ капеллѣ, и мы пѣли стройно и согласно:

У степу могили зъ вітромъ говорили.

Не кончивши этой пѣсни, мы начали другую, а именно — *Петруся*, и я такъ громко пропѣлъ стихи:

Люблю́, ма́мо, Петру́ся,
Поговóру боюся, —

что капелла наша замолчала, а я, на послѣдней нотѣ, проснулся. Очнувшись отъ этого сладкаго сновидѣнія, я посмотрѣлъ на флюгеръ. Вѣтеръ, слава Богу, все тотъ же — не перемѣнился. Поворочался, прочиталъ, сколько помню, стиховъ изъ пѣсни про счастливаго, бѣлолицаго соперника Гриця, снова заснулъ, моля Орфея продолжать прерванное сновидѣніе.

Морфей исполнилъ мою молитву, только не совсѣмъ. Онъ перенесъ меня въ какой-то восточный городъ, утыканный, какъ иглами,

высокими минаретами. Въ тѣсной улицѣ этого восточнаго города, встрѣчаю я будто бы ренегата, П. Э. П—ва въ зеленой чалмѣ и съ длинною бородою, а Б—въ и рядомъ съ нимъ — С. Г—вна П — ва — сидятъ на балконѣ, и тоже въ турецкомъ костюмѣ. Они что-то говорили о Кіевскомъ пашалыкѣ. Но мнѣ на лицо вскочила холодная лягушка и я проснулся. Перенеся одръ свой въ бесѣдку, я снова-было скорчился подъ шинелью, но, при всемъ моемъ стараніи, заснуть не могъ. У меня все вертѣлся передъ глазами ренегатъ П—въ съ своимъ всемогущимъ покровителемъ и съ своею, красавицей-супругой. Гдѣ онъ? и что теперь съ нимъ?

Въ ожиданіи утра, я на этомъ полновѣсномъ фундаментѣ построилъ каркасъ поэмы, въ родѣ *Анжело* Пушкина, перенеся мѣсто дѣйствія на востокъ, и назвалъ ее: *Сатрапъ* и *Дервишъ*. При лучшихъ обстоятельствахъ, я непремѣнно исполню этотъ удачно-проэктированный планъ. Жаль, что я плохо владѣю русскимъ стихомъ, — а эту оригинальную поэму нужно непремѣнно написать порусски.

Есть еще у меня въ запасѣ одинъ планъ, основанный на происшествіи въ оренбургской странѣ. Не присоединить ли его, какъ яркій эпизодъ, къ *Сатрапу* и *Дервишу?* Не знаю только, какъ мнѣ быть съ женщинами на Востокѣ. Женщины—безмолвныя рабыни, а въ моей поэмѣ онѣ должны играть первыя роли,—ихъ нужно провести — какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были—нѣмыми бездушными рычагами позорнаго дѣйствія.

Если бы я зналъ, что эта общипанная *Ласточка* (названіе почтовой лодки) не принесетъ мнѣ свободы, я сегодня приступилъ бы къ дѣлу, вопреки поговоркѣ—*тише ѣдешь, дальше будешь*.

Пока я записывалъ свои сновидѣнія, вѣтеръ отошелъ къ весту, и *Жаворонокъ* (другая почтовая лодка) на всѣхъ парусахъ полетѣлъ въ Гурьевъ. Несносный вѣтеръ, мучительная неизвѣстность!

20 іюля.

Ильинъ день. Илія — *косматъ;* такъ пишется онъ въ Библіи. Онъ не оставилъ посевѣ, подобно другимъ пророкамъ, писаннаго пророчества. У Палестинскихъ Магометанъ (если вѣрить Порову) онъ пользуется такимъ же почетомъ, какъ у Евреевъ и христіанъ.

Ильинъ день. Ильинская ярмарка въ Ромни, — теперь, кажется, въ Полтавѣ. Въ 1845 году, я случайно видѣлъ это знаменитое тор-

жище. Три дня сряду глоталъ пыль, и валялся въ палаткѣ покойнаго *Павла Викторовича Свички*. Самъ онъ себя называлъ только огаркомъ отъ большой свѣчки, и сальнымъ огаркомъ. Это былъ сынъ того самаго полковника Свички, что, шутки ради, закупилъ, во время контрактовъ въ Кіевѣ, все шампанское вино, безъ всякой коммерческой цѣли, а такъ, чтобы подурачить польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ съ единственною цѣлью покутить, а въ своемъ мѣстечкѣ *Городищѣ* (Пирятинскаго уѣзда) онъ учредилъ заставу, чтобы не пропускать никого ни идущаго, ниже въ берлинѣ ѣдущаго, не накормивъ его до-отвалу и не напоивъ до положенія ризъ. Послѣ такихъ шутокъ, натурально, что послѣ большой Свѣчки едва остался маленькій огарокъ, да и тотъ скоро погасъ. Миръ праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я, въ первый разъ, видѣлъ геніальнаго артиста *Соленика* въ ролѣ Чупруна *(Москаль-чарівникъ)*: онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина. И московскихъ цыганъ тогда же я въ первый и въ послѣдній разъ слышалъ и видѣлъ, какъ они отличались передъ ремонтерами и прочею пьяною публикою; и какъ, въ заключеніе своего дико-грязнаго концерта, они хоромъ пропѣли:

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного —
Отдохнешъ и ты, —

намекая этимъ своимъ пьянымъ покровителямъ, что имъ тоже не мѣшало бы отдохнуть немного и съ силами собраться для завтрашняго пьянства.

Думалъ ли ведикій германскій поэтъ, а за нимъ и нашъ великій Лермонтовъ, что ихъ глубоко-поэтическіе стихи будутъ отвратительно-дико пѣты пьяными цыганами передъ соборомъ пьянѣйшихъ ремонтеровъ? Имъ и во снѣ не снилась грязная пародія...

Что-же я еще видѣлъ тогда замѣчательнаго на этомъ замѣчательномъ торжищѣ? Кажется, ничего больше. Познакомился съ распутнымъ старикомъ Я — чемъ (отцомъ извѣстнаго) и съ его меньшимъ сыномъ. Еще познакомился съ однимъ изъ безчисленныхъ членовъ фамиліи — Р—з—ко, и на третій день моего пребыванія въ Ромнѣ, купилъ на жилетъ какой-то матеріи, фунтъ донскаго балыка и,

съ поименованнымъ Р—з—кою, выѣхалъ изъ этого омута на *Ромодановскій шляхъ*... Вотъ и все, что́ я на досугѣ припомнилъ о Роменской ярмаркѣ по поводу Ильина дня.

20 іюля, — день, въ который я предполагалъ проститься съ моею тюрьмою, такъ написалъ и Лазаревскому и Кухаренку, — а вѣтеръ—олицетворенная судьба, распорядился иначе. Что́ дѣлать! посидимъ еще за моремъ, да подождемъ погоды. Въ продолженіи Ильина дня и ночи, вѣтеръ не шелохнулся. Мертвая тишина...

21 іюля.

Записавши Роменскія воспоминанія, я, по случаю воскресенія, пошелъ въ укрѣпленіе побриться и, отъ перваго унтеръ-офицера Кулиха, услышалъ, что въ 9-мъ часу утра пришла почтовая лодка. Побрившись, скрѣпя сердце я возвращался на огородъ, и выходя изъ укрѣпленія встрѣтилъ смотрителя полугоспиталя Б — ва, и онъ первый поздравилъ меня съ свободой, 21 іюля 1857 года, въ 11 часовъ утра.

Въ первомъ часу получилъ отъ Залѣсскаго письмо, отъ 30 мая.

Отъ трехъ часовъ пополудни до трехъ часовъ пополуночи сидѣли подъ вербою съ Фіялковскимъ, пили чай и лимоновку и на-выдержку прочитали нѣсколько мѣстъ Либельта.

22 іюля.

По-случаю сего радостнаго для меня событія можно бы и оставить небольшой пробѣлъ въ сей прозаической хроникѣ. Но такъ-какъ въ физической моей дѣятельности, или, лучше сказать, бездѣйствія не послѣдовало рѣшительной перемѣны и, какъ кажется, раньше 8 дня августа не должно ожидать сицевой перемѣны, то во избѣжаніе рѣшительнаго бездѣйствія, а паче—соблазнительной лимоновки, и буду, не нарушая заведеннаго порядка, по утрамъ нагрѣвать свой чайникъ и число за числомъ, стройно какъ солдатская шеренга, вести свой журналъ. Отъ бездѣлья и это рукодѣлье.

Сегодня комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ дать мнѣ пропускъ отъ Новопетровскаго укрѣпленія, черезъ Астрахань, до Петербурга, потому-что онъ не имѣетъ приказа по корпусу о моемъ увольненіи, и если таковой приказъ не получится на слѣдующей почтѣ, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествіе

Волгою не состоялось. Но это поправная бѣда. Въ Оренбургѣ, съ помощію друзей моихъ Б—но и Г—на, я возставлю свои оскудѣвшіе финансы. Жаль только, что не нужное удаленіе отъ прямого пути заставляетъ меня отказаться отъ желанія видѣть въ нынѣшнемъ году художественную выставку въ академіи: опоздаю; а еще больше жаль, что я долженъ отсрочить радостное свиданіе съ Лазаревскимъ и прочими моими земляками-друзьями; а еще болѣе жаль мнѣ, что совершенно лишніе 1000 верстъ отдалятъ отъ меня минуту блаженнѣйшаго счастія, минуту, въ которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднѣйшей заступницы графини Н—и И—ны и ея великодушнаго супруга. О, мои незабвенные благодѣтели! Безъ вашего человѣколюбиваго заступничества, безъ вашего теплаго родственнаго участія къ моей печальной судьбѣ, я бы задохся въ этомъ безотрадномъ заточеніи. Благодарю васъ, мои заступники, мои избавители! Вся радость, все счастіе, вся моя свѣтлая будущность суть ваше нетлѣнное добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Ѳедору Петровичу съ этою же почтою я напишу письмо. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось писать этихъ бездушныхъ каракуль, которыя выражаютъ только одну чопорную вѣжливость, и ничего больше. Графинѣ Н—и И—нѣ я не могу теперь писать: все, что́ бы я ни написалъ ей, это и тѣни не выскажетъ того восторженнаго, сладкаго чувства благодарности, которымъ переполнено мое сердце, и которое я могу излить только слезами, при личномъ моемъ свиданіи съ нею.

Лазаревскому, вмѣсто письма, пошлю эти двѣ тетради моего журнала: пускай читаетъ съ Семеномъ, во ожиданіи меня—его искренняго, счастливаго друга.

На сегодня довольно. Пойду въ укрѣпленіе, достану свѣжихъ чернилъ отъ Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха въ моей старой жизни. Должно быть все новое...

23-го іюля.

Кулихъ, снабдивши меня бумагою, перомъ и чернилами, предложилъ мнѣ съ собою пообѣдать, быть можетъ въ послѣдній разъ. На такой трогательный доводъ сказать было нечего, и я согласился тѣмъ охотнѣе, что и Фіялковскій, веселый и умный малый, случился тутъ же, и тоже не отказывался отъ солдатской трапезы. Кулихъ, какъ каптенармусъ, къ обыкновеннымъ щамъ и кашѣ прибавилъ ку-

сокъ жареной баранины; я досталъ изъ кармана большой огурецъ (безъ этого лакомства я не являюсь въ укрѣпленіи), а Фіялковскій тоже досталъ изъ кармана, и поставилъ на столъ, бутылку съ водкой. Не пышно, но съ апетитомъ, и такъ искренно-весело мы пообѣдали, какъ дай Богъ всѣмъ добрымъ людямъ такъ каждый день обѣдать. За обѣдомъ и послѣ обѣда, Фіялковскій забавно подтрунивалъ надъ К-омъ, его чиномъ и въ особенности надъ его тепленькимъ мѣстомъ. К-хъ, чтобы отдѣлаться отъ неистощимаго Фіялковскаго, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ нравится книга, которую онъ принесъ для меня изъ Уральска? Я, разумѣется, сказалъ, что очень нравится. На что Фіялковскій страшно захохоталъ, и громогласно назвалъ — Либельта просто дурнемъ, за то, что онъ написалъ такую книгу, П-цкаго за то, что онъ купилъ эту книгу, а К-а *допельтовымъ* дурнемъ за то, что онъ 500 верстъ несъ на плечахъ своихъ эту пустую, увѣсистую книгу. К—хъ не на-шутку обидѣлся такой нецеремонной критикой, и требовалъ ясныхъ доказательствъ на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникавшую ссору, я пригласилъ пріятелей къ себѣ на огородъ, пить чай. Предложеніе было принято, и мы отправились подъ мою вербу. Либельтъ лежалъ у меня подъ подушкой, и я, во ожиданіи чайника, предложилъ Фіялковскому прочитать вслухъ страничку изъ сего великаго творенія. Онъ охотно это исполнилъ. Кулихъ не повѣрилъ слышанному. Онъ думалъ, что Фіялковскій импровизируетъ и продолжаетъ трунить надъ его тяжелою ношею, вырвалъ у него изъ рукъ книгу и прочиталъ самъ весь параграфъ *о фантазіи*. Что? спросилъ Фіялковскій наивно изумленнаго Кулиха. П—кій, отвѣчалъ онъ, цивилизованный дурень: вотъ и все! Насмѣшки Фіялковскій возобновилъ съ прежней силою, пока не остановилъ его своимъ приходомъ общій нашъ пріятель К-ни. Этотъ безсовѣстный пьяница, ради рюмки лимоновки, не постыдился подойти къ намъ и поздравлять меня съ полученіемъ свободы. Мы встали и разошлись въ разныя стороны, предоставивъ въ полное распоряженіе незваннаго гостя чайникъ и бутылку съ лимоновкой. Вѣжливость за вѣжливость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь. Я долго гулялъ по огороду, а нѣжныя наши дамы, изъ опасенія простудиться, сидѣли за сальнымъ огаркомъ въ вонючей киргизской кибиткѣ. Имъ бы предложить эстетику Либельта: что бы онѣ изъ нея сдѣлали? Навѣрное—папильотки. И это естественно. Для человѣка-матеріалиста, которому

Богъ отказалъ въ святомъ, радостномъ чувствѣ пониманія его благодати—его нетлѣнной красоты, для такого получеловѣка, всякая *теорія прекраснаго* ничего больше какъ пустая болтовня; для человѣка же, одареннаго этимъ божественнымъ разумомъ—чувствомъ, подобная теорія также пустая болтовня и еще хуже—шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетики, эти хирурги прекраснаго, вмѣсто теоріи, писали исторію изящныхъ искусствъ, тутъ была бы очевидная польза. Вазари переживетъ цѣлые легіоны Либельтовъ.

24 іюля.

Передъ разсвѣтомъ прошелъ сильный дождь съ грозою; около огорода въ запруженную балку палилось съ каменныхъ овраговъ столько воды, что можно плавать порядочной лодкѣ, что́ мы и пробовали съ И–емъ А–чемъ послѣ обѣда. Жаль, что, въ этой лощинѣ, песчаный грунтъ и вода на поверхности его не можетъ удержаться долго; а какое бы было украшеніе и польза этому безводному мѣсту!

Вечеромъ капитанъ К–въ объявилъ мнѣ, съ претензіей на благодарность, что онъ, по приказанію коменданта, отдалъ приказъ по полубатаріону о моемъ увольненіи, за что́ я нижайше благодарилъ господина коменданта.

НАРО́ДНЯ СЛА́ВА.

Нема́ въ ме́не ро́ду,
Нема́е дружи́ни,
Ані бра́та-това́риша
На всій Украíні.
Ду́ма сумови́та—
То́ моя́ роди́на;
Се́рце одино́ке —
Вірная дружи́на;
Степи́, го́ри и доли́ни —
Товари́ство-побрати́ми.

Роспущу́ я свої ду́ми,
Та й не позбіра́ю:
Ростекли́ся, суму́ючи,
По рідному кра́ю.
Одъ Лима́ну до Есма́ні
Жовтіе пшени́ця;
Я, безрідний, одино́кий,
Всю́ди чужени́ця.
Одъ Лима́ну до Есма́ні
Моги́ли чорніють;
Ой жнуть лю́де, рідъ изъ ро́домъ,
И нада́льше сію́ть...

Ой по тихъ моги́лахъ, у–го́ру висо́кихъ,
По тихъ гробови́щахъ, у зе́млю глибо́кихъ,
Лежи́ть мого́ ро́ду безъ лі́ку.
По тихъ степа́хъ, по го́рахъ Дніпро́вихъ,
По ба́лищахъ и луга́хъ Низо́вихъ
Живе́ ёго́ сла́ва одъ віку до віку.

Ой встань, сла́во,
Уста́нь ра́но,
Ви́йди, сла́во,
Изъ тума́ну...

Ти безрідному — роди́на,
Одино́кому — дружи́на,
Товари́ство — на Вкраїні,
Одра́донька — на чужи́ні.

СОЛО́НИЦЯ.

Ду́ма.

(1596).

I.

Іду по́лемъ чи́стимъ,
Гля́ну о́комъ би́стримъ—
Филю́ютця жо́вті ни́ви
Жи́томъ колоси́стимъ.

Уроди́ло жи́то,
Та нікому жа́ти: [1]
Пішли́ на́ші хліборо́би
Списа́ми ора́ти,—

Списа́ми ора́ти,
Тру́помъ засіва́ти... [2]
Ой які–то бу́демъ жни́ва
Съ того́ сіву ма́ти!

II.

Кри́кне товари́ство:
»Налива́йку, дру́же!
Не впевня́йся, си́зий о́рле,
На лейстро́вихъ ду́же; [3]

»Бо ті лейстрови́і
Ви́росли въ нево́лі:
Ой не вде́ржять про́тивъ вітру
Коргви́ у по́лі.«

III.

Бу́йний вітеръ віе,
Наганя́е хма́ри:
Чи то́ Ту́рки наступа́ють,
Чи хи́жі Тата́ре?

Ой не Ту́рки, не Тата́ре,
Христия́нська си́ла,
Мо́въ хма́рами грімý́чими,
Та́боръ обложи́ла.

Ста́ли недоля́шки
По́ручъ изъ Ляха́ми,
Обгорну́ли Налива́йцівъ
Леестровика́ми.

Украíно рідна!
Чи се жъ твоі діти
Кругóмъ ша́нці покопа́ли,
Щобъ на своіхъ би́ти? [4]

»Ой хто изъ Жолкóвськимъ,
Тому́ панува́ти,
А хто ста́не зъ Налива́йкомъ,
Тому́ погиба́ти.«

Пова́бились на́ші
На мóву лука́ву,
Затопта́ли, закаля́ли
Коза́цькую сла́ву.

IV.

Ой ви, Налива́йці,
Молоді орля́та!
Ой пора́ вамъ гостéй ва́шихъ,
Пора́ привіта́ти.

Блисну́ла грімни́ця
Изъ чóрноі хма́ри:

Повали́лись—покоти́лись
Пішаки́ й рейта́ре.

V.

Кри́кне панъ Жолко́вський
На па́нське вій́ско:
»Не стина́йтесь, пани́ бра́ття,
Зъ Наліва́йкомъ бли́зько.

»Роскида́йте, бра́ття,
Шовко́ві наме́ти,
Иззива́йте усю́ шля́хту
На гучні бенке́ти.

»Бу́демо гуля́ти,
Пива́, меди́ пи́ти,
А козаківъ Наліва́йцівъ
Го́лодомъ мори́ти.«

VI.

Бенкету́е шля́хта,
Игра́ючи въ ка́рти,
А козаки́ лейстровики́
Доде́ржують ва́рти.

Поскида́ла шля́хта
Панце́ри й шиша́ки,
Бо козаки́ лейстровики́
Ві́рні, якъ соба́ки.

VII.

Ки́нувсь Наліва́йко
Одъ бро́ду до бро́ду;
Сюди́ тру́дно й туди́ тру́дно—
Нема́ перехо́ду!

Ки́нувсь Наліва́йко
Одъ ва́лу до ва́лу:

»Ой оддайте, мене, браття,
Ляхамъ на поталу!«

VIII.

Чого, чого славна
Солоница стала?
Що козаки Наливайці
На ій воювали.

Солоніі млаки [5]
Слізми просоліли,
Що козаки Наливайці
Воювать не вміли.

Воні воювали
Чотирі неділі,
Одъ безхлібъя, одъ безвіддя
Руки обомліли.

Воні воювали,
И кровъ розливали,
Бунчуки й шаблі підъ ноги
Ворогамъ поклали.

Воні воювали,
Та й довоювались,
Що Ляхамъ та недоляшкамъ
Въ неволю достались.

IX.

Буйні вітри, буйні,
Осипалось жито:
Добра доля тимъ судилась,
Що зъ гарматъ побито;

Нежатиі ниви
Въ–нівець обернулись:

Тяжке́ ли́хо тимъ суди́лось,
Що зъ войни́ верну́лись!

Су́мно дощі, су́мно
Зерно́ прибива́ють:
Ой безъ батьківъ мале́ньки
Дітки вироста́ють.

Вироста́йте, дітки,
Въ щасли́ву годи́ну,
Ой рятуйте–визволя́йте
Ще разъ Украі́ну!

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМѢ: »СОЛО́НИЦЯ.«

1.—Стр. 26, ст. 6.

Уроди́ло жи́то,
Та нікому жа́ти:

Въ народной пѣснѣ о походѣ на линію поется:

Посіяли, поорали,
Та нікому жа́ти:
Пішли́ на́ші коза́ченьки
Линіі копа́ти.

2.—Стр. 26, ст. 10.

Пішли́ на́ші хліборо́би
Списа́ми ора́ти.

Польско-козацкія войны были не только борьбою религіи съ религіею, не только народа съ народомъ, но и стремленіемъ кореннаго народонаселенія старорусскихъ земель отстоять права вольности народной по отношенію къ польскимъ панамъ (1). Поэтому-то, при всѣхъ мрачныхъ чертахъ своихъ съ одной и

---

(1) Въ самомъ началѣ войнъ козацкихъ, задача его сдѣлалась очевидна для пановъ, но только паны никакъ не сознавали себя виновными въ томъ, что такая задача явилась въ массѣ Украинскаго простонародія. Гетманъ Жолкевскій, преслѣдуя Наливайка, въ 1596 году, писалъ къ королю: Brzidko asz y spominacz do czego się to swowolenstwo bralo, iakie spominanie maiestatu W. Kro. Mczi, iakie zamisli o Cracowie stoliczi slawnei W. Kro. Mczi, rozbiciu, witraczeniu stanu szlacheczkiego... (*Zrzòdla do Dz. Polsk.*, przez M. Grabowskiego i Al. Przezdzieckiego, I. 72).

другой стороны, эта борьба достойна вдохновенія поэтовъ и изученія мыслителей. Въ послѣднее время, нѣсколько польскихъ перьевъ, не весьма впрочемъ сильныхъ, вооружились за достоинство аристократическихъ представителей старой, давно покончепной борьбы. Не входя съ ними въ діалектическіе диспуты, приведемъ имъ свидѣтельство о господствующихъ классахъ въ Рѣчи-Посполитой ихъ же писателя, современника Наливайка и Хмельницкаго. Онъ много разъ путешествовалъ по Европѣ; современники прозвали его, за разнообразныя его свѣдѣнія, Польскимъ Варрономъ, а извѣстный польскій писатель нашего времени, Юліанъ Бартошевичъ (*Hist. Literat. Polskiej*, str. 383) признаетъ за нимъ рыцарское праводушіе: Prawość miał rycerską). Этотъ писатель, по имени Симонъ Старовольскій, въ знаменитой книгѣ своей: Reformacya Obyczajów Polskich (стр. 105—111), пишетъ: Czworakie albowiem u nas zdzierstwo, a zgoła niepohamowane prawem żadnem, znajduje się Polacy moi. Pierwsze starostów i dzierżawców rozmaitych dóbr rzeczypospolitej, którzy co wiedzieć jakich ciężarów, robocizn i podatków nie wkładają na ubogie poddane królewskie, (a drudzy i swoich własnych ledwie nie ze skóry odzierają) nic na komisye, nic na dekreta królewskie nie dbając. A gdy które go prawem przycisną i inkwizycyami, tedy ci panowie co przy dworze natenczas będą, jeden drugiego ratują, omawiają przed królem jako mogą, przyczyniają się za oskarżonym, chłopy gromią, strofują, straszą i odpowiadają im, aby koniecznie sprawy odstąpili, i zamilczeli krzywd swoich nieznośnych. A gdy którzy z chłopów rozumniejszych, spodziewając się jakiej poprawy, stoją mocnie przy prawie swojem i nie ustają z suplikami do dworu,— wnet ich pozabijać każą, albo potopić, a chudobę jeśli jaką mieli konfiskować, i między szczwacze swoje rozdać, zadawszy chłopu utopionemu, że buntownik był, że opryszek, że złodziejską z pogranicznemi przewodnią trzymał. I taci *quorum os maledictione et amaritudine plenum est*, urzędnikowie, ekonomowie i służkowie wierni, albo raczej zauszniczkowie panów swoich, którzy *linguis suis dolose agebant*, przywiodą wnet pany do tego, że będą *veloces pedes eorum ad effundendum sanguinem.* — — Drugie zdzierstwo jest tak panów wielkich, jako i szlachty miernej zuchwałey, którzy podróże z gromadnemi orszakami czyniąc, nie płacą w gospodach co natrawią, na polu szkody ludziom ubogim czynią, a ich gwardye niekarne przez wsie albo miasteczka jadąc co jeno po drodze potkają—porwą; gęś, kurę, barana, ser, masło, kiełbasy, chusty i wszelakie naczynia domowe, chłopu do komory wpadłszy. A panowie, skargę słysząc, albo się skryć każą temu co uszkodził, albo chłopa pofukają i obuszkować każą, że o lada co turbuje jego mości. A tym też sposobem i z rzemieślnikami, i z kupcami wszędzie poczynają, na bórg rzeczy nabrawszy, albo robić sobie co rozkazawszy, nigdy się nie iszczą nikomu, nie płacą, ale zawsze się z prace cudzej i najeść i napić i zbogacić chcą, kaduki upraszając po ludziach co możniejszych, tak zażywota ich co jeno mają wydzierają, jako i dziatkom ich ubogim, po śmierci onych.— —Trzecie zdzierstwo czynią w Polszcze wszystkie urzędy, przełożeństwa, i sądy tak wielkie jako i małe.— —Czwarte zdzierstwo czyni w Polszcze żołnierz, który Boga zapomniawszy i sprawiedliwość jego, jest ojczyznie swej teraz harpią i tyranem nieubłaganym.— —Idzie żołnierz na wojnę, drze, łupi ludzie ubogie, i bracia swoję. Jest na wojnie w obozie, na czaty wysyła na wszystkie strony, jak w nieprzyjacielskiej ziemi. Z wojny się wraca, drze, bierze, łupi po staremu, jakoby to z holdowanego poganina, i w jednej wsi wyjada, z drugiej wóz skarbny picuje, z trzeciej do domu swego posyła, a z dziesięcin pieniądze wybiera. I by to ieszcze jedna chorągiew

брала, а далej так плądрując niepostępowała, tedyby jakokolwiek *sustinuissem utique*, ale jedna chorągiew wybrawszy co może wydrzeć ze wsi wynijdzie, a druga tegoż dnia zarazem następuje, trzecia nazajutrz. I tak niemasz tak podlej wioski, tak lichej mieścinki, coby w niej trzydzieści i czterdzieści chorągwi nie brało. Aż się ludzie z niej rozejdą, płacząc, przeklinając i o pomstę ze wszystkiego serca wołając. Этой-то жажды мести и удовлетворяли козаки, которыхъ отдѣльные интересы совпадали съ интересами простонародья вездѣ, гдѣ они ни появлялись. Чтобы дорисовать картину неистовствъ короннаго и панскаго войска, которое, большею частью состояло изъ благородной шляхты, не говоря уже о ротмистрахъ, хорунжихъ, поручикахъ и прочая, которые были всѣ безъ исключенія чистѣйшей, благороднѣйшей дворянской крови, скажемъ, что въ *Актахъ Западной Россіи* напечатаны документы, которыми одно и то же правительство увольняетъ одни города на нѣсколько лѣтъ отъ податей и пошлинъ за то, что они претерпѣли татарскій набѣгъ, а другіе—также на нѣсколько лѣтъ за то, что въ нихъ квартировало войско (См. т. 1-й, стр. 347 и 350.) Между рукописями С.Петербургской публичной библіотеки авторъ нашелъ наивныя жалобы отъ войска королю: что когда войско идетъ походомъ и приближается къ какому-нибудь городу или мѣстечку, то мѣщане, узнавъ объ этомъ, заблаговременно ломаютъ мосты на рѣкахъ, запираютъ ворота и защищаютъ отъ него переправы и проходы, какъ отъ непріятеля. (См. Фоліантъ Польскаго отдѣла рукописей, № 94, стр. 244, 465—469 (годъ 1637) и 711—718 (годъ 1639).

3.—Стр. 26, ст. 16.

Не вспеняйся, вúзий дрле,
На лейстрóвихъ дуже.

За бунты противъ воеводъ, старостъ и коронныхъ гетмановъ, изъ козацкаго реестра выключались всѣ безпокойныя головы. Эти козаки, выписанные изъ реестра, и потому называвшіеся *выписчиками* (wypiszczyki), отличались отвагою, какъ люди, которымъ нечего терять, и постоянно враждовали съ реестровыми козаками, которыхъ они ненавидѣли, которымъ завидовали и которыхъ старались поднимать противъ установленныхъ сеймомъ властей, чтобы общимъ возстаніемъ возвратить утраченныя права и, вмѣсто управленія дворянскаго (воеводско-старостинскаго), установить въ Украинѣ управленіе козацкое, основанное на общей для всего населенія подачѣ голосовъ. Таковъ былъ искони идеалъ общественнаго благоустройства у украинскаго простонародья (1), и ради этого-то идеала помогало оно козацкимъ ополченіямъ, и на козаковъ, часто поступавшихъ съ нимъ варварски, смотрѣло обыкновенно какъ на своихъ защитниковъ.

4.—Стр. 27, ст. 16.

Щобъ на своіхъ бúти.

Въ народной пѣснѣ о разореніи Сѣчи поется:

Ой уклонúлися тому Турасóві,
А що пíдъ нимъ дóбре жúти,

---

(1) Dyaryusz Okolskiego, str. 81: O jak wiele tego *in bello servili* najduje się, którzy życzą, aby odrobina panów i szlachty nie zostawała, aby uszczerbek majestat królewski cierpiał, a chłopski regiment następował!

Ой тільки тée та и непріятно,
Що на своіхъ трéба бúти.

3.—Стр. 29, ст. 8.

Солóнні млáки

Мла́ками называются мочары въ низинахъ. Трава ростетъ по нимъ только изрѣдка, потому что они пропитаны горькою солью.

ЗЗА ДУНАЮ.

Олександрі Михайловні К.

Поки́ну, поки́ну
Чужу́ю чужи́ну,
Та на Украíну
Со́коломъ поли́ну.
Ой хто жъ мене́ до́ма
Щи́ро привіта́е,
Лю́бо въ ві́чі гля́не,
Про життя́ спита́е?
Привіта́ють ме́не
Вовки́-сірма́нці,
Залігши доро́гу
Въ зеле́німъ байра́ці:
«Го́ді тобі жи́ти
За ти́химъ Дуна́емъ:
Ми на те́бе, дру́же,
Давно́ вже чига́емъ;
Го́ді тобі здо́бичъ
У насъ одбива́ти —
Зъ світломъ доглядáти
Убо́гоі ха́ти.
Неха́й те́мна нічка
Ха́ту обгорта́е,
На́ше се́рце хи́же
По-вікъ звеселя́е.

Привітають ме́не
Яструби́ зъ орла́ми,

Роспусти́вши кри́ла
По-надъ городá́ми:
«Ой ми тобі лю́бо
У ві́чі загля́немъ,
Твоі́ очі-зо́рі
Изъ ло́ба доста́немъ.
Го́ді прозира́ти
У дале́кі віки,
Голу́би́ти въ се́рці
Надíї вели́кі.
Пре́дки твоі́ въ шля́хти
Хати́ відбива́ли, —
Своїмъ тіломъ въ по́лі
Вовківъ годува́ли, —
Панянські робро́ни
На уну́чи дра́ли, —
Лиси́ці зъ іхъ тру́пу
Се́рце виіда́ли,—
Оча́ми–зоря́ми
Дале́ко сяга́ли,—
Яструби́ зъ орла́ми
Очі ім̀ клюва́ли:—
Ой то́ твоя́ до́ля,
Ой то твоя воля;
Втіка́й на чужи́ну
Изъ рідного по́ля!
Тобі рідъ-роди́на —
Чужа́я чужи́на,
На́ша лю́ба здо́бичъ—
Сла́вна Украíна...»

П. Кулíшъ.

РУСА́ЛКА.

МИЦКЕ́ВИЧОВА БАЛЛАДА.

Ой що́ жъ то за хло́пець,
Хоро́ший, вродли́вий?

Що́ то́ за дивчи́на крій ёго?
Хо́дять надъ водо́ю
Тихо́ю ступо́ю, —
Світить молоди́къ срібноро́гий.

Году́е дівчи́на
Хло́пця ягідка́ми,
Що въ га́ю зеле́німъ набра́ла,
А вінъ ій голо́вку
Квітча́е квітка́ми...
Пе́вне жъ то коха́ная па́ра!

Скоро день пога́сне,
Зійде місяць я́сний —
Вже воні́ вихо́дять изъ га́ю:
Хло́пець той — мисли́вий,
Стріле́ць уродли́вий;
Хто така́ дівчи́на — не зна́ю.

Звідкіля́ прихо́дить —
Не пита́й даре́мне;
Якъ вона́ зника́е — Богъ зна́е.
Мовъ зоря́ засві́тить
Попідъ га́емъ те́мнимъ;
Мовъ и́скра въ темно́ті, згаса́е.

»Скажи́ мені пра́вду,
Се́рденько дівчи́но,
(На́ що ти зъ ума́ мене́ зво́дишъ!)
Де́ твоя́ хати́на?
Хто твоя́ роди́на?
Зъ яко́го села́ сюди́ хо́дишъ?

»Літечко мина́е,
Ли́стя опада́е,
Холо́дні зближа́ютця но́чи;
Не въ га́ю, а въ ха́ті
Му́шу цілува́ти
Твое́ ли́чко, твої ка́рі о́чі.

»Коли́ жъ ти безрідня,
Се́рденько дівчи́но, —
Ходімъ до мое́і госпо́ди;
Жи́тимемъ съ тобо́ю,
Якъ ри́ба зъ водо́ю;
Всі ма́тимешъ въ ме́не вигоди.

»Що въ ме́не доста́токъ
И худо́би ста́токъ;
Що въ ме́не и ві́вці й бжоля́та;
Що въ ме́не світли́ця —
Царе́ві годи́тця;
Моя́ ма́ти твоя́ бу́де ма́ти.«

— »Ой коза́че–ту́мо,
Го́рда–пи́шна ду́мо!
Не йме тобі мое́ се́рце віри.
Ма́ти говори́ла,
Що въ васъ така́ віра,
Якъ на си́німъ мо́рі піна.

»Ма́ти говори́ла,
Що въ васъ стільки ла́ски,
Якъ на ти́химъ ста́ві ря́ски;
Соловье́мъ співа́ешъ,
А се́рцемъ буя́ешъ, —
На и́ншую мене́ проміня́ешъ.«

— »Се́рденько дівчи́но!
Отъ же на колінахъ
Кляну́сь тобі місяцемъ, зоря́ми,
Присяга́ю пе́бомъ,
Земле́ю и пе́кломъ,
Що не бу́де и́ншої між на́ми!«

— »Ой місяцю–кня́зю!«
Озва́лась дівчи́на,
»Я тебе́ за свідка призива́ю.

Якъ сло́во зламáе,
Нехáй покарáе
Ёго́ твоя́ си́ла святáя!«

Ско́ро зговори́ла —
Мовъ ви́росли кри́ла,
Голу́бкою поміжъ вíття ли́не.
Назáдъ обернýлась,
Лукáво всмихнýлась, —
Мовъ та и́скра, у те́мряві ги́не.

Шкодá здоганя́ти,
Шукáти, гукáти!
Пішлá луна́ по гáеві сýмно.
Ніхто́ не озвáвся,
Ані засмія́вся.
Зостáвсь козáкъ самъ собі дýмно.

Дýмае–гадáе,
Додóму вертáе,
Сумýючи, понадъ сóнною водóю.
Ти́хо, ти́хо въ лíсі,
Хибá тільки трíсне
Сухá вíтка въ ёго пíдъ ногóю.

По сóнній води́ці
Прóміння блищи́тця:
Срíбнорóгий въ вóду зазирáе.
Ажъ ось изза гáю
Вітрéць подихáе, —
Ясна фи́ля по óзеру грáе.

Чи то́ жъ забіли́ла
На óзері пíна,
Чи то́ ди́вне прояви́лось ди́во:
Що посередъ пíни,
Мовъ би на карти́ні,
Зъяви́лося дівчá уродли́ве?

Молоде́нька, го́жа,
Якъ по́вная ро́жа,
Покро́плена ра́ннёю росо́ю.
То співомъ озве́тця,
То сміхомъ зайлетця,
Бере́ о́чі, ва́бить се́рденько краcóю.

»Коза́че мисли́вий,
Хло́пче уродли́вий!«
Озва́лася изъ срібної піни:
»Чого́ въ ночі блу́дишъ
И се́рденькомъ ну́дишъ
По зрадли́вій, луна́вій дівчи́ні?

»Го́ді сумува́ти,
Важе́нько здиха́ти!
Ходи́, се́рце, до ме́не гуля́ти.
Бу́демъ танцюва́ти,
Якъ ри́бонька гра́ти,
Якъ ла́стівка, по воді черка́ти.

»Або́ підъ водо́ю
Ля́жемо зо мно́ю
На мяко́му, лилійному ло́жі.
Ти́хими реча́ми
Й ка́рими оча́ми
Роскажу́ я тобі про всі дива́ Бо́жі.«

Зъ води́ вирина́е —
Якъ сріблó сия́е...
Му́тить ёму́ ду́шу нагота́ дівóча.
А вона́ смі́ється,
Якъ ри́бонька въ́ється,
Якъ голу́бка, до ёго бурко́че.

Ой ма́нить слова́ми
Й чо́рними брова́ми,
Весе́лкою по воді кружля́е.

То знóвъ поринáе,
Лебíдкою грáе,
Въ срíбні бри́зьки вóду розбивáе.

Заби́лось серде́нько:
Підбíгъ вінъ близе́нько,
Хóче скóчить въ вóду и не хóче.
А срíбная фи́ля
Нóги ёму́ зми́ла...
Дзюркоти́ть — и підмива́ — й лоскóче.

Ва́бить ёго́, тя́гне;
Се́рце въ гру́дяхъ та́не,
Мовъ ёго́ до ло́ня ми́ла пригорта́е.
И божбу́ свято́ю,
И тоску́ нему́ю —
Усе́, про все коза́къ забува́е.

Ри́нетця у вóду;
Пи́шную уро́ду
Окомъ, се́рцемъ и душе́ю обійма́е.
Пливе́, допливáе,
Ру́ки простяга́е,
И до се́рця лю́бо дівча́ пригорта́е.

Ой гля́не–спогля́не
На ли́чко румя́не —
Що́ за ди́во, що́ за но́ве чу́до!
Се жъ ёго́ коха́на,
Забу́тая па́ра!
Зни́кла ра́зомъ зъ оче́й ёму́, лу́да.

»А ти жъ присяга́вся
И мíсяцемъ кля́вся!..
Бу́де жъ тобí ка́ра по заслу́зі:
По́ки мíсяць свíтить,
Бу́дешъ ти ходи́ти
Надъ водо́ю у вели́кій ту́зі.«

Ско́ро зговори́ла —
Зашуміла фи́ля...
Підъ водо́ю обо́е схова́лись.
Де вони́ гуля́ли,
Лю́бо розмовля́ли,
Ні жа́дного сліду не оста́лось.

Тільки, якъ день зга́сне,
Зійде місяць я́сний
И загля́не въ таемни́чі во́ди, —
Изъ о́зера ри́не
Вродли́ва дівчи́на,
Зу́стрічъ — хло́пець хоро́шої вро́ди.

Вона́ надъ водо́ю
Сия́е краcóю,
А вінъ ту́жить у те́мному га́ю.
Хло́пець той — мисли́вий,
Стріле́ць уродли́вий;
Хто така́ дівчи́на — не зна́ю.

Ло́мусъ.

МАТУ́СИНЕ БЛАГОСЛО́ВЕННЯ.

(Зъ оповіда́нь Олексія Петро́вича Стороже́нка).

Отце́вська-ма́тчина моли́тва зо дна мо̀ря вийма́е,
Одъ гріхъ̀въ ду́шу визволя́е,
На по̀лі й на мо́рі на по́мічъ помага́е.

Народня дума.

Мині часте́нько дово́дилось, клопота́вшися ремо́нтомъ, ки́датись туди́-сюди́ по Вкраіні до кінськихъ табунівъ.

По доро́зі изъ Ромна́ до **Прилу́ки**, все, було́, становлю́ся на нічъ у селі К** на въїзднимъ-дворі знако́мого мені козака́, Тара́са **Самсо́новича Корота́я**, діда розу́много, письме́нного и до́бре собі **замо́жного**. Повидо́вивши діте́й у лю́де, вінъ поділи́въ худо́бу свою, доста́токъ до́брий, зоставивъ собі тільки сами́й двіръ уїзди́й и тихо доживавъ віку зъ свое́ю дружи́ною, до́брою та клопітно́ю бабу́сею.

Тара́съ Самсо́новичъ доживавъ сёмого деся́тку літъ, а ще бра́вий бувъ, кремезни́й дідо́къ, съ по́глядомъ би́стримъ, а воло́сся ёму́, біле якъ цвітъ на садахъ, тро́хи до плечей не спада́ло. На виду́ здава̀вся черезъ те ще свіжійший. Марья́на Ону́пріевна, дружи́на ёго, весе́ла, привітна́, грубе́нька зъ ста́ну бабу́ся, ходи́ла по-міськи́й, такъ, у каптанку́, и завя́зувалась чо́рною габо́вою ху́сткою ни́зько на ло́бі. Старі жили́ собі въ лю́бій згоді по старосвітському звича́ю; у розмо́вахъ съ собо́ю зва́ли одно́ одно́го по йме́ню и ба́тькові, та усе́ на «ви», а не ина́ко.

Старіший синъ ви́служивсь на губе́рського секретаря́, моло́дший въ Роменські ку́пці написа́вся, а дочка́, то на па́нстві вже жила́, за дворяни́номъ. Тарасъ Самсоновичъ, чи то зъ по́хвалки вінъ,

чи такъ якóсь на жартъ, а все булó стáршого дрáжнить *Егó Благорóдіе*, мéншого—*Господá Купéць*, а дочкý прозвáвъ *Німкéнею*—черезъ тé, мáбіть, що вона-у сýкняхъ ходи́ла, въ мóднихъ убóрахъ.

Стари́й бувъ дýже гóстрий на язикъ,—вáжний зъ нёго бувъ гадýла, охóту мавъ порегота́ть, а и́нколи й підсмíяти когó, та все при́мовками смíшни́ми, и що бóвкне на глумъ, ти бери́ собі на умъ, а скажешъ слово—на все въ ёго нáйдетця при́казка. Бувъ у всіхъ на повáзі и на ймовірности. Селя́не въ свáркахъ и роспрáвахъ не йшли до судівъ и до зéмського начáльства, а все до ёго удавáлися, и ёго ви́рікъ приймáвся безъ óзву и апеля́ціі. Нáщо вже паничі судові, и ті ёго опáсувались: не одногó опéнтавъ вінъ передъ громáдою и на чисту воду ви́вівъ. Більшъ двадця́тка годъ служи́въ за Гóлову; гарáздъ умівъ закóнівъ и дóброго ладý довóдивъ спрáвамъ.

Госпóда Тарáса Самсóновича діли́лася скрізни́ми сінцями на дві полови́ні — одна оддавáлася для проізжáчихъ підъ номері; у дрýгій живъ самъ.

У мéне душá раділа на порóзі цёгó не бýчного, але до-вели́ка чепурнóго, захи́сного житлá. Гáрно побіляні стіни викрашáлися образкáми заграни́чнёі лíтогрáфіі. Ви́шарований, ви́геблёваний помістъ лощивъ якъ нови́й; замість лáвокъ ростáвлено стільці и канáпъ підъ бáевими клітчáстими чóхлами. Въ куткý, підъ божни́чкою, на столі, окрóмъ книжóкъ церкóвнихъ, лежáли ще *Письмóвникъ Кургáнова*, *Пропóвѣди Левáнды*, *Лѣствица на небо* и другі тогóжъ розбóру книжки́, а съ підъ щóтівъ диви́лась здорова кýпа губéрськихъ відомостей; а божни́чка-жъ то уквічана васи́льками, канýперомъ, áглицькою мья́тою,—такъ и розливáлися зъ іхъ пáхощі по покóяхъ.

Одъ уіздного двóру одлягáла ширóка левáда зъ ставкóмъ, садкóмъ, горóдомъ, баштанóмъ, а въ-конéць левáди стоя́въ хóльварокъ, зъ хазя́йствомъ Марья́ни Онýпріевни: пáсіка, обóра и пти́шня для дробини́, зъ кýчками, чи то кóйцями.

Разъ, на схóді Сéрпня, зъ-рáнку, коло одинáдцятоі годи́ни, бри́чка моя́ стáла підъ цімъ же въіздни́мъ дворцéмъ. Тарáсъ Самсóновичъ седівъ на лáвочці біля дверéй и дýже зрáдівъ, менé побáчивши.

—»Заня́то, непри́йма́ю!» гукну́въ. Шука́йте ги́ншого підъ́їзду! На́ що це похо́жо?—приїхали не ночува́ть, а тільки попа́сувать.»

— »Пи́льне ді́ло, Тара́съ Самсо́новичъ« каза́въ я, вилі́за́ючи зъ бри́чки; »ну́жда зако́нъ переміня́е.«

— »Ну, Богъ зъ ва́ми! на сей разъ вибача́ю; а вдру́ге, да́лебі, не пущу́!«

Я обіня́въ старо́го и по-друзькій зъ нимъ чмо́кнулись.

— »Якъ же тебе́ Богъ ми́луе?« пита́ю.

— »Да́кувать Бо́гу — до́бре. — Навідали насъ неда́внечко нашї. Господа́ Купе́ць приво́зивъ жінку молоду́ пока́зувати; а підъ той часъ и Ёго́ Благоро́діе зъ сімъе́ю, и Німке́ня зъ чоловіко́мъ нагоди́лись; спаси́бі імъ, зъ ти́ждень прогостюва́ли. Отъ було вѐсело! За тежъ, ві́ри не дасте́, яка́ тепе́ръ ну́да! Пі́сля я́рмарку и то́ргу нема́! Самъ собі сиджу́, якъ ба́чите.

— »А Марья́на Ону́пріевна?«

—»Зовсімъ здуріла. Узяла́ до се́бе на розва́гу ону́ка. Ба́чте, не ма́ла ба́ба кло́поту, та купи́ла порося́—и во́зитця зъ нимъ, якъ кітъ зъ осели́дцемъ. Ба́витця, гра́етця въ-ко́ні. Ска́зано—старе́, якъ мале́. А вінъ, соба́чий синъ, пу́дить стару́ безъ ми́лости, що ій вже й такъ запа́лъ и шпатъ вки́нулись! Онъ-о́нъ—подивітця: ну, не здурі́ла жъ на старість?

Тара́съ Самсо́новичъ показа́въ на Марья́ну Ону́пріевну, що са́ме ви́скочила зъ-за причілку. Хочъ яка́ була вмо́рхана, хочъ я́къ зади́халась, а голова́ на́бікъ, та звива́етця якъ та́я орчико́ва, стриба́е та брика́е; а жва́вий хло́пчикъ при здоро́вью, шостачо́къ на года́, тягну́въ ії за пояски́, пришпилені до капо́та.

—»Бо́же ми́лостивий,« каза́въ да́ле Тара́съ Самсо́новичъ, хита́ючи голово́ю:« яке́ навісне́ се́рце—у тихъ бабо́къ! Та го́ді мордува́тьця,« грімнувъ дідъ: подивітця лише́нь, яко́го го́стя Богъ намъ послався!»

Стара припини́лась. На-си́лу духъ зво́дила—такъ збігалась. Угледівши мене́, затули́ла видъ рука́ми, и ми́ттю ки́нулась у-две́рі. На порозі посіяла черевика, ажъ плюхнувся на рундуці.

— »Діду!« сказа́ло хлопця́, пока́зуючи черевика: «коби́ла розкува́лась!»

Зареготали́сь ми.

—»Отъ до чо́го доїздивсь, соба́чий си́ну!» говори́въ стари́й, жа́луючи ону́ка, сла́вненького хлопчи́ну.» Озьми́ жъ підко́ву, да ба́бу підку́й.»

—»Німке́нинъ?» спита́въ я, гла́дючи хло́пчика.

—»Ні, се Его́ Благоро́дія; тажъ и воно, якъ бачите, благородіе собі, хочь таке́, якъ за де́нежку пістоле́тъ; та все не нашъ братъ, мужи́къ. Про́симо ми́лости до ха́ти.» —

Перехо́дивши сі́ни, ми чу́ли дзвінки́й го́лосъ Марьяни Ону́пріевни, якъ вона́ опоряджа́ла въ пека́рні, зага́дуючи на́ймичкамъ:— »Ріжъ каплуна́, запа́рюй тісто, бі́жи по ра́ки, унеси́ ма́сла зъ зні́мокъ.«

Тара́съ Самсо́новичъ прийма́въ мене́ за гостя и нико́ли не хотівъ пла́ти за обідъ та по́паси коней, а щобъ не бу́ти ви́ннимъ ёму́, я що-ра́зу приво́зивъ гости́нчика: кни́жечку, образо́чокъ, або цигарки́: на се вінъ бувъ здо́рово ла́сий и звавъ іхъ голове́шками. Той разъ я привізъ розмалёвану літографо́вану карти́нку: штурму Варша́ви, та скри́нечку ли́хенькихъ цигаро́къ. Стари́й любова́въ карти́нку, да чого́сь усе́ стогна́въ и ку́лився, зга́дуючи, що я не зоста́нуся въ ёго ночува́ти. —

—»Не любі мені ва́ши подару́нки й тро́хи» говори́въ мені зъ жа́лёмъ: «годъ не ба́чились, а заіхали на часо́къ; а менібъ тре́ба бага́цько́ зъ ва́ми побала́кать, та де-що й росказа́ти—тепе́ръ нічо́го не почу́ете!»

По́кижъ що, стари́й не вгава́въ, и часъ нечутно́ бли́зився до обіду. Хазяйка увійшла́ до насъ зъ розже́врілимъ відъ огню́ ли́ччемъ и зави́тила насъ до садку́, де вони́ літнёго за́спіль ча́су обідали.

Обідъ бувъ споря́женний підъ гілля́стимъ дубо́мъ, таки́мъ, що мо́же ёго́ тромъ не обня́ть. Навкруги́ ду́ба гря́дочка квасо́лі та бо́бу, котри́хъ па́ростя, поспліта́вшися на тичка́хъ, роскішно повили́сь буйно-я́рою зе́ленню ма́ло-що не до верхови́ни, и тимъ ще бі́льший робило́ холодо́къ коло ду́ба. День бувъ душни́й, со́няшне про́міння на́че спіка́ло усю́ зе́млю, а підъ ду́бомъ було́ свіжо, просто́ро и відрадо́стно. Меже двома́ дерно́вими ла́вами стоя́въ накри́тий стілъ, заста́вляний миска́ми, горшка́ми, маки́трами.

— »Оце на́ше гульбище«, промо́вивъ стари́й.

— »Тутъ лі́томъ сидимо́ уве́сь день, а въ ха́ту тільки спа́ть идемо́«.

Стари́й прочита́въ го́лосно Отче нашъ, тай узяли́сь ми до смачно́го обіду.

На за́куску натруси́ли гливъ, дуль, грушо́къ бергамо́тъ, сли́вокъ зъ дере́вья, яке́ було́ по близу́, наноси́ли зъ баштану́ динь та кавунівъ.

— »А вамъ, бачу́,« сказа́въ смію́чись хазя́инъ, »нашъ дубъ спо-до́бавсь... по всій око́лиці тако́го не знайти.«

— »Чудо́вий! що́ ви ёму лічите ро́ківъ?«

— »Двісті годъ кла́сти; ми его звемъ *Мату́сине Благословіння;* та па́дькаемось коло ёго, коли́бъ ви зна́ли, мовъ коло мало́і дити́ни.«

— »Черезь що ви ёго́ зветé—Матусине Благословіння?«

— »Зіста́ньтесь ночувать, то роскажу́; а по ва́шому сказа́вши, исто́рія ёго́ ду́же га́рна, и не ка́зка або́ ви́гадка, а щи́ра пра́вда.«

— »Дру́гимъ ра́зомъ почую.«

— »Коли́ не забуду. Я зби́рався росказа́ти про ёго Гоголи́шиному паничéві Миколáйнові, та оце й до́сі роскáзую.«

— »А ви й того́ зна́ли?«

— »А тожъ! зъ са́мого малку, якъ ще ёго́ вози́ли до ніженьскихъ шкілъ. Все бува́ло въ ме́не становля́тця. Розу́мний бувъ хлопець. Вінъ тепе́ръ про насъ пи́ше щось, та й дуже, ка́жуть, до́бре пи́ше.

Мені про́бу закортіло почу́ти про того́, ду́ба; хочъ и пи́льна нужда́ була іхати, та ду́маю собі—звернути, на ну́жду.

— Що́ жъ, кажу, Тарасе Самсоновичу? Нужда и зако́нъ зміня́е. Зоста́нусь — роскáзуйте.

Марья́на Ону́пріевна пішла́ по господа́рстві, а на́ймичка дога́длива унесла́ намъ подушки́; ми простяглися на дерно́вій ла́ві.

Тихе́сенькій вітре́ць, пролета́ючи крізь листя, повіяувъ на насъ па́хощами резиди́, гвозди́кивъ, та й ми, по добрімъ обіді́, не счулися, якъ поснули, и про ду́ба байду́же. А проки́нувшись, за́разъ не про що, якъ про Матусине́ Благословення завели річъ. Старо́му, бачу́, то жъ кортіло. Старовина́—до́вге життя́—ти́і спо́минки. Кому́ не лю́бо до́вго на світі жити?

»Я буду вамъ такъ роскáзувати, якъ чувъ одъ свого́ діда,« почáвъ стари́й, закуривши *головешечку*; »а дідъ чувъ одъ прадіда, а мого пращура. Дія́лося це́е тоді, якъ Богданъ Хмельни́цкій рятова́въ ба́ть-

кі́вщину. Підня́лась ра́зомъ уся́ Вкраі́на,—хто зду́жавъ Ляха́ въ лука, зъ оружи́ни підцю́кнути, або кі́емъ оперезáти.

Не диво, що въ таки́й гурбі лю́ду да въ такій спра́ві святі́й проявúлося стíльки полковникíвъ, старшини́, лицáрства и таки́ дíялися дíла́, що не чува́но першъ нікóли та вже нікóли, мáбіть, и не почу́емъ. По Кóрсунській потрéбі, якъ збу́рені Ляхи́ розбíглися по своíхъ замочкáхъ, гетмáнъ шобъ не дáти íмъ схаменýтьця, послáвъ на íхъ несчисленну лíчбу́ охóчого козáцтва, що било и грабовáло науміръ шляхту и негóндлівъ. Підъ той часъ межъ козака́ми и межъ самúмъ прóстимъ наро́домъ, обрáлися такі ватажки́, що постягáвши охóчого товáриша, ажъ на Волинь и на Подóль ходúли господáрити. Тоді-то вúявивсь коло Лубéнь слáвний по всій Украíні лúцаръ, котóрого за лю́тість та сúлу ирозвáли Вовгурéмъ—тобъ то вовкъ. Такúй бувъ дужéнний, що коли роскáзовать тепéречки, якъ вже вовки́... звелись на ягнятъ, то повéрнуть, глядú, ще въ кáзку: а тимъ чáсомъ, якъ віри не поняти? Той Вовгу́ръ здéржувавъ у млині шістерню́, перекидáвъ черезъ Сулу́ двохъ-пудóву гúру и дéсять разъ обнóсивъ коло своéі хáти два кáмені млинóвихъ, у дéсять пудъ кáмень.

Охóтника приймáвъ до гу́рту не инáко, якъ съ прóби. Хто навкругъ хáти трúчи обнесé кáмня, той ёму́ товáришъ, а хто́ шість, той братъ. У тому́-то товáристві, въ тихъ Вовгурівцяхъ бувъ, и мій прáщуръ, Самсóнъ Коротáй,—прáвий Самсóнъ. Велúкій, широкоплéчий и страшéнно ду́жий, дармá що молодúй козáкъ ще тоді бувъ. Вінъ обнíсъ кругъ хáти кáмня шість разъ, зарвáвся бувъ и сёмий разъ нести́, да Вовгу́ръ вже не давъ, зъ опáски, щобъ хлóпець не ввередúвся.

Набрáвши такúхъ собі сотнúгу лицарíвъ, Вовгу́ръ погнáвся зъ своíмъ загóномъ на Волúнь. Ёму́ страхъ якъ мануло́сь захопúть у свої ру́ки князька Ярéму, що здóрово держáвся противъ козáцтва, да зъ тимъ не такъ-то було́ швúдко спрáвитись. Ярéма бувъ самъ лúцаръ, и вíсько мавъ добíрне. Скрізь, де вíнъ перейшóвъ, зъ жовнíрами своíми, усé огнéмъ та мічéмъ поплюндрувáвъ, не жаловавши ні старóі голови, ні малятка.

Разъ, після січи зъ княземъ, загóнъ Вовгурéвий становúвсь на ночлíги пíдъ пу́щею, а могó прáщура пóслато на чáти, доглядáти чи не було́ де Ляхíвъ у захисті. Вже надвечíръ, зъіжджáе вінъ до кринúці, и бáчить—набира во́ду висóка ставна́ дівчина, и така́ вже

га́рна—прега́рна,—хочъ воду зъ лица́ пий; тільки чого́сь бліда́, якъ той мрець, и о́чи запла́кані.

— »Що́ ти тутъ ро́бишъ, небо́го?« спита́въ мій пра́щуръ.

— »Воду,« ка́же »беру́ для матусі«.

— »Дежъ твоя́ матуся?«

— »Ту́течки, у лісі; слабу́е, поміра́е. Жовніри спали́ли на́ше село́, уби́ли мого́ панотця́, бра́та, матусі ра́тищемъ бікъ проколо́ли и намъ би була́ смерть неминуча, да ми похова́лися въ пу́щі и ось четве́ртий день ріски въ ро́ті не було́.

Пра́щуръ мій, хочъ и Вовгуря́нець, а бувъ чоловікъ чу́лий и богобоя́щий: доста́въ изъ то́рби шмато́къ хліба, пода́въ дівчині и ка́же: »веди́ мене́ до своєі матусі: мо́же я чімъ-не́будь ій у приго́ді ста́ну.«

Такъ, зъ півъ-верстви́ перейшо́вши, застанови́лися біля ду́ба. Підъ тимъ ду́бомъ лежа́ла, — дохо́дила бабу́ся — Бо́же мій — покрі́ва́влена, зъ попе́ченими нога́ми... ли́хо таке́, Бо́женьку! Вгле́дівши пра́щура, нина́че одживіла, о́чи ій зася́ли ра́дісно.

— »Коза́че!« мо́вить глу́химъ го́лосомъ, а ще вира́зно: »не по своїй во́лі ти сюди́ нагоди́вся: самъ Богъ тебе́ занісъ до насъ порятова́ти сироти́ну оцю́ безпора́дню: (скинула окомъ на дочку). Ми коза́че, не про́стого ро́ду, и були́ зда́вна бога́ті, да ті ксёндзи́ ви́дерли въ насъ добро́ на́ше все; одного́ найдоро́жшого ска́рбу не забра́ли—віри на́шої святі́ благочести́вої. Гіркі́ ви́пила я за свій вікъ: ще ти́жня не ви́йшло, якъ усю́ до дна спила́. Передъ моіми вічми вби́то мого́ чоловіка, замучено си́на мого́... (Страда́яльна душа́ до землі припа́ла, на землі заряда́ла). Дожидала я смерти, и за одно́ Бо́га прохала́,—вінъ Милосердний почувъ мою моли́товъ: ти не поки́нешъ сироти́ни, міцна́ правиця Бо́жа підси́лить тебе́, оддя́кує.

— »Панімáтко!« сказа́въ мій пра́щуръ: «я бу́ду твоїй дочці за рідного бра́та.

— »Будь ій дружи́ною: тоді бу́дешъ за ба́тька, ма́тіръ и за бра́та.«

— «Нехай же воля Бо́жа бу́де надъ на́ми!» сказа́въ пра́щуръ, и вклони́лись зъ Мару́сею (такъ звалась дівчина) до нігъ матусі.

Ла́пала напе́рсного хреста́ на гру́дяхъ, щобъ нимъ благослови́ти, а ёго́ вже нема́е: десь на втікахъ загуби́ла.

— »Чимъ-же«, ста́ла тужи́ти «благословлю́ я васъ, дітки? що́ на-неза́будь зоста́влю!« А делі схопи́ла жолудька́, та й прорекла́: »Не-

хáй же надъ вáми, дíточки моí, благословíння Бóже спочивáе.... Возмíть отцёгó жолудька, посадíть у зéмлю, вúросте зъ его дубъ висóкий, и дóти, дóкіль вінъ стоя́тиме на землí, дóки коріння ёгó не струхне пíдъ землею, и ви и рíдъ вашъ увéсь бýдете щаслúві, чéсні, довговíчні«.

Стара зговорúла се слóво такúмъ твердúмъ дýхомъ, нáче самъ Богъ промовля́въ íї устáми. И схилившись на рýки до Марýсі, віддалá Богу духъ. Марýся злúла свíми слізьми тíло матýсине, а прáщуръ вúкопавъ я́му íй шáблею. Помолúлися надъ замýченою, похована́ли, посíяли на могúльці жолудькíвъ. А въ тій пущі крúвся невелúчкий хуторéць, моéму прáщурові свідомий. Вінъ завівъ тудú Марýсю, приручúвъ íї якийсь бáбі, и поíхавъ.

Щось днівъ пíсля того не въ-скíлькóхъ, прáщуръ мій повертáвся зъ попóмъ ужé, спрáвить надъ мáтіръю пóхоронъ христíянський. Марýся кинулась на зýстрічку до ёго зъ щúрою велúкою рáдістю. Якъ погля́нула на ёго своíми ясни́ми очúма, та простягнýла білí рученя́та, то въ моего прáщура нáче душа загорілась и впéрве тоді застýкало ёго сéрце вірнимъ коха́ннямъ.

Пíшлú на матýсину могúлу, запечатали небíжчицю. Маруся зня́ла зъ сéбе дукáчикъ зъ Бóжою Мáтіръю и почепила на мого прáщура. «Се,» каже, тобі заступниця; нехай Пречиста оборóнить тебé відъ уся́коі напáсти!

Прощáвшись зъ Марýсею на дóвгі чáси, прéдко мій подарувáвъ íй тугúй чéресъ зъ червінцями, надрáтими одъ Ляхівъ. Война ще точúлася зъ чотúри рóки и на всей той часъ Госпóдь вúдимо боронúвъ мого прáщура. Одногó рáзу Вовгýръ послáвъ на рóзвідъ чоловíка дéсять изъ своего загóну; мій прáщуръ бувъ въ тихъ деся́тёхъ. Одлузáвши верстóвъ зъ двадця́токъ и не наскóчивши нігдé ля́шківъ, воні́ негáдки — становилися на ночлíгахъ въ лíсі, та ще, зна́ете, по дóбрій чáрці проти снý вúкотили, та й поснýли бецькóмъ. Опівночи якъ нáче хто обудúвъ потихéньку мого прáщура. Вінъ—зиркъ! бáчить, що передъ нимъ висóка жінка, уся́ въ білому, якъ мара́ стоя́ла. Зъ óстраху вінъ намíрився кричáти, такъ вона́ поманýла ёму рукóю, щобъ за нéю йшовъ; мýсивъ послýхатись, пíшовъ. Завела ёго зъ півъ-верстві, а позáду íхъ, стýгомъ застугоніла кінська тупá, вдáрила пальбá, гáласъ пíдня́вся. Тутъ жінка зни́кла, не скажú—у зéмлю ввійшлá. Сторопíлий, здеревянівъ прéдко мій и не знавъ щó ёму й починáть. Ажъ чýе, щось у ку—

ща́хъ зату́пало, затріща́ло, передъ нимъ ставъ якъ уко́паний Гнідко́, его́ кінь и вірний това́ришъ. Тоді вже пре́дко догада́всь, хто се его порятова́въ. Недо́вго ду́мавши, ско́чивъ на Гнідка́ та гукну́вши на ро́зні голоси́, помість то вінъ не самъ, порва́вся виручати своіхъ. Жовніри поду́мали, що то підмо́га козака́мъ, та й ки́нулись у-ро́стичъ. Таки́мъ по́битомъ пра́щуръ мій вирвавъ одъ неми́нучоі поги́белі пятёхъ това́ришівъ своіхъ, а четвірко наложи́ли таки́ голова́ми.

Чотирохлітня розлу́ка́ не прохолоди́ла въ мое́му пра́щурові коха́ння, и якъ все утихоми́рилось, вінъ, ча́су не га́явши, поіхавъ до свое́і Марусі. Доізди́ть до того́ хуторця́, де вінъ іі поки́нувъ, ажъ и сліду ёго́ не ба́чить: все ви́горіло до пня и розпита́тьця ні въ кого. Зажури́вся мій пра́щуръ и поіхавъ на моги́лу до мату́си. Тільки вона́ ёму́ й зоста́лася. На моги́лі стоявъ висо́кій хрестъ и жолудькі рясни́мъ куще́мъ розросли́ся, а навкру́гъ зна́ти слі́дъ засо́хлихъ грядо́къ, де-не-где на іхъ ще квіточки́ пороста́ли. Ви́дно було, що те містце зоста́влено и вже зъ дві літі стоіть безъ до́гляду. Помоли́вшися, уда́ривсь пита́ти Мару́сі. Куди́ приіде, скрізь погори́джа: не було села́, хочъ ху́тора, цілого відъ огню́. Попоі́здивши кілько днівъ, нади́бавъ вінъ яко́гось со́тника и одъ то́го назна́въ, що всі жительці тогобо́чні ви́селились за Дніпро́. Тамъ було́ тоді просто́ро и безпечні́йше. Мі́й пра́щуръ ці́лий рі́къ ви́іздивъ по новосі́лкахъ, уступа́въ до кожні́сенькоі ха́ти, скрі́зь роспи́тувавсь.

— Одного́ ра́зу заізди́ть ві́нъ до ху́тора новосілянцівъ; бачить на одшибі́ стоі́ть така́ сла́вна ха́тка, а кругъ не́і одо́ране пі́дъ лева́ду просто́ре місце. Війшо́въ у сіни,—ніко́го нема́; ві́нъ черезъ дру́гі две́рі ви́йшовъ на горо́дъ,—тамъ ді́вчина яка́сь по́ле грядки́.

— »А чия́ се ха́та?» спитавсь ві́нъ.

— »Хазяйчина,« одмовила ді́вчина.

— »Дежъ твоя́ хазя́йка?«

— »Пішла́ до Кі́ева на про́щу.«

Отъ вінъ уже́ йти ду́ма, ажъ угле́дівъ на стороні́ молоде́нькі́й дубо́къ, загоро́жений лозо́ю; а навкруги́ ёго роспло́джений горо́дчикъ. Мого́ пра́щура наче що́ торкну́ло.

— »А чого се«, ка́же ві́нъ, »дубо́къ сей въ такі́й у васъ шано́бі?«

— »Не скажу́«, вона́ ёму́: »щобо́ хазя́йка ёго́ зве Мату́сине Благослове́ння.«

Тоді́ ві́нъ догада́всь и почáвъ роспи́тувать, яка́ зъ лица́ хозя́йка,—дíвчина чи молоди́ця?

— »Дíвчина« роска́зуе на́ймичка: »и га́рна така́ що на всю околíю дру́гоі нема такóі; бага́цько, сла́влють, до не́і люде́й сла́лося, и не про́сті, а осау́ли да со́тники, та вона́ и диви́тись на íхъ не хотíла: все когóсь чека́е.«

Почувъ се пра́щуръ мíй, та й зомлíвъ одъ ра́дости.

— »Ну«, промóвивъ, »прийма́й же мене́ за хазя́іна: я той самúй, що вона́ жде.«

Вступи́въ до ха́ти: чисте́нько, біле́нько, ажъ духъ радíе. Ди́вится: въ кíмна́тці помóщена постíль на двохъ, на же́рдці вися́ть коза́цька оде́жа, сорочки́ то́нкого полотна́ зъ вишúваними комíра́ми; на при́печку чóботи червонí, на кíлку́ ша́пка, а на вікні лю́лька, не сказавъ би—тутъ живъ коза́къ, а не дівчúна. Пре́дко мíй пону́ривъ го́лову: для ко́гожъ це вона́ зладна́ла зо́діжъ? се, пе́вно, су́джений у неі!.. Та́къ–то ти вволи́ла оста́нню во́лю мату́сину! та́къ оце па́мятуешъ обíтню клятьбу́ на непрости́глому ще тíлі ма́тернёму! Дакъ не бува́тижъ сёму́! не моя́, такъ и нíчия! Вúрву зъ ко́ренемъ Мату́сине Благослове́ння, що ёго ти неварта; роскúну ха́ту и задавлю́ тебе́ пíдъ не́ю якъ лю́ту га́дину!..

Зíрвався зъ се́рцемъ до того́ дубка́ и руку вже простя́гъ, щобъ ёго вúкорчить, та миттю запини́вся. Пьять ро́ківъ, погада́въ, ми були́ въ розлу́ці, мóже вона́ лúчила мене́ за поги́бшого, а якъ поба́чить, що живúй, то жениха́ свого́ одцура́ется. А про те, коли́ вона́ ёго́ лу́чче лю́бить, то Богъ зъ не́ю; я ста́ну íй за бра́та.« Потíмъ того встроми́въ своé ратище бíля ду́ба, да й ка́же на на́ймичку:

— »Якъ твоя господúня ве́рнетця та поба́чить се ра́тище, то сама́ пізна́е, хто ёго́ поста́вивъ. Скажи́ тíльки íй: коли́ вона́ мене ще не забу́ла и лю́бить, то неха́й привьяже до ра́тища черво́ну коро́говку; колúжъ нí, то неха́й чепля́ бíлу.«

Самъ поíхавъ на пу́шу и звíдти визира́въ на лева́ду. Сидить день, сиди́ть дру́гий день, ни íсть ни пье, ни спить; на тре́йтій знемíгся—засну́въ. И присни́тця ёму́ мату́ся, буцíмъ попрова́дила ёго́ зъ–пíдъ висóкого ду́ба по зелéній оболóні до це́ркви. Ле́дві ступúвъ на порíгъ церко́вний, назу́стрічь ёму́ Мару́ся, у́брана, якъ до він-

ця́, обійняла́ его́, поціловала. Проки́нувсь ві́нъ, ди́витця—черво́на корого́вка гра́е зъ ві́тромъ: се́рце въ ёго заколоти́лось, тро́хи не ви́скочить; сі́въ на коня́, та й дмухну́въ до Мару́сі. Стрі́ла ёго́ на поро́зі зъ хлі́бомъ, зъ сі́лью, склони́лася до землі́, заговори́ла: «Орле мі́й, съ-пі́дъ те́мноі хма́ри ві́дъ Бо́га мені́ на́сланий, мату́сею призна́чений, се́рцемъ моі́мъ нарекóваний! за́ що се ти поневіря́ешъ на́ші лю́бощі?... Все що́ ба́чивъ у сві́тли́ці, все то для те́бе, мого́ го́луба си́зого, нагото́вано; про тебе ті́льки я й думала, и Бога блага́ла, щобъ поверну́ли тебе до ме́не. Уступи́жъ до своі́ ха́ти, господа́ру мій лю́бий! стань мені́ сироти́ні та́томъ, ма́мою и бра́тікомъ ріднéсенькимъ.»

Тутъ мі́й пра́щуръ ще не мавъ и ча́су гара́здъ огле́дітьця зъ ті́хъ ра́дощивъ вели́кихъ, а тутъ Богъ несе́ старе́нького ді́да, про́ситця обночува́ти. Роздиви́лись—той самий панотéць, що хова́въ мату́сю.

Наза́втре жъ і́хъ перевінча́въ и вже не пійшо́въ да́лі.

Поблагослови́въ і́хъ Госпо́дь си́номъ одина́чкомъ, щастли́вимъ та довгімъ ві́комъ. Пращуръ мі́й вмеръ на сто и пе́ршімъ ро́ку, а пращури́ха на девяддесятъ-трейті́мъ. Оби́два переста́вились на одному́ ти́жневі, якъ за ру́ки побра́лись.

Після то́го всі́ моі́ пре́дковья пережива́ли за девятдеся́тъ годъ, ті́льки ба́тько мі́й ві́сімдеся́тъ-пьять живъ, и то того́, що молодо́го ві́ку бага́цко приня́въ го́ря.

Черезъ сті́льки годі́въ, молитва́ми нашоі́ мату́сі, Богъ насъ не зоставля́е; ми щасли́ві, довгові́чні и не було́ въ на́шимъ ро́ді ні́ одного нещáсливого чолові́ка. Що вже въ ту халеру! я́къ вона скрі́зь по сві́ту души́ла безъ ми́лости люде́й! до насъ и не доторкну́лась.

Шану́емо ве́лико на́шого ду́ба и ко́жне зъ на́шоі сімьі́, виряжа́ючись въ дале́ку доро́гу, Бо́гу помоли́вшися, прихо́дить покло́нитьця Мату́синому Благосло́венню и для одво́ду ві́дъ себе напа́сти, бере́ зъ собо́ю жолудька́.» —

Дя́кувавъ я старо́му за его́ оповіда́ння, а тутъ и со́нечко, якъто ка́жуть, примерхло—лу́чченько ста́ло і́хати холодко́мъ. Попрощались ми. Поі́хавъ я и все ду́мавъ, яка́-то на́ша га́рна старовина́ була! що́-то за лю́де, що то за ду́ши були въ насъ пі́дъ ту вели́ку руі́ну! Та дежъ воно́ ді́лося? на́ що попереводилось, що теперъ ма́ло такихъ люде́й заде́ржалось на сві́ті, про́стихъ и щи́рихъ и богобоязяи́ви́хъ, якъ отцей Тарасъ Семе́новичъ. Ті́льки й жити намъ спо́минками. Ну,

та дарма́. Хочъ оди́нъ дубъ зоставсь, та багато на ёму жолуді́въ... Матуся наша, Вкраі́на, не покинула насъ безъ свого благословення.

Проі́хавъ я ски́льки верстівъ; думки влежались; со́нце сі́ло; и въ голові́ въ ме́не ти́хий по́мрокъ зали́гъ, — ті́льки щось несказа́нне на душі́ лю́бо мені сия́ло. Не хотячи, оглянувся назадъ: село хова́лось за могилами, окриваючись пи́ломъ вечірнімъ, а ще зоривъ вели́чно вскрай не́ба дубъ той старе́нний — »Матусине Благословення«.

А. М.

УКРАИНСКІЯ НЕЗАБУДКИ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ НЕВОЗВРАТНАГО ВРЕМЕНИ.

(Писано довольно давно, и собственно для памяти любознательному потомству.)

I.

Краткая характеристика дворянъ Квачей.

Дворяне Квачи давно ужь процвѣтаютъ въ уѣздѣ, который центромъ своимъ имѣетъ городъ Стóвбуръ, и потому называется Стóвбурскимъ. Въ настоящее время дворянскій родъ Квачей значительно размножился, и мудрено даже представить, чтобы когда-нибудь перестали ихъ считать десятками въ Стóвбурскомъ уѣздѣ. Три брата, окруженные многочисленными семействами, составляютъ надежную опору этой, можно сказать, знаменитой фамиліи. Старшій изъ нихъ, Гаврило Петровичъ Квачъ, со славою занимаетъ должность исправника и отличается добродушнымъ, веселымъ характеромъ. Его физіономія съ-молоду принадлежала къ числу красивѣйшихъ лицъ въ уѣздѣ. Портилъ ее только черезъчуръ низкій лобъ; но зато на этой физіономіи находился носъ, дотого прямой и »умѣренный«, что отъ него не отказались бы многія изъ нашихъ самыхъ щеголеватыхъ помѣщицъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, носы большею частью торчатъ кверху, а нето — расплываются вовсе не по-дворянски посреди лица. Теперь эта физіономія сдѣлалась массивнѣе и подалась своими болѣе выразительными частями внизъ, такъ что верхняя половина головы Гаврила Петровича представляется какою-то пустою крышкою, не

болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Господь не одарилъ Гаврила Петровича Квача особеннымъ умомъ; но, не смотря на то, его у насъ въ уѣздѣ за что-то уважаютъ. Онъ восемь лѣтъ служилъ въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а вотъ уже другое шестилѣтіе сряду выбираютъ его исправникомъ.

Гаврило Петровичъ не живетъ въ городѣ, какъ и всѣ почти наши уѣздныя власти. Онъ водворился посреди многолюднаго села Бу́ртища, населеннаго козаками, а отчасти и помѣщичьими крестьянами. Тутъ живутъ и оба его брата. Три усадьбы господъ Квачей занимаютъ одинъ конецъ села, прилегающій къ рѣчкѣ, нѣкогда судоходной, еще недавно двигавшей мельничныя колеса, а нынѣ почти изсякшей. Каждая усадьба отдѣляется одна отъ другой крестьянскими хатами и панскими яблонями, вишнями, огородами.

Гаврило Петровичъ, какъ уже сказано,—старшій изъ трехъ братьевъ. За нимъ слѣдуетъ Антонъ, по прозванію Мотузочка, человѣкъ очень основательный; служилъ прежде, также какъ и старшій братъ, въ военной службѣ; теперь идетъ по его же слѣдамъ и засѣдательствуетъ въ уѣздномъ судѣ, но имѣетъ ту особенность, что по праздникамъ, или когда нужно быть въ большомъ собраніи, надѣваетъ армейскій мундиръ и шпагу. Портупея отъ шпаги куда-то затерялась у него, много лѣтъ тому назадъ, и онъ, по необходимости, подвязываетъ шпагу къ мундиру веревочкою, по-нашему *мотузочкою*, отчего и дано ему такое странное прозвище. Впрочемъ Антонъ Петровичъ менѣе добродушенъ, чѣмъ его старшій братъ, часто задумывается послѣ обѣда и не такъ любимъ въ уѣздѣ, какъ Гаврило Петровичъ, который каждому запросто говоритъ *братъ* и почти со всѣми на *ты*.

Третій изъ братьевъ Квачей еще менѣе любимъ господами дворянами и, сверхъ имени Петра, даннаго ему при крещеніи, и фамильнаго имени Квачъ, носитъ странное прозваніе... Я затрудняюсь даже произнесть его; но исторія не щадитъ никого. Это имя — Зло́дій, что́ по-великорусски значитъ — воръ. Петро́ Петровичъ Квачъ, прозванный Зло́діемъ, шелъ сперва также по слѣдамъ старшаго брата и уже былъ въ какомъ-то полку подпоручикомъ, но вдругъ вышелъ въ отставку съ аттестатомъ, въ которомъ сказано, чтобъ его впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Впрочемъ его врожденныя способности не остаются праздными. Когда бра-

тья дѣлились общимъ наслѣдствомъ, онъ не взялъ на свою часть ни одной десятины лѣсу и, вмѣсто того, удвоилъ свой пай пахатною землей. Сосѣди надъ нимъ подтрунивали, и никому не приходило въ голову, что въ душѣ Петра Петровича Квача созрѣлъ глубоко обдуманный планъ жизни. Вступивъ во владѣніе законною частью наслѣдства, онъ образовалъ изъ своихъ крестьянъ отрядъ волонтеровъ-дровосѣковъ и напустилъ его на всѣ сосѣдскіе лѣса безъ разбору. Сперва этихъ удалыхъ охочекомонниковъ ловили и представляли къ исправнику, но когда убѣдились, что воронъ ворону очей не выклюетъ, то ограничились только тѣмъ, что прозвали Петра Петровича Квача на весь уѣздъ Зло́діемъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы исправникъ нашъ потакалъ воровству въ своемъ уѣздѣ: онъ дѣлаетъ исключеніе только для родного брата, да и то подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ: вину вторженія въ чужую собственность взваливаетъ онъ обыкновенно на крестьянъ и, въ случаѣ »поимки«, наказываетъ ихъ тутъ же, при земскомъ судѣ, примѣрно. Но крестьяне Петра Петровича, должно́ быть, происходятъ отъ древнихъ Спартанцевъ: возвращаются изъ суда съ веселыми лицами и совершаютъ новые подвиги. Не только сосѣдскіе лѣса, но и поля, во время жнивъ, отъ нихъ не безопасны. То, что́ говорится въ древней нашей поэмѣ о хищныхъ Половцахъ, можно сказать о нихъ безъ всякой натяжки: *кричатъ телеги въ полунощи, рцы лебеди роспущени.* Сквозь непроглядной темнотой ночи, являются они на чужія нивы и увозятъ на скрипящихъ возахъ своихъ не ими сѣянный, не ими сжатый хлѣбъ. Сосѣдніе козаки и мелкопомѣстные дворяне терпятъ это хищничество безропотно, такъ какъ извѣстно, что Петро́ Петровичъ Квачъ, по прозванію Зло́дій, поставляетъ изъ чужихъ лѣсовъ дрова во всѣ присутственныя мѣста уѣзднаго нашего города всенародно, и никто не останавливаетъ его подводъ. Впрочемъ, Петро Петровичъ, въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ, обходитъ людей богатыхъ и довольствуется только похищеніемъ у нихъ лошадей для передачи ярмарочнымъ коноводамъ.

Читатель, незнакомый съ Сто́вбурскимъ уѣздомъ, вообразитъ, пожалуй, что такая личность, какъ Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Зло́дій, отвергнута всѣмъ благороднымъ сословіемъ и не имѣетъ доступа ни въ одинъ помѣщичій домъ. Нѣтъ, мы слава Богу, не потеряли еще старинаго малороссійскаго добродушія, котораго луч-

шимъ представителемъ можно считать нашего исправника. Петро Петровичъ принятъ у насъ во всѣхъ лучшихъ домахъ не хуже каждаго потомственнаго дворянина, и когда вы увидите его въ обществѣ, то никакъ не подумаете, чтобъ это былъ тотъ человѣкъ, о которомъ ходятъ по всему уѣзду столь неблаговидные слухи. Недавно онъ лишился жены, и черезъ полгода женился на дочери своего сосѣда, молоденькой дѣвицѣ съ хорошимъ приданымъ. Съ того времени утвердилось въ уѣздѣ мнѣніе, что будто бы Петро Петровичъ превзошелъ богатствомъ даже старшаго своего брата; но это совершенная неправда. Послѣ раздѣла имѣнія всѣхъ тремъ братьямъ достались, конечно, участки небольшіе; но природа наградила каждаго изъ нихъ равно могущественными средствами къ увеличенію своего благосостоянія. Старшій братъ, отличающійся собственно гражданскими способностями, вскорѣ удвоилъ, а потомъ и удесятерилъ наслѣдственное имущество. Меньшой, въ душѣ завоеватель, которому не выпалъ только случай прославиться »на полѣ брани«, не отставалъ отъ старшаго брата, по мѣрѣ возможности. Средній, Антонъ, по прозванію Мотузочка, будучи нрава робкаго и миролюбиваго, повидимому долженъ былъ бы остаться у нихъ позади на пути къ обогащенію, но судьба и этого не обошла своими дарами. Ему на долю выпала завидная участь — часто жениться и за каждой женой брать хорошее приданое. Теперь онъ женатъ на третьей, которою также доволенъ, какъ и двумя первыми. »У меня«, говоритъ онъ, »было три жены, и всѣ три — ангелы«.

Такимъ образомъ три брата Квача не имѣютъ никакого повода къ зависти и недоброжелательству, но пребываютъ въ совершенномъ согласіи и даже, встрѣчаясь въ обществѣ, называютъ другъ друга нѣжными дѣтскими именами. Гаврило у нихъ до сихъ поръ *Ри́ля*, Антонъ у нихъ — *То́ня*, а Петро́ — *Петя*. И трогательно, и назидательно видѣть подобныя отношенія между тремя братьями, въ наше время, столь близкое къ оному страшному сроку, когда возстанетъ братъ на брата и сынъ на отца. Обратите при этомъ вниманіе на различіе характеровъ и склонностей каждаго, и подивитесь еще болѣе неразрывной дружбѣ этого родственнаго тріумвирата.

Гаврило — человѣкъ общежительный, характера открытаго, нрава дружелюбнаго, склоненъ къ жизни роскошной. Антонъ бо-

лѣе замкнутъ въ самомъ себѣ, молчаливъ и склоненъ къ уединенію. Въ домашнемъ быту отличается простотою пищи и питія; если же предается роскоши, то это единственно въ гостяхъ, во время праздниковъ, имянинъ и свадьбы у сосѣдей. Будучи отъ природы робокъ, при всей любви своей къ военной одеждѣ, — онъ извлекаетъ изъ службы очень мало выгодъ, но зато вознаграждаетъ себя бережливостію и ограниченіемъ издержекъ до такой степени, что, когда случилось ему однажды отправить къ кому-то по почтѣ письмо, — онъ торговался съ почтмейстеромъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отправилъ письма вовсе безъ платы. Наконецъ, третій братъ, очевидно, исполненъ духа своихъ предковъ, обогащавшихся, какъ извѣстно, вѣчными набѣгами на сосѣднія земли.... Впрочемъ козаки села Бу́ртища объясняютъ его страсть къ чужому добру родословною дворянъ Квачей, сохранившеюся у нихъ въ свѣжей памяти.

Между бу́ртищскими старожилами, помнящими еще времена свободныхъ подсосѣдковъ, населявшихъ панскія земли, сохранилось преданіе, что въ послѣдніе годы сотницкаго управленія, какой-то пономарь, существовавшій въ Бу́ртищѣ, яко лицо духовное, безъ всякаго фамильнаго прозвища, — укралъ на ярмаркѣ у козака-дегтяря мазницу дегтю; что козаки поймали его *на гарячому вчи́нку*, окунули головою въ дегтяную кадь и тутъ же прозвали Кваше́мъ. Не знаю, слѣдуетъ ли обращать вниманіе на подобныя сказанія простолюдиновъ въ столь серьёзномъ сочиненіи, какъ сія повѣсть; но преданіе гласитъ положительно, что опозоренный пономарь, исключенный изъ духовнаго званія, затаилъ въ сердцѣ глубокую злобу противъ козацкаго сословія и рѣшился, во что́ бъ ни стало, выдти въ люди, чтобъ отомстить потомъ своимъ насмѣшникамъ. Въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ преданіе — остриженный и вымытый оліею и мыломъ, Квачъ въ короткое время добился званія сотеннаго писаря и насѣлъ на козаковъ такъ ловко, что, при закрѣпощеніи вольныхъ подсосѣдковъ въ царствованіе блаженныя памяти императрицы Екатерины Вторыя, нѣсколько козацкихъ убогихъ семействъ приписалъ къ отнятой имъ у нихъ же землѣ, и съ того будтобы времени Квачи вошли въ составъ образовавшагося тогда малороссійскаго дворянства. Впрочемъ подобныхъ басень о началѣ дворянскихъ родовъ въ нашемъ уѣздѣ ходитъ много между простолюдинами, но никто изъ »благородныхъ

людей« не обращаетъ на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что у многихъ существуютъ древнія жалованныя грамоты, писанныя въ весьма недавнее время.

По этому краткому, но, надѣюсь, выразительному очерку дворянъ Квачей, читатель никакъ не ожидаетъ, чтобъ у нашего исправника была дочь, вовсе на него не похожая. Но природа человѣческая распоряжается иногда удивительнымъ образомъ. Она посреди Стóвбурскаго уѣзда, гдѣ всѣ живутъ почти одни Квачи-помѣщики, готова создать какое угодно чудо, — и создала его въ исправницкой дочкѣ. Нина (такъ ее звали) родилась необыкновенно счастливо. Такого красиваго ребенка, такого тихаго, умнаго дитяти не видали еще въ Стóвбурскомъ уѣздѣ. Она отличалась отъ всѣхъ другихъ дѣтей Гаврила Петровича; она какъ-будто случаемъ попала въ его семейство, да и судьба ея была особенная. Нинѣ было десять лѣтъ, когда, въ ненастный осенній день, на дворъ къ ея отцу привезли поврежденную карету. Это случайное обстоятельство рѣшило судьбу Нины. Изъ кареты вышла немолодая уже дама, вся въ черномъ. Исправникъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, взвелъ ее подъ руку на крыльцо и предложилъ свой домъ и всего себя къ услугамъ *ея превосходительства*. Дама была очень печальна и почти больна: она въ дорогѣ лишилась единственной дочери, и страдала великою скорбію матери. Она едва имѣла силы благодарить исправника за его услуги; она видимо тяготилась сострадательными разспросами исправницы; но когда увидѣла Нину, лицо ея просіяло: Нина напомнила ей черты милой дочери. Она приласкала прелестную дѣвочку и живо была заинтересована ея умомъ и тонкими чувствами, выражавшимися во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ. Грустнымъ и проницательнымъ взглядомъ слѣдила она за остальными членами исправничьяго семейства. Ей было жаль прелестной дѣвочки, которая должна вырости въ этой средѣ, питаясь ея нравственною атмосферою. На другой день она сдѣлала родителямъ предложеніе, отъ котораго тѣ пришли въ восторгъ неописанный. Она объявила имъ, что она — директриса института благородныхъ дѣвицъ въ Аскольдовѣ и что ей было бы пріятно заняться воспитаніемъ Нины, въ память своей дочери. Она прибавила, что въ отношеніи къ прочимъ своимъ воспитанницамъ она стѣснена существующими правилами, но что Нину воспитаетъ она, хотя въ институтѣ, но семейнымъ

образомъ. Исправникъ и исправница, разумѣется, не поняли ея программы. Съ благословеньями на устахъ и гордыми надеждами въ душѣ, проводили они благодѣтельную *генеральшу* съ Ниною. Зависть всего уѣзда возбуждала въ нихъ сладостное чувство удовлетвореннаго себялюбія и проливала счастье въ самую глубь ихъ родительскихъ сердецъ.

Между Ниной и другими дѣтьми былъ у нихъ большой промежутокъ. Такимъ образомъ заботы о воспитаньи чадъ своихъ, начинающіяся въ нашемъ уѣздѣ довольно поздно, отодвинуты были отъ нихъ надолго. Вся дѣятельность ихъ устремилась отнынѣ на устройство дома, въ который съ каждымъ годомъ приливало откуда-то богатство, — и исправницкій домъ мало-помалу совершенно измѣнилъ свою довольно смиренную физіономію. Едва ли въ немъ хоть что-нибудь осталось старое: все было воздвигнуто вновь, по образцамъ богатыхъ сосѣдскихъ усадебъ. Исправника въ уѣздѣ начали называть человѣкомъ *тузовитымъ;* недоставало ему еще одной степени, чтобъ сдѣлаться тузомъ.

Прошло уже восемь лѣтъ съ достопамятнаго поврежденья дорожной кареты. Генеральша сдержала слово. Нина воспитывалась у ней, какъ родная дочь. Нину видали постоянно вмѣстѣ съ генеральшей въ семейныхъ кружкахъ города Аскольдова. О Нинѣ доходили въ Стóвбурскій уѣздъ восторженные отзывы. Нину называли умницей не по лѣтамъ, синимъ чулкомъ и красавицей, какихъ на свѣтѣ мало. Нина возбуждала, какъ водится, и благовидное злословіе. Искусные въ общежитіи люди (ихъ въ Стóвбурскомъ уѣздѣ много) поговаривали иногда, что, по ихъ наблюденьямъ, она ужъ черезъ-чуръ смѣла въ обществѣ и что въ ней нѣтъ этой милой застѣнчивости, которая такъ плѣняетъ насъ въ молодыхъ институткахъ.

— Генеральша, прибавляли они добродушно, — не всегда будетъ охранять ее своимъ присутствіемъ отъ злорѣчія. Такая привычка держать себя въ обществѣ, замѣчали они глубокомысленно, — годится, можетъ быть, для столичнаго круга, но у насъ въ уѣздѣ она можетъ повредить репутаціи молодой дѣвушки. Что̀ ни говори, но главное достоинство молодой дѣвицы всё-таки — скромность.

До слуха исправника и исправницы доходили всѣ эти толки; но они твердо вѣровали въ умѣнье генеральши повести дѣло вос-

питанія и втайнѣ радовались, что дочь ихъ отличается свободной свѣтскостью обращенія.

— Сохрани Богъ, говорила исправница, — явиться въ наше общество съ тихимъ, боязливымъ характеромъ! Не дадутъ житья наши Чечотки. (Чечотками называла она двухъ старыхъ дѣвъ, господствовавшихъ надъ всѣми дамскими языками въ уѣздѣ.) Отчего я не пользуюсь всѣми преимуществами моего положенія? Оттого, что съ дѣтства не давали мнѣ высказываться, конфузили на каждомъ словѣ, пріучали къ молчаливости. Меня и теперь каждая изъ нашихъ умницъ можетъ смутить посреди самаго живого разговора. Хорошо ли это? Нѣтъ, слава Богу, что наша Ниночка выйдетъ изъ института незастѣнчивою. Она покажетъ этимъ Чечоткамъ, что́ значитъ настоящая образованность.

А время выпуска изъ института между тѣмъ приближалось, и наконецъ приблизилось.

II.

Приготовленія исправницы къ радостной встрѣчѣ дочки.

Среди знойнаго лѣта выпалъ какъ-то удивительный вечеръ, тихій, прохладный и вмѣстѣ сіяющій; и нигдѣ, кажется, не было такой тишины, какъ въ селѣ Бу́ртищѣ. Все живое выбралось изъ села въ поле, по случаю жнивъ; осталась развѣ гдѣ-нибудь полуслѣпая старушка, или шамкающій и едва таскающій ноги старикъ. Они молча сторожили опустѣлыя хаты отъ путешествующихъ изъ дальныхъ сѣверныхъ странъ богомолокъ, которыя вытаскиваютъ въ *кватирки* (1) разшитые украинскіе рушники, обыкновенно висящіе въ хатѣ на кілочкахъ, и другія неубранныя подальше вещи, а нето — ловятъ по дворамъ куръ, а по огородамъ выбираютъ огурчики-ста. Эти благочестивыя странницы, называемыя у насъ *киянками*, вообще не терпимы въ нашихъ селахъ за вѣчное канюченье, до котораго никогда не унижается богомолецъ украинскій; но особенно ненавидятъ ихъ за ихъ манеру

(1) *Кватирка* — отодвигающаяся форточка въ окнѣ.

отодвигать снаружи кватирку въ окнахъ и высматривать, не лежитъ ли что́ плохо въ хатѣ. Но теперь не видно было и Кіянокъ. Глубокое, невозмущаемое ничѣмъ спокойствіе царствовало надъ селомъ Бу́ртищемъ. Даже собаки ушли на ниву за жнецами. Только покашливали кое-гдѣ, грѣясь на солнышкѣ, запоздалые жители другого свѣта да кудахтали куры по дворамъ и огородамъ. Тихо было и у Антона Петровича Квача, по прозванію Мотузочки, и у Петра Петровича Квача, по прозванію Зло́дія. Всѣхъ людей услали они въ поле на жнива, и сами съ женами и дѣтьми выѣхали на ниву для присмотра за работою. Это у насъ дорогое время. Въ эту пору лѣта не только мужчины, но и мелкопомѣстныя барыни и барышни наши, боящіяся загару больше всего на свѣтѣ, остаются на нивахъ при жнецахъ по цѣлымъ днямъ, и если не жнутъ сами, то единственно изъ уваженія къ своему дворянскому достоинству.

Но у Гаврила Петровича Квача, нашего исправника, половина дворовыхъ людей оставалась дома, и на кухнѣ происходило необыкновенное движеніе. Множество куръ лишено было жизни. Ключница доставила повару большой запасъ масла и сливокъ. По всему было видно, что въ домѣ готовится къ ночи пирушка. Хозяина нѣтъ дома; хозяйка, Степанида Карповна, вся раскраснѣлась, бѣгая по всему дому изъ угла въ уголъ. Меньшія дѣти, непристроенныя еще въ учебныя заведенія, бѣгаютъ впереди и позади маменьки съ запачканными въ варенье руками и носами. Ихъ крикъ и писк надоѣлъ бы самому терпѣливѣйшему изъ нашей братьи, людей кабинетныхъ; ихъ путающаяся вереница сбила бы съ ногъ самаго поворотливаго изъ насъ. Но Степанида Карповна только отъ времени до времени покрикиваетъ на нянюшекъ; дѣти не мѣшаютъ ей исполнять тысячу хозяйственныхъ затѣй и веселятъ своимъ шумнымъ присутствіемъ материнское сердце.

Между тѣмъ оба брата Гаврила Петровича заохочиваютъ своихъ жнецовъ къ работѣ и наслаждаются зрѣлищемъ тучныхъ колосьевъ, складываемыхъ въ жме́ни, потомъ въ снопы и, наконецъ, въ полу́кіпки. Вечеръ, какъ я уже сказалъ, выпалъ удивительный. Петро Петровичъ пользуется прозрачностью воздуха, потерявшаго свой ослѣпительный, жаркій блескъ, и озираетъ весь ровный кругозоръ полей, усѣянныхъ жнецами и полу́кіпками.

Молодецъ изъ себя Петро Петровичъ, красивѣе обоихъ братьевъ! Взглядъ у него не такъ добродушенъ, какъ у брата Гаврила, но зато въ немъ нѣтъ и той задумчивости, которая овладѣваетъ послѣ обѣда братомъ Антономъ: взглядъ его быстръ, какъ у орла, и не напрасно разбрасываетъ Петро Петровичъ глазами по сосѣдскимъ полямъ....

Весело звучатъ вблизи и вдали зажнивныя пѣсни. Буртищскіе козаки знаютъ, что не всѣ ихъ полукіпки будутъ лежать у нихъ на гумнѣ; но это ихъ безпокоитъ мало: они и при посѣвѣ молятся: *Роди́, Бо́же, и на трудя́щого, и на крадо́чого.* Звучатъ поля торжественными сельскими гимнами; чистая, вдохновенная народная поэзія наполнила ихъ прекрасными образами,—и, углубляясь въ общую гармонію звенящихъ серповъ и голосовъ людскихъ, забываешь о разстояніи, отдѣляющемъ людей работающихъ отъ тѣхъ, которые смотрятъ на работу. Обманутому согласіемъ природы воображенію кажется, будто всѣ эти высыпавшіе на жнива люди связаны одними и тѣми же нравами, обычаями, чувствами.

Нива Антона Петровича — рядомъ съ нивами старшаго брата, на которыхъ недостаетъ стольких работниковъ. Жнецы его далеко опередили сосѣднихъ и воспѣли дружными голосами хвалу своему господину:

Ой чие́ то по́ле
Зазвеніло, сто́я?
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!
Анто́нове по́ле
Зазвеніло, сто́я,
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!
Женці молоди́і,
Серпи́ золоти́і...
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!
И жи́то пожа́ли,
И въ ко́пи покла́ли...
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!

Ой чие́ то по́ле,
Задріма́ло сто́я?
Задріма́ло, задріма́ло, сто́я?
Гаври́лове по́ле
Задріма́ло, сто́я.....
Задріма́ло, задріма́ло, сто́я!

Женці все старі́,
Серпи́ лубяні́....
Задрімáло, задрімáло, стóя!
Жи́та не пожáли,
Серпи́ поламáли....
Задрімáло, задрімáло, стóя!

Солнце ласково наклонило сіяющую свою голову надъ работающимъ дружно народомъ и бросило длинную тѣнь отъ каждаго дерева, случайно уцѣлѣвшаго на межѣ, — отъ каждаго воза, на которомъ развѣшены лишнія плахты и свиты, — отъ каждой дѣтской люльки, висящей на полевомъ треножникѣ, отъ каждаго коня и вола, наслаждающагося роскошною пашею по стернѣ. Уже пастухи, осторожно напускающіе на очищенные поля свои отáры, хлопаютъ длинными пу́гами на возвратный ходъ къ селу, и насытившіяся зернами и полевыми насѣкомыми птицы разлетаются стадами съ полей въ ночныя свои убѣжища — по лѣсамъ, болотамъ и рѣчнымъ камышамъ. Дружнѣе прежняго принялись жнецы и жницы за работу, почуявъ въ воздухѣ живительную свѣжесть; но дѣятельность ихъ — ничто въ сравненіи съ тою, которая кипѣла въ домѣ пана исправника.

Хозяйка, перебѣгая много разъ съ толпой дѣтей изъ дома въ кухню и изъ кухни обратно въ домъ, боязливо посматривала на спускающееся ниже и ниже солнце. Оно сегодня быстрѣе обыкновеннаго прячется за вишни и развѣсистыя груши... свѣтитъ оттуда еще нѣсколько времени множествомъ сверкающихъ глазъ... и наконецъ его невидно... Покраснѣвшее на западѣ небо возвѣщаетъ конецъ дня. Стада шумно наполняютъ сельскія улицы. Жнецы слышны уже въ отдаленіи, и скоро ихъ голоса зазвучатъ у самихъ воротъ исправника:

Чужі пани́, якъ пу́гачи,
Держáть людéй до півночи,
А нашъ соловéйко
Пускáе ранéнько.....

Вдругъ раздается желанное и страшное для Степаниды Карповны слово: *Гости! гости!* сперва на дворѣ, потомъ въ передней и, наконецъ, въ комнатахъ. Она, съ нѣкоторымъ отчаяньемъ, но вмѣстѣ и съ сознаніемъ, что ни одна хозяйка не совершила

бы столько подвиговъ въ такое короткое время, запирается накрѣпко въ спальнѣ. Дѣвушки льютъ на нее холодную воду; дѣвушки распускаютъ ей волосы и тутъ же сообщаютъ имъ, посредствомъ помады и гребенки, удивительный видъ. Что-то въ родѣ утки съ растопыренными крыльями является надъ повелительнымъ челомъ исправницы. Прозрачная черная наколка съ зеленью въ видѣ какого-то кустарника довершаетъ уборку головы ея, и всё это стóитъ ей не болѣе пяти-шести молчаливыхъ толчковъ. Поднятое надъ нею двумя горничными платье съ шумомъ окружаетъ ее своими складками. Дѣти не смѣютъ больше прикасаться къ ней своими липкими руками, и сама прислуга посторонилась далеко отъ барыни. Кринолинъ граціозно колеблется подъ шумящимъ по полу шелкомъ.

Пока она одѣвалась, въ гостинную выбѣгали изъ спальни черезъ дѣвичью дѣти, по одному, по двое, а иногда и всѣ пятеро вмѣстѣ, и увѣдомляли гостей веселымъ крикомъ: »Узе мама умылась!« »Узе мама надѣла кринолинъ!« и такъ далѣе. Гости, двѣ старыя, но очень живыя дѣвы-сосѣдки, стараются поймать и расцѣловать прелестныхъ малютокъ; но съ буйнымъ хохотомъ мальчики и дѣвочки убѣгаютъ во внутреннія комнаты. Въ ожиданіи хозяйки, гости любуются новыми литографіями, появившимися на стѣнахъ у исправника, который очень любитъ портреты въ генеральскихъ мундирахъ и не упускаетъ случая увеличить свою коллекцію.

Наконецъ обѣ половинки двери изъ спальни въ гостинную распахнулись. Въ пышномъ нарядѣ явилась Степанида Карповна, какъ солнце въ радужныхъ облакахъ. Глубоко ненавидитъ она пріѣхавшихъ сосѣдокъ, прозванныхъ Чечотками за ихъ болтливость и насмѣшливость; глубоко ненавидятъ ее пріѣхавшія сосѣдки, за вѣчно новые и недоступные для нихъ наряды; но съ обѣихъ сторонъ раздаются радостныя восклицанія, какихъ вы не услышите нигдѣ, при самой неожиданной встрѣчѣ друзей.

Степанида Карповна не получила никакого воспитанія и вовсе не готовилась къ той роли, которую теперь играетъ въ уѣздѣ. Сосѣдки, напротивъ, взросли въ богатомъ домѣ, среди большого уѣзднаго свѣта, и при всякомъ случаѣ даютъ ей это чувствовать. До сихъ поръ она подавляла ихъ только своими нарядами, но се-

годня насталъ новый періодъ ея жизни: сегодня Гаврило Петровичь воротится въ назначенный заблаговременно часъ изъ Аскольдова и привезетъ домой дочь-институтку. Она ужь получила извѣстіе черезъ нарочного, что они поджидаютъ съѣзда гостей въ ближайшемъ стану, чтобы поразить всѣхъ и новою каретою, и красотою воспитанной надиво дочки.

Не успѣла Степанида Карповна размѣняться привѣтствіями съ двумя первыми гостьями, какъ прикатили *стряпчіе*, то есть стряпчій съ женою и тремя дочерьми-невѣстами. Еще не умолкли радостныя восклицація по случаю пріѣзда стряпчихъ, какъ явился Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, содержатель станціи въ нашемъ уѣздномъ городѣ и душа нашего уѣзднаго общества.

Я пропускаю столько лицъ безъ подробной характеристики единственно потому, что мнѣ, какъ сосѣду и земляку всѣхъ ихъ, какъ-то неловко хвалиться ими передъ публикой; но не могу умолчать о Капитонѣ Павловичѣ. Онъ происходитъ изъ семейства, которое искони отличалось умѣньемъ составлять лестныя для себя знакомства и передало ему это качество въ числѣ другихъ наслѣдственныхъ даровъ. Никто въ уѣздѣ не знакомъ съ такимъ количествомъ генераловъ, графовъ и князей, какъ Иволгинъ. Въ послѣднее время онъ весь досугъ свой посвящалъ недавно возвратившемуся изъ столицы князю или графу, и уѣздное общество наше долго лишено было удовольствія видѣть его въ своемъ кругу. Барышни Чечотки разнесли при этомъ слухъ, будтобы онъ не выходитъ изъ своей *дѣтской*, какъ называетъ онъ, подъ веселый часъ, свою кладовую съ бочонками и сулеями, что съ горя онъ совсѣмъ опустился и одѣтъ всегда грязно, »какъ лакей«. (Лакеи, дѣйствительно, въ нашемъ уѣздѣ одѣты по большей части замѣчательно грязно, а въ томъ числѣ и у самихъ Чечотокъ). До какой степени справедливы были слухи объ Иволгинѣ, трудно сказать навѣрное. Извѣстно только, что въ послѣднее время онъ началъ знакомиться преимущественно съ учеными и литераторами, и очевидно открылъ для себя новый источникъ внутренняго довольства. Начали даже поговаривать, что Капитонъ Павловичъ самъ сочиняетъ стихи, но какъ они »содержанія національнаго«, то онъ не всякому ихъ показываетъ, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе космополитовъ. Какъ бы то ни было, но физіономія Иволгина сіяла новымъ блескомъ, и еслибъ

ему не было пятидесяти лѣтъ (что, впрочемъ, онъ держитъ въ секретѣ), то можно было бы подумать, что онъ дожидается прелестной институтки съ какими-то неясными надеждами. Поглаживая свои густые, сѣрые усы, вовсе непохожіе на мышь, какъ увѣряли насмѣшливыя барышни Чечотки, онъ подсѣлъ къ хозяйкѣ съ невиданной доселѣ въ немъ величавостью и между прочими пріятными рѣчами упомянулъ въ десятый разъ о своемъ знакомствѣ съ ученымъ профессоромъ, который преподавалъ въ Аскольдовскомъ институтѣ исторію и отзывался съ необыкновенными похвалами о mademoiselle Квачъ.

— Степанида Карповна! говорилъ Иволгинъ, положа торжественно руку на сердце, — вотъ убей меня Богъ, если это не собственныя слова его: »Сколько прелестна, столько же и умна!« Умницъ у насъ довольно, слава Богу, прибавилъ онъ, взглянувъ не безъ свирѣпости на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми постоянно былъ въ ссорѣ, — но *прелестныхъ*.... (тутъ онъ кашлянулъ и понизилъ голосъ) Господь какъ-то не вспомнилъ объ нашемъ уѣздѣ во время его сотворенія.

Обѣихъ сестеръ точно какъ-будто потрясло гальванизмомъ отъ этихъ рѣчей. Меньшая изъ нихъ, тонкая и блѣдная дѣвица съ острыми черными глазами, подпрыгнувъ на своемъ стулѣ, тотчасъ отрѣзала:

— Зато онъ одарилъ его дворянами, которые охотно постояли бы съ салфеткой за стуломъ у генерала, чтобъ только разсказать потомъ, о чемъ бесѣдовалъ у себя за обѣдомъ его превосходительство.

Съ сознаніемъ своего достоинства посмотрѣлъ на нее Иволгинъ и сказалъ:

— Инымъ-прочимъ, конечно, недоступно аристократическое общество, но между нами есть и такіе, которые сидѣли vis-à-vis съ фельдмаршалами.

— И которые теперь прислуживаются школьникамъ изъ мужиковъ, рѣзко замѣтила другая Чечотка, круглолицая и довольно прямодушная на видъ особа, съ голубыми, нѣкогда прелестными глазами и съ золотистыми, нѣкогда удивительными волосами.

Никто не понялъ этого намека: ни стряпчій, человѣкъ пронырливый по самой профессіи своей, ни его супруга, достойно раздѣлявшая съ нимъ его служебные заботы, а тѣмъ менѣе Сте-

нанида Карповна, при всей своей гордости, довольно простодушная. Но Иволгинъ завертѣлся на своемъ стулѣ, какъ-будто его укололи въ самое чувствительное мѣсто. Дѣйствительно, ученый профессоръ, которато знакомствомъ онъ такъ величался, былъ сынъ простого козака-хлібороба. Иволгинъ узналъ объ этомъ скандалезномъ обстоятельствѣ отъ самого профессора, но утаилъ оное отъ всѣхъ, и теперь былъ въ совершенномъ неудомѣніи, какимъ образомъ пронюхали его тайну барышни Чечотки!

Вмѣсто всякаго возраженія, онъ величаво поправилъ на шеѣ новый, въ первый разъ надѣтый, галстухъ и обратился къ стряпчему, какъ-бы продолжая прерванный разговоръ:

— Да, Никодимъ Трифоновичъ! я съ вами совершенно согласенъ, что нашъ уѣздъ начинаетъ замѣтно очищаться отъ всякой ветоши и украшаться личностями, достойными благороднаго дворянства. Но, впрочемъ, попадается иной разъ подъ руку такая ветошь, которой не сбудешь ни въ какомъ ветошномъ ряду.

Эти слова привели стряпчаго гораздо въ большее смущеніе, нежели тѣхъ, къ кому относились. Онъ подумалъ о своихъ дочеряхъ, которыхъ давно бы ужъ пора было сбыть съ рукъ, и невольно покраснѣлъ, что сообщилось и его супругѣ, а вслѣдъ за ней и всѣмъ тремъ дочерямъ.

Иволгинъ это замѣтилъ и, подойдя къ старшей, которую, какъ онъ зналъ, прочили ему въ невѣсты, сказалъ, пріятно осклабивъ свою физіономію:

— Марья Никодимовна! позвольте мнѣ быть съ вами дерзкимъ!

Марья Никодимовна отвѣчала машинально:

— Извольте!

— Мнѣ не безъизвѣстно, что вы играете новую польку Шопена или Моцарта. Сыграйте намъ, осчастливьте наши уши!

Но польки рѣшительно нельзя было сыграть: къ подъѣзду подкатила огромная кочъ-карета; изъ нея высыпалось множество дѣтей, начиная съ трех-лѣтняго до тринадцати-лѣтняго возраста, а вслѣдъ за ними и сама родительница ихъ, великолѣпнѣйшая изъ женщинъ, по выраженію Иволгина, который былъ въ нее нѣкогда влюбленъ и чуть было не застрѣлился, когда она вышла змужъ за другого, но раздумалъ и началъ пить. Великолѣпнѣйшая изъ женщинъ недавно овдовѣла, и съ того времени не разстается съ своими дѣтьми ни подъ какимъ видомъ, увѣряя, что

всѣ они—совершеннѣйшіе портреты покойнаго ея мужа. Ее именно за то и уважали, что она необыкновенно нѣжна къ своимъ дѣтямъ.

Когда она заняла приличное ей мѣсто, Капитонъ Павловичъ, вспомнивъ старину, заговорилъ съ нею поэтическимъ языкомъ, который онъ усвоилъ себѣ съ недавняго времени, и распространился на счетъ какихъ-то унылыхъ чувствъ и соловьиныхъ пѣсень; но она перебила его рѣчь восклицаніемъ:

— Какъ-таки вы, Капитонъ Павловичъ, не боитесь Бога! Братъ мой Костя вчера пріѣхалъ изъ Полтавы, и съ него на вашей станціи взяли прогоны за тройку лошадей!

Иволгинъ сваливалъ свою вину на писаря, но грудь великолѣпнѣйшей женщины волновалась негодованіемъ, и она прибавила:

— Съ того времени, какъ вы начали проводить по цѣлымъ днямъ у князя, вы на насъ, бѣдныхъ дворянъ, не обращаете вниманія.

Это была не болѣе, какъ острая шпилька, безъ которыхъ наши уѣздныя дамы никогда не входятъ въ общество. Надобно пожить между ними довольно времени, чтобы понять вполнѣ, что́ это за воинственный народъ. Многія изъ нихъ одарены самыми кроткими голосами, но вслушайтесь, какія тонкія, тонкія жала впускаютъ онѣ другъ другу въ сердце, повидимому безъ всякого намѣренья! Напримѣръ, госпожа Протазанова отзывается весьма благосклонно о блестящемъ воспитаніи нынѣшней молодежи и тутъ же прибавляетъ съ добродушной прямотою:

— А мы съ вами, Степанида Карповна, въ шестнадцать лѣтъ едва читать умѣли!

Степаниду Карповну отъ этихъ словъ коробитъ, и отъ нея не ускользнулъ полувзглядъ, брошенный госпожей Протазановой на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми она состоитъ въ родствѣ и дружбѣ.

— Да́, сказалъ стряпчій, не успѣвшій дать своимъ дочерямъ никакого воспитанія, — это должно быть особенно пріятно для родителей, когда дѣти знаютъ то, о чемъ они и не слыхали. Я бы желалъ хоть на старость поумнѣть въ просвѣщенной компаніи.

Хозяйка вертится, какъ муха въ кипяткѣ, но скрываетъ свое

свое смущеніе тѣмъ, что велитъ дѣтямъ сказать Пазькѣ, чтобъ подала варенье.

Горничная и вмѣстѣ ключница Пазька, въ панковомъ полосатомъ платьѣ дудочкой и въ башмакахъ на босую ногу, подаетъ варенье на превосходномъ хрустальномъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого изъ гостей.

Хозяйка бросаетъ торжествующій взглядъ и думаетъ:

»Погодите, пріѣдетъ моя Нина.... Зададимъ мы балъ, — всѣхъ васъ уничтожимъ!«

Гости въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ больше прежняго уваженіе къ хозяйкѣ, оцѣнивая мысленно хрусталь и золоченыя ложечки подъ чернью; но никто не обращаетъ вниманія на сервизъ. (Мы ужъ усвоили себѣ аристократическую манеру — ничему не удивляться.) Только старшій сынокъ исправника, наслушавшись домашнихъ толковъ о дорогой посудѣ, сказалъ:

— Это папенькѣ Мирскій изъ губерніи привезъ!

Мать ударила его за это разшитымъ душистымъ платкомъ, а гости значительно переглянулись, очень хорошо зная, что исправникъ спасъ Мирскаго отъ тюрьмы и Сибири.

Исправницкій сынокъ не совсѣмъ понялъ, за что его ударили, и, подойдя къ Иволгину, сказалъ въ полголоса:

— Мирскій прислалъ еще папенькѣ сѣрлаго жерлебца.

На это Иволгинъ отвѣчалъ ему также въ полголоса:

— Хорошо, душенька! Когда ты выростешь, то и тебѣ будутъ дѣлать такіе подарки.

— Матюша! сказала рѣзкимъ голосомъ мать,— поди руки вымой: ты совсѣмъ запачкалъ Капитона Павловича. — Пазька! ты чего смотришь?

Матюша, глядя на свои грязныя руки, медленно вышелъ въ дѣвичью къ Пазькѣ.

III.

Возвращеніе институтки въ родной домъ.

Въ эту минуту на дворѣ раздался стукъ, непохожій ни на звяканье старосвѣтской коляски, въ которой пріѣхали барышни Бечотки, ни на тяжелый гулъ брички стряпчихъ, ни на дре-

безжанье и грохотъ огромнѣйшей кочъ-кареты Протазановыхъ, словомъ — ни на одинъ изъ тѣхъ знакомыхъ нашему слуху стуковъ, которыми сопровождается появленіе гостей на нашихъ сельскихъ и хуторскихъ дворахъ. Какое-то ровное, благородное урчанье и щелканье сопровождало легкое потрясенье почвы вдоль оконъ. Всѣ оживились, всѣ спѣшили къ окнамъ.

У подъѣзда блистала новая карета на лежачихъ рессорахъ. Изъ кареты вышелъ, съ помощью ливрейнаго лакея, исправникъ и, обратясь широкимъ своимъ тыломъ къ зрителямъ, подалъ руку пріѣхавшей съ нимъ дочери.

Чувство красоты доступно всякому, и въ красотѣ несомнѣнной, рѣшительной примиряются всѣ вкусы. Дочка исправника поразила наше общество удивленіемъ. Она дѣйствительно была прекрасна, и при этомъ въ ея лицѣ, манерѣ и самой одеждѣ было столько честной и кроткой простоты, что сама зависть должна была умолкнуть передъ нею, — по крайней мѣрѣ въ первую минуту встрѣчи.

Мать бросилась на крыльцо; за нею двинулись и гости, придавъ своимъ лицамъ возможно пріятныя выраженія.

— Нина! Ниночка! Ангелъ мой! раздавалось на крыльцѣ.

Сцена была трогательная, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водится. А тутъ еще выбѣжали толпою меньшіе братья и сестры Нины и, вцѣпясь ей въ платье, требовали отъ нея самыхъ горячихъ поцѣлуевъ. Поцѣлуи были имъ розданы; дѣти кой-какъ отстали отъ нея и позволили ей бросить взглядъ на общество.

Дѣвицы Чечотки очень церемоніально и съ чувствомъ своего достоинства напомнили ей о себѣ. Потомъ заключили ее въ обычныя при такихъ встрѣчахъ объятія. Ихъ поцѣлуи были очень громки, и обѣ онѣ казались взволнованными.

Тоже сдѣлала и госпожа Протазанова; тоже сдѣлали и стряпчіе. Вышло какъ-то такъ странно, что всѣ гости представлялись ей, какъ старшей, и только успокоясь отъ перваго порыва удивленія и безотчетной радости, общество наше, размыслило что дѣло сдѣлано неловко, и всѣ молча были собой недовольны, — недовольны тѣмъ болѣе, что спокойный видъ Нины казался имъ выраженіемъ гордаго о себѣ мнѣнія.

Одинъ только Иволгинъ оказался человѣкомъ comme il faut. Дождавшись, пока толпа возвратится въ гостинную, онъ просилъ

своего друга Гаврила Петровича представить его своей дочери, и потомъ очень удачно напомнилъ о себѣ Аннѣ Гавриловнѣ.

Она не узнала его, такъ онъ обрюзгъ и осунулся въ послѣднія восемь лѣтъ, но не дала ему этого замѣтить.

Тутъ Иволгину представился отличный случай распространиться о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Нечаемъ.

Знакомое и, какъ видно, милое имя вызвало радостную улыбку на уста институтки; она даже немножко покраснѣла отъ этой неожиданности, что́ и было тотчасъ подмѣчено обѣими Чечотками.

Госпожа Протазанова не имѣла надобности быть проницательною, потому что отъ барышень Чечотокъ не укрывается ни одна тайна во всемъ уѣздѣ, а барышни Чечотки состоятъ съ нею не только въ родствѣ, но и въ тѣсной дружбѣ.

Молодой части стряпчихъ сдѣлалось почему-то очень неловко, и она съ удовольствіемъ уѣхала бы домой; но старая часть впилась глазами въ институтку съ какимъ-то помѣшательствомъ. По крайней мѣрѣ такъ казалось самой институткѣ.

Ей было тягостно въ родительскомъ домѣ среди этихъ гостей. Она воображала иначе возвратъ въ родную семью, къ тѣмъ лицамъ, которыя знали ее дѣтствѣ, къ тѣмъ предметамъ, которые какъ-то поэтически запечатлѣлись въ ея памяти. Ей бы хотѣлось броситься въ объятія матери и своихъ нянекъ безъ постороннихъ свидѣтелей, и потомъ обѣжать по-дѣтски весь домъ и садъ, и всѣ памятныя ей тропинки и уголки. Но теперь она была здѣсь, какъ чужая: столько глазъ было устремлено на нее съ невыносимой для нея пытливостью; столько лицъ окружило ее густой толпою; столько знакомствъ пришлось ей вдругъ возобновить послѣ долгаго пребыванія въ иномъ мірѣ вещей и понятій.

Самыя стѣны и мебель были не тѣ, которыя она знала въ дѣтствѣ. Ей было жаль стараго, скромнаго домика и его убогой, но дорогой для нея, обстановки. Но исправнику и въ умъ не приходили подобныя сожалѣнія. Онъ тотчасъ повелъ ее въ комнату, отдѣланную собственно для нея. Вся толпа гостей съ хозяйскими дѣтьми и градаціею большихъ и малыхъ Протазановыхъ повалила за ними слѣдомъ. Анна Гавриловна благодарила отца, и тотъ поймалъ ея поцѣлуй своими толстыми губами, точно какой ловушкою. Мать при семъ удобномъ случаѣ бросилась цѣ-

ловать ее съ новою горячностью. Дѣти также повторили прежній манёвръ; и Анна Гавриловна, послѣ ихъ усердныхъ объятій, не безъ сожалѣнія увидѣла на свѣтлой кисеѣ своего дорожнаго платья отпечатки ихъ рукъ.

— А что́, до́чко! сказалъ исправникъ, обнявъ своей жирной рукой ея тонкій, изящный станъ: — я говорилъ тебѣ, что теперь ты дома ничего не узнаешь!

— Ниночка моя! сказала съ другой стороны мать, — пойдемъ, я покажу тебѣ мою спальню и гардеробную.

— Веди ее, душа моя, къ себѣ, а я покажу гостямъ Ниночкину карету, сказалъ исправникъ. — Это вѣдь ея карета: она давно была заказана къ ея выпуску.

Всѣ послѣдовали за исправникомъ смотрѣть карету, хотя вечеръ надвинулся темнѣе прежняго. За ними бросились и дѣти съ крикомъ: »Карлету, карлету смотрлѣть!«

Сколько счастья устроено было родителями для милой дочери! Чего еще оставалось ей желать? Взявъ подъ руку свою дорогую Нину, исправница, съ торжествомъ въ душѣ, вела ее черезъ длинный рядъ комнатъ. Впереди шелъ ливрейный лакей, игравшій роль дворецкаго, буфетчика, камердинера и чуть ли еще не постельничаго. Онъ отворялъ двери и отгонялъ толпу дѣвчонокъ и бабъ, тѣснившихся смотрѣть на барышню. Этотъ манёвръ производилъ онъ съ такимъ успѣхомъ, что до сихъ поръ ни одна простонародная физіономія не оскорбила зрѣнія выхоленной въ институтѣ барышни. Нина не догадывалась, въ чемъ дѣло, и удивлялась только, что лакею открытъ свободный доступъ въ дамскую спальню. Но онъ прижалъ очень больно дверью спрятавшуюся дѣвчонку. Дѣвчонка, съ чулкомъ и прутками въ рукахъ, вдругъ запищала не своимъ голосомъ, и изъ дѣвичей, позабывъ страхъ, бросились къ ней на помощь разныя служилыя личности. Это дало барышнѣ случай увидѣть вдругъ передъ собою цѣлое общество босоногихъ людей одного съ нею пола. Одѣтыя очень убого и смиренныя видомъ, онѣ не осмѣлились подступить къ ней близко, и только издали кланялись. Но Нина, вовсе неожиданно для матери, обрадовалась чрезвычайно этимъ знакомымъ ей, только постарѣвшимъ, лицамъ и бросилась совершенно подѣтски цѣловать ихъ. Это были единственные памятники ея безпечнаго дѣтства. Они одни воскресили въ ней рядъ мел-

кихъ, но вѣчно дорогихъ воспоминаній. »Пазька! Улька! Палажка!« восклицала она, засыпаемая ихъ поцѣлуями въ лицо, въ плеча, въ руки.

Степанида Карповна боязливо оглядывалась, не видятъ ли этой сцены барышни Чечотки.

— Оставь ихъ, душенька! говорила она: — онѣ такія грязныя. — А вы что́ уцѣпились въ барышню? прикрикнула она на прислугу.

Но никто не слушалъ исправницы. Убогій и смиренный горничный народъ, почуявъ теплое человѣческое чувство въ барышнѣ, которой ожидали съ такими приготовленьями, прильнулъ къ ней съ непритворными, горячими слезами, — точно какъ-будто до сихъ поръ сидѣлъ въ безотрадной темницѣ и вдругъ увидѣлъ посреди себя свѣтлаго ангела. Невозможно выразить чувства, съ которымъ приняли эти бѣдныя люди дѣтскіе поцѣлуи прелестной, блистательной институтки. Каждое сердце какъ-то болѣзненно и сладко повернулось, и слезы ихъ были нѣмыми жалобами на все, что́ они испытали въ послѣднія восемь лѣтъ исправничьяго благоденствія.

Степанида Карповна оцѣнила, однакожъ, привязанность своей прислуги къ барышнѣ, вовсе не предполагая, что въ ней чуетъ народъ противуположность старымъ господамъ, или по крайней мѣрѣ слѣдъ этой противуположности. Она сама прослезилась и сказала:

— Ну, полно же вамъ, полно! Надобно и честь знать! А то *колѝ медъ, такъ и ло́жкою.*

Ливрейный лакей также принялъ участіе въ трогательной сценѣ и, расталкивая густую толпу, сравнилъ ее очень выразительно съ свиньями, бросившимися къ корыту.

— Маменька! велите ему отсюда выдти! сказала жалобно Нина.

— *Ты* здѣсь зачѣмъ? грозно обратилась исправница къ лакею, какъ-будто онъ никогда не входилъ въ спальню.

И ливрейный лакей, не показавъ никакого изумленія, вышелъ. За нимъ уплелись робко изъ спальни и прочіе захребетники, какъ-будто вдругъ сообразивъ, какъ далеко увлеклись они за предѣлы почтенья къ господамъ.

— Ниночка моя! сказала мать, отирая своимъ душистымъ

платкомъ слезы на глазахъ дочери, — ты этимъ чернавкамъ обрадовалась больше, чѣмъ мнѣ.

— Мама! отвѣчала дочь: — я до сихъ поръ не могу придти къ себя: зачѣмъ вы назвали этихъ гостей?

— Дружечекъ мой! это всѣ наши близкіе сосѣди. Я хотѣла раздѣлить съ ними нашу радость.

— Но папа мнѣ дорогою разсказывалъ, какіе они завистники и недоброжелатели. Онъ хвалилъ одного Иволгина, который, однакожъ, мнѣ неправится. Прежде онъ былъ не такой противный.

— У него, мой другъ, предоброе сердце, и знакомства у него всѣ такія прекрасныя. Ну, будь же веселѣе, моя Ниночка! покажи нашимъ сосѣдкамъ свое превосходство!

— Богъ съ ними! сказала дочь. — Я не хочу съ ними ни въ чемъ соперничать. Я бы желала только, чтобъ онѣ не смотрѣли такъ на меня. Скоро ли онѣ разъѣдутся, мама?

— Что́ ты, мой другъ Ниночка! Сегодня у насъ вечеринка. Еще подъѣдутъ гости.

Ихъ разговоръ прервали гости, шумно возвращавшіеся въ комнаты. Ливрейный лакей подалъ свѣчи въ тяжелыхъ новѣшенькихъ подсвѣчникахъ, какихъ не было ни у кого изъ сосѣдей. Стряпчій не выдержалъ и подошелъ полюбоваться; но потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, обращаясь къ Иволгину: »Мѣдь!«

Иволгинъ, какъ человѣкъ, вхожій въ аристократическое общество, объяснилъ ему, что это мѣдь очень дорогая и сто́итъ массивнаго сребра, чѣмъ исправникъ остался очень доволенъ и объявилъ, что пора и намъ цѣнить вещи по работѣ, а не по матеріалу.

— Вотъ я купилъ для моей Нины въ Аскольдовѣ часы съ цѣпочкою, продолжалъ онъ. — Взять въ руку и взвѣсить — дрянь. Привычная къ золоту рука тотчасъ сообразитъ, что тутъ золота... ну, пускай будетъ на десять полуимперіаловъ, а заплатилъ я ровнёшенько 200 цѣлковыхъ!

— А гдѣ же они, Ри́ля? спросила нѣжно исправница.

— Ну, вотъ поди съ твоею дочкою, Ни́дя! отвѣчалъ нѣжно мужъ: — пожалѣла надѣть въ дорогу!

Гости улыбнулись простодушію институки. А исправникъ досталъ изъ кармана футляръ съ часами и распустилъ сверкающую передъ завистливыми глазами гостей золотую цѣпочку.

— Тутъ уже Никодимъ Трифоновичъ не скажетъ *мѣдь!* замѣтилъ онъ, глядя съ самымъ счастливымъ смѣхомъ на стряпчаго.

— Суета суетъ! отвѣчалъ, вздыхая, стряпчій.

Нина, по настоянію отца, должна была надѣть на себя часы, и по этому поводу онъ поймалъ еще одинъ ея поцѣлуй своими жирными губами.

Вдругъ подъ окнами раздался конскій топотъ, стукъ экипажа и голосъ кучера. Иволгинъ взглянулъ въ окно и опрометью бросился изъ гостинной. Нѣсколько голосовъ въ одно слово сказали: »Михайло Андреевичъ!« Видно было, что гость, означенный этимъ именемъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Исправникъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ты, душенька, помнишь Михайла Андреевича? спросила Степанида Карповна у дочери.

Дочь отвѣчала, что къ ней и въ институтъ доходили объ немъ слухи, какъ объ очень умномъ и почтенномъ человѣкѣ.

— Нашъ профессоръ Нечай знакомъ съ нимъ, прибавила она.

При этихъ словахъ, Богъ знаетъ почему, на щекахъ ея заигралъ легкій румянецъ. Барышни Чечотки, сидя подлѣ госпожи Протазановой, толкнули незамѣтнымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ сію великолѣпную женщину. Но институтка спокойно продолжала:

— Отзывъ такого человѣка, какъ Нечай, очень для меня важенъ, и я въ восхищеньи отъ сосѣдства Конашевича. Нечай называетъ его человѣкомъ рѣдкимъ по уму и по сердцу.

— А самъ Нечай хорошъ собою, молодъ? спросили Нину постóвбурски.

Нина поняла смыслъ вопроса и отвѣчала спокойно:

— Красота и молодость не главныя его достоинства. Моя наставница указывала намъ на него, какъ на образецъ хорошаго тона.

Поняли и барышни Чечотки отвѣтъ Нины, и почти въ одно слово сказали:

— Это странно слышать о козацкомъ сынѣ!

Но тутъ исправница, глядя въ окно, сказала:

— Кого жъ это привезъ съ собой Михайло Андреевичъ? Кого-то незнакомаго!

Всѣ бросились къ окнамъ смотрѣть, но никто не узналъ молодого господина въ сѣромъ пальто и въ сѣрой круглой шляпѣ,

который, выйдя изъ брички, здоровался съ Иволгинымъ. Къ счастью, ни барышни Чечотки, ни Протазанова и никто въ эту минуту не оглянулся назадъ, ато бы они увидѣли, какъ институтка, завидѣвъ издали сѣрую шляпу съ черными, падавшими изъ-подъ ней волосами, горячо покраснѣла. Но яркій румянецъ погасъ на ея щекахъ прежде, нежели гости и ея маменька вернулись къ своимъ мѣстамъ.

IV.

Возобновленіе стараго знакомства.

Михайло Андреевичъ Конашевичъ, высокій старикъ съ сѣдыми кудрявыми волосами и благосклоннымъ выраженіемъ лица, подвелъ къ хозяйкѣ своего хорошаго знакомаго, профессора Нечая. »Вотъ легокъ на поминѣ!« чуть чуть не вскрикнула исправница въ порывѣ простодушія, и едва проговорила сквозь зубы, что очень ему рада: Зато мужъ объявилъ громко и какъ-бы офиціально, что господинъ профессоръ дѣлаетъ ихъ дому честь.

— Я зналъ, что онъ у тебя будетъ, да нарочно не говорилъ, сказалъ Иволгинъ на ухо исправнику, хотя это было вовсе не правда.

Исправникъ съ чувствомъ пожалъ Иволгину руку.

Анна Гавриловна встрѣтила своего бывшаго наставника съ простою радостью ученицы, безъ всякаго видимаго волненія.

Нечай, сѣвъ подлѣ нея, объяснилъ, что, заѣхавъ къ Михайлу Андреевичу, онъ засталъ его наготовѣ ѣхать въ Буртище, куда его просили по одному торжественному случаю. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что этотъ торжественный случай былъ ея пріѣздъ, и просилъ Михайла Андреевича взять его съ собою.

Все общество вслушивалось съ напряженнымъ вниманіемъ въ разговоръ молодыхъ людей, и сама хозяйка едва отвѣчала на вопросы подсѣвшаго къ ней Михайла Андреевича, котораго посѣщенія были для нея большою рѣдкостью.

Нечай очень понравился всѣмъ присутствующимъ, не смотря на дворянское противъ него предубѣжденіе. Только Протазанова находила, что онъ, для полнаго очарованія не довольно высокъ

ростомъ. Что касается до барышень Чечотокъ, то онѣ внутренно изумлялись, какъ это отъ простыхъ козаковъ, которые вѣчно возятся съ плугомъ и волами, могъ произойти такой приличный джентельменъ. Но меньшая замѣтила Протазановой потихоньку, что въ его манерахъ, не смотря на хорошій тонъ, заимствованный въ знатномъ кругу, всё-таки осталось что-то мужиковатое, и Протазанова, какъ всегда и во всемъ, согласилась съ нею.

Иволгинъ очевидно гордился новымъ своимъ знакомымъ и старался позабыть, кто его родители.

Странній удивлялся, что ученый профессоръ и человѣкъ, принадлежащій къ генеральскому кругу, говоритъ такъ просто и даже вмѣшиваетъ въ свою рѣчь украинскія шутки; а жена его готова была принять эту послѣднюю особенность городского гостя за насмѣшку надъ ея необразованными дочерьми, которыя изо всѣхъ силъ старались выбиться изъ мужицкой рѣчи, какъ называли они родной языкъ свой, но никакъ не могли выбиться, и потому въ гостяхъ большею частью молчали. Старшая дочь ея досадовала на безпрестанно пріѣзжающихъ гостей: ей очень хотѣлось щегольнуть своими недавними успѣхами въ музыкѣ, на зло барышнямъ Чечоткамъ, которыя музыки не знали. Замѣчу кстати, что отецъ ихъ, разбогатѣвъ на должности стряпчаго, рѣшился поправить недостатокъ воспитанія дочерей дорогимъ роялемъ, и онѣ всѣ трое принялись за музыку съ ожесточеніемъ, выбирая въ жертвы своего искусства самыхъ знаменитыхъ композиторовъ.

Присутствіе Нечая преобразило Нину въ глазахъ всего общества. При немъ она почувствовала, что она у себя дома и, какъ-будто позабывъ обо всѣхъ окружающихъ, передала ему свои дорожнія наблюденія надъ людьми, которыхъ столько лѣтъ не видала изъ своей институтской клѣтки. Веселая рѣчь ея была приправлена чѣмъ-то въ родѣ насмѣшливости, потому что встрѣчные купцы, помѣщики, попы съ ихъ многочисленными попадьятами и украинскіе ямщики съ ихъ заимствованнымъ ухарствомъ бросались ей въ глаза своей комической стороною. Нечай смѣялся, но тутъ же ей замѣтилъ, что она еще не видитъ внутренней связи и причинъ всѣхъ этихъ явленій, ато бы ей было не до шутокъ, и хотѣлъ было разсказать одинъ случай, въ которомъ смѣшное на взглядъ дѣлалось печальнымъ въ глазахъ внимательнаго наблюдателя, какъ въ эту самую минуту передъ нимъ явилось нѣчто

и смѣшное, и печальное. Какая-то грузная мужская фигура, въ военномъ сюртукѣ стараго покроя, въ которомъ талія приходилась на лопаткахъ, приблизилась къ Нинѣ и, прогремѣвъ слова: »Любезнѣйшая племянница«, обняла ее предлинными рукавами въ складкахъ и напечатлѣла на ея щекѣ громкій родственный поцѣлуй.

Институтка была оглушена этимъ привѣтствіемъ, но дядя Антонъ Петровичъ, по прозванію Мотузочка, не далъ ей опомниться отъ изумленія и пихнулъ къ ней (по крайней мѣрѣ ей такъ показалось) какую-то даму, тоже довольно грузную и накрытую желтою шалью.

— Это моя жена, дружочекъ Нина! сказалъ онъ: — не та, которая пекла тебѣ изъ тѣста голубковъ, а другая, или лучше сказать, третья, — такой же ангелъ, какъ и двѣ первыя. Всѣ три жены у меня вышли сущими ангелами, дружочекъ Нина.

Между тѣмъ ангелъ во плоти, накрытый желтою шалью, купленною къ вѣнцу еще для первой невѣсты Антона Петровича, расцѣловалъ свою родственницу, какъ только было возможно радушнѣе.

Казалось, этого двойного приступа было бы совершенно довольно; но нѣжные супруги разступились и открыли за собою цѣлый строй своихъ любезныхъ чадъ, которыя бросились осыпать институтку самыми неистовыми поцѣлуями. Антонъ Петровичъ, стоя въ сторонѣ, прилагалъ отъ себя къ каждому лицу комментаріи:

— Это моя дочка, Даря, отъ первой моей супруги, Федосіи Ивановны. Она къ тебѣ бѣгала въ дѣтствѣ еще безъ пояска. Это другая моя дочка, Катя, отъ первой же моей супруги — упокой Господи ея душу! Ты, бывало, дразнишь ее замарашкою. Это третья моя дочка, Анюта, твоя тезка, уже отъ второй моей супруги, которая была такой же ангелъ, какъ и первая. При тебѣ она еще только начинала ходить. Это четвертая моя дочка, Параскевія, тоже отъ второй моей супруги. Она родилась въ тотъ самый день, какъ тебя повезли въ Аскольдовъ. А это сынокъ мой, Ѳедя, также отъ второй супруги. Онъ, бѣдняжка, и груди материнской не сосалъ. Поди, Ѳедя душенька, ко мнѣ: я тебя поцѣлую. А это опять дочка, Настенька, уже отъ третьей моей су-

пруги, Ульяны Павловны, моего ангела хранителя. Да еще дома осталось двое маленькихъ, близнецовъ. Ихъ принесутъ сюда къ матери покормить, какъ проснутся. Мы провели цѣлый день на нивѣ. Я сегодня и въ судъ не ѣздилъ. Погода удивительная! (эти слова относились ужъ ко всѣмъ вообще присуствовавшимъ). Тихо да любо въ полѣ! Жито такъ и звенитъ на серпахъ. (Тутъ онъ ударилъ по плечу старшаго брата). А жнецы мои надъ твоимъ полемъ смѣялись, Риля! Пѣли, что оно задремало стоя и что серпы у тебя лубяные.

— А тебѣ, Тоня, и не стыдно, что надо мною твои мужики смѣются? отвѣчалъ исправникъ. — Постой, братику, я имъ покажу при случаѣ, что у меня не лубяное.

— Ну, этого-то я тебѣ, Риля, не позволю, хоть ты и старшій братъ, отвѣчалъ спокойно Тоня. — Изъ пѣсни слова не выкидать, а домочадцевъ моихъ я и самъ съумѣю наказать, когда нужно.

— Да Богъ съ ними! сказалъ добродушно исправникъ: — съ голаго ничего не возьмешь.

Здѣсь кстати замѣтить, что крестьяне Антона Петровича считались самыми убогими въ уѣздѣ, — на томъ основаніи, что онъ всѣхъ ихъ обратилъ въ дворовые и выдавалъ имъ хлѣбъ изъ собственной печи. Но сосѣди не вникали во внутреннія побужденія Антона Петровича, который называлъ крестьянъ своими домочадцами, какъ никто во всемъ уѣздѣ, а бѣдность поддерживалъ между ними, какъ противодѣйствіе пьянству и другимъ вреднымъ порокамъ.

— Удивительно, право, говорилъ онъ, обращаясь ко всему обществу, — какъ эти мужики ловко складываютъ свои пѣсни! Оно и глупо, какъ розобрать хорошенько, а слушаешь — и пріятно! Я вотъ въ судѣ, отъ нечего дѣлать, пробовалъ сложить что-нибудь про вишневый садъ, или тамъ про долю, какъ они поютъ, — нѣтъ, вѣдь ничего не выходитъ. А, кажется, владѣя русскимъ языкомъ, можно бы сложить получше этой хохлаччины.... На все отъ Бога талантъ: и птичка поетъ — никто ея не учитъ.

Я уже сказалъ, что Антонъ Петровичъ отличался отъ братьевъ самоуглубленіемъ. Натура у него была дѣйствительно философская, ровная и невозмутимая. Иволгинъ, по своей склонности къ смѣ-

хотворству, часто разсказывалъ объ немъ забавные анекдоты въ его же присутствіи. Антонъ Петровичъ не сердился за это нисколько и, похлопывая Иволгина по плечу, говорилъ: »Какой, право, вы шутникъ, Капитонъ Павловичъ!« Впрочемъ онъ рѣшительно отвергалъ, будто бы не заплатилъ ничего городовому врачу, который ѣздилъ къ нему цѣлый мѣсяцъ лечить ангела жену его. По разсказу Иволгина, Антонъ Петровичъ, заѣхавъ къ доктору изъ суда, сказалъ: »За то, что вы вылечили мою жену, я васъ приглашу къ себѣ обѣдать,« и тутъ же обратился къ Иволгину: »А васъ приглашу за то, что вы привезете его ко мнѣ и доставите въ городъ обратно.« Напротивъ, Антонъ Петровичъ утверждалъ, не придавая впрочемъ этому никакой важности, что онъ предлагалъ доктору для охоты отличные ботфорты, доставшіеся ему въ числѣ военной добычи въ 1831 году, но что докторъ самъ отказался отъ подарка.

Когда Пазька приготовила гдѣ-то въ другой комнатѣ и разнесла гостямъ чай на великолѣпномъ подносѣ накладного сребра, въ залѣ раздался громкій и ровный стукъ, какъ отъ марширующаго солдата, и показалась новая чета Квачей, но уже безъ юныхъ своихъ отраслей, потому что молодая супруга Петра Петровича Злóдія собственныхъ дѣтей еще не имѣла, а тѣхъ, которыхъ застала въ его домѣ готовыми, сослала въ заточеніе на кухню. Это была чета, на которую стоило полюбоваться. Петръ Петровичъ имѣлъ въ своей фигурѣ что-то геройское. Даже въ церкви онъ становился всегда у самихъ царскихъ вратъ и не иначе, какъ выставя впередъ ногу и почти подбоченясь. По его благородному и властительному виду, его бы слѣдовало прозвать Завоевателемъ, а не Злóдіемъ; но сіе послѣднее названіе утвердилось за нимъ уже до такой степени, что и его потомковъ будутъ звать Злодіенками. Любо было взглянуть, какъ онъ подошелъ къ племянницѣ и поцѣловалъ ее сперва въ руку, а потомъ въ щеку. Можно было подумать, что онъ только вчера снялъ съ себя эполеты. Что ни говори, а такое ремесло, какимъ занимался Петръ Петровичъ, придаетъ человѣку что-то молодецкое, и нечему дивиться, если хорошенькая дѣвица Потрибенькина, пынѣшняя его супруга, увлеклась нѣжною къ нему склонностію. Она явилась дамой совершенно приличною. Даже долгое пребываніе на знойной нивѣ не помрачило ея кожи, которой сіяющій цвѣтъ чудесно сливался

съ золотомъ ея густыхъ волосъ и возвышалъ красоту голубыхъ ея глазъ, нѣжно глядящихъ на супруга. Петръ Петровичъ и по костюму своему принадлежалъ къ высшему разряду уѣздныхъ дворянъ: ухаживая за невѣстой, онъ возобновилъ весь гардеробъ свой и рѣзко отличался отъ обоихъ братьевъ, которые, впрочемъ, нисколько ему не завидовали, такъ какъ старшій, Гаврило, любилъ платье мѣшковатое, а средній, Антонъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ военную униформу изъ нарочито крѣпкаго и носкаго сукна. Жена Петра Петровича была тоже одѣта, какъ куколка. Счастье первыхъ мѣсяцевъ супружества сіяло на обоихъ лицахъ.

Между тѣмъ, какъ Петро Петровичъ представлялъ свою молодую жену племянницѣ съ почтительно-ловкимъ поклономъ, Иволгинъ, стоя за стуломъ у профессора Нечая, сказалъ ему потихоньку:

— Это у насъ первый воръ въ уѣздѣ.

— А кто второй? спросилъ Нечай.

— Второй — старшій братъ его.

На это Нечай отвѣчалъ:

— Я воромъ называю всякаго, кто не хочетъ подумать, честными ли средствами онъ живетъ на свѣтѣ....

Но Иволгинъ его не понялъ и остался очень доволенъ интимною бесѣдою съ профессоромъ, которая была замѣчена всею честной компаніей.

— Какой умница этотъ Нечай! сказалъ онъ, подойдя къ Михайлу Андреевичу, котораго онъ очень уважалъ за тысячу незаложенныхъ душъ и за то, что у него можно было выманить денегъ взаймы.

— А что? спросилъ тотъ, глядя на него съ холодной благосклонностью, извѣстной всему уѣзду.

— Онъ тотчасъ опредѣлилъ, что за лицо нашъ Петро Петровичъ.

Михайло Андреевичъ улыбнулся, какъ человѣкъ, невѣрящій тому, что слышитъ; но, по своему обычаю, удержалъ свою мысль про себя.

Это была одна изъ личностей, рѣдко встрѣчающихся въ уѣздной глуши. Приготовленный воспитаніемъ для дѣятельности на аренѣ обширной, онъ запертъ былъ нѣкоторыми обстоятельствами въ тѣсный кругъ уѣздныхъ помѣщичьихъ интересовъ и всю жизнь

чувствовалъ себя уединеннымъ посреди шумящаго хуторского общества. Онъ не встрѣтилъ здѣсь людей, достойныхъ душевнаго съ ними сближенія, и потому былъ ко всѣмъ равно близокъ и равно далекъ. Онъ дѣлалъ многимъ добро, хотя очень хорошо зналъ людскую неблагодарность. Онъ не чуждался уѣзднаго общества вообще, хотя мало находилъ въ немъ людей честныхъ. Онъ не вооружался противъ злоупотребленій такихъ людей, какъ исправникъ, зная по опыту, что дворяне его не поддержатъ и выберутъ на слѣдующій срокъ того же самого Гаврила Петровича, или Ивана Ивановича, или Семена Семеновича, котораго поступки онъ пробовалъ разоблачать до послѣдней наготы ихъ. Все переиспытавъ, обо всемъ передумавъ въ долгомъ своемъ уединеніи, Конашевичъ сдѣлался наконецъ молчаливымъ зрителемъ того, что передъ нимъ происходило. Онъ отводилъ душу обширнымъ чтеніемъ по разнымъ отраслямъ знаній человѣческихъ да перепискою и изрѣдка свиданіемъ съ такими людьми, какъ введенный имъ въ домъ исправника Нечай.

Молодые люди, знакомые между собой въ иномъ кругу и въ иной сферѣ общественныхъ интересовъ, очутились вдругъ подъ надзоромъ множества глазъ, ловившихъ всякое ихъ движеніе съ тою неотвязчивостью, которую можетъ родить одна пустота помѣщичьей жизни. Имъ бы хотѣлось переговорить о многомъ вдали отъ постороннихъ ушей, но они были окружены со всѣхъ сторонъ родными и сосѣдями, точно картина на выставкѣ. Положеніе ихъ дѣлалось невыносимо тягостнымъ. Но ихъ выручила наконецъ Степанида Карповна, сгаравшая нетерпѣніемъ показать превосходство своей дочери предъ всѣми сосѣдними барышнями.

— Нина дружочекъ! сказала она, — сыграй намъ что-нибудь.

— Охотно, отвѣчала дочь, — но не разстроенъ ли у васъ роялъ?

— Какъ это можно? Вчера нарочно посылали въ городъ за настройщикомъ. Да я рѣдко кому и позволяю играть на немъ. У насъ тутъ проявился одинъ такой музыкантъ, что разбиваетъ сразу хоть какой инструментъ. »Я, говоритъ, подражаю Листу!« Богъ съ тобой и съ твоимъ Листомъ! Третьяго дня онъ былъ у насъ; такъ я и не показала ему твоего рояля; сказала — ключъ потеряли. Пазька, а подай ключъ отъ рояля!

Пазька знала, гдѣ хранится всякая мелочь въ домѣ, и въ ту же минуту принесла ключикъ.

Все общество перешло въ залу, за исключеніемъ задумчиваго Михайла Андреевича, любившаго слушать музыку издали. Нечай помѣстился подлѣ виртуозки, чтобы переворачивать ей нотные листы, и не догадывался, какъ это было досадно Иволгину, который выдавалъ себя за знатока музыки.

V.

Торжество исправника и исправницы.

Нина спросила свою тетрадь нотъ въ черномъ футлярѣ, и вскорѣ исправничья зала наполнилась чистыми, задумчивыми звуками, которые на нѣкоторыхъ, и въ особенности на дѣтей, сдѣлали такое впечатлѣніе, какъ-будто въ залѣ никого не было, кромѣ очаровательной музыкантки, задумавшейся надъ роялемъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа Нины полна была грустныхъ думъ и чувствъ, которымъ одно присутствіе неожиданнаго гостя не давало перейти въ безотрадную горесть. Она думала о богатствѣ своего отца, которое озадачило ее съ той самой минуты, какъ получила она отъ него, при выпускѣ изъ института, нѣсколько коробокъ, коробковъ и коробочковъ, наполненныхъ роскошнымъ бѣльемъ, нарядами и драгоцѣнностями, надъ которыми разъахались ея подруги и классныя дамы. Изъ чтенія и изъ бесѣдъ съ такими людьми, какъ Нечай, она получила невыгодное понятіе вообще о членахъ земской полиціи, богатѣющихъ скрытыми отъ общества средствами. Ее часто занимала мысль: каково-то подвизается ея отецъ въ должности исправника? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ были его великолѣпные подарки, по случаю ея выпуска. Ей было стыдно передъ самой собою, когда она вообразила, что все это было результатомъ такихъ сценъ, какія она читала у журнальныхъ обличителей беззаконія, облеченнаго въ форму законности. Но она успокоила себя мыслью, что отецъ, вѣроятно, много лѣтъ копилъ остатки своего жалованья, чтобы порадовать любимое дитя блестящими игрушками. Великолѣпная карета со множествомъ сундуковъ и вкладокъ полуразрушила ея успокоительныя размышленія, а счастливый отецъ, не подозрѣвая, что́ дѣлается въ

душѣ прелестной дочки, всю дорогу твердилъ ей, съ природнымъ своимъ добродушіемъ, что она теперь не узна́етъ своего дома. Въ самомъ дѣлѣ она нашла всю обстановку домашняго быта своихъ родителей далеко не тою, какую сохранила въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Только закулисный штатъ горничной прислуги оставался всё такимъ же убогимъ и смиреннымъ, какимъ она его оставила. Блестящіе на стѣнахъ обои и шелкъ на неуклюжей мебели, своею разительной противоположностью, дѣлали эту убогую толпу еще бѣднѣе, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ; а множество морщинъ, прибавившихся на постныхъ лицахъ кормилицы и нянекъ Нины, были для ея любящей и симпатичной души вопіющими письменами, по которымъ она читала исторію быстро возрастающаго благоденствія своихъ родителей. Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ думала наша институтка, и грустныя думы ея отразились въ музыкѣ. Въ ея игрѣ слышался голосъ тоскующаго ангела, обозрѣвающаго смущеннымъ взоромъ страшные вертепы, въ которыхъ толпится, въ грустномъ безпорядкѣ, Божій народъ, не зная, какъ найти выходъ.

Этому впечатлѣнію грусти не поддались однѣ только дочери стряпчаго, у которыхъ въ ушахъ звучали пьесы, недавно разученныя ими подъ руководствомъ свирѣпаго подражателя Листа. Всѣ остальные слушатели, каковы бъ ни были у нихъ сердца, почуяли въ музыкѣ Нины что-то какъ-будто давно знакомое, родное, и конечно никому не приходило въ голову, что всѣ они — и Гаврило Петровичъ, пристрастившійся къ роскоши, и Антонъ Петровичъ, обратившій своихъ крестьянъ въ домочадцевъ, безъ всякихъ правъ собственности, и Петро Петровичъ, считающій все то позволеннымъ, чего не въ силахъ преслѣдовать законъ, спутанный такими господами, какъ его братецъ, и стряпчій, и барышни Чечотки, и всѣ до единаго — были взлелѣяны, въ нѣжномъ, неповинномъ дѣтствѣ, подъ музыкальнѣйшія въ мірѣ, подъ самыя поэтическія въ мірѣ, украинскія пѣсни. Не подозрѣвая, что́ значитъ и откуда происходитъ одолѣвающая его какая-то тоска, Антонъ Петровичъ, разставивъ ноги и повѣсивъ голову, принялся отъ всего сердца плакать, и напоминалъ въ этомъ положеніи быка на такъ называемомъ *рéвищѣ* (1), гдѣ флегмати-

(1) *Рéвищемъ* называется мѣсто, черезъ которое быки и коровы не мо-

ческое животное вдругъ останавливается, роетъ рогами землю и жалобно рычитъ, само не зная, чего. Прочіе также были болѣе или менѣе тронуты; но какъ Иволгинъ, подмѣтя слезы Антона Петровича Мотузочки, сдѣлалъ нѣсколько искусныхъ гримасъ, то барышни Чечотки первыя, а за ними Протазанова и другіе, начали осторожно смѣяться. Только отецъ и мать музыкантки ничего не видѣли и не слышали, и отъ всей души предались родительскому восторгу.

— По истинѣ скажу, возвысилъ голосъ Иволгинъ, когда Нина кончила, — что вы, Анна Гавриловна, играете никакъ нехуже нашей губернаторши.

Тутъ онъ гордо посмотрѣлъ на все свое общество, потому что одинъ онъ былъ знакомъ съ »начальницею губерніи« домашнимъ образомъ. (Исправникъ тоже зналъ ее лично, но состоялъ съ нею въ офиціальныхъ отношеніяхъ).

— Это, скажу вамъ, дама — цвѣтъ и украшеніе аристократическаго круга, продолжалъ Иволгинъ. — Надобно, непремѣнно надобно васъ представить ей, Анна Гавриловна! Недавно я былъ въ губернскомъ нашемъ городѣ... Встрѣтила меня съ радостнымъ лицомъ: »Посмотрите, говоритъ, любезнѣйшій Капитонъ Павловичъ, какую брошку пожаловала мнѣ великая княгиня.« Въ самомъ дѣлѣ, брошка дивная. Но я говорю ей: »Ваше превосходительство, вы слишкомъ низко изволили приколоть ее: она выше будетъ имѣть другой видъ«, и тотчасъ прикололъ ей, какъ слѣдуетъ.

На этотъ разъ Иволгинъ показался институткѣ пьянымъ, и она боязливо попятилась отъ него назадъ. Это движеніе было тотчасъ замѣчено барышнями Чечотками, и онѣ, отойдя въ уголокъ съ Протазановой, смѣялись отъ всей души, присовокупляя къ разсказу Иволгина какія-то объясненія.

Такимъ образомъ вечеръ проходилъ въ невинныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, и если кто не принималъ участія въ общей радости, такъ это старшая дочь стряпчаго, которой не удалось показать свой музыкальный талантъ на новомъ роялѣ, выписанномъ изъ Петербурга. Для нея рояль заказывалъ въ губернскомъ городѣ услужливый подражатель Листа. Инструментъ вышелъ от-

---

гутъ пройти равнодушно, почуявъ недавно, а иногда и давно пролитую кровь.

личной прочности, такъ что никакія руки не были для него страшны; но всё же вещь петербургская имѣетъ что-то обаятельное для провинціальныхъ глазъ. А главное — надобно было поразить барышень Чечотокъ, которыя очень тонко и зло смѣялись надъ стряпчими барышнями, что онѣ еще недавно сами бывало жнутъ у себя на нивѣ, вмѣстѣ съ своею маменькою, дочерью убогой вдовы-попадьи. Еслибъ Чечотки смѣялись не такъ тонко, то нашлись бы стряпчанки, какъ отвѣчать имъ, и выставили бы имъ на видъ, что лучше собственными руками жать на нивѣ, чѣмъ перехватывать чужія письма и писать подъ чужую руку отвѣты. Вступились бы они и за свою маменьку, сказавши, что хотя она и простая женщина, но зато не рѣзала косъ дѣвушкамъ, которыя ничѣмъ не хуже ихъ, Чечотокъ. Много бы сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженій излилось изъ устъ молчаливыхъ стряпчанокъ на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онѣ владѣли въ совершенствѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что, съ одной стороны, старыя дѣвы клевали ихъ въ сердце очень искусно, а съ другой — надобно было возражать имъ на языкѣ иностранномъ, россійскомъ, который употребляется нашими невоспитанными въ пансіонахъ панночками только по праздникамъ, когда къ нимъ являются изъ уѣзднаго суда подражатели Листа, или армейскіе офицерики, скучающіе до сумасшествія посреди простолюдиновъ. Старшая стряпчанка была въ этотъ вечеръ истинная страдалица; да и все семейство стряпчихъ какъ-то пріуныло, увидѣвъ, что Иволгинъ все свое вниманіе и угодливость посвящаетъ новой царицѣ красоты, дочери исправника. Что́ касается собственно стряпчаго, то онъ грустилъ еще больше оттого, что невозможно было составить пульку, такъ какъ исправникъ никогда не смѣлъ развернуть зеленаго стола въ присутсвіи Конашевича, зная, что онъ тотчасъ уѣдетъ. Но Конашевичъ и безъ того ужъ засидѣлся: визиты его рѣдко бывали такъ продолжительны. Онъ всё посматривалъ на своего гостя, Нечая, и очевидно, для него только оставался въ этой толпѣ долѣе обыкновеннаго; а когда увидѣлъ, что Нечай слишкомъ дорогою цѣною покупалъ удовольствіе видѣть свою ученицу, онъ перекинулся съ нимъ парою словъ, и оба взялись за шляпы. Ихъ, по обычаю нашей уѣздной жизни, упрашивали остаться, если не для нихъ, то для ужина; но оба они оказались людьми неужинающими, ухватиться больше бы-

ло не за что, и хозяева, такъ сказать, выпустили изъ рукъ ихъ полы.

— Непремѣнно, непремѣнно завтра къ вамъ, Михайло Андреевичъ! сказалъ прощаясь исправникъ и проводилъ гостей на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ малютокъ, которыя, вооружась кусками хлѣба, намазаннаго масломъ, желали посмотрѣть на лошадей.

— Отчего это, папа, спросилъ старшій сынокъ, — у насъ тысячи душъ нѣту, а лошади лучшія и экипажъ лучшій, и кучеръ нашъ въ золотомъ поясѣ?

— Оттого, мой другъ, отвѣчалъ добродушно исправникъ, — что я служу, такъ начальство меня награждаетъ.

— И я буду исправникомъ, папа!

— Учись, душенька, такъ и ты будешь исправникомъ.

— Я куплю себѣ такую карлету, какъ у Нины, и всѣ буду въ карлетѣ сидѣть!

Исправникъ поднялъ и расцѣловалъ своего любимчика.

VI.

Родители и гости озабочиваются будущностью институтки.

— Отчего ты такъ молчалива, Ниночка? спрашиваетъ исправница у своей дочери съ такимъ нѣжнымъ участіемъ, къ какому только была способна ея въ самомъ дѣлѣ чадолюбивая душа.

Что было отвѣчать на это Нинѣ?...

— Я всегда такова, маменька, отвѣчаетъ она.

Но это была неправда, и какая неправда! Еще такъ недавно она была оживлена присутствіемъ дорогого для нея гостя, и только съ его удаленіемъ сдѣлалась молчалива.

Нина была очень дружна съ Нечаемъ. Это значитъ, что она его любила подъ видомъ дружбы. Но ей не приходило въ голову, чтобъ ихъ отношенія могли перейти въ болѣе близкія. Она всѣ еще смотрѣла на него, какъ на наставника, и гордилась его вниманіемъ, которое цѣнила очень высоко. Еслибъ она знала, что у него давно живетъ въ душѣ желаніе присвоить ее себѣ на всю жизнь, во сколько разъ она была бы теперь счастливѣе! отъ какихъ тяжкихъ мукъ была бы она теперь свободна! Можетъ быть,

все кругомъ показалось бы ей въ иномъ свѣтѣ, и не томила бы ее до такой степени сіяющая обстановка родительскаго дома. Она далека была отъ мысли, что онъ готовъ освободить ее изъ этого душнаго круга, подавляющаго въ ней все живое, разумное, свободное, и возвратить въ общество такихъ людей, какъ онъ самъ. Въ удаленьи отъ родного дома, добрые люди научили ее лучшему, болѣе глубокому разумѣнію жизни, чѣмъ научилась бы она дома, — и для чего же? чтобы разойтись на-вѣки съ тѣмъ обществомъ, среди котораго она родилась, чтобы въ отцѣ и матери увидѣть людей не ея убѣжденій, не ея нравственности.

А нѣжная мать ожидаетъ отъ нея побѣдъ надъ языками сосѣдокъ, а отецъ видитъ въ ней средство войти въ родство съ богатѣйшимъ домомъ въ уѣздѣ, и уже вертится въ его воображеніи молодой обладатель семисотъ душъ и шести тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли, у котораго притомъ есть въ виду наслѣдство, имѣющее удвоить его благосостояніе. Правда, этотъ молодой счастливецъ надѣленъ отъ природы наружностью, которую сосѣдки съ сожалѣньемъ находили простонародною; но не сомнѣвается исправникъ, что семь-сотъ душъ сдѣлаютъ его въ глазахъ дочери образцовымъ бариномъ. Правда и то, что этотъ господинъ вынесъ изъ университета одну охоту повторять чужія слова; но въ глазахъ пана Квача, получившаго воспитаніе въ какомъ-то 49 пѣхотномъ полку, онъ былъ фениксъ образованности. Еще извѣстно было о предметѣ нѣжныхъ помышленій исправничьихъ, что сей предметъ не обнаружилъ склонности ни къ какому сколько-нибудь серьёзному занятію и пребываетъ въ постоянной лѣни и разсѣянности; но кто же можетъ налагать условія серьёзнаго труда на человѣка, которому судьба еще до рожденія заготовила роскошное обезпеченіе на самую долголѣтнюю жизнь? Такимъ образомъ участь втайнѣ тоскующей Нины была уже, можно сказать, рѣшена, и рѣшена не только въ умѣ ея почтеннаго папаши, но и въ умѣ барышень Чечотокъ, что́ вовсе не такая бездѣлица, какъ это можетъ показаться невникнувшему въ ихъ характеръ читателю.

Сіи двѣ дѣвы, давно лишившіяся природныхъ своихъ руководителей на пути жизни, шествовали по этому пути самыми смѣлыми и рѣшительными шагами. Необычайная ихъ храбрость, достойная коронованныхъ повелительницъ рода человѣческаго, от-

пугнула отъ нихъ всѣхъ жениховъ, порывавшихся внутренно къ ихъ наслѣдственному благосостоянію. Зато онѣ сдѣлались диктаторами цѣлаго уѣзда или по крайней мѣрѣ той среды, которая ихъ окружала, по части устройства и разстройства брачныхъ союзовъ. Еслибы я не былъ стѣсненъ законными предѣлами моего повѣствованія, то могъ бы описать здѣсь, какъ онѣ, на-перекоръ отцу, матери и братьямъ, выдавали молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвицъ за старыхъ и истасканныхъ уродовъ, и имѣли потомъ удовольствіе оплакивать, вмѣстѣ съ родными своей жертвы, печальную развязку подобныхъ браковъ. Это были истинныя мастерицы своего дѣла, и если только онѣ рѣшили въ своемъ умѣ, чтобы такой-то быть за такимъ-то, то развѣ одна смерть, или крутой, неожиданный и, разумѣется, скандалёзный поворотъ ихъ субъекта могъ разрушить ихъ глубоко разсчитанныя соображенія. Иногда онѣ совершали подвиги внѣ всякихъ предѣловъ вѣроятности, и разводили навѣки такихъ супруговъ, которые давно выдали замужъ, при ихъ же содѣйствіи, дочерей и дожили уже до внучатъ. Зато и наоборотъ, еслибъ имъ вздумалось женить внука на бабушкѣ, или дѣдушку на внучкѣ, то и передъ подобнымъ предпріятіемъ онѣ бы не остановились.

И сіи-то могущественныя волшебницы нашего уѣзда начертали уже планъ жизни институтки, между тѣмъ какъ она взирала на нихъ, какъ на особъ, съ которыми никогда не можетъ имѣть ничего общаго. Уже сообщено было объ этомъ къ свѣдѣнію и, въ надлежащемъ случаѣ, къ исполненію великолѣпнѣйшей женщинѣ, окруженной живыми портретами покойнаго мужа. Уже введенъ былъ въ розговоръ, ни для кого незамѣтнымъ способомъ, господинъ Каптуровъ, по имени Павелъ Мироновичъ, и хотя всѣ, кромѣ Нины, знали, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, что у него столько-то земли во владѣніи, но обо всемъ этомъ закипала бесѣда съ такою живостью, какъ-будто каждый изъ собесѣдниковъ сдѣлалъ неожиданное открытіе.

Барышни-стряпчіе, ненадѣявшіяся привлечь къ себѣ лестное вниманье молодого богача, и неумѣвшія попасть въ тактъ новой для нихъ жизни, указали спроста на его простонародную наружность; но это неумѣстное замѣчаніе дало только новый толчекъ убѣдительному краснорѣчію прочихъ дамъ, которыя, къ великому удовольствію хозяина, доказали, что выраженіе лица молодого Кап-

турова совершенно дворянское, величественное, вальяжное, и что изъ него современемъ выйдетъ отличный предводитель благороднаго сословія.

Иволгинъ, ухаживавшій за Каптуровымъ ради его богатства, но страдавшій отъ превосходства его свѣжепросольной образованности, сказалъ, что не мѣшало бы ему быть немножко остроумнѣе и повоздержаться отъ чтенія наизусть печатныхъ страницъ, въ видѣ разговора съ дамами. Но выходка Иволгина принята была съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и исправникъ замѣтилъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, что если этакъ будутъ поощрять молодыхъ дворянъ къ обогащенію себя познаніями, то никто не станетъ посылать дѣтей въ университеты.

Братья поддержали исправника и объявили, что господинъ Каптуровъ дѣлаетъ честь всему ихъ благородному сословію и составляетъ украшеніе уѣзднаго общества.

Въ странное положеніе поставлена была Нина, къ которой обращались всѣ лица и глаза, какъ-бы отдавая ей на судъ каждую фразу и требуя ея мнѣнія. Дядя Антонъ Петровичъ подсѣлъ къ ней съ одной стороны и внушительнымъ тономъ объявилъ ей, размахивая передъ ней широкими обшлагами длинныхъ рукавовъ своихъ, что Павелъ Мироновичъ можетъ служить образцомъ свѣтской любезности и ловкости; а дядя Петро Петровичъ придвинулся къ ней со своимъ стуломъ съ другой и увѣрялъ ее, что молодой сосѣдъ ихъ пользуется самою безукоризненною репутаціею въ уѣздѣ.

Нинѣ было тѣсно и жарко въ толпѣ, разгорячившейся по поводу спора. Громкіе голоса, сражавшіеся одни съ другими, оглушали ее. Она съ трудомъ улучила моментъ, чтобы вырваться на просторъ, въ садъ; но и тамъ не позволили ей остаться одной. Многочисленная толпа, послѣдовавъ за нею, шумно утверждала, что прогулка вечеромъ по саду очень пріятна, хотя, безъ Нины, никто и не подумалъ бы подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ у насъ въ уѣздѣ вообще не понимаютъ, чтобы можно было находить удовольствіе въ движеніи, безъ хозяйственной надобности.

Нина, очутясь между сестеръ Чечотокъ, которыя, съ видомъ дружескаго покровительства, подхватили ее подъ руки, спѣшила сойти по спуску прямой дорожки къ болоту, которымъ замыкалась перспектива. Увѣщанія спутницъ и спутниковъ, что

внизу сыро и непріятно, не остановили ея. Ей хотѣлось взглянуть на дикую природу, непокоренную наемнымъ садовникомъ роскошному господству ея папеньки. Болото, съ блестящими нитями воды въ его зарослях, сохранило тотъ самый видъ, какой имѣло въ ея дѣтствѣ. Мѣсяцъ выкатился краснымъ шаромъ изза очере́ту и зарумянилъ воду точно такъ, какъ и во времена оны, когда нянька не позволяла ей указывать рукой на небесное чудо Божіе. Въ водяномъ царствѣ, покрытомъ высокими травами, кустами и лепехами, полно было говору, напоминавшаго ей лѣтніе вечера, когда она оставалась одна съ дворовыми дівча́тами и вслушивалась поперемѣнно то́ въ этотъ таинственный говоръ, то́ въ пѣсни усѣвшихся въ кружокъ дівча́тъ, то́ въ ихъ фантастическіе и страшные разсказы о непроходимыхъ болотныхъ топяхъ и разныхъ приключеніяхъ среди этихъ топей. Съ какимъ бы удовольствіемъ осталась она и теперь одна въ саду! Пускай бы ея нѣжные родители попрежнему ѣхали себѣ куда-нибудь на имянины, на свадьбу, на праздникъ, на балъ, а ее бы оставили подъ охраною этой бѣдной, затасканной, но добродушной и даже веселой толпы домашней челяди, которая, очевидно, выѣздъ господъ въ гости считаетъ своимъ праздникомъ и умѣетъ провести время въ свое удовольствіе даже безъ музыки, безъ нарядовъ и угощеній. Но то время прошло, и уже не воротится. Теперь ужъ она не *Га́ля*, какъ ее запросто звала горничная прислуга, а Анна Гавриловна, и никто ужъ не назоветъ ее нѣжнымъ украинскимъ именемъ, ни даже родная мать, которая прозвала ее, по какому-то высшему образцу, Ниною. Теперь всѣ старыя и вновь появившіяся въ домѣ служилыя фигуры, даже и въ порывѣ усердія, приближаются къ ней съ какимъ-то обратившимся въ привычку подобострастіемъ, которое не допустило бы уже той искренности и свободы, съ какою прежде шла между ними бесѣда въ присутствіи панночки, которой всѣ говорили *ты*. Теперь отецъ и мать не оставятъ ее дома одну и повезутъ ее по всему уѣзду, чтобы сдѣлать ее участницею въ тѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ, которымъ нѣкогда сами они предавались съ такимъ увлеченіемъ. Теперь она у всѣхъ на виду, у всѣхъ на примѣтѣ. Ей не даютъ покамѣсть шагу ступить свободно. Ей не позволяютъ насмотрѣться даже на дивное свѣтило небесное, которое, въ своей величавой и спокойной красотѣ, вѣчно кажется человѣку новымъ, еще неви-

даннымъ явленіемъ. Вдохновенную свыше пѣснь поетъ ей неподвласная уѣзднымъ властямъ природа, но никто не хочетъ вслушаться въ эту пѣснь, и счастливая маменька самымъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ зоветъ свою Нину ужинать. Повторяющееся каждый день слово *ужинать* производитъ на все общество несравненно пріятнѣйшее впечатлѣніе, нежели полный, румяный мѣсяцъ, рѣдко являющійся хлопотливому человѣку въ такой торжественой красотѣ.

Идутъ ужинать, спѣшатъ ужинать. Съ веселымъ говоромъ и оживленнымъ выраженіемъ въ лицахъ садятся за ужинъ.

VII.

Ужинъ и разъѣздъ гостей.

Госпожа Протазанова выставляетъ по одну сторону стола длинный рядъ вѣрныхъ портретовъ покойнаго мужа, уменьшающихся постепенно въ объемѣ, но оживленныхъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Прелестныя малютки, отъ тринадцати до двухъ лѣтъ, перестали теперь смотрѣть на Нину съ отвислою нижнею губою, свидѣтельствующею то удивленіе, съ какимъ, по народной поговоркѣ, теленокъ смотритъ на новую дверь, и вперяютъ все свое вниманіе на блюда, разносимыя неутомимою Пазькою и ливрейнымъ лакеемъ, не сводя ни на одно мгновеніе глазъ и глазенокъ своихъ съ толстыхъ и тонкихъ, смуглыхъ и бѣлыхъ рукъ, которыя поочередно простираются къ блюдамъ и уменьшаютъ болѣе или менѣе ихъ объемъ, смотря по аппетиту того, кому онѣ принадлежатъ. Руки, принадлежащія Антону Петровичу Мотузочкѣ, уменьшали объемъ каждаго блюда въ такой степени, въ какой бывало уменьшалъ всегда и вездѣ подносимыя кушанья покойный родитель маленькихъ Протазановыхъ, котораго образъ и подобіе сохранили они въ столькихъ экземплярахъ, въ утѣшеніе осиротѣлой матери.

Иволгинъ, помѣстясь противъ Нины, былъ съ нею очень любезенъ, такъ какъ въ напиткахъ у исправника не было недостатка, и между прочимъ разсказалъ ей, что хотя онъ лишенъ удовольствія провождать семейную жизнь, но что у него въ домѣ есть *дѣтская*. Онъ былъ очень доволенъ, что вызвалъ живую краску на прелестныя щечки своей *визавой*, какъ гово-

рятъ у насъ въ уѣздѣ нѣкоторыя весьма почтенныя дамы, и тутъ же объяснилъ ей, что дѣтьми своими называетъ онъ боченки съ *дулівкою*, *сливянкою* и другими наливками, которыхъ съ осени всегда у него заготовляется большое количество, но подъ конецъ зимы, къ великому посту, ничто ужъ не мѣшаетъ ему помышлять о спасеніи души. Можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, его сколько-нибудь смутили бы насмѣшливые взгляды вѣчныхъ его гонительницъ, барышень Чечотокъ, и ихъ слова, бросаемыя въ него въ видѣ трескучихъ гранатъ; но подъ защитою бутылокъ, которыя онъ сдвинулъ около своего прибора, Иволгинъ былъ храбръ до невѣроятности, такъ что подъ конецъ ужина Нина принуждена была дѣлать видъ, что его не слышитъ, и самъ хозяинъ сказалъ ему съ обычнымъ своихъ добродушіемъ по-украински: *Ну бо, братіку! що ти тамъ брешешъ?*

Ужинъ идетъ, однакожъ, очень весело; только нѣжная маменька Нины всё безпокоится, что дочка мало кушаетъ. Этимъ Нина возбуждаетъ въ добродушной старухѣ стряпчей и въ обѣихъ своихъ теткахъ, второй и третьей женахъ обоихъ дядюшекъ, серьёзныя опасенія на счетъ ея здоровья. Наши милыя и любезныя дамы привыкли измѣрять здоровье близкихъ сердцу особъ количествомъ отправляемымъ въ ротъ кусковъ.

Для вѣрности повѣствованья, долженъ, однакожъ, я сказать, что не одна Нина кушала мало. Иволгину что-то не здоровилось, и онъ обратилъ главное свое вниманіе на напитки. Меньшая дѣвица Чечотка тоже не отличалась аппетитомъ. Лицо у ней было какое то вдохновенное, что́ никогда не предвѣщало добра, и тотъ бы не ошибся, кто бы подумалъ, что она, при всей многорѣчивости своей, высказываетъ не болѣе десятой доли того, что́ у нея кипитъ въ душѣ. А кипѣло у нея въ душѣ много, много всякихъ горючихъ, расплавленныхъ матеріаловъ. Во-первыхъ, она вспомнила въ этотъ вечеръ какъ-то особенно живо, что и она была когда-то также молода, какъ исправницкая дочка. Во-вторыхъ, сравнила она исчезнувшую красоту свою съ этой роскошной красотою и, въ самолюбивомъ ослѣпленіи, отдала своему прошедшему рѣшительное превосходство. Далѣе, пришли ей на мысль лѣтнія ночи въ саду, проведенныя когда-то напролетъ съ человѣкомъ, на котораго нельзя было досыта наглядѣться, котораго нельзя досыта наслушаться. Онъ не принадлежалъ къ толпѣ уѣздныхъ по-

мѣщиковъ и ихъ неженатыхъ сыновей, которыхъ она, въ минуты ожесточенья, называла вообще сопунами: онъ пріѣзжалъ на короткое время домой изъ просвѣщеннаго въ высокой степени общества; отъ него такъ и сіяло высшее просвѣщеніе; онъ говорилъ языкомъ, едва доступнымъ для уѣзднаго разумѣнія, и, вдали отъ наблюденія родныхъ и знакомыхъ, а именно, по ночамъ, въ глухомъ саду, посвящалъ ей много часовъ краснорѣчивой бесѣды. Могла ли она думать, что для этого члена просвѣщеннаго въ высшей степени общества она была не болѣе, какъ легкою забавою, на время его деревенскихъ отдыховъ, и что онъ предпочтетъ ей вдову съ высокопревосходительною роднею? Да, у людей высшаго просвѣщенія тоже бываютъ слабости въ родѣ страсти къ обогащенію или къ выходу въ люди посредствомъ антипатичной женитьбы, и молодая, прекрасная собою, щедро одаренная природою и страстно любящая дѣвушка сдѣлалась жертвою такого поползновенія. Теперь эта дѣвушка сидитъ за ужиномъ, рядомъ съ расцвѣтшею красавицей, точно выточенная изъ пожелтѣвшей кости. Сохранились слѣды того, чѣмъ она была когда-то, въ тонкихъ и умныхъ чертахъ лица ея, но вдохновенное ихъ выраженіе дышетъ какой-то злобою. Рѣчь ея замѣтно отличается выборомъ словъ и оборотовъ отъ рѣчи всей честно́й компаніи, не исключая и самого Иволгина: видно, что она многимъ позаимствовалась отъ своего ночного собесѣдника, но эта рѣчь приправлена такими острыми спичками, что самъ Иволгинъ, посреди своихъ любезностей, отъ времени до времени останавливается и встряхиваетъ головой, какъ медвѣдь, ужаленный пчелою.

Другая барышня Чечотка, отличавшаяся всё еще богатыми золотистыми волосами и извѣстная въ уѣздѣ не столько природнымъ умомъ, сколько готовностью на все дурное, что́ она воображала прекраснымъ, кушала довольно исправно, смѣясь вмѣстѣ съ госпожей Протазановой остротамъ своей сестры, и никто бы не подумалъ, что это — бывшая невѣста Иволгина, совершенно успокоившаяся отъ самой нѣжной, самой безразсудной любви къ нему. Заброшенныхъ въ уголъ и позабытыхъ романовъ и насъ въ уѣздѣ множество. Можетъ быть, ни въ одномъ уѣздѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ нашемъ захолустьи, котораго я далеко еще не изучилъ вполнѣ. И надобно отдать справедливость нашимъ женщинамъ: онѣ во сто кратъ лучше нашихъ мужчинъ. Если онѣ полюбятъ,

то любятъ горячо и остаются вѣрны своему чувству до конца. Правда, иногда бѣдный любовникъ, или мужъ, не знаетъ, куда дѣваться отъ ихъ горячихъ чувствъ, и очень охотно уменьшилъ бы эти чувства на девять десятыхъ. Правда и то, что, отъ излишней преданности къ любимому существу, онѣ царапаютъ его иногда очень больно по сердцу (если таковое имѣется) и гонятъ отъ себя за тридевять земель. Но всё же это лучше того коварнаго равнодушія къ участи увлеченной женщины, которое обнаружилъ оный высоко просвѣщенный господинъ, или холопскаго способа измѣны, которую дозволилъ себѣ Иволгинъ съ златовласою барышнею-сосѣдкою. Онъ пополнялъ ущербъ своихъ финансовъ изъ ея кошелька до-тѣхъ-поръ, пока кошелекъ совершенно истощился, и потомъ обнаружилъ передъ ней инстинктивное отвращеніе къ брачному обязательству. А какой славный былъ это романъ! Сколько было явлено истинно женскаго самоотверженія со стороны героини, въ то время прехорошенькой блондинки, золотоголовой, голубоглазой, свѣжей какъ роза! Кто помнитъ, какъ она любила, какъ она страдала, съ какимъ самопожертвованіемъ отдалась было корнету Иволгину, тогда еще не обрюзглому и необветшавшему; тотъ до сихъ поръ не можетъ смотрѣть на нее безъ уваженія. Но этотъ романъ уже давно заброшенъ въ уголъ и валяется тамъ вмѣстѣ съ изломанными прялками, днищами и другимъ хозяйственнымъ хламомъ. Иволгинъ встрѣчается съ своей Мальвиной, какъ прозвалъ онъ ее во время оно, совершенно спокойно. Она тоже смотритъ на него равнодушнымъ и почти презрительнымъ взглядомъ, и если проявляется въ ней что-то страстное къ нему, то не иначе, какъ въ видѣ ѣдкой насмѣшки, въ чемъ младшая, гораздо болѣе даровитая, сестра помогаетъ ей безъ всякой особенной злобы къ Иволгину, а такъ, изъ любви къ предмету.

Жалкіе! всѣ они болѣе или менѣе несчастны, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванныя души... Выписная машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захолустьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наскоро, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ, подобныхъ исправничьему обществу, только переломала, выворотила наизнанку, одурманила навѣки и бросила на мѣстѣ, какъ-будто только для того, чтобы труд-

нѣе было справиться съ мѣстнымъ населеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они копышутся себѣ въ умственныхъ потемкахъ и доживаютъ вѣкъ, барахтаясь въ грязи. Сколько бы вышло людей изъ этого общества при другомъ порядкѣ вещей, подъ иными вліяніями! Эти самыя дѣвицы Чечотки, воспитанныя не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грязномъ, суетливомъ и лѣнивомъ, надменномъ и низкопоклонномъ, номинально благородномъ и фактически хищномъ, были бы украшеніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣрено щедрою украинскою природой красоты, естественной граціи, ума и сердца,—сердца въ особенности! Но, подбитыя несчастной своей любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской политики, — онѣ мало-помалу потеряли все, что̀ можетъ нравиться въ женщинѣ даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались язвою своего общества, и безъ того пораженнаго всякими нечистыми заразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагу Иволгинъ выражался объ нихъ, въ своемъ ожесточеніи, рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: »Если добрые духи не сдѣлали изъ женщины ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кислую горечь, отъ которой морщится всякое живое созданіе«.

Иволгинъ выражался иногда классически и могъ назваться представителемъ умственнаго развитія всего мужского населенія своего околотка, точно такъ какъ барышни Чечотки были достойными представительницами женскаго. И этакія могущественныя личности, засѣвъ по обѣ стороны стола въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ниною, развернули передъ нею всѣ боевыя свои силы въ неслыханныхъ ею доселѣ словахъ и фразахъ, между тѣмъ какъ остальное общество занималось дѣломъ совершенно мирнымъ и очевидно полезнымъ. Нина очень обрадовалась, когда наконецъ ужинъ кончился и гости потребовали къ себѣ пріѣхавшихъ съ ними лакеевъ.

— Что̀ у тебя такая заспанная физіономія?

Этотъ вопросъ предложила своему Филькѣ младшая изъ барышень Чечотокъ. Другіе гости, какъ напримѣръ стряпчій, или

хоть и госпожа Протазанова, обратились къ своимъ Элькамъ, Филькамъ и Кузькамъ въ болѣе простыхъ выраженіяхъ:

— Ты, Элька, хотьбы немного пригладилъ свою ку́чму. (Это значило, что у Эльки волосы на головѣ были неприлично взъерошены).

Или:

— Что́ у тебя, Кузька, за скверная мужичая натура? Вѣчно тебя надо отыскивать по хатамъ!

Всѣ эти увѣщанія предлагались во всеуслышанье въ гостяхъ, и потому облекались, какъ читатель видитъ, въ утонченныя формы. Напротивъ, дома, гдѣ можно быть гораздо прямодушнѣе, — къ тѣмъ же самымъ личностямъ обратились бы барышни Чечотки и сама госпожа Протазанова въ болѣе натуральныхъ выраженіяхъ, и уши нашей Нины, отвыкшей отъ сельской мелкопомѣстной жизни, могли бы услышать фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— А что это у тебя морда такъ расплылась? Всё только спишь, а проснувшись пьянствуешь!

Элька, Филька или Кузька отвѣчалъ бы на полурусскомъ языкѣ, еще не совсѣмъ выломанномъ господами, что онъ и въ ночь не досыпаетъ (хотя это была бы ложь), а пьянствовать ему не на что́.

На это ему возразили бы совершенно основательно, что скорѣй у господъ хлѣба не станетъ, а у такого гайдама́ки, какъ онъ, всегда найдется, что́ снести въ шинокъ.

Тутъ Элька, Филька или Кузька попятился бы къ порогу, неизвѣстно изъ какой предосторожности, а довольная своимъ краснорѣчіемъ барышня или барыня вдругъ перемѣнила бы предметъ бесѣды и спросила бы:

— А это гдѣ уже кла́поть изъ армяка вырвалъ?

Отвѣтъ былъ бы самый искренній: *не знаю*. Но господскій языкъ возразилъ бы на это въ дидактическомъ духѣ, и даже съ примѣсью народнаго языка:

— Вырви себѣ носъ, вырви себѣ око и не знай, — чортъ твого́ ба́тька бери́! Но кла-а-поть... знай ты, каторжный твой духъ!

Сильнѣе этого ничего сказать невозможно, и потому, не вступая въ дальнѣйшія контроверсіи съ кучеромъ, съ лакеемъ или кто бы то ни былъ этотъ Элька, Филька или Кузька, велѣли бы ему, послѣ этого, сдѣлать то-то и то-то, и ужъ ни мало не сомнѣвались бы, что дѣло будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

На сей разъ гости, потребовавшіе передъ себя своихъ слугъ, заспанныхъ, взъерошенныхъ, или заговорившихся въ дворовыхъ хатахъ, прочитали имъ небольшія проповѣди, собственно для того, чтобы не прямо распорядиться о закладываніи лошадей въ брички, коляски и кочъ-кареты. Это всегда ужъ такъ дѣлается въ нашемъ уѣздѣ, и кто бы вздумалъ поступать иначе, у того, по общему мнѣнію, люди начали бы ходить по головѣ. Такъ ужъ заведено изстари въ коренныхъ дворянскихъ фамиліяхъ нашего уѣзда; такъ ужъ и слуги привыкли. Поэтому и удивляться тутъ нечему. У насъ одинъ Михайло Андреевичъ говоритъ при гостяхъ съ своими людьми на какомъ-то непонятномъ языкѣ, полусловами, а иногда просто жестами. Зато жъ его и передразниваютъ барышни Трещотки очень смѣшно, хотя и осторожно. Что́ касается до Сагайдачнаго, то этотъ, не имѣя за собой тысячи душъ, охраняющей Конашевича отъ болѣе строгаго осужденія, и будучи радикаломъ, какихъ свѣтъ не производилъ, карается безъ всякой пощады за свои кроткіе домашніе нравы и обычаи.

Но мы уклонились въ сторону широкимъ и довольно мутнымъ теченіемъ уѣздной нашей жизни. На вечеринкѣ у исправника не было рѣчи ни объ Михайлѣ Андреевичѣ, ни о Сагайдачномъ, котораго имя какъ-то непріятно звучитъ въ ушахъ нашего дворянства, и если гдѣ-нибудь вспоминается, то не иначе, какъ съ придачею сердитыхъ и насмѣшливымъ прилагательныхъ. Гости, повелѣвъ заложить свои экипажи, занялись разговоромъ о своихъ слугахъ, сообщая другъ другу, въ карикатурномъ видѣ, ихъ природныя свойства и привычки. Смѣху было довольно, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ народъ исковерканный, съ какой стороны ни возьмите его, и особенно былъ страненъ и неловокъ въ обращеньи съ господами.

Иволгинъ, какъ человѣкъ бывалый и наблюдательный, объявилъ, что изъ Малороссіянина никогда не будетъ хорошаго лакея, что къ этому способенъ и можно сказать рожденъ человѣкъ чисто Русскій, который даже смѣется надъ собратомъ, непмѣющимъ господина, и презрительно говоритъ ему: »Эхъ ты, безгосподчина!« Но меньшая барышня Чечотка, всегдашняя преслѣдовательница Иволгина, смѣло возразила ему:

— Нѣтъ, Капитонъ Павловичъ! напрасно вы думаете, что виновата въ этомъ маллороссійская скверная, упрямая и непокорная

натура! Нѣтъ, нѣтъ! (тутъ она вытянула впередъ руку, какъ-бы желая зажать ротъ готовому съ нею спорить Иволгину): виноваты въ этомъ мы сами, мы, *здѣшніе* дворяне! (Она никогда неговорила *малороссійскіе*).

— А чѣмъ же мы виноваты? позвольте спросить васъ, сударыня, сказалъ Иволгинъ, затянувшись табакомъ Жукова и какъ-то особенно ловко колебля выставленною впередъ ногою. (Это одна изъ любимыхъ его позъ).

— Виноваты мы тѣмъ (и барышня Чечотка обвела торжественно глазами все общество, остановя ихъ всего выразительнѣе на Нинѣ), что неспособны подражать въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ помѣщикамъ, живущихъ въ губерніяхъ великороссійскихъ.

— Конечно, намъ далеко до нихъ, сказалъ Иволгинъ, и, чтобы дать почувствовать своей соперницѣ собственное превосходство, прибавилъ: — Тамъ барство утвердилось еще при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, а Годуновъ, сударыня, если вамъ угодно это знать, царствовалъ тому назадъ болѣе двухъ-сотъ пятидесяти лѣтъ-съ. (И Иволгинъ, не безъ гордаго чувства во взорѣ, остановилъ глаза на Нинѣ). У насъ же, сударыня, вольные подсосѣдки прикрѣплены къ землѣ не болѣе восьмидесяти лѣтъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы наши земляки помѣщики успѣли во всемъ сравняться съ стариннымъ великороссійскимъ барствомъ? Я квартировалъ съ полкомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и присмотрѣлся близко къ домашнему быту тамошнихъ баръ.

Тутъ Иволгину представился прекрасный случай разсказать съ живѣйшихъ сочувствіемъ объ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ нѣсколькихъ древнихъ великорусскихъ фамилій, съ которыми онъ, по его словамъ, былъ очень друженъ. Поименованные имъ чины и количества крѣпостныхъ душъ придавали его разсказу характеръ несомнѣнной автентичности.

Лакей Иволгина, по имени Стёпка, малый повидимому цыганскаго происхожденія, но чрезвычайно похожій лицомъ на своего барина, въ самую пору доложилъ ему, что лошади поданы.

Какъ Иволгинъ поставилъ въ уголъ докуренную трубку и раскланялся съ дамами, этого не опишетъ никакое перо. Внутреннее довольство самимъ собою и увѣренность, что оставляетъ самое

пріятное впечатлѣніе въ прекрасной институточкѣ, сообщили его движеніямъ и всей фигурѣ граціозность, до которой достигаютъ немногіе, но только отставные, но и служащіе корнеты, исполненные несомнѣнной надежды быть генералами. У хозяйки поцѣлована была ручка; хозяинъ заключенъ въ тѣснѣйшія объятія; съ прочими мужчинами совершено рукопожатіе, исполненное благородной прямоты и нѣкотораго даже ухарства.

Звенящій у дуги колокольчикъ свидѣтельствовалъ, что Иволгинъ не только помѣщикъ, но и содержатель почтовой станціи, съ которой, впрочемъ, проѣзжающіе по собственнымъ надобностямъ отправляются всего чаще на вольныхъ. Когда Иволгинъ скрылся наконецъ изъ виду, пріятный, такъ называемый на ямщицкомъ языкѣ *малиновый* звонъ его колокольчика долго еще напоминалъ оставленному обществу о его существованіи.

П. Кулишъ.

(Продолженіе обѣщано.)

СЪ ТОГО СВІТУ.

Варѳоломе́ѣві Шевченкові.

Не хотіли па́нські ді́ти
Мою́ во́леньку вволи́ти, —
Щобъ мене́ тамъ похова́ли,
Де бъ одра́ду се́рце ма́ло,
Де бъ му́чене моє́ тіло
Ти́хо тліло, не боліло,
Де бъ моя́ душа́ уббга
Зли́нула колись до Бо́га.
И прохáвъ я, и благáвъ я,
И на ко́бзі вигравáвъ я, —
Шко́да співу кобза́рського!
Шко́да сло́ва коза́цького!

Не хотіли паненя́та
Послу́хати мого́ бра́та,
Щобъ мені почетъ вчини́ти —
Китáйкою ма́ри вкри́ти,
Черво́ною китáйкою,—
Заслу́гою коза́цькою.
И прохáвъ вінъ, и благáвъ вінъ,
И холо́пствомъ дорекáвъ вінъ:
Занедба́ли паненя́та
Дорека́ння мого́ бра́та!

Не хотіли, та вчини́ли —
Китáйкою труну вкри́ли,
Та й ви́слали до моги́ли,
Де співáвъ я, сумувáвъ я,
Зъ Дніпро́мъ – бра́томъ розмовля́въ я.
Не хотіли, та вчини́ли —
Спочивáю на моги́лі,
Панеля́тамъ на доса́ду,
Товари́ству на одра́ду,
Украіні на пора́ду.

Спочива́ю, дожида́ю,
До́лі—во́лі виглида́ю...
Го́ді, бра́ття, сумува́ти:
Ще не вме́рла на́ша Ма́ти!

П. Кулішъ.

Примѣчаніе. Когда умеръ Шевченко и возникъ вопросъ о перевезеніи его тѣла въ Украину, нѣкоторые изъ Украинцевъ настаивали, чтобы похоронить его въ Кіевѣ, тогда какъ въ завѣщаніи поэта сказано, чтобъ его похоронить въ степи, надъ Днѣпромъ. Этихъ нѣкоторыхъ почитатели воли покойнаго называли паненятами и панскими дѣтьми, т. е. людьми, не понимающими жизни Шевченка и духа его поэзіи.

КУМЕ́ЙКИ.

Дума.

(1637.)

I.

Закипі́ла на Вкраїні
Страше́нна трівóга,
Якъ на шля́хту підняла́ся
Сірóма убóга.

Підняла́ся за ора́нди,
За жидíвські ду́ди, [1]
Що терпіли—не сте́рпіли
Убóгиі лю́ди.

Руйнува́ли сіромáхи
Кóрчми малёва́ні;
Де спіткáли — порубáли
Рандáрські ридва́ни.

Почала́ сірóму шля́хта
За жидíвъ кара́ти,
Забірáла всю худóбу,
И грунти́ и ха́ти.

Розлетíлось по Вкраíні
Безхáтнее птáство, —
Затрусúлось по будúнкахъ
Вельмóжнее пáнство.

II.

»Ой Потóцький, бáтьку пáнський,
Рушáй на Вкраíну!
Зупúни кварцянúмъ вíйськомъ
Повшéхну руíну.«

Роспустúли орлú крúла,
Зъ орлáми злíтались:
То кварцяне вíйсько съ пáнськимъ
До-кýпи зъíжджались. [2]

Течé рíчка мíжъ камíннямъ,
Рóссю прозивáють;
По тíй рíцці середъ нóчи
Огнища палáють.

Червонíють чорторúі,
Підмивáють крýчи.
Втáборились сіромáхи,
Потóцького ждýчи.

III.

Ой не дóвго підждáли —
Кóники заржáли:
Вонú нáшимъ неминýче
Лúхо вíщувáли.

Зíйшлó сóнце у туманí,
Ревнýли гармáти:
Не по однímъ козáченьку
Заплáкала мáти. [3]

Ой розбúвъ зъ гармáтъ Потоцький
Тáборъ, мовъ кошáру; [4]
Розігнáли Ляхú нáшихъ,
Якъ вовкú отáру.

Ой мостúли на Росáві
Мостú тулубáми,
Засівáли чúсте пóле
Гýсто головáми.

IV.

Нúкли трáви жáлощами,
Гнýлось дрéво съ тýги: [5]
Дознавáли нáші прéдки
Тяжкóі нарýги.

Когó бúли—потопúли
Въ глибóкій Росáві,
А когó судóмъ судúли
Въ далéкій Варшáві.

Осудúли недобúтківъ
На велúкі мýки:
Розійшлúся по Вкраíні
Калíки безрýкі. [6]

Огласúли изъ Варшáви:
»Дивітеся, лю́де!
Хто вставáтиме на шляхту,
То всімъ тéе бýде.« [7]

V.

Нехáй бýде, нехáй бýде,
Колú Бóжа вóля,
Щобъ рослá въ боя́хъ крівáвихъ
Украíнська дóля!

Неха́й зна́ють на всімъ сві́ті,
Якъ ми погиба́ли
И, ги́нучи, свою́ пра́вду
Кро́вью записа́ли.

Записа́ли — прочита́ють
Неписьме́нні лю́де,
Що до су́ду изъ шляхе́тствомъ
Зго́ди въ насъ не бу́де.

По́ки Рось зове́тця Ро́ссю,
Дніпро́ въ мо́ре лле́тця,
По́ти се́рце украі́нське
Съ панськимъ не зживе́тця. *

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМѢ: »КУМЕЙКИ«.

1.—Стр. 54, ст. 21.

За жидівські дуди,

О *дудахъ* или *дудкахъ* упоминаютъ нашъ Самовидецъ и польскій историкъ Грондскій (Historia Belli Cosaco-Polonici). Это была плата арендатору отъ

---

* Подъ словомъ *Ляхъ* издревле подразумѣвалось понятіе — панъ, т. е. человѣкъ, воображавшій за собою какое-то родовое право на своевольство. Отъ этого въ нашихъ народныхъ думахъ къ слову *Ляхи* всегда прибавлялось иронически — *мостиві панй*. Украинская народность не чуждается никакого племени, никакого сословія. Это доказано свободнымъ вступленіемъ каждаго, кто бы онъ ни былъ, въ запорожское братство. Хмельницкій, въ переяславскихъ переговорахъ съ Адамомъ Киселемъ, говорилъ, что въ Украинѣ свободно могутъ проживать и владѣть землями всякіе магнаты, только бы подлежали общему праву, т. е. отреклись отъ своихъ родовыхъ предразсудковъ. Но, сколько паши козаки ни убѣждали Поляковъ и собственныхъ ополяченныхъ земляковъ »желѣзными доводами«, эти господа остались глухи къ голосу человѣчности и къ народному праву. Мы понимаемъ это такимъ образомъ, что для Поляковъ отказаться отъ своихъ панскихъ тенденцій — было все-равно, что отказаться отъ исторической будущности. Почему же наши не-панскія тенденціи должны были быть для насъ менѣе дороги? Отречься отъ нихъ ради братства съ *Ляхами, мостивыми панами*, для насъ то же, что́ отказаться отъ своей будущности. Вотъ почему Украинцы могли сказать имъ:

По́ки Рось зове́тця Россю,
Дніпро́ въ мо́ре лле́тця,
По́ти се́рце украі́нське
Съ панськимъ не зживе́тця.

поселянина за рожденіе дѣтей. Названіе ея произошло отъ монеты, называвшейся попросту dudek. Она соотвѣтствовала нынѣшнимъ 18 копейкамъ; но, по замѣчанію Грондскаго, Жиды, медленною выдачею квитка и разными унаслѣдованными отъ предковъ и обратившимися въ ремесло ухищреніями, умѣли увеличивать эту плату по своему усмотрѣнію, такъ что народъ, и безъ того съ негодованіемъ окупавшій рожденіе дѣтей, терпѣлъ отъ нихъ не только моральное, но и матеріальное бремя. Польско-украинскіе паны, нуждавшіеся постоянно въ деньгахъ, старались упрочивать за собой арендную плату отъ Жидовъ, и потому узаконивали въ своихъ имѣніяхъ всѣ жидовскія выдумки, карали смертью ослушниковъ и грубіяновъ, а нерѣдко предоставляли и самимъ Жидамъ-арендаторамъ право жизни и смерти надъ *хлопами*. Ни что до такой степени не ожесточало противъ шляхты нашихъ хлѣборобовъ, какъ жидовскіе грабежи и притѣсненія, и потому, каковы бы ни были у козаковъ побужденія къ войнѣ, но помогавшіе имъ хлѣборобы и ремесленники управлялись только жаждою мести за жидовскія неистовства.

2.—Стр. 55, ст. 13.

То кварцяне військо съ пáнськимъ
Докупи зъіжджáлось.

Силы польскаго государства состояли, во-первыхъ, изъ войска, состоящаго на жалованьи, которое выдавалось по четвертямъ года, *квартамъ*, — почему и называлось *кварцянымъ*; во-вторыхъ, изъ наемныхъ нѣмцевъ; въ-третьихъ, изъ ополченій панскихъ, которыми паны защищали пограничья отъ Татаръ и воевали другъ съ другомъ, и, въ-четвертыхъ, изъ козаковъ украинскихъ, получавшихъ небольшое жалованье и содержавшихъ свою артиллерію изъ отведенныхъ имъ на Украинѣ волостей.

3.—Стр. 55, ст. 30.

Три стиха этого куплета взяты изъ народной пѣсни:

У го́роді у Глу́хові
Ревну́ли гарма́ти:
Не по однімъ коза́ченьку
Запла́кала ма́ти.

4.—Стр. 56, ст. 2.

Ой розбúвъ зъ гарма́тъ Потóцькій
Та́боръ мовъ кощáру;

Самымъ употребительнымъ у козаковъ способомъ защиты былъ *та́боръ*. Иногда во время пораженія своего они успѣвали *вта́боритись* меньшимъ таборомъ, т. е. сомкнуть вокругъ себя четыреугольникомъ возы въ нѣсколько рядовъ, и тогда опять дѣлались страшными для враговъ. Такъ было и подъ Кумейками. Когда Потоцкій разорвалъ таборъ, въ которомъ возы скованы были одинъ съ другимъ цѣпями, и врѣзался въ него съ конницею, козаки, занимая Потоцкаго сѣчею и ружейною перестрѣлкою, *вта́борились* наново, занявъ меньшее пространство. Этимъ они спасли себя отъ окончательнаго пораженія и ночью отступили къ Боровицѣ, гдѣ еще разъ проиграли битву.

5.—Стр. 56, ст. 11.

Ни́кли тра́ви жáлощами,
Гнулось дре́во съ туги:

Изъ *Пѣсни о полку Игоревѣ*: »Ничить трава жалощами, и древо съ тугою къ землѣ приклонишася.«

6.—Стр. 56, ст. 21.

Розійшлúся по Вкраíні
Каліки безрукі.

Такихъ *безрукихъ калікъ* встрѣчали еще недавно въ Западной Украинѣ, какъ памятникъ *Коліивщини*. Обыкновенно отрубали осужденнымъ правую руку и лѣвую ногу, и въ такомъ видѣ пускали ихъ на всѣ четыре стороны для устрашенія народа. Это было послѣднее повтореніе тѣхъ ужасовъ, которые побудили Украину соединиться противъ магнатскаго владычества. Руководимые питомцами современной инквизиціи, польскіе паны воображали, что наводятъ на нашихъ предковъ ужасъ безчеловѣчными казнями, тогда какъ этимъ-то именно и поддерживали они въ нихъ жажду мести, ненасытившуюся до послѣднихъ столкновеній Украинцевъ съ Поляками. Желая опозорить, въ глазахъ толпы, предводителей ея публичнымъ терзаніемъ ихъ тѣлъ, паны придавали имъ величіе мученичества, заставляли забывать всѣ ихъ недостатки и память ихъ дѣлали священною для потомства. Это мы видимъ всего яснѣе на Гонтѣ, съ котораго сняли съ живаго кожу и проч. и проч. (ужасно даже пересказывать), а народъ тутъ же воспѣлъ его смерть въ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ не умолкаютъ, внушая простолюдинамъ презрѣніе къ мучителямъ и негодованіе на ихъ звѣрство. Вѣрный духу своего народа, Шевченко возвелъ Гонту, »мученика праведного«, какъ онъ его называетъ, въ апотеозъ величія, и ни одна душа не усомнилась въ истинѣ словъ его, потому что поэтомъ управляло правосудіе сердца, котораго никакими проповѣдями и политическими доводами невозможно разубѣдить въ его чувствахъ, хотя они въ-отношеніи къ какому-нибудь отдѣльному факту и могутъ быть ошибочны.

7.—Стр. 56, ст. 25.

Этотъ куплетъ заимствованъ изъ народной пѣсни о казни Гонты:

Панъ рейме́нтарь похожа́е:
»Дивітеся, лю́де,
Ой хто тільки збунту́етця,
То всімъ те́е буде!«

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

V.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья третья.

На сочиненія Гоголя, послѣ критикъ Бѣлинскаго, и въ особенности послѣ смерти самого Гоголя, начали смотрѣть съ суевѣрнымъ уваженіемъ. Что оно вполнѣ заслужено, объ этомъ нѣтъ и рѣчи, но заслужено оно не повѣстями изъ украинской жизни, или, по крайней мѣрѣ, не первыми повѣстями. Прежде нежели приступимъ къ указанію недостатковъ въ Гоголевыхъ изображеніяхъ Украины, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что покойный Бѣлинскій, при всемъ критическомъ талантѣ своемъ, — относительно Гоголя, увлекался въ грубыя ошибки даже и тамъ, гдѣ отъ критика не требовалось знанія представленнаго у Гоголя народа со стороны этнографіи. Онъ, какъ и всѣ того времени люди, отдавался Гоголю на-вѣру въ томъ, чего самъ не видѣлъ и не изучалъ. Не хорошо только, что, хваля Гоголя, онъ позволялъ себѣ говорить тономъ знатока украинской жизни. Напримѣръ, по случаю выхода, въ 1842 году, *Сочиненій* Гоголя, Бѣлинскій объявилъ читателямъ *Отечественныхъ Записокъ*, что *Тарасъ Бульба*, отъ передѣлокъ автора, сдѣлался »безконечно прекраснѣе«, тогда какъ этими передѣлками Гоголь лишилъ свою псевдо-историческую повѣсть прелести молодого, неопытнаго вдохновенія и, снявъ съ Тараса Бульбы козацкій кобенякъ, драпировалъ его

плащомъ гомеровскихъ героевъ. »Поэтъ (говоритъ Бѣлинскій) чувствовалъ, что въ первомъ изданіи *Тараса Бульбы* на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, *пѣвецъ* Бульбы (въ томъ-то и горе, что онъ съѣхалъ на гомерическую пѣснь, въ разсказѣ часто ошибочномъ, но всегда полномъ образовъ, оригинальныхъ, ни у кого не заимствованныхъ) не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей (а онъ именно прибавилъ много чуждаго, вовсе негармонирующаго даже съ тѣмъ козачествомъ, до котораго могъ додуматься Гоголь, опереживая всѣхъ своихъ современниковъ), но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. (Развилъ—и обнаружилъ больше прежняго незнаніе исторической и этнографической почвы, на которой подвизаются его герои). Онъ исчерпалъ въ ней всю (!) жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда напечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... (Вотъ оно, журнальное оракульство!) Особенно замѣчательны (продолжаетъ Бѣлинскій, вовсе не подозрѣвая, что впадаетъ въ грубѣйшую ошибку, въ какую когда-либо впадалъ талантливый критикъ) подробности битвъ Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно (гдѣ, notabene, онѣ вовсе не происходили) и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной Полькѣ (эпизодъ, свидѣтельствующій объ авторскомъ незнаніи вѣка, общества, нравовъ, понятій и объ неумѣньи его изображать любящихъ женщинъ вообще). Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ (который—прибавимъ отъ себя—и затмилъ достоинства перваго ея изданія). (1)

Мы привели самое слабое мѣсто изъ статей Бѣлинскаго о Гоголѣ, для того, чтобы разъ навсегда отвергнуть его критическій авторитетъ на судѣ современной критики, прилагаемой къ изображеніямъ украинской жизни. Бѣлинскій сдѣлалъ много, для развитія въ обществѣ здравыхъ понятій объ искуствѣ, но это вовсе не значитъ, чтобы послѣ него не осталось намъ ничего дѣлать. Напротивъ, есть цѣлыя области мыслей, или вовсе имъ нетронутыя, или затуманенныя условными, такъ сказать, городскими понятіями о человѣческомъ об-

(1) См. Соч. Бѣлинскаго, VII, 219—220.

ществѣ. Къ такимъ областямъ принадлежитъ этнографія и исторія Украины, насколько она входитъ въ критическую разработку литературныхъ произведеній.

Гоголь, по собственному его сознанію, смотрѣлъ на свои первыя повѣсти, какъ на легкую забаву воображенія. Естественно, что въ его время такъ смотрѣли на нихъ и читатели; а поэтому самому и рецензенты его, отъ Сомова до Бѣлинскаго, не могли смотрѣть на нихъ иначе. Бѣлинскій, впрочемъ, искалъ въ нихъ художественности, какъ насущной пищи развивающагося общества; но понятія о самой художественности этихъ повѣстей имѣли у Бѣлинскаго не тѣ основанія, какихъ ищетъ въ нихъ — и не находитъ — современный намъ читатель. Развернемъ, напримѣръ, *Ночь наканунѣ Ивана Купала*, и спросимъ другъ у друга: для чего нужна обществу эта повѣсть? какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ нея живой, дѣятельный умъ, который никогда не тратитъ своего времени и вниманія попусту? На этотъ вопросъ безусловные почитатели Гоголя, намъ кажется, скорѣе всего могутъ отвѣчать: что *Ночь наканунѣ Ивана Купала* вноситъ въ общественный капиталъ понятій о жизни живописныя черты времени, исчезнувшаго незамѣтно для общества, — характеръ мѣстности, для него неизвѣстной, или извѣстной мало, — картину нравовъ и обычаевъ, остававшихся до тѣхъ поръ неизображенными, и, наконецъ, свѣжія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ, вѣчно поучительныя для человѣка. Мы не допускаемъ мысли, чтобы читатель нашего времени дѣлалъ изъ чтенія пустую забаву и воображалъ такихъ людей, какъ Гоголь, посланными свыше — служить ему по части сваренія въ желудкѣ. Было такое время, да прошло, или быстро проходитъ. Поэтому, обращая свою рѣчь къ читателямъ, глядящимъ на дѣло литературы, какъ на повершеніе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, какъ на самое вѣрное и самое прочное достояніе нашего потомства, мы станемъ разсматривать, какъ упомянутую, такъ и другія повѣсти Гоголя изъ украинской жизни, по отношенію ихъ художественности ко времени, мѣстности, нравамъ и обычаямъ, которыя Гоголь взялъ на себя представить въ осязательной ясности (какъ это и должно быть задачею каждаго повѣствованія), и наконецъ — по отношенію къ человѣческой натурѣ, выражающейся во всѣхъ этихъ формулахъ.

Сперва нужно опредѣлить: къ какому именно времени относится *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала?*

Гоголь начинаетъ свой разсказъ такъ:

»Лѣтъ болѣе чѣмъ за сто (говорилъ покойникъ дѣдъ мой) — нашего села и не узналъ бы никто.«

Выходитъ, что дѣло происходитъ во времена Анны Іоанновны, или въ послѣдніе годы царствованія Петра Перваго. Какъ бы это было интересно, еслибы Гоголь освѣтилъ своею повѣстью, хотя слегка, эту темную для насъ область, этотъ страшный періодъ времени, новаго для Украины во многихъ отношеніяхъ, когда въ ней начало заводиться между козаками дворянство, подражавшее изо всѣхъ силъ пересозданному Петромъ великорусскому обществу, когда козаки начали терять свою солидарность, какъ самоправная корпорація, долго представлявшая собою народъ украинскій и сообщившая всему населенію Украины извѣстный характеръ, и когда крѣпостное право, такъ сказать, *наклюнулось* въ яичкахъ, которыя положили петровскіе Нѣмцы въ навозныя кучи, оставшіяся по всей Украинѣ отъ польской шляхты, въ видѣ ни на что живсе негодныхъ старшинъ козацкихъ!

Мы, конечно, не имѣемъ права требовать отъ автора, чтобъ онъ, въ своей повѣсти, изобразилъ намъ извѣстное время такъ, а не иначе, да и вообще мы должны разсматривать только то, что авторъ намъ даетъ, а не задавать ему задачъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда не захочетъ выполнять. Но, говоря объ авторѣ, сошедшемъ съ поприща жизни, мы вправѣ обратить его недостатки въ собственное назиданіе.

Писать въ видѣ повѣсти исторію извѣстнаго времени можно различными способами. Можно, вовсе не трогая историческихъ фактовъ и лицъ, изобразить данную эпоху такъ, что повѣсть выйдетъ строго историческою Можно прикасаться къ извѣстному вѣку слегка, мимоходомъ, такъ что только самый опытный читатель уловитъ осязательную точку соприкосновенія свободнаго вымысла съ историческою дѣйствительностью. Но, во всякомъ случаѣ, отъ автора требуется, чтобы повѣсть была проникнута воздухомъ того времени, къ которому относится. Этого мы не видимъ, не чувствуемъ въ ***Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала***. Повѣсть эта, отнесенная авторомъ ко временамъ петровскимъ или анненскимъ, можетъ безразлично быть отнесена къ какой угодно эпохѣ, начиная съ польскаго владычества до временъ жизни самого автора. Въ ней всего захвачено понемножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Вотъ, напри-

мѣръ, черта, отбрасывающая повѣсть Гоголя, Богъ знаетъ въ какую старину, — пожалуй хоть во времена Наливайка:

»... нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало, то́ сямъ, то́ тамъ посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма — вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ божій. Вы спросите: отчего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность: тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше оттого, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало!« (1)

Настроивъ такимъ образомъ воображеніе наше къ созерцанію давно прошедшаго, темнаго для насъ времени, авторъ описываетъ, въ общихъ чертахъ, лицо, которое не переноситъ насъ ни въ какую опредѣленную эпоху и является какимъ-то неопредѣленнымъ, необъяснимымъ призракомъ. Можно бы прямо начать повѣсть съ описанія характера Басаврюка, вовсе не упоминая о Крымцахъ, Ляхахъ и Литвинствѣ, которые, держа Украину нашу въ вѣчномъ ожиданіи опасности, выковывали такихъ пограничныхъ феодаловъ, какъ Іеремія Вишневецкій, но вовсе не воплощенныхъ чертей-соблазнителей, какимъ является у Гоголя Басаврюкъ. Личность эта, представленная въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлась она суевѣрному воображенію хуторскихъ разскащиковъ, могла бы быть изображена авторомъ посреди какой угодно обстановки и въ какое угодно время. Но лишь только онъ предпослалъ своему разсказу картину даннаго времени, — мы вправѣ ожидать отъ его разсказа живописи той, а не другой, эпохи.

Для насъ не безполезно замѣтить у Гоголя эту погрѣшность противъ искусства, потому что и наши, собственно такъ называемые украинскіе писатели впадаютъ иногда въ подобныя ошибки. Приступая къ повѣсти, они не рѣдко забываютъ, что всякая проведенная ими въ началѣ черта должна имѣть органическую связь съ дальнѣйшимъ разсказомъ: иначе — въ воображеніи читателя происходитъ хаосъ, который оставляетъ впечатлѣніе какого-то насилія, сдѣланнаго авторомъ благо-

(1) *Сочиненія и Письма Гоголя*. I. 41—42.

роднѣйшей части нашего ума. Напримѣръ, Марко Вовчокъ, въ *Трехъ Дѣляхъ* (1), прежде всего описываетъ уединенные пещеры въ меловой горѣ, которыя какая-то отшельница рыла въ теченіе сорока лѣтъ. Это описаніе, сдѣланное съ особенною, усиленною выразительностію, кладетъ въ воображеніи читателя подмалевокъ повѣсти и, при большей внимательности къ предмету, имѣло бы для нея существенное значеніе. Но Марко Вовчокъ оставляетъ свою картину и остановившагося надъ нею читателя, во вредъ послѣдовательности впечатлѣній, которыя произведены имъ въ нашемъ воображеніи, и уже подъ конецъ повѣсти обращается опять къ пещерѣ въ меловой горѣ, которая тутъ всего лучше и могла бы быть описана.

Гоголя нельзя упрекнуть въ подобной небрежности. Онъ дѣлалъ большіе промахи въ первыхъ своихъ повѣстяхъ, но все, что онъ писалъ въ-послѣдствіи, было обработаннѣе первыхъ его опытовъ. Даже *Ночь наканунѣ Ивана Купала* лучше *Сорочинской Ярмарки* тѣмъ, что въ ней нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какія указаны нами въ разборѣ первой его повѣсти.

Разсматривая вторую повѣсть Гоголя подъ условіемъ раскрытія передъ нами чего-то новаго для насъ, подъ условіемъ внесенія въ умственный капиталъ нашъ ясныхъ понятій о томъ, чего мы до тѣхъ поръ не понимали, мы въ ней находимъ невѣрное изображеніе времени, къ которому она отнесена авторомъ, и даже въ самомъ опредѣленіи эпохи дѣйствій — грубую смѣсь разнородныхъ моментовъ украинской жизни. Это производитъ такое впечатлѣніе, что автору не вѣришь далѣе ни въ одномъ словѣ, видишь въ немъ молодаго говоруна (какимъ онъ и былъ тогда въ самомъ дѣлѣ), но вовсе не художника, уважающаго не эффектъ, а истинность въ словесной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь, вовсе не у мѣста, побрякиваетъ такими словами, какъ Запорожье, муки въ плѣну у Турокъ, турецкая сабля, и проч. Въ его картинѣ все это похоже на позолоту, употребляемую малярами тамъ, гдѣ нужно бы было выразить красками блескъ золота. Таковъ же почти и весь его разсказъ о красотѣ и горѣ влюбленной четы. Повѣсть свою вкладываетъ онъ въ уста балагура-дьячка. Силою таланта, который въ дѣтствѣ, очевидно, находилъ себѣ пищу въ разсказахъ окружавшей его прислуги, гостей-говоруновъ и, можетъ быть, какихъ-нибудь стариковъ-пасичниковъ, Гоголь часто возвышался до живой

(1) См. *Основу*, кн. 1.

простоты рѣчи, которая, въ устахъ простолюдина, для своей убѣдительности, довольствуется практическимъ и, такъ сказать, эгоистическимъ прикосновеніемъ къ жизни, и прибѣгаетъ къ украшеніямъ поэтическимъ только въ порывахъ страсти; но тутъ же рядомъ, безъ всякой надобности, разсыпаетъ передъ вами такъ называемыя мѣстныя краски. Людямъ, видящимъ и любящимъ народъ только на театральныхъ подмосткахъ, это нравилось во времена Гоголя и нравится въ немъ до сихъ поръ; но на человѣка, который знаетъ простолюдина не по книгамъ и спектаклямъ, это производитъ такое впечатлѣніе, какъ еслибы поселяне являлись передъ нимъ вѣчно въ праздничныхъ нарядахъ, съ праздничнымъ разгульемъ, играми, танцами, пѣснями.

Грустно какъ-то, съ нынѣшнимъ нашимъ взглядомъ на простолюдина, читать разсказы Гоголя изъ простонародной жизни. Даже любовь его къ поселянамъ теперь ужъ не можетъ нравиться. Онъ обращается съ ними въ своихъ повѣстяхъ—и конечно вовсе безъ умысла—такъ, какъ обращался во времена оны иной владѣтель душъ, который, когда, бывало, заѣдешь къ нему въ качествѣ путешественника по Украинѣ, велитъ одному-другому изъ рабочихъ оставить панщину, пріѣдется почище и позабавить гостя пѣснями или танцами. Положеніе гостя въ этомъ случаѣ самое тягостное. Не стать же читать любезному, обязательному хозяину проповѣдь о томъ, что такое человѣкъ; не броситься же ему на шею уничиженнымъ братьямъ, прося прощенія за человѣка одного съ собою званія. Ни тотъ, ни другіе не поняли бы его чувствъ. Остается молча наслаждаться заказными танцами и пѣснями. Такъ точно, лѣтъ десятокъ-другой назадъ, дико показалось бы многимъ, если не всѣмъ, когда бы кто вздумалъ отвергнуть истинность въ украинскихъ поселянахъ Гоголя и скорбился бы ихъ изображеніями во глубинѣ души своей.

У Гоголя только и рѣчи, что о полненькихъ щекахъ козачки, которыя были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, о ротикѣ, который »кажись, на то и созданъ былъ, чтобъ выводить соловьиныя пѣсни«, о поцѣлуяхъ, которые молодежь неосторожно влѣпливаетъ другъ другу. Все это слишкомъ сильно отзывается плохими театрами прежняго времени; это немного лучше бѣлилъ, румянъ и заманчивыхъ сценическихъ случайностей; а гдѣ же самая жизнь? гдѣ та воздѣлываемая въ потѣ лица почва, на которой только изрѣдка выростаютъ цвѣты красоты ненаглядной и поэтической любви? Ея нѣтъ

въ разсказѣ Гоголя. У него все заготовлено только на праздникъ, на выставку. Позабавятся зрители, опустится занавѣсъ, а что и какъ дѣлается потомъ, до этого не додумывался Гоголь, будучи авторомъ украинскихъ повѣстей. Додумался онъ до многаго прозаически грубаго только въ тотъ періодъ жизни, когда бросилъ мало извѣстную ему сферу творчества и взялся за сферу, слишкомъ хорошо ему извѣстную. Тогда у него явилась и настоящая поэзія, поэзія жизни, хотя онъ чаще говорилъ о фризовыхъ шинеляхъ, чѣмъ о полненькихъ щекахъ; а въ украинскихъ повѣстяхъ изъ простонароднаго быта у него на каждомъ шагу встрѣчаешь или аффектацію, или каррикатуру. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь, сквозь театральность и искусственность, только какъ-бы случайно, какъ-будто мимо вѣдома самого автора.

Между тѣмъ, такова была сила изобразительности у Гоголя, что, создавая украинское простонародье по нѣсколькимъ плохимъ и плохо ему извѣстнымъ обращикамъ его, онъ придавалъ ему столько выразительности, столько движенія, что на его картины, какъ на Рубенсовскія уклоненія отъ натуры, до сихъ поръ невольно заглядываешься. Очень естественно было восхищаться имъ безусловно въ то время, когда самъ Пушкинъ долженъ былъ показывать видъ, что литературой занимается только для забавы. Я хочу сказать, что въ эпоху появленія *Вечеровъ на Хуторѣ* отъ писателя требовалось только пріятно и, если можно, изящно занять, увлечь общество, а какъ онъ это сдѣлаетъ относительно самого предмета повѣсти и какое будетъ пріобрѣтеніе отъ чтенія—вопросъ объ этомъ показался бы страннымъ тогда огромному большинству читателей и самихъ критиковъ. Художественность или, что одно и то же, истинность изображеній понимали, знали, видѣли и цѣнили у себя только сами поэты, дѣлаясь строже и строже сами къ себѣ, какъ это въ-особенности замѣтно изъ напечатанныхъ Пушкинымъ сочиненій и найденныхъ у него, по его смерти, рукописей. Публика и ея критическіе представители видѣли иногда упадокъ въ томъ, что было глубоко истинно, и потому просто, какъ въ натурѣ.

Гоголь имѣлъ передъ глазами великій образецъ самосовершенствованія въ Пушкинѣ и воспользовался имъ, съ геніальною воспріимчивостью, въ повѣстяхъ изъ хорошо извѣстнаго ему міра; но міръ простонародный до конца былъ для него закрытъ и нѣмъ. Поэзія просто-

народной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню изучилъ онъ далеко не вполнѣ. Отъ этого любовники-простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ–будто поютъ, а иногда и просто-напросто—словами извѣстныхъ каждому пѣсень. Напримѣръ: »Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бъ его карія очи, цѣловала бъ его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя«, и т. д.

Тотчасъ видно, что авторъ не слышалъ собственными ушами, какъ говоритъ любящая поселянка–Украинка; онъ только слышалъ, какъ она поетъ.

Дивно поэтическимъ народомъ показались его современникамъ наши простолюдины, по нѣсколькимъ сценамъ изъ ихъ быта, которыя онъ написалъ не по вдохновенію глубокаго уразумѣнія своего предмета, а сочинилъ механически, обращая, какъ дѣлаютъ компиляторы, стихи народныхъ пѣсень украинскихъ въ великорусскую прозу. »Воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною (говоритъ у него влюбленный паробокъ), гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча—моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди козацкія косточки, и вихорь высушитъ ихъ.«

На нашъ вкусъ, въ разсказѣ дьячка,—это холодная, натянутая реторика, а не поэзія; для нашего чувства это—мертвыя слова, произносимыя автоматомъ,—диссонансъ въ общемъ тонѣ разсказа; но, во времена оны, многіе, если не всѣ, думали, что наши дівчата и паробки именно такою декламаціею выражаютъ свои глубокія чувства, а говорливые дьячки, именно такимъ тономъ и складомъ, ведутъ разсказъ въ кругу хуторскихъ гостей пасичника.

Мы надѣемся, что изъ этихъ указаній читатель увидитъ, что Гоголь, и относительно мѣстныхъ, національныхъ или народныхъ сторонъ жизни, оказывается для насъ повѣствователемъ, не только не вносящимъ въ область нашихъ понятій ничего прежде намъ неизвѣстнаго, напротивъ — кажетъ намъ народъ украинскій сквозь какое-то розовое стекло.

Онъ не понимаетъ народа, въ его поэтической повседневности, и потому считаетъ необходимымъ набѣлить, нарумянить его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перифразированную

пѣсню. Это отзывается тѣмъ временемъ, когда французскіе литераторы считали неприличнымъ показать своей публикѣ Шекспира такимъ, каковъ онъ есть, и очень усердно брили его, пудрили и надушали, въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ. Ясно, что они не понимали его, какъ не понималъ Гоголь украинскаго простолюдина, этого единственно роднаго, кровнаго чада поэтической исторіи Украины. Поэтому, кто бы захотѣлъ по Гоголю изучать Украину со стороны этнографической, тотъ, вмѣсто пріобрѣтенія отъ него новыхъ понятій о великой области жизни человѣческой, рискуетъ нажить ошибочный взглядъ на самую характеристическую, если не на самую лучшую часть русскаго міра, какъ это и дѣйствительно случилось со многими. Мнѣ попадались очень умные люди, которые слышать не хотятъ объ иной Украинѣ, кромѣ Гоголевской, тогда какъ Гоголевская Украина въ натурѣ не существуетъ. Одинъ господинъ, очень не глупый въ томъ, что онъ изучалъ непосредственно, простеръ свою ревность къ авторитету Гоголя до-того, что сказалъ разгорячась, въ присутствіи многихъ слушателей: »Я, пожалуй, съ вами соглашусь, что Украина не такова на самомъ дѣлѣ, какою изобразилъ ее Гоголь; но онъ, какъ геніальный писатель, изобразилъ ее такою, какою она должна быть и, конечно, будетъ.« Такъ велика потребность истинности въ литературныхъ произведеніяхъ для каждаго живого читателя! такъ тяжело убѣдиться каждому, что любимый писатель не принесъ намъ той пользы, какую должно приносить намъ всякое разумное дѣло, и всего больше—дѣло литературы!

Что касается до нравовъ и обычаевъ, изображенныхъ въ *Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала*, то, послѣ всего нами сказаннаго, нельзя и ожидать, чтобы они были изображены мастерски, т. е. съ глубокимъ уразумѣніемъ смысла каждаго такого явленія, какъ отеческій деспотизмъ, или злодѣйства, совмѣщающіяся въ одной и той же душѣ съ любовью, или какой-нибудь таинственный, странный обрядъ и т. п. Все это представлено у Гоголя въ видѣ какой-то номенклатуры, бросается въ глаза яркою пестротою, точно на ярмаркѣ или въ кукольной комедіи; но когда вы остановитесь надъ какимъ-нибудь поразившимъ васъ предметомъ, вы никакъ не отыщете органической связи его съ другими, и чѣмъ вы будете внимательнѣе къ разскащику, тѣмъ менѣе онъ васъ удовлетворитъ. Для размышляющаго читателя это всего интереснѣе замѣчать у Гоголя — у того Гоголя, который, впослѣдствіи, началъ такъ полно обнимать каждое явленіе

жизни, такъ убѣдительно изображать намъ его практическую сущность, посредствомъ самой увлекательной живописи.

Въ повѣсти *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, всѣ лица написаны тою эскизною манерою, по которой знатокъ тотчасъ видитъ, что, еслибы живописецъ захотѣлъ посидѣть надъ своей картиной и, что называется, докончить ее, то онъ прибавилъ бы къ ней только вялость рисунка и мутность колорита. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наброски Пушкина, оставшіеся въ его бумагахъ: каждая черта въ нихъ намекаетъ на богатство знанія или, лучше сказать, разумѣнія художническаго въ томъ, о чемъ онъ хочетъ съ нами бесѣдовать, и, подъ цѣльными красками, подъ играющими неопредѣленно линіями рисунка, вы ужъ видите у него прочную органическую связь, видите талантливое построеніе пьесы, которое само по себѣ настраиваетъ вашу душу поэтически.

У Гоголя, Коржъ, его дочь красавица, ея любовникъ и потомъ мужъ Петро́, колдунъ и колдунья, — всѣ эти лица представляются намъ неясно, потому что намалеваны безъ строгаго рисунка, хорошо обдуманнаго и провѣреннаго на натурѣ. Они принадлежатъ къ украинскому народонаселенію только по своимъ нарядамъ и фразамъ, выхваченнымъ то изъ украинской пѣсни, то изъ украинской бесѣды, въ видѣ чего-то лучшенькаго, достойнаго вниманія публики по своей оригинальности. Но, еслибы ихъ перерядить въ другую одежду, да исключить изъ ихъ рѣчи такія слова, какъ *ха́та*, *осели́дець*, *рушни́къ*, *ко́бза*, то всѣ мы призадумались бы, что́ это за народъ: Испанцы, Греки, Молдаване, Сербы или Поляки? Нѣтъ, Гоголь, впослѣдствіи, началъ намъ представлять народность, не со стороны одежды и поговорокъ, какъ дѣлывала вся честна́я братія наша, во времена *Юрія Милославскаго:* онъ отыскалъ въ русскомъ человѣкѣ »такое«, чего не имѣетъ никто изъ всѣхъ его сосѣдей, и выведенныхъ имъ, въ его повѣстяхъ, русскихъ людей угадалъ бы каждый даже въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, будетъ намъ не до условій общежитія.

Не проникнувъ въ характеръ времени, къ которому повѣсть относится, упустивъ изъ виду этнографію и все, что́ отъ нея зависитъ, не выразивъ индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, Гоголь по этому самому не могъ добраться и до сердца человѣческаго. Лица, дѣйствующія у него, при какихъ-то неопредѣленныхъ общественныхъ

обстоятельствахъ, посреди искусственной обстановки, напоминающей дѣтскій театръ, лица, носящія свои имена только въ видѣ кличекъ, но похожія на тысячи другихъ людей съ тѣми самыми или иными именами, не говорятъ ничего нашей душѣ, живутъ, такъ сказать, жизнію куколъ, которыя движутся передъ нашими глазами и исполняютъ свои роли болѣе или менѣе удачно, но когда закроется ящикъ, составляющій ихъ тѣсный и убогій міръ, между ними и нами остается одно воспоминаніе, что мы ихъ видѣли; въ душѣ нашей не прибавили они ничего и даже ничего не тронули. Поэтому повѣсть *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала* мы относимъ къ безполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло бы обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей. Если она не позабыта нами совсѣмъ и не выброшена изъ нашихъ библіотекъ, то единственно потому, что написана перомъ, которымъ написанъ *Невскій Проспектъ*, *Шинель* и другія истинно художественныя произведенія Гоголя. Напечатанная въ одномъ съ ними собраніи, она приноситъ намъ пользу отрицательную,—именно ту, что на нее мы можемъ указывать, какъ на дѣтское маранье неопытнаго въ искуствѣ генія, для котораго, въ его великомъ дѣлѣ, точно такъ необходима наука самосовершенствованія, какъ и для людей обыкновенныхъ — въ ихъ малыхъ дѣлахъ.

При жалкомъ состояніи тогдашней исторической науки вообще и исторіи Украины въ-особенности, при совершенномъ отсутствіи народознученія, которое и въ наше время находится въ дѣтскомъ состояніи, наконецъ при ничтожествѣ эстетическаго образованія въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ самомъ обществѣ, доступномъ Гоголю, онъ ни коимъ образомъ не могъ начать литературную свою дѣятельность съ чего-нибудь болѣе цѣннаго, какъ *Сорочинская Ярмарка* и *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*; но посмотрите, какъ онъ идетъ впередъ почти съ каждою новою повѣстью и прокладываетъ себѣ вѣрную дорогу, посреди всѣхъ препятствій, каковы: слѣпая критика, тупое пониманіе его таланта, со стороны большинства читателей, и, что́ всего опаснѣе, неумѣренныя похвалы его друзей и почитателей. Вотъ почему, сто́итъ не только имѣть у себя на полкѣ, но и читать первыя повѣсти Гоголя, и въ особенности молодымъ писателямъ, озареннымъ уже новыми понятіями объ искусствѣ, наученнымъ искусству самимъ же Гоголемъ, то есть его послѣдними, зрѣлыми произведеніями. Талантъ въ этихъ повѣстяхъ виденъ повсю-

ду (и именно—во всемъ, что Гоголь *зналъ*, на что онъ смотрѣлъ собственными глазами), но этотъ талантъ бродитъ въ потемкахъ, и потому возбуждаетъ въ знатокѣ участіе, подобное тому, съ какимъ человѣкъ сформировавшійся слѣдитъ за жизнію молодого человѣка, возбуждающаго великія ожиданія. Гоголь эти ожиданія оправдалъ, и оправдалъ блистательно.

П. Кулишъ.

1 октября, 1861 г.
С. Петербургъ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.[1]

I.

Се така баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ.

Жило въ селі таке чесне и тихе подружжя; не тільки не лаялись, и сварки міжъ ними ніколи ніякої не було; якъ кажуть:

»Любилися, кохалися, якъ голубівъ пара.«

Янголі, глядючи на щасливе іхъ життя, радувались и втішались, а чорту було не понутру,—найбільшъ одъ того, що не можна ёму ніякъ увійти до нихъ у хату. Чого вже вінъ не робивъ, якъ біля іхъ не захожувався, щобъ вони хочъ полаялись! нічого не вдіявъ. Досадно чорту. »Що тутъ,« думае, »робити?« Далі згадавъ, що въ сімъ же селі е преіхидна баба, зъ біса хитра й лукава; отъ вінъ, не довго думавши, и прийшовъ до неі за порадою.

— Будь ласко', бабусенько, каже, — поможіть міні въ моему ділі, а я вамъ за се оддячу.

— Добре; кажи, чого тобі треба?.. не первому, такому жъ чорту, якъ и ти, я въ пригоді стала.

— Ви не знаете отте гаспідське подружжя, Якова й Катерину, що въ душі воно въ мене сидить?

— Знаю; а що?

— Чи не можна, якимъ-небудь побитомъ, розвести сю гемонську пару? Хочъ би принаймні полаялись.

— Чомъ не можна? А що ти міні за се даси?

— Що душі твоеі завгодно.

---

[1] Народъ нашъ—великій и богатый поэтъ. Въ своихъ пѣсняхъ и разсказахъ онъ даетъ нашимъ писателямъ вѣчно-свѣжія и здоровыя зерна для дальнѣйшаго творчества. Лучшіе наши писатели подходили ближе всего къ его взгляду, къ тону его рѣчи, придавая своимъ произведеніямъ все величіе народной поэтической простоты и граціи. На этотъ небольшой разсказъ г. Стороженка обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ. *Ред.*

— Червоні чоботи зъ срібними подківками!..

— Добре, хочъ зъ золотими!

Згодились, а чортъ віри не йме. »Якъ-такий,« думае: »я и чортъ, а нічого не вдіявъ, ато щобъ вона, чортъ батька зна що таке, баба, та зробила!«

Дурний, хочъ и чортъ! и того не знавъ, про що давно вже люде кажуть: що въ старої іхидної баби десять чортівъ сидить, та ще й на двадцять сідала гуляють; що—де чортъ не справитця, туди бабу пішле!

Тільки баба випровадила чорта, зразъ натягла на себе кожушанку и побігла до церкви. Ще й у одного дзвона не дзвонили, а вона вже стоіть на бабинцю и христитця и поклони бье, а сама поглядуе. Стали люде до церкви збиратись. Тільки вгледіла Якова, зразъ до его и підскочила.

— Ой жаль мині тебе, чоловіче!—каже, схиливши на бікъ голову: — дуже жаль! Не знаю, якъ тебе й вирятувать, яку тобі и порадоньку дать!..

— Чого тобі треба відъ мене? пита Яківъ.

— Охъ, мій голубе! велике, превелике горе тебе чека, нещасливого!..

— Яке горе?

— Жінка тебе не любить; зрадила небога, закохалася въ Семена Прудкого, и налагодилась тебе зъ світа зігнати, зарізати!..

— Скажена баба! що ти кажешъ? скрикнувъ Яківъ. — Та въ мене жінка тиха, якъ горлиця; вона мене любить — душй въ собі не чуе!

— Мій голубе сизий! не йми жъ мині віри, коли не хочешъ, тільки слухай, що я тобі казатиму, та й роби, що самъ знаешъ...

— Кажи.

— Сегодні, якъ вернесся съ церкви додому, жінка стане тобі скакати въ голові... Гледи жъ: якъ побачишъ ніжъ, швидче вскакуй, щобъ вона не перетяла тобі горлянки!

— Тьфу на твого лисого батька! скрикнувъ Яківъ, ажъ перехрестився.—Яке неподобне вигадуе! Нехай воно на твоеі голові окошиться!.. та одъ неі скорішъ у церкву.

А чортъ, перекинувшись горобцемъ, слуха, та зъ радости ажъ підскакуе, та хвостикомъ вертить. Бачить дивольский синъ, що бісова баба гаразд-такий засмутила чоловіка; бо війшовъ у церкву и не перехрестився.

Съ цéркви метнýлась бáба до Катери́ни; полетівъ за нéю и чортъ. »Побáчимо«, дýмае собі, »щó дальшъ бýде!«

Катери́на, ви́провадивши свого́ чоловіка до цéркви, пóраетця бі-ля пéчи, весéла й щасли́ва, якъ птáшечка, а пісня такъ и вили-ва́етця изъ сáмого сéрця: скáзано—лю́бить, щасли́ва, весéла. И не схаменýлась небóга, якъ ли́хо затуркотіло у вікóнце.

— Хто тамъ? пита́ Катери́на.

— Се я, обізва́лась бáба.—Відчини́.

Вíйшла́ бáба въ хáту, збіднилась, хли́па, мóвчки сіла на ла́ві, и на добри́-день не сказа́ла.

— Чого́ се, бабýсю, ви такі смутні? пита́ Катери́на.

— Сéрденько моé, дити́нко моя лю́ба! ка́же бáба, ва́жко зітхнýвши,—не пита́й менé: не зъ дóбрими вістя́ми я до тéбе прийшла́... Лýчше бъ мині старóі и не дожи́ть до сíї лю́тоі бідоньки.... И знóвъ роспусти́ла патéки и заголоси́ла на всю хáту:—Пропа́ла ти дóнечко, на-віки пропа́ла!.. Не лю́бить тебé твíй Яківъ: причарува́ли ёго́ до сéбе зли́ лю́де, одверну́ли ёго́ одъ твого́ сéрця!..

— Оттаке́ ви́гадай! ка́же молоди́ця, засмія́вшись.—Та такóі вíрноі дружи́ни, якъ мíй Яківъ,—неха́й здоро́въ бýде—на всéмý свíті не знайти́!

— Охъ лишенько моé! та́къ и я дýмала, та не такъ воно́ ви́йшло. Слýхай, сéрце: Позавчóра прихóдила до мéне удова́ Бистри́ха—щобъ íй добра́ не булó! — и проси́ла зілля. »На що тобі?« пита́ю. Не хотíла спéршу казáти, а тамъ и призна́лась: »Закоха́лась,« ка́же, »у Якова, Катери́ниного чоловіка...причарувáти. Вíнъ дýже лю́бить свою́ гладку́ жíнку.« Я й не дала́: сказа́ла, що въ мéне нема́ того́ зілля. Сьогóдні оцé идý до цéркви, зиркъ — ажъ твíй Яківъ хóдить біля́ Бистри́шиноі хáти, я́кось чýдно ди́вится и гóлову понýривъ. »Охъ мíні ли́шенько!« дýмаю: »чого́ сé вíнъ таки́й? щось не благополýчно!« Скорíшъ у хáту до Бистри́хи; пита́ю, а вона́ усміхáетця, та й ка́же: »Ажъ у Пéтрикахъ доста́ла того́ зілля.« Якъ ножéмъ менé въ сéрце штрикнýла. Де бъ то не доста́ла? тільки гля́нула я на бідоля́ху, за́разъ и пізна́ла, що вже ёмý да́дено. Не счýлась, якъ оцé и до тéбе прибíгла... Охъ мíні ли́хо тяжкéе! пропа́ла жъ ти, моя́ го́рличко, на-віки пропа́ла!..

И знóвъ заголоси́ла на всю хáту.

Слýха молоди́ця, и вже не смíється: склепи́лися ýстонька й по-

си́піли; сама́—якъ кре́йда; на о́чахъ тремтя́ть слёзи; вся тру́ситця и хапа́етця за стілъ, щобъ не впа́сти.

— Бабу́сенько, не́нечко моя́! заголоси́ла Катери́на, обли́вшись гірки́ми,—ви́рятуй же мене́ нещасли́ву, ви́рятуй мого́ бідного Якова! Якъ вінъ мене́ поки́не, то й я світъ поки́ну, сама́ на се́бе ру́ки наложу́!

— Ви́рятую, мо́е се́рденько, ви́рятую, не дамъ злій личи́ні верхово́дить надъ ва́ми! тільки, моя́ голу́бонько, тре́ба якъ найшви́дче одворо́жувати, по́ки ще твій Яківъ не перепи́въ недопійла, по́ки супроти́вникъ не засівъ ёму́ въ по́тилиці... Чи нема̀ въ те́бе го́строго ножа́?

Молоди́ця скоре́нько подала́ ба́бі ножа́. Отъ вона́ пошепта́ла, пошахрува́ла надъ нимъ, та й ка́же:

— Озьми́ жъ сёго́ ножа́, и якъ ве́рнетця одъ Бистри́хи твій чоловікъ, то поська́ешъ ёму́ въ голові, а якъ за́сне, то симъ ноже́мъ одріжешъ у ёго пря́дку воло́сся и оддаси́ міні́, то я за́разъ розібъю́ ті ча́ри икъ чорто́воі ма́тері, и приверну́ твого́ Якова зновъ до те́бе!

Катери́на ажъ ру́ки цілу́е у бі́совоі відьми та дя́куе, а чортъ, си́дячи на вікні́, все чу́е, и ве́село бъ то ёму́, и стра́шно: »Не бісова ба́ба!« ду́мае, »Яка́жъ лука́ва та іхи́дна! Съ тако́ю и на́шому бра́тові не безпе́чно.«

Потю́пала вра́жа ба́ба додо́му, тільки погля́дуе на своі діря́ві череви́ки, та ду́мае, яка́-то вона́ га́рна бу́де въ черво́нихъ чобо́тяхъ! А бідна молоди́ця, въ своій ха́ті, місця собі не прибере́; и ру́ки ла́мле, и гірко пла́че; се́рце кро́въю облива́етця.

И Яківъ смутни́й поверта́етця додо́му. Хочъ и не поня́въ бабі віри, одна́къ ва́жко ста́ло на душі, одъ одно́і чу́тки, що въ ёго дружи́на невірна. Пону́ро війшо́въ у ха́ту и зъ підло́бъя гледи́ть на жі́нку. И Катери́на не привіта́е ёго́; не ки́нулась, якъ за́вжде, ёму́ назу́стрічъ; стоіть, якъ у зе́млю вко́пана.

»Що́ ста́лося зъ мо́ею жінкою?« ду́мае Яківъ, пи́льно на не́і ди́влячись.

»Се не мій Яківъ«, ду́мае молоди́ця: »таки́мъ по́глядомъ вінъ на ме́не ніко́ли не диви́всь!

Посіда́ли,— одно́ до дру́гого сло́ва не промо́вить: у обо́хъ тя́жко, ва́жко на душі. Да́лі Катери́на й ка́же:

— Якове, мо́же бъ я тобі поська́ла въ голові, по́ки стра́ва упріе.

Ажъ здригну́вся серде́шний Яківъ, почу́вши ее, ажъ гру́ди ёму́ заложи́ло.

— До́бре... ле́дві промо́вивъ серде́шний и поду́мавъ собі: »Ма́буть, не бреха́ла ба́ба.«

Охъ, щось же не добро́мъ у сій щасля́вій хаті віщу́е! Янголі хова́ютця за образи́, а чо́ртъ війшо́въ у сіни и за кля́мку вже бере́тця.

Росчісуе Катери́на го́лову Якову и пригля́дуетця и прислуха́етця, чи не засну́въ вінъ; а серде́шному чоловікові не до спання́: се́рце въ ёго на шматки́ розрива́етця. Ажъ ось, здае́тця ій, що вже вінъ засну́въ. Отъ вона́ тихе́нько й вийма́ зпідъ се́бе ножа́, а Яківъ хапъ іі за ру́ку!

— Жінко!... що́ се?.. и закінило...

Янголі, заплю́щивши оченя́та, тіка́ють съ ха́ти, а чортъ уско́чивъ у ха́ту, за́разъ собі и кубе́лечко звивъ у пічу́рі.

Не зовсімъ-таки́ й збреха́ла вра́жа ба́ба: не жінка зарізала чоловіка, а чоловікъ жінку.

Лежи́ть молоди́ця, якъ ско́шена квіточка: съ проби́тимъ се́рцемъ, вся підплила́ кро́въю, а безтала́нний чоловікъ рве на собі воло́сся, бъе́тця въ сиру́ землю... Пропа́ло любе життя́ на світі! пропа́ла й душа́!.....

Понісъ чортъ вра́жій ба́бі чо́боти, та вже тепе́ръ и ёму́ стра́шно до не́і підступи́ти,—дарма́, що чортъ. Отъ вінъ настроми́въ на махові ви́ла чо́боти, та такъ ій и одда́въ, щобъ и не доторкну́тись до га́спедьскоі відьми.

Відсіля́ жъ то й ви́роілась при́казка: Се, мовля́въ, така́ ба́ба, що чортъ ій на махови́хъ ви́лахъ чо́боти оддава́въ.

Олекса Стороженко.

1861 г. С. Жемчужина.

II.

Жидівська Дяка.

Сёму́ вже го́дівъ вісімъ, якъ приіхавъ — чи де́ въ чо́рта приіхавъ! пішки прилізъ — Жидъ Ле́йба... Мо́ ба́чили на база́рі нови́й двіръ, ще й вікна зеле́нимъ розмалёвані. Тепе́ръ забага́тівъ леда́що, а тоді таки́й прийшо́въ обідраний! Жидівка заму́рзана, жиденя́-

та го́лі... Прийшо́въ, та й нанія́въ ха́ту у старо́і Моско́вки. Гро́ші, які́ въ ёго були́, попереводи́въ. Осівъ зати́мъ, щобъ люде́й підма́нювати та обду́рювати; та ба́чить, що нема́ за́ що й рукъ зачепи́ти, крути́всь-крути́всь, — иде́ до Завірю́хи. А я підъ той часъ до Макси́ма наверну́вся. Дивлю́сь: Жидъ убігъ та въ но́ги Завірю́сі: »Таки́й-сяки́й добро́дію! по́ки жи́тиму — да́куватиму: ви́зволь изъ бі́ди — пози́чъ три карбо́ванці.« Помо́рщився Макси́мъ: »Пропаду́ть«, ду́ма, »гро́ші. Лу́чче вже свому́ бра́ту помогти́, ніжъ Жи́дові.« Одна́че — ска́зано, щи́ра душа́ — и Жи́да пожа́лувавъ, давъ ёму́ три карбо́ванці. »На́«, ка́же. Ле́йба зновъ у но́ги. »Я вамъ«, ка́же, »и проце́нтъ одда́мъ и гро́ші верну́.« — »Не тре́ба мині,« ка́же Завірю́ха, »твоіхъ проце́нтівъ, а гро́ши оддаси́, якъ бу́дуть«.

Чи зъ Макси́мової ле́гкої руки́, чи вже такъ Жи́дові пощасти́ло, тільки підживъ нашъ Ле́йба: вже й корівка въ ёго, и коня́чокъ па́ра; купу́е, перекупо́вуе, продае́. Ставъ Ле́йба не той, що бувъ, що було́ уся́кому попе́реду вклонитця. Прийде було́ чоловікъ за цвя́шками, жінка за ми́ломъ, дівча́ за го́лкою, хочъ би и вночі, — ско́чить, біжи́ть, две́рі відчиня́е, нена́че вінъ и не спить нико́ли; ато́ вже почавъ корчму́ держа́ти, вже й челя́дка у ёго, и на́ймитъ. Вінъ ору́дуе ни́ми якъ хо́че, а самъ и зъ подушо́къ не вила́зить. На що́ вже разъ — самъ пан-оте́ць зайшо́въ до ёго за чи́мсь, а вінъ лежи́ть — не встае́, та ще до стіни́ пи́кою, а до панотця́, вибача́йте, за́домъ.

Завірю́сі все жъ гро́шей не дае́. Не гара́здъ и тре́ба Макси́мові іхъ, та корти́ть ёго́, що леда́що Ле́йба людьми́ горду́е, а ёму́ не́ верта́е гро́шей. Каза́въ Макси́мъ Ле́йбі не разъ, а мо́ й де́сять разъ, такъ усе́ одмага́етця: то »підожди́«, то »черезъ тижня́ку верну́, бо тепе́ръ нема́. Хиба́ тобі«, ка́же, »за́разъ тре́ба?«

Въ насъ у го́роді на Параски́ я́рмарокъ, са́ме передъ весілля́ми; такъ лю́де и ідуть. Поіхавъ и я зъ Макси́момъ... Спаси́бі Бо́гу, що хочъ не на одні́мъ во́зі, ато́ бъ, мо́же, й мині ли́хо було́. Біля́ Лозо́вої корчми́ зупини́ли ми ко́ней, а са́мі зайшли́ по осьму́сьці. Въ ко́рчмі люде́й бага́то: и нашъ братъ коза́къ ярмаркуе, и москалі й кацапи ла́ютця, а въ кутку́ хурщи́къ изъ чумако́мъ би́тись завода́тця. Ви́пили ми по ча́рці, идемо́ зъ корчми́ до возівъ, щобъ да́лі іха́ти, ажъ и Ле́йба тутъ на во́зі сиди́ть; а візъ парокінний, і на ёму пу́дівъ мо́ со́рокъ бо́рошна въ мішка́хъ.

Я — неха́й Богъ проста́ть, мо' черезъ ме́не чоловікъ пропа́въ —

кажу́ до Завірю́хи: »Бачъ, Жидъ ана́хтемський тобі гро́шей не відда́є, а скільки въ ёго бо́рошна! Иди́ та візьми́ оди́нъ мішо́къ. Въ ёму не бу́де більшъ за сімъ пудъ.« А бо́рошно тоді було́ по два вісьмигри́веника. »Хочъ що-не́будь«, кажу́, »ве́рнешъ.« Макси́мъ послу́хавъ, та й ка́же Жи́дові: »Ти мині, Ле́йбо, ще ви́ненъ гро́ші. Дай мині оди́нъ мішо́къ, то й бу́демо кви́ти.«

А Ле́йба: »Що́, що? Се ти мене́ грабува́тимешъ? Мо́ не я тобі, а ти мині ще ви́ненъ. Тре́ба у кни́гу подиви́тись.«

Не втерпівъ Макси́мъ, пхнувъ Жи́да. Той зъ во́зу й покоти́вся. Самъ уяви́въ мішо́къ зъ бо́рошномъ, положи́въ на свій візъ, та й поіхавъ собі.

Идемо́ ми зъ Макси́момъ по я́рмарку, ажъ иде́ назу́стрічъ Ле́йба, яки́йсь пано́къ и два москалі.

— Ти Завірю́ха? пита́е панъ Макси́ма.

— Я, ка́же Макси́мъ.

— Звяжі́ть ёго́, ка́же панъ.

Здивува́вся Макси́мъ: ба́чить, що на́пасть.

— Я й самъ піду́, ка́же.

— Не мо́жна, ка́же панъ:—розбі́йниківъ тре́ба вяза́ти.

Потяга́ли москалі Макси́ма.

Прійшовъ я додо́му, кажу́ Макси́мисі: »Таке́ й таке́ ли́хо: повезли́ трійо́хъ чоловікъ черезъ Жи́да увъ остро́гъ.« Вона́ й почала́ голосі́ти: »Ой ли́шенько моє́!« ка́же: »зва́тимуть мого́ чоловіка острожникомъ!«

Не зна́ла небо́га, що ще й не таке́ ли́хо бу́де.

— Го́ді, кажу́,—тобі, Ка́тре, пла́кати! (Вона́ мені ще й ро́дичка дово́дитця.) Біжи́, кажу́,—швидче до Сте́хи: мо́же, Филимо́нъ Степа́новичъ ви́звольть.

То пакъ до станово́го. А Сте́ха въ ёго за хазя́йку жила́. Сиротою́ зма́лку оста́лася; по чужи́хъ лю́дяхъ у на́ймахъ жила́; приняла́ уся́кого горя. А нічого каза́ти: дівчина до́бра, до робо́ти охо́ча. Тепе́ръ за Оста́помъ Лопу́цькомъ, москале́мъ. Така́ прега́рна молоди́ця, що не тре́ба й кра́ще. Ста́ла вона́ за на́ймичку у станово́го: де ні робити, то робити. А вінъ не на те ії наймавъ. Почала́ вона́ одъ ёго тіка́ти, а вінъ пішле розси́льного, той и приведе́. »Ти«, ка́же станови́й Сте́сі, »поідна́лась на рікъ,—го́ду ще нема́. Якъ годъ мине́, тоді й одійдешъ.« Одна́че ще до го́ду почала́ Сте́ха и станови́мъ оруду́вати, и ста́номъ заправля́ти. Инша бъ на

ії мі́сці вели́ку бъ си́лу гро́шей придба́ла, то люде́й обдира́ючи, то само́го підкрада́ючи, а вона́ — гріхъ каза́ти — не обіжда́ла нико́го, жаліла-таки́й свого́ бра́та; за те ії тепе́ръ уся́ка люди́на поважа́е.

Пішла́ до ії Ка́тря. А вона́, ще дівкою бу́вши, зо Сте́хою и на ю́лиці и на гри́щі гуля́ли, та ще й се́стри дово́дятця: моя́ дочка́ обо́хъ хрести́ла.

Роспита́ла Сте́ха, чого́ прийшла́ Ка́тря. »Підожди́«, ка́же, »се́рденько; піду́ побала́каю,—що́ він ска́же.« Незаба́ромъ, ра́зомъ изъ Сте́хою, ви́йшовъ и становий. »Ти«, ка́же Ка́трі, »Сте́шина сестра́; тре́ба для те́бе у го́родъ шатну́тись — визволя́ти твого́ чоловіка. Мо́ ще мо́жна: слідствия не було́. Коли́бъ не те, що новий испра́вникъ,—мені́ бъ се ді́ло и за у́хомъ не свербіло: Семе́нъ Семе́новичъ послу́хавъ би мене́.« А да́лі й пита́е: »Що́ жъ мені́ за клопо́ти бу́де? Дава́й пять карбо́ванцівъ, такъ поіду.«

Ка́тря була́ ажъ пятна́дцять нагото́вила. Ди́витця, що Сте́ха морга́е ій,—оддала́ становому пять карбо́ванцівъ. Підво́да, якъ день, якъ нічъ, у ста́ні гото́ва. Становий сівъ, та й поіхавъ. Ось якъ Сте́ха ни́мъ ору́дувала, ди́кувати ій!

Ка́тря хотіла додо́му йти, такъ Сте́ха не пусти́ла. »Що́ тобі,« ка́же, »до́ма роби́ти? тільки сумува́тимешъ. Гуля́й у ме́не, по́ки ве́рнетця. До го́рода не дале́ко; у нічъ и зве́рнетця.« Почала́ частува́ти Катру́сю и ча́емъ, и нали́вкою, а Ка́трі ні що́ на ду́шу не йде; усе́ пла́че та вздиха́е. Ди́влючись на ії, спогада́ла й Сте́ха своє́ гірке́ життя́, що вся́ке га́нить, осужа́е, дарма́ що въ ві́чі до́брі. А за́ що́? Хиба́ вона́ ви́нна? Не було́ въ ії ні ба́тька, ні ма́тери,—нікому було́ оборони́ти, або́ наусти́ти. Инші ще ду́мають, що ій до́бре жи́ти, а того́ й не зна́ють, що Филимо́нъ Степа́новичъ по́ти ії слу́ха, по́ки не впъе́тця; по́ти й жа́луе; а якъ пъя́ний, то за́разъ би́тись та глумува́ти.

Зам'сць то́го, щобъ гуля́ти, проплака́ли цілу нічъ дівчи́на зъ молоди́цею. Пере́дъ світомъ приіхавъ становий. Ви́йшла ві́дъ ёго Сте́ха така́ невесе́ла та пону́ра. »Не суму́й« ка́же Ка́трі: »мо́же, ще Бігъ помо́же. Бувъ Филимо́нъ Степа́новичъ у спра́вника,—нічо́го не вра́дивъ: таки́й запе́клий! Каза́въ панъ, щобъ ти сама́ іхала до спра́вника, тільки щобъ хабаря́ ёму́ не дава́ла, бо він не бере́.«

Спра́вникъ у насъ тоді́ бувъ новий; тільки що зъ Петербу́ргу наіхавъ, а ёго́ пані́ за спра́вника й постанови́ли. То у насъ були́

справникй пузáті та старі, усé найбільшъ зъ офицéрівъ, а сей ще зовсімъ молодúй бувъ, худéнький, чорнявий. Такъ, вінъ, здаéтця, й дóбрий бувъ: зъ усякимъ побалакае, нікóли не лáетця; бúтись — не бúвся... А Кáтринъ чоловікъ черезъ ёго пропáвъ... Такé дúво!

Приіхала Кáтря до справника.

—Чогó тобі трéба? питáе лакéй.

—Минí трéба, кáже Кáтря,—твогó пáна побáчити.

—А щó даси?

—Щó жъ вáшій мúлості дáти? кáже Кáтря, та й виймáе трояка́; ще дýмае, що багáто даé.

Лакéй подивúвся, похитáвъ головóю, та й кáже:

— Сказúлась, чи щó? Дéсять карбóванцівъ, атó й годъ пáна не побáчишъ! Зáразъ у шúю прожену́, не пушу́ й до–віку. Я знáю— ти Завірюшина жінка, твій чоловікъ багатúрь.

Мýсила Кáтря дáти ёму́ дéсять карбóванцівъ. Зáразъ и до справника ії поклúкали. Прийшлá вонá. У справника сидúть якúйсь панъ, офицéръ.

— Чогó тобі, *голýбушка*, *нáда*? питáе справникъ.

Кáтря й росказáла ёму́, якъ и зá щó узялú ії чоловіка.

Справникъ поховáвъ рýки у кишéні, та й почáвъ ходúти по світлúці.

Офицéръ усé на Кáтрю дúвитця, а далі й кáже справникові:

—Чогó ви, Владúмеръ Миколáевичъ, дýмаете? Нехáй би вонá у васъ днівъ зó три погуляла: бáчите, якá гáрна! А чоловіка бъ вúзволили.«

Подивúвсь справникъ на Кáтрю, почервонівъ увéсь, якъ ревнé: *вонъ!*

Кáтря зъ світлúці: дýмала, що се ії вінъ женé. Справникъ зупинúвъ ії. »Се«, кáже, »я не на тéбе, а на сёгó падлеця́ кажу́. Не чýете ви, чи щó? Вонъ! Щобъ вáша ногá бíльшъ у мéне не булá!«

Офицéръ полýпавъ–полýпавъ очúма, за шáпку та й за двéрі.

—Не мóжу, *голýбушка*, пособúти я тобі, кáже справникъ. —Слідствія я зроблю́ по закóну, а ти клопочú въ уізному сýді. Тамъ, мóже, твогó чоловіка й вúзволять; тільки припасáй грóшей: вонú до іхъ лáсі.

Попро́дала Ка́тря усю́ худо́бу, позича́ла у люде́й — чи́сто всі гро́ші перевела́, а чоловіка не порятува́ла. Попе́реду судові паничі й засіда́телі каза́ли, що се пусте́ ді́ло, що аби́ гро́ші, такъ и не таке́ ді́ло мо́жна поверну́ти. А да́лі, якъ повитяга́ли у Ка́трі гро́ші, такъ и сказа́ли ій: »Стара́лись ми, стара́лись, та спра́вникъ таке́ слі́дствия зроби́въ, що нічо́го не мо́жна було́ зроби́ти. Присуди́ли Макси́ма на Сіби́рь...«

Мотну́лась Ка́тря до предводи́теля. Вінъ, ба́чите, знавъ Макси́ма: той ёму́ жи́то на ви́нницю постача́въ. Предводи́тель и нара́дивъ Ка́трю, щобъ іхала въ губе́рнію.

Ка́тря заста́вила зе́млю и поіхала въ губе́рнію. Тамъ и оста́нніхъ гро́шей рішилась, а чоловіка не ви́рятувала, — пішо́въ–таки́ на Сіби́рь. Хотіла й Ка́тря за нимъ ити́, такъ вінъ звелівъ ій, щобъ у Матві́вці жила́, дітокъ доглядала.

Тепе́ръ Ка́тря у мое́і дочки́ живе́: вона́ ій хрище́ниця. Доцці моій у мясни́ці піде два́дцять–во́сьмий годъ, якъ ви́йшла за́міжъ; та дітокъ Бігъ ій не давъ, такъ вона́ й худо́бу Ка́трі одпи́суе: й, ба́чте, за рідну дочку́ приняла́.

Митро Олельковичъ.

ИСТОРІЯ УКРАІНИ

ОДЪ НАЙДАВНІЙШИХЪ ЧАСІВЪ. (*)

ПЕРЕ́ДНЄ СЛО́ВО.

Пи́шучи *исто́рию Украі́ни*, дбавъ я не про одни́хъ тихъ, що по исто́ріі, мовъ по дале́кихъ сторона́хъ, прохо́дять и тільки самі іі дива́ огляда́ють. Му́сивъ я не ме́нше й на тихъ огля́дуватись, що истори́чнімъ живописа́ннямъ не вдовольня́ютця, и вся́коі ре́чи сами́ по жере́ламъ истори́чнімъ дохо́дять. Не подо́ба жъ би була́ мені, ведучи́ свою́ по́вість, разъ-по́разъ зупиня́тися и моі до́води до ува́ги товари́ству подава́ти. Тимъ я свою́ робо́ту на дві ча́сти ділю́, и що́ тільки мене́ въ по́вісті ма́ло бъ зупини́ти, або́ іі на́дто ши́роко розво́дило, — все те въ приписки́ поза́дъ своіхъ книжо́къ пуска́ю. За одни́мъ же за́ходомъ тутъ я й жере́ла истори́чні вка́зую, съ кото́рихъ моя́ по́вість ви́черпана. Пи́шучи жъ найбільшъ для того́ товари́ства, що въ вели́кихъ города́хъ не прожива́е, постанови́въ я собі — не то жерело́ вка́зувати, та тутъ же зъ ёго й ви́писку приточи́ти, кото́ра або́ мою́ річъ

(*) Предлагаемая первая глава исторіи Украины сообщена намъ авторомъ по нашей неотступной просьбѣ. Намъ хотѣлось показать началомъ этого обширнаго труда почтеннаго нашего сотрудника, въ какой степени языкъ украинскій способенъ къ строгому научному изложенію столь-важнаго предмета, какъ исторія. Самъ авторъ не признаетъ еще этой главы оконченною ни въ литературномъ, ни въ ученомъ отношеніи. По окончаніи перваго тома его исторіи, говоритъ онъ, весьма можетъ случиться, что эта глава будетъ написана вновь. Какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что читатели наши прочтутъ ее съ живѣйшимъ любопытствомъ. *Ред.*

впясня́е, або́ ши́рше ді́ло оповідує. Тимъ спо́собомъ, вку́пі зъ своє́ю *Исто́рією*, ніби ще й хрестома́тію випису́къ пода́мъ я гости́нця на Вкраїну. Въ насъ бо по мале́нькихъ города́хъ, се́лахъ и хутора́хъ хиба́ деся́ту до́лю тихъ книжо́къ—та й то на ти́сячі верста́хъ — изнайшо́зъ би, кото́рі исто́рикъ до свого́ ді́ла попереча́тує. Тимъ-то нашъ братъ Украі́нець, ви́йшовши зъ ви́щої шко́ли на повіто́ву слу́жбу, чи на господа́рство, найбі́льшъ тільки сами́ми журна́лами пробува́етця и, коли́ доста́тку не ма́е, то до-ві́ку тихъ книжо́къ не зустрі́не, въ кото́рихъ листо́къ, чи два листки́ мі́жъ со́тнею, або́ й со́тня листкі́въ мі́жъ ти́сячею, про ёго́ рі́дну сто́рону оповідують. По собі́ зна́ю, зъ яко́ю, бува́ло, жадо́бою коло книжо́къ истори́чніхъ приписки́ перечи́туешъ, кото́ими себе́ писа́тель передъ товари́ствомъ оправля́е. Иноді було́ й про само́го а́втора зъ ёго розумова́ннямъ байду́же, а ёго́ приписки́ но́ві ми́сли въ голові́ засіва́ють. Такъ же, мо́же, и́нший чита́тель, загля́нувши мимохі́дь у мій текстъ, нечи́танимъ ёго́ поки́не; ма́ючи жъ свій, некупо́ваний ро́зумъ, по моіхъ випи́скахъ пійде, и, чого́ здобу́ти бі́льше нігде,—залюбки́ тутъ повичи́тує. Бага́то бо есть таки́хъ книжо́къ, до на́шого ді́ла потрі́бнихъ, кото́рихъ ні за я́кі гро́ші не доско́чишъ, кото́рихъ и́ноді на всёму́ світі пять, або́ шість экземпля́рівъ и есть по библіо́текахъ але́кихъ. Що́ жъ ска́зати про рукопи́сні жере́ла истори́чні? Тутъ уже́ тре́ба притьмо́мъ свою́ по́вість широ́кими приписка́ми позаду́ книжки доповня́ти. Такъ же воно́ й бу́де въ ме́не, и, пе́вно, ніхто́ за те на ме́не не поре́мствує.

Му́шу жъ тутъ іще́ словце́ дода́ти: що які́ъ ні були́ въ ме́не випи́ски, всі вони́ друкува́тимутця тільки про люде́й тему́щихъ, кото́римъ нічого́ вже съ чужо́і мо́ви на на́шу перекла́дувати, або́ старі, забу́ті слова́ нови́ми приписка́ми впясня́ти. Кото́рі книжки́ бу́дуть у ме́не під рукою́ въ пере́кладі, а оригина́лівъ не ма́тиму, съ тихъ я бу́ду перекладно́ю мо́вою випи́сувати; якъ же тільки мо́жна бу́де приточи́ти ви́писку зъ оригина́лу, то вже му́шу пере́кладъ геть одсу́нути. Трапля́етця бо ча́сомъ такъ, що переклад чикъ не збагне́, якъ воно́ тамъ и́менно ска́зано, и сло́вомъ своімъ противъ оригина́лу схи́бить (¹).

(¹) Два такихъ случа́і недавно мині, за моімъ ді́ломъ, наверну́лося. Въ Ки́евськихъ *Памятникахъ*, въ томі 1, тре́тёі нумера́ціі, на стр. 70, козаки́, попа́вшивъ Поляка́мъ у ру́ки, одві́тують на роспро́сі, по пере́кладу съ По́льского, такъ: »...при первой потребности, какъ скоро паны гетманы были схва́чены и войско было разбито...«, а сами́ Поляки́ записа́ли коза́цькі слова́ такъ: »...w pierwszey potrzebie, kiedy P. P. Hetmanow poymano, y woysko zbito...«

А виписки́ ро́блятця по́часту въ таки́хъ случа́яхъ, що не то що, а й саму́ ходу́ ре́чи тре́ба узя́ти до ува́ги.

Ще одно́ сло́во. Підня́вшись *Исто́рию Украіни* написа́ти, му́шу я догоди́ти земляка́мъ, кото́рі Украіну свою́ коха́ють и шану́ють. Що жъ, якъ не ту вони́ въ ме́не старовину́ поба́чять, кото́ру зви́кли собі по книжка́хъ виобража́ти? Зви́кли въ насъ на исто́рию Украіни крізь на́ше коза́цтво споглядати и кругъ коза́цтва все рідне діёписа́ння оберта́ти. Тимъ ча́сомъ саме́ коза́цтво було́ тільки буйни́мъ цвітомъ, а и́ноді й колю́чимъ бодяко́мъ середъ на́шого ди́кого сте́пу. Росло́ въ насъ де́-чого бага́то й опрічъ коза́ччини, и все те, що́ росло́, цвіло́, уміра́ло и на́ново въ и́ншому ви́ді роди́лося, все те исто́рию на́шоі Украіни стано́вить. Тимъ-то уся́ку си́лу му́шу я за́рівно вважа́ти, кото́ра тутъ зъ и́ншими си́лами боро́лася, а пільнува́ти найбільшъ того́, що́ въ да́вні ча́си для ча́сівъ да́льшихъ учини́лося, та й до насъ поперехо́дило. Не скрізь коза́ччину тре́ба намъ на давнину́ диви́тися, а зъ давнини́ на бли́жчі до насъ віки́, а въ нихъ и на коза́цтво споглядати. Да́вню исто́рию Украіни Тата́рщина намъ переби́ла. Після́ Тата́рщини нові поря́дки по Вкраіні поста́ли, и тільки па́мять про князівъ та іхъ усо́биці зоста́лася. Густи́мъ тумано́мъ покри́лися ті віки́ дотата́рські, и нау́ка не бага́то вдіяла, той тума́нъ розганя́ючи. Тимъ-то пере́йдемо ми у двохъ, у трёхъ гла́вахъ ті літопи́сні спо́минки, та вже тоді свою́ річъ на всю ширину́ пусти́мо, якъ до Литви́ й Ляхівъ доберемо́ся.

Отсе жъ, поблагослови́вшись, зачина́емо свое́ оповіда́ння, товари́ству на вжи́токъ, молоди́мъ до чита́ння, старійшимъ до розу́много рахува́ння. »Се начнемъ повѣсть сію.«

Напусти́въ би исто́рикъ тумэ́ну своею ви́пискою съ перекладно́і ре́чи; а зъ оригиналу вся́кий тяму́щий поба́чить, що тутъ иде́ ді́ло не про яку́сь *потребность*, а про вое́нну потре́бу підъ Ко́рсунемъ.—Дру́гий случа̀й: Святосла́вівъ оселе́дець памятàе вся́ке по Карамзину́ (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, I, 192), а самъ Карамзинъ довідавсь про ёго́ чуба́ту го́лову одъ Ле́ва Дя́кона, кото́рий, ма́буть, ба́чивъ Святосла́ва на свої о́чі. Исто́рию Ле́ва Дя́кона переложи́въ на Моско́вську мо́ву Д. Попо́въ и надрукува́въ ро́ку 1820. У тому́ пере́кладі про Святосла́вову чупри́ну напи́сано такъ (стр. 97): »Голова у него была совсѣмъ голая, но только на *одной* ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода«. Тимъ ча́сомъ у п. Соловьева, въ *Исторіи Россіи* (т. I, стр. 159) чита́емо: »Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по *обѣимъ* сторонамъ, что́ означало его знатное происхож-

ГЛАВА I.

Съ-по́конъ-віку Поля́не грома́дскьими вічами правува́лись.—Дани́ну Коза̀рамъ плати́ли. — Князьки́-Русь Новгоро́дську зе́млю опанува́ли. — Подніпря́нщину підъ свою́ ру́ку нахили́ли. — Князьки́ полю́дною и су́днёю дани́ною кори́стувались, и съ Гре́цькою земле́ю торгува́ли. — Вби́вшись у си́лу, князьки́ грома́дське пра́во почали́ зневажа́ти. —Поділи́вши зе́млю міжъ своімъ ро́домъ, усо́бицями іі пусто́шили. — Тимъ ча́сомъ уве́сь Ру́ський миръ підъ ни́ми до-ку́пи збіра́вся и самъ зъ собо́ю поча́въ обізнава́тись.—Гре́цька віра ще й більшъ тому́ допомогла́ и Поля́нську лю́дськість по всіхъ Ру́ськихъ сторона́хъ роспросте́рла.

Яка́ була́ зъ да́вніхъ ча́сівъ до́ля на́шого рідного кра́ю, зазна́емо тільки за ти́сячу ро́ківъ. Въ ту давнину́, до кото́роі не сягае́ на́ша пи́сана па́мять, му́сило переверну́тись на Вкраі́ні люде́й бага́то, а якъ вони́ зва́лись, намъ и того́ не перека́зано. Тільки прослідокъ іхъ по да́вніхъ кладови́щахъ невіголо́сихъ знахо́димо, та божи́ща іхъ камяні по степови́хъ моги́лахъ стоя́ть німу́ючи. Му́сили жъ ті недовідо́мі намъ наро́ди жи́ти въ на́шому кра́і перехо́жими зъ міста на місто скотаря́ми. Пе́вно, вони́ оди́нъ одного́ проганя́ли, оди́нъ у одно́го—хто ду́жчий—одбива́ли найкра́щі па́ші підъ своі табуни́, гурти́, ота́ри: пе́вно ще тоді землі въ на́шому кра́і не о́рано. Якъ же степова́ подніпря́нська о́бширь вби́лась у хліборо́бство, тоді вже, ма́буть, оди́нъ людъ на сій о́бширі загнізди́вся, и вже кочовники́ не поду́жали ёго́ зъ роскішно́і ролі, оба́-поли Дніпра́, зігна́ти. Зовемо́ ми наро́дъ сей—звідкіля́ бъ вінъ ні взя́вся—Украінськимъ, бо давно́ вже вінъ живе́ на узграни́ччі двохъ вели́кихъ наро́дівъ, не міша́ючись ні зъ одни́мъ, ні зъ дру́гимъ, ані свого́ обли́ччя, ані свого́ ду́ху не одміня́ючи. Назва́вся сей наро́дъ Русь, съ того ча́су, якъ почали́ надъ нимъ захо́жі зъ Балти́цького побере́жжя князьки́-Русь панува́ти. Якъ же ще ніяко́го князюва́ння на подніпря́нщині не заво́дилось, зва́ли на́шихъ предківъ сусіде Поля́нами, що вони́ въ поля́хъ коха́лися; а вони́ своіхъ близьки́хъ сусідъ зва́ли—або́ Деревля́не, що жили́ по пу́щахъ, або Сіверя́не, що къ півно́чі одъ нихъ по Десні, по Се́йму, по Сулі порозсе́лювались [1]. Дале́кі жъ сусіде въ Поля́нъ були́—къ півно́чі: Дрего́вичи—поза річкою При́петтю; Кри́вичи—у верхівъя́хъ Дніпра́; захо́жі Славя́не безъ прізвища—коло Ильме́ня о́зера; Ради́мичи—по ріцці Сожі; Вя́тичи—за

деніе«. Кому́ жъ тепе́ръ дава́ти віру: чи Карамзину й Д. Попову, чи п. Соловьеву? а оригина́ла де взя́ти, живучи́ підъ Лубня́ми або́ коло Ло́хвиці, щобъ дойти́ пра́вди? Тимъ-то на́ша ви́писка съ Гре́цького оригина́лу и ста́не тутъ у приго́ді чоловікові тяму́щому.

річкою Окóю; а къ полýдню: Дулíби абó Хорвáти — по ріцці Бóгу; Угличи и Тивéрці — по Дністрý.

Чи велúка, чи малá булá подніпрянська óбширь землі Полянськоі, чи гýсто, чи зрідка залюдняли іі нáши хліборóбні прéдки, доказáти сёгó не докáжемо. Знáемо тільки, що Поляне, та й іхъ сусіде, прáвились міжъ сéбе вічами,—сказáть би самúмъ віщáннямъ словéснимъ, — и старі лю́де на тихъ вічахъ замість пúсаного закóну імъ ставáли [2]. Знáемо тáкожъ, що нападáли на нáші пахáрські городú й сéла розбишáцькі нарóдове, котóрі, не вмівши зъ землі корúсть узяти, рабувáннямъ чужúхъ осéль живúлися. Запéвне, нáші прéдки одъ úншихъ дóбре одбивáлися, якъ же булá не сúла, то одчіпнóго платúли, чи то, мовлявъ, данúну давáли. Найдýжчий съ тихъ не-пахáрськихъ нарóдівъ булú Козáре. Не здолівши супрóтивъ нихъ стоя́ти, платúли імъ нáші стародáвні прéдки дань. Самú Козáре стоя́ли своіми кочовúщами у степáхъ по-надъ Вóлгою и звідтіля́ ходúли до насъ за данúною.

Одногó, мовля́въ, бáтька, та не однáкові діти. Такъ мýсило бýти й міжъ нáшими прéдками Поля́нами, що не всі однáково до ролі привикáли, не всі однáково своій дóлі корúлись. Инші по пýщахъ сéлами сідáли и звіролóвствомъ та пасікáми кормúлися, якъ отъ Деревля́не, а дрýгі, мáбуть, по далéкихъ зéмляхъ тóргомъ ходúли, пóки собі корúстне місто коло Ильмéня óзера вподóбали и *нóвимъ гóродомъ*, замість Києва, що може, якóго ще давнійшого гóрода, сіли [3]. Дотéпні, мáбуть, були й спіливі лю́де ті Новгорóдці, що на видноці, якъ и Поляне, на самóму шляхý водянóму зъ Балтúки въ Чóрне мóре сіли и зо всіми хижакáми, що зъ однóго мóря въ дрýге швéндяли, вміли я́кось повóдитись, а вкоренúвшись міжъ лісни́мъ и звіролóвнимъ лю́домъ, дóбре розжилúсь и росторгувáлися [4].

Въ ті невпокíйні, гвалтóвні чáси по-надъ Балтúцькимъ уберéжжямъ орýжні хижакú куёвдились, котóрихъ нашъ літопúсець Нéсторъ зве по-Царігрáдській [5] Варя́гами, и зъ людськúхъ осéль плáту собі на збрóю вимагáли, абó й до щéнту жакувáли и пліндрувáли. Вонú, ті орýжні хúжі лю́де, опанувáли я́кось и Нóвгородъ та, осівшись поміжъ Новгорóдцями, усімъ крáемъ навкругú орýдували и данúну съ Крúвичівъ, Мéрі, Вéсі и úншихъ нарóдцівъ брáли. Пóслі почалú вонú, мáбуть, дýже на людéй налягáти и за живé заколýпувати, що Новгорóдці зъ сусідями узялú собі дýмку й вóлю едúну, усі рáзомъ на нихъ піднялúся, изъ своіхъ городівъ и сілъ іхъ повиганя́ли, перестáли імъ данúну давáти и самú міжъ сéбе почалú правувáтися. Вонó жъ

би й добре, та великі чвари між ними щось постали, тяжкі бої счинилися: не стало правди въ нихъ, мовляв літописець. Тоді знов якось між себе погодились и иншихъ уже збройнихъ людей до себе призвали, якихся побережніхъ князьківъ зъ родомъ и дружиною, которі себе Русею звали. Рюрикъ якийся, Русинъ, піднявся зъ братами порядокъ Новгородцямъ и іхъ сусідямъ давати и одъ иншихъ хижаківъ іхъ боронити (року 862). Сі вже здобишники зъ Новгородцями побратались и вкупі зъ ними далеко свою власть на сусідні землі роспростерли.

Впорядкувавшись изъ князьками дома, Новгородці й на своіхъ земляківъ Полянъ оглянулись, которі тоді Козарамъ данину платили. Якъ мають вони чужихъ людей користувати, то нехай лучче нашому князеві на зброю складуютця и одної зъ нами голови послухають. Така, певно, була въ нихъ думка, якъ вони съ княземъ своімъ и его дружиною на вічі радували. И отсе вже, кликнувши на охотника по сусідніхъ земелькахъ, по Чуді, Мері, Весі и Кривичахъ, настягали Новгородці до себе купу людей велику. Переволікся зъ ними князь Олегъ черезъ Волокъ, зъ річки Ловаті на Дніпро, и поплівъ Дніпромъ унизъ, села й городи підъ одну силу підклоняючи, данину накладуючи и охочихъ людей на военну здобичъ закликаючи. Тоді ще мало було проізду літомъ по пущахъ. Скрізь ихъ піщочі стояли пущі величенні; а болотні затони та озера по всіхъ низинахъ извивалися: [6] то мусила стародавня Русь байдаками плавати и торги свої и войни водою одбувати (торги бо тоді зъ войною поручъ одправувалися). Дорогу Дніпрову знали сі люде добре, бо здавна звикли одъ Балтики черезъ волокъ на Дніпро спадати, Дніпромъ далеко внизъ гуляти и аж у Чорне море за торговою чи боєвою здобиччю вганятись; тільки ще невеликими купами ходили, то мусили якимъ крамомъ зъ побережанами съ човнівъ своіхъ крамувати, або зненацька села шарпати, а данину зъ року въ рікъ не змогли хижаки на селянъ накладувати. Де-які, спускаючись у море, до Царягорода дохожали и въ Грецького царя служити наймалися; а потімъ знову до своіхъ вертались и гайдамацтвомъ хліба собі добували. Були жъ, мабуть, коло боку въ Олега всякі: и такі, що торгувати й шарпати вміли, и такі, що въ Царіграді на службі побували. Де вінъ зъ ними повернувся, всюди взявъ гору. Вже ему городъ Смоленське піддався и его княжого мужа зъ дружиною, чи то бъ намістника княжого, до себе на людський хлібъ прийнявъ. Піддавсь Олегові й Любечъ. И тамъ вінъ свого княжого мужа зъ зало-

гою посади́въ, щобъ уже́ ніхто́ дани́ни зъ Любеча́нъ не вимага́въ, щобъ уже́ дани́на на кня́зя й на ёго́ дружи́ну йшла. Тимъ ча́сомъ Оле́гови поту́ги більшали. Незаба́ромъ вінъ и підъ Ки́івъ підступи́въ. Не спреча́лися Оле́гові Кия́не, за кня́зя ёго́ до се́бе прийма́ли, и на ору́жню й на судову́ дани́ну згоди́тись му́сили.

Осівсь Оле́гъ на го́рахъ у Ки́еві, не звелівъ більше Коза́рамъ да́ні плати́ти, поста́влявъ но́ві городи́ на узграни́ччяхъ Ки́евськихъ, понахиля́въ підъ свою́ во́лю Деревля́нъ, Сіверя́нъ и и́ншихъ полуде́ннихъ сусідъ Поля́нськихъ, и ши́роко поча́въ гетьманува́ти. Оце́ жъ въ-осени́ й зімо́ю іздивъ князь изъ дружи́ною на вло́ви—добува́ти хуте́ръ; тутъ же полю́ючи ходи́въ и на полю́ддя, чи то бъ то по людськи́хъ оселяхъ збіра́ти кня́жу дань, поди́мне, чи якъ воно́ тоді въ насъ зва́лось [7]. Тутъ уже́ сільска́ грома́да гурто́мъ ёго́ підійма́ла, меди́ й пива́ ждучи́ ёго́ вари́ла и всю ёго́ дружи́ну вгонобля́ла [8]. Тутъ ёму́ на судъ свої спра́ви, я́ко тре́тёму судді, оддава́ли и судову́ дани́ну скла́дували. Тутъ вінъ, въю́ки навя́зуючи и вози́ накла́дуючи вся́кого добра́, одсила́въ до свого́ кня́жого го́рода, щобъ було́ ёму́ съ чо́го свою́ дружи́ну зодяга́ти, харчи́ти и коло свого́ бо́ку охо́тою вде́ржувати. Тутъ и дружи́на кня́жа и на вло́вахъ, и на збіра́нню кня́жоі роківщи́ни до́бре роскошува́ла, що му́сили селя́не зъ оста́ннёго добра́ хижаківъ тихъ ору́жнихъ задовольня́ти и одъ се́бе въ дру́гі се́ла випровожа́ти [9].

Такъ усю осінь и зіму промишля́ли князьки́—Русь, Оле́гъ и и́нші, що після ёго нашимъ краемъ ору́дували, и що́ въ нихъ було́ залишне, те въ города́хъ перепро́дували, ска́рби збіра́ли и ти́ми ска́рбами собі дружи́ну прибільшували. По весні жъ човни́ споружа́ли, ме́домъ, во́скомъ, хутра́ми, бра́нцями, кото́рихъ бо́емъ добува́ли въ сусідъ, наладо́вували и до Чо́рного мо́ря спуска́лись. Було́ тоді Чо́рне мо́ре ще не Туре́цьке й не Тата́рське; то всі береги́ Кри́мськи, Дніпро́ві жере́ла и Білобере́жжя, чи, якъ навпо́слі ёго́ въ насъ зва́но, Килиімське по́ле, все те було́ ще до́бре залю́днене и города́ми Гре́цькими оса́жене. Було́ де Варя́гамъ торгува́ти, було́ де й на́падомъ ша́рпати: у ті бо да́вні ча́си торго́ві лю́де ходи́ли ору́жно, и князі—Русь и зъ своіми дружи́нами не для чо́го, якъ для торго́воі при́белі по дале́кихъ зе́мляхъ и моря́хъ шве́ндяли [10]: що́ въ одній землі бо́емъ здобува́ли, те въ дру́гій на до́бру оде́жу, на дорогу́ збро́ю, або́ на бистрі ко́ні міня́ли. То́ була́ іхъ честь и сла́ва; тимъ вони́ й сла́ву свою́ люби́ли, що вона́ імъ золото́ю здава́лась [11].

Отъ же й Олéгъ, підклонúвши підъ сéбе Деревлúнъ и úншихъ сусíдъ, разъ-úразъ спускáвся, зъ своéю дружúною та зъ охóтникомъ, Днiпрóмъ у мóре, тó шáрпаючи Грéцькі побережжя, то мiняючись изъ Грéками своíмъ полюднимъ и здобúчнiмъ добрóмъ. Дáлi добрáвсь и до Царягóрода, и почáвъ ёго́ огнéмъ и мечéмъ навкругú пліндрувáти. Вжахнýлися Грéки и, знáвши, чого́ ёму́ трéба, поступúли ёму́ данúну, яку́ схóче. Гляньмо жъ, що́ вимагáвъ и вúмігъ Олéгъ одъ Грéківъ. Постýплено ёму́ по дванáдцять гривень срiбла́ на чóвенъ [12], та ще осóбно на тихъ людéй орýжныхъ, що остáлись на Вкраíні стерегти городú: Кúївъ, Чернігівъ, Переяславъ, Полоцьке, Ростóвъ, Любечь и úншi. Дáлі — якъ прúйде Русь торгувáти въ Царíградъ, то нiякóго жúта Грéкамъ не платúтимуть, та ще Грéки мýсять харчувáти íхъ зъ весни́ ажъ до зiми́, пóки додóму вéрнутця, та й на дорóгу харчáми, якорями, канáтами, парусáми и всíякою потребúзною—обмúслити. А за се Олéгъ убезпéчивъ Грéківъ, що, торгýючи, не бýде Русь на сéла нападáти и торгóвихъ людéй Грéцькихъ рабувáти [13].

Още́ жъ уже́ князькú-Русь одъ мóря до мóря водóю й суходóломъ владáли, бо, осівшись у Кúеві, держáвъ Олéгъ Новгородъ и úншi верхові зéмлі за своéю сторóжею и бравъ зъ нихъ на свої залóги орýжні не малý данúну, — изъ самóго Новгорода трúста гривень срiбла́. Мóже бъ Новгородъ и ёго́ узграничáне й не схотíли бъ уже́ Олéга послухáти, такъ осíгъ же вінъ и позаймáвъ Варязькими залóгами усі зéмлі низові ажъ до Волги; то було́ де на охóтника клúкати, було́ чимъ и вiйсько вдовольнúти, — страшна́ була́ ёго сúла. Та ще жъ тимъ вінъ, мáбуть, верхові зéмлі до сéбе притягувавъ, що воні́ хлíбомъ зъ низовúхъ зéмель заживлядися, що якъ-бú не пустúвъ торгóвихъ людéй съ хлíбомъ угóру, то верховикáмъ довелóсь би голодувáти [14].

Още́ жъ уже́ настáвъ úнший порядокъ на Вкраíні, якъ почалú князькú-Русь íї оберегáти, зъ нéї собі данúну брáти и своéю, Рýською землéю íї називáти. Тó прáвили землéю стáрші родовúкú, громáдські мýжи, сходючись изъ двохъ, изъ трéхъ, изъ десятú сíлъ у одно́ мíсто на народнє вíче и не було́ бíльшъ нiякóї влáсти на Вкраíні, а тепéръ уже́ коло князькíвъ старшúна орýжня настáла, боярами звáлась, по городáхъ замíсть самóго кня́зя зъ дружúною сидíла; а дружúна, як народъ орýжний и одягнúй, тежъ одъ селúнъ одрíзнялася, до робóти не брáлась, а все тільки воéнною здóбиччю та полюднимъ живúлася [15]. Ні податку, ні одбýтку нiякóго, опрíчъ слýжби

підъ княжою рукою, дружинники не знали. Тимъ-то въ дружину щонайкращі люде вписувались, и ніби якийся особний нарідъ середъ люду Українського зъ нихъ учинився. Спершу коло князя найбільшъ ті затязці купились, що зъ нимъ издалека вийшли и вкупі великі землі даниною своєю обложили. Якъ же, після Олега, инші князьки, одинъ за однимъ, настали, тоді вже чужоземці поперевелись, а самі тубольці Українці городи княжі оберегали, по походахъ зъ княземъ ходили, изъ сілъ полюдне брали и здобиччю по городахъ торгували [16]. А якъ у князя, підъ яку несподівану пригоду, війська замаль було, тоді вінъ охочихъ молодцівъ до себе кликавъ, або й кочовниківъ изъ дикого степу наймавъ. Кочували тоді поузъ Україну, на безлюдныхъ степахъ, Печеніги [17], Половці, Торки, Берендії, що городівъ и сілъ не осажували, а такъ, ордою, съ поля на поле перелиталися. Отъ же й було въ князьківъ три війська: одно — дружина, сказати бъ товариство, що близько коло боку въ князя держалось, друге — охоче військо зъ селянъ и городянъ, що то на здобичъ квапились, або своїю землю боронячи, підъ княжу руку купились, або жъ силоміць у військо виганялись; третє — чужоземне, затяжне військо, орда степова. Все жъ те важко лежало на плечахъ у простого, неоружного люду: всю ту силу треба було селянамъ и простимъ городянамъ прохарчити, одежею обмислити и своєволю іхъ, яко люду орного, перехожого и голодного, витерпіти. Тимъ-то, славлячи Олега князя, що вінъ поставлявъ нові городи и своіми мужами іхъ повбезпечувавъ, що вінъ и верхові и низові народи підъ одну власть зібравъ и гуртовою войною на Грековъ поміжъ себе потоваришивъ, не треба намъ єго гетьманування на подніпрянщині якимся золотимъ вікомъ уважати. Коли бувъ золотий вікъ у нашій Україні, то ще до Олега, ще за тихъ давнезныхъ часівъ, которихъ наша письменна памятъ не зазнае: не одъ Олега бо, не одъ єго княжого суду въ городахъ и на полюдді въ селахъ пішло наше вічове сільске право, що зъ роду въ рідъ черезъ невпокійні часи князькихъ усобицъ, черезъ понурі часи Татарщини переходило та вже тоді почало въ вічистихъ книгахъ записуватись — а черезъ те й намъ объявилося — якъ державці скрізь по Вкраіні єго зневажили [18]. Певно князі, Русь пришли въ нашъ край на готове; певно, вміли й безъ нихъ Поляне воювати, коли допомогли імъ усі землі навкруги себе підъ Киевського князя підклонити [19]. Мабуть же й людськість у нихъ зъ давніхъ да-

ве́нъ завела́ся, що, догово́рюючись изъ Гре́ками, зовсімъ не ва́рварську ря́дну вони́ написа́ли. Не Оле́гівъ бо то бувъ ро́зумъ и не дружи́ни ёго́, що зросла́ на хижа́цтві и въ хижа́цтві всю свою́ честь и сла́ву ста́вила: въ тій Оле́говій ря́дні вважа́емо ми ро́зумъ наро́ду покла́дливого, рахови́того, що давно́ зъ сусідями зна́етця и пра́во людське́ по-лю́дській шану́е [20].

Вже жъ, якъ би воно́ тамъ ні було́, а съ того́ ча́су, якъ прийняли́ Кия́не до се́бе Оле́га зъ ёго́ ро́домъ за кня́зя, почина́етця виразнійша для насъ наро́дня жизнь по Вкраі́ні. Більші одъ да́вніхъ поту́ги почали́ підъ кня́жою руко́ю ку́питись; більше почали́ низові зе́млі подніпря́нські зъ верхови́ми и зъ заверхови́нними обізнава́тися; більшу здо́бичъ почали́ на́ші по чужи́хъ зе́мляхъ здобува́ти и більше світу по дале́кихъ краінахъ убача́ти; а тимъ ча́сомъ твердійша ста́ла на́ша земля́ супроти́въ хижаківъ города́ми, и вся́кому Украі́нцеві – Поляни́ну отчи́зна ёго́ поши́ршала: ма́ючи бо одного́ кня́зя зъ Кри́вичами, зъ Деревля́нами и и́ншими своіми узграничанами, и хо́дючи, за ёго́ при́водомъ, по чужи́хъ зе́мляхъ, земляка́ми своіми почали́ Поля́не своіхъ сусідъ уважа́ти.

Не де́шево жъ на́ші пре́дки за все те приплати́лись, бо незаба́ромъ почали́ князі-приймаки́ одъ Гре́цькихъ царівъ царюва́ти вчи́тись и по Вкраі́ні чужі поря́дки заво́дити. Ду́мка-то була́ така́ въ верхови́хъ на̀шихъ Славя́нъ, якъ завели́сь у нихъ домо́ві чва́ри, що свій ду́ка земляко́ві ду́ці не підкло́нитця и свої своіхъ не такъ-то бу́дуть пра́во суди́ти, памята́ючи пре́жні усо́биці й оби́ди або́ рідъ за рідъ ру́ку тя́гнучи, а вже князь-чужозе́мець одъ уся́кого ду́жчий и вся́кому чужи́й, то ёго́ тре́тёму суду́ вся́ке підкло́нитця; си́дчюи жъ на грома́дському хлі́бові и ма́ючи собі су́дню дани́ну рівно одъ уся́кого, нічого бу́де ёму́ вічови́й судъ перехи́блювати. Влада́тиме жъ вінъ тільки своімъ княжене́цькимъ ска́рбомъ, що на ёго́ си́лу збро́йну ёму́ посту́плять, а земле́ю не влада́тиме, то й ні для чого ёму́ бу́де на су́ді пра́вдою коверзува́ти [21].

До яко̀гось ча́су воно́ такъ и держа́лось, що князь изъ дружи́ною, зъ боя́рами й дворя́нами своіми бувъ самъ по собі, а миръ изъ своіми господа́рствами, про́мислами й торга́ми—самъ по собі; а по́слі князі, ма́ючи по два, по три сини́, почали́ імъ ділени́ці роздава́ти, а ті зновъ своімъ сина́мъ одъ своіихъ де́ржавъ городи́ уділя́ти. То́ бувъ оди́нъ князь на всю зе́млю (кото́ру вже скрізь про́звано земле́ю Ру́ською), и одна́ въ ёго була́ дружи́на, и одного́ кня́зя слу́хали воево́ди, чи кня́жі му́жи, що

по городáхъ замість ёго сиділи, городи́ оберегáли и дани́ну на ёго збірáли, атó вже въ тóго своя́, а въ тóго своя́ дружи́на, и воевóди свої, и свої поря́дки. Хочъ же й накáзували імъ батьки́, ділени́ці уділя́ючи, щобъ вони́ стáршого, вели́кого князя—чи то бýде братъ, чи дя́дько—якъ отця́ слýхали, а про-тé незабáромъ завели́сь князі поміжъ собóю би́тись, брáтні ділени́ці собі привлáщувати, гóродъ на гóродъ, окóлицю на окóлицю підіймáти; а городя́не й селя́не, лю́блячи одногó кня́зя, а дрýгого не лю́блячи, кня́жу дружи́ну охóтникомъ запомагáли и крівáві бої звóдили, а та усóбиця іхъ же зéмлі пустóшила, трудя́щихъ людéй по Вкраіні вбавля́ла и замóжнихъ до вбóжества довóдила. И вже тоді мýсили кня́зі що-найбільшъ орýжного лю́ду коло бóку держáти, щобъ завзя́тому рóдичові не піддáтися; ввесь же той людъ съ кня́жихъ окóлиць харчувáвся. Пóки жъ знахóдився охóтникъ, зазивáвъ ёгó кня́зь до сéбе на воéнну здóбичъ; пóки були́ въ ёго скáрби, скáрбами до сéбе людéй одъ ролі, одъ рибáльства й звіролóвства примáнювавъ; якъ же ні такъ, ні сякъ нільга булó обернýтися, тоді людéй си́лою до воéнного одбýтку гнали [22], а ще гірша напáсть — хи́жу ордý зъ степівъ на шарпани́ну й полони́ну затя́гували [23]. Лучáлось не разъ, що, поби́вши кня́зя зъ ёгó дружи́ною, нелю́бній лю́дямъ кня́зь брáтню ділени́цю рабувáвъ, якъ чужý зéмлю, а пóтімъ надъ нéю не я́ко трéтій суддя́ и застýпникъ орýжний князювáвъ, а я́ко самовлáдній панъ на своéму діди́зному пáнстві, и вже тоді вічовóі рáди пéрво же такъ-то слýхавъ и прáвду кри́вдою пóчасту перевáжувавъ. Тутъ уже́ мýсили лю́де князькáмъ вóлі ажъ нáдто попускáти, а князьки́ помáлу-мáлу себé за верхови́хъ влади́къ зви́кли вважáти, и не то самі стародáвні звичáі переступáли, та й своіхъ підрýчнихъ до тóго призвичáіли.

Не трéба жъ тутъ забувáти, що до селя́нъ діди́знихъ, стародáвніхъ, за князівъ прилучи́лись селя́не нóві, съ полоня́нъ, чи воéннихъ брáнцівъ князьки́хъ и боя́рськихъ [24]: на войнý бо князі ходи́ли до сусідъ не за одни́мъ зóлотомъ та едвáбами, не за габáми тільки та жемчугáми и бисерáми: найкрáща здóбичъ були́ въ іхъ брáнці, котóрихъ абó въ бою батувáли, абó по осéляхъ захопи́вши брáли. Тихъ брáнцівъ и брáнокъ до послýги собі держáли, абó на ролі осáжували, а хто не дбавъ про зéмлю, ті своіми брáнцями такъ якъ хутрáми, мéдомъ и вóскомъ торгувáли, и не то дóма, та и въ Царьгóродъ іхъ на-прóдажъ вивóзили [25]. Оцé жъ и завели́сь на Вкраіні сéла кня́жі й боя́рські спадкóві, котóрі вже багáтши князі й боя́ре у убóжшихъ

скупо́вували [26], а підъ ти́ми се́лами й земля́ вже ста́ла кня́жа, або́ боя́рська, и въ ті се́ла не то князі, та й іхъ боя́ре люде́й изъ во́льнихъ сілъ перево́дили си́лою, або́ хи́трощами перема́нювали [27]; и въ тихъ уже́ се́лахъ була́ імъ во́ля що-хотя́ роби́ти [28]; а зви́кши безъ упи́ну па своіхъ волостя́хъ пово́дитись, ква́пились князі и боя́ре, запе́вне, по своій уподо́бі й городя́нами и во́льними селя́нами оруду́вати [29]. Черне́ць–літопи́сець нічо́го намъ про те не переказа́въ: до ёго въ скитъ не дохо́дивъ жаль люде́й убо́гихъ, неору́жнихъ. Князі зъ боя́рами ченця́мъ манастирі будува́ли и спе́ршу сами́ тільки съ підру́чніми до нихъ на моли́тву й на пора́ду ходи́ли; селя́не жъ про́сті, не покида́вши до́вго віри своє́і Славя́нської, попівъ и ченцівъ жаха́лися и, въ доро́зі зу́здривши, манівця́ми обхо́дили, або́ наза́дъ верта́лися [30]. Віра бо Гре́цька зненацька міжъ на́шихъ Славя́нъ упрова́жена. Старода́вні Поля́не, пре́дки на́ші, прийшли́ на Вкраїну безъ болвохва́льства, — се вже князі по города́хъ куми́ри позаво́дили, сами́ імъ кла́нялись изъ дружи́ною и, запе́вне, тубо́льцівъ кла́нятись невола́ли. Поля́не жъ съ-покону–віку сла́вили въ игрища́хъ и пісня́хъ своіхъ со́нце, ого́нь, во́ду, зе́млю—и въ тому́ була́ віра іхъ [31]. Якъ же зложи́вся вже на Вкраїні, за кня́жимъ при́водомъ, станъ ви́щий по города́хъ княженецькихъ, то, оберта́ючись по́часту зъ Гре́ками, почавъ и звича́і Гре́цькі, я́ко наро́ду славе́тного, вели́кого, бага́того, перейма́ти, а да́лі й віру Гре́цьку гурто́мъ заможні́йші Кия́не надума́лись прийня́ти [52]. Пиха́ була́ не мала́ въ князівъ Ки́евськихъ: би́ли вони́ до́бре Гре́ківъ и и́ншихъ наро́дівъ одъ Карпа́тъ до Кавка́зу и вже себе́ сла́вними на ввесь світъ уважа́ли; то не до вподо́би імъ було́ хреста́ собі въ Гре́ківъ випро́шувати. Войно́ю Русь на Гре́цьку зе́млю наступи́ла, грізно почала́ царівну Гре́цьку за свого́ кня́зя сва́тати, и мовъ би тимъ тільки згоди́лась хрестъ на се́бе прийня́ти, аби́ царівну–христия́нку въ свою́ зе́млю ви́сватати. Найбільша річъ тутъ були́ торги́ зъ Гре́ками: ста́вши бо сами́ христия́нами, більший собі до́ступъ у Гре́цькі городи́ Русь одкри́ла, а потова́ришивши зъ Гре́ками, и на́дто почавъ Ки́ївъ и и́нші городи́ багатіти.

Такъ на́ша Вкраїна изъ старода́вньо́го свого́ поря́дку въ и́нший поря́докъ увіхо́дила и одні свої вигоди на другі миняла. До прихо́ду Рю́рикового кня́жого ро́ду, вміла вона́ я́кось одъ окоди́чнихъ хижаківъ борони́тись и въ своіхъ розло́гихъ поля́хъ дово́лі кохатися, а про-те́ за князька́ми и іхъ оружнимъ лю́домъ більший знайшла́ собі за́хистъ. Хочъ же й прийма́ли бі́ду городи́ й се́ла одъ кня́жихъ дружи́нъ и усо-

биць, та вся Ру́ська земля́ у одну́ си́лу спаялася. Ще жъ и на́дто: черезъ те са́ме, що князі оди́нъ на одно́го войно́ю ходи́ли, іхъ діленя́ці поміжъ се́бе лу́чче обізнава́лись и торги́ почали́ міжъ се́бе частійше ма́ти, и лю́дськости одні въ одни́хъ набіра́тись. Такъ же са́мо й до Гре́цькоі віри, що кня́жа дружи́на съ кня́земъ поприйма́ли, та й по всій землі Ру́ський примусомъ роспростёрли. Не мало́го ко́лоту ся новина́ по всіхъ се́лахъ и города́хъ начини́ла; бо волхва́мъ невіголо́симъ тя́жко було́ своёі сла́ви поміжъ ми́ромъ збу́тися и свої прибу́тки новимъ попа́мъ уступи́ти. Вони́ наро́дъ бунтува́ли; по гаяхъ одъ попівъ крию́чись, розбо́ями живи́лись; якъ же кня́жа дружи́на розбо́і вгамува́ла, вони́ по не́трахъ и болота́хъ слу́жби свої невіголо́сі пра́вили, старосвітські пісні, игрища́ таемни́чі зъ ро́ду въ рідъ перека́зували, и до́вго міжъ селя́нъ, по́тай христия́нъ, пробува́ли, ажъ по́ки церкви́ по всій землі Ру́ській загусти́лися и попи́ люде́й страшни́мъ суро́мъ одъ нихъ оджахну́ли, або́ си́лою голдува́ти собі змусили. Тоді вони́ знахуря́ми й знахурка́ми по се́лахъ одригну́лися, а старода́вня віра Славя́нська по сей часъ у пісня́хъ, святкови́хъ игрища́хъ, звича́яхъ и забубо́нахъ поміжъ селя́нами оста́лася. Такъ Гре́цька віра Славя́нську віру изъ зеле́нихъ гаівъ, изъ лева́дъ, степівъ и па́шень ви́ругувала, гаямъ и во́дамъ мовча́ти про предковічнихъ богівъ веліла и въ сумови́ті церкви́ селя́нъ позбіра́ла. Пова́жчало тоді на наро́дъ, бо князі, окрічъ свого́ су́ду кня́жого, судъ церко́вний уста́вили и за всяку вину противъ Гре́цького Номокано́ну пла́ту влади́камъ и іхъ підру́чникамъ назначили [33]. Чи хто зъ дівчя́мъ бли́зько зійшо́вся, чи дівчи́на необа́чно съ кимъ полюби́лася, чи хто прогна́въ одъ се́бе жінку, чи хто що вкравъ у ко́го, чи хто підпали́въ кого́, чи хто кого́ пога́но нала́явъ,—за все, про все му́сили городя́не и селя́не не меншъ трёхъ гри́вень сріблá влади́камъ плати́ти, а три гри́вні тоді трёхъ волівъ коштува́ли. И вже въ церко́вному су́ді вічові звича́і геть уступа́ли; пра́вди тутъ голоса́ми мирськи́ми не дошу́кувались, бо въ Гре́цькій землі давно́ те повиво́дилось. Оце́ жъ Гре́цькі поря́дки черезъ Номоканóнъ почали́ по на́шому Славя́нському ми́рові ши́ритись и на́шу Славя́нську жизнь на чужи́й ладъ перестро́ювати. Владики по города́хъ и во́лостяхъ мовъ би но́ві удільні князі поста́ли, бо въ іхъ були́ й свої лю́де підначáльні, которихъ князі не суди́ли [34], и во́лостелі, кото́рі тако жъ, якъ и кня́жі во́лостелі, всяку вину́ поміжъ ми́ромъ вишу́кували, розбіра́ли и су́дній о́купъ на влади́ку бра́ли. Владики по города́хъ вагу́ й міру уставля́ли; владики десяти́ну съ кня́жого су́ду, одъ

торгóвого мúта, одъ данúни и одъ вúри чи пенí, и одъ усякого прибýтку княжого на свої потребúзни одбірáли. Вже жъ догадáтись, и въ літопúсця не питáючи, мóжна, чи владúчні вóлостелі дошýкувались промíжъ мúромъ, хто якýю вúну противъ іхъ Помоканóну вдіявъ, колú й за те йшла на владúку плáта, якъ хто по-жінóчій одúнъ зъ одúмъ бúтися зáчне [35].

Тимъ чáсомъ почалó й добрó съ тóї новúни виникáти. При церквáхъ, при княжúхъ дворáхъ и манастирáхъ почалú книжкúй завóдитись и щó зазнáе Бúблія одъ почáтку свíту, и щó перекáзано Грéкамъ, черезъ писáння, одъ стародáвніхъ чáсівъ, все те почалó до насъ потрóху переходити и людськúй рóзумъ розширяти. Онрíчъ Бúблії, котóра далá почáтокъ óсвіту не одномý вже народóві, и въ самóму Помоканóні, котóрий Кормчою, чи то бъ то прáвною книгою нáзвано, багáто дé-чого про úнші зéмлі й народи повписувано. Все жъ те читáлось, що дáльше, то все густíйшъ по зéмлі Рýській, а хто читáвъ, той неписьмéннимъ роскáзувавъ, и такъ óсвітъ помáлу міжъ людьмú шúрився, и нáша Вкраíна почалá потрóху дознавáтися, якъ стоíть свíтъ и якъ жилú й живýть пó свíту всякі народи. Ще жъ се не все. Нóві Христíяне, упéвнившись, що на тімъ свíті не бýде вже ні печáли, ні воздихáння, а вічна рáдість у раю въ Бóга, покидáли пóчасту свої сéмъї й достáтки, и ходúли въ Грéцію, щобъ іщé бíльшъ по далéкихъ церквáхъ и монастирáхъ новóї віри навчúтись и про дорóгу въ рай поміжъ людьмú спасéними роспитáтися. Палóмниками такі лю́де звáлися, и сі палóмники, вертáючись до домівокъ, рознóсили въ нарóді нíби живý словéсну наýку про далéкі зéмлі й закóни й звичáї. Огъ же, чогó торгóві лю́де не перенеслú одъ Грéківъ у Русь, торгýючи найбíльшъ по городáхъ и мáло проживáючи въ сéлахъ, те палóмники по сéлахъ міжъ охóчими слухачáми роспростирáли и зéмлю слýхомъ про úншу, просвіщéнну жизнь исповняли.

Ще за князя Владúмера по знáчних городáхъ владúки постáли: въ Кúеві, Нóвгороді, Ростóві, Чернíгові, Бíлгороді, Владúмері на Волúні. Ті владúки, для своего жъ прибýтку, церквú де змогли будувáли, а при церквáхъ шкóли завóдили, щобъ письмéнство міжъ людьмú роспростéрти и на пошівство письмéнныхъ собí заготóвити. То булá ще одна корúсть одъ віри Грéцькоі, котóра зъ собóю багáто й Византійщини поміжъ насъ упровáдила. Владúки бо пéрвимъ князямъ найповажнíйшими порáдниками стáлися, а у всякому дíлі вонú за взіръ Византію собí мáли, тимъ и князямъ по-Византíйскій рáяли и Визан-

тійський духъ іхъ княжимъ порядкамъ надавали. А про-те іхъ церковні суди, которими вони семьі въ домовихъ справахъ и случаяхъ судили, по всій Руській землі роспростирали спокволя людські звичаі, що тільки въ Полянъ съ-поконъ-віку бували. Тільки бо Полянъ и, запевне, Новгородцівъ не довелось імъ наставляти, що не треба жінокъ собі крадькома хапати, не треба по дві, по три жінки разомъ держати, що зъ женськимъ поломъ треба звичайно поводитись и ради матери, сестеръ и родичокъ одъ усякого гнилого слова вдержуватись. Оде жъ, змусивши всякого силою, коли не словомъ, кинути старе варварство, Грецька віра, що церковнимъ судомъ и словесною наукою, а що й книжками церковними, надала більше Руському мирові людськости и всіхъ тихъ Кривичівъ, Радимичівъ и иншу півночню звіролювню дичу до Полянъ, скільки змогла, приподобила, а тимъ часомъ Библію и письменство по всій землі, хочъ и не хутко, роспростерла, и такъ Руський миръ одъ конця до конця однимъ розумованнямъ, яке бъ воно вже ні було, звязала.

Після сего всего, що ми сказали, подніпрянська старосвіщина, ті давні, глухі часи, якъ ще одно одного Полянином, Кривичемъ, Радимичемъ, Деревлянцемъ, або Дулібомъ чи Тиверцемъ звало, такъ у нашому умі визначаютця. Далеко одъ старенезної Греції, що вже давно здорову силу втеряла, далеко й одъ західнеї Европи, що саме почала въ силу вбиватись, лежали краіни безъ гряниць, страшонними пущами повкривані, великими, широкими річками, озерами, недоступними болотами поперетинані, повні звіря и птиці всякої, повні дикої божої, що по дуплахъ вековічніхъ дубівъ и сосенъ сама собі роілася. Гуртами круторогі тури по ій буяють; табунами дикі коні по ії степахъ, по вольнихъ травахъ носятця; лосі, олені, серни, сугаки одъ вовківъ по темнихъ нетрахъ шарахкаютъ. Дико, понуро по тихъ краінахъ; людський голосъ рідко де чути. Скрізь ячать лебеді та гуси на тихихъ водахъ; скрізь гомонить лісове птаство та шумлять, якъ те море, високоверхі, зъ віку нерубані пущі. Тільки понадъ Дніпромъ людські осели позаймали узгіря й долини та понадъ Припеттю, Окою и иншими річками тулятця по болотяніхъ зарослякъ села, ховаючись одъ лихихъ сусідъ и по всякъ часъ сподіваючись нападу. Літомъ немае проізду впоперекъ Украіни за водяністими низинами; зимою тільки звіролови та чужоземні торгові гості прокладують дороги черезъ болота, черезъ озера, скуповуючи шкури и воски на вивозъ у Німецькі и Грецькі землі. Уподовжъ Украіни

йде велика водяна дорога съ півночи на полудень. Оружний людъ простуе хижими купами зъ Варязького побережжя въ багату Грецію шукати кращої долі. Обізнавшись изъ нимъ, почали наші Славяне тихъ прочанъ до себе оборонцями й суддями приймати. За іхъ приводомъ, Новгородці підклонили підъ одну власть своіхъ сусідъ півночніхъ, а Поляне—своіхъ сусідъ полуденнихъ. Тимъ способомъ всяка земля, чи близька, чи далека одъ Полянъ подніпрянськихъ, почала зъ ними обізнаватися и людськости звідсіля набиратися. Съ Киева князі на полюддя ходили и всю зіму зъ дружиною по селахъ переходомъ гуляли. Съ Киева вони у свої діленици прибували и зъ собою готову дружину привозили. Съ Киева жъ почали навпослі й владикъ по городахъ ставити и ввесь причтъ імъ изъ людей Киевськихъ давати. Потімъ у Киеві манастирь Печерський проявився и школою чернецтва на всю Руську землю стався. Опе жъ съ того року, якъ Кияне піддалися Олегові, почали Поляне на всі сторони всіма способами свою людськість роспростирати, а далі (якъ побачимо нижче) и степовихъ дикихъ хижаківъ, що по давніхъ узгряниччяхъ поза Сулою, поза Стугною кочували, и тихъ почали Поляне оговтувати, на узгряниччахъ городами осажувати и въ своіхъ людей претворяти. Такъ Украіна и волею й неволею зъ нерухомости вийшла, на всі сторони свіжими силами кинулась и зъ роскиданихъ по безкраій обширі народівъ одну Русь учинила. Не дешево жъ ій сей великий подвигъ обійшовся: набралась вона всякого лиха одъ самихъ тихъ козарлюгъ, що по всёму світу ії славили и одъ сторонніхъ хижаківъ оборонили. Хоть же вони, воюючи и порядкуючи, тільки за здобиччю ганялись и хижацьку пиху вдовольняли, а про людське добро мало дбали, та все жъ, за іхъ приводомъ, наша Вкраіна духъ свій народній у бояхъ и пригодахъ загартувала, та й дальшимъ, уже не княжимъ, а козацькимъ вікамъ той самий гартъ передала. Тимъ-то й годитця намъ у свою исторію іхъ подвиги кріваві повписувати и іхъ дикі, боеві образи передъ потомками вповажнити.

ПРИПИСКИ ДО ПЕРВОГ ГЛАВИ.

1) Не самі себе, мабуть, прозвали сі люде Полянами, Деревлянами, Сіверянами: до сёго бо часу наші Чернігівці звуть Полтавцівъ Полевиками и Степовиками, а ті звуть Киівцівъ, що живуть висче Киева, Поліщуками, такъ само, якъ задесенськихъ Сіверянъ—Литви-

на́ми; самі́ жъ Полта́вці и верхові Кіівці́ не гово́рять про се́бе: »Ми—Полёвики́, ми—Степовики́, ми—Поліщуки́«, все одно́, якъ и за-Десе́нці не ска́жуть про се́бе: »Ми—Литвини́«. Пе́вне, вони́ зва́лись поміжъ се́бе тільки Слави́нами, розуміючи *сло́во* одно́ дру́гого.

2) П. Соловьевъ, розбіра́ючи літопи́сця Не́стора, докла́дно ви́вівъ, що въ XI віку му́сивъ Не́сторъ позапи́сувати спо́минки про IX–й и давні́йші віки́, розуміючи діло по своє́му ча́сові,—тимъ вінъ и князі́въ натвори́въ Поля́намъ ще до Аско́льда и Ди́ра. (*Истор. Росс.* Ш. 123). Спра́вді нічого й спомина́ти про Ки́я, Ще́ка и Хори́ва, кото́рі ніби–то кня́жили въ Поля́нъ. Чужозе́мні писа́телі, якъ отъ Проко́пій, запевня́ють, що Слави́не правува́лися спе́ршу безъ князівъ, ра́дами; та й самъ Не́сторъ пи́ше, що до Ки́я (про кото́рого не про́сто оповідуе, а припи́суе: *якоже сказуютъ*) Поля́не »живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстехъ, владѣюще кождо родомъ своимъ«, и въ літопи́сці Переяслава Су́здальского запи́сано: »а Деревляне собѣ, а Дрягвичи собѣ жить (начаша), а Словене собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей«.

3) Не́сторъ хва́лить найбільшъ Поля́нъ, бо й спра́вді паха́рство ладна́е міжъ собо́ю люде́й найкра́сче и звича́і имъ надае́ найкра́счі: »Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣяху; брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а заутра приношаху по ней, что вдадуче«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 6). А Деревля́нъ Не́сторъ гу́дить, що вони́ »живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця (1). И Ра-

(1) П. Соловьевъ, въ своій *Исторіи Россіи*, гово́рить, що Не́сторъ му́сивъ бу́ти самъ Поля́ниномъ, тимъ и хва́лить Поля́нъ, бо отъ же, ка́же, и въ XVII віку въ Поля́нъ хапа́ли собі жіно́къ, такъ якъ, по Не́стору, було́ тілько въ Деревля́нъ, Сіверя́нъ и и́ншихъ Слова́нъ, та й зда́вся на Бопла́на. Шко́да, що п. Соловьевъ не завва́живъ, яку́ нісенітницю роска́зуе Бопла́нъ на тому́ жъ са́мому листку́, де й про хапа́ння жіно́къ гово́рить: безъ сорома́ верзе́, що ніби–то на́ші дівча́та–Украінки сами́ ходи́ли сва́тати за се́бе лю́бого па́робка. Якъ же тако́му оповідачу дава́ти віру, та ще й Не́стора нимъ виясня́ти? Самъ Бопла́нъ постерігъ, що ду́же вже перехи́бивъ, та й ка́же: Pour moy, en dix sept ans que i'ay esté en se pays, ie n'ay point ouy parler que cela y soi arriué,—щобъ ухопи́въ собі си́лою жінку, а историку байду́же! Байду́же ёму й на те, що, по Бопля́ну, паробки́ не тілько свою рівню такъ хапа́ли, та хочъ би й па́ньску дити́ну. Аби́ вхопи́въ та перехова́вся зъ не́ю су́тки, то вже, ка́же, й оддаю́ть за ёго. (Description d'Vkranie, etc., par le Sieur de Beauplan, a Rüen, MDCLX, p. 64.) Той же самий Бопла́нъ у тій же кни́зці пи́ше, що пани́ знуща́лись и горду́вали ду́же підда́ними. Якъ же до́чокъ своіхъ хапуна́мъ оддава́ли? Убо́гі, задавлені лю́де хапа́ють собі до́чокъ у папівъ, и пани́ по́слі не спреча́ютця. Се якъ разъ годи́тця въ учёну цита́ту до Не́стора!... Ils sont contraints, пи́ше Бопла́нъ, de donner à leurs mestres ce qu'il leurs plaist demander, de sorte que ce n'est pa merueil si ces miserables n'amassent iamais rien, assuietis qu'ils sont à des conditions si dures:

димичи и Вятичи, и Сѣверъ одинъ (такій же) обычай имáху«. (Тамъ же). Отó жъ пéвно все бувъ народъ звіролóвний, а не пахáрьский (1). Що Сіверя́не и Радимичи не схова́лись у пу́щахъ одъ хижакі́въ Коза́ръ, то се тимъ, що вони́ жили́ по сей бікъ Дніпра́; Деревля́не жъ ма́ли собі за́хистъ: одно́—Дніпро́, дру́ге—Поля́нъ, а тре́те—вели́кі пу́щі и болота́; то жили́ наро́домъ ди́кимъ и во́льнимъ, и само́му Оле́гові не зъ ра́зу піддали́ся, а по́слі на Игоря повста́ли. Ма́буть, невóля іхъ змýсила до такóго звича́ю, щобъ жінóкъ собі си́лою хапáти, бо Поля́не, живучи́ на ролі, не дава́ли своіхъ дівча́тъ (якъ-то домисля́тися мóжна) волоцю́гамъ, що одъ нихъ по гаяхъ поросхóдились, не хотівши, ма́буть, уку́пі на ворогівъ би́ти, або́ дани́пу хижака́мъ дава́ти. По́слі вже, якъ обжили́сь у пу́щахъ, то й сами́ въ се́бе, стари́мъ звича́емъ, дівча́тъ хапа́ли. Исто́рия и́ншихъ наро́дівъ, що зъ розбиша́къ поста́ли, дога́дку сю підпира́е. Новгоро́дці жъ, ви́дно, не съ таки́хъ волоцю́гъ зложи́лись, бо про нихъ Не́сторъ не спомяну́въ, говорючи, що й Радимичи, и Вя́тичи и Сіверъ одні звича́і ма́ють, та и вся іхъ исто́рия свідчить, що вони́ більшъ до Поля́нъ, аніжъ до яки́хъ Вя́тичівъ, чи Радимичівъ приподобля́лися. Се, ма́буть, були́ до́брі моло́дці, которі човна́ми по широ́кому Дніпру́ гуля́ли, всі ёго́ при́токи зъіздили та й до сла́вного о́зера Ильме́ня перескочили, и Но́вгородъ собі, на взіръ старо́го надніпря́нського го́рода, надъ річкою Во́лхвою збудува́ли. Хочъ же й зму́сили іхъ замóрські хижаки́ дань собі дава́ти, та гля́ньмо, яко́го ду́ху се були́ лю́де: »Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I. 8.) Тільки жъ, що навпóслі, ма́буть, бага́тші на убóжшихъ насіли, або́ одна́ сторона́ дру́гу обижа́ла, чи городя́не селя́нъ утиска́ли, або́ Новгоро́дці Ме́рю, Весь, Чудь почали́ підъ се́бе підгорта́ти, а ті, ма́буть, не дава́лись,—тимъ и написа́въ Не́сторъ: »и не бѣ правды въ нихъ«. Тоді-то, ма́буть, знемігшись у чва́рахъ та боя́хъ, я́кось поміркува́лись усі—ста́ршу го́лову, кня́зя, изза мóря собі ви́звати. А що *новій городъ* надъ Во́лхвою (2) бувъ си́номъ старо́го го́рода надъ Дніпро́мъ, ви́дно по мóві й звича́яхъ Новгоро́дськихъ (дарма́, що Ива́нъ III Моско́вський десáтки ти́сячъ се́мей у

Mais c'est encore peu de chose, car leurs Seigneurs ont puissance absoluë, non seulement sur leurs biens: mais aussi sur leurs vies (а дóчокъ не однімáють!), tant est grande la libertè de la noblesse Polonnoise (qùi vivent comme en un Paradis, et les Paysans comme s'ils estoient en un Purgatoire). (Тамъ же, p. 8).

(1) Збива́е сю дога́дку одно́ словцé у п. Соловьева, що Радимичи плати́ли данúну Коза́рамъ, а по́тімъ и Олегові по два ше́ляги одъ *рала* (*Ист. Рос.* I, 110). Тільки Не́сторъ про ра̀ло не говóрить, а пúше такъ: »и вдаша Олегови по щьлягу, якоже и Козаромъ даáху«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 10). Ще разъ написа́въ Несторъ про сю данину: »Козары имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣвериць отъ дыма«. (Стр. 8). А все-такú про рало нема́ въ ёго ре́чи.

(2) Самі Новгоро́дці говори́ли *ся* Во́лховъ, а не *сей* Во́лховъ: »Волховъ наша съ молоду не молола, а чи на старость учнетъ молоть?» (*П. С. Русск. Лѣт.* IV, 297).

глибóку Москóвщину вúселивъ, а Москалівъ сюдú понасилáвъ, а Ивáнъ IV Грозный ще більше Новгорóдцівъ, старúхъ и новúхъ, вúгубивъ); та й по тóну самóго літопúсця нáшого те жъ сáме завважити мóжна. Ось бо погляньмо. Підняви зъ собóю людéй охóчихъ до здóбичи зъ своіхъ підрýчніхъ сусíдъ: Чýді, Мéрі, Вéсі, Крúвичей, Олéгъ прийшóвъ до Кúева и заявúвъ, що Новгорóдський князь мáе до ёго прáво: »и рече Олéгъ Асколду и Дирови: вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Асколда и Дира«. (Тамъ же, 10). Кúевъ принявъ до сéбе Олéга Новгорóдського безъ бóю. А навпóслі Нóвгородъ прóсить собі за кня́зя, для поря́дку, кого-нéбудь изъ молодúхъ княжáтъ у отця́ іхъ, Кúевського князя Святослáва. Владúмеръ князь изъ Новгорóдцями вируговуе съ Кúева Ярополка; Ярослáвъ—Святополка; и завсегдá—чий Кúевъ, до тóго тя́гне й Нóвгородъ, и не одрива́етця вінъ одъ Кúева ажъ до Татáръ. Та й Нéсторъ, говóрючи, якъ прозивáлись сусіде Новгорóдські, про самúхъ Новгорóдцівъ пúше, що въ нихъ не булó нíякóго такóго имéння, якъ отъ: Весь, Чудь, Мéря, Крúвичи, а звáлись воні́ по-старóму Славя́нами. »Словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ«. (Тамъ же. 3). Вбачáемо въ тóму ознáку, що Новгорóдці прийшлú на Ильмéнь, якъ ужé тамъ булú úнші народи, бо кáже літопúсець *прозвашася*. Не самú воні́ себé прозивáли, а сусіде. Чогó жъ воні́ звали іхъ Славя́нами, бýвши й самú (якъ домисля́ютця) тежъ Славя́нами? Отó, мáбуть, сі Славя́не позахóдили здáвна и осіли поміжъ народівъ не-Славя́нськихъ и зъ нúми вже пéвно помішáлися; якъ же прийшлú чúсті подніпря́нці, то якъ úнше булó іхъ прозивáти? Подніпря́нами не до-ладу́, бо Днíпро́ бувъ дáлеко; Поля́нами тежъ не впадáло, бо воні́ поля́ покúнули; а нарóдъ воні́ булú чúстий, архи-Славя́нський,—отъ и »прозвашася своимъ имянемъ«. А що не прóзвано іхъ по рíцці абó по óзеру, то се—домисля́емось—тимъ, що воні́ мýсили прийтú торгóвими гостьмú міжъ дáвніхъ тубóльцівъ, а якъ булú лю́де поря́дку вúсчого, ніжъ Мéря абó Весь, то зáразъ собі »сдѣлаша градъ.« Гля́ньмо: ні про кóго не сказáвъ Нéсторъ, щобъ прийшóвши зáразъ градъ изробúли. Пéвно, то булú лю́де зъ гóрода захóжі; пéвно жъ булó щó й оберегáти въ гóроді; пéвно жъ и поря́дку булú сі лю́де вúсчого одъ сусíдъ, колú гóродомъ уміли сидíти. И покáзуе-тáки дáльша истóрия, що воні́ булú поміжъ верховúми Славя́нами передовикáми, бо завсегдá були сéрцемъ всіхъ окрýжнихъ нарóдівъ. Гля́ньмо жъ ищé й зъ другóго бóку. Якъ осілись Новгорóдці надъ Вóлхвою, то й Поля́не нíякъ úнше іхъ не звáли, якъ Славя́нами, абó, по *нóвому* гóроду, Новгорóдцями (причúна та жъ сáма, що й у сусíдъ Новгорóдськихъ),—все однó, якъ пізнíйші Украíнці Запорожáнъ прозивáли по Порóгахъ Запорóзцями, по Днíпрóвому Нúзу Низовця́ми, а про-тé знáли, що воні́ тáя жъ Русь, тúі жъ Украíнці. Нéясторъ такъ сáмо споминáвъ письмóмъ про тіхъ Славя́нъ далéкихъ, якъ ми

въ своіхъ книжкáхъ споминáемо про далéкихъ нáшихъ земляківъ Запорóзцівъ, абó Чорномóрцівъ.

4) Колú Новгорóдці съ Полянъ похóдять, то, пéвно, не розбóемъ мандрувáли іхъ прéдки по річкáхъ—верховúнахъ: не зъ велúкою, мáбуть, сúлою вúйшли вонú зъ пúзу, що, зробúвши собі гóродъ, сусідъ підъ сéбе не підгóртували, а зъ малóю сúлою не здолáли бъ вонú пройтú розбóемъ лю́дні узріччя (бо тоді узріччя булú найлюднійші), та й мýсили бъ вернýтись до свогó кошá, внизъ; атó ні: перейшлú черезъ вóлокъ зъ Дніпрá на річку Ловáть и самé вúдне місце, до тóргу найгоднійше, підъ новúй кíшъ вúбрали.

5) П. Костомáровъ вúяснивъ намъ докладно слóво *Варя́гъ* (*Совр.* 1860, кн. I, 6). Слóва сёгó ще й не булó тоді, якъ князі Русь загніздúлись у Новгороді и въ Кúеві. Нéсторъ, писáвши въ XI вíкові, якъ ужé слóво *варя́гъ* почалó знáчити орýжного затя́зцю, приложúвъ се слóво и до князівъ, котóрі булú Русь по своéму рóдові, а варя́гами не звáлись.

6) И про Кúївъ пúше Нéсторъ, оповідуючи про миюúчнихъ князівъ Кúя, Щéка и Хорúва: »Бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща зверь«. (*П. С. Русск. Лът.* I, 4). И вдрýге: »наидоша я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ«. (Тамъ же, 7.). То прáвда, що сúми самúми словáми Нéсторъ показýе, що за ёгó чáсівъ не булó вже навкругú Кúева велúкого бóру; такъ не забувáймо жъ, що двісті рóківъ пройшлó одъ пéрвого нáходу Рýсі до Нéсторового писáння; та ще жъ: колú Кúївъ такúмъ дúкимъ лісовúмъ містомъ здавáвся Нéсторові въ дáвні чáси, то мýсивъ вінъ—и мúмо традúції — съ чóгось узя́ти свою звіроло́вню картúну. Що вóди стояли тоді по Вкраíні велúкі и наповня́ли річні корúта, по котóрихъ тепéръ трáви кóсять, абó й плýгомъ óрють, се всякому відомо съ тихъ нáходокъ водохóдніхъ, що въ нáшихъ річкáхъ и болотáхъ знахóдять. Отъ и недáвніми чáсами найдено въ рíщці Золотоноші величéнний мідяний я́кірь; идóсі вінъ стоíть у Золотоно́ському манастирéві.

7) Нéсторъ пúше, що Поля́не и іхъ сусіде давáли Козáрамъ дань »по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма«, то, мóже, ся данúна и тоді вже звáлась подúмнимъ.

8) Знáемо, що такъ воно́ мýсило бýти съ тóго, що, якъ породзáвано навпóслі дé-які сéла манастирямъ, то чéнці ходúли въ—осени на полюддя тимъ же самúмъ рóбомъ, що й князі. Старосвíцькі звичáї не запúсувались, бо зъ рóду въ рíдъ іхъ памятáли и úншого прáва надъ звúчай не знáли. Се вже тоді почалú звичáї закóнами въ статýти и въ уставні грáмоти впúсуватись, якъ нові порядки на Вкра-

іні позаво́дились и старе́ звичаёве пра́во ста́ли занедбо́вувати. Тимъ-то держа́вці випро́шували на свої зе́млі у князівъ Лито́вськихъ и въ королівъ По́льскихъ оборо́нні гра́моти, и въ гра́мотахъ поновля́ли письмо́мъ старода́вні звича́і и на да́льші ча́си уже́ зако́номъ іхъ перека́зували. До насъ дійшла́ съ поча́тку XV віку за́пись про грошові и медові да́ні Софи́йськоі митрополи́чоі о́тчини, и зъ не́і ми вбача́емо старода́вній зви́чай підійма́ти и вгонобля́ти бірчихъ. Напи́сано тамъ: »Подолѣшенськая земля подъ Полозомъ, а съ ней идутъ три ведра меду и поданье, а ночь пити«. (*Акты З. Р.* I, підъ 1415 р.).

9) Що тя́жко ляга́ло на селя́нъ кня́же люднува́ння ([1]), ви́дно съ то́го, що де схотівъ князь, тамъ и прибільшувавъ дань. Новгоро́дці плати́ли Оле́гові »ми́ра дѣля« (одчепно́го бъ то) 300 гри́вень, якъ перейшо́въ вінъ у Ки́івъ, а за Влади́мера вже се́е »ми́ра дѣля« коштува́ло імъ у де́сятеро, бо 2,000 гри́вень присила́ли вони́ въ Ки́івъ та 1,000 роздава́ли дружи́ні, що стоя́ла въ Но́вгороді зало́гою. Яки́й же бувъ драпіка Игорь Рю́риковичъ, се ми зна́емо до́бре. »И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань— —иде въ Дерева въ дань и примышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужеве его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще——и вышедше изъ града Изъкоръстеня Деревляне, убиша Игоря и дружину его«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 23.) Послу́хаймо жъ ище́ Дани́ла Зато́чника, що́ вінъ про князівъ пи́ше: »Не имѣй себѣ двора близь княжа двора, не держи села близь княжа села, потому что тіунъ его—какъ огонь и рядовичи его—какъ искры«. (*Пам. Слов. XII в.* 235).

10) Тимъ-то й Оле́гъ, підпли́вши човна́ми підъ Ки́івъ, оповісти́въ себе́ Аско́льдові и Ди́рові лю́домъ торго́вимъ, ро́дичами держа́вцівъ Ки́евскихъ. Сю исто́рию ми въ свое́му те́ксті пропусти́ли, бо вона́ й Не́стору да́внімъ пода́ннямъ пере́дана, и хто зна́е, скільки въ ій пра́вди? Здае́тця, воно́ такъ було́, що не всімъ Рюрича́намъ у верхови́хъ зе́мляхъ уподо́балось, то дво́е яки́хсь зна́чнихъ люде́й кликну́ли на охо́тника, та й спусти́лись уни́зъ кра́счоі до́лі собі шука́ти. Аско́льдомъ и Ди́ромъ Не́сторъ іхъ назива́е. Въ Ки́еві імъ до́бре повело́ся; пла́вали вони́ Дніпро́мъ и въ Гре́цьку зе́млю за здо́биччю, Гре́цькі се́ла жа-

---

([1]) Не зна́емо, чи було́ таке́ сло́во, чи ні, тілько на́ше ильнува́ння троха́ чи не сяга́е ча́сівъ полю́дноі кня́жоі да́ні. За ти́сячу ро́ківъ воно́ скриви́лось, а зви́чай оста́вся: ильну́ють у насъ попа́ді якъ разъ такъ, якъ князі ходи́ли на полю́ддя. Ду́мають, що *ильнува́ння* пішло́ одъ лёну, що попа́ді лёнъ у селя́нъ вимага́ють; а намъ здае́тця, що се кня́же полюднува́ння одрига́етця: не за одни́мъ бо лёномъ попа́ді хо́дять по лю́дяхъ; та въ и́ншихъ се́лахъ и въ заво́ді нема́е лёну, а ильнува́ння всю́ди есть, де есть, піпъ, а въ попа́—попадя́.

кува́ли и хижа́цькоі сла́ви собі набува́ли. Ся–то, ма́буть, сла́ва дійшла́ й до Но́вгорода. Новгоро́дські кня́зі, пе́вно, Аско́льдові й Ди́рові позави́дували и приплили́ съ поту́гами під Ки́ївъ. Поки́нувши бі́льшу часть човні́въ оддалі́къ Ки́ева́, підплили́ вони́ двома́ чи трёма́ до при́стані, похова́ли під чердаки́ свою́ дружи́ну, щобъ люде́й не поло́хати, и посла́ли до Аско́льда и Ди́ра. »Ро́дичі ваші, мовля́въ, прийшли́; ходіть на при́стань привіта́йтеся«. Ті прийшли́, про свою́ го́лову не порахува́вши, а тутъ іхъ за́разъ обско́чили, та й те́мний по́хоронъ імъ спра́вили. »И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, гдѣ нынѣ Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олъма церковъ святаго Николу, а Дирова могила за святою Ориною«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 10).

11) Козаки́ воюва́ли звича́емъ варя́зьскимъ и зва́ли свою́ сла́ву золото́ю. Пе́вно, такъ вона́ звала́сь и въ варя́гівъ. Святосла́въ говори́въ про сла́ву (у Ле́ва Ди́кона кн. IX, гл. VII) зовсі́мъ такъ, якъ козаки:

»Пропаде́, мовъ порошйна зъ ду́ла,
Та коза́цька сла́ва,
Що по всёму світу ди́вомъ ста́ла...

12) По *Ру́ській Пра́вді* гри́вню пла́чено за вола́: така́ була́ її ціна́. »Оже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну«. (*Изсл. о Р. Правдѣ*, Н. Калачова, 95). Про гри́вню див. у Карамзина́ въ *Ист. Г. Р.* I, прим. 298.

13) До́бре, мабу́ть, вдали́ся въ зна́ки Гре́камъ ті хижаки́, що, договоро́вючись изъ Игоремъ, вони́ постанови́ли, щобъ, прийшо́вши Русь у Царьгра́дъ, жили́ тільки коло свято́го Ма́ми, а не по всёму́ го́роду, и въ го́родъ щобъ увихо́дили съ човні́въ своі́хъ невели́кими ку́пами, по пів–со́тні, безъ оружжя. »Да входятъ въ городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья мужь 50, и да творятъ куплю, якоже имъ надобѣ, паки да исходятъ; и мужь царства нашего да хранитъ я.« (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 21).

14) Такъ навпо́слі на́ші гетьмани́ держа́ли собі въ поко́рі Запоро́зький Низъ, кото́рий до́бре промишля́въ звіролов́ствомъ, ри́бою, стада́ми, табуна́ми й ота́рами, а хліба робити не спромігся (за Тата́рами). Гетьма́нъ Вигове́ський говори́въ царському́ посланцеві Ра́гозину 1657 ро́ку: »Якъ не звелю́ я до Запоро́зцівъ пропу́ска́ти зъ запа́сами люде́й торгова́хъ, то імъ нічого бу́де іcти«. (Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1657, № 16).

15) Якъ воюва́въ Святосла́въ изъ Цимисхіемъ, то одвітува́въ ёму́ зго́рда, що ёго́ дружи́на не поде́нщики; своіми рука́ми собі хліба не

ро́блять. (Leo Diac. VI.) Наверта́ютця тутъ на па́мять коза́цькі слова́ зъ наро́днёі ду́ми.

И вже мині не честь, не подо́ба по рілля́хъ спотика́ти,
Жо́вті сапъя́нці каля́ти,
Дороги́і су́кні пи́ломъ набива́ти;
А хо́четця мині, ма́ти,
Підъ го́родъ Тяги́ню піти́ погуля́ти,
Сла́ви-лица́рства коза́цькому війську доста́ти.

16) Вже въ догово́рі Игоря зъ Гре́ками, ро́ку 945, міжъ ро́дичами княжими и торго́вими людьми́ вбача́смо йме́ння Славя́нські; а въ догово́рі Оле́га все ще були́ чужозе́мні.

17) За Оле́га кня́зя, Печеніги воюва́ли съ Коза́рами и іхъ підда́ними Уграми, а по́слі, погна́вши Угрівъ на за́хідъ, прису́нулись вони́ до землі́ Ки́евськоі. Не́сторъ спомина́е про нихъ упе́рве підъ 915 ро́комъ.

18) Гипоте́за п. Ива́нишева, кото́рий про ту су́дню ра́ду ви́явивъ уче́ному ми́рові вели́коі ваги́ и ціни́ фа́кти. (*Русск. Бес.* 1857, III, 18).

19) По́ки сиділи князі–Русь въ Новгоро́дській землі, то притягли́ підъ свою́ ру́ку тільки Кри́вичівъ, Ме́рю, Весь, Чудь; більшъ не си́ла була́ притягти́; Коза́ре на низу́ панува́ли. Та й про похо́ди іхъ було́ не чува́ти. А, сівши въ Ки́еві, ки́нулись вони́ и на Во́лгу, и на Чо́рне, и на Каспи́йське мо́ре. Хто жъ імъ ту си́лу нада́въ? Не аби́–якихъ, ма́буть, люде́й знайшли́ вони́ на Подніпря́нщині.

20) Спра́вді диву́е насъ та Оле́гова ря́дна зъ Гре́ками: тако́і ря́дни не зложи́въ би ніяки́й ва́рварський людъ того́ ча́су,—не зложи́ли бъ и Норма́ни, що всю́ди тоді въ Евро́пі побере́жжя ша́рпали. Тамъ ска́зано: »на удержаніе и извѣщеніе отъ многыхъ лѣтъ межю христіяны и Русью бывшую любовь.« Ото́ жъ, пе́вно, Гре́ки зда́вна торгува́ли съ Поля́нами, и не за ди́кихъ ва́рварівъ іхъ зна́ли, коли́, у ря́дні божбу́ іхъ за оборо́ну пра́ва прекладали; коли́, тамъ же въ ря́дній, кара́ючи чоловіка за душогу́бство сме́ртю и худо́бу ёго́ ро́дичамъ уби́того оддаючи́, части́ну добра́ на жінку винова́того одділя́ли; коли́ за злодійство въ ря́дні пеню́ зъ ни́ми уставля́ли; коли́ чужозе́мське судно́, на бе́регъ ве́ржене, впова́ли Гре́ки въ цілости міжъ ни́ми бу́ти и на іхъ сторо́жу вбезпеча́лися.

21) Яка́ була́ умо́ва въ Новгоро́дцівъ съ пе́рвими князя́ми, кото́рихъ вони́ до се́бе поприйма́ли, ні звідкіля́ не зна́емо. Ма́буть, тоді ще скрізь по на́шій Славя́нщині зако́нъ изъ ро́ду въ рідъ звича́емъ

переходивъ, и старі голови були на вічовихъ радахъ замість вічистихъ книгъ и писаного права, якъ отъ п. Иванишевъ и въ XVI вікові ще завваживъ (1). Якъ же одъ крутої волі князькоі почало судне право ити въ непамять, або умисне князькими похлібцями притлумлятися, тоді Новгородці узяли въ свого князя Ярослава писану *Руську Правду*, щобъ не всякий тиунъ княженецький щохотя дравъ зъ виноватого на князя, а послі, приймаючи до себе новихъ князівъ, укладали зъ ними особні умови одъ *старійшихъ* и *меншихъ* людей (2). Отъ изъ тихъ-то найстарійшихъ писанихъ правъ довідуемось, що князь стоявъ тілько на оборони права мирського, яко третій суддя між сутяжними, и на оборони землі мирській, яко отаманъ оружнеі сили, а самъ — щобъ ні податківъ надъ давній звичай не вимагавъ, ні землі въ свій рідъ не привлащувавъ. Випишемо съ *первоі Новгородськоі грамоти*, якъ вона звітця, найголовнійші річи: »На семъ, княже, цілуй хрестъ къ всему Новугороду, на цімъ то ціловали дѣди и отци и отець твой Ярославъ: Новъгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ (3); что волостій всѣхъ Новгородъскыхъ того ти, княже, не держати своими мужи, нъ держати мужи Новгородьскыми, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостій, а безъ посадника тебѣ волостій не роздавати; а кому роздаялъ

---

(1) *Русск. Бес.* 1857, III, 4:——»связь между селеніями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: »они сохо»датаи наши здавна будучіе«, или: »они издавна съ нами о шкоды вшелякія схо»живалися«. Далі, на стр. 7: »Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне въ молодыхъ лѣтахъ вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства, то поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ вѣче было не только народнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.« Навернулося після сеі виписки намъ на память, що говорить Хризостомъ Пасекъ про Польскі сеймі, котрі були ті жъ віча, тільки що шляхетські віча: Powiadam więc każdemu, że wszystkie na swiecie publiki cień to jest przeciwko sejmom. Nauczysz się polityki, nauczysz prawa, nauczysz się tego o czém u szkołach jako żyw nie słyszałeś. (*Pam. Chr. Paska, S. Peterb.* 1860, str. 185).

(2) Раніше XII віку до насъ не дійшла ні одна така умова, а *Руська Правда* написана въ конці X віку, або на самому початку XI-го, бо, мабуть, князі зъ своіми тиунами перше почали вічовимъ судомъ хибити, а землю вже послі собі привлащувати. Въ *Руській Правді* ще нема рѣчи про княжу землю: у князя есть тільки коні, борті, гроші и ёму въ спадокъ идѣ тільки добро смерда, якъ умре смердъ безъ наслідниківъ, а въ первій Новгородській грамоті голосно говорится, щобъ князі не привлащували собі землі ні силою, ні куповаиямъ, ані якъ инше.

(3) *Пошлина* — давній звичай, давнина. »Ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча то не надобѣ.« (*Акты Арх. Экп.* I, 5). »Пріѣхавше послы великы отъ Свѣйского короля, и докончаша миръ вѣчный съ княземъ и съ Новымгородомъ, по старой пошлинѣ.« (*И. С. Русск. Лит.* III, 73).

волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостій безъ вины не лишати;———а въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ пріимати, и по всей волости Новгородьской;———а изъ Бѣжиць, княже, людій не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской, ни грамоть имъ даяти, ни закладниковь пріимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцыни;—а что, княже, брать твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи. А что, княже, мытъ по твоей земли и по иной волости, и по всей Суждальской земли, а то, княже, имати по двѣ векши отъ лодье и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна короба; а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовь не имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отець, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.« (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, IV, пр. 114).

22) Не минáли, мáбуть, и старúхъ людéй, що въ Нéстора записáно: »И пріиде единъ старъ мужъ ко князю, и рече ему: княже! суть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома.« (*П. С. Рус. Лѣт.* I, 53).

23) Помагáючи князѝмъ, хи́жа орда́, якъ отъ По́ловці, хапа́ла людéй у невóлю, старúхъ побива́ла, осéлі пали́ла, бо то була́ для неї найкра́сча заба́ва, та́къ вона́ войну́ розуміла. Де пройшла́, щобъ була́ пу́сто,—отто́ була́ Полове́цька сла́ва. Затя́гши одúнъ кня́зь на дру́гого орду́ и поби́вши свого́ супротúвника, сіда́въ у го́роді кня́жити, а орду́ напуска́въ на се́ла: то́ була́ да́ка ій за по́мічъ. Такъ отъ у Не́стора чита́емо, що Олегъ Святосла́вовичъ, внукъ Ярослáва Владúмеровича, ви́руговавши зъ своєі во́лости дя́дька Владúмера, за пі́дмо́гою Полове́цькою, давъ імъ во́лю що-хотя́ навкруги́ Черні́гова робúти. »Приде Олегъ съ Половци, изъ Тмугороканя приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и манастирѣ пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю, а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранящю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганныя на землю Руськую; его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть, а друзіи полонени и расточени по землямъ.« (Тамъ же, 96). Ро́ку 1160 Изясла́въ Давúдовичъ привівъ Половцівъ на Смоле́ньку во́лость, и воні́ ви́вели звідті́ля бі́льшъ 10,000 полону́, а скі́льки жъ то поби́то! »Той же зимы оттудѣ иде въ Смоленскую волость Изяславъ, и повоевавъ; и тамо много зла створиша Половци, взяша душь болѣ тмы, а иныя изсѣкоша.« (Тамъ же, II, 87). Бра́ли поло́нъ

князі й безъ Половцівъ одинъ въ одного. Року 1148 ходивъ Изяславъ Мстиславовичъ у землю Ростовську воювати князя Юрия: 7,000 полону записавъ літописець. »... приде Изяславъ Новугороду, сынъ Мьстиславль, изъ Кыева, иде на Гюргя Ростову съ Новгородці, и много воеваша людье Гюрьгево, и по Волзѣ възяша 6 городовъ, оли до Ярославля попустиша, а головъ възяша 7,000.« (Тамъ же, III, 10).

24) Що князі такихъ невольничихъ силъ у насъ не застали, видно съ того, що Славяне наші полоняни брали въ неволю на годи, а не на-віки, а послі випускали на волю, або приймали въ своє товариство. Про се пишуть Маврикий и Левъ Мудрий.

25) Въ договорі Олеговімъ есть уже річъ про Руськихъ бранцівъ, рабівъ. Игорь, помирившись изъ Греками, одпустивъ іхъ послі съ Кіева, »одаривъ скорою и челядью и воскомъ«. (*П. С. Рус. Лът.* I, 23). Княгиня Ольга оддала Деревляни у неволю своімъ дружинникамъ: »... овыхъ изби, а другія работѣ предастъ мужемъ своимъ.« (Тамъ же, 25). Грецький царь, по Нестору, перекázувавъ Ользі черезъ свої послі: »ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвозвращаюся въ Русь, многи дары пришлю ти, челядь, воскъ и скору и вои въ помощь.« (Тамъ же, 26). Про Ярослава и Мстислава Несторъ пише: »идоста на Ляхы и заяста грады Червенскыя опять и повоеваша Лядьскую землю и многи Ляхы приведоста и раздѣлиста я, и посадивъ Ярославъ своя по Рси.« (Тамъ же, 64).

26) Що въ князівъ були куповані слободи, видно изъ літописця: »Въ лѣто 6666 (1158). Заложи Андрѣй князь въ Володимери церковь каменну— —и да ей много имѣнья и свободы купленыя и съ даньми.« (Тамъ же, 149).

27) Въ первій Новгородській грамоті читаемо: »Изъ Бѣжиць, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ пріимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни смерда, ни куцыни «

28) Мабуть, добре налягали вони на свої маетності, що, якъ іздила княгиня Ольга землю Руську порядкувати, то мусила визволити селянъ съ-підъ права такъ званого *княжого* (думають, що се право було jus primae noctis). У Татищева, который стародавні літописі докупи позводивъ (II, 45, 329), знаходимо, чого нема въ иншихъ спискахъ первого нашого літописця: »Тогда жъ отрѣши княжее, а уложила брать отъ жениха по черной кунѣ, какъ князю, такъ боярину отъ его подданнаго.«

29) Не мало жъ, мабуть, вони й бороли, коли Новгородці, найсміліший и вольніший людъ зъ усіхъ нашихъ Славянъ, написали въ

своій гра́моті: »А что былъ отъялъ братъ твой Адександръ пожнѣ, а то ти, княже, не надобѣ; а что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новгородѣ, а того ся, княже, отступи.« Згада́ймо жъ ище́, що витворя́въ князь Влади́меръ у Ки́еві, ніко́го не боячи́сь и не соро́млячись: »И бѣ несытъ блуда, приводя къ себѣ мужськи жены и дѣвицѣ растляя.« (*П. Я. С. Русс. Лѣт.* I, 34). Згада́ймо, якъ ви́бивъ Яросла́въ Новгоро́дцівъ за те, що заступи́лись за своіхъ жіно́къ и поби́ли ёго́ варя́гівъ: »И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ къ Новгородцемъ, рече: «уже мнѣ сихъ (варягівъ) не крѣсити.« И позва къ собѣ нарочитые мужи, иже бяху изсѣкли Варяги, обольстивъ и́ сѣче.« (Тамъ же, 61). Згада́ймо, якъ зляка́лись Кия́не, прочу́вши, що Изясла́въ, кото́рого вони́ прогна́ли, верта́етця зъ Ляха́ми. Хоро́ший, мабуть, бувъ, що хотіли Ки́івъ запали́ти и втіка́ти зо всімъ наща́дкомъ у Гре́цьку зе́млю: »А се ведетъ на ны Лядьскую землю — — зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю.« Брати́ не дали́ Изясла́ву пліндрува́ти отцівського го́рода; такъ вінъ, аби́ зогна́ти се́рце, посла́въ попередъ се́бе си́на свого́ Мстисла́ва въ Ки́івъ. »И прише́дъ Мьстиславъ, и сѣче иже быша высѣкли (ви́рубали съ темни́ці) Всеслава, числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ.« (Тамъ же, 74).

30) Не́сторъ пи́ше: »Аще ли кто усрящетъ черноризца, то възращается.« (Тамъ же 73). Князі й боя́ре, охристи́вшись, но́вому бо́гові по свое́му ро́зуму дого́жали и не то по города́хъ и се́лахъ до хреста́ люде́й си́лували, та й по пу́щахъ исъ попа́ми за старовірцями ганя́ли; то му́сили по́пи й че́пці до́бре іхъ наляка́ти. Съ тихъ ча́сівъ и до́сі въ се́лахъ веде́тця при́мха, що, якъ стрінешъ попа́, або́ ченця́ въ доро́зі, то безъ приго́ди тобі не мине́тця.

31) Чужозе́мські писа́телі не спомина́ють, щобъ у Поля́нъ були́ куми́ри. Пе́рве сло́во про богівъ ро́бленихъ знахо́димо въ Не́стора, якъ присяга́въ князь Игорь изъ свое́ю дружи́ною, покла́вши передъ Перу́номъ свою́ збро́ю и зо́лото, — и то були́ боги́, запе́вне, не Поля́нські, а прихо́жі зъ варя́гами. Пи́ше Не́сторъ, що князь Влади́меръ, верну́вшись одъ варя́гъ у Ки́івъ, поста́влявъ по го́рахъ Ки́евськихъ куми́ри. Той же Влади́меръ іхъ по́слі поруба́въ, попали́въ, або́ въ во́ду поки́давъ. Пла́кали, ка́же, лю́де за бога́ми, а які лю́де, того́ въ літопи́сці не ска́зано: мо́же, варя́ги та захо́жі, кото́рихъ до кня́зя въ Ки́івъ назбіра́лось бага́то зъ усіхъ зе́мель. Що куми́ри були́ не Новгоро́дські, ви́дно съ то́го, що тільки, опанува́вши Ки́івъ, Влади́меръ поста́вивъ Перу́на въ Но́вгороді. »Володимеръ же посади Добрыну уя своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Новгородстіи аки Богу.« (Тамъ же, 34). Що Перу́на Новгоро́дцямъ наки́ну-

то, вбача́емо и съ то́го ще, я́къ дорека́въ ёму́ ганча́рь Новгоро́дський ти́ми же́ртвами, що, пе́вно, му́сили лю́де невóлею дава́ти. Якъ уки́нули Перу́на въ річку Вóлхву, то ставъ зака́зъ, щобъ ніхто́ не перейма́въ ёго́. »Иде Пидьбля́нинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и́ шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыти еси ѣлъ и шлъ, а нынича поплови прочь.« (Тамъ же V, 121). Ще жъ зве́рнемо ува́гу й на те, що, коли́бъ куми́ри були́ наро́дні, а не ви́везені варя́гами изъ Жму́ди, чи відкіля́ зза мо́ря, то въ літопи́сцяхъ би писа́лося, що ве́лено іхъ по всій землі руйнува́ти, або́—що знахо́дили іхъ поги́ по гаяхъ, чи що́, и пали́ли; ато́ ні: тільки за волхва́ми гоня́лись, а про куми́ри ні слове́чка! До насъ подохо́дили каза́ння и посла́ння попівъ и ченцівъ X, XI, и XII віку. Поги́ й че́нці дорека́ють лю́дямъ, що вони́ принóсили же́ртви бісáмъ на болота́хъ и коло крини́ць, та все–таки́ вихо́дить — духáмъ, а не кумúрамъ; дорека́ють селя́намъ, що вінча́ютця безъ попа́, що не хо́дятъ до церкóвъ, а ні о́динъ ні ра́зу не сказа́въ, що лю́де кля́няютця кумúрамъ. Въ уста́ві пе́рвого Влади́мера »о церковныхъ судѣхъ и десятинахъ« перелíчені всі случа́і, въ кото́рихъ церкóвний судъ ма́е суди́ти городя́нъ и селя́нъ. Про куми́ри нема́ ні сло́ва, а есть про молитви́ до хліба свято́го и до краси́ Бóжої поміжъ дерева́ми и понадъ вода́ми. Уже́ бъ же по́пи напередъ усёго вписа́ли въ уста́въ, щобъ бра́ти су́дню пла́ту, якъ зна́йдуть де куми́ра, и ди́ку бъ ви́ру (повше́хну пла́ту зъ села́ чи во́лости) назна́чили за сю на́ходку; ато́ ні: тільки й ска́зано всёго»...или кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или подъ рощеніемъ, или у воды.« (Тамъ же, VI, 83). Пи́сана старосвіщина спомина́е такі ча́си, що не було́ ще въ Слови́нъ Перу́на: мóже, се вона́ спомина́е про то вре́мя, якъ ще князі–Русь Поля́нъ не опанува́ли. Есть у Кири́ловому манастире́ві на Білому озе́рі стародáвній збірникъ, а въ тому́ збірняку́ написано: »Оттуда же ізвыкоша елени класти требы артемиду і артемидѣ, рекше роду рожаницѣ. таціи же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доiде се слово і ті начаша требы класти роду и роженицамъ прежде Перуна бога ихъ, а переже того клали требу упирємъ и берегинямъ.« (Шевирева *Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь*, 11, 33). Про Славя́ньску миѳологію писа́ли въ насъ неда́вніми ча́сами п. Срезневськiй (*О богослуженіи древнихъ Славянъ*) и п. Костомаровъ (*Славянская Миѳологія*). Ні той, ні дру́гий не знайшли́ у Славя́нъ камяни́хъ, чи деревя́нихъ божи́щъ. Що були́ людськi же́ртви бога́мъ у Ки́еві, ви́дно зъ Не́стора; тільки зновъ ніхто́ не дока́же, щобъ се не прише́льці богівъ своіхъ людською́ кро́вью вгнобля́ли. Въ одному́ варя́нті старосвітськоі ду́ми про Олексія Попóвича козаки́ врізали виновáтому передъ Бóгомъ мизи́нного па́льця, пусти́ли въ мóре крові—и мóре, зачу́вши кровъ, утиха́е. Се спóминъ да́вніхъ жертвъ людськи́хъ, а все жъ и тутъ хто дока́же, що не варя́ги занесли́ до Поля́нъ ра́зомъ съ Перу́номъ людськi же́ртви? а козаки́ пiшли́ одъ

стародáвніхъ кня́жихъ дружи́нъ, то й далéкимъ ро́дамъ сю прúмху переказáли.

32) »Созва Володимеръ боляры своя и старцы градскіѣ. Да что ума придасте? что отвѣщаете?« (*П. С. Русс. Лѣт.* I, 45).

33) »Развергъше Гречьскый Номоканонъ«, пúше въ своéму устáві пéрвий Владúмеръ, »и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити, ни бояромъ его, ни тіуномъ: и азъ сгадавъ своими дѣтми, со всѣми князи и со всѣми бояры далъ есмь тѣ суды церквамъ Божіимъ, митрополитомъ и всѣмъ епископьямъ по Русской земли.« (Тамъ же VI, 82).

34) Не судúли князі не то чепцівъ и черни́ць, попівъ, попáдь, попóвичівъ, та й тихъ, що по манастиря́хъ на про́щу ходúли (палóмниківъ), и тихъ, що якúмъ-нéбудь ремéствомъ, чи робóтою манастиря́мъ служúли (»кто порти чернечьскые сверженъ«), хто чýдомъ нíби-то одýжавъ и коло цéркви тулúвся, кого́ на во́лю рáди души́ спасіння вúпущено (»задушный человѣкъ«) и кого́ за вину́ у церкóвний домъ узя́то; не судúли удівъ, калікъ и всіхъ старцівъ. (Тамъ же, 84).

35) »Аже мужа два бiетася женьски, или укусить, или одереть, епископу 3 гривны.« (Тамъ же, 86).

36) Див. припúску 3. Нéсторъ Полянъ одъ усіхъ и́ншихъ одрíзнúвъ звичáями. Зáразъ и вúдно, що воні́ повúнні всімъ сусідямъ за взíръ стоя́ти, якъ дійдетця до христия́нства. Ще не говóрючи про христия́нство, Нéсторъ описáвъ іхъ такúми, якúми мýсили и́нші невóлею вчинúтись, черезъ нову́ віру.

П. Кулішъ.

ЧТО́ ЕСТЬ МНѢ И ТЕБѢ, ЖЕНО?

Іоанна гл. II. ст. 4.

(Дорогóму землякові Зінчéнкові).

О, я́къ тебé, Спáсе, у тімъ слóві бáчу!
О, я́къ твоé сéрце моімъ сéрцемъ чýю!
Читáю Завітъ твій,—читáючи плáчу:
Висóко підня́въ ти натýру людськýю.

Чужá тобі стáла и рідная мáти;
Зостáвсь ти безъ рóду, безъ хáти на свíті,
Щобъ рóдомъ коханимъ сéрця не сковáти,
Хáтнімъ упокóемъ дýха не вгасúти.

О, знáю я, знáю, я́къ те сéрце бúлось,
Якъ той духъ висóкий злітáвъ надъ землéю!..
Щó дітямъ на лóні у мáтери снúлось,
Чогó мéртві чáють—обня́въ ти душéю.

Снúлись дітямъ рáйські вікóвічні квіти;
Чáють мéртві жúзні грядýщого віку...
Справдишъ ти, щó бáчять чúстимъ сéрцемъ діти;
Справдишъ, щó дорóжше всёгó чоловіку.

Уже́ зъ рáю твоімъ дýхомъ
На насъ повівáе;
Уже́ знóву твоé слóво
Мéртвихъ воскрешáе.

Виростáють, приближáють
Твоé цáрство діти.
Ой не дýрно жилú й гúбли
Прáведники въ свíті!

Виростáють,—твоімъ слідомъ,
Зъ мáтернёго лóна
Утікáють роспинáтись
Середъ Вавилóна.

»Же́но ма́ти! що́ тобі я?
Ти своє́ вчини́ла,
Якъ, радіючи, підъ се́рцемъ
Дити́ну носи́ла.

»Мину́лися ті ра́дощи,
Мину́лися й му́ки...
Не вмістити тобі въ се́рці
Нової науки!

»Спочива́й, спасе́нна ду́шо,
У ти́хій госпо́ді,
А ми бу́демъ святу́ пра́вду
Сіяти въ наро́ді.

»Дай намъ, ма́ти, те справди́ти,
Що́ на чи́стімъ ло́ні
Сни́тця дітямъ непоро́чнимъ
Въ грішнімъ Вавило́ні.

»Дай намъ, ма́ти, доказа́ти,
Що ми — рідні діти
Тихъ вели́кихъ, що за пра́вду
Ги́нули на світі.«

П. Кулішъ.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Окончаніе.

Управлявшій министерствомъ юстиціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату, изъяснилъ слѣдующее:

Въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію три вопроса:

1) Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, рожденъ ли женою генералъ-маіора Степана Ширая, Ульяною Ширай, во время существованія законнаго ихъ брака?

2) Если рожденъ въ семъ бракѣ, то слѣдуетъ ли, по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ рожденіе и воспитаніе Заботина, признавать его сыномъ Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянія?

3) Въ случаѣ признанія законности рожденія Александра, какія права принадлежатъ ему, по закону, на имѣніе, оставшееся послѣ Степана Ширая и жены его Ульяны?

По первому вопросу обстоятельства дѣла показываютъ, что, въ продолженіе законно-нерасторгнутой брачной жизни, Ульяна Ширай, въ ноябрѣ 1818 г., въ родовомъ имѣніи генерала Ширая, селѣ Соловѣ, гдѣ она имѣла безвыѣздное пребываніе, родила сына, названнаго при крещеніи Александромъ. Дѣйствительность сего событія положительно подтверждается: во 1-хъ, объясненіями самихъ дочерей Ширая, Долинской и Чернолузской, замѣчаніями ихъ повѣреннаго, и показаніями: а) священника Ивана Лапчинскаго, присутствовавшаго; въ званіи дьячка соловской церкви, при крещеніи младенца Александра, б) 18-ти присяжныхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ Ракицкаго и Гаевскаго, управлявшихъ имѣніями Ширая, и в) 25-ти дворовыхъ людей села Соловы, спрошенныхъ по священническому увѣщанію.

Въ отношеніи ко ***второму вопросу*** о томъ, можетъ ли младенецъ Александръ, рожденный въ ноябрѣ 1818 года Ульяною Ширай,

во время законно-нерасторгнутаго брака, быть признанъ законнымъ сыномъ мужа ея, Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянія, необходимо обозрѣть предварительно всѣ дѣйствовавшія до начала сего дѣла постановленія о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, потомъ всѣ представленныя по дѣлу доводы, въ опроверженіе законности рожденія Александра Заботина, и наконецъ сличить сіи доводы съ законами и обстоятельствами самаго дѣла.

Въ законахъ постановлено:

Ст. 121 (Х. т. зак. гр.). Всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились:

1, По естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденія.

2, По смерти отца, если только между днемъ ихъ рожденія и днемъ смерти отца не прошло времени болѣе того, сколько обыкновенно проходитъ между днемъ зачатія и днемъ рожденія младенца.

Ст. 122. Законными почитаются всѣ дѣти, законность коихъ не была оспорена:

1, При жизни ихъ родителей.

2, Въ теченіи десяти лѣтъ отъ ихъ рожденія.

Примѣчаніе. Законность рожденія лица почитается неоспоренною, когда признаніе онаго законнымъ оглашено надлежащими актами, или же другими событіями при жизни обоихъ родителей его, и потомъ въ продолженіе десяти лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по мииованіи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченія десятилѣтія, никакой уже споръ о законности рожденія дѣтей, когда признаніе онаго законнымъ было, какъ сіе сказано выше, оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами, или же другими событіями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя.

Ст. 123. Доказательства законнаго рожденія суть:

1, Бракъ родителей, законно совершенный; въ случаѣ же спора о законности брака, признаніе онаго законнымъ отъ духовнаго суда.

2, Приходскія (метрическія) книги, родословныя, городовыя обывательскія книги и ревизскія сказки.

3, Свидѣтельство людей честнаго и незазорнаго поведенія, какъ-то: приходскаго священника и двухъ обывателей того же прихода.

4, Для дѣтей, прижитыхъ въ супружествѣ, по естественному порядку слишкомъ рано, доказательствомъ законности признаются соб-

ственныя показанія и письма отца и матери, не отрицающихъ законнаго ихъ рожденія.

Ст. 124. Отецъ не можетъ оспаривать законнаго рожденія дѣтей:

1, Въ гнѣвѣ на нихъ или на ихъ мать, а свою жену.

2, Если не малое время, имѣвъ ихъ у себя въ домѣ, признавалъ ихъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, своею женою.

3, При мачихѣ.

Ст. 126. Епархіальное начальство, въ слѣдствіе отношеній присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, для разрѣшенія дѣлъ о законности рожденія, обращается прежде всего къ метрическимъ книгамъ, и если найдетъ, что рожденіе и крещеніе лица, о которомъ идетъ дѣло, записаны въ нихъ и запись сія не подлежитъ сомнѣнію, то доставляетъ требуемое о семъ свѣдѣніе присутственному мѣсту или начальству, или же выдаетъ свидѣтельство просителю, желающему имѣть метрическое свидѣтельство.

Ст. 127. Если рожденіе лица, о которомъ идетъ дѣло, въ указанномъ приходѣ въ показанное время не записано, или если метрическая запись сомнительна потому, что находится подъ другимъ числомъ или съ разнорѣчіемъ въ именахъ рожденнаго или родителей, или съ подчистками, или по другимъ причинамъ, то дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указаннаго года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыскною книгою о бракѣ родителей, и производится слѣдствіе, въ которомъ вопрошаются воспріемники и лица, бывшія при крещеніи.

Ст. 129. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то сверхъ показаній отъ священника, крестившаго, и бывшихъ при крещеніи, преимущественно обращается вниманіе на всѣ относящіеся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документы, изъ коихъ можно было бы видѣть, какъ признавали его родители, какъ оно вообще признаваемо было при жизни родителей, и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхожденія.

Ст. 130. Смотря по надобности, консисторія собираетъ свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ, каковы суть: формулярные списки родителей, родословныя, городскія и обывательскія книги, ревизскія сказки и проч.

Ст. 131, незаконныя дѣти суть:

1, Рожденныя внѣ брака, хотя бы родители ихъ въ послѣдствіи соединены были законнымъ бракомъ.

2, Прижитыя въ незаконномъ бракѣ.

3, Происшедшія отъ прелюбодѣянія.

Ст. 132. Незаконныя дѣти, хотя бы они воспитаны были ихъ родителями, не имѣютъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него въ имуществѣ наслѣдство. Участь дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ вовлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть предаваема, по усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, монаршему милосердію.

Статута литовскаго, раздѣлъ III, артикула 28, § 3. Незаконнорожденнымъ признавать и таковаго, отъ котораго бы отецъ, при жизни своей, отрекся и сыномъ своимъ не признавалъ, токмо бы не учинилъ сего по ссорѣ и ненависти противу сына и жены своей, законной его матери, а если бы чрезъ немалое время его своимъ дѣтищемъ признавалъ и по его рожденіи его мать, а свою жену, въ домѣ своемъ терпѣлъ и когда однажды его своимъ дѣтищемъ принялъ и при себѣ его имѣлъ, въ домѣ своемъ терпѣлъ; то послѣ отречься отъ него не можетъ: ибо непристойно честному человѣку что-либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть.

Представленные по дѣлу доводы противу законности рожденія Александра могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ категоріямъ:

Во-первыхъ, что подлогъ въ метрикахъ церкви села Соловы за **1818** годъ совершенъ не ранѣе **1842** г. и что метрическая тетрадь села Соловы за 1818 годъ, представленная титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, непрошнурованная и никѣмъ неподписанная, лишена всякой юридической достовѣрности, а потому записка въ ней Александра сыномъ Ширая и жены его Ульяны не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Во-вторыхъ, что супружеское сожитіе Ширая съ женою съ 1809 г., по самую смерть сей послѣдней, прекращено было въ слѣдствіе несогласій и болѣзни, которою она была одержима до конца жизни.

Въ-третьихъ, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, никогда не былъ признаваемъ законнымъ сыномъ ни Степаномъ Шираемъ, ни женою его Ульяною, а законность рожденія Александра не только никѣмъ и ничѣмъ оглашена не была, но напротивъ того изъ выданнаго Шираю дворянами свидѣтельства и изъ составленныхъ имъ распорядительныхъ объ имуществѣ актовъ явствуетъ,

что за смертію сына Михаила, мужеское колѣно въ его родѣ пресѣклось, что́ въ свое время оспорено не было ни Ульяною Ширай, ни отцомъ ея Петромъ Бороздною, ни сыновьями сего послѣдняго, однокровными ея братьями.

Въ-четвертыхъ, что Высочайше учрежденная коммисія при производствѣ слѣдствія по сему дѣлу нарушила предписанныя закономъ формы и обряды и не произвела розысканія объ обстоятельствахъ, могущихъ служить къ разъясненію дѣла.

Въ отношеніи сихъ возраженій изъ дѣла видно:

I. О МЕТРИКАХЪ.

Слѣдственною гражданскою коммисіею, учрежденною по Высочайшему повелѣнію, и духовною, по указу святѣйшаго синода, обнаружено четыре книги церкви села Соловы за 1818 годъ.

О церковной книгѣ не имѣется въ дѣлѣ свѣдѣній, кромѣ удостовѣренія слѣдователей, что по сличеніи она оказалась не подлинною, а списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи. Тетрадь, представленная Заверухою, никѣмъ не подписана, безъ печати и непрошнурована. Въ книгѣ этой, 8 ноября, *въ статьѣ подъ № 15-мъ значится:* «отъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны Петровны дочери Бороздновны родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8-го числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ, воспріемникомъ отъ св. крещенія тому младенцу былъ тогожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій».

Стародубское духовное правленіе увѣдомило слѣдователей, что метрическія книги за 1818 годъ дѣйствительно не были завѣряемы духовнымъ правленіемъ, какъ сіе видно изъ книгъ, имѣющихся въ архивѣ.

При обозрѣніи слѣдственною коммисіею и судебными мѣстами консисторскаго и правленскаго экземпляровъ метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ, найдено въ нихъ по одному поддѣльному, вшитому, обрѣзанному листу, которые отличаются отъ прочихъ цвѣтомъ бумаги и чернилъ, внутренними водяными знаками и размѣромъ графъ. Скрѣпа на сихъ листахъ протоіерея Павла Рклицкаго, священника Николая (умершаго) и дьячка Ивана Лапчинскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ ихъ скрѣпою на прочихъ листахъ, что́ подтвер-

дили, кромѣ слѣдователей, сами подписавшіе и скрѣпившіе книги Рклицкій и Иванъ Лапчинскій.

Очевидность сихъ наружныхъ признаковъ подлога въ метрическихъ книгахъ подтверждается еще, во-1-хъ, тѣмъ, что вписанный въ консисторскую и правленскую метрическій книги за 1818 годъ родившимся сынъ дворянина Василія Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, въ тѣхъ книгахъ показанъ умершимъ 6-го декабря, 2-хъ лѣтъ, и во-2-хъ, тѣмъ, что унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій, сынъ священника Николая Лапчинскаго, подъ присягою сознался, что онъ, по приказанію отца, писалъ поддѣльные листы и вшилъ ихъ на мѣсто прежнихъ, о чемъ онъ впослѣдствіи сообщилъ священнику Ивану Лапчинскому, который это показаніе при слѣдствіи также подтвердилъ по іерейской совѣсти.

Засимъ, остается разрѣшить вопросъ, былъ ли рожденный Ульяною Ширай сынъ Александръ записанъ въ тѣхъ книгахъ, на тѣхъ листахъ, которые замѣнены другими.

По вопросу сему изъ слѣдствій гражданскаго и духовнаго вѣдомства видно:

а, Священникъ Иванъ Лапчинскій, бывшій въ 1818 году дьячкомъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, показалъ, что въ метрической книгѣ, хранившейся до 1839 года при помянутой церкви, Александръ былъ записанъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны, но въ семъ послѣднемъ году, по приказанію Ширая, объявленному ему Заверухою, книга эта была отдана имъ Заверухѣ, который замѣнилъ ее другимъ экземпляромъ, гдѣ уже не было записано рожденія Александра. Въ доказательство справедливости сказаннаго, Иванъ Лапчинскій представилъ письмо къ нему благочиннаго Демы. Священникъ Иванъ Лапчинскій книгу, хранившуюся у Заверухи, признаетъ подлинною, взятою у него симъ послѣднимъ въ 1839 году. Показаніе это 16 марта 1843 года Лапчинскій подтвердилъ предъ архіепископомъ черниговскимъ Павломъ, сдѣлавшимъ о томъ письменное на оберточномъ листѣ засвидѣтельствованіе.

б, Священникъ Ѳедоръ Лапчинскій, бывшій дьякономъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, подтвердилъ показаніе Ивана Лапчинскаго, дополнивъ оное сознаніемъ, что въ 1839 или 1840 году, вскорѣ послѣ смерти жены Ширая, онъ, изъ угожденія сему послѣднему, по порученію Заверухи, писалъ копію съ экземпляра метрической книги духовнаго правленія, въ которомъ не было записано рож-

денія Александра. Этою копіею впослѣдствіи была замѣнена подлинная церковная метрическая книга.

в, Благочинный Дема подтвердилъ показаніе Лапчинскихъ во всемъ, что̀ до него касалось.

г, Дворянинъ Ракицкій, занимавшійся письменными дѣлами у Ширая, подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что Александръ былъ записанъ въ метрику, но безъ спроса и желанія Ширая, и когда членъ духовнаго правленія, священникъ Пашинскій (умершій), объявилъ ему о томъ, то Ширай разсердился и велѣлъ тому священнику выключить Александра; но ка́къ исполнено было это желаніе, онъ, Ракицкій, не знаетъ.

д, Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій (сынъ священника Николая Лапчинскаго) подъ присягою сознался, что метрическія книги села Соловы за 1818 годъ были писаны имъ; что въ этихъ книгахъ, въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., записанъ былъ сынъ Ширая Александръ, но чрезъ годъ послѣ рожденія сего послѣдняго, а настоящее не помнитъ, онъ, Лапчинскій, по приказанію своего отца, въ книгахъ метрическихъ, присланныхъ протоіереемъ Леонтіемъ Рклицкимъ, переписалъ листы, гдѣ Александръ былъ вписанъ; и вмѣсто него, на вновь вшитыхъ листахъ, вписалъ сына дворянина Лапчинскаго, Павла, и что скрѣпы на новыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, сдѣлалъ онъ, Лапчинскій, по приказанію отца.

е, Титулярный совѣтникъ Заверуха, подъ присягою сознался, что онъ дѣйствительно, по приказанію Ширая, выпросилъ у священника Іоанна и дьячка Федора Лапчинскихъ бывшую при соловской церкви метрическую книгу, въ которой, какъ Ширай неизвѣсто отъ кого узналъ, значился записаннымъ Александръ, непризнанный имъ сыномъ; что въ замѣнъ взятой книги Ширай просилъ отдать копію съ метрики стародубскаго духовнаго правленія, доставленную ему столоначальникомъ Барщевскимъ; что показаніе священника Ѳедора Лапчинскаго, будто бы онъ, Заверуха, убѣждалъ его писать копію, несправедливо, и что когда онъ, Заверуха, получилъ подлинную соловскую церковную метрическую книгу, то предъявилъ ее Шираю, который, прочитавъ, возвратилъ ему и сказалъ: «пусть у тебя останется».

На данной Заверухѣ съ священникомъ Ѳедоромъ Лапчинскимъ очной ставкѣ, каждый изъ нихъ остался при своемъ показаніи.

ж, Вдова секретаря стародубскаго духовнаго правленія Масловская

(родственница Заверухи, по словамъ повѣренныхъ Долинской и Чернолузской), подъ присягою показала, что она, по болѣзни мужа, принимала соловскія метрическія книги, и въ оныхъ былъ записанъ Александръ сыномъ Ширая, и что въ послѣдствіи, въ февралѣ или мартѣ 1819 года, она видѣла, какъ книги эти взялъ изъ правленія священникъ Пашинскій.

3, Поручикъ Иванъ Губчицъ, дальній родственникъ Ширая, въ письменномъ отзывѣ объяснилъ, что когда въ 1839 или въ 1840 году онъ сказалъ Ираю, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство, то съ симъ словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ и сказалъ Заверухѣ: «что это значитъ?» — «Несправедливо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Заверуха, вездѣ уничтожено».

Совокупность сихъ сознаній и показаній, учиненныхъ по іерейской совѣсти или подъ присягою (кромѣ Губчица), въ опроверженіе которыхъ противная сторона противопоставляетъ однѣ лишь догадки, неимѣющія предъ закономъ судебной достовѣрности, уничтоженіе въ метрическихъ книгахъ консисторіи и правленія тѣхъ именно листовъ, въ коихъ записаны были родившіеся въ ноябрѣ 1818 года, и наконецъ логическая послѣдовательность выше доказанныхъ фактовъ рожденія и крещенія въ селѣ Соловы Александра, требующая записки сего послѣдняго, подъ какимъ бы то званіемъ ни было, въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, въ которыхъ его нынѣ вовсе не значится,—приводятъ къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: 1, что Александръ Заботинъ въ ноябрѣ 1818 года былъ записанъ въ метрическихъ книгахъ соловской церкви сыномъ Степана Ширая и, по распоряженію сего послѣдняго, единственнаго лица, имѣвшаго въ томъ интересъ, исключенъ изъ книги, и 2, что всѣ подлоги и подмѣны въ метрическихъ книгахъ учинены были до кончины Ширая, послѣдовавшей въ августѣ 1841 года.

II. О ЛИЧНЫХЪ СУПРУЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СУПРУГОВЪ ШИРАЙ.

Изъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній видно:

Гаевскій, управлявшій соловскимъ имѣніемъ съ мая 1818 г., и Ракицкій, занимавшійся по письменнымъ дѣламъ Ширая съ 1811 г., объявили: Ширай жилъ съ женою въ несогласіи, но посѣщалъ ли онъ ее, не знаютъ и не замѣтили. Къ сему Гаевскій присовокупилъ, что Ширай, проѣзжая въ Черниговъ, заѣзжалъ въ Солово, останав-

ливался въ большомъ домѣ и проживалъ тамъ по нѣскольку дней; что въ началѣ 1818 года Ширай былъ въ Соловѣ и что въ день рожденія его женою сына Александра ночевалъ тамъ и поутру уѣхалъ въ Черниговъ. Это подтвердили и пять соловскихъ дворовыхъ людей, спрошенныхъ по священническому увѣщанію, присовокупивъ къ тому, что Ширай, бывая въ Соловѣ, видѣлся съ женою.

Заверуха, поступившій къ Шираю на службу въ 1834 году, показалъ, что съ 1834 года Ширай жены не навѣщалъ.

Титулярный совѣтникъ Середа,—что, по носившимся въ народѣ слухамъ, Ульяна Ширай родила сына, но не отъ мужа.

Животкевичъ, — что во время освѣщенія соловскаго дома, когда Ширан жили вмѣстѣ, преосвященный черниговскій, по просьбѣ Степана Ширая, назидалъ жену его Ульяну, въ особыхъ покояхъ, о вѣрности супружества; а коллежскій регистраторъ Янжулъ, что при женѣ Ширая видѣлъ сына ея Александра, который жилъ при ней до 5-ти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ Александръ,—не знаетъ.

Показаніе свидѣтелей насчетъ образа жизни Ульяны Ширай разногласны; одни утверждаютъ, что она содержалась въ Соловѣ неприлично своему званію и терпѣла недостатки, другіе напротивъ того свидѣтельствуютъ, что ей производилось приличное и достаточное содержаніе.

О болѣзняхъ, которыми была одержима Ульяна Ширай, коллежскій ассесоръ Животкевичъ подъ присягою показалъ, что она имѣла припадки въ родѣ сумасшествія и тогда выходила изъ благопристойности къ мужчинамъ.

Графъ Гудовичъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій въ письменныхъ отзывахъ показали: *первый*, что рѣдко имѣлъ случай видѣть Ульяну Ширай, но ему казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ, она была женщина скромная и кроткая, а *второй* слышалъ, что въ болѣзненныхъ припадкахъ она предпочитала бесѣду, званію ея несвойственную.

Наконецъ докторъ Кузминскій, пользовавшій Ульяну Ширай съ 1834 года, въ отзывѣ объяснилъ, что она вскорѣ послѣ смерти сына Михаила страдала желтухою, потомъ водяною и отъ двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ 1838 году параличныхъ ударовъ, въ 1839 году скончалась. Во время малоколичественныхъ очищеній имѣла общее умопомѣшательство, продолжавшееся иногда и по недѣлѣ и

обнаруживавшееся безсонницею, говорливостію, или молчаливостію и угрюмостію.

По единогласнымъ отзывамъ секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, сличавшихъ письмо Петра Бороздны, отъ 16 августа, съ другими его письмами и документомъ, имъ подписаннымъ, въ почеркѣ сего письма не найдено сходства съ почеркомъ его на другихъ бумагахъ; второе письмо Бороздны, отъ 17 іюня, въ которомъ онъ приглашаетъ Ширая для сообщенія какой-то тайны, не можетъ служить къ разъясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, а третье письмо Ширая, хотя и не оспоренное въ подлинности почерка, есть не болѣе, какъ черновой проэктъ письма, неизвѣстно когда и къ кому писаннаго и посланнаго или нѣтъ.

По показанію Долинской и Чернолузской, Ширай писалъ письмо сіе въ 1811 году къ Немировичу-Донченкѣ. Въ письмѣ этомъ есть смыслъ, но обвиненія, которыя въ немъ взводятся, не оправдываются ни обстоятельствами дѣла, ни единодушнымъ показаніемъ о характерѣ и душевныхъ качествахъ Ульяны Ширай. Во всякомъ случаѣ проэкты писемъ Ширая, въ которыхъ онъ по произволу могъ писать все, что ему вздумалось, недолжны быть приняты за доказательства при рѣшеніи дѣла. Но признавая даже бумаги, представленныя Долинскою и Чернолузскою, несомнѣнно писанными въ 1809 и 1811 годахъ Бороздною и Шираемъ, очевидно, что если юридически невозможно по двумъ письмамъ обвинить Ульяну Ширай въ прелюбодѣяніи въ томъ періодѣ времени, къ которому письма эти относятся, то тѣмъ менѣе они могутъ служить доказательствомъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ нарушеніи въ 1818 году супружеской вѣрности, по истеченіи 8-ми или 9-ти лѣтъ отъ ихъ написанія, ибо предшествовавшія событія или поступки не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе принять можно за юридическій доводъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ прелюбодѣяніи въ 1818 году, показаніе Животкевича, что преосвященный черниговскій во время освященія соловскаго дома, по просьбѣ Степана Ширая, назидалъ въ особомъ покоѣ жену его въ вѣрности супружеской. Судя по словамъ Животкевича (Шираи жили тогда вмѣстѣ), событіе это должно быть отнесено къ промежутку времени между 1801—1810 годами. Что же касается до побудительной причины къ означенной просьбѣ Ширая, то столько же вѣроятно, что поводомъ къ тому могло быть нарушеніе женою супружескаго долга, сколько, если не болѣе, неосно-

вательная подозрительность и даже одно простое желаніе утвердить жену силою пастырскаго слова въ неизмѣнной супружеской вѣрности.

При подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, не оказывается между оными не только удостовѣренія, но даже и намека на преступную съ кѣмъ либо связь Ульяны Ширай. Сдѣланное повѣреннымъ дочерей Ширая указаніе на Рухлядку (умершаго), управлявшаго соловскммъ имѣніемъ до 1818 года, явно опровергается и своею голословностію и присяжнымъ показаніемъ помѣщика Янжула, что Рухлядка обращался съ Ульяною, по своему невѣжеству, грубо. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ (Ракицкій, Гаевскій, Заверуха, Попсуй, Гредченко) говорятъ о несогласіи Ширая съ женою; но несогласіе не доказываетъ еще совершеннаго и постояннаго разрыва супружескихъ отношеній. Въ представленномъ Долинскою и Черполузскою проэктѣ чернового письма Ширая сказано, что онъ до нѣкотораго только времени не можетъ видѣться съ женою; слѣдствіемъ же обнаружено, что онъ, Ширай, бывалъ по нѣскольку дней въ селѣ Соловѣ, гдѣ жена его постоянно жила и что въ имѣніи семъ онъ былъ какъ въ началѣ 1818 г., такъ и въ день рожденія женою Александра, а по удостовѣренію пяти дворовыхъ людей, онъ не только бывалъ въ селѣ Соловѣ, но даже видѣлся съ женою своею Ульяною. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ Ширай, какъ удостовѣряетъ черниговское дворянское депутатское собраніе, находился въ стародубскихъ своихъ имѣніяхъ, а не въ Черниговѣ, какъ доказывали его дочери.

Законъ (ст. 121 и 131 X Т.) рожденныхъ въ законномъ бракѣ дѣтей признаетъ незаконными въ томъ единственно случаѣ, когда они произошли отъ прелюбодѣянія. Показанія противной стороны о рожденіи Александра Ульяною Ширай отъ прелюбодѣянія, или явно опровергнуты, или ничѣмъ не доказаны, а въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго довода о нарушеніи Ульяною Ширай, въ 1818 году, супружескаго долга и со стороны соперниковъ Александра не представлено никакихъ указаній, которыя бы приводили къ вѣроятному предположенію о томъ, кто могъ быть отцомъ его, Александра, или существовалъ ли канцеляристъ, или другое какое либо лицо, сыномъ котораго онъ могъ быть, подъ фамиліею Заботина, поступить въ воспитательный домъ.

III. О НЕПРИЗНАНІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРОМЪ ШИРАЕМЪ И ЖЕНОЮ ЕГО УЛЬЯНОЮ АЛЕКСАНДРА ЗАКОННЫМЪ ИХЪ СЫНОМЪ И О НЕОГЛАШЕНІИ ЗАКОННОСТИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО.

Подложное исключеніе Александра изъ метрическихъ книгъ села Соловы, непомѣщеніе его въ свидѣтельствѣ, взятомъ въ 1819 году отъ суражскаго предводителя дворянства, для предъявленія правъ на наслѣдство послѣ полковника Будлянскаго, и наконецъ оговорка Ширая во всѣхъ, составленныхъ имъ въ 1838 году распорядительныхъ, актахъ объ имуществѣ, что за смертію сына Михаила мужеское колѣно пресѣклось, неоспоримо доказываютъ нежеланіе Ширая признавать Александра законнымъ своимъ сыномъ. Но если нѣтъ въ фактѣ семъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то равномѣрно не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что такого рода непризнаніе не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Заботина такихъ правъ, которыя, по рожденію его въ законномъ бракѣ, закономъ ему присвоены. По литовскому статуту (разд. 3 артикулъ 28, § 3), дѣйствовавшему до 1842 года въ Черниговской губерніи, не признавшій законнымъ сына, рожденнаго женою, долженъ былъ учинить отреченіе и не держать ни жены, ни дитяти въ своемъ домѣ, ибо непристойно, какъ сказано въ семъ законѣ, честному человѣку что либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть. Соображая съ обстоятельствами дѣла сей законъ, современный по рожденію Заботина въ 1818 г. и мѣстный по совершенію событій въ Черниговской губерніи, нельзя упустить изъ виду, что послѣ рожденія Ульяною Ширай сына Александра, она безвыѣздно до самой кончины жила въ родовомъ имѣніи своего мужа въ Соловѣ, въ которомъ бывалъ и самъ Ширай, а сынъ, ею рожденный, оставался при ней въ томъ же имѣніи до 4-хъ лѣтъ. По дѣлу видно, что Ширай зналъ о рожденіи женою его сына Александра, и этого обстоятельства не отвергаютъ противники Заботина, а потому пребываніе Александра въ домѣ Ширая до 4-хъ лѣтъ и неучиненіе симъ послѣднимъ формальнаго отреченія, узаконяютъ такъ сказать рожденіе Александра, хотя бы Ширай убѣжденъ былъ и въ противномъ, ибо по общимъ основаніямъ гражданскихъ законовъ неотрицаніе въ установленномъ порядкѣ мужемъ такого событія, какъ рожденіе его женою сына, равносильно въ послѣдствіяхъ признанію его законнымъ.

Переходя отъ литовскаго статута къ общему своду законовъ, долж-

но признать, что дѣйствовавшіе и дѣйствующіе законы наши имѣли всегда въ виду, съ одной стороны, огражденіе освященныхъ церковью отношеній мужа и жены отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а съ другой, защиту гражданскихъ правъ дѣтей, происходящихъ отъ сего союза. Посему отреченіе отъ дитяти, рожденнаго женою въ законномъ бракѣ, зависитъ не отъ произвола мужа, а отъ закона, вслѣдствіе предъявленнаго имъ установленнымъ порядкомъ и своевременно спора и доказаннаго имъ нарушенія женою супружеской вѣрности. Съ сею цѣлію, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 6-го февраля 1850 года (которое впрочемъ по времени изданія на настоящее дѣло не распространяется), установленъ даже срокъ, для предъявленія мужемъ спора о законности младенца, рожденнаго его женою; съ сею же цѣлію постановлено въ ст. 121 и 131, что рожденные въ законномъ бракѣ признаются незаконными, въ случаѣ доказаннаго происхожденія отъ прелюбодѣянія жены, а въ ст. 122 X Т. и примѣчаніи къ оной, что законность рожденія младенца не подлежитъ спору, если не была она оспорена, при жизни его родителей или въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ рожденія его, когда только признаніе лица было оглашено надлежащими актами и событіями. Прочія постановленія X Т. Св. Зак. гр. о дѣтяхъ законныхъ, по внутреннему ихъ содержанію, исключительно относятся къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ законнаго брака.

Изложенными выше обстоятельствами дѣла обнаружено, что Александръ записанъ былъ законнымъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, слѣдовательно рожденіе его было оглашено въ исключительно установленномъ для сего актѣ; если же Ширай имѣлъ основаніе признавать Александра не своимъ сыномъ, а происходящимъ отъ прелюбодѣянія жены, то обязанъ былъ представить доказательства въ установленномъ порядкѣ и своевременно; но самовольное устраненіе Александра посредствомъ свидѣтельства и распорядительныхъ актовъ отъ правъ гражданскихъ, усвоенныхъ рожденіемъ въ законномъ бракѣ, лишеніе и присвоеніе которыхъ не зависитъ отъ произвола частнаго лица, предъ лицомъ закона не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія. Александръ рожденъ Ульяною Ширай въ 1818 году, оставался при ней въ родовомъ имѣніи Ширая Соловѣ до 4-хъ лѣтъ, потомъ отправленъ въ деревню Болдовку, а оттуда отданъ Михаиломъ Шираемъ, сперва на воспитаніе въ Новгородъ-Сѣверскъ священнику Мануйловичу, а потомъ въ

московскій воспитательный домъ подъ вымышленнымъ именемъ Заботина. Всѣ сіи событія, подтвержденныя свидѣтельскими показаніями, не были и не могли быть для Ширая тайною. Этого не отрицаютъ даже дочери его Долинская и Чернолузская. Объясненіе же, что Ширай не оспаривалъ законности рожденія въ видахъ нравственныхъ для избѣжанія соблазна и позора, едва ли имѣетъ прочное основаніе. Рѣшеніе всякаго рода дѣлъ должно быть утверждаемо на фактахъ и на точной силѣ закона, а не на нравственныхъ убѣжденіяхъ, подлежащихъ разнообразнымъ сужденіямъ, и не на умозрительныхъ догадкахъ, которымъ могутъ быть всегда противопоставлены другія догадки, для опредѣленія относительнаго достоинства которыхъ въ законѣ не преподано ни правила, ни руководства. Нельзя также допустить начала, не признаннаго положительнымъ законодательствомъ, что отъ непосредственнаго, основаннаго часто на одномъ подозрѣніи, усмотрѣнія отца зависитъ признаніе однихъ дѣтей, рожденныхъ женою его въ законномъ бракѣ, законными, а другихъ незаконными. Такое начало не только ослабило бы освященное уставомъ церкви состояніе семейное, но вовлекло бы къ самоуправству, неумѣстному въ благоустроенномъ государствѣ, и можно сказать клонилось бы къ потрясенію гражданскаго общества въ самыхъ его основаніяхъ.

Объясненіе Долинской и Чернолузской, что Ульяна Ширай никогда не признавала Александра своимъ сыномъ, какъ основанное не на доводахъ, а однихъ голословныхъ предположеніяхъ, не представляется уважительнымъ. Письма Ульяны Ширай къ священнику Мануйловичу показываютъ нѣжнѣйшую материнскую привязанность ея къ своему дитяти. Въ этихъ письмахъ, она называетъ его своимъ Сашинькой, своимъ маленькимъ Сашинькой, своимъ малюткой, а Михаила старшимъ своимъ сыномъ, что служитъ доказательствомъ того, что былъ у нея въ сіе время и младшій сынъ Александръ, потому что съ 1809 года Петра не было уже въ живыхъ. Изъ дѣла ясно видно, что отъ Ульяны Ширай скрывали судьбу сына Александра и отдачу его въ воспитательный домъ, ибо когда Александръ находился въ Москвѣ, то она въ письмѣ къ Мануйловичу считала его очень далеко за Москвою. Раскрытыя слѣдствіемъ тайная подмѣна листовъ въ метрическихъ книгахъ духовныхъ консисторій и правленія и выносъ метрической книги изъ церкви села Соловы, послѣ смерти Ульяны Ширай, приводятъ къ заключенію, что и самъ Степанъ Ширай не рѣшался гласно отвергать законность рожденнаго женою его Уль-

яною сына Александра. При неимѣніи въ виду со стороны Ширая спора о законности рожденнаго женою его Ульяною Ширай сына, сія послѣдняя не имѣла ни повода, ни основанія заявлять актами и доказывать судомъ законность, никѣмъ не отвергаемую. Во время составленія Шираемъ въ 1838 году распорядительныхъ объ имѣніи актовъ, какъ видно изъ свидѣтельства врача Кузминскаго, она разбита была параличемъ и притомъ, оставаясь безвыѣздно, въ селѣ Соловѣ, въ полной власти мужа, не имѣла возможности знать о тѣхъ актахъ, которые мужъ ея совершилъ, въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ. Молчаніе отца Ульяны Ширай, Петра Бороздны, который, впрочемъ, по показанію Долинской и Чернолузской, умеръ чрезъ 2 года послѣ рожденія Александра, во время пребыванія сего послѣдняго при матери, а также молчаніе прочихъ родственниковъ Ульяны Ширай, не могло и не можетъ лишить Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, тѣхъ правъ, какія ему законно принадлежатъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, доказывающимъ положительно, что законность рожденія Александра женою Ширая Ульяною Ширай, утвержденная метрическою книгою, не была формальнымъ порядкомъ оспорена Степаномъ Шираемъ, и слѣдуя точному смыслу современнаго настоящему событію закона литов. статута разд. III, артик. 28 § 3, а также т. X св. зак. гр. ст. 121, 131 и 122 и примѣч. къ сей послѣдней статьѣ, нельзя не придти къ заключенію, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, долженъ быть признанъ законнымъ сыномъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны.

Что же касается до ссылки Долинской и Чернолузской на примѣрное дѣло о званіи дочери княгини Касаткиной-Ростовской (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 16-го октября 1844 г.), то дѣло сіе, по самому существу своему, не можетъ быть поставляемо въ примѣръ въ настоящемъ случаѣ: въ дѣлѣ княгини Касаткиной-Ростовской доказано было: а) что княгиня Касаткина-Ростовская созналась письменно московскому митрополиту и словесно въ духовной консисторіи, что въ теченіи 6-ти лѣтъ не имѣла съ мужемъ сообщенія; сознанія сіи учинены одно за 7-мь мѣсяцевъ до рожденія ею дочери, а другое чрезъ 15-ть мѣсяцевъ послѣ рожденія; б) что княгиня Касаткина-Ростовская не жила въ домѣ мужа, а вела отдѣльную, свободную, независимую жизнь, и в) что дочь, рожденная ею проѣздомъ чрезъ Курскъ, была записана въ метрикѣ безъ означенія отца, который о существованіи дочери и не зналъ.

Изъ обнаруженныхъ же слѣдствіемъ событій о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, напротивъ того, видно, что мать сего послѣдняго Ульяна Ширай никогда и ни предъ кѣмъ не заявляла о прекращеніи супружескихъ отношеній; что она, Ульяна Ширай, жила постоянно и безвыѣздно въ имѣніи своего мужа, въ полной отъ него зависимости; что рожденный ею младенецъ былъ записанъ, въ метрикахъ, сыномъ ея мужа Степана Ширая, и что сей послѣдній о существованіи младенца, жившаго при матери 4 года, не былъ безъизвѣстенъ. По симъ основаніямъ, а равно и потому еще, что постановленныя по одному дѣлу рѣшенія частныя, или такъ называемыя сепаратныя, по 68 и 69-й ст. 1-го т, основ. зак., не имѣютъ силы закона для другаго дѣла,—послѣдовавшее по дѣлу Касаткиной-Ростовской рѣшеніе не можетъ быть примѣняемо къ настоящему дѣлу.

IV. ОБЪ УПУЩЕНІЯХЪ, ДОПУЩЕННЫХЪ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЮ СЛѢДСТВЕННОЮ КОММИСІЕЮ.

По всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, его императорское величество повелѣть соизволилъ: обстоятельства, изложенныя въ запискѣ флигель-адъютанта Демидова 2-го о лишеніи генераломъ Шираемъ сына, рожденнаго его женою, правъ дворянства и наслѣдства, изслѣдовать черниговскому губернскому предводителю дворянства Ладомирскому съ полковникомъ корпуса жандармовъ Ливенцовымъ и флигель-адъютантомъ Демидовымъ. Черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, объявляя о семъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ предводителю дворянства: «для избѣжанія всякихъ происковъ, взять всѣ возможныя мѣры предосторожности, дабы въ особенности, прежде приступленія къ слѣдствію, настоящая Высочайшая воля оставалась въ тайнѣ и чтобы всѣ дѣйствія, которыя будутъ предприняты къ раскрытію сущности этихъ обстоятельствъ, отнюдь не дѣлались гласными прежде ихъ совершенія». Такимъ образомъ учрежденная, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственная коммисія для изслѣдованія противузаконныхъ поступковъ Степана Ширая, и по своему составу, и по указанному для нея образу дѣйствія, выходила изъ разряда обыкновенныхъ слѣдственныхъ коммисій.

Тѣмъ не мѣнѣе нельзя не признать, что слѣдователями допущены были два главныя отступленія отъ закона при производствѣ розысканій по настоящему дѣлу: а) въ противность 1 и 2 п. 2367 ст. X т., спрошенъ подъ присягою прикосновенный къ дѣлу титулярный совѣтникъ Заверуха, и б) приведены къ присягѣ вдова Масловская и Заверуха на другой день послѣ допроса (2386 ст. X т.). Объ участіи же унтеръ-офицера Лапчинскаго въ подлогахъ по метрическимъ книгамъ слѣдователи могли узнать не прежде, какъ послѣ допроса, которому по закону предшествовала присяга.

Что касается до другихъ упущеній, то слѣдуетъ принять во вниманіе:

1) Свѣдѣніе о рожденіи Ульяною Ширай, кромѣ Александра, сына Константина, основано на препровожденной къ слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ генералъ губернаторомъ запискѣ, никѣмъ не подписанной, а потому имѣющей всѣ свойства и признаки подметнаго письма. Рожденный, будто бы, Ульяною Ширай Константинъ не значится въ метрическихъ книгахъ, какъ увѣдомило слѣдователей стародубское духовное правленіе; никто изъ спрошенныхъ лицъ не сдѣлалъ указанія, въ подтвержденіе сего обстоятельства, а Долинская и Чернолузская никакихъ свѣдѣній, по сему предмету, не сообщили. Очевидно, что слѣдователи не имѣли ни повода, ни основанія производить дальнѣйшія розысканія о лицѣ небываломъ.

2) Равномѣрно не представлялось основанія производить дальнѣйшія розысканія о сочинителѣ письма изъ г. Шацка, подписаннаго А. Заботинъ, и адресованнаго къ Долинской и Чернолузской. Другой Заботинъ, кромѣ того, о которомъ въ дѣлѣ семъ рѣчь идетъ, и который въ то время находился въ Черниговской губерніи, до сихъ поръ не являлся, а по секретному розысканію, какъ увѣдомилъ тамбовскій гражданскій губернаторъ, въ Шацкѣ Заботина не оказалось. Сего, кажется, достаточно для убѣжденія, что письмо изъ Шацка есть вымыслъ, неимѣющій даже признаковъ правдоподобія, тѣмъ болѣе, что въ тождествѣ Заботина, неоспариваемомъ Долинскою и Чернолузскою съ младенцемъ, рожденнымъ въ 1818 году Ульяною Ширай, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказываютъ показанія: по іерейской совѣсти священника Мануйловича, у котораго Александръ воспитывался, подъ присягою жены Мануйловича, которая указала даже примѣты его, Александра, штабсъ-капитана Емельяновича, директора ремесленнаго заведенія при воспитательномъ домѣ коллежскаго

совѣтника Розенкампфа и предсмертное письмо Михаила Ширая къ своимъ сестрамъ.

3) Сличеніе подписи Петра Бороздны на письмѣ, представленномъ Додинскою и Чернолузскою, учинено было секретарями стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, которые единогласно признали письмо это неимѣющимъ по почерку сходства съ другими бумагами, писанными и подписанными Бороздною. Законность обряда сличенія Долинская и Чернолузская не оспариваютъ, и такъ-какъ нѣтъ закона, чтобы производить вторичное сличеніе и давать предпочтеніе въ степени достовѣрности показаній секретарямъ губернскихъ мѣстъ и правительствующаго сената предъ секретарями судовъ 1 степени, то возраженіе по сему предмету не имѣетъ законнаго основанія.

4) Изъ дѣла видно, что Александръ находился до 4-хъ лѣтъ при матери, а до 7 лѣтняго возраста у новгородъ-сѣверскаго священника Мануйловича. Посему, и какъ на основаніи 116 правила Номоканона и 3 п. указа 6 ноября 1822 г., дѣти обоего пола допускаются къ исповѣди не ранѣе 7 лѣтняго возраста, то Александръ, до отправленія въ Москву, не могъ значиться въ исповѣдныхъ книгахъ, а потому и дальнѣйшія розысканія по сему предмету безполезны.

5) Возраженіе Долинской и Чернолузской, что слѣдователи допустили мѣстнаго священника Іоанна Лапчинскаго къ увѣщеванію нѣкоторыхъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги, и къ приводу нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ къ присягѣ, не имѣетъ основанія. Нѣтъ закона, воспрещающаго участвующему въ дѣлѣ священнику приводить къ присягѣ и увѣщевать допрашиваемыхъ, а потому дѣйствія слѣдователей въ семъ случаѣ не могутъ быть признаны противузаконными. Къ тому же и увѣщанія и присяга производились священникомъ въ присутствіи слѣдователей.

6) Жалоба Долинской и Чернолузской о недопущеніи ихъ, во время слѣдствія, къ отводу свидѣтелей и къ присутствованію при приведеніи къ присягѣ лицъ, спрошенныхъ по сему дѣлу, не имѣетъ также основанія. Слѣдователи, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ, изложенныхъ въ запискѣ полковника Демидова о поступкахъ, относящихся собственно до генерала Ширая, не считали и не могли считать Долинскую и Чернолузскую отвѣтчицами за отца въ подлогахъ, симъ послѣднимъ учиненныхъ. Кромѣ того, изъ дѣла видно, что возраженіе сіе было въ виду государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи вопроса о поряд-

кѣ производства предлежащаго дѣла и, Высочайше утвержденнымъ 16 октября 1844 г. мнѣніемъ совѣта, предоставлено было Долинской право участія только въ дальнѣйшемъ производствѣ сего дѣла.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ и принявъ на видъ: Высочайшее новелѣніе, чтобы дѣло сіе не затягивалось, и ст. 2443 X т., которая воспрещаетъ, подъ видомъ приведенія въ ясность обстоятельствъ дѣла, заводить справки, кои къ существу дѣла не принадлежатъ, а служатъ только къ промедленію онаго, я не нахожу достаточнаго основанія обращать настоящее дѣло къ новому переслѣдованію, тѣмъ болѣе, что новый допросъ въ семъ случаѣ, касаясь не другаго, а именно того же предмета, о которомъ большая часть спрошенныхъ лицъ уже разъ показали подъ присягою, имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ видъ вызова ихъ къ клятвопреступленію и заключалъ бы въ себѣ совершенное отступленіе отъ законовъ, охраняющихъ силу и важность данной единожды присяги.

Изъясненныя соображенія, основанныя на розысканіяхъ о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, обнаруживаютъ: а) что сей послѣдній рожденъ въ 1818 г. Ульяною Ширай въ законномъ бракѣ съ генералъ-маіоромъ Шираемъ и воспитывался при матери до 4 лѣтъ въ имѣніи ея мужа, для котораго существованіе сего младенца не было тайною; б) что законность рожденія отъ Ширая и жены его Ульяны сына Александра оглашена была метрическими книгами, изъ которыхъ онъ впослѣдствіи исключенъ подлогами и подмѣнами; в) что большинство свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою и по священническому увѣщанію, утвердили рожденіе Александра Ульяною Ширай отъ мужа ея Степана Ширая; г) что Ульяна Ширай не вела отдѣльной, независимой жизни отъ мужа, а имѣла постоянное, безвыѣздное пребываніе въ родовомъ имѣніи сего послѣдняго, въ которомъ онъ проживалъ по нѣскольку дней, и видѣлся съ своею женою; д) что нарушеніе Ульяною Ширай супружеской вѣрности въ предшествовавшее до рожденія Александра время ничѣмъ не доказано; е) что Ширай законность рожденія женою его сына Александра не только нигдѣ и никогда не оспаривалъ формальнымъ порядкомъ, но даже нигдѣ и не оглашалъ до самой смерти своей; ж) что посредствомъ представленныхъ противною стороною доводовъ легко можно оспаривать законность рожденія, если не всякаго, то весьма многихъ, въ явное оскорбленіе святости брака, ограждаемаго законами, и наконецъ з) что подлогъ не можетъ быть оправ-

дываемъ никакими нравственными убѣжденіями, которыя, какъ выше уже замѣчено, подлежатъ разнообразнымъ сужденіямъ.

Всѣ сіи уваженія и прилагаемое къ нимъ общее правило, по коему всякое невинно-утраченное или похищенное право должно быть возстановлено силою закона, приводятъ къ положительному заключенію, что рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра, на основаніи значащихся по дѣлу сему неотрицаемыхъ данныхъ и по точному содержанію лит. ст. разд. III арт. 28 § 3 и ст. 121, 122 и примѣчанія къ оной X т. св. зак. гр., надлежитъ признать законнымъ ея и генералъ-маіора Ширая сыномъ и, вслѣдствіе того, возвратить ему отчество и фамилію, по закону принадлежащія, и всѣ права, съ сею фамиліею сопряженныя.

Признавъ такимъ образомъ Александра законнымъ сыномъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны, и обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію *третьяго и послѣдняго вопроса*—о правахъ Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ родителей, нельзя не замѣтить, что права Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ его родителей, различны по разнообразію свойствъ сихъ имуществъ. При разрѣшеніи сего вопроса слѣдуетъ разсмотрѣть: а, права Александра Ширая на благопріобрѣтенное имѣніе отца; б, права на родовое имѣніе сего послѣдняго, и в, права на родовое имѣніе матери.

Генералъ-маіоръ Ширай крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, писаннымъ 9 ноября 1838 года, сознаннымъ и явленнымъ въ установленномъ порядкѣ, предоставилъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ Маріѣ, по мужу Долинской, и Анастасьѣ, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Чернолузскаго. Посему и имѣя въ виду, что по раздѣлу 8 артик. II § 1 всякій властенъ вещи свои движимыя и недвижимое имущество, имъ самимъ пріобрѣтенное, записать кому пожелаетъ, слѣдуетъ признать, что Александръ Ширай не можетъ имѣть никакого участія въ благопріобрѣтенномъ имѣніи отца.

Родовому же своему имѣнію генералъ-маіоръ Ширай составилъ, 1 ноября 1838 г., распредѣлительный актъ, сознанный въ установленномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ. Въ актѣ семъ сказано; что онъ, Ширай, симъ распредѣлительнымъ вѣчистымъ записомъ, утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наслѣдницамъ, полковницѣ Маріѣ Долинской и дѣвицѣ

Анастасьѣ Ширай (нынѣ Чернолузская), все родовое, по наслѣдству доставшееся ему имѣніе, съ тѣмъ, что онѣ могутъ вступить во владѣніе симъ имѣніемъ не прежде, какъ послѣ его смерти. Актъ сей, по самому своему названію распредѣлительный, не можетъ быть причисленъ къ разряду актовъ дарственныхъ, а ближе всего подходитъ, и по названію и по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ. Всякій актъ, посредствомъ коего распредѣляется имѣніе на случай смерти, есть безспорно не дарственный, а завѣщательный актъ; симъ единственно отличается повсемѣстно даръ отъ завѣщанія.

По литовскому статуту (разд. 8 арт. II § 1) дозволено было завѣщевать имѣніе благопріобрѣтенное, но не отцовскія и материнскія родовыя имѣнія.

Сообразивъ означенный распредѣлительный актъ Ширая о родовомъ его имѣніи, учиненный на случай его смерти, съ приведеннымъ закономъ литовскаго статута, оказывается, что актъ сей, какъ содержащій завѣщательныя распоряженія о родовомъ имѣніи, предъ закономъ не можетъ имѣть силы, а потому Александръ Ширай имѣетъ неотрицаемое право на полученіе изъ родоваго имѣнія, оставшагося послѣ отца, наслѣдственной части, на точномъ основаніи ст. 828 и 952 X т. Св. Зак. Гражд.

Переходя засимъ къ обсужденію правъ Александра Ширая на родовое материнское имѣніе, слѣдуетъ замѣтить, что объ имѣніи семъ имѣются въ виду два акта:

Первый, дарственная запись самой Ульяны Ширай, составленная 17 августа 1809 г., по коей она все движимое и недвижимое свое имѣніе утвердила вѣчно и потомственно сыновьямъ своимъ Михаилу и Петру и дочерямъ Маріѣ и Анастасіи, съ тѣмъ, чтобы, по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ сего времени владѣлъ и распоряжалъ имѣніемъ по смерть свою мужъ ея, безъ всякаго со стороны ея препятствія и противорѣчія. Сверхъ того дарительница предоставила мужу своему права и власть сказанныхъ дѣтей ея распредѣлить наслѣдственнымъ записаннымъ отъ нея имѣніемъ, по его усмотрѣнію и знанію положенія и выгодъ тѣхъ имѣній, и что кому изъ дѣтей опредѣлено имъ будетъ, о томъ никто съ нимъ спорить права не имѣетъ; себѣ же Ульяна Ширай предоставила право пользоваться продовольствіемъ и жизненными припасами. Далѣе Ширай постановила, что она запись свою перемѣнить и нарушить не можетъ, и что равнымъ образомъ

мужъ ея не можетъ присвоивать себѣ правъ и власти болѣе той, которыя отъ нея въ сей записи точными и ясными словами ему предоставлены. Актъ сей сознанъ и вписанъ въ актовыя книги, въ предписанномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе сего акта Ульяны Ширай показываетъ, что сія послѣдняя при жизни своей, съ самаго дня совершенія записи (отъ сего времени, какъ сказано въ записи) отчуждала отъ себя и предоставила постороннимъ лицамъ и право собственности и право владѣнія и распоряженія принадлежавшимъ ей имѣніемъ; посему запись сія содержитъ въ себѣ необходимыя условія дарственной записи. А какъ на основаніи литовскаго статута разд. III арт. 41 дозволено было вотчинникамъ дарить какъ благопріобрѣтенныя, такъ и родовыя свои имѣнія, то совершенная Ульяною Ширай дарственная запись должна сохранить свою силу.

Признавать сію запись дарственною на случай смерти нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Существенное различіе, между дарственною записью при жизни, дарственною на случай смерти и духовнымъ завѣщаніемъ, въ томъ и заключается, что на основаніи сихъ послѣднихъ актовъ, какъ владѣніе, такъ и распоряженіе даримымъ имуществомъ оставляется за дарителемъ до самой его кончины и переходитъ къ постороннему лицу только послѣ его смерти; настоящимъ же актомъ Ульяна Ширай, какъ выше уже сказано, и право владѣнія и право распоряженія, съ самаго дня совершенія акта, предоставила постороннимъ лицамъ.

Возраженіе, что дѣти Ульяны Ширай, получивъ по акту отъ матери право собственности на подаренное имъ имѣніе, могли вступить во владѣніе и распоряженіе онымъ только по смерти отца своего, и что посему самый актъ нельзя не признать актомъ на случай смерти, не имѣетъ законнаго основанія потому, что одно только условіе о смерти самаго дарителя имѣетъ вліяніе на признаніе акта дареніемъ на случай смерти или духовнымъ завѣщаніемъ. Въ настоящемъ же случаѣ смерть дарительницы не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на право дѣтей ея вступить во владѣніе и распоряженіе подареннымъ имъ имѣніемъ. Что касается до условія относительно вступленія дѣтей Ульяны Ширай во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти ея мужа, то это условіе не ослабляетъ силы акта, ибо не только по литовскому ста-

туту, но даже по законамъ общимъ, право пользованія можетъ быть отдѣляемо отъ права владѣнія.

Второй актъ о родовомъ имѣніи Ульяны Ширай есть актъ распредѣлительный мужа ея Степана Ширая 5 ноября 1838 года, которыми онъ по праву, предоставленному ему предъидущею дарственною записью жены, раздѣлилъ поровну родовое имѣніе Ульяны Ширай между двумя дочерьми, съ тѣмъ, чтобы онѣ вступили во владѣніе послѣ его смерти.

Право собственности на родовое имѣніе Ульяны Ширай принадлежало, по дарственной ея записи 1809 года, ея дѣтямъ: сыновьямъ Михаилу и Петру и дочерямъ Маріи и Анастасіи, и потому настоящій распредѣлительный актъ Ширая есть не что иное, какъ послѣдствіе предоставленнаго ему женою права раздѣлить между ними подаренное имѣніе. Въ такомъ видѣ законность распредѣлительнаго акта Степана Ширая не можетъ быть оспариваема. Но съ другой стороны, разсматривая сей послѣдній актъ въ отношеніи къ наслѣдственнымъ правамъ Александра Ширая, нельзя не принять во вниманіе, что если бы, при составленіи Шираемъ распредѣлительнаго акта на родовое имѣніе жены, сыновья его Петръ и Михаилъ находились въ живыхъ, то, по точнымъ словамъ дарственной записи ихъ матери, онъ, Ширай, не могъ бы сыновей своихъ лишить слѣдующихъ имъ частей изъ подаренпаго имъ матерью имѣнія. Дарственною записью 1809 г. Ульяна Ширай, утверждая права собственности на принадлежавшее ей имѣніе за дѣтьми, тогда ею рожденными, сдѣлала въ актѣ семъ оговорку, что мужъ можетъ только распредѣлить между сказанными дѣтьми имѣніе, по знанію положенія и выгодъ имѣнія; слѣдовательно, не исключая изъ нихъ ни одного. Въ окончаніи дарственной записи, какъ бы въ подтвержденіе вышесказаннаго, Ульяна Ширай объяснила, что мужъ ея присвоивать себѣ права и власти болѣе той, которая ему въ сей записи точными и ясными словами предоставлена, не можетъ. Очевидно, что если бы сыновья Шираевъ Михаилъ и Петръ находились въ живыхъ, то Степанъ Ширай не имѣлъ бы права, по силѣ упомянутой записи жены своей, лишить ихъ участія въ имѣніи, подаренномъ имъ матерью. При совершеніи распредѣлительной Ширая записи, Петра и Михаила не было уже въ живыхъ: первый умеръ въ 1809 году, а второй въ 1833 году, но каждый изъ оставшихся въ живыхъ законныхъ наслѣдниковъ вступалъ въ законныя права собственности послѣ умершаго. Такимъ образомъ послѣ Петра въ принадлежавшую

ему по акту матери часть вступили: братъ Михаилъ и сестры, а послѣ Михаила долженъ наслѣдовать признанный законнымъ братъ его Александръ и сестры Марья и Анастасья. Соображенія сіи о порядкѣ наслѣдованія, въ правахъ собственности на материнское имѣніе, основаны на разд. 3, арт. 17 § 2 литовскаго статута, въ которомъ сказано, что въ томъ случаѣ, если бы братья и сестры и не раздѣлили еще доставшееся имъ послѣ родителей имѣніе и одинъ изъ братьевъ, не оставя по себѣ дѣтей, умеръ, тогда его часть отческихъ и купленныхъ имѣній идетъ въ раздѣлъ токмо на братьевъ или на ихъ потомковъ, на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлъ приданаго соразмѣрно четвертой части всего отческаго и купленнаго имѣнія. А если бы осталась материнская часть, то братья съ сестрами поровну между собою оное раздѣлить должны. Въ настоящемъ случаѣ Петръ и Михаилъ умерли въ то время, когда материнское имѣніе по записи принадлежало имъ въ собственность, но не было раздѣлено по случаю пожизненнаго владѣнія отца; посему, на основаніи вышеприведеннаго закона, какъ собственная Михаила Ширая часть въ материнскомъ имѣніи, такъ доводящаяся ему по наслѣдству послѣ брата Петра, должны быть раздѣлены поровну между Александромъ Шираемъ и сестрами его Марьею Долинскою и Анастасьею Чернолузскою.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и законами, управлявшій министерствомъ юстиціи полагалъ:

1) Рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра признать законнымъ сыномъ ея и генералъ-маіора Ширая, возвративъ ему отчество, фамилію и всѣ права, по рожденію принадлежащія.

2) Родовое имѣніе генералъ-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ Александромъ и дочерьми, женою генералъ-маіора Марьею Долинскою и женою коллежскаго совѣтника Анастасьею Чернолузскою, на точномъ основаніи 828 и 952 ст. X. т. св. зак. гр.

3) Изъ родоваго материнскаго имѣнія часть, доводящуюся умершему, въ 1833 году, Михаилу Шираю, какъ по собственному праву, такъ и по наслѣдству послѣ умершаго въ 1809 году брата Петра, раздѣлить поровну, между Александромъ Шираемъ и сестрами Долинскою и Чернолузскою; все затѣмъ остальное имѣніе материнское оставить въ безспорномъ владѣніи настоящихъ вотчинницъ.

4) Благопріобрѣтенное недвижимое и движимое имѣніе генералъ-маіора Ширая, согласно завѣщанію его, оставить въ безспорной собственности генералъ-маіорши Долинской и коллежской совѣтницы Чернолузской.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи сената составилось узаконенное большинство гг. сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ и такимъ образомъ дѣло получило окончательное разрѣшеніе, согласно мнѣнію г. управлявшаго министерствомъ юстиціи.

ПЕРЕДОВЫЕ ЖИДЫ.

«Пане! сказалъ жидъ Янкель... знаете ли, что́ дѣлается?»

Т. Бульба, Гоголя.

Основа (VI-я книжка), по поводу рѣзко-высказаннаго ей неудовольствія одного изъ ея читателей за слово *Жидъ*, употребляемое ея сотрудниками, выразила, между прочимъ, свое участіе къ живущимъ на украинской почвѣ Жидамъ, какъ къ людямъ, которые, вмѣсто любви и уваженія къ себѣ, внушали и внушаютъ всему не-еврейскому населенію Украины чувства противоположныя. Въ статьѣ *Основы* съ сожалѣніемъ говорилось, что еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ, не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа.»

Говоря такимъ образомъ, *Основа* надѣялась, что передовые люди еврейскаго племени въ Украинѣ, безпрестанно доводящіе до свѣдѣнія публики о своей образованности, поймутъ насъ какъ люди въ самомъ дѣлѣ образованные, и употребятъ зависящія отъ нихъ средства къ распространенію между украинскими Жидами новыхъ гражданскихъ идей, на обоюдную пользу пришельцевъ и туземцевъ. Не тутъ-то было! Не въ ту сторону направлены умы передовыхъ Жидовъ. Правда, они сами признали за нами историческое и филологическое право — называть ихъ этимъ именемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью, они вывели (въ 10 № своего журнала — *Сіонъ*) заключеніе, что «стремленія» *Основы* очевидно — *исключительно* національныя»; что «*Основа* никакъ не допускаетъ, чтобы въ Малороссіи могли жить другіе люди, кромѣ малоруссовъ»; что *Основа* не дозволяетъ никому быть равно-

душнымъ къ *особымъ* судьбамъ украинской націи; что эта нація готова приняться за *истребленіе* или *изгнаніе* Жидовъ; что *Основа* требуетъ отъ Жидовъ сочувствія не къ судьбамъ цѣлаго отечества, а къ судьбамъ одной изъ частей его, и т. п.

Каждому, надѣемся, изъ этого ясно, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ передовые Жиды, для достиженія своей цѣли; каждый, кто читалъ *Основу* вообще и VI книжку въ-особенности, знаетъ, есть ли, во всемъ, сказанномъ *сіонскимъ* публицистомъ, хоть одно слово правды... За то, что мы не восхищаемся дѣлами предковъ ихъ на украинской почвѣ и не видимъ благословенія небеснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще Жиды въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и не дозволено жить, передовые Жиды, не обинуясь объявляютъ насъ проповѣдниками инквизиціи и обновителями варварскихъ и феодальныхъ временъ. Тутъ же рядомъ, они отпускаютъ такого рода фразы: «Въ равнодушіи къ общимъ судьбамъ *нашего отечества Россіи*... въ противодѣйствіи его пользамъ — *Основа* не упрекаетъ насъ и, *при всемъ желаніи*, не могла бы упрекнуть: *безчисленное множество* фактовъ могли бы мы привести въ такомъ случаѣ въ свою защиту.» Каково!.. Невольно вспоминается гоголевская сцена, въ которой Жиды увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними, какъ братья родные... Въ статьѣ, занимающей пять столбцовъ *Сіона*, не менѣе пяти разъ упомянуты слова: *отечество*, *отечественные интересы*, *все наше отечество*, — словомъ, передовые Жиды относительно «собиранія земли Русской» опереживаютъ и самихъ Іоанновъ московскихъ. Съ такими литераторами не намъ имѣть дѣло. Мы готовы отстаивать свои убѣжденія со всею искренностію любви къ правдѣ, насколько она намъ ясна, но странно было бы сражаться неравнымъ оружіемъ. Предоставимъ передовымъ Жидамъ идти къ своей цѣли избранною ими дорогою. Не впервые слова: *прогресъ*, *цивилизація*, *гуманность*, *просвѣщеніе*, подвергаются подобному злоупотребленію.

Выражая такимъ образомъ личное мое мнѣніе о недостойномъ способѣ полемики, къ которому, въ слѣпомъ увлеченіи національнымъ эгоизмомъ, прибѣгнули передовые Жиды, я руководжусь чувствомъ, пробужденнымъ оскорбленіемъ достоинства печатнаго слова, тѣмъ-самимъ чувствомъ, которое, около трехъ лѣтъ тому назадъ, заставило меня взяться за перо въ пользу Евреевъ, обиженныхъ *Иллюстраціею*. Статью, помѣщенную въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858, т. XVIII, ноябрь, кн. 2-я) и подписанную, вмѣстѣ со мною, Костомаровымъ, Маркомъ Во-

вчкомъ, Номисомъ и Шевченкомъ, писалъ я. Въ ней было сказано слѣдующее:

«Много вѣковъ уже христіанскія націи, составляющія нынѣ Русскую имперію, клеймятъ скитающееся по всему міру племя Евреевъ именами злодѣевъ, предателей, обманщиковъ, враговъ Божіихъ и человѣческихъ. И не на словахъ только высказывалось противъ Евреевъ негодованіе обществъ и правительствъ, которыя не умѣли увлечь ихъ человѣческими средствами на путь истины и добра. Ихъ изгоняли, тошили, жгли и рѣзали, какъ хищныхъ звѣрей. Было бы неестественно этимъ жертвамъ слѣпаго озлобленія фанатиковъ оставить обычаи, за которые ихъ ненавидѣли, и усвоить себѣ характеръ своихъ гонителей. Не говорю уже о самомъ вѣроисповѣданіи, которое, чѣмъ ожесточеннѣе было поносимо христіанами, тѣмъ казалось выше и святѣе въ глазахъ Евреевъ, тѣмъ тѣснѣе связывало ихъ въ одинъ корпоративный союзъ, во имя не-до-конца прогнѣваннаго ими Еговы. Такимъ образомъ, христіане, ревнуя по вѣрѣ и отъ всего сердца желая обратить на путь истины скитающихся по свѣту потомковъ Израиля, этимъ самимъ отдаляли ихъ отъ пути истины и дѣлали глухими къ евангельскому слову. Евреи видѣли и должны были видѣть своихъ враговъ въ проповѣдникахъ человѣколюбиваго ученія, прибѣгавшихъ къ брани, угрозамъ, гоненіямъ и убійствамъ. Евреи сдѣлались и должны были сдѣлаться заклятыми врагами иновѣрцевъ, возверзшихъ хулы на ихъ вѣру, на ихъ учителей, на ихъ храмы-школы и на священные для нихъ обычаи. Евреи, стѣсняемые повсемѣстно даже самими законами, поневолѣ обратились къ хитрости и плутовству, поневолѣ освятили вѣроученіемъ своимъ всякій вредъ, который они могутъ сдѣлать безнаказанно христіанину» (но извинительно ли прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ передовымъ Жидамъ *нашего времени?*) «Евреи дошли до изувѣрства въ ненависти къ христіанамъ. Какъ ни возмутительно для насъ многое изъ того, что мы знаемъ о Евреяхъ по достовѣрнымъ, письменнымъ и печатнымъ, свидѣтельствамъ, но это должно служить для насъ только мѣрою золъ, которымъ такъ долго и такъ повсемѣстно подвергались несчастные потомки Израиля. Съ другой стороны, современный практическій разумъ доказываетъ намъ очень убѣдительно, что ни къ чему доброму не привела Евреевъ всеобщая вражда къ нимъ христіанскихъ народовъ, и что одно свободное просвѣщеніе да равенство гражданскихъ правъ способны очистить еврейскую національность отъ всего, что въ ней

есть непріязненнаго къ иновѣрцамъ. Русскіе литераторы, стоящіе во главѣ новаго русскаго движенія къ человѣчности, глубоко сознали эту истину. *Русскій Вѣстникъ* первый сдѣлался органомъ просвѣщенныхъ представителей еврейскаго племени, во имя независимости всякой сознающей себя народности, и первый представилъ торжественную манифестацію русскихъ и польскихъ писателей противъ *Иллюстраціи*, которая, нося европейское имя, дышетъ временемъ Іоанна IV Грознаго въ своихъ сужденіяхъ о Евреяхъ. Въ сорока осьми именахъ, подписавшихъ протестъ, напечатанный въ 21 № *Русскаго Вѣстника*, я увѣренъ, есть и имена малороссіянъ, которые, вообще, никогда не оставались позади представителей Великороссіи, во всякомъ истинно-человѣческомъ движеніи. Но, между этими именами, я не вижу ни одного, съ которымъ связана идея собственно-малороссійской, украинской или южнорусской народности, проявившаяся въ послѣднее время въ литературныхъ произведеніяхъ разнаго рода. Много или мало извѣстно покамѣстъ такихъ именъ, но голоса ихъ имѣютъ въ этомъ дѣлѣ особенно важное значеніе, выражая мнѣніе о еврейскомъ вопросѣ того народа, который больше Великороссіянъ и Поляковъ терпѣлъ отъ Евреевъ и выразилъ свою ненависть къ Евреямъ, во времена оны, многими тысячами кровавыхъ жертвъ. Этотъ народъ не могъ входить въ причину зла, заключавшуюся не въ Евреяхъ, а въ религіозно-гражданскомъ устройствѣ Польши. Онъ мстилъ Евреямъ съ такимъ простодушнымъ сознаніемъ праведности кровопролитій, что даже воспѣлъ свои страшные подвиги въ своихъ истинно-поэтическихъ пѣсняхъ. И несмотря на то, современные литературные представители этого народа, дыша инымъ духомъ, сочувствуя инымъ стремленіямъ, прикладываютъ свои руки къ протесту *Русскаго Вѣстника* противъ статей *Иллюстраціи*.»

То, что написалъ я года три назадъ, я повторяю и теперь, какъ доказательство, что мой взглядъ на вопросъ о Евреяхъ не измѣнился; но ни прежде, ни послѣ я не допускалъ и не допускаю за Евреями права—дѣйствовать безъ разбора всякимъ оружіемъ,—въ родѣ *сіонскаго*, или въ родѣ неумѣстнаго притязанія г-на П—ва,—для достиженія хотя бы самыхъ естественныхъ и справедливыхъ цѣлей. *Основа*, безъ-сомнѣнія, вполнѣ со мной согласна.

П. Кулишъ.

О ПОВѢСТИ Г. КУЗЬМЕНКА.

Есть таланты, ненуждающіеся въ пособіи критики, для того, чтобъ быть оцѣненными по достоинству. Широкій взмахъ крыльевъ генія самъ за себя говоритъ каждому слишкомъ-убѣдительно. Самые нападки тупыхъ, привязчивыхъ судей искусства еще больше возвышаютъ его достоинство въ глазахъ общества, которое чуетъ душою живую силу, исходящую изъ души поэта. Но не всѣ начинаютъ одинаково; не всѣ на первый разъ производятъ созданія, отъ которыхъ сіяетъ сверхъестественнымъ свѣтомъ. Тяжкія обстоятельства жизни, густой мракъ, окружающій юношескіе годы талантливаго писателя, внѣшній гнетъ, душевное уныніе, недостаточность научной образованности—все это вмѣстѣ можетъ парализовать иногда самыя прекрасныя способности ума и сердца, можетъ сдѣлать то, что человѣкъ, призванный къ высшей общественной дѣятельности, навсегда останется въ низменномъ кругу поденщиковъ, едва зарабатывающихъ насущный хлѣбъ, едва заслуживающихъ вниманія со стороны дѣятелей мысли и слова. Къ такимъ талантамъ принадлежитъ, по своимъ тяжкимъ житейскимъ обстоятельствамъ, г. Кузьменко. Мы не имѣемъ права раскрывать ихъ передъ обществомъ въ подробности, но скажемъ, что они едва не подавили окончательно его благородной природы, отличенной искрой таланта истиннаго, самобытнаго. Первыя его стихотворенія, напечатанныя мною въ *Хатѣ*, были таковы, что я не могъ ихъ представить читающему обществу иначе, какъ съ охранительнымъ предувѣдомленіемъ. Это были цвѣтки, испускающіе едва замѣтное благоуханіе посреди безвонныхъ злаковъ и посреди растеній, поражающихъ обоняніе сильно, но непріятно. Надобно было освѣжить вокругъ нихъ воздухъ, чтобы люди, непривыкшіе узнавать подобныя вещи сразу, дали имъ какую-нибудь цѣну. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ читателей дали имъ цѣну высокую,— не потому, чтобы эти стихотворенія были сильно проникнуты поэзіею сердца, но потому, что въ нихъ слышался какой-то трогательный напѣвъ, какой-то тихій, очень тихій и робкій, но задушевный голосъ. Казалось, что авторъ ихъ поетъ въ присутствіи ка-

кой-то грубой, тупой силы и боится, чтобъ его пѣсня не разбудила этой силы отъ ея сна животнаго, а между-тѣмъ желаетъ подѣлиться своими чувствами съ подобными себѣ несчастливцами, въ услажденіе, какъ своего собственнаго, такъ и ихъ горя. Но, несмотря на выгодное впечатлѣніе, произведенное этими стихотвореніями на нѣкоторыхъ изъ моихъ собесѣдниковъ, ни я, ни они не чаяли въ г. Кузьменкѣ автора замѣчательнаго, не пророчили ему свѣтлой литературной будущности. Мы слишкомъ хорошо знали тяжесть его житейскаго положенія и мертвящее дѣйствіе окружающей его среды. Участіе къ нему, какъ къ человѣку, заостряло нашу чувствительность къ его поэзіи, и мы давали ей, казалось намъ, больше цѣны, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. Но прошло около двухъ лѣтъ, и имя Кузьменка появилось въ *Основѣ* между пишущими прозою. Возвратясь въ Россію послѣ продолжительнаго отсутствія и перечитывая изданныя безъ меня книжки *Основы*, я съ грустью встрѣтилъ это имя: я не ожидалъ, никакъ не ожидалъ, чтобы г. Кузьменко, при тѣхъ данныхъ, какія мнѣ были извѣстны о немъ, могъ произвести что-нибудь. способное занять меня, какъ простаго читателя. Но я ошибся самымъ пріятнымъ образомъ. Повѣсть его, носящая заглавіе: *Не такъ ждáлося, да такъ склáлося*, поразила меня изящною простотою языка и необыкновеннымъ тактомъ изложенія. Я съ радостью увидѣлъ, что имѣю дѣло съ талантомъ, который, подобно живому ручью, прокладываетъ себѣ дорогу черезъ засоренныя всякимъ соромъ мѣста и вноситъ свѣжесть и жизнь всюду, гдѣ безъ него были только тлѣнь и запустѣніе. Тихо, тихо журчитъ этотъ ручеекъ, тихо льется по кореньямъ въ густой тѣни, но съ перваго взгляда видно, что онъ течетъ въ великое море мысли, примыкая къ болѣе могучимъ и свѣтлымъ потокамъ. Говоря просто, я былъ нетолько занятъ, увлеченъ, но даже тронутъ простымъ и скромнымъ, до убожества скромнымъ, разсказомъ г. Кузьменка. Выведенные имъ на сцену характеры развиваются и дѣйствуютъ какъ-будто мимо вѣдома автора. Онъ пишетъ такъ, какъ-будто въ его повѣсти вовсе не участвуетъ художническое соображеніе, какъ-будто она вовсе не вымышлена,— и въ этомъ именно заключается ея главное достоинство. Часто подходитъ онъ къ такимъ мѣстамъ въ своемъ разсказѣ, которыя для писателей, менѣе чуткихъ къ искусству, составляютъ камень претыканія на пути, и всегда минуетъ ихъ съ умѣньемъ, внушаемымъ однимъ художническимъ инстинктомъ. Съ трепетомъ слѣдилъ я за его повѣстью, до конца опасаясь, чтобъ онъ не впалъ въ обычную у насъ болтливость, уничтожающую все удовольствіе, какое чувствуешь отъ прикосновенія къ другому уму, къ другому сердцу,— нѣтъ! онъ до послѣдней черты остался вѣренъ тому цѣломудрію фантазіи, которая отли-

чаетъ всѣ истинные таланты. Въ повѣсти его кое-чего (впрочемъ весьма немногаго) недостаетъ, но нѣтъ ничего лишняго. *Ничего лишняго*:—эти слова можно сказать о весьма-весьма немногихъ литературныхъ произведеніяхъ вообще, и въ особенности о произведеніяхъ нашей украинской словесности. Этими словами мы выражаемъ г. Кузьменку величайшую похвалу, какую считаемъ себя вправѣ, покамѣстъ, высказать ему передъ читающимъ обществомъ. Если г. Кузьменко не напишетъ ничего больше, то повѣсть его останется всегда на примѣтѣ у знатоковъ нашей молодой литературы. Если онъ не напишетъ ничего плоше, то займетъ очень видное мѣсто въ ряду нашихъ писателей. Но если онъ напишетъ хоть одну вещь, настолько выше своей повѣсти, насколько она выше всѣхъ его стихотвореній, то мы станемъ указывать на него, какъ на писателя образцоваго.

П. Кулишъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

V.

Грамота на Рощицы и разборъ ея. (*)

I. ГРАМОТА.

На оборотѣ написано: «Божіею милостію Пресвѣтлейшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы.»

Внизу написано: «Справилъ подъячій Иванъ Биринъ.»

(Пергаментъ. Сверху орелъ, кругомъ ободокъ и цвѣты, все золотое. Годы означены ц.-славянскими буквами).

Божіею милостію мы Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы; Московскіе, Киевскіе, Владимірскіе, Новгородскіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Псковскіе и Великіе Князья Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятцкіе, Болгарскіе и иныхъ, Государи и Великіе Князи Новагорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, и всея сѣверныя страны, Повелители и Государи Иверскіе земли, Картолинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ Князей, и иныхъ многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ, и сѣ-

(*) Эту статью, составленную покойнымъ Михайломъ Александровичемъ Стаховичемъ для «Юридическихъ Записокъ,» сообщилъ намъ издатель этого сборника, П. Г. Рѣдкинъ, какъ прямо подходящую, по своему содержанію, къ предмету *Основы*. Подлинная грамота находится у П. Г. Рѣдкина. *Ред.*

верныхъ, отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и Государи и Обладатели. *Наше Царское Величество* (золотомъ) пожаловали знатного войскового товарища Ивана Павлова сына Лисицу велѣли ему дать сію нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту на село Рошицы, да на селцо Пекари и на мельницы на рекѣ Ромнѣ, и на иныхъ рѣчкахъ стоящіе со всѣми къ нимъ угоди, да на мельницу з греблею и ставомъ в селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся. Для того въ нынѣшнемъ во ЗРЧII–мъ году билъ челомъ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству онъ Иванъ, что въ прошлыхъ годѣхъ служилъ отецъ ево Павелъ Отцу Нашему Блаженыя и вѣчно–достойныя памяти Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, и на тѣхъ службахъ подъ Оржищевымъ убитъ отъ непріятелей. Такъ же и онъ Іванъ служилъ Отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству, и Брату Нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству; такъ же нынѣ и Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству служитъ со всякимъ усердіемъ многие годы и посыланъ былъ во Царь–городъ ко святѣйшимъ вселенскимъ патріархамъ отъ митрополіи Кіевской, чтобъ оную митрополію Святѣйшій Константинопольскій Патріархъ уступилъ и отдалъ подъ благословеніе святѣйшаго Московскаго и всея Россіи и иныхъ сѣверныхъ странъ Патріарха. И по той ево посылкѣ та митрополія святѣйшему Московскому Патріарху уступлена и совершенно отдана. Да и въ Чигиринскихъ и въ иныхъ во многихъ такъ же и въ лѣто ЗРЧЕ и въ лѣто ЗРЧЗ во обоихъ крымскихъ походехъ онъ былъ, и съ непріяли съ турскими и съ крымскими людми бился, не щадя головы своей. И за тѣ ево службы, по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу, подданной Нашъ войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа далъ ему Ивану въ Нашихъ Царского Величества Малороссійскихъ городѣх для пополненія Нашей Царскаго Величества службы въ уѣздѣ Роменскомъ село Рошицы съ людми посполитыми съ мелницами на Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими и со всеми къ нему принадлежащими угодьи, да ему жъ Ивану подтвердилъ листомъ своимъ

селцо Пекари, въ полку Прилуцкомъ въ сотне Краснянской обрѣтающееся съ людми посполитыми, которымъ селцомъ онъ и прежде сего владѣлъ Да мельницу зъ греблею и ставомъ въ уѣздѣ воронежскомъ въ селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся бывшаго Гетмана за которую мельницу заплатилъ онъ въ войсковую казну тысячю сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ. А Нашей же Великихъ Государей Нашего Царского Величества жалованной грамоты, во укрепленіе и утвержденіе того въ семъ на вѣчное владѣніе, ему и женѣ и дѣтямъ ево недано, и чтобъ Мы Великіе Государи Наше Царское Величество пожаловали ево Ивана велѣли на тѣ ево вышеписанные село Рошицы, да на село Пекари и на мельницы и на всякия угодья дать Нашу Царского Величества жалованную грамоту, а въ листу подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича прошлаго РЧS году написано: «по Нашему Государеи Нашего Царского Величества указу, видя онъ въ войске запорожскомъ многия службы знатнаго войсковога товарыща Ивана Лисицы, которыя онъ отъправлялъ, и впредь отправлять ихъ Царскому Величеству имѣетъ со всякою вѣрностію, далъ ему в роменскомъ уѣздѣ село Родинецъ съ людми посполитыми съ мельницами на рекѣ Ромнѣ и на иных рѣчкахъ стоящими со всѣми къ нему принадлежащими угодьи и принадлежностями, да ему жъ утверждаетъ въ полку прилуцкомъ въ сотне Краснянской селцо Пекари съ людми посполитыми и со всѣми къ нему надлежащими угодьи, которыми онъ и при бывшемъ Гетманѣ прежде сего владѣлъ, также утверждаетъ ему въ воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Локоткахъ мелницу зъ греблею и съ ставомъ бывшаго Гетмана за которую заплатилъ онъ Лисица въ войсковую казну тысячю сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ, и приказалъ ему Ивану и женѣ ево и дѣтемъ владѣть ею совсякими приходящими съ нее доходы вѣчно, а селомъ рошицами и селцомъ Пекарями и мелницами и всякими къ нимъ належащими угодьи владѣть ему, и всякое отъ людей посполитыхъ опричь казаковъ, послушаніе и повинность, а съ мелницъ размѣровые доходы обирати вѣчножъ. А до казаковъ ему, которые полковые Ихъ Царскаго Величества службы служатъ,—дѣла нѣтъ, и чтобъ ему въ томъ владѣніи нихто изъ старшихъ и черни ныне и впредь не имѣли никакъ не чинити преповы, а войты тѣхъ селъ съ людми посполитыми во всемъ были ему послушны.

Мы Пресвѣтлѣйшіе і Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и

Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, наше Царское Величество, слушавъ того сво Иванова челобитья и подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича данного ему листа, пожаловали его Ивана за службы отца Его и его и Намъ Великимъ Государемъ Нашему Царскому Величеству вышеписанные вѣрные и родѣтельные службы велѣли ему тѣмъ селомъ и селцомъ и мелницами со всякими къ нимъ належащими угодьи которые по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу написалъ ему въ вышеписанномъ листу подданной Намъ войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичь, такъ же и купленою его мелницею въ селѣ Локоткахъ будетъ кого въ чемъ спору какова не будетъ владѣть и всякіе съ нихъ обыклые подати и пожитки употреблять, на что и сію Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту дать ему указали. и впредь будущимъ роду сво; и то все Мы Великіе Государи Наше Царское Величество силою сей нашей Царскаго Величества жалованной грамоты ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ и роду сво укрѣпляемъ и утверждаемъ, и быти тому селу и селцу и мелницамъ и всякимъ угодьямъ за нимъ въ вотчинѣ, потому, что онъ ту Нашу Царского Величества милость и жалованье получилъ за свои вѣрные и радѣтельные и знатные къ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству службы, и чтобъ впредь, смотря на тѣ его службы и вѣрное радѣнье, дѣти его и внучати и кто по немъ роду его будетъ такъ жеб Намъ Великимъ Государемъ Нашего Царскаго Величеста и Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ служили, и ему вышеупомянутому Лисицѣ и женѣ его и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ, тѣмъ селомъ и селцомъ и мѣлницы съ надлежащими къ нимъ угодьи владѣть и всякіе доходы имать и пожитки употреблять. И тѣ вышеписанные (все опять именуется) ему Ивану и т. д, въ роды ихъ неподвижно; и волно имъ тѣ вотчины продать и заложить и въ приданые дать и во всякіе крѣпости укрѣпить. А для вящаго утвержденія Нашей Царскаго Величества милости и вѣчного владѣнія тѣмъ селомъ и селцомъ и мелницами со всѣми къ нимъ подлежащими угодьи ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ сеѣ Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту утвердить Нашею Царского Величества печатію повелѣли. Писана ся Наша Царскаго Величества жалованная грамота,

въ Нашемъ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра ЗРЧИ мѣсяца Марта ВІ дня, государствованія Нашего И году.

Великих Государей Их Царскаго Величества думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичь Украинцовъ.

При грамотѣ въ серебряномъ кругломъ ковчегѣ, печать; на крышкѣ гербъ,—двуглавый орелъ безъ московскаго герба со скипетромъ и державою; внутри отлично-сохранившаяся краснаго воску печать, съ гербомъ: орелъ съ московскимъ гербомъ на груди, подъ нимъ столъ; на столѣ булава; на одной сторонѣ 7 человѣкъ:—передніе видно, что кругловолосые, въ латахъ, короткихъ кафтанахъ съ саблями, а одинъ съ знаменемъ; съ другой стороны въ длинныхъ шубахъ, одинъ со скипетромъ; кругомъ печати краткій титулъ Царей. На грамотѣ обертка шолковой матеріи; у печати кисти серебряныя, идутъ отъ пришитаго куска серебряной парчи.

II. РАЗБОРЪ.

Извѣстно, что, послѣ ослабленія южной системы русскихъ княжествъ, главнымъ центромъ русской православной іерархіи была Москва. Въ ней основалась единственная (кромѣ кіевской) митрополія и возрасла до патріархіи. Сначала Москва и Кіевъ сносились съ греческими патріархами отдѣльно, такъ же, какъ въ древнія времена и многія великія княжества находились въ самостоятельныхъ отношеніяхъ съ Греціею, особенно Владимірское. До временъ московскаго патріаршества по разнымъ русскимъ городамъ являются греческіе епископы и архіепископы, посвящаемые въ Константинополѣ. Со времени же патріарховъ московскихъ, сѣверная и восточная части Россіи единственно отъ нихъ стали получать своихъ пастырей; греческіе исчезаютъ, а разсадникомъ русскихъ пастырей становятся русскіе сѣверные монастыри. Но кіевская митрополія и подчиненныя ей епископства продолжаютъ, въ это время, находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ константинопольскому патріарху, который рукополагаетъ ихъ митрополитовъ. Однако, значеніе православныхъ іерарховъ, въ странѣ, угнетенной католицизмомъ, стало такъ маловажно въ это время, что уніаты присвоивали себѣ часто имя кіевскихъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ властью и управленіемъ. Жестокая оппозиція, которую составлялъ народъ, противилась такому порядку, и кровью отстаивала свою православную

независимость отъ хитростей польской политики, въ то самое время, какъ на сеймахъ открыто разсуждали о томъ, чтобы всѣми силами стараться обѣднить и ослабить русское духовенство, и тѣмъ унизить его въ глазахъ народа. Еще въ недавнее время видны были слѣды этихъ ужасныхъ мѣръ. Когда послѣдовало распоряженіе о поддержаніи благолѣпія и порядка русскихъ церквей въ Бѣлоруссіи, (гдѣ часто въ помѣщичьихъ селеніяхъ католическіе костелы, посѣщаемые единственно господиномъ и его домочадцами, были каменныя и богатоукрашенныя зданія, а русскія церкви—полуразрушенныя, деревянныя, съ бѣднѣйшею утварью и одеждами), то многіе изъ крестьянъ того края приносили, для новыхъ, строившихся, церквей, утвари и дорогія церковныя вещи. Одинъ крестьянинъ принесъ хранившіяся съ незапамятныхъ временъ серебряныя церковныя врата, преданіе о коихъ передавалось отъ отца къ сыну, на смертномъ одрѣ. Съ самого начала преобладанія Литвы и Польши, въ южно-русскомъ краѣ, видно стремленіе къ соединенію подъ одно управленіе съ православною Москвою въ церковномъ отношеніи. Начало новой московской митрополіи положилъ св. Петръ митрополитъ, родомъ волынецъ, который удержалъ при себѣ и кіевскую митрополію. Но литовскіе князья успѣли разъединить эти митрополіи: Кіевъ началъ имѣть отдѣльныхъ митрополитовъ, которые большею частью держались сношеній съ папою и уніею, такъ-что единственною оградою православія на югѣ осталась община козацкая и нѣкоторые его представители. Вотъ причина, почему многія лица изъ знатныхъ родовъ стали вступать въ ряды духовенства. — Обычай этотъ еще недавно существовалъ въ Малороссіи, гдѣ многіе изъ дворянъ были священниками и архіереями, напр. Іоасафъ Горленко, гдѣ и теперь многія церкви имѣютъ своихъ настоятелей изъ дворянскихъ родовъ. Многіе преданные-православію митрополиты кіевскіе, по рукоположеніи ихъ въ Царьградѣ, оставались при одномъ имени, но безъ власти. По освобожденіи Россіи отъ самозванцевъ и внутреннихъ неустройствъ, южно-русская козацкая община не преминула содѣйствовать ближайшему средству охраненія вѣры и первой ея колыбели, Кіева — соединенію южной Руси съ Москвою и кіевской митрополіи съ московскою патріархіею. Кіевскій соборъ постановилъ это іерархическое соединеніе. Тогда Гедеонъ Святополкъ князь Четвертинскій, вторично прибылъ въ Москву, для рукоположенія въ митрополиты. О поставленіи его во епископа Переяславскаго хлопоталъ еще Богданъ Хмельницкій, но признано было необходимымъ испросить предварительно

согласіе патріарха Діонисія на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Отъ кіевской митрополіи былъ посланъ въ Цареградъ войсковой товарищъ Иванъ Павловъ Лисица, для исходатайствованія отъ патріарха уступки кіевской митрополіи подъ благословеніе московскаго и всея Россіи патріарха, и вслѣдствіе этой посылки, кіевская митрополія была уступлена и навсегда отдана московскому патріарху. За такія службы дана была Лисицѣ вотчина, перешедшая къ его дочери, которая была замужемъ за предкомъ нашимъ, городецкимъ сотникомъ, Андреемъ Стаховичемъ. Онъ же, Андрей Стаховичъ, получилъ вотчину и жалованную на нее грамоту по купчей, съ утвержденіемъ универсальнымъ Гетмана Скоропадскаго, отъ брата умершаго Ивана Лисицы, кіевскаго монаха Досифея, *трактовавшаго науки* въ кіевской академіи.

Вотъ отношеніе напечатанной здѣсь грамоты къ политической исторіи Малороссіи и исторіи церкви русской. Подобные документы, несомнѣнно важные въ историческомъ отношеніи съ точки зрѣнія государственной, доселѣ составляютъ основаніе гражданскихъ правъ нынѣшняго малороссійскаго дворянства, и потому они не менѣе важны въ юридическомъ отношеніи. Грамота на Рошицы съ этой стороны весьма замѣчательна. Постараемся представить краткій экзегетическій разборъ ея.—

Грамотою укрѣпляются войсковому товарищу Лисицѣ данныя ему отъ Мазепы вотчины: села Рошицы и Пекари, по пожалованію, и мельница съ прудомъ въ селѣ Локоткахъ, на рѣкѣ Воронежѣ, купленная у Мазепы на наличныя деньги. Владѣлецъ просилъ объ укрѣпленіи его правъ жалованною грамотою, которая нужна была ему, несмотря на то, что гетманъ далъ и записалъ за нимъ вотчины съ людьми посполитыми, по указу великихъ государей. Владѣніи, по данному гетманскому листу и по другимъ утвердительнымъ листамъ, были приказаны «для пополненія царской службы,» почему Лисица и выражается въ просьбѣ, что вотчины даны ему за службы (исчисляя ихъ, онъ упоминаетъ и о посольствѣ въ Цареградъ) и «для службы;» въ жалованной же грамотѣ велѣно селу быть за нимъ «въ вотчинѣ.» Что же значитъ, спрашивается, владѣніе для службы и по службѣ, котораго недостаточно для правъ вотчинника, и для чего нужна Лисицѣ грамота, если былъ у гетмана царскій указъ о пожалованіи? Разберемъ сначала смыслъ владѣнія по гетманскому листу. Гетманъ приказываетъ Ивану Лисицѣ владѣть вѣчно имѣніемъ, со всѣми доходами, и всякое послушаніе отъ людей посполитыхъ имѣть, а до

козаковъ, которые Ихъ Царскаго Величества службу чинятъ, ему дѣла нѣтъ, и чтобъ никто изъ старшинъ и изъ черни не имѣлъ ему чинить препоны, а войты съ людьми были бы послушны. Здѣсь раздѣляется народъ на два сословія: на козачество и посполство. До козаковъ владѣльцу дѣла нѣтъ: они въ отношеніи къ нему составляютъ особое сословіе, и не должны ему чинить препоны. Войты, ближайшіе начальники людей посполитыхъ, должны быть ему вмѣстѣ съ ними послушны. Въ слѣдующихъ за этою грамотою универсалахъ гетмана Мазепы, (коихъ списки я имѣю), также различаются сословія, напримѣръ по одному: » Пани Лисичена подала просьбу въ томъ, что въ имѣніи ея тѣ люди, которыхъ небожчикъ (Лисица) съ козацства до громады привернулъ, опять знова ухиляются и не хотятъ за громадою тянути и посполыхъ повинностей отбувати, велитъ ихъ до громады привернути. » Въ другихъ универсалахъ, посполымъ людямъ велятъ не укрываться въ козачество, и отбывать повинности на стояковъ (расположенныя на квартирахъ военныя команды), старшинамъ не велятъ дѣлать владѣльцу кривды и шкоды (универсалы Скоропадскаго слѣдующему владѣльцу, Якову Лисицѣ). То же самое повторяется въ листахъ и универсалахъ при вводѣ во владѣніе. Такимъ образомъ, гетманскій листъ опредѣляетъ отношенія владѣльца къ людямъ, живущимъ въ мѣстахъ его владѣнія. Онъ долженъ распоряжать отправленіемъ общихъ повинностей. Гетманъ даетъ свой листъ, по царскому указу, т. е. по общему своему праву раздавать имѣнія для исполненія службы. На этомъ основаніи, онъ утверждаетъ прежнія владѣнія и гражданскія сдѣлки объ отчужденіи имѣній и назначаетъ новыя помѣстья въ награду за службу; назначая кому-либо имѣніе. Гетманъ опредѣляетъ право владѣнія извѣстнаго лица и даетъ оное со всѣми средствами въ предѣлахъ предоставленной ему власти. Грамотою же утвеждается право поземельной собственности. Въ ней нѣтъ уже распоряженій объ отношеніяхъ владѣльца къ людямъ: это дѣло гетманскаго управленія, и о немъ упоминается въ грамотѣ, какъ въ протоколѣ, вмѣстѣ съ просьбою и съ гетманскимъ представленіемъ къ наградѣ. Грамота утверждаетъ распоряженіе гетмана, и для частнаго лица опредѣляетъ его твердое и нерушимое право чисто гражданскаго характера: цари велятъ быть имѣніямъ за Лисицею »въ вотчинѣ.« Различіе укрѣпленія по грамотѣ и листамъ гетманскимъ весьма отчетливо выражается въ слѣдующихъ словахъ этихъ актовъ: Гетманъ велитъ вотчиннику владѣть и всякое отъ людей

послушаніе имѣть; а грамотою цари вѣлятъ владѣть и пожитки употреблять; укрѣпляютъ изъ рода въ родъ неподвижно. Вотчину эту воленъ онъ продать, заложить, въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить, т. е. грамотою дается право собственности, тогда какъ гетманъ даетъ одно право владѣнія. Владѣніе дается по общимъ чиновнымъ распорядкамъ, а собственность — какъ частное, неограниченное право. На этомъ основаніи грамота, единственный оплотъ такого права, дается со всею торжественностью, нетолько юридическою, но даже дипломатическою. Печать краснаго воску, приложенная къ этой грамотѣ, вѣроятно, осталась со времени сношеній царя Алексѣя Михайловича съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ.

М. Стаховичъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Новый уставъ объ акцизѣ съ табаку.

1-го августа 1861 года обнародованъ Высочайше утвержденный 4 іюля 1861 года уставъ объ акцизѣ съ табаку, при особомъ указѣ сенату, въ которомъ сказано, что дѣйствующія объ акцизѣ съ табаку постановленія были подвергнуты общему пересмотру, вслѣдствіе того, что потребленіе табаку постоянно распространяется во всѣхъ сословіяхъ, доходъ же казны отъ налога на сей предметъ роскоши не возрастаетъ въ достаточной съ его потребленіемъ соразмѣрности.

Согласно новому уставу, потребленіе табаку въ имперіи подлежитъ платежу пошлины; а посему производство табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, кромѣ разведенія и продажи табаку плантаторами, допускается не иначе, какъ съ соблюденіемъ особыхъ, въ уставѣ семъ постановленныхъ, правилъ.

По уставу, табакъ раздѣляется на 2 вида: сырой и приготовленный. Сырымъ табакомъ признаются табачные листья и стебельки, высушенные и вывѣтренные въ папушахъ или связкахъ, не свернутые въ рули и кароты. Приготовленнымъ же табакомъ почитаются: а) листья и стебельки, свернутые въ рули и кароты; б) табакъ тертый и крошеный, нюхательный и курительный; в) всякаго рода табакъ, свернутый или завернутый въ табачные листья, бумагу, солому и т. п. г), табачныя крошки и вытерки. Разводители табаку могутъ, безъ платежа акциза и взятія свидѣтельства на право продажи, продавать плантаціяхъ, ярмаркахъ и торгахъ собственный свой табакъ въ сыромъ видѣ оптомъ и въ разницу, для внутренняго употребленія и вывоза за границу.

Съ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки взимается акцизъ, посредствомъ бандеролей. Привозный иностранный табакъ оплачивается установленными таможенными пошлинами.

Лица, желающія содержать заведенія, для приготовленія и продажи табаку, кромѣ соблюденія общихъ постановленій о производствѣ торговли, обязаны брать ежегодно особыя акцизныя свидѣтельства. Развозъ и разносъ всякаго рода табаку производится не иначе, какъ по свидѣтельствамъ и накладнымъ.

Наблюденіе за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, для обезпеченія исправнаго поступленія въ казну установленныхъ съ табаку сборовъ, возлагается на акцизный надзоръ.

О разведеніи табаку и развозѣ его съ плантацій. Согласно этимъ правиламъ, разведеніе табаку предоставляется лицамъ всѣхъ состояній.

Сырой табакъ внутренняго произрастенія развозится съ плантаціей, въ предѣлахъ акцизнаго округа или губерніи, если таковая не принадлежитъ къ округу, не иначе, какъ уложенный въ связки или другія помѣщенія вѣсомъ, не менѣе пуда (netto), по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ на сей предметъ отъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ начальствъ. На вывозъ сыраго табаку за предѣлы акцизнаго округа, или губерніи, выдаются отъ акцизнаго надзора особыя накладныя, съ платою за каждую по 30 к. Табакъ же, застигнутый на пути или торгѣ, безъ свидѣтельства или накладной, подлежитъ задержанію, какъ корчемный.

О приготовленіи табаку и табачныхъ фабрикахъ. Приготовленіе табаку дозволяется только на табачныхъ фабрикахъ; домашнее же приготовленіе табаку, только для собственнаго употребленія, а не для продажи, дозволено единственно табакоразводителямъ, въ жилищахъ при плантаціяхъ. Табачныя фабрики могутъ быть учреждаемы купцами всѣхъ гильдій и лицами торгующими, по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ столицахъ, портовыхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, со взятіемъ акцизныхъ свидѣтельствъ и съ разрѣшенія министра финансовъ. Владѣльцы табачныхъ фабрикъ обязаны ежегодно выбирать накаждую фабрику изъ казны бандеролей: въ Одессѣ на сумму не менѣе 3000 рублей, во всѣхъ другихъ южнорусскихъ городахъ и мѣстахъ не менѣе 1300 рублей. Фабрики, конхъ владѣльцы не выберутъ, въ какую либо треть, опредѣленной пропорціи бандиролей, закрываются. Фабрика, по этой причинѣ закрыая, можетъ быть вновь открыта, въ теченіе того же года, не иначе, какъ по дополнительной выборкѣ обязательнаго количества бандеролей, какое за весь годъ съ нея причиталось бы, по самый день ея возобновленія. По прошествіи же года, таковая фабрика можетъ быть открыта не иначе, какъ по предварительной выборкѣ количества бандеролей, причитающагося за цѣлую треть года, сверхъ узаконенной годовой пропорціи. Содержаніе, при табачныхъ фабрикахъ, лавокъ и лавочекъ, для розничной продажи табаку, не дозволено. Внѣ фабрики и совершенно отъ нея отдѣльно, табачный фабрикантъ можетъ имѣть двѣ лавки, для розничной продажи своихъ издѣлій, а если желаетъ имѣть ихъ болѣе, то долженъ брать на каждую особый билетъ, съ платежемъ, на основаніи 317 ст. уст. о пошл., независимо отъ установленнаго акцизнаго свидѣтельства, на каждую табачную лавку.

Табачные фабриканты обязаны ежегодно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, представлять мѣстному акцизному надзору, для скрѣпы и приложенія печати, двѣ прошнурованныя книги, въ которыя фабриканты, въ теченіе слѣдующаго за симъ года, обязаны записывать приходъ и расходъ сыраго и приготовленнаго на фабрикѣ табаку.

Объ акцизныхъ свидѣтельствахъ. Акцизныя свидѣтельства ежегодно выда-

ются изъ уѣзднаго казначейства всѣмъ желающимъ открыть или продолжать содержаніе табачной фабрики, склада для оптовой продажи табаку, лавки, или лавочки, или производить продажу табаку, для мѣстной раскурки въ трактирѣ или на гульбищахъ, а равно перепродажу русскаго листоваго табаку въ развозъ.

За акцизныя годовыя свидѣтельства на право приготовленія и продажи табаку взимается слѣдующая плата: 1) На табачныя фабрики: въ Одессѣ по 150 руб. а въ другихъ мѣстахъ по 100 руб.

2.) На склады для оптовой продажи: а) исключительно листоваго табаку внутренняго произрастенія, по 15 руб;. б), всякаго рода табаку, русскаго и иностраннаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, по 30 руб.

3.) На табачную лавку и на право розничной продажи приготовленнаго табаку, русскаго и иностраннаго: въ Одессѣ по 25 руб., въ другихъ мѣстахъ по 15 руб.

4.) На табачныя лавочки и на право розничной продажи приготовленнаго табаку, внутренней выдѣлки: въ Одессѣ по 10 руб., въ другихъ мѣстахъ по 5 рублей.

5.) На право продажи табаку и сигаръ изъ бандероленныхъ помѣщеній, для куренія на мѣстѣ: а), для трактировъ, ресторановъ, гостинницъ, кофейныхъ домовъ и буфетовъ при клубахъ, театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ другихъ публичныхъ заведеніяхъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 20 руб; въ другихъ мѣстахъ и на пароходахъ по 10 рублей; б), для харчевенъ, портерныхъ лавочекъ, ренсковыхъ погребовъ и питейныхъ домовъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 15 руб.; въ другихъ мѣстахъ по 7 рублей; в), для корчмъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 10 руб.; въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, равно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ по 5 руб.

6.) На право разноса табаку и сигаръ на публичныхъ гульбищахъ, гдѣ дозволено курить, для продажи цѣльными и обандероленными помѣщеніями, по 1 руб.

7.) На право перепродавать, русскій сырой табакъ въ развозъ, по 2 руб.

О торговлѣ табакомъ. Покупка сыраго табаку внутренняго произрастенія у плантаторовъ, пудовыми связками или помѣщеніями. дозволяется лицамъ всѣхъ состояній повсемѣстно; лица же, занимающіяся перепродажею сего табаку въ развозъ, обязаны брать акцизное свидѣтельство, которое выдается лицамъ всѣхъ званій, съ платою по 2 руб. въ годъ. Содержаніе складовъ, для оптовой продажи исключительно русскаго сыраго табаку, внутренняго произрастенія, дозволяется купцамъ всѣхъ трехъ гильдій и лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, со взятіемъ на каждый таковой складъ узаконеннаго акцизнаго свидѣтельства. Склады для оптовой продажи всякаго табаку, т. е. русскаго и привознаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, могутъ содержать только купцы первыхъ двухъ гильдій, по узаконеннымъ акцизнымъ свидѣтельствамъ.

Изъ табачныхъ лавокъ дозволяется розничная продажа всѣхъ сортовъ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки и привознаго. Содержать табачныя лавки могутъ купцы и лица, торгующія по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ сіе дозволено, со взятіемъ на каждую акцизнаго свидѣтельства.

Изъ этого правила сдѣлано исключеніе для черноморскихъ козаковъ, которымъ, на основаніи дарованныхъ привилегій, дозволено, въ предѣлахъ своихъ

земель, производить продажу табаку, подъ установленными бандеролями, въ лавкахъ, вмѣстѣ съ прочими товарами, безъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, по однимъ только акцизнымъ свидѣтельствамъ, на табачныя лавки установленнымъ.

Табачныя лавочки, со взятіемъ на нихъ акцизныхъ свидѣтельствъ, могутъ содержать мѣщане и лица, торгующіе по свидѣтельствамъ четвертаго рода; изъ сихъ лавочекъ дозволяется продавать въ разницу табакъ внутренняго приготовленія.

Розничная продажа сыраго табаку русскаго произрастенія дозволена только изъ табачныхъ лавокъ и лавочекъ. Розничная же продажа привознаго иностраннаго табаку, въ листьяхъ и стебелькахъ, повсемѣстно запрещена.

Крестьяне, имѣющіе въ селеніяхъ мелочныя лавочки, могутъ продавать изъ нихъ табакъ внутренняго приготовленія безъ, взятія свидѣтельствъ четвертаго рода и только по акцизнымъ свидѣтельствамъ на табачныя лавочки. Право это предоставлено и отставнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, приписаннымъ къ селеніямъ.

На ярмаркахъ торговля табакомъ должна производиться съ заявленіемъ о томъ ярмарочному начальству и по особымъ выданнымъ отъ него билетамъ.

О порядкѣ развоза табаку. Согласно правиламъ, въ этой главѣ изложеннымъ, всякій табакъ-приготовленный, равно иностранный, въ листьяхъ и стебелькахъ, долженъ быть развозимъ не иначе, какъ по свидѣтельствамъ городскихъ и сельскихъ начальствъ, или по форменнымъ накладнымъ, отъ акцизнаго надзора выдаваемымъ, со взиманіемъ за каждую по 30 коп. платы.

Накладныя пишутся по особой формѣ; въ нихъ, за подписью акцизнаго пристава, должны быть обозначены: а), количество и качество отправляемаго табаку; б), имя возчика; в), имя отправителя, день отправленія и мѣсто, откуда табакъ высылается; г), трактъ, по коему онъ слѣдуетъ; д), мѣсто назначенія и лицо, коему онъ адресованъ.

Для полученія накладной, акцизнымъ чиновникамъ предъявляются бумаги, удостовѣряющія, что отправляемый табакъ достался отправителю законными путями, а именно: а), въ случаѣ пріобрѣтенія табаку отъ разводителей, въ предѣлахъ акцизнаго округа, свидѣтельства мѣстнаго городскаго или сельскаго начальства; б), въ случаѣ привоза изъ-за границы—таможенные провозные ярлыки, и в), въ случаѣ привоза изъ другихъ мѣстъ—накладныя мѣстнаго надзора.

Накладныя, ярлыки и свидѣтельства, при транспортахъ табаку, должны быть предъявляемы во всякое время акцизному надзору, городской и сельской полиціи, по ихъ востребованію.

Транспорты съ табакомъ, слѣдующіе при накладныхъ, подвергаются только поверхностной повѣркѣ числа и знаковъ помѣщеній и цѣлости печатей надзора, къ нимъ приложенныхъ; а внутренней, подробной повѣркѣ могутъ быть подвергнуты только въ случаѣ, если печати окажутся взломанными, или число и знаки помѣщеній не будутъ соотвѣтствовать означеннымъ по накладной.

О вывозѣ русскаго табаку за границу. Вывозъ сыраго табаку русскаго произрастенія за границу предоставляется плантаторамъ и купцамъ всѣхъ трехъ гильдій, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для развоза табаку по имперіи.

Фабрикантъ, желающій отправлять свои табачныя издѣлія за границу, обязанъ всякій разъ приглашать мѣстный акцизный надзоръ, для осидѣтельство-

вапія предназначенныхъ къ вывозу помѣщеній, которыя могутъ быть, безъ обложенія бандеролями, перевозимы въ таможни, за печатями надзора и съ его удостовѣреніемъ о количествѣ отправляемаго табаку. Таможни, освидѣтельствовавъ вновь сіи помѣщенія, выдаютъ отправителю свидѣтельство, которое должно быть имъ представлено акцизному надзору, въ теченіи полугода; въ случаѣ же непредставленія въ сей срокъ свидѣтельства таможни, о дѣйствительномъ вывозѣ за границу безбандерольнаго табаку, съ фабрики, подъ печатями надзора, отпущеннаго, содержатель фабрики обязанъ внести причитающійся за все количество акцизъ, по высшему сорту табаку. Купцы, производящіе заграничную торговлю, но неимѣющіе своихъ фабрикъ, могутъ представлять въ таможни приготовленный табакъ внутренней выдѣлки, для вывоза за границу, не иначе, какъ въ помѣщеніяхъ обандероленныхъ; стоимость бандеролей возвращается имъ, если, по предварительномъ удостовѣреніи таможни, что таковыя помѣщенія ею пропущены, отправитель представитъ еще удостовѣреніе россійскаго консульства того мѣста, куда табакъ отправленъ, о томъ, что онъ дѣйствительно туда, въ опредѣленномъ количествѣ, прибылъ.

Этимъ кончается первый раздѣлъ устава, носящій общее заглавіе: »о порядкѣ производства табачной промышленности и взиманіи акциза съ табаку«.

Засимъ слѣдуетъ второй раздѣлъ: *»учрежденіе акцизнаго управленія по табачному сбору.«*

Центральное управленіе сосредоточивается въ министерствѣ финансовъ, по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, а надзоръ за ходомъ табачной промышленности, въ губерніяхъ, возложенъ на казенныя палаты и уѣздныя казначейства, на начальниковъ акцизныхъ округовъ, ихъ помощниковъ, табако-акцизныхъ приставовъ, надзирателей и корчемную стражу по акцизу съ табаку.

Акцизный надзоръ за точнымъ поступленіемъ табачныхъ сборовъ и за правильнымъ производствомъ табачной промышленности распредѣляется на акцизные округи и дистанціи или районы.

Акцизный округъ составляется изъ одной или нѣсколькихъ смежныхъ губерній.

Каждый табако-акцизный округъ управляется начальникомъ онаго, который имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ всѣ дистанціи, составляющія округъ и есть главный начальникъ окружной корчемной стражи. Мѣстопребываніемъ начальниковъ округовъ назначаются главные центры табачной промышленности, въ томъ числѣ: Кіевъ, Одесса и Полтава или Харьковъ.

Дистанціею называется извѣстная часть округа. Каждою дистанціею завѣдываетъ акцизный приставъ 1 или 2 класса.

Для вспомоществованія надзору за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, состоитъ при ономъ корчемная стража.

При акцизныхъ округахъ, полагается, для порученій и пріобрѣтенія познаній въ дѣлахъ акцизныхъ, одинъ или два чиновника.

Акцизные округи учреждаются постепенно, по мѣрѣ того, какъ потребуетъ распространеніе табачной промышленности; на первое время учредятся семь округовъ, въ томъ числѣ Югозападный: изъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, Новороссійскій, изъ губерній: Херсонской, Таврической, Екатеринославской и области Бессарабской, и Малороссійскій, изъ губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской и Курской.

Въ губерніяхъ, не въ акцизновключенныхъые округи, наблюденіе за правильностью производства табачной промышленности возлагается на казенныя палаты, отъ которыхъ надзоръ поручается: въ губернскихъ городахъ—чиновникамъ ихъ вѣдомства, а въ уѣздныхъ и другихъ городахъ—чиновникамъ уѣздныхъ казначействъ, виннымъ и соляным приставамъ, акцизнымъ надзирателямъ по питейнымъ сборамъ и проч. чиновн.

Начальники губерній, палаты государственныхъ имуществъ, удѣльныя конторы и всѣ мѣстныя управленія, а равно и городскія и земскія полиціи должны оказывать акцизному надзору полное, съ ихъ стороны, содѣйствіе.

Акцизный надзоръ по табачнымъ сборамъ, тамъ, гдѣ онъ учрежденъ отдѣльно отъ казенныхъ палатъ, не зависитъ отъ нихъ, собственно по прямымъ его обязанностямъ, состоящимъ въ наблюденіи за табачною промышленностью во всѣхъ ея видахъ, но долженъ представлять казеннымъ палатамъ всѣ свѣдѣнія и справки и исполнять всѣ порученія, какія, по отчетности, взысканіямъ и дѣламъ исковымъ, палаты сіи отъ него потребуютъ.

Начальники округовъ обязаны осматривать лично всѣ ввѣренныя имъ дистанціи не менѣе двухъ разъ въ году. Всѣмъ чиновникамъ, на коихъ возложенъ надзоръ по табачному сбору, предоставляется употреблять, для открытія злоупотребленій, лицъ всякаго званія, подъ ихъ личною отвѣтственностью.

Акцизный надзоръ, направляя дѣйствія свои къ раскрытію и предупрежденію незаконнаго приготовленія и продажи табаку, обязанъ притомъ поступать съ надлежащею умѣренностію, не дѣлая помѣшательства торговцамъ и фабрикантамъ. Въ частныя жилища надзоръ доступа не имѣетъ; но въ случаѣ основательныхъ подозрѣній, если встрѣтится надобность сдѣлать домовый обыскъ, то таковой производится, на основаніи общихъ узаконеній.

Денежныя взысканія за нарушеніе правилъ новаго устава и суммы, поступающія отъ продажи конфискованныхъ предметовъ, за вычетомъ 10%, для причисленія къ пенсіонному капиталу государственнаго казначейства, обращаются въ особый капиталъ, для выдачи награжденій служащимъ по части акциза съ табаку. Если же открыватель не принадлежитъ къ акцизному вѣдомству, то изъ означенныхъ суммъ поступаетъ въ капиталъ только половина, а другая выдается открывателю. Кромѣ того, для увеличенія средствъ надзора и поощренія служащихъ, съ дохода, превышающаго сборъ отъ продажи бандеролей и свидѣтельствъ, въ 1858 году по каждому акцизному округу или губерніи поступившій, ежегодно отчисляется 15%, изъ коихъ 5 употребляются на усиленіе средствъ и улучшеніе надзора; остальные же 10 раздѣляются, въ пособіе къ жалованью между мѣстнымъ спеціальнымъ надзоромъ и чиновниками, занимающимися дѣлопроизводствомъ, по части акциза съ табаку, въ министерствѣ финансовъ.

Акцизные чиновники, за всякое умышленное попущеніе корчемнымъ дѣйствіямъ по табачной промышленности, исключаются изъ службы, съ утратою всѣхъ заслуженныхъ, по силѣ сего устава, преимуществъ, а если доказано, что это сдѣлано ими изъ корыстныхъ видовъ, то подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за лихоимство.

Лица, которымъ порученъ надзоръ за исполненіемъ табако-акцизныхъ узаконеній, за всѣ преступленія и проступки по службѣ, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ вообще за нарушеніе обязанностей службы, а за нанесеніе, своими несправедливыми дѣйствіями, частнымъ лицамъ убытковъ—денежному вознагражденію обиженныхъ, по приговору суда.

О порядкѣ производства дѣлъ по задержанію корчемнаго табаку и слѣдствій по нарушеніямъ акцизныхъ, по табачной части, правилъ. Главная цѣль спеціальнаго табако-акцизнаго надзора состоитъ въ наблюденіи за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, въ открытіи злоупотребленій и въ ихъ немедленномъ пресѣченіи; а посему, на всѣхъ акцизныхъ чиновникахъ лежитъ прямая обязанность, всякое уклоненіе отъ акцизныхъ правилъ, открытое ими самими непосредственно, или чрезъ объявленіе городской или земской полиціи, или чрезъ доносъ частнаго лица, прекращать, и, составивъ о нарушеніи письменный актъ, при посторонихъ свидѣтеляхъ, представить оный на разсмотрѣніе и рѣшеніе мѣстной казенной палаты.

Актъ объ открытіи нарушенія акцизныхъ правилъ, касающихся табачной промышленности, долженъ быть составленъ акцизнымъ чиновникомъ, съ точнымъ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла, подписанъ составителемъ, скрѣпленъ двумя посторонними свидѣтелями и предложенъ къ подписанію самому нарушителю.

Еслиже сей послѣдній отъ сего откажется, то о семъ должно быть упомянуто въ самомъ актѣ, и въ такомъ случаѣ акцизный надзоръ обязанъ потребовать мѣстную полицію, для засвидѣтельствованія акта. Таковый актъ имѣетъ силу полнаго доказательства, доколѣ не будетъ опровергнутъ положительными противъ него доводами.

Корчемной стражѣ вмѣняется въ обязанность задерживать всякаго, кто продаетъ табакъ безъ бандеролей, а равно останавливать всякаго рода табакъ, развозимый безъ оправдательныхъ видовъ, т. е. безъ форменныхъ накладныхъ свидѣтельствъ мѣстныхъ начальствъ, или таможенныхъ ярлыковъ, и представлять какъ задержанныхъ людей, такъ и табакъ, при нихъ найденный, своему ближайшему начальству, которое, по разсмотрѣніи представленнаго стражею обстоятельства, или составляетъ актъ, истребовавъ отъ задержанныхъ людей обезпеченіе въ исправномъ взносѣ могущаго причитаться съ нихъ взысканія, каковой актъ получаетъ законное движеніе, или, въ случаѣ невиновности задержанныхъ, ихъ освобождаетъ. Задержанные корчемною стражею люди подлежатъ аресту только въ случаѣ, если откроется подозрѣніе въ поддѣльныхъ на табакѣ бандеролях, или въ подложныхъ бумагахъ, или если, при ихъ задержаніи, они окажутъ сопротивленіе, съ нанесеніемъ оскорбленій или побоевъ корчемной стражѣ, или если не представятъ достаточнаго обезпеченія или благонадежнаго поручительства, въ могущемъ причитаться съ нихъ взысканіи. За исключеніемъ сихъ случаевъ, задержанные должны быть немедленно отпущены, съ отобраніемъ у нихъ показанія объ ихъ личности и о мѣстѣ ихъ жительства, а равно и всѣхъ другихъ свѣдѣній, въ коихъ окажется надобность.

Казенная палата, получивъ отъ акцизнаго надзора актъ объ открытомъ имъ нарушеніи акцизныхъ правилъ, безъ замедленія, и не позже семи сутокъ, считая со времени поступленія сего акта въ палату, обязана сдѣлать постановленіе, о мѣрѣ взысканія съ виновнаго. Если же дѣло должно быть произведено судебнымъ порядкомъ, то палата дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ формальнаго слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя.

Если, по разсмотрѣніи дѣла казенною палатою и по утвержденіи департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли, или по рѣшенію судебнаго мѣста, задержанные табакъ и другіе предметы признаются некорчемными, то оные возвращаются хозяину ихъ или его повѣренному, съ предоставленіемъ имъ права понесенные убытки отыскивать съ виновныхъ въ неправильномъ задержаніи-

Если цѣнность предметовъ, признанныхъ некорчемными и потому подлежащими возврату, не будетъ превышать ста руб., то возвратъ ихъ предоставляется казеннымъ палатамъ, безъ особаго разрѣшенія департамента, и только съ увѣдомленіемъ его.

Дѣла, о нарушеніи акцизныхъ по табаку правилъ, подлежатъ вѣдомству судебныхъ мѣстъ, когда обвиняемый въ семъ нарушеніи можетъ подлежать личному наказанію, разумѣя подъ симъ и запрещеніе или ограниченіе правъ по торговлѣ табакомъ.

Подлежащія судебному разсмотрѣнію дѣла о нарушеніи устава объ акцизѣ съ табаку производятся въ судебныхъ мѣстахъ, на основаніи правилъ, установленныхъ для производства дѣлъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ.

Дѣла о нарушеніи акцизныхъ правилъ, когда обвиняемый, по существу падающаго на него обвиненія, можетъ подлежать одному денежному взысканію, съ конфискаціею табаку и другихъ предметовъ, или безъ оной, вѣдаются и рѣшаются мѣстными казенными палатами, съ соблюденіемъ слѣдующаго порядка: по разсмотрѣніи акта акцизнаго надзора, если дѣло признается подлежащимъ рѣшенію казенной палаты, сія послѣдняя немедленно постановляетъ рѣшеніе, которое объявляется съ подпискою виновному или его повѣренному, съ тѣмъ, чтобы въ сей же подпискѣ онъ показалъ, доволенъ или не доволенъ рѣшеніемъ.

Недовольный рѣшеніемъ палаты можетъ, въ теченіе мѣсяца, со дня объявленія ему рѣшенія, принести на него жалобу въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Таковая жалоба можетъ быть подаваема въ самую казенную палату, которая, не приводя своего рѣшенія въ исполненіе, обязана поданную жалобу немедленно отправить въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ и своимъ по жалобѣ объясненіемъ. Если подписавшій на рѣшеніе казенной палаты неудовольствіе, въ теченіе мѣсячнаго срока, жалобы не подастъ, то рѣшеніе сіе вступаетъ въ законную силу.

Объявившій неудовольствіе на рѣшеніе департамента мануфактуръ и внутренней торговли можетъ принести жалобу правительствующему сенату не позже 3-хъ мѣсяцевъ, по объявленіи ему рѣшенія.

Плантаторы, фабриканты и торговцы, уличенные въ нарушеніи законовъ объ акцизѣ, подвергаются штрафу, количество котораго зависитъ отъ важности нарушенія, вмѣстѣ съ тѣмъ конфискаціи снарядовъ и табаку, закрытію фабрики или лавки, лишенію права приготовлять табакъ и торговать онымъ, и, наконецъ, въ случаѣ поддѣлки свидѣтельствъ, накладныхъ и бандеролей, исправительному наказанію.

При новомъ уставѣ приложенъ тарифъ бандеролей по табачному акцизу и продажныхъ цѣнъ табаку и сигаръ.

Не выписывая вполнѣ всего тарифа, въ которомъ означены цѣны табаку и бандеролей отъ 1 фунта до $^1/_4$ фунта, мы выпишемъ только цѣны табаку въ количествѣ 1 фунта, точно также, какъ и цѣны бандеролей, соотвѣтствующихъ этому количеству табаку.

Табакъ нюхательный:

1 фунтъ.

IV сортъ ц. табака съ включ. бандер. не выше 12 к., ц. одного бандер. 4 к.
II — » — » — — » — 24 к., » — — 8 к.

II	—	»	—	»	—	—	»	—	48 к.,	»	—	—	16 к.
I	—	»	—	»	—	—	»	отъ	63 к.,	»	—	—	30 к.

Табакъ куритѣльный:

1 фунтъ.

V	сортъ	ц.	табака	со	включ.	бандер.	не	выше	10 к.,	ц.	одного	бандер.	3 к.
IV	—	»	—	»	—	—	»	—	22 к.,	»	—	—	6 к.
III	—	»	—	»	—	—	»	—	40 к.,	»	—	—	12 к.
II	—	»	—	»	—	—	»	—	80 к.,	»	—	—	25 к.
I	—	»	—	»	—	—	»	—	92 к.,	»	—	—	36 к.

Сигары и папиросы:

100 штукъ.

V	сортъ	для	однѣхъ	папиросъ	.	.	.	.	.	не	выше	30 к.	9 к.
IV	—	—	—	—	.	.	.	.	.	»	—	46 »	14 к.
III	сортъ	для	сигаръ	и	папиросъ	.	.	.	.	1	р.	.	30 к.
II	—	—	—	»	—	.	.	.	.	2	р.	.	65 к.
I	—	—	—	»	—	.	.	отъ	2	р.	36 к.	1 р.	— »

Табакъ въ каротахъ:

1 фунтъ.

II	сортъ	со	включеніемъ	бандероля	не	выше	84	коп.	.	.	.	.	19 к.
I	—	»	—	—	отъ	1	р.	4	коп.	.	.	.	38 к.

Табакъ въ рулях:

1 фунтъ.

II	сортъ	со	включен.	бандер.	не	выше	62	коп.	ц.	одного	бандер.	14 к.
I	—	»	—	—	»	—	отъ	73	коп.	»	—	—	24 к.

О порядкѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава объ акцизѣ съ табаку. Вслѣдъ за изданіемъ новаго устава, 18 августа обнародовано высочайше-утвержденное 4 іюля сего года мнѣніе государственнаго совѣта о приведеніи означеннаго устава въ дѣйствіе не позже 5-и мѣсяцевъ, со дня его утвержденія, съ соблюденіемъ притомъ постепенности по слѣдующимъ предметамъ: 1) дозволено фабрикантамъ и торговцамъ продажу табачныхъ издѣлій, подъ прежними бандеролями, производить до 1-го мая 1862 г. съ сего же срока должны быть приведены въ исполненіе правила о развозѣ табаку, по свидѣтельствамъ и накладнымъ, и 2), правила о выборкѣ бандеролей въ усиленномъ, противъ нынѣшняго, размѣрѣ, о платѣ за акцизныя свидѣтельства и веденіе контрольныхъ книгъ, по новой формѣ, на табачныхъ фабрикахъ и складахъ, и о содержаніи уже существующихъ фабрикъ, съ соблюденіемъ условій, чтобы при нихъ не было лавокъ для розничной продажи табаку и чтобы запасы сыраго табаку не находились отдѣльно отъ самыхъ фабрикъ, а равно чтобы не содержались фабрики въ одномъ домѣ и на одномъ дворѣ съ лавками для розничной продажи и съ заведеніями для раскурочной продажи табаку,—обязательны для табачныхъ фабрикантовъ и торговцевъ лишь съ 1-го января 1862 г., причемъ предоставлено министру финансовъ, разрѣшать и болѣе продолжительные сроки, для тѣхъ фабрикантовъ и торговцевъ, которые связаны особыми, по найму фабричныхъ и торговыхъ помѣщеній, контрактами (мнѣн. госуд. сов. 4 іюля въ сен. вѣд. 18 августа 1861 г. № 66).

Новое положеніе о питейномъ сборѣ.

1-го августа обнародовано высочайше-утвержденное 4-го іюля 1861 года положеніе о питейномъ сборѣ. Цѣль новаго положенія ясно видна изъ высочайшаго указа, при которомъ оно обнародовано. Дѣйствующіе нынѣ, сказано въ этомъ указѣ, способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распредѣленія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ и еще болѣе по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа отягощеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности. Далѣе, въ указѣ повелѣно открыть губернскія и окружныя акцизныя управленія съ 1-го іюля 1862 года, въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ томъ составѣ, въ какихъ окажется нужнымъ, по усмотрѣнію министра финансовъ, и ассигновать, съ того же срока, на содержаніе сихъуправленій въ-теченіе 1862 года до 1,500,000, а съ 1-го января 1863 года до 3,000,000 р. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

По новому положенію, въ губерніяхъ великороссійскихъ, Ставропольской, прибалтійскихъ, западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, въ областяхъ: Бессарабской, Кубанской и Терской, въ землѣ войска Донскаго, а также въ губерніяхъ и областяхъ Восточной и Западной Сибири, доходъ съ питей въ пользу казны, съ 1863 года, получается въ видѣ: 1) акциза съ производимаго количества питей, и 2) патентнаго сбора съ заводовъ для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, а также съ заведеній для продажи питей. Акцизу подлежатъ: а) спиртъ и вино, выдѣланные изъ хлѣба, картофеля, свекловицы, свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса (сорго); б) водки, выдѣлываемыя изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и, такъ называемые, пейсаховыя; в) приготовляемые въ Россіи: портеръ, пиво всѣхъ родовъ и медъ; г) брага, приготовляемая на особо-устроенныхъ заводахъ. Не подлежатъ платежу акциза: а) всѣ спиртовые напитки и издѣлія, приготовляемые изъ спирта и вина, оплаченныхъ уже акцизомъ; б) спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣтительной жидкости; в) спиртъ и вино и издѣлія изъ оныхъ, вывозимые за границу; г) виноградное вино, уксусъ и медовый квасъ.

Акцизъ съ спирта и вина, а также съ водокъ пейсаховыхъ и выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, назначается по разсчету содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; акцизъ съ портера, пива и меда, а также съ выдѣлываемой на особыхъ заводахъ браги, назначается, соразмѣрно силѣ и продолжительности дѣйствія заводовъ, на которыхъ приготовляются сіи напитки. Патентный сборъ соразмѣряется съ родомъ заведеній и выгодами мѣстности.

Продажа оплаченныхъ акцизомъ питей составляетъ предметъ вольнаго промысла, и потому ни опредѣленной цѣны, ни нормальной крѣпости напиткамъ, ни числа мѣстъ продажи оныхъ не назначается.

Акцизъ съ спирта, вина и водокъ взимается въ казну, по мѣрѣ ихъ продажи. Акцизъ съ заводовъ пиво- и медоваренныхъ и съ заводовъ для выдѣлки браги вносится, за время ихъ дѣйствія, впередъ.

Патентный сборъ взимается, при выдачѣ патентовъ на право производства напитковъ или на право торговли ими.

Управленіе питейнымъ сборомъ. Главное управленіе дѣлами, относящимися до взиманія въ казну дохода съ питей принадлежитъ Министерству Финансовъ, по департаменту разныхъ податей и сборовъ.

Мѣстное завѣдываніе, въ губерніяхъ и областяхъ и въ землѣ войска Донскаго, питейнымъ доходомъ возлагается на губернское акцизное управленіе, которому въ уѣздахъ подчиняются окружныя акцизныя управленія. Губернское акцизное управленіе завѣдываетъ питейнымъ доходомъ въ одной только губерніи или области или въ нѣсколькихъ сосѣдственныхъ, смотря по числу и обширности заводовъ; точно также и окружное управленіе назначается для одного или для нѣсколькихъ уѣздовъ.

Губернское акцизное управленіе состоитъ изъ управляющаго акцизнымъ сборомъ, его помощника и ревизоровъ. Окружное акцизное управленіе составляютъ: надзиратель акцизнаго сбора и его помощники. Всѣ должностныя лица акцизнаго управленія имѣютъ, во всякое время, право свободнаго входа въ винокуренные, водочные, пиво—и медоваренные заводы, а равно и въ заводы, приготовляющіе другія издѣлія изъ оплаченныхъ акцизомъ вина и спирта,. Равнымъ образомъ они имѣютъ свободный доступъ во всѣ мѣста оптовой и раздробительной продажи питей, подлежащихъ акцизу, во всякое время, пока заведеніе открыто для публики, а когда оно не открыто, то, въ видахъ надзора, могутъ требовать впуска въ эти мѣста, днемъ отъ 5 часовъ утра до 9-ти часовъ вечера; ночью же осмотръ производится только въ крайней необходимости.

Главнѣйшія обязанности управляющаго акцизнымъ сборомъ слѣдующія: 1) наблюденія за исполненіемъ правилъ о винокуреніи, пиво—и медовареніи и о выдѣлкѣ водокъ и издѣлій изъ вина и спирта; 2) наблюденіе за исполненіемъ правилъ о питейной продажѣ; 3) наблюденіе за дѣйствіями должностныхъ лицъ акцизнаго управленія; 4) наблюденіе за поступленіемъ доходовъ съ питей; 5) наблюденіе за ревизіею дѣлъ и отчетности подвѣдомственными ему должностными лицами; 6) доставленіе вѣдомостей и отчетовъ надлежащимъ мѣстамъ; и 7) разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Помощникъ управляющаго исполняетъ его обязанности, во время его отсутствія, болѣзни, увольненія въ отпускъ и отъ службы и кромѣ того, наравнѣ съ ревизорами, исполняетъ возложенныя на него управляющимъ порученія. Обязанности окружнаго акцизнаго управленія состоятъ: въ повѣркѣ описаній заводовъ, приготовляющихъ питья, подлежащія платежу акциза, и въ измѣреніи заводской посуды; въ выдачѣ свидѣтельствъ на производство напитковъ и патентовъ на заводы и торговлю напитками; въ наблюденіи за выдѣлкою и продажею напитковъ; въ наблюденіи за поступленіемъ казенныхъ доходовъ; въ полученіи и доставленіи отчетныхъ свѣдѣній губернскому акцизному управленію и въ производствѣ дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Казенная палата ревизуетъ отчетъ губернскаго акцизнаго управленія и представляемыя имъ заводскія, подвальныя и другія книги.

Уѣздное казначейство принимаетъ поступающія въ уплату акциза суммы, ведетъ отдѣльный счетъ акцизу, поступающему съ каждаго завода, продаетъ гербовую, для патентовъ, бумагу, доставляетъ, куда слѣдуетъ, вѣдомости и отчеты, по питейнымъ доходамъ.

Начальникъ губерніи, имѣя наблюденіе за исполненіемъ положенія, не только долженъ содѣйствовать акцизному управленію, по его распоряженіямъ и

представленіямъ, но и принимать непосредственно зависящія отъ него мѣры къ огражденію казны, во всѣхъ случаяхъ, клонящихся къ ущербу питейнаго дохода; онъ также ревизуетъ акцизное управленіе на общихъ основаніяхъ, постановленныхъ для обозрѣнія губерній.

Городскія и земскія полиціи, съ своей стороны, имѣютъ непосредственное наблюденіе за исполненіемъ, заводчиками и продавцами питей, установленныхъ въ положеніи правилъ.

О лицахъ, имѣющихъ право на выдѣлку напитковъ, подлежащихъ акцизу.

Напитки эти приготовляются на особыхъ для каждаго заводахъ, которые должны устроиваться отдѣльно одинъ отъ другаго и не имѣть никакой связи, какъ между собою, такъ и съ заводами, выдѣлывающими изъ спирта и вина другіе, высшихъ сортовъ, напитки и издѣлія.

Правомъ винокуренія, въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ и области Бессарабской, пользуются: 1) дворяне, владѣющіе недвижимыми населенными имѣніями; 2) войсковые обыватели въ Харьковской губерніи, пользовавшіеся симъ правомъ до 12 февраля 1837 года; 3) колонисты въ Таврической губерніи, до истеченія дарованныхъ имъ привилегій; 4) владѣющіе въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ винокуренными заводами, по правамъ заставнымъ, традиціоннымъ и экздивизорскимъ, на основаніи прежнихъ законовъ, если тѣ лица принадлежатъ къ потомственному дворянству, признанному департаментомъ герольдіи; 5) недворяне, владѣющіе населенными имѣніями въ Бессарабіи, только на тѣхъ винокурняхъ, которыя ими устроены, до изданія акцизнаго положенія 23 ноября 1849 г., или на устройство которыхъ они получили до означеннаго времени дозволеніе, и 6) лица, имѣющія право на фабричную и заводскую промышленность въ области Бессарабской.

Въ землѣ войска Донскаго право курить вино принадлежитъ: чиновникамъ и войсковымъ обывателямъ.

Правомъ дѣланія водокъ, изъ виноградныхъ винъ, винограда, выжимокъ и остатковъ его, и изъ фруктовъ, пользуются: 1) дворяне и чиновники; 2) купцы всѣхъ трехъ гильдій; 3) лица, коимъ даны особыя привилегіи; 4) всѣ войсковые обыватели въ землѣ войска Донскаго; 5) люди всѣхъ состояній, имѣющіе собственные виноградные сады, а въ области Бессарабской и Крымскомъ полуостровѣ и неимѣющіе собственныхъ садовъ, всякаго состоянія владѣльцы поземельной собственности и другія лица, въ томъ числѣ и государственные крестьяне.

Правомъ выдѣлки водокъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, пользуются лица, имѣющія сахарные и свеклосахарные заводы.

Правомъ приготовленія пейсаховой водки пользуются Евреи въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Волынской и Подольской.

Правомъ варенія пива, портера и меда, а также браги, на пивоварняхъ, для продажи, пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской, въ городахъ, а въ новороссійскихъ губерніяхъ и области Бессарабской и въ казенныхъ селеніяхъ: дворяне, чиновники, купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговыя свидѣтельства. Въ землѣ войска Донскаго, право то имѣютъ: чиновники, войсковые обыватели, почетные граждане, купцы трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговыя свидѣтельства.

Въ селахъ и деревняхъ свободное вареніе пива, браги, меда, въ корчагахъ и котлахъ, для домашняго обихода, дозволяется всѣмъ, проживающимъ въ сихъ мѣстахъ, лицамъ, съ тѣмъ: а) чтобы, для производства сихъ издѣлій въ котлахъ, не было возводимо особыхъ постоянныхъ построекъ и чтобы вываріваемое пиво и медъ не были пускаемы для распитія въ другихъ деревняхъ, а также, чтобы пиво и медовареніе производилось только для храмовыхъ и мѣстныхъ сельскихъ праздниковъ, для свадебъ и такъ называемыхъ помочей, во время полевыхъ работъ, и б) вареніе же пива и браги въ корчагахъ можетъ быть производимо во всякое время.

Правила о винокуреніи. Учрежденіе винокуренныхъ, также, какъ пиво- и медоваренныхъ и другихъ заводовъ производится съ вѣдома акцизнаго управленія и мѣстной полиціи.

Система винокуренія и устройства завода предоставляется усмотрѣнію заводчика, съ тѣмъ, что наименьшій размѣръ для винокуреннаго завода полагается въ 540 ведеръ емкости всѣхъ квасильныхъ чановъ въ совокупности при 4-хъ суточномъ броженіи, т. е. чтобы каждый чанъ былъ не менѣе 135 ведръ; устроивать заводы меньшаго размѣра не дозволяется, а гдѣ такіе существуютъ, то должны быть къ 1 января 1863 года или доведены до законнаго размѣра или закрыты.

Выкурка вина дозволяется изъ хлѣба, солода, свекловицы и картофеля, но безъ примѣси патоки и другихъ сахаристыхъ веществъ. Каждый срокъ винокуренія, на который заводчикъ испрашиваетъ особое свидѣтельство, долженъ быть не корочѣ двухъ недѣль, и въ разрѣшенный срокъ винокуреніе должно производиться безъ перерыва.

Объявленія заводчиковъ, желающихъ производить винокуреніе, должны быть подаваемы надзирателю акцизнаго сбора, по-крайней-мѣрѣ, за недѣлю предъ наступленіемъ срока.

О выдѣлкѣ водокъ виноградныхъ, фруктовыхъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыхъ. Заводы, для выдѣлки этихъ питей, устроиваются съ вѣдома окружнаго акцизнагоуправленія и полиціи, всякихъ размѣровъ, но употреблять на нихъ можно только квасильные чаны и перегонные кубы.

Приготовлять водки изъ меда, медовыхъ остатковъ и такъ называемаго воронка запрещено; изъ этого исключаются только пейсаховыя водки, употребляемыя евреями, которыя дозволяется дѣлать изъ меда и патоки.

О пиво- и медоваренiи.

Пивоваренный заводъ можетъ быть устроенъ, по совокупному объему заторныхъ и вспомогательныхъ чановъ и котловъ, не менѣе 100 ведръ, а медоваренный, если онъ устроенъ отдѣльно отъ пивовареннаго, не менѣе 35 ведръ ёмкости котла.

Порядокъ же осмотра завода, подачи объявленій и выдачи свидѣтельства на пиво и медовареніе почти тотъ же, какъ и для винокуренныхъ заводовъ.

Приготовленіе браги, на особыхъ для того заводахъ, подчиняется правиламъ о пивоваренiи.

Объ акцизѣ съ вина и спирта. Для учета надлежащаго акциза за вино и спиртъ, выдѣлываемые на заводахъ, принимается въ основаніе: а) крѣпость

этихъ напитковъ и б) ихъ выходы нормальные и дѣйствительные. Крѣпости, т. е. содержаніе въ винѣ безводнаго спирта опредѣляется по спиртомѣру Траллеса.

Нормальная выкурка вина или спирта опредѣляется, по расчисленіи количества и рода припасовъ, употребленныхъ на винокуреніе, и сообразно установленнымъ нормамъ выходовъ вина изъ каждаго рода продуктовъ.

Выходы вина исчисляются на градусы безводнаго спирта, и для сего принимаются слѣдующія двѣ нормы, изъ которыхъ одна называется высшею, а другая низшею:

Изъ 1 пуда ржаной муки и всякаго сухаго

		низшая 32%	высшая 34%
Солода			
—	Зеленаго солода	— 31%	— 23,5
—	Пшеничной муки и кукурузы . .	— 34	— 36
—	Ячменной муки	— 29	— 31
—	Овсяной	— 24	— 25,5
—	Гороховой	— 32	— 34
—	Гречишной	— 29	— 31
—	Проса	— 25,5	— 27
—	Картофеля	— 8	— 8,5
—	Свекловицы	— 6,5	— 7

Каждый заводчикъ можетъ избрать ту или другую норму, съ тѣмъ, чтобы, по избранной имъ нормѣ, куреніе производилось въ продолженіи цѣлаго срока; по избранной нормѣ и опредѣляется количество акциза.

Объ акцизѣ съ вина и спирта, выдѣлываемыхъ изъ свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса и съ водокъ кизлярскихъ, пейсаховыхъ и вообще выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ. Акцизъ съ этихъ издѣлій взимается также, по количеству содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; подробныхъ же правилъ объ исчисленіи акциза съ этихъ предметовъ, въ положеніи не имѣется, и они будутъ изданы особо.

Объ акцизѣ съ пиво- и медоваренія. Акцизъ съ пивоваренія взимается по совокупной вмѣстимости (въ ведрахъ) заводской посуды, по числу заторовъ производимыхъ въ сутки и числу 13 дневныхъ сроковъ. въ продолженіе которыхъ было разрѣшено производить пивовареніе.

Акцизъ съ медоваренія взимается, по вмѣстимости медоваренныхъ котловъ и также числу 13 дневныхъ сроковъ, на которые было разрѣшено медовареніе.

Относительно продажи вина и спирта, безъ платежа акциза, и о возвращеніи акциза, постановлено: что вино и спиртъ, отправляемые за границу, не подлежатъ платежу акциза; при отправленіи жеводокъ, лака и другихъ издѣлій изъ оплаченнаго акцизомъ вина и спирта, акцизъ возвращается изъ казны отправителямъ этихъ издѣлій.

Спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣтительной жидкости, отпускается изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ, безъ оплаты акцизомъ, когда такой спиртъ будетъ измѣренъ и сдѣланъ негоднымъ для питья—примѣсью скипидара, въ количествѣ не менѣе 1/50 ведра на одно ведро спирта.

О приготовленіи питей и издѣлій изъ вина, оплаченнаго акцизомъ. Напитки и издѣлія всѣхъ родовъ, приготовляемыя изъ оплаченныхъ акцизомъ вина, спирта, или водокъ, не подвергаются платежу вторичнаго акциза.

При этомъ, правомъ дѣланія для продажи разныхъ напитковъ пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской: 1) помѣщики въ ихъ имѣніяхъ; 2) лица, имѣющія на то особыя привиллегіи, впредь до прекращенія оныхъ; 3) временные владѣльцы казенныхъ имѣній; и 4, въ городахъ (исключая владѣльческихъ) лица, записанныя въ торговыя гильдіи.

Въ землѣ же войска Донскаго правомъ этимъ пользуются всѣ вообще обыватели.

Дозволяется учреждать въ городахъ повсемѣстно заводы, въ которыхъ изъ оплаченнаго акцизомъ вина приготовляются на продажу разныя водки, настойки, наливки, лакъ, политура, освѣтительная жидкость, одеколонъ, духи и другія издѣлія.

Въ селеніяхъ устройство подобныхъ заводовъ вновь, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по введеніи сего положенія въ дѣйствіе, не допускается, а по истеченіи двухъ лѣтъ будутъ по этому предмету составлены особыя правила.

О патентномъ сборѣ съ заводовъ для выдѣлки напитковъ и разныхъ издѣлій изъ вина и съ заведеній для продажи питей.

Съ заводовъ, выдѣлывающихъ напитки, подлежащіе оплатѣ акцизомъ, и издѣлія изъ спирта или вина, а равно съ заведеній, изъ которыхъ производится продажа питей (за исключеніемъ заводскихъ подваловъ), взимается патентный сборъ. Сборъ этотъ получается съ содержателей заведеній, обязанныхъ ежегодно брать патенты, на установленной для того бумагѣ.

Слѣдующіе заводы для выдѣлки напитковъ, подлежащихъ акцизу, и издѣлій изъ вина и спирта оплаченныхъ акцизомъ, — обязаны брать патенты: 1) винокуренные; 2) выдѣлывающіе водки виноградныя, фруктовыя, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыя; 3) пивоваренные и медоваренные; 4) выдѣлывающіе разныя водки изъ оплаченныхъ уже акцизомъ вина и спирта; 5) выдѣлывающіе освѣтительную жидкость; 6) приготовляющіе лакъ, политуру, одеколонъ и духи.

Заведенія, назначенныя для продажи напитковъ, обязанныя брать патенты, суть: 1) оптовые склады вина и спирта, открываемые частными лицами, за исключеніемъ складовъ собственно при заводахъ); 2) ренсковые погреба, продающіе напитки на выносъ, постоянные, а равно и временные, на ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Кіевской (Контрактовой), и Полтавской (Ильинской); 4) погреба, продающіе исключительно русскія вина на выносъ и распивочно; 5, трактирныя заведенія, если въ нихъ пожелаютъ производить распивочную продажу; 6) питейные домы, шинки и корчмы; 7) постоялые дворы съ питейною продажею; 8) временныя выставки; 9) портерныя и пивныя лавки; 10) ренсковые погреба съ распивочною продажею, постоянные и временные на ярмаркахъ.

Сверхъ того, обязаны брать патенты домы малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей, колонистовъ, панцырныхъ бояръ и западныхъ однодворцевъ, живущихъ на собственныхъ или общественныхъ земляхъ, если въ сихъ домахъ производится продажа питей.

Общія положенія о торговлѣ напитками.

Оптовая и дробная продажа питей составляетъ предметъ свободной торговли; самая продажа напитковъ производится по вольной цѣнѣ, причемъ опредѣленной крѣпости питей въ продажѣ не установляется; напикти должны

быть доброкачественные, безъ вредной примѣси и могутъ быть всякой крѣпости.

Продажу питей дозволяется производить изъ заводскихъ подваловъ и, кромѣ того, а) изъ слѣдующихъ торговыхъ заведеній: оптовыхъ складовъ, ренсковыхъ погребовъ, штофныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ; б) изъ трактирныхъ заведеній, питейныхъ домовъ, шинковъ, временныхъ выставокъ, ренсковыхъ погребовъ (съ распивочною продажею), портерныхъ лавокъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ и постоялыхъ дворовъ (съ питейною продажею); в) изъ станціонныхъ и частныхъ домовъ.

Склады, для оптовой продажи вина и спира, дозволяется учреждать: а) винокуреннымъ заводчикамъ безъ торговыхъ свидѣтельствъ, для продажи вина и спирта только собственныхъ своихъ заводовъ, и б) всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ гильдіяхъ, или имѣющимъ торговыя свидѣтельства первыхъ трехъ разрядовъ. Ренсковые погреба (безъ распивочной продажи) могутъ содержать купцы и крестьяне, торгующіе по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ.

Питейные домы, шинки, временныя выставки, портерныя лавки, корчмы и постоялые дворы (съ питейною продажею), а равно и погреба, назначенные исключительно для продажи русскихъ виноградныхъ винъ, предоставляется содержать всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право на мелочную торговлю.

Евреямъ, въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣдлости, дозволяется питейная торговля только въ городахъ и мѣстечкахъ.

Открытіе питейныхъ заведеній, а также ренсковыхъ погребовъ съ распивочною продажею, разрѣшается: а) въ городахъ и посадахъ—думами и замѣняющими ихъ мѣстами; б) въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ—по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, съ утвержденія: въ казенныхъ селеніяхъ, палатъ государственныхъ имуществъ, а въ удѣльныхъ — удѣльныхъ конторъ; в) въ земляхъ казачьихъ войскъ—станичными сборами; г) на земляхъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи министерствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ,—палатами государственныхъ имуществъ и удѣльными конторами; и д) на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, — владѣльцами сихъ земель.

Открытіе продажи питей, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, производится не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ владѣльцевъ; на земляхъ же, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ, (согласно мѣстныхъ положеній 19 Февраля 1861 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, именно ст. 108-й положенія для губерній новороссійскихъ и малороссійскихъ; 80-й для губерній Кіевской, Подольской и Волынской), заведенія для продажи питей открываются съ согласія сельскаго схода и разрѣшенія помѣщика

Въ губерніяхъ западныхъ и въ Бессарабской области, въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ право продажи питей принадлежало исключительно ихъ владѣльцамъ, право это сохраняется за ними.

Питейная продажа въ мѣстахъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, не можетъ быть отдаваема исключительно одному лицу, или какимъ-либо образомъ стѣсняема въ пользу одного или нѣсколькихъ лицъ. Равномѣрно жители (не исключая живущихъ въ имѣніяхъ владѣльческихъ) имѣютъ полное право покупать для собственнаго употребленія, а не для продажи, напитки тамъ, гдѣ найдутъ выгоднѣе.

О раздробительной продажѣ питей. Раздробительная продажа производится: 1) распивочно и на выносъ — изъ питейныхъ домовъ, временныхъ выста-

вокъ, шинковъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ, постоялыхъ дворовъ, портерныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ и изъ частныхъ домовъ лицъ, имѣющихъ на то право; 2) только на выносъ—изъ штофныхъ, а также фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ и изъ ренсковыхъ погребовъ; 3) только распивочно — въ трактирныхъ заведеніяхъ, въ буфетахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ станціонныхъ домахъ.

Заведенія для раздробительной продажи дозволяется учреждать во всякомъ населенномъ мѣстѣ; но учрежденіе корчемъ и постоялыхъ дворовъ съ питейною продажею дозволяется и не въ населенныхъ мѣстахъ, не иначе однакоже, какъ на проѣзжихъ дорогахъ, на переправахъ и пристаняхъ.

Заведенія, производящія распивочную продажу питей, не могутъ быть помѣщаемы въ зданіяхъ, занимаемыхъ учебными и богоугодными заведеніями, казармами и тюрьмами.

Не дозволяется учреждать питейные дома, шинки и выставки ближе 40 саженъ отъ христіанскихъ церквей, монастырей и кладбищъ, равно учрежденіе сихъ заведеній не допускается въ срединѣ селеній, гдѣ существуютъ волостные сходы, и они должны быть помѣщаемы въ концѣ селеній.

Не дозволено быть содержателями питейныхъ заведеній или сидѣльцами въ оныхъ лицамъ, состоящимъ подъ уголовнымъ преступленіямъ или оставленнымъ по суду въ подозрѣніи, по такимъ преступленіямъ, за которыя опредѣлены въ законахъ наказанія, соединенныя съ потерею правъ состоянія. Въ селеніяхъ не дозволяется содержаніе питейныхъ домовъ и шинковъ должностнымъ лицамъ сельскихъ управленій.

Во всѣхъ мѣстахъ, для продажи питей назначенныхъ, должны быть соблюдаемы чистота и опрятность и отнюдь не должно быть допускаемо неустройства и безчинства.

Продажу въ питейныхъ домахъ и выставкахъ разрѣшается производить въ зимнее и осеннее время съ 7 часовъ утра, а въ лѣтнее и весеннее отъ восхожденія солнца до 10 часовъ вечера; въ городахъ же и на ярмаркахъ,—съ того же времени до 11 часовъ вечера.

Въ воскресные и табельные дни въ портерныхъ лавкахъ, питейныхъ домахъ, шинкахъ, выставкахъ и въ ренсковыхъ погребахъ, воспрещается распивочная продажа: въ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и въ городахъ до окончанія въ приходской церкви литургіи и во время крестнаго хода.

Въ селеніяхъ, гдѣ происходятъ волостные или мірскіе сходы, распивочная продажа запрещается въ тѣ дни, когда происходятъ сіи сходы, до окончанія оныхъ.

Питья не дозволено продавать въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, или подъ закладъ платья, посуды или иныхъ вещей, и промѣнивать на хлѣбъ и другія сельскія произведенія, но всегда на наличныя деньги. Равнымъ образомъ воспрещается виноторговцамъ, подъ какими бы то ни было условіями, выговаривать и производить уплату, вмѣсто денегъ, виномъ, а также производить подобную уплату, по долговымъ обязательствамъ или за произведенныя для нихъ работы.

Запрещается продавать вино и другіе напитки распивочно малолѣтнимъ.

Виноторговцы и сидѣльцы обязаны не допускать покупателей напиваться до безпамятства; но еслибы это случилось, то присмотръ за такимъ лицомъ лежитъ на обязанности виноторговца или сидѣльца. Если же пьяный, остав-

ленный безъ присмотра, умретъ, изувѣчитъ себя, или будетъ обокраденъ, то виноторговецъ или сидѣлецъ подлежитъ отвѣтственности.

За частыя уклоненія виноторговцевъ отъ правилъ для продажи напитковъ, если только они навлекаютъ неудовольствіе большинства мѣстныхъ жителей, предоставляется обывателямъ того мѣста просить подлежащее судебное мѣсто о закрытіи такихъ заведеній, хотя бы срокъ, на который дозволено существованіе заведенія, еще не истекъ.

При новомъ положеніи приложено росписаніе патентнаго сбора съ заведеній для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта и съ заведеній для продажи питей, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво-и медоваренія.

I. Относительно патентнаго сбора постановлено, что онъ взимается: или въ одинаковомъ повсемѣстно размѣрѣ, или въ разныхъ размѣрахъ, смотря по мѣстностямъ, которыя раздѣляются на три разряда: къ 1-му разряду относятся обѣ столицы, ко 2-му разряду причисляются города: всѣ губернскіе и кромѣ того въ числѣ другихъ: Кишиневъ, Новочеркаскъ, Бердянскъ, Керчь, Николаевъ, Одесса, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Ейскъ, Аккерманъ, Бердичевъ, Кременчугъ и Елисаветградъ; къ 3-му же разряду относятся всѣ прочія мѣстности.

На этомъ основаніи патентный сборъ съ 1-го января 1863 года взимается ежегодно въ слѣдующихъ размѣрахъ:

А) съ заведеній для выдѣлки напитковъ.

повсемѣстно.

1) съ винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ квасильные чаны въ совокупности ёмкостью . . . . . въ 540 ведръ, 10 р.
отъ 540 до 1,080 — 20 р.
и затѣмъ на каждые 540 ведръ емкости сихъ чановъ прибавляется по . . . . . 10 р.

2) съ пивоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ посуду емкостью
въ 100 ведръ, 20 р.
отъ 100 до 150 — 30 р.
и затѣмъ на каждыя 50 ведръ емкости посуды прибавляется по 10 р.

3) съ медоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ котлы емкостью
въ 35 ведръ, 20 р.
отъ 35 до 50 — 30 р.
и затѣмъ на каждыя 15 ведръ емкости котловъ прибавляется по 10 р.

4) съ заводовъ водочныхъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . 75 р.
— — 3-го — 50 р.

5) съ заводовъ, выдѣлывающихъ лакъ, политуру, духи и освѣтительную жидкость, повсемѣстно . . . . . 10 р.

Б) съ заведеній для продажи напитковъ:

1) съ оптовыхъ складовъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . . 50 р.
— — 3-го — 25 р.

2) съ штофныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ:
въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . . . . 25 р.
— — 3-го — . . . . . 10 р.

3) съ ренсковыхъ погребовъ:
а) безъ распивочной продажи: въ мѣстн. 2-го разряда. . 100 р.
— — 3-го — . . 35 р.

б) съ распивочною продажею, добавочныхъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 50 р.
— — 3-го — . . . . . 25 р.

Съ открываемыхъ на ярмаркахъ: Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Кіевской (Контрактовой) и Полтавской (Ильинской) временныхъ ренсковыхъ погребовъ:

безъ распивочной продажи. . . . . 35 р.
съ распивочною продажею. . . . . 60 р.

На всѣхъ прочихъ ярмаркахъ, временные ренсковые погреба, открываемые безъ распивочной продажи, не обязаны брать патентовъ, а съ распивочною продажею каждый временный погребъ обязанъ брать патентъ того же размѣра, какой назначенъ для временныхъ выставокъ.

4) съ погребовъ, продающихъ исключительно русскія виноградныя вина (на выносъ и распивочно), въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . . 15 р.
— — 3-го — . . 5 р.

5) съ трактирныхъ заведеній: въ мѣстностяхъ 2-го разряда. 50 р.
— — 3-го — 15 р.

6) съ буфетовъ повсемѣстно:

а) при театрахъ и на пароходахъ. . . . . 15 р.
б) на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. главныхъ . . . . . 75 р.
остальныхъ. . . . . 15 р.

7) съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ:

въ мѣстностяхъ, 2-го разряда. . . . . 25 р.
— — 3-го — . . . . . 10 р.

8) съ питейныхъ домовъ, шинковъ и корчемъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 50 р.
— — 3-го — . . . . . 15 р.

Съ шинковъ, открываемыхъ въ собственныхъ домахъ малороссійскими козаками, войсковыми обывателями, колонистами, панцырными боярами и западными однодворцами, живущими на собственныхъ или общественныхъ земляхъ . . . . . 10 р.

9) съ постоялыхъ дворовъ, гдѣ производится питейная продажа:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 35 р.
— — 3-го — . . . . . 10 р.

10, съ временныхъ выставокъ повсемѣстно по 5 р. за каждый разъ, на который она открывается, но за продолжающіяся болѣе недѣли по 5 р. за каждую недѣлю.

II Что касается до размѣра акциза съ выкуриваемаго на заводахъ вина или спирта, то онъ взимается по количеству содержащагося въ нихъ алкоголя или безводнаго спирта, и съ 1-го января 1863 г. назначается акцизъ по 4 к. съ градуса ($^1/_{100}$ ведра) или по 4 р. съ ведра безводнаго спирта.

Съ 1-го же января назначется акцизъ а,) въ губерніяхъ: Волынской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской, и Черниговской и въ области Бессарабской съ пивоваренія: съ ведра емкости пивоваренной посуды за каждый день дѣйствія при одномъ заторѣ въ день по 9 коп., при двухъ заторахъ по 15 коп. и при трехъ-по 21 коп., съ медоваренія: по 80 к. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла за каждый день дѣйствія завода; б,) въ землѣ войска Донскаго съ пи-

вовареніе, съ ведра емкости пивовареной посуды, за каждый день дѣйствія, при одномъ заторѣ въ день, по 13 коп., при двухъ заторахъ по 22 коп., а при трехъ—по 31 коп. съ медовареніе по 1 р. 20 коп. съ каждаго ведра емкости медоваренаго котла, за каждый день дѣйствія завода.

Въ новомъ положеніи особо изложены правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза за вино, отпускаемое изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ. Согласно этимъ правиламъ, заводчику или хозяину оптоваго склада предоставляется право отпускать изъ подвала или склада въ продажу вино, съ полученіемъ отъ покупателей слѣдующаго за оное акциза, но съ тѣмъ, чтобы у него никогда не оставалось невзнесенной въ мѣстное уѣздное казначейство акцизной суммы болѣе 1000 руб. ср. и чтобъ на первое число каждаго мѣсяца онъ непремѣнно взносилъ сполна акцизъ за все вино, имъ проданное, въ теченіи истекшаго мѣсяца, хотя бы собранная акцизная сумма и не доходила до означеннаго размѣра.

При отправкѣ вина изъ завода въ оптовые склады, разсрочки во взносѣ акциза допускаются для заводчика или хозяина склада, подъ залоги или ручательства благонадежныхъ и владѣющихъ недвижимою собственностію лицъ, въ исправномъ и своевременномъ взносѣ разсроченнаго акциза, управляющимъ акцизнымъ сборомъ той губерніи, гдѣ имѣется заводъ или гдѣ находится складъ.

Къ изданному положенію приложены правила о переходѣ къ казенному съ 1-го января 1863 года завѣдыванію питейнымъ сборомъ.

Главнѣйшія правила, по привиллегированнымъ губерніямъ и по землѣ войска Донскаго, слѣдующія:

А, по привиллегированнымъ губерніямъ:

1. *Мѣры въ отношеніи заводовъ, приготовляющихъ питія, подлежащія акцизу и издѣлія изъ вина и спирта.*

Всѣ существующіе винокуренные заводы должны быть къ началу винокуренія 1862–1863 г. описаны, и посуда ихъ измѣрена и заклеймена, на основаніи новаго положенія, которому и подчиняется въ періодъ 1862–1863 г. производство винокуренія; для сего заводы должны быть снабжены патентами и свидѣтельствами, вести установленныя книги и состоять подъ наблюденіемъ и учетомъ акцизнаго управленія.

Всѣ обязанности, возлагаемыя положеніемъ объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина, 23 ноября 1843 года, на заводчиковъ и покупателей, въ отношеніи куренія, продажи и провоза вина и платежа акциза должны исполняться, по 1-е января 1863 года, въ точности.

Винокуреннымъ заводамъ дозволяется, независимо отъ откупа вина на существующихъ правилахъ, на продовольствіе 1862 года, отпускать его оптовымъ торговцамъ, открывшимъ склады въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, для продажи въ 1863 году по ярлыкамъ уѣздныхъ казначействъ, на существующемъ нынѣ основаніи и по предъявленіи заводчикамъ покупателями разрѣшеній на открытіе оптовыхъ складовъ и по взносѣ въ казну акциза.

При этомъ откупщики не должны дѣлать никакихъ притѣсненій, подъ опасеніемъ взысканія понесенныхъ торговцами или заводчиками убытковъ. Пиво и медоваренные заводы должны быть къ 1-му января 1863 г. тоже описаны и измѣрены и съ этого времени они дѣйствуютъ, на основаніи новаго положенія. Къ 1-му января 1863 года приводится, чрезъ акцизное управленіе, въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и ледникахъ, принадлежащихъ заводчикамъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти остатки пива и меда были оплачены акцизомъ по 20 к. съ ведра.

Заводы, для приготовленія хлѣбныхъ водокъ и разныхъ издѣлій изъ спирта, должны къ 1-му января 1863 г. снабдить себя установленными новымъ положеніемъ патентами и книгами.

Къ тому же сроку приводится на этихъ заводахъ въ извѣстность наличность, какъ вина и спирта, такъ и приготовленныхъ изъ нихъ издѣлій. При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина, принимается, по спиртомѣру Траллеса, содержаніе безводнаго спирта:

Въ ведрѣ рома, разныхъ водокъ и наливокъ 60%
въ ведрѣ лака и политуры, освѣтительной жидкости, гофманскихъ капель, одеколона и духовъ . . . . . 78%.

Всѣ виноиздѣлія на этихъ заводахъ, оказавшіяся въ наличности къ 1-му января 1863 г. оплачиваются акцизомъ.

2. *О заготовленіи запасовъ питей на 1863-й годъ.*

Винокуреннымъ заводчикамъ и купцамъ, желающимъ открыть оптовую торговлю виномъ изъ складовъ, въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, дозволяется учреждать эти склады не ранѣе, какъ за 4 мѣсяца до 1863 года, съ заявленіемъ о томъ мѣстному акцизному управленію и платежемъ акциза; вино же провозится, по ярлыкамъ уѣзднаго казначейства.

Вино, находящееся въ складахъ, нынѣ существующихъ по мѣстамъ, гдѣ уничтожены чарочные откупа, должно быть приведено къ 1-му января 1863 года въ извѣстность и оплачено акцизомъ, въ противномъ случаѣ должно быть подвергнуто публичной продажѣ. Продажа питей изъ откупныхъ заведеній, по чарочнымъ откупамъ, прекращается въ 10 часовъ вечера 31 декабря 1862 года.

3. *О мѣрахъ къ отвращенію напуска вина.*

Нѣкто изъ нынѣшнихъ чарочныхъ откупщиковъ не долженъ, нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, открывать питейной продажи, кромѣ питейныхъ, въ откупѣ каждаго, заведеній, которыя правительствомъ дозволены.

4. *О приведеніи остатковъ питей въ извѣстность.*

Всѣ, содержимыя чарочными откупщиками и частными лицами, заведенія для продажи питей, могутъ имѣть остатки оныхъ къ 1-му января 1863 года, и для того къ 20-му декабря 1862 года содержатели означенныхъ заведеній должны доставить объявленіе о количествѣ вина, спирта, водокъ, наливокъ, портера, пива и меда, могущихъ примѣрно остаться у нихъ къ 1-му января 1863 г.; повѣрка сихъ объявленій акцизнымъ управленіемъ производится 31 декабря 1862 года; при этомъ должна быть внесена разность между новымъ и прежнимъ акцизомъ.

Б, по землѣ войска Донскаго.

Мѣры, установленныя въ привиллегированныхъ губерніяхъ относительно описанія и измѣренія заводовъ, приготовляющихъ питья, подлежащія акцизу,

и издѣлія изъ вина и спирта и подчиненія ихъ новому положенію, примѣняются и къ землѣ войска Донскаго.

Винокуреннымъ заводамъ, дозволяется отпускать вино для продовольствія 1863 года: а) въ частные оптовые склады и б, въ питейные домы и штофныя лавки. Отпускъ вина въ оптовые склады производится, съ начала 1862 года, какъ изъ-винокуренія 1861–1862 года, такъ и изъ винокуренія 1862–1863 г., а въ питейные домы и штофныя лавки только изъ винокуренія 1862–1863 г., и не ранѣе 15 декабря 1862 года; за вино, выпускаемое изъ винокуренія 1862–1863 г. долженъ быть внесенъ акцизъ.

Къ 1-му января 1863 г. приводится въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и въ ледникахъ, причемъ питья сіи отплачиваются акцизомъ по 30 к. сер. за ведро.

При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина и спирта, принимается содержаніе безводнаго спирта: въ ведрѣ настоекъ и наливокъ 38% по Траллесу; въ ведрѣ сладкихъ водокъ и ликеровъ — 53%; въ ведрѣ политуры, лака, духовъ и проч. – 95%.—

Казна заготовляетъ вино, на 1863 годъ, въ тѣ мѣста, гдѣ это будетъ признано нужнымъ и тѣмъ порядкомъ, какой окажется удобнѣйшимъ, и хранитъ вино въ войсковыхъ подвалахъ. Оптовые склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся войсковые подвалы, а если не встрѣтится препятствій, то и въ другихъ, дозволяется учреждать винокуреннымъ заводчикамъ, купцамъ и всѣмъ, имѣющимъ въ войскѣ Донскомъ право на торговлю, соотвѣтствующую торговлѣ купцовъ 3-й гильдіи, съ разрѣшенія войсковаго правленія по ярлыкамъ, для провоза вина, окружныхъ казначействъ; причемъ выпускъ вина изъ оптовыхъ складовъ въ питейные домы и штофныя лавки не дозволяется ранѣе 15 декабря 1862 г.

Продажа питей изъ откупныхъ заведеній прекращается 31 декабря 1862 года.

Порядокъ заявленія остатковъ питей, въ войсковыхъ подвалахъ и во всѣхъ мѣстахъ продажи питей, а равно и у частныхъ лицъ, въ войскѣ Донскомъ, тотъ же, какъ и въ привиллегированныхъ губерніяхъ. Войсковое вино приводится въ извѣстность, первоначально по расчету на пѣнное вино для окончанія счетовъ съ коммисіонеромъ, а затѣмъ доброта его опредѣляется по спиртомѣру Траллеса и оно принимается въ казну, по взаимному соглашенію министерствъ военнаго и финансовъ. За тѣ остатки, которые окажутся къ 1-му января 1863 года въ разныхъ заведеніяхъ для продажи питей, у частныхъ лицъ и на заводахъ водочныхъ и выдѣлывающихъ разныя издѣлія изъ вина, и за которые войскомъ уже полученъ питейный сборъ, на основаніи дѣйствующаго положенія, причитающійся въ казну акцизъ возвращается войскомъ, съ которымъ казна и производитъ, по сему предмету, расчеты.

Всѣ разсчеты съ коммисіонеромъ производятся войсковымъ правленіемъ на основаніи положенія о хозяйственномъ управленіи питейными сборами въ войскѣ Донскомъ.

Новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ. 1-го августа 1861 г. обнародовано новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ, вызванное, какъ видно изъ особаго высочайшаго указа, неудобствомъ дѣйствующихъ нынѣ о трактирныхъ заведеніяхъ правилъ. Въ этомъ указѣ сказано, что какъ устройство трактирныхъ заведеній тѣсно связано съ системою питейнаго сбора, и какъ новое положеніе о системѣ этого сбора будетъ приведено въ исполне-

ніе съ 1-го января 1863 г., то и новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ должно быть приведено въ полное дѣйствіе также съ этого времени, для чего и должны быть опредѣлены и указаны, по взаимному соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, тѣ предварительныя мѣры, которыя будутъ приняты, для введенія въ дѣйствіе сего положенія.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній за право содержанія ихъ опредѣляется мѣстнымъ городскимъ обществомъ, съ утвержденія губернскаго начальства; заведеніе, обложенное этимъ акцизомъ, платитъ его въ городскую казну, причемъ количество этого средняго акциза соразмѣряется какъ съ состояніемъ трактирнаго промысла въ городскомъ поселеніи, такъ и съ потребностями городской казны, для удовлетворенія общественныхъ расходовъ. Внутренняя раскладка общей суммы акциза, слѣдующей въ доходъ городскаго поселенія, производится особымъ платежнымъ обществомъ, составленнымъ изъ всѣхъ содержателей трактирныхъ заведеній; это общество, черезъ каждые четыре года, выбираетъ изъ среды своей, для раскладки акциза, депутатовъ, одновременно съ которыми выбирается и равное число кандидатовъ. Депутаты эти приступаютъ къ раскладкѣ акциза на слѣдующій годъ, не позже 1-го ноября каждаго года. При раскладкѣ средній годовой акцизъ помножается на общее число трактирныхъ заведеній, и получаемая такимъ образомъ сумма составляетъ общую сумму акциза, подлежащую поступленію въ доходъ городскаго поселенія. Составленная депутатами раскладка выставляется, для общаго свѣдѣнія, въ самой думѣ, или замѣняющемъ оную мѣстѣ, съ 15-го ноября по 1-е декабря. Сверхъ того, не позже 20-го ноября раскладка печатается въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Кто изъ содержателей трактирныхъ заведеній найдетъ себя несправедливо обложеннымъ, по раскладкѣ сравнительно съ другими содержателями, тотъ можетъ, не позже 1-го декабря, обратиться съ жалобою къ депутатамъ, которые, не входя ни въ какую переписку, постановляютъ окончательное, по сему предмету, заключеніе и утверждаютъ раскладку не позже 15-го декабря; причемъ объявляется каждому содержателю количество акциза, причитающагося съ него къ уплатѣ на слѣдующій годъ. Въ случаѣ прекращенія трактирнаго промысла, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, заплаченный за полгода акцизъ не возвращается городскою казною. Содержатели заведеній обязаны: 1) держать у себя въ услуженіи благонадежныхъ людей; 2) учредить въ заведеніяхъ внутренній присмотръ за недопущеніемъ безпорядковъ или воровства; и 3) имѣть у дверей прочные запоры и замки.

Содержаніе постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ дозволяется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право торговли, и число сихъ заведеній не ограничивается. Свидѣтельства на содержаніе ихъ выдаются думою или замѣняющимъ ее мѣстомъ порядкомъ, опредѣленнымъ для трактирныхъ заведеній вообще; но акцизъ, съ нихъ взимаемый, установляется не посредствомъ городской раскладки, а однообразно, и опредѣляется ежегодно городскимъ обществомъ. Правила, касающіяся благочинія и полицейскаго надзора въ этихъ заведеніяхъ тѣ же, что и въ трактирныхъ. Разрѣшеніе на содержаніе трактирнаго заведенія внѣ города дается казенною палатою, которая при этомъ взимаетъ съ просителя акцизъ, выдаетъ свидѣтельство на гербовой бумагѣ и увѣдомляетъ о выданномъ разрѣшеніи мѣстную земскую полицію. Число такихъ заведеній не ограничивается; къ содержанію ихъ допускаются купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане, цеховые и крестьяне, безъ записки въ торговые разряды.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній внѣ города раздѣляется на 3 класса: въ первомъ онъ составляетъ 60 руб., во 2-мъ — 30 руб., въ 3-мъ — 15 руб.; при подведеніи заведенія подъ тотъ или другой классъ, принимаются въ соображеніе выгоды, представляемыя каждою мѣстностью. Причисленіе по каждой губерніи трактирныхъ заведеній внѣ городскихъ поселеній къ тому или другому классу дѣлается казенною палатою, съ утвержденія губернатора. Что же касается до постоялыхъ дворовъ и корчемъ, внѣ города, то учрежденіе и содержаніе ихъ предоставляется всякому, безъ испрошенія особыхъ на то дозволеній и безъ платежа акциза въ пользу казны. (Сен. вѣд. 1 августа 1861 г., № 61.)

ВІСТІ.

Де-що зъ Полтави.

(*до Редактора.*)

Сёго року весна здавалась бути раннёю, а на ділі вийшло що пізня. Передъ Юріемъ травй зовсімъ не видко було, а зъ половини квітня дощі стали перепадать частійшъ и частійшъ. Зазеленіло поле и лу́ки, мовъ заткались травою та квітами; жита́ и пшениці, крий Боже, які гарні! яринами жъ похвалитись не можно. На Йвана Купала тільки-що почалась у насъ косовиця. Дощі багато мішали: сонце вияснитця, косарі ударять у кòсі, а громадільники тільки-що поспіють згромадити, якъ дощъ знову пуститця и поміша роботі. Дощі и досі перепада́ють. Давно уже у насъ було таке літо: ажъ любо подивитись на тра́ви та на лани́ зъ нашнёю.

Окру́гъ Полтави мало козачої земліі, а хоча й е у якімъ селі, то и багато вже народилось на неі. Наші Полтавські козаки більшъ хлібороби и беруть землю за скіпщину у панівъ, а траву косять зъ половини, та ще зъ того треба й покористуватись. Поневолі прийде та́ думка що:

Въ того доля ходить полемъ,
Колоски збірае,
А моя десь ледащиця..

Але-жъ, добро́дію, якъ би то ви самі подивились, сёго-літа, на нашъ край, то, може бъ, що й весе́ле згадали. У насъ, після знесе́ння крепацтва, здаетця, усе помолодшало: и степъ, и лани, и лю-

де. Хочъ воно нашимъ, тільки-що визволенимъ крепакамъ, и не все гараздъ... ну, та надія и воля—велике діло. Подивились бы, кажу, ви, сёго щастливого літа, на косарівъ та на дівчатъ у стёжкахъ и барвінковихъ вінкахъ, або прислухались, якъ вітеръ повіе... почули бъ, якъ звенить коса гонівъ за пьять, а пісня зъ усіхъ сторонъ такъ степомъ и розлягаетця, якимъ-сь новимъ та добримъ гáласомъ .. то й сказали бъ: «збрехали ті незвані пророки, що віщували катъ зна що!» Весело подивитись—якъ зірки засяють на блакитнімъ небі и пе́ренели начнуть перекликатись—якъ наші косарі и громадільники, напрацювавшись за цілісінький день вдоволь, биля тáбору, повечерявши співають. Не знали ті пророки нашого працёвитого народу, або й не хотіли знати...

Не вспіли ми обізнатись зъ полемъ, нанюхатись доволи того весня́ного паху и надивитись на васильки, на материнку, на петрівъ батіг, що такъ блакитними квітами увесь степъ укривъ, на червону рожу—та куди вамъ! нашихъ усіхъ квітівъ и не перелічишъ... не вспіли дослухати куковáння зозулі и нескіньчаёмої пісні жайворінка, а вже треба, завгодя́, лагодитись зъ своімъ добромъ у городъ на ярмалокъ, бо вже земляки, битимъ шляхомъ, зъ різныхъ сторонъ, идуть зъ ху́рами, ни́зкою тягнутця москалі повозка́ми зъ вагою, скриплять татарськи гáрби и тарабанять, усі у пилу, якъ у диму, жидівські бри́ки...

Наша Иллінська, у послідні роки, безъ спору взяла гору надъ усіма українськими ярмарками. Оборотъ, котрий у Ромні не підіймався вище 9 милліонівъ, теперъ сягае до 25 милліонівъ, а часомъ и більшъ, бо й не диво: Екатеринославщина, Херсоньщина и Кримъ не тягнули до Ромна, а після переводу у Полтаву, стали висилати на сей ярмарокъ свої степові багатства. У Ромні вовна була на невеликі гроші, а тутъ відъ вовни зале́жить увесь ярмарокъ. Иллінська-не одинъ ярмарокъ, а два, одинъ по другімъ: першъ *кінний* чи сільски́й, а но́тімъ *красний*, чи мануфактурній. Сей становитця у самімъ го́роді, у камъяныхъ и дощани́хъ лавкáхъ и шо́пахъ. Про нёго нехай хто другий напише. А що до сільско́го — то мині самому привелось на німъ що дня товктися—то я зъ вами про нёго и побалакаю.

Підъ ярмарокъ городъ відступивъ велику лощину, поміжъ Подоломъ и Ворсклóмъ. Есть то плащина рівна, котрá сягае десятинъ трохи не на сто; е де помістить ся и води хорошої вдоволі. Відъ виізду зъ Полтави по праву-ручъ иде, самою серединою ярмарка, подовжня широка вулиця верстóвъ на пъять. По обохъ бокахъ тіеі вулиці стоять, збу-

довані підъ ярмарокъ, дощані ятки́ й балагани зъ крамомъ низчого сорту: килимами, поло́тнами, рядовино́ю, панчохами и иншимъ. Тутъ бувае продажа и у гуртъ, и у розницю. Рядомъ стоять шопи зъ бака́ліею, а по серединѣ *зборний рядъ* (гостинниці, трахтирі, вино, пиво. .). Подовжня вулиця прорізуетця у перпендикулярі поперешніми; кожна зъ своімъ особнимъ товаромъ, якъ отъ: залізомъ, ремінною роботою, кожухами, линтварями, смухами, брилями, люлька́ми, чобітьми... усёго не перелічишъ. За зборнимъ рядомъ по ліву-ручъ—тютюнъ. Поручъ зъ нимъ вовна—найбільшъ шпанка. Сей товаръ первий на весь ярмарокъ; вінъ займае одинъ велику плащину, по-надъ Ворсклою, геть ажъ до самої толоки. Вовна стоіть зложена високо рядами—ніби ті мури—розділена пере́улками. Черезъ шляхъ відъ вовни-шкури, на возахъ и купами, и кримські невироблені смушки; далій вози́, коле́са, скрині, бо́ндарська робота и усякий ви́робъ зъ дерева; ще далій вже починаютця лу́ки, де, скільки око сягне́, розсипались по зеленому килиму чумацькі валки́ и табуни. Ближай икъ Ворсклу, простяглася друга подовжня вулиця, парале́льне до першо. Се й е спражня *кінна*. Тутъ стоять, безъ перерву, по обидва боки, коні коло коно́въязівъ, щось верстви чи не на дві. Далій, у загонахъ товчутця косяки степовихъ ко́ней. За ними скотъ и бараны́, а по надъ са́мою річкою стоять, одні проти другихъ черезъ вулицю, московські звощики и наші чумаки, дожидаючись одправи. Зъ другого жъ боку, по́ близу́ Подола по-надъ самою течіе́ю, котра́ колись прозивась Полтавкою, иде третя подовжня вулиця; тутъ почуешъ дзвінки́й галасъ нашихъ пере́купокъ и перепечаёкъ; тутъ готуетця и продаетця зъіжа. Рядомъ зъ ними сіль, по́тімъ сіно на возахъ, а тамъ, поминувши цілий рядъ зъ бочка́ми дёгтю, попадешъ знову на кінну. По тимъ вулицямъ и пере́улкамъ снуе народъ пішій и кінний и переливаетця, мовъ водяна́ филя.

Україна и сусідні краі вислали сюди ко́женъ свое добро: Москва—красний товаръ, залізо, у́пряжъ; Донщина́—коней, вино, кавъяръ и рибу; Кримъ—вина, бака́лію, шкури, смухи; Польща—коляси, нетичанки; Ніженъ, Прилука и Ромепъ—тютюнъ; зъ-за Десни, Дніпромъ—дёготь, вирёвки́, дошки́; Кременчукъ—волока́, пе́води, мило; Біла Церква—машини; Черкаси й Сміла—сахарь; Кавказъ и Чорноморье—косяки ко́ней. Вовни шпанки найбільшъ вислала Полтавщина и Екатеринославщина, а тако-жъ Слобідська Україна, Херсоньщина, Німці зъ Молошної и зъ підъ Марно́-поля (Маріуполя). Наші мі-

стéчка: Грунь, Котельва и Водолаги вислали повозки, колéса и инше зъ дерева; Решетилівка, Санжари и Білики—смушки; Полтава и Красний Кутъ—бóндарські вироби; Опошня и Великі Будища—гончарські. Харчі, овесъ и сіно достачáла Полтава и ближні села.

Найкращі коні у косякахъ були панівъ: Озеровського, Иловайского, Куликовського и баришниківъ зъ Курської губерни—іДятлова и Циганкá. Жиди пригнали косяки коней найнизчого сорту. Кіньми вищого сорту, зъ панськихъ заводівъ, Воронежської, Курської, Полтавської и Екатеринославської губерний и баришниківъ Курськихъ и Воронежськихъ, були биткомъ набиті великі стайні, на Подолі збудовані підъ ярмарокъ. Але—жъ заводські коні, на сёгорочнімъ ярмарку, мали невеликий збитъ, бо для конниці мало закупали; за те коні зъ косяківъ збувались лéгко: іхъ продавали по ціні відъ 40 до 70 карбóваньцівъ; найбільшъ брали паіжжі жиди, москалі—звощики, панкú и для погряничнёї сторóжі, на прусську гряницю—туди куплено однимъ зáходомъ 900 штукъ.

Вовна не вся продана; зъ Австріи и Пруссіи було закупщиківъ сего року меньшъ, якъ торікъ, а більшъ закуплено у Черниговську губернію, Білгородъ, Москву, підмосковні губерніи и Польщу. Привезено жъ було дуже багато: були партіи и такі, що мали відъ $2^1/_2$ до 4 тисячъ пудівъ, панівъ полтавськихъ и екатеринославськихъ (Базилевського, Струкова). Продавалась: обніжки відъ 8-ми до 11-ти, а перегонъ відъ 15-ти до 17-ти карбованьцівъ. Тютюнъ продавався відъ 1-го до $2^1/_2$ карбованьцівъ за пудъ, дúвлячись по зборці и сорту. Найкрасчий тютюнъ бувъ серебрянський, Прилуцького повіту. Пахарськихъ машинъ, на сёгорочний ярмарокъ, було багато привезено зъ Білої Церкви. Мастакú того діла похвалювали найбільшъ паровý мукомельню, Варшавської роботи, що мене за годину 15 пудівъ на три сорта бóрошна, а для винниці то й 20 пудівъ. Цінилась вона до 3-хъ тисячъ карбованьцівъ. Молотилка зъ кінськімъ приводомъ, у 6 силъ, молотила по 8 кінъ за годину; цінилась за 1500 карбованьцівъ. Були виставлені на прóдажъ и для заказу: віялки, сіялки, соломорізки и кінські граблі Білоцерковської роботи. Жáтокъ не було. Скотъ хорóший бувъ тільки зъ заводівъ князя Кочубея. Ціна на скотъ була не висóка. Баранú на росплодъ, электоральної породи, зъ добримъ рунóмъ, продавались тожъ поцінно. Сіно платилось відъ $1^1/_2$ до 3-хъ карбованьцівъ за візъ; овесъ черезъ пізню вéсну бувъ тільки торіш-

ній и продававсь по 23 копійки за мірку. Чумаки платили, за попáсъ, зъ пари волівъ відъ 5–ти до 10 коніёкъ на́–день.

Ярмарокъ почався 12-го іюля; дощі перепадали и попсували шляхъ, а 14–го підъ самий горячий торгъ на коні, обіднёї пори, набігла хмара, загримотівъ грімъ и пішовъ чустрити дощъ, якъ зъ відра. Середъ народу блúскавка убила въ смерть двохъ жидівъ и порозбивала багато телеграфнихъ стовпівъ. Народъ обступивъ вбитіхъ; жиди джеркотіли, галасували... ажъ ось, надійшовъ чумакъ, и почувши, що блúскавка кого-сь убила, знявъ шапку и перехрестивсь. «Экой ты! Богъ жидовъ побилъ, а ты крестишься,» гукнувъ на нёго якій–сь москаль съ гурту. «Хиба–жъ жиди й не люде? Богъ надъ усíма!» одізвався чумакъ. Жиди, якъ почули, кинулись до чумака, обнимають, за руки беруть. »Правда, братíку, правда... Ось цоловíкъ! сей правдиве у Бога вíруе.» 20–го іюля стали розъізжатись хури зъ товаромъ. Чумаки брали підъ хуру до Австрійскоі гряниці по 90 коніёкъ зъ пуда, у Чернигівську губернію по 30 коп., у Маріуполь по 40 к., у Харківъ по 20 к., у Кримъ на Бериславъ по 30 к. 30–го іюля на ярмарковому плацу вже було пусто; ярмарокъ стоявъ троха не три тижни.

Теперъ, икъ слову, добавлю де які подýмки, котрі навіявъ на мене сёгорочній ярмарокъ. Коли нашу Иллінську дробити по націямъ, то можно вивести такий рішинéць: на сільскімъ, чи кіннімъ, ярмарку найбільша груда товару йде зъ рукъ нашихъ земляківъ, чи то нанівъ, чи прóстихъ; тутъ наші беруть гору и лічбою и капиталомъ. Москалі у́ своихъ рукахъ держуть тільки торгъ невисокимъ краснимъ товаромъ и то на половину зъ нашими. Залізо жъ и ремінна робота уся въ московськихъ рукахъ. Торгъ бáкаліею у рукахъ у орменъ, караімівъ и грековъ та вони більшъ торгують не тутъ у самімъ гóроді, на особнімъ плацý. У татаръ тільки торгъ шкурами й смухами, а що до жидівъ, то сей народъ, по правді сказати, нічого не вироблюе самъ, а тільки перекупае и перепродуе чуже—найбільшъ вовну, коні, смухи и пірья. Біднійші торгýють, не маючи ніякого капиталу и якось-то перебиваютця. На сімъ ярмарку жиди й москалі мало у чімъ конкуруюють поміжъ себе. Инáкъ воно стоіть на ярмарку краснімъ чи то мануфактурнімъ, котрий починаетця у самімъ гóроді черезъ десять днівъ згодя́, на сáмого Иллю. Тутъ уже нашимъ землякамъ нема просвіту; нашъ панъ тільки купователь на роздробъ, а простий–за потикача. Московські купці, що торгують внсчнмъ краснимъ товаромъ, мають тутъ, у жидахъ Бердичівськихъ и Польскихъ, жвавихъ и сильнихъ

капиталомъ конкурентівъ. Мабуть жахаютця московські купці и фабрикантн, що жиди одібъють у нихъ торги по Украіні, коли такъ добиваютця, щобъ постягувати усі наші ярмарки у Харьківъ, дé вони позакуповували усі ярмаркóві будóви, та й жиди тамъ великої сили не мають, бо жити імъ у тімъ місті не вільно. Гомонять москалі-себъ то на більшу користь усёму краеві, а навспражки для того, щобъ загарбати у свої руки усі торги зъ початку на сімъ боці Дніпра, а пóтімъ посунутись и за Дніпръ, тай тамъ поборюкатись зъ жидами. Гарний та далекий нюхъ у того купецьтва! Знаемо ми дуже добре тую московську монополію, що бувало привезе украінський панъ у Харьківъ вовну, а московський купчина дае ціну яку самъ схоче, та, заклавши назадъ руки а шапку зігнувши на бáкіръ, усміхаючись и каже: «Ужъ, батюшка, напрасно-съ изволите безпокоиться, знаемъ-ста, что барынѣ платьицо надо, а барышнѣ на башмачки,» та й вередýе дóти, ажъ поки панъ не поклóнитця и на ёго волю здастця. Якъ дивитись очима московськихъ фабрикантівъ, то воно може й добре було бъ на світі, якъ би тільки самі фабрики процвітали та добрі зúскі давали, а багатирі-монополисти, ще більшъ, кишені набивали; а якъ же подúвишся очима тутéшнёго хлібороба, поглянешъ на нашъ плодючий край та поміркуешъ объ тімъ, щó найкористнійше для нашого батьківського промислу—хліборобства, то й скажешъ спасибі тимъ жидамъ та чужоземськимъ закупщикамъ, що своею конкуренціею, на усюди-роскинутихъ по краю ярмáркáхъ, ціну на наші пахарські продукти підіймають, а красний товаръ, и краечий и дешевший до насъ привозють. Якъ прислухаешся до того галасу купецького, то зáразъ зрозуміешъ, що се ті самі наші добродії, що не дуже давно такъ галасували за тарифъ: «не треба, казали, збавляти пошлинъ, бо якъ у московськихъ фабрикантівъ на копійчину буде меньшъ баришівъ, то усімъ вамъ прійдетця вмірати, хочъ у васъ токи й набиті стогами.» Не диво, що наша плодюча країна бідна на гроші, бо такъ усе добре, спасибі за ласку, добродії умудрувáли, щобъ капитали поотягати туди десь за Оку. «Продавайте, кажуть, вашу пшеницю у Одесъ або Бердянськъ та привозьте ті грошики, що візьмете, до насъ—ми вамъ ситцівъ за те надаемó, такихъ що, може, черезъ тиждень й на ганчірки згодятця; а у бусурменівъ не купуйте, бо й законъ не позволя, та й дежъ тоій патріотизмъ буде? Продавати імъ свое добро, а грошí намъ, за хамлó, віддати—то инше діло—таке, якъ слідъ доброму патріотові робити; бо то наше діло, за-

сівши у Харькові, далій відъ чужої конкуренції, грошима орудувати та зъ вашої праці розживатися, а ваше... у землі конатися, а гроші вамъ, хахламъ, на віщо здалися?.. »Эге жъ, правда! отъ хочъ бий до заліза; нашому хліборобові треба ёго, куди не киньсь; наші степи тільли дожидають заліза доброго и дешевого, щобъ прокинутись та за дігo новимъ ладомъ узятись. Э! такъ, бачите; уральскі заводчики—отті бідні, що Европа на нихъ дивуетця—треба іхъ пожаліть—старцями стануть, якъ захóдне залізо у нашъ край (для користи нашого, багатиря бъ то, хлібороба) пустять. Наша Украіна найбільшъ, здаетця, витерпіла відъ того тарифу, а ії ще й лають, що, бачъ би то, до праці не здатна. Оце тежъ саме и зъ нашими ярмаркáми; здаетця и сліпий побаче, що легше купцéві переізжати зъ своімъ легкимъ крáмомъ зъ ярмарку на ярмарокъ, а піжъ намъ, зъ нашими важкими пахарськими продуктами, до одного пункту, зъіздитися та одинъ другому ціну збавляти, а чуже у дорожнету підіймати. Тай зъ самої натури того діла бачитця, що край, де пахарсьтво покривае усякий другий роздобутокъ, повиненъ роскинути свої ярмарки по усімъ зáкуткамъ, а не стягувати у одинъ пунктъ. Отъ хочъ би на прúкладъ: Владимирська губернія мае усего 8 ярмарківъ, а у Полтавській іхъ безъ малого 300. Ще кажуть:—коли по шляхахъ покладуть залізні колії, то ярмаркú самі зведутця ні нащо. Але жъ ми бачимо, що у тихъ краяхъ, де пахарсьтво бере гору надъ фабриками, а земля поділена на невелички маетности (якъ и у насъ), тамъ ярмаркú держятця и тоді, якъ вже залізні колії покривають цілий край, а тільки де-які великі підупали. Та хочъ би й такъ, то на що жъ завгодя́ псувати те, що повстало зъ самого життя народнёго и поки до чого—мае ще свою силу? Єама наука навчае, що у те діло мішатись не треба, бо силоміць можно тільки зтурбувати ціле краеве господарьство, а покори́стуютця тільки де-які капиталисти. Для нашого краю булобъ найкористнійшъ, щобъ наші ярмаркú зоставались такъ, якъ були, безъ жадныхъ добавокъ и пере́ставокъ, а вже самъ часъ и місце покажуть, де торгъ ви́мре, а де зацві́те, бо того не вгадаешъ; знаемо ми добре такі ярмаркú, де тильки на папері торгують, а е й такі, що й не щитаютця ярмаркáми, а товару й народу повнісінько. Такъ чи тожъ насъ хліборобівъ послухають? Змагаютця московські багачі за центральний пунктъ для свого товару; годі, кажуть, швендяти зъ ярмарка на ярмарокъ—велика трата, такъ треба десь вище клопотатися, щобъ силою іхъ до одного міста позтягувати. А чи намъ

відъ того легше чи важче—проте хто дбатиме?.. А бодай васъ, панове купецьтво, які жъ то ви патріоти для своеі кишені! Се вже, бачите, такé кóло: що зъ централизациі, куди не верни, а вийде монополия; а зъ монополіі, централизация. Воно такъ усюди дiялось.

В. Куликъ.

Полтава. Р. 1861, 4 авг.

P. S. Я вже мавъ одсилати до васъ сей листъ, ажъ ось набігли дві новéнькі звістки: перша та, що зво́лено будувати у Полтаві велікі камъяні лавки підъ ярмарокъ, а друга — сарана́. Сёго дива тутéшні старі люде не памьята́ють. Добре тому, хто убрався зъ хлібомъ завгодя́. У давні рокі сарана зупиня́лась на степахъ, и до Полтавщини ніколи не долiтала; сёго жъ року дотягла, кажуть, ажъ до Черні́гівщини.

В. К.

ОТЪ МАРТА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЯРМАРКИ.

Вы слышали жалобы на ужаснѣйшіе снѣга прошлой зимы, на это безпримѣрное бездорожье въ нашей Украйнѣ и знаете, что многимъ отраслямъ украинской производительности и торговли былъ нанесенъ чувствительный вредъ. Такъ, напримѣръ, для сахарныхъ заводовъ не было возможности заготовить дровъ. Снѣга были до-того глубоки, что въ лѣсахъ нельзя было рубить, самая же перевозка еще труднѣе потому, что и на большихъ транспортныхъ битыхъ дорогахъ тянулась узкая, едва отвердѣвшая полоса, съ неисчислимымъ множествомъ ухабовъ, ѣзда совершалась гуськомъ и при встрѣчахъ одинъ всегда тонулъ въ глубокомъ рыхломъ снѣгу: что же можно было сдѣлать съ нашимъ рабочимъ скотомъ, при вывозкѣ изъ луговыхъ или лѣсныхъ мѣстъ?

Крещенскую ярмарку и контракты, какъ вамъ извѣстно, торговали хорошо, но сахарники были очень наказаны: вмѣсто настоящей пропорціи сахара, у нѣкоторыхъ едва была получена третья часть. Снѣга на югѣ были глубже, чѣмъ на сѣверѣ — извощики ѣхали по тридцати и болѣе дней тамъ, гдѣ обыкновенная ѣзда 10, 12 дней. Вслѣдствіе недоставки на Крещенскую изъ заводовъ сахара, у многихъ были незначительные сборы денегъ, а въ виду вслѣдъ затѣмъ

наступающихъ контрактовъ, гдѣ совершаются рафинерами главныя покупки песку, это имѣло нѣкоторое вліяніе на дѣла рафинадныхъ заводчиковъ.

Съ первыхъ чиселъ марта наступила весна, ознаменовавшая себя снесеніемъ во многихъ мѣстахъ мостовъ, но къ апрѣлю путь отвердѣлъ и появились извощики на колесахъ. — Всякій съ жаромъ бросался дополнить несдѣланныя отправки, и цѣны на извозъ были не ниже зимнихъ. — Въ нашихъ мѣстахъ, особенно поддерживалъ цѣну на провозы Бѣлгородъ, по случаю большой отправки до Москвы сала. Несмотря, однакожъ, на дороговизну весеннія отправки обошлись выгоднѣе; товаръ пришелъ своевременно, межъ тѣмъ, какъ слышно, много товару, отправленнаго по зимнему пути изъ Кіевской губерніи, получено въ Москву чрезъ два и три мѣсяца.

Теперь о прошлой зимѣ, межъ украинскими торговцами, нѣтъ и помину, всякій смотритъ впередъ и старается разгадать «будущее», но это будущее, несмотря на опытность многихъ, закрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой.

Первая наша весенняя ярмарка Елисаветградская–Егорьевская. Благодаря Бога, въ этомъ году, эта ярмарка вышла хороша. Многіе покупатели–Евреи появились ранѣе настоящаго начала, т. е. 23-го числа, и хорошо покупали недорогіе бумажные, шестрядные и холщевые товары. Хорошіе покупатели были большею частію изъ тѣхъ мѣстъ, откуда прежде не бывали, какъ–то: Кишинева, Бердичева и Каменецъ–Подольска. Нѣкоторые полагали, что причиною хорошей торговли на этой ярмаркѣ отдаленность времени отъ зимнихъ ярмарокъ — Воскресенской и другихъ; положительно можно сказать — не это причина. Какъ увидите ниже, несмотря на возрастающую цѣну бумажныхъ товаровъ отъ дороговизны хлопка, этими товарами торгуютъ хорошо на всѣхъ ярмаркахъ, и потому, навѣрное, это можно отнести къ перемѣнѣ положенія крестьянъ, какъ все равно никто не похвалится торговлей шелковымъ товаромъ и т. п.

Егорьевская ярмарка, за немногими исключеніями, чисто мануфактурная. Цѣнность товара привозимаго я опредѣлить вамъ не могу, но мануфактурныхъ товаровъ было количествомъ до $2^1/_2$ т. лошадей. — Эта ярмарка удалена отъ семьи украинскихъ ярмарокъ, отъ-чего, въ нѣкоторые года, она страшно наказываетъ торговцевъ. Наша яр–

морочная система такова: если товаръ остался въ Маслянской, то будетъ лежать до Вознесенской, если остался въ Вознесенской, отправится въ Ильинскую, оттуда въ Харьковъ или Кролевецъ. Все это разстоянія такія, что провозъ не составляетъ значительнаго расчета; но совсѣмъ другое если товаръ остался въ Егорьевской. До Елисаветграда провозъ всегда стоитъ особенно–дорого, по случаю весенняго времени и затруднительной переправы въ Кременчугѣ. Въ этомъ году провозъ изъ Москвы былъ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ рубл. съ пуда, да кромѣ того, въ Кременчугѣ за переправу черезъ Днѣпръ на разстояніи 2-хъ верстъ платили 3 рубл. съ лошади, 6 рублей съ пары и 9 рубл. съ тройки!. Слѣдовательно, если къ этому провозу прибавить провозъ до Полтавы (куда обыкновенно отправляютъ остатки отъ Егорьевской), то это ужъ будетъ крайне большой расходъ на недорогіе мануфактурные товары.

Интересуетъ многихъ эта ярмарка продажею за деньги, не на кредитъ; но и при хорошей торговлѣ, какая была въ этомъ году, ярмарка приноситъ убытки. На многіе бумажные товары расходъ среднимъ числомъ составляетъ 15%, тогда–какъ на другихъ ярмаркахъ не болѣе 5 и 7%. Помѣщенія для ярмарки хороши: лавки каменныя, цѣны за нихъ умѣренныя; дѣйствія комитета ярмарочнаго заслуживаютъ благодарности.

Вслѣдъ за Егорьевскою ярмаркою, слѣдуетъ Вознесенская. — Бумажными недорогими мануфактурными товарами, несмотря на прибавку въ цѣнѣ 3% и даже 5%, торговали также хорошо; были хорошіе покупатели для Ермолинца (Каменецъ–подольск. губерн.). Топкими бумажными, шерстяными и шелковыми товарами торговали обыкновенно. — Я не былъ на этой ярмаркѣ, и потому, къ сожалѣнію, не могу сообщить вамъ, подобно Маслянской ярмаркѣ, статистическихъ данныхъ, относительно украинскихъ товаровъ, — могу только сказать вамъ, что гг. сахарникамъ съ Вознесенской пришлось выдерживать постепенное пониженіе цѣны на свой товаръ. Попричинѣ того, что Москва и Петербургъ мало требовали песку и отъ несвоевременной продажи его въ Крещенскую и др. ярмарки, накопились излишніе запасы на заводахъ и въ складахъ, и потому, несмотря на незначительность Вознесенской ярмарки, сахаръ понизился на нѣкоторые сорты 25 коп., а на другіе и 50 коп. на пудѣ. — Воску оказалось до 4-хъ т. пудъ, но покупателей было мало и цѣна упала до 20 рублей. — О табакѣ свѣдѣній не имѣю.

Троицкая ярмарка (въ Харьковѣ) имѣетъ для нашего края большое значеніе. Характеристическая черта ярмарокъ, описаныхъ мною выше, состоитъ въ томъ, что къ намъ привозятъ мануфактурные товары, продаютъ, и везутъ отъ насъ деньги. Эта же ярмарка наоборотъ:—она какъ бы возвращаетъ назадъ увезенныя деньги своимъ солиднымъ товаромъ — шерстью; но, къ-сожалѣнію, мы не такъ счастливы, какъ великорусскіе, мануфактуристы — Шерсть въ этомъ году значительно понизилась въ цѣнѣ и нашъ край противъ прошлаго года теряетъ въ этомъ товарѣ болѣе милліона рублей серебромъ!

Количество шерсти на ярмаркѣ было до 250 т. пуд.

Грязной помѣщичьей до 130 т. пуд.

Перегона « « « 100 т. пуд.

Нѣмецкихъ колоній и др. 20 т. пуд.

Грязная шерсть продавалась отъ 8 до 8 р. 75 к., нѣкоторыя лучшія партіи проданы отъ 9 до 9 р. 40 к. *Перегонъ* нѣмецкій и купеческій проданы отъ 12 до 13½ рублей; перегонъ помѣщичій—отъ 13½ до 15½ рублей; нѣсколько партій лучшаго сорта проданы отъ 16 до 18 рублей. *Обножки* изъ хорошихъ партій перегона проданы отъ 9 до 12 рублей.

Покупатели были изъ Австріи, Пруссіи, Москвы, Черниговской губерніи, Харьковскіе, Бѣлгородскіе и Изюмскіе моечники.

40 т. пуд. осталось непроданнымъ.

Разничная торговля въ городѣ шла тихо и многіе магазины очень жаловались.

О. Нез — ій.

УКРАИНЦЫ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ Саратова.)

Прошло сто лѣтъ, какъ нашъ край наводнился различными колонистами, какъ-то: украинскими, татарскими, нѣмецкими, гернгутерами и, наконецъ, переселенцами изъ губерній Тамбовской, Пензенской, Калужской и Костромской.

Колонисты-украинцы превосходятъ другихъ численностію; жизнь ихъ, по сравненію съ другими, также больше имѣетъ значенія для нашего края.

Волга для украинца сдѣлалась извѣстной еще во времена бунта Стеньки Разина, у котораго много было охотниковъ изъ Украины попировать на чужой счетъ. Они видѣли широкія степи саратовскія, привольныя землей и водой, и по ихъ слѣдамъ, земляки стали ходить на далекую Волгу, для заработковъ на судахъ или рыбныхъ ватагахъ. Дальній путь заставлялъ многихъ оставаться здѣсь у хозяина и на зиму. Мало-по-малу они сроднялись съ чужой вольной стороной и многіе изъ нихъ вовсе не торопились домой, гдѣ вольная воля была только богачамъ да чиновникамъ, замѣнившимъ польско-панскую администрацію въ Украинѣ. Облюбовавъ себѣ на Волгѣ уютное мѣстечко, захожіе селились, обзаводились семействами и забывали о своемъ родѣ-племени въ Украинѣ. Возвращавшіеся домой бурлаки разсказывали про привольное житье-бытье волжское, конечно съ безчисленными прибавленіями, и увлекали въ наши степи новыхъ переселенцевъ. Такъ было до временъ Екатерины II, которая, именнымъ указомъ 1763 года, повелѣла назначить огромное пространство свободныхъ земель на саратовскихъ степяхъ, для желающихъ тамъ поселиться. Украинцы, одни уже знакомые съ вольной приволжской жизнью, другіе наслушавшись разсказовъ о нашемъ краѣ, охотно бросали свои родныя села и переселялись къ намъ. Они селились гдѣ кому было любо. Первыми *хатами* большею-частью были *землянки*; но эти землянки устроивались на самыхъ живописныхъ мѣстахъ. Стóитъ только посмотрѣть на слободы Покровскую, Никольскую, Дубовскую и Рыбинскую, чтобъ отдать честь украинскому вкусу и уму. Двѣ первыя особенно отличаются нетолько прекраснымъ мѣстоположеніемъ, но и выгоднымъ положеніемъ для торговли. Слобода Покровская (украинскія слободы никогда не называются *селами*) стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, на небольшомъ возвышеніи. Во время большаго разлива Волги, она стоитъ какъ бы на островѣ. Здѣсь и въ слободѣ Никольской первоначально построены были, въ 1797 году, по повелѣнію Екатерины II, запасные соляные магазины, куда они обязаны были возить соль съ Элтонскаго озера. Въ этихъ двухъ пунктахъ сгруппировалось почти все первое поселеніе, такъ-что впослѣдствіи колонистамъ нужно было выселиться изъ этихъ слободъ,—что̀ дало начало многимъ другимъ малымъ слободамъ и хуторамъ. Слободы Покровская и Николаевская называются, по своему богатству, городками. Въ той и другой—по три каменныхъ церкви, что̀ рѣдко можно встрѣтить въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. По своей величинѣ и богатству,

эти церкви могутъ стать наравнѣ съ городскими—уѣздными. Что́ касается другихъ слободъ и хуторовъ украинскихъ, то объ нихъ можно сказать только то, что они всѣ живутъ лучше великорусскихъ селъ, т. е. и богаче и чище. Обогащаютъ ихъ поля и степи. Лѣтомъ украинцы работаютъ въ полѣ, а зимою возятъ сѣно для своего скота и для продажи. Лишь только въѣдешь въ украинскую слободу, ее сейчасъ можно отличить отъ великорусской: украинскія хаты всегда обмазаны бѣлою глиною, съ чистыми окнами и окрашенными ставнями. Дворъ у украинца очень рѣдко можно встрѣтить съ плотными тесовыми заборами или сараями, и съ крѣпкими воротами, особенно въ тѣхъ селахъ гдѣ украинцы живутъ одни. Жизнь открытая вытекаетъ у нихъ изъ ихъ нравовъ. Воръ—украинецъ — явленіе очень рѣдкое. Кони и волы никогда у нихъ не запираются замкомъ. Войдете въ хату—передъ вами печь безукоризненно—бѣлая, порядокъ въ домашней посудѣ и опрятность во всемъ домѣ. При этой внѣшней чистотѣ, нельзя не обратить вниманія на ихъ нравственную чистоту. Чтобъ узнать украинца съ этой стороны, нужно только побывать на ихъ *вечерни́цяхъ*, куда у нихъ собираются *дівча́та* и *парубки́* въ осенніе и зимніе вечера. Здѣсь парубокъ и дівчина, единственно по свободному выбору влюбляются другъ въ друга и остаются вѣрными до гроба. Здѣсь нѣтъ корыстныхъ расчетовъ, а одна любовь чистыхъ и неиспорченныхъ сердецъ. Оттого—то у украинцевъ царствуетъ любовь и въ семействѣ. Украинецъ очень рѣдко оставляетъ свой домъ, а если оставляетъ, то ужъ вмѣстѣ съ своей *жінкою*. Да и соблазнить украинку тоже почти невозможно.

Въ дѣлѣ религіи, украинецъ понимаетъ вещи просто и ясно. Сектантовъ и раскольниковъ нѣтъ между украинцами нашего края. Всѣ зажиточные украинцы отдаютъ своихъ дѣтей въ дьячку, для обученія грамотѣ, чтобы имѣть удовольствіе слышать ихъ пѣніе на клиросѣ и чтеніе во время богослуженія. Прихожанинъ—украинецъ удѣляетъ отъ своего имѣнія для церкви очень охотно, не такъ, какъ дѣлаютъ крестьяне селъ великорусскихъ, особенно приволжскихъ, гдѣ попъ долженъ выпрашивать, домогаться того, что́ ему слѣдуетъ, и при этомъ слышать укоры. Въ церковь наши украинцы ходятъ почти всѣ; одѣваются для этого всегда чистенько; стоятъ съ благоговѣніемъ. Украинецъ любознателенъ и понятливъ. Только бѣда въ томъ, что ему приходится читать книги на чужомъ языкѣ, и съ трудомъ усвоивать смыслъ ихъ, особенно подъ руковод-

ствомъ безграмотныхъ грамотѣевъ. Украинецъ съ особенною охотою читаетъ книги на своемъ языкѣ, и еслибы на это обратили вниманіе, то дѣло образованія пошло бы гораздо успѣшнѣе. Украинецъ добръ, даже черезчуръ добръ, когда онъ имѣетъ дѣло съ своими сосѣдями въ торговыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Естественно, ихъ простота не иначе должна считаться, какъ глупостію, въ глазахъ такихъ сосѣдей, которые стоятъ на томъ, чтобы что продать, то и надуть,—а не обмануть, такъ и не продать. Торговать украинецъ нашъ мало способенъ, потому что онъ обезпеченъ во всѣхъ своихъ домашнихъ потребностяхъ; а если онъ продаетъ, то единственно то, что у него лишнее, какъ напримѣръ: лѣтомъ — траву, а зимою—сѣно, хлѣбъ и проч. Украинское купечество, сосредоточенное въ Покровскомъ городкѣ, большею частію занимается закупкою зернового хлѣба.

Украинскія пѣсни поются иногда и нашими великороссіянами. Лучшими пѣвцами у саратовскихъ великороссіянъ считаются тѣ, которые, кромѣ своихъ пѣсенъ, знаютъ много и украинскихъ. Когда украинскіе купцы закупаютъ хлѣбъ въ великорусскихъ селахъ, то великоруссы имѣютъ дѣло съ ними всегда охотнѣе, чѣмъ съ своими, потому что украинецъ не обманетъ и не обвѣситъ.

Въ заключеніе, сообщу свѣдѣніе объ одномъ украинцѣ—самоучкѣ-механикѣ.

Никита Зуенко, уроженецъ Покровской слободы, всю свою жизнь ломалъ свою, непросвѣщенную наукой, голову надъ нѣсколькими машинами, и между прочимъ надъ такою, которая бы возила тяжести по водѣ безъ паровъ. Саратовцы видѣли эту машину, только вполовину сдѣланною. Одинъ купецъ брался отлить эту машину, но, кажется, смерть его уничтожила и послѣднія надежды бѣдняка-украинца. Онъ теперь живетъ въ Астрахани, и надѣется, съ помощію какого-нибудь богача, докончить свое давно-задуманное дѣло.

Великороссіянинъ О—овъ.

О МАЛОРОССІЯНАХЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Оставляя Малороссію, быть-можетъ надолго, я думалъ, что, во все время моего пребыванія въ Сибири, я не увижу родного человѣка, не услышу родного слова. Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Пермь, гуляя, или, вѣрнѣе, блуждая по берегамъ рѣки Камы, услышалъ я родные звуки! Я сначала самъ себѣ не повѣрилъ и подумалъ, что слышу мѣстный говоръ крестьянъ Пермской губерніи (1), но прислушавшись, разъубѣдился, и подошедши поближе къ кучкѣ людей, состоявшей изъ пяти человѣкъ, увидѣлъ тутъ козаковъ, изъ которыхъ два говорили по-малороссійски. Чтобы удостовѣриться, что они точно говорятъ по-малороссійски, я спросилъ у одного изъ нихъ: какъ называется эта рѣка? »Яка? де? оце, кажуть, Кама. Та ми сами не тутешні«. — »А відкіля жъ ви?« началъ я по-малороссійски. — »Такъ и ти, мабуть, не тутешній, ти землякъ нашъ!« Распросивши, я узналъ, что они въ 1847 году вышли изъ Саратовской губерніи и поселились въ Петропавловскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи; нынѣ служатъ въ пограничномъ Тобольскомъ козачьемъ войскѣ, защищающемъ границу отъ набѣговъ Ташкенцевъ и Коканцевъ. Земляковъ нашихъ въ этомъ войскѣ около трехъ тысячъ. Потомъ я узналъ отъ нихъ, что они встрѣтились въ Перми, съ земляками же козаками Оренбургскаго войска и были очень рады этой встрѣчѣ. Выпроводивши ихъ въ Кіевъ, куда они шли на богомолье, мнѣ хотѣлось повидаться съ Оренбургскими козаками-земляками. Черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ, я познакомился съ тремя изъ нихъ. Всѣ три отличались стройностью, проворствомъ, расторопностью и энергіей, и всѣ три отлично говорили

(1) Въ мѣстномъ говорѣ Пермской губерніи *т* выговаривается какъ и у малороссіянъ за *и*, *г* за h, а не за *g*, *о* безъ ударенія за *о*, а не за *а*, и пр.; словъ также много сходныхъ съ малороссійскими, наприм. слобо́да, нехай и проч.; даже головная стржика такая же, какъ у нашихъ земляковъ. Все это объясняется тѣмъ, что здѣшнія мѣста заселены выходцами изъ Новгородской земли, а Новгородцы, по мнѣнію профессора Н. Ив. Костомарова, часть южно-русскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ и удалившаяся на сѣверъ. *Основа*, кн. 1 и 3, статьи: «о федеративномъ началѣ» и «Двѣ русскія народности».

по-велико-русски и по-малороссійски, такъ что, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, я имѣлъ хорошую практику малороссійскаго языка. Меня очень удивляло то, во-1-хъ, какъ они, живя постоянно между чуждымъ имъ населеніемъ, не забыли роднаго языка; во-2-хъ, какъ они не изуродовали его, что̀ весьма часто случается у насъ, въ Украинѣ, съ тѣми земляками, которые поживутъ съ великороссами или съ панами. Я хотѣлъ-было, по ихъ разсказамъ, составить полное описаніе быта нашихъ земляковъ Оренбургскихъ козаковъ, но, за выѣздомъ изъ Перми, не успѣлъ. У меня, впрочемъ, сохранились отрывки ихъ разсказовъ, которые сообщаю:

«Оренбургскі козаки живуть у Троицкому уізді Оренбургскои губерні; наши земляки (козаки) живуть не вмісті зъ руськими, а особо. У Ключевскій станиці наши живуть у двохъ селахъ, тільки не знаю, якъ звуть; у Чисменській ст., у селахъ Новому-Чорному, Богородинському и у Липцяхъ; у Миколаевській стан. у Кулибчинському селі, у Шерпенованській ст. одно село, у Магнитній кріпості; 7-го полку на ричци Судуку е одно село; 6-го полку село № 7-й, 5-го полку село Березовське; у степу на линіи на р. Тургай, на Иргизи (городокъ е Иргизъ); у городкахъ Ахмечети, Старо-Орському и Ново-Орському; у сели Кумакъ подъ Орськимъ; коло Оренбурга по селамъ: Каминьському, Нижеиському и Краснохолі 1-го полку (село велике, сотъ вісиїъ душъ; зъ ёго повиходили у самий степъ, у городокъ Карабутакъ и инші); 1-го жъ полку, по селахъ: Бурганьці, Статишчевій, Озірній, Микольціяхъ, Пидгорнощському. У самому Оренбурсі живуть козаки и міщане-земляки, а селяне живуть відъ Оренбурга къ Самарі. У Челябинському уізді у одному селі живуть селяне.

Козаки наши спершу повиходили селянами зъ губерній: Харьківськоі, Самарськоі, Саратовськоі, Воронежськоі, Курськоі и зъ иншихъ. Виселялись, бо тутъ славно, просторно було жить; линія була, мало людей було. Такъ вони жили селянами до 1842 году. У козаки повернули, щобъ вони образовані були, щобъ оружіе було и все чисто. Которі сами хотіли, бо гля дітей, шобъ у салдати не виддавать и шобъ земля була; якъ у крестьянахъ жили, то землю миряли четвертями, а теперъ — скільки твоя душа бажа, стільки й ори. — —

Запорожці жили спершу у Краснохолі, ми по однімъ боці річки

Чорної, а вони по дрýгимъ. Скільки ми жили у Краснохолі, такъ іхъ усе було дражнять:

Білогірці дурні вівці —
Не молятця Богу;
Запрягають и родичівъ —
Ідуть у дорогу.

Вони у церкву ходять и хрестятця, тільки мова якась така, що й ми не розберемъ. Зъ нихъ ще глузуютъ такъ: ишовъ, кажуть, запорожець, зустрівся зъ руськимъ, та й каже: «чи не знаходивъ ти, що я загубивъ, *тірбочки* (торбочки), симъ вилупеньцівъ (яйця), и три перепічки (пышка), висвищакою (батигъ) завязана?» Руській каже: я найшовъ торбочку зъ яйцями, та пишками, батогомъ завъязана. «Ні, це не моя.» Відъ своєї торби одперся! Іжаківъ (по іхнёму *дикі кабаньці*) іли. Жінки ходять, якъ и наші, у очіпкахъ, дергахъ, або запаскахъ, а дівчата у білихъ свиткахъ (куцина). Звичаі: вечерниці, різдвянські святки, паски святять, и всі звичаі, якъ и у насъ.

Теперъ ми обжились у козакахъ, такъ лучче и привільній. Лісівъ багато: сосновихъ, березовихъ, дубовихъ, то—що; до якого села бліжче, то до того й ліси. У Орській стан. и у другихъ—гори, а у Краснохолі—степъ азіятська, рівна, и у Чисменській стан. степъ, озера по линіи и у Чисменській стан. Зъ солонихъ озеръ сіль беремо даромъ, не одъ казни; тільки сіль тоді бува, якъ засуха. Річки у насъ: Уралъ, Уй, Уильця, Иргизъ, Чорнивця, Буранка, Тулзакъ, Сундукъ и Орь; річки не великі, очеретомъ поросли; риба: лини, сазани, щука, окунь; у озерахъ одинъ карась. У Троицькому уізді е й болота. За нами починаютця степи, днівъ десять безъ корму, тільки полинець росте, пісокъ. На Тургаі и Иргизи дикі коні, дикі свині, сайгаки, тигри, а за Тургаемъ полози. Полозъ такій ясній, наче луска рибъяча, наче серебрений; де вінъ пролізе, тамъ и трава не росте, вінъ якъ махне хвостомъ, такъ и зобье, потімъ кровъ ссе.

По степу и у Троіцькому уізді е могили, наче копані, середина западе, наче тамъ шо провалитця, кажуть, шо розбойники тутъ стояли и накопували: Мамай и Пугачъ; и клади е, тільки взять іхъ не можна, бо давно положені; которі добували, такъ ні — не йдуть уже. На нашому степу виведена—називаетця киркою, на церкву по-

хожа, и гробки кругомъ, верху нема. Ни хто не зна, відъ кого вона зосталась.....

Хлібъ роблять зъ цілого и живуть. Пахатноі, окроме сінокосу и лісу, 30 десятинъ на душу; тільки родитця, заразъ и нарізують землю. Починають сіяты після паски, на 1-мъ тиждні. и до паски тижднівъ за два, якъ весна тепла, и сіють до Тройці. Сіють года три зряду пшеницю, а потімъ якъ помякша, овесъ, або жито. Пшеница у насъ: кубанка, або турка, чорноколоска, гирка и чорногузка; ячмінь: зъ остюкамы и голий, просо кійкувате. Горохъ сіють по цілині, просо, и лёнъ; коноплі по мякому, після лёну. Пшеницю и жита жнуть, а овесъ та ячмінь жнуть и косять. Кісъ—*горбушъ* нема (2). Жнуть після Петра, й місяць жнуть и неділь три жнуть. Хлібъ кладуть на степу, у токахъ, а до дому не возять, а уже возять чисте зерно. Молотять ціпами, биками и кіньми. Пшенишний хлібъ щодня ідять, житне борошно Орда бере, у городі продають, ячмінь у рудники на крупи беруть, вівсяною соломою кормлять биківъ, а житна, пшенишна, то—що, лежить, поки зогніе, бо сіна багато. Лёнъ и коноплі продають, а собі сімъя на масло йде, масло бьють.

Повинности: 25 асс. земськоі повинности зъ душі, штраховка домівъ, якій домъ скільки стое, 3 р., 10 р., 15 р. то—шчо. За казенні кобили 15 к. ср. зъ душі. Служба 25 літъ, 3 годи на службі, а годівъ 5 отдихаемо. Коні и зброя—все свое. Якій бидний козакъ—иде у робітники.

Скотину пасуть Киргізи и Камличини, за корову 10 к. у літо, за пару биківъ тожъ 10 к., за вівцю зъ ягнямъ 27 к., за коней 30 к. с., за телятъ 6.

Оруть усю Петрівку на пшеницю, а весною на овесъ та жито. Оруть плугомъ та волами, у кого нема спрягаютьця. Якъ починають орать, Богу молятця и землю цілують. На сорокъ святихъ, печуть хрестики изъ кіста и жайвороночки: хрестики кладуть у ту пшеницю, шо весною сіють, а коли положить на ниві—и починае

(2) Косами *горбушами* въ Пермской губерніи называются косы съ выгнутымъ болѣе обыкновеннаго желѣзомъ и съ короткой рукояткой; онѣ поэтому очень неудобны. Косець долженъ находиться безпрерывно въ согнутомъ положеніи и трава скашивается только по верхамъ; наши косы въ Пермск. губ. называются *литовками;* ихъ здѣсь не много.

орати, зъоравши–зъість; а жайвороночки на сорокъ святихъ ідять. Волочать волами и бороною (боронять), раломъ ралять овси и жита. Живуть всю весну и святкують на полі, поки одсіютця, до самої Тройці. Тамъ и хати е, и бані. И по селамъ е бані, зімою у дворі, а літомъ на березі бані. Жнуть помочами: просять помочі и горілку пьють, наче весілля усе літо, хочъ не просипайся... »

П. Ефименко.

Красноуфимскъ, Пермской губ.
Іюнь 1861.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

№№ XIV и XV изображаютъ нѣсколько портретовъ, снятыхъ съ натуры И. И. Соколовымъ, въ Полтавской губерніи. На рисункѣ № XV, одинъ портретъ представляетъ чумака съ *чупри́ною* и въ шапкѣ, — снятый въ Золотоношскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Вереміевкѣ.

Рисунокъ № XVI изображаетъ *старцівъ* (нищихъ) и снятъ мною съ натуры, на ярмаркѣ, въ селѣ Срібномъ, въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Просимъ гг. авторовъ извинить насъ за непомѣщеніе въ этой книжкѣ статей, которыя были для нея предназначены, но, по обстоятельствамъ, откладываются до слѣдующей.

Въ нѣсколькихъ письмахъ насъ просятъ высказать наше мнѣніе по поводу статьи, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Современника*, подъ названіемъ: »Національная безтактность.«

Не имѣвъ, до настоящей минуты, подъ-рукою русинской литературно-политической газеты — *Слово*, по затруднительности полученія

славянскихъ изданій изъ Австрійской имперіи,—мы не могли удовлетворительно отвѣчать на сдѣланные намъ запросы; теперь же, получивъ, наконецъ, при помощи с.-петербургской газетной экспедиціи, послѣдніе номера *Слова*, мы надѣемся, въ X-ой книжкѣ *Основы*, сообщить нашимъ читателямъ данныя, убѣдительныя для всякого, что вина враждебныхъ отношеній между Русинами и Поляками вовсе не со-стороны Русиновъ и, въ-особенности, не со-стороны уніатскаго духовенства, которое, въ Галичинѣ, лучше, чѣмъ гдѣ-либо, поняло свое призваніе посреди пренебреженнаго народа, открыто и прямодушно становится на сторону угнетаемыхъ и смѣло борется за его права, не смотря на свою бѣдность, на оскорбленія и поруганія, которыми щедро надѣляютъ своихъ противниковъ сильные интригою, богатствомъ и политическимъ преобладаніемъ іезуиты — въ ксендзовской и не-ксендзовской одеждѣ, (какъ говоритъ авторъ польской же брошюры: Rączę że się pojednamy) въ религіозной и не-религіозной сферѣ.

При этой книжкѣ, равно и при другихъ журналахъ и газетахъ, прилагается подробное объявленіе объ изданіи *Основы и Живописной Украины* въ будущемъ году. Просимъ поспѣшить подпискою, дабы дать возможность редакціи распорядиться своевременнымъ напечатаніемъ и доставленіемъ на почту надлежащаго числа экземпляровъ. Редакція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры для устраненія медленности въ выходѣ и пересылкѣ нашего вѣстника въ отдаленныя мѣста.

Остающіеся экземпляры *Основы* за *текущій* годъ могутъ быть уступлены: выписывающимъ не менѣе пяти экземпляровъ—по 9 рублей за экземпляръ съ пересылкою, и по 8 р.—безъ пересылки; выписывающимъ не менѣе десяти экземпляровъ—по 8 р. съ пересылкою, и по 7 р. — безъ пересылки.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 9-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́витись — мѣшкать.

Ввереди́тись — надорваться.
Верства́ — верста.
Вки́нутись — приключиться.
Ви́гебле́ваний—гладко выстроганный.
Вирачкова́тий—съ большимн вытаращенными глазами.
Ви́шарова́ний — вымытый, вычищеиный (полъ).

Ги́дко — гадко.
Гли́ва — родъ грушъ.
Голу́бити — лелѣять.
Гу́дзикъ — пуговица.

Дмухну́ти—сильно дунуть; быстро побѣжать, ускакать.
Дуже́нний — очень сильный.

Же́рдка — жердь, вѣшадка.

Закаля́тись — запачкаться; замараться.
За́спіль — за-одно.
Збагну́ти — понять, уразумѣть.
Збіга́тись — сбѣгаться.
Здо́бичъ — добыча.
Зли́нути — улетѣть; взлетѣть.

Кану́перъ, кану́піръ — душистое растеніе.
Квасо́ли — турецкіе бобы; фасоля.
Ки́хоть — коть.
Кожні́сінький—всякій безъ исключенія.
Колистра́торъ—пол. регистраторъ.
Кори́тись — покоряться; повиноваться.

Ма́ло-що — чуть-чуть, немного.
Ма́ри — родъ носилокъ для покойниковъ.
Меже́ (и) — межъ; между.
Ми́ттю—скоро, орометтю; со всѣхъ ногъ.
Мли́нови́й — мельничный.
Мрець — мертвецъ.

Неда́внечко—(умен.) не такъ давно.
Німке́ня — Нѣмка.
Ну́да — скука.

Обі́ня́ти — обнять.
Обночува́ти — переночевать.
Овра́шокъ — хорекъ.
Око́лія — околодокъ.
Онупрій — Онуфрій.
Опе́нтати—опутать, попутать, отуманить кого.
Опри́скливий—сердитый; огрызающійся.
Орчико́вий — пристяжной.

Па́дькатись — принадать; ухаживать.
Па́хощі—духи, благовонный запахъ.
Підцю́кувати—подрубать.
По-близу́—вблизи, возлѣ.
По-дру́зькій—по-дружески.
Поливьяній.—
Посіяти — (въ переносномъ смыслѣ растерять.
Попа́сувати—кормить лошадей въ дорогѣ.
Просто́ро—просторно; пространно.
Прохолоди́ти—прослудить.
Пти́шня—птичникъ.
Пу́дити—бить, гнать.
Пу́ндикъ—сладкій пирожокъ.

Ра́тище—копье.
Розже́врілий—разгорѣвшійся, пышащій.

Роспло́дженій—разведенный, взрощенный.

Садови́ти — сажать; усаживать.
Сво́локъ — балка, поддерживающая потолокъ въ хатѣ.
Семий — седьмой.
Сівъ — посѣвъ.
Сіду́ха — сидѣлка.
Сіри́й — сѣрый.
Скри́нечка — (уменьш.) сундучокъ.
Снага́—способность, удача къ чему нибудь.
Стерия́—стебли соломы, остающіеся на корню послѣ жнивъ.
Степо́къ — небольшая степь.
Стілець — маленькая скамеечка.
Стина́тись — схватиться съ кѣмъ.
Су́дженій — суженый.

У-ро̀стичъ — куда попало; во всѣ стороны.

Филюва́тись — волноваться.

Хи́жий — хищный, жадный, своекорыстный.
Хо́льварокъ — родъ фермы.

Чига́ти — поджидать кого въ засадѣ.
Чмо́кнутись — поцѣловаться.
Чужая-чужина—чужіе люди.

Яструбъ — ястребъ.

ПОПРАВКИ.

1) Въ статьѣ: *Украинскія незабудки*, стр. 37, строка 30, вмѣсто *закипала*, слѣдуетъ читать—*закипѣла*.

На стр. 42, стр. 34, вмѣсто *и насъ въ уѣздѣ*, слѣдуетъ читать—*у насъ въ уѣздѣ*.

На стр. 46, стр. 13, вмѣсто *Трещотки*, слѣдуетъ читать—*Чечотки*.

2) Въ примѣчаніяхъ къ думѣ *Кумейки*, на стран. 53, стр. 18 снизу напечатано: *не чуждается*, должно быть—*не чуждалось*.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Даниловa; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

1861

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь XXXV—XXXVII, **Т. Г. Шевченка.**

II. Листи Шевченка до Я. Г. Кухаренка и М. С. Щепкина.

III. Химéри, **Ломуса.**

IV. Сáмъ-собі; Лю́ли-лю́ли; Стáрець; Дунáйська Ду́ма, **И. А. Кулiша.**

V. Вуси, **А. П. Стороженка.**

VI. Веснянки, I, II, Весéла удóва. **В. С. Кулика.**

VII. Хатнє лихо, **А. Нечуй-вітеръ.**

VIII. Журба, **П. С. Кузьменка.**

IX. Полтавщина, **Л. М. Жемчужникова.**

X. Правда Полякамъ о Руси. **Н. И. Костомарова.**

XI. Правда Москвичамъ о Руси, **Н. И. Костомарова.**

XII. Настуся (поэма), **П. А. Кулiша.**

XIII. Зъ народніхъ устъ: Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ, и Не впусти рака зъ рота, **А. П. Стороженка.** Вороний кінь, **Я. Г. Кухаренка.**

XIV. Людська памьять про старовину, **Ст. Д. Носа.**

XV. Надъ могилами, **Л. И. Ященка.**

XVI. Великдень у Подолянъ. **Ан. П. Свидницького.**

XVII. Отвѣтъ Кіевской Коммиссіи, **М. В. Юзефовича и Н. Д. Иванишева.**

XVIII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.

XIX. Вісті. Послѣ поѣздки на Югъ, **М. Н. Дарагана.** — Нѣсколько словъ о Пинчукахъ, **Ю. Мохранцi.** — Изъ Боришполя, **П. П. Чубинскаго.**—Изъ М.—Листъ зъ дороги, **Олександра Переходовця.**—Изъ Лубенъ, **Василя Шевича.**—Зъ Гадяча, **Ивана Кивайголовы** и друг.

XX. Извѣщенія.

XXI. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**

XXII. Библіографическія извѣстія.

XXIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Ноября 24 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

КОБЗАРЬ.

XXXV.

Прочитавши 11 псало́мъ.

Мій Бо́же ми́лий! я́къ то ма́ло
Святи́хъ люде́й на сві́ті ста́ло!..
Оди́нъ на дру́гого кую́ть
Кайда́ни въ се́рці.... а слова́ми,
Медоточи́вими уста́ми —
Ціл'у́ютця, и ча́су ждуть,
Чи шви́дко бра́та въ домови́ні
Зъ гостє́й на цви́нтарь повезу́ть?...
А ти, о Го́споди еди́ний,
Скуе́шъ лука́вії уста́,
Язи́къ ото́й велерічи́вий,
Мовля́вший: »ми — не суста́,
И возвели́чимо на ди́во —
И ро́зумъ нашъ, и нашъ язи́къ....
Та й де́ той Панъ, що намъ зака́же
И ду́мать та́къ и говори́ть?«
»Воскре́сну я!« той Панъ вамъ ска́же:
Воєкре́сну ни́ні, ра́ди їхъ,
Люде́й зако́ванихъ моіхъ —
Убо́гихъ ни́щихъ... Возвели́чу
Мали́хъ оти́хъ рабо́въ похи́лихъ!
Я на сторо́жі коло іхъ
Поста́влю *сло́во*.«
И пони́че,
Нена́че сто́птана трава́,
И ду́мка ва́ша и слова́. —

Нена́че срібло ку́те, би́те
И семикра́ти перели́те
Огне́мъ въ горни́лі, — словеса́
Твоі, о Го́споди, таки́і.
Роски́нь же іхъ, твоі свяги́і,
По всій землі!.. И чудеса́мъ
Твоімъ увіру́ють на сві́ті
Твоі малі убо́гі діти!

15 февраля 1859 р.

XXXVI.

Чи ви ще зійдетеся знóву,
Чи вже на-віки розійшлúсь,
И слóво прáвди и любóви
Въ степúй-вертéпи понесяй?
Нехáй и тáкъ!... не нáша мáти,
А довелóся поважáти.
То вóля Гóспода!.. Годíть,
Смирíтеся, молíтесь Бóгу
И згáдуйте одúнъ другóго,
Свою Украíну любíть.
Любíть її, бо врéмя лю́те...
Въ остáнню, тя́жкую минýту
За нéї Гóспода моліть!

1847 р.

XXXVII.

Надъ Днíпрóвою сагóю
Стоíть я́воръ міжъ лозóю,
Міжъ лозóю зъ ялúною,
Зъ червóною калúною.

Днíпрó бéрегъ рúе-рúе,
Яворові кóрінь мúе;
Стоíть старúй, похилúвся,
Мовъ козáкъ той зажурúвся, —

Що безъ дóлі, безъ родúни
Та безъ вíрної дружúни,
Безъ дружúні и надíї
Въ самотúні посивíє!

Явíръ кáже: похилю́ся,
Та въ Днíпрóві скупáюся;
Козáкъ кáже: погуля́ю,
Та лю́бої пошукáю.

А калúна зъ ялúною
Та гнучкóю лозúною,
Мовъ дівчáточка изъ гáю
Вихожáючи, співáють, —

Повбíрані, заквíчані
Та зъ таланóмъ зарýчені,
Дýмки-гáдоньки не мáють —
Вьютця-гнýтця та співáють...

24 іюня 1860 г.
СПБ.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

1) ДО Я. Г. КУХАРЕНКА (1).

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

4 апреля 1854.

Я оце сижу та сидячи думаю: Господи, Господи, якъ то швидко ті літá минають! молодиі то ще такъ и сякъ, а що вже ті старі (погані літа!), то такъ и литять, неначе той шуліка за куркою... такъ вони за нашою мерзеною грішною душою.

Я оце сидячи лічу літа та долічуюсь до того року, якъ ми съ тобою вперше побачились. Угадай, чи багато я налічивъ іхъ, тихъ нікчемеиныхъ, марныхъ літъ? трохи чи не буде чотирнадцять, коли не брешу. А якъ матимешъ часъ, то самъ здоровъ перелічи. Остатній листъ твій получивъ я року Божого 1846 *(7)*, въ Миргороді. И того жъ Божого року, написавши тобі листъ, и гарненько властними руками, у тімъ же богоспасаемомъ граді Миргороді, отдавши на почту, поіхавъ собі гарненько въ престольний градъ Москву. Отъ, не маючи гáдки, приіхавъ я у тую Москву, та й гуляю собі по улицяхъ, звичайне якъ чоловікъ иностранний; — розглядую собі то церкви то собори, тілько — глядь, — ажъ иде Чорноморець. Отъ, спинивши ёго, й питаю — чи давно съ Коша и чи далеко Господь несе? — »Съ Коша«, каже, »шоста, чи сёма, неділя, а гируемо ажъ у саму столицю Петербургъ.« — Отъ, я й питаю ёго про Шамрая — маляра, про

(1) Вся Украіна, разомъ зъ нами, подякуе високоповажному Я. Г. Кухаренкові и слáвному артúстові М. С. Щéпкину, що ласкаво згодúлись напечатать оці дорогі лúсти незабутнёго нашого *Кобзаря*, (іхъ ми списали, съ подлинниківъ, слово-въ-слово). — Просимо всіхъ, хто маe у себе листи Тараса Григоровича пойти въ слідъ за Я. Г. Кухаренкомъ и М. С. Щепкинимъ; бо лúсти Шевченка теперъ вже сталися власністю всеі рідноі землі, — всеі Славьянщини. *Ред.*

Порохню, та й кажу ёму: — А що́ то тамъ поробля́е нашъ Кошови́й, Кухаре́нко? — »Який«, каже, »Кухаренко?« — Та Яцько, — кажу! — »Эге«, каже: »ёго на Зеленихъ Святкахъ поховали«. — Отъ тобі й на! — подумавъ я собі: — чи давно чоловікъ мені ра́дивъ, шобъ я бивъ лихомъ объ землю, якъ той швець мокрою халявою объ лаву... а ёго вже й поховали! Попрощавшися зъ Чорноморцемъ, зайшовъ у якусь стару-престару церковъ, одправивъ по твоій душі панахиду, та й пішовъ собі знову блукать, по закарлючистихъ улицяхъ московськихъ, ажъ до самого вечора. У вечері зайшовъ у тіатръ, та згадавъ твій *Чорноморський По́битъ* (¹). Вийшовъ изъ тіатру, та цілісіньку нічъ не знавъ уже що́ съ собою й робить. Такъ мені тебе жаль стало!

Съ тиждень, чи й більшъ, блукавъ я після того по тій Москві, — тілько вже не лічивъ воронъ на Йвану великому, а все дивився по улицяхъ, чи не зостріну де́ хочъ поганенького Чорноморця, щобъ досконалне роспитать про тебе, друже мій единий! Бо мені все якось здавалось, що ти живий и здоровий (воно та́къ-таки и було собі, благодарить Господа милосердого), а Чорноморець той мерзений, уповательно думаю собі, що ніхто инший, якъ самъ сатана (бодай вінъ здохъ!). Скинувши свою повшедну одежу (німецький куций жупанокъ), та надівъ чорноморську доста́тню одежу, щобъ почванитьця передъ московками підъ *Новинськимъ*, або на *Трубі*, або на *Козихі*. Та правда, въ Москві всюди есть де́ поциголять, а особливе такому козакові якъ сатана.

Отъ я, управши въ Москві що́ мені тамъ треба було, вернувся знову въ Київъ и тілько-що ступивъ на Дніпровський бай-

(¹) Такъ високоповажний *Яковъ Гарасимовичъ Кухаренко* назвавъ свою оперетту, зложену ще 1836 року, въ двохъ частяхъ. Зъ ёго ласки, *Чорноморський Побитъ* уже въ нашихъ рукахъ, и ми незабаромъ ёго напечатаемо: Тутъ показуетця:

Якъ бува́ло на Куба́ні,
Черво́ній відъ кро́ві;
Якъ тамъ дія́лось въ коза́стві
На Вкраі́ні по́вій;
Якъ тамъ сва́тались, жени́лись
На́ші Чорномо́рці,
Обсе́ля́лись, воюва́ли
Й добува́лись въ Горцівъ

(*Зъ передмови до Ч. Побиту, Я. Г. Кухаренка*). *Ред.*

дакъ... такъ за мною таке трапилося, що противъ ночи не треба бъ було и розказувать, а то ще, прокляте, приснитця. Мене, по правді сказать, риштовали, та посадивши, зъ кімъ слідъ, на возокъ, привезли ажъ у самий Петербургъ. — — Черезъ півроку *(2 місяці)* вивели мене на світъ Божий, та знову посадили мене на чортопхайку та одвезли ажъ у Оренбургъ, а въ Оренбурсі и до пріёму не водивши, наділи на мене салдацьку (муни́цю), и такъ съ того часу, друже мій единий, я ставъ салдатомъ. Не зробивъ я и не думавъ я, отамане батьку мій, кому-небудь лихого, а терплю горе и Богъ ёго зна́ — за́ що? Така, мабуть, уже усімъ кобзарямъ погана доля, якъ и мені, недоте́пному, випала. Сёмий рікъ оце пішовъ зъ апреля *(зъ іюня)*, якъ я нужу світомъ въ Киргизькімъ, безводнімъ и безлюднімъ, степу́.

Вернувшися торікъ изъ Аральского моря въ Оренбургъ, та сидячи ввечері у одного земляка свого (мене, спасибі, земляки таки не цураютця), та сидячи перебіраю старий *Руський Инвалидъ*. Коли — зіркъ, — ажъ надрюковано, що такий-то Яцько Кухаренко назначаетця въ таке и таке військо Кошовимъ. Ну, такъ и есть, шо то мені въ Москві зострівся ніхто другий, якъ самъ иродівъ синъ, сатана! Та й справді, яка-таки недобра сила понесе Чорноморця въ Москву? Чого вінъ тамъ не бачивъ? Адже Чорноморці съ Коша прямують на столицю черезъ Курське, черезъ Орелъ, та на Смоленське, а не на Москву. Ажъ теперъ тільки догадався, що я хочъ и въ школі вчився, а самъ бачу що дурень. Та ще хто и одурівъ? Сатана, ледачий синъ, бодай ёму и въ пеклі добра не було!

Друга половина первого листу, особо послана.

10 апреля.

Христосъ воскресе! Друже мій единий!

Поки Христа дочитуютця, то я тимъ часомъ допишу оцей нікчемний листъ; та воно, по-правді сказавши, давно бъ его треба завершить, такъ шожъ ти маешъ робить? — ніколи, — та́къ ніколи, шо за лежею нема коли и посидіть. Ти, я думаю, бачивъ коли-небудь Кавказькиі укріпленія, то, певне, бачивъ що́ тамъ и поробляе людъ хрещений? Отакъ достеменно и у насъ, въ Новопетровськімъ укріпленіі, а найпаче — зімою: лежемо собі цілісіньку зіму, та ждемо весни та пароходу изъ Астрахані. Цю

весну щось довгенько его нема, — чи не було тамъ у васъ зими лютої часомъ? у насъ, благодарить Бога, снігу и невидно було.

Вернімося трохи назадъ. Такъ отакъ-то, друже мій единий! прочитавши въ тімъ *Инвалиді*, що ти, благодарить Господа милосердого, живий и здоровий, я, трохи не рікъ, усе застругувавъ перо, шобъ написать до тебе листъ, а тимъ часомъ мене изъ Оренбурга вислали въ Новопетровське укріпленіе, а тутъ... думавъ я, думавъ, та й така зъ нудьги проклята думка напала: »Щó я ему напишу? Може вінъ теперъ на своему Коші забувъ, якъ мене й зовуть... Та ні«, думаю: »не такий козакъ! хочъ вінъ теперъ, думаю, и кошовимъ, а все-таки повиненъ остатьця добримъ козакомъ.

16 апреля.

Завтра, слава Богу, одъ насъ пароходъ повезе почту, а коли-то вінъ привезе одъ тебе, друже мій единий, листъ, то вже цёго й самъ найстарший не скаже.

Згадуй мене инколи, друже мій! а якъ часъ матимишъ, то й напиши мені, якъ ти тамъ у тому *Азові* самъ пробуваешъ? Стара твоя — чи бгае ще, хочъ якъ-небудь, *метéлицю?* сини-соколи твої — дé вони теперъ повертаютця? Поцілуй іхъ, друже мій, за мене. Скажи імъ, що се, мовъ, васъ цілуе той старий дядько, що зъ вами цілувався колись у Царському Селі. Добре було бъ, якъ би згадали! Та ні, не згадають! Малі були, забули, — то імъ нагадай, коли самъ здоровъ згадаешъ, якъ ми зъ Бориспольцемъ зъ вами попрощалися, не доізжаючи Александровського корпусу.

А я й досі співаю, та може и довго ще співатиму, згáдуючи дочку твою невеличку:

Тече річка невеличка зъ вишневого саду;
Кличе козакъ дівчиноньку собі на порáду...

Поцілуй ії за мене, друже мій.

Чи ти надрукувавъ свій *Чорноморський Пóбитъ?* Якъ шо надрукувавъ, то ласкавий будь — пришли и мені хочъ одинъ экземпляръ.

У Харьківъ, до Метлинського, може инколи пишешъ, — то кланяйся ёму, и скажи, що я ще, на лихо мені, живий и здоровий, — блукаю, мовъ, по степахъ Киргизькихъ, та иноді и ёго згадую за ёго *Думки та ще дé-що*.

Живи, здоровий друже мій єдиний! Писавъ би тобі багато ще дé-чого про свою погану неволю, та, бачишъ, ніколи. У другому листі все до крихти напишу.

Будь здоровий! Нехай тобі Господь на все добре помагае!

Незабувай сироту *Т. Шевченка.*

Якъ шо дійде цей листъ до твоіхъ рукъ, и ти, прочитавши ёго, самъ собі скажишъ: — дé жъ-то вінъ, той Тарасъ? написать би ёму... Якъ шо тобі така думка прийде, то пиши такъ: *его вблагородію, И. А. У—ву, черезъ городъ Астрахань, а зимою — черезъ Гурьевъ-городокъ.*

Ще ось-що. Якъ що ти надрюкувавъ свій *Чорноморський Побитъ*, то пришли мені одинъ экземпляръ ради святоіѣ(*двохъ слівъ не можна прочитать*):» За це въ другому листі опишу свій поганий — — побитъ. Бувай здоровъ, мені й Богу милий, мій єдиний друже! Нехай съ тобою все добре дієтця! Не забувай безталаннаго *Т. Шевченка.*

ДРУГІЙ ЛИСТЪ.

22 апрѣля 1857. Новопетровское укрѣпленіе.

Христосъ воскресе! Батьку Отамане Кошовий!

Якъ-разъ на Великдень привезла мені астраханьска почта твое дружнее ласкавее письмо и 25-рублевую писанку. Зробивъ ти мені свято, друже мій єдиний! Таке свято, таке велике свято! що я и на тімъ світі не забуду. Не видержавъ, голубе мій сизий: (та який би ёгó вражий синъ и видержавъ?): упився, та такъ щиро упився твоімъ могорічемъ, що ажъ голомозину собі роскроівъ. Отъ-що зробивъ ти мені своею — не такъ писанкою, якъ братнімъ щиримъ словомъ!

Тілько-що схаменувся я одъ твого слова, и взявъ уже перо въ руку щобъ написать тобі — *спасибі*, ажъ приходить изъ Гурьева почта и привозить мені листи изъ самого Питера. Одинъ пише молодий козакъ, Маркевичъ *(Андр. Мик.)* съ товариствомъ, и шле мені на починокъ трохи грошинятъ. Пише, що молоде товариство въ столиці складчину для мене зробило.... Треба було бъ и въ другий разъ упитьця, але я якось видержавъ. Тілько (безъ сорома казка) тихенько заплакавъ.... Другій листъ, изъ столиці жъ пише мені Курінний, Лазаревскій *(М. М.)* и уневняе мене,

що не забаромъ мене випустять изъ цієі широкоі хурдиги. Вінъ пише, що добрий царь нашъ уже давъ приказъ розбивать моі кайдани. И плачу, и молюся, и все таки не вірю. Десять літъ неволі, друже мій единий, знівечили, убили мою и віру и надію. А вони були колись чисті, непорочні, якъ те дитяточко, взятее одъ купелі, — чисті и кріпкі, якъ той самоцвітъ-камень ошлифованний! Але чого не зробить *риторта химська*? Я трохи-трохи не здурівъ на сімъ тижні. Та й тиждень же удався! Не дармо я ёго виглядавъ десять літъ. *Десять* літъ! Друже мій единий! вимовить страшно... а витерпіть? И за́ що витерпіть? цуръ ему!... а то я справді одурію. Теперъ думаю ось-якъ зробить: якъ дасть Богъ, дождуся съ корпусного штабу одпуску, то думаю навпростець черезъ Астрахань ушкварить на Чорноморію. Я ще іі зроду не бачивъ: треба хочъ на старість подивитьця, що́ то таке та славна Чорноморія; а поки те буде, посилаю теперъ тобі, друже мій единий, свое поличче. Нема въ мене, брате, нічого більшъ теперъ Якъ дасть Господь милосердний приіду самъ на Січъ, то, може, ще́ який небудь привезу тобі гостинець. Одного боюся, щобъ не потребовали мене часомъ въ Оренбургъ. А може, дасть Богъ, що й не потребують? На-чортового-батька я імъ теперъ здався!

Чи старший Щепкинъ ще живий? Отъ щира козацька душа, и молода, якъ у дитини. Чи не пишешъ ти ёму часомъ? якъ пишешъ, то цілуй ёго за мене. Яку вінъ тамъ тобі *Пу́стку* (¹) читавъ? Я — поганий зъ мене батько — забувъ свою рідну дитину.

Приславъ мені, изъ Питера, Курінний, Панько Кулішъ, книгу своєі роботи, названу *Записки о Южной Руси*, писану нашимъ язикомъ. Не знаю, чи дійшла до Чорноморіи ся дуже-розумна и щира книга? Якъ-що не дійшла, то випиши: не будешъ каятьця. Такоі доброі книги на нашому язику ще не було дрюковано. Тутъ живо вилитий и кобзарь, и гетьманъ и запорожець, и гайдамака, и вся старожитна наша Украіна, якъ на долоні показана. Кулішъ тутъ свого нічого не додававъ, а тілько записавъ те, що́ чувъ одъ сліпихъ кобзарівъ, а тимъ самимъ и книга его вийшла добра, щира и розумна. Пославъ би я тобі, друже мій единий, свій экземпляръ, але я ще самъ добре не начитався. Мене, спасибі, люди добрі книгами не забувають. Нема-нема — та й

(¹) Напечатана у 1-ій книжці *Основи. Ред.*

пришле хто-небудь. А журнала уже десятий рікъ и въ очі не бачивъ, и не знаю, що́ тамъ и дiетця, въ тій новій, чи современній, літературі. Самъ не написавъ нічого, (да й якъ ёго було писать?) а теперъ уже и Богъ ёго святий знае, чи й напишу що́-небудь путнє. Я ще не дуже зостарівся, — та знівічився, мій друже единий. А може, дасть Господь милосердний, ще одпочину, та на старість попробую писать прозу. Объ віршахъ уже нічого й думать.

Прощай, мій единий друже! Може дасть Богъ, що се літо побачимось; а поки-те буде — цілую тебе якъ брата рідного. А ти поцілуй за мене свою стару и перецілуй своіхъ діточокъ, и не забувай искренняго твого друга, кобзаря *Т. Шевченка.*

Умісне пишу тобі на одному листочку, шобъ було де получче положить и шобъ конвертъ не дуже важивъ.

ТРЕТІЙ ЛИСТЪ.

3 іюня 1857.

Батьку Отамане Кошовий,
и друже мій единий!

Постри́гъ ти мене въ брихуни своімъ братерськимъ листомъ и своею щирою писанкою! Я писавъ тобі, друже мій единий, що вже не втну нічого віршами. Отъ же й збрихавъ, — збрихавъ и не схаминувся. Правда, и самъ думавъ, що я вже зледащівъ, захолонувъ въ неволі; ажъ бачу — ні! Нікому тілько було огню положить підъ мое, горемъ недобите, старе серце, а ти, друже мий, догадався — взявъ та й підкинувъ того святого огню. Спасибі тобі, друже мій единий! Довго я читавъ твій листъ, разівъ зъ десять, чи не більше. Дочитався до того, що въ мене не тілько очі — серце заплакало, мовъ та голодна дитина. А серце, сказано, не дитина; ёго галушкою не нагодуешъ. — Що́ тутъ на світі робить? — думаю собі, — та вставши раненько, помолився Богу, закачавъ рукава та й заходився коло оцієі *Москалевої Криниці* (1). Богъ помігъ, — то сякъ, то такъ — кончивъ. Мені и полегшало трохи. Не знаю тілько, чи подобаетця вона тобі, мій друже единий? Якъ-що подобаетця, то дай доброму писареві переписать и *Криницю* и *Ченьця* (2), и *Вечіръ* (3), та пошли старому Щеп-

(1) Напечатана въ 3-ій книжці *Основи.*
(2) Напечатаний въ 1-ій книжці *Основи.* *Ред.*
(3) Напечатаний въ *Руській Беседі* 1859 року.

кину: нехай на старість читає та не забуває безталанного кобзаря, *Тараса Дармограя*. Я умісне приписавъ *Ченьця* и *Вечіръ*, шобъ ти порівнявъ ёго зъ *Криницею*, бо *Криниця*, бачъ, сёго́літня, а *Чернець* и *Вечіръ* — Богъ-зна колишні. Чи помолодшавъ я черезъ десять літъ въ неволі, чи постарішавъ, серцемъ, — скажи мені, мій брате́ рідний?

Ще ось-що: чи продаютця у васъ на Коші *биноклі*, або хочъ добрі окуляри? Якъ-що ні, то нічого и читать мое писаніе, бо я такъ надрюкувавъ, що й самъ ледве читаю. Правда, у тебе есть сини́ зъ молодими очами, — то нехай вонп по-троху розбирають, а ти тілько слухай та критику клади, — більшъ нічо́го.

Не знаю, чи получивъ ти мое поличче, завернуте въ невеличку цидулку? Я тамъ писавъ, що не забаромъ вирвуся изъ цієі неволі и приіду до тебе въ гості. Але ще й досі нема нічого офиціального. И хто ёго знае, коли воно буде те — офиціальне? Може ще й зімувать останусь за сімъ скаженнимъ моремъ. Але ти все-таки напиши мені, чи будешъ ти се літо на Коші, чи, може, знову підешъ *вражого черкеса — — — по кручахъ ганяти?* Бо якъ дасть мені Богъ вирватьця літомъ, то до кого я приіду, якъ тебе не буде на Коші? А щобъ швидче твое письмо прийшло въ моі руки, то пиши отакъ на конверті: *въ г. Астрахань, г. смотрителю госпиталя, Хр—ру М—чу Е—ву съ передачею Н—ю Ефр — чу Б — ву. Въ Новопетровское укрѣпленіе.*

Думавъ я тобі послать свій экземпляръ *Записокъ о Южной Руси,* але и самъ ще добре не начитався тихъ *Записокъ*. Дуже добра книга. *Могила,* кажуть, видае зборникъ нашихъ пісень. Нехай ёму Богъ помогае.

Пиши мені швиденько, — не покидай мене, друже мій, брате мій единий. Цілую всімъ серцемъ твою стару и твоіхъ діточокъ.

Пор — ні, Лит — му и Щ—аю и всёму товариству, на Коші и за Кошемъ, доброго здоровья!

ЧЕТВЕРТИЙ ЛИСТЪ.

15 августа 1857.

Батьку Отамане Кошовий и
друже мій единий!

Я свободенъ, я уже въ Астрахані! Вчора бачився съ тимъ Е—вимъ, на имя которого просивъ я тебе переслать мені письмо объ *Москалевій Криниці*. Письма твого нема, и я теперъ не

знаю, що́ й думать, — бо вона вже давно тобі послана, ще 5 іюня. Може тебе дома нема, або-що? Думавъ я, ідучи въ столицю, завернуть до васъ на Січъ, поцілувать тебе, твою стару й твоіхъ діточокъ. Але не такъ воно робитця, якъ намъ хочетця. Мені велено одправитьця прямо въ столицю, лихий ёго знае — для чого? И я теперъ изъ Астрахані попростую на параході ажъ до Нижнёго-Новгорода, а тамъ, черезъ Москву, въ столицю. Але чи швидко я туди прибуду — святий знае. Я, въ Москві, побачуся зъ старимъ Щепкинимъ, и дуже добре зробивъ би ти, друже мій единий, якъ би черезъ ёго, хочъ одну стрічечку; напиши тілько, чи живъ ти, чи здоровъ, и чи получивъ мою *Москалеву Криницю?* Мене вона торбуе. А въ столицю пиши до мене такъ: *Въ С.Петербургъ, его в— благородію, М. М. Лазаревскому. Въ Большой Морской, въ домъ графа Уварова.*

Не пишу тобі більше, бо нема чого й писать, та й параходъ, спасибі ёму, не дае. Завтра попливу вверхъ *по матушкѣ по Волгѣ*, а поки що́, цілую тебе, твою стару и твоіхъ діточокъ. Не забувай мене, друже мій единий. *Т. Шевченко.*

Чи получивъ ти мое поличче?

ПЬЯТИЙ ЛИСТЪ.

(Безъ числа).

Батько Отаманє Кошовий!

Письмо твое, одъ 7 августа того (1857) року, изъ Екатеринодара, получивъ я 10 февраля сёго (1858) року, ажъ у Нижнёму-Новгороді. Пошукало-таки воно мене немало часу, та спасибі, що хочъ коли-небудь, а все-таки найшло; а то вже я незнавъ, що́ и думать про тебе. Думавъ уже, нехай Богъ милуе, чи не занапастивъ ти де-небудь своеі доброі голови на тому продовому Кавказі. А теперъ, слава Богу, бачу, що ти живий и здоровий и зъ жінкою и зъ діточками своіми. Нехай іхъ Богъ ховае на многі літа! У мене була думка пробратьця до тебе на хутіръ,— та ба! такъ думкою и осталась. Одъ 16 мая до 2 августа не давали знать изъ корпуса въ укрепленіе о тій свободі.... — Мало — — — було десяти літъ.. . Кровъ холоне якъ згадаю...

3 августа, вирвався я изъ того — — укрепленія, и черезъ море, Волгою, прямувавъ на столицю. Я боявся застрять у тебе до осени. Въ Нижнёму, мене спинили: — — Отаке-то лихо! Помилували, та тілько до половини. Сівъ у цёму поганому Нижнёму, та

й досі сижу. Приїздивъ до мене на святки колядувать старий Щепкинъ, — спасибі ёму. Думаю оце поіхать до ёго підъ Москву, въ село Никольське, та може тамъ и до літа останусь; а літомъ якъщо не пустять у Питеръ, то чкурну въ Харьківъ, а зъ Харькова, якъ Богъ иоможе, то и на Чорноморію. Я до неі коли-небудь а таки доберусь. до тіеі Чорноморіі.

Нема въ мене нічого такого доброго послать тобі прочитать съ товариствомъ. Хиба оцю *Долю*, *Музу* та *Славу* (1). Я оце недавно скомпоновавъ іхъ. Не знаю, якъ вони тобі подобаютця.

Скомпонувавъ ще я тутъ, зъ нудьги, одну штуку, поэму — *Неофіти*, нібі-то изъ Римськоі исторіі. Але вона ще не вироблена — тимъ и не посилаю. Якъ викончу, то пришлю. А покищо, оставайся здоровий, мій батьку-отамане, мій друже единий. Не покидай мене, сердешного сироту. *Т. Шевченко.*

Цілую твою стару пані и твоіхъ молодихъ діточокъ. Якъ будешъ писать, то пиши на имя М. С. Щепкина. Я маю до ёго іхать.

2) ДО М. С. ЩЕПКИНА.

I.

Нижній Новгородъ. Ноября 12, 1857 г.

Друже мій давній, друже мій единий! изъ далекоі Киргизькоі пустині, изъ тяжкоі неволі вітавъ я тебе, мій голубе сизий, щирими сердечними поклонами. Не знаю тілько, чи доходили вони до тебе, до твого щирого великого серьця? Та що зъ того, хочъ и доходили? Якъби то намъ побачитьця, якъби то намъ хоть часиночку подивитьця одинъ на одного, хоть годиночку поговорить съ тобою, друже мій единий! Я ожившъ би, я напоівъ би свое серце твоіми тихими речами, иначе живущою водою!

Теперъ я въ Нижнімъ Новігороді, на волі, — на такій волі, якъ собака на привьязі. — — Такъ щобъ подивитьця мені на тебе, великий мій друже, я сидячи отутъ, отъ-що выдумавъ: чи не найдетця коло Москви якого-небудь села, дачи, або хутора зъ добримъ чоловікомъ? Якъ що есть у тебе такий чоловьяга зъ теплою хатою, то напиши мені, батьку, брате мій рідний! а я и приіду хочъ на одинъ день, хочъ на одну годиночку. Зробімо такъ,

(1) *Доля и Муза* напечатані въ *Хаті*, П. А. Кулішá, а *Слава* и *Неофіти* нідé не були напечатані. *Ред.*

мій славний друже! а якого бъ я тобі гостинця привізъ икъ празднику! уже такъ-що гостинець! Порадься съ своімъ розумнимъ серцемъ, мій друже единий! Та якъ-що можна буде побачитьця намъ и поколядувать на сіхъ святкахъ укупі, то поколядуемъ. А до того року, Богъ знае — чи дождимося. Вибачъ мені, мое серце, за мою щирость,. и якъ и щó придумаешъ, то напиши мені, а тимъ часомъ оставайся здоровий и веселий, и не забувай искреннёго твого друга и поклонника *Т. Шевченка.*

Адресъ: Въ Нижній Новгородъ. Его Вблагородію, Павлу Абрамовичу *Овсянникову.*

Чи ни писавъ тобі чого-небудь про мене старий Кошовий изъ Чорноморіі — Яковъ Герасимовичъ Кухаренко? Я ёму ще зъ Новопетровського укрѣпленія славъ де-що, и просивъ ёго, щобъ вінъ зъ тобою поділився, та й досі не маю одъ ёго ніякоі чутки.

II.

5 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богумилий мій друже, за твоі сердечнні ласкавиі письма. Спасибі тобі за приглашеніе въ *село Никольское*, а тричі разомъ спасибі тобі за те, що ти хочешъ самъ приіхать въ Нижній. О, якъби ти добре зробивъ, якъби приіхавъ! тутъ би тебе, преславного, на рукахъ понесли твоі безчисленнні поклонники. Щасливий ти, дуже щасливий, мій славний, мій великий друже! Всі тебе бачили, всі до единого руського чоловіка, всі тебе знають и съ любовью повторяють »твое обаятельное прославленное имя.«

Сёгодні бувъ у мене Вл. Ив. Даль; я показавъ ёму письмо твое. Зрадівъ старий, якъ прочитавъ, що ти хочешъ пріихать въ Нижній. Низенько кланяетця тобі Вл. Ив. и сердечно прóсить не перемінять доброго наміренія. На тімъ тижні почнутця тутъ дворянскі вибори, уже почали збіратьця повітові пани, то може бъ ти здумавъ показать себе імъ на тутешній сцені. Ото бъ порадувавъ ти іхъ хуторянські душі, а мою щиру, любящую тебе, душу перенісъ би на саме небо. На сей конецъ я бачився съ директоромъ Нижегородського театра, съ г. Варенцовимъ, питавъ ёго нащотъ условій, и вінъ сказавъ мені, що »согласится на условіе, какое ты ему предложишь.« Чудний би бувъ, якби и не согласився.

Добрий мій друже! питаешъ ти, чи багато у мене грошей? Дуже, дуже небагато, мій друже единий: нема дé взять. Заходився рисовать карандашемъ портрети, — такъ щóжъ? нарисовавъ три портрети, та й сижу склавши руки. Безъ столиці художникъ — риба безъ води. Погано, дуже мені поґано у цімъ Нижнімъ. Графъ Ѳедоръ Петровичъ обіцае мені »вихлопотать позволеніе жить въ столицѣ.« О, якъби то ёму Богъ помігъ! »ожилабъ тогда моя душа одинокая при видѣ великихъ произведеній божественныхъ искуствъ!« А тимъ часомъ, а тимъ часомъ... якъ ти приідешъ сюди та я подивлюся на тебе, подивлюся ниначе на всесвітнюю галерею, ниначе на всесвітній театръ, и забуду хоть на годину свое невсипуще горе.

Грошей у мене бъ стало, шобъ доіхать до Никольского и назадъ вернутьця, та не въ тімъ річъ. Не я одинъ прошу тебе приіхать сюди, а всі добрі и розумні люди просять тебе, — а іхъ тутъ таки чи-мало. Старий Улыбышевъ, той самий, що написавъ *біографію Бетговена*, не пропускае ні одного спектакля: такъ щиро любить театръ; а якъ тебе побачить, — то вінъ, старий, якъ мала дитина заридае, — та чи вінъ одинъ?

Рішися, друже мій великий, на мою просьбу, и рішившись, напиши мені гарненько — коли бъ тебе ждать до себе. Я сёго дні жъ пишу и Кулішеві: може и вінъ заіде за тобою, та разомъ и приідете, моі гості дорогіі. А якъ побачишъ мого давнёго друга, В. Н. Р—ну, то привітай іі одъ мене, мій друже единий, та въ письмі своімъ напиши іі адресъ. Прощай, мое серце! нехай тебе Богъ милуе и стереже на славу великого святого искуства. Не отринь же просьби любящого тебе друга

Т. Шевченка.

Куліша не треба ждать: може вінъ и не поіде, а мені бъ зъ нимъ дуже-дуже треба було бъ побачитьця. Напиши, будь ласкавъ, и ти ёму: може, вінъ тебе, батька нашого, лучче послухае. Посоромитця не послухать.

Ще, якъ приідешъ, то заразъ пришли почталіона на квартиру Овсянникова, щобъ тобі не торбуватьця на щотъ поміщенія.

Чи невзявъ би ти зъ собою рукопись *Москаля-Чарівника?* Тутъ есть прехороша дівчина и таланлива артистка, Піунова. То може бъ ви чи не вшкварили бъ сёго Чарівника навдивовижу Нижегородськимъ людямъ?

Поцілуй старого Максимовича за мене, та чому вінъ не шле мені свое *слово о полку Игоревѣ?*

Ще одно PS. Понісъ бувъ уже я оце письмо на почту, та зострівся мені старий Улыбышевъ и просивъ написать одъ себе глубочайший поклонъ и просить тебе, шобъ ти приіхавъ просто до ёго на квартиру.

Москаль-Чарівникъ есть тутъ печатний. И Ц—ва сёгодні вчиться по-нашому говорить заходилась. Зраділо дівча — ажъ заплакало.

Ш.

Февраля 3, 1858 г.

Спасибі тобі, мій друже единий за письмо твое и 200 р. грішми. Все це добро получивъ я одъ нашого доброго друга Н. Бр—на, который тебе щиро цілуе и посилае тобі зъ Олейниковымъ кожушокъ. Зноси на добре здоровье.

Не знаю, коли ми съ тобою побачимось. Бо не знаю, чи швидко Овсянниковъ вернетця до дому: я теперъ у ёго хазяіную, то мені конечно треба ёго дожидатьця. А якъ-що вінъ тамъ довго забаритця, то я не втерплю: передамъ ёго господу Бр—ну, а самъ чкурну въ Никольське, а за день передъ-тимъ гарненько напишу тобі.

Обнимае и цілуе тебе тричі твоя и моя любая Тетяся. Воно, порадившись зъ своімъ батькомъ, посилае тобі свій репертуаръ и условія такого содержанія: 1500 р. въ годъ безъ бенефиса, а зъ бенефисомъ 1200 р. и на переіздъ до Харкова 200 р. А поіде воно въ Харьковъ зъ батькомъ, або зъ матірью. А тимъ часомъ — воно согласитця на твое условіе, яке ти скажешъ.

Во имя святого Бога и святого искуства, поможи ій, друже мій великій, вирватьця изъ сёго гнилого Нижнёго. Мені тутъ ажъ жаль дивитьця на неі. По поводу ії бенефіса, написавъ я невеличку статейку въ газету, котору посилаю тобі: прочитай, та прикинь свое до неі яке мудре слово, та оддай перепечатать въ *Московськихъ Вѣдомостяхъ*. Для нашоі любоі Тетясі се булобъ незгірше.

27 генваря поховали славного старого Улыбышева, и не найдетця нікого въ Нижнёму некрологъ ёму написать! Ще разъ гнилий Нижній Новгородъ.

Поцілуй за мене благородного Сергѣя Тимофеевича Аксакова,

и молодика Максимовича. Р—ну якъ побачишъ, то й ії привітай. А тебе цілуе М. А. Д—ва зъ своею *чужою* дитиною. Цілуе Голыская, и тричі цілуе Піунова, а я и лікъ теряю.

До свиданія, мое серце, мій друже единий.

Щирий твій *Т. Шевченко.*

Чи робить тамъ що Катковъ зъ моею повістю? Я вже другу часть кінчаю.

Чи прислявъ Кулішъ тобі мої *Неофити*?

Чомъ ти мені не написавъ адреса Сергѣя Тимофеевича?

IV.

Ноября 13 1858 г.

Друже мій единий!

Якъ той щирий вілъ запрягся я въ роботу, — сплю на этюдахъ: зъ натурвого класса и не вихожу, — такъ ніколе! такъ ніколе! що якби не оце безгрішшя прокляте, то ніколи бъ було написать и тобі, мій друже единий, оціеі невеличкоі цидули. Будь ласкавъ, вирви ти у того К—ева якъ-небудь оті 100 карбованцівъ та пришли мені. Гугеноти ні-на-що послухать, — таке лихо! Запродавъ я бувъ свои сочиненія книгопродавцу Кожанчикову за 2000 карбованцівъ, (та вже така моя вдача), що я замісь грошей тілько облизався. Такій-то облизень и заставивъ мене поторбувать тебе оціею цидулою.

Посилаю тобі черезъ художника Раева одинъ экземпляръ моеі послідньої гравюри: не здивуй — яка вдалась. Чи не будешъ ти часомъ у графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, або умисне побувай у ёго, та подякуй ёму за мене: гравюра ся напечатана на ёго гроші, спасибі ёму! Поклонись В. Н. Р—ной, и привітай М. В. Максимовича. Сергѣя Тимофеевича тожъ. Стару свою, дітей и внучатъ тожъ. Бабста и Кетчера тожъ, и всіхъ кого побачишъ мною знаемихъ, тожъ.

Оставайся здоровъ, мій друже единий! Згадуй инколи тугого мовчана и искреннёго твого *Т. Шевченка.*

Адресуй: Въ С-Петербургъ, въ Большой Морской, домъ графа Уварова. Его в — благородію Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому.

Кланяютця тебѣ графъ и графиня Т — ые.

Дневникъ Т. Гр. Шевченка дальшъ печататиметця увъ XI-ій книжці.

ХИМЕРИ.

МИЦКЕВИЧОВА БАЛЛАДА: ROMANTYCZNOŚĆ.

Присвя́чена Олекса́ндрі Миха́йловні К.

Слу́хай, дівчи́но! — Не слу́ха. —
Въ твоїй хати́ні ні ду́ха!
Що́ коло се́бе хвата́ешъ?
Кого́ цілу́ешъ, вита́ешъ?
Уже́ жъ світь бі́лий... — Не слу́ха.

То́, якъ уко́пана, ста́не,
Су́мно, пону́ро спогля́не,
То́ зновъ слёза́ми заллетця,
То до кого́сь засмі́ється, —
Ли́чко весе́ле, румя́не.

»Гри́цю! кохáння еди́не!
Се жъ ти устáвъ зъ домови́ни?
Ніччю!... Ступáй же тихе́нько...
Въ ме́не не-рідная ненька...
Бу́де лихáя годи́на...

»Хай собі чу́е и зна́е!
Тебе́ на світі нема́е!
Вчо́ра тебе́ поховáли...
Що́ жъ мені су́мно такъ ста́ло?
Ні, я тебе́ не бою́ся...
Дай обійму, пригорну́ся...

Се жъ твоє ли́чко... и о́чі... и бро́ві...
Се́рденько, ви́мовъ хочъ сло́во!
Я — твоя́ вірна Катру́ся.

»Чомъ же ти до ме́не, Гри́цю, не озве́сся?
Яки́й ти холо́дний!... Дай нагрію ру́ки...
Отту́тъ іхъ нагрію коло мого́ се́рця....
Воно́ не прости́гло відъ тяжко́і му́ки.

»О, хо́лодно жъ, ма́буть, тамъ у те́мній я́мі!
Не вле́жавъ ти, Гри́цю, въ німі́й домови́ні...
Пійду́ я съ тобо́ю, — ля́жемо у па́рі!
Безъ те́бе для ме́не увесь світъ — пусти́ня.

»Тя́жко міні, Гри́цю, въ світі
Жи́ти зъ ворога́ми:
Вони́ міні дорека́ють
Моіми слёза́ми.

»Що́ поба́чу — не йму́ть віри;
Що́ скажу́ — смію́тця.
Занімі́ла бъ я на-віки, —
Самі ре́чі лля́тця

»Се́рденько коха́не!
Прийди́ въ день до ме́не:
Мо́же, переста́нуть
Смія́тися зъ ме́не.

»Мо́же, міні сни́тця...
Ні, до мого́ се́рця
Тебе́ пригорта́ю...
Бачъ, якъ воно́ бъе́тця!

Чого́ жъ ти зника́ешъ?
Чого́ ти боісся?
Ище́ ра́но, се́рце,
Ище́ ра́но, Гри́цю!

»Бо́же! ку́ри вже співа́ють
И зоря́ въ вікóнці!...
Де жъ ти ділось-закоти́лось,
Ясне́ моє́ со́нце?

»Де ти зни́кнувъ? Покажи́ся,
Верни́сь на фили́ну,
И мене́ візьми́ зъ собо́ю
Въ те́мну домови́ну.«

Ота́къ бідола́шне дівча́ побива́лось,
Бігло за коха́нкомъ, слізми облива́лось.
Не плачъ ії ре́вний,
На крикъ побіде́нний,
Бага́то наро́ду въ ха́ту назбіга́лось.

»Чита́йте моли́тву!« просто́та гука́е:
»Се жъ душа́ Грицько́ва міжъ на́ми літа́е!
Се жъ ії вбива́ють
Катру́сини слёзи,
Зъ ми́ру не пуска́ють
Ли́нути въ рай Бо́жий!«

Чу́ю я те сло́во,
И ни́щечкомъ пла́чу:
Я Гри́цеву ду́шу
Своїмъ се́рцемъ ба́чу.

Ажъ тутъ обізве́тця
Письма́къ до грома́ди:
»Незна́ть що́ горо́дять,
Незнать що́ прова́дять!

»Де ті въ ка́та ду́ші
Літа́ють по ха́ті?
То ви́гадки ба́бські,
Щобъ дітей ляка́ти.

»Дівча́ божевільне
Химе́ри ганя́е,
А те́мна темно́та
Рото́ро́ззявля́е!«

—»Ні, пісьма́ку!« обізву́ся:
»Вона́ се́рцемъ чу́е,
А темно́та чу́до ба́чить,
Хочъ не розуму́е.

»Ти ве́лики́ ре́чі зна́ешъ,
Незна́ні для лю́ду;
А, не ма́вши ёго́ се́рця,
Не поба́чишъ чу́да.

»Ти у не́бо прозира́ешъ
И въ зе́млю глибо́ко;
А безъ се́рця въ чуже́ се́рце
Не загля́нешъ о́комъ.«

Ло́мусъ.

САМЪ СОБІ.

Заспіва́ю, спогада́ю
Літа́ молоди́і,
А въ тихъ літяхъ, Бо́жімъ ра́ю,
Наді́і святи́і.

Заспіва́ю, спогада́ю
Вірную дружи́ну,
Обіллю́ німи́ми слізми
Німу́ домови́ну.

Заспіва́ю — хай дрима́е
Се́рце одино́ке,
А ти, ду́мо, злинь-розли́йся
Висо́ко-широ́ко.

Есть у сві́ті пра́вда чи́ста,
И добро́, и во́ля, —
Иззива́й іхъ, моя́ ду́мо,
На рі́днее по́ле.

Степи́ мої широ́кії,
Цілино́ одві́чня!
Хто зъо́ре васъ та засіе —
Сла́ва тому́ ві́чня!

Лани́ мої нео́рані,
Да́вні перело́ги!
До́ки по васъ блука́тимуть
Брати́ мої вбо́гі?

Вони́ о́рють васъ оча́ми,
Скоро́дять брова́ми,
Сію́ть ту́гу, полива́ють
Дрібними слёза́ми.

Ой зроди́ жъ, вели́ка ту́го,
Ярую пшени́цю,
Збагати́ насу́шнимъ хлібомъ
Уббгу Вдови́цю!

П. Кулішъ.

Седьмой куплетъ этого стихотворенія построенъ на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Ой го́ре го́ре, нещасли́ва до́ля!
Ви́орала Мару́сенька ми́слонькамн по́ле,
Чо́рнимн очи́ма та й заволочи́ла,
Дрібне́нькимн слізонька́ми все по́ле змочи́ла.

ЛЮЛІ-ЛЮЛІ.

Хожу́-блужу́ по го́роду
Вели́кому, вели́кому.
Одкри́въ би я своє́ се́рце,
Та́ нікому, та нікому.

Цвіте́ воно́, якъ Бо́жій рай,
По́тай ми́ру, по́тай ми́ру;
Ні лю́бощамъ, ні ми́лощамъ
Не йме віри, не йме віри.

Ой се́рденько закри́тее,
Ти́хий ра́ю, ти́хий ра́ю!
Ніхто́ тебе́ не нівечить,
Бо не зна́е, бо не зна́е.

Цвіти́ жъ собі, живи́ собі
Само́тою, само́тою;
Втіша́й себе́ соло́дкою
Дрімо́тою, дрімо́тою.

А щобъ тебе́ лихі лю́де
Не вжахну́ли, не вжахну́ли,
Засни́, се́рце, довічнимъ сномъ...
Лю́лі-лю́лі, лю́лі-лю́лі!

П. Кулішъ.

СТАРЕЦЬ.

ДУМА.

Присвя́чена Наде́ждѣ Олекса́ндровнѣ Б.

Śpiewak, niestety! śpiewać nie mam komu.
Mickiewicz.

Бринь банду́ра, та й замо́вкне...
Чомъ же не зайгра́є?

Стоїть ста́рець підъ вікóнцемъ, —
Чóмъ же не співа́е?

Ой ходи́въ би я по се́лахъ
Одъ ха́ти до ха́ти,
Ой співа́въ би на ввесь го́лосъ, —
Нікому співа́ти!

Якъ промóвлю *Христа́-ра́ди*
(Вели́кее слóво!),—
Ски́ба хліба въ хліборóба
Ста́рцеві готóва.

Якъ спогля́не до́бре óко
На го́лову си́ву,
Закликáютъ лю́де ста́рця
У ха́ту щасли́ву.

»Сідáй, діду, ста́рче Бóжий!
Підкріпи́сь варе́нимъ,
Ви́пий ча́рку, згада́й на́шихъ
Ро́дичівъ поме́рлихъ.«

Я сідáю, підкріпля́юсь
На життя́ злиде́нне...
Ой я ста́рець, — не старе́че
Въ гру́дяхъ се́рце въ ме́не.

Поминáю усіхъ ме́ртвихъ,
А по живи́хъ пла́чу,
Що нікóго я живóго
Середъ нихъ не ба́чу.

Ні съ кімъ сісти потужи́ти
Въ пóлі на могúлі;
Ні съ кімъ піснею збуди́ти
Літá молоди́і.

Молодóсте-одрáдосте,
Вóленько безъ крáю! (1)
Кому́ про васъ на старéчій
Бандýрі зайграю?

Чиé сéрце стрепенéтця
Одъ слóва живóго,
Що співáвъ я, вищувáвъ я
Віку молодóго?

Ой співáвъ я, віщувáвъ я:
»За малý годúну
Оживúть живéе слóво
Рідну Украíну,

»И праправнуки згадáють
Праправщурівъ дíло,
И промóвить до нихъ въ пóлі
Усяка могúла!«

Ой співáвъ я: »Бýде жúти
Нáше слóво, бýде!«
Чи живé жъ воно́ у тéбе,
Безталáнний лю́де?

Не по сéлахъ прохожáю,
А по кладовúщахъ:
Спочивáе нáше слóво
Въ німúхъ гробовúщахъ.

Поховáли ми зъ дідáми,
Слóво, нáшу сúлу;

(1) Изъ народной пѣсни:
Та літáе орéлъ, та літáе сúзий
По висóкій високóсті:
Охъ и плáче кóзакъ, та плáче старéнький,
А по своíй молодóсті:
»Охъ и молодóсте-одрадóсте,
На сéрденьку своя́ вóля!....«

Гу́сто, гу́сто засади́ли
Ру́тою моги́лу.

Зеленіе, мовъ барвінокъ,
На моги́лі ру́та:
Що́ були́ ми, я́къ жили́ ми,
Якъ ги́бли — забу́то!

Ой замо́вкни, моя́ ко́бзо́:
Нікому співа́ти!
Промовля́ю *Христа́-ра́ди*
Одъ ха́ти до ха́ти.

Густи́й мо́рокъ скрізь по ха́тахъ,
Густійшиій въ буди́нкахъ,
Що́ нема́ души́ живо́і
Въ се́страхъ-Украінкахъ;

Що поники́имъ, вя́лимъ се́рцемъ
Німо́ту коха́ють;
Покоха́вши, паненя́токъ,
Німчиківъ рожа́ють.

Ой німу́ють по Вкраі́ні
Висо́кі пала́ти;
Густи́й мо́рокъ окрива́е
Пахарські хати.

Бринь банду́ра, та й замо́вкне...
Мовъ пеке́льна си́ла
На живи́і моі стру́ни
Ру́ку наложи́ла.

Наложи́ла вона́ ру́ку
На гаря́чу ду́шу...
Ой співа́въ би, віщува́въ би,
Та мовча́ти му́шу.

П. Кулішъ.

ДУНАЙСЬКА ДУМА.

ПЕРВА ПОЛОВИНА.

(1648—1654.)

Ти́хо Дуна́й, ти́хо
Несе́ чи́сту во́ду; [1]
Задиви́лися дубро́ви
На свою́ уро́ду.

Ти́хо Дуна́й, ти́хо
Жо́вті піски ми́е.
Погля́ну я по берега́хъ —
Моє́ се́рце ни́е:

Де, Дуна́ю ба́тьку,
Твої рі́дні ді́ти,"
Що розійшли́сь-ростекли́ся
По Бо́жому сві́ті.

Одні на Вкраі́ні,
Дру́гі въ Московщи́ні;
Спомина́ють тебе́, ба́тьку,
При лихі́й годи́ні.

»Неха́й спомина́ють
И въ пісня́хъ співа́ють,
И до ме́не доріженьку
Въ знегі́дді верста́ють.«

Верну́лись до те́бе
Зъ Украіни ді́ти:
»Всю́ди, ба́тьку, одна́кова
Недо́ля на сві́ті.

»Бу́демо, Дуна́ю,
Твою́ во́ду пи́ти,
А по то́бі, Украіно,
Се́рденькомъ тужи́ти.

»Бу́демо, Дуна́ю,
Твое́ жи́то жа́ти,
А про те́бе, безтала́нна,
У пісня́хъ співа́ти.«

I.

Була́ коли́сь, ка́жуть,
Щасли́ва годи́на:
Якъ садъ рясни́й, процвіта́ла
Уся́ Украіна.

Ой хто жъ ти́і лю́де
Спасе́нні бува́ли,
Що въ красу́ ясну́, весе́лу
Ії прибіра́ли?

Були́ то́ пано́ве
Вели́кого ро́ду —
Каштеля́ни та княжа́та,
Ду́ки, воево́ди.

Вони́ узгряни́ччя
Лю́домъ осади́ли,
Одъ Татарви́ безбо́жноі
Зе́млю захисти́ли.

Поря́докъ дава́ли
Города́мъ и се́ламъ..
Процвіта́ла Украіна,
Бага́та, весе́ла.

Погля́нуть пано́ве
Одъ кра́ю до кра́ю —
Золоті лани́ филю́ють
Та дубро́ви ма́ють.

Погля́нуть пано́ве
Зъ ясно́го буди́нку —
Слу́ги въ ба́рвахъ позлоти́стихъ
Гуля́ють по ри́нку.

Не маки́, не ро́жи
Въ саду́ процвіта́ють:
То па́ніі та паня́нки
Шовка́ми сия́ють.

Хва́лятця пано́ве
Кіньми дороги́ми,
Исповня́ють сріб'ні ку́бки
Ви́нами ситни́ми.

Гука́ють гарма́ти
Підъ па́нські вива́ти;
Одъ гучни́хъ мазу́рокъ хо́дять
Хо́дромъ пала́ти.

»Дивітесь«, мовля́ють,
»Молоди́і лю́де:
Ходіть на́шимъ па́нськимъ ро́бомъ,
То все гара́здъ бу́де.

»Дивітесь«, мовля́ють,
»И ви, малі діти:
Оце́ до́бра вамъ нау́ка,
Якъ у світі жи́ти:

»Въ по́лі се́рцемъ жва́вимъ
До бо́ю става́йте;

Дóма меди́, ви́на пи́йте,
Та й не проливáйте.

»Не жáлуйте, дiти,
Тру́нку дорогóго,
Изъ двора́ не випускáйте
Тверéзимъ нiкóго.

»Нехáй брáття шляхта
Вáшу лю́дськiсть знáють, [2]
Нехáй вáшу пáнську гóйность [3]
Всю́ди прославля́ють.

»Немáе на свiтi
Крáщого клейнóду, [4]
Якъ пáнськее слáвне и́мя
Велúкого рóду.

»Немáе для сéрця
Бiльшоi утiхи,
Якъ пишáтись слáвнимъ рóдомъ
Во вiки и вiки!«

II.

Хто жъ то ти́i лю́де,
Що понýрi хóдять,
На висóкиi будúнки
И очéй не звóдять?

Хто жъ то ти́i лю́де,
Що зъ дóму втiкáють,
Та крáщоi собi дóлi
По степáхъ шукáють?

Що́ жъ то за бурлáки
Зъ дóвгими чубáми,

Що всю шля́хту, усіхъ ду́ківъ
Зову́ть ворога́ми? [5]

»То голо́та пъя́на,
Мужи́чиі діти,
Що не хо́чуть у вельмо́жнихъ
Ла́ски запобігти.

»То сіро́ма те́мна,
Ви́нники, дейне́ки; [6]
Прошпе́тившись утіка́ють
У степи́ дале́кі.

»То злодійство хи́же
Кри́етця відъ ка́ри.
За́вше по́вні того́ хло́пства
Ви́нниці й брова́ри.« [7]

Ш.

Обізве́тця хло́пство
Поза города́ми: [8]
»Ой чи до́вго бу́де шля́хта
Гордува́ти на́ми!«

Обізве́тця хло́пство
Ди́кими степа́ми:
»Ой чи до́вго владітиме
На́шими лана́ми!«

Обізве́тця хло́пство
Зъ Вели́кого Лу́гу:
»Ой вернімось, коза́ченьки,
Шля́хті на послу́гу!«

IV.

Верта́лось бурла́цтво
Шля́хті догожа́ти,
Пи́шнимъ за́мкамъ та буди́нкамъ
Краси́ додава́ти:

»Блиску́чі буди́нки,
Стіни малёва́ні!
Якъ ви га́рно сия́ете,
Окри́вшись дима́ми!

»Ой вихо́дте въ по́ле,
Вельмо́жне жолнірство!
Бу́де вамъ вели́ка дя́ка
За все добродійство:

»Що ви Украіну
Га́рно захисти́ли, [9]
И коза́цтва въ Чо́рне море
Гуля́ть не пусти́ли; [10]

Що ви Украіну
Якъ садъ искраси́ли,
И слёза́ми підда́нськими
Всі тра́ви зроси́ли;

Що на́ша Вкраіна
Ста́ла шля́хті ра́емъ, [11]
А ми, ії рі́дні діти,
По степа́хъ блука́емъ.«

V.

Вибіга́ла шля́хта
Зъ блиску́чихъ буди́нківъ,

Манівця́ми утіка́ла
Въ По́льщу безъ пати́нківъ.

Облива́лась шля́хта
Дрібни́ми слёза́ми:
»До́бра на́ші, се́ла на́ші!
Що́-то бу́де зъ ва́ми? [12]

»Пре́дки на́ші сла́вні
Корола́мъ служи́ли,
И пусти́ні Украі́нські
Лю́домъ осади́ли. [13]

»Пре́дки на́ші сла́вні
Борони́ли во́лю,
И придба́ли бра́ттямъ шля́хті
Щасли́вую до́лю.

»Пре́дки на́ші сла́вні
Въ склепа́хъ спочива́ли,
А тепе́ръ іхъ гайдама́ки
Съ трунъ повивёртали!

П. Кулішъ.

Печатаніе другой половины откладывается на неопредѣленное время.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ »ДУНАЙСКОЙ ДУМѢ«.

1.—Стр. 26, ст. 2.

Ти́хо Дуна́й, ти́хо
Несе́ чи́сту во́ду;

Вода въ Дунаѣ очень мутна и становится, говорятъ, чище только осенью. Авторъ, дѣлая невѣрность, былъ ободренъ народною музою, которая подсказала ему эти стихи. Она воспѣваетъ тихое теченіе Дуная, тогда какъ онъ отличается своею быстротою и мѣстами имѣетъ опасные водовороты. Народная пѣсня начинается такъ:

Ти́хо, ти́хо, Дунай во́ду несе.

Есть прекрасная по складу пѣсня, въ которой говорится о мутности Дуная, но эта мутность приписывается причинѣ случайной:

Не журь мене, стара́ не́не,
Бо я журбу́ и самъ зна́ю:
До Дуна́ю приіжджа́ю,
Съ кони́ченька не встава́ю,
Въ піхву ша́блю не хова́ю,
Все зъ Дуна́емъ розмовля́ю:
Чомъ ти, Дуна́й, ставъ такъ сму́тенъ,
Ставъ такъ сму́тенъ, калому́тенъ?
Що, Дуна́ю, тебе зби́ло:
Чи галочки́ чорнокри́лі,
Чи ко́ники ворони́і,
Чи козаки́ молоди́і?
Ой чомъ коні гетьма́нськиі
Не пъють води́ Дуна́йськоі?
Ой не пъють, не спочива́ють,
Все на то́й бікъ погляда́ють,
Де козаки́ кіньми гра́ють,
Шабелька́ми поверта́ють.

Впрочемъ, какъ бы ни былъ мутенъ Дунай въ натурѣ и въ этихъ безцѣнныхъ стихахъ народной пѣсни, онъ представляется совершенно чистымъ въ тихую погоду, когда въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются его прекрасныя рощи. Поэтому два слѣдующіе стиха:

Задиви́лися дубро́ви
На свою уро́ду —

могутъ служить оправданіемъ стиху предъидущему.

2.—Стр. 29, ст. 7 и 8.

Неха́й бра́ття шляхта
На́шу людскість зна́ють,

Людскость (ludzkość), т. е. обходительность съ людьми, радушіе въ гостепріимствѣ, играла важную роль въ быту польско-украинскихъ пановъ, но любезность ихъ простиралась только на сословіе благородныхъ.

3.—Стр. 29, ст. 9.

Нехáй вáшу пáньску гóйность.

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ стихотвореніяхъ авторъ считаетъ достодолжнымъ вводить слова польскія въ стихи, которые онъ вкладываетъ въ уста шляхтѣ. Хоть у него изображается собственно шляхта украинская, но она, бесѣдуя даже на своемъ родномъ языкѣ (который вообще презирала, яко языкъ хлопскій), употребляла слова своихъ руководителей въ аристократизмѣ—пановъ польскихъ. *Гойность* значитъ собственно — щедрость.

4.—Стр. 29, ст. 12.

Крáщого клейнóду,

Клейнодъ — драгоцѣнность, знакъ фамильнаго отличія въ гербѣ, знакъ власти, какъ-напримѣръ: булава, бунчукъ, печать.

5.—Стр. 30, ст. 2.

Що всю шляхту, усíхъ дукíвъ
Зовуть ворогáми?

Сохранился съ напѣвомъ, въ видѣ стона, слѣдующій отрывочекъ какой-то позабытой пѣсни, напечатанный въ *Южнорусскихъ народныхъ Пѣсняхъ* Метлинскаго:

Та все пани́, та все ду́ки...
Позаіда́ли на́ші лани́, луги́ й лу́ки.

6.—Стр. 30, ст. 8.

Ви́нники, двíнéки;

Дейнеками назывались бездомные козаки, народъ бѣдовый, отчаянный. По лѣтописи, всего больше они дѣйствовали, въ качествѣ партизановъ, во времена Выговщины. Слово *дейнéка* ошибочно объясняютъ словомъ *денéякі* (словомъ несуществующимъ въ устахъ народа: есть слово *дéякі*). Одна пѣсня начинается такъ:

Ти, коза́че Запоро́зький, дейне́ко,
Не заво́дь дівчи́ни вíдъ мату́сі дале́ко.
Дівчи́на въ мату́сі — якъ утя́ надъ водо́ю,
А заведе́шъ її — вона́ бу́де сиротóю.

Скитальческій бытъ дейнеки выражается и въ слѣдующей пѣснѣ:

Го́ре мені на чужи́ні,
Що не вку́пі брати́ моі:
Оди́нъ въ Сíчі ота́маномъ,
Дру́гий въ степу́ вата́жкою,
Тре́тій дійно-дейне́ченько.
Понадъ Дністро́мъ дійно хо́дить,
Де́вятеро ко́ней во́дить,
На деся́тімъ поізжа́е,
Дністра́ бра́томъ назива́е:
»Дністре бра́те, побрата́ймось,

Скажи́ річку Савра́нськую
И прикме́ту коза́цькую.«
— »Вго́ру, дійно-дейне́ченько!
Тамъ річенька Савра́нськая
И прикме́та коза́цькая.«

7.—Стр. 30, ст. 14.

За́вше по́вні того́ хло́пства
Ви́нницї й брова́рн.

За́вше—всегда. Должно-быть, въ старину черноработіе наемники при винокурняхъ и пивоварняхъ, а также при зажиточныхъ домахъ состояли изъ бездомныхъ бурлакъ, которыхъ легко было склонить на всякое отчаянное предпріятіе. Въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ полковникъ Филопенко вызываетъ ихъ на военные подвиги такимъ образомъ:

Ви, гру́бники, ви, ла́зники,
Ви, брова́рники, ви, ви́нники!
Годі вамъ по ви́нницяхъ горі́локу кури́ти,
По брова́рняхъ пивъ вари́ти,
По ла́зняхъ ла́зень топи́ти,
По гру́бахъ, по пе́чахъ спа́ти,
Товсти́мъ ви́домъ мухъ годува́ти,
Спи́ною са́жи витира́ти:
Ходіте зъ на́ми на доли́ну Черке́нь погуля́ти!

Не надо забывать также, что, въ извѣстные моменты Украинской исторіи, винниками, броварниками, будниками, грубниками, лазниками бывали Украинцы и по-неволѣ. Это обстоятельство возбуждало въ нихъ особенную готовность искать счастья въ войнѣ, противъ кого бы ни была она. Въ *Лѣтописи Самови́дца*, въ исчисленіи причинъ войны Хмельницкаго, говорится, между прочимъ, о козакахъ: »...тогда бо оныхъ, не хотячихъ, чего не звыкли были панщины робити, на службу замкову́ю обернено, которыхъ зъ листами и въ городѣ до хандожанія коней старостовъ держали, въ дворахъ грубу, т. е. печи, палити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ неизносныхъ дѣлъ приставляли.«

8.—Стр. 30, ст. 16.

Поза города́ми:

Населенная часть Украины называлась *Городами*, или собственно *Украі́ною*. Открытыя степи, доступныя только людямъ кочующимъ и вооруженнымъ, назывались *Полями* или *Ди́кимъ По́лемъ*, а не то—*Степами*. Послѣднее названіе сохранилось до конца украинскаго козачества, т. е. до Уманской трагедіи и раззоренія Запорожской Січи, въ слѣдующей козацкой импровизаціи:

Степи́-поля́,
Степи́-поля́,
Ро́скішъ моя́!
Го́ді мені по васъ гуля́ти,
Ляхівъ, Жидівъ розбива́ти!

9.—Стр. 31, ст. 14.

Що ви Украіну
Гáрно захистúли,

Какъ бы ни была велика оказанная намъ услуга, она можетъ быть уничтожена злоупотребленіями эгоизма. Притомъ же паны украино-польскіе, приводя Украину въ возможно-цвѣтущее состояніе, заботились вовсе не о благоденствіи наибольшей массы ея обитателей. А старанія ихъ о ея безопасности были велики. Это, между прочимъ, видно изъ современныхъ брошюръ. Въ одной изъ нихъ (Polska Nizna albo Osada Polska etc. przez X. Piotra Grabowskiego, 1596) говорится, между прочимъ: Tatarowie ludzie Pogańscy, barbari niepotężni, do boiu goli, tak często a gęsto krainy nasze pustoszą——krainy nasze pograniczne, obfitoscią ziemie obiecaney podobne, w pustynią bydlęcą obracaią——Robotnikow naszych, ktorzy na nasz chleb robią, tych ledwo nie każdy rok po kilkudziesiąt tysięcy wymuią. A co nażałosnieysza, często się trafia, iż nierowno mnieysza liczba Pohancow, więtszą liczbę dusz Chrześcianskich braciey naszey, sromotnie w niewolą wieczną zabieraią — — Moskwa, acz barbari, illiberi, bez animuszu, bez seroa ślacheckiego, a ci iednak o Tatary swoie, co im szkodnieyszy byli postarali się — — y teraz tuszą sobie, ze nic nie mieszkaiąc y Perekopskich dziesięcinnikow naszych, co v nas dziesięcinę wybieraią, opanuią, y iuż kilka zamkow nad nimi posadowili — — Заботясь о заведеніи на Украинѣ вооруженныхъ шляхетскихъ поселеній, этотъ добродушный политикъ XVI вѣка говоритъ: Mym zdaniem lepszy będzie brat moy Rycerz cwiczony, ktory mi w potrzebie na nieprzyaciela mego vprzeymie pomoze, na tym chlebie ktorybym ia miał cudzoziemcom dać, za dzieciune abo raczey niewiesciusze ich chwasty, aniż przednieysze Tureckie y Włoskie iedwabie, niż Wina Medyolańskie, niż sobole y marmurki Moskiewskie, niż aromata Indiyskie, y inne takie chwasty rycerstwu nieprzystoyne a zgoła szkodliwe.

Сообщаю еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ, въ который начались польско-украинскія войны.

....Część ich (панскихъ доходовъ) Turczynowi na kobierce, safiany, iedwabie, ec. Część Niemcom, Włochom też na iedwabie, sukna, płotna drogie, na wina y aromata rozmaite ec. Część Moskwie na futra, a ieszcze często tak niebacznie y szalenie, iż na wagę położywszy futro z złotem, ktore za nie daią, dziesięckroć, a pod czas złoto więcey będzie ważyło, niż futro. — — v nas iuż to w obyczay weszło, że skoro kto maiętnostki iakiey nabędzię, iuż musi rad nie rad koszto wieść, a ieśliż cudzoziemcom pieniędzmi nie ściele, za grubiana, niepolita y nie dworzanina go maią, a nawet y wyśmieią go.

Продавая плѣнниковъ, набранныхъ въ Украинѣ, Татары за pospolitego robotnika czterdzieści, pięćdziesiąt czerwonych złotych biorą, a za osobliwego iakiego vdatnego młodzienca y sto czerwonych złotych.

— — Tym się y Kozacka dzika drużyna, do sprawy, porządku y posłuszeństwa przywiedzie; y żabieży się tym trwogam y niebespiecznościam, ktore z kozackiego swowolenstwa na PP. przychodzą, y inszym ieszcze więtszym, ktore z tegoż swowolenstwa z czasem vrość mogą, abowiem wiele ich, co by się do kozakow vdać mieli, nawet y ci sami co w kozackiey drużynie będą, do rycerstwa się tego vdadzą, gdzie sławą swą y dusznym zbawieniem swym y z pewnym opatrzeniem swym, z małżonkami y dziatkami swymi vczciwie przed Panem Bogiem y ludźmi żyć będą mogli, daleko przystoyniey niż v ko-

zakow, zaczym kozakom drużyny y mocy nie będzie dostawało, ze się ni ocz kusić nie będą mogli, y owszem sami kozacy w to się Rycerstwo zacne, sprawne, y W. K. M. posłuszne przeformuią.

Это замѣчательная черта старопольской исторіи, что козаками дѣлались не мужики собственно и не Украинцы собственно. Аристократизмъ польскихъ пановъ, возвышенный почти до олигархическаго монархизма (если такъ можно выразиться) и освящаемый ученіемъ тогдашней Церкви, породилъ въ самомъ нѣдрѣ польскаго государственнаго общества множество реакціонеровъ, которые, увлекаясь, какъ вообще бываетъ въ исторіи, собственными интересами, вмѣстѣ съ тѣмъ готовили неизбѣжное разрушеніе стараго порядка вещей. Приведу изъ рукописей С.-Петербургской публичной библіотеки интересную выписку о томъ, что *козачество*, подъ инымъ названіемъ, являлось иногда, независимо отъ украинскихъ волненій, вовсе не въ украинской части Польскаго государства. Въ рукописи *Л*: F, отд. IV, № 99-й, подъ заглавіемъ: Stanisława Lubinskiego Listy królewskie do roznych, 1600, на листкахъ 42—48, читаемъ слѣдующее: »...wiele a pewnie większa część ukrzywdzonych odchodzi od nayprzednieyszego tego Seimowi powagi sprawiedliwosci throna besz sprawiedliwosci. Trzeba na to nowego sposobu (это — Instructia na seim walny koronny) — — aby domowy rząd y pokoy pospolity władza zwierchnosci swey w iednakiei się trzymała klubie, ale przemaga priwatna swawola, bo się to iusz zagęściło, ze prawo pospolite zniewazaiąc kazdy gwałtem swego dochodzi, privatni osoby Woysko zebrac, ludzi cudzoziemskich nawiesc, chorągwie roscągnąc, bitwe ieden z drugim wstępnym boiem zwiesc, Panstwa postronne naiachac, pokoi zerwac, a mimo to wszystko, choc Pan napomina zakaznie, zwierchnosc zniewazyc, nic to v nas.——V nas, zal się Boze, do tego przyszło, ze kto ieno tylko moze, do gwałtu się voieka, gromada, zwody, Woyska sądy obsadzaią, naiacha ieden drugiego, iuz to rzecz zwyczayna, własnie iakoby zwierchnosci, iakoby Pana, iakoby prawa w Polszcze nie było. Zguba to Rptey, iawny vpadek wolnosci, ktorą takowa Anarchia wyniszcza. Nie dawnosc to w Polsce nastało, ale prętko, strzez Boze, wzruszeniem wnętrznego pokoiu, voiskiem ludzi vbogich, contemptem prawa, zniewazeniem vrządow wyniścic y zgubic moze, iesli się wczas temu nie zabiezy. Trzeba na to ostrzego prawa, bo dawne iuz tak stępiały, ze się ich ten telko boi, kto nie ma moczy, a komuz trudno, gdy się odwazy, a zwłosca przi tak rospusczony y smiały swei wolei? Patrzalismy w tym roku na Woyska, od prywatnych zebrane, doznało Xięstwo Mazowieckie y Prussy, a pewnie samo W. K. Litewskie niezmiernych od nich ciężarow, łupestwa, gwałtow y mordow. — — Nowe czasy, nowe obyczaie praw nowych potrzebuią. — — I tec są choroby nasze, to nas, z nas samych pochodząc, gubi. — — Далѣе (на оборотѣ 58 листа, въ Vniwersalie przeciw swowolnikom, 1615, kwietnia 28, изъ Варшавы) король пишетъ: — — w tych dniach kupa znaczna ludzi z przeszłey Confederatiej mimo obowiązek (po wzięciu dostateczney zapłaty) na się dany swowolskie horągwie roku przeszłego podniesli, szkody wielkie w Koronie y W. K. Lit. a mordy, pozogi, łupiestwa w Księstwie Pruskim poczynieli, znowu teraz w takoweyze na łupy y mordy odwazney gromadzie do Korony weszli, aby się na wszelaką potęgę, z mieisca do mieisca się pomykaiąc, sposobiwszy swemu złemu przedsięwzięciu, z ktorym na zgubę oyczyny odwazyli się, dosyc uczynili. Въ заключеніе, король проситъ воеводу кіевскаго и гетмана короннаго гасить этотъ *огонь*, въ такихъ же выраженіяхъ, какія потомъ употреблялись въ воззваніяхъ

противъ Хмельницкаго. Кто читалъ Pamiętniki Paska, достойные прилежнаго изученія, тотъ вспомнитъ выраженіе одного пана о безпорядкахъ, происходившихъ передъ глазами гетмана и подскарбія литовскаго, Гонсѣвскаго, въ 1662 году: tu u nas sprawa kozacka. (Pam. Paska, изд. 1860, стр. 162). Поразителенъ отвѣтъ Крымскаго хана на просьбу пановъ принять участіе въ ихъ междоусобной войнѣ (1665): ....oznajmił (ханъ), że tego nie uczyni, obiecując to nagrodzić na inną usługę, ale nie na tę wojnę, gdzie brat na brata szablę dobywa. (Тамъ же, 173).

10.—Стр. 31, ст. 16.

И козáцтво въ Чóрне мóре
Гулять не пустили.

Въ наше время почти всѣ соглашаются, что относительно козацкихъ набѣговъ на Татаръ и Турокъ Польское-правительство поступало благоразумно. Событія, однакожъ, противорѣчатъ этому мнѣнію, и въ XVII вѣкѣ были между Поляками люди, стоявшіе за козаковъ. Въ одной изъ рукописей С.-Петербургской публичной библіотеки (Л: F, отд. XVII, № 33, стр. 107—112) авторъ нашелъ слѣдующій интересный документъ.

Sententia o uspokoieniu Woyska Zaporoskiego jednego slachcica Polskiego.

Wiadoma iest rzecz kazdemu, ze crescentibus w Vkrainie coloniis crescit Woysko Zaporoskie, ktore przy Czerkasach tylko koczowało, a więcey nie bywalo go, tylko dwa tysiąca; stąd y Moskwe, ktora po dzis dzien Kozakow Czyrkasami zowie, naiezdzali, y w polu chodząc z Tatarami vstawicznie vganiali się, z Dniepru na Czarne Morze wodą wpadali, tandem longe.... (*) zasiedli włosci, z ktorych coraz większe pomnozenie Kozacy wzieli, iako tedy, nonnisi sublata causa tollitur effectus, tak ktoby chciał extropare Kozakow, musiałby reuocare ad sua principia, to iest z wlosci tamecznych vczynic pustynią, dla kąkolstwa ac pszenice et propter spina scindere rosas, zniowszy ztamtąd swoie włosci, musiała by Rzeczposp. cierpiec koczowiska Tatarskie na tych mieyscach. Dla tego y dla woyny Tureckiey, na ktorą y wodą y lądem są potrzebne Kozacy, i nie resolwowała się Rzeczposp. y resolwowac się nie moze na takowe extrema, srodkow zas y sposobow roznych kosztowała na zatrzymanie ich w lepszym porządku, ale im ostrzey z nimi postępowano, tym fortius oni z tego wyłamywali się. Ztąd tak często ponosi niewczasy Rzeczpos. y częste a krwawe z nimi odprawowac musi woyny. Jakoby tedy consulere temu y iescze skutecznieyszych poszukac sposobow w tak ciężkim teraznieyszym Oyczyzny razie, co rozum y experientia optimi consiliary suadent nobis, tegobym ia iescze sprobowac zyczył. Nie vleczy nikt choroby, poko iey non penetrat causam et radicem, tot sentiendum. W tey sprawie, chcząc szkodliwe skutki zniesc rozruchow Kozackich, potrzeba indagare, cognoscere et tollere causas, ktore byto miały byc causae causantes paroxysmy na Rzeczpos. insolentyą Kozacką. Ia cztery bydz znayduie: pierwsza—zabranie pola y morza; druga—urzędow Vkrainnych z nimi zwada; trzecia około podawania y starszyzney confusio; czwarta—pura malitia. Quod primum, Ko-

(*) Списано мною съ весьма нечеткаго почерка, и нѣкоторыя слова остались непрочитанными, или подъ сомнѣніемъ.

zacy szablą zyc navczyli się, pola y morza pilnuiąc, iakoby tedy alienam kazano im imbuere naturam, gdy im kazano poniechac tego. Cierpieli poki mogli, ciągneła przecie zawsze natura iako wilka do lasa, y tak długo ten wrzod zbierał się, az się spukł. Quibus causis constituetur Civitas, üsdem retinetur. Aze nie ta była Constitutia Woyska Zaporoskiego, (żeby) zyc bez pola y morza. dla tego tesz w tym porządku zatrzymac się nie mogli tak długo y nie mogą, przenieslismy niewczas Turkow y Tatarow na nas samych y oyczyzne naszą. Zabronilismy lasu, zdobyczy—szukaią iey v hasz; do nasz tesz Orde na pomoc biorą sobie, z ktorą przedtym w polu o grunty Rzeczyposp. zawsze się vganiali. A do tego otia dant vitia: zolnierz patriae suae, gdy mu służby nie stanie, albo iey w cudzey ziemi szuka, albo seditiosus doma bywa, czego tot exempla mamy Czesarczykow, Lisowczykow et id. genus. Ta tedy iest prima causa et praesentis calamitatis Rzeczyposp. y zawsze tumultus kozackich dawnych zabaw y zdobyczy zabronienie cum otio vitioso złączona; sequitur conclusio: albo tollere causas, albo causas pati. Quod secundam causam, ita est demonstrativa et palpabilis, ze przedtym bywały z occaziey contentionis Vkrainnych Podstaroscich Woyny y teraznieysza, y ztądze origo Kumeyskiey Woyny y potym na Starcu skonczoney. A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi od jednego Vkrainnego Podstarosciego, dla ktorey sto beczek krwie slacheckiey wylewało się y magna pars Vkrainy zniesiona, y inszey woyny taka przyczyna, me tacente liquet. Jakosz temu zabiezec probowała Rzeczposp. roznych sposobow, dawała y Pulkownikow slachte, formowała skutecne spawiedliwosci między Kozakami a Vrzędami Vkrainnymi, nic to nie pomogło; vis tollere effectum, extingue causam, iakosz to rozumiec tak: albo Kozakow przeniesc, albo z nich vrzędnikow wyniesc; i aze Kozakow przeniesc od Dniepru, szlakow y od Zaporoza—y niepodobna, y non expedit Rzeczyposp. to sequitur, ze owych od nich (seruatos seruam) potrzeba wyniesc y tak się sprawic, iako z powietrzem. Maią li po włosciach..... swoim zapowietrzac Kozacy totam plebem, maią li zwady czynic Podstarosciowe Rzeczyposp. wszystkiey z Kozakami, satis est odwazywszy particulam dobr Rzeczyposp. tanqm peste infectos, zawrzec w niey y z nimi wyprowadzic zwad wszystkich occasie y ich extropare radicem. Prodibunt.... ex imaginatione et apprehentione futuri..... periculi contrarie omnes huic remedia. Lecz futuris periculis, iesliby iakie miały emanere, futurum tempus prouidet consilia; nos praesens curamus malum, ktorego zbyc nie mozemy gruntownie, tylko sublata causa. Quod tertiam causam, ta zwykła bywac z zamieszania się między sobą Kozakow, gdy im kommissarze KJM. podawali Hetmanow, a im się nie podobał Hetman, a wnet albo zabiią, albo topią. O co się potym bierze Rzeczposp. y ztąd woyny bywaią, gdy tedy z podawania tego Starszego Hetmana korzysci niemasz Rzeczyposp. tylko zwada. Y tę causam ampulare: niech sobie y obieraią, y zabiiaią; nie wdawac się w to, ktorego obiorą sobie..... tego im stwierdzac. Mogą się kiedy między sobą zamieszac około tego sami y dac occasią, ad melius esse, ze lepiey ich rozwadzac o to będzie, nizeli się wadzic. Quod quartam causam, ze pod czas bez wszelkiey occasiey tumultuią się ex pura malitia, iako był Nalewayko, a takze Kosinski y Podkowa. Ta iuz excluditur bo taki to tu moze powstac, iako y powstali z iakiego kolwiek kraiu, a nie z woyska Zaporoskiego, ale tesz takiego, iako odkrytego rozboynika, iuris nullum praetextum habentem, y postrzedz łatwiey y segregare et in herba reprimere, a do tego trzy occasie zniowszy tumultow y seditiey Kozackich, tak

wyprozniwszy ab omni infectione corpus na to iedno accedans łatwiey miec ono, iako te wszystkie occasie maią swoie praetexty, tak pura malitia y rzadko się przydac y sama siebie zawstydzyc y długo trwac nie moze y zgoła samaby siebie arguere musiała. To tak deducowawszy, ze gdy Kozacy nie będą otiosae, nie będą tesz vitiosae, y gxy będą zdobydz y pozywienie mieli wolne tam, gdzie miewali, v nasz iey szukac nie będą y gdy będą, w polu zawsze wadzili się z Tatarami, straszna y szkodliwa liga mieysca nie będzie miała, y gdy będą sami in oc . . . . . tesz tych, z ktorymi się wadzywali, mieszkali, okaziey do Rzeczyposp. miec nie będą, chyba się sami z sobą wadzic zechcą; a gdy będą sami sobie obierali Starszyzne, choc ich topic i zabiiac będą, my się z nimi o to wadzic nie będziemy. Przychodzi rzecz do takiey conclusii, ze iesli non fallit ratio his sublatis, ktore widomie causant seditie y tumulty Kozackie, następnie reuolutio spokoynego zatrzymania woyska Zaporoskiego y zawziętey iadowitey hostilitatis vsmierzenia y ligi szkodliwey z ordą restrictia. Ale zostaią escze obiectiones, ktore by mogły contra primum remedium formowac się et contra secnndnm, contra tertium, ze wolnosc kozacza zachodzi z Turczynem pacta. Contra secundum, ze zawsze Kozakow samych . . . . moze miec w sobie iakie potomne periculum, te to resoluere velim. Naprzod tedy, ze pacta z Turczynem zachodzimy: nie pisalibysmy w Commissiey ani w ordinaciey polą y morza facultatem Kozakow, ale tak tylko, ze przy dawnych wolnosciach zachowuiemy. A skoro Kozakom ipso facto wolno morze z Turczynem zas rzecz taką sama sacra veritas firmat: trzymalismy kozakow w kawecanie cum tanta sanguinis profusione, a to morze twoie czarne wolno było od naiazdow. Zatrzymywalibysmy y do konca, lecz Tatarowie twoi, nie kontentowawszy się tym, ze, na kazdy rok łąmiąc pacta, Panstwa koronne naiezdzali, złączywszy się y spiknąwszy się zdradziecko z Kozakami, fortece, ktora broniła do morza, przeieli y Hetmanow z woyskiem zniesli y poszedszy in visceras regni, ferro et igne pustoszyli ią. Ządamy, vczyn nam y sobie spawiedliwosc z Tatarow a bydz ostrozny od Kozakow, bo my pacta z tobą trzymamy, ale za poznoszeniem fortec przez spolną rękę Tatarow y Kozakow, zatrzymac Kozakow nie mozemy; albo tedy pokaray orde y tak wez w klube Tatarow, iakoby y my do pierwszego porządku rzeczy przywiesc mogli, albo ci swawolne ac utrinque, byle woyska się nasze nie mieszały; naszych pact niech nie naruszaią, a zas Porta Otomanska niechay od Kozakow miast swoich na morzu broni, a my Tatarow bronic się będziemy Albo to przyimie Cesarz, albo nie. Jesli przyimie, posadziwszy kwarciane woysko v Braclawia y przyczyniwszy go za to, cosmy Kodak opatrzywac y Tatarom vpominki dawac mieli, Czarny szlak tak potężnie, iak iuz nastąpieła potęga Kozacka, zawarszy, z Kozakami zostanie Rzeczposp. bezpieczna. Jesli tesz nie przyimie Turecza Porta takiego pactu, przy niey, nie przy nas foedi fragium; a kiedy przydzie naycięsza, ktokolwiek ma rozum, sentiet ze lepiey woyną Turecką, nizeli bellum intestinum pati, z ktorego generatio Poganska nostra corruptio widoma pochodzi. Są tego nulla rationes. Ja tylko dam cztery: na woyne Turecką wszyscy Chrzescianie dopomodz mogą; na domową nikt nie pomoze, owszem niektorzy—strzez Boze—do ruiny naszey przyczynic by się chcieli. Woyną Turecką retunditur liga; z Ordą kozacką bello intestino firmatur et nostrum robur firmatur. Ratio woyny Tureckiey—sedes Wołoskiey Ziemi, a Oyczyzny całosc; intestino bello sama w sobie ruina widoma. Ratio, iesli woiowac lepiey coniuncta manu Christiana z nieprzyiacielem Krzyza Swiętego, nizeli z samym sobą lepiey cum ari Monar-

cha, nizeli z wlasnymi chłopi, lepiey in pari ale w Martis o panstwa, anizeli z Kozakami o ich siermięgie, a o swoie Panstwo; lepiey umrzec in sacro bello z Turkami, nizeli nikczemnie od chłopa. Albo niebo pokoy nam przywrocic chce y pryimie Porta Turecka pactum, albo woyne gotuie, ktorą iesli ma dopuscic Pan Bog, o imie Jesusa Christusa Pana naszego vmierac y niebo sobie zasługowac, anizeli w krwawym domowym potopie nikczemnie ginąc volemy. Co iusz do drugiey obiectièy, ze to periculosum bydz moze dac samym Kozakom particulum fundi, wspominało się wyzey, iz praesens malum gorsze iest nizeli futurum, bo de futuris contingentibus non datur scientia; moze tak bydz, iako sobie imaginuiemy, moze nie bydz; to zas malum, ktore iusz nas praemit de facto, curandum, a do tego cokolwiek rozumiemy bydz co in passo periculi obwarowac commissią y iuramentami ut fidem Reipub. niewchodzenie w conspiratio z postronnymi, nieprzechodzenie cyrkułu zamierzonego, nieprzyimowanie poddanych, niewychodzenie na wlosc, stanowienie woyska liczby pewne na kazdą potrzebę Rptey et reliqua. Na ostatek rerum .... albo iesli to pomiesza, albo w swey klubie zostanie. Jesli się pomiesza, redibit ad Rempublicam totam, awteraznieyszym czasie, ze się Rpte wydzwignąc moze vel hoc benefitio plautibili populi, dosyc z nas będzie iesli tesz ta constitutia będzie durabilis, a Oyczyzna w pokoiu. To iest voti nostri caput y o to Pana Boga wszyscy prosimy. Accedant allius .... ingeniae et propinent Oyczyznie qui salubris et conducibilis; mihi satis est. Ode mnie Oyczyznie .... co ex magistra rerum widziec mogłem y tak concluduie: Niech Kozacy, iak byli, tak będą, gdzie chodzili, tam chodzą, co czynili, to czynią; niech in uno rotulo zawarci zostaną et ex ead. particula danych sobie włosci płacą sami sobie, a Rptey (sublata occasione wszelkiey zwady) służą; niech z Tatarami wadzą się, nie brataią, a Oyczyzna niech ma z nich y JKMPN Mlciwy poddanych y sług, a nie nieprzyiacioł.

Янъ Рудавскій также полагаетъ, что, еслибы не препятствовали козакамъ воевать съ невѣрными, то не было бы бунтовъ козацкихъ. Jedyna to taiemnica do zatrzymania w przyiazni i posłuszenstwie lud ruski do buntu pochopny, a na wszelkie przedsięwzięcia zuchwały. Hist. Polska, I, 9.

11.—Стр. 31, ст. 21 и 22.

Що наша Вкраіна
Стала шляхті раемъ,

Замѣчаніе инженера XVII вѣка, Боплана, что паны въ Украинѣ блаженствуютъ, какъ въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ, извѣстно каждому. Оно потверждается и другими печатными документами; а то вотъ выписка изъ рукописной записки о Польшѣ итальянца Петра Дуодо (1598 г.), добытой для автора, въ Венеціи, Н. Я. Макаровымъ: Quando alla trattation dei popoli la nobilta universalmente è in tanta licentia per la suprema autorità ch'ella ha nell diete, che non ha ne legge ni ordini che la ritengono. Il popolo minuto et specialmente i contadini sono talmente tirannizzati dai nobili che a pena possono dire haver libero l'habito che portono; et sopra gli altri quei della Littuania, i quali benchè raccolgono abondantamente, tuttavia non gliene resta per poter nudrirse et de lore familie, et questi ancora si possono dire ancora felici chi arrivono a poter vivere, in confronto di quelli

chi habitano vicino dei Turchi et dei Tartari. (Relatione di Polonia del clarissimo Pietro Duodo, nel 1598.) (*) Скарга, въ одной изъ сеймовыхъ рѣчей, упрекаетъ пановъ такъ: Dotknąćby i onego złego prawa, którem kmiecie i wolne ludki Polaki i wierne Chrześciany poddane ubogie niewolnikami czynią, jakoby *mancipia* kupieni abo na wojnie sprawiedliwej poimani byli i czynią z niemi drudzy co chcą na maiętności i na zdrowiu i gardle, żadnej im obrony i forum żadnego o krzywdy ich — drugdy nieznośne — nie daiąc i na nich *supremum Dominium* (na które się samy wzdrygamy) stawiąc, etc. etc. (Kazania Sejmowe, str. 95—97).

12.—Стр. 32, ст. 3—6.

Обливáлось пáнство
Дрібними слёзáми:
»Дóбра нáші, сéла нáші!
Що-то буде зъ вами?«

Этими стихами авторъ желалъ напомнить читателямъ слѣдующее простодушно-вѣрное замѣчаніе лѣтописца Грабянки о панахъ украинскихъ, основанное, конечно, на той истинѣ, что, гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше: »Въ тихъ часѣхъ Іеремѣй Вишневецкій, послишавши зъ Лубень, зъ войскомъ своимъ и зъ всѣмъ дворомъ, заплакавши по маетностяхъ, до Полщи рушилъ.« (Стр. 31—32). Коронный хорунжій Александръ Конецпольскій писалъ въ своемъ универсалѣ 1648 года, 31 мая: »...когда всѣ мы проливаемъ слезы (wszystkim nam łachrymis prosequentibus), потерявъ всякую надежду,—эти вѣроломные... ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ объ убійствахъ, пожарахъ, опустошеніяхъ и истребленіяхъ.« (*Памятн. Кіевск. Комм.*) II, отд. 3-й, стр. 44. Тамъ же, на стр. 31, см. сѣтованія Адама Киселя о потерѣ ста тысячъ злотыхъ годового доходу на лѣвой сторонѣ Днѣпра. У него оставалось еще, по его словамъ, отъ десяти до двадцати тысячъ злотыхъ годового доходу, но онъ, какъ истинный панъ, восклицаетъ: »Мы будемъ нищими, подобно нашей лифляндской братіи!«

13. — Стр. 32, ст. 7 и 10.

Прéдки нáші слáвні
Королямъ служúли,
И пустині Украíнські
Людомъ осадили..

Честь и слава имъ за это, а всё-таки не слѣдуетъ ломать стульевъ, хоть Александръ Македонскій и великій человѣкъ. Но, оставляя Гоголя съ его безсмертными насмѣшками, примѣнимыми не къ однимъ Русскимъ, обратимся къ документамъ, которые для автора—а можетъ быть и для его читателей—интереснѣе его стиховъ. Украинскія пустыни отдавáлись королями во владѣніе панамъ съ условіемъ населить ихъ, жить въ нихъ лично и, въ военное время, защищать ихъ отъ непріятелей. Такъ Владиславъ Ягелло пожаловалъ на По-

(*) Эта выписка сообщена авторомъ Н. И. Костомарову для пораженія кого-то изъ рыцарей Польской старины и, вѣроятно, употреблена имъ въ дѣло; но—repetitio est mater studiorum.

лольи (Украина у насъ вездѣ, гдѣ аборигены говорятъ по-украински) Томку изъ Коморникъ село Соколъ. Fia tamen, сказано въ жалованной грамотѣ 1406 года) quod in terra Podoliae, propter defectum hominum, residentiam faciat personalem, et ad singulas expeditiones nobis cum una lancea et duobus sagittariis idem Thomco et ejus successores obsequi tenebuntur et servire, sic etiamcum expeditiones domesticas, utpote circa defentiones terrae cum omnibus hominibus nobis et nostris successoribus venire sint astricti, et dationes, contributiones, laboresque, quibus cunque nominibus vocitentur, quae antecessoribus nostris ducibus, et principibus Podoliae, et possessoribus ipsius solvi solitae fuerant Nobis per kmethones et incolas praedictae villae efficaciter persolvan, tur. (*Zrzódla do Dz. Polsk. wyd. prz. Mich. Grabowskiego i Al. Przezdzieckiego*, I, 154.) Что паны обращали въ населенныя мѣста именно *пустыни*, это видно, между прочимъ, изъ грамоты Витольда, жалованный въ 1383 году. Тамъ сказано:... ведомо чинимъ — — аже есмо допустили садити село Княжую Луку на сырому кореню у Подольской земли, у Каменецкомъ повѣтѣ, межи реками Морашками, до берега Морашки Сенковской, зъ лѣсомъ, што зовутъ Стрыіовъ Рогъ и Куликовыми лѣски, аже потоля, гдѣ упадаетъ Морашка Сенковская у Мурахву Великую, Василеву Корачевскому, слузѣ нашому... (Тамъ же, стр. 144).

ВУСИ.

Пантелеймону Александровичу Кулішу.

Літъ сорокъ назадъ, а може й більшъ, вибрали мене въ засідателі. Замолоду служивъ я въ военній, въ кавалерії ще, такъ знаете, не хотілось мині зробитьця тимъ крюкомъ. Ну, дворянство стало прохать, »послужи,« кажуть, »громади, годі тобі сливи сушить, та солить, та наливать.» Сміютця, бачите, бо я зъ Опошні; а тутъ ще жінка присікалась: »лучче,« каже, »служить, чимъ байдики бить, та зъ Марьею Уласовною въ маріяша грать!« (Була у насъ сусідка така, знаете, якъ співають: *иду собі, підскакую...*) Нічого було робить, — отъ я й згодився.

Черезъ неділь дві, прислали мині повістку, що губернаторъ утвердивъ вибори, и щобъ я *неукоснительно, зъ полученія сего, прибувъ въ г. Полтаву, для принесенія достодолжной присяги.*« Винняла жінка зъ скрині мій милиціонний козакинъ; що порвалось — позашивала, та швиденько й випроводила, и зъ Марьею Уласовною не дала попрощатьця; и въ голову вона собі не клала, яке лихо мене тамъ стерегло...

Въ неділю, після служби, присягали, и зъ собору прямісенько поіхали до нашого председателя *учинить явку.* А председателемъ тоді бувъ той... що прозвали: »велике діло—опеньки:« нехочу єго й згадувать, бо вмеръ,—цуръ ёму, щобъ ще й не вилаявъ! Приіздимо, ввійшли въ передню, на дверяхъ стоіть лакей въ капталі, въ німецькихъ галаньцяхъ, не зъ нашихъ, — зъ председателемъ зъ Москви приіхавъ.

»А що,« питаемъ: »чи прийма?«

»Никаксъ нѣтсъ,« каже: »его превосходітельство не изво-

ляться принимать, неугодно ли вамъ росписа́ться.« И пока́зуе па́льцемъ на кни́гу, що лежи́ть на столі въ зеле́нихъ палятýркахъ.

Гля́нули ми оди́нъ на дрýгого, здвигнýли плеча́ми, та й стоімо́ якъ вко́пані: не зна́емо, що́ и роби́ть. Тоді не було́ ще у насъ того́ звича́ю, що якъ розво́зять ту *визи́гу*, та приіде ме́нший до ста́ршого, то не дае́ биле́тика, а тільки розпи́суетця.

»Что́ жъ, господа́,« ка́же лаке́й, »роти́ пороззявля́ли, изво́льте записиваться.«

»На-біса жъ?« пита́емъ.

»Такъ уго́дно,« ка́же, »его превосходительству.«

Стали совітоватьця, що́ воно́ за нечи́ста ма́ти ся кни́га; оди́нъ ка́же: »се, може, той альбо́мъ, що на па́мьять вірші пи́шуть, та проби́ті стріла́ми серця́ малю́ють;« дрýгий ка́же: »мо́же схотілось предсіда́телю поба́чить, яки́й у ко́го по́черкъ.« А лаке́й такъ надъ душе́ю й стоіть: »пишіть та й пишіть!« Отъ Кири́ло Онýфріевичъ Пищи́-Мýха, якъ грамотніший міжъ на́ми, й ка́же: »мо́же вінъ дýма, що ми й писа́ть не вміемо?« — взявъ перо́, тро́шки подýмавъ, та й начерка́въ:

»При сей вѣрной оказіи, спѣшу выразить душевное мое прискорбіе и сердечное сокрушеніе, что по непредвидимымъ обстоятельствамъ лишонъ щастя, лично засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе и преданность, съ которыми почтеннѣйше честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства, всепокорнѣйшій....« та й закрутивъ... (Де́ бъ—то ёмý не написа́ть: самъ те́рся по тихъ Петенбýргахъ!).

Дае́ піро́,—такъ всі одъ нёго, якъ одъ чо́рта, жаха́ютця. Оди́нъ дрýгого штовха́: »бери́ ти!« »ні, ти бери́!« Да́лі до ме́не: »почина́й,« ка́жуть: »я́къ тобі не вигадать? ти жъ на всю Опо́шню брехýнъ!« Взявъ я те прокля́те піро́, дýмаю: що бъ мині написа́ть ёмý на па́мьять? Встромлю́ въ чорни́лицю, нала́гожусь писа́ть, и знай стромля́ю: нічо́го въ го́лову не лїзе! А тутъ ще кругóмъ обступи́ли, ди́влятця, а лаке́й тро́хи въ поти́лицю не штовха́. Приміря́всь, приміря́всь, а да́лі й дýмаю: вїнъ дýже ла́сий до дівча́тъ, неха́й же посміетця,»—взявъ та й надрочи́въ:

»И вчо́ра галушки́ и сёгодня галушки́:
»Прийди́, прийди́, се́рденько, на бїлиї подушки́;
»И учо́ра кулішъ и сёго́дні кулішъ:
»Прийди́, прийди́, се́рденько, мою́ дýшу потішъ.

Пі́дписа́вся, та ще й закарлю́гу загну́въ, якъ хвістъ у хорта́. Тутъ вже за мно́ю и дру́гі почали́, хто написа́въ:

»Спро́бовать пера́ й черни́ла,
»Що́ въ ёму́ за си́ла:
»Такъ перо́ пи́ше,
»Якъ му́ха ди́ше.«

Хто розма́зався тимъ »глубочайшимъ,« а покійникъ Назаръ Семеновичъ Тупу́–Тупу́–Табуне́ць Була́ненький, *при сей вѣрной оказіи*, ще й жа́лобу на свого́ сусіда напи́савъ, що ззівъ у ёго »многопло́дного« инди́ка. Отта́къ запи́суемось, а дия́вольский лаке́й а́жъ мо́рду на бікъ гне та рего́четця.

»Не скажетъ вамъ,« ка́же, »его превосходительство за это писанье спасиба!«

»А що́ж?« ка́жу: »якъ вміли, такъ и написа́ли; ёму́ жъ схоті́лось на́шого писа́ння, — неха́й и чита́е по суббо́тахъ.«

Пі́сля сёго, розъі́хались гарне́нько по кватира́хъ и ні га́дки собі. Ажъ у ве́чері, принісъ до ме́не пала́тский сто́рожъ бума́гу. »Прочита́йте,« ка́же »и роспишітця.« »Що́ за вра́жа ма́ти,« ду́маю, яку́ мо́ду ви́гадали! такъ ба́чите воно́ й лего́нько роспи́суватьця! Прочита́въ, — тільки й напи́сано:

»Его превосходительство, господинъ статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, предлагаетъ Г.г. членамъ всенепремѣнно явиться къ нему завтрашняго числа въ десять часовъ пополунощи.«

»Се, ду́маю собі, на заку́ску приглаша́,« — та взявъ и росписа́вся: »бу́ду; хліба й со́ли не цура́юсь.« Хто ёго́ въ—бі́са й сподіва́всь, яка́ тамъ хлібъ-сіль бу́де!

На дру́гий день, якъ разъ въ де́сять часівъ, зібра́лись ми до предсіда́теля. Хо́димо по за́лі; вже й одина́дцять проку́кало,—ні самъ не вихо́дить, ні заку́ски неприготовля́ють, а вже пора́ бъ и червяка́ замори́ть. Отта́къ додержавъ насъ до двана́дцятого ча́су; да́лі лізе зъ кабине́та, въ мундирі́, въ бі́лихъ штаняхъ, щось на ши́ї теліпа́етця, ще й пе́рстінь на па́лець настроми́въ. Тілько ви́ткнувсь зъ двере́й, такъ за́разъ на ме́не й ви́тріщивсь, посатанівъ, ажъ зъ ви́ду зблі́дъ. Тутъ ёму́ кла́няютця; хто бубони́ть: *»честь имѣю явиться,«* а вінъ, ні на ко́го не гля́нувши, прямісінько до ме́не, — якъ крикне:

— »Къ кому́ вы явились?«

Дивлю́сь на ёго, чи не здурівъ, ду́маю: чого́ се вінъ такъ гри́ма? а вінъ въ-дру́ге ще ду́жче:

— »Я васъ спрашиваю, къ кому вы явились?«

— »Къ вамъ,« кажу́.

— »А я кто такой?« пита́ и самъ чо́ртомъ на ме́не дивитця.

— »Хведоръ Ива́новичъ,« кажу́.

— »Не Ѳе́доръ Ивановичъ, а ваше превосходительство,« знов затріща́въ: — господинъ предсѣдатель, вашъ начальникъ, милостивый государь мой!« ажъ запінився зъ се́рця.

Тю на твого́ ба́тька! ду́маю собі: чи ти скази́вся, чи натрі́скався кукульва́ну?... а вінъ скільки гло́тки своє́ співа́: »къ кому вы явились?«

— »Къ вашему превосходительству,« кажу́: неха́й, ду́маю, по твоёму бу́де.

— »А ка́къ вы явились?« знов репету́е: — отвѣчайте, милостивый госу́дарь мой! Какъ вы явились?«

Що́ за на́пасть така́? незна́ю, що́ ёму́ й каза́ть.

— »Съ достодолжнымъ уваженіемъ,« кажу́.

— »Развѣ въ такомъ видѣ, кричи́ть, — являются къ начальству съ достодолжнымъ уваженіемъ? Посмотрите вы на себя!«

Огля́нувсь я на се́бе, *все обстоіть благополучно:* меда́лі ви́сять, черво́ний по́ясъ и шабло́ка біля́ бо́ку. Да́лі оберну́вся до това́ришівъ та й питаю:

— Чи не зна́ете хочъ ви, чого́ одъ ме́не тре́ба ёго́ превосходительству, господину предсѣдателю, нашему начальнику?«

Якъ розсе́рдитця жъ, такъ Бо́же мій милостивий! підска́кує, якъ зінське щеня́, и при́ска — нена́че сукно́ мо́чить!

— »Вы милостивый государь мой, репетуе, — не имѣете должной атенціи къ начальству, не исполняете установленныхъ формъ, нарушаете государственныя узаконенія, я васъ въ двадцать четыре часа предамъ суду!«

— »Якъ бу́де за що́,« кажу́, »то мо́жна й за́разъ преда́ть суду́... Позво́льте, кажу́, крутну́вши вуса, — и мині васъ спроси́ть: чого́ вамъ одъ ме́не треба? хиба́, кажу́, дворя́нство на те мене́ ви́брало, щобъ на ме́не крича́ли, якъ на лаке́я?!« Та се ка́жучи, ще й ша́белькою сту́кнувъ. Доса́дно жъ, ій-Бо́гу, ста́ло! що́ за

чо́ртова ма́ти, ду́маю: прили́пъ до ме́не, якъ ше́вська смола́ до чо́бота. Такъ куди́! *піпъ своє́, а чортъ свое!*

— Молчать! кричи́ть: — вы еще осмѣливаетесь разсуждать! Посмотрите въ зеркало, въ какомъ видѣ вы явились къ начальнику!

Підві́въ мене́ до дзе́ркала; дивлю́сь: козаки́нъ мій защіпнутий на всі гапли́ки, меда́лі ви́сять, и про́чее де́ розірва́лось — позаши́вано; *все обстоіть благополучно*...

— Что́, пита́, видите?«

«Нічогі́сінько,—кажу́,—не ба́чу, чого́ вамъ одъ ме́не схотілось!

— Ка́къ — чего! зновъ закрича́въ:—на какомъ основаніи вы осмѣлились явиться ко мнѣ въ усахъ? Вы теперь состоите въ гражданской службѣ, а потому право ношенія усовъ на васъ не распространяется.

— Зъ сёго бъ и почали́, кажу:—якъ не роспространя́етця, то й ви́голюсь. Нічого було́ й крича́ть, якъ на живі́тъ: се бъ, кажу́,—и губернаторъ и самъ министръ такъ гло́тки не дравъ!«

— Прошу не разсуждать,—ка́же,—а исполнять, что́ вамъ приказываютъ; чтобы сего же дня выбрили усы, а не то — я васъ подъ арештъ посажу!

Далі ви́звірився на про́чихъ и ка́же: »Я васъ призвалъ, милостивые государи, чтобы выразить вамъ крайнее мое неудовольствіе за то неуваженіе и непростительную дерзость, которую вы учинили вчерашняго числа вашимъ неумѣстнымъ поступкомъ!«

— Позвольте узнать, ваше превосходительство,—почавъ Пищи́-Муха, — въ чемъ заключается неумѣстный нашъ поступокъ, учиненный вчера́шняго числа, изъ котораго можно бы усмотрѣть неуваженіе къ вашему превосходительству и непростительную съ нашей стороны дерзость?

— Ка́къ—изъ котораго? кри́кнувъ:—а какъ вы могли позволить себѣ писать въ визитной книгѣ такую дичь: и галушки́ и куліші, и жалобы записывать, словно на почтовой станціи,—когда вамъ слѣдовало только записать ваши фамиліи... Это просто бунтъ противъ правительства!.....

— На́ши именные списки,—зновъ поча́въ Пищи́-Му́ха (а вінъ вже таки́й бувъ, що хочъ кому́ но́са втре), доставлены уже вашему превосходительству; слѣдовательно мы никакъ не могли предполагать, чтобы вамъ предстояла надобность въ нашихъ фамиліяхъ,

а полагали, что ваше превосходительство интересовались болѣе на щотъ нашихъ почерковъ и словосочиненія, а потому каждый изъ-среды насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потщился выразить свои чувства и мысли, никакъ не предполагая, чтобы ваше превосходительство...

— Ну, довольно довольно!« (допікъ-такий ёго Пищи́-Му́ха!)—ви, ка́же,—якъ маятникъ въ часахъ: торкни́ васъ разъ, то ви де́сять разъ завиля́ете. Теперь, господа,« каже, повертаючись на всі сто́рони,—извольте отправляться; на первый разъ я васъ прощаю, но въ другой—будьте осторожны: я не люблю шутить! А вы, милостивый государь,« ка́же, гля́нувши на ме́не,—»чтобы сію минуту обрились! понимаете?

— Якъ не поня́ть, кажу́:—у ме́не е дурень, що сли́ви стереже́, — такъ и той васъ по́йме.«

На се хотівъ бувъ вінъ обізватьця, та попирхну́вся, скорішъ въ кабине́тъ и зачини́вся: обри́дло вже й ёму́ гри́мать, при́скать и підска́кувать. Ста́ли й ми вихо́дить, похваля́емъ ту га́спедьску за́куску, а секретарь нашъ, Ѳома Петровичъ, де́ не взя́вся, до ме́не й собі:

— Якъ мо́жна, ка́же, — въ граждáнській — ву́си носи́ть!«

— Та хочъ ви мовчіть, кажу́: — чортъ ба́тька зна зъ чо́го таку́ ку́ру підняли́! Не то ву́си, — и борода́ ділу не поміха!«

— А въ визи́тній кни́жці и на объявительному листу́,« ка́же: — що́ ви написа́ли?«

— Поцілу́йте мене́ сёго́дні, кажу́, — а я васъ за́втра!«

Не ставъ зъ нимъ и розгово́рювать и безъ ёго гірко на душі, такъ досада и розбіра́, такъ и повертá назáдъ, щобъ хочъ ви́лаять и́продового си́на. Скільки на світі живу́, а ніхто́ на ме́не не крича́въ, ні съ кимъ не ла́явсь,—тільки де-коли зъ жінкою;—а тутъ и не встерігсь, відкіля́ та й сва́рка ви́рвалась, бода́й ёму́ до сме́рти такъ підска́кувать та при́скать! Прийшо́въ на кварти́ру, за́разъ доста́въ зъ шкату́лки бри́тву, нами́ливсь, черкъ, въ дру́ге... такъ мої ву́си, не на́че ско́шена трава́, и впа́ли на рушни́къ. Якъ гля́нувъ же я на се́бе въ дзе́ркало, такъ ба́течки!... ажъ злика́вся, самъ себе́ не пізна́въ, чортъ-ба́тька-зна на ко́го й похо́жий, и ротъ криви́й, и що́ки позападáли, и нісъ похню́пився: зовсімъ не я, а німець Адамъ Ивановичъ Фрикъ, що въ Кременчу́ку шлёнку розбіра́е!... щобъ мині до за́втрёго не дожи́ть, коли́ брешу́! Въ пе́рший разъ, якъ живу́ на світі, довело́сь мині зголи́ть ву́си; лу́ччебъ

було́ и не дожи́ть до сёго ли́ха! Якъ би́ знавъ, що зробли́ось таки́мъ паску́днимъ, то Богъ ме́не поби́й, коли́бъ збривъ, хочби́ не то що пі́дъ судъ, — хочби жи́ли зъ ме́не тягли́! И кому́ зъ то́го прибуло́, що я безъ ву́сівъ?... кому́ вони́ мі́ша́ли: чи їсти, чи пи́ти, чи, якъ ка́жуть, вірою и пра́вдою служи́ти?... Якъ я тепе́рички до жінки вернуся? Якъ я гля́ну въ ві́чі Ма́рьі Ула́совні?... Згада́въ я й лі́та моі молоди́: не одна́, було́, гля́нувши на моі ву́си, збира́ла гу́бки на обо́рочку, не одна́ и цілува́ла и милува́ла іхъ!..... Ота́къ журю́ся, а слёзи капъ–капъ!.... Здае́тця, и за ста́ршимъ синомъ такъ не вбивався, якъ поме́ръ!... Мій Бо́же ми́лий! поду́мавъ, уда́ривши себе́ въ гру́ди: за́ що ти мене́ такъ лю́то покара́въ?...

Нічого було робити більшъ въ Полта́ві, бо въ до́лжность ве́лено вступа́ть тільки черезъ ти́ждень, отъ я й поіхавъ до-до́му. То було́ якъ ідешъ, то знай гука́ешъ на ку́чера: »торка́й, хло́пче, торка́й,« а тепе́рички сижу́ собі, схили́вши го́лову, нена́че мене́ на ши́беницю везу́ть: па́ри зъ ро́та не пущу́, хиба́ якъ шви́дко побіжи́ть, то озве́сся: »не жени́ ко́ней,—пото́мишъ!«—Такъ вже наровлю́, щобъ мині у ночі приіхать, бо жінка тоді була́ не поро́жня, то, ду́маю собі, якъ гля́не ра́зомъ на ме́не, та зляка́етця, то ще (неха́й вінъ ска́зитця) приведе́ Ада́ма Ива́новича Фрика. Підъіжжа́ю до свого́ дво́ру, уже́ зовсімъ сме́рклось, и въ буди́нку не світитця, вила́жу зъ бри́чки, а тутъ якъ зага́вкають на ме́не соба́ки! »тю, дурні,« кажу́, »хазя́іна не пізна́ли!« Хотівъ бувъ погла́дить, такъ бісові соба́ки гля́нули на ме́не, та въ–ро́стичъ. Війшо́въ тихе́нько въ сіни... такъ яко́сь чу́дно, ма́тері ёго́ бісъ, бу́дьто й не я,—здае́тця й ха́та не моя́, ійже Бо́гу пра́вда!... Ото́жъ, кажу́, якъ зага́вкали соба́ки, жінка й проки́нулась; чу́е — хтось війшо́въ.

— Хто тамъ?« пита́.

— Се я,« кажу́.

— На ко́гожъ тамъ соба́ки га́вкали?«

— Не зна́ю.«

— Та йди́ жъ, — кра́десся!«

А въ ме́не таки́й звича́й бувъ, що, було́, якъ приіду до до́му, то за́разъ, хочъ и вночі, всіхъ розбу́ркаю: зъ дітьми гра́юсь, зъ жінкою цілу́юсь, бабу́сю Ори́шку, що за дітьми пригля́дуе, зачіпа́ю; а тепе́рички якъ тать, мовъ той зло́дій, кра́дусь,—не зна́ю, на яку́ й ступи́ть. Підійшо́въ до крова́ті, а жінка протя́гуе до ме́не ру́ки цілува́тьця. Поцілува́лись, а вона́:

— Хто́ се?« та мене́ руко́ю по губа́хъ... Якъ паро́бить ре́петy: »Ой ли́шечко! Зло́дій!... Ори́шко, вогню́, вогню́!«

Я її уговорюю,—такъ куди́! не слу́ха: и рука́ми й нога́ми відъ ме́не.

— Не підступа́й!« кричи́ть,—не підступа́й!«

Всіхъ дете́й перепола́шила, та вже Ори́шка прибігла зъ свічкою. Ви́тріщились на ме́не, ди́влятця... здає́тця й я, такъ не я жъ: нема́ ву́сівъ!

— Що́ се зъ тобо́ю ста́лось?« пита́ жінка:—чи ти живи́й, чи ме́ртвий?!» а сама́ ажъ пополотніла,—тру́ситця, пена́че тря́сця її трясе́.

— Тимъ то й моє́ ли́хо,« кажу́, — що живи́й!«

— Що зъ собо́ю зроби́въ?« пита, — оглаше́нний!«

— Се жъ, кажу́,—да́ка тобі: тепе́риньки вже не бу́ду ба́йдики бить, та зъ Ма́рьсю Ула́совною въ марьяша грать!

— На́ що жъ ти ву́си збривъ?« пита́.

— Тепе́ръ состою́ въ граждáнській,» кажу́,—якъ и мині казали:— а потому́ пра́во ношéнія усовъ на ме́не не роспространя́етця.«

— Чи вінъ пья́ний, чи здурівъ?« ка́же жінка, гля́нувши на Ори́шку; та якъ заголо́сить, якъ вда́рить себе́ въ гру́ди, а за не́ю дітвора́ й Ори́шка; а бісови соба́ки почу́ли,—ну й собі: и виють и скі́глять, такъ-що Бо́же мій милости́вий, таки́й гвалтъ підняли, хочъ зъ ха́ти,—та що зъ хати!—зъ села́ тіка́й... про́сто кіне́ць світа наступа́е.

Отта́къ цілісеньку ні́чку ро́мали, и я зъ ними́: сижу́ та пла́чу. До крові гу́би собі подря́навъ: хо́чу, зна́ете, вусъ крутну́ть, ханъ за гу́бу,—нема́ ні́чого, и вдряшу́...

На дру́гій день, така́ напа́ла на ме́не нудьга́, хочъ кріз зе́млю провали́тьця. Що́ кому́ не ска́жешъ, ніхто́ мене́ не слу́ха: діти одъ ме́не одверта́ютця, жінка хли́па, ні о́дна дворо́ва соба́ка, ма́тері іхъ бісъ, до рукъ не йде. Ду́маю собі—що́ мині на світі робить?... А тутъ ста́ли сусіди навідуватьця и Ма́рья Ула́совна прийшла́, а я одъ нихъ хова́юсь, та лице́ закрива́ю, пена́че, — ка́зна-що́ таке́.... Ій же Бо́гу пра́вда! На тре́тій де́нь зо всімъ таки́ осла́бъ, е́ле ди́шу: гру́ди мині заложи́ло, живітъ підвело́, (за три дни шматка́ хліба въ ро́ті не було́), не зна́ю вже, чи голова́ въ ме́не на пле́чахъ, чи мо́же кавуно́къ. Жінка вбива́етця,

діти пищáть! Зовсімъ такúй налáгодився вмирáти, хочъ за попóмъ носилáть!...

Колú, на моé щáстя,—такъ вже Богъ милосéрдний не схотівъ посиротúть моіхъ діточóкъ,—приздúть Григóрій Григóровичъ Захáрченко, оттой, мóже чýли, що й въ чóрта вúгравъ би тяжбý,—такъ, кажý, приздúть; якъ глянувъ на мéне—и назáдъ одступúвъ.

— Щó се зъ тобóю, братíку?« питá.

— Пропадáю,« кажý:—се моя́ за мнóю прійшла!«

— Та не бреши́,« кáже,—тебé ще й поліномъ не добъéшъ. Тільки,—кáже пригля́дуючись,—дýже знаскýднівъ: чого́ се?«

— Хибá вамъ повилáзило?« кажý.

— Вýси збривъ?

— Эгé!

— На-бíса?« питá.

— Нечúста мáти въ граждáньску понеслá, — такъ тепéрички право ношенія усовъ на мéне не розпространя́ется.«

— Хто се тобí вúгадавъ?

— Егó пре.....тéе, кажý,—щобъ ёмý добрá не булó!«

— Брехáли ёго́ бáтька синú, та й вінъ зъ нúми,« кáже:—тижъ зъ мундúромъ въ остáвці?«

— Такъ щó?

— Такъ колú мундúръ на тобí, кáже, спасибí ёму,—такъ и вýси при тобí!...

— Ій Богу?

— Побáчишъ,« кáже:—я тобí й указъ дамъ.«

— Бáтьку мій рідний,« кажý:—на світъ ти менé народúвъ!« Якъ скóчу зъ кровáті,—ну ёго́ обнімáть та цілувать, а вінъ менé пихáе.

— Ну тебé къ бíсу,« кáже:—якъ шпильками шпигаешъ!« Бáчите, одрослú трóшки вýси, такъ щитúна й колéтця.

Тепéречки, спасибí імъ, попасилáли тихъ *тóмівъ:* щó трéба, хочъ не скóро, а налáпаешъ, а тоді — скорíшъ скарбъ изнáйдешъ, якъ чого́ тобí трéба. Не у всякімъ повíті булú такúй и люде, якъ сей—що розкáзую—Захáрченко: шукáють, булó, шукають, та й плю́нуть... Такé лúхо булó, не повірите: колú скáжуть, що прáво ношенія—не то вýсівъ—головú на твоіхъ плечахъ—не роспространя́ється, то не турбýйсь шукáть,—чи воно́ прáвда, чи брехня́, стинáй голову, та такъ и ходú... Щобъ я пропáвъ, колú не прáвда!

Ну, якъ почýвъ я одъ Захáрченка про той указъ, то дé въ мé-

не й сила та взялась! повеселівъ, якъ на світъ народився. Зáразъ жінка поставíла намъ закýску, вúпили по чáрці, по другій, староі, бутúлки зó дві, сливьянки, а тимъ чáсомъ запрягли́ мині брúчку, та скілько вúдно—й заторохтівъ зъ Захáрченкомъ. Дорóгою, щобъ менé не побáчили, обвязáвся платкóмъ, тільки óчі й блищáть. Хто не стрінетця, пізнá менé по кóняхъ, и питá: »чогó се ти обвъязáвся?« —Бишúха,« кажý, »народúлась.« Приіхавъ до Захáрченка. Якъ давъ вінъ мині той указъ, то неначе рідного бáтька побáчивъ!.. Ну, тепéрички, дýмаю, вáше пре... тéе... чий чортъ бýде стáрший!

Вернýвся до-дóму и два місяці вúсидівъ въ карантинý, пóки вýси не повідростáли такъ, що вже й жінка зо мнóю цілýстця, и лю́де слýхають, и собáки на мéне не гáвкають. Вже й зъ Мáрьею Улáсовною въ марьяша граемось, а тутъ така підпялась перепúска! зъ Полтáви повістка за повісткою: »неукоснительно, съ полученія сего, имѣете явúться.« А я імъ въ одвітъ: »по случаю приключившейся внезапно болѣзни!« Ще зъ місяць підождáвъ, такъ якъ вже стáли закрýчуватьця, и поіхавъ въ Полтáву.

Тільки приіхавъ, зáразъ натя́гъ на себе козакúнъ, причепúвъ шаблю́ку и пішóвъ въ палáту, се бъ то *вчинúть явку*. Вхóжу въ присуствіе... якъ гля́не на мéне г. предсідáтель, такъ ёгó й зжолóбило, ажъ носомъ закрутúвъ.

— Чтó это, милостивий государь мой,« крикнувъ, — вы уклоняетесь одъ служби, и вторично осмѣливаетесь явиться ко мнѣ въ усахъ!«

— »Се,« кажý,—ще не вýси, а усúшки, а отъ якъ вúростуть, то бýдуть усúща!« А самъ держусь за той указъ, якъ сліпúй за поводачá.

И!.. якъ закричúть, та підскóче, та присне: »я васъ, милостивий государь мой, въ двадцать четыре часа...«

— Не гарячітця,« кажý:—кровъ спóртите, а ось подивітця!« Та тиць ёмý въ рýки указъ. Дивúсь, дýмаю, хочъ повилáзять.

Прочитáвъ, — я́кось чýдно лýпа очúма, гýби дрижять...

— Ѳо... Ѳома Пе... Петровичъ!—ка́же, запинáючись:—чтó это такое?

Хомá настáвивъ óко:

— Высочайший,« ка́же.

— Безъ васъ зна́ю, ка́же предсідáтель,—а распространяется ли право ношенія усовъ?«

Хома́ круть-верть, сюди́–туди, нічого роби́ть.

— Роспространя́етця,« ка́же.

Това́рищі ди́влятця на ме́не, переляка́лись, ду́мають собі: бу́де мині ха́лепа! А я дивлю́сь на супроти́вниківъ, такъ іхъ очи́ма й імъ, та ву́си кручу́. Предсідатель гля́нувъ на секретаря́, повертілись вдвохъ сюди́–туди́, та й посіда́ли тихе́нько; ні о́диныъ и па́ри зъ ро́та не пусти́въ. Що́, ду́маю собі, піймали о́близня?...

Такъ оттака́–то чудасія була́ зъ моіми ву́сами! Якби́ не той ука́зъ, то мо́же бъ довело́сь и ду́теля ззісти! Зга́дуючи про́шле, не разъ ду́мавъ: пра́ву лю́ди ка́жуть, що за Бо́гомъ моли́тва, а за царе́мъ слу́жба нікóли не пропада́е. За пятнадцятилітню безпоро́чну ви́служивъ-таки́ собі те, що тепе́рички ніяке превосходи́тельство на світі не обри́е мині ву́сівъ,—отъ що́!...

Олекса Стороженко.

1861 г.
С. Жемчужное.

ВЕСНЯНКИ.

I.

Сіло сонце за горою,
Місячéнько сходить,
А мій милий на вулицю
Співать не виходить.

Вийди, вийди, мій голубе,
Вкупі заспіваемъ
Надъ річкою – Коломакомъ
Въ зеленому гаю.

Вийди, вийди, мое серце,
На тиху розмову,
Коли хочешъ мене бачить
Веселу й здорову.

Вийди, вийди, козаченьку,
У вечіръ пізненько,
Пригорну тебе до серця
Щиро и близенько.

Вийди, вийди, лебедику,
Поки світить зóря,
Не завдавай молодому
Ти серденьку горя.

II.

Пішовъ козакъ у лісóчокъ
Калини ламáти,
Зустрівъ дівку – чорнобривку —
И ставъ переймáти.

»Дівчинонько, моя люба,
»Стривай.... поговóримъ;
»Нехáй же я придивлюся
»Та на твої брови.

»Дівчинонько, мое серце,
»Постій — пожартýю;
»Дай–подивлюсь тобі въ очі,
»Стиха поцілую.

»Дівчинонько, моя пташко,
«Ходімъ въ мою хату;
»Я посіявъ грядкú – квіткú...
»Будемъ вкупі рвати.

— »Ой не гараздъ, козáченьку,
»Ой не гараздъ робишъ,
»Що ти мене молодéньку
»Та изъ ума зводишъ.

»Ой не гарáздъ дівчиноньку
»Въ лісу переймати:
»Треба перше до матінки
»Сватівъ засилати.

В. Куликъ.

С. Нижні Млини, коло Полтави.
Весною, року 1861.

ВЕСЕ́ЛА УДОВА́.

Сва́тавъ мене́ двічі панъ
Воéнний–вельмóжний;
Сватавъ мене й хліборóбъ —
Чоловікъ замóжний;
А я собі удова́
Та й тимъ не журю́ся,

Поки ли́чко червоніе
Зо всёго сміюся.
Якъ схо́чу я погуляти —
Зняла́сь, одягла́ся,
Коло мене — и музи́ка
Де́ не узяла́ся;
И підківки відска́кують
Зъ чобіто́къ відъ таньцівъ...
Вийшла зъ ха́ти у-ве́чирі,
Вернулася вранці;
Коза́ченьки чорноу́сі
Зо мною жарту́ють,
А дівчата зави́дливі
Мині ворогу́ють;
Коза́ченьки коло мене
Округи́ захо́дять, —
У госпо́ду, на розмо́ву
До мене прихо́дять;
Чи заболить голівонька,
Зану́дить серде́нько —
Розважають — заглядають
Въ очи́ці пильне́нько.
Одинъ ліки мині ра́дить,
Дру́гий відмовля́е,
Третій сяде коло мене
Ру́ченьки згорта́е;
Поди́витця, приди́витця —
Таку річъ заводить,
Що щастливший — якъ зо мною
Слово проговорить.
Пожалку́ешъ, пожарту́ешъ
Та просто імъ въ вічі:
»Не годи́тця, коза́ченьки,
»Кохатися двічі!
»На́ що мині вінчатися,
»Та губи́ти долю?
»Буду собі удово́ю
»Пильнува́ти волю...

»Після шлю́бу—не до танцівъ!
»Якъ дітки маленьки —
»Той істоньки, той питоньки
»Попросять у неньки.

В. Куликъ.

С. Нижні Млини.
16 квітня 1861 р.

ХАТНЄ ЛИХО.

I.

На все село́ була́ въ насъ коли́сь Пара́ска Духанівна: весе́ла, мото́рна; бро́ві се́рпикомъ, повнови́да, кра́ска зъ лиця якъ не при́сне. А жартовлива жъ! Оце́ було́ сиди́мо... въ одну ха́ту насъ, дівчатъ нати́ритця, було́, якъ ра́ківъ у я́тіръ, на по́прядки,—отъ и Духанівна мі́жъ на́ми пряде́; и не згле́димось, коли́ вона́ й ви́нирнула: вско́чила въ сіни, соро́чку ви́смикала изза запащи́ни, щобъ слободнійше було́, вско́чить у ха́ту, візьметця въ боки—гопъ—гопъ! и пішла гупотіть и вся́кі ка́верзи виро́блювать. Що́ було сміху́! А то́ ще було до іі ввя́жетця нашъ Андрій, старий міро́шникъ, тро́хи вки́нувши. »Ій Бо́гу«, ка́же, »Пара́ско, ти пійдешъ за мого́ Петруся́: въ ме́не млини́, въ ме́не камені... Хочъ що-дня іжъ паляни́ці й книші. Гай круго́мъ вели́кий. А по́ля—скільки очи́ма заки́нешъ: усе́ вамъ поки́ну». А въ ёго нічо́го не було́,—тільки вітрякъ, да й то па́нський, а вінъ міро́шникомъ. Отъ, Пара́ска постерігши ёго й почне́ передъ дівча́тами похваля́тись: »Що въ мого́ Петруся́ добра́! млини́, камені; жита́ які, гречки́! и о́комъ не згле́дишъ; зе́лено, да кра́сно; живи́ собі да мяки́ паляни́ці іжъ. А оде́жи, оде́жи въ мого́ Петруся́! жупанівъ, кужухівъ,—ажъ міль ість! Пійду за ёго. Сёгодні си́ву ша́пку на бакри́нь зве́рне, помолодику́е; на за́втра чо́рну смуше́ву; а ще жъ то якъ дру́жка квітку наши́е! А чо́боти юхто́ві, но́ві, жупа́нъ си́ній, поясъ каламайко́вий, стёнжку зъ соро́чки черво́ну ви́пустить,—усе́ село́ зало́мить. Пійду́, пійду́ за Петруся́!«

Оттаке́ було́ коверзу́е Духа́нка, похожа́ючи по ха́ті, да ще й руко́ю підопре́тця да й вигу́турюе; да ще нібі й загада́етця. Сміху́

було́! И старі на пе́чі, во́вну скубучи́, кіхкають; а вона́ й не всміхнетця, мовъ сама́ собі въ ха́ті. Да й знову почне́: «Засіки по́вні гре́чки, овса́! а свине́й, а корівъ!»

А въ ёго таке́ убо́жество! тільки одна́ свитина на пле́чахъ. Да почне́ було́ прибіра́тись, мовъ до вінця́, уквітча́етця; якъ ні-чимъ, то хочъ гильечка́ нала́мле зъ сухи́хъ гвозди́кивъ, або кали́ною вбере́тця да тоді й гука́е на насъ, щобъ ми весільныхъ пісень співа́ли. Ми було́ ча́сто й одгуля́емъ весілле, и хлібъ баби́ замість корова́ю поділять: ся́ кого́ було́ не підведе! Що то́ була́ за дівчина! зайде въ ха́ту, то мовъ зоря́ зоря́е. Перестýпить черезъ порігъ—уже́ й сміхъ. Та ско́ра жъ, та хистка́ якъ та ла́стівка. Куди́ вбіжи́ть на годи́ну — хвіть-хвіть, — уже́ боржій и съ хати. »Да гуля́й«, ка́жуть: »чого́ поспіша́есся?« — »Гуля́ла бъ, да хліба не бра́ла, а ви не дасте́.» Да вже тільки запащи́ни кіне́ць поба́чишь,—уже́ й зни́кла. А хто нагодитця въ ха́ту на по́лудень, чи що́:» хлібъ да сіль!» — вона́ вже й одрізала: «Імо́, та свій, а ти въ поро́га постій».

А то́ разъ вона́ спорядила́сь йти храмова́ти до тітки, въ друге село́. По́ки дійшла вона́ до того́ села́, то трёхъ собі женихівъ здобула́. Оце́ зайде въ яку́ ха́ту по дорозі одпочи́ти, (люде все знакомі),—отъ, привіта́ютця; хазяйський па́рубокъ, те́, да се́, по слову перемо́вились; а по́слі й ка́же:—Чи пійдешъ?«—»Пійду́, сва́тай.« Або́ подру́га, що вкупі зъ не́ю зажина́ла: »Отъ якъ би мій братъ тебе́ взявъ за се́бе: якъ би ми га́рно пожили́! «—»Цуръ ёму́, некъ ёму́! геть ёго сюди! Неха́й сватівъ шле́—пійду́». Така мордо́вана! По́ки дійшла́ до тітки, такъ и тре́тю собі па́ру споружи́ла. Оди́нъ ище въ не́і й питае: «Що жъ тобі, Пара́сочко, подарува́ти? «— «Корко́ві черевики́!» ка́же.

II.

На дру́гий день верну́лась на́ша Пара́ся съ храмова́ння до госпо́ди. Ра́да ма́ти що дочка́ верну́лась: ій той день за два дні зда́вся. Ажъ щось дзеле́нь-дзелень, да підъ двіръ. «Що се таке? чи не при́ставъ іде?» каже ма́ти. «Ворота одчиняютця у нашъ двіръ; тройка ко́ней и іхъ че́тверо сиди́ть на во́зі, мовъ щось не про́сте... Ой огради́ жъ насъ кре́стная си́ла! Чого́ ёго́ до насъ несе?»

Пара́ска ви́глянула да ажъ зблідла:

— Матінко! се жъ Ларіёненко зъ староста́ми. Я за ёго не пійду́, не пійду́.

— Ти жъ по чо́му се зна́ешъ, моя́ до́печко? Дай, Бо́же, часъ до́брий! Благослови́ Госпо́дь: се хочъ кому́ па́ра.

— Не пійду, не люблю! хочъ живу́ въ зе́млю положіть!

А тутъ старости́ съ хлібомъ, зъ сіллю на порігъ и Ларіёненко зъ корко́вими череви́ками підъ плече́мъ. Самъ таки́й одягни́й; си́ній жупа́нъ на ёму ажъ вили́скуетця, на всіхъ смуше́ві шапки́,—багатирі! Два дядьки́ стари́і староста́ми. Привіта́ли, якъ пово́дитця, ма́тіръ.

— Сіда́йте, люде добрі.

— Неха́й же зъ сёго ча́су все до́бре у васъ садови́тця.

И питають: — Чи отдасте́, чи неха́й ще підросте́?

А ма́ти ка́же:

— Ви́пийте по ча́рці... Сватъ не сватъ, а до́брі лю́де.

До Пара́ски, а вона́ дава́й одкида́тись, да й захова́лась у запічокъ. А Лариёненко іі за рука́въ: «Ти жъ каза́ла, щобъ приізди́ли, ти мені сорому́ наробила! Я зъ го́рода старостівъ напроси́въ, и коня тре́тёго підпрягти ви́просивъ. Тепе́ръ мене́ парубо́цтво очи́ма бу́де низа́ть и вдовшъ и впо́перекъ; просвітку мені́ не буде. За ме́не ні одна́ дівка тепе́ръ не піде!

А дядьки́ нічо́го не сказа́ли; не ви́пили могоричу́; — за небо́жа, за свій хлібъ—да й пішли́ съ ха́ти не попроща́вшись.

Де́-які ще збіра́лись іхати до іі съ хлібомъ зъ сілью, да прочу́ли одъ люде́й, я́къ верта́лись зъ гарбузо́мъ, да й остерегли́сь: покла́ли шапки́.

III.

По́слі сёго вона́ до́вго подівова́ла. До́вго обіхо́дили іі парубки́. Ажъ уже́ на двадця́тому го́ду дожда́лась па́ри,—дожартува́лась до свого́ ли́ха. Прика́щицький синъ за се́бе іі взя́въ; и хороший и замо́жний, и вони́ давне́нько накида́ли о́комъ одно́ на дно́го; вінъ замовля́въ и́ноді й словомъ, да тілько Пара́ска про себе́ се́ держа́ла, бо й не сподіва́лась: багати́рь, да й на во́лю ёго́ за ба́тькову пра́цю ви́пустили пани́. Ще жъ и те іі тро́хи зупиня́ло, що вінъ серди́того ба́тька синъ, та й самъ му́сить бу́ти серди́тий. «Не йди, Парасю,» ра́дять було іі

дівча́та: недогóдишъ багатирéві». А вінъ до неї вже й при лю́дяхъ, якъ го́лубъ коло голу́бки бурко́че. Вона й байду́же на людські ре́чі, одкри́ла ёму́ ду́шу: каза́ла, що иногді було́ наси́лу зупиня́є своє́ се́рце, якъ ёго́ де заба́чить, щобъ не ки́нутись до ёго́. Люблячись вони́ собі й побра́лись, на ди́во лю́дямъ и, здава́лось, на вічну утіху ма́тері.

Га́рно ззіла, га́рно й сходи́ла Пара́ска. Було́ піде до це́ркви, да вбере́тця у ёго́ ма́тері ку́нтушъ зъ срібними у́сами, въ старосвітський очіпокъ парче́вий, — намітка аж за коліна, — увійде въ це́ркву, почне́ свічку ста́вить, покло́ни покладáти,—лю́де оче́й не зво́дять. Прехоро́ша була́! По це́ркві тілько цокъ-цокъ підківками: мовъ гетьма́нського ро́ду; а у ії тілько дідъ бувъ духо́вного званія,—того́ й вона́ прозива́лась Духа́нкою, або Духанівною.

IV.

Не до́вго жъ вона́ понишáлася! такъ, годо́чокъ або́ зо два. За га́рного, ка́жуть, нойди́, га́рне й ли́хо бу́де. Правду люде казали, що сердитий буде Петро́, якъ и ёго батько-прикащикъ. Разъ вінъ приіхавъ зъ лу́гу; вона́ ёго́ й не сподіва́лась. Увійшовъ у сіни, а вона́ зо мно́ю да зъ сусідою стоїть, бала́кае. Таки́ щось здаéтця прова́дила своє́, якъ и дівкою була. А вінъ не сказа́въ ій ні здоро́ва була́, нічо́го, да зъ се́рцемъ до не́ї: »А дити́ну поки́нула!» (уже въ іхъ и дити́нка найшла́ся). Зна́ете, при лю́дяхъ, не поздоро́вкався, да бу́цімъ то вже ій дитина не така́ мила́ якъ и ёму́: ура́зивъ ії заразо́мъ двічі въ се́рце. Вона́ такъ и згоріла, да ка́же: «Воно́ гуля́є; я ёго́ на полу́ по́ясомъ припья́ла».

И пішла́ слідо́мъ за Петро́мъ, на́че не своіми.

Ха́ту непричи́нену поки́нули. Я й у́хо приложи́ла; се́рце въ ме́не тілько тёхъ-тёхъ!

Постанови́ла вона́ обідать на стілъ, да вже я́кось безъ привіту, ій и въ ду́шу не йде: сло́во не такъ-то мо́вится. А чува́ть було́ по людяхъ, що вони́ живуть собі мовъ ри́ба зъ водо́ю; тільки я щось помічáла, та мовчáла. Се впéрше чу́ла такі незва́жені ре́чі.

Вона́ вже до ёго и те́ и се́, да ба! сама себе́ не розва́жить.

Вінъ, тро́хи одійшо́вши, примітивъ вели́кий сму́токъ на виду́ въ Пара́ски, да й спита́въ—такъ щире́нько:

— Чомъ се ти не іси́, Пара́сочко? хиба пообідала?

— Ні.

Сказать би пообідала: ли́шенько жъ, якъ же ёго́ обмани́ти?

— Чомъ же се?

— Такъ.

— Чого́ жъ се? чи не зобі́дивъ тебе́ хто, Пара́сочко?

— Ні.... такъ.

Жаль ій зроби́лось ёго́; жаль сказа́ти, що ти́ мене, Мико́лочку, улу́чивъ якъ стрілою́ зъ лу́ка,—бо вінъ на не́і яснє́нько такъ згля́нувъ: а все таки́ въ серці щеми́ть. У насъ не такъ и бійкою, якъ сло́вомъ дійме́шъ. Иногді трапля́лось, що вінъ ій ду́же нала́е, хочъ и безъ люде́й; дакъ послі якъ одійде, пе́стить було́ ій всякъ: и голу́бка мо́я вірная и ожи́нко по́вная и перепілко моя́ утішная: на́че ёму́ рідна́ ма́ти на́ ухо шепче. А якъ коли́ загори́тця, то й ха́та мала́. Було́ ви́плачетця Пара́ска у комо́рі, ви́плачетця до́бре, а одъ людей въ тайні хорони́ла, що щими́ть се́рденько: пощими́ть, да й забу́ла Пара́ска. Лю́бо зновъ у іхъ и хо́роше у осе́лі, мовъ соловейки щебе́чуть! Пара́ска зновъ весе́ла и гомонли́ва и привітна́: й радіе дити́ні и чоловікові. Тілько вже шо дальшъ, то вінъ ій то тимъ, то сімъ та й шпигне́, а якъ коли́, то й при лю́дяхъ. По́слі вже не ско́ро, не ско́ро, списа́ла вона́ мені якъ на доло́ні своє́ житте, а то все було́ одмовля́етця. Чи за дити́ну, чи за стра́ву, чи за хлібъ, що зда́етця ёму́ не вдавсь, да й захо́дитця; такъ що вже у Пара́ски й ноги тру́сятця. И вже нема́ въ ёго ні́жного сло́ва до не́і: стара́етця вона́ якъ мо́га; ду́мае: «Що́ це я така́ пло́ха зроби́лась! не тільки чоловікъ було́ похваля́етця людямъ мно́ю, а й сусіде, спаси́бі імъ, мене́ не обхо́дили до́бримъ сло́вомъ... Яки́хъ буханцівъ, книшівъ було́ удамъ! поздоро́въ Бо́гъ мою́ мату́сю, що всього́ навчи́ла на про слу́чай сварли́вої свекру́хи; а вінъ таки́ усе́ сіпъ да сіпъ!»

V.

— Охъ, мені ли́шечко, ка́же, убігши разъ до ме́не въ ха́ту Пара́ска. Рука́ въ ме́не боли́ть чого́сь. Учини́, сестри́це, будь ла́ско, паляни́ці на за́втра.

А вона́ вже собі й віри не дойма́е: ій зда́етця, що вони вже іхъ не такъ постановля́е. Що́жъ? и моі не вподо́бавъ.

Жу́ритця Пара́ска по-тро́шку: приміла бъ ду́шу туди́ вдихну́ла, щобъ тільки ёму́ понорову́ було́; ні!... Терпи́ть вона́. Защими́ть тро́шки, да й забу́де. Тільки оце було́ ду́мае: «Сёгодні мій Мико́ликъ таки́ сердитішенький, ніжъ учо́ра. Що тамъ ёму́ е́? хто ёго́ такъ драту́е? Я, здае́тця, нічо́го ёму́ не заподіяла и мили́йший вінъ мені, ніжъ сві́тъ Бо́жий.» Да погля́не на свою́ дити́ну да ще й поцілу́е: воно́ на ёго́, ба́чте, ски́нулось.

А вінъ не зна́е ії ду́мокъ таки́хъ щи́рихъ про ёго́, да й гримне́ (було́, все те мені пороска́зуе): «У ха́ті въ те́бе, Пара́ско, якъ у сажу́; ко́мінъ закурівъ, якъ у ви́нниці.« —»Да сёгодні жъ субо́та, а я позавчо́ра іхъ змива́ла... Пійдешъ пообідавши наглядáти, якъ сіно скидáтимуть, я й помию и ко́мінъ пома́жу ра́зомъ.« А вінъ за ша́пку да й лясь двери́ма.

Я й ста́ла постерега́ти: якъ вінъ изъ ха́ти, то я й до не́і. Бо́же мій! стоіть Пара́ска середъ ха́ти, ні жи́ва ні ме́ртва: »Го́споди! чи лю́бить мене Мико́ла?« ка́же: »чи такъ же годи́тця гри́мати! Я жъ ёго́ не зобідила ні чимъ, а коли́ хотілось ёму́, щобъ я за́разъ помила́, дакъ хиба́ жъ я коли́ ёго́ не послу́хала? Чого́ ёму́ бажа́лось? Я бъ усю́ ніченьку спáти не лягла́, да все бъ ёму́ вроби́ла, чого́ ёму́ схотілось. Коли́ жъ ёго́ хто дру́гий зобідивъ,—чимъ же я ви́нна? Що жъ вінъ на мене́ пеню́ злива́е?« Да вже й старе́ на ду́шу сплило́: «А чи можна жъ таки́ при лю́дяхъ не поздоро́вкатьця? Чого́жъ се такъ вінъ до ме́не? хиба ёму́ вдивови́жу, що ко́мінъ чо́рний, якъ ёго́ тру́сять? Хиба́ жъ вінъ не ба́чивъ, що ла́вку позавчо́ра змива́ла и тепе́ръ хочъ би такъ и къ Вели́кодню зоста́лись, то.. ніхто́ бъ и не примітивъ, що й не мі́ті. Чого́ жъ ёму́? А вінъ же мені таки́й лю́бий, якъ и під вінце́мъ бувъ, або́ ще й кра́щий. Дити́но моя́, чого́ жъ твій та́то мене нівечить? хиба́ жъ я не твоя́ ма́ти? го́ренько жъ мое, ли́шенько жъ мені!»

Да такъ почала́ ніби тро́хи й марніти. Почала́ я до не́і приглядáтись. Гово́рить, було́, гово́рить, да й загада́етця. А ді́вкою су́му тому́, я ду́маю, не няла́ й віри, що й е́. Було́ ії якъ воро́жку підсила́ли до люде́й, щобъ одво́дила ту́гу одъ се́рця. Такъ и зніме я́сними очи́ма, щи́рими реча́ми.

VI.

Я ії разъ поспитала на самоті: «У те́бе есть щось важке́ на се́рці? Скажи мені.« — »Тепе́ръ,« каже, »пі́стъ, дакъ чого́ жъ

химороди гна́ти!« А бува́ло и въ мясни́ці поспита́ю: »Нічъ,« ка́же, »не доспа́ла: хтось на дити́ну нагля́нувъ«, да ще й спля́не. Така́ була!

И за нимъ тоді ста́ли ми примі́чати, що смі́хъ зъ ёго́ устъ испа́въ. А тутъ ще підско́чила приго́да. Ходивъ по боло́ту та, втомившись, на купахъ у очере́ті й засну́въ, дакъ ёму́ щось и ста́лось; почавъ кво́литись, що въ боку́ боли́ть. Съ того́ ча́су ставъ ще сердитійший. Уже було́ хочъ и зъ людьми́, то не здержитця. Що́ ні зро́бить було́ Пара́ска—усе́ не гара́здъ у ёго. Съ чужими ще постереже́тця, бо ті ёму́ не спу́стять, а ій доганя́е та́къ-що!..

Разъ було́ яке́сь вели́ке свя́то. Такій со́няшний день! Парубки, дівча́та й молоди́ці и старі де-які зійшли́сь за воро́та коло па́нського двора́; посіли на колодка́хъ; и я сиділа. Біжить Пара́ска изъ коро́мисломъ широ́кимъ дворо́мъ підъ воро́та до коло́дязя, така що куди́ вамъ! Свя́то, ба́чте: парче́вий очі́покъ, якъ квітка на голові маня́чить; пла́хта на ій—павли́нове піро́; виши́вані рукавча́та ма́ють; намітку вже зняла́ прийшо́вши зъ церкви. Ви́тягла води́,—ми съ колодо́къ гука́емъ на ёі, щобъ насъ напоіла: вона́ передала́ намъ відро черезъ перела́зъ, щобъ не вихо́дить у очі́пку міжъ люде. Ми ій кличемо, щобъ вихо́дила до насъ гуля́ти.

— До́бре, каже: — якъ дити́на проки́нетця, то прійду, а то само́го—якъ ёго́ ки́дати? Мико́ли нема́ до́ма.

А тутъ и Мико́ла, легки́й на вспо́минъ, иде́, за по́водъ коня ведучи́ зъ гу́щі, напроти́ насъ, узе́нькою доріжкою зъ га́ю: чого́сь іздивъ на місто. Поздоро́вкавсь и съ празникомъ, а тоді до Пара́ски: «Чого́ розбала́калась... тамъ мо́же дити́на зайшла́сь?»

Ще жъ вона́ не вспіла зійти́ зъ перела́зу, захили́тись одъ люде́й; а вінъ лясь пу́гою зза́ду по доро́зі якъ на ота́ру; а вона́ ажъ спітикну́лась, моя́ голу́бка, да, забу́вши відро́ й коро́месло, зъ одни́мъ відро́мъ до до́му побігла.

И не вихо́дила на колодки́. Лю́де почали́ бубоніти: »Такъ-то!« ка́жуть: »увірва́лась ни́тка Пара́сці! Отъ тобі й кохана́ па́ра!« Старі хита́ли голова́ми, молоді сти́хли, дівча́та позажу́рёвались; тілько гай шумівъ, пташки щебета́ли.

VII.

Прибігла Пара́ска зъ одни́мъ відро́мъ до до́му, — тілько на дні́ зоста́лось: всю ви́хлюпала. Поста́вила середъ ха́ти, ки́нулась не до дити́ни, а въ комо́ру, излила́ всю зе́млю гірки́ми; билась, якъ объ доро́гу го́рлиця. »Хай би хто дру́гий, да не ти́, Мико́лочку, наглуми́вся надо мно́ю! да ще й пере́дъ людьми́! И тебе́ и мене́ осу́дять, мое́ серце. Чи я жъ сподіва́лась, що хочъ одна́ рісочка, одна́ слёзи́ночка ви́котитця чере́зъ те́бе? Я ду́мала, що й одъ люде́й за те́бе захилю́ся, мій си́зий о́рле!«

Я поба́чила, що вона́ ажъ спотикну́лась,—посе́діла ще кри́шечку, а да́лі й пішла́ собі сти́ха мовъ у гаі, а тамъ по-за дворо́мъ, да й до іі въ комо́ру. Вінъ ти́мъ-ча́сомъ коня́ припина́въ у стійла да сіно заклада́въ. Дити́на кричи́ть у коли́сці, а вона́ собі по комо́рі убива́етця да приклада́е. И мене́ не ба́чить, и дити́ни не чу́е. »До кого́ жъ мені прихили́тись?« ка́же. »Кому́ жъ мені тепе́рь всю пра́вду одкри́ти? Се́рце жъ мое́ не приго́рнетця до те́бе, Мико́лочку, о́чі не згля́нутця.« Да такъ зблідла бідола́шня, подала́сь! а побачивши мене́, уже́ й не хова́лась. »Лу́чче бъ вінъ мені«, ка́же, »го́лову одтя́въ, або́ утопи́въ, ніжъ на ме́не ру́ку зня́въ...« У насъ, ба́чте, до́ма безъ люде́й хочъ вя́зи зверни́. Жінка—якъ та голу́бка: хочъ и тя́жко нару́гу терпіти, а на самоті все знесе́ одъ лю́бого чоловіка, покірна бу́де; а при лю́дяхъ—и не посвари́сь!...

Три дні оче́й не пока́зувала лю́дямъ Пара́ска. Ви́стереже мене́ коло́ двере́й, махне́ мені ведро́мъ, я й догада́юсь: побіжу́, води́ ій унесу́. Пара́ска рідше до це́ркви ста́ла ходи́ти и га́рно убіра́тись: що въ свя́то, ту и въ бу́ддень оде́жину но́сить, або́ що́ въ бу́ддень, то й въ свя́то. А вінъ іі докоря́е: «Коміръ до соро́чки не до-ладу́ приши́ла...« Ну, чи ёму́ жъ те зна́ти? и те́ не такъ, и се́ не такъ; те не присо́лене, те пересо́лене—Господи! Да недо́вго ду́мавши, и за юпчи́ну насми́че и межи́ плечи стусоне́. »И не такъ повива́ешъ дити́ну, и ви́соко въ го́лови, и верве́чками дуже розма́хуешъ.« Одштовхне́ одъ коли́ски, да самъ и коли́ше: »Не вміешъ! не хочешъ!«

VIII.

Що́ вона́ попопла́кала, що́ попорва́лась такъ годівъ зо три́ або й съ чоти́рі! Кра́ску зъ лиця́ зовсімъ звела́. Було ще на зорю́

не здиймется, вона́ съ коро́мисломъ біжи́ть за водо́ю, щобъ людей ме́ньше зустрінути, а послі цілий день не ви́лізе. Отъ же, було́ й плаче й тужить, и нарекае на до́лю, а ма́тері ні въ світі не пожаліется. Оце́ було́ коли́ й ма́ти нагоди́тця въ таке́ время, — що жъ? де́ ті й слёзи подінутця! такъ и проглине́,—а ні рісочки, и така́ собі весели́нька, мовъ и нічо́го. Звісно, жаліе ма́тіръ. А и́ногді вінъ ій и бо́ки набье́ такъ, що вона́ біжи́ть одъ ёго о́сліпъ. и не постерега́ючись уже́, чи зостріне кого́, чи ні. Бі́льшъ було́ на те пла́четця, що зъ до́му го́ре й радість тре́ба вино́сить, въ лю́дяхъ вилива́ти. Весе́лее дівова́нне зни́кло якъ сонъ: не пізна́ти було́ тіе́і Пара́ски, що було́ своімъ Петрусе́мъ хва́литця. Було́ прийде мі́жъ лю́де на одну́ годи́ну, сумна́, на́че зъ мо́гилокъ, або́ що. Очі́покъ на ій підсу́нутий уго́ру; воло́ссе по ши́і висить; спідни́ця така́ якъ ганчі́рка, а корсе́тъ нови́й галаджо́вий... Зовсімъ ій зні́вечивъ. Хто ії не зна́въ, що-то була́ спе́ршу за молоди́ця, той вели́чавъ ії придурковатою. «Нечума́зна», ка́жуть—було про не́і, «не хазяйка и зовсімъ не прия́зна. Чи таку́ бъ жінку тре́ба було́ бра́ть прика́щецькому си́нові?» Таке́ то слі́пі лю́де прова́дили, а ії го́ре зі́ло... світъ ій не зми́лився. Спа́ла зъ лица́ дівоцька краса́, якъ изъ трави́ роса́. Бі́льшъ того́ було́ що мовчи́ть; и дити́на уже ії не втіша́ла.

Терні́ла, терпіла Пара́ска, пла́кала, пла́кала, а вісля́ — наче щось собі надума́ла: слізъ не ста́ло, сама́ зробилась ні весе́ла, ни скушна́, да мовъ ій тро́хи съ се́рця спа́ло; говорливійша ста́ла и очі яки́мсь огне́мъ чудни́мъ загорілись. А Мико́ла кво́литця да й кво́литця, а серди́тий, — то ще бі́льшъ упада́е на силі; наси́лу було́ гово́рить, а далі кри́кне на жінку, да й засто́гне. Таке́ ли́хо! Пройшло́ ще ро́ківъ зо́ два,—поховала Пара́ска и чоловіка й дити́ну ма́ло не заразо́мъ. И такъ здаетця спокійне́нька собі ста́ла: дві чи три неділі и слёзи на ій не бачили; а послі все було́ тихе́нько пл'че, все пла́че. Станешъ було́ ій разважа́ти,—вона́ й ні́чо́го,—слуха́е, на́че й не жу́ритця,—тільки було́ й скаже тобі: «Э, се́стро! за га́рного пійди, га́рне й ли́хо буде», да такъ же то промо́вить тее гірке́ слово, мовъ усі бо́лі ій разомъ у се́рці обізву́тця. Отта́къ-то Пара́счина краса́ й здоро́вьечко сплило́ и нікому на сімъ світі не знадоби́лось. Иноді сама́ було́ до ме́не обізветця: «Боже мій, Боже!» ска́же було́: «якъ мій вікъ мо́лодій спли́въ! Ні сла́ви, ні вжи́тку. Якъ би ли́шенько скобілось одъ люде́й, а въ

госпо́ді любо й ти́хо, то й жалю бъ не було́. А то́—ха́тне лихо—гірше ли́хо». Да й замо́вкне.

Ли́хо було ій, да й ёму́ жъ не було́ добра́, ди́влячись на іі сму́токъ. Вінъ и самъ нуди́въ світомъ; та́нувъ, та́нувъ, — мо́вчки и вмеръ.

IX.

Пла́че було́ мо́вчки Пара́ска по ёму́, по дити́ні и по своіихъ молодихъ літяхъ, по своій красі діво́чій, по свое́му се́рденьку весе́лому, щасли́вому; все плаче! Де въ іі й слёзи бра́лись! Ажъ страшна́ ста́ла съ плачу́. Отъ ма́ти іі перебра́лась до не́і. Бо зъ іі добра́ уже́ не було́: коро́ву подо́іть—ми́мо, хлібъ росчи́нить,—стільки наведе́, що черезъ ве́рхъ діжи́ иде́; вона́ не ба́чить, їй байду́же! Пічъ топи́ти—вона́ й віникъ и дни́ще и кача́лку замість поліна въ пічь. Ли́шенько жъ на́ше несподіване й нега́данне! Уже́ й ма́ти, гля́дючи на не́і, кріва́вими слізьми схо́дила. Поста́ріла, зогну́лась, голово́ю хита́ти почала́. Иногді було́ й не пла́че, а тільки на Пара́ску вка́же мо́вчки, да за свое́ се́рдце обо́ма рука́ми вхо́питця.

Съ того́ жалю стара́ незаба́ромъ и ви́простала місце на сімъ світі. Неха́й ца́рствуе! А я́ вже до Пара́ски перебра́лась зъ свое́ю семье́ю, ми́ жъ изъ е́ю й дівова́ли. Пара́ска жури́лась тимъ же ходомъ, якъ и спе́ршу: здае́тця мовъ и жа́лю ій більше не прибуло́, а тільки роби́лась зо дня́ на день яко́юсь чудне́нькою, — хай Богъ милосе́рдний ніко́го не дово́дить! Не ста́ла зовсімъ нічого тя́мити. Ще на сімъ світі вона одділи́лась одъ живихъ. Світъ для не́і затми́вся. Сиди́ть собі похню́пившись, го́лову внизъ,—на полу́, або́ на долівці, но́ги й ру́ки простя́гши вподо́вшъ,—и не поворухне́тця. Ви́худала, якъ мо́щі. Ча́сто було́ лю́де ди́влятця на не́і, хита́ють голово́ю й ка́жуть: »До пори́ се́рденько, злиня́ли — опа́ли твоі квітки́! приби́ло тебе́ моро́зомъ!« Да оце́ ій и буха́пчикъ унесу́ть, а хто полоте́нка на стано́къ, а хто на рука́ва. Хто якъ спомігся (все пере́дъ ёго́ душе́ю бу́де): даю́ть, да все зъ тако́ю ува́гою, чи кни́шикъ, чи паляни́чку: підійде́ якъ до свято́і, поло́жить пере́дъ не́ю, якъ пере́дъ свое́ю душе́ю, укло́нитця ти́хо й ни́зько зъ почо́томъ и пійде собі нічого не мо́вивши, на́че приложи́лось. Було́ по субо́тамъ дівча́та молоди́і черго́ю хо́дять, нава́рять ми́тлю, голову ій зми́ють, соро́чку чи́сту надінуть, приберу́ть іі. Діти було́

їй кыто́къ, я́гідъ понано́сять. Бо́же, якъ коло не́і! А якъ хто, то й сплакне́ гля́дячи на не́і. Усе́ Бо́жа во́ля! Що бъ то, я́къ би отта́кого да не було на світі! а все га́рно да ти́хо, да щобъ убо́гихъ не було́, а все бага́ті! то й Бога бъ забу́ли!... А дру́гі ста́нуть, перехре́стятця, моли́тву сотворять и подумають, щобъ іхъ такъ Госпо́дь не наказа́въ, згада́е де про що, посуму́е да й одпу́стить, коли́ на к.го сварився.

А вона́ собі була́ ти́ха, ти́ха якъ весінній вітере́ць. Оце́ якъ нико́го нема́ въ ха́ті, то вона́ й голосніше розмовля́е. Отъ разъ було́ лю́де поро́сходились, (се було́ такъ у жнива́, здае́тця, чи въ косови́цю); я до́ма була́, тре́ба було́ де́-що пошити.

Я собі ши́ю мо́вчки, а вона́ сиди́ть, простя́гши ру́ки й ноги. Очи́покъ зовсі́мъ зви́съ на о́чі: воло́ссе посіялось по ши́і. У ха́ті ти́хо; ій и здало́сь, що вона́ въ ха́ті сама одна, да й почала́ бубоніти, не підійма́ючи голови́; а я й духъ притаіла.

«Що́ се́ я?» ка́же: «сижу́ якъ вья́ле зілле́ пони́кла! душа́ моя́ мовъ одлетіла, се́рце моє́ вщу́хло... Охъ!» да й здихну́ла, моя́ голу́бка. Да й изновъ почала: «Голова́ моя́ важка́,—те́мно; ніяка́ ду́мка не засне́! я мовъ во сні сижу́.» Росціпила ру́ки, и тро́хи па́льцями повела́ себе́ по виду́. «Чи до́вго мені ще вікъ свій корота́ти?» да зновъ и вмо́вкла. А я, ма́тінко, и не ди́шу: тільки слёзи свої зупиня́ю. Бо́же! якъ то вона́ своє́ го́ренько чу́е. А передъ людьми тілько чудне́нькою деревиною здае́тця. Прислуха́юсь,—вона́ зно́въ: «Чого́ мені світомъ нуди́ти? харчу́ють, зодяга́ють, незобіжда́ють. Чи я сижу́ на ла́ві, чи середъ ха́ти, — вся́ке мене́ обійде, тихе́нько перестýпить». Да й головóю скивну́ла, — спасі́бі бъ то, чи що? Да й здрігну́ла: (щось на́че зашелестіло). «Чого́ мені ще?» ка́же помо́вчавши. «Уже жъ не болітиме! усе́ похова́ла, усе́ перебула́. О-о-о-о́! я́къ же запекло́ коло се́рця!». Ухопи́лась обома́ рука́ми, голову одки́нула, о́чі заплю́щила: «Згада́ла, згада́ла», ка́же, «у́сіхъ васъ ра́зомъ згада́ла! О-о-о!» застогна́ла наче крізъ сонъ. А голова́ ни́кне на бікъ, ни́кне, а я ні зъ місця, не зорву́сь, на́че прикипі́ла. «Щось мені світъ мінитця!» ка́же, да руки вперед протя́гує и на́че кого́ го́рне до се́бе. А послі—бебе́хъ! До ії... не жи́ва. Я до сусіди. Са́ме ко́пи привезли́ въ двіръ: покли́кала чоловіківъ, підняли́, положи́ли ії на пілъ: ді́ти збіглись, полякались; приложи́ла я ру́ку до ії се́рця, ще тро́шечки ма́етця; до ро́та дзе́р-

кало приложи́ла—запотіло. Свічку восковý засвіти́ли, запричасти́ли ії. Такъ вона́ ще три дні проле́жала мо́вчки, тільки — води́ці моя́ Явдо́шка ло́жечкою у ротъ впуска́ла. А послі, якъ буйни́і гра́дини, три слёзи́ ви́котилось, и не стало ду́ху. Похова́ли ії га́рно — не такъ якъ сироту́. Всімъ вона́ була́ на́че ро́дичка. Зібра́лось люде́й, якъ на весілле, — прикла́дувались до ії старе́ й мале́...

А. Нечуй-вітеръ..

ЖУРБА.

Ой саду мій, саду,
Зелений та пишний,
Хто твої кохае
Черешні та вішні?
Рóси тебе миють,
Дощі поливають,
Пташки твої віти,
Піснями кохають;
А мині, садочку,
Ні дощі, ні рóси,
Ні люде, ні птáшки
Щастя не приносять.
Погляну на тéбе,
На твій рястъ пахучий,
Та скорій до хати
Да й плачу идучи...
Ти знаешъ, садочку,
Ти знаешъ, мій брате,
Була доля-щасте,
Вмівъ и я співати...
Зійде місяченько,
Було, середъ неба,
Козакъ та дівчина
Приходять до тебе;
Підъ вишнею сядуть—
Вона іхъ прикрие —
Седять та воркують—
Ажъ серденько мліе.
А въ тебе, зза рясту,
Місяць поглядае,

Та любо да гарно
Соловей співае...
Минулось, садочку,
Друже мій единий!
Козакъ нудить світомъ,
Дівчина — въ могилі...

П. Кузьменко.

1860 року.

ПОЛТАВЩИНА.

(Изъ записной книжки 1856 года).

I.

Зеленая Балка.

....Далеко въ небѣ кричали журавли, летали и жужжали басомъ жуки; на селѣ слышались пѣсни, свистъ, ауканье и гука́нье; не было шагу безъ звука.

Насталъ второй день Свѣтлаго праздника. Я уже нѣсколько дней въ селѣ Кублівкѣ, и все время гуляю, вдыхая въ себя весенній воздухъ.... У пруда, я сѣлъ на изогнутомъ деревѣ. Прудъ былъ покрытъ сильною зыбью и всплескивали небольшія волны. Подъ солнцемъ блескъ воды — невыносимый; двѣ–три пары дикихъ утокъ плавали по пруду; вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Вдали кричалъ удодъ, начинали свистать соловьи. Дівчата, убранныя длинными лентами, которыми игралъ вѣтеръ, — въ шитыхъ рубахахъ, въ яркихъ *запаскахъ*, — плавно шли и пѣли *веснянки*, оглашая село отъ конца до конца. У шинка были устроены качели; оттуда доносились вскрикиванья подгулявшихъ и звуки скрипки...

Изо дня въ день жара томила всѣхъ; зелень распускалась туго, хлѣба пропадали; все жаждало дождя, — и вотъ, къ общей радости, нашла туча. Двери и окна въ помѣщичьемъ домѣ затворились; блеснула молнія, загремѣлъ громъ, и дождь ливмя облилъ землю. Туча пронеслась; проглянуло солнце, но скоро опять набѣгала туча за тучей, и дождь лилъ какъ изъ ведра...

Вечернее солнце освѣтило разорванныя облака; въ одномъ мѣстѣ проглянуло небо своей покойной голубизной и въ немъ блеснула звѣз-

дочка. Воздухъ былъ тихъ и влаженъ, чистъ и упоителенъ. Соловьи свистали; зацвѣла черемуха; вода на прудѣ стояла зеркаломъ; два нырка, плавая, вели за собой струю; лягушки пѣли въ два напѣва; съ молодой зелени падали и хлопали о листья капли дождя; вдали загоралась молнія....

Стемнѣло.... Кой-когда прожужжитъ ночной жукъ, неловко сталкиваясь съ чѣмъ попало; вскрикнетъ въ берегахъ проснувшаяся утка; а пѣсни селянъ разливаются въ воздухѣ. Дівчата протягивали концы, паробки имъ подтягивали. Когда накрапывалъ дождь, прерывались пѣсни селянъ; только возлѣ господской кухни слышались звонъ балалайки, вскрикиванье и хохотъ дворовыхъ. Едва переставалъ дождь—и снова на селѣ затягивались пѣсни.

Блаженное время! Все, что было тогда кругомъ меня,—жило во мнѣ полною жизнью. Доставало созвучья на все; все восторгало душу; пѣснями я заслушивался, упивался ими. Утро, вечеръ, дождь, мятель,—все наполняло грудь волненіемъ, которое вырывалось пѣсней, и я пѣлъ, пѣлъ громко и цѣлый день... Въ ту пору, войска тянулись съ одного конца Россіи на другой. На утренней зарѣ, меня разбудила непривычная селу военная тревога. Я отворилъ окно; пахнуло свѣжестью, востокъ загоралъ; сѣрая нижегородская дружина шла садомъ; близь дома она свернула всторону и пошла большою дорогой, затянувъ: »*Ахъ! да не одна то во полѣ дороженька пролегала!*« Долго я слушалъ эту пѣсню, ловя ея уносящіеся, замирающіе вдали звуки.

Мы сидѣли съ дівчатами вокругъ умирающей ихъ подруги и сегодня простились съ нею. Она жила съ управляющимъ—нѣмцемъ; родила; дитя умерло, она грустила, сохла, и вотъ мы ее схоронили.... Бѣдная Марьяна! Еще такъ недавно я съ тебя рисовалъ, еще такъ недавно и такъ твердо ты, слушаясь своего сердца, полная рѣшимости, шла навстрѣчу незаслуженному позору. — Это была уже вторая жертва нѣмца. Годъ тому назадъ такъ же умерла Маринка (*).

Жизнь ваша, бѣдныя созданья, самая грустная повѣсть. Отправляетесь вы со свѣту одна за другой съ тѣми дѣтьми, которыя были

(*) Разсказъ о смерти Маринки помѣщенъ мною во II томѣ »Записокъ о Южной Руси,« П. А. Кулиша.

плодомъ вашей довѣрчивой души и—забывается ваше имя... а управляющій–нѣмецъ ищетъ уже новую любовницу, спокойный и безнаказанный...

Я отправился въ село; зашелъ въ *клуню* и встрѣтилъ тамъ одну глубокую старуху; дѣтки играли подлѣ. Мнѣ послали *рядно́*—и вотъ бесѣда:

— Скільки тобі годъ, бабу́сю?

— А Бо́ (Богъ) ёго́ зна.

— Бабу́сю, а бабу́сю! (*) що́, дідъ той, що живе́ недале́ко одъ Явдо́шки коло проу́лка, Арапъ той,—старійший відъ те́бе?

Старуха оставила пряжу и смотрѣла на меня.

— Арапъ!?. вінъ бувъ ще мальчишкой, хло́пцемъ, якъ я була́ жінкою.

— Скільки жъ тобі годъ?

— А отъ що́.... я вамъ скажу́ при́казкою... Я пішла́ за́міжъ двадцяти́-двохъ годъ... Чоловікъ стари́й якъ уме́ръ, то піпъ каза́въ, що ёму́ було́ девьяносто годъ безъ трёхъ; а жени́всь вінъ двадцяти́ семи́ годъ... а живу́ я безъ чоловіка, ба́чте, якъ вінъ уме́ръ,—пройшло́ вже де́сять годъ безъ о́дного.

Она продолжала прясть; дочь ея, уже не молодая, сидѣла подлѣ и тоже пряла; ребенокъ возился около меня, другія дѣти играли у входа, на солнцѣ. Звали бабусю Тетя́ною; она еще была въ разсудкѣ и даже охотно пѣла пѣсни, старческимъ дрожащимъ голосомъ....

Ой иду́ть дівочки́.
Да якъ паня́ночки,
Ой усі въ віно́чкахъ —
А на молодій да на Мару́сеньці
И віно́чка нема́.
— Ой молода́я да Мару́сенько!
Де́ віно́чокъ діла?
— Ой я вчо́ра та й зве́чора
Пьяне́нька була́,

(*) Старуха была глуха.

И склони́ла та голо́воньку, —
Да й загуби́ла... —
Ой узяли́ да й молоду́ Мару́сю
За-пі́дъ бі́ли бо́ки:
Да й уки́нули да молоду́ Мару́сю
У Дуна́й глибо́кий....
— Оце́ тобі, да Марусенько́,
За хоро́шу вро́ду —
Пла́вай же ти по ти́хімъ Дуна́ю
Да пий холо́дну во́ду.

(Вона́ струі́ла байстря́, що привела́; а й ви́вели дівки́ та й вки́нули въ Дунай глибо́кий... объяснила мнѣ старуха).

Какая сила и сжатость языка въ этой драмѣ! Сколько достоинства въ народной поэзіи!—нѣтъ лишняго слова, какъ и въ пѣніи нѣтъ лишней ноты. Стариной вѣетъ отъ этой пѣсни.—Дунай,—чрезвычайное уваженіе къ дѣвственности,—немилосердная строгость. Теперь, правда, не кидаютъ такой дівчины ни въ Сулу, ни въ Дніпро́, но во многихъ мѣстахъ, если дівчина окажется,-во время свадьбы, нецѣломудренной, надѣваютъ отцу и матери хомутъ (и жлу́кто) на шею, водятъ ихъ по деревнѣ, припѣвая срамныя пѣсни, и вымазываютъ ихъ хату грязью. Въ Черниговской губерніи, *плащоватые* цыганы (т. е. носящіе родъ плащей, и перекочевывающіе съ шатрами, а не тѣ, что́ носятъ сельскую одежду и живутъ въ хатахъ) разсказывали мнѣ, что у нихъ, когда дѣвушка выходитъ замужъ нечестно, то жгутъ колеса у воза ея родителей и, тоже съ хомутомъ на шеѣ, водятъ по шатрамъ, бранясь и насмѣхаясь. У Мордвы и Чувашей сохранилась подобная же строгость. Этотъ обычай сдерживаетъ отъ соблазна, но его гнётъ часто бываетъ причиной убіенія незаконорожденныхъ.

Дочь старухи Тетя́ны спѣла пѣсню очень-хорошую и по словамъ и по грустному напѣву. Въ ней обозначились характеры мужской и женскій, каждый сохраняя свойственный ему оттѣнокъ. Паущаемый навѣтами матери, мужъ убилъ жену свою; онъ не боится суда и расправы, не бѣжитъ скрыться по совѣту матери, а вполнѣ раскаивается передъ своею совѣстью и громадою, хочетъ похоронить жену съ честью, совершить надъ душой ея поминки, готовъ дать и коня, и сѣдло, шитое золотомъ, тому, кто разбудитъ убитую.

Ма́ти си́на да при лю́дяхъ би́ла;
На самоті си́на научи́ла: (*)
Да поідь, сину, у Прилу́ку до то́ргу,
Да купи́, си́ну, дротяни́і віжки —
Да звяжи́ су́ці ще й ру́чки и ніжки;
Купи́, си́ну, дротяну́ нага́йку
Да бий ми́лу зъ ви́чора до ра́нку.
У півно́чі комо́ра звеніла,
А и къ світу вже ми́ла не жи́ва...
Лежи́ть ми́ла якъ ожи́на си́ня,
Стоіть ми́лий да якъ папіръ білий...
— А що́ бу́демъ, матінко, роби́ти, —
Уби́въ жінку,—ні съ кимъ мені жи́ти!..
— Запряга́й, си́ночку, білую коби́лу,
Да ідь, си́ну, въ чужу́ю краіну.
— Тре́ба, ма́ти, попа́мъ сказа́ти,
Тре́ба іі тіло й похова́ти,
Тре́ба, ма́ти, грома́ду збіра́ти,
Тре́ба іі ду́шу помина́ти.
Коли́бъ я знавъ, хто ми́лу розбу́дить,
Давъ би ёму́ коня́ вороно́го
И сіде́льце изъ зло́та само́го,
И нага́йку, якъ чо́рную га́лку,
И попру́гу зъ вели́кого ту́гу...
Колибъ бувъ ма́тері не слу́хавъ...

Пѣвицѣ помнилось, что пѣснѣ не конецъ, да она его не знала. Пришла другая женщина и присѣла возлѣ насъ; одно дитя сосало ея грудь, другое она обняла, и въ такомъ положеніи спѣла слѣдующую пѣсню:

Приня́въ чорне́ць Кузе́мочку за рідну дити́ну,
Да й ожени́въ на чужій стороні.
Поіхавъ Кузе́мка у млини́ моло́ти,
Да й заіхавъ до те́стя у го́сті.

(*) По другому варіанту:

Ма́ти си́на наси́льно жени́ла;
На підпитку невістку суди́ла. *Ред.*

Якъ сівъ Кузе́мка мо́веньку мо́вити,
А Мила́шка изъ Ода́ркою соки́ри гостри́ти.
Ой сівъ Кузе́мочка вече́рю ужива́ти,
А Мила́шка изъ Ода́ркою въ вікно́ вигляда́ти.
Да поідьмо, Кузе́мочку, съ ха́ти,
Да поідьмо въ чи́сте по́ле гуля́ти;
Ой сядь же ти, Кузе́мочко, отту́тъ підъ вербо́ю,
А ми поідемо да́лі на розмо́ву.
Сіла Мила́шка Кузе́мочці ська́ти,
А Ода́рка изъ соки́рою ши́ю руба́ти...
У на́шоі у Мила́шечки въ піди́лькахъ мере́жка:
Куди́ везли́ та Кузе́мочку — крівáвая сте́жка.
У на́шоі у Ода́рки на за́стібці стрічка,
Куди́ везли́ та Кузе́мочку — да крівáвая річка.
— Прода́вай, мій тату́сенько, воли́ та коро́ви,
Визволя́й насъ изъ нево́лі!
Ой продава́й, мій тату́сенько, воли́ та тели́чки,
Визволя́й насъ изъ темни́чки.—
»Прода́въ я, моі до́нечки, воли́ та коро́ви,
Та не визволю изъ нево́лі...
Оце́ тобі, да Ода́рочко, за твою́ розмо́ву
Сиди́ въ піску́, да іжъ тузку́, да пий холо́дную во́ду.

— Вони́ ёго́ уби́ли за те́е, що вінъ обо́хъ ра́зомъ люби́въ (объяснила пѣвицы).

Я отправился на край села, гдѣ стояла одинокая хатка; плетни вокругъ нея были ветхи; на дворѣ пусто; мужское хозяйство было запущено. Близь хаты былъ яръ: — здѣсь я любилъ сидѣть незамѣченный никѣмъ и вслушиваться въ беконечно-грустное задушевное пѣнье молодой женщины. Почти всегда она была одна дома, и работала. Теперь она укачивала ребенка, пряла и пѣла. Веретено гудѣло и наводило невыразимую тоску. Несчастная женщина поетъ, а веретено однообразно стонетъ; прервется стонъ на минуту, и снова вторитъ грустной пѣснѣ. Пѣлась знакомая мнѣ пѣсня:

Да зачу́ла стара́ ма́ти,
Да по тімъ бо́ці сто́я...
»Ой не плачь, доню, не жури́ся,
Бо така́ твоя́ до́ля;

Ой полюбúла пройдú—свíта,
Да при мíсяцю стóя.«
— Не я ёгó полюбúла,
Полюбúла моя́ мáти:
Ой повелíла менí мáти
Бíлі рушничкú дагáти...
Чи я въ тéбе, моя́ мáти,
Да хлíбъ—сíль переíла,
Що ти менé, моя́ мáти,
За бурлáку затопúла?
Затопúла голóвоньку
У чужýю сторóноньку,
У чужýю сторóноньку
Въ безóднее мóре!..
Ой звяжú менí, мáти,
Да китáйкою óчі:
Ой ведú — топú до рíченьки
У темнéнькій нóчи;
Да пристромú менé, мáти,
Щобъ я не зрилá,
Ой щобъ я сёгó гóря
До—вíку не знáла.

Я оставлялъ занятья и слушалъ пѣсни своихъ подругъ—дівчáтъ, которыя въ сосѣдней комнатѣ сидѣли за работой въ пяльцахъ, вышивая панскія юбки, воротнички, платки и прочія тряпки. *Петрівки* смѣнялись другими, и часто пѣли мои, въ то время, любимыя пѣсни. Я никогда не имѣлъ исключительно избранныхъ, любимыхъ пѣсенъ; нравилась болѣе та или другая пѣсня смотря по расположенію духа. Хоръ дівчатъ былъ прелестенъ; мотивъ несся и въ него вливались всѣ маленькія отступленія каждой изъ пѣвицъ. Каждая пѣла по—своему, по собственному вкусу, по сердечному влеченію. На время смолкала одна, прерванная работой, но скоро снова подхватывала пѣсню или на той нотѣ, гдѣ пришлось, или догоняла подругъ, выпѣвая всѣ пропущенные ею стихи. Хоръ былъ неподражáемый. Однѣ и тѣ же дівчáта не всегда одинаково пѣли одну и ту же пѣсню. Какая разница съ хорами ученыхъ пѣвицъ, которыя поютъ стройно, ровно—словно маршируютъ! Дівчáта поютъ потому-что поется. Пѣсня выбирается общимъ располо-

женіемъ духа; тогда-какъ въ ученомъ хорѣ поютъ съ мыслью, что ихъ слушаютъ и чтобъ ихъ слушали. Тутъ хоръ случайный; одни голоса схожіе, другихъ не достаетъ; но отъ этого именно пѣсня получаетъ характеръ правды, жизнь, свѣжесть и прелесть, тогда-какъ тамъ всё подобрано, выравнено, выправлено. Въ этихъ непріятныхъ хорахъ проявился противохудожественный духъ формалистики и солдатчины. Дівоцький наивный хоръ поетъ и вѣритъ въ пѣсню, въ ней живетъ всѣмъ существомъ; а ученые хоры поются, чтобъ щегольнуть, и рѣдко проникнуты содержаніемъ. Моя нелюбовь къ хорамъ подобнаго рода относится не только къ тѣмъ пѣсельникамъ, которые потѣшаютъ публику на островахъ, минеральныхъ водахъ и театральныхъ подмосткахъ; но и къ насильственно-составленнымъ пѣвчимъ при панскихъ дворахъ, къ цыганамъ, которымъ такъ рукоплещетъ Москва и Петербургъ, и которые такъ блѣдны и непріятны, когда вспомнишь разгульныя вольныя пѣсни кочевыхъ цыганскихъ таборовъ. Подобные хоры лишены сердечнаго увлеченія и представляютъ собою жалкое перерожденіе народной музыки. Восхищаться можетъ этими хорами только наше общество, оторванное отъ народа и представляющее собою такую же жалкую его пародію, какъ и пѣсни, которыми потѣшается. Глядя на наше общество, узнаешъ иногда стихіи того народа, изъ котораго оно вышло, — но переродившіяся, изуродованныя, часто смѣшныя, часто отвратительныя и лицемѣрныя. Члены его стоятъ особнякомъ равно чуждые народу и цивилизаціи, потому-что образованіе понято ими ложно; правильное развитіе уяснило бы имъ, что стремленіе, цѣль цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы слить въ одно всю разнородную массу элементовъ, изъ которыхъ сложился весь народъ, и продолжать общее движеніе впередъ цѣльной, мощной массой.

То же бездушіе въ пѣніи парадныхъ пѣвчихъ и на клиросахъ модныхъ монастырей: — отъ ихъ аккордовъ, ихъ выученныхъ соло и въ концѣ пѣнья густо-пущенной октавы — такъ и пахнетъ духами. Не такъ пѣли первобытные монастыри, когда соединяла братію искренняя вѣра. Тогда не спѣвались передъ службой, чтобъ хвастнуть стройно-пошлымъ пѣньемъ à l'italien, а пѣли свободно душевныя молитвы; хоръ прерывался хоромъ; пока одни клали земные поклоны, другіе пѣли. Удары въ доску, или звонъ колокола, сливались въ общую гармонію, и имѣли свое осмысленное значеніе. Хоры первобытныхъ христіянъ не пѣли подъ камертонъ; разладъ въ ихъ пѣніи имѣлъ свою гар-

монію; хоръ селянъ не поетъ подъ взмахъ капельмейстера; пѣсня его раздается сама–собой, и въ его вольныхъ переливахъ, въ его нестройности именно та вѣрная себѣ, упоительная гармонія, которую я слушаю и не наслушаюсь. Такихъ наивныхъ вольныхъ хоровъ положить на ноты нельзя; ноты передаютъ мертво; онѣ не въ состояніи передать физіономію и игру пѣсни. У меня записана звукъ въ звукъ игра бандуриста, но когда мнѣ разыгрывали эти ноты, то рѣдко кто мнѣ могъ напомнить его игру, и я съ досадой слушалъ, какъ игра была точна, вѣрна, безъ фальши, — но въ то же время — мертва, лишена смысла и духовности. У бандуриста жилъ каждый звукъ; онъ собирался съ пѣньемъ, отыскивалъ мотивъ и настраивалъ самого–себя, тогда–какъ по нотамъ мнѣ бренчали отрывисто и безсмысленно. Я уже и не вспоминаю о тѣхъ аккомпаниментахъ, которые придѣланы въ изданіяхъ народныхъ пѣсенъ: они рѣшительно оскорбляютъ и вкусъ и ухо.

II.

Лебединецъ. — Кобзарь Остапъ.

Я ѣхалъ къ Гр. П. Галагану на освященіе *Будинка*. Сельская дорога вела по житáмъ и гречкáмъ; пестрѣли васильки и макъ; на толóкѣ паслись мериносы; изъ *будяка*, который лѣсомъ укрывалъ степь, вылетали голуби; наконецъ—черезъ массивные ворота, я въѣхалъ въ чистый и обширный дворъ. Съ-боку стояла бѣленькая хатина, смѣясь на солнцѣ, а прямо передъ глазами былъ домъ съ навѣсами, крылечками, подпорами и прúсьбой кругомъ всего дома; высокая соломенная крыша укрывала его, а за нимъ возносились пирамидальныя тополи и рисовались густыя купы деревъ. Вербы свѣсили свои нѣжныя вѣтви къ крышѣ и окнамъ. Съ другой стороны дома садъ съ темными аллеями подходилъ къ самому *поддашью* (комната безъ наружной стѣны, которая (стѣна) вставляется только зимою) и аллеи его на полверсты тянулись и пересѣкались одна другой; то липовая вся въ цвѣту, то изъ орѣшника, то кленовая, то черемховая, то березовая, то вся изъ акацій. Плодовыя деревья, кусты ягодъ, гряды земляники раскинулись по всему саду, окаймленному колючимъ терномъ. Послѣ молебна, обѣдни и освященія этого дома (*будинка*), м обѣдали на старый ладъ, запивали паливками и вен-

герскимъ изъ дѣдовскаго запаса. Всѣ радостно привѣтствовали это старосвѣтское, вновь рожденное дитя. Будинокъ смотрѣлъ такъ уютно, такъ привѣтливо; своею физіономіею онъ переносилъ насъ въ жизнь давно прошедшую, и невольно порождалъ во многихъ присутствовавшихъ желаніе сдѣлать и у себя такой же. Зачѣмъ *такой* же? Гр. П. Галаганъ попытался, и очень удачно, воскресить прошлое; всякою мелочью въ домѣ онъ хотѣлъ напомнить намъ жизнь дѣдовъ и прадѣдовъ; это очень похвально,—шагъ все-таки сдѣланъ, но подражаніе, всегда насъ преслѣдующее, явилось и тутъ. Почему бы не сдѣлать шагъ впередъ и не идти далѣе, чѣмъ могли наши предки?

Когда я заговорилъ о томъ, что слѣдуетъ строиться по остаткамъ старины, по вкусу и потребностямъ народа; то немногіе меня понимали, не многіе мнѣ сочувствовали, всѣ почти считали эту мысль за увлеченіе, за дѣло невозможное; но вскорѣ, подъ моимъ надзоромъ и съ моею помощью, соображаясь съ народнымъ вкусомъ и остатками старины, начерченъ былъ планъ каменнаго малороссійскаго дома архитекторомъ И. В. Штромомъ. Я подарилъ планъ графу А. П. де-Б-ну. Мнѣ хотѣлось, посредствомъ этой попытки, устранить тотъ англійскій котеджъ, который онъ думалъ строить. Удалось ли мнѣ — не знаю.

Мы всѣ ясно видимъ безтолковость нынѣшнихъ домовъ и ихъ разладицу съ жизнью; никто однакожъ не хочетъ изучать настоящихъ требованій, и, основываясь на этомъ изученіи, сдѣлать попытку собственной народной архитектуры. Напрасно думаютъ, что это такъ трудно, что это доступно только генію:—тутъ создавать нѣчего, все уже давно существуетъ;—нужно только внимательное розысканіе и любовь къ дѣлу. Стиль—не прихоть онъ рожденъ климатомъ, мѣстными потребностями, вкусомъ, который, въ свою очередь, образовался подъ вліяніемъ исторіи. Сообразивъ требованія и условія страны, и обобщивъ ихъ, мы получимъ стиль. Все, что происходитъ не отъ этихъ требованій, — противъ мѣстныхъ условій — непростительная ошибка,—и въ архитектурѣ влечетъ за собой лишнія хлопоты и лишнія траты. Каждый народъ имѣетъ свой вкусъ, свои потребности,— дайте только имъ возможность проявляться, а не подавляйте ихъ.

Чтобы понять народный вкусъ и изучать его, надо обратиться не къ тѣмъ храмамъ и зданіямъ, которые строились иноземными выходцами (они непремѣнно внесли туда свой элементъ,) а къ тѣмъ, которые строились самимъ народомъ. Источникъ народнаго вкуса—его

быть: его-то и должно изучать, вмѣстѣ съ обычаями, обрядами, пѣснями и даже складомъ народной рѣчи. Тогда бездѣлицы, мимо которыхъ проходили прежде, не замѣчая, теперь привлекутъ вниманіе и получатъ для насъ цѣну. Тогда мы увидимъ народную своеобразность, которая откроетъ намъ глаза на новое дѣло народной архитектуры. Пора, наконецъ, выступить впередъ и предъявить свои права въ этомъ искусствѣ. Пора кончить съ чужеземщиной, почти не имѣющей для насъ смысла. Это не бредъ,—это твердая вѣра въ благое начинаніе и уваженіе къ личности народа. Глядя на *хату*, ясно видишь вездѣ мысль и удовлетвореніе извѣстной потребности. Всѣ въ хатѣ утверждено здравымъ разсудкомъ; а мы пренебрегаемъ и не замѣчаемъ этихъ проявленій народнаго разума—по той причинѣ, по которой донынѣ не обращали вниманія на самый народъ. Могутъ возразить, что, съ развитіемъ народа явится въ немъ и другія потребности. Да, правда: цивилизація мѣняетъ все,—частью измѣнитъ и климатъ, проведетъ сообщенія и уничтожитъ разстоянія,—степи засѣетъ лѣсомъ, доставитъ камень въ черноземную полосу, деревянныя подпоры и балки можетъ замѣнить желѣзными и т. д. Но цивилизація не можетъ уничтожить климатическихъ и мѣстныхъ условій вполнѣ; а они-то и составляютъ законъ народной архитектуры; правда также и то, что истинная образованность дорожитъ личнымъ развитіемъ народа, уважаетъ его особенности и сберегаетъ ихъ. Поэтому нечего опасаться, что наши труды безполезны; обратимъ все вниманіе на разработку своей народности, и этимъ послужимъ человѣчеству, въ его общемъ развитіи. Другая жизнь и другіе народы намъ менѣе знакомы, и дѣятельность ихъ намъ менѣе свойственна. Кто, не укрѣпленный этимъ взглядомъ, начнетъ строить, то сейчасъ же воспитаніе его,—его иностранныя, стѣснительныя для него же привычки,—проглянутъ изъ каждаго окна, изъ каждой части его зданія; это зданіе будетъ жалкимъ трудомъ и непростительною потерею денегъ безъ мысли. Такъ чужеземщина вездѣ втирается къ намъ и насилуетъ насъ; а мы не имѣемъ ни сознанія, ни твердости освободиться изъ-подъ уродующаго насъ гнета.

Для уясненія народнаго вкуса въ постройкѣ, слѣдуетъ собирать и приводить къ одному знаменателю все, что только можно захватить изъ народной жизни. Образцомъ для общихъ формъ дома должна служить хата, въ ней есть всѣ данныя, во всей ихъ чистотѣ, старосвѣтскіе же *будинки* и *каменицы* должны разсматриваться съ ог-

лядкой, потому что и туда внесена порча. Для архитектурныхъ украшеній слѣдуетъ изучать рѣзьбу: на карнизахъ, окнахъ, дверяхъ, *сволокахъ*, *мліяхъ* и *вѣтрякахъ*, *воротахъ*, *коморахъ*, подпорахъ, ярмахъ и чумацкихъ *мажахъ*, корóмыслахъ, прачахъ, скамьяхъ, столахъ, солонкахъ, божницахъ, *полицяхъ*, рѣчныхъ *дубахъ* (судахъ); шитье рубахъ, *рушниковъ*, *хустокъ*; рисунки: *плахтъ*, *крашанокъ*, *писанокъ*... и этихъ матеріаловъ безъ конца. Обо всемъ этомъ стóитъ подумать, этимъ стóитъ заняться... Но вернемся къ празднику.

Съ *рундука* (крыльца) бросали пряники, дарили шапки, платки; народъ только-что пообѣдалъ,—начались пляски, танцы; пьяные упали гдѣ кто былъ, ловко раскинувшись. Я сидѣлъ на *присьбѣ*, съ своимъ старымъ другомъ *Остапомъ* (*); надъ нами было рѣзное дубовое окно.

— Подиви́сь, Остапе,—руко́ю обла́пай,—якъ га́рно різано вікно́.. Я взялъ его руку и приложилъ къ рѣзьбѣ.

— Такъ що́жъ! на́ що мені диви́тьця? ще пани́ бу́дуть ла́ятьця. Що́ мені диви́тьця?.. Та воно га́рно!.. Коли́ бъ було́ га́рно й на тімъ світі...

Мнѣ была отведена чистая хата. Утромъ, меня разбудилъ шорохъ у дверей: Остапъ ощупывалъ входъ. Онъ вошелъ съ банду́рою подъ полой и сѣлъ возлѣ моей постели; женщина, которая его привела и съ которой живетъ онъ, стала у дверей и, подперши щеку рукой, слушала умильно нашу бесѣду.

Бесѣда была коротка; она скоро перешла на думы и пѣсни. Очень жалѣю, что не могу привесть тутъ голосъ думы, которую, въ этотъ разъ, пропѣлъ мнѣ Остапъ; но сохраняю ее со всѣми остановками (которыя я обозначаю посредствомъ точекъ), такъ ясно передающими состояніе духа пѣвца и глубоко-трогательный смыслъ думы (**).

Ой у неділю та ба́рзо ра́но–поране́нько,
Ой то не въ усі дзво́ни дзвони́ли,

(*) Портретъ бандуриста *Остапа Вересая* находится въ числѣ рисунковъ (именно XIII-й) *Живописной Украины*. Біографическія свѣдѣнія объ немъ помѣщены въ августовской книжкѣ *Основы*.

(**) Я записывалъ обыкновенно слово–въ–слово, буква въ букву, не дозволяя себѣ никакихъ поправокъ, и потому читатель не рѣдко встрѣтитъ въ пѣсняхъ ошибки противъ выговора и языка; но самыя ошибки весьма важны въ этнографическомъ отношеніи. *Л. Ж.*

Якъ у крáйнёму дóмі отéць и мáти гомоніли,
У чужý сторóну сúна випровожáли:
«Ой идú жъ ти, сúну, между лю́де,
Бо тамъ тобі лу́чче бу́де!»
— Якъ то менí, мáти, не хотілося
У чужій сторонí пробувáти;
Бу́дуть менé *прошéниемъ* называ́ти.
До то́ сестрá стáрша конá ведé;
Сестрá середу́льша збру́ю несé;
Найменша сестрá брáта випровожáе,
Словáми промовляе,
Гірко слезáми ридáе...
«Братíку мій мúлий,
Якъ голу́бонько сúвий!
Відкілá тебé, братíку; въ гóсті виглядáти?
Чи зъ бу́йного вóю,
Чи зъ чúстого пóля,
Чи зъ слáвного лю́ду Запорóжжя?»
— Ой не виглядáй менé, сéстро,
Нí зъ бу́йного вóю,
А нí зъ чúстого пóлю,
Нí зъ слáвного лю́ду Запорóжжя..
Возьмú, сéстро, жóвтого пíску,
Посíй на бíлому кáменю,
Устáвай ранéнько,
Да поливáй пісóкъ частéнько
Ранніми, вечíрніми зорáми —
Усé свóїми дрíбними слезáми..
То якъ бу́дуть, сéстро, о Пéтру ріки замерзáти,
А объ Роздві калúна у лу́зі бíлимъ цвітомъ процвітáти,
Объ Васúлю я́годи зрожáти,
Жóвтий пісóкъ на кáмені схожáти,
Сúнімъ цвітомъ процвітáти,
Хрещáтимъ барвінкомъ кáмень устілáти:
Дакъ тоді я бу́ду, сéстро, до васъ у гóсті прибувáти.

Остапъ остановился и сказалъ:

(*Се, бачте, вінъ гарну казку казавъ; а вона ему й о двíча:*

«Якова́ я, бра́тіку, у світі ста́ла,
Що я сёго́ одъ стари́хъ люде́й не чува́ла,
Щобъ о Пе́тру — ріки замерза́ли,
А объ Різдві — кали́на у лу́зі процвіта́ла,
А объ Васи́лю — я́годи зроста́ли,
И щобъ жо́втий пісо́къ
На ка́мені схожа́въ,
Си́нимъ цвітомъ процвітавъ,
Хреща́тимъ барвінкомъ ка́мень устіла́въ
Щобъ-то тоді братъ до сестри́ у го́сті прибува́въ».

. . . . . .

. . . . . .

(Остапъ прервалъ пѣнье и игралъ въ раздумьи на бандурѣ).

— А ище́ жъ бо ти, се́стро, бо сёго й не догада́есся?
Уже́ о Пе́тру, се́стро, ріка́мъ не замерза́ти,
Кали́ні у лу́зі объ Роздві — не процвіта́ти,
А объ Васи́лю — я́годъ не зрожа́ти,
И жо́втому піску́ на камені не схожа́ти
Хреща́тимъ барвінкомъ ка́мень не устіла́ти...
До такъ-то мені, се́стро, у ва́шему до́мі го́стемъ не бува́ти...

Онъ снова игралъ безъ пѣнья довольно продолжительно. Въ думѣ ясно выражались суровость и гнетъ отца, покорность жены его, которая не отвѣчаетъ сыну изъ боязни, и грусть сестеръ, безмолвно снаряжающихъ брата въ путь. Только юность, забывъ все, даетъ волю своему чувству... Еслибы не было тутъ повтореній, еслибы разсказъ развивался далѣе, я былъ бы не удовлетворенъ. Мнѣ не хотѣлось еще перейти къ другимъ чувствамъ, къ другимъ впечатлѣніямъ. Эти повторенія удерживали вниманіе на главномъ предметѣ и давали время вполнѣ углубиться въ сцену разставанья. Бандуристъ былъ переполненъ чувствомъ; онъ прервалъ пѣнье, продолжая играть въ тѣхъ же мотивахъ и подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Эти, то переливающіеся, то прерываемые звуки металлическихъ струнъ сильно дѣйствовали на сердце, мысль глубже вникала въ думу, и живая картина носилась передъ глазами.

Остапъ продолжалъ:

. . . . . .

Ой то до́бре, братіку, зна́ти (?) у се́бе ма́ти,

И у чужій сторонѣ, у дорогихъ кармазинахъ похождати.
То бу́дуть те́бе до́брі лю́де зна́ти,
Бу́дуть у те́бе ку́ми й побрати́ми...

. . . . . .

А якъ пришибе́, тебе́, бра́тіку, на чужій сторонѣ
Зла́я годи́на,
Лиха́я хуртови́на,
Тоді одрече́тця одъ те́бе уся́ка назва́на роди́на.

. . . . . .

Тутъ Остапъ заигралъ проворно и чуть не рвалъ струны...

. . . . . .

И куми́ й побрати́ми,
И това́ришъ вірне́нький...

. . . . . .

Начавъ нѣсколько тихо, онъ игралъ уже громче и громче, — и запѣлъ:

Якъ то тру́дно ри́бі на суходо́лі,
Звіру, пти́ці, безъ по́ля и безъ дібро́ви,
До такъ-то тру́дно на чужій сторонѣ пробувати—
Безъ ро́ду и безъ серде́шної роди́ни.

. . . . . .

Якъ-то тру́дно изъ сиро́і землі білий каме́нь изня́ти,
То такъ-то тяжко-ва́жко у чужій сторо́ні
Безъ ро́ду, безъ серде́шної роди́ноньки поміра́ти...

Тутъ Остапъ забылся и игралъ долго, долго. Быть-можетъ, онъ вспомнилъ собственную жизнь, — вспомнилъ, какъ его выгналъ зять, вмѣстѣ съ его же дочерью, изъ его же хаты, и какъ придется ему умирать на чужой землѣ, *безъ серде́шної роди́ноньки*. Онъ игралъ грустно, разрывалъ душу на части. Наконецъ, запѣлъ припѣвъ, обыкновенно заканчивающій думы:

Услы́ши, Го́споди, у про́сьбахъ и у молитва́хъ:
Лю́ду ца́рському (*)

(*) Въ старину пѣли:

Люду гетьма́нському,
Наро́ду христія́нському.

Но съ перемѣной правленія, народъ замѣнилъ это, для него уже отжившее, выраженіе близкимъ и понятнымъ. *Л. Ж.*

И наро́ду христия́нському.
И усімъ го́ловамъ слуха́щимъ —
На мно́гі літа,
До конця́ віка,
На мно́гі літа
До конця́ віка...

Женщина, которая все время стояла у окна, по окончаніи пѣнія отошла къ двери и плакала. На нѣсколько минутъ наступило въ хатѣ молчаніе; только было слышно ея всхлипываніе. Поговоривъ со мной немного, Остапъ снова запѣлъ въ ладъ съ ощущеніями, вызванными прежней думой:

Ой го́ре, горе на сімъ світі жи́ти!
Боро́нь, Бо́же, сме́рти, бу́деть Богъ суди́ти. 2.
Якъ чоловікъ здоро́въ, до усія́къ ёго́ коха́е,
А при лихій годи́ні, ёго́ й рідъ цура́е. 2.
Що при до́брій годи́ні — куми́ й побрати́ми,
А при лихій годи́ні — нема́ й роди́ни. 2.
А ма́ти старая зъ жа́лю умира́ла...
Діти жъ моі, діти, я васъ годува́ла! 2.
А якъ то трудно а ка́мень жува́ти,
А ще гірше дітей годува́ти. 2.
А діти на те́е—нітъ–ні ма́ло не до́ають,
Да ще гірше отця́ й ма́тку слова́ми огорча́ють. 2.
Коли́бъ то ми ма́ли у не́бі пробува́ти,
Було́ бъ же намъ отця́ й ма́тки да й не огорча́ти. 2.
Коли́ бъ же могли́ ми у небі проживáти,
Було́ бъ же намъ отця́ й ма́тки да й не зневажáти. 2.
Кого́ жъ то Богъ любить, того́ й награжда́е,
А за отця́ й ма́тку Синъ Бо́жий кара́е!.. 2.
Ой Ісу́се мій, 'Су́се крижова́ний!
Утіша́й и поми́луй наро́дъ правосла́вний!
Ой Ісу́се мій, Ісу́се Назаре́йський!
Утіша́й и поми́луй уве́сь міръ христия́нський.
. . . . . .

Поигравъ еще немного, Остапъ остановился, опя́стилъ руки, вздохнулъ и сказалъ: «Честь Богу и хвала́!.. Ся пісенька до ліри сла́вна. Боро́нь Бо́же, яка́ га́рна!»

— Остапе, давно́ вже́, підъ Полта́вою, дідъ співа́въ менi на сей гласъ пiсню про смерть. Вона́ почина́лась та́къ:

Ой уже смерть до воpiтъ прихо́дить: —
Ой не хо́четця уме́рать менi:
Дiти моi, да просiте ви ii,
Що́ бъ мене́ младо́го не взяла́ собi?

Чувъ ти сю пiсню?

— Нi, не зна́ю... нi, не чувъ.

— Жаль, а га́рна пiсня. Дiдъ менi спiва́въ, спiва́въ та й запла́кавъ.

Остапъ захохоталъ.

— Що́ жъ, *вiнъ* запла́кавъ, а не запла́кали *лю́де*?!.. ха, ха, ха!..

— Чи давно́ вже ти ослiпъ, Оста́пе?

— Менi було́ годъ чотирi.—Коли́бъ я ослiпъ бiльшимъ, тодi бъ я знавъ, що́ таке́ со́нце та ого́нь, та й яке́ воно́ — кра́сне або́ жовте; ато́ я нiчо́го не зна́ю. Се, ба́чте, менi роска́зують оте́ць та ма́ти, що такъ було́: (лiтъ де́сять якъ уме́ръ оте́ць, а ма́ти пятна́дцять — я iхъ й поховавъ у Калюжицяхъ)... Обуча́вся я въ Лохвицькiмъ уiздi, у старика́, грать и спiва́ть, да й вiнъ вже вмеръ. У мене́ е́ дочка́, — тамъ же, у Калю́жицяхъ. Я до е́i зя́тя—приймака́ приня́въ, та вiнъ ставъ мене́ зневажа́ть, худи́ми слова́ми нази́вать; та, напослiдокъ, и сказа́въ дочцi, щобъ вона́ менi не дава́ла й iсти, и що коли́ вона́ бу́де йти до ба́тька, то вiнъ iй го́лову одруба́е. Такъ я жа́лувався Димитрiю Iвановичу, да.. Богъ iмъ судья́! поки́нувъ iхъ, да й пiшо́въ блуди́ть, та сюди́ й зайшо́въ жить. Дай, Го́споди, ща́стя пана́мъ, що ми́лують... Якби́ я бувъ робоня́щий, то зять би мене́ уважа́въ...

— Що́ жъ, ти нiко́ли не ба́чишъ нi зя́тя, нi дочки́?

— Нi.

И онъ заигралъ:

Коти́лися вози́ зъ гори́,
На доли́нi ста́ли,
Люби́лися, коха́лися,
Да вже й переста́ли...

Потомъ перестaлъ играть и сидѣлъ, сложа руки.

— Оста́пе, чи було́ бъ лу́чче, коли́бъ ти бувъ видющий? Менi

здае́тця, що такъ лучче. Тепе́ръ ти вільний, а тоді заробля́въ би гро́ші пана́мъ, або́ ходи́въ би що-дня́ на па́нщину.

— Вамъ здае́тця, що на́ша жисть лу́чча?.. ні.. на́ша жи́сть, те́мнихъ люде́й, пога́на; доро́жше оче́й нема́ въ світі нічо́го... Куди́ пройти́ тре́ба, то найми́,—проси́, щобъ провели́, куди́ тре́ба. У ха́ті хо́лодно: — дру́гі що ба́чять, вони́ підуть въ лісъ, нару́ба́ють та й то́плять; а мені не мо́жна та́къ: тяга́йся по світу въ митіль, иъ моро́зъ, зароби́ гро́ші, та найми́ на́ймита, щобъ дровъ наруба́въ да привізъ, та затопи́въ пічъ,—якъ у па́на; а тамъ зно́ву роби́, щобъ топи́ть.—Хазя́інъ, ба́чте, найма́въ грать на весілля, — я імъ поста́вивъ на 20 копіёкъ горілки, а вони́ пропили́ ще й мою́ гре́чку.

— А де́ твій поводи́рь, Оста́пе?

— Та вінъ тепе́ръ упи́вся, та лежи́ть якъ ме́ртвий.

— Якъ!... вінъ же ще мале́нький?

— Воно́ не ду́же мале́; се не той вже поводи́рь, що ви зна́ете: той утікъ; вінъ ліни́вий, нічо́го не хо́че роби́ть, ні грать, ні співа́ть; звісне діло, — я его́ уда́ривъ, для его жъ по́льзи, а вінъ и втікъ до ба́тька та до ма́тері; вони́ его́ ба́лують. *Гарна мазана паляниця, а не дитина.*

Оста́пъ, жела́я подтвердить свои слова и сильнѣе закрѣпить ихъ въ моей вѣрѣ, сказалъ:

— Усе́ такъ було́, якъ кажу́. Коли́ я брешу́, то ба́чте — я не ба́чу, то коли́бъ ще я й онімівъ! Отъ що́!...

— Тре́ба тобі навча́ть дру́гого хлопця...

— А якъ же! Тре́ба іхъ навча́ть. Усе́ жъ вони́ куско́мъ хліба розживу́тця. Я, сла́ва Бо́гу, хочъ пога́но, та граю на банду́рці, а якъ не вмівъ би, то пропа́въ; хоть візьми́ та въ во́ду и лізь. Воно́ до́бре, що даю́ть научать съ моло́дства, отъ я—що́ почу́ю ра́зівъ зо́ два, то вже й заспіва́ю. Пісня хоро́ша, якъ гласъ хоро́ший; якъ-по́ки я бувъ моло́дшимъ, то бувъ у ме́не гласъ—такъ—такъ! А тепе́ръ не то,—літа прохо́дять, не такъ співаю, зубівъ нема́.

Его сожительница, стоя у дверей, разхваливала поведеніе своего Остапа; она между-прочимъ говорила: отъ у ме́не въ ха́ті двое синівъ сліпи́хъ, да якъ вінъ ста́не моли́тьця у ве́чері за людѐй, що ему́ даю́ть ми́лостину, — то якъ почне́ молитьця та помина́ть, такъ мої діти плачуть, и я пла́чу... А лю́ди ре́мствують!

Остапъ сидѣлъ, сильно задумавшись, перебирая на бандурѣ пѣсню за пѣсней. Суровое его лицо выражало много мысли. И вотъ онъ

запѣлъ сти́ха. Входя все болѣе и болѣе въ смыслъ пѣсни,—съ каждымъ стихомъ онъ воодушевлялся, и спѣлъ превосходно мою, всегда любимую пѣсню, которую я только отъ него и слышалъ: «Нема́ въ світі пра́вди!» Тѣ стихи, которые Остапъ повторялъ, я отмѣчаю; тамъ, гдѣ онъ прерывалъ пѣнье и только игралъ, я ставлю точки:

Нема въ світі пра́вди! пра́вди не зійська́ти!
Уже́ тепе́ръ пра́вда ста́ла въ непра́вді жи́ти.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панівъ въ темни́ці!
А щи́ра непра́вда съ пана́ми въ світли́ці. 2.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панівъ у поро́га!
А щи́ра непра́вда—сиди́ть конець сто́ла.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панівъ підъ нога́ми!
А щи́ра непра́вда сиди́ть изъ пана́ми.
Уже́ тепе́ръ пра́вду нога́ми топта́ють!
А щи́ру непра́вду ме́домъ—вино́мъ напова́ють.
Уе́ тепе́ръ пра́вда у панівъ у до́лі!
А щи́ра непра́вда въ до́брій волі.

(*У не́і гроші е́, такъ її й воля,* объяснилъ Остапъ).

Уже́ тепе́ръ пра́вда, правда умира́е!...
А щи́ра непра́вда—весь світъ пожира́е!...
Уже́ тепе́ръ пра́вда, пра́вда вже поме́рла!...
А щи́ра непра́вда—уве́сь світъ поже́рла!... 2

. . . . . .

Нема́ въ світі пра́вди! пра́вди не зійська́ти!...
Тільки въ світі пра́вди—якъ оте́ць, рідная ма́ти. 2.
Були́ коли́сь дітки,—ста́ли сирітки,
Не ма́ють вони́ по́мічі собі ні відки.
Пла́чуть вони́, пла́чуть, не мо́жуть пробу́ти,
Своéі рідноі ма́ти не мо́жуть забу́ти.
Де́жъ то іі взя́ти? Іі увидіти?!..
Іі ні купи́ти, а ні заслужи́ти!
Весь світъ исходи́ти—пра́вди не зойщи́ти!...

. . . . . .

Ой о́рлице-ма́ти!... Де́жъ намъ тебе́ взя́ти?...
Тебе́ ні купи́ти, а ні заслужи́ти,
Весь світъ исходи́ти—пра́вди не зойщи́ти!!...

Хотя́ бъ то ми мали а́нгельскіі кри́ли,
То ми бъ полетіли, тебе́ увиділи!
Бо вже́ коне́ць віку уже́ приближи́вся...
Хочъ рідного бра́та тепе́ръ стережи́ся. 2.
Изъ нимъ въ су́ду ста́ти, пра́вди не зійська́ти!
Тільки срібломъ, зла́томъ панівъ насища́ти.... 2.

. . . . . .

Кото́рий би могъ чоловікъ а ще пра́вду сполня́ти,
До да́сть ёму́ Го́сподь зъ небесо́въ що день благода́ти.
Бо самъ Го́сподь святи́й—пра́вда, соміря непра́вду,
Сокруши́ть горди́ню, вознесе́ть святи́ню,
Отнині до віку, отни́ні до віку!

Остапъ и самъ любилъ эту пѣсню; пропѣвъ ее, онъ говорилъ: «якъ у я́рмарку ста́нешъ іі співа́ть, то пани́ й одойду́ть... вони́ іі не лю́блять!... теперъ більшъ брехне́ю живу́ть!... тепе́ръ же воно́ и пра́вда е!... Ба́чте, мене́ поби́ли *титарь* (церковный староста) та ку́черъ... да пана́мъ набреха́ли и мене́ жъ зроби́ли винова́тимъ... Бу́де Богъ суди́ти... Объ сій пра́вді, якъ хи́дишъ по селу́ та заспіваешъ, то мно́го люде́й пла́чуть. Тепе́ръ такъ ста́ло, що братъ бра́та нена́видить... Усе́ хо́че, щобъ ему́ було́, а потому́ не було̀... Ти, ка́же, моло́тишъ, — ти, ка́же, ба́чишъ (*)... Ахъ Бо́же мій, Бо́же мій!...

Тутъ Остапъ засмѣялся и заигралъ на бандурѣ... Кончилъ и громко вздохнулъ: охъ!

Пѣсня о правдѣ и неправдѣ, была нѣкогда сообщена мною П. А. Кулишу, которымъ и помѣщена въ *Запискахъ о Южной Руси*; но мнѣ кажется, что, передавая ее здѣсь съ остановками и повтореніями бандуриста, я передаю ее осязательнѣе.

Не много погодя, Остапъ снова взялъ въ руки бандуру и снова началъ:

Пресвятая Діво-ма́ти, помо́шнице на́ша!
Помагай намъ, нещасли́вимъ, когда ми́лость тво́я. 2.

(*) Остапъ, для молотьбы, нанималъ наймита, *какъ панъ*, по его выраженію; но дѣло работника, кромѣ молотьбы, состояло еще и въ томъ, чтобы подкладывать снопы подъ цѣпъ Остапа, который тоже молотилъ. Вслѣдствіе этого и былъ на селѣ слухъ, будто бы Остапъ—зрячій. *Л. Ж.*

Ти бо еси́ перворо́дна; бо Ти пе́рва й зачата́;
Передъ а́нгела ажъ до не́ба Ти одъ по́ла взята́.
И въ Бо́га созда́на грішнимъ помага́ти,
Бо Ти мо́жешъ Хри́ста́ й Бо́га за миръ ублага́ти
Ублага́й, Царице, у престо́лахъ Его́,
Созда́тиля не́ба й зе́млі у Си́на Твоего.
Алилу́йя, алилуйя, сла́ва тобі, Бо́же;
Не забу́дь насъ, Влади́чице Марія Госпо́же!
—Не́ забу́ду, всігда́ бу́ду ще й до Си́на моли́ти;
А тілько ви переста́ньте Го́спода гнівити.
Не забу́ду, всігда́ бу́ду ще й до́ Си́на блага́ти,
А тілько жъ ви переста́ньте гріхівъ достава́ти.
Бу́де и́мя Госпо́днее вся преблагословенна
И во віки вико́въ, амінь, уся́ превозношена́.

Затѣмъ, пѣсни, уже не божественныя, стройно, мягко лились у него съ бандуры, а голова его все еще была серьезна и задумчива; но вдругъ онъ дернулъ рукой струны и на секунду остановился. Снова машинально заигралъ, игралъ долго; лицо его стало проясняться; онъ улыбнулся, бросилъ игру и вздохнулъ.

Я ему началъ читать *Украіну*, П. А. Кулиша. Остапъ обрадовался, услыхавъ, что основатель Запорожской Сѣчи былъ тоже Остапъ. Очень ему нравились походы козацкіе, нравилось то, что шли на войну по своей волѣ. Когда я кончилъ чтеніе, Остапъ вздохнулъ и сказалъ: «До́бре було́! чому́ тепе́ръ нема́?»

Далѣе я ему прочелъ думу про смерть козака-бандуриста, гдѣ такъ картинно изображена смерть кобзаря въ степи, послѣ сраженія, и прощаніе его съ своей бандурой. Остапъ заплакалъ, ощупалъ бандуру, и сказалъ: «Коли́ бъ не розби́лась!... Кого́ и́ноді розвесели́шъ, кого́ засму́тишъ... Хоть жінка: пішла́, и нема́ ії! А банду́ру візьмешъ підъ по́лу; куди́ ни підешъ,—такъ банду́ра дає́ть гро́ші... Якъ же ії не жа́лко?... Кому́ ти доста́несся?...

И снова заигралъ мою, тогда любимую, пѣсню:

Скажи́, скажи́, се́рце, пра́вду —
Неха́й же я буду зна́ти:
Чи зъ вели́кою мипі ра́дістю
Та до те́бе прибува́ти....

И продолжалъ играть далѣе безъ пѣнія...

— «Мóжна ще жалібнійше заспівáть»...

И чудесно спѣвъ эту жу пѣсню, онъ вдругъ заигралъ веселаго козачка. Потомъ:

Добри́й вечíръ, дівчино, чи ти спишъ, чи ти спишъ?
Ой дай мені паляни́цю, або́ книшъ, або́ книшъ.
. . . . . .
. . . . . .
Ой дівчино, дівчино, відчини́й, відчини́й:
Сама́ собі кри́вдоньки не вчи́ни, не вчини́й.
—Не бу́ду я, каза́ченьку, одчи́нять, одчиня́ть
Бо ти бу́дешъ, се́рденько, ночува́ть, ночува́ть. 2.
Ой не бу́ду, дівчино, не бу́ду, не буду́:
Заспівають півники,—я й піду, я й піду...
Ой изійшóвъ місяць и зоря́, и зо́ря:
«Бува́й, бувай, дівчино, здорова, здоро́ва!...

Далѣе Остапъ только игралъ.

Въ слѣдующей книжкѣ я сообщу ноты одной думы, которая находится между собранными мною пѣснями. Долго не могли попасть на фортепіано въ тонъ бандуры; Остапъ нѣсколько разъ повторялъ намъ мотивъ; наконецъ, видя, что я не довольствуюсь приблизительной съ него коніей, остановился, и велѣлъ намъ взять нѣсколько отдѣльныхъ нотъ. Когда это было исполнено, онъ настроилъ свою бандуру въ одинъ съ нами тонъ, и до-тѣхъ-поръ не бралъ слѣдующей ноты, пока мы совершенно-вѣрно не передавали ее на фортепіано и не записали; тогда онъ заставлялъ насъ играть и самъ игралъ на бандурѣ. Провѣривъ подобнымъ образомъ и не найдя уже болѣе ошибки, Остапъ остался нами доволенъ.

Остапъ особенно хорошо пѣлъ эту думу, когда вспоминалъ свое семейство, и всегда прерывалъ эту думу плачемъ. Онъ, сколько я замѣтилъ, избѣгалъ случая пѣть ее при другихъ.

Кстати разскажу, какъ бандуристъ учитъ пѣть и играть *поводиря*. Я самъ узналъ на собственномъ опытѣ пріемы этого ученія, взявъ урока два у Остапа на *лиру* (бандура казалась мнѣ слишкомъ мудреною). Бандуристъ сажаетъ рядомъ съ собой ученика, даетъ ему въ руки лиру, кладетъ ее какъ удобнѣе для игры и устанавливаетъ

руки ученика на мѣсто. Затѣмъ, бандуристъ своей лѣвой рукой беретъ его лѣвую же руку, и обнявъ ученика черезъ спину, накладываетъ свою правую на его правую руку, такъ, чтобы каждый изъ его пальцевъ приходился на соотвѣтствующемъ пальцѣ ученика. Установившись такимъ образомъ, начинаетъ своей лѣвой рукой вертѣть лѣвую руку ученика, а правой перебираетъ съ нимъ вмѣстѣ клавиши. Это продолжаетъ учитель до-тѣхъ-поръ, пока наловчитъ и разомнетъ пальцы ученика; послѣ того, онъ заставляетъ его-самого играть ту же самую пѣсню, приказывая ему со всѣмъ вниманіемъ прислушиваться къ игрѣ учителя, (который въ то время беретъ такой же инструментъ и играетъ туже пѣсню).

Я часто видѣлся съ Остапомъ; бесѣда съ нимъ доставляла мнѣ полное удовольствіе...

Какъ часто, Остапъ, я тебя вспоминаю, — какъ часто душа моя ищетъ бесѣды съ тобой, и какая грусть овладѣваетъ мною при мысли, что я далекъ отъ тебя и не скоро уже услышу звуки твоей чудной бандуры!

Когда стемнѣло и началъ выплывать красноватый мѣсяцъ, я оставилъ будинокъ Гр. П. Галагана и всѣхъ добрыхъ знакомыхъ; народъ, еще хмѣльной послѣ праздника, бродилъ партіями и пѣлъ; я сѣлъ въ экипажъ и отправился обратно въ свое пристанище.

Дороги, проторенныя селянами, насъ не сбивали съ пути и мы ѣхали по степи — какъ / съ компасомъ. Вотъ и знакомая крутая гора, по которой я прошелся пѣшкомъ; потомъ брелъ въ вербовой аллеѣ по гати. Вѣяло свѣжестью утра; свѣтъ мѣсяца пришелъ въ уровень съ свѣтомъ начинающагося дня; настали утреннія сумерки. Я подъѣзжалъ къ хутору. Крыши хатъ, верхушки садовъ и лѣсовъ окрасились восходящимъ солнцемъ; запѣли пѣтухи; зарумянилось небо. Люди еще спали. Я прошелъ подъ навѣсъ коморы, и на мѣшкахъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Л. Жемчужниковъ.

ПРАВДА ПОЛЯКАМЪ О РУСИ.

(По поводу новой статьи въ Revue Contemporaine).

Дóбре речéшъ, та въ громáду не берýть.
Народная пословица.

Въ началѣ нынѣшняго года намъ пришлось опровергать недобросовѣстныя выходки Revue Contemporaine, писанныя подъ вліяніемъ узкаго польскаго патріотизма, который имѣетъ въ виду не современныя потребности и дѣйствительно-осуществимыя надежды своей націи, а утѣшается мечтами о возвращеніи былаго, въ настоящее время невозвратимаго, потому что сдѣлалось анахронизмомъ, несообразнымъ съ современными понятіями о народныхъ правахъ. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала нынѣшняго года напечатана однимъ Полякомъ статья (lettre d'un Polonais) подъ названіемъ: «La vérité sur l'esprit russe». Она направлена противъ всѣхъ Русскихъ, которые осмѣлились бы заявлять, что во всякое время, во всякомъ случаѣ, при всякомъ возможномъ измѣненіи обстоятельствъ, управляющихъ судьбами Русской Земли, притязанія Поляковъ на принадлежность имъ юго-западныхъ русскихъ областей, возбудятъ негодованіе и противодѣйствіе всего русскаго народа. То же, какъ и прежде, наглое извращеніе исторической истины, тѣ же іезуитскія увертки, умышленное невѣдѣніе общеизвѣстныхъ событій, насильственныя сближенія и распространенія; тѣ же, однимъ словомъ, замашки безсильной злобы, пустаго хвастовства и суетнаго высокомѣрія. Мы никакъ не хотимъ считать такихъ произведеній голосомъ всей вообще польской націи, какъ нѣкоторые у насъ позволяютъ себѣ смотрѣть на нихъ; мы почитаемъ ихъ дѣломъ партіи, для которой истина не имѣетъ святости, дѣломъ тѣхъ, которыхъ узкому разсудку кажется возможнымъ дать выигрышъ своимъ политическимъ видамъ,

посредствомъ напущенія тумана въ Европѣ, мало знакомой съ частностями исторіи славянскаго сѣвера. Ихъ надежды напрасны, потому что опираются на *лжи, а брехнею*—говоритъ наша пословица—*світъ прійдешъ—та назадъ не вернесся.*»

Мы не станемъ шагъ за шагомъ опровергать эту статью, ибо авторъ не знаетъ, или притворяется, что не знаетъ азбуки—русской и своей, польской—исторіи. Мы укажемъ только на особенно-разительныя выходки единственно для того, чтобы наши земляки знали, какую паутину плетутъ для нихъ эти *паны-ляхи*, которые либо насъ считаютъ невѣждами и простаками, способными попасть въ нее, либо сами такъ невѣжественны и простоваты, что эта искусственно-сплетенная паутина имъ кажется чѣмъ-то крѣпкимъ.

Ссылаясь на какихъ-то премудрыхъ своихъ историковъ, доказавшихъ, между прочимъ, не-славянизмъ Москалей (ктожъ это? ужь не Мицкевичъ ли—такой же плохой историкъ, какъ великій поэтъ), авторъ *Письма* увѣряетъ, что между названіемъ Русскіе и Русины (les Russes et les Ruthénes, en polonais Roussini)—большая разница, и что имя Русиновъ издревле служило названіемъ народа, находившагося подъ властію Поляковъ, и всегда добровольно стремившагося къ слитію съ польскимъ; Москвитянъ онъ признаетъ народомъ другаго—отличнаго—племени, враждебнымъ Русинамъ; говоритъ, что отъ Московитянъ Пясты и Ягеллоны защищали Русиновъ оружіемъ, и что эти Московитяне, назвавшись русскими, навязали Русинамъ свою вѣру, языкъ и національность (*).

Авторъ съ умысломъ не обозначаетъ положительно, къ какому времени относится такое положеніе дѣла, но упоминовеніе о Пястахъ и Ягеллонахъ даетъ намъ право видѣть, что все это признается суще-

(*) Vous trouverez partout le mot ***Ruthènes*** (en polonais ***Russini***), employé pour désigner une nationalité alliée et soumise à la Pologne, vivant de la même vie et cherchant à se confondre avec elle, et vous ne trouverez nulle part les mots de ***Russes*** et de ***Russie***. Y a-t-il, oui ou non, une distinction entre ce qui a toujours existé et ce qui est complètement inconnu? Il y avait bien des ***Moscovites***,—les chroniques en parlent souvent,—mais comme d'une race à part et toujours ennemie. L'élément Slave était encore dans toute sa virginité. Qui eût songé à l'époque, où régnaient chez nous les Piasts et les Jaguellons, à défendre les Ruthènes autrement, que par les armes contre les empiétements de leurs voisins les Moscovites et il ne serait venu à l'idée de personne qu'un jour viendrait où ces mêmes Moscovites s'appelleraient ***Russes***, pour imposer à des ***Ruthènes*** leur foi, leur langue et leur nationalité.

ствующимъ съ древнихъ временъ до половины XVI в., когда прекратился домъ Ягеллоновъ. Здѣсь все ложно. Пясты не могли защищать Русиновъ отъ Московитянъ, потому что при Пястахъ имени Москвитянъ не было и быть не могло. Слово *Московія* образовалось тогда, когда московское великое княжество покорило восточныя и сѣверныя русскія земли и составило единодержавное государство. Никакія хроники того времени не упоминаютъ о Москвитянахъ и не могли упоминать о томъ, чего на свѣтѣ не было. Если что въ тѣ времена было *совершенно неизвѣстно* (complétement inconnu), такъ это имя Московитянъ.

Но полюбуемся нашимъ *сочинителемъ*.

«Русь всегда была и теперь остается родовымъ именемъ для областей, которыя отъ Карпатскихъ горъ простираются на сѣверо-западъ до Днѣпра и Двины и даже за Двину. Была Русь Бѣлая, Русь Червоная, Русь Малая. Обитатели этихъ областей назывались *Русины*, по-латинѣ изъ этого слова сдѣлалось *Рутены*. Но это не имѣетъ ничего общаго со словомъ *Россія* новаго изобрѣтенія. Первый Петръ Великій окрестилъ Москвитянъ именемъ Русскихъ. Прежде того Москвитяне были Московитянами и не помышляли быть чѣмъ-нибудь другимъ. Екатеринѣ II принадлежитъ заслуга, что она увидала всю пользу, какую можно извлечь изъ этой подмѣны. Она схватилась за эту идею; благодаря же друзьямъ ея энциклопедистамъ, стало возможно ввести слово *Россія* (Russie) во французскій языкъ и чрезъ то сдѣлать употребительнымъ. Они съ такимъ усердіемъ повели свое дѣло, что успѣхъ превзошелъ собственныя ихъ ожиданія. Слово пошло въ обращеніе съ варіантомъ—*всероссійскимъ*. Вотъ точная истина. Слово это, какъ видите, родилось съ первыми притязаніями и съ нимъ распространилось. Оно осталось въ дипломатическомъ словарѣ, какъ иронія надъ исторіей (*), какъ вызовъ на брань въ потомству.«

(*) *Rus* (lisez *Rous*) a toujours été et est encore le nom générique des provinces, que des monts Carpathes s'etendent vers le nord—est jusqu'au Dnieper et la Dwina et même au delà (*т. е., на сколько нужно автору, для своихъ видовъ, растянуть или укоротить эту границу*). Il y avait une Rus Blanche, une Rus Rouge et une Petite Rus. Les habitants de ces provinces s'appelaient et s'appèllent encore *Roussini*, dont on a fait jadis le mot latin *Ruteni*. Mais cela n'a rien de commun avec le mot *Rossya* (Russie), de facture toute moderne. C'est Pierre le Grand le premier, qui baptisa les Moscovites du nom des *Russes*. Avant lui les Moscovites n'étaient que des Moscovites et ne songeaient

Авторъ знаетъ нѣсколько *Русей*, но очевидно игнорируетъ Великую Русь... не можетъ же быть, чтобы онъ ея не зналъ. Что не Петръ выдумалъ имя Россіи, пусть загляпетъ этотъ авторъ въ безчисленное множество предъидущихъ актовъ, гдѣ найдетъ титулъ царей—при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ присоединенія Малороссіи: *всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи*, а прежде: *всея Россіи*; въ болѣе древнія времена *всея Русіи*: такъ именно писалъ еще въ XIV в. князь Симеонъ Ивановичъ. Имя Руси еще въ XI и XII в. употреблялось въ двухъ значеніяхъ: въ тѣсномъ для кіевской земли, въ обширномъ для всего материка, состоявшаго въ одной удѣльной федераціи, подъ управленіемъ князей Рюрикова дома. Въ этомъ смыслѣ нашъ первоначальный лѣтописецъ, перечисляя славянскіе народы, жившіе на этомъ материкѣ, говоритъ *се токмо словенескъ языкъ въ Руси*. Слова *Русь, Русскіе*, въ этомъ обширномъ значеніи для всѣхъ жителей славянской Россіи, употреблялись всегда и внутри Русской Земли, и внѣ ея иностранцами, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ. Такъ, нѣмецкіе лѣтописцы, говоря о войнахъ Ордена и Шведовъ съ Новгородцами и Псковитянами, называютъ ихъ Русскими. Говоря о томъ, что, въ исходѣ XIII столѣтія, ханъ Батый сдѣлалъ князя Ярослава старѣйшимъ между князьями, лѣтописецъ выражается такъ: И рекъ ему: *Ярославе, буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ русскомъ языцѣ* (Лавр. Лѣт., 201). Очевидно, здѣсь русскимъ языкомъ лѣтописецъ называетъ совокупность племенъ, составлявшихъ нѣчто цѣлое, подъ общимъ именемъ Руси, Русскихъ, и въ этомъ числѣ восточную, т. е. великую Русь, гдѣ княжилъ Ярославъ. Въ XIV вѣкѣ, когда начала Москва брать первенство надъ удѣлами, восточная Русь, по отношенію къ иноплеменникамъ, называлась Русскою Землею. Когда Мамай собирался идти на Димитрія, онъ, по извѣстію лѣтописца, говорилъ: *пойдемъ на русскаго князя и на русскую землю* (Воскр. ст. 34), а не на *московскаго* князя и

pas à être autre chose. L'impératrice Catherine eût le mérite de voir tout le darti, qu'on pouvait tirer de cette substitution. Elle s'empara de l'idée, elle la développa. Ses amis les encyclopédistes furent chargés d'introduire le mot de Russie dans la langue française afin d'en saisir l'opinion. Et comme ils n'avaient rien à lui refuser, ils le firent de si bonne grâce, que le succès dépassa leur attente. Le mot fût mis en circulation avec le variant *de toutes les Russies*. Voila l'exacte vérité. Le mot, comme on le voit, est né avec les premières prétentions et il s'est étendu avec elles. Il est resté dans le vocabulaire diplomatique comme une ironie à l'histoire et un défi à la postérité.

не на *московскую* землю. Точно также, при описаніи нашествія Тохтамыша на Москву говорится: *злое пришествіе на русскую землю* (Воскр. 42), а не на *московскую*. Не станемъ нагромождать другихъ подобныхъ указаній: и этого довольно, чтобы видѣть, какъ лживо мнѣніе, будто Петръ (а иные говорятъ даже—Екатерина) навязали Москвитянамъ имя *Русскихъ*. Имя—*московская земля* имѣло значеніе, по отношенію къ сосѣдямъ, такъ же Русскимъ, какъ и въ московскомъ государствѣ, а въ послѣдующее время, означало русское государство, имѣвшее столицу въ Москвѣ, въ отличіе отъ другаго русскаго государства — литовскаго великаго княжества. Слово *Москвитяне* было совершенно неизвѣстно у насъ; нѣсколько сходное съ нимъ было названіе *Москвичи*, но оно означало жителей города Москвы—и въ самомъ обширномъ смыслѣ—ея земли, ея пригороды, но никогда не имя великорусскаго народа. Никто бы не назвалъ Суздальцевъ, Владимірцевъ, Нижегородцевъ—Москвичами, но всѣ равно звались Русскими. Очень характеристично высказалось значеніе русскаго и московскаго государства въ смутную эпоху: тогда московское государство отличалось отъ великороссійской державы. Первое было видъ, часть послѣдняго, что́, напримѣръ, видно изъ такихъ выраженій: *Великія Россійскія державы Московскаго государства*. (Акт. Арх. Э. N 256, 262). Тогда существовало понятіе о новгородскомъ государствѣ (Акт. Арх. Э. N 268 318), о казанскомъ государствѣ (328); съ московскимъ вмѣстѣ они составляли одно россійское государство (269) или россійскую державу. Царь потому и назывался царемъ всея Руси, а не московскимъ, что дѣйствительно управлялъ не одною московскою землею, но и другими. Уже владѣя, напримѣръ, Владиміромъ или Бѣжецкомъ или Бѣлозерскомъ, онъ не былъ московскимъ государемъ, а русскимъ.

Обращаясь къ церковной сторонѣ прошедшей русской жизни, авторъ говоритъ:

«Вы знаете, что съ XVI вѣка русская или, скорѣе, московская церковь возъимѣла поползновеніе къ независимости. Это поползновеніе возрастало мало-по-малу, и вы теперь уже совершенно оторвались отъ восточной церкви... Если для насъ, католиковъ, греческій обрядъ не болѣе какъ расколъ, вы, говоря исторически—протестанты раскола, вы—малый расколъ въ большомъ. Что́ же значитъ это имя православія, которымъ вы рисуетесь, при всякомъ случаѣ, и въ чемъ его значеніе? Западные протестанты (надобно отдать имъ справедливость) никогда не

претендовали на званіе православныхъ: откуда же такія притязанія у восточныхъ протестантовъ (*)?»

Этотъ странный для насъ, русскихъ взглядъ, поясняется нѣсколько, если примемъ во вниманіе, что авторъ—католикъ и смотритъ на нашу церковь подъ угломъ римско-католическаго воззрѣнія. Для паписта все, что́ вышло изъ подъ власти папы есть не только расколъ, секта, но даже какъ-бы недостойно называться истиннымъ христіанствомъ. Единство іерархіи считается на равной степени съ единствомъ догматики. Авторъ воображаетъ, что тотъ же духъ, тѣ же основанія и въ восточной церкви,—что не желая подчиняться папѣ, она имѣетъ своего папу и этого папу авторъ видитъ, кажется, въ константинопольскомъ патріархѣ. Зная, что великорусская церковь находилась отъ него въ зависимости, а въ концѣ XVI вѣка вышла изъ подъ этой зависимости и получила своего патріарха, но не зная и, можетъ быть (судя вообще по тону всей статьи), игнорируя обстоятельства, сопровождавшія это событіе, авторъ представляетъ его въ такомъ видѣ, будто бы великорусская церковь, по неудовольствію, оторвалась отъ патріаршей зависимости и поставила себя въ положеніе, подобное протестантскому. Но восточная церковь никогда не признавала такого видимаго главы, или единаго начальника, какого признаетъ у себя западная. Патріархи: Константинопольскій, Антіохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій считались равными между собой, каждый въ своей части, а отношенія и предѣлы ихъ управленія установлялись соборами; іерархическія положенія не имѣли абсолютной важности догмата и, смотря по потребностямъ, границы ихъ могли измѣняться съ общаго согласія. Единство церкви этимъ не нарушалось. Такимъ-образомъ, въ концѣ XVI вѣка, по общему согласію всѣхъ патріарховъ, великорусская церковь, входившая прежде въ константинопольскую діэцезію, получила самостоятельное управленіе; въ Москвѣ

(*) Vous savez, que dès XVI siècle l'Eglise russe, ou plutôt l'Eglise moscovite eut des velléités d'indépendance. Ces velléités grandirent petit à petit et aujourd'hui vous êtes complétement détachés de l'Eglise d'Orient.—Si pour nous, catholiques, le rit grec n'est qu'un schisme, vous n'êtes, historiquement parlant, que les protestants de schisme, le petit schisme dans le grand. Or que vient faire ce mot d'orthodoxie, dont vous faites parade à tout propos et quelle peut être sa signification? Les protestants d'Occident (c'est une justice à leur rendre) n'ont jamais prétendu être orthodoxes; d'où vient cette prétention aux protestants d'Orient?

учреждено патріаршество и патріархъ признанъ равнымъ прочимъ четыремъ вселенскимъ патріархамъ. Съ тѣхъ поръ, имѣя свое управленіе, независимое отъ вселенскихъ патріарховъ, великорусская церковь сохраняла строгое и полное единство съ восточною: важныя дѣла рѣшались по совѣту съ восточными патріархами, самая тѣсная нравственная связь неослабно поддерживалась съ христіанскимъ востокомъ. Замѣна званія патріарха, коллективнымъ учрежденіемъ Сунода, совершилась при Петрѣ Великомъ, съ согласія восточной церкви. Сунодъ признанъ восточными патріархами какъ бы однимъ лицомъ. братомъ патріарховъ. До сихъ поръ, не только въ догматахъ и въ законоположеніи, но и въ церковномъ чинѣ богослуженія, церковь русская не допускала существенныхъ перемѣнъ, которыя бы не признавались восточною и считались ей противными. Церковь русская не протестовала никогда ни противъ чего, что принимала восточная, какъ равно и восточная не выражала неодобренія чего-нибудь такого, что вводила русская церковь. Полнѣйшее согласіе и единство съ христіанскимъ востокомъ ненарушимо существуетъ у насъ до-сихъ-поръ; Русскій на востокѣ молится въ церкви точно такъ же, какъ и въ своей на Руси; пріѣзжающіе къ намъ съ востока вступаютъ въ наши храмы съ одинакимъ благоговѣніемъ и ничѣмъ не соблазняются. То, что говоритъ польскій авторъ—есть совершенная ложь—и если это не слѣдствіе умышленной злонамѣренности, если въ самомъ дѣлѣ авторъ думаетъ такъ, какъ говоритъ, то нельзя не удивляться той изумительной наглости, съ какою онъ, круглый невѣжда въ общеизвѣстныхъ данныхъ исторіи, (каковы сущность восточной церкви и отличіе ея отъ западной), рѣшился выступить въ печать и взять на себя роль объяснителя важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ великое современное значеніе.

До-сихъ-поръ мы приводили мѣста, касающіяся болѣе Великой Руси; теперь взглянемъ, что говоритъ авторъ, собственно о Южнорусской народности.

«Національность Русиновъ, также какъ и ихъ языкъ, и теперь тѣ же, чѣмъ были прежде: безъ особности, безъ опредѣлительнаго характера въ исторіи. Она никогда не будетъ ничѣмъ другимъ, какъ только чертою (примѣтою) соединенія: это поле битвы между двумя соперничествующими національностями, для которыхъ она служитъ, такъ-сказать, переходною ступенью. Ея прошедшее, ея стремленія и преданія—

все склоняетъ ее къ Польшѣ и отлучаетъ отъ московскаго элемента, который она всегда отъ себя отбивала и отвергала (*).»

Далѣе, авторъ говоритъ о нашемъ языкѣ:

«*Русинскій* языкъ отличается отъ русскаго, также какъ и національность. Этотъ языкъ скорѣе нарѣчіе и почти непонятенъ для Русскихъ; по своему славянскому происхожденію, онъ имѣетъ всѣ особенности нарѣчія польскаго. Греческая азбука, введенная вначалѣ, скоро была замѣнена Кирилловскими буквами, которыя окончательно и усвоились. Письменный языкъ, такимъ-образомъ составленный, оставался въ употребленіи въ оффиціальныхъ актахъ до конца XVI вѣка и служилъ даже для дипломовъ нашихъ королей, когда они назначались для русскихъ провинцій. Признаки его встрѣчаются въ нѣкоторыхъ печатныхъ библіяхъ и лѣтописяхъ этой эпохи. Въ началѣ XVII вѣка, латынь замѣнила почти повсюду, въ публичныхъ актахъ, русинскій языкъ и, такимъ-образомъ, онъ потерялъ ту малую долю своей оригинальности, которая у него оставалась. Онъ еще болѣе слился съ польскимъ и сдѣлался, такъ-сказать, *переверты*ю, различною, смотря по провинціямъ. Этотъ характеръ его сохранился до нашихъ дней, не смотря на вторженіе московскаго элемента» (**).

Билиберда о языкѣ показываетъ въ авторѣ такого же круглаго

(*) La nationalité Ruthène ainsi que la langue est encore aujourd'hui ce qu'elle était jadis—sans individualité, sans caractère tranché dans l'histoire. Elle ne sera jamais qu'un trait d'union, ou un champ de bataille entre deux nationalités rivalles, auxquelles elle sert pour ainsi dire de transition. Mais son passé, ses tendances, ses traditions, tout la porte vers la Pologne et la sépare de l'élément moscovite, qu'elle a toujours combattu et repoussé.

(**) La langue Ruthène diffère tout autant du Russe que la nationalité. Cette langue, qui est plutôt un dialècte, est à peu près inintelligible à des Russes et par son origine slave elle a tous les caractères d'un idiome Polonais. L'alphabet grec, introduit dans l'origine, fût peu de temps après remplacé par les lettres Cyrilliques, qui furent adoptées difinitivement. La langue écrite ainsi faite resta en usage dans les actes officiels jusqu'à la fin du XVI siècle et fû même employée dans les diplômes de nos rois, destinés aux provinces Ruthènes. On peut aussi la voir imprimée dans quelques bibles et chroniques de cette époque. Au commencement du XVII siècle, le latin remplaça presque partout, dans les actes publics, la langue Ruthène, qui perdit dès lors le peu qui lui restait de son originalité. Elle se confondit encore davantage avec le polonais et devint, pour ainsi dire, un patois, variant selon les provinces. Ce caractère s'est conservé jusqu'a nos jours, malgré l'invasion de l'élément moskovite.

невѣжду въ азбукѣ славянскаго языкознанія, какимъ онъ оказался въ вопросахъ церковной исторіи. Толкуя о языкѣ, онъ смѣшиваетъ три нарѣчія въ одно: славяно-церковное, западно-русское книжное и народное южно-русское. Очевидно, что такое произвольное смѣшеніе повело къ представленіямъ, которыя, по ихъ крайней нелѣпости, опровергать нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что нельзя и понять, къ которому изъ нарѣчій можно отнести то, что говоритъ авторъ, признавая существованіе только одного. Языкъ славяно-церковный былъ книжнымъ и письменнымъ языкомъ со времени введенія христіанства, но съ XV вѣка началъ брать верхъ въ письменности языкъ западно-русскій; въ него входили формы и славяно-церковнаго, и польскаго, и народнаго. Славяно-церковный языкъ не исчезалъ и послѣ; оставаясь неизмѣнно языкомъ богослуженія, онъ иногда имѣлъ по разнымъ предметамъ и сочинителей, предпочитавшихъ его западно-русскому, который вообще былъ въ-ходу. Западно-русскій языкъ исчезъ, мало-по-малу замѣняясь польскимъ и образовавшимся уже книжнымъ великорусскимъ; народное нарѣчіе долго оставалось за предѣлами письменности и только, такъ сказать, ненарокомъ, вторгалось въ письменный языкъ, а между тѣмъ подвергалось, незамѣтно для письма и, слѣдовательно, неуловимо для исторіи, вѣковымъ измѣненіямъ, сообразно съ обстоятельствами, дѣйствовавшими на судьбу народа. Не прежде, какъ наступила всеобщая потребность въ образованномъ мірѣ приблизиться къ живому народному образу выраженія, и оно вступило въ область письменности. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, исторія языка нашей Южной Руси. О греческой азбукѣ, замѣненной кирилловскими буквами, мы знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ. Что касается до относительной близости къ польскому и великорусскому, то славяно-церковный и народный языки ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому. Сходство народнаго языка нашего съ польскимъ выражается нѣкоторыми словами и оборотами: изъ нихъ, одни, быть-можетъ, дѣйствительно заимствованы изъ польскаго, по взаимодѣйствію народовъ, соединенныхъ нѣкогда одной политической связью; другіе же, хотя сходные съ польскими, въ то же время встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Русской Земли, неподвергавшихся польскому вліянію и особенно въ сѣверной Руси, древней Новгородской землѣ, гдѣ, вмѣстѣ со сходствомъ выговора, служатъ съ одной стороны свидѣтельствомъ о древнемъ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ между собою южной Руси и славянскихъ поселенцевъ на сѣверѣ, образовавшихъ республику Великаго Новгорода, а съ другой

доказываютъ, что въ южно-русскомъ языкѣ многое, что̀ съ перваго взгляда можно почесть слѣдствіемъ вліянія польскаго, въ самомъ дѣлѣ есть собственное древнее достояніе. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать южно-русскій языкъ нарѣчіемъ польскаго уже и потому, что первый не терпитъ признаковъ, составляющихъ наглядное отличіе польскаго говора отъ русскихъ нарѣчій вообще, какъ напр. носовыхъ звуковъ, стеченія согласныхъ, смягченія шипящими и свистящими и т. п.

Имѣетъ-ли южно-русская національность *особность и опредѣлительный характеръ въ исторіи*, мы предоставляемъ судить каждому, кто сколько-нибудь знаетъ нашу исторію. Положеніе автора, будто прошедшее южно-русскаго народа, его стремленія и преданія склоняютъ его на сторону Польши и отвращаютъ отъ элемента великорусскаго, иначе называемаго московскимъ, не выдерживаетъ критики, и противорѣчитъ всему историческому ходу прошедшей жизни. Часть южно-русскаго народа въ концѣ XIV ст. была покорена оружіемъ Польшѣ, а не добровольно съ ней соединилась. Другая, въ соединеніи съ в. кн. литовскимъ составляла государство русское, какъ по характеру, такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI, на польскій престолъ выбирались великіе князья литовскіе, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйствительное соединеніе совершилось уже въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ. Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народа, рѣшившимъ судьбу своего края, было одно дворянство. Уже въ XV в., князья литовскіе, будучи королями польскими, расположили высшій классъ дружелюбно къ польскому порядку, раздавая ему выгодныя привиллегіи, которыми прежде пользовался высшій классъ въ Польшѣ. Когда наконецъ дошло дѣло до рѣшительнаго акта, по которому западно-русскій край долженъ былъ составить навсегда съ Польшею одно политическое тѣло, въ дворянствѣ пробудились національныя опасенія. Онѣ были заглушены не иначе какъ съ увѣренностію Русскихъ въ продолженіи своего особнаго политическаго существованія. Но въ то же время, когда вел. княжество литовское соединялось съ Польшею на федеративныхъ началахъ связи двухъ самобытныхъ государствъ, Южная Русь присоединена къ Польшѣ, какъ провинція. Въ этомъ дѣлѣ со стороны Южной Руси участвовало одно дворянство, да и то̀ не все: и въ дворянскомъ сословіи отзывались противудѣйствіе и ропотъ. Народъ осужденъ былъ на совершенное безмолвіе. Его участь рѣшали на вѣчныя

времена, не спросившись у него, потому-что государственныя понятія не признавали за нимъ права сказать свое мнѣніе. Скоро, однако, народъ заявилъ свой голосъ и протестъ: безграмотный, неученый, онъ заявилъ его не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Около двадцати лѣтъ предъ началомъ XVII в., уже встрѣчаются въ польскихъ конституціяхъ извѣстія о замѣчательномъ появленіи вооруженныхъ шаекъ изъ простонародья, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Вражда народа къ дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Польшѣ разросталась, и ея проявленія дѣлались шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянство, безъ спроса у народа отдавшее Южную Русь Польшѣ, стало принимать въ себя польскіе элементы и терять народность своихъ предковъ. Церковная унія и покушенія католичества на свободу древней отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствію священное знамя религіи. Корпорація козаковъ стала зерномъ народной оппозиціи. Эта корпорація стремилась разшириться и захватить въ себя народныя силы. Польское правительство старалось удержать ее въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной пограничной стражи. Мятежи слѣдовали за мятежами. Косинскій, Наливайко, Жмайло, Павлюкъ, Остранинъ — оканчивали свои попытки неудачно, но несмотря на то, дѣло шло прогрессивно; съ каждымъ новымъ мятежемъ козацкимъ участіе народа становилось шире и знаменательнѣе; казалось, самыя несчастія возбуждали и поддерживали народныя силы,—и когда народное негодованіе созрѣло, весь народъ громаднымъ пластомъ поднялся, на всемъ протяженіи соединеннаго съ Польшею русскаго края. Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о Люблинской Уніи, когда народа не спрашивали, и гдѣ не думали не гадали, что онъ на нее отвѣтитъ черезъ 80 лѣтъ. Окончательною функціею этого народнаго отзыва было соединеніе съ Великороссіею. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы; Хмельницкій угадалъ ея побужденія. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ Хмельницкаго, когда передовые люди, путаясь въ политическихъ комбинаціяхъ надъ неяснымъ и неопредѣленнымъ положеніемъ своего отечества, задумали—было соединяться съ Польшею, на федеративныхъ началахъ особности Южной Руси, масса не пошла за ними, покарала ихъ и заявила себя въ пользу московскаго государя. Неумѣнье московской политики утратило то, что само собою ей отдавалось въ руки: западная часть Южной Руси по Днѣпръ была уступлена Польшѣ. Народъ энергически противодѣйство-

валъ насильственному андрусовскому договору и, послѣ тяжелой, но безуспѣшной борьбы, Южная Русь досталась снова Польшѣ, но неиначе какъ почти безлюдною. Остатки прежняго населенія современемъ разрослись, страна облюднѣла, дѣдовскія воспоминанія передавались отъ родителей къ дѣтямъ, тлѣли какъ искры подъ пепломъ въ сердцѣ народа, всегда готовыя вспыхнуть прежнимъ пожаромъ, когда случай представится. И этотъ случай пришелъ: *Коліивщина* напомнила Полякамъ, что въ южно-русскомъ народѣ, повидимому порабощенномъ, забитомъ, безропотно покорномъ своей участи—еще можетъ проявиться прежняя саможизненность. По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древлерусскими землями и порабощенными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе коліивщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южнорусскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли, по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія Поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность.

По нашему общему убѣжденію, международные споры съ Поляками, въ настоящее время, должны прекратиться и не возобновляться никогда. Ни бракосочетаніе Ягейла, ни Городлянскій сеймъ, ни Люблинскій съ его политическою уніей, ни Брестская церковная унія, ни дэулинскіе, андрусовскіе, московскіе договоры, и никакія историческія событія, служащія польскимъ патріотамъ доводами правъ Польши на Югозападную Русь, въ настоящій вѣкъ не имѣютъ значенія. Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертаціи, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ отношеній. На старые договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что послѣдующіе договоры и размежевки уничтожили дѣйствительность первыхъ: послѣдующіе также точно опирались на силу, какъ прежніе въ свое время. Современныя понятія о народныхъ пра-

вахъ не допустятъ называть Люблинскую унію добровольнымъ соединеніемъ двухъ братскихъ народовъ: она въ-сущности не была тѣмъ, чѣмъ выставить ее хотятъ польскіе патріоты. То было дѣло одного сословія, а не цѣлаго народа. Народная масса не была тогда спрошена и заявила впослѣдствіи свое несогласіе рядомъ отзывовъ, которые ревнитель послѣдняго соединенія постарался пройти *скромнымъ молчаніемъ*, по ясной причинѣ: эти отзывы не слишкомъ пріятны его патріотическому сердцу и вовсе не говорятъ въ пользу его патріотическихъ цѣлей.

Пора, братья Поляки, пора оставить ваши старыя погудки, пора сознать полное, совершенное отсутствіе въ настоящее время всякихъ правъ польской народности на нашъ южно-русскій край; пора обращаться съ нами, какъ съ народомъ равнымъ себѣ, уважать наше стремленіе къ самостоятельному и независимому развитію нашихъ народныхъ силъ, а не считать насъ массою, которая не имѣетъ, по выраженію автора *Истины о русскомъ духѣ*, ни особности, ни опредѣлительнаго характера, только для того и годною, чтобъ служить сырымъ матеріаломъ для польской національности;—пора искать съ нами не прежней — истлѣвшей отъ древности, внѣшней — но той внутренней, духовной, нравственной — на справедливости основанной — связи, которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственнаго и вещественнаго благосостоянія.

Если, вмѣсто обманчивыхъ и извилистыхъ тропинокъ, Поляки изберутъ этотъ прямой путь отношеній къ нашему народу, то изъ того возникнутъ благіе плоды какъ для насъ, такъ и для нихъ. А тотъ путь, по которому хотятъ вести свой народъ гг. сочинители, строющіе карточные домики въ Revue Contemporaine, — это путь погибельный. Мы вполнѣ сознаемъ это. Дай Богъ, чтобъ и Поляки сознали тоже.

Н. Костомаровъ.

ПРАВДА МОСКВИЧАМЪ О РУСИ.

Вознесеся оумомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы прінде, величаяся гражданомъ, яко и племенемъ ихъ укори...

(Изъ житія Моисея, архіепископа Новгородскаго: »Чудо о Сергіѣ архіепископѣ«. Рукоп. XVII вѣка).

Въ 6 № *Дня* появился критическій разборъ моей статьи »Двѣ Русскія народности« , помѣщенной въ одномъ изъ нумеровъ журнала *Основы*. Какъ видно, это только начало цѣлаго ряда статей. Мы рѣшились возражать автору послѣдовательно, не ради пустого словопренія, часто скрываемаго авторскимъ самолюбіемъ, а изъ видовъ отстоять тѣ убѣжденія, которыя мы считаемъ истинными, либо согласиться съ противникомъ нашимъ, если онъ представитъ убѣдительныя противъ насъ доказательства.

Критикъ, полагая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность добросовѣстно изучать коренныя стихіи его народности, говоритъ: »Но именно исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе то неразумѣніе народовъ, о которомъ мы говорили выше, ставитъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ, — образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, обольщаютъ его и заставляютъ обольщать другихъ.«

Далѣе онъ говоритъ:

»Тѣмъ не менѣе исцѣленіе возможно. *Изученіе исторіи* дѣлаетъ его возможнымъ. Подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій, исторія указываетъ внутреннія качества, которыми опредѣляется сущ-

ность (субстанція) народнаго духа до такой степени, что народъ никогда успокоиться не можетъ, пока не найдетъ себѣ быта и обстановки (формъ и ассоціацій), соотвѣтствующихъ его духовной сущности. Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ въ немъ личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастію, самая ложь и противорѣчія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу саморазрушеніемъ приготовляютъ торжество истинѣ.«

Дѣйствительно, національныя привычки вносятъ въ науку самолюбивый партикуляризмъ, и наглядным доказательствомъ этой правды служитъ статья нашего критика, который, подъ вліяніемъ самолюбиваго національнаго партикуляризма, дѣлаетъ погрѣшности противъ историческихъ свидѣтельствъ и очевидной истины.

Придираясь къ моимъ словамъ »о силѣ неизвѣстныхъ обстоятельствъ«, критикъ хочетъ представить дѣло такъ, какъ-будто бы я, на основаніи этихъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ выводъ о колонизаціи Новгородскаго края съ Юга. Нѣтъ, я говорю только о существованіи какихъ-то неизвѣстныхъ обстоятельствъ, давшихъ, въ свое время, поводъ къ факту, который мнѣ извѣстенъ вовсе не на основаніи неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Изъ нашей лѣтописи (которую авторъ называетъ Несторовою и которая не какъ сочиненіе, а какъ составъ, должна скорѣе называться Сильвестровскою) видно, что Новгородскіе Славяне вмѣстѣ съ другими пришли съ Дуная, слѣдовательно—съ Юга. Подвигаясь на сѣверъ, они естественно разселялись такъ, какъ указывало положеніе страны, а не такъ, какъ нужно московскому критику для своихъ славянофильскихъ тенденцій,—именно, помѣстившіеся далѣе къ сѣверу пришли на свое мѣсто позже, чѣмъ тѣ, которые заняли свои новыя жилища южнѣе. Еслибы лѣтописецъ этого не сказалъ, то это необходимо было бы принять само собою, въ особенности потому, что земли болѣе южныя гораздо плодороднѣе и привольнѣе, а потому не могли же переселенцы только пройти черезъ нихъ, а для жилищъ искать холодныхъ дебрей и топей. Въ нашей лѣтописи такъ перечисляются народы въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ юга къ сѣверу: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, потомъ уже Славяне Ильменскіе. Зайти на берега Ильменя колонія Славянъ переселенцевъ могла только вслѣдствіе какихъ-нибудь побудительныхъ обстоятельствъ, которыя бы по-

мѣшали имъ жить на югѣ. Эти обстоятельства намъ неизвѣстны. Объ этомъ я и сдѣлалъ намекъ. Впрочемъ въ одной сказкѣ, вошедшей въ разныхъ варіантахъ въ списки нашихъ хронографовъ XVI и XVII вѣковъ, разсказывается, что именно эти Ильменскіе Славяне пришли съ юга Россіи, вслѣдствіе разрушительныхъ потрясеній, заставившихъ ихъ искать убѣжища; что на берегахъ Ильменя и въ окрестностяхъ его они нашли уже Славянскій народъ, говорившій бѣлорусскою рѣчью (Кривичей), и что рѣка, близъ которой пришельцы основали поселеніе, называлась Мутная и переименована новыми колонистами въ Волховъ, а озеро, изъ котораго истекала рѣка, прежде называлось Мойско, и переименовано въ Ильмерь. Сказаніе это сильно обезображено мудростію книжниковъ, но что оно не выдумано и что кое-что въ немъ взято изъ народныхъ преданій, доказываетъ то, что до сихъ поръ осталось въ народѣ мѣстное преданіе о томъ, что прежними жителями Волховъ назывался Мутною, а Ильмень — Мойско и переименованы Новгородцами, пришедшими изъ далека. Вѣроятность, что страна, гдѣ поселились Новгородцы, была или обитаема, или граничила съ обитаемою Кривичами (Бѣлоруссами), подтверждается тѣмъ, что бѣлорусское нарѣчіе дѣйствительно вторгается въ глубину Новгородской земли. Говоръ бѣлорусскій, по увѣренію мѣстныхъ наблюдателей, слышенъ уже на Шелони и попадается въ сѣверныхъ провинціяхъ Великаго Новагорода, въ Архангельской губерніи. Съ перваго взгляда видно достаточно, что въ Новгородской землѣ Бѣлорусское нарѣчіе столкнулось съ другимъ нарѣчіемъ, Новгородскимъ. Особенности этого послѣдняго (новгородскаго) нарѣчія даже и до сихъ поръ сохранили довольно яркіе оттѣнки, не смотря на много-вѣковое смѣшеніе съ восточно-русскимъ. Они-то показываютъ, что пришлая колонія принадлежала къ той группѣ Славянъ Русскаго населенія, отъ которой произошла нынѣшняя народность Малорусская. Я уже говорилъ, и теперь повторяю, что нашего мнѣнія не слѣдуетъ понимать такъ, что Новгородцы — чистые Малоруссы въ томъ видѣ, какъ послѣднихъ мы себѣ воображаемъ по настоящему типу. Тогда, въ отдаленную эпоху, разумѣется, не было такихъ Малороссовъ, какъ теперь: ихъ нынѣшній типъ выработался подъ послѣдующими историческими условіями. Но мы утверждаемъ, и увѣрены въ томъ твердо, что Славяне Ильменскіе принадлежали первоначально къ такой народности, которая была родоначальною для Малороссовъ и Новгородцевъ одинаково и ближе къ нимъ относительно, чѣмъ обще-Славянская, а потому древніе Новгородцы и Малороссы состоятъ

между собою въ ближайшемъ сродствѣ, нежели тѣ и другіе съ Бѣлорусскою и Великорусскою вѣтвями. До сихъ поръ по берегамъ Волхова, въ Новоладожскомъ уѣздѣ и вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли Великаго Новагорода, слышится это сродство въ языкѣ, до-того поразительное для Южнорусса, что съ перваго раза онъ можетъ счесть Новгородца за своего земляка Малорусса, говорящаго по-великорусски, или уже нѣсколько обмоскалѣвшаго (1). Вотъ на какихъ основаніяхъ, а не по силѣ »неиз-

---

(1) Вотъ на выдержку свадебная пѣсня, записанная въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Мы соблюдаемъ для нея правописаніе малорусское: *о* за *o*, *и* и *е* — твердо, *ѣ* за *і*, но *г* за *g*, а не за *h*.

Хто у насъ хорошой?
Хто у насъ пригожой?
Ой люшеньки люли!
Омельянъ свѣтъ хорошой,
Свѣтъ-Федотовичъ пригожой.
Іонъ по горниці ходи,
Сапогъ не ломае,
Сапогъ не ломае,
Чулокъ не марае;
Сапожки козлови,
Чулочки коврови.
Іонъ коня сідлае,
Конь подъ імъ играе.
На коня садиться,
Конь подъ імъ бодриться.
Іонъ плёточкой маше,
Подъ імъ коникъ пляше.
Къ лужечкамъ подъізжае,
На іхъ травка зеленіе;
Къ річки подъізжае —
Вода розливае;
Къ терёму подъізжае,
Его дівиця стрічае,
Его Оленушка стрічае,
Свѣтъ-Ивановна стрічае.
»Поди, мой хорошой,
Поди, мой пригожой!
Долго тебя ждала,
Долго дожидалась:
Со білого лиця спала,
А румянець потеряла,
Теперь увидала —
Серцемъ свеселилась.«

вѣстныхъ обстоятельствъ«, какъ говоритъ критикъ, я признаю Новгородцевъ вѣствію Южнорусскаго племени.

Авторъ замѣчаетъ, что Ильменскіе колонисты не приняли никакого мѣстнаго видового названія, какъ произошло съ другими, а назывались просто: Славяне. Это онъ приписываетъ тому, что славянство сохранилось въ своей чистотѣ на самомъ сѣверѣ.

Еслибъ такъ было, то надобно предположить, что Ильменскіе Славяне, прежде чѣмъ постановили и рѣшились навсегда называться Славянами, принимали мѣры для сравненія себя съ другими одноплеменными народами. Но такъ не бываетъ у народовъ, стоящихъ на слишкомъ малой степени развитія, на какой, безсомнѣнія, стояли древніе Славяне. Не думаемъ же мы, чтобы Ильменскіе поселенцы отправляли этнографическія экспедиціи съ цѣлію сравнить себя съ другими и упрочить за собою почетное наименованіе. А иначе какъ могли они удостовѣриться въ своей относительной чистотѣ? И гдѣ же доказательства, что они назывались такъ именно по той причинѣ, по какой хочется автору? Развѣ онъ думаетъ, что, коль скоро представится примѣръ, что гдѣ-нибудь горсть народа называется общимъ племеннымъ названіемъ, то это свидѣтельствуетъ о его особенной чистотѣ? Но вотъ я представлю ему противное. Есть въ Воронежской губерніи, въ Острогожскомъ уѣздѣ, нѣмецкая колонія Рибендорфъ. Названіе ея рѣдкій знаетъ, а зоветъ обыкновенно *колонокъ*, а жителей ея просто—Нѣмцы; да и сами себя передъ Русскими они иначе не зовутъ, какъ такъ же. Но у нихъ вовсе не самая чистая нѣмецкая народность. Случаи, когда народныя группы удерживаютъ, вмѣсто видового, родовое названіе, обыкновенно означаютъ то, что эти группы были отброшены среди иноплеменнаго поселенія,—что, вѣроятно, было поводомъ и къ тому, что Ильменскіе поселенцы назывались Славянами: кромѣ Кривичей, они видѣли вокругъ себя Финскіе народы, съ которыми приходили въ столкновеніе и надъ которыми шагъ за шагомъ брали господство. Впрочемъ, могли быть и другія причины, намъ теперь неизвѣстныя, но никакъ не сознаніе своей особой племенной чистоты.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что Радимичей и Вятичей не слѣдуетъ причислять къ группѣ Славянъ, прибывшихъ съ Дуная. Но къ такимъ же, по моему мнѣнію, Славянамъ-аборигенамъ въ Россіи слѣдуетъ причислить и Кривичей, ибо ихъ, точно также, какъ Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ отдѣляетъ ясно: онъ наравнѣ, съ Радимичами и Вятичами, умалчиваетъ о нихъ, когда перечисляетъ народы собственно

Славянскіе, то есть пришлые съ Дуная. Напримѣръ: »Се бо токмо Словенескъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане«. Точно также и въ другомъ мѣстѣ, описывая разселеніе Славянъ, лѣтописецъ не поминаетъ Кривичей наравнѣ съ Радимичами и Вятичами: »Словяне, пришедше, и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, заше сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ...« (П. С. Лѣт. т. 1. стр. 3).

Между Кривичами поселилась только колонія пришлыхъ, Полочане и Дреговичи. Племя Кривичей было многочисленно. Лѣтописецъ не указалъ его точныхъ границъ: мы видимъ ихъ у него только на верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, но извѣстно, что они простирались далеко и сохранили свое мѣстное названіе долѣе, чѣмъ другіе русско-славянскіе народы. Оно заходило и въ нынѣшнія губерніи Псковскую и Новгородскую, какъ это видѣть можно изъ бѣлорусскаго говора, очевидно, составляющаго оттѣнокъ этого племени. Оно, вѣроятно, составляло важный элементъ въ образованіи Великорусской-Московской народности, ибо измѣненіе *о* на *а* есть принадлежность его говора, какъ и Великорусскаго-московскаго; *дзьканье*, другая своеобразная черта нарѣчія Кривичей, попадается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Москали въ историческую эпоху не находились въ возможности усвоить себѣ его отъ Бѣлоруссовъ. Это тоже можно принять, какъ одинъ изъ слѣдовъ распространенности Кривичей по Русскому материку. И потому очень вѣроятно извѣстіе въ сказаніи объ основаніи Новгорода, о переименованіи пришельцами въ Волховъ названія рѣки Мутной, и озера Мойско въ Ильмень: старыя, замѣненныя названія—бѣлорусскія. Пришельцы Славяне очевидно внѣдрились въ племя Кривичей; на дальнемъ сѣверѣ, на окраинѣ ихъ земли, сѣли Славяне Ильменскіе, по рѣкѣ Полотѣ среди Кривичей усѣлись Полочане, а между Припетью и Двиною — Дреговичи. Замѣчательно, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ Бѣлорусское нарѣчіе; но по близости къ Припети до сихъ поръ видны слѣды Южнорусскаго языка въ поднарѣчіи, имѣющемъ нѣкоторыя свои мѣстныя особенности и которое можно назвать переход-

нымъ. Что касается до Радимичей и Вятичей, то кажется, что лѣтописецъ подъ Ляхами, отъ которыхъ ихъ производитъ, разумѣетъ не Поляковъ-Ляховъ, а другихъ Ляховъ, которыхъ онъ отдѣлилъ отъ Поляковъ словомъ *друзіи* и которыхъ, должно думать, онъ также не причисляетъ къ пришедшимъ съ Дуная: въ Польскомъ мірѣ также точно, какъ и въ Русскомъ, пришедшіе съ Дуная встрѣтили Славянъ аборигеновъ. Поселенцы подъ именемъ Полянъ были родственны Южнорусской вѣтви, и теперь это сродство сильно видно; но лѣтописецъ, говоря, что есть »Ляхове друзіи: Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне«, отдѣляетъ послѣднихъ рѣзкою чертою отъ Полянъ, и когда, въ другомъ мѣстѣ, онъ производитъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, въ противоположность пришедшимъ съ Дуная Славянамъ, то этимъ даетъ знать, что считаетъ ихъ происходящими не отъ Поляковъ, также прибылыхъ съ Дуная, а отъ такихъ Ляховъ, которые съ Дуная не пришли. Что касается до Улучей и Тиверцевъ, то мы соглашаемся съ критикомъ, что ихъ слѣдуетъ причислять къ группѣ Дунайскихъ Славянъ, хотя они и не были въ числѣ пришедшихъ съ Дуная въ страны Русскаго материка отъ насилія Волоховъ. Древнія жилища Улучей и Тиверцевъ, прилегая къ Дунаю, ставили ихъ въ ближайшее сродство съ Дунайскими переселенцами, ибо и послѣдніе, еще прежде своего переселенія на русскій материкъ, жили по сосѣдству съ первыми, по теченію Дуная, и бѣжали отъ Волоховъ (Италіанцевъ) вѣроятно тогда, когда Римская имперія покорила эти страны (при Траянѣ).

Авторъ забавно не расположенъ къ Радимичамъ и Вятичамъ, и называетъ ихъ искаженнымъ уже Ляшскимъ элементомъ. Это всё отъ нерасположенія къ современнымъ Полякамъ. Критикъ не даромъ же печатаетъ въ такой газетѣ, которая вскорѣ послѣ своего появленія обратилась къ Полякамъ съ высокомѣрною рѣчью. Конечно, для людей этой партіи, которой органомъ служитъ *День*, все, что̀ Ляшское, Польское, то искажено, то дурно! По дѣломъ и Радимичамъ и Вятичамъ! Вольно было ихъ праотцамъ, Радиму и Вятку, заходить изъ Ляшской земли въ нашу Русскую!...

Критикъ приписываетъ при-Ильменскимъ Славянамъ колонизацію восточной, западной и даже южной областей нынѣшней Россіи, береговъ Двины, всего Поволжья до устья Оки, Десны и Днѣпра. Вотъ что̀ говоритъ онъ: »При-Ильменскіе поселенцы съ Дуная прямо назывались Дунайскимъ своимъ именемъ: »Словѣне«. Они раскидывали свои колоніи по всей центральной области нынѣшней Россіи, т. е. по верховьямъ

Двины, Волги и Днѣпра, владѣя узломъ главныхъ жилъ нашей территоріи; далѣе они своими колоніями спускались по лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ, что вся область Десны до Трубежа была занята ими къ Югу, а на Востокъ ими колонизовано было по-Волжье до устьевъ Оки. Хотя такая обширная колонизація не могла не разбиться на новые, меньшіе округи, которые приняли свои мѣстныя названія, но члены ея даже на Югѣ помнили о своемъ корнѣ, о своей старшей, коренной метрополіи, и выразили связь съ нею въ самомъ названіи своего округа: »Сѣверъ« или »Сѣверяне«. Вотъ какъ очерчиваетъ эту сѣверную колоніальную систему лѣтописецъ: »*Словѣни* (держати почаша княженье) *свое* въ Новѣгородѣ, »а *другое* на Полотѣ, иже Полочане. *Отъ нихъ же* Кривичи, иже сѣ»дятъ на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; »*туда бо* (т. е. въ ту сторону отъ Новгорода) сѣдятъ Кривичи, таже »Сѣверъ *отъ нихъ*«, говоритъ лѣтопись.«

Критикъ умышленно поставилъ Славянъ Новгородскихъ сначала и не сказалъ, что въ лѣтописи передъ ними говорится: *И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженье въ Полѣхъ, въ Деревьехъ свое, а Дреговичи свое;* вслѣдъ за тѣмъ у лѣтописца слѣдуютъ слова: *а Словени свое въ Новыгороди, а друзіи на Полоть, иже Полочане.* Такимъ образомъ очевидно, что лѣтописецъ даетъ извѣстіе о томъ, что каждый Славянскій народецъ имѣлъ свою автономію, а между ними, наравнѣ съ прочими, и Славяне Новгородскіе. Но нѣтъ ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ эти Словени были какими-то колонизаторами. Выраженіе *отъ нихъ*, здѣсь употребленное, двусмысленно; можно разумѣть, что лѣтописецъ думалъ указать на происхожденіе Кривичей и Сѣверянъ, но можно думать, что онъ употребилъ слово *отъ нихъ* только въ географическомъ смыслѣ. Намъ кажется вѣроятнѣе послѣднее; но если допустить другое, то остается еще новое двусмыслiе. Можно сказанныя слова разумѣть: или 1) въ смыслѣ одноплеменности Кривичей и Сѣверянъ съ другими, то есть, что Кривичи и Сѣверяне одного Славянскаго корня съ Полянами, Древлянами, Словенами, Дреговичами, Полочанами, или 2) въ смыслѣ происхожденія отъ одного изъ Славянскихъ народцевъ, именно такъ, какъ критикъ хочетъ. Но въ послѣднемъ случаѣ выйдетъ, что Кривичи и Сѣверяне происходятъ отъ Полочанъ, а не отъ Ильменскихъ Славянъ. Но принять послѣднее, то есть происхожденіе отъ Полочанъ, невозможно, потому что: 1) лѣтописецъ, исчисляя два раза Славянскихъ переселенцевъ съ Дуная, о Кривичахъ не упоминаетъ;

2) что онъ, причисляя Сѣверянъ къ переселенцамъ, говоритъ о поселеніи ихъ на Деснѣ, Семи и Сулѣ, наравнѣ съ другими народами, и въ числѣ ихъ съ Полочанами, а не производитъ ихъ отъ этихъ Полочанъ, да и ни отъ какого-нибудь другого изъ Русско-Славянскихъ народцевъ.

Критикъ справедливо думаетъ, что Бѣлоозеро и Ростовъ указываютъ своими именами на Славянское заселеніе Веси и Мери издревле, и полагаетъ, что призывавшіе, вмѣстѣ съ Новгородцами, Варяговъ Весь и Меря были Славянскіе поселенцы этихъ Финскихъ краевъ. Подробное мнѣніе объ этомъ вопросѣ я изложилъ уже въ статьѣ »Начало Руси«, въ 1 книжкѣ *Современника* на 1860 годъ.

Авторъ противопоставилъ строй жизни и политическую организацію сѣверныхъ Славянъ южнымъ и ссылается на мѣсто изъ лѣтописи XII вѣка: »Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вси власти, якоже на думу, на вѣче сходятся; на что́ же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ«. Авторъ неправильно переводитъ слово *власти* словомъ *метрополіи: власти* значитъ—*волости*, земли; односторонне слово *пригородъ* переводитъ онъ словомъ *колоніи*. Дѣйствительно, колоніи дѣлались пригородами, но не всѣ пригороды были колоніи главнаго града. На это нигдѣ указанія нѣтъ, и быть этого не могло, потому что нельзя же предположить, чтобы въ древности Славяне, разселяясь по Русскому материку, непремѣнно сбивались въ кучки и изъ этихъ кучекъ расходились въ страны, сознавая зависимость отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ первой разъ собрались въ кучку. Не только односторонне, но противно исторіи и смыслу лѣтописи, критикъ говоритъ, будто изъ этого мѣста лѣтописи видно, что иной былъ строй жизни у южныхъ Русскихъ Славянъ, чѣмъ у сѣверныхъ. Какъ же это, когда въ этомъ мѣстѣ лѣтописи помѣщаются Кыяне за-урядъ съ сѣверными народами? Между тѣмъ вотъ какъ критикъ импровизируетъ о судьбѣ южныхъ Славянъ: »Южныя племена не стояли между собою въ такой генетической связи, какъ Сѣверная группа. Это были спорадически, отдѣльными группами, расположившіеся выходцы. Это было, если угодно, нѣсколько метрополій, раскинувшихъ около себя пригороды, хотя и на значительное пространство, но на этихъ первыхъ актахъ колонизаціи и остановившихся. Каждая метрополія произошла сама по себѣ. Это отсутствіе связи и энергіи выразилось на Югѣ въ слабомъ развитіи городовой жизни. Въ то время, какъ Сѣверные Славяне при Ильменѣ прямо садятся городомъ Новгородомъ и отту-

да городами выдвигаются въ другія мѣста (Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ и др.), на Югѣ, въ самомъ представительномъ племени, у Полянъ, еще нѣтъ города и, долго уже спустя, три брата — Кій, Щекъ и Хоривъ — »сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ«. Такой спорадическій характеръ поселенія не много обѣщалъ для политической и соціальной жизни Южныхъ племенъ«.

Откуда извѣстно, что у южныхъ Русскихъ Славянъ былъ такой строй?

»На югѣ, говоритъ авторъ, было слабое развитіе городской жизни«. А между тѣмъ въ глубокой древности у Улучей и Тиверцовъ были города на Днѣпрѣ и по Черноморскому поморью: *сьдяху по Дньстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне*. Да въ XII вѣкѣ на югѣ городовъ было болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и о многихъ извѣстно, что они были значительны по своему времени, на примѣръ Кіевъ, Владиміръ, Галичъ, Перемышль. Критикъ увѣряетъ, будто въ тѣ времена, когда уже существовали, кромѣ Новгорода, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ (въ фантазіи славянофила—населенные изъ Новгорода!), еще не было Кіева. Откуда это ему извѣстно? Развѣ годъ или даже вѣкъ основанія Кіева извѣстенъ кому-нибудь точно также, какъ и другихъ упомянутыхъ городовъ? Желательно знать, какихъ читателей авторъ воображалъ передъ собою, когда писалъ подобное. Не ужели ему неизвѣстно, что теперь прошли добрыя времена *Маяка* и Савельева-Ростиславича? Вѣдь теперь эти вещи достаточно извѣстны и гимназистамъ высшихъ классовъ; и тѣ засмѣются, услышавъ, что кто-то пытается доказать, какой городъ построенъ прежде другого изъ числа тѣхъ, о которыхъ имъ уже самимъ по источнику извѣстно, что нѣтъ возможности этого сдѣлать.

Питая постоянную злобу къ бѣднымъ Радимичамъ и Вятичамъ, критикъ приписываетъ грубость нравовъ у Сѣверянъ вліянію Ляшскихъ колонистовъ — Радимичей и Вятичей. »Это огрубляющее вліяніе отдѣльности отъ единокровныхъ братьевъ оказалось и на Сѣверянахъ, какъ скоро Ляшскіе колонисты Радимичи и Вятичи поселились возлѣ нихъ.« Все эти Ляхи! эти несносные Ляхи! Одно прикосновеніе ихъ вредно Русскому человѣку! Что я говорю — прикосновеніе? — Сидѣть близко насъ имъ не слѣдуетъ! Это язва здѣшнихъ мѣстъ! За тысячу слишкомъ лѣтъ Русскіе Славяне жили въ любви и согласіи между со-

бою, имѣли кроткіе обычаи, цивилизацію, высокую *духовную сущность*, наслаждались созерцаніемъ своего племеннаго единства и чистоты Ильменскихъ Славянъ... Какъ хорошо тогда было! И почему бы такъ не оставаться! Такъ нѣтъ же!—принесъ бѣсъ этихъ Радимичей и Вятичей, этихъ досадныхъ Ляховъ! Какъ усѣлись они подлѣ Сѣверянъ, такъ сейчасъ Сѣверяне и испортились и огрубѣли: завелись у нихъ »игрища межю селы, бѣсовское плясанье, завелось сожиганіе мертвыхъ, срамословіе предъ отцами и снохами (на послѣднее Ляхи замѣтить могутъ буквально тоже, что въ баснѣ замѣтилъ бѣсъ отшельнику о яйцѣ, испеченномъ на свѣчкѣ). А какъ Сѣверяне испортились, — все блаженство Русскихъ Славянъ пропало!

Было-бы очень кстати, еслибы какой-нибудь наставникъ юношества, читающій своимъ питомцамъ басни Крылова и Хемницера, прочиталъ имъ тираду славянофила о Радимичахъ и Вятичахъ и въ заключеніе сдѣлалъ бы такое объясненіе: Сія басня, любезныя дѣти, поучаетъ насъ, что въ Москвѣ существуютъ люди, называющіе себя славянофилами, еже сказуется славянолюбцами; но въ сущности они не таковы, каковыми себя выставляютъ, они хотятъ воспитывать въ своемъ народѣ непріязнь противъ другаго славянскаго народа, который и малочисленнѣе и слабѣе того народа, къ которому они сами принадлежатъ; а съ этой цѣлію они, сіи такъ-называемые Славянолюбцы, уродуютъ и искажаютъ преданья старины глубокой, прибавляютъ къ разсказамъ лѣтописцевъ свои выдумки и тѣмъ показываютъ, что не уважаютъ истины. И такъ, любезныя дѣти, когда возмужаете и будете встрѣчаться съ писаніями выше-означенныхъ Славянолюбцевъ, то не довѣряйте ихъ историческимъ теоріямъ: знайте, что они создаютъ ихъ не по любви къ истинѣ, а изъ желанія удовлетворить національному тщеславію, отъ котораго, любезныя дѣти, старайтесь сохранить себя, аки отъ злыя заразы: она тѣмъ опаснѣе, что очень прилипчива. Вотъ, эти Славянофилы—добрѣйшіе, честнѣйшіе, умные и свѣдущіе люди, а отъ нея не могутъ избавиться.—О Москва! какъ въ нынѣшнихъ чадахъ твоихъ зрятся отцы и дѣды ихъ! Вспомнишь по неволѣ Конисскаго, который, описывая солдатъ великорусскихъ, «бывшихъ еще тогда въ сѣрыхъ зипунахъ и въ лычаныхъ лаптяхъ, не бритыми и въ бородахъ, то-есть во всей мужичей образинѣ», замѣчаетъ, какъ «они имѣли однако о себѣ непонятное высокомѣріе или какой-то гнусный обычай давать всѣмъ народамъ презрительныя на-

званія, напримѣръ: Полячишки, Нѣмчурки, Татаришки и такъ далѣе.« (Кониск. 145). Много налгалъ Конисскій въ своей исторіи, но въ этомъ мѣстѣ сказалъ сущую правду, да и сказалъ мѣтко.

Задавъ себѣ фальшивое, ни на чемъ не основанное, положеніе — наваливать на Ляшское поселеніе все, что́ можно выдумать худое и зловредное для древней Руси, именно потому, что они—*Ляхи*, критикъ, ни съ сего, ни съ того, въ покорени Сѣверянъ Козарамъ обвиняетъ Вятичей!

Взявшись, такимъ образомъ, за перо съ цѣлію—доказать невѣрность моего взгляда на двойственность Русской народности, критикъ создаетъ прежде всего цѣлыхъ три теоріи совершенно мечтательнаго и произвольнаго свойства, и на своихъ положеніяхъ зиждетъ свою систему, которая имѣетъ претензію уничтожить мой взглядъ на древнюю нашу исторію и вообще на сущность Русской народности; онъ, произвольно, безъ всякихъ основаній: 1) признаетъ чуть не всю Русь колонизаціею Новгорода; 2) произвольно находитъ особыя свойства строя у сѣверныхъ и южныхъ Славянъ и приписываетъ сѣвернымъ Русскимъ Славянамъ исключительно, еще въ древнѣйшую эпоху, мысли политическаго единства, отрицая ихъ у южныхъ, — въ глубокой древности видитъ у сѣверныхъ какой-то особенный городовой строй и цивилизацію, чего не было у южныхъ; 3) произвольно приписываетъ Радимичамъ и Вятичамъ какое-то враждебное и вредное вліяніе на другихъ Славянъ, на томъ основаніи, что они Ляхи. Первое и второе выводится съ цѣлію проповѣдывать превосходство сѣвера надъ югомъ, изъ мѣстнаго высокомѣрія передъ южноруссами и притязанія на право власти первыхъ надъ послѣдними, — третье — съ цѣлію унижать Поляковъ, къ которымъ не благоволитъ вообще газета *День*.

Не ясно ли, что критикъ хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія посторонніхъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни? Достойно ли это того, кто принимается за науку? И этотъ критикъ хочетъ обвинить меня въ тѣхъ качествахъ, которыя имѣетъ самъ и заявляетъ самымъ рѣзкимъ и ребяческимъ образомъ. Употреблять науку для постороннихъ цѣлей! это недостойно честнаго ученаго. Было бы извинительно, еслибы авторъ только заблуждался невольно; нѣтъ, онъ *не заблуждается* невольно: онъ сочиняетъ, онъ напускаетъ туманъ.

Далѣе у автора произвольныя фантазійки слѣдуютъ одна за другою. Что́, напримѣръ, скажетъ всякій, занимающійся русскою исторіей, о та-

кой фразѣ: «во время варяжскаго владѣнія и подъ его вліяніемъ нарушена была та *правда*, та честность отношеній, какая изначала была между *властями*, или метрополіями, и *пригородами*, или колоніями«? Откуда автору извѣстно это, и гдѣ есть современныя свидѣтельства или свѣдѣніе о такой правдѣ и честности передъ нападеніемъ Варяговъ? Далѣе авторъ говоритъ: »Въ призваніи князей Новгородцы увидѣли средство умирить колоніи съ старшею метрополіею«. Въ лѣтописи говорится объ усобицахъ между родами, а не между колоніями и метрополіей; можетъ быть, и такъ было; можетъ быть, колоніи (исключая самобытныхъ Кривичей) дѣйствительно входили въ раздоръ съ Новгородомъ; но все это можетъ быть, а можетъ быть, этого и не было. Авторъ же свои выдумки выдаетъ за несомнѣнную историческую истину.

О походѣ Олега въ Кіевъ авторъ разсказываетъ такія небылицы: »Олегъ идетъ искать себѣ дѣла на югѣ. Его движеніе изъ Новагорода привлекаетъ множество охотниковъ изъ сѣвернаго населенія, и вотъ сѣверная цивилизація движется съ нимъ на югъ. Юговосточная отрасль Кривичей, посдѣ занятія Смоленска и Любеча, присоединяется опять къ Новгородской системѣ — и населеніе ея, увеличивъ новыми сѣверными повольниками массу идущихъ съ Олегомъ, увеличиваетъ только имѣющее начаться вліяніе сѣвера на югъ. Теперь должна установиться прочная связь юга съ сѣверомъ, и самый югъ, при помощи сѣвернаго колоніальнаго начала, сплотится своими доселѣ разрозненными членами въ одно цѣлое. Сѣверное начало встрѣчается съ югомъ (уже не впервые) на землѣ Полянъ. Освобожденные-было вольными дружинниками, Аскольдомъ и Диромъ, отъ власти Козаръ, Поляне устроиваются теперь по сѣвернымъ началамъ. Аскольдъ и Диръ, образчики тѣхъ Варяговъ, благодаря которымъ между едиными во всемъ сѣверными Славянами »не бѣ правды«, умерщвлены. Слабые Поляне принимаютъ Олега и пришедшую съ нимъ сѣверную систему безъ сопротивленія. Какая же это система? Это система Новгородская, система колонизаціи, приводимая въ исполненіе массою сѣверныхъ повольниковъ, двинувшихся изо всѣхъ сѣверныхъ центровъ при движеніи оттуда Олега и тѣсно къ нему примкнувшихъ: это та Русь-Новугородцы, о которыхъ слишкомъ прямо говорить лѣтопись, чтобы не знать этого кому-нибудь, а тѣмъ болѣе г. Костомарову«.

Что охотники сѣверные были у Олега — это такъ: это видно въ лѣтописи; но тамъ нѣтъ и слѣда какой-то сѣверной цивилизаціи. И откуда

взялась эта сѣверная цивилизація, и въ чемъ она состояла? Если что-нибудь было тогда похожее на цивилизацію, то скорѣе на югѣ, по близости къ Греціи, съ которою Южноруссы были въ сношеніяхъ. Правда, что съ покоренія Кіева Олегомъ, Кіевъ и за нимъ южная Русь вошли, такъ-сказать, въ ту систему связи, которая возникла на сѣверѣ, вслѣдствіе однако не какихъ-нибудь прежнихъ началъ, а чужеземныхъ покореній; но гдѣ доказательства, что Олегъ приходилъ туда съ заранѣе-сознанною системою колонизаціи? Мы видѣли прежде, что самая система эта на сѣверѣ, по отношенію сѣвера къ другимъ Русскимъ Славянамъ, есть мыльный пузырь, исчезающій отъ малѣйшаго дуновенія критики. Если историкъ-изслѣдователь по слѣдствіямъ историческихъ явленій будетъ искать сознанія такихъ слѣдствій въ головахъ тѣхъ, которые были виновниками этихъ явленій, то его изслѣдованіе будетъ въ большей части случаевъ ошибочно. О Руси-Новгородцахъ я положительно не знаю и не вѣдаю, хотя критикъ и думаетъ меня пристыдить такимъ незнаніемъ; а я знаю только то, что имя Руси въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка (когда складывалась лѣтопись) принималось въ двухъ значеніяхъ: въ смыслѣ Кіевской Земли и въ смыслѣ вообще федераціи земель, состоявшихъ съ Кіевомъ подъ управленіемъ одного рода. Новгородъ, въ послѣднемъ смыслѣ, былъ Русь, но въ первомъ никогда; напротивъ, и послѣ того нерѣдко противополагался Руси, когда говорилось объ отношеніяхъ его къ Кіеву. Извѣстіе, что отъ Варягъ прозвались Новгородцы Русскою землею, не доказываетъ, чтобы Кіевъ отъ Новгорода назвался Русью, когда самъ Новгородъ сдѣлался Русскимъ отъ призванія Русскихъ князей, а эти пришельцы не Новгородцевъ послали, а сами перешли въ Кіевъ; слѣдовательно, если Поляне приняли имя Руси, то непосредственно отъ тѣхъ пришельцевъ, которые пришли къ нимъ, а не отъ Новгородцевъ, которые, какъ и Поляне, заимствовали это имя такъ недавно въ сравненіи съ послѣдними. Притомъ, мы видимъ, что Новгородцы его мѣстно потеряли, а Поляне удержали. Покажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ бы Новгородъ назывался Русью въ мѣстномъ значеніи! Самъ Новгородъ почти исчезаетъ изъ лѣтописей до самого избранія Владиміра.

На первый разъ довольно. Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы московскій партикуляризмъ не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьёзно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отличая

ихъ отъ истинныхъ *элементовъ народности*. Такимъ-образомъ все, что ему не нравится, онъ относитъ къ *привычкамъ*, а чего хочетъ — къ истиннымъ *элементамъ* народности, и, конечно, къ послѣднимъ отнесетъ и то, что самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было, какъ на примѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена. Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ* — это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы, — и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и общественной жизни, или же на то, что хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ.

Н. Костомаровъ.

25 ноября, 1861.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ слѣдующей книжкѣ *Основы* будетъ помѣщено продолженіе общедоступной исторіи Украины, на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша, подъ заглавіемъ *Виговщина*. Начало ея вышло особою книжкою, подъ заглавіемъ: *Хмельнищина*.

СВІЙ ШЛЯХЪ.

Ой воли́ мої круторо́гі,
Та звертáйте изъ доро́ги.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ой собъ, воли́ полови́і,
Да не старі — молоди́і!
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ну́те ра́зомъ, мої ду́жі,
Вилізáйте изъ калю́жи!
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Кінéць шляху вамъ чужо́му,
Ста́немъ за́разъ на своёму.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

На на́шому шляху́ су́хо,
Не істимуть тамъ васъ му́хи.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Попасу́ васъ на роздо́лі,
На коза́цькімъ рі́днімъ по́лі.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ще й напи́тись дамъ води́ці —
Не зъ боло́та, а зъ крини́ці.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ну́те жъ ра́зомъ, мої ду́жі,
Вилізáйте изъ калю́жи!
Собъ, воли́, со́бъ-собъ!

Ѳ. Бойчукъ.

25 мая, 1861 р.
Ахметъ-горское ущелье.

НАСТУСЯ.

ПОЭМА.

(1648).

Івану Пилиповичу Хильчевському.

Якъ съ тобо́ю ми зустрі́лись
На шляху́ широ́кімъ,
Ти загля́нувъ мині́ въ ду́шу
Своїмъ до́бримъ о́комъ

И пора́дивъ мене́ щи́ро,
Куди́ прямува́ти...
До́вго и́шовъ я, та и́ приби́вся
До рі́дної ха́ти.

Не пі́йду́ я да́льше ха́ти,
Мій кохáний бráте;
Бу́ду въ ха́ті я співáти,
На бандýрі и́грáти.

Ой чи въ насъ же въ рі́дній ха́ті
Нічого згада́ти,
Нічимъ ту́гу розігна́ти,
Вго́ру духъ підня́ти?

На́ша ха́та була́ зда́вна
На всімъ сві́ті сла́вна, —
Съ того́ да́вна, якъ вітала
Короля́ Степа́на.

Убіра́лась на́ша ха́та
Пи́шними квіткáми;
Облива́лась на́ша ха́та
Кро́вью и слёза́ми.

Вилітáли зъ не́і въ по́ле
Орли́ за орла́ми;
Обгортáли на́шу ха́ту
Литвини́ зъ Ляха́ми.

Обгортáли, та втікáли
Усімá шляха́ми
Передъ на́шими шабля́ми,
До́вгими списа́ми.

На́шу ха́ту Ту́рки й Ни́мці
За моря́ми зна́ли;
Въ на́шу ха́ту зъ усіхъ зѐмель
Подару́нки сла́ли.

Було́ гу́чно, було́ бу́чно,
Та вставъ братъ на бра́та, —
Ой замо́вкла, похили́лась
На́ша рі́дна ха́та.

Ой німу́е, ой сумує
На́ша вбо́га ха́та,
Що багатий одура́вся
Убо́гого бра́та.

Задзвоніть же въ німій ха́ті,
Банду́рниі стру́ни!
Роскрива́йтеся свяги́і,
Пре́дківськиі тру́ни!

Оживи́, красо́ дівоча,
Въ кобза́рському се́рці!
Неха́й се́рце усміхне́тця —
И слізми заллється.

Оживи́, коза́цька сла́во,
У банду́рнихъ стру́нахъ, —
Неха́й пре́дки звеселя́тця
У забу́тихъ тру́нахъ;

Неха́й мо́влять живе́ сло́во
На всю Украіну —
И ззову́ть усю́ роди́ну
У се́мью еди́ну.

Ати, дру́же мій Ива́не,
Прийми́ мою́ дя́ку,
Що коли́сь пора́дивъ щи́ро
Мене́ середъ шля́ху.

За пора́дою твое́ю,
Я прибу́всь до ха́ти,—
Го́ді по́ світу блука́ти,
Доро́ги пита́ти!

ЗАСПІВЪ ДО ПОЭМИ.

Нехáй місяць изъ зорями
Дúвитця у вóду,
А я гляну — задивлюся
На дівóчу врóду.

Любо місяцю зъ зорями
Въ вóду виглядáтись:
Мінí любо дівóчою
Красóю вивáтись.

Любо місяцю зъ зорями
Въ вóду поринáти:
Мінí любо въ дівóчее
Сéрце прозирáти.

Немá ліпшого на нéбі
Надъ зóрю въ погóду:
Немá крáщого на свíті
Надъ дівóчу врóду.

Немá вúду пишнíйшого
Надъ зóрі въ півночí:
Немá дúва дивнíйшого
Надъ сéрце дівóче.

ПІСНЯ ПЕРВА.

I.

Уроди́лася Насту́ся —
Лю́бо подиви́тись,
Изъ ли́ченька румя́ного
Хочъ води́ напи́тись.

Уроди́лася Насту́ся —
Се́рце голуби́не...
Хто жъ то е́і кохáтиме,
Якъ мáти дити́ну?

Роспущу́ крилáті ду́мки
По всій Украíні —
Немá пáри статéчної
Коханій дівчи́ні!

Немá се́рця ласкáвого,
Ні ти́хої мóви
До лю́бого залицяння,
Дру́жнёї розмóви!

Шкодá, шкодá чорнобрівця
По стенáхъ шукáти,
Щобъ зъ рóжею садóвою
Докýпи звязáти!

По Вкраíні огні горя́ть,
Підъ не́бо сягáють;
Потягну́ло степи́ ди́момъ,
Крюки́ въ диму́ грáють.

Поміжъ бáлокъ Жóвті Вóди
Крóвъю червоніють;

По городáхъ обгорíлі
Двóрища чорніють.

Повкладáлась середъ пóля
Шляхта спочивáти;
Похожáють въ пúшнихъ шáтахъ
Козакú чубáті. [2]

II.

Процвітáе въ садý квітка...
О трáво висóка!
Закрúй ії, сховáй ії
Відъ лю́дського óка.

Нехáй éі сóнце стúха
Світомъ обливáе;
Нехáй бжілка, Бóжа втіха,
Надъ нéю літáе.

Нехáй éі зóрі крóплять
Чúстою росóю...
Не дóвго ій пишáтися
Своéю красóю.

Не сховáе филя́стая
Пúшноі квітúни:
Не застýпить старá мáти
Лю́боі дитúни.

III.

Ой у вдовú Обушúхи
Сіни на помóсті.
Наіхали до вдівоньки
Козáченьки въ гóсті.

Молоди́і до присінокъ
Коні́ченьківъ вя́жуть,
А стари́і господи́ні
Добри́-вечіръ ка́жуть.

»Добри́-вечіръ, паніма́тко,
У твою́ світли́цю!
Неха́й Бо́гъ свяги́й изъ не́ба
Назира́ вдови́цю.

»Пізнава́й гостей незва́нихъ,
Че́сна господи́не,
Що зда́лека завіта́ли
До те́бе въ гости́ну.

»Чи забу́ла, паніма́тко,
Той весе́лий ве́чіръ,
Якъ ми съ твоімъ Опана́сомъ
Вели́ дру́жні ре́чі, —

»Дру́жні ре́чі таемни́чі
Про коза́цьку зра́ду,
Що хотіли відомсти́ти
Шля́хті за непра́вду?

»Чи забу́ла, паніма́тко,
Той ра́нокъ пону́рий,
Якъ ти въ військо виряжа́ла
Воло́вні ху́ри?

»Обуши́хо паніма́тко,
Си́зая орли́це!
Не ду́рно ти злила́ слізми
Но́вую світли́цю.

»Тобі се́рце говори́ло
Про коза́цьку до́лю:

Ви́росли нові моги́ли
По чи́стому по́лю!

»Що́ въ Кумейкахъ, въ Боровиці
Заде́ржалось си́ли,
Те въ Сулі зеленолу́гій
Ляхи́ потопи́ли.

»Потопи́ли полохли́вихъ,
Завзя́тшихъ напа́ли,
Постріля́ли, поруба́ли,
Кіньми потопта́ли.

»Пішла́ ту́га по Вкраі́ні
Одъ ха́ти до ха́ти,
Та не вме́рла съ того́ жа́лю
Коза́цкая ма́ти.

»Вона́ си́рітъ на оте́цькі
Моги́ли води́ла,
Якъ встава́ти, воюва́ти —
Пі́снею учи́ла.

»И кріпа́вимъ слідомъ ді́ти
Въ степи́ простува́ли,
Безъ гарма́тъ на Жо́втихъ Во́дахъ
Ворогівъ стріча́ли.

»Добува́ли козача́та
У шля́хти гарма́ти...
Помоло́дшала старе́нька
Коза́цкая ма́ти.

»Зазива́ла пи́шну шля́хту
Підъ Ко́рсунь въ гости́ну... [5]
Про ту у́чту сла́ва тру́бить
На всю Украі́ну.

»Панімáтко Обушúхо,
Сúзая орлúце!
Знай же й ти про слáвну ýчту
У своїй свiтлúцi.

»Ой твогó ми Опанáса
Дóбре поминáли:
Пúшну шляхту, якъ тихъ рáкiвъ,
Рукáми побрáли.

»Привiтáй же насъ, якъ мáти,
Чéсна господúне:
Ми съ Кóрсуня проетувáли
До тéбе въ гостúну.«

IV.

Гýчно, гýчно у свiтлúцi
Батькúй розмовлúють.
Любо iхъ синúй Настýсю
Въ пiддáшшi вiтáють:

»Ой дiвчúно, дай намъ, сéрце,
Водúцi напúтись.
Гóдi згáгою у пóлi
Козакáмъ томúтись!

»Нехáй шляхту добивáють
Яструбúй дзюбáти;
Нáша втiха — кáрi óчi,
Чóрнi бровенята.«

Хúлить вiтеръ, хúлить бýйний
Въ дубрóвi квiтúну:
Вáблять рéчi молодúi
Вродлúву дiвчúну.

Исхиля́ются въ дубро́ві
Верхи́ изъ верха́ми:
Иззира́ются въ розмо́ві
Очі изъ оча́ми.

То загра́е, то зани́е
Се́рце голуби́не...
Стережи́ся, Насту́сенько,
Лихо́і годи́ни!

Схамени́ся, не диви́ся
На коза́цьку вро́ду;
Иди́ лу́чче зъ мо́сту ки́нься
У холо́дну во́ду.

Тамъ до су́ду пла́вать бу́дешъ
Ти́хими ночами,
И коза́цтво необа́чне
Ва́бити речами.

Тамъ, руса́лкою, сміятись
Бу́дешъ изъ кохання,
А тутъ, щи́ро покоха́вши,
Зві́нешъ въ безтала́нні.

•

Шкода́ квітку одъ лихо́і
Бу́рі закрива́ти:
Му́сить бу́ря зъ не́і пи́шне
Ли́стя обірва́ти.

Процвіта́йте жъ и зника́йте
Квітка́ми, дівча́та:
На те ро́дить васъ, серде́шнихъ,
У бо́лістяхъ ма́ти.

Процвіта́йте, не впиня́йте
Се́рденько коха́ти.

На те ва́ми, що зоря́ми,
Любу́етця ма́ти.

Процвіта́йте и намъ да́йте
Ва́шихъ чаръ напи́тись:
Тільки й ща́стя на сімъ сві́ті,
Що на васъ диви́тись.

ПІСНЯ ДРУГА.

I. [6]

Ой давно́ була́ —
Въ непа́мять пішла́ —
Нещасли́ва годи́на,
Що коза́цькою
Кро́въю свято́ю
Червоніла Вкраіна.

Ой би́ли Ляхи́
На́шихъ козаківъ
Одъ Дністра́ до Стари́ці,
По всіхъ города́хъ,
Се́лахъ, хутора́хъ
Голоси́ли вдови́ці.

Ой була́, була́
Глибо́ка Сула́
На́шимъ тру́помъ зага́чена.
По́льщі служи́ли —
Шля́хті годи́ли,
Тамъ за все намъ запла́чено.

II.

Покида́ли на́ші
Воло́вні ху́ри,
Манівця́ми та терна́ми
По дома́хъ сипну́ли.

Покида́ли въ ло́захъ
Спіжо́ві гарма́ти,
У безлю́дний степъ Моско́вський
Му́сили втіка́ти.

Покида́ли въ ба́гнахъ
Ворони́і ко́ні;
Сла́ли сви́ти черезъ ба́гна,
Втіка́ли 'дъ пого́ні.

III.

Тільки Дми́тро Гу́ня [7]
На Сулі зоста́вся
Між Сулою и Славу́томъ
Ва́ломъ обкопа́вся.

Би́вся Дми́тро Гу́ня
Пять неділь зъ Ляха́ми.
Не заги́не ёго́ сла́ва
Поміжъ коза́ками! [8]

Би́вся Гу́ня, би́вся,
На си́лі знемігся;
Похили́вши короговки,
Съ Пото́цькимъ мири́вся.

Су́мно на́ші, су́мно
По дома́хъ верта́лись,
Що брати́ іхъ надъ Сулою
Спа́ти повклада́лись.

IV.

И ти, Опана́се,
Хоро́брий Обу́ше,
Середъ бо́ю крива́вого
Одда́въ Бо́гу ду́шу.

»Помира́ю, бра́ття,
За рідну Вкраіну, —
Ой пригле́дьте вдову́ мою
И малу́ дити́ну.

»Ой Моро́зе дру́же,
Мій назва́ний бра́те!
Назпра́й орли́нимъ о́комъ
Сирітскую ха́ту.

»Не попусти́ шля́хті
Надъ не́ю глуми́тись,
А я бу́ду на тімъ сві́ті
Бо́гові моли́тись,

»Щобъ изно́въ воскре́сла
Коза́цкая си́ла
И шляхе́цькимъ кля́тимъ тру́помъ
Дніпро́ загати́ла.

»Ма́ешъ си́на, бра́те,
Я — дочку́ еди́ну;
Якъ дійдуть лі́тъ, испару́й іхъ,
У до́бру годи́ну.

»Неха́й кровъ Моро́зівъ
Зъ мое́ю зіллється;
Звесели́тця на тімъ сві́ті
Гірке́ мое́ се́рце.«

V.

Де́сять рікъ мину́ло
Після то́го бо́ю,
Якъ Опана́съ надъ Сулою
Поліг головою.

Щи́ро на тімъ світі
Бо́гу вінъ моли́вся,
А стари́й Моро́зъ изъ си́номъ
По комиша́хъ кри́вся.

Невóлею на́шимъ
Ляхи́ миръ дава́ли;
Роспусти́вши по домівкахъ,
По оди́нцю бра́ли.

Бра́ли, закида́ли
У замкóві гли́бки;
Не става́ло въ нихъ кайда́нівъ,
Забива́ли въ ди́бки.

Ой дубóві ди́бки,
Залізні кайда́ни!
По степа́хъ ви, по комиша́хъ
На́шихъ розганя́ли.

Розліта́лись різно
Орли́ сизокри́лі,
Молоди́хъ орля́тъ на здóбичъ
Налита́ти вчи́ли.

Дóбре жъ вони́, дóбре
Ви́махали кри́ла,
Пóки знóву Украіна
Бу́нтомъ закипіла.

Дóбре жъ вонú, дóбре
По степáхъ шугáли, —
Роспорóшене козáцтво
Докýпи скликáли.

Трúста кóней зъ дóму
Зъ Гýпею втікáло; [9]
Три тúсячі до Богдáна
У Січъ прибувáло.

Дві сóтні зъ Морóзомъ
По Днiпрý спускáлось:
Дві тúсячі съ Турéщини
До Січи вертáлось.

Вернýвсь Гýня съ пóля,
А Морóзъ изъ мóря, —
Розлилáся по Вкраíні
Козáцькая вóля.

VI.

»Ой ти, слáвний Гýне,
Друже мій едúний!
Давъ намъ Госпóдь обнятися
На вóльній Вкраíні.

»Дóбре послужúла
Намъ старáя сúла:
Утікáла вiдъ насъ шляхта,
Штанú погубúла. [10]

»А тепéръ, мій дрýже,
Прошý тебé дýже:
Iдьмо — сúновi моéму
Знáйдемо подрýжже.

»Ка́жуть, въ Обуши́хи
Дочка́ — якъ кали́на.
Ой то жъ си́нові моє́му
Назва́на дружи́на.

»Попару́емъ дітокъ,
Молоди́хъ орля́токъ,
Та й зася́демъ по пасіка́хъ
На ввесь літъ оста́токъ.

»Неха́й свіжимъ цвітомъ
Земля́ процвіта́е,
А ми бу́демъ молитва́ми
Добува́ти ра́ю.

»Неха́й рідъ нашъ ро́дить,
Ворога́мъ на ли́хо,
А ми собі, діду́ючи,
Повмира́емъ ти́хо,

»И бу́демъ диви́тись
Изъ Бо́жого ра́ю,
Якъ нашъ рідъ лука́ву шля́хту
Підъ ко́рінь руба́е.«

VII.

До́бре діди́ си́ві
Міжъ се́бе ряди́ли,
Ща́сну до́лю молоди́мъ суди́ли;
У святу́ неділю,
Въ обі́дню годи́ну,
Въ Обуши́хи за столо́мъ сиділи.

За столо́мъ сиділи,
Покріпля́ли си́ли
Изъ сипа́ми, гостьми́ молоди́ми.

Сини́ мовчязли́ві,
Батьки́ говірли́ві,
Мовъ голуби́ си́ві-буркотли́ві.

»Обуши́хо не́не!
Сіда́й біля ме́не«,
Обізве́тця Гу́ня довгоу́сий.
»Якъ ти горюва́ла,
Дочку́ згодува́ла,—
Про все ти намъ росказа́ти му́сишъ.

»Одъ твое́і ха́ти
Неси́тої шля́хти
Не змогли́ ми, не́не, одганя́ти:
Зъ мали́ми сина́ми
Луга́ми, терна́ми
Одъ напа́сти му́сили втіка́ти.

»Ди́во, ди́вне ста́ло —
Недо́битки вста́ли,
Та й задали́ Ляха́мъ прочуха́на;
А ще намъ дивнійше,
Що вдовина́ кри́ша
Де́сять рікъ напа́сти не дозна́ла.

»Ой хочъ одъ напа́сти,
Ка́жуть, не пропа́сти,
Та не дай нико́му зна́ти ії, Бо́же!
Ато́ жъ то вдови́ці,
Ма́вши у світли́ці
Лю́бу до́ню, що въ горо́ді ро́жу!«

VIII.

—»Коза́ченьки, батьки́ мої,
Крила́тиі орли́ мої!
Коза́ченьки-небожа́та,
Молоді́ мої орля́та!
Такъ суди́ла Бо́жа во́ля,
Щобъ дави́ла насъ недо́ля,
Щобъ шляхе́цька своя-во́ля
Гна́ла насъ изъ ха́ти, съ по́ля,
Нашъ доста́токъ забира́ла,
Нашъ насу́шний заіда́ла,
На́шихъ дітокъ-малолітокъ
Зъ до́брого путя́ збива́ла.
Та не всіхъ же хи́жа си́ла
Людоідствомъ застраши́ла,
Не всімъ о́чі засліпи́ла,
Не всімъ се́рце задави́ла.
Не зада́вить тому́ се́рця,
Чиій рідъ зъ да́вности веде́тця,
Хто, якъ пта́шка, съ кліткн рве́тця,
Чия́ кровъ лила́сь и ллетця
За Вкраінське ща́стя-до́лю,
За святу́ наро́дню во́лю...«

Пи́льно слу́хавъ си́вий Гу́ня
Зъ Моро́зомъ зспра́вся:
До́брнмъ сло́вомъ більшъ, ніжъ ме́домъ
Соло́дкимъ впива́вся.
А мото́рна господи́ня
Ку́хлівъ доливае,
Медову́ кипу́чу си́лу
Сло́вомъ заправляе:

IX.

»Одъ Прúпети до Синюхи
Вслáвили себé Обýхи, [11]
Та й не злóтомъ рабóванимъ,
Не гонóромъ купóванимъ,
Не гербáми-клейнóдами,
А своіми пригóдами.
Вонú въ пóлі воювáли
И въ невóлі бідувáли;
Вонú въ мýкахъ жартувáли,
Жáртомъ сéрце гартувáли.
Щó ми чýли, не забýли, —
Тимъ же слідомъ прямувáли.
Булá бýря — хилúлися,
Булó лúхо — молúлися,
Булó гóре — горювáли,
Та прáвдоньку шанувáли.
Въ кóго срібло, въ кóго злóто
Та шляхéцькиї клейнóди,
А въ насъ прáвда, прáва вóля —
Найлюбійша въ свíті дóля.
Згúне срібло, згúне злóто,
Занедбáютця клейнóди,
Тільки прáвда на Вкраíні
По вікъ вічний не загúне,
Тільки прáвда, прáва вóля
Бýде всімъ жадáна дóля...«

Похитáли головáми
Сúвими старúі:
»Ой слýхайте та навчáйтесь,
Дíти молодúі!

Такъ намъ пра́діди мовля́ли,
Одъ пра́щурівъ чу́вши, —
Не глухе́ въ насъ було́ се́рце,
Не глухи́і у́ші.«

X.

—»Що змогли́, Ляхи́ зъ насъ дра́ли,
Худібоньку забіра́ли,
На́ші бжо́ли піддира́ли, [12]
На́ші ни́ви продава́ли,
Бідни́ли насъ посто́ями,
Харчува́ннямъ, напо́ями. [13]
Де насъ лю́де шанува́ли,
Тамъ вони́ зъ насъ глузува́ли,
По-шляхе́цькій гордува́ли,
По-збое́цькій жартува́ли.
Якъ ви въ по́лі ста́ли лу́ка,
Ста́ла до́ма жінка́мъ му́ка.
Якъ ви въ по́лі ста́ли о́рця, [14]
Не ба́чили жінки́ со́нця.
Ой не зна́ли жъ ми одра́ди,
Опрічъ пре́дківськоі пра́вди.
Ой не ма́ли жъ ми пора́ди,
Ні нау́ки, опрічъ пра́вди.
Мовъ свята́ небе́сна си́ла,
Вона́ се́рце намъ живи́ла,
Якъ на світі жи́ти — вчи́ла,
Одъ напа́сти борони́ла.
Була́ бу́ря — хили́лися,
Було́ ли́хо — моли́лися.
Хили́лися, та й не впа́ли;
Моли́лися — во́лі жда́ли.
Ой дожда́лись — изорну́ли
Съ того пе́кла, де тону́ли.
Ой що насъ по-во́вчій рва́ли, —

Вóвчимъ слідомъ повтікáли.
Ой що крóвъ живýю ссáли, —
Влáсних скáрбівъ одбігáли.
Що надъ нáми насміхáлись, —
Самí слізми обливáлись. [15]
Все жъ то прáвда поробúла,
Нáша прéдківська сúла,
Зъ дáвних дáвенъ завіщана,
Награ́да намъ обіцана
Замість срібла, замість злóта,
Замість гóнору-клейнóдівъ...«

Стрепенýлись дідú сúві
Одъ живóго слóва:
Розогріла старé сéрце
Гаря́чая мóва:
»Тáкъ, паньмáтко рідна сéстро!
Дя́куємъ за мóву!
Вúпъемо жъ за нáшу прáвду,
Нарóдню оснóву!
Наливáй намъ кýхлі пóвні
Мéдомъ, пъя́нимъ-чóломъ; [16]
Нехáй въ сéрце рáдість лéтця
Съ твоімъ лю́бимъ слóвомъ!«

XI.

—»Козáченьки, батькú моі,
Крилáтні орлú моі!
У васъ очі прозірливі,
А въ насъ дýші покірливі.
У васъ рáда середъ пóля,
А въ насъ дóма — вáша вóля.
Ви бъетéся, — ми чýемо,
По домівкахъ бідýемо,
Бідýемо, працю́емо,
Малúхъ дітокъ доглядáемъ, —

Доглядáемъ, в ь чúсте сéрце
Прáвду, вóленьку вливáемъ, —
Доглядáемъ, годýемо,
Підмóгу вамъ готýемо.«

—»Золоті у тéбеýста!«
Ще Гýня озвáвся.
»Знавъ Обýхъ, де въ свíті щáстя,
Якъ съ тобóю брáвся.
И щасли́ва, пéвне, бýде
По-вікъ того́ дóля,
Кому́ сýдитця подружжямъ
Лю́ба твоя́ дóня.«

А у дóні горúть лúчко,
Що въ лýзі калúна:
Передъ нéю — Морозéнко,
Гáрний, якъ картúна.
»Ой закрúй же менé, нéне,
Нехáй вінъ не знáе,
Якъ сéрденько трепéчетця,
Мліе-омліва́е!«

XII.

—»Козáченьки-небожáта,
Молоді моі орля́та!
Пóки вúросли въ васъ крúла,
Рідна мáти васъ учúла, —
Ой учúла, наставля́ла,
Прáвихъ прéдківъ спомина́ла.
Щó ви чýли, не забýли, —
Тимъ же слідомъ полинýли.
Козакýйте жъ, процвітáйте,
Та й намъ слáви уділя́йте.
Козакýйте жъ, прославля́йтесь,
На насъ лю́бо оглядáйтесь.
Якъ до насъ ви завітáли, —

Мовъ зъ могúли ми устáли.
Якъ до насъ ви налетíли, —
Нáче світъ намъ освітúли.
Ой світíть же по світлúці
Бідолáшній удовúці;
Мéдомъ кýхлі исповняйте,
Ії мýжа спомина́йте.
Пúйте пúво, іжте стрáву,
Спомина́йте ёго́ слáву.
Ой нашъ рідъ ведéтця здáвна;
Нáша слáва здáвна слáвна;
Нáша прáвда здáвна прáва, —
Чúста, слáвна нáша слáва!«

Н. Кулішъ.

Трéтю пісню поэми надрукýемо въ *Основі* за місяць Ноябрь.

Ред.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »НАСТУСЯ«.

1. — Стр. 5, ст. 25.

Поміжъ ба́локъ Жо́вті Во́ди

На рѣчкѣ Жовтихъ Водахъ козаки впервые разбили коронное шляхетское войско. Рѣчка эта дѣйствительно протекала по степнымъ долинамъ, балкамъ. Теперь она, говорятъ, изсякла.

2. — Стр. 6, ст. 6.

Похожа́ють въ пи́шныхъ ша́тахъ
Козаки́ чуба́ті.

Одѣться въ платье побѣжденнаго врага считалось у козаковъ рыцарскою честью. Это видно и изъ думъ народныхъ, какъ напримѣръ:

Чо́боти Татарські истяга́въ,
На свої коза́цькі но́ги обува́въ;
Оде́жу истяга́въ,
На свої коза́цькі пле́чі надіва́въ;
Ба́рхатний шликъ издіймае,
На свою коза́цьку го́лову надіва́е.

Современный лѣтописецъ говоритъ, что когда козаки-сермяжники возвращались съ похода на Поляковъ, то, одѣтые въ добычныя одежды, съ высоты казались массами движущихся цвѣтовъ.

Эпитетъ *чуба́ті* взятъ изъ народной думы:

Що не ви́дно чуба́тихъ
Не то по степа́хъ,
Не то й по луга́хъ...

3. — Стр. 7.

Форма этого куплета взята изъ народной пѣсни:

Прійхало до дівчи́ни
Два козаки́ вго́сті.
Одни́ъ стоіть коло сіней,
Кони́ченька ва́же;
Другі́й стоіть під ві́ко́нцемъ,
Добри́-вечі́ръ ка́же.

4. — Стр. 8, ст. 3.

Щó въ Кумéйкахъ, въ Боровúцi

Подъ Кумейками и подъ Боровицею, ниже Канева, близъ Мошенъ, козаки были разбиты Потоцкимъ въ 1637 году. Въ слѣдующемъ году было новое возстаніе и новыя пораженія козаковъ надъ Сулою.

5. — Стр. 8, ст. 28.

Пiдъ Кóрсунь въ гостúну...

Угощеніе состояло въ кровопролитной битвѣ, которая была наперелъ хорошо соображена, обезпечена засадами и потому окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ шляхты.

6. — Стр. 6.

Въ I-й и II-й строфахъ дѣло идетъ о первыхъ козацкихъ войнахъ и потомъ о пораженіи козаковъ въ 1638 году, когда гетманъ Остряница бѣжалъ съ *комóнцикомъ* въ Московскія степи.

7. — Стр. 12, ст. 13.

Тiльки Дмúтро Гýня

Слѣдовало бы напечатать Дмитро́; но народъ говоритъ и Дмiтро. Напримѣръ, въ пословицѣ: *До Дмúтра дiвка хúтра, а пiсля Дмúтра, якъ стрiне собáку, то й питáе:* »*Чи не въ старостú ви, дя́дюшка, йдете́?*« Т. е. невѣста переборчива до тѣхъ поръ, пока минуетъ время сватовства, опредѣляемое осеннимъ праздникомъ св. Дмитрія.

8. — Стр. 12, ст. 19, 20.

Не загúне ёго слáва
Помiжъ козакáми!

Неудачная война Остряница была искуплена Гунею, который, оставшись только съ пѣхотою, выдержалъ продолжительную осаду соединенныхъ силъ Потоцкаго и князя Іереміи Вишневецкаго. Онъ доказалъ, что доведенные до отчаянья козаки страшнѣе для коронаго войска, нежели во время великихъ надеждъ своихъ. Войны Остряница и Гуни, равно какъ и Павлюка, до сихъ поръ мало намъ извѣстны. Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ окончанія новаго труда Н. И. Костомарова — подробнаго изображенія времени, предшествовавшаго Хмельницинѣ, которымъ трудомъ нашъ несравненный историкъ занятъ въ настоящее время. Чтобы дать читателямъ понятіе, до какой степени можетъ быть интересна художественно обработанная повѣсть объ этомъ періодѣ, приведу небольшой эпизодъ изъ неизвѣстной еще лѣтописи Лукомскаго, писанной въ 1770 году и сообщенной мнѣ М. В. Юзефовичемъ. Немногіе читали Diariusz Okolskiego, откуда заимствованъ лѣтописцемъ этотъ эпизодъ, потому что эта драгоцѣнная книга составляла большую библіографическую рѣдкость и появилась только недавно въ обширномъ собраніи историческихъ матеріаловъ: Biblioteka Polska.

«Гетманъ Потоцкій (говоритъ Лукомскій со словъ Окольскаго, очевидца войны) крайне на томъ постановилъ, чтобы козаковъ — — перемѣнными хорунгвами безпрерывно доставать, на нихъ наступать и вылазки дѣлать до десяты дней, и притомъ близъ шанца нѣмецкаго сдѣлать батарею изъ дубовъ, а на верху оной изъ земли блокгаузъ, съ котораго съ пушекъ въ окопъ козацкій мочьно бъ было стрѣлять цѣльно, повелѣлъ. — — Козаки, усмотря, что реченая батарея и блокгаузъ поляками совсѣмъ сдѣлани и что изъ онаго блокгауза всѣ мѣста и лица ихъ въ окопѣ выдѣть не трудно, однѣ утѣкають, другие сквозь полское войско пробываться хотѣли, а чернь къ гетману объявление послалы, что они поддаться ему готови; старшини жъ такой хитросты употребили. Юля 11 числа ночью отправили они нѣсколько козаковъ къ шанцу, состоящему близь оной батареи, съ наставленіемъ, дабы они противъ нихъ льстыли такою рѣчью, бутто они для словленія языка идуть до окопу, и подъ тѣмъ прыкровеніемъ дабы провѣдали, какой у поляковъ лозунгъ. Тѣ козаки, подъ выдомъ реестровихъ (т. е. преданныхъ Потоцкому), въ обозъ къ нимъ же, реестровымъ, прышли, соглашаються съ онимы, какимъ образомъ языка достать въ окопѣ (Гуни), а между тѣмъ соглашеніемъ и о лозунгѣ провѣдали и оній къ своимъ прынеслы. Потомъ, спустя полчаса, нѣсколкома десяткамы козаковъ засаду учынили и опять къ шанцамъ возвратылись. Какъ же ихъ спрошено: кой лозунгъ? они съказали; а одынъ изъ козаковъ реестровихъ спросилъ: достали ль языка? Они отвѣтствовали: и не одного досталы. Между тѣми самимы разговорамы засадние козаки на разговаривавшихъ неосторожнихъ реестровыхъ нападши, нѣсколько десятковъ, тутъ же при нихъ нѣкоторую частицю пѣхоты нѣмецкой высѣкли и выкололи. Къ тому жъ, намѣрывая еще и оній батарей истребить, блокгаузъ разрушить и пушки изъ оного искать, и уже были на оній възлѣзли; но, какъ во всемъ обозѣ полскомъ окрикъ учинился, а поляки къ оному батарею сближатысь началы, то оніе козаки, чтобъ поляки ихъ не захватыли, съ того батарея ескакивая, спасенія своего щастьемъ искали. Въ тую жъ ночъ учынилось въ полскомъ обозѣ великое замѣшательство, такое, что все войско чрезъ всю ночъ при ружжу стояло. Въ тое жъ ночное въремя козаковъ изъ окопу нѣсколко тысячъ въ обозъ полскій вскочивъ, многихъ поляковъ въ ономъ померствили и въ окопъ съ побѣдою возъратились.«

9. — Стр. 15, ст. 5, 6.

Извѣстіе о бѣгствѣ Гуни съ тремя-стами козаковъ въ степи къ Острянину сохранилось въ рукописяхъ С. Петербургской публичной библіотеки. Николай Потоцкій, отъ 19 сентября 1639 года, съ офиціальною наивностію, увѣдомляетъ короля, что Гуня ушелъ *безъ всякой причины* (Hunia, który hetmanił swawolstwu przeciwko woysku WKM, y z kilka innych Principałow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy, przes wszelky przyczyny, uciekł.) Поэма объясняетъ эти причины, на основаніи извѣстныхъ уловокъ магнатскаго полноправства въ Украинѣ.

10. — Стр. 15 ст. 23, 24.

Утіка́ла вiдъ насъ шля́хта,
Штани́ погуби́ла.

Изъ народной пѣсни объ Уманской рѣзнѣ:

Утіка́ли Ума̀нчики,
Штани́ погуби́ли.

11. — Стр. 19, ст. 1, 2.

Одъ При́петі до Синю́хи
Всла́вили себѐ Обу́хи,

Украинскій народъ не чуждъ понятій объ аристократизмѣ, но онъ до сихъ поръ держится коренного значенія слова ἄριστος (лучшій), не прибѣгая къ внѣшнимъ, искусственнымъ, механическимъ пособіямъ превосходства одного человѣка передъ другимъ. Самая слава имени соединялась въ его понятіяхъ не съ успѣхомъ, а съ значеніемъ дѣяній общественныхъ. Это всего ближе мы можемъ видѣть на Гонтѣ, Котовичѣ и другихъ участникахъ Коліивщины, заклейменныхъ и до сихъ поръ клеймимыхъ даже со стороны людей Русскихъ названіемъ *разбойника*. Какъ поступаетъ у Квитки любящая дѣвушка, цѣлуя руки у грязнаго, опозореннаго колодника, такъ поступалъ Украинскій народъ, въ своихъ пѣсняхъ и воспоминаніхъ, съ тѣми, на кого онъ смотрѣлъ, какъ на мучениковъ народной правды. Вотъ почему авторъ вкладываетъ въ уста Обушихи горькое воспоминаніе о предкахъ, которые прославились бѣдствіями и несчастіями. Упрекъ Пушкина: »Друзья минутнаго, поклонники успѣха«, къ нашему народу не относится. Были случаи, когда онъ въ пѣсняхъ своихъ проклиналъ торжествовавшаго Богдана Хмельницкаго и называлъ *коза̀цькими батька̀ми* такихъ людей, какъ Зализнякъ и Гонта, которымъ печатная исторія (съ немногими исключеніями) отводила до сихъ поръ самое позорное мѣсто. Тотъ же самый народъ не отозвался ни единымъ словомъ сочувствія къ Мазепѣ, падшему якобы за Украину. Вообще его сердечная логика достойна изученія. Я только обращаю здѣсь вниманіе читателей на тотъ аристократизмъ нашего неграмотнаго (и слѣдовательно чуждаго грамотныхъ заблужденій) простолюдина, который выражается въ его бесѣдахъ и семейныхъ сдѣлкахъ словами: *чѐсний рідъ, дити́на чѐсного ро́ду*, и пр. Уваженіе къ богатству у насъ есть, но богатство вообще такъ заподозрѣно, что даже молодая чета, получивъ въ приданое рогатый скотъ, лошадей, овецъ, часто обращаетъ все это въ деньги, суевѣрно утверждая, что не пойдетъ въ прокъ добытое чужимъ трудомъ, а впослѣдствіи покупаетъ на трудовые деньги другой домашній скотъ, и уже вѣруетъ, что можно съ него разжиться. Этимъ объясняется отчасти и убожество нашего народа, и та странная для иностранца гордость въ убожествѣ, уваженіе къ самому себѣ въ крайней нищетѣ и равнодушіе къ обогащенію, которыя такъ часто можно еще и въ наше политикоэкономическое время встрѣтить въ Украинѣ. Что касается до понятія о честномъ родѣ, то своеобразный аристократизмъ этого понятія такъ силенъ въ нашемъ простонародьи, что простые козаки и вообще поселянки-невѣсты доступны у насъ только для немногихъ образованныхъ и богатыхъ паничей, которые бы вздумали на нихъ жениться. Тутъ останавливаетъ родителей и самихъ невѣстъ въ ихъ выборѣ не страхъ новаго положенія въ свѣтѣ, не стыдъ своего мужичества, т. е. необразованности между дворянами, — вовсе нѣтъ. Народу нашему вѣчно чудится несчастье, неизбѣжно соединяющееся съ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ, какъ онъ выражается, *Богъ ёго́ зна̀е, я́къ*. Смыслъ этого страха тотъ, что, по его нелегко объяснимой логикѣ, человѣкъ — самъ

самъ по себѣ, а богатство — само по себѣ, и что смѣшивать эти понятія до нераздѣлимости для него такъ же дико, какъ смѣшивать вѣчное съ временнымъ, живое съ мертвымъ, несомнѣнное съ призрачнымъ. Такимъ образомъ и при своемъ аристократизмѣ, любящемъ углубляться въ область преданій, народъ нашъ остается глубоко демократическимъ: остается всегда и во всемъ *народомъ*, а не классомъ, выдѣливающимся изъ народа. Зная это по живымъ представителямъ простонароднаго Украинизма, мы легко можемъ понять, какъ это сынъ владѣтельнаго князя, какимъ de facto былъ Богданъ Хмельницкій, de jure былъ только реестровой козакъ, т. е. рядовой воинъ; какъ воины, подобные кошевому Ивану Сірку, по сложеніи съ себя войскового званія, были въ глазахъ народа только простыми пасічниками, хотя ихъ знакомствомъ и дружбою каждый гордился; какъ въ уголовныя обвиненія противъ гетмана Самойловича (измышленныя канцелярскимъ умомъ Мазепы) внесены простодушно жалобы козаковъ на то, что, пріѣдя къ нему, надобно было стоять у порога, и пр. и пр. На основаніи всего этого, я заставляю счастливаго и конечно обогатившагося побѣдителя Поляковъ, Мороза, вмѣстѣ съ прославившимся Гунею, относиться къ женѣ Обуха такъ, какъ-будто она вовсе не обѣднѣла и не унижена шляхтою до уровня служенія шумнымъ постояльцамъ-жолнерамъ, а ее самое — говорить съ гостями тѣмъ же языкомъ, какимъ говорила бы и жена гетмана Хмельницкаго. Мнѣ случалось входить въ короткія отношенія съ бродячими бѣдняками, лирниками, кобзарями или просто нищими. Никогда я не замѣтилъ, чтобы они, во время предлагаемаго имъ гостепріимства, стѣснялись своею нищетою и низостью своего положенія, или выражали лакейское уваженіе къ моимъ житейскимъ преимуществамъ. Гомеровскій Пріамъ въ шатрѣ Ахиллеса никакъ не былъ проще, естественнѣе и благороднѣе ихъ въ обращеніи. Благодарность свою они выражали даже съ какимъ-то милымъ для меня упрекомъ: *Тільки се й твоє, що ти своєю рукою подасй, а то все не твоє.* Видите, какъ у нашего народа актъ душевной дѣятельности отдѣляется отъ матеріала, который употребленъ для этого акта! Невольно приходитъ на мысль, во что оцѣнилъ Христосъ чашу воды холодной. Не смотря на то, что въ житейскихъ счетахъ за вещи она не стóитъ и самой дробной единицы матеріи,— въ области духа онъ дѣлаетъ незабвеннымъ дѣломъ актъ употребленія этой матеріи. Украинской народъ, относясь къ міру вещей и явленій жизни непосредственно, безъ той искусственности, которая у насъ часто выдается за усовершенствованіе жизни, — сохранилъ простой, здоровый взглядъ на исторію, на народное право, на достоинство личности человѣческой и на многое, о чемъ приходится намъ спорить съ учеными и неучеными кабинетными людьми. Само собою разумѣется, что не всѣ простолюдины и даже не очень многіе простолюдины могутъ служить намъ представителями того, что мы называемъ истинно украинскою народностію. Но въ томъ-то и подвигъ народоизученія, чтобы отличать главное отъ второстепеннаго, общее отъ частнаго, постоянное отъ случайнаго, внутреннее, самородное отъ внѣшняго, пришлаго, самобытное, первоначальное отъ наброшеннаго извнѣ, подражательнаго, искаженнаго.

12. — Стр. 20, ст. 7.

Наші бжоли піддирáли,

Въ печатающихся нынѣ Археографическою Коммиссіею *Актахъ Западной и Южной Россіи* часто идетъ дѣло о заграбленныхъ или опустошен-

ныхъ пасѣкахъ. Это показываетъ, что въ XVII столѣтіи пасѣки составляли еще одну изъ главнѣйшихъ статей сельскаго хозяйства и промышленности. А *Лѣтопись Самовидца* (стр. 7) иронически выводитъ изъ подобныхъ грабежей даже причину войнъ Богдана Хмельницкого: »...патранили (сказано въ ней) на чоловіка на одного, у которого одняли пасѣку, которая всій землі Польской пачинила біди, а тимъ способомъ....« (и начинается повѣсть о самихъ войнахъ). Кстати обращу вниманіе читателей-спеціалистовъ на темное мѣсто въ современной рукописи одного шляхтича (приведенной мною въ примѣчаніяхъ къ *Дунайской Думѣ*), указывающее на какой-то неизвѣстный намъ грабежъ подстаростія Чаплинскаго: A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi (очевидно, этотъ козакъ — Хмельницкій) od jednego Ukrainnego Podstarosciego, dla ktorey sto beczek krwie slacheckiey wylewało się...

13. — Стр. 20, ст. 9, 10.

Бідни́ли насъ посто́ями,
Харчува́ннямъ, напо́ями.

Въ универсалѣ своемъ гетманъ Остряница (*Записки о Южной Руси*, II, 297) жалуется всему народу, что начальникъ квартировавшихъ въ Острѣ жолнеровъ, Городовскій, требовалъ отъ его отца доставлять для его, Городовскаго, собакъ ежемѣсячно по три ведра творогу и по ведру масла, не говоря ужъ о томъ, что остерскіе козаки и мѣщане поставляли для корму самимъ постояльцамъ. Изъ этого можно заключить, съ какимъ горькимъ чувствомъ должна была вдова Обуха вспоминать о своей беззащитности послѣ неудачной войны гетмана Остряница. Самый стихъ: *Харчуваннямъ, напоями* взятъ изъ *Лѣтописи Самовидца* (стр. 11), гдѣ говорится, что въ началѣ войнъ Хмельницкаго мѣщане должны были вступать въ козаки, чтобы освободиться »отъ побоевъ, напоевъ и кормовъ незвычайныхъ«.

14. — Стр. 20, ст. 17.

Якъ ви ста́ли въ полі о́рцл,

Выраженіе *ста́ти о́рцл* употребительно у черноморскихъ байдачниковъ. Это значитъ — повернуть байдакъ противъ вѣтру. *Поста́въ о́рцл!* говорятъ они другъ другу въ извѣстномъ случаѣ. *Ста́ти лу́ка* — почти то же, что и *ста́ти ца́на*, т. е. воспротивиться какой-нибудь силѣ.

15. — Стр. 12, ст. 5.

Самі слізми облива́лись,

См. 12-е прим. къ *Дунайской Думѣ*.

16. — Стр. 21, ст. 21.

Ме́домъ, пъя́нимъ-чо́ломъ.

Медъ подъ названіемъ *пъяне́-чоло́* упоминается въ извѣстной думѣ о Ганжѣ Андыберѣ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

III.

Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ.

Багáтому хазя́ину послáвъ Богъ чи-мáло дíточóкъ. Всі жъ покірни, трудя́щі, помагáють бáткові й мáтері у вся́кій робóті; однá тільки дочкá (Палáжкою звáли) удалáсь тáка лінúва! тільки й робóти ій, що сидúть згорнýвши рýчки. Ні на сорóчку собі не напряде́, ні водú не принесе́, ні корóви не вúдоіть. А дівка жъ такá—гля́нуть на нéі, здáсця за двохъ зробить—висóка, гладкá, и зъ виду—не взявъ ії врагъ — чорня́венька, хорошá–прехорóша!

Мóже бъ вонá и не булá такá лінúва, колúбъ бáтько й мáти, нá лихо ій, такъ въ нéі не кохáлись. Нікóли булó не налáють — не то щобъ вдáрить — лінúву дитúну.

— Дóнечко мóя!—булó почнé бáтько: —чомъ ти нічóго не рóбишъ?.. Якá жъ зъ тéбе хазя́йка бýде?... Та тебé жъ ніхтó не візьме за сéбе. Кому́ трéба таку́ пáньску пиху́, якъ ти? Чи не сóромъ тобі дáрмо хлібъ íсти?

То мáти зáразъ и заступáетця.

— Годі тобі, скáже, — грúмать на дитúну! Якъ до чóго прúйдеця, то бýде зъ нéі и хазя́йка... Аджежъ не чужúй хлібъ íсть, а нашъ.

Вже й подрýженьки Палáжчини повихóдили замíжъ, а до нéі и старостівъ не засилáють, хочъ такá дівчúна, кажу́, що крáщої въ селі немá: бíла, пóвна, тіло ніжне, — якъ пáнночка! бó нічóго не рóбить: не печéтця на сóнці, не мéрзне й на морóзі.

Ду́мавъ, стари́й, ду́мавъ, що́ ёму́ на світі робúть зъ лiни́вою дочко́ю, та й ка́же:

— Якъ би́ знайшо́вся таки́й чоловікъ, щобъ не бúттемъ, а пова́жнимъ сло́вомъ, зроби́въ зъ не́і роботя́щу молоди́цю, то я-бъ зъ не́ю віддáвъ би ёму́ третúну всіі худóби, що ма́ю.

Знайшо́вся таки́й чоловікъ зъ дру́гого села́; прийшо́въ до Пала́жкиного ба́тька, и си́на зъ собо́ю привізъ. Зна́тний па́рень, дівчúні підъ па́ру.

— Віддáй, ка́же,—твою́ дочку́ за мого́ си́на, то поба́чимъ, яка́ зъ не́і бу́де невсипу́ща хазя́йка.

— До́бре, ка́же ба́тько,—віддáмъ; и зъ не́ю, якъ сказáвъ, третúну худóби; тільки гледи́, щобъ не би́ли моéі дити́ни...

— И па́льцемъ, ка́же чоловікъ, — до не́і не доторкну́сь!

Одружи́ли Палажку зъ па́рубкомъ, и, до́бре погуля́вши на весіллí, све́коръ забра́въ молоди́хъ и повізъ до се́бе. На дру́гий день вся семья́ проки́нулась ране́нько и ко́жний прини́вся за робо́ту, а Пала́жка до́вго ще воро́чалась зъ бо́ку на бікъ, по́ки не обри́дло лежáть, а да́лі вста́ла, сіла собі биля вікóнця та й поглядáе на ву́лицю, и радабъ то, раде́нька, що ії ніхто́ не си́луе до робо́ти. Къ обíду зібра́лась вся сімья; поста́вили на столъ борщъ; отъ, све́коръ и пита́:

— А хто́ що́ роби́въ?

Вся́кій, хто́ що́ роби́въ, розка́зуе, а Пала́жка мовчúть.

— А ти, невістко, що́ роби́ла? пита́ све́коръ.

— Нічо́го не роби́ла, одвітила Пала́жка, — и звича́ю того́ не ма́ю, щобъ робúть.

— Якъ нічо́го не роби́ла, то нічо́го и не істимешъ: и у насъ нема́ звича́ю да́рмо годова́ть ле́жнівъ!

Такъ серде́шна цілісенький день не івши и сиді́ла: нема́, ба́чите, рідної не́ньки; нікому було́ и шмато́чокъ хлíбця дать небо́зі.

На дру́гий день, сиділа, сиділа, а да́лі згада́ла, що ту́течка, якъ не поро́бишъ, то й істи не даду́ть,—вхопúла відра и принесла́ води́. Якъ посіда́ли обíдать, зновъ све́коръ пита́:

— А хто́ що́ роби́въ?

— Всі роби́ли, одвіту́е свекру́ха.

— А невістка?

— Вона́ води́ принесла́.

— Дайте жъ ій ку́хликъ води́.

Ви́пила той ку́хликъ небо́га, попла́кала, пожури́лась и зновъ голоду́е.

На тре́тій день Пала́жка принесла́ води́, и якъ свекру́ха по́ралась биля пе́чи, то вона́ помогла́ ій ви́мішать ка́шу.

— А хто що́ роби́въ? пита́ све́коръ сіда́ючи обідать.

— Всі роби́ли, одвіту́е свекру́ха;—а невістка и води́ принесла́, и кашу вимішувала.

— Да́йте жъ ій гру́дочку ка́ши.

Не на'лась Пала́жка тие́ю гру́дочкою. Нічого роби́ть; якъ ка́жуть: го́лодъ·— не тітка, не нагодуе. Отъ вона́ го́ді вже сидіть, згорну́вши ру́чки; потро́шку, потро́шку, та й ста́ла така́ жъ робо́тяща, якъ и всі. Мину́въ ти́ждень и дру́гий; отъ Пала́жчина ма́ти и ка́же своє́му чолові́кові:

— Що́-то діетця зъ на́шою дити́ною? Мо́же, вона́ кулака́ми слёзи втира́е; мо́же, ії товчу́ть и бьють нещасли́ву?... Запрото́рили ажъ у дру́ге село́, та й до́сі вісточки объ не́і не ма́емо. Хочъ би ти, чоловіче, навідавсь до не́і.

У неділю пішо́въ стари́й до своє́і дочки́. Прихо́дить — нема́ нико́го: вся семья́ пішла́ до це́ркви, тільки одна́ Пала́жка оста́лась и по́раетця біля пе́чі.

— А що́, до́нечко, пита́ стари́й, — я́къ тобі живе́тця?

— До́бре, та́ту, одвіту́е Пала́жка, — спаси́бі Бо́гу й лю́дямъ.

— Не бьють тебе́?

— Ні, не бьють.

— Спаси́бі імъ! ка́же стари́й, перехрести́вшись.

Сівъ ба́тько на ла́ву, та й ди́витця на свою́ дочку́, а вона́ такъ тимъ рогаче́мъ ору́дуе! то́ горшки́ переставля́, то жа́ру підгребе́, то ви́біжить зъ хати, дрове́ць врубать, то́ вхо́пить відра и збігае за водо́ю. Що́ се зъ не́ю ста́лось? ду́мае стари́й: оча́мъ своїмъ віри не йме. То́ було и до пе́чи бли́зько не підійде, а тепе́речки — глянь, яка́ роботя́ща ста́ла!

Ажъ ось повертаю́тця зъ це́ркви све́коръ зъ жінкою, зъ дітьми, а Пала́жка якъ ухо́пить шкурато́къ та ба́тькові въ ру́ки:

— Мнінь, та́ту, ка́же,—ато́ ту́течки такі га́спедьски лю́де, що якъ хто нічо́го не ро́бить, то вони́ ёму́ и шматка́ хліба не дадуть!

Ба́тько узя́въ той шкурато́къ та й мне, а ту́тъ війшо́въ у ха́ту све́коръ зъ жінкою и зъ дітьми.

— Здоро́въ бувъ, сва́те! ка́же све́коръ,—а що́ се ти ро́бишъ?

— Шкуратóкъ мну, кáже старúй, усміхáючись, — щобъ не гуля́ть, бо дочка́ мині сказáла, що тутъ такі лю́де чудні, що якъ хто нічóго не рóбить, то ёму́ й шматóчка хлíба не дадýть.

— Э, въ насъ такъ, сва́те! ка́же свéкоръ, гля́нувши на невíстку. — Не збрехáла твóя дочка́. Бачъ, яка́ ста́ла роботя́ща! Тепéречки дава́й, якъ обíщáвъ, трéтúну, бо й па́льцемъ я до нéї не доторкнýвся.

— Якъ же ви її навчúли? пита́ ба́тько.

— А такъ: *вчи лúвого не молотомъ, а вчи гóлодомъ.*

IV.

Не впусти рака зъ рота.

Летíла воро́на по-надъ мóремъ; дúвитця—лізе ракъ. Вона́ хапъ ёго́, та й понесла́ черезъ лиманъ у лíсъ, щобъ, сівши де-нéбудь на гíллí, гарнéпько поснídать. Ба́чить ракъ, що приходитця пропа́сти, и ка́же воро́ні:

— Эй, воро́но, воро́но! знавъ я твого́ ба́тька и твою́ ма́тірь: сла́вні лю́де були́!

— Угу́, одвíтуе воро́на, не розявля́ючи ро́та.

— И братівъ и сéстеръ твоíхъ знавъ, ка́же ракъ: —що за до́брі лю́де!

— Угу́, гугни́ть воро́па, а ра́ка кріпéнько держúть.

— Та вже хочъ вонú и га́рні лю́де, ка́же ракъ, — а тобі не рівня. Мині здаéтця, що й на свíті нема́ розумнíйшого надъ тéбе.

— Эге́! кря́кнула воро́на, на ввесь рíтъ, та й упустúла ра́ка въ мóре.

Отъ тимъ-то, якъ кого одýрять похвальбóю, або́ лестúвою рíччю, то лю́де й ка́жуть: »*Упустúвъ ра́ка зъ ро́та.* А якъ кого́ остерега́ють, то ка́жуть: »Гледи́! *не впусти́ ра́ка зъ ро́та.*«

Олекса Стороженко.

V.

Вороний кінь.

Бу́въ у на́съ на Чорномо́риі коза́къ стари́й, на прізвище Кульба́шний; зживъ свій вікъ сиротóю; сидівъ Зімівникóмъ на рі́чці Саси́ці Ейськоі Пала́нки, мавъ ду́же бага́то худóби вся́коі и бу́въ грошови́тий ду́же. Вінъ, умера́ючи, всі грóші одказа́въ на Бóжі церкви́.

Разъ, у Ростóвському я́рмарку, де Чорномóрці станóвлятця осóбне та́боромъ, вінъ продава́въ лошакі́въ, не́уківъ, а моше́нники (якъ ярмарки́ безъ іхъ не бува́ють) давнó ве́штаютця міжъ воза́ми та й підгля́діли, що стари́й Кульба́шний, прода́вши своіхъ лошаківъ, бідкаетця де́бъ ёму́ купи́ти, на ста́рість, ізджа́лого, сми́рного коня́ підъ ве́рхъ? Оди́нъ чума́къ, почу́вши се́е — »я́ тобі, ба́тьку, ка́же, найшóвъ би коня́ дóброго, такъ дале́ко тре́ба йти.

— А де́? спита́въ Кульба́шний.

— Ажъ та́мъ, де коле́са продаю́ть; та таки́й, ка́же, ба́тьку, кінь, що й мала́ дити́на поіде. Якъ би я́, ка́же, не чумакува́въ, то су́чий си́нъ, коли́бъ некупи́въ для се́бе! та́мъ скоти́на нади́во вдала́сь!...

— А яки́й на ма́сть?—переби́въ ёго Кульба́шний.

— Ворони́й, ба́тьку: та́мъ, щó за кінь! ска́зано—запорóзький.

— А, запорóзький! ка́же Кульба́шний:—ході́мо за́разъ.

Пішли́.

— Та́мъ жи́въ, неподалеці Саву́ръ-моги́ли, въ байра́ці, Запорóжець, роска́зуе йду́чи чума́къ, та неда́вно вме́ръ. Чумаки́, на той ча́съ тра́пилось, похова́ли старóго козарлю́гу, а коня́ взяли́, щобъ прода́ть та відда́ть грóші на церкви́ Бóжі, за ду́шу покійного.

— Э! се́ благе́ діло; и міні вже ча́съ уміра́ти, Кульба́шний ка́же.

Та, зна́й, дорóгою оби́два и́дучи, тереве́ні пра́влять. А того стари́й Кульба́шний и не ві́зьме собі въ товкъ, що се вінъ зъ мошенникомъ счени́вся. Вікъ приви́къ берегти́ся москалівъ (та пра́вда, хто іхъ и не береже́тця), а щобъ зъ чумаківъ та були́ моше́нники, Кульба́шному и не сни́лось. Уже́ оці на́ші ходаки́ давнó ви́йшли зъ Чорномóрського та́бору, перейшли Бахму́тський поштóвий шля́хъ; перей—

шли́ вози́ зъ коле́сами, ажъ ось недале́ко й Темерни́къ. Ту́тъ, на сій ба́лці, стоя́ть осо́бне вози́ чума́цькі съ запря́женими воля́ми. Чумаки́ мо́тляютця поміжъ воза́ми, и якъ уздрі́ли свого́ това́риша, що йде́ зъ Кульба́шнимъ, за́разъ ви́ступили на зу́стрічъ.

А що́, Трохи́ме! чи росплати́вся? спита́въ оди́нъ прихо́джого зъ Кульба́шнимъ чумака́.

— Ні, ка́же, нема́ коло во́за..пішо́въ десь до крамарі́въ... Що́ це ви зду́мали? переізди́ти чи́-що? Ось стари́й ба́тько коня́ купу́е.

— Не ку́пить, сказа́ло ра́зомъ чоловіка́ съ пьять. Сі Чорномо́рці наро́дъ скупи́й з-біса; та й іздять усі́ на зли́хъ ко́няхъ.

Ся́ бъ то оста́ння мо́ва й понорови́лась Кульба́шному; такъ ота́, що сказа́ли—*не купить*, спроти́вилась ёму́: мо́въ би въ ёго чортъ-ма́ гро́шей.

— Чо́мъ не куплю́? ка́же Кульба́шний? Я й вози́ ва́ші зъ воля́ми мо́жу купи́ти.

— Ки́хъ-ки́хъ-ки́хъ! засмія́лись чумаки́.

Кульба́шного взяла́ о́злість: що ще́ не йму́ть ёму́ й ві́ри.

— Де́ той кінь? — пита́е.

— Ось де! обізва́вся яки́йсь чума́къ за воза́ми, одвьязуючи того́ коня́ одъ полу́драбка.

Згля́нувъ на ёго Кульба́шний, и жи́жка въ старо́го затруси́лась. Обійшо́въ ёго́.

— Кінь въ літа́хъ, ка́же Кульба́шний, та й я́ немолоди́й,—подумавъ... А що́ за ёго?

— Дві со́тні съ полови́ною.

— До́рого, поду́мавъ стари́й, та й ка́же:—щобъ не хлопота́тьця, півтори́ со́тні.

Та вступа́йте, бра́цця! примо́вивъ прихо́жий чума́къ.

— Хіба́ для те́бе!.. дві со́тні та й го́ді, одві́тивъ оди́нъ стари́й чума́къ.

— Дава́й, ба́тьку, гро́ші, ка́же прихо́жий зведе́нникъ: упу́стимо сего́ коня́, другого́ не знайдешъ такого́, бо вже таншъ не бу́де.

Підступи́въ стари́й, озира́ючи коня́. Взя́въ за по́відъ коло мо́рди; погла́дивъ по голові, повівъ ру́ку по ши́і, поля́павъ доло́нею по спи́ні, отступи́всь, зайшо́въ зза́ду, гля́нувъ вздовшъ спи́ни.

— Хороша скоти́на... Неха́й же я, ка́же Кульба́шний, на ста́рість поізджу таки́мъ коне́мъ, якъ змо́лоду въ ме́не бувъ: бері́ть гро́ші.

Підійшо́въ до того́, що торгова́вся, знявъ ша́пку, перехрести́вся,

вда́рили по рука́хъ. Ви́нявъ Кульба́шний зъ кеше́ні ху́стку, знайшо́въ гро́ші, одлічи́въ дві со́тні й одда́въ продавце́ві, взя́вши коня́ за по́відь поло́ю.

— Тобі, ба́тьку, суди́вся сей кі́нь, пожива́й на здоро́вья! віддаючи́ коня́, продаве́ць сказа́въ.

Заки́нувъ Кульба́шний поводи́ коне́ві на шию, взя́вся за гриву, посилкува́вшись підско́чивъ—уже́ й на коне́ві. Проіхавсь геть відъ возі́въ шла́птю, зкрутну́въ повода́ми коня́, кі́нь, якъ у казані, окрутну́вся наза́дъ. Попусти́въ поводи́—пішо́въ ворони́й ри́стю;—добігъ до возі́въ, спини́въ коня́, зхопи́вся зъ ёго—не надя́куетця продавце́ві за до́брого коня́; подовба́всь ще́ разъ у кеше́ню, тя́гне карбо́ванця: отъ вамъ, пано́ве чума́ство, на могори́чъ.

— Спаси́бі! не бу́дешъ ба́тьку, ла́яти за сёго коня́; зга́дуватимешъ по́ки живъ на́ світі... А пода́йте, хло́пці, бо́клагъ,—загули чумаки́:—по́ки ба́тькова бу́де, то ми своѐю почасту́емо.

Доста́ли бо́клагъ, знайшли́ рогову́ ча́рку—пішло́ частова́ння!—Тутъ, звича́йно, було́ пи́то й бала́кано про вся́чину, а бі́лшъ—про Запоро́зця, що ви́кохавъ тако́го коня́, и де́-що про́чче. Почу́вшись стари́й Кульба́шний, що вже закрути́ла чума́цька горі́лка въ его́ лобі:

— Не хо́чу,—ка́же,—сіда́ти на коня́ о́хляпъ, бо то́ козако́ві со́ромъ безъ кульба́ки і́хати по я́рмарку на коне́ві, мовъ на кра́деному.

— Э! э! — загули́ чумаки́:—пра́вда!

— Ході́мо, ка́же прихо́жий зведе́нникъ, ра́зомъ, ба́тьку: бо мі́ні по шляху́ тре́ба бу́де зайти́ за сво́імъ ді́ломъ.

Пішли́, понесли́ ги́лі, доро́гою йду́чи. Стари́й Кульба́шний и не тю́тьки, що зза́ду ро́битця!.. Ось и шля́хъ Бахму́цький, уже́ й ви́йшли на ёго. Зведе́нникъ якъ збідкаетця:—що́ се я, дурни́й, наробивъ? мині тре́ба бъ шви́дче лю́дямъ гро́ші нести́, щобъ не назва́ли моше́нникомъ... а я́ зъ ва́ми, ба́тьку, заговори́вся та й байду́же! побіжу́ лишъ чапке́нько попе́реду.

Та й потю́павъ попере́дъ его. Необа́чний Кульба́шний ще вслідъ ёму́ гука́въ разі́въ скі́лько: »захо́дь же, спра́вившись, до на́шихъ возі́въ на могори́чъ!«—поки́ ёго́ зо́всімъ не ви́дко ста́ло.

Прійшо́вши ще тро́хи, зду́мавъ Кульба́шний на коня́ подиви́тьця. Гу́лькъ наза́дъ: святъ еси́, Го́споди!.. замісць коня́—че́рнець зану́зданий, стоя́въ у підка́пку, обша́рпаний, тру́ситця мовъ несамови́тий.

— Ду́хъ святи́й зна́ми! проговори́въ Кульба́шний, перехрести́вшись. Погля́нувъ круго́мъ—нико́го не ви́дко: самъ зъ ченце́мъ середъ по́ля, коня́ нема́е, мовъ и не було́.

— Эй батьку й бра́те! я́къ ма́ю тебе́ зва́ти? заговори́въ чернець:—спаса́бі тобі на сі́мъ світі, а на тімъ світі ца́рство!

Та бу́ць Кульба́шному въ но́ги: реве́, ле́жачи, мовъ зарі́занний, и відъ плачу́ сло́ва не промо́вить. Кульба́шний, схопи́вши зъ ченця узду́, ки́нувъ до до́лу, знявъ ша́пку, та взя́вши ченця п'дъ ру́ки, п'дніма́е, пла́че й про́сить: уста́нь, чоловіче до́брий, уста́нь, пано́че, будь ла́скавъ, та роскажи́ мині, що ти є таке́е.

— Я бувъ ченце́мъ годъ двадця́токъ, и зроби́вся гріш никомъ вели́кимъ, — зазна́вся съ кля́тими жида́ми; за те й мене́ про́клято на сі́мъ го́дъ и зроблено коне́мъ, щобъ спокута́въ гріхи́ свої. Я й чу́въ усе́: якъ ти бала́кавъ съ чумака́ми, — та не мігъ ні чо́го сказа́ти, бо бу́въ коне́мъ. У сю са́ме по́ру кіне́ць клятби прійшо́въ, и я́ зно́въ ста́въ чоловіко́мъ, —проговори́въ черне́ць, та зно́въ Кульба́шному въ но́ги. — Тепе́ръ я тобі доста́вся, поможи́ міні, ба́тьку, грішми: я́ й за се́бе и за те́бе бу́ду Бо́га блага́ти!

— Ну́, вже коли́ тебе́ про́щено, то го́ді плакатись;—вставай, пано́че! Отъ тобі на обіхі́дку.

Да́вши ему карбо́ванцівъ зъ па́ру, взявъ узду въ ру́ки й пійшо́въ до свого́ во́за, въ Чорномо́рський та́буръ...

А що́? не оброби́ли Кульба́шного га́спидські моше́нники? Чи не можна́жъ було́ догада́тьця, що то́ бу́въ не черне́ць, а кля́тий моше́нникъ? такъ ту́тъ дві причи́ни ма́ли си́лу на Ку́льбашного. Пе́рша: що чумаки́ моше́нники, а не москалі, бо сихъ увесь рі́дъ украі́нський стереже́тця, а того́ въ тя́мку й не ві́зьме, що я́къ украі́нець навчи́тця моше́нства, то трехъ москалі́въ пере́йде; якъ та́ ві́дьма вче́на буває́ завжде́ зліша одъ роди́моі. Дру́га: якъ би́ не ченце́мъ підмі́нено коня́, то вкру́ть Кульба́шний ки́нувсябъ наза́дъ до чума́цького та́бору. А все́ таки́ хоть пешви́дко, тре́ба бъ Кульба́шному за ро́зумъ взя́тьця, такъ ніжъ бо: кріпка віра вели́ку си́лу ма́е!..

Прийшо́въ Кульба́шний въ Чорномо́рський та́буръ, сівъ на ві́ свого́ во́за. Зійшло́сь до ёго товари́ство: ди́во роска́зуе імъ Кульба́шний! Всі объ по́ли вда́рились рука́ми, дивую́тця, ажъ не тямля́тця одъ Кульба́шного при́шти. Пішли́ другі́хъ роска́зи: яке́ вели́ке ді́ло кля́тба. То́ й ка́же, що я́къ проклялі́ Мазе́пу, и якъ ёго засти́гла та кля́тба въ Бендеря́хъ, то вінъ та́къ и лу́снувъ. Дру́гий

ка́же: було́ коли́сь, якъ прокляла́ ма́ти си́на, то вінъ одъ не́і та́къ и побі́гъ вовкула́кою. Пішли́ вся́кі терева́ні. Повали́ло коза́ство зъ усёго та́бору роспи́тувать про ди́во несказа́нне.

Прійшло́ дні́въ зо́ два; уже́ изъ я́рмарку пора́ руша́ти; пішо́въ Кульба́шний на росто́ржа купи́ти дігтю на доро́гу. Спра́вившись якъ слі́дъ, иде́ старий зъ мазни́цею наза́дъ; гу́лькъ — продаетця той са́мий кінь, що въ ёго вінъ ченце́мъ зроби́вся. Що́жъ ви ду́маете, пано́ве?.. аджа́жъ того́ продавця́ съ копе́мъ за шти́мъ, та й до оба́хти? Такъ ніжъ бо! не та́къ Кульба́шний вірив, щобъ усу́мниться! Поста́вивши мазни́цю на зе́млю, підійшо́въ до коня́, нахили́всь ёму́ до у́ха, та й ка́же ни́шкомъ: *а що́, паноче! чи впьять оце́ ти согрішивъ? Кайсь, небоже!*

Да вхопи́вши мазни́цю въ ру́ки, ми́ттю въ та́бі́ръ и, запрі́гши во́лики у візъ, та гей швидче додо́му.

Я. Кухаренко.

ЛЮДСЬКА ПАМЬЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ. (1)

I.

Шворинъ рідъ.

Не тепе́рішніхъ людей бувъ Шво́ра, Іо́сипъ,—ца́рство Бо́же, вічний поко́й. Тепе́ръ чоловікові сяка́-така приго́да лу́читця,—уже́ він и нісъ похни́пивъ, а на ёго напа́въ Крижанъ,—не аби-який, бачъ, и чоловікъ. Крижанъ бувъ та́кий, що вся око́лія его жаха́лась. Давня річъ сёму́, якъ воно́ дія́лось! Шво́ра Іо́сипъ,—ца́рство Бо́же—та бувъ за управи́теля у того Крижана́. Се мій ба́тько поко́йний було́ роска́зуе, що той Крижа́нъ (его́ зва́ли и Крижано́вськимъ) (2) живъ, худо́бою, у Кра́сному Коли́дині; а Шворa Іо́сипъ бувъ Красноколя́динський козакъ; такъ-ото́, бачъ, и договори́въ его́ Крижанъ за управителя, отъ, він и правивъ худобою; а самъ Крижановський, чи на сій худобі живъ, чи, може, й на другій,—сёго тобі не докажу́. Пра́вивъ він тоёю худо́бою щось до́вго... Крижано́вського худо́ба перейшла́ бага́то ру́къ. Була́, ка́жуть, після Крижановського, у яко́гось генора́ла Пота́пова, а по́тімъ доста́лась Демчи́нськимъ. Ка́жуть бито, Крижанъ

(1) До́бре той ро́бить, хто зъ старосвітськими людьми розмовляе та все старода́вне спи́суе: се він готуе на да́льші ча́си скарбъ такий, що даётця не всякому. Бага́то де-чого й не до-ла́ду́ старі люде пле́щуть, та все те тре́ба вислухо́вати, поки дороге́ яке́ зе́рнято тобі зъ іхъ оповіда́ння ви́паде. Таки́хъ зе́рнятъ есть дово́лі у писа́нні пана Но́са, которе подаемо до уваги людямъ, до старовини охо́чимъ. Може й инші письме́нні люде, вслідъ за Носомъ, що такъ гарно вміе старого чоловіка роспитати, те́ жъ са́ме чинитимуть, и вихоплять, мовля́въ изъ Ле́ти, що до́сі ще не потопу́ло. *Ред.*

(2) Се чи не той пере́христъ, що въ Коніського. въ *Исторні Руссовъ? Ред.*

да хо́тівъ Іо́сипа закріпости́ть, дакъ не аби́-який бувъ той и Шво́ра,— ле́гко ёму́ лежа́ть,—ви́пручавсь одъ ёго, поки́нувъ управи́тельство, та й живъ ху́торомъ підъ Поно́рами. Его́ й осе́ля сто́яла у тій лева́ді, де́ па́нова па́сіка стоіть. Живе́ собі Шво́ра, не ду́мае, не гада́е, а Крижана́ скребе́ за се́рце, якъ би убрать Швору въ шо́ри. У ра́нці, невспіло со́нце підби́тьця, такъ тобі и вроди́всь, якъ изъ землі ви́рисъ. Самъ на винохо́ді, и пьятьдеся́тъ підвідъ изъ собою веде!

— «Здоро́въ бувъ, сяки́й-таки́й, си́ну! Я приіхавъ росквита́тьця зъ тобо́ю!

А вінъ, бачъ, та приіхавъ, щобъ ограбува́ть ёго́, забра́ть усю́ худо́бу. По́ки судъ да діло, по́ки вони́ склада́ли худо́бу на вози́, ажъ тутъ та̀къ ціле село и вроди́лось. Таки́й-то бувъ чоловікъ Шво́ра! якъ огласи́въ, такъ цілий куто́къ и підня́всь. И лю́ди жъ були́ не тепе́рішніхъ люде́й: Кгни́пи, Головки́, Хорошки́,—все народъ здоро́вий. (Ище́, ка́жуть, Миха́йлівъ ба́тько, Кгнипъ, живи́й бувъ, чоловікъ невисо́кий, завзя́тий, та сміливий.) Тілько вспівъ Крижа́нъ изъ Мище́нкового ярка́ ви́братьця, тутъ іхъ и нагна́ли, одби́ли усю́ худо́бу, а съ-підъ само́го Крижа́на коня-винохо́да, та ще, въ прида́чу, и само́му ре́бра до́бре перелічи́ли. Отакі-то були́ коли́сь у Поно́рахъ лю́де!

Ну, вже, нехай не верта́етця та пора: тепе́ръ, слава Богу, хочъ не гра́блять! А про-те́, якъ почне́ зъо́рювать обніжокъ, та зъ обніжка гляди́—и всю ни́ву зъоре́, а піди ти зъ нимъ позива́тьця: *судъ, ка́жуть, не заклика, да́ й не випуска́... Ста́не шку́рка за ви́чинку... Си́льного руку Бо́гъ оди́нъ су́дить:* и земля́ твоя́ пропаде́, и коли въ кеше́ні яка́ копійка му́лить, то й тоеі не ста́не!...

Та й живъ же, ка́жуть, Шво́ра сла́вно! сказать що славно! Тамъ, де тепе́ръ, у па́на, вишни́къ у лева́ді, та грушья́, тамъ бувъ до́брий садъ, и гли́ви, и ду́лі, и підгливки; и вже таки́й бувъ чоловікъ, що ціле село́ его слу́хало... сказа́ть, що голова́ всёму́: що́ скаже Іо́сипъ, такъ тому́ й бути. Хочъ яки́й бла́зень и цвірінькне проти ёго, дакъ и ротъ загоро́дять. Тілько го́лосъ підня́въ Шво́ра,—такъ цілий куто́къ и вставъ, якъ оди́нъ чоловікъ.—Було въ ёго два сини́, а до́чокъ небуло́. Андрій бувъ ста́ршій, а Ѳе́доръ—ме́нший. Андрія, ка́жуть, не злюби́въ за́ щось: ви́дно-то не вмівъ шанова́тьця, дакъ вінъ его́ й ви́синовивъ—прогна́въ зъ дво́ру: «Иди́, сяки́й-таки́й си́ну, съ-передъ моіхъ оче́й, щобъ твоя й нога́ небула́ у дворі, щобъ твій и духъ не па́хъ!» Дакъ вінъ и пішо́въ по́-миру; хо́дить, було, ходить, а да́лі ду́мае: чи не огля́нетця батько? при́йде у двіръ, піди́йде підъ вікно́, да й ста́-

не моли́тву чита́ть: «Моли́твами свяги́хъ отець на́шихъ, Го́споди, Иису́се Христе́, поми́луй насъ!» То, отсе, було старий якъ зачу́е го́лосъ, якъ ки́нетця, мовъ на ёго хто жа́ромъ ссипле: »Се вінъ, сякий-такий синъ, ось я ёму́ дамъ! Женіть ёго́ зъ дво́ру соба́чого сина!« Було́, якъ закричи́ть, то ажъ су́мно ста́не у ха́ті,—такъ усі й помертвіють...

Синъ тоді зъ дво́ру скорій, та по́-миру й хо́дить. Такъ, ка́жуть, й помéръ, и до смéрти не приня́въ. Ну, да й запе́клий же бувъ! и не огля́нувся.

Такі були́ старинні лю́де. И въ мéне поко́йний бувъ серди́тий. Якъ посіда́емъ, було́, за стилъ—неха́й-же тілько засмі́ється хто, такъ по́ лобу ло́жкою й лу́сне. Серди́тий бувъ, сказать що серди́тий, та вже й пра́вдивий! ні–въ–світі нико́го було́ не оби́дить; чужо́го було́, ні въ світі неза́йме, ще́, було́, и засту́питься за пра́вого.

Такі-то були старі люде! А тепе́ръ, дожили́сь, що вже синки́ и за гру́ди батькі́въ держа́ть: «вінъ, ка́же, стари́й, дурни́й.» Тепе́ръ лю́ди розумніші ста́ли, тепе́ръ и мала́ дити́на старо́го оду́рить! Пра́вда, що оду́рить, а на до́бре не пита́й! Усе́ тепе́ръ пішло́ ши́воротъ–нави́воротъ.

Дакъ, ото́, Андрій, кажу, такъ собі исчезъ, а Ѳе́дора злюби́въ стари́й, и всю свою худо́бу, умира́ючи, ёму́ приручи́въ: ви́дно-то вінъ умівъ шанова́тьця и ба́тька чтить. Ѳе́дора стари́й ви́учивъ и гра́моті. За́-молоду, Ѳе́доръ служи́въ у полковій Прилуцкій канціля́рії, за писаря пра́вивъ. —Ка́жуть, Ѳе́доръ на рістъ и на обли́ччя уда́вся у ба́тька, да тілько не таки́й бувъ серди́тий,—чоловікъ бувъ сердобо́льний. Ніко́ли ти ёго́ не поба́чишъ, щобъ вінъ на кого́ роскрича́вся, або́–що,— ні въ вікъ-вічній. Якъ було́ росе́рдится, насу́не бриль на лобъ, такъ собі й посу́не съ ха́ти. Ѳе́доръ бувъ ста́ршій за мéне. Було́ хлібъ и сіль імо вку́пі. Слáвний бувъ чоловікъ,—ле́гко ёму́ лежа́ть, перо́мъ землю держа́ть! Роска́зуе, було́, якъ вінъ служи́въ, які́ оказіі ему́ лучали́сь на слу́жбі. Усе́ було́ роска́же, мовъ изъ кни́жки бере. Чоловікъ бувъ сожéнного ро́сту. Семи́ конівъ зъіздивъ, за слу́жбу. Після полкові́ канціля́рії, служи́въ вінъ значкови́мъ това́ришемъ. Якъ бувъ значкови́мъ, дакъ за ба́тька, що ста́рий такъ одбоя́ривъ Крижана́, хтось, изъ ро́дичівъ Крижанови́хъ вимещáвъ на ёму. Терпівъ ду́же покійний; о́тже и витерпівъ: дослужи́всь свого́, ще й до́ма пожи́въ чима́лу части́ну. Роска́зуе, було́, що вінъ служивъ при Румя́нцову, якъ Румя́нцовъ пра́вивъ нашою стороно́ю. Кажуть би-то, вінъ живъ у Вишенька́хъ, дакъ и Ѳе́доръ служи́въ при ему; бувъ ча́сто у по́силкахъ, по діла́мъ.—Бувъ спра́вний чоловікъ, настоя́щий коза́къ; за се Румя́нцовъ

и любивъ его. Роска́зуе було́ покійний, якъ зберу́тця уся́кі старшини́ коза́чі у Вишеньки́, до Румя́нцова, звісно по слу́жбі,—то отсе́ и обідають за одни́мъ столо́мъ, и Ѳе́доръ, було́, тутъ обідае; дакъ отсе́ Румя́нцовъ, у-шутя́, сміючи́сь, до Ѳе́дора: «Іжъ свине́ мнясо!» (чи ла́етця, чи про́сить істи,—якъ хочъ, такъ и розбіра́й). То всі такъ и зарего́чуть... Дакъ отодіжъ-то Ѳе́доръ и семи́ конівъ зъіздивъ...

Та й було́ жъ кому: махи́нний бувъ чоловікъ, та ви́дно-то и служба не ле́гка. Дали́ ёму́ чинъ войскового́ това́риша, дакъ вінъ, після то́го, не до́вго й служи́въ,—прийшо́въ на житте́ додо́му, ожени́всь на дочці дія́кона Андріе́вського. И дія́конъ бувъ не пога́ний: живъ у Талала́евці, душъ 40 люде́й було́, посила́въ паръ дванадця́ть у доро́гу, за сіллю, та за ри́бою; зъ Мазуря́кою—на що яки́й бувъ панъ—веде́ було дружбу. Мазуря́ка бувъ хре́снимъ ба́тькомъ жінці Ѳе́доровій, Га́пці.

Якъ ставъ Ѳе́доръ до́ма жить, та який же ви́йшовъ зъ ёго хазя́інъ! и вінъ и вона́ такі невсипу́щі, що й сказа́ть не мо́жно. Якъ ста́ли хазяінува́ть, такъ де та й копійка набра́лась! за́разъ и поча́въ скупо́вувать зе́млю. Не вподо́балось ему́ жить у ху́торі, дакъ вінъ, накупи́вши гру́нтівъ у Поно́рахъ, перейшо́въ на житте́ у село. Якъ прийшовъ, изъ слу́жби, додому, бувъ смотри́телемъ на тихъ маетно́стяхъ, котрі були́ підъ манастиря́ми,—тоді вже якъ поодбіра́ли іхъ одъ ченцівъ. Отсе́, що тепе́ръ казе́нні крестя́не у Поно́рахъ та въ Короне́цькій, то все були́ черне́чі, Кру́пицького манасти́ря. Була́ и черне́ча гре́бля черезъ Роме́нъ, якъ іхать зъ Романівки. Ище́ неда́вно були́ ті віко́нниці, що вінъ поприво́зивъ одъ ченцівъ. На нихъ були́ намалёвані арха́нгели. А ша́фа и до́сі есть та, що була́ у ченцівъ. Було́ ли́півокъ понаво́зить, а у ченцівъ були́ ліса ли́пові; були́ такі ли́пи, що въ три обиймища на-си́лу обхва́тишъ. Де тепе́ръ и подіва́лось те! мовъ у сні сни́лось!

Ище́ за мо́еі па́мьяти були́ такі ліса, що тілько шумля́ть, дубъя́ таке́, що тре́ба паръ дванадцять волівъ, щобъ повезти́; и ґринджо́лъ бу́ло́ не прибере́шъ. Що ско́тять, то вони́ тілько—хропъ! И тепе́ръ ще вико́пують вале́жникъ. Неда́вно у лісі, на бе́резі, ви́копали ду́ба; у зе́млю врісъ зовсімъ, ажъ почорнівъ, та кріпкий таки́й, що й соки́ра не бере́. *Мину́лись ті ро́ки, що роспіра́ли бо́ки.* Пре́же и земля́ була́ ні почімъ: у Шво́ри есть ни́ва, зове́тся Инди́чкою. Ка́жуть, чоловікъ уби́въ инди́чку, та за инди́чку одда́въ ни́ву, чотірі упру́ги; тоді ще инди́ки були за рідкость (¹). И земля́ таки́ була деше́ва тоді. Звіс-

(¹) Навря́дъ, чи такъ! Ми знаемо, що оддавали ни́ви за одного̀ кавуна́ зъ баштану. Не *рідкость* робила се диво, а ду́жа во́ля и безси́льне право. *Ред.*

но, меншъ було́ наро́ду, а тепе́ръ люде́й намно́жилось,—а земля́-то не росте́ вширъ.

Про́стий бувъ чоловікъ Шво́ра,—хай царствуе,—дарма́, що войсковий това́ришъ. Лю́де було́ ка́жуть: «Уже́ якъ у насъ панъ—поздоро́въ его́ Бо́же!» Зимо́ю ходивъ у нагольному тулу́бі. Тулу́бівъ було́ три, своіхъ овець. Ша́пка зъ си́вою околицею, изъ пъятако́мъ у денці, чоботи було́ Мики́та пошие; такъ, було, и въ церковъ иде́; літомъ у чимерці сіне́го сукна́, або́ чо́рноі ба́йки, або́ у карсе́тці, по́ясомъ сі́німъ підпере́заний; штани́ пайстро́ві, у брилі поярко́вому, лю́лька здорове́нна, така́, якъ горщя́,—Левко́, було́, зате́ше. Літомъ, якъ у церковъ иде́,—надіва́е каптанъ. А Шво́риха, літомъ, у спідни́ці, у юпці баевій, зъ му́шками, платко́мъ завья́зана, літомъ бо́са; а чобіть паръ три стоіть, и святні и буде́нні. Якъ у це́рковъ иде́, дакъ и чоботи надіва́е, и хала́тъ. А черевиківъ не було́ й зва́нія. Пре́же Шво́риха ходила у запаска́хъ, и въ серпа́нку: запа́ска пере́дня—сі́ня, а задня—чо́рна; зімо́ю у нагольнімъ кожу́сі, підъ ла́стки. Такі-то були́ пани́! Колибъ сказа́ть ні-съ-чого, ато́ добра́—ажъ комо́ри трещя́ть. Не такъ, якъ тепе́ръ, пове́лось, що послідня копійка, да й та стоіть ру́бомъ; намота́ется такъ довгівъ, що й само́ не сто́іть; усе́ у крамно́му,—у білій юпці и не хо́че ходи́ть; одно передъ о́днимъ дме́тця, *якъ ло́пухъ на огні*, якъ кажуть; *зве́рху блищи́ть, а въ сере́дині свисти́ть*.

Отъ, якъ уже одста́въ Шво́ра одъ тихъ маетно́стей, що були́ підъ манастиря́ми, то все до́ма живъ; бувъ ти́таромъ при Понірській це́ркві щось до́вго и дяковавъ, до его́ и папахи́ди було́ прино́сять. Тоді піпъ да панъ—тілько й гра́мотнихъ було на все село́. Співа́въ сла́вно на кри́ласі, уве́сь поря́докъ було́ зна́е церко́вний. Вінъ и попа́ було́ у́чить: у це́ркві, було́, якъ тілько помилитця піпъ, вінъ такъ, у го́лосъ: «брешешъ!» А піпъ, отець Іо́сипъ, бувъ братъ рідний его́ жінці, Га́пці, вінъ же его́ и попо́мъ пристро́івъ, ище́ хотівъ и худо́бу ему́ приручи́ть, бо у Ѳе́дора покійного не було́ діте́й; вінъ и посели́въ его́ на висо́кому городі, щобъ вінъ и живъ при ёму́. Ду́мка така: «Поба́чу я́къ буде шановáтьця!» [А да́лі, поба́чивъ, що не тимъ дише, ба́чить що лука́вить: у вічі таки́й, якъ лисичка, а за́ очі, то, було́, й осужда́,—дакъ вінъ узя́въ, да й прогна́въ его́: ви́просивъ у-въ обчества́ ёму́ місто, вінъ и поселивсь тамъ, де тепе́ръ живе́ дякъ, Мусій Іосиповичъ.

Балакли́вий бувъ, покійний Ѳе́доръ! отсе́, чи додо́му, було́, прий-

дешъ, то вже и поведе́ річъ; чи на доро́зі зустрінесся, або́, взя́вши па́лицю, піде у по́ле, нікого́ не мене́. Разъ вінъ Бабичевого Ула́са ви́державъ щось съ півдня́. Той ора́въ на́ полі; вінъ підійшо́въ:—Здоро́въ Ула́се!

— «Здоро́ви, па́не!»

— «Боже поможи́!»

— «Спаси́бі, па́не!» тпру! (на волівъ).

Воли́ й ста́ли; ставъ биля́ плу́га, и ціпко́мъ опе́рся на плугъ, та й почáвъ бала́кать. Бала́кае та й бала́кае:

— А що, Ула́се, чимъ лу́чче ора́ть: чи вола́ми, чи коро́вами? Ма́буть, коро́вами лу́чче. Якъ коро́вами оре́шъ, дакъ на́ нічъ и додо́му прийдешъ до жінки: корівъ до теля́тъ треба. А якъ вола́ми, дакъ и на́ полі тре́ба ночува́ть! А що? пра́вда, Ула́се?

— «Пра́вда, па́не!»

Якъ сівъ на граділь, якъ почáвъ гу́торить, дакъ уже́ Ула́съ слу́хавъ, ажъ но́ги заболіли,—уже́ й на со́нце ставъ погляда́ть. Лю́де вже й на по́лудень повипряга́ли. То́ було́ со́нце надъ голово́ю, а то́ ста́ло на вечірнімъ упру́зі, а вінъ все бала́кае.

— Ну, да й розбала́кався жъ я съ тобо́ю, Ула́се! пора́ йти. Проща́й Ула́се!

— »Щасли́во, па́не, (а день—на́че вінъ и не виїзди́въ на ни́ву.)

Про́стий бувъ панъ,—ле́гко ёму́ лежа́ть. Теперъ таки́хъ и нема́! Живъ собі хозяіно́мъ таки́мъ, що и бли́зько не було́; добра́ всякого: и поля, и лісівъ, и скоти́ни, и овеча́тъ. И чоловікъ бувъ у почо́ти: усе село́ слу́хало Шво́ру. Усе́ въ ёго придба́не пра́вдою, трудами; и вінъ на люде́й світлимъ о́комъ диви́вся, и лю́де на ёго та́къ. Якъ би́ не по пра́ві нажи́те, то бъ ёго́ худо́ба ростекла́сь, а то, бачъ, и до́сі стоіть. Не такъ, якъ дру́гий: нагарбае худо́би всякими непра́вдами; не вспіе очéй заплю́щить, уже́ и почну́ть ша́рпать, та шматува́ть, або́ синки́, або чужі лю́де. Звісно, не да́ромъ, воно́ говóритця: *по пра́ві роби́, до́брого й кінця́ сподіва́йсь.*

Усімъ бувъ Ѳе́доръ довóленъ; одно́ ёго вбива́ло, що не давъ ёму Богъ дітóкъ. Ду́мка така́: »тре́ба-жъ кому́сь приручи́ть свою́ худо́бу, щобъ на ста́рости літъ було́ кому́ води́ пода́ть.« Ото́, якъ прогна́въ отця́ Іо́сипа одъ се́бе, дакъ щось не до́вго прожили́ старі удвохъ; дава́й ра́дитьця изъ старою: «а що, Гапличе, (такъ, и́ноді, Ѳе́доръ звавъ свою́ жінку Га́пку): якъ помремо́, нікому бу́де и рукъ зложи́ть, ні—кому бу́де при ста́рості літъ и худо́бою верну́ть. До́бре, ще тепе́ръ

при си́лі, а тамъ загля́не и ста́рость у вічі, або́ и бо́лість спости́гне,— нікому бу́де и води́ подать. Пора́дились, да й приняли́ за дити́ну До-ма́сю, Га́нчину небо́гу, сестри́ну дочку́.

Га́нчина сестра́, Ва́рка, та була́ за́міжжю, у Свиридовці, Ло́хвицького повіту, за Челюко́мъ Миха́йломъ. Челюки́, ка́жуть, були́ пани́, а отсе́й Челю́къ, що Га́нчина сестра́ була́ за нимъ, люби́въ, ка́жуть, укида́ться у горілку,—гуля́ка бувъ покійний. А ще колись—то, дави́о.. звісно, не теперъ дія́лось, да́вня річъ сёму́... ще, ка́жуть, якъ пе́рва ревізія писа́лась... отъ, и запису́ють люде́й; а люди тоді боя́лись записуватьця у ревізію... вінъ и прибега́е туди́, де запи́сували: »Чого́ ви ду́рні боїте́сь запи́суватьця? яко́го біса? пишіть мене́, я не бою́сь!« Узяли́ и ёго́ записа́ли у ревізію, — дакъ вінъ и поду́шне ставъ платити.

Му́чилась, ка́жуть, Га́нчина сестра́ за Челюко́мъ: пи́въ горілку не на́живо, а на́ смерть. Вінъ, ка́жуть, пре́же и не пивъ, да ёму́ поробила Литовка. Десь бувъ у дорозі,—отъ, у шинку́ и зъіхались,—звісно, съ хо́лоду; мо́же, бувъ и підъ ча́ркою. Якъ присікавсь до Литовки, ухопи́въ ії за намі́сто, та все шмо́рга коло шиї: «Дакъ ти примічаешъ, дакъ ти примічаешъ!» та все ії шмо́рга за намі́сто. А вона́ тоді: «Поетой же, згада́ешъ мене́!» Дакъ пі́сля того́, якъ почавъ пить, якъ почавъ пить, дакъ пивъ не на́живо, а на́ смерть. Бідна Га́нчина сестра́, не жила́, а змучилась!

Дакъ, ото́, старий Ѳе́доръ, пора́дившись изъ старо́ю, узяли́ за дити́ну небо́гу, Ва́рчину дочку́, дівчинкою невели́чкою, леліли ії, пестили, такъ якъ своє рідне дитя́. Думка така́: якъ вирасте, отда́ть за міжъ за путя́щого чоловіка. Виросте́ Домася, а старі приуча́ють ії до хозя́йства. Та хиба́ ні биля чо́го, Бо́же мій, світе мій! Тре́ба-жъ и овечя́тъ подоїть, и корівокъ. А якъ у літку, було́, то й косаря́мъ и гребця́мъ тре́ба їсти наварить. Хоть у Ѳе́дора и люде́й було́ душъ 20, було́ кому́ и попора́ться, було́ кого́ и приставить до пе́чи, та; бачъ, стара́ любила такъ, щобъ усюди було́ ії о́ко,—такъ и молоду́ Домасю приуча́ла.

Люде́й було́, кажу́, у Ѳе́дора душъ двадцять, все зъ підсусідківъ. Було́, роска́зує мій покійний ба́тько: »Пре́же, ще давно́, мо́же літъ сёму́ сто, або́ й більше, во́льнимъ людямъ, гірше було́ жить, ніжъ таки́мъ; во́льнихъ люде́й було́ гірше обіжда́ють ніжъ такихъ; дакъ ста́ли самі́ приписуватьця до панівъ, бо підъ пана́ми було́ лу́чче жить. Колись—то було́ лу́чче, за старихъ панівъ; ду́мали, що и за молодихъ такъ буде, а молоді, якъ ста́ли пажи́лювать, дакъ тоді́ бъ и наза́дъ,—

та ба, й не можно. И Гатьмана старого трохи не вписали, дакъ вінъ нехотівъ. Кажуть, неділь дві ховався по болотамъ, поки минула записись.

Уже хто знае косовицю у покійного Одора, той ніколи не забуде. Нехай тілько одинъ косарь блисне косою, та лопаткою шаркне, такъ ціле село и підніметця до Швори, на косовицю, и ніколи платн не беруть. Уже було їсти й пить—хоть очкуръ розвьяжи: всіхъ, було, вдоволнить, всякъ, було, піде, дякуючи, одъ его. Вінъ и слово приберо до чоловіка, и шутку. А якъ идуть у вечері, додому, съ поля, співи такі—ажъ село розлягаетця. Коси, ажъ ходоромъ ходять. Ті співають, а ті на косахъ вигравають, а ті по дорозі отдирають троянда, та навприсідки, мовъ ціле село на весіллі гуляе. Прийдуть у двіръ, а въ дворі дошки положені, а на дошкахъ страва поставлена, сама хазяйка частуе. Повечерявши, онь'ять співи да танці, ажъ до світа. На другий день, ранці, приходять: »Поправляй, пані!« Треба и ранці дать по чарці.

Дакъ у такому хазяйстві не легко було й Домасі. Сказать би: нема дітей, и чого бъ такъ побиватьця, да трудитьця? а въ нихъ не така була думка: трудились покійні крішко, цілу нічъ на ногахъ, було, витопцюе покійна коло людей; отъ же и труди марно не пропали, и худоба стоіть неруши́ма, бо вона праведно достáлась.

А Домася підростала. Уже й люди знаходились, дакъ старі прикро подумували; иноді зъ старою, у ночі, и давай радитьця: »Якъ ти думаешъ, стара, чи воно до-ладу буде?« Посудять собі, порадятця, а далі й порішять: »Нехай ищé підождé: ії не втекло. «Думка така, щобъ не впустить ледачого чоловіка у хату. Трохи згодомъ, ставъ присватуватьця Булéженко. Старі подумали, погадали: воно бъ и до-ладу було: *Одчиняй, каже, двері якъ одчиняютця, бо якъ и зачинятця—нескоро одчинишъ.* Не доки й держать. Взяли да й порішили.

А батько сего Булéженка та захожий бувъ. Кажуть, вінъ Січовий якийсь-бувъ, и мені довелось его разівъ двічі бачить. Вінъ и чинъ мавъ полкового хорунжого, та по-січовому и одягався: ходивъ у сапьянцях чирвоних, у плисовихъ чорнихъ штаняхъ, и въ голубій бекеші; да тамъ и сукно було на бекеші! зъ одного боку голубе, а зъ другого чирвоне, таке що й вода не пройде: якимъ бокомъ хочъ, такимъ и надівай, чи зъ голубого поля, чи зъ червоного; а голова була голена, тілько оселедець спереду, (его черезъ те и прозвали Булегою, що въ

ёго голова́ бу́ла, такъ якъ бу́лка, обго́лена); при писто́ляхъ, и ша́бля у бо́ка. Було якъ иде́ по Кра́сному, дітво́ра такъ юрмо́ю за нимъ и біжи́ть, а вінъ, було, роскида́е імъ оріхи та фиги. Здоровий бувъ чоловікъ. Да въ Запорозцівъ и не було пога́нихъ. Запорозці були́ лю́де одли́чніі: у нихъ и соба́ки безъ пастуха́ сами́ ове́ць па́сли. Винъ би сюди́ и не зайшовъ, дакъ приста́въ у прийми до полкового писаря, Миха́йла Карповського. Ка́жуть, синъ Миха́йлівъ, Климъ, да лікарува́въ у Хоролі, а той Запорожець, (ёго звали Грицькомъ), якъ неблагополу́чно ста́ло у Сі́чі, прийшовъ на отцёвщину, у хорольский повітъ, дакъ ото и зазна́вся изъ Кли́момъ, а Климъ та й ви́сватавъ за ёго свою́ сестру́; отъ вінъ и перейшовъ жить на жінчину худобу, у Красний Коля́динъ; а пи́сарь Миха́йло чоловікъ бувъ бага́тий, на все Кра́сне, за аби́-якого чоловіка и не отда́въ би дочки́; дакъ ви́дно-то Була́га прийшо́всь по ёму. Чоловікъ таки́й бувъ що кулакомъ вовка вбивъ, — су́чий синъ, коли́ брешу́. Іхавъ вінъ, не зна́ю вже вітки,—чи зъ Хорола, чи може коло близу́ де бувъ, у гостя́хъ, черезъ Гриціівку, у ночі,—зімою ді́лось; ди́влятця, коли́ вовкъ за са́нками біжи́ть: вінъ іхавъ изъ своимъ джу́рою січови́мъ Бу́йваломъ,—вовкъ и увяза́вся до нихъ. Отсе́ вони́ зостано́влятця, дакъ и вовкъ ста́не да й кла́ца зуба́ми; ста́нуть іхать—и вовкъ біжить за ни́ми. »Чи вінъ ви́голодавсь, чи може здурівъ? отсе́ пресу́чого си́на, зла́ личи́на! де вона́ и взяла́сь? Стій, хлопче, ось я ёму́ дамъ! більше не бу́де бігать за саньми́!« А самъ бувъ у нагольному кожу́сі. Вставъ изъ сане́й, ру́ку ліву всу́нувъ у рука́въ, та до вовка. Вовкъ стоіть. Вінъ до ёго, а вовкъ ні зъ місця. Вінъ тоді рукавомъ до ёго, а вовкъ за рука́въ, да й ухопи́въ. Вінъ, тоді, ви́пручавъ ру́ку, та за язи́къ, а тамъ правою рукою якъ учесавъ, дакъ вовкъ тілько гепъ на зе́млю! небагато и вдаривъ, тілько двічі, та й ре́бра полама́въ. «А привяжи́ ёго, хло́пче, до саней!» Джура привяза́въ до сане́й. Узяли́ да й поіхали. Приіхали додо́му, ухо́дить у ха́ту поздоро́вкавсь.» А хло́пці до́ма?» — «До́ма.« —« А підіть, лишъ, унесіть за́йця у ха́ту. Тамъ на са́няхъ лежить.»

Ті ду́мали спра́вді заець,—ви́бігли; прибіга́ють до сане́й, — ажъ вовкъ привя́заний біля сане́й. Хло́пець злака́вся такъ, що тро́хи на́взнакъ не впавъ: »Отсе́ пресу́чого си́на яки́й здоро́вий, диви́сь, яка́ лома́ка! а голова? ну, се такъ!« Сміху́ було́ тако́го, що ли́хо. Дакъ отакий-то бувъ Запоро́жець, Була́га. Неда́рмо ка́жуть: Запоро́жці були́ люде одли́чніі. Вінъ не що́ й старимъ чоловікомъ уме́рь. Брови́ха покійна роска́зувала, що въ ёго кровъ хля́нула ро́томъ, а ми,

ка́же, саме макъ різали на Маковія. Сюди́–туди забігались: чого не роби́ли,—нічо́го не помогло́сь; дакъ вінъ и друго́го дня не дожи́въ, и ду́ба давъ. Звісно, не ле́гко ёму́ прихо́дилось у Запоро́жцяхъ, тілько те й роби́въ що воюва́въ. Бувъ, ка́жуть, и підъ Оча́ковимъ и підъ Хаджибе́емъ, — де́ ёго́ не було́?

Дакъ отцёго́-то Булеґи стари́й Ѳе́доръ уподо́бавъ си́на. У Буле́ґи старо́го було́ два сини́, та й оби́два Ива́ни. Учи́лись зъ–ма́лу у Черніговський бу́рсі. Ста́рший бувъ середнёго ро́сту чоловічокъ, служи́въ десь у Калу́зі, а жона́тъ бувъ у Васьківці́хъ, Прилуцького повіту, а ме́нший, що посва́тавъ Дома́сю, бувъ чоловікъ махи́нний: було́, гово́рить такъ то́всто, якъ у бо́чку, горта́нь була́ товста́, а си́ла така, що одні́ю руко́ю було́ зво́дить сороковý бо́чку, по́вну, на́–сторчъ; люби́въ таки́ Иванъ похва́стать си́лою — черезъ те и ві́ку не дожи́въ.

Отъ, якъ ви́дали за ёго Дома́сю, стари́й Ѳе́доръ посели́въ свого приймака́ на Низькому Горо́ді, приуча́въ ёго́ до хазя́йства: ду́мавъ–то стари́й зробить ёго́ хазя́іномъ. Иванъ и слу́хавъ старо́го зъ годъ. Було́ куди́ пошле́, то вінъ и спра́витця гара́здъ; а по́слі якъ опустивсь, якъ уки́нувсь у горілку,—набра́лась бідна Дома́ся зъ нимъ го́ренька и стари́хъ си́льно запеча́ливъ, та нічого було робить, терпіли старі. Звісно, приро́да не оковзне́тця: ма́ти ёго, ка́жуть, люби́ла ви́пить. Набравсь изъ не́ю покійний Запоро́жець чикави́ці. Стари́й Ѳе́доръ ду́мавъ, чи не пока́етця таки́,—мо́же таки́ оду́маетця. Пошле́ зъ коса́ря́ми, щобъ до́бре коси́ли, да погри́винъ не пу́ска́ли, то вінъ було́ напье́тця, да тамъ и зва́литця. Таки́й–то бувъ прийма́къ Шво́ринъ! *Якъ би знавъ чоловікъ де впасти, то бъ и солімки підмости́въ.* Не ду́мавъ стари́й Ѳе́доръ нажи́ть тако́го зя́тя та доживáть тако́го кло́поту, та ви́йшло не по ёго! А Дома́ся красу́ свою́ утопи́ла у безо́дне мо́ре; завизала, серде́шная, голо́воньку на віки. Була́ покійна хоро́ша, якъ на карти́ні намалёвана: якъ убере́тця, було,—якъ со́нечко сяе. Ли́чко біле—якъ папіръ, бро́ви—якъ шнуро́чокъ; коса́ ру́са—ажъ до по́яса; ро́стомъ—якъ топо́ля,—такъ и вигина́етця. Дала́, ка́же, красу́, та не не дала́ до́лі.

Терпіла го́ренько бідная Дома́ся; ра́но й ве́чіръ було́ умива́етця дрібними слёза́ми. То Шво́риха було́: «Чого́ ти, Дома́сю?» А вона́ гля́не на ма́тіръ, та ще й гірше запла́че. Ви́плачетця було такъ, якъ тінь,—такъ одъ вітру и валя́етця! А го́лосъ прія́тний да тонки́й, такъ мовъ ни́точкою поведе́, якъ заспіва́е, такъ во́лосъ и вя́не, хочъ ве-

се́лий бу́деть, а то зра́зу такъ и похоло́не у душі... Отака-то несчаслива уроди́лась Домася. Недаромъ кажуть: *Не вродись хоро́ша, а вроди́сь щасли́ва*. Вона́ и коси́ не роспліта́ла, такъ и ходи́ла, якъ дівка. Му́чилась бі́дна, а старі, ди́влячись на не́і, собі зажури́лись: не зна́ють що робить, що й почáть; а да́лі положи́ли прогна́ть съ-передъ очей Ива́на. Мо́же, поспита́вши го́ря, чи не пошану́ется.

Перейшли́ вони́ жить у Кра́сне, на батьківщину,—ста́ли жить сами́. Не помогло́ и се Ива́ну; не поки́нувъ и тутъ своєі вда́чи. А бі́дна Домася горюва́ла, та стра́ждала, по́ки зъ журбо́й и ли́шенько ій не приключи́лось. Заболіла тя́жко, такъ счорніла, мовъ земля́, уже́ й поверну́тьця нездужа; а якъ погля́не на Ива́на, та на дітóкъ, то такъ и обомліе, и о́чі підъ лóбъ попу́стить, такъ и нежи́ва ста́не;— така́ то була́ душа́ чи́ста, та пра́ведна! Ба́чить, що уже́ ій недо́вго му́читься, недо́вго животіть, — насíлу вона́ зобра́ла духъ ви́мовить: »Поідте, да попросіть татуся́, да матусю, нехай вони́ на ме́не огля́нутця, да прийдуть, бо я вже умира́ю!» Якъ почу́ли старі, такъ и обимліли; увійшли́ у ха́ту, вона́ якъ смерть лежи́ть. Стара́ не ви́держала, такъ и залила́сь; а Домася, поба́чивши, дава́й маха́ть рука́ми, та повертáться: хотіла уста́ть, дакъ не зду́жае, — су́нетця, су́нетця съ по́лу, та бухъ до до́лу, та въ но́ги, и почала́ ла́зить у нога́хъ, у стари́хъ, та цілу́е въ но́ги, щось хóче говори́ть, дакъ го́лосу не протя́гне, тільки ше́пче губа́ми, насíлу мо́жно розибра́ть: «Татусю, не поки́нте моіхъ діточо́къ, огля́нтесь на нихъ! Вамъ Го́спідь на тімъ світі запла́тить; я за васъ на тімъ світі буду Бо́га моли́ть! »Узяли́ ій, звели́ на пíлъ; старі пообіцáли забра́ть діточо́къ, а вона́ на дру́гий день и Бо́гу ду́шу оддала́. Заха́рій бувъ тоді у груде́й.

Старі похова́ли ій, якъ довгъ христіянський вели́ть, а діточо́къ забра́ли до се́бе у Попо́ри; іхъ було́ тройко́, якъ тро́е зе́рнятокъ. Ме́ншому Шво́риха ма́мку договори́ла въ па́ньскихъ лю́дей, у Кра́сному; дакъ вона́ все на па́ньщині, ніколи було́ годува́ть; отъ Шво́риха узяла́ и ме́ншого до се́бе, та сама́ ку́клою и ви́годовала.

Уже́ якъ и Домася вме́рла,—царство Боже! — то було́ стари́й Челю́къ, ба́тько покійної Домасі, їздить до Оéдора въ го́сті. Що за невгомо́нний бувъ покійний! Отсе́ було́ у Гриців колéса погу́бить; дивись,—на двохъ колéсахъ и катáе до Шво́ри. Якъ тільки убíгъ у двíръ: «Здоро́въ, Оéдоръ Іо́сиповичъ! А я у проклятій Гриців и колéса погубивъ!» Иноді було погу́бить и драбúни, та безъ драбúнъ и іде. Уже́ въ ёго нема́ сёго́, щобъ прíхавъ у го́сті да тихе́нько,

по́–ладу, а вінъ підніме гвалтъ такий, мовъ несча́стя яке́ лучи́лось,— повенъ двіръ нашуми́ть, та накричи́ть! Таки́й–то бувъ горлови́й, покійний Челю́къ. Погостю́е собі, тай поіде.

Ото, якъ приня́въ Шво́ра тро́е діто́къ покійноі Дома́сі: були три синки́, мовъ три кача́нчики, такі,—одно́–'дно́го ме́ньше. Вони́ іхъ жаліли, пести́ли такъ, якъ своіхъ діто́къ; такі–то доброду́шні були́ лю́де. Вироста́ли вони́, а старі зде́ржували худо́бу, та ще къ тому́ й прикупа́ли,—дба́ли на сиріть; ду́мали: якъ повироста́ють, приручи́ть імъ усе́ своє́ добро́. Прийма́ли старі багато труда́. Вони́ й шинкува́ли сами́; у-ночі було́ прийде че́дядь за горілкою, то покійна й не лінуе́тця: уста́не, да й уси́пле. Горілки було́ навезу́ть съ Коропа бо́чокъ скілько, да й шинку́ють. У Ко́роні горілка була́ деше́ва и га́рна; а въ По́вихъ Млина́хъ була́ пога́на,—туди́ стари́й не посила́въ; було́ каже: «Новомли́нка—води́ полови́нка, а Коропська́—су́ща.» Стоіть було́ бо́чокъ скілько горілки; шинку́ють, по́ки но́воі не підвезу́ть. Збере́тця було́ наро́ду съ цілого села́, у пра́зникъ або́ въ неділю; посіда́ють було́ ку́пками, у дворі, та й пьють горілку, и стари́й Ѳе́доръ насу́не бриль на лобъ, та й при́йде до нихъ,—люби́въ покійний пошуткова́ть. Уже́ вінъ було́ зна́е задира́куватихъ, такъ и зведе би́тьця: » Диви́сь, Ива́не, онъ Васи́ль на те́бе морга́е.» — »Хто? Василь?.. ота́ сліпа́ соба́ка?!« Такъ и схо́питця, и почали́ за чуби́ води́тьця. То було́ стари́й и розбороня́е. Білани́, Драчі, Васи́ль Жовту́нъ—се все такі, що було́ ча́сто бью́тця. Було́ ча́сто зво́дить іхъ покійний; ко́жному покійний пода́е призвіща́: Миро́ненка Ива́на прозва́въ Ойкаломъ. Було́ той ка́же: »Ой ку́мочку, ой ку́мочку!« дакъ вінъ ёго́ и прозва́въ Ойкаломъ. А Корнія, мали́мъ хло́пцемъ, прозва́въ протопо́помъ. Той мали́мъ хло́пцемъ надівъ сви́ту до́вгу, по́рвану; дакъ вінъ якъ сказа́въ: «Де се взя́вся протопо́пъ?» такъ и ста́ли звать протопо́помъ.

И Ги́рманъ було прихо́дить до старо́го. Той и самъ було шинку́е. Якъ при́йде и ся́де у кумпа́ніі,—отсе́ й підонье́; да таки́й бувъ: чимъ більше ви́нье, тимъ хитріший, и почне́ за́разъ присіда́ть до кого–не́будь, підъ пьяну ручъ: «Ти бъ міні земе́льки наділи́въ, Ива́не.» — «Такъ щожъ? и купи́!» Було виманить за–ніза́що, оду́рить було́ пья́ного чоловіка, такъ якъ самъ зна́е; а самъ чимъ більше пье, тимъ хитріший ро́битця. Тоне́нько було́ гово́рить; *генъ–те́е*—ёго при́мовка: «Генъ–тее, ку́мочку, до́рого такъ, генъ–те́е, нехай бу́де такъ, генъ–те́е.»—«Та чи такъ, той такъ!» Такъ и оду́рить. А яку́ ху-

до́бу збивъ вели́ку покійний! Отъ же якъ воно́ пу́сто дойшло́сь, пу́сто и пішло́, такъ ма́рно и пропа́ло: тепе́ръ ажъ су́мно, якъ иде́шъ биля ёго́ дво́рища. Въ однімъ місті було коміръ три, підъ одніе́ю крівлею, та на́–різно дві; а тепе́ръ усе опустіло. *худо́ба*, ка́жуть, *перехо́дя живе́!*

Шво́риха покійна люби́ла балува́ть: назбіра́етця изъ села́ жіно́къ три, або чоти́рі, почотнихъ; (вона́ люби́ла, Оверчу́чку, Мироне́нчиху, Голуби́ху); балу́ють, балу́ють у Шво́рихи, а тоді кли́чуть и до се́бе.

Зъ Комли́ками було зна́ютця. Вони́ жъ такі були́ мосціви, що люби́ли до панівъ рівня́тьця. По́ти топта́ли, поки втопта́ли свою́ Ва̀рку за отця́ Іо́сипового си́на, Мусія. Старий іхъ не люби́въ. Було́ ка́же: «Се винова́тці, сякі-такі сини́!» А вони́, бачъ, люби́ли въ довгі вла́зить! Комли́ки ходи́ли на Дінъ; понаво́зять було́ ри́бьячого жиру, кавья́ру, осятри́ни, соми́ни,—вимо́чують було́ у Ромні; кавья́ръ було ніко́ли й невибува́ у Шво́рихи, по́вепъ я́щикъ стоі́ть. Бува́ло у се́реду, або́ въ пья́тницю не зна́ють своеі олії; ка́шу мастя́ть жи́ромъ. Чи зва́рять ю́шку, то такъ жиръ и пла́ва. Люби́ла покійна зъ людьми́ поділи́тьця: и до люде́й було́ піде и сама́ пришану́е. Покійна, було́, и не ся́де: такъ и то́пчетця біля сто́лу: усе́ подае́, да припро́шуе! А, було́, на храмъ якъ зберу́тця до нихъ,—Бо́же, світе! Храмъ бувъ на Вше́стя, такъ якъ и тепе́ръ,—и почну́ть балува́ть: отсе́, сёго́дня бу́де храмъ, за́втра хра́мівъ ба́тько, а після за́втрёго хра́мова ма́ти; такъ и почну́ть води́тьця цілий ти́ждень; такъ-то въ старину баловали.

Була́ покійна и серди́та, любила щобъ по іі робилось. А Ѳе́дора трудно було розсе́рдить, тре́ба було́ ду́же розсердить; то вінъ тоді: »Ось я тебе́ па́лицею!« А разъ ёго́ лю́ди напили́сь, да й дава́й би́тьця, дакъ стари́й своею́ лю́лькою якъ заціди́въ Василя́, дакъ лю́лька такъ у шма́то́чки й розлетілась, а зъ Василя кровъ такъ и хля́нула. Здоро́вий бувъ стари́й, вінъ тимъ и боя́вся бить. Здорові люде завсігда смирні,—тимъ що боя́тьця бить!

Ѳе́доръ підъ ста́рість учи́въ діте́й гра́моті. Звісно, ходи́ть, було́, гара́здъ незду́жае; дакъ вінъ, си́дя до́ма, щобъ не скуча́ть, та й у́чить діте́й. Комли́къ Степа́нъ, Ива́нъ Пи́сарь, се ёго́ були́ ученики́. Вінъ, у хребті, покійний и нічо́го бувъ, та на но́ги слабъ: у Гудевівщіни руба́ли дуби́ну, дакъ дубъ и накоти́вся ёму́ на но́гу и потрощи́въ у прахъ; дакъ ёго́ до́вго лічи́ли, старі пьятаки́ те́рли, да ёго́ панова́ли,—

ногá и зрослáсь; отъ, вінъ и попрáвивсь; а після тóго, опья́ть, літъ черезъ скілько, підпови́ло: навертáвъ млинъ покійний, дакъ ёгó пільга опьять по нозі удáрила; тимъ вінъ и слаби́й бувъ на нóги, а все таки́ на девянóстому годі умеръ.

Стари́нні лю́де були кріпкі. Тепéръ не вспіе на нóги зопьясти́сь, а поспитáй ёгó,—чогó вонó не знáе! Прéже лю́де лучче шановáлись, тимъ и здорóвье лучче держáлось. Багáто булó таки́хъ у селі, котрі цілу зиму прохóдять обосоніжъ, и онучóкъ незнáють; та й морóзи жъ були́ не тепéрішніхъ!

Покóйний Ѳéдоръ, кажу́, на нóги бувъ слаби́й, тілько и роботи ёгó бу́ло, що у баштáні сидіть, та люби́въ пáсіку. У ёго пáсіка велáсь, булá дóбра пáсіка,—бóчокъ дві, булó, набивáе мéду.

Старі дожили́ стáрости, а затимъ и ону́ки підростáли. Стáршого Петруся́ одружи́ли, та не рáдовавъ вінъ стари́хъ ні самъ собóю, ні жінкою своéю. Покійний Петру́сь недóвго й пожи́въ,—у молоди́хъ літахъ такъ и помéръ бездітний. Мали́мъ хлóпчикомъ такé булó пещéне, да шалéне. Покійна Домáся приіхала до староі у гóсті и ёгó узялá; щось роскáзуе и плáче, а Петру́сь усé скáче; вонá на ёго:

»Сядь!« та й згрізну́лась; а вінъ усе скáче. »Сядь, сатáно, щобъ ти прóклятий бувъ!« Дакъ вінъ и недожи́въ віку, такъ и счезъ. Мáтеринське сéрце звісно якé: тамъ налáе, а тамъ у слідъ и поду́ма: »Гóсподи, прости́ менé, що я такъ налáяла!« Отже, проклінъ мáтері дáромъ нікóли не минáетця. Такъ Петру́сь недóвго й пожи́въ, молоди́мъ исчезъ.

Середу́льший ону́къ, Дани́лко, ожени́вся на Мовчанівні. Зъ Мовчанóмъ покійний зазнáвся, ще якъ ходи́ли рáзомъ підъ сарану́, да й уподóбали одинъ óдного. Прочу́въ покійний, що у Мовчанá старóго есть дочкá,—вінъ и написáвъ пісьмо: »У тéбе, кáже, есть дочкá, а у мéне ону́къ, чи не бу́демо сватáми?« А Мовчáнъ, тожъ, бувъ стари́нний чоловікъ, по тодішнёму, замóжний,—войскови́й товáришъ. А воно й доладу́. Старі порáдились, да такъ и положи́ли. Щó тамъ булó за весілле, Бóже, світе! нарóду, скáзано, нігде й пу́чкою ткнуть: такъ и гоготи́ть, такъ мовъ фи́ля коли́шетця. Швóру й Швóриху вози́ли на ґринджóлахъ по селу́, и ти́ква варéноі зъ ни́ми.

Тоді ще придáного и не чувáть булó. Бувáло якъ жéнитця, зáразъ питá: якóго бáтька, да якóі мáтери? чи хазя́йка? а тепéръ, *хоть и*

въ голові пу́сто, аби було́ гро́шей гу́сто. А було́, нехай спитае про прида́не, то не потра́пить, куда́ й тіка́ть. Було́ ска́же: »Ото́ Богъ, а то две́рі, иди́ не огляда́ючись. У ме́не дочка́ не коро́ва, а ти прийшо́въ торгова́тьця, такъ якъ за коро́ву; ти хочешъ брать не мою́ дочку́, а прида́не. У ме́не всі діти рівні!«

При старости літъ, покійний Ѳе́доръ ра́дувався зъ свое́ю старо́ю, ди́вля́чись на своіхъ онуківъ; ёго́ се́рце молоділо одъ ра́дости, поба́чивши, що Дани́лко бу́де хазя́іномъ. Жа́лувавъ Га́лю, такъ якъ рідну дити́ну, а Га́ля угожда́ла стари́мъ яко-мо́га. Иноді стара́ хоть и розсе́рдитця, и попрекне́ чимъ, то вона́ собі ни́шкомъ запла́че та й забу́де. То було́ Шво́риха, на сто́роні и ка́же: »Мовчанівна бу́де хазя́йка; вона́ зде́ржить худо́бу!« А стари́й Шво́ра ніко́ли було́ и ко́со не погля́не. Радъ бувъ таки́й, що по ёго нату́рі прийшли́сь ону́ки. Стари́хъ вони́ зва́ли ба́тюшкою и ма́тушкою.

Була́ у старо́го одна́ ха́та про́ста, и світли́ці, на-о́тшибі, (світли́ця и черезъ сіни пека́рня), дакъ вони́ у світлиці и не жили, а жили́ усі вмісті, у въ одній ха́ті. Га́ля но́сить, було́, у па́сіку старо́му обідать, то вінъ іі поса́дить, и почне́ роска́зувать: якъ коли́сь діялось, які пре́же були́ лю́де, якъ тре́ба жить на світі, все наве́ртуе покійний на те, що Га́ля молода́ людина, щобъ слу́хала, бо ій тре́ба жить на світі. Зорве́тця було́ ити́, то вінъ: »Поси́дь ище́, Га́лю; ось я тобі стільника́ підріжу!« Візьме да й стільника́ ій підріже, то вона́ тоді и піде.

Га́ля, звісно, по тодішнёму, и грамоти не уміла. Стари́й Мовча́нъ, було́, ка́же: »На́ що іі грамоті учи́ть? щобъ до паничівъ писа́ла пісьма? аби́ уміла Бо́гу помолитьця, та хазя́йство зна́ла!« А іі ма́ти, ка́жуть, зъ-ма́лку учи́лась у паня́ньскому (*) манастирі гантува́ть, и Бо́гу зъ кни́жки уміла помоли́тьця, да тільки писа́ть не уміла.

Насту́пить ве́чіръ, стари́й Ѳе́доръ прийде зъ башта́ну, або́ зъ па́сіки, Дани́лко съ по́ля; стара́ зъ Га́лею по́раютця біля пе́чи: вече́рю ва́рять; стане смерка́ть на дво́рі; збіра́ютця у ха́ту; Ѳе́доръ тілько увійде въ ха́ту, за́разъ и річъ на́йде: и почне бала́кать то просе, то про те. Люби́въ покійний до всёго догляда́тьця: чи всі ове́чки

(*) Паня́ньский манасти́ръ, зна́чить, жоно́чий.

съ по́ля прийшли́, чи полічена скоти́на, а зимо́ю якъ ста́нуть коти́ться овечки́, щобъ ягня́тка були́ полічені:

»А скілько дочко ягнятъ?« —»Не зна́ю, батюшка!«—»Э, пога́ножъ, до́чко, що не лічишъ. Трудись, дочко, то не будешъ ли́ками кожу́ха шить!« Тілько ёго й сло́ва; а щобъ росе́рдивсь — сохра́ни Го́споди! ні до віку! Зімо́ю, підъ довгі вечорі, нали́гачку сплете́, або́ обро́ть. У ёго житіе́, було́ на цілий годъ; було́ помісяшно житіе́ читае.

Якъ посла́въ Госпо́дь синка́ Дани́лку та Га́лі, то було́ стари́й, бо-зна якъ утіша́етця; якъ ста́ло підроста́ть дитинчя́, візьме було́ ёго стари́й, та й поса́дить у ша́нці. Звісно, ша́пка старо́го вели́ка, а воно́ мале́; поса́дить ёго́, та й ста́не забавля́ть, то воно́ що не́будь ёму́ и дава́й вимовля́ть або́ сміятьця. —

Такъ-то стари́й Ѳе́доръ дожива́въ віку свого́, а вже стари́й бувъ: голова́ якъ молоко́ біла, и на но́ги дуже кво́лився. По́ки до́йде було́ зъ башта́ну додо́му, — отдиха́е на доро́зі разівъ скілько. У ху́торі було́ нарочито коло́дочка поло́жена, то вінъ, идучи́, якъ уто́митця, и сіда́е на тій коло́дочці; насбира́ютця, було́, до ёго діти хрестя́нські, вінъ іхъ жа́луе, и роздае́ імъ по огіро́чку. Такъ, було́, и біжя́ть слідо́мъ, то вінъ и дава́й жа́лувать: »Ти жъ мій бара́нчичокъ, ти жъ моё ягня́точко!« А вони́ все біжя́ть слідо́мъ за нимъ.

Передъ сме́ртю покійного Ѳе́дора найшли́ пацюки́ на ёго́ дво́рище, да тако́го, що такъ и бігають ватага́ми — а здоро́ві — такъ якъ кітъ до́брий; люди такъ и кри́кнули: »Се жъ не передъ добро́мъ!«—Того́ жъ го́ду и вмеръ Шво́ра. Слабівъ покійний зо дня на́ день. Вінъ и не болівъ, щобъ такъ сказа́ть, обложною бо́лістю, а такъ, одъ ста́рости літъ, та одъ вели́кихъ трудо́въ: звісно, прийшла́ пора́. Згаса́въ покійний, якъ свічечка. *Одъ сме́рти*, ка́жуть, *и въ печі не зама́жесся*. У два́дцять-сёмому го́ді переста́вився покійний, якъ по́ломья догоріло: горіло-горіло, а по́слі, блись, та й зату́хло. Такъ прехо́роше уміра́въ, що Бо́же! При па́мьяти, при чу́ствію, попрощався зъ усіма́, поблагослови́въ усіхъ, та й Бо́гу ду́шу одда́въ.

Приіхавъ и дру́гий ону́чокъ Заха́рочко, съ Коното́пу, усі були́ передъ сме́ртю; усіхъ вінъ благослови́въ, зъ усіма́ вінъ проща́вся, уся́кому вінъ пану́тствіе прочита́въ. Стара́, ону́ки и лю́де залива́лись слёза́ми, не ба́чили и не вірили сами́ собі, що зъ ни́ми діетця! Упо-

кóй, Господи, душу старóго Θéдора со святи́ми! Щобъ ёгó дiлá передъ Гóсподомъ стоя́ли, я́ко свічи сія́ли!

Ищé, пíсля старóго Θéдора, старá пожилá щось годкíвъ съ чоти́рi; прийшлá пора и iй виступáть у дорóгу, и iї здоліла старíсть: поки́нула старá на хазя́йствi Дани́лка, та Гáлю, а самá пíшлá до старóго.

Степанъ Нíсъ.

Сíчень, 1860 рóку.
Шво́ринъ хýторъ.

НАДЪ МОГИЛАМИ.

Не скинути окомъ ті степи́ широкі,
Що Днíпръ облягають íзъ обохъ бокíвъ;
По степáхъ усюди моги́ли високі
Надъ бíлою кíстю козацькихъ дíдівъ.

Траву вíтеръ хилить, хмара хмáру гонить;
Ниначе моги́ла зъ другою гомонить...
Ні, тó не могила,—то будякъ надъ нею
Съ перекоти́полемъ сýмно розмовля:

«Лягли тутъ навіки дружнёю семьею
«За ту славу люде... а слави нема!
«Ніхто не згадае, ніхто не поплаче...»
—Перикотиполе: «Чудний ти, козаче!..
«Нехай спочивають! на щó iмъ та слава
«И нá що iмъ слёзи, гíркі та крíваві?..
«Щобъ марно котились?.. Свое добули —
«И долю и волю въ могилахъ знайшли...»

Будякъ похилився, и самъ себе коле;
У степъ покотилось перекоти́поле...

Л. Ященко.

11 августа
1861.

ВЕЛИКДЕНЬ У ПОДОЛЯНЪ.

(По поводу Быта Подолянъ,—Шейковскаго. Выпускъ 1-й 1860 г. Кіевъ.)

Загадка: Сімь миль мóсту, а на кінці мóсту квіточка зацвілá.—Сімь миль мóсту, а на кінці—квітъ наввесь світъ.

Отгадка: Великдень.

Въ стародавнее время, въ предѣлахъ Украины, жили, какъ извѣстно, разные народцы, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои обычаи и законъ свой. Разность народовъ, отъ которыхъ произошло нынѣшнее населеніе Украины, чувствуется еще и въ наше время. Сопоставивъ Подолянъ, напримѣръ, съ Полтавцами, съ перваго взгляда узнаемъ, что они принадлежатъ не къ одной мѣстности. Кромѣ случайнаго отличія—одежды, ихъ отличаетъ другъ отъ друга и самое *облúчча:* между Подолянами очень и очень мало *кирпàтихъ*, тогда-какъ преобладающій типъ Полтавца—*кúрпа;* Подоляне преимущественно *довгобрáзі*, между Полтавцами рѣдко встрѣчается *довгобразий*, а все *круглови́ді*. Самые обычаи народные, повѣрья, предразсудки, празднованія, будучи разсматриваемы въ подробностяхъ, обнаруживаютъ, хотя и не всѣ, своеобразные оттѣнки, а нѣкоторыхъ подолянскихъ обычаевъ вовсе нѣтъ нигдѣ въ другихъ частяхъ Украины. Все это, очевидно, въ давнее время было рѣзче и нагляднѣе, но больше или меньше сгладилось; объединилось же только подъ вліяніемъ позднѣйшаго хода исторіи,—того, подъ которымъ сложилась и окрѣпла наша украинская народность.

Такія и подобныя отличія существуютъ не только между Подолянами и Полтавцами, правою и лѣвою стороною Днѣпра, но и въ болѣе узкихъ предѣлахъ. Напримѣръ, на Подоли въ теперешнихъ ея границахъ, кромѣ многаго другого, замѣчаемъ ту особенность, что въ Балтскомъ уѣздѣ,

между Бугомъ и Днѣстромъ, Кодымою и Днѣстромъ, существуетъ праздникъ *русáли*, который совпадаетъ съ первымъ днемъ Петрова поста, совершается *молодúцями*, безъ участія мужчинъ и *дівчатъ*, подъ открытымъ небомъ (*на стéпку*) и, если можно, близъ воды. Въ Ольгопольскомъ, въ Гайсинскомъ, Брацлавскомъ и другихъ уѣздахъ, къ Волыни, даже нѣтъ слова русалка (*). Въ Гетманщинѣ, вмѣсто русалъ, существуетъ другой праздникъ — *рóзпри* (Полт. Губ. Вѣд. № 25 1861 г.), который отбывается одними *жúнками* и въ тотъ же самый день. Если бы было возможно опредѣлить границы, за которыя не выходитъ извѣстное празднованіе, обычай и т. п., то можно было бы узнать и границы, въ которыхъ жилъ тотъ или другой народецъ.

Раздробленіе этихъ народцевъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, наложило особенную печать на разныя мѣстности и способствовало къ образованію новыхъ различій въ нашей народности, изгладивъ нѣкоторые признаки единства и создавъ новые, несуществовавшіе прежде, оттѣнки. Отсюда произошли тѣ именно особенности, по которымъ мы одни другихъ (справедливо или несправедливо) дразнимъ разными именами. Такъ Гетьманцы дразнятъ Подолянъ *недóляшками*, а Подоляне Гетьманцевъ—*москóвськими недóлюшками* и т. п. Даже жители маленькаго пространства, иногда и одного города, имѣютъ свои прозвища, и не всегда по особенно-важнымъ признакамъ, тѣмъ не менѣе по признакамъ, бросающимся въ глаза. На Подоли, напр., Бужане дразнятъ *мадзýрами* (*мáдзуръ-мадзури*, а *мадзурí* по тамошнему тоже, что въ Гетьманщинѣ *щурí*) тѣхъ крестьянъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру. И тамъ же дразнятъ *вíштяками* тѣхъ, кто живетъ ближе къ Каменцу, по ихъ обычаю кричать *вíштя*, погоняя лошадей. Любечанъ (г. Любечъ) ихъ сосѣди и Кіяне передразниваютъ заимствованной отъ нихъ же фразою: »мы люди торговые, народъ промышленный.« Въ этомъ прозвищѣ не маловажную роль играетъ мѣстное нарѣчіе, на которомъ говорятъ Любечане. Для Любечанъ нѣтъ большей обиды, какъ вопросы: *Почóму кíзка? Якъ пíзнáти, чи жúрна коз́á?* и т. п. Вообще при Любечанинѣ заговорить о торговлѣ козами—значитъ обижать его (**).

(*) Русалокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, называютъ *росалками*. Это названіе, судя по повѣрьямъ, вѣрнѣе перваго.

Украинскія слова и цѣлые разсказы относятся къ нарѣчію Подолянъ бывшаго Уманскаго и отчасти Ладыжинскаго полковъ.

(**) Стоитъ упомянуть и о томъ, что Бѣлоруссовъ, называя Литвинами, драз-

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ необходимыми частныя описанія разныхъ мѣстностей нашего края. Безъ такихъ спеціальныхъ трудовъ, мы никогда не будемъ обладать знаніемъ его и его особенностей. Полнота, очевидно, должна быть непремѣннымъ условіемъ этихъ работъ, потому что они должны служить матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій и замѣнять личное наблюденіе читателя. Но и не совсѣмъ полныя работы не могутъ быть признаны совершенно безполезными по той причинѣ, что лучше что́-нибудь, чѣмъ ничего, лишь бы это *что́-нибудь* въ самомъ дѣлѣ проливало свѣтъ на избранный уголокъ. Но въ этомъ случаѣ должны быть описываемы если не всѣ, то за-то главныя особенности.

Спеціальнымъ этнографическимъ трудомъ въ глазахъ нашихъ и самого издателя является ***Бытъ Подолянъ***. Г. Шейковскій намѣренъ ознакомить съ бытомъ Подолянъ особенными статьями, дополняя ихъ матеріалами, сюда относящимися. Здѣсь, говоритъ онъ, найдутъ себѣ мѣсто пѣсни, сказки, пословицы, поговорки, повѣрья, загадки, анекдоты, фацеціи (т. е. нисенітниці) и т. п. Такъ-какъ эти »матеріалы« будутъ обнародованы на томъ языкѣ, которымъ говорятъ Подоляне, то ***Бытъ Подолянъ*** будетъ имѣть важность »и для разработывающихъ южнорусскій языкъ въ филологическомъ отношеніи.«

Какъ видимъ, цѣль изданія Быта Подолянъ обширна; но одной задачи недостаточно для того, чтобы трудъ вышелъ полезнымъ; (нерѣдко на самомъ дѣлѣ все оканчивается однимъ намѣреніемъ). Къ-сожалѣнію, ***Бытъ Подолянъ*** — то же, что *гра́йморе въ ми́щині*. Прежде всего бросается въ глаза чрезвычайная неполнота фактовъ и какая-то странная увѣренность автора въ непреложности своего взгляда. Кажется, будто г. Шейковскій имѣлъ въ виду только обнародовать свои личные выводы, а не изобразить, какъ говоритъ, картину быта Подолянъ. Очень можетъ быть, что я имѣлъ бы другое мнѣніе объ изданіи г. Шейковскаго, если бы познакомился съ Подолянами только по этому изданію, а не лицемъ къ лицу, будучи самъ Подоляниномъ. Теперь же, при знакомствѣ съ Подолянами не по книгамъ, я не могу быть имъ доволенъ, и долгомъ для себя считаю пополнить трудъ г. Шейковскаго и кое-что въ немъ поисправить.

нятъ *бацькунами*—отъ ихъ слова *бацька*—отецъ, батька. До сихъ поръ считается какимъ-то удальствомъ побить бацькуна—остатокъ древней племенной вражды къ Литвѣ. Случается, что байдаки причаливаютъ къ берегу для этой цѣли

Г. Шейковскій началъ свое изданіе съ *гаівокъ* по той только причинѣ, какъ говоритъ самъ, что у нашихъ изслѣдователей народнаго быта гаівки не описаны. Но развѣ однѣ гаівки не описаны? Гдѣ у насъ хоть что-нибудь о народныхъ *парубо́чихъ* играхъ на Великдень? Гдѣ у насъ хоть слово про *колодіи*? Да мало ли чего не описано! Что́ касается Великодня, то гаівкамъ предшествуетъ обычай *вігдава́ти колодки́*, вмѣстѣ съ гаівками идутъ *парубо́чі* игры; надо было поэтому начинать не съ середины, а съ начала— съ того самого начала, гдѣ замѣчается уже Великдень. Такъ слѣдовало бы поступить тогда, если бы Великдень былъ началомъ и концемъ задуманнаго изданія. Но преднамѣрившись описать бытъ вообще—полный бытъ, слѣдовало бы доискаться того общаго пункта, откуда, какъ изъ клубка, развиваются всѣ празднованія. Такой начальный пунктъ непремѣнно *долженъ быть* и *есть* на самомъ дѣлѣ; потому-что народныя празднества—остатокъ религіи нашихъ предковъ, и не могли быть натыканы въ году, какъ тычки на огородѣ, безъ всякой связи между собою. Въ противномъ случаѣ, религія нашихъ предковъ была бы непослѣдовательна. Такого недостатка не можетъ быть въ религіяхъ, какъ твореніи цѣлаго народа, а не одной личности. И въ самомъ дѣлѣ, народныя празднованія такъ тѣсно вяжутся одно съ другимъ, идутъ цѣлый годъ въ такой строгой послѣдовательности. Сто́итъ только посмотрѣть на нихъ не по-одиночкѣ, а обнять взглядомъ весь ихъ годовой кругъ. Не обративъ на это вниманія, г. Шейковскій нашелся вынужденнымъ предпослать всему общія мѣста и, подъ вліяніемъ университетскихъ лекцій археологіи профессора П.—, толкуетъ о разныхъ культахъ. Все это та́къ; все это правда; но въ *Бытѣ Подолянъ* всему этому не стоило бы давать мѣста: это археологія, а не бытъ. Оттого г. Шейковскій и перескочилъ отъ гаівокъ на похороны...

Но принимаясь дополнять изданіе г. Шейковскаго, безъ всякихъ заднихъ мыслей, я долженъ предупредить читателей, что не имѣю никакихъ источниковъ, и буду писать по памяти — что́ видѣлъ и знаю. Степень моего знанія увидитъ каждый, кому угодно будетъ прочесть мои нехитрыя строки. Что́ же касается до меня, то я и не притязаю на полноту, но не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ сказаній моихъ о народѣ. Все мы покончимъ на Великоднѣ и достигнемъ своей цѣли, если укажемъ ему мѣсто въ годовомъ циклѣ народныхъ празднованій.

Великдень, какъ и должно быть, для Подолянъ самый радостный праздникъ въ году. Его, какъ и всѣ праздники, бывающіе разъ въ годъ, называютъ *врочи́стимъ* (въ рікъ) *Свя́томъ.—Миколи́й* также врочисте свято, хотя празднуется и два раза. Слово *врочи́стий* прилагается только къ праздникамъ, а въ другихъ случаяхъ, въ смыслѣ *годовой*, употребляется слово *рокови́й* (роковій я́рмарокъ). *Висі́лля* и т. п. торжества называются *врочи́стими оказіями*. Великодня ожидаютъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, нежели всякаго другаго праздника, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ радость неугомоннѣе. Запорожцы, въ одной виршѣ, объясняютъ эту радость какъ бы тѣмъ, что

»Тепе́ръ усякъ наі́стця въ смакъ свяче́ної па́ски.«

Но мы не повѣримъ *чуба́тимъ*. Не тому мы радуемся, что *наі́мось па́ски*; хотя мы и *голо́дні*, однако удовлетвореніе этого чувства у насъ не играетъ первой роли. Мы радуемся просто тому только, что Великдень *на грани́ці*, потомъ *въ ді́лницяхъ* (1), потомъ *въ воро́тяхъ*, наконецъ *на поро́зі* и *въ ха́ті*. *Въ ве́рбну не́ділю* (ваій) Великдень чуть видно изъ-за горы, а мы уже поздравляемъ другъ друга и съ неописаннымъ восторгомъ приговариваемъ: *верба́ бье, не я́бью: за ти́ждень Вели́кдень*! Иной еще прибавитъ: *будь здоро́въ, яко́ вода́ и бага́тий, якъ земля́*.

Вода не случайно вошла въ это поздравленіе; она имѣетъ огромное значеніе въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Прослѣдимъ это, сколько можемъ. Начнемъ съ *жи́лного* (великій) четверга,—онъ близокъ Великодню, а мы про Великдень и говоримъ. Въ *жи́лний* четвергъ купаются *вíдъ чорної хороби*. *На руса́лки* купаются, *шобъ не було́ посу́хи*. Замѣчательно, что на русали купаются не раздѣваясь. Такъ же во всей одеждѣ купаютъ и тѣхъ, кто въ руки попадется. Я слышалъ, какъ купали попадью, дьячка, проѣзжаго купца, управляющаго, перевозчика при паромѣ и т. д. Обычай этотъ такъ держится, что выкупанные не только не сердятся, но сами мѣшаются въ гуртъ и съ азартомъ бросаются купать другихъ. На *Купа́йла* ходятъ купаться съ извѣстнымъ обрядомъ, и самъ Иванъ *купався*. На *Зелені свята* ходятъ на поле *кропи́ти збо́же и святя' криниці*; на *Маковія* тоже *свя́тя криниці*. *На Ордань* купаются *вíдъ*

(1) Ділниці—ровъ вокругъ села, за которымъ начинается ца́рина—посѣвы. Царинѣ противоположна толо́ка.

коро́сти. При этомъ берегутся, *аби́ хто не кри́кнувъ: шобъ така́ була́, якъ дубо́ва кора́; бо вона́, хай счеза̀е, и спра́вді коро́ю визьметця на тілі*. Тогда же умываются, *щобъ о́чі не боліли*, а дівчата—*щобъ румя́ною бу́ти*. Надо замѣтить, что въ воду, приготовленную для умыванья, бросаютъ иногда *кали́ну* или *кора̀лі* (дороге́ намисто), *щобъ черво́ному бу́ти,-щобъ лице́ чи́сте було́*. *Коралі* также совѣтуютъ мужчинамъ носить на шеѣ, какъ женщины, *відъ осту́дъ*. Вода употребляется въ различныхъ шопотахъ—(примо́вахъ): якъ *вогню́ скида́ють* (и огонь разомъ), *якъ що виливають—отъ переле́сника, або́ що*... Въ разныхъ гаданьяхъ также употребляется вода; напр. *на Андрея вилива́ють во́скомъ, о́ливомъ*. Тогда употребляется вода холодная,—лучше, если *непочата́*. Но и горячая вода употребляется, напр. *якъ вилива́ють плакси́вицi, якъ покрива́ють молоду́* (на Подоли не водятъ въ церковь *скрива́ти*, а покрываютъ дома—завиваютъ *въ намі́тку; до це́ркви* ходятъ на ви́відъ); *садовля́тъ її на ослі́нъ, чи що, а підъ ослономъ відро зъ водо́ю, щобъ здоро́ві були́ якъ вода́*. (Послѣ употребляется и огонь). *Якъ ви́лупятця гуся́та або ко́ченята, то, щобъ здоро́ві росли́, гніздо и шкаралу́пи вино́сять на во́ду. Якъ упа́де дити́на съ коли́ски або́ що, що здо́рово забьѐтця, то те місце злива́ють водо́ю, щобъ не ва̀дило*. Воду, между прочимъ, ставятъ на окнѣ, по выносѣ покойника изъ хаты—для души, которая прилетитъ въ видѣ мухи и *буде і́сти й пи́ти*. Посредствомъ воды узнаютъ чисто или нечисто мѣсто. Погребая утопшаго, иногда поливаютъ его водою, *шобъ дощъ бувъ, — шобъ не було́ посу́хи*. Вода употребляется и въ чарахъ, особенно въ отношеніи къ любви. На воду (на Бігъ) выносятъ и первыя скорлупы писанокъ, крашонокъ въ томъ убѣжденіи, что онѣ поплывутъ къ Рахма́намъ и укажутъ имъ, что пора праздновать Великдень (*). Что́ касается того, что желаютъ быть богатымъ *якъ земля*, то это проистекаетъ изъ представленія народнаго о богатствѣ ея: *хто жъ бага́тчий, коли́ вона́ всіхъ году́е!* Землю также называютъ *сильно́ю, бо вона всіхъ на со́бі но́се*.

---

* Рахма́ны—это народъ, неумѣющій ни читать, ни писать, но крещенный. Они такъ далеко живутъ, что скорлупа заплываетъ въ ихъ страну только къ Преполовенію. Тогда они и празднуютъ Великдень. Потому-то Подоляне Преполовеніе знаютъ подъ именемъ *Рахманського Великодня*.

Свячéну лозу прячутъ и *котúки* употребляютъ какъ лѣкарство отъ лихорадки и для скота, *якъ, бувá, здýетця.*

Отъ *вéрбної недíлі*, кромѣ обыкновенныхъ хлопотъ — *шúти білúти*, кромѣ приготовленій *на паскú* и т. п., я ничего не замѣтилъ до *жúлного четверга—до страстí*. Для *страстí*, хлопьята задолго впередъ приготовляютъ *довбешкú;* съ звономъ собираются къ церкви съ этими стуколками и когда звонятъ во время самой *страстí*, *тарабáня* ими въ колокольню, гдѣ деревяная, или въ церковную ограду, или просто въ доски, разумѣется, если не запретятъ. Это повторяется каждый разъ при звонѣ колоколовъ, начинаясь и оканчиваясь вмѣстѣ съ звономъ, и продолжается до конца страсти. Рокотъ этихъ *довбешóкъ*, сливаясь съ звономъ колоколовъ въ одинъ гулъ, производитъ невыразимое впечатлѣніе: повторяясь во всемъ околоткѣ, отражаясь тысячами перекатовъ эха въ лѣсахъ и горахъ, до глубины души поражаетъ человѣка, и такъ уже настроеннаго къ печали. Нельзя сказать, что это печаль; это совсѣмъ не печаль, но какое-то необъяснимое—*тихосýмне* чувство: сердце такъ и расплывается. Особенно мнѣ врѣзалась въ память одна страсть, когда я былъ еще дитятею лѣтъ восьми-девяти. Я вышелъ изъ церкви *провíтритись*. Ночь была темная, туманная и какъ будто *мрáка íшла*. Яркій свѣтъ, пробиваясь сквозь окна, золотыми столбами наискось, стремился къ небу, будто указывая дорогу молитвамъ, и далеко-далеко исчезалъ въ туманѣ, постепенно ослабѣвая. Кажется даже, я видѣлъ радужные цвѣты. Внизу другая масса свѣта, сквозь растворенную дверь маленькой деревянной церкви, золотитъ молящихся. (Смѣсь радости и печали, на важно-спокойныхъ лицахъ стройнаго, краснаго народа, стоятъ кисти живописца-художника). И все это теряется въ дали, во мракѣ, и на извѣстномъ разстояніи, кажется, не люди ходятъ, а духи, пришедшіе вмѣстѣ съ нами праздновать страсти господни; то вырѣзываются изъ мрака, то снова погружаются въ мракъ, то опять покажутся, и снова исчезнутъ. Отъ сверканья свѣчъ и лица ихъ представляются сверкающими. Общая тишина, подъ равномѣрное журчанье весеннихъ ручейковъ, прерывалась по временамъ трескомъ довбешокъ, да звономъ въ колокола и на время заглушала то заунывную *самолíвку* старика-дьячка, то протяжное чтеніе страстей господнихъ нараспѣвъ. И за горой тотъ же трескъ и звонъ, и таже картина мерещится, и за лѣсомъ тоже. А вотъ чуть слышно изъ-за *Бóгу* отдаленный гулъ: и не вѣрится, звонъ ли это дѣйствительно и есть ли тамъ *хлóпці*, прежъ

нее ли впечатлѣніе продолжается, или эхо на эхо отзывается. И снова звонъ, и снова трескъ, и потомъ тишина; такъ и хочется вмѣшаться въ гуртъ, да довбешки не было, а *патикú мóкрі*. Такъ и стоялъ бы очарованный; забылъ и гдѣ я, и для чего тутъ; сердце словно таетъ; но старикъ стáроста (разумѣется, церковный: тамъ иныхъ старостъ нѣтъ) помогъ мнѣ опомниться: *годі стояти, паничу; казали панотець, щобъ уже до цéркви йшли*, сказалъ онъ. И я пошелъ, озираясь и прислушиваясь, какъ сердце билось. Почему тогда не въ послѣдній разъ оно билось!..

Народное суевѣріе соединяетъ съ этимъ торжественно-печальнымъ вечеромъ разныя вѣрованія о вѣдьмахъ. Но объ этомъ будетъ отдѣльно разсказано мною въ *Основѣ*.

Употребленіе *страстнóі свічки* извѣстно.

Отъ обѣда въ четвергъ до разговѣнья старушки ничего не ѣдятъ, т. е. ничего ровно и въ ротъ не берутъ. Въ эти дни хлопоты въ самомъ разгарѣ: женскій полъ такъ занятъ, что даже нѣтъ времени и заснуть; ночь и день работа: *паскú печýть, порося́та... А пóки ще на́чинки заготóвить! Тамъ писанкú пúшуть, крашанкú крáсять; дивись—и витúрати порá. А тамъ... не óлянулась, а вже й Христá дочитáлися. Хапáйся-хапáйся! пора вже святúти...* Боже-*Бóже*! *отýть-то колотні, яка не вправилась, або що*! *Платúну*, которою писанки вытираютъ, прячутъ и *підкýруютця вíдъ бишúхи, якъ въ вусі стрикáе, або-що*. Но мы забѣжали впередъ. Еще есть *дíяние*. Но пока дойдемъ *до дíяния*, займемся передачею легендъ, основанныхъ на событіяхъ, въ эти три дня совершившихся.

Въ молитвахъ Подолянъ есть примѣсь уніатства (отъ Отца и *Сына*); между молитвами считается сонъ *богородúці* и *бурлáцький оче-нашъ* (*). Что́ касается свящ. исторіи, то Подоляне имѣютъ ее свою отъ

(*) Къ сожалѣнію, я его незнаю; знаю только, что онъ раздѣленъ на прошенія; нѣкоторыя изъ нихъ передаю: *не дай, Боже, съ козú кожуха, а зъ свинí чобіт*ъ; *избави, Боже, вíдъ Барськóі греблі; избави, Боже, вíдъ Кулакíвського справи; избáви, Бóже, вíдъ служби въ Китайгородського попа*. Что́ касается объясненія этой молитвы, то я знаю слѣдующее: 1) *Барська-грéбля* обыкновенная плотина въ г. Барѣ. Она очень длинна, идетъ извилинами и весною до-того заплываетъ грязью, что ѣзда по ней въ высшей степени затруднительна и даже опасна. Кромѣ того, что можно *загрузнути*, страшныя про-

сотворенія міра до Р. Х. и далѣе. Есть даже мнѣнія о будущемъ, ничуть не основанныя на христіанствѣ. Кромѣ чисто-религіозныхъ легендъ, есть и бытовыя. Бывъ собраны, онѣ могли бы пролить много свѣту на минувшую жизнь нашу, незапамятованную исторіею. Легенды, относящіяся къ страстной недѣлѣ, такого значенія не имѣютъ: это евангельскія событія, украшенныя народною фантазіею. Безъ сомнѣнія, это было когда-то полнымъ зданіемъ, но не бывъ поддержано воспитаніемъ, мало-по-малу затемнялось и теперь представляетъ жалкіе обломки, показывающіе ясно, насколько небрежно было духовенство въ дѣлѣ образованія народнаго, даже религіознаго. Эти разсказы не должны умалять чести нашего народа; несмотря на нихъ, онъ строго нравственъ.

Юмористическихъ разсказовъ, которые касались бы страстной недѣли, нѣтъ, хотя юморъ народный шагнулъ и въ небеса, и за облаками нашелъ для себя предметы и матеріалы. Духъ событій не таковъ, чтобы можно было потѣшаться. Иное дѣло лысина у ксендза (korónka), многоженство у магометанъ... Разсказы, относящіеся къ страстной недѣлѣ, всѣ серьезны и вотъ тѣ, которые и знаю.

»Якъ шука́ли Христа́ згуби́ти, то вінъ утікъ та й схова́вся и найпе́рше въ я́сла ми́же воли́. Жиди́ такъ ёго́ шука́ють, такъ шука́ють! А во́лики ідя́ собі па́шу, та все мо́рдою пригорта́ють схо́ванця—вибира́ ніби, котро́ лу́чче стебло́, и все пригорта́ютъ.

»Ви́ховався Христо́съ на цей разъ и поблагослови́въ воли́въ, щобъ ма́ло і́ли и си́ті були́.

вáлля (по-тамошнему—прірви) съ глухой стороны *грéблі*, глубокія и наполненныя водою, такъ и ждутъ жертвы. Лѣтомъ ухабы и т. п. до-того надоѣдаютъ, что дѣйствительно надо просить Бога объ избавленіи отъ этой *грéбли*. (Я разъ всего по ней проѣзжалъ лѣтомъ и не захочу больше). 2) *Кулакóвського спрáва*, Былъ помѣщикъ на Подоли п. Кулаковскій (Кулаковскій) изъ поповичей, отличавшійся несправедливымъ рѣшеніемъ жалобъ. Говорятъ, онъ наказывалъ и истца и обидчика. Наказаніе состояло въ неумѣренномъ денежномъ штрафѣ *на цéркву*; для обидчика прибавлялись *нагаі*. 3) *Китайгорóдського попà служба*. Китайгородъ—село, не знаю котораго уѣзда. Тамъ, въ оно время, былъ на приходѣ священникъ о. *Семенъ*. О *чоботáхъ зъ свині, кожухъ съ козы* и говорить нечего. Такъ объяснялъ мнѣ этотъ *оче-нашъ* священникъ о. Писнячевскій.

»На другий разъ прийшлось хова́тись. Куди́ тутъ? Вже Жиди́ зна́ють, що бувъ ми́же вола́ми... Взявъ та й схова́вся ми́же ко́ні. Та ко́ні, ска́зано худо́бина па́жирлива, якъ почали́ їсти, то й ззі́ли й те, чимъ Христосъ самъ себе́ бувъ–накри́въ. То Жиди́ и заба́чили и взяли́ Христа́. За це Богъ прокля́въ ко́ней, щобъ їли ці́лий вікъ, и все голо́дні стоя́ли.« (Существуетъ слѣд. поговорка: воло́ві дай поло́ви та жени́ пово́лі, а коневі вівса́, та жени́, якъ пса́).

»Якъ привели́ Христа му́чити, то наробили цвяхівъ (гвіздківъ) зо вся́кої деревини́, ті́лько зъ ги́ви—ні. Та котрі́й побро́буютъ забити́ підъ па́ність, вінъ такъ и зігне́тця, на́че зъ во́ску зліпляний. Що тутъ роби́ти? чимъ тутъ му́чити? Ажъ въ го́лову захо́дя. Ду́мали-ду́мали та й пора́дились: затеши́мъ, ка́жуть, ще зъ ги́ви. Якъ той не полі́зе, то хто ёго зна, що вже й каза́ти!.. Затеса́ли изъ ги́ви, а вінъ и пішо́въ, якъ заліз́ний. Отъ и дава́й му́чити Христа́ ги́вовими кілка́ми (*). За це Богъ и прокля́въ ги́ву, щобъ черви́ва була́. Тимъ вона́ й черви́віе такъ, що Богъ закля́въ ії черви́вити до́ки світа та со́нця.«

Извѣстно, что́ дѣлаютъ воробьямъ за мнимое ихъ участіе въ дѣлѣ умерщвленія Христа. Когда ослѣпятъ, »бі́дна пташи́на не лити́ть, якъ видю́ща, куди́ но́сомъ; и знесе́тця вго́ру, скі́лько ви́дно, склadé кри́льця и пуска́етця до землі́, якъ камі́нець. Впа́де й розібье́тця.«

Народъ вѣритъ, что стража, приставленная къ гробу Господню, и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ. Она состоитъ изъ двухъ евреевъ и оба они живы, и »якъ мі́сяць стари́й, то й вони́ стрі–стаpе́зні, ажъ тру́сятця, а якъ мі́сяць молоди́й, то й вони́ молоди́, на́че ім по двадця́тому годо́чку.« На вопросъ: »коли́ ви прийшли́«, они отвѣчаютъ: »вчо́ра«.—А коли́ пі́дете?—Взавтра.«

»Такъ уже ім Богъ давъ, щобъ жи́ли до са́мого стра́шного суду.«

Объ Іудѣ разсказываютъ: »повішусь, ду́мае собі́, пі́ду въ пе́кло.

(*) См. 1 коляда господа́реві.

А Христо́съ, якъ буде визволя́ти лю́дзькі ду́ші, то й мою визволитъ. Прийшо́въ до ідно́і дереви́ни, переки́нувъ мо́тузъ, чи що, и тілько опустився, вона́ й ги́ля поспуска́ла. Вінъ до дру́гоі, и дру́га такъ; и тре́тя такъ; ажъ до оси́чини при́йшовъ, и завішався на оси́чині. Того́-то хоць (*) якъ и ти́хо на дворі, а на оси́чині все листъ ки́ваетця, на́че живи́й.« Другіе говорятъ, что онъ *завішався на бузині* и она оттого не годится теперь для построекъ. *Бузни́къ* почитается жилищемъ чорта.

»Завішавсь Юда та такъ и ви́сівъ, ажъ доки самъ не ввірва́вся— Тоді вже впавъ и гнивъ у яру́.» Изъ разлагающагося тѣла его выросъ *тютю́нъ*. Впрочемъ насчетъ тютюну есть и другой разсказъ, въ который входитъ Христосъ съ апостолами. »Тіло Юди тутъ зітлі́ло, а душа́ въ пе́клі пропада́. Бо якъ Христо́сь пішо́въ визволя́ти ду́ші, то й ёго́ ду́шу хотівъ ви́зволити: »иди́ вонъ,« каже; та Люципіръ навчи́въ: »кажи́, сину, не хо́чу«, Юда й ка́же: »не хо́чу.« — »Кажи́, си́ну, мині й тутъ до́бре«, намовля изновъ Люципіръ. »Мині й тутъ добре,« озвавсь Юда. Христо́съ изно́въ: »иди́ вонъ.« А Юда все за Люци́піромъ говори́въ. Такъ и тре́тій разъ було́. И зоста́всь Юда найвірні́щимъ си́номъ у Люци́піра и сиди́тъ въ нёго на ко́лінахъ, и свою́ кали́тку въ руці́ держи́тъ.« Въ одной виршѣ запорожской вотъ-что говорится:

»А сей Юда съ того студа, звіродивий макуха,
То синіе, то красніе, бо братъ злого духа.
Вельми вінъ злякъ (**), ажъ міхъ заклякъ зъ грішми за плечима.
За ёго гріхъ той клятий міхъ все передъ очима.
Въ землю вкопавъ, щобъ міхъ пропавъ, та окаменіла —
Посо́хъ и цвітъ и трави нітъ—білшъ не зеленіла.
Въ воді рибу міхъ изъ глибу роспужавъ и раки, —
Вернувъ злий духъ изъ води сухъ до Юди и паки.
Злую мару пікъ у жару, да не загорівся —
Вогонь потухъ, а цей злий духъ въ печі й не нагрівся.
Кріпко пошитъ, чортомъ підбитъ, що и не деретця;
Зъ води, зъ печі впять на плечі до Юди беретця.
И зъ цимъ мішкомъ ходить пішкомъ у пеклі повсюду;
Панъ повелівъ, щобъ міхъ не тлівъ до страшного суду.«

(*) *Хоць* Подоляне употребляютъ въ значеніи хотя, а *хочь* — сокращенное хо́чешь—*що хочь*, *роби́*—вм. що хо́чешь роби́; или—*роби́*, *що хо́чешь*—и *роби́*, *що хочь*. *Хочь* повелит. вм. *хоти́*; *що хоти́ и що хочь*—одно и тоже.

(**) Увидавши Христа.

Любопытны народные разсказы объ изобрѣтеніи водки, о происхожденіи лысыхъ, кривыхъ и т. п. Но такъ-какъ эти разсказы могли бы войти только въ полный бытъ Подолянъ, то мы и оставимъ ихъ, потому-что они не относятся къ Великодню. А между-тѣмъ вотъ *дія́ние* передъ нами. Оставимъ *жінкамъ та дівчатамъ ходи́ти коло тіста, коло си́ра то́-що;* а сами—*наше ді́ло парубоцьке*—пойдемъ *за парубками*.

На Подоли нѣтъ *у́лиць*—перевелись; нѣтъ, кромѣ *вечерни́ць и оде́нькі́въ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, никакихъ сходокъ молодежи. Лѣвая сторона Днѣпра ночью имѣетъ больше жизни и поэзіи, чѣмъ днемъ: до полночи отъ сумерекъ вы слышите пѣсни, говоръ, смѣхъ... На Подоли въ это время развѣ собака залаетъ да пропоетъ пѣтухъ. Иногда волки завываютъ. Лѣтомъ, покрайней мѣрѣ, *ночлі́жники* поютъ, идучи на поле; иной и *на сопі́лку*. Но все это въ одиночку. Женскаго голоса ночью тамъ никогда не услышите. А зимою *ти́хо та су́мно, якъ у домови́ні*. Это, очевидно, зависитъ не отъ народнаго характера—народъ нашъ вездѣ одинаково *співо́чий*; причиною тому постороннее вмѣшательство. Въ этомъ отношеніи, особенно отличается духовенство. Въ послѣднее время, оно съ особеннымъ жаромъ стало преслѣдовать Купайла, Андрея, Маланку и т. д. подъ видомъ ревности о вѣрѣ, а *вечерни́ці*—подъ предлогомъ противодѣйствія разврату. Между-тѣмъ, народныя празднованія имѣютъ значеніе только игръ, а *вечерни́ці* суть вечернія сходки молодежи,—не что́ иное, какъ вечера у пановъ, только безъ участія старыхъ. Старики—или лучше мужья и жены—отдыхаютъ, или дома работаютъ, имъ не *до гости́ни*, не до *весе́лости*; а молодые сходятся въ одинъ домъ, съ тою цѣлью, чтобы не скучать за работою въ длинные осенніе и зимніе вечера. Этимъ-то именно и отличаются *вечерни́ці* отъ вечеровъ: здѣсь работаютъ, дѣло дѣлаютъ, а тамъ переливаютъ изъ пустаго въ порожнее, театральничаютъ, проигрываются и т. п. Не безъ того, разумѣется, что бы не было нехорошихъ случаевъ въ народѣ; но развѣ то же самое не случается и въ высшемъ сословіи? хотя *панянки на вечерни́цяхъ* не бываютъ. Да кто скажетъ, что и въ простомъ народѣ это отъ вечерницъ? Такой дѣвушки даже не принимаютъ на вечерницы. Я очень хорошо знаю вечерницы, знаю дівчатъ, знаю народные обычаи и взгляды, и то знаю, что *хазя́йський синъ* не посмѣетъ *занять* съ нехорошею цѣлію *хазя́йську дочку́*. Для этого есть *жидівські наймички́, рекрутки́, московки́* (солдатки) и т. под.

пригуль. Притомъ, дѣвицы такъ связаны обрядомъ первой ночи, что только пьяная или крайне-безстыдная можетъ поддаться обольщенію; но если въ ея сердцѣ останется хоть не много стыда, если въ ея головѣ не перевелось сознаніе себя и чести, то такая можетъ уступить только *силѣ*, и добровольно ни за что не согласится *підтоптáти підъ нóги отця-нéньку*. Парубки очень хорошо понимаютъ это, понимаютъ это и родители, а потому и позволяютъ своимъ дочерямъ не только ходить на вечерницы, но и *приймáть на білі подушкú*, какъ поется въ пѣсняхъ. Не понимаетъ или притворяется, что не понимаетъ этого, только духовенство, — разумѣется не безъ исключенія, — и назначаетъ штрафы за участіе въ томъ или въ другомъ. Штрафы эти состоятъ въ денежныхъ взысканіяхъ *на цéркву*, или въ отработкѣ священнику, преимущественно во время говѣнья, также передъ сватьбою. Болѣе ревностные употребляютъ и другія болѣе радикальныя мѣры убѣжденія. Въ этомъ помогало духовенству и благоразуміе пановъ. (*)

Грустно, тяжело, невыносимо становится, что народъ, вмѣсто своихъ высоко-поэтическихъ сходокъ, долженъ собираться въ корчму, откуда никто не гоняетъ ниже́ словомъ, не только палкою или кнутомъ. Удивительно ли, что лѣтъ тридцать назадъ, и для парубковъ, разсказываютъ, считалось позорнымъ являться въ шинокъ; а теперь и дівчата ходятъ туда, словно *до нанáшки, такъ до шінкáрки*. Что́ можно вынесть изъ этого дома, кромѣ разврата? *пьяному й мóре по колíна*. Но этого не хотятъ видѣть, и годъ-отъ-году все сильнѣе накидываются на народные обычаи. Можетъ, покажется несообразнымъ, что я такъ разговорился о запрещеніяхъ, а между тѣмъ имѣлъ же время изучить обычаи: гдѣ плоды тѣхъ преслѣдованій? — На это я скажу, что не все удалось перевести: народъ очень упоренъ въ своихъ привязанностяхъ къ чему-либо. Притомъ,-я изучалъ народъ въ приходѣ своего отца, который самъ недоволенъ запрещеніями и остался украинцемъ. Онъ такъ правильно смотритъ на народныя игры, что не только не запрещалъ ихъ для народа, но и дѣтямъ своимъ-*хлóпцямъ и дівчáтамъ*—позволялъ ходить на Купайла,

(*) У Подолянъ остался до-нынѣ *громáдзький судъ*: всею громадою выбираютъ *судцíвъ* изъ стариковъ—не больше семи, не меньше четырехъ, и они рѣшаютъ дѣла общимъ приговоромъ на сходѣ подъ открытымъ небомъ, куда призываютъ и спорящихся. Обычай этотъ поддерживали и нѣкоторые помѣщики.

гдѣ *справляли Андрея* и т. п. Только на *вечерниці* не пускалъ насъ,—очевидно, потому, что ни для насъ, *хлопцівъ*, ни для сестеръ нашихъ тамъ не было пары. Спасибо ему за это!.. Да и что намъ дѣлать было на вечерницахъ, гдѣ всѣ за работою? Кромѣ того, благодаря семинарскому воспитанію, я былъ настолько глупъ, что могъ бы надѣлать проказъ и быть вытолканнымъ, какъ выражаются, *втришия*. Спасибо за запрещеніе; этимъ я спасенъ отъ мучительныхъ воспоминаній. А на вечерницахъ паничамъ такъ часто достается!.. Счастливцы-паничи — кого не бьютъ? за-то ужъ и ихъ, — кто не хочетъ.—По данному слову, пойдемъ за парубками. Вотъ ужъ дѣянія: пора.

Съ какимъ нетерпѣніемъ цѣлую страстную недѣлю ждутъ Великодня, съ такимъ же, если не съ большимъ, нетерпѣніемъ *въ великóдну суботу* ждутъ вечера. Не потому вечеръ играетъ такую роль, что отъ Великодня онъ отдѣляется только ночью, нѣтъ—этотъ вечеръ имѣетъ свое собственное значеніе. Ни пѣсенъ, ни игръ въ это время не бываетъ; но обычай *вогóнь клáсти* включаетъ его въ число народныхъ празднованій и разжигаетъ сердца. *Вогóнь клáсти* имѣетъ что-то поэтическое само по себѣ; посмотрѣли бы вы, какъ ночлижники заботятся объ этомъ, какъ собираетъ ихъ огонь въ кружокъ, какъ они веселы вкругъ огня. Съ какимъ воодушевленіемъ послѣ разсказываютъ о тѣхъ ночахъ, когда на полѣ *вогóнь клáли*! и какъ завидуютъ этимъ счастливцамъ тѣ, кто по чему-либо не могъ имѣть удовольствія развести огонь! Кажется, что̀ можетъ быть обыкновеннѣе огня, разведеннаго лѣтомъ въ саду, вмѣсто кухни, а между тѣмъ, такіе дни оставляютъ въ душѣ какія-то торжественныя воспоминанія. Даже тѣ *потрáви* ѣдятся съ бóльшимъ аппетитомъ, которыя приготовлены въ саду. Не смѣшно ли? старики любятъ полежать, посидѣть, побалакать возлѣ этого огня... Нѣтъ, не смѣшно. Посмотрите, съ какимъ торжественнымъ видомъ они разсказываютъ *дітворі* про давнія лѣта, про разныя *пригóди* изъ своей молодости!.. Все это навѣялъ огонь. Къ этому огню выходитъ не только мать семейства, отецъ, но, если есть, и *дíдъ потурбýе свою стáрість*. Любо посмотрѣть на этотъ кружокъ! румяная *молодúця* стряпаетъ, отъ огню еще болѣе зарумянившись, а тамъ отецъ нѣсколькихъ дѣтей самъ *дровця збирáе*; *а старий дíдъ* сидитъ въ тѣни, и вѣтеръ балуется его сѣдымъ чубомъ. А *дітвора?* шныряютъ сюда—и—туда *голомóзики*, пищатъ, кричатъ, забавляются, или тѣснымъ кружкомъ

сидятъ возлѣ дѣдушки, слушая каждое слово его, ловя каждое движеніе чувства. Но вотъ пробѣжало неудовольствіе по всѣмъ лицамъ вразъ—и всѣ заворушились—чтó это? это хозяйка зоветъ кушать. Несмотря на то, что обѣдъ этотъ—словно *хлібъ відъ зáйця*, но всѣ не охотно принимаются за ложку, какъ будто жалѣя, что огонь болѣе ненуженъ, что они оставятъ его одного и сверхъ того еще и водою зальютъ. Огонь—великое дѣло: безъ удовольствія и ту *картóплю* копаютъ и ту *кукурýдзу* ломаютъ, гдѣ огню не разводятъ; безъ огню и *баштанá* не выберутъ; безъ огню, подъ открытымъ небомъ, никакáя *окáзія* не обходится. Праздникамъ огонь придаетъ торжественности. Но огонь *на діяния* имѣетъ свою собственную важность;—это огонь *на діяния*. Никакъ я не могъ добиться, для чего разводятъ этотъ огонь. На всѣ мои вопросы отвѣчали: *бо діяние сёгóдня*, или: *бо взавтра Велúкдень*.—»Ну! то взáвтра Велúкдень, а вогóнь сёгóдня нá-що?«—Та прóсто на-то, шо взáвтра Велúкдень. —»То на щожъ вогóнь кладéте?«—А на що такъ споконвіку ведéтця?—Какъ видно, народъ самъ не знаетъ, для чего этотъ огонь нуженъ, и ему особеннаго значенія не придаютъ; но съ какимъ неудовольствіемъ отказываются разводить его, когда кто-либо не позволяетъ! какимъ *гóмономъ* встрѣчаютъ запретителя!

Но я много наговорилъ уже, а еше не сказалъ, гдѣ и кто разводитъ огонь *на діяния*. Парубки разводять его недалеко отъ церкви, гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ: женскаго пола при этомъ огнѣ не бываетъ, а мужчины могутъ быть всѣхъ возрастовъ и сидятъ обыкновенно до благовѣста *на всенóшне*. Тогда идутъ къ церкви, а огонь остается незалитымъ, чего не позволяютъ себѣ въ другихъ случаяхъ.

Замѣчательно, что ради этого огня забывается право собственности: кто чтó можетъ и у кого можетъ взять, все предаютъ огню. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, по совѣту одного *чéсного господаря—роздобýти пáлива по шопáхъ* (повітка, сарай)—у него самого унесли *кругъ* довольно порядочныхъ колесъ и въ его же глазахъ положили на огонь.

— Брáво! брáво! сказалъ онъ.

— Та це, дя́дьку, вáше! замѣтилъ кто-то.

— А дýмаешъ, я не пізнáвъ... Щобъ зъ мéне за госпóдаръ, якъ би я свóго добрá не пізнáвъ? Та щожъ робúти?—хай хмáру нагрівáе...

Не будетъ ли это указаніемъ на празднованіе съобща, на праздникъ всего народа, на богослуженіе, при которомъ, какъ въ одной

семьѣ, не было ни моего, ни твоего, но все *наше*, какъ Богъ *нашъ*? Вѣдь у Славянъ можно же было воспользоваться чужимъ добромъ для угощенія чужестранца; можетъ-быть, такимъ же образомъ богатые заступали неимущихъ и въ дѣлѣ жертвоприношеній—что̀ очень возможно. Сѣкиры не употребляютъ при этомъ огнѣ въ это время потому, что *взáвтра свя́то*, но, въ древности, очевидно это имѣло и другое значеніе,—быть-можетъ, то же самое, что̀ и при кострѣ для сожженія вдовъ. Спать при огнѣ не позволяется, а кто уснетъ, тому непремѣнно *лúса пiдженýтъ*, развѣ отца побоятся. Не только, впрочемъ, у этого огня, но и въ домахъ противъ Великодня стараются не спать цѣлую ночь и цѣлую же ночь не тушатъ огня въ домахъ, разумѣется, кто имѣетъ возможность. Огонь, разведенный парубками, горитъ и на Великдень, иногда и до вечера, но уже поддерживаютъ его только дѣти. Не безъ того, что и парубокъ придетъ но не надолго, и это не считается уже обязанностію, какъ въ предшествовавшую ночь.

Казалось бы, сидя у этого огня, какихъ разсказовъ не наслушаешься! ими, вѣдь, такъ богатъ нашъ народъ. Между тѣмъ, выходитъ иначе: всѣ сидятъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи, только рѣдка слышно: *пiджарь! попрáвъ!* и т. п. Безъ разговоровъ, правда, не обходится, но они ведутся въ-сторонѣ и почти безъ исключенія, имѣютъ предметомъ своимъ старину, прошедшія празднованія... Разъ я слышалъ предлинный и презанимательный разсказъ о бѣгствѣ нѣсколькихъ душъ изъ турецкой неволи—началось оно на Великдень, а потому и было передано старикомъ. Случаются и юмористическіе разсказы, но смѣяться непозволительно: »щó ти колó волівъ, чи що! гамýйся!« такъ и загремитъ.

Когда я видѣлъ этотъ огонь, разгулъ уже исчезъ; но разсказываютъ, что *въ-давнинý не такъ бувáло*. Это, впрочемъ, ничего не отнимаетъ у самого характера празднованія, кромѣ роскоши, богатства, живости, а потому и пройдемъ это молчаніемъ.

Такъ-то парубки проводятъ на Подоли ночь противъ Великодня:— говорю проводятъ!... Можетъ-быть, слѣдовало бы сказать проводили? Можетъбыть тѣ, кому, по обычаю, слѣдовало бы провести ночь у огня, ожидая благовѣста на всеношную, *не одно дiя́ние проспа́ли;* быть-можетъ у огня они не разъ видѣли, въ эту ночь, искрившіеся глаза какого-либо *паліводи;* можетъ-быть и то, что не од-

ному соколу ясному приснилась въ эту ночь *сѝвая голу́бка*, чо́рні о́чі, якъ тере́нъ, чо́рні бро́ви, якъ шнуро́къ, личко́ бі́ле, хоць пиши,

»Зубки, губки перломъ чи́сти,
Шия бі́ла ще й въ намісті...«

Да чего не можетъ быть? все можетъ быть; только *сонъ мара́, а Богъ ві́ра*, и въ дѣйствительности отъ этого не лучше.

Предразсудки и суевѣрія неразлучны съ Подолянами и въ церкви. (О вѣдьмахъ будетъ разсказано мною въ *Основѣ*).—Но на чемъ основано слѣдующее повѣрье: »якъ пі́пъ—ото́ въ притво́рі—ска́же пе́рший разъ: Христо́съ воскре́съ, то не відка́зувати ёму́, я́къ слі́дъ: во истину воскресъ, а що хочь, щобъ найлу́чче вело́сь... Якъ скажешь, напр., щобъ мині худо́ба найлу́чче вела́сь, або́: щобъ у ме́не гро́ші не перево́дились; то такъ воно й буде ці́лий рі́къ.« Мнѣ ничего такъ не хотѣлось, какъ учиться лучше всѣхъ, и я страхъ хотѣлъ сказать: *щобъ я вчи́вся лу́чче всіхъ*; но чувство радости преодолѣвало меня, и я, вмѣсто того, всегда отзывался: воистину воскресъ, и волосы ежились, *ажъ моро́зъ пі́де поза плечі́*. Такъ, должно быть, поступаютъ всѣ, кто, какъ и я нѣкогда, вѣритъ въ справедливость этого суевѣрія. Счастливое время — дѣтство; тогда всему вѣришь, всему радуешься. Отчего бы и до смерти не быть такимъ довѣрчивымъ, такимъ беззаботнымъ? Отчего бы свѣту и въ самомъ дѣлѣ не быть такимъ, какимъ дѣти представляютъ его? Какъ бы хорошо было жить въ такомъ свѣтѣ! Кажется, на дѣтей и солнце не такъ свѣтитъ, для нихъ и соловьи не такъ поютъ, и все для нихъ лучше, пріятнѣе, восхитительнѣе... Или они глупы, или мы разучились быть счастливыми?... Отчего бы, въ-самомъ-дѣлѣ, и въ тридцать, и въ сорокъ лѣтъ, и во сто, не радоваться такъ хоть бы и Великодню, какъ радуешься ему еще въ десять лѣтъ, а счастливцы и немного позже? *Святи́й зна́е*... А между тѣмъ Великдень все такое же *свято* и ничуть не меньшее... Но посмотримъ, какъ его проводятъ Подоляне—разумѣется, тѣ, которые и женятся, и умираютъ въ состояніи дѣтства. Какъ они счастливы! Но кто пожелаетъ такого счастія своимъ дѣтямъ?

На перши́й день Вели́кодня не топятъ, не варятъ и въ гости не ходятъ; все это почитается неприличнымъ для такого праздника. Но на Різдво́, напр., этого нѣтъ. На другой день мужчины (чоловіки) ходятъ поздравлять попа, папа и другъ друга. При этомъ

христу́ютця, обмѣниваясь *писанка́ми* или *крашанка́ми.* На третій день — женщины ходятъ поздравлять попадью, паню и однѣ другихъ. Ходятъ онѣ съ *калача́ми*, также *христу́ютця* и *міня́ютця писанка́ми* или *крашанка́ми* (*). Родъ *христова́ння* между молодежью—обычай *віддава́ти колодки́.* Онъ состоитъ въ томъ-же: *христу́ютця*, т. е. цѣлуются трижды, но не мѣняютъ писанокъ, а дѣвушка даетъ ихъ парубку, — на томъ и конецъ. Парубокъ, получившій писанки, остается у этой дѣвушки въ долгу и обязанъ *найняти тане́ць.* Прежде, нежели разскажемъ обширнѣе объ этомъ обычаѣ— *віддава́ти колодки́*, объяснимся, что́ значитъ *найня́ти тане́ць.* На Подоли нѣтъ деревни, въ которой не было бы нѣсколькихъ душъ музыкантовъ. Обыкновенные инструменты: *скри́пка*,—иногда двѣ и три, *басъ*, *бубонъ* и *цимба́ли.* Встрѣчаются флейты, кларнеты, чеканы. Это не то, что́ панская музыка: панская сама-по-себѣ, а эта сама-по-себѣ, и слыветъ подъ именемъ свободнаго оркестра—*во́льна капе́лія.* Эта вольна капелія иногда играетъ превосходно (напр. бр. Верши́нські въ м. Крутыхъ Балтскаго уѣзда. Тульчинецкая вольна капелія, извѣстная подъ именемъ Тога́нъ—Тоgа́ни, состоитъ изъ цыганъ и евреевъ), и съ достоинствомъ замѣняетъ Чеховъ и другихъ музыкантовъ. Такіе замѣчательные музыканты, очевидно, ждутъ панскихъ призывовъ, а всѣ остальные—*тирли́дачі* по воскресеньямъ и праздникамъ собираются въ сельскій шинокъ, если попъ играть позволяетъ; не то—выходятъ въ тѣ корчмы, которыя стоятъ за селомъ и извѣстны подъ именемъ »вольныхъ« (на вольну йдутъ). Разумѣется, на вольной одни подорожніе да нѣсколько пастуховъ заходятъ въ корчму; охотниковъ погулять между ними едва ли отыщется. Поэтому вольна не веселитъ, и музыканты стараются задобрить попа и играютъ въ деревнѣ. Обычай тамъ такой, что попъ посылаетъ причетниковъ, тѣ отнимаютъ инструменты и приносятъ къ настоятелю. Музыканты должны выкупить ихъ; сумма назначается священникомъ и идетъ въ пользу церкви. Это еще ничего; но иногда причтъ получаетъ приказаніе побить инструменты, и исполняетъ это съ ожесточеніемъ, со всеусердіемъ. Тогда что́? Очевидно, что бѣднымъ музыкантамъ легче ударить челомъ пастырю, нежели, разсердивъ его, допустить кого ударить инструментомъ *о́бъ-землю*, или *объ ла́ву* и т. п. Получив-

(*) Разумѣется, гдѣ панъ и паня, попъ и попадья дозволяютъ это себѣ. Большею частію обходится *безъ христовання*, только поздравляютъ.

ши разрѣшеніе, вольна капелія отправляется въ шинокъ и тамъ садится за столъ и играетъ по найму отъ штуки, какъ шарманщики. Каждая штука извѣстна подъ именемъ *танця*, и платится двѣ, три до пяти копѣекъ мѣдью. Такую-то сумму парубокъ долженъ выбросить изъ кармана въ пользу дивчины, отдавшей колодку. Но не въ количествѣ дѣло, а въ чести: та дѣвушка значнѣе въ селѣ, для которой больше *танцівъ наймаютъ*; равнымъ-образомъ, тотъ парубокъ важнѣе, которому отдаютъ больше колодокъ. Охотницы къ танцамъ, дѣвицы еще и честолюбивы: оттого нанятый танецъ морально дорогъ, хоть дешевъ платою. Откупаться надо, какъ можно скорѣй; потому вольна капелія зарабатываетъ преимущественно весною. Это разумѣется о вольныхъ танцахъ, въ шинкѣ. Та дівчина, для которой танецъ нанятъ, первенствуетъ въ немъ, но можетъ позволять и запрещать танцовать другимъ только съ согласія нанявшаго. На Подоли танцуютъ непремѣнно парами и *помішь*—мужчины и женщины. Танцовать *бовкупомъ*, какъ я видѣлъ въ г. Миргородѣ, на Подоли не водится. Кстати, тамъ въ танцахъ первенствуютъ дівчата, и парубки заискиваютъ—*заліцаютця*, а здѣсь парубки все, а дівчата ничего, такъ-что можетъ пройти *гуляння*, а танцуютъ только парубки, дівчатамъ не дадутъ. Это по-подольски невѣжество, а здѣсь удальство, молодечество. На Подоли вообще дівчата пользуются уваженіемъ парубковъ, хоть и должны остерегаться обидѣть кого изъ нихъ, и не имѣютъ гуртоваго прозвища, даже по одиночкѣ дразнятъ тамъ не каждую, и большею частію по отцу, какъ отца продразнятъ.

Въ Миргородѣ дівчата ровно ничего не значатъ, а парубки всесильны, грубы въ обращеніи съ ними, даже въ извѣстной степени нечестны, и всѣхъ вообще дівчатъ дразнятъ овцами—*шлёнські вівці-бррръ*. Вообще говоря, Подоляне привѣтливѣе, развязнѣе, здоровѣе и больше развиты. Это я объясняю тѣмъ, что тамъ нѣтъ пановъ—*дрібнóти*, которые бы слѣдили каждый шагъ крестьянина. (*). Не было тамъ и тайной экспедиціи. Далѣе тамъ народъ ничуть не сошелся съ солдатами и дѣтямъ своимъ не позволяетъ. Оттого тамъ разврата, сравнительно съ лѣвой стороною, можно-сказать, нѣтъ, и пѣсни прекрасны, цѣльны. Не такъ, какъ, напр., въ г. Миргородѣ, гдѣ поютъ

(*) На Подоли даже не употребляютъ слова крестьянинъ, какъ въ Гетманщинѣ—тамъ зовутъ себя піддáними, а *кріпосними*—дворовыхъ.

просто чортъ знаетъ какія гадости, отвратительно слушать. Уже не говоря о языкѣ, который до крайности изломанъ на *москóвське*, самое содержаніе безнравственно; иная пѣсня просто лишена смысла. Особенно это надо сказать о парубочихъ пѣсняхъ и тѣмъ болѣе гуртовыхъ. Я не знаю, чѣмъ объяснить то, что парубки не стыдятся во все горло пѣть неприличныя пѣсни, даже въ присутствіи женщинъ. Это, должно быть, отзывается дружба съ солдатами... Нѣтъ, на Подоли не недоляшки, а чистые украинцы, безъ примѣси. Но возвратимся къ колодкамъ.

Обычай *віддавати колодкú* имѣетъ связь съ *великопістнимъ пущинемъ* или кажется, вѣрнѣе, *съ пущинемъ* передъ *мáсницею* — точно сказать не могу. Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ этихъ заговинъ парубки нанимаютъ танцы для своихъ дівчатъ, и онѣ обязываются *віддáти колóдку* именно тому, кто танецъ нанималъ. Какъ я сказалъ, можно отдавать и нѣсколько колодокъ, слѣд. нѣсколько парубковъ могутъ нанимать танецъ для одной дѣвушки; но не всѣ вразъ, а каждый порознь. Но что́ же такое самая колодка?

Въ понедѣльникъ, на сырной недѣли, Подоляне празднуютъ *Колодія*. Этотъ *Колодій* (*)—*бабське свято*. Я видѣлъ, что для празднованія его собираются у попадьи; ни священникъ, ни другой мужчина, на этомъ празднованіи не присутствуетъ. Не знаю, куда отнести обычай *знóсити мітки попадí на колодія*,—къ позднѣйшимъ ли установленіямъ, или это остатокъ старой старины? Но носятъ *мітки* только въ томъ приходѣ, въ которомъ попадья пользуется любовью *парафіянъ*. Колодій—не *ильнóванння: льнýючи* попадья въ старину сама ходила по хатахъ *съ пляшичкою*; теперь, когда уже позоромъ считаютъ сближеніе съ народомъ, — молодыя попадьи, посылаютъ довѣренную женщину и уже *безъ пляшечки* — а простодай; на Колодія же молодиці сами сходятся къ попадьѣ, которая дѣластъ для нихъ ýчту; на *ильновáння* ропщутъ, жалуются, а Колодій празднуютъ съ радостью и недовольны молодыми попадьями, что онѣ *и Колодія не справляють*. Давно я былъ очевидцемъ этого празднованія и не помню причитаній—будто снится мнѣ, что поминаютъ коноплю. Какъ у себя дома празднуетъ народъ Колодія, не знаю; знаю только, что неженившемуся парубку, который попадется въ руки, молодиця, или и старуха, привязываетъ къ рукѣ или къ ногѣ

(*) Ножъ *колодій* по-Подольски *колодáчъ*.

кусочекъ дерева,—преимущественно *качáлку*, какъ бы въ наказаніе за то, что не женился. Это и называется *вязати колодку*. Кому привяжутъ колодку, тотъ долженъ відкупитись — заплатить привязавшимъ, и того называютъ *нелюдянимъ*, *незвичайнимъ*, кто не *відкупитця*. Привязать колодку могутъ только однажды въ годъ.

Легко понять, что оставшіеся отъ прошлаго года парубки, становятся ватажками вновь подросшихъ, какъ опытнѣйшіе. Не трудно понять и то, что они *захóдя* только съ отборнѣйшими изъ дівчатъ и преимущественно съ оставшимися отъ прошлаго года. Разумѣется, мы не должны причислять сюда *вúбірки*: бракованныя дівчата ждутъ вдовцевъ. Подъ оставшимися отъ прошлаго года дівчатами, должно разумѣть тѣхъ, которыя не вышли замужъ по извѣстнымъ видамъ своимъ или родительскимъ, а также еще очень молодыхъ. Этимъ-то парубкамъ и эти-то дівчата *віддаю́ть колодкú*. Молодыя дѣвушки колодокъ *не віддаютъ*, а молодые парубки не получаютъ ихъ —и очень просто—потому, что *на пýщиня* они были незамѣчены, когда должаютъ на колодки.

Судя потому, что вяжутъ колодки неженившимся, что имъ же отдаютъ ихъ, притомъ за прошлыя услуги, и тѣ дівчата, которыя прошлый годъ *дівувáли*, можно заключать, что Колодій есть остатокъ праздника любви. До весны парубки и дівчата какъ бы разъединяются; но связываетъ ихъ *колодка*. Отдачей колодки начинаютъ праздникъ весны и новую связь съ парубками. Если обратимъ вниманіе на содержаніе нѣкоторыхъ гаивокъ, то окажется, что съ весны начинали мечтать о замужествѣ, слѣд. и о женитьбѣ. Поэтому можно предположить, что Колодій былъ заключительнымъ праздникомъ любви, а весна начальнымъ.

Обычай *віддавáти колодкú* не есть что-либо выдѣляющееся изъ общаго хода празднованія; но не выдѣляясь самъ, онъ не препятствуетъ и другимъ обычаямъ идти своимъ чередомъ, и составляетъ только одну изъ частей Великóдной обрядности. Притомъ онъ, какъ видимъ, принадлежитъ обоимъ поламъ, соединяетъ ихъ обязательствами. Между тѣмъ, все остальное строго дѣлится на двое—на *парубоче* и *на дівоче*.

Для празднованія Великодня, сходятся въ церковную ограду— *на цвúнтаръ*. Только первый день, впрочемъ, празднуютъ *на цвúнтарі*—всѣ безъ исключенія; на второй уже собираются въ шинокъ, и только не многіе—на *цвинтаръ*; на третій день—кто въ шинокъ идетъ,

а кто и дома сидитъ. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ про молодежь. Въ давнее время, говорятъ, праздновали долѣе вообще и долѣе въ церковной оградѣ; но теперь панщина и т. п. ослабила этотъ обычай и сжала празднованіе въ три дня свѣтлой недѣли — *Велико́дного ти́жня*.

Ан. Свидницкій.

(Слѣдуетъ продолженіе)

ОТВѢТЪ

КІЕВСКОЙ КОММИССІИ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, приступая къ изданію собранныхъ ею историческихъ матеріаловъ, неоднократно приглашала публику содѣйствовать ея трудамъ доставленіемъ актовъ, а также указаніемъ и открытіемъ историческихъ матеріаловъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Къ сожалѣнію, вмѣсто содѣйствія, Коммиссія, по выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива югозападной Руси, встрѣтила въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ клеветы и обвиненія ея членовъ въ недобросовѣстности, не имѣющія никакого основанія. Не смотря на то, мы считаемъ долгомъ благодарить нашихъ критиковъ, такъ-какъ ихъ обвиненія подали намъ поводъ объяснить съ большею точностію цѣль и направленіе Коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть ложныя мнѣнія, изложенныя въ статьяхъ нашихъ обвинителей.

Въ 1860 году, Коммиссія, заботясь о возможной полнотѣ и разносторонности своихъ изданій, исходатайствовала своему главному редактору г. Иванишеву разрѣшеніе отправиться въ Варшаву, для извлеченія историческихъ матеріаловъ изъ Главнаго Архива Царства Польскаго. По этому поводу, г. Совинскій напечаталъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ слѣдующее извѣстіе: «сюда (т. е. въ Кіевъ) возвратился изъ ученой поѣздки въ Царство Польское профессоръ Иванишевъ, членъ Кіевской археографической Коммиссіи. Онъ хвалится огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ, относящихся къ исторіи Рѣчи Посполитой. Наибогатѣйшій рудникъ онъ нашелъ въ Піотрковѣ. Г-нъ

Иванишевъ—любитель судебныхъ скандаловъ. Въ своихъ поискахъ онъ особенное обращаетъ вниманіе на тѣ жалобы и манифестаціи, которыя подавались противъ давняго польскаго правительства; книгъ декретовыхъ избѣгаетъ какъ огня». [1])

Во всемъ этомъ извѣстіи г. Совинскаго нѣтъ ни одного слова правды. Г. Иванишевъ не только не открывалъ никакого рудника въ Піотрковѣ, но даже никогда не былъ въ этомъ городѣ. Г. Иванишевъ никогда не хвалился огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ; извѣстіе о его открытіяхъ только недавно было напечатано въ отчетѣ университета Св. Владиміра за 1860–61 учебный годъ. Въ этомъ отчетѣ сказано, что г. Иванишевъ, во время трехмѣсячной командировки въ Варшаву, разсмотрѣлъ 220 книгъ Метрики Коронной и Трибунала Люблинскаго и извлекъ изъ нихъ матеріалы для исторіи церкви въ Югозападной Руси, для исторіи мѣстной администраціи, акты о Козакахъ, жалованныя грамоты Кіеву, Чернигову, Владиміру-Волынскому и войтамъ Кіевскимъ, также ревизіи нѣкоторыхъ городовъ и старостъ. Изъ этихъ актовъ уже напечатаны во II–й части Архива, издаваемаго Коммиссіею: договоръ дворянъ Волынскихъ о защитѣ Люблинскаго православнаго братства, два бреве папы Климента VIII, статьи, постановленныя на избирательномъ сеймѣ 1632 г. для успокоенія православной церкви, списокъ западнорусскихъ дворянъ, присутствовавшихъ на этомъ сеймѣ; прочіе акты будутъ напечатаны въ дальнѣйшихъ изданіяхъ Коммиссіи. Неужели всѣ означенные акты, открытые г. Иванишевымъ, можно назвать юридическими скандалами?

Что̀ касается до книгъ декретовыхъ, отъ которыхъ г. Иванишевъ, по выраженію г. Совинскаго, бѣжитъ какъ отъ огня, то подъ этимъ названіемъ разумѣются тѣ актовыя книги, въ которыя вносились судебныя дѣла и состоявшіяся по этимъ дѣламъ судебныя рѣшенія, или декреты. Такими судебными дѣлами и декретами наполненъ почти весь второй томъ изданнаго г. Иванишевымъ въ 1849 году сборника подъ заглавіемъ: Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Нѣсколько такихъ же судебныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ декретами, помѣщено въ I–й части Архива Югозападной Руси. Если г. Совинскому извѣстны декретовыя книги, которыхъ боится Коммиссія или ея главный редакторъ, то благороднѣе было–бы съ его стороны публи-

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1860 г., № 73, стр. 793.

ковать объ этомъ съ большею опредѣленностію, обозначивъ, что онъ разумѣетъ подъ декретовыми книгами, и гдѣ эти книги находятся. Коммиссія почла-бы долгомъ воспользоваться указаніемъ г. Совинскаго; а до-тѣхъ-поръ мы имѣемъ право считать его объявленіе умышленною клеветою.

По выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива Югозападной Руси, достойнымъ продолжателемъ ложныхъ обвиненій, вымышленныхъ на редактора Коммиссіи г. Совинскимъ, явился г. Падалица (Зенонъ Фишъ, какъ объявлено въ Варшавской Библіотекѣ 1861 г. № 6, стр. 716).

Г. Падалица, въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 30, обвиняетъ Коммиссію въ томъ, что ея трудами управляетъ духъ пристрастія, изображающій историческую жизнь Польши только съ невыгодной стороны, что Коммиссія питаетъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство и даетъ публикѣ выборки изъ актовъ, удовлетворяющіе не столько требованіямъ исторіи, сколько личнымъ предубѣжденіямъ членовъ Коммиссіи. Такія обвиненія въ намѣренномъ искаженіи истины и въ недоброжелательствѣ, направленныя противъ ученаго общества, заключающаго въ своемъ составѣ профессоровъ университета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами, могли родиться только въ человѣкѣ, не знающемъ Польской исторіи и ослѣпленномъ ложнымъ патріотизмомъ.

Коммиссія предвидѣла, что, издавая акты, изображающіе политическую и религіозную борьбу двухъ національностей, она можетъ обнаружить такіе факты, которые покажутся странными и даже невѣроятными людямъ, состарѣвшимся въ ложныхъ историческихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ древней Польши и о томъ блаженствѣ, какимъ наслаждались народы, входившіе въ составъ Рѣчи-Посполитой. Поэтому, для устраненія упрека въ пристрастіи и односторонности, Коммиссія, приступая къ изданію Архива Югозападной Руси, приглашала всѣхъ, кому понятна важность отечественной исторіи, сообщать ей историческіе матеріалы [1]). Эта же просьба повторена была, при изданіи II-й части Архива. Коммиссія приглашала всѣхъ и каждаго свѣрять изданные ею акты съ подлинниками, хранящимися въ Центральномъ Архивѣ и обязывалась вносить въ свои изданія всѣ древніе

[1]) Архивъ Югозападной Россіи, т. I, стр. IX.

акты, на которые ей укажутъ, или которые будутъ ей доставлены, не обращая вниманія ни на какіе національные интересы [1]).

На это приглашеніе Коммиссіи не отозвался ни одинъ изъ ея порицателей. На какомъ же основаніи г. Падалица и его сподвижники обвиняютъ Коммиссію въ томъ, будто она выбираетъ и печатаетъ только акты, невыгодные для Поляковъ и соотвѣтствующіе личнымъ предубѣжденіямъ ея членовъ, и что члены Коммиссіи питаютъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство? Г. Падалица ссылается на общее убѣжденіе ученыхъ, которые имѣли случай ближе познакомиться съ историческими сокровищами, хранящимися въ стѣнахъ университета. Если-бы г. Падалица дѣйствительно интересовался открытіемъ исторической истины, то, вмѣсто недоказанныхъ обвиненій, просилъ-бы своихъ ученыхъ пріятелей указать на тѣ акты Центральнаго Архива, которые не напечатаны Коммиссіею, по пристрастію и ненависти къ Польшѣ; этимъ онъ уличилъ-бы Коммиссію въ недобросовѣстности и оказалъ-бы услугу отечественной исторіи; а до тѣхъ поръ, пока г. Падалица будетъ основывать свое обвиненіе на однихъ слухахъ, мы имѣемъ право его самого и его ученыхъ друзей считать клеветниками.

Г. Падалица говоритъ, что, для обнаруженія пристрастія и односторонности Коммиссіи, дворянство возъимѣло мысль опредѣлить въ Центральный Архивъ одного изъ своихъ членовъ, который-бы издавалъ акты независимо отъ Коммиссіи. Мы можемъ увѣрить г. Падалицу, что эту мысль возъимѣли первоначально не дворяне, а нѣкоторые изъ членовъ Коммиссіи.

Въ 1859 г., предсѣдатель Коммиссіи, Юзефовичъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній ассигновать сумму на жалованье редактору, который избирался-бы дворянствомъ изъ извѣстныхъ ему польскихъ ученыхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ занимался разборомъ актовъ въ Центральномъ Архивѣ и изданіемъ ихъ въ свѣтъ. Это предложеніе было одобрено дворянами и доведено предсѣдателемъ Коммиссіи до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальника, который изъявилъ на то полное свое согласіе. Въ прошедшемъ 1860 г., главный редакторъ Коммиссіи, г. Иваншевъ, по просьбѣ Кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства, г. Бутовича,

---

[1]) Тамъ-же, ч. II, т. I., стр. XI.

составилъ, по этому же предмету, записку, для представленія дворянскому собранію. Въ этой запискѣ предположено, чтобы дворяне Кіевской, Подольской и Волынской губерній, сверхъ редактора, избирали четырехъ окончившихъ курсъ въ университетѣ студентовъ, которые-бы, занимаясь въ Центральномъ Архивѣ, подъ руководствомъ редактора, участвовали въ изданіяхъ Коммиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучались къ разработкѣ отечественной исторіи, на основаніи подлинныхъ документовъ. Дворянство Кіевской губерніи опредѣлило ассигновать для этого 1500 руб. ежегодно; но дѣло остановилось только потому, что дворяне Подольской и Волынской губерній до-сихъ-поръ не постановили, по этому предмету, никакого рѣшенія. Въ справедливости нашихъ словъ мы ссылаемся на г. Бутовича и извѣстнаго польскаго литератора Михаила Грабовскаго, которые принимали въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

Съ редакторомъ Коммиссіи г. Падалица сражается не равнымъ оружіемъ. Редакторъ Коммиссіи основываетъ свои выводы на открытыхъ имъ постановленіяхъ дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, на актахъ Метрики Коронной и Трибунала Люблинскаго, на актахъ Метрики Литовской, на сеймовыхъ конституціяхъ и на сочиненіяхъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Г. Падалица отвѣчаетъ на все это бранью, обвиняетъ редактора въ односторонности и пристрастіи, не считая нужнымъ подтверждать своихъ словъ никакими доказательствами. Въ какой степени полезна для науки и прилична подобнаго рода критика, мы предоставляемъ судить читателямъ.

Всѣ эти обвиненія происходятъ главнымъ образомъ оттого, что г. Падалица не понялъ значенія статей, помѣщаемыхъ предъ каждымъ томомъ актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею. Цѣль и объемъ этихъ статей объяснены въ предисловіи къ 1-му тому первой части Архива. Тамъ сказано, что, въ началѣ каждаго тома, Коммиссія предполагаетъ помѣщать изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ издаваемыхъ актахъ и которыми обогащается отечественная исторія [1]). Изъ этого видно, что статья редактора Коммиссіи, на которую нападаетъ г. Падалица, имѣетъ цѣлію изобразить предметы только въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ они представляются въ актахъ, и поэтому эта статья не можетъ считаться законченнымъ историческимъ

[1]) Архивъ Югозападной Россіи ч. I, т. I, стр. IX.

очеркомъ, а только матеріаломъ, требующимъ дальнѣйшей обработки и пополненія. Если съ этой точки смотрѣть на статьи редактора Коммиссіи, помѣщаемыя въ началѣ каждаго тома актовъ, то упреки въ односторонности будутъ совершенно несправедливы.

Чтобъ доказать односторонность и пристрастіе Коммиссіи, г. Падалица прибѣгаетъ къ средствамъ, недозволеннымъ ни въ какой литературѣ, приписывая редактору Коммиссіи мысли, противныя здравому смыслу. Такъ г. Падалица утверждаетъ, будто, по мнѣнію редактора Коммиссіи, Люблинской уніи никто не хотѣлъ, и что она никому не была нужна [1]). Стоитъ только прочесть слѣдующія слова редактора Коммиссіи, чтобъ удостовѣриться, съ какою недобросовѣстностью г. Падалица искажаетъ мысли автора: «присоединеніе югозападной Руси къ Польшѣ,» говоритъ редакторъ Коммиссіи, «постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западно-русскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ польскими аристократами» [2]). Предоставляемъ каждому судить, въ какой степени эта мысль похожа на ту, которую г. Падалица приписываетъ редактору Коммиссіи.

Мы не понимаемъ, отъ чьего имени говоритъ г-нъ Падалица, упрекая Коммиссію въ пристрастіи и недоброжелательствѣ. «Труды Коммиссіи,» говоритъ онъ, «изображаютъ только съ дурной стороны *наше* прошедшее» [3]). Акты, напечатанные Коммиссіею въ Архивѣ, изображаютъ съ дурной стороны: жалкое состояніе западно-русской православной іерархіи [4]), грубость и жестокіе поступки западно-русскихъ дворянъ [5]), разбойническій духъ козачества [6]), дѣйствія Римской пропаганды и происки іезуитовъ, самовластіе польскихъ аристократовъ и религіозный фанатизмъ короля Сигизмунда III. Не знаемъ, къ какому изъ этихъ сословій причисляетъ себя г. Падалица. Но если, подъ словомъ *наше* прошедшее, онъ разумѣетъ прошедшую судьбу польскаго народа и принимаетъ на себя роль его защитника отъ на-

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1860 г. № 30, стр. 286.
[2]) Арх. ю. з. Р. ч. II, т. I, стр. XXIII.
[3]) Виленскій Вѣстн. 1861 г., № 30, стр. 286.
[4]) Ар. ю. з. Р. ч. I, т. I, стр. 7—15, 29, 152, 159 и друг.
[5]) Тамъ-же. стр. 163, 189, 257, 286, 311 и др.
[6]) Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. 118, 136, 230 и 277.

паденій Коммиссіи, то онъ жестоко ошибается, и трудъ его совершенно напрасенъ,—потому—что въ историческихъ матеріалахъ, напечатанныхъ Коммиссіею въ Архивѣ, онъ не найдетъ ни одной строчки, оскорбительной для Польскаго народа.

Негодованіе, съ какимъ смотрятъ нѣкоторые изъ отсталыхъ польскихъ патріотовъ на труды Коммиссіи, происходитъ преимущественно оттого, что они поверхностно знаютъ польскую исторію. Настоящіе польскіе ученые, изучавшіе исторію своего отечества во всей глубинѣ и обширности, по несомнѣннымъ памятникамъ, во многомъ сходны въ результатахъ своихъ изслѣдованій съ выводами, вытекающими непосредственно изъ актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею. Для примѣра возьмемъ исторію Морачевскаго [1]), родовитаго Поляка и пламеннаго польскаго патріота, жертвовавшаго для своего отечества жизнію и имуществомъ. Въ краткомъ жизнеописаніи этого ученаго сказано, что онъ долго готовился къ своему труду, пріобрѣталъ для своей библіотеки самыя рѣдкія сочиненія, прилежно изучалъ писателей, современныхъ каждой эпохѣ, какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ, усердно работалъ надъ правомъ польскимъ и, для исторіи обычаевъ и просвѣщенія въ Польшѣ, много заимствовалъ матеріаловъ изъ польскихъ конституцій и литовскихъ статутовъ [2]). Польская исторія, написанная Морачевскимъ, заслужила восторженныя похвалы Лелевеля, который находитъ въ этомъ сочиненіи вѣрное изображеніе исторіи Польши, проникнутое безпристрастіемъ и чистою любовію къ отечеству (3). Возьмемъ нѣкоторыя мнѣнія этого ученаго, касающіяся польской исторіи, и сравнимъ съ ними свѣдѣнія, заключающіяся въ изданіяхъ Коммиссіи.

Редакторъ Коммиссіи, основываясь частію на открытыхъ имъ матеріалахъ, частію на актахъ, извлеченныхъ ученымъ Дзялынскимъ изъ Метрики Литовской [4]), и на сеймовыхъ конституціяхъ, вывелъ заключеніе, что въ 1386 году, соединеніе Литвы и Югозападной Руси съ Польшею имѣло чисто-федеративный характеръ, вслѣдствіе котораго каждое изъ соединенныхъ государствъ, находясь подъ властію одного государя, должно было сохранять *главныя условія политической самостоятельности* [5]). Морачевскій идетъ гораздо далѣе: онъ

---

[1]) Dzieje Rzeczy Pospolitéj Polksiéj. Poznan, 1855.
[2]) Moraczewski, Dzieje Rz. Pols. T. IX, стр. XXII.
[3]) Тамъ-же, т. IX, стр. XXX.
[4]) Zbior praw Litewskich. Poznan, 1841.
[5]) Архивъ, ч. II, т. I, стр. XVIII.

утверждаетъ, что *соединеніе Литвы съ Польшею было только кажущееся, а не дѣйствительное*, и что оно вѣрнѣе можетъ быть названо *договоромъ о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ противъ могущественнаго Нѣмецкаго Ордена* [1]).

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видны всѣ невыгоды избирательнаго образа правленія, ярко выступавшія особенно во время междуцарствія [2]). Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «при выборѣ короля, только малое число честныхъ пановъ руководствовалось любовію къ отечеству и внутреннимъ убѣжденіемъ; большинствомъ управлялъ матеріальный интересъ, опутываемый дипломатическими тонкостями, и давалъ избранію то или другое направленіе. Низшая шляхта трубила въ трубу своихъ милостивыхъ пановъ, рубилась и убивала изъ пулгаковъ, потому что панъ, одержавшій побѣду при избраніи короля и содѣйствовавшій къ возведенію его на престолъ, возвышалъ не только себя, но и своихъ придворныхъ, доставляя имъ въ управленіе и пользованіе государственныя имѣнія [3]). По смерти короля, затворялись храмы правосудія, и даже не было никого, кто—бы, по закону, могъ захватить преступника на мѣстѣ преступленія. Поэтому, злые люди, пользуясь этимъ временемъ, принимались за грабежи, поджоги и разбои; словомъ, одна безправная сила властвовала. Междуцарствіе было мрачнымъ событіемъ для всѣхъ честныхъ людей и для цѣлаго общества» [4]).

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видно, что въ XVII вѣкѣ Посольская Изба, выражавшая голосъ провинціальнаго дворянства, потеряла всякое значеніе, и что на желанія республики, выраженныя въ инструкціяхъ дворянства, не было обращаемо надлежащаго вниманія [5]). Этотъ самый недостатокъ замѣчаетъ и Морачевскій, изображая законодательную власть сейма: «сеймъ, бывшій въ 1638 году, оказался весьма бурнымъ. Ронтали на то, что шляхта напрасно совѣщается въ своей Избѣ, потому-что сенатъ постановляетъ, отдѣльно отъ Посольской Избы, все, что ему угодно. Онъ издаетъ законы, но не публикуетъ ихъ установленнымъ порядкомъ и обращаетъ ни во что самыя

---

[1]) Moraczewski, Dz. R. P. Pols. T. II, 181.
[2]) Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXVI и XXVII.
[3]) Moraczewski. Dz. Rz. Pol. T. VI, p. 147.
[4]) Тамъ-же, т. II, стр. 221.
[5]) Архивъ, ч. II, т. I, стр. XXV.

лучшія постановленія Избы Посольской. Изъ этого выходитъ, что *Рѣчь Посполитая даже и не знаетъ, подъ какими законами живетъ она*» [1]).

Въ статьѣ редактора Коммиссіи, изображающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, сказано: «великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами, за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, ими причиняемое, ничѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволію, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и контрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне волынскіе поручали, въ 1649 году, посламъ своимъ спросить на Варшавскомъ сеймѣ: «*долго-ли отчизна наша къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои и долго-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ*« [2]).

Объ этомъ-жъ самомъ предметѣ читаемъ у Морачевскаго: »въ 1634 году, весело, говоритъ Альбертъ Радзивилъ, возвращалось войско наше въ отечество, но невесело отчизна принимала его,—потому-что жолнеры на походѣ, хуже непріятеля, опустошали дворянскія, церковныя и королевскія земли. Они вымогали деньги, брали непомѣрные провіанты, нагружая возы свои, и доходили до такой жестокости, что *бѣдныхъ крестьянъ, по недостатку коней, запрягали въ возы, погоняя ихъ кіями и канчуками.* Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіанское войско; да и дикіе Татары имѣютъ болѣе любви и состраданія къ ближнему, чѣмъ иногда наши. Особенно Литвѣ дали себя знать Поляки« [3]).

Изданные Коммиссіею акты изображаютъ въ жалкомъ видѣ состояніе Югозападной Руси, по присоединеніи этого края къ Польшѣ. Морачевскій, описывая войны Хмельницкаго, касается этого предмета слѣдующими словами: »казалось, наступила для Поляковъ пора дать отвѣтъ за смертельный въ политическомъ отношеніи грѣхъ, состоявшій въ томъ, что они, со времени возшествія на престолъ Сигизмунда III, упустили изъ виду понятіе о справедливости. Смѣшавъ политику съ теологіей, проникшись латинскимъ фанатизмомъ, они попирали религію и права равноправной Руси, которая только братствомъ,

---

[1]) Moraczewski. Dz. Rz, Pols. T. VII, стр, 352.

[2]) Архив. ч. II. т. I, стр. XXXII.

[3]) Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk., T. VII, стр. 310.

а не превосходствомъ силы, соединилась съ Рѣчью Посполитою, Руси, которая сильно увеличила могущество Польши и считала свое вѣроисповѣданіе также святымъ, какъ Поляки римско-католическое« [1]).

Вотъ какъ пишетъ о давней Польшѣ настоящій Полякъ, ревностный патріотъ и истинный ученый. Теперь мы спросимъ нашихъ обвинителей: чѣмъ эта картина, нарисованная г. Морачевскимъ, свѣтлѣе той, какую представляютъ намъ издаваемые Коммиссіею акты, и не въ правѣ-ли мы повторить, что все негодованіе отсталыхъ польскихъ патріотовъ имѣетъ своимъ источникомъ незнаніе отечественной исторіи?

Къ нашему удивленію, разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы, наполненная грубыми ошибками и ложными, ни на чемъ не основанными обвиненіями, была перепечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, газетѣ академической, съ замѣчаніемъ, что нѣкоторыя мысли, въ этой статьѣ изложенныя, не лишены основанія [2]).

Въ помощь г. Падалицѣ, явилась въ апрѣльской книжкѣ *Современника*, критика на изданный Коммиссіею I-й томъ второй части Архива Югозападной Руси. Безыменный критикъ, разбирая это изданіе, заподозрилъ Коммиссію въ какихъ-то, какъ онъ выражается, заднихъ цѣляхъ. Это подозрѣніе г. критика опровергается тѣмъ, что означенное выше изданіе, заключающее въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, было предположено уже въ 1859 году и вошло въ планъ, начертанный Коммиссіею для Архива Югозападной Руси и объявленный для всеобщаго свѣдѣнія [3]). Коммиссія, предпринимая изданіе означенныхъ выше матеріаловъ, имѣла не какую нибудь заднюю, а туже самую цѣль, какъ и при изданіи другихъ историческихъ матеріаловъ, именно разъясненіе исторіи Югозападной Руси, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ.

Предсѣдатель Коммиссіи, г. Юзефовичъ, въ своемъ объясненіи, приложенномъ къ означенному выше изданію, изъявилъ готовность содѣйствовать каждому, кто пожелалъ-бы повѣрять изданія Киммиссіи съ оригиналами, хранящимися въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, обязываясь печатать каждый, открытый изслѣдователемъ актъ, свидѣтельствующій въ пользу польскаго начала въ югозападной Руси [4]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 127.
[2]) С. Петербургскія Вѣдомости 1861 г., № 170.
[3]) Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. XI.
[4]) Архивъ, ч. I, т. I, стр. VIII.

Этимъ словамъ критикъ далъ совершенно-ложное толкованіе. Онъ полагаетъ, будто, безъ дозволенія предсѣдателя Коммиссіи, нельзя никому дѣлать справки въ Центральномъ Архивѣ, и разсуждаетъ о неудобствѣ обращаться къ предсѣдателю Коммиссіи, прибавляя, что не всякій рѣшится высказывать недовѣрчивость къ Коммиссіи, состоящей при высшемъ мѣстномъ начальникѣ. Считаемъ долгомъ увѣрить читателей, что всѣ эти разсужденія не имѣютъ никакого основанія.

Центральный Архивъ есть установленіе совершенно отдѣльное отъ Кіевской Коммиссіи для разбора актовъ и находится въ завѣдываніи Правленія Университета Св. Владиміра. Для членовъ Коммиссіи открытъ входъ въ Архивъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и для всѣхъ другихъ лицъ. Желающіе пользоваться актовыми книгами прямо обращаются къ начальнику Архива и могутъ дѣлать повѣрки и выписки, не обращаясь къ предсѣдателю Коммиссіи и нисколько не опасаясь высшаго мѣстнаго начальства. Чтобъ облегчить повѣрку изданныхъ Коммиссіею актовъ съ оригиналами, критикъ *Современника* совѣтуетъ размѣстить всѣ изданныя уже Коммиссіею дѣла въ рукописяхъ, съ которыхъ они напечатаны, въ шкафахъ за нумерами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ изданіи, и предоставить каждому приходить и повѣрять. Такой совѣтъ можетъ давать только тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ устройствѣ архивовъ.

Каждый архивъ слѣдуетъ опредѣленному порядку въ размѣщеніи книгъ и рукописей. Какое же право имѣетъ Коммиссія требовать, чтобы для нея былъ нарушаемъ установленный въ архивѣ порядокъ? Притомъ, распредѣленіе рукописей сообразно съ изданіями Коммиссіи было-бы совершенно излишнимъ, потому-что подъ каждымъ актомъ, напечатаннымъ въ изданіяхъ Коммиссіи, означено, въ какой книгѣ и на какой страницѣ находится отыскиваемый актъ. По этому указанію, рукопись немедленно отыскивается и вручается, безъ всякихъ затрудненій, требователю. Въ справедливости всего нами сказаннаго, каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ.

Мнѣніе критика насчетъ состоянія Югозападной Руси подъ владычествомъ Польши во многомъ согласно съ тѣми результатами, какіе вытекаютъ изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею. Критикъ предполагаетъ извѣстнымъ и даже слишкомъ извѣстнымъ, »что въ западной и южной Руси существовала боязнь и оппозиція противъ окончательнаго соединенія съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ, что соединеніе послѣдовало съ гарантіею вѣры, языка и обычая со стороны Польши,

и что, вслѣдъ затѣмъ, начались іезуитскія махинаціи противъ вѣры, дворянство передѣлалось въ Поляковъ и католиковъ, а угнетеніе народа произвело козацкую революцію, что понятіе о равенствѣ гражданскихъ правъ сосредоточилось на одномъ шляхетскомъ классѣ, а остальная масса была повержена въ крайнее порабощеніе« [1]).

Соглашаясь во всемъ этомъ къ Коммиссіею, критикъ *Современника*, вслѣдъ за г. Падалицею, все—таки упрекаетъ ее въ пристрастіи и односторонности, требуя, чтобъ она изобразила »вѣрную и подробную картину состоянія края и народнаго быта до соединенія съ Польшею, чтобъ она представила совокупность понятій, убѣжденій, вѣрованій—всего, что входило въ кругъ тогдашняго народнаго образованія« [2]). Мы уже замѣтили выше, въ какой степени такое требованіе несправедливо. Для устраненія подобныхъ упрековъ и притязаній на будущее время, мы повторяемъ, что Коммиссія не имѣетъ своею задачею писать полную исторію Польши и Югозападной Руси, а издаетъ только историческіе матеріалы, излагая ихъ содержаніе въ статьяхъ, прилагаемыхъ къ каждому тому.

Издавая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, Коммиссія полагала, что она этимъ изданіемъ доставляетъ исторіи несомнѣнныя свѣдѣнія, изображающія общественный бытъ Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Не такъ думаетъ критикъ *Современника:* онъ полагаетъ, что нельзя вѣрно представить бытъ страны, по памятникамъ повседневной общественной письменности края, пользовавшагося свободою слова, и въ доказательство своего мнѣнія ссылается на Англію. Если-бы, говоритъ критикъ, собрать все дурное, что Англичане пишутъ и говорятъ о себѣ, то Англія представлялась-бы самою печальною въ мірѣ страною [3]).

Приведенный критикомъ примѣръ Англичанъ нисколько не уменьшаетъ исторической важности и достовѣрности результатовъ, вытекающихъ изъ сеймовыхъ постановленій. Англичане стараются разъяснить свое прошедшее въ его истинномъ свѣтѣ, не увлекаясь ложнымъ патріотизмомъ, не боясь отыскивать дурныя стороны въ исторіи своего народа. Для этого они пользуются всѣми возможными памятниками, отечественными и иностранными, частными и офиціальными, лишь-бы

---

[1]) Современникъ 1861 г., № IV, стр. 441.
[2]) Тамъ-же, стр. 443.
[3]) Тамъ-же, стр. 441.

только эти памятники были достовѣрны. Доказательствомъ можетъ служить исторія Маколея, въ которой самыми черными красками изображается продажность парламента, безсовѣстность судей, религіозная нетерпимость государей и поразительная испорченность высшаго сословія.

Изображая состояніе парламента при Вильгельмѣ III, англійскій историкъ говоритъ, что въ вѣдомствѣ государственнаго казначейства состояло особое бюро, гдѣ члены парламента открыто продавали свои голоса правительству, и что существованіе этого бюро также хорошо было извѣстно каждому Англичанину, какъ существованіе рынка для продажи скота въ Смитфильдѣ.

Актовыя книги XVII вѣка, въ которыхъ вписывались политическія судебныя дѣла, составляютъ, по мнѣнію Маколея, самую ужасную лѣтопись низости и разврата, какая только можетъ существовать на свѣтѣ. Король, чтобъ избавиться отъ противурѣчившихъ ему безпокойныхъ сановниковъ, употреблялъ клятвопреступныхъ свидѣтелей, избранныхъ, по его произволу, присяжныхъ и продажныхъ наглыхъ судей. До революціи 1688 года, суды въ Англіи были грязными бойнями, куда каждая партія тащила поочередно своихъ противниковъ, и гдѣ каждая находила однихъ и тѣхъ же продажныхъ и свирѣпыхъ мясниковъ, ожидавшихъ обычныхъ посѣтителей. Папистъ или протестантъ, тори или вигъ, священникъ или ольдерманъ, все было одинаково для этихъ жадныхъ и дикихъ натуръ, лишь-бы была возможность наживать деньги и проливать кровь. При такомъ состояніи судовъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что въ царствованіе одного Генриха VIII, современника польскихъ королей Александра и Сигизмунда I, 27,000 людей погибло отъ руки палача.

Религіозная нетерпимость королевы Елисаветы, современницы Сигизмунда Августа, Стефана Баторія и Сигизмунда III, простиралась до того, что отправленіе богослуженія, по обрядамъ римско-католической церкви, запрещалось подъ страхомъ конфискаціи имѣнія и тюремнаго заключенія; а если кто обращалъ протестанта въ римско-католическую вѣру, то совратитель и совращенный подвергались смертной казни, какъ за государственную измѣну.

Изображая испорченность англійскаго общества при Карлѣ II, современникъ Яна Казиміра, Маколей говоритъ: »распутство стало доказательствомъ преданности престолу, условіемъ для достиженія почестей и должностей. Глубокое и всеобщее растлѣніе поразило прав-

ственность самыхъ вліятельныхъ классовъ общества и распространилось на всѣ отрасли литературы. Кутежи того вѣка напоминаютъ намъ остроумныя выходки какой-нибудь шайки разбойниковъ, пирующихъ въ кабакѣ съ своими красавицами. Въ шалостяхъ высшаго круга проявляется какое-то грубое, холодное звѣрство, какое-то безстыдство, какая-то низость и грязность, которымъ нѣчто подобное можно найдти развѣ у героевъ и героинь грязной, безчувственной литературы, поощрявшей подобныя явленія«.

Вотъ какъ описываетъ великій англійскій историкъ состояніе своего отечества, на основаніи офиціальныхъ актовъ и сказаній своихъ соотечественниковъ! Въ сравненіи съ этою картиною, изображеніе Рѣчи Посполитой, составленное редакторомъ Кіевской Коммиссіи, на основаніи сеймовыхъ постановленій, является только блѣдною тѣнью; а между тѣмъ, никто изъ Англичанъ не думаетъ упрекать Маколея въ пристрастіи и недоброжелательствѣ, а напротивъ, его исторія пользуется огромною популярностію. Такъ станемъ-же подражать Англичанамъ и ихъ великому историку, не будемъ сердиться за правду, какъ-бы она горька ни была, но будемъ выводить на свѣтъ божій все, что было хорошаго и дурнаго, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Этимъ только путемъ мы достигнемъ истиннаго самопознанія; а самопознаніе есть первое условіе мирнаго прогресса, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни.

Критикъ *Современника*, согласно съ г. Падалицею, особенно нападаетъ на мнѣніе, высказанное редакторомъ Коммиссіи насчетъ присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ. Но это мнѣніе критикъ Современника передаетъ не совсѣмъ вѣрно, приписывая редактору Коммиссіи мысль, что Люблинская унія была источникомъ *всѣхъ* бѣдствій Югозападной Руси, единственною причиною всего, что только было дурнаго въ этомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкѣ, и что будто бы эта мысль есть единственный предметъ, на которомъ сосредоточено все вниманіе сочинителя. Такое обвиненіе доказываетъ только, что критикъ не вникнулъ въ содержаніе статьи редактора Коммиссіи. Въ этой статьѣ опредѣляется, во-первыхъ, федеративный характеръ соединенія Литвы и Югозападной Руси съ Польшею въ 1385 году; затѣмъ слѣдуетъ Люблинская унія и ея послѣдствія; потомъ изображается борьба западнорусскаго дворянства за русскій языкъ и православную вѣру, наконецъ причины, содѣйствовавшія къ полонизированію западнорусскаго дворянства и къ ослабленію южно-русскихъ элементовъ

въ этомъ сословіи. На каждый изъ этихъ предметовъ обращено вниманіе, и о каждомъ изъ нихъ изложены главнѣйшія свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ историческихъ матеріаловъ, изданныхъ Коммиссіею и пополненныхъ другими источниками.

Обвиненіе редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ считаетъ Люблинскую унію источникомъ *всѣхъ* бѣдствій и *всего* дурнаго въ Югозападной Руси, совершенно несправедливо. Невыгоды, какимъ подвергся этотъ край, извлечены редакторомъ изъ сеймовыхъ постановленій и подробно исчислены, на основаніи жалобъ западнорусскаго дворянства. Эти невыгоды заключались въ своеволіи магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, въ несправедливой раздачѣ старостъ и высшихъ государственныхъ должностей, въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ власти судебной и исполнительной, въ неистовствахъ желнеровъ и въ преслѣдованіи православной религіи [1]). Всѣ эти невыгоды изображены со словъ дворянства, излагавшаго свои мысли въ инструкціяхъ посламъ, отправлявшимся на генеральный Варшавскій сеймъ. Излагая жалкое положеніе края послѣ Люблинской уніи, редакторъ Коммиссіи представилъ выписку изъ сеймоваго постановленія, въ которой дворянство волынское изображаетъ свое положеніе мрачными красками. Это сеймовое постановленіе относится къ 1622 году. Къ-несчастію, вмѣсто 1622, по ошибкѣ напечатанъ 1522 годъ. Эта опечатка подала поводъ критику *Современника* обвинить редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ намѣренно искажаетъ историческую истину, потому что, изображая невыгоды Люблинскаго соединенія, бывшаго въ 1569 году, онъ заимствуетъ доказательства изъ временъ, далеко предшествовавшихъ этому событію, то-есть изъ акта 1522 года. Еслибы критикъ Современника основательно зналъ исторію, то онъ легко догадался бы, что 1522 годъ напечатанъ по ошибкѣ, такъ-какъ въ этомъ году провинціальные сеймы въ Югозападной Руси еще не существовали; притомъ же, стоило только критику взглянуть на выноску, помѣщенную подъ текстомъ [2]), и онъ увидѣлъ бы, что означенная выше выписка заимствована изъ сеймоваго постановленія 1622 года.

О самомъ Люблинскомъ сеймѣ, на которомъ постановлено было соединеніе Польши съ Югозападною Русью, критикъ имѣетъ невѣрное

---

[1]) Ар. ю з. Р. ч. II, т. I, стр. XXIV.

[2]) Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXXIII.

понятіе. Коммиссія напечатала открытый ею въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ универсалъ, которымъ король Сигизмундъ Августъ повелѣлъ дворянству согласиться на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою, угрожая непослушнымъ конфискаціею имѣнія. Тамъ же приложенъ и присяжный листъ, изъ котораго видно, что весьма значительное число дворянъ и притомъ представителей знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, не явились къ присягѣ, несмотря на угрозу [1]). Изъ этого весьма естественно выводится заключеніе, что присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ нельзя назвать добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было королевскою угрозою. Критикъ *Современника* смотритъ иначе на это обстоятельство. Онъ полагаетъ, что означенный выше универсалъ есть только актъ распорядительный, понуждающій къ исполненію того, что уже было рѣшено законодательною властію сейма. Стоитъ только взглянуть въ акты, относящіеся къ Люблинскому сейму, напечатанные въ Volumina Legum, чтобъ убѣдиться въ неосновательности этого мнѣнія. Означенный выше универсалъ данъ былъ королемъ 25 мая 1569 года. На другой день, то есть 26 мая 1569 года, когда дворяне не могли еще получить этого универсала, подписана была королевская грамота о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ. Сигизмундъ Августъ объявляетъ въ этой грамотѣ, что онъ присоединяетъ землю Волынскую къ Польшѣ, по собственному замышленію и по доброй своей волѣ (z pewney wiadomości naszey, a z woli uprzeymey a osobliwey), съ добровольнаго согласія всѣхъ сословій земли Волынской [2]). Универсалъ 1569 г. мая 25, напечатанный Коммиссіею, тѣмъ и важенъ, что онъ совершенно опровергаетъ эту послѣднюю фразу короля о мнимомъ согласіи дворянства и тѣмъ самымъ подрываетъ то основаніе, на которомъ Сигизмундъ Августъ хотѣлъ утвердить предпринятое имъ, по произволу, безъ участія сейма, соединеніе Польши и Югозападной Руси. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно 11 августа 1569 года, королевская воля была утверждена Люблинскимъ сеймомъ [3]). Изъ этого ясно видно, что изданный Коммиссіею универсалъ, 1569 мая 25, не былъ только актъ распорядительный, понуждавшій къ исполненію сеймоваго постановленія, какъ думаетъ критикъ, напротивъ того, онъ предшест-

[1]) Тамъ-же, стр. 1.

[2]) Vol. Leg. pag. 754.

[3]) Тамъ же pag. 776 и 780.

вовалъ какъ королевской грамотѣ о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ, такъ и сеймовому постановленію, подтвердившему эту грамоту.

Обвиняя русскихъ писателей въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на выгоды, происходившія для югозападной Руси отъ соединенія съ Польшею, критикъ Современника принялъ на себя трудъ открыть эти выгоды, въ исторіи Польши, и представить ихъ русскимъ историкамъ. Важнѣйшею выгодою онъ считаетъ »сознательное право Земли заявлять свободный свой голосъ, излагать свои нужды, свои мнѣнія о положеніи, о потребностяхъ общаго отечества и своего роднаго края«. Противъ этого можно замѣтить, что если подъ словомъ Земля разумѣть всѣ сословія государства или извѣстнаго края, то право Земли свободно заявлять свой голосъ о нуждахъ и потребностяхъ края никогда не существовало ни въ Польшѣ, ни въ Югозападной Руси. Это право принадлежало одному только шляхетскому сословію, которое и воспользовалось своею привиллегіею для того, чтобы захватить въ свою пользу исключительныя преимущества, вредныя для цѣлаго государства и для всѣхъ прочихъ сословій.

Для уразумѣнія древняго устройства Рѣчи Посполитой, нужно обращать вниманіе на двѣ области, которыя въ благоустроенныхъ государствахъ должны сливаться въ одно цѣлое, но которыя въ давней Польшѣ расходились одна отъ другой на далекое разстояніе. Подъ этими областями мы разумѣемъ, во-первыхъ, основныя начала права, вошедшія въ древнее польское законодательство, и во-вторыхъ, явленіе этихъ началъ въ дѣйствительной жизни. Если мы будемъ разсматривать соціальныя начала Рѣчи Посполитой въ одной отвлеченной области права, независимо отъ дѣйствительной жизни, то найдемъ тамъ: свободу, равенство, самоуправленіе, вѣротерпимость и другія понятія, къ осуществленію которыхъ стремятся въ настоящее время цивилизированныя государства. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, мы можемъ оправдать идеалистическій взглядъ Мицкевича на устройство Рѣчи Посполитой. Но если станемъ искать означенныхъ нами началъ въ дѣйствительной жизни западнорусскаго народа, то мы или вовсе не найдемъ ихъ, или найдемъ въ странно-искаженномъ видѣ. Вмѣсто свободы, мы найдемъ разрушительное своеволіе, вмѣсто равенства — деспотизмъ немногихъ аристократовъ, вмѣсто самоуправленія — неустройство судовъ и безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, вмѣсто вѣротерпимости — религіозный фанатизмъ и преслѣдованія иновѣр-

цевъ. Всѣ эти недостатки и рѣзкій контрастъ между правомъ и дѣйствительностію весьма ясно изображаются въ изданныхъ Коммиссіею постановленіяхъ провинціальныхъ сеймовъ. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, Маколей характеризуетъ Рѣчь Посполитую тремя слѣдующими чертами: кукольный государь, буйствующій сеймъ и народъ, погруженный въ рабство (a puppet sovereign, a turbulent diet and an enslaved people) (1).

Такъ же точно и на право шляхты заявлять свой голосъ въ общественныхъ дѣлахъ мы должны смотрѣть съ двоякой стороны: въ отвлеченной области польскаго законодательства, это право представляется весьма важнымъ; но въ дѣйствительной жизни оно является въ искаженномъ видѣ и потому имѣло многія вредныя послѣдствія для Юго-западной Руси. Органами, для выраженія общественнаго мнѣнія, въ первой инстанціи, служили провинціальные сеймы; но въ этихъ законосовѣщательныхъ собраніяхъ голосъ шляхты былъ подавляемъ своеволіемъ немногихъ аристократовъ. Извѣстный уже намъ польскій историкъ Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «Провинціальные сеймы Великаго княжества Литовскаго производили дѣла не въ духѣ польской вольности; имъ оказывали сопротивленіе князья и сильные паны. На генеральномъ сеймѣ 1569 года, поданы были жалобы, что на провинціальные сеймы съѣзжаются только воевода, староста и хорунжій. Эти лица пишутъ что имъ угодно, и разсылаютъ по домамъ шляхтѣ, для приложенія печатей; а которые отказываются приложить печати, тѣмъ грозятъ кіями (2).» Въ XVII вѣкѣ, провинціальные сеймы достигаютъ большаго развитія, какъ это можно видѣть изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, но зато опредѣленія дворянъ, постановленныя этими законодательными собраніями, мало принимались въ уваженіе генеральными варшавскими сеймами. Дворянство волынское говорило, чрезъ пословъ своихъ, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1645 году: «зеница вольностей нашихъ есть Посольская Изба; но въ настоящее время осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхта исключена изъ сейма, безполезно гибнутъ благороднѣйшія желанія республики, гибнутъ какъ инструкціи, даваемыя шляхтою посламъ на Варшавскій сеймъ, такъ и проэкты законовъ, предлагаемыхъ шляхтою въ Посольской Избѣ (3).« Изъ этого можно заключить,

(1) Coll. of British authors. Tauchnitz edition, vol. 337 p. 297.
(2) Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk. T. VI, p. 158.
(3) Арх. Юго-западной Руси, ч. II, т. I, стр. XXV.

что голосъ шляхты и заявленіе частныхъ и общественныхъ потребностей не были выраженіемъ народнаго духа; что этотъ голосъ терялся, среди всеобщаго разстройства, возбуждая одно только неудовольствіе, выражавшееся протестами на сеймахъ, мятежными рокошами и конфедераціями. Поэтому мы весьма сомнѣваемся, чтобы право подавать голосъ, предоставленное одному сословію и притомъ въ такомъ искаженномъ видѣ, можно было считать, какъ полагаетъ критикъ *Современника*, важнѣйшею выгодою, которою наслаждалась Югозападная Русь, по соединеніи съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ.

Вторая выгода, которою пользовалась, по мнѣнію критика, Югозападная Русь, вслѣдствіе соединенія съ Польшею, состояла въ благотворномъ распространеніи просвѣщенія іезуитами. Не будемъ разсуждать о благотворности іезуитскаго образованія; надъ этимъ образованіемъ уже произнесла судъ своей исторія. Замѣтимъ только, что критикъ, считая іезуитское образованіе благотворнымъ для Югозападной Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ исчисляетъ его гибельныя послѣдствія и, такимъ образомъ, впадаетъ въ явное противурѣчіе: «іезуиты, говоритъ критикъ, въ короткое время успѣли, посредствомъ воспитанія и реформированія понятій, не только поддержать падающее католичество, но и распространить его между тѣми, которые его не исповѣдывали, бросить въ понятіе религіозный фанатизмъ и подорвать въ русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность» [1]). Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ о послѣдствіяхъ іезуитскаго образованія, но мы сомнѣваемся, чтобы Югозападная Русь была за это благодарна Польшѣ. Защищая важность іезуитскаго образованія, критикъ подверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что будто бы князь Константинъ Острожскій отдавалъ похвалу іезуитской системѣ воспитанія (445). Эта мысль совершенно противна общепринятому мнѣнію, что князь Константинъ Острожскій послѣдніе годы своей жизни провелъ въ борьбѣ съ іезуитами, что, противудѣйствуя ихъ гибельному вліянію, онъ учреждалъ православныя училища, выписывалъ ученыхъ Грековъ, заводилъ типографіи и печаталъ славянскія книги, для поддержанія православія и Русской народности. Мы полагаемъ, что критикъ открылъ какіе-нибудь новые историческіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ общепринятое мнѣніе; но пока эти матеріалы сдѣлаются извѣстными, мы приведемъ слѣдующія слова изъ письма

[1]) Совр. стр. 443.

князя Константина Острожскаго къ Львовскому Православному братству. Поручая надзоръ за своимъ сыномъ этому братству, князь писалъ: «Бога рада попеченіе всяко сотворите, да не имутъ въ немъ (т. е. въ его сынѣ) части ни единыя езуиты [1]).»

Теперь мы спросимъ, къ какимъ результатамъ привели критика всѣ усилія открыть и доказать выгоды, доставшіяся на долю Югозападной Руси, отъ соединенія съ Польшею въ 1569 году? Невыгоды: «іезуитскія махинаціи противъ вѣры, преобразованіе западнорусскаго дворянства въ Поляковъ и католиковъ, угнетеніе народа, бывшее причиною козацкой революціи (стр. 141)». Выгоды: сомнительное, вредное на практикѣ право подавать голосъ на сеймахъ, предоставленное одной шляхтѣ во вредъ другимъ сословіямъ, и іезуитское образованіе, которое, по словамъ критика, бросило въ понятія народа религіозный фанатизмъ и подорвало въ южно-русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность. Итогъ, по нашему мнѣнію, весьма не выгодный для Югозападной Руси. Этотъ перевѣсъ невыгодъ надъ выгодами чувствовала не только Русь, но и Литва, хотя этотъ край находился въ меньшей зависимости отъ польскаго правительства. Въ 1700 году, когда прошло почти полтораста лѣтъ послѣ Люблинской уніи, литовскіе дворяне подали адресъ королю Августу II, прося его отдѣлить Великое княжество Литовское отъ Польши и принять надъ нимъ самодержавную власть. Въ этомъ адресѣ дворяне говорили: «Вникнувъ въ первоначальную судьбу и дѣянія народа Литовскаго, мы видимъ, что нѣкогда предки наши, рыцарство Великаго княжества Литовскаго, были гораздо счастливѣе, когда они, какъ вѣрные подданные, состояли подъ властію одного государя и монарха. Распространяя свои границы въ длину и ширину, они были страшны пограничнымъ народамъ и монархамъ, увеличивали, сохраняли и удерживали въ своей власти замки, города, крѣпости, староства и имѣнія. Но потомъ, когда сладкое и ни къ чему доброму не ведущее желаніе вольности, по малодушію властителей, проникло изъ Польши въ славный народъ литовскій, когда предоставлено было каждому свободное право отвергать сеймовыя постановленія (liberum jus vetandi) и чрезъ то открыто было свободное поле для борьбы всѣхъ партій: тотчасъ княжество Литовское начало слабѣть и коробиться

[1] Кіевлянинъ Т. I, стр. 48.

въ своихъ границахъ. Сильнѣйшіе превозмогали надъ слабѣйшими, не исполнялись права и уставы ни божескіе, ни человѣческіе, и такое состояніе продолжалось до настоящаго времени. Чрезъ это политическое своеволіе, или вольность, принесенную къ намъ въ приданое изъ краевъ польскихъ, мы совершенно погибли и спасти себя не можемъ [1]).»

Отвергая выгоды, какія находятъ г. Падалица и безыменный критикъ Современника въ Люблинской уніи, мы вовсе не хотимъ сказать, что это событіе не имѣло никакой важности. Вслѣдствіе внутренней борьбы, слѣдовавшей за присоединеніемъ Югозападной Руси къ Польшѣ, составныя части Рѣчи Посполитой долго ослабѣли, что король Янъ Казиміръ, уже въ 1661 году, на Варшавскомъ сеймѣ, могъ предсказать раздѣленіе этого государства между сосѣдними державами [2]) и указалъ на соединеніе польскаго народа съ великорусскимъ, какъ на средство къ поддержанію политическаго существованія Польши [3]). Это ослабленіе Рѣчи Посполитой дало возмож-

---

[1]) Dzieje narodu Litewskiego prz. Teodora Narbuta. T. IX. Dodatki, str. 24.

[2]) Moraczewski, Dz. Rz. Polskiej, T. IX, стр.

[3]) Эта мысль выражена въ слѣдующемъ королевскомъ универсалѣ, данномъ дворянству волынскому:

Янъ Казиміръ и пр. Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а именно: велебнымъ, вельможнымъ, благороднымъ, дигнитаріямъ, урядникамъ, старостамъ, державцамъ и всему рыцарству и обывателямъ воеводства Волынскаго и повѣтовъ его, искренно и вѣрно намъ милымъ. Объявляемъ, что мы, тотчасъ по окончаніи Коммиссіи Виленской, постоянно и искренно желали назначить генеральный коронный сеймъ, для окончанія начатаго съ его милостію царемъ Московскимъ дѣла и прочнаго успокоенія, чтобы на этомъ сеймѣ постановить окончательный миръ съ царскимъ величествомъ и народомъ московскимъ, происходящимъ отъ одной славянской крови, близкимъ къ народу польскому дѣяніями прежнихъ лѣтъ, одеждой, языкомъ и религіею, на конфузію всѣхъ сосѣднихъ народовъ, завидующихъ всему славянскому племени. Но этого святаго намѣренія мы не могли привести къ желанному концу въ настоящее безпокойное время, по причинѣ безпрерывныхъ войнъ, шведскихъ и венгерскихъ. Теперь, когда мы, по милости Божіей, изгнали непріятелей нашихъ изъ большей части государствъ нашихъ, мы вознамѣрились привести въ исполненіе вышеозначенное доброе дѣло, полезное всему славянскому народу. Въ слѣдствіе чего, симъ универсаломъ нашимъ, мы назначаемъ вѣрностямъ вашимъ генеральный шестинедѣльный сеймъ, безъ всякихъ торжествъ, на десятый день іюля (потому что срокъ, назначенный на 28 число мѣсяца іюня, мы должны были отложить, чтобы тѣмъ удобнѣе могли съѣхаться на сеймъ великіе послы его царскаго величества). А провинціальный сеймъ воеводству вашихъ вѣрностей мы назначаемъ на 21 день

ность западнорусскому народу отдѣлиться отъ Польши и войти въ составъ восточной Россіи. Разсматривая Люблинскую унію съ этой стороны, мы должны допустить, что отдаленнымъ и окончательнымъ результатомъ этого событія было возсоединеніе разрозненнаго Русскаго міра въ одно могущественное государство; въ этомъ смыслѣ, соединеніе Польши съ Югозападною Русью на Люблинскомъ сеймѣ дѣйствительно имѣетъ громадное, всемірноисторическое значеніе.

Послѣднее возраженіе, сдѣланное безыменнымъ критикомъ *Современника* редактору Коммиссіи, касается сходства между западнорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями. Редакторъ Коммиссіи, говоря объ усиліяхъ западнорусскаго дворянства сохранить свой родной языкъ, замѣтилъ, что »въ офиціальныхъ актахъ *до шестнадцатаго вѣка* западнорусскій языкъ *почти* сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, и что съ XVI вѣка западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ польскаго языка слова вмѣстѣ съ грамматическими формами [1]).«

Эта мысль представлена въ критической статьѣ *Современника* въ слѣдующемъ искаженномъ видѣ: «г. Иваншевъ говоритъ, что, въ офиціальныхъ актахъ *шестнадцатаго вѣка*, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ языкомъ восточной Россіи.« Чтобъ опровергнуть мысль редактора Коммиссіи о сходствѣ западнорусскаго языка съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, критикъ пред-

мѣсяца іюня, искренно желая, чтобы ваши вѣрности, съѣхавшись на этотъ провинціальный сеймъ, выбрали и послали на наступающій генеральный сеймъ уполномоченныхъ пословъ, людей достойныхъ и разсудительныхъ, и чтобы вы поручили посламъ своимъ исполнить на ближайшемъ сеймѣ все то, что вѣрностямъ вашимъ предложено будетъ нашимъ именемъ для окончательнаго примиренія съ царскимъ величествомъ, для желаннаго въ теченіи многихъ вѣковъ соединенія славянскихъ народовъ, и для безопасности Рѣчи Посполитой. Не сомнѣваясь, что ваши вѣрности захотите сообразоваться, въ настоящемъ случаѣ, съ нашею волею и нашимъ намѣреніемъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрены, что вы будете слѣдовать нашей инструкціи и въ иныхъ дѣлахъ и потребностяхъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго спасенія отечества. А чтобъ этотъ универсалъ нашъ дошелъ скорѣе до свѣдѣнія всѣхъ вѣрностей вашихъ, мы повелѣваемъ урядамъ гродскимъ публиковать его въ надлежащихъ мѣстахъ; а для большей вѣры, мы приказали, при собственноручной подписи нашей, приложить печать нашу. Дано въ Дубѣску, 21 мая, года отъ Рождества Христова 1658, въ IX году царствованія нашего Польскаго и Шведскаго, Янъ Казиміръ король. Книга гродская Луцкая 1658 года, № 70, листъ 857 на оборотѣ.

[1]) Архивъ югозападной Россіи, ч. II, т. I, стр. XLI.

ставилъ двѣ выписки изъ рукописей XV и XIV вѣка: но эти выписки, нисколько не опровергая сходства между двумя отраслями русскаго языка, доказываютъ только неопытность критика въ чтеніи древнихъ рукописей. Въ рукописи стоитъ: «чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ....кто на нь возритъ, или его чтучи услышитъ, комужъ коли его будетъ потребно.» Критикъ читаетъ: «чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ...хто на нь возритъ или чтучи *ея* услышитъ, комужъ коли его будетъ *потребитна*». Вмѣсто: «и такожъ что въ тыхъ именьяхъ собѣ примыслитъ» критикъ читаетъ: «и *такъ* што въ тыхъ имѣніяхъ собѣ примыслитъ.» Вмѣсто: «и такожъ съ луги, и зъ дубровами и сѣножатми,» критикъ читаетъ: »и *такъ слуги* и сь дубровами и *виножатыми*.« Вмѣсто: «можетъ собѣ полѣпшивати (т. е. улучшать),« критикъ читаетъ: »можетъ собѣ *налептовати*« и т. д. (стр. 447). Въ справедливости нашихъ поправокъ каждый можетъ удостовѣриться, прочитавъ грамоту Свидригайла, напечатанную въ актахъ западной Россіи, Т. I, № 48, стр. 36. Представивъ текстъ западнорусской рукописи въ такомъ искаженномъ видѣ, критикъ спрашиваетъ: неужели г. Иванишевъ полагаетъ, что языкъ этой рукописи похожъ на современный ему языкъ восточной Россіи? Для рѣшенія этого вопроса, нужно прежде всего выучиться правильно читать западнорусскія рукописи, и тогда сходство между означенными отраслями русскаго языка окажется несомнѣннымъ. Въ представленной критикомъ выпискѣ изъ акта 1438 года, заключается около 200 словъ; въ числѣ ихъ можно найти не болѣе четырнадцати словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (хто, чинимъ знаменито, напотомъ, неопущенный, ижъ, нигды, порадившисе, знаменавъ, съ радою, зъ, слушало, полѣпшивати, зеремяны). Въ выпискѣ изъ акта 1361 года, въ числѣ 62 словъ, можно указать не болѣе четырехъ словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (обличье, тогды, пожадалъ, абыхмо); все прочее, какъ слова, такъ и грамматическія формы совершенно сходны. Неужели, послѣ этого, редакторъ Коммиссіи не могъ сказать, что, въ офиціальныхъ актахъ до XVI вѣка, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи?

Разсмотрѣнная нами критическая статья Современника возбудила сильное сочувствіе нѣкоторыхъ польскихъ писателей, особенно извѣстнаго уже намъ г. Падалицы (Зенона Фиша) и редакторовъ жур-

нала, издаваемаго въ Варшавѣ подъ заглавіемъ Библіотеки Варшавской.

Въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 35, г. Падалица призналъ статью *Современника* критикою ученаго историка россійскаго, утверждая, что, послѣ совѣстливыхъ изслѣдованій Соловьева, не было напечатано ни одного такого дѣльнаго и умнаго разсужденія объ исторіи Руси и ея отношеніи къ Польшѣ. Въ этомъ убѣжденіи, г. Падалица внесъ въ свою статью почти всѣ критическія изслѣдованія *Современника*, со всѣми ошибками. Онъ даже переписалъ польскими буквами выписки изъ рукописей, которыми критикъ *Современника* хотѣлъ доказать несходство западнорусскаго языка съ языкомъ восточной Россіи, повторивъ и слова, изобрѣтенныя критикомъ: *потребитна, налѣптовати* и пр.

Признавъ за непреложную истину взглядъ Современника на исторію югозападной Россіи, на отношеніе этого края къ Польшѣ и на тѣ благодѣянія, какими наслаждался этотъ край подъ властію Польши, г. Падалица счелъ нужнымъ, при этомъ случаѣ, подвергнуть Кіевскую Коммиссію и ея главныхъ дѣятелей новымъ обвиненіямъ. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Коммиссія, печатая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи, приложила къ нимъ двѣ передовыя статьи: одна изъ нихъ, излагающая содержаніе сеймовыхъ постановленій, написана редакторомъ Коммиссіи Иванишевымъ, другая— предсѣдателемъ Коммиссіи Юзефовичемъ. Эти двѣ статьи напечатаны были особыми оттисками въ числѣ 500 экземпляровъ и изданы особою брошюрою, для раздачи преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ читать подлинныхъ актовъ, по незнанію польскаго и западнорусскаго языковъ, на которыхъ эти акты написаны. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, г. Падалица объявилъ въ своей статьѣ, что предсѣдатель Коммиссіи и редакторъ обманули публику, что ссылки въ статьѣ редактора, излагающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, ложны, что въ этихъ актахъ заключается совсѣмъ не то, что излагаетъ въ своей статьѣ редакторъ Коммиссіи, что, для распространенія такого обмана, Коммиссія публиковала сначала брошюру, заключающую въ себѣ статьи предсѣдателя и редактора Коммиссіи, а полное изданіе, заключающее въ себѣ акты, на которые вышеозначенныя статьи основываются, вышло въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже, и это будто сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы читавшіе

брошюру не имѣли возможности свѣрить ея содержаніе съ актами, на которыхъ она основана. По мнѣнію г. Падалицы, даже русскія повременныя изданія были введены въ обманъ смѣлыми ссылками редактора Коммиссіи на акты и ограничились рецензіями одной только брошюры, не свѣривъ ея съ подлинными документами (1). Такъ какъ увѣренія г. Падалицы въ томъ, что содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ изложено невѣрно, можетъ привести въ недоумѣніе польскихъ читателей, не знающихъ русскаго языка: то Коммиссія сочла нужнымъ напечатать на польскомъ языкѣ, отдѣльною брошюрою, статьи г. Юзефовича и г. Иванишева, приложивъ къ этимъ статьямъ выписки изъ историческихъ матеріаловъ, на которыхъ г. Иванишевъ основывалъ свои выводы.

Что же касается до прочихъ обвиненій г. Падалицы, то Коммиссія объявляетъ ихъ совершенно ложными, и можетъ опровергнуть ихъ оффиціальными доказательствами. Полное изданіе Коммиссіи вышло въ свѣтъ нѣсколько позже брошюры, не по какому-нибудь злоумышленію, созданному воображеніемъ г. Падалицы, но потому только, что брошюрованіе этого изданія, заключающаго въ себѣ около сорока листовъ, въ числѣ 825 экземпляровъ, потребовало болѣе времени, чѣмъ брошюра состоящая изъ четырехъ листовъ. По этой причинѣ, брошю-

(1) Приведемъ слова самого г. Падалицы, такъ какъ неблагородный поступокъ этого фельетониста можетъ показаться невѣроятнымъ для нашихъ читателей: »нужно знать, говоритъ г. Падалица, что брошюра, составленная изъ статей г. Иванишева и г. Юзефовича, не прошла незамѣченною въ русской литературѣ. С.-Петербургскія Вѣдомости напечатали о ней замѣтку на первыхъ столбцахъ и тѣмъ дали ей дѣйствительное значеніе. Другія повременныя изданія, не входя въ подробный разборъ, вполнѣ повѣрили словамъ поименованныхъ выше господъ и, обманутые ссылками г. Иванишева на акты, изданные вмѣстѣ съ брошюрою, не подозрѣвали, что эти акты заключаютъ въ себѣ нѣчто совершенно другое, нежели то, что говоритъ о нихъ профессоръ. И то еще нужно знать, что брошюра выдана была еще тогда, когда не было окончено печатаніе актовъ, такъ-что ее читали и объ ней писали когда никто не имѣлъ еще подъ рукою документовъ, чтобы свѣрить съ ними брошюру. Самая книга уже вышла въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже. Словомъ, русскіе газеты и журналы, не углубляясь въ подробности, и видя обоихъ тѣхъ господъ (т. е. Юзефовича и Иванишева), стоящихъ передъ рѣшеткою съ огромною связкою документовъ, и не подозрѣвали, что эти господа показываютъ не то, что подтверждаетъ ихъ мнѣнія, а напротивъ то, что ихъ опровергаетъ. Подкопы были многочисленны, цитатъ множество, ссылокъ еще больше; на какомъ же основаніи можно было заподозрить этихъ господъ?— и т. д. Biblioteka Warszawska 1861. Zeszyt 9, стр. 716.

ра получена балы изъ типографіи 10 генваря, а экземпляры полнаго изданія —8 февраля. Затѣмъ Коммиссія немедленно сдѣлала распоряженіе о разсылкѣ, не брошюръ, а полныхъ экземпляровъ изданія, въ редакціи газетъ и журналовъ. Февраля 21 отправлено было нѣсколько экземпляровъ въ редакцію »Основы« и въ Москву, нѣкоторымъ изъ тамошнихъ ученыхъ; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 69, 71, 72 и 73. Февраля 25, препровождены полные экземпляры изданія въ книжную лавку Степана Литова; что же касается до брошюры, то она вовсе не поступала въ продажу. Февраля 27, отправлены были полные экземпляры изданія въ редакціи: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Русскаго Слова, Сѣверной Пчелы, Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 86, 87. 27, 89, 90 и 91. Изъ этого каждый можетъ убѣдиться, что Коммиссія не задерживала своего изданія въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ утверждаетъ г. Падалица, и не прибѣгала къ придуманнымъ г. Падалицею низкимъ средствамъ, чтобъ ввести въ обманъ публику; напротивъ того, тотчасъ, по полученіи изъ типографіи своего изданія, Коммиссія сдѣлала его извѣстнымъ публикѣ, частію чрезъ книгопродавца, частію разсылкою въ редакціи газетъ и журналовъ. Г. Падалица ложно утверждаетъ, будто объ изданіи Коммиссіи русскія газеты и журналы писали рецензіи по одной только брошюрѣ, не имѣя возможности свѣрить ее съ актами. Мы нашли двѣ рецензіи на изданіе Коммиссіи: одну въ »Основѣ,« а другую въ »Современникѣ.« Въ обоихъ журналахъ разсматривается не отдѣльная брошюра, но полное изданіе Коммиссіи, со всѣми историческими матеріалами, въ немъ помѣщенными. Если Виленскій Вѣстникъ и С.-Петербургскія Вѣдомости ограничились въ своихъ, замѣткахъ разсмотрѣніемъ одной только брошюры, то въ этомъ нисколько не виновата Коммиссія.

Г. Падалица, въ своемъ негодованіи на Коммиссію, доходитъ до того, что приписываетъ ей вещи совершенно невозможныя. Онъ увѣряетъ, что передовая статья редактора Коммиссіи, заключающая въ себѣ содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ, вышла въ свѣтъ прежде, нежели были напечатаны самые акты. Чтобъ убѣдиться, въ какой степени забывается г. Падалица, стоитъ только взглянуть въ статью редактора Коммиссіи. Въ этой статьѣ, почти каждая мысль подтверждается ссылками на акты, съ означеніемъ страницъ, на которыхъ эти акты напечатаны. Если бы статья редактора Коммиссіи вышла

въ свѣтъ прежде, чѣмъ окончено было печатаніе актовъ, то какъ онъ могъ предугадать, на какихъ страницахъ будутъ напечатаны тѣ акты, на которые онъ ссылается?

Смотря на сплетеніе ложныхъ обвиненій, публично высказываемое г. Падалицею (Зеноном Фишемъ) и г. Совинскимъ, съ неслыханнымъ въ польской литературѣ цинизмомъ, невольно подумаешь, что нѣкоторыя лица, принадлежащія къ благородному западнорусскому дворянству, все еще находятся подъ вліяніемъ іезуитизма, учившаго когда-то, что цѣль оправдываетъ самыя неблагородныя средства. Неужели эта вѣковая ржавчина до того въѣлась въ югозападную Русь, что никакая цивилизація истребить ее не можетъ?

Нельзя не пожалѣть, что разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы нашла для себя мѣсто въ одномъ изъ ученыхъ польскихъ журналовъ, именно въ »Варшавской Библіотекѣ«, гдѣ эта статья перепечатана со всѣми ошибками и ложными обвиненіями, нагроможденными г. Падалицею и безыменнымъ критикомъ Современника. Г. Падалица объявилъ статью Современника критикою ученаго историка россійскаго, дѣльнымъ и умнымъ разсужденіемъ: зато Библіотека Варшавская признала статью г. Падалицы произведеніемъ знаменитой важности (znakomitej wartości). Неужели ученые издатели Варшавской Библіотеки дошли до того, что принуждены учиться Польской исторіи по сочиненіямъ г. Падалицы и по критическимъ статьямъ Современника?

Предсѣдатель Коммиссіи М. Юзефовичъ.
Главный Редакторъ П. Иванишевъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ отдачѣ имѣній въ опеку за обременительныя повинности, — впредь до введенія уставныхъ грамотъ. Поручено губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, чтобы они черезъ уѣздныхъ предводителей, внушили помѣщикамъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьянскія повинности чрезмѣрно высоки и гдѣ вслѣдствіе того возникаютъ затрудненія въ побужденіи крестьянъ исправно отбывать сіи повинности, что отъ самихъ помѣщиковъ зависитъ прекратить возникающія затрудненія и неудовольствія, немедленнымъ введеніемъ уставныхъ грамотъ или пониженіемъ повинностей, соотвѣтственно способамъ крестьянъ. Въ случаяхъ когда эти внушенія останутся безуспѣшными и крестьянскія повинности окажутся чрезмѣрными, имѣнія должны быть отдаваемы въ опеку, на основаніи 1109 и 1110 т. IX св. зак. о сост., впредь до введенія уставной грамоты. (Пол. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 10 и 14 стр. 1861 г. Лѣтоп. сельск. благоустр. № 2).

О *заявленіи крестьянами желанія перейти на оброкъ.* Крестьяне могутъ заявлять помѣщику о своемъ желаніи перейти съ издѣльной повинности на оброкъ, и въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ со времени утвержденія положеній, съ тѣмъ, что если желаніе это будетъ заявлено ранѣе года предъ истеченіемъ двухлѣтняго срока, то самый переходъ на оброкъ можетъ послѣдовать только съ наступленіемъ сего срока. (Пол. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 1 іюня 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 3).

О правѣ вступленія въ бракъ лицъ женскаго пола изъ дворовыхъ и изъ крестьянъ. Дворовыя дѣвицы и вдовы, при выходѣ замужъ за людей, не принадлежащихъ къ обязаннымъ дворовымъ того же владѣльца, освобождаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній, не подвергаются взысканію оброка за время, остающееся до истеченія двухлѣтняго срока со вре-

мени обнародованія положенія. Временно обязанныя крестьянки пользуются тѣмъ же правомъ, при выходѣ за мужъ за людей, не состоящихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ того же владѣльца. (Полож. гл. ком. объ устр. сел. сост. 1 іюня 1861 г. Лѣт. сельск. благ. № 3).

Объ издѣльной повинности свободной женщины, вступившей въ бракъ съ временно-обязаннымъ крестьяниномъ, состоящимъ на барщинѣ, и о правѣ двороваго человѣка, состоящаго на оброкѣ, потребовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательныхъ услугахъ у владѣльца. Свободная женщина, вышедшая замужъ за временно—обязаннаго крестьянина, отправляющаго барщину, не можетъ быть принуждаема къ отбыванію издѣльной повинности, согласно ст. 5 т. IX. Дворовый человѣкъ, состоящій на оброкѣ, если онъ перешелъ на таковой до обнародованія положеній, имѣетъ право требовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательномъ услуженіи владѣльца, на основаніи ст. 103 т. X ч, зак. ч. 1; но при этомъ жена должна платить владѣльцу, до истеченія двухлѣтняго обязательнаго срока, оброкъ, въ назначенномъ владѣльцемъ размѣрѣ, но не свыше установленнаго въ ст. 1 о положеніяхъ объ устройствѣ дворовыхъ людей, т. е. по 10 р. въ годъ. Пол. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 17 іюня. Лѣт. сельск. благ. № 4).

О порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности. Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, при разсмотрѣніи представленія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности, принялъ во вниманіе, что, на основаніи ст. 21 Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденіяхъ, мировые посредники въ правахъ служебныхъ и въ порядкѣ взысканій по службѣ сравнены съ уѣздными предводителями дворянства и потому наравнѣ съ сими послѣдними могутъ быть (согласно ст. 265—269 св. зак. т. III ус. о служ. по выбор.) отрѣшаемы отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената. Право быть удаляему отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, есть весьма важное преимущество, отличающее мировыхъ посредниковъ отъ прочихъ чиновниковъ, которые могутъ быть увольняемы отъ службы и безъ суда, по усмотрѣнію того начальства, которое назначило ихъ въ должность. Эта послѣдняя мѣра, дающая начальству возможность отрѣшать отъ должности тѣхъ изъ опредѣленныхъ имъ самимъ чиновниковъ, которыхъ оно признаетъ неспособными и неблагонадежными, едва ли можетъ быть распространена на мировыхъ посредниковъ, которые какъ по своему служебному положенію, такъ и по способу ихъ избранія, отличаются отъ лицъ служащихъ, по опредѣленію отъ правительства. Но Высочайше утвержденнымъ главнымъ основаніямъ для мировыхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденій, *мировыхъ посредниковъ полагалось опредѣлять изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ по выбору крестьянъ*, и только на первое трехлѣтіе допущено избраніе ихъ начальниками губерній съ утвержденіемъ въ должности сенатомъ. Но при этомъ правительство, по важности обязанностей мировыхъ посредниковъ, признало нужнымъ принять особыя мѣры, дабы въ должности сіи были назначаемы лица вполнѣ благонадежныя. Съ сею цѣлью постановлено, что для избранія посредниковъ составляются предварительно уѣздными предводителями дворянства списки, въ которые вносятся только лица, имѣющія опредѣленную поземельную собственность, неопороченныя по суду и несостоящія подъ слѣдствіемъ. Эти списки новѣ-

ряются въ каждомъ уѣздѣ уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и затѣмъ уже избираются изъ нихъ мировые посредники начальникомъ губерніи, но иначе, какъ по совѣщаніи съ предводителями дворянства.

По своимъ занятіямъ, мировые посредники поставлены въ зависимость отъ мировыхъ учрежденій: уѣзднаго съѣзда и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; содержаніе назначено имъ умѣренное, на повышеніе въ должностяхъ они не могутъ разсчитывать; но какъ должность мировыхъ посредниковъ по той пользѣ, какую она можетъ принести, будучи посредствующимъ звѣномъ между помѣщиками и крестьянами, по соединенной съ нею самостоятельной дѣятельности, есть должность почетная, то въ мировые посредники поступило весьма много достойныхъ людей, изъ мѣстныхъ дворянъ, которые посвятили себя этой дѣятельности не изъ личныхъ выгодъ, не изъ расчетовъ на служебныя пособія и преимущества, а единственно изъ безкорыстнаго сочувствія къ совершившемуся, по волѣ государя, преобразованію. Если, при такихъ обстоятельствахъ, допустить нынѣ, въ измѣненіе высочайше утвержденнаго 19-го Февраля 1861 г. положенія, удаленіе мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности безъ суда, то это уронитъ ихъ значеніе и будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ то, что многіе, и притомъ достойнѣйшіе, люди станутъ уклоняться отъ должности посредниковъ, трудныя обязанности которой и могутъ быть исполняемы вполнѣ добросовѣстно, только при независимости ихъ отъ посторонняго вліянія. На семъ основаніи главный комитетъ, 31 іюня 1861 года, положилъ, что относительно временнаго удаленія мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности, а равно и отрѣшенія ихъ отъ службы, долженъ быть соблюдаемъ, согласно ст. 21 высочайше утвержденнаго 19-го Февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, порядокъ, установленный для уѣздныхъ предводителей дворянства. (Св. зак. т. III уст. о служб. по выбор. ст. 263—269). (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 30 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 29 сентября, 1861 г. № 78).

Объ освобожденіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія. Въ одномъ губернскомъ, по крестьянскимъ дѣламъ, присутствіи, возбужденъ вопросъ: допускается ли новыми положеніями о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, тѣлесное наказаніе въ отношеніи лицъ женскаго пола, и если допускается, то не слѣдуетъ ли установить для женщинъ случаи освобожденія отъ сего наказанія по примѣру изъятій, опредѣленныхъ положеніями для мужчинъ. Вопросъ этотъ представленъ былъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Комитетъ сей положилъ: 1) представленіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ препроводить къ главно-управляющему II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, *для соображенія съ общимъ*, находящимся въ разсмотрѣніи его, *вопросомъ, объ отмѣнѣ вообще тѣлесныхъ наказаній для лицъ женскаго пола.* 2) Въ дополненіи ко 2-му примѣчанію ст. 102 общ. полож. ст. 16 полож. объ устр. двор. людей и ст. 32 полож. о мѣстныхъ по крестьян. дѣламъ учрежд., пояснить, что, примѣняясь къ ст. 102 и 104 общаго положенія, изъ числа крестьянокъ и дворовыхъ женскаго пола, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не могутъ быть приговариваемы къ тѣлесному наказанію: а) достигшія 50-го лѣтняго возраста, б) получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, в) занимающія должности повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ, сельскихъ училищъ, и школъ, и г) принадлежащія къ

семействамъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій. (Пол. глав. ком. объ устр. сел. сост. 6 авг. 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О переселеніи крестьянъ по актамъ, совершеннымъ до обнародованія положеній 19 февраля 1861 г. При исполненіи сдѣлокъ и актовъ, совершенныхъ частными лицами, подъ какими бы то ни было наименованіями, явочнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ, принудительное переселеніе крестьянъ можетъ быть допускаемо не иначе, какъ согласно ст. 2 п. 2 правилъ о порядкѣ приведенія положеній о крестьянахъ въ дѣйствіе, безъ нарушенія правилъ, указанныхъ въ положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О представленіи въ распоряженіе правительства дворовыхъ людей и о порядкѣ принятія на мѣста жительства тѣхъ изъ нихъ, которые оподозрѣны или наказаны по суду. Дворовые люди, состоящіе въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, не могутъ быть предоставляемы помѣщиками въ распоряженіе правительства; если же помѣщикъ пожелаетъ прекратить обязательныя отношенія къ нему такихъ людей, то долженъ поступать на основаніи ст. 21 и 22 полож. объ устр. двор. людей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ откажется принять дворовыхъ людей, наказанныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи по суду, надлежитъ представлять симъ дворовымъ людямъ приписаться внѣ предѣловъ той губерніи, въ которой они числились, къ городскому или сельскому обществу, которое изъявитъ согласіе принять ихъ въ свою среду; на пріисканіе такого общества давать имъ 6-ти мѣсячный срокъ, для чего они и должны быть снабжены шестимѣсячными билетами, по распоряженію губернскаго начальства; если въ теченіи этого срока означенные дворовые люди не пріищутъ общества, согласнаго принять ихъ, то губернское начальство обязано распорядиться о высылкѣ сихъ людей въ Сибирь, на основаніи 340 и 402 ст. XIV т. св. зак. уст. о пред. и пресѣч. прест. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благ. № 6).

О прекращеніи пріема воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и о предоставленіи канцелярскимъ служителямъ и бѣднымъ чиновникамъ новыхъ способовъ къ воспитанію ихъ дѣтей. Прекращенъ дальнѣйшій пріемъ воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и взамѣнъ того предоставлена приказамъ общественнаго призрѣнія употреблять соразмѣрную со средствами ихъ сумму на помѣщеніе дѣтей канцелярскихъ служителей и бѣдныхъ чиновниковъ стипендіатами въ другія учебныя заведенія, какъ общія, такъ и спеціальныя съ необходимымъ пособіемъ на одежду и учебныя принадлежности, оставляя впрочемъ этихъ дѣтей на попеченіи родителей, родственниковъ, опекуновъ и даже посторонних, но вполнѣ благонадежныхъ семействъ, съ тѣмъ, что при совершенной лишь къ сему невозможности, приказы содержали таковыхъ дѣтей въ сиротскихъ домахъ или другихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, либо своими пансіонерами въ учебныхъ заведеніяхъ. На изложенныхъ основаніяхъ, должны быть размѣщены и воспитанники, находящіеся нынѣ въ училищахъ дѣтей канцелярскихъ служителей; по мѣрѣ же распредѣленія ихъ, самыя училища закрываются, а экономическіе капиталы присоединяются къ суммамъ приказовъ, въ распоря-

женіе коихъ поступятъ и зданія, принадлежащія симъ училищамъ. При этомъ предоставленно министерству внутреннихъ дѣлъ: тѣ зданія упраздняемыхъ канцелярскихъ училищъ, въ коихъ не будетъ предстоять надобности для приказовъ, — передать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, для помѣщенія въ нихъ заведеній для образованія сельскихъ учителей съ нѣкоторымъ денежнымъ, на содержаніе ихъ, пособіемъ, изъ суммъ отпускавшихся на канцелярскія училища, на основаніяхъ, которыя имѣютъ быть ближе опредѣлены, по взаимному соглашенію обоихъ министерствъ. (Мн. госуд. сов. 14 іюля, 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 63.)

Объ избраніи особыхъ засѣдателей въ приказы общественнаго призрѣнія. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено, что, для присутствованія въ приказахъ общественнаго призрѣнія, взамѣнъ засѣдателей, которые въ прежнее время откомандировывались въ сіи учрежденія изъ бывшихъ совѣстныхъ судовъ, избираются особые засѣдатели, по одному изъ каждаго сословія, а именно: отъ дворянства, губернскаго городскаго общества и поселянъ. (Мн. госуд. сов. 19 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 15 авг. № 65.)

О порядкѣ исключенія купцовъ, за порочное поведеніе, изъ обществъ, въ уѣздныхъ городахъ. Предоставленное 182-ю статьею устава торговаго (св. зак. 1857 г. т. XI. II.) купеческимъ обществамъ столицъ и губернскихъ городовъ, право на исключеніе изъ третьей гильдіи купцовъ, опороченныхъ судомъ, или замѣченныхъ въ явныхъ порокахъ, не дожидаясь въ семъ послѣднемъ случаѣ судебнаго приговора, распространено и на купеческія общества уѣздныхъ городовъ, въ коихъ считается не менѣе тридцати капиталовъ, съ тѣмъ, чтобы приговоры сего сословія, объ исключеніи порочныхъ купцовъ, были засвидѣтельствованы подписью не менѣе какъ двухъ третей всѣхъ его членовъ, имѣющихъ право голоса, и чтобы въ приговорахъ сихъ было объяснено, въ чемъ именно и по какимъ доказательствамъ поведеніе исключаемаго признается порочнымъ .. Такимъ же порядкомъ должны быть, удаляемы изъ общества порочные члены малолюдныхъ купеческихъ обществъ, но не иначе, какъ по единогласному приговору всего городскаго общества. (Мн. госуд. сов. 19 іюня, 1861 г. въ Сен. вѣд. 18 авг. № 66.)

Объ отмѣнѣ, для поступающихъ въ военную службу, по собственному желанію, дворянъ и вольноопредѣляющихся, обязательныхъ сроковъ службы. Въ измѣненіе подлежащихъ статей свода военныхъ постановленій, отмѣненъ законъ, обязывавшій дворянъ и вольноопредѣляющихся, поступившихъ въ военную службу по собственнымъ прошеніямъ, пробыть въ оной извѣстные сроки и предоставлено имъ право оставлять, въ случаѣ желанія, службу во всякое время, исключая военнаго, когда вообще отставки въ войскахъ прекращаются. При этомъ увольняются воинскимъ званіемъ лишь прослужившіе общій установленный для нижнихъ чиновъ 15-ти-лѣтній срокъ, а не прослужившіе сего срока увольняются въ отставку безъ именованія воинскимъ званіемъ. Въ случаѣ же вторичнаго вступленія на службу, прежняя служба считается за дѣйствительную. (Полож. воен. сов. 26 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 1 августа, № 61.)

О предоставленіи начальникамъ губерній возлагать порученія на губернскихъ штабъ-офицеровъ корпуса жандармовъ. Предоставлено начальникамъ губерній, въ случаяхъ особой важности, возлагать на губернскихъ штабъ-офи-

церовъ корпуса жандармовъ порученія и не указанныя въ законѣ, по которому они командировались по уѣздамъ, только для участія въ производствѣ слѣдствій о важнѣйшихъ происшествіяхъ или безпорядкахъ. (Высоч. повел. въ Сен. вѣд. 23 авг. 1861 г. № 68.)

О населенныхъ имѣніяхъ, поступающихъ къ лицамъ недворянскаго происхожденія. Въ поясненіе правилъ о порядкѣ поступленія населенныхъ имѣній къ лицамъ не дворянскаго происхожденія и составленія по симъ имѣніямъ уставныхъ грамотъ,—положено: 1) населенныя имѣнія, доставшіяся, по наслѣдству или по просроченнымъ закладнымъ, не потомственнымъ дворянамъ, должны поступать въ вѣдомство дворянскихъ опекъ впредь до совершенія акта, о выкупѣ крестьянами сихъ имѣній поземельнаго надѣла въ установленномъ размѣрѣ, или до отчужденія имѣнія самимъ владѣльцемъ въ собственность потомственному дворянину; 2) затѣмъ на сіи имѣнія вполнѣ распространяются правила относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній, и 3) владѣльцы такихъ имѣній, состоящихъ въ опекунскомъ управленіи, согласно ст. 26 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній, могутъ участвовать лично въ составленіи уставныхъ грамотъ въ той мѣрѣ, въ какой это допускается вообще для лицъ, находящихся подъ опекою не по малолѣтству и слабоумію. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 августа 1861 г. въ сен. вѣд. 13 сентября 1861 г. № 74).

Объ усиленіи межевыхъ средствъ по крестьянскому дѣлу. Предоставлено управляющему межевымъ корпусомъ зачислять на службу по межевому вѣдомству тѣхъ изъ отставныхъ, разныхъ вѣдомствъ, чиновъ, которые по свѣдѣніямъ своимъ въ землемѣріи могутъ быть полезны для межевыхъ работъ по крестьянскому дѣлу и изъявятъ желаніе служить безъ жалованья, довольствуясь задѣльною платою, по добровольному соглашенію съ землевладѣльцами. Служившіе въ генеральномъ штабѣ, въ корпусѣ топографовъ, въ артиллеріи, въ инженерахъ, саперахъ, въ флотѣ и по межевой части какихъ либо вѣдомствъ, зачисляются на службу безъ экзамена; прочіе же отставные зачисляются иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи въ губернской чертежной, по программамъ, установленнымъ для частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ, не подвергаясь только испытанію въ таксаціи и естественныхъ наукахъ.

При этомъ изложенныя въ указѣ сената 17 марта, 1831 г. правила, на основаніи коихъ, находящимся на службѣ по гражданскому вѣдомству дворянамъ—помѣщикамъ дозволено принимать на себя обязанности, соединенныя съ должностями по крестьянскому дѣлу, распространены и на состоящихъ на службѣ лицъ, знающихъ землемѣріе, которыя пожелаютъ заняться по крестьянскому дѣлу частными межевыми работами. (Мн. госуд. сов. 14 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

Измѣненіе закона о несовершеннолѣтнихъ бродягахъ мужескаго пола, которые, по дѣйствовавшимъ до 1856 года узаконеніямъ, отдавались въ баталіоны военныхъ кантонистовъ. Въ замѣнъ надлежащихъ статей св. зак. изд. 1857 г. т. XIV, постановлено: бродяги престарѣлые и недостигшіе 17 лѣтняго возраста отсылаются въ приказы общественнаго призрѣнія. Находящіеся при бродягахъ, малолѣтніе обоего пола, если ихъ не пожелаютъ принять къ себѣ родственники ихъ, или общество, къ коимъ они принадлежатъ, по сдѣланіи о сихъ малолѣтнихъ надлежащихъ справокъ и публикацій, остаются въ вѣдѣніи

приказовъ. Изъ числа находящихся при бродягахъ дѣтей, малолѣтныя женскаго пола остаются въ вѣдомствѣ приказовъ до того времени, пока придутъ въ совершеннолѣтіе, а малолѣтные мужескаго пола, по вступленіи въ совершеннолѣтіе, приписываются къ податнымъ обществамъ.

На семъ основаніи слѣдуетъ поступать и при распредѣленіи всѣхъ бродягъ мужескаго пола, недостигшихъ 17 лѣтъ; малолѣтные же бродяги женскаго пола оставляются въ заведеніяхъ приказовъ до 17 лѣтняго возраста, а по достиженіи ими сего возраста, приписываются къ податнымъ обществамъ и выпускаются изъ приказовъ на собственное пропитаніе въ мѣстахъ, гдѣ они находятся. Въ случаѣ же возвращенія или отдачи кому слѣдуетъ малолѣтныхъ бродягъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, должно быть взыскиваемо по разсчету все употребленное на ихъ содержаніе во время нахожденія въ оныхъ.

Бродягъ, находящихся въ вѣдѣніи приказовъ и не подлежащихъ возвращенію, если они окажутся поведенія хорошаго и совершеннолѣтними, дозволяется приписывать къ податнымъ обществамъ, если сами они того пожелаютъ и обществами на принятіе ихъ будетъ изъявлено согласіе. Но если они, изъ тѣхъ малолѣтнихъ, мужескаго пола, которые остались въ заведеніи приказа и, достигши совершеннолѣтія, не пожелаютъ приписаться къ податнымъ обществамъ, или, по дурному поведенію, правомъ такой приписки воспользоваться не могутъ, или же обществами не будетъ изъявлено согласіе на ихъ принятіе, то они обращаются въ военно-рабочія и арестантскія роты, если только это по состоянію ихъ здоровья окажется возможнымъ; въ противномъ случаѣ оставляются въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, для употребленія въ соотвѣтственныя силамъ ихъ, работы. (Мн. гос. сов. 26 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

О пріостановленіи отдѣленія ремесленниковъ отъ мѣщанъ. Впредь до утвержденія новыхъ, о ремесленной промышленности, правилъ, положено: не отдѣлять ремесленниковъ отъ мѣщанъ въ особыя общества по платежу податей и отправленію повинностей въ тѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ раздѣленія сего по настоящее время еще не сдѣлано. (Пол. ком. мин. 25 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 8 сентября 1861 г. № 72).

Объ отмѣнѣ правилъ опредѣленія въ военную службу бѣдныхъ дворянъ и обоер-офицерскихъ дѣтей. Отмѣнены правила объ опредѣленіи въ военную службу бѣдныхъ дворянъ имперіи и Царства Польскаго, а также положеніе 2-го апрѣля 1839 года объ обязательномъ зачисленіи въ службу сыновей офицеровъ и чиновниковъ, не дослужившихся до правъ потомственнаго дворянства. При этомъ, тѣмъ дворянамъ и вольноопредѣляющимся, которые по существовавшимъ для бывшихъ учебныхъ войскъ постановленіямъ, обязаны пробыть въ службѣ извѣстные сроки, представлено право на увольненіе въ отставку во всякое время, исключая военнаго, согласно положенію военнаго совѣта 26 іюня 1861 года. (Высоч. повел. въ сен. вѣд. 26 сентября 1861 г. № 47).

Временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и наставленіе военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ. 16 августа утвержденъ временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и, вслѣдъ затѣмъ 4 сентября, наставленіе военнымъ начальникамъ, на случай народныхъ волненій и безпорядковъ. Въ изданномъ наказѣ подробно изло-

женъ образъ дѣйствій мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ, во время возникающихъ волненій и безпорядковъ, для прекращенія которыхъ употребляется военная сила только въ случаяхъ открытаго сопротивленія и при безотлагательной необходимости. Но прежде прекращенія безпорядковъ силою, должны быть испытаны всѣ другія средства для возстановленія спокойствія и сдѣлано троекратное предвареніе сопротивляющимся о томъ, что въ случаѣ ихъ непослушанія, войска будутъ дѣйствовать оружіемъ. Во всякомъ случаѣ, при возстановленіи порядка, не дозволяется употреблять какихъ либо наказаній, предоставляя это суду.

Согласно правиламъ, изложеннымъ въ наставленіи, начальники воинскихъ командъ, исполняя требованія полицейскихъ чиновниковъ, распоряжающихся на мѣстѣ безпорядковъ, распоряжаются сами, въ случаѣ, если этотъ чиновникъ будетъ захваченъ возмутившимися и лишенъ возможности дѣйствовать; и кромѣ того, когда возмутившіеся сами нападутъ на войска или когда представится безотлагательная необходимость спасти жизнь лицъ, подвергающихся насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны возмутившихся. Войскамъ же, находящимся въ караулѣ, въ патруляхъ, въ обходахъ и пр. для сохраненія общественнаго порядка, разрѣшается во всякое время и безъ всякаго требованія употреблять оружіе: а) для отраженія нападенія или для преодолѣнія сопротивленія; б) при понужденіи къ должному повиновенію; в) для защиты охраняемыхъ ими лицъ, и предметовъ; г) для воспрепятствованія покушеніямъ къ побѣгу содержащихся подъ арестомъ. При этомъ послѣдствія отъ употребленія оружія, въ нанесеніи ранъ или причиненіи смерти, не налагаютъ никакой отвѣтственности на начальника воинской команды, дѣйствующей силою оружія, въ случаяхъ, разрѣшаемыхъ правилами, изложенными въ наставленіи. Полож. комитета въ 16 августа и 4 сентября 1861 г. въ сен. вѣд. 1 и 22 сентября 1861 г. №№ 73 и 76).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Ежегодное жертвованіе купцовъ и мѣщанъ посада Азова, Екатеринославской губерніи на богадѣльню. Общество купцовъ и мѣщанъ посада Азова Екатеринославской губерніи изъявило желаніе жертвовать ежегодно сумму на содержаніе устроенной тамъ временно, въ 1856 году купцомъ Пятаченко, богадѣльни и объ обращеніи ея въ постоянное учрежденіе, подъ названіемъ «Азовской, купца Пятаченка богадѣльни.» (Полож. ком. мин. 25 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 8 сент. 1861 г. № 72).

Учрежденіе въ Житомирѣ Еврейскаго ремесленнаго училища. 29 іюля утверждено положеніе о Житомирскомъ Еврейскомъ ремесленномъ училищѣ, учреждаемомъ въ видѣ опыта, на 3 года, съ цѣлью распространенія ремесленныхъ знаній между евреями, для направленія ихъ чрезъ то къ полезному и производительному труду. (Полож. ком. объ устр. евреевъ 29 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд 15 сент. 1861 г. № 74).

Объ отмежеваніи скотопрогонныхъ дорогъ въ земль войска Донскаго. Въ измѣненіе и дополненіе 81 пункта полож. о размежев. земель войска Донскаго (*) опредѣлено: 1) скотопрогонныя дороги въ землѣ войска Донскаго для свободнаго и безплатнаго прогона скота, назначить въ 60 саж. шириною, безъ отвода при нихъ особыхъ попасныхъ мѣстъ, и вымежевать въ войсковую собственность въ тѣхъ направленіяхъ, какъ онѣ показаны на картѣ межевою коммисіею; 2) вымежеваніе этихъ дорогъ производить только изъ свободныхъ войсковыхъ и станичныхъ юртъ земель и изъ тѣхъ владѣльческихъ дачъ, кои еще не обмежеваны: 3) распространеніе до 60 саженной ширины дорогъ, пролегающихъ между обмежеванными владѣльческими дачами, производить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть прилеглыя войсковыя земли, изъ коихъ и вознаграждать владѣльцевъ за отошедшія земли; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ такихъ свободныхъ земель нѣтъ,—оставить дороги въ прежней 10 саженной ширинѣ; 4) скотопрогонныя дороги, въ землѣ войска Донскаго, подчинить непосредственному надзору общества застрахованія скота, которое, на всемъ пространствѣ оныхъ, можетъ, по своему усмотрѣнію, устроивать на свой счетъ искусственные водопои, но съ тѣмъ, чтобы дороги эти были вполнѣ доступны свободному пользованію для прогона скота, какъ принадлежащаго обществу, такъ и всякаго другаго. Въ сихъ видахъ предоставить обществу учредить въ войскѣ, гдѣ признаетъ нужнымъ, центральное агенство иконтору, для производства своихъ операцій, и снабдить правленіе общества надлежащими, касательно дорогъ, свѣденіями. (Полож. воен. сов. 18 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 12 сент. 1861 г. № 73).

О закрытіи межевыхъ судовъ въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской. Положено закрыть немедленно межевые суда въ тѣхъ уѣздахъ Черниговской и Полтавской губерній, въ которыхъ, по открытіи генеральнаго межеванія, учреждены уже межевыя коммиссіи, въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ межевыя коммиссіи еще неучреждены, межевые суды закрываются постепенно, по мѣрѣ учрежденія коммиссій. При этомъ межевыя палаты сихъ губерній, дѣла, производящіяся въ упраздняемыхъ межевыхъ судахъ, передаютъ въ межевыя коммиссіи или уѣздные суды, смотря по предметамъ, для дальнѣйшаго производства, причемъ предоставлено межевымъ палатамъ и коммиссіямъ, по переданнымъ въ нихъ неисполненнымъ дѣламъ, при окончаніи ихъ на основаніи положенія о размежеваніи Полтавской и Черниговской губерній 27 октября 1839 года, не стѣсняться рѣшеніями межевыхъ судовъ, не вошедшими въ окончательную законную силу. (Мн. гос. сов. 26 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 15 сент. 1861 г., № 74).

Объ увольненіи черноморскихъ адмиралтейскихъ поселянъ изъ морскаго вѣдомства. Поселянъ адмиралтейскихъ селеній, въ Херсонской губерніи, Богоявленска, Воскресенска, Калиновки, Висунска, Березнеговатаго и Покровскаго, положено уволить изъ морскаго вѣдомства, съ предоставленіемъ имъ права причислиться въ городскія или сельскія сословія, на основаніи общихъ законовъ; причемъ самыя селенія переименовать въ пригороды. Для завѣды-

(*) Согласно этому пункту, на войсковыхъ пустопорожнихъ земляхъ назначалась, для прогона скота полоса земли въ 10 саж; кромѣ того для попасовъ по обѣимъ сторонамъ этой полосы на луговыхъ мѣстахъ, по 30 и на горныхъ по 30 саж. и сверхъ того для прокормленія скота, въ каждую отъ дороги сторону, по одной верстѣ.

ванія дѣлами общественными, хозяйственными и сиротскими, положено учредить въ пригородахъ, если возможно, для двухъ и трехъ вмѣстѣ—думы.

По судебнымъ дѣламъ, пригородные купцы, мѣщане и ремесленники подлежатъ вѣдомству Николаевскаго городскаго магистрата.

Съ освобожденіемъ черноморскихъ адмиралтейскихъ поселянъ отъ обязательной работы, на казенныхъ верфяхъ, они обложены въ пользу казны и немства установленными, по новому званію, податями и повинностями. Пожалованныя адмиралтейскимъ селеніямъ земли оставлены за сими поселеніями и ро переименованіи ихъ въ пригороды. Участки, состоящіе подъ домами, двозами, огородами и садами поселянъ, поступаютъ въ полну ю ихъ собственность съ правомъ передавать и отчуждать постороннимъ лицамъ. Кромѣ того, положено отдѣлить надлежащее количество земли, для надѣла тѣхъ изъ поселянъ, которые еще не получили таковыхъ участковъ, но изъявятъ желаніе пріобрѣсти ихъ, а также на случай переселенія въ пригороды посторонніхъ обывателей и на выгонъ. Полевыя земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи поселянъ, оставить за ними, при томъ же порядкѣ владѣнія; но еслибы современемъ пригородные обыватели пожелали раздѣлить эти земли между собою на участки, то сіе имъ не воспрещается на томъ же основаніи, какъ это постановлено въ 34 ст. общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по отношенію земель, пріобрѣтенныхъ ими въ собственность. (Мн. госуд. зак. 14 іюля, въ Сен. вѣд. 29 августа 1861 г., № 69).

Уставъ общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода. 14-го іюля 1861 г. утвержденъ уставъ Общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода, имѣющаго цѣлью снабженіе города Одессы и ея окрестностей, во всякое время года, свѣжею и чистою водою, посредствомъ особаго гидротехническаго устройства. Согласно уставу, Общество принимаетъ на себя обязанность устроить водопроводы, для продажи чистой воды обывателямъ города во всѣхъ его частяхъ и для орошенія земель въ окрестностяхъ города, и устраиваетъ также водопои для скота.

Кромѣ того, Общество предоставляетъ пожарной командѣ, въ случаѣ пожара, повсѣмѣстное употребленіе воды изъ водопроводовъ безплатно и, для удобства при несчастныхъ случаяхъ, устроиваетъ къ водопроводнымъ трубамъ, въ городѣ на 100, а въ предмѣстьяхъ на 200 саженъ разстоянія, по одному пожарному крану. Устройство водопроводовъ, со всѣми принадлежностями, должно быть окончено Обществомъ, въ теченіе пяти лѣтъ со дня утвержденія устава.

Общество имѣетъ право безпошлиннаго привоза изъ-за границы чугунныхъ трубъ и другихъ принадлежностей, но въ такомъ случаѣ, когда, по сдѣланному приглашенію, русскіе заводчики, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, не примутъ на себя поставку оныхъ не болѣе какъ 15% дороже тѣхъ цѣнъ, по которымъ могли бы иностранныя трубы и другія принадлежности обойтись въ Одессѣ.

Капиталъ Общества опредѣляется въ 2,000,000 рублей, раздѣленныхъ на 20.000 акцій, по 100 рублей каждая. Впослѣдствіи капиталъ сей можетъ быть увеличенъ до 3,000,000 рублей, выпускомъ новыхъ 13,000 акцій по прежней цѣнѣ.

За воду, поставляемую во дворы и дома, посредствомъ трубъ, плата опредѣляется, по взаимному соглашенію съ домовладѣльцами. Наибольшая плата за потребленіе воды назначается: а), за ведро воды $^3/_8$ коп. сер. б), за бочку воды въ 40 ведеръ—12 коп. сер. и в), за водопой лошади, вола или пары овецъ $^3/_8$ коп. сер. Такъ какъ монеты въ $^3/_8$ коп. не существуетъ, то при отдѣльномъ разсчетѣ за одно ведро или за одинъ водопой взимается $^1/_2$ ксп. сер.

Бѣдные же жители города могутъ получать, для своего употребленія, воду безплатно кружками изъ фонтановъ, которые Общество обязывается устроить, по указанію городскаго общества.

За воду, расходуемую на поливку улицъ, общество взимаетъ не болѣе 3-хъ коп. за бочку, но не иначе, какъ по заключеніи съ городомъ на этотъ предметъ 12-и лѣтняго контракта и за количество, не превышающее 1,500 бочекъ въ день. Въ обезпеченіе исправнаго исполненія всѣхъ принимаемыхъ Обществомъ обязанностей, учредители вносятъ въ мѣстную городскую думу залогъ въ 100,000 рублей, которые возвращаются, по окончаніи всѣхъ работъ по устройству водопровода и открытія онаго въ, уставомъ опредѣленный, срокъ.

Коль скоро будутъ разобраны всѣ акціи—учреждается правленіе общества, состоящее изъ четырехъ директоровъ, избранныхъ по большинству трехъ четвертей голосовъ общаго собранія акціонеровъ.

Въ директоры правленія могутъ быть избираемы только лица, имѣющія на свое имя не менѣе 50-ти акцій.

Каждый акціонеръ можетъ присутствовать въ общемъ собраніи, но подаетъ голосъ тотъ, кто имѣетъ на свое имя не менѣе 25-и акцій. Владѣющій 100 акціями-имѣетъ 2 голоса, 200 акцій и болѣе даютъ право на 3 голоса. По прошествіи 50-и лѣтъ со времени открытія водопровода, дѣйствія Общества прекращаются, водопроводы со всѣми принадлежностями поступаютъ въ собственность города, безъ всякаго вознагражденія, а наличный капиталъ раздѣляется между акціонерами. Независимо отъ сего городу предоставляется право пріобрѣтенія водопроводовъ общества и ранѣе сего срока, но не прежде истеченія первыхъ 15-и лѣтъ, со дня утвержденія устава. Сен. вѣд. 15 авг. 1861 г. № 63).

Объ измѣненіи сроковъ, назначенныхъ уставомъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода. Сроки, назначенные въ §§ 13, 25 и 31 устава общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для устройства водопроводовъ, предоставленія залоговъ въ обезпеченіе предпріятія и открытія подписки на акціи, положено считать не со дня утвержденія и обнародованія устава общества, а съ 1-го іюля, 1861 г.

Уставъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для снабженія жителей города во всякое время года свѣжею и чистою водою, утвержденъ 11-го апрѣля 1860 г. Согласно сему уставу, капиталъ общества опредѣлялся въ 200,000 рублей, роздѣленныхъ на 2,000 акцій по 100 рублей каждая; правленіе общества должно находиться въ Ростовѣ и состоять изъ 3-хъ директоровъ, по выбору общаго собранія акціонеровъ, на которомъ право голоса имѣетъ всякій, владѣющій 5-ю акціями. Выбранные въ первый разъ директоры остаются въ этомъ званіи три года; послѣ же сего срока ежегодно выбываетъ по одному директору и на мѣсто его избирается новый. (Мнѣн. госуд. сов. 11 апр. 1860 г. и полож. ком. мин. 4 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 17 мая 1860 г. № 40 и 8 авг. 1861 г. № 63.)

О дозволеніи дальнѣйшаго пребыванія Евреевъ въ г. Одессѣ. Дозволено дальнѣйшее пребываніе въ Одессѣ тѣмъ изъ иностранныхъ Евреевъ, которые, проживая въ семъ городѣ продолжительное время, пріобрѣли въ ономъ осѣдлость, имѣютъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могутъ представить доказательства своей благонадежности; причемъ разрѣшено имъ заниматься мастерствами съ запискою въ цехъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнено въ обязанность мѣстному начальству, имѣть наблюденіе какъ за непремѣнною уплатою помянутыми Евреями установленныхъ ст. 528 уст. о пасп. и бѣг. по-

виностей, такъ и о примѣненіи ко вновь пріѣзжающимъ въ Одессу иностраннымъ Евреямъ, во всей строгости, изъясненныхъ въ той статьѣ правилъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4-го іюня, Сен. вѣд. 29 авг. 1861 г. № 69.)

О дозволеніи Евреямъ заниматься ремеслами въ городахъ: Николаевѣ и Севастополѣ. Дозволено Евреямъ мѣщанамъ заниматься въ Николаевѣ и Севастополѣ производствомъ ремеслъ какъ на правахъ иногородныхъ лицъ, такъ и съ правомъ водворенія въ оныхъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4 іюня, въ Сен. вѣд. 29 авг. № 99.)

Объ усиленіи сбора съ колонистовъ Новороссійскаго края и Евреевъ земледѣльцевъ Южнаго края. Вслѣдствіе утвержденія новыхъ штатовъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго края Россіи съ подвѣдомственными ему: попечительствомъ о Бессарабско-Болгарскихъ колоніяхъ и Еврейскимъ попечительствомъ, положено: усилить взимаемый нынѣ сборъ съ колонистовъ Новороссійскихъ по 9 коп. съ каждой, вышедшей изъ льготы, ревизской души; на содержаніе же Еврейскаго отдѣленія отнести и доходы отъ излишнихъ земель, отведенныхъ подъ поселеніе Евреевъ. Взиманіе сего добавочнаго сбора начинается съ 1-го іюля 1861 года. (Мн. госуд. сов. 4 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 23 авг, № 68.)

О дозволеніи Севастопольскому магистрату свидѣтельствовать вѣрющія письма. Въ дополненіе примѣчаній къ ст. 731 т. X. С. I св. зак. изд. 1857 г. дозволено Севастопольскому городовому магистрату свидѣтельствовать вѣрющія письма наравнѣ съ уѣздными судами. (Мн. госуд. сов. 13 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 69.)

Объ учрежденіи полицейскихъ судовъ въ Западныхъ губерніяхъ. 5 августа утверждено временное положеніе о полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ.

Временнымъ положеніемъ воспрещаются всякаго рода публичныя заявленія желаній и стремленій, направленныхъ противъ существующаго правительственнаго порядка. За эти проступки виновные, смотря по обстоятельствамъ, увеличивающимъ, или уменьшающимъ вину — подвергаются: аресту на время отъ 2-хъ дней до 4-хъ и болѣе недѣль и денежному взысканію отъ 10 до 800 и болѣе руб. сер.;

Виновные въ оскорбленіи должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, подвергаются, кромѣ денежнаго взысканія, аресту отъ 2-хъ недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ.

Сроки заключенія подъ арестомъ уменьшаются для несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ 17-и лѣтняго возраста, до одной трети указанныхъ выше сроковъ. Лица женскаго пола не присуждаются къ личному аресту, кромѣ случаевъ, когда арестъ назначается вмѣсто денежнаго штрафа.

Производство этихъ дѣлъ сосредоточивается въ полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, на первый разъ, въ губернскихъ городахъ, составляющихъ первую инстанцію для дѣлъ сего рода.

Ревизія дѣлъ, поступающихъ изъ полицейскихъ судовъ, производится въ апелляціонныхъ полицейскихъ судахъ, составляющихъ вторую инстанцію и учреждаемыхъ въ городахъ Вильнѣ и Кіевѣ.

Полицейскіе суды, руководствуясь общими правилами о поводахъ къ началу уголовныхъ дѣлъ, предварительно постановляютъ по каждому отдѣльному случаю, заключеніе о томъ: представляется ли достаточный поводъ къ призы-

ву къ суду обвиняемыхъ въ обнаруженномъ или заявленномъ проступкѣ. Призывъ къ суду обвиняемаго и свидѣтелей совершается повѣстками.

По явкѣ вызываемыхъ, судъ, въ присутствіи своемъ, допрашиваетъ словесно обвиняемаго и свидѣтелей; сущность отвѣтовъ записывается въ протоколъ засѣданія. Послѣ окончанія слѣдствія и удаленія подсудимыхъ, судъ, не выходя изъ присутствія, постановляетъ, по большинству головъ, рѣшеніе и вслѣдъ затѣмъ словесно объявляетъ его подсудимымъ. Срокъ, для принесенія апелляціи, установляется семидневный. Отзывы пишутся на простой бумагѣ и при этомъ вносится половина присужденнаго штрафа, на случай признанія апелляціи незаслуживающею уваженія.

Независимо отъ принесенія апелляціи, дѣла переносятся на ревизію апелляціонныхъ полицейскихъ судовъ по протестамъ стряпчихъ. Рѣшенія апелляціонныхъ судовъ признаются окончательными и могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ Высочайшею властью.

Съ признанныхъ виновными, по рѣшеніямъ полицейскихъ судовъ какъ первой степени, такъ и апелляціонныхъ, кромѣ штрафовъ, взыскиваютъ издержки, необходимыя на покрытіе расходовъ по явкѣ свидѣтелей и другихъ лицъ, вызванныхъ судами, канцелярскіе расходы и наконецъ деньги, представленныя въ залогъ правой апелляціи, въ томъ случаѣ, когда будетъ утвержденъ приговоръ суда первой степени. Для уплаты штрафовъ, судъ назначаетъ семидневный срокъ, по истеченіи котораго, полиція, также въ теченіи семи дней, приступаетъ къ продажѣ съ публичнаго торга движимаго имущества, а въ случаѣ недостаточности его, къ наложенію секвестра на имущество недвижимое и на получаемые съ него доходы, впредь до назначенія въ продажу. (Полож. ком. мин. 5 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

О правилахъ при объявленіи какихъ либо мѣстностей Западныхъ губерній на военномъ положеніи. Вслѣдствіе возрастающихъ въ Западныхъ губерніяхъ безпорядковъ, предоставлены главнымъ начальникамъ этихъ губерній особыя права, причемъ разрѣшено имъ самимъ объявлять на военномъ положеніи мѣстности, когда они сочтутъ нужнымъ, не испрашивая на то Высочайшаго разрѣшенія.

Для мѣстностей же, объявленныхъ на военномъ положеніи, установлены особыя правила, изъ которыхъ главнѣйшія,—слѣдующія: 1) главный начальникъ края можетъ удалять отъ должностей чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и отрѣшать и предавать суду всѣхъ безъ изъятія членовъ земской и градской полиціи. 2) Всѣ жители и чиновники воинскіе и полицейскіе подвѣдомы военному суду, причемъ всѣ обвиняемые въ измѣнѣ, бунтѣ, явномъ неповиновеніи воинскимъ и гражданскимъ начальникамъ или склоненіи другихъ къ этимъ преступленіямъ, хотя бы и не произошло возмущенія, въ насиліи, разбоѣ, убійствѣ, грабежѣ и зажигательствѣ, подлежатъ военному суду, который приговариваетъ виновныхъ къ наказанію, на основаніи полевыхъ военно-уголовныхъ законовъ; 3) главный начальникъ утверждаетъ приговоры военныхъ судовъ и приказываетъ приводить ихъ въ исполненіе; 4) главный начальникъ края въ объявленную на военномъ положеніи мѣстность назначаетъ военнаго начальника, который обязанъ содержать жителей въ совершенномъ повиновеніи, препятствовать вреднымъ подстрекательствамъ, или изъявленію *наружнаго неуваженія* къ правительству и мѣстнымъ властямъ, удаляетъ изъ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи всѣхъ иностранцевъ, праздно проживающихъ, и подозрительныхъ людей.

5) Въ объявленной на военномъ положеніи мѣстности: а) воспрещается — собираться безъ нужды на улицахъ и площадяхъ; по требованію полицейскихъ и военныхъ властей, всякія скопища должны немедленно расходиться, а въ случаѣ неисполненія сего послѣ трехъ предвареній, скопища разсѣеваются силою; б) изъ процессій дозволяется только установленныя церковью, но и объ этихъ духовенство должно предварять полицію, для принятія мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ; в) всякія собранія въ публичныхъ или частныхъ домахъ, которыя будутъ признаны вредными мѣстною властью, должны быть немедленно прекращаемы; г) лавки, шинки, кофейныя и другія подобныя заведенія, по распоряженію мѣстнаго начальства, запираются въ установленное время; д) мѣстная полиція и военные патрули вправѣ останавливать тѣхъ, которыхъ признаютъ подозрительными, и отсылать ихъ къ военной власти; и е) въ случаѣ сопротивленія, воинская сила, вынужденная употребить оружіе, не подвергается отвѣтственности за послѣдствія.

Кромѣ того, по невозможности исчислить всѣ мѣры, къ которымъ ведетъ военное положеніе, жители предваряются, что безпорядокъ долженъ вызвать экстренныя и энергическія мѣры противъ всякаго участника въ безпорядкѣ (Полож. ком. мин-въ 5 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

ВІСТІ.

ПОСЛѢ ПОѢЗДКИ НА ЮГЪ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ удалось съѣздить на родину — въ Малороссію и побывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края. Я имѣлъ случай слышать и наблюдать тамъ нѣкоторыя явленія общественнаго быта, преимущественно въ сферѣ происходящаго теперь преобразованія по крестьянскому дѣлу; полагаю, что небольшой запасъ собранныхъ мною свѣдѣній не будетъ лишенъ интереса для читателей.

Начну съ хозяйства. Почти всѣ малороссійскіе землевладѣльцы жалуются на ущербъ, который они понесутъ въ своихъ доходахъ въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе совершающагося хозяйственнаго переворота. Имѣя въ виду уменьшеніе барщиннаго труда, многіе сочли необходимымъ убавить посѣвы. Но несмотря на это уменьшеніе запашки, все-таки оказался неуспѣхъ въ производствѣ хозяйственныхъ работъ. Это объясняютъ тѣмъ, что теперешній барщинный трудъ никуда не годится, что крестьяне, утративъ страхъ помѣщичьей кары, выходятъ на барщину поздно и дѣлаютъ все кое-какъ, до-нельзя плохо. Для восполненія недостатка обязательной работы, многіе владѣльцы оказались въ необходимости прибѣгнуть къ найму, и помѣщичьи поля въ Малороссіи впервые, хотя и не вполнѣ, обработаны были свободнымъ трудомъ, не изъ-подъ палки. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ, на первый разъ, оказался не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Я былъ свидѣтелемъ затрудненій, какія встрѣчались при наймѣ рабочихъ на табачныя плантаціи. Извѣстно, что, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской и Пол-

тавской губерній (*), табачная промышленность составляетъ главную отрасль сельскаго хозяйства. Табакъ требуетъ постояннаго и весьма тщательнаго за собою ухода. Сюда относятся: разсаживанье табаку, его поливка, полотьба, саповка, обрываніе верхушекъ, для того, чтобъ сосредоточить всѣ соки растенія въ боковыхъ листахъ и проч. Чтобъ содержать въ надлежащемъ порядкѣ нѣсколько десятковъ десятинъ, засаживаемыхъ во многихъ имѣніяхъ табакомъ, необходимо ежедневно имѣть нѣсколько десятковъ и до сотни рабочихъ рукъ. Въ прежніе годы работы, эти, не требующія большой физической силы, исполнялись обыкновенно крестьянскими дѣтьми обоего пола, и частію женщинами. Но теперь, при запрещеніи брать на барщину лицъ моложе 18 лѣтъ, при уменьшеніи барщинныхъ женскихъ дней, помѣщики находились въ большомъ затрудненіи, какъ продолжать воздѣлываніе табачныхъ плантацій. Нѣкоторые рѣшились почти вовсе оставить табачную промышленность, или значительно уменьшили ея размѣры. Только весьма немногіе удержали прежній объемъ табачныхъ плантацій и, для обработки ихъ, принуждены были обратиться къ найму. Такъ какъ наемный трудъ составляетъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, новость, то понятно, что лица, нуждавшіяся въ немъ, на первый разъ, должны были встрѣтить затрудненіе. Собственно вольныхъ людей—козаковъ или государственныхъ крестьянъ — нельзя было нанять, потому–что большая часть ихъ занята работою у себя дома; остальные же, по издавна–существующему обычаю, идутъ заработывать *копійку* въ Новороссійскій край. Ничего не оставалось дѣлать, какъ только обратиться къ прежнимъ крѣпостнымъ, т. е. къ тѣмъ же крестьянамъ, которые до сихъ поръ обязательно исполняли эту работу. Но они весьма неохотно отозвались на приглашеніе помѣщиковъ. Нельзя не предполагать, что въ числѣ причинъ ихъ отказа было также нѣкоторое желаніе лишить помѣщика возможности имѣть хорошій табакъ. Весьма рѣдко случалось, чтобы на плантаціяхъ было то число рабочихъ, какое дѣйствительно было нужно, а въ праздникъ, который, бывало, шелъ не въ счетъ рабочихъ дней, нельзя было найти никого, ни за какія деньги. Сверхъ–того, другое затрудненіе заключалось еще въ томъ, что каждый работникъ, дитя или женщина, нанимались съ

(*) Козелецкій, Нѣжинскій, Сосницкій, Борзенскій, Конотопскій, а равно Роменскій, Прилуцкій и Пирятинскій.

условіемъ, чтобы расчетъ производился не понедѣльно, а по окончаніи работъ каждаго дня. Поводомъ къ такому требованію служило, какъ догадываются, опасеніе крестьянъ, чтобы помѣщикъ не сталъ считать ихъ трудъ обязательнымъ, крѣпостнымъ, и не отказался бы отъ производства уплаты за работу нѣсколькихъ дней. Не говоря о неудобствѣ подневнаго расчета вообще, главная трудность удовлетворенія требованіямъ крестьянъ, заключалась въ недостаткѣ мелкой размѣнной монеты. Цѣны на рабочихъ въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Прилуцкомъ и Пирятинскомъ были: для дѣтей отъ 5 до 7 коп., а для женщинъ отъ 10 до 12 и 15 коп. въ день. Сколько было нужно размѣнныхъ денегъ, для такихъ мелкихъ платежей! Кто не имѣлъ мелкихъ денегъ, что̀ весьма часто случалось, тотъ почти не могъ нанять рабочихъ. Нужно было посылать нарочнаго въ уѣздный городъ, для размѣна билетовъ, да и тутъ съ большимъ трудомъ и не всегда можно было достать мелочи; напр. въ Нѣжинѣ, во время Троицкой ярмарки, одинъ мой знакомый не могъ размѣнять на мѣдь билета въ 25 руб. и едва-едва успѣлъ достать мѣди на 10 рублей, съ лажемъ по 5 коп. на рубль. Для избѣжанія всѣхъ затрудненій при наймѣ рабочихъ въ будущемъ году, нѣкоторые помѣщики предполагаютъ еще, съ зимы, договорить нужное число людей въ *Литвѣ* (т. е. въ Бѣлоруссіи), на все лѣто. При существованіи изложенныхъ обстоятельствъ, должно полагать, что въ нынѣшнюю осень табакъ, несмотря на хорошій его урожай, будетъ довольно дорогъ. Относительно же будущаго времени, есть большая вѣроятность думать, что черезъ годъ, два или три, почти всѣ большія помѣщичьи табачныя плантаціи прекратятся, ибо сами крестьяне, значительно облегченные отъ барщинной работы, станутъ производить табакъ въ большомъ количествѣ, на своихъ огородахъ, мелкими плантаціями. И какъ они, по-обыкновенію, не принимаютъ въ расчетъ труда, употребленнаго на обработку своего поля, то цѣны, по которымъ они начнутъ продавать табакъ, будутъ гораздо ниже тѣхъ, по какимъ могутъ уступать табакъ помѣщики, затратившіе на производство его нѣсколько сотъ рублей. Можетъ-быть, что такое состояніе табачной промышленности будетъ продолжаться недолго, и что современемъ, когда крестьяне лучше поймутъ цѣну труда и времени, большія плантаціи снова возникнутъ; но, покамѣстъ, до этого далеко, и означенный кризисъ, кажется, неизбѣженъ. Помѣщики, которые захотятъ соперничать съ крестьянами, должны будутъ обратиться или къ воздѣлыванію высшихъ сортовъ та-

баку, или сократить издержки производства посредствомъ введенія какихъ нибудь особыхъ усовершенствованій, машинъ и т. п. (*)

Новороссійскій край, съ которымъ я только теперь нѣсколько ближе познакомился, посѣтивъ нѣкоторыя имѣнія Александрійскаго (Херсон. губ.) и Екатеринославскаго уѣздовъ, представляетъ много любопытнаго, для сравненія съ Малороссіей въ отношеніи хозяйственнаго положенія помѣщичьихъ имѣній.

Новороссійскія губерніи всегда отличались отъ Малороссіи, равно и отъ прочихъ губерній, тѣмъ, что обязательный трудъ, хотя и существовалъ тамъ во всей своей силѣ, но при незначительности крѣпостнаго населенія, въ сравненіи съ обширностію земель, сельскія работы издавна производились тамъ неиначе, какъ съ участіемъ вольнаго труда. Ни одинъ помѣщикъ не могъ обойтись безъ наемныхъ рабочихъ и большую часть всѣхъ полевыхъ работъ производилъ всегда вольными людьми. Каждый изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ имѣлъ, въ этомъ случаѣ, полное основаніе расчитывать на большое число лицъ, приходящихъ въ Новороссію, какъ изъ малороссійскихъ губерній, такъ и изъ Литвы, для заработковъ. Кромѣ того, въ обширныхъ степяхъ Херсонской и Екатеринославской губерній, въ большомъ числѣ кочуютъ, удобно скрываясь отъ полиціи, такъ называемые *бурлаки*, т. е. бѣглые помѣщичьи, крестьяне, или солдаты. Эти люди, нисколько не опасаясь быть захваченными, всегда готовы къ услугамъ желающаго пользоваться ихъ трудомъ. Паспортовъ ни у кого не спрашиваютъ, и наниматель можетъ не знать, кто у него работаетъ, а если и знаетъ, что такіе-то изъ нанятыхъ—бродяги, то, при всемъ же—

(*) Намъ кажутся опасенія почтеннаго автора насчетъ закрытія табачныхъ плантацій преувеличенными. Особенно, соперничество крестьянъ съ помѣщиками въ обработкѣ табаку представляется невозможнымъ. Если крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, поспѣшитъ продать барышникамъ нѣсколько пудовъ воздѣланнаго имъ табаку, то этимъ онъ нисколько не подрываетъ цѣнъ, которыя зависятъ отъ запроса и отъ количества табаку у большихъ плантаторовъ; не такъ давно бывало, что нѣкоторые помѣщики запродавали на корнѣ свой табакъ; но это не имѣло вліянія на цѣны. Мы были бы весьма рады, если бы освобожденный крестьянинъ, увеличивъ свои табачныя плантаціи, могъ вступить въ соперничество съ помѣщикомъ; но это едвали сбыточно. Откуда крестьянину получить возможность воздѣлывать табакъ въ большемъ, чѣмъ онъ теперь воздѣлываетъ, количествѣ, когда пространство его огородовъ останется тоже самое, какое было и прежде и когда онъ не переставетъ садить огородныя овощи, которыя необходимы для его продовольствія? *Ред.*

ланіи предать ихъ въ руки надлежащей власти, не рѣшится этого сдѣлать, опасаясь товарищей пойманнаго, которые жестоко отмстили бы за такой поступокъ. Цѣны на трудъ въ Новороссійскомъ краѣ, уже нѣсколько лѣтъ, держатся довольно высокія. Работникъ съ косою (въ Новороссійскомъ краѣ косою убирается какъ сѣно, такъ и хлѣбъ) стоитъ отъ 75 до 1 руб., съ граблями отъ 60 до 80 коп. въ день. Кромѣ этой денежной платы, непремѣнное условіе найма составляютъ *харчи* и *порціи*, т. е. пища и водка, которыя каждый хозяинъ обязанъ давать рабочимъ нѣсколько разъ въ день. Какъ вольный человѣкъ, пришедшій издалека заработать денегъ, такъ и бурлакъ, любятъ поѣсть *добре*, и хорошіе работники всегда избѣгаютъ тѣхъ имѣній, гдѣ пища не совсѣмъ хороша. Они скорѣе согласятся на уменьшеніе платы,—только бы хорошо ихъ кормили. По принятому обычаю, ихъ кормятъ 4 раза въ день, по утру *сніданье*, потомъ *обідъ*, *полудень* и наконецъ *вечеря*. Ко всѣмъ этимъ срокамъ, тутъ же въ полѣ, на мѣстѣ работъ, въ подвижной кухнѣ приготовляются различныя кушанья, какъ-то: *кулишъ* (жидкая каша) или *галушки*, съ саломъ или съ постнымъ масломъ, *борщъ* съ рыбой, мясомъ и саломъ и *крутая каша*. Кромѣ того, работникамъ даютъ хлѣбъ, а иногда кукурузу, огурцы и проч. Послѣ каждой ѣды, работникъ получаетъ порцію водки, равняющуюся небольшому стакану. Въ имѣніяхъ съ 3 или 4 тысячами десятинъ земли (такихъ весьма много въ Новороссійскомъ краѣ), въ продолженіи лѣта, работаютъ отъ 100 до 200 и болѣе наемныхъ рабочихъ, издержки на содержаніе которыхъ, т. е. плата за трудъ и пища, обходятся всегда въ нѣсколько тысячъ рублей. Уже по этому расходу на рабочихъ, можно судить о величинѣ оборотнаго капитала въ имѣніяхъ Новороссійскаго края. Кромѣ вольнаго труда, здѣсь довольно давно стали вводиться разныя машины и усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія. Конныя молотилки существуютъ почти вездѣ, даже въ маленькихъ имѣніяхъ, а въ большихъ нерѣдко можно найти и паровыя. Всѣ эти условія, подавляя собою крѣпостной трудъ, сдѣлали значеніе его неважнымъ для большинства помѣщиковъ, а потому объявленіе свободы въ Новороссійскомъ краѣ не могло произвесть того невыгоднаго вліянія на состояніе помѣщичьихъ хозяйствъ, какъ въ Малороссіи. Это отчасти зависѣло и отъ того, что въ Херсонской губерніи (въ Екатеринославской я этого не замѣтилъ) крѣпостная работа была не многимъ слабѣе прежней. Должно полагать, что относительная рѣдкость крѣпостнаго населенія, разбро-

саннаго на огромныхъ пространствахъ Херсонскихъ степей небольшими селами и деревнями, и происходящій отсюда недостатокъ частаго общенія между крестьянами препятствуютъ развитію въ нихъ тѣхъ чувствъ, которыя замѣтны, при густомъ крѣпостномъ населеніи, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ.

Смотря на энергическую дѣятельность многихъ Новороссійскихъ сельскихъ хозяевъ, на раціональность принимаемыхъ ими средствъ, ихъ стремленій и цѣлей, невольно задаешь себѣ вопросъ: почему ничего подобнаго не видно въ Малороссіи, почему послѣдняя такъ отстала отъ своей молодой сосѣдки? — Отвѣтомъ на это служитъ, главнымъ образомъ, различіе географическихъ и другихъ условій той и другой мѣстности.

Плодородныя новороссійскія степи, расположенныя вдоль южной границы нашей, примыкаютъ къ берегамъ Чернаго моря. Днѣпръ, прорѣзывающій Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, будучи судоходенъ, на всемъ протяженіи отъ Никополя (Екатеринослав. губ.) до Херсона, сближаетъ съ Одессою и другими нашими южными портами даже довольно отдаленные отъ береговъ пункты. Правильное буксирное и пассажирское пароходство, которое содержитъ, на означенномъ пространствѣ, «Общество пароходства и торговли по Черному морю», представляетъ способы для возможно-скораго сообщенія съ портами. Только хозяйства, находящіяся совершенно въ сторонѣ отъ Днѣпра, лишены возможности пользоваться пароходствомъ, но и для нихъ медленность обыкновенныхъ способовъ сухопутныхъ сообщеній облегчается относительною близостію разстоянія торговыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, почти каждый землевладѣлецъ въ Новороссіи обезпеченъ во всѣхъ своихъ продажахъ и покупкахъ. Еврей или другой купецъ, пріѣзжая въ деревню, не смѣетъ предложить помѣщику, за его пшеницу, ленъ или шерсть, цѣну ниже дѣйствительной, зная, что, въ противномъ случаѣ, весь товаръ можетъ быть удобно отправленъ непосредственно хозяиномъ въ самое мѣсто сбыта. Чтобъ купить машину или другое что нужное для хозяйственнаго производства, стоитъ только сѣсть на пароходъ и выбрать самому въ Одессѣ вещь, по своему желанію, которая не замедлитъ прибыть на мѣсто, вслѣдъ за своимъ хозяиномъ. Многія машины можно купить, не ѣздивши въ Одессу, въ Екатеринославѣ, или выписать эти вещи, черезъ контору г. Ульмана, находящуюся въ семъ городѣ. Нуженъ каменный уголь, для паровыхъ молотильныхъ машинъ,—его всегда мож-

по достать въ Никополѣ. Словомъ—близость пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и достаточныя удобства сообщенія съ ними по Днѣпру, давая возможность расчитывать на выгодный сбытъ продуктовъ, невольно побуждаютъ новороссійскаго землевладѣльца къ дѣятельности, труду и энергической предпріимчивости. Выгоды, обѣщаемыя разработкою нетронутыхъ еще естественныхъ богатствъ почвы, въ Новороссійскомъ краѣ такъ значительны, что тамошніе дѣятельные хозяева, ради ихъ, терпѣливо сносятъ и свое пустынножительство, и гладкое однообразіе природы, и даже недостатокъ многихъ существенныхъ удобствъ жизни, какъ напр. хорошаго помѣщенія. Многіе помѣщики живутъ почти въ хатахъ, отличающихся отъ крестьянскихъ только лучшею мебліровкою. Такъ-какъ кругомъ все степи, безъ всякихъ признаковъ древесной растительности, то нѣкоторыя изъ помѣщичьихъ усадьбъ не имѣютъ подлѣ не только сада или лѣса, но даже ни одного порядочнаго тѣнистаго дерева. Расчетъ, допускающій одно производительное употребленіе капиталовъ, на улучшеніе имѣній, заставляетъ тѣмъ болѣе сокращать расходы, относящіеся къ удобствамъ и удовольствіямъ жизни, что всѣ молодые дѣятельные землевладѣльцы, начинающіе только свое поприще, принуждены держаться системы кредитныхъ хозяйствъ.

Въ Малороссіи мы видимъ совершенную противоположность. Ближайшими къ Малороссіи пунктами заграничной торговли являются тѣ же южные черноморскіе порты, что и для Новороссійскаго края, но съ тою разницею, что Малороссія, вслѣдствіе своего положенія къ сѣверу, несравненно болѣе отъ нихъ отдалена. Естественнымъ воднымъ путемъ сообщенія съ Чернымъ моремъ, для Малороссіи, долженъ былъ бы служить также Днѣпръ, протекающій по югозападнымъ ея предѣламъ. Но пороги, между Екатеринославомъ и Никополемъ, уничтожаютъ возможность правильнаго судоходнаго сообщенія Малороссіи съ Херсономъ и Одессою. Эти пороги дѣлаютъ то, что Малороссія, отправляя свой хлѣбъ, ленъ и другія произведенія къ Черному морю, медленнымъ и дорогимъ способомъ, на чумацкихъ фурахъ, не можетъ и помышлять о соперничествѣ съ Новороссійскимъ краемъ въ заграничной торговлѣ своими продуктами. Мы слышали, что составляется компанія, для уничтоженія Днѣпровскихъ пороговъ. Если этотъ слухъ справедливъ, то нельзя не пожелать новому предпріятію всевозможнаго успѣха. Пока это не осуществится или не проведется на югъ желѣзная дорога, Малороссія будетъ оставаться страною почти изолированною, безъ всякихъ средствъ для перевозки грузовъ. Въ ней по-

чти нѣтъ и шоссейныхъ дорогъ, которыя такъ уже не новы въ великорусскихъ губерніяхъ. Московско-Харьковское и Кіево-Петербургское шоссе едва лишь касаются малороссійской границы, на сѣверо-востокѣ и западѣ. Есть, однакожь, одинъ рѣчной путь, по которому Малороссія отправляетъ часть своихъ продуктовъ, это — вверхъ по Днѣпру, въ Бѣлоруссію. Перевозка грузовъ здѣсь совершается въ баркахъ, бичевою или съ парусомъ, при подталкиваніи судна безчисленными шестами или баржами. Медленность этого способа, требующаго содержанія множества рабочихъ, и огромныхъ съ ихъ стороны трудовъ, служитъ причиною, что количество хлѣба, отправляемаго этимъ путемъ, едвали превышаетъ 50—60 тысячъ пудовъ въ годъ, — количество, весьма незначительное въ сравненіи съ тѣмъ, что Малороссія производитъ. «Общество пароходства по Днѣпру», кажется, могло-бы замѣнить означенную первобытную перевозку грузовъ, буксированіемъ барокъ посредствомъ пароходовъ; но оно, повидимому, находитъ для себя болѣе выгоднымъ ограничиваться пассажирскимъ пароходствомъ. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, легко понять, почему малороссійскіе землевладѣльцы въ настоящее время не производятъ такихъ оборотовъ, не отличаются такою дѣятельностью и такою распорядительностью, какъ ихъ собратья въ Новороссіи. Можно даже думать, что самое уничтоженіе обязательнаго труда мало поможетъ бѣдѣ. Отдаленность отъ пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и совершенное отсутствіе сколько-нибудь порядочныхъ путей сообщенія лишаютъ ее, какъ и всю центральную Россію, средствъ для выгоднаго сбыта продуктовъ, безъ котораго невозможны успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ. Можетъ ли быть какое-нибудь побужденіе къ увеличенію и усовершенствованію производства, посредствомъ введенія дорогихъ машинъ, когда нѣтъ надежды на увеличеніе сбыта? Цѣны всегда такъ низки на всѣ продукты, что помѣщикъ радъ-радехонекъ, если ему удастся отъ продажи чего-нибудь получить разомъ 500 — 600 руб. сер. Откуда тутъ быть капиталамъ для тысячныхъ оборотовъ, какіе ведуттся, напр., въ Екатеринославской губерніи?

Одно преимущество имѣетъ Малороссія предъ Новороссійскимъ краемъ, это—удобства деревенской жизни. Хорошіе помѣщичьи усадьбы, фруктовые и всякіе сады, устроенные трудами нѣсколькихъ поколѣній, близкое сосѣдство помѣщиковъ другъ отъ друга, относительная близость уѣздныхъ городовъ, изобиліе всякихъ вкусныхъ плодовъ и яствъ — дѣлаютъ здѣсь жизнь спокойною и пріятною. Благодаря,

именно, этимъ условіямъ, Малороссія повсюду въ Россіи пріобрѣла себѣ славу *благословенной* страны. Къ-сожалѣнію, однакожъ, нельзя не признаться, что указанныя выгоды далеко не въ состояніи искупить вышеисчисленныхъ неудобствъ. Малороссійскіе помѣщики начинаютъ уже теперь понимать это, видя и слыша, какіе доходы доставляютъ имѣнія въ Новороссіи; но вмѣстѣ съ этимъ они сознаются, что едвали бы согласились отдать свои старыя имѣнія за скучныя, безлѣсныя, хотя и богатыя, новороссійскія степи...

Ущербъ, который послѣдуетъ въ хозяйствѣ малороссійскихъ землевладѣльцевъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, еще болѣе увеличивается естественнымъ бѣдствіемъ — саранчею. Это прожорливое насѣкомое, истребляющее всякую растительность, отъ обыкновенной травы и всѣхъ сортовъ хлѣба до табаку и древесныхъ листьевъ, прилетѣла въ Малороссію, въ прошломъ году, изъ Новороссійскаго края, гдѣ она, уже нѣсколько лѣтъ сряду, постоянно остается. Предостереженія, сдѣланныя помѣщикамъ предводителями дворянства о перепахиваніи полей, на которыхъ положены саранчею яйца, остались, какъ и должно было ожидать, безъ всякихъ послѣдствій. Прошедшая холодная зима возбудила надежду, что яйца пропадутъ отъ морозовъ, но ожиданія не сбылись. Въ началѣ іюня саранча выплодилась въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Козелецкомъ, Переяславскомъ, а равно за Днѣпромъ, въ Кіевской губерніи. Нечего говорить объ отчаяніи и безпокойствѣ жителей, даже сосѣднихъ уѣздовъ. Земская полиція стала принимать мѣры къ уничтоженію саранчи. Способъ истребленія состоялъ въ томъ, что на протяженіи всего поля, занятаго саранчею, копались рвы, и крестьяне, съ метлами въ рукахъ, должны были загонять сюда саранчу, которую потомъ засыпали землею. Каждый крестьянинъ, если на поляхъ его деревни была саранча, долженъ былъ посвящать на истребленіе ея два дня въ недѣлю (одинъ барщинный и одинъ свой). Но крестьяне такъ неохотно брались за эту работу, что мѣстное выраженіе — *выгонять на саранчу* — можно понимать почти буквально. Въ Малороссіи крестьяне и даже многіе изъ помѣщиковъ убѣждены, что саранча есть «наказаніе Божіе», что старые и мудрые люди читаютъ эту фразу, написанную іероглифами на самыхъ крыльяхъ насѣкомаго. Поэтому почти всѣ того мнѣнія, что истреблять саранчу—значитъ гнѣвить Бога, и что единственное средство противъ этого бѣдствія заключается въ молитвѣ. При такихъ предразсудкахъ истребленіе саранчи не могло идти успѣшно: крестьяне исполняли свое дѣло кое-

какъ, только для виду. Количество саранчи не уменьшалось, и это подало поводъ говорить, что масса саранчи даже увеличивается. Въ Кіевской губерніи, гдѣ, по-крайней-мѣрѣ, землевладѣльцы думаютъ, что уничтоженіе саранчи возможно, дѣло это вело единодушнѣе и лучше. Много стараній о немъ прилагало, какъ мы слышали, кіевское губернское начальство, посылая въ разныя мѣста своихъ чиновниковъ, для побужденія крестьянъ и для распоряженія работами. Кромѣ способа, принятаго въ Полтавской губерніи, здѣсь употреблялся еще, другой. Вмѣсто того, чтобъ сгонять саранчу въ рвы метлами, ее ловили сѣткою, наподобіе тѣхъ, какія дѣлаются для ловли бабочекъ. Изъ сѣтокъ, саранча выбрасывалась въ приготовленныя ямы или рвы, и затѣмъ также засыпалась землею, сожигалась или топталась ногами. Но гораздо болѣе успѣшный способъ истребленія саранчи употребляется въ Екатеринославской губерніи. Это способъ конныхъ ловушекъ. Дѣлается деревянный ящикъ около 2 арш. длины и 1 арш. ширины. Съ длинной боковой стороны ящикъ открытъ; дно его съ этой же стороны продолжено такъ, что ширина собственно ящика вдвое менѣе ширины всего дна. Въ двѣ дыры, просверленныя по угламъ продолженнаго дна, продѣты по двѣ веревки, въ кои впрягаются лошади. Для каждаго такого ящика, нужно пару лошадей и одного человѣка, который управляетъ лошадью, сидя верхомъ. Нѣсколько такихъ запряженныхъ ящиковъ ставятся въ рядъ въ полѣ, занятомъ саранчею. Въ то время, когда лошади скачутъ, ящикъ тащится по землѣ, и саранча волею — не — волею попадаетъ въ открытое отверстіе ящика. Когда ящикъ достаточно наполнится, саранча, сожигается, топчется ногами и засыпается землею въ приготовленныхъ рвахъ или ямахъ. Истребленіе саранчи этимъ способомъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ было такъ успѣшно, что вредъ, причиненный ею въ нынѣшнемъ году, не можетъ считаться значительнымъ. Какъ этотъ, такъ и другіе указанные способы могутъ быть употребляемы только въ началѣ лѣта, когда саранча не имѣетъ еще крыльевъ; для истребленія же летучей саранчи, которая причиняетъ наиболѣе вреда, нѣтъ никакого положительнаго средства. Но такъ-какъ это насѣкомое боится звука, то нѣкоторые землевладѣльцы спасаютъ свои поля, прогоняя саранчу шумомъ, звономъ, крикомъ, пальбою изъ ружей и проч. Слѣдуетъ замѣтить, что въ продолженіе лѣта саранча три раза измѣняетъ свой наружный видъ. Я видѣлъ это насѣкомое во всѣхъ трехъ періодахъ его развитія. Похожая на обыкновеннаго кузнечика, саранча, по выходѣ

изъ яйца, бываетъ чернаго цвѣта, величиной менѣе обыкновеннаго комара. Только безчисленность массы, выскакивающей изъ-подъ ногъ идущаго по полю, заставляетъ замѣчать ее. Когда саранча достигнетъ роста величиною въ дюймъ, то снимаетъ съ себя черную кожу и дѣлается краснаго цвѣта съ коричневымъ отливомъ. Въ это время у ней начинаютъ расти крылья. Когда крылья достигнутъ извѣстнаго размѣра, саранча принимаетъ желтый цвѣтъ съ черными оттѣнками и начинаетъ дѣлать небольшіе перелеты, въ нѣсколько саженъ. Укрѣпляясь болѣе и болѣе, она, къ концу іюля, дѣлается способною подыматься довольно высоко и пролетать значительныя пространства. Въ концѣ лѣта саранча кладетъ свои яйца, выбирая непаханныя поля, а сама умираетъ. Каждое яйцо ея можетъ, говорятъ, произвесть до 70 насѣкомыхъ. Во время полнаго своего развитія, туловище саранчи достигаетъ величины 2 дюймовъ, а крылья, которыя всегда длиннѣе туловища, до $2^1/_4$ и $2^1/_2$ дюймовъ. Не вся саранча одновременно подвергается указаннымъ видоизмѣненіямъ. Между красными насѣкомыми, можно замѣтить много черныхъ, а между желтыми летучими—красныхъ-скакуновъ. Саранча не занимаетъ большихъ сплошныхъ пространствъ, а располагается всегда полосами, въ нѣсколько верстъ ширины и нѣсколько десятковъ верстъ длины. Она скачетъ и летаетъ не въ разныхъ направленіяхъ, какъ кузнечики или бабочки, а держится преимущественно одного какого-нибудь пути. По сдѣланному мною наблюденію, вся масса саранчи, во всѣхъ полосахъ, въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, направлялась, въ этомъ году, въ своемъ ходѣ и перелетѣ, на юго-западъ. Непріятно видѣть перелетающія массы этихъ насѣкомыхъ вблизи. Въ Херсонской губерніи такія массы нѣсколько разъ пересѣкали мнѣ дорогу. Онѣ не представляются, какъ обыкновенно говорятъ, густою тучею, а скорѣе походятъ на сѣть, раскинутую отъ земли вверхъ на нѣсколько саженъ, въ длину на нѣсколько верстъ и въ ширину, я думаю, не болѣе, а можетъ быть и менѣе, 1 версты. Эти массы натыкаются на все, что имъ попадается на встрѣчу, ударяются о людей и лошадей. Ударъ ихъ въ лицо довольно чувствителенъ, и лошади всегда обнаруживаютъ при этомъ нѣкоторый испугъ, фыркаютъ и бросаются въ сторону. Я замѣтилъ, что насѣкомыя эти, оставаясь безъ пищи, въ ящикѣ, куда они были заключены, ѣли другъ друга и были живы до 9 дней. Трудно теперь даже приблизительно опредѣлить количество нанесеннаго саранчею вреда въ Малороссіи, но можно думать, что онъ довольно

значителенъ, и, во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть слѣдствіемъ повышеніе цѣнъ на всѣ продукты.

Отъ предметовъ хозяйственныхъ перейдемъ къ другимъ, болѣе живымъ. Постараемся сообщить читателямъ факты, характеризующіе въ извѣстной степени нынѣшнія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ этомъ смыслѣ замѣчательны различныя между обоими сословіями недоразумѣнія, въ чемъ теперь нѣтъ недостатка. Такъ, въ Малороссіи нѣкоторые помѣщики, немедленно по объявленіи манифеста, предложили всѣмъ дворовымъ и должностнымъ крестьянамъ своихъ имѣній извѣстное жалованье, а иные предоставили имъ даже право оставить, если пожелаютъ, службу, не дожидаясь истеченія обязательнаго двухлѣтняго срока. Эта прекрасная и въ то же время простая мѣра возбудила въ крестьянахъ одного имѣнія самыя странныя подозрѣнія. Дѣло было въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Дворовыя и должностныя лица, сперва съ удовольствіемъ согласившись принять предложенныя имъ условія о жалованьи, по истеченіи нѣсколькихъ дней, всѣ одинъ за другимъ стали отказываться и отъ жалованья, и отъ службы. Невозможно было понять причину этого отказа, безъ всякаго видимаго повода. Послѣ долгихъ отнѣкиваній, кто-то изъ крестьянъ объяснилъ, что между ними распространился слухъ, будто всѣ служащіе теперь помѣщику за жалованье навсегда должны будутъ остаться въ этомъ положеніи, и снова сдѣлаться крѣпостными. Сколько нужно было усилій, чтобъ убѣдить крестьянъ въ ложности и нелѣпости такого мнѣнія. Послѣ долгихъ убѣжденій, они согласились продолжать служить за жалованье, какъ было условлено. Въ деревнѣ говорили, что виновникомъ слуха, который такъ смутилъ крестьянъ, былъ какой-то заѣзжій мѣщанинъ, сдѣлавшій это, какъ полагали, въ отмщеніе помѣщику, за то, что послѣдній не согласился продать какой-то продуктъ, по предложенной цѣнѣ... Вотъ другой также странный примѣръ недоразумѣнія. Въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ есть много мелкихъ имѣній, гдѣ крестьяне не пользовались донынѣ надѣломъ земли, и заработывали хлѣбъ съ панскаго поля (получая 3-й и 4-й снопъ) въ дни, свободные отъ барщины. Владѣльцемъ одного изъ такихъ имѣній (въ Херсон. губ.) было предложено въ это лѣто крестьянамъ, въ видахъ обоюдной выгоды, снимать хлѣбъ въ теченіе всей недѣли, за 4 снопъ, безъ барщины, или, если не желаютъ этого, работать установленную барщину, а за работу, въ свободное за тѣмъ время, получать 3-й снопъ. Какъ ни ясно, что въ первомъ

случаѣ недѣльное пріобрѣтеніе каждаго работника было бы значительно больше, чѣмъ во второмъ (*), однакожъ крестьяне приняли второе условіе. Вообще нужно сказать, что крестьяне не идутъ почти ни на какія сдѣлки съ помѣщиками. Отъ этого составленіе уставныхъ грамотъ чрезвычайно затруднительно, и весьма многіе помѣщики не думаютъ приниматься за это дѣло, желая взвалить его на мировыхъ посредниковъ. Много будетъ работы посредникамъ!

Случаи недовѣрія крестьянъ къ помѣщикамъ, подобные двумъ приведеннымъ, встрѣчаются нерѣдко; съ перваго раза они кажутся столь странными, что каждый готовъ отнести ихъ къ непониманію крестьянами собственныхъ интересовъ, а иной, незнающій народа, согласится, пожалуй съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, утратившихъ и свою народность и чувство правды, помѣщиковъ, что крестьяне просто глупы и тупоумны... Да, нашему крестьянину придется много работать для своего умственнаго образованія, до—сихъ—поръ ему не было ни времени, ни простора объ этомъ подумать; въ этомъ каждый долженъ съ грустью сознаться. Но развѣ приведенные случаи не показываютъ наивно-благородную, хотя и слабую натуру, которая, увлекаясь одною мыслію о свободѣ, не замѣчаетъ собственныхъ выгодъ? Развѣ причины описаннаго образа дѣйствій крестьянъ не кроются въ томъ состояніи, въ которомъ они до сей поры находились? Долго порабощенные, проливавшіе вѣчно свой потъ изъ—за чужихъ выгодъ, нерѣдко обманутые, крестьяне, весьма понятно, не могутъ вѣрить искренности и чистотѣ предложеній помѣщика. Они полагаютъ, что владѣлецъ, который лишается теперь возможности извлекать для себя выгоды изъ даровaго ихъ труда, долженъ питать къ нимъ личную ненависть, и поэтому не можетъ предложить имъ никакихъ дѣйствительно — выгодныхъ условій. Смотря недовѣрчиво на всѣ предложенія, исходящія отъ помѣщика, крестьяне всегда готовы думать, что тутъ заключаются какіе нибудь изгороты или ухищренія, съ цѣлію удержать ихъ въ прежнемъ, крѣпостномъ состояніи. Наконецъ крестьяне, ожидавшіе освобожденія нѣсколько лѣтъ, какъ бы желаютъ теперь убѣдиться въ наступленіи обѣтованнаго дня, и оттого ловятъ всякій случай, чтобы увѣриться: точно ли слово помѣщика не можетъ быть и не бу-

(*) Если положить, что мужчина можетъ убрать среднимъ числомъ 120 сноповъ въ день, то въ первомъ случаѣ еженедѣльный заработокъ каждаго работника будетъ составлять 180, а во второмъ только 120 сноповъ.

детъ для нихъ болѣе закономъ. Нельзя не замѣтить также, что послѣдній изъ двухъ вышеприведенныхъ фактовъ можно объяснить отчасти свойствами самаго народнаго характера. Малороссъ вообще подозрителенъ; сверхъ того онъ не любитъ связывать себя какимъ нибудь условіемъ, обязывающимъ его къ извѣстной непремѣнной работѣ и лишающимъ возможности взяться за другое дѣло. Такъ въ упомянутомъ случаѣ крестьяне, я увѣренъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду, что, при работѣ за 4 снопъ, безъ барщины, они будутъ обязаны, по условію, являться каждый день на работу, тогда какъ, при трехдневной барщинѣ, остальные дни у нихъ совершенно свободны. Правда, что, въ это время, они также должны необходимо работать, чтобъ имѣть на зиму хлѣбъ; но украинцу важно то, что при этомъ онъ все-таки не лишается нѣкоторой независимости въ дѣйствіяхъ: «захотѣлъ,—пошелъ на работу, не захотѣлъ,—не пошелъ,»—вотъ-что дорого!—Помѣщики, утверждающіе, что крестьянинъ глупъ, очевидно, говорятъ это потому, что все еще не могутъ придти въ себя отъ потери прежней власти, прежняго своего значенія. Они дѣйствительно раздражены; и хотя, подъ вліяніемъ духа времени, стараются казаться приверженцами свободнаго труда, но въ раздраженіи не могутъ скрыть своихъ настоящихъ убѣжденій.—Въ этомъ легко убѣдиться, при всякомъ случаѣ, когда они говорятъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, гдѣ крестьянинъ выказалъ чувство собственнаго достоинства и независимости. Въ каждомъ подобномъ поступкѣ, эти господа видятъ дерзость, личную для себя обиду, оскорбленіе своего дворянскаго званія и проч. Ужъ гораздо лучше тѣ застарѣлые помѣщики и помѣщицы, которые, въ своихъ закоренѣлыхъ убѣжденіяхъ, всегда являются открытыми сторонниками крѣпостнаго права... Впрочемъ, справедливость требуетъ также замѣтить, что неудовольствія помѣщиковъ противъ крестьянъ иногда имѣютъ дѣйствительныя основанія, въ нарушеніи крестьянами ихъ законныхъ правъ или въ неисполненіи своихъ обязанностей, въ-отношеніи барщинной работы. Такъ, всего чаще случается, что крестьянъ обвиняютъ въ потравленіи помѣщичьихъ полей своимъ скотомъ. Ни убѣжденія, ни арестъ пойманнаго крестьянскаго скота, ничто не помогаетъ. Одни штрафы могли бы, можетъ быть, дѣйствовать, если бы взысканіе ихъ не было сопряжено съ большимъ затрудненіемъ. Такъ какъ прежде примѣры потравленія были довольно рѣдки, то, быть можетъ, справедливо полагаютъ, что въ настоящее время крестьяне дѣлаютъ это съ намѣреніемъ. Въ Александрійскомъ уѣздѣ, помѣщикъ,

которому надоѣло ежедневно твердить, чтобъ одинъ крестьянинъ не пускалъ къ нему на баштанъ своей свиньи, застрѣлилъ ее изъ ружья. Крестьяне такъ были раздражены этимъ поступкомъ, что изъ этого могла бы произойти для помѣщика весьма непріятная исторія, еслибъ на защиту къ нему не явился случайно волостной старшина, заѣхавшій въ эту деревню, при объѣздѣ своей волости. Выборные крестьянами сельскія власти, по какому-то странному противорѣчію съ своимъ назначеніемъ, вообще, сколько я могъ замѣтить, болѣе клонятъ на сторону помѣщиковъ. И въ настоящемъ случаѣ, помянутый старшина возстановилъ порядокъ, какъ мнѣ говорили, довольно сильно наказавши крестьянъ розгами. При всѣхъ неудовольствіяхъ и недоразумѣніяхъ съ крестьянами, помѣщики довольно рѣдко обращаются къ посредникамъ. Это объясняется преимущественно тѣмъ, что они нѣсколько ошиблись въ своихъ расчетахъ на посредниковъ, думая найти въ нихъ людей, которые будутъ цѣнить какъ сословныя различія, такъ и личныя знакомства. Просьбы, приносимыя первое время помѣщиками посредникамъ, нерѣдко клонились или къ тому, чтобъ напугать и прижать крестьянъ, или чтобы просто лишить ихъ пользованія тѣмъ или другимъ изъ правъ, предоставленныхъ новымъ положеніемъ. Такъ, одна Полтавская помѣщица просила посредника запретить ея дворовой дѣвушкѣ выйти замужъ. Когда посредникъ сослался на статью положенія, дозволяющую крестьянамъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика, то барыня стала умолять сдѣлать это единственное отступленіе отъ правилъ, изъ уваженія къ ея милой особѣ и къ тому, что замужство дѣвушки лишитъ ее булочницы. Не приводя другихъ примѣровъ, достаточно сказать, что мировые посредники, принадлежащіе вездѣ къ лучшимъ людямъ между дворянами, всѣ, за весьма немногими исключеніями, отбросили въ сторону свои личныя отношенія и сословыя различія, и взяли себѣ за правило: защищать ту сторону, которая дѣйствительно нуждается въ защитѣ. Каждый изъ нихъ вполнѣ понялъ и то, (чего не понимаютъ многіе помѣщики), что только братскимъ союзомъ съ крестьянами, ихъ довѣренностью и уваженіемъ можно сохранить общественный порядокъ, а равно упрочить собственное положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, крестьяне съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ обращаются къ посредникамъ во всѣхъ дѣлахъ, когда встрѣтится надобность.

Что касается до земской полиціи, то помѣщики еще рѣже, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, обращаются къ ея помощи, пото-

му что, обыкновенно, нелюбятъ входить ни въ какія сношенія съ полицейскими властями. При неисполненіи слугами или крестьянами своихъ обязанностей, помѣщикъ твердитъ одно: «теперь эманципація, теперь эманципація...» Въ этихъ словахъ бывшаго душевладѣльца, вмѣстѣ съ притворнымъ равнодушіемъ, слышится досада и даже — ироніа... Вмѣшательство полиціи бываетъ чаще въ тѣхъ, преимущественно большихъ, имѣніяхъ, гдѣ распорядителями хозяйства являются не сами владѣльцы, а поставленные ими управляющіе. Эти ревнители чужихъ интересовъ, вслѣдствіе своего отвѣтственнаго положенія предъ помѣщикомъ, не всегда бываютъ снисходительны къ крестьянамъ. Оттого здѣсь иногда случается, что ничтожное дѣло принимаетъ характеръ *исторіи*, для потушенія которой вызывается войско. Такъ было, по слухамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской губерніи.

Съ освобожденіемъ отъ попечительства помѣщиковъ, крестьяне большей части имѣній лишаются одной очень важной выгоды, это—безплатнаго врачебнаго пособія, въ случаѣ болѣзни. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были содержимы для этого помѣщиками особые врачи и почти вездѣ были наемные фельдшеры. Теперь помѣщики болѣе не считаютъ себя обязанными заботиться о здоровьи крестьянъ, отпускаютъ изъ своихъ деревень врачей и фельдшеровъ, а крестьяне остаются безъ всякихъ средствъ къ леченію. Государственные крестьяне имѣютъ медиковъ и фельдшеровъ(1); вѣроятно, и къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ также будутъ въ свое время назначены особые медицинскіе чиновники. Но долго-ли и какъ имъ оставаться въ настоящемъ безпомощномъ положеніи?

Крестьяне съ необыкновеннымъ рвеніемъ пользуются новымъ своимъ правомъ—вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика. Интересно было бы знать, насколько число браковъ между бывшими крѣпостными, въ настоящемъ году, болѣе прежнихъ лѣтъ? Повидимому, число это должно быть очень значительно, такъ-какъ въ теченіе нынѣшней весны и лѣта не проходило недѣли (исключая постовъ), безъ того, чтобы во всякомъ селѣ, во всякой деревнѣ, не было по крайней мѣрѣ одной, двухъ, а иногда и болѣе свадьбъ. И кажется, эти свадь-

(1) Медики и фельдшера государственныхъ имуществъ имѣютъ значеніе чиновниковъ медицинской полиціи. Леченіемъ крестьянъ они не занимаются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ—случаевъ повальныхъ болѣзней. Едва-ли лекаря-чиновники замѣнятъ тѣхъ, хотя и немногихъ медиковъ, которые жили въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. *Ред.*

бы много содѣйствуютъ увеличенію пьянства, которое и безъ того довольно сильно въ Малороссіи (1).

Весною въ газетахъ часто попадались извѣстія о томъ, что во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне стали очень воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, послѣ объявленія имъ свободы. Обстоятельство это не произвело на Малороссію такого благодѣтельнаго дѣйствія. Народная поговорка: «*не на тѣ козакъ пье, що е, а на те, що буде*» въ настоящее время, кажется чаще, чѣмъ когда либо, исполняется на дѣлѣ. Недостатокъ серебряной мелкой и даже мѣдной монеты, затрудняющій, какъ уже было замѣчено, помѣщиковъ и приносящій еще болѣе вреда маленькимъ крестьянскимъ хозяйствамъ, также не остается безъ вліянія на усиленіе пьянства. Кредитный билетъ, приносимый крестьяниномъ въ шинокъ, почти весь переходитъ въ руки шинкарей, за недостаткомъ сдачи. Понятно, что трактирщики, желая заставить побольше купить своего товара, не всегда добросовѣстно отказываютъ въ сдачѣ. Малороссійскіе шинкари иногда употребляютъ и болѣе благородныя и невинныя средства, для привлеченія посѣтителей: дѣлаютъ заманивающія надписи на своихъ трактирахъ, и притомъ въ стихотворной формѣ. Такъ, по дорогѣ изъ Чернигова въ Нѣжинъ, на дверяхъ двухъ деревенскихъ трактировъ (въ Куликовкѣ и Жуковкѣ), мнѣ бросились въ глаза слѣдующія надписи: «*Не журысь, выпей водки и повеселысь*» и другая—*отдыхны и осьмуху водки возьмы*». Въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, прибыль трактирщиковъ, я думаю, не менѣе какъ и въ Малороссіи. Одинъ помѣщикъ Александрійскаго уѣзда, находя, что крестьяне его деревни, въ коей выпивалось до 80 ведеръ въ недѣлю, слишкомъ пьянствуютъ, приказалъ возвысить цѣну водки съ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за ведро. Сомнительно, однакожъ, чтобъ эта мѣра возымѣла желаемое дѣйствіе. Въ томъ же уѣздѣ я видѣлъ, впрочемъ, примѣръ замѣчательнаго воздержанія. Крестьянинъ, женив-

(1) Въ 1859 г. въ губерніяхъ Южнорусскихъ, среднее потребленіе вина каждымъ жителемъ обоего пола составляло: въ Черниговской (менѣе $1^1/_2$ мил. жител.) и Кіевской (менѣе 2 мил. ж.) 1,92 ведра, въ Екатеринославской (болѣе 1 мил. жит.,) Херсонской (болѣе 1 мил. ж.,) Харьковской ($1^1/_2$ мил. ж.) и Полтавской (около $2^1/_4$ мил. ж.) отъ 1.55 до 1,39 ведра. Между тѣмъ потребленіе вина въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ томъ же году, самое большее было для С. Петербургской, Ставропольской и Московской по 1,68, 1.63 и 1,07 ведра на каждаго жителя; для прочихъ же оно простиралось отъ 0,64 до 0,25 ведра на каждую душу.

шись въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самую рабочую пору, добровольно отказался отъ всѣхъ свадебныхъ церемоній, продолжающихся иногда, какъ извѣстно, цѣлую недѣлю и всегда сопровождающихся пьянствомъ. Правда, удовольствія эти были только отсрочены и должны будутъ непремѣнно состояться осенью; но нельзя не видѣть торжества благоразумія въ томъ, что на другой день послѣ брака, въ понедѣльникъ, и мужъ и жена были на работѣ. Мнѣ кажется, что въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ подобный случай почти немыслимъ.

Въ заключеніе, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно новыхъ удобствъ пассажирскаго сообщенія между Петербургомъ и Южной Русью Два, три года, и даже менѣе, назадъ, человѣкъ, неимѣющій своего экипажа, не иначе могъ попасть на Югъ, какъ протрясшись на перекладной повозкѣ, около полуторы или двухъ тысячъ верстъ. Теперь же, благодаря дилижансамъ и пароходамъ, можно доѣхать, напр. до Одессы, почти не испытывая ѣзды на перекладной. О переѣздѣ отъ Петербурга до Острова нечего говорить, такъ-какъ всѣмъ извѣстно, что черезъ этотъ городъ пролегаетъ Петербурго-Варшавская желѣзная дорога, встрѣчающаяся здѣсь съ кіевскимъ шоссе. Въ Островѣ, выйдя изъ вагона, вы садитесь прямо въ почтовый дилижансъ, который доставляетъ васъ, послѣ 100 часовой ѣзды, т. е. на пятыя сутки, въ Кіевъ. Здѣсь, сѣвши на пароходъ «Общества пароходства по Днѣпру», вы пріѣзжаете на другой день въ 4 часа пополудни въ Кременчугъ, и если это случится накакунѣ отплытія парохода въ Екатеринославъ, то на третій день, по отъѣздѣ изъ Кіева, въ 4 же часа пополудни, вы въ Екатеринославѣ. Отъ этого послѣдняго вамъ придется сдѣлать не болѣе 100 верстъ на перекладныхъ до Никополя, и затѣмъ новый пароходъ «Общества пароходства и торговли» везетъ васъ черезъ Херсонъ — въ Одессу. Право, нельзя не радоваться, что наконецъ существуетъ возможность совершить такое путешествіе на югъ, нетолько весьма удобное въ сравненіи съ прежнимъ, но даже пріятное! Конечно, къ дилижансамъ можно отнести только первое. Удобства ихъ, въ сравненіи съ обыкновенной почтовой ѣздой, всѣмъ извѣстны: помѣщеніе покойное, вы защищены отъ непогоды, не знаете хлопотъ о лошадяхъ, васъ везутъ безостановочно, вамъ ненужно брать никакой подорожной, ненужно платить шоссейныхъ сборовъ. Плата за мѣста отъ Острова до Кіева—наружное 28 руб. и внутреннее 40 руб., значительно менѣе суммы прогонныхъ денегъ, которую бы пришлось израсходовать, ѣдучи одному,

на пару лошадей. Вообще можно сказать, что издержки путешествія до Кіева, въ дилижансѣ, сокращаются почти на-половину. Дорого стоитъ перевозка значительнаго багажа по 5 коп. съ каждаго фунта, сверхъ полпуда, дозволеннаго имѣть безплатно. Но если, какъ обыкновенно стараются дѣлать, дорожная поклажа не велика, то въ наружномъ мѣстѣ дилижанса можно за 30 руб. съ небольшимъ доѣхать изъ Острова въ Кіевъ. Важная невыгода состоитъ только въ затрудненіи получить мѣсто въ дилижансѣ, особенно наружное. Дилижансы ходятъ въ Кіевъ и обратно только два раза въ недѣлю, и, при множествѣ желающихъ ѣхать въ дилижансѣ, вы почти навѣрное рискуете не найти мѣста, если не купите билета за недѣлю или даже за двѣ до отправленія дилижанса, а это чрезвычайно трудно,—такъ какъ заранѣе невсегда можно опредѣлить съ точностію день выѣзда. Хорошо было бы, еслибъ почтовое начальство позаботилось, чтобы дилижансы, между Кіевомъ и Островомъ, ходили нѣсколько чаще, напр. хотя раза 4 въ недѣлю. Нѣтъ сомнѣнія, что всегда всѣ мѣста въ нихъ были бы заняты... По Днѣпру я не ѣздилъ далѣе Екатеринослава, а потому могу судить только о пароходствѣ, которое содержится между Екатеринославомъ и Кіевомъ. «Общество пароходства по Днѣпру», начавшее свою дѣятельность, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ, чрезвычайно оживило страну, для которой ѣзда на пароходахъ была совершенною новостью. Окрестные жители весьма довольны пароходствомъ, а Общество съ своей стороны, кажется, старается доставить публикѣ удобства. Въ прошломъ году, между Кіевомъ и Кременчугомъ, пароходы совершали только по 2 рейса въ недѣлю, теперь же, съ іюня мѣсяца, прибавлено еще два рейса. Для публики, дѣйствительно, удобнѣе имѣть возможность расчитывать на отправленіе парохода 4 раза въ недѣлю, вмѣсто двухъ; но выгодно ли это для самого Общества, не ошиблось ли оно въ своихъ расчетахъ? Въ иные рейсы, какъ раза два мнѣ случалось видѣть, пассажировъ бываетъ на пароходѣ весьма мало. Помню 3 іюля, когда я ѣхалъ въ Кременчугъ, въ 1 классѣ было только три пассажира, а во 2-мъ и 3-мъ, я думаю, не болѣе 20 человѣкъ. Говорятъ, что подобный недостатокъ пассажировъ не рѣдкость со времени увеличенія числа рейсовъ. Между Кременчугомъ и Екатеринославомъ пароходы совершаютъ только по 2 рейса въ недѣлю, и на нихъ, какъ я видѣлъ и слышалъ, также не бываетъ много пассажировъ. Не выгоднѣе ли было бы Обществу, вмѣсто лишнихъ пассажирскихъ пароходовъ, содержать буксирные пароходы?.

Плата за мѣста весьма умѣренная, напр. въ 1 классѣ, отъ Кіева до Кременчуга, 10 руб., а отсюда до Екатеринослава 5 руб. Относительно стола и внутренняго устройства, пароходы не представляютъ особенныхъ удобствъ, но вообще удовлетворительны. При путешествіи на пароходахъ, большое удовольствіе доставляютъ живописные виды праваго берега Днѣпра, хотя, къ сожалѣнію, они встрѣчаются не вездѣ. Отъ Екатеринослава почти до Канева, правый берегъ также низокъ, пустыненъ и песчанъ, какъ и лѣвый. Живописность видовъ начинается весьма близко отъ той горы, на которой погребено тѣло добраго нашего поэта, Т. Г. Шевченка. Пароходъ, останавливающійся у Канева, пристаетъ подлѣ самой этой горы, въ разстояніи не болѣе версты отъ нея. Простой бѣлый крестъ, на высокой сложенной изъ дерна могилѣ, спрятанной между кустовъ и деревъ, видѣнъ лишъ тогда, когда пароходъ подъѣзжаетъ къ Каневу, со стороны Кіева. Могилу Шевченка безпрестанно посѣщаютъ пріѣзжающіе на пароходѣ; для жителей же окрестныхъ мѣстъ, она сдѣлалась мѣстомъ прогулокъ въ часы отдыха.

Имя Шевченка стало здѣсь народнымъ и, вмѣстѣ нѣсколько таинственнымъ. Уже и теперь въ народѣ ходятъ о Тарасовой могилѣ легенды, созданныя живымъ украинскимъ воображеніемъ.

М. Н. Дараганъ.

Петербургъ.
24 сентября 1861 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПИНЧУКАХЪ. (*)

По поводу статьи г. Левченка: *Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ* (*Основа*, кн. I.)

(Письмо къ редактору).

Г. Левченко по-видимому—правильно помѣстившій *Пинчуковъ* въ числѣ Руссиновъ, говоритъ, что« при опредѣленіи народности, нужно

(*) Спѣшимъ помѣстить въ *Основѣ* весьма любопытное свѣдѣніе о малоизвѣстной отрасли южнорусскаго племени, причисляемой нѣкоторыми къ бѣло-

обращать вниманіе на мужскія и женскія одежды, головные уборы, и характеръ построекъ«. Мнѣ кажется, что, при опредѣленіи народности, едва ли не главное мѣсто занимаетъ самое нарѣчіе народа, —и потому послушайте, *якъ бàють Пинчуки*. (1)

— А що, Оедоръ, чи знашовъ теля?

— Ні, да вже найдеться, бо бувъ *въ Казуся*, то казавъ, що небійсь, ще поганинъ (2) ёго не набачивъ. Добрий оцей чоловікъ Казусь, хочь и кажу, що е въ ёго пірье въ носі (3), да й гріхъ тому, хто се каже: Добра юдина! не одну вінъ спасéну душу поратуе въ тяжкій пригоді. Отъ якось на тимъ тижні пропавъ у нашого дяка кінь, да вінъ у ёго бедолаги и вся худоба, більшей е не мае. Що бідному робити? Почесавъ голову, да скорійшь и до Казуся. Отъ пришовъ поклонившись да й ка: »Казусику–батечку, поратуй!« такъ, ка, и такъ.—Добре, синку; не журись.«

Отъ вийшовъ Казусь зъ хати, подивившись на всхідъ соньця, поговоривъ, якъ ёго тамъ Бигъ надоумивъ, чи зробивъ що, да вернувшись въ хату й каже: »не бійсь, пане дяче: кінь живъ. Иди лишень теперъ шукати, а поганинъ уже до ёго не доступить.«

Поклонившись панъ дякъ, да й вийшовъ, да уже не пошовъ до–дому, а взявши мале хлопя, бачь воно пасвило коні, то зна де кінь зоставсь,—пошовъ на всю ничь шукати. Отъ ходять ничь—нема, день—нема; уже и друга ничь—нема, адѣ підъ свитъ чують—щось наче тупотить. Вони туди, ажъ стоіть кінь, голодний якъ жердка, не тильки що траву підъ собою вигризъ, а землю вишкробавъ, якъ отъ на хату; бо бачь на сімъ місці зхопивъ ёго Казусь; то вже и до ёго нищо не приступить и ёму нельга зойти зъ місьця. Тогді дякъ за коня да перехристившись и додому. Принісъ кварту, позвавъ Казуся,—да и я на сье нахопився, то й чувъ, якъ самъ панъ дякъ

уссамъ. Только *курная* изба представляетъ разительное отличіе *Пинчуковъ* отъ прочихъ Украинцевъ, которыхъ такъ ужасаетъ подобное жилище.

Искренно благодарны г. Мохранцѣ за сообщенное извѣстіе и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать болѣе-подробныхъ народоописательныхъ свѣдѣній.

Мы просили бы ставить ударенія,—разборчивѣе писать слова, неупотребительныя въ другихъ мѣстахъ Украины и обозначать городъ, мѣстечко и село, гдѣ будетъ записанъ *тотъ* или *другой* образецъ народнаго говора.

(1) Пинскъ теперь Минской губерніи.

(2) Поганинъ—волкъ.

(3) Пинчуки отзываются такъ о своихъ колдунахъ, которымъ сильно вѣрятъ.

росказувавъ. Отъ же жъ теперъ и я, хочь еще и не знашли теля, да вже не боюсь: знайдется, бо сказавъ Казусь. Да отъ жду жінки: пишла шукати. Вже й пізно, а й досі нема. Добранічъ!«

Потомъ оба друга расходятся,—каждый идетъ въ свою »хату,« т. е. небольшую курную избу, вымазанную (внутри) сѣрою глиною, о 3–хъ (небольше 4–хъ) окошечкахъ, и покрытую деревянными досками,–рѣдко соломою (околотомъ). Одинъ изъ нихъ садится на лавку, закуриваетъ трубку съ маленькимъ чубучкомъ собственнаго издѣлія, сбрасываетъ свиту, пошитую гладко, т. е. безъ фалдъ, съ стоячимъ небольшимъ воротничкомъ; шапку—огромнаго сиваго, рѣдко—чернаго, барана; поясъ, и садится за столъ, ужинаетъ, а потомъ ложится на »запечку,« а прочая семья размѣстилась по другимъ лавкамъ, (обыкновенно одна хата—общая спальня и для мужщинъ и для женщинъ). Другой, пришедъ домой, въ подобную же хату, садится на »передпічью« и начинаетъ »постоли плести, а синови давъ волоки вити, (постолы обыкновенно дѣлаютъ изъ лозы, а только на праздникъ изъ липы; волоки вьютъ изъ молодой липы (*лутье*); и оба дожидаютъ »жінки и матери«. Наконецъ приходитъ жена, въ величайшей радости, пригнавъ теленка. Входитъ жена въ хату. На головѣ у нея »наметка,« свита, подобная той, какую уже мы видѣли (никогда не другая какъ напр. въ Малороссіи, изъ какой–нибудь рябой холстинки). Сбрасываетъ свиту, потомъ юнку изъ грубаго холста, и »пришикае« къ рубашкѣ фортухъ. Дочь, пришедшая съ нею, тоже въ подобной свитѣ, которую уже скинула. На головѣ у нея платокъ, (всегда бѣлый), завязанный довольно большою складкою, и въ »літниці« суконная (рябая–красная) собственной работы юнка, что впрочемъ уже составляетъ признакъ богатой хаты. Все это она уже успѣла сбросить—и вотъ всѣ перекрестившись сѣли за столъ. Поужинавъ ложатся спать, причемъ отецъ, хозяинъ дома, говоритъ: »Не щебечите жъ, а спите, щобъ взавтра рано повставали на гутреню: такижъ то святее спесенне.«

Вотъ – что на первый разъ я считалъ нелишнимъ сказать вамъ о Пинчукахъ. Дальше скажу кое–что о географическомъ положеніи Пинчуковъ—особенностяхъ какъ уѣзда, такъ и города Пинска, о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ обычаяхъ, и тогда рѣшимъ сообща, что такое Пинчуки,—разумѣю—какой они народности...

Ю. Мохраниця.

ИЗЪ БОРИСПОЛЯ.

Що пьяна жінка, що бішена кішка,
що чоловіхъ зъ Боришполя—все одно.

Изъ приведенной мною пословицы видно, что наше мѣстечко не пользуется хорошею репутаціей; но, и безъ этой репутаціи, нельзя отказать Борисполю во всесторонней замѣчательности. Вопервыхъ оно существуетъ (по народному преданію) со времени убіенія Бориса; во-вторыхъ въ немъ до 6,000 жителей (по академическому мѣсяцослову), въ томъ числѣ, по сказаніямъ старожиловъ, 72 помѣщика; въ-третьихъ, оно замѣчательно въ торговомъ отношеніи; въ четвертыхъ, здѣсь находится почтовая станція — не простая, а такъ-сказать привиллегированная: на ней принимается всевозможная корреспонденція, и даже всякая переписка на *гербовой*. Вѣроятно, правительство, снисходя къ нуждамъ обывателей нашего мѣстечка, учредило подобную экспедицію. И въ самомъ дѣлѣ, потребность юридической практики — одна изъ величайшихъ потребностей Боришполя. У насъ много такихъ пановъ, для которыхъ составленіе всевозможныхъ *актовъ* есть поэзія жизни; они готовы исписать много листовъ *гербовой* за пару гусей,—а такая умѣренность задѣльной платы не можетъ быть ни чѣмъ инымъ объяснена, какъ только любовью къ искуству для искуства...

По количеству тяжбъ, едвали можно найти подобный уголокъ на всемъ земномъ шарѣ. Наше благородное общество состоитъ изъ нѣсколькихъ враждебныхъ лагерей, взаимно бомбардирующихъ сплетнями и исками. Замѣчательно, что при этомъ не строго соблюдается раздѣленіе труда; обыкновенно сплетни составляютъ спеціальность прекрасной половины рода человѣческаго, а сутяжничество менѣе-прекрасной; у насъ же существуетъ конкуренція между обоими полами на обоихъ поприщахъ, т. е. и на поприщѣ сплетень, и на поприщѣ сутяжничества.

Наше мѣстечко, по народной поговоркѣ, и *геть-то любить скляного бога*. У насъ болѣе 30 шинковъ (*). Акцизъ не уменьшилъ пьян-

(*) Спѣшу оговориться: всѣ свѣденія, сообщаемыя мною, почерпнуты не изъ письменныхъ источниковъ, а изъ устъ людей добрыхъ волостныхъ, на которыхъ *ся шлю*.

вышивку идетъ рѣшительно все, что́, за исполненіемъ многообразныхъ повинностей и за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, могло бы быть сбережено про черный день. У нашего крестьянина (за исключеніемъ немногихъ *багатирей*), никогда нѣтъ запасной копѣйки, и чрезвычайныя происшествія, напр. плохой урожай, погребеніе, свадьба приводятъ хозяйство въ разстройство. Каждый день у насъ бываетъ базаръ, въ пятницу—какъ бы полуторгъ, а въ понедѣльникъ—настоящій торгъ, на который пріѣзжаютъ съ продуктами изъ разныхъ окрестныхъ селъ, и продается одного хлѣба до 1,000 пудъ. Каждая баба находитъ выгодный сбытъ продуктовъ своего домашняго хозяйства и средство выпить. Понедѣльникъ—день пьянства и вышеприведенная пословица у насъ говорится такъ: *що бішена кішка, що понеділкова жінка, що чоловікъ зъ Борщполя—все одно*. Въ этотъ день бабы пользуются полной эманципаціей. Большая часть изъ нихъ что́ вторгуетъ, то́ и пропьетъ,—развѣ купитъ соли или другого вещества, недостающаго въ хозяйствѣ; а остальное посвящается *склянному богу*. Существуетъ даже разсказъ, что женщины нашего мѣстечка, идя замужъ, *вимовляють* себѣ понедѣльникъ, т. е. условливаются, что въ этотъ день они свободны отъ власти мужа, могутъ пить и т. д. Впрочемъ и безъ договора они могутъ свободно пользоваться понедѣльникомъ, потому-что мужья въ этотъ день пьянствуютъ и жены остаются безъ бдительнаго надзора; большая часть женъ *понеділкуютъ* до поздняго вечора не *топлять печи* и дѣти нерѣдко остаются безъ пищи и присмотра. Исключеніе существуетъ для жнивного времени—тогда считается предосудительнымъ. Въ большей части шинковъ сидятъ евреи, что́ весьма облегчаетъ возможность выпить и при безденежьи; потому что тѣснимое племя Израиля не брезгаетъ ни какимъ приношеніемъ, въ какихъ бы продуктахъ оно ни состояло. Кромѣ торга, у насъ есть три ярмарки и красные торги предъ Роздвомъ и Великоднемъ. На каждой ярмаркѣ продается до 5000 пудовъ хлѣба и до 500 четвертей овса.

На ярмарочной площади красуется отъ 5 до 7 выставокъ, т. е. временныхъ шинковъ, имѣющихъ *нотаріальное* значеніе, потому-что рогатый скотъ, лошади, колеса, одежа—напр. свита, не могутъ быть проданы безъ *могорича*. Вещь съ той минуты считается проданною, договоръ считается тогда святымъ и ненарушимымъ, когда выпитъ

могоричъ (1) Блуждая на ярмаркѣ на Петра и Павла, я услышалъ весьма оригинальную атестацію, данную лошади продавшимъ ее хозяиномъ-козакомъ. Описывая всевозможныя качества ея, онъ прибавилъ »*хочь у подводу поідете, до панъ не буде бить*.« Въ нѣсколькихъ словахъ простосердечный мужичекъ далъ атестатъ и лошади и подводной повинности и панамъ, ѣздящимъ на обывательскихъ.

Что касается до народной нравственности, то она обстоитъ несовсѣмъ благополучно. *Перезва* оглашаетъ по стогнамъ нашего мѣстечка весьма неутѣшительныя вѣсти въ циническихъ пѣсняхъ. Наши дівчата *вчащають* въ шиночки; этому способствовали мѣры нашего мѣстнаго *уряда*, заботящагося не только о матеріальномъ благостоянiи, но и о процвѣтанiи нравственности. Мѣстнымъ властямъ казались предосудительными собранія дівчатъ на улицахъ: онѣ разгоняли поющихъ позднимъ вечеромъ и даже брали подъ арестъ. Поэтому дівчата стали собираться въ шинкахъ, гдѣ подъ эгидою откупа они могутъ пѣть сколько *душа забажае*, въ сообществѣ паробковъ, въ особенности ямщиковъ (эти у насъ самые веселые). И такъ попеченія нашихъ мѣстныхъ начальниковъ — Савонаролъ привели къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ приводятъ всѣ *положительныя мѣры* по части улучшенія нравственности.

Частые солдатскіе постои внушили нашимъ *дівчатамъ и молодицамъ* нѣжную расположенность къ *москаликамъ*. Я старался узнать причину предпочтенія москалей предъ паробками и, по распросамъ послѣднихъ, оказывается, что причина такого предпочтенія кроется въ томъ, что москали умѣютъ лучше хранить тайну; а паробки, по товариществу, разскажутъ другъ другу, и тогда дівчина не жди хорошаго жениха, а молодиця жди колотушекъ отъ мужа.

Солдатская муза оставила въ нашемъ мѣстечкѣ значительные слѣды: наши дівчата поютъ пѣсни принадлежащія къ циклу казарменной поэзіи и изобилующія цинизмомъ. Многія украинскія пѣсни окрасились московскимъ цвѣтомъ и поются на московскій ладъ.

На *Купала* я пошелъ на улицу, чтобы увидѣть этотъ, пережившій многіе вѣка, народный праздникъ. Дівчатъ было мало; многія не вышли на улицу. Все шло вяло, за народною пѣснію слѣдовала «сударыня,—барыня», — и я былъ не радъ, что пошелъ.

---

(1) Одинъ мой знакомый, нанявъ *майстра*, изъ козаковъ, для постройки чуланчика, самъ уѣхалъ по дѣламъ службы. Возвратясь домой, онъ увидѣлъ, что майстеръ не принимался за дѣло и на упрекъ за неисполненіе обѣщанія, возразилъ, что *могорича ще не пили*.

Порча эстетическаго вкуса связана съ порчею нравственности — и только одно средство противодѣйствовать злу—это грамотность. Нужно чтобы дівчата ознакомились съ богатствомъ, чистотою и глубиною нашихъ чисто-народныхъ пѣсень и съ глубокими и дѣвственными думами нашого батька Тараса; нужно также, чтобы мѣстныя власти не особенно заботились о нравственности и оставили въ покоѣ поэтическіе обычаи нашего народа.

Теперь у насъ въ мѣстечкѣ всеобщее уныніе. Къ намъ прилетѣла саранча, въ прошломъ году, на Спаса, и благополучно вывелась въ огромномъ количествѣ. Предержащія власти, конечно, не оставались въ бездѣйствіи: онѣ такъ энергически переписывались, что еслибы счесть количество бумагъ, написанныхъ по поводу саранчи, то вышла бы большая цыфра.

Весною згоняли народъ и настроили будочекъ, и уже, когда саранча выросла до-того, что очутилась въ хлѣбахъ, начали копать рвы, загонять ее туда и закапывать. Работа шла безтолково и вяло, такъ что совершенно напрасно тратился трудъ огромнаго количества людей. Дворяне, назначенные быть распорядителями при истребленіи саранчи (прозванные народомъ саранячими панами), отказались подъ разными предлогами....

Народъ весьма неохотно занимался истребленіемъ. Насчетъ саранчи существуетъ въ народѣ убѣжденье, что это кара Божья, которой нужно подчиниться; что тамъ, гдѣ саранчу не истребляли, она ничего не трогала; что будтобы по ночамъ ходила *сараняча мати* и плакала, и т. д.

Одинъ прохожій богомолецъ набралъ саранчи полъ—мѣшка и понесъ въ свою сторону, говоря, что это благодать Божія.

Саранча была у насъ слишкомъ давно и народъ не знаетъ всей великости этого бѣдствія. Но многіе старожилы говорятъ, что въ ихъ время, что̀ ни дѣлали съ саранчой—ничто не помогало, а стали Богу молиться, саранча снялась и полетѣла; потому и теперь народъ налагалъ на себя дань для того, чтобы отслужить молебенъ съ водосвятіемъ, и было уже нѣсколько церемоніальныхъ процессій въ жита̀, за 6 верстъ отъ мѣстечка, гдѣ совершались молебны съ водосвятіями. Саранча истребила большое количество хлѣба и сѣна; если она не улетитъ отъ насъ (она теперь начинаетъ летать), то слѣдствіемъ будетъ совершенное разореніе хозяйствъ нашихъ сельскихъ обывателей,—не столько отъ недостатка хлѣба, сколько отъ недостатка сѣна

и соломы, для прокормленія скота. У насъ много такихъ козаковъ, которые, кромѣ грунта, не имѣютъ ни куска земли; но, имѣя плугъ воловъ, обработываютъ съ четвертой копы чужія поля и такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ значительное количество хлѣба. При теперешнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ (*), они должны будутъ сбыть скотъ за ничтожную сумму и прійти въ совершенное раззореніе. Вообще нужно замѣтить, что, при всѣхъ обстоятельствахъ, не благопріятно дѣйствующихъ на развитіе хозяйства, нашъ народъ спасается отъ нищеты тѣмъ благорасположеніемъ, тѣмъ товариществомъ, которымъ проникнуты всѣ его хозяйственныя отношенія. Одно изъ неблагопріятныхъ условій для хозяйства,—условіе, лежащее въ самомъ характерѣ народа, это раздробленность семействъ, слѣдовательно раздробленность хозяйственныхъ силъ, какъ вещественныхъ, такъ и личныхъ, хотя это вредное условіе и выкупается энергіею труда, необходимою спутницей хозяйственной независимости и массою нравственныхъ послѣдствій, формирующихъ сознаніе личности. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ является высокій акцизъ, на хлѣбное вино, составляющее у насъ предметъ всеобщаго потребленія; но самыя неблагопріятныя условія, — это распредѣленіе нашихъ податей и повинностей. Наши козаки платятъ возвышенный подушный окладъ. Эта подушная подать въ высшей степени неуравнительна. Часто небогатый козакъ платитъ большую сумму, потому что вся его мелюзга попала въ ревизію, и напротивъ, богатый, женившійся послѣ ревизіи., не платитъ подати за родившихся, во все время до слѣдующей ревизіи. Подводная повинность тоже крайне неуравнительна. Тотъ, у котораго двѣ лошади и болѣе (сколько бы ихъ нибыло), даетъ пару на стойку на три дня; у кого одна, тотъ спрягается съ другимъ, имѣющимъ тоже одну лошадь и каждый долженъ быть при этой парѣ три дня; такъ что каждая лошадь шесть дней на стойкѣ. О постойной повинности и говорить нечего; тотъ, кто бѣднѣе, слѣдовательно беззащитнѣе, тотъ болѣе и страдаетъ. Згоны на работы, на дороги, тягостнѣе для бѣднаго чѣмъ для богатаго, потому–что богатые должны отработать одинаковое число дней и т. д.

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ хозяйственныхъ товариществахъ, о томъ благорасположеніи, которое служитъ подкладкою всѣхъ хозяй-

(*) Кромѣ саранчи, у насъ есть еще другой врагъ,—это постоянные дожди; если они не прекратятся, то погноятъ сѣно и хлѣбъ, которые народъ поторопился убрать, боясь саранчи.

ственныхъ отношеній, существующихъ въ народѣ, и о нѣкоторыхъ полезныхъ мѣрахъ правительства, поддерживающаго благосостояніе. Неурожаи и другія неблагопріятныя обстоятельства, а равно отсутствіе запасной копѣйки, необходимой въ такихъ случаяхъ, какъ свадьбы, похороны и т.п. уменьшили хозяйственныя средства нашихъ козаковъ. Очень многіе изъ нихъ имѣютъ только пару воловъ или пару коровокъ. Въ подобныхъ случаяхъ нѣсколько хозяевъ спрягаются. Замѣчательно, что тутъ не заботятся о томъ, чтобы всѣ выорали поровну; напротивъ, у кого больше семянъ, тотъ можетъ товарищескими волами выорать больше, совершенно безвозмездно, «коли въ ёго é насіння — нехай собі оре», такъ разсуждаетъ нашъ простолюдинъ, безъ зависти и корыстолюбія. Много есть также такихъ, которые не имѣютъ ни земли, ни скота. Они имѣютъ возможность заработать себѣ хлѣбъ, или во время жнивъ или во время молотьбы.

У насъ даютъ жнецамъ 4-й снопъ, въ окрестныхъ селахъ $^3/_4$, (*) т: е. поочередно два третій, три четвертый и д. т., или даже 3, но разнообразіе заработной платы въ этомъ случаѣ основано не на спросѣ и предложеніи, а на особомъ народномъ воззрѣніи; этотъ способъ уплаты за трудъ есть средство для бѣднаго заработать хлѣба, а потому народъ говоритъ, что вознаградить такимъ образомъ трудъ, значитъ *дать заробить* (**), и разница зависитъ отъ качествъ хозяина: *якъ отъ хозяина*, говоритъ народъ. Тоже нужно сказать о молотьбѣ: въ нашемъ мѣстечкѣ даютъ 10 или 11 мѣрку, въ окрестныхъ селахъ 8 или 9, тоже *якъ отъ хозяина*. Въ одномъ изъ сосѣднихъ селеній, въ Лебединѣ, (крестьяне въ немъ помѣщичьи) даютъ третій снопъ жита, пшеницы и ячменя, и за то жнущій обязанъ помогать при уборкѣ овса и гречихи. Въ другихъ же мѣстахъ даютъ снопъ изъ овса и гречихи. Вообще у насъ работникъ, если неисключительно вознаграждается хлѣбомъ, то все таки хлѣбъ составляетъ часть уплаты, наприм.: порядочный наймитъ получаетъ двадцать и болѣе руб. и *присівокъ півчетверика* (четыре мѣры) *жита и півчетверика гречки*. Пастухъ получаетъ четвертку (двѣ мѣры) *пашчі*, за корову-дойнячку и пятакъ, и кромѣ того полу-

(*) Мы этого $^3/_4$ не понимаемъ и просимъ болѣе подробнаго объясненія. *Ред.*

(**) Въ нашемъ мѣстечкѣ одинъ хозяинъ-козакъ, *багатирь*, даетъ пятый снопъ: «*нехай саранча поість, а 4-го не дамъ*», говорилъ онъ. Народъ не любитъ богатыхъ козаковъ больше, нежели пановъ,—особенно скоро нажившихся. «Изъ старця не буде пана»; «изъ наймита не буде доброго хозяина»: такъ выражается народъ о своихъ разжившихся собратахъ.

чаетъ дневное продовольствіе одинъ или два раза въ лѣто. Многіе работники, правда, нанимаются за деньги; но это или заработывающіе для уплаты податей, или нехозяйливые пьянчужки. Хозяйливый человѣкъ старается, чтобы получить за трудъ натурою, хлѣбомъ. Деньги круглы, говоритъ онъ,—разкатятся, а хлѣбъ прокормитъ цѣлую зиму. Если сравнить уплату натурою, съ уплатою деньгами; то первая, по существующимъ у насъ цѣнамъ, для работника въ двое выгоднѣе послѣдней. Вообще, на всѣ хозяйственныя отношенія, существующія въ нашемъ народѣ, какъ я уже сказалъ, нельзя смотрѣть съ одной экономической точки зрѣнія. Здѣсь есть другая сторона, это — благорасположеніе, желаніе помочь ближнему, или, какъ выражается народъ, *»дать заробить«*.

Не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства, способствующихъ народному благосостоянію, о мѣрахъ, которымъ сочувствуетъ самъ народъ. Вопервыхъ, о застрахованіи усадьбъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ; эта мѣра была встрѣчена недовѣріемъ; сначала застраховывали за ничтожныя суммы; но удостовѣрившись, что правительство платитъ ту сумму, въ которую были застрахованы погорѣвшія усадьбы, многіе желаютъ возвысить оцѣночную сумму и это скоро обнаружится, потому что переоцѣнки бываютъ каждые три года и теперь имъ приближается срокъ. Прежде, если сумма, потребная для удовлетворенія погорѣвшихъ, была незначительна, то ее пересылали черезъ почту; для полученія же болѣе значительной суммы, отряжался урядникъ въ губернскій городъ, находящійся отъ нашего мѣстечка въ 300 верстахъ. Этотъ урядникъ старался вознаградить путевые издержки на счетъ получившихъ страховыя деньги. Теперь послѣдовало измѣненіе. Послѣ пожара, мѣстныя власти извѣщаютъ палату государственныхъ имуществъ о количествѣ суммы, потребной для удовлетворенія пострадавшихъ отъ пожара. Палата государственныхъ имуществъ проситъ казенную палату сдѣлать распоряженіе о выдачѣ суммы изъ мѣстнаго казначейства, и казначейство выдаетъ, по полученіи приказа казенной палаты. Намъ кажется, что эта процедура слишкомъ длинна. Казначейство могло бы выдавать, по требованію окружнаго правленія, а потомъ окружное правленіе могло бы увѣдомить палату государственныхъ имуществъ, а казначейство, — казенную палату. Вторая полезная мѣра правительства, устройство по волостямъ ссудныхъ кассъ, которыя даютъ возможность, не прибѣгая къ «заставѣ», пріобрѣсть необходимое количество денегъ. Въ понятіи застава, со-

вмѣщается, понятіе залога и заклада, т. е. это есть обезпеченіе долга, какъ посредствомъ недвижимаго, такъ и посредствомъ движимаго имущества. Большею же частію заставляютъ земли. Застава устроена въ высшей степени неэкономически. Дающій деньги получаетъ землю въ свое пользованье. А такъ какъ козачьи земли, вслѣдствіе закона, воспрещающаго отчужденіе козачьихъ земель лицамъ не козачьего сословія, пали въ цѣнѣ; то заимодавецъ пользуется почти двойнымъ количествомъ земли противъ данной имъ суммы; слѣдовательно получаетъ слишкомъ большой процентъ, а должникъ, отдавъ двойное количество земли и лишившись пользованія ею, теряетъ возможность уплатить долгъ, и часто земля дѣлается собственностью заимодавца. Нельзя не пожелать, чтобы ссудная касса могла разширить кругъ своихъ операцій и вытѣснить совершенно заставу. Третья мѣра правительства—это забота о круглыхъ сиротахъ, имъ назначатся опекунъ; продукты, подверженные тлѣнію, продаются и деньги отдаются въ кассу, для обращенія за проценты. Сироты, прійдя въ возрастъ, находятъ имущества въ надлежащемъ видѣ и еще съ капитальцемъ. До введенія этой мѣры, сиротскія имущества нерѣдко разграблялись родственниками.

Наше мѣстечко ведетъ торгъ съ Кіевомъ, въ-особенности мукой и крупой, крупу выдѣлываютъ въ крупо-дерняхъ и жерновахъ. Многіе зарабатываютъ копійку извозомъ, получая съ пуда отъ 5 до 6 коп. за провозъ въ Кіевъ, куда считается 30 верстъ старымъ *шляхомъ*. Въ Кіевѣ находятъ всегда сбытъ привезенныя продукты, хотя и тутъ обходится не безъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, за шоссе берутъ 9 коп. съ лошади и 9 коп. съ пары воловъ. Для того, чтобы избѣжать платы 18 коп. туда и 18 коп. обратно, наши крестьяне оставляютъ одну лошаденку въ слободкѣ и уже одною странствуютъ по кіевскимъ горамъ. Шоссейный сборъ въ такомъ случаѣ уменьшается въ половину, и вѣроятно въ такой же пропорціи уменьшаются силы лошади. Намъ кажется этотъ сборъ высокимъ, тѣмъ болѣе, что наши мужики захватываютъ незначительную часть оплачиваемаго ими шоссе. На самомъ базарѣ нашего крестьянина ждетъ еще одно горе. Въ Кіевѣ существуетъ запрещеніе, торговцамъ покупать ранѣе 12 часовъ; правительство имѣло въ виду дать средство жителямъ города запастись выгоднѣе необходимыми продуктами безъ соперничества съ торговцами. Конечно, это неисполняется и только причиняетъ убытокъ крестьянкамъ, привозящимъ хлѣбъ. Торговцы входятъ въ сношенія съ завѣдующими городскими вѣсами,

(т. е. со взявшими на откупъ вѣсовыя сборы) и не только покупаютъ ранѣе 12 часовъ, но даже пользуются покровительствомъ вѣсовщиковъ. Послѣдніе въ пользу торговцевъ обвѣшиваютъ крестьянина и выходитъ, что для жителей города нѣтъ выгоды, для крестьянина убытокъ; торговецъ не въ накладѣ; вѣсовщикъ и базарный съ барышемъ. Вотъ какіе обороты принимаютъ иногда покровительственныя мѣры.

П. Чубинскій.

ПАНЪ ПАДАЛИЦА.

до пана Владымыра Антоновыча.

ДВІ СЛОВІ ОДЪ РЕДАКЦІЇ.

Після того, що написано въ листі високоповажного Володимера Антоновича (*Основа*, кн. VII) про *Варшавську Библіотеку* и про пана Горжковського, здавалося бъ нічого й речи знімати про ті лукаві трихи-мнихи. Отъ же наша громада дозволяе говорити усякому и про всячину, хто бъ ні озвався за *правду*, хоча бъ и за таку, що вже *заржавіла*. Панъ Падалиця такъ гаряче вступаетця за свою панську сторону, що ажъ написавъ свій листъ по-пановому. Друкуемо сей листъ, не переміняючи въ ёму й правописі. Накриває панъ Падалиця високоповажного Антоновича мокримъ рядномъ, що притьмомъ вінъ не по правді рємствуе на *Варшавську Библіотеку* и на пана Горжковського. Нехай же теперъ нашъ кіевський сотрудникъ докладно ёму одвітуе, що, по напому розуму, не гарно вчинено съ польскої сторони,.. нехай нагадае хочъ те саме, що вже разъ сказано и доказано въ першому листі, бо панъ Падалиця читае той листъ не зо всімъ такъ, якъ написано, а по-своёму.

На Стрийковськихъ, Коховськихъ и Грондськихъ нічого було пану Падалиці здаватись безъ усякої критики, бо хто читавъ іхъ, той знае, що первий зъ нихъ у козацькій справі не суддя, бо не дожилъ до неї; другий видумувавъ такъ, якъ и нашъ Коніскій, а третій писавъ багато по слухамъ, утікши съ Польщи до Венгеръ: то хочъ и бажавъ говорити правду, такъ нехотя, иноді и помилявся. Инша річь, якъ панъ Падалиця пише: »Слово у насъ було вольне и річь вольна.« Що не безъ добра було въ польскій старовині, про се нічого й казати. Зъ великимъ жалемъ споминаемо ми *велику руіну* (див. приконеччя *Хмельнищини*, П. А. Куліша): та хто жъ ій винен, пане Падалице, якъ не те панство, зъ своими помошниками-єзуитами, — за которе ви стоите? Звісно, якъ хто вамъ поймє віри, що князь Ерема по правді владавъ трохи не половиною земель Українськихъ, що козаки-нетяги—котримъ *ніде було стати й коня попасти*—були вироджки,—що іхъ учинками правила рига malitia, и такъ далі, и такъ далі, — хто, кажемъ, пойме вамъ у цімъ ві-

ри, — той му́сить запла́кати на па́нськихъ моги́лахъ,—мовъ на ба́тьківськихъ. Тимъ-ча́сомъ, ми и́накше розуміли и розуміемо всю спра́ву. По свое́му вікові, козаки́ вдава́лись у такі вчи́нки, за котрі іхъ панъ Горжко́вський зве розбиша́ками; а про те—би́лись вони́ противъ таки́хъ *цивилизованихъ* люде́й, кото́рихъ ми, по щи́рій пра́вді, зовемо́ ди́кими де́спотами и тира́нами. Скажіте жъ, пано́ве Поля́ки, чие́ ча́до — *розбишацтво* коза́цьке? Ва́ше рідне ча́до! Чи, мо́же, ви й до́сі віруете, (якъ писа́ли ва́ші пре́дки,) що въ наро́ді и въ козака́хъ була́ и мо́жеть бу́ти *pura malitia?* Ми ду́маемо та́къ, що коли́ неду́жа дити́на проси́ла ма́тери: *Ма̀мо, закрѝй міні о́чі, щобъ на того́ Ляха не диви̇тись,* (да й чи одно́ жъ се́ сло́во живе́ у наро́ді и до́сі?), — такъ тре́ба не въ яко́гось непоро́чного єзуіта, а въ само́і исто́рні—да́внёі да и ново́і — пита́тись, звідкі ся *дика* нена́висть узяла́сь у всёго́ наро́ду? Тимъ-то ми бажа́ли бъ, щобъ такі пано́ве, якъ отъ и панъ Падали́ця, вомісто того́, щобъ дово́дити невідо́мими папе́рами, що Хмельни́цький бувъ розбиша́ка—и більшъ нічо́го,—розібра́ли бъ пе́рше, чи нема́ спра́вді у сами́хъ принци́пахъ По́льского па́нства тако́го я́ду, що вся́ке до́бре діло одъ ёго нівечитця, ги́не, а зги́нувши стано́витця отру́тою и сами́хъ спо́минокъ. *Ред.*

Позвольте мині, пане Антоновычу, одклыкнутьця на вашъ лыстъ, надрюкованый у »*Основі*« за Іюль місяць, зъ московськімъ наголовкомъ: »*Што объ этомъ думать?*« Выбачайте що будемъ говорыть до васъ мовою руською, бо по-польскі »*Основа*« не дрюкуе (*), а по-московські мы самі калякать не уміемо.

За що се вы розсердылысь на Горжковського и на Крашевського и за шо кладете выну гуртову на усі наші исторычеські кныгі и на усіхъ пысателівъ? Сумно намъ стае слухаючы вашоі мовы. До чого се вы прыдыраетесь? Чымъже такъ оце провыныла редакція »*Варшавськоі Бібліотекі*«, що розказала те що вычытала у старосвіцькіхъ паперахъ? Чы жъ вона вынна за те що тіхъ документівъ не надрюковала? Вона жъ каже що хотіла та колижъ не можна... Або жъ то̀ васъ, пане Антоновычу, врозумлять треба про те, що у насъ можна, а чого не можна? Самі вы про се добре знаете. Ну, а чогожъ се вы не наговорылы на ті повисті Горжковського, которыхъ не чыталы? Може справді воны бездарні, але може браві и толковыти? Передъ неводомъ рыбу неловлять. Колы судъ, то нехай же вінъ буде чыстый и справедлывый. Колы повертаете на законъ и правду, то й самі держітьця закону и правды. Отъ тогді вы, пане Антоновычу, будете маты передъ усіма чысте око.

(*) Надрюкуе—коли що́ дола́днє полу́чить—переложи́вши на рідню мо́ву. *Ред.*

За що вы докоряете редакціи *Варшавської Бібліотекі?* За дві чы тры строкі, которі вона напысала, щобъ податы вістку про нові кныгі. Не ужежъ оце ненайшлы вы у польськіхъ историческіхъ кныгахъ, шырокоі и розумноі мовы про Украину? Чомъ же вы не чыталы Лелевеля, Шайноху, Короновыча, Маціовського, Бѣліовського? Чомъ же вы не дозналысь про ті памятныкі историческі що іхъ пысалы: Стрыйковськія, Коховськія, Грондзькія, Оржельськія, Рудавськія и решта. Колы вы іхъ чыталы, то положіть руку на серце й скажіть по совісті: Чы ті учени мужи говорылы неправду? Правду воны говорылы про насъ и про Украину и не скрывалы ані злого ані доброго. Спытайте Куліша, Костомарова, Соловьева и тіхъ усіхъ що вчыталысь пылно въ нашу исторію, а и воны вамъ скажуть, що мы не таилы правды и не безчестыли нікого лукавою мовою. Слово у насъ було вольне и річъ вольна. Не такій світъ теперъ, пане Антоновычу, щобъ выгадовать брехні одынъ на одного. Но до того иде теперъ, щобъ помыями залывать очі. Про давні діла пысать можна, але не слідъ, та й непрыходытьця, щобъ те усе що було, прыкладаты до того що е и що буде. Дай намъ Боже, щобъ те усе що мынулось, послужыло намъ на науку, та на корысть, а не на колотнечу. Гай,—гай! якъ та кровъ що іи безневынно пролыто, та мае намъ теперъ мараты выдъ и рукі, то недоведы сёго Господы!

Вы розсердылысь на насъ, пане Антоновычу, Богъ васъ зна за що, та й сердытымъ окомъ дывытесь на усе що стоіть передъ вами. И бачытьця вамъ, що буцімъ-то пысателі наші доказують »що край межъ горамі Карпацькімі, та межъ рікамі: Вѣпржемъ, Прыпетью и Дніпромъ, и теперъ и спершу бувъ польськімъ. «Про те, пане Антоновычу, чый вінъ бувъ и чый вінъ е, исторія зна и запысала уже на свої карты. Не наша сыла переиначыть исторію. Про се можна говорыть и доказовать, але сердытьця нема защо. Теперъ на инчый спосібъ межують землі. Мынулося те время, колы народомъ торговалы якъ скотыною, та забіралы ёго цілымі табунами. Теперъ вінъ мае свій голосъ и свое право. Отъ же, по-моему, то ані вамъ ані намъ непрыходытьця тягнуть ёго за полу. Хто ёго зна щобъ вінъ сказавъ якъбы добре розважывъ та подумавъ? А може бъ вінъ не схотівъ муштроватьця и по вашій команді?...

И во истыну, нихто изъ польськіхъ пысателівъ не сказавъ такого порочного слова, за яке вы намъ докоряете. Вчытайтесь лышень пылно въ исторію, то вы тамъ дочытаетесь, що и тогді наветь, ко-

лы усі королі та князькі заіжалы землі и забіралы не пытаючысь,— мы двійчи пыталысь васъ и просылы прыстать но доброі волі. Чымъ-же мы тогді робылы не поправді?

А я спытаю васъ: Чымъ же то и теперъ робымо лукаво и не щыро? Чы загорнуть васъ підъ себе бажаемо? Чы закрепостыть васъ хочемо? Доказуйте намъ, колы такъ кажете. И подумать того не можна, чымъ насъ порочыте. Не вслухалысь вы мабуть добре у той гомонъ народный що розлягаетьця по ярахъ та по лісахъ и селахъ одъ Выслы ажъ до Дніпра. Не наклыкаемо мы нікого до ножівъ, не куемо путъ на ничіи ногі. Идемо до васъ зъ хрестомъ святымъ, подаемо вамъ на вічный мыръ руку, кажемъ: Боже помагай! а вы цураетесь насъ и за добре слово одказуете лайкою. Гай, гай! не наладъ повертаете роботу. Вамъ усе снытьця Коліивщына, выклыкаете Гайдамаківъ, велычаетесь Желізнякомъ та Гонтою, а забуваете що теперъ уже не те, що було колысь и що колотнеча наша выйшла бы усімъ намъ на погибель, а одному чортові на радість.

Не цураемось мы розсужовать та роздумовать старосвіцькі дыянія. Знаемо що исторію нашу пылно намъ розважаты треба и учытьця не для чваньбы, а для науки. Чымъ лучче іи пізнаемо, тімъ выднійші стануть шляки наші. Але за те намъ обідно, пане Антоновычу, що вы вытыкаете намъ очі за такі діла, що іхъ земля накрыла уже давно одною могылою. Якъ на вашу дулю мы вамъ тожъ зачнемъ тыкать дулі, то тілько полаемось, та й годі. Безсмертный вашъ Гоголь сказавъ колысь: »Положимъ, что Александръ Македонскій былъ великій человѣкъ, да зачѣмъ же стулья ломать?« Отъ же ся прысказка прыходытьця и до вашоі речі. Нехай вашъ Богданъ бувъ лыцарь велыкій, але защо докорять, якъ кто скаже що ні?

А що про акты Кіевськоі Коммиссіи, то ей-Богу стыдно вамъ заступатьця. Не того вы десятка чоловікъ, щобъ таку хвалыты роботу. Про кныгі я нічого не скажу, але те скажу що воны зъ лукавою напысаны думкою. Щобъ вы сказалы про садокъ, якъ бы я вамъ выніс зъ нёго мішокъ кіслыць? Сказалыбъ що садокъ на око гарный, та овощи родыть погані. Дежъ-то! цілый мішокъ самыхъ за себе кіслыць а ні одного яблока гарного та солодкого! А якъ на правду, то у садку найшлысь бы и гарніи овощи, та я вамъ іхъ не выніс. Ну, чыжъ садокъ за те выновáтъ, що я васъ попоштувавъ самымі за себе кіслыцями? Ни, се уже мене за те выноватыть треба. Се уже я напакостывъ, а садокъ нічого не вышенъ. Отъ же такъ

саме и зъ тіми книгамі. Повыбіравъ ктось самі кіслычкі, частуе кого зостріне, тай ще прыговорюе: »Оцежъ, якій садокъ поганый! Оцежъ яка брыдка овощъ! Хотьбы тобі насміхъ одно солодке найшлось яблочко!«

Колыжъ мы знаемъ той садокъ и знаемъ що тамъ е усякіи овощи. Отъ мы, выбачайте, и сказалы що той панокъ бреше. Нехай же насъ хочъ цыганъ судыть: чыя тутъ правда?

Ажъ сумно намъ стало слухаючы вашоі лайки на Горжковського. Знаемъ мы того чоловіка и знаемо те про нёго що вінъ чоловікъ правдывый и чесный. Не разъ балакалы мы зъ нымъ про старыну украиньську и дывувалысь слухаючы, якъ то вінъ бідолаха збіравъ старі книги, якъ вінъ вештався на торжкахъ та скуповувавъ, якъ вышуковавъ підъ стріхами, якъ пішкі ходывъ по Украині и послідню копійку оддававъ за лыстъ старого паперу. Але поклястысь можна, що вінъ не збіравъ того хламу на те щобъ ёго затасовáть. Вінъ зъ нёго дошуковався правды, бо любывъ правду. Ажежъ Кулішъ такъ саме збіравъ старі книги та паперы по Украіні. Чыжъ намъ за те порочыть ёго треба? Ни, за те ёму велыке спасыбі. И вы, пане Антоновычу, не побоялысь Бога,—порочыты того чоловіка? Не думавъ вінъ про старыну нічого неправдывого и не злословывъ ніколы Украині. А за те, що вінъ пішовъ у Рымъ, та ставъ тамъ ксіондзомъ, (*)—глумоватыця непрыходытыця. Якъ бы вамъ прыйшла думка пострыгтись у ченці у Кіевськоі Лавры, — чы ужежъ оце заразъ на сміхъ васъ піднять треба? Нехай вамъ Богъ помага! Абы зъ тверезымъ серцемъ та по доброі волі.

Не прогнівайтесь, колы вамъ скажемо що и до Крашевського прычепылысь вы Богъ зна зъ чóго и зáщо. Никто у насъ не зневажá Шевченка. Вічная память тому геніеві высокому и народному! Про похороны ёго у Уніяцькоі церкві, выйшла якась ошыбка. Той кто пысавъ до *Польскоі Газеты*, не знавъ, мабуть, добре. За щожъ заразъ сердытыця, докорять и выгадовать на насъ те, що и на думку ніколы не прыходыло? Бодай васъ! Чого вы не навыдумовалы! И сяка и така Унія, и мы іи не хочемъ и іи у насъ нема и не буде и багацько іще де-чого... Сміхъ тілько та й годі! Та ктожъ тебе, голубе мій, заганяе у Унію? Кому вона теперъ потрібна? До чого

(*) А чóмъ же се ви, пане Падалúце, не додали:—*взуітомъ?*. Тимъ-бо-й-ба!..

ін прышыты можна? Якъ-такі вамъ несóромъ лякаты народъ хрещеный такімъ клочанымъ пу́галомъ?

Сказалы вы намъ прысказку, що »брехнею світъ перейдешъ, та назадъ не вернешся.« Доказуете, що »вельможна шляхта уже перешла у одынъ кінець и пытаетесь: чы справді вертатыметься тимъ самымъ шляхомъ? Отъ же колыбъ вы тілько не сердылысь, то я бы вамъ сказавъ, що сю прысказку можна прыложыты не конечне до самоі шляхты, а до кожного пе́ревертня...

Не попрікаемъ васъ, не хочемъ заводыть колотнечі—крый Боже! За одно тілько просымо васъ: Якъ що колы прыйдетьця до розмовы, то говоріть чесно и правдыво. Якъ розмовлятымемо зъ толкомъ, то може и зрозуміемъ одынъ-о́дного. Така наша думка и така рада. Идучы у-купі, скорійше и певнійше найдемо те, що загубылы. А якъ найдемо, то не дай Боже, щобъ послі мы вамъ або, вы намъ вытыкалы прысказкою: »*Лучче зъ розумнымъ згубыть, якъ зъ дурнемъ найты.*«

Прощавайте, добродію!

Тадеушъ Падалица.

15 октобрія 1861 року.
Зъ Украіны.

ИЗЪ М.

(Письмо къ редактору)

Грустно, что первое слово изъ М. является обличительнымъ; но такова, знать, доля наша. Въ вашемъ журналѣ, правда, я обличительныхъ статей не начитывалъ, а потому не могу разсчитывать, чтобы мое письмо было помѣщено; но куда же намъ обратиться за защитою народныхъ своихъ обычаевъ, если не къ «Основѣ»? Основа—украинскій вѣстникъ: пусть же она скажетъ слово за насъ. Быть можетъ общественное мнѣніе благодѣтельно подѣйствуетъ на нашу градскую полицію, и она перестанетъ видѣть зло тамъ, гдѣ его и не бывало,—перестанетъ преслѣдовать пѣсни. Впрочемъ пѣсенъ-то она не преслѣдуетъ, какъ словесныя произведенія; но преслѣдуетъ пѣніе. А отнять у насъ пѣніе, значитъ отнять все. Лукавое преслѣдованіе это ограничивается *чесними*, а *омнибусовъ* не трогаютъ. Это еще безот-

раднѣе: тотъ можетъ скрипѣть сколько угодно, кто развратенъ! Какою цѣною покупается право предаться поэтическому влеченію природы!.. Вотъ-что происходило у насъ 13—14 августа.

Былъ десятый часъ вечера, когда я возвращался изъ *гостини*. Недалеко отъ моей квартиры, въ предмѣстьи, издавна собиралась *улица*. Старое мѣсто ея теперь заняли подъ печки для солдатъ и потому на этотъ разъ *улица* стала собираться у самаго окна моего. Это привело меня быть очевидцемъ такихъ штукъ, про которыя я и слышать бы не хотѣлъ. — Когда я шелъ домой, на улицѣ уже было двѣ дѣвицы; только-что онѣ начали пѣсню, какъ солдатъ отъ печекъ разразился бранью. Но это не важно: насъ здѣсь уже пріучили къ солдатскимъ обычаямъ. Дѣвицы побѣжали и стали у воротъ ближайшаго двора — сажень десять *отъ улицы*. Я вошелъ къ себѣ. Въ это время вдалекѣ, раздалась парубочья пѣсня. Не прошло и пяти минутъ, какъ слышу я рѣзкій женскій крикъ, потомъ топотъ многихъ ногъ. Ночь была безъ луны, а потому, высунувшись въ окно, я могъ увидѣть только двѣ человѣческія фигуры у тѣхъ же воротъ; но какого были пола, узнать было нельзя. Остальные *уличане* заслонены были отъ меня подсолнечниками. Отсюда, вдругъ, отдѣляется одинъ, какъ видно было поочертанію одежды, солдатъ, и пошелъ къ воротамъ; за нимъ и другой—но этотъ уже побѣжалъ. Ненадо упускать изъ виду, что еще не пѣли здѣсь на улицѣ, когда это происходило. Только-что эти два солдата присоединились къ тѣмъ двумъ лицамъ, что стояли у воротъ, какъ я услышалъ повелѣніе: — ступай! ступай за нами! — и женскую прозьбу. Тутъ я узналъ, что то̀ были дѣвицы (и одна изъ нихъ изъ того-самого дома, у воротъ котораго описываемое происходило). Должно быть, дѣвицы сопротивлялись, потому-что кто-то закричалъ: — тяни ее! тащи! — и въ воздухѣ раздался ударъ палкою (цѣпкомъ), потомъ умоляющій, дрожащій голосъ: — *не бійтеся*...

Солдаты, квартирующіе у насъ имѣютъ поползновеніе *старшувати*. Недѣли три тому назадъ, напр., два солдата встрѣтили на улицѣ прохожаго парубка, порядкомъ отколотили, сняли свитку и шапку, которыя, говорятъ, отдали только послѣ многихъ прозьбъ. Предполагая, что и здѣсь проворствуютъ солдаты, я немало былъ удивленъ, отчего это парубки позволяютъ такъ *зігнущатьця* надъ дѣвицами; одѣлся и вышелъ съ цѣлію вступиться за обижаемыхъ. Но уже было поздно: на улицѣ ни души живой, и только вдали виднѣ-

лась движущаяся масса. Прибавивши шагу, я настолько приблизился къ шедшимъ, что разглядѣлъ десятскихъ, парубковъ и дѣвицъ. Легко догадаться, куда ведутъ эти алгуазилы. Унасъ, говорятъ, издавна преслѣдуютъ *улицю*, но сегодня заберутъ, а завтра ужъ нѣтъ; и всѣ утверждаютъ, что это хотятъ *вирви*—и только, (но мы узнаемъ кое что́ и больше). Я уже зналъ, что забранныхъ съ улицы запираютъ въ темную, а послѣ заставляютъ городъ подметать, но видѣть этого не случалось. Разсказываютъ даже, что городничіе, бывало, заберутся на *досвітки*—особенно на *складчину*, все поѣдятъ, повыпьютъ, заберутъ всѣхъ и отправляются. Мало–ли еще чего разсказываютъ; но это дѣло — сторона. Вотъ что́–то будетъ завтра?

Назавтра *(въ 5–мъ часу утра)* я былъ уже на базарѣ и увидѣлъ, что парубки (12) и дѣвицы (4) подметали городъ; десятскіе за ними присматривали. Отпустили ихъ только *въ часъ по полудни*. Такимъ образомъ, у каждаго изъ арестованныхъ пропалъ горячій рабочій день. И за что́ же такое наказаніе? Неужели ни на минуту нельзя отрѣшиться отъ дѣйствительности? Но день все–таки пропалъ... А кому не извѣстно, что для хлѣбопашца значитъ потеря дня въ жнива — и еще у насъ и въ настоящемъ году, когда только и слуховъ, что жалобы на опустошенія, производимыя саранчей! Но на это не смотрятъ: завтра Успенье, надо, значитъ, принарядить городъ. Такъ не лучше ли было бы самимъ многосильнымъ десятскимъ стать съ метлою въ рукахъ? А страмъ, а стыдъ? Какъ же такимъ особамъ браться за метлу? Онѣ стоятъ себѣ, онтакечка, заложивши руки за спину, да, знай, погукуютъ: работай, работа́й!—Это по насъ; извѣстное дѣло — нашъ братъ десятскій — не простой человѣкъ. Такъ намъ ли за метлу?.. И подумать нельзя!...

Такъ *онтакечка* загребли жаръ чужими руками—подмели городъ; надо было еще соръ вывезти. Для этого есть пожарныя лошади, но ихъ трогать не пристало для такихъ работъ (во избѣжаніе сраму); потому что гг. десятскіе изволятъ на нихъ прогуливаться по отдаленнымъ заведеніямъ. И тутъ не задумались: поймали первыхъ попавшихся въ глаза, — кто ѣхалъ на поле, взвалили на ихъ возы сору и — поѣзжай здоровъ! да только, *знашь, подальше*; *или — ишь какова* (т. е. палка въ рукѣ!) *до пальцевъ побью! Нужли ты умнѣе насъ? Ступай! тебѣ приказываютъ*. — Согнулся бѣдный простачекъ и повезъ. А десятскіе важно́ — страхъ ва́жно́! — похаживаютъ да поглядываютъ: *»чисто! ишь, какъ чисто! и въ по-*

лиціи не видано такой чистоты, чепурности, ей Богу!—Кабы таперинька губернаторъ!—Хорошо, братцi, благодарствуемъ! Вотъ вамъ *на водочку.—Онтакечка было бъ до сподобы. Уладили, ей-ей уладили; спасибо намъ...*«

Вечеромъ (14 авг.) я вышелъ распросить—какъ все было, и мнѣ ничего особеннаго не разсказали, только, что »сидимъ мы, говорятъ, шутимъ, какъ пришелъ девятка (десятскій) и сталъ возлѣ насъ; потомъ и другой пришелъ и также сталъ. Погодя пришло еще два и съ этими два парня, что́ служатъ при полиціи писарями—и побрали насъ. —Это у насъ обходъ такъ ходитъ.—Когда мы поровнялись съ домомъ квартальнаго, онъ вышелъ на улицу босой и приказалъ посадить насъ въ темную...—Какъ разъ на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ прервалъ полицейскій чиновникъ. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, я началъ упрекать его,—зачѣмъ вамъ, говорю, мѣшаться *въ улицi!* Зачѣмъ запрещать людямъ пѣть, говорить—словомъ—зачѣмъ это?

— Запрещать улицы — что́ли? Это — безчинство.

— Хоть я съ вами не согласенъ насчетъ безчинства; но пусть по-вашему. Въ такомъ случаѣ, всѣ улицi безчинство.

— Разумѣется.

— А городская?

— Городская! гмъ! та другое дѣло!

— Какъ же—другое? Напротивъ: все равно *улица*. И вы должны подумать, что́ дѣлаете, и для чего дѣлаете.

— О! мы знаемъ, для чего забираемъ *улицу*.

— А нельзя ли и мнѣ знать? спросилъ я.

— Очень просто: для того, чтобы городъ подмели, отвѣтилъ онъ.

— Это не хорошо. Но если вы хотѣли уже непремѣнно сдѣлать несправедливость, то можно было уменьшить ее—нужно было забрать городскую улицу, гдѣ *омнибусы* такъ долго были слышны послѣ обхода. Между тѣмъ забрали *честныхъ*, и вѣроятно, когда этихъ заперли, къ тѣмъ сами побрели.

— Больше чѣмъ вѣроятно,—даже несомнѣнно; но въ томъ-то и вся штука, «що коло тихъ и десятникъ поживитця, а зъ цiхъ що́ кому? хай же хочь городъ замiтають, коли такi.» Это подлинныя слова помянутого чиновника.—Итакъ, что́ у насъ преслѣдуютъ?

Услыхавъ это, я уже не сталъ больше говорить про *улицю* — (достаточно было и этого) и *звернувъ* на собакъ:

— Почему, говорю, полиціи лучше не обратить вниманія на то, что у насъ собаки нападаютъ среди улицъ и калѣчатъ проходящихъ: тамъ дитя чуть не заѣли, тамъ порвали дѣвочку, тамъ, говорятъ, офицера. .

— Эге! захотѣли вы!.. притомъ же мы не знаемъ, чьи это собаки.

— Къ вамъ же поступаютъ жалобы, въ которыхъ должно быть прописано, чьи онѣ.

— Мало ли чего къ намъ не поступаетъ! Энтакъ, какъ выражаются у насъ, энтакъ и бумаги въ уѣздѣ не станетъ, если обращать вниманіе на всякій толчекъ.

Мнѣ осталось только распрощаться съ этимъ господиномъ. Но я все-таки не уяснилъ себѣ, почему берутъ подъ арестъ поющихъ, всѣмъ, и даже полиціи, извѣстныхъ своею честностію? Ужели за то, что они не развратны, какъ выразилось его благородіе?

Будьте такъ добры, напечатайте это письмо въ *Основѣ*; быть-можетъ (повторяю) кто-нибудь — посильнѣе нашихъ (если это возможно) — вразумитъ нашихъ любителей чистоты, и они не будутъ препятствовать *честнымъ* пѣть и веселиться, какъ не препятствуютъ *другимъ*.

ЛИСТЪ ЗЪ ДОРОГИ.

Херсонъ, 14 іюля 1861.

Ідучи въ Херсонъ я сподівався на-краще, и дуже-дуже здивовався уіхавши въ цей городъ. Улиці порити наче ровами, валяетця усюди по дорозі каміння!... и будинкамъ и улицямъ—а (може й людямъ) далеко до Полтави. Пробувъ я въ Херсоні $1^1/_2$ сутокъ; на такий короткий часъ не багато чого розвідаешъ. Роскажу все по порядку. Приіхавъ я уже смеркомъ; мерщій передягся и пішовъ подивитись на

Дніпръ. Погода стояла тиха, *білолиций* глядівъ такъ пильно у воду, наче хотівъ стрибнути зъ неба щобъ покупатись... Народу на бе́резі пошти не було... Багато де-якихъ думъ навіявъ на мене Дніпро своєю тихесенькою филею про давню давнину, про нашу козацьку волю, про всю Украину, що

«Сиротою
По-надъ Дніпромъ плаче...

Хтось кинувъ у воду камець... розійшлась кругами филя... показались бульбушки, наче слёзи дніпрові...

На другій день уранці роспитався, що́ по-чімъ. Пшениця була місяць назадъ 9,—а теперъ (въ половині іюля) по 5 и по 4 карб. за четверть; мука житня 30 к. за пудъ, сіно по 10 коп. за пудъ, овесъ 2 карб. за четверть; сало 5 карб. за пудъ, масло 7—8 карб.—Дешевше усёго гурки—семи-гривенний за сотню. Овощі продають на вагу, а не на ліку; груши 5 коп., вишені 9 коп. за хунтъ, яблокъ ще не видно.—Поснідавши пішовъ по судамъ... Та й набрався жъ я чиховиці у повітовій скарбівні! Купивъ, знаешъ, гербового папіру на 1 карб. 75 коп., даю *бумажку* въ 10 карб.—Узявъ москаль,—сховавъ у скриню, и дае мині 8 карб., а четвертака, каже, нема. Прохавъ щобъ хочъ мідяками давъ, — *нема*, та й годі — »У казначействі, каже, не дають здачи« — »Ну, кажу я, а якъ би я схотівъ розмінять *билетъ* (25 р.)—»На стольці, каже, йди.« —А на стольцяхъ беруть проміни 8—10 коп. за рубъ.—Нічого було робить: пропавъ четвертакъ!..

Упоравшись по судамъ, пішовъ я зъ Лавріномъ роздивитьця городъ по́-видну. У городі 11 церковъ, (одна мижо ними греческа) 1 костелъ и еврейська синагога. Попредь города въ садку стоіть памьятникъ Потемкину: на високій підмостці стоіть статуя Потемкина и дивитця на Дніпръ. Ще на конці города памьятникъ Говарду. На південному боці его написано: «скончался 20 генваря 1790 г. на 63 году отъ рожденія»; на схиднёму: alios salvos fecit« и на захиднёму;« Vixit propter alios.» Зо всёго видно, що Херсонці не дуже поважають памьять сёго незабутного чоловіка; бо кругомъ памьятника таке пописано, що бридко й сказать. Були ми и въ кріпості. У церкві (великомученици Катерини) построенній Царицею Катериною II, стоіть дзигликъ, на которому седіла ся Цариця. На цвінтарі е чимало памьятниківъ, міжъ ними два такихъ старихъ, що вже не видно й

надписі, и надъ кимъ вони постановлени—незвісно; есть памьятники: Принцу Александру Виртембергскому зъ надписаннемъ: »праху, скончавшагося во цвѣтѣ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ, героя«; — Князю Молдавскому Эмануйлу Россете; Полковникові Петру Мартиновичу, убитому 6 Декабря 1788, на 21 року життя, Инженеръ Полковникові Миколі Ивановичу Корсакову, умершому 24 Августа 1788 р. и иные. На памьятнику Корсакові написани стихи:

Здѣсь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ,
Къ жалѣнію сыновъ Россіи погребенъ:
Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрой духъ его отъ тѣла отлученъ.

Відсіля пішли ми у садъ штурманської школи. У воротъ саду здивовались ми побачивши на стовбчику прибиту дощечку зъ словами: «Входи и гуляй, рукамъ воли не давай.» — Садъ поганенький, дивитьця ні на що; хиба-що тутъ абрикосъ, посажений Катериною II, та й той, мабуть, скоро всохне.

Для мене найпотрібній було знати: — якъ иде наука въ Херсоні? та ба! Вийнялась, бачъ, така пора, що въ школахъ не учятця. Въ Херсоні е гимназія, повітова и приходська школа, школа канцелярськихъ дітей, штурманьска школа, дівочий приютъ; хлопьяча и дівоча недільні школи. При гимназіи, кажуть, заведена хороша книгарня. Правда, въ городі е дві книгарні, — та що зъ нихъ? Ще-таки книгарня п. Шаха—такъ и сякъ, а про другу й говорить нічого! П. Шахъ виписуе собі у книгарню: *Основу*, *Отечеств. Записки*, *Руський Вістникъ*, *Современникъ*, *Руське Слово*, *Библіотеку для чтенія*, *Одеський Вістникъ*, *С. П. бурські Відомості* и *Собраніе Иноземніхъ романівъ*. А спитай скілько въ ёго предплатниківъ? На рокъ—8, на півроку — 6, да на місяць — 9: отъ-тобі й всі! Не дивуйся: згадай тілько, що въ Херсоні найбільшъ живуть украінці,—народъ, одорванний одъ корня,—що »одъ одного берега одчалили, а до другого — не пристали.« — Есть въ Херсоні й печатня п. Ващенка, да не довелось ії побачити.

Прощавай, друже! Напишу тобі зъ Полтави, якъ вертатимусь. А скучно степомъ іхать... скрізь могили

Стоять, да сумують...

Наче гадюка вьетця коло серця, бо якъ часомъ споглянешъ на ці могили, що »нагадують те про що минуло, про волю и тілько *ніщкомъ* (наче боятця голосно) въ полі зъ вітрами говорять.«

Олександеръ Переходовець.

P. S. Може Переходовець де-въ-чімъ и помилився... дарма: нехай самі Херсонці ёго й поправлять.

ИЗЪ ЛУБЕНЬ ПОЛТАВСКОІ ГУБ.

(Сентябрь 1861.)

Душа душу знае серце, серцю вість подае, кажуть люди: оттакъ и ми теперь побачили, що вамъ щира наша мова, наші нужди, наше горе... Спасибі!. Прислали ви намъ до воскресноі школи рідних квіточокъ: хай цвітуть — не засихають, хай дощечкомъ да сонечкомъ іхъ оживляе; хай люди читають да памьятають, «чиі ми діти». Який же вамъ привітъ послать одъ нашоі школи за вашъ дарунокъ?.. Скажимо вамъ щиру правду про те, якъ ми тутъ учимось?..

Бовкае дзвінъ у неділю на Лубенській соборній дзвиниці, кличе людей до церкви; идуть люди и старі й малі Богу молитись; а малі знають що після церкви да підуть вони ще въ школу грамоті вчитись, а школа зоветця воскресною: по празникамъ да по неділямъ бува тілько,—значить праведна школа—праведноі думки дитина,—щирого серця розмова зъ дітками малими, христіанська, братерська школа; не налають тамъ, ні гіркого слова не скажуть, ласкою обійдуть тебе, дадуть тобі книжечку въ руки, роскажуть яка то грамота и до чого вона, и якъ тяжко жити чоловікові безъ неі въ грамотній землі,—все рівно, що птиці співучій пробувати безъ співу... У неділю співають въ соборі *воскресникі* да ученикі училища повітового, співають гарно: Денисъ Дмитровичь,—хай ёму здоровья да вікъ довгий!—учителя півчого до того діла випросивъ у начальства, а теперь хлопята щиримъ серцемъ виспівують дяку свою за все добре.

Після обідні сбіраемось у школу учити да вчиться, и хто тілько зайде до насъ грамотний да чесний, той и нашъ: и бумагу и карандаша й книжечку ёму дамо,—учи тілько дітокъ нашихъ, щобъ були

грамотні,—щобъ знали—що—правда, а що—кривда, щобъ знали якъ кривду правдою побороти.

Учимо у школі вірі Христовій, що сказавъ людямъ: «блаженни алчущіе и жаждущіе правды, блажені плачущіе яко тіи утѣшатся». Чого жъ й бажать, объ чімъ и молитись, якъ не о правді да утіше-ніи? Читають наши дітки въ школі святе евангелие, читають вони яки були люди фарисеі — яки ехидні, да якъ кривдою очи людямъ завьязували, якъ надъ правдою знущались... якъ за правду своею кривдою Праведного Христа замучили! Люблять наші дітки, дуже люблять читати ту святую мову; роздали ми імъ по книжечці того праведного и великого слова; а якъ би ще були у насъ тикі книжечки, то й щебъ давали; то свята мова—то Боже сімья:—росте-росте да и выросте въ дерево высоке—високе, що неба досягне да й саме небо до землі притягне!

А не тілько читати, а й писати наши дітки уміють: такъ и виведе на бумазі: «*поки сонце зійде—роса очи виість!*» Що се я?.. Оттакъ-пакъ! Простіть мене: се я збрехавъ... вони у насъ сёго не пишуть, вони, бачите пишуть усе помосковски, а тамъ — дальше, де сонце не світить, балакають може люди и по-нашому... Воно бачите світъ давно вже такый перевертень!.. Такъ оце вже правду кажу: пишуть наші дітки по-московські, знають ариѳметику, та не такъ — аби-якъ, а розсуждаючи: охоты у іхъ багато до вчення, та ба!.. Бідні вони: ні карандаша, ні бумаги, ні пера, ні-за-що купити! — що ми дамо, то тілько и е у іхъ; а школа наша все бідніща становитця: грошинятъ дазьбі!.. До школи багатимъ яке діло? тамъ же вчитця *мужва*, а несчастна мужва—то для иншого мовъ гадина!.. А въ добримъ домі потрібно було бъ мати едину душу, едину мову, едине серце!.. Любови да согласки треба, дуже треба усімъ намъ!..

Чувъ я що въ *Основі* завелись за слово »Жидъ«! Богъ зна що такее!. Есть объ чімъ толковатись!.. У насъ давно вже немае ні жидівъ ни евреівъ—а тимъ що кажуть: я—жидъ, або я—еврей, не вірте. Який же жидъ безъ Іудовоі землі, який то еврей—безъ язика свого стародавнёго, безъ свого закону, безъ свого обичая, безъ віри.. Тимъ котрі зовутця жидами, здаетця, що вся віра у тимъ тілько й стоіть, щобъ не істи *трафного*, щобъ істи своіми ложками, да свій хлібъ, свій горщокъ мати, свою тарілку... пророківъ своіхъ вже вони давно забули: спитайте которого жида, то и не перелічить!. Хто хоче буть жидомъ, хай иде въ *Іудову* землю; хто хоче бути евреемъ, нехай той—научить попереду народъ свій говорить по-еврейскі а не понімецькі;

хай научить народъ свій читать пророка Давида, якъ вінъ пророчивъ,—научить читать Іезекиля якъ вінъ пророчивъ воскресенне мертвихъ; а коли сёго не зможе, хай буде громадянином тіеі землі, дé уродився и вирісъ,—а ні—то, просто, чоловікомъ, бо чоловікъ—то перве діло въ світі; то люба дитина и у людей, и у Бога...

Годі, прощайте до другого разу.

Василь Шевичь.

ЗЪ ГАДЯЧА, ПОЛТАВСЬКОІ ГУБ.

(Августъ 1861 року.)

»Скрізь, якъ у дзвінъ дзвóнять—говóрять за шкóли и библіóтеки. И въ Гадячі объ цімъ річъ. Якъ почнýть розскáзувать—що якъ би воно́ було́ дóбре, що зовсімъ би народъ змінúвся—тільки слýхай! Дóвго говорúли, а дáлі—дóбрі лю́де принялúся й за діло: пéрше, то сúмъ, то тúмъ пóбитомъ, відкрúли городську́ библіóтеку, а отцé недáвно—жéнську шкóлу. Послідню хоть не гарáздъ, бо ще немá на тé розрішéнія, а все есть надія, що колúсь бýде такá, якъ и въ людéй. Нехáй же ій, до другóго чáсу, Богъ помага та дóбрі лю́де, а ми дé-що поговóримъ за библіóтеку.

Въ Гадячі, пíсля Різдвя́нихъ Святківъ, охóтники до теятру змóвились показáть спектáклі. Показáли, та на ті гро́ші, що зібрáли, відкрúли городську́ библіóтеку. Вонá випúсує: *Руський Вістникъ, Современникъ, Отечественні Записки, Библіотеку для чтенія, Основу, Руське Слово, Драматическій Сборникъ, Московські Відомості, Руській Міръ, Искру, Вікъ, Иностранні романи, Художественній листокъ и Журналъ Вольного Економического Общества,* да щé пóслано гро́ші, зарóблені за дрýгі два спектáклі, щобъ прислáли сочинéній сáмихъ лýчшихъ писáтелівъ—Гóголя, Пушкина й дрýгіхъ. На Украíнській мóві тільки й é що *Кобзáръ.* Немá ні *Хáти,* ні *Пóвістей Квітки*; нічóго немá. А такúхъ книжóкъ трéба, та ще й дýже, бо въ Гадячі народъ все почтú Украíнці,—такъ щó жъ імъ рідніше—чи своé, чи чужé? мабуть своé. Библіотека находúться на кватúрі въ одного́ зъ учредúтелівъ, дóхтора Чернúша, вінъ нéю й роспоряжáе. За те, щобъ брáти читáть до дóму журнáли й га-

зети, пла́та—ду́же поціннa—*три* карбо́ванці на годъ, а на місяць копови́къ. Яко́і жъ ще дешéвшої? Здаéтця, скілько трéба бъ бу́ти підпи́шчиківъ, а іхъ тільки всёго́ на́ всёго—43, годови́хъ 39, 1 півгодо́вий й 4 місячнихъ. Чого́ жъ такъ? Хіба, ска́жуть, що роздаю́ть книжки́ не спра́вно? що наперéдъ вели́кимъ пана́мъ даю́ть? Такъ ні! ще, до кото́рого ча́су, сёго́ нічо́го нема́: всякъ, хто бъ не записáвсь чи дворяни́нъ, чи купéцъ, чи міщани́нъ, все одно́, всі рівні. А все це відъ то́го, що é бага́то ще таки́хъ людéй, котрі на язиці якъ на орга́ні, а прийдетця до діла—й нісъ підъ сéбе—за́разъ и наза́дъ: за що́, кажуть, я бу́ду платúть 3 карбо́ванці? що книжки дадýть прочита́ть? лу́чче проімъ, або́ проигра́ю въ ка́рти, — такъ зна́тему де дівъ; адже мій ба́тько не чита́въ, а живъ на світі? такъ и я« . Отакі!... Хотьби жъ са́ми не записувались, то й сількось, — а то й дру́гихъ піддро́чують. По-мóему, лу́чче жъ взять книжку та чита́ть, чімъ цілий день ви́спать, а нічъ въ ка́рти програ́ть; а по іхъ — хто ёго зна... не вгадаю...

Иванъ Кивайголова.

УЧРЕЖДЕНІЕ ПРЕМІИ ЗА СОЧИНЕНІЕ:

«Исторія Кіевскаго университета и лицеевъ — Нѣжинскаго и Одесскаго.»

На прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Н. И. Пирогова сообщено было мною многимъ изъ присутствовавшихъ, о желаніи, изъявленномъ нѣкоторыми изъ гг. студентовъ университета, сдѣлать пожертвованіе для ученой цѣли, которая будетъ избрана самимъ Николаемъ Ивановичемъ. Подобное выраженіе признательности и уваженія къ бывшему начальнику, не могло не встрѣтить искренняго сочувствія со стороны присутствовавшихъ, которые заявили также о готовности своей присоединиться къ числу жертвователей.—Когда это предположеніе сдѣлалось извѣстнымъ, тогда начали поступать деньги изъ разныхъ мѣстъ кіевскаго учебнаго округа на имя ректора университета. Деньги передавались на храненіе казначею университета, у котораго накопилось около 1000 рублей, хотя цѣль пожертвованія еще не была

опредѣлена.—Нынѣ, по полученіи отзыва Николая Ивановича, предположено предназначить сдѣланныя пожертвованія на выдачу преміи за сочиненіе, написанное на слѣдующую тему:

«Изложить сравнительно-историческій ходъ университетскаго образованія въ западной Европѣ и въ Россіи вообще, и въ особенности составить подробную документальную исторію трехъ высшихъ учебныхъ заведеній Кіевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ, т. е.: Университета Св. Владиміра и Лицеевъ—князя Безбородко и Ришельевскаго.«

Ходатайство о семъ отъ г. Попечителя, барона А. П. Николаи, уже послѣдовало. Что́ касается программы, разъясняющей, какъ самую тему, такъ и порядокъ удостоенія преміею написанныхъ на эту тему сочиненій, то, по полученіи нѣкоторыхъ указаній отъ Николая Ивановича, въ представленіи начальству изложено нижеслѣдующее:

I.

По самому содержанію своему, тема заключаетъ въ себѣ двѣ части: а) *Общую сравнительную исторію университетскаго образованія на Западѣ и въ Россіи.* Здѣсь, на основаніи лучшихъ монографій, авторъ долженъ представить послѣдовательный очеркъ перемѣнъ въ ученомъ, административномъ и экономическомъ устройствѣ заведеній, въ нравахъ и обычаяхъ университетскаго сословія, изобразить вліяніе на университеты окружающаго ихъ общества и на оборотъ–вліяніе университетовъ на общество и въ особенности опредѣлить *различіе въ ходѣ и значеніи университетскаго образованія и во вліяніи гуманизма и реализма на просвѣщеніе въ Европѣ и у насъ; б) Подробную исторію Университета Св. Владиміра и двухъ лицеевъ Нѣжинскаго и Одесскаго.* — При изложеніи этой части необходимо, чтобы авторъ по возможности *воспользовался всѣми историческими оффиціальными документами и преданіями, которые должны быть разработаны критически.* — Жизнь университета должна смоять на первомъ планѣ. Исторія его возникновенія, само собою разумѣется, потребуетъ отъ автора хотя краткаго, но обстоятельнаго изложенія историческихъ свѣдѣній о прежней системѣ образованія на юго-западѣ Россіи, съ опредѣленіемъ степени участія въ ней правительства и общества, съ показаніемъ въ какой степени она удовлетворяла потребностямъ того и другаго и вообще, какіе были ея достоинства и недостатки. —Затѣмъ

документально и критически должна быть разработана и изложена исторія университета и лицеевъ во всѣхъ отношеніяхъ, а именно: 1) время и способъ учрежденія; 2) административная часть; 3) хозяйственная часть; 4) вспомогательныя средства просвѣщенія—библіотеки, ученыя коллекціи и, типографіи; 5) свѣдѣнія объ учащихъ и учащихся по всѣмъ категоріямъ; 5) степень и размѣръ обученія; 7) нравы и обычаи ученаго сословія; 8) результатъ дѣятельности заведеній и вліяніе ихъ на окружающую ихъ среду, на сколько оно обнаружилось въ общественной и учено-литературной дѣятельности преподавателей и воспитанниковъ заведеній; 9) вліяніе общества на университетъ и лицеи: въ какой мѣрѣ оно содѣйствовало и препятствовало ихъ преуспѣянію.

II.

Сочиненія ищущихъ преміи, написанныя на русскомъ языкѣ, должны быть доставлены къ назначеняому сроку, въ Кіевъ, на имя ректора Университета Св. Владиміра.—Фамиліи авторовъ должны заключаться въ запечатанныхъ конвертахъ, съ обозначеніемъ девизовъ на конвертахъ и сочиненіяхъ.

Срокъ, для подачи сочиненій назначается чрезъ 4 года, со дня утвержденія программы правительствомъ. Въ теченіи этого времени, сумма, собранная по подпискѣ, и въ настоящее время простирающаяся до 1000 руб. сер., вмѣстѣ со всѣми имѣющими поступить пожертвованіями, обращается въ одномъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій для приращенія процентами.

Для разсмотрѣнія сочиненій и присужденія премій, составляется особая коммиссія изъ лицъ, выбранныхъ совѣтомъ Университета Св. Владиміра и педагогическими совѣтами кіевскихъ гимназій (каждымъ по два лица).—Прочія высшія и среднія заведенія, принимавшія участіе въ пожертвованіи, имѣютъ право присылать, въ назначенный срокъ, въ эту коммиссію, выбранныхъ ими лицъ, въ такомъ же числѣ.

Коммиссія избираетъ одного, или двухъ рецензентовъ, которые пишутъ подробные разборы присланныхъ сочиненій, съ своимъ о нихъ заключеніемъ.

Рецензіи эти служатъ коммиссіи основаніемъ, для присужденія преміи.—Отчетъ коммиссіи и рецензія удостоеннаго преміи сочиненія печатаются въ повременныхъ изданіяхъ.—Распоряженія о времени и

порядкѣ собиранія коммиссіи возлагаются на ректора университета. Рецензентамъ выдается премія за разборъ, въ 200 руб. каждому.

За сочиненіе, которое будетъ признано вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ этой программы, назначается премія въ количествѣ всей суммы, собранной по подпискѣ и увеличенной процентами, за вычетомъ преміи рецензентамъ.

Авторъ сочиненія, признаннаго достойнымъ преміи, обязанъ напечатать его въ теченіи 2-хъ лѣтъ. — Если, по истеченіи означеннаго срока, сочиненіе не будетъ напечатано авторомъ, то университетъ печатаетъ оное самъ, и вычитаетъ изъ преміи издержки по изданію. — Напечатанное сочиненіе составляетъ собственность автора.

Такъ какъ деньги продолжаютъ доселѣ поступать, то печатный отчетъ о томъ, сколько и отъ куда поступило, необходимо отложить на время, тѣмъ болѣе, что еще нѣтъ всѣхъ данныхъ, для составленія именнаго списка жертвователей. — Отчетъ этотъ незаставитъ себя долго ждать и послужитъ удостовѣреніемъ, что пожертвованія получены, и что, по полученіи надлежащаго разрѣшенія, они будутъ употреблены по назначенію.

При семъ я покорнѣйше прошу васъ м. г. подѣлиться съ читателями вашего журнала извѣстіемъ о томъ, что вскорѣ поступитъ въ продажу Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова за 1858 — 1861 годы, съ портретомъ автора гравированнымъ на стали. Книга эта содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Чего мы желаемъ? 2) О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій. 3) Школа и жизнь. 4) О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ. 5) Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній. 6) Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 7) Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій. 8) Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній. 9) Взгляды на общій уставъ нашихъ университетовъ. 10) Рѣчи, сказанныя Н. И. Пироговымъ — при прощаніи его съ кіевскимъ учебнымъ округомъ, со студентами Университета Св. Владиміра, съ г. Кіевомъ, и при посѣщеніи имъ еврейскаго училища въ Бердичевѣ.

Коммиссію по продажѣ означенной книги принялъ на себя книгопродавецъ Іосифъ Завадскій. Цѣна книги съ пересылкою 1 р. 50 к.— Выручка, за покрытіемъ расходовъ на печатаніе, предназначается, по желанію Н. И. Пирогова, въ пользу студентской библіотеки.

Покорнѣйше прошу васъ, м, г., принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Н. БУНГЕ.

(Письмо къ редактору «Кіевскаго Телеграфа.«)

СВѢДѢНІЕ О ЧИСЛѢ ПРОДАННЫХЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЙ НА УКРАИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Полтавскій корреспондентъ, завѣдывающій продажею дешевыхъ (отъ 3 до 15 коп. за экземпляръ) изданій на Украинскомъ языкѣ, сообщаетъ «Основѣ», что въ слѣдующихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, съ января по октябрь 1861 года, продано:

1)	Въ Хоролѣ	2,478	экземпляровъ.
2)	— Зеньковѣ	1,955	—
3)	— Миргородѣ.	800	—
4)	— Гадячѣ	966	—
5)	— Золотиношѣ	884	—
6)	— Прилукахъ	322	—
7)	— Кременгугѣ	353	—
8)	— Херсонѣ	220	—
9)	— Умань (Кіевской губ.) . .	191	—
10)	— Новомосковскъ (Екатерин. г.)	177	—
11)	— Лукны	206	—
12)	— Пирятинѣ	161	—
13)	— Константиноградъ. . . .	61	—
14)	— Валкахъ (Харьковской губ.) .	100	—
15)	— Ромнѣ	27	—
16)	— Полтавѣ	1,972	—
17)	м. Сарочинцахъ (Миргородск. у.)	770	—
18)	— Решетиловкѣ	91	—
19)	— Опишнѣ.	84	—
20)	— Кивалёвкѣ (Зеньк. уѣзда). .	80	—

21)	— Санжарахъ	54	—
22)	— Шишакѣ (Миргор. уѣзда) .	53	—
23)	с. Чутовѣ	70	—
24)	— Васильевкѣ (Полтавск. уѣзда)	70	—
25)	— Нижніхъ Млинахъ (Полт. у.)	63	—

Всего продано 12,195 экземпляровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

П. А. Кулишъ приступилъ къ изданію *драматическихъ сочиненій Григорія Квитки* (*Основьяненка*). Извѣстно каждому, что въ свое время провинціальные театры наши всего болѣе заняты были представленіемъ комедій и оперъ Квитки. Поэтому, независимо отъ степени таланта автора, онѣ имѣютъ для насъ значеніе и въ исторіи нашей общественной жизни. Многія изъ драматическихъ сочиненій Квитки составляютъ библіографическую рѣдкость. Слѣдовало бы также издать и всѣ сочиненія Котляревскаго, перваго самостоятельнаго двигателя словесности, которая въ наше время признана не одними Украинцами достойною внимательнаго изученія.

Вышелъ второй томъ *Литовской церковной Уніи*, Н. Кояловича. Ожидаемъ продолженія этого замѣчательнаго труда, снабженнаго множествомъ выписокъ изъ разныхъ малоизвѣстныхъ книгъ и рукописей (*).

Въ Одессѣ, изданъ *Полонезъ на смерть Т. Гр. Шевченка*, съ его портретомъ (впрочемъ — довольно-грубымъ, напоминающимъ поэта только одеждою). Полонезъ сочиненъ *В. Н. Пащенкомъ* (учи-

(*) Ц. 1-го тома 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Ц. 2-го тома 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

телемъ музыки въ Одессѣ) и продается въ музыкальномъ магазинѣ Нейгеборна по 1 р., съ пересылкою. Извѣстный знатокъ музыки, П. П. Сокальскій, хвалитъ полонезъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*.

Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, выставленъ *черновой снимокъ съ маски, слѣпленной съ Т. Гр. Шевченка*, г. художникомъ Каменскимъ. Желающіе пріобрѣсть подобную маску изъ гипса могутъ записаться, оставивъ въ магазинѣ 3 рубля, съ тѣмъ, что когда число желающихъ будетъ равняться *двадцати*, то маска изъ гипса будетъ выдана подписчику за 3 р.; въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ обращаться съ заказомъ къ самому художнику, а деньги изъ магазина будутъ выданы обратно. —Художникъ Каменскій весною уѣдетъ изъ Петербурга, и потому совѣтуемъ воспользоваться его трудомъ немедленно.

Возраженіе на нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя въ статьѣ *Національная Безтактность* и во 2-мъ № *Дня*, найдено полезнымъ до-времени отложить. Полагаемъ, что читатели *Дня* (если не самъ Ив. С. Аксаковъ и не Вл. Ив. Ламанскій), внимательно прочтя одну эту книжку *Основы*, усомнятся въ справедливости прежде-временнаго прорицанія названныхъ нами двухъ писателей насчетъ дальнѣйшаго развитія украинской словесности. Не развивается только та словесность, которая не проникнута живою идеей, которая проповѣдуетъ идеи ложныя, или возбуждается къ движенію искуственно-сочиненной теоріей, не имѣющей связи съ дѣйствительными, жизненными общественными началами. Если бы наша народная словесность была въ *такомъ* положеніи, то мы сами пожелали бы ей—скорѣе оправдать московскихъ пророковъ; но пока этого не случилось,—мы будемъ попрежнему любить родное слово, нисколько не сомнѣваясь, что путь, по которому идетъ оно, и прямѣе и яснѣе того, что́ думаетъ освѣщать для насъ (и для Галичанъ) *День* съ высоты своего наставническаго величія.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

VII.

№ XVII и XVIII изображаютъ *дівчину Полтавской губ.* въ праздничномъ нарядѣ; гравированы мною съ рисунка И. И. Соколова. —

№ XIX изображаетъ нѣсколько предметовъ, въ которыхъ отразился народный вкусъ. Въ статьѣ, помѣщенной мною въ X книжкѣ *Основы*, я сказалъ нѣсколько словъ о народной архитектурѣ.—Планъ жилья является изъ потребностей жизни, изъ плана выходитъ наружный видъ. Въ наружныхъ украшеніяхъ и убранствѣ вкусъ проявляется наиболѣе. Утварь, когда въ ней есть украшенія, точно также, какъ и разныя части зданія, составляетъ лучшій матеріалъ для изученія народнаго вкуса; и потому подобнаго рода предметы слѣдуетъ каждому изъ насъ собирать и обнародывать. Только этимъ путемъ, мы можемъ разъяснить себѣ вкусъ народа.—Я удерживаюсь пока отъ выводовъ и критики и буду доставлять лишь матеріалъ въ сыромъ видѣ, какимъ онъ былъ добытъ мною, или сотрудниками, съ натуры. Пусть каждый дѣлаетъ свои замѣчанія, я–же съ своей стороны прошу сообщать мнѣ эти замѣчанія и, если кто можетъ, пополнять мое собраніе рисунками или вещами. Жители деревень, хуторовъ, селъ, мѣстечекъ, провинціальныхъ городовъ имѣютъ гораздо болѣе возможности собирать и изучать предметы подобнаго рода; но къ сожалѣнію, почти всѣ оставляютъ ихъ въ пренебреженіи, полагая, что это не стóитъ вниманія; а между тѣмъ рушатся старинныя строенія, точитъ червь старинную утварь и мебель, гніетъ прадѣдовское шитье, и вскорѣ мы почти будемъ лишены возможности изучить вкусъ нашихъ предковъ. Надо спѣшить собирать малѣйшіе и, повидимому, неважные остатки нашей старины; все пойдетъ въ пользу и на дѣло: отъ старосвѣтскаго ключа, грубой кузнечной работы, до изящной колúски или затѣйливой ложки.

Представляемые мною образчики (№ XIX) послужатъ указаніемъ для тѣхъ, кто желаетъ собирать, что, при подобнаго рода изученіи, все важно и нѣтъ бездѣлицъ.

1. Изображаетъ *колиску*, снятую съ натуры въ *Херсонской губ.*, въ хатѣ селянина.

2.—Старинная монастырская ложка; она представлена здѣсь почти въ два раза менѣе своей подлинной величины. Рисунокъ доставленъ П. А. Кулишемъ.—Она—деревянная и раскрашена масляными красками.

3. — Деревянная солонка, снятая съ натуры въ хатѣ у козака *Полтавской губ. въ селѣ Фадѣевкѣ*. Длина ея—*три* вершка.

4. —Изображаетъ верхній брусъ на воротахъ; узоръ повторяется всего три раза во всю длину бруса, а между тѣмъ ворота высоки и широки, такъ–что обозъ въѣзжаетъ въ нихъ свободно. — Эти ворота сняты мною въ селѣ *Красный–Рогъ, Черниговской губ. Мглинскаго уѣзда.*

5.—Старосвѣтскій ключъ. Онъ изображенъ въ $5^1/_2$ разъ меньше своей натуральной величины, снятъ въ хуторѣ *Зарогъ, Полтавской губ, Лубенскаго уѣзда.*

Л. Ж.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ *Вигдвщина*, на стр. 1, въ строкѣ 3, вмѣсто *старшйхъ*, слѣдуетъ читать *старшйнъ*.

Въ поэмѣ *Настуся*, на стр. 1, стихъ 1-й, слѣдуетъ читать:

Якъ зустрились ми съ тобóю.

На стр. 13, стихъ 22-й слѣдуетъ читать:

Сйлами знемíгся.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

„КІЕВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ВЪ 1862 ГОДУ.

Объявляя объ изданіи «КІЕВСКАГО ТЕЛЕГРАФА» въ 1862 году и вступая въ четвертый годъ своего существованія, редакція не намѣрена завлекать своихъ подписчиковъ слишкомъ заманчивыми и блестящими обѣщаніями. Аккуратно выпуская два раза въ недѣлю нумера и исполняя свои обѣщанія, редакція имѣла уже случай высказаться передъ публикой касательно цѣли и направленія этого изданія. Читатели «Кіевскаго Телеграфа» могли убѣдиться, что редакція постоянно старалась объ улучшеніи своего изданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ о скорѣйшемъ сообщеніи всѣхъ новостей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Читатели могли замѣтить, что многія извѣстія они находили даже скорѣе въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», чѣмъ въ столичныхъ изданіяхъ, получаемыхъ здѣсь довольно поздно. Мѣстный отдѣлъ, по интересу извѣстій, почти цѣликомъ былъ перепечатываемъ многими столичными повременными изданіями, что конечно служитъ лучшимъ доказательствомъ его важности и общезанимательности. Имѣя своихъ постоянныхъ корреспондентовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заграницей, а также и во многихъ городахъ Россіи, газета наша не была лишена

также корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, чѣмъ знакомила читателя съ разными новостями общественной жизни, промышленности и т. п. Многія новѣйшія открытія, усовершенствованія, работы на желѣзныхъ дорогахъ, устройства школъ и т. п., все это сообщалось своевременно.

Сверхъ того, редакція, по мѣрѣ своихъ средствъ, получала изъ Петербурга, особенно важныя телеграфическія депеши, заимствуя ихъ своевременно изъ того же источника, изъ котораго заимствуютъ и другія повременныя изданія въ Россіи.

По Высочайше утвержденной въ 1859 и дополненной (въ 1861 году) программѣ, изданіе это заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ, въ которыхъ сообщаются правительственныя распоряженія и разныя другія свѣдѣнія, относящіяся преимущественно до здѣшняго края или имѣющія общій интересъ. Съ будущаго года, редакція намѣрена въ этомъ отдѣлѣ печатать производства, назначенія и награды гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ, служащихъ въ юго-западномъ краѣ Россіи.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ, гдѣ сообщаются политическія извѣстія о разныхъ событіяхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Кромѣ того, въ этотъ же отдѣлъ поступятъ торговыя извѣстія изъ Галиціи, Австріи и другихъ мѣстъ, съ коими граничитъ юго-западный край Россіи. Отдѣлъ политическій въ будущемъ году мы намѣрены значительно разширить, для исполненія каковой цѣли часто будутъ выходить нумера въ полтора и два листа.

III. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ МѢСТЪ, особенно изъ городовъ и другихъ пунктовъ западнаго края, о замѣчательныхъ событіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, о ходѣ промышленности, торговли, земледѣліи, урожаяхъ и т. п.

IV. ЛИТЕРАТУРА, куда будутъ входить небольшія повѣсти, разсказы, и вообще беллетрическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ переводныя, также историческія описанія, путешествія, мемуары, біографіи и т. п. все, что по мѣрѣ возможности примѣнительно къ здѣшнему краю.

V. ФЕЛЬЕТОНЪ, или новости общественной жизни, литературы, театра, музыки, разборы выходящихъ въ здѣшнемъ краѣ книгъ и разныя другія статьи, преимущественно легкаго содержанія.

VI. ОБЪЯВЛЕНІЯ всякаго рода, о продажѣ, покупкѣ, зрѣлищахъ, увеселеніяхъ, выходѣ новыхъ книгъ, о пріѣзжающихъ въ Кіевъ

и выѣзжающихъ, метеорологическія наблюденія, вексельные и денежные курсы и проч. и проч.

VII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ КІЕВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ будутъ выдаваться въ видѣ особыхъ прибавленій одинъ разъ въ мѣсяцъ, каждое отъ одного до двухъ листовъ in 4°, такъ что къ концу года изъ этихъ прибавленій составится большой томъ литературнаго содержанія, съ особымъ оглавленіемъ, заглавнымъ листомъ и оберткою. Сюда войдутъ какъ переводные такъ и оригинальные повѣсти, разсказы, стихотворенія, сцены, комедіи, историко-статистическія описанія замѣчательныхъ мѣстностей здѣшняго края, статьи научнаго содержанія и т. п. Вообще редакція обратитъ особое вниманіе на эти прибавленія и постарается сдѣлать ихъ повозможности интересными для читателей.

Особенно важныя ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ДЕПЕШИ, редакція также какъ и въ настоящемъ году, будетъ получать изъ Петербурга.

Во время Крещенской ярмарки (контрактовъ), для городскихъ подписчиковъ будутъ выдаваться ежедневно съ 20 января по 3 февраля ЯРМАРОЧНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, съ ежедневнымъ извѣщеніемъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ Кіева.

Всѣ постановленія Кіевскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, точно также какъ и въ этомъ году будутъ выдаваться подписчикамъ въ видѣ особыхъ приложеній, чѣмъ мы надѣемся оказать услугу всѣмъ помѣщикамъ, Мировымъ Посредникамъ и другимъ служащимъ лицамъ.

Всѣмъ подписчикамъ городскимъ и иногороднымъ въ теченіи года редакція обѣщаетъ разослать *два литографированныхъ и шесть тѣсанныхъ на деревѣ рисунковъ* изображающіе наиболѣе достопримѣчательные виды, памятники и сцены изъ юго-западнаго края Россіи. (*).

Задавая себѣ такую программу, редакція получила согласіе отъ нѣкоторыхъ ученыхъ и литераторовъ, которые и до сихъ поръ не оставляли ее своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, участвовать своими трудами въ ея изданіи и въ будущемъ году. Здѣсь могли-бы мы представить цѣлый рядъ сотрудниковъ, обѣщавшихъ намъ свое содѣй-

(*) Обѣщанныя подписчикамъ рисунки, въ этомъ году, непремѣнно будутъ разосланы не позже первыхъ чиселъ ноября мѣсяца.

ствіе, но за лучшее считаемъ выставить русскую пословицу: »что дѣло само за себя скажетъ,« и подписчики убѣдятся, что редакція, какъ и въ этомъ году, сдѣлаетъ больше нежели обѣщаетъ.

Редакція искренно благодаря своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше проситъ и въ будущемъ году сообщать ей обо всемъ, что можетъ быть интересно для читателей.

Въ 1862 году »Кіевскій Телеграфъ« будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по Четвергамъ и Воскресеньямъ, и будетъ содержать въ каждомъ нумерѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ большаго формата.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годовое изданіе, въ Кіевѣ безъ доставки 7 руб. съ доставкой на домъ 8 руб. 50 к., съ пересылкою во всѣ города россійской Имперіи 9 руб. Желающіе подписаться на полугодовое изданіе платятъ съ доставкой на домъ и пересылкой 5 руб. безъ пересылки и доставки 4 руб. сер.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ, Н. Г. *Овсянникова*, въ гостинномъ дворѣ: въ Москвѣ—у *Щепкина*, въ Варшавѣ у книгопродавца *Истомина;* въ Одессѣ—у книгопродавца *Бѣлаго;* въ Казани—у М. Я. *Мясникова;* въ Житомирѣ—у *Будкевича;* въ Каменцѣ-Подольскомъ—въ музыкальномъ магазинѣ А *Коципинскаго*. Сверхъ того, подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Кромѣ означенныхъ мѣстъ, какъ жители Кіева, такъ и иногородные благоволятъ адресоваться непосредственно: *»Въ Редакцію газеты »Кіевскій Телеграфъ,« въ Кіевѣ у ограды Михайловскаго монастыря въ домѣ Шараго.«* Сюда же должны быть адресованы статьи, (*) письма и объявленія для помѣщенія въ Кіевскомъ Телеграфѣ. Желая облегчить городскихъ жителей, редакція, для подписки а также и пріема частныхъ объявленій для помѣщенія въ Кіевскомъ

(*) По существующимъ постановленіямъ, редакціи всегда должны быть извѣстны фамилія и мѣсто жительства автора статьи, хотя бы статья и являлась, по желанію автора, въ печати безъ подписи, о чемъ редакція считаетъ не лишнимъ еще разъ извѣстить здѣсь своихъ сотрудниковъ. Статьи не извѣстныхъ авторовъ напечатаны быть не могутъ.

Телеграфѣ, открываетъ контору при книжномъ магазинѣ *Барщевскаго на Крещатикѣ.*

Редакція ручается за своевременную и аккуратную высылку газеты только тѣмъ изъ подписчиковъ, кои подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ. При этомъ редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ означать свои имена и адресы четко и правильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она покорнѣйше проситъ о заблаговременной подпискѣ, ибо можетъ оказаться недостатокъ въ первыхъ номерахъ и запоздалые подписчики получать газету съ того №, къ которому поступятъ ихъ требованія. Газета сдается на почту постоянно въ день выхода и отправляется съ первою отходящею почтою въ наглухо-заклеенныхъ конвертахъ съ печатнымъ адресомъ.

Кромѣ всѣхъ обѣщанныхъ приложеній годовымъ подписчикамъ, предлагается къ выбору, *безплатно* одна изъ трехъ премій:

1.) *Сборникъ* литературныхъ статей, изданный редакціей въ 1860 году. Содержаніе его слѣдующее: Анюта, разсказъ І. Корженевскаго.—Десять стихотвореній изъ Гейне.–Отставный солдатъ-разсказъ.—Жиденокъ, повѣсть въ стихахъ.—Наполеоновскія идеи.—Васильковъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ.—Три литографированныя вида Кіева.

2.) *Западня*, сцены изъ уѣздной жизни въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Денисоза.—Три литографированныхъ вида Кіева.

3.) *Портретъ Н. И. Пирогова*, большаго формата, литографированный, на китайской бумагѣ и три картины изъ альбома памятниковъ и видовъ Подольской и Волынской губерніи. На пересылку этихъ премій сверхъ подписной суммы прилагается за фунтъ.

Сверхъ того всѣ годовые подписчики, коихъ требованія поступятъ во редакцію не позже 1 января 1862 года, получаютъ въ видѣ преміи *безплатно* »*Гетманъ Петръ Дорошенко*« (1665—1676 г.) соч. М. Ал—ча и Ис. Мандрыки). Съ литографированнымъ портретомъ П. Дорошенко. *Редакторъ и издатель А. фонъ-Юнкъ.*

Редакція приступила къ изданію слѣдующаго сочиненія, содержащаго въ себѣ до 250 страницъ убористой печати на превосходной бѣлой бумагѣ.

ГЕТМАНЪ
ПЕТРО ДОРОШЕНКО.

(1665—1676)

(СЪ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ П. ДОРОШЕНКО).

Сочин. М. Ал—ча и Ис. Мандрыки.

Содержаніе:

ГЛАВА I.

Присоединеніе Украины къ Московскому государству. Переяславскій договоръ. Смерть Хмѣльницкаго. Избраніе Юрія. Выговскій. Возстаніе Пушкаря. Битва подъ Полтавою. Гадячскій договоръ. Конотопская битва. Удаленіе Выговскаго. Вторичное избраніе Юрія. Измѣна его. Междоусобіе. Черная рада. Избраніе Бруховецкаго и Тетери. Походъ Яна Казиміра. Казнь Выговскаго. Отъѣздъ Тетери въ Польшу. Дорошенко его преемникъ.

ГЛАВА II.

Происхожденіе Дорошенка. Походъ Михаила Дорошенка въ Крымъ. Петръ. Дорошенко-конюшій Хмельницкаго. Служба ето въ войскѣ козацкомъ. Дѣла подъ Сребнымъ и Хмельникомъ. Избраніе его въ Гетманы. Гибель Опары Поѣздка Брюховецкаго въ Москву. Статьи московскія. Возвращеніе Бруховецкаго изъ Москвы. Взятіе Брацлава. Бунтъ въ Переяславлѣ. Вступленіе Маховскаго въ Украину. Сраженіе подъ Брайловымъ.

ГЛАВА III.

Андрусовскій договоръ. Изгнаніе Косогова. Смерть Ладыженскаго. Осада Подгайцевъ Дорошенкомъ и Татарами. Подгаецкій договоръ, мирныя условія. Сношенія Московскаго двора съ Дорошенкомъ. Предательства Бруховецкаго. Вражда его съ Мефодіемъ. Примиреніе. Слѣдствія Андрусовскаго договора. Волненіе въ Украинѣ. Возмущеніе Бруховецкаго. Гибель Воеводъ. Походъ Дорошенко къ Опашному. Смерть Бруховецкаго. Участь Мефодія.

ГЛАВА IV.

Затруднительное положеніе Дорошенка. Удаленіе Ромодановскаго. Возвращеніе Дорошенко въ Чигиринъ. Суховый Гетманъ Запорожскій. Набѣгъ его. на Восточную Украину. Избраніе Многогрѣшнаго въ Гетманы. Глуховскія статьи. Сношенія Дорошенка съ Султаномъ. Суховый и Ханенко разоряютъ Западную Украину. Дѣйствіе Корецкаго въ Восточной Украинѣ. Сраженіе подъ Рогинцами и Новой-греблей. Новыя нападенія Суховія и Хананко на Западную Украину. Сѣрко спасаетъ Дорошенка въ Стеблевѣ.

ГЛАВА V.

Отреченіе Яна Казиміра. Избраніе короля. Михаилъ Корибутъ Вишневецкій Новый сеймъ въ Андрусовѣ. Послы Дорошенка въ Варшавѣ. Условія предлагаемыя имъ. Острожская коммиссія. Избраніе Ханенка въ Гетманы. Новое посольство Дорошенка въ Константинополь. Письмо Дорошенка и задніѣпровскихъ полковниковъ въ Сѣчь. Кіяшко грабитъ Лубенщину. Проклятіе на Многогрѣшнаго. Бунтъ Разина. Начало войны съ Поляками. Осада Умани, Кальника и Брацлава. Польскія войска на зимнихъ квартирахъ въ Украинѣ. Каштелянъ Лужецкій.

ГЛАВА VI.

Безпечность Поляковъ. Четвергоновская битва. Вступленіе султана въ Подолье. Взятіе Каменца. Осада Львова. Бугарскій договръ. Уманцы признаютъ власть Дорошенка. Кошевой Вдовиченко. Паденіе Многогрѣшнаго. Избраніе Самойловича. Конотопскія статьи. Возсганіе Умани. Убійство Пиза. Ханенко оставляетъ польскую службу. Сѣрко въ Крыму. Мазепа. Хотинская битва. Смерть короля.

ГЛАВА VII И ПОСЛѢДНЯЯ.

Походъ Самойловича и Романдановскаго за Днѣпръ. Осада Чигирина Взятіе турками Ладижина, Умани и Лысянки. Неудачное нападеніе на Сѣчь. Король въ Украинѣ. Взятіе Паволочи. Заговоръ противъ Дорошенка. Примиреніе его съ Сѣркомъ. Вторичная осада Чигирина. Паденіе Дорошенка. Удаленіе его изъ Сосницы въ Москву. Великодушіе царя. Пребываніе Дорошенка въ Ярополчѣ. Смерть его.

Изданіе поступитъ въ продажу, не позже 15 января 1862 года, и будетъ продаваться »въ редакціи Телеграфа« по 2 руб. сереб. Иногородные прилагаютъ на пересылку за 3 фунта.

НАРОДНАЯ БЕСѢДА,
ВѢСТНИКЪ ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ,

будетъ издаваться съ 1 января 1862 года по слѣдующей программѣ:

I. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Объясненіе Положеній объ устройствѣ крестьянскаго быта. Узаконенія.

II. СЛОВЕСНОСТЬ. Повѣсти, разсказы, пѣсни, стихотворенія.

III. НАУКИ. Естествознаніе, хозяйство, землеописаніе, ремесла, искусства и проч.

IV, СМѢСЬ. Открытія, изобрѣтенія, случаи, разныя извѣстія — вообще мелкія статьи.

Рисунки и чертежи къ статьямъ, по мѣрѣ надобности.

Шесть книжекъ въ годъ, по 10 печатныхъ листовъ каждая. Годовая цѣна 2 руб. сер. съ пересылкою во всѣ почтовыя конторы. За доставку на домъ, прилагается 30 коп. сер.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ СЕНЬКОВСКАГО и КОМП., въ Большой Морской, д. № 20, и у другихъ книгопродавцевъ.

Журналъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова — есть потребность развитаго общества; а для класса людей, большинство которыхъ малограмотно и притомъ небогато матеріальными средствами, насущную потребность составляетъ — дешевая учебная книга. — Но изданіе дешевыхъ книгъ у насъ еще плохо вознаграждаетъ трудъ издателя, — оно часто даже не окупается.

Чтобы помирить обоюдныя потребности—издателя и читателей, — мы рѣшились издавать журналъ, большая часть общепонятныхъ статей котораго составила бы послѣдовательно начальныя (элементарныя) руководства или учебники по разнымъ отраслямъ знаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ дастъ грамотнымъ людямъ всѣхъ состояній и возрастовъ пріятное и полезное чтеніе.

Изданіе этого журнала вызвано нѣкоторыми изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, — людьми, дѣятельно участвующими въ общемъ дѣлѣ образованія народа. Ихъ содѣйствіе поможетъ Редакціи твердо держаться принятой цѣли, хотя и трудной, но возможной къ достиженію.

I и III Отдѣлы будутъ содержать въ себѣ тѣ статьи, изъ которыхъ мы намѣрены составить систематическія руководства къ изученію: отечественныхъ законовъ, исторіи, землеописанія, естественныхъ наукъ, хозяйства и проч.

Во II Отдѣлѣ: разныя художественныя произведенія словесности, равно приличныя для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ состояній. Признавая необходимымъ только одно—общечеловѣчное развитіе и воспитаніе, одинаково нужное для всѣхъ сословій, мы постараемся избѣгать всякой односторонности, и неисключимъ никакой формы и никакого содержанія произведенія, лишь бы цѣль его была нравственна, и исполненіе художественно.

Въ IV Отдѣлъ войдутъ, между прочимъ, слѣдующія постоянныя рубрики:

1 Воскресныя и другія народныя школы. Для этого Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ школъ, не отказать въ сообщеніи свѣдѣній о воскресныхъ и другихъ школахъ. Главное содержаніе этихъ свѣдѣній: губернія, уѣздъ, городъ, село или деревня, гдѣ существуетъ школа. Время и способы учрежденія ея. Число учащихся, полъ, возрастъ, вѣроисповѣданіе, званіе, и родъ занятій ихъ. Число обучающихъ, полъ и сословіе ихъ. Предметы обученія. Средства школы.

2. Переписка. Редакція обязуется отвѣчать на всѣ основательные вопросы, касающіеся народнаго образованія и школъ, и помѣщать замѣтки и письма о народномъ бытѣ вообще.

3. Книги. Указаніе книгъ, предназначенныхъ для народа, и краткій разборъ ихъ.

Каждый отдѣлъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, будетъ имѣть свою нумерацію страницъ, и для большаго удобства употребленія въ школахъ, можетъ брошироваться отдѣльно.

Статьи и письма — на имя Редактора надписываются: АЛЕКСАНРУ ѲОМИЧУ ПОГОСКОМУ — въ Редакцію НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербугръ.

Вознагражденіе сотрудникамъ за напечатанныя статьи назначается такое же, какъ въ лучшихъ нашихъ журналахъ.

Редакторъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ издаетъ съ 1858 г. СОЛДАТСКУЮ БЕСѢДУ; такъ какъ нравственныя и умственныя потребности войска и народа въ сущности одни и тѣ же, то отнынѣ послѣдній журналъ приметъ размѣры и содержаніе НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, съ необходимыми военно-спеціальными пополненіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что общество, сочувствующее нуждамъ народа, найдетъ средства помочь ему—съ достоинствомъ воспользоваться тѣмъ высокимъ правомъ свободы, которое, только при извѣстной степени образованности народа, будетъ уже не мертвой буквой закона, а живымъ источникомъ общаго благосостоянія. Для этой цѣли Редакція имѣетъ честь предложить и свои услуги—и прежде всего обращается къ тѣмъ, кто, кромѣ матеріальныхъ средствъ, имѣетъ желаніе, а слѣдовательно и сознаніе обязанности—помогать несамостоятельности народа въ дѣлѣ его образованія.

Редакторъ *А. Погоскій.*

ВСѢМЪ ГРАМОТНЫМЪ.

...«И кто приметъ таковое дитя во Имя Мое—тотъ Меня приметъ...»
Еванг. отъ Матѳея Гл. XVIII.

Порѣшонное дѣло—что грамотность необходима всѣмъ и каждому: теперь, когда всѣмъ дано человѣческое право свободы, мы видимъ, какъ дорого поплачиваются темные люди за свое непонятіе,—за свою безграмотность. Пришла пора каждому твердо знать свое ПРАВО и свою ОБЯЗАННОСТЬ, а этого неузнать, съ чужихъ словъ, по наслышкѣ: умѣй самъ прочесть и понять то, что̀ о тебѣ и для тебя написано.

Съ новымъ правомъ свободы—всѣ обязанности, все хозяйство и весь бытъ человѣка совсѣмъ измѣняются: все должно улучшаться и вестись разумнѣе. Нетолько-что поле хозяина будетъ иначе обрабатываться, животина не по прежнему содержаться, домъ и усадьба перемѣнятъ свой видъ убогой,—но и вся семья его будетъ иначе жить и воспитываться.

Какъ именно обработывать поле и держать хозяйство, какъ обращаться съ домашними животными, какъ устроить свой домъ, и наконецъ какъ вести и воспитывать семью свою—все это надо узнать, всему выучиться.

Пусть мы, пол-вѣка отжившіе, кой-какъ проживемъ до могилы: старому человѣку трудно учиться. Но дѣтямъ нашимъ—вся жизнь впереди: въ невѣжествѣ остаться имъ нельзя. Они—настоящіе, прирожденные вольные люди: имъ надо жить на свѣтѣ не кое-какъ, не по нашему, а по правилу твердому и разумному. Для этого имъ нужна наука; а начало всякой науки—грамота, научающая правильному и твердому разумѣнію слова.

Трудное дѣло, кажется, мильоны дѣтей грамотѣ выучить: но дѣло это только *кажется* труднымъ, а съ Божіею помощію оно легко и просто.

Искусный садовникъ въ одну осень прищепитъ и привьетъ плодъ къ цѣлому саду дичекъ—и на слѣдующіе годы всѣ эти деревца безплодныя дадутъ плодъ. Невеликъ трудъ садовника въ дѣлѣ этомъ, но велика и безконечна польза труда его: дикое дерево навсегда стало плодоноснымъ и пѣтъ числа плодамъ, которые народитъ оно.

Дѣти наши—тотъ же садъ дичекъ безплодныхъ; а садовникъ имъ—всякій грамотный. Потрудись немножко надъ ребенкомъ, привей къ нему науку первоначальную—и малый трудъ твой, съ Божіею помощію, принесетъ великіе полезные плоды. И это есть священная обязанность каждаго грамотнаго, науку или ремесло знающаго: передвай свое знаніе незнающимъ, распространяй его кругомъ себя.

Знахари и чародѣи, волшебствующіе во имя разныхъ темныхъ силъ—умираютъ, не открывая своего мнимаго знанія никому, ни даже дѣтямъ своимъ. Это потому, что открывать-то имъ нечего: все знаніе ихъ есть ничто иное, какъ наглая ложь и обманъ; въ предсмертный часъ совѣсть претитъ имъ губить души дѣтей своихъ передачей имъ такого лживаго знанія.

Но тотъ, кому дано истинное знаніе, дана наука—и если онъ незахотѣлъ бы передать науки этой дѣтямъ, тотъ поступилъ бы противъ совѣсти своей: онъ зарылъ бы данный ему Богомъ талантъ въ землю — все равно, что укралъ бы его у свѣта.

Нѣкоторые утверждаютъ, что для обученія грамотѣ *всѣхъ* дѣтей —средствъ нѣтъ: то есть—нѣтъ времени и денегъ на то. Но это неправда: если есть примѣры, что люди умираютъ съ голоду, то это не потому, что на свѣтѣ хлѣба мало, а потому что милосердія недостаетъ въ людяхъ, — точно также нелѣпо утверждать, что нѣтъ средствъ на первоначальное ученье дѣтей.

Пятакъ не деньги, коли ты на него чарку пьешь, или пряникъ ѣшь; вольный часъ не время, коли этотъ часъ въ бабки проиграешь, или прогуляешь посвистывая. Но великія деньги—тотъ же пятакъ, если ты на него букварь купишь; дорогое время тотъ часъ, на который ты засядешь за букварь. Вотъ тутъ-то и нуженъ грамотный человѣкъ: укажи—что купить, покажи—какъ сѣсть, научи—съ чего начать; дай ходъ малому ре́енку, или темному человѣку—и дѣло пойдетъ.

И пойдетъ это чистое дѣло точно такъ, какъ идетъ неостанавливаючись чистая вода изъ ключа живаго, никогда неизсякающаго, и постоянно освѣжающаго и напояющаго кругомъ себя все жаждущее. На то Богъ ключь открылъ—всѣ довольствуйся; на то-же и тебѣ дано знаніе—всѣмъ удѣляй его.

Ни жертвы, ни доблести великой, отъ тебя нетребуется,—тутъ и нѣтъ ихъ: пойми, что уча тому, чему самъ наученъ—тебя неубу-

детъ, а ты отдаешъ только долгъ твой; уважь этотъ святой долгъ—и непремѣнно полюбишь тѣхъ, кому выплачиваешь его — полюбишь учениковъ своихъ.

Безмездныя воскресныя школы — образецъ такого ученія; и всюду, гдѣ есть грамотный и естъ дѣти — тамъ, значитъ, все есть, что нужно для такой школы. Священникъ, дворянинъ, солдатъ или крестьянинъ — всѣ равны въ этомъ дѣлѣ: кто грамотенъ — тотъ и учитель.

Для дальнѣйшаго-же обученія разнымъ знаніямъ выучившихся грамотѣ — есть немало книгъ, а между прочими — будетъ издаваться съ 1862 года для народа «НАРОДНАЯ БЕСѢДА» по шести книжекъ въ годъ.

Въ книжкахъ этихъ будутъ объясняться по порядку всѣ правила и познанія, необходимыя каждому вольному трудящемуся человѣку — какъ земледѣльцу, такъ и ремесленнику. Объясненія эти будутъ ведены такъ, чтобы дать точныя свѣдѣнія, нужныя и удобныя для примѣненія къ дѣлу.

Подписка на «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» производится такъ:

«Прошу выслать «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» на 1862 годъ: (*такой-то* губерніи, уѣзда, въ городъ или на станцію, или въ почтовую контору), на имя *такого-то*.—Прилагается 00 рублей, за 00 экземпляровъ».

Надписывать: ВЪ РЕДАКЦІЮ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербургъ.

Все дѣло это будемъ вести по совѣсти, за свое усердіе ручаемся, а успѣхъ — какъ Богъ дасть.

А. Погоскій.

ОБЪ ИЗДАНІИ

въ 1862 году (годъ четвертый)

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

РУССКІЙ МІРЪ

СЪ САТИРИЧЕСКИМЪ ЛИСТКОМЪ

ГУДОКЪ.

Постепенно возраставшее въ теченіе настоящаго года сочувствіе публики къ нашему изданію, убѣждаетъ насъ, что мы успѣли вполнѣ возстановить къ нему общественное довѣріе, начинавшее колебаться до поступленія его въ наши руки. Мы настойчиво стремились къ этой цѣли, потому что довѣріе публики ко всякому изданію есть непремѣнное условіе его успѣха; теперь намъ остается, опираясь на это довѣріе, осуществлять наши дальнѣйшія предположенія относительно улучшенія изданія. Мы приняли за правило вообще не оставаться въ долгу у публики: за всякое проявленіе ея сочувствія, за всякую поддержку нашего дѣла мы постоянно будемъ отвѣчать горячимъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію ея многосторонихъ и разнообразныхъ требованій отъ современнаго періодическаго изданія, имѣющаго, по своей программѣ, соціальное значеніе.

Что касается до характера и направленія нашего журнала, то мы первые сознаемся, что далеко еще не успѣли выполнить нашей задачи въ этомъ отношеніи, до сихъ поръ направленіе нашего журнала обозначалось лишь отрицательно: все, что было напечатано на страницахъ «Русскаго Міра», смѣемъ надѣяться, не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ старовѣрства и обскурантизма или какихъ-либо узкихъ сословныхъ интересовъ. Мы вѣримъ въ одни лишь современныя стремленія, мало-по-малу обнаруживающіяся и въ нашемъ обществѣ; вѣримъ въ одинъ лишь идеи нашей эпохи, уважаемъ не интересы отдѣльныхъ сословій, а интересы цѣлаго народа, и съ этой-то точки зрѣнія смотримъ на всѣ современныя событія у насъ и въ Европѣ, на всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, на всю обста-

новку общественной жизни, и вообще на всю массу дѣлъ, вопросовъ и заботъ, занимающихъ умъ и сердце современнаго человѣка. Насколько будетъ возможно, мы будемъ высказывать наши воззрѣнія, но во всякомъ случаѣ просимъ нашихъ читателей не быть слишкомъ строгими къ намъ во всемъ, что касается выполненія нашей задачи, и вѣримъ, что они въ этомъ отношеніи будутъ къ намъ вполнѣ справедливы.

Поставляя себѣ цѣлью, какъ можно болѣе удовлетворить современнымъ требованіямъ читающей русской публики, мы увеличиваемъ съ будущаго 1862 г. число постоянныхъ рубрикъ нашего журнала, согласно съ утвержденной программой, извѣстной публикѣ изъ прежнихъ нашихъ объявленій, и объ этомъ скажемъ теперь нѣсколько словъ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ: повѣсти, разсказы и стихотворенія, преимущественно оригинальныя и имѣющія соціальное значеніе; также статьи историческія, политическія, экономическія и научныя. Принимая вообще литературу и науку за средство къ развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ обществъ, мы будемъ руководствоваться этимъ взглядомъ и въ выборѣ печатаемыхъ статей. Бѣдность и упадокъ нашей современной литературы, можетъ быть, лишатъ насъ возможности вести этотъ отдѣлъ именно такъ, какъ бы мы желали; но мы ручаемся за одно, что съ нашей стороны употреблены будутъ всѣ средства и усилія, чтобы сдѣлать его интереснымъ. Редакціи журналовъ не могутъ создавать талантовъ, и относительно произведеній изящной и научной литературы болѣе всего поставлены въ зависимость отъ посторонннихъ причинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ будетъ заключать въ себѣ: 1) **Обозрѣнія** текущихъ событій, извѣстія **политическія**, внѣшнія и внутреннія, обозрѣніе **законодательства и администраціи, офиціальныя** извѣстія, передовыя статьи по этимъ предметамъ; **производства** въ чины, **опредѣленія** и **перемѣщенія** по гражданской и военной частямъ, и всякаго рода другія извѣстія, имѣющія какой либо интересъ и значеніе. 2) Сводъ извѣстій и постановленій **по крестьянскому дѣлу,** заимствованныхъ изъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ источниковъ. 3) **КРИТИЧЕСКУЮ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКУЮ** хронику о журналистикѣ и литературѣ, русской и иностранной. 4) **ТЕАТРАЛЬНЫЯ и МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.** 5) **БИР-**

ЖЕВУЮ и АКЦІОНЕРНУЮ хронику. 6) **ФЕЛЬЕТОНЪ,** заключающій въ себѣ городскія, провинціальныя и иностранныя неполитическія извѣстія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, гдѣ, между прочимъ, будетъ **СПРАВОЧНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,** въ которомъ соединены будутъ свѣдѣнія, относящіяся къ ежедневнымъ практическимъ потребностямъ жителей Петербурга, именно: извѣстія о торгахъ, аукціонахъ, собраніяхъ акціонерныхъ обществъ и т. п.; цѣны акцій и другихъ бумагъ на здѣшней биржѣ; курсы: цѣны товаровъ; цѣны на съѣстные припасы; часы отхода почтъ, поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, омнибусовъ, и проч. и **свѣдѣнія объ** отдаваемыхъ въ Петербургѣ **квартирахъ, дачахъ** и другихъ помѣщеніяхъ; свѣдѣнія эти будутъ собираемы отъ Редакціи. *Эта послѣдняя рубрика нашего справочнаго листка* открывается, по желанію многихъ здѣшнихъ домовладѣльцевъ и имѣетъ цѣлью служить посредникомъ между пріискивающими и отдающими квартиры. Въ особенности Справочный Листокъ можетъ быть практически полезенъ для пріѣзжающихъ въ столицу и незнакомыхъ съ условіями здѣшней жизни.

Наконецъ, въ видѣ прибавленія къ »РУССКОМУ МІРУ« будетъ издаваться при немъ съ 1862 года САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ «**ГУДОКЪ**», о составѣ и характерѣ котораго говорится ниже. Подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» получаютъ «**ГУДОКЪ**» безплатно.

Изданіе при «РУССКОМЪ МІРѢ» въ текущемъ 1861 году **музыкальныхъ приложеній** имѣло успѣхъ выше всякихъ ожиданій; болѣе половины подписчиковъ, получившихъ одну газету, абонировались въ теченіе года и на музыкальныя приложенія. Желая и въ этомъ отношеніи удовлетворить потребности публики, мы увеличиваемъ съ 1862 года число музыкальныхъ пьесъ и самый объемъ ихъ: музыкальныя приложенія (всего до **70** пьесъ) въ теченіе года будутъ составлять до **800** страницъ собственно нотъ, на лучшей веленевой бумагѣ. Разсылаемыя подписчикамъ, еженедѣльно, музыкальныя пьесы составятъ въ теченіе года **три** тома, отъ **250** до **300** страницъ каждый, на которые, въ концѣ каждой трети года, высылаемы будутъ изящныя обертки съ оглавленіемъ пьесъ, составляющихъ томъ. Такимъ образомъ для подписчика каждая музыкальная пьеса обойдется съ пересылкою около **6** коп. сер.

Отличительная особенность нашего времени, безспорно, необыкновенное разнообразіе, съ которымъ совершается движеніе событій, законодательства, административныхъ мѣръ и проч., такъ что одно простое сообщеніе извѣстій, касающихся современной общественной и политической жизни, обременяя лишь массой и разнородностью свѣдѣній вниманіе читателя, и удовлетворяя одному лишь минутному любопытству, не можетъ произвести на него того общаго и цѣльнаго впечатлѣнія, которое можетъ быть достигнуто группировкой, обобщеніемъ и уясненіемъ событій, постановленій и административныхъ мѣръ; поэтому мы находимъ, что изданія, выходящія болѣе одного раза въ недѣлю, и, слѣдовательно, неимѣющія ни возможности, ни времени обобщать и объяснять всего того, что печатаютъ на своихъ столбцахъ, не удовлетворяютъ самой насущной и самой важной потребности общества,—именно: яснаго сознанія современнаго положенія дѣлъ; доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что наши ежедневныя газеты не имѣютъ никакой иниціативы для общественнаго мнѣнія, которая вся нераздѣльно принадлежитъ ежемѣсячнымъ журналамъ. Желая содѣйствовать читающей публикѣ въ наиболѣе ясномъ и наглядномъ усвоеніи общаго понятія о текущихъ дѣлахъ, а также и въ слѣдствіе того, что журналы посылаются въ провинціи по тяжелой почтѣ, причемъ, конечно, теряется уже быстрота въ сообщеніи извѣстій,—мы рѣшились съ 1862 г. ограничиться выпускомъ нумеровъ «РУССКАГО МІРА,» вмѣсто двухъ, **только одинъ разъ въ недѣлю**, отъ **4** до **5** печатныхъ листовъ въ каждомъ; всего же, за исключеніемъ пасхальной недѣли, въ которую вовсе не будетъ выпуска, въ годъ выйдетъ **51** нумеръ.

На 1862 годъ предлагаются подписчикамъ, уплатившимъ подписную сумму за цѣлый годъ, по выбору, одна изъ слѣдующихъ **ПРЕМІЙ**: 1) **Первый томъ сочиненій А. Ѳ. Писемскаго,** заключающій въ себѣ: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедію «Ипохондрикъ». 2) **Второй томъ,** заключающій: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «М—г Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедію «Раздѣлъ» и критическую статью «Разборъ сочин. Н. В. Гоголя». 3) **Третій томъ,** заключающій разсказы: «Плотничья артель», «Старая барыня», романъ «Тысяча душъ» съ передѣланной главой во 2–й ча-

сти; драму «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» (*). 4) **Аскольдова могила,** А. Верстовскаго. 5) **Травіата,** Верди. 6) **Севильскій Цирюльникъ,** Россини. 7) **Трубадуръ,** Верди. 8) **Марта,** Флотова. 9) **Фенелла** (Muette de Portici), Обера. 10) **Балъ-Маскарадъ,** Верди. 11) **Арольдо** (Стифеліо). Верди. 12) **Іоанна Гусманъ** (Сицилійскія Вечерни), его же. 13) **Виндзорскія кумушки,** Николаи и 14) **Страделла,** Флотова. (Всѣ означенныя оперы аранжированы для фортепьяно въ 2 руки).

Всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ», получая каждогодно, въ видѣ преміи, одинъ изъ выпусковъ предпринятаго съ 1861 года изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», постепенно могутъ составить безплатно избранную библіотеку изъ сочиненій русскихъ писателей. Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску означеннаго изданія, всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое изданіе «Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ», получать по **1** р. **50** к., а съ пересылкою по **2** р. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе **2** р. **50** к. сер. Предоставляется также право всѣмъ подписчикамъ на «РУССКІЙ МІРЪ» пріобрѣтать музыкальныя изданія Ѳ. Стелловскаго (въ числѣ **4,500** сочиненій) съ уступкою **50**%. Подробный каталогъ онымъ разсылается всѣмъ подписчикамъ безденежно.

Цѣна на **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, безъ музыкальныхъ приложеній:**

На годъ: Безъ доставки . . . . . **6** р.
Съ доставкою на домъ . . . . . **7** —
Съ пересылкою по почтѣ . . . . . **8** —

На **полгода** уплачивается половина этихъ цѣнъ.

На **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, съ Музыкальными приложеніями:**

на годъ: Безъ доставки . . . . . **10** р.
Съ доставкою на домъ. . . . . **11** —
Съ пересылкою по почтѣ. . . . . **12** —

(*) *Первые два тома соч. А. Ѳ. Писемскаго вышли уже въ свѣтъ и поступили въ продажу, а третій томъ выйдетъ въ ноябрѣ сего 1861 года.*

На полгода съ музыкальными приложеніями подписка не принимается, равно какъ не принимается подписка и на одни музыкальныя приложенія безъ журнала **РУССКІЙ МІРЪ.**

Редакція «РУССКАГО МІРА», принимая въ соображеніе матеріальныя средства большинства нашей читающей публики и желая облегчить подписку на годовое изданіе журнала, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, что она допускаетъ разсрочку въ уплатѣ подписной суммы чрезъ гг. казначеевъ по третямъ или по мѣсяцамъ; равнымъ образомъ и лица другихъ сословій могутъ пользоваться правомъ разсрочки, съ тѣмъ, что гг. иногородные должны высылать на пересылку за цѣлый годъ, а подписную сумму уплачивать впередъ, не менѣе какъ за треть года.

ГУДОКЪ,

САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

Будетъ выходить съ **1** *января* **1862** *года еженедѣльно, въ видѣ прибавленія къ «Русскому Міру», по одному печатному листу въ каждый нумеръ, подъ редакціей* **Обличительнаго поэта.**

Характеръ и составъ этого листка мы опредѣлимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Отрицаніе во имя честной идеи, сатира и юморъ, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, преслѣдованіе грубаго и узкаго обскурантизма, произвола и неправды въ нашей русской жизни,—вотъ тѣ начала, которыми будетъ руководствоваться редакція «ГУДКА». Твердое убѣжденіе, оправданное не разъ опытомъ, привело насъ къ смѣлой увѣренности, что полное отрицаніе и осмѣяніе всего пошлаго и темнаго въ нашей общественной жизни приноситъ обществу несомнѣнную пользу. Мы вѣримъ въ смѣхъ и въ сатиру не во имя «искуства для искуства», но во имя жизни и нашего общаго развитія; однимъ словомъ, мы вѣримъ въ смѣхъ, какъ въ гражданскую силу... Помогая общему дѣлу литературы, мы принимаемся за него съ полнымъ уваженіемъ и любовью. Все, что будетъ намъ по силамъ, мы постараемся сдѣлать.

СОСТАВЪ **ГУДКА** БУДЕТЪ СЛѢДУЮЩІЙ:

1) **Небольшіе разсказы, очерки** и **сцены** изъ русской жизни.

2) **Сатирическія** и **юмористическія** стихотворенія.

3) **Вчера** и **Сегодня** — общественная хроника.

4) **Афоризмы, эпиграммы, вопросы, мелкія замѣтки** и пр.

5) **Провинціальная хроника.**

6) **Каррикатуры.**

Открывая при ГУДКѢ отдѣлъ провинціальной корреспонденціи, мы просимъ сообщать намъ факты изъ губернской жизни, не стѣсняясь ни формой статей, ни литературнымъ изложеніемъ.

Желающіе получать ГУДОКЪ **отдѣльно** отъ РУССКАГО МІРА, платятъ за годъ безъ перес. 4 р. с., съ перес. и доставкою на домъ 5 р. с.

Бывшіе подписчики на **ГУДОКЪ** *имѣютъ право получать этотъ листокъ безплатно на полгода, для чего благоволятъ сообщить въ Контору Русскаго Міра настоящіе свои адрессы.*

Подписка принимается: **въ С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «РУССКІЙ МІРЪ», въ музыкальномъ магазинѣ **Ѳ. Стелловскаго,** поставщика Двора Его Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27. Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной. **Въ Москвѣ:** Въ музыкальномъ магазинѣ К. Ленгольда.

Редакторъ **А. ГІЕРОГЛИФОВЪ.**
Издатель **Ѳ. СТЕЛЛОВСКІЙ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Предпринятое съ 1861 г. изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** имѣетъ цѣлью—

совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы, то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца, компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія Сочиненій Русскихъ Авторовъ не будетъ соблюдено хронологической постепенности, а сначала будутъ издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи; въ 1861 г. будетъ издано не менѣе трехъ выпусковъ, а въ послѣдующіе годы число выпусковъ увеличено будетъ до 10 и болѣе въ теченіе года; вслѣдъ за окончаніемъ печатанія сочиненій **А. Ѳ. Писемскаго** будутъ изданы сочиненія русскихъ сатириковъ: Кантеміра, Фонъ-Визина, Грибоѣдова и другихъ.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ, приблизительно, будетъ простираться до 50.

Выходящіе въ 1861 году три выпуска заключаютъ въ себѣ сочиненія **А. Ѳ. Писемскаго**, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ*. (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедія «Ипохондрикъ».

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «Мг. Батмановъ«, «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя».

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной первой главой 2 части; драма «Горькая судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ».

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска **три р.**, на пересылку за два фунта; а по подпискѣ на нижеозначенныхъ условіяхъ.

Каждая изъ помянутыхъ пьесъ издана и отдѣльно въ шестнадцатую долю листа, въ одинъ столбецъ; цѣны публикуются въ «Русскомъ Мірѣ».

НА ИЗДАНІЕ ЭТО ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ **три** руб. за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска **Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія (35—50 листовъ каждый), уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ 2 руб.; въ отдѣльной же продажѣ какждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. Затѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб. безъ уплаты впередъ трехъ рублей,—предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и всѣмъ вообще учебнымъ заведеніямъ; полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ и подписчикамъ на журналъ «РУССКІЙ МІРЪ», которые, получая каждогодно по одному тому изданія **безплатно** и имѣя право пріобрѣтать остальные по выбору, платя только по 1 р. 50 коп. за томъ, могутъ, такимъ образомъ, составить себѣ избранную библіотеку за весьма небольшую сумму, или даже и **безплатно** — изъ получаемыхъ ими въ премію томовъ.

Подписка принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, у О. Стелловскаго.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
и
СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ
въ 1862 году

будутъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, по тѣмъ же программамъ и въ тѣхъ же объемахъ, какъ и въ нынѣшнемъ.

ПРОГРАММА ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.

I. Распоряженія Правительства.
II. Сельское хозяйство.
III. Домашняя медицина и Ветеринарія.
IV. Библіографія.
V. Біографіи хозяевъ и агрономовъ.
VI. Хозяйственная лѣтопись.
VII. Хозяйственныя извѣстія.
VIII. Торговыя извѣстія.
IX. Хозяйственныя замѣтки.
X. Объявленія.

Рисунки будутъ помѣщаемы въ каждомъ нумерѣ.

ПРОГРАММА СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА.

I. Извѣстія о разныхъ постановленіяхъ, касающихся до сельскаго сословія.

II. Статьи по всѣмъ отраслямъ практическаго сельскаго хозяйства.

III. Общепонятно изложенныя статьи по естествознанію.

IV. Разсказы изъ быта поселянъ; — о народныхъ предразсудкахъ, повѣрьяхъ и т. п.

V. Указанія на цѣны сельско-хозяйственны-хъ предметовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, на работы и т. п.

Въ нужныхъ случаяхъ къ статьямъ будутъ прилагаемы рисунки.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА выходитъ *еженедѣльно* въ 4-ю долю листа большаго формата въ 16 страницъ.

СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ выходитъ *два раза въ мѣсяцъ* въ 4-ю долю листа меньшаго формата въ 8 страницъ.

Цѣна годовому изданію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ **три** руб. съ пересылкою и доставкою, а отдѣльно СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА **одинъ** руб. тоже съ пересылкою и доставкою.

Подписка на ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ и отдѣльно на СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ принимается въ конторахъ Редакціи:

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К° на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Иногородные могутъ адресоваться по слѣдующему адресу: *Въ Редакцію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ и СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА въ С. Петербургѣ.*

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ИЗЪ

СРАВНИТЕЛЬНАГО ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ И ЭТНОГРАФІИ,

приспособленныя, для домашняго и школьнаго образованія, (извѣстнымъ) *Вильгельмомъ Пютцомъ*. Часть 1-я, выпускъ 1-й. Переводъ М. Тихоновича. Цѣна (безъ пересылки) 1 р.

NB. Во 2-й томъ войдетъ, между-прочимъ, характеристика: 1) *Галиціи* и *Буковины;* 2) *Венгріи;* 3) *Семиградіи;* 4) *Кроаціи, Славоніи* и *Воеводины Сербской;* и 5) *Военной Границы.*

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 10-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Балува́ть — пировать.
Ба́рва — цвѣтъ, краска.
Ба́рзо-ра́но — очень рано.
Ба́рокъ — валёкъ (въ упряжи).
Бовку́нъ — волъ, запряженный въ одиночку.
Бовть! — междометіе, выражающее плескъ воды.
Бридки́й — скверный, негодный.
Брижі — складки.
Буць! — бухъ!

Вздовшъ — вдоль.
Вій'е́ — дышло въ возахъ, предназначенныхъ для воловъ.
Ви́правити — отправить; проводить кого въ дорогу.
Ви́синовить—исключить изъ семьи; лишить наслѣдства.
Ви́солопити — высунуть языкъ.
Ви́трищити—(очі)—выпучить глаза.
Вщу́хнути—умолкнуть; присмирѣть, утихнуть.
Ви́хлюпати — выплескать.
Влада́ти — владѣть.
Волови́къ—владѣющій многими волами.
Ворье́ — огорожа; дерево, употребляемое на огорожу.
Врубáти — отрубить (часть чего-либо).
Втруча́тись — вмѣшиваться; втиснуться куда.
В(У)ступа́ти — вступать; уступать; сбавлять цѣну.
Вья́теръ — ятерь.

Гарбузіння — тыквянные стеблі.
Годо́ваний — откормленный.
Ги́лі (понесли́ ги́лі) — гиль; чепуха.
Голдува́ти — отдавать почести, — должное.
Голомовзикъ — лысый. Голомо́зина — лысина.
Грасува́ти — разорять, истреблять.
Гужівочка — веревочка.
Гуртови́й — общій, общественный.
Гу́чно — звучно, громко.

Далебі — ей-богу, истинно.
Дзюба́тий—съ большимъ клювомъ, носомъ (о птицахъ).
Ди́бки (парѣчіе) — ходить какъ маленькія дѣти.
Дигнита́рь — сановникъ.
Довбе́шка — долбня.
До-до́лу — на землю, на́полъ.
Дротяни́й — проволочный.
Дубора́—(піш.ло́ на голові волосся)—волоса стали дыбомъ.
Дякова́ти — исправлять должность дьячка.

Живце́мъ — живьемъ.
Жи́лний — (четвергъ)—жилнимъ называется четвергъ послѣдней недѣли великаго поста.
Жлу́кто — неимѣющая дна кадка, въ которой парится бѣлье во время стирки.

За́вжде — всегда.
Загорну́ти—подчинить своей власти.
Замісць — вмѣсто.
Запороші́ти — зачастить, часто застучать брызгами, или зернами.
За́стібка — застёжка.
Засту́кати — захватить, поймать.
Затуркоті́ти—загремѣть, застучать (о возѣ и т. п.)
За́хистъ — закрытое, защищенное мѣсто.
Зведе́нникъ — сводникъ.
Зга́га — сжога.

Зла́пати — поймать; прибрать къ рукамъ.
Знегі́дде — невзгода.
Зрина́ти—всплывать на поверхность воды.
Зуми́тись —изумиться.

Ізджа́лий — обученный, выѣзженный (конь).

И-гі-гі-гі!—звукъ, выражающій ржаніе лошади.
Ильнува́ннє — хожденіе женъ лицъ духовнаго званія по прихожанамъ за сборомъ разныхъ продуктовъ.

Кале́никъ — Калина.
Карто́пління — картофельные стебли.
Кача́лка — скала.
Керува́ти — управлять (рулёмъ и т. п.).
Кізка — (умен.) — коза.
Кихъ-кихъ!—междометіе, выражающее смѣхъ.
Кло́ччяний — пакляной.
Колотне́ча — схватка, свалка.
Кресь-кресь! — междометіе, выражающее ударъ огнива по кремню.
Ку́блитись — угнѣздиться, усаживаться.
Кульба́ка — сѣдло.
Ку́па—кочка болотная.

Лестивий — льстивый, прельстительный.
Листо́вне (нарѣчіе) — письмомъ.
Лома́чище — (увелич).— дубинка.
Ло́но — грудь.
Лопотіти — шумѣть (о чемъ-либо упругомъ, издающемъ при движеніи звукъ.)
Лу́снути — лопнуть; (въ переносномъ значеніи) умереть.
Ля́лечка — отъ — ля́ля — куколка; дитятко.
Ля́пати — хлопать.
Ля́снути (дверима) — хлопнуть.

Маховіі (вила) — самыя длинныя, которыми мечутъ въ стога сѣно.
Майну́ти — поспѣшно уйти.
Ми́лощі — любовныя ласки.
Ми́тель — щолокъ
Млость—тошнота, слабость отъ жару и т. п.
Мовчазли́вый — молчаливый.
Мотля́тись—шатаясь; ходить взадъ и впередъ.
Моро́ка—мученіе (мучиться съ кѣмъ нибудь, съ трудомъ совладать).
Мо́рокъ — мракъ.
Мусіи — Моисей.

Навдивовижу — на удивленье, на диво.
Навза́води — вовсю прыть.
Наврочити —сглазить.
Навтішатись — натѣшиться; налюбоваться.
Нагоди́тись — нечаянно прибыть; случиться.
Надбли́зитись —приблизиться, подступить.
Настороччитись—приготовиться къ чему; насторочити уши— навострить уши.
На́сторчъ—стремглавъ, вертикально.
Не мігъ — (отъ могти́) — не могъ.
Не́укъ— необученный (конь).
Нечу́тно — неслышно.
Нобилита́ція — возведеніе въ дворянство.
Нявчи́ти, ня́вкати — мяукать.
Ня́ти віри — вѣрить.

Оба́та — гауптвахта.
Обітниця — обѣщаніе.
Обіймище — обхватъ.
Оброби́ти — обдѣлать.
Одвічний — вѣчный.
Односе́рле—единодушно, согласно.
Односта́йне — единодушно.
Одштовхну́ти —отолкнуть.
Озлість — злость; досада.
Оклу́нокъ — небольшой, или недосыпанный мѣшокъ.
Опана́съ — Аѳанасій.
Оперішити — сильно ударить.
Осторо́га — предостереженіе.
Ота́борювати́сь — укрѣпляться въ таборъ, окружать войско связанными, одинъ съ другимъ, возами.
Оте́цький — отцовскій.
Охля́пъ — (нарѣчіе) — безъ сѣдла.

Па́ливо — отопленіе.
Пильно — внимательно.
Письма́къ — грамотѣй.
Підхопи́ти — подхватить.
Поблизу́ — неподалеку; вблизи.
Повзти́ — ползти.
Пода́тись — податься; отступить.
Пода́токъ — подать.
Позахо́плювати — позахватывать.
Полоте́нко — (умен). полотно.
Полохли́вий — пугливый.
Полу́драбокъ — боковая часть воза, имѣющая видъ лѣстницы (драбини), бокомъ положенной.
Полюва́ннє — охота; преслѣдованье врага на военномъ полѣ.
Поля́пати — похлопать.
Поме́рлий — умершій.
Поми́ї — помои.
Помили́тись — ошибиться.

Пóмста — отмщеніе.
Потлумúти — подавить, стѣснить.
Потребúзна — потребность.
Потýха — на потуху — на похмѣлье.
Пóузъ — подлѣ, вблизи, мимо.
Пошахрувáти — обмануть; пустить туманъ въ глаза.
Пристромúти — приткнуть.
Притúчина — необыкновенный случай; помѣха.
Причíлокъ — та наружная сторона хаты, которой соотвѣтствуетъ внутренняя стѣна съ образами.
Прúшта — притча.
Провéсна, провесень — начало весны.
Проклятýщий — (увел) проклятый.
Прядка (волосся)—пучекъ волосъ.
Прясти (ушима) — мотать ушами.
Псувáти — портить.

Рабóваний — награбленный.й
Рабýнокъ — награбленная добыча.
Розбишáцтво — разбойничество.
Розрýхъ — смута; безладица.
Роспýдити — распугать; разогнать.
Роспустúти патёки — (въ перен. смыслѣ, расплакаться.
Росцíпити — рознять.
Ростóржа — конецъ ярмарки; начало ярмарочнаго разъѣзда.

Свячéний —освященный.
Сёгобóчний — находящійся на этой сторонѣ.
Скрутúтись — взбѣситься.
Сисýнъ — самый молодой жеребенокъ.
Спéка — жара.
Спотикнýтись — споткнуться; оступиться.
Стрижчя́ — годовалый жеребенокъ, съ подрѣзанной гривой.
Струíти — отравить.
Стя́жка — полоса.
Суходóлле — материкъ.
Сýчка — сука.

Таемнúця — тайна.
Тапшъ —дешевле.
Та й годі — и только.
Теревéні (прáвить) — лясы разводить; балясничать.
Третúна —третья часть.
Трісь, трісь! — междометіе, выражающее трескъ.
Тридця́токъ — тридцать.
Трúхи-мнúхи — штуки.
Трусúти комíнъ — чистить трубу.
Трюхúкати — бѣжать трусцой.
Тулятúсь — скитаться.

Узéсенький — (умен.) — узкій.
Улýчити — попасть; нацѣлить.
Упнýтись — упереться.
Упóвні — полный (о лунѣ.)
Упóрати — управиться съ дѣломъ.
Урівні — въ уровень.
Урúвокъ — кусокъ (веревки).
Устромúти — воткнуть.
Учта — пиръ.
Ущýхнути — утихнуть; успокоиться.

Харапýдитись — принимать пугливый видъ.
Хапъ! — хвать.
Хúмороди — (гнáти) — штукарить, причудничать, колдовать.

Чапкéнько — скоренько.
Чудувáтись—удивляться, дивиться.

Шия́ка — (увелич.) — шея.
Шкарлýпа — скорлупа.
Шкуратóкъ—кусокъ простой кожи.
Шлáптю — рысцой.
Шугáти—летать, (собственно означаетъ производить шумъ во время полета.)

Щó-ночі — каждую ночь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

1861

НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь. XXXVIII—XLII, **Т. Г. Шевченка**.
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка**.
III. Чорноморський Побитъ (оперетта), **Я. Г. Кухаренка**.
IV. Стихи: Наступся (поэма), Давнє Горе, Святиня, Lago-maggiore, До Данта, До Марусі Т., Родина Единя, **П. А. Кулiша**; Чабанъ, Тирси; Чумацькі дiти — Ломуса; Безталання, Дівоцька Правда, Думка — Невідомого; Гульвиса, **Ив. Горзи**; Загублені душі, **В. С. Кулика**; Скажіть мнi, добрі люде, **Л. И. Глѣбова**.
V. Гордовита пара, **И. Забоцня**.
VI. Межигорський Дiдъ, **А. И. Стороженка**.
VII. Мои воспоминанія, III, **Ка—па**.
VIII. Талантъ (физіологическій очеркъ), **Л. М.**
IX. Путевыя письма, **Павла Якушкина**.
X. Листи съ хутора (листъ V), **Козака Белебня**.
XI. Людська памьять про старовину: Спафарієва Рудка, **Ол. Конiського**; Про Конотопъ, **Степана Носа**; Вовкулаки (Невро-Литвины), **И. Ревякина**.
XII. Степныя письма, **М. М. Левченка**.
XIII. Вигівщина, **П. А. Кулiша**.
XIV. Оповідання зъ народнихъ устъ: Скарбъ, и Жонатий Чортъ, **Ал. И. Стороженка**; Семенъ Палій, **И. Ревякина**.
XV. Старинный южно-русскій переводъ «Пѣсни Пѣсней» (съ послѣсловіями о любви), списанный **И. И. Костомаровымъ**.
XVI. Обзоръ украинской словесности, VI. **П. А. Кулиша**.
XVII. Географическое обозрѣніе южнорусскаго края, **П. М.**
XVIII. Великдень у Подолянъ, **А. И. Свидницького**.
XIX. По вопросу о южнорусскомъ языкѣ, **П. Лавровскаго**.
XX. Вісті. Дворяне праваго берега Днѣпра, **Ѳ. Рыльскаго**. Другій листъ зъ Дударівъ, **Борися Познанського**.
XXI. Де-що зъ Полтави. **В. С. Кулика**.
XXII. Съ подорожника, **Кузьмы Шапозала**.
XXIII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
XXIV. Библіографическій указатель, **В. И. Межова**.
XXV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**
XXVI. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
XXVII. Библіографическія извѣстія.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владимiръ Мономахъ.

1861

НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 20 декабря, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ: *Чорномо́рський По́битъ*, на стр. 3, напечатаны слѣдующія незачеркнутыя въ корректурѣ слова: о безуспѣшныхъ досел[illegible] попыткахъ.

Въ поэмѣ *Насту́ся*, на стр. 12, въ стихѣ 17, вмѣсто *сиротою*, слѣдуетъ читать: *сирото́ю*.

Въ примѣчаніи къ *Сближеніямъ и Сльдамъ*, на стр. 137, вмѣсто Coluber sauromates utrabilis, слѣдуетъ читать: Coluber sauromates и C. trabilis.

КОБЗАРЬ.

XXXVIII.

(Ча́стки).

Учітеся, брати́ мої,
Ду́майте, чита́йте,
И чужо́му научáйтесь
Й свого́ не цура́йтесь;
Бо хто ма́тіръ забува́е,
Того́ Богъ кара́е,
Чужі лю́де цура́ютця,
Въ ха́ту не пуска́ють;
Свої діти — мовъ чужи́і,
И нема́е зло́му
На всій землі безконе́чній
Весе́лого до́му...

Я руда́ю, якъ згада́ю
Діла́ незабу́ті
Дідúвъ на́шихъ... страшні діла́!
Якъ-би́ іхъ забу́ти,
Я одда́въ би весе́лого
Віку полови́ну!
Оттака́-то на́ша сла́ва —
Сла́ва Украіни!... — —

Обніміте жъ, брати́ мої,
Найме́ншого бра́та:
Неха́й ма́ти усміхне́тця,

Запла́кана ма́ти!
Благословіть дітей своіхъ
Твéрдими рука́ми;
И жіночокъ поцілу́йте
(Чи́стими) уста́ми!
И забу́детця сромо́тня
Да́вняя годи́на,
И оживе́ до́бра сла́ва, —
Сла́ва Украіни;
И світъ ти́хій, невечéрній
Ти́хо просіяе....
Обнімітця жъ, брати́ моі,
Молю́ васъ, блага́ю!

XXXIX.

Прочитавши главу 35-у Исаіі.

Ра́дуйся, ни́во неполи́тая!
Ра́дуйся, зéмле, не пови́тая
Квіча́стимъ зла́комъ! Роспусти́сь,
Рожéвимъ кри́номъ процвіти́!..
И процвітéшъ, позеленіешъ,
Мовъ Іорда́нови свяги́і
Луги́, зелéні береги́!
И честь Карми́лова, и сла́ва
Лива́нова, а не лука́ва,
Тебé укри́е дороги́мъ
Золототка́ннимъ, хитроши́тимъ,
Добро́мъ та во́лею підби́тимъ,
Свяги́мъ амо́форомъ своімъ,—
И лю́де тéмнии незря́чі
Дива́ Госпо́дніі поба́чять!

И спочи́нуть невóльничі
Утóмлені ру́ки,
И коліна одпочи́нуть,
Кайда́нами ку́ті!

Ра́дуйтеся, вбогоду́хи,
Не лика́йтесь ди́ва:
Се Богъ су́дить, визволя́е
Довготерпіли́вихъ—
Васъ убо́гихъ—и воздае́
Злодіямъ за зла́я!

Тойді, якъ, Го́споди, свята́я
На зе́млю пра́вда прилети́ть,
Хочъ на годи́ночку спочи́ть, —
Незря́чі про́зрять, а криви́і,
Мовъ са́рна зъ га́ю, помайну́ють.
Німи́мъ отве́рзутця уста́,
Прорве́тця, сло́во якъ вода́,
И дебрь-пусти́ня неполи́та, —
Сцілю́щою водо́ю вми́та, —
Проки́нетця; и потечу́ть
Весе́лі ріки, а озе́ра
Круго́мъ гаями поросту́ть,
Весе́лимъ пта́ствомъ оживу́ть.

Оживу́ть степи́, озе́ра,
И не верстови́і,
А во́льниі, широ́киі,
Скрізь шляхи́ святи́і
Просте́лютця; и не на́йдуть
Шляхівъ тихъ влади́ки,
А раби́ тими́ шляха́ми,
Безъ гва́лту и кри́ку,
Позіхо́дятця до-ку́пи,
Ра́ді та весе́лі,
И пусти́ню опану́ють
Весе́лиі се́ла.

25 марта, 1858 р.

XL.

И до́сі сни́тця — пі́дъ горо́ю
Між ъ ве́рбами, та надъ водо́ю.

Біле́нька ха́точка; сиди́ть,
Нина́че й до́сі, си́вий дідъ
Коло́ хати́ночки, и ба́вить
Хоро́шее та кучеря́ве,
Свое́ мале́нькее внуча́.
И до́сі сни́тця: ви́йшла зъ ха́ти
Весе́лая сміючи́сь ма́ти,
Цілу́е діда и дитя́ —
Ажъ три́чі ве́село цілу́е,
Прийма́ на ру́ки и году́е,
И спа́ть несе́; а дідъ сиди́ть
И усміха́етця, — и сти́ха
Промо́вить ни́шкомъ: »де жъ те ли́хо?
Печа́лі ти́і, ворогй?...«
И ни́щечкомъ стари́й чита́е
Перехристи́вшись »Оче-нашъ«,
Крізь ве́рби со́нечко сія́е
И ти́хо га́сне... День пога́съ, —
И все́ почи́ло... Си́вий въ ха́ту
И са́мъ пішо́въ опочива́ти.

XLI.

За со́нцемъ хма́ронька пливе́,
Черво́ні по́ли розстила́е,
И со́нце спа́тоньки зове́
У си́не мо́ре; покрива́е
Рожевою пелено́ю,
Мовъ ма́ти дити́ну....
Оча́мъ лю́бо.... годи́ночку —
Малу́ю годи́ну —
Ні́би се́рце одпочи́не,
Зъ Бо́гомъ заговори́ть....
А тума́нъ — ниначе во́рогъ —
Закрива́е мо́ре
И хма́роньку рожевую, —
И тьму́ за собо́ю
Розстила́е тума́нъ си́вий,

И тьмóю нiмóю
Оповúе тобi дýшу,
Й не знáешь дé дiтись,
И ждешъ ёгó—того́ свiту,
Мовъ мáтери дiти...

XLII.

Якъ мáю я журúтися —
Докучáти лю́дямъ,
Пiйдý собi свiтъ зá-очi!:
Що бýде, те й бýде!
Найдý дóлю — одружýся,
Не найдý — втоплю́ся,
Та не продáмсь я нiкóму,
Въ нáйми не наймýся.

Пiшóвъ же я свiтъ зá-óчi..
Дóля заховáлась,
А вóлeньку лю́де дóбрi
И не торговáли,
А безъ торгý закúнули
Въ далéку невóлю.

— —

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Шестой отрывокъ.

25 іюля 1857.

Весь день провелъ у М—скаго на ближней пристани. Онъ арестованъ на недѣлю, по распоряженію окружного начальника — — Фр. вслѣдствіе кляузъ своего цейхвахтера — отвратительнѣйшаго надворнаго совѣтника М. Арестъ М—скаго ничего больше, какъ маска, а надворному совѣтнику велѣно подать въ отставку и передать свою должность нижнему чину какому-то фейерверкеру, М—лу И—ву. Это, въ своемъ родѣ, маска.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ на пристань комендантъ и взялъ меня съ собою на огородъ, а ввечеру еще разъ прокатились мы въ лодкѣ по дождевому *ставу*.

26 іюля.

Сегодня во весь день и до половины ночи работалъ я надъ письмомъ графу Ѳедору Петровичу, и ничего не могъ сдѣлать съ этимъ неудающимся письмомъ. Мнѣ хочется высказаться какъ-можно проще и благороднѣе, а оно выходитъ или высокопарно до смѣшного, или чувствительно до нелѣпаго, или, наконецъ, льстиво до подлаго, но никакъ не выходитъ то, чего бы мнѣ хотѣлось. Это, вѣроятно, оттого оно у меня не клеится, что я еще не пришолъ въ себя отъ радости. Нужно подождать; еще время терпитъ: раньше 8 августа почта не отправится изъ укрѣпленія. Время еще терпитъ. Записать развѣ черновое на память, и изподоволь, на досугѣ, поправить, во избѣжаніе поговорки: *поспѣшить—людей насмѣшить*, какъ я это сдѣлалъ моимъ отвѣтомъ на письмо графини П—іи Пв—вны, отъ 12 октября минувшаго

года, которымъ она первая извѣстила меня о предстоящей свободѣ и на которое я хватилъ ей такую восторженную чепуху (въ торопяхъ, разумѣется), что она сочла меня или съ ума спятившимъ, или—просто—пьянымъ. А чтобы этого и теперь не случилось, то напишу сначала черновое письмо; а попростывши немного, напишу и бѣловое.

»Ваше сіятельство,

Графъ Ѳедоръ Петровичъ.

»Вашему великодушному заступничеству и святому человѣколюбивому участію графини Н—сіи Ив—вны, обязанъ я моей новою жизнію, моимъ радостнымъ обновленіемъ. Я теперь такъ счастливъ, такъ невыразимо-счастливъ, что не нахожу словъ достойно выразить вамъ мою сердечную, мою безконечную благодарность. Безъ человѣколюбиваго христіанскаго участія въ моей безотрадной судьбѣ, меня задушили бы въ этой широкой тюрьмѣ, въ этой безконечной, безлюдной пустынѣ; а теперь я свободенъ. Теперь, независимо ни отъ чьей воли, я строю свое радужное будущее, свое безмятежное грядущее. Какая радость, какое полное счастіе, наполняетъ мою душу при мысли, что я снова увижу академію, увижу васъ, моего единаго спасителя, и слезами радости и благодарности омочу ваши чудотворящія руки! Молю милосердаго Господа сократить путь и время къ этому безпредѣльному счастію. А теперь, Боже всемогущій, услыши мою чистую, искреннюю молитву, и надолго-долго продли ваши драгоцѣнные дни, для славы божественнаго искуства и для счастія людей, близкихъ вашему любящему сердцу.

»21 іюля, получено здѣсь офиціальное извѣстіе о моемъ освобожденіи. Въ тотъ же день я просилъ коменданта дать мнѣ пропускъ черезъ Астрахань до Петербурга; но онъ, безъ воли высшаго начальства, не можетъ этого сдѣлать; и я, для полученія драгоцѣннаго этого паспорта, долженъ побывать еще разъ въ Оренбургѣ и сдѣлать, по этому случаю, 1000 верстъ лишнихъ почти по пустынѣ. Но Господь милосердый, помогавшій мнѣ исходить во всѣхъ направленіяхъ эту безлюдную пустыню, не оставитъ меня и на этомъ, теперь короткомъ, пути. Грустно только, что этотъ ненужный путь отдалитъ, по-крайней-мѣрѣ — на мѣсяцъ, радостную минуту свиданія съ вами и съ графиней Н—сіей Ив—ной, главной виновницею моего счастія!

»Всемогущій и премилосердый Господь не оставилъ меня здоровьемъ въ этомъ долголѣтнемъ и суровомъ испытаніи,—и любовь,—которую я, съ ранняго дѣтства, безсознательно питалъ къ прекраснымъ искуствамъ, — теперь посылаетъ онъ мнѣ любовь сознательную и свѣтлую, и крѣпкую, какъ алмазъ. Живописцемъ-творцомъ я не могу быть; объ этомъ счастіи неразумно было бы помышлять; но я, по пріѣздѣ въ академію, съ Божіею помощію и съ помощію добрыхъ и просвѣщенныхъ людей, буду гравёромъ à l'aqua tinta, и, уповая на милость и помощь Божію и на ваши совѣты и покровительство, надѣюсь сдѣлать что-нибудь достойное возлюбленнаго искуства, распространять, посредствомъ гравюры, славу славныхъ художниковъ, распространять въ обществѣ вкусъ и любовь къ доброму и прекрасному. Это чистѣйшая, угоднѣйшая молитва человѣколюбцу-Богу и посильно-безкорыстная услуга человѣку. Это мое единственное непреложное стремленіе. На бо́льшее я не могу надѣяться, и только буду просить—не оставить меня вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ, въ этой моей лучезарной надеждѣ.

»Цѣлую руки моей святой заступницы гр. Н. И., цѣлую васъ, ваше семейство, цѣлую все близкое вашему доброму сердцу, и остаюсь по гробъ благодарный *художникъ Шевченко.*

»Я не могъ себѣ отказать въ радости подписать подъ этимъ черновымъ письмомъ — *художникъ* Т. Шевченко, и сегодня въ первый разъ написалъ я это—душу радующее—званіе.«

27 іюля.

Сегодня за обѣдомъ Ираклій Александровичъ сообщилъ мнѣ важную художественную новость, вычитанную имъ въ *Русскомъ Инвалидѣ.* Новость эта для меня интересна своею не-новостью. *Инвалидъ* извѣщаетъ, что наконецъ колоссальное чудо живописи — картина Иванова — *Іоаннъ Креститель*, окончена! и была представлена Римской публикѣ, во время пребыванія въ Римѣ вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны, и по словамъ самого художника (въ газетѣ сказано — *скромнаго*) произвела фуроръ, какого онъ не ожидалъ. *Дай, Боже, нашому телятї вовка ззісти.* Но мнѣ что-то страшно за автора *Маріи Магдалины.* Двадцатилѣтній трудъ сохранилъ ли сочность и свѣ-

жесть жизни? не увялъ ли онъ, какъ южный роскошный цвѣтокъ, отъ долгаго и ненужнаго поливанья? не заплѣснѣвѣлъ ли онъ, какъ хмельное пиво, отъ долгаго броженія? Боже сохрани всякаго артиста отъ такого печальнаго и запоздалаго урока.

Еще будучи въ академіи, я много слышалъ объ этомъ колоссальномъ, тогда уже почти оконченномъ, трудѣ. Художники нерѣшительно говорили объ немъ; аматёры рѣшительно восхищались,—въ томъ числѣ и покойный Гоголь. Карлъ Павловичъ Брюловъ никогда ни слова не говорилъ о картинѣ Иванова; самого же Иванова въ шутку называлъ *нѣмцемъ*,—по словамъ великого Брюлова, вѣрный признакъ бездарности,—съ чѣмъ я не могу согласиться въ-отношеніи Иванова, глядя на его Марію Магдалину.

Восторженное письмо Гоголя ничего не сказало художнику, ни даже опытному знатоку, объ этомъ произведеніи. Теоретики всѣ однимъ муромъ мазаны. Графъ де-Кенси написалъ отличнѣйшій трактатъ о Юпитерѣ Олимпійскомъ—статуѣ Фидія, издалъ его in folio, великолѣпно для своего времени (въ началѣ текущаго столѣтія), и если бы не приложилъ къ своему роскошному изданію рисунковъ, художники бы подумали, что душа самого великого Фидія говоритъ устами вдохновеннаго графа. Но неуклюжіе изобличители — рисунки испортили все дѣло... Какъ послѣ этого вѣрить этимъ восторженнымъ теоретикамъ? Говоритъ какъ будто и дѣло, а дѣлаетъ чортъ-знаетъ-что. Почтенному графу, вѣроятно, нравились эти рисунки—уроды, если онъ приложилъ ихъ къ своему ученому трактату.

Какъ бы я былъ радъ, еслибы картина Иванова опровергла мое предубѣжденіе: къ колекціи моихъ будущихъ эстамповъ aqua tinta прибавился бы еще одинъ великолѣпный эстампъ.

О картинѣ Моллера — *Иванъ Богословъ проповѣдуетъ на островѣ Патмосѣ* во время праздника бакханалій, о которой я случайно прочиталъ въ *Инвалидѣ*, что она показывается въ Петербургѣ публично, въ пользу раненныхъ въ Севастополѣ,—не знаю — почему, я имѣю выгоднѣе понятіе о картинѣ Моллера, чѣмъ о многолѣтнемъ произведеніи Иванова.

28 іюля.

Еще вчера, т. е. въ суботу вечеромъ, уговорились мы съ Ф—скимъ провести сегоднишній воскресный день гдѣ-нибудь подальше отъ противнаго укрѣпленія, и для сей уединенной радости назначили мѣсто въ балкѣ, въ глубокомъ дикомъ оврагѣ, верстахъ въ пяти отъ укрѣпленія, гдѣ можно найти и защиту отъ солнца подъ скалами, и родниковую свѣжую воду. Уговорились мы итти туда рано и провести весь день въ ущельяхъ этого мрачнаго оврага. На-щотъ провіанта положено было, чтобы онъ взялъ кусокъ сырой баранины фунтовъ 5-ть для *кебаба*, хлѣба соразмѣрную долю и бутылку водки; а я—чайникъ чаю, сахару, стаканъ и 5 огурцовъ. Все улажено какъ нельзя лучше,—и дешево, и забористо,—и я уже, по своему обыкновенію, сибаритствовалъ умственно въ объятіяхъ мрачнаго оврага. Прошла ночь; настало утро и солнышко взошло, а Ф—скій не является на огородъ, какъ мы условились. Я ждать-подождать, а его все нѣтъ-какъ-нѣтъ. Я нагрѣлъ чайникъ и принялся за чай, не переставая смотрѣть на укрѣпленіе. Наконецъ ругнулъ я измѣнника хорошенько и принялся строчить новую тетрадь, а Андрій Оберéменко (огородникъ отъ подвижной команды и близкій мой землякъ), котораго я пригласилъ съ собою въ балку въ видѣ товарища и мѣхоноши, выпивши, вмѣсто стакана чаю, рюмку водки, принялся ругать нечестиваго Ляха.

Поусумнившись достаточно въ достоинствѣ многолѣтняго труда Иванова, я закрылъ тетрадь и пошелъ въ укрѣпленіе разрѣшить задачу, заданную мнѣ паномъ Ф—скимъ. Прихожу, а онъ сидитъ на крылечкѣ около казармъ и ругаетъ Дахмищина, солдата-жида, за то, что онъ не даетъ ему болѣе 20 коп. за койку. »А что́ же ты«, говорю я, »про балку забылъ?«—»Постой, дай кончить *гандель*«, говоритъ онъ. Кончивши гандель, онъ признался мнѣ, что отъ заката до восхода солнца тянулъ штоса, и протянулся *до-спати*. К—хъ даже подушку взялъ. Пособолѣзновавъ немного о его неудачѣ, я предложилъ снова путешествіе въ балку, уже въ три часа послѣ обѣда, взявши на свой коштъ и хлѣбъ и мясо и водку. Онъ охотно согласился, и мы, сказавши другъ другу—*непремѣнно*, разстались. Взялъ я у артельщика въ долгъ 5 фунтовъ баранины, столько же фунтовъ хлѣба, и возвратясь на огородъ, послалъ Обременка въ кабакъ за водкою.

Послѣ обѣда, я, по-обыкновенію, вздремнулъ немного подъ вербою, и ровно къ тремъ часамъ собрались мы съ Обременкомъ въ дорогу. Собравшися, усѣлись мы снова подъ вербою. Пробило 4 часа: *нема́ на́шого пана Ф — ського.* Андрій молча посмотрѣлъ на меня и принялся снова за свою *лю́льку-бурю́льку.* Пробило и пять часовъ, — а пана Ф — скаго не видать. Андрій снова посмотрѣлъ на меня, и уже не вытерпѣлъ: плюнулъ. Прошло еще полчаса, и Андрій началъ *расташо́вувать торбу* съ провіантомъ и, вынимая баранину, проговорилъ: *Понапрасну тільки добро́ знівечили... Сказано — ляхъ!*—прибавилъ онъ какъ бы про себя:—*невіра,—то такъ и пропаде́, такъ и здо́хне невірою.*—Я не нашелъ нужнымъ убѣждать Андрія въ противномъ, велѣлъ ему отдать баранину въ комендантскую кухню и просить повара зажарить ее къ вечеру; а самъ пошолъ на ближнюю пристань — навѣстить заключеннаго друга М—ского.

Проходя мимо первой батареи или флак-штока, я увидѣлъ внизу подъ скалою кучку солдатъ, играющихъ въ орлянку. Сначала я не обратилъ вниманія на эту, весьма-обыкновенную, картину. Но мнѣ какъ-будто шепнулъ кто-то: не здѣсь ли Ф — скій? Всматриваюсь — и глазамъ не вѣрю: мой Ф — скій, спустивъ съ правого плеча шинель, съ ловкостью знатока дѣла, бросилъ что́-то вверхъ; кружокъ игроковъ быстро поднялъ головы и потомъ медленно опустилъ, крикнувши: *орелъ!* — Ф — скій нагнулся очистить конъ, а я, пожелавъ ему успѣха, пошолъ далѣе.

Погостивши у М—ского до восхода едва-ущербленной луны, я собрался въ обратный путь. Прощаясь, онъ благодарилъ меня за навѣщеніе и еще за то́, что два года тому назадъ я не принялъ его благороднаго предложенія—поселиться у него на квартирѣ. Теперь только онъ понялъ, какую подлую кляузу могъ вывести М—въ изъ нашего сожительства: у него не дрогнула бы рука воспользоваться силою военныхъ законовъ, гдѣ сказано, что офицеръ, позволившій себѣ фамильярное обращеніе съ нижнимъ чиномъ, предается военному суду. Теперь только онъ увидѣлъ пропасть, отъ которой я его отвелъ, зная лучше отвратительнаго надворнаго совѣтника М—ва.

Ночь лунная, тихая, волшебная ночь. Какъ прекрасно-вѣрно гармонировала эта очаровательная пустынная картина съ очаро-

вательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочиталъ нѣсколько разъ, какъ лучшую молитву Создателю этой невыразимой гармоніи въ своемъ безконечномъ мірозданіи. Не доходя укрѣпленія, на каменистомъ пригоркѣ я сѣлъ отдохнуть и, глядя на освѣщенную луной, тоже—каменистую дорогу, я еще разъ прочиталъ:

Выхожу одинъ я на дорогу.
Предо мной кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Отдыхая на камнѣ, я смотрѣлъ на мрачную батарею, высоко рисовавшуюся на скалѣ, и многое-многое вспомнилъ изъ моей прошлой невольнической жизни. Въ-заключеніе, поблагодарилъ всемогущаго Человѣколюбца, даровавшаго мнѣ силу души и тѣла—пройти этотъ мрачный, тернистый путь, не уязвивъ себя и не унизивъ въ себѣ человѣческаго достоинства.

Успокоивъ себя святою молитвою, я побрелъ тихонько на огородъ, нарушивъ глубокую тишину очаровательной ночи—пѣснію:

Нема въ світі гіршъ нікбму,
Якъ сирóмі молодóму...

Не доходя съ полверсты до огорода (это уже было въ первомъ часу ночи), меня встрѣтилъ *Андрій Обременко* вопросомъ: »Дé це васъ Богъ нóсить до такóі доби?«—»У гостяхъ, кажу, бувъ.«—»Та я бачу, що въ гостя́хъ, бо дóбрі лю́де тілько йдучи зъ гостéй, співáють.«—Я, какъ-будто не слыша его словъ, запѣлъ:

Идé багáчъ, идé дукачъ
Пьянъ шатáется,—
Надъ бідною голóтою
Насміхáется.

— Та гóді вже вамъ,—перебиваетъ меня ласково Андрій: — идіть лýчче та покладітця спать...—А я продолжаю:

Одúнъ ведé за чупрúну,
Дрýгий стúла бье:
Не йди туди́, врáжий сúну,
Дé голóта пье!..

Андрій, убѣдившись, что я совершенно пьяный, взялъ меня осторожно подъ руку, привелъ къ вербѣ, разостлалъ свою шинель, нарвалъ и положилъ подъ голову бурьяну, положилъ меня, перекрестилъ и ушолъ. Мнѣ не приходилося разочаровывать ста-

рика въ его богоугодномъ подвигѣ, а гѣмъ болѣе являть передъ нимъ свои лицедѣйскія качества. Я отъ души молча благодарилъ его и, недолго поворочавшись, заснулъ.

29 іюля.

Видѣлъ во снѣ Семена Артемовскаго съ женою, выходящаго отъ обѣдни изъ церкви Покрова: на Сѣнной площади будто разведенъ паркъ, деревья еще молодыя, но огромные; въ-особенности поразилъ меня своею величиною папортникъ: настоящій китайскій ясень. Въ паркѣ встрѣтили Кулиша, тоже съ женой, и вмѣстѣ пошли въ гости къ Михаилу Лазаревскому.

Все, что́ сердцу дорого, сгруппировалось на этотъ разъ въ моемъ сновидѣніи. И еслибъ не проклятые курчата своимъ несноснымъ чекотаньемъ меня разбудили, я непремѣнно бы увидѣлъ еще кого-нибудь изъ дорогихъ моихъ друзей. И мало того что бѣгаютъ около тебя, визжатъ, кокочутъ,—нѣтъ, нужно еще тебѣ на лицо вскочить да за носъ ущипнуть. Счастливъ ты, храбрый молодецъ, что не попался мнѣ подъ руку, а то бы я оторвалъ смѣлую голову, чтобы ты зналъ, какъ клевать добраго человѣка, когда онъ спитъ и видитъ во снѣ такіе отрадныя, милыя сердцу, лица.

Разбуженный такъ-не-кстати чубатенькимъ нахаломъ, я всталъ и ушелъ въ бесѣдку съ твердымъ намѣреніемъ продо́лжить прекрасное видѣніе. Но при всемъ моемъ желаніи, этотъ проэктъ мнѣ не удался. Солнце, которое другой-разъ такъ вяло, медленно подымается изъ-за горизонта, тутъ, какъ на смѣхъ, быстро выскочило, какъ бы желая поощрить безчеловѣчный поступокъ чубатого нахала и поднять на ноги смиренно въ углахъ дремавшихъ мухъ. Дѣлать нѣчего, трудно противу рожна прати; дѣлать нѣчего, я всталъ, уготовалъ себѣ трапезу, т. е. чай, и пошолъ искать человѣколюбиваго Андрія, такъ любовно успокоившаго меня вчера подъ вербою; чтобы столь милосердый подвигъ достойно оцѣнить, я думалъ его попотчивать

Ча́емъ шкля́нкою
И горілки ча́ркою.

Но, увы, это доброе намѣреніе мнѣ не удалось! Андрій (чего я никакъ не ожидалъ) спалъ сномъ праведника въ своей темной землянкѣ. Зная изъ недавняго опыта, ка́къ невѣжливо и не хо-

рошо нарушить чужой покой, я оставилъ Андрія въ покоѣ, вполнѣ увѣренный, что старикъ позволилъ себѣ вчера лишнюю чарку, что́ съ нимъ если и случается, то весьма-весьма рѣдко. Артиллерійскій огородникъ, его другъ и товарищъ по землянкѣ, пріятно разсѣялъ мое, несовсѣмъ выгодное, предположеніе въ-отношеніи Андрія. Онъ сказалъ мнѣ, что прошлой ночью Андрій былъ очереднымъ ночнымъ сторожемъ огорода и, разумѣется, во всю ночь не спалъ, — такъ теперь и пополняетъ ущербъ.

Дѣлать нѣчего, шклянку и горілки чарку отложилъ я до другого разу, а теперъ напишу нѣсколько строкъ въ моемъ журналѣ на память о тебѣ, мой настоящій, простой, благородный землякъ.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ укрѣпленіе, я замѣтилъ въ солдацкой публикѣ (другой публики въ укрѣпленіяхъ не имѣется), въ этой однообразной — — публикѣ, совершенно не солдацкую фигуру. Походка, физіономія, даже *шапка-чабанка*, все въ немъ обличало моего земляка. Спрашиваю, что это за человѣкъ такой? Мнѣ отвѣчаютъ, что это Андрей, госпитальный служитель и *хохолъ*. Этого-то мнѣ и нужно. Физіономія его показалась мнѣ болѣе суровою, нежели вообще у земляковъ моихъ, и потому-то я началъ съ нимъ сближаться издалека и осторожно, удостовѣрившись отъ его ближайшаго начальства, отъ унтеръ-офицера Игнатьева и капитана Б — ова, смотрителя полугоспиталя, что Андрей Обременко — примѣрной честности и трезвой жизни человѣкъ. Я началъ искать случая поговорить съ нимъ наединѣ по своему, но онъ какъ-будто-бы замѣтилъ мои маневры и, какъ казалось, старался отклонить отъ себя эту честь. Меня это болѣе подстрекало на сближеніе.

Большую часть безсонныхъ ночей въ Новопетровскомъ укрѣпленіи провелъ я, сидя на крылечкѣ у офицерскаго флигеля. Однажды — это было зимой часу въ третьемъ нѣчи — снжу я, по своему обыкновенію, на крылечкѣ, смотрю — изъ-за лазаретной кухни выходитъ Андрій. Онъ тогда занималъ должность хлѣбопека и квасника. Завидное мѣсто огородника я ему уже выхлопоталъ. — »А що́, — говорю я, — Андрію, — и тобі ма́буть не спи́тця?« — »Та не спи́тця, матері ёго ковінька«, сказалъ онъ. Я затрепеталъ, услыша его чистый, неиспорченный, родной выговоръ. Я попросилъ его посидѣть *трóхи* со мною, на что́ онъ неохотно согласился. Разговоръ началъ я, — какъ это обыкновенно и водится между солда-

тами,—спросомъ, которой землякъ губерніи и т. д. На мой спросъ, Андрій отвѣчалъ, что онъ—»губе́рніи Ки́евськоі, повіта Звенигоро́дського, изъ села́ Рі́заноі, *тутъ — коло Ли́сянки, коли́ чува́ли*«, прибавилъ онъ; а я прибавилъ, что нетолько чува́въ, и самъ бува́въ, и въ Ли́сянці, и въ Рі́заній и въ Русиловці, и всюди. — Однимъ словомъ, оказалось, что мы — самые близкіе земляки. »Я самъ ба́чу«, сказалъ онъ, »що ми свої, та не зна́ю, якъ до васъ приступи́ти, бо ви все то зъ офице́рами, то зъ ляха́ми, то́-що. Якъ тутъ,— ду́маю,— до ёго пидійти́? Мо́же воно́ й самъ яки́й-не́будь ляхъ, та такъ тілько ману́ пуска́е.«—Я принялся снова увѣрять его, что я настоящій его землякъ,—искренно желалъ продолжать разговоръ, но пробило три часа, и онъ ушелъ топить печь для хлѣбовъ и для квасу.

Такъ началося наше личное знакомство съ Андріемъ Оберéменкомъ. И чѣмъ далѣе — болѣе узнавали мы другъ друга и болѣе привязывались другъ къ другу. Но наружныя отношенія наши остались тѣ же самые, что́ и въ первое наше свиданіе: онъ себѣ не позволялъ ни одного шагу наружнаго сближенія, ни тѣни искательства, какъ это дѣлали другіе. Подозрѣвая во мнѣ, не знаю почему, богача-земляка и даже родственника коменданта, Андрій, наравнѣ съ другими, вѣрилъ во все это, но при другихъ онъ даже не кланялся со мною, чтобы не подумали другіе, что онъ навязывается ко мнѣ въ друзья. Мѣстомъ нашихъ постоянныхъ свиданій было помянутое крылечко, а время—ночь, когда все, кромѣ перекликавшихся часовыхъ, спало. Невозмутимо холодная, даже суровая наружность его, обличала въ немъ человѣка жосткого, равнодушного. Но это—маска. Онъ страстно любитъ маленькихъ дѣтей, а это вѣрный знакъ сердца кроткаго, незлобиваго. Я часто, какъ живописецъ, любовался его темнобронзовой усатой физіономіей, когда она нѣжно льнула къ розовой щечкѣ младенца. Это была одна, единственная, радость въ его суровой, одинокой жизни. Независимо отъ его простого, благороднаго характера, я полюбилъ его за то, что онъ, впродолженіи двадцатилѣтней солдацкой — — жизни, не опошлилъ и не унизилъ своего національнаго и человѣческаго достоинства. Онъ остался вѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ своей прекрасной національности. А такая черта благородитъ и даже неблагороднаго человѣка. Если мелькали свѣтлыя минуты въ моемъ темномъ долголѣтнемъ заточеніи,

то этими сладкими минутами я обязанъ ему, моему простому, благородному другу, Андрію Оберéменку.

Пошли же тебѣ Господи, мой неизмѣнный друже, скорый конецъ испытанію. И поможи тебѣ Пресвятая Матерь всѣхъ скорбящихъ — пройти эти безводныя пустыни, напиться сладкой днѣпровой воды и вдохнуть въ измученную грудь живительный воздухъ нашей прекрасной, нашей милой родины!

Впродолженіи дня я не видался съ Андріемъ. Передъ вечеромъ пошелъ я нарисовать видъ первой батареи съ того самого мѣста, съ котораго я ночью любовался ею, возвращаясь отъ Мостовскаго. Когда-нибудь сдѣлаю я акварельный рисунокъ. Уже стемнѣло, когда я возвратился на огородъ. Подъ вербою сидѣлъ Андрій и встрѣтилъ меня такимъ вопросомъ: — »А шо ми бу́демъ робúть зъ тúмъ мнясомъ?« — »Зъ якúмъ?« — »А що на лёді дрýгий день валяецця.« — »Собáкамъ ёго́ въкинуть; а якъ не смердúть, то повечéряемъ.« — »Я вже вечéрявъ.« — »А я не хóчу вечéрять«, сказалъ я и уже хотѣлъ идти въ бесѣдку. — »А знáете щó?« сказалъ Андрій, останавливая меня.—»Не знáю щó.« — »Ходімо зъ отúмъ мнясомъ зáвтра раненько въ бáлку та поснідаемъ до-ладý.« —»Дóбре, ходімо.« —»Та не беріть съ собóю оттогó цúгана, оттогó ляхá. Нехáй вінъ скáзитця.« —»Дóбре, не візьмемо нікóго.« — И мы разстались.

5 августа.

Въ 5 часовъ вечера приплылъ я на самой утлой рыбачьей ладьѣ въ городъ Астрахань. Все это такъ нечаянно и такъ быстро совершилось, что я едва вѣрю совершившемуся. Я, какъ во снѣ видѣнную, припоминаю теперь прогулку мою въ балку съ Андріемъ Обеременкомъ, послѣ которой на другой день, т. е. 31 іюля, И —і й А — вичъ внезапно согласился дать мнѣ пропускъ прямо въ Петербургъ. На другой же день онъ сдержалъ свое слово, а на третій, т. е. 2 августа, въ 9 часовъ вечера, оставилъ я Новопетровское укрѣпленіе и, послѣ трехдневнаго благополучнаго плаванія по морю и по одному изъ многочисленныхъ рукавовъ Волги, прибылъ въ Астрахань.

ЧОРНОМОРСЬКИЙ ПОБИТЪ

НА КУБАНІ

МІЖЪ 1794 И 1796 РОКАМИ.

ОПЕРЕТТА Я. Г. КУХАРЕНКА.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Украинская словесность развивалась и продолжаетъ развиваться при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Не упоминая о томъ, что всѣмъ извѣстно, укажемъ на обстоятельства, такъ-сказать, домашнія, но тѣмъ неменѣе замедляющія литературное развитіе нашего слова, въ различныхъ приложеніяхъ его къ дѣлу жизни. *Енеида*, Котляревскаго, имѣла въ предшествовавшемъ намъ поколѣніи успѣхъ потому, что была для него шуткою; *Наталка-Полтавка* — потому, что была забавою. Самые умные, самые дальновидные люди того времени разсмѣялись бы отъ всего сердца, еслибы имъ сказать, что эта пародія классической поэмы и эта копія съ иноземныхъ опереттъ сдѣлаются начатками особой литературы и получатъ значеніе жизненное, въ связи съ насущными интересами южнорусской народности. Полтава, въ лицѣ Котляревскаго, первая заявила потребность литературы новой — не-Ломоносовской и Державинской — для выраженія того, чѣмъ отличается русскій югъ отъ русскаго сѣвера; но Котляревскій не имѣлъ въ Полтавѣ преемниковъ. Дѣло его не могло быть признано общественнымъ событіемъ въ обществѣ помѣщиковъ, соединявшихся вокругъ такихъ лицъ, какъ князь Куракинъ, князь Лобановъ-Ростовскій и даже князь Репнинъ, людей, относившихся къ Украинѣ офиціально, съ высоты французской образованности и обусловленнаго ихъ общественнымъ положеніемъ взгляда на жизнь. Только въ университетскомъ городѣ, гдѣ

существуетъ господство иного рода надъ умами и вкусами, могъ быть оцѣненъ талантъ Котляревскаго съ его серьёзной стороны. Такимъ городомъ явился Харьковъ. Въ Харьковѣ, Артемовскій-Гулакъ и Квитка продолжили дѣло Котляревскаго, и произведеніями болѣе-художественными придали больше цѣны его начинанію, которое въ наше время, по перспективѣ, представляющейся для украинской литературы, можно назвать начинаніемъ великимъ. Но и тамъ повторилась съ украинской словесностью та же исторія, что́ и въ Полтавѣ. Сдѣланъ былъ нѣсколькими умами шагъ не въ мѣру народно-литературному развитію остального общества. Харьковская публика, равно какъ и дворянская публика всей Украины тогдашней, воспитывалась подъ вліяніемъ петербургской литературы, а на украинскихъ писателей смотрѣла, какъ на талантливыхъ затѣйниковъ. Появленіе Гоголя, который, хотя бралъ предметы для своихъ повѣстей изъ жизни украинской, но писалъ по-великорусски, еще больше отвратило глаза образованныхъ Украинцевъ — говоря вообще — отъ писателей, которые не только вдохновлялись жизнью народа, но находили у него и языкъ для выраженія этой жизни. Такимъ образомъ, словесность наша еще разъ умолкла на родной почвѣ. Понадобился кругъ людей, еще болѣе одушевленныхъ любовью къ народу и вѣрой въ него, еще болѣе человѣчныхъ, для того, чтобы дѣло Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака и Квитки не осталось мимолетною затѣею. Явился въ Петербургѣ Шевченко и началъ свое дѣло непосредственно съ того, на чемъ, можно сказать, покончила чисто народная наша муза. Прелесть его стиха, глубина его чувства были неотразимы, а главное—вокругъ него было побольше свободно-мыслящихъ Украинцевъ — въ Петербургѣ, чѣмъ вокругъ его предшественниковъ—на Украинѣ. Извѣстно, въ какой нравственной зависимости отъ столицы были вкусъ и понятія жителей Украины сороковыхъ годовъ. Петербургскіе люди, высоко оцѣнившіе Шевченка, больше имѣли вліянія на своихъ провинціальныхъ земляковъ, нежели въ свое время Полтавцы и Харьковцы, хотя, съ другой стороны, Шевченко тронулъ такія струны, къ которымъ многіе, и независимо отъ Петербурга, не могли остаться равнодушны. Невзгоды внѣшнія, сопровождавшія развитіе музы Шевченка, сдѣлали ее еще дороже для Украинцевъ. Литература наша наконецъ утвердилась на своихъ народныхъ началахъ. Но не объ этомъ у насъ будетъ рѣчь.

Въ то время, когда въ Полтавѣ умолкалъ Котляревскій посреди общества, воспитывавшагося подъ вліяніемъ чужихъ стихій; въ то время, когда Харьковъ заявилъ разочарованіе свое въ состоятельности родного

слова перомъ самого Квитки, который, склонясь на увѣщанія столичныхъ аристарховъ, унизилъ свой самобытный талантъ плохими повѣстями на чуждомъ для него языкѣ, во вкусѣ тогдашнихъ журнальныхъ романовъ; въ то время, когда самъ Шевченко жаловался въ прекрасномъ предисловіи своемъ къ *Гайдамакамъ*, что грамотѣи осмѣиваютъ его независимую народную музу, — на разныхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга пунктахъ земли южнорусской, многіе продолжали попытку идти слѣдомъ то́ за Котляревскимъ, то́ за Квиткою, то́ за Шевченкомъ; но препятствія къ развитію украинской литературы были слишкомъ велики и многочисленны. Они лежали не только въ обязательно-методическомъ образованіи нашихъ грамотныхъ людей, не только въ нажитыхъ цѣлыми столѣтіями предразсудкахъ въ родѣ тѣхъ, какія проповѣдываются нынѣ въ московскомъ *Днѣ*, но и въ личныхъ свойствахъ людей, которые на время являлись какъ-бы передовиками украинскаго движенія. Не обременяя читателей исчисленіемъ разныхъ случаевъ и явленій, которыя парализовали литературную дѣятельность начинавшихъ писать по-украински, доведемъ на этотъ разъ до свѣдѣнія нашего общества объ оставшихся доселѣ въ неизвѣстности попыткахъ о безуспѣшныхъ доселѣ попыткахъ одного изъ даровитыхъ нашихъ соотечественниковъ, Я. Г. Кухаренка — высказаться печатно въ печатно украинскомъ словѣ (1).

Четверть столѣтія назадъ, именно въ 1836 году, г. Кухаренко написалъ оперетту *Чорномо́рський По́битъ*, и донынѣ только весьма немногіе изъ насъ знали о ея существованіи. Покойный Шевченко очень хвалилъ эту пьесу, самъ отдалъ ее, въ 1842 г., въ цензуру и желалъ видѣть ее въ печати; но сочиненія на украинскомъ языкѣ въ то время съ трудомъ находили для себя издателей, такъ-какъ наша по-преимуществу простонародная публика, состоя изъ людей небогатыхъ, едва-едва поддерживаетъ наши книги такъ, чтобы издатель не былъ въ убыткѣ. Уже одно это печальное обстоятельство парализуетъ у насъ литературную дѣятельность способныхъ людей, но г. Кухаренко встрѣтилъ еще другую помѣху дальнѣйшимъ своимъ занятіямъ украинскою словесностію: именно — неудачное знакомство съ однимъ изъ тѣхъ господъ, которые, какъ литературные Плюшкины, любятъ класть подъ-спудъ все, что́ ни попадетъ къ нимъ въ руки. Много разъ пробовалъ онъ свое перо и посылалъ пробы къ своему харьковскому пріятелю

(1) Читатели *Основы* уже знакомы съ нимъ нѣсколько по прекрасному его разсказу: *Вороний Кінь*, помѣщенному въ X-й книжкѣ. *Ред.*

для печати... Напрасный трудъ, тщетное ожиданіе: втеченіе многихъ лѣтъ, ни одна строка не была предана тисненію! Безвкусіе ли этого господина было тому причиною, равнодушіе ли его къ движенію украинской словесности, или что-нибудь особенное, одному ему свойственное, — мы не беремся рѣшить; но г. Кухаренко, живя въ Черноморіи и видя въ немъ, изъ своего далека, передового человѣка (что́ было большо́ю ошибкою), да притомъ и передоваго Украинца (что́ было ошибкою еще бо́льшею), естественно долженъ былъ придти къ мысли о слабости своего таланта и недостаточности литературнаго своего образованія. Такимъ-образомъ, уплыло четверть столѣтія съ того времени, какъ онъ, въ первомъ своемъ опытѣ, обнаружилъ несомнѣнное призваніе къ литературной дѣятельности, которая, при другихъ обстоятельствахъ, при болѣе счастливомъ знакомствѣ съ людьми пишущими, могла бы быть весьма замѣчательною, а можетъ быть и блистательною. Немногіе начинали такимъ значительнымъ для перваго опыта произведеніемъ, какъ *Чорномо́рський По́битъ*, и притомъ — въ какое время и въ какомъ мѣстѣ! Находясь въ такомъ отдаленіи отъ большихъ городовъ и театра, авторъ долженъ былъ почувствовать сильное влеченіе къ драматическому искусству, чтобы рѣшиться на сочиненіе подобной пьесы. Какъ не пожалѣть, что земля, заселенная Украинцами, всё еще не болѣе, какъ пустыня, едва-едва охваченная движеніемъ только самыхъ первыхъ, самыхъ насущныхъ человѣческихъ потребностей и интересовъ! Но, вмѣсто того, чтобы сѣтовать о томъ, чего мы не въ силахъ поправить, обратимъ вниманіе читателей на то, что́, какъ самородный цвѣтокъ, появилось въ этой пустынѣ, не смотря ни на какія невзгоды.

Чорномо́рський По́битъ г. Кухаренка представляетъ время первоначальнаго заселенія прикубанскихъ равнинъ остатками разбѣжавшихся Запорожцевъ и другими выходцами изъ Украины (которая, замѣтимъ, у этихъ переселенцевъ, въ ихъ воспоминаніяхъ, называлась и донынѣ называется *Русью*, и этимъ именемъ различается отъ Великороссіи). Нравы и обычаи тогдашней Черноморіи были вообще тѣ же самые, что́ и въ украинской Руси, но отличались нѣкоторою грубостью, по причинѣ рѣзкости характеровъ, которые выдавались изъ массы населенія и не рѣдко были съ ними въ разладѣ. Тутъ, между прочимъ, запорожская привычка къ бурлацкой, безженной жизни столкнулась съ необходимостію жениться и вести жизнь семейную; и такъ какъ мѣстныя власти прилагали попеченіе о размноженіи семействъ, то брачные союзы заключались иногда невзначай, безъ соблюденія всѣхъ обычаевъ

и обрядовъ, которыми они сопровождались и сопровождаются въ Украинѣ. Самые священники черноморскіе были, такъ-сказать, импровизированнымъ духовенствомъ. Черноморія подлежала въ то время вѣдомству Оеодосійскаго епископа. Довольно было аттестаціи со стороны старшины черноморской, чтобы присланный къ нему грамотный козакъ былъ рукоположенъ въ іереи. Такъ-какъ черноморскіе козаки головы и бороды брили, оставляя только чубъ и усы, то долго еще послѣ рукоположенія сохраняли воинственный видъ свой; но это не мѣшало прихожанамъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тою же увѣренностію въ дѣйствительности ихъ служенія, какъ и къ старымъ попамъ. Случалось и такъ еще, что войсковая старшина, видя стараго, заслуженнаго козака неисправимымъ въ задорной, безпокойной для общества, жизни, приговаривала его, въ видахъ исправленія нравственности, къ рукоположенію въ священники. Разсчетъ здѣсь былъ тотъ, что козакъ, уважая въ себѣ духовный санъ, опомнится и начнетъ вести жизнь порядочную. И дѣйствительно, не было, говорятъ, примѣра, чтобы поставленный такимъ-образомъ попъ не оставилъ своихъ дурныхъ привычекъ (1). Эти-то и другія подобныя черты черноморскихъ нравовъ и обычаевъ представлены г. Кухаренкомъ, въ его очень интересной и очень живой, характерной пьесѣ, съ замѣчательнымъ пониманіемъ сценическаго искусства. Въ числѣ, покамѣсть немногихъ, драматическихъ сочиненій на украинскомъ языкѣ, *Чорномо́рський По́битъ* будетъ драгоцѣннымъ подаркомъ для украинскаго театра. Это, впрочемъ, покажетъ опытъ. Мы только считали долгомъ своимъ познакомить читателей *Основы* съ талантливымъ авторомъ, столь долго остававшимся въ неизвѣстности, и поставить ихъ на точку зрѣнія, съ которой должно разсматривать предлагаемую пьесу, какъ произведеніе извѣстнаго времени и мѣста.

П. Кулишъ.

(1) Не должно упускать изъ виду, что старинное образованіе украинское основывалось на изученіи церковнаго устава, (большею частію этимъ и ограничивалось); а потому, каждый старшина былъ достаточно приготовленъ къ отправленію богослуженія въ священническомъ санѣ.

ЧОРНОМОРСЬКИЙ ПО́БИТЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВА.

ДІЄВІ ЛЮДЕ:

Ки́тишний сотникъ Тупи́ця.
Иванъ Прудки́й, коза́къ.
Илько́, братъ Прудко́го.
Явдо́ха Драби́ниха, вдова́.
Маруся, її дочка́.
Бори́съ Цвіркунъ.
Івга Цвіркунка.
Каби́ця, коза́къ, Незама́ївський курінний.
Кули́на, ёго́ полюбо́вница.
Игнатъ Очкурня́, робітникъ Тупи́ці.
Пріська Притулівна.
Парубки́ и дівча́та.

ДІЯ ПЕРВА.

Обстано́ва пока́зуе зсере́дини ха́ту вдови́ Драби́нихи и збо́ку две́рі въ хи́жу.

I.

Маруся, *си́дя на ла́ві пряде́ и співа́е.*

Боли́ть моя́ голо́вовька
Відъ са́мого чо́ла:
Не ба́чила миле́нького
Сёго́дні и вчо́ра.
Ой ба́читця, не журю́ся,
Въ ту́гу не вдаю́ся;
А якъ ви́йду за воро́та,
Одъ вітру валю́ся.
Ой ба́читця, що не пла́чу —
Се́рце замира́е,
Якъ згадаю, що Ива́на
И до́се нема́е.
Нема́ мого миле́нького,
Нема́ мого со́нця!

Ні съ кимъ мині розмовля́ти,
Си́дя у вікóнця!
Нема́ мого́ миле́нького,
Що ка́рії о́чі,
Ра́да бъ ёго́ дожида́ти
До те́мної но́чи!..
Нема́ мого́ миле́нького!
Нема́ ёго́ ту́та;
Вже́ поросла́ по слідóчку
Шавлія та ру́та!..
Зелене́нький барвіночку,
Стели́ся низе́нько!
А ти, ми́лий, чорнобри́вий!
Прили́ни швиде́нько.
Зелене́нький барвіночку!
Стели́ся ще й пи́зче,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий!
Прили́ни ще й шви́дче.

Охъ, Ива́не, Йва́не! мій голу́боньку си́зий! де ти такъ до́вго ба́рився? скілько днівъ я тебе́ жда́ла, щобъ поба́читься съ тобóю, та росказа́ти тобі, що моя́ ма́ти ча́сто до сусідівъ хóдить та все роспи́туетця про якóгось па́рубка: либóнь хóче мене́ віддáти за ёго заміжъ. Хто вінъ, який вінъ,— не зна́ю и не ба́чила. Не приведи́, Го́споди, якъ Ива́нъ заіхавъ куди́ дале́ко, а ма́ти захóдятця мене́ відава́ти за дру́гого, за якóго не́люба! Я бъ імъ и сказа́ла, що люблю́ Ива́на, такъ що́ жъ?.. крий Боже, які́ вони́ серди́ті!... Тя́жко бою́сь ма́тери, щобъ.... *(Заду́муетця.)*

II.

Иванъ, *зовсімъ приору́жений, вхóдить.* Добри́ вечіръ, Мару́сю!

Маруся, *зрадівши.* Се́рденько Ива́не! Чи ще ти живе́нький! *(Понýрилась, мовъ се́рдитця).* Ну, дóбрий же ти! відцура́вся зовсімъ мене́. Скілько я днівъ дожида́ю тебе́, таки́ ні слу́ху ні вісточки нема́; хоть би́ твій братъ Илькó прийшóвъ сказа́ти: де ти и що́ ро́бишъ?

Иванъ. Ви́неньъ, ви́неньъ, моя голу́бочко. Я до́ма не бувъ. Оце́ неда́вно приіхавъ зъ Васюри́нськоі, та й упя́ть прощáй!

Маруся, *здивова́вшись.* Куди́жъ то?

Иванъ. Підемо съ товари́ствомъ за Куба́нь, чи не роздобу́демо чого́...

Маруся, *жа́лібно.* Такъ и е́! Уже́ жъ ти мене́, ма́буть, и не заста́нешъ!...

Иванъ, *съ трівогою*. Якъ се такъ, Марусю?

Маруся. Моя мати хотять, либонь, за когось мене віддати замiжъ....

Иванъ. Якимъ-би-то побитомъ? И за кого?

Маруся. Я й сама не знаю, а такъ догадуюсь, бо вони частенько ходять до сусідівъ совітоватись, та й готують усе, що треба для весілля....

Иванъ. Потрівай же, Марусю! я побіжу на-часокъ та покличу сюди мого хрищеного батька, сотника Тупицю, бо вінъ мене зъ козаками випроважа за Кубань, та ось тутъ зразъ, на улиці и дожидаетця. Я оце відъ его до тебе забігъ на часочокъ, щобъ попрощатись; а се таке діло, що якъ я тутъ не буду, то треба вже ему знати, що и якъ, и до чого? Бо вінъ чоловікъ такий, що поможе. Ти, Марусю, не крийся передъ нимъ ні въ чімъ. Вінъ мині той же рідний батько и чоловікъ у всему тямущий: чи ружа спортить, або направить, —відъ кулі, відъ гадюки, уроківъ, заговорівъ, — відъ любощівъ, не-любощівъ, сказано—характерникъ, та й годі. Огъ я зразъ. *(Підходить до дверей, відчиня іхъ и кличе.)* Тату! тату.

Тупиця, *за дверима*. А що тамъ?

Иванъ. Ідіть лишъ, будьте ласкові, сюди: мині до васъ діло е!

Тупиця, *не входючи*. Та й зразъ!

Иванъ, *до Марусі*. Ось вінъ зразъ прийде. Не журись, Марусю: усе гаразъ буде.

Маруся. Дай Боже, щобъ усе гаразъ було; а лучче всёго, якъ-би ти остався дома....

III.

Тупиця. Помагай Бігъ, діти! Будьте здорові съ тимъ, що сёгодня!

Маруся, *кланяетця низько*. Спасибі, добродію!

Тупиця, *до Івана*. Чи оце твоя й дівчина, Иване?

Иванъ. Оце жъ, тату, й вона.

Тупиця, *любуетця*. Годитця, сину! хороша! дуже хороша дівка! *(До Марусі.)* А мати жъ твоя де?

Маруся. Пішли десь до сусідівъ.

Иванъ. Та тутъ, тату, щось у ії матері коітця таке... *(До Марусі)*. Ось роскажи, Марусю!

Тупиця. А ну, дочко, роскажи, то й я послухаю.

Маруся, *утупивши очі въ землю*. Та то, добродію, я казала Іванові, що моя мати ходять часто до сусідівъ, та роспитують про якогось парубка: хотять, либонь, мене заміжъ віддати за його; а тутъ ще Іванъ якъ сказавъ, що й самъ иде зъ козаками за Кубань... *(крізь слёзи)* то вже, мабуть, мині за нимъ и не бути, бо въ мене мати такі сердиті, що крий Боже! Якъ мині по правді сказати, що я люблю Івана, то....

Тупиця. Сёго, дочко, не журися! Нехай-такий Іванъ іде собі съ товариствомъ до тихъ еретичихъ Черкесівъ, бо вінъ козакъ, ёго така стать.... Отъ якъ ми колись були въ старій Січі, то відтіль було ходимо добуватьця до Татаръ, або до Ляхівъ; а що ті прокляті Жиди, то було не попадайсь нашому братові. Витрусимо кишені! А тутъ більшъ нікуди кинутись, тілько до сихъ шолудивихъ Черкесівъ, то хоть скотини або коней чи не добудутца хлопці. Нехай собі ідуть зъ Богомъ! А про те, що тебе мати за другого віддасть заміжъ, то сёго чортъ ёго матиме. Ти знай Івана, а Іванъ тебе, та й годі... Та по чімъ же се ти, дочко, міркуешъ, що мати хоче тебе віддати заміжъ? Може, вона такъ ходить до сусідівъ?

Маруся. Э, ні, добродію! Вони іздили въ городъ, та й накупили ситцю на дві спідниці, червоної байки на юпку; платківъ, скиндячокъ; ковки (1) и дукачъ; та й приказують, щобъ швидче рушниківъ дошивала....

Тупиця. Трохи воно на те й походило.... Ну, та дарма! Чи ти знаешъ Іванового брата Илька?

Маруся. А якъ же? знаю.

Тупиця. Отъ же то гляди. Вінъ буде часто до тебе навідуватись, такъ яково що — то ти ёму скажешъ, що у васъ діятиметця, а вінъ мині, то я вже зразъ и заправлю всима чорта[illegible]буде понашому...

Маруся. Дай, Боже, добродію, щоб [illegible]було, якъ ви кажете! Ми за васъ до-віку будемо Бога молити.

Тупиця, *обернувшись до Івана; а Маруся міжъ тимъ виходить за двері подивитьця, чи не йде ії мати.* Та й ти, сину, не сумуй, мовъ собака въ човні, а якъ трапитця тобі оце за Кубанню, то воюй добре, щобъ вражихъ Черкесъ оджахнути.

Іванъ. Та объ сімъ, тату, й говорить нічого: не такъ вони намъ допекли, щобъ іхъ милувати! Тепера коня або вола и не думай випустить за слободу на пашу, бо такъ зразъ и підхоплять; а скілько бідныхъ ді-

(1) Серёжки.

тéй воні перетягáли въ невóлю на той бікъ Кубáні!... Такъ якúй же іхъ чортъ після сёго мúлуватиме?

Тупиця. Ото жъ то й воно, сúнку! А про Марýсю не турбýйся: се вже моé дíло. Хибá жъ мині первинá ворóчать по-свóёму?

IV.

Маруся *ввіхóдить*. Мáтері що й дóсі не вúдко.

Тупиця. Піду́ лишъ я ще до козáківъ, та дé-що зъ нúми почуру́каю, а ви попрощáйтесь любéнько, та не бійтесь нічóго: все гарáздъ бýде. *(Вихóдючи)*. Не гáйся жъ, сúну, дóвго, щобъ тебé козакú не дожидáлись; бо на двóрі вéчіръ, а вамъ трéба хýтко повернýтись зъ-за Кубáні.

Иванъ. Зáразъ, тáту, зáразъ! Не забарюсь!

Маруся. Дóбре, як-бúй Богъ давъ такъ, якъ панъ сóтникъ обіщáетця; отъ же мині щось не віритця.

Иванъ. Чомý? На кóго жъ и понадіятись намъ съ тобóю, якъ не на ёго?.. Ну, прощáй же, моя Марýсенько! Прощáй, моя зірочко! Зоставáйся здорóва, та не скучáй безъ мéне! *(Мáруся плáче)*. Гóді жъ, гóді тобі плáкати, Мáрусю! ти — козáцька дочкá; а я козáкъ: чогó жъ намъ журúтись? Якъ Богъ помóже побúть вóрога Черкéса, та вернýтьця благополýчно до-дóму, то тоді бýдемо щаслúві; тоді вже побéремось, та бýдемо жúти й Бóга хвалúти, а тепéръ же трéба козакувáти, а тобі до сёго дíла заздалúгоди привикáти. Этъ се не остáння такá розлýка; се бýде частéнько: на те гряни́ця. Зоставáйся жъ здорóва, Марýсенько! та готýй тимъ чáсомъ рушникú.

Маруся. И вже! [redacted]ъ готувáти? хибá щобъ булó чимъ слёзи утирáти... Ти підешъ [redacted]áнь, та абó жъ забýдешъ свою Марýсю, що тебé щúримъ сéрцемъ лю́бить, абó жъ не вéрнесся!..

Иванъ. Гріхъ тобі, моя́ ясочко, такъ объ мині дýмати: я йду за Кубáнь, а сéрце моé тутъ у тéбе зостаётця! А те, що не вернýсь, якъ убъю́ть еретúчі Черкéси, то се въ Бóжій вóлі! Вінъ намъ пóмічъ и защúта! Зъ нúмъ ми и [redacted] Очáківъ ходúли, Березáнь взяли́, Шмаілівъ, — тимъ собі й зéмлю Чорномóрську здобули́. А тó що жъ би булó, якбú на вóйну́ не ходúли? Розбіглись би зъ Старóі Січи, якъ руді мúші, та й гóді. Онъ бачъ співáють *(співáе)*:

Ой летíла бóмба зъ Москóвського пóля,
Та посередъ Січи впáла:

Ой хочъ пропа́ло сла́вне Запоро́жжя,
Такъ не пропа́ла сла́ва!

Оцю́-то сла́ву и намъ тре́ба підпіра́ти. Дай мі́ні, Мару́сенько, тільки сло́во та білу ру́чку, що ти ні за ко́го не підешъ, по́ки я верну́сь изза Кубані, то мі́ні й воюва́тись бу́де ве́село, а поби́вши Черке́съ, за́разъ и прилечу́ до те́бе!..

Маруся, *подає́ ёму́ ру́ку*. Отъ тобі, Ива́не, рука́ моя́! *(Притиснувши ёго́ ру́ку до се́рця)*. Отъ тобі моє́ се́рце! Ні за ко́го не піду́, по́ки ве́рнесся.

Иванъ, *пригорну́вши Мару́сю до се́рця*. Проща́й же! проща́й, моя́ лю́ба! Будь щасли́ва, та не журі́сь, — а я не забарю́сь.

V.

Илько. А ну, бра́те Йва́не! иди́ швидче! товари́ство на ко́няхъ сиди́ть, давно тебе́ дожида́етця; та й старий Тупи́ця гри́мае на те́бе.

Иванъ. За́разъ, бра́те Ильку! за́разъ! за мно́ю ді́ло не ста́не *(До Мару́сі)*. Проща́й же! проща́й, ми́ла Мару́сенько! проща́й! *(Маруся смутна́, проважа́е зъ Илько́мъ Ива́на до две́рей. Тільки що ві́нъ ви́йшовъ за две́рі, Мару́ся, поклони́вшись ёму́, верта́етця до ко́ну, тихе́нько, заду́мавшись. За лашту́нками коза́цький го́мінъ)*: Гай, гай, коза́че! Якъ ти до́вго збіра́есся!

Иванъ, *за лашту́нками*. Нічо́го, нічо́го, пани́-молодці! я відъ васъ не одста́ну.

Маруся *вбива́етця, ла́мле ру́ки, хо́дячи по кону́*.

Илько́. Чого́ ти, Мару́сю, жу́рисся? Диви́сь! козаки́ сидя́ть на ко́няхъ, якъ орли́; а ко́ні и землі підъ собо́ю не чу́ють; а въ бра́та Ива́на, диви́сь! кінь вороний, самъ коза́къ молоди́й, ажъ диви́тись лю́бо. Заспіва́ю ёму́ хоть пісні на доро́гу. *(Співа́е)*.

Іде́ коза́къ за Куба́нь,
Пріодя́гся такъ, якъ панъ,
Зъ се́бе бра́вий,
Ко́никъ жва́вий, —
Хоть куди́ коза́къ!

Сла́вне життя́ коза́цьке! Якъ сівъ на коня́, та й и ввесь тутъ; де схотівъ, тамъ и ставъ. Эхъ, коли́ то я діжду́ того́ ща́стя! Отъ же слу́хай:

либо́нь ідуть... *(За лашту́нками тупотя́ть ко́ні. Козаки́ співа́ють):*

Засвиста́ли коза́ченьки
  Въ похо́дъ съ полупо́чи,
Запла́кала Мару́сенька
  Свої я́сні о́чі.
Не плачъ, не плачъ, Мару́сенько!
  Не плачъ, не жури́ся.
За своє́го миле́нького
  Бо́гу помоли́ся.
Стоїть місяць надъ горо́ю,
  А со́нця нема́е;
Ма́ти си́на въ доріженьку
  Слізно проважа́е:
Прощай, ми́лий мій си́ночку,
  Та не забавля́йся,—
Чрезъ чоти́рі неділеньки
  До до́му верта́йся.
Ой радъ би я, мату́сенько,
  Скоріше верну́тьця,
Та щось кінь мій вороне́нький
  Въ воро́тяхъ спіткну́вся.
Ой Богъ зна́е, коли́ верну́сь,
  Въ яку́ю годи́ну.
Прийми́ жъ мою Мару́сеньку
  Якъ рідну дити́ну!
Прийми жъ її, мату́сенько!
  Всі у Бо́жій во́лі:
Ой Богъ зна́е, чи живъ верну́вся,
  Чи ля́жу на по́лі.

Коза́цька пісня ти́хшае, ти́хшае... Тимъ ча́сомъ Мару́ся, на кону́, лама́е ру́ки, пла́че и мовъ мо́литця, підніма́е вго́ру ру́ки; то прийде до двере́й, то ве́рнетця до ко́ну и гірко заридае́, то мовъ схамене́тця. Илько́ потіша́е її.

VI.

Явдоха *въ се время вхо́дить и, не розчу́мавши іхъ рече́й, зкоми́зилась та зъсе́рцемъ й ка́же:* Чого́ се ти, до́ню, тутъ съ па́рубкомъ стоішъ? *(До Илька́)* А ти, божевільний, чого́ сюди́ вбра́вся?

Илько́. Та такъ, панімату́сю! Козаки́ збіра́лись за Куба́нь, такъ я бра́та провожа́въ.

Явдоха. Глядѝ лишъ, Ильку! Я давно́ чу́ла про те́бе, що де до́ свiтки, де вечiрни́цi, де дiвча́та на у́лицi зберу́тця, то ти тамъ вродѝвся. Идѝ собi, звiдкiля́ прийшо́въ, та не ходѝ до насъ бiльше.

Илько. Та й пiду́, колѝ ви на ме́не се́рдитесь *(гаетця)*.

Явдоха. Идѝ, такѝ идѝ! *(розсердилась)* Ось тобi и две́рi, негiдний си́ну! *(за плече́ та въ две́рi)*. Отудѝ къ бiсу! Якъ то тепе́ръ на свiтi ста́ло! у насъ, въ старовину́, то ще такi парубкѝ и не ду́мають про дiво́къ, а дiвцi такiй и въ го́лову не прихо́дило съ парубка́ми водѝтись, не такъ, якъ тепе́ръ!

Маруся. Що се ви, ма́мо! Богъ зъ ва́ми! я́къ се ви на ме́не ка́жете? Хиба́ жъ я въ васъ яка́?

Явдоха. Та до яко́го ча́су ще дити́на, такъ якъ и тре́ба; а все-такѝ не годи́тця съ парубка́ми якша́тись. Отъ уже́ й лю́ди трапля́ютця,—отъ уже́ й за́мiжъ пора́.

Маруся. Якi тамъ, ма́мо, лю́ди?

Явдоха. Харько́ Кабѝця.

Маруся, *сама́ собi*. Ка́жуть лю́ди, що се́рце вiщу́нъ, то й пра́вда *(До ма́тери)* Якѝй, ма́мо, Кабѝця?

Явдоха. Незайма́iвський! А я́къ би ти сказа́ла?

Маруся. Я? я бъ сказа́ла пря́мо, що не пiду́ за ёго.

Явдоха. Чому́? *(сама́ собi)* Такъ и е, що кля́тий Илько́ обчеркну́въ ii ку́рячимъ зу́бомъ!...

Маруся. Вiнъ, ма́мо, старѝй та сердѝтий, а ще якъ оже́нитця, то бу́де ревни́вий. Та вiнъ менi и зовсiмъ не вподо́бавсь.

Явдоха. Отъ бачъ, що ти дурна́ е́сѝ! ти ёго́ не зна́ешъ, та й варня́каешъ, що тобi на язикъ наверзе́тця. Вiнъ хоть и старе́нький, такъ розу́мний и бага́тий ду́же, вiнъ ще зъ-пiдъ Шмаiлова принiсъ бага́цько гро́шей, та все червiнцi.

Маруся. Колѝ вiнъ, ма́мо, бага́тий, то неха́й собi шука́ убо́гоi дiвки, бо бага́та по до́брiй во́лi за ёго не пiде. А сёго́ ще ви не зна́ете, що прiiхала Кулѝна Кочугу́рiвна? Вона́ того́ Кабѝцю, що ви ка́жете, ще въ Сама́рi передъ ро́змиромъ полюбѝла и вiнъ обiща́въ зъ не́ю оженѝтись: божѝвся, кля́вся та й поки́нувъ. Вона́ ёму́ вiрила и, як свата́ли до́брi люди, то й вiдка́зувала; а якъ же вiнъ ii поки́нувъ, то вона́ бъ ра́да и за погане́нького чоловiка пiтѝ за́мiжъ, такъ не трапля́етця. Тепе́ръ вона́ бiдна ажъ сюдѝ за нимъ прийшла́, такъ що́ жъ? кля́тий Кабѝця и дивѝтьця на не́i бiдну не хо́че.

Явдоха. Ти есѝ дурна́, до́чко! що́ ти ме́лешъ? Се все брехня́, та на-

говóри. Слýхай лишъ сюди́: Кабúця вже вúслужився, въ одстáвці, бýде жúти дóма, хазя́йство держáтиме и худóбу доглядáтиме; а зъ молодóго щó? усé гонúтимуть: тó за Кубáнь, тó на кордóни, абó де въ далéкий похóдъ. Та отъ не далéко сказáть, якъ твій бáтько: аджé пішóвъ зъ кошовúмъ Чепігою въ Пóльщу, та тамъ и голóвку положúвъ; а тутъ чýтка, що військовúй суддя́ Головáтий піде въ Пéрсію—отъ и цілýйся изъ своімъ молодúмъ, якúй тамъ у тéбе на прикмéті. Тепéръ тілко за старúмъ и пожúти. Гóді жъ, гóді не знать объ чімъ сумувáти. Опісля́ й самá бýдешъ рáда такóму чоловікові. Вúкинь лишъ дуръ зъ головú та йди лягáй спáти, бо зáвтра трéба раненько встáти та дé-що зготóвити, бо врáнці й старостú прúйдуть, то щобъ булó іхъ чимъ приня́ти. Охъ! я такъ нóги натомúла зá день, що насúлу хожу́! Підý лишъ ля́жу спáти, та й ти не гáйся; гасú каганéць, та й самá лягáй скоріше!.. Охъ! *(Вúйшла).*

Маруся, *однá.* О мáмо, мáмо! гріхъ тобі обіжáти такъ дочкý свою́! Якъ мині на свíті Кабúцю любúти, колú моі óчі зъ ёго́ очúма не згля́нутця, и сéрце до ёго не обéрнетця? Щó мині тепéръ у свíті Бóжому робúти? де мині дíтись?

Въ хúжі чýті гóлосъ Кабúці:

Та ну, къ чóрту! идú, кажý тобі! бýдешъ моімъ стáростою.

Маруся. Охъ, мині лúхо! се, либóнь, идé до насъ Кабúця! Побіжý скоріше въ малý хáту та засýну двéрі, бо вінъ и тудú влóмитця. *(Вибíгла).*

VII.

КАБИЦЯ *и* ОЧКУРНЯ, *входять — підъ чáркою нáдто.*

Кабúця, *приспівуючи:*

Ой здорóва, дівчúнонько! чи ти спишъ?
Ке лишъ мині паляни́цю, абó книшъ!
— Паляни́цю, козáченьку, я бъ далá,
Такъ ще жъ тобі мякéнькоі не спеклá.

(Оглядáетця кругóмъ). Эгé! Щó за врáжа мáти? немá нікóго въ хáті! Певжé такъ рáно полягáли спáти? *(Підхóдить до двéрей и прóбуе).* Такъ и е! двéрі запéрті. Отъ тобі й книшъ! Отъ тобі й змóвини! *(До Очкурні)* А щó, Гнáте! якъ дýмаешъ? чи не торóхнуть лишъ мині лóбомъ у двéрі такъ, щобъ вони́ на дванáдцятеро розтрощúлись? Дивúсь пакъ! сплять собі та й гáдки не мáють, а я й дóсі не вмóвився зъ дівкою.

Очкурня́. Та цуръ імъ! неха́й сплять! Ще й за́втра вспіешъ поба́зікати; ато́ щобъ стара́ Драби́ниха не зкоми́зилась съ просо́ння, то й пра́ця твоя́ пропаде́ ні за понюхъ таба́ки.

Кабиця. А що́ ти ду́маешъ? и се пра́вда! Та потрива́й лишъ: я послу́хаю; мо́же, вони́ ще не сплять, а базікають объ чімъ-не́будь *(Підхо́дить до двере́й, наставля́е у́хо и слу́хае)*. Эге́! сопу́ть!.. Ого́! Драби́ниха крізъ сонъ щось забелькота́ла! Гмъ, дій ёго́ че́сти! Ну, нічого робить, неха́й сплять *(Одхо́дить)*. Ну, та й тя́жко жъ Мару́ся здиха́е! *(Заду́муетця)*

Очкурня́, *про себе, глузу́ючи*. Відъ то́го, що лю́бить тебе́, якъ соба́ка па́лицю. *(До Каби́ці)* Ото́, щобъ ти знавъ, Ха́рьку, вона́ за́міжъ хо́че, такъ ій и верзе́тця со́нній про яко́го-не́будь па́рубка.

Кабиця. Уже жъ не про яко́го, якъ про ме́не, бо вона́ мене́ давно́ вже полюби́ла, — ще на тімъ ти́жні, отоді, зна́ешъ, якъ ми съ тобо́ю відъ шинка́рки Горши́ни музи́къ вели́, а я попе́реду танцюва́въ, співа́ючи:

По доро́зі жукъ, жукъ,
По доро́зі чо́рний,—
Подиви́ся, дівчи́нонько,
Яки́й я мото́рний!

А вона́, якъ поба́чила мене́, та тілко кихъ! кихъ! кихъ! А я за́разъ на усъ и закрути́въ, та й кажу́ собі мо́вчки: оце́ жъ, ма́буть, вона́ въ ме́не вля́палась небо́га! А въ само́го, голу́бчику, нена́че комашня́ по-за шку́рою полізла, якъ гля́нувъ на Мару́сю, та після́ то́го мовъ шале́ний хожу́: не йде зъ ду́мки, та й го́ді, такъ и тя́гне до не́і; такъ що́ жъ? Стара́ зовсімъ рішила, що віддасть дочку́ за ме́не, а зъ молодо́ю ще після́ то́го не ба́чився ні ра́зу.

Очкурня́ *самъ собі*. Бачъ, га́спидський Каби́ця, якъ розманіжився! нена́че молоде́нький! Піддрочу́ лишъ я ёго́. *(До Ка́би́ці)*. Ой гляди́, Ха́рьку, щобъ вона́ и́ноді не попо́штувала тебе́ пече́нимъ ра́комъ!

Кабиця, *здивува́вшись*. Пече́нимъ ра́комъ? я́къ то такъ?

Очкурня́. Си́річъ, щобъ одвірка тобі не показа́ла. Ти, ма́буть, ще не чувъ, що я й самъ залиця́вся за не́і и вона́ мині приzна́лась, що мене́ лю́бить и піде за ме́не за́міжъ.

Кабиця, *зде́дзкавшись*. За те́бе за́міжъ! та що́ се ти, га́спидівъ Очку́ря? та я зъ тебе́ духъ ви́бью, та я тебе́ зувічу, якъ соба́ку! та я тебе́ въ три пога́бели зверну́, що й пір'я на тобі не оста́нетця! Чи тако́му жъ бридко́му, якъ ти, жени́тися зъ Мару́сею? Подивись на се́бе, неотесо! адже́ жъ ти пога́ніший відъ...

Очкурня́ *поквóломъ*. Ха! ха! ха! ха! а ти хибá крáщий відъ мéне? га, марó?

Кабúця. Та вонá на тéбе и плю́нуть не захóче...

Очкурня́. А на тéбе плю́не, хоть не схóче, ха! ха! ха!

Кабúця. Щобъ такúй ледáчий, якъ ти, одбúвъ у мéне дівку! та я скоріше зъ тéбе печінкú вúрву!

Очкурня́. Побáчимъ, чия́ візьме! а я вже знáю, що вонá не минé моіхъ рукъ.

Кабúця. Твоіхъ рукъ? А ти жъ, блощúця смердю́ча, гробáкъ короткону́зий, индúкъ кишкáтий, що отáкъ хóдить *(та й дмéтця, якъ индúкъ)*.

Очкурня́. А ти — сичъ витрішкувáтий! ха! ха! ха!

Кабúця. Харсу́нъ коротконóгий!

Очкурня. А ти бу́шля довгонóга! ха! ха! ха!

Кабúця. Свиня́ товстопу́за!

Очкурня́. А ти хортовá собáка! ха! ха! ха!

Кабúця. Мовчи жъ, бісова худóбо! та тікáй скоріше, пóки небúтий.

Очкурня. Самъ утікáй, пóки чупри́на ціла!

Кабúця. Такъ ти оце́, га[illegible]дська каракáтиця, почáвъ глузувáти надо мнóю? Тривáй, бéсуре! я тебé відъучу́ до чужúхъ дівóкъ залиця́тися! (*Засу́куе рукáва, налáзить на Очкурню́; той одъ єго́ тікáе и оберну́вшись, хапáе єго́ за ру́ки.*)

Очкурня́. Та що́ се ти, навісни́й! Ти справді сказúвся. Хáрьку! та то я глузувáвъ надъ тобóю, а Мару́сі не тілько не любúвъ, та й не бáчивъ, якá вонá.

Кабúця. Бре́шешъ, псяю́хо! Забожúсь, що зъ ро́ду не любúвъ и не любúтимешъ Мару́сі!

Очкурня. Ей-же-то-Бо́гу не любúвъ и не любúтиму! цуръ ій!

Кабиця. Що зъ ро́ду и не поду́маешъ ій свáтати!

Очкурня. Та дáлібі що не ду́мавъ и ду́мати не бу́ду! Нехáй вонá тобі на лёду́ підсковзнéтця!

Кабúця. Ні, зла личúно, не повірю! Забожúсь ду́жче.

Очкурня́. Щобъ же мині чáрки горілки въ вічі не бáчити! щобъ менé за живітъ узялó, колú не прáвду кажу́!

Кабúця, *одступúвши одъ єго́*. Глядú жъ, не збрешú! Бо якъ удру́ге попадéсся, пропадé чупри́на! Зроблю́ съ тéбе тирка́того півня!

Очкурня. Та нéхай вамъ хáлепа! Оттó нагадáй козі смерть!.. Нехáй імъ цуръ симъ дівчáтамъ! Я зъ ними й говорúти не вмію!

Кабиця. Отъ за се козакъ! И не говори зъ моею Марусею. Ходімъ же теперъ до шникарки Горпини та помирімось!....

Очкурня. Та чи помирімось, то й помирімось.

Кабиця. Козакъ, ій Богу козакъ! Поцілуймось же, брате Гнате!

Очкурня. Чи поцілуймося, то й поцілуймося! *(Поцілувались.)*

Кабиця. Ходімо жъ теперъ, брате Гнате! Уже ся нічъ не куди ходила. А шкода, що не бачився зъ Марусею! (*Идуть обидва обнявшись и приспівуючи*).

Козаченьку гарний!
Не ходи до Ганни,
Ходи до Марушки
На білі подушки;
А въ Марушки-душки
Чотирі подушки,
А пята маленька —
Сама молоденька,
А шоста перина —
Сама чорнобрива.

Завіса спускается.

ДІЯ ДРУГА.

I.

Видъ на кону той самий.

КАБИЦЯ *идѣ зъ досвіткивъ и співае*:

Казавъ міні батько,
Щобъ я оженився,
Не ходивъ на вечірниці,
Та й не волочився;
А я — козакъ жвавий,
Та й не волочуся.
Якъ до шинку доберуся,
Горілки напьюся.

Эхъ, лихо ёго матері! те тілько й негаразд, що я либонь постарівъ трохи. А колись изъ мене козакъ бувъ меткий та й завзятий на досвіткахъ та на вечірницяхъ. Якъ було забачу яку браву дівчину, то й моя! А теперъ уже не те... *(Позіхае.)* Эге! оце я не виспався! Та де жъ у гаспида виспатись, коли всю нічъ съ Кирилломъ Очкурнею прогуляли?..

Ду́мавъ, чи не бу́де на до́світахъ Мару́сі, ажъ шкода́!.. ма́буть заспа́ла... А вже дівка! чортъ ёго́ й ба́чивъ тако́і: чорнобри́ва! черво́на! свіжа та по́вна, якъ полуни́ця!... Якъ гля́нешъ на не́і, то такъ мовъ завійна вхо́пить, ажъ жижки́ задрижа́ть.... Ні, вже сіі не хо́чу обду́рювати, а оженю́ся. Го́ді бурлакува́ти! Коли́бъ лишъ тілько вона́ пішла́ за мене́?... Та поздоро́въ, Бо́же, Мару́синну ма́тіръ! Вона́ мині подала́ сло́во, то вже ій со́ромъ бу́де, якъ збре́ше.... Та що оце́ іхъ не ви́дно и до́сі? Уже́ світа́, а вони́, ма́буть, и до́сі сплять.... Се по-па́нській доле́жують. Вчо́ра прихо́дивъ, — спа́ли, и сёго́дні.... Хиба́ розбуди́ти?... Та ні, не хо́чу, бо щобъ молода́ не росе́рдилась, якъ не да́мъ ій ви́спатьця. А, мо́же, тепе́ръ ій спи́тця, що я зъ не́ю женіха́юсь, або́-що!... Що́ жъ тепе́ръ роби́ти? И безъ Мару́сі ску́чно,—и буди́ти ії жа́лко.... Заспіва́ю лишъ тії, що мене́ коли́сь навчи́въ нашъ хору́нжий Гайдабу́ра, а тимъ ча́сомъ и вона́ розбу́ркаетця, та й почу́е, що я такъ га́рно співа́ю. *(Співае:)*

Ой приписа́ли одъ леме́нта́ря
До со́тника Харька́ ли́сти:
»Ой прийдь, прийдь, со́тнику Ха́рьку,
Ме́ду-вина́ до насъ пи́ти.«
Ой якъ ставъ Харько́, ой якъ ставъ Харько́
Зъ до́му свого́ виїзжа́ти,
А за нимъ ёго́ со́тничка Харьчи́ха
Съ хлібомъ-сіллю проважа́ти:
»Ой не ідь, Ха́рьку, ой не ідь, дру́же,
Бо то прокля́тая зра́да.
Лу́чче бъ ти въ за́мку зоста́всь съ козака́ми,
То бъ я тобі була́ ра́да.«
Ой не послу́хавъ Харько́ господи́ні,
Що ду́же горілки вийся.
А за нимъ ёго́ жва́ві коза́ченьки:
»Ой стій, ба́тьку! не жури́ся!«
—»Ой якъ же мині, пани́-молодці!
Якъ мині не жури́тьця,
Що пі́до мно́ю мій кінь буланёнький
Та почáвъ станови́тьця?
А ще къ то́му, мої коза́ченьки,
На се́рденьку ту́га,
Що покида́ю я въ Жаботи́ні
Свого вірне́нького дру́га.«
Ой якъ приїхавъ вінъ до Павало́чи,
Ставъ зъ коня́ свого́ встава́ти,
Ой ставъ же ёго́ со́тникъ павало́цький
Ме́домъ-вино́мъ частува́ти.
Ой не встерігся Харько́, не встерігся,
Ме́ду-вина́ въ-смакъ напи́вся,

Та и на пáньске бíле лíжко
Спáти зáразъ положúвся.
Ой якъ заржáвъ же кíнь буланéнький,
Стóячи бíля пекáрні:
Ой и залилú сóтнúка Харькá
У залíзні кайдáни,
Ой якъ заржáвъ же кíнь буланéнький
Та й у стáні на помóсті:
Ой стрáтили Харькá та и захова́ли
У зелéній нехворóщі.

II.

Явдоха *за двери́ма*. А ну, Марýсю! ходíмъ у велúку хáту: либóнь женúхъ твій прийшóвъ.

Кабúця. Добрú-день вамъ, пані-мáтко! и тобí, Марýсю! Отъ же й дóбре, що ви одні дóма, та й дівка тýтъ: тепéръ на самоті и побалáкати дóбре: ніхтó не мішáтиме. А скажú, Марýсю, при мáтері: чи ти підешъ за мéне? чи, мóже, въ тéбе крáщий е?

Явдоха. И де жъ то немá, що й е либóнь? Одуріла дівка зовсімъ: тільке й мóви, що не піду за старóго, та й гóді....

Кабúця. Якúй я старúй? отáкъ ушквáрь! Эгé.... Сóромъ же тобí, Марýсю, що мáти на тéбе жáлуетця; а такъ би не годúлось. *(До мáтери)*. Та то, мóже, вонá сорóмитця васъ? Гéтте лишъ відсíль, я зъ нéю самъ побалáкаю....

Явдоха. Та й сílькось! я й підý. А тíлько кажý тобí, дóчко, вúкинь дуръ изъ головú. *(Вúйшла.)*

Кабúця, *залицяючись*. Ге, ге! чýешъ, Марýсю? полюби́ мене́, будь ласкáва! полюби́ мене́, моя́ ясочко, моя́ýточко, моя́ лебéдочко! *(Чепурúтця.)* Я, бáчитця, козáкъ не послíдній: одéжа на мині — якъ бачъ; грóшей пóвна кешéня, тá ще й въ саквáхъ е....

Маруся. Не трéба мині, дя́дьку, вáшихъ грóшей: у насъ, слáва Бóгу, й свої е.

Кабúця *зъ сéрцемъ*. Якúй я тобí дя́дько? Я ще молодéць, а не дя́дько! Щó то за дя́дько? *(Вéсело.)* Ти скажú: »дрýже«, та подáй мині свою рýку, щобъ намъ побрáтися та жúти щаслúво....

Маруся. Якъ мині подивúтись на васъ, що ви такі старі, то не гріхъ и бáтькомъ назвáти, не тíлько дя́дькомъ, а сéго́, щобъ намъ подружúтись, то й до вíку не бýде....

Кабиця. Якъ не буде? А якъ я підведу людей, та якъ присудять тобі за мене заміжъ ити, то якъ ти скажешъ?

Маруся. Хто мене може присудити заміжъ ити за старого, якъ я сама не схочу? Ви вже підвели бідну Кулину Кучугурівну, що тепериъ ніхто не хоче сватати, такъ вона ажъ сюди пріихала изъ Самарі....

Кабиця. Та нехай вона своему родові снится! Цуръ ій! я ії не поважаю; а съ тобою, моя галочко, моя курочко.... Ке лишъ хоть пожениха́юсь. *(Обніма ії.)*

Маруся *одпиха́ єго́.* Гетьте бо, дядьку! гетьте! Якъ вамъ не сором? Що це ви здумали?.. Та геть къ чорту!

Кабиця, *звомпивши.* Эге! се бісъ, а не дівка! Бачъ, яка брикуча! Нехай тобі хрінъ, коли така брикліва.... *(Маруся втіка́е съ хати.)* Отакъ, а не чортъ зна якъ!.. Та й не гаспідська жъ дівка! такъ и шморгнула! Эге!... Отъ тобі й допитався!

III.

Явдоха *входить.* А що, Харьку? якъ діло? чи допитався?

Кабиця. Якъ разъ допитався! и на мову не даетця!

Явдоха. Эге! А йонъ же йонъ, вража дитина! Я на неі и не сподівалась, щобъ вона такъ губу закопилила. Не даромъ же я ії съ Илькомъ на розмові зуспіла.

Кабиця. Съ якимъ Илькомъ?

Явдоха. Таджежъ, коли знаете, съ Прудченкомъ.

Кабиця. Якъ? отой блазень, білогубе щеня? Та я єго, вражого хлопця, убью, якъ собаку. Дивись! Уже бісові діти почали дівокъ у козаківъ одбивати! Отакий світъ настався! Постривай же, еретична дитино бісова! я тобі дамъ затірки! попадесся ти въ моі лещата!

Явдоха. Та въ єго старший братъ е, козакъ гарний, такъ що жъ? не посидящий: єму й нудно, якъ дома сидить; и тепериъ десь повіявся съ козаками за Кубань....

Кабиця. Та цуръ єму! а ви лишъ скажіть, чи довго мене будете водити? Такъ добрі люди не роблять.

Явдоха. Отъ же й лихо!.. Такъ я приймусь за неі не такъ. Ось посидь тутъ, Харьку, а я збігаю до сусіда Цвіркуна, то, може, вдвохъ съ Цвіркункою чи не вкоськаемъ Марусі, та сюди й прийдемо.

Кабиця. Та йносе!

Явдоха, *вихо́дючи*. Я не бу́ду бари́тись. Якъ зла́димо, то щобъ за́разъ и на рушни́къ ста́ли. Проща́йте жъ до яко́го ча́су.

Кабиця, *оди́нъ*. Ай Драби́ниха! Отъ мото́рна жінка! За се куплю́ вже ій черво́ні чо́боти. Та й жінка жъ!... Э! я й забу́въ, що у ме́не въ кише́ні пля́шка зъ горілкою, та й не почастува́въ Драби́ниху! Гай, гай! А, дай же ёго ка́ту! Ну, що́ жъ тепе́ръ? Ся́ду лишъ оту́тъ по-коза́цькій, та ви́пью хоть самъ горілки, та заспіва́ю запоро́зькоі пісні, щобъ не такъ су́мно було́. *(Си́дя до́лі по-коза́цькій, ви́пивъ пля́шку зъ кише́ні, оді́ткну́въ.)* Ота́кички безъ за́тички! *(Вийма́е ча́рку.)* Оце́ жъ и ча́рка! *(Налива́е, випива́е и співа́е:)*

Гей бувъ въ Січі старий сідий,
На прізвище Чалий,
Вигодувавъ сина Саву,
Козакамъ на славу.
Ой бувъ Сава въ Немирові
Въ Ляха на обіді,
Не знавъ Сава и не відавъ
Въ своій тяжкій біді.
Гей якъ крикне та панъ Сава
На хлопця малого:
»Сідлай, хлопку, сідлай, малий,
Коня вороного!
Сідлай коня вороного,
А собі другого, —
Поідемо оглядати
Ми дому нового.«
Гей пріїхавъ та панъ Сава
До своего дому;
Питаетця челядоньки:
»Чи все гаразд̀ъ дома?«
—»Та все гаразд̀, батьку Саво,
Та щось на насъ буде:
Щось у нашихъ повихъ хатахъ
Сивий голубъ гуде!...«
—»Нехай гуде, нехай гуде!
Того не боюся...
Гей якъ гляну на Нову Січъ,
То ввесь издрігнуся!«
—»Та все гаразд̀, батьку Саво,
Тілько одно страшно:
Виглядаютъ гайдамаки
Изза гори часто....«
Ой сівъ Сава въ кінці стола,
Роскинувъ ворожки:
»Ой ще жъ буде козакъ Гнатко
Чорноі дорожки.«

Сидíть Сáва въ кінцí стóла
Та тя́жко здихáе,
А Савúха въ новімъ лíжку
Дитúну хитáе.
»Підú, хлóпче, до пивнúці
Та принесú пúва,
Та вúпъемо на здорóвья,
Та й за могó сúна.
Зайдú рáзомъ до вúпници
Та вточú горілки,
Та вúпъемо за здорóвья
Та моéі жінки«.
Ой ще жъ не вснівъ малúй джýра
Звернýться зъ пивнúці,
Шатáється козáкъ Гнаткó
По новій світлúці....
»Здорóвъ, здорóвъ, пáне Сáво!
А я́къ собі мáешъ?
Изъ далéка гостéй мáешъ,
Чимъ ихъ привітáешъ?«
—»Ой чимъ васъ, пани́ молóдці.
Я бýду вітáти?
Ось давъ мині Госпóдь сúна,
Бýду въ кýми брáти.«
—»Колú хотівъ, пáне Сáво,
Насъ у кýми брáти,
Не йти булó бъ гей до Гáрду
Церквú руйнувáти.
Колú хотівъ, пáне Сáво,
Дóвго панувáти,
Не йти булó бъ изъ Ляхáми.
Насъ не дратувáти.«
—»Прицвúю васъ, молóдці,
Мéдомъ-горілкою.«
—»Попрощáйся, пáне Сáво,
Зъ дітьми и зъ жінкою.«
Ой кúнувся та панъ Сáва
До я́сного мечá,
Взялú Сáву на три спúсú
Съ-пíдъ прáвого плечá.
Ой кúнувся та панъ Сáва
До своéі збрóі, —
Взялú Сáву на три спúсú
Та піднялú вгóру.

(Передъ кінцéмъ пíсні виймáе изъ кешéні капшýкъ зъ грішми, висипáе грóші додóлу, наливáе въ чáрку горілку и пье.) Гу! еретúча Марýся не хóче йти за мéне. За кóго жъ вонá піде? Чимъ я не ко-

зáкъ, абó не хазя́інъ? Отъ же жъ оцé й грóші, оцé жъ и червінці... хибá жъ ій болячки трéба? *(Починáе лічити.)* Разъ іхъ, два іхъ, три іхъ...

IV.

Пéредъ кінцемъ пісні МАРУСЯ *вводить* КУЛИНУ; *побалáкавши зъ нéю тихéсенько дéщицю, зоставля́е її на тімъ мíсці, а самá вихóдить собí съ хáти.* КУЛИНА *тя́жко смутнá, підхóдить збóку* КАБИЦІ, *гля́нула на єго гірко, а дáлі, мовъ ненарóкомъ, одверну́лась и жáлібно співáе:*

Ви́йду я на гóру
Бíлими ніженькáми,
Гля́ну я на дýба
Кáрими оченькáми, —
Ажъ на тімъ дубóньку
Два голýбонька гýде:
Гей щось на козакá
Та пригóдонька бýде...

Кабúця, *скрúва на нéї дúвлячись, співáе:*

А я тíї пригóдоньки не боюся,
А відъ тéбе, божевíльна, одступлю́ся.

Кулúна, *залúвшись слéзáми.* Бóже мúй, Боже мíй! Хáрьку! чи не гріхъ тобí? чи ти Бóга не боíсся? щó ти зъ мéне зробúвъ?...

Кабúця, *кладé чáпко грóші въ кесетúну, та зъ сéрцемъ.* Та де ти взялáсь у нечúстого бáтька, марó? Геть відсіля́. Пехáй тобí рябúй бíсъ відъ мéне! Чогó ти вя́жесся, причепéндо? Геть зъ очéй моíхъ, бíсова марю́ко!

Кулúна. Хáрьку!... Богъ тебé скарáе! *(Вихóдить.)*

Кабúця. Отъ, навіжéна неприторéна!... Пфу *(плюе)* на твоé пíрья! *(Наливáе и випивáе.)* Оцé гáспидська відьма! де вонá взялáся? А нехáй же ій хрінъ! колúбъ ще клонітъ не наробúла. *(Встаé и чепурúтця).* Бíсова я́щірка! Гаразд, що старóі Драбúнихи та Марýсі на сей разъ не трáпилось, атó бъ такóго піднеслá печéного кабакá... А щобъ ти сказúлась, гáспидська нехлю́я бíсова! Пшáче оцé менé обýхомъ пó лобу зацідúла. Вúпью лишъ горілки, чи не повеселíша. *(Пье.)*

V.

ЦВІРКУНЪ, ЦВІРКУНКА, МАРУСЯ И ЯВДОХА, *а пото́мъ Илько́ у вікно́ зазира́ве.*

Цвіркунка *попе́реду иде́ та й співа́е; проспіва́вши та й потанцю́ве съ Каби́цею вдвохъ, та й упя́ть такъ же, до са́мого кінця́ пі́сні.*

До до́му йду — товче́ники,
Изъ дому йду — товче́ники;
Та вже жъ мині пресу́чиі
Товче́ники наску́чили!
Ой чи ви́йду на тане́ць—
Відъ старо́го буханє́ць,
Въ пути́лицю, або́ въ спи́ну,
Що й нога́ми вже не дви́ну.
Ой ту́тъ мині погуля́ти,
Усімъ ли́хомъ зацура́ти,
Драби́ниху звеселити,
А Каби́цю ожени́ти.

Танцю́ве съ Каби́цею.

Цвіркунъ *се́рдитця и кру́тить голово́ю, щобъ переста́ла співа́ти.*

Цвіркунка. Чого́ ти голово́ю кру́тишъ, мовъ той цапъ въ дроковви́цю? Ти жъ мене́ й горілки навчи́въ пи́ти: *(До люде́й.)* Якъ ми побра́лись зъ ци́мъ га́спидськимъ ді́домъ, та й пішли́ до люде́й въ го́сті, а се було́ объ великоднихъ святка́хъ. Я тоді була́ молода́ та хороша, та дурна́,—горілки не вміла пи́ти. А тамъ у насъ у Старо́му Санджа́рові така́ була́ привітлива молоди́ця Мо́тря Черво́ниха, та й часту́е мене́ горілкою, та такъ про́сить поштиво, що Бо́же мій! Я глядь на свого старо́го, а вінъ на ме́не, та й закрути́въ голово́ю. Я жъ ду́мала, що вінъ се́рдитця, чомъ не пъю, та за́разъ черкъ ча́рочку съ тарілки, хиль та й ви́пила. Сижу́ та й пиша́юсь, ажъ тутъ не-заба́ромъ и по дру́гій про́сять; то я все—що гляну на свого́ чоловіка, то вінъ ще й ду́жче голово́ю кру́тить, а я й ду́маю: »Одже й ли́хо! коли́бъ лишъ на-вспра́жки не росе́рдивсь того́, що я, якъ ви́пила пе́ршу ча́рку, та й скрививсь!« Я й сю хильну́ла; вте́рлась, та й сижу́.

Кавиця. Ай Цвіркунка! ко́зирь-молоди́ця! Жа́лко, що мене́ тамъ не було́ зъ ва́ми!

Явдоха. Чи ти жъ по по́вній и пила́?

Цвіркунка. А я́къ же? у насъ крий Бо́же, якъ пригу́бишъ до ча́рки! Ка́жуть: після́ те́бе й Тата́ринъ не пи́тиме. Отъ я вже й байдуже́ на свого́ чоловіка поглядáти, а вінъ ота́къ и сидівъ міжъ козака́ми. *(Показуе на́ бікъ.)* А да́лі по тре́тій, та й по четве́ртій ви́тягли. Прийшли́ козаки́, та й чаба́нъ съ козо́ю, що гра́ють. Якъ уцюкне́, бра́тіки, шекéні, якъ піду́ я въ ско́ки та въ бо́ки, ажъ намúсто на шúї гра́е, а підківки́ тільки чóко, чóко, чóко, чóко!.. Куди́ вамъ вашъ гуса́ринъ зъ своіми шпо́рами! Дале́ко й ходúть. А да́лі гулькъ! ажъ нема́ чоловіка въ ха́ті. Пішóвъ, ка́жуть, до до́му. Ба́тькові жъ ёго́ бісъ, що мене́ поки́нувъ! *(Цвіркýнъ ки́дается ії би́ти, та ёго́ здéржують Кабúця и Явдóха; а Цвіркýнка тоді́ до Цвіркунá.)* Тю, навіжéний! чи ти сказúвсь! Аджé се я роска́зую. Сядь та сиди́ ота́мъ. Отъ, погуля́ли тамъ до тре́тіхъ півнівъ, я й пішла́ до до́му. Не дійшла́, та підъ Серединóю ха́тою й звали́лася, та й не тя́млю, коли́ и якъ я до́ма опини́лась. А що́ жъ ви, бра́тіки, ду́маете на похмілля? Якъ почáвъ мене́ оцéй дундýкъ *(показуе на Цвіркунá)* похмеля́ти, такъ я три неділі після ёго́ рукъ ви́лежала, та й оцю́ пісеньку ле́жачи скла́ла... А за́ що бивъ?....

Цвіркунъ. На́ що пила́ горілку?

Цвіркунка. А на́ що жъ ти крути́въ головóю?

Цвіркунъ. Щобъ и въ ротъ не бра́ла.

Цвіркунка. Бре́шешъ-бо, щобъ пила́!

Цвіркунъ *ки́дается би́ть, а ёго́ здéржують.*

Кабúця. Та го́ді вамъ! Чи ви зъ ча́ду, чи що́?.

Цвіркунъ, *випру́чуючись.* Та вона́ такúй вже моіхъ рукъ не втічé....

Кабúця. Та го́ді вамъ!...

Цвіркунка. Гля́нься на́ Бога прицýцуватий. Дивітесь, бра́тіки! самъ ви́вчивъ жінку горілки пúти, та й бъéтця.

Цвіркунъ *плюé.* Пьфу, соба́ко! *(Хóче ви́йти, та ёго́ здéржують.)*

Кабúця. Та посúдь бо, Борúсе! чого́ ти дрóчисся, навісúй! Хиба́ жъ ми на те васъ покли́кали, щобъ вамъ сварúтьця? Сіда́й лишъ, го́ді комизúтись.

Цвіркунъ. Та й посúжу, такъ неха́й же Івга нічóго не роска́зуе та сяде поштúво.

Цвіркунка. Та о́дже й сяду.

Явдоха. Сідáйте, сідáйте, (*Побáчивши чáрку й пляшку дóлі*). Ось и горілка, та такъ дóлі и стоїть.

Кабúця. Та то я принíсъ та й забýвъ васъ почастувáти.

Явдоха. Спасúбі! та въ насъ и своя́ е. Та хочá жъ сúрно заслáти та тоді й почастувáти. Якъ-такúй горілоцці такъ дóлі стоя́ти? (*Виходúть, принóсить сúрно, станóвить дóлі та й кáже Марýсі*). Чýешъ лишъ ти, придзеглёвана! гóді тобі отáмъ слúнити! подáй лишъ скатертúну. (*Марýся найшóвши скатертúну, подаé*). Подáй лишъ отáмъ зъ зáпічка балабанú гарячі, тетéрю, та підъімó хоть трóхи.

Кабúця. Э! э! Підъімó, підъімó, бо я цілісінську нічъ не івъ, та вúголодавсь, якъ собáка въ пашéнній ямі.

Явдоха, *сідáючи*. Такъ зá день намонялась, що крúй Бóже! ажъ кісточкú всі болять.

Цвіркунка. Чи не бувъ и въ васъ, нéнько, покíйний Драбúна такúй, якъ у мéне Цвіркýнъ?...

Цвіркунъ. Та цить! (*крýтить головóю.*) Гай, гай! А йонъ же, йонъ!

Явдоха. Э, ні! перóмъ земля́, лéгко ёмý покíйному лежáти! Такúй бувъ чоловікъ, що хочá бъ оцій моїй тонкослізці Кабúця такúй удався.

Кабúця. Се бъ то я? Э, я, панімáтко, жáлуваґиму твою́ дочкý.

Цвіркунка. Брéше, не къ вамъ річъ! Чоловіки все такъ кáжуть, якъ жéнятця, а навпóслі, якъ отъ и мій казáвъ....

Цвіркунъ. Та цить, кажý! Атó, врáжий синъ, колú я тобі оцúми ваганкáми головú не розібъю!

Кабúця. Та дáлибі що жáлуватиму! отъ щобъ я оцёгó балабанá не проковтнýвъ. (*Берé балабáнъ.*)

Явдоха. Та пожáлуйте жъ горілочки! Ну лишъ, Івго, пошанýй насъ.

Цвіркунка. Та й сількось. (*Берé пляшку зъ горілкою.*)

Явдоха. А я сяду трóхи та одпочúну. Сідáйте, лю́де дóбрі!

Илькó, *зазирáючи у вікнó потúху*. Эгé! тутъ либóнь свáтання. (*Цвіркýнка налúвá и підноситъ Явдóсі*). Пожáлуйте.

Явдоха, *не приймá чáрки*. Звóльтесь!

Цвіркунка. Дай же, Бóже, сéстро, вамъ дочкý віддáти, зятя придбáти й онýківъ діждáти. (*Випивае и підноситъ Явдóсі*) Пожáлуйте!

Илькó, *потúху*. И вже, відъ Кабúці навря́дъ діжде хто онýківъ.

Явдоха, *узя́вши ча́рку и вста́вши*. Спаси́бі вамъ, че́сні лю́де, що ви не цура́етесь моє́і ха́ти. *(Пье.)*

Цвіркунка, *до Каби́ці*. Пожалуйте!

Каби́ця. Зво́льтесь!

Цвіркунка. Дай тобі, Боже, жінку хоро́шу, на світі жи́ти й дітокъ прижи́ти. *(Випива́е, по́тімъ налива́ и підно́сить).*

Каби́ця, *приня́вши ча́рку*. Спаси́бі, Івго, спаси́бі, моя перепілочко! До́бре діло е не поміха, бу́де утіха.

Илько, *поти́ху*. А зась, бісівъ діду!

Цвіркунка *налива́е ча́рку и підно́сить до Цвіркуна́*. Чи не розвеселю́ свого́ старо́го хочъ ча́ркою. *(Співа́е:)*

Поздоро́въ, Бо́же, мого́ старо́го
И мене́ коло ёго,
Ой що вінъ мене́ не бъе, не ла́е,
Вінъ мене́ въ го́сті пуска́е.

Усі смію́тця.

Цвиркунъ, *усміхну́вшись не́хотя*. Вра́же начи́ння!

Явдоха. Контету́йтесь, лю́де до́брі: проси́ю поко́рно! *(Ідя́ть.)*

Каби́ця. Пухкі балабани́, та й тетёря го́жа. Чого́-то зъ сёго́ свято́го хліба не зро́бишъ? уся́чину: діда, бра́тки, рябка́, су́чку́, кале́ника, натика́на....

Илько *поти́ху*. А, що́бъ ти вдави́всь, огоро́дня сатано́!...

Явдоха. Оце́ жъ, Ха́рьку, після хліба-со́ли та й за діло пора́ взя́тьця.

Каби́ця. Та эжъ! я вже давно́ наслуха́ю, до чо́го воно́ дійде.

Илько *поти́ху*. До то́го, що ти о́близня піймаешъ....

Маруся. Бо́же мій, Бо́же мій! Що́ се ма́ти хотя́ть зо мно́ю зроби́ти!... *(Сама́ собі)*. Зе́мле сира́! розступи́ся! неха́й и моі кісточки́ зъ ба́тьковими въ тобі лежя́ть! Бо́же мій, Го́споди!... *(Пла́че.)*

Илько *поти́ху*. Серде́шна Мару́ся!...

Цвіркунка *до Явдо́хи*. Отъ же зна́ете, не́нько, неха́й Харько́, оце́ йде та попа́ поедна́, бо, мо́же, ще ёго́ й до́ма нема́е; а ій ко́су заплетемо́: які́ жъ тутъ прибо́ри? Та й до це́ркви, та й на рушни́къ!

Илько *поти́ху*. Ота́ка ловись!...

Каби́ця. Эге́! та й такъ таки́й. Я оце́ піду́ до панотця́, а въ васъ щобъ було́ все гото́ве. *(До Мару́сі.)* Чого́ бо ти, Мару́сю, все рю́маешъ?...

Явдоха. Дурна́, то того́. Ось якъ ста́не на рушни́къ, то де ті й слёзи дінутця!

Цвіркунка. Де жъ ви, не́нько, ба́чили, щобъ дівча́та, якъ іду́ть за́мі́жъ, та щобъ не пла́кали?

Илько *поти́ху*. А найпа́че за тако́го мацапу́ру, якъ Кабиця.

Кабиця. Та й пра́вда! Ну, прощайте жъ до яко́го ча́су. *(Вихо́дить).*

Илько *поти́ху*. Иди́ до бі́са на обі́дъ зъ залізною ло́жкою, а я побіжу́ до со́тника Тупи́ці та роскажу́ ёму́, що тутъ дієтця....

Кабиця *до Явдо́хи*. Гляди́, пані-ма́тко, щобъ моя́ пра́ця не пропа́ла, бо, бачъ, твоя Мару́ся усе́ щось бундю́читця....

Явдоха. Та нічогісінько! Идіть собі, неха́й вамъ Богъ помага́е.

Кабиця. То-то гляди́, щобъ и сама́ йноді не зде́дзкалась, гля́дя на Мару́сини слёзи. Бачъ, усе́ ру́мсае....

Явдоха *до Кабиці*. Ище́ жъ таки́! Та йдіть робіть свое́ діло! а ми свое́ зро́бимъ. *(До Цвіркунки)*. Приберй жъ ії, Івго....

Кабиця. Прощайте! *(Вихо́дить.)*

Усі. Прощайте! прощайте!

Маруся. Ма́мочко жъ моя, голу́бочко! не віддава́йте мене́ за Кабицю! Я вамъ по пра́вді ска́жу, що я... *(Утупила о́чі въ зе́млю.)*

Явдоха. Ну, що́ тамъ? кажи́!

Цвіркунка. Кажи́, ма́шко! чого́ ти соро́мисся?

Маруся. Що́ жъ, мамко моя ріднесенька! Я сло́во подала́ Ива́нові Прудко́му....

Явдоха. У! то ду́рість, до́чко! Не звика́й! Бачъ, куди́ потетю́рилась! Та й Иванъ неха́й вибача́. Хочъ вінъ коза́къ и бра́вий и во́інъ хоро́ший *(до Цвіркунки)*, такъ голіший же, не́нько, відъ ми́ши. *(До Мару́сі.)* И не ду́май, до́чко! Що на ёму оде́жа га́рна? Ото́ жъ и тілько, що на ёму́ та въ ёму́.

Маруся Та що́ се, ма́мо, ви ро́бите зо мно́ю? Хочъ-би́ люде́й зібра́ли та пора́дились. Якъ же таки́ такъ? *(Плаче.)*

Явдоха. Яки́хъ тобі люде́й? Оце́ жъ и лю́де! Де тутъ тобі дівокъ набра́ти? Се не въ городаха, а се въ Чорномо́рі: и сами́ неда́вно прийшли́ въ Видну́ жи́ти; отъ ще й до́сі въ земляці....

Маруся *кла́няетця всім*ъ. Прости́ мене́, моя́ ма́тінко! простіть мене́, до́брі лю́де; простіть, мої дівоцькі літа... тепе́ръ я пропа́ща на вікъ.... *(Почина́е співа́ти й пла́че.)*

Пливи́, пливи́, селезе́ню,
Ти́хо по воді,
Прибу́дь, прибу́дь, мій ба́теньку,
Тепе́ръ икъ мині!
»Ой радъ би я, дитя́ мое́,
Прибу́ти къ тобі, —
Наси́пано сиро́і землі
На ру́ки мої!
Склепи́лися ка́рі о́чі,
Устоньки мої;
Не дамъ тобі пора́доньки
Бідній сироті!«

(За плаче́мъ перестае́ співа́ти.)

Усі, *пла́чучи*, Го́ді жъ, го́ді, до́чко, пла́кати. Ходімо лишъ, пора́ тебе́ прибра́ти. *(Виво́дять Мару́сю.)*

ДІЯ ТРЕТЯ.

Кунштáція та жъ.

I.

ЯДВОХА, МАРУСЯ *при́брана*, ЦВІРКУНЪ *и* ЦВІРУНКА, *виво́дячи Марусю съ ха́ти.*

Цвіркунка. Бачъ, яка́ тепе́ръ ти хоро́ша, Мару́сю! що ажъ подиви́тись лю́бо! Такъ якъ ма́ківъ цвітъ! Неха́й уже́ тобі Богъ помага́ на до́бре діло. Не жури́сь, до́ню! все гараздъ бу́де. Воно́ тілько спе́ршу тро́хи страшне́нько вйхо́дить за́міжъ, а да́лі й байду́же....

II.

КУЛИНА *и ки́тишний* (¹) *со́тникъ* ТУПИЦЯ.

Кулина *въ слёза́хъ чіпля́етця на ши́ю Явдо́сі и тя́жко ту́жить.*

Ой ма́тінко!
Голу́бочко!
Рату́й мене́,
Лебідочко!

(¹) *Ки́тишний* — тимъ зва́вся со́тникъ, що ки́тиця въ ёго була́ коло ша́блі.

Оборони́
Одъ напа́сти!
Не дай мині
Вразъ пропа́сти!
Харько́ мене́
Извівъ стидки́й!
Хотівъ сва́тать, —
Збреха́въ бридки́й!
Літа́ мої
Дороги́,
Літа́ мої
Золоти́,
Извівъ ма́рно
И барвінокъ
Зомя́въ, не́нько,
Якъ почи́нокъ!
Твою́ дочку́
Хо́че бра́ти,
Мене́ бідну
Зацура́ти!...
Ой ма́тінко
Голу́бочко!
Ратуй мене́,
Лебідочко!

За слёза́ми бі́лшъ не зду́жа співа́ти.

Явдоха *утира́е слёзи. До со́тника.* Здорові, па́не! Що́ це? чого́ вона́ такъ ту́жить ду́же?

Тупиця. Оце́ твій га́спидський зять Харько́ занапасти́въ оцю́ дівку. А ти ще й дочку́ пха́ешъ за ёго! Чи ти зъ глу́зду зсу́нулась, чи що́? Роспита́йсь лишъ попе́реду. Вінъ, еретичий дідъ, підмани́въ оцю́ дівку, обіща́вся жени́тися зъ не́ю ще въ Новосе́лиці. Отъ, коли́ зна́ешъ старо́го діда Кучугу́ру, що живъ земля́нкою на Матві міжъ хріномъ...

Явдоха. Та я́къ же? зна́ю! я й сама́ була́ въ тімъ уро́чищі и до́бре зна́ю старо́го Кучугу́ру. Тэкъ оце́ Кулиїна, ёго́ дочка́? Я зна́ла ії, якъ ще вона́ мало́ю була́.

Тупиця. Э, э! оце́ жъ то й вона́! Такъ вона́ — ска́зано дурни́й дівоцький ро́зумъ—поква́пилась, що въ ёго, бісового діда, бага́цько гро́шей е, та й поки́нула ба́тька, що, мо́же, до́сі зъ го́лоду зги́нувъ, та й притёпалась за нимъ ажъ сюди́. Такъ що́ жъ? Старий соба́ка зъ очей жене́. Оте́ твоій и доцці бу́де, о́-що!

Явдоха. Спаси́бі жъ вамъ, добро́дію, що ви оце́ сказа́ли. Цуръ ёму́, тому́ Кабиці! не віддамъ дочки́ за ёго! А мині Мару́ся й ка́же, що вінъ такий, такъ я, не поняла́ віри.

Цвіркунка *до Явдо́хи.* Такъ оце́ бідна Кули́нка, ма́буть, така́, якъ у тій пісенці співа́ють. *(Приспівує:)*

Ба́тько дочки́ пита́е:
»Чомъ барвінокъ посиха́е?«
—»Коткй мише́й гони́ли,
Барвіночокъ зломи́ли.«
Ма́ти дочки́ пита́е:
»Чомъ хвартушо́къ не стика́е?«
—»Кукуру́зу, ма́мо, іла́,
Кукуру́за набубні́ла.«

Кулина. Го́ре мині, бідній сироті! До чо́го я довела́ себе́! *(Пла́че).*

Цвіркунъ, *перебива́ючи жінці́ доспівувати пісню.* А йонъ же йонъ! де ні посій, тамъ и вро́дитця. Сядь та мовчи́, бо би́тиму!

Цвіркунка, *затули́вши ротъ руко́ю.* Сіда́йте, добро́дію!

Тупиця. Та тутъ не те, що́ сіда́йте; а тре́ба поду́мати, я́къ би оній бідній Кули́ні помогти́?

Явдоха. Та якъ же, ви то зна́ете, добро́дію; а я, да́лебі, не зна́ю, чимъ. Я бъ ра́да ій свого́ па́льця врізати, щобъ ій помогти́, такъ що́ жъ?

Тупиця. Одже слу́хай! Вінъ, вра́жий дідъ, пішо́въ попа́ една́ти, щобъ звінча́въ ёго́ съ твое́ю дочко́ю, — я все зна́ю; то, якъ вінъ прийде сюди́, то ми Кули́ну заховаємо хочъ у хи́жу, а Мару́сю поса́димо зъ нимъ, та й почнемо́ ёго́ частува́ти: то вінъ, еретичний дідъ, якъ упъе́тця, то ми Мару́сю геть, а Кули́ну пхиць до ёго, та й перевінча́емъ. Хочъ вінъ за́втра й огля́дитця, що лопатки́ въ горо́сі, то байдуже́: привы́кне та й жи́тиме. А я твоій доцці кра́щого зя́тя найду́. *(До Мару́сі тихе́сенько).* Ива́на Прудко́го.

Маруся, *раде́сенька, сама собі.* Ива́на!

Явдоха, Цвіркунъ и Цвіркунка. То й до́бре, добро́дію! оце́ — то та́къ!...

Явдоха. Я собі ду́маю, що якъ відказа́ти пря́мо Кабы́ці, то тоді й не відче́писся відъ ёго; а оце́ до́бре ви ка́жете, добро́дію!

Маруся *весели́нько.* Такъ я жъ тепе́ръ піду́ та наряжу́ Кули́ну та й вийду сюди́, якъ тре́ба бу́де.

Явдоха. Та й иди́ жъ, иди́. Бачъ, вра́жа дочка́! мовъ не та ста́ла: за́разъ повеселішала.

Кулина. Спаси́бі жъ вамъ, не́нько! Спаси́бі й вамъ, добро́дію, що ви не оставля́ете мене́, бідну сироту́. Вамъ Богъ запла́тить за до́бре діло. Ходімо, Мару́сю! ходімо, моя́ голу́бочко!

Маруся. Ходімо, Кули́но. *(Вихо́дять оби́дві.)*

Тупиця, *учу́вши то́пітъ.* Отъ же либо́нь Кабы́ця чимчику́е.

III.

Кабиця *входить, підъ чáркою трóхи, співáючи:*

По дорóзі жукъ, жукъ.
По дорóзі чóрний:
Подивúся, дівчúнонько,
Якúй я мотóрний;
Подивúся, глянься,
Якúй же я вдáвся!
Хибá дасúпівтáліра,
Щобъ пожениха́вся.

(Побáчивши Тупúцю, зупиня́ється, зніма́е шáпку.) Вáші гóлови, отáмане бáтьку й товарúство! (1)

Тупиця. Товарúство! А щó жъ, Хáрьку! чи ти справúвся съ попóмъ? Бачъ, я до тéбе на свáтання прийшóвъ.

Кабúця. Спасúбі, бáтьку! Та чи ви знáете, щó зо мнóю трáпилось? чýдо та дúво! Я окульбáчивъ шкáпу та хотівъ бігти въ гóродъ попá еднáти, щобъ звінчáвъ. Колú мині лю́ди й кáжуть, що въ Вúдну новúй піпъ приíхавъ. Я шкáпу покúнувъ, та до ёго. Колú дивлю́сь, ажъ Яцькó Передерій Кисляківський попóмъ—ха! ха! ха! Роспитáвся зъ нимъ, ажъ ёго́, знáете, що багáто де́-чого нашкóдивъ, військовúй суддя́ Головáтий пристрýнчивъ трóхи, та й послáвъ на пóпа до владúки въ Кримъ, такъ той ёго́ й постáвивъ; такъ тепéръ: ýси отакі, а на голові й на бороді тільки пенькú стирчáть... Такъ ми зъ нимъ розбалáкались, вúпили по чáрці, по другій та й ще; такъ оце́ я вже пъянéнький трóхи. *(Илькó зазирáе въ вікнó).*

Цвіркунка *до Явдóхи тихéнько.* Отъ же й дóбре! Не багáто тепéръ и трéба.

Явдоха. А щó жъ ти? поеднáвъ попá?

Кабúця. А якъ же? »Я тебé,« кáже, »зáразъ и звінчáю!«

Илько *потúху.* Я бъ тéбе звінчáвъ!

Тупиця. Такъ се той Передерій, що въ рóзмиръ на Кисляківському бадайдакý бувъ пúсаремъ?

Кабúця. Та эжъ!

Тупиця. Ну, то й не дúво: то́ чоловíкъ письмéнний и розýмний зъ бíса. Вже колú зъ ёго бувъ козáкъ завзя́тий, то й попóмъ дóбрий бýде.

(1) Такъ Запорóзці вітáлись.

А ти, Ха́рьку, гара́здъ ду́же оце́ ро́бишъ, що зду́мавъ жени́тися: ато́ тебе́ врагъ не взявъ: ти чоловікъ невбо́гий. Тепе́ръ тілько шука́й га́рноі жінки, та й го́ді.

Цвіркунка. А яко́і жъ ёму́, добро́дію, кра́щоі жінки тре́ба, якъ Мару́ся бу́де? Вже, якъ по пра́ді сказа́ти, то хочъ-би́ й не Каби́ці така́ хоро́ша дівка.

Каби́ця, *взя́вшись у бо́ки, передра́жнюе Цвірку́нку.* Хочъ-би́ й не Каби́ці така́ хороша́ дівка! А Каби́ця чимъ не коза́къ? Диви́сь лишъ до́бре. Яко́го жъ Мару́сі кра́щого молодця́ тре́ба, якъ ми? Хочъ збо́ку... *(Поверта́етця бо́комъ.)* Хочъ зза́ду... *(Повертаетця за́домъ.)* Хочъ спе́реду... *(Поверта́етця передо́мъ.)* Куди́ ні поверни́, круго́мъ коза́къ бра́вий...

Тупиця. Та що́ про те бала́кати? ви́дно Хому́ по похо́ду. Тутъ лишъ про се толку́ймо, щобъ тебе́ скоріше ожени́ти, та й кінці въ во́ду...

Каби́ця. Та я не відъ то́го.

Цвіркунка, *перебива́ючи.* Що́ жъ тутъ, добро́дію за му́дрощі Каби́цю ожени́ти? Хиба́ жъ ми ма́ло пережени́ли вся́кого наро́ду? Въ насъ у Чорномо́риі зато́го всі діди́ переже́нятця зъ молоди́ми дівча́тами. Тепе́ръ уже́ така́ поведе́нція, що старі усе́ же́нятця зъ молоди́ми, не тілько въ насъ у Чорномо́риі, та й по всёму́ світу.

Цвіркунъ. Але́ и тутъ не вмо́вчить!..

Тупиця. Та яке́ намъ діло до цілого світа? Ми зна́ймо свою́ Чорномо́рию, а до...

Цвіркунка. Хиба́ жъ тілько й світу, що въ вікні? що Чорномо́рия, та й го́ді? Поідьте лишъ у Русь та подивітця, що́ тамъ ро́битця. Отъ ми йшли зъ стари́мъ на сю зе́млю черезъ Дінъ, такъ диви́лись відъ само́го Санджа́рова ажъ до До́ну; що бага́то наіхало моско́вськихъ панівъ скрізь по города́хъ, та й бага́то, добро́дію, е міжъ ни́ми таки́хъ стари́хъ та черева́тихъ, та й зъ ро́ду не жона́тихъ. Инший и до́брий е, таки́й привітливий та балаку́чий, а до и́ншого не зъ вівсо́мъ. Я вже до́вго не забу́ду, якъ оди́нь на насъ крича́въ: »Эй, хахли́! хахли́!« Ми жъ ду́мали: на кого́ бъ то вінъ ка́же? а́жъ вінъ, добро́дію, на насъ! По́ки жъ ми розчуру́кали та зупипи́лись, коли́ ди́вимось, ажъ и салда́ти за на́ми біжя́ть, и той панъ моско́вській иде́ та такъ розсе́рдивсь, що крий Бо́же! та й ка́же: »Што ви за лю́ди?« та такъ ла́етця пога́но, що цу́ръ ёму́! Ми й сказа́ли, що йде́мо на Чорномо́рию, такъ вінъ насъ ви́лаявъ, ви́лаявъ, та й ка́же: »У васъ тамъ всё брадя́ги«, та й верну́вся ла́ючись.

Цвіркунъ. Та го́ді тобі, хоть духъ переведи́. Се бісъ! и не заці-пить ій, га́спидській торохтійці!

IV.

МАРУСЯ *ввійшла́ и зупини́лась.*

Явдоха. Слу́хай, Ха́рьку! сіда́й лишъ отта́къ: оце́ панъ со́тникъ бу́де за ба́тька, а я вже за ма́тіръ; а Цвіркуно́въ съ Цвіркуно́вою старостами, та тілько ось яка́ вмо́ва: щобъ ти на́шої дочки́ не звавъ Мару́сею, а Кули́ною. *(До Цвіркуно́вки.)* Часту́й лишъ. *(Івга часту́є по черзі.)*

Илько *поти́ху.* Бачъ, якъ банькй ви́валивъ, мовъ бара́нъ!

Каби́ця, *схаменувшись, придивля́ється въ парсу́нокъ Мару́сі.* А на́ щожъ ви ій Мару́сею зовете́?

Явдоха. У не́і була́ ста́рша сестра́ Мару́ся, такъ вони́ такъ люби́лися, що крий Бо́же! та якъ ишли́ изъ Слободзе́і на сю зе́млю, такъ вона́ доро́гою въ Переко́пі вме́рла; то оця́ дочка́ й про́сить мене́: »Не зовіть«, ка́же, »мене́, ма́мо, Кули́ною, а зовіть Мару́сею, щобъ я своє́і сестри́ не забу́ла«. Такъ я й кажу́: »та й сількось!« та й зову́ ій Мару́сею, а воно́, ба́чу, гріхъ...

Каби́ця *про се́бе.* Не хотілось би мині на се ме́ння зва́ти, та нічого робити... *(Го́лосно.)* Та й бу́ду зва́ти Кули́ною!

Илько *поти́ху.* Бу́дешъ, хочъ не схо́чешъ...

Явдоха. Побожи́сь же, що бу́дешъ такъ зва́ти: ато́ й вінча́ння не вінча́ннямъ, якъ ти ска́жешъ попо́ві, що Мару́ся, а не Кули́на; а вінъ такъ и почи́туватиме.

Тупиця. Та ще въ ме́трики якъ заведе́ Мару́сею, а вона́ тебе́ зду́ма поки́нути, то тоді якъ підешъ тяга́тись, а вона́ люде́й підведе́, що ій зва́ти не Мару́сею, то й відсу́дять у те́бе жінку.

Каби́ця. Та й да́либі, що бу́ду!..

Явдоха. Ке лишъ, Івго́, ще й я зя́тенька попо́штую. *(Бере́ горі́лку и часту́є.)*

Каби́ця. Та неха́й же хочъ сяде дівка коло ме́не, то хочъ мині повеселіша.

Явдоха *до Мару́си.* Сіда́й, сіда́й! *(Маруся сіда́є.)* Отъ тепе́ръ и въ парі. *(Часту́є.)*

Илько *поти́ху.* Якъ разъ па́ра! Мовъ ма́ківка зъ репяхо́мъ!

Кавиця *бере́ и пье*. Оце́ вже сла́бше пішла́.

Илько. Жаль, що въ го́рлі не застря́ла.

Тупиця. Та дай лишъ ще й я попо́штую; а Кули́на неха́й ху́стку зна́йде та рушники́.

Кабиця. Э, э, э, ху́стку оцюди́. *(Пока́зуе на ру́ку.)*

Илько *поти́ху*. Тобі вона́ й приста́ла, якъ соба́ці ли́ко. *(Мару́ся встае́ и вихо́дить.)*

Тупи́ця. Ну, се жъ уже́, Ха́рьку, ви́ний відъ ме́не, та й повя́жемо васъ. *(Підно́сить ча́рку. Каби́ця простяга́е ру́ку, а Тупи́ця обмани́въ.)* Отъ бачъ, ти вже и впивсь! Ще жъ я попе́реду ви́пъю. Здоро́въ, Ха́рьку! Щасли́во тобі жени́тьця, та люби́ свою́ Кули́ну. *(Пье, налива́е и підно́сить Каби́ці.)*

Каби́ця. Э, э, э, бу́ду люби́ти *(Бере́ и пье.)*

Илько *поти́ху*. Якъ собака́ цибу́лю.

Кабиця, *ви́пивши*. Спаси́бі!

V.

КУЛИНА *вно́сить на таріляі рушники́ и ху́стку.*

Явдоха. На лишъ, Івго, поде́ржъ тарілку; а ти, Ха́рьку, встань та беріть у насъ благословення, та й зъ Бо́гомъ *(бере́ въ Кули́ни таріляку и передае́ Івзі.)*

Каби́ця, *встае́ озира́е себе́ и підхо́дить до Кули́ни, у́браної въ Мару́сину оде́жу; бере́ її и підво́дить до Тупи́ці и Явдо́хи.* Благословіте, та́ту, и ви, ма́мо, молоди́мъ на рушни́къ ста́ти.

Илько *поти́ху*. Гляди́, щобъ не впавъ!

Тупи́ця и Явдоха. Бо́же, васъ благосло́ви́! та, Бо́же, вамъ помага́й на до́бре діло! *(Благословля́ть; по́тімъ Кули́на бере́ ху́стку зъ таріляки у Івги и перевя́зуе ру́ку Каби́ці, а по́тімъ рушника́ми черезъ пле́чі Цвіркуна́ и Цвірку́шку. Сіда́ють усі.)*

Каби́ця. А що́! мо́же, я не молоде́ць? хочъ въ отюта́нти поверни́, то й тамъ би зъ десятка не ви́кинули.

Илько *поти́ху*. Бачъ, яки́й ко́зирь!

Каби́ця *співае пьяни́мъ го́лосомъ*:

Ой ти, дівчи́но
Го́рда да пи́шна!
Ой спаси́бі тобі, се́рце,
Що́ за ме́не ви́йшла!

Кули́на.

Якъ же мині, коза́ченьку,
За те́бе не ви́йти,
Що безъ те́бе не ма́тиму
Я життя́ у сві́ті!

Каби́ця.

Отепе́ръ ти, моє се́рце,
Бу́дешъ панува́ти:
Есть у ме́не вівці, ко́ні
И воли́ рога́ті.

Илько *підспі́вуе тихе́нько*:

Бу́дешъ мене́, моє се́рце,
У плу́гъ запряга́ти,
Та по спи́ні лома́кою
До́бре потяга́ти.

Явдоха, *постері́вши Илька́ въ вікні́*. Се ти, Ильку?

Илько́. Я.

Явдоха. Иди́ сюди́, вра́жий па́рубче! А то ще хто диви́вся зза плеча́?

Илько́. Та то Пріська Притулівна.

Явдоха. Бачъ! кличъ же й ії сюди́. Отъ же й гара́здъ, що тра́пився бо́яринъ изъ дру́жкою...

Каби́ця *співа́, куня́ючи:*

Га́рна була́ Мару́сенька,
Ще кра́ща Кули́на!..
Чи е въ те́бе, моє се́рце,
Мяке́нька пери́на?

VI.

Илько́ и Пріська. Помага́й Бігъ вамъ на усе́ до́бре!

Явдоха. Спаси́бі, діточки! Иди́, Прісю, до насъ. Ти бу́дешъ дру́жкою, а Илько́ бояри́помъ. *(До Цвіркуна́ и Цвіркунки.)* Оце́ жъ бухи́нка панотце́ві и пля́шка горілки, та й идіть, неха́й вамъ Богъ помага́е.

Каби́ця, Кули́на, Цвіркунъ и Цвіркунка *вихо́дять. Музи́ки гра́ють відхо́жої.*

Тупи́ця. Ота́къ скру́тимо вра́жого Каби́цю, що ёму́ й не присни́тця.

Явдоха. Та де ви, добро́дію, Кули́ну зу́спили?

Тупи́ця. Ишла́ бі́дна дівка світь за́ очі. Доходи́лась до то́го, що й істи ніхто́ не дає́. Край чужи́й, ро́ду нема́ нія́кого. Ишла́ та й сіла при Куба́ні надъ кру́чею и но́ги звішала; то якъ-би́ я не тра́пився на той часъ, то до́сі яки́йсь би сомъ поснідавъ би не́ю до́бре. Такъ я, відкли́кавши, роспита́въ ії та почу́въ одъ Илька́, що́ тутъ у васъ дієтця, та й напусти́въ ії, а да́лі й привівъ изъ собо́ю. Ну, сла́ва Го́сподеві, що такъ тра́пилось. До-зли́дня таки́хъ сіро́мъ пожени́лось зъ молоди́ми дівча́гами, та такі хазяіни́ поробили́сь, що й ге́ть-то. А сёго́ нечи́стий не візме. Та ти зна́ешъ що́, Явдо́хо? Уже́ коли́ робити добро́ лю́дямъ, то робити. Одда́й лишъ Мару́сю за Ива́на Прудко́го?

Явдоха. Та воно́ бъ то й такъ, добро́дію! та тре́ба пе́рше зъ паро́домъ роспита́тись.

Тупи́ця. Та вже съ кимъ хочъ пита́йсь, то всякъ ска́же, що вінъ коза́къ до́брий, зъ се́бе бра́вий, не пъяни́ця, не волоцю́га, не розбиша́ка, а мото́рний, прово́рний: хочъ до лу́ка, хочъ до дрю́ка. Чи ще жъ тобі одино́ке життя́ не обри́дло? (*Мару́ся вихо́дить и поглида́е въ две́рі на вісілля.*)

Явдоха. Дежъ то, добро́дію, не обри́дло, що хто не схо́че, той тілько мене́, бідну, й не обіжа́е? Отъ, якъ-би́ не оцёй челяди́нъ (*пока́зуе на Мару́сю*), давно́ бъ світь за́ очі пішла́, ато́ тілько й живу́ для не́і. Воно́ ні сло́ва—й грошеня́та во́дятця, та чи на́довго жъ то іхъ ста́не? Все тяга́емо зъ скри́ньки, а въ скри́ньку ніхто́ не поло́жить.

VII.

МАРУСЯ *вхо́дить.*

Тупи́ця. А що́, Мару́сю! я тебе́ оце́ сва́таю. Скажи́ лишъ по пра́ві, чи ти підешъ за Ива́на Прудко́го?

Маруся. А чомъ же, якъ ма́ти ска́жуть?

Явдоха. Отъ бачъ! Вона́ до сёго то́ргу й пішки! вона́ давно́ на ёго стріля́е.

Маруся. Ба́чите бо, ма́мо, я́къ за Каби́цю я не хотіла, що Бо́же мій! сама́ бъ собі смерть заподіяла, такъ ви казали все: йди́ та й иди́, а за Ива́на, то й не ка́жете...

Явдоха. Бо я Йва́на чи не розгля́діла гара́здъ, чи вінъ мині не полюби́вся, и сама́ не зна́ю....

Маруся. Ба́чте, ма́мо! о́дже слу́хайте. *(Співає:)*

Ой пий, ма́ти, ту́ю во́ду́,
Що я наноси́ла;
Хвали́, ма́ти, того зя́тя,
Що я полюби́ла.

Явдоха *співа́є*:

Ой не бу́ду води́ пи́ти,
Бу́ду розлива́ти:
Нелю́бого зя́тя ма́ю,—
Бу́ду розлуча́ти.

Маруся.

Не розлива́й води́, ма́мо,
Бо тя́жко носи́ти:
Не розлуча́й мене́ зъ ми́лимъ:
Тобі зъ нимъ не жи́ти.

Явдоха. Эге́! бачъ! Се бъ то ма́тері на дога́дъ буряківъ, щобъ дали́ капу́сти....

Тупиця. Отъ же слу́хай, Явдо́хо. Ти на свої витрібе́ньки плюнь. Этъ ти мене́ зна́ешъ? Я вдове́ць, діте́й нема́ зъ ро́ду, то вже ота́къ мині и вме́рти тре́ба; а те ти зна́ешъ, що въ ме́не е?

Явдоха. А я́къ же? се всі зна́ютъ, що ви грошови́ті добро́дію.

Тупиця. Эге́! отъ же то бачъ! оце́й Ива́нъ Прудки́й мій хреще́никъ та все примині й живъ, коза́цтва ви́вчився, и вже, якъ пра́вду сказа́ти, то ве́льми до́брий коза́къ! такъ отъ же й слу́хай. Оте́, що въ ме́не е, то вже кому́ воно́ бі́лше доста́нетця, якъ не ёму́? Неха́й тілько мене́ похова́.

Явдоха. Та якъ се ви, добро́дію, ка́жете, то й я те́е... такъ де жъ вінъ?

Тупиця. Та вінъ тепе́ръ у коза́цькому ділі, та шви́дко й бу́де. *(Чути го́мінъ и то́пітъ.)*

Тупиця и Явдоха *заразо́мъ*. Що́ тамъ таке́? Та се на́ше висілля йде зъ вінча́ння.

VIII.

Цвіркунъ и Илько *веду́ть під руки* Кабицю *п'яно́го*; Пріська и Цвіркунка *иду́ть и співа́ють*. Кулина *ту́тъ же*.

Летівъ горноста́й черезъ садъ,
Пусти́въ пірячко на весь садъ:
Збіра́йте, дружечки́, пірячко,
Звийте Кули́ні гіллячко.

Сажа́ють Кабицю на осло́ні а вінъ розверта́етця и засипа́е.

Тупиця. Отъ тобі й зви́въ Харько́ гіллячко! що й ноги відки́нувъ, мовъ кули́къ після яйця́...

Кабиця *зъ про́соння* Що́ е за ди́во?... Глянь!... Чого́ се ви догори́ нога́ми хо́дите? що́ се вамъ ста́лось! оце́ ди́во, на світі!... Гай, гай!...

Цвіркунка. Бачъ, я́къ ёго́ розвари́ло! вже ёму́ невість що́ и ввижа́етця... Наси́лу перевінча́ли. Тро́хи й попа́ не звали́въ. Повінча́вши ще й піпъ давъ по ча́рці, такъ уже́ Бо́же мій, и рукъ не чу́емо: наси́лу довели́.

Тупи́ця. Ильку! а ходи́ лишъ сюди́.

Кабиця, *ле́жачи дридае нога́ми, мовъ танцю́е, та й приспівуе*:

Танцюва́ла ри́ба зъ ра́комъ,
А петру́шка съ постерна́комъ,
Цибу́лиця съ часнико́мъ,
А дівчи́на съ козако́мъ.
Цибу́лиця дивуетця,
Якъ хо́роше танцю́етця.

Якъ Кабиця ми́мрить пісню, Тупи́ця ше́пче щось Илько́ві на у́хо. Илько́ вихо́дить съ ха́ти та й ка́же: Зразъ, ба́тьку!

Тупиця, *го́лосно*. Потрива́йте лишъ: я ще коло ёго пошепчу́ де́що. *(Підхо́дить до Кабиці, вийма́е зъ кеше́ні капшучо́къ зъ грішми, та й оддае Кули́ні.)*

Кабиця, *ду́маючи, що Кули́на*. Та потрива́й, Кули́нко! дай мині відпочи́ти хочъ тро́шки... Хочъ трішечки, Кули́нко!

Тупиця. На́, Кули́но, оці гро́ші, та й заховай, та й гляди́, не дава́й ёму́ до рукъ; а якъ спита́, де дівались, то ти запри́сь, що не зна́ешъ про іхъ и не ба́чила.

Кули́на. А якъ же́ вінъ мене́ би́тиме?

Тупи́ця. Адже́ вінъ за́втра тутъ бу́де, то хто жъ тебе́ попу́стить? Ти бо слу́хай, дурна́! Тимъ тебе́ и Кабиця обмани́въ, що ти дурна́ така́. Ось слу́хай та вчись: якъ схо́че Кабиця похмели́тись, або́ якъ на що́ дру́ге тре́ба ду́же, то ти й ви́йми червінця та й купи́, що́ тре́ба; коли́ жъ спита́, де взяла́, то ти й ска́жешъ або́ на ме́не, або́ на Явдоху, бу́цімъ дали́ тобі, а чи насъ спита́е, то й ми ска́жемо, що дали́, то вінъ якъ поба́чить, що въ ёго га́спидъ-ма й копійки при душі, а відъ те́бе перепада́тиме, то вінъ тебе́ люби́тиме, жа́луватиме и слу́хатиме. *(Илько́ вбіга́е и прино́сить саквй.)* Ке́ лишъ сюди́. *(Бере́ саквй, висипа́е зъ нихъ додо́лу мизеря́ку, знаходить гро́ші въ торби́нці и од-*

дає́ їхъ Кулі́ні. На жъ отъ и сі гро́ші; якъ гляді́тимешъ, то ста́не зъ васъ на ввесь вікъ. *(До Илька.)* А ти, Ильку, візьмі́, збері́ все въ сакви́, одеси́, та й повісь іхъ тамъ, де й були́. Та ще слу́хай. *(Зновъ ще́нче щось ёму́ на у́хо.)*

Каби́ця *крізъ сонъ.* У! ху! ху! та й журавлівъ же яко́го бага́то літа́е!..

Илько́, *вихо́дячи.* До́бре, ба́тьку! усе́ зроблю́ по-молоде́цькій.

Кулина *кла́няетця всімъ.* Спаси́бі вамъ, добро́дію! спаси́бі вамъ, моя́ матусю; спаси́бі й вамъ усімъ, до́брі лю́де, що не дали́ мині, бідній сиро́тині, пропа́сти!

Тупи́ця. Однесіть же Каби́цю въ хи́жу, неха́й вже тамъ съ Кули́ною собі якъ зна́ють... *(Всі беру́ть Каби́цю и несу́ть черезъ ха́ту въ хи́жу; тамъ ёго́ и Кули́ну зо́ставляють и всі вихо́дять на кінъ.)*

Кабиця *со́нний співае:*

Наварила гарбуза́
Та вки́нула ма́ку;
А въ той гарбу́зъ
Цвіркуно́къ загру́зъ,
Тілько ви́дно...

Явдоха. Сіда́йте! сіда́йте! а ти, Івго, пошану́й Пріську та Илька́, якъ прийде. Спаси́бі імъ, що потруди́лись; ато́ бъ доста́лось бігати та шука́ти боя́рина зъ дру́жкою.

Цвіркунка. Та тутъ таки́й вра́жий Илько́ балаку́чий та чудни́й! Отъ бачъ: туть и мовча́въ, мовъ не вінъ, а якъ ишли́ до попа́, то всю доро́гу рего́четця та жарту́е, а я й собі...

Цвіркунъ. Та мовчи́ жъ, леда́що! ато́ я й тутъ ище́ дамъ товче́ника тобі!

Тупи́ця. Та го́ді вамъ витребе́нькувати! Сіда́йте лишъ та слу́хайте гото́вого: оце́ ми вже одно́ ді́ло до́бре зробили, що старо́го Каби́цю ожени́ли съ Кули́ною; а тепе́ръ я сва́таю Мару́сю за Йва́на Прудко́го.

Цвіркунъ и Цвіркунка. Такъ що́ жъ? Бо́же, помага́й! Ими зна́емо, що то коза́къ хоро́ший.

Тупи́ця. Такъ рішай же, стара́: чи даєшъ благослове́ння своїй доцці за мого́ Ива́на? Вінъ коза́къ бра́вий; дівка ёго́ лю́бить и хо́че за ёго за́міжъ. Чи такъ, Мару́сю?

Маруся. Коли матуся ска́же, то адже́ жъ!

Тупиця. О! бачъ! ну, кінча́й же ді́ло.

Явдоха. Та де жъ вінъ? неха́й же я́вится. Якъ Богъ дасть, що

вéрнетця, то я й поблагословлю́ іхъ, коли́ вже такъ Богъ судúвъ Марýсі. А до того́ ча́су неха́й лишъ молода́ насъ почастýе. Трéба могорічъ запúти.

Тупúця. Оцé річъ до діла! А ну́ лишъ, Марýсю, дава́й по ча́рці. Ми вúпъемо за твоé зъ женихóмъ здорóвья.

Маруся. Зъ щúрого сéрця. *(Частýе сóтника.)*

IX.

ИЛЬКО *вбігáе, танцюе й співáе:*

Эй гопъ! гопъ! гопъ! та чукú!
Повернýлись козакú!

Усі. Чи вже? чи спрáвді?

Илько. Слýхайте! *(Ржуть кóні. Ивáнівъ гóлосъ співáе:)*

Ой заржú, заржú, воронúй кóню,
Та підъ крутý гóру йдýчи,
Неха́й зачýе сéрце дівчúна,
Снідання готýючи!
Ой на вóлики та налúгачі,
А на кóники пýта,—
Ой колúбъ не ти, сéрце дівчúно,
То не бувъ би я тýта!

Явдоха. *не дослýхавши співу.* Слáва жъ тобі, Гóсподи!

Маруся. Ой мáтінко! се жъ Ивáнъ, се жъ моé коха́ння!

Цвіркунка. Ось цúтте лишъ! годúтця й намъ зустрíти ёго́ піснею. *(Завóдить. Другі підтягують. Зъ нúми й Марýся:)*

Перечýла я черезъ лю́де,
Що мій мúлий въ гóстеньки бýде.
Ждáла я, ждáла, ждáла-дожидáла,
Воріточка та й очиня́ла.
Ажъ мій мúлий изъ похóду іхавъ
Та до мене въ гóсті заіхавъ.
Нічъ моя́ тéмна, а зірóнька я́сна.
Дóле моя крáсна та щáсна!

X.

Якъ іщé пісня співáетця, увіхóдить ИВАНЪ *въ усій збрóї.* МАРУСЯ *кúдаетця ёмý на шúю. Якъ доспівáли остáнній стихъ, завіса спускáетця.*

ЗАГУБЛЕНІ ДУШІ.

БАЛЛАДА.

»Чи ти жъ мене́ вірно лю́бишъ,
Коза́че чорня́вий,
Чи, жарту́ючи зо мно́ю,
Тільки вво́дишъ въ сла́ву?«
—»Не жарту́ю, моє́ се́рце,
Бу́ду вікъ кохáти,
Неха́й тільки віддáсть тебе́
Та за ме́не ма́ти.«
—»Чи я жъ тобі не каза́ла
Коза́че, серде́нько,
Що за те́бе віддáсть мене́
Старе́нькая не́нька?
Хиба́ жъ та́я цига́ночка,
Ди́влючись въ доло́ню,
Не каза́ла, що я въ не́ні
Щастли́вая до́ня?
Дали́сь мині-таки́ въ знаки́
Ти́ вечірни́ці...
Не віддáсть мене́ за те́бе —
Піду́ у черниці.«

Зорі ся́ють; середъ га́ю
Дівча́та співа́ють,
А дівчи́ну парубчи́на
Давно́ виглядáе.
Не виглядáй, бо не ви́йде:
Ма́ти не пусти́ла;
За сусіду бага́того

Її заручи́ла.
»Ма́мо, ма́мо, що́ ти ро́бишъ?
Чи мині жъ зъ нимъ бра́тись?
Хочъ худо́би въ ёго си́ла,
Чи ёму́ жъ коха́тись?
Бода́й же тій цига́ноцці
До́лі не діжда́ти,
Коли́ міні не схотіла
Пра́вдоньки сказа́ти!
Бу́ду кля́сти́ — спомина́ти
Ти́ї вечірни́ці....
Ма́мо, зми́луйсъ надо мно́ю
Віддай у черни́ці!«

Не віддала́. Біле ли́чко
Відъ слізъ помарніе,
А сусідки-воріженьки
Ска́жуть: багатіе.
»Не діждете воріженьки!
Хай насъ Богъ проща́е....
Якъ згуби́ли свої ду́ші —
Тільки місяць зна́е...«

По-надъ шля́хомъ, біля га́ю,
Въ одну́ домови́ну,
Положи́ли, завали́ли
Коза́ка й дівчи́ну.
Ко́жну ве́сну, якъ дівча́та
Весня́нту співа́ють,
Про коха́ннє тіе́й па́ри
Су́мно спомина́ють.
Ко́жну ве́сну, на моги́лі
Тя́жко ма́ти пла́че...
Надъ старо́ю голово́ю
Тільки во́ронъ кря́че.

В. Куликъ.

Полтава, 1860 р.

ЧАБАНЪ.

На могúлі чабáнъ стóя,
Ніби про щó рýпивъ;
Опéршися на дирлúгу,
Очі въ зéмлю втýпивъ.

Заклáвъ рýку у кешéню,
Гамáнъ витягáе,
Помнявъ тютюнъ дрібнéсенько,
Лю́льку накладáе.

А, наклáвши, взявъ у зýби,
Гýбки відриває,
Та, на крéмінь положúвши,
Кресáломъ черкáе.

А вúкресавъ, кладé въ лю́льку,
Тя́гне, димъ пускáе,
Та на вівці подивúвся
И вітра питáе:

»Де ти, вітре буйнéсенький,
Де ти пробувáвъ?
Скажú міні, щó по світу
Йдучú прочувáвъ?

»Скрізь же бо ти, буйнéсенький,
По пóлю гуля́ешъ,
Шумúшъ, гудéшъ, висвúстуешъ,
Тúрсу похиля́ешъ.

»Ти всю хмáру, що підъ нéбомъ
Гóнишъ, куди́ знáешъ,

Зъ могúлами, що на пóлі,
Ти самъ розмовля́ешъ.

»На óзері на тúхому
Фúлю піднімáешъ,
И у лíсі проміжъ лúстямъ
Страшéнно гукáешъ.

»На дéреві ти листóчки
Всі перебірáешъ,
А úнколи и гілля́ку
Зъ дéрева зіпхáешъ.

»По садóчкахъ ти скрізь хóдишъ
И віти ламáешъ,
И кислúці зъ половúни
Безъ нýжди зривáешъ.

»Ніхтó тобі й не борóнить,
Идéшъ, куди́ знáешъ,
Оббивáти й обривáти
Скрізь прáво ти мáешъ.

»Куди́ идéшъ ти по шляху́ —
И куръ піднімáешъ;
Хто йде, іде прóтивъ тéбе —
Очі засипáешъ.

»На цáрину спотикнéсся,
Кóпи роскидáешъ,
Зъ стогівъ сіно, що на лукáхъ,
Всюди розвівáешъ.

»Хати́, хліви́ роскривáешъ
И тини́ ламáешъ;
Хто накладé вогню́ въ пóлі,
И той роздимáешъ.

»У мо́ре ти наве́рнесся —
И тамъ забушу́ешъ,
Чи міжъ хма́ру забере́сся —
И тамъ запану́ешъ,

»И тамъ хма́ру, куди́ схо́чешъ,
Изъ гро́момъ попха́ешъ,
Оттаку́ ти, буйне́сенький,
Всю́ди си́лу ма́ешъ;

»Бо вiдъ те́бе въ те́мнiмъ лíсi
Ли́стя шелести́ть,
И ча́iчка съ парусáми
По водi лети́ть.

»Лети́ть ча́йка и доро́ги
Вслiдъ не оставля́е,
А, ти, здоро́въ, куди́ прiйдешъ —
Помина́й якъ зва́ли.

»Въ водi ри́ба, якъ ти иде́шъ,
На дно забере́тця,
Изъ дна слу́ха, якъ до те́бе
Вся Фи́ля смiе́тця.

»Фи́ля жъ те́ все розбiра́е,
Що́ ти нi гово́ришъ,
Бо поси́нiе здале́ка,
А якъ ти дохо́дишъ,

»За́разъ начне́ надима́тьця,
Вала́ми коти́тьця,
Стовпо́мъ вго́ру пiдiма́тьця,
Объ береги́ би́тьця.

»А я стою́ на моги́лi,
Лю́льку потяга́ю;

Хочъ и чýю, що ти вíешъ,
Такъ не розбірáю.

»Хочъ-бú мінí розібрáти,
Якъ та фúля грáе,
И я́къ моя́ гірка́ до́ля
Въ тýзі погибáе.

»За́ що жъ вона́ погибáе —
Чи тобі казáти?
Бýдешъ же ти, буйнéсенький,
Менé понімáти?

»Понімáй же, голýбчику,
Дé вже не поня́ти!
Бо я рідним своїмъ сло́вомъ
Бýду товкувáти:

»Що въ посто́ліхъ усю́ зіму
На снігý таньцю́ю,
У дирявій свитúноцці
»Въ моро́зі тупцю́ю.

»Оттáкъ, вітре, якъ ти бáчишъ,
И днюю й ночýю
У цій сáмій свитúноцці
Літую й зимýю.

»Росказáвъ би тобі, вітре,
Скільки го́ря знáю,
Якъ піднявся я на но́ги,
Добрá не згадáю«, —

Такъ товкýю зъ бýйнимъ вітромъ,
А вінъ вухъ не мáе;
Хочъ я́къ кричý, роскáзую, —
Вінъ не дочувáе.

Віе собі вінъ, небóга,
Млинú повертáе,
А тимъ лю́дімъ, що въ невóлі
Слізъ не обтирáе.

»Шумú жъ, вітре буйнéсенький,
Въ хмáрі й на зéмлі,
Ганяй же ти шпáрко-шáмко
Човни́ по воді;

»А я на могúлахъ
Літа проведу́;
Ви́куривши лю́льку,
Дру́гу накладу́;
А мáло, то й трéтю:
Тютю́нъ въ гамані —
Пóки до спочúвку
У сирій землі.«

Тирса.

Стихú сі зложúвъ крепáкъ, а тепéръ врéменно-обя́занний. Ти́рсою прозвáли ми ёго́ самú, для ознáки стихівъ ёго́, а прозиваетця вінъ дóма йнше. Нехай громáда ви́бачить, колú мóва ёго́ прúйдетця їй не скрізь до смаку́, бо тому́ чоловíкові ні въ кóго булó гарáздь учúгись, — хочъ и то прáвда, що народня пісня — велúка наўка, хто зрозуміе її чúсту красу́ и сúлу.

Ред.

НАСТУСЯ.

ПОЭМА.

(1648).

ПІСНЯ ТРЕТЯ. (1)

I.

Ой бря́знули на дво́рі цимба́ли;
Озва́лися у сіняхъ боя́ри;
Заспіва́ли дружки́ у світли́ці;
Заби́лося се́рце у вдови́ці.
Голу́бонька зъ голубничка́ ли́не:
Розлуча́ють зъ ма́тіръю дити́ну, —
Розлуча́ють, вино́чкомъ вінча́ють,
Пи́шно, гу́чно по́іздомъ руша́ють.
Не морська́я кучеря́ва фи́ля
Изъ світли́ці Насту́сю вхопи́ла:
Ухопи́ли весі́льнії го́сті...
Жа́ль ся, Бо́же, ії молодо́сті!
Взяли́, взяли́, мовъ изъ са́ду квітку,
Завертіли у білу намітку.
Наміточко, серпа́нокъ тоне́нький!
Жа́ль ся, Бо́же, старе́ньког не́ньки,
Що зъ дочко́ю ще не нажила́ся,
Слізонька́ми гірко облила́ся,

(1) Дві пе́рві пісні надруко́вані въ *Основі* за місяць Октябрь. *Ред.*

Що дочкóю ще не навтішáлась,
Сиротóю у хáті зостáлась.
Чýе, чýе мáтеринe сéрце,
Якá дóля дóні доведéтця,
На хвилúну щáстя, на хвилúну,
Сумувáння бýде до загúну.
Нá хвилúну зъ мúлимъ обнімáння,
Дóвгі рóки гóря-горювáння.
Чýе сéрце, чýе — не вміе сказáти...
Веселúся, мáти, утішáйся зятемъ!
Слáвний Морозéнко на всю Украíну
Изнайшóвъ у тéбе у хáті дружúну.
Бúвся Морозéнко за нарóдню вóлю, —
Дя́куй, мáти, Бóгу за щаслúву дóлю!
Бúвся Морозéнко, козакáмъ на дúво, —
Дя́куй, мáти, Бóгу, пóки бýдешъ жúва!

II.

Простяглúсь, пішлú далéко
Луги́ за луга́ми.
Красýетця зелéними
Рíчка берега́ми.

Ще недáвно по тій рíцці
Застáви стоя́ли;
По застáвахъ орандáрі
Мúто зъ людéй брáли. [17]

Ще недáвно берега́ми
Стоя́ли будúнки;
Въ тихъ будúнкахъ погибáли
Нáші Украíнки:

Одъ схíдъ-сóнця до півнóчи
Тонкý пря́жу пря́ли,

Пря́ли, тка́ли та шляхе́цькі
Скри́ні наповня́ли.

Ще неда́вно ді́ди си́ві
Млинівъ доглядА́ли,
Та зъ уну́ківъ ро́зміръ бра́ли,
Па́нові зсипА́ли.

Ще неда́вно по три ко́рчми
Стоя́ло на ми́лі,
И що́глами одзнача́лись
Висо́кі моги́ли. [18]

Взялись ди́момъ гострове́рхі
Шляхе́цькі буди́нки;
ВиглядА́ють изза пе́чищъ
Бі́лиі хати́нки.

По дво́рищахъ будинко́вихъ
Пасу́тця теля́та;
На рушники́ та на хусткИ
Бі́лять бі́ль дівча́та:

Бе́ле на́ша тоне́нькая!
Якъ ми тебе́ ви́тчемъ,
Повя́жемо бі́лі ру́ки
Своімъ чорнобри́вцямъ.

Бе́ле на́ша тоне́нькая,
Лю́ба на́ша пра́ця!
Го́ді, го́ді кля́тій шля́хті
Изъ дівча́тъ знуща́тьця! [19]

Нема́ заста́въ, нема́ ми́та!
Везіть, лю́де, жи́то;
Си́пте ро́зміръ не на шля́хту —
На свою́ грома́ду.

Понастро́млюйте на що́гли
Го́лови рандА́рські,

Нехáй зъ вітромъ розмовля́ють
Про поря́дки па́нські!

Повхо́дила кровъ у зе́млю, —
Земля́ пи́шнимъ цвітомъ
Искраси́ла усі тра́ви,
Де шля́хту поби́то.

Закрича́ли страшни́мъ кри́комъ
Всі луги́ й дубро́ви,
Та й замо́вкли, — веду́ть лю́де
Ти́хиі розмо́ви:

Якъ по-Бо́жому, свято́му
Жи́ти на Вкраі́ні,
Осяга́ти пі́дъ лева́ди
Во́льні займанщи́ни.

Заня́въ Гу́ня займанщи́ну,
Заня́въ Моро́зъ дру́гу,
Та й осіли пасіка́ми
Край те́много лу́гу.

А свяу́ю ба́тьківщину
Одда́въ Моро́зъ си́ну,
Нехáй веде́ въ стару́ ха́ту
Лю́бую дружи́ну.

Ой дозна́ла стара́ ха́та
Одъ ранда́рства ли́ха,
Та не ки́нула осе́лі
Ма́ти Морози́ха.

Лю́бо вітами стари́ми
Гру́ші ха́ту вкри́ли,
Що ді́ди́ й баби́ на спо́минъ
Уну́камъ сади́ли.

»Утішáйся жъ молодúми,
Мáти Морозúхо!
А ми бýдемъ дідувáти
По насікáхъ тúхо,

»Бýдемъ собі дідувáти,
Гóспода благáти,
Щобъ одвівъ усяке гóре
Одъ твоéі хáти.

»Пóки въ цéркву перерóбимъ
Костёльні руíни,
Нехáй Бóгу бýдуть храмомъ
Пасікú-пустúні.

»А про свя́то ми до тéбе
У хáту загля́немъ;
Якъ жилú ми, горювáли —
За кýхлемъ спомя́немъ.« [20]

III.

Щó жъ булó за дóбре, щó жъ булó за лю́бо
У старíй, дідúзній Морóзовій хáті,
Якъ сéрцемъ-душéю раділа-дивúлась
На молодý пáру Морозúха мáти!

Щó жъ булó за щáстя, щó жъ булá за втіха
Обушúсі-тéщі, вдові одинóкій,
Якъ зъ-рáна въ неділю прúіде одвідать
Родúну едúну, дóню яснóоку!

Посідáють лю́бо за столóмъ дубóвимъ.
Старá господúня стáвить кінву мéду.
Широ́ку, квітчáсту козáцьку-лицáрську
Зачинáе Гýня зъ Морóзомъ бесéду.

Га́рні-ненагля́дні ді́ди́ сивоу́сі,
Мовъ голубівъ па́ра, си́вихъ-волоха́тихъ.
Буркочуть-гово́рять, мовъ у дзво́ни дзво́нять.
Ззира́етця мо́вчки изъ ма́тіръю ма́ти.

Га́рні, на́че въ срібнихъ образи́ віно́чкахъ,
Батьки́ військови́і на по́куті сія́ють.
Пова́жне обли́ччя, свяги́і розмо́ви,
И о́чі, мовъ зо́рі, ти́хо, лю́бо гра́ють.

IV.

Голу́бко Насту́сю
Не кажи́ мату́сі,
Яке́ го́ре твоє́ се́рце чу́е...
Чу́е воно́, ни́е,
Та сказа́ть не вміе,
Що́ ёму́ недо́ленька готу́е.

Хай ма́ти не зна́е,
Що вже въ ти́хімъ ра́ю
Підъ квітка́ми шелести́ть гадю́ка.
Хай вона́ забу́де,
Яка́ тобі бу́де
Неминучча, невимо́вна му́ка,—

Невимо́вна му́ка —
Изъ ми́лимъ розлу́ка;
Розстава́ння — се́рця розрива́ння;
Розмо́ва ночами
Зъ ними́ стіна́ми; [21]
На посте́лі — въ домови́ні спа́ння.

V.

Ді́ди́ сиві, говірли́ві,
Голу́бонькн буркотли́ві!
Буркочете, гово́рите, —
Яке́ жъ ли́хо ви тво́рите!

Живе́ сло́во ви сіете, —
Яке́ жъ ли́хо тимъ дієте!
Коло жінки Морозе́нко
Не сіда́е вже близе́нько;
Не ди́витця Морозе́нко
Въ о́чі ка́рії пильне́нько;
Изъ ослона зрива́етця,
За рушни́цю хапа́етця;
Обтира́е вінъ рушни́цю,
Заглида́е въ ладівни́цю,
Чи всі ку́лі, всі набо́і...
Озирне́ ясну́ю зброю,
Ся́де мо́вчки, кру́тить у́са,
Не спогля́не на Насту́сю.
Пону́ритця, ви́йде съ ха́ти,
Ста́не сви́стомъ коня́ зва́ти:
»Ой ко́ню мій Бусурме́не!
Нудьга́ тобі жи́ти въ ме́не,
По лева́ді похожа́ти,
Зъ річки во́ду попива́ти.
Го́ді, ко́ню, смутно ржа́ти,
Підко́вами зе́млю рва́ти!
Тобі ну́дно на ота́ві,
Мині ну́дно жить безъ сла́ви,
Ой безъ сла́ви коза́цькоі,
Безъ заслу́ги лица́рськоі:
Що безъ сла́ви се́рце мля́ве,
Безъ заслу́ги се́рцю ту́га.
Тобі тісно у лева́ді,
Мині ду́шно жи́ти въ ха́ті.
Ой пора́ намъ погуля́ти,
До коза́цтва завіта́ти.
Росплету́ я тобі гри́ву —
Всімъ коза́ченькамъ на ди́во;
Уберу́ я тебе́, ко́ню,
Въ щирозло́ту, ясну́ зброю.
На степа́хъ ми виросталн,
По-надъ мо́ремъ грасува́ли,

Въ орла́ крилъ ми позича́ли,
Въ мо́ря си́ли здобува́ли.
Прилену́ли на Вкраіну, —
Бу́демъ би́тись до заги́ну!
Не заги́не на́ша сла́ва:
Добъемо́ся до Варша́ви, [22]
А въ Варша́ві на́шу сла́ву
Ми поса́димо на ла́ві,
Неха́й шля́хту вона́ су́дить,
На́шихъ пре́дківъ зъ гро́бу бу́дить
И, призва́вши передъ па́ни,
Поскида́е зъ нихъ кайда́ни, —
Поскида́е зъ нихъ кайда́ни
И залічить въ ду́шахъ ра́ни.
Лю́ба жінко! рідна ма́ти!
Го́ді жи́ти зъ ва́ми въ ха́ті!
Тре́ба шля́хту добива́ти,
Пре́дкамъ ра́ни заживля́ти.
Неха́й пре́дки сплять безъ бо́лю
На крива́вимъ рі́днімъ по́лю,
Неха́й сла́ва провожа́е
Чи́сті ду́ші іхъ до ра́ю.
На́ша сла́ва, на́ша пра́вда
Неха́й бу́де імъ награ́да
За ті му́ки, що терпіли
Одъ коли́ски до моги́ли!«

VI.

—»Ой що́ жъ се ти ми́лий,
Ду́маешъ-гада́ешъ?
Ма́буть мене́ молоде́ньку
Поки́нути маешъ? [23]

»Коня обніма́ешъ,
За гри́ву хапа́ешъ;
Кли́чу тебе́ серденя́ткомъ —
Ти не дочува́ешъ,

»Моє́ серденя́тко,
Кохáння еди́не!
На край світа за тобóю
Пта́шкою поли́ну.

»Ой руба́йся-би́йся,
Бóемъ весели́ся,
А на мéне, молоде́ньку,
Хочъ разъ озирни́ся.

»Бу́дешъ кровъ воро́жу
Изъ піскóмъ міша́ти, [24]
А я бу́ду хусти́ною
Тобі пітъ втира́ти.

»Бу́дешъ середъ бóю
Зга́гою томи́тись, —
Я пода́мъ тобі съ крини́ці
Води́ці напи́тись.«

VII.

Наверну́лась въ Морозе́нка
Тéплая слёзи́на, —
Пригорну́лася до ёго
Вірная дружи́на.

Пригóрну́лась... »Розступи́ся,
На́ша ма́ти, зéмле!
Я дознáла въ свíті ща́стя, —
Бу́де, бу́де зъ мéне!

»Лу́чче міні́ заніміти,
Въ домови́ні тліти,
Ніжъ кохáння, мою́ ду́шу,
Изъ рукъ упусти́ти!«

Ой не со́кілъ зъ высоко́сти
Низе́нько спусти́вся:
Морозе́нко въ ка́рі о́чі
Лю́бо задиви́вся.

»Ой чи вамъ же, оченя́та,
Слізми заливатись?
Лу́чче жъ ма́ю гречкосіемъ
На ввесь вікъ оста́тись!

»Занедба́ю для васъ сла́ву,
Завзя́ття лица́рське.
Величайся, кому́ лю́бо,
У пісня́хъ кобза́рськихъ;

»А я зъ ми́лою зоста́нусь,
Мовъ у ти́хімъ ра́ю,
И коня́ на круторо́гі
Воли́ проминя́ю!«

IX.

Молодо́сте-чарівни́це!
Хто тебе́ не зна́е?
Чого́ жъ се́рце замира́е,
Якъ тебе́ згада́е?

Те́пле, те́пле кубе́лечко
Ти ёму звива́ла,
Въ Бо́жімъ ра́і квіти рва́ла,
Ёго́ чарува́ла.

Зачаро́ване, засну́ло, —
Сни чудо́вні сни́лись...
Чомъ же вони́ не справди́лись,
Якъ о́чі одкри́лись?

Не для те́бе, Морозе́нку,
Воли́ круторо́гі!
Неха́й о́рють, гре́чку сіють
Брати́ твоі вбо́гі,

А ти бу́дешъ Украіну
Ора́ти списа́ми
И по по́лю сіять во́лю
Вра́жими тіла́ми.

Бу́дешъ сіять, по́ки ля́жешъ
Въ по́лі спочива́ти.
Бу́де би́тись въ сиру́ зе́млю
Старе́нькая ма́ти; [25]

Розірве́тця зъ бо́лю-жа́лю
Се́рце голуби́не;
Заспіва́е-зарида́е
Уся́ Украіна. [26]

ЗАМІСТЬ ЭПИЛОГА ДО ПОЭМИ —

БРАТУ ТАРАСОВІ

НА ТОЙ СВІТЪ.

У паха́рській ха́ті
Украіна ма́ти
Обо́хъ насъ ро́дила;
У чи́стому по́лі
На одно́му ло́ні
Обо́хъ насъ пести́ла;
Одна́кові пісні
Обо́мъ намъ співа́ла,
На еди́не діло

Обóхъ споряжáла.
Розíйшлúсь мн рíзно
Дíтьми молодúми,
Зустрíлися пíзно
Мíжъ людьмú чужúми.
Вкýпí працювáти
Братъ изъ брáтомъ брáвся;
Що однá въ насъ мáти,
Ти не догадáвся.
Брáтався съ чужúми,
Рáдився съ чужúми,
Гордувáвъ словáми
Щúрими моíми.
И на той свíтъ вúбравсь
Изъ семъí чужóí...
Зостáвсь я безъ тéбе
Крýглúмъ сиротою.

Щó жъ мíнí чинúти?
Якъ у свíтí жúти,
Щобъ душú живóí
Не занапастúти?
Чи мíнí по тóбí
Сýмомъ сумувáти,
Чи твою робóту
Взя́ти докінчáти?

Докінчáю, брáте,
Не загúну мáрне, —
Втíшу Украíну,
Мáтíръ безталáнну.
Усміхнéтця, брáте,
Заплáкана Мáти, [27]
И лю́бо íй бу́де
Дітéй спогадáти:
»Рíзно дíти, рíзно
Въ свíтí пробувáли,

Та еди́ну ду́шу
Удво́хъ вони́ ма́ли.
Різно діти, різно
По́ світу блуди́ли,
Та на одно́ діло
Ду́шу положи́ли.«

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »НАСТУСЯ«.

17. — Стр. 2, ст. 24.

Ми́то зъ люде́й бра́ли.

Мытомъ называлась пошлина съ провозныхъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ, которую брали на заставѣ при переправѣ черезъ рѣку, при въѣздѣ въ городъ и т. п. Въ Украинѣ, при неограниченномъ господствѣ Жидовъ-арендаторей, подъ видомъ мыта, брали съ народа вездѣ, гдѣ ни вздумается бывало арендатору, со всего, съ чего вздумается, и столько, сколько вздумается. До какой степени возмутителенъ былъ этотъ грабежъ, можно судить изъ того, что народъ воспѣвалъ его въ своихъ думахъ, наравнѣ съ кровопролитными битвами и другими своими торжествами и страданіями:

Да бра́ли ми́то-проми́то:
Одъ возово́го
По півъ-золото́го,
Одъ пішого піщени́ці по три де́нежки ми́та бра́ли,
Одъ небора́ка ста̀рця
Бра̀ли ку́ри да йи́ця,
Да ще́ (Жидъ) пита́е:
»Ци нема̀, ко̀тику, ще цого́?«

18. — Стр. 3, ст. 10.

Ще неда́вно по три ко́рчми
Стоя́ло на ма́лі
И що́глами одзнача́лись
Висо́кі моги́ли.

Кобзарь Андрей Шутъ сохранилъ въ своей памяти вѣрную картину безобразной жадности пановъ польскихъ, которые давали волю своимъ арендаторамъ выжимать изъ народа послѣднюю денежку. Онъ пѣлъ мнѣ:

Якъ одъ Кумівщини да до Хмельни́щини....
У землі крале́вській добра̀ не було́:
Якъ Жиди́-рандà рі
Всі шляхи́ коза̀цькі зарандова̀ли,

Що на одній ми́лі
Да по три шинки́ станови́ли.
Станови́ли шинки́ по доли́нахъ,
Зво́дили що́гли по висо́кихъ моги́лахъ....

19. — Стр. 3, ст. 26.

Подражаніе народной пѣснѣ-веснянкѣ:

Мала̀ нічка Петрівочка —
Не ви́спалась на̀ша дівочка,
По горі ходи́ла,
Тонку́ біль біли́ла,
Изъ тие́ю біллю говори́ла:
»Ой бе́ле жъ моя та тоне́нькая!
За кого́ пійду̀ я, молоде́нькая?
Якъ я пійду за нелю́ба,
То я тебе́, бе́ле, у чорні потчу̀,
То я тебе, бе́ле, у бу̀день зношу.
Ой якъ я пійду̀ та за ми́лого,
То я тебе́, бе́ле, у білі́ потчу̀,
То я тебе́, бе́ле, у свя́то зношу̀.«

20. — Стр. 5, ст. 6.

Въ-старину очень часто отецъ семейства, устроивши домашній бытъ дѣтей, оканчивалъ жизнь въ уединенной пасікѣ, куда ему обыкновенно доставляли пищу младшія дѣти, внучата, а также и старушка-жена, оставленная имъ для кроткаго руководства молодой семьи. Въ этомъ виденъ народный практическій разумъ. Старику отцу мудрено было бы сохранить достоинство свое въ домѣ, гдѣ молодая сила требуетъ простора и той свободы личности, на которой основывается дѣлимость семействъ въ Украинѣ. Напротивъ, старушка-мать, непривыкшая къ власти подъ владычествомъ мужа, легко подчинится въ главныхъ частяхъ хозяйства господству молодого домовладыки, а для дѣтей его и для руководства молодой жены она необходима. Я видалъ пасічниковъ, въ родѣ Гуни и Мороза. Пасіка у такихъ стариковъ дѣйствительно превращается въ молитвенную пу́стынь. На нихъ смотрятъ, какъ на отшельниковъ, какъ на людей святыхъ. Тишина уединенія, отсутствіе житейской суматохи въ хозяйствѣ пасічника, свѣжесть окружающихъ его травъ, которыя должны, для самихъ пчелъ, изобиловать цвѣтами, и, наконецъ, таинственное жужжаніе роевъ, которыми онъ правитъ, подъ покровительствомъ святого Зосимы, — все это вмѣстѣ производитъ на посѣтителя то впечатлѣніе, какое, безъ сомнѣнія, производили первобытные славянскіе храмы. Когда прошла по Украинѣ *вели́ка руі́на* и все превратилось въ развалины, что́ говорило о шляхетствѣ и покровительствуемомъ шляхтою католическомъ и полу-католическомъ духовенствѣ, — старикамъ-отцамъ было естественно заступить мѣсто духовныхъ наставниковъ народа. Я знаю одно село, обливаемое напро́весні водою такимъ образомъ, что въ свѣтлый праздникъ нѣтъ возможности добраться до какой-нибудь церкви въ сосѣдствѣ для освященія пасхи. Въ замѣну этого, неграмотные старики собираютъ народъ подъ открытымъ небомъ и говорятъ публично о Христѣ и его ученіи, какъ слышали отъ своихъ дѣдовъ. На всѣхъ этихъ данныхъ основаны стихи мои:

Нехáй Бóгу бýдуть хрáмомъ
Пасіки-пустíні.

Далѣе, въ поэмѣ, слѣдуетъ изображеніе стариковъ, сидящихъ на пóкути подъ образами. Почти слово въ слово я слышалъ 4-й и 5-й куплеты III-ей строфы моей изъ устъ дѣвушки-козачки, разсказывавшей намъ въ Петербургѣ, съ сердечнымъ умиленіемъ, какъ у нихъ по праздникамъ украшается хата присутствіемъ почтенныхъ сельскихъ патріарховъ. Чувство старческой красоты доступно нашему народу, какъ и чувство красоты юношеской.

21. — Стр. 6, ст. 25.

Розмóва ночáми
Зъ німúми стінáми;

Народная пѣсня такъ изображаетъ подобное одиночество:

Ой пійдý я до кімнáти
Постілоньки слáти.
Постíль білá, стíна нíма, —
Ні съ кімъ розмовлáти.

22. — Стр. 8, ст. 6.

Добъемóся до Варшáви,

Въ этомъ замыслѣ нѣтъ преувеличенія. Уже во времена Кумейковщины польскіе магнаты выражали свое негодованіе на высокомѣріе козацкое. Идеи завоеванія у козаковъ не было, такъ какъ они чуждались обладанія людьми, но у нихъ всегда было стремленіе ниспровергнуть существовавшій въ Польскомъ государствѣ порядокъ и попрать шляхетскія неправды, какъ называли они всѣ тѣ тенденціи, съ которыми и въ наше время аристократическіе представители Польши выступаютъ на поприще политической пропаганды. Вспомнимъ угрозы Богдана Хмельницкаго въ переговорахъ съ польскими послами. Его рѣчь не была пьяною импровизаціею: онъ высказывалъ то, о чемъ, безъ сомнѣнія, мечтали Морозенки, Богуны и пр.

23. — Стр. 8, ст. 30.

Этотъ куплетъ заимствованъ изъ народной пѣсни:

Що ти, мúлий, дýмаешъ-гадáешъ?
Мáбуть, менé покúнути мáешъ.

24. — Стр. 9, ст. 9, 10.

Бýдешъ кровъ воро́жу,
Изъ піскóмъ мішáти,

Въ народной думѣ Хмельницкій говоритъ козакамъ:

Ой козакú, дíти, дрýзі!
Дóбре ви дбáйте,
Ляхівъ побивáйте,
Кровъ іхъ Лáдську у пóлі
Зъ жóвтимъ піскóмъ мішáйте.

5. — Стр. 11, ст. 11, 12.

Бýде бúтись въ сирý зéмлю
Старéнькая мáти;

Въ народной пѣснѣ козаки говорятъ матери украинскаго Ахиллеса:

Не плачъ, не плачъ, Морози́хо,
У сиру́ зе́млю не би́йся...

26. — Стр. 11, ст. 15, 16.

Заспіва́е-зарида́е
Уся́ Украіна.

Народная пѣсня о Морозенкѣ начинается такъ:

Ой Моро́зе Морозе́нку,
Ой ти сла̀вний коза̀че!
За тобо́ю, Морозе́нку,
Уся́ Украіна пла́че.

Намекнувъ на извѣстный по пѣснямъ конецъ Морозенка, я оканчиваю этимъ свою поэму. Жизнь этого любимаго героя Украинской старины представляетъ богатую тему для эпоса: онъ попалъ въ плѣнъ Полякамъ и былъ выкупленъ матерью, которая продала для этого не только домашній скотъ, но и всю военную добычу мужа и сына; потомъ онъ отыгралъ всю трагедію Хмельнищины и, послѣ Жванецкой битвы, очутился въ плѣну у Татаръ, которые вырѣзали у него живое сердце.

Вони́ жъ ёго́ ані сікли,
Ні въ чве́рті руба̀ли,
Тільки зъ ёго молодо́го
Живце́мъ се́рце взя́ли.

Все это очень завлекательно для поэта; но Морозенко извѣстенъ намъ почти по однѣмъ только пѣснямъ народнымъ. Сновать поэму по этой радужной основѣ значило бы — соперничать съ народною музою, чего я никому не посовѣтую. Другое дѣло — заимствовать отъ нея цвѣты и краски. Притомъ же моимъ намѣреніемъ было — представить козаковъ послѣ войны, или въ промежуткахъ военныхъ походовъ, дома. Въ лицѣ Обушихи я хотѣлъ показать, какихъ женщинъ создавала наша кровавая исторія (вспомнимъ осаду Трилісъ и разореніе Буши), а въ лицѣ Настуси — какъ тяжело падали на нѣжное, полное любви и страсти женское сердце необходимыя условія боевой козацкой жизни. Каковы были козаки внѣ хуторскихъ захолустьевъ своихъ, этихъ пріютовъ поэтическихъ преданій, пѣсень и врожденной мечтательности украинскаго характера, — это изображено мною въ другой, большой поэмѣ: *Вели́кі Про́води,* которую *Основа* начнетъ печатать съ январьской книжки 1862 года.

27. — Стр. 12, ст. 30, 31.

Усміхнѐтця, бра́те,
Запла́кана Ма̀ти,

Изъ посланія Шевченка:

Обниміте жъ, брати́ мої,
Найме́ншого бра̀та,
Неха̀й Ма̀ти усміхне́тця,
Запла̀кана Ма̀ти!

ДАВНЄ ГОРЕ..

ДУМА.

Василе́ві Миха́йловичу Бі́лозе́рському.

Чомъ, Дуна́ю, ставъ ти му́тенъ,
Ставъ ти му́тенъ, калому́тенъ?
Ой чи вітри́ тебе́ зби́ли,
Чи лебеді білокри́лі,
Чи ко́ники вороне́нькі,
Чи козаки́ молоде́нькі? (1)

Чого́, се́рце, ти сумуєшъ,
Чого́ ни́ешъ-занива́ешъ?
Чи ти но́ве го́ре чу́ешъ,
Чи да́внее спомина́ешъ?

»Ой хоть чу́ю — не бою́ся:
Я крівце́ю розіллю́ся,
Розіллю́сь по рі́днімъ кра́ю
Одъ Есма́ні до Дуна́ю.
И съ крові уро́дять квіти, —
Звеселя́тця малі діти,
Уквітча́ютця дівча́та,
Радітиме стара́ Ма́ти.
Я сумую да́внімъ го́ремъ,
Що зросло́ надъ си́німъ мо́ремъ
И, въ безща́сную годи́ну,
Обняло́ всю Украіну, —

Якъ зінóвать розрослóся, (2)
Въ сéрце глúбоко впилóся.
Я сумýю, що не знáю
И не бáчу ёмý крáю.«

На далéкій Украíні
Не однá, не дві дівчúні
Рáдí мéне привітáти,
До сéрденька пригортáти,
Въ рéчахъ дýшу вливáти,
Брáтомъ, тáтомъ називáти.
Ой дівчáта, пúшні квіти,
Безталáнні моі діти!
Лýчче менé не вітáйте,
Та слізъ рéвнихъ мінí дáйте;
Лýчче менé не цілýйте,
Та зо мнóю посумýйте.
Нехáй сумъ нашъ по Вкраíні,
Якъ та мáти по дитúні,
Плáче — стóгне — вбивáетця,
Въ сóнні дýші врывáетця.
Нехáй всяке тéпле сéрце
Нáшимъ бóлемъ издрігнéтця,
Нáшимъ бóлемъ, нáшимъ гóремъ,
Що зрослó надъ сúнімъ мóремъ.

П. Кулішъ.

(1) У пíсні співáють:

Чомъ ти, Дунáй, ставъ такъ смýтенъ,
Ставъ такъ смýтенъ, каломýтенъ?
Ой щó жъ, Дунáй, тéбе збило?
А чи гáлочки чорнéнькі,
Чи кóники воронéнькі,
Чи козак молодéнькі?

(2) *Зинóвать* (Cytisus austriacus L., ракитникъ луговой, штебелюнъ. Pallas). Ніякúмъ плýгомъ зінóваті не вúкоренишъ. Пóле, де поросла́ зінóвать, вважáють за пропáще.

ЧУМАЦЬКІ ДІТИ.

МИЦКЕВИЧОВА БАЛЛАДА: POWRÓT TATY.

»Идіть, мої діти,
Дрібне́нькиі квіти,
На моги́лі ста́ньте
Та на шляхъ спогля́ньте.

»Верта́етця зъ До́ну
Чума́цтва бага́то, —
Чи не надъіжджа́е
И вашъ рідний та́то.

»Літечко мина́е,
А ёго́ нема́е.
Чого́сь моé се́рце
Ни́е-занива́е.

»Дощі попсува́ли
Чума́цькі доро́ги, —
Коли́бъ не спітка́ли
Розбиша́ки вбо́гі!...

»Помолітесь, дітки,
Бо́гові свято́му,
Щобъ та́то щасли́во
Верта́вся додо́му.«

Ра́ді діти уволи́ти
Ма́терину во́лю,
Изняли́сь, покопотіли
На моги́лу въ по́ле.

До моги́ли припада́ють,
Трави́цю ціл у́ють,
А ста́ршеньке зачина́е
Моли́тву .свят у́ю:

»Бо́же, та́ту нашъ небе́сний!
»Змилу́йся надъ на́ми:
»Верни́ татуся́ додо́му
»Зъ си́вими вола́ми!

»Неха́й ма́ти сере́дъ ночи
»Тихе́нько не пла́че;
»Неха́й татуся́ здоро́вимъ
»У ві́чі поба́чить!

»А для насъ, мале́нькихъ дітокъ,
»Вчини́, ми́лий Бо́же,
»Щобъ у та́та не о́днято
»Гости́нця въ доро́зі!«

Щи́ро мо́литця дітво́ра
Бо́гові свято́му,
Ажъ ось — »Гей, гей!« чу́ти въ по́лі,
»Гей, воли́, до до́му!«

—»Та́то! та́то!« закрича́ли
Дрі́бні пташеня́та.
Копотя́ть ёму́ назу́стрічъ
Дівча́тка й хлопя́та.

Хто жъ то сло́вомъ те роска́же,
Що́ дієтця въ се́рці?
Пригорта́е ба́тько дітокъ,
Пла́че и сміе́тця.

»Що́ мату́ся? чи здоро́ва?
Чи тя́жко жури́лась?«

А хлопя́та вже по лю́шняхъ
На ма́жу схопи́лись:

»Гей ви, си́ві, полови́і!
Гей, воли́, додо́му!
Щи́ро ми за васъ моли́лись
Бо́гові свято́му «

Весели́тця ба́тько, гле́дя:
»Чума́цька нату́ра!
Зрости́, Бо́же!... Бу́де на́ша
Не послідня ху́ра.«

Задиви́вся, радіючи,
На дітокъ дрібне́нькихъ,
Ажъ тутъ — »Про́бі!« кри́кне зза́ду
На́ймитъ молоде́нький.

Озирну́вся — вже бурла́цтво
Воли́ випряга́е.
Вінъ до дрю́ка, — навкругъ ёго
Коми́шниківъ зграя. (1)

»Моли́сь Бо́гу, сяки́й-таки́й,
Та дава́й черві́нці,
Вийма́й су́кні та кора́лі,
Що накупи́въ жінці!«

—»Схамені́тесь, лю́де Бо́жі!
Отъ моє́ бага́тство:
Плугъ волівъ, чоти́рі во́зи....«
Не вважа́ бурла́цтво.

(1) Коми́шники були́ розбишаки степові зъ утікачівъ па́ńськихъ и вся́кихъ и́ншихъ. Наро́дъ бувъ убо́гий, бо не зъ добра́ ки́давъ рідне село́ и се́мъю, та й жорсто́кий, бо, патерпівшись ли́ха, не вважа́въ и на чуже́ го́ре. Прочита́ти мо́жна про нихъ у *Записках* о *Южной Руси*, I, 75 и 157.

Байдужé й на дíтські слéзи
Комúшникамъ клáтимъ:
Не спускáють у дорóзі
Чумакáмъ багáтимъ.

»Ой беріте жъ волú й мáжі
И ввесь мій пожúтокъ,
Тільки, прóбі, не робіте
Сúротами дітокъ!«

Святé слóво — *малі дíти*,
И якé то сéрце
Що на бáтьківські гарячі
Слёзи не озвéтця?

»Стійте, стійте!« загукáє
Комúшникъ найстáрший.
»Утікáймо, панú-брáття:
Се здóбичъ не нáша!«

Шарáхъ зграя до байрáка!
Мовъ птáство шугнýли.
Зрадівъ бáтько, уклонúвся
Въ нóги гайдабýрі. (2)

»Ой не дя́куй міні, брáте«,
Кáже гайдамáка:
»Нехáй бýде твоя́ Бóгу
Та дíточкамъ дя́ка.

»Здáвна я чигáвъ на тéбе
Зъ бідолáшнімъ брáтством

---

(2) *Гайдабýра* — те жъ, що й *гайдамáка*, тільки ще гірше: щось жорстóке, хúже и зовсімъ дúке. Жінка, що знáла одно́ лúхо за чоловікомъ-розбишáкою, зложúла, зъ гóря, пісню:

Заколю́ я свиню́ бýру
Помишáти гайдабýру...

(Ти худóбою й достáткомъ
Вслáвившись міжъ чумáцтвомъ),

»И сёгóдні твоіхъ дітокъ
Бáчивъ на могúлі,
Якъ вонú за свогó тáта
Гóспода молúли.

»Спéршу я сміявсь, а пóтімъ
Порúнули слёзи,
Якъ згадáвъ объ своіхъ діткахъ
И жінці-небóзі.

»Ой и въ мéне, брáте, дóма
Е дітки малéнькі,
И за мнóю тýжить-плáче
Іхъ безщáсна нéнька.

»Вертáйсь, брáте, до госпóди,
А ви, дрібні діти,
За мою погúбшу дýшу
Гóспода моліте!«

Лóмусъ.

LAGO MAGGIORE.

Хожý берегáми,
Та й не нахожýся;
Дивлюсь на садú зелéні,
Та й не надивлюся. (1)

(1) У пісні співáють:

По юлиці хóжу,
Та й не нахожýся;
Дивлюсь, де родúна,
Та й не надивлюся.

Сади́-виногра́ди
Въ во́ду порина́ють;
Поузъ бе́регъ ясні сму́ги
Якъ сріблó сия́ють.

Шука́ю-пита́ю
Зеле́ної ру́ти,
Щобъ тебе́, мій рідний кра́ю,
На-віки забу́ти.

Въ тобі, рідний кра́ю,
Лю́де туманіють;
По степа́хъ твоіхъ розлóгихъ
Бодяки́ красніють.

Тобі, рідний кра́ю,
Не давъ Госпóдь дóлі.
Роски́нулась твоя́ дóля
Моги́лами въ пóлі.

Зійду́ на моги́лу,
Гля́ну на Вкраіну...
Помандру́ю въ чужі зе́млі,
Да тамъ и заги́ну.

П. Кулішъ.

ДО ДАНТА,

ПРОЧИТА́ВШИ ЁГÓ ПОЭМУ *Пе́кло*.

Хто не зна́е, Да́нте, твогó горюва́ння,
Той и твогó пе́кла страшнóго не взна́е:
Съ твогó се́рця ви́йшли ті оповіда́ння.

Въ пра́ведному се́рці той ого́нь пала́е,
Що па́лить у пе́клі ду́ші беззако́нні;
Въ му́ченому се́рці хо́лодъ побива́е

Рожéвиі квіти, пи́шні, благово́нні,
Що ги́нуть безъ сліду, що, мовъ сонъ, зника́ють,
Оста́вивши въ се́рці бо́лі невимо́вні.

Нехáй усі лю́де ти́і бо́лі чу́ють;
Нехáй усі зе́млі, всі язи́ки зна́ють,
Якъ вели́кі ду́ші за ввесь миръ горю́ють.

П. Кулішъ.

БЕЗТАЛАННЯ.

Скажіть мінí, до́брі лю́де,
Навчіть менé, бра́тця:
Якъ у свíті поміжъ ва́ми
Зъ ли́хомъ розмина́тьця?
Бо куди́ я ні уда́рюсь,
У які краíни,
То нікóли не мина́ю
Го́ря та кручи́ни;
Чи побра́таюсь и ра́дість
Мовъ ду́шу ухо́пить,
Ажъ дивлю́ся — бра́тъ мій ми́лий
Менé пе́рший то́пить!
Чи зострíнусь зъ дівчи́ною —
Се́рденько озве́тця,
Я до нéі — вона́ зъ ме́не
Глуму́е, смíється!
Ма́буть, зги́ну, такъ якъ ги́не
Трава́ на обло́зі;
Бо стою́, якъ той само́тній
Горóхъ при дорóзі...

Кому́ тре́ба и не тре́ба,
Всякъ стрючки́ зрива́е,
И кінь то́пче и вілъ то́пче,
Ніхто́ не мина́е.
Гірко зна́ти, до́брі лю́де,
Ва́жко зна́ти, бра́тця,
Що мині́ між ва́ми зъ ли́хомъ
Та не розмина́тьця.
Чи посію жи́то въ по́лі,
Всімъ со́нечко гріе,
Лі́то прийде — жи́то зійде,
Та й зазеленіе;
Ось поспіло, почало́ вже
Коло́сся схиля́ти
Та й повя́не, та й посо́хне,
Бо нікому жа́ти!
Де жъ ти, де жъ ти, моє́ ща́стя,
Де ти забари́лось?
Ма́буть же, хоть на годи́ну
Та й мині́ суди́лось!
Аже́ жъ и я народи́вся
Якъ усі одъ Бо́га
И мині́ изъ-ма́лу сни́лась
Широ́ка доро́га;
И мині́ здава́лось ча́сто,
Що кругъ ме́не ся́е,
И моє́ серде́нько ни́шкомъ
Зъ Бо́гомъ розмовля́е....
Де́ жъ ти, ща́стя, де схова́лось?
Дні безъ те́бе тра́чу.
Зглянь, неха́й тебе́ у вічі
Я хочъ разъ поба́чу.
Глянь крізъ ка́рі оченя́та
Мині́ на годи́ну,
Та й лети́ собі одъ ме́не, —
А я — въ домови́ну.

Невідо́мий.

ДО МАРУСІ Т*.

Не співа́й мині́, земля́чко,
На чужій чужи́ні,
Не нага́дуй мині́, се́стро,
Рі́дної Вкраїни.

Твоя́ пісня порива́е
Туди́ мою́ ду́шу,
Де люблю́ я ка́рі о́чі,
Та забу́ти му́шу.

Не забу́ду я до су́ду
И навпо́слі су́ду!
Тимъ кохáннямъ передъ Бо́гомъ
Хвали́тися бу́ду.

Лю́блять лю́де пи́шні квіти,
Лю́блячи зрива́ють,
А красо́ю, такъ якъ ді́ти
Мете́ликомъ, гра́ють.

Я люблю́ тебе́, дівчи́но,
Якъ дити́ну ма́ти.
Не бажа́ю за кохáння
Лю́бої одпла́ти.

Моє́ се́рце за кохáння
Мині́ одплати́ло,
Що доро́гу мою́ те́мну
Світомъ освіти́ло.

Освіти́ло — та́йну сло́ва
Живо́го откри́ло...
Ой не ду́рно жъ моє́ се́рце
Жило́ и люби́ло!

П. Кулішъ.

ДІВОЦЬКА ПРАВДА.

Со́нце встава́ло; скрізь на не́бі чи́сто,
Де́-не-де хма́рка гуля́ла по во́лі,
Ти́хо въ дібро́ві, тільки ле́дві ли́стомъ
Щось розмовля́ла висо́ка топо́ля.

»Слу́хай, коза́че!« гово́рить дівчи́на:
»Якъ одно́ со́нце у не́ба свято́го,
Такъ ти, мій любий, вірная дружи́но,
Оди́нъ у ме́не, и нема́ друго́го.«

Со́нце сіда́ло; скрізь на не́бі чи́сто,
Місяць зза га́ю виприва́въ по во́лі,
Ти́хо въ дібро́ві, тільки ле́две ли́стомъ
Щось розмовля́ла висо́ка топо́ля.

А вже другому́ каза́ла дівчи́на:
»Якъ оди́нъ місяць у не́ба свято́го,
Такъ ти, коза́че, вірная дружи́но,
Оди́нъ у ме́не, и нема́ друго́го«.

Невідо́мий.

РОДИНА ЕДИНА.

Ой нема́ на рідний бе́рігъ
Бро́ду-перехо́ду;
Не знайти́ до ро́ду бро́ду
Черезъ би́стру во́ду.

Бѝстра річка — життя́ моє́,
Широ́ка-глибо́ка...
Пла́вле-то́не на тій ріцці
Душа́ одино́ка.

Ой ви́хопись, душе́ моя́,
Та змахни́ кри́ла́ми,
Полени́, де рідна ха́та
Стоіть міжъ сада́ми.

Ой кого́ жъ тобі позва́ти
Изъ рі́дноі ха́ти?
Глу́хо въ ха́ті... хиба́ вста́не
Зъ домови́ни ма́ти.

Ой нехай вона́ уста́не,
На ме́не спогля́не,
Та зо мно́ю своє́ го́ре
И́ ща́стя спомя́не.

Ой я зъ ма́тернёго го́ря
Набіра́вся си́ли,
Ма́терні святі надії
Дали́ мині кри́ла.

Облі́тавъ я ти́ми кри́льми
Ввесь світъ-Украіну;
Ся́ду-паду́ одпочи́ти
На вбо́гу моги́лу.

Убо́гая, низе́нькая,
Забу́та моги́ла, —
Вона́ въ ме́не на Вкраіні
Роди́на еди́на.

Навкруги́ стоя́ть гробни́ці
Съ пи́шними слова́ми...

Я на ій повішу ко́бзу
Зъ живи́ми струна́ми.

Ой хто прийде по роди́ні
Пла́кати-рида́ти, —
Бу́де ко́бза ёму́ гра́ти,
Се́рце розважа́ти.

Бу́дуть лю́де по тій ко́бзі
Мою́ ма́тіръ зна́ти,
Зъ не́ю й си́на, якъ еди́ну
Ду́шу, спомина́ти.

П. Кулішъ.

ДУМКА.

Якъ ра́нокъ оси́пле квіточки́ росо́ю,
А між очере́томъ вітре́ць подиха́е,
Прислу́хайся тільки, — чу́ешъ, надъ водо́ю.
Мовъ щось потае́мне го́лосно співа́е.

То не солове́йки налетіли въ ло́зи;
Піднявшись у-го́ру, не чайки́ кигичуть;
А въ тій пісні чу́ешъ и ра́дість и слёзи,
Мовъ би твою́ ду́шу якісь ду́ші кли́чуть.

А нема́ нікого... Очерети́ гну́тця;
Въ зеле́німъ лата́тті маківки́ бі́лію́ть;
Понадъ маківка́ми мете́лики въю́тця
И скрізь про́тивъ со́нця я́сно голубію́ть.

А якъ придиви́тись, то між маківка́ми,
Попідъ тимъ леге́нькимъ ра́нішнімъ тума́номъ,
Щось мовъ виглида́е очи́ма-зірка́ми,
Коли́шетця сти́ха тонки́мъ, гнучки́мъ ста́номъ.

Отце́ жъ то та ду́мка, що ду́шу чару́е,
Що се́рцю співа́е пісню таемни́чу:
Душа́ у тихъ співахъ святі ду́ші чу́е:
Вони́ іі съ пе́кла у ти́хий рай кли́чуть.

Невідо́мий.

ГУЛЬВІСА.

Ой ишо́въ я до дівчи́ни —
Одъ ворітъ верну́вся:
Піду́ лу́чче до шинка́рки
Горілки напъю́ся!

Неха́й до́брі лю́де сла́влять
Що въ шинку́ ночу́ю, —
Що́ за ти́ждень загорю́ю —
За́ нічъ прогайну́ю.

Лу́чче міні́ одъ грома́ди
Нару́гу прийма́ти,
Аніжъ собі во́льні ру́ки
Навіки звяза́ти.

Твоі ча́рі, дівчи́нонько,
Я по лю́дяхъ зна́ю;
Тому́ ща́стю, тому́ ра́ю
Віри не дійма́ю.

Ой коли́бъ насъ не вя́зано —
Мо́же бъ намъ жило́ся,
Що во́лею мое́ се́рце
Съ твоімъ поняло́ся.

Ой яке́ тамъ ща́стя-до́ля
Де́ въ ха́ті нево́ля?

Моя́ до́ля — середъ по́ля
Невя́зана во́ля!

Ой загра́й мінí, кобза́рю,
Про ті ча́си да́вні,
Якъ у Сі́чі прожива́ли
На́ші пре́дки сла́вні.

Ой загра́й мінí, кобза́рю,
Неха́й я запла́чу,
Неха́й до́лю — во́льну во́лю —
Крізъ слёзи поба́чу.

Ой запла́чу-зарида́ю,
Ру́тою утру́ся...
До лю́боі дівчи́ноньки
По-вікъ не верну́ся.

Иванъ Го́рза.

Стихи́ Невідо́мого при́слано намъ зъ дога́дкою, що му́сять бу́ти Шевче́нковими пе́рвими про́бами. Не зна́емо, що́ ска́же грома́да, а намъ здае́тця, що ні. Не та ходá и не та мо́ва була́ въ молодо́го Тара́са. Ще жъ и те вва́жимо, що въ ко́жного поэта е кохáні словá, котрі вінъ залюбки́ вимовля́е. Тутъ ми не вбача́емо таки́хъ, що найлюбі́йші були́ молодо́му Шевче́нкові, а вбача́емо такі, що вінъ опісля́ вже почáвъ до свого́ стихá добіра́ти. А проте́ стихи́ невідо́мого ми вподо́бали и про́симо ёго, коли́ живъ, ще присла́ти въ *Осно́ву*.

Ред.

ГОРДОВИ́ТА ПАРА.

(БАБУСИНЕ ОПОВІДАННЯ.)

I.

Снігомъ вікóнечко нáше забúло... Завірюха... Якъ-то нáшимъ тепéръ серéдъ шляху? Ростіть скорійшъ, хлопя́та, на підмóгу татусéві. И мáтери немá щось дóвго зъ річки. Ростіть, ростіть, дівчáточка! Дóбре сидíти въ тéплому зáпічку за старúми головá-ми... А якъ я остáлась на свíті малóю сиротúною — всякої нýжди дознáла. Якá-то, Бóже мій, дáвня давнинá, а коротéнький часъ дівóцький нáче мíні вчóра змигнýвся!. Тепéръ, щó ні почýю, забувáю, а крізъ ті молодóщі дивлюсь у давнинý, нáче крізъ вóду прозірнý. Такъ, якъ оцé ви обсíли мою́ кудéлю, — щобъ булú здоровéнькі, — такъ булó й я зімóю грáюсь лялькáми при своїй бабýсі... Дай їй, Гóсподи, всі митáрства пройтú, да й не зупинúтись.

Дрéвня булá моя́ бабýся покійничка, — ще-то съ тихъ старосвíтськихъ людéй, що Швéдчину и всякі невпокóї козáцькі своїми очúма бáчили. Тоді, діточки, на Вкраíні велóсь не-понáшому. Що страшно, то страшно булó слýхати, а сéрце лúнуло гóлубомъ у ту старовинý невпокійну. Козакú булú козакáми, дітоньки, — одно́ слóво: скрізь пáхло вóлею; земля́ булá роскішна; рúби въ водí, звíря въ гаяхъ — абú охóта ловúти; и трáви булú буйнíйші; здаéтця, й сóнце сúяло крáще на святóму нéбові, — дáлебі, дітки! Тимъ-то й бабýся-покійничка булó кáже: »Не стаé, не стаé, моя́ дитúно, такúхъ дівчáтъ и козаківъ по Вкраíні, якъ за могó булú дівувáння.«

II.

Найчастійшъ було́ спомина́е про Мару́сю Ковбанівну, що тако́і краси́, ка́же, и світъ наста́въ — не бува́ло. Я, ка́же, була́ ще підліткомъ, то міні́ іі коло це́ркви пока́зували зда́леку. До не́і й приступи́ти, ка́же, було́ стра́шно: така́ вели́чня. Кунту́шъ на ій — самі златогла́ви: кора́лі на ій усі въ дукача́хъ. Да́внёго була́ ро́ду коза́цького Мару́ся Ковбанівна, — то ніхто́ не вбере́тця кра́ще іі міжъ лю́де. И козаки́-молодики́ іі жаха́лись — не то що. Очи́ма пово́дить — на́че ду́шу съ те́бе вийма́е: все бъ ій росказа́въ, не потаівъ би й гріха́ передъ не́ю. Влади́чня, спра́вді, ка́же, влади́чня була́ краса́ въ Ковбанівни.

Ба́тько іі Ковба́ня отама́нувавъ у Сі́чі и все мо́ре спла́вавъ, порина́ючи на дно за дороги́ми тими́ дука́тами й кора́лями, — такъ-то лю́де було́ сла́влять. Ато́ ще було́ ка́жуть, що вінъ по той бікъ Дніпра́ у По́льщі яки́мись козака́ми ору́дувавъ, та й у на́шу сто́рону я́кось приби́вся. Неприступни́й бу́въ чоловікъ стари́й Ковба́ня, — и жінка одъ ёго нічого́ не довідалась, хто вінъ и що́ вінъ, и звідкиля́ вінъ, и я́къ вінъ.

III.

Така́ жъ и дочка́ въ ёго ви́кохалась. Стари́й спочи́въ уже́ на цви́нтарі, молодо́ю дівчи́ною поки́нувъ свою́ Мару́сю. Молоде́ жъ було́, а го́рде й потайне́ — крий Бо́же! Було́ й на у́лицю міжъ дівча́тъ не ви́йде, тільки хиба́ коло крини́ці, якъ зустріне кото́ру, тро́шки посто́іть, сло́вомъ ласка́вимъ переки́нетця. И въ бу́день було́ дукачі но́сить; ста́не проти́въ со́нця — королівна, та й го́ді! Вже й дівча́та було́ ка́жуть, що въ не́і й вода́ зъ відеръ на́че срібло́ ллєтця. А козаки́ жъ тоді були́ не на́шихъ порубківъ — воёвники́, хоро́брі моло́дці, а боя́лись до не́і залиця́тись. Така́ була́ та Мару́ся Ковбанівна. Ски́не о́комъ — на́че до те́бе загово́рить, а загово́рить — на́че загра́е. Яки́й би то и коза́къ бувъ, щобъ до не́і зъ жа́ртами, съ прикла́дками! Тако́го не було́ й на всій Гетьма́нщині, здава́лось. Отта́къ було́ роска́зуе міні бабу́ся. Якъ-о́сь, ка́же, пішла́ чу́тка поміжъ дівча́тами, що лю́битця Ма-

ру́ся съ Про́хоромъ Осау́ленкомъ, да й лю́битця пе́вне: и въ вишне́вімъ садку́ іхъ ба́чили про́ти мі́сяця, и старосвітську скіндя́чку Мару́сину пізна́ли въ Про́хора въ ко́впірі. Лю́битця. А Про́хоръ Осау́ленко бувъ коза́къ не зъ вели́чніхъ; щи́ра душа́, себе́ на́ сміхъ не пода́сть, та й го́ді. Були́ козаки́ на селі про́тивъ ёго — що волоха́ті ту́ркоти противъ го́луба. Отъ же пора́й, укажи́ дівоцькому се́рцю! Покоха́ла Мару́ся Про́хора — и мовъ, та хмели́на, коло́ ёго въе́тця. Що го́рда, то й го́рда, а вінъ спогля́не — и очи́ці спу́стить: всі вже помітили, и ото́ вже хвали́лись: »Бу́демо жъ до́бре да й до́бре гуля́ти на весі́ллі! Неха́й Госпо́дь пару́е, коли́ собі прийшли́сь до па́ри!«

IV.

А багати́рка була́ Мару́сина ма́ти зъ діда-пра́діда: у не́і въ світли́ці підъ столо́мъ були́ зако́пані ще якісь Пиля́вські гро́ші, то сподіва́лись гульні на всю Гетьма́нщину. Про́хоръ бувъ собі такъ, небага́тий коза́къ: ёго́ пано́тець на осау́льстві ба́тьківщину надполови́нивъ, щобъ-то одъ зна́чного товари́ства не одрізня́тись; такъ отъ же ёго́ Про́хоркові па́ра випада́ла якъ разъ до попра́ви. Чи дивува́вся жъ хто, чи ні, якъ та горди́ня, Мару́ся Ковбанівна, хло́пця собі прина́дила, — а, мо́же, хто й завидувавъ Осау́ленкові, я́къ-то вінъ доступи́вся до тако́і кра́лі, ажъ тутъ по селу́ гря́хнула и́нша чу́тка поміжъ моло́діжжю: Про́хоръ Осау́ленко до вбо́гоі сироти́ Ори́нки Лободівни го́рнеця. Чи вона́ ёго́ якъ ураз и́ла въ се́рце, та гордівни́ця, чи вінъ роздумавсь, а вже прово́дить зъ ю́лиці Ори́нку до са́моі ха́ти, и вона́ на ёго квітка́ми зъ горо́да середу-дня́ ки́дае.

V.

Що жъ на́ша Ковбанівна?.. То́ була́ мовчязли́ва, ато́ ще гі́рша ста́ла: мовъ малюва́ння яке́ пи́шне, сидить було́ на ла́ві въ ма́тери. У неділю було́ за́йдемо до старо́і Кавба́нихи на очена́шъ, то й Мару́ся, вернувшись изъ це́ркви, увійде въ світли́цю та, не скида́вши блава́ть своіхъ и золото́го дівоцького кара́блика, такъ и ся́де коло віко́нця. Со́нечко вда́рить по тихъ дукача́хъ препи́ш-

нихъ, по тому́ брузуме́нті сутозолото́му... сяе Мару́ся—квітка квіткою! Ще заду́мается тро́хи: брівоньки ті я́кось ніби насу́пить,— ажъ чого́сь сумъ бере́, на не́і ди́влячись: важке́ щось на ду́мці въ не́і, и краса́ ії грізна́ яка́сь изроби́лась...

А до не́і — прочува́ли ми глу́хо — залиця́всь, черезъ свого́ осау́льця, со́тникъ, стари́й Байда́къ. Удіве́ць бувъ и бездітний, а гро́шей си́ла, то нехай би, ка́же, кому́-не́будь після ме́не доста́лось. Одказа́ла Мару́ся: »Хиба́ я зъ ро́ду гро́шей не ба́чила?« Не зва́жився панъ со́тникъ и старости́ приспла́ти, щобъ не скепкува́ла вродли́ва Ковбанівна. Коли́ жъ чу́емо — по селу́ ту́ркітъ, ту́ркітъ. Самъ со́тникъ ри́дваномъ курить до вдовино́і ха́ти. Зъ нимъ ро́дичі пова́жні у ридва́ні. Коза́цтва ку́па комо́нникомъ, — пи́шно й гу́чно завіта́въ панъ со́тникъ до Ковбани́хи.

VI.

Тутъ же ми, ка́же бабу́ся, дивуємось тому́ по́изду, а тутъ дівча́та якъ гукну́ть по селу́:

Пшли́ дружечки́ у три рядо́чки,
Ори́почка та й попе́реду!..

Дівичъ-вечіръ збира́е вже Ори́на Лободівна: хустки́ подава́ла за Про́хора Осау́ленка. Такъ о́тъ що воно́ есть — той со́тницький по́іздъ: се жъ на́ша кра́ля хо́че весілля весіллямъ заломи́ти, місяця со́нцемъ загаси́ти!.. Такъ и есть! Мару́ся, мовъ зоря́ кра́сна, то въ одну́, то въ другу ха́ту до свого́ ро́ду, до близьки́хъ сусідъ и приятелівъ — на дівичъ-ве́чіръ дружо́къ збира́ти. Вся въ зо́лоті, въ шовка́хъ. Тамъ одна́ пла́хта-*па́вине-пірó* паръ двохъ волівъ чума́цькихъ сто́яла, а кора́лямъ и ціни́ нема́. А су́кня жъ то зъ золоти́ми у́сами!.. Вже спра́вді такъ було́, якъ співаю́ть:

Ишла́ дівчи́на черезъ бір,
А на ій су́кня въ ві́сімъ пілъ.
Якъ ста́ла су́кня сия́ти,
Ста́ла дібро́ва пала́ти...

Наро́дъ такъ и пори́нувъ до Ковбани́шиної ха́ти. А въ Ковбани́хи — всі зна́ли — въ лёху́ стоіть дві бо́чки старо́і окови́тої, що ще Ковба́ня спусти́въ у лёхъ про весілля лю́бої до́ні, та дві бо́чки ме́ду, що зову́ть *пъяне́-чоло́*, або́ *спотика́чъ*, — тако́го, що

одъ одного́ ку́бка́ спотика́тимесся. Оце́ жъ уже́ коза́цтво позні-ма́ло зъ се́бе поясо́й и на поясо́хъ ті всі бочки́ витя́гують и ста́влять на зеле́ному моріжку́, покла́вши під бочки́ коло́дязну ця́мрину, щобъ кра́ще було́ точи́ти. Чу́тка така́ пішла́ (я́къ ті лю́до за́разъ и довідались!), що стара́ Ковбани́ха поки́не будиночокъ и дво́рище своє́, до со́тника зъ дочко́ю и зъ усе́ю худо́бою въ ху́тіръ ёго́ Піжмурки перебе́ретця, то всі тру́нки на весіллі до́брим лю́дямъ ви́частуе. А се, ба́чте, во́ля така́ Мару́сина була́, щобъ и ма́ти не жила́ въ нелю́бому ій селі.

VII.

Що́ жъ то за весілля ско́ілось, то й сказа́ти не мо́жна! Уся́ со́тня гуляла три дні и три но́чі; сами́хъ порохівъ дві мірки ви́стреляли. Гарма́ти до вдовино́і ха́ти попривози́ли. Ро́дичі молоді́ зъ гарма́тъ у воро́тяхъ стріляли, а коза́цтво зновъ зъ гарма́тами та зъ самопа́лами молоді́ добува́ло. Со́тникъ ве́рхи, си́вий якъ го́лубъ, у золото́му жупа́ні, въ соболе́вій ша́пці зъ оксами́тнимъ зеле́ннимъ ве́рхомъ, а кінь під ни́мъ сірий, якъ ря́бець, кінь туре́цький, — таки́й кінь, що й стари́й на ёму́ молоди́мъ здае́тця. Такъ черезъ гарма́ту й перескочивъ!

А якъ до вінця́ іхали, то — Го́споде мій! — вісьмери́къ волівъ съ Піжмурокъ пригна́ли, таки́хъ, що ко́жна па́ра пещисле́нні гро́ші коштуе́. Со́тникъ у чума́цтві кохався. Та ще привезли́ яко́гось неме́цького во́за, довже́незного, що и въ дворі не зміститця, та того́ во́за сами́ми кындяка́ми й ви́слали, ажъ по лю́шняхъ, по коле́сахъ тиліпа́етця, на вій кындя́къ ляга́е, а воля́мъ ро́ги, якъ те вілце, черво́ними та блаки́тними широче́нними стрічка́ми ввили́, вінки́ зъ дубо́вого ли́сту та зъ золоти́хъ гвозди́кивъ на ши́і воля́мъ повішали. То́ були́ пи́шні воли́, що во́ла ажъ до землі звиса́ють, ато́ — на́че ввісні тобі ввиджуетця *Князь* изъ молодо́ю *княгинею* сидя́ть ви́соко на тому́ во́зі, а навкруги́ сва́хи, дружки́, світи́лка зъ мече́мъ и музи́ки; коза́цтво ве́рхи и спе́реду и зза́ду. Простя́гся по́іздъ до само́і це́ркви.

VIII.

И то жъ то въ це́ркві було́ всімъ ди́во: що дві па́рі ра́зомъ бу́дуть вінча́тися: Мару́ся Ковбанівна зъ со́тникомъ Байдако́мъ, а

Орúна Лободівна зъ Осаўленкомъ Прóхоромъ. Спрáвді, кáже бабýся, якъ сóнце погáсить місяця на нéбі, такъ Марýся погасúла и красóю и пихóю багáтою нелюбу ій пáру. Хто бáчивъ ії въ цéркві — не всяке протóвпилось, и я, кáже бабýся, тільки коло цéркви стоя́ла та на ті волú дивúлась, та дúвомъ дивувáла, що зъ рóду такúхъ волівъ съ такúми пúшними рогáми не бáчила... дакъ хто бáчивъ, кажý, Марýсю въ цéркві, — вжахáлися зъ ії красú дúвної. Біла якáсь вонá зробúлась, тільки трóшки крáски по щóкахъ розливáлось, та гýбоньки аліли; та ще лýчча, ще крáща, ніжъ булó, якъ зъ Осаўленкомъ любитця. Очі спя́ють, якъ зóрі, — спрáвді, кáжуть, якъ зóрі ті очі спя́ли. Згóрда позирáла на Осаўленка и на ёго Орúну, сиротý вбóгу. Тá, якъ голýбка полохлúва, до свого подрýжжя хилúлась. И Осаўленкові булó я́кось ніякóво. Богъ ёгó вже знáе, щó въ ёго на душі булó тоді, а пóслі объявúлося... Нехáй Госпóдь одъ такóго борóнить всякого чоловіка хрищéного... Бодáй би лýчче такóго й не чувáти!

IX.

Одгуля́ли вісíлля, вúпровадили молодúхъ у Піжмурки. Придáнки бíснувáлись ищé съ тúждень, переíжджáючи то до вдовú Ковбанúхи, то до сóтника Байдакá. Медú й налúвки лилúсь у ёго річкою. Дáлі все затúхло. Ковбанúха вúбралась до зя́тя. Ще, мóже, минýла неділя, чи й другá, а тамъ и вúявилось лúхо, що пíдъ те весéле бенкетувáння наклю́нулось. Тяжкé, дітки моі, лúхо бувáе съ тóго, якъ якá людúна врóдитця гóрда та пúшна! Немá чоловíкові щáстя, въ кóго жінка бýде гордúня; немá й жíнці добрá, колú въ чоловíка невгамóване гóрдее сéрце. Осаўленкові, якъ вінъ ще залиця́всь до Марýсі, чи любúвся зъ нéю, прóсто сказати, — здалóсь, що вонá, та Марýся, красá малёвана, багатúрка пúшна, що вонá нимъ гордýе, що вонá зъ мúлости ніби тільки до ёго свою́ квітчану, зóлотомъ повúту гóлову схиля́е. Богъ іхъ знáе, якé тамъ слóво міжъ нúми бóвкнуло, тільки вінъ засумувáвъ тя́жко, трóхи, кáжуть, самъ собі смéрти не заподіявъ, а дáлі — постріва́й же! взявъ та й прихилúвсь до вбóгої сиротú, до Орúни безталáнної! А та собі — постріва́й же! та й переказáла сóтникові: приздú за рушникóмъ. »Бодáй васъ, мої безталáнночки! кáже булó бабýся: хочъ-би ви матíркамъ своíмъ одкрúлися, хочъ-

би одну́ люди́ну ви коло се́бе зъ щи́рымъ се́рцемъ та зъ до́брымъ ро́зумомъ ма́ли!... Сами́ себе́ запапасти́ли, мо́вчки собі по я́мі ви́копали!«... Ось слу́хайте, що́ ста́лось.

X.

Ра́нкомъ въ-осени́, тільки що со́нечко почало́ по кра́сному рідко́му ли́стячку сия́ти, ди́вляться лю́де — по селу́ йде на́ша па́ні со́тничка, та въ чому́ жъ вона́ у́брана? Су́кні на ій су́княми, а коса́ роспле́тена по вітру ма́е, и на голові вінокъ изъ сухи́хъ васи́льківъ та чорнобри́вцівъ, що за сволока́ми по світли́цяхъ затика́ють. Отъ съ того́ ха́тнёго зілля вона́ бідола́шня вінокъ собі сплела́ и бі́жить, якъ та ри́бонька въе́тця, до Осау́ленкової ха́ти. Осау́ленко на́че ждавъ ії — ви́йшовъ назу́стрічъ. Побачи́въ — и зарида́въ якъ мала́ дити́на. Лю́де обступи́ли безтала́нночку божевільню, а вона́ про́сить іхъ на весілля, кла́няетця... Що́ жъ то були́ за жа́лощі! Краса́ ії не змині́лась, ли́чко гори́ть, очи́ці сія́ють, та стра́шно було́ на не́ї диви́тись.

Ви́йшла й нещасли́ва Ори́на съ ха́ти, нічо́го й не ка́же, и чоловіка свого́ не випня́е, а той ажъ у сиру́ землю бъе́тця. Коли́ жъ тутъ панъ со́тникъ іде... Похили́вся, — вже не той, що на весі́лі був... зрозумівъ, яко́го собі ща́стя доско́чивъ. Ласка́вимъ, ти́химъ єло́вомъ почавъ свою́ молоду́ жінку́ блага́ти, щобъ до́дому верну́лась. Вона́ на́че й опамята́лась; схили́ла го́лову на бі́лі ру́ки, ли́чко въ доло́ні втопи́ла, — повізъ вінъ ії додо́му.

XI.

Засумува́въ же тя́жко нашъ Осау́ленко пі́сля сёго, запуди́въ світомъ несказа́нно. Зъ лица́ спавъ, ажъ почорні́въ одъ велі́кої ту́ги, и все въ па́сіці зъ ді́домъ-па́сішникомъ сиди́ть. Воно́-то й тре́ба було́ ёго́ по́мочи, щобъ на́ зіму бжо́ли установи́ти, такъ коли́ жъ вінъ и додо́му не навідаетця, — тамъ и ночу́е въ курені, и все — роска́зуваръ опісля́ ді́дъ — все мо́вчки пла́че, а вночі вста́не и навкруги́ па́сіки, мовъ неприка́янний, блука́е. Не до́вго жъ се й проволокло́сь. Каза́ли до́брі лю́де: »Бережіть ви сёго́ чоловіка!« та якъ ёго́ вберегти́? То́ не дити́на. Вінъ и діло ро́бить, и нікому важко́го сло́ва не ска́же; и Бо́гу мо́литця, тільки знай мовчи́ть та сумує, та ча́хне, мовъ свічка та́не.

XII.

На са́мого Нау́ма, ка́же бабу́ся, що дітей лю́де до дяка́ одда-ю́ть, иду́ть на́ші селя́не черезъ гре́блю до це́ркви, ажъ ди́вляться — на стри́жні Осау́ленкова ша́пка пла́вле. А въ ёго була́ запоро́зька кабарди́нка съ кабарди, — ёму́ въ Січі подаро́вано, якъ горі́лку возя́въ у Січъ. Диву́ются лю́де й жаха́ются: щось воно́ не до́бре віщу́е. Коли́ жъ дівча́та: »Гля́нте, гля́нте! вино́къ зъ сухи́хъ васи́льківъ та чорнобри́вцівъ!« Спра́вдi де взя́вся, ви́плывъ изза осоки́ таки́й са́мо вино́къ, якъ бувъ на молодій со́тницці. Почало́ бистрино́ю ша́пку крути́ти, а тутъ вітере́ць повіявъ... И сплила́сь ша́пка доку́пи зъ вино́чкомъ, и поплили́ по стри́жню въ-па́рі.

»Э, та се жъ воно́ щось е тутъ нега́рне!« сказа́ли старі лю́де. »А шука́йте чо́вна, дава́йте не́вода!« Заки́нули не́видъ, — такъ и есть! ви́тягли іхъ у-па́рі. Обня́вшись вони́ въ воді лежа́ли.... Що́-то стра́ху було́ на нихъ диви́тись! що́-то жа́лощівъ! Прибігъ кіньми со́тникъ, и те́ща зъ нимъ приіхала. Ну, вже тутъ и росказа́ти не мо́жна, гово́рить було́ бабу́ся, яко́го було́ плачу́ та ле́менту. За́разъ іхъ и похова́ли; здобули́ въ кого́сь гото́ву просто́ру домови́ну. Надъ ста́вомъ, поміжъ ве́рбами й похова́ли іхъ у одній домови́ні. Неха́й іхъ уже́ Госпо́дь хочъ на тімъ світі не розлуча́е!

Петро́ Забоцень.

МЕЖИГОРСЬКИЙ ДІДЪ.

(ОПОВІДАННЄ БАБУСІ.)

Я ще була́ дівчиною, якъ ходи́въ до насъ изъ Межи́горъя яки́й ся здорове́нний дідъ-па́сішникъ. Таки́й я́кось чудни́й бувъ, — зовсімъ и на па́сішника не похо́дивъ. Ба́тько каза́въ, що вінъ лі́тъ пятдеся́тъ бувъ січовико́мъ, би́вся зъ Ордо́ю, та вже якъ стара́вся, — приіха́въ на байдаку́ зъ кошови́мъ у Межи́горъя и зроби́вся у че́нцівъ па́сішникомъ. Ото́жъ було́, якъ обри́дне ёму́ спдіть изъ ченця́ми, то й при́йде до ба́тька, та й бала́кають собі у-двохъ, спомина́ючи старовину́; бо й ба́тькові доставалося на своєму́ віку́ бува́ти у бува́льцяхъ. Було́, якъ за́чнуть объ войні розмовля́ти, то дідуга́нъ за́разъ и въ-бо́ки бере́тця, и вусъ кру́тить, и чо́рта згада́уе. .. ій же Бо́гу пра́вда! По́ки ще не ви́пъе, то було́ и мно́гі лі́та співа́, и ба́тьку, и ма́тері, и мині, апо́стола чита́, — а го́лосъ таки́й у ёго бувъ, якъ зъ бо́чки, ажъ вікна джирча́ть, ажъ гли́на зъ сте́лі си́плетця. Якъ же ви́пивъ ча́рку, дру́гу, — то вже го́ді зъ писа́нія, за́разъ почне́ пісні співа́ть, баля́си точи́ть, та таке́ вига́дувать, хочъ зъ ха́ти тіка́й: було́, й мене́ зачіпа́... ій же Бо́гу пра́вда! Така́ вже, ба́чите, запоро́зька нату́ра: ні літа́ ії не ви́вітрять, ни підъ си́вимъ во́лосомъ не схова́ется. И моли́вся вінъ я́кось чу́дно, не такъ, якъ ченці, а мо́вчки, — покло́нівъ не кладе́, — а чо́тківъ було́ ёму́ ченці й не наста́чатця: ура́нці подару́ють, а ввечері вже не пита́й, — загуби́въ.

Разъ мині довело́сь и ба́чить, якъ вінъ моли́вся. Прийшо́въ до насъ та й забала́кався до пізнёго ве́чора, — а тутъ якъ но́чи насу́нули хма́ри, хруго́мъ замазалось, — а тамъ якъ ушква́рить дощъ—

якъ зъ відра́; зроби́лось, нена́че горобина́ нічъ. Отъ ба́тько и уговори́въ діда переночува́ть у насъ, бо до па́сіки було́ верстовъ пять. »Ори́сю«, ка́же мині ба́тько: »постели́ панотцеві у світли́ці.« (Була́ у насъ черезъ сіни світли́чка). Узяла́ я пери́ну, подушки́ и пішла́; стелю́,—а тутъ и черне́ць увійшо́въ. Тільки ввійшо́въ, та́къ и хря́пнувсь навко́лішки; якъ уда́рить себе въ гру́ди, та́къ ру́ки й закля́кли въ ёго на́вхрестъ; якъ гля́не на нико́ну, ажъ о́чі, що вже одъ ста́рісти позападали, ви́котились и заблища́ли, — ажъ побіли́въ, якъ кре́йда! Якъ гля́нула я на діда, то мині здало́сь—не то Госпо́дь—и стіна́ почу́ла ёго моли́тву!.. Ажъ гру́ди въ ме́не заложи́ло,—сама́ не зна́ю, я́къ и я опини́лась на коліняхъ, и поду́мала собі мо́вчки: »Го́споди, поми́луй и мене́ грішну!« Не до́вго й моли́вся: уста́въ, — тутъ тільки догле́дівсь, що я у світли́ці. »А що ти«, ка́же, »тутъ ро́бишъ?« А я ёму́ кажу́: »Стелю́ вамъ посте́лю«. Отъ вінъ погладивъ мене́ по голо́вці... За́разъ изъ не́ба, мовъ съ пе́чи: »Неха́й же, ка́же, тобі за се присни́тця га́рний козакъ«.

Такъ отто́й, кажу́, дідъ и співа́въ и компонува́въ пісні й ду́мки. Разъ у неділю, після обіду, ви́йшовъ у садо́къ и ка́же мині:

— Хо́чешъ, Ори́сю, я тебе́ навчу́ пісе́нь и ду́мокъ?

— Навчіть, пано́че, кажу́:— я ду́же люблю и пісні и ду́мки.

А я змо́лоду ду́же була́ го́стра: було́ на ву́лиці, на вечорни́цяхъ, у до́світки, въ коля́дці, на и́грищахъ, ніхто́ якъ я пе́редъ вела́. Безъ ме́не не знали, я́къ и за́ що взя́тьця, якъ и пісню завести́. Було́, якъ ма́ти не пу́стить мене́ на вечорни́ці, то й парубки́ поросхо́дятця, а ста́немо гра́тьця въ хре́щика, або́ въ гусе́й, то ві одинъ-таки́ па́рубокъ, зо всёго села́, не дожене́ мене́: така́ була́ прудка́.... ій же то Бо́гу пра́вда! А парубки́ які були́!.. не тепе́рішнімъ рівня! Які тепе́ръ парубки́? оску́блені горобці передъ ти́ми.... ка́ зна на́ що поперево́дились... Ті, було́, зійдутця на вечорни́ці въ карма́зинахъ, въ блавата́сі, у висо́кихъ смуше́вихъ шапка́хъ, та якъ ста́нуть баляндра́сить, то й ме́ртвий би розгреготався.... ій же Бо́гу пра́вда!.. А було́ якъ понахо́дять зъ Ки́іва вартові козаки́, то таки́й гарми́деръ підіймуть, — хочъ тіка́й зъ села́! На́шимъ парубка́мъ ни́ки порозбива́ють, осели́дці пообрива́ють, всі вечорни́ці розжену́ть... Та й на́шому бра́ту доставалось: пійма́ють було́ дівчину — а вже одъ нихъ не втіче́шъ, и мене́ лови́ли — обсту́плють та й не пуска́ють. »Се«, ка́жуть, »відьма: ми ій ба́чили на Ли́сій Горі!« Бо́жисся, заприся́гаеся, такъ

не йму́ть вірп: »тре́ба,« ка́жуть, »подивйтьця, чи нема́ у не́і хво́стика!« И вже, кажу́, не втіче́шъ одъ нихъ и не схова́есся, хочъ пу́щі такі кругомъ села́ були́, що не продере́сся, па́льця не просу́нешъ. Тепе́рички и не вгада́ешъ, де той и лісъ бувъ; тоді трава́ ви́ща була́, якъ тепе́ръ де́рево.... ій же Бо́гу пра́вда! Косарі, було́, ко́сять, та ажъ ко́си лама́ють, а тепе́рички що́? и въ коліно тіе́і трави́ не бу́де...

Ну, такъ ба́чите... що́ жъ я таке́ роскáзувала?.. Отъ ей же Бо́гу забу́ла... якъ згада́ешъ молоді літа́, то здае́тця и не верну́лась би наза́дъ, — тамъ би зъ ду́мкою й оста́лась!.. Эге́, про ду́мки, про ченця́... »Хо́чешъ, ка́же, я тебе́ навчу́ пісня́мъ и ду́мкамъ? Якъ я вмру, то вони́ ще съ тобо́ю поживу́ть яки́й часъ.« Отъ я й ви́вчилась, и ста́ршу дочку́ Окса́ну навчи́ла, такъ шкода́ жъ, дочка́ моя́ вме́рла, а зъ не́ю и пісьні, и ду́мки. Та ще я́къ небо́га и вме́рла: на́глою сме́ртю: гли́нище завали́лось, та й її придави́ло... Після се́бе оста́вила двое діточо́къ: хло́пчика и дівчинку, маню́сенькихъ, ще такъ, тільки що одъ землі підняли́сь. Та й си́ротамъ не давъ Богъ талану́: ону́ка оддали́ въ не́крути и погна́ли підъ Ту́рка, та тамъ десь у шпиталі́ и вмеръ, а ону́чка... Опя́ть забреха́лась!.. що́ бо я роскáзувала?.. ій же Бо́гу забу́ла!.. Эге́, навчи́въ мене́ черне́чий дідъ пісня́мъ и ду́мкамъ, и які́ жъ га́рні були́ ті пісні́ й ду́мки! такъ до се́рця й прикипіли. Де бъ не була́, куди́ бъ не пішла́, и вони́ зо мно́ю, якъ курча́та за кво́чкою. Засну́, такъ и въ сонъ мій залита́ють, якъ ті бжілки́, що гуду́ть въ вітяхъ ли́пи, якъ вкри́етця вона́ паху́чимъ цвітомъ; а тепе́рички усе́ забу́ла, усе́ розвіялось, якъ та роса́, що ніхто́ и не зна́е, куди́ вона́ хова́етця. Одну́ тільки ду́мку ще й па́мятую, та й ту забу́ду, ко́ли Госпо́дь протя́гне віку. Та й не до́вго жъ мині вже и ди́хать на сімъ світі; зовсімъ стара́ ста́ла, и но́ги не де́ржуть, и не дочува́ю, и не добача́ю, а ча́сомъ такъ гру́ди зало́жить, що й го́лосу не одведу́... Сю зіму, тро́хи була́ не заме́рзла, біля́ самісінькихъ двере́й. Підняла́сь страше́нна завірю́ха, а я й ви́шла зъ ха́ти; тільки переступи́ла порігъ, а мене́ якъ підхо́пить вітеръ — та въ заме́тъ; силкуюсь уста́ть, а мене́ такъ и ва́лить, такъ снігомъ и замі́та; кричу́, такъ що́ зъ мого́ кри́ку, коли́ вітеръ на де́сять голосівъ реве́ та ви́е, и скіглить и гоготи́ть!.. Та вже дівча́та, спаси́бі имъ, догле́ділись, що мене́

нема́, ви́йшли, ви́гребли зъ су́горба и внесли́ въ ха́ту; тро́хи не одубіла... ій же Бо́гу пра́вда!

Що́ жъ я росказу́вала?.. опя́ть забу́ла... Що́ за напа́сть така́!.. Почну́, почну́, та й те́е... и зібъю́сь зъ пантели́ку... чи пакъ, про ду́мку... Кажу́ жъ вамъ, що одну́ тільки и па́мятую. Дідъ мині каза́въ, що скомпонува́въ ії, якъ ще бувъ молоди́мъ и оста́вся після ба́тька и ма́тери кру́глимъ сиротою. Отъ, слу́хайте, по́ки ще не забу́ла:

Схили́вши го́лову коза́къ,
На роспу́тті стоя́въ,
Зъ своімъ се́рцемъ небора́къ
Таку́ ду́мку гада́въ:
»Одинъ, якъ били́на въ по́лі,
Ча́хну, загиба́ю,
Не по своій во́лі
Талану́ шука́ю.
Нема́ не́ні, нема́ та́та,
Нема́ сестри́, нема́ бра́та,
Нема́ жінки,
Нема́ тітки,
Нема́ во́лі,
Нема́ до́лі...
Моя́ жъ хати́на—
Въ сирій землі домови́на!«
А се́рце ёму́ въ одвітъ
Таки́й дае́ привітъ.
»Не журі́ся, коза́че,
Забу́дь свое́ го́ре,
Огляньсь, небора́че,
На бі́лий світъ-мо́ре!
Твоя́ ма́ти—твоя́ во́ля,
Ба́тько твій—
Степъ сиви́й.
Сестра́ твоя́—твоя́ до́ля,
Брати́ твоі—два пісто́ля!
Го́стра ша́бля—твоя́ жінка,
Яничарка—твоя́ тітка,
А хати́на—
Світъ безъ ти́на,
Коза́цька пери́на!«
Ма́ти-во́ля тебе́ знаря́дить,
Ба́тько-степъ тебе́ напра́вить,
Сестра́-до́ля не поки́не,
Ша́бля-тітка не заги́не,
Брати́-пісто́лі оборо́нять,

Яничáрка врагівъ одгóнить.
Идú жъ, козáкъ, світъ за очúма,
Несú свою смерть за плечúма.
Не бійсь смéрти: пóки живéшъ—
Ії немá,
А якъ умрéшъ —
Тебé чортъ-мá!«

Отъ вамъ и дýмочка.—И ті гáрні булú, такъ забýла жъ... ій же Бóгу забýла!.. Старá вже стáла, порá бъ и кісточкáмъ на вічний покóй... А здаéтця, бýцімъ ще и не дýже старá. Аджéжъ Кротúха старішъ одъ мéне: я булá ще дівчинкою, а въ нéі вже булó трóе діточóкъ, а и дóсі, що-рóку, хóдить на Пречúсту у Кúївъ пішки... А та—якъ ії?.. Дýдничиха... такъ ся далéко ще старішъ одъ Кротúхи, а ще дéржить ії Господь на сімъ світі. У той рікъ, якъ я вихóдила зáміжъ, вонá оженúла сúна зъ дочкóю того...якъ ёгó?.. що живъ въ тімъ селі, на горі, проти того, що млинъ збудувáвъ... вінъ же ще чумаковáвъ... Ні, збрехáла!.. Щó я кажý!.. Не вінъ чумаковáвъ, а той... якъ ёгó?.. що біля манастиря пáсіка... На умі вертúтця, такъ не згадáю жъ...ще жъ біля ёгó хáти и вербá рóсте... та ні!.. Оттáкъ збреши!.. Не вербá — а колóдязь... ёгó жъ усі знáють... Га?.. не чýю... кахи-кахú-кахú... охъ, лúшечко! грýди заложúло... кахú-кахú, кахú-кахú-кахú!

Олекса Стороженко.

Межигорья.
1850 рóку.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

III.

Если выйти изъ хутора Гарного и круто повернуть направо, то встрѣтишь лѣса старые, густые, въ которыхъ, говорятъ, водятся и медвѣди. Въ дѣтствѣ меня очень занимала непроницаемая темнота этихъ лѣсовъ; какъ я ни всматривался въ эту гущину, но никакъ не могъ замѣтить малѣйшаго просвѣта; точно черная стѣна, недвижно стояли, и теперь стоятъ, вѣковые дубы. Задолго до сумерекъ, лѣса эти становятся мрачны, и глухой шелестъ ихъ листьевъ наводитъ на человѣка раздумье: идти туда, или нѣтъ? И вечеромъ, дѣйствительно, никто туда не пойдетъ, кромѣ стараго пастуха Архипа, которому извѣстны всѣ окружныя тропинки. Довольно, говорятъ, войти въ этотъ лѣсъ на 15 шаговъ, чтобъ очутиться въ темнотѣ; а страха такого натерпишься, что лучше было бы и не разсматривать. Подъ осень, по ночамъ, выходятъ оттуда съ воемъ волки; одни отправляются за добычей къ хутору, а огненные глаза другихъ, какъ угольки, высвѣчиваютъ на опушкѣ. И днемъ, въ праздники, отправляясь по грибы, дѣвушки всѣ сторонятся отъ этого лѣса; иная, посмѣлѣе, и вскочитъ туда,—и съ визгомъ выбѣгаетъ поскорѣе назадъ. Страшный лѣсъ! А откуда этотъ страхъ? никто не знаетъ. Спросите любого: видѣлъ ты тамъ медвѣдя? онъ скажетъ: нѣтъ. Что́ же, *лісовйкъ* тамъ живетъ?—и этого никто не знаетъ, никто не видѣлъ и лѣшаго. Повѣрья какія-нибудь есть?—Нѣтъ. —Былъ случай, который навелъ такой страхъ?—И этого не было. Спросите любого крестьянина, почему онъ не ходитъ въ лѣсъ?—онъ непремѣнно отвѣтитъ: »тамъ, ма́буть, нечи́сто.« Почему жъ Архипъ не боится?—*Вінъ заговóрений*. Странно! что́ же, наконецъ, за причина? должна же быть причина?—Нѣтъ причины... Спрашивалъ я и у старыхъ людей, людей умныхъ,

много и хорошо знающихъ, и они ничего не сказали, только, покачавъ головой, совѣтовали и мнѣ не ходить. Говорили бабы, будто жили тамъ когда-то разбойники и много душъ загубили, а теперь души тѣ живутъ въ лѣсу и ходятъ по ночамъ; но бабамъ вѣрить нельзя. Дівча́та—тѣ краснѣютъ да смѣются, когда спросишь у нихъ,—самому совѣтуютъ познакомиться съ лѣсомъ. Живетъ еще на хуторѣ одна старуха—*тітка Маруся*, что́ не боится черныхъ дубовъ и ходитъ въ лѣсъ,—да она чудна́ баба, вездѣ ходитъ, и всѣ боятся ея не менѣе страшнаго лѣса. Кто, говорятъ, обидитъ тітку Марусю,—тому добра не ждать: вѣдьма она, и непремѣнно напакоститъ. И съ-виду она странная: ей лѣтъ шестьдесятъ, а ходитъ такъ скоро, что и малый лѣтъ двадцати едва поспѣваетъ за нею; одѣвается всегда въ яркіе цвѣта, а платокъ на головѣ чорный; ходитъ всегда съ длинной палкой. Никогда работы никакой не дѣлаетъ, а любитъ домашнюю птицу и усердно смотритъ за нею, не любитъ даже, когда повара убиваютъ ее для стола. Лѣтомъ всё сидитъ подъ амбаромъ; собирается около нея кучка дѣтей,—она имъ сказки разсказываетъ, да по головкѣ гладитъ, и храни Богъ, обидѣть ребенка: тітка Маруся по́ѣдомъ заѣстъ злого человѣка. Молодыхъ дѣвушекъ она не любитъ, всё бранитъ ихъ: »се, ка́же, леда́що!« А тѣ тоже, не пропустятъ случая досадить ей какъ-нибудь: молодежь не боится мести старухи; пова́жные хуторяне, напротивъ, обращаются съ нею почтительно, питая сильную вѣру въ могущество ея волшебства. Какъ только выйдетъ тітка Маруся погрѣться на солнышкѣ, дѣти со всѣхъ сторонъ летятъ къ ней навстрѣчу, прыгаютъ около нея, цѣпляются за красную ея запаску и съ радостнымъ шумомъ провожаютъ ее къ амбару, гдѣ обыкновенно бываетъ постоянное ея засѣданіе. Зимою тітка Маруся забирается на печку, въ своей хатѣ, и появляется на воздухъ только затѣмъ, чтобъ полюбоваться на своихъ любимцевъ: курей, индѣекъ, гусей и т. д. Тамъ, на печи, проводитъ она мѣсяцевъ пять въ полномъ уединеніи, шепчетъ что-то цѣлый день, да возится съ котами, которыхъ также очень жалуетъ, въ ущербъ собакамъ, которыхъ терпѣть не можетъ; и если въ ея дверяхъ покажется собачья морда, то у тітки Маруси однимъ горшкомъ меньше непремѣнно: что́ подъ руку попадется, тѣмъ и швырнетъ. Работы, по-обыкновенію, въ рукахъ у нея нѣтъ никакой, и никакія убѣжденія ключника въ томъ, что она даромъ хлѣбъ ѣстъ, не могутъ заставить ее работать. Единственное занятіе, за которое она иногда берется, это—какъ посѣетъ макъ—добываніе его изъ маковокъ. Вообще, тітка Маруся не любитъ общества и постоянно со-

стоитъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ окружающими. Лѣтомъ, когда люди не на работѣ, хуторяне проводятъ цѣлый день на воздухѣ, и голосъ тітки Маруси не умолкаетъ ни на минуту. Предлогъ къ ссорѣ она найдетъ во что́ бы ни стало. Откуда нашло на тітку Марусю такое мизантропическое настроеніе—никто не знаетъ. Замужемъ она никогда не была; въ молодости, слышно, была отличная работница, изъ себя красавица; сверстники ея, лѣтъ 40 назадъ, были безъ ума отъ Маруси; жениховъ у ней было пропасть. Но Маруся отказывала да отказывала. А тутъ вдругъ съ нею что́-то неладное случилось: спала дівка зъ лица́, а станомъ пополнѣла. Подсмѣиваться начали надъ нею... Вдругъ исчезла Маруся; куда?—никто не зналъ. Искали ее, искали—не нашли, да такъ и забыли. Черезъ нѣсколько лѣтъ она вернулась домой, уже съ покрытой головой, и хлопчикъ съ нею; а гдѣ ходила — никому нес казала. Съ той поры стала она грустна и печальна: много плакала, перестала работать; а тутъ мальчикъ ея умеръ. Затосковала Маруся, постарѣла, посѣдѣла, сморщилась, озлилась на всѣхъ, высохла въ щепку, избѣгала людей, и народъ рѣшилъ, что она вѣдьма.

Особенно не любила тітка Маруся Ондрія. Просто, видѣть не могла его равнодушно; дня не проходило лѣтняго, чтобъ они не поругались. Только завидитъ тітка Маруся своего врага—и пойдетъ кричать на три двора. Ондрій впрочемъ больше всё махалъ только рукой да отдѣлывался междометіемъ: ну, ну!

— Вылѣзло уже пугало! кричитъ Маруся.

— Ну, ну, ну! отвѣтитъ Ондрій, и пойдетъ своей дорогой.

— Куда ты, бісівъ сйну? цыпленка задавишь, дьяволъ!

— Ну, ну, ну!

— Да ты бъ на свѣтъ постыдился смотрѣть!

— Ну, ну, ну! — Махнетъ Ондрій рукой, да поскорѣе въ первую дверь и спрячется.

Ондрій никогда не любилъ говорить о тіткѣ Марусѣ, и всегда становился угрюмъ и сердитъ, какъ только рѣчь до нея касалась. Не тутъ ли была разгадка мизантропіи старухи? Душа человѣка — потемки.

Заговорилъ я о тіткѣ Марусѣ потому, что сказалъ о страшномъ лѣсѣ, съ которымъ я мало-по-малу познакомился. Отъ скуки, взялъ я разъ ружье и пошелъ въ лѣса; прогулки мои повторились нѣсколько разъ. Сначала ружье носилъ я съ собою только для того, чтобы видѣли, что я не даромъ шатаюсь; но мало-по-малу я пристрастился

къ охотѣ, и отправлялся въ лѣсъ почти каждый день. Во время такихъ прогулокъ, заходилъ я иногда далеко отъ дома; кстати кругомъ было много болотъ, и охота была славная. — Въ первый разъ, я какъ-то всталъ на зарѣ, вышелъ изъ дому съ ружьемъ, и случайно повернулъ къ лѣсу. Подошедши къ самой опушкѣ, я однако остановился; жутко стало: черно такъ, что страхъ. Но подумалъ, подумалъ, да и рѣшилъ идти. Скоро я протиснулся въ такую гущину, что и слѣду человѣческаго уже не видно. Но я не обратилъ на это вниманія, бодро шелъ впередъ, и мало-по-малу такъ замечтался, что забылъ совсѣмъ о ружьѣ и не чувствовалъ на плечѣ его тяжести. Утро было чудное; кругомъ такая тишина, что ни одинъ листокъ не шевельнется; только слышался шелестъ моихъ шаговъ, да спугнутая иволга или кукушка перелетала съ дерева на дерево. Тѣсно сплетшіеся между собою кусты загораживали мнѣ дорогу, и мнѣ съ трудомъ удавалось раздвигать ихъ. Солнечные лучи рѣшительно не пробивались въ эту глубь, и я не почувствовалъ ни малѣйшаго жара, хотя шелъ уже часа три. Я забылъ сказать, что лѣсъ этотъ назывался *Сагайдачнымъ*. Причину этого названія я никакъ не могъ открыть; говорили, что такъ называется уже много лѣтъ, и другого названія никто не зналъ и не слыхалъ. Въ этомъ названіи, казалось мнѣ, кроется что-нибудь чудесное, быть-можетъ историческое: недаромъ же освящено оно тѣмъ славнымъ именемъ. Погружаясь въ такія размышленія, я совсѣмъ позабылъ объ окружавшей меня дѣйствительности и перешелъ въ какой-то волшебный міръ, много имѣвшій общаго съ тѣмъ, какой создавало мое воображеніе въ дѣтствѣ. Лѣсъ, переставая уже быть лѣсомъ, превращался въ какую-то одушевленную громаду; деревья, казалось, двигались и заслоняли мнѣ дорогу; вылетавшія изъ кустовъ птицы представлялись мнѣ какими-то врагами, съ которыми я долженъ былъ сражаться. Сорвавшійся съ дерева огромный глухарь такъ перепугалъ меня, что я не цѣлясь, выстрѣлилъ по немъ. Трескъ выстрѣла освѣжилъ меня и разогналъ всѣ фантазіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ лежалъ убитый тетеревъ и слабо помахивалъ однимъ крыломъ. Я поднялъ его и сунулъ въ ягдташъ. Тутъ я почувствовалъ сильную усталость; взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что былъ на ногахъ часовъ пять. Принявъ во вниманіе то, что шелъ я не останавливаясь и, повидимому, не мѣняя направленія, я сообразилъ, что былъ отъ дому покрайней мѣрѣ въ двадцати верстахъ. Нужно было отдохнуть; я опустился на землю и, прислонясь къ дереву, задремалъ. Поднявшись черезъ нѣсколько времени, я рѣшительно не

зналъ, куда идти. Не замѣтивъ направленія, въ какомъ я удалялся отъ хутора, и не твердо надѣясь на то, что во все время пути не мѣнялъ направленія, я былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Идти, однако, нужно Я повернулъ влѣво. Пройдя версты три, я замѣтилъ, что лѣсъ начинаетъ рѣдѣть: выходило, что я брелъ не въ ту сторону, куда слѣдовало. Продолжая путь, я наткнулся, наконецъ, на дорогу, на которой замѣтны были слѣды колесъ. Но это помагало мало; я всѣ-таки не зналъ, куда повернуть, направо или налѣво. Слѣдуя, впрочемъ, правилу мудрыхъ, повернулъ налѣво. Дорога эта привела меня сперва къ небольшому озеру, а потомъ къ селу. Въ сторонѣ, на маленькой возвышенности, стояла большая выбѣленая хата. Я подошелъ къ ней. Прежде всего ко мнѣ бросилась огромная собака съ лаемъ; отмахиваясь отъ нея ружьемъ, я добрался до дверей, которыя, полѣтнему, были отперты. Спиной ко мнѣ сидѣла дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Я попросилъ воды и позволенія отдохнуть. Миловидная дѣвочка встала и черезъ нѣсколько секундъ принесла кружку съ водой, и подала мнѣ, низко поклонившись, что́ означало: Бу́дте здоро́ві пи́вши!

— Чия́ се ха́та?—спросилъ я.

— Оста́пова, отвѣтила дѣвочка.

— Се твого́ ба́тька зову́ть Остапомъ?

— Ні, діда.

— А тебе́ якъ зову́ть?

— Прі́ською.

— Де жъ твій оте́ць?

— Ба́тько вме́ръ, отвѣтила Приська.

— А ма́ти?

— И ма́ти вме́рла.

— А де жъ дідъ?

— Въ ха́ті, нездужае.

— Що́ жъ, ви вдвохъ живете́?

— Ні, у ме́не е сестра́ и братъ. Сестра́ — на огоро́ді, а братъ — чумаку́е.

— Чимъ же дідъ нездужае?

— А хто ёго́ зна́е, равнодушно отвѣчала Приська:—все боли́ть.

— И давно́ вже?

— Зъ мі́сяць бу́де,—тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ отвѣтила дѣвочка.

— Що жъ вінъ, усе лежи́ть?

— Ні, йноді вивóдимъ ёго́ на сóнце, — сидúть на прúзьбі.

Я вошелъ въ хату. Слабый свѣтъ, врывавшійся черезъ небольшое окошечко, заслоненное снаружи большимъ дубомъ, не позволялъ сразу осмотрѣть все. Но вскорѣ я замѣтилъ въ углу, на *полу́*, человѣческую фигуру, лежавшую лицомъ къ стѣнѣ. Человѣкъ этотъ, на шумъ, произведенный моимъ появленіемъ, отозвался вопросомъ:

— Се ти, Пріськó?

Я назвалъ себя и объяснилъ, по какому случаю попалъ къ нему въ гости. Затѣмъ освѣдомился о его здоровьѣ.

— Охъ, нездýжаю! слабо отвѣтилъ больной.

При этомъ онъ съ усиліемъ повернулся на другой бокъ, и сѣлъ, поджавъ ноги. Подойдя къ постели, я увидѣлъ очень старого дѣда. Рѣдкіе, пожелтѣвшіе уже волосы свидѣтельствовали о многихъ годахъ, пронесшихся надъ этой головой; лицо, по-видимому, нѣкогда длинное, высохло, сморщилось и цвѣтомъ походило на высохшій лимонъ; когда-то длинный носъ свернулся въ крючокъ; губы впали; глаза, лишенные всякаго блеска, ушли такъ глубоко въ свои орбиты, что трудно было разглядѣть ихъ сразу; черты потеряли выраженіе, и даже не отражали въ себѣ физическихъ страданій. Вся фигура старика такъ умалилась и скомкалась, что издали можно было принять ее за дѣтскую. Болѣзнь, продолжительная, безъ всякаго пособія, насквозь проѣла несчастнаго человѣка, вытянула изъ него всю жизнь, оставивъ только легкую оболочку, которая едва удерживала дыханіе, ежеминутно готовое отлетѣть.

— Щó въ тéбе болúть? спросилъ я.

— Охъ, усé болúть, прошепталъ старикъ, медленно покачивая головой. — Лихомáнка здавúла, прибавилъ онъ.

— Давнó ти нездýжаешъ?

— Да вже, мабуть, лiтъ съ пять, якъ не встаю: нóги не слýхають..

— Чи ти́ жъ лічúвся?

Старикъ хотѣлъ улыбнуться; но только пошевелилъ сухими губами и махнулъ рукою.

— И молодúмъ бувъ, такъ не лічúвся нікóли, атó бъ на стáрість здурівъ! насмѣшливо проговорилъ онъ.—Якъ прúйдетця не вмоготу́ терпíти, такъ я вúпью кваску́, отъ и всі моі ліки. А лічúться — хибá щобъ лю́де смiялись! Ні! Да вже стáрість прийшлá, порá й умирáть. Дýмавъ, що пóстомъ кóнчусь, зовсiмъ одхóдивъ, и попá вже звáли; такъ ні,—ще вúдержавъ. Тепéръ, колúбъ внýка побáчить да благословúть... вінъ у мé-

не сла́вний хло́пець, — лiтъ сiмъ уже́ чумаку́е. Колись, то бува́ло й я ходи́въ у Кримъ...

Старикъ замолкъ, утомленный длинною рѣчью.

— Ти бъ тепле́нького напи́вся, тра́ви яко́i-не́будь; все ле́гше бъ було́, замѣтилъ я.

— Усе́ одна́ково, — умира́ть тре́ба. Я пожи́въ чима́ло, — нiчого жалiться; дiте́й нема́; внуча́та повироста́ли: одна́ на ви́данню дiвчина — Оксаною звуть, а Прiська — ще пiдро́стокъ. Якъ доживу́ до зiми, внучка оженю́. Ато хочъ-би́ за́разъ уме́рти: обри́дло, пра́ву ка́жучи, жить: *за года́ми й свiту не ви́дно*.

— А скiльки тобi годъ? спросилъ я.

Старикъ помолчалъ, подумалъ, покачалъ головой и вздохнулъ.

— Охъ, пани́чу, пани́чу! бага́то мини годъ, бага́то, що й не скажу́... Ось якъ стрóiли дворе́ць у Батури́нi, такъ ба́тько мiй лiсъ вози́въ туди́, — такъ и мене́ бравъ изъ собо́ю; я ще малимъ хло́пцемъ тодi бувъ... А тепе́ръ, ка́жуть, уже́ й дворе́ць той роспада́ется... Такъ, що мiнi бiльше́ ста лiтъ повинно бу́ти.

При воспоминанiи о такой старинѣ, Остапу удалось улыбнуться. Онъ замѣтно повеселѣлъ, вспомнивъ, видно, что́-то хорошее.

— Я поле́жу да посмокчу́ лю́льки,— сказалъ старикъ, вытаскивая изъ-подъ-себя люльку и капшукъ съ табакомъ: —чи не поле́гшае.

Дрожащими руками набилъ онъ люльку, взялъ въ ротъ, даже самъ огонь высѣкъ, и съ наслажденiемъ потянулъ дымъ.

— Сами́хъ царiвъ да цари́ць скiльки вме́рло за мого́ життя́! заговорилъ снова Остапъ. — Гетьма́нства тiльки шмато́чокъ зазна́ю, ато́ тiльки чува́въ. А ще зазна́ю, якъ у насъ вiльно було́... Сини́ моi пiдъ Ту́рка ходи́ли... самъ я не ходи́въ, а сини́ ходи́ли: двохъ тамъ и во́йто. Та се жъ коли́шнє ще дiло!— да́вня рiчъ! *Щу́ка* тодi ще й со́тникомъ у насъ не бувъ. О, сла́вний бувъ со́тникъ! Нiхто́, було́, въ со́тнi не перепъ́е ёго́. Гетьма́на якъ iздили стрiча́ть, такъ я при ёму́ верхови́мъ бувъ. Отъ, стрiтили... Ура́ кричали. Панъ гетьма́нъ бувъ у капта́нi, зо́лотомъ ши́тiмъ, и звiзда́ була́ на боку́, — подя́кувавъ намъ, па́ну со́тнику сказа́въ ласка́ве сло́во; въ Моско́вщину вiнъ тодi iхавъ. Отъ, Щу́ка, ви́провадивши ёго́, сiвъ обiдать, да пи́ва такъ насмокта́вся, що тiльки голово́ю та рука́ми помота́въ, пробелькота́въ щось—та й Бо́гу ду́шу одда́въ... А тамъ уже дру́гi поря́дки пiшли́, — прибавилъ Остапъ, помолчавъ немного.

— А жiнка твоя́ давно́ вме́рла? спросилъ я.

— Э, панѝчу! и не спомина́йте: ще до Хранцу́за; а тре́тій синъ бувъ и пі́дъ Хранцу́зомъ, да вже верну́вшись до-до́му одружи́вся, да го́дівъ зъ де́сять тому вме́ръ, а торікъ и невістка уме́рла. Ону́ки, дай Богъ імъ сча́стя! оста́лись... Вони́ у ме́не робота́ящі оби́дві, а найбі́лшъ — Пріся, хочъ и мала́... Ну, звісно, то вже дівка.... не робо́та въ ії на умі. Тепе́ръ, що лі́то, дакъ такъ ти́хо, — парубківъ нема́ до́ма; а всю зіму га́ласъ на селі таки́й, що Бо́же упаси́: вечорни́ці, да весілля́, да коло ши́нку зберу́тця. Ну, не мо́жна... и Окса́на — и та туди́ жъ лізе... Я все ій кажу́, щобъ стереглáсь, щобъ не здуріла.

На нѣсколько минутъ мы оба замолчали. Но старикъ, по-видимому, обрадовался случаю поговорить, вспоминая былое, можетъ быть, въ послѣдній разъ передъ смертью, а потому скоро заговорилъ снова:

— Згада́въ я Хранцу́зівъ: жа́лко було́ й диви́тись, якъ гна́ли іхъ, бідола́шнихъ, зімо́ю, цілими вата́гами. На іхъ, бі́днихъ, и оде́жини поштѝ ніяко́і нема́: той у жіно́чу ю́пку вбра́вся, той но́ги соло́мою обгорну́въ, дру́гий въ однімъ мундéрчику, — дрижи́ть увéсь, — а въ то́го на голові намо́тана рогі́жка... иду́ть — підска́кують, да все: ала́! ала́! Ну, пригóнять іхъ у го́родъ, або́ въ село́, — погрію́тця тро́хи, а тамъ — изно́въ... у доро́гу... А поба́чить, чо́ртівъ синъ, га́рну дівку, — такъ и ки́нетця до не́і, такъ и рве́тця... Эге́!.. бага́то-таки́ довело́сь мині поба́чить на вікý, бага́то... Ба́тько, ма́ти уме́рли, жінка, ді́ти... а рі́дні — и не зна́ю вже — скі́льки; а тепе́ръ отъ и само́му прихо́дитця на той світъ вибира́тись... Пора́, пора́... Ка́жуть: »тя́жко умира́ть«. Бре́шуть, ій Богу—бре́шуть! Тя́жко такъ лежа́ть да боліть, а умира́ть—и не тя́жко и не стра́шно. Гру́ди да́вить, ди́хати тру́дно, да безсо́нниця; воро́чаесся, воро́чаесся цілу нічъ, сто́гнешъ, по́ки утóмисся, ви́курившъ и́ноді лю́льку... само́му ажъ су́мно ста́не... хочъ-би́ скоріше смерть! Всі якъ ви́йдуть изъ ха́ти, — води́ нікому пола́ть, а въ го́рлі такъ пересо́хне, що ажъ скрипи́ть... чого́ тутъ жить ще́? пропада́ть скоріше!

Бѣдному Остапу становилось, вѣрно, тяжело; боль, должно-быть, допекала; онъ началъ метаться; голова слегка затряслась, удушливый кашель дребезжалъ въ горлѣ, дыханіе ускорилось, и сидѣть ему было не-въ-мочь; онъ прилегъ... Пріська подошла къ лавкѣ, равнодушно посмотрѣла на старика, сложила на груди руки, потомъ поймала у себя на носу муху, и отошла. Я подалъ Остапу воды; пропустивъ въ горло нѣсколько глотковъ, онъ по-видимому успокоился, поднялся опять, и попросилъ квасу. Съ наслажденіемъ тянулъ старикъ этотъ ѣдкій напитокъ, который, очевидно, былъ ему вреденъ, но увѣрить его въ

этомъ было совершенно невозможно; напившись, онъ нѣсколько ободрился. Я опять совѣтовалъ ему напиться теплаго; но Остапъ рѣшительно воспротивился и опять повторилъ, что смолоду не лѣчился, и теперь не станетъ.

Между-тѣмъ, мнѣ пора было возвращаться домой. Я сталъ прощаться съ Остапомъ, обѣщая навѣстить его еще когда-нибудь. Старикъ благодарилъ за посѣщеніе, совершившееся, впрочемъ, случайно; на прощанье сказалъ, что зналъ моего отца, похвалилъ его, прибавивъ:

— Вашъ отéць бувъ ищé незгірший панъ, ато есть такі, що...

И замолчалъ.

Когда я спросилъ, кáкъ пройти домой, онъ сказалъ, что Оксана выведетъ меня на дорогу, бывшую неподалеку, и велѣлъ Пріськѣ позвать сестру. Я вышелъ изъ двора и ждалъ Оксану за воротами. Чрезъ нѣсколько минутъ она вышла.

Взглянувъ на мою проводницу, я былъ пораженъ: Оксана была рѣдкая красавица. Сильный загаръ на смугломъ лицѣ придавалъ ея чернымъ глазамъ блескъ и силу необыкновенную. Она стояла потупившись, смущенная нѣсколько присутствіемъ посторонняго лица, да къ тому же еще и паничéвського; но когда, по временамъ, она бойко вскидывала на меня свои глаза, я не могъ удержаться отъ волненія: столько было въ нихъ жгучей страсти. Чего бы не дали барыни и барышни за такіе глаза и за умѣнье такъ просто и естественно владѣть ими! А между-тѣмъ Оксана и не подозрѣвала въ себѣ этой силы и прелести, взглядъ ея не былъ плодомъ долгихъ и трудныхъ упражненій, искуство не изощряло его: одна природа, или, пожалуй, игра случая, такъ распорядилась, потративъ на эти чудные зрачки огромное богатство. Костюмъ Оксаны, оторванной отъ работы на огородѣ, тоже былъ не изысканъ: заношенную рубаху обхватывала темная запаска, подвязанная на таліи поясомъ, да на густыхъ каштановыхъ волосахъ надѣтъ былъ небольшой узко-сложенный ситцевый платокъ; прибавьте къ этому два цвѣтка краснаго маку — вотъ и весь нарядъ. Стройная, гибкая, съ здоровою античною грудью, — Оксана была невообразимо хороша; полнѣйшее отсутствіе сознанія своей красоты придавало ей прелесть самой природы, въ лучшую ея минуту.

— Ти проведéшъ менé? спросилъ я, когда миновало мгновенье удивленія.

— Я, тихо отвѣчала она.

Мы пошли. Оксана шла долго позади меня, и если я отставалъ,

чтобъ поровняться съ нею, она тоже сдерживала походку. Дѣлалось ли это изъ уваженія къ моей особѣ, или въ видахъ предупрежденія какой-нибудь нескромной выходки съ моей стороны, —я не знаю. Но какъ бы то́ ни было, это очень огорчало меня: мнѣ сильно хотѣлось заговорить съ нею. Я въ первый разъ былъ съ глазу на глазъ съ простою деревенскою дівчиною, и мнѣ крайне любопытно было узнать ея мысли, складъ рѣчи, понятій и т. п. Эта новизна казалась завлекательнѣе самой красоты, а тутъ-то я и не зналъ, — ка́къ приступить къ бесѣдѣ. Наконецъ, собравшись съ духомъ, рѣшился заговорить о соловьѣ, хотя и чувствовалъ, что это будетъ несовсѣмъ кстати, — не то́, что́ нужно. Та́къ оно и вышло: на замѣчаніе мое о соловьиномъ искусствѣ въ пѣніи, Оксана съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, находя, вѣроятно, мое замѣчаніе глупымъ, и едва отвѣчала, что ихъ тутъ бездна и что они всегда та́къ поютъ.

— Не то́! подумалъ я. — Що́ ти робила́ на горо́ді? перемѣнилъ я вопросъ.

Тутъ она уже посмотрѣла на меня еще съ бо́льшимъ недоумѣніемъ, широко раскрывъ глаза, — точно я спросилъ, идемъ мы лѣсомъ, или плывемъ по водѣ?

— Поло́ла, — отвѣчала она однако, немного погодя.

— Опять негодится! подумалъ я, прибирая, между-тѣмъ, приличный вопросъ.

— А ча́сто ти на робо́ті? заговорилъ я, немного погодя.

— Да що-дня́, отвѣчала Оксана, громко разсмѣявшись.

— А, чортъ-возьми! чуть я не вскрикнулъ.

Оксана снова засмѣялась.

— Чого́ ти сміе́сся? — спросилъ я, поровнявшись въ этотъ разъ съ нею, и подойдя какъ-можно ближе.

— Да чого́ жъ ви пита́ете, чи я ча́сто на робо́ті? Якъ же у насъ не робить по бу́дняхъ? — Ми не пани́, — прибавила она потомъ.

— И не ску́шно... чи те́е... не ва́жко тобі? поправился я поскорѣй.

— А хочъ и ва́жко?.. не сидіть же, скла́вши ру́ки. На те́ діло, щобъ робить. Хто́ жъ бу́де за ме́не робить? Ми наймичо́къ не де́ржимо.

— А кра́ще, одна́къ, співа́ть да съ парубка́ми гуля́ть, — лукаво замѣтилъ я.

— На те е неділя да праздники́, возразила Оксана, слегка улыбнувшись. — А парубки́ хиба́ гуля́ють? вони́ тожъ день-у-день на робо́ті...

— Ти, однáкъ, лю́бишъ гуля́ть съ парубка́ми?

— Чому́ й ні?! Съ кимъ же дівча́тамъ и гуля́ть, якъ не зъ хло́пцями? отвѣчала она уже довольно бойко, начиная, по-видимому, освоиваться со мной.

— А бага́то у васъ на селі хло́пцівъ?

— Да чима́ло... на всіхъ ста́не!

— А кото́рий же кра́щий?

— Кото́рий?.. переспросила она, какъ бы обдумывая отвѣтъ. — Да всі га́рні... якъ кому́.

— А тобі жъ хто кра́щий?

— А хто жъ? мій мині й кра́щий.

— Якъ же ёго звуть?

— Степа́номъ.

— Вільний, чи па́нський? спросилъ я.

— Авжéжъ вільний, съ гордостью отвѣчала Оксана.—На́ що мині па́нський? я сама́ вільна, такъ вільного й зна́ю. Да у насъ у селі нема́ па́нськихъ: все козаки́.

— Що́ жъ? лю́бишъ ти Степа́на?

— А вамъ на́ що знать? про те́ я зна́ю.

— Вінъ ду́мае взять тебе́ за се́бе?

— А хто ёго́ зна́е? Ми объ сімъ не пита́емось. Спе́ршу злюби́тьця тре́ба, а тамъ вже — що́ Богъ дасть....

— Ну, а якъ Степа́нъ да оже́нитця съ дру́гою, а тебе́ поки́не?

— Хто? Степа́нъ? съ недоумѣніемъ спросила она; но потомъ спокойно прибавила: — Нехай же́нитця... що́ мині?.. ми ще не злюби́лися, *вінъ не завя́заний*.

Мнѣ, однако, удалось подмѣтить во взглядѣ Оксаны что́-то похожее на гнѣвъ.

— Да у насъ та́къ не во́дитця, продолжала она: — се не моска́ль! А москалі-таки́ умію́ть обду́рювать дівча́тъ, замѣтила Оксана, какъ-бы про себя. — Ні, Степанъ такъ не зро́бить, рѣшительно казала она, нѣсколько разгорячившись и позабывъ, что минуту назадъ легко соглашалась на такой исходъ своей любви.

— Паничу, паничу! вдругъ вскрикнула она, схвативъ меня за руку и указывая пальцемъ на дерево: — стріля́йте.

Я выстрѣлилъ по тетереву и далъ промахъ. Оксана, съ видимымъ сожалѣніемъ, слѣдила за отлетавшей птицей, держась за полу моего сюртука.

— Шкода́! наконецъ сказала она. — Мій бра́тікъ лу́чче стріля́е: якъ шара́хне въ стадо утéй, такъ разомъ кількóро іхъ и вбъе.

Но я забылъ уже о неудачномъ выстрѣлѣ, и всей силой зрѣнія впился въ молодую дѣвушку. Раздосадованная моимъ промахомъ и находясь еще подъ вліяніемъ прежняго разговора, вся она была необыкновенно воодушевлена: щоки ея раскраснѣлись, тонкія ноздри медленно раздувались, губы раскрылись, грудь подымалась... Я едва удержался, чтобъ не поцѣловать Оксану, и не могъ не выразить своего восторга словами: »яка ти га́рна, Окса́но!«

— Лу́чче бъ стріля́ли якъ слідъ, а не на ме́не диви́тьця, спокойно замѣтила она.

— Окса́но, ти вміешъ співа́ти? спросилъ я.

— Ищé бъ то́... авжежъ умію.

— Заспіва́й що-нéбудь.

— На́ що? хиба́ тепéръ вéчіръ? у насъ співа́ють тільки по вечора́хъ або́ зимóю, за пря́жею, а тепéръ я не ста́ну співа́ть.

И не стала — какъ я ни просилъ. Вскорѣ мы вышли на *битую* дорогу.

— Ну, тепéръ я піду́ до-до́му, а ви все пря́мо, все пря́мо йдіть: тутъ одна́ доро́га. Прощава́йте!

— Прощáй, Окса́но! съ невольнымъ вздохомъ отвѣчалъ я: мнѣ жаль было разставаться съ нею.—Кла́няйся своéму дідові и сестрі.. да ще о́тъ-що: дозво́ль тебé поцілува́ть...

Оксана громко-громко захохотала и отсторонилась.

— Отъ ищé ви́думали! Зъ яко́го ди́ва я цілува́тимусь изъ ва́ми? у насъ сёго́ не во́дитця: ми не пани́.

— Да я нічо́го... я тільки та́къ... бормоталъ я, совершенно растерявшись, самъ не знаю—отчего.

— Да го́ді, го́ді! говорила Оксана, все смѣясь. Прощава́йте, йдіть собі.

— Будь ла́ско, позво́ль поцілува́ть, приставалъ я.

Долго Оксана смѣялась... наконецъ позволила: надоѣло, вѣрно, слушать мои моленья.

— Ну, чого́ та́къ приста́ли? ну, цілу́йте...

Я поцѣловалъ ее въ лобъ. Она слегка провела пальцемъ по лбу и посмотрѣла на меня: кажется, ее удивило, что я выбралъ лобъ для поцѣлуя.

— Що́, вдовольни́лись? спросила она насмѣшливо.

Мнѣ хотѣлось подарить ей что-нибудь на память, но, кромѣ денегъ, со мной ничего больше не было. А денегъ я дать не рѣшался: я боялся, чтобъ Оксана не подумала, что я хочу подкупать ее. Я снялъ съ шеи легенькій синій фуляръ и отдалъ ей. Она поблагодарила, сказала еще разъ — прощайте, и скрылась за деревьями. Я отправился своей дорогой.

К а — н а.

ТАЛАНТЪ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ одной изъ малорусскихъ губерній есть село Панки, К-го уѣзда,—село большое-пребольшое: душъ до восьмисотъ въ немъ. Есть тутъ крестьяне, и козаки, и мѣщане; а ужъ пановъ—сила-силенная: я собственнымъ языкомъ насчиталъ тридцать-восемь помѣщичьихъ усадьбъ. Тутъ и полковники, и порутчики, капитаны, регистраторы и совѣтники, а больше всего такъ себѣ — паны.

Но не въ томъ дѣло. Пановъ много; мужики здѣшніе говорятъ: »у насъ панівъ, якъ грибівъ!« да не объ нихъ хочу рѣчь вести. Разсказывали про нихъ много и былей и небылицъ. Да еще и разсердятся, пожалуй. А знаете ли вы, что̀ значитъ разсердить пановъ?... Боже васъ сохрани! — ни откреститься, ни отмолиться. Боюсь я ихъ, боюсь...

Лучше я разскажу про одного козака, это, знаете, не опасно: въ амбицію онъ не войдетъ, да и все же не панъ, а козакъ. Хотя мнѣ и самому случалось слышать перепалки между паномъ и козакомъ: »ты, говоритъ, будь себѣ панъ, а меня не тронь, — потому я вольный козакъ!« (вонъ оно что̀!); ну, да я не боюсь перепалки: козакъ мнѣ пріятель.

Лѣтъ почитай тридцать будетъ тому назадъ—жилъ въ Панчаряхъ пономарь Яковъ Ѳедоровичъ Чóвникъ. Человѣкъ онъ былъ добролюбивый, не пьющій. Онъ пилъ горілку, да не такъ, какъ другіе. Выпьетъ онъ и чарку, и другую и третью, да не напьется до безобразія, какъ говорятъ, до положенія ризъ. Да и не любилъ же Яковъ Ѳедоровичъ пьянаго люду!... бывало, если увидитъ — отвернется, плюнетъ, да и пойдетъ прочь.

Жилъ тотъ пономарь мирно и честно, людей не обижалъ, да и самъ въ обиду не давался, — вольный козакъ. Въ церкви, какъ ходитъ это съ колокольчикомъ, такой смирный, тише воды, ниже травы; а на улицѣ—

другой человѣкъ: и идетъ-то плавно, и говоритъ съ новагомъ, и лишняго ничего не сдѣлаетъ... Шапка на немъ сивая, тулупъ изъ решетиловскихъ смушковъ — любо поглядѣть на него.

Жилъ эдакъ онъ на бѣломъ свѣтѣ лѣтъ тридцать-пять одинокимъ; жениться — не женился. Бывало, нашъ отецъ Василій и говоритъ ему: »что, Яковъ, не женишься? женись, — славно службу отправлю! « — »Добре, батюшка, женюсь« , скажетъ бывало. Подумалъ, подумалъ, да и женился.

Жила въ нашемъ селѣ одна вдова-козачка, не молодая ужъ была женщина — лѣтъ, чай, за тридцать. Дѣтей у ней не было; жила эта вдова честно по смерти мужа почитай лѣтъ десять. Достатку у ней особеннаго не было: домишко вотъ-вотъ повалится, а поправить некому; коровенка была, овечекъ пары двѣ, да свинокъ двѣ-три... Да одна душа не бѣдна. То ленкомъ промышляла вдова, то табакъ наймется садить къ какому пану, то бубличковъ испечетъ, да и продаетъ въ храмовой праздникъ, либо такъ въ воскресенье возлѣ церкви,— такъ и перебивалась.

Вотъ на этой-то вдовѣ и женился нашъ пономарь; хотя и не пара она ему была,—почитай ровесница, ну, да это его дѣло. Сыграли свадьбу, да и зажили помаленьку: пономарь ходитъ въ церковь по праздникамъ да учитъ грамотѣ ребятишекъ; пономарша печетъ бублики, да мычетъ кужелки. Жили они мирно да любо годковъ семь,—и дѣтками Господь благословилъ: было у нихъ два сына—Ваня да Ѳедя, а больше и не было.

Вотъ и случился разъ казусъ какой. Было воскресенье. Людей на базарѣ собралося много: наѣхали боровики съ тесомъ, жидовки съ разнымъ крамомъ, чоботари и прочее такое. Ну, извѣстно, въ деревнѣ всякій пойдетъ на базаръ; тотъ купитъ, тотъ продать, а другой такъ—людей посмотрѣть. И пономарша тутъ же бублики продаетъ, тутъ и другія бублешницы. Вотъ и подошелъ къ ней панъ, дородный такой, съ звѣздочкой, — смотритъ бублики, щупаетъ. Пономарша хвалитъ да увиваетъся: »возміть, пáночку,—гáрні, якъ медъ!« Тутъ другая торговка и давай къ себѣ оттягивать пана (извѣстно—торговка, хоть и не городская, а всё торговка): »та у мене крáщі, та ще тéплі, та у мéне зъ мáкомъ!« Панъ къ ней, —купилъ, да и пошелъ своей дорогой. Ну, пономарша ничего, смолчала; а торговка, бой-баба, и давай смѣяться надъ нею. Слово за слово, и пошла писать, — такъ и обсыпаютъ одна другую какъ горохомъ. Кричали, кричали, — дѣло дошло до того, что торговка и намекни пономаршѣ на какого-то купца, который ночевалъ у ней, когда она была вдовою, — вѣдь до драки дошло! Бѣда съ этими бабами!..

Какъ узналъ пономарь про это произшествіе, такъ и опустился совсѣмъ. Началъ пить, посѣдѣлъ года въ два, а тамъ отецъ Василій изъ должности выгналъ. Пилъ, пилъ Яковъ Ѳедоровичъ, да и душу Богу отдалъ, не будь помянутъ лихомъ. Осталась опять пономарша вдовою, да не такъ ей было жить, какъ прежде: худобку покойный мужъ вогналъ всю въ шинокъ, а тутъ ребятишки подросли, ѣсть просятъ, а самимъ работать не подъ силу. Да и зелье такое вышли эти хлопці, одно слово — озорники. Еще меньшой сынъ Ѳедя — такъ-сякъ, а ужъ Ванька — упаси Господи! Козы не пропуститъ. Нашлались отъ него бублешницы, да и жидовкамъ доставалось.

Крѣпко стиснуло горе бѣдную вдову. Господь милостивъ — не оставилъ, — перебивалась кое-какъ. Ребятишки сокрушали ее. Жаль было ее и прихожанамъ, а тамъ и рукой махнули, — головорѣзы такіе, что бѣда. Хотѣла вдова отдать куда, да никто не беретъ, — не хотятъ взять обузы на свою шею.

Жилъ у насъ въ селѣ портной старичекъ. Человѣкъ одинокій; былъ онъ прежде крѣпостной, служилъ въ полку съ своимъ паномъ, а тамъ и откупился. Петро́ Кравчу́къ прозывался. Вотъ и вспомнилъ Петро́ Кравчукъ пономаря. Вспомнилъ, какъ покойникъ и откупиться ему помогъ, и панамъ словечко замолвилъ, — да и задумалъ взять къ себѣ меньшого сына покойника, Ѳедю. Рѣшено — сдѣлано. Ѳедю отвела мать къ Кравчуку. Онъ было и бѣжалъ разъ: жутко показалось сидѣть на одномъ мѣстѣ, да мать, извѣстно, посѣкла, острастку дала — ну, и привыкъ. Остался со вдовою одинъ Ивась: никого не нашлось на его забубенную голову.

Мимо нашего села проходитъ большая дорога, и станція почтовая тутъ же съ полверсты. Шляхъ этотъ теперь не существуетъ, также какъ и станція. Съ открытіемъ шоссе почтовая ѣзда прекратилась, посадки порубили, дорога поросла травою; только посерединѣ едва-едва пробивается легкій слѣдокъ, утертый колесомъ поселянина. Почтовые колокольчики замолкли, къ прискорбію пановъ. Иногда, правда, заливается звонокъ станового или исправника, но онъ звенитъ совсѣмъ иначе, какъ объяснилъ мнѣ одинъ острякъ. Онъ говоритъ, что въ звонѣ почтового кококольчика слышны слова: далѣй, далѣй, а колокольчикъ властей будто-бы такъ и звенитъ: дай, дай, дай...

Итакъ, ужъ нѣтъ того, что́ было; а былъ возлѣ почтовой станціи постоялый дворъ одного пана, который отдавался въ наймы русскому дворнику, отъявленному мошеннику — Игнату Пафнутьеву Шех-

раеву. У этого-то дворника и находилъ себѣ пристанище Иванъ Паламаренко.

Много лѣтъ спустя, пришелъ въ наше село батальонъ ....аго пѣхотнаго полка. Солдаты, гдѣ-нибудь въ глуши, сущіе хозяева. Недаромъ ихъ такъ побаиваются и избѣгаютъ Малоруссы. »Не приходится москаля дядькомъ звати!« говорятъ они. Все видятъ, все знаютъ усатые чоловіки, дядькй и батькй, да ничего не подѣлаешь! Да и что взять съ москаля? »Що зъ ёго візьмешъ?« говорятъ они. И они говорятъ правду. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ мужичекъ солдату? Пожалуется начальнику?— Начальника трудно уловить: онъ по гостямъ, тамъ интрижки, балы съ шикомъ и гикомъ и прочее такое. Правда, иногда плохо приходится москалику, пойманному на »гарячому вчинку«, да ему не привыкать-стать.

Зашумѣли паны, зашумѣла и молодежъ козацкая. Всѣ были рады. Передъ ней сейчасъ же мелькнули залихватскія пѣсенки, попойки, небывалыя балы... А нужно сознаться, къ сожалѣнію, что малорусская молодежь ужасно падка до солдатчины. Рѣдко мнѣ случалось встрѣчать настоящаго Малорусса изъ молодежи, за то какъ ярка эта встрѣча! При видѣ такого человѣка, — такъ вотъ и рвется душа, такъ и хочется пѣть и рубиться!

Случалось вамъ бывать въ Малороссіи? Если нѣтъ — ѣдемте. Вотъ мы подъѣзжаемъ къ селу вечеромъ въ лѣтнюю пору; еще издали слышенъ смѣшанный гулъ голосовъ, — онъ такъ и стоитъ столбомъ въ вечернемъ воздухѣ, будто видишь его. Вотъ ближе, ближе, и вы ясно слышите звуки русской пѣсни, что-нибудь въ родѣ — »молодка, молодка!« Но все это перемѣшано, перековеркано — словно гречка съ капустою! Это поютъ парубки — дико, несвязно! Не слушается голосъ, не въ его натурѣ, — на это нужно россійское горло. Смутно у васъ на душѣ.... Утѣшьтесь.... слышите? Вотъ другіе звуки, родные, стройные, какъ ихъ повелительницы; это пѣсня дівчатъ, — родная пѣсня! (солдатчина не обуяла ихъ, хоть и онѣ заглядываются на браваго солдатика) и родное эхо звонко откликается роднымъ звукамъ.

Вдова покойнаго пономаря жила, да горевала. Иванъ хоть и не занимался исключительно одной работой, однако то тѣмъ, то другимъ помогалъ матери. Природа щедро одарила его и дородностью, и умомъ, и талантами. Днемъ онъ — то то, то сё сдѣлаетъ, а пришелъ вечеръ — его дѣло: балалайку въ руки и пошелъ улицей. Малорусская молодежь падка къ танцамъ; тутъ, не то что балалайка, а просто, случается, со-

берется на улицѣ кружекъ, вотъ одинъ и задирликаетъ языкомъ (лучше не придумаю слова): смотришь — одинъ взялся въ боки, поправилъ шапку, за нимъ другой, да и начнутъ валять тропака, только подковки звенятъ, — веселый народъ!

Не дуракъ былъ Иванъ, зналъ за что́ хватиться, и трудъ его щедро вознаграждался. Да онъ и умѣлъ взять свое: бывало, разохотитъ да и тпру! Молъ, будетъ съ васъ. Куда тутъ будетъ! вотъ и сыплются гро́ши. Да зато и игралъ же Иванъ! Ухъ, какъ игралъ! — »ме́ртвий затанцю́е«, какъ выражалась его публика. Было много способовъ у Ивана зашибить деньгу, но самый главный — это охота. Човникъ былъ страстный охотникъ. Трудность добыванія пороху и гибель дичи, сдѣлали изъ него хорошаго стрѣлка. По смерти покойнаго пономаря, его отца, осталось старое кремневое ружье. Покойникъ любилъ подсидѣть зайчика на снопокъ. Иванъ берегъ это ружье пуще глазу, онъ даже разговаривалъ съ нимъ, — безъ шутокъ. Бывало — ни свѣтъ, ни заря,—Иванъ на болотѣ; а ужъ убить — убьетъ! Полъ-версты будетъ на животѣ подкрадываться подъ какую-нибудь утку, и убьетъ-таки, безъ дичи домой не придетъ; и самъ сытъ и заработаетъ. Пановъ много; тому понесетъ, другому... тотъ гривенникъ дастъ, тотъ порошку зарядовъ десятокъ, а иногда и полтинникъ перепадетъ, кто пощедрѣе. Такъ перебивался Иванъ до вступленія войска; пришелъ баталіонъ, принесъ онъ много доходу Човнику.

Ивану минуло двадцать-семь лѣтъ. Не смотря на молодость и прежнія проказы, не смотря на то, что Иванъ былъ холостъ, его всѣ какъ-то уважали. Никто бывало иначе не назоветъ его, какъ Иванъ Яковлевичъ. Не потому, что онъ былъ сынъ пономаря, не потому, что ходилъ въ нанковомъ сюртукѣ, а не въ свиткѣ; никто не осуждалъ его, всѣ знали, что онъ помогаетъ матери, не пьетъ. И паны любили его, а объ охотникахъ и говорить нечего, — они иначе не называли его, какъ зміемъ. Украсть-ли гдѣ гончую, выхолить щенка, потаскать лягаваго, выпробовать ружье, повесть на охоту — все Иванъ. Да и на всѣ руки онъ: придетъ къ кому изъ пановъ, — посадятъ его и чаю дадутъ, а ужъ услужи́ть — услужитъ: пощекатурить надо — пощекатуритъ; и ножку къ столу приклеитъ, и замокъ починитъ, и чего-чего не сдѣлаетъ Иванъ! Ужъ Господь его знаетъ, гдѣ онъ всему этому выучиться успѣлъ.

Вошли войска. Солдаты — народъ гулячій, и Иванъ живо сошелся съ ними. Гдѣ ихъ кружекъ, Човникъ непремѣнно тамъ съ балалайкою. Вскорѣ балалайку замѣнила гармоника. Иванъ игралъ на ней также

складно и хорошо. Солдаты вездѣ водили Ивана съ собой, поили и кормили; да скоро надоѣло ему это. Захотѣлось доставать денежки полегче. Больно полюбилась ему игра въ три листа. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ у Шехраева, гдѣ собирались игроки, и слѣдилъ за игрою. Жадно смотрѣлъ онъ на кучи мѣди и мелкаго сребра, которыя ставились на конъ, — и такъ легко было получить этотъ конъ! И вотъ задумалъ Иванъ думу, задумалъ крѣпко. Ему хотѣлось непремѣнно всѣхъ обыгрывать, какъ обыгрывалъ одинъ солдатикъ, который зналъ *секретъ*. Но онъ не хотѣлъ допытываться; онъ хотѣлъ дойти самъ до этого секрета, своимъ умомъ.

Не смотря на все это, Иванъ не бросилъ охоты; онъ даже чаще занимался ею съ появленіемъ солдатъ, — пороху было въ-волю. Только въ послѣднее время Иванъ вмѣстѣ съ зарядами носилъ въ карманѣ колоду картъ. Пойдетъ онъ, настрѣляется, а тамъ и сядетъ гдѣ-нибудь, да и давай перебирать карты.... И вѣдь добился толку, да еще какого! всѣхъ за поясъ заткнулъ.

Разъ подъ вечеръ Иванъ осторожно пробирался на постоялый дворъ, будто боясь, чтобъ его не замѣтили. Шелъ онъ торопливо, оглядываясь, и пробравшись въ заднія ворота, прямо прошелъ въ горницу дворника. Перекинувши пары двѣ словъ, онъ выразительно подмигнулъ хозяину и вышелъ на дворъ. Шехраевъ въ раздумьи вышелъ за нимъ. — »Дай денегъ, Игнатъ Пафнутьичъ«, были первыя слова Ивана, когда онъ убѣдился, что они глазъ-на-глазъ. Эта просьба поразила дворника; онъ стоялъ нѣсколько времени, выпуча глаза, и наконецъ зихихикалъ, смотря на нетерпѣливое, комически-важное лицо Човника. »Чего смѣяться-то, Игнатъ Пафнутьичъ?« продолжалъ Иванъ; »денегъ дай, говорю, аль не разслышалъ?«—Дворникъ разсердился: »Денегъ дай«! передразнилъ онъ: »а откуда я тебѣ возьму денегъ, Иванъ Яковличъ? Да и что́ я за богачъ такой? Самъ, чай, знаешь, какъ перебиваюсь; копѣйка за копѣйку ребромъ не зацѣпится — пройдетъ! Да и что́ выдумалъ — денегъ дай! (дворникъ входилъ въ азартъ) Да что́ я тебѣ, казна что-ли-ча? Прости, Господи! Коли затѣмъ пришелъ, — проваливай съ Богомъ, Иванъ Яковлевичъ, проваливай!« Дворникъ отвернулся. — »Что жъ, и пойду«, сказалъ съ полудосадой Иванъ, »и пойду, да пожалѣешь, Игнатъ Пафнутьичъ! Помяни мое слово, пожалѣешь. Ты думаешь, что́? Дай десять цѣлковыхъ, вотъ тебѣ крестъ — завтра пятнадцать отдамъ.« Дворникъ качалъ головой.—»Ну, прощай!« и Иванъ поплелся къ деревнѣ, тихо, нерѣшительно, будто ожидая, что вотъ Игнатъ

Пафнутьичъ опомнится и воротитъ его. И онъ не ошибся. Не успѣлъ Иванъ отойти добрыхъ пятидесяти шаговъ, Шехраевъ воротилъ его и началъ разспрашивать, на что ему деньги. Иванъ отвѣчалъ уклончиво— нужно, молъ. Долго толковали, долго жался дворникъ, наконецъ рѣшился: Иванъ долженъ былъ принесть ружье и пять лисьихъ шкуръ въ залогъ, за что и получилъ десять цѣлковыхъ.

Былъ совсѣмъ вечеръ. Пріемная Шехраева наполнилась солдатиками, которые, попивая водочку, играли въ три-листа. Иванъ принесъ закладныя вещи. Дворникъ осмотрѣлъ ихъ тщательно: взводилъ нѣсколько разъ курокъ ружья, желая увѣриться, не испорчено ли оно, долго перевертывалъ лисьи шкуры, то щупая выдѣлку, то пробуя волосъ, — все оказалось исправно. Игнатъ Пафнутьичъ вынулъ десять цѣлковыхъ и подалъ Ивану, предупредивъ его, что если не отдастъ завтра денегъ, то вещи пропадутъ, что уговоръ дороже всего.... Шехраевъ съ удовольствіемъ посматривалъ на отличныя лисьи шкуры, выдѣланыя чисто, вытянутыя съ искуствомъ.

»Теперь слушай, Игнатъ Пафнутьичъ«, сказалъ Иванъ. »Ты, понимаешь, молчи; послѣ разскажу, увидишь. Да вотъ что: какъ попрошу водки, — подай кварту, либо двѣ, — не жалѣй — заплачу; да, понимаешь, имъ-то (Иванъ мигнулъ) водочки, а мнѣ-то гусиной, — понимаешь?«... и Иванъ пошелъ къ солдатикамъ въ сборную.

Человѣкъ восемь солдатъ сидѣло въ шинеляхъ на-распашку вокругъ стола. Они всѣ были выпивши, громко разговаривали, прикрашивая рѣчь крѣпкимъ словцомъ; мѣдныя деньги позвякивали по столу, раздавалось хлопанье картъ. Ивана замѣтили и на минуту прекратили игру. Начались разспросы, — гдѣ пропадалъ, что такъ долго не былъ. — »Э, да онъ никакъ подкуражился!« сказалъ одинъ солдатикъ-шулеръ. »Ну, братъ Иванъ, молодецъ! насилу раскусилъ дѣло!« Иванъ ловко притворился выпившимъ и разсказалъ солдатикамъ какую-то небывалую исторію, какое-то будто-бы горе, — вишь, дескать, съ горя напился, да и сѣлъ къ сторонкѣ, задумался. Солдаты, предполагая, что Иванъ пьянъ, пристали, чтобъ игралъ въ карты. Долго отпѣкивался Човникъ, наконецъ махнулъ рукой и сѣлъ по три копѣйки ставка. Солдаты обрадовались находкѣ, а шулерокъ съ презрѣньемъ отвернулся отъ трехъ копѣекъ: не стоило. Началась игра. Проигралъ Иванъ четвертакъ, проигралъ другой и третій, горячась больше и больше и раззадоривая игроковъ — да и упекъ ихъ разомъ. Была его сдача. Иванъ роздалъ карты. Первый по немъ пошелъ четвертакъ; второй мирилъ и пять цѣлко-

выхъ, третій отсталъ; Иванъ мирилъ и еще два рубли. Мирили. У всѣхъ оказались хлюсты—у Ивана старшій. Повѣсили носы солдатики, а Иванъ какъ-будто ничего и не было—взялъ денежки. »Эхъ, горько, горько!« сказалъ Иванъ. Это былъ условный знакъ, — дворникъ принесъ водки и началъ подчивать, не забывая нравоученій Ивана. »Что́ жъ, играть, такъ играть! Давай, Петръ Ивановичъ«... сказалъ Човникъ, обращаясь къ шулеру-солдатику и притворившись совсѣмъ пьянымъ. — »А покажи, братъ, есть ли деньги? Я меньше полтины—ни, ни!« — »Полтина, такъ полтина, деньги есть«, и Иванъ кинулъ красненькую. Солдатикъ загорѣлся. »Ну, давай! ну, изволь; давай, братъ, давай«, повторялъ онъ. Усѣлись играть въ-троемъ: дворникъ, Иванъ да шулеръ; солдаты прочіе, безъ гроша, смотрѣли.

Долго тянулась игра, — перевѣса не было ни на чьей сторонѣ. Но вотъ Иванъ ловко подмѣнилъ карты и сдалъ, — никто этого не замѣтилъ. Дворникъ пошелъ, шулеръ десять рублей, Иванъ мирилъ и еще десять подъ дворника и между тѣмъ толкнулъ его подъ столомъ ногою, — Шехраевъ бросилъ карты въ колоду. »Десять и двадцать!« крикнулъ шулеръ. — Иванъ мирилъ и еще пять. Шулеръ удивился. Онъ придвинулъ свѣчу, еще разъ внимательно разсмотрѣлъ подъ столомъ карты — »мирилъ«, сказалъ онъ. »Да положи, братъ, деньги на конъ.« Иванъ мигнулъ дворнику, — тотъ подалъ три красненькихъ. »Тридцать-два козырей!« провозгласилъ солдатикъ, загребая деньги. »Три туза старше«, возразилъ Иванъ, показывая карты, — и потащилъ деньги. Шулеръ ошалѣлъ. — »Стой!« завопилъ онъ, »тузы должно́ изъ другой колоды! обыскать!« Искали, искали, ничего не нашли. А Иванъ взялъ денежки, да и пошелъ, оставивъ въ недоумѣніи всѣхъ, не исключая и дворника. — Ай да Иванъ Яковлевичъ! не даромъ двѣ недѣли носился съ колодою. Такъ порѣшилъ Иванъ съ солдатиками. Они не перестали удивляться ему, но играть съ ними не хотѣлъ. Нужно было подумать, куда кинуться. Иванъ рѣшилъ это живо.

Въ селѣ нашемъ, въ числѣ тридцати-осьми помѣщиковъ былъ нѣкто Дмитрій Александровичъ Глекъ, человѣкъ небѣдный, но обиженный природою: немного нѣмъ, немного глухъ, немного близорукъ, но при всемъ этомъ — добрѣйшая душа, хотя въ дѣлахъ житейскихъ ужасно наивный, или лучше сказать, непонимающій почти ни бельмеса. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ глупъ, — нѣтъ! Но покажите ему что-нибудь такое, чего онъ еще не видалъ, — онъ готовъ отдать все. Иванъ зналъ это и не рѣдко грѣлъ руки около Дмитрія Александровича. И теперь,

когда ему былъ нуженъ человѣкъ, который свелъ бы его съ юнкерами, — жребій прямо палъ на Глека.

Дмитрія Александровича всѣ называли *нѣмцемъ* (нѣмымъ); онъ былъ лѣтъ тридцати пяти, человѣкъ холостой, хлѣбосолъ. Военные не выходили отъ него. Къ Дмитрію Александровичу можно было придти во всякое время выпить и закусить, поиграть въ карты и прочее такое. Военные любятъ это, тѣмъ болѣе, что съ панамъ Глекомъ нечего было церемониться. Вы сегодня у него и завтра, и, пожалуй, каждый день, и онъ всегда радъ вамъ. Если вамъ надоѣстъ говорить съ нимъ по-нѣмецки, можете дѣлать, что́ вамъ угодно: ходить, свистѣть, пѣть, плясать, — а онъ себѣ пойдетъ въ другую комнату, да сядетъ читать молитвенникъ, свою единственную книгу; ато пожалуй и попляшетъ съ вами. Однимъ словомъ, изъ Глека могъ сдѣлать всякій, что́ угодно, да онъ же еще и благодаритъ. Вы у него обѣдаете, онъ послѣ обѣда пожметъ вамъ руку и непремѣнно скажетъ: *покоо бадарю!* (покорно благодарю). Возьмете у него лошадей — покоо бадарю, — такая ужъ у него привычка. А если спросите: да за что́ вы благодарите?—онъ улыбнется и еще сильнѣй пожметъ вашу руку.

Дмитрій Александровичъ носитъ бороду, длинные сапоги, пальто особаго покроя изъ толстаго сукна и непремѣнно шапку съ краснымъ околышемъ. (Онъ хоть нигдѣ не служилъ, но это его страсть). Гдѣ бъ вы ни увидали Глека, — на обѣдѣ, на вечерѣ, — вездѣ онъ въ этомъ костюмѣ; вездѣ бывалъ Глекъ, всѣ его любили, всѣ надъ нимъ трунили, но осторожно: онъ не любилъ стѣснять себя, — пожалуй такого жару задастъ, что ну!

Иванъ зналъ, что къ дѣлу нельзя было приступить какъ-нибудь. Прежде всего нужно было прилично одѣться. Човникъ отправился въ городъ и сдѣлалъ себѣ черную пару платья, успѣвъ мимоходомъ обыграть тамъ кого-то. Потомъ одного прекраснаго утра, облачившись въ обнову, отправился къ Дмитрію Александровичу, не забывъ захватить пару дичи, деньженокъ да три наперстка.

Когда Иванъ вошелъ къ Дмитрію Александровичу, Глекъ пилъ чай. Поблагодаривши за дичь, онъ спросилъ, откуда Иванъ взялъ платье? »Выгралъ«, отвѣчалъ Иванъ.—»Какъ?« Човникъ досталъ изъ кармана три наперстка и таинственно показалъ ихъ Дмитрію Александровичу. Глекъ выпучилъ глаза. Иванъ поставилъ рядомъ наперстки и подъ крайній положилъ горошину. »Смотрите«, сказалъ онъ, подымая наперстки одинъ за другимъ и ставя опять, смотрите: »вотъ нѣту, вотъ нѣту, вотъ есть!

Кто узнаёть — выграёть, кто не узнаёть — програёть! Подъ какимъ горошина, угадайте!« Дмитрій Александровичъ поднялъ крайній наперстокъ, — но увы! горошина улетѣла! — »Вотъ она«, сказалъ Иванъ, поднимая средній наперстокъ. Глекъ окончательно сбился съ толку. Иванъ повторилъ нѣсколько разъ, и горошина путешествовала, приводя Глека всё въ большее недоумѣніе. Нужно знать, что Дмитрій Александровичъ ужасно любилъ деньги. Онъ началъ просить Ивана открыть секретъ, думая, что заграбитъ золотыя горы, — напрасно! Иванъ уперся: онъ сказалъ, что если покажетъ теперь, то самъ забудетъ; что нельзя ни за что, но что послѣ онъ откроетъ секретъ, потому, молъ, вы добрый человѣкъ, помѣщикъ. Кончено! Дмитрій Александровичъ растаялъ — стоило похвалить его. — »Давайте играть въ дурачки«, сказалъ Иванъ, посидѣвши. »Кто останется — цѣлковый.« Глекъ согласился и выигралъ три рубли. Иванъ отправился домой, сопровождаемый Дмитріемъ Александровичемъ до дверей; онъ просилъ Ивана приходить почаще играть съ офицерами. Визитъ не пропалъ даромъ. Чрезъ нѣсколько дней Човникъ перебрался на житье къ Дмитрію Александровичу: наперстки сдѣлали свое дѣло.

Иванъ зажилъ бариномъ у Дмитрія Александровича: онъ вставалъ въ десять часовъ, пилъ съ нимъ чай, проводилъ цѣлые дни, плетя разныя занимательныя исторійки. А ужъ нахохочется бывало Иванъ на сторонѣ надъ Глекомъ. Животы надорвешь, какъ представлять начнетъ: и говоритъ-то точно такъ, и смотритъ, и руками дѣйствуетъ—вылитый Дмитрій Александровичъ, а въ глаза зато—какъ медомъ мажетъ. Да что толковать? Иванъ ко всякому въ рукавъ влѣзетъ!

Ходятъ гости къ Глеку, всё юнкера, всё въ преферансъ играютъ, а Иванъ сидитъ тутъ же, да смотритъ, а играть не играетъ. »Пустая это игра«, говаривалъ онъ, »подстрѣленнаго кулика не стоитъ! Одно слово—дрянь!« Бывало просятъ его,—»нѣтъ-съ, говоритъ, не играю.«

Разъ собралось у Глека человѣкъ пять юнкеровъ. Три съ хозяиномъ составили пульку, а остальные слоняются по комнатѣ,—скучно. »Неугодно ли въ три-листика?« говоритъ Иванъ. »По пустяку, говоритъ, сядемте.« И сѣли. Иванъ проигралъ рублей до трехъ, почесалъ въ головѣ, досталъ изъ бумажника пачку асигнацій (онъ размѣнялъ на рублевыя) досталъ, блеснулъ: »съ пяти-десяти«, говоритъ. Тѣ сказали, что нѣтъ. Иванъ руки подъ столъ, да и тащитъ изъ другого кармана ту же пачку (заманить значитъ). »ахъ«, говоритъ, »извините, забылъ! есть мелочь.« Да вѣдь такъ-то сдѣлаетъ все это,—вы голову готовы про-

закладывать, что у него двѣ толстыхъ пачки асигнацій. Ну, расплатился, юнкера ушли; тѣмъ дѣло и кончилось.

На другой день, ни свѣтъ ни заря, опять пожаловали господа юнкера,—разгорѣлись у нихъ глазки на Ивановы денежки.

»Ну, господа, что́ жъ, будемъ дѣлать?« —Тотъ говоритъ—на охоту, другой — въ гости куда пойдемъ, третій свои резоны представляетъ; одинъ Иванъ молчитъ,—смекнулъ, въ чемъ дѣло. Кончилось однако тѣмъ, что рѣшились всѣ остаться и играть въ карты. Но во что́ играть? вотъ вопросъ. Господамъ юнкерамъ непремѣнно хотѣлось играть всѣмъ вмѣстѣ. Думали, думали—и обратились къ Ивану. »Не знаю«, говоритъ. —»А, есть одна игра!« воскликнулъ одинъ: »три-листка! Да скучно«, присовокупляетъ онъ. —»Да́, дѣйствительно скучно«, возражаетъ другой. Однако рѣшаютъ играть въ три-листика. Ну, Иванъ, своимъ порядкомъ, и поддѣлъ ихъ. Пустыя совсѣмъ карты у него, и онъ валитъ десять цѣлковыхъ, всѣ и спасуютъ, а онъ усмѣхнется, да и покажетъ,—молъ вотъ съ чѣмъ шелъ. Да подъ конецъ и улопалъ; безъ гроша пустилъ господчиковъ, а одинъ и кольцо и часы оставилъ, да еще и ружье. Ну, ружьето до́ма было, не отдалъ, надулъ. Дорого заплатили юнкера за свою машину, а Иванъ ничего, посмѣялся. Не однихъ юнкеровъ обыгрывалъ Иванъ, живши у Дмитрія Александровича: пріѣзжали чиновники мелкіе — и тѣмъ доставалось; случалось, другой и сертучекъ оставитъ.

Жила въ домѣ Дмитрія Александровича клюшница Варвара, дѣвка бѣдовая, коса острая! Орудовала она всѣмъ домомъ. Хоть и тугонекъ былъ панъ Глекъ, не любилъ, чтобъ что́ у него пропадало, ну, а на Варварѣ спросу не было. Бывало, спроситъ Дмитрій Александровичъ, гдѣ вчерашнее масло, либо что другое? »Я взяла«, скажетъ Варвара,—ну, и конецъ. А другой кто, — Боже упаси, бѣда!

Вотъ не поладилъ разъ Иванъ съ этой Варварой: не любилъ онъ ее. Слово-за-слово, Иванъ ее и толкнулъ. Какъ завизжитъ: »Гвалтъ, убилъ!« извѣстно, баба.... Ну, дѣло-то вышло плохо, пришлось Ивану взять свой сундучекъ, да на старое мѣсто. А вѣдь будто предчувствовалъ Човникъ эту штуку: наканунѣ выжалъ у Глека цѣлковыхъ пятнадцать, да и былъ таковъ.

Вотъ и зажилъ Иванъ съ матерью; опять пошелъ вечеромъ съ гармоникой по улицѣ, на до́свѣтки съ дівча́тами. Играть было не съ кѣмъ: солдаты его боялись, юнкера не хотѣли знать, когда Дмитрій Александровичъ открылъ имъ, что́ такое Иванъ. Были игроки между козаками, да съ ними Иванъ не игралъ,—малый кушъ.

Но, несмотря на то, что Човникъ обыгрывалъ мошенническимъ образомъ, онъ былъ благороденъ по-своему. Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ разъ у Шехраева обыгралъ онъ пьянаго какого-то проѣзжаго офицера. Онъ выигралъ у него все, что́ было: лошадь съ саньми и упряжью, полушубокъ, шапку, ружье, перчатки и восемнадцать рублей денегъ. Что́ жъ вы думали? онъ взялъ только ружье и деньги, да еще и денегъ далъ ему на дорогу пять рублей. И это не потому, что боялся Иванъ жалобы; нѣтъ, онъ никого не боялся. Становой не рѣдко получалъ отъ него выигранные перстеньки и прочее. Да что́ становой! всѣ были довольны Иваномъ, всѣ его знали. И такихъ случаевъ бывало у него много.

Но вотъ начали поговаривать про рекрутскій наборъ. Дошла эта вѣсточка и до пономарши,—за ея сыновьями была очередь: одному не миновать. Подумали, погадали да снарядили Ѳедора, младшаго брата Иванова.

Ѳедоръ въ эту пору давно уже вышелъ изъ учениковъ отъ старика Кравчука. Онъ ходилъ по селамъ, работы было много. Не смотря на все это, Ѳедоръ былъ голъ, какъ турецкій святой. Все, что́ ни заработывалъ онъ, оставалось въ шинкѣ: Ѳедоръ пилъ запоемъ.

Поплакала старушка, достала изъ скри́ньки нѣсколько скопленныхъ рублей, благословила сына и—съ Богомъ. Иванъ повезъ брата въ уѣздный городъ, сдалъ и остался, чтобъ проводить совсѣмъ Ѳедора; партія должна была выйти чрезъ нѣсколько дней. Тутъ случилось обстоятельство, которое вывернуло дѣло на изнанку. Собрали партію—выступать. Одного рекрутика и не оказалось. Искать, да искать и привели его пьянаго изъ шинка. Тутъ, разумѣется, расправа. Ѳедоръ съ братомъ стоитъ, побѣлѣлъ весь, трясется....Жалко стало его Ивану. »Что, думалъ онъ, если и Ѳедоръ подпадетъ подъ эту штуку? Вѣдь молодъ онъ, тщедушный такой, не укрѣпился путемъ! А непремѣнно подпадетъ, потому болѣзнь — запоемъ пьетъ.« Иванъ зналъ, что ничѣмъ не отъучить брата отъ водки: не разъ билъ онъ его, билъ такъ, что самому становилось жалко, а толку не добился-таки. Подумалъ это Иванъ, да и потянулъ за партіей въ ближній городъ, гдѣ она должна была остановиться на нѣсколько дней. Какъ онъ тамъ уладилъ все, — не знаю. Знаю только, что Ѳедоръ воротился домой къ матери, а Иванъ заступилъ его мѣсто и отправился въ полкъ по назначенію.

Ужъ ка́къ старушка обрадовалась своему Ѳедѣ, и Боже мой! Да не долго прожила послѣ того: одно—старость-таки, а другое—горевала много, проводивши Ѳедора. Слегла пономарша, да и Богу душу отдала.

Похоронилъ Оедоръ мать, продалъ избу съ огородомъ и пошелъ опять бродить по селамъ.

Простылъ и слѣдъ Човниковъ у насъ въ селѣ. Поговорили добрые люди, да и стали забывать по-немногу.

Да, видно, не на то родился Иванъ въ Панкахъ, чтобъ забыли его. Ровно чрезъ полтора года явился онъ въ свое село, явился собственною своею особою, съ полною отставкою, по случаю болѣзни. Не даромъ говорили мужички, что у Ивана »не одна му́ха сиди́ть у но́сі!..« Покрушился Иванъ, узнавши, что хата его продана. Онъ нанялъ квартиру у Шехраева; опять зазвенѣла балалайка по улицамъ, опять Иванъ началъ загребать денежки у проѣзжихъ, да и женился наконецъ на вдовѣ, поповнѣ. Взялъ онъ за ней землицы.....

Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ минуло, какъ Иванъ воротился изъ солдатъ, и всё тотъ же Иванъ Човникъ. И женился, а не перемѣнился. Земли онъ самъ не обрабатываетъ, — сдаетъ; зато мастеръ на всѣ руки: столяръ, портной, печникъ, слѣсарь и сапожникъ, а ужъ музыкантъ—артистъ: онъ и на балалайкѣ, и на гитарѣ, и на скрипкѣ, и на гармоникѣ, а въ полку, слышно, на трубѣ игралъ. Охоты тоже не бросилъ Иванъ: она много приносила ему дохода, не умерла его страсть; что́ бы онъ ни дѣлалъ, коли погода — все броситъ, за ружье и маршъ! Перемѣна въ томъ, что вмѣсто кремневки, стрѣляетъ изъ двустволки, — образовался, значитъ.

Съ Глекомъ Иванъ опять сошелся, пристрастилъ его къ охотѣ и стрѣляетъ его порохомъ и дробью, сколько душѣ угодно.

Да вѣдь такой-то уродился, что одно дѣло не по-нутру ему: ему давай все, все сдѣлаетъ, а однимъ чѣмъ-либо заняться не можетъ, скучно ему. Ну, что́ бы, кажись? чего лучше? недавно одинъ богатый помѣщикъ приглашалъ его къ себѣ въ псари, какъ опытнаго охотника. Содержаніе готовое, жалованья сто-двадцать рублей серебромъ, — вѣдь не согласился. »Я, говоритъ, теперь самъ себѣ панъ: что́ хочу, то дѣлаю; а тогда — хочешь, не хочешь — дѣлай!« Вотъ каковъ Иванъ Човникъ!

Л. М.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

24 іюля. Челнскій монастырь, Трубчевскаго уѣзда.

Простясь съ трубчевскими знакомыми, я пошелъ черезъ Челнскій монастырь къ Чернигову. Большая дорога идетъ горой, но пѣшеходы ходятъ въ монастырь лугомъ, т. е. низомъ. Эта дорога очень живописна: справа крутая, отвѣсная гора, покрытая лѣсомъ, изъ котораго кое-гдѣ виднѣются хаты, пасѣки, а слѣва — ровный лугъ, поросшій кустарникомъ, по которому прихотливо извивается Десна, Десенки, маленькіе ручейки...

— Какая эта деревня? спросилъ я встрѣтившагося мужика старика, указывая на виднѣвшуюся изъ лѣсу на горѣ деревню.

— А деревня Темная.

— Вольная, или господская?

— Теперь господскихъ деревень нѣтъ: Господь Богъ положилъ въ сердце царю — всѣ деревни сдѣлать вольными.

— Да сперва-то деревня Темная была вольною, или господскою? опять спросилъ я.

— Удѣльная.

— Должно-быть старая, старинная?

— Какъ міръ стоитъ, такъ и та деревня стоитъ, только сперва она не такъ называлась: не называлась Темной.

— Какъ же?

— Называлась Красной деревней.

— Почему же ее стали звать Темной?

— Ты, можетъ, слыхалъ, нашъ городъ *Трубчесскъ (sic)* былъ за княземъ Трубецкимъ, не за теперешними Трубецкими, а за прежнимъ,

что жилъ лѣтъ за сто, ато и еще больше, до насъ. Такъ за тѣмъ княземъ Трубецкимъ былъ и городъ Трубчесскъ и всѣ села и деревни, что подъ Трубчесскомъ стоятъ, весь *Трубчесскій* уѣздъ; стало-быть и Темная за нимъ же была. И былъ у того князя сынъ, княжичь — большой охотникъ съ малыхъ лѣтъ за охотою, съ ружьемъ ходить, съ собаками. Пошелъ этотъ княжичь разъ за охотою, подошелъ онъ къ этому самому мѣсту, запримѣтилъ дикую утицу, приложился изъ ружья, выстрѣлилъ... Только утица та поднялась, перелетѣла Десну и пала. Княжичь видитъ: утица пала; раздѣлся и поплылъ на тотъ берегъ за той утицей. Поплылъ княжичь черезъ Десну, судорга ногу что-ли свела, это случается... такъ ли ужь Богъ далъ, только княжичь не доплылъ до берегу, не доплылъ — утонулъ... Бросился народъ его вытаскивать, побѣжали къ старому князю... прибѣжалъ князь... вытащили княжича, а тотъ ужь Богу душу отдалъ: какъ ни качали и на рукахъ и на бочкахъ(1) — откачать не могли. »Откуда бросился княжичъ въ Десну? спросилъ старый князь у народа.« — »Да вотъ изъ-подъ самой Красной деревни«, сказалъ народъ въ отвѣтъ старому князю. — »Какая такая Красная деревня?« — »А вотъ эта самая.« — »Какая она Красная! это деревня Темная!« Съ тѣхъ поръ и пошла та деревня зваться Темною деревнею а не Красной. Посмотри: кругомъ деревни Любовно, Хотьяново; все прозвища хорошія; одна только эта деревня — Темная.

Дорога шла кустарникомъ, и я, пройдя съ версту отъ Темной, наткнулся на кучу мужиковъ, лежащихъ подъ кустомъ.

— Здравствуйте, братцы!

— Здорово, почтенный!

— Семъ-ко я съ вами отдохну.

Я сѣлъ и закурилъ папиросу.

— Дай-ко мнѣ, человѣкъ почтенный, огоньку, я и себѣ сдѣлаю цигарочку, сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Не хочешь ли моего табаку? спросилъ я у него.

— Нѣтъ, не хочу: въ вашемъ табаку скусу такого нѣтъ, какъ въ нашемъ; нашъ будетъ скуснѣй.

Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана листъ печатной бумаги, оторвалъ клиномъ вершка въ три отъ него кусокъ, плотно свернулъ его трубочкой, насыпалъ въ эту цигарку табаку.

---

(1) Къ сожалѣнію, и теперь эти способы въ сильномъ употребленіи не только между простымъ народомъ, но и болѣе образованнымъ,

— Дай-ко огоньку, сказалъ онъ, кончивъ свою многосложную и довольно искусную работу.

— Изволь, любезный! Да неужели же твоя цигарка лучше моей? въ твоей цигаркѣ больше бумаги, да еще и замасленной, чѣмъ табаку.

— Бумага не мѣшаетъ, отвѣчалъ тотъ рѣшительнымъ, недозволяющимъ возраженій тономъ,— бумага-та и цигаркѣ только больше скуку придаетъ.

— Куды идешь, почтенный человѣкъ? спросилъ меня, позѣвывая и крестя ротъ, другой мужикъ.

— Развѣ не видишь? отвѣчалъ за меня первый, поплевывая въ сторону,—развѣ не видишь? Въ Чолнскій *номастырь:* тутъ, кажись, дорога одна!

— А вы оттуда? спросилъ я, оставаясь очень доволенъ отвѣтомъ за меня.

— Яни (они) деготь гнали.

— А ты, любезный?

— А мы по своей части.

— Гдѣ же вы деготь гнали? спросилъ я, мирясь съ отвѣтомъ говоруна.

— А всё больше по господскимъ лѣсамъ, отвѣчалъ тотъ же говорунъ.

— Что́ жъ, нанимаетесь?

— Нѣтъ, сами сидимъ, проговорилъ одинъ изъ работниковъ, — самимъ лучше.

— Яни отъ ведра, прибавилъ говорунъ.

— Ка́къ отъ ведра?

— Два ведра себѣ, третье барину.

— Много же можно заработать въ годъ?

— А какъ придется.

— Да сколько же?

— И сказать того никакъ не возможно; деготь гнать — дѣло огнёвое, не угадаешь никакъ.

— Да прошлый годъ сколько ты заработалъ? спросилъ я неподатливаго на слова работника.

— Да прошлый годъ я себѣ рублей пятьдесятъ серебра принесъ домой.

— Прошлый годъ хорошъ былъ?

— Ничего.

— Кабы изъ своего лѣсу гнать деготь — не въ примѣръ лучше, заговорилъ опять говорунъ: — изъ своего гонишь — все твое; а изъ барскаго — третье ведро: какъ ты тамъ себѣ хочешь, а третье ведро изволь отдать барину, чей лѣсъ.

— У васъ своего лѣсу нѣтъ?

— Нѣтъ, есть.

— Отчего же вы изъ своего не гоните?

— Не даютъ.

— Отчего же?

— Да оно только слава, что нашъ, ато не нашъ; даромъ не даютъ, а всё купить надо.

— Да вы изъ какихъ?

— Мы изъ удѣльныхъ.

— Стало-быть и лѣсъ не вашъ, а принадлежитъ къ удѣльнымъ имѣніямъ?

— Стало-быть такъ.

— Что жъ вы, хорошо живете?

— Теперь ничего.

— А прежде?

— Прежде всего бывало.

— Отчего же теперь лучше?

— Народъ сталъ обходительнѣй.

— Какой народъ?

— А начальство.

— Это правда, что́ правда, заговорилъ опять мой говорунъ: — сперва къ начальству, не то что подойти да поговорить, а и взглянуть-то не всякій сунется; ну, а теперь на-счетъ этого стало просто: за своей нуждой иди прямо къ начальнику: нынѣ дурного слова не скажетъ начальникъ тотъ.

— Чиновнаго народу много, проговорилъ одинъ изъ артели, до-сихъ-поръ упорно молчавшій.

— Чиновниковъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, изъ своего брата, изъ мужиковъ, чиновнаго народу ужъ очень много. — —

— Вѣдь чиновники изъ мужиковъ вездѣ есть? Безъ чиновниковъ ка́къ же быть?

— Вездѣ есть чиновный изъ брата своего мужиковъ, да не столько,

сколько у насъ, отвѣчалъ еще угрюмѣй тотъ же мужикъ: — у насъ больше.

— Сколько же у васъ?

— Да у насъ на деревнѣ живетъ 400 душъ, то-есть всѣхъ жителей 400 человѣкъ, и сколько ты думаешь у насъ чиновнаго народу изъ мужиковъ?

— Я не знаю.

— Человѣкъ пятьдесятъ будетъ!

— Какъ 50?

— Пятьдесятъ-то будетъ вѣрныхъ, не было бы больше: ты вотъ что́ скажи!

— Какіе жъ такіе чиновники?

— Голову, писаря считать нечего... а вотъ: два благонамѣренныхъ, шляховой и лепартовщикъ... да всѣхъ и не пересчитаешь — —

— Что́ жъ они, беруть съ васъ взятки?

— Что́ онъ возьметъ съ мужика? съ мужика ему взять нечего.

— Какое же вамъ дѣло до чиновнаго народу? съ васъ они ничего не берутъ: пусть ихъ живутъ...

— Да вѣдь тебѣ работать надо, а тутъ тебя выберутъ въ какіе не на есть лепортовщики, — работать и не работай, а въ пору только службу справляй.

— А все вамъ ни въ примѣръ лучше жить, чѣмъ господскимъ мужикамъ, сказалъ говорунъ.

— У какого барина?

— Да хоть у А — на.

— Э!.. А — нъ шиломъ грѣетъ, проговорилъ тотъ, усмѣхаясь, — шиломъ грѣетъ... печетъ!..

Челнскій монастырь, 25 іюня.

Челнскій монастырь стоитъ верстахъ въ десяти отъ Трубчевска, на крутой горѣ, покрытой мѣломъ, и изъ монастыря невидно ни одной деревни: такъ и кажется, что, войдя въ этотъ манастырь, оторвешься отъ всего остальнаго міра, — до-того мѣсто уединенно. Но это только пока вы не вошли въ монастырьскую ограду. Едва вы ступили шагъ въ ограду, видите, что здѣсь тѣ же люди, тѣ же желанія, тѣ же опасенія и тотъ же самый народъ, какой и въ селахъ и въ деревняхъ; монахѣвъ съ пер-

ваго разу не замѣтите: по всему монастырскому двору розсыпанъ былъ народъ: мужики, раскинувшись подъ тѣнью деревъ и церквей, спали; бабы-богомолки изъ окрестныхъ деревень, собравшись кучками, шушукались; бабы-торговки громко тораторили. Я пришелъ въ субботу передъ всенощною,—поэтому народу было болѣе обыкновеннаго.

Въ говорѣ народа слышится одно: начала новой жизни, созданныя 19 февраля; въ этомъ говорѣ слышатся и радость, и надежды, и страхъ... не за будущее, нѣтъ—народъ увѣренъ въ своемъ хорошемъ будущемъ; боится народъ преступить законъ, сдѣлать не по закону и тѣмъ замедлить исполненіе царской воли. А отъ недоразумѣній — какія ужасныя бываютъ послѣдствія!..

— Гдѣ братская? спросилъ я у перваго попавшагося мнѣ монаха.

— А вотъ, отвѣчалъ монахъ, махнувъ рукой на братскую,—ступай сюда, здѣсь братская.

Въ братской было народу много, и мужчинъ и женщинъ; разговоръ шелъ довольно оживленный и почти общій: одно теперь у всѣхъ на умѣ...

— Вамъ что́!? говорила одна баба-богомолка: — что́ хочешь, то и дѣлай, не дѣлай беззаконія какого — и только... а намъ, мои матушки родныя, просто — головушку всю закрутило...

— Да вы чьихъ? спросилъ какой-то не то монахъ, не то послушникъ.

— А...ыхъ мы, А — скіе...

— О чемъ же у васъ головы закрутило? Али жирно наѣлись на теперешней волѣ?

— Когда было, родимый! Давно ли воля-то сказана? такъ ту же пору и отъѣшься! Какъ можно, родимый!..

— А отчего жъ?

— Да не знаешь сама, какъ дѣло повести...

— — — Яица барину нужно собрать съ мужиковъ да барину на дворъ и отнести.

— Ты та́къ бы и сказала.

— Какъ быть? Сперва бывало повѣстятъ: собирай съ народу яйца! ну, соберутъ, да и отдадутъ, кому слѣдуетъ...

— А нынче повѣщали?

— Вотъ то-то, что нѣтъ.

— Что́ жъ вы?

— Да что́! стали сходку собирать, да въ тихомолку... нынче не любятъ, говорятъ, этихъ сходокъ... собрали сходку; одни говорятъ: со-

бирай яйца, неси на барскій дворъ; не понесешь—бѣда будетъ,« а другіе кричатъ: »не носи безъ приказу — бѣду наживешь!« Не разъ, да и не два сходку собирали; ну, и порѣшили на томъ: собирать яйца, нести яйца безъ повѣстки; тамъ ужъ что́ Богъ дастъ, тому ужъ и быть: видно, надо.

— Да чему жъ тутъ быть? спросилъ монахъ: — барину отнесешь яйца, баринъ поѣстъ тѣ яйца; вотъ только и будетъ всего, больше ничего не придумаешь.

— Какъ не только! проговорилъ одинъ мужикъ,—только и будетъ... только!..

— Да чему же еще быть?

— Скажутъ, бунтъ!

— Какой же бунтъ?

— Скажутъ, бунтъ! продолжалъ тотъ же мужикъ.

— Бунтъ! какъ есть! заговорила толпа.—Царская воля вышла, въ той царской волѣ, сказываютъ, написано: яицъ господамъ не носить; какъ же ты царскую волю не сполнишь?

— Ну, а какъ про барскія яйца въ царской волѣ не сказано ничего, тогда ка́къ?

— И то правда...

— Вотъ объ этомъ то и мы сёмали, (1) продолжала старуха,—сёмали, сёмали и порѣшили на томъ, что собирать барскія яйца и самимъ безъ повѣстки нести на барскій дворъ. Вотъ хорошо, собрали, снесли. А тутъ еще другое горе приключилось: присланы отъ конторы деньги, разчесть конторой велѣно по гривеннику за десятокъ...

— Подвохъ! какъ есть подвохъ! заговорили очень многіе изъ слушавшихъ и мужиковъ и бабъ: — сперва за яйца не платили, а теперь раздобрился!..

— Какой же тутъ подвохъ?

— Толкуй, подвохъ!

— Вотъ такъ-то и мужики гадали, продолжала старуха: — подвохъ ли подъ насъ подводятъ, али такъ взаправду въ царской волѣ сказано, только...

— Деньги взяли?

— Взяли, родимый.

— Ну, смотрите жъ...

---

(1) Смѣкали: семъ сдѣлаю, семъ не сдѣлаю.

— Да ужъ что́ Богъ дастъ!

— А что́ только у насъ дѣлается! сказалъ, вздохнувъ, одинъ мужикъ, сидѣвшій въ сторонѣ.

— А что́?

— И сказать не знаю какъ...

— Да вы чьихъ?

— Мы ничьихъ.

— Вольные?

— Нѣтъ, удѣльные...

— А у васъ-то что́?

— У насъ землемѣры землю межуютъ — вотъ что́!

— Да не у васъ однихъ: землемѣры вездѣ ходятъ, вездѣ, у всѣхъ землю мѣряютъ.

— Вездѣ мѣряютъ, а пока еще Богъ миловалъ: пока еще нигдѣ земли не рѣжутъ...

— Да у насъ еще пока тоже Богъ миловалъ, продолжалъ старикъ:— землю мѣрять мѣряютъ, вѣшки становятъ, а земли рѣзать не рѣжутъ!..

— А пусть ихъ мѣряютъ!

— У насъ не одну землю мѣряютъ.

— Какъ не одну землю?

— Десну мѣряютъ! проговорилъ старикъ, къ ужасу всѣхъ слушателей...

— Ка́къ Десну?

— Десну!

— И я видѣлъ...

— Всѣ видѣли...

— Я, братцы мои, диву дался, заговорилъ одинъ: — что́ такое это означаетъ? воду Богъ создалъ, вода у насъ вольная: кто хочешь, по этой водѣ ступай, бери эту воду, сколько себѣ знаешь; сколько тебѣ надо, столько и бери... и эту-то воду Божію мѣряютъ!... Своими бъ глазами не видалъ, — людямъ бы и вѣры не далъ... да и вѣрить-то какъ?

Я вышелъ изъ братской; на крыльцѣ и въ сѣняхъ бабы толковали всё о той же волѣ.

— И что́ такое дѣлается, одинъ Богъ святой знаетъ! Спросишь, кто грамотный да путный, тотъ тебѣ про волю и говорить не станетъ; а какой безпутный — того наплететъ, что и не разберешь... послушаешь того безпутнаго—просто, мои родныя матушки, просто голову сниметъ... Ужъ такая бѣда, что и сказать нельзя!

— Послушаешь — выпорютъ! поддакнула другая, тоже старушка-богомолка.

— Куда выпорютъ!

— Выпорютъ, родимая!

— Коли бъ выпороли, да тѣмъ бы и дѣло повершили! Въ книгу, моя родная, запишутъ!

— Запишутъ! какъ есть — запишутъ! заговорили слушавшія богомолки.

На дворѣ подъ деревомъ сидѣла куча мужиковъ; и я подсѣлъ къ нимъ.

— Здравствуйте!

— Здраствуй, почтенный!

— Объ чемъ толкуете?

— Да всё про волю.

— Что́ же про нее, про волю, много толковать? слава Богу, что воля эта вышла.

— Такъ-то оно, такъ!

— А еще же что́?

— А вотъ что́: было у насъ начальство, господа; теперь насъ отъ господъ отобрали и никакого намъ начальства не даютъ; теперь у насъ никакого начальства нѣтъ.

— На что́ же вамъ начальство?

— Ну, спросить о чемъ, хоть бы о той же волѣ, и спросить некого, никто ничего не скажетъ. (¹)

— А теперь начальство стало — не начальство, подтвердилъ другой мужикъ.

— Это какъ?

— А вотъ какъ: бывало ѣдетъ становой, услышимъ колокольчикъ — поджилки дрожатъ! а теперь ѣдетъ становой — ничего; и уѣдетъ становой — тоже ничего!

— Это-то и хорошо!

— Это хорошо; да спросить что́ не у кого.

— Да что́ вы будете спрашивать?

— Какъ что́, другъ? обо всемъ теперь надо спроситься: порядки заводятся новые, а мы люди неграмотные, — какъ разъ въ бѣду влѣзешь, совсѣмъ съ головой влѣзешь!

(¹) Тогда въ Орловской губерніи еще не были назначены мировые посредники.

— Да вотъ хоть бы у насъ, прибавилъ другой мужикъ:— мало-мало въ такую бѣду было попали, что и.... Тутъ мужикъ только рукой махнулъ, а ни одного слова не сказалъ: видно, что они ждали большой какой-то бѣды.

— Да вы Апраксинскіе?

— Апраксинскіе...

— Да́, у васъ недалеко было до бѣды, да и до большой бѣды, другъ ты мой!

— Какъ не большой!

— Какъ еще это Богъ помиловалъ!

— Его святая воля!

— Какая жъ у васъ бѣда была? спросилъ я этого мужика.

— Большой бѣды Богъ миловалъ, а была бы. Вотъ какъ вышла воля, насъ, мужиковъ, баринъ собралъ, объявилъ намъ царскую волю,— хорошо. »Вы, говоритъ, живите смирно, да со мной ладно.«— Мы ему поклонились. — »Вы работали, говоритъ опять-таки баринъ, — вы работали на дворъ по шестнадцати десятинъ въ клину, теперь работайте по десять...«

— Какъ на дворъ? спросилъ я.

— У нихъ по дворамъ разсчитано, объяснилъ мнѣ другой мужикъ:— въ твоемъ дворѣ три работника, три работницы, да въ томъ двору пять работниковъ да пять работницъ, — значитъ одинъ дворъ; восемь работниковъ, восемь работницъ — вотъ тебѣ и цѣлый дворъ выходитъ. Это у нихъ такъ заведено ужъ изстари.

— Это такъ! продолжалъ разскащикъ. — »Теперь, говоритъ баринъ, работайте дворомъ по десять десятинъ.« Мы на это ни одного словечка не сказали, поклонились только. »Ну, говоритъ, прощайте!« Мы опять поклонились; поклонились мы барину, да и разошлись. Послѣ стали толковать промежъ себя: чью намъ волю сполнять, царскую, или барскую? Царь указалъ мужику трехденку, бабамъ двуденку (1), а баринъ не желаетъ царской трехденки,—какъ тутъ барина слухать? Думали, думали и придумали сполнять царскую волю, а барской не сполнять: выходить на трехденку, а сколько дворомъ сработаешь, больше десяти десятинъ — барскіе!

— Куда больше сработать! дай Богъ и десять десятинъ сработать, и то въ пору!.. Больше!.. заговорили мужики, — больше какъ ни сработалъ! Сработалъ!..

---

(1) Т. е. мужикамъ работать три дня въ недѣлю. бабамъ — два.

— Ну, да тамъ что́ Богъ дастъ! продолжалъ разсказчикъ.—Еще и то положили: велитъ баринъ на трехденку на лошадяхъ выѣзжать, — всѣмъ на барщину на лошадяхъ и выѣзжать, всѣмъ безпремѣнно!..

— Безлошадникамъ-то (1) какъ же? спросилъ кто-то изъ слушавшихъ этотъ разсказъ.

— Сказано, всѣмъ!

— Да вѣдь у васъ во всѣхъ деревняхъ на половину, пожалуй, будетъ безлошадниковъ.

— Ну, ужъ всѣ выѣзжай на лошадяхъ!

— Да какъ же?

— И объ этомъ на міру говорили; порѣшили: у кого нѣтъ лошади, возьми, у кого двѣ, а чтобъ барская трехденка не стояла, чтобъ на міръ попреку не было; на томъ и порѣшили, и положили объявить о томъ барину, управляющему, что́ ли, кому надо, по начальству, чтобъ грѣха какого не вышло.

— Да́, такъ, кажись, по закону будетъ, утвердительно сказалъ одинъ.

— Такъ, по закону, по закону! подтвердили другіе, — по самой царской волѣ!

— — —

Я подошелъ къ другой толпѣ.

— Ты только то́ посуди: земля твоя, ты самъ-свой; живи, никого не забиждай, и тебя пальцемъ тронуть никто не можетъ; ты ведешь дѣло по-Божью, и никто ни тебя, ни твоего дому, ни твоей земли, говорю, не можетъ тронуть; а своровалъ въ чемъ — судъ! Судъ разсудитъ — ты виноватъ.

— Виноватаго въ Сибирь!

— Да хоть за Сибирь!

— А праваго никто обиждать не моги! продолжалъ первый. — Привелъ бы Господь только, чтобъ всѣ настоящіе порядки произведены были!

— Народъ болтаетъ: настанутъ новые порядки, и всѣ суды пойдутъ праведные: хоть будь ты какой богачъ, хоть тысячами бросай, а коли проворовался — спуску не будетъ, въ Сибирь, или чего кто стоитъ.

— Сказано, свѣту будетъ поновленіе.

---

(1) Мужики, обработывающіе землю и по бѣдности не имѣющіе рабочихъ лошадей; такому мужику очень трудно справиться.

— А! П. И. здравствуйте! сказалъ, подходя ко мнѣ, отецъ П., съ которымъ меня познакомили въ Трубчевскѣ. —Хотите посмотрѣть нашъ монастырь, нашу ризницу?

Разумѣется, я на это согласился съ радостію, и мы пошли съ нимъ по монастырю.

Въ Челнскомъ монастырѣ вся постройка новая; одинъ только корпусъ, въ которомъ находится теплая церковь—довольно старинной постройки Иконъ стараго письма я не видѣлъ ни одной; книгъ старыхъ, рукописей тоже нѣтъ; самая замѣчательная рукопись—синодикъ прошлаго вѣка, изъ котораго видно, что князья Трубецкіе до послѣдняго времени не оставляли Чолнскаго монастыря. Такъ, подъ 1768 годомъ, въ синодикъ вписанъ князь Алексѣй Никитичь, бывшій ктиторъ монастыря. Чудотворной здѣшней иконы Богородицы я не видалъ: лѣтомъ эта икона въ ходъ идетъ, большую часть лѣта пробываетъ въ Трубчевскѣ, гдѣ жители приносятъ ее къ себѣ въ домъ и служатъ ей молебны, которые поютъ очередные монахи изъ Челнскаго монастыря. Чолнская чудотворная икона приплыла къ мѣсту, на которомъ теперь стоитъ монастырь, по Деснѣ въ челнѣ, — поэтому и монастырь получилъ названіе Челнскаго. Преданіе говоритъ, что она писана преподобнымъ Алимпіемъ, знаменитымъ Кіевскимъ иконописцемъ.

— Гдѣ здѣсь, батюшка, пройти къ пещерамъ? спросила меня богомолка старуха, когда я вышелъ за монастырскую ограду полюбоваться мѣстностію монастыря.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Пойдемъ, батюшка, вмѣстѣ поищемъ. Какъ не найдти? чай, народъ пойдетъ къ пещерамъ, и мы за народомъ.

— Пойдемъ, матушка!

— Вотъ сюда, сюда, подъ гору, говорила старуха, сходя съ крутой горы.

— Подъ гору-то ты, матушка, сойдешь, сказалъ я: — какъ только на гору взбираться будешь?

— Отчего же не взобраться?

— Да видишь, какая крутизна; а тутъ, на бѣду, никакой тропиночки не видно; по дорожкѣ всё бы легче было.

— Ничего, родимый!

— А какъ не взойдешь?

— Молитвы Клеопа преподобнаго помогутъ.

— Котораго Клеопа преподобнаго?

— А вотъ того, который въ этихъ пещерахъ спасался.

— Давно онъ жилъ?

— Нѣтъ, не очень давно.

— Что́ жъ, народъ его помнитъ?

— Какъ не помнить! человѣкъ святой былъ! А молиться станетъ,— сказываютъ, за всеночной всякій канонъ долго пѣлъ!.. Не даромъ Десна рѣка свой путь перемѣнила.

— Это какъ?

— Она текла, Десна-то, подъ самимъ номыстаремъ, а за молитвы Клеопа, вишь гдѣ пошла!

— Да чѣмъ же теперь лучше?

— А какъ же? Номастырь, номастырскую гору не подмываетъ.

26 іюля. Заштатный городъ Погаръ, Черниговской губерніи.

Изъ монастыря я, послѣ обѣдни, пошелъ на дорогу, идущую изъ Трубчевска на Погаръ. Я уже говорилъ, что Челнскій монастырь окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, и по этому лѣсу, съ одной стороны монастыря, разсыпаны курганы и на многихъ изъ нихъ ростутъ вѣковыя деревья. Говорятъ, что еще въ самое недавнее время весь правый берегъ Десны былъ покрытъ дремучими лѣсами; теперь этихъ лѣсовъ нѣтъ; если и попадаются, то очень небольшіе, какъ, напримѣръ, около Челнскаго монастыря. Говорятъ, что въ старыхъ дремучихъ лѣсахъ было множество кургановъ. Что ихъ было больше теперешняго, это вѣроятно, но и теперь эти курганы идутъ непрерывною цѣпью по крутому правому берегу Десны; по крайней мѣрѣ, я могу сказать, что эту цѣпь кургановъ видѣлъ отъ Усока до Челнскаго монастыря. Въ самомъ Трубчевскѣ — городище. Городокъ — не что́ иное, какъ курганы.

— Кормилецъ, батюшка! Христа ради, сотвори твою святую милостыньку!

Я оглянулся: сзади меня стоялъ старикъ въ довольно ветхой свиткѣ, безъ сумы и безъ подсумка.

Черезъ минуту мы съ нимъ были пріятелями.

— Сядемъ-ко здѣсь, сказалъ я ему, садясь около дороги: — я закурю папироску. Ты куришь?

— Не, не вживаю!

— А не вживаешь, не надо.

— Ты-то кури, мнѣ это ничего, говорилъ онъ, присаживаясь возлѣ меня, — ты кури!

— Какіе здѣсь курганы, дѣдушка? Откуда они у васъ взялись? спросилъ я его.

— То не курганы, то татарскія могилы, отвѣчалъ старикъ, улаживаясь получше сѣсть.

— Зачѣмъ же Татаръ хоронили здѣсь?

— Это было лѣтъ за сто, ато глядишь—и больше, номастырь нашъ Челнскій былъ богатый номастырь. Услыхали Татары про богачество номастырское... а Татары вѣры не нашей, Татары вѣры поганой, имъ что номастырь? Они грѣха не знаютъ-ти—святой номастырь, церковь-ти ограбить... имъ все едино, ти церковь, ти просто домъ!.. Задумали Татары, номастырь этотъ Челнскій ограбить, собрали силу несмѣтную и пошли на номастырь... Только игуменъ со старцами подняли чудотворную икону Челнской Богородицы и обошли кругомъ номастыря; тогда Татарове всѣ переслѣпли. Страхъ на нихъ такой напалъ... видѣть-то не видятъ ничего... отъ страху этого они и почали саблями другъ отъ дружки отмахиваться... Отмахивались, отмахивались, да другъ дружку, сами себя, всѣхъ до одного и позарубали... Старцы видятъ такое чюдо матушки Богородицы, вышли изъ номастыря, выкопали ямы, побросали, какъ собакъ какихъ поганыхъ, ихъ тѣла въ тѣ ямы да заметали землею; оттого и пошли эти курганы.

— А за Трубчевскъ къ Усоху—тамъ какіе курганы? Тоже татарскія могилы?

— Не, тѣ — не могилы.

— А что жъ?

— Тѣ — курганы.

— Отчего жъ пошли тѣ курганы?

— А кто ихъ знаетъ! Мало ли народъ что болтаетъ! всего не переслушаешь.

— Что же народъ болтаетъ?

— Болтаетъ народъ, что всѣ тѣ курганы какіе-то Кудеяры насыпали... кто ихъ знаетъ?

— Какіе же такіе Кудеяры были?

— Болтаютъ, что изстари жилъ какой-то народъ, Кудеярами прозывался; народъ былъ — злодѣй, безбожный, съ нечистою силою зналася... вотъ тѣ Кудеяры и курганы понасыпали.

— Для чего же они, эти Кудеяры, курганы тѣ понасыпали? добивался я у старика.

— А кто ихъ знаетъ!

— Народъ же что-нибудь да говоритъ, для чего Кудеяры этихъ кургановъ столько понасыпали?

— Говоритъ народъ, отвѣчалъ старикъ, значительно понизивъ голосъ, — говоритъ народъ, что въ тѣхъ курганахъ золото, серебро да камни самоцвѣтные, да свѣчи восковыя; тѣ Кудеяры понакладывали, да тѣми курганами все золото, серебро позасыпали.

— Для чего же?

— Клады клали.

— Находили эти клады?

— Нѣтъ, не слыхалъ я, чтобъ тѣ клады кому въ руки дались: ихъ достать никакъ нельзя.

— Отчего же?

— Съ большими заклятіями положены.

— Будто теперь никто ужъ и не знаетъ заклятій?

— Видно, мало знающихъ.

— А никто не пытался достать эти клады?

— Какъ не пытался? пытался, да только толку въ томъ мало: роютъ, роютъ, а всё ничего не выроютъ. Вотъ первый Бугаевскій баринъ... какъ пойдешь къ Погару, Бугаевка тебѣ по пути будетъ... такъ старый Бугаевскій баринъ все имѣніе на клады потратилъ, а такъ и умеръ: ни одного клада не нашелъ... А сколько денегъ потратилъ! все имѣніе продалъ на клады эти.

— Отцы наши, родные кормильцы! заголосилъ сзади меня тонкій бабій голосъ.

Я обернулся: сзади меня стояла женщина лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ виду очень здоровая, держа за руку мальчика лѣтъ пяти или шести. Какъ мальчикъ, такъ и сама женщина были до-нельзя грязно одѣты: по взгляду видно было, что они своей одеждой хотѣли произвести сильный эффектъ на благочестивыхъ богомольцевъ.

— Ты отколь? спросилъ ее довольно грозно мой прежній собесѣдникъ-старикъ.

— Да мы изъ Любовна! отвѣчала женщина. А вы, родимый, сами то изъ какихъ такихъ мѣстовъ?

— Мы крестьяне господина Апраксина, отвѣчалъ какъ-то съ разстановкой мой старикъ.

— Апраксинскіе! протяжно, не то подтвердительно, не то вопросительно, проговорила женщина.

— Да, мы Апраксинскіе! строго заговорилъ старикъ. А ты, баба молодая, работать не работаешь, а по міру ходишь; по міру ходишь—святой милостыней питаешься.

— А что жъ, что питаюсь?!

— А то, что грѣхъ большой!

— Какой же грѣхъ?

— Да кто тебѣ святую милостыню подастъ, на твою душу всѣ грѣхи того, какъ на шею жерновъ, — вотъ что!... Вотъ какой грѣхъ!... Баба ты еще молодая, а ходишь по міру, святой Христовой милостыней побираешься да питаешься!

— А самъ-то ты не побираешься?! самъ Христовымъ святымъ именемъ не кормишься?! завопила женщина-побирушка, горячась всё болѣе и болѣе.—Вишь какой святой! А ты посмотрѣлъ бы у меня на дворъ да на хату, да послѣ того ты бъ меня и казнилъ, коли стою! Я побираюсь, а онъ свой хлѣбъ ѣстъ!... У меня пять человѣкъ дѣтей, а работниковъ только и есть, что я одна!... Тоже учитъ!... А работниковъ только я да вотъ еще на помогу чертенокъ!

Тутъ женщина—не извѣстно, для какой причины—дала своей помогѣ довольно значительнаго подзатыльника. Мальчишка-помога разревѣлся.

— Чего ты? крикнула на него мать, мазнувъ его по глазамъ, по носу и губамъ своимъ грязнымъ рукавомъ, думая тѣмъ привести въ надлежащій порядокъ несчастнаго ребенка.—Чего еще разревѣлся?...Вишь, учить умѣетъ, продолжала она опять въ пользу моего собесѣдника, — учить умѣетъ, а самъ, небось, по міру ходитъ, милостыней Христовой святою питается, а другимъ, поди ты, другимъ — грѣхъ!

— Я, матушка, слѣпъ.

Тутъ только я замѣтилъ, что мой собесѣдникъ слѣпой. Онъ такъ вольно себя держалъ, что я этого никакъ не подозрѣвалъ; но довольно было взглянуть ему въ глаза, чтобъ увѣриться въ справедливости его словъ: на обоихъ глазахъ были бѣльма.

— А что жъ, что ты бѣльмастый! кричала баба, — а вишь, какой кряжистый да здоровый!... Да и съ бѣльмами-то своими, захотѣлъ бы, нашелъ работу! Какой здоровый, а работать, небось, солоно!

— Матушка! заговорилъ старикъ, — матушка, кость только у меня широка, костью я широкъ, а силы-то: на гору взойду — задыхаюсь; право, на гору не взойду.

— Задыхаешься! на гору не взойдешь!.. а какъ посмотрѣть въ хатѣ, то подъ кутóмъ, небось, что твой кладъ!... Тамъ, небось, денжищевъ-то у проклятаго!

— Нѣтъ, матушка, не обиждай! Сродясь сумки да подсумки не надѣвалъ! Прошу Христа ради хлѣба насущнаго, даждь намъ днесь; а про запасъ, видитъ Богъ! видитъ Богъ, отродясь не просилъ! Станешь просить милостыню, другой день именемъ Христовымъ вымолишь хлѣба и на мѣсяцъ, такъ тотъ мѣсяцъ и по міру не хожу.

— Разсказывай!

— Да и разсказывать-то нечего!

— Знаемъ мы васъ....

— Дай Богъ тебѣ путь-дорогу, человѣкъ почтенный! сказалъ, приподымаясь, старикъ.

— Не поминай лихомъ! отвѣчалъ я.

— Али совѣсть взяла? пѣла свое баба; — али стыдно стало, какъ самому правду стали высказывать!

Старикъ повернулъ въ монастырь, баба юркнула въ лѣсъ, а я пошелъ на большую дорогу, подвигаясь впередъ къ Погару.

Жаръ стоялъ страшный; дождя давно не было; даже душно было; но всё-таки богомольцевъ по дорогѣ было много, въ-особенности богомолокъ, и съ дѣтьми, и безъ дѣтей.

— Далеко до Бугаевки? спросилъ я одну женщину, которая вела за руку сынишку лѣтъ четырехъ, возвращаясь отъ обѣдни.

— Недалеко, родной, недалеко: верстъ какихъ шесть будетъ, ато еще пять... больше пяти не будетъ.

Простой народъ не любитъ обижать: всегда хочетъ порадовать хоть однимъ простымъ словомъ; такъ и теперь: отъ Челнскаго монастыря до Бугаевки верстъ пятнадцать, да, кажется, и семисотныхъ верстъ (1). Я это зналъ и спросилъ женщину только, чтобъ съ нею заговорить. Она не хотѣла меня огорчить предстоящимъ длиннымъ путемъ, и потому, хоть на словахъ, да сократила дорогу.

Кстати припомню, что на вопросъ одного проѣзжаго: сколько верстъ осталось ѣхать? мужикъ отвѣчилъ: десять верстъ.

---

(1) Когда проложили линію для шоссе отъ Курска до Харькова, то число верстъ увеличилось, хоть дорога и прямѣй сдѣлана. Это объясняется тѣмъ, что сперва версты были семисотныя т. е. въ 700 сажень, а не въ 500, какъ теперь.

— Какъ десять?

— Да десять, батюшка!

— Ты врешъ, дуракъ! крикнулъ разсердившійся, неизвѣстно за что, проѣзжій.

— Чего ты ругаешься? сказалъ мужикъ: — скажу двадцать, и двадцать поѣдешь, здѣсь стоять да кричать не останешься; сколько скажу, столько и поѣдешь!

Итакъ женщина мнѣ обѣщала только пять верстъ, вмѣсто пятнадцати, или и всѣхъ двадцати.

— Да какъ же такъ? спросилъ я ее: — говорятъ, отъ Челнскаго монастыря до Погара двадцать-пять верстъ слишкомъ, а отъ Бугаевки останется до Погара только верстъ десять; поэтому должно отсюда до Бугаевки болѣе пяти-шести верстъ?

— По этому выходитъ больше, согласилась со мной женщина.

— Ты сама откуда?

— Изъ Любовни, родимой.

— А куда ходила?

— Къ обѣднѣ, родимой.

— И мальчишку что ли водила? сынокъ, чтоль твой?

— Сынокъ, сынокъ мой; водила къ обѣднѣ: причащала. Надо съ малыхъ лѣть пріучать Бога бояться.

— Правда, тетушка, правда твоя.

— Какъ не правда, родимой!... Что, Васюшка, уморились твои ноженьки? обратилась она къ своему сыну. — Дай возьму тебя на рученьки, ножки твои отдохнутъ.

Женщина взяла на руки мальчика, сняла съ головы повязанный сверхъ кички платокъ, закрыла голову сыну, и тотъ ту жъ минуту заснулъ.

Въ монастырѣ всѣ женщины, повязывая платкомъ кичку, распускали сзади по спинѣ концы платка, который — замѣтить кстати — обыкновенно бываетъ темнаго цвѣта; между тѣмъ, какъ здѣсь, вездѣ я встрѣчалъ женщинъ, повязанныхъ платкомъ, тоже поверхъ кички, чалмообразно. Этотъ головной уборъ тѣмъ болѣе похожъ на чалму, что самая кичка очень низка и что сложенный платокъ толсто наматывается къ низу. Панёвы здѣсь встрѣтилъ такія, какихъ въ Великой Россіи я не видалъ: здѣшняя панёва состоитъ изъ четырехъ, или иногда изъ трехъ полотнищъ матеріи, приготовляемой изъ шерсти исключительно для панёвъ, и эти полотнища не сшиваются, а подвязываются кушакомъ, какъ зана-

вѣски; ежели панёва состоитъ изъ трехъ кусковъ, то спереди панёва не закрываетъ рубашки (1). Но во всякомъ случаѣ, состоятъ ли изъ трехъ, или четырехъ кусковъ, — надѣваютъ передникъ. Лѣтній костюмъ дѣвушекъ немногосложенъ: головной уборъ состоитъ изъ платка, сложеннаго шарфомъ, которымъ обертываютъ голову, не закрывая макушки и завязывая спереди; волосы заплетаютъ или въ одну косу всѣ, или оставляютъ около ушей по локону, не заплетенному, или и совсѣмъ не заплетаютъ. Остальной нарядъ — рубашка, подпоясанная поясомъ; иногда надѣваютъ передникъ, который закрываетъ грудь, животъ и ноги до колѣнъ.

— Отчего въ церкви, спросилъ я женщину, когда она усыпила своего сына, — отчего въ церкви всѣ женщины были не такъ повязаны платкомъ, какъ обыкновенно?

— Какъ же можно, родимый, въ церкви платокъ скрутить? Въ церкви такъ нельзя.

— Отчего же?

— Да ужъ нельзя: въ церкви надо платокъ распустить. Хоть старуха, хоть молодая, а какъ идешь въ Божію церковь, повязывай платокъ что есть лучшій и концы распусти.

— Платокъ у васъ всегда купленный?

— У насъ только и наряду купленнаго, что платокъ одинъ; да и тотъ прежде, въ старые годы, не покупали: полотенцемъ повязывали, хоть и въ церковь идти; теперь дома-то и ходимъ съ полотенцемъ, а идти куды — всё платочкомъ повяжешь. А дома-то все свое носишь, не купленное.

— Полотенце вѣдь тоже надо вышить красными хоть нитками; краску надо, чай, тоже покупать?

— И, гдѣ покупать! Всего, другъ, не накупишься. Да какая у насъ и краска-то! Пойдешь въ лѣсъ, наскоблишь шкурки съ яблонки, вотъ тебѣ и вся краска готова.

— Когда же надо яблонку скоблить? спросилъ я: — лѣтомъ, или зимой?

— Вотъ объ эту пору и скоблить надо. Зимой у насъ никто и не скоблитъ.

— Яблонка-то вѣдь портится?

— Портится, да что въ ней толку-то? Здѣсь лѣсная яблонка кислая,

---

(1) Это украинскія плахты *Ред.*

съ лѣсной яблонки яблочка не скушаешь. А съ хорошей ка́къ можно скоблить! Мы съ хорошей не скоблимъ.

— Вѣдь краски разныя; ка́къ же вы красите одной яблонкой?

— Яблонкой красимъ въ красное, въ черное — ольховой корой, въ желтое — пупавки, ато и сандалу прибавляемъ.

— А что́, тетушка, можно зайти къ тебѣ, пообѣдать? спросилъ я, когда мы подходили къ Любовну.

— Да и звать-то мнѣ тебя не зачѣмъ, отвѣчала баба: — печь нонче не топила, да не знаю, досталъ ли хозяинъ мой хлѣба-то; ато во всей хатѣ во́ каково кусочка не сыщешь!...

— Да я тебѣ, родная, за обѣдъ твой заплачу, что́ будетъ стоить, сказалъ я. »Можетъ быть« думалъ я, »что баба и скупится.«

— И, родимый! Христосъ съ тобою! Что́ ты заплатишь? Коли бъ у насъ постоялый дворъ держали; ато хлѣбъ есть — какъ не накормить человѣка? да бѣда-то вся въ томъ: хлѣба, какъ есть, кусочка крошечнаго въ хатѣ нѣту....

— Отчего же у васъ такая бѣдность?

— Христосъ ее знаетъ!... Такъ, видно, Богъ далъ.... Хозяинъ у меня человѣкъ больной....

— Чего жъ онъ не лечится?

— Лечился, родной, лечился.

— Да что́ жъ?

— На лекарство не йдетъ!

— Кто же его лечилъ?

— Да всѣ лечили! и здѣсь всѣ лекарки, и въ городѣ къ лекарямъ ѣздилъ....

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А что́ Богъ дастъ.

— Господа, что ль кормятъ?

— Мы не господскіе.

— Какіе же?

— Мы удѣльные.

— Да вѣдь надо что-нибудь ѣсть; дома хозяинъ больной, хлѣба не добудетъ.

— Я работаю.

— И всю семью кормишь?

— Чего не заработаю, міръ подаетъ.

— Что́ же ты, по міру ходишь?

— А что́ сдѣлаешь? Придется, ѣсть нечего, — нужда заставитъ и по міру идти.

— И сынишка твой ходитъ по міру?

— Изъ лѣсу въ поборъ не пускала! какъ то рѣшительно отвѣчала баба.

— Отчего же?

— И сама-то пойду, такъ дѣтямъ про то не скажу; чтобъ дѣти про то и не знали.

— Отчего же?

— Привыкнетъ христарадничать съ измалку, — работать-то и не заставишь послѣ.

— Дѣло, родная!

— Какъ не дѣло, родимый!.. Ну, прощай, родимый! Спасибо тебѣ за путь, за дорогу!

— Спасибо и тебѣ.

Женщина пошла на деревню, а я присѣлъ у колодезя, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ прохожихъ изза Трубчевска, возвращавшихся съ лѣсныхъ работъ домой на рабочую пору, и богомольцевъ изъ Челнскаго монастыря.

— Что́, братцы? спросилъ я, поздоровавшись: — можно здѣсь у кого пообѣдать?

— Ну, нѣтъ, братъ, отвѣчали мнѣ: — здѣсь въ Любовно не пообѣдаешь: негдѣ.

— Отчего же?

— А для́-того: хлѣба ни у кого нѣтъ.

— И не покупаютъ?

— Купила-то нѣтъ; ато для́-чего нельзя? было бъ купило — былъ бы и хлѣбъ.

— Народъ что ли ужъ очень бѣденъ?

— Куда жъ богатъ! Нашъ братъ мужикъ завсягды деньгами скитается; объ деньгахъ мы и не толкуемъ; стало быть бѣденъ, коли и хлѣба корки нѣтъ.

Изъ Любовна я повернулъ влѣво и зашелъ въ Хотяиновѣ въ одну избу. Изба стояла на некрытомъ дворѣ; противъ избы, аршинахъ въ пяти, стоялъ амбаръ, соединенный съ избой развалившимся навѣсомъ. Избушка была худенькая, маленькая: не болѣе 6 — 7 аршинъ въ свѣту, т. е. отъ одной стѣны до другой, и безъ сѣнецъ. Когда я вошелъ, пожи-

лая женщина что-то наливала въ деревянную чашку для мальчика лѣтъ трехъ.

— Здравствуй, хозяйка!

— Здорово, родимый!

— Можно у васъ отдохнуть?

— Отдохни, кормилецъ! Видишь, какая жара стоитъ. Объ эту пору куда пойдешь?

— Ну, хозяюшка, дай пожалуста напиться.

— Изволь, родимый, испей водицы; вода холодная, только что съ колодезя принесла. Да ты не пей такъ-то воды: на жару это не хорошо, говорила привѣтливая хозяйка: — на жару выпьешь чистой водицы — жажду не утолишь, жажда пуще возьметъ; а ты возьми кусочекъ хлѣба, пожалуй, да водицей и запей.

— Дай же мнѣ кусочекъ хлѣба, попросилъ я хозяйку, когда она мнѣ поднесла ковшикъ воды.

— Да у меня хлѣба ни крошки нѣту! отвѣчала, съ самымъ веселымъ взглядомъ и улыбкой, моя хозяйка.

— Какъ нѣтъ?

— Да ни крошечки!

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А на́, попробуй! сказала она, подвигая ко мнѣ чашку, изъ которой ѣлъ мальчикъ.

Я попробовалъ: что-то жидкое, пряное, безвкусное, травянистое.

— Что́ это такое? спросилъ я.

— Каша, кормилецъ.

— Изъ чего ее варила?

— А пойдешь въ поле, ржи натрешь да и сваришь: рожь-то не дозрѣла, такъ теперь на кашу на день натрешь, тѣмъ и кормишься.... Коли бъ посолить хоша, то скуснѣй была бъ; ато соли-то нѣтъ; а безъ соли скусу того въ кашѣ не будетъ.

— И молока нѣтъ?

— У насъ на деревнѣ не сыщешь ни у кого: надежъ былъ—всѣхъ коровъ повычистило.

— Плохо жъ вы, родная, живете.

— Э, кормилецъ! У людей и того нѣтъ. Есть, что и хуже насъ грѣшныхъ живутъ.

— А развѣ есть?

— Какъ не быть!

— Да гдѣ же?

— Возьми хоть а—скихъ: тѣ еще...куды хуже насъ, бѣдные, мучаются!

— Чѣмъ же вы лучше живете?

— У насъ хоть лошадка есть; всё работать можно; а работать будешь — и хлѣбъ, Богъ дастъ, будетъ; а тѣ — безлошадники, на половину лошадей нѣтъ: какъ имъ справляться? имъ по-вѣкъ справиться нельзя.

— Сходи, хозяюшка, перебилъ я хозяйку, подавая ей мелочи около рубля серебромъ, — сходи купи хлѣба, поѣдимъ.

— Да у насъ столько не купишь печенаго хлѣба, сказала хозяйка, взглянувъ на деньги.

— Все равно, ты муки купи да хлѣбовъ напеки.

— Да тебѣ какъ же ждать?

— Я послѣ зайду, тогда и поѣмъ, отвѣчалъ я, выходя изъ избы.

Послѣ неудачной попытки пообѣдать въ Хотьяиновѣ, я пошелъ къ Бугаевкѣ, дорогой пустынной, то́ лѣсомъ, то́ полемъ. И для кого такая широкая дорога между Трубчевскомъ и Погаромъ (въ 30 саженъ)? я никакъ догадаться не могу. По дорогѣ до Бугаевки я видѣлъ одного только мужика, вышедшаго съ проселка.

— Куда идешь? спросилъ я.

— Да бѣда надо мной такая стряслась, что одинъ только Богъ святой знаетъ, ка́къ бѣду эту и разхлебать будетъ.... Горе такое....

— Какое горе?

— Какъ, другъ, не горе? Лошадь пропала!

— Давно пропала?

— Да ужъ третій день бѣгаю, спрашиваю; да гдѣ ее съищешь! Знать, совсѣмъ въ-чисту́ю пропала.

— Хорошая лошадь?

— Хороша ли, дурна,—всё свой животъ!... А вору какая же воля брать дурную? Воръ, разумѣется, выбираетъ что ни самую лучшую изо всего табуна.

— Откуда жъ у тебя увели лошадь?

— Со двора проклятый свелъ. Стали мы ужинать; поужинали, хотѣли въ-ночное ѣхать; а тутъ хвать—лошади нѣтъ! Кинулся туда, сюда, — нѣтъ какъ нѣтъ!... И ума не приложу, что́ съ головушкою горькою своей дѣлать!

— Жаль мнѣ тебя, братъ, а помочь, самъ знаешь, помочь этому дѣлу не могу.

— Куда помочь!

— Часто у васъ лошадей крадутъ?

— Какъ не часто!... Только и послышишь: то́ тамъ тройку свели, то́ тамъ пару; недѣли не будетъ, какъ около насъ никакъ ужъ лошадей семь свели.

— За одинъ разъ?

— Нѣтъ, нонче сведутъ у меня, завтра у тебя.... Такъ обидѣли, такъ обидѣли....

— Скоро хватились, ка́къ же вы не догнали вора? спросилъ я.

— А ка́къ его догонишь? Загонитъ ее въ лѣсъ, тамъ его, вора-то, и не найдешь.

— Услышишь: лошадь заржетъ ..

— И лошадь у вора никогда не заржетъ.

— Не заржетъ?

— Не заржетъ. Воръ привяжетъ къ хвосту камень; хочетъ лошадь заржать, надо лошади хвостъ поднять, а въ хвосту камень; лошадь вспомнитъ про камень и не заржетъ.

Отъ Хотьяинова или Хотьяиновки до Бугаевки нѣтъ ни одной деревни; только версты за двѣ стоитъ въ лѣсу небольшой хуторъ. Выйдя изъ этого лѣсу, вы сей-часъ же переходите въ Черниговскую губернію. Здѣсь мѣсто вышло пуповиной и передъ вами открывается великолѣпный ландшафтъ: поле, склоняясь въ лѣвую сторону, мѣстами примыкаетъ къ рощамъ, а мѣстами теряется за горизонтомъ; едва верстъ за десять, виднѣется Погаръ; вправо у самой опушки нѣсколько крестовъ. Ужъ не могилы ли несчастныхъ корчемщиковъ?

Въ Бугаевкѣ первый шинокъ, стало быть *вольница*, стало быть и Малороссія началась. Сколько разъ мнѣ ни случалось въѣзжать въ Малороссію, я замѣчалъ всегда шинокъ почти на самой границѣ, и въ этомъ шинкѣ народу вездѣ труба нетолченая!... Кто ѣдетъ въ Малороссію — встрѣчу справляетъ съ вольницей; кто выѣзжаетъ въ Россію — прощается съ шинкомъ, съ хорошей вольной водкой. Великороссіяне, живущіе часто за десять верстъ отъ границы, тоже часто заходятъ погулять въ шинокъ. Вѣдь шинокъ не то, что́ кабакъ. Въ кабакѣ, кромѣ водки, можно найти только прошлогодніе калачи, бублики и изрѣдка ржавую селедку. Да и самъ цѣловальникъ не похожъ на хозяина: у цѣловальника за-часту́ю и хозяйства никакого нѣтъ, и весь домъ не домъ, а одинъ ка-

бакъ. Въ шинкѣ для кабака собственно отведено небольшое мѣсто, а въ остальноиъ домѣ вы найдете мѣсто и отдохнуть, и закусить вамъ подадутъ. Такъ и въ Бугаевкѣ мнѣ, по постному положенію, подали луку съ квасомъ. Хмѣльного народу, по обыкновенію, въ шинкѣ было много, и всѣ бабы: однѣ шли съ богомолья изъ Челнскаго монастыря, другія пришли съ какихъ-то крестинъ — доканчивать крестины.... Костюмъ былъ на всѣхъ одинъ, но говоръ слышался и южнорусскій и сѣверный, и, какъ сѣверный говоръ сбивался на южный, такъ и въ южномъ много слышалось сѣвернаго. Во многихъ кучкахъ запѣвали пѣсни или совсѣмъ малороссійскія, или хотя и русскія, но большею частію на малороссійскій ладъ. Малороссійскіе напѣвы, впрочемъ, слышатся довольно далеко отъ границы Малороссіи: я слыхалъ эти напѣвы въ Малоархангельскомъ, Мценскомъ уѣздахъ Орловской губерніи и даже въ Новосильскомъ Тульской губерніи; а въ Кокаревкѣ, за сорокъ верстъ отъ Трубчевска къ Дмитровкѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на свадьбѣ, я не слыхалъ ни одного напѣва свадебной пѣсни сѣверно-русскаго: всѣ южные.

Въ шинкѣ все шло громче и громче, шумнѣй и шумнѣй, и все безтолковѣй и безтолковѣй. И я, видя, что тамъ дѣлать нечего, пошелъ по деревнѣ. У одного двора сидѣлъ у воротъ мужикъ.

— Помогай Богъ! сказалъ я ему, усаживаясь около него на какую-то колоду.

— Милости просимъ! отвѣчалъ мужикъ. — Сядись, братъ, отдохни со мной.

— Эко, сколько народу у васъ въ шинкѣ! сталъ я заговаривать съ нимъ.

— Народъ, знаешь, идетъ со всѣхъ сторонъ въ Бугаевку въ шинокъ: здѣсь водка дешевая, да и *крѣпче*, чѣмъ въ Трубчевскѣ; вотъ народъ и взялъ такую *привычку* ходить въ Бугаевской шинокъ: другой, сердчный, бѣжитъ и невѣсть откуда на дешевку.

— Скажи пожалуста, отчего у васъ на этой сторонѣ деревни хаты стоятъ на дворѣ, а на той, къ барскому дому — на улицу?

— На этой сторонѣ постройка старинная: какъ дѣды строились, такъ и теперь строютъ; а тамъ почали строить всё по-новому: всѣ хаты на улицу.

— Отчего же?

— Тамъ господскіе живутъ; господа ихъ и перестроили на свой ладъ, а мы люди вольные, мы козаки, — живемъ, какъ наши отцы, наши дѣды намъ позволили.

— Теперь вѣдь нѣтъ господскихъ крестьянъ; такъ бывшіе господскіе будутъ перестраиваться по-старому, или уже такъ и останутся, какъ господа ихъ построили?

— Нѣтъ, такъ и останутся... куды имъ!...

— Отчего же?

— Они мужики.

— Теперь всѣ вольные почти совсѣмъ, только временно обязанные; а уладятся съ господами, и совсѣмъ будутъ вольные люди тогда.

— Всѣ будутъ мужики.

— Да отчего же?

— Сказано въ писаніи: »отъ лося родится лосенокъ, отъ свиньи— поросенокъ.«

— Ну, такъ что́ жъ?

— Мужикъ привыкъ подъ господскимъ страхомъ жить; безъ этого страху мужикъ пропадетъ: настоящимъ человѣкомъ не сдѣлается никогда.

— Это, братъ, не ты говоришь — зависть твоя говоритъ! сказалъ я ему на это.

— Помогай Богъ! проговорилъ въ чуйкѣ, какъ послѣ оказалось, погарскій мѣщанинъ-сапожникъ, человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти или восьми, рослый и здоровый.

Я обрадовался новому собесѣднику: разговоръ нашъ съ прежнимъ товарищемъ былъ какъ-то не ловокъ: или мнѣ приходилось съ нимъ согласиться, или спорить съ нимъ. Согласиться мнѣ не хотѣлось, а спорить — значитъ учить, а отъ этого я рѣшительно разъ навсегда отказался: изъ этого ничего никогда не выйдетъ, да и время даромъ только пропадетъ.

— Объ чемъ толкуете? спросилъ мѣщанинъ, тоже присаживаясь къ намъ.

— Да всѣ объ волѣ.

— А что́ объ волѣ толковать?

— А то́ толковать, отвѣчалъ мой мужикъ-козакъ, — то́ толковать, что отъ этой воли всѣмъ будетъ плохо.

— Нѣтъ, дядя, сказалъ мѣщанинъ.—Ты возьми только то́: всѣ будутъ вольные; всякому человѣку богатѣть можно, никто его и не тронетъ, тогда и нашему брату-мѣщанину не въ примѣръ лучше будетъ. Теперь что́ ты возмешь съ мужика? съ голаго, что съ святого, взять нечего!.. .

— А разбогатѣетъ мужикъ?

— Разбогатѣетъ мужикъ?... Тогда и ты около него поживишься, сытъ всё будешь!

— Это какъ?

— А такъ: взять теперь хоть меня; сошью я сапоги; много у меня мужикъ купитъ? онъ бы и радъ купить сапоги тѣ, да купить-то не на что; мужикъ безъ сапогъ, а ты безъ денегъ! Теперь ты, положимъ, рыбу ловишь; мужикъ бы и взялъ у тебя рыбки, да взять-то нельзя: безъ денегъ ты ему рыбки не дашь; ты и сиди со своей рыбкой, а денегъ-то и у тебя нѣту, и тебѣ купить что надо, ты не покупаешь, какъ ни плохо, а такъ пробавляешься.

— Отъ лося — лосенокъ, отъ свиньи — поросенокъ! проговорилъ угрюмо козакъ.

— Нѣтъ, дядя! попомни мое слово: всё пойдутъ лоси; свиньямъ воду не будетъ, всѣ свиньи переведутся....

— Переведутся?

— Переведутся, дядя!

Оба замолчали.

— Пойдти напиться, сказалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, козакъ.

— Вынеси и мнѣ водицы, попросилъ мѣщанинъ: — ишь жара какая стоитъ!

Козакъ вынесъ воды и подалъ мѣщанину.

— Будь здоровъ кушамши, прибавилъ онъ съ поклономъ, когда мѣщанинъ взялъ ковшъ съ водой въ руки и началъ пить.

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ тотъ, випивши воду.

— Не хочешь ли и ты? спросилъ меня козакъ: — вода у насъ ужъ очень легкая.

— Сдѣлай милость, дай, дядя!

Козакъ опять принесъ воды, и съ тѣмъ же привѣтомъ подалъ мнѣ.

— Славная вода! сказалъ я, поблагодаривъ хозяина за воду и отдавая ему ковшъ.

— И вода у насъ хороша, да и озеро у насъ такое доброе. Такого другого и не сыщешь.

— Чѣмъ же оно доброе?

— А тѣмъ оно доброе: никогда никому никакого зла не сдѣлало; никто изъ самыхъ стариковъ не запомнитъ, чтобъ наше озеро малому ребенку какую *вреду* сдѣлало.

— Какой же вредъ можетъ сдѣлать озеро?

— Въ нашемъ озерѣ ни ребенокъ... да не то что ребенокъ, а надо сказать цыпленокъ, и тотъ не утонулъ. Ти лѣто, ти зима — озеру все равно, всё озеро доброе.

— Какъ называется ваше озеро?

— Святое озеро называется.

— Почему жъ его такъ назвали?

— А потому его назвали Святымъ, что озеро доброе очень!

До Трубчевска отъ Дмитровки дорога иногда идетъ лѣсомъ, а отъ Трубчевска къ Погару лѣсъ идетъ дорогою: среди распаханныхъ полей, на которыхъ не видите ни кусточка, лежитъ широкая дорога, указной тридцати-саженной мѣры, и по этой-то дорогѣ ростетъ лѣсъ, оставляя довольно мѣста для прохожихъ и для немногочисленныхъ своихъ проѣзжающихъ, а поэтому и лѣсъ не мѣшаетъ проѣзжающимъ, а равно и проѣзжающіе — лѣсу.

— Чей это хуторъ? спросилъ я встрѣтившуюся мнѣ бабу, отойдя отъ Бугаевки верстъ шесть или семь.

— Это не хуторъ.

— А что жъ?

— Это шинокъ.

— Въ шинкѣ можно напиться?

— Что же? можно.

Я пошелъ къ шинку.

— Здравствуй, служивой! сказалъ я сидѣвшему на порогѣ отставному солдату.

— Здравствуй, братъ!

— Можно попросить напиться?

— Можно: попроси у Жида.

— Здѣсь шинкарь Жидъ?

— Жидъ; здѣсь всё пойдутъ шинкари жиды; въ Бугаевкѣ былъ послѣдній шинкарь изъ Русскихъ.

— Тамъ отчего же Русскій?

— По всей той границѣ шинкари изъ Русскихъ; трубчевской откупщикъ снялъ всѣ шинки по границѣ, да и насажалъ изъ Русскихъ, чтобъ водку въ Россію не перевозили.

Я вошелъ въ шинокъ, а за мной и отставной солдатъ. Въ шинкѣ сидѣла Жидовка-дѣвка, лѣтъ 20 слишкомъ, да Жидовка-женщина, лѣтъ подъ сорокъ.

— Эй, Жидова! крикнулъ за меня солдатъ, — дай человѣку напиться чего! да поскорѣй!

— Да чего же? спросила оторопѣвшая Жидовка.

— Да чего-нибудь! Только ты, почтенный, воды не пей: хуже пить захочется; а спроси-ка полкварты пива — лучше будетъ.

— Коли станешь со мной пить, спрошу пива, отвѣчалъ я солдату, — ато не надо.

— Пожалуй! побалуемъ пивомъ! Эй, Жидова! скорѣй полкварты пива давай!

— Только пойдемъ изъ шинка, тамъ гдѣ-нибудь выберемъ мѣстечко, тамъ и пиво выпьемъ.

— Пойдемъ, сядемъ на бугорокъ.

— Давно въ отставкѣ? спросилъ я солдата, когда мы съ нимъ сѣли за пиво.

— Да ужъ давно: съ 834 года въ-чисту́ю уволенъ, отвѣчалъ солдатъ.

— Когда жъ ты въ службу пошелъ?

— Въ службу пошелъ я въ 806 году.

— Долго же ты служилъ?

— Да послужилъ-таки Богу и великому государю; всего-на-все моей службы больше двадцати-восьми лѣтъ насчитаешь.

— Много, чай, видѣлъ на своемъ вѣку?

— Какъ не видать?

— Ну, а когда лучше было служить: въ прежнія времена, хоть въ 806 году, или теперь?

— Съ которой стороны возьмешь: съ одной стороны было лучше прежде, съ другой теперь стало лучше. Льготы солдату стало больше.

— Чѣмъ же?

— Одежа стала легче. Теперь что́ солдатская одежа? Все равно — ничего!... Самъ и одѣнется, самъ и раздѣнется.... Выскочитъ зачѣмъ изъ фронта, — самъ и раздѣлся, самъ и одѣлся, и опять во фронтъ.

— А въ-старину?

— Въ-старину было не то. Бывало, не раздѣнешься самъ, а одѣваться! не то что самъ, а одинъ и не одѣнетъ! Бывало, веревкой опояшутъ да кряжемъ скручиваютъ, а поверхъ веревки протупею надѣнутъ. Опять взять штаны, что лѣтнія, что зимнія натянутъ — вошь не подлѣзетъ; все равно, какъ обольютъ штанами ногу ту!... А станутъ пудрить!...

— А тебя развѣ пудрили?

— А какъ же?

— И косу носилъ?

— Нѣтъ, косы не носилъ, а такъ бо́рошномъ завивали да пудрой посыпали.

— Кто же? Другъ друга?

— Нѣтъ, солдатъ такъ не сдѣлаетъ; на это были особенные парукмахыры; завьетъ тебя парукмахыръ, натретъ голову саломъ, а послѣ мукой посыпетъ; кисти у нихъ такія были; возьметъ онъ кисть эту, обмокнетъ въ муку, наставитъ кисть на голову, да и толкаетъ кулакомъ по кисти, а мука-то на тебя и сыпется.... Бывало, завтра надо въ парадъ, такъ съ вечера начнутъ убираться... намажутъ голову саломъ, обсыпятъ тебя мукой, такъ спать-то и нельзя: муку оботрешь, волосники помнешь!... Такъ и сидишь цѣлую ночь, и къ стѣнкѣ прислониться нельзя, и на руку не облокотишься!... Да и муку-то покупали на солдатскія же деньги....

— Сами солдаты покупали муку?

— Нѣтъ, изъ солдатскихъ денегъ вычитали на муку, а покупало — — начальство. Да и вся служба солдатская стала не та.... Какая теперь служба? солдата никто не смѣй пальцемъ тронуть! Этого я не хвалю. У насъ, бывало, солдатъ учить можно было, а тѐперь ка́къ его выучишь? Бить его нельзя: ка́къ ему службу, нужду солдатскую укажешь? безъ битья рекрута въ настоящіе солдаты и не произведешь!

— Отчего же?

— Такъ, не произведешь.

— А солдату теперь лучше?

— Солдату? какъ можно! На половину... куда на половину!... Третію часть прежней службы не осталось! — —

— Чѣмъ же сперва было лучше?

— Начальство было лучше.

— Чѣмъ же начальство было лучше?

— А всѣмъ, за что́ не возьмешь! — — Тогда были начальники крѣпкіе, твердые....

— Тѣ крѣпкіе начальники били солдатъ, а теперешніе, ты самъ говоришь, не бьютъ.

— Да и за солдата не стоятъ.

— А прежніе стояли?

— — — Стояли!... Теперь солдата поставятъ въ хату къ мужику, все равно, что его и нѣтъ у тебя на квартирѣ.... Да еще что́? Хо-

зяину тотъ солдатъ воду носитъ, дрова рубитъ.... Ну, а прежде — — придетъ, бывало, на квартиру солдатъ, — — спроситъ солдатъ чего, хоть птичьяго молока, хозяйка давай!

— Ну, а ежели нѣтъ у хозяйки?

— Гдѣ хочешь доставай хозяйка, хоть жаромъ духъ пускай, а солдату давай!...

— Что жъ, хозяева жаловались начальникамъ вашимъ? спросилъ я.

— Жаловаться?!.. Ну, этого не было!

— Отчего жъ?

— Ну, нѣтъ! жаловаться не ходили: пожалуется — хуже будетъ хозяину. — —

— Отчего жъ теперь солдаты такъ не дѣлаютъ?

— Попробуй-ка теперь какой солдатъ то сдѣлать, такъ сей-часъ къ начальнику, а отъ начальника теперь никакой заступы!

— А при тебѣ были другіе начальники? спросилъ я, когда тотъ пересталъ говорить.

— Всякіе были; я только одно скажу: старинные начальники — — заступу дѣлали — — солдату — — Только за службу и спрашивали.

— А за службу спрашивали?

— За службу спрашивали. Былъ у насъ майоръ изъ хохловъ же, изъ насъ; — — Ну, а на службѣ — держи ухо востро! — — меньше двухсотъ палокъ и не отсчитывалъ.... — —

— — —

— И любили его солдаты?

— Нельзя было не любить: своего ни за что солдата не выдастъ.... А и лихой былъ командиръ: ничего не боялся, никого отродясь не трусилъ, хоть кто будь. Разъ мы пришли въ Петербургъ; привели насъ на какую-то улицу Грязную; на этой улицѣ Грязной сталъ смотрѣть насъ Аракчеевъ....

— А ты видалъ Аракчеева?

— Какъ не видалъ? Тутъ же на смотру бывалъ Аракчеевъ; такъ былъ маленькій, черномазенькій, каржавенькій.

— Такъ что же Аракчеевъ на смотру?

— Пріѣхалъ это Аракчеевъ смотрѣть насъ... тогда къ царскому параду готовились.... И то не такъ, и это не такъ! И то дурно, и это не хорошо!.. — —

— И Аракчеевъ ничего?

— На ту пору ничего; только вышли мы на Царицынъ Лугъ; вышли наши армейскіе, вышла и гвардія. Пріѣхалъ самъ царь Александръ Павловичъ, и Аракчеевъ пріѣхалъ. Царь скомандовалъ, Аракчеевъ скомандовалъ гвардіи, да не ту команду объявилъ,—гвардейцы и перемѣшались. А тутъ майоръ верхомъ на лошади...а и лошадка была плохенькая: такъ кобылка куцынькая... Майоръ-то перещеголялъ гвардейцевъ, — — и своихъ армейцевъ выставилъ!... — — А тутъ подъѣхалъ царь. — »Спасибо, майоръ, спасибо!« говоритъ царь майору, — — а Аракчеевъ такъ и остался.

— Такъ и ничего майору Аракчеевъ и не сдѣлалъ? спросилъ я разскащика.

— На ту пору ничего.

— А послѣ?

— Послѣ къ чему-то привязался — — Аракчеевъ.

— А Аракчеева солдаты любили?

— —

— Да Аракчеева никто не любилъ: ни великій князь Константинъ, ни генералы, ни солдаты.

— А въ сраженіяхъ Аракчеевъ каковъ бывалъ? спросилъ я. — Хорошъ?

— Аракчеевъ и въ сраженіяхъ не былъ ни въ одномъ. — —

— А ты бывалъ въ сраженіяхъ?

— Э-э! бывалъ!... Я въ самое сраженіе-то почитай всю службу прошелъ.

— А въ какихъ же ты сраженіяхъ былъ?

— Да я всѣ кампаніи выслужилъ: и съ Французомъ, и съ Шведомъ, и съ Туркомъ.... Только съ Французомъ больше всѣхъ войны у насъ было: сперва мы Прусаку помогали, а тамъ война была у насъ съ Французомъ же, какъ Французъ Москву сжегъ; а тамъ сами къ Французу два раза ходили.

— И ты бывалъ?

— А какъ же? бывалъ!

— Такъ ты много-таки видывалъ?

— Видывалъ! Сперва говаривали: »бывалый человѣкъ: не изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ«, а я про себя скажу: не въ семи царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ!

— Въ какихъ же ты царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ?

— А давай считать. Прусаку помогали, у Прусака были, — это

разъ; подъ Турка ходили, Турокъ — два; у Шведа — три; какъ Француза гнали, тутъ земель много прошли.

— Какія жъ тамъ земли?

— Тамъ много всякихъ: тамъ Саксонія, Буварія, Австріяны — такъ, жемигульный народъ... Еще земля, гдѣ наша царевна Марія Павловна живетъ,—не велика земля, не большая, а хорошо живутъ... да тамъ много земель, и не пересчитаешь.

— Хорошо тамъ живутъ?

— Всяко бываетъ: кои хорошо, а бываетъ кои, что и дурно, ато и вовсе плохо.

— Гдѣ же плохо?

— Да вотъ хоть Австріяны.

— Австріяны плохо живутъ?

— Плохо! Сами-то Австріяны, настоящіе, тѣ живутъ хорошо; а другимъ-то у нихъ ужъ очень плохо!

— Какимъ же другимъ?

— Ты развѣ не знаешь? Была Польша царство, а сосѣдомъ у Польши царства: Австріяны, Прусакъ да мы; сосѣди сговорились промежь собой, да и разписали по себѣ Польшу. Такъ приписнымъ-то къ Австріянамъ, не настоящимъ, ужъ очень плохо! бѣдно живутъ!

— А прочія земли?

— Турокъ живетъ не хорошо; у тѣхъ повѣрья нехорошія.

— Какія жъ у нихъ повѣрья?

— У насъ — Христосъ, Богородица, Николай угодникъ, а у Турокъ только и есть, что одинъ Мугамедъ.

— Какой Мугамедъ?

— У Турокъ онъ самый и есть за всѣхъ. А такъ, распутный человѣкъ. »Вина«, говоритъ, »не пей, а женъ сколько хочешь держи.« Вотъ и вся ихъ вѣра; а Турокъ ему одному только и молится!

— Только одному и молится?

— Одному! Вотъ еще Шведъ, не ловко живетъ; не то, чтобъ не хорошо, а такъ: за большимъ хлюстомъ не гонится,—ему этого не надо совсѣмъ.

— А другія царства?

— Тѣ хорошо живутъ. Вотъ что Буварія, что Саконія, что земля, гдѣ живетъ наша царевна, живутъ — и Боже мой!... Вотъ еще Французъ...

— Какъ тѣ живутъ?

— Да вотъ я у Француза два раза былъ, а больше полфунта хлѣба въ день и не съѣшь.

— Отчего?

— Того да сего хватишь — ну, и сытъ!... фрухты разные.... А вина простого нѣтъ: всё вино ренское!

— Ренское вино лучше нашего?

— Ренское лучше: выпьешь стаканъ, два, хоть и три — ни рукой, ни ногой не владѣешь, а не ошалѣешь, память не отшибетъ. Нашей водки выпьешь два стакана — и память всю отшибетъ, и на другой день голова болитъ, а отъ ренскаго и голова не болитъ.

Павелъ Якушкинъ.

ЛИСТИ СЪ ХУТОРА.

ЛИСТЪ V.

Хто такий »Хуторянинъ«.

Не здивуйте, добродію, що я замовчавъ бувъ изъ своіми листами. Мовчять люде й довше. Инший такъ замовкне, що пишешъ до ёго, пишешъ, та й покинешъ. Бачте, літомъ нашому брату хуторянину не до писання, а тепер — навідаесся до молотника, та й за книжку, або за перо.

Та що оце? якъ ми зъ вами кумедно зійшлися, що й досі ви не знаете, хто я такий и де мене по Вкраіні шукати, якъ-би часомъ трапилось вамъ завітати въ нашу сторону! Та й добрі люде, Оснівці, нехай-таки знають, що мині зъ своімъ прізвищемъ крити́ся нічого: якъ хто въ до мене звернувъ зъ битого шляху, то, слава Богу, знайдется, чимъ пошанувати. Такъ ото мавъ я вамъ роскázувати про всякі случаі про наші прості звичаі, та перше роскажу про себе самого.

Живу я, коли хочете знати, на ріцці Говтві. Гарна була въ старовину річка; воювали на ій козаки зъ Ляхами й Татарами не згіршъ, якъ и на Сулі, та лучилась якось така причина. (Сето люде, бачъ, такъ говорять.) Мати втікала черезъ Говтву одъ Орди зъ дитиною, та й впустила дитину въ воду, та якъ почала плакати та вбиватись понадъ річкою та проклинати річку, то — сказано материні слёзи — почала річка сохти. Та ще роскázують — изнайшла та мати джерело Говтвине, та й заткнула те джерело; отъ изъ того часу почала пересихати Говтва. Тільки й поживляється вона, що боковими криничинами. Съ тихъ-

то крини́чинъ вода́ въ Го́втві де́-не-де по степа́хъ леліє́, а туди́ бли́жче къ Сулі, то й геть-таки́ вилискуєтця́ и піски́ рие́, на́че й путя́ща яка́ рі́чка. Та не про те моя́ рі́чъ. На верхівъя́хъ тні-то Го́втви есть ху́тіръ Бе́лебень. Ото́ жъ мій и ху́тіръ. Тамъ я собі живу́, и всі мене́ дале́ко навкруги́ зна́ють, бо я й самъ прозива́юсь Бе́лебнемъ-таки́. Спита́йте кого́ хо́чте понадъ Го́втвою: »А де тутъ живе́ коза́къ Павло́ Бе́лебень?« то й пока́жуть изъ степово́го горба́, — кряжъ у насъ на степу́ есть височе́нний таки́й! — то й пока́жуть, такъ у доли́ні на́че, величе́нна ку́па дуби́ни, ли́пини, верби́, есть и топо́лі гостроверхі, якъ дзвіни́ця: »Ото́ ху́тіръ Бе́лебень.«

Про ба́тька, діда й прадіда свого́ роскажу́ коли́ инколи, бо то що сло́во, то й истори́я. Ска́зано — старовина́, все тоді було́ не такъ, якъ тепе́ръ наста́ло: и лю́де инші, и звича́і инші. На сей разъ, коли́ хо́чете, зна́йте тільки, що ні панотецъ мій — перо́мъ надъ нимъ земля́ — ні дідъ не подали́сь у ту слу́жбу, що ви́думали въ насъ Німці, якъ засіва́ли на Вкраі́ні дворя́нъ. А були́ лю́де замо́жні, то вже не кому́ бъ и панува́ти по-німе́цькій, якъ не імъ. Отъ же ні: оста́лись про́стими хуторя́нами и че́сної сви́ти зъ се́бе не ски́нули. А що вже про пра́діда, то одно́ сло́во — що вінъ зъ-ма́лку бувъ чу́рою въ кошово́го Сірка́, и въ Сібіръ его́ проважавъ, и на Запоро́жжя зъ нимъ верну́вся. Отъ, мо́же, ви й не зна́сте, що сла́вний ли́царь Іва́нъ Сірко́ одві́давъ Сібіру такъ са́мо, якъ и Палій Семе́нъ. Колись и про се роскажу́ вамъ, якъ не доку́чу своімъ покла́дливимъ хуторськи́мъ писа́ннямъ. Такъ ба́чте, яко́го га́рту було́ на́ше ко́дло! До́ма ми не росли́ мазу́нчиками, маміями, то по́слі й на па́нство не ква́пились. А були́ підступи й підъ нашъ рі́дъ. Знахо́дились такі добро́дії зъ на́шихъ-таки́ ро́дичівъ, що повиска́кували якось у старши́ну чино́вню, повдяга́лись у німе́цькі галанці и повроста́ли въ те купъя́, що *бу́рхомъ* про́звано. То було́, й ка́жуть на́шимъ, настоя́щимъ уже́ Бе́лебнямъ: »Одда́й мині сюди́ свого́ сина, я его́ щасли́вимъ зроблю́; чоловікомъ«, ка́же, »его́ зроблю.« — »А, бода́й васъ хіндя щасли́вими тамъ робила!« було́ на́ші між се́бе гово́рять. »Бачъ, де въ іхъ лю́де зъ дітей вихо́дять!« Та було́ й зада́сть хло́пця у низові степи: »Отъ де тобі нау́ка, якъ у світі шука́ти ща́стя, якъ чоловікомъ бу́ти між людьми́!« Бо й тамъ у насъ були́ ро-

дичі, а коли́ не ро́дичі, то приятелі, товари́ство да́вне, — ще лу́чче ро́дичівъ.

Тимъ-то поря́дкомъ, добро́дію, и мене́ туди́ за́слано на яки́йся часъ. Бувъ я съ панотцéмъ на я́рмарку въ Полта́ві. Гуля́въ мій панотéць изъ Чорномо́рськими чумака́ми. Мині й байдуже́, що вінъ такъ зъ ними бра́тается, ажъ тутъ уже́ й до мене у нихъ ділo дохо́дить. Тре́ба жъ вамъ попе́реду ще зна́ти, що старосві́цькі лю́де нікóли въ свíті не бува́ли пъяними. Весе́лими вони́ бува́ли на підпи́тку і всякі чудасíї витворя́ли, а щобъ звали́тись, нічóго не памята́ючи, — зъ ро́ду я сего́ на своéму ро́дові не ба́чивъ. Що́ то бувъ підпи́токъ у старосвіщину? Не горíлка, не запіка́нка, не варену́ха була́ тутъ найголовнíйша річъ, а га́рне сло́во за ча́ркою. Сло́вомъ упива́лись на́ші діди́ й батьки́, а не тру́нками. Се вже тепе́ръ такъ повело́сь, що всí нему́ють и се́рцемъ и сло́вомъ, та тíльки й зна́ють, що горíлкою собí о́чі залива́ти.

Такъ отъ, серéдъ са́мого бе́нкету, говори́ли-говори́ли го́сті, співа́ли-співа́ли — я слу́хаю; ажъ ось панотéць кивну́въ на мене́, підізва́въ, та й ка́же: »Си́нку мій Па́влику, дити́но моя́ лю́ба! пора́ тобí мíжъ людьми́ поча́ти жи́ти. Иди́ лишéнь ти зъ оцíми чумака́ми та подивíсь Бо́жого свíту.«

Почу́вши таку́ рíчъ, я — ніде пра́вди дíти — у слéзи. А панотéць-покíйничокъ: »Не плачъ«, ка́же, »ду́рно, Па́вли́ку, а слу́хай, що́ я тобí скажу́. Ти въ мене́ лю́бий хло́пець до́ма, та сего́ зъ мене́ ма́ю. Покажи́ себе́ мíжъ чужи́ми людьми́, далéко одъ домівки, що ти спра́вді хоро́шого ро́ду дити́на. Тоді вертáйсь до мене́, будешь мíні ще доро́жший, ще любíйший.«

Святі слова́! тепе́ръ-то я зна́ю, що́ вони́ зна́чили, а тоді я пла́кавъ, слу́хаючи. »Не прощáвшись ні зъ мату́сею, ні зъ се́страми...« почáвъ бувъ я хли́паючи каза́ти.

»Мату́ся вже съ тобо́ю попрощáлась, мій го́лубе!« ка́же панотéць, показáвши на нови́й хре́щикъ, що панімáтка надíла на мене́, випровая́ючи въ Полта́ву.

Я-таки́ й постерíгъ, що вона́ чогóсь ду́же була́ смутна́, ажъ онъ чого́ въ нéї въ о́чяхъ слéзи блищáли! А чумаки́ вже ва́лку риштую́ть. Коли́ вони́ й воли́ поприганя́ли? Панотéць мене́ обня́въ, поцíлувáвъ, до се́рця пригорну́въ. »Отъ«, ка́же, »тобí й ма́ти, оцéй дя́дько, Кири́ло Порохня́«, та й передáвъ мене́ Кири́лові Порохні изъ рукъ у ру́ки.

Чума́къ Порохня́ бувъ висо́кий, огрядни́й собі козарлю́га, весе́лого по́гляду, не старий ще чоловікъ, га́рний — хочъ карти́ну зъ ёго малю́й. Я люби́въ ёго́, що хоро́шихъ пісе́нь співа́е, та чи ду́мавъ же то, щобъ оце́ мі́ні зъ нимъ довело́сь чумакува́ти?

Ру́шили ми съ Полта́ви на́дъ-вечіръ. Недале́ко одпихавши, ста́ли, ота́борились, воли́ повипряга́ли. Заходи́лись ка́шу варити. Лю́де все такі ласка́ві те чума́цтво Кири́лове. Той у сопілку мене́ поча́въ учи́ти, той пісню підъ сопілку тихе́сенько підво́дить. А самъ Кири́ло, — що бувъ таки́ й геть-то підъ ча́ркою,—сівъ оддалі́къ усіхъ, на важни́ці, и гукну́въ на все по́ле, мовъ у вели́кого дзво́на вда́ривъ:

Ой у по́лі криниченька,
Вода́ протіка́е.
Ой тамъ чума́къ молоде́нький
Сі́рі воли́ напува́е.

Хло́пець я бувъ тоді мали́й и не́вче́ний; не знавъ ще́, що́ то за поэзія, що́ то за ча́рі живо́писі и гармо́нії. Огъ же чумаки́ пе́рві мене́ всёго́ того́ почали́ вчи́ти. На душі въ ме́не зроби́лось такъ, якъ буває въ поэта підъ часъ того́ душе́вного про́зору, що все́ на Бо́жому світі ніби розмовля́е зъ его́ душе́ю. Га́рні въ насъ у ху́торі Бе́лебні стави́ и дібро́ви понадъ става́ми, та нікóли я ни́ми такъ не втіша́вся, якъ у степу́ га́емъ зеле́нимъ понадъ річкою Во́рсклом. Со́нце зайшло́ за степову́ рівняву и вда́рило по висо́кихъ верхівъя́хъ дубо́вихъ черво́нимъ світомъ, а по степу́ пішла́ здоро́ва, лю́ба прохоло́да. Во́лики бованію́ть по стерні, а въ гаю́ гуна́ одклика́етця на Кири́лову пісню. Тутъ запала́въ ого́нь підъ таганко́мъ. Кругъ огня́ — на́че карти́нами обста́вився чума́цький та́боръ: сия́ють на те́мному по́лі весе́лі, говіркі лю́де, по́раютця кругъ казанка́, шутку́ють, рего́чутця. »И я вже чума́къ, не домонта́рь. Маміе́мъ ніхто́ вже мене́ не зва́тиме.« Ду́мка ся весели́ть мене́. Поглядаю на рожеві хма́ри по си́нёму не́бові. Дале́ко-дале́ко за тимъ рівнимъ по́лемъ піде на́ша доро́га!... »Поба́чу бага́то Бо́жого світу; верну́сь додо́му вже не хло́пцемъ-пого́ничемъ. Бу́де що́ росказа́ти й само́му панотце́ві.« Ди́во яке́сь изо мно́ю зроби́лось. Самъ не зна́ю, чого́ мі́ні ве́село між чумака́ми. Го́ді по домівці сумува́ти, — мовъ руко́ю одняло́ всі жа́лощі.

Не бу́ду вамъ докуча́ти всі́мъ тимъ дрібязкомъ, съ котро́го

складáється степове́ життя́ чума́цьке, та й чи є въ ко́го таке́ сло́во, щобъ чоловіка взявъ, та й перенісъ у степъ — щобъ вінъ на́че своїми очи́ма на все те дивúвся, що́ чумако́ві передъ очи́ма пере́йде? Роскажу́ хиба́ про свою́ хлопя́чу приго́ду чума́цьку, бо вона́ въ ме́не одна́ тільки й була́; а якъ би не ся приго́да, то хвалúвсь би своїмъ чума́цтвомъ, мовъ якимъ весíллямъ безпе́чнимъ. Ишли́ ми сте́помъ. Я вже навúкъ до чума́цькихъ звича́ївъ, и мене́ вже на за́днёму во́зі поса́жено за вартово́го. День бувъ ти́хий, пого́жий. Почало́ вечоріти. Се найкра́ща пора́ въ степу́. Дивúвсь я, дивúвсь на ясне́ не́бо, ле́жачи догори́ на своїмъ васа́зі, та й засну́въ. И до́бре жъ міні засну́лось, коли́ не счу́вся, якъ и зъ во́за скотúвся! Упáвъ, — сплю собі на шляху́. Коли́ жъ проки́нусь: де́ це я? Не́бо надо мно́ю зо́ряве; збо́ку світить молодúкъ; трава́ ро́сяна надъ шля́хомъ побли́скує... Круго́мъ те́мно и ти́хо. Диву́юсь я, що́ се зо мно́ю! ажъ ось — чу́ю: гомоня́ть дво́е; иду́ть шля́хомъ, підхо́дять до ме́не; а я лежу́, дивлю́сь, що́ вони́ за лю́де! Ба́чу, що чумаки́, зъ батога́ми. А се, ба́чте, на́ші, ота́борюючись, постерегли́, що мене́ нема́є; та й пішли́ шля́хомъ шука́ти. »Ось де вінъ, вра́жа дити́на!« гукне́ надо мно́ю Кири́ло Порохня́, та якъ ушкварить мене́ батого́мъ, такъ я й зареготáвъ, підско́чивши. Зъ-ро́ду я до́ма би́тий не бувъ (ми панотця́ боя́лись безъ бійки, а панімáтки слу́хали безъ ла́йки), такъ мене́, на́че гадю́ка, чума́цька пу́га вкусúла. А вінъ удру́ге; а я навте́ки, а вінъ ще лясь, лясь на ввесь степъ! »Такъ оттакúй съ те́бе вартови́й!« Та я вже й не чувъ, що́ вінъ каза́въ: покопотівъ, якъ лошакъ, до та́бору.

Ну, по пра́вді скажу́: боліла міні та пу́га; та неха́й би ще вдво́е, втро́е мене́ Кири́ло попоцви́гавъ, тільки щобъ не глузува́ло зъ ме́не товари́ство. Надійшóвъ до та́бору ота́манъ, а въ ме́не на о́чяхъ слёзи. Вінъ, спасúбі ему́, й зупни́въ за́разъ регітню́. И до́сі ему́ за се дя́кую. Гарний чоловíкъ бувъ, добря́щий. Вже-то не ду́рно панотéць оддáвъ мене́ ему́ на ці́ле лíто... Эге́, тільки на одно́ лíто; а я й не знавъ сего́. Чува́въ я не разъ, якъ нашъ рідъ вихóвувавсь на Запорóжжі, то ду́мавъ, що й моя́ оце́ черга́ прийшла́ у Вели́кому Лу́зі дубува́ти; ажъ Кири́ло Порохня́ роскáзавъ міні, що вже мину́лись ті роскóші Низові Запорóзькі; Нímота вже тамъ ку́блиться; Запорóзці повтіка́ли давно́ вже за Дунáй, а котрі осягли́ собі зе́млю понадъ Куба́нню, и вже

тутъ не те́, що було́ въ Січі́; тільки й сла́ви, що чума́цтво та скота́рство.

Походи́ли ми чумаку́ючи по всіхъ ярмарка́хъ одъ Полта́ви та ажъ до Катеринода́ра. Передъ Покро́вою зновъ опини́лись на Вкраї́ні. Завіта́ли въ Кременчу́къ, переїздимо́ черезъ Дніпро́ по плавно́му тому́ мо́сту, коли́ зиркъ! назу́стрічъ панотє́цъ. »Го́ді, си́нку, чумакува́ти! Бу́де съ те́бе!« Зновъ я до́ма, и — що́ то, якъ ши́рше гля́нешъ по́ світу! ті жъ са́мі лева́ди и стави́, и горби́ степові навкруги́ ху́тора Бе́лебня здали́сь мині ра́емъ. Не знавъ я, що́ се за добро́, по́ки не ба́чивъ сте́пу и мо́ря. Тамъ свої дива́, а тутъ свої, а, не зна́вши світу Бо́жого ши́роко, не взна́ешъ, чого́ що́ сто́їть.

Оттака́-то, добро́дію, була́ моя́ запра́ва зъ-ма́лку. Тимъ я, мо́же, й зоста́вся про́стимъ хуторяни́номъ, дарма́ що довело́сь мині зъїздити зе́мель бага́то и съ уся́кими людьми́ наговори́тись, и всяки́хъ книжо́къ начита́тись. Того́ бъ я бажа́въ и йншимъ письме́ннимъ земляка́мъ. Нехай би й вони́ рідного по́буту про́стого не ки́дали и въ німе́цькі звича́і не вдава́лись; нехай би черезъ нау́ку, черезъ освіту, про́стого на́шого лю́ду не ме́ншало. Ато́, хто ви́хопитця въ письме́нні, въ тему́щі книжко́ві лю́де, — уже́ й не нашъ. Німець зъ ёго Німцемъ, — півень, а не чоловікъ, хочъ візьми́ та й посади́ на сідало. Мій Бо́же! чи то жъ нашъ про́стий людъ не вартъ, щобъ ми ёго́ о́бразу подо́билися? Таже́ жъ ніяка нау́ка тако́го правди́вого се́рця не дасть, якъ у на́шого до́брого селяни́на, або́ хуторяни́на. Нау́кою ми тільки ро́зуму собі прибільшуемо. То хиба́ жъ оце́ розу́мне ді́ло, щобъ уже́ й рідну свиту зъ се́бе ски́нути, що прочита́въ па́ру книжо́къ німе́цькихъ? Ні, въ насъ у ху́торі Бе́лебні, сла́ва Бо́гу, не такъ. У ме́не и сини́ й до́чки шу́плять уся́кі мо́ви чужозе́мні и одно́ дно́го навча́є, а про-те́ — оде́жа на іхъ про́ста, недорога́, и вони́ въ ме́не зовсімъ-таки́ лю́де, а не паненя́та.

Отъ же, коли́ хо́чете зна́ти, то величаю́ть мене́ лю́де па́номъ и въ свиті, бо я, собі на́ лихо, ухопи́въ маленького чинка́. Пораяли, бачъ, лю́де. Я ще тоді бувъ молодико́мъ, а панотця́ вже на світі не було́; то приятелі столи́чні мене́ я́кось и вко́ськали. То за це мині лю́де — звісно, не умісно — и дорека́ють. Такъ уже́ зъу́чено бідола́хъ. Що́ жъ? за се й гніватись на іхъ нічого. Колиб-то вони́ всі зна́ли, у чо́му си́ла!.. ге, що́ й каза́ти!..

Такъ оце́ я, ба́чте, пану́ю. Отъ, разъ, на́дъ вечіръ,—неда́вніми вже оце́ года́ми, — по́раюсь я въ се́бе на дво́рі, коли́ се — чума́къ стари́й у двіръ увійшо́въ.

— Здоро́ві були́, па́не!

— Здоро́ві бува́йте й ви, дідусю!

— Чи пізна́ли?

Я дивлю́сь: о́бразъ га́рний, благи́й таки́й. Голова́ на́че сріблі́мъ пови́та, а білий усъ ажъ ся́е. Здае́тця, й зна́ю сього́ чоловіка, та ні!

— Кири́ло Порохня́, па́не! озва́вся дідъ. — А я жъ васъ, добро́дію, пу́гою на степу́ цви́гавъ!.. А тепе́ръ прошу́ ва́шої ла́ски: неха́й мої во́лики по ва́шому степу́ похо́дять.

Ну, що́ вже й каза́ти! Зрадівъ я, мовъ рідного ба́тька поба́чивъ. А Порохні, бачъ, ста́лась у доро́зі приго́да: причепи́лось до ёго́ това́риша яке́сь пика́те нача́лство съ тиі дрібно́ти, що тільки на мале́нькихъ мухъ сну́е паути́ну. Отъ Порохня́, чу́ючи, що я, черезъ своє́ письме́нство, де́-съ-кимъ зна́юсь, и вда́вся ото́ до ме́не, звернувши зъ вели́кого чума́цького шля́ху, чи не оборо́ню я ёго́ това́риша одъ напа́сти, та що́-то запоро́зька людина!.. не знавъ, чимъ себе́ нагада́ти па́нові, та нагада́въ тимъ цви́ганнямъ. Бо́же жъ мій, Бо́же! які́ жъ то весе́лі літа́ вінъ мині нагада́въ!...

Степи́-поля́, степи́-поля́,
Ро́скішъ моя́!
Го́ді мині по васъ гуля́ти!..

Сёмий де́сятокъ зачина́ю, — не до літа́ння вже по світа́хъ. Му́шу сидіти до́ма.

Козакъ Белебень.

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

I.

ВОВКУЛАКИ (1)

(НЕВРО-ЛИТВИНЫ.)

Въ моей *Долинѣ* сдѣлалось скучно; все, что красило весну и лѣто, улетѣло: и эти влюбчивые, тихіе соловьи, и роскошныя головки украинскихъ цвѣтовъ, пахучихъ, цвѣтущихъ нѣжно въ своей глуши; улетѣлъ ароматный воздухъ и яркій заходъ іюльскаго солнца, спрятана уже въ омшаникъ и пасіка на цѣлые полгода, осталось послѣ нея только мѣсто, окаймленное вербами безъ листьевъ и заснувшей акаціей. Вечера сдѣлались длиннѣе; по небу начали бродить такія не родственныя, холодныя, свинцовыя тучи, — такъ же безжалостно гналъ ихъ сѣверный вѣтеръ, какъ и срывалъ безжизненныя листья четырехъ грушъ, берегущихъ мою хату; проходишь цѣлый день, топчешь ихъ, эти бѣдные засохшіе листья, а они словно стонутъ подъ ногами!

Я въ своемъ хуторѣ живу одинъ. Наскучила ли мнѣ прежняя бродяжническая жизнь подъ другимъ небомъ, или бранная военная, какъ сказалъ однажды мой знакомый, — я не хочу ни разсказывать, ни опредѣлять; только жить мнѣ одному совершенно не скучно. Когда весна тѣшитъ меня, грѣшнаго, молодою своею жизнью, я упиваюсь, говоритъ Иванъ Назарычъ, студеной водой изъ криницы, оберегаемой крестомъ, ѣмъ сочные арбузы и дыни, такія душистыя, что аромату изъ одной достаточно было бы для сотни тепличныхъ; но когда настанетъ глубокая осень, за-

(1) Съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей *Основы* на этотъ превосходный образецъ народоизученія. *Ред.*

пугаетъ человѣка дождями и Богъ-знаетъ-чѣмъ, тогда, вспомнивъ, что есть на свѣтѣ гдѣ-то теплые семейные уголки, кипучій самоваръ, за самоваромъ юная хозяйка, такая свѣжая и веселая,—но-неволѣ позовешь къ себѣ въ хату одноглазаго Омéлька, моего alter ego, поговорить, потолковать и *пожалкувáтьця* на осень.

Въ моихъ *Сближеніяхъ* одноглазый Омéлько будетъ являться очень часто; а какъ эта старая людина, по своей легендѣ, дорога для моего брата Платона, какъ семейственное воспоминаніе, то я долженъ сначала немного остановиться на этой личности, довольно знаменательной и бурной, но непритворно-доброй и практически-умной.

Было когда-то доброе старое время во всѣхъ отношеніяхъ безконтрольнаго управленія. Былъ вѣкъ тяжелаго произвола, пора башмачковъ съ краснымъ каблукомъ, пора воиновъ въ напудренныхъ парикахъ и послѣдняя минута хватски-закрученнаго уса, щирозолотóго паса, жупана и закинутыхъ рукавовъ бархатнаго кунтуша, — время дукатовъ, таможень и воеводъ. Въ эту трескучую пору — дѣду моему, губернскому стряпчему, какая-то бѣдная *Литвинка*, изъ своихъ Могилевскихъ лѣсовъ, принесла на хуторъ малаго ребенка; но гдѣ и кто былъ отецъ его, сама она не знала, и на вопросъ объ этомъ отвѣчала: «А спросите сами у жолнеровъ, которые проходили чрезъ Могилевъ и шли мимо моего окошка; много ихъ проходило на коникахъ, напѣваючи:

Пукý, пукý въ окóнечко!
Ви́глянь, ви́глянь, дівчи́ночко,
Води́ коню́ дай.

Кто былъ въ то время счастливѣе хуторянина, который beatus, qui procul negotiis, имѣлъ близь Кіева: *и ставóкъ и млинóкъ и вишнéвий садóкъ*, когда у него было все свое собственное: свои вареники, свои груши, свой медъ, даже собственное мѣсто для своей могилы, когда придетъ пора переселиться изъ этого великаго хутора, называемаго міромъ, въ небесный градъ Божій; а у дѣда моего, служаки Екатерининскихъ временъ, было много добра. Въ его Синаровкѣ нескучно было Омельку бѣгать по Паращинѣ и Поповой левадѣ, и рости, зимними вечерами, въ теплой хатѣ, освѣщаемой каганцемъ и подъ-часъ лучиной, слушать разсказы стараго Мойсея Паламарчука о наѣздахъ узкоглазыхъ Татаръ, о Гайдамащинѣ, какъ тогда смутно было жить на свѣтѣ, о *великой зимѣ;* вѣроятно, ему не тягостно было лазить по деревьямъ и выдирать изъ гнѣздъ молодыхъ припетней и голубей на жаркое, а послѣ об-

лизываться, когда на *веселый шпиль* ему доставалось нести на полумискѣ это вкусное жаркое для старого пана, засѣвшаго тамъ съ своими гостями побесѣдовать, при тепломъ вечерѣ, лунной ночи и выстрѣлахъ 12 *мужчирей*, изъ которыхъ такъ искусно палилъ старый Семенъ Гусятникъ. По обыкновенному порядку растительности, и Омелько долженъ былъ подойти подъ общіе человѣческіе законы — и вырости; вотъ старшіе, замѣтивъ, что малому прошло уже время лазить по деревьямъ и копать земляныя печки и пора ему заняться чѣмъ-нибудь подѣльнѣе, — общимъ совѣтомъ, въ хуторѣ состоявшимся, опредѣлили Омелька — пасти скотъ на Кагарлицкихъ поляхъ, дозволивъ ему, въ видахъ снисхожденія, взять съ собою старую собаку, про случай волка, и сдѣлать сопілку. Старательно ли пасъ молодой адъюнктъ часть своего стада, разсчетливо ли онъ, укрывшись въ большой травѣ, выдоивалъ своихъ коровъ, чтобы хорошо полакомиться молокомъ, имѣлъ ли онъ встрѣчи, сѣрымъ днемъ или ночью, съ сверкающими глазами волковъ, сколько разъ мокнулъ, обливаемый дождями всѣхъ временъ года, — онъ положительно не помнитъ; только одно произшествіе изъ номадной жизни, которое, конечно, и позабыть трудно, выпуклѣе осталось на его памяти. Это то, что играя и щелкая большимъ бичемъ, онъ концемъ его вырвалъ себѣ глазъ, и остался уже на всю свою жизнь одноглазымъ Омелькомъ; что́, однако, не помѣшало ему, въ вѣкѣ болѣе зрѣломъ, курить люльку, переносить въ глухую полночь дешевую водку на вечерницы, волочиться за дівча́тами, какъ слѣдуетъ доброму козаку, и наконецъ, наговорившись у перелаза съ Марусею, жениться на ней и послѣ самимъ старымъ паномъ быть посаженнымъ въ одну изъ трехъ его пасікъ, на Большой Паращинѣ, которая когда-то видѣла Омелька разоряющимъ гнѣзда и безсмысленно истребляющимъ, для какихъ-то надобностей, ровный орѣшникъ и цвѣтущія вѣтви пахучихъ липъ. Долго ли, мало ли сидѣлъ онъ въ пасікѣ, не къ чему и намъ знать; однообразно ложились на его памяти годъ за годомъ; каждое лѣто тѣже самыя были хлопоты: чтобы хорошенько отцвѣлась первая лоза, сады, луга, лѣса, и пчелкѣ Божьей былъ бы взятокъ, чтобы она работала весело, выходила на *пріру*, роилась какъ слѣдуетъ и на осень стояло бы въ незапертомъ амбарѣ стараго пана съ десятокъ полубочекъ меду. А время всё шло да шло, и въ одно изъ его давно прошедшихъ мгновеній стараго, веселаго, добраго пана не стало, а съ нимъ вмѣстѣ, при новыхъ хозяевахъ съ наклонностями къ городской жизни, не стало въ полномъ, благословенномъ хуторѣ ни пасікъ съ тысячью пней пчелъ, ни восьмидесяти дойныхъ коровъ, ни

трехъ плуговъ рогатыхъ херсонскихъ воловъ, ни мѣрки елисаветскихъ карбо́ванцівъ, ни дорогъ, обсаженныхъ венгерками, ни монастырскихъ — лаврскихъ щепъ. Въ два, три года — — безсмысленнаго управленія, все народонаселеніе разбѣжалось, никѣмъ не кормленное, неодѣваемое; все было разобрано, разхищено, раздарено безъ толку; выкопаны и съѣдены скотомъ щепы, выловлены изъ пруда ручные коропы, перенесены и самыя хаты въ другія сосѣднія села; весенняя вода вырвала плотину, — ушла и *вода*. Я думаю, Синаровка грустила за своимъ добрымъ старымъ паномъ, на могилѣ котораго благодарное потомство не успѣло еще поставить креста.

Но тамъ еще оставался витающій сторожевой духъ. Это былъ Омелько; долго еще бродилъ онъ по знакомымъ ему шалинкамъ и лева́дамъ. Съ пылкой Марусей онъ разошелся тихо, безъ всякихъ исторій. Ему не нравилось ея короткое обращеніе съ выдуманнымъ кумомъ изъ Ржищева и новыя сподницы, на которыя онъ не давалъ денегъ. Разъ высказавшись предъ нею, онъ послѣ уже хладнокровно слушалъ, когда люди говорили ему, что жена его въ Кіевѣ на базарѣ продаетъ шелковицу; томился только онъ за своей Синаровкой, раскладывая *багáття* на старомъ баштанѣ, чтобы спечь немного картофеля для себя и своего вѣрнаго *Тарзана*.

»Какъ душа, непринятая Богомъ, долго я еще такъ дѣйствовалъ«, говоритъ Омелько, »пока не пришло мнѣ на умъ, что я не крѣпостной же какой-нибудь, а просто ничей, что могу я выпросить у кого слѣдуетъ себѣ бумагу, чтобы никто ко мнѣ уже не привязывался; вѣдь меня мать на рукахъ издалека, изъ Литвы, принесла; пойду я лучше, по законному, въ *свiтá*, когда здѣсь въ хуторѣ руіна да безлюдье.«

Подумано—сдѣлано. Пришелъ онъ въ городъ, отыскалъ часть и заявилъ свою словесную просьбу начальствующему лицу, а начальствующее лицо, знакомое и дружное съ наслѣдниками хутора, сейчасъ же рѣши́ло его просьбу: — — съ прибавленіемъ кое-какого жосткаго словца, такъ свойственнаго многимъ въ древнія *мимоидоша*, выбросило Омелька изъ комнаты — на 25 лѣтъ — въ херсонскія степи.

Ка́къ онъ жилъ на Куяльникахъ, ловилъ на Тилигулѣ рыбу, пасъ ота́ры, косилъ траву, думалъ за Дунай къ Некрасовцамъ, и во время Крымской войны, возвратившись въ родныя мѣста, заплакалъ горькими, старческими слезами, охваченный украинскимъ вѣтромъ и напившись родной кринічной воды; ка́къ онъ сѣлъ у меня въ пасікѣ,—я разскажу послѣ; теперь же прибавлю только, что въ продолженіе двадцати-пятилѣтней жизни туриста, онъ ни разу не сидѣлъ въ тюрмѣ и безъ всякаго

паспорта, какъ человѣкъ тихій, честный и уже ничего не просящій, никакому начальству не попадался подъ руку.

А разговориться съ Омелькомъ было очень нетрудно. »Наверніте« (дайте тему), скажетъ онъ, и смотри—идетъ уже его поэтическій разсказъ о каменныхъ бабахъ, дѣвахъ-вояхъ, о сильно-могучемъ богатырѣ, дьячковомъ сынѣ изъ Стаекъ; скажетъ, отчего какая трава Божьею весною ростетъ, какимъ зельемъ вылечить бѣшеную собаку, или заживить рану, изъ какихъ растеній можно добывать губку, какъ *лютровать* (?) хорошій табакъ...

Но надъ моимъ хуторомъ стояла еще не настоящая осень, глухая и дождливая. Правда, приморозки по утрамъ кусали за руки, когда мы садили по рвамъ и лугу вербовые колья, въ тѣхъ надеждахъ, что когда они будутъ такими огромными, какъ теперь тѣ, которыя посажены вовремя проѣзда Екатерины II по уѣздной почтовой дорогѣ изъ Новгородъ-Сѣверска въ Черниговъ,—насъ давно, давно не будетъ на свѣтѣ; но зато къ полудню, или вѣрнѣе сказать, къ *ранним*ъ *обѣдам*ъ, солнышко еще тепло смотрѣлось на замороженное временемъ лицо Омелька, мою полу-лысую голову и въ кашу, которую мы варили въ *кабйцi*, подъ открытымъ небомъ около пасіки; и покуда, бывало, спрячется оно за гору, можно было еще наработаться, и впродолженіе дня около чего-нибудь похлопотавши, въ теплой хатѣ сидѣть вечеромъ и *базікать*.

Сегодня разговоръ у насъ долго не вязался. Я приводилъ въ порядокъ названія украинскихъ растеній, а Омелько вязалъ рукавицу. Въ промежуткахъ говорили мы о хорошихъ чабанскихъ собакахъ: какъ хорошо было бы и намъ ихъ имѣть! гдѣ бы достать ихъ? вѣдь не ѣхать же за ними въ Крымъ или въ Балту. Омелько брался у Бубнова, на степу, по-просту — украсть *щеня*, если онъ не захочетъ продать или не подаритъ.

— Что у насъ на хуторѣ за собаки? Вотъ у дѣдушки вашего, такъ были настоящіе *британы*,—всѣ на цѣпяхъ, а сорвется съ цѣпи, такъ скотину, которую встрѣтитъ, и положитъ. А наши собаки что? дрянь! только Голый да Хайка и знаютъ свое дѣло. Слышите, какъ *ласкотять?* это на звѣря. Уже и пойдетъ проклятый волкъ подъ туманъ подкрадываться къ селамъ, чтобы украсть овцу или поросенка. Но еще рано, до Зачатія Анны недѣль пять; теперь онъ развѣ только въ одиночку шляется—не страшно. А спросили бы вы Мусійка, когда его съѣли волки? на первой недѣлѣ Пилиповки. Какой здоровый мужикъ былъ и охотникъ!... и ружье не помогло. Вѣдь сказано: иному человѣку или

скотинѣ уже на роду написано быть съѣденнымъ звѣремъ. Набралась когда-то душа моя страху, да и матери моей только послѣ уже говорилъ Пальчій старый, что то́ были не простые волки.

Я зналъ, что мой собесѣдникъ на этомъ не остановится. Я молчалъ, въ пріятномъ ожиданіи дальнѣйшаго разсказа. Омелько, подумавъ немного, продолжалъ:

— Мнѣ, напримѣръ (отъ соприкосновенія съ разными сословіями, онъ выражается иногда книжно, по-лакейски), правда будетъ уже семьдесятъ лѣтъ.

— Какихъ тебѣ семьдесятъ? а не хотѣлъ ли я тебя сватать на Оксанѣ?

— Цуръ ій!.. Можетъ и болѣе; потому что вашего прадѣда я еще помню, а онъ умеръ за Екатерины, лѣтъ десять или пятнадцать послѣ того, какъ отъ ченцовъ отобрали села. Куда! мнѣ больше семидесяти лѣтъ; есть ихъ, можетъ-быть, до семидесяти-пяти. Вотъ, когда мать принесла меня въ Синаровку, еще немного въ ней жило: одна еще только хата была, — сказано, большая, теплая, а насъ всего человѣкъ пять, не болѣе: Омелько, Лысунъ еще тогда былъ, мать, Пальчій и старый Паламарчукъ за хозяина.

— Не Семенъ ли, который ко мнѣ пріѣзжалъ?

— Нѣтъ, этого самого Семена Паламарчука батько; а батько его, знаете, кто́ былъ? Первый ку́харь у высокопреподобнаго архимандрита лаврскаго, Зосимы. Правда, и Семенъ уже *старъ чоловікъ*, но его не было еще на свѣтѣ, когда его отецъ у насъ хозяиновалъ на хуторѣ. Дѣдушка вашъ лѣтомъ-то забѣгаетъ на хуторъ, а зимою всё живетъ въ Кіевѣ...Лѣса тогда были страшные, непроходимые около Днѣпра; проклятыя саха́рни еще не вывалили ихъ въ пень, такъ какъ теперь, и лѣсъ-то, какъ старые люди, былъ здоровѣе, сильнѣе. Орѣшина росла, — большіе полозья изъ нее можно было дѣлать, а не то, что сосна или грабъ. Теперь — смотрѣть жаль — все *нівечять*, не даютъ и дереву дорости вѣку. Звѣря въ лѣсахъ было тоже немало: кабанъ, волкъ и медвѣдь попадались часто. Я уже былъ такимъ, *якъ хло́пець* Грицька Огородника, не знаю, ка́къ его зовутъ; но только все, что́ тогда дѣлалось и говорилось, помню, какъ сегодня. Ну, скажите на милость Божію, почему же теперь все, что́ ни сдѣлаю сегодня, не дальше, завтра забываю? Сказано — *старе́нная ста́рість*. Было это послѣ *водохре́щей*. Днемъ мать всё было возится съ *дни́щемъ*, Пальчій рубаетъ дрова, а я, сказано, какъ неразумное дитя, подъ этотъ случай саночка́ми спу-

скался съ горы; какъ слышу — завыли не своимъ голосомъ наши собаки; смотрю, вижу—семеро волковъ стоятъ, повѣсивши головы и опустивши хвосты, около воротъ нашей левады. Создателю мой! что́ теперь будетъ со мною! А Пальчій,—онъ былъ такой понурый и неразговорчивый,— знай кричитъ мнѣ: »Иди, дурню, въ хату, да сними шапку. Это ничего, это бѣдные *сіро́ми.*« Ну, въ хату! Дала мнѣ мать *свяче́ноі* води́ці, чтобы со мною не было *переполо́ху*, и заставила сидѣть на печи. »Не бойся, говоритъ, дити́ночко.« Правду сказать, немного таки-испугался.— Вечеромъ, когда всѣ собрались къ вечерѣ, Пальчій и говоритъ Паламарчуку: »Знаешь, нашего Омелька *стайча́нскіе* чуть не перепугали.« — »А что, всё ихъ восемь ходитъ?« говоритъ Паламарчукъ.— »Ні, только уже... скільки, Оме́льку?« спрашиваетъ меня Пальчій,— »Сімъ«, говорю. »Я сначала думалъ, что это собаки, а только что пересчитать успѣлъ....« — »Молчи, дурню«, ка́же мати. »Какіе же это, хлопці, волки-сіро́ми?« — »Это, жінко, всё штучки твоихъ ро́дичей Литвинковъ«, говоритъ Пальчій. »Еще ты не заходила въ наши стороны—лѣтъ этому пятнадцать—шлялся у насъ Литвинокъ Михалко. То деготь гдѣ-нибудь учитъ гнать, то зимою, впросившись къ кому-нибудь въ хату, сидитъ себѣ ни́шкомъ на печи да плететъ постолы. Года съ четыре въ нашемъ краю, слава Богу, все было тихо, смирно; и Литвинокъ никому не дѣлалъ зла. Довелось ему одну зиму зимовать въ Стайкахъ у Gудзя. Народъ, сказано, заможній: два сына съ на́ймитомъ ходятъ на пятнадцати паровицахъ на Донъ и въ Крымъ, который только-что взяли Москали отъ Татарскаго солтана, плугъ воловъ дома; невѣстка, самъ старый Gудзь; гдѣ жъ имъ было поважать Литвинка? Правду сказать, и смотрѣть на него было тошно. Вотъ какъ-будто вижу его передъ глазами: маленькій, плюгавенькій, въ лаптяхъ и порваной, поганой кожушинкѣ, съ головы у него колтунъ (1) такой *оги́дливий* виситъ, а смотри ты, какой былъ колдунъ да знахорь! »Колдунъ?« *ка́же* ма́ти. »Молчи, жінко«, говоритъ Пальчій (а онъ былъ такой *жорстки́й, немовля́щий):* »великій колдунъ, сказано — Литвинъ. Просидѣлъ тамъ Михалко у Gудзя до Евдокіи; уже порядочно повернуло на весну; гонитъ старый Литвина изъ хаты: »Иди, говоритъ, куда хочешь; довольно съ тебя моей хаты, смотрѣть на тебя гадко, что и *ну́жа* тебя, а ты нужу ѣшь.« — »Не будетъ же у тебя, Gудзю«, отвѣчаетъ ему Литвинъ, »ни ну́жи, ни само-

(1) Plica polonica.

му тебѣ чего ѣсть, и въ семьѣ всей твоей всѣ вы осьмнадцать лѣтъ будете звѣрями бѣгать да *хилúть* съ голоду передъ народомъ Божьимъ голову, покуда какая-нибудь христіанская душа не упроситъ за васъ Господа.« Вотъ они всѣ, сыновья, невѣстки, Судзиха, самъ Судзь и стали волками; ходятъ теперь по свѣту голодными, потому что имъ запрещено ѣсть: ни на человѣка, ни на звѣря кинуться не могутъ, только опустятъ голову и хвосты да воютъ. Мнѣ (говоритъ Пальчій) сама титариха разсказывала, когда шла въ Кіевъ на богомолье; еще говорила, что гдѣ-то этотъ самый Михалко цѣлую сватьбу оборотилъ, но какой-то чернецъ изъ Выдубицкаго монастыря отчиталъ ее.«

— А ты же, Омельку, что́ думаешь? спросилъ я его, останавливая (онъ уходилъ ужинать):—правда ли этому?

— Извѣстно правда, отвѣчалъ онъ съ убѣжденіемъ, достойнымъ прежняго легковѣрнаго Грека (¹):—что Литвинъ, то колдунъ.

Удивительно, до какой древности доходятъ у нашего народа преданія, легенды, таинственное вѣрованіе въ непостижимое, извѣстныя уже тысячелѣтіе назадъ, какъ поразительно соотносятся онѣ, съ преданіями доисторическихъ народовъ, которые когда-то проходили и заселили Русь!

Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ М. А. Грабовскаго, что сравненіе преданій нашего народа съ преданіями, извѣстными уже Геродоту, было бы достойнымъ трудомъ для человѣка, любящаго Украину. Общая физіономія преданій — одна и та же: Каудалъ или Мирсиль, царь Сардскій, любимцу Гигесу показываетъ свою жену нагою, желая убѣдить, что она красивѣйшая изъ женщинъ; обиженная царица подговариваетъ Гигеса убить царя и выходитъ за него замужъ. Преданіе, не разъ встрѣчаемое въ сказкахъ, включительно до г. Ржевусскаго, который то же повторяетъ въ своемъ разсказѣ о Despocie Rascyi i Panu Hutieckiem. Аматъ, заболѣвъ, посылаетъ къ Дельфійскому оракулу спросить о причинѣ болѣзни. Въ сказкахъ и пѣсняхъ Украины, даже и въ современномъ быту, не бѣгутъ ли къ знахарькамъ? Легенда о музыкантѣ Аріонѣ, который переплылъ море на дельфинѣ, дала поводъ преданію, записанному В. М. Б—з—скимъ, что каждую субботу съ мутныхъ волнъ Чернаго моря выходятъ морскія чудища *(полови́на жѣнки—полови́на ры́би)*, поютъ пѣсни, а наши чумаки, слушая эти

(¹) Mirum est quo procedat graeca credulitas, говоритъ Плиній.

пѣсни, разносятъ ихъ по цѣлой Украинѣ. Можетъ быть, и въ Литвинѣ Омелька живетъ Невръ Геродота?

За человѣческій вѣкъ, говоритъ Геродотъ, до Дарієва похода въ Скиѳію, Невры должны были покинуть свою сторону, потому что имъ не было житья отъ змѣй, которыхъ много водилось въ ихъ землѣ и еще болѣе наползало изъ пустынныхъ окрестностей (1). Оставивъ родину, они по-неволѣ поселились у Будиновъ (своихъ сосѣдей славянскаго племени, жившаго, вѣроятно, далѣе на востокъ), земля которыхъ поросла густыми лѣсами, и въ самомъ дремучемъ бору есть большое водообильное озеро, окруженное трясиною и тростникомъ, а въ томъ озерѣ водятся выдры и бобры и еще другія животныя съ четыре-угольными рылами. Хвостами этихъ животныхъ опушиваютъ платья, а..... ихъ полезны отъ истерическихъ припадковъ (IV, 108, Геродотъ).

Въ такомъ подробномъ и точномъ описаніи обширной Будинской страны, никто не найдетъ съ Манертомъ Донской степи. Въ придонскихъ степяхъ нѣтъ трясинъ, тогда-какъ онѣ всплошь являются около Пинска, Мозыря, гдѣ и до-сихъ-поръ дремучіе лѣса, въ которыхъ по-нынѣ водятся бобры, выдры и куницы, которыхъ Геродотъ надѣ-

(1) На половинѣ теченія Днѣстра, народъ и понынѣ разсказываетъ о большихъ змѣяхъ, которыя будтобы тамъ водятся. Преувеличенныя описанія иногда надѣляли ихъ исполинскимъ размѣромъ, и память объ этомъ сохранилась еще до-сихъ-поръ. Такъ, извѣстный польскій натуралистъ, езуитъ Ржончинскій, утвердительно говоритъ, что большія змѣи (*Полозъ*, слѣдственно боа Плинія), покрытыя твердой чешуей и отъ осьми до десяти аршинъ длины, обитали въ степяхъ украинскихъ и достигали величины и толщины большой палки. Но и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ встрѣчаются подобныя басни. Говорятъ, что лѣтъ за сорокъ видѣли около Одессы огромныхъ змѣй, которыя пожигали собой траву, имѣли на головѣ огненные вѣнцы и такъ далѣе. Конечно, ни одинъ настоящій естествоиспытатель не вѣритъ такимъ разсказамъ. («Я видѣлъ въ 1768 году въ кунсткамерѣ въ Петербургѣ нѣкоторую змѣю съ короною, въ спиртѣ, которой кожа есть тончайшая и блестящая; содержатъ оную за королеву всѣхъ змѣй, почитаемую отъ многихъ славныхъ авторовъ за баснословную.« Дѣтскій Атласъ 1771, Ф. Дильтея). Въ 1829 году, на пути къ Черному Морю, я самъ слышалъ, говоритъ Эйхвальдъ, что въ Рыбницѣ на Днѣстрѣ, около ста-девяносто верстъ отъ Одессы къ сѣверу, одинъ помѣщикъ видѣлъ страшную змѣю въ десять аршинъ длины и въ четверть толщины. Самыя большія змѣи которыхъ лично наблюдалъ я въ южной Подоліи, но болѣе къ Бугу и Днѣпру, были Coluber sauromates utrabilis, Палласа. При двухъ дюймахъ толщины, они были до шести футовъ длиною; но какъ и эта длина довольно значительна въ сравненіи съ другими туземными породами, то здѣсь и поводъ ко всѣмъ преувеличиваніямъ.

ляетъ четыре-угольными мордами. Стóитъ только взглянуть, по словамъ Эйхвальда, на карту Пинскихъ болотъ, чтобъ указать въ этой лощинѣ большое озеро временъ Геродотовскихъ. Здѣсь стекается множество рѣкъ для образованія Припети. Вся эта, изрѣзанная рѣками, лощина, по новѣйшимъ тригонометрическимъ съемкамъ, у Бѣлина и близъ Пинска, едва на шестьдесять-восемь сажень выше морской поверхности, тогда какъ немного къ сѣверу фóльваркъ Пуцевича у Новогрудка возвышается на сто-пятьдесятъ-одну сажень надъ уровнемъ Балтійскаго моря; а на югѣ, къ истоку Случи, подымается уже Аврачинская возвышенность, раздѣляющая эту водяную систему. Значительное пониженіе Пинской земли, и отсюда къ востоку по Припети до самаго Мозыря, дѣлаетъ этотъ край обширнымъ водоемомъ для всѣхъ рѣкъ, которыя сливаются въ него во множествѣ съ сѣвера, запада и юга, и прежде, когда не было еще никакихъ предохранительныхъ мѣръ отъ наводненія, онѣ легко могли образовать одно большое озеро. Извѣстіе объ немъ не могло не дойти до свѣдѣнія черноморскихъ колонистовъ, которые торговали мѣхами и получали этотъ товаръ отъ Невро-Будиновъ, и должно было обратить на себя вниманіе Грековъ.

Кромѣ того, говоря о Неврахъ, Геродотъ описываетъ ихъ еще *кудесниками*. Скиѳы и поселившіеся у нихъ Эллины разсказываютъ, что каждый Невръ, по разу въ годъ, превращался въ волка, а тамъ опять принималъ прежній свой видъ. «Что они ни разсказывай, а я не вѣрю; однакожъ они утверждаютъ это и еще клятвенно» прибавляетъ Геродотъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ. Наконецъ, онъ называетъ ихъ *вшельдами*, потому-что, по неопрятности, они размножили этихъ насѣкомыхъ, которыми и теперь всегда почти сопровождается колтунъ, — отвратительная болѣзнь, столь обыкновенная въ болотистомъ Полѣсьѣ, по низовьямъ Вислы и въ Литвѣ.

П. Ревякинъ.

Хуторъ Вовча Долина.
Васильк. уѣзда Кіевск. губ.

СТЕПНЫЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО 4-е. (¹)

Главное неудобство для хозяйства Новороссійскаго края представляютъ засухи, но на послѣдніе два года — прошлый 1860 и 1861 — въ этомъ отношеніи нельзя пожаловаться.

Старожилы здѣшніе говорятъ: »если дождлива весна, то будетъ сухая осень; если сухая осень, то будетъ дождливая весна«; но прошлый (1860) годъ совершенно не оправдалъ этого замѣчанія, потому что дожди шли довольно исправно весною и осенью, лѣтомъ же, въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, была порядочная засуха, которая, впрочемъ, хлѣбамъ не повредила, но зато пасіки сильно пострадали, такъ-что были примѣры, что, изъ выставленныхъ весною 150 пней, на зиму пришлось спрятать не болѣе 50-ти. Во время же уборки сѣна дожди были такъ обильны, что погноили даже сѣно, т. е. оно почернѣло еще въ копнахъ, чрезъ что̀ не годится на сбереженіе про неурожай. Всѣ прошлогоднія скирды, послѣ зимы, сильно осѣли, что̀ и доказываетъ недоброкачественность сѣна. При нашемъ жаркомъ лѣтѣ, сѣно обыкновенно сгребается на другой, а иногда и въ тотъ же день, какъ скосится, развѣ встрѣтится недостатокъ въ полурабочихъ, а это нерѣдко бываетъ; въ такомъ случаѣ оно можетъ пролежать нѣсколько дней. Впрочемъ, есть у насъ сортъ травы, которую нарочно оставляютъ въ покосахъ, пока не смочитъ ее дождь, — это чаполочь (Hierochlon borealis).

Трава эта бываетъ весьма намъ полезна: она заводится обык-

(¹) Первые три письма помѣщены въ журналѣ *Сельское Хозяйство* за нынѣшній годъ.

новенно на истощенныхъ поляхъ, съ виду очень походитъ на пырей (Agrostis vulgaris), но такъ горька, что, въ свѣжемъ состояніи, ея не ѣстъ никакое животное, и такимъ образомъ земля, по необходимости, оставляется въ покоѣ на нѣсколько лѣтъ и удабривается сгнивающею чаполочью. Какъ только чаполочь начинаетъ выводиться, значитъ земля уже достаточно удобрилась, или, какъ обыкновенно говорятъ, отдохнула. Плодородной же земли первый признакъ—растущій на ней ковыль, или кійло (Stipa pennata). Въ случаѣ неурожая травы, косятъ и чаполочь, но въ такомъ случаѣ, какъ я сказалъ уже, ее оставляютъ въ покосахъ, пока она не смочится дождемъ, послѣ чего она теряетъ свою горечь и становится не только съѣдобнымъ, но даже здоровымъ для скота кормомъ. Замѣчательно, что другое, обыкновенное на нашихъ поляхъ горькое растеніе, полынь (absinthum vulgare), скотъ ѣстъ очень охотно, только молоко у коровъ, отъ этой пищи, получаетъ горькій вкусъ; этотъ вкусъ сохраняетъ и сметана.

Я сказалъ, что въ гребцахъ у насъ часто бываетъ недостатокъ. Дѣйствительно — рабочихъ, т. е. косарей, приходитъ къ намъ очень достаточно изъ сосѣднихъ Кіевской и Подольской губерній и Бессарабіи, но полурабочихъ, т. е. женщинъ и мущинъ, не могущихъ косить, сравнительно очень мало. Лучшими рабочими считаются у насъ *фальчары*— Русины, приходящіе изъ Бессарабіи и Буковины. Названіе фальчары происходятъ отъ молдаванскаго слова *фальча* (мѣра поверхности, немного больше десятины), потому что они нанимаются обыкновенно работать отъ фальчи. Недостатокъ въ полурабочихъ заставилъ нашихъ помѣщиковъ вводить у себя грабли, польза которыхъ признана всѣми. Прежде всего начали употреблять деревянные грабли Абазы, состоящіе изъ длинной жерди, обыкновенно трехъ-мѣрной латы, усаженной деревянными зубьями въ $^3/_4$ аршина длины, но эти грабли требуютъ ловкости и сноровки отъ рабочаго, что́ не всегда можно найти, а во вторыхъ— они слишкомъ громоздки, и поэтому и не вошли въ общее употребленіе. — Потомъ начали употреблять грабли системы Говарда (преимущественно фабрики Рансома и Симса), а наконецъ Лутковскаго.

Въ граблихъ Говарда кажный зубъ можетъ подниматься и опускаться, почему эти грабли могутъ хорошо работать на неровной почвѣ. Недостатокъ ихъ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что они дѣлаютъ слишкомъ малые валики, а во-вторыхъ, что человѣкъ долженъ идти за ними пѣшкомъ,—поэтому ихъ работа соразмѣряется не съ силой лошади, а съ силой человѣка, т. е. съ тѣмъ, сколько онъ въ состояніи выходить. Теперь

начали распространяться конныя грабли системы Лутковскаго; они отъ Говардовскихъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ козлы, на которыхъ сидитъ человѣкъ, правящій лошадью, и имѣютъ большіе зубья, почему дѣлаютъ довольно большіе валки. Подъ козлами устроена... которую человѣкъ нажимаетъ ногами, когда надобно выбросить сѣно. Урожай въ 1860-мъ г. былъ превосходный, но имъ мало кто воспользовался, потому что саранча поѣла большую часть хлѣба; особенно опустошительно дѣйствовала она тамъ, гдѣ выродилась. У меня саранча уничтожила ровно половину посѣвовъ, а въ другихъ имѣніяхъ не оставила *буквально* ни одного колоса. Замѣчательно, что изъ всѣхъ хлѣбовъ больше всего не посчастливилось овсу, — прошлый годъ его рѣдко въ какомъ имѣніи не уничтожила саранча, а въ нынѣшнемъ онъ рѣдко гдѣ уродилъ, а, большею частью, позаросталъ бурьяномъ; по этимъ причинамъ онъ сильно вздорожалъ.

Осенью холода́ начались довольно рано, и дождей было очень достаточно, но снѣгъ долго не выпадалъ. Наконецъ 18 декабря сдѣлалась сильная вьюга и снѣгу намело не только достаточно, но даже черезъ-чуръ. Эта вьюга надѣлала много бѣдъ: людей и скота много погибло, дороги такъ позасыпало, что, въ теченіи нѣсколькихъ дней, не было вовсе проѣзду, позаносило и пообрушивало много строеній и почти всѣ колодцы.

Дороги пришлось прокладывать табунами, т. е. если была надобность куда-нибудь ѣхать, то предварительно надо было прогнать по этому направленію табунъ лошадей, чтобы сколько-нибудь протоптать снѣгъ. Такъ-какъ, по причинѣ глубокаго снѣга, были проложены очень узкіе дороги, то, при мало-мальски тяжеломъ экипажѣ, чтобы не засѣсть въ снѣгу, наши помѣщики принуждены были запрягать лошадей, съ выносомъ, безъ форейторовъ, какъ говорятъ Поляки: *z bicza*. Прошлую зиму это была у насъ модная ѣзда.

Скотъ, находившійся на *тырлахъ* (мѣста, гдѣ даютъ ему кормъ въ степи, на открытомъ воздухѣ) въ описанную вьюгу, меньше пострадалъ, но близь построекъ много его подушено снѣгомъ. И у меня задушило снѣгомъ одного верблюда и пару воловъ; снѣгомъ заметено было довольно скота, но поодкапывали; животное задыхалось только въ такомъ случаѣ, когда на него наметано было снѣгу больше сажени, а если меньше, то оставалось живо, потому что отъ дыханія образовывалось въ снѣгу сверху отверстіе, куда, хоть въ небольшомъ количествѣ, протекалъ свѣжій воздухъ; по этимъ отверстіямъ и находили заметенный скотъ.

Подъ Балтой, по слухамъ, 18 декабря, замерзло 17 человѣкъ, и въ

другихъ мѣстахъ было много, въ этотъ день, подобныхъ несчастныхъ случаевъ. Вообще прошлая зима была у насъ очень снѣжная и морозная: морозы доходили до 30 градусовъ, чего никто не запомнитъ. Снѣгу было такъ много, что всѣ говорили, будто весенняго разлива не выдержитъ ни одна плотина. Но эти опасенія оправдались только отчасти, потому что, какъ у насъ выражаются, *пустило* не вдругъ, а оттепели перемежались съ морозами, поэтому скоплявшаяся отъ таянія снѣгу вода имѣла время уходить исподоволь. Впрочемъ, нѣсколько плотинъ было таки вырвано *второю водою*, но не всѣ, какъ опасались; а стоявшія нѣсколько лѣтъ безъ воды всѣ наполнялись. *Первою водою* называется у насъ весенняя вода, текущая, когда земля еще не оттаяла *(не прорвала)*; естественно, что тогда плотины, скованныя морозомъ, легче выдерживаютъ напоръ воды. *Вторая вода* — весеннее теченіе, когда земля уже разстаяла; понятно, что тогда чаще страдаютъ плотины.

Кстати, разскажу про свой опытъ—употребить снѣгъ въ пользу садоводства.

Я сказалъ, въ началѣ этого письма, что главное неудобство нашего края составляютъ частыя засухи, которыя, при преобладающемъ у насъ глинистомъ грунтѣ, гибельны для садоводства; какъ бы ни были сильны дожди, но если они непродолжительны, то деревьямъ проку отъ нихъ мало, потому что, при нашей волнистой мѣстности, вода скоро стекаетъ, не просачиваясь въ глинистый грунтъ до корней, и молодые деревья, въ первый годъ по посадкѣ, на половину пропадаютъ. Гибнутъ они отъ засухи, большею частью, какъ говорятъ у насъ, въ *Спáсівку*, т. е. между 15 іюлемъ и 15 августомъ: въ эту пору почти всегда бываетъ засуха; дожди же непремѣнно бываютъ, по замѣчанію старожиловъ, хоть и небольшіе, во время еврейскаго праздника Кущей, т. е. въсентябрѣ мѣсяцѣ. Осенью (1860 г.) я посадилъ тысячъ до двухъ дикихъ деревьевъ, въ видѣ живой изгороди, и когда (въ генварѣ мѣсяцѣ) снѣгъ около нихъ слегся, я приказалъ покрыть его гнилою соломою, полосою аршина въ два ширины, толщиною на четверть аршина, для того, чтобы снѣгъ и сырость сохранить возлѣ посаженныхъ деревьевъ на возможно продолжительное время. Эта мѣра мнѣ вполнѣ удалась, потому что еще 1-го мая снѣгъ былъ подъ соломою, а сырость удержалась до сихъ поръ т. е. пока не начались осенніе дожди. Изъ посаженныхъ деревьевъ пропало не болѣе 5-й части, тогда-какъ, безъ этой мѣры, надобно было бы радоваться, еслибъ хоть половина ихъ уцѣлѣла.

Прошлый годъ замѣчателенъ еще введеніемъ новой отрасли въ на-

шемъ хозяйствѣ, а именно: верблюдовъ. Дѣло было такъ: многіе изъ выселившихся въ Турцію Татаръ пригнали въ Вознесенскъ на ярмарку своихъ верблюдовъ, и тамъ купили ихъ нѣкоторые изъ нашихъ помѣщиковъ; тоже и въ Одессѣ, куда прибыла большая партія переселенцевъ, за недостаткомъ мѣста на судахъ въ Евпаторіи, чтобы отсюда ѣхать въ Турцію, но какъ скота не позволили имъ брать на суда, то они должны были продать его на мѣстѣ въ Одессѣ.

Я купилъ себѣ первоначально пару большихъ верблюдовъ въ Вознесенскѣ, а когда нашелъ ихъ годными для всѣхъ полевыхъ работъ, то послалъ за ними въ Крымъ, гдѣ и куплено мнѣ ихъ 10 паръ.

По словамъ Татаръ, пара верблюдовъ замѣняетъ двѣ пары воловъ, но, по моему замѣчанію, это можно сказать про самыхъ рослыхъ; сила же обыкновенныхъ немного превышаетъ силу воловъ; но предъ послѣдними они имѣютъ преимущество въ большомъ шагѣ. Для перевозки тяжестей и для машинъ они особенно выгодны.

Для уясненія превосходства верблюдовъ въ работѣ предъ волами и лошадьми, я думаю, достаточно будетъ слѣдующаго сравненія: Пара обыкновенныхъ верблюдовъ, безъ отягощенія, можетъ везти тяжесть въ 80 пудовъ, пара воловъ отъ 50 до 60, а пара лошадей отъ 40—50; пара верблюдовъ дѣлаетъ въ день, шагомъ, отъ 60 до 80 верстъ, пара лошадей отъ 50—60, а пара воловъ отъ 25—30. Зиму верблюды переносятъ довольно легко; у меня всю прошлую зиму они были на открытомъ воздухѣ, а пропало два, и то скорѣе случайно, — одинъ, стоявшій въ загонѣ, былъ и купленъ больнымъ, а другого, въ загонѣ же, задушило снѣгомъ. Зимою кормили ихъ *перепдами*, т. е. сѣномъ, оставшимся послѣ кормленія овецъ. Соль они чрезвычайно любятъ, такъ что съѣсть фунтъ соли за одинъ разъ верблюду нипочемъ. Шерсти съ 20 штукъ я собралъ нынѣшней весной $4^1/_2$ пуда; опытные люди совѣтуютъ не мыть ее, потому что мытая она трудно сваливается и кромѣ того стриженую шерсть (съ шеи, бедеръ и колѣнъ) и просто снимаемую (со всего остального туловища) собирать отдѣльно, потому что та и другая шерсть совершенно разныхъ качествъ.

Простымъ плугомъ свободно орютъ цѣлину пара обыкновенныхъ верблюдовъ и выорываютъ столько, сколько въ состояніи выходить человѣкъ, правящій плугомъ, но въ машинѣ, какъ я сказалъ уже, они, по своему большому и ровному шагу, незамѣнимы. Главный недостатокъ ихъ тотъ, что въ дождливую пору ими нельзя работать: они, по особенному

велко на него же Спафарія скорбить в томъ, что рубилъ в его атамана лѣсѣ дерево, сколко надобно было ему, и винился дать за оное ему атаману платы денегъ рублей 6, а нѣчого не отдалъ. Саморучно на томъ росписался атаманъ Василь Павелко.

»10. Гаврилу Герасимову, товарищеви сотнѣ Старосанжаровскои, онъ же Спафарій учинилъ такую нужду, что взялъ у него меду полчварта вѣдерка, цѣною вѣдерко по два таляри, а нѣ в чомъ ему не уплачуючи, въ награжденіе похвалку чинилъ—бить хотѣлъ. Правду сознавши, подписался за его дячокъ Прихора.

»11. Григорій Сухій прискорбенъ на Спафарія в томъ случаи: обесчестилъ 1725 году жену Романа Терещенка его Сухого тестя Івана Терещенка, нѣкоторыми урахливимы словами, и лгать ему велѣла, и за то, по предложению на оную сказки Спафарию по суду его жъ Спафаріемъ, зостала виновата и подъ арештъ взята, а пришедшему ночному времени, якъ оную Спафарій с подарешту взявши в свой домъ, привелъ к плотскому ея с нимъ грѣху; то уже на утрій день Сухій с тестемъ своимъ сталъ виноватъ, а она права. На томъ самый истець подписался; за его дячокъ Мойсѣець.

»12. Леонтія Тузенка означенный же Спафарій с тои причины, что, мѣвшеся неубогъ, не просилъ его Спафарія в домъ свой на честь, билъ смертно, отчего, болно немощенъ бивши, и умеръ. Истить тому сынъ его Григорій Тузинокъ.

»13. Сестра родная Спафаріева, панѣ Семенова Чуйкевичева, бивши в гостяхъ у него Спафарія в Старомъ Сенжаровѣ, купила у вдови Ірины Балихи, обивателки старосанжаровскои, бочку рыбы за три рубля и деньги Спафарию в отдачу овой отдала, а якъ стала оная вдова у него тыхъ денегъ править, то не только не отдалъ, но еще безстужо и уразливо нѣсколко разъ ругалъ. Для чого вѣрно рѣчь свою сознавши, подписалась; за іі дячокъ Прихора.

»14. Докладаемъ при семъ: означенный Спафарій дерево дубовое на цѣлый млинъ на Ворсклу обивателями навоженное, таинымъ образомъ, в битность сотникомъ, побралъ и что хотѣлъ з оного себѣ строилъ; нѣкогда трезвимъ не имѣлся, всегда корчемствовалъ, ходя по ночамъ; з обивателей шапки знимавъ и пропивалъ; драки и сварчи чинилъ; гуси людския по полю ловилъ и в палубъ свой, ездя безпотребно и безпутно, ховалъ, и прошлого 1729 году в генваре мце поросятъ у Івана Боблого укралъ шестеро, а у Івана Середы семеро, якия поросята, по сознанію Івана Середы, онъ Середа з женою, зовемою Безлидскою, в его

Спафарія домѣ и познаходили. Старосанжаровский наказный сотникъ Михайло Карпенко. Городовый атаманъ Василь Павелко. Воитъ мѣскій Степанъ Волошиненко. Старосанжаровский писарь Іванъ Панасевичъ.«

Що зро́блено Спафаріеві, що́ зъ нимъ ста́лось, де вінъ дівся,— незвісно.

Олександеръ Коніський.

Полтава.
7 лютого
Р. Б. 1861.

ПРО КОНОТІПЪ.

I.

У Коното́пі було́ три ба́шти: (1) Попівська, Пути́вльска и Підли́пенська. Бува́ло, якъ ідешъ, зачи́нить заста́ву, дай два шаги́, або́ паляни́цю, ато́ й не пу́стять. И три доро́ги було́: Попівська, Пути́вльска и Підли́пенська. А валъ таки́й, що якъ гля́нешъ, до страшне́ діло. Бляка́вець (2) зове́ться валъ, де Клепаки́ живу́ть. И за́мокъ бу́въ, де тепе́ръ Паламаре́ва живе́ (Голови́ха). Шве́ди хотіли ви́нять (3) го́родъ; у го́роді кулішъ вари́ли, та черпака́ми лили́ зъ валівъ на Шве́дівъ; дакъ вони й одійшли́. Мату́ся моя́, якъ ходи́ла въ Ки́івъ на богомілля, ще дівкою, дакъ її пита́ли на доро́зі: »А вітки ви?« — »Зъ Коното́па.« — »Чи кріпки́й же вінъ, що на́ші діди́ и батьки́ тамъ полягли́?«

Літъ пятдеся́тъ тому́ бу́де, мій ро́дичъ, піпъ, повізъ синівъ у Черніговъ; поверну́вшись, каза́въ, що у Черні́гові вали́ роско́пують; коли́ и въ насъ ста́ли роско́пувать нево́льники. Річка Езучъ була́ чи́ста та га́рна, а тепе́ръ заросла́.

II.

У Коното́пі були́ шко́ли, при ко́жній це́ркві: що це́рква, то й шко́ла. Микільска шко́ла, за гре́блею, була́ гла́вна. Ще ся шко́ла була́ до ревизіі. У тій шко́лі бувъ дякъ, два піддя́чихъ и молодиківъ скіль-

(1) Заста́ви и коро́місла.
(2) Блокгаузъ? *Ред.*
(3) Зна́чить: добу́ти си́лою.

устройству своей ступни, совершенно не въ состояніи ходить по мокрой землѣ, а скользятъ и падаютъ.

Крестьянамъ не нравится въ верблюдахъ привычка ихъ, при грубомъ и жестокомъ обращеніи съ ними, плеваться. Да вѣдь какъ плюютъ! Сразу залѣпитъ все лице.

Пасутся они обыкновенно на самомъ бурьянистомъ полѣ и тѣмъ хороши, что если только бурьяну достаточно, то не требуютъ вовсе присмотру, потому что далеко не уходятъ. Обыкновенно они пасутся такъ: схвативъ цѣлый кустъ бурьяну, скомкаетъ его, проглотитъ и потомъ стоитъ задумавшись съ четверть часа, потомъ протянетъ голову, схватитъ другой кустъ — таже операція; такимъ образомъ онъ въ сутки, пасясь, едва сдѣлаетъ отъ 30 до 50 шаговъ.

Этимъ и закончу настоящее мое письмо.

М. Левченко.

Сентября 10 дня,
1861 года.
С. Майорское.

ЛЮДСЬКА ПАМЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ.

СПАФАРІЄВА РУДКА.

I.

Ро́кивъ зо́ три наза́дъ довело́сь мині їхати у Білгородъ. Набу́вши на перекладни́хъ до́бре бо́ки, я нанявъ собі зъ Ха́рківа во́льонго підві́дчика, старе́нькаго ді́дуся Мики́ту Д. Уже́ повихо́дили зъ ве́чере́нь, якъ ру́шили ми въ доро́гу. Мики́та до́вго чого́сь му́лився и не хотівъ проти́въ ночи виїзди́ти, а про-те́—поїхали. Якъ ви́їхали за городскі лева́ди въ по́ле, со́нечко вже сіло, почина́ла па́дать роса́.

— А що́, Мики́то! спита́въ я свого́ підві́дчика,—чи си́ми шляха́ми гора́здъ їздити? зъ доро́ги не збу́димо?

— Оце́-таки́! озва́вся Мики́та,—неха́й Богъ боро́нить! Со́рокъ літъ не блу́дячи їздивъ, ато́бъ-то вже тепе́ръ на́ лихо пішло́! Коли́бъ тільки за́видна переїхати Спафаріеву Ру́дку.

— А дале́ко та Ру́дка?

— А по той бікъ Ли́пцівъ: версто́въ пять.

— Що́ жъ то за Ру́дка? ма́будь, багню́ка неке́льна?

— А ніби-то ви й не зна́ете, що́ то за Ру́дка, що й пита́ете? сказа́въ, усміха́ючись, Мики́та.

— Да́лебі, що не зна́ю. Коли́ спра́вді на тій ру́дці ду́же гру́зько, то ліпше заночу́емо у Ли́пцяхъ: противъ дня все-таки́ сміліше їхать.

— Гм! воно́-то не гру́зько, та, ма́будь, хужъ, ніжъ гру́зько.

— Якъ же се такъ?

— А ось якъ. Се дія́лось въ да́вню давнину́, ще при гетьма́нахъ. Тоді по оцій самій доро́зі, де ми ідемо, були́ непереходи́мі рудки́. Ду́же

до́бре тре́ба було́ зна́ти тропу́ о́бъїздками, щобъ мину́ти рудки́; а хто, не зна́вши, якъ уско́чить було́ у ру́дку, та ще зъ важки́мъ во́зомъ, то та́кечки зав'я́зне въ багню́ці, що не́вно просидить не одинъ день, поки́ль хто ви́рятуе. Отъ разъ я́кось Спафарій яки́йсь, покра́вши у Ли́пцяхъ ко́ней, пусти́вся навтіка́ча павпросте́ць, та й попа́въ у ру́дку. Загру́зъ бідола́га, боро́стаетця собі въ грязі, а тутъ погоня ёго́ й насти́гла, та й привела́ въ громадську роспра́ву. Злодіївъ тоді у насъ не вело́сь такъ бага́цько, якъ тепе́ръ: за злодійство тоді катъ катува́въ. Осуди́ла грома́да одкатова́ть того́ Спафарія, та куди́сь-то дале́ко й засла́ла ёго́. Недо́вго вінъ тамъ бувъ—утікъ відтіля́, уда́рився въ лісá, та на оній самій ру́дці, що я роска́зую, вовки́ ёго́ й розірва́ли.. Отто що! Съ то́го ча́су и зове́тця ся ру́дка *Спафаріевою*...

— Ну, дакъ що́ жъ тутъ страшно́го?

— Що? ось слу́хайте дальшъ. Спафарій бувъ Литви́нъ и зна́вся зъ *нечи́стими*. Якъ пойма́ли ёго́, такъ вінъ ту́ю ру́дку прокля́въ, и съ то́го ча́су нема́ тіéї но́чи, щобъ у глупу́ пі́вничъ на оній ру́дці, або́ огні не горіли, або́ вовки́ не ви́ли... звісно—то *нечи́ста* си́ла ви́е по-во́вчи, голо́сить за Спафаріемъ... Буває й такъ, що змій тамъ коро́мисломъ лі́тає, або́, ні съ то́го, ні съ сёго, ви́скочить зъ ру́дки кішка, та й сяде на ши́ю; або́ клубо́къ попере́дъ ко́ней ко́титця.. Да чого́ тамъ не трапля́етця?... Цуръ ёму́! не проти́въ ночи зга́дувати...

Мики́та знявъ ша́пку, три́чі перехрести́вся, а да́лі й ка́же:

— Якъ хо́чте, а не слідъ намъ іхать дальшъ Ли́пцівъ; переночу́емо, а на зорі й поідемо.

Роби́ть було́ нічого; я послу́хавъ Мики́ти.

Верта́ючись наза́дъ, просто́явъ я у Ли́пцяхъ цілий день, роспи́туючи уся́кого про Спафаріеву Ру́дку. Ніхто́ нічо́го не знавъ.. »Е, ка́жуть, така́ ру́дка, а чого́ вона́ зове́тця *Спафаріевою*—не зна́емо.« —»Эге́, поду́мавъ я, се жъ Мики́та підвізъ візка́, щобъ налякáти мене́!« та, вернувшись у Полта́ву, забу́въ и про Мики́гу, и про Спафарія, и про ру́дку, и про нечи́сту си́лу.

II.

То-рікъ, перебіра́ючи старі діла́ въ схо́вані Полта́вськоі Губе́рськоі Роспра́ви, найшо́въ я одно́ 1727 ро́ку: »о битіи Старосанжаровськимъ сотникомъ Ивану Левенцю вмісто сотника Самуіла Спафарія.« Прочитавши се діло, за́разъ згада́въ я Мики́ту, и поба́чивъ, що въ роска́зі ёго́ е части́на истори́чнёі пра́вди. Изъ діла ви́читавъ я ось що:

Ро́ку 1725, се́рпня 7 дня, старосенжа́ровський пі́пъ Яковъ Вла́совъ донісъ, що со́тникъ Самійло Спафарій на Спа́са, бу́дучи на *попраздне́ствї* у брате́рському домі, не хотівъ ви́пити ча́рки горілки, а да́лі изо все́і я́рости ставъ злосло́вити ёго́ (попа́) таки́ми слова́ми:— — Ма́будь, по настро́йству попа́, и старосанжа́ровськиі козаки́ (15 чоловікъ) донесли́, що Спафарій 1-го лю́того, того́ жъ таки́ ро́ку, на пита́ння збо́рщиківъ, котрі везли́ *зборъ государевъ*, де сей зборъ схова́ти, одвітова́въ зъ гнівомъ: »*о́сь куди*« и, піднявши капта́нъ, ставъ збо́рщиківъ *по-матерно* ла́яти.—По цімъ доно́самъ, и Спафарія, и попа́ Вла́сова взя́то підъ аре́штъ въ *Малороссійскую Коллегію*. Що́ імъ обо́мъ тамъ ро́блено, не звісно, тілько въ 1727 р. ве́лено Спафарію знову бу́ти со́тникомъ у Старо́му Санжа́рові; а такъ якъ ще до сёго соверше́ннимъ со́тникомъ приділенъ Ива́нъ Ли́венець, то Спафарій жа́лувався за се царе́ві и писа́въ, що »въ прошлихъ годѣхъ виѣхалъ онъ въ Рассію зъ маткою своею Маріею и братомъ Иваномъ зъ Волоскои земли зъ господаремъ Волоскимъ, оставя въ Волоской землѣ домъ, деревни и протчіе всѣ свои пожитки, и по прибытіи служилъ сотникомъ въ Миргородцкомъ полку въ мистечки Ереське съ/718 по/727 г. (?) и былъ на службѣ въ Дербенѣ и прочихъ мѣстахъ немалое время, по указу императора Петра I определенъ сотникомъ въ Старой Санжаровъ въ октябрѣ 1727 г., но гетманомъ одставленъ.«

Царица Га́нна Ива́новна 2 листопа́ду 1730 ро́ку, веліла написа́ти до гетьма́на Дани́ла Апо́стола: »Въ Коллегію Иностр. дѣлъ писать: оный челобитчикъ Спафарій чево ради отъ уряду сотничества старосанжаровскаго отставленъ?« Гетьма́нъ пита́въ про те полта́вськаго суддю Васи́ля Кочубе́я, котри́й, прописа́вши все те, що ми вже сказа́ли, да́лі гово́рить, що Спафарій самъ не схотівъ и козаківъ старосанжа́ровськихъ не посла́въ у Глу́ховъ на эле́кцію. Тоді гетьма́нъ Апо́столъ, уба́чивши непоря́дки и *проти́вности*, со́тенного правле́нія Спафарію держа́ть не приказа́въ, и »о битіи сотникомъ Ивану Левенцю« ви́давъ универса́лъ 6 октября 1729 р.

Скоро після сёго, неділь черезъ дві, князь Голи́цинъ при указі прислáвъ до ёго (Кочубе́я) и велівъ Спафарія за *злодíйство ко́ней* въ Ха́рковському полку́ *учини́ть наказаніе* въ Полта́ві *по малороссійскому обыкновенію*. 1-го листопа́ду того́жъ таки́ 1729 ро́ку, Спафарія *би́то кия́ми въ Полта́ві публи́чно передъ Ра́тушою*.

Въ одвіті своє́му въ Полковій Ха́рковській Ра́туші Спафарій сказа́въ, що 12 сентября, зъ на́имитомъ своімъ Михаі́ломъ Бурла́кою, приіха́въ

зъ Старо́го Санжа́рова у Ха́рківъ проси́ть кня́зя Голи́цина ослобони́ть ёго ха́ту одъ посто́ю. Зъ Ха́ркова заіздивъ у село́ Тишки́ до Ага́фиі Чижако́вой; не заста́вши ii до́ма, на дру́гій день поіхавъ въ Ли́пець и іду-чи, загру́зъ на ру́дці. Бувъ вінъ підпи́вши и, ви́прягши ко́ней, пусти́въ на па́шу, а зъ на́ймитомъ самоту́жки ви́тягли візъ изъ ру́дки. Не зна́й-шовши своіхъ ко́ней, на́ймитъ запрігъ чужи́хъ па́ру, на котри́хъ вінъ поіхавъ до Ли́пця, а челя́дника посла́въ шука́ть своіхъ. Одъіхавши верстви́ півтори́, догнавъ ёго́ борще́вський жи́тель Дани́ло Полежа́евъ и пізна́вши своіхъ ко́ней, одвівъ ёго́ до ли́пецького пи́саря Иова, а той одісла́въ ёго́ до нака́зного со́тника въ Борще́вую, и ту́течки со́тникъ Васи́ль Ягуно́въ взявъ у ёго ша́блю срібромъ опра́влену и тру́бку пе́нькову, а ёго́ само́го посла́въ у Ха́рківъ, въ полкову́ ра́тушу підъ калаву́ромъ.

III.

Щобъ лу́чче грома́да вба́чила, що́ за чоловікъ бувъ Спафарій, ви-пи́суемо одъ сло́ва до сло́ва одвіти старосенжарівскихъ козаківъ 23 листопа́ду 1730 р. у Полкову́ Полта́вську канцеля́рію, »якимъ обихо-жденіемъ Самуілъ Спафарій, будучи сотникомъ в сотне Старасанжаров-скоіі найдовался и кому якия обиды, побои и витиски кгрунту и прочіе чинилъ.«

»1. Василію Вѣсичу и Іосифу Макаренку, товариству сотнѣ Старо-санжаровскои, 1726 году зделавъ такую обиду, что узялъ у нихъ меду прѣсного полъ-шоста ведерка, цѣною ведерко по три копы и по той цѣ-нѣ опослѣ имъ не хотячи дати денегъ и до сего году нічого не уплатилъ, в чемъ для вѣры подписалися, а вмѣсто Василя Вѣсича и Осифа Макаренка, по ихъ прошенію, дячокъ церкви Успенскои Старосанжаровскои под-писался. Прихора.

»2. Гаврила Дмитренка, товарища сотнѣ Старосанжаровскои, 1725 году насилно взялъ дворище, при ринку мѣющееся, и на ономъ сѣвъ домомъ, а по многимъ за тое дворище Дмитренковомъ упоминку не пла-тячи ему, хочъ далъ на себе облѣкгъ 1729 г. іюня 24 дня и винился дать рублей 4, однакъ по оному письму и по сроку в облѣкгу напи-санномъ, именно в постъ Спасовъ того 1729 г. денегъ за оное ему Дмитренку не оддавши, отказуетъ то, что мѣешъ облѣкгъ — доискуйся с нимъ. Для чего на своимъ неложномъ сознанію подписался, вмѣсто Га-

врила Дмитренка, по его прошенію, старосанжаровский обыватель Григорій тузинокъ подписался.

»3. Іванъ Кущикъ, кушнѣръ и обиватель старосанжаровский, сожалѣетъ на Спафарія въ томъ, что виноватъ ему за напитки, подъ часъ сотництва награбленныя, рублей два и еще, ездя в Полтаву на него Спафарія за неотдачу денегъ суда просить, витерялъ таляръ, и хочъ винился на Судѣ Полковомъ ему Кущику прописанное все отдать, однакъ опослѣ волокитою и одговорками, тимъ, что будетъ служить, онъ волочитця и такъ пропада до сего часу. Совѣстно сознаетъ и подписуетця Іванъ Кущикъ.

»4. У Іякова Стефановича, товариша сотнѣ Старосанжаровскои Спафаріи, сотникуючи, бралъ киндякъ, железо и прочія крамарскія вещи и виноватъ сталъ ему Стефановичу денегъ рублей три, и всякими волокитами и одговорками до сего часу не росплатился. Вѣрно сознаетъ и подписуетця Іаковъ Стефановичъ.

»5. У вдови Маріи Стефановои Даниловичевои, обивателки старосанжаровскои, он же Спафарій полотна и прочіихъ вещей, бывши еще сотникомъ, набралъ за рубля, и тимъ словомъ бавячися, что отдастъ, не уплатился. Въ вѣрность подписалась (За ii той же дячокъ Прихора.)

»6. Хвеннѣ Калантирцѣ, жителцѣ Старосанжаровской, за напои Спафарій за сотництва своего долженъ сталъ рублей 16, а якъ упоминалася 1728 г. о оныхъ у Спафарія долгъ, призвалъ ея в домъ свой подманою такою, что будетъ ей долгъ платить и вмѣсто того смертно оную билъ, и до сего часу весьма болѣетъ. Суще сознавши, подписалися мѣсто Хвенни Калантирчихи, по повелению ея, зять онои Стефанъ Середа подписался.

»7. Ивану Семилиту, жителеви старосанжаровскому, подлогомъ такимъ, что станеть ему платить, почему схощеть, за бараны шліонскіе, учинилъ такую обиду, же остатние три бараны взялъ и, кому хотѣлъ, онимы добрился, а по упоминку и награжденіи онъ Спафарій бранилъ его Семилѣта до своеи хоти и хвалился, в дворъ завлекши, кіями награждать. То сознавъ и подписался Іванъ Семилѣтъ.

»8. Татьянна Афанасіева, вдова, в томъ сожалѣетъ на Спафарія, что помѣжъ прописанного Гаврила Дмитренка дворища имѣлося и ея дворище, и Спафарій оное, к своему присовокупивши, держитъ и не платитъ, и особенно виноватъ, бывши оной за напой золотыхъ осемъ, не отдалъ. На томъ истину сознаючи, подписался за ii дячокъ Іванъ Мойсѣець.

»9. Настоящый городовый старосенжаровский атаманъ Василь Па-

велко на него же Спафарія скорбить в томъ, что рубилъ в его атамана лѣсѣ дерево, сколко надобно было ему, и винился дать за оное ему атаману платы денегъ рублей 6, а нѣчого не отдалъ. Саморучно на томъ росписался атаманъ Василь Павелко.

»10. Гаврилу Герасимову, товарищеви сотнѣ Старосанжаровскои, онъ же Спафарій учинилъ такую нужду, что взялъ у него меду полчварта вѣдерка, цѣною вѣдерко по два таляри, а нѣ в чомъ ему не уплачуючи, въ награжденіе похвалку чинилъ—бить хотѣлъ. Правду сознавши, подписался за его дячокъ Прихора.

»11. Григорій Сухій прискорбенъ на Спафарія в томъ случаи: обесчестилъ 1725 году жену Романа Терещенка его Сухого тестя Івана Терещенка, нѣкоторыми урахливимы словами, и лгать ему велѣла, и за то, по предложению на оную сказки Спафарию по суду его жъ Спафаріемъ, зостала виновата и подъ арештъ взята, а пришедшему ночному времени, якъ оную Спафарій с подарешту взявши в свой домъ, привелъ к плотскому ея с нимъ грѣху; то уже на утрій день Сухій с тестемъ своимъ сталъ виноватъ, а она права. На томъ самый истець подписался; за его дячокъ Мойсѣець.

»12. Леонтія Тузенка означенный же Спафарій с тои причины, что, мѣвшеся неубогъ, не просилъ его Спафарія в домъ свой на честь, билъ смертно, отчего, болно немощенъ бивши, и умеръ. Истить тому сынъ его Григорій Тузинокъ.

»13. Сестра родная Спафаріева, панѣ Семенова Чуйкевичева, бивши в гостяхъ у него Спафарія в Старомъ Сенжаровѣ, купила у вдови Ірины Балихи, обивателки старосанжаровскои, бочку рыбы за три рубля и деньги Спафарию в отдачу овой отдала, а якъ стала оная вдова у него тыхъ денегъ править, то не только не отдалъ, но еще безстужо и уразливо нѣсколко разъ ругалъ. Для чого вѣрно рѣчь свою сознавши, подписалась; за іі дячокъ Прихора.

»14. Докладаемъ при семъ: означенный Спафарій дерево дубовое на цѣлый млинъ на Ворсклу обивателями навоженное, таинымъ образомъ, в битность сотникомъ, побралъ и что хотѣлъ з оного себѣ строилъ; нѣкогда трезвимъ не имѣлся, всегда корчемствовалъ, ходячо ночамъ; з обивателей шапки знимавъ и пропивалъ; драки и сварчи чинилъ; гуси людския по полю ловилъ и в палубъ свой, ездя безпотребно и безпутно, ховалъ, и прошлого 1729 году в генваре мце поросятъ у Івана Боблого укралъ шестеро, а у Івана Середы семеро, якия поросята, по сознанію Івана Середы, онъ Середа з женою, зовемою Безлидскою, в его

Спафарія домѣ и познаходили. Старосанжаровский наказный сотникъ Михайло Карпенко. Городовый атаманъ Василь Павелко. Воитъ мѣскій Степанъ Волошиненко. Старосанжаровский писарь Іванъ Панасевичъ.«

Що зро́блено Спафаріеві, що́ зъ нимъ ста́лось, де вінъ дівся,— незвісно.

Олександеръ Коніський.

Полтава.
7 лютого
Р. Б. 1861.

ПРО КОНОТІПЪ.

I.

У Коното́пі було́ три ба́шти: (1) Попівська, Пути́вльска и Підли́пенська. Буває́ло, якъ ідешъ, зачи́нить засте́ву, дай два шаги́, або́ паляни́цю, ато́ й не пу́стять. И три доро́ги було́: Попівська, Пути́вльска и Підли́пенська. А валъ таки́й, що якъ гля́нешъ, до страшне́ ді́ло. Бляка́вець (2) зове́ться валъ, де Клепаки́ живу́ть. И за́мокъ бу́въ, де тепе́ръ Паламаре́ва живе́ (Голови́ха). Шве́ди хотіли ви́нять (3) го́родъ; у го́роді кулішъ вари́ли, та черпака́ми лили́ зъ валівъ на Шве́дівъ; дакъ вони́ й одійшли́. Матю́ся моя́, якъ ходи́ла въ Ки́ївъ на богомілля, ще дівкою, дакъ ії пита́ли на доро́зі: »А вітки ви?« — »Зъ Коното́па.« — »Чи кріпки́й же вінъ, що на́ші діди́ и батьки́ тамъ поляглі?«

Літъ пятдеся́тъ тому́ бу́де, мій ро́дичъ, пішъ, повізъ синівъ у Черніговъ; поверну́вшись, каза́въ, що у Чернігові вали́ роско́пують; коли́ и въ насъ ста́ли роско́пувать невольники. Річка Езучъ була́ чи́ста та га́рна, а тепе́ръ заросла́.

II.

У Коното́пі були́ шко́ли, при ко́жній це́ркві: що це́рква, то й шко́ла. Микільска шко́ла, за гре́блею, була́ гла́вна. Ще ся шко́ла була́ до ревізіі. У тій шко́лі бу́въ дякъ, два піддя́чихъ и молодиківъ скіль-

(1) Заста́ви и коро́мисла.
(2) Блокгаузъ? *Ред.*
(3) Зна́чить: добу́ти си́лою.

кось. Успе́нська шко́ла була́, да не такъ що гла́вна. Хто ви́учитця у Микільскій шко́лі, дакъ пря́мо на-по́пи. Школярі, літъ у 15, ходи́ли безъ штанівъ у шко́лу. Це́рква Успе́ния була́ пре́же про́тивъ собо́рі. Моя́ ма́ти роска́зувала: несе́ дівчи́на сметя́ну на база́ръ продава́ть, ви́скочивъ школя́ръ изъ Успе́ньскоі шко́ли: »Прода́й сметя́ну!« — »Дай три шаги́, та й бери́!« — »До́бре жъ, постій, ви́несу гро́ші!« Ухопи́въ сметя́ну, да й поні́съ у шко́лу; та дівчина дожида́ла, дожида́ла, та дава́й и пла́кать; а ту́тъ ii тітка иде́ »Чого́ ти пла́чешъ?« — »Ухопи́въ школя́ръ, цёту́сю, сметя́ну, и гро́шей и гле́чика не вино́сить!« Отъ вона́ й ка́же: »Ходімъ же у шко́лу!« Прийшли́ у шко́лу, вона́ гла́вному й дава́й жа́луватьця. Отъ той и ка́же: »Пізнава́й же, хто въ те́бе взявъ?« и дава́й шуткува́ть. »Ну, на́ жъ тобі«. Ви́нісъ гле́чикъ и наси́павъ по́венъ со́ли, вмісто гро́шей. Школярі було́ изъ Микільскоі шко́ли переправля́ютця човна́ми черезъ Езучъ, набе́ру́ть глекі́въ, све́рдликі́въ и чопо́чкі́въ; а тутъ на пло́щаді стоя́ли бочки́ зъ горілкою; то опе́ провертя́ть све́рдликомъ бо́чку, напу́стять горілки, и чопо́чкомъ забъю́ть; а тоді за гре́блю опя́ть човна́ми маха́ють. Школярі, було́, овечо́къ тяга́ють и порося́тъ.

Ще я невели́чкою була́, у Підли́пному, го́дівъ тому шістьдеся́ть: дивлю́сь—бурса йде яки́хсь харцизя́къ. Я ду́мала, що люде́й ріжуть, та зъ двора́ узяла́ та й утекла́; а вони́ якъ пішли́, я й верну́лася до-до́му. А мату́ся ка́же: »Чого́ ти, дурна́, утекла́? то були́ студе́нти; вони́ співа́ли.« А тоді ходи́ли студе́нти літомъ по се́лахъ да й співа́ли. Пре́же якісь мандрівські попи́ служи́ли, тобъ-то таки́й, що примандру́е незна́ть вітки; отъ було́ й ка́жуть: »Сёго́дні мандрівський піпъ служи́въ. Успе́ніе погоріло давно́, го́дівъ тому́ бу́де шісьдеся́ть-чоти́рі, на Св. Неділю, у се́реду, якъ Конотіпъ горівъ. А тоді вже перенесли́ ёго́ на се місто, де й тепе́ръ. Якъ уменши́ли попівъ, дакъ Варва́рський прихо́дъ и перечи́слили до субо́ру; а це́рковъ продали́ у Сміле. Варва́рську це́рковъ літъ 9, якъ продали́. Це́рковъ була́ сла́вна, біла да чи́ста.

Пре́же у Конотопі не було́ судівъ, а була́ въ Попівці со́тенна канцеля́рия. Шве́ди були́ ще за гатьма́нівъ, коли́-то Шведчи́на була́, а Гатьма́нщина була́ уже́ по́слі. Було́ ка́жуть: »и верзе́, якъ дурні лю́де Шве́дчи́ну.« Пропа́ла Гатьма́нщина. По́слі уже́ була́ губе́рнія у Но́вгородку.

III.

Старе́нькая бабу́сенька — ле́гко ій згада́етця — роска́зуючи про Микільску шко́лу, зду́мала й пісню, зло́жену на дя́ченьківъ Микільскоі шко́ли.

Ой мандрува́ли два дя́ченьки
Зъ Микі́льскоі шко́ли,
Написа́ли да намалюва́ли
Мару́сини бро́ві.
»Ой ви́йди, ви́йди мату́сенько,
Або́ ви́шли Мару́сеньку, —
Ой поцілу́ю да помилу́ю,
Да впять и помандру́ю.
— »Бода́й же васъ мандрува́ла
Лиха́я годи́на,
Якъ я зъ ва́ми, пройди́світи,
Літа погуби́ла!«
Пливе́ чо́венъ води́ по́венъ,
Да коли́бъ не проли́вся:
Пішо́въ ми́лий у Кримъ по сі́ль,
Да коли́бъ не бари́вся!
Ой пливе́ щу́ка съ Кременчу́ка
Да про́битая зъ лу́ка:
»Ой тепе́ръ же намъ, дівчи́нонько,
Съ тобою розлу́ка!«
Ой пливе́ чо́венъ, води́ по́венъ,
Да малёвані кри́льця,
Ой не ма́е и не бу́де
Та мого́ чорнобри́вця.

IV.

У Конотопі, опро́че тихъ пісе́нь, котрі співа́ють усю́ди по Вкраі́ні, співа́ють и таки́хъ, що по дру́гихъ мі́сцяхъ за рідкость почу́ти; тутъ почу́ешъ про жовнірівъ по́льскихъ, якъ вони́ жива́ли на на́шій Украі́ні.

Ой исъ-під гаю, съ-під яли́ноньки,
Іхали жовніри зъ Украіноньки:
То въ тонки́хъ, то въ бі́лихъ,
То въ зелене́ньких,
На ко́никахъ все ворене́ньких.
Жовніръ у ха́ту, — хазя́інъ изъ ха́ти.
Ставъ жовніръ хазя́йку реведова́ти:
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, ли́чко біле́ньке?«
—»Одъ холодо́чку, мій жовнірочку!«
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, ніжки біле́нькі?«
—»Одъ черевичокъ, мій жовнірочокъ!«
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, ру́чки біле́нькі?«
—»Одъ рукави́чокъ, мій жовнірочокъ!«
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, уста́ солоде́нькі?«
—»Ой одъ медо́чку, мій жовнірочку!«
Ди́вится хазя́інъ шкарубино́ю,

Що́ ро́бить жо́вніръ изъ господи́нею;
Ди́вится, ди́вится, та все толку́е,
Та на свою́ ми́лу пру́ття гоу́е.
»Ой ти, мужи́че-невірни́ченьку,
Да не віришъ моє́му бі́лому ли́ченьку,
Що невільно ста́ти, пожартува́ти,
Молодо́го жо́вніра поці́лува́ти!
Купи́, мужи́че, ключъ-коло́дочку,
Зачиня́й, замика́й у комірочку!
Якъ схо́че жо́вніръ мене́ люби́ти,
Бу́де твої замки́ лома́ти.
Якъ нашмару́юся солони́ною,
Ви́скочу къ жо́вніру шкарубино́ю!
Купи́ жъ, мужи́че, срібний дзвіно́чокъ,
Прѝвяжи́ міні до поділо́чокъ,
Да куди́ я ру́шу, то дзвоти́ти му́шу,
За тво́ю прокля́ту, мужи́че, ду́шу.«

Що́ воно́ зна́чить оці слова про солони́ну? Ви́дно, при́мха яка́-не́будь, або́-що; тепе́ръ про таку́ при́мху не чу́тно. Ма́буть, воно́ таку́ си́лу міло, якъ тепе́ръ те, що якъ сліду́ візьмешъ исъ-підъ па́рубка, то бу́де такъ любить, такъ люби́ть, такъ слідо́мъ бу́де й ходи́ть! Отъ іще́ конотіпська пісня.

Ой у Ки́іві да на ри́ночку
Пили́ Ляхи́ да горілочку,
Да пили́ воны́, випива́ли,
Изъ собо́ю Мару́сеньку підмовля́ли:
»Да ходімъ, Мару́сенько, зъ на́ми,
Зъ на́ми, молодця́ми!«
Ой ки́нетця старе́нькая ма́ти,
Ажъ нема́е Мару́сеньки въ ха́ті.
Ки́нетця до комо́рі,
Ажъ нема́е ні Мару́сеньки, ні худо́би.
»Сини́ жъ моі молоді́і!
Сідла́йте ко́пі воронії,
Да поідте шля́хомъ,
Да наженіть Мару́сеньку зъ Ля́хомъ!«
Тілько Мару́сенька братівъ вздріла,
Такъ на піженькахъ изомліла.
»Да брати́ жъ моі молоді́і!
Да що́ хо́чете, те й беріте,
Тілько мене́ изъ Ля́шенькомъ не губіте!«
Сріблó, зла́то — все забра́ли,
Да й Ля́шенька зарубали.
»Тепе́ръ же я не Мару́ся,
Да нема́ жъ мого́ Ля́ха чорноу́са;
Тепе́ръ же я не вдови́ця, —
Нема́ Ля́ха-чорнобри́вця...«

V.

У Конотóпі наро́дъ зна́е про Горку́шу, Кахáнчика, котрі дебуши́рили въ само́му го́роді и по окóлії; сі случа́і не оста́лися безъ то́го, щобъ наро́дъ не ви́ливъ іхъ у пісня́хъ; бага́то таки́хъ пісень и прúвістей но́ситця поміжъ туте́шніми людьми́.

Ма́ти моя́ роска́зувала мені (говори́въ мені оди́нъ), що у Підли́пному розбиша́ка залізнимъ верете́номъ, тимъ що цівки́ су́чуть, заму́чивъ жінку, утікъ у Карабу́товъ, да тамъ и живъ.

У Конотóпському су́ді е »діло« 1784 ро́ку про Горку́шу. Ви́пишемо съ того́ діла допро́сні ре́чи. Мóже, вони́ кому-не́будь здаду́тця.

»А на третій день, съ нихъ Романъ Басенко и Прокопъ Коровченко отлучилися отъ нихъ въ Самаръ, для покупки рыбы, съ которою намѣрены были ѣхать въ Малороссію для продажи, а особливо въ Лубни, къ женѣ и дѣтямъ онаго Коровченка, кои тамъ домомъ жили. А на послѣдокъ и они, въ-четирехъ: Горкуша (Семенъ Ивановъ сынъ), Кравченко, Пикинеръ и Хмѣловскій, поѣхали въ степъ Запорожскій, къ Павелъ-граду, и, проѣзжая къ Калмусу, проживая по степамъ, провели времени мѣсяца два; а напослѣдокъ пріѣхали въ Ахтырку въ день Пресвятыя Троицы. Проѣзжая къ оной степами, и остановляся подъ Ахтыркою въ березняку, гдѣ и монастырь, подъ коимъ тогда была ярмонка, и простоявши тамъ дней четыре, на пятый день поѣхали въ Конотонъ, для ограбленія Парпурихи; и, проѣзжая къ оному все степами, остановилися уже за Константиновымъ—къ Смѣлому, на полѣ, въ окопѣ Гусаковомъ, козака смѣлянскаго Гусака, не въ-одталь хутора Бардакового, до котораго они и послали Федора Кравченка съ увѣдомленіемъ, что они пріѣхали. Почему оный Бардакъ къ нимъ туда въ окопъ и пріѣхалъ; и они, напившись съ нимъ горѣлки, ночевали тамо, а между тѣмъ послали Кравченка въ Суховерховку къ Пухлому и Шевченку съ увѣдомленіемъ, что они пріѣхали, и ихъ къ себѣ приглашая. Почему они на другой день пріѣхали и съ собою привезли тамошняго жителя Максима, а по прозванію не вѣдаетъ; а за тѣмъ, согласивши и ихъ, поѣхали къ Конотону черезъ Грузьку и Козацькую, нигдѣ не останавливаяся. Между тѣмъ оный Бардакъ отдалъ его, Горкуши, червонцы на семъ-сотъ рублей, у него хранившіеся отъ ограбленія Холодовича. Подъ ѣхавши жъ подъ Конотонъ, остановились при греблѣ Лугинки, и, оставляя онаго Максима при повозкахъ, пошли сами болотомъ отъ Канды-

биной гребли до самого Конотона для осмотру двора оной Пурпурихи, жены тамошняго городничаго Петра Базилевича; и какъ оного дому съ того болота узнать не могли, то и воротились назадъ, и поѣхали въ лѣса, къ Сейму и къ селу Жолдакамъ; и въ близь лежащихъ тамо лѣсахъ проводили дней съ четыре, по причинѣ великихъ бывшихъ тогда дождей; а на пятый день, оставя возлѣ повозокъ въ бору Пухлаго, сами въ-шести человѣкъ, съ однимъ ружьемъ, парою пистолетовъ, сокирою и ратищемъ, на одной пароконной повозкѣ поѣхали въ Конотонъ и, подъѣхавши подъ оный, оставя повозку съ лошадьми въ житахъ, сами всѣ въ-шести пошли въ дворъ къ оной Пурпурихи, и, перелѣзши въ садъ черезъ заборъ, оставили въ саду Максима, а на дворѣ—Хмеловского и Шевченка, а онъ, Горкуша, съ Кравченкомъ и Пикинеромъ, пошли въ кухню и, повязавши въ оной двоихъ женщинъ и двухъ же мальчиковъ, пошли къ покоямъ, гдѣ на крильцѣ спали два человѣка козаковъ, отъ коихъ онъ, Гаркуша съ Кравченкомъ, забравши стоявшія два ружья и двѣ шабли и двѣ ладунки, поставили въ-отдаль, подъ хатою, а ихъ, козаковъ, повязавши ихъ же поясами, отвели въ кухню же; а за тѣмъ и на конюшнѣ троихъ же сторожей, связавши жъ, отвели въ кухню жъ, откудова взявши одного мальчика, пошли въ комнаты, гдѣ дочь оной Пурпуриной дѣвица тогда спала и при ней двѣ дѣвки, и, забравши и ихъ, повели въ кухню невязаныхъ и, заперши въ оной, поставили на караулъ Хмеловскаго и Максима, а сами: онъ, Гаркуша, Кравченко, Шевченко и Пикинеръ, пошли въ комнату къ оной Пурпурихѣ, гдѣ и свѣча еще горѣла, а на кровати лежалъ мужъ ея, Пурпуриной, городничій Базилевичъ, а жена его въ другой комнатѣ спала. И они, вошедши въ хату, сказали ему, городничему: »Здоро́въ! чи радъ гостя́мъ?« На что онъ городничій сказалъ: »Здра́стуйте!« Послѣ чего, сказавши ему, что не до его дѣло касается, то чтобъ онъ лежалъ, сами пошли въ другую комнату къ оной женѣ его, Пурпурихи; которую розбудя и одѣвши въ юпку и надѣвши на голову колпакъ, повели къ оному ея мужу и тамо спросили, гдѣ ея деньги сорокъ тысячъ рублей? Послѣ чего она, отперши одинъ сундукъ, въ которомъ было серебреной посуды весьма много и мѣшокъ серебряныхъ денегъ, объявила имъ, что тутъ-де все ея сокровище. И они, взявши съ оного мѣшокъ серебренныхъ денегъ, а съ другого сундучка маленькаго—въ трехъ связочкахъ жемчуга, имперіаловъ четыре и сверхъ того мѣлкихъ два мѣшка денегъ, шубу лисью мужеску подъ краснымъ сукномъ, одинъ кусокъ локтей въ четыре парчи, а другой въ такую жъ мѣру бархату зеленаго венецкаго, голанскаго и простаго,

всего штукъ съ шесть, но сколько именно котораго штучокъ, онъ знать не можетъ; ружей двое: одно венецкое, а другое тульское; шаблю подъ сребромъ, лошадей трое вороныхъ; да въ городничого сундучокъ собственныхъ его денегъ мѣлкихъ серебренныхъ сѣмъ рублей. Между тѣмъ Федоръ Кравченю ударилъ оную городничую разовъ съ четыре барбарою, говоря, чтобы она, по постамъ мяса не ѣла. А Никита Пикинеръ, взявши у него тую же барбару, билъ ея же городничую, говоря, чтобы она не понижала своего мужа. А за тѣмъ Кравченко, Хмеловской и Шевченко, забравши вышеписанныя вещи и, сѣвши на тѣ три лошади, поѣхавши впереди къ оставленной у житахъ повозкѣ Максима, поѣхали за нимъ, а онъ, Горкуша съ Пикинеромъ, пошли пѣшіе вслѣдъ же за ними. Пришедши жъ на то мѣсто, гдѣ оставили повозку, такъ какъ и оные Кравченко, Хмеловскій и Шевченко, не застали и оной тамо, ни посланнаго къ ней Максима, то и поѣхали тѣ на лошадяхъ, а онъ Гаркуша съ Пикинеромъ пѣшіе, но всѣ вмѣстѣ къ повозкамъ, оставленнымъ ими въ бору. Идучи жъ туды, нашли на дорогѣ чумаковъ, человѣкъ зъ десять, но отколь и кто они таковы, не вѣдаеть, ишовшихъ зъ горѣлкою изъ Глухова; къ которымъ они присовокупясь, пили у нихъ горѣлку и притомъ объявили имъ, что они гайдамаки; и онъ, Семенъ Горкуша, давалъ имъ деньги мѣдные мѣлкіе пригорщей съ три, и за тѣмъ они, отставши отъ тѣхъ чумаковъ, пошли черезъ греблю городничаго Базилевича, съ краю отъ Конотопа состоящую, и, перейшовши оную, нашли въ лѣсу стоявшихъ Литвиновъ человѣкъ зъ десять; но кто они таковы, они не спрашивали. Насыпавши имъ съ капшука денегъ мѣлкихъ, скотили съ одной изъ повозокъ бочку съ горѣлкою, объявляя имъ, Литвинамъ, чтобы они ихъ отвезли до ихъ повозокъ; почему оные Литвины на то и согласилися, и они, взявши одного съ нихъ на повозку, на которую поскладали всѣ оные вещи и сѣлъ онъ, Горкуша и Пикинеръ, а Литвинъ поганялъ. Поѣхали вмѣстѣ съ тѣми, что и верхомъ, и, отъѣхавши отъ ихъ Литовскихъ повозокъ, съ одни гоны, нагналъ ихъ на песку Парпура, но кто онъ, Гаркуша, знать не можетъ, съ однимъ козакомъ, верхами на тѣхъ лошадяхъ, что были въ нихъ повозки, оставленной ими подъ городомъ Конотопомъ въ житахъ, и какъ оные его товарищи, что на лошадяхъ, за нимъ, Парпурою, погналися, а онъ, Парпура, съ козакомъ началъ отъ нихъ убѣгать, то лошади ихъ и позбивали съ себя, съ коихъ козакъ ушолъ въ очеретъ, а Парпуру они поймали и, связавши его жъ поясомъ, посадили къ нему, Горкушѣ, на повозку, и поѣхали трактомъ къ повозкамъ своимъ,

что въ бору, и, ѣдучи туда, настигли на дорогѣ онаго ихъ Максима, къ повозкѣ было отправленнаго, и заѣхали въ хуторъ Лободинъ, но которого — онъ знать не можетъ, и, въѣхавши въ дворъ, пострѣчали въ ономъ его жену Лободы, въ которой и начали они требовать подводы; но какъ она начала ихъ бранить, то съ нихъ Кравченко хотѣлъ ея застрѣлить съ ружья, однакъ онъ, Горкуша, до того его, отнявши въ него ружье, не допустилъ. И затѣмъ онъ, Гаркуша, съ Кравченкомъ, оставя прочихъ своихъ товарищей и Парпуру на дворѣ, пошли въ избу къ оному Лободѣ, и какъ тогда Лобода еще спалъ, то они его разбудя, начали у него требовать лошадей. Когда же онъ спросилъ ихъ: »кто ѣдетъ?« , то онъ, Гаркуша, отвѣчалъ, что разбойники и что взяли съ собою въ ясыръ Парпуру; почему онъ и далъ имъ штофъ водки, трое лошадей верховыхъ и служителя для взятья у нихъ обратно тѣхъ лошадей, какъ доѣдутъ до своихъ повозокъ, и сверхъ того, взяли они у него двое ружьевъ. Въ ономъ же хуторѣ было людей его, Лободы, по примѣчанію его, Горкуши, человѣкъ съ шесть и затѣмъ они оттуда всѣ вмѣстѣ верхами — а на повозкѣ ѣхалъ Парпура связанный, Максимъ и Литвинъ — поѣхали; а отъѣхавши отъ хутора, только верстовъ три, настигла команда козачья конная человѣкъ въ пятьдесять, и начали по нихъ стрелять съ ружьевъ, при чемъ и оного ихъ товарища Кравченка застрѣлили, и онъ тамъ же упалъ; а они: Горкуша, Шевченко, Максимъ, Хмеловскій и Пикинеръ ушли къ своимъ повозкамъ, и съ ними Лободинъ служитель съ лошадьми, и застали при оныхъ Пухлаго и повозки свои запряжены, на которыя съ одной выпрягли лошади и оставили порожнюю въ бору, сами поѣхали верхами, а Пухлый на повозкѣ, а Никита Пикинеръ верхомъ отлучился одинъ съ ружьемъ и взятыми якобы имъ тайно отъ нихъ у Базилевича ассигнаціи, коихъ однакожъ онъ, Гаркуша, не видалъ, и Лободиного человѣка принудили жъ съ собою ѣхать, и поѣхали пущею, и остановилися въ лозѣ, подъ селомъ Трибинскаго, гдѣ опять настигла ихъ тая жъ команда и отняла у нихъ всѣ лошади, и повозку также, и забрали они всѣхъ его товарищей, кромѣ его, Горкуши, и все взятое ими у городничаго, а у него, Горкуши, остался только жемчугъ да сабля, которые онъ послѣ оставилъ въ Степана Крамера, жителя села Чертоватого, что на Кильчинѣ; ибо онъ укрылся въ болотѣ, гдѣ до вечера и сидѣлъ, а въ вечеру, вышедши съ онаго, пошолъ лѣсами и степомъ къ Бардаку, куда на другой день въ ночи и пришелъ, и объявилъ ему о своемъ приключеніи; почему онъ, сожа-

лѣя объ немъ, отдалъ ему, Горкушѣ, всѣ деньги, оставшіяся у него, и отвезъ его на своей подводѣ въ Роменской уѣздъ въ хуторъ, прозываемый Ракова Січъ, куда пріѣхавши, онъ его и оставилъ, и продалъ ему лошадь свою, клячъ мастью сывую, за 22 рубля. Онъ же, Горкуша, нанявши тамошняго жителя, ему неизвѣстнаго, и объявивши, что онъ оставшійся отъ своихъ возовъ, на которыхъ онъ рыбу привозилъ, и нанявши его одну лошадь съ повозкою, а свою припрегъ на пристяжку, поѣхалъ съ онымъ жителемъ, въ свободу Бригадировку, положа въ повозку свои деньги съ мѣшкомъ.«

Тепе́ръ послу́хаймо я́къ паро́дъ почи́тує Горку́шу въ своїй пісні:

Да хотівъ Барда́къ, да хотівъ Кіндра́тъ,
Зъ Таранóмъ (¹) зрівня́тьця...
Дала́ жъ ёму́ вра́жа ма́ти
Зъ Горку́шею зна́тьця!
Що въ Бардака́ у Кіндра́та
Весь двіръ на помóсті,
Наіхали до Бардака́
Не весе́лі гóсті:
»Здоро́въ, Барда́къ, здоро́въ, Кіндратъ!
Якъ ти пожива́ешъ?
Зъ дале́кого кра́ю гóсті,—
Чимъ ти іхъ вита́ешъ?
Ой чи ме́домъ, ой чи вино́мъ,
Ой чи горілкою?
Попрощáйся, Барда́къ Кіндра́тъ,
Зъ дітками и зъ жінкою!«
—»Отъ вамъ, бра́тця Запоро́зці,
Гро́шей по коро́бці,
Та не ведіть ви Бардака́,
Въ Конотіпъ въ коло́дці!
— —
Позайма́ли ше́вці вівці, Неплю́евці ко́ні,
Та вда́рились Таране́нки рука́ми объ по́ли.

Пісня, якъ ба́чите, не дове́дена до кінця́, бо той, хто роска́зувавъ, не зна́е да́лі.

Степанъ Нісъ.

Черніговъ.
Березоль, 1860 ро́ку.

(¹) Таранъ — сотникъ смілянський (Лубенського полку).

СКАЖІТЬ МІНІ, ДОБРІ ЛЮДЕ.

Скажіть мінí, дóбрі лю́де,
Въ кóго я вродúлась:
Що на свíті жилá мáло,
А вже й зажурúлась.

Чи вúйду я у садóчокъ, —
Вáженько вздихáю;
Чи співáла бъ, чи летíла бъ —
И самá не знáю.

Чи вúйду я до рíченьки,—
Изновъ зажурю́ся.
Все дивлю́ся въ степъ широ́кий,
Та́ й не надивлю́ся.

За фúлею фúля дру́га
Шумúть и женéтця,
А у мéне душá ту́жить,
И сéрденько бъéтця.

Місяць ясни́й зъ зіронька́ми
Ти́хо розмовля́е;
А у мéне молодóі
Розмóви немáе.

Скажіть мінí, дóбрі лю́де,
Що́ мінí робúти:
Ой якъ мінí на сíмъ свíті
Безъ кохáння жúти?

Колú бъ мінí далú крúла,
То я бъ полетíла,
Голу́бкою на ру́ченьку
Милéнькому бъ сíла.

Оттоді бъ я, дóбрі лю́де,
Васъ би не питáла;
Жилá бъ собí, співáючи,
И гóря бъ не знáла!

Л. Глібовъ.

ВИГОВЩИНА.(*)

I.

Похова́ли Богда́на Хмельни́цького, и нещасли́ва за́здрость ура́ду гетьма́нського за́разъ почала́ его́ поря́докъ по-сво́ёму переро́блювати. Не оди́нъ зъ старши́хъ генера́льнихъ до гетманува́ння ква́пився, тільки боя́вся я́вне съ тимъ одкри́тися. Тимъ-то, по́тай ра́ди коза́цькоі, хи́трі лю́де намо́вили молодо́го Хмельниче́нка, щобъ не бра́вся до старшинува́ння надъ пова́жними полко́вника́ми, бо вони́ того́ не сте́рплять и віку ёму́ вкоро́тять весе́лого. Учини́ли жъ вони́ ніби ра́ду и, зібра́вши собі зичли́вихъ козаківъ у двіръ до Хмельни́цького, воро́та замкну́ли и бі́льшъ нико́го не пуска́ли. Ви́йшовъ Юра́сь Хмельниче́нко зъ світли́ці на ту́ю раду; дя́куе козака́мъ за у́ряд гетьма́нства и молоді лі́та свої прекладає, що не ёму́ таки́ми спра́вами вели́кими керува́ти и си́вими полковника́ми, лицаря́ми сла́вними, пра́вити; булаву́, бунчу́къ и всі клейно́ди гетьма́нські на сті́лець покладає, ни́зько вкоря́етця и одіхо́дить у буди́нокъ. Зуми́лося коза́цтво про́сте, поба́чивши таке́ й почу́вши, бо тільки самі полковники́ таемни́цю зна́ли; и до́вго та булава́ въ тій ра́ді на стільці лежа́ла. Старшина́ черезъ осау́лівъ не разъ и не два оклика́ла військо, яка́ бъ була́ ёго́ во́ля, кому́ ту була́ву до рукъ узя́ти. Військо бажа́е, щобъ

(*) Помѣщаемъ эту статью вмѣсто литературнаго извѣстія о продолженіи полезнаго труда П. А. Кулиша по предмету общедоступной исторіи Украины. Въ настоящее время подобный трудъ, представляющій, кромѣ историческаго содержанія, образецъ литературной обработки народнаго языка, долженъ стоять наравнѣ съ высокими творческими произведеніями.
Ред.

тільки та була́ сла́ва, що Хмельни́цький гетману́е, а неха́й би ёго́ пора́дці всіма́ речáми до по́вного ёго́ зро́сту справува́ли. Тоді вже Хмельниче́нка козаки́ въ ра́ду зъ світли́ці силоміць ви́вели и булаву́ при собі держа́ти упроси́ли, а якъ у військо йти, то щобъ тоді зъ своіхъ рукъ Вигóвському дава́въ, а верну́вшись изъ похóду, зновъ щобъ ёму́ Вигóвський верта́въ гетьма́нські клейно́ди. Се вже приятелі Вигóвського про́стихъ козаківъ такъ нала́дили, а до то́го ще усовітували, щобъ Вигóвський, ма́ючи въ се́бе булаву́, *гетьма́номъ на той часъ* на листáхъ писáвся. Взя́вши жъ Вигóвський булаву́, вже ій молодóму Хмельниче́нку не верта́въ; вінъ ёго́ до Ки́ева у нау́ку ви́провадивъ, а самъ гетьма́нство опануваъ уже́ безпе́чне. Не ми́сливъ Вигóвський Москві голдува́ти; ми́сливъ вінъ річъ посполи́ту По́льску козака́ми підпе́рти и Вкраіну на рівному пра́ві зъ усіма́ воево́дствами поста́вити. Були́ въ старóго Хмельни́цького вели́кі ска́рби въ землі захóвані. Вінъ ті ска́рби зъ землі добува́е и до войни́, по́тай царя́, готу́етця. А тимъ ча́сомъ царе́ві листóвне ра́дить, щобъ вінъ си́лою короля́ Яна Казиміра зму́сивъ своé королівство за Моско́вськимъ царе́мъ на во́льному се́ймі ствердити, и то́ю пора́дою царські о́чі одъ Украіни одверта́е. Царь же ду́мае, що Вигóвський ёму́ на по́мічъ про́тивъ Ляхівъ готу́етця, ажъ тутъ Пушка́рь Полта́вський до ёго пи́ше, що вже въ Вигóвського зъ Ляха́ми пола́жено и військо чужозе́мне вже грішми Хмельни́цького пона́ймано, щобъ на Москву́ ра́зомъ изъ Ляха́ми несподівано вда́рити. Одни́мъ же у́хомъ царь Вигóвського слу́хае, а дру́ге Пушкаре́нкові настивля́е и самъ не зна́е, кому́ зъ нихъ віри ня́ти. Вінъ свого́ боя́рина Богда́на Хи́трого на Вкраіну въ Переяславъ посила́е, а Вигóвський собі туди́ жъ притя́гъ съ Чигрина́ зъ старши́но́ю, и лести́вими слова́ми и подару́нками вели́кими боя́рина Хи́трого до се́бе прихиля́е. Той ёму́ на ра́ді булаву́ одъ царя́ и гра́моту на гетьма́нство пода́е, и вже почáвъ Вигóвський впóвні гетьма́номъ писáтись.

II.

Ра́да жъ була́ въ Переяславі зъ само́і старши́ни коза́цькоі, безъ че́рні військовóі, и Пушка́рь полкóвникъ на ра́ду не прiíхавъ. То про́сті козаки́ зъ сотника́ми не вважа́ютъ Вигóвського

за зупóлного гетьмáна, а Пушкарь ёгó пройдúсвітомъ на всю Вкраíну оглашáе и всю чернь вíйськóву городовý до рáди генерáльної зъ чéрню низовóю заохóчуе, підмóги противъ вóрога отчúзного и похлíбці Лáдського зъ Запорóжжя прóсить — и допевняетця. Ще жъ Низовé вíйсько зъ Запоріжжя не вúгреблося и зъ городовúмъ вíйськомъ до-кýни и до рáди генерáльної не знялóся, ще тíльки шістьсотъ дóбрихъ молодцíвъ на підмóгу Пушкáреві въ Полтáву прийшлó, а тамъ уже́ ханъ у Крúмý послáмъ Вигóвського обітнúцю чúнить, що на ёгó призúвъ зо всíмá крилáтими óрдами на Вкраíні ставáтиме. Се жъ уже́ дрýгі послú мýсивъ Вигóвський до хáна вúправити, бо пéрвихъ Запорóзці перенялú, у Днíпрí потопúли, листú Вигóвського злáпали и до царя́ послáли, та ще й приписáвъ кошóвий отáманъ Барабашéнко, що ти, цáрю, не здолíешъ на Вкраíні городове́ козáцтво підъ своéю рукóю вдéржати, а зробú ти гетьмáнщину за Порóгами та менé вчинú гетьмáномъ, а городú всі у поспíльство повертáй. Такá-то булá зáздрість у Низовцíвъ на старшúнý городовý и на роскíшне городове́ козáцтво; такъ-то вонú звúкли городúнцямъ я́му конáти, и колú не царéві на старшúнý наговóрювати, то вíйськóву й сíльськý чернь бунтувáти. Убезпéчивши себé съ Крúму, Вигóвський ще усилóвуетця безъ крівáвихъ бучъ на Вкраíні загетьмáнити. Вбачáючи вíйськóвої чéрні до сéбе незичлúвость, а прихúльность до Пушкаря́, вінъ чéсти ёгó й слáви не упосліждáе, листú ёмý лагíдні й ласкáві пúше, вúступокъ ёгó пéрший прощáючи и до прия́зні й згóди ёгó икъ собі нахиля́ючи, що незгóда и неприя́знь спíльнёму добрý Вкраíнському зашкóдять, а ворогáмъ сúли надъ козакáми прибáвлять. А Пушкáрь, я́ко простóта, на ті листú гіркúмъ слóвомъ Вигóвському дорекáе, Ляхóмъ Вигóвського, зъ вúду и зъ ділъ ёгó, лáе. Тоді Вигóвський, не доймáючи віри козакáмъ Украíнськимъ, вúправивъ до Полтáви полкъ Сéрбськоі компáніі своéі грошовóі, щобъ Пушкаря́ взя́ти и до ёго припровáдити. Тая́ жъ Сéрбська компáнія, не дíйшóвши до Полтáви, підъ Дикáнькою коло Бýдищъ, противъ Жýкового Байрáку, обідати въ пóлі заходúлась, а тутъ козакú Пушкарéнкови зъ Січовúми брáтчиками на ії налітáють, січýть, рубáють, якъ полóву розметáють. То пéрше прáвий Днíпровúй бéрегъ Чигирúнський найбíльшъ огнéмъ воéннимъ палáвъ и крóвью облúвався, а се вже почúнаетця звáда на лівому бéрезі, на нáшій

*

Полта́вській Украіні, та не зъ Ляха́ми, не зъ жовнірами, не зъ отчи́зними ворога́ми, а міжъ сами́ми вже козака́ми, міща́нами й селя́нами. Іще́ жъ по Вкраіні бі́лі́ли скрізь костяки́ Ля́дські, Тата́рські, коза́цькі; іще́ о́чі въ матіро́къ по сина́хъ, у женъ по мужа́хъ одъ сліз не пообсиха́ли, а вже козаки́ зновъ почали́ одъ Пушкаря́ й Вигóвського тру́помъ па́дати. Пушка́рь бо, сподіва́ючись на се́бе одъ Вигóвського вели́кої по́мсти, військо́ву чернь зъ Украіни до се́бе скликае́, волоцю́гъ, дейне́къ, ви́нників, брова́рників, пастухівъ и наймитівъ людськи́хъ на козаківъ зна́чних заохо́чуе и, назва́вши іхъ усіхъ дейне́ками, величе́нний по́лкъ зъ нихъ утворя́е. Зъ рога́тинами, ко́сами й кия́ми хи́жа голо́та кругъ Пушкаря́ у Полта́ві сто́впилась, а бага́то й по и́нших города́хъ за Пушкаря́ обізва́лося и въ со́тні ку́пились. Хочъ же й ма́ло міжъ ти́ми дейне́ками було́ лю́ду ору́жного (найбі́льшъ съ коля́ками та ко́сами збіга́лись), та запе́климъ и мсти́вимъ се́рцемъ вони́ лейстро́вому коза́цтву, а найбі́льшъ старшині, не мало́ї трево́ги завдава́ли.

III.

Отъ же гетьма́нъ Вигóвський собо́ю не во́нтпить. Вінъ пі́хоту Німе́цьку коло свого́ бо́ку ма́е и Орди́ де́сять ти́сячъ ко́ней съ Кри́му викликае́. Перейшо́въ Дніпро́ передъ Вознесе́ннямъ, ру́шивъ на Пушкаря́ до Полта́ви, и полко́вникамъ сёгобо́чнімъ звелівъ до се́бе съ поту́гами прибува́ти. И полко́вники, всю́ди по города́хъ съ Пушкарівцями спра́вившись и голо́ту потлуми́вши, до бо́ку свого́ гетьма́на схо́дились. Оце́ жъ уже́ до Соко́ліхъ байра́ківъ Вигóвський съ полковника́ми своіми прибуваe, Орду́ про запа́съ коло байра́ківъ ки́дае, а да́лі на доли́ні Полу́зоръ два полки́ Німе́цькоі затяжно́і піхо́ти Хмельни́цького стано́вить, а самъ зъ обо́зомъ до Полта́ви ру́шивъ и вта́борився міжъ Жука́ми и Рибця́ми, на горі, під Полта́вою. Ще жъ Вигóвський хи́тримъ ро́зумомъ роскида́е, коро́тку весняну́ нічъ у по́лі почу́е, на Пушкаря́ вдари́ти намеря́ючись, а съ Полта́ви Пушкарівці густи́ми ла́вами дви́нули, до та́бору ёго́ на схо́ді со́нця гу́чно припа́ли, військо стрівожили. Тутъ Січові молодці ви́хромъ налі́та́ли и въ та́боръ новска́кували; а дейне́ки Вигóвцівъ кия́ми съ та́бору ви́перли и за́разъ на горільча́нихъ ку́фахъ гуля́ти засі́ли,

а козаки́ зъ Запоро́зцями ки́нулись Виго́вського вози́ зъ сала́ми, съ пшона́ми, съ запасно́ю збро́ею й оде́жею жакува́ти. Вони́ жъ тутъ по́раютця и въ та́борі бенкету́ють, а Виго́вський, спра́вившись и вхопи́вши Орду́ та Німе́цьку піхо́ту свою́, несподівано на нихъ уда́ривъ. Тоді дейне́ки, на Німцівъ зъ дуби́нами вели́кою ку́пою ки́нувшись, заразъ Німцівъ зломи́ли, погна́ли и на-вікъ осоро́мили; а Виго́вський тимъ ча́сомъ съ Тата́рами й коза́цтвомъ на безпе́чнихъ Пушкарі́вцівъ до́бре насівъ и до спра́ви прийти́ імъ не дава́въ. Би́лися жъ Пушкарі́вці завзя́то; па́ло тру́помъ коза́цтва не ма́ло зъ обо́хъ бо́ківъ, ажъ тутъ коза́къ до Виго́вського наме́ту приска́куе и вже го́лову Пушкаре́ву на спису́ пока́зуе. Тоді Січові бра́тчики вте́комъ зара́зъ ру́шили и до Січи манівце́мъ чимчикува́ли. А Виго́вський Пушкарі́вцівъ докінча́въ, безъ ощадку руба́въ и на всі сто́рони, якъ ота́ру, роспу́дивъ. Тоді вже до Полта́ви дви́нувъ и зара́зъ іі огне́мъ привіта́въ, коза́цькі й міща́нські двори́ пожакува́въ, и, посто́явши днівъ зо́ два, до Чигрина́ верну́вся, сёгобо́чні полки́ по домівкахъ пороспуска́вши и до но́воі войни́ яко́ісь гото́витись імъ заповідавши. Яка́ жъ се но́ва була́ въ ёго війна́ на ду́мці? Се вже вінъ Пушкаря́ зломи́вши и Запоро́зцямъ но́са вте́рши, заду́мавъ одъ царя́ одірва́тися. Не зна́ли жъ того́ ёго́ у́мислу ще й полко́вники всі, бо потае́мне Виго́вський, черезъ прихи́льнихъ собі люде́й, зъ Ордо́ю змо́вився; а хочъ прися́гу на брате́рство старшина́ генера́льна Орді ви́конала и одъ Орди́ тако́і жъ прися́ги допевни́лася, та вважа́ли, що то́ для впоко́ю Украінського ро́битця. Тільки чернь войсько́ва на Виго́вського ми́ркала, та сотники́ за че́рню ру́ку тягну́ли, ёго́ таемни́ць домисля́лися и поголо́су вже таку́ по Вкраіні пуска́ли, що хо́че Виго́вський Москву́ воюва́ти.

IV.

Спра́вді притя́гъ Виго́вський въ-осени́ 1658 ро́ку зъ вели́кими поту́гами на сей бікъ Дніпра́, щобъ и впорядкува́ти ёго́, и супроти́вних собі люде́й до оста́нку ви́тлумити. Ніхто́ не зва́живсь противъ ёго зве́рхности озва́тися, а кото́рі вте́комъ пішли́ за грани́цю у Моско́вські городи́, и за ти́ми Виго́вський війскомъ своімъ ганя́въ, а по́слі въ Га́дячі осівся и ра́ду вели́ку зъ стар-

шинóю рáдивъ. Вбачáла ёгó старшинá, що чернь вíйскóва й сíльскá важкúмъ дýхомъ на козакíвъ знáчнихъ и людéй замóжнихъ дúше, — тúї, що козакú зъ войнú нерівно покорúстувались, а сі, що въ рééстръ íхъ не повпúсувано, — отъ и вигýкували по шинкáхъ незвичáйні на козакíвъ знáчнихъ рéчі и завúдливимъ óкомъ на займанщúни людéй замóжнихъ поглядували. Отóжъ и дейнéки ті съ такúхъ людéй сердúтихъ, то зъ опіякъ и гольтяпáкъ завзятúхъ позбірáлись, що насúлу статéчні козакú íхъ розгромúли и по всій Украíні роспýдили. Хочъ же й ущýхнули Пушкарíвці, вбачáючи за Вигóвськимъ потýги велúкі, а про-тé Вигóвці дýмали й гадáли, якъ себé на-дáлышъ забезпéчити. Отъ и надýмались, щобъ уже́ зъ Украíни вчинúти осóбну рíчъ поспóлиту зъ своéю шляхтою, маршáлками и всякими дигнитáрями, на-взíръ Литóвського княáзтва, и до рéчи посполúтої Пóльскої новúми пáктами примкнýтися. Мáбуть, ся дýмка давнó вже въ голові въ Вигóвського кýблилась, та не знавъ вінъ, до чóго ще дійдетця; тимъ за живота́ Хмельнúцького передъ царськúми боя́рами лисúцею звивáвся и самъ на боярство й вóтчини Москóвські въ царя́ квáпився, и колúбъ на Вкраíні ёмý не повелóся, то до царя́ бъ зъ рóдичами й приятелями на даровúй хлíбъ одъíхавъ. Якъ же побáчивъ, що старшина́ козáцька шляхéцьку нáцію на Вкраíні завести́ рáда и головóю своéю ёгó до того́ дíла вважáе, вінъ тоді царя́ тільки лýдою лýдивъ, щобъ панóве Ляхú лáску царськýю збóку вбачáли, бо кáжуть: *гáрна дівка засвáтана*, такъ уже́ щобъ, які́ вінъ схóче, правá ёмý поступúли. Такъ же й стáлось тепéръ, бо корóль, запобігáючи, щобъ царь Москóвський на всі вóльности козáцькі не згодúвся, прислáвъ у Гáдячъ до Вигóвського покíрливі послú, а съ тúми вже послáми старшина́ козáцька такі пýнкти у Гáдячі написáла: щобъ унíї мíжъ двомá вірами посередúни не булó, а нехáй якóї хто хóче вірн держúтця, чи Рúмськоі, чи Грéцькоі; щобъ митрополúтъ Кúївськúй зъ чотирьмá владúками своíми мавъ місце въ сенáті Пóльскому; щобъ гетьмáнъ мавъ найвúщу звéрхність у вíйскóвихъ и въ зéмськихъ речáхъ по Вкраíні, и щобъ уже́ самъ бувъ воєвóдою Кúївськимъ; щобъ вíйська козáцького булó шíсдесятъ тúсячъ; щобъ мáла Украíна своі трибунáли, академíі, наýки, архúви и друкáрні, а панáмъ корóннимъ у всі ті справи не втручáтися; щобъ усі подáтки йшли въ скарбъ Украíнський, а не

въ коро́нний; щобъ сто осо́бъ зъ гетьма́нського реймéнту коро́ль за́разъ нобилітува́въ на шляхе́цтво, а по́тімъ щобъ на всякому се́ймі стільки жъ, кого́ гетьма́нъ ви́бере, до шляхе́цтва прийма́въ; щобъ королівське військо, яке́ въ потреби́зні на Вкраї́ну при́йде, було́ підъ гетьма́нською зве́рхностю; щобъ на запла́ту коза́цькому війську кова́ти на Вкраїні коза́цьку моне́ту; щобъ воюва́ти Москву́ вку́пі съ Поляка́ми було́ до вподо́би козака́мъ оста́влено, а якъ не схо́чуть воюва́ти, то нехай По́льща сама́ зъ Москво́ю роспра́вляетця; якъ же нападе́ на козаківъ Москва́, то щобъ коро́ль за́разъ імъ давъ підмо́гу.

V.

Впоко́івши сёгобо́чню Украіну и Га́дяцькими та́йними пу́нктами себе́ вбезпе́чивши, верну́вся Вигóвський до Чигирина́ и полки́ свої по домівка́хъ пороспуска́въ, а самъ уже́ съ По́льскими комиса́рями то́ про до́бра церко́вні и свіцькі, котрі підъ часъ війни позахо́плювано, розбіра́въ, що́ кому́ й якъ верну́ти, то́ во́льні по-да́вньому торги́ Дніпро́мъ и Чо́рнимъ мо́ремъ обраховувавъ, то́ про суди́, акаде́мпі, дру́ки зъ людьми́ письме́нними ра́дився. Вінъ-то небора́къ пе́вну надію собі мавъ, що Вкраіною якъ хотя́ тепе́ръ пове́рне и но́ву шляхе́цьку на́цію зъ не́і вчи́нить, бо вже й на се́ймі го́рді пани́ коро́нні міжъ собо́ю рахува́ли, що козаки́ не зо́лотомъ и покло́нами, а хоро́брим се́рцемъ и ша́блею добули́ собі того́ го́нору и шляхе́цтва, бо й Македо́нці, мовля́въ, були́ спе́ршу завзя́тими розбиша́ками, и Римля́не съ чабанівъ и бурла́къ повста́ли. А тимъ ча́сомъ діло Вигóвського безъ наро́дньої вподо́би зро́блене, по́тай грома́ди и всього́ Низово́го війська Запоро́зького роспоря́жене, слідо́мъ за Вигóвськимъ рва́лося, ру́шилось и пе́реду ве́сти ёму́ въ отчи́зні на́шій не дава́ло. Га́дяцькі пу́нкти за́разъ дейне́цькі проно́зи пронюхали и Москві обвісти́ли. Стрівожилась Москва́, и за́разъ ви́нула кня́зя Ромода́новського зъ військомъ — Вигóвського діло на Вкраіні псува́ти. Оглаша́е князь Ромода́нъ на Вкраіні Вигóвського недоля́шкомъ, — уніею, держа́вцями, жовнірами наро́дъ поло́хае. За́разъ и почали́ но́ві дейне́ки до ёго́ бо́ку горну́тись и вку́пі зъ ёго́ Москаля́ми дворі и всякі до́бра зна́чнихъ козаківъ жакува́ти. Перейшо́въ князь Ромода́нъ річку Псёлъ, тя́гнучи одъ Моско́вського Білгорода, вда́-

ривъ на Мѝргородъ несподівано; всіхъ Миргородя́нъ зрабува́ла ёго́ орда́ до ни́тки. Одъ Мѝргорода до Лубе́нь дейне́цька згра́я зъ Москаля́ми Ромода́новими простува́ла. Почу́ли Лубе́нські козаки́, які́ го́сті хо́чуть до нихъ завіта́ти, — за́разъ усе́ своє́ добро́ почали́ на вози́ риштува́ти, худо́бу, ко́ней зъ Засу́лля въ та́боръ зганя́ти и, хто бувъ замо́жнійший и до Вигове́ського прихи́льний, всі зъ Лубе́нь якъ мо́га повихо́плювались и по ди́кихъ просто́рахъ Украінськихъ порозволіка́лися, саме́ убо́жество въ Лубня́хъ поки́нувши. Ку́па жъ коза́цтва грошови́того, що ще зъ Пилявськоі здо́бичи ска́рби въ се́бе ма́ла, ви́мурувала. собі підъ сю завірю́ху скарбо́вню въ манасги́рському виногра́ді за Лубня́ми и тамъ своє́ срібло, зло́то и кошто́вну оде́жу у му́рі замурува́ло. Насу́нувъ Ромода́нъ на Лубні — пу́сто въ Лубня́хъ, нічого жакува́ти. Вінъ міcто ви́палившъ до-ще́нту, тільки одну́ це́ркву Тро́йцю поки́нувъ, а тутъ ёму́ про манасги́рські ска́рби донесено, що ченці Лубе́нське добро́ въ се́бе перехо́вують. Ки́нулись туди́ хи́жі дейне́ки зъ Москаля́ми, ввесь манасги́рь розжакува́ли, а замуро́ваний скарбъ у виногра́ді знайшли́, за мали́мъ и саму́ це́ркву вели́ку не обібрано, та вже самъ Ромода́нъ спини́въ и своє́ драніжне військо одъ рабу́нку одверну́въ.

VI.

Тимъ ча́сомъ коза́цькі полковники́: Гуляни́цький Ніженський, Петро́ Дорошенко Прилу́цький, Они́кій Си́личъ Черні́гівський, скупили своє́ військо, люде́й статечнихъ, замо́жнихъ и до Вигове́ського прихи́льнихъ, почали́ рабу́нкамъ Ромода́новимъ запобіга́ти, городи́ й се́ла одъ ёго одбива́ти. А все жъ ували́вся Ромода́нъ у Пиря́тинъ и, сто́ячи въ Пиря́тині, посила́въ свої загони по и́ншихъ города́хъ и се́лахъ до́бра люде́й замо́жнихъ пусто́шити. Поби́ли бъ само́го Ромода́на коза́цькі полковники́ ху́тко, та знавъ Ромода́нъ, я́къ іхъ посередъ рідного іхъ кра́ю притиснути: вінъ усю́ чернь, усі зли́дні, уве́сь голо́дний и завзя́тий людъ противъ лю́ду зна́чного и бага́того підня́въ, та ще й слобідськи́хъ козаківъ, що ще за Хмельни́цького зъ Украіни похо́дили и вже ніби на чужу́ зе́млю на не́і поглядали́, и тихъ вінъ до спільнёі робо́ти заклика́въ, и ті помага́ли жорсто́кимъ и злиде́ннимъ дейне́камъ се́ла и хуторі шарпати и въ-нівець оберта́ти;

а да́лі й самъ, надпали́вши Пиря́тина и по-Татарській обідра́вши, на Гуляни́цького и на и́ншихъ полковниківъ ру́шивъ, та нічо́го ёго́ війську, я́ко пра́ведно коза́цькому, хоро́брому и испра́вному, не вдіявъ. Тимъ ча́сомъ коло ёго бо́ку зібра́лося зъ різнихъ полківъ війско́воі че́рні вкупі зъ дейне́ками ти́сячъ до пяти́, чи й більшъ. Ба́чить Ромода́нъ, що Виго́вці до́бре на своіхъ ми́сляхъ упяли́ся, наду́мавсь хочъ по Дніпро́ Украіну одъ По́льщи одірва́ти и осо́бного гетьма́на надъ сёгобо́чнёю Украіною огласи́ти. Козаки́ й дейне́ки на те згоди́лися, аби́ одъ Виго́вського ви́крутитись и одъ ка́ри за своі розбиша́цькі похо́ди захова́тися підъ но́ве гетьма́нство. Отъ и настанови́ли зміждо се́бе гетьма́на зна́чного това́рища військово́го Ива́на Безпа́лого, підъ Ва́рвою, въ Пили́півку 1658 ро́ку. Тимъ ча́сомъ Виго́вський по той бікъ Дніпра́ съ кня́земъ Шереме́томъ завівся, бо Шереме́тъ, приіхавши на воіво́дство въ Ки́івъ, поча́въ по Моско́вськимъ звича́ямъ реча́ми керува́ти, ска́рбу міського допи́туватись и одъ се́бе ме́ншихъ воіво́дъ зъ ору́жнимъ лю́домъ по и́ншихъ города́хъ для грошово́го збо́ру розсила́ти. Виго́вський підступи́въ підъ Ки́івъ и бійку́ немалу́ зъ Шереме́томъ звівъ; а да́лі зъіхались, помири́лись и до царя́ посланцівъ своіхъ посла́ли. Виго́вський посла́въ одъ се́бе Білоцерківського полко́вника Кравче́нка, що вінъ не про́тивъ царсько́і зве́рхности вою́е, а тільки своево́лю гультя́йську по Вкраі́ні ускромля́е и на тихъ військомъ бъе, хто ту́ю своево́лю підде́ржуе. »Не на те ми«, ка́же, »царе́ві присяга́ли, щобъ у своіхъ мужиківъ підъ нево́лею бу́ти и щобъ насъ на́ші мужики́ за шия́ку води́ли: ми ду́мали, що намъ во́ля більша одъ да́внёі бу́де, а тепе́ръ« ка́же, »воіво́ди Моско́вські, підде́ржуючи своево́лю, по Вкраі́ні вели́кі бу́чі счиня́ють.«

VII.

Тамъ же въ Москві Кравче́нко царськи́й гнівъ митигу́е, щобъ не посила́въ царь більшихъ поту́гъ на Вкраіну, а тутъ Виго́вський, одно́ ма́ючи въ ми́сляхъ, посила́е свое́му прия́телеві Гуляни́цькому въ по́мічъ наказно́го свого́ гетьма́на Скоробага́тенка зъ задніпря́нськими трёма́ полка́ми, а зъ нимъ Поляка́ Гру́шу зъ грошови́ми По́льскими корогва́ми, та ще й Орди́ ти́сячей скільки.

Самъ же за Дніпро́мъ своє́ діло ро́бить и ще більшихъ поту́гъ съ Кри́му наджида́е. Ки́нувсь князь Ромода́нъ до го́рода Ло́хвиці втіка́ти, а Виговща́не зъ Ордо́ю ёго гна́ти, руба́ти, у поло́нь ору́жний людъ ёго́ бра́ти. Не вде́ржавсь би и въ Ло́хвиці, та зайшла́ чу́тка, що зъ Моско́вськоі землі ёму́ на підмо́гу ще три воіво́ди зъ ра́тями ви́слано, а тутъ и Запоро́зці, не лю́блячи Виго́вського, цілимъ полко́мъ помага́ти дейне́камъ причвала́ли, а тутъ ще де́-які недо́битки Полта́вці, Пушкаре́ви прия́телі, зна́чні козаки́, завихри́лись и скрізь по Вкраі́ні про́сте коза́цтво на Виго́вського підніма́ли. Добува́въ Виго́вський Ло́хвиці до́вго, тісно сидівъ Ромода́нъ у голо́дному го́роді. Би́лись Виговща́не й підъ Ромно́мъ, де зімува́въ Безпа́лий, добува́ли й Зінько́ва, де Запоро́зці зъ голо́тою засіли, та вся та війна́ на сами́хъ се́лахъ та города́хъ Украінськихъ окоши́лася: пе́рше бо іхъ Москалі зъ дейне́ками пусто́шили, а по́слі Тата́ре та Виго́вського жолніре рабува́ли и на Виговща́нъ въ убо́гихъ лю́дяхъ се́рце роздра́жнювали. »Се все старшина́ ли́хо ко́іть и но́ву войну́ підійма́е«, козаки́-чернь вку́пі зъ селя́нами й міща́нами, набра́вшись біди́, гука́ли. »Коли́бъ іхъ царські ра́тні лю́де де-не́будь засту́кали, то ми бъ іхъ сами́ перевяза́ли и царе́ві въ ру́ки ви́дали!« Оце́ жъ и въ полка́хъ Виго́вського сторони́ козаки́ по своіхъ дво́рахъ одъ військо́воі слу́жби туля́лись, а старшина́ нево́лею козаківъ у полки́ виганя́ли, а хто, мо́влявъ, буде измінникъ и въ полки́ не піде, у тихъ жіно́къ и діте́й позабіра́ють и Орді попро́дають. Оце́ же сёгобо́чня Полта́вська Вкраіна на дві сто́роні роспада́лась: одна́ сторона́ — козаки́ вбогі, зъ недо́битками зна́чними Пушкарівцями то зъ бра́тчиками Запоро́зцями до Москви́ нахили́лась, а дру́га, багатирі, на шля́хту закандзю́бившись, до По́льщи, на но́вихъ тае́мнихъ па́ктахъ, верну́тися наду́малась. Отъ же даре́мне Виго́вський, після́ вое́нного ро́зруху, поста́вити на но́ги старосвітську Украіну силкува́вся, даре́мне ду́мавъ козаківъ про́стихъ ша́блею до зго́ди зъ Ляха́ми и недоля́шками нахили́ти и всю Вкраіну на взіръ Коро́нноі и Лито́вськоі ре́чи посполи́тоі впорядкува́ти. Про́сті бо лю́де, селя́не й козаки́-чернь, Ляхівъ жаха́лися, не няли́ Ля́дському брате́рству віри, а старшини́ коза́цькоі не люби́ли; Запоро́зці жъ, ба́чивши ёго́ панібра́тство съ ха́номъ, давно́ вже на ёго ре́мствува́ли: не ходи́вши бо мо́ремъ и по́лемъ на Тата́ръ, імъ нічимъ було́ пропи́туватись, а на самій ри́бі та на полюва́нні військо́вому

лю́дові не вси́діти; тимъ вони́ й дейне́къ підпира́ли и голо́ту на Виго́вського підійма́ли, щобъ ёго́ сто́рону, люде́й замо́жнихъ, зъ мае́тківъ ви́ругувати и іхъ надба́нимъ поживи́тися. Зъ сёго ча́су почина́етця до́вга незго́да міжъ людьми́ вбо́гими и коза́ками зна́чними на Вкраі́ні, а́жъ по́ки вся Вкраіна обнища́ла и вели́кі ска́рби, що на войні козаки́ въ Ляхівъ поздобува́ли, по чужи́хъ скри́няхъ та кише́няхъ ростекли́ся, а козаки́ зна́чні тільки вже зе́млі собі позахо́плювали, оди́нъ одного́ потісня́ючи и съ тихъ зе́мель почали́ зновъ багатіти. На про́весні 1659 ро́ку поча́въ зновъ Виго́вський сёгобо́чню Вкраіну до се́бе една́ти, и вже напрямоту́ Скоробага́тенка зъ универса́лами своіми розсила́е, щобъ усі станови́лись односта́йно противъ Моско́вського війська, бо, ка́же, ца́рські комиса́рі ще за Хмельни́цького договори́лись изъ пана́ми Ляха́ми, щобъ царе́ві, якъ умре́ коро́ль, назва́тись королёмъ По́льськимъ, а за те пана́мъ Ляха́мъ ору́дувати якъ хотя́ Украіною. »Тимъ-то«, ка́же, »ми зъ старшино́ю розсуди́ли лу́чче доброхіть прихили́тись до По́льщи на права́хъ во́льного наро́ду, ніжъ ма́тиме насъ оддава́ти Ляха́мъ царь Моско́вський, мовъ свое́ надба́не.«

VIII.

Тимъ ча́сомъ прихи́льні до Виго́вського полковники́: Дороше́нко Прилу́цький ставъ у го́роді Срібному, а Гуляни́цький Ніженський у го́роді Конотопі, щобъ уже́ більшъ підмо́ги кня́зеві Ромода́ну зъ городівъ Моско́вськихъ не допуска́ти. Спра́вді ру́шила но́ва царська́ ра́ть одъ Пути́вля, а чоло́мъ іі бувъ князь Олексій Трубецьки́й. Прочу́вши царь, що Ляхи́ до́бре підъ Виго́вського підмо́щуютця, наказа́въ Трубецько́му, щобъ, не заво́дячи бо́ю зъ Виго́вськимъ, потае́мне зъ нимъ зъіхався и нові права́ ёму́ поступи́въ: неха́й бере́ собі, опрічъ гетьма́нства, воіво́дство Ки́евске; ро́дичівъ ёго́ й приятелівъ до́бре вгоноби́ти, а коли́ упне́тця, то и съ Ки́ева Моско́вську зало́гу зъ воіво́дою ви́вести, тільки вже неха́й Орду́ до Кри́му одсила́е и більше зъ не́ю не бра́таетця. Такъ-то въ Москві здава́лось царській ду́мі ле́гко було́ Виго́вського сто́рону одъ Ляхівъ одмани́ти. А тутъ уже́ нава́жилась старшина́ до ноги́ Москву́ ви́бити. Почу́вши, чимъ воно́ па́хне, князь Трубецьки́й, ста́вши на Су́лі въ Костянти́нові, стягну́въ до се́бе Моско́вськихъ воіво́дъ зъ Ло́хвиці, а Безпа́лого зъ

Роме́нъ, и оце́ вже, апре́ля 19-го, до Коното́па підступа́е. Самъ же Трубецькій зъ Ромода́номъ Гуляни́цького въ Коното́пі обля-га́ють, а на Дорошенка підъ Срібне кня́зя Пожа́рського виправля́ють. Пожа́рський Дорошенка зъ Срібного ви́ругувавъ, и Срібне, за прихи́льность до Вигове́ського, ви́різавъ и спліндрува́въ до-щенту; а Трубе́цькій зъ Ромода́номъ одъ проводно́і неді́лі ажъ до Петра́ держа́въ Гуляни́цького въ обложе́нню, нічо́го ёму́ въ Коното́пі не вдіявши. Було́ въ Гуляни́цького тільки півъ-третя́ ти́сячи війська, та все то були́ буваль ці, що й підъ Берестечкомъ Пляшову́ вміли загати́ти, и на Дрижино́лі здоліли одъ Ля-хівъ и Татаръ изза мерзлого тру́пу одбива́тись. Ані щоде́нні при-ступи, ані підко́пи, ані бо́мби й грана́ти козаківъ не лякали. Коза́кы до́бре зъ самопа́лівъ стріля́ли, руко́пашъ га́рно Трубеща́нъ, Ромода́нцівъ и Безпа́льцівъ сікли й руба́ли, зъ гарма́тъ гарма́ти підбива́ли и кругъ свого́ ва́лу бага́то війська Моско́вського тру́-помъ положи́ли. Якъ же взяли́ся Москалі валъ передъ собо́ю гна́ти, щобъ кругомъ Коното́па глибо́кий рівъ земле́ю заси́пати, тоді обложе́нці ви́лазками іхъ до́бре одбива́ли, ту зе́млю въ Коно-то́пъ носи́ли и собі валъ прибільшували. Воюють Москалі тутъ безпе́чне, Гуляни́цького добува́ючи, а на нихъ Вигове́ський съ по-ту́гами По́льскими й Татарськими зненацька наступа́е. Надбли-зившись Вигове́ський до Коното́пу, не всіма́ поту́гами ра́зомъ на кня́зя Трубецького и козаківъ Безпа́лого вда́ривъ: він ха́на Кри́мського про запа́съ за річкою Соснівкою у за́хисті поста́вивъ, а самъ на безпе́чнихъ Москалівъ и дейне́къ ри́нувся и за́разъ ко́ні въ нихъ одігна́въ, а по́тімъ самихъ розгроми́въ, роспу́дивъ и тру́помъ Моско́вськимъ и дейне́цькимъ по́ле одъ села́ Соснівки до Коното́па вславъ; тільки те́мна нічъ Москалівъ и Безпа́ловцівъ одъ Виговща́нъ закри́ла. Въ-ночі Москалі попра́вились, у одинъ та́боръ изійшли́ся, ва́ломъ обси́пались, гарма́тами обриштува́лись. Все вони́ ду́мали, що въ Вигове́ського невели́ка задніпря́нська си́ла и на сто ти́сячъ свого́ війська вповали́. Ране́нько 28 ю́ля вони́ кня́зя Пожа́рського зъ зна́тними поту́гами на Вигове́ського ви́правили. Ви́хромъ налетівъ на Виговща́нъ Пожа́рський, и за́разъ Виговща́не наза́дъ подали́ся. Вже й за річку Соснівку Пожа́рський іхъ переганя́е, вже й язика́ доста́е князь Пожа́рський. »Не вганя́йся, кня́же, за Вигове́ськимъ«, ёму́ ка́жуть: »у Вигове́ського Татаре стоя́ть у заса́дці!« — »Дава́й сюди́ Татаръ!« кри́кне

Пожáрський: »всіхъ іхъ сякúхъ-такúхъ синівъ вúрубаемо й вúполонимо!« та й по-Москóвській ще загнýвъ. Ажъ тутъ, якъ вúхоръ, налетíли на ёгó Татáре й козакú-Чигирúнці зъ засáдки. За малý годúну вже пóле трýпомъ укрúте, и рíчка Соснівка Москóвськими головáми загáчена. Самóго Пожáрського живцéмъ ухопúли и передъ хáна привелú. Вінъ и тутъ лáетця и въ вíчі хáнові плюé. Махнýвъ рукóю ханъ — покотúлась Пожáрського головá вихровáта. Тоді всі Виговщáне и Ордúнці зъ весéлимъ дýхомъ наступúли на Ромодáна и Безпáлого. Не дéсять же, та й не двáдцять тúсячъ Москóвського вíйська ляглó тоді пíдъ Конотóпомъ. Тягнучи воевóди втéкомъ за Москóвську грянúцю до Путúвля, разъ-пó-разъ въ пóлі отáборювались и вáломъ обсипáлись, ажъ пóки вúругувавши іхъ зъ Украíни, перестáвъ Вигóвський гнáти. Тоді вже тíльки Татарвá осúнимъ рóемъ навкругú того вíйська Москóвського увпивáлась и, догнáвши ёгó до Путúвля, дóвго ще по Москóвськихъ сéлахъ грасувáла и людéй у невóлю хапáла.

IX.

Отъ же дарéмне пролилáсь и Москóвська кровъ на Вкраíні. Нáше козáцтво самó по собí важкúмъ ярмóмъ на шúї въ міщáнъ и въ поспíльства лежáло. По городáхъ на Вкраíні козакú охóчі, гайдамáки, затя́зці, колíї, лéвенці, дейнéки, чи якъ тамъ вонú ще звáлись, на козакíвъ реестрóвихъ важкúмъ дýхомъ дúхали, а въ поля́хъ на Запорóжжі Низовé вíйсько тíльки себé прáведними козакáми и лицаря́ми вважáло, самó себé »кóренемъ и твердúнею чéсти и вікопóмної слáви всёгó товарúства воéнного Украíнського« величáло, и мúслі почалó вже на те хилúти, щобъ царь Москóвський усі козáцькі сéла на Вкраíні повернýвъ у мужúцтво, а тíльки на Запорóжжі козáцьке гетмáнство собí вчинúвъ. Тимъ воно́ зъ сáмого почáтку посланцівъ Вигóвського до хáна Крúмського, перенявши на Днíпрі, потопúло, а листú ёгó до царя́ одíслало; тимъ воно́ зáразъ пíдмогу Пушкарéві й дейнéкамъ вúслало; тимъ воно́ й надáльшъ прóтивъ городовóго лейстрóвого козáцтва, нáче прóтивъ якóї шля́хти невíрної, крівáві бýчі замишля́ло. Справдí бо въ городовé козáцтво багáто народу шляхéцького повписувалось и въ полковникú, въ сотникú, въ хорýнжі й осаýли повп-

скáкувало. Воні́, сі пано́ве, під'ъ вели́ку завірю́ху за Хмельни́цького, свого́ діди́зного шляхе́тства зрека́лися и всі коза́цькі звича́і собі перейма́ли и коза́цькимъ ро́бомъ ходи́ли, грома́дської ла́ски й пова́ги запобіга́ючи; якъ же вщу́хла та бу́ря, що ввесь стари́й поря́докъ догори́ перевернула́, воні́ пома́лу-ма́лу знов почали́ Украі́ну на стари́й ладъ навертáти и нобилитáції черезъ Вигóвського въ короля́ випро́шувати, щобъ завести́ знов шляхе́цьку на́цію на Вкраі́ні, а сами́мъ ро́щиною тій новій на́ції вчини́тися. Роби́лось ді́ло те сти́ха и до Га́дяцькихъ пу́нктівъ сами́хъ не вся старши́на допуска́лась. Ду́малось-то такъ, щобъ пе́рше зъ Ордо́ю та зъ жовні́рами Пушкарі́вцівъ ви́бити та заляка́ти, Низовцівъ зъ Поро́ги попроганя́ти, Ромода́новцівъ за гряни́цю ви́ругувати, та тоді вже но́ві па́кта, нові́ права́, нові гоно́ри на Вкраі́ні огласи́ти и бага́тихъ, розумні́йшихъ, стате́чнихъ люде́й вдовольни́ти. Та не під'ъ си́лу було́ Вигóвському зде́ржати Украі́ну одъ оста́тнёго ро́зруху. Він-то вповáвъ, що лівобере́жня Украі́на вже на́дто осла́бла, бо Пушкарі́вці, Виговща́не зъ Ордо́ю й Ромода́нівці зъ слобожа́нами, одни за дру́гими, мовъ серпо́мъ ії ви́жали: вже бо найбі́льші полки́, що на поча́тку Хмельни́щини по три́дцять и по со́рокъ ти́сячъ коза́цтва въ собі ма́ли, всі перегину́ли, — Полта́вський, Миргоро́дський, Прилу́цький, Ирклі́вський, а городи́ й се́ла кропи́вою позароста́ли и навкруги́ людськи́ми костяка́ми білі́ли. Кото́рі козаки́ тру́помъ па́ли, а кото́рихъ зъ жінка́ми й дітьми до Кри́му одве́дено, та и всі сусі́дні зе́млі, під'ъ ту руїну вели́ку, въ По́льщі й на Вкраі́ні, по́вні були́ полону́ обо́хъ наро́дівъ, а що́ зоста́лося лю́ду пі́сля Конотопського по́грому, въ тихъ городáхъ, що за Безпа́лого стоя́ли, то й тихъ звелівъ Вигóвський за Дніпро зганя́ти, а городи́ попали́ти, а де́котрі се́ла Тата́ре росхапа́ли й спліндрува́ли. Зни́кло або́ спусті́ло въ Вигóвщину бага́то лю́дныхъ містъ: Зінькі́въ, Га́дячъ, Роме́нъ, Ми́ргородъ, Ло́хвиця (кото́ру Москалі зни́щили, а Тата́ре доі́ли), Ве́прикъ, Ра́шевка, Лю́тенка, Сорочинці, Ковалі́вка, Баранівка, Обухівъ, Бага́чка, Устиви́ця, Яре́ска, Шишáкъ, Бу́рка и и́нші, — все те пу́стками и пожари́щами до́вго стоя́ло. Підупа́вши самъ того́ жъ ро́ку, Вигóвський всёго́ тільки ти́сячъ изъ со́рокъ супроти́въ се́бе королéві По́льскому налічувавъ. Тимъ він, нанявши своімъ ко́штомъ чоти́рі ти́сячі затя́зцівъ зъ Се́рбівъ, Німцівъ, Ляхівъ и зо всякого лю́ду, та вта́боривши Тата́рську зало́гу

під Чо́рнимъ га́емъ, поблизу́ Чигри́на, та визива́ючи одъ коро́ля́ жовні́рську по́мічъ, ду́мавъ силоміць на Вкраі́ні панува́ти и тільки люде́й зна́чнихъ до се́бе нобилита́ціею и хлібними ура́дами прихили́ти. Оце́ жъ вінъ роспусти́въ прихи́льні собі полки́ по сей бікъ Дніпра́, а самъ, верну́вшись у Чигири́нъ, Га́дяцькі пу́нкти висила́е до короля́ на скріпу съ посла́ми своіми: Неми́ричемъ, Верещако́ю, Сули́мою, людьми уче́ними и вельмо́жними, а бра́та Дани́ла підъ Ки́ївъ, съ пятьма́ полка́ми тогобо́чніми и съ Тата́рами, шле, щобъ съ Ки́іва Моско́вську зало́гу зъ кня́земъ Шереме́томъ ви́ругувати, и такъ уже́ всю Украіну очи́стити.

П. Кулішъ.

Святи́ня.

Мо́вчки стру́ни на банду́рі
Я перебіра́ю.
Заспіва́въ би я до те́бе —
Го́лосъ замира́е.

Не почу́ешъ мого́ сло́ва
Се́рцемъ молоде́нькимъ, —
Квітчаною голово́ю
Схи́лився до не́ньки.

»Пести́ ме́не, моя́ не́не,
Якъ малу́ дити́ну.
Я твое́го, не́не, ло́ня
До-віку не ки́ну.«

—»Ой поки́нешъ, моя́ доню,
Да́лебі поки́нешъ,
У чужи́й кра́й, въ чужі лю́де
Пта́шкою поли́нешъ.

Прийде, прийде, моя доню,
Такая година,
Що рідшійша неньки буде
Любая дружина.«

И я чую тихі речі,
Голоснійше граю.
Я душею молодую
Красу обіймаю.

Ой бандуро, рідна сестро,
Золотиі струни! (1)
Вложи въ неі моє серце,
Високиі думи.

Нехай ій въ вісні присниться,
Що я чую й знаю,
Про що сердемъ одинокимъ
Господа благаю.

Нехай ій въ вісні присниться
Мати Україна,
Наше горе, наша радість,
Надія єдина.

Святе слово — *рідна мати;*
Есть іще святиня,
Вища, Богові милійша —
Рідная Вкраіна.

Зрозумій, моє кохання,
Чистою душею,
Що люблю я, чимъ живу я, —
Будешъ ти моєю.

П. Кулішъ.

---

(1) Изъ запорозькоі пісні:

Струни моі, струни золотиі
Зайграйте міні стиха...

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

СКАРБЪ.

Бувъ собі чоловікъ та жінка. Були воні люде заможненькі; усёго въ іхъ доволі: и поля, и скотинки и худоби, и хата простора зъ садочкомъ и левадою. Послявъ імъ Господь на втіху одного тільки синка, — Павлусемъ звали. Та вже жъ и шанували и пестували воні того одинчика! не такъ батько, якъ мати. И що то вже за мати була! міжъ матірками, на вдивовижу мати! Вже Павлусь бувъ чималий пахолокъ, а вона ще возилася зъ нимъ, якъ зъ маленькою дитинкою. Було власними руками годуе ёго, а вінъ, телепень, тільки глита та, якъ той пуцвіринокъ, зновъ ротъ роззявлюе. Усю зіму и осінь съ хати не випустить: »Не ходи, синку, каже: холодно, змерзнешъ, та ще, крий Боже, занедужаешъ, то я й умру, не діждусь, поки ти й одужаешъ.« Прийде весна або літо,—зновъ не пуска. »Не ходи, синку: душно, сонце напече головку, голова болітиме.« Цілісенький рікъ не дасть ёму порога переступить, хиба у неділю поведе до церкви, та за нимъ и не молитця, такъ обома руками за ёго й держитця, щобъ хто, не то що штовхнувъ, а й не доторкнувся бъ. Де-коли, якъ обридне ёму стояти, то такий галасъ пидійме на всю церкву, буцімъ зъ ёго чортяка лика дере. »Ходімъ, мамо, до-дому, хлипа: исти хочу!« То мати и веде ёго до дому, не діждавшись кінця служби и благословенія. А якъ кладе ёго спати, то сама и стеле, и роздягае, и хрестить, и ще й котка співае, неначе надъ годовичкомъ. Часомъ, батько, дивлячись на се юродство, стане грімати на жінку и похвалятись, що вінъ Павлуся віддасть у школу до дяка ажъ у другe село, такъ куди!.. и не кажи... Така зъ неі добра и покірна жінка, а якъ дійде діло до еі Павлуся, то якъ скажена ста-

не: и о́чі ви́тріщить, и запі́нитця, и за ніжъ хапа́етця; крий Бо́же, що́ вироблля́е!... Кажу́ жъ вамъ, що й мі́жъ матеря́ми навдивови́жу була́ ма́ти.

Дорісъ Павлу́сь до па́рубка. Такъ ёго́ ви́гнало та роспе́рло, таки́й ставъ гладки́й та опе́цькуватий! Пи́ка широ́ка та оду́тлувата, якъ у того́ салогу́ба, а ру́ки бі́лі, та ніжні, якъ у па́нночки. Та одъ чо́го бъ імъ и пошерхнуть? зъ-ро́ду, не то́ щобъ ціпъ або́ ко́су у рука́хъ подержавъ, не взя́вся й за лопа́ту, щобъ одгребти́ снігъ одъ поро́га, або́ за ві́никъ, щобъ ви́мести ха́ту. Було́ стари́й и ста́не дока́зувать жі́нці:

— На яку́ ра́дість ми ёго́ ви́годували? Яки́й зъ ёго хазя́інъ бу́де? Що́ зъ нимъ ста́нетця, якъ ми помремо́?... Оста́нетця вінъ на світі, мовъ сліпи́й безъ поводатеря!

— Э, чоловіче́! одка́же жінка:—якъ Богъ милосе́рдний пошле́ ёму́ ща́стя, то безъ насъ жи́тиме ще лу́чче, якъ тепе́річка!

Уже́ Павлусе́ві мину́въ и два́цять и́тий, вже бъ вінъ и на вечірни́ці пішо́въ, такъ ма́ти не пуска́.

— Не ходи́ туди́, си́нку, ка́же:—на вечірни́цяхъ збіра́ютця самі пъяни́ці та розбиша́ки; тамъ тебе́ обідать, ві́ку тобі зба́влять. Почека́й тро́шки, я сама́ знайду́ тобі дівчи́ну, саму́ найкра́щу на всёму́ світі, саму́ роботя́щу; вона́ бу́де тебе́ и годува́ть, и зодяга́ть, и доглядать, якъ рідна ма́ти.

Такъ не привівъ же ій Богъ и оженити си́на. Разъ у ночі розвередува́вся Павлу́сь, якъ на живітъ кричи́ть: »Ме́ду та й ме́ду!« У стари́хъ на ту по́ру не було́ ме́ду. Що́ тутъ на світі робити?.. Уста́ла ма́ти, наки́нула на се́бе свити́ну, не схотіла буди́ть на́ймичку, и сама́ мотну́лась по селу́ шука́ти того́ ме́ду. А на той часъ така́ підняла́сь фу́га, що, не то що у ночі, а въ день не поба́чила бъ світу Бо́жого. Бі́гала серде́шна, бі́гала одъ ха́ти до ха́ти (у кого́ й е, то ка́же нема́: не хо́четця устава́ть), та я́кось уже́ ви́просила у попа́. За оди́нъ сільничо́къ обіща́ла бу́зівка подарува́ти. Трохи не замерзла, та таки́-принесла́, и що́ жъ?.. Повлусе́ві вже не до ме́ду; засну́въ мане́сенький, ні́якъ ёго́ и не розбу́ркаешъ. Такъ черезъ той-то медъ занеду́жала небо́га, та и вме́рла. За не́ю вслідъ и ба́тько но́ги простя́гъ, и нашъ Павлу́сь и не схаменувся, якъ оста́вся кру́глимъ сиротою.

Що́ жъ зъ нимъ ста́лось?.. Пра́ву каза́ла ма́ти: Якъ Богъ милосе́рдний пошле́ ёму́ ща́стя, то безъ ба́тька и безъ ма́тери жи́тиме ще лу́чче, якъ за іхъ. У покійниківъ,— звісно, якъ у замо́жнихъ хазяінівъ—був на́ймитъ и на́ймичка. На́ймитъ—па́рубокъ ще молоди́й, працёви́тий, не

питýщий, а нáймичка тежъ чéсного роду, остáлась бíдною сиротóю, и покíйниця приняла́ ії до сéбе, якъ рíдну дитúну. За Павлусéмъ и імъ дóбре жилóсь; було́ чимъ-нéбудь ёму́ угóдють, то стара́ и дя́кує и грóшей імъ даé, и дóбру одéжу, а чáсомъ за нáймита скотúну у пóле ви́жене, а за нáймичку хáту ви́мете и води́ принесé. Отóжъ якъ умірáла стара́, то благословúла нáймита зъ нáймичкою побрáтись, наділúла іхъ худóбою и ажъ рýки імъ цілувáла та просúла, щобъ вонú не обíжáли ії Павлуся́, доглядáли бъ ёго́ и булú ёму́ рíднимъ бáтькомъ и мáтіръю, а вже вонá на тімъ свíті бýде благáти Гóспода, щобъ вінъ милосéрдний, послáвъ імъ уся́кого щáстя и талáну́.

Отóжъ пíсля смéрти старúхъ, нáймитъ оженúвся зъ нáймичкою и стáли собí господарювáти. Щáстя, якъ горóхъ зъ мішкá, такъ и сúплетця на нáшого Павлуся́: и урожáй у ёго лýччий, якъ у дрýгихъ, и корівъ немá я́ловихъ. Накупúли волівъ и послáли кілька хуръ у Крúмъ за сíллю, на Дінъ за рúбою, построїли шинóкъ зъ лáвкою, та й годýють скрúню карбóваньцями, якъ свиню горóхомъ. Кругóмъ у сусідівъ талій дáвить скотúну а у Павлуся́, якъ на смíхъ, хочъ би́ одúнъ тобí вілъ здохъ.

Разъ нáймитъ пíймáвъ у садóчку ройкá, такъ съ того́ одного́ розроíлось колодóкъ съ трúдцять. Нáймичка доглядáла Павлуся́, якъ рíдна мáти: и годýе ёго́, и голову ёму́ змúе, и росчéше, и одягáе, и роздягáе, и стéле, такъ ёму́ у вічі й дúвитця, дýмку ёго́ відгадáе, бо Павлýсь за ввесь день и пáри зъ рóта не пýстить; хочъ би́ чáсомъ чого́ и схотівъ, вже́ не попрóсить: я́кось ёму́ и слóво вáжко вúмовити. Тільки ёму́ и робóти, що цілісінький день íсть (а лóпавъ здóрово) та спить. Було́ прокúнетця врáнці—зáразъ нáймичка и стáвить передъ ёго́ душéю жáрену кýрку, або́ кáчку, або́ повнісіньку макітру варéниківъ зъ сметáною; íсть небóрак, ажъ за ушúма лящúть. Не вспíла нáймичка ёго́ утéрти, а вінъ вже й уклáвся спáти. Поспúть на перúні, лізе на пічъ поспáти ще у прóсі. Пообідае и зновъ куня́; колú зімóю, то зновъ у прóсо, а колú літомъ, то вúйде у садóкъ, ля́же пíдъ грýшею, а чáсомъ, гля́нувши угóру, трóшки й россéрдитця: »Бісові грýші! пробубонúть: які спілі, и надъ самісінькою головóю вися́ть а ні одна́ жъ то не впадé у ротъ.« И щó бъ то дригонýть ногóю та штовхнýть объ цíвку! то и посúпались би, такъ, кажý жъ, ёму́ вáжко и поворухнýтись. Лежúть, лежúть, та й зáсне. Пополýднуе—изновъ идé у комóру спáти, и спить вже ажъ до захíдъ сóнця. Розбýдить ёго́ нáймичка вечéряти, нагодýе, здúйме свитúну, чóботи, покладé на перúну, а вінъ тільки вже

самъ зáсне. Лучáлось, нáймитъ вéрнетця съ пóля и навідаетця до Павлуся́, а тому́ й гóлову вáжко держáти на плéчахъ.

— А чи не смикнýли бъ, пáне Пáвле, лю́льки? спитáе нáймитъ.

— Смикнýвъ би, пробелькóче Павлýсь, — такъ лю́льки не знайдý.

— Та ось же вонá біля васъ на лáвці!

— Такъ хто жъ ії набъé?

— Та вонá жъ набúта, я жъ ії вамъ и набúвъ, якъ іхавъ у цáрину. Одже біля васъ и спрáву положúвъ!

Та вúкреше вогню́, роспáлить лю́льку и устрóмить ёму́ у ротъ, то вінъ и смóкче.

Було́ прúйдуть до Павлуся́ парубки́, та й намовля́ють ёго́, шобъ ийшóвъ зъ нúми на вечірни́ці.

— Не піду́, пробуноні́ть, та й óчі заплю́щить.

— Чомъ? питáють.

— Далéко. Якъ-би́ вечірни́ці збірáлись біля моéі хáти, то мóже бъ и пішóвъ.

— Э, пáне Пáвле! кáжуть ёму́ парубки́, якъ-би́ ти побáчивъ нáшихъ дівчáтъ, то не казáвъ би, що далéко!

— Бáчивъ, довóлі бáчивъ... озиваéтця Павлýсь.

— Де жъ ти іхъ бáчивъ? ти жъ изъ хáти нікóли нóса не вúткнешъ?

— Такъ колú жъ снятця, щобъ вонú показúлись! ажъ обрúдли!.. одкáже Павлýсь, та й перевéрнетця на дрýгий бікъ.

Засміютця парубки́, та й підуть відъ ёго. Разъ, на зелéну неділю, зібрáлось парубóцтво шукáти скáрба. Узялú зъ собóю заступú, лопáти и горілочки не забýли, та й пішлú у степъ. Идýть біля Павлусéвоі хáти, отъ одинъ пáрубокъ и кáже.

— Знáете, що́, хлóпці! Візьмемо зъ собóю на щáстя Павлá Лéжня (такéдалú ему́ прізвище), то вже пéвно знáйдемо скарбъ: вінъ такúй щаслúвий, що такóго и на всёмý свíті не знáйдешъ!

Підійшлú парубки́ до вікна́ (вікно́ було́ одчúнене), дúвлятця, а Павлýсь росплатáвся на перúні и хропé на всю хáту.

— Пáне Пáвле, о пáне Пáвле! гукнýли парубки́.—Ходімъ лишéнь зъ нáми скáрба шукáти!

— Не піду́! одрізавъ Павлýсь.

— Ходімъ бо! прóсять парубки́, ажъ клáняютця. Ми тебé такъ съ

перйною на рукáхъ и понесемó; не тебé намъ трéба, а твогó щáстя. Якъ ти зъ нáми бýдешъ, то, мóже, Богъ дасть, и знáйдемо скарбъ.

— Эгé!.. якъ Богъ дасть, то й у вікнó вкúне... не піду!

— Дожидáйся жъ, пóки тобі Богъ у вікнó вкúне, а мй підемо шукáти.

Зареготáлись, та й пішлй собі, заспівáвши чумакá.

Ходúди, ходúли по степý, ажъ до вéчора. Шукáли, роскóпували могúли, до всёго приглядувались и нічогісінько не знайшлй. Роскáзують лю́де, що чáсомъ скáрби и самй вилáзять на верхъ землі, перекúнувшись у якý-нéбудь пáкость: у старóго шолудúвого дідá, абó у мúршавеньке козеня, абó у дóхлу кішку. Кому́ щáстя, той и пізна́ скарбъ. Такъ, кажу́ жъ, до всёго приглядáлись и нічóго не побáчили. Вже вертáючись, якъ смéркалось, недалéчко одъ села́, дúвлятця — лежúть край дорóги дóхлий хортъ. Мáбуть, давнó издóхъ, гúдко до ёго и блúзько підступúти. Отъ одúнъ пáрубокъ и кáже:

— Слýхайте, хлóпці: візмемо сёго́ хорта́ та шпурнéмъ Лéжнéві въ хáту; нехáй се бýде той скарбъ, що Богъ ёму́ у вікнó вкúне.

Парубкáмъ подóбалась ся вúгадка; отъ воні́ підняли́ того́ хорта́ на дрючóкъ и понесли́. Підійшóвши тихéнько до Павлусéвої хáти, розмахáли хорта́, та й шпурнýли въ вікнó, а вінъ якъ бебéхнетця объ помістъ! такъ и брáзнувъ, и зазвенівъ, и, якъ жаръ, по всій хáті розсúпався дукáтами.

— Трівáй, не рушъ! закричáли парубкú: се нашъ скарбъ, се нáші гróші...

— Брехня́! кáже Павлýсь: — се мій скарбъ: се мінí Богъ у вікнó вкúнувъ! А щó? Я жъ вамъ казáвъ — не вірили?

Парубкú не слýхають ёго́ та тóвпляться въ хáту, а тутъ на той гáласъ де не взялúсь нáймитъ зъ наймичкою, убігли въ хáту, за рогáчъ та замакогінъ, якъ штурхнýть одного́, дрýгого, такъ воні́ й угамувáлись.

— Будь лáскавъ, кáжуть парубкú, — хочъ що-нéбудь дай за те, що принеслй твому́ хазяíну скарбъ!

Нáймитъ кúнувъ імъ кілька дукáтівъ, та й кáже:

— Нáте вамъ за прáцю, а се нáші гróші, бо самй-такú розсудíть: хто бъ іхъ у чужý хáту вкúнувъ, якъ-бй не самъ Богъ того́ схотівъ!

Та, сéе кáжучи, позбірáвъ нáймитъ гарнéнько дукáти и сховáвъ іхъ у скрúню.

Оттакúй-то бувъ щаслúвий нашъ Павлýсь! Сказано: якъ кому́ Богъ дасть щáстя, то не трéба ёму́ и рідної мáгері, не трéба и скáрба шука-

ти: самъ ёго́ зна́йде. А дру́гому небора́кові на бездо́лі, у те́ жъ са́ме вікно́, у котре́ вки́нувся скарбъ, улізе зло́дій и оста́нню соро́чку ви́тягне; не поро́бить день, то на дру́гий и істи нічо́го.

Щасли́ва ни́тка до сме́рти не ввірва́лась Павлусе́ві. Найшла́сь и дівчи́на, що, якъ той скарбъ, сама́ до ёго лиця́лась. Посла́въ ёму́ Госпо́дь и діточо́къ, покірнихъ, слухня́нихъ, працёви́тихъ, не таки́хъ, якъ він пудофе́тъ, а у ма́тіръ, бо жінка у ёго була́ невсипу́ща господи́ня. И віку ёму́ таки́-чима́ло протя́гъ Госпо́дь: до білого во́лоса доспа́вся. Спавъ, спавъ, ажъ по́ки на-віки не засну́въ.

Що́ таке́ на світі ща́стя? спита́въ би я у ду́же письме́нних. Часте́нько чу́ешъ, лю́ди ка́жуть: ото́й щасли́вий; гля́нешъ на того́ щасли́вого, а він тобі пока́зуе на дру́гого, а самъ жа́луетця на свою́ недо́лю. Зову́ть щасли́вими и тихъ, що уве́сь свій вікъ нічо́го не дба́ють, якъ мій Павлу́сь. Богъ імъ усе́ даé, а вони́ ну́дятця світомъ, не зна́ють, що́ у нихъ е и чого́ імъ тре́ба. Зову́ть и скупо́го щасли́вимъ, бо у ёго бага́цько гро́шей, а він небора́къ, уве́сь свій вікъ стереже́ тихъ гро́шей, якъ рябко́ на ланьцюгу́, ніяко́і кори́сти зъ нихъ не ма́е, и голо́дний и холо́дний, ще гіршъ одъ яко́го-не́будь бідола́хи. Ні, пано́ве, по мо́ему той тільки щасли́вий, хто дру́гому не зави́дуе, а дя́куе Бо́га за те, що він ёму́ посла́въ, — той, кого́ Госпо́дь благослови́въ на до́брі діла́, що роски́нулись вони́ по́ світу, якъ розросла́сь пшени́ця на до́бре ви́раній ни́ві. Нагоду́е вона́ и па́харя и ёго́ сусідівъ, попаде́ одъ не́і ски́бка и ста́рцеві въ то́рбу. Не той тільки щасли́вий, що самъ натріскаетця и ви́спитця, а той, що й дру́гого нагоду́е и заспокоіть, бо у тако́го и душа́ бу́де не голо́дна.

Оце́жъ такъ загвозди́въ вамъ зписьме́ньска, що́бъ сами́ одгада́ли, чи мій Павлу́сь спра́веді щасли́вий, чи, мо́же, таки́мъ тільки прозва́ли ёго́ зави́сливі лю́де? Гледіть же, щобъ не було по прика́зці: хва́лить шинка́рь пъяни́цю, а дочки́ своéі за ёго не віддасть! Зави́дуете ща́стю мого́ Павлуся́, а ніхто́ бъ не схотівъ бу́ти Павлу́семъ.

Олекса Стороженко.

ЖОНА́ТИЙ ЧОРТЪ.

Давно́ вже лю́де ка́жуть: що и самъ чортъ не пізна́, яка́ зъ дівчи́ни ви́йде молоди́ця. Дівчи́ною вона́ и сми́рна и покірна; слу́ха ма́тіръ, ба́тька боїтця, ста́ршихъ поважа́; ви́йде на ву́лицю, то й очей не зведе́, а коли́ заче́пить її яки́й па́рубокъ, то й ви́лае або́ заплаче. Подивітця жъ яка́ зъ не́і молоди́ця, що вона́ виробля́е зъ бідола́шнимъ чоловікомъ! И мо́ркву скрома́дить, и ки́рпу гне, и одъ завійниць géдзаетця, а де́-коли рогаче́мъ и тьху дасть небора́кові, и цибу́лькою нагоду́е. Изъ паруба́ми вже не та: не насу́плюетця, а зу́би до нихъ ска́лить и бісики пуска́; між людьми́ не сиди́ть мо́вчки, а цокоти́ть, кого́ попа́ло и корени́ть и га́нить, а ча́сомъ и москаля́ підвезе́, та ще й очей у рябка́ не позича́,— жива́ на не́бо лізе. Такъ що́ бу́дешъ робити съ тако́ю жінкою?... Швидче тіка́й до чо́рта зъ рога́ми, коли́ не хо́чешъ ду́теля ззісти.

Не бре́шуть же й лю́де, ка́жучи, що и самъ чортъ не пізна́, яка́ зъ дівчи́ни ви́йде молоди́ця, бо такъ воно́ и спра́вді ви́йшло. Оженився чортъ, та й добу́въ собі таку́ жінку, якъ ся молоди́ця, що я роска́зувавъ. За́разъ поба́чивъ серде́шний, бо не дурно бувъ чо́ртомъ, що втявъ до гаплика, — не пере́ливки, ба́чите: и місяця зъ не́ю не прожи́въ, ухопи́въ ши́ломъ на́токи, та й давъ одъ не́і дра́ла не огля́дуючись.

Пле́нтаетця чортя́ка по́ світу и пе́кла одцура́вся, бо до́бре зна, що жінка и тамъ его́ зна́йде, и відтіля́ зза пе́чи ви́тягне, и вже такъ его́ налика́ла, що и чужи́хъ жіно́къ жаха́етця; де ні вздрить очіпокъ або́ плахту, то й хова́етця, а о́чі заплю́щуе, якъ жа́йворонокъ, угля́дівши шульніку. Разъ, якъ хова́ся вінъ по закама́ркахъ, нахопи́ся на его́ яки́йсь чоловікъ, тро́хи зъ нігъ не звали́въ.

— Тю, на твого́ ба́тька! скри́кнувъ чортъ.—Відкіль се нечиста ма́ти тебе́ пре?

— Втіка́ю одъ жінки, одказа́въ чоловікъ, — неха́й вона́ ска́зитця!

— Одъ жінки? спита́въ чортъ. — Куди́ жъ ти тіка́ешъ? скажи́ й міні, будь ла́скавъ.

— До чо́рта зъ рога́ми! Теперъ и вінъ міні не страшний.

— Ну, коли́ такъ, то не ходи́ жъ дале́ко его́ шука́ти: я тобі чортъ!

Чоловікъ, почу́вши се, ду́же злика́вся, хотівъ бувъ уже́ пята́ми ему́ накива́ти, а чортъ его́ зупини́въ, та й ка́же:

— Не жаха́йся, голу́бчику: я й самъ утікъ одъ жінки; дала́сь вона́ й мині у знаки!

Лю́де ка́жутъ: біда одна́ — люде́й една́. Отъ вони́ и пішли́ собі у-двохъ, якъ до́брі това́риші. Чоловікъ роска́зуе чо́ртові про свою́ жінку, а чортъ про свою́. Нічого каза́ти — обі́дві до́брі, годи́лось би обо́хъ на одну́ оси́ку повісити Да́лі чортъ и ка́же чоловікові:

— Ти мині, чоловіче, ні я́кої пора́ди не даси́, а я тобі у вели́кій приго́ді ста́ну.

— У якій же ти мині приго́ді ста́нешъ?

— Отъ у якій: я бу́ду уска́кувать въ утро́бу жінка́мъ, та й бу́ду іхъ мордува́ти; а ти мене́ вигана́й, та й загріба́й гро́ші лопа́гою, оть що!

— До́бре! тільки не вска́куй въ утро́бу моеі жінки: тамъ така́ га́спедьска утро́ба, що ти й кінця́ кра́ю не зна́йдешъ; тамъ саме́ пе́кло, та, ма́буть, тамъ вже и безъ те́бе сто кіпъ чортівъ сиди́ть, коли́ не бі́льшъ!...

— Этъ, хиба́ опрічъ на́шихъ жіно́къ и люде́й на світі нема́?..

Якъ згоди́лись, такъ и ро́блять: уско́чить чортъ въ утро́бу якій-не́будь бідола́шній и зачне́ мордува́ти, а чоловікъ прийде, поворо́жить, пошахру́е и ви́жене чо́рта. Не пройшло́ й місяця, якъ у чоловіка повнісінький кашу́къ зо́лота и сріблá. Якъ тутъ не роспри́ндитись и не зачва́нитись? Зъ гроши́ма вже ёму́ и жінки не стра́шно: одъ но́вого очіпка, пла́хти, намі́ста зъ дукача́ми хочъ яка притихне, хочъ якій не́льку заткне́шъ. Отъ вінъ за́ щось заспо́ривъ съ чо́ртомъ, пола́явсь, та й накли́кавъ на се́бе ли́хо: чортъ розсе́рдився, та й ка́же:

— Э, трива́й же, и́родівъ сину! не вмівъ мене́ шанува́ти, такъ покошту́ешъ же ти въ ме́не жа́ру!

Розійшо́вся чоловікъ съ чо́ртомъ и байдуже́ собі: гуля́е по шинка́хъ, росхо́жуе зъ музи́кою по я́рмарка́хъ, а чортя́ка тимъ-ча́сомъ готу́е ёму́ до́бру халазію. Та й не хи́трий же дия́вольскій синъ! забра́вся въ утро́бу якійсь княги́вні, одни́мъ-одній доцці у ба́тька, та й мордуе́ небо́гу, такъ-що князь, гля́дючи на її му́ки, ажъ слізми умива́етця, ажъ воло́сся на собі рве. (А се ще діялось, коли́ хочете знати, ще за По́льщі, якъ Украіною князі ору́дували.) Зо всёго свого́ кня́зтва зібра́въ князь лікарівъ, знахурівъ,—такъ ні одинъ нічо́го не вдіе, ніхто́ пора́ди не дасть. Ажъ хтось и ка́же кня́зеві, що е таки́й чоловікъ, що чортівъ изъ утро́би випру́жуе. Якъ се почу́въ князь, за́разъ и розисла́въ за нимъ гонцівъ, щобъ хочъ підъ земле́ю ёго́ знайшли́, щобъ безъ ёго и не верта́лись. Недо́вго й шукали на́шого небора́ка: десь у шинку́ знайшли́

и помча́ли до кня́зя. Я́къ поба́чивъ ёго князь, то ажъ кла́няетця та про́сить; а звісно, якъ ті магна́ти чого́ про́сять, то хочъ вінъ и кла́няетця, а за ша́бельку бере́тця: коли́ не зро́бишъ, чого́ бажа́, то й го́лову одче́ше; якъ ка́жуть: и гро́ші дае́, и шку́ру дере́.

— Ви́рятуй, ка́же князь, — мою дити́ну, то я тобі пів-кня́зтва мого́ віддамъ, а якъ не ви́рятуешъ, то спалю́ тебе на ти́хому вогню́!

— *Пога́но Тетя́но!* поду́мавъ небора́къ:—я́кось прихо́дитця не до чми́ги. За́разъ пізна́въ, що се бісяка нала́годивсь ёму́ оддя́чити; нічого робити: до чо́рта; сюди́-туди́, кру́ть-верть — чого́ не роби́въ, якъ ні па́нькавъ и перепро́шувавъ чортя́ку, — не хо́че га́спедівъ синъ.

— Князь обіця́въ мині пів-кня́зтва, ка́же чоловікъ, — то и тобі оддамъ ту полови́ну: тільки поки́нь княгівну!

— Этъ, ка́же чортъ:—магна́ти ще́дрі на обіця́нки; вони́ тоді тільки и не збре́шуть, якъ обіця́ють ка́ру. Залле вінъ тобі за шку́ру са́ла!

Не вила́зить дия́вольский синъ изъ княгівні, та й не вила́зить, — ще гіршъ ії мордуе. Не радъ уже́ бідола́шний чоловікъ и тимъ гро́шамъ, що зібра́въ; уже́ бъ и до жінки верну́всь. Хотівъ-бувъ утекти́, такъ не мо́жна жъ: приста́вили за нимъ калаву́ръ и такъ ёго пильну́ютъ, якъ о́ка.

Пройшо́въ ти́ждень, дру́гий, а княгівні усе́ гіршъ та гіршъ. Отъ князь и розлютува́вся:

— Ти, ка́же,—усіхъ вилічувавъ, а моеі дочки́ не хо́чешъ? Отъ тобі сро́ку одні су́тки. Якъ не ви́женешъ чо́рта, то я съ те́бе зроблю́ ви́шкварки.

Нічого роби́ти бідному чоловікові; взявъ, та й призна́вся кня́зеві, якъ на спо́віді: »Оттакъ и такъ, ка́же: се чортъ мині на па́кость забра́всь у твою́ дочку́, щобъме не́ зъ світа зігна́ти. Ему́ того́ тільки й хо́четця, щобъ ти мене́ жа́ромъ нагодува́въ.« Такъ що́ жъ? не йме віри князь!

— Бре́шешъ, сяки́й-таки́й! Якъ не ви́женешъ, то бу́де, якъ я тобі сказа́въ. Вже для те́бе не переміню́ свого́ сло́ва: я, ка́же, люблю́ пра́вду!

— А щобъ тебе́ съ пра́вдою! поду́мавъ чоловікъ, почу́хавши поти́лицю. Не твоя́ се пра́вда, а чо́ртова!

Мину́ли су́тки, княгівні ще гіршъ ста́ло. Отъ князь и звелівъ небора́ка спали́ти, бо, ба́чите, люби́въ пра́вду. Скрути́ли бідола́шному ру́ки й но́ги и положи́ли на косте́ръ. Якъ припекли́ серде́шного, такъ де въ ёго й ро́зумъ уя́вся! ви́гадавъ, яки́мъ по́битомъ проту́рити чо́рта.

— Ви́жену, репету́е, — ви́жену дия́вольского си́на, тільки розвя́жіть... ба́течки, голу́бчики!

Розвяза́ли, вінъ и побігъ у буди́нки, прямо у ту свiтли́цю, де чортъ мордує княгівну. Якъ убіжи́ть, якъ кри́кне не своїмъ го́лосомъ:

— Тіка́й, чо́рте, жінка йде!!

А чортъ навтіка́ча, такъ прожо́гомъ у вікно́, тільки ши́бка забрязча́ла, зъ собо́ю и кватирку ви́нісъ!

Олекса Стороженко.

ПАСІШНИКЪ.

...Одже ви ка́жете, що не мо́жна па́сікою придба́ти худо́би й гро́шей; ось послу́хайте про одно́го да́внёго па́сішника. Я ёго́ дуже́ до́бре знавъ. Отъ у тихъ пу́щахъ, що тепе́ръ понівечили, повиру́блювали, на доли́нці поміжъ стари́ми гілля́стими дуба́ми живъ той па́сішникъ. А прозива́вся вінъ Чічібаба.

Якъ тепе́ръ дивлю́сь на ёго: старе́зний дідуга́нъ, лiтъ, ма́буть, девятдеси́тъ, височе́ний, сухорля́вий, бі́лий якъ молоко́, борода́ ёму́ по по́ясъ, апро-те́ при здоро́вьі и си́лі; по́глядъ завсегда́ весели́нький, ходи́въ вінъ по́вагомъ, мовъ усе́ щось ду́ма; неговірки́й бувъ: поди́витця на те́бе, поду́ма, та тоді вже промо́вить свою́ річъ, мовъ съ кни́жки. А якъ що́ смутне́ прийде на ду́мку, то за́разъ навко́лішки, помоли́вся — ніби й заспоко́ївся. Де́-коли, то й таке́ бува́ло, що сяде на моріжку́, обіпре́тця на пенёкъ, та й заду́маетця; сиди́ть нерухо́мо мовъ нежи́вий; дарма́, що й со́нце пече́, або́ дощъ обі́лле.

Першъ мавъ вінъ ху́тіръ коло́ лісу, а якъ поховавъ жінку та трёхъ синівъ, то й забра́вся у саму́ пу́щу, ху́тіръ віддавъ невістка́мъ та уну́камъ, а самъ завівъ па́сіку. Що́ жъ то за па́сіка була́! не надиву́есся на не́і: пнівъ було́ пять-со́тъ, а мо́же й більшъ; ву́лики стоя́ли рядо́чками, чисте́нькі, гладе́нькі, покри́ті поливя́ними миска́ми; скрізь повико́шувано, попідчи́щувано. Посере́дині стоявъ у га́рнімъ кивоті о́бразъ свято́го Зо́сима, тутъ же и свяче́на вода; а зза́ду хати́на невели́чка, чепурне́нька.

Живъ той дідъ самъ-собі, не боявся ні звіря, ні зло́дія; ніщо́ у ёго не було́ підъ замко́мъ. Оце́ якъ тре́ба було́ ёму́ куди́-не́будь піти́, то о́зьме, та й ки́не постіль свою́ підъ ду́бомъ; отто́ ду́мка така́: поба́чять, що постіль не при́брана, поду́мають, що дідъ де-не́будь близе́нько ве́штаетця по па́сіці. Уну́ки рідко ходи́ли до діда, бо не люби́въ іхъ за те,

що скільки вінъ ні давáвъ імъ грóшей — протри́нькають, хазя́йственько звели́ ні на́ що. Вся іжа въ діда булá *сіра ка́ша:* такъ звавъ вінъ кулішъ *пшоня́ний*. Натовкмáче булó туди́ сухарівъ жи́тніхъ, попоїсть трішки, закри́е казанóкъ, та й повісить на гілля́ці, щобъ булó й на дру́гий день. А якъ хто при́йде до ёго, то вінъ постáновить на деревя́ній талíрці сцільникíвъ га́рнихъ, що ажъ па́льці пообсмóктуешъ, та хлíбъ святи́й.

Нікуди вінъ и не одверта́вся съ па́сіки, опрíчъ до́му Бóжого. Не бувъ же дідъ и скупи́й, — гріхъ сказáти. Якъ-то въ містéцці Коломáці будува́ли цéркву, не доставáло казни́, прихóдилось поки́нути. Порíшили йти до діда, повідали ёму́ свою́ бíду́. Дóвго ду́мавъ дідъ, а пóтімъ вставъ мóвчки, пішóвъ по па́сіці, та й принíсъ ти́сячі зó дві, звелíвши записáти въ книжку такъ: »Получено відъ *Богу звíсного*.« Не хотівъ вінъ, ба́чите, слáви. Оце́ вбъе сóтню й дру́гу, продáсть медъ и вíскъ, наберé таки́-чима́ло гро́шей, то що́ на домъ Бóжий, на бíднихъ, а остáнні захова́.

Разъ приíхавъ я до ёго, щобъ-то позúчити гро́шей. Першъ дідъ роспита́въ мене́: на віщо? »На́ що тобí, батькíвъ сúну, гро́ші?« ка́же дідъ, чи не на витребéньки па́ньскі? Не дамъ, да́лебі не дамъ!« — »Та ні, дідýсю! трапля́етця по вигóді прикупúти лíску́ й земéльки.« —Дідъ довгéнько бала́кавъ зо мнóю, усé допúтувався, що́ я бу́ду робúти съ тимъ лíсомъ та землéю, а да́лі й ка́же: »Підú жъ, сúну, розгрома́дь у сінцяхъ въ кутóчку пóпілъ; що на́йдешъ — принесéшъ.« Порúвся, знайшóвъ у́зликъ зъ стома́ червінцями. — Ке лишень глекъ, що у за́пічку. Взя́въ я и той глекъ, повнíсінький віхтівъ, трісóкъ и глúни, ви́трусивъ — покотúлось ще зъ сóтню.« — »Ищé жъ піднíмі, спасúбі тобí, оттóй крáйній ву́ликъ.« — И тамъ нала́павъ я съ пятдеся́тъ. »Бу́де съ тéбе?« — Квитківъ дідъ не бравъ; ка́же: »Якъ ти Бóга боíсся, то віддасúі, колú бу́дешъ ма́ти.«

Ба́че дідъ, що не наста́че гро́шей для уну́ківъ, розсудúвъ купúти грунта́ и лíскú. Поíхавъ вінъ бра́ти ку́пчу у губéрнію. Та й дóвго вінъ збіра́вся у ту да́льню дорóгу, верстъ за 50: дуже́ не хотілось ёму́ покида́ти па́сіку! Перегля́дівъ кóжний ву́ликъ по дéсять разъ; мовъ проща́вся. Посади́въ мене́, та й довгéнько мині роскáзувавъ, що́ и якъ робúти. Ажъ тя́жко зітхну́въ, якъ сівъ на візъ: такъ-то вінъ кохáвся у тихъ бжóлахъ. У Ха́рькові сказáли дідові, що трéба да́ти якóмусь судовикóві пала́цькому пятдеся́тъ карбóванцівъ за ку́пчу. »За́ що?« гукну́въ дідъ. »Не дiжде! та я лу́чче ті гро́ші де-небудь дíну.« Жде та жде, обри́дло ёму́; а бíльшъ того́ — засумувáвъ за па́сікою. Купúвъ бу́лку, та й пішóвъ досудовика́; вклони́вся ёму́, положúвъ на стíлъ

бу́лку и зве́рху карбо́ванця. Судови́къ, якъ поба́чивъ те, такъ и ви́звірився на ді́да. »Що́ ти, ка́же, глузува́ти зъ ме́не, сяки́й та таки́й жупа́не! Якъ не сто рублівъ, то й ку́пчої не ма́тиметъ.« — »Нехай я й жупа́нъ, одві́тує ді́дъ, та зъ своє́і пра́ці; а въ твоїмъ кантанці не одна́ кровопійка!« —Узя́въ бу́лку и карбо́ванця, та мовъ про се́бе й ка́же: »Піду́ до старшо́го; спита́ю: коли́ воно́ зако́номъ постано́влено дава́ти оттимъ драпікамъ, то я й дамъ, сількись.« Ба́че судови́къ, що сей ді́дъ не аби́-яки́й, що хто ёго́ зна! мо́же, й спра́вді наро́бе ха́лепи; верну́въ ёго, віддавъ ку́пчу та вже не взявъ ні хліба, ні карбо́ванця... »Ні, каже ді́дъ: дру́гий разъ не ви́манишъ мене́ зъ моє́і па́сіки: тамъ тільки я й у-дово́лі. Цуръ імъ оттимъ городамъ та драпікамъ!«

Але́жъ ще разъ пришло́сь ді́дові вози́тись изъ драпіками. Підби́въ ёго́ оди́нъ сутя́га до по́зву. Недале́чко відъ па́сіки бувъ лісъ одного́ па́на, зва́вся вінъ Чичисбе́евимъ. Той сутя́га натурка́въ ді́дові, що той лісъ нале́жить до ёго́ ро́ду, такъ для того́ вінъ му́сить ёго́ одтяга́ти відъ па́на, щобъ опісля́ уну́ки не ре́мствували, що ді́дъ упусти́въ родову́ дідівщи́ну, бо не на́тще зве́тця той лісъ Чичисбе́евимъ. До́вго мій ді́дъ мня́вся, ра́дився; а по́тімъ ка́же тому́ сутя́зі: »Коли́ ти мене́ не ду́ришъ, то почина́й діло. Зъ ме́не бу́де й па́сіки; а це для уну́ківъ.« —»До́бре, каже сутя́га, тільки тре́ба гро́шей« —»А скільки?« — »Та на пе́ршій разъ карбо́ванцівъ зъ со́тню.« —»Дарма́, на́ тобі два́дцять черві́нчиківъ, та гляди́ мині!« —Пішло́ діло та, ма́будь, літъ зъ де́сять волочи́лось. Панъ, якъ мавъ бума́ги на той лісъ, то й ви́гравъ, а ді́дъ потра́тивъ тільки черві́нчиківъ чима́ло. Сутя́га пропа́въ десь, якъ у во́ду впавъ. Не ду́же сумува́въ ді́дъ: па́сіка верну́ла ёму́ ті гро́ші.

Отта́къ живъ собі ді́дъ Чічіба: ли́шнёго не тра́тивъ, обділя́въ и церкви́, и бі́днихъ; ніхто́ на ёго не жалкува́въ. Ажъ-ось, позва́въ мене́ ді́дъ та й ка́же: »Отъ коли́ прийшло́сь мині покида́ти зовсім и па́сіку, и світъ!« Посла́въ я за попо́мъ: сповіда́ли, причасти́ли ёго́... Показа́въ вінъ у́зликъ, зави́заний въ соро́цці; давно́ вінъ ёго носи́въ. »Оци́мъ, ка́же, похова́йте мене́: це ті гро́ші, що оди́нъ бідола́ха позича́въ у ме́не на хазя́йствечко, та черезъ два́дцять літъ віддавъ мині. А все оста́нне моїмъ уну́камъ.« — Якъ уме́ръ вінъ, то знайшли́ въ тімъ у́злиці де́сять червінців. Ки́нулись уну́ки ділити па́сіку, та перено́сити,—не оста́лося и сліду... Не шви́дко після того́, оди́нъ изъ уну́ківъ ді́довихъ хотівъ узя́ти до́шку, де стоя́въ имшени́къ, підня́въ ії и знайшо́въ пятьдеся́тъ червінців. Прожили́ уну́ки того́ Чічіба́би и свою́, и

дідову худо́бу, та й зледащіли. А діда и до́сі зга́дують и мо́лятъ Бо́га за ёго́ ду́шу...

Отъ тепе́ръ, коли́ хо́чете, и нема́ таки́хъ пасішникі́въ. Таки́ одно́ те́, що не вміють пільнува́ти коло бжілъ; а дру́ге—ле́две завору́шитця копійка у кише́ні, за́разъ-таки́ на ро́скішъ; щобъ и сма́шно зъ́сти, га́рно зодіга́тись; відкіль візьмутця прймхи городя́нські. Диви́сь—и переведе́тця па́сіка ні на́ що. Тепе́ръ хто мае пнівъ зъ со́ттню, отто́й и багати́рь. »Нейде въ ру́ку, ка́жуть, та й го́ді!«

До́вго шука́ли гро́шей дідовихъ по тій пу́щі, де була́ ёго́ па́сіка; пори́ли ле́две не всю зе́млю, по-пі́дъ дуба́ми, скрізь ви́лазили—не знайшли́ ніодного́ червінчика. »Закля́нъ, ка́жуть, щобъ нікому не доста́лось; або́ положи́въ зарі́къ, черезъ кількісь рікъ той зна́йде, кому́ дідъ назна́чивъ.« Та мині здае́тця, що й спра́вді лу́чче, щобъ дітямъ доста́лись грунта́, лісъ або́ па́сіка, ніжъ ті гро́ші; то якъ даре́мні, то шви́дко розві́ютця.....

Кузьма Шаповалъ.

(Запи́сано въ м. Колома́ці, 12 апріля 1861 ро́ку.)

СЕМЕНЪ ПАЛІЙ.

(Запи́сано одъ Тараса Яровóго, изъ села́ Красно́і, Василькі́вського повіту, 1847 р. Яровóму було́ тоді 85 годъ.)

Въ Мотови́лівці колись живъ собі зъ жінкою, зъ діточка́ми чоловічокъ. Разъ ви́іхавъ вінъ ора́ти. Оре́ вінъ да про́сить Бо́га, щобъ хо́роше вроди́ло. Жінка обідать ёму́ принесла́; чоловікъ и пообідавъ, да все працю́е. Отъ, на́дъ-вечіръ, чу́е вінъ, що плугъ ёго́ за щось заде́ржався. Ди́вится—яка́сь здорове́нна тру́пъя голова́. »Го́споди Бо́же мій! се, ви́дно, яка́-не́будь лицарська голова́«, поду́мавъ чоловікъ. »Не до́бре, якъ вона́ бу́де валя́тись по́ полю; тре́ба ій закопа́ть на цви́нтарі и одслужи́ть панахи́ду за ду́шу уме́ршого«.

Поду́мавъ-погада́въ, а тимъ ча́сомъ со́нечко зайшло́. Чоловікъ о́бережно положи́въ го́лову въ ху́стку и пішо́въ до-до́му, а до́ма положи́въ го́лову на ла́вку и сівъ вече́ряти. Сіли коло ёго и діти и жінка; попоі́ли вони́ галушо́къ чи чого́ Богъ послáвъ,—мо́же, й нічо́го, опрічъ хлі́ба

святóго, не лýчилось,— повечéряли, встаю́ть, а жінка подивúлась на гóлову, да й сказáла:

— Оця́ голова́, мáбуть, на своéму вікý багáцько хлíба переíла.

— Бýде вона́ ще íсти, одказáла голова́.

— Эге́, такъ ти таківська! говóрить чоловíкъ. — Не трéба жъ тебé нести́ на цвúнтарь да служúти панахúду. Знáю я, щó съ тобóю робúть.

Узя́въ íї, вúнісъ за свій вишнéвий садóкъ, у чúсте поле, розіклáвъ багáття, и давáй палúть. А голова́ горíла-горíла, пóки стáла порохнéю, такъ якъ отъ сáхарь. Подивúвсь чоловíкъ и, Богъ знáе съ чóго, взявъ ту білу порохню въ хустúну (нáче насмія́вся надъ нéю), принісъ до-дóму и мóвчки положúвъ на полúцю.

Незабáромъ, мóже, черезъ день, пішóвъ вінъ съ жінкою до цéркви, а въ господí остáлись тíлько дочкá да малúй хлóпець. Дочкá вже и борщъ застáвила въ пíчъ, ужé и лóкшину зварúла: скáзано — день воскрéсний; оставáлось тíлько посолúть стрáву, — такъ немá жъ сóли.

— Оттáмъ, Гáлю, на полúці лежúть у хустúні щось бíле; мáбуть сíль, говóрить братъ.

Сестрá стáла на лáвку, взялá хустúну, подивúлась и говóрить брáтові:

— Не знáю, чи се сíль.

— Лизни́, то и взнáешъ, кáже братъ.

Вонá покоштувáла разъ — нічóго, вдрýге, втрéте, и говóрить:

— Оцé якé нуднé! и положúла знóвъ на полúці.

Отъ, минáе недíль дéсять, а мóже и бíльше, — упáла дочкá въ нóги бáтьку-мáтері и говóрить:

— Я въ тяжý; оттáкъ булó и такъ.

Почýхавъ бáтько гíжку, помóрщился: трéба йти до пáна да росказáть усé, якъ булó. (Тоді за такúй сóромъ дýже карáли). Росказáвъ усé, якъ булó. Панъ одібрáвъ одъ ёго хýстку, а черезъ півъ-рóку дочкá привелá ужé сúна. Охрестúли ёго и назвáли Семéномъ Безбáтченкомъ.

Хлóпець рíсъ; ужé и за волáми ходúвъ; якъ ось íхали въ Мотовúлівку Запорóзці, що приїжджáли говíть въ Осокúрки, и зманули хлóпця въ Велúкий Лугъ. А въ Сíчі кошовúй, замíтивши хлóпця, взявъ ёго до сéбе въ молодúкі. Слýжить Семéнъ, слýжить, а гóнору ёмý все-такú немá. »Постóйте, бýде и мíні гóноръ!« подýмавъ собí Семéнъ. Узя́въ, спалúвъ отаманський курінь и втíкъ до-дóму.

— Эге́! такъ ти такúй! говóрить кошовúй: — захотíлось тобí гóнору! Бýде съ хлóпця лúцарь, бýде!... А ну, панóве- молóдці, говóрить вінъ

тимъ, що вивезли Семéна,—рушáйте за Семéномъ туди́, звідкіля́ ёго́ взяли́, и привóзьте назáдъ.

А Семéнъ тимъ-чáсомъ сидúть дóма на печі.

— Мáмо! говóрить,—сни́лось міні, що приідуть до мéне изъ Січи козаки́, привезýть міні гóноръ и візьмуть изъ собóю.

Мáти зúркъ у кватúрку, ажъ ужé Запорóзці и кóней на дворі підъ повіткою привáзують.

— Дóбрий тобі, говóрить, сúнку, сонъ сни́вся!

Семéнъ тільке засміявся.

Отъ, явъ приіхали вони́ въ Січъ, то кошовúй и сказáвъ ёму́:

— Ти, Семéне, есú козáкъ дóбрий; тепéръ мáешъ ти и гóноръ; бýдешъ прозивáтись Палiéмъ.

Рáзъ вúіхавъ кошовúй на охóту, зъ Семéномъ; іздили вони́ дóвго и заіхали въ такé мíсто, що тільке одні скéлі да пýща. Ставъ при сóнці и чúстому нéбі гріміти грімъ; а се архáнгелъ Гавріілъ хотівъ убúти пóлоза. Грімъ удáрить, а пóлозъ вúлізе зъ скéлі, та й засміéтця.

— Эгé! оттакá ловúсь! сказáвъ Палій, ухопúвъ съ плечá янчáрку, приложúвся, вúпаливъ—и на тімъ мíсті, де покáзувався пóлозъ, потеклá смолá.

— Идú жъ ти тепéръ, куди́ знáешъ, сказáвъ ёму́ кошовúй:—иди́ у свóю краíну и ріжъ усúку нéхристь, бо ти есú чоловíкъ угóдний Бóгу.

— Ні, бáтьку! кáже Палій—не одпускáй менé одного́, а пусти́ зо мнóю Искру, Кочубéя и Шмалькá.

— Дóбре, сказáвъ кошовúй, и одпустúвъ іхъ трёхъ изъ Січи.

А навпóслі вже Семéнъ Палій зробúвся пáномъ полковникомъ Хвáстовскимъ, дóбре різавъ Орду́ и Ляхівъ, да Мазéпа ёго́ стрáтивъ изъ завúдности, що Палія́ величáли козáцькимъ бáтькомъ.

Оттáкъ народня невгамóвана фантáзія залилá въ мúну свого́ коханця Палія́, що про ёго ще й дóсі виспівують нáші лірники, нікчéмні пъянички, не схóжі зъ своіми протопластами, котрúхъ самú жъ вонú зовýть *великими старцями*. Палiéві и родúтись булá не честь, не подóба такъ, якъ усі лю́де... Разъ тільки я чувъ сю мúну одъ одного́ мáло не столітнёго діда, що бувъ у насъ пасíшникомъ, одъ Тараса Яровóго. Вінъ зазнáвъ и Запорóзцівъ, якъ булó вони́ наіздя́ть у Богуславъ на ярмарокъ та, въ саетóвихъ штáняхъ, чи то въ гандéверахъ, кúдаютця булó у цé-

беръ зъ дігтемъ, — знáйте мовъ менé, що мíні всяке багáтство — дурнúця!

— Слáвні булú лúцарі! говóрить булó, жалкýючи: — такі мотóрні! Кóні у нихъ дóбрі, одéжа знáтна, червінці, дукáти есть. Хоть и повíсить котóрого, по своéму Мадабýрьскому закóну, губернáторъ — все гуля́ють. Одúнъ танцю́е, другúй підопрéтця въ бóки рукáми да приспівуе: »Усъ балабáнський, чупри́на черкéська, — не уважáй, мóсці-пáнно, же фортýна кéпська!« Ну, зруйнувáли Січъ, прийшлó, вихóдить, врéмя, и всіхъ Запорóзцівъ скасувáли, а пóслі зновъ збірáли, далú імъ Тамáнь на вічні чáси сісти. Та се (говóрить булó Тарáсъ Яровúй съ прúтискомъ), се зробúвъ Головáтий. Вінъ передъ царúцею три дні и три нóчі на одній нозі стоя́въ, пóки брáтчикамъ вúпросивъ зéмлю. Отъ и пісня есть: »1792 рóку прийшóвъ укáзъ зъ инпéріі Петенбýрха-гóрода, щобъ панъ Чапіга и панъ Головáтий збірáли всіхъ Запорóзцівъ на Тамáнь сісти.« Не памятáю більше: втеклó багáто чáсу; да у васъ, панúчу, все те въ книжкáхь есть.

П. Ревякинъ.

СТАРИННЫЙ ЮЖНОРУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

ПѢСНИ ПѢСНЕЙ

СЪ ПОСЛѢСЛОВІЯМИ О ЛЮБВИ.

Это одинъ изъ немногихъ старинныхъ памятниковъ нашей литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ сборника, хранящагося въ Московской Сунодальной Библіотекѣ, почерка XV или начала XVI вѣка.

Блаженъ чоловѣкъ тое, иже будеть чести книги сія, а вси слова тоя духовно розумѣваючи, а въ любовь Божію зъ нихъ ся запалаючи, ани што свѣтьского, ани на похоти тѣлесныя своего ума, ани мыслей оборочаючи. Проклятъ тотъ, которыи бы тыи книги чолъ, а тые бы слова на похоти женьски собѣ складалъ а оборочалъ, запалаючи зъ нихъ къ нимъ въ милость, а говорячи зъ ними тыми словы, проводячи ихъ а розмовляючи на блудную похоть. Бѣда и горе чоловѣку тому! Лучше бы ему не родити, нижли того допустити. Но сама премудрость Божа, которыи же есть Сынъ Божій, складалъ есть самъ тыи книги черезъ уста мудрого Соломона, для милости своее, абы душа съ нимъ такъ умиловала, бо есть его невѣста и Онъ ее безсмертный небесный женихъ милый, самъ Христосъ Богъ. А 3-й книги царя премудрого рекомыи Пѣснь Пѣсень Соломона, о милости Божіи и любови.

Глава 1.

Гласъ невѣсты-души къ любимому жениху Христоу, отъ велико палимоѣ любве въпіетъ къ нему, глаголя:

Цѣлуй мя цѣлованіемъ оустъ своихъ, бо лѣпши оустъ перси твои надъ вино, благовоннѣйши нижли ароматы мастіи налѣпшихъ, олеи изліанныи имя твое; про то молодци миловали суть тебѣ, тягни мя по собѣ, побѣгнемъ въ добровонности мастѣи твоихъ. Оувелъ мя есть царь до винницъ твоихъ; радоватись будемъ а веселитись въ тобѣ. Памятливый будучи персеи твоихъ надъ вино; прави и милоуютъ тебѣ.

Гласъ души ку съборy святыхъ:

Чорна есмь, але красна дцѣрен Іерусалимскихъ, яко станы кедра, якоже то кожа Соломонова. Недбайте мя знаменати, же смѣда есмь(?); бо мя есть слнце на бервѣ промѣнило. Сынове матере моее боіговали соуть противо менѣ, поставили мя соуть сторожемъ оу винницахъ; винници моеи не оустерегала есмь.

Гласъ святои церкве а набожноі души къ женихy Христоу:

Рка же ми, егоже милуеть душа моя, гдѣ пасѣшь, гдѣ отпочиваеши о полудне? Ать ся тулять не потноу по стадахъ товаришовъ твоихъ.

Гласъ Христовъ къ цѣркви святои а невѣсте милои души:

Не знаешь ли себѣ, о прекрасная межи жонами? выиди, иди и послѣдуи стада, а паси козлы твои подле стан пастырскихъ. Ездьцомъ моимъ оу возехъ фараоновыхъ прировнала есмь тобѣ, пріетелко моя; красны соуть ягодки лица твоего, яко горълинка, шіа твоя яко златое монисто; сноурки золотыи оучинимо тобѣ перевияныи серебромъ.

Гласъ церкви а души о Христѣ:

Коли есь былъ царь оу ѣдлѣ, нардусъ мой далъ есть вонность свою, снопокъ мирры милыи мои мьнѣ, межи персей моихъ пребывати будеть; грезнъ кипрски милыи мои мнѣ оу винницахъ Екгадди.

Гласъ Христовъ къ церкви а къ души:

Ой, красна еси ты, пріетелко моя милая, очи твои голубиныи.

Гласъ церкви а души къ Христу:

Ой красны еси ты, милыи мои витежный! Постеля наша красна свѣтлостію, покрытье домовъ нашихъ кедрово, склепове наши кипарисовы.

Глава 2.

Гласъ Христовъ акъ церкви святои а души боголюбимоі:

Я квѣтъ полныи а лилия оудольняя! яко лиліа межи терніемъ, такъ милая моя межи дцерями.

Гласъ церкви къ Христу, своему милому женихy:

Яко же то яблонь межи древіемъ леснымъ, такъ милыи мои межи станы подъ тѣніемъ, его же то есмь жедала. Сѣдела есми, а овощіе его сладко горлу моему. Оувелъ мя есть царь до винничного покоя, изрядилъ есть въ мнѣ любовъ. Отнкайте мя кветіемъ и осыпаите мя яблоки, бо отъ великое милости не могу; левіца его подъ главою моею, а правица его обоиметъ мя.

Гласъ Христовъ.

Заклинаю васъ, дщери Ерусалимскіа, черезъ олени а серны полныи, абысте не боудили, ани прочютити казали милое моее, докуль сама въсхочеть.

Гласъ церкви Божее, всякая душа любящая Бога, того дѣля зоветься невѣста Христова.

Голосъ милого моего; а и тотъ то есть пришолъ, скачючи по горахъ а перескакиваючи погорки и холмы; подобныи есть милыи мои серне а лапяти еленему. А и онъ то стоитъ за стѣною нашею, смотрячи сквозе окна а преглядаючи черезъ боронки. А милыи мои мовилъ ко мнѣ: въстань, поспешись, пріетелко моя милая, голубичко моя красная, а поиди; бо оуже зима поминоула, превалъ лютости отшолъ и отступилъ, квѣтіе оуказалось оу нашои земли, часъ обрезываніа виноградъ оужо есть пришолъ; голосъ горълличинъ слышанъ есть въ земли нашой; смоковникъ выдалъ есть первые овощи свои, виноградъ квитучи дали суть вонность свою.

Гласъ Христовъ къ церкви святои души, къ своеи милои невѣсте:

Въстань, милая моя красная, а поиди въ дирахъ скалныхъ а въ печеркахъ камеия, оукажъ ми тварь твою; атъ звинить голосъ твои въ оушію мою, бо голосъ твои сладкіи, а тварь твоя красна.

Гласъ церкви святои противъ кацеромъ а еретикомъ:

Зымайте намъ лисенята малиіи, которыи жъ то казятъ виноградъ, бо виноградъ наша квитла есть.

Гласъ церкви святое души къ своему жениху Христоу:

Милыи мои мнѣ, а я ему, ежь ся пасеть межи лиліами, докоуль ся день не наклонить а не оухиляться тѣневе; не враться, милыи мои, подобенъ буди серне алюбо ланятъку еленему на горахъ Веѳиль.

(Глава 3.)

Гласъ церкви и святыхъ душь выбраныхъ съ погановъ въ невѣсты къ своемоу милому женихоу Христоу, обручены жъ ему вѣрою и любовію:

На ложи моемъ въ ночи глядала есмь, егоже милоуеть душа моя; искала есми его, а не нашла. Встану а обоиду мѣсто по рынцѣхъ, а по оулицахъ искати буду его, егоже милоуеть душа моя. Искала есми его а не нашла есми; знашли мя соуть стороже, которыи жъ то остерегали мѣста.

Въ церквахъ невѣстныи души по Христе ся пытаютъ:

Ци выдали есте, егоже милоуеть душа моя маленько? Коли жъ есми проминула есми? Нашла есми, егоже милоуеть душа моя, держала есми его анижъ его пущоу, алижъ его въведу до дому матере моея.

Гласъ Христовъ о своеи невѣсти души:

Заклинаю васъ, дочки Иерусалимскіа, черезъ серны а елени полные, абысте не будили, ани прочютити казали милое моее, докуль бы сама олижъ хотѣла.

Съборъ святыхъ пытаетъ о души а о церкви святои въ рекучи:

Которая есть то тая, жь то оуступаеть чересъ поустыню, какъ бы сполнъ домныи зъ добровонныхъ рѣчей мирры а ливана а всякого порохоу мироположного апатекарева, зложеного зъ рознолистыхъ зелеи?

Гласъ церковный а души о Христѣ, о своемъ миломъ женихѣ.

Ложе Соломоново 60-ть мощныхъ объступили изъ насилнѣйшихъ Израильскихъ. А вси держачи мечи а къ боемъ велми оумѣлыи, а единого кождого мечь на бедрахъ его про страхи ночныи.

О Христѣ душа говорить, повѣдаючи:

Престолъ, вечерядло оучинилъ собѣ царь Соломонъ зъ древа ливанова, столпы его сребряны, оучинилъ опочивало золотое, ступени златые зъ особное милости и любовное, роспростерлъ есть про дщери Иерусалимскіи.

Гласъ церкви святое о Христе:

Выйдете, дщери Иерусалимския, а огладайте царя Соломона въ корунѣ, которою жь есть короновала мати его въ день веселіа сердца его.

Глава 4.

Гласъ Христовъ къ своеи милои невѣсте церкви души, похваляючи и говорячи къ неи такъ:

О коль красна еси милая моя, коль красна еси! Очи твои голубиныи кромь того, што ся внутрь таять, волосы твои яко стадо козъ, которыи жъ ступали зъ горы Галаадъ; зубы твои яко стадо остриженыхъ овець, котори жъ суть вышли зъ мытели, вси маючи по двою ягнятокъ, а ялова не есть ни жадна межи ими; яко сноурокъ черленыи оуста твоя, сладка, якоже то оуломокъ райского яблока, такъ ягодки твоего лица кромѣе того, штожъ ся оунутрь таить; яко вежа Давидова шіа твоя, которая жъ то есть оудѣлана зъ дѣлы пушечными, а щитовъ висить изъ нее и всякіи горнашъ моцныхъ; два сесца твоя яко два телятъка дикои козы близнятка, яжь ся то пасуть на кьринохъ лиліовыхъ. Докуль ся день не наклонить а не схилиться тѣневе, поиду на гору мирры а на погорохъ кадила Ливанова. Вся красна милая моя, а посквернъ нѣтъ на тобѣ. Подь отъ Ливана, милая моя невѣста, подь отъ Ливана, подь а будешь корунована, почепши отъ головы а маючи на верху Санируъ а Гермонъ з отъпочивалъ львовыхъ. Уранила еси сердце мое, сестро моя милая невѣсто, оуранила еси сердце мое однымъ възгляднепіемъ очію твоихъ а оудномъ влосу шіи твоеи. Коль красны суть

перъси твои надъ вино, а воня мирра мастіи твоихъ надъ вси добровонныи рѣчи, стѣнникъ жъ каплють оуста твоя, милая невѣсто, медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ, а воня одѣянія твоего яко воня кадила Ливанова. Огородокъ замкненый а источникъ запечатаный; выпуканія твоа раи зернятыхъ яблокъ со овощомъ яблоннымъ, купрове съ нардомъ, нардъ съ сахаромъ, фистула а циномонъ со всякимъ древомъ Ливановымъ, мирра, аллое съ всими первыми мастьми; колодязь затверженыи про глубину водъ живыхъ, которыи жъ текуть быстринями прудкостію отъ Ливана.

Гласъ церкви, невѣсты Христовы милои души.

Встань, вѣтре, отъ полночи, а встань, вѣтре полуденныи, провейте огородокъ мои, мироположныхъ апатѣкъ добровонныхъ рѣчей ее.

Глава 5.

Душа опять ко Христу говорить:

Пріиди, милыи мои, до заграды своеи, а ежь овощи яблонеи своихъ.

Христосъ къ души говорить:

Подь до огорода моего, сестро моя милая невѣсто, пожалъ есми мирру мою зъ добровонныма рѣчми моими. Елъ есмь стѣнникъ меду моего, пилъ есми вино мое съ молокомъ моимъ.

Голосъ Христовъ посполито къ всимъ вѣрнымъ:

Ешьте, пріетели мои, а оупиваитеся, намилейшіи мои; я сплю, а сердце мое чюеть.

Опять душа ко Христу говорить:

Голосъ милого моего, толкучего до менѣ: отвори ми, сестро моя милая, голубичко моя непосквернена! бо голова моя полна есть росы, а челюсти мои кропеи ночныхъ.

Сволокла есми къ себѣ сукню мою, какъ ся въ нее оболоку? оумыла есми ноги мои, какъ ихъ измараю?

Тоу опять душа съ великою жалостію ко Христу говорить, всповедуючи свои пригоды:

Милыи мои стягнулъ есть руку свою сквозе дирю, а брюхо мое задрыжало есть зъ дотъкненіа его. Встала есмь, абыхъ отворила милому моемоу; руце мои капали суть мирру преискушеноу, заклепъ двереи моихъ отворила есми миломоу моему; але сонъ ся оуже былъ оухилилъ, отошолъ; душа моя расплылася есть, коли мовилъ къ мнѣ милыи мои, глядала есми, а не нашла есми его, кликала есми, а не озвалъ, ми ся. Знашли мя суть сторожеве, которыи жъ то суть обхоживали мѣсте, били мя суть и ранили, и взяли ми плящь мои сторожеве мура. Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскіа, знайдете ми моего милого, абысте ему оузъявили, же отъ великое милости по немъ не могу.

Гласъ збору святыхъ къ невѣсте Христове церкви святоѣ и милои души:

Таковыи есть милыи твои любимыи, о накрашшая жь жонъ, каковыи есть любимыи твои, же еси насъ такъ закляла?

Душа отповедаеть святому збору о своемъ миломъ женисѣ Христѣ, выповедуючи его кросоту и с личность во подобенствахъ размоитыхъ рѣчеи:

Милыи мои бѣлыи а червеныи, выборныи исъ тисячеи; голова его золота, налѣпшее чело его, яко листіе палмовое, черны яко гавранъ, очи его яко голубины надъ потоки водными, которыи жь суть молокомъ обомыты а сѣдять подле полныхъ быстринъ, ягодки лица его яко заградки добровонныхъ рѣчеи, посажены отъ апатекаревъ. Оуста его лиліа капаюча мирру первую, руцѣ его оуглажены златы, полныя цинтковъ; брюхо его слоново, передѣлено шаѳерми, голени его столпове морморяны, которыи жъ то соуть оуставлены на подкладахъ златыхъ, тварность его свѣтлость Ливанова, выборныи яко кедръ, горло его пресладко, а весь възъжаданыи, Таковыи и ти есть мои милыи, а тотъ то есть любимыи мои, дщери Иерусалимскіа!

Глава 6.

Гласъ збору святого къ невѣсте Христове а къ милои души:

Камъ есть отшолъ милыи твои, о накрашшая зъ жонъ, камъ ся есть оухилилъ милыи твои, а будемъ его глядати съ тобою?

Душа отповѣдаеть напротивъ збору святому у своемъ миломъ женихѣ Христе:

Милыи мои ступилъ есть до заграды своеи, на мѣстцѣ благовонныхъ рѣчеи, бы ся паслъ у заградахъ а лиліе збиралъ, а милому моему, а милыи мои мнѣ, еже ся пасѣть межи крыны лиліами.

Тоутъ опять Христосъ говорить къ своеи милои невѣстѣ церкви души, похваляючи ю зъ ее добрыхъ дѣлъ а приподобляючи ю многимъ размоитымъ рѣчамъ:

Красна си, милая моя, сладка и витяжна, яко Иерусалимъ, грозна, яко спица къ бою сряженая! Отврати очи твои отъ менѣ, бо тыи соуть ми учинили, абыхъ улѣтелъ; волосы твои яко стадо козъ, котороежъ то ся оуказало зъ Галаадъ, зубове твои яко стадо овець, которыи жь суть вышли изъ мытели оумывальное, вси по двою ягнятокъ имуще, а яловое нѣтъ межи ими; яко кожа раискаго яблока, такъ ягодки лица твоего, кромѣ таиныхъ рѣчей твоихъ. 60 есть царевенъ а 80 моужнихъ жонъ, а молодицамъ нѣтъ числа, одна есь, голубко моя доконалая моя, едина есть матери своеи, выбрана родителници своеи (¹). Видѣли соуть дщери Иерусалимскіа есть а

(¹) *На полѣ противъ этихъ словъ приписано:* Пречистѣй Дѣвици Маріи разоумнѣй.

преблагословеную соуть ю взывали царевны, а мужніи жоны хвалили соуть ю. Которая есть то та южь, ся береть яко заря пооустоваючи, красна яко мѣсяць, выборна яко солнце, грозная яко спица къ бою зряженаа?

Душа говорить отъ великои радости къ збору святомоу:

Стоупила есмь до заграды орѣховое, абыхъ оглядала яблока оудольная и осмотрела, кьвитуть ли винници а распложають ли ся ябьлока раиска? Не вѣдала есми, душа моя засмутила мя про возы Аминодавовы.

Христосъ къ души говорить а къ церкви, въ бѣдахъ, въ напастѣхъ и въ покусехъ будоучеи отъ свѣта, отъ тѣла, отъ діавола, приводячію опять къ собѣ а рѣкучи:

Навроться, навроться, Суманьтянони, навроться, навроться, ать на тебе смотрю.

Глава 7.

Душа отповѣдаеть ему велми жалобне; Богъ бо такъ хотѣлъ кого онъ милуеть, того и казнить тоутъ, на томъ свѣте; яко злато оу огни, тако ю искушаеть здѣсь многими скорбьми и бѣдами розмоитыми и нечальми, а про тежъ она повѣдаеть а рекучи такъ:

То иного видишь на Соумянтянини, одно заступы боюючихъ?

Тоу Христосъ опять отповѣдалъ еи, тѣшачи ю а милыми словы похваляючі ю за то, што его ради миле вси бѣды тыя и напасти и покусы на нее препущоныи зъ доброю волею, то все есть претерпѣла; а мовячи къ неи такъ:

Коль красны суть ходы и ступаніа твоя увъ обуви, дщеро княжати! Связкове бедръ твоихъ якоже то запонки, которыи жъ то соуть скованы руками золотарьскими, и поупокъ твои яко рѣпичка оуглаженая, николи не требуючи напоевъ, брюхо твое яко стогъ пшеничныи, обложеныи лиліами, два сосца персѣи твоихъ яко двое телятокъ ближнятокъ дикое козы, шіа твоя яко вежа слонова, очи твои яко рыбники оу Зевоне, которыи жъ то соуть оу броны дчерь множества, носъ твои яко вежа Ливанова, яжь то зрить противу Дамашку; голова твоя яко Кармилъ, а волосы головы твоеи якъ багоръ златъ-тканыи царевъ, причиненыи къ жолобомъ. Коль красна и витяжна намилеишая оу роскошахъ! а постава твоя приподобана есть палмѣ, а сесца персеи твоихъ грезнови винному. Реклъ есми: оуступлю на палму а похвачю овощіе ее; и боудуть перси ее яко гронове винпишніи, а воня оустъ твоихъ яко раискихъ яблокъ, горло твое яко вино наилепшее.

Свѣста Христова душа тоутъ о своему милому женисѣ Христѣ такъ говорить:

Годно милому купити, а оустомъ и зоубомъ его къ пережюванію. Я милому моему, а ко мнѣ оборочаніе его.

Тоутъ душа оп ть, познавши милость а любовь своего милого жениха Христа къ собѣ, тыми словы говорить къ нему.

Поиди, милыи мои, а вындимо на поле пребыва въ селехъ, рано встаньмо до винниць а осмотремо, сквитла ли есть винница, расплодили ли соуть квѣтья овощіи, закветли ли соуть оуже раиская яблока? Тоутъ дамъ тобѣ перси мои. Мандрагоры дали чуть воню свою, оу бронахъ нашихъ вся яблока новая, и ветхая, милыи мои, сховала есмь тобѣ.

Глава 8 а остаточная тыхъ то милыхъ книжокъ.

Тоутъ то душа, милая невѣста Христова, распалившися великою любовію а горячею милостью къ своему милому жениху Христоу, желаючи оуже съ нимъ быти на вѣки въ небѣ а хотячи его видѣти лицемъ въ лице, а про то жь чересъ наборное размышленіе а оумное боговидѣніе къ немоу тыми словы говорить, просячи а молячись ему:

Кто ми тя дасть братца милого моего, ссучего перси матки моея, абыхъ тя знашла на дворѣ а поцеловала тя; а оуже мною тогды ни жодинъ не погордить, а оухвачю тя и поведу до дому матери моеи а да покоика родительници моеи: такъ мя будешь оучити, а я дамъ тобѣ напои зъ вина складанаго а смакъ раискихъ яблокъ моихъ; левица есть подъ главою моею, а правица его обоиметь мя.

Голосъ Христовъ къ збору святыхъ о своеи милои невѣстѣ души:

Заклинаю васъ, дщери Иерусалимскии, абы есте не будили, ани прочютити казали милое моеи, докуль бы олижь сама хотѣла.

Голосъ збору святого къ невѣсте Христове, дивячися о неи а таючись, тыми слова рекоучи:

О которая есть тая, жь то оуступаеть съ пустыни, роскошми ся размогаючи, возлегши на милого своего (1)?

Голосъ жениховъ къ невѣсте:

Подъ деревомъ яблоновымъ оубудилъ есми тебѣ; тоутъ порушена есть матка твоя, тоутъ растлѣна есть (2) родительница твоя.

Къ души Христосъ говорить, выповѣдуючи еи, какъ есть моцна милость его съ нею, какъ пожиточьна есть еи къ спасенію ея:

Положъ мя яко печать на сердци своемъ а яко знамя на рамени твоемъ, бо есть силна яко смерть милость, а твердо яко пекло желаніе, лампы ея

(1) *По славян. «утвержаема о братѣ своемъ»*.
(2) *По славян. «поболѣ тобою»*.

яко лампы пламенныя а огненыи; воды многи не могли соуть оугасити любви, ани рѣки затопити ее; коли дасть человѣкъ все што имѣеть за лю(бо)вь — и будеть яко же бы ничтоже погубивъ.

Церковь святая говоритъ къ душамъ, которыи теперь ново починаютъ миловати Христа, въ вѣрѣ еще боудучи несовершени, ани досконали, а рекучи:

Сестра наша маленька а персеи не имать; што оучинимъ сестре нашеи въ день, коли жь то маеть быти намовлена алюбо смовлена?

Самъ Христосъ отповѣдаеть за нее, а рекучи:

Естли муръ, влаимо жь(?) на неи пушки серебреныи, пакъ ли суть двери, огородѣмъ же ихъ порканы кедровими.

Душа невѣста Христова, которая жь ся Бога размиловала, говоритъ:

Я есми муръ, а перси мои яко вежда; занеже есмь оучинена предъ нимъ яко покои наиденыи.

Святіи о церкви Христове и его милои невѣсте говорятъ тыми словы, рекучи:

Винница была есть покоиному, которая же то маеть люди; далъ есть ю сторожемъ. Мужь приносить за овощи еѣ 1000 сребрениковъ.

Христосъ говоритъ о своеи невѣстѣ святои церкви:

Винница моя предъ мною есть: 1000 твоихъ мирныхъ а съ тыхъ, остерегаютъ которыи овощовъ еѣ.

Голосъ Христовъ къ блаженной а къ святои души, которая ему набожне безпрестани служить, во дни и въ ночи молячись ему въ псалмѣхъ и въ пѣснехъ и въ пѣніахъ духовныхъ, а въ всемъ волю его чинячи, а надъ все толко его самого вѣрьне милуючи, ани о што о иное на томъ свѣтѣ дьбаючи:

Которая живешь оу виноградѣхъ милого, послухаю голоса твоего; дай ми его слышати.

Душа отповѣдаеть къ своему милому жениху, просячи его, абы ее оуже съ того свѣта взялъ къ собѣ въ горнее царство небесное, гдѣ есть солодкость всякія вони благоуханія божественного и великая радость, небесное веселіе неизрѣченное и вѣчнаго живота оутѣшеніе, и милости божіа и любьви его сладкое насыщеніе а конечнее съ милымъ Богомъ, своимъ милымъ женихомъ, вѣчное съ нимъ милованіе и оутѣшеніе:

Поиди, милыи мои, а оприрвнаися дикои козе а ланятку еленему на горахъ благовонныхъ рѣчеп.

Потолѣ конець тымъ милостнымъ книжкамъ. Кто ли хочеть съ милымъ Богомъ вѣчно ся случити въ милости его а въ любьви, а съ нимъ ся вѣчне миловати а радовати въ его небесномъ царствіи, то каждый радуяся то прочитаи и тыи святыи милыи книжки его, а разумѣи тыи слова вси духовно, а ничего тѣлесно, а што ниболши можеть — распаляйся тыми словы въ его святую божественую милость и любовь въ розмышленіи своего богомышленіа, въ его боговидѣніи многозрѣніа. Такъ будешь оумъ зряй Бога, и будешь ему милъ, а онъ тому сладокъ; бо ништо есть такъ оудячно Богу отъ насъ, яко милость а любовь къ нему имѣти, а съ того приходить и къ ближнему любовь и до оубогихъ милосердіе. Бо въ тои заповѣди зъоднои любъви весь законъ ся Божий исполняетъ и его воля и хотѣніе въ насъ. Занеже вси святіи оу ветхому законѣ и въ новому оугодили ему тымъ, ижъ его вѣрне миловали и съ правои души. А то все брали наоуку съ тыхъ святыхъ книжокъ его, распаливаючися къ нему въ его мѣлость и любовь, а про тожъ нынѣ суть съ нимъ въ его небесномъ царствіи, съ нимъ радуючися а веселячись, а его сладкія милости пожываючи въ вѣчномъ утѣшеніи живота вѣчнаго на вѣки вѣковъ.

То чего то для писано: иже самъ Богъ любовь а милость, а хто коли пребываеть въ любьви, тои въ Бозѣ пребываеть, а Богъ въ немъ; а гдѣ есть самъ Богъ, и онъ съ нимъ маеть на вѣки жити; гдѣ есть наболшая радость вся, наболшее веселіе, наболшая оутѣха, великая милость, солодкаа любовь, вѣчное оутѣшеніе, вѣчное радованіе и вѣчное житіе а вѣчное зъ Богомъ милованіе а всего доисполненіе добраго и вѣчныхъ благъ наслаженіе, опловитая роскошь, безмѣрная свѣтлость, любезная ясность, любезное житіе, воли досыть оучиненіе, хотѣнію и конець, желанію полученіе милое, съ всими святыми милованіе, а съ своими любовными знаемыми други, которыхъ тамъ Богъ сподобитъ, любовное любованіе а вѣчное съ ними оутѣшеніе, а милости Божіа и любъви его безконечное сладкое насыщеніе; и што еще о семъ, подолживая, слова многа говорю? Гдѣ есть Богъ, тамъ всего добра полно и опловито, »все въ всемъ, всего всѣхъ въ семъ единемъ Господи нашемъ Іисусѣ Христѣ, миломъ небесномъ женисѣ, знайдемъ всякого добра полность, радости и веселіа, оутѣшеніе, наслаженіе, милованіе любви, а желанія насыщеніа, просвѣщеніа прославленіе, хваленіа, славословленіа, пѣніа,« (1) благодареніа, благословеніа, чит. съ величіа, вѣчного утѣшеніа, боговидѣніа, боголюбленіа, богонаслажденіа а конечного богонасыщеніа. О великая радость а

(1) *Слова отмѣченныя ковычками, написаны въ рукописи почеркомъ отличнымъ отъ того, которымъ писано все сочиненіе. И. К.*

невымовная доброто! О безмѣрная сладкая оутѣха того милого небесного жениха, прекрасного, вожделѣннаго, сладко-любимаго, милого Іисуса! Котороеждо радости а милости ни око видало, ни оухо слышало, ни на сердце человѣку въсхоживало, што Богъ оуготовалъ однымъ только любящимъ его, которіи его здѣ на семъ свѣте миловали вѣрьне. Нужъ оуже, милая невѣсто Христова, набожная, вѣрная, боголюбимая душе! Колижъ ся его такъ велико розмиловала своего милого прекрасного жениха, того любимаго небеснаго царя, желаемаго сладкого милого Іисуса, милоуючи его съ правои души, со всего сердца и всимъ помышленіемъ твоимъ,—роспали жь ся оуже къ нему великимъ твоимъ люблениемъ а горячимъ твоимъ сердечнымъ милованіемъ а сладко рачительнымъ желаніемъ, тужачи по немъ и жадаючи велико къ нему съ великимъ болестнымъ въздыханіемъ сердца твоего, говорячи къ нему съ тыми словы милыми, а рекучи такъ:

Сладкая молба. О Іисусе сладкій, души моея оутѣшеніе и моя великая милосердная надѣже, помилуй мя! О милосердіе твое, души моеи радость и веселіе, спаси менѣ! О оутѣхо мая милая, души моеи сладкая любы и милости моя ненасытная, обрадоуи мя, своего раба, радостію неизрѣченною въ небесномъ твоемъ царствіи, достойно ми дароуи тамо ясно оузрѣти твое святое божественное пресвѣтлое, любимое, сладковъжделѣнное милое лицѣ, ибо внутрь менѣ сердце мое всегда горить къ тобѣ и тужачи по тобѣ, милостію любовною къ тобѣ всегда полаючи Боже мои, желая насладитися сладкіа твоея любове и милости насыщеніа твоего, божественнаго предивнаго насыщеніа и всесладкаго твоего люблениа. О всемилостивыи мои, прекрасныи и възъжелѣныи, сладко милыи мои, мнѣ вѣрно милыи Іисусе, яко ты еси все желаніе мое, весь еси сладость моя а милость моя ненасытнаа. О всемогущаго Бога Отца Божіе слово Дѣвы Маріа прекрасныи милыи Боже, Боже богомъ, Господи святыхъ, святыи, пресвятыи, любовныи мои, милыи, прекрасныи женише! пріими же отъ менѣ сіе хваленіе и моленіе, мое словесное служеніе, плодъ оустенъ нашихъ тебѣ въ жертву живу, святу, богоугодну, въ воню благоуханіа, и освяти ю духомъ твоимъ святымъ, и прости мя за то и освяти, прослави въ небесномъ твоемъ царствіи; достойно ми даруи тамо ясно оузрѣти ми твое святое божественное пресвѣтлое лице, и насыти мя сладости твоея, божественныя сладкіа любьве, наслажденіемъ, оутѣшеніемъ милости въ насыщеніи оныхъ твоихъ вѣчныхъ благъ, наслажденіа сладкаго мира и любьви, живота вѣчнаго и радости великои, и въ веселіи мноземъ

съ мудрыми твоими дѣвами въ ономъ твоемъ прекрасномъ, небесномъ, пресвѣтломъ, ясномъ божественномъ чертозѣ, съ ними ми вкупѣ ликовати и царствовати и вѣчно ся оутѣшати даруи, въ твоеи великои, премирнои и въ сладколюбовнои любви, единодушьно сподоби и вѣчно ся съ ними слоучити. О всемилостивыи мои прекрасныи, возьжеленныи, сладколюбимыи Іисусе, въ непрестаньныя и въ превѣчныя и въ безконечныя вѣки, аминь.

О душе милаа, невѣсте Христова любимая! естьли ся будешь такъ вѣрно молитися къ нему а съ нимъ ся такъ вѣрными словы оумовляти, за вѣрно тобѣ поведаю а слюбити могу, же тебѣ выслухаеть въ томъ а въ всемъ волю твою наполнить, о што коли его просишь а жадати будешь. А еслибы ся тобѣ еще мало видѣло такихъ милыхъ словъ оумовляніа съ нимъ, бо милость сыти не имать, ани мѣры знать, и хто кого больши милуеть, тымъ больши ся къ нему любовію роспаляетя а сладкими милыми словы съ нимъ ся часто разоумовляеть, — рци же къ нему, милая душе, такъ:

О великоутѣшный милый Сыне Божій, женише мои сладчайшей Христе! Не трудно ми тещи въ слѣдъ тебе, ибо сладость любви твоея душю мою надѣжею оупери, и красота милости твоея сердце мое оуслади, жеданіе сердца моего влечеть мя всегда къ тобѣ и любви твоя всегда палятлива, Владыко, о источниче жизни и просвѣщеніе мое и живота моего! Есть бо милость твоя въ сердци моемъ, раба твоего, свѣтъ и радость и веселіе, и сладчайше паче медвянаго соту оустомъ моимъ есть милость твоя, рабу твоему прибѣжище и сила, заступленіе и похвала, полна живота вѣчного и всякія оутѣхи небесныя! Како бо помолчить рабъ твой, Владыко, отъ многія сладости ея, милости твоея и любвѣ, оутѣхо живота моего, ли отверзеть оуста своя зможаляя, ли како претерьпить языкъ мои сице не глаголати, нежели паче въспоеть и славить всегда безпрестанидат еля пользы благихъ. О и како пакы зотворю въ себѣ волны милостей твоихъ и како паки истекающихъ изъ моего помышленіи исполнь суща сладости и великихъ даровъ? Но прославитъ рабъ твои, Владыко святый; отъ избытка бо сердцю оустомъ ноужа глаголати, обыкоша и самыи тои, языкъ о[illegible]личитель есть всехъ вноутренихъ таинъ сердечныхъ: аще кого иного кромѣ тебѣ любимаго сердце мое любить! Сего ради во многои огнемъ палимои любви рожженъ есмь, не могии оуже терпѣть ктому, но отъ великожелаемыя любве въпію и кричю, рыдаю и плачю съ многія туги и болѣзни сердца моего, распаленіелъ тужачи по тобѣ, не могоу ктому жити, ани хочю безъ тебе, дыханіа моего и живота моего. Славлю тебе небесного владыку,

давшаго ми, своему угоднику, милости небесныя вькусити многими дары; о семь величаю милость твою, владыко Іисусе Спасе мои! вже бо величаю тя, рачительно серьдечныи самъ ся величаю; не престаетъ бо языкъ мои и всегда пѣсни а хвалами славя милость твою. О владыко! не оумолкнуть гусли моя, поюще пѣсни духовныя, любы твоя влечеть мя къ тобѣ, Спасе мои, радости сердца его, милость твоя палить мя, желаніа влека на просвѣщеніе разумное. Боуди же ти сердце мое земля блага, приемлющи сѣмя доброе во сторичныи плодъ възращеніа, и да оросить милость твоя верху менѣ росу жизни вѣчныя, яко да ся обрящеть душа моя въ свѣте ономъ, идѣже жедають ангели оуникнути. О молю тя еще, Спасе всего мира Христе, оумножиться на мнѣ милость твоя и насытить алкание мое, жажду мою палимую оуставить и серце мое огнемъ жгомо прохладить и просвѣтить омраченоую мысль мою, да съберетъ и помыслы моя всякъ тобѣ и желаніа моя исполнить. Не терплю бо безъ нея быти, Владыко, поне ни на малъ часъ, аки безъ душа; лучши бо есть милость твоя паче живота моего, нѣсть бо къ тобѣ-безсумнѣніа, понѣжь бо паче мѣры и вѣры и моего достоинства оумножилась во мнѣ и на мнѣ милость твоя; сіа дивне сладка сердцю моему, языкъ бо мои изнеможе, не достигіи ея изрѣщи; оудиви же ся и оумъ мои, не терпя многихъ чюдесъ и дивныхъ зраковъ волнъ ея. О образе и заре небеснаго царя! да имію здѣ обилно до насыщеніа; якоже бо огнь палить оуды моя и сердце мое желаніе мое, влека къ тобѣ всегда, Боже мои, и тако ми здѣ съ нею и при неи и въ неи и добре поживши, да тамо паки въ небесномъ царствіи твоимъ даси ми ее съ великимъ оутѣшеніемъ съвершеніе обилно доволне въ великосладкомъ насыщеніи ея любовныа милости зъ великою радостію и веселіемъ въ чти и хвалѣ, въ блаженствѣ и въ прославленіи, въ величіи и въ просвѣщеніи и вѣчныхъ благъ и наслажденіи въ утѣшеніи, живота вѣчного твоего божественнаго сладкаго насыщенія, на вѣки и въ вѣки вѣкомъ не имоущаго конца.

Сіе тобѣ отъ менѣ, моя милая любы, хваленіе и славословленіе, благодареніе, сладколюбимое богословіе. Даи же ми, своему оугоднику, идѣже сама живешь, дабы и я съ тобою тамъ былъ, идѣже есть совершеніе всего множества, всякого блага любовнаго любящихъ тя:

Похвала любви.

О любви любимая Божіа любы есть, сладка еси милостію въ милости любящимъ тя, неизреченная радостію, ласкосердечна оутѣшеніемъ, милостивна любленіемъ милуючимъ тя, неизглаголанна веселіемъ, пречюдна

сіяніемъ, пресладка наслажденіемъ, предивна благословеніемъ, пречестна веселіемъ, прехвална благословеніемъ, пречесгна величіемъ, пресвята святынею, пречестна достояніемъ, преблагословенна великолѣпіемъ, пренеистощимая благоподаяніемъ, пресладка пѣніемъ, превозлюбленна божественнымъ благолѣпіемъ, премногомилосердна обдараваніемъ, краи желаніемъ, милости исполненіе, сердцю оутѣшеніе, души насыщеніе, оуму просвѣщеніе, мысли оцищеніе, хотѣнію полученіе, воли наполненіе, желанію наслажденіе, всесъвершенно спасеніе, премирное прославленіе, небесное радованіе, духовное озареніе, божественное сіаніе, ангельское оудивленіе, всихъ святыхъ вѣчное утѣшеніе, праведныхъ душъ радостное отпочиваніе, благоуханное благовоніе, неизрѣченное веселіе, безмѣрное радованіе, безчисленное милосердіе, неисчетное оущедреніе, невымовное милованіе, безконечное житіе, тихіи покои, вѣчныи миръ твоимъ любовникомъ, твоимъ оугодникомъ, твоимъ рачителемъ, твоимъ миловникамъ, твоимъ желателемъ, вѣчнаго живота до насыщеніа ихъ доволное наслажденіе, оутѣшеніе, насыщеніе, и всякого есть добра имъ заплаченіе достаточное. О ты едина прекрасная сладкая любы, чюдная милости Божіа! откуду тя похвалю, како ли тя вспою, коимъ ли тя словомъ прославлю, каковымъ ли тя языкомъ высловлю? ты бо владѣеши державою морьскою, възмущеніе жъ волнъ его ты оукрочаешъ. Ты смирилъ еси яко язвена гордаго мышцею силы своея, твоя суть небеса и твоя есть земля, вселенную и конци ея ты основа, сѣверъ и море ты създа, отъ востока солнца и до запада хвално имя твое, и вся тобою състояться и съдержаться, коупножь вся видимая и невидимая—вся твоя суть, вся о тобѣ състояться и живуть и движаться, а безъ тебе ничтоже ачь и что есть; и сего ради тобѣ всяко колѣно покланяеться небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и неволею за повинувшаго тобѣ всяческая на оупованіе, и всякъ языкъ исповѣсть се, яко ты Господь Іисусъ Христосъ самъ есть тая милость и любы въ славѣ Бога Отца, съ нимъ царствующи вкупѣ съ святымъ духомъ во вѣки, аминь.

О любви и о ластцѣ и о дарахъ благодати Его прославляти должно.

Превозлюбленный мои мирныи а милыи брате! Сице Бога твоего възлюби ото всее душа твоея и всимъ сердцемъ твоимъ и всимъ помышленіемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею, якоже и тебѣ Богъ возлюбилъ есть, давъ за тебя душю и животъ свой. Будь же ему церковь духовная, и вселиться въ тя Богъ вышній. Душа бо, имѣющіа Бога въ собѣ, церква на-

рицается жива, свята и честна Богу, и божественыя таины служать ся въ неи и спѣшать ся всегда силы небесныя посѣтити ю; понеже бо Богъ вселилъ ся есть въ душю тую, ангели и небеса веселяться о неи, оублажающе душу и честь велику еи творяще, имьжь наречеться владыка ихъ (?). Блаженъ человѣкъ, иже тя возлюби отъ всея души своея и възненавидѣ мира и яжь въ немъ вся, а токмо имать святаго Владыку добраго и бисера съкровища животнаго ненасытимаго — Бога, и иже еще любить Бога всимъ сердцемъ! Тому на земли нѣсть оумъ, но горѣ всегда, идѣже и възлюбилъ есть, и душа и въсхотѣла есть, и жажеть оумъ отуду и въсхищена есть сладости ради любве Божіа, понеже бо сладости и радости любве Божіа исполнена есть. Въистину блаженъ есть вкусивыи ея и ненас(ыт)ився. О сладости и любве и милости Божіа! кто оубо можеть изрѣщи твоя достойная? Павелъ оубо апостолъ, вкусивыи отъ нея и ненасытився ея, самъ въпіеть о неи глаголеть, яко ни горѣ высота, ни долу глубина, ни сама та жизнь, ни хотячая быти паки, ни смерть, ни вси ангели, ни начала, ни власти, ниже тварь никоторая—все вкупѣ немогоуть разлоучити палимыя души отъ любви Божіа. Да и вкушеніе ея сладости огнь безсмертенъ есть, любы бо Божіа Богъ есть, съдѣловаеть же въ души любимои свѣтлая дѣла и чювствіа ея възноситъ отъ земля на небо, и ненавидить земныхъ, самого токмо зрить Бога, егоже възлюби. Но оучать ны святи мученницы, вькусившеи ея и не нас(ыт)ившіися отъ нея: съоузъ мяккій есть любы Божіа, не можеть мечь обоюду остръ ея отсѣщи. Отсѣкаху бо мучители оуды святыхъ, любвѣ же ихъ не можаху отсѣщи. О мяккіи съоузе любви Божіа, исполнь сыи чюдесъ! Не могши ея отрѣшити, мечь ея не отсѣче, огнь еи не растая! Оудове отсѣцаху, любы же не отсѣщашеся; поляху оудове, любы же не згораше; потопляхуся паки тѣлеса святыхъ, любы же ихъ не потопляшеся; вяжуть паки тѣлеса святыхъ, любы жъ не связана бысть весма. Кто оубо не дивиться мяккому сему сооузу любовному а зѣло чюдному, иже не отсѣкаеться никогдаже, ниже паки рѣшиться! Иже бо кто возлюбить Бога всимъ сердцемъ, такову любовь къ нему имать. Сію любовь дасть Богъ своеи церкви, яже есть невѣста его любимая прекрасная душа оукрашеньи быти всеи любви. Сіа бо любы начнеть Бога нарицати, въ души столпъ и оутверженіе святыхъ, святая наричеться любы въ души святѣй. Сіа паки любы единочадного сына Божіа съ небеси къ намъ привлече; сеа ради любве Богъ въчеловѣчися. Сеа ради любве стати ся безплотныи, сеа ради любве видимъ бысть невидимыи, сеа ради любви Богъ человѣкъ бысть, сеа ради любве человѣка Богъ съдѣлалъ. О сило великая и непостижимая оуму! сея ради

любве отверзе ся рай, сеа ради любве дано есть царство небесное человѣкомъ, сеа ради любве оуже есть миръ на небеси и на земли. Сея ради любве связанъ былъ крѣпкій. Сеа ради любве невѣста есть душа безсмертному жениху Христу, да того ради водить свою красоту душа вноутрь себе дѣлы благими съ любовію. Сея ради любве пострада безсмертныи женихъ за свою любимую невѣсту душю. Кромѣ бо любви сея аще и есть души благое, не благоволить о ней небесныи Владыка, нудити жь воля ея не хощеть, единою бо дасть еи власть ходити и итти якоже хощеть. Кто оубо можеть исповѣдати или кто довольнѣ всегда прославити и воспѣти Бога и Спаса о дарѣхъ ея? Сея бо ради вси пріахомъ даръ его божества. Слава и хвала и поклоненіе о семъ благоволенію его!

Послушаимо, братіе, добраго оученіа и съвѣта сего и потщимся всегда ходити въ сеи святои любви чисто и достоино, дондеже время имамы, да вселиться въ насъ Духъ святый и любы Божіа обьемши, спасеть насъ! Не имѣемо, братіе, иноя вещи честѣйши развѣ сея святыя любве, яко да душя наша чиста невѣста обрящется Христу. Не привяжемъ ся никакоже земныхъ вещей, ни печалей, еще не пещись о стяжаніи и богатествѣ — суетѣ мира сего. Оукрасимъ же ся молитвами и постомъ, бдѣніемъ же и слезами и святою милостынею, яко да тамо обрящеть душа наша дерзновеніе предъ Богомъ на страшномъ его судѣ и честь предъ всѣми святыми, и пріиметь вѣнець жизни, иже оуготовалъ Господь всѣмъ любящимъ его, и будеть едина едино въ единомъ же Бозѣ любима, любимомоу своему женихоу, на вѣки вѣкомъ съ нимъ, царствующимъ въ безконечныи вѣки.

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

VI.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ.

Статья четвертая.

Въ повѣсти *Майская Ночь или Утопленица*, Гоголь является попеременно то великимъ живописцемъ того, что́ онъ видѣлъ, или могъ живо себѣ представить, то фальшивымъ разсказчикомъ о томъ, чего никакъ не возможно вообразить безъ предварительнаго изученія. Блистательны у него описанія природы украинской, хороши небольшія сцены, которыхъ свидѣтелемъ не трудно быть въ Украинѣ; но все, что́ относится къ чувствамъ, обыкновенно тайнымъ въ душѣ каждаго, къ чертамъ характера внутреннимъ, а также къ нравамъ и обычаямъ народнымъ,—все это такъ слабо, сбивчиво и даже вовсе невѣрно, какъ всегда бываетъ у писателей, болѣе воображающихъ дѣйствительность жизни, чѣмъ ее знающихъ. Пройдемъ по всей повѣсти, съ начала до конца.

Вторая и третья строки ея обнаруживаютъ, что Гоголю были извѣстны ночныя забавы сельской молодежи только по наслышкѣ. Онъ говоритъ, что »утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера.« Если бы онъ умолчалъ хоть о дневныхъ трудахъ, то можно было бы еще подумать, что дѣло происходитъ въ праздничный день. Въ будни же »блескомъ чистаго вечера« пользуются наши поселяне, чтобы окончить

заботы о домашнемъ скотѣ и приготовить вечеръ для трудившейся цѣлый день семьи. Послѣдній отсвѣтъ дня на небѣ служитъ имъ вмѣсто лампы за вечерею, какъ изображено и въ одномъ изъ стихотвореній Шевченка:

Сімъя вечеря коло хати,
Вечірня зіронька встає.

Уличныя пѣсни начинаются только тогда ужъ, какъ все старое и малое, все степенное и удержанное дома заботами о дѣтяхъ, уляжется спать. Вотъ почему у Шевченка, въ томъ же стихотвореніи, говорится:

Затихло все,—тільки дівчата
Та соловейко не затихъ.

У Гоголя, напротивъ, читаемъ: »Уже и сумерки, а пѣсни всё не утихали«. Да онѣ едва начинаются въ сумерки! Серенада же въ сумерки, передъ дверью хаты, въ которой живетъ *кохана дівчина*, какъ представлено у Гоголя, не возможна, потому что родители вообще съ неудовольствіемъ смотрятъ на уличныя ночныя забавы дочерей, а тутъ вызовъ дочери на тайное свиданье былъ бы слишкомъ для нихъ явенъ. Какъ бы ни были они сами по себѣ поблажливы, да побоялись бы за добрую славу дочери-невѣсты со стороны сосѣдей. Поэтому-то, въ народной пѣснѣ, о влюбленномъ парубкѣ поется такъ:

До вікónця припадає,
Стиха промовляє:
»Вийди, вийди, дівчинонько,
Зъ рубленої хати:
Теперъ нічка темненькая —
Не знатиме мати.«

Гоголь построилъ свою любовную сцену на пѣснѣ:

Сонце низенько,
Вечіръ близенько,
Вийди до мене,
Моє серденько,

которую и вложилъ въ уста парубка-бандуриста; но, не зная, какъ именно это дѣлается у поселянъ, онъ не понялъ, что здѣсь говорится о близости вечера въ томъ смыслѣ, что, когда вечеръ погаснетъ,

можно будетъ любящейся четѣ повидаться безъ свидѣтелей (въ чемъ и состоитъ прелесть свиданія). Странно было бы вообразить въ виду всѣхъ поселянъ такую сцену, о какой мечтаетъ влюбленный парубокъ, нетерпѣливо слѣдящій за садящимся ниже и ниже солнцемъ:

Ой вийди, вийди,
Не бійсь морóзу:
Я твоі ніженьки
Въ шáпочку влóжу, и пр.

Упоминанье о *морозѣ* должно было бы перенести воображеніе Гоголя въ ту пору года, которая особенно благопріятствуетъ ночнымъ свиданіямъ—и потому, что кончены полевыя работы, и потому, что ночи тогда очень длинны; но у него молодежь тѣшится уличными забавами въ майскую ночь, а влюбленные толкуютъ въ эту пору года о близкой свадьбѣ, которая возможна для поселянъ только осенью, зимою и раннею весною, но никакъ не *въ косовúцю*. Въ это время и одинъ потерянный день много значитъ въ простомъ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ каждый членъ семьи долженъ работать изо всѣхъ силъ. Но положимъ, что молодежь, изъ любви къ ночнымъ удовольствіямъ, обходится самымъ кратковременнымъ сномъ, что́ въ самомъ дѣлѣ случается; только, не зная, ка́къ именно распоряжается поселянинъ лѣтнимъ временемъ, Гоголь заставляетъ волостного голову бесѣдовать у себя въ хатѣ съ винокуромъ, спустя долгое время послѣ ужина, безъ всякой экстренной надобности: это—осень, а не май, когда ужинаютъ обыкновенно при »блескѣ чистаго вечера«, внѣ хаты, и ни въ одномъ окнѣ на селѣ не увидите почью огня. Впечатлѣніе осенняго времени неумышленно усиливаетъ авторъ, упомянувъ, что свояченица головы въ это время сидѣла на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги. Еще большая выходитъ несообразность, когда пьяный Кале́никъ, попавъ къ головѣ въ хату, воображаетъ свою жінку лежащею на печи. Поселяне лѣтомъ рѣдко спятъ и въ хатѣ, не только на печи. Но это мелочи, а вотъ черта нравовъ, обнаруживающая въ Гоголѣ рѣшительное непониманіе простонародныхъ украинскихъ нравовъ.

У него голова представленъ отъявленнымъ волокитою. Положимъ, что старикъ, у котораго есть взрослыя дѣти, былъ »похотливъ«, какъ поютъ о немъ въ своей пѣснѣ парубки; но такъ ли онъ выразитъ этотъ порокъ, какъ какой-нибудь отставной капитанъ или про-

сто помѣщикъ, отецъ взрослыхъ дѣтей? Мы пропустимъ безъ вниманія, что Гоголевъ голова заглядывается на всякое смазливенькое личико, и даже то, что онъ »шатается подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ«; но вотъ что́ по-истинѣ странно. Въ майскій вечеръ, послѣ того, какъ его сынъ вызвалъ серенадою любящую его дѣвушку, наговорился и нацѣловался съ нею досыта, голова вызываетъ на тайное свиданіе ту же самую дѣвушку, и между ними повторяется разговоръ о сватовствѣ, который составлялъ цѣль свиданія молодыхъ людей. Ганна говорила сыну, между прочимъ, вотъ что́:

»Я тебя люблю, чернобровый козакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими—у меня какъ-будто на душѣ усмѣхается: и весело и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя!«

Потомъ она допрашиваетъ его: говорилъ ли онъ съ отцомъ объ условленной между ними женитьбѣ?

Въ тотъ же вечеръ та же самая дѣвушка говоритъ отцу, въ темнотѣ, подъ деревьями:

«Ты лжешь, ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ.«

Ни единымъ словомъ не предувѣдомилъ Гоголь своего читателя, что его красавица, исполненная дѣтской мечтательности и простодушной поэзіи, способна играть роль самой лукавой гризетки. Но голова въ роли Ловеласа еще у него интереснѣе. Видите ли, старику захотѣлось жениться на возлюбленной своего сына, какъ Филиппу Второму на невѣстѣ Донъ-Карлоса, и онъ добивается этого счастья самымъ удобнымъ для него способомъ. Недоставало ему еще одного: спѣть подъ бандуру въ сумерки:

Сонце низе́нько,
Ве́чіръ близе́нько,
Вийди до ме́не,
Моє́ серде́нько!

Московскій *День* нашелъ по себѣ критика для *обороны* украинскихъ повѣстей Гоголя отъ моихъ указаній на его погрѣшности противъ народоописанія. Можетъ быть, глядя глазами Москвичей на нашу сельскую жизнь, г. Максимовичъ оборонитъ и эту, какъ онъ, безъ сомнѣнія, скажетъ, »поэтическую, высоко художественную сцену«;

но намъ, не разорвавшимъ живой связи съ нашимъ народомъ, жаль, что повѣсти Гоголя пустили о немъ въ русское читающее общество столько превратныхъ понятій. Почтенному, уважаемому уже за одну его власть поселянину могло придти въ голову—отбить у сына невѣсту, какъ и королю Филиппу Второму; но для этого онъ и обратился бы къ своимъ преимуществамъ передъ сыномъ, а вовсе не къ тому, въ чемъ ему мудрено соперничать съ молодымъ любовникомъ. Въ одной только московской газетѣ подобныя соображенія не имѣютъ мѣста и вызываютъ *оборону Гоголя* отъ здраваго смысла людей, которые, указывая на погрѣшности молодого таланта, высоко цѣнятъ этотъ талантъ въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Но посмотрите, какою игрушкою представлялись Гоголю поселяне, какъ онъ поверхностно на нихъ смотрѣлъ, какъ мало похожи они на людей! Влюбленный парубокъ, попавъ на сцену тайнаго свиданья своей нѣжной голубки съ отцомъ, и не помыслилъ о ревности, которая, сколько мы понимаемъ свойства души человѣческой вообще и характеръ нашихъ сельскихъ любовниковъ въ особенности, должна бы быть у него господствующимъ чувствомъ на ту пору. »Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свистъ одни только выразили его *изумленіе*« (*),—вотъ первое впечатлѣніе, произведенное на молодую душу возмутительною сценою женскаго лукавства.

»Ай да батько!« говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія (продолжаетъ Гоголь) и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствомъ головѣ. »Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешъ знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ! будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ! Гей, хлопцы! сюда! сюда! кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу: ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ идти спать, но теперь раздумалъ и готовъ, хоть цѣлую ночь, самъ гулять съ вами. Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову? Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляетъ у насъ, какъ-будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще подъѣзжаетъ къ дівчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова.« (**)

(*) *Соч. и П. Гоголя.* I, 66.
(**) Тамъ же, 67.

Эта выписка поражаетъ насъ двойною неестественностью: отсутствіемъ въ любовникѣ хотя бы малѣйшаго чувства неудовольствія къ возлюбленной и полнымъ забвеніемъ съ его стороны, что голова всётаки отецъ его. Левко́ во всемъ разговорѣ съ товарищами даже не назвалъ голову отцомъ. Хоть бы онъ сказалъ, что не признаетъ его больше за отца. Нѣтъ, онъ просто относится къ нему, какъ »вольный козакъ« къ головѣ и говоритъ о старческихъ его проказахъ такимъ тономъ, какъ-будто въ нихъ для сына нѣтъ ничего особенно поразительнаго. Какое! онъ тутъ же сложилъ про отца водевильную пѣсенку.

»А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу, продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры.« (*)

У писателя, болѣе близкаго къ украинскому народу, невольно явилась бы мысль, что дѣло вѣдь идетъ объ отцѣ, и пусть ужъ Левко́—самый безпутный изъ парубковъ (тогда какъ у Гоголя, напротивъ, онъ опоэтизированъ насколько это было для автора возможно); но вѣдь у тѣхъ, къ кому онъ обращался, были тоже отцы. Неужели же ни въ одной душѣ не явился упрекъ товарищу: »Левко́, а всётаки онъ тебѣ отецъ!« Ни тѣни чего-нибудь подобнаго не явилось въ умѣ живописца украинскихъ нравовъ, оборопяемаго г. Максимовичемъ. Его парубки съ восторгомъ приняли предложеніе Левка́ и хоромъ распѣвали слѣдующій во всѣхъ отношеніяхъ безобразный пасквиль, сложенный сыномъ на родного отца:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Вдругъ разсыпались всѣ клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!
Голова нашъ сѣдъ и кривъ,
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!

(*) Тамъ же, 68.

Прихотливъ и похотливъ:
Жмется къ дѣвкамъ.... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебя бъ нужно въ домовину,
По усамъ да по шеямъ!
За чуприну, за чуприну! (*)

Когда перечитываешь теперь первыя сочиненія Гоголя и находишь въ нихъ мѣстами такое поразительное отсутствіе ума, чувства и вкуса, становится отчасти понятною излишняя строгость къ нему такихъ критиковъ, какъ Полевой. Но, точно такъ, какъ порицатели Гоголя, изъ-за его погрѣшностей противъ природы человѣческой, не видѣли достоинствъ молодой, слишкомъ неопытной его фантазіи, почитатели его, ради свѣжихъ, оригинальныхъ красотъ новаго таланта, не хотѣли видѣть поразительныхъ для насъ его недостатковъ. Таковъ почти всегда бываетъ судъ современниковъ надъ первыми произведеніями литературнаго генія. Горячій споръ за него оканчивается обыкновенно взаимными уступками. Только умы неподвижные, неспособные развиваться ходомъ науки и самой жизни, остаются до конца вѣрны первоначальнымъ убѣжденіямъ.

Чтобы не возмутиться поступкомъ Гоголевой героини Ганны и находить натуральнымъ спокойствіе ея любовника, заставшаго ее на тайномъ свиданіи съ »неожиданнымъ соперникомъ«, надобно быть или очень, очень юнымъ, или очень, очень ветхимъ. Пропѣвъ хоромъ свой пасквиль подъ окномъ родной хаты и пустивъ въ отцовское окно увѣсистымъ камнемъ (не извѣстно, впрочемъ, своеручно ли), Левко́ долго дразнитъ еще отца переодѣваньями, наконецъ успокоивается и засыпаетъ въ сладкихъ мечтахъ о возлюбленной, а послѣ развязки повѣсти видитъ ее спящею подъ отвореннымъ окномъ, говоритъ ей сонной чувствительныя нѣжности, креститъ и радуется, что будетъ мужемъ той дѣвушки, которая въ одну и ту же ночь выходила изъ хаты на тайное свиданье съ сыномъ и отцомъ. »Какая незлобная, какая простосердечная натура украинская!« могутъ заключить изъ всего этого изучающіе нашъ народъ по повѣстямъ Гоголя. »Въ этомъ народѣ автору *Отелло* нечего было бы дѣлать.« А между тѣмъ.

(*) Тамъ же, 72.

пѣсни этого народа часто говорятъ объ отравахъ и убійствахъ изъ ревности, да и уголовныя преступленія въ украинскомъ простонародьи едвали не чаще всего совершаются въ безуміи ревности. Но какое дѣло оборонающимъ Гоголя критикамъ до подобныхъ фактовъ? Они рѣшились оборонять Гоголя героически...

Такимъ-образомъ, мы находимъ противуестественными отношенія любящаго парубка къ его возлюбленной и сына къ отцу, а на этихъ-то отношеніяхъ и основана вся повѣсть. Въ предыдущей статьѣ мы говорили о натянутости у Гоголя разговоровъ между влюбленными. Въ *Майской Ночи*—то же самое, какъ это видно изъ приведенной выше реторической тирады, въ видѣ рѣчи влюбленной сельской дѣвушки. Гоголю, повидимому, такъ же трудно было придумывать рѣчи въ описаніи любовнаго свиданія, какъ и его Ивану Оедоровичу Шпонькѣ. Тотъ заговорилъ съ барышнею о мухахъ; у Гоголя сельская красавица отъ сомнѣній въ возможности счастья, отъ задушевной бесѣды съ милымъ парубкомъ, переходитъ по-дѣтски къ счету звѣздъ.

»... Да тебѣ только сто́итъ, Левко́, слово сказать—и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово—и невольно дѣлаю, что́ тебѣ хочется. Посмотри, посмотри! продолжала она, etc. Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая...« (*) и начинается дѣйствительно дѣтскій разговоръ, что дескать ни одинъ дубъ не достанетъ до неба, что Богъ спускаетъ съ неба лѣстницу передъ свѣтлымъ воскресеньемъ... До того ли имъ въ ихъ затруднительномъ положеніи? Все это похоже у Гоголя на то, что́ говорится въ пословицѣ: *Чувъ, що дзво́нять, та не знавъ, у якій це́ркві.* Вся эта сцена не создана, а слѣплена изъ того, что́ сохранилось въ памяти автора отъ бесѣдъ съ няньками-украиками. Можетъ быть, даже и самый счетъ звѣздъ взятъ Гоголемъ изъ извѣстной пѣсни:

Ой ти-въ ха́ті, я на-дво́рі;
Ви́йди, се́рце, злічимъ зо́рі.

(*) Тамъ же, 58.

Но, въ такомъ случаѣ, онъ упустилъ изъ виду слѣдующій за этимъ стихъ, опредѣляющій смыслъ пѣсни:

Не лічи́ла и не бу́ду...

Сліяніе чудеснаго съ дѣйствительностію въ *Майской Ночи* сдѣлано Гоголемъ по образцу Гофмановыхъ повѣстей, но безъ Гофмановскаго искусства. Какимъ образомъ очутилась въ рукѣ уснувшаго парубка записка коммиссара? на этотъ вопросъ можно отвѣчать только: такъ было угодно автору. Но и самая записка, независимо отъ чудесности ея полученія, исполнена невѣроятности, которую можно объяснить только молодостію автора и его незнаніемъ, ка́къ стоятъ вещи въ украинской сельской жизни. Гоголь представляетъ коммиссара неограниченнымъ деспотомъ, котораго прихоть принимается, какъ абсолютный законъ, волостнымъ головою въ такомъ чисто семейномъ, неподлежащемъ полицейскому вѣдѣнію дѣлѣ, какъ женидьба сына. Сто́итъ намъ прочесть эту записку, чтобы судить, до какой степени читатели и критики Гоголя вѣрили ему во всемъ, что́ бы онъ ни сказалъ о своей роднѣ.

»Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости; а вслѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левка́ Макого́ненка, на козачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петрыче́нковой, а также починить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое неприведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Коммиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій.« (*)

Смѣшно, но не сообразно съ дѣйствительностію. Гоголь, вѣроятно, зналъ, что въ какомъ-нибудь тридесятомъ царствѣ приближенные къ деспоту люди не только готовы исполнить всякую прихоть своего владыки, но даже стараются предупредительно угадать ее. Иначе дѣлаются дѣла въ сельскомъ мірѣ относительно нелѣпаго вмѣшательства полицейскаго чиновника въ дѣла семейныя, о которыхъ онъ пишетъ на-ряду съ починкою мостовъ и выдачею обывательскихъ лоша-

(*) Тамъ же, 83.

дей. Гдѣ Украина, изображенная Гоголемъ, обороняемымъ отъ насъ московскимъ *Днѣпромъ*, мы не знаемъ. У насъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, такой Украины нѣтъ, развѣ отыщетъ ее, собственно для московской газеты, г. Максимовичъ...

Незнаніе правовъ и обычаевъ украинскихъ, неуваженіе къ человѣческой личности украинскаго простолюдина такъ и разитъ на каждомъ шагу въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя. Волостной голова, которому влетѣлъ въ окно увѣсистый камень, который былъ осрамленъ пасквилемъ и при этомъ влюбленъ въ молодую дѣвушку,—по запискѣ коммиссара тотчасъ женитъ на этой дѣвушкѣ своего сына, буяна и соперника!

»Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть коммисаръ увидитъ, что́ значитъ исправность!« (*)

Еслибы животныя имѣли даръ слова, можетъ быть, они въ подобныхъ случаяхъ такъ и говорили бы; но люди, да еще украинцы, да еще козаки, въ лицѣ почетнѣйшаго между ними, могутъ говорить этакъ только на страницахъ украинскихъ повѣстей, написанныхъ для такихъ читателей и судей, какимъ является, спустя тридцать лѣтъ, г. Максимовичъ. *Чортъ съ вами!* Это напутственное благословеніе отца, сказанное сыну, въ присутствіи писаря и другихъ членовъ сельской громады! Подавленный, деморализованный рабствомъ индійскій парій, и тотъ иначе выражается въ подобныхъ случаяхъ. Волостной голова въ Украинѣ слишкомъ далекъ отъ Гоголева типа, въ какой бы зависимости ни находился отъ полицейскаго своего начальника.

И какой легковѣрный этотъ голова! Вечеромъ, въ потемкахъ, столкнулся, въ ролѣ Донъ-Жуана, съ сыномъ, а черезъ часъ, много черезъ два (судя по ходу повѣсти), вѣритъ словамъ сына, что будто бы онъ »отлучался вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ коммиссара« (**). Но такихъ несообразностей, обнаруживающихъ авторскую небрежность къ сущности искусства, много у Гоголя въ первыхъ его повѣстяхъ. Ему, напримѣръ, нужно, чтобы голова и двое спутниковъ его столкнулись въ потемкахъ лбами съ писаремъ и двумя его провожатыми, но тутъ же онъ говоритъ, что писарь былъ

(*) Тамъ же, 84.
(**) Тамъ же, 84.

въ жилетѣ цвѣта винныхъ дрождей (*). Ему нужно женить Левка́ черезъ нѣсколько часовъ по полученіи коммисарской записки,—свадьба къ услугамъ читателя. Не говоря ужъ о томъ, что дѣло происходило въ маѣ, когда женятся только паны, живущіе готовымъ хлѣбомъ; не говоря о пренебреженіи къ обряду сватовства, дѣвичъ-вечера, приготовленья коровая, безъ котораго сельская свадьба немыслима, хоть бы о томъ подумалъ авторъ, что и въ самомъ богатомъ домѣ необходимы разныя приготовленія къ пріему свадебныхъ гостей. Все это соображенія ненужныя для живописца украинскихъ поселянъ, по мнѣнію устарѣвшей, ветхой, отупѣлой критики. Невольно вспомнишь каррикатуру Квитки: »Ему́ кажешъ: блаки́тна, а вінъ товче́: *сіня-ста*. Ему́ ка́жешъ: не годи́тця, а вінъ чу́хаетця та ка́же: *Пічаво-ста: для Хахло́въ и тако́й Богъ брядъ*.« (**)

Но у Гоголя нелѣпости въ изображеніи нравовъ, обычаевъ и характеровъ украинскихъ выкупаются по крайней мѣрѣ прекрасными описаніями природы и комическою стороною явленій жизни, представленныхъ у него болѣе или менѣе въ каррикатурномъ видѣ. Чѣмъ же выкупитъ себя оборона его украинскихъ повѣстей отъ критики, которая ищетъ въ нихъ истинности изображеній, вдохновенія отъ глубоко-почувствованной жизни и наконецъ пользы, какая необходимо должна для насъ проистекать отъ уразумѣнія извѣстной сферы явленій при посредствѣ поэтическаго ясновидѣнія?

П. Кулішъ.

22 ноября 1861 г.
Петербургъ.

(*) Тамъ же, 74.
(**) *Повісті Квітки*, 1, 126.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

III.

Всѣмъ извѣстно, что лучшая для растительности почва есть черноземъ, а въ этомъ отношеніи Украина, конечно, не уступаетъ ни одной странѣ въ мірѣ. Полоса, начинающаяся отъ Карпатскихъ горъ и кончающаяся въ Сибири, Барабинскою степью, большею - частію покрыта этою почвой. Она, произведеніями своими, не только удовлетворяетъ потребностямъ жителей, но и доставляетъ избытки, которые изъ Южнорусскаго края отправляются за границу чрезъ порты Чернаго и Азовскаго морей.

Эта черноземная полоса начинается въ Галиціи, восточнѣе Львовскихъ песчаныхъ возвышеній, и идетъ двумя полосами: одна, чрезъ Буковину, входитъ въ Бессарабію и кончается на сѣверозападѣ отъ г. Кишинева; другая, широкою полосою, направляется на востоко–сѣверо–востокъ, захватываетъ часть Люблинской губерніи и входитъ по этому направленію въ русскіе предѣлы. Въ Россіи, сѣверная граница чернозема идетъ на Житомиръ, Кіевъ, Черниговъ, Чернь (Тульск. губ.), Рязань и Казань. На югъ, черноземъ не касается низовьевъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное и Азовское моря, но близко подходитъ къ берегамъ этихъ морей, и оканчивается среднимъ теченіемъ р. Маныча. Съ востока, отъ этой рѣки, граница полосы идетъ на сѣверъ почти до Саратова, откуда переходитъ на лѣвый берегъ Волги и тянется на востокъ. Наибольшая ширина черноземнаго пространства, отъ Оки до Маныча, достигаетъ 945 верстъ. Мы не говоримъ, что все это пространство сплошь покрыто черноземомъ, но здѣсь онъ составляетъ преобладающую почву. Для лучшаго разсмотрѣнія про-

изводительной почвы нашего края, мы разберемъ её по губерніямъ и, гдѣ потребуется, по уѣздамъ.

Происхожденіе чернозема составляетъ еще спорный вопросъ между учеными. По общенародному мнѣнію, черноземъ образовался чрезъ гніеніе растеній и чрезъ смѣшеніе ихъ съ землею, на которой они выросли. Нѣкоторые ученые согласны съ этимъ мнѣніемъ, предполагая, что прежде страна была покрыта лѣсами; другіе отвергаютъ существованіе здѣсь лѣсовъ, потому что нынѣ не осталось никакого ихъ слѣда, а приписываютъ происхожденіе чернозема образованію водному и полагаютъ, что море, покрывая прежде всю страну, осаждало илъ, подобный тому, какой осаждаетъ нынѣ Средиземное море. Но какъ въ черноземѣ не найдено нигдѣ раковинъ—всегдашней принадлежности морей, то и это мнѣніе отвергается. При разложеніи чернозема на составныя его части, найдено, что въ немъ заключается: минеральныхъ частей отъ 85 до 88, перегнойныхъ отъ $10^1/_2$ до 8,—и воды отъ 4 до $3^3/_4$ на сто частей; обилію перегноя и азотныхъ частей приписываютъ его плодородіе. Выгоды чернозема въ сельскомъ хозяйствѣ состоятъ въ томъ, что онъ не требуетъ тщательной обработки и даже она можетъ быть ему вредна тѣмъ, что заглушаетъ посѣянныя сѣмена; не требуетъ удобренія, заключая въ составѣ своемъ не менѣе 12-й части естественнаго перегноя. Невыгоды же черноземной почвы состятъ: въ совершенныхъ неурожаяхъ во время сильныхъ засухъ, неурожаяхъ, достигающихъ иногда до того, что не родится ни одинъ стебель на посѣянномъ полѣ; для паханья эта почва требуетъ значительной силы, не менѣе пары воловъ; сельскохозяйственныя дороги, пролегающія по этой почвѣ, въ дождливое время бываютъ трудно проходимы, потому что въ то время черноземъ распускается гораздо глубже всякаго другаго грунта, а липкость его увеличиваетъ иногда тяжесть колесъ въ пять разъ и болѣе.

Теперь приступимъ къ обозрѣнію разнаго рода почвъ, залегающихъ на пространствѣ южной Руси. Въ Люблинской губерніи плодородіемъ отличаются уѣзды Грубешовскій, Замосцьскій и Люблинскій, но только первый изъ нихъ имѣетъ настоящій черноземъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣняютъ его жирная глина и мѣловой рухлякъ. Эта послѣдняя почва покрываетъ и среднюю часть губерніи; она, по наружному виду, похожа на черноземъ, но требуетъ однакоже удобренія. Къ западу, земля состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, но производитъ при хорошемъ удобреніи, пшеницу въ изобиліи. Въ сѣверной ча-

сти губерніи грунтъ земли частію илистый, частію болотный. На пространствѣ между г. Люблиномъ и м. Пяски почва песчаная; она же покрываетъ и значительную часть Луковскаго уѣзда. Люблинская губ., во всемъ Царствѣ Польскомъ, есть плодороднѣйшая; въ ней остается отъ продовольствія жителей, среднимъ числомъ, до 600 тыс. четвертей разнаго рода хлѣба, который и вывозится частію въ Варшаву, частію въ Пруссію. Лугами изобильны уѣзды Грубешовскій, Красноставскій, Хелмскій, Радзынскій и Замойскій. Луга расположены по низовьямъ рѣкъ, высоты же заняты или лѣсами, или пахатными полями, оттого здѣшнее сѣно не бываетъ отличнаго качества; травосѣяніе почти неупотребительно; но какъ скотъ и лошади находятся около десяти мѣсяцевъ на подножномъ корму, то и сѣна остается для продажи много; оно сбывается частію въ Варшаву, а частію на мѣстѣ, кавалеріи, постоянно въ губерніи квартирующей.

Восточная Галиція, страна по преимуществу земледѣльческая; почва ея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, вообще плодородна. Сѣверная полоса имѣетъ грунтъ земли суглинистый, весьма способный для произрастанія зерноваго хлѣба, въ-особенности пшеницы. Полоса, проходящая съ запада на востокъ, чрезъ Львовъ, большею частію песчана, а нѣкоторые холмы подъ этимъ городомъ покрыты чистымъ пескомъ. Чѣмъ южнѣе и ближе къ Карпатамъ, тѣмъ почва разнообразнѣе; къ востоку же и въ Буковинѣ она состоитъ изъ чернозема отъ $^1/_2$ до 1-го аршина глубины. Земледѣліе здѣсь стоитъ не на высокой степени; трехпольное хозяйство почти повсемѣстно. Несмотря на удобства къ разведенію луговъ, въ прекрасно-орошенныхъ долинахъ страны, и значительное количество пастбищъ въ горахъ, скотоводство мало развито въ Галиціи, такъ-что на всю эту страну приходится рогатаго скота менѣе $1^1/_2$ милліона и $^1/_2$ милл. головъ лошадей; какъ то, такъ и другое не высокаго качества. (Жителей въ ней болѣе 6 милліоновъ).

Въ Венгріи, Русинами заселены какъ гребень Карпатскихъ горъ, такъ и часть южной ихъ пологости, а потому здѣсь богатство жителей зависитъ не столько отъ почвы, сколько отъ возвышенія воздѣлываемаго поля надъ поверхностію океана. На самомъ гребнѣ горъ, грунтъ земли каменистый, прикрытый въ иныхъ мѣстахъ мергелемъ, въ другихъ—мѣловымъ рухлякомъ; по суровости климата производитъ только овесъ, ячмень, картофель и рѣпу, но каждая углубленная долина, закрытая отъ сѣверныхъ вѣтровъ, даетъ уже рожь; южнѣе же,

миляхъ въ десяти отъ гребня, ростетъ и пшеница, а южный склонъ горъ даетъ виноградъ отличнаго достоинства, персики и виныя ягоды.

Южноруссы въ Минской губерніи заселяютъ самую неблагопріятную для земледѣлія, песчаную и болотистую, полосу. Почва песчаная залегаетъ здѣсь между Пинскомъ и Кобриномъ, и, вообще, въ Полѣсьѣ, въ Припетскихъ болотахъ, часто, среди открытыхъ болотъ, встрѣчаются пески, въ видѣ обнаженныхъ холмовъ, какъ напр. около м. Любашева и въ другихъ мѣстахъ. Чѣмъ болѣе мѣстность отдаляется на сѣверъ отъ Припети, тѣмъ грунтъ земли становится глинистѣе, или обращается въ супесь и, слѣдственно, плодороднѣе, такъ что, съ помощію хорошаго удобренія, производитъ пшеницу. Около самой рѣки почва болотная, илистая и въ восточной части такъ же песчана, какъ и въ западной. Разумѣется, что при такой дурной землѣ хлѣбопашество не можетъ быть успѣшно; въ иныхъ мѣстахъ, даже сильное удобриваніе полей производитъ только слабый урожай. Сѣна въ этихъ мѣстахъ собирается болѣе, чѣмъ нужно для прокормленія скота, но сбытъ его невозможенъ, по причинѣ дурнаго качества и недостатка дорогъ. Только обиліе лѣса поддерживаетъ здѣсь земледѣльца и дозволяетъ ему, за проданный лѣсъ, покупать въ сѣверныхъ частяхъ губерніи и, преимущественно на Волыни, хлѣбъ, въ которомъ онъ всегда чувствуетъ недостатокъ.

Сѣверная часть Волынской губерніи во всемъ подобна Минской: песчаныя пространства, въ видѣ дюнъ, лежатъ между низовьями р. р. Случи и Горыни; илистый грунтъ находится въ болотахъ Владимірскаго и Ковельскаго уѣздовъ, по низовью р. Стыра и почти во всемъ лѣсистомъ Овручскомъ уѣздѣ. Въ этихъ же мѣстахъ попадаются острова торфу, который употребляется иногда на удобреніе полей. Южная часть губерніи, въ особенности верховья Случи и Горыни, покрыты черноземомъ, хотя неглубокимъ, но дающимъ обильную жатву; остальное же возвышенное пространство на сѣверъ до припетской долины состоитъ изъ суглинка и супеси. Хотя каменистыя мѣста попадаются часто въ обрывахъ лощинъ и берегахъ рѣкъ, но на возвышенностяхъ ихъ почти не видно. Наибольшимъ плодородіемъ отличаются уѣзды: Старо-Константиновскій, Заславскій, Острогскій и Кременецкій. Такимъ образомъ, въ отношеніи доброты почвы, Волынская губернія представляетъ три полосы: сѣверная, едва вознаграждающая трудъ земледѣльца; средняя, дающая средній урожай приблизительно

около 4-хъ зеренъ, и южная, приносящая около 8 зеренъ; средній же сборъ по губерніи полагается слишкомъ въ $4^1/_2$ четверти на одну посѣянную, что̀ составитъ излишку отъ продовольствія жителей отъ 400 до 800 тыс. четвертей хлѣба, смотря по урожаю. За исключеніемъ степныхъ—въ Старо-Константиновскомъ уѣздѣ, луга въ губерніи заливные и лежатъ по долинамъ рѣкъ и въ болотахъ; собираемое сѣно перемѣшано съ осокою и молодымъ камышемъ; но какъ сѣнокошеніе производится два раза въ годъ, то сѣна въ губерніи достаточно.

Въ Кіевской губерніи почва чрезвычайно разнообразна, а потому мы разберемъ её по уѣздамъ. Въ Радомысльскомъ уѣздѣ подпочва почти вездѣ состоитъ изъ глины, поверхность же покрыта пескомъ въ различномъ смѣшеніи съ глиною. Сѣверозападная часть заключаетъ почти чистый песокъ; въ южной песку отъ 25 до 60 процентовъ; низменныя же мѣста покрыты глеевато-песчаною почвою, иногда въ смѣси съ мергелемъ, а чаще съ болотистымъ торфомъ. Песчаная полоса по прибрежью Днѣпра въ Кіевскомъ уѣздѣ продолжается, заключая въ себѣ не болѣе 20 проц. глины; въ западной сторонѣ этого уѣзда черноземъ съ глиною и пескомъ; первый лежитъ болѣе по отлогостямъ; въ южной же полосѣ черноземъ покрываетъ и возвышенности. Въ Васильковскомъ уѣздѣ, чѣмъ южнѣе, тѣмъ черноземъ тучнѣе; по р. Роси къ нему примѣшанъ песокъ. Въ гористыхъ мѣстахъ Каневскаго уѣзда, черноземъ смѣшанъ съ глиною, а на остальномъ пространствѣ залегаетъ тучный черноземъ. По лѣвому берегу р. Тясмина, близъ м. Смѣлы, Черкаскаго уѣзда, есть пространство, оставшееся послѣ вырубленнаго сосноваго лѣса: покрытое зыбучимъ пескомъ, оно совершенно безплодно и вредитъ еще сосѣднимъ пахатнымъ полямъ, засыпая ихъ мало-помалу пескомъ. Берега Днѣпра въ этомъ уѣздѣ тоже песчаны; въ прочихъ же мѣстахъ то глинистый, то черноземный грунтъ земли. Почва Чигиринскаго уѣзда дѣлится на три полосы; ближайшая къ Днѣпру — иловата и песчана; слѣдующая за нею, шириною въ 3 — 4 версты, состоитъ изъ зыбучаго песку, потомъ черноземъ, смѣшанный съ пескомъ и глиною, при границахъ уѣзда постепенно переходящій въ чистый черноземъ. Въ Бердичевскомъ уѣздѣ преобладаетъ черноземъ, но къ границамъ губерніи въ составъ почвы примѣшивается песокъ и глей. Въ сѣверозападной части Липовецкаго уѣзда, обширныя черноземныя равнины; такой же грунтъ имѣетъ и юговосточная, лѣсистая, часть; по рѣкѣ же Соби,

правая сторона съ примѣсью глины, а лѣвая съ пескомъ; долина рѣки совершенно песчана. Въ Таращанскомъ у. почва черноземная, въ составъ которой входятъ также песокъ и глина въ разныхъ пропорціяхъ, но вообще для растительности благопріятная. Чистый черноземъ покрываетъ и Звенигородскій уѣздъ; только въ южной части песчаная подпочва выходитъ на поверхность. Изъ этого обзора почвы Кіевской губерніи видно, что она на $^3/_4$ пространства плодородна, а производительность ея весьма разнообразна. Такъ, въ Радомысльскомъ уѣздѣ, при общемъ неурожаѣ 1841 года, не собрано и половины посѣяннаго,—тогда какъ въ Бердичевскомъ и Липовецкомъ урожай былъ самъ–четвертъ. Въ урожайные года, Радомысльскій уѣздъ не даетъ и пяти зеренъ, тогда-какъ прочіе уѣзды даютъ отъ 8 до 9 разъ болѣе посѣяннаго. Три рода луговъ существуетъ въ Кіевской губерніи: болотные, луговые и степные; болотные—въ Полѣсьи, луговые на долинахъ рѣкъ и степные въ югозападныхъ уѣздахъ. Эти послѣдніе, по произрастенію въ нихъ горошковыхъ и злачныхъ травъ, считаются самыми выгодными. Во всей губерніи, приблизительно, сѣна собирается около 32 милліоновъ пудовъ; а какъ рогатаго скота здѣсь считается отъ 500 до 600 тыс. головъ, и лошадей отъ 95 до 110 тыс., то и корму для нихъ весьма достаточно, хотя бы прибавить мелкаго скота до 900 тысячъ.—

Въ Каменецъ–Подольской губерніи почва гораздо однообразнѣе, чѣмъ въ Кіевсвой. Въ Каменецкомъ и Проскуровскомъ уѣздахъ, она состоитъ изъ жирнаго чернозема, за исключеніемъ незначительнаго пространства каменистыхъ мѣстъ, по нагорному берегу Днѣстра. Въ Винницкомъ у. почти вездѣ также черноземъ; около праваго берега Буга, грунтъ земли, послѣ вырубленнаго лѣса, состоитъ изъ сѣроватой глины, требующей сильнаго удобренія. Ямпольскій, Брацлавскій и Ушицкій уѣзды покрыты черноземомъ; въ первомъ только глина съ пескомъ на югѣ, а въ послѣднемъ возвышенныя мѣста суглинистыя. Въ Летическомъ, Ольгопольскомъ и въ сѣверной части Литинскаго уѣздовъ залегаетъ суглинокъ, способный для произрастенія пшеницы, но въ послѣднемъ, на сѣверѣ, находится чрезвычайно тучный черноземъ. Наконецъ Балтскій у. покрытъ клейкимъ черноземомъ, но въ иныхъ мѣстахъ онъ лежитъ такъ тонко, что въ жаркое лѣто обращается въ пыль; въ дождливое время здѣсь бываютъ превосходные урожаи. У крестьянъ этой губерніи хозяйство трехпольное: многіе же помѣщики, по недостатку луговъ, ввели у себя многопольное

и сѣютъ кормовыя травы. Вообще Подольская губернія весьма плодородна, и, несмотря на густое населеніе, она сбываетъ въ Одессу значительное количество пшеницы. Луговъ въ губерніи мало и занимаютъ они только $^1/_{38}$ часть всего пространства; оттого и скота здѣсь не много, несмотря на то, что значительнымъ подспорьемъ корму служитъ здѣсь барда съ винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ затирается болѣе чѣмъ 50 тыс. четвертей хлѣба.

Въ Херсонской губерніи почти вся страна покрыта черноземомъ, за исключеніемъ долинъ, рѣкъ и лимановъ и морскаго прибрежья, которыя состоятъ изъ супеси, или суглинка, или въ рѣдкихъ мѣстахъ изъ чистаго песку; но плодородіе почвы здѣсь весьма различно, что̀ зависитъ болѣе отъ климата, нежели отъ грунта земли. Сѣверная полоса, сохранившая еще небольшое количество лѣсовъ, рѣдко имѣетъ плохіе урожаи, тогда—какъ южная, открытая, необозримая степь, весьма часто подвержена засухамъ, и не будучи закрыта отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, даже и въ не очень жаркое лѣто, даетъ посредственные урожаи; при мокромъ лѣтѣ они бываютъ, впрочемъ, обильны. Система здѣшняго крестьянскаго хозяйства переложная: послѣ четырехлѣтняго посѣва, обыкновенно поле оставляется подъ паръ на 9—10 лѣтъ; по прошествіи двухъ, трехъ лѣтъ поле заростаетъ травою и обращается въ сѣнокосъ. Впрочемъ, въ Александрійскомъ и Бобринецкомъ уѣздахъ перелоговъ не существуетъ. Здѣшніе луга всѣ почти степные; пользуясь обиліемъ ихъ, жители разводятъ много скота и овецъ. Пахатныхъ полей здѣсь четвертая часть противъ всего пространства; при урожаѣ съ нихъ собирается до 4-хъ милліоновъ четвертей хлѣба, и тогда излишекъ простирается до 12 тыс. четвертей. Сбываемый хлѣбъ въ портахъ Чернаго моря состоитъ изъ арнаутки, гирки и озимой пшеницы; ржи въ губерніи сѣютъ мало и для винокуренныхъ заводовъ она получается изъ сосѣднихъ, сѣверныхъ, губерній.

Черноземъ преобладаетъ и въ Курской губерніи, но онъ тамъ находится болѣе или менѣе въ смѣси съ глиною и пескомъ. Толщина этого чернозема здѣсь различна: въ Суджанскомъ у. она не болѣе 3-хъ вершковъ, а между рѣками Псіолъ и Семь достигаетъ до $1^1/_2$ аршина. Менѣе плодородные уѣзды Старооскольскій и Ново-Оскольскій. Сыпучіе пески находятся: на лѣвомъ берегу р. Оскола, за с. Ржавцомъ, по лѣвую сторону Сѣвернаго Донца, при сліяніи р.р. Усожа и Сваны, и вдоль Обоянской дороги къ Курску. Суг-

линокъ залегаетъ почти по всѣмъ ярамъ, а въ особенности по правой сторонѣ р.р. Донца и Корочи, и почти по всему правому нагорному берегу Семи. Каменистая почва попадается только въ нѣкоторыхъ оврагахъ и во многихъ рѣкахъ. Супесь, въ этой губерніи, встрѣчается рѣже другихъ почвъ; наибольшее ею занимаемое пространство, по правому берегу Семи, имѣетъ въ ширину отъ 1–й до 3–хъ верстъ. Несмотря на то, что Курская губернія считается степною, луга въ ней почти всѣ заливные и составляютъ менѣе $^1/_7$ всего пространства; травосѣяніе здѣсь не въ употребленіи, но сѣна на прокормленіе домашняго скота достаточно. Зерновой хлѣбъ родится въ изобиліи; неурожайные года рѣдки и средній сборъ считается въ 5 четвертей на одну посѣянную. Избытки, происходящіе въ урожайные годы, доставляются въ сосѣднія губерніи на пристани, которыхъ Курская не имѣетъ, по той причинѣ, что въ ней находятся только верховья большихъ рѣкъ и судоходства поэтому въ ней быть не можетъ.

Воронежская губ., раздѣленная р. Дономъ почти на двѣ равныя половины, имѣетъ почву, по правую сторону этой рѣки, большею частію черноземную; на лѣвой же сторонѣ преобладаютъ супесь и суглинокъ, а черноземъ залегаетъ полосами и островами. Сѣверная часть Павловскаго уѣзда, въ-особенности по р. Толучѣевкѣ, покрыта мѣловымъ рухлякомъ. Большихъ песчаныхъ пространствъ въ губерніи не имѣется, а незначительныя полосы пролегаютъ по долинамъ лѣвыхъ притоковъ Дона. Изъ всего пространства пахатной земли половина требуетъ удобренія, сильнѣйшаго въ сѣверныхъ, слабѣйшаго въ южныхъ частяхъ губерніи. По десятилѣтней сложности, средній урожай здѣсь высчитанъ въ самъ–четвертъ, но въ урожайные годы избытокъ отъ продовольствія жителей бываетъ очень значителенъ; случалось, что онъ достигалъ до 3–хъ милліоновъ четвертей. Хлѣбъ, преимущественно пшеница, сбывается въ Ростовъ, по Дону, чрезъ Волгу, для войскъ Кавказскаго корпуса и въ Елецъ для перемолки и доставки оттуда въ Москву. Луга здѣсь степные и заливные; первыхъ больше, потому–что долины рѣкъ здѣсь узкія; сѣна собирается достаточно для прокормленія скота, тѣмъ болѣе, что здѣсь его зимою прокармливаютъ яровою соломою.

Въ отношеніи почвы, Черниговскую губернію можно раздѣлить на три полосы: сѣверная, т. е. уѣзды Мглинскій и Суражскій, покрыты сѣропесчаною землею, рѣдко вознаграждающую трудъ хлѣбопашца;

здѣсь урожай самъ–третей считается хорошимъ. Средняя полоса состоитъ изъ Глуховскаго, Кролевецкаго, Сосницкаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ, въ которыхъ верхняя почва покрыта весьма тонкимъ слоемъ чернозема, смѣшаннаго преимущественно съ глиною и отчасти съ пескомъ. Южная полоса, или уѣзды Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій и южныя части Глуховскаго и Кролевецкаго, имѣютъ почву черноземную, съ незначительною подмѣсью глины; южная часть гораздо плодороднѣе двухъ первыхъ, и у жителей остается хлѣбъ для продажи; средняя, большею частію, обходится своимъ сборомъ; сѣверная же, обильная лѣсами, промѣниваетъ ихъ на недостающій хлѣбъ. Кромѣ многихъ лѣсомъ поросшихъ впадинъ, илистый и болотистый грунтъ покрываетъ нижнее теченіе праваго берега р. Десны, до впаденія ея въ Днѣпръ[3], откуда начинаются пески, тянущіеся по длинѣ Днѣпра, на сѣверъ слишкомъ на 120 верстъ. Не считая лѣсныхъ и болотистыхъ пространствъ, луга занимаютъ $^1/_{14}$ часть губерніи, но ихъ весьма достаточно для прокормленія малорослаго и худаго скота. Сѣно же здѣсь рѣдко превышаетъ цѣну въ 15 коп. серебромъ пудъ.

На подпочвѣ глинистой, плотнаго сложенія, въ Полтавской губерніи лежитъ преимущественно черноземъ, а также супесь, суглинокъ и песокъ. По теченію р. р. Днѣпра, Ворсклы, Орели и Псіола, залегаютъ полосами пески, которые островами находятся также въ Кременчугскомъ и Золотоношскомъ уѣздахъ. Каменистая почва рѣдко встрѣчается на поверхности; можно указать только на окрестности Кременчуга и около с. Исачекъ, на р. Сулѣ. Уѣзды Гадячскій, Полтавскій, Кобеляцкій и Лохвицкій, а также возвышенности, по теченію Сулы, имѣютъ суглинокъ, но черноземъ вездѣ преобладаетъ, залегая большими полосами и островами; остальные уѣзды губерніи покрыты тучнымъ черноземомъ, глубиною отъ $^1/_2$ до 2–хъ аршинъ. Вообще же почва Полтавской губерніи одна изъ самыхъ плодородныхъ, по тучности чернозема, и удобреніе употребляется только подъ конопляники. Сѣно собирается здѣсь съ заливныхъ луговъ и степей; послѣднія даютъ обильнѣйшій сборъ и питательнѣйшую пищу для скота; трава въ степяхъ достигаетъ иногда до 2–хъ аршинъ высоты. Зернового хлѣба и сѣна не только достаточно, для прокормленія жителей и скота, но остается и того и другаго значительный излишекъ, который и сохраняется въ большихъ скирахъ, на случай неурожаевъ. Сбытъ земледѣльческихъ произведеній отсюда весьма затруднителенъ, по отдаленности отъ портовъ Чернаго моря и отъ пристаней на

тѣхъ рѣкахъ, которыя доставляютъ продукты въ Москву, Петербургъ и Ригу; Днѣпръ же весьма неудобенъ для сплава громоздкихъ товаровъ, по причинѣ пороговъ.

Харьковская губ., орошенная рѣками лучше сосѣднихъ съ нею губерній, имѣетъ $^2/_3$ всего пространства подъ черноземною почвою, требующаго удобренія только подъ коноплю и табакъ. Въ уѣздахъ Старобѣльскомъ, Зміевскомъ и Ахтырскомъ, кромѣ наносной въ долинахъ рѣкъ, вся почва состоитъ изъ жирнаго чернозема, прочіе уѣзды нѣсколько бѣднѣе въ этомъ отношеніи. Песчаныя пространства залегаютъ въ Волчанскомъ, Харьковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ длинными, но узкими полосами. Солонцеватая почва встрѣчается въ южной оконечности Изюмскаго уѣзда, а каменистая только на берегу Донца, около Изюма. Черноземъ, смѣшанный съ глиною, находится на югѣ отъ Харькова, по дорогѣ на Екатеринославъ и по р. Лопани. Этотъ грунтъ земли даетъ пшеницу обильнѣе и доброкачественнѣе даже той, которая произрастаетъ на чистомъ черноземѣ, которому больше вредятъ засухи. Система хлѣбопашества въ губерніи трех-польная, но существуютъ и перелоги, тамъ, гдѣ много земли. Хлѣба родится достаточно и излишекъ простирается до 300 тыс. четвертей, который былъ бы еще болѣе, если бы работники не уходили на лѣто въ Донскую землю. Здѣсь случаются и неурожайные годы, во время коихъ хлѣбъ привозится изъ Курской и Екатеринославской губерній. Луга на сѣверѣ заливные, на югѣ степные и сѣна собирается болѣе, чѣмъ надобно.

Въ Екатеринославской губерніи преобладающая почва черноземная; ею обильны Новомосковскій, Павлоградскій, почти весь Бахмутскій и части Александровскаго, Верхнеднѣпровскаго и Екатеринославскаго уѣздовъ. Чѣмъ болѣе подвигаться на югъ, тѣмъ толщина черноземнаго слоя уменьшается и въ южной части сперва залегаетъ черноземъ съ глиною, а потомъ еще южнѣе суглинокъ и чистая глина. Сѣверныя части Славяносербскаго и Бахмутскаго уѣздовъ имѣютъ почву мѣловатую. Пески залегаютъ: по лѣвому берегу Днѣпра, отъ устья Самары до устья Орели; по лѣвому берегу послѣдней до с. Гупаловки; по лѣвому берегу Самары и вверхъ по р. Волчьей до с. Воскресенскаго. Каменистый грунтъ проходитъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ на востокъ до р. Калміуса, но онъ на поверхности прикрытъ другими почвами, а видѣнъ только въ обрывахъ рѣкъ и нѣкоторыхъ оврагахъ; хрящеватой и солонцеватой земли встрѣчается весьма мало.

Плодородіе земли здѣсь необыкновенно; безъ всякаго удабриванія одно и то-же поле даетъ три года сряду хорошій урожай; потомъ оставляется подъ паръ, а черезъ два года на немъ косится отличное сѣно. Зерноваго хлѣба въ губерніи собирается до 3–хъ милліоновъ четвертей и пшеница разнаго рода сбывается въ Таганрогѣ, Маріуполѣ, Бердянскѣ и Ростовѣ. По причинѣ переложной системы, количество сѣнокосныхъ луговъ опредѣлить нельзя, но сѣна въ степяхъ собирается такъ много, что только въ сухія лѣта косится сѣно на заливныхъ лугахъ, по долинамъ рѣкъ.

Таврическая губернія состоитъ изъ трехъ частей: горной, степной и степной–черноземной. Въ горной части, которая составляетъ $^1/_{13}$ часть губ., почва весьма разнообразна: каменистая, глинистая, известковая, песчаная и хорошо удобренный суглинокъ. Все степное пространство Крымскаго полуострова покрыто глиною, смѣшанною съ пескомъ въ разныхъ пропорціяхъ; есть нѣсколько полосъ и сѣрой земли; вся эта степь достаточно хлѣбородна, исключеніе составляютъ глинисто–солонцеватыя полосы въ уѣздахъ Евпаторійскомъ и Перекопскомъ, окраины морскихъ береговъ по Сивашу и небольшія пространства въ уѣздахъ Ѳеодосійскомъ и Симферопольскомъ. Этотъ грунтъ совершенно не удобенъ для хлѣбопашества, а рѣдкія, солонцеватыя, на немъ растущія травы доставляютъ пастбище для скота, преимущественно овецъ и верблюдовъ. Песчаная полоса идетъ по всему низменному берегу Днѣпра и отъ Кинбурна до Каховки и далѣе, эта послѣдняя занимаетъ собою пространство въ длину на 160, а въ ширину на 35 верстъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пески эти образуютъ дюны, называемыя здѣсь кучугурами. Степная черноземная полоса находится въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, на материкѣ; здѣсь залегаетъ черноземъ глубиною около аршина, исключеніе составляютъ: описанная песчаная полоса, глинистосолончаковый берегъ Сиваша и подпочва, выказывающаяся на возвышенностяхъ, которая по р. Токмаку состоитъ изъ кристаллическихъ породъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ изъ твердой, красной глины и около Таганрога изъ твердаго известняку. На южномъ берегу Крыма жители занимаются винодѣліемъ и садоводствомъ, пахатныхъ же полей тамъ весьма мало; вся же остальная часть губерніи удобна для хлѣбопашества и скотоводства. Земледѣліе здѣсь было на различныхъ степеняхъ совершенства: начиная отъ переложной системы Ногайскихъ татаръ (нынѣ переселившихся въ Турцію), до прекрасно примѣняемой къ мѣстности четырехпольной системы нѣ-

мецкихъ колонистовъ — съ садами, удобренными лугами и засаживаемымъ лѣсомъ. До переселенія татаръ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи отпускалось за границу до 100 тыс. четвертей зерноваго хлѣба; нынѣ, по переселеніи всего мусульманскаго народа въ Турцію (слишкомъ 200 тыс. человѣкъ), поля останутся невоздѣланными; страна же можетъ прокормить вдвое болѣе прежняго населенія (687,000).

По добротѣ почвы, Землю Войска Донскаго можно раздѣлить на слѣдующія полосы: сѣверную, состоящую изъ округа Хоперскаго и частію Усть-медвѣдицкаго, въ которой грунтъ земли черноземный, смѣшанный то съ глиною, то съ пескомъ и имѣетъ много прогалинъ суглинка и супеси. Это пространство оканчивается на востокѣ спадомъ, перерѣзаннымъ многими оврагами, называемыми здѣсь ериками; на западной, возвышенной сторонѣ этой плоскости и по ерикамъ преимущественно лежитъ черноземъ; на восточной же сторонѣ, внизу, почти вездѣ глинистые и отчасти песчаные солончаки, поглощающіе всю прѣсную воду, стекающую по ерикамъ съ горной части. Эта полоса тянется чрезъ округи Черкасскій и первый и второй Донскіе, сохраняя тотъ же характеръ мѣстности и почвы, но по маловодью она гораздо менѣе плодородна первой полосы. Третью полосу составляетъ вся правая сторона Дона; за исключеніемъ долинъ всѣхъ рѣкъ, она покрыта черноземомъ; тучнѣйшій залегаетъ въ Міускомъ и Черноморскомъ окр. Песчаныя полосы находятся въ долинахъ рѣкъ Дона, Донца, Хопра, Бузулука и Медвѣдицы. Каменистый грунтъ выходитъ на поверхность около р.р. Міуса, Крынки, Севастьяновки и нѣкоторыхъ другихъ. Какъ въ Донской Землѣ удобреніе полей не въ употребленіи, то изъ 144 тыс. квадратныхъ верстъ всего пространства считается неудобной земли 7880 верстъ, которыя впрочемъ и при небольшомъ уходѣ могли бы также производить зерновые хлѣба. Система хозяйства здѣсь въ самомъ плохомъ состояніи; существуютъ единственно одни перелоги, но по плодородію и обилью земли, за исключеніемъ сильныхъ неурожаевъ, жители Земли Войска Донскаго обходятся собственнымъ хлѣбомъ, а пшеницу нѣсколькихъ сортовъ отпускаютъ за границу. Степныхъ и заливныхъ луговъ въ странѣ весьма много, такъ что со всей земли собирается, приблизительно, до 122 милліоновъ пудовъ сѣна; но это огромное количество употребляется безъ остатка въ краю на кормъ рогатому скоту и лошадямъ, которыя составляютъ здѣсь неисчерпаемое богатство.

Исключая Тамань, Земля Черноморскихъ Козаковъ, (нынѣ состав-

ляетъ Кубанскую область, т. е. ея сѣверную часть; закубанская же еще вовсе не изслѣдована, потому что она находилась въ рукахъ непокорныхъ горцевъ), состоитъ изъ сплошнаго чернозема; къ югу, т. е. близь Кубани, толщина около аршина; чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ онъ лежитъ тоньшимъ слоемъ и на самомъ сѣверѣ проникнутъ солончаками. На Таманн земля сѣрая, чрезвычайно легкая, смѣшана съ пескомъ и во многихъ мѣстахъ согрѣта подземнымъ жаромъ дѣйствующихъ грязныхъ вулкановъ. Таманская почва чрезвычайно плодородна, но легко истощается и требуетъ значительнаго времени для поправленія. Урожай на земляхъ, по сѣверную сторону Кубани лежащихъ, достигаетъ до самъ–тринадцати; а на Тамани зерно, посѣянное въ дѣвственную почву, даетъ самъ–двадцать. — Въ степи черноморскаго войска нѣтъ ни песковъ, ни камней, ни другихъ минераловъ; на Тамани же есть каменья и желѣзныя руды. Прикубанскія и приморскія заливныя болота имѣютъ грунтъ частію песчаный, частію илистый и солончаковый и въ нихъ залегаютъ большія пространства торфа, который здѣсь въ дѣло не йдетъ. На всю черноморскую степь можно смотрѣть, какъ на обширный лугъ, съ превосходными злачными, разнообразными травами; засѣянное поле—рѣдкость, потому что козакъ сѣетъ только для своего обихода, а не на продажу; на продажу же онъ разводитъ скотъ. На 28 тыс. квадр. вестахъ всего пространства — степь прокармливаетъ до 200 тыс. рогатаго скота, овецъ болѣе полумилліона и около 50 тыс. лошадей. Этотъ скотъ и составляетъ главный предметъ торговли края; такъ - что, среднимъ числомъ, козаки продаютъ ежегодно рогатаго скота до 30 тыс., лошадей до 5 тыс. и овецъ около 150 тысячь штукъ, на сумму отъ 800 тыс. до милліона рублей.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что, несмотря на доброту почвы, Южная Русь не производитъ и третьей доли того, что́ бы она могла производить, еслибы не представлялись къ тому одолимыя и неодолимыя преграды. Этихъ главныхъ преградъ существуетъ двѣ: 1) климатъ: хотя его и называютъ умѣреннымъ, но это названіе справедливо только въ–отношеніи южнаго берега Крыма и малой югозападной части Подольской губерніи. Въ самомъ же дѣлѣ, переходы въ температурѣ здѣсь необыкновенно рѣзки и составляютъ до 40 градусовъ въ хорошихъ и до 70 въ худшихъ мѣстахъ, т. е. что въ самой умѣренной полосѣ, какъ напримѣръ въ Подольской губерніи, лѣтомъ жаръ превосходитъ, а зимою холодъ достигаетъ до 20 гр. Реомюра; въ Херсонской же губ. и восточнѣе Дона крайняя температура доходитъ

до 35 гр. Кромѣ этихъ годовыхъ измѣненій иногда бываютъ поразительны и суточныя: разность температуръ въ одинъ день бываетъ въ 20 гр., что̀ зависитъ отъ перемѣны вѣтра; западный и югозападный приносятъ тепло и влажность, сѣверовосточный холодъ и сушу. 2) Недостатокъ сообщеній. Вся Южная Русь, за исключеніемъ Галиціи и Люблинской губерніи, весьма мало имѣетъ устроенныхъ шоссе,—между тѣмъ благодатный черноземъ, по своей мягкости, въ дождливое время очень неудобенъ для движенія тяжестей, до-того, что повозки грузнутъ въ немъ по ступицы, а колеса, увлекая грязь за собою, увеличиваются вдвое въ своемъ объемѣ. Водяныя сообщенія почти не подаютъ надежды къ исправленію: извилистое теченіе Днѣстра, пороги на этой рѣкѣ, на Бугѣ и на Днѣпрѣ, измѣнчивость фарватера всѣхъ этихъ рѣкъ и Дона, и, наконецъ мелководье лимановъ — надолго останутся значительными препятствіями къ плаванію судовъ. Единственная надежда остается на постройку сухопутныхъ сообщеній, т. е. шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Тогда только улучшится и сельское хозяйство, потому-что личная польза, не встрѣчая препятствій, будетъ лучшимъ двигателемъ къ его развитію; а теперь главная остановка за сбытомъ сельскихъ произведеній.

И. М.

ВЕЛИКДЕНЬ У ПОДОЛЯНЪ.

(По поводу «Быта Подолянъ»—Шейковскаго. Выпускъ I-й, 1860 г. Кіевъ.)

II.

Загадка. Сімь миль мóсту, а на кінці мóсту квіточка зацвіла.—Сімъ миль мóсту, а на кінці квітъ — на ввесь світъ.

Отгадка. Великдень.

Кто захотѣлъ бы изучить народное одѣяніе Подолянъ, пусть пожалуетъ на Великдень на цвинтаръ. Другого удобнаго случая видѣть всѣхъ въ лучшихъ уборахъ, какіе только есть, не найдти; всѣ остальные праздники не представляютъ ничего подобнаго: изъ церкви въ домъ — *та й годі;* Великдень напротивъ собираетъ всѣхъ—и собираетъ тамъ, гдѣ каждому быть можно. Вышедши *на цвинтаръ*, мы увидимъ лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, да притомъ, — въ самыхъ лучшихъ нарядахъ. Слово *нарядъ* представляетъ воображенію шелки, атласы, пожалуй — жемчугъ, бархатъ... Напрасно!..тѣ Украинцы, которые могли бы одѣться богато, отказались отъ національныхъ нарядовъ; а кто не отказался отъ нихъ, тотъ удержалъ самое необходимое—*щобъ тілько голому не ходúти.* Лѣвая сторона хоть кое-что имѣетъ; а на правой и особенно у Подолянъ осталась только неразлучная спутница жизни— *свúта*, и существуетъ въ разныхъ ея измѣненіяхъ: *свúта*, *ствúтка*, *чугáй*, *чугáйна*, и не только *съ прóстого сукнá*, но даже *съ пóртомъ*. Богачи имѣютъ кожухи и *ярочкóві* свитú, а очень богатые — *свúту крамськýю*. Ноги обуваютъ *въ постолú*—самоходы (измѣненный видъ постоловъ — *рáвлики*); сапоги встрѣчаются рѣдко, не только въ будень, но и на Великдень,—а то и безъ постоловъ. Женская одежда отличается отъ мужской отсутствіемъ *кáбки* (по-подольски—кáпа, кантýръ) и *вилóжистимъ кóміромъ*. По большею частію одна и та-

же свита грѣетъ всѣхъ: мужа и жену, отца и мать, сына и дочь. Мѣсто плахотъ заняли *мере́жані запаски́* и *спідниці*. *Жінки́ завиваютъся въ намітки́*, а въ платкѣ *срамъ ви́йти ми́же лю́ди*; *запере́джуютъся* большими платками, складывая ихъ по діагонали въ треугольникъ. Вмѣсто очипка служитъ *капту́ръ* — тотъ же очипокъ, но съ круглымъ донышкомъ, и въ цвѣты. Лучшіе *капту́рі* получаются изъ Одессы. Красный поясъ довершаетъ нарядъ. Ходятъ больше босикомъ.

Для дівчатъ лучшимъ нарядомъ служитъ сорочка. Обобранныя до рубахи, Подолянки – дѣвицы умѣли сдѣлать *соро̀чку* щегольскою. Сколько времени проводятъ онѣ *за кро́снами*! *збира́є*, *мере́житъ*, *полики́ вишива́є*... Надъ шитьемъ рубашки проходитъ иногда полгода. Очевидно, этого не было бы, та *хіба ї́дна́ соро́чка въ голові, а бі́лше робо́ти і нема́*! *Тілько въ ма̀тері й послу́ги, якъ дочка́ підросте́*. Но зато ни въ какомъ нарядѣ Подолянки не бываютъ такъ прелестны, какъ *въ сво́ї виши́вані соро́чці*. Широкая, бѣлая, какъ снѣгъ, небрежными складками она спадаетъ по плечамъ и груди, закрывая ихъ *одъ цика̀вого о́ка*; станъ туго охваченъ червонымъ *по́ясомъ*. Тамъ не шьютъ рубашекъ *безъ ко́міра* (т. е. съ góрсомъ), какъ въ Гетьманщинѣ; тамъ шея плотно охватывается узенькимъ, вышитымъ *за́полочью*, *ко́міромъ*, который не пришивается, но есть *за́гинка* самихъ *бри́жівъ*, состоитъ изъ мелкихъ складокъ. Оттого-то и сорочка въ высшей степени *расна́*, и чѣмъ *расніща*, тѣмъ признается лучше. Рукава, равнымъ образомъ, широкіе, сбираются также́ *въ комірець* у кисти и подвязываются выше локтя, оставляя нижнюю часть руки открытою. Верхъ щегольства—*полики́*, т. е. шитье на рукавахъ. Головной уборъ дівчатъ-Подолянокъ также отличенъ отъ убора дівчатъ Полтавской, Черниговской и даже Кіевской губерній. *Заплітаютъся* тамъ *въ дрібни́ці* и косы повязываютъ, какъ на рисункѣ Ригельмана, (съ подписью, сколько мнѣ помнится, «крестьянская дѣвушка»). Въ Гетьманщинѣ, какъ извѣстно, заплетаютъ одну косу и та виситъ по плечамъ. Мѣщанки подолянки *заплітаютъся пошляхецькі*—въ *ріжки́*—двѣ косы на затылкѣ, каждая ближе къ уху; завиваютъ ихъ накрестъ: лѣвая коса идетъ затылкомъ къ правому уху, а правая къ лѣвому и такъ перекрещиваются; на темени онѣ связываются въ узелокъ маленькими *виплітка́ми*. У которой мѣщанки малая коса, та носитъ *уплітки́*, какъ всякія щеголихи высшаго круга. Въ гетьманщинѣ нѣтъ такого разли-

чія: только иная мѣщаночка-кокетка ходитъ совсѣмъ не заплетаясь. Если наблюдать дѣвичій уборъ по дорогѣ отъ Миргорода черезъ Кіевъ и Білу-Церкву на Подоль, то обычай заплетаться въ одну косу доходитъ до Білої-Церкви. Тамъ начинаютъ заплетаться уже *въ ріжкй* и завязанныя голóвы встрѣчаются рѣже и рѣже.

Стрічкй въ Миргородѣ не въ употребленіи; только и лентъ на головѣ, что *підкісникъ* виситъ. Чѣмъ ближе къ Кіеву, сколько я замѣтилъ, тѣмъ больше *стрічокъ* употребляютъ и первопачально увеличивается *підкісникъ*: вмѣсто одной *стéжки*, вплетаютъ ихъ понѣскольку. Попадаются и такія, которыя украшаютъ *стéжками*, и голову. Но ту сторону Кіева *підкісникъ* съ одной косой теряется, являются двѣ косы (ріжки) и *стéжки* прéобладаютъ надъ платкомъ. Но *стрічки* какъ-то навязываютъ по головѣ. *Квіткй* также почти *до Білої-Церкви* затыкаютъ бóльшія — спереди, а къ затылку все меньшія,—отчего *заквíтана дівчина-чубáта*. Вѣнки постепенно съуживаются и *київські квітки* встрѣчаютъ все рѣже и рѣже; *намúста чіпляють* все больше и больше, *плахти* постепенно замѣняются *спідницями*; *червоні чоботи* постепенно преобладаютъ надъ желтыми, а *чорноголовці* или *чорнобривці* совершенно пропадаютъ. На ярмаркахъ уборы представляютъ смѣсь, въ которой незамѣтно перевѣса на сторонѣ какого-либо обычая, но все идетъ *мíшка*. Такую еще физіономію имѣетъ ярмарка въ *Білій-Церквi*. Здѣсь еще встрѣчаются *скиндячкй*, какъ и около Миргорода. *Жінки въ очíпкахъ* и въ *намíткахъ; чоловіки въ чумаркахъ; юбкй* тоже есть и т. д. Но въ Умани не увидите *жінки безъ намíтки*, развѣ шляхтянку или мѣщанку, да паню; всѣ дѣвчата въ *дрібницяхъ*, кромѣ шляхтянокъ и мѣщанокъ, также *дяківéнъ* и т. п. *Стрічки*, которыя тамъ называютъ *бúндами* (бúнда), прикалываются *до лубка* (родъ обичáйки), который дѣлаютъ изъ бумаги, и снимаютъ его съ головы и накладываютъ на голову, какъ шапку. *Лубóкъ* извѣстенъ также подъ именемъ *кички* (кúчка). *Лубокъ безъ бúндівъ* точь-въ-точь околышъ отъ фуражки, только выше—всего вершка въ два вышиною. *Бúнди* не какъ попало цѣпляютъ къ лубку; но прежде всего самый *лубокъ разъ коло-разу* обвиваютъ *бúндою*, спирально, *щобъ и не знати, що тамъ папíръ*. Затѣмъ *чіпляють* и *бúнди—саму ширшу на самúй спíдъ*, а которыя поуже, тѣ постепенно одну на другую *до самої вузéнької*; *при кінці чорна оксамітка*—шириною въ палецъ или *бúндочкóвий кісникъ; поверхъ него блищáча*

вузе́сенька—мишурная. *Бинди до лубка* не пришиваются, но прикалываются (только сзади) *шпильками зъ червоною головкою*. Когда лубокъ наложить на голову, то *бинди* сзади спускаются *понижче пояса*, и застилаютъ всю заднюю часть головы отъ уха до уха, только двѣ верхнія — *блещáча* и *оксамúтка* обыкновенно коротки, только *обходятъ* лубокъ и *кінці сходятця*. Когда снять лубокъ, то голова украшается только косами, въ которыя вплетаютъ *кісники* или *шнуркові*—красныя плетенныя шнурочки, толщиною съ тонкое гусиное перо, или—*биндочкові*—красныя узенькія ленточки шириною въ палецъ. Какъ *шнуркові*, такъ и *биндочкові кісники*—шерстяные, пелинючи. *Квічаютця* тожъ въ обратномъ порядкѣ—бóльшіе цвѣты затыкаются на затылкѣ, а меньшіе въ постепенномъ порядкѣ *на пере́дъ*. Иногда употребляютъ только два цвѣтка, которые втыкаютъ за косу на затылкѣ, или по одному за каждое ухо. Любимые цвѣты подолянокъ:—*повнякъ*, называемый также *купчакóлъ* (гвоздúка), *чорнобри́вець грецький чорнобривець* (smutna wdowa), *насту́рція* (красóля), *ру́та*, *барвінокъ*, *мятка* (проста и индéльська), *любистокъ*, *наїдкú* (тожъ *сердéчникъ*), *зірка*, *страпáте зíля* и *сíре зíля*. Сюда же надо причислить *окладникъ*, *дúвдерево*, *разноцвíтъ* или *остру́жки*, *ласкавицю*, *байсамíну*, *мару́ну* и т. д. Вѣнки тамъ плетутъ тонкіе изъ цвѣтовъ и листьевъ; зимою, вмѣсто того и другого, служатъ перья, окрашенныя въ зеленый, синій и красный цвѣтъ *зъ позлíткою*. Желтыхъ сапогъ совершенно нѣтъ, но и красные, даже черные, рѣдко попадаются: больше ходятъ *босикомъ*! Вмѣсто того, чтобы связывать голову, какъ больные, (какъ въ Гетьманщинѣ), *пíдвязуютця*—черезъ уши и темя. Шляхтянки и т. п. *закру́тюютця*. Впрочемъ—это для защиты отъ холоду. Кромѣ косъ, носятъ еще *мýшки* (начóсы), всего пальца въ два шириною. Идутъ они по бокамъ чела за уши и привязываются къ косамъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ начинаются—у самой головы. *Серéжки* тамъ называются *ковткáми*—*ковткú* (отъ *ковтáтися*–*болтáться*); носятъ *дукачí*, а *намúстомъ* богачки застилаютъ всю грудь.

Домашній уборъ отличается тѣмъ, что *молодúці завивáютця*, вм. *налúтки*, въ хýстку, нѣкоторыя въ *кашмíрову шаль*; *дівчата безъ биндíвъ*, и какъ тѣ, такъ и другія въ запаскахъ и постоянно *босí* — даже зимою. Ходить босикомъ на Подоли вошло въ обычай и ту женщину, которая ходитъ босою ногою по снѣгу, называютъ *чепурухою* (бачь якъ чепурúтця!). *Дівчата и молодúці*

отправляются босыми ногами по снѣгу и на довольно-значительное разстояніе, требующее двухъ-трехъ и болѣе часовъ времени, лишь бы въ своей деревнѣ. До глубокой осени (до після Покрови) онѣ и не думаютъ о сапогахъ, даже до Параски и Gми́тра (до Gми́тра дівка хи́тра).

Играющіе, всегда, лѣтомъ и зимою въ хатѣ, и на Великдень подъ открытымъ небомъ, почти безъ исключенія въ сорочкахъ, развѣ ужъ большой холодъ.

Парубочі сорочки также вышиваются; такъ бывало въ старину и въ Гетманщинѣ, но теперь уже вывелось. На Великдень парубки тоже въ сорочкахъ. Вообще говоря, Подоляне только въ особенныхъ случаяхъ одѣваютъ *свитѝ*, кожухи и т. п., напр. на ярмарку, идучи до попа съ просьбою и т. п. Но возвращаясь *ізъ ярмарку*, если погода не мѣшаетъ, большею частію, остаются въ сорочкахъ. Лѣтомъ мужчины, большею частію, ходятъ съ открытою головой. (Здѣсь, разумѣется, вызсказаны не всѣ особенности Подолянъ).

Великдень,—улица;—*діди съ чоловіками поділились на гурто́чки*; иные сидятъ, другіе стоятъ, кто опершись на палку, кто на *парканъ*, и *роздебѐньдюютъ стиха*, поглядывая на рѣзвящуюся молодежь. Не та пора, чтобъ и имъ принять участіе въ игрѣ: *старі ко́сти не ворушатся і се́рце збучавіло*. Не то ужъ у нихъ и въ головѣ: *то́му сина женити, у того внука на віддані, тому дочку дружити*. А хозяйство! Вотъ чѣмъ ихъ голови *турбуются*. Но бывало... *Э!* скажетъ *дідъ*, покачивая головою, *бувало и ми те́є... ажъ земля́ движѝтъ. Вміли до горѝ головою ходити; та що згадувати: поти вживати світа, поки служатъ літа. Отъ чіе́ теперь* (*гра̀ло*: покажетъ на парубковъ, на дѣвчатъ); *послі оттихъ буде*, укажетъ на дѣтей; *а колись и їмъ відлетитъ, якъ будутъ такі угодні въ Господа, що дожиютъ нашихъ літъ. О! тоді й вони станутъ, якъ и ми, та тілько будутъ поглядати, якъ молода кровь грає...*

А молода кровь грає! тамъ *шила бьютъ*, тамъ *кашу варятъ*, тамъ *харлая́ скачутъ*; *онде въ чорта, въ довгої лози́*... Вотъ дівчина побѣжала, вотъ и другая—въ противоположную сторону. Это *дитинку продаютъ*. И *горохъ*, *и гоїрдочки*, и *кривий танець*, и *заїнько*... *Великдень та й годі*. Передадимъ же по порядку всѣ эти игры, коснемся и другихъ, какія знаемъ... Хоть наше и *мину́ло* уже, хоть

намъ ужь и не участвовать въ играхъ,—такъ услужливое воображеніе поможетъ намъ...

Шила бити. Парубки прежде всего *вимірàються*: берутъ поясъ и за него каждый берется рукою по порядку—одинъ, потомъ тѣсно возлѣ его руки беретъ другой, тамъ третій, четвертый и т. д. до послѣдняго. Выше руки послѣдняго беретъ первый, за первымъ второй и т. д. пока станетъ пояса. *Спідній* (т. е. тотъ, чья рука будетъ *на сáмімъ спóді*—послѣднею, когда уже весь поясъ вымѣряютъ,) или, смотря по уговору, *вéрхній*—(чья рука будетъ *на самімъ вéрсі*, когда выше этой руки уже нельзя взяться за поясъ) идетъ въ кружокъ, который образуютъ остальные играющіе, плотно усѣвшись одинъ возлѣ другаго, чаще всего вокругъ ямки. Предварительно заготовляютъ *шúло-битку*. Вся сущность этой игры состоитъ въ томъ, что находящійся въ кружкѣ парубокъ долженъ поймать битку, а тѣ между тѣмъ, сколько могутъ, стараются не допустить его до этого, не силою, но хитростію, подавая шило по-за плечами другъ-другу. Тотъ, дѣйствительно, не знаетъ даже въ какой сторонѣ оно *обертáється* и только ударъ по плечамъ—*сáмий несподіваний* или, какъ говорятъ, *що не знаешъ звідки на тéбе спáде*, даетъ ему знать это. Но тѣмъ временемъ битка—*шило* снова *уже генъ-гéнъ* и новый ударъ, и снова *шúло пошúлося*. При неловкости своей и при ловкости кружка, середній можетъ и довольно долго пробыть въ кружкѣ, пока ему удастся поймать-таки это *шило*. Пойманный съ шиломъ, какъ бы въ наказаніе за свою неловкость, самъ идетъ *въ середину*, а тотъ садится на его мѣсто въ кружкѣ. И ужь дастъ же онъ за свое! Но судьба очень часто рѣшаетъ дѣло иначе: не успѣетъ онъ и *замахнýтись, якъ той лапъ! и спíймавъ. »А! сýчого сина!« та й пíдешъ знóвъ на своé мíсце*—въ середину. А тутъ еще хохотъ, остроты... Вся цѣль игры—смѣхъ. Дѣйствительно, шило почти исключительно оканчивается тогда, когда ни играющіе, ни смотрящіе на нихъ уже не въ силахъ больше смѣяться.

Кáшу варúти или въ коня грáти. Парубки или *хлопці* въ четыремъ—(въ двѣ пари) прежде всего *вимірàються*; но уже иначе: по два, и чаще всего *полóю*, а не поясомъ. Впрочемъ, то не законъ: *»на чимъ би не вимірàтись, аби вúмірàтись.«* *Вимірявшись, спідній* стаетъ *въ пару съ спіднімъ, а вéрхній съ вéрхнімъ*. Это еще не относится къ самой игрѣ, а составляетъ только предверіе ея, какъ бы жребій: *кому ставáти за коня, а кому їздити*. Во всѣхъ

играхъ, при которыхъ только *вимірают(ь)ся*, *спіднімъ* хуже; а *вéрхні пану́ютъ*. Но обычай *вимірáть(ь)ся*—въ ходу при каждой игрѣ, состоящей изъ двухъ половинъ—разумѣется въ игрѣ парубочей. Такъ и здѣсь *спідні* стаятъ за коня, а *верхні кашу варять, їздя, перевертают(ь)ся*.

Все это происходитъ такимъ образомъ:

Чтобы образовать коня, *спідні* стаютъ на колѣни, лицемъ одинъ къ другому, и потомъ наклоняются къ землѣ такъ, что и локтями стаютъ на землю. При этомъ наблюдается, чтобы, когда они *притуляют(ь)ся* одинъ къ другому, плечо одного приходилось *въ перехвáті* другого. Спины ихъ обоихъ находятся на одной площади и образуютъ одну сплошную поверхность; причемъ лѣвый или правый бокъ одного прикасается къ лѣвому же или правому боку другаго, ибо они лицемъ (пéредомъ) въ противныя стороны. Головы свои они оба *подаю́тъ* къ землѣ, чтобы такимъ образомъ не мѣшать *вéрхнімъ* — да и самимъ лучше. Когда *спідні* такимъ образомъ устроятся—*зроблять коня, стануть коня*, *вéрхні* стаютъ одинъ по одну сторону его, а другой по другую, и который изъ нихъ безсильнѣе, тотъ начинаетъ игру; оборачивается спиною къ коню, слѣд. и къ товарищу, который стоитъ по ту сторону коня, и ложится *горíниці*—т. е. спиною на коня, поперегъ его *по самі середині*, наблюдая, чтобы не скатиться на землю. Другой, верхній, наклоняется на этого,—разумѣется со стороны головы,—беретъ его *за пóперекъ* (по-нідъ крíжі) и поднимаетъ *до горí-ногами*. Поднимаемый въ свою очередь охватываетъ руками поднимающаго, такъ же *за пóперекъ*, и ноги поднимаетъ *до гори*, чтобы такимъ образомъ пособить товарищу и приготовиться стать на землю, какъ увидимъ ниже. Если тому удастся поднять этого (иногда *на сáмімъ початку спортит(ь)ся; не такъ возьме або-що, та й упустит(ь)ся; а поправлятись не годит(ь)ся*), то голова поднявшаго очутится *въ самихъ рóзсохахъ* поднятаго, который виситъ внизъ головою и ноги нагнувъ черезъ плечи своего товарища. Если въ этой позиціи посмотримъ на нихъ въ профиль, то увидимъ фигуру, нѣсколько похожую на букву Г, изображенную въ обратномъ видѣ (⅃), т. е. отъ правой руки къ лѣвой, или на печатное прописное Т безъ праваго плеча, что́ одно и то же (Т). *Перехрéстя* этой буквы подято вверхъ и сверхъ того ломается (т. е. ноги въ колѣнахъ). Фигура эта не стоитъ, но тотчасъ же обращается на мѣстѣ, отчего получится изображеніе, походящее на настоящее Г, разумѣется съ тѣмъ же изъяномъ. Потомъ

это Г наклоняется , ложится черезъ коня и, такимъ образомъ, своимъ носомъ достаетъ земли и тотчасъ же поднимается въ обратномъ видѣ: очевидно, это играющіе *перекидаютця—кашу варятъ*: поднявшій оборачивается спиною къ коню, ложится съ ношею, отчего тотъ, кто былъ поднятъ становится на землю и затѣмъ поднимаетъ своего товарища. Если это удастся, то получается снова та же фигура, только въ обратномъ видѣ, и уже по другую сторону коня. Затѣмъ происходитъ то же самое: поднявшій оборачивается, ложится; поднятый становится на землю и т. д. При этомъ нельзя поправляться; поэтому *вéрхні* обыкновенно скоро *спòртятъ*: который-нибудь *упуститъ* товарища, или оба скатятся, или одинъ не подниметъ другаго: *попробуй—цикъ! та лишъ засміётця*. Когда *спортятъ*, тогда *вéрхні* становятся *за коня (коня станетъ)*, а *спідні* уже *кашу варятъ*. Варящіе кашу всѣми силами держатся одинъ другаго и напрягаютъ всѣ усилія, чтобы не испортить; но тяжесть ноши, при напряженности положенія, скоро утомляетъ. *Спіднімъ* въ этой игрѣ легче, нежели *верхнімъ*, но *верхнімъ* больше удовольствія, нежели *спіднімъ*. »*А що? попоїздили?*« — *А ми по васъ!*

Харлая грàти, или скакати харлая, или же просто *харлая*. Названіе предыдущихъ игръ понятно: *шило*—оттого, что средній постоянно шьется, вьется. Существуетъ и поговорка, напоминающая эту игру: *вьéтця, якъ шило*. Другая игра: *кашу варити*, равнымъ-образомъ имѣетъ для себя объяснительную поговорку: *каші наварити* — тоже, чтó надѣлать *колотні*, какъ *пива наварити* значитъ накуралесить. Другое названіе этой игры понятно безъ объясненій. Но откуда произошло названіе харлая? Въ языкѣ существуетъ слово *харлай* или *харлань* — тоже, чтó и *харпакъ* — ничего неимущій. Харлай — названіе относительное: всравненіи съ Ротшильдомъ, всѣ наши богачи — *харлаї*; но, въ свою очередь, найдется очень-очень много и такихъ, которые будутъ дѣйствительными харлаями всравненіи съ послѣднимъ харлаемъ изъ нашихъ богачей. Но едвали можно допустить, чтобы *игра въ харлая* имѣла что-либо общее съ харлаями. А впрочемъ—*хто його скаже*... Однако сомнительно: здѣсь одна половина играющихъ представляетъ собою коней, а другая скачетъ на нихъ. Это очевидно не харлацкое дѣло. Развѣ насмѣшка надъ ними, что они не умѣютъ ѣздить *верхи*; потому что роли играющихъ перемѣняются съ паденіемъ на землю кого-либо изъ первыхъ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ:

Вúміравшись, парубки— не болѣе десяти (т. е. всего четыре, пять паръ)—дѣлятся на двѣ половины—верхніе *къ верхнімъ*, а *спідні* къ *спіднімъ*. *Спідні* идутъ къ церковной стѣнкѣ и стаютъ *коня*: первый въ половину нагибается и опирается объ стѣнку плечомъ, причемъ, очевидно, туловище его должно изогнуться,—иначе оперся бы головой, а не плечомъ. Второй такимъ же образомъ становится позади перваго и на него опирается, но уже не какъ тотъ—объ стѣнку, а слѣдующимъ образомъ: животомъ нѣсколько какъ бы ложится ему на спину *нàздовжʼ* и *нàскось*, потомъ нагибается къ землѣ и голову прячетъ тому подъ грудь. Третій такимъ же образомъ поступаетъ въ отношеніи ко второму, четвертый въ отношеніи къ третьему и т. д. Если посмотрѣть на этихъ коней съ высоты, то увидимъ родъ *кіски* — какъ если бы обыкновенную женскую косу, заплетенную *въ три пасмі*, срисовать *наздовжʼ* не цѣликомъ, а только лѣвую ея половину. Когда такимъ-образомъ устроится конь, *вéрхні* одинъ за другимъ *розбігаються* и скачутъ на нихъ въ длину: скачущій опирается руками на крайняго и сразмаху скачетъ, пропуская—ловкій скакунъ —промежь своихъ ногъ всѣхъ коней и садится на послѣдняго. За первымъ другой, стараясь сѣсть возлѣ перваго, если онъ удачно скочивъ, тамъ третій и д. Прежде всѣхъ скачетъ тотъ, кто скачетъ лучше всѣхъ, потому-что отъ того, гдѣ онъ сядетъ, зависитъ успѣхъ ихъ роли. Если первый сядетъ очень близко, то для втораго,—а для третьяго непремѣнно—не хватитъ мѣста, развѣ перескочитъ перваго.—Для этого первый можетъ и нагнуться. Но рѣдко находятся такіе *митці*, которые могли бы перескочить такимъ образомъ, однако бываютъ. И если участвуютъ въ игрѣ, то скачутъ послѣ всѣхъ: *якъ гицне, то ажъ підъ самісінькою стіною сяде. Щебъ дальше залетівъ, та нікуди.*

— *Не поправляйсь, не поправляйсь*, кричатъ *зісподу*.

— *Говори!* отвѣтитъ онъ, *та ногами въ боки, наче острогами.—Ось лишъ везіть добре; а я не впаду.*

Такъ *верхні* скачутъ до тѣхъ поръ, пока кто изъ нихъ не свалится на землю *до гáсла*. *Гасло* даютъ *зісподу*: *годі*, кричатъ, или *злазь*, и т. п. Если же не выскочитъ, а только *гицне*, или же, выскочивши, *зсунеться* и т. п. *до гасла*, такъ-что ногами коснется земли, то *спідні* идутъ скакать, а *вéрхні* станутъ за коня. Если замѣтятъ, что кто изъ вскочившихъ не твердо сѣлъ, то *гасло* нарочно не скоро *подáють*. И сколько суматохи при этомъ! *Держись, дер-*

жись-держись! кричатъ *спідні на своїхъ*; *держись-держись!* кричатъ *верхні на свого*. А той *причéпиться и держится, ажъ руки мліютъ*. Въ крайнихъ случаяхъ и зубами схватится, не разбирая мѣста, да въ азартѣ попадетъ, вмѣстѣ съ полотномъ, и *тіла шматъ*.

— *Не кусайся!* завопитъ укушенный: *хто-тамъ? який тамъ сучій синъ заходивсь зъ зубами коло купра!.. Ай а-й! годі! хай вамъ цуръ!* А тѣ, знай, смѣются; *А!.. крякнетъ укушенный-послѣ всего:—ну добрі мае зуби. Якъ собака вкусивъ. Бімé, шо пéвне, и тіло вирвавъ...* Да вотъ тѣ ужъ готовы, пора *становитись*. И становятся снова въ прежнюю позицію не забывъ сказать: *та не кусайтесь, бо вúскочу; ви жъ не вовки, щобъ живцемъ їсти. А кому мало свячéного, кобили шукай, або біжи зайця злови... Глядíть же! не кусайтесь-гей собачня! ви чуете? не кусайтесь, говору вамъ*! прибавитъ, уже спрятавъ голову. Да тѣ, къ кому рѣчь относилась, и не разслышатъ: они рады, что скакать пора, и *гайда*—одинъ за другимъ.

Довгої лозú. Эта игра не имѣетъ сама по себѣ ничего замѣчательнаго; играющіе ложатся на землю въ рядъ, одинъ отъ другаго на нѣсколько шаговъ; и послѣдній поднимается, бѣжитъ и перескакиваетъ чрезъ всѣхъ лежащихъ. На другомъ концѣ и самъ ложится. То же дѣлаетъ и слѣдующій, и т. д. Бѣгутъ не поодиначкѣ, но едва первый перешагнетъ двухъ-трехъ, какъ начинаетъ слѣдующій, тамъ слѣдующій и т. д. Вся прелесть *довгої лози* состоитъ въ живости, съ какою парубки бѣгаютъ, и въ плавности. Для-шутки иной лежащій *гицне*, *щобъ* бѣгущій *носомъ запоровъ*. Если это удастся, то общій смѣхъ наградитъ его выходку; но случается, что этотъ *не піде кумилéмъ* (клубкомъ), и дастъ тому *пляскачá* и поскачетъ далѣе. Тогда смѣхъ имѣетъ для него обратное значеніе; а кромѣ того *ще й пашитъ*.

Есть и *дівоча довга лоза*. Эта уже съ пѣснію. Дѣвицы берутся за руки по-парно и становятся пара отъ пары въ нѣкоторомъ разстояніи. Руки онѣ поднимаютъ *до гори* и образуютъ родъ *одвірцівъ* (что-то въ родѣ буквы П, только перекладина на серединѣ выше, а по краямъ ниже; головы, разумѣется, выдаются). Число паръ неопредѣленно. Въ образованную такимъ образомъ цѣпь дверей, послѣдняя пара пробѣгаетъ и всѣ поютъ:

А въ довгóї лози
Скакали дівки, якъ кози.

Пробѣжавши подъ всѣми руками, эта пара останавливается и поднимаетъ руки, въ свою очередь, а слѣдующая бѣжитъ и т. д.

Въ парубочей довгой лозѣ число играющихъ также не опредѣляется.

Замѣчательнѣйшая и послѣдняя парубоча игра, это — *Чортъ (въ чóрта грáти)*. Она довольно сложна и имѣетъ миѳическій характеръ. — — — —

Кромѣ этихъ игръ, парубки иногда *грáютъ въ мячá*. Но игры въ мячъ не *великодні*; изъ нихъ употребляются только тѣ, которыя не требуютъ много мѣста, какъ-то: *въ коня, въ каші, въ середúнки, въ горíшкá*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *въ тарапáти* — игра, имѣющая двѣнадцать частей (колінъ). По желанію играющихъ, число колѣнъ уменьшается до шести, но можетъ и увеличиваться (вподвійні) вдвое, (впотрійні) втрое, даже вчетверо и вшестеро, Существуетъ еще игра, называемая *стінкою* (стінка), и нѣкоторыя другія.

Заключительною парубоцькою игрою надо поставить искусство *стрбíти дзвінúцю:* становится пять, на нихъ—на плечахъ—четыре, на четырехъ три, тамъ два и наконецъ одинъ. Чтобъ *дзвінúця не впала*, берутъ длинный шестъ, за который держатся руками средніе въ каждомъ этажѣ и верхній. Такъ они удаляются *зъ цвинтара, щобъ уже не вертатись* для игры *до прúшлого рóку. Дзвінúця* подвигается и поетъ, за нею идутъ остальные парубки и также поютъ; сверхъ того, *той навприсідки, той кóлиса... Якъ пішла вже дзвінúця, то зъ цвинтара всі-наче íхъ вінúкомъ замівъ*. Какъ-то грустно становится, когда видишъ уходящую *дзвінúцю:* она будто символизируетъ удаляющійся Великдень. Самая веселость удаляющихся кажется натянутою, искусственною; ихъ пѣсни—не пѣсни, но прощанье, *голосíння*, и, не смотря на веселый, большею частію, напѣвъ, возбуждаютъ въ душѣ противоположныя чувства... Такъ-какъ силачи перевелись, то дзвініцю не въ каждомъ селѣ и не каждый годъ можно видѣть.

Къ великоднымъ играмъ, кажется, надо отнести и нѣкоторыя дѣтскія игры, какъ-то: *въ проса, въ дзвона, въ баштана, въ*

німця и *въ жму́рки* (піжмурки) (*). Ни въ одну, впрочемъ, изъ этихъ игръ на Великдень не играютъ, и я отношу ихъ къ великоднимъ по соотношенію ихъ съ послѣдними: — *просо* потому, что существуетъ гаивка (и танокъ): *просо сіяти* (въ этой игрѣ, впрочемъ, уже приглашаютъ *жати просо*). Игру *въ дзвона*, по сходству обрядовой стороны ея со многими гаивками: играющіе образуютъ цѣльный кругъ (какъ въ заинькѣ и др.) и *въ сере́дині, се́рце бьетця, и все: бамъ! бамъ*!, пока не проскочитъ подъ руками, и пр. *Баштанъ роблятъ — граютъ въ баштана* — цѣлое лѣто. Игра эта своеобразна и сложна; въ ней участвуютъ хозяинъ (иногда съ семе́йствомъ), собаки и *злодії*. *Німець* походитъ на *шило*, только играютъ стоя, и битку носитъ одинъ съ внѣшней стороны кружка; онъ подбрасываетъ битку и если тотъ, подъ кого она подброшена не спохватится, то подбросившій обходитъ весь кругъ, беретъ битку и бьетъ неосмотрительнаго *наздогінъ*, вокругъ всего кружка. Если же этотъ осмотрится, то самъ хватаетъ битку и *наздогінъ* за подбросившимъ. Право бить оканчивается съ занятіемъ опустѣвшаго мѣста въ кружкѣ, которое долженъ занять уходящій. Впрочемъ, эти игры могутъ и не принадлежать къ Великодню. Что́ же касается *жмурокъ*, то эта игра, по всей вѣроятности, есть великодная. Разскажемъ ее въ подробности.

Въ жму́рки на Подоли играютъ двоякимъ образомъ: *на дворі* и *въ хаті*. *Надвірні жмурки* требуютъ много пространства, нуждаются въ городкѣ и т. п. *Жмурятъ* здѣсь обыкновенно два, по добровольному согласію, остальные *ховаютця*. Одинъ изъ прячущихся даетъ знать словомъ *уже́*, что значитъ пора искать. Тогда жмурящіе въ одинъ голосъ кричатъ: «*ко́бле-кобле*! (или бо́бре–бо́бре) *ховай-жеся добре; бо я хорти ма́ю, по полі пуска́ю: якъ піймутъ, роздерутъ, — Я виненъ не буду*». Прокричавши всѣ эти слова, одинъ идетъ гонять, а другой наблюдаетъ, чтобы кого изъ ховавшихся *покицяти*—ударить, или хоть прикоснуться внѣ городка. *Киця́е* и тотъ, который ходитъ гонять. Кого гоняющій застанетъ нетронувшимся съ мѣста, тотъ кричитъ: *цуръ*!.. *на гара́чімъ місці*, — и получаетъ уступки нѣсколько шаговъ. Гоняющій тогда только можетъ *покинути* этого, когда догонитъ послѣ данной уступки. *Цуръ* кричатъ и въ томъ случаѣ, если по какой-либо причинѣ, а не по неумѣнью

(*) 6-я кн. Основы—ціці-ба́ба (стр. 36 Рідзвяні святкі.

и т. п. случится, что нельзя уходить. Иногда еще и плюютъ на землю: *тьху! цуръ...* Тоже дѣлаютъ и *на гарячімъ місці: тьху! цуръ! на горячімъ місці.* Кого *покицяли*, тотъ начинаетъ жмурить. Въ жмуркахъ съ большимъ городкомъ обыкновенно дѣлятся на пары, и если *покицяли* одного, то и другой идетъ жмурить. Игра въ томъ только и состоитъ, что жмурятъ, прячутся и *кицяютъ*.

Хатні жмурки отбываются *въ хаті*; стѣны хаты замѣняютъ городокъ. Если же эти жмурки устрояются подъ открытымъ небомъ, то дѣлается городокъ: *забиваемъ кілки височéнькі и обвóдимо мотузомъ, чи поясами—наче кошáру чи обóру зробимо.* Въ этомъ-то городкѣ должны находиться всѣ играющіе; выходъ за ограду равносиленъ *покицянію*.

Кто первый долженъ *жмýрити*, выбираютъ слѣдующимъ образомъ: кто нибудь одинъ садится и всѣ ставятъ ему на колѣно третій палецъ правой руки, образуя такимъ образомъ звѣздочку. Когда всѣ это сдѣлаютъ, сидящій (найстаршій въ игрѣ говоритъ слѣдующее (и съ каждымъ словомъ, своимъ пальцемъ — тоже третьимъ — прикасается къ пальцу каждого по порядку (*): *дзень передзéнь коти котудзéй, коні купувáвъ, ноги покувáвъ срібломъ, злóтомъ підъ копúтомъ — бразь! великодній князь; кóсточки, пъявочки, чикъ?* На чьемъ пальцѣ придется *чикъ*, тому завязываютъ глаза́ и онъ, значитъ, жмуритъ. Вмѣсто этихъ словъ иногда считаютъ до десяти слѣдующими словами: *єдиной, другóной, трóйца, лойца, пьядань, лáдань, сукнамъ, бýкнамъ, деревéнъ, декусъ* (**). На чьемъ пальцѣ придется *дéкусъ*, тотъ жмуритъ.

Когда завяжутъ глаза, то приводятъ его къ дверямъ, если играютъ въ хатѣ если же на дворѣ, то къ какому-нибудь колышку, и между приведшимъ и жмурящимъ идетъ слѣдующій разговоръ:

Приведшій: Панáсъ–Панáсъ! на чімъ ти стоїшъ?

Жмур. На шпилькáхъ, на голкáхъ, у червóнихъ чобіткáхъ.

Прив. Хтожъ тобі купúвъ?

Жмур. Панáсъ.

(*) Пишу эти свова точно такъ, какъ они остались у меня въ головѣ отъ дѣтства; но никогда я не понималъ ихъ. Знаки я разставилъ только тамъ, гдѣ они слышатся въ живой рѣчи.

(**) Дальше этого счета нѣтъ.

Прив. Кúньcя до насъ не по... насъ (*), и затѣмъ уходитъ, а тотъ ощупью ловитъ играющихъ (навпомацки). Кого поймаетъ, тому уже завязываютъ глаза, приводятъ къ порогу и говорятъ: Панáсъ–Панáсъ! и проч.

Что́ значатъ всѣ эти слова и рѣчи, пусть объяснятъ другіе; я обращусь къ гаивкамъ.

III.

Очевидно, что слово *гаївка* происходитъ отъ гай; отсюда же (?) и *гаїтись* — равносильное слову *барúтись*, медлить, но не «проводить время» и тѣмъ менѣе «терять время по–пусту», какъ говоритъ г. Шейковскій (вып. 1. стр. 1 и 43). «*Терять время*» по–украински — *гáїти часъ*, терять время по–пусту — *дармá* (под. дарéмне, или надурнúцю) *часъ гáїти*. Это первая ошибка въ «Бытѣ подолянъ,» которую мы должны исправить. Далѣе — г. Шейковскій производитъ отъ одного корня слѣд. слова: *гáятись, гаїтись, гаїти, гаївка и гоїтись*. Едва ли справедливо, будто *гоїтись* происходитъ отъ того же корня, что и всѣ эти слова. Не лучше ли, для производства слова *гоїтись*, обратиться намъ къ народному языку и остановить вниманіе на словѣ *гій* (и gой — то же самое, только новѣйшей формаціи). Склоняется это слово: гоя, гоеві (гоеви) и т. д. і переходитъ въ о. Въ настоящее время чаще употребляется *gой:* »якій же gой!« говорятъ простаку, — или »*иди́ цюди́ дóю!*« говорятъ тому, кто боится подступить — вообще gой значитъ почти тоже, что *бевзь*, на подоли неупотребляемое. Слово *гій* употребляется только въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «гій на тéбе!» «гій на твою́ гóлову!» Эти выраженія — оскорбительны, и младшій старшему не говоритъ: *гій* и пр. Въ большей части случаевъ къ той и другой фразѣ прибавляется еще—*скажéний* (**), или *навісни́й*. Смягченный смыслъ той и другой фразы можно выразить словомъ *схаманúсь*,

---

(*) Пропущенное слово можно замѣнить русскимъ *не обезслáвь*.

(**) Я не имѣю возможности сравнить между собою слова *гій* или gой и *гой*, встрѣчающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ, и *изгой*. Но они должны имѣть что-то общее.

лли *гамýйся* — опомнись, не сумашествуй. Употребительна также и слѣдующая фраза: ...*нима гóя въ головí*—тоже, что по польски: on ma fixa w głowie. Какъ бы то ни было, но словомъ *гой, гій* выражаютъ больнаго, положимъ, что и душевно. Нельзя ли думать, что того же гóя посылали и на раны, чтобъ *загóївъ*,—какъ посылаютъ его на головы сумашествующихъ? Если это такъ, то очевидно, что слово *гóїтись* и *хвостомъ не обернулось до гаївокъ* и *гаю*. Если и носили больныхъ въ гай, если и теперь носятъ, то это едвали значитъ, что больныхъ исцѣляетъ гай; но, вѣроятно, духъ обитающій въ гаю имѣлъ такую силу. Если допустимъ, что слово *гой, гій* дало начало слову *гóїти, гóїтись*, а это кажется, не-сомнѣнно, то можно допустить, что такой исцѣлитель былъ *гой* или *гій*, но не гай. Мысль о пребываніи духа-исцѣлителя въ гаяхъ могло породить и то обстоятельство, что цѣлебныя травы растутъ преимущественно въ гаяхъ; но кто же сѣялъ эти травы, если не самъ исцѣлитель? — Далѣе (стр. 45) г. Шейковскій говоритъ: «О сходствѣ нашихъ гаивокъ съ южно-русскими веснянками... и говорить нéчего...» Съ словомъ *нашихъ* мы соединяемъ ту мысль, что онъ говоритъ отъ лица Подолянъ, но кого же разумѣть подъ Южно-Руссами? ужели Подоль не относится къ южной Руси?... Подоль вѣдь южнѣе Кіева, а въ Кіевѣ поются веснянки. По Подоляне не Бѣлорусы, и не Поляки, а тѣ же Украинцы, что́ и въ Гетманщинѣ, и въ Запорожьѣ, и въ собственной Украинѣ, всѣ они называются Южно-Руссами... Куда же относитъ г. Шейковскій Подолянъ?

Въ описаніи гаивокъ, г. Шейковскій мало или вовсе не даетъ понятія объ обрядовой сторонѣ нѣкоторыхъ гаивокъ. Возьмемъ напр. 12-ю: *кривúй танéць*. Все, что́ г. Шейковскій говоритъ объ этой гаивкѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Это гаивка одноключевая и самая извѣстная, такъ-что вошла даже въ пословицу» (стр. 28). Между тѣмъ, по своей оригинальности, *кривúй танéць* имѣетъ право на подробное описаніе. Изъ всѣхъ гаивокъ только эта нуждается въ городкѣ и играющія дѣвчáта (иногда участвуютъ и молоденькія женщины) прежде всего устрояютъ *городóкъ*, обозначая его тремя камнями или тремя колышками. Если проведемъ прямыя линіи отъ одного камня къ другому и третьему, то получимъ тупой уголъ. Длина сторонъ его зависитъ отъ числа играющихъ. Потомъ играющія берутся за руки, составляютъ цѣльный ключъ и ходятъ возлѣ этого городка, припѣвая:

А въ кривого танця и пр...

Не могу оставить безъ вниманія еще того, что г. Шейковскій относитъ гаивки къ двумъ культамъ — именно — къ эпохѣ «боготворенія лѣсовъ и рощей, (стр. 41) и видитъ въ нихъ слѣды некромантическаго культа «(42). Съ мнѣніемъ о некромантизмѣ въ гаивкахъ мы рѣшительно не согласны. Не касаясь мнѣнія о сходствѣ гаивокъ съ росалками, мы скажемъ, что доказательствомъ некромантизма въ гаивкахъ не можетъ служить то, что онѣ «отправляются только на цвинларѣ.»

Словомъ *цвѝнтаръ* на Подоли означаютъ *мѣсто* въ церковной оградѣ и *кладбище*. Православныя кладбища у Подолянъ заведены отдѣльно отъ цвинтаря, сравнительно въ недавнее время; до тѣхъ же поръ Подоляне погребали своихъ мертвецовъ въ церковной оградѣ — *на цвѝнтарі*.—Но не исключительно «на цвинтарі,» а иногда въ церкви, иногда въ саду, подъ любимымъ деревомъ, иногда и просто на полѣ. Такія могилы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно видѣть и теперь, равнымъ образомъ какъ въ большей части селъ нѣтъ *старыхъ* кладбищъ, а только новыя; что̀ очевидно доказываетъ недавность обычая хоронить покойниковъ на кладбищѣ. Но это ничего не говоритъ въ пользу некромантизма, такъ какъ названіе кладбища цвинтаремъ произошло случайно, а для означенія мѣста погребенія умершихъ существуютъ ему только свойственныя имена,—именно: *мо́гилки*, *гробки́*; *жидівське око́пище* или *око́писько*, *туре́цьке кла́довище* или *кла́довисько*. Употребляется еще—*гробови́ще* для означенія православнаго кладбища— и самое слово *кла́довище*. Если бы *цвинтаре́мъ* называлось мѣсто погребенія правильно, то всякое мѣсто, на которомъ погребаютъ или погребали, носило бы такое же названіе;—чего мы не видимъ. Но ни однимъ изъ именъ, присвоенныхъ кладбищамъ, не называется *цвѝнтаръ*, напротивъ очень часто можно слышать, что *въ давнину́ гробови́ще* (и т. п.) *бу́ло на цвѝнтарі*. Такое раздѣленіе именъ указываетъ и различіе понятій, ими выражаемыхъ. Слѣдовательно, повторимъ, слово *цвѝнтаръ* ничего не говоритъ въ пользу некромантизма.

Какъ не говоритъ въ пользу некромантизма слово, такъ не говоритъ въ пользу его и мѣсто. Хотя гаивки поются только въ церковной оградѣ, гдѣ погребались мертвыя тѣла; но не это сзывало *на цвѝнтаръ* пѣть гаивки,—праздновать Великдень. Если бы мы имѣли возможность узнать, разсмотрѣть празднованіе Великодня въ ту

пору, когда еще мертвыхъ не погребали *на цвѝнтарі*, т. е. въ церковной оградѣ,—то нѣтъ сомнѣнія, что увидѣли бы гаивки въ числѣ празднованій, такъ какъ Великдень есть праздникъ весны. Что́ же тогда сзывало на цвинтаръ? Весна, мы должны отвѣтить. Слѣдовательно, она же была причиною пѣнія гаивокъ *на цвинтарі* и тогда, когда у церкви стали погребать. Обычай остался и послѣ того, когда перестали погребать покойниковъ *на цвѝнтарі*, потому–что не имѣлъ никакой связи съ похоронами, съ гробами. Производство слова отъ *гай* подтверждаетъ это же мнѣніе; ибо мы знаемъ, что славяне мертвыхъ сожигали и ставили *на роздоро́жахъ*, но не знаемъ, чтобы они выносили ихъ въ гай. Можетъ быть, была и такая пора, но гаивка новѣе ея, какъ увидимъ изъ значенія ихъ въ годовомъ циклѣ празднованій, и относятся къ порѣ обожанія силъ природы.

Еслибы гаивки относились къ некромантикѣ, то очевидно имѣли бы связь *съ про́водами*. Но проводы не имѣютъ никакого сходства съ гаивками: на проводы пьютъ, ѣдятъ, ладанъ курятъ, а на Великдень, на цвѝнтарі, не пьютъ, не ѣдятъ, не курятъ; на проводахъ нѣтъ никакихъ игръ, на Великдень игры, куда ни глянь — и т. д. Далѣе проводы совершаютъ на кладбищѣ, а Великдень празднуется въ церковной оградѣ. Если посмотримъ на цвинтаръ, какъ на мѣсто погребенія мертвыхъ, то увидимъ, что проводы праздновали *на цвѝнтарі:* и теперь первая *у́чта*, первая чарка *за упоко́й душъ поме́ршихъ*. выпивается *на цвѝнтарі* (въ дзвінйці); тамъ же, въ колокольнѣ, выпиваютъ и послѣднюю *провідну́ ча́рку;* но нѣтъ никакихъ признаковъ гаивокъ на кладбищѣ. Отсюда слѣдуетъ, что проводы были связаны съ цвинтяремъ, какъ мѣстомъ погребенія и до тѣхъ поръ совершались исключительно на цвинтарѣ, пока *на цвинтарі* погребали. Но какъ только стали погребать на кладбищѣ, то и проводы переведены туда же. Отчего же гаивки не потянулись за проводами, если и онѣ, какъ проводы, относятся къ некромантическому культу? Если бы онѣ хоть *чу́точку* вязались *съ цвѝнтаремъ*, какъ мѣстомъ погребенія мертвыхъ, то непремѣнно, *бодай чу́точку*, привязались бы къ кладбищу, хоть на столько, насколько проводы остались *на цвѝнтарі*, въ память прежняго значенія его. Но этого нѣтъ, а потому нѣтъ и въ гаивкахъ *слѣдовъ некромантическаго культа.*

На этомъ можно бы и покончить рѣчь о Великоднѣ; въ *бытъ Подолянъ* о немъ больше не говорится. Но какъ мы обѣщали, въ

началѣ этой статьи, указать мѣсто Великодня въ годовомъ циклѣ празднованій, то и должны обозрѣть весь годовой кругъ празднованій. При этомъ само собою откроется и то мѣсто, которое Великдень, по характеру своему, занимаетъ въ году. Начнемъ съ самого Великодня.

Такъ-какъ мужскія игры не имѣютъ словъ, и физіономія ихъ неопреленна, то, оставивъ эти игры въ сторонѣ, займемся гаивками. Внутренній смыслъ ихъ еще болѣе докажетъ, что онѣ не относятся къ некромантическому культу.

Уже было говорено объ обычаѣ *відавáти колодкú*, о связи Великодня съ колодіемъ. Тогда мы сказали, что *колодій былъ заключительнымъ праздникомъ любви, а весна—начальнымъ*, и, говоря это, сослались на содержаніе «нѣкоторыхъ гаивокъ.» Эти-то нѣкоторыя гаивки и отнесемъ къ первому отдѣлу ихъ. Всѣхъ отдѣловъ три: *первый* относится къ безбрачной жизни, *второй* воспѣваетъ темную (и свѣтлую) стороны жизни семейной для женщины; *третій* относится къ земледѣлію.

Прослѣдимъ это по гаивкамъ, напечатаннымъ въ *Бытъ Подолянъ*. Скажемъ предварительно, что нѣтъ доказательствъ въ пользу первоначальной полноты извѣстныхъ теперь гаивокъ, что они подверглись порчѣ. Это доказываютъ слова, вставленныя въ гаивки уже послѣ крещенія: *Йесусъ Христосъ*, *церква* и др. Гаивки съ примѣсью христіанскихъ понятій оставимъ въ сторонѣ.

По порядку изложенія, въ *Бытъ Подолянъ*, первой по нашей мысли будетъ:

3 Горóшокъ (стр. 13–14).

Вúйся, горóшку, въ два стручкú,
Зародú, Бóже, чотúрі,
Шобъ ся парубкú женúли,
Та насъ на висілля просúли.

Цѣль-то едвали такова! Какимъ образомъ съ урожаемъ гороху соединена женитьба парубковъ, рѣшить трудно; развѣ предположимъ, что было время, когда предки наши не знали другаго *збóжа*, кромѣ гороха. Въ такомъ случаѣ очень легко объяснить, почему парубки могли жениться подъ условіемъ урожая гороха: *а чимъ жінку гудувáти?*

Гречáної полóвиці
Не захóче їсти,
А ячмíнна зъ остюкáми —
Бýде въ зýби лізти.

Такъ поется *въ коломéйці*.

Четвертая гаивка, вѣроятно, безъ конца. Пятую, *Явіръ* (Яворикъ, стр. 15) должно признать также неоконченною. Но потому, что́ въ ней есть, ее можно причислить къ первому отдѣлу. Вотъ она, безъ припѣва.

Коло млинá–млíна (1),
Тамъ дівчина ходíла,
Ажъ тáмъ (2) вийшло
Три місяці я́сних —
Три парубки́ крáсних;
Ажъ тамъ вийшло
Три зіроньки я́сних—
Три дівчині крáсних...` (3)

Тѣмъ оканчивается эта гаивка. Но мы спросимъ: чтожь дальше? Отсутствіе отвѣта наводитъ на мысль, что она безъ конца.

Шестая гаивка, равно какъ и тринадцатая, сатирическія противъ парубковъ; но сатира молода и отзывается грубостію. Впрочемъ шестая гаивка въ такомъ видѣ, какъ она напечатана г. Шейковскимъ, поется рѣдко, а большею частію измѣняется — и именно въ слѣдующемъ:

Кíлько въ решетí водíці,
Тíлько парубкáмъ *правдíці* (изм. кривдíці)
Кíлько въ решетí дірочóкъ (или дюрочóкъ) (4)
Тíлько парубкáмъ *болячóкъ* (изм. сорочóкъ).

---

(1) Я слышалъ: *Коло млинá калíна*.

(2) т. е. *посль*, такъ и говорятъ на Пололи, преимущественно—въ повѣствованіяхъ.

(3) Слич. Полт. губ. Вѣд. 1861 г. № 25 — Стояла тополя и пр. стр 187.

(4) Я бывалъ въ с. Шарапоповкѣ, но не слыхалъ, чтобы тамъ говорили *дзюрка*, какъ пишетъ г. Шейковскій. Это отзывается Бѣлоруссіей или Польшею, но украинскаго ничего въ себѣ не имѣетъ. Возлѣ самаго Каменца, гдѣ живутъ *віштякí*, гдѣ наша народность сильно пострадала подъ вліяніемъ Польши, какъ въ гетманщинѣ подъ вліяніемъ *змоскалíлихъ* дворянъ, тамъ только

Поминаютъ и болячки, но, сколько я слышалъ, въ томъ только случаѣ, если поминаютъ пановъ или въ хороводѣ участвуетъ *бдй-дівка*.—Эту гаивку также должно отнести къ первому отдѣлу, такъ какъ въ ней представлены только *парубкй* и *дівчата*.

Въ седмой—(Заінько, а не заіиіок, какъ пишетъ г. Шейковскій) подъ именемъ заінька представляется, очевидно, дѣвушка въ какихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ:

«А—ні тобі, заіньку,
А—ні вискочити;
А—ні тобі, заіньку,
А—ні виглянути!»

Быть-можетъ, это—затворничество женщинъ, или послѣдствіе ревности. Въ этомъ случаѣ:

«Заіньку! обернися,
Кого любишь, обіймися» —

будетъ наставленіемъ презирать свое непріятное положеніе и жить по влеченію любви. Но, вѣроятнѣе, здѣсь представлена обыкновенная дѣвчина, влюбленная; она тужитъ, что неимѣетъ возможности *ні вискочити* до милаго, *а ні виглянути;* а не видитъ, что милый тутъ же, — что стоитъ только *обернутись*, чтобы *обнятись*. Поэтому, только эта гаивка относится къ первому отдѣлу.

Первый стихъ: *Заіньку! за головоньку!..* выраженіе самой сильной печали, величайшаго горя. Когда поютъ его, это еще разительнѣе, вы видите, что *заінько* хватается обѣими руками за голову, на ваше ожиданіе роздается вольнымъ crescendo каждый стихъ:

А—ні тобі, заіньку,
А—ні вискочити;
А—ні тобі, заіньку,
А—ні виглянути!«

Неоцѣнимая свобода! о тебѣ такъ горюютъ.

это, пожалуй, и можно слышать. Неслѣдовало такихъ словъ навязывать Подолянамъ вообще. Вообще языкъ въ Бытѣ Подолянъ до крайности *перечищенъ* г. Шейковскимъ: онъ хотѣлъ подвести языкъ подъ выдуманные имъ законы ассимиляціи звуковъ въ языкѣ Подолянъ.

Ой ти, за́йчику—бідола́йчику!
Та попли́нь–попли́нь по Дуна́йчику.
Розчеси́ росу—ко́су,
Пригла́дь чо́рні бро́ви;
Возьми́ся по–пі́дъ па́шки,
Шука́й собі това́ришки.

9) Шумъ (стр. 21).

Въ этой гаивкѣ представлено положеніе дѣвушки, мать которой пьянствуетъ: *дочці шу́ба тре́ба*, а мать, *»що наловила (ри́би), то й пропила»* и только утѣшаетъ дочку обѣщаніями:

Почка́й, говоритъ, *до́ню до суббо́ти,*
Бу́де шу́ба и чо́боти.»
«Суббо́та мина́е,
А чобітъ не мае.»
— Почка́й, говоритъ, до́ню, до вівті́рка
Бу́де шу́ба и сібі́рка. —

Мнѣ какъ будто помнится еще двустишіе изъ этой гаивки:

Мину́въ вівто́рокъ,
Мине́ и со́рокъ...

Эту гаивку мы отнесемъ тоже къ первому отдѣлу. Слово — *Шумъ* можетъ быть прозвищемъ *гультая*, который

..,не ро́бе, ті́лько пье,
Прийде до до́му — жі́нку бье.

Пьяные подымаютъ шумъ въ семьѣ. Есть стихъ въ народной пѣснѣ: *Ой у шу́ма зеле́ная шу́ба.* Шубы, покрытыя сукномъ или чѣмъ–либо другимъ зеленаго цвѣта, и теперь можно видѣть на старикахъ мѣщанахъ и шляхтичахъ.

Отъ одной гаивки, не знаю подъ какимъ именемъ она извѣстна, у меня осталось въ памяти слѣдующее двустишіе:

Ой дівки, якъ квітки!
Женітеся, парубки!...

На рубежѣ между первымъ и вторымъ отдѣломъ стоитъ гаивка *Жельманъ*.

Объ этой гаивкѣ г. Шейковскій говоритъ: «Преданіе гласитъ, что во время уніи Жельманъ — жидъ взялъ, въ арендное владѣніе, церкви. Когда онъ на великдень не хотѣлъ отворить ихъ, его стали упрашивать и будто бы съ этихъ поръ сохранилась пѣсня« (стр. 34–35). Не можетъ статься, чтобы Подоляне, между которыми разыгрались двѣ послѣднія драмы нашей исторіи–*різани́на* (харківщина) и *колівщи́на* (коліївщина), стали воспѣвать *орендаря*–и еще возлѣ церкви и на Великдень. Здѣсь двѣ невозможности: украинская —народная и религіозная. Жельманъ былъ не еврей, а кто–то другой. Не укажетъ ли намъ этого самая гаивка?

Жельманъ—гаивка двуключевая: одинъ ключъ сидитъ, накрывши чѣмъ попало одну *дівчину*, которая лежитъ или наклонится къ землѣ; другой подходитъ къ нему и начинаетъ пѣть. Г. Шейковскій говоритъ, что сидящій ключъ представляетъ собою семейство Жельмана, а дѣвушка, «у которой закрываютъ лице (не лице) платкомъ, представляетъ собою панну Жельманъ.» (стр. 35). Это объясненіе не можетъ быть принято даже и тогда, если согласиться, что эта гаивка относится къ временамъ уніи, потому что 1) въ такомъ случаѣ, для чего паннѣ прятаться? 2) Если бы дѣвушка представляла собою дочь Жельмана, то звалась бы Жельманівна, а не панна Жельманъ. Такое выраженіе совершенно не въ духѣ украинскаго языка. 3) Если бы Жельманъ былъ еврей, то звался бы Зельманъ, а не Жельманъ. Итакъ—Жельманъ не еврей, а дѣвушка— и пр. не его дочь и не еврейка. Но кто жъ они?

Извѣстно, что хороводы представляютъ начала сценическаго искусства; потому и въ Жельманѣ первый ключъ играетъ одну роль, а второй другую. Первый ключъ привѣтствуетъ (напишемъ такъ, какъ въ ***Бытъ Подолянъ***):

Помага́й–Бігъ, Жельманъ,
Помога́й–Бігъ, его́ братъ,
Пома́гай–Бігъ, Жельмано́ва
И братова́ и вся Жельмано́вы роди́на.

Второй ключъ отвѣчаетъ на это привѣтствіе:

Богда́й здоро́въ Жельма́нъ,
Богда́й здоро́въ, его́ братъ,

Богда́й здоро́въ, Жельмано́ва
И братова́ зъ вшѝстковъ (1) роди́новъ.

И затѣмъ спрашиваетъ:

За чимъ–за чимъ, Же́льманъ?
За чимъ–за чимъ, Жельмано́ва?
За чимъ–за чимъ, и пр...

По мѣсту знаковъ препинанія, должно заключать, что г. Шейковскій принималъ звательный падежъ всѣхъ слѣдующихъ словъ: *Жельманъ, его братъ, Жельманова и братова* и *вся родина*. Но это не звательный падежъ, и по формѣ и по смыслу.

На вопросъ сидящаго ключа: *за чимъ–за чимъ* и пр., пришедшій отвѣчаетъ: *за па́нною*. Спросимъ еще отъ себя: кто пришелъ *за панною*? На нашъ вопросъ отвѣчаетъ самъ пришедшій ключъ Онъ поетъ:

За па́нною Же́льманъ,
За па́нною его́ братъ,
За па́нною Жельмано́ва (а не Жельмановы)
И братова́ (а не братовы) зъ вшистковъ родиновъ. (2)

Итакъ, Жельманъ былъ въ приходящемъ ключѣ — не одинъ, но и Жельмано́ва — его жена и пр. Если же приходилъ Жельманъ и Жельманова и пр., тоесть — если первыйключъ игралъ роль Жельмана и пр..., что́ очевидно, то онъ, привѣтствуя сидящихъ, не могъ видѣть въ нихъ себя — а потому и въ его рѣчи надо видѣть не *обращеніе*, выражаемое звательнымъ падежемъ, но простое повѣствованіе. Сценическое искусство здѣсь еще въ младенчествѣ: пришедшій ключъ, представляя собою семейство Жельмана, самъ и разсказываетъ, кто́ пришелъ, кто́ привѣтствуетъ. Первыя слова его представляютъ простой разсказъ и должны быть понимаемы такъ:

Помога́й Бігъ (ка́же) Же́льманъ,
Помога́й Бігъ (ка́же) Жельмано́ва и пр.

---

(1) Окончаніе *овъ* есть стар. *юсъ* и въ Виницкомъ уѣздѣ эти слова произнесли бы такъ: зъ вшѝстковъ родиновъ—т. е. въ первомъ случаѣ юсъ простой (ą), а во второмъ — іотированный (ją). *Вшистка* вм. *вся* — очевидно, полонизмъ.

(2) Г. Шейковскій въ этомъ мѣстѣ не точно передалъ гаивку. Я слышалъ, что ее поютъ именно такъ, какъ я здѣсь пишу.

Возстановимъ же эту гаивку въ первоначальномъ ея смыслѣ:

Прих. ключъ: Помога́й–Бігъ—Же́льманъ,
Помога́й–Бігъ—его́ братъ,
Помога́й Бігъ—Жельмано́ва
И братова́ и вся Же́льманова роди́на.

Сид. ключъ: Богда́й—здоро́въ (т. е. бувъ) Же́льманъ,
Богда́й—здоро́въ его братъ,
Богда́й—здоро́въ Жельмано́ва
И братова́ зъ вшистковъ роди́новъ. и пр.

Предложенный выше вопросъ: кто былъ Жельманъ и панна?—начинаетъ уясняться: мы видимъ, что Жельманъ былъ кто–то пришедшій за панною. Если мы рѣшимъ, для чего Жельманъ пришелъ за панною, то рѣшимъ и кто онъ былъ самъ, и кто была та панна, *за* которою онъ пришелъ.

За панною могутъ приходить *старости́*, для сватанья.

На Подоли, (не знаю, такъ–ли и въ другихъ мѣстахъ), когда приходятъ *старости́*, то *вiдданúця* (разумѣется, въ простомъ народѣ) прячется *на пiчъ*. Но это теперь, когда есть печь; а въ то время, когда предки наши жили *въ бу́дахъ* (5)—когда, стало–быть, печи не было, куда она пряталась? Кто поспоритъ, что ее не прикрывали чѣмъ–попало, какъ это и теперь представляется въ гаивкѣ? Очевидно, не блестящая будущность предстояла *вiдданицi*, если она пряталась. Прикрывая свою дочь, родители хотѣли добра для своей дочери. Въ гаивкѣ видно, какъ родители допрашиваютъ пришедшаго: *на яки́й грунтъ*? (чѣмъ ты будешъ жить?)

— Я, говоритъ, *на жидiвскiй грунтъ* беру ее.

— *Ми па́нни не маемо, на таки́й грунтъ не даємо.*

Итакъ — *дiвчина* — это панна *вiдданúця*, а Жельманъ — *вiрянъ — сватáчъ*, женихъ. Вѣроятнѣе всего, эта гаивка представляетъ собою весь процессъ выхода замужъ *дiвчини*, — отъ прихода *съ хлiбомъ* и оканчивая *шлюбомъ*.

Для объясненія имени *Же́льманъ*, представляемъ свою догадку. Можно, въ нашемъ языкѣ, найти много словъ гдѣ передъ *м* стоитъ *ль*—напр. *гальмó*—недостатокъ. Это слово я слышалъ въ слѣдующей фразѣ на ярмаркѣ: *а нiчого собi шкапúна,—безъ гальмá*;

(5) На это указываетъ уцѣлѣвшее слово бу́да и дальше *будувáти, будúнокъ, будiвля, забудúнки.*

нізащо зганить. *Гальмó*, слѣд., происходитъ отъ корня ган, и слѣдовало бы сказать — ганьмó, но *нь* перешло,—смягчилось въ *ль* и вышло гальмó. По этому соображенію, слово Жельманъ — будетъ *жень*манъ. Извѣстно, что *ь* соотвѣтствуетъ звуку *е* — итакъ будетъ—Же*не*манъ—т. е. слово сложное изъ двухъ—*жена и мана*, *манить*, вы*ман*ивать. Слѣдовательно, слово жельманъ означаетъ выманивающій жену. Смыслъ гаивки подтверждаетъ это значеніе слова: Жельманъ то такой, то иной *грунтъ* сулитъ,—очевидно—обманываетъ. Итакъ *Жельманъ*—имя нарицательное — можетъ быть даже, общее, какъ теперь *сватáчъ*. И при теперешнихъ *свáтаняхъ* стараются обманывать. Для этого употребляютъ даже *підбрéхача*.

Иного значенія этой гаивкѣ и дать нельзя, потому самому что она гаивка.

Кострубонько (стр. 23)

Если эта гаивка имѣетъ миѳическое значеніе, то для объясненія ея не пригодится ли слѣдующая *оповідка*:

Ишлú собí втрохъ—сóнце, вíтеръ и морóзъ, а дівчина перé шмáтя:

— Здорóвъ, дíвчино! заговорúли.

— Здорóвъ, відказáла вонá.

И пішлú дáлі. Та не погодятця,—кому зъ нихъ дíвчина здоровлемъ озвáлась. Сóнце кáже: минí; вíтеръ кáже: минí; морóзъ кáже: минí!—Трéба самóї запитáтись. Вернýлись.

— А кому́ зъ насъ, небóго, ти здоровлемъ озвáлась?

— Отóму *коштрубанéвi*,—озвáлась вонá,—що въ серéдині. — А то бувъ вíтеръ.

Разсéрдилось сóнце.

— Постíй же! каже;—я жъ тебе спалю́, якъ вúйдешь въ поле лежáти.

— Не бíйсь! озвáвсь вíтеръ: сóнце припечé, а я повíю, то й прохолóдю.

— Я жъ тебé зморóзю, морóзъ кáже,—якъ вúйдешь на лíдъ шмáтя прáти.

— Не бíйсь, озвавсь вíтеръ: щó вартъ морóзъ безъ мéне!

Не будетъ ли *кострубонько* то же самое лице, что́ и въ этой оповидкѣ *коштрубань*—т. е. вітеръ?

Кострубонько, по содержанію, едвали не вдовья гаивка; она кончается радостью жены, освободившейся отъ мужа. Содержаніе га-

ивки слѣдующее: въ началѣ ея представляется *дівчина* въ раскаяніи, *що Костýба не злюбúла* и проситъ его пріѣхать, обѣщая стать съ нимъ *до шлюбоньку*. Потомъ постепенно отъ поѣздки *въ пóле сіяти* переходятъ къ похорону Кострубóнька, поминая болѣзнь его и т. д. Кончается она слѣдующими словами:

Слáва тóбі, Христé царý,
Шо мій мúлий на цвúнтарі!
Ніженькáми притоптáла,
Рученькáми приплескáла.

Причина этой радости высказана въ самой гаивкѣ.

.....Кострубóньку!
Не лай не лай мóі мáмі!...

За этимъ ограничимся выпискою еще нѣсколькихъ мѣстъ изъ гаивокъ.

Кому вóля...
. . . . . .
А жіночкáмъ не своя́ вóля:
Підъ порóгомъ порося́ квичúтъ,
У печі казáнъ біжúтъ,
У колúсці дитя́ кричúтъ,
А на печí воркýнъ ворчúтъ.
Порося́ кáже: на годýй менé;
Окрíпъ кáже: відсýнь менé;
Дитя́ кáже: заколиши́ менé;
Воркýнъ кáже: накрúй менé.

Черéзъ сíни, черéзъ хáту
(А) я молоденька
Иду стихéнька,
Шобъ ключáми не бражчáти,
Шобъ свекрýхи не збудúти
. . . . . .
. . . . . .
Нехáй спить (шобъ не встала!)
Шобъ мóї головоньки не клопотáла.

Гаивка, представляющая продажу дитяти, выражаетъ весь ужасъ такого явленія супружеской жизни: продающую проклинаютъ, вмѣсто уплаты за дитя. Продающая хочетъ —

Сімъ кіпъ
И снігъ,
Сімъ міхівъ
Горіхівъ,
Бо́чку води́
На три годи́.

Покупающая отвѣчаетъ:

А я дамъ клубо́къ ва́лу,
Шобъ тобі доро́гу заснува́ло,
Чере́нъ и чересло́,
Шобъ тебе́ въ очере́тъ занесло́.

Это, впрочемъ, не поется, но говорится, и послѣднія слова говорятъ разомъ продающая и покупающая.—Очевидно, эта игра относится къ глубокой древности: слова *черенъ* теперь нѣтъ въ языкѣ и мѣсто его заняло другое—*лемішъ*. —

Остановимся нѣсколько на пройденныхъ гаивкахъ. Важное значеніе семьи у Славянъ возвышалось еще болѣе, вслѣдствіе религіозныхъ вѣрованій о загробной жизни. Оставивъ въ сторонѣ историческія свидѣтельства объ этомъ, обратимся къ народу. До сихъ поръ думаютъ, что для умирающихъ *безъ дружи́ни* нѣтъ мѣста *на тімъ світі* (6), и потому по́хоронъ парубка нѣсколько походитъ на свадьбу: *квітки*, *вінóкъ*, *хустки*... (7) Похоронъ дѣвушки въ этомъ отношеніи еще замѣчательнѣе. Кромѣ того, что умершей прикалываютъ *два* вѣнка и даютъ *хустки* несущимъ *корогви* (процесію, образство), для нея *на той світь* назначается женихъ. Какой-нибудь изъ парубковъ—большею частію любившій покойницу,—*оббира́ється за молодо́го*: ему перевязываютъ руку (*ху́сткою*) и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу *до ха́ти*. (8) Послѣ этого въ семействѣ умершей онъ считается

(6) Не отсюда ли вѣрованіе о роса́лкахъ.

(7) Мнѣ помнится, что похоронъ парубка или *дівки—відданиці* называютъ *висіллемъ*: *давъ богъ висілля*.

(8) Хатою на Подоли называютъ иногда могилу, а домъ *курінéмъ*. «*Хати на́ші на цвінтари*» говорилъ мнѣ крестьянинъ во Ольгоп. уѣздѣ: «*а васъ прóсю до куріня*.»

зятемъ и въ общемъ мнѣніи, кажется, вдовцомъ. Что́ породило это вѣрованіе, рѣшать не намъ; но для насъ важно то, что на *той-свѣтъ* нельзя было являться *безъ дружини*. Это вѣрованіе, быть можетъ, было причиною сожженія вдовъ.

Представляя себѣ брачную жизнь дѣломъ такой важности, предки наши, очевидно, всѣми силами должны были стараться о пріисканіи *дружи́ни*. Это стараніе до сихъ поръ замѣтно въ народныхъ празднованіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ празднованій одною только половиною сюда относятся, а другія и не имѣютъ иного значенія. Великдень принадлежитъ къ первымъ,—не весь, а только частію относится къ празднованіямъ, такъ-сказать, любви. Какое же именно мѣсто занимаетъ Великдень въ ряду этихъ празднованій?

Прочитавши гаивки, отнесенныя нами къ первому отдѣлу, каждый легко можетъ замѣтить, что любовь здѣсь представлена, какъ мечта, какъ желаніе. Иныя гаивки покрайней мѣрѣ выражаются ясно (*шобъ парубки́ женѝлись; женѝтеся, парубки́*); но въ другихъ и того нѣтъ: *кого́ лю́бишъ, обійми́ся*. Мнѣ помнится еще одна гаивка, въ обрядовой сторонѣ которой одна изъ играющихъ представляетъ, *якъ на ми́лого подиви́тись, якъ коло́ ми́лого ста́ти, якъ до ми́лого притули́тись, якъ ми́лого обня́ти...* Но играющія словно не сочувствуютъ всему этому, будто ихъ дѣло — сторона. Въ остальныхъ празднованіяхъ оказывается не то́: такъ *на Купа́йла* (ночь противъ 24 іюня) уже является имя парубка и родителя дѣвицы. Въ одной пѣснѣ представлено поле, на которомъ цвѣтетъ гречиха, и тѣмъ полемъ конь бѣжитъ, а за нимъ парубокъ съ уздою, и говоритъ коню:

Чека́й, ко́ню, загнузда́ю
Та пої́димъ до Дуна́ю —
До Дуна́ю води́ пи́ти,
До Карпа́ дівку люби́ти.

Какъ видно, здѣсь любовь уже ближе къ личностямъ, но всё еще далека отъ опредѣленности и существуетъ только въ намѣреніи— *пої́демъ люби́ти*. Равнымъ образомъ и существующій обычай купаться, *шобъ вінки́ спли́ли*, не менѣе далекъ отъ опредѣленности и лицъ. Вѣнокъ—символъ *дівова́ння*, явственнѣе указываетъ на любовь, — тѣмъ не менѣе мы не видимъ здѣсь, желаетъ ли чего дѣвица, пуская *шобъ вінокъ сплывъ*, и только можемъ догадываться, что это

предзнаменованіе или родъ гаданья, быть ли ей молодицею, или еще ходить въ вѣнкѣ. За то *на Катери́ни* (24 ноября) и *на Андре́л* (29 ноября) видимъ стремленія къ супружеской жизни, съ при мымъ указаніемъ лицъ: *чи ожене́юсь я? чи вїддáмся я? На Андре́я* первенствуетъ вопросъ: *хто пе́рше* (*)? Ночь противъ Екатерины назначается собственно для гаданія мужчинъ о невѣстахъ, а ночь противъ Андрея для гаданія дѣвицъ о женихахъ. Впрочемъ, нельзя сказать, что на Катерины гадаютъ только мужчины, а на Андрея только женщины: въ томъ и другомъ празднованіи участвуютъ оба пола. Вѣроятно, въ свое время существовало и рѣзкое разграниченіе, но теперь этого нѣтъ, и только при разсказахъ о гаданіи спрашиваютъ: *а коли́ ворожи́въ?* Если противъ Андрея, то замѣчаютъ: *проти́ Катери́ни було́ ворожи́ти, а на Андре́я дівóче гра́ло.* Тоже самое замѣчаютъ и дѣвицамъ: *на Андре́я було́ ворожи́ти, а на Катери́ни–дíло парубóцьке.* Вѣрованіе о вишневой вѣткѣ связываетъ праздникъ *Катери́ни съ пе́ршимъ свято́мъ ве́чіромъ* (бага́та кутя́) «*На Катери́ни,*» разсказывала мнѣ дівчина, «ло́мимо вишне́ву ги́льку їдно́літку и садимо́ її въ черепку́, або́ въ пля́шці, та й кладемъ на те́плімъ місці, а хто ма́є, то въ лю́ху́ и що-дня́, відъ Катери́ни ажъ до пе́ршого свято́го ве́чіра, полива́емъ зъ губи (изъ устъ). Приміча́ютъ, якъ зацвіте́ на св. вечіръ, то збу́детця на що поміни́ла.» Скромность *дівóча* не дозволила ей сказать: «якъ зацвіте́, то цвіте́ до́ля, — то віддасйся.» *На Катери́ни до схíдъ–сонця на́ще* начинаютъ плесть вѣнокъ *для пе́ршого свято́го ве́чіра* (см. ниже).

На Андрея гадаютъ, сверхъ помянутаго, на слѣд. вопросы: *вдовéць чи молоде́ць буде су́женій? якъ ёго́ звати?* ходятъ подслушивать разговоры и замѣчаютъ, *чи доведе́тця сидíти, чи ні* и т. п.

На Рождество гаданья идутъ уже далѣе: «*дівчина*, котра *на вíддані, бире́ їдну́ ло́жку пíдъ пахву́, а дру́гу на стíлъ кладе́. Якъ поку́шає куті, то бíжитъ на двíръ—на те мíсце, де кабана́ шмали́ли, та й слуха́є. Зъ яко́ї сторони́ соба́ки загáвкаютъ, зъ тої бу́дуть старости́. Якъ верта́ється до ха́ти, то ди́витця въ вíкно́ крíзь ве́рхню шúбку. Кажу́тъ, да́стця ба́чити су́жений, що сидíтъ за столо́мъ и кива́є на ню ло́ж-*

(*) Вспомнимъ *бала́бушки.*

кою.» Подобное гаданье есть и на Андрея: «якъ повечéрають, якъ мúски заберýть зъ стóла, дівка бирé скáтерку зъ ложкáми, стáне на сіннімъ порóзі и три рáзи тороххóче ложкáми. Зъ якóго бóку озвýтця собáки, съ тóго бýде сýжений.» Но въ колядахъ. *хлóпці* и *дівчáта* представляются уже имѣющими пару. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ колядокъ:

Молодцéві.

1.

Въ слáвнімъ селí, въ багáтімъ дворí,
Ой дай Боже!
Тамъ пьютъ молодці все добірнíй,
Ой дай Боже! (*)
Мúже нúми есть грéшний молодéць
Грéшний молодéць» N хлóпець.
Посилáе вінъ *вірь* яві́ръ (1) за дівку.
Вонá до éго все лúсти пúше:
«Грéшний молóдче! не томí кóней —
Не томí кóней, не турбýй людéй;
Тамъ я до тéбе самá прибýду.»—
Пóлемъ íшла, якъ чóрна хмáра;
Въ селó ввійшлá, якъ дрóбенъ дóщикъ;
У сіни ввійшлá, якъ зорá зійшлá;
До хáти ввійшлá, якъ паняночка.
Éго нéнька ажъ ся зъумíла:
Що минí Богъ давъ за паняночку? —
За поняночку, за невісточку!
По вóду пішлá, винá принеслá;
По вогóнь пішлá, злóта принесла—и пр.

2.

А въ недíлю ráно-пораненько,
Ой дай Боже!
А загадáли всімъ на війнý íти: (**)

(*) Припѣвается за каждымъ стихомъ.

(1) Не *вірьяна ли?—Ред.*

(**) Ой заказано да й загáдано (или зарáдано)
Увсімъ молодцямъ на війну ийти.

«Хто сѝна ма́є, най висила́є;
А хто не ма́є, неха́й найма́є.»
Вдова́ сѝна мала, то й висила́ла,
Якъ висила́ла, то й научи́ла:
Не їдь, сѝнку, попере́дъ вiська,
Алѝ їдь, сѝнку, позаду́ вiська.
А вiнъ не слу́хавъ, впере́дъ по́їхавъ.
Коро́ль пита́е: чи́й-то синъ гра́е? —
Вiнъ коне́мъ повернувъ, вiсько навернувъ:
«Та руша́й, вiсько, пiдъ Бендеръ мiсто.»
Вiсько руша́е, зъ гарма́тъ стрiля́є,
Ажъ чоти́рi пе́чi рóсипа́ється,—
Татáрський городáрь здрига́ється,—
Мiща́не хо́дя, ра́доньку ра́дя:
Що цéму дитя́ті подарува́ти.
Ви́несли їму́ срiбла, зо́лота.
А вiнъ на те́є не подиви́вся,
Ша́почки не знявъ и не вклони́вся;
Коне́мъ повернувъ, ху́сткою махнувъ —
Ху́сткою махну́въ, вiсько навернувъ:
»А руша́й, вiсько, пiдъ Бендеръ мiсто!«
Вiсько руша́є зъ гарма́тъ стрiля́є и пр., какъ и выше.
Только послѣ рады, купцi
Ви́вели їму́ коня́ вороно́го.
А вiнъ на те́є не подиви́вся,
Ша́почки не знявъ и не вклони́вся;
Коне́мъ повернувъ, ша́блею махнувъ —
Ша́блею махнувъ, на вiсько гукнувъ:
«А руша́й, вiсько, пiдъ Бендеръ мiсто!»
Вiсько руша́є и пр. какъ и выше. Только здѣсь уже:
Старшина́ хо́де, ра́доньку ра́де:
Що цéму дитя́ті подарува́ти.
Ви́вели ему́ па́нну въ нара́дi.
А вiнъ на це́є та й подиви́вся,
Ша́почку знявъ, низько вклони́вся, и пр.

3.

Ой ра́но-ра́но ку́ри запiли —

Ой дай Боже!
А ще ра́ньше вставъ гре́шний молоде́ць —
Гре́шний молоде́ць, N хло́пець —
Ой уста́въ-уста́въ, три свічки всука́въ:
При ідні свічі ли́ченько вмива́въ,
При дру́гі свічі ко́ника сідла́въ,
При тре́ті свічі бра́тя пробужда́въ:
«Встава́йте, братя́, ко́ні сідла́йте —
Ко́ні сідла́йте, хортівъ скрика́йте,
Та пої́димо на полюва́ня:
Ой бо я назна́въ ку́нку въ де́реві —
Ку́нку въ де́реві, па́нну въ те́ремі.
А кому́ бу́де ку́нка на шу́бу,
А мині бу́де па́нна до шлю́бу.
Відъ це́го сло́ва бува́й же здоро́въ —
Та не самъ собо́ю, зъ отце́мъ—зъ не́нькою—
Зъ отце́мъ — зъ не́нькою и зъ челя́дкою —
И зъ челя́дкою, и зъ коля́дкою,
Зо всіма́ на́ми-приятеля́ми. (*)

Дівці.

У чи́стімъ по́лі покра́й доро́ги,
Ой дай, Боже!
Тамъ гре́шна па́нна пшени́цю жа́ла;
Ой жа́ла жа́ла, не спочива́ла;
За не́ю сні́пки въ чоти́рі ра́дки.
Прийшло́-жъ до не́і ажъ три вірля́ни:
«Ой ви-вірля́ни! ви, голубля́та!
Не берітъ мене́ изъ по́ля, зъ ни́ви,
Возьме́те мене́ у ба́тька зъ двора́
У ба́тька зъ двора́, зъ ха́ти з-за стола́.
Відъ це́го сло́ва бува́й здоро́ва, и пр.

Къ тому времени, значитъ, когда мы празднуемъ Рождество Христово, парубки и дѣвицы въ древности имѣли уже въ виду пары для

(*) Такъ оканчивается и всякая другая *молодецька* коляда и всякая *дівоча* съ необходимою перемѣною для смысла.

себя, чтобы побраться, когда наступитъ мѣсяцъ Просинецъ. Но, очевидно, не всѣмъ это удавалось. Оттого и остался еще одинъ день для гаданій о женихахъ и невѣстахъ. Это новый годъ—и собственно ночь противъ нов. года. Въ это время можно гадать тому и другому полу безъ различія. Гадающіе сидятъ за зеркаломъ, думая увидѣть въ немъ *до́лю*. Также зовутъ суженаго крикомъ въ трубу: «су́джений нерозгуже́ний! йди до ме́не вече́рати.» Думаютъ, что сидѣнье передъ зеркаломъ можетъ окончиться смертью. Только крайность можетъ вызвать такія рискованыя гаданья. Это наводитъ на мысль, что нынѣшній новый годъ былъ послѣднимъ временемъ гаданій и быть можетъ оканчивалъ собою пору сватовства, а покрайней мѣрѣ былъ недалекъ отъ этого. И въ самомъ дѣлѣ, за новымъ годомъ слѣдуетъ уже *Колодій*, когда, какъ мы видѣли, уже вяжутъ *колодки́*, оставшимся безъ пары, какъ бы въ наказаніе за оплошность Кто знаетъ, что́ означала въ свое время колодка? Быть можетъ, съ этимъ соединялось лишеніе какихъ-либо правъ, а можетъ быть это дѣлалось просто для того, да будетъ стыдно. Во всякомъ случаѣ, привязанная колодка не означала чести. За Колодіемъ слѣдуетъ уже Великдень.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ году, мы не находимъ ни одного празднованія, подходящаго къ гаивкамъ перваго отдѣла, гдѣ бы любовь была выражена болѣе обще, нежели на Великдень. Поэтому мы и ставимъ Великдень начальнымъ праздникомъ по отношенію къ любви.

Какъ будто для предостереженія отъ увлеченія любовью,—въ параллель съ первымъ отдѣломъ гаивокъ, даже совмѣстно, — *по́мішъ*, идутъ гаивки отнесенныя нами ко второму отдѣлу, въ которыхъ воспѣвается уже семейная жизнь и притомъ съ тайной своей стороны. Объ опытъ разбились всѣ поэтическія прикрасы, и молоди́ці какъ-будто говорятъ дѣвицамъ-мечтательницамъ: «не спѣшите, *подівуйте*! Ужели васъ прельщаютъ ежедневныя хлопоты (Кому воля)? А *свекру́ха*! Не будете ходить, какъ вамъ угодно и пріятно, но *стихе́нька*, и не только *черезъ хату*, но и *черезъ сіни*, остерегаясь и ключа́ми бра́знуть. И все только потому, что *свекру́ха* спитъ (шобъ не вста́ла!), чтобъ не разбудить ее! А пожалуй, какой-нибудь Кострубонько *ла́ятиме коха̀ній мату́сі*. Васъ прельщаетъ *свій* хлібъ? Вотъ продаютъ *дити́нку*! конечно не изъ роскоши. Сверхъ всего и *киї* васъ ждутъ! Не спѣшите же, неопытныя, *не лізьте въ во́ду*, *не спита́вши бро́ду*.«

Не можетъ статься, чтобы эти гаивки составились, какъ говорит-

ся, такъ-себѣ; но можетъ быть, что онѣ относились только къ молодицямъ—и, быть можетъ, еще къ тѣмъ, которыя только-что разстались *съ дівованнемъ* и грустили о потерянной волѣ, о житьѣ *за маминими плечима*. Во всякомъ случаѣ мы не будемъ къ нимъ возвращаться, ибо не знаемъ остальныхъ *бабськихъ святъ*, съ которыми эти гаивки могутъ имѣть связь, если онѣ *жіночі*. Въ отношеніи къ мѣсту, занимаемому Великоднемъ въ годовомъ кругѣ празднованій, гаивки втораго отдѣла могутъ имѣть самостоятельное значеніе только тогда, когда онѣ составляютъ собою одно изъ *жіночихъ* празднованій. Но объ этомъ мы ничего не можемъ сказать.

Не безъ основанія поставивъ Великдень первымъ въ ряду празднованіи любви, перейдемъ къ третьему отдѣлу гаивокъ—къ гаивкамъ хозяйственнымъ. Послѣ укажемъ, какое мѣсто занимаетъ Великдень и въ ряду этихъ празднованій.

Одного оглавленія гаивокъ третьяго отдѣла достаточно для того, чтобы видѣть, къ какой порѣ хозяйственныхъ работъ относится Великдень: «макъ сіяти», прóсо сіяти.» Пора, очевидно, сѣянья — но поздняя; время теплое, когда просо сѣютъ. *Огірóчки* въ то время уже стелются—уже *ся вьютъ*, и горохъ вьется. Теперь просо сѣютъ уже тогда, когда летаютъ *хрущі;* но это всё еще весна — пора сѣянья. На Подоли, послѣ Великодня, встрѣчаемъ хозяйственный праздникъ въ Зеленыхъ святахъ, тогда какъ Гетманцы выходятъ на Юра, Подоляне ходятъ на поле съ крестнымъ ходомъ *збóже святи́ти*. Пора, очевидно, позднѣе сѣянія. *На Купайла*, расхвативши *гильцѐ*, иесутъ схваченное каждый на свой огородъ, *шобъ дувъ вязъ на горкáхъ*. *На Маковéя* (Маковій 1-го августа:—не Макошъ ли?) уже святятъ плоды лѣтнихъ трудовъ: спѣлый макъ въ головкахъ, подсолнечники въ цвѣтахъ, морковь (корни), пастырнакъ, колосья и т. п. Повѣріе про *осéтъ* (*) указываетъ, что Маковеемъ оканчиваются *сѣгóрішні свя́та*: уже заботятся, *шобъ на-рікъ осету́ не було́*, и святятъ его. Но и кромѣ осета, освященіе плодовъ свидѣтельствуетъ, что *Маковій* былъ послѣднимъ хозяйственнымъ праздникомъ. Между-тѣмъ передъ нами еще есть Різдвяні святки. Вспомнимъ, что́ происходитъ еще и этими святками.

(*) Вѣнки, вынувши изъ воды, бросаютъ *на хáту*—на крышу, «шобъ морóзъ городи́ни не побивъ;» послѣ снимаютъ ихъ и *варя́ мітíль*.»

Время *съ пе́ршого свято́го ве́чі́ра* до *тіки–пратіки* (**) (10 січня) на Подоли извѣстно подъ именемъ *Різдвяних̀ъ свято́къ*.

Когда все уже готово, хата прибрана и т. д., Подоляне, впрочемъ не вездѣ, вносятъ въ хату *до́бру вя́зку* соломы и разстилаютъ ее по всей комнатѣ, такъ-что земли, или полу, нигдѣ не видать. Это я видѣлъ, между–прочимъ, и въ домѣ своихъ родителей. На столъ сыплютъ горсть проса, ставятъ нѣсколько *зубкі́въ* чесноку, немного отрубей (ви́сівокъ); все это накрываютъ лучшимъ, нарочно выбираемымъ, сѣномъ и потомъ столъ накрываютъ скатертью. Такое же сѣно кладутъ и подъ столъ. На *по́куті* ставится снопъ *жи́та* или *су́ржку* колосьями вгору; иногда этотъ снопъ украшаютъ еще и обжиночнымъ вѣнкомъ. Именно этимъ начинается Святый Вечеръ, а пока въ хатѣ ничего этого нѣтъ, нѣтъ еще и свят. вечера. Все это такъ и стоитъ *до Ново́го ро́ку*,—у кого и долѣе. Духовенство объясняетъ этотъ обычай яслями виѳлеемскими, а въ народѣ эта солома извѣстна подъ именемъ *ді́духа́ ді́ду́хъ* (см. ниже), и въ этой соломѣ дѣвицы, или кто другой, квокчутъ, какъ насѣдки, *шобъ ку́ри квокта́ли*; солому изъ того снопа, что́ *на по́куті*, употребляютъ для дѣланія гнѣздъ насѣдкамъ, а зерномъ его кормятъ куръ, *шобъ до́бре не́слися*. Во время ужина, Подоляне *ло́влятъ рої́*: хозяинъ, или кто занимаетъ его мѣсто, первый беретъ *куті* ложкою.—Подоляне начинаютъ съ кутьи—поздравитъ всѣхъ съ праздникомъ, пожелаетъ дождать *при́шлого ро́ку*, съѣстъ три ложки и наберетъ немного въ четвертый разъ; за этимъ разомъ набранное кидаетъ къ потолку и отскочившія зерна ловитъ обратно въ ложку; сколько поймаетъ зеренъ, столько поймаетъ роевъ. Это, кажется, дѣлаютъ только въ тѣхъ домахъ, у кого есть пасіка. Замѣчаютъ, если много кутьи останется у потолка, то будетъ *медни́й ро́къ*. Кутью на Подоли приготовляютъ не изъ ячныхъ зеренъ, какъ въ Гетманщинѣ, а изъ пшеничныхъ, нарочно отбирая лучшія зерна. Зерно это варятъ такъ, чтобы оно не розкипѣло, но было цѣло. Пока зерно еще въ печкѣ, трутъ макъ, мѣшаютъ его съ медомъ, разведеннымъ теплою водою (літепломъ), и потомъ съ этимъ макомъ мѣшаютъ вареную пшеницу; въ такомъ видѣ она получаетъ названіе кутьи. Ячная кутья (изъ шу́станого ячме́ню)

(**) Ссорная трава; ее называютъ чортовымъ растеніемъ—*чо́ртове зі́ля*. Не осотъ ли? см. *Очеркъ дом. жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII стол.*, Костомарова. Спб. 1860. стр. 197.

на Подоли составляетъ родъ каши; ее называютъ *логáзою* (логáза) и ѣдятъ, когда вздумается, съ саломъ, съ молокомъ и т. д. Но на Рождество даже у крайне бѣдныхъ кутя непремѣнно пшеничная. Г. Шейковскій смѣшалъ *кутю* съ *кóливомъ*—Это напрасно: *кóливо* готовится безъ маку и думаютъ, кто сколько съѣстъ зеренъ *кóлива*, столько разъ долженъ помолиться о душѣ. Ничего подобнаго о кутьѣ не думаютъ. Съ кóливомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, неразлучна *помáна* (**)—особый родъ куличей съ крестами; при кутьѣ этого нигдѣ нѣтъ.

Послѣ ужина въ ходу обычай *посилáти вечéру:* сыплютъ въ платокъ орѣховъ, иногда яблокъ, потомъ ставятъ три кулича или три *паляни́ці*, или три *книші*; завязываютъ и отсылаютъ по такой вечерѣ попу, кумамъ, крестному отцу и матери, родителямъ, и т. д. Къ куличамъ и т. п. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляется кутья въ тарéлочкѣ, или два-три вареника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обычаѣ при вечéрѣ посылать жувую курицу. Принесшій вечéру, если онъ самъ глава семейства, говоритъ: *прóсимо на вечéру;* если же принесшій бýдетъ сынъ или дочь, то говоритъ: »просúли тáто й нéня (*) на вечéру, и я прóсю.« У попа, въ тотъ платокъ, въ которомъ принесли вечерю, въ замѣнъ ея, завязываютъ просфору; дѣтямъ, какъ и вездѣ, даютъ гостинца (нѣсколько грошей), а взрослымъ тутъ же бываетъ *ýчта*. Духовенство объясняетъ вечерю дарами волхвовъ, а народъ видитъ въ немъ простое засвидѣтельствованіе уваженія: *кóго поважáємо* (или *шанýємъ*), *тóму й вечéрю шлемó*.

Подоляне, на перший день Різдва, готовятъ обѣдъ, а Гетьманцы нѣтъ. Но это къ намъ не относится: прежде всего мы должны обратить вниманіе на *господáрські колядки́*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Пáне господáру! На вáшімъ двору́ золоті́ крісла —
Ой дай, Боже!
А на тихъ кріслахъ панóве сидя́, рáдоньку рáдя —
Ой дай, Боже!
Рáдоньку рáдя старосвіцькую:

(*) Подоляне начинаютъ ужинъ съ кутьи, какъ обѣдъ на Великдень съ яйца.
(**) Отъ *поминать*. Я видѣлъ это въ Балтскомъ уѣздѣ.
(***) На Подоли до-сихъ-поръ не вывелось изъ употребленія это слово.

Чомъ тепе́рь не такъ, якъ спре́жа було́ —
Якъ спре́жа було́, якъ ся ді́яло?
Ба́тько ізъ си́номъ до спра́ви ста́є,
Сестра́ на сестру́ ча́ри гото́є,
А братъ на бра́та мечъ виготовля́є...
Якъ жидова́ Христа́ му́чила
Та на кудре́ві (*) ой розпина́ла;
Гвіздя́ми ру́чки прибива́ла,
Увся́ке дре́во за *гні́сті* (**) гна́ал.
Увсяке дре́во за гні́сті не йшло́,
Прокля́та ги́ва та й проступи́ла:
Съ па́льця мізи́нця та й кровь пусти́ла.
Де крівця́ ка́не,—це́рковця ста́не —
Ста́не це́рковця съ трома́ верха́ми —
Съ трома́ верха́ми, съ трома́ хреста́ми —
Съ трома́ хреста́ми, съ шістьма́ ві́кнами.
У пе́ршімъ верху́ дзво́ники дзво́ня,
А въ дру́гімъ верху́ свічі пала́ють,
А въ тре́тімъ верху́ слу́жбоньки пра́вля.
Слу́жбоньки пра́вля за господа́ра,
Свічі пала́ють за господи́ню,
Дзво́ники дзво́ня за ді́ти ва́ші.
Дай же вамъ, Бо́же, здоро́вля въ вашъ двіръ —
Здоро́вля въ вашъ двіръ, а ща́стя на-двіръ —
Ща́стя на-двіръ на худі́бочку,
Здоро́вля на васъ, на челя́дочку —
На худі́бочку на роговую́,
На челя́дочку на молоду́ю.
Дай вамъ, Бо́же, въ по́лі и въ дво́рі —
Въ дво́рі и въ по́лі, въ па́сіку, до́лі.
Шобъ ва́ша бджола́ все медна́ була́,
У по́ле ішла́, вигра́ваючи,
А съ по́ля ішла́, спочива́ючи,
Въ тічки ввійшла́, сіла, спочи́ла —
Сіла, спочи́ла, ввесь медъ зложи́ла.

(*) Ку́деръ—кедръ. Говорятъ и куди́ръ; кудре́вій и кедро́вий.
(**) Теперь говорятъ *па́ність* или просто *паність* — ноготь.

Відъ цего слова будьте здорові
— Будьте здорові, панъ-господару! (*)
Ці святки святкуйте здорові,
Другихъ у Бога дождіть въ здоровлі —
Та не самі собою, зъ дітьми, зъ женою,
Зъ Ісусомъ Христомъ, съ святимъ Рожествомъ,
Зо всіма нами-приятелями,
Зо всімъ соборомъ и Святимъ Богомъ.

2.

Пане-господару! Ви прославились:
Новимъ острогомъ (**) обгородились —
Ой дай, Боже!
Коло вашоі хати чотирі сади —
Чотирі сади все виноради —
Ой дай, Боже!
Пане-господару! ми жъ васъ просимо —
Ми жъ васъ просимо не прогнівайтесь:
Ми ваші ворота повиняємъ
И садъ-виноградъ повиломляємъ —
Ой садъ-виноградъ повиломляємъ,
Райскую птицю порозганяємъ.
Пане-господару! ми жъ бо васъ просимъ —
Ми жъ бо васъ просимъ—не прогнівайтесь;
Ми ваши ворота позачиняємъ
И садъ-виноградъ попідіймаємъ —
Ой садъ-виноградъ попідіймаємъ,
Райскую птицю позаганяємъ
Відъ цего слова — и пр.

3.

Пане господару! А зъ твого двору —
Ой дай, Боже!
А зъ твого двору плужокъ виходе;

(*) Такъ оканчивается всякая коляда *господарові*.

(**) Острігъ — особаго рода тынъ съ *острішкомъ* (стріха). Плетется онъ почти всегда *кіскою*, красивый и сравнительно не дешевъ.

Ой дай, Бо́же!
А за тимъ плужко́мъ самъ Го́сподь хо́де,
А свяги́й Петро́ воли́ пого́не,
Пресвята́ Дiва
или
А Бо́жа Ма́ти
} їмъ їсти но́се,
Iмъ їсти но́се, гарне́нько про́се:
Ой орiтъ, синки́, го́ри й долинки́,
Бу́демъ сiяти жи́то, пшени́цю —
Жи́то, пшени́цю, вся́ку пашни́цю;
Збире́мо жiнцiвъ сiмсотъ молодцiвъ,
А вяза́личокъ сiмсотъ дiвочо́къ.
Закладе́мъ стiжки́, якъ земля́ вширшки́ —
Якъ земля́ вширшки́, до не́ба ввишки́.
За цимъ же сло́вомъ и пр...

Замѣчательно, что колядки *господинi* не имѣютъ хозяйственнаго значенiя. Вотъ двѣ изъ нихъ:

1.

Въ чи́стiмъ по́лi по-край Дуна́ю
Ой дай, Боже!
Тамъ три святiи́ во́ду свяги́ли —
Во́ду свяги́ли, золоти́й хрестъ згуби́ли.
Туди́ iшла́ че́сная жона́, —
Якъ туди́ iшла́, и той хрестъ знайшла́
Перейшли́ її ажъ три святiї:
»Ви, че́сна жо́но-господи́нечко!
Ви-жъ туди́ iшли́, ви-жъ той хрестъ знайшли́.
А вручiтъ же намъ золоти́й хре́стикъ,
Бу́дете ма́ти дорогу́ запла́ту —
Дорогу́ запла́ту: три служби-Бо́жi —
Пе́рша слу́жба за ва́шого му́жа,
А дру́га слу́жба за господи́ньку,
А тре́тя слу́жба за дiтки ва́ши.«
Вiдъ цего слова бу́дьте здоро́вi,
Бу́дьте здоро́вi, че́сная жо́но —
Че́сная жо́но—господинечко! и пр.

2.

Фалѝлась берéза перéдъ дубáми
Ой дай, Боже!
Передъ дубáми своїми вітами.
Фалѝсь-не фалѝсь, не ти кохáла:
Кохáли тобі дрібнії дощі.
Фалѝлась дівка перéдъ дівкáми —
Перéдъ дівкáми своїми кóсами.
Фалѝсь-не фалѝсь, не ти кохáла;
Кохáла тобі нéнька старéнька.
Відъ цего слóва и пр. —

Вечеромъ противъ Новаго года ходятъ *щедрувáти*. Отъ этого ли вечеръ получилъ названіе *щедрáю* (щедрий вечіръ), или его названіе распространено и на пѣсни того вечера (щедрівки) и на самый обычай пѣть эти пѣсни — (щедрувати)? Всѣ *щедрівки* имѣютъ чисто-хозяйственное значеніе. Въ одной изъ нихъ поется желаніе, чтобы господарь имѣлъ щастя до товару и

До всякого стáтку (1)
Шобъ не мавъ припáдку,
Якъ чáшечка у медý,
Якъ барвінокъ у садý.

Одна изъ извѣстныхъ мнѣ щедрівокъ представляетъ господаря богачемъ. Онъ

...сидитъ въ конéць стóла,
На німъ шýба шубалéва (соболь),
А въ ті шýбі дзінькатóрі, (2)
А ті дзінькаторі сто червóнихъ.

Утромъ на Новый годъ ходятъ *посівáльники:* и старики и мальчики набираютъ всякаго зерна, большею частію, въ рукавицу, и ходятъ изъ дома въ домъ *посівáти*. *Посівáючи*, приговариваютъ:

(1) Стáтокъ—достатокъ. Слово *стáтокъ* значитъ также хорошо ведущій себя, *статкувáти*—хорошо вести себя, не быть разгульнымъ и т. п.

(2) Портмоне (?) но не кошелекъ — *калúтка*. Словомъ кошелекъ Подоляне называютъ церковный *дзвóнокъ*, въ который собираютъ »кошельковыя деньги.«

«сійся, роди́ся жи́то, пшени́ця, вся́ка пашни́ця на ща́стя, на здоро́вля, на нови́й рікъ, шобъ уроди́ла краще, якъ у-торі́къ.» Это зерно собираютъ и прячутъ. «*Якъ помі́ръ въ селі́*, это зерно *сипля по вікнахъ;—ніби-то помі́ръ ска́же: не йдімъ цюди; тутъ Новий Рікъ.*»

По выходѣ изъ церкви, слуги берутъ коня, вола и барана, гдѣ есть эта худоба, украшаютъ ихъ поясами, колосьемъ, калиной, барвинкомъ и въ такомъ видѣ вводятъ въ комнату поздравить господаря съ новымъ годомъ, новымъ счастьемъ. Замѣчаютъ при этомъ *чи густе́, чи рідке́* счастье будетъ. — Это я видѣлъ въ домѣ родителей.

Еще раньше—не медля по отходѣ всенощной—выходятъ въ садъ *дідуха́ пали́ти*—т. е. ту солому, что́ была въ комнатѣ, собираютъ, выносятъ въ садъ и тамъ зажигаютъ, *шобъ садовина́ родила, шобъ осѐльня* (гусениця) *не обї̀да́ла*. Кромѣ этого, замѣчателенъ обычай на первый св. вечеръ: послѣ ужина одинъ кто-либо изъ мужчинъ беретъ сѣкиру (топоровъ на Подоли нѣтъ), зоветъ кого-либо съ собою въ садъ. Въ саду происходитъ слѣдующее: тотъ, что́ вышелъ безъ сѣкиры, садится за *неродю́чою дереви́ною*, а тотъ, что́ съ сѣкирой, будто хочетъ рубить ее и *цю́кне*.

— Не ру́бай мене! бу́ду вже роди́ти, говоритъ сидящій.

— Ні, зруба́ю, говоритъ второй: чомусь не роди́ла.—И другой разъ ударитъ сѣкирою.

— Не руба́й! буду вже роди́ти!

— Ні, зруба́ю-таки́: чомусь не родила!—И третій разъ ударитъ сѣкирою.

— Бі́йся Бо́га! не руба́й! буду роди́ти лу́че за всіхъ.

— Гляди жъ!—говоритъ тотъ и удаляется. А сидѣвшій перевяжетъ это дерево *переве́сломъ* и также удаляется. Это происходитъ возлѣ каждаго дерева, которое не родитъ.

Около Новаго Года вымолачиваютъ и тотъ снопъ, что́ стоялъ на покутьѣ. Вымолоченное зерно прячутъ до сѣвбы, а тогда мѣшаютъ въ сѣмена. (*)

(*) Противъ Нов. Года, ночью, послѣ щедрівокъ, парубки ходятъ по домамъ зъ Миланкою. Это родъ маскарада: одинъ парубокъ одѣвается молодицею—это Миланка, другой цыганомъ, третій *дідомъ* — старикомъ. Этотъ водитъ козу—тоже переодѣтаго парубка. Цыганъ иногда ходитъ съ медвѣдемъ (парубокъ), иногда бываетъ и лошадь. Вся эта компанія входитъ въ комнату. Подъ окномъ передъ тѣмъ временемъ поютъ:

На другий св. вечіръ (голодна кутя) поутру пекутъ *підпа́лки*, и мажутъ ихъ медомъ. Передъ ужиномъ, отецъ, или сынъ, или братъ отца идетъ, *съ підпа́лкомъ на обо́ру, на коша́ру*—вообще между

Ой учо́ра ізъ вечіра
Па́сла Мила́нка два ка́чурі —
Па́сла-па́сла, загуби́ла,
Шука́ючи, заблуди́ла,
Приблуди́ла въ чи́сте по́ле:
Въ чи́стімъ по́лі Васи́ль о́ре:
»Васи́льчику-чичёрчику (чёбчику, вѣроятно)!
Посію тебе́ въ горо́дчику;
Бу́ду тебе́ доглядáти:
Но три́чи па́-день поливáти,
Що суботи прорива́ти,
За росу-ко́су затикáти,
До це́рковці виражáти,«
На́ша Мила́нка ложки́ ми́ла,
Ло́жку, тарілку́ упусти́ла; (*)
Ло́жку, тарілку доставáла,
Тонки́й хварту́хъ замачáла (или замочи́ла):
Повій, вітре буйне́сенький,
Ви́суши хварту́хъ тонéсенький;
Повій, вітре, крізь ворóта,
Ви́суши хварту́хъ крáще злóта;
Повій, вітре, сякъ-тáкъ, сякъ-тáкъ,
Ви́суши хварту́хъ, якъ макъ, якъ макъ.
Пустіть Мила́нку — пустіть до хáти;
На́ша Мила́нка зме́рзла въ пя́ти;
Ой у Мила́нки коро́тка сви́тка,
На́ша Мила́нка зме́рзла въ литки́.

Когда впустятъ до хаты, тогда поочередно начинаютъ каждый свою роль, а праздные выманиваютъ что́ могутъ: *прадіва Миланці на памітку, св. Мико́лі на очкуръ*, са́ла и т. п. Коза танцуетъ, а *дідъ* припѣваетъ:

Ой ко́зо-ко́зо! ко́зо-небо́го!
Поскачи́ жъ мині тро́хи, немно́го:
Дасть панъ господаръ півзолотого,
А подобріе, дасть и друго́го;
А хозя́ечка—мірочку гре́чки—
На́ші козу́ні на варе́нички.
Ой ко́зо-ко́зо! погля́нь на гра́ба!
Погля́нь на гра́ба, тамъ сиди́тъ зра́да.
Яка́ то зра́да? Стара́я ба́ба.
Стара́я ба́ба на печі сиди́тъ —

(*) Вм. этимъ двухъ стиховъ иногда поютъ:
На́ша Мила́нка въ Дністрі бу́ла,
Дністрову́ во́ду-воду пила —

чистыхъ животныхъ, кропитъ тамъ св. водою, пишетъ крестъ мѣломъ на дверяхъ, на воротахъ и ѣстъ *підпа́локъ*, »*шобъ не приступивъ який злий духъ, якъ ото втіка́ютъ вони зъ води.*« Кормъ для скота берутъ не вилами, но руками,—по той же причинѣ.

Бѣлоруссы, вмѣсто *підпа́лка*, пекутъ пирогъ съ кашею и грибами, и съ этимъ пирогомъ ходятъ, какъ Подоляне съ *підпа́лкомъ*. Бѣлоруссы, пиша крестъ, приговариваютъ:» пирога кусни, а хреста писни.« Это дѣлается во избѣженіе несчастія.

Стрѣльба во время водоосвященія у Подолянъ, кажется, не имѣетъ значенія. Но у Бѣлоруссовъ она значитъ *волковъ разгонять*: куда два побѣгутъ, куда три, такъ и будутъ ходить цѣлый годъ.

✓ На печі сиди́тъ, соло́му січе́ —
Соло́му січе́, пироги́ пече́;
А зъ но́са капти́тъ,
Пироги́ масти́тъ.

Ой ко́зо-ко́зо! не огляда́йся!
На ме́не-ді́да не задивля́йся;
Бо въ ме́не-ді́да борода́ гніда,
Борода́ гніда, ажъ до коліна.

Ой на горі монасти́ръ,
До не́го доріжка.
Вме́рла моя бабусенька,
Зоста́лася кізка.
А я ді́дъ, а я ді́дъ,
А я невели́чкий;
А я сво́ї дзю́бі-лю́бі
Ку́плю черевички.
Черевички невели́чки,
Передо́чки съ кита́ечки (2)
Закаблу́ки съ кабака́ (гарбузъ)
А якъ пі́демъ до оре́нди (ко́рчма),
То вда́римо тропака.

А ді́дъ ба́бці купи́въ ка́пці,
Та коро́тки були, товтявъ па́льці.

Коза танцуетъ подъ тактъ.

Полученное за коляду, щедривки и Миланку, за исключеніемъ расходовъ, поступаетъ въ церковь *на братство*. Братства на Подоліи до-сихъ-поръ остались. Недавно только отнята у братствъ пасіка. Также, когда отдали на откупъ свѣчную продажу, *брачникамъ* и *сестричкамъ* запрещено дѣлать свѣчи въ 1859 году. Пасіки отняты раньше.

Кто первый наберетъ св. воды такая вода *до́бра для па́сіки—кропити, якъ бджола́ заїда́ется.*

Есть хозяева, которые до этого времени поятъ весь скотъ дома изъ ведеръ и теперь только начинаютъ гонять къ проруби—въ томъ убѣжденіи, что лучше онъ выдетъ изъ зимовки—*ситіщий бу́де*- Бѣлоруссы, на Богоявленіе, по выходѣ изъ церкви, передъ обѣдомъ, бросаютъ въ огонь кусокъ желѣза и тамъ—въ печкѣ—онъ остается цѣлый годъ, въ предохраненіе скота отъ волковъ во время ночлеговъ на полѣ.

На Ордань Подоляне собираютъ со стола сѣно и все, что́ было подъ сѣномъ: отруби (висівки), чеснокъ, просо. Изъ отрубей дѣлаютъ припарки, когда болитъ подъ грудью. Въ случаѣ кражи, чеснокомъ мажутъ языкъ одного изъ церковныхъ колоколовъ и такимъ образомъ звонятъ. Вѣрятъ, что если воръ заслышитъ этотъ звонъ, то его Богъ выявитъ. Просо трутъ, и когда завидятъ, что идетъ попъ съ кропиломъ, на скорую руку разводятъ эту муку водою и этою жижею пишутъ кресты на четырехъ стѣнкахъ въ комнатѣ—на каждой по одному, чтобы ихъ, еще мокрые, окропили святою водою. Эти кресты остаются на стѣнкахъ до Срѣтенія; тогда ихъ счищаютъ и прячутъ счищенное. Когда корова *не може счиститись*, то ей даютъ этихъ остатковъ креста. (Вѣрятъ, что ночью противъ Ордани вся тварь получаетъ даръ слова,—что вся вода на нѣкоторое время обращается въ вино.)

Изъ всего сказаннаго видно, что *Різдвяні Святки* отрываются отъ прошедшаго времени и имѣютъ значеніе только для будущаго. Слѣдовательно, въ ряду хозяйственныхъ празднованій, они предшествуютъ Великодню. такимъ образомъ, Великдень есть весенній праздникъ и, въ настоящее время, второй относительно хозяйства. Послѣдній между ними—т. е. заключителный — праздникъ есть *Маковѐя*, а первый—т. е. начальный—Різдвя́ні Святки́.

И такъ Ве́ликдень, по своему значенію, имѣетъ два мѣста между народными празднованіями, по двумъ сторонамъ самыхъ празднованій: въ отношеніи къ любви Великоднемъ празднованія начинаются, въ отношеніи къ хозяйству—Великдень есть продолженіе празднованій. Едвали можетъ быть, чтобы и въ древности съ Великоднемъ совпадали два эти празднованія; вѣроятно, любовь праздновалась раньше—въ началѣ весны, а сѣвба въ концѣ ея, когда *обсіются*, какъ

теперь по окончаніи жнивъ празднуются *обжинки*, гдѣ поются пѣсни про жниво.

За этимъ мнѣ остается только пожелать, чтобы тѣ, кто имѣетъ возможность повѣрить мои слова съ дѣйствительностію, дополнилъ недосказанное мною и исправилъ мои ошибки. Ziarnko do ziarnka—będzie miarka.*) *Курка по зёрні клюе, и то наїдается.*

Надо сказать еще, что остатки *свячёного* закапываютъ въ землю и вѣрятъ, что на который день, послѣ перваго дня Великодня, закопать ихъ, черезъ столько лѣтъ на томъ мѣстѣ выростетъ *рута*, но не *маруна*, какъ бы слѣдовало, если бы Великдень относился къ некромантикѣ. — Изъ маруны (морана?) дѣлаютъ для покойниковъ вѣнки.

Въ нѣкоторыхъ селахъ на Подоли говорятъ еще *вірші*. Въ награду за доставленное удовольствіе, составители, или, правильнѣе, декламаторы виршей получаютъ писанки и крашанки, которыя складываютъ для нихъ въ нарочно—поставленную шапку. Вирши произносятся съ колокольни въ окно, а слушатели стоятъ на землѣ. Такихъ виршей у меня есть достаточное количество въ рукописи, очень древней. Составителями виршей почитаются *бакалары*. Имъ же приписываютъ и составленіе *пагласниковъ*. Бакаларство на Подоли существуетъ и теперь въ мизерныхъ остаткахъ; но давняго разгула школы не имѣютъ, и составителей виршей теперь нѣтъ: пользуются старинными. За бакаларами Подоляне жалѣютъ, но въ самомъ дѣлѣ они не стоютъ того; рѣдко между бакаларами встрѣчался порядочный человѣкъ: кромѣ того, что обыкновенно ничѣмъ не занимались, они еще крали птицу, дрова, *звódили дівчáтъ* и т. п. Иначе и быть не могло; потому что ихъ было довольно много, жить было не-чѣмъ. Одно, чѣмъ они приносили пользу, это—обученіе дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, съ паденіемъ бакаларовъ, число грамотныхъ до—того уменьшилось, что нерѣдко встрѣчается одно грамотное лице изъ *піддáнихъ* — на нѣсколько деревень подъ-рядъ. Всѣ вирши отличаются юморомъ—иногда очень неискуснымъ. Кромѣ виршей, говорили еще *орації*. Орації произносимы были обыкновенно въ *господі*. Когда приходили съ орацією, самый бойкій, который долженъ былъ произносить ее, входилъ въ комнату, а прочіе оставались въ сѣняхъ или, просто, подъ окномъ и пѣли—или тропарь—передъ виршею, а кондакъ послѣ нея, или то и другое передъ виршею, если хозяинъ долго не выходилъ слушать орацію. Иногда были пѣты пѣсни, похожія на церковныя, но соб-

ственнаго произведенія. Иногда вирша, или орація, дѣлилась между нѣсколькими отроками; тогда входили въ комнату всѣ тѣ, которые должны были говорить. Языкъ въ виршахъ и въ ораціяхъ несравненно чище языка проповѣдей, хоть и здѣсь удерживается *л* въ прошед. времени, и много есть польскаго—особенно въ заключеніяхъ, которыя обыкновенно суть молитвы о многолѣтіи *слухачо́въ*, *жолнѣро́въ*, *па́нства* и пр. Преимущественно поминаютъ *рица́рство*—Теперь вирши уже вытѣснены изъ школъ и бытуютъ между *пьянюжками* изъ шляхты, отставныхъ солдатъ и т. п. Иногда декламируютъ вирши пономари или *шутники* изъ поселянъ. Изъ дьячковъ развѣ старики занимаются ими, но молодое все не *відва́жуетця* — по застѣнчивости, хотя у многихъ хватило бы и охоты и способностей. Къ нелѣпостямъ, которыя выдумала нужда бакаларская, относится такъ - называемый *Сонъ Богородицы*, который между Подолянами чрезвычайно распространенъ и считается молитвою. По преданію, *Сонъ Богородицы* бакалары переписывали и мѣняли на что́ могли: на прядиво, сало, крупу, пшено и т. д., для чего они ходили *по-пі́дъ вікна*, какъ теперь *щітинники* и т. п. Голь на выдумки хитра.

А. Свидницкій. (Патриченко).

ПО ВОПРОСУ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

(*Письмо къ редактору*).

Къ статьѣ моей: *Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину,* напечатанной въ августовской книжкѣ «Основы», редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе»: Помѣщаемъ ее, (т. е. статью) не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ быть и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—Великороссы, а съ другой—Поляки, въ древней южно-русской письменности усматриваютъ начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ тоже время, признаковъ языка мѣстнаго».

Это примѣчаніе, какъ ни кажется оно, *на первый взглядъ*, вѣрнымъ, прямо опредѣляющимъ результаты и моихъ собственныхъ наблюденій, приведенныхъ даже и въ настоящемъ «отвѣтѣ», и замѣтки г. Погодина, въ его спорахъ съ г. Максимовичемъ, поразило, однакоже, меня до такой степени *неточностью выраженій и смѣшеніемъ предметовъ* (*), что я призналъ необходимымъ объясниться и, если возможно, устранить поводъ къ недоразумѣніямъ и неправильному взгляду тѣхъ читателей «Основы», которые питаютъ какое-нибудь сочувствіе къ рѣшаемому вопросу. Подобное объясненіе показалось мнѣ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ желательнѣе надежда редакціи на возраженіе, а можетъ быть и на разрѣшеніе не только весьма любопытнаго, но и весьма важнаго въ наукѣ, вопроса. Послѣдній относится прямо къ филологіи, а эта наука успѣла уже получить ту опредѣленность и точ-

(*) Какихъ—предметовъ? *Ред.*

ность, (конечно, въ глазахъ людей слѣдившихъ и слѣдящихъ за ея развитіемъ), какія во многомъ приближаютъ ее къ послѣдовательности выводовъ математическихъ. Въ математикѣ же часто приходится начинать съизнова всю работу, какъ скоро въ предшествующихъ выкладкахъ вкралась хотя ничтожная, въ одной цифрѣ или въ одномъ знакѣ, ошибка.

Какъ ни коротко примѣчаніе редакціи, но въ немъ ярко отдѣляются двѣ мысли, одна съ другою, какъ увидимъ, не имѣющія ни малѣйшей связи: 1) Великоруссы въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственнаго языка, отрицая признаки языка мѣстнаго; 2) Поляки въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственнаго языка, отрицая также признаки языка мѣстнаго.

Что́ касается до первой мысли, то я бы желалъ знать, кого имѣете вы въ виду, говоря вообще о *Великоруссахъ*? Позвольте мнѣ, въ этомъ случаѣ, перемѣнить ваше *о* на *у*, потому что народъ знаетъ только *Русь*, *Руссъ*, прилагательное *русскій*; неправильность или чужеземность терминовъ *Россъ*, *Великороссъ*, встрѣчающихся въ письменномъ языкѣ торжественнаго слога одъ и иныхъ воззваній прошлаго вѣка (1), всего нагляднѣе обнаруживается изъ отсутствія отъ нихъ прилагательныхъ *росскій* или *великороссскій*. Полякъ можетъ хвататься за случайно и въ позднюю уже пору [illegible]вшееся названіе *Россія*, чтобы, слѣдуя неумѣстнымъ и нелѣпымъ своимъ посягательствамъ, искусственно сколоченнымъ терминомъ *Россіянинъ* указать на совершенное отличіе народа сѣвернаго отъ южнаго, но намъ, *русскимъ*, неприлично съ такимъ же презрѣніемъ попирать ногами голосъ цѣлыхъ десятковъ мильоновъ народа (2) и положительныя свидѣтельства исторіи. Народъ русскій сѣверный, какъ я уже замѣтилъ, не знаетъ ни Росса, тѣмъ менѣе—Великоросса, а исторія, на самыхъ первыхъ страницахъ своихъ, отмѣтила для сѣвера названіе *Русь*, *Русская земля*, въ ту пору, когда югъ не успѣлъ еще и войти въ составъ одного государственнаго (?) цѣлаго: «и изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ

(1) Слово-Россія—употреблялось уже гораздо раньше. (2) Совершенно справедливо; но, вѣдь, народъ же говоритъ—*Ра(о)сея*; это слово встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, — даже украинскихъ; одна изъ послѣднихъ начинается такъ: »Була́ По́льща, була́ По́льща, а ста́ла Росія.« *Ред.*

сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій, Изборстѣ, Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася *руская земля*, Новугородьци (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 8—9).

Кто же эти—Великоруссы? Невольно придется отвѣчать на этотъ вопросъ русской поговоркой: *первой, другой да и обчелся*; въ самомъ дѣлѣ, первой—*Погодинъ*, другой—*Лавровскій*, а больше нѣтъ. Но нѣтъ изъ Великоруссовъ, а есть и еще одинъ, самый важный, говорившій о томъ же дѣлѣ съ полнымъ знаніемъ его, отчетливостью и основательностью, говорившій, какъ истинный ученый, фактами, а не пустыми словами, подобно нѣкоторымъ фантастамъ-беллетристамъ, привыкшимъ, въ умственномъ своемъ усыпленіи, рѣшать всѣ вопросы силою, развитаго у нихъ бездѣятельностью, одного воображенія и даже отъ надутости самомнѣнія бросающимся съ яростью на эти факты науки, свидѣтельствующіе такъ ясно объ ихъ грубѣйшемъ невѣжествѣ, а тотъ еще одинъ — *И. И. Срезневскій*. Къ какимъ его относите вы? Хотя и родился овъ въ великорусскомъ городѣ, Ярославлѣ, но еще грудньмъ ребенкомъ былъ привезенъ въ южную Русь, гдѣ воспитался, развился, образовался и всецѣло сроднился съ новою мѣстностью, ставшею для него вполнѣ родиною (1). Такимъ-образомъ, на двоихъ великоруссовъ приходится одинъ малоруссъ, въ рѣшеніи даннаго вопроса, о языкѣ южнорусскомъ, стоющій [illegible]ихъ первыхъ. А вы говорите *вообще* о великоруссахъ и даже сравниваете съ поляками. Не говоря, пока, ничего о характерѣ отзывовъ послѣднихъ, я останавливаюсь на *количественной* невѣрности сравненія. Вѣдь въ Познани, и Берлинѣ, и Парижѣ, и Краковѣ и Львовѣ, даже въ самомъ Царствѣ, трубятъ поляки десятки лѣтъ и цѣлыми легіонами объ отсутствіи малорусскаго нарѣчія,—тутъ можно обобщать; но какъ возможно обобщеніе

(1) Мы должны замѣтить, что такой взглядъ на г. Срезневскаго и его сродство съ южною Русью, которая будто бы стала для него *вполнѣ родиною*, принадлежитъ собственно автору, но никакъ не нашему вѣстнику. Изъ чего видитъ г. Лавровскій, что въ г. Срезневскомъ мы пріобрѣли новаго соотечественника? Не изъ того ли, что, живя въ Харьковѣ, онъ находилъ для себя полезнымъ издавать сочиненія Котляревскаго и украинскія народныя пѣсни съ замѣтками въ духѣ тогдашняго, вовсе не критическаго, направленія, а перейдя на каѳедру въ С.-петербургскій университетъ и Академію Наукъ, тотчасъ убѣдился, что гораздо полезнѣе отвергать возможность своеобразнаго развитія украинской литературы и народности?.. Нѣтъ, мы не посягаемъ на права города Ярославля. *Ред.*

великоруссовъ, на основаніи двоихъ лицъ, положенія которыхъ притомъ послѣдовали за учеными выводами малорусса (1)? Не будетъ ли въ этомъ много излишней чести великоруссамъ? Я думаю такъ, и вотъ почему.

Отзывы двоихъ великоруссовъ основаны исключительно на научныхъ данныхъ, выведены изъ наблюденій надъ языкомъ древнихъ памятниковъ письменности русской; другими словами, явились они результатомъ ихъ филологическихъ, правильнѣе—лингвистическихъ, занятій довольно частнымъ вопросомъ-отличіями нарѣчій сѣвернаго русскаго и южнаго русскаго, отличіями въ звукахъ и этимологическихъ формахъ языка. Эта только исключительно лингвистическая сторона и послужила поводомъ отзывовъ ихъ; ничего посторонняго тутъ не примѣшивалось. Но, помилуйте, вѣдь такое занятіе въ современной великорусской литературѣ, сосредоточенной въ журналахъ, выставлено чуть не позорнымъ, заклеймено бездарностью, совершенною безполезностью; въ требованіяхъ ею рѣшеній *жизненныхъ вопросовъ*, вы встрѣчаете на каждомъ шагу непростительнѣйшее презрѣніе къ вопросамъ, составляющимъ основаніе, почву правильнаго рѣшенія и первыхъ; крикливымъ вожатаямъ этой литературы нѣсколько лѣтъ уже стали ненадобны вовсе трудъ, а съ нимъ и положительныя свѣдѣнія, которыя одни могутъ быть порукою вѣрности и основательности заключеній и по жизненнымъ вопросамъ; имъ необходимы только слова, гладко составленныя, перемѣшанныя съ извѣстнымъ количествомъ чужеязычныхъ терминовъ для ходячихъ современныхъ понятій, которымъ часто не въ состояніи дать правильнаго и опредѣленія пишущій, схватывающій ихъ, какъ пѣвучая птица, съ голосу другихъ. И въ вопросѣ объ отношеніи великорусскаго нарѣчія къ малорусскому, современная великорусская литература, въ лицѣ считающихъ себя представителями современныхъ прогрессивныхъ мнѣній въ Россіи, скорѣе бы допустила голословное и отвлеченное сужденіе, чѣмъ бы дозволила явиться на страницахъ своихъ подробному перечисленію фактовъ

(1) Московская газета *День* удостовѣритъ почтеннаго автора, что имя гг., рѣшающихъ сплеча подобные вопросы—легіонъ. Они употребляютъ всѣ мнимо-научные пріемы для убѣжденія своихъ читателей — «въ нелѣпости украинской литературы»,—тогда какъ для этого было бы достаточно и одного книжно-національнаго самодовольства и непониманія. *Ред.*

того или другаго нарѣчія; другими словами, журнальная литература великорусская охотно дала бы у себя мѣсто самому нелѣпому мнѣнію, лишь бы оно затрогивало *живые вопросы*, т. е., въ вылощенныхъ фразахъ, высказывало бы досужую игру воображенія, безъ малѣйшей даже и претензіи на отношеніе этого мнѣнія къ истинѣ (1). Но относительно малорусскаго нарѣчія, великорусская литература не сдѣлала и того (2), а обобщеніе ваше двухъ слабыхъ примѣровъ, къ тому же—съ скучными филологическими данными, по моему мнѣнію, придаетъ много чести великоруссамъ.

Съ другой стороны, при такомъ характерѣ рѣшенія вопроса о малорусскомъ нарѣчіи, представленнаго двоими великоруссами, ваше обобщеніе оскорбляетъ и малороссовъ. Ежели у великороссовъ нашлось хотя два человѣка, которые обратили вниманіе, при чтеніи древней русской письменности, на ваше прекрасное нарѣчіе и представили свое мнѣніе о томъ, основанное не на голыхъ словахъ, а на фактическихъ данныхъ, то почему-же молчатъ сами малороссы (3) и спокойно смотрятъ, какъ одинъ народъ за другимъ, великороссы и поляки, вторгаются разомъ въ область ихъ языка? Согласитесь, вѣдь, это не къ чести малороссовъ, ежели они понимаютъ невѣрность выводовъ вели-

---

(1) Еще разъ должны мы заявить свое разномысліе съ г. Лавровскимъ. Если между дѣятелями современной журнальной литературы не оказалось, положимъ, людей довольно сильныхъ въ его спеціальности, для того, чтобы признать жизненную полезность лингвистическихъ трудовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта литература была до такой степени безнравственна въ своихъ отношеніяхъ къ *живымъ вопросамъ*, какъ это представлено г. Лавровскимъ. Это выходитъ тоже, что̀ въ пословицѣ: *разсердясь — да* и *шубу въ печь*. *Ред.*

(2) Такъ-какъ мы, въ объявленіи объ «Основѣ» на 1862 годъ, выразили нашу благодарность «образованнѣйшимъ великоруссамъ за трогательное для насъ доброжелательство», съ которымъ они смотрятъ на оживленіе украинской словесности, то печатая въ своемъ журналѣ упреки г. Лавровскаго, мы обязаны сказать, что слова наши преимущественно относились къ дѣятелямъ современной журнальной литературы, великорусской, которые и въ настоящее время почти единодушно вооружились противъ москвофильской исключительности, проповѣдуемой газетою *День*. *Ред.*

(3) Они не молчали. Лишь только г. Погодинъ заселилъ великоруссами землю Кіевскую, г. Максимовичъ вступилъ съ нимъ въ *прю*, а мы слушали только, что̀ изъ этой *прю* выйдетъ, вмѣсто того чтобы множествомъ голосовъ заглушать препирающихся. Что̀ будетъ далѣе — увидите, но погодите оскорбляться (нашими замѣтками) за украинцевъ: у нихъ найдутся собственные голоса для выраженія своего оскорбленія. *Ред.*

корусскихъ; о полякахъ пока умолчимъ. Но въ томъ-то и дѣло, что подобное заключеніе, вытекающее изъ вашихъ словъ, невѣрно, и именно потому, что вы о народности-то излагавшихъ научное мнѣніе о малорусскомъ нарѣчіи судили по результатамъ этого мнѣнія; вотъ почему и попался г. Срезневскій въ число великоруссовъ, если только вы не оставили его, въ ту минуту, какъ дѣлали примѣчаніе, ни при чемъ, какъ будто онъ ничего и не говорилъ по этому вопросу. А между тѣмъ, г. Срезневскій раньше великоруссовъ высказалъ это мнѣніе, даже зашелъ нѣсколько дальше, до чего не рѣшились доходить послѣдніе, именно, будто и развитіе-то отличительныхъ чертъ *нынѣшняго* малорусскаго нарѣчія обязано своимъ происхожденіемъ не раньше, какъ времени послѣ XIII столѣтія. Слѣдовательно, не только два великорусса, но, что относится къ непризнанной вами чести малороссовъ, и одинъ малоруссъ, прежде всѣхъ, путемъ чисто научныхъ и самыхъ строгихъ ученыхъ наблюденій, заявилъ, что въ древней письменности русской не выразились характеристическія свойства нарѣчія малорусскаго. Такимъ-образомъ, съ этой точки зрѣнія, вы, смѣю думать, не можете видѣть въ высказанномъ мнѣніи исключительной принадлежности великорусской, еще болѣе какого-либо непозволительнаго стремленія великоруссовъ, о чемъ можно догадываться изъ сопоставленія вашего послѣднихъ съ поляками (*).

Да и что́ говорится въ этомъ мнѣніи? По словамъ вашего примѣчанія, великоруссы видятъ *въ древней южно-русской письменности начатки собственнаго языка*. Какого своего собственнаго языка. Конечно не народнаго? потому что народный языкъ на сѣверѣ и югѣ существуетъ искони и развивался самъ-собою, то въ большей общности, какъ въ древнее время, въ силу бо́льшаго общенія отъ единства государственнаго, то въ отдаленіи другъ отъ друга, вслѣдствіе насильственнаго расторженія и подчиненія чужеплеменному господству, прошедшему также безъ вліянія на языкъ оторванной части. Безъ-сомнѣнія, вы разумѣете *собственный* языкъ письменный. И неужели же вы что-нибудь серьезно можете сказать противъ этого? неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы думаете, что языкъ древней письменности русской, даже и южной, не былъ дѣйствительно начаткомъ нынѣшняго письменнаго или литературнаго языка русскаго? Сколько

(*) Вотъ въ вашихъ словахъ можно дѣйствительно видѣть смѣшеніе предметовъ. *Ред.*

ни извѣстно намъ памятниковъ древней письменности, и южной и сѣверной, языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же, за исключеніемъ развѣ мѣны взаимной *ч* и *ц* новгородцевъ. Да при единствѣ государственномъ, при единствѣ народа, иначе и быть не могло: раздѣленіе письменнаго языка, при такихъ условіяхъ и не мыслимо. Этотъ единый письменный языкъ настолько же былъ начаткомъ сѣвернаго литературнаго языка, насколько и южнаго, иначе онъ былъ начаткомъ литературнаго языка *русскаго*.

Въ XIII столѣтіи, югъ Руси разрушенъ Татарами; посредствомъ в. княжества литовскаго, въ XIV столѣтіи, онъ отошелъ къ Польшѣ: первое обстоятельство остановило на нѣкоторое время литературную дѣятельность, а послѣднее не могло не содѣйствовать новому обороту языка письменнаго на югѣ, и въ то время, какъ на сѣверѣ продолжалось самобытное развитіе древняго языка письменнаго, на югѣ, съ конца XIV, особенно въ XV и XVI вѣкахъ, мы уже находимъ отраженіе въ письменномъ языкѣ нѣкоторыхъ отличительныхъ свойствъ народнаго языка и примѣсь польскихъ особенностей. При возстановленіи, въ XVII вѣкѣ, снова единства между югомъ и сѣверомъ, обитатели перваго встрѣтили тотъ-же письменный языкъ на сѣверѣ, который, въ основаніи своемъ и въ развитіи до XIII вѣка, былъ и ихъ, въ такой же мѣрѣ, собственнымъ языкомъ; только въ теченіи четырехъ вѣковъ раздѣльности, онъ успѣлъ пойти дальше въ развитіи и кое-что выработалъ новаго. Да, древнюю письменность русскую, все равно, гдѣ бы ни была она, безъ всякой тѣни сомнѣнія, считаемъ мы положительнымъ начаткомъ *нашего языка*, признавая ее точно въ той же степени и начаткомъ *вашего*, потому, что онъ былъ одинъ для всѣхъ областей единаго государства, съ общими признаками выдѣлившагося уже изъ среды остальныхъ Славянъ *языка русскаго*, безъ особенностей, которыя бы указывали на мѣстное нарѣчіе южное. Замѣтьте, съ *обще-русскими признаками*, какъ говорилось мною и въ 1852, и въ 1858, и въ 1859, наконецъ, и въ 1861 г., въ августовской книжкѣ «Основы». Только взаимная мѣна *ц* и *ч* Новгородцевъ составляетъ исключеніе. И при настоящемъ случаѣ, я рѣшаюсь высказать вамъ прямо и рѣшительно, не какъ аксіому, добытую вообще наукою, что́ и трудно при отсутствіи у насъ воздѣлывателей науки, а какъ личное мое убѣжденіе, вытекшее изъ долголѣтнихъ наблюденій, что это единство въ древней письменности языка и отсутствіе признаковъ въ ней мѣстнаго южнаго нарѣчія есть *фактъ*, котораго наличными

матеріалами никакимъ образомъ вы не опровергнете. Въ иныхъ обстоятельствахъ находится вопросъ, который можетъ возникнуть изъ этого факта и рѣшеніе котораго не только любопытно, но и въ высокой степени важно для науки, именно: заключается-ли причина отсутствія признаковъ малорусскаго нарѣчія въ древнѣйшей письменности южной въ томъ, что такіе признаки еще не успѣли развиться, по крайней мѣрѣ не успѣли еще охватить бо́льшей части народа, какъ, напр., и нынѣшній переходъ *о* въ *и*, или отсутствіе мѣстныхъ особенностей нарѣчія объясняется не первобытностью большинства массы южно-русскаго народа въ нынѣшнихъ предѣлахъ южной Руси, другими словами—видѣть ли причину въ мнѣніи г. Срезневскаго или въ мнѣніи г. Погодина. Такимъ образомъ, первая половина вашего примѣчанія разрѣшается слѣдующимъ образомъ: ученый знатокъ славянскихъ нарѣчій и въ частности малорусскаго нарѣчія, какъ ему роднаго, малоруссъ (*), а за нимъ *только два Великорусса*, въ древней письменности русской до XIII—XVI вѣковъ видятъ одинъ языкъ для всѣхъ областей государства и въ немъ *необходимо* справедливо усматриваютъ начатки *собственнаго* языка письменнаго, т. е. русскаго литературнаго, одинаковаго для сѣвера и для юга Россіи. Обратимся ко второй половинѣ вашего примѣчанія.

«Поляки въ древне-южно-русской письменности усматриваютъ начатки своего собственнаго языка и не признаютъ въ то же время признаковъ языка мѣстнаго». Прежде всего раждается вопросъ: къ какой древне-южно-руской письменности обратились Поляки? Къ той-ли, какую имѣли въ виду одинъ Малоруссъ и два Великорусса, при выводахъ своихъ о единствѣ языка письменнаго въ древнее время на Руси и объ отсутствіи въ немъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, или къ другой? Вопросъ этотъ слишкомъ нетрудный, чтобы затрудняться немедленнымъ же его рѣшеніемъ. Къ древней письменности Поляки не обращаются и въ своей литературѣ; языкъ и собственныхъ ихъ начальныхъ памятниковъ, XIV—XV вѣковъ, становится имъ извѣстнымъ изъ занятій и выводовъ иноплеменныхъ ученыхъ, тѣмъ, естественно, менѣе можно ожидать вниманія отъ нихъ и еще менѣе изученія ими древне-кирилловской нашей письменности. И литература польская, несмотря на все ея громадное богатство въ объемѣ, не

(*) Не Малоруссъ ни по происхожденію, ни по мѣсту рожденія, ни по образу литературной и общественной дѣятельности. *Ред.*

укажетъ ни на что въ пользу такого вниманія (1) и подобнаго изученія памятниковъ нашей письменности до XIII—XIV столѣтій. Одинъ почтенный Мацѣёвскій вздумалъ-было доказывать полонизмъ языка въ словѣ о полку Игоревомъ, приводя какъ будто факты для подтвержденія своего мнѣнія; но этотъ опытъ скорѣе похожъ на опредѣленіе красокъ слѣпымъ или звуковъ глухимъ, какъ имѣли мы случай нѣкогда доказать это печатно. Нѣтъ, Поляки взглянули на письменность южно-русскую совершенно иную, на ту письменность, о которой сказалъ я выше, по поводу насильственнаго отторженія юга Руси отъ сѣвера и подчиненія перваго господству польскому, письменность, во которой, на ряду съ выразившимися признаками малорусскаго говора, попадаются и свойства польскаго языка. Различіе, какъ видите, громадное. Поляки приняли въ соображеніе такую письменность, въ которой и Малоруссъ и два Великорусса отличили уже несомнѣнные слѣды нарѣчія южно-русскаго, письменность такого времени, когда всѣ они трое сочли-бы безумiемъ не признавать фактически выявившимся нарѣчіе малорусское, какъ самостоятельное нарѣчіе въ ряду остальныхъ славянскихъ, и притомъ отстоящее отъ польскаго, за исключеніемъ вдавленныхъ временнымъ и случайнымъ польскимъ господствомъ словъ, системою звуковою и развитіемъ этимологическихъ формъ такъ-же далеко, какъ каждое юго-восточное нарѣчіе отъ нарѣчій сѣверо-западныхъ. Слѣдовательно, сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками, въ вашемъ примѣчаніи, отзывается полнѣйшею несостоятельностью и неосновательностью. (2)

Но этого мало. Сопоставленіе ваше, убѣжденъ, безъ всякаго съ вашей стороны умысла, заключаетъ въ себѣ tacite и несправедливое оскорбленіе. Разсмотримъ обстоятельства.

Поляки обратились къ дикому заключенію о языкѣ письменности южно-русской, XVI—XVII столѣтій, не непосредственно, а ужъ какъ къ доказательству ихъ еще болѣе нелѣпыхъ сужденій о *нынѣшнемъ* малорусскомъ нарѣчіи. Вамъ, конечно, извѣстны давнишнія тенденціи Поляковъ выставить малорусское нарѣчіе въ смыслѣ провинціализма языка польскаго, на подобіе говора мазурскаго и другихъ поль-

---

(1) А въ *исторіи Польской литературы*, Вишневскаго, въ *Несторѣ*, Бартошевича? *Ред.*

(2) Не ошибаетесь ли вы сами,—такъ-какъ вамъ извѣстно мнѣніе одного только Мацѣёвскаго? *Ред.*

ско-народныхъ говоровъ (1); извѣстна и цѣль столь невѣжественнаго взгляда Поляковъ, противорѣчіе здравому смыслу котораго можно объяснить единственно лишь разгоряченною фантазіею политиковъ польскихъ, перешедшею, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, за предѣлы самой простой и очевиднѣйшей истины. Объ этомъ имѣлъ уже случай говорить я гораздо прежде выхода августовской книжки Основы и гораздо подробнѣе, нежели въ примѣчаніи редакціи Основы къ статьѣ моей. Скажите теперь, нашелся-ли хотя одинъ Великоруссъ, который-бы, подобно Полякамъ, возставалъ противъ самобытности нынѣшняго малорусскаго нарѣчія (2)? Напротивъ, не каждый ли изъ *Русскихъ*, занимавшихся вопросомъ о древне-русскомъ языкѣ, ставилъ во главу угла самостоятельность южно-русскаго нарѣчія въ нынѣшнее время, и уже черезъ эту самостоятельность дѣлалъ поиски въ древности? Примѣчаніе ваше появилось по поводу моей статьи, слѣдовательно черезъ меня произошло и обобщеніе Великорусовъ и сопоставленіе ихъ съ Поляками, а потому я и вынужденъ остановиться на себѣ.

Сколько разъ ни случалось мнѣ говорить печатно о малорусскомъ нарѣчіи, въ статьяхъ-ли другаго содержанія, въ которое малорусское нарѣчіе входило стороною, случайно, или въ статьяхъ, касающихся спеціально этого нарѣчія, вездѣ, при всякомъ случаѣ, разсматривалъ я его, какъ особое нарѣчіе,—какъ объ особомъ самостоятельномъ нарѣчіи и отзывался. Не утомляя вашего вниманія приведеніемъ доказательствъ изъ старыхъ годовъ, за семь, за восемь лѣтъ и больше, я упомяну о самомъ недавнемъ времени. Вамъ, какъ истинному любителю всего малорусскаго, а слѣдовательно не неинтересующемуся всѣмъ, что относится въ литературѣ до южной Руси, конечно, извѣстна статейка 1861 года въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ «южно-русс ій элементъ въ Австріи». Ежели она прошла вами не замѣченною въ свое время, то прошу взглянуть на нее теперь, и вы увидите, что какъ прежде, такъ и въ этой статейкѣ, со всею положительностью высказано мною мнѣніе о самостоятельности вообще

(1) Ту же самую тенденцію нынѣ обнаруживаетъ—съ другой только стороны — московская газета *День*. *Ред.*

(2) Этотъ вопросъ поражаетъ насъ своею неожиданностію, особенно въ то время, когда новѣйшіе славянофилы производятъ въ представители Галицкой Руси такихъ людей, какъ г. Раковскій,—совершенно чуждый почтеннымъ дѣятелямъ галицко-украинской народности,—подобно тому, какъ г. Лавровскій произвелъ г. Срезневскаго въ Украинцы. *Ред.*

южно-русскаго нарѣчія; вы увидите, что и сама статейка, между прочимъ, вызвана именно нелѣпыми криками въ польскихъ газетахъ, журналахъ и брошюрахъ, отрицающими дѣйствительность такого значенія малорусскаго нарѣчія. Поднимитесь двумя годами по-выше, и пробѣгите въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1859, № 6) статью: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями». Тамъ, самыя первыя строки укажутъ вамъ, какъ смотрѣлъ я и въ 1859 году на ваше родное нарѣчіе. Чтобы не утруждать васъ поисками, я выпишу первыя четыре строчки, въ которыхъ явственно обозначился взгладъ мой, вотъ онѣ: «При современномъ вниманіи къ ученой разработкѣ языка славянскаго, по всѣмъ его нарѣчіямъ, нельзя не остановиться и на малорусскомъ нарѣчіи, развившемъ въ себѣ *столь-же своебытныя черты, какъ и остальныя нарѣчія славянскія*». А вотъ и заключеніе, на страницѣ 39: «Пробѣгая мысленно всѣ приведеныя выше черты малорусскаго нарѣчія, легко замѣчаемъ, что между ними есть много такихъ, которые *неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое-же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія*».

Но независимо отъ всего этого, чѣмъ могла дать вамъ поводъ дѣлать посредствомъ меня сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками и отвѣтная статья моя, напечатанная въ Основѣ? Въ ней точно также, на почвѣ нынѣшняго малорусскаго нарѣчія совершенъ и весь процесъ опроверженія г. Максимовича, и подборъ и объясненіе моихъ доказательствъ.

И не смотря на все это, въ примѣчаніи редакціи Основы, по поводу отвѣтной статьи, обвиняюсь не только я, но и Великоруссы вообще въ отрицаніи самобытности нарѣчія малорусскаго, я, который имѣлъ случай едва-ли не больше и не положительнѣе другихъ утверждать, и притомъ не голословно, а разборомъ данныхъ языка, его самобытность, и какъ обвиняюсь?—сравненіемъ съ тѣми Поляками, противъ намѣренной и безобразной слѣпоты которыхъ, въ этомъ случаѣ, возставалъ-же самъ я, такъ еще недавно. Какъ понять, какъ объяснить это? Мнѣ думается, что у васъ прежде уже, быть можетъ, издавна вертѣлась въ головѣ какая-нибудь сродная съ этимъ мысль, быть можетъ и истинная, и благородная, и благоразумная; вы искали случая обнародовать ее, моя статья почему-то показалась вамъ

пригодною для этого обнародованія и вы, не обративши вниманія, что въ ней идетъ дѣло объ отдаленной старинѣ и ограничено единственно поисками характеристическихъ чертъ нарѣчія въ древней письменности русской, впустили эту мысль; а забывши, что сродство не есть тождество, что $a \times b \times c$ не есть $a \times b \times d$, ввернули и сравненіе съ Поляками.

Не считаю нужнымъ объяснять руководящую вами мысль, при этомъ сравненіи, но считаю для себя правомъ высказать свой взглядъ на это сравненіе. Оно въ моихъ глазахъ, такъ близко присмотрѣвшихся къ дикимъ бреднямъ большей части газетчиковъ и журналистовъ польскихъ о южно-русскомъ языкѣ, является синонимомъ укора въ абсолютномъ невѣжествѣ, въ привычкѣ говорить не знаніемъ и изученіемъ, а фантазіею, необузданною въ полетѣ своемъ за идеями, не имѣющими вовсе прямаго отношенія къ поставленному предмету разговора — о языкѣ или нарѣчіи, синонимомъ укора въ проведеніи въ общество понятій не истины, все созидающей, а лжи и обмана, все разрушающихъ. Можно-ли обвинять въ этомъ вообще Великоруссовъ, по отношенію къ взгляду на самостоятельность нарѣчія малорусскаго и въ частности обвинять меня, предоставляю рѣшить вамъ самимъ, хотя однимъ словомъ «да» или «нѣтъ», и хотя въ примѣчаніи подъ этимъ письмомъ, (*) которое прошу васъ напечатать, если вы дорожите истинными понятіями читателей вашей Основы, въ чемъ я не позволяю себѣ сомнѣваться.

Петръ Лавровскій.

Харьковъ, 4 ноября, 1861 года.

(*) Мы уже выше замѣтили, что авторъ самъ смѣшалъ предметы. *Ред.*

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ освобожденіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отъ тѣлесныхъ наказаній временно—обязанныхъ крестьянъ, коимъ объявлено Высочайшее благоволеніе. Въ дополненіе 8 пункта прил. къ 19 ст. XV Т. улож. о наказ. постановлено, что тѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, которымъ лично, а не въ числѣ другихъ объявлено было высочайшее благоволеніе, если притомъ они не подвергались наказаніямъ по суду, въ прежнее время, могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію только въ томъ случаѣ, когда они признаны виновными въ преступленіяхъ, за которыя въ законахъ опредѣлены или лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или же лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, или заключеніе въ смирительномъ домѣ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и не иначе, какъ по испрошеніи высочайшаго соизволенія на приведеніе приговора въ исполненіе. (Пол. глав. ком. объ устр. сельск. сост. 26 сент. 1861 г. въ сен. вѣд. 14 ноябр. 1861 г. № 91).

О введеніи взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ въ городахъ и мѣстечкахъ имперіи. Положеніемъ комитета гг. министровъ 10 октября 1861 г. опредѣлено: разъяснивъ, черезъ начальниковъ губерній, домовладѣльцамъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ пользу взаимнаго страхованія имуществъ отъ огня и различныя системы этого страхованія, предложить имъ, не пожелаютъ ли они учредить общества взаимнаго страхованія на слѣдующихъ условіяхъ: *а*) участіе во взаимномъ страхованіи предоставляется на волю каждаго изъ владѣльцевъ; *б*) взаимное страхованіе можетъ быть учреждено отдѣльное по каждому городу, или общее по нѣсколькимъ городамъ; *в*) избраніе той или другой системы страхованія и начертаніе подробныхъ правилъ по страхованію, предоставляется усмотрѣнію самихъ владѣльцевъ и съ этою цѣлью имъ дозволяется составить изъ среды себя временную коммисію отъ 3 до 5 лицъ. При

желаніи же домовладѣльцевъ одиаго города учредить взаимное страхованіе въ соединеніи съ другими городами, заявляется о томъ губернскому начальству, которое, по полученіи подобныхъ заявленій отъ двухъ или болѣе городовъ, разрѣшаетъ присылку въ одинъ изъ нихъ уполномоченныхъ отъ прочихъ, для составленія проекта положенія; г) для покрытія убытковъ, превышающихъ годовую премію, можетъ быть испрошенъ кредитъ изъ городскихъ и общественныхъ суммъ, по приговору подлежащаго общества, а гдѣ сіе не представится возможнымъ, то изъ казны, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ нынѣ производимымъ въ пожарныхъ случаяхъ ссудамъ, т. е. не свыше $^1/_3$ суммы убытковъ, впредь до составленія запаснаго капитала, равняющагося этому размѣру. (Пол. ком. мин. 10 ок.т 1861 г. въ сен. вѣд. 28 ноябр. 1861 г. № 93).

О принятіи неизлѣчимо больныхъ и престарѣлыхъ солдатокъ, въ богодѣльни приказовъ общественнаго призрѣнія. Постановлено, что въ богадѣльни приказовъ общественнаго призрѣнія, по распоряженію губернскаго начальства, отсылаются солдатки, какъ замужнія, такъ и вдовы, неизлѣчимо больныя, умалишенныя, равно престарѣлыя, дряхлыя и калеки, съ производствомъ на сихъ женщинъ солдатскаго пайка отъ казны. (Мн. гос. сов. 23 окт. 1661 г въ сен. вѣд. 28 ноябр. 1861 г. № 93).

Объ отмѣнѣ троекратной публикаціи въ вѣдомостяхъ, при выѣздѣ частныхъ лицъ за границу. Отмѣненъ пунктъ 2 ст. 436 устава о паспорт. и бѣгл. (св. зак. 1857 г. Т. XIV), въ коемъ содержится правило о троекратной публикаціи въ вѣдомостяхъ объ отъѣздѣ за границу, и въ дополненіе подлежащихъ статей того же устава постановлено, что мѣсто и лица, отъ коихъ зависитъ выдача отъѣзжающимъ за границу, какъ русскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ, свидѣтельствъ о неимѣніи къ тому препятствій, обязаны выдавать подобныя свидѣтельства, если на отбывающихъ за границу не были предъявлены или не поступили въ установленномъ порядкѣ въ сіи мѣста или къ симъ лицамъ, по день выдачи означенныхъ свидѣтельствъ, законныя требованія со стороны частныхъ кредиторовъ или со стороны правительственныхъ мѣстъ и лицъ. (Ми. гос. сов. 23 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 8 дек. 1861 г. № 98).

Объ учрежденіи совѣта министровъ. 12 Ноября 1861 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи совѣта министровъ и о порядкѣ движенія дѣлъ въ ономъ. Цѣль учрежденія сего совѣта министровъ и главноуправляющихъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ самаго Государя, видна изъ высочайшаго повелѣнія, въ которомъ сказано: «Государь Императоръ, имѣя въ виду, что кромѣ дѣлъ государственнаго управленія, требующихъ высочайшаго разрѣшенія или утвержденія, и представляемыхъ Его Величеству чрезъ государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и другія высшія государственныя учрежденія, есть много дѣлъ, по существу своему представляемыхъ Его Величеству непосредственно министрами и главноуправляющими отдѣльными частями государственнаго управленія, — изволилъ признать полезнымъ, для соблюденія общей системы и единства, при разрѣшеніи дѣлъ сего рода, подвергать предварительному, въ присутствіи Государя Императора, обсужденію и разсмотрѣнію всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ тѣ изъ сихъ дѣлъ, кои по роду ихъ требуютъ общаго соображенія.»

Такимъ образомъ, на предварительное разсмотрѣніе совѣта министровъ, въ присутствіи Государя, поступаютъ изъ министерствъ и главныхъ управле-

ній: *а*) виды и предположенія къ устройству и усовершенствованію разныхъ частей, ввѣренныхъ каждому министерству и главному управленію; *б*) свѣденія о ходѣ работъ по устройству и усовершенствованію разныхъ частей, завѣдываемыхъ министрами и главными управленіями, и предположенія, объ устраненіи тѣхъ затрудненій, кои при производствѣ сихъ работъ могутъ встрѣтиться; *в*) первоначальныя предположенія, возникающія въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, о необходимости отмѣнить или измѣнить какой либо изъ дѣйствующихъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ закона, составленный въ слѣдствіе разсмотреннаго такимъ порядкомъ предположенія, былъ министерствомъ или главнымъ управленіемъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; *г*) тѣ мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ и управленій, кои по существу своему не подлежатъ разсмотрѣнію другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій; *д*) свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и главнаго управленія по его вѣдомству, требующихъ общаго соображенія. Свѣдѣнія сіи должны быть заявляемы въ совѣтѣ министровъ съ тою цѣлію, чтобы каждому министру и главноуправляющему были извѣстны главнѣйшія дѣйствія и распоряженія другихъ министровъ и главныхъ управленій; *е*) заключенія особыхъ коммисій, учреждаемыхъ по высочайшимъ повелѣніямъ, для разсмотрѣнія отчетовъ министровъ и главныхъ управленій; и *ж*) тѣ дѣла, кои по особымъ повелѣніямъ Государя, будутъ назначены для предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ совѣтѣ министровъ. (Выс. пов. 12 ноябр. 1861 г. въ сен. вѣд. 17 ноябр. 1861 г. № 92).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ облегченіи владѣльцевъ крымскихъ имѣній при взысканіи казенныхъ долговъ. Относительно оказанія облегченій владѣльцамъ крымскихъ имѣній, при взысканіи съ нихъ казенныхъ долговъ за неисправныхъ подрядчиковъ, принимавшихъ разныя поставки для Черноморскаго вѣдомства въ 1807—1819 годахъ, — постановлено: отъ взысканія долговъ, по неисправнымъ подрядамъ для черноморскаго вѣдомства, въ количествѣ 91,480 руб. освободить, съ утвержденія генералъ-губернатора, тѣхъ владѣльцевъ заложенныхъ имѣній, которые представятъ доказательства, что имъ, при покупкѣ сихъ имѣній, не было извѣстно, что они состоятъ въ залогѣ казны. (Пол. ком. мин-въ 20 іюня и 4 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 13 окт. 1861 г. № 82.)

Объ учрежденіи почетныхъ блюстителей приходскихъ училищъ войска Донскаго. Для ближайшаго попеченія о приходскихъ училищахъ войска Донскаго въ хозяйственномъ и нравственномъ отношеніи, учреждается званіе почетныхъ блюстителей; въ почетные блюстители избираются станичными обществами отставные чиновники, урядники, и козаки войска Донскаго, но только тѣ, которые сами изъявятъ на это согласіе и готовность принимать особенное участіе въ благосостояніи училищъ; они утверждаются въ званіи наказнымъ атаманомъ и выбываютъ только по собственному желанію, или же, когда служ-

ба ихъ признана будетъ училищнымъ начальствомъ безполезною для училища. Состоящіе въ званіи почетныхъ блюстителей освобождаются отъ всякой другой службы но войску. (Пол. воен. сов. 31 авг. 1861 г. въ сен. вѣд. 17 окт. 1861 г. № 83).

О *продолженіи срока ярмарокъ въ городѣ Зеньковѣ.* Продолженъ срокъ существующихъ въ г. Зенковѣ (Полтавской губ.) ярмарокъ: Средопостной, Успенской, Покровской и Николаевской на 7 дней. (Дон. мин. вѣ. д. 21 авг. 1861 г. въ сен. вѣд. 24 окт. 1861 г. № 85).

Учрежденіе новыхъ ярмарокъ. Разрѣшено учредить въ городахъ: Новой Ушицѣ (Подольстой губ.) двѣ трехдневныя ярмарки, — первую съ 25 апрѣля, а вторую съ 26 сентября и Заславлѣ (Волынской губ.) 15-ти-дневную ярмарку съ 1-го іюля. (дон. мин. вн. д. 21 авг. 1861 г. въ сен. вѣд. 24 окт. 1861 г. № 85).

О замѣнѣ для козаковъ войска Донскаго безочередной службы—ссылкою. Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: козаковъ войска Донскаго, приговариваемыхъ на безочередную службу, въ случаѣ совершенной неспособности ихъ ни къ полевой, ни къ внутренней службѣ,—отправлять для водворенія въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи, не лишая правъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ. Приговоры станичныхъ обществъ объ удаленіи такого рода порочныхъ и неспособныхъ къ службѣ козаковъ въ Сибирь или отдаленныя губерніи, приводить въ исполненіе съ утвержденія войсковаго правленія. (Пол. воен. сов. 20 сент. 1861 г. въ сен. вѣд. 7 ноябр. 1861 г. № 89.)

О предоставленіи начальникамъ губерній права назначать полиціймейстеровъ въ губернскіе и городничихъ въ уѣздные города. Предоставлено начальникамъ губерній право назначать полиціймейстеровъ въ губернскіе и городничихъ въ уѣздные города, значительные по торговлѣ, промышленности и населенію, безъ спошенія съ комитетомъ о раненныхъ, по непосредственному ихъ усмотрѣнію и подъ личною отвѣтственностію. Въ числѣ этихъ городовъ поименованы слѣдующіе: Екатеринославъ, Полтава, Симферополь, Харьковъ, Черниговъ, Одесса, Кременчугъ и Нѣжинъ. (Выс. нов. въ сен. вѣд. 7 ноябр. 1861 г. № 89.)

Учрежденіе общества для вспомоществованія и човникамъ города Харькова. 1-го октября 1861 г. утвержденъ уставъ общества, имѣющаго главнѣйшею цѣлью вспомоществованіе чиновникамъ въ г. Харьковѣ, служащимъ и отставнымъ, равно 'и семействамъ ихъ, выдачею ссудъ и пособій какъ денежныхъ, такъ и матеріальныхъ. При дальнѣйшемъ же развитіи своихъ средствъ, общество будетъ заботиться о доставленіи чиновникамъ и семействамъ ихъ способовъ къ образованію и приготовленію къ той дѣятельности, къ которой, по врожденному дарованію, они будутъ имѣть призваніе.

Учредители Общества суть депутаты отъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Харьковѣ, а также отъ тамошнихъ: университета, попечителя учебнаго округа и конторы государственнаго банка.

Общество составляется а.) изъ чиновниковъ служащихъ, которые обязаны вносить ежегодно извѣстный процентъ съ получаемаго на службѣ содержанія, и изъ чиновниковъ, служащихъ, но не получающихъ содержанія, которые обязаны вносить въ годъ не менѣе 1 р. 50 коп., какъ процентъ съ

средняго оклада содержанія; лица эти называются дѣйствительными членаки; *б.*) изъ лицъ обоего пола, всѣхъ сословій, приглашаемыхъ обществомъ и называемыхъ почетными членами, и *в*) изъ лицъ обоего пола всѣхъ сословій, вносящихъ ежегодно не менѣе опредѣленной суммы деньгами, которые называются членами вспомогателями.

Средствами, составляющими вспомогательную кассу общества, служатъ: *а.*) ежегодные взносы дѣйствительными членами, получающими на службѣ содержаніе, одного процента изъ общей суммы содержанія и не получающими таковаго—одного процента со ста пятидесяти рублей, а также единовременные вычеты трехъ процентовъ изъ получаемыхъ дѣйствительными членами наградъ, какъ деньгами, такъ и подарками; *б.*) добровольные взносы почетныхъ членовъ; *в*) постоянные взносы членовъ—вспомогателей, не менѣе 10 р. въ годъ.

Лица, состоящія дѣйствительными членами общества, въ теченіи не менѣе пяти лѣтъ, имѣютъ право, если пожелаютъ, при отставкѣ или при переходѣ на службу въ другой городъ, получить изъ кассы общества взнесенныя ими однопроцентныя деньги, безъ начисленія на нихъ процентовъ.

Дѣйствія общества обусловливаются самою цѣлію его, именно вспомоществованіемъ чиновникамъ и ихъ семействамъ, посредствомъ выдачи ссудъ и пособій.

Кругъ дѣйствій общества обнимаетъ собою только чиновниковъ, служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ и вѣдомствахъ г. Харькова, а изъ служившихъ въ тѣхъ же мѣстахъ и вѣдомствахъ, тѣхъ, которые имѣютъ жительство въ самомъ городѣ Харьковѣ; отсюда не изъемлются ихъ семейства, вдовы и сироты.

Ссуды производятся только дѣйствительнымъ членамъ общества, соразмѣрно нуждамъ ихъ и по усмотрѣнію правленія общества, въ количествѣ въ одинъ разъ: для дѣйствительныхъ членовъ, получающихъ содержаніе, не болѣе половины годоваго оклада его, а для неполучающихъ содержанія—не болѣе 75-ти рублей, съ платежемъ за пользованіе выданными въ ссуду деньгами, $^1/_2$ % съ рубля въ мѣсяцъ.

Пособія же производятся какъ дѣйствительнымъ членамъ общества, такъ равно всѣмъ служащимъ и отставнымъ чиновникамъ, ихъ семействамъ, вдовамъ и сиротамъ.

Пособіе выдается, по усмотрѣнію правленія общества или полнаго его собранія, сообразно дѣйствительной нуждѣ. Пособія производятся какъ деньгами, такъ и вещами, въ размѣрѣ, по усмотрѣнію правленія, не выше 300 рублей, а на сумму больше означенной—по усмотрѣнію полнаго собранія.

Правленіе общества составляютъ депутаты, ежегодно избираемые изъ дѣйствительныхъ членовъ, отъ каждаго присутственнаго мѣста.

Общему собранію всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества, принадлежитъ право повѣрять сообразность дѣйствій правленія съ уставомъ общества, выслушивать годовой отчетъ, дѣлать свои соображенія для будущихъ дѣйствій общества, сообразно цѣли и средствамъ онаго, разсуждать и постановлять опредѣленія по такимъ дѣламъ, которыя превышаютъ власть правленія. (Пол. ком. мин—въ 10 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 14-го ноября 1861 г. № 91.)

О преподаніи свеклосахарнымъ заводчикамъ нѣкоторыхъ средствъ къ поддержанію ихъ оборотовъ. Въ видѣ временной мѣры, предоставлено свек-

лосахарнымъ заводчикамъ какъ Кіевской, Подольской и Волынской, такъ и другихъ губерній, пользоваться въ Кіевской конторѣ кредитомъ, подъ учетъ векселей, на принятыхъ, въ государственномъ банкѣ, правилахъ. Для разсмотрѣнія же кредита тѣхъ изъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, которые обратятся въ контору за ссудами на общихъ правилахъ, постановленныхъ для учета векселей, образуется при Кіевской конторѣ, по примѣру государственнаго банка, учетный комитетъ изъ управляющаго и нынѣшнихъ директоровъ отъ дворянства и купечества, съ назначеніемъ въ оный двухъ или болѣе чиновъ, отъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, по соглашенію Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора съ мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства. (Выс. пов. 13 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 21 ноября, 1861 г. № 93.)

Объ упраздненіи школы для приготовленія сельскихъ писарей. Упразднена учрежденная въ имѣніи Межерихѣ, Волынской губерніи, школа для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ Волынской, Кіевской, Подольской и Могилевской губерній, на должности сельскихъ писарей. (Выс. пов. 1 ноября, 1861 г. въ сен. вѣд. 5 дек. 1861 г. № 97.)

О порядкѣ избранія городскаго головы въ г. Евпаторіи. (Таврической губерніи.) Городской голова въ Евпаторіи, также какъ и въ Симферополѣ, Ѳеодосіи и Перекопѣ, избирается поочереди: на одно трехлѣтіе изъ Христіанъ, а на другое изъ Татаръ или Караимовъ; но еслибы общество пожелало оставить прежняго голову и на слѣдующее трехлѣтіе, то это, при взаимномъ согласіи, не воспрещается. (Мн. гос. сов. 30 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 1 дек. 1861 г. № 96.)

О дозволеніи избирать въ Одесскій городовой сиротскій судъ особаго первоприсутствующаго. Въ дополненіе ст. 4560 общ. губ. учр. постановлено, что въ сиротскомъ судѣ города Одессы, вмѣсто городскаго головы, предсѣдательствуетъ особый первоприсутствующій, избираемый на основаніи правилъ, постановленныхъ въ уставѣ о службѣ по выборамъ. (Мн. гос. сов. 30 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 8 дек. 1861 г. № 98.)

ВІСТІ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О ДВОРЯНАХЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ДНѢПРА.

Желая сказать нѣсколько словъ о современномъ нравственномъ состояніи такъ-называемаго высшаго сословія въ Украинѣ правобережной, мы должны бросить бѣглый взглядъ на прошедшее.

Среди демократическаго общиннаго славянства, на берегахъ Днѣпра, какъ и вездѣ, не было дворянъ. Первый ихъ зародышъ въ этомъ краѣ—дружина князей варяго-русскихъ, утвердившихся здѣсь помощью оружія.

Потомки княжескіе и дружинники стали впослѣдствіи богатыми землевладѣльцами.

Монголы грабили, разоряли, ставили баскаковъ, но не коснулись внутренней жизни народа, не измѣнили значенія сословій. Къ высшему классу завоевателей—надо предположить—присоединялись по временамъ и мѣстные жители, награждаемые за услуги ихъ въ пользу князей.

Литовское вліяніе установило феодальную лѣстницу изъ тѣхъ же бояръ, и, наконецъ, польское нивелировало феодальную іерархію во имя шляхетскаго равенства.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, всѣ юридическія фазы, чрезъ которыя проходило высшее украинское сословіе до извѣстнаго времени.

Что касается національнаго характера украинскаго высшаго сословія, то онъ также подвергался нѣсколькимъ видоизмѣненіямъ.

Пришельцы Варяги, вступивъ въ родственныя связи съ коренными мѣстными жителями, находясь въ постоянномъ съ ними общеніи, веко-

рѣ[illegible]яли языкъ и другія отличія мѣстной народности. На фактъ этотъ, въ которомъ видно сближеніе одного класса данной мѣстности съ другимъ, въ которомъ замѣтна уступка (сознательная или инстинктивная) пришлаго меньшинства мѣстному народному большинству, высшаго класса низшему,—мы смотримъ, какъ на явленіе нормальное, которое въ исторіи не всегда, къ сожалѣнію, повторяется. Съ теченіемъ времени прежнія варяжскія начала—естественно—все болѣе и болѣе исчезали, поглощаемыя мѣстнымъ элементомъ.

Монголы не имѣли почти никакого нравственнаго вліянія на Украину, а во время литовскаго владычества Русинская народность имѣла сильное вліяніе на весь высшій классъ великаго княжества литовскаго.

Южная Русь вошла въ составъ шляхетской рѣчи-посполитой, имѣя уже образовавшійся классъ дворянъ, которые, и послѣ присоединенія, до нѣкотораго времени, стояли за религію и народность мѣстную. Но устройство польское, предоставлявшее обширныя выгоды дворянскому классу вообще,—освобождавшее его отъ феодальной зависимости, водворенной литовскими князьями,—было заманчиво для украинской шляхты. Обычаи, языкъ, сословная гражданственность, болѣе развитая свободою шляхты въ Польшѣ,—вскорѣ получили предпочтеніе и въ глазахъ шляхты украинской. Господствующая народность въ эпохи невѣжества всегда имѣетъ нравственное вліяніе на людей, которые, по своимъ аристократическимъ свойствамъ, болѣе преслѣдуютъ собственныя выгоды, чѣмъ общенародныя пользы, — да притомъ полонизмъ полагалъ рѣзкое отличіе шляхтича отъ хлопа: могъ ли, послѣ этого, аристократъ найти въ себѣ достаточную нравственную силу, чтобъ противустоять подобному искушенію?

Бопланъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, говоритъ, что дворяне украинскіе стыдились своей мѣстной народности, языка и православной вѣры, перемѣняя ее на католическую.

Такъ-какъ исторія не указываетъ намъ значительныхъ переселеній шляхты польской, въ особенности — землевладѣльцевъ, въ Украину, (хотя, конечно, не безъ того, чтобы нѣкоторые здѣшніе дворянскіе роды не были въ самомъ дѣлѣ переселенцы польскіе) — то, говоря вообще, мы должны принять слѣдующее основное положеніе: *бо́льшая часть украинскихъ дворянъ праваго берега Днѣпра не что иное, какъ ополячившіеся украинцы.* Это положеніе важно въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что упреки людямъ, вышедшимъ изъ

этого сословія, но считающимъ себя украинцами, упреки въ національномъ отступничествѣ, похожи на то, какъ еслибы онѣмечившіеся чешскіе аристократы стали бы упрекать чеховъ, обращающихся къ своей родной, славянской національности.

Не станемъ слѣдить за подробностями историческихъ событій и укажемъ только на нѣкоторые факты, имѣющіе болѣе прямое отношеніе къ нашему вопросу. — — —

Принявъ народность польскую, дворяне южнорусскіе мало-помалу приняли и весь складъ понятій тогдашняго польскаго дворянства и съ-той-поры составляютъ вмѣстѣ съ нимъ, по большей части, одну нравственную единицу. — — —

Они приняли характеръ повсемѣстныхъ пропагандистовъ польской народности, защитниковъ шляхетства во имя идеи, пропагандистовъ католицизма; этихъ же самихъ началъ далеко не чуждо и современное польско-украинское дворянство.

Причину того, что эти начала такъ глубоко всосались въ плоть и кровь польской шляхты, должно искать въ самой формѣ польскаго правительства и въ началахъ католическаго ученія.

По нашему мнѣнію, нѣтъ другой формы общественной, которая бы такъ зловредно дѣйствовала на развитіе общественнаго сознанія, какъ аристократическая республика. Самая уродливая форма нѣмецко-деспотической централизаціи не причиняетъ такого глубокаго вреда развитію общества, какъ шляхетская децентрализація. — — —

Въ аристократической же республикѣ выгоды привилегіи распространяются на многочисленное общество, на длинный рядъ поколѣній. Люди эти, при большихъ матеріальныхъ средствахъ и др. удобствахъ, доставляемыхъ ихъ положеніемъ, достигаютъ прежде другихъ своего рода просвѣщенія, и запечатлѣваютъ аристократическимъ характеромъ дальнѣйшее умственное развитіе.

На Украинѣ, къ аристократизму сословному присоединился и аристократизмъ народный, такъ какъ паны считали себя поляками, а народъ былъ украинскій; понятіе превосходства сословнаго перешло въ понятіе превосходства національнаго; мысль подчиненія сословнаго—перешла въ мысль полонизаціи. До сихъ поръ очень часто можно встрѣтить у здѣшней шляхты фразы въ родѣ этихъ: «mówi po-chłopsku, pochłopsku napisana książka.» и т. п.

Что̀ касается до религіознаго прозелитизма — то онъ прямо вытекаетъ изъ доктрины католической, которая говоритъ: внѣ меня — нѣтъ

спасенія. До чего можетъ онъ дойти, какой фанатизмъ можетъ породить эта доктрина — въ исторіи уніи самое краснорѣчивое доказательство.

Но «что было—то прошло и быльемъ поросло» и мы объ этомъ и не упомянули бы, если–бъ эти черты нравственнаго направленія стараго времени не проглядывали и въ настоящее время.

Для болѣе полной характеристики общества дворянъ правагоч берега Днѣпра — мы коснемся всѣхъ грѵшъ, которыя образовались среди него въ настоящее время. Для обозначенія ихъ — мы позволимъ себѣ употребить мѣстныя названія которыми обозначаются эти группы: а) мошродзѣи; b) knejra szlachecka katolicka — иногда *крылатые*; с) большая часть здѣшней молодежи.

а) ***Мошродзѣями*** здѣсь называются помѣщики разныхъ сортовъ и подраздѣленій. Тутъ и Уманскіе солидные паны, и Бердичевскіе разудалые ярмарочные молодцы, и Радомысльскіе крикуны, и благоразумные сахаровары, и всякаго рода спекулянты, и Волынскіе, и Подольскіе аристократы съ ихъ шестернями; здѣсь–же и всѣ ихъ сателиты т. е. всѣхъ родовъ помѣщичьи чиновники, всякіе Нагайкевичи и т. п.; здѣсь-же и панскіе паразиты. Сословныя понятія этой группыдовольно хорошо характеризируются однимъ сатирическимъ произведеніемъ, обще–извѣстнымъ у насъ. Содержаніе его — сѣтованіе шляхты, по поводу предпринимаемой крестьянской реформы. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ него.

Narodził się zły Antychryst
Powiał na nas duch zachodni,
Chłopi mają być swobodni,
A panowie wszyscy głodni...
Wieczna hańba polskiéj szlachcie
Uswych chłopów być na pachcie.
Narodził zię zły Antychryst —
Dzisiaj górą plemie chama,
Na oścież piekielna brama...
Natura wzdryga się sama...
Bez pana, bez ekonoma
Toż Gomora i Sodoma!..
Narodził się zły Antychryst!..
Ukraino, kraju żyzny!
Což ty poczniesz bez pańszczyzny?
Iak przywykniesz do golizny?
Bez pańszczyzny i bez bata
Toż to istny koniec świata!..

Но кромѣ этой практически полезной стороны ихъ образа мыслей,

у нихъ есть и общія черты отвлеченно нравственныя есть и своего рода либерализмъ, и патріотизмъ, и демократія, и особые педагогическіе принципы...

Такъ, напр., первый догматъ этого либерализма и патріотизма—это въ высшей степени возмутительное, негуманное обращеніе съ мелкими чиновниками и священниками — конечно православными. «Dałem się we znaki popowi» — говоритъ самодовольно *мошродзпй*, отличившійся на этомъ поприщѣ. Въ этомъ отношеніи, слывутъ недостижимыми идеалами достославныя личности изъ среды балагульской онаго времени, оскорблявшія безъ разбора священниковъ православныхъ и мелкихъ чиновниковъ (передъ болѣе крупными эти господа раболѣпствуютъ — конечно не на словахъ, а на дѣлѣ) — первыхъ за то, что у нихъ широкополыя рясы и бороды, вторыхъ—за красный воротникъ, да наконецъ тѣхъ и другихъ за то, что они не удостоились чести — принадлежать къ мѣстному шляхетско-польскому кругу и находиться въ числѣ вѣрныхъ чадъ римскаго папы.

Демократія проявляется здѣсь въ зависти всякого сколько-нибудь менѣе состоятельнаго въ отношеніи къ болѣе состоятельному. «My biedna szlachta—a to panowie»—такъ отзывается владѣтель «100 душъ» крестьянъ (употребляемъ любимое этою группою выраженіе) о владѣтелѣ «150 душъ.» Всякій низшій кружокъ завидуетъ и терпѣть не можетъ высшаго, всякій высшій пренебрегаетъ низшимъ.

Въ педагогикѣ у нихъ есть тоже свои оригинальные взгляды. Такъ, любимое ихъ наставленіе для дѣтей: «не дѣлай такъ: такъ ни папаша, ни мамаша не дѣлаютъ, tak tylko chłopskie dzieci robią.»

Въ отношеніи ко всякой болѣе широкой мысли, они ведутъ себя очень изворотливо. Такъ, *напр.* они постоянно повторяютъ, что они поляки, но если, по этому поводу, потребуется отъ нихъ какое-нибудь пожертвованіе, хоть-бы на какую-нибудь польскую библіотеку, они отвѣчаютъ: «хотя мы поляки, но у насъ есть свои мѣстные интересы», когда заговорить имъ о мѣстныхъ интересахъ, *напр.* о какой-нибудь мѣстной народной школѣ, они отвѣчаютъ: «намъ до этого нѣтъ дѣла, мы поляки.» Превосходное, обоюдуострое оружіе!

Впрочемъ, есть дѣла, въ которыхъ энергія ихъ проявляется чрезвычайно блистательно—это, именно въ противодѣйствіи всякому сближенію съ крестьянами и всякому проблеску южно-русской народности. Дерзнетъ кто ли заговорить дружески съ крестьяниномъ, осмѣлиться ли дать ему малорусскую книгу—пойдутъ

толки отъ Кіева до Житомира, отъ Житомира до Каменца, и по всѣмъ захолустьямъ. Вдругъ начнутъ вамъ доказывать, что вы, вотъ въ такомъ то и въ такомъ мѣстѣ–доказывали въ такое–то и въ такое время крестьянамъ то-то, хотя–бы вы въ этомъ мѣстѣ никогда и не говорили съкрестьянами, или даже совсѣмъ не были. Причины подобныхъ слуховъ легко угадать:—шляхетская гордость, нечистая совѣсть въ отношеніи къ крестьянину («на злодію шапка горить»), притязанія на полонизмъ здѣшняго края;—вотъ мотивы, заставляющіе клеветать на всякаго, кто дерзнетъ высказаться съ симпатіею къ крестьянскому народу и къ южно-русской народности.

Всё то, что дѣлаютъ мужчины *en grand*, ихъ почтеныя жены дѣлаютъ *en petit*, съ примѣсью, конечно, сантиментальныхъ вздоховъ. Искуство сплётничать и надоѣдать дворовымъ людямъ доведено у нихъ до совершенства. Конечно, чувствительныя дамы плачутъ, когда ихъ слугъ наказываютъ, но онѣ сами сознательно доводятъ до этого своихъ мужей, причемъ обыкновенно прибавляютъ: «какъ это ужасно, что *avec nos gens* иначе нельзя поступать.» Правокакое доброе сердце у этихъ кроткихъ ангеловъ!

Конечно,—есть исключенія изъ всего сказаннаго, но это общая характеристика.

Мы сказали теперь о самой солидной части нашего дворянскаго населенія спокойствіе ея рѣдко возмущается какою–нибудь мыслію, голова и сердце ея спокойны,—за то органы пищеваренія обременены работою и—надо отдать имъ честь,-работаютъ неутомимо; сами дворяне этого разряда считаютъ себя самыми порядочными людьми, добрыми семьянами и вѣрными чадами римской церкви, такъ–какъ они еженедѣльно посѣщаютъ костёлы и цѣлуютъ ксёндзовъ въ руку.

Теперь перейдемъ къ менѣе солиднымъ группамъ разнородныхъ направленій.

Здѣсь, на первомъ планѣ, какъ самые близкіе къ предъидущей группѣ, рисуются пропагандисты идеи шляхетства и католицизма, послѣдователи воздушной мистики Красинскаго.

То, что въ предидущей группѣ является съ цинизмомъ неумытой, грязной дѣйствительности, то здѣсь окружается скучнымъ туманомъ слёзныхъ воздыханій. Теоріи этой группы похожи на тѣ фосфорическіе огоньки, которые носятся надъ старыми могилами. — Они чрезвычайно какъ любятъ разсуждать объ идеѣ шляхетства

и католицизма, они хотятъ облагородить эти доктрины кой-какими уступками—или лучше—кой-какими восклицательными фразами.

»Nie szlachtę chłopić, lecz lud szlachcić trzeba« вотъ девизъ ихъ соціальныхъ понятій. Фраза эта въ теоріи довольно смѣшна —не ужели нѣтъ болѣе развитаго человѣческаго типа, какъ шляхтичъ? —для насъ она даже очень возмутительна. Она намъ напоминаетъ шляхтича, со всѣми его шляхетными угнетеніями нешляхетной черни, шляхтича не только древнихъ какихъ-нибудь времёнъ, но временъ, которыя гораздо ближе къ нашей памяти....

Но у этихъ господъ всё выходитъ иначе, у нихъ всё окрашено шляхетствомъ: прошедшее у нихъ совсѣмъ иначе рисуется, чѣмъ у всѣхъ прочихъ. Они враги фактическаго изученія въ прошедшемъ, они преслѣдуютъ только какую-то идею, отвлеченно носящуюся надъ прошедшимъ въ ихней фантазіи. Представитель ихъ взглядовъ въ этомъ отношеніи это г. Короновичъ, въ сочиненіи »Słowo dziejów polskich.«

Этотъ господинъ умѣлъ всё такъ ушляхетнить, что у него рѣчь депутата Бенёвскаго, доказующаго, что можно надуть казаковъ и не исполнить постановленій Гадячскаго договора, имъ самимъ подписаннаго, считается благородною!

Тотъ-же самый міръ шляхетскій, который пытается поддержать и превознести г. Короновичъ quasi—историческими разсужденіями г. Поль воспѣваетъ въ своихъ шляхетскихъ рапсодіяхъ, гдѣ всякій шляхтичъ со всѣми предразсудками является какою—то величественною статуею, а весь міръ шляхетскій какимъ-то высокимъ идеаломъ. Объ его произведеніяхъ выразился Лелевель: »всё это арабески на развалинахъ ветхаго зданія.«

Г. Поль заговорилъ, было, когда-то и въ пользу простаго народа, но потомъ, начитавшись по-больше родословныхъ, опомнился и издалъ тоже сочиненіе въ исправленномъ видѣ, замѣнивъ упомянутыя мѣста описаніемъ осени (Pieśń o Ziemi). (*)

Что касается католицизма, то люди этой группы защищаютъ его непогрѣшимость, на основаніяхъ историческихъ, конечно, изложенныхъ á la Короновичъ, и даже часто доказываютъ полезность отцевъ езуитовъ. Впрочемъ объ этомъ вопросѣ—мы, отрицающіе непогрѣшимость

(*) Г. Поль одного своего посѣтителя встрѣтилъ, на первыхъ порахъ, вопросомъ: «какой вашъ гербъ»—тотъ, разсмѣявшись, ушелъ къ соблазну нѣсколькихъ контушовыхъ лицъ, пересматривавшихъ родословныя.

католицизма, аки блуждающія во мракѣ овцы, которымъ предопредѣлено поступить въ адъ, не станемъ говорить во избѣжаніе вящшей духовной гибели.

Что́ касается большей части молодежи здѣшняго края, то тутъ рисуются группы съ самыми разнородными оттѣнками, болѣе или менѣе отличающимися отъ предъидущихъ.

Значительная часть молодыхъ оффиціалистовъ у пановъ при фабрикахъ, въ роли писарей и т. п., до сихъ поръ и, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти вся молодежъ отличалась главнымъ образомъ энергіей, заявлявшейся въ фразахъ, въ презрительныхъ отзывахъ о всякой не-польской народности. Они любуются прошедшимъ (Nie tak to illo tempore bywało) съ той точки зрѣнія, что

«Dawniéj wiedziano—komu się ukłonić.
Szedł pan w kontuszu, a lokaj w kubraku
Dziś od pomyłki trudno się uchronić—
I pan i sługa—obydwaj we fraku!..

Поручъ съ ними рисуются предметы ихъ сердечныхъ вздоховъ, вносящіе безъ разбора, но очень усердно, подобные этимъ стишки въ свои альбомы. Но, впрочемъ, такъ-какъ ихъ вниманіе занято совсѣмъ другими вопросами, то мы, раскланявшись съ ними по-вѣжливѣе и пожелавъ имъ счастливой ловли жениховъ, перейдемъ къ кружку Украинофиловъ á la Чайковскій.

Эти господа отлично ѣздятъ верхомъ, травятъ зайцевъ, носятъ какія-то quasi-козацкія свитки, свистятъ громогласно и поютъ пахабныя пѣсеньки народныя, иногда читаютъ Богдана Залѣскаго, Чайковскаго и Мальчевскаго, иногда бьютъ своихъ лакеевъ-козачковъ, но впрочемъ приговариваютъ, для поддержанія любви къ свое-народности, что это »по-козацькі«. Если вы съ ними заговорите о народности и народной литературѣ, то они вамъ укажутъ на великаго рапсодиста Падуру и знаменитаго этнографа Осташевскаго. И о томъ, что существовалъ какой-то Шевченко, они знаютъ, но впрочемъ рѣдко кто его читалъ, а корифей ихняго вкуса, г. Падура, говоритъ, будто Шевченко воняетъ хлопскимъ дёгтемъ и за 20 к., да чарку водки, онъ готовъ-бы рѣзать встрѣчнаго поперечнаго шляхтича. »Да, впрочемъ, онъ и языка не знаетъ хорошо« — вотъ *поучился-бъ у нашего пѣтуха* и пропѣлъ-бы съ нимъ »Ukraińky.«

Но отъ всѣхъ этихъ оттѣнковъ рѣзко отдѣляется значительная часть болѣе просвѣщенной здѣшней молодежи. Они, въ самомъ дѣлѣ, довольно

искренно сочувствуютъ положенію народной массы, они готовы на личныя пожертвованія въ пользу своихъ идей, но у нихъ есть кой - какія преданія, почерпнутыя изъ той среды, изъ которой они вышли и которая ихъ заставляетъ нерѣдко противодѣйствовать интересамъ мѣстной народной массы.

Они смотрятъ на дѣла человѣческія съ извѣстной напряженной, напередъ составленной, точки зрѣнія и преслѣдуя свои убѣжденія тамъ гдѣ это возможно, и тамъ, гдѣ невозможно, теряютъ изъ виду то, что́ лежитъ въ основаніи всякаго человѣческаго общества—насущныя потребности человѣка, сообразныя съ его развитіемъ. Отсюда выходитъ то, что нѣкоторые изъ нихъ—либералы въ университетѣ—сдѣлавшись помѣщиками, примѣрно угнетаютъ крестьянъ (конечно, по какому-нибудь высшему соображенію). Другіе, болѣе добросовѣстные, гнушаясь положительнымъ занятіемъ, проводятъ всю жизнь въ разрѣшеніи запутанныхъ общественныхъ вопросовъ, посредствомъ громкихъ споровъ что́ называется у нихъ публицизмомъ; этотъ разрядъ людей, часто съ запасомъ значительныхъ силъ, съ обширными дарованіями, теряетъ ихъ въ нравственныхъ попойкахъ, къ которымъ эта группа имѣетъ особое пристрастіе. Если-бы міръ физическій былъ созданъ по складу ихъ фантазіи, то отъ землетрясеній, вулканическихъ изверженій, солнечныхъ затмѣній и т. п. не было-бы покоя.

Кромѣ этихъ обще–нравственныхъ чертъ, рѣшительно не гармонирующихъ съ современными потребностями нашего народа, нуждающагося въ систематическомъ развитіи нравственныхъ, юридическихъ и экономическихъ силъ — у нихъ есть взгляды, которымъ ужъ никакъ мы не можемъ симпатизировать.

Такъ, нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ слѣдующій силлогизмъ: потребности народа выражаются въ его просвѣщенныхъ представителяхъ; такъ–какъ болѣе просвѣщенная часть здѣшняго общества (intelligencja kraju) ополячилась, то, значитъ, здѣшній край польскій. И эти люди считаютъ себя демократами!..

Всѣмъ этимъ господамъ мы совѣтовали бы присматриваться попристальнѣе къ современнымъ потребностямъ общества, не предупреждать хода дѣлъ слишкомъ заблаговременными рѣшеніями, помнить, какая связь должна быть между демократами извѣстной мѣстности и ея народомъ, не забывать, что полонизмъ на Украинѣ—это шляхетство—или, ужъ если преданія шляхетской среды въ нихъ слишкомъ сильны, не мѣшаться ни въ какіе щекотливые дѣла и вопросы.

Сказавъ обо всѣхъ этихъ группахъ, образовавшихся среди общества дворянъ Украины правобережной, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о той группѣ, которая здѣсь слыветъ подъ именемъ *хохломановъ* и окончательно расходится со всѣми предъидущими.

Эти люди, вышедши изъ среды украинской ополяченной шляхты изучая мѣстную прошедшую жизнь и современныя ея потребности, пришли къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ Украинскимъ населеніемъ, и считаютъ интересы его самыми близкими своими интересами.

Предмета, для своей общественной дѣятельности, они ищутъ въ просвѣщеніи народа на его собственныхъ началахъ, въ развитіи его общественной жизни, дѣйствуя притомъ самымъ спокойнымъ и систематическимъ образомъ.

На нихъ нападаютъ всѣ предъидущія группы, называя ихъ взглядъ и ихъ дѣятельность національнымъ отступничествомъ; но они на это отвѣчаютъ, что это только — обращеніе; что желающій быть дѣйствительно полезнымъ какому-нибудь обществу не можетъ оставаться въ роли колониста, дѣйствующаго на пользу метрополіи; что ихъ образъ дѣйствія согласенъ съ мѣстными простонародными интересами, которые они принимаютъ за точку отправленія во всѣхъ своихъ взглядахъ.

Что́ толкуютъ объ нихъ *мошродзцы,* мы уже говорили; самиже,—во избѣжаніе пристрастія,—мы не судимъ.

Ѳаддей Рыльскій.

ДЕ-ЩО ЗЪ ПОЛТАВИ (*).

II.

(14 сентября 1861 г.).

Поки я збірався, у-друге, де-объ-чімъ написати до васъ, пройшовъ Спасъ, перша Пречиста и друга, и одійшли наші послідні, дрібні селянські ярмарки (літні). На полі вже повіяло осіннімъ вітъ-

(*) Прочитайте, прочитайте, шановна громадо! оці дорогі листи, зраліете душею и подякуете відъ щирого серця високоповажному народолюбцеві за ёго тепле, гарне слово, за ёго правдиві и ясні, якъ день, думки. *Ред.*

ромъ; на нивахъ де й подівались полукіпки й копи; зате на тока́хъ золотіють скирти́. Де-де буріе останнє просо и пізня гречка сніе, та й те, опісля Пречистоі, здебільшого, повижинали, и теперъ тільки й побачишъ у полі чабанівъ зъ гирлигами за отарою, або плугатаря на чорній борозні. Хочъ и радіють наші господарі, дивлючись на своі повні токи́, а все-таки, якось сумно, якъ ви́ідишъ на поле, де ще недавно горіла робота и розлягалась луною пісня. Поди́висся на округи́—усе чорніе; де-де похожають дрохви, обізве́тця жалібно посмітюха, зацвіриньчить горобець, або журавель крикне зразу на усю околицю; поди́висся на небо—ажъ ось іхъ ціла низка простуе у вирій... туди десь далеко... за море, сиві хмари розстилаютця та холодний, степовий, вітеръ гуде, наганяючи тугу на козацькее серце...

Зате́жъ по селахъ стало веселійшъ: літнёі доби, якъ проідешъ по вулиці, то тільки й побачишъ, що стоять пусті хати зъ підпертими дверима (себъ то ніко́го нема у господі—бо замки́ та запори, дяка Богові, ще у насъ не усюди потрібні), та граютця діти зъ цуцинятами на смітнику (бо, знову дяка Богові, у насъ ще не мордують дітей каторжною роботою, де небудь на заво́ді, або у підземельній шахті); а теперъ, проізжаючи по селі, або зустрінешъ старостівъ перевязанихъ рушниками, або почуешъ, то у тімъ, то у другімъ кутку села, музику, або ціле весілля перепи́нить тобі дорогу, гу́комъ та галасомъ лякаючи коней; а часомъ и таке бува, що коней за вузди, та до двору—припрошують до господи *на хлібъ, на сіль, на весілля*. Ставъ нашъ народъ, якось, смілівійшимъ зъ проізжачимъ, хочъ би й зъ паномъ, та, дяка Богові, не на зле... Зъ того щасливого дня, якъ на віки знесено ганебне крепацтво, у нашого селянина першою думкою стало, я́къби дитину одружити, хату охаяти, господарсьтву ладъ дати. Щаслива доля припала тимъ дівчатамъ, що дорослй у-пору, та й тиі, що не по своій волі позаси́жувались—поди́висся—вже у очіпкахъ похожають. Почули бъ ви, добродію, якимъ людськимъ окомъ дивлятця наші недавні крепаки на той гріхъ, що тяжка неволя видавила зъ нашоі соромливоіи честноі селянки, ваше серце заплига́ло бъ радіючи за нашъ народъ. »Бери!« каже старий молодьшому:« матимишъ дружину вірну; а той гріхъ... не вона, а неволя винна.« И старечимъ словомъ зъ неі соромъ здіймаетця. Були й такі, що не по волі, отай жили, не по Божому, и дітокъ мали. »Не соромъ, бо неволя:«—така була одповідь, и старі мовчали, бо правда. А теперъ—звідкіля́ той соромъ и жаль узявся? заразъ себе огласили

та й побрались; а коли де́-які загаялись, то якъ обступлять старі: »одружітця та й одружітця, коли *жаліли* одинъ одного у неволі — не кидайте на волі: станьте передъ Богомъ. .« Та такъ тиі гріхи, одинъ за другимъ, честнимъ шлюбомъ и покриваютця. Такъ–то наші невчені сиві дідугани та бабусі лагодять те, що пописували ті розумні, котрі про мораль багацько по книжкахъ читали... Мабуть у сімъ році шлюбівъ, по щоту, вийде у́двое більшъ, якъ у прежні года. Оттакъ нашъ народъ празникує волю. До сёго часу козачки не йшли заміжъ за панськихъ парубківъ, а теперъ крепакъ сміливо засилае старостівъ до дівчини козацького роду. Найшлись такі й паничі, що поженились на багатенькихъ козачкахъ у сусідстві, та й живуть на своіхъ грунтахъ хуторами... и добре! Якъ би ви іхали надворсклянською низино́ю, поміжъ местечками Біликами и Новими Санжарами, де живуть, помішано, козаки и панські, то задивувались би: ідешъ не селомъ и не степомъ, а зеленимъ садомъ, безъ пе́рерву; зъ усіхъ боківъ обгортае садъ, білі хати и чистенькі дво́рики. Запримітили бъ ви де–яку хату, геть навкруги́ обсажену, уквічану високими квітками — се жъ ознака, щобъ парубки знали: у хаті е батькова дочка на порі... заіжджай, козаче, попроси води напитись, подиви́сь на спражню квіточку... Запримітили бъ ви: коло староі хати нові сохи стоять, крокви становлятця: — сежъ нова хата будуетця, де молоде́нька пара свій вікъ вікуватиме... Побачили бъ ви навкруги́ зеленихъ левадъ тини свіже–заплетені зъ різними ви́гадками, гарно та штучно, якъ та коса дівоча, то й гукнули бъ на коней: тпру! щобъ устати та полюбоватись... А зайдіть лишень, добродію, до двору, де́-старий музика, на призьбі, заплющивши очі, наярюе на скрипці козака, або метелицю, а підъ гилля́стою грушою тупотять чобітки зъ підківками. Просимо у хату; сідайте на лаві, за стіль, підъ самими образа́ми; побалакайте зъ сивоусими хліборобами; покуштуйте нашого хліба и убогоі страви; святий коровай на столі, гільце яке гарне, рушники які чистенькі на віконцяхъ... Надъ вашою головою Божа Матіръ... чия–сь рученька обквітчала ii квіточка́ми... Поди́витесь и душею зрадіете, що не окчемнівъ у неволі нашъ народъ. А може й таке прийде на думку: дежъ подівалась *та́я*?... Э! стрівайте, добродію! е й вона клята, и вамъ ii піднесуть, але жъ тільки такъ, для звича́ю, щобъ злидиями не назвали. Зъ того часу, якъ померла злюща пані Неволя, то й ii паскудна похлібниця Горілка багато поваги збула́ся. Частують и куштують ii та́къ — для закону, а вже

пьянимъ бути на честнимъ весіллі не годиться. Пьють й по-прежнёму, *нáхильцемъ*, хиба тільки де-які ледачі городянські міщане та сердеги ремесницькі робітники (*).

Щожъ се таке? спитаетесь ви; якъ воно сталось? Не знаю, що вамъ другі скажуть, а по-мóєму отъ--що: силкуютця, якъ зуміють, наші недавні крепаки тіеї правди доказати, що вони варті пóручь стати, щобъ уже навіки не розъєднатися, зъ тією ясною панною, котроі ранокъ и вечіръ сподівалися, котру у столітній розлуці не здоліли забути. Якъ оніеля дурману, що оманою піддали, вставъ нашъ народъ чистий серцемъ, не знаючи помсти, незнаючи злодійства за собою; якъ чоловікъ, котрому здавалось у ночі, що ёго давить яка-сь

(*) Тутъ икъ слову *добавлю*, що оттімъ біднимъ ремесницькимъ робітникамъ гіршъ, якъ було крепакамъ, бо хазяіни-ремесники—народъ, здебільшого, зовсімъ попсований; пьяний, безсердечний, безъ жадноі освіти, и тільки до грошей ласий. Сі городяне негідні, щобъ іхъ и прирівняти до нашого доброго и правдивого селянина-хліборобa. — Найбілшъ достаетця тімъ біднимъ хлопьятамъ, що у науку до такихъ хазяінівъ віддані. Поки тому реместву дитина навчитця, то здоровья збудетця; щасливе коли викрепить. У насъ ще того не завелось, якъ у васъ у Петербурсі, щобъ надъ такими хазяінами надглядати и штрáфувати:—начальству піколи, бо, бачите, великі діла справляе, а се діло маленьке... Та хочъ бн й завелось, то чи тожъ закличуть до того далі такихъ людей, на котрихъ увесь городъ покаже, якъ на правдивихъ чоловіколюбцівъ?... ні! не по тій часті служять, або якому-небудь чиновному владиці невгодні... Тутъ треба такого панича, що гарно по панськихъ горницяхъ базікае, на видъ и на одежу такий, якого тамъ треба.., Та й те по правді сказати: коли и у насъ буде такъ якъ у васъ (якъ то ми знаемо зъ газетъ), що коли хазяінъ пробивъ хлопцеві молоткомъ голову, накладуютъ три карбованці штрафу—то ліпше й не роспочинати. Може, Бога та якоі-небудь невідомоі кари білшъ боятимутця. А що вже ті молоденькі дівчата, жидівські наймички, що жидамъ на услугу віддані (бо й досі багацько с такихъ) — то подивившись на нихъ, тільки обіллється кровью серце та й годі: голе, босе, ненагодоване и з'морене роботою такъ, що и до свого росту не доходить... ні церкви, ні молитви... Сухе, якъ каменюка серце, безъ усякого жалю—таке зустріне папа маленька землячка у жидівській хаті, а далій и самий ій соромъ и краса,—коли зостанетця,—на хазяйський капиталъ не реверпетця... Гіршого панъ народъ нічого собі й вимислить не зможе, якъ *жидівська наймичка*, а матіръ, коли така доля доцці лучилася, оплаче ій, якъ мертву.— А у законі написано... пáщо жъ вінъ писаний? Намъ звісно, що и поміжъ жидами (найбільшъ зъ тихъ, що вчились по гимназіяхъ и университетахъ) є таті, що инакъ дивлятця на нашого земляка-наймита; та чи тожъ такихъ багако? просимо жъ не докоряти насъ фанатизмомъ, якъ то звикли робити де-котрі зъ жидівъ. Фанатизму ми не маемо и цураемось, а тільки показуемо (минаючи багато де-чого й гіршого) на сей сумний фактъ, усякому у насъ звісний, якъ на гидку болячку нашого краю.

мара́—а вийшовъ у поле та дихнувъ чистимъ повітрямъ, то де́ те усе й подівалося, такъ нашъ народъ виходить теперъ, здоровий духомъ, здоровий тіломъ на плодючу ниву волі и науки. Послухали наші діди злої ради, гидкої памяти отця Климентия, а теперъ відомстивъ нашъ народъ упукамъ за столітню кривду... чимъ? весіллями та піснями, хлібомъ-сіллю та добрею працёю. Щожъ теперъ скажете ви, премудрі пророки? де́-жъ тая мара́, що стояла передъ вашими очима (а, здаєтця, більшъ тільки на язиці)? дежъ тая мара ледача, пьяна, страшенна? Подивітця: ось иде вона — наша ясна панночка Воля — иде нашими нивьями и селами, у зоряному вінку, сяючи небесною красою, ласка́вими очами на насъ поглядаючи, усміхаючись до насъ, якъ до родичівъ, що довго, довго зъ ними не бачилась; передъ нею квітки виростають, за нею колосья золотіють; попередъ неї бі-жить мале хлопья зъ розумними оченятами... туди, куди вона перстомъ указуе; пильно задивившись на неї чорнявий парубокъ; до ії одежи припала молода дівчи́на; вийшли зъ хати чоловікъ и жінка, щобъ святимъ хлібомъ ії привітати; подибали за нею старі дідуганъ и бабу-ся, щобъ хочъ передъ смертю надивитись на ії красу несмертельну; зъ пісня́ми виходить село ій на зустрічъ, далеко за околицю, зъ пісня́ми й випрова́жае ії благословляючи... Будь же щастлива та плодю-ча на добро и розумъ, моя рідна українська Ниво—пройшла по тобі блага богиня...

. . . . . Орися
Ниво-десятино,
Та посійся не словами,
А розумомъ, Ниво!..

III.

(7 Листопаду 1861 г.).

Може ви, прочитавши пе́редній листъ, каза́тимете про мене такъ, якъ мовлявъ Коніський про Мазепу: »*ни, а льститъ народы*;« може мі́слитимете, що ми заплющуемо очі на те, що треба бъ не похвалати, а ганити у нашому народі—*да исцѣлится*. Ой ні, добро-дію, бачимо ми й самі, що багато бракуе нашому народові усюди: и у дорозі, и у господі, и у хаті и на полі, а найбільшъ, чого най-потребнійшъ: громадського духу и правдивої освіти—не тієї освіти,

що зъ великого розуму де-котрі паничі хотять надати нашому народові, що серце сушить и голову завертає, для котрої треба першъ увесь народъ на який-сь не-наський кшталтъ перероблти. (Себъ то й легенько! ніби то й є на світі така сила, щобъ таке надъ милліоннимъ народомъ доказала)! Не тієї намъ треба науки, котрою, ще нічому не навчивши, а вже відрізняють дитину відъ матірнёї мови, забувши отсі великі слова великого думця: »першою наукою для кож»ного чоловіка було матеріне слово, котре найпершъ зрозуміла дити»на, тієї святої хвилі, якъ тільки блиснула божествéнна искра—про»кинувся розумъ; звідтіля й начинайте. тимъ шляхомъ и простуйте »до вищої науки. Вихованне и чоловіка и народу зъ матірнеї мови »повинно починатися; вона есть початокъ усякої науки, для розуму и »для серця, по закону самої природи. Якъ до чоловіка, такъ и до »народа тільки та наука пишнимъ цвітомъ и добримъ плодомъ колись »себе виявить, котра зъ матірнеї мові почалася и зъ того живущого »жерела змалечку поилася.« Воно й правда: чи не легше жъ науку приладити до народа, а ніжъ цілий народъ нівечити прилажуючи его до якої-сь негнучкої науки. Алежъ, кажіть! розумні паничі намъ свое радять: отъ, якъ би Хоролъ ставъ такий, якъ Царевококшайскъ, а Полтава загомоніла такъ саме, якъ Калуга, то́ бъ то на Вкраіні усе покращало и порозумнійшало!! Эге жъ, панове-радці!—добре булобъ, тільки те біда, що така цивилизация зостанетця на поверсі великої народнёї громади—для паничівъ, а народъ нашъ навіки буде для неї и глухий и німий. А вони, ті паничі, якъ же то логично доводять! Недавно и. Северянинъ, оповідаючи у »*Современній* Літописі« (?!) про подолянські селянські школи, радить не вчити дітей по нашимъ граматкáмъ, бо на нашій мові ще нема... чого бъ ви думали? а нуте, вгадайте!?.. нема *юридичнёї науки, философіи права!* — Отъ що, бачте, потрібне для тихъ хлопцівъ, що, якъ виростуть, то зъранку до вечора за плугомъ ходитимуть, або коло худоби товктимутця!.. а до того часу, поки наші земляки зберутця (коли то й можна буде) понаписувати вдоволі филозофичнихъ и юридичнихъ книжокъ (та й тоді, хочъ би й закони на нашу мову переложили, и. Северянинъ не радить вчити дітей у селянськихъ школахъ на рідній мові—бо юрисдикция не по нашому!)—до того часу нехай подолянський хлопець не заглядує у нашу грамáтку, котру добре розуміе для того, щобъ початки святої віри и моралі для свого життя зъ неї вичитати, а нехай вчитця по тій, зъ котрої вінъ не все гараздъ уторопае, бо писа-

на такою мовою, якої вінъ на селі змалечку не чувъ та чи й чуватиме, коли у салдати не візьмуть. Самъ авторъ якої небудь столичнёї азбуки, ніколи не бачивши нашого народу, либонь чи й згадувавъ пишучи, що е на світі подоляньский хлопець, котрого п. Северянинъ, ради юридичнёї науки, примусить вчитись по тій книжці! Для бідної дитини нашого селянина треба инпимъ, *своімъ* складомъ писати, щобъ той початокъ науки заченивъ молодий розумъ и серце. Не диво, якъ би те радили у Харьківщині... тамъ по селянськихъ ярмаркахъ »Таньку-разбойницу« и »Наші кутятъ« за добру ціну москалі збувають... а то на Подоллі, де селянинъ частійшъ почуе ляцьку або жидівську мову, аніжъ московську, де по московські тільки такъ-сякъ уміють судові папіри компонувати, а такихъ, щобъ добре знали, чи знайдетця (и то поміжъ невеличкої купки чиновнёї братіи) $^1/_{10}$ проценту зъ усёго люду. Та дарма! п. Северянинъ каже, що то бувъ би »естественный ходъ исторіи«, якъ би по ёго раді зробилось. За скільки жъ то роківъ сподівается п. Северянинъ переучити подоляньскихъ селянъ такъ, щобъ вони розуміли юридичні книжки, писаніі не іхнёю мовою? Забувши историю, можна, сидючи у кабинеті, вигадати яку-небудь теорию та й багатіти думкою, що нею цілий народъ на инший кшталтъ перевернешъ... Е ще, видно, такі, що у те віруютъ... А по нашому, коли щиро бажаешъ одного добра для народу, то, доглядаючись до нёго самого, берись найпростійшимъ шляхомъ проводити світло науки и правди у темну массу, ото й буде для неі »естественный ходъ исторіи.« Народъ формуе свої идеі объ правді й неправді зъ християнської моралі и зъ власного життя своего. Практикою у громадськімъ ділі, вильнимъ словомъ та правдивимъ серцемъ, народъ скоро доходить до того, що не згіршъ відъ иншого юристи свої одбудки и право розуміе,— що добре, а що зле розбіраe. Хочъ би й ті присяжні, що у британськихъ судахъ *правду творятъ*—чи тожъ юристи? ні, опрічъ одвокатівъ. Отъ же, чого тамъ и не додумались, тимъ п. Северянинъ нашій молодій литературі и нашимъ селянамъ докоряе и за те нашу мову зъ початкових школъ викоренити хоче! Якъ би просто сказали, що у селянськіхъ школахъ хлопці на канцеляристівъ готуватимутця, то инша річъ. Міні здаетця, що отті задні теорні виходятъ одъ того, що ми усі беремось вести народъ, не знаючи ёго, а не хочемо у нёго й трохи повчитись, хочъ би тіеі мові, котру щодня чуемо, котрою навкруги насъ миллоніи нашихъ земляківъ свої думки и надію, горе й радощі, виповіда-

ють... Такъ колижъ ми зъ друкованихъ граматокъ, а не зъ живого слова, вчитись звикли.

Не всі жъ такъ міркують, якъ и. Северянинъ. На лівобочній Україні, сёго року, повіяло якимъ-сь тихимъ и теплимъ вітромъ. Наші пани (хочъ и не всі, а таки багатенько и серцемъ и розумомъ почули той гомінъ, що за нашого часу, зъ усюди підіймають народи коженъ своімъ голосомъ—великий гомінъ світа, волі и правди; почули й те, що вони *кость отъ кости* свого народу. Вибори на члени губерського присутствия и на мировихъ посередниківъ—упали добре... хотівъ би назвати по ймённю високоповажнихъ панівъ...

Перший мировий зъіздъ одбувався у Полтаві публичне. Публика прислухалась и вийшла зъ повнимъ серцемъ, тихо радіючи святій правді... Запримітимо тільки, що було бъ ще краще, якъ би п.п. посередники промовляли до селянина тимъ словомъ, яке вінъ звикъ чути на селі, а то вінъ, зъ того канцелярського письма, не все гараздъ уторопае. Найважніше діло: віра у правду судову,—а тіеі віри инакъ не можна здобудись у народа, якъ балакаючи до нёго—ёго власною мовою и звичаемъ. Чому не спробувати? Для нашихъ панівъ се діло не важке, бо, дяка Богові, наше панство живе не на столицяхъ, а по селахъ, поміжъ хліборобами. На мирові зъізди велика надія — нехай же вони не похóдитимуть на земські и повітові суди и на поверсі, якъ не походять и самъ-ділі. Геть же той канцелярській штиль, коли не зъ паніру такъ зъ живої розмови зъ тими селянами, що вірують у правду нової институціі и вбачають у мировихъ посередникахъ правдивихъ судей! Сподіваемось, що шановні п.п. посередники кинуть окомъ на сю нашу увагу... Багато де-чого доброго скоілось у насъ сёго року. Сини й дочки нашихъ панівъ працюють, не томлючись, надъ козацькими и кріпацькими дітьми у нашихъ недільнихъ школахъ: — на серці весело, якъ подивився. Знову хотівъ би назвати по-ймённю високо-шановну панію, котра, до того святого діла, кошту и личнёі праці додае! Прокинулись ми...Може незабаромъ потішимо васъ такою дивною новиною, котра васъ завірить, що те, чимъ докоряе нашихъ дідівъ правдива исторія, вже — не для нашого покоління, бо дознаетесь, що наші пани, жадаючи бути вірними историчнёму характерові украінського племени, одкинувши панську пиху, хотять стати правдивими вожаками свого народу у всякому доброму ділі; дознаетесь, що підъ панською одежою бьется, й досі, тёжъ щире украінське серце, що не вміло замикатись у кастовій пута.

Питайте жъ, відъ чого-то Полтавщина у такій злигоді, такъ тихесенько переживае великий экономичний кризисъ?.. Теперъ намъ тільки треба—книжо́къ, книжо́къ... починаючи відъ святого Евангелия.

Хотівъ було вже закончити сей листъ, та згадавъ ще ось-що. Незнаю, чи оповістивъ васъ хто-небудь зъ Полтавцівъ, що объ Иллінській була у насъ пані Леопова. Часъ бувъ гарячий, ярмарковий, и доба негарна, але жъ зібіглось у залу нашої Панської Громади народу чимало. Поплакали ми таки знову споминаючи *Останнёго Крепака*—Кобзаря. Привітали ми славну співачку по старосвітськи—хлібомъ-сіллю. »Нехай тебе Богъ любить, наша Одарочко!« Дякуемо оце ище разъ, и за ті солодкі слези, и за добре слово, просіване нашій Полтаві:

Бодай тая степовая
Квіточка Полтава
Розросталась, красувалась,
Свого цвіту не теряла...

В. Куликъ.

P. S. У насъ зъ початку осени було холодненько, а потімъ, по сей день, стало тепло та гарно якъ весною... а ось Листопаду скоро половина! В. К.

ДРУГИЙ ЛИСТЪ ЗЪ ДУДАРІВЪ.

(16 Листопаду, 1861 г.).

Зно́ву я пишу́ до васъ, до всёго ми́ру хрещёного. Неда́вно ще се́ла на́ші рябіли посередъ ланівъ стерпёвихъ, де вже зъора́нихъ на паръ,—а оце́ въ неділю хма́ри побіліли; а въ понеділокъ, 13 листопа́ду, упа́въ снігъ — и тепе́ръ все круго́мъ біліе и біліе. На́че до спочи́нку зібра́лися; сидимо́ въ хаті, ча́сомъ біля гру́би—все я́кось ти́хо; ча́сомъ зъ рощо́тами хто прийде до те́бе, або й такъ — побала́кати тро́хи. Вже хлібъ и горо́довина зібрана — все у те́бе підъ боко́мъ, тільки бъ сидіть та писа́ть, бо й робо́ти йншої нема.

Я ду́маю, що й »Хуторяни́нъ« оце́ упо́равшись, чи не обізветця до насъ яки́мъ *Листо́мъ зъ ху́тора,* бо то, мабу́ть, літня робо́та

не дозволяла виконать обіцянку — »объ чімъ же я, мовляє, писатиму до васъ?« Та й замовкъ. Чи не слабий часомъ, нехай Богъ милуе! Обізвітесь, добродію, до насъ: и ми такі, — якъ ті хуторяне; то зъ своімъ братомъ и побалакати й послухати ёго рѣчі якось миліше. Отъ би и я—тежъ збірався—якъ побачивъ перший свій листъ въ *Основі*—зразъ написати знову, колижъ—нігде правди діти—заллявъ трохи.

Хлібъ у насъ — хвалити Господа милосердого—уродивъ,—такъ людьці й загуляли,—а тутъ ще до того лучилось Михайла Архангела, нашого патрона,—наварили меду. За людьми и я посунувся — добре було! Се бъ то, бачите, на церковнії гроші скуповуетця медъ, варитця та й продаетця; користь йде на церкву. У насъ каплиця, а не церква,—такъ служби й не було, а тільки часи. Після часівъ, пан отець благословивъ корогви, котрі ми оце собі справили. На медъ зусюди сходитця людей таки чимало,—й тепериички зібралось гаразд,—отъ ми й загуляли. Перше було кожний хазяінъ закликавъ до себе людей на обідъ, а після всі виходили до *конупу*,—се значить-туди, де медъ продають. Тутъ вже біліе відъ кожухивъ. Людьці гуляють кружками, музика грае, челядь таньцюе. Потімъ розіходятця полудновати, та вже такъ гуляють и до ночі, хто охочий—й до світа. На другий день у насъ *рахта*, щобъ то медъ вже допивати. Зразъ братчики церковніі запросили усіхъ гостей, посадовили за стілъ у конупчиці (бачте—хату на конунъ та вибрали у вдови) медомъ шанувати. Не знаю, чи багато панівъ діждалось такої чести. Оттакъ и погуляли! На другий день знову бувъ я на *злівкахъ*, бо Михайло Архангелъ перебивъ намъ обходъ крестинъ: я собі у одного чоловіка кумувавъ. А оце зъ неділі у насъ й *пущання*. Тепериъ вже заговівши, надумався писати.

Почну зъ того, що оповіщу вамъ де-що про наше життя.———

Завтра я починаю учить дітей,—такъ оце добре поговорити объ тімъ, якъ се діло стоіть тутъ коло насъ. По правді, нема чого широко роскидатись: все якось ще дуже молодо. Школи въ селахъ е; неразъ, проізжаючи черезъ села, бачишъ куну дітей зъ торбинками: се школярі. Попотці сімъ піклуютця, та тільки шкода, що все йде такъ само, якъ и того віку: тіжъ азъ-буки, титли, а при томужъ и різка, загінъ телятъ, свиней и т. п. Мині здаетця, можна й церковне читати, навчившись по граждапському; ато, наче на перекіръ тобі, усе псалтирі та часловці—а дальше а ні же! Ще й то учать по старому, такъ-що зъ цілої сотні виберетця хиба тільки 7, 8, що дійдуть пуття, а остатніі

й такъ пі́дуть зъ чимъ прийшли́. Чомъ не введу́ть но́вої мето́ди та рі́дної мо́ви?... Отже бага́то говори́ти, та нема́ кому́ слу́хати.

Тепе́ръ скажу́ ва́мъ, яка у насъ була́ ці́на на хлі́бъ. Коло Покро́ви, пшени́цю у насъ купува́ли по 60 к. сер. за пудъ, на берли́ни, бо одъ насъ хлі́бъ йде въ го́ру, на Литву́. Жи́то по 30 к. сер. за пудъ, про́со й ячмі́нь по 25 к. сер. Тепе́ръ, якъ ста́ли збира́ть поду́шне, то хлі́бъ подеше́вшавъ: за пшени́цю жиди́ даю́ть мужико́ві 16 гри́вень (40 к. сер.), а жи́то по 7, або по 8 гри́вень ($17^1/_2$—20 к.)

Оди́нъ мій знако́мий присла́въ мені, якъ Украі́нцеві, въ подару́нокъ дві пі́єси:—спаси́бі тобі, дру́же. Але́, якъ би ти знавъ, яку́ ти бо́лість сімъ зроби́въ мені, то ти не присила́въ би сёго. Ді́ло таке́: мені знако́мі літера́тори украі́нські въ по́льскій літерату́рі: Богданъ Залеський и Михайло Чайко́вський. Я тро́хи зна́ю літерату́ру по́льску, и—якъ польскихъ літера́торівъ—я іхъ хвалю́, и бі́льшъ нічо́го; а якъ украі́нськихъ могу́ й суди́ти. У Богда́на Заліского Украі́на е край широ́кихъ степі́въ, черезъ ко́трі бурча́ть страшні поро́ги... черезъ нихъ въ чайка́хъ пла́вають сміливі козаки́, а по ноча́мъ купа́ютця руса́лки. Зъ нимъ можно проказа́ти слова́ Пушкина:

»Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ.«

Залеський, якъ поэтъ, не мігъ не почу́ти правди́вої на́шої поэзиі, мо́же го́лосъ ду́мки на́шої нера́зъ ви́гнавъ и слёзу́ на о́ко ёго, бі́дного, якъ то мені росказува́ли. Се й вінъ самъ ви́сказавъ, перево́дячи ві́рно на́ші ду́мки и пі́сні на по́льску мо́ву. Михайло Чайко́вський въ своіхъ повістяхъ ві́рно и искриво малю́е Украі́ну, тільки надае́ ій бі́льшу, ніжъ на пра́ві, любо́въ до По́льщи. Его́ повісті гора́чи и поэтичні, запа́люють ду́шу. Чайко́вський и Залеський люби́ли Украі́ну по своёму; імъ мо́жно було́ виска́зувати свої идеа́ли, мо́жно було сказа́ти, що вони́ хотя́ть ба́чити Украі́ну въ любо́ві зъ По́льщею. Пра́вда, Б. Заліский и въ непри́язні до По́льщи ба́чивъ поэзию: се свідчить его́ ду́мка про Мазе́пу. (Zbior poezij Bohdana Zaleskiego). Пі́сля іхъ ми ба́чили Осташе́вського зъ ёго *Пі́вкопи каза́къ* (Pivkopy kazok) и Тимка́ Паду́ру зъ его *Думками*, та либо́нь сіхъ людей пора́дивъ бу́вший тоді *бородолизмъ* (baragoli).

Осташе́вський ще такъ собі,—а що Тимка́ Падури поэзию мо́жно засчитать до бігання го́лимъ по ярмарка́хъ Берди́чова и Ярмоли́нець;—це такъ на́че панський дуръ. Ажъ ось появи́вся у насъ панъ Дио-

низій Бонковський: Вінъ пускає въ світъ, одна́ за дру́гою, либо́нь пісні: *Гандзя; Тропакъ; Украінець козакъ* (Kozak Ukrainiec, Poezie i muzyka) і Tçsknota kozaka, spiewek Ukraiński): себъ-то журба козака́, пісьня Украінська). Польський титу́лъ и а́збука ціхъ *штукъ* ка́жуть намъ, що Бонковский хоче ознако́мити по́льску пу́блику зъ Укра́инськімъ сло́вомъ — а самі́ пісні на ді́лі наче́ намъ на сміхъ скомпоно́вані. Намъ, Украіньцямъ, тре́ба хоть сміхомъ одігнать того́, хто такъ нече́сно посяга́е на таке́ святе́е діло, якъ на́ша мо́ва за-для насъ. Оцежъ мій прия́тель и присла́въ мені дві оста́тні піе́си. Я іхъ становлю́ на судъ пу́блики, зна́ющоі нашу поэзию й мо́ву. Де тутъ Украінське сло́во, де поэзия и де ладъ, яки́й е въ на́шій коха́ній пісні? Цей козакъ »Во́ля« живу́чий тільки въ ду́мці па́на Бонко́вського, таки́й собі куме́дний: и сюди́ и туди́ кида́етця—ажъ перехри́стисся, якъ почуешъ! Себъ то ніби *лиричне*; а воно́ поправді, не знать що́, бо писатель не розуміе свого діла... Не вже це ви, па́не Бонковський, хо́чете бу́ти таки́мъ козако́мъ? Неха́й васъ боро́нить Госпідь! Чи се тільки сміхъ надъ на́ми и тума́нъ напуска́ете на товари́ство? Пе́рше— непра́вда, а дру́ге—нече́сно. Ще я вамъ скажу́, яка́ до́ля жде ваші піе́си. Зъ пе́ршого початку, якъ но́вина въ га́рнихъ окла́дкахъ, беру́ть іхъ пани́—грають й співа́ють. Після́ воно́ йде въ прихо́жу, по́тімъ розно́ситця по харчевняхъ; до́бре, коли́ катери́нка ста́не виграва̀ти ва́ші пісні, а то й такъ заги́нуть. Не зна́ю, чи вамъ че́сть. Спочáтку вередли́ве, охоче до новини́, а після...попсо́ване товариство погра̀етця ва́шимъ віршуваннямъ, а здоро́ві се́рцемъ селя́не щось не хотя́ть сёго прийма́ти. А задля чо́го, одгада́йте? Не вже вамъ—користь? Хиба 50 якихъ карбо́ванцівъ заробити? та сежъ не таке́ діло. Се діло святее́, тутъ гріхъ такъ заробля́ти — тимъ тільки, що хтось спра́вді за до́брий това́ръ при́йме. Ки́ньте се ді́ло — воно́ него́же. Него́же такъ роби́ти шляхтичові (z szlachetnego stanowiska). Ви жъ, усі пано́ве, такъ поважа́ете своє́ шляхе́тство:—чомъ же ви не шану́етесь?

Тимъ ча́сомъ—прощава́йте, браття!

Борисъ Познаньський.

ЗЪ ПОДОРОЖНИКА.

V.

У Сторожевій (якъ и по другихъ селахъ навкруги Полтави) нема зовсімъ бідныхъ такихъ, щобъ мусіли зъ торбниками по–підъ вікнами вештатись; алежъ и не то щобъ усі були у достаткахъ: є такі вбогі, що не спроможутця казенні віддати. Оттожъ такі йдутъ у *заборъ*. Голова, бачите, поєднаєтця зъ якимъ–небудь паномъ, котрому треба косарівъ або жінцівъ, записуе тихъ, що не заплатили податей та й висилае іхъ зъ села на роботу. Збіраютця бідолахи до шинку; тутъ усяке є: и старе й молоде: чоловіки, жінки и дівчата; тутъ родичі й сусіди назбігаютця; ніде поштуванне, прощанне, слёзи, мовъ на цілий вікъ розлучаютця. Знялись, пішли *заборяне* купою на степи, и довго ще луна́е іхъ жалібна пісня... и довго родичі до неі дослухаютця, ажъ поки стихне... Нема більшого горя нашому землякові, якъ коли недоля примусить его покидати свое село, бо є за чимъ и жалкувати—країна гарна! Отъ для такóго разу у великій пригоді стала бъ громадська казна: якъ чоловікъ при нужді, то узявъ кільки тамъ ёму треба, віддавъ казенне, та спромігся бъ у господарсьтві и вернувъ би ті громадскі грошí, а то дарма що вінъ у заборі працюе: за ёго виплатять, а вінъ на вісля приходе до дому зъ голими руками; літо минуло—ні–за–що зачепитись. Інколи заміжні козаки та урядники визволяють вбогого зъ біди позичкою грошей, та вжежъ гірко приходитця за те росплачуватись—робота не по по́зичці.

— »А що се й ти, Юхиме, мандруешъ у заборъ?« спитавъ я одного знаёмого чоловічка, зъ косою и саквами за плечима.

— »Та вже жъ! прийшлось и міні одвідати того заборянсьтва!«

— »А ти-жъ, здавалось міні, маешъ худобу и не любишъ на-боку лежати.«

— »Щожъ робити?—така впала недоля; торікъ во́лики подохли, та й не спромігся на другі.«

— »Чимъ же йти у заборъ, ти бъ позичивъ у кого–небудь на видробітокъ.«

— »Цуръ ій, оттій позичці.«

— »А що? хиба далась у тямки?«

— »А якъ–же?.. надало міні позичити у одного заміжнёго козака рошí, та ціле літо й мусивъ відробляти...«

— »Чого-жъ ти не змовився на кільки тамъ днівъ тієї роботи?«

»Э! бачите, вінъ, якъ дававъ міні гроші, казавъ, що коли та коли покличе мене; а якъ я застрявъ у нёго, то тільки що зачнешъ орати або косити, дивись—и шле за мною — и не кажи що є своя робота.«

— »Хиба у заборі є надія придбати? чи може такъ—хочъ гірше аби инше!«

— »Та вже-жъ, що Бігъ дасть!..

Оттакъ-то! коли вбогий разъ зачепивъ у багатій кишені, то вже більшъ не вивернетця, бо опрічъ хліборобства, другихъ роздобутківъ не трапляетця. Міщанъ або такихъ селянъ, що пробуваютця торгами у Сторожевській волости зовсімъ нема. Одинъ козакъ завівся було лавочкою у селі, та щось не везе ему. Таки й те сказати, що наші незугарні якъ слідъ у тімъ ділі повòдитись: поки хліборобъ, то й робить по Божому, а вилізъ у торгові міщани, то заразъ —обмірювати та обвішувати. Чесний торгъ по нашихъ закуткахъ якось не держитця, найбільшъ черезъ жидівъ. — — — И що-то зъ того вийде одинъ Бігъ святий знае... Освіти треба нашимъ землякамъ, щобъ зупинити хочъ трохи жидівське гáрбанне и зъ підъ іхнёї кормиги вúбитись.

Урядники більшъ знаютця зъ попами. И яка поведенція! зберутця та тільки те й роблять, що кружляють; не вúпий, коли хочъ, повну чарку—пристане, вклоняетця и—вблагае. Шкода, що за старими та й молодиця або й дівчина мусить пити—не відпроситця, бо якъ-же таки можно відмагатися, коли сама головиха, або паніматка, піднесе и не бере назадъ відъ тебе чарки, а самій на стілъ ії поставити по тутешнёму незвичайно—а то, чого доброго, й вилають. Щожъ? навпіля, дивись, пішли дуріти та катъ-зна-що балакати. Інколи який небудь сіромаха йдучи вздрить, покива головою та й промовить: »бачъ що наші старші виробляють; таке що нашъ братъ и підъ чаркою не вигадае.« Дочки заміжніхъ козаківъ ходять у гостину до попівенъ або до полупаніёкъ, та й навчаютця панськимъ примхамъ, співають не наші писни (бо негарні—мужичі!), а *романці* зъ московськихъ сірень-кихъ пісенниківъ, у карти граютъ, гадаютъ, у дзеркало дивлятця, польки дріботя́ть... просвіщенні!..

Селяне держятця своеі стародавнёї одежи: жупани, вишівані сорочки, киреі зъ відлогою, клітчасті плахти, запаски, саньянці чи жовті чи червоні, добре намисто—разківъ по десять. Дівчата поверхъ

стрічки кладуть вінки зъ роблениxъ квітокъ, а літомъ заквічуютця полёвими квітками. Сторожевські дівчата завжде кладуть вінки на стрічкахъ спереді, а у сусіднёмý селі Будищахъ вінки кладутця ззаді. Такий неодмінний звичай. Відъ чого–бъ то? роспитувавъ я у дівчатъ, такъ вони й сами не знаютъ. Одна одповідь: »на те вона Будищанська, на те вона Сторожевська.« Рідко побачишъ щобъ чоловіки зодівались по–панськи, хиба тільки урядники у свято напьялюють пальто (по тутешнёму—*пультикъ*), а про те шаравари у чоботи; жінки–жъ и дочки урядниківъ и заміжнійшихъ козаківъ безпримінно у міщанськихъ платтяхъ. Косу ділять на–двое и кладуть навкруги головй або повьязуютця шовковими хустками и квітки причеплюють — незвичайно!

Далеко нероскішна іжа у нашихъ селянъ. Найубожші тільки врядиі–годи ласуютця скóромомъ, а більшъ пісне ідять. Якъ заготують на зіму картоплі, та капусти и буряківъ наквасять, та хлібець святий — отто й усе. И борщъ рідко затовкують саломъ; у пістъ олія та й та стала дорога. Хиба тільки на великі свята, та на заговіння придбають трохи мнясного. Хвороба на скотину и овечятъ частенько бувае. Ся біда найбільшъ вганяе нашихъ селянъ въ убожество. Коли у кого и задержитця корівка, жінка придбае масла чи сиру, такъ не для себе, а все тее йде на силь, на дёготь, свічтло... Не дуже роскошують и заміжні, алежъ усе таки частійшъ борщъ зъ качкою або куркою, и хиба одинъ голова нье чай.

Не трапилось міні записати гарні, весільні пісні, що співаютця у насъ. На весілляхъ законъ сповняетця усюди. У козаківъ, якъ памьятокъ нашоі славноі давнини, ведетця звичай, що боярынъ стоіть коло молодоі зъ голою, стародовнёю, шаблею, а якъ провожають молодихъ до дому, то стреляють зъ рушниць. (Объ весільнихъ звичаяхъ писатиму навпісля). Міжъ тутешнімъ простимъ людомъ не чути, щобъ у сімьі була бійка поміжъ чоловіками и жінками; тільки ті, що у москаляхъ були, іноді позиваютця. Не чути у тімъ селі ні якихъ злихъ вчинківъ; не безъ того щобъ яке небудь ледащо не вкинулось у громаду, алежъ за вдиновижу. Горілки не цураютця, за те жъ и гіркихъ пьяничокъ немае. Старенькі люде міні кажали, що Сторожева не багатіе—усе однаковісінька; и справді, не побачишъ ніякихъ будинківъ, якъ у другихъ селахъ; самі хати, хоча село и геть–то простягаетця що–року.

Згадавъ я, що хотівъ побалакати про тутёшне рибальство. Не

геть-то роздобутокъ той користний для селянъ. Знавъ я старенького рибалку; а бувъ вінъ мітець у тімъ ділі; приносить бувало рибу й раки. Отъ разъ и кажу ему:

— »А що голубчику! чи ти таки справді рибалка? тимъ и живешъ?«

— »Який врагъ! це такъ знечевья; якъ нема чимъ луччимъ пробуватись, то й за вершу; зъ того, мовлявъ, не розживесся.«

— »А риба водитця у Коломаці?«

— »Водитця, та, бачите, луччі плеса панскі; а було у насъ одно плесо громадське, ми й ловили и бідний бувало покуштуе тіеі риби— по правді було; такъ якось по бумагахъ вийшло що намъ не слідъ риби ловити, а ловили ми у тімъ плесі зъ діда и прадіда; палата й звеліла віддати тее плесо на оренду. Голова й взявъ.«

— »Чи багато-жъ вінъ платить?«

— »Та 10-ть карбованцівъ чи що.«

— »Мабуть и поживу мае?«

— Та вжежъ! не державъ би: трапляетця що й на 50 карбованцівъ продасть.«

— »Полтавські закупають?«

— »Якъ лучитця; що продае на місці, а то частину посилае на обивательскихъ у городъ, що слідуе начальству, чи що.«

— »Оттаке! мабуть погано, якъ усі іли:—нехай одинъ ість.

— »Та кажу-жъ вамъ, що такъ по бумагахъ вийшло; сказано: багатому чортъ дітей колише. Та ще Богу дяка, що голова держить: усе таки й намъ зволяе трохи зъ нашого плеса поживитись; а вже якъ би жидъ заорандарювавъ, то нашимъ бідолахамъ и у велике свято не прийшлось би покуштувати тіеі риби.«

— »Все-жъ таки, хочай небагато тіеі риби у васъ, та якось ви іі ловите... хотилось би знати.«

— »Та ми такъ... по гниловодахъ та по течіяхъ; коли хочете, поідьмо моімъ таки човникомъ, то й побачите.«

Сівъ я зъ тимъ рибалкою у ёго душегубку, та й поіхали. Пристали ми до берега, де росли вільхи; вода промила коріння. Рибалка поштурхавъ *рогулею*, а потімъ спустивъ *підсаку* и витягъ десятківъ зо два раківъ. Биля насъ хлопьята хлюпостались у воді; я гукнувъ на нихъ.

— »А що ви робите хлопці?«

— »Раківъ видираемо зъ-підъ кручъ.«

— »А що, багато навидирали?«

— »Отъ по торбинці віднесемо до дому.«

Нехай поласують! — Ідемо далій; маленька течія сиує поміжъ очеретомъ; рибалка зупинивъ душегубку.

— »Отце жъ, каже, ми робимо *затинъ* — зъ очерету пускаемо ворітця, а біля нихъ спускаемо у воду вершу противъ води; черезъ день и набіжить окунь и плітка.«

— »А рівчакъ той на—що?«

— »То для вьюнівъ; інколи налізуть ажъ кишять.«

— »Ну, а трапилось тобі, ловити у панськихъ плесахъ?«

— »Чому—жъ? задумае голова поеднатись зъ паномъ, та й наймае насъ зъ тихъ, хто, бачите, кільки—небудь знае те діло; дае намъ по *сёмаку* або по четвертаку, та по три порціи на день, та рибки аби—якої не боронить на брата по торбинці.«

—»А коли се бува у васъ?«

—»Більшъ зімнёї доби, якъ річка добре замерзне; першъ рубаемо *ополонки*, та й спускаемо невідъ на *щоглахъ*. Якъ панъ дае свою помічъ, то бере половину риби; а якъ ні, то третю долю. Найгірша біда бувае якъ *засититця* невідъ у *жабурі*, або *кушірі*, або у тихъ проклятихъ *осетнягахъ*; тоді пропавъ невідъ—тільки шматки виволочишъ.

»А то інколи, дивись, кілокъ або паля, стремить на дні—и не видко; тягнемо мовчки, чути що й риби вдоволі, а тутъ зразу тпру! ні сюди Микито, ні туди Микито; ми й се, ми й те—и не кажи: держить хтось та й годі! потягнули дужче...трісь! риба шубовсть назадъ у річку; гаспідський кілокъ роспанахавъ сітку відъ краю до краю... тільки й слави, що намерзнемось.«

—»А коли кращі бувають *тоні*?«

—»Не скажу. Отъ тільки я запримітивъ, що якъ люта зіма зъ великими морозами та вітри, и лідъ стане якъ скло, оттóді найвигоднійше рибу ловити. Вона сердешна відъ задухи не зна куди дітись.—Тоді й дітворі лахва: придивитця де риба залягла підъ кригою, та й стане гатити кійкомъ—глушити стало—буть, а потімъ прорубае ополонку и бере руками.»

Літомъ риби у Сторожевій не купишъ, бо людямъ ніколи зъ нею панькатись, за другою нужнішою роботою, а зімою продають ії по 2 и по 3 карбованця за пудъ. Купують пани и жидова, то й перекупки наізжають зъ города. Селяне, якъ бачите, зъ того небагато роздобудуть.

Годі про Сторожеву! Думка така: мандрувати далій—придивитись зблизу по великихъ надворсклянськихъ селахъ до нашихъ крамарівъ, рашівцівъ, гончарівъ або до степовихъ чабанівъ и табунщиківъ на Запорожжі.

Кузьма Шаповалъ.

1) *Рогу́ля*—палиця, на однімъ кінці зроблена вилами, котрою полошять раківъ.

2) *Підса́ка* або *сакъ*—сітка на палиці, которою ловлятъ раківъ; меньша сітка, кругла, інде прозиваетця *хваткою*.

3) *Зати́нъ*—стінка зъ очерету; робитця у воді, щобъ зупинити рибу.

4) *Сёмакъ*—20-ть копіёкъ сребр.

5) *Ополонка* або *полонка*—прорубъ на лёду.

6) *Щогла* або *тичка*—довгий дрючокъ, котримъ тягнуть невідъ підъ лёдомъ.

7) *Засититись*—загрузитись у водянихъ рослинахъ (говоритця про невода́).

8) *Жа́буръ, куширъ, осетня́га*—водяні рослини.

9) *То́ня*—місце для лову риби, скільки неводомъ за одинъ разъ захопишъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

КНИГЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ,

относящихся до

ЮЖНО-РУССКАГО КРАЯ.

II.

1) Исторія, археологія и біографіи.

(Дополненіе).

93. Письмо Переяславскаго Епископа Іова къ Могилевс. архіепископу Георгію Конисекому, отъ 5 февр. 1775 *Могилев. губ. вѣд.* 1859, 93.

94, Біографіи достопамятныхъ Малороссіянъ. *Черниговской губ. вѣд.* 1860 II.

95. Письмо князя Стурдзы къ Могил. архіепископу Георгію Конисскому, отъ 15 авг. 1794 г. *Могил. губ. вѣд.* 2.

96. Записка преосв. Георгія Конисскаго, касающаяся могилевской семинаріи, писан. 1793 г. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

97. Письмо къ преосвящ. Георгію Конисскому 1774 г. Протопопа *І. Голоскевича. Могил. губ. сѣд.* 1860.

98. Письмо перваго Могил. епископа І. Бобриковича, изъ м. Головчина, къ Могил. братству, у котораго онъ проситъ пособія въ своей болѣзни 1635 г. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

99. Письмо Полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго, 1629 г. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

100. Жалоба виленскаго духовенства на унитскаго митрополита Поцѣя и намѣстника его, Рутскаго, за притѣсненіе православія. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

101. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній, состоящіе изъ царскихъ грамотъ и другихъ актовъ XV—XVIII стол. *Воронеж. губ. вѣд.* № 1 — 5, 8, 9 11, 1860.

102. Посланіе Кіевскаго Митрополита Іосифа Борецкаго къ Могилевскому братству, отъ 1628 г. *Могил. губ. вѣд.* 1859.

103. Письмо Полоцкаго правосл. архіепископа, Мелетія Смотрицкаго къ Могилевскому братству, отъ 1629 г. *Могил. губ. вѣд.* 1859.

104. Письмо Виктора, епископа Переяславскаго, къ Могилев. архіепископу Георгію Конисскому, отъ 1792 г. *Могил. губ. вѣд.*

105. Матеріалы для исторіи Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи съ 1806—1812. *Бессараб. обл. вѣд.* 1860.

Предисловіе о диванахъ Молдавск. и Валахск. до прибытія сенатора Кушникова и первые годы его президенства.

106. Историческіе матеріалы II. Новая Сербія *Ф. Вапоповъ. Одесскій Вѣстникъ* 1859.

2) Географія, Топографія, Этнографія и Статистика.

107. О географическомъ положеніи города Харькова. *Прибавленіе къ Харьковскимъ губ. вѣд.* 1859.

108. Записка о топографіи города Харькова, *В. И. Лапшина.* Съ приложеніемъ карты. Харьковъ 1860.

109. Путевое воспоминаніе о Полтавѣ. *М. Максимовичъ. Украинецъ* I. 115—122 стр.

(Историческіе факты, относящіеся къ этому городу).

110. Константиноградскій округъ Полтавской губ. *Журналъ Минист. Госуд. Имуществъ.* 1859, 3; стр. 95—125.

111. Пространство Полтавской губ. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860.

112. Воспоминаніе о Золотоношѣ, *М. Максимовича Украинецъ.* I. 125—145 стр.

113. О Черниговѣ. *Л. Я. Черниговскія губ. вѣд.* 1859.

(По поводу ст. г. Шамраевскаго, помѣщенной въ 49 № Чернигов. губ. вѣд. 1858 г.).

114. Мѣстечко Любечь, *гр. Милорадовича. Черниов. губ. вѣд.* 1859.

115. Село Поноры, Конотопскаго уѣзда. *Ст. Поса. Черниов. губ. вѣд.* 1859.

116. Село Голёнка. Конотопскаго уѣзда, *М. Исаенка. Черниг. губ. вѣд.* 1860.

117. Ейскій округъ, Земли Войска Черноморскаго. *А. П. Русскій Дневникъ.* 1859.

118. Селеніе Куничи. *К. Х. Бессараб. обл. вѣд.* 1860.

119. Очерки Дона, *А. Филонова. Спб.* 1859.

Разборы «Очерковъ» помѣщены въ журналахъ «Свѣточъ» 1860, № 2, стр. 70—73 и въ «Современникѣ». 1859, № 11, стр. 84—97.

120. Старочеркаскъ и его достопримѣчательности, *гр. Левитскаго. Донскія войсков. вѣд.* 1860.

121. Описаніе Каменской станицы. *Б. Донскія войсковыя вѣдомости.* 1860.

122. Обозрѣніе г. Кіева и планъ его. *Д. Т.* Кіевъ. Губерн. тип. 1860.

123. Городъ Новомосковскъ или Самара. *Памятн. книжка Екатеринославской губ.* на 1860.

124. Стайки и Ржищевъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859.

(Эти два селенія замѣчательны были въ старину какъ укрѣпленныя мѣста надъ Днѣпромъ, о которыхъ весьма часто шло дѣло въ трактатахъ между Россіею и Польшею).

125. Село Великая Половецка. *Г. Ростовицкій. Кіевскія губ. вѣд.* 1859.

126. Село Предславино на р. Лыбеди. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859.

Это село находится въ Кіевской губ.; объ немъ упоминается у Нестора.

127. Село Погребы въ Кіевской губ. *Т. Мацѣіовичъ. Кіевс. губ. вѣд.* 1859.

128. Васильковскій уѣздъ. Васильковъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

129. Каневскій уѣздъ. Каневъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860, 34, 35 и 36; 10 стр.

130 Мѣстечко Сарны. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

131. Село Лозоватка. *І, А—скій. Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

132. Село Лемеши. *Кобзарь Василенко. Московскія вѣдом.* 1860.

Небольшое село Лемеши, Черниговской губ., Козелецкаго уѣзда—родина гр. Разумовскихъ.

133. Трактомировъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

134. Копачевъ. (Кіевскаго уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

135. Трилісы, (Васильковскаго уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

136. Хвастовъ (Васильковскаго уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

137. Мазепинцы. (Василь. уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

138. Борщаговка (Василь. уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

139. Ольшаница (Василь. уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

140. Богуславъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

141. Мѣстечко Корсунь. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

142. Село Пекари. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860. 39 и 3 стр.

143. Очерки нагорной части Крыма. I. *Балаклава* и ея окрестности. *Гр. Карауловъ, Радуга* 1860.

144. Очерки Крыма. *А. Дьяченко.* Лѣсоводство и лѣсныя промыслы въ Крыму. *Листокъ русск. Общ. Парох.* 1860.

145. Изъ разсказовъ старожила о Керчи. *А. Апостоловъ. Полицейскій листокъ Керчь-Еник. градоначальства.* 1860.

146. Очерки Керчи. *В. Игнатьева. Одес. Вѣстникъ.* 1860.

147. Севастопольскій альбомъ, Н. Берга. Москва. 1858.

148. Севастополь въ нынѣшнемъ его состояніи *А. Рудковскій. Листокъ русскаго пароходства.* 1860.

149. Армянскій городъ Григоріополь. *Радуга.* 1860.

150. Еврейская колонія Моргуновка, Херсонской губ. Бобринецкаго уѣзда *А. Леванда. Разсвѣтъ, журналъ русскихъ Евреевъ.* 1860.

151. Мѣстечко Никополь *А. Чирковъ. Листокъ Рус. Общ. Пароходства.* 1860.

152. Станица Николаевка — Новороссійская. *Одесскій Вѣстникъ.* 1859.

153. Черный-Лѣсъ и его окрестности. *А. Иващенковъ. Вѣстникъ И. Рус. Географич. Общества.* 1859.

154. Взглядъ на настоящее положеніе Крыма. *В. Игнатьева Одесскій Вѣстникъ* 1860.

155. Азовскія письма, *П. Кукольника. Сибирскія вѣдомости.* 1860.

156. Замѣтки по случаю войны въ Днѣпровскомъ лиманѣ, въ 1851 и 1855-мъ г. *М. Череповъ. Инженерный. журналъ* 1860.

Здѣсь помѣщена топографія прибрежья Чернаго моря, съ лиманами Днѣпр. и Бугскимъ).

157. Очерки Бессарабіи, *К. Ханацкій, Бессараб. обл. вѣд.* 1860. 16, 17 и 18 стр.

158. О соединеніи Каспійскаго моря съ Чернымъ. *А. Сотниковъ. Эконом. Указатель.* 1858 и 1860.

159. Краткій взглядъ на возможность соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ. *Г. Бергштрессеръ. Астраханскія губ. вѣд.* и *Русскій Инвалидъ.* 1859.

По нѣкоторымъ изслѣдованіямъ мѣстности, авторъ вывелъ предположеніе о возможности, при весеннемъ полноводіи, проѣхать водою чрезъ одно изъ руселъ идущихъ отъ Каспійскаго моря до Азовскаго.

160. О соединеніи Касп. моря съ Азовскимъ. Д—ръ *Бергштрессеръ.* Указатель Полит. Эконом. 1859; Спб. вѣдомости 1859; Экономистъ 1859; Астраханскія губ. вѣдомости 1859 и Морской Сборникъ 1859.

161. О водяномъ пути между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. *Д-ръ Бергштрессеръ. Сѣверная Пчела* 1860 и *Русскій Инвалидъ* 1860.

162. Невозможность соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ водою, *г. Короткевичъ-Почовный. Спб. вѣдомости* 1860.

163. Соленыя озера Таврической губерніи. *И. Комаровъ. Горный журналъ.* 1858.

164. О Куяльницкомъ лиманѣ и объ обращеніи его въ самосадочное соляное озеро. *В. Рожковъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1859.

165. Рѣка Днѣстръ. *В. Скавронскій. Записки Имп. Общества Южной Россіи.* 1859

166. Описаніе дороги отъ Царицына до Новохоперской крѣпости, составленное въ 1766 г. *Д. Мордовцевъ. Саратовскія губ. вѣд.* 1859, 5 и 6.

167. Воспоминаніе о старой польской границѣ. *Ф. Псевдонимъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860.

168. Черноморскіе козаки въ ихъ гражд. и военномъ быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. Въ 17–ти разсказахъ, съ эпилогомъ, картою и 4-мя рисунками соч. *И. Попки.* Въ 2-хъ ч. Спб. 1858. Въ тип. П. А. Кулиша.

169. Черноморскіе пластуны. *Чтеніе для солдатъ.* 1860.

170. Низовые и Верховые Донскіе казаки. *И. Красновъ. Донскія войск. вѣд.* 1859, 34, 35, 47, 48 и 50; и 1860, 26.

(Эта статья была уже напечатана въ «Военномъ Сборникѣ» 1858 г., но съ измѣненіями и пропусками).

171. 2-й разсказъ Никиты Сливаева (изъ быта донскихъ казаковъ) *П. Сонинъ. Московскій Вѣстникъ.* 1860, 11 и 28.

(Здѣсь описана казацкая свадьба).

172. Нѣсколько словъ о Донскихъ казакахъ и ихъ образованіи. *К. Русскій Инвалидъ.* 1860, 77.

173. Воспоминаніе о Чугуевскихъ козакахъ. *И. Жадановскій. Харьковскія губ. вѣд.* 1859, 19.

174. Разсказы изъ крестьянскаго быта Малороссіянъ. *А. П. Стороженка.* Спб. Въ тип. Н. Греча. 1858.

(Отд. оттискъ изъ «Сѣверной Пчелы 1857 и 1858 г.)

175. Поселяне Воронежской губерніи. *Р. Русскій Художест. Листокъ.* 1850, 34.

176. Харьковскій крестьянинъ. *Гр. П. Данилевскій. Журналъ Земледѣльцевъ.* 1858.

177. Кіевскіе богомольцы *П. А. Кулишъ. Народное Чтеніе.* 1857, 2.

178. Картина весны въ Малороссіи. *Часъ досуга.* 9.

179. Замѣтки о повѣрьяхъ Малороссіянъ Суджанс. уѣзда. *И. Производитель и Промышленникъ.* 1860.

О домовомъ, вѣдьмѣ, вѣдюкѣ, упырѣ, хованѣ, марѣ, вовколакѣ, лѣшемъ и русалкѣ.

180. Малороссъ въ анекдотахъ про него и въ произведеніяхъ

народной его литературы. *П. Омельяненко. Кіевскій телеграфъ.* 1859; 12 и 14.

181. Батуринъ, мѣстечко Черниг. губ. *М. Исаенко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 1, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 22.

Исторія. Этнографія (предразсудки и суевѣрія, образцы мѣстнаго нарѣчія, народн. пѣсни, пословицы и поговорки. Статистика.

182. Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и Галицкія приповѣдки. Собралъ *П. Закревскій.* Москва. Въ Университ. тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 139—244. (Помѣщены во 2-й книгѣ: «*Старосвѣтскій бандуриста*».

183. Памятники украинской народной словесности. *Ефименко Черниговскія губ. вѣд.* 1859; 6, 16, 18 и 25.

1) Украинскія пословицы и поговорки, 2) Украинскія обрядныя пѣсни. 3) Украинскія шептанья и замовляныя.

184. Памятники Украинской народной словесности. *П. Ефименко. Черниов. губ. вѣд.* 1859; 49.

Заговоры отъ зубной боли, на остановленіе крови, и пр.

185. Объ Украинскихъ пословицахъ и поговоркахъ. *А. Тищинскій. Черниов. губ. вѣд.* 1859; 29.

186. Дополнѣніе къ украинскимъ пословицамъ и поговоркамъ *П. Ефименко. Черниов. губ. вѣд.* 1859; 31—33, 38 и 40.

187. Додатокъ до украинскихъ помовокъ та погудокъ. *П. Ефименко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 23, 24, 25 и 26.

188. Украинскія загадки. *Ст. Носъ Черниов. губ. вѣд.* 1859, 24.

189. Малорусскія пословицы. *Кіев. губ. вѣд.* 1858, 26.

190. Малороссійскіе бандуристы, (съ картиною). *Русскій Худож. Листокъ.* 1859; 12,

191. Преданія приволжскихъ Малороссіянъ. *И. С. Саратов. губ. вѣд.* 1859; 28.

192. Преданіе. *Гр. Иваненковъ. Харьков. губ. вѣд.* 1859; 8.

193. 1) Казка про кравця и вовка. 2) Про козла и барана. 3) Можебилиця. *П. Ефименко. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 21.

Записаны въ с. Николаевѣ, Борзенскаго уѣзда; и въ г. Переяславѣ.

194. Смерть. Украинская сказка. *Гр. П. Данилевскій. Подсльжникъ.* 1859; 9.

195. Украинская сказка про куму, лисицу, пастуха, рыболова, и возницу. *Гр. Данилевскій.* Семейный Иллюстрированный Листокъ. 1859; 7—8.

Обѣ сказки написаны стихами.

196. Украинскія сказки, *Г. П. Данилевскій. Русскій Вѣстникъ.* 1858; 1, 2, 3.

197. Бѣсы. украинская сказка. *Г. П. Данилевскій. Рус. Вѣстникъ* 1858.

198. Разсказъ объ ужѣ. *П. Томинъ. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 22.

199. Четыре варіанта малорусскихъ сказокъ. *Малорус. Литерат. Сборникъ.* Саратовъ. 1859.

1) Охъ. 2) Коза–дереза. 3) Казка про Ивашечка и про відьму и 4) Казка про королеву Катерину.

200. Нѣсколько словъ о малороссійскихъ сказкахъ. Ст. *А. Шишацкаго Иллита.* (Изъ № 21 *Черниг. губ. вѣд.* Черниговъ. 1859).

201. Преданія о кладахъ. Матеріалы для исторіи Новороссійскаго края. *Ф. Воропоновъ. Одес. Вѣстникъ* 1860; 167.

202. Народныя пѣсни собранныя въ западной части Волынской губерніи въ 1844 г. *И. И. Костомаровымъ, Малорусск. Литерат. Сборникъ.* Саратовъ. 1859.

203. Народныя пѣсни, подобранныя *П. Кулишемъ. Народное Чтеніе.* 1859; 2.

204. Сказки и предразсудки Полѣскаго народа. *Волынскія губ. вѣд.* 1859; 20 и 37.

205. Свадьба на Полісьѣ. *Кіевскій Телеграфъ.* 1859; 19, 20 и 25.

206. Замѣчаніе на статью: «Мужицьке весилье» *Гр. Кульжинскій Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 7.

207. О малороссійской свадьбѣ. *К. Непытайенко. Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 10.

Замѣчаніе на статью Кульжинскаго.

208. Свадебные обряды Малороссіянъ. *Полтавск. губ. вѣд.* 1859; 31—34.

209. Разсказы о кладахъ. *М. Исаенко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 51.

210. Легенд новѣрья Украинскаго народа. *А. Новосельскаго. Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 75, 76 и 77.

211. Погане поле. Легенда *П. К.—ко. Черниов. губ. вѣд.* 1860, 29; 2 стр.

Урочище «Погане поле» находится на границѣ Нѣжинскаго и Козелецкаго уѣздовъ.

212. Крещатый дубъ. Преданіе. *М. Исаенко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 38.

213. Пѣсни, записанныя въ м. Олишевкѣ (Козелецкаго уѣзда). *Д. Лавриненко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 49, 50.

214. Коляда *С. Микуцкій. Виленск. Вѣстникъ.* 1860, 37.

Выписка изъ соч. Glossarium mediae et infimae Latinitatis, etc, Ducange, которою доказывается ошибочность мнѣнія многихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Шафарика, что Коляда есть словянское божество.

215. О волкахъ и волчьемъ богѣ Полисупѣ. *П. Ефименко. Черниов. губ. вѣд.* 1859; 23.

216. Разсказы про Полісуна. *А. Тищинскій. Черниов. губ. вѣд.* 1859, 38.

217. Разсказъ о Лісунѣ (Записанъ *М. Исаенко* въ Батуринѣ). *Черниов. губ. вѣд.* 1860; 28, 2 стр.

218. Народный бытъ Волынскаго Полѣсья. *Волынск. губ. вѣд.* 1859; 15—20.

219. Бытъ Подолянъ. Изд. *К. Шейковскаго.* Т. 1-й вып. 1-й и 2-й. Кіевъ. Тип. И. и *А. Давыденко.* 1860.

Разборъ помѣщенъ въ «Современникѣ» 1860 г. № 9.

220. О суевѣріяхъ, встрѣчаемыхъ на праздникъ Рождества Христова въ Кіевскомъ уѣздѣ. *Вас. Смакчинскій. Кіевскія губ. вѣд.* 1860; 30.

221. О похоронахъ въ Подольской губ. *К. Шейковскій. Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 24, 25, 26.

222. Народные музыкальные инструменты въ Россіи. Русск. Худож. Листокъ. 1860.

223. Село Лютежъ. П..... *Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 12.

224. Мѣстечко Екатеринополь. (Калиболото-тожъ) *К. Петрушевскій Кіевскія, губ. вѣд.* 1859; 5.

225. Село Водотые. *П. Сенаторскій. Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 20.

226. Хозяйственный и нравственный бытъ колонистовъ Маріупольскаго округа. *И. Рачинскій. Экономическія Записки.* 1859; 7 и 18.

227. Очерки хозяйственнаго быта въ Новороссіи. *Д. Георіевскій. Русскій Дневникъ.* № 59, 65 и 66.
1) Чумаки. 2) Вольные косари въ степяхъ.

228. О рабочихъ въ степяхъ Крыма. *Таврическія губ. вѣд.* 1859; 12.

229. Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ. *Н. З. Одесскій Вѣстникъ.* 1858, 7.

230. О захожихъ рабочихъ въ Херсонской губ. *Я. Грудзино, Земледѣльч. газета.* 1858; 34 и 35.

231. Переселеніе Крымскихъ татаръ. *Н. Щербань. Русскій Вѣстникъ.* 1860; 23—24.

232. Бѣглыя замѣтки на пути по Малороссіи. *А. Чужбинскій. Сѣв. Пчела.* 1860; 288.

233. Евреи въ Харьковѣ. *В. Крѣпостининъ. Прибавл. къ Харьк. губ. вѣд.* 1860; 10.

234. Объясненіе по поводу статьи г. М. Д. «Гоненія Евреевъ въ Одессѣ». *Палеологъ. Русскій Міръ.* 1860; 11.

235. Поѣздка по низовьямъ Днѣпра. *А. Афонасьевъ-Чужбинскій. Морской Сборникъ.* 1858; 2, 8, 9 и 11;—1859; 2, 4, 7, 8 и 11;—1860; 9.
1) Правый берегъ. 2) Отъ Мѣловой до Берислава. 3) Отъ Берислава до Херсона. 4) Херсонъ лѣвый берегъ. 5) Отъ Каменки до Алешекъ. 6) Лиманъ и его окрестности.

236. Въ Кіевъ и обратно. *В. Михайловъ. Русскій Худож. Листокъ.* 1860; 12 и 17.

237. Сагайдаки. *А. Перелешинъ. Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общества.* 1859; 10.

Сагайдаками называются въ Малороссіи, въ Воронежской, Курской и Харьковской губ.—дороги.

238. Пути Сообщенія въ Херсонской губ. *А. Шмитъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 26 и 29.

239. Отъ Ставрополя на Донъ. *П. В. Русскій Дневникъ.* 1859; 88.

240. Съ дороги. Донъ и Волга. *Ж. С.-пбургскія Вѣдомости.* 1860; 121.

241. Ростовъ и Таганрогъ. Замѣтки туриста. Кн. *М. Г. Голицынъ. Библіотека для чтенія.* 1859.

242. Путевыя замѣтки въ Крыму въ 1857 г. *В. Назарьевъ. Иллюстрація.* 1859; 58, 59, 61—64.

243. Нѣсколько словъ о дорогѣ изъ Петербурга въ Таганрогъ. *А. Б—ко. Сѣв. Пчела.* 1860; 281.

244. Замѣтки по Бессарабіи. К. Х. *Бессараб. област. вѣд.* 1860.

245. Замѣтки по Бессарабіи. г. Бѣльцы. *К. Х. Бессараб. обл. вѣд.* 1860; 31.

246. Воспоминаніе прогулки по Бессарабскимъ монастырямъ. *В. Шостакъ Бессараб. губ. вѣд.* 1860; 42.

247. Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно *М. Александровичъ. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 30—34.

248. Письма съ Юга. *А. Николичъ. Семейный Кругъ.* 1860; 18.

Отъ Харькова до Керчи. Керчь. Одесса. Мартыновъ. Воскр. школы въ Керчи.

249. Четыре дня на Азовскомъ морѣ. *Н. В.* (Изъ дорожныхъ записокъ). *Новороссійскій Сборникъ.* 1859.

250. На почтовой дорогѣ въ Малороссіи. *П. Кулишъ. Искра.* 1860; 49.

251. Нѣсколько словъ о плаваніи по Днѣпру. *И. Мунтяновъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 137.

252. Дорожныя записки. *А. Чужбинскій. Русское Слово.* 1860; 1, 8.

Плаваніе по Черному и Азовскому морямъ.

253. Два мѣсяца въ Малороссіи. *К. Козловскій. Оберточный Листокъ.* 1860; 49.

254. По пути изъ Одессы въ Кіевъ. *Д—ій. Одесскій Вѣстникъ.* 1859; 72 и 76.

255. Отъ С.-Петербурга до Одессы. *Сѣверная Пчела.* 1859; 222.

256. Замѣтки на пути изъ Одессы въ Тифлисъ. *Н—ъ. Южный Сборникъ.* 1859; 8, 9.

257. Путевыя замѣтки. *С. Толмачевъ. Производитель и промышленникъ.* 1860; 28.

Изъ путешествія по Новороссіи.

258. Путевыя замѣтки отъ Кишинева до Одессы. *К. Ханацкій. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 14—и *Бессарабскія обл. вѣд.* 1860; 25, 26, 27 и 50.

259. Походныя письма ополченца изъ южной Бессарабіи 1855—1856 г. *А. В. Рачинскаго.* Москва. Въ тип. А. Семена. 1858. (Изъ Русской Бесѣды, № 2, 1858 г.).

---

260. Статистическое описаніе Харьковской губ. *Г. Турбинъ. Харьков. губ. вѣд.* 1860; 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 47—52.

261. Историко-статистическое описаніе г. Харькова. *И. Кованко. Прибавл. къ Харьков. губ. вѣд.* 1859.

262. Статистическія свѣдѣнія о Черниговской губ. *Черниго. губ. вѣд.* 1860; 32. О народонаселеніи губ. за 1859 г.

263. Народонаселеніе Полтавской губ. и ея городовъ въ 1858 по 10-й народн. переписи. *Полтав. губ. вѣд.* 1859. 4, 15, 16.

264. Движеніе народонаселенія въ Полтавской губ. въ 1859 году. *Полтав. губ. вѣд.* 1860; 50, 51.

265. Число жителей Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтав. губ. вѣд.* 1859; 47.

266. Число православныхъ церквей въ Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтав. губ. вѣд.* 1859; 47.

267. Заводы и фабрики въ Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтавск. губ. вѣд.* 1859; 48.

268. Число купеческихъ капиталовъ, объявленныхъ въ Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтав. губ. вѣд.* 1859; 49.

269. Статистическое обозрѣніе Судачской долины. *А. Д. Листокъ Русскаго Общества Пароход.* 1860.

270. Опытъ статистическаго описанія городовъ Бессарабіи (Хотинъ) *А. Защука. Бессараб. обл. вѣд.* 1860. 48, 49.

271. Отрывки изъ статист. описанія Херсонской губ. и Одесск. градонач. *А. Шмитъ.* Одесса. 1860.

272. Роспись въ алфавитномъ порядкѣ съ уѣзднымъ городомъ, селъ и деревень, находящ. въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 11, 15, 24 и 25.

273. Возможность скораго заселенія Крыма. *Фр. Д—скій. Одесскій Вѣстникъ*, 33.

274. Статистическое описаніе села Ярославичь, Дубенскаго уѣзда. *Волынскія губ. вѣд.* 1859.

275. Статистическое описаніе Заславскаго уѣзда. *Волынскія губ. вѣд.* 1859; 40, 41, 42, 44, 45, 46, 49.

276. Нѣсколько свѣдѣній о Житомирѣ. *Экономистъ I.*

277. Статистическое описаніе Новоградволынскаго уѣзда. *Волынскія губ. вѣд.* 4.

278. Статистическіе труды *И. Ѳ. Штукенберга.* изд. его сыномъ *А. Штукенбергомъ.* Спб. 1858.

279. Населеніе Новороссіи. *А. А. Скальковскій. Экономистъ.* 1858. I.

280. Изъ военно-статистическаго описанія Новороссійскаго края. *Русскій Инвалидъ.* 1858; 41 и 57.

281. Краткое описаніе Таврической губ. *Б. Бассалъ. Записки Имп. Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* 10 и 11.

282. Статистическое обозрѣніе Екатеринославской губ. *Памятная книжка Екатеринославской губ.* на 1860.

283. Матеріалы для статистики Подольской губ. *Памятная книжка Подольской губ.* за 1859.

284. Село Нападовка. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 9.

285. Статистическое описаніе города Алешекъ. *А. Чириковъ. Листокъ Русскаго Общ. пароходства.* 1860. 62.

286. Мѣстечко Никополь. (Статистическое описаніе). *Листокъ Русскаго Общ. Пароходства.* 1860. 65.

287. Харьковъ и Воронежъ. *С. Соколовъ. Производитель и Промышленникъ.* 1860. 40.

288. Одесская торговля. *А. Скальковскій. Экономическій Указатель.* 1858. 4. *и Земледельческая Газета.* 1858. 10.

289. Одесская торговля въ 1857. *Одесскій Вѣстникъ* 1858 39 и 40.

290. О табачной промышленности въ Сорокскомъ уѣздѣ. *Одесскій Вѣстникъ* 1858. 43.

291. Крымскія Каменоломни Тюринъ. *Морской Сборникъ.* 1858; 7 и 8.

292. Заграничная торговля Азовскаго бассейна въ 1858 году. *А. А. Скальковскій. Русскій Дневникъ* 7.

293. Объ Азовскомъ морѣ, *Соковкинъ. Экономическій Указатель.* 1858; 28.

294. Объ Азовскомъ морѣ. *Ал. Д. О. Петербургскія вѣд.* 268.

295. О Херсонской торговлѣ. *М. Чудновскій. Одесскій Вѣстникъ.* 1858; 46.

296. Заграничная торговля Черноморскаго бассейна. *А. Скальковскій. Промышленный листокъ.* 1888. 36 и 37.

297. Заграничная торговля Новороссійскаго края. *А. Скальковскій. Промышленный листокъ.* 1858; 32, 33 и 46.

298. Историческій очеркъ торговли Новороссійскаго края, за послѣднее время. 1856—58 г. *Н. Сокальскій. Одесскій Вѣстникъ* 1859; 1, 2, 3 и 5.

299. О торговыхъ оборотахъ города Ѳеодосіи. *Таврическія губ. вѣдомости.* 1859.

300. Краткій очеркъ торговой дѣятельности въ Курской губ. *Памятная книжка Курской губ.* на 1860 г.

301. О каменноугольной промышленности въ Новороссійскомъ краѣ. *Журналъ Минист. Вн. Дѣлъ.* 1858, 1. (Изъ Одесскаго Вѣстника).

302. Обзоръ судоходства и пароходства по Днѣпру. *Москов. вѣдомости.* 1858. 41.

303. Замѣтки о плаваніи иностранныхъ и русскихъ каботажныхъ судовъ въ Азовскомъ морѣ. *К. Гр. Спб. вѣд.* 95 и *Таврическія губ. вѣд.* 15.

304. О каботажномъ судоходствѣ въ Азовскомъ морѣ. *Н. Б—нъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1858; 51.

305. Обзоръ судоходства по Днѣпру. *Коммерческая газета.* 1858; 90.

306. Обзоръ судоходства и пароходства по р. Днѣпру и его притокамъ. Спб. 1858.

307. Донъ и Волга. Новые пути сообщенія между югозападомъ и востокомъ Россіи. *А. Скальковскій* Одесса. 1858.

308. Картины судоходства по Медвѣдицѣ и по Дону. *Д. Мордовцевъ. Памятная книжка Саратовской губ.*

309. Табаководство въ Полтавской губ. *Полтав. губ. вѣд.* и *Производитель и Промышленникъ.* 1860; 39 и 40.

310. Документы, относящ. до хлѣбной торговли Новорос. края. *Скальковскій. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 16.

311. По поводу хлѣбной торговли на югѣ Россіи. *Сѣверная Пчела.* 1860; 125.

Отвѣтъ г. помѣщику М. Антонову въ 68 №. Спбург. вѣдом.

312. Чумацкій извозъ въ Одессу. *Одесск. Вѣстн.* 1860; 51.

313. О сельдяномъ промыслѣ въ Новорос. краѣ. *А. Скальковскій. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 24.

314. Нѣсколько словъ о шелководствѣ на югѣ Россіи. *П. Бефани. Одес. Вѣстн.* 1860; 23, 1 ст.

315. Каменно-угольная промышленность на югѣ Россіи. *Одес. Вѣстн.* 1860; 7.

316. Движеніе судоходства на р. Днѣстрѣ въ 1859 г. *А. Мелиховъ. Листокъ Пароходства.* 1860; 23.

317. Списокъ свеклосахарнымъ заводамъ въ губ. Кіевской, Черниговской, Полтавской, Волынской и Подольской. *Кіевскія губ. вѣд.* 19, 20.

318. О свеклосахарныхъ заводахъ Кіевской губ. *Н. Рахманиновъ. Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 1 и 2.

319. Промышленность Суджанскаго уѣзда Курской губ. Производитель и Промышленникъ. 41—43 и *Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ*, 8.

320. О свеклосахарной промышленности въ Кіевской губ. *Коммерческая газета.* 1858, 13.

321. О соляной промышленности въ Крыму. *А. Джіоти. Одесскій Вѣстникъ* 1859, 135.

322. О торговлѣ саломъ въ Екатеринославлѣ. *М. С–й. Промышленный Листокъ*. 1858, 44.

323. Статистическій очеркъ мѣстъ нахожденія, добыванія и доставки къ мѣстамъ построекъ строительныхъ матеріаловъ; употребляемыхъ въ Таврической губ. *Соханскій. Журналъ Гл. Управ. Пут. Сообщенія съ картой*. 1859, 2.

324. Свѣдѣнія о Покровской ярмаркѣ въ Харьковѣ, въ 1860 г. *Вольфъ Иткинъ. Прибавленія къ Харьков. губ. вѣд.* 1860 110.

325. Замѣтки объ Ильинской ярмаркѣ въ Полтавѣ. *Р. Сыромятниковъ. Акціонеръ*. 1860; 47.

326. Статистическое описаніе Никольской Баховской ярмарки. *Листокъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли*. 1860; 75.

327. Ростовъ на Дону. *Производитель и Промышленникъ*. 1859; 15.

328. О торговлѣ крымскою мерлушкою. *Сѣверная Пчела*. 1860; 184.

329. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. *И. Аксаковъ*. Спб. 1858.

330. Выписка ярмаркамъ, существующимъ по Войску Донскому. *Донскія войсковыя вѣдомости*. 1859; 33.

331. Крещенская ярмарка въ 1859 г. въ Харьковѣ. *Вольфъ Иткинъ. Прибавленіе къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ*. 1859 г.

332. Украинскія ярмарки. *К. С. Аксаковъ. Русская Бесѣда*. 1858; 2.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

№ XX.—Деревянныя ворота, снятыя мною съ натуры въ старинномъ мѣстечкѣ *Седневъ*, въ 25 верстахъ отъ Чернигова. На воротахъ надпись: *Созданы быша врата си на 1763 году, мьсяца октоврія 23 дня*. Надпись эта вырѣзана въ деревѣ.—Ворота эти, къ сожалѣнію, уже полуразрушены; по остаткамъ видно, что на нихъ была крыша, но какая именно, деревяная или соломенная—не знаю.

№ XXI.—Лірникъ Дмитро Погорілий, съ рисунка П. А. Кулиша. Съ удовольствіемъ помѣщаю здѣсь нѣсколько словъ о немъ, сообщенныхъ мнѣ П. А. Кулишомъ.

»Встрѣтился я съ нимъ въ Звенигородкѣ на улицѣ—какъ обыкновенно бываетъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ—безлюдной и молчаливой. Онъ былъ слѣпъ и шелъ съ поводыремъ.

— Здоро́въ, брате! сказалъ я.

— Добри́день, па́не! отвѣчалъ онъ.

— Почімъ же ти зна́ешъ, що я панъ?

— Чу́ю, отвѣчалъ коротко Дмитро.

— Ні, бра́те, сказалъ я, сдѣлавъ знакъ молчанія поводырю:—я не панъ, я такий же про́стий чоловікъ, якъ и ти.

Дмитро́ молчалъ.

— Де твоя́ ха́та? спросилъ я.

— Онъ–тамъ, за рівчако́мъ.

Дмитро показалъ рукою.

— Ходімъ до те́бе въ ха́ту,—загра́й та заспіва́й міні.

— Ходімъ, па́не, коли́ ваша ми́лость.

— Не зови́ мене́, бра̀тіку, па́номъ: я сёго не люблю́, бо я таки́й же панъ, якъ и ти.

— То якъ же вашу ми́лость велича́ти?

Къ моему сожалѣнію, Дмитро со мной дѣлался все учтиве, иѣеучтивѣ

— Да яка́ тутъ ми́лость, Богъ съ тобо́ю! сказалъ я, плохо играя свою роль: я тогда еще не умѣлъ говорить съ простымъ народомъ, и потому запугивалъ нищаго, самъ не понимая, чѣмъ. — Зови́ мене́, коли́ хо́чешъ, Панько́мъ. А тебе́ якъ зову́ть?

— Дмитро́мъ, па́не, Дмитро́ Погорі́лий.

Такимъ образомъ Дмитро, умышленно, или по привычкѣ, ставилъ слово *панъ* между собой и мной, какъ непереходимую для насъ обоихъ пропасть. Мнѣ сдѣлалось больно за тотъ слой общества, къ которому онъ меня такъ-сказать отталкивалъ. Но я не сомнѣвался, что Дмитро будетъ мой.

Хата у него была самая жалкая, — тѣмъ болѣе, что на всемъ видно было отсутствіе женскихъ рукъ. Мы застали въ ней его товарища, такого жъ, какъ и онъ, безроднаго бѣдняка-лирника. Ихъ заботы о томъ, чтобы меня накормить, какъ гостя, тронули меня. У нихъ оказались очень вкусные соленые огурцы въ деревянномъ ведрѣ и ломти хлѣба изъ разныхъ печей. Молодость и прогулка по неровной мѣстности Звенигородки возбудили мой аппетитъ. Мы втроемъ принялись завтракать посреди рушащихся бревенчатыхъ стѣнъ, точно въ комфортномъ домѣ. Проворный поводырь въ одну минуту притащилъ, по моей просьбѣ, водки. Какъ говорится, ледъ былъ сломанъ,— бесѣда закипѣла, полились рѣкой гайдамацкія пѣсни. Дмитро Погорѣлый, какъ видно и по набросанному мною съ натуры портрету, понравился мнѣ съ перваго взгляда гайдамацкою своею наружностію. Нелѣпи съ двѣ не бритая борода очень шла къ его дикимъ и вмѣстѣ простодушнымъ чертамъ. Онъ, вѣроятно, не счелъ бы для себя грѣхомъ поступить съ Ляхами и Жидами такъ, какъ поступали, въ свое время, герои его разсказовъ. Это былъ необтершійся еще въ новой жизни осколокъ прежняго вѣка. О самыхъ невѣроятныхъ вещахъ (см. *Записки о Южной Руси*, I, стр. 95) онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ-будто это случилось передъ его глазами (которые, къ сожалѣнію, были слѣпы). Пѣлъ онъ съ энтузіазмомъ и съ такою выразительностію, какъ-будто и содержаніе пѣсни и напѣвъ были его созданіе. Почти каждую пѣсню сопровождалъ онъ объясненіями, которыя сто́ило записать всѣ. Языкъ его разсказовъ былъ превосходный. Я очень полюбилъ Дмитра; а онъ ужъ больше не называлъ меня паномъ и говорилъ мнѣ—*ты*. Не смотря на это, онъ раза два замолкалъ, качалъ значительно головой и говорилъ:

— Ой, не прóстий ти чоловíкъ!.. Знáю я, хто ти: мóже, твоя́ паніматка въ золотóму палáцу сидúть.

— Нехáй же вонá собі тамъ сидúть, отвѣчалъ я, — а ми вúпъемо́ по чáрці та заспівáемо щó про Максúма Залізняка́.

Во время моихъ странствованій по убогимъ хатамъ, всего больше я располагалъ простой народъ въ свою пользу тѣмъ, что пѣлъ или читалъ наизусть множество народныхъ пѣсень. Этотъ запасъ знанія, усвоенный мною еще съ неграмотнаго моего дѣтства, помогъ мнѣ сойтись и съ Дмитромъ Погорѣлымъ. Онъ, съ наивностію горячаго сердца, предлагалъ мнѣ идти и ѣхать со мной куда-угодно, такъ-что ставилъ меня даже въ нѣкоторое затрудненіе своею преданностію. Къ сожалѣнію, это была одна изъ первыхъ моихъ встрѣчь въ такомъ родѣ. Мнѣ казалось, что я найду множество подобныхъ личностей, углубясь больше въ Задѣпровскую Украину, и я разстался съ нимъ навсегда послѣ первой бесѣды.

№ XXII.—Мѣщанка Полтавской губ., гравирована мною съ рисунка И. И. Соколова.

№ XXIII.—Дѣвушка Полтавской губ.,—тоже съ рисунка И. И. Соколова.

№ XXIV.—Видъ снятый съ натуры, въ одной изъ станицъ Черноморія, А. Е. Бейдеманомъ,—изъ этого рисунка можно видѣть до какой степени наружный видъ жилья въ Черноморіи сохранилъ свой первобытный, малороссійскій характеръ.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 11-Й И 12-ОЙ КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́вити — забавлять.
Ба́нька — стеклянный шаръ, которымъ выглаживаются намітки; глаза́.
Балаба́нъ — (кушанье) — пышки.
Балаку́чий — говорливый.
Берки́цнутись — упасть, опрокинуться, перекувыркнуться.
Биши́ха — (болѣзнь) рожа.
Брузуме́нтъ — позументъ.
Бундю́читьця — дуться; сердиться.
Бурха́ти — порывисто, сильно дуть (о вѣтрѣ).
Бухи́нка — булка хлѣба.

Варня́кати — говорить невнятно — и безтолку.
Вгли́бшки (нарѣчіе) — глубиною.
Вдряпну́ти — оцарапнуть.
Вели́чня — величественная, пышная.
Ви́годувати — выкормить; воспитать.
Випру́чуватись — вырываться; освобождаться.
Ви́ткнутись — высунуться.
Відхо́жий — на выходѣ, прощальный.
Вісьмири́къ — жерновой камень въ восемь четвертей.
Ви́хопитись — выскочить; вырваться.
Вкруть — круто.
Вко́ськати — упросить.
Ворітечка — (уменьш.) ворота.
Ву́ликъ — (уменьш.) улей.

Гартъ — зака́лъ.
Ге́тьте — подите прочь.
Гіллячка — (уменьш.) вѣтка.
Гнатъ — Игнатъ.
Гоміл́ка — голень.
Горпи́на — Агрипина.
Гря́хнути — грохнуть.
Гуна́, (луна́) — эхо.
Гирли́ga — пастушескій посохъ съ шишкой или крюкомъ на одномъ концѣ.

Да́либі, далебі́ — ей-Богу.
Джирча́ти — дребезжать.
Дія — дѣйствіе; дѣяніе.
Довже́зний — очень длинный.
Доку́чува́ти — наскучать.
До́лі — на землѣ; на полу.
Дома́ха — Домна.
Домонта́рь — доможилъ.
До гори́ (нога́ми) — вверхъ (ногами).
До ру́къ (по́да́ти) — отдать въ руки.
Драпіка — (бранн. слово) обдирало.
Дроковиця — жаркое время, когда скотъ дрочится, бѣсится.

Жене́ — гонить.
Жене́тця — гонится.
Жижки́ — подколѣнныя жилы.

Зато́го — скоро, вотъ-вотъ.
Завійна (болѣзнь) — сильная рѣзь въ животѣ.
Закопотіти — топать на бѣгу ногами.
Заці́дити — ударить; хватить.
Защіпнутий — застегнутый.
Зва́житись — отважиться.
Звідкіля́ — откудова.
Згéдзкатись — закапризиться.
Зжоло́бити — скорчить.
Змісти́тьця — вмѣститься.
Зіпха́ти — спихнуть; сбить.

Илько́ — Илья.
Зупо́лний — полный.

Іжа́ — пища.

Ка́пость — пакость.
Капшу́къ — кошелекъ; кисетъ.
Ква́ша — вареное жидкое тѣсто.
Кесе́тина — кисетъ.
Кинда́къ — лента.
Кіпъ, род. кона — сцена.

Кінва — кружка.
Кйтиця — кисть.
Клубъ — вертлугъ (круглая часть, конецъ сурели).
Ко́дло — родъ, порода.
Коми́зитись — сердиться; капризничать.
Ку́блитись — гнѣздиться, умащиваться.
Комонникъ — конный ѣздокъ.
Контентува́тись — угощаться.
Кора́лі — коралы.
Кринъ — растеніе.
Куди́сь — куда-то.
Кубло́ — логовище въ сѣнѣ или соломѣ.
Кукульва́нъ — дурманъ.
Ку́ра — пыль, курево.
Ку́рячий — куриный.
Кули́на — Акулина.
Куншта́ція — штуки, хитрости, искуство.

Лата́тс — растеніе.
Лашту́нки — лѣса; деревяныя подмостки, для устройства чего-либо.
Ле́шата — тиски, раскепъ для выглаживанія ремней.
Лементарь (рейментарь) — начальникъ отряда.
Литки́ — икры.
Липівка — кадка, сдѣланная изъ цѣльнаго дерева, преимущественно изъ липы.
Лю́тий — февраль.
Ля́лька — кукла; игрушка.

Мамій — матушкинъ сынокъ.
Мару́шка — Марья.
Ма́нька — Машенька, Марфуша, душенька (въ переносн. смыслѣ, ласкательное).
Марю́ка — (увелич.) привидѣніе.
Ме́ння — имя.
Ми́мрити — подъ носъ, невнятно говорить.
Млинці — блины.
Мля́вий — слабый; разслабленный; несносливый
Мовчязли́вий — молчаливый.
Моло́діжъ — молодёжъ.
Му́литись — жаться; мяться; соглашаться какъ-бы нехотя.
Мяке́нький — (уменьш.) мягкій.

Навпо́слі — послѣ; потомъ.
Нащадокъ — потомство.
На́дібокъ — дерево, подготовленное для подѣлокъ.
На-вспра́жки — въ самомъ дѣлѣ.
Настроми́ти — наткнуть: надѣть.
Навтікача́ — бѣгомъ; убѣжать.
Намо́нятись — (переносн.) напиться до-пьяна.
Неприторе́ний — не-натершійся (въ свѣтѣ, въ жизни, въ обычаяхъ).
Не впо́мку — не вспомнить мнѣ.
Нехлю́я — (бранное слово) неряха.

Одрізни́тись — отдѣлиться, отрозниться.
Обликъ — обличье — лицо; очеркъ лица.
Обіхідка — (на обіхідку) текущій расходъ.
Окульба́чити — осѣдлать.
Опини́тись — очутиться.
Ори́шка — Ирина.
Ори́нка — Ирина.
Ось-якъ! — а вотъ какъ!
Отютя́нтъ — адъютантъ.
Оцюди́ — вотъ сюда.
Очи́ці — глазки.
Ощадокъ — остатокъ.
О-що! — вотъ-что!

Пашенна яма — ссыпная хлѣбная яма.
Пита́нне — вопросъ.
Підвечі́ркувати — поздно полдничать.
Підка́покъ — чернеча камилавка.
Підсковзну́тись — поскользнуться.
Пірьячко — пёрушки.
Плига́ти — прыгать.
По́битъ — бытъ.
Подвідчикъ — подводчикъ.
Подихати — дуть; повѣвать.
По́дря́пати — поцарапать.
Посу́ха — засуха.
Позіха́ти — зѣвать.
По́ква́питись — польститься.
Покволомъ — потихоньку; съ нѣкоторою важностью.
По́кіль — покуда; пока; покамѣсть.
Пола́—въ вісімъ пілъ—въ восемъ полотнищъ.
Полуни́ця — степная клубника.
Пол-чварта — три съ половиною.
Пополотні́ти — поблѣднѣть, побѣлѣть какъ полотно.
Пополо́хати — спугнуть: встревожить.
Посвари́тись — погрозиться; поссориться.
Пошти́во — учтиво; почтительно.
По́чи́тувати — почитать; поминать въ церкви.
Почерзі — по-очереди.
Пригу́бити — притронуться къ чаркѣ губами.
Притёпатись — прибрести.

Прицу́цуватий—глуповатый.
Причепе́нда — придирчивый.
Пріська — Аѳросинья.
Пристру́нчити — приструнить; напугать.
Про́бі! — ради Бога, помогите!
Прогайнува́ти — промотать.
Прозі́рний — прозрачный свѣтлый, слѣдующій тумакъ.
Проковну́ти — проглотить.
Пухки́й — мягкій какъ пухъ.
Пшоня́ний — пшенный.

Ра́ніщній — утрешній.
Ре́петъ—крикъ; шумъ.
Розбу́ркатись — проснуться, очнуться.
Роздима́ти — розлувать.
Роздобу́ти — добыть; пріобрѣсть.
Розло́гий—обширный.
Ро́змиръ — разрывъ.
Розчуру́пати — разобрать; понять; розслышать.
Розтрощи́ти — раздавить; роздробить.

Самоту́жки (везти)—на себѣ(везти).
Середу-дня́ — среди-дня.
Си́рно—маленькій низенькій столикъ, употребляемый въ землянкахъ; сидятъ у него на землѣ.
Скатерти́на (уменьш.)—скатерть.
Скота́рство — скотоводство.
Сму́га — полоса
Соло́ха — Соломонида.
Спра́вдитись — исполниться.
Стидки́й — безстыдный.
Суре́лі — ляшки.
Су́тозоло́тий — обильно-золотой.

Таганóкъ — треножникъ, на которомъ вѣшается котелъ.
Таджéжъ — ну,—да.
Тиліпа́тись — мотаться.
Ти́рло — сбойное мѣсто, на которомъ ночевали овцы.
Тирка́тий — (пѣвень).
Товкува́ти — толковать; говорить.
Товче́никъ—(въ переносномъ смыслѣ)
Торохтíйка — говорливая женщина.
Трішечки — (уменьш.) —немножко.
Тря́сця — лихорадка.
Ту́ркотъ — хохлатый голубъ.
Тю́тьки — не вдогадъ.

Узликъ — узелъ.
Ура́зливо — язвительно; больно.
Ураздли́вий — раздражительный.
Устоньки —(уменш.) уста; губки.

Хи́жа —часть хаты.
Харко́ — Захаръ, Харитонъ.
Хве́ська — Ѳеодосія

Цви́гати — (переносн.) бить.
Цвіркýнъ — свчокъ

Шавлія — шалфей.
Шéвський — сапожницкій.
Широче́нний — очень широкій.
Шкульга́ти — прихрамывать.
Штимъ — холка.
Штимова́та вівця — овца съ стоячею шерстью.
Шморгну́ти — дёрнуть, шмигнуть.
Шпáрко — рѣзко; скоро.
Щугу́нути —полетѣть.
Щóглі — высокія стоячія бревна; мачты.

Якóсь — какъ-то.
Яцько́ — Яковъ.
Ярочко́вий — поярчатый.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

К. В. Шейкісі, заявившій о своихъ занятіяхъ украинскою этнографіею изданіемъ »*Быта Подолянъ*«, началъ изданіе »*Опыта южно-русскаго Словаря*«, въ Кіевѣ.

Цѣна первому выпуску, безъ статьи: »*Нѣсколько словъ о южно-русскомъ народѣ и въ-особенности о его языкѣ*« 1 р., со статьею 1 р. 50 к. На пересылку прилагается за 1 фунтъ. Первый выпускъ получать можно въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ В. Г. Барщевскаго и у составителя, на Кудрявцѣ въ д. Ващенка; въ Черниговѣ въ редакціи »Черниговскаго Листка«, въ Екатеринославѣ у учителя гимназіи А. К. Левицкаго, въ Немировѣ у учителя гимназіи О. Я. Воронаго, въ Каменецъ-Подольскѣ у чиновника В. Д. Кашубскаго. Въ теченіе 1862 года, выйдетъ первый томъ словаря, т. е. четыре выпуска, заключающіе въ себѣ minimum 43 печатныхъ листа. Подписная цѣна первому тому 4 рубля съ пересылкою. Лица, внесшія болѣе одного рубля за 1-й в., если пожелаютъ подписаться на цѣлый томъ, доплачиваютъ столько, сколько будетъ слѣдовать по разсчету. Первый томъ можетъ выйти въ теченіе 1862 года только въ такомъ случаѣ, если къ 1 февраля 1862 года будетъ по крайней мѣрѣ 100 подписчиковъ на цѣлый томъ. Въ противномъ случаѣ, изданіе словаря, какъ дѣло не *своевременное* и не сообразное съ потребностями и развитіемъ южно-русскаго народа, будетъ прекращено, о чемъ будетъ объявлено, и деньги будутъ возвращены подписчикамъ.

Надѣюсь, что лица, имѣющія у себя матеріалы для словаря, доставятъ ихъ мнѣ, какъ это уже и сдѣлали нѣкоторые. Матеріалы и требованія на словарь должны быть адресуемы такъ: въ Кіевъ. Кандидату историко-филологическаго факультета Университета Св. Владиміра, Каллинику Васильевичу Шейковскому.

ВЪ КІЕВѢ ВЫШЛО

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИХЪ КАТЕГОРІЙ,

составленное (по Штейналю)

М. А. ТУЛОВЫМЪ.

Книгу эту (69 стр., in 8°) можно пріобрѣтать въ Петербургѣ у Матвѣя Терентьевича Симонова, на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ Розова, кварт. № 7. Цѣна безъ пересылки 50 к. за экземпляръ; иногородные прилагаютъ, сверхъ того, пересылочныхъ и укупорныхъ 25 к. сер. Книгопродавцы, при покупкѣ 5 и болѣе экземпляровъ, получаютъ 10% уступки *съ цѣны*.

ОБЪ ИЗДАНІИ

СОВРЕМЕННИКА

ВЪ 1862 ГОДУ.

«Современникъ» въ 1862 году будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, тѣми же лицами, какъ и въ прошломъ году.

Направленіе «Современника» извѣстно его читателямъ. Продолжая, по мѣрѣ возможности, развивать это направленіе въ приложеніи къ разнымъ отраслямъ науки и жизни, редакція въ послѣдніе годы должна была ожидать измѣненія своихъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ сотрудниковъ (преимущественно беллетристическаго отдѣла), которыхъ произведенія въ прежнее время, когда еще направленія не обозначались такъ ясно,—нерѣдко съ удовольствіемъ встрѣчаемы были читателями въ нашемъ журналѣ. Сожалѣя объ утратѣ ихъ сотрудничества, редакція однакоже не хотѣла, въ надеждѣ на будущіе прекрасные труды ихъ, пожертвовать основными идеями изданія, которыя кажутся ей справедливыми и честными и служеніе которымъ привлекаетъ и будетъ привлекать къ ней новыхъ, свѣжихъ дѣятелей и новыя сочувствія, между-тѣмъ какъ дѣятели, хотя и талантливые, но остановившіеся на прежнемъ направленіи—именно потому, что

не хотятъ признать новыхъ требованій жизни—сами себя лишаютъ своей силы и охлаждаютъ прежнія къ нимъ сочувствія. Впрочемъ изъ писателей, пользующихся постояннымъ сочувствіемъ публики, «Современнику» вполнѣ обезпечено въ будущемъ году сотрудничество гг. Островскаго, Салтыкова (Щедрина), Марка Вовчка, Станицкаго, Успенскаго, Григоровича и другихъ.

Что касается до отдѣла серьёзныхъ и современныхъ статей, то надо сказать, что въ большинствѣ случаевъ онѣ зависятъ отъ разныхъ условій. Впрочемъ, мы надѣемся, что кругъ предметовъ, доступныхъ обсужденію въ журналахъ, будетъ постепенно разширяться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разнообразіе и сила нашего журнала увеличиваться.

Въ отдѣлахъ библіографіи, внутренняго обозрѣнія, фельетона, «Современникъ» старается, какъ замѣтили, конечно, читатели, не о педантической полнотѣ и систематичности, но всего болѣе о проведеніи, хотя бы и въ бѣглыхъ замѣткахъ, тѣхъ же истинъ и выводовъ, разъясненію которыхъ посвящаются, по возможности, цѣльныя статьи въ другихъ отдѣлахъ журнала. Этой же цѣли служилъ и «Свистокъ», отъ котораго редакція вовсе не намѣрена отказываться.

Составъ журнала остается прежній:

I. Повѣсти, романы, путешествія, драматическія произведенія, стихотворенія, статьи серьёзнаго содержанія, преимущественно по части исторіи, политической экономіи, исторіи литературъ, и прочее.

II. Современное обозрѣніе, то есть: 1) Критика и библіографія книгъ и журнальныхъ статей, почему либо заслуживающихъ вниманія, какъ русскихъ, такъ иногда и иностранныхъ; 2) Внутреннее обозрѣніе замѣчательныхъ явленій русской жизни; 3) Замѣтки о петербургской жизни; 4) Политическое обозрѣніе; 5) Мелкія статьи, касающіяся отдѣльно того или другаго явленія современности.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ «Современника», на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Зивѣтнова, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

Въ Москвѣ: въ конторѣ «Современника», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ П. В. Базунова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе «Современника» въ С.-Петербургѣ безъ доставки: *пятнадцать руб. сер.*, съ пересылкою: *шестнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.*

И. ПАНАЕВЪ.
Н. НЕКРАСОВЪ.
Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ПОДПИСКА НА ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

на 1862 годъ

ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ“

И ГАЗЕТА

„ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“.

Въ началѣ текущаго года, редакціею «*Трудовъ*» и «*Экономическихъ Записокъ*» было заявлено, что, она, оставаясь при прежнемъ направленіи, обратитъ однако особое вниманіе на *отдѣлъ библіографіи* и на *хронику заграничнаго хозяйства*. Съ этою цѣлію, въ каждомъ почти номерѣ «Трудовъ», были разбираемы новыя хозяйственныя сочиненія и періодическія изданія. Хроника же заграничнаго хозяйства помѣщалась въ смѣси подъ особой рубрикой: *Обозрѣніе новостей по сельскому хозяйству за границею.*

Въ будущемъ 1862-мъ году, программа *Трудовъ* и *Экономическихъ Записокъ* остается, въ главныхъ основаніяхъ, согласно занятіямъ Общества, прежняя.

Въ составъ «Трудовъ» войдутъ слѣд. отдѣлы:

1. ЖУРНАЛЫ (ПРОТОКОЛЫ) ЗАСѢДАНІЙ Совѣта и Общаго Собранія Общества.
2. ОТДѢЛЕНІЕ I: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО съ главными его отраслями.
3. ОТДѢЛЕНІЕ II: РЕМЕСЛА и ФАБРИЧНЫЯ ПРОИЗВОДСТВА, состоящія въ ближайшей связи съ сельскимъ хозяйствомъ.
4. ОТДѢЛЕНІЕ III: ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ НАУКИ, политическая экономія, естествознаніе и т. п.
5. БИБЛІОГРАФІЯ: разборъ хозяйственныхъ періодическихъ изданій и книгъ.
6. ОБОЗРѢНІЕ НОВОСТЕЙ по сельскому хозяйству за границею.
7. СМѢСЬ.

Въ **«Экономическихъ Запискахъ»** будутъ помѣщаться протоколы засѣданій Отдѣленій и Общаго Собранія, болѣе мелкія и спѣшныя статьи, хозяйственныя и промышленныя извѣстія, вопросы сельскихъ хозяевъ и отвѣты на нихъ редакціи, разныя хозяйственныя объявленія и т. п.

Къ статьямъ какъ въ **«Трудахъ»**, такъ въ и **«Экономическихъ Запискахъ»** будутъ прилагаемы, по мѣрѣ надобности, *рисунки*. При выборѣ послѣднихъ, редакція будетъ обращать вниманіе не столько на новизну, сколько на практичность, простоту и удобопримѣнимость изображаемаго предмета въ русскомъ хозяйствѣ. Болѣе замѣчательныя полевыя и огородныя сѣмена будутъ при изданіяхъ разсылаться по прежнему.

«Труды» будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками, каждая не мѣнѣе 10 печатныхъ листовъ, а **«Экономическія Записки»** *еженедѣльно* по одному листу прежняго формата.

Цѣна за оба изданія остается 4 р., съ пересылкою во всѣ города и доставкою на домъ. Журналъ пересылается чрезъ С. Петербургскій почтамтъ по *тяжелой*, а газета по *легкой* почтѣ.

Подписка на **«Труды»** и **«Экономическія Записки»** на 1862 годъ принимается въ **С. Петербургѣ: въ домѣ И. В. Э. Общества** (въ 4-й ротѣ Измаиловскаго полка), въ книжномъ магазинѣ **Лермонтова и К°.** (въ Караванной, № 24) и въ **Москвѣ:** у книгопродавца **Глазунова** (на Кузнецкомъ мосту) и въ сельскохозяйственномъ коммисіонерствѣ **Н. И. Анненкова,** на Зубов-

скомъ бульварѣ, въ домѣ Земледѣльческой школы. Иногородные благоволятъ адресоваться въ **С. Петербургъ,** въ **Императорское Вольное Экономическое Общество.**

Подписка отдѣльно на какое либо изъ этихъ изданій не принимается.

Редакторъ **А. Совѣтовъ.**

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

ВЪ **1862** ГОДУ,

выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 15-ти до 20-ти печатныхъ листовъ въ каждой.

«Военный Сборникъ», издаваемый по Высочайшему повелѣнію, будетъ продолжатся въ 1862 году на прежнемъ основаніи.

Въ четыре года своего существованія, «Военный Сборникъ» стремился неуклонно къ всесторонней разработкѣ своей обширной программы. Не Редакціи судить, въ какой мѣрѣ выполнила она эту трудную задачу; но, конечно, ни одинъ безпристрастный человѣкъ, постоянно слѣдившій за журналомъ, не упрекнетъ ее въ отсутствіи усердія и желанія служить, на сколько отъ нея зависѣло, интересамъ военнаго сословія. Равнымъ образомъ, всякій знакомый съ журнальнымъ дѣломъ согласится, что у насъ изданіе такого рода, какъ «Военный Сборникъ», представляло особенныя затрудненія при неразвитости отечественной военной литературы и при маломъ числѣ нашихъ военныхъ писателей. Что затрудненія, эти были преодолѣны, если не вполнѣ, то большею частію доказательства тому налицо: «Военный Сборникъ» можетъ, не преуве-

личивая своихъ заслугъ, сказать съ увѣренностію, что способствовалъ пробужденію въ нашемъ военномъ сословіи умственной дѣятельности и, наполняясь со-сихъ поръ преимущественно статьями оригинальными, фактически заявилъ мысль о возможности существованія у насъ военнаго журнала самобытнаго, независимаго отъ иностранныхъ военныхъ изданій. Постояннымъ читателямъ «Военнаго Сборника» извѣстно, что главное вниманіе Редакціи было обращаемо на разработку всѣхъ живыхъ, современныхъ военныхъ вопросовъ, на отечественную военную исторію, на нравственный и матеріальный бытъ нашихъ войскъ и что многое объ этихъ предметахъ впервые было высказано гласно въ нашемъ журналѣ.

Такимъ путемъ Редакція будетъ слѣдовать и впредь. Но, выставляя на первый планъ отечественный элементъ, «Военный Сборникъ» будетъ знакомить своихъ читателей и съ замѣчательнѣйшими явленіями военной жизни у другихъ народовъ, равно и съ наиболѣе важными произведеніями иностранной военной литературы, весьма богатой, но мало у насъ извѣстной. Въ теченіе 1862 года Редакція приложитъ къ журналу переводъ съ нѣмецкаго: «Руководство къ изученію стратегіи для офицеровъ всѣхъ оружій». Посредствомъ такихъ приложеній читатели «Военнаго Сборника» получатъ постепенно рядъ настольныхъ книгъ и руководствъ, основанныхъ на новѣйшихъ изысканіяхъ. «Тактика *Грисгейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Полана,* могутъ служить образчиками подобныхъ справочныхъ книгъ.

Программа «Военнаго Сборника», Высочайше одобренная, остается неизмѣнною и въ 1862 году.

I. ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. а) Извлеченія изъ приказовъ военнаго Министра, главнокомандующихъ арміями, Генералъ-Инспектора по инженерной части, Генералъ-Фельдцейхмейстера, начальника Штаба по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ и командировъ корпусовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій департаментовъ Военнаго Министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру,

Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служитъ подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній (*).

II. ОТДѢЛЪ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ. а) Тактика. б) Военная исторія. в) Военная администрація. г) Военная статистика. д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи, и артиллеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію военнаго искуства, способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ приложены соотвѣтствующіе карты и планы.

По военной администраціи — все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи — обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательныхъ театровъ войны.

По фортификаціи и артиллеріи буудтъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъпо отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для изслѣдованія которыхъ существуютъ у насъ спеціальные журналы.

III. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. а) Разсказы изъ военнаго быта. б) Записки военныхъ людей (мемуары). в) Путешествія, имѣющія военный интересъ. г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. СМѢСЬ. а) Извлеченія изъ журналовъ коммиссіи улучшеній по военной части. б) Открытія и опыты разнаго рода, за границею и у насъ въ Россіи произведенные. в) Выдержки изъ журналовъ Русскихъ и иностранныхъ. г) Библіографическія извѣстія о военныхъ книгахъ и статьяхъ различныхъ журналовъ, выходящихъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и анклійскомъ языкахъ. д) Всѣ

Извлеченія эти, само собою разумѣется, не могутъ замѣнить подлинныхъ приказовъ и циркуляровъ, которые, въ настоящее время, обязаны выписывать различные штабы и другія управленія.

нововведенія по военно-административной и строевой части во всѣхъ государствахъ.

Страницы «Военнаго Сборника» открыты, по прежнему, для всѣхъ, желающихъ своими познаніями и наблюденіями содѣйствовать общей пользѣ военной семьи. Только при такомъ дружномъ содѣйствіи и возможно достиженіе важной цѣли органа военныхъ интересовъ—распространенія въ войскахъ раціональныхъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ. Редакція надѣется, что на призывъ ея откликнутся, какъ было до сихъ поръ, всѣ свѣдущіе и образованные офицеры, служащіе и служившіе.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ Редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана при первой возможности; въ случаѣ же неодобрѣнія—возвращается автору, по ололичнос в умотребованію, или довѣренному отъ него лицу, *безъ всякихъ объясненій*. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники, откуда онѣ взяты. Чертежи, прилагаемые къ статьямъ, Редакція проситъ составлять, по возможности, въ форматѣ осьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ къ ней статьи для печати подписывать имена свои и адресы *четко* и *ясно*. По желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только *одному* редактору. Статьи и письма *неподписанныя* Редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ» опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 руб. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи по 30 р. с., а за оригинальныя сти до ать50 р. с. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получить безплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается:

Въ **С.-Петербургѣ,** *въ конторѣ Редакціи «Военнаго Сборника», на Литейной, домъ Денфера, № 13, и*

Въ конторѣ при книжномъ магазинѣ Давидова, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ арсенала Николаевскаго Дворца.

Въ **Москвѣ,** *въ конторѣ, при книжномъ магазинѣ Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина.*

«Военный Сборникъ» выходитъ *ежемѣсячно*, книжками отъ 15 до 20 листовъ въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или за *двѣнадцать книжекъ шесть рублей серебромъ.*

Иногородные подписчики, служащіе въ войскахъ, прилагаютъ за пересылку *пятьдесятъ копѣекъ серебромъ;* неслужащіе въ войскахъ—*одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ,* равно и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ, которые пожелаютъ, *чтобы журналъ доставлялся имъ на домъ.*

Редакція «Военнаго Сборника» покорнѣйше проситъ гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на «Военный Сборникъ», съ тою цѣлью, чтобы книжки журнала могли быть доставляемы на имя каждаго подписчика, чрезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта, въ наглухо задѣланныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя періодическія изданія.

Желающіе имѣть «Военный Сборникъ» за 1859 годъ, *съ картою Италіи,* и за 1860 и 1861 годы, съ *приложеніями:* «Тактика» *Грисгейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Нолана,* благоволятъ обращаться съ требованіями въ Редакцію.

Главный Редакторъ «Военнаго Сборника»,
Генеральнаго штаба Генералъ-Маіоръ **Меньковъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ 1862 ГОДУ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія будетъ издаваться въ будущемъ году по той-же программѣ, по которой издается съ половины 1860 года. *Въ первомъ отдѣлѣ* журнала будутъ помѣ-

щаться теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по вопросамъ изъ области педагогики и дидактики, а также критическія описанія воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи. *Во второй отдѣлъ* войдутъ статьи психологическія, физіологическія и философскія, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ разрѣшенію педагогическихъ вопросовъ; въ этомъ-же отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи по исторіи просвѣщенія и статьи обще-историческія, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія. *Третій отдѣлъ* будетъ посвященъ критикѣ и библіографіи: въ него войдутъ критическіе разборы педагогическихъ сочиненій и журналовъ, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ, а также научныхъ и литературныхъ произведеній, которыя по содержанію своему могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность. Наконецъ *четвертый отдѣлъ* журнала будетъ содержать въ себѣ извѣстія о всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ фактахъ, относящихся до народнаго образованія въ Россіи и мелкія педагогическія статьи. Кромѣ того при журналѣ будутъ издаваемы особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. При чемъ не лишнимъ считаемъ напомнить, что въ эти полтора года журналъ министерства роздалъ безденежно своимъ подписчикамъ слѣдующія особыя приложенія: Уроки географіи, *Д. Семенова*, два выпуска; Дѣтство человѣка, *Д-ра Гейфельдера;* Начатки дѣтскаго школьнаго ученія, *А. Дистервега*; Уроки физики, *А. Игнатовича*, и нѣсколько библіографическихъ указателей книгъ, періодическихъ изданій и болѣе замѣчательныхъ журнальныхъ статей. Въ будущемъ году редакція предполагаетъ издать при журналѣ: 1) Продолженіе *Уроковъ физики*, А. Игнатовича. 2) *Основные законы воспитанія*, К. Ушинскаго. 3) *Исторію педагогики*. 4) Третій выпускъ *Уроковъ географіи*, Д. Семенова. Новые подписчики получатъ первый выпускъ тѣхъ приложеній, которые начаты въ 1861 году.

Условія подписки остаются прежнія; подписная цѣна: за одну неоффиціальную часть, выходящую ежемѣсячно отдѣльными книгами отъ 12 до 15-ти листовъ каждая, за годъ 6 руб. 50 коп. безъ пересылки и 8 руб. съ пересылкою; съ оффиціальною частью, выходящею особенными тетрадками, 13 руб. 50 коп. съ пересылкою и 12

руб. безъ пересылки. Подписка принимается въ редакціи журнала министерства, въ газетной экспедиціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Редакторъ **К. Ушинскій**.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ: у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору* »Основы«, *Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

ЦѢНА

За **12** книжекъ 1862 года — **10 р. 50 к.** безъ пересылки, **12 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ;

за **12** книжекъ »*Основы*« 1861 года — **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписка на »Основу« 1861 и 1862 года продолжается.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома выходятъ непрерывно каждый мѣсяцъ и въ 1862 году.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ **4 р.** съ пересылкою, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на Основу, какъ за 1861, такъ и за 1862 годъ. Рисунки гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Подписывающіеся въ теченіе всего года получаютъ все изданіе съ перваго рисунка.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ И. А. Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ. *Иногородные* обращаются съ требованіями *исключительно* въ редакцію Основы.

ОСНОВА

СОДЕРЖАНИЕ

1861–1862

ОСНОВА

1861

ЯНВАРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. — КОБЗАРЪ. I — V. . . . . Т. Г. ШЕВЧЕНКА.
II. — ТРИ ДОЛІ . . . . . МАРКА ВОВЧКА.
III. — СТИХИ:
На Вкраіну . . . . . ФИЛИМ. ГАЛУЗЕНКА.
1) Эллада. 2) Давнина́ . . . . ІЕРЕМІИ ГАЛКИ.
1) Гей-гéй, волй! 2) Повій, вітре! СТ. РУДАНСЬКОГО.
1) Вéчіръ. 2) Журба́ . . . . Л. И. ГЛѢБОВА.
До́ля . . . . . Р. В.
Прохо́жі та соба́ки. . . . . Л. И. ГЛѢБОВА.
IV. — СТЕХИНЪ-РОГЪ . . . . . А. П. СТОРОЖЕНКА.
V. — ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ ДЛЯ ДРАМЫ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРІИ . . . Н. В. ГОГОЛЯ.
VI. — МЫСЛИ О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ. . . . . Н. И. КОСТОМАРОВА.
VII. — ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ:
1) Климентій. 2) Котляревскій . . . П. А. КУЛИША.
VIII. — МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА И МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ РУСИНОВЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. . . . . М. М. ЛЕВЧЕНКА.
IX. — РІЗДВЯННІ СВЯТКИ . . . . . М. Т. НОМИСА.
X. — СЪ ВОЛЫНИ. . . . . АННЫ БАРВИНОКЪ.
XI. — ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ. Н. Я. МАКАРОВА.
XII. — ИЗЪ УКРАИНЫ . . . . . А. С. ЧУЖБИНСКАГО.
XIII. — ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА . . . . М.А.Б.-КОХАНОВСКАГО.
XIV. — ЛИСТИ СЪ ХУТОРА . . . . . ХУТОРЯНИНА.
XV. — ВІСТІ: (письма изъ разныхъ мѣстъ южнаго края).
XVI. — Вопросы Редакціи. — Отвѣты Редакціи. — Объ изданіи Украинскаго Словаря. — Объ изданіи Украинскаго Альбома. — Объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ. — Библіографическое извѣстіе.

ОСНОВА

1861

ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, VI. Москалева Криниця Т. Г. Шевченка.
II. Закоханий чортъ, Олекси Стороженка.
III. Стихи: Погане поле, П. Кузьменка.
На добра-ніч, Іеремія Галки.
Пісня, Л. П. Глѣбова.
1) Не кидай мене, 2) Ластівка, 3) Ніч-у-ніч, От. Руданського.
1) Вовкъ та кіть, 2) Вовкъ та мишеня, Л. П. Глѣбова.
IV. Другой человѣкъ, П. А. Кулиша.
V. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, М. А. Максимовича.
VI. Отвѣтъ на выходки газеты »Czas« и журнала »Revue Contemporaine«, Н. И. Костомарова.
VII. Нѣсколько замѣчаній по поводу послѣдней выставки въ Спб. Академіи Художествъ, Л. М. Жемчужникова.
VIII. Характеръ и задача Украинской критики, П. А. Кулиша.
IX. Иванъ Петровичъ Котляревскій.
X. Воспоминаніе о Соленикѣ, Н. Д. Мизко.
XI. Замѣтка къ статьѣ: »Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ«, (съ портретомъ), Л. М. Жемчужникова.
XII. Съ дороги, А. Нечуй-вітеръ.
XIII. Бесѣды о Естествознаніи на Югѣ, Н. И. Волокитина I.
XIV. О руководствѣ къ пчеловодству, ... наго.
XV. Отчетъ о молотильной машинѣ, М. А. Бѣлухи-Іохановскаго.
XVI. Листи съ хутора, Хуторянина.
XVII. Знайденій на дорозі листъ, Н. Необачного.
XVIII. Съ праваго берега Днѣпра, Максима Чорного.
XIX. О крѣпостномъ населеніи въ Россіи, М. Номиса.
XX. О лекціяхъ Костомарова, Н. Казюки.
XXI. Рѣчь Костомарова, А. М.
XXII. Отвѣтъ Русскому Вѣстнику.
XXIII. Литературныя извѣстія. — Увѣдомленія.
XXIV. Переписка.
XXV. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XXVI. Библіографическія извѣстія.

ОСНОВА

1861

МАРТЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Высочайшій Манифестъ 19 февраля.
II. Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе, **Л. М. Жемчужникова.**
III. Обзоръ, VII — XII, **Т. Г. Шевченка.**
IV. Не до пари, **Марка Вовчка.**
V. Дзвонарь, **Д. Л. Мордовцова.**
VI. Сирітський жаль, **А. Нечуй-вітеръ.**
VII. Співець Митуса, **Еремія Галки.**
VIII. Старосвѣтское дворище, **П. А. Кулиша.**
IX. Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**
X. Обзоръ Украинской Словесности, III. Артемовскій-Гулакъ, **П. А. Кулиша.**
XI. Черты народной Южнорусской исторіи, **Н. И. Костомарова.**
XII. Лисиця та Оселъ, **Л. Н. Глѣбова.**
XIII. Объясненіе по поводу древнихъ югозападныхъ актовъ, **М. В. Юзефовича.**
XIV. Постановленія провинціальныхъ дворянскихъ сеймовъ въ Югозападной Руси, **Н. Д. Иванишева.**
XV. Хмельниччина, **П. А. Кулиша.**
XVI. Музыка Южнорусскихъ пѣсень, **А. Н. Сѣрова.**
XVII. Листи съ хутора, **Хуторянина.**
XVIII. Двѣ Русскія народности, **Н. И. Костомарова.**
XIX. Галицко-Русская газета »Слово«.
XX. Библіографія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Южнорусскомъ краѣ, **В. И. Межова.**
XXI. Объ открытіи студентской библіотеки въ Харьковѣ, **И. Свиридова.**
XXII. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XXIII. Библіографическія извѣстія.

ОСНОВА

1861

АПРѢЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XIII. Невольникъ, **Т. Г. Шевченка.**
II. Два синій, **Марка Вовчка.**
III. Тітка Настя, **М. Т. Номиса.**
IV. Півпівника, **Панька Казюки.**
V. Воспоминаніе о двухъ малярахъ, **И. И. Костомарова.**
VI. Стихотворенія:
I. Питання, **В. Кулика.** II. Де вона, **И. Таволги-Мокрицького.**
Байки: I. Вовкъ и вівчарі, **Л. И. Глѣбова.** II. Жаба й вілъ, III. Мірошникъ, **Р. Витавського.** IV. Горлиця й Горобець, **Л. И. Глѣбова.**
VII. Гетманство Выговскаго, I. **И. И. Костомарова.**
VIII. Обзоръ Украинской Словесности, IV. Гоголь. **П. А. Кулиша.**
IX. Музыка Южнорусскихъ пѣсень, **А. Н. Сѣрова.**
X. Гимназическая переписка, **Линейкина.**
XI. Нѣсколько словъ о народности въ религіозной жизни, **Г. Т.**
XII. Листи́ съ хутора, **Хуторянина.**
XIV. Калюжа, **Ивана Затирковича.**
XV. О крестьянахъ Юго-Западной Руси, **А. Л. П.....каго.**
XVI. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**
XVII. О народномъ языкѣ, **А. Л. П.....каго.**
XVIII. Одъ редакці.
XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XX. Библіографическое извѣстіе.

ОСНОВА

1861

МАЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XIV—XIX. Предсмертні думи, **Т. Г. Шевченка.**
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
III. Салдатка, **Д. Л. Мордовцева.**
IV. Липовыя пущи, **Д. И. Хоречко.**
V. Сиротина—**Олександра Коніського.**
VI. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, **М. А. Максимовича.**
VII. Автобіографія Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**
VIII. Плачъ Россійскій, съ предисловіемъ **П. А. Кулиша.**
IX. Багата Кутя, **М. Т. Номиса.**
X. Обзоръ украинской словесности. IV. Гоголь, **П. А. Кулиша.**
XI. Гимназическая переписка, **Липейкина.**
XII. Хуртовина, **С. Д. Носа.**
XIII. Письма о пчеловодствѣ, **Я. И. Костенецкаго.**
XIV. Географическое обозрѣніе края, населеннаго южнорусскимъ народомъ, **И. М.**
XV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Жемчужникова.**
XVI. Приглашеніе, **Н. И. Аненкова.**
XVII. Вісті. (письма изъ разныхъ мѣстъ южнорусскаго края).
XVIII. Отъ Редакціи.
XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
XX. Музыкальное и библіографическое извѣстія.

ОСНОВА

1861

І Ю Н Ь

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XX—XXIII. Предсмертні думи, **Т. Г. Шевченка.**

II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**

III. Не було змалку—не буде до'станку, **А. Нечуй-вітеръ.**

IV. Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину изъ Петербурга.

V. Автобіографія Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**

VI. Замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ, **М. А. Максимовича.**

VII. Святій Вечіръ, **М. Т. Номиса.**

VIII. Письма о пчеловодствѣ, **Я. И. Костенецкаго.**

IX. О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи, **М. И. Сухомлинова.**

X. Объ ярмаркахъ (до сільскіхъ парафіянъ).

XI. Училища, образовавшіяся на югѣ въ послѣднее время.

XII. Прощаніе **И. Ив. Пирогова.**

XIII. Недоразумѣніе по поводу слова «жидъ.»

XIV. Концертъ 27 апрѣля, **А. В. Нобратима.**

XV. Вовчиця, **И. И. Свячченка.**

XVI. Вісті. (письма изъ разныхъ южнорусскихъ мѣстностей).

XVII. Объ изданіи »черниговскаго листка.«

XVIII. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**

XIX. Отвѣты редакціи.

XX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

XXI. Библіографическое извѣстіе.

ОСНОВА

1861

І Ю Л Ь

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзáрь, XXIV—XXVII. **Т. Г. Шевченка.**
II. Листъ **Основьяненка** до Шевченка.
III. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
IV. Лéдащúця, **Марка Вовчокъ.**
V. Автобіографія Бѣлокопытенка, **М. Т. Номиса.**
VI. Мои Воспóминанія, **Ка—на.**
VII. Стихи: Минýлося, **Павлуся.** Думка, **А.л—ва.**
VIII. Гетманство Выговскаго. **Н. Костомарова.**
IX. Байки: I. Вовкъ та Ягня, II. Левъ та Миша, **Л. Н. Глѣбова.** III. Лисиця и Бабакъ, **Р. П. Витавського.**
X. Географическое обозрѣніе Южнорусскаго Края, **Н. М.**
XI. Общественныя библіотеки на Югѣ.
XII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
XIII. Слово о Сковородѣ, **Н. Н. Костомарова.**
XIV. Замѣтка о возраженіяхъ г. Мордовцова.
XV. Замѣтка о Русинской терминологіи, **М. М. Левченка.**
XVI. Вíсті и мелкія статьи. Хорóлъ, **Модеста Димського.** Чтó объ этомъ думать? **Владимíра Антоновича и проч.**
XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**
XVIII. Одъ редакціи.
XIX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

1861

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзáрь, XXVIII—XXXI. **Т. Г. Шевченка.**

II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**

III. Не такъ ждалося, да такъ склалося, **П. Кузьменка.**

IV. Танський, **Митра Олелькович а.**

V. Мои воспоминанія, **Ка—на.**

VI. Стихи **Ст. Руданського, В. Ст. Кулика, А. А. Навроцького, Н. Н. Петрова.**

VII. Отвѣтъ на статью В. Крестовскаго, **Н. И. Костомарова.**

VIII. Кобзарь: Частина поэми: Еретикъ Иванъ Гусъ, XXXII, XXXIII, **Т. Г. Шевченка.**

IX Черноморскіе козаки, **Н. И. Костомарова.**

X. Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конисскимъ? **Ал. М. Лазаревскаго.**

XI. Отвѣтъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи Малорусскомъ, **П. Лавровскаго.**

XII. Памятное дѣло.

XIII. Акты историческіе и юридическіе.

XIV. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.

XV. Вісті и мелкія статьи. Листъ зъ Дударівъ, **Б. Познанськ ого**, Зъ Подорожника, **Кузьмы Шапонала**, Погуковщина, **П. И. Чубинскаго**, «Ясная—Поляна,» Южныя экспоненты, Механическія заведенія.

XVI. Историческая Библіографія, **Б. И. Межова.**

XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**

XVIII. Объясненіе неудовопонятныхъ украинскихъ словъ.

XIX. О дѣтскомъ языкѣ, **Л. Яценка**, и проч.

XX. Отъ редакціи.

ОСНОВА

1861

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Ковзарь, XXXIV. Частина поэми: «Чернѣця Маръяна», **Т. Г. Шевченка.**

II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**

III. Народня Слава, Соловиця, Зза Дунаю, Чго есть мнѣ и тебѣ, жено? **П. А Кулiша.**

IV. Русалка, **Ломуса.**

V. Матусине Благословѣння, **Олекси Стороженка.**

VI. Украинскія незабудки, **П. А. Кулиша.**

VII. Съ того свiту, Кумейки, **П. А. Кулiша.**

VIII. Обзоръ украинской словесности. V. Гоголь, **П. А. Кулиша.**

IX. Съ народнiхъ устъ: I) Се така баба, що чортъ iй на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ, **Олекси Стороженка.** II) Жидiвська Дяка, **Митра Олельковича.**

X. Исторiя Украiни, **П. А. Кулiша.**

XI. Памятное дѣло.

XII. Передовые Жиды, **П. А. Кулиша.**

XIII. О повѣсти Кузьменка, **П. А. Кулиша.**

XIV. Грамота на Рошицы, **М. А. Стаховича.**

XV. Правительственныя постановленiя и распоряженiя, касающiяся Южнорусскаго края.

XVI. Вiсти.

XVII. Объясненiе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**

XVIII. Отъ редакцiи.

XIX. Объясненiе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

1861

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь XXXV—XXXVII, **Т. Г. Шевченка.**

II. Листи Шевченка до Я. Г. Кухаренка и М. С. Щепкина.

III. Химéри, **Ломуса.**

IV. Сáмъ-собі; Лю́лі-лю́лі; Стáрець; Дунáйська Дýма, **П. А. Кулíша.**

V. Вуси, **А. П. Стороженка.**

VI. Веснянки, I, II, Весéла удóва. **В. С. Кулика.**

VII. Хатнє лихо, **А. Нечуй-вітеръ.**

VIII. Журба, **П. С. Кузьменка.**

IX. Полтавщина, **Л. М. Жемчужникова.**

X. Правда Полякамъ о Руси. **Н. И. Костомарова.**

XI. Правда Москвичамъ о Руси, **Н. И. Костомарова.**

XII. Настуся (поэма), **П. А. Кулíша.**

XIII. Съ народніхъ устъ: Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ, и Не впусти рака съ рота, **А. П. Стороженка.** Вороний кінь, **Я. Г. Кухаренка.**

XIV. Людська памьять про стáровину, **Ст. Д. Носа.**

XV. Надъ могилами, **Л. И. Ященка.**

XVI. Великдень у Подолянъ. **Ан. П. Свидницького.**

XVII. Отвѣтъ Кіевской Коммиссіи, **М. В. Юзефовича и Н. Д. Иванишева.**

XVIII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.

XIX. Вíсті. Послѣ поѣздки на Югъ, **М. И. Дарагана.** — Нѣсколько словъ о Пинчукахъ, **Ю. Мохрацкі.** — Изъ Боришполя, **П. П. Чубинскаго.** — Изъ М. — Листъ съ дороги, **Олександра Переходовця.** — Изъ Лубенъ, **Василя Шевича.** — Съ Гадяча, **Ивана Кивайголовы** и друг.

XX. Извѣщенія.

XXI. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**

XXII. Библіографическія извѣстія.

XXIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

1861

НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь. XXXVIII—XLII, **Т. Г. Шевченка.**
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
III. Чорноморський Побитъ (оперетта), **Я. Г. Кухаренка.**
IV. Стихи: Настуся (поэма), Давнє Горе, Святиня, Lago-maggiore, До Данта, До Марусі Т., Родина Единя, **П. А. Кулиша**; Чабанъ, Тирси; Чумацькі дити — Ломуса; Безталання, Дівоцька Правда, Думка — Невідомого; Гульвиса, **Ив. Горзи**; Загублені души, **В. С. Кулика**; Скажіть мни, добрі люде, **Л. И. Глѣбова.**
V. Гордовита пара, **И. Забоцня.**
VI. Межигорський Дідъ, **А. И. Стороженка.**
VII. Мои воспоминанія, III, **Ка—на.**
VIII. Талантъ (физіологическій очеркъ), **Л. М.**
IX. Путевыя письма, **Павла Якушкина.**
X. Листи съ хутора (листъ V), **Козака Бѣлебня.**
XI. Людська памьять про старовину: Спафаріева Рудка, **Ол. Коніського**; Про Конотопъ, **Степана Носа**; Вовкулаки (Невро-Литвины), **И. Ревякина.**
XII. Степныя письма, **М. М. Лсвченка.**
XIII. Вигівщина, **П. А. Кулиша.**
XIV. Оповідання зъ народныхъ устъ: Скарбъ, и Жонатий Чортъ, **А.л. И. Стороженка**; Семенъ Палій, **И. Ревякина.**
XV. Старинный южно-русскій переводъ «Пѣсни Пѣсней» (съ послѣсловіями о любви), списанный **И. И. Костомаровымъ.**
XVI. Обзоръ украинской словесности, VI. **П. А. Кулиша.**
XVII. Географическое обозрѣніе южнорусскаго края, **П. М.**
XVIII. Великдень у Подолянъ, **А. И. Свидницького.**
XIX. По вопросу о южнорусскомъ языкѣ, **П. Лавровскаго.**
XX. Вісті. Дворяне праваго берега Днѣпра, **Ѳ. Рыльскаго.** Другій листъ зъ Дударівъ, **Бориса Познанського.**
XXI. Де-що зъ Полтави. **В. С. Кулика.**
XXII. Зъ подорожника, **Кузьми Шаповала.**
XXIII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
XXIV. Библіографическій указатель, **В. И. Межова.**
XXV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**
XXVI. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
XXVII. Библіографическія извѣстія.

ОСНОВА

ЯНВАРЬ
1862
СОДЕРЖАНИЕ

Т. Гр. Шевченко - Кобзарь - XLII - LI
Дневник Т. Гр. Шевченка
П. Куліш - Великі проводи. Поема
М. Вовчок - Від себе не втечеш
П. Кулиш -Простонародность в украинской словесности
Павел Якушкин - Путевые письма
Н. Костомаров - Іудеям
Н. Костомаров - Дополнения к правде москвичам о Руси
Панько Казюка - Людська пам'ять про старовину
П. Ревякин - Сближения и следы
Библиография - Поездка в Южную Россию. А.Аванасьева-Чужбинского, Гоголь пред судом обличительной литературы, Н. Герсеванова, Перегляд українських книжок. П. Кулиш, Наські граматки.
Владимір Антонович - Моя исповедь.
Характеристика русского и польского законодательства о крепостном праве по отношению к Малороссіи.
А. Ященко - З народних уст.
Федір Вільшанський - То про се, то проте.
Вісті - Выдержки из записок мирового посредника, Григорій Ге, З подорожника. Кузьма Шаповал, Лист до «ОСНОВЬЯН». В. Каховський, З Городницького повіту, Черн. губ. Леся-ій.
Из с. Твердохлебов Кременчугского уезда. П. Ч.....ій.
Каневская воскресная школа. Священник Феодосій Чайковскій. Украинскіе товары в Москве. О. Нестеренко. Де-що про жидів. Митро Олелькович. О путешествіи по Украине. А. Шиманов, Русины.
Современная южнорусская летопись
Объяснения к рисункам «Живописной Украины». Лев Жемчужников.
Объяснение неудобопонятных южнорусских слов.
Библиографические известия

ОСНОВА

1862

ЛЮТИЙ

(ФЕВРАЛЬ)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, LII — LIV, **Т. Г. Шевченка.**
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
III. Велики́ Про́води, поэма (кіне́цъ), **П. А. Кулiша.**
IV. До землячки, **Т. Вешняка.**
V. Сужена; Голка, **А. И. Стороженка.**
VI. Простакъ, комедія **В. А. Гоголя** (отца).
VII. Сближенія и слѣды, III., **П. И. Ревякина.**
VIII. Полякамъ объ Украинцахъ, **П. А. Кулиша.**
IX. О народныхъ пѣсняхъ, **Л. М. Жемчужникова.**
X. Встрѣча, на Украинѣ, Кирилла Разумовскаго и избраніе его гетьманомъ. (Актъ 1750 года).
XI. Съ народныхъ устъ: Чорномо́рські Козаки́ **В. Тищенка;** Пластуни́, **Я. Г. Кухаренка;** Вiйтъ Семенъ, **В. Г—гл—ського.**
XII. На-добра-нiчъ усiмъ на нiчъ, **Т. Вешняка.**
XIII. Постановленія Губернскихъ Присутствій по крестьянскому дѣлу.
XIV. Выдержки изъ Дневника Мирово́го Посредника, **Гр. Ге.**
XV. Наблюденіе Мирового Посредника.
XVI. Отчетъ Полтавскаго Женскаго Училища.
XVII. Велика Новина: Самокатъ, **Ст. Ив. Барановського.**
XVIII. Вiсті: 1) Съ Полтавы и съ Кременчука, **Ф.л. Переходовця.** 2) Дорожная замѣтка, **Ал. Я. Конисскаго.** 3) Съ понадъ Десны и Сейму, **Ал. Михченка.** 4) Съ Городнянського повiту, **Леся—кого.** 5) Изъ Симферополя, **И. Думитрашка.** 6) Съ Львова, **Я. Ф. Головацького.**
XIX. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**
XX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
XXI. Библіографическія извѣстія.

Южнорусская Лѣтопись отлагается, по обстоятельствамъ, до слѣдующей книжки.

ОСНОВА

1862

БЕРЕЗІЛЬ

(МАРТЪ)

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Кобзарь, LV — LVI, **Т. Г. Шевченка.**
II. Листи **Шевченка** до М. М. Лазаревського.
III. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
IV. Стихи́: 1) Горюва́ння, 2) До-до́му, **Черніговця Миколайчика Білокопитого**; 3) Нетя́га, **В. Ст. Кулика.**
V. Институтка, **Марка Вовчка.**
VI. Дѣтство Т. Г. Шевченка, **А. М. Лазаревскаго.**
VII. Уманская бѣда 1786 года, — **современника.**
VIII. Письма 1786 года, съ Волыни.
IX. До братівъ на Вкраіну, **П. А. Куліша.**
X. »Русскій Патріотизмъ«, **П. Житецкаго,**
XI. Рокови́ни по Шевченкові, 26 февраля 1862.
XII. Извѣстіе объ обѣдѣ 5 марта 1862.
XIII. Устня мова зъ науки: Про дощъ, **Вс. П. Боровського.**
XIV. Отвѣтъ *Дню*, **П. А. Куліша.**
XV. Отвѣтъ на письмо съ Юга, **П. А. Кулиша.**
XVI. Переглядъ украінськихъ книжокъ, **П. А. Куліша.**
XVII. Краткій очеркъ украинской литературы, г. Петраченка, **П. М.**
XVIII. О южнорусскомъ словарѣ г. Шейковскаго, **Ал. М. Лазаревскаго.**
XIX. Вісті: 1) О размежеваніи. 2) Украинскій спектакль въ Черниговѣ, **Павла.** 3) Де́-що зъ Гадяча, **Ив. Кивайголови.** 4) Зъ Кременчука, **Ал. Переходовця.** 5) Письма изъ-по-надъ Десны и Сейму, **А. Михченка.** 6) Изъ Таращи. 7) Изъ — овской губ. 8) Екатеринославская, Ильинская и Коренная ярмарки, **О. Незбудія.**
XX. Современная Южнорусская лѣтопись.
XXI Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**
XXII. Извѣщеніе о продажѣ рукописей Шевченка, **М. М. Лазаревскаго.**
XXIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

1862

КВІТЕНЬ

(АПРѢЛЬ)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, LVII, Неофіти, (поэма) **Т. Г. Шевченка.**
II. Листи **Шевченка** до А. І. Козачковського и Николая Осиповича О.
III. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
IV. Кіндратъ-Бубненко-Швидкий, **А. П. Стороженка.**
V. Дѣ найшóвъ, дѣ загубúвъ, **Павла Шуліки.**
VI. Поѣздка въ Украину, **П. А. Кулiша.**
VII. 1) Панянóчці и 2) Шкодá залицáння, **Миколайчика Білокопитого.**
VIII. Весілля надъ Зеручемъ.
IX. Русины въ 1848 году.
X. Мнѣніе г. Палацкаго о козакахъ, — **ва.**
XI. Объ отношеніяхъ сельскихъ священниковъ къ народу, **Петрубця.**
XII. О сельскомъ училищѣ и о сельскихъ учителяхъ, **П. П. Чубинскаго.**
XIII. Описаніе Екатеринославской губерніи, г. Павловича, **П. П. Ч.**
XIV. Вісті: Третій листъ зъ Дударівъ, **Бориса Познанського.**
XV. Подоль, **Щ. М.**
XVI. Исторія Борисполькой школы, **П. П. Чубинскаго.**
XVII. Изъ г. Таращи.
XVIII. Давній листъ зъ Васильковського повіту, **Ѳ. Панченка.**
XIX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

1862

ТРАВЕНЬ

(МАЙ)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Мысли Южнорусса, I. О преподаванiи на южнорусскомъ языкѣ, **Н. И. Костомарова.**
II. Кобзарь, LVIII—LXI, **Т. Г. Шевченка.**
III. Листи **Шевченка**: 1) до Гр. Ст. Тарновського, 2) Зигмунда Сірковського, 3) Невідомого, 4) А. Н. Маркевича, 5) П. А. Куліша.
IV. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
V. Москалёва правда, **Михайла Чайки.**
VI. Историческiй очеркъ Войска Донскаго, **Н. Краснова.**
VII. (Новые) матеріялы для біографіи Шевченка, **Саввы Ч.**
VIII. Объ отношенiяхъ Русиновъ къ сосѣдямъ.
IX. Еще замѣтка объ Іудеяхъ, **Н. И. Костомарова.**
X. Вівці и чабани въ Чорномбрп, **Я. Г. Кухаренка.**
XI. Письма Мазепы къ Петру I (1708 г.)
XII. Перед'ъ-свiтомъ (дума), **Михайла Чайки.**
XIII. Старосвѣтскiй Бандуристъ Н. Закревскаго, — **Ал. Гатцука.**
XIV. О подвижныхъ звукахъ въ Малорусскомъ языкѣ, **М. Андрiевскаго.**
XV. Свѣдѣнiя объ Украинскихъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII вѣкѣ, **А. М. Лазаревскаго.**
XVI. Моя Веснянка, **Л. И. Глѣбова.**
XVII. Поповоду Южнорусскаго Словаря. **К. Шейковскаго.**
XVIII. Зъ народнiхъ устъ: 1) Оповiдання чумака Насти Сопунки, Параски Морозихи, Данiла Гарбузя и Михайла Колесника, — **Вс. Коховського**, и 2) Три Пани, **М. Олельковича.**
XIX. Постановленiя губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствiй.
XX. Вісті: 1) Изъ Подоли: (Выдержки изъ записокъ Мирового Посредника), **Гр. Ге.** 2) Зъ старихъ Санжаръ, **Олександра Переходовця.** 3) Изъ Лубенскаго уѣзда. 4) Изъ села Млинівъ, **О. Переходовця.** 5) Изъ г. Таращи. 6) Изъ Харькова, **М. Халявайка.**
XXI. Современная Южнорусская Лѣтопись.
XXII. Библiографическiя извѣстiя: 1) Черниговскiй Листокъ, подъ редакцiей Л. И. Глѣбова; 2) Лекцiи по русской исторiи, Н. И. Костомарова, и 3) Сочиненiя И. П. Котляревскаго (Энейда, Наталка-Полтавка, Москаль-Чарівникъ).
XXIII. Объясненiе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

ЧЕРВЕЦЬ(ИЮЛЬ)
1862
СОДЕРЖАНИЕ

Мысли южнорусса
Т. Гр. Шевченко - Кобзарь - LXII
Дневник Т. Гр. Шевченка
Оповідання Грицька Клюшника
Н. Костомаров - Загадка
Н. Костомаров - Черты южнорусской исторіи
Л.Глібов - Байки
Сава Ч. - Матеріалі для біографіи Т.Г. Шевченка
Вс. Коховський - Зъ народнихъ устъ
М. Александровичъ - Проскурка
Семен Войток - Розмова в клуні
По поводу выборовъ, По поводу лесохозяйства и лесокрадства - М.Чубинський, О братствах.
Постановления губернских по крестьянским делам присутствий в Южнорусском крае
Вісті
Библіографическій указатель Галицко-русской литературы.
Объяснение неудобопонятных южнорусских слов.
Объяснения к рисункам «Живописной Украины». Лев Жемчужников.

ОСНОВА

1862

ЛИПЕЦЬ.

(ІЮЛЬ)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Мысли Южнорусса: IV, Историческая Неправда и Западнорос ійскій Патріотизмъ. V, О народномъ образованіи и о средствахъ для изданія учебниковъ на Украинскомъ языкѣ, **Ст. Погарскаго**. VI, Напоминаніе о подвижникахъ-Черногорцахъ.

II. Кобзарь. LXIII. Частки зъ поэми »Петрусь;« LXIV, Суботовъ; LXV, **Т. Г. Шевченка.**

III. Листи **Шевченка** до С. Ст. Артемовського.

IV. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**

V. Пьяница, **Митра Олельковича.**

VI. Пташина Пісня, **Л. Ящека.**

VII. 1) Два Брати; 2) Дурень, **А. И. Стороженка.**

VIII. Байки: 1) Миша и Пацюкъ; 2) Вівчаръ; 3) Лящі, **Л. И. Глібова.**

IX. Опытъ Южнорусскаго Словаря, К. Шейковскаго, **Ал. Пацюка.**

X. О правописаніяхъ, заявленныхъ съ 1834 года, **Миколы Пацюка.**

XI. Отчетъ Черниговской Межевой Палаты.

XII. Письмо Семинариста.

XIII. О полевомъ хозяйствѣ въ Бессарабіи.

XIV. До Українськоі громади и до вельможніхъ панівъ — Падалиці и иншихъ.

XV. Письмо г. Горжковскаго въ »Варшавскую Библіотеку.«

XVI. Вісті: 1) Листъ в. — п. профессора **Я. Ѳ. Головацького**, зі Львова, зъ »Піснею Галичанъ,« **Володимера Шаскевича**; 2) О ходѣ крестьянскаго дѣла въ Кременчугскомъ уѣздѣ; 3) Зъ г. Тараща, **И. Новицького**; 4) Ярмалокъ въ Борщиполі, **Павла**; 5) Изъ — ского уѣзда, **Пр. Хуторянина**; 6) Изъ Черниговской губ.

XVII. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины,« **Л. И. Жемчужникова.**

XVIII. Библіографическія извѣстія.

XIX. Объясненіе украинскихъ словъ.

ОСНОВА

1862

СЕРПЕНЬ.

(АВГУСТЪ)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Мысли Южнорусса: VII, На какомъ языкѣ обучать нашъ народъ, **г. т.** VIII, И моя́ Ле́пта, **З. Недоборовського.**
II. Кобзарь, LXVII, — LXIX, **Т. Г. Шевченка.**
III. Дневникъ (XIII) **т. г. Шевченка.**
IV. Замѣчательные варіанты историческихъ пѣсенъ.
V. Гаркуша, I (драматичні карти́ни), **Олекси Стороженка.**
VI. Стихи: 1) За́сшівъ, **И. А. Кулiша,** 2) Парубо́чий Жаль, и 3) Зірка, **Хрущa,** 4) Осінь и 5) Думка, **Невідомого.**
VII. Поже́жа, **Митра Олельковича.**
VIII. Наталь-Озеро, **Модеста Димського.**
IX. Жизнь въ одномъ селѣ, **А. Нечуй-вітеръ.**
X. Сковорода, украинскій дѣятель XVIII в., **Ореста Халявського.**
XI. Универсалъ пана Стемпковскаго.
XII. Замѣтки о нашей сельской жизни, **Ивана Конисскаго.**
XIII. Съ народныхъ Устъ: 1) И наука и́ноді не въ нау́ку, **М. Чайки;** 2) (Закла́дъ Чортъ ѣ Чоловікъ), **Миколайчика Білокопитого;** 3) Два приятелі **С. Мітли.**
XIV. Де́-яка подро́биця, **Стецька Благовіста.**
XV. Объ обученіи грамотѣ вообще, и объ Ариѳметикѣ, Д. Мороза, **К. І. ІІІ — рл — каго.**
XVI. Объ обученіи козачихъ дѣтей въ Гадячскомъ полку, 1781 года, **С. Мітли.**
XVII. Объ украинской терминологіи, **И. Ефименка.**
XVIII. Южнорусская Современная Лѣтопись (о способахъ распространенія грамотности).
XIX. Постановленія губернскихъ присутствій.
XX. Вісті: 1) Зъ-по-надъ Десни́ и Се́йму; 2) Изъ Лубенскаго уѣзда, **В. Шевича;** 3) изъ Городнецкаго уѣзда, **Леся — ій.**
XXI. Объясненіе украинскихъ словъ, и украинскія слова въ Бирючскомъ уѣздѣ Воронежской губ., **И. Свячченка.**
XXII. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины,« **Л. М. Жемчужникова.**
XXIII. 1) Отъ Болгарскихъ представителей; 2) отъ Центральнаго Статистическаго Комитета; 3) отъ редакціи »Сѣвернаго Сіянія«.

ОСНОВА

1862

ЖОВТЕНЬ

(СЕНТЯБРЬ)

СОДЕРЖАНІЕ

I. Мысли Южнорусса: VIII. Н. И. Костомарову, **Д. Запары.** IX. Поповоду учебниковъ, **А. Іонина.** X. Чему и какъ учить нашъ народъ? **Н. Городиського.** XI. Судъ Чехівъ надъ собою.

II. Плѣнъ и смерть Кухаренка.

III. Кобзарь (LXX), **Т. Г. Шевченка.**

IV. Назаръ Стодоля (драма), **Т. Г. Шевченка.**

V. Дорошъ, **Олексы Стороженка.**

VI. Варіантъ исторической пѣсни: Сава Чалий.

VII. Григорій Савичъ Сковорода, **Ореста Халявскаго.**

VIII. Замѣтки о нашей сельской жизни, **Ивана Вонисскаго.**

IX. Воспоминаніе о Новомосковскѣ (Самари), **Григ. Надхина.**

X. Послѣ поѣздки на Волынь, **Ф. Нелесты.**

XI. Пьять день зъ життя Х—го студе́нта, **А. Гавриша.**

XII. Главнѣйшія помѣхи къ распространенію грамотности, **А. Стоянова.**

XIII. Братства въ Украинѣ.

XIV. Зъ наро́дніхъ устъ: 1) Нашъ дідъ и пшъ, **А. Нечуй-вітеръ,** 2) про гадю́къ, **Семена Войтка,** 3) про зозу́ль, посміттю́хъ и гадю́къ, **Ив. Рудык;** и 4) Листи Украінки Марусі Т.

XV. Украинцы въ Восточной Сибири.

XVI. Еще о дѣтскихъ словахъ, **И. Новицкаго**

XVII. Вісті: 1) Изъ — ского уѣзда; 2) Че́сна душа́ на́шого люду, **В. Косовцова;** 3) Зъ Гадяча.

XVIII. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины,« **Л. Ж.**

XIX. Объясненіе украинскихъ словъ.

XX. Библіографическія объявленія.

ОСНОВА

1862

ЛИСТОПАДЪ

(ОКТЯБРЬ)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Мысли Южнорусса: XII. Лепта. Батуринськоі громади, **Ипп. Вовка**; XIII. Письмо въ »Основу,« **Д. Запары**.
II. Кобзарь: LXXII (А. О. Козачковському), LXXIII, **Т. Гр. Шевченка**.
III. Гарку́ша (драмати́чні карти́ни, ді́я дру́га и тре́тя), **А. П. Стороженка**.
IV. Стихи: 1) Забутокъ зъ старовини́, **Ст. Писаревського**; 2) На-спо́минъ, **Миколайчика Білокопитого**; 3) До това́риша, **Е—М**: 4) До ворожки, **Л. И. Глібова**; и 5) Варфоломееві Шевченкові, **П. А. Куліша**.
VI. Безтала́нна, **Данила**.
VII. Варіанты украинскихъ историческихъ пѣсенъ.
VIII. Черты Южнорусской народной исторіи, III, **Н. И. Костомарова**.
IX. Историческіе Акты. Письма: 1) Орлика къ Стефану Яворскому; 2) Мазепы къ Петру I; 3) Станислава Лещинскаго къ Мазепѣ.
X. Были ли Малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ?, **А. А. Котляревскаго**.
XI. Объ украинской народной музыкѣ, **Бачного**.
XII. О передачѣ научныхъ свѣдѣній на народномъ языкѣ, **І. Шарловскаго**.
XIII. Старосвѣтскій Бандуристъ, Н. Закревскаго, — **П. Ефименка**.
XIV. Обычаи наслѣдованія у крестьянъ южнорусскаго края, **Ѳ. Барыкова**.
XV. Защитнику Голубичской школы, **А. Тищинскаго**.
XVI. Письмо въ «Основу» по-поводу «Комитета Грамотности,« **Л — Б**.
XVII. Библіографическая Замѣтка, **Н. Захарова**.
XVIII. Вісті: 1) Съ Дону, **М. Попова**; 2) Зъ села Олександровки, **Соломка зъ Княжичъ**; 3) Изъ Переяславскаго уѣзда, **Данилова**; 4) зъ Бердичева, **В. М.**; 5) Зъ Екатериндара, **Стецька Шарапа**; 6) изъ Прилукъ, **Бобыля**.
XIX. Панихида по Я. Г. Кухаренкѣ, въ Петербургѣ.
XX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
XXI. Библіографическія извѣстія.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

(1882—1906 г.).

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОСТАВЛЕНЪ

Членами Комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Кіевскаго Университета Б. Д. Чигринцевымъ.

Полтава.

1911 г.

Оглавленіе.

отъ составителей.

I. Археологія.

а) церковная 1

б) общая . . . . . 2.

II. Исторія и историческіе матеріалы.

а) церковная исторія . . . . . 10.

б) общая исторія . . . . . 22.

III. Художественная литература . . . . . 56.

IV. Исторія литературы.

а) матеріалы . . . . . 63.

б) статьи . . . . . 68.

в) статьи и замѣтки о И. П. Котляревскомъ . 74.

г) статьи и замѣтки о Т. Г. Шевченкѣ . . 75.

V. Географія и этнографія . . . . . 82.

VI Біографическій матеріалъ.

а) біографіи, характеристики и матеріалы къ нимъ . . . . . 100.

б) письма и переписка . . . . . 109.

в) воспоминанія . . . . . 115.

г) записки, замѣтки и дневники . . . 118.

д) рѣчи . . . . . 120.

е) некрологи . . . . . 120.

VII. Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ . 124.

VIII. Библіографія . . . . . 128.

IX. Смѣсь, дополненія и поправки . . . . 190.

Алфавитный указатель авторовъ статей . . . . 203.

Приступая къ изданію настоящаго указателя, Полтавская Ученая Архивная Комиссія шла навстрѣчу давно назрѣвшей потребности, имѣя въ виду выдающуюся цѣнность и многосторонній интересъ историческихъ, этнографическихъ и иныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Кіевская Старина». Для статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ послѣднемъ за первыя 10 лѣтъ его существованія, составители пользовались указателемъ, печатавшимся въ приложеніи къ журналу за 1893 годъ и изданнымъ въ томъ-же году отдѣльной книгой.

Въ настоящемъ указателѣ, какъ и въ предыдущемъ, обозначены всѣ статьи, матеріалы и замѣтки, помѣщенные въ журналѣ, исключая лишь такихъ мелкихъ сообщеній, которыя носьтъ чисто злободневный характеръ, въ родѣ небольшихъ отчетовъ о собраніяхъ научныхъ обществъ, о спектакляхъ, концертахъ и т. п.

Весь указатель раздѣленъ на 9 отдѣловъ, а именно: 1) Археологія, съ подраздѣленіемъ на церковную и общую, 2) Исторія и историческіе матеріалы, съ такимъ же подраздѣленіемъ, 3) Художественная литература, 4) Исторія литературы съ подраздѣленіемъ на а) матеріалы, б) статьи, в) статьи и замѣтки объ И. П. Котляревскомъ и 2) статьи и замѣтки о Т. Г. Шевченкѣ (послѣдніе два подотдѣла выдѣлены въ виду многочисленности біографическихъ, критическихъ и прочихъ статей и замѣтокъ объ этихъ писателяхъ), 5) Географія и этнографія, 6) Біографическій матеріалъ съ подотдѣлами: а) біографіи, характеристики и матеріалы къ нимъ, б) письма и переписка, в) воспоминанія, г) записки, замѣтки и дневники, д) рѣчи, е) некрологи, 7) Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ, 8) Библіографія и 9) Смѣсь, дополненія и поправки. Послѣ заглавія каждой статьи, замѣтки и т. п. указаны годъ, мѣсяцъ и страницы журнала, на которыхъ эта статья помѣщена.

Буква Д, помѣщенная послѣ обозначенія страницъ, указываетъ, что статья или замѣтка помѣщена въ отдѣлѣ «Документы. извѣстія и замѣтки», который въ журналѣ имѣлъ особую нумерацію страницъ.

Фамилія, набранная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ фамилію или псевдонимъ автора, кромѣ отдѣла некрологовъ и библіографіи, гдѣ этимъ шрифтомъ набраны въ первомъ случаѣ фамиліи умершихъ, а во второмъ—авторовъ рецензируемыхъ книгъ. Такъ какъ непосредственнымъ продолженіемъ журнала «Кіевская Старина» явился журналъ «Україна», издававшійся въ 1907 году, то составители внесли въ указатель и статьи этого журнала. Къ концу книги приложенъ алфавитный указатель авторовъ статей и замѣтокъ.

Составители.

I. Археологія.

А) ЦЕРКОВНАЯ.

1. **А. В.** Бакотскій скальный монастырь (объясненіе къ рисункамъ) 1891, 10, 108—116.

2. **А. Л.** Къ исторіи культуры (латинская надпись на кіевской библіи 1758 г.) 1893, 11—324. (Д).

3. **Антоновичъ В.** Раскопки у Трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ 1885, 5, 163—167.

4. **А. С.** О Лаврской находкѣ 1899, 4, 58—60. (Д).

5. **Б.** Цѣнная находка въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1899, 1, 47—50. (Д.).

6. **Бучневичъ В. Е.** Поправка надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ 1884, 9, 175—177.

7. **Бѣляшевскій Н.** Два замѣчательные предмета кіевскаго церковнаго-археологическаго музея 1888, 7, 133—135.

8. **В. Н.** Къ Исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ 1891, 7, 148—151.

9. **Вновь** открытая стѣнная живопись въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ 1897, 6, 102—103. (Д.).

10. **Васильевъ Мих.** Изъ письма въ редакцію. (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ. 1885, 10, 364—367.

11. **Возстановленіе** древней паперти Кіево-Софійскаго Собора 1862, 8. 387—390.

12. **Г. В.** Новое пріобрѣтеніе церковно-археологическаго музея 1888, 8, 32—33.

13. **Доманицкій В.** Слѣды погибшаго архива (Звенигородскаго Духовнаго Правленія) 1902, 12, 158—159. (Д.).

14. **Древній храмъ** въ г. Каневѣ 1904, 6, 125—126. (Д.).

15. **Залѣсскій Ап.** Церковная старина Пирятинскаго уѣзда 1889 7, 268—274.

16. **Здравомысловъ К.** Данныя архива святѣйшаго Синода о Кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго 1897,—4, 1—12. (Д.).

17. **Каманинъ И.** Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ (Подольской губ.) 1906,—3—4, 73—77. (Д.).

18. **Какъ** обращаются у насъ съ церковной стариной 1894, 2, 336—338. (Д.).

19. **Л. П.** Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? 1888, 5, 259—264.

20. **Л. П.** Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуна или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе (съ 2 картами) 1889, 4, 56—73.

21. **Л-въ П.** Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго Собора 1884, 9, 162—165.

22. **Л-въ П.** Гдѣ подлинникъ Любе-

чской чудотворной иконы Божіей Матери 1883, 6, 385—387.

23. **Л-въ П.** Софія-Премудрость Божія въ иконографіи Сѣвера и Юга Россіи 1884, 12, 555—567.

24. **Лаврской** находки по поводу 1899, 5, 114. (Д).

25. **Лашкаревъ П.** Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ 1889, 1 204—210.

26. **Левицкій Ор.** Исторія одного древняго Волынскаго храма 1903, 1, 70—90.

27. **Мердеръ А.** Мелочи архивовъ юго-западнаго края: часовня-памятникъ въ Каневѣ 1900, 12; 149. (Д.).

28. **Н. Ч.** Каменныя и глиняныя иконы княжеской эпохи 1899,—8 91—97. (Д.).

29. **Петровъ Н.** Библіотека барона, Шодуара и вновь открытое древнее изображеніе св. Бориса и Глѣба и, можетъ быть св. Владимира 1888, 8, 33—39.

30. **Траховъ Адріанъ.** Фрески Кіево-Кирилловской церкви XII в. (Рѣчь). 1883, 5, 97—110.

31. **Р-въ А.** Небесные архистратиги въ образѣ запорожцевъ. 1887, 11, 587—587.

32. **Рклицкій С.** Мазепина церковь въ с. Дегтяревѣ 1900. 6. 134—139. (Д).

33. **Расхищеніе** церковныхъ древностей на Волыни 1891, 1, 183.

34. **Старинная** церковь въ г. Лохвицѣ. 1904, 7—8, 25. (Д.).

35. **Церкви** старинной постройки въ Полтавской епархіи 1888, 11, 97—99.

36. **Щербина В.** Памятникъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря 1895. 12. 90—92. (Д.).

Б) ОБЩАЯ.

37. **А—въ.** Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ 1884, 9, 165—168.

38. **А. В.** Запись о кладѣ XVIII столѣтія 1885, 8, 735—736.

39. **А. В.** Изъ археологическихъ поисковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра 1886, 7, 560—562.

40. **А. В.** Археологическія изслѣдованія въ бассейнѣ Сулы 1886, 8, 763—766.

41. **А. А.** Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малорусской старины 1894, 7, 101—102. (Д.).

42. **А. Л.** Городецкій музей Волынской губерніи 1898, 4, 13—17. (Д.).

43. **А. Л.** Гетьманскіе дома въ Глуховѣ (съ планомъ) 1898, 1, 160—166.

44. **Александровичъ М. Н.** Кафельные памятники XVIII вѣка (посмертная замѣтка) 1883, 1, 211—213.

45. **Антоновичъ Б.** Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли (съ картой) 1884, 3, 355—370.

46. **Антоновичъ В.** Изъ археологической экскурсіи, село Кальникъ и его памятники старины 1887, 8, 761—765.

47. **Антоновичъ В.** Забытый городъ (изъ археологической экскурсіи) 1888, 4, 24—27.

48. **Антоновичъ В.** Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и мюнцъ—кабинетѣ университета св. Владимира 1888, 7, 117—132.

49. **Антоновичъ В.** Вопросы по археологіи и исторіи южной Руси, обсуждавшіеся на 3 археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ 1899, 8, III—VII.

50. **Антоновичъ В.** Замѣчательный

кладъ. 1899, 10, 1—2. (Д).

51. **Антропологическій** типъ малороссовъ (предварит. сообщ.) 1895, 6, 323—331.

52. **А. С.** Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ 1894,—4, 174—175. (Д.).

53. **Археологическая** лѣтопись (къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и случайныя находки) 1901, 11, 137—152.

54. **Археологическія** экскурсіи 1896, 1, 20—21. (Д.).

55. **Археологическія** изслѣдованія и раскопки 1901, 9, 139—149. (Д.).

56. **Археологическія** изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 10, 56—64. (Д.).

57. **Б. Н.** Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей 1891, 11, 292—295.

58. **Багалѣй Д. И.** проф. Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губ. 1901, 10, 53—56.

59. **Багалѣй Д. И.** VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ 1890, 3, 464—484.

60. **Багалѣй Д.** О децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ 1893, 2, 346—355.

61. **Бакай Николай.** Уцѣлѣвшіе остатки архива К. Г. Разумовскаго 1886, 12, 743—746.

62. **Бны—къ В.** Надгробный запорожскій крестъ 1886, 3, 603.

63. **Бо—скій Н.** Бурты (чигир. у), какъ мѣсто археологическихъ находокъ 1896, 7—8, 9—12. (Д.).

64. **Боронковскій В.** Слѣды древнихъ поселеній 1892, 4, 122—123. (Д).

65. **Бѣлецкій-Носенко А.** „Зміевый валъ" въ Черниговской губ. 1898, 3, 95—98. (Д.).

66. **Бумаги** государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи 1896, 5, 53—54. (Д.).

67. **Бѣляшевскій.** 1900 г. въ археологическомъ отношеніи 1901, 1, 53—64, 2, 121—130, 3, 197—205, 5, 130—137. (Д.).

68. **Бѣляшевскій Н.** Замѣчательный кладъ великокняжеской эпохи 1901, 10, 120—132.

69. **Бѣляшевскій Н.** Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины, 1902, 5, 148—156. (Д.).

70. **Бѣляшевскій Н.** 1901 годъ въ археологическомъ отношеніи 1902, 1, 59—62. (Д.).

71. **Бѣляшевскій Ник.** Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ 1891, 3 433—444.

72. **Бѣляшевскій Н.** Княжа гора 1890, 12, 494—503.

73. **Бѣляшевскій Н.** Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева 1890, 4 1—21.

74. **Бѣляшевскій Н.** Церковище возлѣ дер. Монастырскъ, Канев. у., Кіевской губ. 1889, 1, 210—213.

75. **Бѣляшевскій Н.** Могильникъ въ урочищѣ Остроня, близъ г. Заславля Волынск. губ. 1888, 10, 31—35.

76. **Бѣляшевскій Н.** Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ 1888, 9. 77 78.

77. **Бѣляшевскій Н.** Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ. 1888, 8, 53—55.

78. **Бѣляшевскій Н.** Клады великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ 1888, 7, 136—143.

79. **Бѣляшевскій Н.** Археологическій

съѣздъ въ Кіевѣ 1899, 10, 107—120; 11, 270—276; 12, 399—412.

80. **Бѣляшевскій Н.** Раскопки на Княжей горѣ въ 1891 г. (съ 2 таблицами снимковъ) 1893, 1. 61—104.

81. **Бѣляшевскій Ник.** Раскопки на Княжей горѣ въ 1892 году 1893, 4, 134—142.

82. **Бѣляшевскій Н.** Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ 1895. 5, 58—61. (Д.).

83. **Бѣляшевскій Н.** Археологическій съѣзъ въ Ригѣ 1896, 10, 20—64.

84. **Бѣляшевскій Н.** Случайныя находки на Княжей горѣ въ 1893 г. 1894, 5, 308—317.

85. **Бѣньковскій И.** Складъ древняго оружія въ д. Григоровкѣ 1904, 6, 116—117. (Д.).

86. **В. П.** Въ с. Субботовѣ памятники старины 1892, —3, 484—486. (Д.).

87. **В. Я.** Разоренная могила 1898, 9. 80—82. (Д.).

88. **В.—ій Д. К.** Нѣчто о древнихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Васильевки, Полтавской губ. Хорольскаго уѣзда, 1895. 1, 5—6. (Д.).

89. **Волковъ Ѳ.** На Черноморьѣ палеолитическая стоянка 1899, 6. 167—168. (Д.).

90. **Волковъ Ѳ.** По поводу нашихъ Неолитическихъ находокъ съ керамикой домикенскаго типа 1900. 7—8, 235—245.

91. **Г.** Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской 1890, 10, 123—134.

92. **Г.** Старинная Южно-Русская гравюра 1890, 1, 47—59.

93. **Г. Ѳ.** Урны съ жженными человѣческими костями въ Хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ 1890, 9, 504—505.

94. **Гавриловъ М.** Уцѣлѣвшая старина 1883, 8, 757—760.

95. **Галагановскій.** Фамильный архивъ 1883, 11, 452—469.

96. **Городище** у с. Сахновки Черкас. у. 1899, 7, 39. (Д.).

97. **Данилевичъ В. Е.** Стоянка и мастерская каменнаго вѣка Могилевской губерніи, изслѣдованіе лѣтомъ 1893 г. 1895,—4, 12—18. (Д.).

98. **Дверницкій Е.** Археологическія изслѣдованія въ г. Владимирѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ 1887, 1, 36—50).

99. **Доманицкій В. Н.** Раскопки въ Кіевской губ. 1899, 9, 134—136. (Д.).

100. **Древности** Екатеринославской губ. 1902,—3, 236—237. (Д.).

101. **Дѣвичья** гора у с. Сахновки, Черкас. у. 1899, 9, 136—137. (Д.).

102. **Еврейская** торговля антикварными рѣдкостями 1891, 6, 488—489.

103. **Егоровъ И.** Село Курень и его старина 1904, 1, 135—140.

104. **Ефименко П.** Архивъ малороссійской коллегіи при Харьковскомъ Университетѣ 1882, 1, 193—198.

105 **Еще** одинъ изъ кіевскихъ валовъ 1896, 1, 22—23. (Д.).

106 **З.** Раскопка кургана близь с. Рыжановки звенигородскаго уѣзда Кіевской губ. 1885, 8. 727—729.

107. **Завитневичъ В. З.** Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ 1890, 5, 255—267.

108. **Зарѣцкій И. А.** Замѣтка о его альбомѣ украинскихъ древностей Д. Багалѣя (статья) 1888, 12. 148—149.

109. **Изслѣдованія** и раскопки (Роменскій у Полтав. губ.) 1902, 1, 67—68.

110. **Макаренко Н.** Письмо въ редакцію объ этой замѣткѣ 1902, 3, 242, (Д.).

111. **Изслѣдованіе** стоянки Каменнаго вѣка въ с. Городкѣ Ровенскаго у. Волынской губ. 1899, 2, 101—102. (Д.).

112. **Къ** Исторіи Кіевской археологической коммиссіи 1893, 12, 495—497. (Д.).

113. **Къ** археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 12, 193—214. (Д.).

114. **Къ** вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала 1896, 1, 21—22. (Д.).

115. **Къ** вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ 1891, 10, 136—137.

116. **Къ** свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ 1891, 4, 167—168.

117. **Кіева** старый планъ 1899, 7, 32—33. (Д.).

118. **Кіевской** археографической коммиссіи 250-ти лѣтн. юбилей 1893; 11. III—VI.

119. **Клады** въ Кіевѣ и его окрестностяхъ 1883 6 387—392, 7, 592—594; 8, 770—773.

120, „**Княжа** гора" городище у с. Пекарей Черкас. у. 1899, 2, 103—104. (Д.).

121. **Ковалевскій А.** Къ исторіи малороссійскихъ оффиціальныхъ архивовъ 1894, 3, 557—558. (Д.)

122. **Константиновичъ М.** Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ 1896, 11, 129—136.

123. **Корсунъ Г.** Находка плитъ въ м. Вороньковѣ Переяслав. у. Полт. губ. 1902, 3, 243—244. (Д.).

124. **Кудлаевичъ** Петръ. Земляные валы близь села Кудинки (Летичевскаго уѣзда, Подольской губ.) 1882 г. 6 535—543.

125. **Курганъ** въ Ананьевскомъ у. 1902, 3, 244. (Д.).

126. L. Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иванишева 1890, 3, 533—537.

127. L. Заславская легенда (о мѣстныхъ развалинахъ) 1898, 6, 83—85. (Д.).

128 **Л. П.** Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго 1889, 1, 213—217.

129. **Лазаревскій** А. Сулиминскій фамильный архивъ 1882, 11, 292—327.

130. **Лебединцевъ Г.** Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи (изъ письма въ редакцію) 1885, 2, 403—406.

131. **Левицкій.** Ор. замка древняго въ Подоліи истребленіе 1899, 10, 15—16. (Д.).

132 **Линниченко** И. Л. Архивы въ Малороссіи (съ прилож. акта о смерти Шуйскихъ) 1888, 8, 349—380, 10, 193—214.

133. **Линниченко** И. Архивы въ Галиціи 1888, 8, 349—390.

134. **Лобода Ѳ.** Изъ археологической экскурсіи въ г. Владиміръ Волынскій 1886, 8, 766—769.

135. **Лоначевскій А.** Археологическая находка въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи 1885, 3, 573—577.

136. **Любецкій** Архивъ графа Г. А. Милорадовича въ приложеніи за 1895 г. 2, 3, 4; 1896. 1, 4, 5, 7—8, 10; 1898, 2, 3, 6.

137. **Ляскоронскій** Вас. Остатки древняго лукомльскаго городища въ м. Лукомлѣ, Лубенскаго уѣзда Полт. губ. 1893, 9, 426—437.

138. **Ляскоронскій** В. Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ Полт. губ. въ урочищѣ Лысая гора (съ 3 таблиц. и планомъ) 1892; 11, 263—278.

139. **Ляскоронскій** В. Остатки древняго городища въ м. Снѣтинѣ, Лубенскаго у., Полтавской губ. 1896, 12, 327—336.

140 **М.** раскопки на Кириловской ул. въ Кіевѣ 1899, 1, 42—43. (Д.).

141 **М. К.** раскопки у с. Пастерскаго, Чигиринскаго у., Кіевской губ. 1899, 1, 44—45. (Д.).

142 **М—чъ** В. Изъ старыхъ бумагъ Холмскаго архива 1883, 2, 453—460.

143 **Малинка.** Изслѣдованія, раскопки и случайныя находки 1901, 6, 203—209. (Д).

144. **Мердеръ** А. Мелочи архивовъ юго-западнаго края: Золотые пятаки въ 60-хъ годахъ 1900, 1, 1. (Д).

145. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Намогильный крестъ въ Арбахъ, какъ документъ 1900, 2, 68—70. (Д).

156. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Бердичевскія подземелья (извлечено изъ архивнаго дѣла) 1900, 6, 144—146. (Д).

147. **Мердеръ** А. Тріумфальныя ворота въ г. Кіевѣ 1900, 10, 21—22. (Д),

148. **Мищенко** Ѳ. къ вопросу о царскихъ скиѳахъ 1884, 5, 55—76.

149. **Могила** подъ Любаремъ 1901, 2, 83—84. (Д).

150. **Молотовскій** кладъ (въ восточн. Галиціи) 1899, 5, 110—112. (Д).

151. **Молчановскій.** Н. Письмо къ редактору изъ Стокгольма (о бумагахъ шведскаго государствен. архива по исторіи Малороссіи) 1899, 4, 75—89.

152 **Мякотинъ** В. архивъ генерального войскового суда 1898, 11, 137—149.

153. **Н. Б.** Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. 1902, 11, 326—334; 12 480—491.

154. **Н. Б.** у м. Триполья, Кіевскаго у. раскопки 1899, 1, 43—44. (Д).

155. **Н. Б.** археологическій съѣздъ въ Вильнѣ 1893, 10. 55—79.

156. **Н. Б.** Циркуляръ Херсонскаго губернатора (о сохраненіи древностей 1895,—6, 112—113. (Д).

157. **Н. В.** къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. Судьба Румянцевской Описи Малороссіи 1892. 12, 453—461. (Д).

158. **Науменко** В. Вопросы по южно-русской Этнографіи и древней литературѣ, обсуждавшіеся на 3 археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. 1899, 8. VIII—XIV.

159. **Находка** въ городищѣ „Княжа гора". 1899, 5, 112—114. (Д).

160. **Находка** у с. Конончи Черкас. у на городищѣ 1899, 10, 50—51. (Д).

161. **Находка** римскихъ монетъ 1898, 4. 12—13. (Д).

162. **Нейманъ** Ц. Разграбленіе большого кургана „Огюзъ" близъ села Нижнихъ Сѣрогозъ Мелитопольск. у. 1902, 4, 159—172.

163. **Новицкій** Ив. Старинныя орудія, наказанія и исправленія 1885,—11, 551—554.

164 **О. Л.** Историко-статистическіе матеріалы, своевременно не переданные въ Кіевскій центральный архивъ 1894, 11, 304—305. (Д).

165. **О. Л.** Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 г. 1899, 1, 5—8. (Д).

166. **Онацкій** Д. Вниманію археловъ 1887,—2, 366—368.

167. **Падалка** Л. Каменный затонъ и бѣлозерское городище на Днѣпрѣ съ картой 1891, 12, 384—390.

168. **Падалка** Л. Надъ великимъ лугомъ Днѣпровскимъ (изъ путевыхъ замѣтокъ) 1897, 5, 300—315.

169. **Падалка** Л. Историческіе матеріалы архива Полтавской Казенной Палаты 1885, 10, 333—338.

170. **Падалка** Л. Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ Полтавской губерніи, и надъ рѣкою Высью на границѣ Кіевской и Херсонской губ. 1895, 4, 102—113.

171. **П-ко** Вл. Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ 1905, 2, 136—138. (Д).

172. **Подземные** ходы въ Умани 1896, 1, 23—24. (Д).

173. **Памятники** древности въ окрестности Корсуня 1887, 10, 371—376.

174. **Петровъ** Н. О подземельи въ Кіевѣ возлѣ Б.-Житомирской и Б.-Владимирской улицъ 1902, 6, 157—161. (Д).

175. **Петровъ Н.** О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу Мудрому 1890, 12, 507—510.

176. **Площадки** съ росписными сосудами въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ Кіевской губ. 1899,—11, 104—106. (Д).

177. **Прилучанинъ.** Какъ у насъ уважаютъ памятники прошедшаго 1893, 1, 167—169. (Д).

178. **Программа** для собиранія свѣдѣній объ архивахъ 1898, 7—8, 25—28. (Д).

179. **Раскопки** на городищѣ „Княжа гора" 1899, 5, 109—110. (Д).

180. **Раскопки** кургановъ у с. Волковцы Роменскаго у. Полтавской губ. 1899, 9, 133—134. (Д).

181. **Раскопки** кургановъ въ Роменскомъ у. Полтавской губ. у сс. Волковцы и Великія Будки 1899, 4, 55—56. (Д).

182. **Раскопки** кургана при д. Луговкѣ, Мглинск. у. Черниг. губ. 1902,—4, 79. (Д).

183. **Раскопки** на верхней Юрковицѣ въ Кіевѣ. 1899, 6, 168—172.

184. **Раскопки** въ с. Ромашкахъ, Васильковскаго у. Кіевской губ. 1899, 6, 173. (Д).

185. **Раскопки** кургановъ у д. Луковки, Звенигородскаго у. Кіевской губ. 1899, 4, 54—55. (Д).

186. **Раскопки** кургановъ при сс. Райгородъ и Пруссы Черкаскаго у. Кіевской губ. 1899, 7, 35—36. (Д).

187. **Раскопки** близъ Екатеринослава 1902, 7—8, 25—26. (Д).

188. **Раскопки** близъ м. Каменки Ольгоп. у. Подольск. губ. 1899, 9, 132—133. (Д).

189. **Раскопки** у д. Приворотья-Маковскаго Кам.-Подольскаго у. 1899. 2. 99—101. (Д).

190. **Раскопки Д.** Эварницкаго въ Мелитоп. у. Таврической губ. 1902, 10, 28—29. (Д).

191. **Раскопки** Ковалева Кургана въ Ольгопольской волости Елисаветградскаго у. 1902, 11 111—112. (Д).

192. **Раскопки** въ с. Веселомъ Мелитопольскаго уѣзда проф. Д. Эварницкаго 1902, 11, 112—113. (Д).

193. **Раскопки** кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя Херсонской губ. 1899, 5, 107—108. (Д).

194. **Раскопки** въ с. Казацкомъ Херсонск. у 1899, 11, 103—104. (Д).

195. **Раскопки** у Андреевки, Елисаветградск. у. Херсонской губ. 1899, 4, 56—57. (Д).

196. **Раскопки** Кургановъ у. д. Самбросовки. Алекс. у. Херсонской губ. 1899, 7, 37—38. (Д).

197. **Раскопки** въ Херсонесѣ 1899, 4, 57—58. (Д).

198. **Раскопки** близъ с. Кулишовки Золотон. у. Полт. губ. 1899, 9, 131—132. (Д).

199. **Романовичъ**-Славатинскій А. Воспоминаніе объ архивѣ государственнаго совѣта 1888, 6, 409—458.

200. **Рѣдкая** древняя надпись 1882, ', 190—192.

201. **С. А.** Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ 1883, 3, 687—688.

202. **Сапожниковъ** къ исторіи Кіевскихъ золотыхъ воротъ 1886, 5, 163—168.

203. **Святославскій** И. Я. Два памятника Полтавской побѣды въ Бѣлогородщинѣ 1886, 6, 378—381.

204. **Синицкій** Д. А. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки 1885, 10, 338—342.

205. **Свѣдѣнія** объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ 1901, 4, 12—13. (Д).

206. **Смѣна** доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ 1900, 5, 73—76. (Д).

207. **Содержаніе** одного изъ чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи 1891, 1,174—176.

208. **Соколовъ** В. Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ 1892, 8, 225—245.

209. **Степовичъ** А. Лебединскій Будынокъ 1895,—11, 45—47. (Д).

210. **Стоянка** палеолитической эпохи у с. Селища, Каневск. у. Кіевской губ. 1902, 4, 78—79. (Д).

211. **Старинные** тракты, или дороги въ Южной Россіи 1882, 6. 543—546.

212. **Танковъ** А. А. Идолъ купалы въ г. Ахтыркѣ 1897, 6, 100—102.(Д).

213. **Твердохлѣбовъ** А. Осколки старины въ Зѣньковскомъ уѣздѣ 1905, 7—8, 59—74.

214. **Уваровой** П. С. граф. заключительный докладъ на XI археологич. съѣздѣ 1899, 9, 401—418.

215. **Х.** Замѣтка объ археологической выставкѣ VII съѣзда въ Москвѣ 1890, 2, 347—349.

216. **Ханенко** А. Археологическая находка въ Черниговѣ 1883, 5, 174—178.

217. **Хатемкинъ**. Къ памятникамъ недавней стороны въ г. Козельцѣ 1898, 12, 413—424.

218. **Ч. В.** Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ 1888, 9, 73—75.

219. **Ч. Н.** Археологическая находка 1887, 10.—381—383.

220. **Черниговскіе** архивы 1902, 2, 90—92. (Д).

221. **Шестой** археологическій съѣздъ въ Одесѣ 1884, 10, 337—346.

222. **Шляпкинъ** И. Интересная надпись 1890, 11, 333.

223. **Щербина** В. Нѣсколько словъ о валѣ въ Кудрявскомъ переулкѣ 1895, 11, 56—58. (Д).

224. **Зварницкій** Д. Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ (изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ) 1886, 1, 41—90.

225. **Зварницкій** Д. Раскопка кургана въ д. Вороной 1885, 8, 722—727.

226. **Эварницкій** Д. И. Раскопка кургана „Мухина гора„ 1885, 8, 707—722.

227. **Эварницкій** Д. И. Запорожская пещера надъ Днѣпромъ. 1885, 5, 167—170.

228. **Яроцкій Я.** Цыганская гора вблизи с. Толкачей, Овручск. у., Волынской губ. 1902, 3, 240—242. (Д).

II. Исторія и историческія матеріалы.

А) ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

229. **А.** Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.) 1893, 4, 156—161. (Д).

230. **А. А.** Просьба объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в. 1891, 9, 492—493.

231. **А. А.** Митрофанъ Коринфскій митроп., въ Кіевѣ (1728—33) 1892, 5, 291—293. (Д).

232. **А. А.** Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церки въ с. Бортничъ (1796 г.) 1892, 5, 293—294. (Д).

233. **А. А.** Арестованіе водки, везенной изъ Полтавскаго монастыря въ Кіевск. Канцелярію „на поклонъ" (1775 г.) 1893, 2, 378. (Д).

234. **А. А.** Изъ прошлаго Кіево-Межигорскаго монастыря. 1894, 5, 356—357. (Д).

235. **А. А.** Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для предворной капеллы (въ 1758 г.) 1891, 3, 512—513.

236. **А. В.** Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (Къ исторіи Сатановскаго монастыря Подольской епархіи). 1882, 2, 418—425.

237. **Актъ** объ избраніи сельскаго священника, 1713 г. 1898, 1, 11—12. (Д).

238. **А. Л.** Изъ отношеній Печерской Лавры къ Кіевской митрополіи въ XVIII в. 1894, 7, 100—101. (Д).

239. **А. Л.** Изъ жизни Печерской Лавры 1894, 10, 154—155. (Д)

240. **А. Л.** Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1838 г. 1896, 4, 2—8. (Д).

241. **А. Л.** Къ исторіи Малорусскаго духовенства 1896, 6, 88—90. (Д.).

242. **А. Л.** Келія св. Димитрія Ростовскаго 1898, 6, 85—86. (Д).

243. **А—скій Ал.** Васильковская таможня и городничіе монахи. 1883. 1, 193—202.

244. **Андреевскій А. М.** Предложеніе гетмана Мазепы Кіевскому войту и магистрату 1702 года (о не утѣсненіи причта и прихожанъ Успенской церкви г. Кіева) 1884, 9, 132—136.

245. **Андріевскій Ал.** по поводу возстановленія Кіево-Межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи. 1885, 9, 178—183.

246. **Арсеній** архимандритъ. Попытка основанія православной архіерейской кафедры въ Немировѣ въ XVIII ст. 1883, 4, 883—893.

247. **Архангельскій.** Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI ст. (Историческій очеркъ) 1886, 5—6, 44—78, 237—266.

248. **Береза К.** Выборные священники 1882, 4, 166—168.

ОСНОВА

ЯНВАРЬ
1862
СОДЕРЖАНИЕ

Т. Гр. Шевченко - Кобзарь - XLII - LI
Дневник Т. Гр. Шевченка
П. Куліш - Великі проводи. Поема
М. Вовчок - Від себе не втечеш
П. Кулиш -Простонародность в украинской словесности
Павел Якушкин - Путевые письма
Н. Костомаров - Іудеям
Н. Костомаров - Дополнения к правде москвичам о Руси
Панько Казюка - Людська пам'ять про старовину
П. Ревякин - Сближения и следы
Библиография - Поездка в Южную Россию. А.Аванасьева-Чужбинского, Гоголь пред судом обличительной литературы, Н. Герсеванова, Перегляд українських книжок. П. Кулиш, Наські граматки.
Владимір Антонович - Моя исповедь.
Характеристика русского и польского законодательства о крепостном праве по отношению к Малороссіи.
А. Ященко - З народних уст.
Федір Вільшанський - То про се, то проте.
Вісті - Выдержки из записок мирового посредника, Григорій Ге, З подорожника. Кузьма Шаповал, Лист до «ОСНОВЬЯН». В. Каховський, З Городницького повіту, Черн. губ. Леся-ій.
Из с. Твердохлебов Кременчугского уезда. П. Ч.....ій.
Каневская воскресная школа. Священник Феодосій Чайковскій. Украинскіе товары в Москве. О. Нестеренко.
Де-що про жидів. Митро Олелькович. О путешествіи по Украине. А. Шиманов, Русины.
Современная южнорусская летопись
Объяснения к рисункам «Живописной Украины». Лев Жемчужников.
Объяснение неудобопонятных южнорусских слов.
Библиографические известия

ОСНОВА,

ЮЖНОРУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ,

будетъ издаваться и въ 1862 году, по прежней программѣ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: стихотворенія, повѣсти и разказы на южнорусскомъ языкѣ, а также на великорусскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. ИСТОРІЯ. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. НАРОДОПИСАНІЕ. Языкознаніе. Современный, общественный и частный бытъ.

IV. ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ.

V. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ и ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

VI. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ и распоряженія, относящіяся къ южнорусскому краю.

VIII. РАЗБОРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южнорусскій край.

IX. ОБЛАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи (1).

---

(1) Не входя теперь въ объясненіе каждаго изъ этихъ отдѣловъ, припомнимъ для желающихъ ближе познакомиться съ нашимъ взглядомъ на дѣло *Основы*, что подробное объявленіе было напечатано въ октябрьскихъ номерахъ *С. Петербургскихъ* и *Московскихъ вѣдомостей*, *Сѣверной Пчелы* и *Сына Отечества*, разослано при *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Современникѣ* и приложено въ 1-й книжкѣ *Основы*.

Предметъ *Основы* остается тотъ же: всесторонное и безпристрастное изслѣдованіе Южнорусскаго края и Южнорусскаго народа. Направленіе *Основы* также не измѣнится. Оно заслужило общее одобреніе, и намъ остается только повторить главныя начала, которымъ постоянно слѣдовала и будетъ слѣдовать редакція: уваженіе къ правамъ личности, къ народу и народности, и устраненіе сословной, національной и религіозной вражды и всяческихъ недоразумѣній, посредствомъ разъясненія темныхъ вопросовъ нашей современной и прошедшей жизни.

Руководящею идеею *Основы* будетъ просвѣщеніе въ народномъ духѣ. Редакція, отвергая всякую исключительность и замкнутость, въ то же время считаетъ вреднымъ и космополитизмъ, который, раньше или позже, переходитъ въ полное равнодушіе къ мѣстнымъ народнымъ пользамъ и нуждамъ. Общеніе съ другими народностями необходимо и плодотворно для каждаго народа, но оно приноситъ истинную пользу только тѣмъ обществамъ, которыя почерпаютъ главныя жизненныя силы изъ родной почвы, — которыя богатѣютъ не столько заимствованіями отъ сосѣдей, сколько разработкою нравственныхъ и вещественныхъ даровъ природы въ своемъ краю, въ своемъ племени. Признавая значеніе каждой народности въ общей жизни человѣчества, мы всего больше должны стараться уразумѣть *наши* національныя особенности, *наши* природныя, ни у кого не заимствованныя, средства существованія; мы должны стремиться къ тому, чтобы занять между другими народами такое же мѣсто, какое занимаетъ дѣятельный семьянинъ въ кругу прочихъ членовъ семейства. Пока человѣкъ не созналъ себя и не опредѣлилъ ясно своихъ отношеній къ другимъ людямъ, до-тѣхъ-поръ онъ — существо безличное. Тоже самое можно сказать и о цѣлыхъ народахъ. Всякій народъ только съ того времени становится необходимымъ членомъ человѣческой семьи, когда, посредствомъ всесторонняго самопознанія и полнаго проявленія нравственныхъ силъ своихъ, начнетъ вносить въ общую жизнь человѣчества такой вкладъ, какого другой народъ не вноситъ. На этомъ основаніи, мы считаемъ необходимымъ и *общеполезнымъ* — дальнѣйшее развитіе украинскаго народнаго языка и словесности, которая уже заявила свое право на вниманіе просвѣщеннаго общества, представивъ нѣсколько произведеній, замѣчательныхъ по красотѣ образовъ, по достоинству чувствъ и мыслей — общечеловѣческихъ и, въ тоже время, возможныхъ, по своему внутреннему и внѣшнему характеру, только въ одномъ Украинскомъ народѣ. Вопросъ — *быть или не быть* нашей словесности? еще недавно составлялъ предметъ спора для многихъ; но его

разрѣшила утвердительно сама жизнь, неподдающаяся никакой предвзятой теоріи. Никто теперь не скажетъ, что украинской словесности *нѣтъ*, какъ, бывало, говорили и писали прежде. Одного Шевченка, признаннаго великимъ поэтомъ во всемъ Славянскомъ мірѣ, достаточно для того, чтобы убѣдить самыхъ закоренѣлыхъ старовѣровъ въ томъ, что украинская словесность существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Но еще не умолкли послѣдніе звуки перваго нашего *Кобзаря*, а уже мѣсто его заступаетъ другой, въ поэзіи котораго слышится новый строй народнаго стиха, является новое содержаніе и новая сила. Въ сентябрьской книжкѣ *Основы* мы сообщимъ мелкія его стихотворенія, которыя, надѣемся, пріятно удивятъ нашихъ читателей; но у насъ есть въ запасѣ цѣлыя поэмы того же автора, соотвѣтствующія этимъ начаткамъ.

Украинская проза также дѣлаетъ успѣхи рѣшительные и разширяетъ область своего выраженія почти съ каждымъ мѣсяцемъ. Безпрестанно являются новые дѣятели украинской словесности, кругъ преданныхъ ей людей увеличивается быстро. Все убѣждаетъ насъ, что вопросъ о ея существованіи есть вопросъ жизненный, порожденный не мечтателями, а самою силою вещей. Поэтому-то она и вызвала къ энергической дѣятельности столько талантливыхъ людей; поэтому она и въ обществѣ читающемъ находитъ себѣ такое сочувствіе. Итакъ, съ увѣренностію, что приноснмъ своимъ изданіемъ пользу существенную, что дѣлаемъ дѣло, нужное не для однихъ Украинцевъ, но для всего Славянскаго міра, мы будемъ продолжать его по мѣрѣ нашихъ силъ, въ ожиданіи новыхъ и норыхъ помощниковъ. Особенное вниманіе людей мыслящихъ обращаетъ на себя оживившаяся русская народность въ Галиціи, гдѣ она до-того была задавлена, что Нѣмцы и Поляки начали уже печатно утверждать, будто *Руси* въ Галиціи нѣтъ вовсе. Говоря языкомъ украинскимъ и живо сочувствуя нашей словсности, Галицкіе Русины, въ настоящемъ году, начали издавать собственную литературно-политическую газету *Слово*. Въ школахъ у нихъ вводится преподаваніе на родномъ языкѣ; русинскій же языкъ начннаютъ употреблять и въ судопроизводствѣ. Даже въ своей одѣждѣ, Галицкая молодежь старается быть *русскою*, но никакъ не нѣмецкою, или польскою. Пробужденіе такъ долго дремавшихъ моральныхъ силъ, которыя обнаруживаются теперь въ особой своеобразности, пророчитъ Русскому міру существованіе еще болѣе самобытное, менѣе и менѣе подчиненное вліянію чуждыхъ народностей, хотя и связанное съ ними общечеловѣчески. Многіе образованнѣйшіе Великороссіяне дѣйствительно смотрятъ на оживленіе украинской словесности съ чувствомъ тро-

гательнаго для насъ доброжелательства, и мы слышимъ отовсюду, что даже языкъ украинскій сдѣлался у нихъ предметомъ изученія для многихъ просвѣщенныхъ людей. Многіе уже понимаютъ, что Русская Земля до тѣхъ поръ не проявитъ себя всесторонне, пока на ея огромномъ пространствѣ не затрепещетъ жизнью все, что способно къ жизни. Поэтому, работая на украинскомъ полѣ, *Основа* работаетъ для всего рускаго міра и притомъ, какъ спеціалистъ, котораго замѣнить некѣмъ. Вотъ нашъ взглядъ на наше дѣло. Надѣемся, что это — взглядъ всѣхъ друзей просвѣщенія, всѣхъ истинныхъ почитателей самаго мудраго законодателя — жизни, неподкупный судъ котораго, въ нашемъ литературно-народномъ дѣлѣ, есть единственно вѣрный судъ.

Неможемъ не радоваться, съ что такой точки посмотрѣли на дѣло *Основы* лучшіе русскіе журналы, и считаемъ своею обязанностью выразить имъ нашу *громадську* признательность.

Переходя къ болѣе частнымъ обстоятельствамъ нашего вѣстника, скажемъ, что первое время его существованія необходимо должно было быть — и было — очень труднымъ. Программа наша, съ перваго начала, не могла быть выполнена удовлетворительно во всѣхъ частяхъ ея. Вполнѣ сознавая недостатки *Основы*, мы употребимъ все стараніе — устранить ихъ въ будущемъ году, и надѣемся представить — *современную южно-русскую лѣтопись, вѣсти изъ Русинской Галиціи и съ Юга вообще, разборъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій на украинскомъ языкѣ и разные этнографическіе, историческіе и юридическіе матеріялы* — въ такой полнотѣ, что они составятъ какъ-бы новый отдѣлъ *Основы*. Но и въ настоящемъ году, не смотря на скудость нѣкоторыхъ отдѣловъ, редакція всё-таки имѣла столько рукописей въ своемъ распоряженіи, что обѣщанное ею количество листовъ оказалось недостаточнымъ, такъ что, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, она, вмѣсто обязательныхъ *108* печатныхъ листовъ, выпустила около *160* листовъ. Такимъ образомъ, при томъ запасѣ матеріяловъ, какой *Основа* уже имѣетъ, и при возрастающемъ числѣ трудящихся и готовыхъ для нея трудиться, назначенное число листовъ для книжки оказывается недостаточнымъ, и съ 1862 года каждая книжка *Основы*, для выполненія нашей программы, необходимо должна заключать въ себѣ неменѣе 15 листовъ. По причинѣ сопряженнаго съ этимъ увеличенія издержекъ, бывшихъ и въ этомъ году весьма значительными, мы должны увеличить и подписную цѣну нашего изданія.

Чтобы познакомить съ содержаніемъ *Основы* тѣхъ, кто не могъ до-

селѣ читать ее, представляемъ перечень статей, помѣщенныхъ въ девяти вышедшихъ книжкахъ.

Анны Барвинокъ (псевдонимъ): Съ Волыни.

Антоновича (*В.*): Что́ объ этомъ думать?

А. Нечуй-вітеръ (псевдонимъ): 1) Съ дороги, 2) Сирітський жаль; 3) Не було змалку — не буде й до 'станку.

Бѣлухи-Кохановскаго (*М. А.*): 1) О молотильной машинѣ съ локомобилемъ; 2) О рабочемъ скотѣ и о *хворобѣ*.

Волокитина (*Н. Н.*): О естествознаніи на Югѣ.

Гоголя (*Н. В.*): Замѣтки и наброски для драмы изъ Украинской исторіи.

Дымскаго (*М.*): Хороль.

Жемчужникова (*Л. М*): 1) По поводу выставки въ С. Петербургской академіи художествъ; 2) Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе (съ рѣчами, говореннымн у гроба); 3) Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ (съ портретомъ); 4) Объясненія къ рисункамъ *Живописной Украины*, издаваемой авторомъ.

Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину изъ Петербурга.

Иванишева (*Н. Д.*): О провинціальныхъ дворянскихъ сеймахъ въ Юго-Западной Руси.

Историческіе и юридическіе акты.

П. Казюки (псевдонимъ): 1) О публичныхъ лекціяхъ Н. И. Костомарова; 2) Півпівника.

Ка-па (псевдонимъ): Мои воспоминанія.

Костенецкаго (*Я. И.*): 1) О руководствѣ къ пчеловодству г. Краузе; 2) Письма о Пчеловодствѣ.

Костомарова (*Н. И.*): 1) О федеративномъ началѣ въ древней Руси; 2) Отвѣтъ иностраннымъ публицистамъ по вопросу о Руси; 3) Двѣ народности (черты нравственныхъ различій въ племенахъ: Великорусскомъ и Украинскомъ); 4) Черты народной Южнорусской исторіи; 5) Гетманство Выговскаго; 6) Воспоминаніе о двухъ малярахъ (один[illegible]изъ нихъ — Шевченко); 7) Слово о Сковородѣ; 8) Отвѣтъ на статью В. Кре[illegible] стовскаго; 9) Черноморскіе козаки.

Кузьменка (*П. С.*) Не такъ ждалося, да такъ склалося.

Кулика (*В. С.*): Дé-що зъ Полтавы.

Кулиша (*П. А.*): 1) Хмельнищина; 2) Старосвѣтское дворище; 3) Другой человѣкъ: 4) Характеръ и задача Украинской критики; 5) Обзоръ Украинской словесности: I. Климентій, II. Котляровскій, III. Артемовскій-Гулакъ, IV. Гоголь; 6) Исторія Украины; 7) Украинскія Невабудки; 8) стихотворенія: Народня Слава; Солоница; Кумейки; Съ того світу; Зъ-за Дунаю; Что мнѣ и тебѣ, жено? 9) О повѣсти г. Кузьменка; 10) Передовые Жиды.

Л-б-цева (*Ѳ. Г.*): Объ ярмаркахъ (до сільскихъ парафіянъ).

Левченка (*М. М.*): 1) Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ. 2) Замѣтка о Русинской терминологіи.

Линейкина: Гимназическая переписка (прежнія педагогическія понятія и порядки).

Лавровскаго (*П.*): Отвѣтъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину, о Малорусскомъ языкѣ.

Лазаревскаго (*А. М.*): Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конискимъ?

М. (Н.) Географическое обозрѣніе края, населеннаго Южнорусскимъ народомъ.

Макарова (*Н. Я.*): Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ.

Максима-Чорного (псевдонимъ): Съ другого берега Днѣпра.

Максимовича (*М. А.*): 1) Письма о Богданѣ Хмельницкомъ; 2) замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ.

Марка-Вовчка (псевдонимъ): 1) Три долі; 2) Не до пари; 3) Два сини; 4) Ледащица.

Межова (*В. И.*): 1) Библіографія крестьянскаго вопроса въ Южнорусскомъ краѣ; 2) Историческая библіографія.

Мизко (*Н. Д.*): Воспоминаніе о Соленикѣ.

Мордовцева (*Д. Л.*): 1) Дзвонарь; 2) Салдатка.

Недорозумѣніе по поводу слова »жидъ«.

Номиса (псевдонимъ): 1) Тітка Настя; 2) Різдвяні святки; 3) Отрывки изъ автобіографіи Бѣлокопытенка; 4) О крѣпостномъ населеніи въ Россіи; 5) Багата кутя; 6) Святий вечіръ.

Носа (*С. Д.*): 1) Хуртовина; 1) Зъ Непитай-Города.

Необачного (псевдонимъ): Знайдений на дорозі листъ.

Олельковича (*Митра*): Антінъ Танський.

Основьяненка (*Квитки*): Листъ до Шевченка.

Побратима (псевдонимъ): Концертъ 27 апрѣля.

Познанського (*Б*): Листъ зъ Дударівъ.

Пестержецкаго (*А. Л.*): 1) О крестьянахъ старинной Югозападной Руси; 2) О народномъ языкѣ.

Стороженка (*А. П.*): 1) Закоханний чортъ; 2) Стехинъ рігъ; 3) Матусине благословення.

Свяченка (псевдонимъ): Вовчиця.

Сухомлинова (*М. И.*): О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи.

Сѣрова (*А. Н.*): Музыка южнорусскихъ пѣсень (съ нотами 6 пѣсень для пѣнія и фортепьяно).

Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнаго края.

Памятное дѣло.

Т. (*Г.*): О народности въ религіозной жизни.

Хоречко (псевдонимъ): Липовыя пущи.

Хуторянина (псевдонимъ): Листи съ хутора: 1-й и 2-й, о городской и сельской жизни; 3-й о значеніи Шевченка, какъ народнаго поэта; 4-й о сельскомъ ворѣ. (Всѣ четыре письма на украинскомъ языкѣ.)

Чубинскаго (*П. П.*): Погуковщина.

Чужбинскаго (*А. С.*): Изъ Украины.

Шаповала (*К.*): Зъ подорожника.

Шевченка (*Т. Г.*): 1) Посланіе славному Шафарикові; 2) Чернець (Семенъ Палій); 3) Москалева Криниця; 4) Невольникъ; 5) Черниця Маръяна; 6) Мелкія стихотворенія; 7) Дневникъ.

Юзефовича (*М. В.*): Объясненіе по поводу издаваемыхъ Кіевскою Комисіею древнихъ актовъ.

Стихи на украинскомъ языкѣ: Гг. *Витавскаго, Глѣбова, І. Галки, Галузенка, Кузьменка, Кулика, Конискаго, Навроцкаго, Петрова, Руданскаго, Таволги-Мокрицкаго, Чубинскаго* и друг.

Мѣстная переписка, объясненіе южнорусскихъ словъ, встрѣчающихся въ *Основѣ*, и другія статьи.

Имѣя въ виду статьи, находящіяся въ распоряженіи редакціи, она можетъ обѣщать, что слѣдующія книжки *Основы* не уступятъ занимательностію содержанія вышедшимъ.

Надѣемся, что многіе профессора и учители мѣстныхъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній также примутъ съ будущаго года живое участіе въ *Основѣ*, какъ единственномъ изданіи, программа котораго обнимаетъ всѣ стороны южнорусской жизни.

Всѣхъ сообщавшихъ и желающихъ сообщить въ *Основу* вѣсти изъ разныхъ сторонъ Юга, усердно просимъ увѣдомить объ условіяхъ, выполненіе которыхъ должно быть обязательно для редакціи: необходимо установить опредѣленныя отношенія заранѣе, дабы избѣжать впослѣдствіи напрасныхъ недоразумѣній.

Подписка принимается: *въ С. Петербургѣ, для городскихъ*: въ конторѣ *Основы* при книжномъ магазинѣ Д. Ев. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; *въ Москвѣ*: у И. В. Базунова; *въ Кіевѣ*: у В. Г. Борщевскаго; *въ Полтавѣ*: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; *въ Таганрогѣ*: у К. Д. Данилова; *въ Одессѣ*: у Ал. С. Великанова, и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородные ***ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО*** адресуются: ***Редактору Основы Василію Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглаго рынка, въ домѣ принца Ольденбургскаго.***

Цѣна за 12 книжекъ, каждая не меньше 15 листовъ, 10 р. 50 к. безъ пересылки, — 12 р. съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Для своевременнаго распоряженія о напечатаніи надлежащаго числа экземпляровъ, редакція проситъ поспѣшить подпискою.

Подписавшіяся и послѣ выхода *девяти* книжекъ *Основы* получатъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Редакторъ В. Бѣлозерскій.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ,

И ОБЪ ИЗДАНІИ

ЖИВОПИСНАГО СБОРНИКА И РИСУНКОВЪ

ИЗЪ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Изданіе *Живописной Украины* будетъ также продолжаться и въ 1862 году. Условія подписки слѣдующія: для подписчиковъ, получающихъ *Основу*, цѣна остается таже, т. е. **4** р., городскіе подписчики платятъ **6** р., а подписчики иногородные, не получающіе *Основы*, платятъ за годовое изданіе **9** р.; исключеніе дѣлается только въ такомъ случаѣ, если иногородный подписчикъ выписываетъ не менѣе *десяти* экземпляровъ; тогда цѣна остается прежняя, т. е. **6** р. за каждый экземпляръ. Подписка принимается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и на *Основу;* иногородные *исключительно* подписываются *въ редакціи Основы.*

Прошу гг. подписчиковъ высылать мнѣ разнаго рода рисунки, типы, одежды и т. д. и сообщать письменно свои замѣчанія относительно моего изданія. Это доставитъ мнѣ возможность узнать вкусъ общества и исполнить справедливыя его требованія.

Съ 1862 года, я выпускаю, кромѣ настоящаго изданія, — другой альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ *Живописный Сборникъ*, въ гораздо-большемъ размѣрѣ, — куда войдутъ не одни Малороссійскіе сюжеты и типы, но и Великорусскіе, а также фантазіи, пейзажи и проч. Вообще программа *Ж. Сборника* — самая обширная и не стѣсненная никакой особой народностью. Цѣна будетъ объявляться печатно, по мѣрѣ выхода рисунковъ.

Кромѣ этого, я приготовляю къ изданію *рисунки изъ народной архитектуры* Великорусской и Малороссійской, съ объясненіями, а потому покорнѣйше прошу всѣхъ, кто интересуется и кто занимается этимъ предметомъ, высылать мнѣ, чрезъ редакцію *Основы*, рисунки, какъ цѣлыхъ зданій и построекъ, такъ и частей ихъ и подробностей, равно и замѣчанія свои о русской народной архитектурѣ.

Левъ Жемчужниковъ.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владимірь Мономахъ.

1862

СІЧЕНЬ

(ЯНВАРЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 29 января, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

ОПЕЧАТКИ.

Въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ статьѣ: *Нáські Граматкú*, вмѣсто *Чи чули*, напечатано: *Чу чули*.

Въ отдѣлѣ Библіографіи на стр. 44, въ послѣдней строкѣ, вмѣсто *двадцати*, слѣдуетъ читать: *тридцати*.

Въ статьѣ: *Іудеямъ*, на стран. 41, въ стр. 32, слѣдуетъ читать: статью: »Основа и вопросъ о національностяхъ.«

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ВЪ ОБѢИХЪ СТОЛИЦАХЪ ПРОДАЕТСЯ

ИЗДАННАЯ ОДЕССКИМЪ КНИГОПРОДАВЦЕМЪ

А. С. ВЕЛИКАНОВЫМЪ

ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА

ГАМЛЕТЪ,

переводъ Кронеберга. Изд. 2-е, съ предисловіемъ Бѣлинскаго. М. 1861. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

КОБЗАРЬ.

XLIII.

Ѳ. М. Л-з-р-скому.

Не до до́му въ-но́чі йдучи́
Зъ кумино́і ха́ти
И не спа́ти лега́ючи,
Зга́да́й мене́, бра́те, —
А якъ прийде нудьга́ въ-го́сті,
Та й на́-нічъ засяде...
Отоді мене́, мій дру́же,
Зови́ на пора́ду!
Отоді згада́й — въ пусти́ні,
Дале́ко, надъ мо́ремъ,
Свого́ дру́га весе́лого,
Якъ вінъ го́ре бо́ре,
Якъ вінъ свої ду́ми ті
И се́рце уббге
Заковавши, хо́дить собі
Та мо́литця Бо́гу,
Та зга́дуе Украіну
И тебе́, мій дру́же,
Та и́ноді й пожу́рицця...
Звича́йне — не ду́же,
А такъ тільки.... На-дво́рі, бачъ,
Наступа́е свя́то...
Тя́жко ёго́, дру́же-бра́те,
Само́му стріча́ти

У пусти́ні... За́втра ра́но
До це́ркви моли́тись
Пійду́ть лю́де... За́втра ж ра́но
Зави́е голо́дний
Звіръ въ пусти́ні, и повіе
Ура́ганъ холо́дний,
И занесе́ піско́мъ-сні́гомъ
Курінь — мою́ ха́ту.
Отта́къ мині доведе́тця
Свя́то зострічáти!...
Що́ жъ діяти? .. На те й ли́хо,
Щобъ съ тимъ ли́хомъ би́тись...
А ти, дру́же мій еди́ний,
Якъ ма́ешъ журúтись,
Прочита́й оцю́ ціду́лу
И знай, що на́ світі
Тільки й тя́жко, що въ пусти́ні
У нево́лі жúти....
Та й тамъ живу́ть, хочъ пога́но....
Що́ жъ діяти ма́ю?...
Тре́ба бъ вме́рти, — такъ надія,
Бра́те, не вмира́е!

XLIV.

Породи́ла мене́ ма́ти
У висо́кихъ у пала́тахъ, —
Шо́вкомъ повила́;
У зо́лоті, въ оксами́ті,
Мовъ та квіточка укри́та,
Росла́ я, росла́.
И ви́росла я на ди́во:
Кароо́ка, чорнобріва,
Білоли́ця я. —
Убо́гого полюби́ла, —
Ма́ти за́міжъ не пусти́ла, —
Оста́лася я, —

У висо́кихъ у пала́тахъ
Уве́сь вікъ свій дівова́ти...
Недо́ля моя́!
Якъ били́на при доли́ні,
Въ одино́кій самоти́ні
Ста́ріюся я;
На світъ Бо́жий не дивлю́ся,
Ні до ко́го не горну́ся,
А ма́тіръ стару́...
Прости́ мене́, моя́ ма́ти!
Бу́ду тебе́ проклина́ти
Поки́ не умру́...

XLV.

По у́лиці вітеръ віе
Та снігъ заміта́е.
По у́лиці по-підъ ти́нню
Вдова́ шкандиба́е —
Підъ дзвіни́цю серде́шная
Ру́ки простяга́ти
До тихъ са́михъ, до бага́тихъ,
Що си́на въ салда́ти
Поза́торікъ заголи́ли...
А ду́мала жи́ти, —
Хочъ на ста́рість у невістки
Въ добрі одпочи́ти...
Не довело́сь! Ви́благала
Ту́ю копійчи́ну...
Та Пречи́стій поста́вила
Свічечку за си́на.

XLVI.

Закува́ла зозу́ленька
Въ зеле́ному га́і;
Запла́кала дівчи́нонька —

Дружи́ни не ма́е.
А діво́чі молоди́і
Весе́лиі літа,
Якъ квіточки́ за водо́ю,
Пливу́ть съ сёго́ світа.

XLVII.

Ой ся́ду я підъ ха́тою,
На у́лицю гля́ну,
Якъ то ти́і дівча́точка
Безъ своéі Га́нни,
Безъ моéі Ганну́сеньки
У хре́щика гра́ють;
И гра́ютця не ве́село,
И не такъ співа́ють
Дівча́точка... А моéі
Голу́бки нема́е:
У свекру́хи десь ворку́е,
Мене́ вигляда́е.

XLVIII.

Тума́нъ, тума́нъ доли́ною —
До́бре жи́ти зъ роди́ною,
Аще лу́чче за горо́ю,
Зъ дружи́ною молодо́ю.
Ой пійду́ я те́мнимъ га́емъ —
Дружи́ноньки пошука́ю.
Де́ ти? де́ ти? озови́ся!
Прийди́, се́рце, пригорни́ся!
Ну́мо, се́рце, лиця́тися
Та поідемъ вінча́тися,
Щобъ не зна́ли ба́тько й ма́ти,
Де ми бу́демъ ночува́ти.
Одружи́лись, захова́лись...

Бода́й були́ не коха́лись!
Ле́гше було́ бъ самій жи́ти,
Якъ съ тобо́ю въ світі би́тись.

XLIX.

Ой лю́лі, лю́лі, моя́ дити́но,
Въ день и въ ночі...
Пійдешъ, мій си́ну, по Украіні
Насъ кленучи́.
Си́ну мій, си́ну! не клени́ та́та,
Не помяни́.
Мене́, прокля́ту, я — твоя́ ма́ти, —
Мене́ клени́...
Мене́ не ста́не,—не йди́ міжъ лю́де,
Иди́ ти въ га́й.
Гай не спита́е й ба́чить не бу́де...
Тамъ и гуля́й.
На́йдешъ у га́і ту́ю кали́ну,
То пригорни́сь...
Бо я люби́ла, моя́ дити́но,
Іі коли́сь.
Якъ пійдешъ въ се́ла, у ти́і ха́ти,
То не жури́сь;
А я́къ поба́чишъ зъ дітками ма́тіръ,
То — не диви́сь!

L.

Зацві́ла́ въ доли́ні
Черво́на кали́на,
Ніби засмія́лась
Дівчи́на-дити́на.
Лю́бо, лю́бо ста́ло,—
Пта́шечка зраді́ла
И защебета́ла....

Почу́ла дівчи́на
И, въ бі́лій свити́ні,
Зъ біле́нькоі ха́ти
Ви́йшла погуля́ти
У гай на доли́ну.
И ви́йшовъ до не́і
Зъ зеле́ного га́ю
Коза́къ молоде́нький,
Цілу́е, вита́е, —
И йду́ть по доли́ні
И йдучи́ співа́ють,
Якъ діточо́къ дво́е,
Підъ ту́ю кали́ну
Прийшли́, посіда́ли,
И поцілува́лись...
Яко́го жъ ми ра́ю
(На світі) блага́емъ?—

LI.

Колись дурно́ю голово́ю
Я ду́мавъ: го́ренько зо мно́ю!
Якъ доведе́тця въ світі жить,
Люде́й и Го́спода хвали́ть?..
Въ багні коло́дою гнило́ю
Валя́тись, ста́рітися, гнить,
Уме́рти — й сліду не поки́нуть
На (обезславленій) землі!...
О го́ре, го́ренько мені!
И де́ я въ світі заховаюсь?
Що-де́нь Пила́ти роспина́ють,
Моро́зять, шкварять на огні!..

21 іюня 1859 р.
Г. Черкаси.

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Седмой отрывокъ.

6 августа 1857.

Астрахань — это островъ, омываемый однимъ изъ протоковъ Волги, перерѣзанный рядомъ вонючихъ болотъ, называемыхъ рѣкою Кутумомъ, и каналомъ, ни въ чемъ не уступающимъ рѣкѣ Кутуму. Полуостровъ этотъ окруженъ густымъ лѣсомъ мачтъ и уставленъ живописными бѣдными лачугами и сѣрыми, весьма не живописными, деревянными домиками, съ мезонинами, не похожими на лачуги потому только, что изъ нихъ выглядываютъ флотскія и вообще офиціальныя физіономіи. Всю эту огромную безобразную сѣрую кучу мусору вѣнчаютъ зубчатыя бѣлыя стѣны кремля и стройный, великолѣпный пяти-главый соборъ Московской архитектуры 17-го столѣтія. Таковъ городъ Астрахань, но не такимъ онъ мнѣ представлялся: когда я, подходя къ Бирючей Косѣ (главная застава въ устьяхъ Волги), увидѣлъ сотни, правда безобразныхъ кораблей, нагруженныхъ большею частію хлѣбомъ, мнѣ представлялась Венеція временъ Дожей, а оказалось—гора мышь родила. А протокъ Волги, окружающій Астрахань и сообщающійся съ Каспійскимъ моремъ, глубиной и шириной Босфору не уступитъ. Но протокъ этотъ омываетъ не Золотой Рогъ, а огромную кучу вонючаго навоза. Гдѣ же причина этой нищеты (наружной) и отвратительной грязи (тоже наружной) и вѣроятно—внутренной? Гдѣ эта причина? Въ армяно-татарско-калмыцкомъ народонаселеніи, или въ другой какой политическо-экономической пружинѣ? Послѣднее вѣроятнѣе: потому вѣроятнѣе,

что и другіе наши губернскіе города ничѣмъ не уступаютъ Астрахани, — исключая Ригу.

Изъ множества частныхъ пароходовъ, теперь ни одного нѣтъ въ Астрахани, по причинѣ Макарьевской ярмарки. Пароходъ »Меркурій« возвратится въ Астрахань не прежде 15-го августа, а къ 20 августа нагрузится и пойдетъ въ Рыбинскъ, а меня довезетъ до Нижняго; а пока я волею-неволею дѣлаюся соглядатаемъ сего нарочито-грязнаго города.

7 августа.

Ай-да Астрахань! ай-да портовый городъ!.. Ни одного трактира, гдѣ бы можно хоть какъ-нибудь пообѣдать, а о квартирѣ въ гостинницѣ и говорить нечего. Зашелъ я сегодня въ одну изъ такъ-называемыхъ гостинницъ на Косѣ »Герапъ« (на Астраханскомъ Золотомъ Рогѣ) спросить чего-нибудь поѣсть, и запачканный вертлявый половой отвѣчалъ мнѣ, что все, что̀ прикажете, все есть, кромѣ чаю. А на повѣрку оказалось, что ничего не имѣется, кромѣ чая, даже обыкновенной ухи. Это — въ Астрахани, въ городѣ, который половину огромнаго Русскаго царства кормитъ осетриной! И еслибы не пріѣхалъ сюда, по дѣламъ службы, двумя мѣсяцами прежде меня, Новопетровскаго укрѣпленія плацъ-адъютантъ Б—цовъ, то мнѣ пришлось бы ночевать, если не на улицѣ, такъ въ калмыцкой кибиткѣ. Онѣ здѣсь также чисты, какъ и грязныя лачуги,— но гостепріимнѣе. Спасибо Б—цову; онъ пріютилъ и накормилъ меня въ этомъ негостепріимномъ улусѣ.

8 августа.

На человѣка, прозябавшаго какъ я семь лѣтъ въ нагой пустынѣ, всякій, даже богоспасаемый городъ Белебей (самый ничтожный городишка Оренбургской губерніи) долженъ бы былъ сдѣлать пріятное впечатлѣніе. Со мной случилось не такъ. Стало быть, я не совсѣмъ еще одичалъ. Это хорошо. Сегодня поутру вышелъ я въ городъ, съ намѣреніемъ отыскать колбасную лавку, чтобы запастись прочной провизіей для дороги и попристальнѣе всмотрѣться въ наружность города. Проходя по Московской

улицѣ (Невскій проспектъ), у меня начало сглаживаться первое впечатлѣніе. Улица хоть-куда. Дома большею частію трехъ-этажные, украшенные снизу, какъ водится, вывѣсками, преимущественно голубыми съ золотымъ. Изъ лавокъ, преимущественно галантерейныхъ, выглядываютъ вяло красивыя армянскія, а изрѣдка и персидскія выразительныя физіономіи. Гостинный дворъ, не смотря на массу, зданіе легкое и даже граціозное, зданіе во вкусѣ Гваренги. Губернаторскій домъ тоже зданіе массивное въ отношеніи къ частнымъ домамъ, бельэтажъ, а-ла Ренесансъ, смотритъ весело въ родѣ бонтоннаго отеля, поддерживаемый массивною галереею аркадъ, подъ которыми помѣщаются лавки съ разными благородными товарами, — въ томъ числѣ и съ кумысомъ. Сначала меня это поразило своей дисгармоніей: въ жилищѣ представителя верховной власти — лавки съ разными товарами, въ томъ числѣ и съ кумысомъ! Странно. Но какъ мирная промышленность не можетъ иначе процвѣтать, какъ подъ эгидою власти, то я на этой мысли помирился и пошелъ далѣе. Обойдя вокругъ покрытый пылью скверъ, я вышелъ въ другую, параллельную Московской, улицу, уже менѣе украшенную вывѣсками и армянами. Изъ этой, ничѣмъ особенно не примѣчательной улицы, я взялъ налѣво и, перейдя деревянный мостъ, очутился за Кутумомъ.

Пройдя шаговъ сто по улицѣ, передъ домомъ, наружностію своей напоминающимъ загородный трактиръ средней руки, деревянный одноэтажный съ бельведеромъ, и по широкой, окружающей бельведеръ, галлереѣ,—усатый кавалеръ, въ сѣромъ пальтосакъ и съ серебрянымъ георгіемъ, прохаживается и съ достоинствомъ посматриваетъ на снующихся плебеевъ, калмыковъ и татаръ. Не дворянское ли это Астраханское собраніе? подумалъ я, и хотѣлъ идти далѣе, какъ мнѣ мелькнула въ глазахъ надъ воротами жолтая табличка съ надписью: домъ С — ова. Не будь Александръ Александровичъ Сапожниковъ брилліантовою звѣздою Астраханскаго горизонта и безмезднымъ Астраханскимъ метр-д'отелемъ, я зашелъ бы къ нему, какъ къ старому знакомому, но эти великолѣпные его недостатки меня остановили.

За домомъ и садомъ Сапожникова видны вдали лачуги. Я, какъ живописецъ, люблю шляться по этимъ грязнымъ живописнымъ закоулкамъ, но какъ человѣкъ, искренно-любящій человѣка,

я передъ домомъ милліонера сдѣлалъ налѣво-кругомъ и вскорѣ очутился въ центрѣ города.

Въ центрѣ города, т. е. на Московской улицѣ, зашелъ я въ гостинницу подъ фирмою »Москва«, спросилъ себѣ пару чаю и усѣлся въ компаніи татаръ и армянъ. Машину накрутилъ какой-то молодецъ въ солдатской шинели, и она задребезжала увертюру *Роберта-Діявола*. Не смотря на отсутствіе всякой гармоніи, меня тронула, и до слезъ тронула, эта изуродованная красавица-мелодія. Значитъ, я давно уже не слушалъ ничего и похожаго на музыку Барабанъ и горнъ очерствили мой слухъ, но не очерствили сердца, воспринимающаго прекрасное.

Послѣ увертюры *Роберта* машина зашипѣла: »ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ.« Я и это шипѣніе прослушалъ съ наслажденіемъ и, почти примиренный съ Астраханью, заплативъ пятиалтынный за чай, вышелъ на улицу.

Московская улица... Существуетъ ли хоть одинъ городъ въ Россіи безъ Московской улицы? — Кажется, нѣтъ. А безъ колбасной лавки существуютъ многіе губернскіе города, въ томъ числѣ и портовый городъ Астрахань.

Дрянь, никуда негодный, противный городъ Астрахань. Я обошелъ всѣ главныя и неглавныя улицы, прочиталъ всѣхъ цвѣтовъ и большія и малыя вывѣски, говорившія большею-частію о продажѣ чихиря и панскихъ товаровъ, но ни одна изъ нихъ не сказала о продажѣ копченыхъ колбасъ. Эхъ, нѣмцы, нѣмцы Сарептскіе! и вы акклиматизировались... а я навѣрняка разсчитывалъ на вашу стойкую колбасолюбивую натуру.

Послѣ обѣда, по наставленію Авдотьи, кухарки Б—цова, пошелъ я отыскивать нѣмецкую булочную, въ которой, по ея словамъ, продаются и нѣмецкія колбасы. Топографія города уже мнѣ болѣе или менѣе извѣстна, и я, по указаніямъ той же Авдотьи, безъ особеннаго труда нашелъ нѣмецкую булочную. Добродушная круглая физіономія нѣмца вытянулась и осторожно улыбнулась, когда я вмѣсто булки спросилъ колбасу. Но какъ я не шутя спрашивалъ, то нѣмецъ не шутя и отвѣчалъ мнѣ, что онъ булочный, но не колбасный мастеръ, и что колбаснаго мастера во всемъ городѣ нѣтъ ни одного, и что если въ Сарептской лавкѣ я не найду этого товару, то до самого Саратова я не увижу ни одной колбасы. Но такъ-какъ Сарептская лавка, по сказаніямъ того же нѣм-

ца, весьма неблизка къ центру города, то я и отложилъ мои поиски до завтрешняго дня.

Сегодня 8-е августа. Сегодня выйдетъ почтовая лодка изъ Новопетровскаго укрѣпленія въ Гурьевъ городокъ и возьметъ съ собою Фіялковскаго и прочихъ освобожденныхъ вмѣстѣ со мною. Желаю тебѣ лучшей будущности, Фіялковскій! ты вполнѣ ея достоинъ. На разставаньи, онъ и Мостовскій дали мнѣ свои будущіе адресы, но едвали у насъ завяжется когда-нибудь переписка, потому что я не принадлежу къ кастѣ пустомелей, а они, какъ люди болѣе меня практическіе, тоже не будутъ переливать изъ пустого въ порожнее. Но я всегда сохраню воспоминаніе объ васъ, мои благородные друзья.

9 августа.

Въ 5-мъ часу утра, пошелъ я отъ-нечего-дѣлать на Косу (пристань) провѣдать моихъ Новопетровскихъ аргонавтовъ, такъ быстро переплывшихъ со мною Хвалынское море. Рыбу они свою продали, купили хлѣба, и съ этимъ золотымъ руномъ отплывутъ завтра къ пустыннымъ берегамъ полуострова Мангишлака. Желаю вамъ счастливаго плаванія, безстрашные плаватели. Поклонитеся отъ меня прибрежнымъ скаламъ, на которыхъ я провелъ столько безсонныхъ ночей, поклонитеся отъ меня коменданту и благородному Мостовскому—и больше никому.

Простившись съ аргонавтами, я прошелъ ни милыя *исады* (съѣстной базаръ); кромѣ фруктъ, огородной зелени и хлѣба печенаго, на этихъ исадахъ я ничего не замѣтилъ; мясо не продается по случаю поста, а рыба продается на лодкахъ. Публика рыночная, какъ и вездѣ: перекупки, повара и кухарки; изрѣдка попадается заплывшая жиромъ купчиха-гастрономка, да такого же содержанія особа духовнаго чина. — — У щоголя, краснобородаго казылбаши, купилъ я, за 5 коп. ср., 5 головокъ чесноку (это добро доставляется сюда изъ Персіи) и отправился въ кремль, полюбоватся вблизи красавцемъ соборомъ. Онъ, какъ щоголь 17 вѣка, красуется въ кружевахъ передъ всѣмъ городомъ.

По слухамъ, знаю я о существованіи книги, подъ названіемъ *Описаніе города Астрахани*. Но о пріобрѣтеніи ея здѣсь, на

мѣстѣ, и помышлять нѣчего. Городъ, не имѣющій книжной лавки, значитъ и читателей не имѣетъ, а какъ-бы кстати имѣть теперь въ рукахъ эту книгу: тамъ вѣрно помѣщены документальныя свѣдѣнія о времени построенія кремля и собора, какъ главныя украшенія города. Кто же мнѣ замѣнитъ эту дорогую книгу? Къ кому обратиться мнѣ съ моимъ любопытствомъ?—И какъ ранняя обѣдня еще не отошла, то я пошелъ прямо въ соборъ, съ цѣлію встрѣтить тамъ священника и обратиться къ нему съ моей антикварской любознательностью. Къ счастію моему, я встрѣтилъ самого ключара собора, отца Гавріла Пальмова (такъ онъ мнѣ рекомендовался), но удовлетворить мое любопытство сегодня онъ не могъ, по недостатку времени, и назначилъ мнѣ свиданіе въ соборѣ въ воскресенье послѣ поздней обѣдни. Подожду.

10 августа.

Ходилъ въ контору »Меркурія« узнать, скоро ли прилетитъ этотъ сынъ Юпитера, и мнѣ сказали, что его ожидаютъ не ближе 15-го августа, а къ 20-му августа выйдетъ обратно въ Нижній. Ожиданіе, какъ всякое ожиданіе, несносно. Но къ этому ожиданію лѣпятся еще издержки, которыя думалъ устранить, прилѣпившись у Б — цова на квартирѣ; а онъ, на грѣхъ, вздумалъ жениться (это общая слабость Новопетровскаго гарнизона),—17-го августа у него свадьба, и я, разумѣется, оказался совершенно лишнимъ человѣкомъ. Съ цѣлью отыскать себѣ уголъ на нѣсколько дней, пошелъ я шляться по переулкамъ вокругъ конторы »Меркурія.« Здѣсь все заперто, кромѣ скворешницъ на высокихъ шестахъ, свидѣтельствующихъ о жилищахъ меломановъ. Постучался я въ нѣсколько запертыхъ воротъ наугадъ, потому что билетиковъ здѣсь на ворота не приклеиваютъ, какъ это водится въ порядочныхъ городахъ. Послѣ долгихъ поисковъ, удалось мнѣ открыть наемный чуланъ, съ миніатюрнымъ окномъ, выходящимъ прямо на помойную яму. На безрыбьи и ракъ—рыба, на безлюдьи и Ѳома—человѣкъ, говоритъ пословица. Вслѣдствіе этой мудрой пословицы, съ завтрешняго дня я ночую въ чуланѣ, за 20 коп. ср. въ сутки. 6 рублей въ мѣсяцъ чуланъ съ помойной ямой! Да это хоть и въ Сан-Франциско — такъ въ пору.

Давши задатокъ, я пришелъ къ Б—цову, и, по случаю духоты и пыли на улицѣ, я пробылъ весь день въ комнатѣ, написалъ радостное письмо друзьямъ моимъ, Лазаревскому и Герну. Кухаренку напишу завтра. Ожидаю отъ него отвѣта на *Москалеву Криницю*. Не знаю, что́ значитъ его молчаніе?

Передъ вечеромъ вышелъ я, какъ говорится, и себя показать, и на людей посмотрѣть. Вышелъ я на набережную канала. Здѣсь это *Англійская Набережная*, въ нравственномъ отношеніи, а въ физическомъ — деревянная, досчатая. Каналъ самъ по себѣ дрянь. Но, какъ дѣло частнаго лица, это произведеніе гигантское, капитальное. Я не могъ добиться времени его построенія, — узналъ только, что онъ построенъ на коштъ нѣкоего богатаго грека Варварицы. Честь и слава покойному Эллину! Такъ на этой-то набережной по вечерамъ рисуется цвѣтъ здѣшняго общества.

Женщины здѣшнія ненатурально-бѣлы и преимущественно чахоточны. Мужчины вообще въ бѣлыхъ фуражкахъ съ кокардою, не исключая и мужчинъ гражданскаго вѣдомства. — — Нерѣдко попадаются львы и львицы. Эти повсемѣстныя плотоядныя не климатизируются: онѣ и здѣсь такой же шерсти, какъ и въ Архангельскѣ, какъ и вездѣ. Плебейская же физіономія калмыка и татарина здѣсь рѣдко покажется: ея мѣсто на *исадахъ* и въ грязныхъ переулкахъ. Всматриваясь пристальнѣе въ господствующую здѣсь узкоглазую физіономію калмыка, я нахожу въ ней прямодушное, кроткое выраженіе. И эта прекрасная черта благородитъ этотъ некрасивый типъ. Вѣрнѣйшіе слуги и лучшіе работники здѣсь суть калмыки. Любимый цвѣтъ — желтоватый и синій, пища какая угодно, не исключая и падали. Мѣсто жительства — кибитка, а занятія—рыбная ловля и, вообще тяжелая, работа. Мнѣ понравились эти родоначальники монгольскаго племени.

11 августа.

Послѣ поздней обѣдни въ соборѣ, обязательный отецъ Гавріилъ показалъ мнѣ ризницу собора, замѣчательную немногими, но, по достоинству работы и старины, весьма рѣдкими, вещами. *Первое*, что́ онъ мнѣ показалъ, это плащаница, шитая шелками и

золотомъ, времени Ивана Грознаго и, по преданію, отбитая у Марины Мнишекъ. *Второе*, печатное, плохо сохранившееся евангеліе 1606 года. *Третье*, сакосъ, шелками и золотомъ шитый, епископа Іосифа, убіеннаго Разинымъ. *Четвертое*, фелонь, шелками и золотомъ шитый, того же епископа. *Пятое*, архіерейскій посохъ удивительно-тонкой работы, даръ царя Бориса Годунова. *Шестое*, сребряный ковшъ искусной работы, даръ царя Петра I-го 1701 г. Огромный потиръ венеціанской работы 1705 года. Время заложенія собора 1698 года, а освященія 1710 года 14-го августа. На вопросъ мой: кто былъ архитекторомъ этого колосальнаго и прекраснаго собора? отецъ Гавріилъ отвѣчалъ: простой русскій мужикъ. Не мѣшало бы Константину Тону поучиться строить соборы у этого русскаго мужика. Я, разумѣется, не противорѣчилъ, и спросилъ его о времени построенія кремля. Онъ отвѣчалъ: »Борисомъ Годуновымъ, а малый Троицкій соборъ построенъ царемъ Иваномъ Грознымъ, вскорѣ послѣ взятія у татаръ Астрахани«, прибавилъ онъ, замыкая ризницу. И на томъ спасибо.

12 августа.

Въ 7 часовъ утра, пришелъ съ верху пароходъ »князь Пожарскій«, принадлежащій компаніи Меркурія. Я пошелъ въ контору справиться о его обратномъ рейсѣ, — опредѣлительно въ конторѣ мнѣ ничего не сказали. Хотѣлъ взять билетъ, и его не дали, за отсутствіемъ главнаго приказчика. Въ надеждѣ на скорое отплытіе и по случаю умѣренной духоты, я пошелъ шляться изъ улицы въ улицу, не теряя надежды отыскать хоть какую-нибудь колбасную лавку. Но увы! кромѣ пыли, смраду и вѣчной вывѣски — продажи чихиря, я ничего не встрѣтилъ. Чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Возвращаясь изъ Сарептскаго магазина, въ которомъ все есть, кромѣ копченой колбасы и сарептской горчицы въ банкахъ, ругнулъ я моихъ пріятелей нѣмцевъ, разумѣется, выйдя на улицу. Полюбовался вычурно-грубой старой архитектурой церкви Рождества Богородицы, Морскаго вѣдомства, и, по наставленіямъ отца Гавріила, пошелъ отыскивать градскую библіотеку. Противъ губернаторскаго сквера прочиталъ я на блѣдно-

голубой вывѣскѣ »Публичная библіотека для чтенія«. Браво, подумалъ я, въ Астрахани публичная библіотека! Стало быть и чтецы имѣются. Замарашка мальчуганъ указалъ мнѣ входъ въ это святилище, и я благоговѣйно поднялся во второй этажъ и вступилъ въ единственную залу библіотеки. Библіотекарь въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и съ гренадерскими усами, котораго я принялъ за полицейскаго чиновника, сказалъ мнѣ, что книги Рыбушкина — *Описаніе города Астрахани*, въ настоящее время въ библіотекѣ не имѣется, а что она находится у бухгалтера общественнаго призрѣнія, Васильева. Я объяснилъ ему, что я — не здѣшній, но онъ всё-таки послалъ меня въ Приказъ общественнаго призрѣнія. Дѣлать нечего, отправился я къ помянутому бухгалтеру Васильеву, и отъ сего почтеннаго старика получилъ надежду прочитать книгу Рыбушкина завтра въ 9 часовъ утра.

13 августа.

Переночевавъ кое-какъ въ новой квартирѣ или, вѣрнѣе, чуланѣ, поутру пошелъ отворить ставни, и меня какой-то сытный бородачъ окатилъ помоями изъ полоскательной чашки, и меня же выругалъ за то, что меня чортъ носитъ спозаранку подъ окнами. Я ругнулъ его бородатымъ старымъ осломъ и отправился къ Б—цову чай пить. Послѣ чая написалъ Кухаренку письмо, нарочито небольшое, и съ лоскуткомъ бумаги и кусочкомъ карандаша пошелъ въ публичную библіотеку для чтенія. Библіотекарь, съ краснымъ воротникомъ и гренадерскими усами, объявилъ мнѣ, что бухгалтеръ Васильевъ не сообщилъ еще желаемой мною книги. Я остался ждать, потому что бухгалтеръ Васильевъ вчера самъ мнѣ обѣщалъ представить книгу въ библіотеку непремѣнно къ 9 часамъ.

Въ ожиданіи »Описанія города Астрахани«, Рыбушкина, я спросилъ каталогъ публичной Астраханской библіотеки: каталогъ тоже былъ на дому у какого-то важнаго лица. (Не у Сапожникова ли?) И такъ, безъ каталога въ рукахъ, я увидѣлъ на полкахъ запыленный »Вѣстникъ Европы«, длинную фалангу »Московскаго Телеграфа«, въ нѣсколькихъ экземплярахъ графа Хвостова, Державина, Карамзина, Духъ Законовъ и Сводъ Законовъ съ прибавленіями, а

остальные полки завалены твореніями Дюма и Сю, не въ подлинникѣ. О манускриптахъ, касающихся исторіи города и края, я не знаю — отчего, совѣстился спросить.

Но что́ всего интереснѣе было для меня въ этой публичной библіотекѣ, это — *Русскій Вѣстникъ*, журналъ уже нѣсколько лѣтъ издаваемый, а я сегодня въ первый разъ вижу. Въ какой же я дикой пустынѣ прозябалъ до-сихъ-поръ!

Первая книжка Русскаго Вѣстника за 1856 годъ попалась мнѣ въ руки. Оглавленіе мнѣ понравилось. Тамъ были выставлены имена Гоголя, Соловьева, Аксакова, — имена хорошо извѣстныя въ нашей литературѣ. Я развертываю книгу, и мнѣ попалась литературная лѣтопись, читаю — и что́ же я читаю? Наша славная, преславная Са́воръ-могила — раскопана! Нашли въ ней какія-то золотыя и другія мелочи, не говорящія даже, дѣйствительно ли это была могила одного изъ Скифскихъ царей.

Я люблю археологію; я уважаю людей, посвятившихъ себя этой таинственной матери исторіи; я вполнѣ сознаю пользу этихъ раскапываній. Но лучше бы не раскапывали нашей славной Саворъ-могилы. Странная и даже глупая привязанность къ безмолвнымъ, ничего не говорящимъ, курганамъ! Во весь день и вечеръ я все пѣлъ:

У степу́ моги́ла
Зъ вітромъ говори́ла:
Повій, вітре буйне́сенький,
Щобъ я не чорніла!

14 августа.

Въ-продолженіе ночи шелъ проливной дождь, и изъ пыльной, сѣрой Астрахани, поутру я увидѣлъ Астрахань чорную, грязную. Вооружившись туркменскимъ чапаномъ, я пошелъ къ Б—цову пить чай,—потомъ отнесъ на почту письмо и пошелъ въ библіотеку. Но сія публичная библіотека, вѣроятно по случаю дождя и грязи, была заперта, и я, поклонившись дверямъ сего недоступнаго, таинственнаго святилища, ушелъ во-свояси съ миромъ, дивясь бывшему.

И что́ мнѣ этотъ Рыбушкинъ такъ завязъ въ зубы? Интереснѣйшее въ Астрахани и безъ его указанія я видѣлъ (соборную ризницу), а объ остальномъ сто́итъ ли хлопотать? не сто́итъ!...

ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.

ПОЭМА

(1648.)

. . . . . esta vita noiosa
Non era degna di si gentil cosa.
Dante.

БЛАГІЙ МАТЕРІ СЛАВНОГО СИНА

МАРЪІ ИВАНОВНІ ГОГОЛЬ.

Якъ на мéне шýря-бýря
Съ півнóчи схопúлась, —
Твоя́ хáта, благá мáти,
Мінí відчинúлась.

Якъ на мéне хúже птáство
Вáжко налітáло, —
Ти менé, благáя мáти,
Орлóмъ величáла.

Не орéлъ я, старá нéне,
Гóлубъ полохлúвий,
Яструбáми заклёваний,
Сóвами ночнúми.

Під̀ъ твою́ схова́всь я кри́шу,
Въ завірю́ху зл̀у́ю;
Твоїмъ д̀у́хомъ те́плимъ д̀и́шу,
Твоїмъ се́рцемъ ч̀у́ю.

Ой ти вміла заспоко́їть
Л̀я́кане серде́нько, —
Буркоч̀у́ тобі тихе́нько,
Моя́ рідна не́нько.

ПІСНЯ ПЕРВА.

I.

Ой чого́, чого́
Въ сла́внімъ Га́дячі
Въ усі дзво́ни задзво́нено?
Ой чого́, чого́
Усі мо́гилки
Корогва́ми закра́шено?
Попи́ співа́ють,
Свічки́ пала́ють,
Козаки́ шабелька́ми лиска́ють

Ой кого́, кого́
Пи́шнимъ по́іздомъ
У поче́ті приве́зено,
Вороно́го коня́
Въ сріблі-зо́лоті,
За трупо́ю приве́дено?
Пани́ й паня́та,
Ду́ки, княжа́та
Зъіхались труну́ провожа́ти.

Ой хто́ жъ бо то, хто́
На сиру́ зе́млю
Павъ у чо́рнімъ оксами́ті?
Тя́жко старо́му
Остава́тися
Сиротою на сві́ті!
Е кому́ меди́
И ви́на пи́ти,
Та нікому оче́й весели́ти

II.

Го́ді тобі, го́ді,
Па́не Парожи́нський,
У сиру́ зе́млю би́тьця:
Ще жъ бо ти на сві́ті,
У похи́лихъ лі́тяхъ,
Не зовсімъ одини́ця.

Не заслива́й, ба́тьку,
Приме́рклого о́ка
Гірки́ми слёза́ми:
Есть у те́бе втіха —
Дочка́ яснооко́,
Съ чо́рними брова́ми.

Ой вона́ відъ жа́лю,
Якъ степова́ квітка
Під росо́ю, схили́лась,
А на її красу́,
На пи́шну уро́ду
Вся моло́діжъ задиви́лась.

Схили́лась надъ бра́томъ,
У чо́рнихъ серпа́нкахъ,
Якъ верба́ надъ водо́ю;
Усімъ взяла́ о́чі,
Усімъ взяла́ се́рце
Молодо́ю красо́ю.

III.

Під страшну́ него́ду,
Черезъ Жо́вту Во́ду
Не знайшли́ пани́ бро́ду;
Поме́ръ молоде́нький
Пани́чъ Парожи́нський,
Повернувши съ похо́ду.

Не низькимъ поклономъ
Низове́ гультяйство
Панена́ привіта́ло:
Воно́ ёму́ въ гру́ди
Зъ до́вгої пища́лі
Подару́нокъ посла́ло.

Чи то степи́ й ба́лки,
Глибо́кі байра́ки
Кра́снимъ ма́комъ процвіта́ють:
Чи то Хмельнища́не,
Втікачі-панща́не
Черво́ну кровъ розлива́ють?

Засту́кавъ Хмельни́цький
Гетьма́на Кали́ну
Изъ Пото́цькимъ під Стебло́вимъ,—
Дя́кують пано́ве
По костёлахъ Бо́гу,
Хто верну́вся здоро́вимъ.

Ой уже́ жъ Хмельни́цький
На всю Украіну
Зични́мъ го́лосомъ гука́е:
»Гей, хто не хо́че
Шля́хті догожа́ти,
Хай до ме́не прибува́е!«

Гуду́ть хліборо́би,
Якъ весня́ні бжо́ли:
»Ой що́ ма́емо чини́ти?
Чи намъ манівця́ми
За Дніпро́ втіка́ти,
Чи ще шля́хті послужи́ти?

— —

IV.

Ой у Лубня́хъ крутоя́рихъ,
У висо́кімъ за́мку,
Сиди́ть пи́шний князь Ере́ма
На тісо́вімъ ґа́нку.

Насу́пився князь Ере́ма,
Все листи́ чита́е.
»Вра́же хло́пство! Ха́мське ко́дло!«
Разъ-по́-разъ гука́е.

»Наряжа́йте драго́нію,
Лашту́йте гарма́ти!
На всіхъ шляха́хъ, перево́захъ
Поста́вити ча́ти!

»Усі стежки́ по яру́гахъ
Поперетина́ти,
А. пійма́вши утіка́чівъ,
На па́лі вбива́ти!

»На роспу́ттяхъ ши́бениці
Ста́вити по по́лю,
Щобъ завча́су вгамува́ти
Леда́чу свавóлю!«

IV.

Кли́че пи́шний князь Ере́ма
Пе́редъ се́бе Го́лку,—
Молодо́го ота́мана
Панце́рного по́лку.

»Пáне Гóлко! ти вірностю
Своé и́мя всла́вивъ:
Тимъ я тебé сéредъ шля́хти
Ви́соко поста́вивъ.

»Хочъ роди́всь ти відъ козака,
Та шляхéтну ду́шу
Въ твоіхъ речáхъ и учи́нкахъ
Шанува́ти му́шу;

»Бо не ду́рно ти зо мно́ю
Зъіздивъ чужі кра́і:
Розумні́йшої люди́ни
Надъ тéбе не ма́ю.

»Вірний Гóлко! тепéръ та́я
Годи́на наста́ла,
Щобъ твоя́ душа́ шляхéтна
Сóнцемъ засия́ла.

»Занеду́жавъ Рарожи́нський,
Похова́вши си́на,
А тимъ чáсомъ закипáе
— — Украіна.

»Гадячáне пéрші вста́нуть:
Завзя́тиі лю́де!
Якъ не впи́нимъ того́ хло́пства,
То щось лихé бу́де!

»Оцé жъ му́шу сусі́дові
Допомóгу да́ти
И тебé посла́ть у Га́дячъ
Рейментарюва́ти.

»Честь вели́ка! Уся́ шля́хта
Завúдуе збóку.
А за вірность дамó тобі
Награ́ду висóку:

»Дамо́ тобі крулевщи́зну
У Липовімъ Бро́ді,
И бу́дешъ ти, зъ ла́ски се́йму,
Шля́хтичъ на загро́ді.« [4]

Уклони́вся панъ ота́манъ,
Засия́ли о́чі:
»Я бі́льшої, ясни́й кня́зю,
Ми́лости не хо́чу,

»Аби́ мінї пана́мъ своїмъ
До́бре догоди́ти
И відъ нихъ ласка́ве сло́во
Собі заслужи́ти.«

V.

Чого́ жъ се ти, Го́лко,
Чого́ жъ се ти, дру́же,
Одійшо́въ одъ кня́зя,
Та й зажури́всь ду́же?

Чи ти зажури́вся,
Чи ти загада́вся, —
Хто жъ би то по то́бі
Дорозумова́вся?

Глибо́кий коло́дязь, —
Тільки дно блищи́тця:
Твоя́ ду́мка гли́бше
У се́рці таїтця.

Глибо́кий коло́дязь,
Води́ не доста́ти:
Тебе́ не збагну́въ би
Ні ба́тько, ні ма́ти.

Глибо́кий коло́дязь,
Не сягне́ ключи́на:
Тебе́ не збагну́ла бъ
И вірна друзи́на.

Съ пана́ми ти ви́рісъ,
Пана́мъ сподоба́вся,
И рідного ба́тька
Зма́лку відпура́вся.

Па́нськимъ тебе́ ма́ти
Ли́чкомъ наділи́ла,
Бо въ па́нськихъ буди́нкахъ
Тобо́ю ходи́ла.

Уроди́ла ма́ти —
Якъ намалюва́ла, [5]
Бо въ па́нськихъ буди́нкахъ
Вона́ пробува́ла.

Чого́ жъ тебе́ се́рцемъ
Козаки́ шану́ють?...
Коза́цьку нату́ру
Вони́ въ тобі чу́ють.

Якъ загра́ешъ въ по́лі
На воронімъ ко́ні, —
За тобо́ю, Го́лко,
Коза́ченьки ро́емъ!

Якъ ви́ідешъ збро́йно
Гряни́чить гряни́ці, — [6]
Вони́ за тобо́ю —
Що во́льнні пти́ці!

Вірно Го́лка, вірно
Свойму́ па́ну слу́жить...
Чого́ жъ ёго́ се́рце
По́тай усіхъ ту́жить?

Зъ весе́лоі у́чти
Го́лка утіка́е,
И па́нська шано́ба
Ёго́ не втіша́е.

Ой бъе розбива́е
Щу́ка-ри́ба ря́ску:
Не вважа́е Го́лка
На дівочу ла́ску.

Лети́ть оре́лъ въ не́бо,
Роспусти́вши кри́ла:
Съ козака́ми Го́льці
Розмо́ва не ми́ла.

По си́нёму мо́рю
Ле́бідь порина́е:
Не проста́цьку Го́лка
Ду́мку собі ма́е....

V.

Пішла́-повила́ся,
Зъ Лубе́нь крутоя́рихъ
Доро́га розло́га...
Обняла́ коза́цьку
Безо́днюю ду́шу
Вели́ка трівога.

»Де́ ти живе́шъ, сла́во,
Пра́ведне лица́рство,
Де́ тебе́ шука́ти?
Ой ще жъ тебе́, сла́во,
На світъ не яви́ли
Висо́кі пала́ти.

»Ой чи то́ жъ то сла́ва,
Вели́ка заслу́га,
Щобъ свій рідъ підня́ти?

Чи то́ сла́ва сла́вна
На Бо́жому су́ді,
Щобъ людъ рятува́ти?

»Ой изъіздивъ-звідавъ
Я чужи́і зе́млі,
Ро́зуму набра́вся;
Ой ба́чивъ я сла́ву
Понадъ си́німъ мо́ремъ —
Я въ ій закоха́вся.

»Ой шумля́ть байра́ки,
Луги́ Низови́і
Буйви́ми вітра́ми:
»Ой наста́ло вре́мя,
»Наста́ла годи́на
»Розмовля́ть съ пана́ми.

— —

VI.

Іде Го́лка чи́стимъ по́лемъ,
На воронімъ ко́ні;
За нимъ новчо́къ панцо́рниківъ
У ясне́нькій зброї;

За нимъ слу́ги молоди́і
Вози́ скарбови́і;
Підъ білими попо́нами
Ко́ні дороги́і.

Блищи́ть ша́бля коза́цькая
Відъ сріблá та злáта:
Зрядúвъ ёго́ панъ ласкáвий,
Якъ рідно́го бráта.

Горя́ть въ по́лі, про́тивъ со́нця,
Су́кні–едама́шки:
»Не забува́й, вірний слу́го,
Княже́цькоі ла́ски.«

—»Не забу́ду, не забу́ду,
Хиба́ живъ не бу́ду!
Ой я вамъ, вельмо́жне па́нство,
За все вдя́ченъ бу́ду:

»И за те, що па́нські о́чі
Й па́нські бро́ві ма́ю;
И за те, що свого́ ба́тька
Зма́лку відбіга́ю;

»И за те, що моя́ ма́ти
Пішла́ за водо́ю,
Породи́вши паненя́тко
Въ лу́зі надъ Суло́ю;

»И за те, що ви доста́ткомъ
Мене́ наділи́ли,
Награ́бивши, наздира́вши
Зъ рі́дноі Вкраіни.

»Ой Ере́мо, пи́шний кня́зю!
Не диви́сь звисо́ка:
Не засліпишъ сріблóмъ-злóтомъ
Коза́цького о́ка!

»Було́ мене́ въ чужі зе́млі
Зъ собо́ю не бра́ти,
Коли́ хотівъ зъ ме́не слугу́,
Дворяни́на ма́ти.

»Було́ мене́ не пуска́ти
На та́йні розмо́ви
До тихъ люде́й, що по́ світу
Ши́рять ро́зумъ но́вий.

»Ой ти, кня́зю, въ Езуі́тівъ
Учи́всь панува́ти,
А я учи́всь у тихъ люде́й
Братівъ рятува́ти.

— —

ПІСНЯ ДРУГА.

I.

Середъ га́ю, під'ъ горо́ю,
Стари́й дубъ стоіть;
Спідъ ко́реня того́ ду́ба
Крини́ця дзюрчи́ть.

Дзюрчи́ть-біжи́ть крини́ченька,
Наповня́ ставо́къ.
Надъ тимъ ставко́мъ нахили́вся
Вишне́вий садо́къ.

Похи́лая хати́ночка
Зъ садка́ визира́.
Въ тій хати́нці прожива́е
Бабу́ся стара́.

Сама́ собі, якъ мізи́нець.
Круго́мъ гай шуми́ть.
Полягла́ трава́ висо́ка —
Нікому коси́ть.

Чий же то́ въ траві висо́кій
Прого́птаний слідъ?
Но́сять діти-вну́чята
Бабу́сі обідъ.

Бабува́ти вона́ хо́дить
До до́брихъ люде́й,
А зімо́ю у за́пічку
Во́вну въ нихъ прядé.

Тамъ дітво́ра съ повиту́хи
Не зво́дить очéй,
Слу́хаючи пісéнь ії
Та стари́хъ річéй.

Якъ води́ця испідъ ду́ба
У ставо́къ біжи́ть,
Такъ бабу́ся зъ малéнькими
Дітьми бубони́ть.

А весна́-красна́ наста́не —
Вона́ зновъ у гай,
Зновъ до ду́ба підгірнёго,
Бо тамъ ії рай.

То́ не квітки́ міжъ трано́ю,
То́ — ду́мки ії:
Якъ спогля́не, то й згада́е
Ра́дощі свої:

»Цвіте я́сний, цвіте кра́сний!
Не до́вго цвітешъ:
На хвили́ну, ми́лий Бо́же,
Ща́стя намъ даéшъ.

»Ой сонъ-тра́во и ти, зо́ре!
Густійше бриніть,
Де дружи́на моя́ вірна
Підъ я́воромъ спить.

»А ти, во́до дзюркотли́ва!
Течи́ изъ ставка́
У Сулу́ зеленолу́гу...
Тамъ моя́ дочка́

»Русáлкою покутýє
Рóзумъ молодúй,
Що не втеклá, необáчна,
Лихóї бідú.

»Передáй їй, дзюркóтонько,
Плачъ довíчній мій,
Мáтерніми слізонькáми
Лúчко їй обмúй.

»Козáченьку-безбáтченку!
Ти — крáденний цвітъ...
Цвітú жъ собі и красýйся
На ввесь Бóжий світъ.

»Ой, якъ я тебé не бáчу,
На сéрці печáль;
А побáчу твою вróду —
Візьме сéрце жаль:

»На послýгу, на утіху
Пáнству уродúвсь,
И відъ рóду козáчого
На-вікн одбúвсь.«

II.

Ой блúснула грімнúченька,
Густý хмáру розривáючи:
Засиялн козáченьки,
Дубрóвою проіжджáючи.

Попéреду панъ отáманъ
Покáзуе імъ доріженьку.
Кінь воронúй, самъ молодúй, — [10]
Чого́ жъ клóнить вінъ голівоньку?

То не маки́ процвіта́ли,
Густу́ траву́ искраша́ючи:
То козаки́ луку́ вкри́ли,
Коні́ченьківъ попаса́ючи,

Ой не журі́сь, бабу́сенько,
Що ти въ світі одино́кая:
Есть у те́бе, стара́ не́не,
Роди́нонька ясноо́кая.

Ой не го́лубъ затуркота́въ,
У віко́нце добива́ючись:
Загомонівъ коза́ченько,
Лю́бимъ сло́вомъ озива́ючись:

III.

»Куди́ іду — не проіду
Похи́лої ха́ти:
У тій ха́ті пробува́е
Моя́ рідна ма́ти.

»Пробува́е одино́ка
Сирота́ бабу́ся.
Вона́ міні — рідний ба́тько
И рідна мату́ся.

»Ой ти мене́, бабу́сенько,
Въ коли́сці хита́ла;
Надъ мало́ю дити́ною
Въ буди́нкахъ співа́ла.

»Ти зо мно́ю розмовля́ла
Ти́хо вечора́ми,
Мою́ ду́шу наповня́ла
Щи́рими слова́ми.

»Спа́ли ре́чи чарівни́чі
У душі хлопя́чій,
Проки́нулись, розви́нулись
У ду́мці коза́чій.

»Надъ филя́стими моря́ми
Живу́ть, мамо, лю́де;
Зміркува́ли, зрахува́ли,
Що́ съ козака́ бу́де.

»Ти́ лю́де, моя́ не́не,
Твою́ річъ святу́ю
Розже́вріли въ душі моій,
Якъ и́скру живу́ю.

»Не турбу́йся, моя́ рідна,
Що я въ па́на вда́вся:
Зна́ла до́ля, на́ що коза́къ
Папа́мъ сподоба́вся.

»Ой у те́бе круго́мъ хати
Ти́хая дубро́ва,
А у Лу́зі Вели́кому
Гучна́я розмо́ва.

»Ой у те́бе по садо́чку
Мете́лики гра́ють,
А изъ Лу́гу Вели́кого
Орли́ вилина́ють.

»Вили́нули си́зі орли́
Въ Ко́рсунь на Вкраїну,
Ожили́-воскреси́ли
Коза́цькую си́лу.

»Коза́ченько-безба́тченко
Шляхті прислужи́вся,
Що, гряни́ці гряни́чивши,
Ві́нъ у сла́ву вби́вся.

— —

»Благослови́, рі́дна не́не,
Стари́ми рука́ми,
Щобъ ворогі́ въ по́лі мліли
Передъ козака́ми.

»Благослови́, бабу́сенько,
Свяги́мъ свої́мъ сло́вомъ,
Щобъ до те́бе я верну́вся
Изъ войни́ здоро́вимъ.

»Не хо́чу я на Вкраі́ні
Па́номъ панува́ти
И пихо́ю безтала́ннимъ
Жа́лю завдава́ти.

»Я підки́ну підва́лину
Під твою́ хати́ну
И введу́ въ не́і убо́гу,
Молоду́ дружи́ну.

»Заспіва́е-засия́е
Гай навкруги́ ха́ти,
И доживе́шъ зъ на́ми віку,
Якъ рідная ма́ти.«

IV.

У старо́го ду́ба
Холо́дна води́ця
Сти́ха ко́рінь підмива́е:
Про Жо́втні Во́ди
И про Корсунщи́ну
Повиту́ха мо́вчки зна́е.

Коли́бъ не дітво́ра
Мали́ми нога́ми
Въ траві сте́жку протопта́ла,

То пташки́ співу́чі
И бжілки гудю́чі
Новину́ бъ ій росказа́ли.

Про Жо́втні Во́ди
И про Корсунщи́ну
Ше́пче вітеръ по дубро́вахъ.
Не зъ одніі бу́ди
Повтіка́ли лю́ди, [11]
Не оди́нъ пусту́е бро́варъ.

Про Жо́втні Во́ди
И про Корсунщи́ну
Дітямъ сни чудни́і сня́тця:
По всій Украіні
Вся́ке зрозуміло,
Що часъ на Ляхівъ підня́ться.

Ой захо́дить со́нце
За холо́дну хма́ру,
А не́бо огне́мъ пала́е:
Старе́нька бабу́ся,
Здійма́ючи ру́ки,
Щи́римъ се́рцемъ промовля́е:

»И благословля́ю,
И Бо́га блага́ю,
Щобъ форту́на въ по́лі вамъ служи́ла,
Щобъ несли́те па́нство
И хи́же ранда́рство [12]
Коза́цкая си́ла одоліла.

»Якъ же бу́дешъ, си́нку,
У чи́стому по́лі
За Ляха́ми коне́мъ уганя́ти,
Не ра́жу я, си́нку,
Тобі кровъ людску́ю
Річенька́ми ма́рне проліва́ти.

»Нехáй побивáє
Воро́женькiвъ на́шихъ
Всёгосвiтняя по́зо́ра,
Що по всёму́ свiту,
По всiхъ до́брихъ лю́дяхъ
Хо́дить изъ двора́ до дво́ра. [13]

»Бу́де съ те́бе слáви —
Пре́дкiвську зе́млю
Унучáтамъ повертáти;
— —

»Ой нехáй же те́бе
Бо́жий Синъ намно́жить [14]
За твою́ козáчу вдáчу!
Мо́же, дожи́ву́ я,
Що на Украíнi
Людську́ во́леньку поба́чу.

»Мо́же, дожи́ву́ я,
Що въ старе́нькiй хáтi
Загучáть скрипки́ й цимбáли,
И звичáемъ до́брим
Ти дiто́къ згоду́ешъ,
Якъ ми своiхъ годувáли.

»Коли́ жъ не поба́чу
Козáцького вiйська
Пiдъ бiлою корогво́ю, [15]
То надiю те́плу
Понесу́ у се́рцi
Въ домови́ну изъ собо́ю.

»Коли́ жъ не хитáти
Менí правнучáти,
Якъ тебе́ колись хитáла,
То й то менí рáдiсть,
Що я тебе́ въ вiйсько
На ворогiвъ провожáла!«

ПІСНЯ ТРЕ́ТЯ.

I.

Вельмо́жний рідъ Рарожи́ньскихъ
Почáтку не мáе:
Якъ розжи́вся, збагати́вся —
Ніхто́ не зазнáе.

Мо́же, ще тоді, якъ Ка́інъ
Завúдувавъ брáту,
Судúла імъ сліпá до́ля
Здобúчу багáту.

Мо́же, пре́дки умочáли
Въ людській крові ру́ки... [16]
Забу́ли те, занедбáли
Вельмо́жні ну́ки.

Паненя́тами рожáлись,
Панáми вмірáли;
Зъ висо́кої високо́сти [17]
На людъ позирáли.

И хилúлась уся́ шляхта
Підъ пáньскую ру́ку,
Оддавáла дітéй своіхъ
У двірську нау́ку.

Тимъ дворя́нствомъ пишáючись,
Учúлася шляхта,
Якъ достáткомъ та гоно́ромъ
Перевáжить брáта; [18]

Якъ піддáньску нахиля́ти
Шúю підъ кормúгу;

Якъ сажáти бунтовникíвъ
У тéмну хурдúгу.

Царювáли Рарожúнські
Въ шляхéцькій громáді,
Стáрші въ вíйську, самовлáдні
На сеймóвій рáді. [19]

И изъ рóду въ рíдъ привúкли
Себé поважáти:
»Кому́ робúть, кому́ служúть,
А намъ — панувáти.

»Самъ Госпóдь намъ укáзує
Владúчню робóту:
Хúлить пíдъ насъ братівъ-шляхту
И хáмську темнóту.

»Съ кимъ зотнéмся за грянúці —
Вінъ намъ помагáє,
Изъ рóду въ рíдъ Рарожúнськихъ
Дóбра розширяє.

»Такъ судúлося на нéбі,
Щобъ родú старúнні
Уставлялú судъ и прáвду
По всій Украíні.

»Ой якъ зъ дáвніхъ булó часівъ,
Такъ повúнно й бýти: [20]
Не здолíє того́ лáду
Ніхто́ повернýти.«

II.

Ой прáвду мовлялú
Вельмóжні панóве,
Нехúблену прáвду,

Пóки не гукнýли
Луги́ и дубрóви
Про козáцьку зрáду.

Закрутúлась крýто
Зелéна хмелúна,
Звúвшись на тичúну; [21]
Огласúло хлóпство
Шляхту брехунáми
На всю Украíну.

— —

»Ой зберімось, брáття,
У чúстому пóлі
На спасéнну наýку:
Стáньмо одностáйно,
Подáймо брáтъ брáту
У тяжкій пригóді рýку.«

И вже идýть рíзно,
И вже гудýть грíзно
Чóрні хмáри зъ громáми.
Насýпилось нéбо,
Сяють лискавúці
Усімá сторонáми. [22]

И вже не одногó
Росчахнýло грóмомъ
Кучерявого дýба...
Втікáйте, панóве,
Въ Пóльщу зъ Украíни:
Бýде вамъ велúкая згýба!

У Гáдячі слáвнімъ,
На Йвана Купáла
Громовá стрілá впáла:

У па́нський буди́нокъ
Людська́ поголо́ска
Новину́ страшну́ примча́ла.

У Га́дячі сла́внімъ
Посере́дъ база́ру
Кра́сне по́ломъя пала́е:
Ой то́ коза́къ Го́лка
Изъ панце́рнимъ по́лкомъ
Навкруги́ люде́й збіра́е.

У Га́дячі сла́внімъ,
На вели́ке свя́то,
Костёли мовчя́ть-пусту́ють:
Ой посередъ ри́нку
Козаки́ охо́чі
На во́зі во́за ришту́ють. [23]

Чого́ притаілись
Уни́ти зъ Жида́ми
У склепа́хъ зъ мертвяка́ми? [24]
Ой ви́соко ма́е,
На со́нечку ся́е
Корого́въ міжъ козака́ми.

— —

III.

Оце́ Го́лка середъ ри́нку
Зъ возівъ поклика́е.
Лю́бо корого́въ княже́цька
Надъ козако́мъ гра́е.

Черво́ною кита́йкою
Пи́шно вози́ вкри́ті.
Стоя́ть мо́вчки Гадяча́не,
Мовъ у зе́млю ври́ті.

Давно́, давно́ таки́хъ річе́й
Не чу́ла Вкраіна:
До землі всіхъ прихили́ла
Лиха́я годи́на.

Поглядає братъ на бра́та,
А ба́тько на си́на:
— —

IV.

Въ обі́дню годи́ну
На Йва́на Купа́ла,
Су́мно, су́мно въ Рарожи́ньскихъ
У буди́нку ста́ло.

Стари́й Рарожи́ньскій
На ліжку коная́е,
Его́ дочка́-одина́чка
Зъ жа́лю омлива́е.

Зъ вели́кого ро́ду
Одна́ зостаётця...
Зупини́лись въ о́чахъ слёзи,
Се́рденько не бъётця.

Чо́рна поторо́ча
Молитви́ читає,
За дука́ти боля́щому
Гріхи́ відпуска́е.

Що́ панъ ні нако́івъ
Зъ молодо́го віку,
Довгопо́лий відпуска́е
Одъ-пи́ні й до-віку.

Чи то, якъ коза́цтво
По тю́рмахъ кона́ло,
А коза́чки нево́лею
Постіль пана́мъ сла́ли; [28]

Чи то, якъ пано́ве
Гамува́ли бу́нти,
И підъ шля́хту позайма́ли
Коза́цькиі гру́нти; [29]

Чи то, якъ съ Пото́цькимъ [30]
Сільскій людъ кара́ли,
Відъ Ніженя до Ки́ева
На па́лі сажа́ли, —

За все довгопо́лий
Па́нові проща́е,
И до ра́ю па́нську ду́шу
Зъ ми́ромъ одпуска́е.

V.

Въ обі́дню годи́ну
На Йва́на Купа́ла,
Су́мно, су́мно въ Рарожи́нськихъ
На подві́рьі ста́ло.

Ра́дить шля́хта ра́ду,
Ста́вши круго́мъ га́нку;
Викли́кае на пора́ду
Вельмо́жну паня́нку:

»Ой що намъ, вельмо́жна
Па́нночко, чини́ти?
Не здоліемъ противъ хло́пства
За́мку борони́ти.

»Повті́ка́ли зъ за́мку
Козаки́ надві́рні,

Малолю́дкомъ зоста́лися
Слу́ги ва́ші ві́рні.

»Хочъ же насъ и о́маль,
Та все чи́ста шля́хта, —
Уміра́ти ми гото́ві
За па́на и бра́та!

»Че́сне панібра́тство
Доро́жше намъ пла́ти, —
За вашъ го́норъ и здоро́въя
Ра́ди ми вміра́ти!

»Шляхе́цькою кро́въю
Вали́ позлива́емъ,
Благоро́днимъ на́шимъ тру́помъ
Рови́ зарівня́емъ.

»Неха́й по всіхъ зе́мляхъ,
Де пани́ пану́ють,
Про шляхе́цьку на́шу за́цность
Вельмо́жниі чу́ють.

»Батьки́ й діди́ на́ші
Рідъ вашъ підпіра́ли,
Вони́ зъ ва́ми хлібъ-сіль іли
И меди́ пива́ли;

»Зъ ва́шого доста́тку
Бра́ли ще́дрі да́ри:
Черезъ васъ вони́ відъ се́йму
Кролевщи́зни ма́ли.

»Неха́й же вбача́е
Вся вельмо́жна шля́хта,
Якъ стоя́ть дворя́не ві́рні
За па́на и бра́та!«

VI.

Ой крúкнула лебéдонька,
Криломъ вóду розбивáючи;
Озвáлася ясна́ пáнна,
Згóрда рýку простягáючи:

»Ой слáвнiї брáття шляхто,
Нáшi слýги незаплáтнiї!
Не вважáйте на мiй смýтокъ,
На мої óчi заплáканi.

»За хмáрами дощовúми
Горúть-сяе ясне́ сóнечко;
Ой вiдъ жáлю велúкого
Роспалáлось моé сéрдечко.

»Одна́, одна́, якъ зéрнятко,
Зъ мого́ рóду я зостáлася;
Найвúщая, найкрáщая
Мiнi дóленька достáлася.

»Сiдлáй мiнi, панъ конюшúй,
Коня́ мого́ довгогрúвого:
Поведý я вiрну шляхту
На козака́ бунтовлúвого.

»Удáримо вступнúмъ бóемъ,
Усi кýпою поляжемо:
Якъ стоя́ти за свiй гóноръ —
Вiкáмъ дáльшимъ перекáжемо!« [31]

VII.

Похплúлись въ тéмнiмъ лýзi
Калúновi вiтu:
Заплáкала вiрна шляхта,
Якъ малúї дiтu. [32]

»Па́нно на́ша, до́ле на́ша,
Красо́ всёго́ кра́ю!
Не на землі́ бъ тобі́ жи́ти,
А въ Бо́жому ра́ю.

»Ой веди́ жъ насъ, я́сна зо́ре,
У черто́гъ преслáвний,
Де спя́ють передъ Бо́гомъ
Твої пре́дки слáвні.

»А щобъ во́рогъ не втіша́вся
По на́шому зго́ні,
Спра́вимъ твойму́ панотцéві
Пи́шні похоро́ни.

»Якъ пори́не у твій за́мокъ
Калому́тна річка, —
Горітиме въ те́мнімъ скле́пі
Воскова́я свічка.

»Якъ ки́нетця хи́же хло́пство
Пи́ти па́нські ви́на, —
Злети́ть вго́ру увесь за́мокъ,
Якъ ле́гка пери́на.

»Изъ лёхі́въ, буди́нківъ, ста́ень,
Изъ хло́нського тру́па
На дво́рищі Рарожи́нськихъ
Ста́не чо́рна ку́па.

»Хай упъю́тця гайдама́ки
Ви́нами-меда́ми, —
Заросту́ть іхъ хи́жі ко́сті
Те́рномъ-бу́рьяна́ми.

»Ой про на́шу че́сну сла́ву
Бу́де миръ гриміти,
А про зра́ду іхъ лука́ву —
Зъ га́домъ гадъ шипіти.

»Ой про шля́хту у світли́цяхъ
Проречу́ть гетьма́ни,
А про хло́пство у темни́цяхъ —
Ланцюги́ й кайда́ни.«

ШІСНЯ ЧЕТВЕ́РТА.

I.

Ой загули́ талимба́си мідяні, [33]
Ой заржа́ли коні́ченьки вороні;
Стара́ бра́ма усміхну́лася, [34]
Що воро́та одімкну́лися.

Ой зли́нула лебідонька изъ гніздá;
Гра́е коне́мъ Рарожи́нська молодá:
Бі́лі ша́ти, золоти́і береги́, [35]
Си́плють и́скрами каміння дорогі.

»Ой іду я, іду до шлю́бу,
На ва́шу, воріженьки, згу́бу!
Ой за́грано міні и забу́бнено, [36]
Тільки мене́ не полю́блено,

А сама́ я женихівъ своіхъ люблю́ —
У се́рденьку, якъ у пе́клі, потоплю́.
Гори́ть-кипи́ть гірке́ се́рденько моé...
Ой усімъ вамъ, жени́шеньки, місце є!«

II.

Ой въ Га́дячі, середъ ри́нку,
Ревну́ли гарма́ти...
»Не намъ, шляхто моя́ вірна,
Відъ хло́пства втіка́ти!«

Ой лиска́е въ чо́рнихъ хма́рахъ
Зубча́ста грімни́ця; [37]
Хто жъ то въ́е́тця між ъ дима́ми,
Якъ біла орли́ця?

»Дозво́ль, ба́тьку, изъ жупа́на
Срібний ґудзь зірва́ти!
Ой не візьмуть чарівни́цю
Коза́цькі гарма́ти. [38]

»Ой у те́бе, ота́мане,
Замовна́ рушни́ця:
На́ші ку́лі одверта́е
Па́нна-чарівни́ця.

»Ой ти зна́ешъ, ота́мане,
Всяке характе́рство: [39]
Шко́да, шко́да товари́ства,
Лю́бого брате́рства!«

Окри́лася шля́хта ди́момъ,
Рушни́ці грима́ють;
Гадяча́не, якъ сно́пики, [40]
По землі ляга́ють.

Окри́лася шля́хта ди́момъ,
Крізъ димъ ого́нь ся́е;
Ли́скавкою між ъ ла́вами
Па́нночка літа́е.

Ой не ва́жся, па́не Го́лко,
Па́нну зустріча́ти:
Зачару́е семиря́дну — [41]
Не втра́пишъ стреля́ти.

Ой не ва́жся, ота́мане,
Па́нну наіжджа́ти:
Зачару́е го́стру ша́блю —
Не влу́чишъ руба́ти.

Ой не ва́жся чарівни́ці
У вічі загля́нуть:
Обомлію́ть бі́стрі но́ги,
Ру́ченьки завя́нуть.

Прорубався панъ ота́манъ
До па́нни близе́нько, —
Заблища́ли ка́рі о́чі,
Тёхнуло серде́нько...

»Гей, козаки́-това́риші
Панце́рного по́лку!
Оступіте у три ла́ви
Ота́мана Го́лку.

»Розверта́йте по-лица́рській
За ла́вою ла́ву:
Росто́чимо зъ усіхъ бо́кивъ
На панівъ обла́ву.

»Чи то жъ сла́ва — на капу́сту
Зсікти жме́ню шля́хти? [42]
Ой лу́чче намъ іхъ рука́ми,
Якъ куре́й, забра́ти.«

Ой заки́нувъ панъ ота́манъ
Що риба́лка сітку:
Уско́чила Рарожи́нська́,
Якъ пта́шка у клітку.

Трепе́чутця у не́воді
Карасі черво́ні,
Ні до втёку го́рдій шля́хті,
Ні до оборо́ни.

Ой нашъ Го́лка за моря́ми
Характе́рства вчи́вся:
Ой хто бъ ёго́ перева́живъ,
Ще той не роди́вся.

Та не гара́здъ, па́не Го́лко,
Не гара́здъ ти ро́бишъ,
Що съ покло́номъ низе́сенькимъ
Па́нну съ коня́ зво́дишъ.

Коли́бъ тобі, ота́мане,
Та не занедба́ти
Підки́нути підва́лину
Підъ ба́бину ха́ту!

Коли́бъ тебе́ чарівни́ця
Не зачарува́ла
И завзя́ття коза́цького
Не загальмува́ла!

III.

Западає ни́зько
Черво́нее со́нце
У пили́ та въ тума́ни.
»Ой стійте, не ри́ньте
У шляхе́цький за́мокъ,
Брати́ моі Гадяча́не!

»Ой злетівъ пу́гачъ
На висо́ку бра́му,
Та, якъ пу́гу, та пу́гу! [43]
Ой чу́е, чу́е
Коза́цькее се́рце
Яку́сь вели́кую ту́гу.

»Ой не ду́рно, бра́ття,
Ви́їхала шля́хта
На оста́нній грець съ козака́ми:
Ма́буть, начини́ла
Склепи́ будинко́ві
И підко́пи порохо́ми.«

Не слу́хають хло́пці
И батьки́ стари́і,
Ри́нуть на здо́бичъ вели́ку.
Ой бага́то лю́ду,
Бідола́хъ уби́тихъ,
Укороти́ть собі віку!

Виво́дять хлопя́та
Ко́ней у наря́ді,
Вино́сять па́нські ришту́нки,
А сіро́ма вбо́га,
Бу́дники, дейне́ки
Пъють конто́вниі тру́нки.

Ой запа́ло со́нце
Въ пили́ та въ тума́ни, —
Хма́ри по́ломъямъ пала́ють:
Ой у оста́нне
Пъя́ні бідола́хи
Весе́лихъ пісе́нь співа́ють!

IV.

Ой місяцю ма́ю!
Не світи́ зза га́ю,
Неха́й я́сно сере́дъ но́чи
Купа́ло пала́е.

Неха́й круго́мъ гри́ща
Те́мна нічъ насу́пить;
Неха́й ко́жне приголу́бить,
Кого вірно лю́бить.

Ой заховавъ місяць
Молоди́і ро́ги;
Потемніли стежки́ въ по́лі
И би́ті доро́ги.

Купа́льні дівча́та
Черезъ ого́нь ска́чуть,
А матірки́ изъ батька́ми
По уби́тихъ пла́чуть.

Співа́ють дівча́та,
Якъ у дзво́ни дзво́нять,
А пону́рні пано́ве
Поби́тихъ хоро́нять.

— —

V.

Не для те́бе, Го́лко,
Молоде́цькі жа́рти:
Взя́вши мушке́тъ, коло́ па́нни
Додержуешъ ва́рти.

То не го́лубъ си́вий
Кругъ голу́бки хо́дить:
Панъ ота́манъ изъ паня́нки
И оче́й не зво́дить.

Бережи́ся, Го́лко,
Дівочої ре́чи,
Щобъ паня́нка не влести́ла
Твого́ се́рця гре́че.

Бережи́ся, Го́лко,
Дівочої вро́ди,
Щобъ не ви́пустивъ ти шля́хти
За Дніпро́ві во́ди.

Не вберігся Го́лка
Краси́ молодо́ї:
Сідла́въ шля́хті по́тай ра́ди
Вороні́ ко́ні.

Не вберігси Го́лка
Ти́хої розмо́ви:
Нагото́вивъ шляхті збро́ю
У те́мній дубро́ві.

Кри́кнувъ о-півно́чі
Півень *кукуріку!*
Не поба́чять Гадяча́не
Сіро́ми до-віку. [45]

Кри́кнувъ пу́гачъ *пу́гу!*
Земля́ застогна́ла,
Заревла́ ії утро́ба,
Огне́мъ запала́ла.

— —

Оберну́лось гри́ще
На страшну́ трівогу.
Присвічуе кра́сний півень
Втікача́мъ доро́гу.

Чи ясно, чи те́мно —
Жва́во вте́комъ че́шуть,
Тільки ко́ні вороні́
Підко́вами кре́шуть.

П. Кулішъ.

Дру́гу полови́ну надруку́емо въ *Основі* за февра́ль. *Ред.*

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.«

1. — Стр. 21, ст. 10.

Чи то Хмельничáне,

Автору не случилось, въ изустныхъ преданіяхъ народа, слышать слова *Хмельничáне;* но что оно существовало, доказательствомъ тому могутъ служить слѣдующія слова Рудавскаго (при описаніи Збаражской осады): Za nimi (за плѣнными Поляками, привязанными къ жердямъ) posuwali się zwolna do wałów nakształt wozów z kosami, niesłychane machiny drewniane, w których się kryli najwprawniejsi z Chmielniczan. (Hist Polska. I. 75.)

2. — Стр. 22, ст. 6.

Сидить пíшний князь Ерéма

Еремою называли козаки князя Іеремію Вишневецкаго-Корибута, которому принадлежала большая часть восточной Украины, по лѣвую сторону Днѣпра, кромѣ множества имѣній въ западной Украинѣ и Червоной Руси. Это былъ самый энергическій защитникъ пановъ противъ козачества, самый искусный полководецъ между шляхтою, самый жестокосердый тиранъ относительно побѣжденныхъ и захваченныхъ въ плѣнъ, и въ то же время одинъ изъ образованнѣйшихъ людей между магнатами Польскаго государства. Отрекшись отъ наслѣдственной греческой вѣры, онъ служилъ римскому католичеству съ такимъ фанатизмомъ, какъ-будто всѣ паны и кардиналы, сколько ихъ ни было, вдохнули въ него свою душу. Украинско-католическая аристократія до сихъ поръ гордится Іеремією Вишневецкимъ; Украинскій народъ до сихъ поръ вспоминаетъ его имя съ ужасомъ и отвращеніемъ; государственники удивляются его великодушному самоотверженію для поддержанія цѣлости Рѣчи Посполитой; гуманисты презираютъ его энергію.

3. — Стр. 22, ст. 4.

На тісóвімъ дáнку.

По разсказамъ Голембёвскаго и другихъ антикваріевъ, старосвѣтскіе дворяне строили свои дома такимъ образомъ, чтобы изъ сѣней, изъ *піддáшья*, или съ *дáнка* можно было видѣть все домашнее хозяйство. Сидя на *дáнкѣ*, панъ дѣлалъ всѣ распоряженія на счетъ охоты, рыбной ловли, посѣвовъ и

сбора хлѣба, защиты своихъ границъ отъ сосѣднихъ пановъ, чинилъ судъ и расправу своимъ *дворянамъ*, т. е. шляхтѣ, служившей при его дворѣ, или, какъ выражались тогда, находившейся въ *дворской* или *дворянской* службѣ, изрекалъ кару нерадивымъ, или провинившимся *подданнымъ* (крестьянамъ), дѣлалъ смотръ надворнымъ хоругвямъ, или ротамъ козаковъ, панцырниковъ, драгунъ, гусаръ и т. п. и пировалъ съ гостями. Внутреннихъ комнатъ въ старину было гораздо меньше, чѣмъ въ наше время. Гости и домашніе мужчины обѣдали, играли, танцовали и спали большею частію въ наружныхъ частяхъ дома, подъ навѣсами и подъ открытымъ небомъ. Поэтому-то авторъ выводитъ Іеремію Вишневецкаго на сцену не внутри, а внѣ его палатъ, которые читатель не долженъ воображать ни очень обширными, ни очень роскошными. Разсказы лѣтописцевъ о сотняхъ тысячъ панскихъ возовъ, наполненныхъ сребромъ, одеждами и мебелью, показываютъ, что въ тотъ вѣкъ, исполненный набѣговъ и пожаровъ, цѣнныя принадлежности пышной панской жизни заключались въ разнаго рода движимости. Оттого-то панско-козацкія войны унесли съ собою почти всѣ слѣды магнатской жизни въ Украинѣ,—жизни, не уступавшей быту западныхъ властелиновъ черни, ни въ роскоши, ни въ разнообразіи забавъ и наслажденій. Поопировали старинные украинскіе паны, нашумѣли на весь міръ, разлили рѣки шляхетской и козацкой врови, и оставили послѣ себя только богатство воспоминаній, въ услажденіе спокойнаго поэтическаго созерцанія и въ безконечную скорбь каждой благородной души.

4. — Стр. 24, ст. 1 — 4.

Дамо́ тобі крулевщи́зну
У Липові́мъ Бро́ді,
И бу́деш ти, зъ ла́ски се́йму,
Шля́хтичъ на загро́ді.

Привиллегіи шляхетства были такъ велики въ Польскомъ государствѣ, что высшей награды не возможно было и придумать для храбраго воина. Даже и во время упадка политической польской системы, многіе старшины козацкіе обезпечивали себя, на всякій случай, шляхетскимъ достоинствомъ, съ которымъ прятались отъ войсковой козацкой черни и людей, преданныхъ національному дѣлу искренно. Нобилитація сопровождалась пожалованіемъ *крулевщи́зны*, или имѣнія, считавшагося королевскимъ. Эти крулевщизны были часто только номинальныя, потому что надѣлялись нобилитованнымъ козацкимъ старшинамъ изъ земель, давно потерянныхъ Рѣчью Посполитою. Такъ Самко́ или Самче́нко получилъ, на сеймѣ 1639 г., нобилитацію и въ пожизненное владѣніе имѣніе Березаны. См. Volumina Legum, томъ IV, стр. 651 (по изданію 1859, стр. 304): Maiąc w dziele rycerskim zaieconego Jakima Samczenka z woyska Zaporoskiego, onego do tytułu y prerogatywy szlacheckiey przypuszczamy, y przywiley tak na nobilitatią, iako na dożywocie Bereżany onemu dany, approbuiemy. Такъ нобилитованы въ томъ же году: войсковый судья Самуилъ Зарудный, съ пожалованіемъ ему мѣстечка Савулихи; войсковой обозный Тимошъ Носачъ, съ пожалованіемъ имѣній: Капустной, Долины, Дорековецъ и Чернова; Василій Золотаренко, rycerz z woyska Zaporoskiego, съ переименованіемъ въ Золотаревскаго, и многіе другіе, которыхъ имена потомки ихъ,

Украинцы, найдутъ въ Volumina Legum. Замѣчательно, что сами они тапли жалованныя королевскія грамоты отъ козаковъ, а впослѣдствіи ихъ наслѣдники скрывали ихъ козацкіе подвиги отъ шляхты. Польскій историкъ Нѣсецкій, опасаясь оскорбить родныхъ Григорія Гуляницкаго, награжденнаго, въ 1639 году, Носовкою и Киселевкою (нѣкогда панскою добычею рода Киселей), утаилъ, не взирая на лѣтописи и Volumina Legum, что Гуляницкій былъ козацкимъ *полковникомъ*, назвалъ его *ротмистромъ* и приписалъ къ орто-польскому роду Улянцкихъ (см. т. IV. стр. 435), пропзшедшему, конечно, отъ какой-нибудь Украинки *Уляны*.

5. — Стр. 23, ст. 13, 14.

Уроди́ла ма́ти —
Якъ намалюва́ла.

Въ народой пѣснѣ поется:

Уроди́ла мене́ ма́ти —
Якъ намалюва́ла.
Дала́ мені ща́стя-до́лю,
Щобъ я панува́ла.

6. — Стр. 25, ст. 25, 26.

Якъ ви́дешъ збройно
Гряни́чить гряни́ці,

Выраженіе *гряни́читись* или *гряни́чити гряни́цю* образовалось въ то время, когда украинскіе паны увеличивали свои владѣнія на счетъ своихъ сосѣдей, подобно монархамъ. Ка́къ это было возможно дѣлать, читатель увидитъ изъ 9-го примѣчанія къ *Дунайской Думѣ*. Преданія о войнахъ пановъ между собою собраны, къ сожалѣнію, въ небольшомъ количествѣ, изъ устъ народа и напечатаны въ 1 томѣ *Записокъ о Южной Руси*. Авторъ, во время пребыванія своего на службѣ въ Кіевѣ, получилъ отъ почтеннѣйшаго, нынѣ уже покойнаго, старичка Валентія Росцишевскаго, владѣльца села Липоваго, весьма интересныя бумаги XVII вѣка о пограничныхъ войнахъ Адама Киселя съ Несочинскимъ; но копія съ нихъ погибла у него, въ 1847 году, вмѣстѣ со многими другими бумагами, по извѣстному случаю.

7. — Стр. 26, ст. 4 — 8.

Ой бье-розбива́е
Щу́ка-ри́ба ря́ску:
Не вважа́е Го́лка
На дівочу ла́ску.

Въ народной пѣснѣ:

Ой одбила щу́ка-ри́ба
Одъ бе́рега ря́ску:
Утеря́ла відъ мі́лого
Вірне слово й ла́ску.

8. — Стр. 26, ст. 17 — 19.

Пішла́-повила́ся
Зъ Лубе́нь крутоя́рихъ
Доро́га розло́га...

Въ народной пѣснѣ:

Ой изъ Лубе́нь до Хоро́ля
Доро́га розло́га.

9. — Стр. 27.

Ой бу́де розмо́ва,
Гарма́тняя ра́да

Поляки говорятъ: żelazne racje. См. Pamiętniki Paska, стр. 130: Ja też zrozumiawszy, że tu już pokorą nic nie wskóramy, ale racjami żelaznemi nadrabiać trzeba, jakem trzymyał obuch w rękach, tak go téż zaraz nim mocno przeżegnałem w piersi, że upadł pod ławę.

10. — Стр. 31, ст. 27.

Кінь вороно́й, самъ молоди́й, —

Въ народной пѣснѣ:

Кінь вороно́й, самъ молоди́й,
Та ще й не жени́вся.

11. — Стр. 35, ст. 7, 8.

Не зъ одніі бу́ди
Повтіка́ли лю́де,

Бу́дами назывались заводы для выдѣлки поташа. Изъ стиховъ іеромонаха Климентія, жившаго во времена Мазепы:

Да и тіе бу́дники въ на́шой землі буваю́тъ,
, що по́ташъ Ту́ркамъ су́кна фарбова́ть виробля́ютъ —

мы знаемъ, что буды доставляли матеріалъ для заграничной работы. Видно, этотъ промыселъ доставлялъ панамъ значительные выгоды, если Адамъ Кисель, исправляя должность полномочнаго посла въ Москву, выпросилъ для себя лично у царя Алексѣя Михайловича на семь лѣтъ позволеніе »жечь золу и дѣлать поташъ на трехъ старыхъ будахъ« въ Трубчевскомъ уѣздѣ и на двухъ въ Недрыгайловѣ, »въ дикомъ черномъ лѣсу«, какъ это намъ извѣстно изъ такъ называемыхъ *Малороссійскихъ дѣлъ* Московскаго Архива иностр. дѣлъ (связка подъ № 3, 1648 марта 3, л. 18.) (¹).

12. — Стр. 35, ст. 26.

И хи́же рандя́рство

Жадность арендарей вошла въ предметы народнаго пѣснопѣнія. Лучшая дума о нихъ напечатана въ 1-мъ томѣ *Записокъ о Южной Руси*. Объ

(¹) Эти дѣла печатаются въ настоящее время и вскорѣ выйдутъ.

ожесточеніи противъ нихъ народа *Лѣтопись Самовидца* (стр. 7) говоритъ такъ: »...сами державцы на Украинѣ не мешкали, тилько урядъ держали, и такъ о кривдахъ посполитыхъ люде й мало знали, альбо, любо (хотя) и знали, только, заслѣплены будучи подарками отъ старостъ и Жидовъ-арандарей, же того не могли узнати, же ихъ же саломъ по ихъ же шкурѣ и мажуть, съ ихъ поддданныхъ выдравши, онымъ даруютъ, що и самому пану вольно бы узяти у своего подданного и не такъ бы поддапный его жалковавъ; ато леда-шевлюга, леда-Жидъ богатится, по килька цуговъ коней справляетъ, вымышляючи чинши великіе, поволовщины, дуды, мѣрочки, бсыпъ, мѣрочки сухіе, зъ жорновъ плату и иное...«

13. — Стр. 36, ст. 1 — 6.

Нехáй побивáе
Воро́женьківъ на́шихъ
Всёгосвітняя позо́ра,
Що по всёму́ світу,
По всіхъ до́брихъ лю́дяхъ
Хо́дить изъ двора́ до дво́ра.

Въ народной пѣснѣ о Наливайкѣ:

Не такéе ищé бъ ли́хо,
Якъ тáя позо́ра,
Що хо́дить по білу світу
Зъ дво́ра да до дво́ра.

14. — Стр. 36, ст. 10, 41.

Ой нехáй же тебе
Бо́жий Синъ намно́житъ

Въ народной пѣснѣ:

Ой колúбъ же того́
Бо́жий Синъ намно́живъ,
Хто щúрні лю́бощі
На сей світъ проло́живъ!

15. — Стр. 36, ст. 22 — 24.

Колú жъ не побáчу
Козáцького вíйська
Пíдъ білою коронво́ю,

О томъ, что у козаковъ была бѣлая хоругвь, сохранилось извѣстіе у Окольскаго (Dyaruysz, str. 69): Kozacy we trzech tysiącach, grając w chałamojkę, w bębny bijąc, z chorągwiami i ze znakiem nad starszym półkonikiem, to jest pod bunczuk, pod proporcem białym ze dwiema ogonami zawieszonemi pod szefolinem, i czarną magierką zawieszon, szli przeciw Kizimowi (когда Павлюкъ былъ разбитъ и они покорились панамъ подъ Кумейками).

16. — Стр. 37, ст. 9, 10.

Мóже, прéдки умочáли
Въ людскій крові рýки...

Заимствовано изъ слѣдующаго выраженія *Лѣтописи Самовидца* (стр. 11): »Рѣдкій въ той кривѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ.«

17. — Стр. 37, ст. 15.

Зъ висóкої високóсти

Въ народной пѣснѣ:

Ой літáе орéлъ, ой літáе сúзий
По висóкій високóсті. .

18. — Стр. 37, ст. 21—24.

Тимъ дворя́нствомъ пишáючись,
Учúлася шляхто,
Якъ достáткомъ та гоно́ромъ
Перева́жить бра́та.

Поляки находятъ, что дворская жизнь разливала въ обществѣ просвѣщеніе, смягчала нравы и проч., но вредъ отъ нея, по нашему мнѣнію, далеко перевышивалъ пользу. Шляхта пріучалась жить не по состоянію; пріучалась казаться не тѣмъ, чѣмъ она была въ разныхъ отношеніяхъ; пріучалась, что́ называется, отличаться, хитрить и съ патрономъ и съ его кліентами, проводить время въ забавахъ, балагурствѣ, праздности. Издатель книги Гурницкаго: Dworwzanin Polski, говоритъ въ предисловіи: »... skoro każdy niemal szlachcic potrzebował być dworzaninem, każdego też, wedle wymagań ówczesnych, winny były zdobić te przymioty, jakiemi Górnicki swego dworzanina zdobi. А между тѣмъ и сквозь книгу Гурницкаго, въ которой онъ старался скрасить дворскую службу и выставить всѣ лучшія ея стороны, проглядываетъ печальная игра въ надменность и услужливость, проглядываетъ деморализующая пустота дворской жизни и жалкое тщеславіе такими вещами, которыхъ слѣдовало бы стыдиться. Дворская жизнь отдѣляла шляхту отъ народа непереходимою чертою и творила посреди народа другой народъ, народъ болтливыхъ дармоѣдовъ, слѣпыхъ и глухихъ къ страданіямъ темной, чернорабочей массы. Таково общее впечатлѣніе, производимое на Украинца нашего времени весьма интересною книгою Гурницкаго. Если почти каждый шляхтичъ (każdy niemal szlachcic) въ старой Польшѣ долженъ былъ пройти эту школу дворской жизни, то становится понятнымъ, почему польское дворянство, говоря вообще, является уже при Янѣ Казимирѣ такимъ жалкимъ гражданскимъ обществомъ, и почему оно такъ глубоко всосало въ себя аристократическіе предразсудки, что и послѣ паденія Польши всё еще любуется тѣмъ порядкомъ вещей, отъ котораго она пала. Справедливо говорилъ на сеймѣ Скарга: Złe prawo gorsze jest niżli tyran nasroższy, bo wżdy tyran odmienić sie, abo namówić, abo umrzeć może, i jego tyzaństwo ustaje; ale złe prawo zawżdy trwa, zawżdy zabija, i szkodę czyni — — jako lew i bestya nierozumna, która namówić sie nie da, aż ią zabić i umorzyć! (Kazania Sejmowe, str. 97.)

19. — Стр. 38, ст. 5, 6.

Старші въ війську, самовлáдні
На сеймóвій рáді.

Рудавскій: »...inni ... publicznym groszem wykarmieni, zbudowawszy przezeń potęgę swoiej rodziny, wyniesieni nad poziom prywatnych osób, rywalizujący z Królem co do świetności, parentelą, klientami, fakcijami groźni i zbrojni, kłócą wszystkie sprawy i naginają je na korzyść własną... (Hist. Polska. I, 109) Większa część magnatow, wszystko poświęcających dla swojéj pychy, pomiędzy innemi sekretami swojego samowładztwa, objawionego w imieniu i pod pozorem równości, przedewszystkim się lęka, ażeby mierniejszéj fortuny obywatele nie tylko nie otrzymali nagród od Rzeczypospolitéj, ale nie doszli nawet urzędów, gdzieby mogli zdolności swoje okazać; natomiast nakształt roju trutniów, pożerając dobra publiczne, do wszystkich spraw pokoju i wojny starają się Rrzeczypospolitéj narzucić swoje wyrodne i bezdarne potomstwo. (Тамъ же, 110.) ... magnaci, gdyby na sejmikach sprzeciwiał się im gmin szlachecki, za pomocą popleczników bezpiecznie mogą wszystkie zamiary skłócić i zmieszać. Z tego powodu niema nic świętego i nietykalnego, nic przepisanego prawem, nic obwarowanego najświętszemi przysięgi, co by ujść mogło rąk łupieżnych, a nikt szczerze nie karci za publiczne zbrodnie, jak tego wymaga interes saméj wolności. (Тамъ же, стр. 99.)

Скарга въ сеймовой рѣчи: Zjeżdżacie się z wielkiemi kupami jezdnych i pieszych, jako na wojnę, nie na radę; i utracacie to, czemby się nie małe wojsko uchować podobno mogło — — Pierwiej sejmowe stanowienie było, jako boskie, niewzruszone i święte; teraz moc traci, powagi nie ma. (Biblioteka Polska, 1857, zesz. 1 i 2, str. 5—6.) Въ проповѣди о любви къ отчизнѣ: Samiście tylko sobie tyranami, gdy praw nie wykonywacie, a do sprawiedliwości fałszywą wolnością abo raczej swawolnością przeszkody sami sobie czynicie. — — Sami sobie szkodzicie i ieden nad drugim tyranią podnosicie, praw nie exekwując, a moc pańską tam, gdzie nie potrzeba, krócąc. (Тамъ же, 20.) Въ проповѣди о Monarchiej i Królestwie:... obieranie posłów na sejmikach takie jest: iż możniejszy a śmielszy czynią, co chcą: abo sie sami obierają, i drudzy mało nie dożywotny sobie ten urząd czynią, abo takie wystawiają, którzy ich myślom i przedsięwzięciu służą. (Тамъ же, 79.)

20. — Стр. 38, ст. 23, 24.

Ой якъ зъ дáвніхъ булó чáсівъ,
Такъ повúнно й бýти;

Эти стихи подсказаны автору однимъ изъ нынѣшнихъ защитниковъ стараго украинскаго панства. Tak było i tak będzie! пророчествуетъ онъ, исполнясь духа польско-украинскихъ магнатовъ, которые свое statu quo едвали промѣняли бы и на Магометовъ рай.

21. — Стр. 39, ст. 3—6.

Закрутúлась крýто
Зелéна хмелúна,
Звúвшись на тичúну;

Хмельницкаго часто называли Хмѣлемъ Поляки и Украинцы. Сохранился отрывокъ пѣсни (см. 1 т. *Записокъ о Южной Руси*), выражающей озлобленіе противъ него народа:

Бодай Хме́ля Хмельни́цького
Пе́рва ку́ля не мину́ла....

Народная поэзія воспользовалась именемъ гетмана, чтобы уподоблять завязтость козацкую завиткамъ растенія, дающаго меду и пиву хмѣльную силу.

Чи не той то хміль, що коло тичи́нъ въе́тця?
Гей, той то Хмельни́цький, що зъ Ляха́ми бъе́тця.

Или:

Чи не той то хміль, хміль,
Що у пи́ві гра́е?
Чи не той-то коза́къ Нечай,
Що Ля́шківъ руба́е?
Чи не той то хміль, хміль,
Що у пи́ві ки́сне?
Чи не той то коза́къ Нечай,
Що Ля́шеньківъ ти́сне?

Или еще:

Та ще хміль, та ще зелене́нький
На тичи́ну не зви́вся,
А вже Палій під Полта́вою
Изъ Шве́домъ поби́вся.
Та ще хміль, та ще зелене́нький
Годово́къ не схили́въ,
А вже Палій під Полта́вою
И Шве́дівъ поби́въ.
Ой хме́лю жъ мій, хме́лю зелене́нький!
Чомъ голово́къ не склада́ешъ?
Ой либо́нь же ти, прокля́тий Мазе́по,
Вже изъ Шве́домъ накла́дашъ.

22. — Стр. 39, ст. 20.

Усіма́ сторона́ми.

Эта форма выраженія есть въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Я поста́вивъ сторо́женьку
Усіма́ шляха́ми.

Она сохранилась также и въ пѣснѣ о разореніи Сѣчи:

Оступи́ли Запоро́жжя
Всіма́ сторона́ми.

23. — Стр. 40, ст. 16.

На во́зі во́за риштую́ть.

Одинъ возъ, поставленный на другой, обыкновенно служилъ козакамъ трибуною для провозглашенія возстанія или похода.

24. — Стр. 40, ст. 17 — 19.

Чого́ притаїлись
Уни́ти зъ Жида́ми
У склепа́хъ зъ мертвяка́ми?

Козаки во всѣхъ своихъ возстаніяхъ преслѣдовали уніятовъ больше, нежели самихъ католиковъ. Но войны козацкія приняли характеръ религіозной борьбы только во времена Хмельницкаго, который очень удачно сдѣлалъ защиту вѣры однимъ изъ побужденій народа къ возстанію. Книжная исторія Украины часто вмѣшиваетъ козаковъ въ религіозную борьбу, руководясь актами чисто дипломатическими и сказаніями украинскихъ лѣтописцевъ, которые были или монахи, или воспитанники монаховъ. Войны козацкія, до разгара Хмельницины, имѣли слишкомъ мало общаго съмонастырскими интересами, а между тѣмъ въ монастырскихъ хроникахъ безпрестанно говорится о борьбѣ козаковъ за вѣру. Напримѣръ, авторъ *Сказанія, откуду козаки Запорожане*, пишетъ: »Тогда же ревностію благочестія разжегся пѣкто гетманъ Запорожского войска Наливайко«, и пр. (*Запор. Старина*, изд. Срезневскимъ, часть I, вып. II-й, стр. 31). Но разверните 2-й томъ изданныхъ Броелемъ-Пла́теромъ Pamiętników do Dzieiow Polskich и читайте, на стр. 214 — 219, письмо Наливайка къ королю,—вы не найдете въ этомъ актѣ ни намека на ревность благочестія, хотя найдете описаніе весьма интересныхъ событій жизни самого Наливайка и отношеній тогдашняго козачества къ панамъ и украинскимъ поселянамъ. Читайте цѣлыя кипы современныхъ реляцій панскихъ и козацкихъ писемъ отъ 1600 года до Хмельницкаго включительно, хранящихся въ С. Петербургской Публичной Библіотекѣ; читайте *Акты Южной и Западной Россіи*, издаваемые Археографическою Коммиссіею. Московское правительство, вмѣшиваясь въ домашнія дѣла Польши подъ видомъ покровительства единовѣрцевъ, очень хорошо знало, что борьба между козаками и панами идетъ вовсе не за вѣру. Въ тогдашнихъ тайныхъ бумагахъ мы находимъ, напримѣръ, такой отвѣтъ пріѣзжихъ въ Москву украинскихъ *монаховъ*, на разспросы бояръ: »учинено де ихъ Черкасъ было лестровыхъ, по королевскому росказанью, шесть тысечь, а правы де королевсіе имъ давали въ ту пору, какъ служба ихъ гдѣ будетъ, на шесть тысечь, а больше тово Черкасомъ не быть было, а достальнымъ бы указано въ городехъ, гдѣ хто похочетъ, подъ панскимъ началомъ, а самовольникомъ де Черкасомъ и за Порогами не быть было. И онѣ де Черкасы не похотѣли быть подъ панскою справою и учинилися самовольны по прежнему, и по городомъ урядниковъ и Ляховъ и Жидовъ побивали и грабили, и кастелы пожгли въ городѣхъ. За то де ихъ Черкасъ побиваютъ Поляки, а не за вѣру.« (*Дѣла Малоросс.* въ Моск. Архивѣ иностр. дѣлъ. 1638, связка № 1). Хотя въ воззваніяхъ козацкихъ гетмановъ и попадаются изрѣдка выраженія: »возстанемъ противъ нашихъ душмановъ и враговъ вѣры нашей«, хотя въ жалобахъ и претензіяхъ козацкихъ, подававшихся правительству, упоминается между прочимъ и о вѣрѣ; но въ разныхъ документахъ есть извѣстія, что козаки не довѣряли своимъ попамъ, когда дѣло шло о войнѣ съ панами, что они были враждебно расположены къ Украинскимъ монастырямъ, что монахи и монахини грекорусскаго исповѣданія, прослышавъ издали объ ихъ возстаніяхъ, бѣгали изъ Украины въ Москву со всѣмъ монастырскимъ имуществомъ, и что козаки не

разъ перерѣзывали имъ дорогу и грабили ихъ никакъ не хуже, какъ и Татары. Во время Кумейской войны, къ Потоцкому привели схваченнаго подъѣздомъ стараго попа изъ Мошенъ. Гетманъ увѣрялъ его, что жизнь его въ безопасности, и подарилъ ему талеръ. Ободренный попъ объявилъ, что вчера онъ видѣлъ на рынкѣ въ Мошнахъ пушки, но прибылъ ли Цавлюкъ, не знаетъ, потому что козаки остерегаются поповъ въ войскѣ (Dyaryusz Okolskiego, str. 48). Тамъ же, на стр. 107: Jedna rzecz niegruntowna u nich i nie bezpieczna zawsze: do wojska popów swoich nie przypuszczają, a zatem mało o Bogu myslą, ale jako bezrozumni, w sile swej i wielkości dufają. Рукописи С. Петербургской публичной биліотеки, появясь въ свое время въ печати, покажутъ, что интересы грекорусской церкви до временъ Хмельницкаго отстаивали на сеймахъ только паны Украинскіе, но и тѣ отстаивали больше потому, что, съ подчиненіемъ грекорусской церкви римскому папѣ, они лишились бы возможности, въ качествѣ свѣтскихъ людей, вмѣшиваться въ церковныя дѣла; а это было бы для нихъ крайне убыточно, потому что всѣ епископіи, архимандріи, катедры и доходные парафіи замѣщались обыкновенно ихъ близкими и дальними родственниками. Грекорусскіе монахи и попы были въ Польской Украинѣ тѣ же паны, только въ другой одеждѣ. Вотъ почему они смотрѣли съ ужасомъ на всякое волненіе козаковъ, на всякое возстаніе простонародья, и первые давали тягу при наступленіи грозы, которую предупреждать подвигами братской любви и самоотверженія было бы ихъ дѣломъ. Само собою разумѣется, что между духовными, какъ и между свѣтскими, обладателями Украины были исключенія, какъ всегда и вездѣ. *Лѣтопись Самовидца* (стр. 20) разсказываетъ очень трогательную легенду о добродѣтельномъ панѣ, Сосновскомъ, который, понадѣясь на извѣстную всѣмъ свою невинность и доброту, остался въ Конотопѣ во время всеобщаго бѣгства шляхты, оставался четыре года невредимъ во время страшной бури, истребившей до остатка многіе дворянскіе роды, и былъ убитъ уже не знавшими его гайдамаками со всѣмъ своимъ семействомъ, въ 1652 году, къ великому сожалѣнію жителей конотопскихъ. Въ *Актахъ Западной Россіи* (т. III, стр. 117) напечатано поученіе кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова, обращенное къ новопоставленному священнику и показывающее, что и въ то время были между духовенствомъ люди, гнушавшіеся неправеднымъ стяжаніемъ до глубины души своей. Онъ, между прочимъ, говоритъ: »И не пріемли приноса у Божій жертовникъ отъ невѣрныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блудникъ, ни отъ прелюбодѣй, ни отъ татей, ни отъ разбойникъ, ни отъ властель немилосердныхъ, ни отъ корчомниковъ, ни отъ рѣзоимецъ, ни отъ ротника, ни отъ поклепника, ни отъ лживаго пастуха, ни отъ волхова, ни отъ потворника, ни отъ игрьца, ни отъ злобника, или томящаго челядь свою гладомъ и ранами.« Впрочемъ невольно приходитъ и здѣсь на мысль итальянская пословица: Dal detto al fatto v'é un gran tratto.

25. — Стр. 40.

Ой хапáйте, брáття,
Хто кий, хто дрючи́ну

Въ народной думѣ:

Котóрий козàкъ не міе въ сéбе шáблі булàтноі,
Пищàлі семипя́дноі,
Той козàкъ кий на плéчі забірáе,
За гетьмàномъ Хмельни́цькимъ у охóтне військо поспішàе.

Посланцы Выговскаго, въ маѣ 1651 года, говорили въ Москвѣ о войскѣ Хмельницкаго: »... ружьемъ де войско все исполнено. У иныхъ огненный бой, а у иныхъ лучная стрѣльба. А съ кіями де, какъ бывало прежъ сего, нынѣ въ войскѣ никого нѣтъ.« (*Малорос. дѣла* Моск. Арх. ин. д., связка подъ № 9, 1651.)

Воспоминаніе о возстаніи дубинъ противъ сабель (во всякомъ случаѣ постыдное для польско-украинской шляхты) сохранилось еще въ слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Хо́дить Ля́шокъ по ра́ночку,
Ша́бельку стискає;
Козакъ Ляха́ не бо́ітця,
Ша́пки не здійма́є.
Ой ка́нувсь Ляхъ до шабля́ки,
А козакъ до дрю́ка:
»Тепе́ръ тобі, вражій сі́ну,
Зъ душе́ю розлу́ка!«

26, — Стр. 40.

Аби́ у всіхъ була́ во́ля
И ду́ма еди́на.

Въ народной думѣ Богданъ Хмельницкій говоритъ:

Тимъ-то й ста́лась по всёму світу
Страше́нная козацькая си́ла,
Що у васъ, пано́ве молодці,
Була́ во́ля и дума еди́на.

27. — Стр. 40.

Пре́доки ва́ші невóлею
Той муръ мурува́ли.

Гетманъ Павелъ Михновичъ Бутъ, иначе Гу́дзанъ, или просто Павлюкъ, писалъ въ 1637 году къ переяславской старшинѣ... tych zdrajców, ile ich jest wojskowych u was, którym obiady, wieczerza i bankiety u pana Zółkowskiego bywały, i za to towarzyszów naszych panu Zółkiewskiemu powydawali, i nie jednemu uszy pourzynano i na Hadiacz wałów sypać zarpowadzono, — tych zdrajców wojskowych nie brońcie, aby ich do armaty do wojska pojmawszy przyprowadzono. (Dyaryusz Transakcyi woiennej między wojskiem koronnem i Zaporoskiem u r. 1638, przez Szymona Okolskiego, str. 12).

28. — Стр. 42, ст. 3, 4.

А коза́чки невóлею
Постіль пана́мъ сла́ли.

Ка́къ паны отбирали ключи у козаковъ и простыхъ поселянъ и дѣлались въ ихъ домахъ полными хозяевами, объ этомъ вспоминаетъ грозно-

печальная народная муза въ думѣ о Бѣлоцерковскомъ мирѣ (*Записки о Южной Руси*, т. 1). Мы приведемъ здѣсь изъ нея только трагическій упрекъ козаковъ послѣ побѣды надъ панскимъ войскомъ:

Эй Ляхи́ жъ ви, Ляхи́, мости́вии́ пани́!
Го́ді жъ вамъ поза кущами вала́тьця:
Пора́ до на́шихъ жіно́къ на опочи́вокъ ити́.
Уже́ на́ші жінки́ и подушки́ поперебива́ли,
Васъ, Ляхівъ, мости́вихъ панівъ, дожида́ли.

29. — Стр. 42, ст. 4 — 8.

Чи то, якъ пано́ве
Гамували бу́нти,
И підъ шляхту позайма́ли,
Коза́цькиі гру́нти;

Dyaryusz Okolskieko, str. 70: (разбивъ Павлюка подъ Кумейками) do Pereasławia sam j. m. p. hetman ruszył, i tam skarał buntowników; toż prawie i po wszystkich miasteczkach czynił, a przykładem jego własni panowie poddanych swawolnych karali, jedni na gardle, drudzy na majętności.

30. — стр. 42, ст. 8 — 12.

Чи то, якъ съ Пото́цькимъ
Сільскиі людъ кара́ли,
Відъ Ніженя до Ки́ева
На па́лі сажа́ли, —

Въ 1637 году, воевода брацлавскій и гетманъ польный коронный Николай Потоцкій, побѣдивъ козаковъ подъ Кумейками и подъ Боровицею, перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра усмирять поселянъ, помогавшихъ козакамъ и вписывавшихся въ козацкое войско, или, какъ онъ выражался, ad ultra extirpandas radices takowey insolentiey. »Еслибы (говоритъ онъ въ своей реляціи) карать Украину соотвѣтственно ея винѣ, которая обнаруживается въ показаніяхъ выданныхъ мнѣ злодѣевъ, то пришлось бы все безъ исключенія Поднѣпріе и Заднѣпріе вырубить въ пень. Но довольно (продолжаетъ онъ) смертію десяти сотъ преступниковъ застращать сто тысячъ другихъ виновныхъ. Я для того собственно ѣду въ Нѣжинъ, чтобы видѣть ихъ собственными глазами на кольяхъ.« И дѣйствительно онъ устроилъ себѣ тріумфъ, достойный римскихъ императоровъ: вся дорога отъ Нѣжина до Кіева была уставлена кольями съ посаженными на нихъ живыми людьми. Этимъ объясняется, почему въ слѣдующемъ же 1638 году поселяне такъ отчаянно бросились подъ знамена Остряница или Остряницы, который такъ жестоко обманулъ ихъ надежды, напередъ вывезши свое и своихъ приближенныхъ семейства за московскій рубежъ и бѣжавъ потомъ въ московскія степи въ самый критическій моментъ войны. (См. примѣч. 51 къ этой поэмѣ). Въ реляціи своей Николай Потоцкій описываетъ жестокости Украинцевъ къ шляхтѣ, Жидамъ и католическому духовенству, и собственнымъ краснорѣчіемъ опредѣляетъ степень обидъ, ожесточившихъ до звѣрства добродушную натуру украинскаго простонародья. Эту

реляцію, еще неизвѣстную въ печати, авторъ нашелъ, въ числѣ множества другихъ драгоцѣнныхъ документовъ, между рукописями С. Петербургской Публичной библіотеки (Польскій отд. № 94, стр. 502 — 504). Вотъ изъ нея выписка:

Od Pa Wdy Bracławskieo do Pana Krakowskieo z Nizyna, d. 8 Januarii 1638.

—— za Dniepr przeszedł (ia) z woyskiem ad vltra extirpandas radices takowey insolentiey, ktora in tantum excreuerat, ze nie tylko wiele slacheckiey krwie strumieni, ale Kapłanskiey rozlała, gdzie po tey wszystkiey transactiey Kizimenko non degener w niecnocie od Pana Oyca swego, nie wiedząc iescze tak o Pawluku, Thomilenku y innych, iako y Oycu swym w kaydanach, rzucił się na Łubnie Xcia JM y tam z przybraną druzyną swoią Zamek złupił, Xcia JM Sług, Slachte y Slachcianki pozabiiał, kościoł spalił, Bernardinow kilku sciął swiętych, nie daiąc ich zadnemu chowac, psom pastwiskiem czynił; asz iusz y ten z łaską Bozą iest w saku y oraz z Panem Oycem swym na palu zatkwi y innemi pomocnikami swemi (bo tych do Warszawy na widowisko daremna wozyc; raczey, zeby tu, gdzie robili, y zaplate odniesli.) Za to iednak nie stoi; na co oczy moie patrzaią, iakie tyranstwa, morderstwa y łupiestwa poczynione, gdzie mi teraz po goscincach apparaty kosciel-ne y wiele sprętow Slacheckich rozni praesentuią przy oddawaniu y samych złoczyncow, podług ktorych confessat gdybym taką miał czynic iaka winna iest executią, wszystko bez exceptiey Podnieprze y Zadnieprze przyszło by w pien wyciąc; lecz, ze poena in paucos metus ma padac, co głownieyszego po goscincach vprzątac kaze, dziesiąci stu sto tysiącu na przykład z nich daiąc, a nie dla innego respectu y tu do Nizina ziachałem, tylko zebym niektorym tosz bespieczenstwo zganił y sam ich na palu widział. Teraz pluzy czas wszystko z nich iak z wosku vlepic Rptey, zeby iusz więcey to złe in visceribus iey niezostawało. Ja tesz sam prętko ztąd (bym tylko tych, ktorych mi escze spieguią, na rostaynych drogach strozami osadził) wybierze ku oddaniu zwykłych moich vsług wm meu MP, w ktory kray y czasy contractow spieszyc mi się po części kazą, abym ich nieco mogł zachwycic, acz ci raczey brac, anizeli dawac na zastawy y dawnieyszych płatkiem odbywaiąc, nowych szukac creditow. —— Armate takowego woyska, iako y Kozacką postanowiłem w Kiiowie przy Panu Zołtowskim. — —

31. — Стр. 44, ст. 23, 24.

Якъ стоя́ти за свій го́норъ,
Вікáмъ дáльшимъ перекáжемо.

У насъ, въ украинской, да и въ великорусской, литературѣ вошло почти въ обычай изображать старинныхъ польско-украинскихъ пановъ какими-то *недолю́дками*. Напротивъ, многіе изъ нихъ представляютъ лучшіе образцы человѣчества, если смотрѣть на нихъ аристократическими и правовѣрными глазами. Поэтому-то такія личности, какъ, напримѣръ, Іеремія Вишневецкій, до сихъ поръ составляютъ гордость самыхъ почтенныхъ Поляковъ, проникнутыхъ консервативными идеями. Это въ са-

момъ дѣлѣ были герои своихъ убѣденій. Имъ и въ голову не приходило, что настанетъ время, когда ихъ потомки, уразумѣвшіе великолѣпный обманъ, въ какомъ были воспитаны, въ какомъ жили и умирали ихъ славные предки, готовы будутъ умолять историковъ и поэтовъ о забвеніи ихъ великихъ подвиговъ. Едвали представители какой-либо государственности могутъ превзойти польско-украинскихъ пановъ въ подражаніи возвеличеннымъ старомодною исторіею героямъ классическаго міра. Они, исполняя священную для нихъ волю католическаго Рима и слѣдуя внушеніямъ тогдашнихъ академистовъ, постоянно имѣли въ виду правило Саллюстія... quoniam vita, qua fruimur, brevis est, (mihi rectis esse videtur) memoriam nostri quam maximé longam efficere. У нихъ не выходилъ изъ памяти гордый вопросъ:

»Что вы, о поздніе потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?«

Извѣстный магнатъ-изгнанникъ Іеронимъ Радзѣёвскій, въ заграничномъ манифестѣ своемъ противъ короля и Рѣчи Посполитой, говоритъ: Obawiałem się, aby o mnie nie napisano, co Piasecki w Kronice o Dembińskim powiada — — Lękając się podobnéj wzmianki, i pszenosząc uczciwść nad korzyść, miałem się na ostróżności.... (Hist. Polska, prz. Jana Wawrzyńca Rudawskiego, I, 207.) Хризостомъ Пасекъ, въ своихъ Pamiętnikach, пишетъ о королевскомъ рекомендательномъ письмѣ: O ten zaś list, klóry był do Czarnieckiego, prosiłem, żeby mi go kazał oddać, powiadaiąc, że te i podobne okazje chowam sobie, aby pozostały dla potomności, jako świadectwo mego życia. (Стр. 138, изд. 1860.) Сеймовыя рѣчи пановъ, ихъ офиціальныя и частныя сношенія между собою наполнены Цицероновскими выраженіями о доблестяхъ гражданскихъ и о славѣ въ потомствѣ. Напримѣръ, въ инструкціи, данной Александру Пясечинскому, при отправленіи его посломъ на повѣтовый винницкій сеймикъ, въ 1621 году, говорится: ». ..padł los na bracią naszą ludzie wielkie y znane, ze broniąc oyczyzny, za wszytkich się zastawuiąc, iedni męznie gardła położyli, drudzy w niewolą poszli, niesmiertelna sława ich słynie y słynąc będzie po wszyskim swiecie, poki tych stanie, ktorzy imie Chrystusowe wyznawaią, szlachetne ich dusze, krwią omyte, nieodmiennych przy męczeńskiey Coronie w niebie zazywaią radości. — — Ktokolwek w czasy przeszłe weirzy, przyznac to musi, ze te zacne narody, ktore się pod imieniem korony Polskiey zawieraią, nigdy nicz milszego nie miały nad sławę. (Zrzódła do Dz. Polsk. prz. Mich. Grabowskiego i Al. Przezdzieckiego, I, 27.) Окольскій, авторъ драгоцѣннаго для исторіи Украины Дневника (Dyaryusz), посвящая свой трудъ главному дѣйствующему лицу войны съ козаками, Николаю Потоцкому, пишетъ: Nie na toć wpawdzie, abyś w. m. jaśnie wiel. m. pan tantarum rerum sis laudator, ale aby posteritas tak zacnego domu następuiącą w. m. moich miłościwych panów, tantis trophaeis szczycąc się i zdobiąc, mieli quem imitarentur, et cui deberent. Увѣренность въ святости своихъ подвиговъ сопровождала пановъ въ самыхъ жестокосердныхъ ихъ поступкахъ. Этотъ самый Потоцкій ѣздилъ въ Нѣжинъ, чтобъ видѣть собственными глазами осужденныхъ имъ людей на кольяхъ, и отъ Нѣжина до Кіева уставилъ дорогу казненными такимъ образомъ Украинцами. (См. прим. 30 къ этой поэмѣ.)

Героизмъ тогдашнихъ Поленъ соотвѣтствовалъ понятіямъ боевого вѣка.

Когда извѣстный рѣзунъ Чарнецкій выѣзжалъ въ походъ противъ Шведовъ, старшая дочь его Александра воскликнула: O! jak żaluję, żem się nie urodziła męszczyzną, abym naśladowała czynów i dziedziczyła sławę ojcowską. (Hist. Stef. Czarnieckiego, przez M. Krajewskiego, str. 173).

32. — Стр. 44, ст. 25 — 28.

Похили́лись въ тёмнімъ лу́зі
Кали́нові вiти:
Запла́кала вірна шля́хта,
Якъ мали́і дiти.

Въ народной пѣснѣ о разореніи Сѣчи:

Похили́лись густі ло́зи
Й кали́нові вiти:
Запла́кали Запоро́зці,
Якъ мали́і дiти.

33. — Стр. 45, ст. 5.

Ой загули́ талимба́си мiдяні,

Талимбасы — родъ барабановъ, литавры. Ихъ носили и возили на коняхъ, всегда парами; колотили разомъ въ оба палками. Слово это упоминается въ *Лѣтописи Величка* (I, 71). Въ числѣ добычи, взятой козаками у Поляковъ послѣ Корсунской битвы, захвачено нѣсколько »телембасовъ срѣбныхъ и мѣдныхъ позлощѣстыхъ«.

34. — Стр. 46, ст. 7.

Стара́ бра́ма усмiхну́лася,

Подражаніе свадебной пѣснѣ:

Ой пiчъ на́ша рего́че —
Корова́ю хо́че,
А при́пiчокъ усмiха́ється —
Корова́ю сподiва́ється.

35. — Стр. 46, ст. 11.

Бiлі ша́ти, золоті́і берегі́,

Стихъ этотъ подсказанъ автору слѣдующимъ мѣстомъ народной пѣсни:

Припну́ фартухъ дорогі́й —
Золоті́і берегі́.

36. — Стр. 46, ст. 15.

Ой за́грано мiні и забу́бнено,

Этотъ стихъ запмствованъ изъ свадебной пѣсни:

Въ недiленьку ра́но
На дво́рі загра́но,
Ой за́рано и забу́бнено,
Бояри побу́жено.

37. — Стр. 47, ст. 2.

Зубча́ста грімни́ця:

Авторъ употребилъ слово *грімни́ця* въ значеніи молніи, но ему не случалось слышать это слово въ устахъ народа: изъ примѣчанія же 10-го къ 1-му тому *Актовъ Западной Россіи* ему извѣстно, что *грімни́ця* собственно значитъ освященная свѣчка, которую зажигали при молитвѣ, во время грома, и что громницами въ Западной и Южной Руси называется праздникъ Срѣтенія Господня. На страницѣ 27-й 1-го тома этихъ актовъ, подъ грамотою 1398 года, читаемъ: »Въ Остаповѣ, предъ Громницями«, т е 1-го февраля.

38. — Стр. 47, ст. 5 — 8.

Дозво́ль, ба́тьку, изъ жупа́на
Срібний дудзь зірва́ти:
Ой не візьмуть чарівни́цю
Коза́цькі гарма́ти.

Въ рѣчи, обращенной къ ота́ману, слово *ба́тько* само по себѣ значило то же, что́ и вмѣстѣ съ словомъ *ота́манъ.*

Ота̀мане, ба́тьку нашъ!
Пора́дь же ти теперъ насъ.

Въ пѣснѣ, сложенной Запорожцами на Кубані, поется:

Ой встань, батьку, съ того́ світу,
Вели́кий гетьма̀не!

Человѣка,умѣющаго заговаривать оружіе, можно было убить только сребряною пулею. Въ пѣснѣ о Нечаѣ поется:

Не зна́ете, вра́жі Ляхи́,
Якъ козака́ вби́ти:
Срібнимъ ґу̀дзькомъ, срібнимъ ґу̀дзькомъ
Рушни́цю наби́ти.

Поляки также вѣровали въ заговоръ оружія и, по словамъ Наска, zawsze przed bitwą kule przyprawiali, pocierając je różnemi świętośćiami. (Pamiętniki, 41). Разсказы о томъ, какъ характерники *одверта́ють ку́лі*, напечатаны въ 1-мъ томѣ *Записокъ о Южной Руси*. Окольскій (Dyaryusz, str. 95), описывая войну съ Остряниномъ, говоритъ, что козаки czarownic i czarowników, aby inkantacye na prochy, strzelbę, powietrze i ogień czynili, po wysokich dachach aby upatrowali, rozsadzili. Тамъ же, на стр. 135, о козацкомъ предводителѣ Сокираномъ или Сокиравомъ: Był to dawny Kozak, świadomy morza i buntów pryncypał, wiele umiał zdrad i czarów, na powietrza, na strzelbę.

39. — Стр. 47, ст. 13, 14.

Ой ти зна́ешъ, ота́мане,
Вся́ке характе́рство.

Характе́рствомъ, т. е. волшебнымъ искусствомъ побѣждать, по мнѣнію козаковъ, обладалъ каждый искусный предводитель. Въ послѣднее время

славился характерствомъ въ народныхъ преданіяхъ Семенъ Палій. Онъ творилъ такія чудеса, что воткнутое въ землю копье его казалось непріятелямъ лѣсомъ; они спасались въ этотъ лѣсъ, наклоняя головы подъ воображаемыми вѣтвями, и такимъ образомъ сами подставляли шеи подъ саблю »великого воина.« Бесѣды съ народомъ о великомъ воинѣ Палієвѣ дали автору основу для характера Голки, вымышленно-популярнаго предводителя возстанія черни въ началѣ Хмельнищины.

40. — Стр. 47, ст. 19.

Гадячáне, якъ спóпики,

Въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Та й ставъ Лихівъ, врáжівъ синівъ,
Якъ снопики класти.

41. — Стр. 47, ст. 27.

Зачарýе семипя́дну —

Прилагательное *семипя́дна*, при словѣ *пищáль*, въ народной украинской поэзіи сдѣлалось гомерически постояннымъ. Когда Украинецъ, описывая что-нибудь, входитъ въ пафосъ, онъ иногда, подобно арабскимъ поэтамъ, опускаетъ существительное. Напримѣръ: *Заплáкавъ гіркúми* (слезами). *Засмія́вся на кýтні* (зубы; т. е. заплакалъ). *Побáчивъ чорнобрíву* (дівчину). *Де жъ моя́ сизокри́ла* (голубка)? Въ этомъ духѣ и авторъ отпустилъ существительное.

42. — Стр. 48, стр. 17, 18.

Чи то жъ слáва — на капýсту
Зсікти жмéню шля́хти?

Въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Та й ставъ Ляшківъ, врáжихъ синівъ.
На капусту сікти.

43. — Стр. 49, ст. 19 — 21.

Ой злетівъ пýгачъ
На висóку брáму,
Та якъ пýгу та пýгу!

Въ народной пѣснѣ:

Ой злетівъ пугачъ
На могилоньку
Та якъ пугу та пугу!

44. — Стр. 51, ст. 6.

Якъ у дзвóни дзвóнить,

Въ народной пѣснѣ:

Ой якъ заговóрить —
Якъ у дзвóни дзвóнить,
А якъ засмíéтця —
Дунáй розіллється.

45. — Стр. 52, ст. 5 — 8.

Кри́кнувъ о-півно́чі
Півень кукуріку!
Не поби́чять Гадячáне
Сіро́ми до-віку.

Въ народной пѣснѣ:

Кри́кувъ на воро́тяхъ
Півень кукуріку!
Не поба́чить ма́ти сы́на
Съ похо́ду до віку.

ВІДЪ СЕБЕ НЕ ВТЕЧЕШЪ.

Бувъ у на́шому селі́ чоловікъ — Чорнокри́лъ Павло́ зва́ли, а въ ёго жінка Га́нна. Обо́е вони́ були́ си́роти, побра́лися й жили́ собі́ двойко́.

Вінъ бувъ чоловікъ пова́жний и ходи́въ усе́ пону́рою, а се́рцемъ бувъ палки́й на-віки. Не многомо́вний, а коли́ вже розгово́ритця, то на́ше ёго́ ко́жне сло́во по́ломъямъ. Бувъ зъ се́бе чорня́вий и хоро́ший ду́же.

А вона́ молоде́сенька, лю́ба та ми́ла, зъ я́сними очи́ма, зъ весе́лимъ се́рцемъ, — коло́ ёго якъ пташеня́тко звива́етця... Въ до́світа, ране́нько, вона́ вже проки́нулася, вже ро́бить и співа́е, було́ й сусідъ порозбужа́е своімъ голосо́чкомъ. Чу́ешъ було́ на світа́нню:

Уста́ну ране́нько,
Уми́юсь біле́нько...

Слу́хаешъ, — а тутъ и со́нечко схо́дить...

Бува́ло, що той Павло́ похму́рий такий сиди́ть, а то́ и сло́вомъ ії гірки́мъ зачепить — вона́ терпіливодушна, ясна́ та весе́ла. Вінъ у чому́ поми́литця, — вона́ себе́ повинова́тить; вінъ ії скри́вдить, — вона́ ёго́ перепро́шуе. »Ти въ ме́не не жінка,« було́ Павло́ ій гово́рить: »ти въ ме́не дити́на до́бра. Ти того́ бі́ди-ли́шенька людського́ не зна́ешъ, не розбіра́ешъ...«

— А тобі ва́жко ду́же? — спита́е, та близе́сенько ся́де коло́ ёго, ди́витця такъ-то вже лю́бо, та́къ-то вже ласка́во жа́луе!

— Мині ва́жко... До́ля лиха́я, лю́де не-до́брі, вбо́жество гірке́е... мині ва́жко!

— А якбы́ я изъ тобо́ю журы́лася?

— Ні, моя́ я́сочко, прожива́й весе́лою. Якъ гля́ну я на те́бе ча́сомъ, то и самъ розва́жуся: — тобі, бачъ, усе́ смішки та втішки, — воно́ й кра́ще. А колибъ ще ти́ засумува́ла, — бідна тоді голова́ моя́! Ва́жко само́му журы́тись, а ще ва́жче бу́де, коли́ й ти зату́жишъ, а моя́ неси́ла розва́жить тоді... Хай Богъ боро́нить! Проживай, моя́ я́сочко, весе́лою!

— То й до́бре! — одка́же ёму́, всміха́ючись. И жили́ вони́ собі вже три ро́ки побра́вшися.

Тоді жени́всь нашъ панъ молоди́й и поня́въ собі бага́ту жінку: везли́ за не́ю поса́гу — Го́споди-світе! на́че чума́цька ва́лка зъ Кри́му йшла́.

Наіхало за не́ю и хло́пцівъ и дівча́тъ кімна́тнихъ, и шевцівъ и кравцівъ, и пра́чокъ и шва́чокъ. У дворі па́нському на́че рій ви́роівся: людей-людей!

Почали́ся пири́ та бенке́ти, музи́ки та та́нці: — гуде́ буди́нокъ. Та́кеньки уся́ зима́ зімська перезімува́лась.

Дожида́ли пани́ яко́гось пра́зника собі, садъ прибіра́ли—загада́ли чоловіківъ пригна́ти на ту садову́ робо́ту. Садъ па́нський вели́кий... У ёму́ и хати́ночки побудо́вані, у ёму́ и бесідочки... Одна́ ще була така́, що на ве́рсі, на даху́, місяцеві ро́ги стриміли... Не те, щобъ сёго́ тре́ба для чо́го було — ні-до-чо́го воно́, а такъ-то вже—аби́ було́: звісно, пани́—що хотя́ть, те й ро́блять. Тамъ и лавочки́ и сто́лички, и мра́моряні па́нни, русавки, чи що, и жва́вий хло́пчикъ яки́йсь изъ лу́комъ та изъ стрілкою, націлявся зза рожевихъ кущівъ.

Отъ и клопота́лися чоловіки у тому́ саду́: піско́къ вози́ли, схі́дці по згіръю направля́ли, та місто́чки черезъ рівчаки́ ла́дили. Спішно́і тре́ба було́ робо́ти, и ото́ та́мечка вони́ роби́ли зъ ра́ннёго ра́нку до пізнёго ве́чора.

Са́ме тоді весна́ молода́ йшла́. Вже вода́ ставна́ леліла и ста́ли поска́кувать щу́чки дрібне́нькі, а въ рівчаку́ струмо́чокъ забурча́въ; заворуши́всь на де́реві листо́чокъ и червоне́нький у́сикъ попусти́въ. Вже трави́чка стирча́ла зъ землі оттеплої; вже бджо́ла за обніжжю летіла, гудучи́. Вилися між деревами якісь сіре́сенькі пта́шечки, малесечкі, зъ пищанням своімъ весе́лимъ; верба́ у жо́втімъ пушку́ диминіла,—а на вербі сорока смільлива

скреготáла. Вже вечорíло та вечорíло... На селі вже гóмінъ стишáвся; лю́ди йшлú зъ пáнщини. Вертáвсь и Павлó до-дóму.

Ишóвъ вінъ сáдомъ пáнськимъ изъ своїмъ вóзомъ порóжнімъ та про свою́ дóлю дýмавъ понýро. На веснý вбóгому чоловíку трудніше, — запáси вже пожúвъ, а новúни ще не діждáвся. И дýмавъ вінъ собі, въ кóго-то хлíба позичáти, якóму дóброму чоловíкові вклонúтись трéба бýде... А булó тúхо та тúхо, тільки хрущі гулú літáючи. Колú, чýетця ёмý, нáче хто сúлне ридáе неподалекý. Вінъ зупинúвся, прислýхався — ридáе-плáче хтось поза блúгомими кущáми. Вінъ ті кущі потихéньку прогорнýвъ — сидúть дівчина на лáвочці, попустúла свої рýки білі въ велúкій тýзі, рóсють дрíбно слéзи ій облúчча молодé. Вінъ дúвитця та дúвитця. И дóвго дивúвся безъ жáдної й дýмки, а такъ-отъ, якъ на світовý зóрю дúвлятця, що якá-то гáрна вонá та яснáя.

Скúнула дівчина очúма... Якъ побáчила — стрепенýлася, здивувáлась, злякáлася.

— Звідки ви? До кóго? Чого́ ви?« запúтуе.

— Якъ сúльне ви ридáли! — одказáвъ. Нíчóго не прибрáвъ більшъ ій одмóвити. Вонá якъ зарúдае знóву!

— Бóже мій мúлий!« скрúкнула, »се вже не пéрвий отáкъ я вéчіръ рідáю! Світъ вже мині не мúлий, а Госпóдь смéрти не посилá!

— Ви за молодóю пáніею мабýть прúдані?

— За нéю. Охъ лúхо моé та тя́жкее! Завезлú жъ менé на чужý стóрону — нещаслúва голóвонько моя́! хочъ усю́ди гірка́ нáша дóля, та все такú міжъ своїхъ людéй лéгшъ: кóжного я знáю, менé кóжне знáе; тамъ мині и стежечкú знакомíсінькі, хатú усі відомíсінькі, — тамъ земля́ рідне́сенька! А тýтъ-отъ, на чужині, такъ якъ у тéмному лíсі, такъ якъ на мóрі!«

Та такъ-то вже плáче, жалкýючися-нарікáючи, такúми-то вже слёзúма ревнúми.

— Вáжко бувáе чоловíку! промóвивъ Павлó.

— Охъ, якъ же вáжко! мýка живáя!

Вонá усé слёзáми вливáлася, а вінъ стоявъ та дýмавъ: — нещаслúва якáя! а молодé! хорóше!

— А ви?— питáе дівчúна крізъ свóі слёзи: ви, мáбуть, тутъ рóбите у садý?

— Рóбимо.

— Давно?

— Сёго́дня упе́рше насъ поста́влено.

— То-то жъ бо я на́че нико́го не ба́чила, а я що-ве́чора ту́тенька туля́юся, свiтомъ нужу́ та тужу́... А до́вго ва́шої робо́ти бу́де?

— Та коли́бъ въ два ти́жні ввібра́лось!

— Гостей дожида́ють пани́...

— Чу́ли. Тожъ бо для іхъ и стоя́ти день при днi — зъ но́чі до но́чі.

Та озірне́тця — округи́ темнiсiнько зовсiмъ, во́за свого́ не ба́чить. Схаменувся тоді.

— Бува́йте здоро́вi! промо́вивъ дівчині та ху́тко похопи́всь. Одшука́въ во́за на поля́нці, воли́ пасу́тця па́нським зіллячкомъ ви́коханимъ... Зъіхавъ на доро́гу; тоді огля́нетця наза́дъ — нічо́го не заба́чивъ — усе́ застела́ла мла вечірня пахучая. Дотягну́въ вінъ додо́му поти́ху, усе́ ду́маючи про приго́ди людськії...

На поро́зі ёго́ Га́ля стріла — весе́лимъ своімъ голосо́чкомъ пита́е; су́мно вінъ iй одмовля́е своє сло́во.

Вона́ у ха́ту веде́, засвiти́ла свiтло, стiлъ вже засте́лений. Буха́нчикъ хлiба на столі лежи́ть та ніжъ. Сівъ Павло́ бiля́ сто́лу, схили́въ го́лову на ру́ки.

— Ось и вечеря́ на́ша,— промовля́е до ёго Га́ля, сіда́ючи по́руч.

— Пози́чений? — ка́же Павло́, кра́ючи хлiбъ.

— Оддамо́, се́рце, оддамо́ новино́ю. Сей рiкъ зарiдливий бу́де. Подиви́тись на руна́ полёвi: жита́ такі, що й вужъ не пролізе.

— Ти въ ме́не и торікъ пророкува́ла га́рне полiття такъ-са́ме. Ти куди́ гля́нешъ, то всю́ди тобі золота́ верба́ росте́!

— Лю́де сподіва́ютця...

— Этъ! сподіванки людськії!.. У ко́го се ти хлiба пози́чила?

— У Мики́ти у Румая.

— До́вго, ма́буть, гну́вся — не дава́въ?

— О, дежъ тамъ! и тро́шки ні! За́разъ, таки́ зара́зъ, давъ, изъ ми́лою хіттю. Се до́брий чоловікъ, Румай.

— Охъ, до́брі лю́де! до́брі лю́де! промо́вивъ Павло́.

Тихе́нько ёго́ Га́ля обійняла́ и тихе́сенько до ёго пригорну́-

лася. Почала́ розмо́ву; всміхну́лася — не диви́тця; припа́ла до ёго — не пригорну́въ.

»Скажи́ мині слове́чечко, се́рце!« про́сить ёго́.

— Нема́ въ ме́не слівъ хоро́шихъ; — тобі гіркі́хъ не тре́ба!

— Чого́ ти таки́й, го́лубе мій? Ти мині скажи́: яка́ намъ біда́?

— Хиба́ ми да́внёю бідо́ю не вдоволнимо́сь? Та й свіжа не заба́ритця. Чого́-чого́, а сёго́ у-по́вні бу́де!

— На́що та́кеньки говори́ти, моє́ коха́ння! Пере́йметця й добро́ намъ, якъ Богъ дасть...

— Одже й дожида́й того́ добра́, що не прийде, а терпи́ ли́хо, що вселилося!—Ви́простався зъ ії рукъ, та й сівъ собі оддалікъ.

Кипіла въ ёго́ душа́ наболівши, наскорбівши. Не виносли́во ёму́ слу́хати було́ про сподіване добро́, надію весе́лу. Милішъ би ёму́ було́ почу́ти гіркоі скарги, наріка́ння жа́лкее... Рідніша бъ ёму́ та душа́ була́, що ни́діе въ самогризо́ті, вистлівіше те́ се́рце, що вору́шитця одъ жа́лю гнівного, та одъ ту́ги важли́вої...

Гля́нувъ вінъ на Га́лю: вона́ на ёго дивилась я́сними очи́ма своіми; ти́хі слёзи одна́ по дру́гій бігли по обли́ччю, а уста́ все на́че всміха́лися... Не пожа́лувавъ вінъ ії, а ста́ло ёму́ яко́сь ура́зливо, нега́рно:—вона́ чого́ пла́че, дити́на нерозу́мна?

— А все жъ до́бре... чого́ пла́кати заходи́лася? ка́же ій.

— Ти смутни́й таки́й, мій го́лубе!

— Не пла́чся на мо́е го́ре! не тобі ёго́ опла́кати! Го́ді жъ бо! Вона́ обіте́рла слёзи и до ёго зновъ прийшла́, пригорну́лася.

— И до́бре, якъ ущу́хла! промо́вивъ гірко.

Вона́ ти́хо коло́ ёго седіла́, якъ коло́ неду́жого. А ёму́ ва́жко було́ та тя́жко... Хотівъ би вінъ одхитну́тись одъ не́і, такъ вона та́кенька пригорну́лась, бідне́сенька, що сло́ва гірко́го уста́ не ви́мовили. Була́ се въ ёго при ёму до́бра дити́на й ми́ла, та ёму́ чужа́-чужі́сінька... И пригада́лася ёму́ та дівчина пла́чуща... Ставъ вінъ диви́тись у віко́нце, у той вечіръ те́мний вдивля́тись, заду́мався... Що таке́ ёму́ Га́ля ёго́ невсипу́ща щебе́тала, я́къ ёго́ розважа́ла, — вінъ не чувъ. Вінъ мо́вчки до ії голосо́чку дослуха́вся, якъ до леління води́ ти́хоі, та ду́мавъ собі... До́бре ёму́ впа́ли у па́мъяті ті очі сяю́щі, ті слёзи блиску́чі, слова́ ті жалкі та жаркі... И той ве́чіръ весни́ молодо́і, и на́вить та квіточка бузко́ва, що паху́ча розгорта́лася въ те́мному ве́чорі..

На дру́гий день роби́въ Павло́ у саду́, не зніма́ючи голови́ похи́лої, роби́въ якъ тії лю́ди ро́блять, що хо́чуть свою́ журбу́ вто́мою поневірять.... Прида́вся и сей ве́чіръ те́мний та пахущий, якъ учора́шній. Після усіхъ побра́вся Павло́ до-до́му. Ишо́въ вінъ та ду́мавъ, дівчину зга́дувавъ: чи тожъ и сего́дня пла́че вона́? якъ то вона жу́ритця жу́рно! яка́-то вікомъ молода́! яка́ вро́дою хоро́ша! чи живъ ії ба́тько-мату́ся? які собі лю́де? и я́къ вона́ спе́ршу тамъ жила́ у своє́му селі? и кого́ кра́ще одъ усіхъ сподо́бала та́мечки? и я́къ розлучи́лася?

Ду́му, ду́му въ ёго́ було́, якъ того́ шу́му на морі, та все объ дівчині, усе объ неі.

— А ось я ії, либо́нь, и поба́чу,—поду́мавъ,—коли́ вона́ ёму́ назу́стрічъ, зза де́рева, зза сосни́ни уявля́е.

— Добри́-вечіръ! промо́вила.

Вінъ издрігну́вся, мовъ на́хідка ёму́ несподівана....

— Добри́-вечіръ!—одка́же ій, та на́че ще й *сла́вний ве́чіръ* сказа́въ....

Вона́ ёго́ пита́: чи ду́же втоми́вся на робо́ті?

— Ні, одвісти́въ.

Пита́: чи трудна́ въ іхъ па́нщина?

Ка́же: трудна́.

— Та по па́нщині усі додо́му, до своє́і ха́ти, иду́ть на спочи́вокъ, — въ ме́не бігма́ тепе́ренька ані ха́ти, ані госпо́ди.

Зговори́ла... слёзи покоти́лися, посипались по ли́чку...

Трону́лося се́рце въ Павла́, та на́че не зъ жаління, на́че зъ ра́дощівъ. Яко́сь лю́бо ёму́ було́ ба́чити слёзи ті, яко́сь ми́ло. Не ду́мавъ вінъ спиня́ти іхъ, не хотівъ сло́ва мо́вити. Стоя́въ, диви́вся — отъ мовъ би знайшо́въ, що́ шука́въ, що́ тре́ба було́, та й ста́въ: и любу́е, и ради́е — найшо́въ! чу́е....

— Бо́же жъ мій ми́лий! якъ ва́жко!—промо́вила до ёго.—Чи усімъ такъ ва́жко буває? паробка́мъ, якъ дівча́тамъ?... Та па́робокъ не запла́че, мабіть, та́кеньки, отъ якъ я....

А Павлу́ чу́лося, що вже въ само́го о́ко застила́ слёзо́ю... Одка́же:

— Чому́?

— Кремезні лю́де, сла́влють... Якъ васъ зову́ть? — спита́ла

— Павло́.

— А на прозва́ння?

— Чорнокри́лъ.

— А мене́ зову́ть Ва́ркою, по ба́тькові я Линівна.

— Сумуєте ви ду́же у на́шій сторо́ні? — ій ка́же.

Сти́снула вона́ бі́лими рука́ми, влила́ся зновъ слізьми....

Він неначе того́ й жада́въ и змо́вкъ.

— Ходіть, — промовля́е вона́ крізъ слёзи: ходіть за мно́ю, подивітця!

Веде́ ёго́ на згірочокъ та й пока́зуе — простяга́е ру́ку въ далиню́: у при́смерку ле́дві-на-ле́дві по степу́ росяно́му шляхъ мрівся....

— Се, — ка́же, — се шляхъ на мою́ сто́рону!

Погля́нувъ він на той шляхъ, та и въ ёго се́рце розжа́лілося, якъ на́че одъ свого́ вла́сного смутку.

Стоя́ли собі, — забу́вшися, що часъ не стоіть.

Вона́ пита́ла: чи е въ ёго ма́ти? чи ба́тько живи́й?

— Нема́ въ мене́ ні ба́тька, ні ма́тері.

— Якъ и у ме́не, — ка́же: и я сирота́.

Лю́бо ёму́ було́ те сло́во почу́ти, я́къже лю́бо! Коли́бъ роди́на була́ въ ёго — самъ бы відцура́вся тоді...

А жінка? А Га́ля ёго́?

И промигну́ла вона́ въ ёго по душі, якъ холо́дний вітеръ, и вже ніякъ не змігъ він ані мислі одігнать, ані занедба́ть ду́мки тіе́і: на́че холо́дний вітеръ, кажу́, віявъ по душі зъ тіе́ю ду́мкою.

А дівчина пита́: де ёго́ ха́та стоіть? які въ ёго сусіде?

Він росказа́въ, де́ ёго ха́та стоіть, пойменува́въ сусідъ своіхъ — не наменувъ тілько про Га́лю. Ёму́ усе́ чогось здава́лося, що ось-ось поспита́е дівчина въ ёго: а жінка ва́ша? — и се́рце ёму́ омира́ло....

Пі́вні заспіва́ли по селі.

— Та вже пізне́нько! — промови́ли обо́е ра́зомъ. Се вже пе́рві пі́вні співа́ють.

— Проща́йте! ка́же Павло́.

— На добра́-нічъ! привіта́ла ёго́ дівчина, зника́ючи у темноті.

Ба́чилися и на тре́тій ве́чіръ, ба́чились и на четве́ртий, — ста́ли схо́дитись що-дня́. Смерка́е, ве́чіръ, — вони́ й стріча́ютця. Він не проси́въ вихо́дити, не каза́ла вона́ »ви́йду« а яко́сь самъ він дожида́въ, вона́ сама́ ви́йшла. Розмовля́ють, роспи́туютця, ро-

ска́зують. Вінъ изгада́въ якъ служи́въ, коли́сь, у лихи́хъ люде́й на́ймитомъ... ніхто́ ще та́кечки не нарі́кавъ на ёго до́лю недо́бру, ніхто́ ще таки́ми слёза́ми бідува́ння ёго не опла́кавъ—жарки́ми та гірки́ми:—такъ-то ёму́ здава́лося,—якъ ся дівчина чужосторо́ння. Вона́ зновъ ёму вимовля́ла свій жаль, свою ту́гу на се́рці... якъ же жа́лувавъ, якъ спочува́въ! Аже́ й на світі ёму́ не було́ ще тако́ї другі́ї безща́сної, тако́ї лю́бої дівчини!

День по дню мина́е, ве́чіръ по ве́чері, а вони́ собі усе́ схо́дятця та гово́рять, та усе́ лу́чче звича́ютця. Ска́ржитця дівчина на ту́гу, а вже въ само́ї се́рце ду́же ве́село чого́сь стрепеха́етця—ту́га та́я роспада́етця на́че. Жа́луе вінъ ії слёзи журли́ві, а ще лу́чче—любу́е по́глядомъ ласка́вимъ. Спе́ршу дожида́ли поба́читця такъ, якъ дня со́няшного, що ёго́ дожида́е чоловікъ и радіе; ожи́віе дожда́вшися; а далі вже ста́ли дожида́ти зъ ту́гою пеку́чею, зъ смутко́мъ нетерпля́чимъ, якъ коха́ння того́ дожида́ють....

А вжежъ! покоха́лися! А ті лю́бощі,-не́мощі — гіршъ вони́ надъ усі бо́лещі у світі, не одхо́дить відъ іхъ ні жо́дна воріжка-знатниця. Вже й літечко кра́сне роспо́внилося, цві́ло, а Ва́рка все ще не зна́ла, що вінъ жона́тий. Чи то жъ село́ мале́ньке, чи то жъ усіхъ назна́ться? А вона́ жъ изъ дво́ру па́нського не вихо́дила. За ёго нікóли не говори́ла нікóму, и нікóли не пита́ла нікóго. А Павлу все ва́жче та ва́жче ужи́тися. Те коха́ння, що ёго́ одживіло, живу́ й му́ку ёму́ собо́ю завдало́. Часте́сенько-ча́сто, си́дячи по́ручъ изъ дівчиною, роздумувався вінъ про свою́ жінку; слу́хаючи дівчину, чу́вся ёму́ голосо́къ изъ ёго́ ха́ти.... А прийде до-до́му: й ну́дно, й тру́дно, и уразли́во и со́ромно... шука́е-пита́е яко́го діла—робо́та рукъ не йме́тця; заговори́ть—гірка́ ёго́ розмо́ва, ущіпливі слова́... А Га́ля все такъ, якъ и була́ — привітна та ясна́. Якъ вже вінъ не вереду́е, вона́ догожда́. Буває, чого́ вже вона́ не почу́е, чого́ вінъ не ска́же, якъ не зневажить! а вона́: »го́лубе мій! се́рце мое!« Обніме свою́ го́лову вінъ, та й изъ ха́ти утіка́е.

Ду́шно було́ ёму́ коло́ Га́лі — відъ жа́лю відъ су́му; відъ ії по́гляду люблячого ще скрутніш...ъ... бігъ вінъ до дівчини,—чо́рна ту́га зъ нимъ.... Давно́ вже хотівъ вінъ призна́тись, що жона́тий, та не признава́вся. Да́лі одва́жився: тре́ба!

Зъ тіе́ю ду́мкою прийшо́въ вінъ до не́ї; — вона́ ёго́ дожида́е,

кúнулася до ёго, своімъ питáннячкомъ хвиткúмъ не далá ёмý вúмовити слóва.

— Чогó такúй? — жáлуе ёго. Чи нездýжаешъ? Бóже мій дóбрий! Нездýжаешъ? скажи́! чомý не говóришъ? Говорú-бо!— А самá тáкъ и припадáе до ёго.

— Я жонáтий, — хотівъ вінъ вúмовити, та кáже: Дівчино! чи лю́бишъ ти менé вірно?.. чи щúро?

— Більше бáтька рідного, більше матýсі питúмої! крáще світу крáсного, лýчче свогó життя́ молодóго.

Та й пригорнýлася до ёго, якъ дитúна до мáтері.

Обійняла́ ёго́ велúкая тýга, сýмъ сýмний.

— Дівчино, — говóрить: я жонáтий, въ менé жінка é.

Вонá якъ булá коло ёго — и не одхитнýлась: »Щó?« питáе.

— Жінка é въ менé... Чýешъ, дівчино? знáтимешъ?

Схопúлася вонá.

— Се жáрти такі, чи прáвда такá?

— Прáвда щúрая.

Стенýлась одъ ёго бігти, самá себé не памъятáючи.

Вінъ не пустúвъ; за рýку дéржить, прихиля́е до сéбе.

— Гóді!—погукнýла на ввесь гóлосъ свій, ажъ загулó у темноті.—Чогó тобі трéба? Де жъ твоя́ жінка? Ведú менé до нéі, нехáй побáчимося! Пустú менé! Я тебé не хóчу! Я жúти не хочу, у свíті! Якъ я тебé покохáла, лихóго чоловіка!

— Сéрце моé! не плачъ, пострівáй... промовля́е до нéі, нáче бъ спрáвді мавъ чимъ втішити ії и порáдити: — не кúдай ти менé, — прóсить: — не втікай одъ мéне! не кúдай!

— Не кúдати? Якъ же мині бýти зъ тобóю, зъ чужúмъ чоловікомъ? чужúй, на всі вíки чужúй! У тéбе Бóга немá!.. Нехáй же такъ вáжко тобі, якъ ти занапастúвъ менé!

— Тебé и себé, дівчино!

— Идú жъ собі геть відь мéне! йди! щобъ не бáчити тебé! щобъ тебé не чýти!... лýчче бъ ти вмéръ... Що жъ мині робúти? щó мині діяти? Не кúдай менé при лихій годúні, — пожáлуй!

И обіймáе ёго́, и ридáе, и благáе....

— Не покúну! Вже пізно намъ розлучáтись. Я тебé кохáю; и тебé пóки життя́ могó не покúну!

— —

Спéрву вже повівáло лúхо надъ тимъ коханнямъ, а се впрямъ

поняло́ якъ вода́. Якъ не ба́чутця — гіркій світъ, а поба́чутця— ще гірший. Сидя́ть, було́, проси́жують нічъ те́мну рука́ зъ руко́ю, а въ се́рці горени́ть мовъ отру́тою.

— —

— Роскажи́ мині, будь ла́сковъ, яка́ твоя́ жінка? промо́вила Ва́рка.

— Якъ же мені роска́зувати?— спита́въ... И на що́ пита́ти?

— Роскажи́ мені, роскажи́! Чого́ одверта́ється? Якъ въ ме́не нічимъ хвали́тись передъ тобо́ю, ти мині похвали́ся!... Яка́ жъ вона́? яка́ краса́ ії?

— Вона́ хоро́ша.

— Спаси́бі Бо́гу! Лю́бить тебе́?

— Лю́бить.

— И жа́луе?

— Жа́луе.

— И до́бра? й лю́ба?

— До́бра й лю́ба.

— Чого́ жъ тобі ще тре́ба? чого́ коло ме́не ти шука́ешъ?— погукну́ла. — Иди́ до своє́і ха́ти, до ми́лої жінки!

— Го́ді, дівчино, го́ді! на́що роспи́тувать! Не такъ було́ бъ мині свою́ пра́ву ру́ку одруба́ти ва́жко, якъ ту́ю пра́вду ви́знати-ви́мовити. Пожа́луй ти лу́чче моє́і бі́дної голови́!

Вона́ ви́рвалась изъ ёго́ рукъ.

— Де́ ти зъ не́ю пізна́вся? — пита́.

— Тутъ у селі.

— И ду́же вподо́бавъ одъ-ра́зу?

— Вона́ мині до вподо́би була́.... А за́ що ти мині му́ки завда́ешъ, дівчино?

— И ху́тко ії поса́тавъ?

— У півро́ку.

— Мавъ часъ на роздуму! Півро́ку зна́лися!.. И ча́сто ба́чився тоді зъ не́ю? що-дня́?

— Що-дня́.

И отъ, мовъ уста́ла передъ очи́ма ёго́ та вісень те́пла та я́сна, коли́ вінъ побра́вся зъ Га́лею: я́къ тоді на по́лі серпи́ бли́скали, а на лана́хъ широ́кихъ ко́си дзвиніли зра́на, а ввечері до села́ тягну́ли важкі вози́, хита́ючись; викла́далися стіжки́ коло ко́жної ха́ти, по усіхъ двора́хъ чу́лися голоса́ весе́лі; якъ чер-

воніли рясні яблука по садкáхъ, — черкáючи крильцями, пурхали въ гилькахъ пташенята... .Згадалося, якъ вівъ вінъ Галю зъ церкви у рутяному вінóчку; якъ у ёго вбогенькій хатині веселішъ стáло и якъ запáхло свіжими квітками за божничкóмъ.... Гірко ёму все тée пригадáлося, якъ гірко згáдуетця добрó, що булó колись тобі на вікú мúле, и тебé не зрáдило воно, не перейшлó, а одбігъ ёго самъ чоловікъ невситúмий. Нікого булó ёму виновáтить, нічого осужáти, тілько хибá — себé-самóго.... Въ ёго на рукáхъ дівчина ёго любúлена ридáла.... Плáкавъ и вінъ того вéчора слёзúма.

Занедýжала Гáля. Ишлá якóсь по роботі зъ пóля, у-день дýшно булó, а тутъ — де взявся вітеръ, бýря, дощъ лúвний — захолодúлася вонá та й занедýжала.

Лежáла собі самá душéю. Дохóдили молодúці знакóмі навідати; на-швидкý пожýрятця, пожалкýють, та й до свого діла поспішáютця кóжне. Павлá вонá слúве й не бáчила: у-дóсвіта йдé на роботу, а вертáетця трóхи не о-півночі.

— Де вінъ бувáе? дýмалося ій. Колúбъ вінъ ходúвъ межи лю́де, чýла бъ одъ молодúць, — а молодúці питáлися, чомý се ій чоловіка невúдко нігдé. — Дéжъ вінъ бувáе? Десь на самоті тýжить, якъ колúсь...« Згадáла вонá, що колúсь ще, якъ зазнавáлася изъ нимъ, вонá ёго одшýкувала въ лýзі де понадъ річкою, або у гаю, самóго зъ журбóю своéю, — чи жъ тепéръ тáкенька? Тоді вінъ зрадіе булó ій, забáчивши, — тепéреньки втікáе.... Чи жъ розлюбúвъ? И якъ се розлюбляють? и защó? и чомý? и нащó? Дýмаючи и почýе, що влúта слёзáми.... »Оцé, оцé,« — говóрить самá до сéбе: »мовъ дитúна плáчу.... Оцé!... »А слёзи такú лляться невпинúмі.... Втóмитця — роздрімáетця — все округú мішáтись починáе у вочáхъ; що дослýха — нáче крізъ вóду протóчну. — тілько чýе дóбре сéрце своé, що болúть воно рівно, однáково, бóлемъ болющимъ....

Тáкеньки минýвъ тúждень, — колú ій вже зовсімъ недóбре стáло Частішъ почалú молодúці убігáти; причáпали старі баби, óхаючи. Усі ухóдили въ хáту оберéжно, сидíли повáжно — ніхтó не всміхнéтця; розмóва тúха.

— Мáбіть мині помирáти? спитáла Гáля.

— Смерть не вимічá нікóго, моя́ дитúно! — одказáла їй старá бабýся, зовсім вже біла самá.

— Ви пожилú вікъ, бабýсенько, промóвила Гáля....

— Пожилá, дóню. Смéрти одъ Бога дожидáю.

— А я не сподівáлася своéї тáкеньки хýтко....

— Вонá прихóдить непрóшена, моя́ дитúно.

— Онъ торікъ умéрла Кáтря Кравчúха — молоденька, якъ я́года булá, — озвáлась чорня́ва та жвáва молодúця, пéстячи дитúну на рукáхъ. А Грімченка забýли? якúй пáробокъ хорóший — цáрство душі! — пригадáла другá, зітхнýвши.

— Лю́де молодúі які́ мруть! додалá бабýся, схилúвшися на руку журлúво.

День минáвъ, мінúвсь на вéчіръ. Діти поснýли на рукáхъ у молодúць; стáли усі однá по дрýгій, розіхóдитись.

— А щó се твогó чоловíка немá? Вже лю́де зъ пóля поприхóдили, — кáже на Гáлю старá бабýся.

— Вінъ зáразъ прúйде....

— Мóже куди́ завідавъ? Вбóжество вáше, моя́ дитúно!... У кóго вінъ позичáе?

— Я не знáю, бабýсю....

— То я посúджу зъ тобóю. Якъ тебé самý кúдати?

— Ні, бабýсенько, вінъ зáразъ, такúй зáразъ .. прúйде, не клопочітця, ідіть собі додóму.

— Моя́ голýбко, я при тобі побýду. При такій недýзі, самій не мóжна. Хто віченьки затýлить, якъ твоя́ смерть прúйде? Смерть не вість несé....

— Ні, бабýсенько, ні, зозýленько, вінъ прúйде, не забáрить-ця.... Я вже й одýжала трóхи.... Здоровіщъ мині.... А ви не турбýйтеся, васъ дóма діти дожидаю́ть, унýчечки за воріть-ми, повибігáли.... Васъ дóма виглядаю́ть, не спáтимуть....

— Не спáтимуть-такúй, прáвда! Дожидаю́ть, мої голубя́та. Оцé якъ побáчуть, зъ нігъ менé звáлять, тáя пустóта! А тобі жъ полéгшало, дóню?... То й дóбре! Спасúбі Бóгу! Прощавáй, дитúно!

И пішлá собі старéнька додóму. Гáлі нáче лéгко зітхнýлося. Усі їй мішáли; здавáлося, що швúдче вонá ёго́ діждеться, якъ усі поросхóдятця, що хýтче тоді ёго́ побáчить.... А ёго́ немá та й немá — и дóвго не булó. Говірка на улúці, тýпання; ворóта

рйпали; вікóнця стýкали; усé чýла Гáля... все ёгó не булó.... Дáлі вже стúхло селó, стéмніло тéмно, нічъ... тоді вінъ прийшóвъ.

Вонá рýки до ёго простягáла у рáдощахъ.

— Павлó! ходúй сюдú до мéне, сéрце!«

Вінъ до нéї доступúвъ и стáвъ.

— Схилúсь до мéне, — підведú менé трóхи.

Вінъ схилúвсь, підвíвъ íї, слóва не мóвлячи.

— Павлó!—кáжуть... я вмрý мині тебé кúдати жáлко-жáлко!...

Вінъ ввéсь затрусúвся.

— Гóлубе мій! Колúбъ же моя сúла, я бъ тебé надъ усімъ постановúла.... Я бýду Бóга прохáть, щобъ тобí рóскоші, щобъ тобí дóбре усé... Я люблю́ тебé рідненько!«

Взявъ ёгó óстрахъ якúйсь сýмний: здавáлося ёмý, що самá смерть холóдна коло ёго пóручъ, — хотівъ бігти — не змігъ ухитнýтись зъ íї рýчокъ замлíлихъ.

Щось вона ще говорúла ёмý, та вже невирáзно, нúшкомъ; óчі заплю́щились, рýчки опáли.

Вінъ кúнувся до вікóнця — одсýнувъ, кúнувсь до двереéй — відчинúвъ, дихнýвъ вáжко — глúбоко зъ грудéй.... Озирнýвсь — вонá лежúть, тілько дúше. Сівъ вінъ да й просúдівъ цілíсінську нічъ біля нéї прислухáвшись, чи ще дúше, — дýмаючи: ось-óсь перестáне....

На дрýгий день Гáлі ще гіршъ, и трéтій и четвéртий; всі смéрти íї доглядáють.... Лежúть вонá, óчі все заплю́щені, нічóго не чýе, не знáе....

Идýть дні, полéгкості нéма íй.... Изъ Вáркою що-днá Павлó бáчився на-швидкý. Въ розмóву вонá не захóдила.

Зійдутця. — Щó? — поспитáе вонá.

— Такъ-сáме... усé гіршае! — одкáже.... Та й гóді. Посúдять, обіймутця, якъ на смéрть, — та й розійдутця.

— Оцé вже вонá не переживé сієї нóчі, — кáжуть Павлý: »се вонá сёгóдня такá передъ смéртю, се й сонъ íї смéртний.«

Вінъ подивúвсь — вонá нáче тúхо спáла.

Стéмніло. Прибігъ до Вáрки. Якъ вінъ íї обнявъ, вонá вже догадáлася.

— Бóже мій! Бóже мій! — скрúкнула: — колú жъ я одпочúну! колú мýки тúї перейдуть! Чи бýде колú добрó мині?

— Дівчино! — промóвивъ ій: якъ воно́ намъ само́ складáетця.... Я гадáвъ.... я дýмавъ — на все підý, — ажъ ось мині дорóга глáдка.

— —

Уступáе у хáту Павло́, — коли чýе:

— Се ти, коханий?

Хотівъ ступáти дáлі — похитнýвсь.

— Не говори́ до нéі, — шепотя́ть ёмý молоди́ці въ ýха: — стань такъ коло нéі, постíй.

Підвели́ ёго́ й постáвили передъ Гáлею. Вонá якъ взрíла — всміхнýлася, — дивúлась на ёго́ пóглядомъ своíмъ свíтлимъ, тúхимъ.

— Се бувáе передъ смéртю, полéгкость такá.... Жебоніло поза плечúма въ Павлá.

Нá-нічъ зостáлося молоди́ць дві. Гáля незабáвомъ зновъ спочúла. Павло́ сівъ на лáві.

Молоди́ці шепотáлися довгéнько собі, а тамъ и поснýли. Вінъ безъ сну сидівъ усю́ нічъ тéмну до білого свíту. На пáнщину не пішóвъ: »въ мéне жінка присмéртна,« — одпрохáвся тимъ. Підъ обíдню дóбу Гáля прокúнулася, зáразъ покли́кала до сéбе Павлá.

— Оцé вже й лéгшъ мині, лéгко зовсімъ, гóлубе мій.... Колúбъ ще въ сúлу вбрáтись....

Усміхáетця до ёго, говóрячи.

Поминýвъ сей день, поминýла нічъ — молоди́ці дивýють та радíють: одýжае Гáля. У хáті загомоні́ли веселíшъ, не такъ вже по-багáту набігáе одвідачівъ....

Павло́ не пúвши, не івши, сномъ óчи не освíжúвши, седівъ, дожидáвъ.

Вже три дні вінъ Вáрки не бáчивъ — не одхóдивъ одъ Гáлі....

А воно́ молоде́, то швúдко и вúходилося собі, оздоровíло; вже й у румъя́нцяхъ, и весéла — тíшитця тимъ, що вінъ усé тутъ, невідхíдно.... Молоди́чки нахóжі ёго́ звичайнéнько на оздоровлéння Гáлине вітáють; чýе вінъ изновý той голосóчокъ веселéнький у своíй хáті, та по кóжній хвилúнці самъ собі визнáе, що вонá живé... вонá не вмирáла... не вмре... Й уростáвъ зъ тóго визнáття гнівъ ёго́ на Гáлю, понімáвъ ёго дýшу, нáче бъ то вонá вúнна у томý булá, — нáче бъ то íї вóля вмирáти, чи жúти....

— Оцé вже я устáну, мині вже зовсімъ дóбре, — кáже ёмý.

Вінъ дивúвся мóвчки на нéі.

— Зъ мéне вже впрямъ ледащúчка стáла, а робóти такóго е!...

Вінъ до нéї приступи́въ та взявъ її за плéчі обома́ рука́ми міцно.

— Ой, пусти́, пусти́! промо́вила, я́къ-же бо ти кріпко! Въ мене й у голові закрути́лося!

Вінъ зъ яко́юсь лихо́ю втіхою диви́вся, що така́ ще вона́ ву́тленька, хиле́нька....

— Ой, яки́й-же бо ти ду́жий! Коли́бъ ще тро́хи ду́жче — задуши́въ би мене́ на-віки!

— Удуши́въ би, ка́жешъ?

— Ато́-жъ!

Вінъ спогля́нувъ ще на нéї — ви́йшовъ, по дворі ходи́ти ставъ, думу́ючи, сумую́чи, озира́ючись, на́че бъ то яко́го собі здо́бичу стерігъ.

Гукну́ла ёго́ Га́ля обідати.

— Чого́ се ти такъ заду́мався? объ чімъ все ми́слишъ?

— А все ду́маю, хто кого посіда́е — си́лний безси́лного, чи безси́лний того́?

— А вжéжъ си́лний безси́лого!

— Чи правда жъ сёму́? Ка́жуть, якъ ма́ешъ у руці що дра́гленьке, то пусти́ти му́сишъ....

— А схо́чешъ, то й не пу́стишъ. Хо́чешъ, — понівечишъ, и встережéшъ, якъ встерегти́.

— До́бре ка́жешъ, Га́лю! пра́ву ка́жешъ!

Засмія́вся, а тамъ зно́ву заду́мався. Вже смерка́ло на дворі — ве́чіръ хма́рний наближа́вся. Зда́лека грімъ вигрімля́въ за́котомъ; вітеръ гнавъ бу́рею.

— Дру́же мій, чого́ усе́ ду́маешъ? — скажи́ мині! зновъ Га́ля озва́лася до ёго.

— Що дужішъ одъ усёго на світі?

— А нема́ надъ кохáння! — промо́вила, го́рнучись до нёго.

— До́бре ка́жешъ, Га́лю! Пра́ву ка́жешъ! — такъ ій зновъ одка́зуе, и зно́въ засмія́вся.

Щось гру́кнуло та́къ по хáті, що ажъ шибки́ забрязча́ли. Га́ля вжахну́лась.

— Що́ се такéе? хто се такъ сту́кае? Го́споди! на́че хáту обворуши́ло!

Здригну́вся й Павло́! Одсу́нувъ віко́нце — у тьмі щось мріло, ки́даючись, бігаючи, на́че що́ зъ землі хапа́ло — збіра́ло.

— Се такъ щось, — ка́же Га́лі: мо́же ворітьми вітеръ.

— Ні, ні! Піди́ ти поди́вись, дру́же мій: що́ се таке́....

— А ба́чу жъ, що нічо́го нема́!

— Оце́, якъ налякалася я!

Відчини́ла двері — вітеръ якъ дмухне́, — ажъ засвистівъ; вона́ ви́пустила две́рі зъ рукъ.

— Куди́ ти? спита́въ Павло́. Не ходи́!

— Я хотіла до відничка́ у сіни, води́ унести́ у ха́ту.

— Я самъ тобі унесу́, — не ходи́!

Ви́йшовъ у сіни зъ ку́хликомъ, ки́нувся до двере́й сіне́шнихъ, розчини́въ, виглядає, а ёму́ про́сто два ка́міня, оди́нъ по дру́гому, летя́ть. Оди́нъ ка́мінь поузъ го́лову дзи́знувъ, а оди́нъ у пра́ве плече́ давъ — вінъ ажъ застогна́въ відъ бо́лю.

— Ва́рко! Ва́рко! кли́че сти́ха. Ніхто́ не обізва́вся, побігло щось у́лицею.

Вінъ уні́съ води́ Га́лі, и бере́ ша́пку.

— Куди́ се ти, Павло́? пита́ Га́ля.

— Тре́ба мині!

И пішо́въ ху́тко.

Оста́лася Га́ля сама́ Сіла вона́ ши́ти. Ши́ла та ду́мала собі при ти́хому сму́тку. Відчиня́ла изъ ча́су до ча́су віко́нце — вдивля́лася, прислуха́ла — нічо́го неви́дко, нічо́го нечуть, кромъ вітру́ бушу́ючого....

— —

Наздогна́въ Павло́ дівчину коло дво́ру вже па́нського.

— Ва́рко! трива́й, заждй! — ле́дві промовля́е вже: ду́хъ у бізі одня́вся.

Схопи́въ ії обіручъ.

— А що́? — ви́гукнула дівчина: оду́жала? На́ що жъ ти дури́въ мене́, заво́дивъ, — чому́ не прийшо́въ до ме́не, не сказа́въ мині? Я дні й но́чі спожида́ла, я ги́нула-пропада́ла, а ти коло *не́ї* упада́въ тамъ.... Чому́ жъ не гово́ришъ до ме́не? промо́въ, заговори́!

— Ви́дужала, — одка́же ій.

— Се я зна́ю! А скажи́, що робити мині, скажи́ та навчи́! Ти мене́ зъ ро́зуму звівъ: тепе́ръ навчи́, якъ бу́ти мині, — я сама́ не зна́ю!... Я собі сме́рті хо́чу!...

— Підожди́, дівчино: надумаемо.

— Ду́мати? Се ти ду́матимешъ, коли́ въ ме́не се́рце тліе! Я

вже ду́мала дня́ми й ноча́ми.... Чи знаешъ ти, що́ я перепла́кала? Мині було́ жа́лко іі.... було́ мині стра́шно.... я сумува́ла су́момъ объ ій.... отъ и ви́плакала, що оду́жала втіха моя́!

— Були́ й мої дні, були́ й мої но́чі! промо́вивъ Павло́.

Вона́ якъ впа́ла коло́ ёго:

— Павло́, коха́ний мій! гово́рить: чи зна́ешъ ти, якъ я поба́чила васъ у-дво́хъ, якъ я поба́чила, що вона́ до те́бе всміха́лася, — я бъ тоді обо́хъ ва́съ вби́ла, якъ-би́ примогла́! Я тутъ поспита́ти бою́ся, дожида́ю, тебе́ нема́, — я прибігла підъ віко́нце, чи не дозна́юся? ду́мала, що вже труна́ й о́хрести,—жаль мині, о́страхъ мині.... Коли́жъ ба́чу — уку́пі!... Я тебе́ хотіла заби́ти на сме́рть.... Оце́ жъ я тепе́ръ біля́ те́бе, коха́ний, та зда́етця мині, що я біля́ свого́ во́рога пе́ршого.... Я коли́сь тебе́ зненави́жу.... сме́рти забажа́ю тобі.... Заби́й ти іі,—неха́й вмре! Я за що ги́ну? Я щаслива́ бу́ду зъ тобо́ю, — заби́й іі!...

Пізно верну́вся Павло́ до до́му. Га́ля ёго́ дожида́ла, — сиділа, ши́ла.

— Якъ же ти спізни́вся!« промовля́е до ёго. »Я вже ду́мала, ду́мала — дожида́ла.«

Усе́ жъ той-таки́ голосо́чокъ ласка́венький и ти́і ві́ченькі люби́ві, ти́хі... Ёго́ се́рце мсти́во яко́сь стрепехну́лося у грудя́хъ, якъ до во́рога лихо́го.

— На що́ мене́ дожида́ти було́? зговори́въ гнівно: — чомъ же не спа́ла?

— И не дріма́лося мині — оце́ ши́ла. Та якъ же міні було́ тебе́ не зіжда́ти? Чи захо́дивъ куди́? спита́ла: — не сказа́въ; попроси́ла вече́ряти: — не схотівъ.

Ходи́въ по ха́ті, на́че чого́ шука́въ. Да́лі сівъ у сто́лу. Білий седівъ, а о́чі горіли. Диви́всь на Га́лю пи́льно.

— Чого́ такъ въ ме́не вдивля́есся, се́рце?« спита́ла ёго́ любе́нько.

Вінъ уста́въ, немо́въ острахну́всь, щобъ вона́ до ёго не збли́жилася.

— Що ши́ешъ? — ка́же.

— А се тобі соро́чка.

— До́бре, поши́й іі ху́тче.

— О, я вже поспішу́ся-поскорю́ся!« одказа́ла.

Вінъ усе́ по ха́ті зновъ хо́дить-хо́дить.

— А що́ се ти усе́ хо́дишъ?

— Боли́ть въ ме́не голова́.

— Охъ, на́ше ли́шечко! Мо́же, я тобі води́ холо́дної пода́мъ?..

— На́ що? Само́ мине́тця: переболи́ть та й го́ді. Аже́жъ ти ка́жешъ, що усе́ зле мина́етця, уся́ке ли́хо, — каза́ла, чи ні?

— А я́къ же не каза́ла? — каза́ла.

— И все ще добра́ сподіва́есся й до́сі?

— Сподіва́юся, мій го́лубе.

— А я́къ ще́ погі́ршае? Пострівай лишъ.... я не хо́чу сподіванокъ тіхъ чу́ти; а ти мині одка́зуй, я пита́ю тебе́: я́къ усе́ гі́ршъ бу́де?

— Що́ тобі моє́ коха́ння? Чого́ се пита́ешъ такъ мене́?

— Ти мині одмовля́й.... я́къ бу́де гі́рше?

— Терпі́тиму, — ка́же, ди́влючись на ёго́ обли́ччя збі́ліле, хму́ре, изъ жа́лемъ та зъ неспоко́емъ.

— Терпітимешъ? ви́мовивъ гірко́. Ти скажи́: — тобі, ма́буть, здае́тця со́лодко терпіти? ле́гко? на го́лову здо́рово, чи що́?

— Тя́женько терпіти, та я зъ тобо́ю забува́ю, що воно́ ва́жко... Й не чу́ю того́, — ей-же Бо́гу моє́му!

— Дя́кувать тобі! — гукну́въ,—дя́кувать!

— Що́ тобі, Павло́? спита́ла вона́, жа́луючи ёго́ голоско́мъ своїмъ ти́химъ.

— Нічо́го! ший собі, ший! А тобі не бажа́лося нико́ли кра́щої до́лі, життя́ веселі́йшого, Га́лю?

— А я, мій дру́же, я нико́ли не ми́слила, не гада́ла объ тому́. Яке́ жъ мині и́нше житте, яка́ дру́га до́ля, якъ не зъ тобо́ю, не при тобі? Се й найлюбіша.

— То й не жада́ешъ собі нічо́го у сві́ті? ма́ешъ добра́ уся́кого до-схочу́? нічо́го собі не жада́ешъ?

— Коли́бъ ти спокійніший та веселіший ста́въ — того́ я жада́ю, коха́ний!

— Лу́чче ти мині сме́рті попроси́,—ій ви́вищуй, жа́лібни́це моя́!

— Борони́, ма́ти Бо́жа, сохрани́! кри́кнула журли́во. — Що́ се ти изговори́въ?

— А вмира́ти чи воно́ нега́рно? Тобі десь не хо́четця помира́ти?

— Не хо́чу вмира́ти! одмо́вила.

— Чому́ не хо́чешъ?

— Якъ се ти пита́ешъ, Павло́? Тебе́ поки́нути? И світъ красний, и я молода́.... Та я́къ тебе́ поки́нути? Якъ неду́жа лежа́ла я, та объ сёму́ поду́мала — Го́споди світе! Якъ жа́лко ста́ло! Я не хо́чу тебе́ ки́дати, — я не хо́чу вмира́ти!

— А якъ вмрешъ?

— Я вже зду́жаю, я молода́... я Бо́га проси́тиму, щобъ у світі жи́ти зъ тобо́ю.

— Спаси́бі! спаси́бі!—глу́хо ій промо́вивъ, самъ усе́ по ха́ті хо́дячи, усе́ чого́сь шука́ючи, по всіхъ кутка́хъ заглида́ючи.

— Чого́ ти шука́ешъ? пита́ Га́ля.

— Нічо́го. Ший мою́ соро́чку, — поспіша́йся!

— Та ши́ю жъ... Чого́ се такъ тобі тре́ба соро́чки тії?

— Обно́ви заману́лось.

Вона́ озирну́лась на ёго зъ усміхомъ; та якъ гля́нула — впусти́ла и шитво́ зъ рукъ — таки́й вінъ стоя́въ у не́і за плечи́ма, якъ зъ то́го світу.

— Що́ то́бі? схопи́лася, скрича́ла.

— Що мині? нічо́го! — одказа́въ, приде́ржавши ій руко́ю міцно́ю... Голо́ва боли́ть. Ши́й!

— Вже, ма́буть, пізно ду́же.

— Ні, ще не пізно.

А самъ ди́вится ій въ облы́чча, у ві́чі... Які́ жъ ти́хі, які́ любя́чі! Почала́ зновъ Га́ля ши́ти. Павло́ на ході узя́въ соки́ру, що зъ під лави насталюва́ннямъ блища́ла.

Зновъ зайшо́въ одъ по́кутя передъ Га́лині о́чі, зно́въ на е́і ди́вится пи́льно: — вона́ підня́ла одъ шитва́ голівоньку, — гля́нула любо, всміхну́лася. Вінъ уве́сь затрепета́вся. Ста́въ ходи́ти, но́сячи соки́ру, хова́ючи.

— Ши́й, ши́й! промовля́ Га́лі.

— А я жъ ши́ю, коха́ний!

Зайшо́въ вінъ одъ по́лу — та зза плече́й якъ уда́ривъ ій по голівці соки́рою, ру́чкою,—тілько блискану́ла соки́ра, улу́чивши ій у голо́воньку, а вона́ й не скрича́ла, тілько зітхну́ла ти́хо й скоти́лась зъ ла́вки, якъ сиділа, зъ ти́ми шитка́ми у ру́чкахъ збілілихъ.

Павло́ ії зня́въ и покла́въ на ла́ві, и сівъ самъ біля́ тіла. Нічъ ишла́; хма́ри розрива́лися — зо́рі блища́ли.... світло у ха́ті свити́лося,—вінъ седівъ біля́ тіла, диви́всь у ли́чко—біліло й мерт-

вúло; схилúвся до сéрця, прислýхавъ — не чýлося, брáвъ за прáву, брáвъ за лíву рýчку — вонá лежáла мéртва та холóдна. Тоді вінъ пішóвъ, — замкнýвъ хáту за собóю. Нíчъ після дощý свíжа булá й тéпла. Увíйшóвъ вінъ у сáдъ пáнський; ходúвъ по садý, озирáючися, виглядáючи.... нікóго не булó. Роздýмався, що вже дýже пізно, вже дівчина не вúйде, що вонá ёго й не дожидá; тоді вінъ, якъ звúкъ до рíчки брáтись, такъ и тепéръ побрáвсь зъ пáнського сáду на рíчку. Вінъ знавъ, куди Вáрка прáти ходúла, туди вінъ сáме прийшóвъ и сівъ надъ водóю, на бéрезі, на кáмені. Седівъ довго. Білúй туманъ качáвся надъ рíчкою, рíчка синíла, а зза горú, зза дубківъ молоденькихъ, зоряна стя́га рожéва зорялася. Вінъ устáвъ, прислухáвсь, дивúвся по сторонáхъ усíхъ, та все одно дýмавъ: »Колú жъ вонá прúйде? Колú вонá бýде?« Діждáвсь — прийшлá. Вінъ кúнувсь до нéі, за рýки схопúвъ: »Тепéръ бýдешъ моя на вíки!«

Зъ óстрахомъ велúкимъ вонá одъ ёго одсахнýлась...

— Чýешъ? моя бýдешъ!«

— А жінка? спитáла, — самíй стрáшно стáло íй.

— Я забúвъ жінку!

Вонá скричáла, вонá похитнýлась.

— Я тебé послýхавъ: — я íї забúвъ. Я й самъ давнó вже на те загáдувавъ — óтъ же и счинúлося... Тепéръ ти моя бýдешъ: ніхтó не розлýчить, ніхтó не стоíть на перешкóді. Трéба íїховáти швúдче. Сядьмо, поговóримо. Нікóго немá.

Сíла вонá колó ёго на кáмені.

Вінъ до нéі говорúвъ, якъ чоловíкъ при дóбрімъ змúслі, розсýдливо, при тямí й пáмъяті.

Дивúлась вонá на ёго, слýхала — та якъ листóчокъ тонéсенький трусúлася. Стáла вонá плáкати — вінъ жáлувать, вмовля́ть. Вонá слізъ своíхъ не впиня́ла-розливáлася, — хотíла, щобъ вінъ не вгавáвъ умóвою, щобъ íї розважúвъ, стúшивъ.

— Охъ въ голові мінí мішáетця! промовля́ла. Я вже не мóжу.

Е такí лю́де, що невинослúві імъ лихúі мýки, спражне гóре; поступáють вонú на всé у свíті, щóбъ томý лúху своéму запобíгти, и якъ вже нічимъ, то й смерть імъ лýчча, ніжъ бідá.... Такí легкодýхі, що въ рáдощахъ та рóскошахъ немáе надъ іхъ, а въ притýзі вонú якъ травá полягáють. Такá булá й Вáрка: довелá вже до крáю, тá самá не встóяла дівчúна.

— Говорй, говорй! розважáй менé!—прóсить ёго.

И розваживъ, розговорúвъ ii Павлó.

По тихъ усíхъ вжáхахъ и плачý, дівчина утомúлася — нездýжала мовъ. Сéрце у нéї вже не колотúлося, не горíло й не щимíло: — хилúвъ ii сонъ якúйсь, якéсь невпокійне дрімáння....

Павлó зновъ прийшóвъ до хáти, пúльно на мéртву подивúвся, и сівъ у стóлу. Булó ще рáно. Вінъ то седівъ, то у вікóнце виглядáвъ. Сóнечко підбивáлось у гóру. На вýлиці чóрна свúт вúявилась, однá й другá; замигтíли плахтú, намітки, потýпали дíти: — припáло свя́то у той день,—йшлú лю́де до цéркви.

Тоді устáвъ Павлó й собі, — вбрáвся у новý кирéю, чирвóнимъ пóясомъ підперезáвсь, надівъ чóрну шáпку висóку, ще оглянувъ мéрлу, подýмавъ, та й пíшóвъ у комóру. Принíсъ вінъ зъ комóри скрúньку кóвану залізомъ, постановúвъ колó тíї лáвки, де лежáло Гáлине тíло, и відчинúвъ. У скрúні булú плахтú, намітки, очíпки — усé жіно́че вбрáння. Вінъ дé-що вúбравъ — покúдавъ на лáвці, а пóтімъ знявъ мéртву зъ лáвки, зложúвъ дóлі, головóю на скрúню нахилúвъ, встромúвъ ій у рýку сúню запáску. Подивúвся, чи дóбре, чи гарáздъ усé, — и вúйшовъ.

Побрáвсь до цéркви, одстóявъ слýжбу. Отъ, лю́де вúроілися зъ цéркви; идýть, гудýть, íншi до ёго обзиваютця, питáють, чогó вінъ такúй смýтний.

— Жінка въ мéне нездýжае тя́жко, — одказуе усімъ Павлó.

А тутъ вже зáразъ молодúці — однá почýла, усі приступúли: »зновъ нездýжа? зновъ лежúть?« Жалкувáння та роспúтування одъ іхъ.... Ціла кýпа провóдить Павлá до хáти. А Павлó, йшóвши, одвітъ держáвъ на усі питáння, слýхавъ, які рáди ёмý рáдили.

Одчиня́е вінъ хáту, уступúвъ, молодúці зъ нимъ всúпали, а вонá лежúть.... Пóрухъ велúкий счинúвся, плáчъ изняли, крúкъ. Узялú Гáлю, поклáли на лáвці, изливáли водóю, далі на рукáхъ, — сказáли: мéртва. А по ýлиці бíгли дíти, жінкú йшлú — поспішáлися чоловíки; двéрі хáтні настíжъ стоя́ли: одхóдило й прихóдило до хáти мúру хто хотівъ. Молодúці небóжчицю убирáли. Павлó седівъ на полý; поплíчъ седíла колó ёго старá бабýся, розважáла Павлá, самá зітхáючи; зъ другóго бóку седівъ чоловíкъ, мóвчки округú поглядáючи. Хáта усé виповня́лася людьмú, що надіхóдили.

Дивúлися усі на покійницю: лежáла вонá, — сказáвъ би — спáла, колúбъ не такá білá смéртно; дивúлися на ту смýжку чóрну уподóвжъ висóчка. Пéрші молодúці роскáзували, якъ зійшлú вонú зъ Павлóмъ и покáзували скрúньку, на якýвбúлася. Павлó слýхавъ. До ёго тулúлись зъ мóвою, захóдили зъ питáннямъ. Инші ёго, Павлá, жалкувáли, що зостáвся самóтній, отъ якъ сиротá... що вже не нажúти ёму другóї такóї дружúни... úнші вмовлúли не журúться:—не вéрнешъ! Павлó усімъ одвітувавъ звичáйно, розмовлúвъ до-ладý, дóбре.

Впоражáвся зъ людьмú за домовúну; свічечкú зъ молодúцями стáвлявъ надъ умéршою, засвічувавъ; ходúвъ прохáть дякá, псалтúрю вичúтувать; вінъ самъ копáвъ úму глибóку и самъ на плéчахъ труну нісъ. Прихóдили лю́де до ёго — вітáвъ; розмóва йшлá — озивáвся; тéмна нічъ наступáла — на спочúвокъ ишóвъ, червонíло на світáння — устáвавъ. Вінъ якъ підъ землéю йшóвъ, абú на світъ вúбратись, такъ въ ёго однá дýмка булá тоді: Гáлю поховáти. Одже й поховáли Гáлю и чóрну надъ нéю могúлу вúсипали.

Вéчоръ зімовúй, зорянúй. По нéбу кілько білихъ хмáрокъ сніговúхъ набучáвіло, нóситця снігъ — то запорóшить, то перéйде, то зновъ запорóшить и зновъ перéйде. Тúхо усю́ди й бíло й мóрозно. Оддалекú блúмае óгникъ на селі зъ двохъ оболóнокъ — то въ одній хáті світитця на досвіткахъ.

Коло пáнського сáду Павлó давнéнько дожидáе. Озираючись жахлúво, вúбігла ёго дівчина.

— Я на сю неділю старостівъ слáтиму, Вáрко! — промовлá Павлó пéрвимъ слóвомъ.

— Зажди́, зажди́ пори́! Лю́де судúтимуть не свогó чáсу. Нехáй забýдутця, — нехáй забýдемося й мú трóхи!.

— А ти забувáешъ?

— Я не хóчу нагáдувати... Я розважáюся, я́ко мóга...

— Ні, Вáрко! Я ждáти не бýду, не хóчу... У неділю старостú відъ мéне бýдуть...

— Зажди́, — прóсить: — погадáй... зажди́ ще трóхи...

— Щóжъ? дóкіль ти дýматимешъ? дóки розважáтимесся? Трéба тобі знáти, що въ мéне розвáги немá, и забуттá немá.

— Та го́ді бо вже, го́ді! Неха́й такъ бу́де, якъ бу́де, якъ самъ ти зна́ешъ.

Замо́вкли, стоя́ть. Вінъ у ми́сляхъ суру́михъ, вона́ въ бо-язки́хъ.

— Павло́, ти свою́ ха́ту не повару́есся спро́дати? Ми собі но́ву ку́пимо, — ка́же дівчина.

— До́бре! подае́ одка́зъ Павло́.

— Ти поспита́й люде́й ни́шкомъ,—мо́же хто зъ селя́нъ спро́дуе свою́: — чу́ешъ? роспита́есся?

— До́бре! одмовля́е тимъ-таки сло́вомъ изно́ву...

Поміжъ други́ми хата́ми у селі стоя́ла собі ха́тка престаре́нька, похи́ленька, та живъ тамъ у ій весе́лий, бра́вий чоловікъ Лука́шъ Каролець изъ жінкою.

Жили́ вони́ собі у согла́сці и нічи́мъ не журі́лись: ні вбо́-жествомъ своімъ, ні та́къ бідо́ю, що лю́де са́ми собі ча́сомъ зібъю́ть, або́ изъ бо́ку прийде. Вінъ поневіря́въ уся́ке ли́хо сло́вомъ весе́лимъ, вона́—розсу́дливимъ. Нема́ хліба — бува́ло того́ не пома́лу, — то Лука́шъ и ка́же:

— А що́, жінко, нема́ хліба?

— Нема́, чоловіче.

— А въ те́бе нема́ копіечки про сме́рть?

— Нема́ и про сме́рть.

— Е, то розійдетця, а нема́, то обійдетця.

— Авже́жъ, якъ нема́. де взя́ти? то не́ма, — обійде́тця.

— Хиба́ зажу́римось?

— А що́ по журінню? Не що́ воно́ пора́дить! Не ладъ и журі́тьця.

— Хиба́ люде́й попро́симо?

— Убо́гі не ма́ють сами́, а заможні скри́влятця. Не впада́ и люде́й прохать.

— Такъ води́ напи́ймось!

— Се мо́жна спи́ти води́чки! то й напи́ймося собі на здоро́вячко!

Такъ вони́ й жили́ собі, своє́і біди́ не спотво́руючи. Та такіжъ-то обоє́ румя́ні та повнови́ді, коли́бъ ба́чили! Завсігди въ іхъ для ко́жного сло́во привітне, жва́ве, по́глядъ весе́лий — вінъ ходи́въ ста́ростою по весіллях у до́брихъ люде́й, а вона́ сва́шкою запроша́лася.

Увійшóвъ Павло́ у іхъ ха́ту — Лука́шъ седівъ на печі, точи́въ веретéно, а жінка коло вікна́ ши́ла. Жва́во та ве́село розмо́ва у іхъ ишла́.—Ми́лости про́симо! садовітця,—вітáе Лукаши́ха Павла́.

— Ва́шої ми́лости проси́мо! кри́кнувъ Лука́шъ изъ пе́чі: — яка́ до́ля до́бра до на́съ занесла́? Сіда́йте жъ! Отъ якъ ба́чите: въ насъ лю́бо та ми́ло — й би́ти нікого, и взя́ти нічого!

Павло́ сівъ.

— Я до ва́съ, дя́дьку,—ка́же Лукашéві:—я до васъ ділó ма́ю.

— Вже я довіжуюся, прочува́ю, добродію мій! Яке́сь хоро́ше та весе́ле ділó ма́емо?

— Хо́чу оженúтись, прошу́ васъ за ста́росту, коли́ ва́ша ла́ска.

— До́бре, бра́тіку, до́бре! Кого́ жъ сва́татимемо?

— Ва́рку Линівну.

— Оце́, дру́жбо! Де́жъ вона́ така? я незна́ю, хочъ таки́ до́бре у ціка́вого вда́вся.

— Зъ па́нського дво́ру...

— Эге́й, се заіжжа, пта́шка залітна!

— Я її зна́ю, озва́лася Лукаши́ха, ій хоч-би́ за ге́тьмана, то не стра́шно.

— Чи я її коли́ ба́чивъ, не пізна́ю яка́,—бо вони изъ дво́ру усе ю́рмою хо́дять: отъ хоть й на вечорни́ці — ціла юрма прискóчить.

— Вона́ одъ усіхъ найкра́ща. Та о́дже була́ вона́ на весіллі у Совлука, висóка дівчина, чорня́ва, у кора́ляхъ.

— Го-го́! Тепéръ вже́ я зна́ю, яка́ кра́ля! Колижъ се́ ви зізна́лися, бра́те, що ніхто́ й не зміркува́въ съ до́брихъ люде́й?

— Вона́, сла́влють, замóжна, — ка́же Лукаши́ха.

— Вбоїтця за небага́тимъ бу́ти, небóга, чи що? Ті багатирі усёго ляка́ютця, побіде́нні ду́ші, ей-же Бо́гу!

— Чому́ жъ не пітú, коли́ вподóбала,— ка́же Лукаши́ха.

— А ось вінъ ма́бути зна́, чи вподóбала,—одказа́въ Лука́шъ, морга́ючи на Павла́:—на́ше ділó—изъ Бо́гомъ та й зъ до́брою до́лею поберемóсь у хоро́шу годúну...

Засва́тавъ Павло́ Ва́рку, пани́ не боронúли, весілля одбулóся.

Вповáлося Павлу́, що зітхне́ вінъ легшъ у семьі. Пра́гнувъ вінъ, треба́ ёму́ було́ ко́нче когóсь при собі ма́ти, ду́шу жва́ву, го́лосъ живúй чу́ти.

Якъ вже одгуло́ весі́лля, зоста́лися молоді́ сами́ у ха́ті...

— Жі́нко! ка́же Павло́, — лю́ба моя́ кохана́! подиви́сь на ме́не! розмо́вся зо мно́ю!

Бере́ її за ру́ки, обійма́е. Нікóли ще й ра́зу вона́ его́ не ба́чила, щобъ бувъ вінъ таки́й щасли́вий та весе́лий. А вона́ була́ й смутна́ й неспокійна.

— Павло́, ка́же до его: — тобі не стра́шно нічо́го?

— Не нага́дуй про стра́хи: поминýлися вони́. Я тебе́ кохáю, тепе́ръ мині житте зъ тобóю ...

— Я бою́ся, Павло́! якъже бою́ся, що лю́де дізна́ютця! такъ мині й ба́читця и чу́етця, що на́йдуть ку́пою у ха́ту, покли́чуть насъ голоса́ми...

— Не дізна́ютця лю́ди, — байдýже мині за лю́ди!

— До́бре тобі! Я схну одъ ду́мокъ та га́докъ зъ то́го ча́су ще... Бо́же, мій Бо́же! Щожъ, якъ довіда́ютця, яка́ га́ніба! яки́й судъ!

— Я не бо́юся!

— За́шлють насъ...

— Я не бою́ся!

Вона́ тоді запла́кала слізьми.

— Ти ма́буть нічо́го у сві́ті не боісся, — промо́вила до его докірливо.

— Я своє́ї душі, самъ себе́ бою́ся! одказа́въ ій на те ти́хо, нова́гомъ, що ажъ ій самій стра́хъ у се́рце вки́нувся, на́че до е́ї яки́й духъ, мара́ несві́тня озива́етця...

— А чого́ жъ ти самъ себе́ боісся? поспита́ла его́ вся переполо́шена.

— Мині усе́ иде́ го́лосъ, що вже вінъ до віку не озве́тця, а я его́ чу́ю — моя́ душа́ холо́не...

— Го́споди! — покри́кнула затруси́вшися: — *вона́* прихо́дить до те́бе! *Вона́*, до ме́не прийде!..

— Ні, не прихо́дить *вона́*...

— А ти жъ го́лосъ чувъ...

— Го́ді, го́ді! Усе́ вже те оддаліло — проминýло — забува́й та кохáй мене́...

Вона́ и ра́да, — ра́да розва́житись, радніша забу́ти...

По́ки изъ нимъ, при ёму́, то й нічо́го,—о́чі сві́тъ ба́чять; а зоста́нетця сама́—боязка́ та ли́хо ій. Ви́йде між лю́де, здае́тця, що

на нéї дúвлятця усі пúльно, що про нéї говóрять усі — и стоїть вонá нáче отъ людúна у чужій одéжі багáтій, посóромно хáпаній, самá бідна и ганібна; що отъ остýпять ії осýдливі, немúлостиві й прáвні дýші, и нікуди ій вже бігти бýде... И поспішáлася вонá одъ людéй геть до дóму, до своéї хáти. И вдóма ій рáдощівъ не булó; не булó й тúхого спокóю, — чáсомъ въ ій булó жадáння незмірне покúнути и домъ той, и Павлá, усé, що дóти вонá знáла й бáчила: »Куди́ жъ я піду? дéжъ я подінуся?« дýмала тоді: »хто менé розвáжить? хто изгляне́тця на мéне?« Всю ди бýде мині ще гірше... Піду́ до дóму... та й пішлá до дóму.

Продáвъ Павлó свою вбóгу хатúну; купúла молодá жінка хáту нóву, хорóшу, на другімъ рóзі селá. Въ іхъ и горóдъ велúкий и садóкъ дóбрий, а поза садкóмъ лани́ буявіють широкополі; степъ безъ крáю; зелені та мякі лýки понадъ річкою, тéмні луги́ зъ дібрóвами: вільно й лю́бо дихнýти, вільно й лю́бо гля́нути.

Молоді живутъ за стінкою. Ані іхъ у людéй, ані въ іхъ людéй, не ви́дно. На весні, що всі тоді и бідні й багáті піклýются, рóблять, — колó іхъ двора́ ані глáсу, ані гóміну. Садóкъ поростá травóю висóкою день-одó-дня: ні стéжечки, ні доріжечки; горóдъ глушіе, буръянóмъ понимáетця земля́ родю́ча. Не дбáе ні нá що молодá господúня. Одна́ скóпана грядочка въ горóді, та й покúнута; лежúть и застýпъ кúнутий. Сýмно чорніе горóдъ міжъ зелéними вéрбами; налетя́ть горобці та й сварля́ве цвірчучи́ угóру шугнýть зъ пустóго горóду. Тілько-що сóняшники некóхані, непрóхані ростýть собі, уганяють одно́ передъ другимъ ви́ще та ви́ще, та будякú, колю́чки стремля́ть на простóрі, та глухá крапивá кýпчитця... Що не идé мúмо іхъ двóру господúня, своéму господáрству дóбра, то стáне, погля́не та й головóю похитáе, а идýть дві—у двóхъ подивля́тця та посýдять... Одмовля́лася Варка недýгою, ніби усé нездýжае вонá, и бáчивши якъ зблідла вонá, якъ змарніла, мóжна булó віри поня́ти,—а віри чогóсь не няли́ ій. . Не дúво завести́ чоловіка десятёхъ; а увéсь мúръ трýдно. Бувá тамъ, у громáді, якéсь знаття́ потайне́, що прочувáе не пéвну прáвду дорáзу. Бó-зна звідки, бó-зна відъ кóго пéршого, а візьметця и обійде скрізь; такъ и се, незнáть звідки и кимъ, пронеслóся, що въ Павлá у хáті не дóбре... »Люди говóрять« кóжне примовля́ло: »одъ людéй на мирý чýли.« И лю́де стáли собі сторони́тися іхъ, стали цурáтися...

Чи помічáвъ Павло́, чи́ ні,—не казáвъ того́, й нічо́го не казáвъ....

Вáрка побивáлася й жалкувáлася передъ нимъ, — вінъ тоді умовлявъ її, якъ завсігди, и розважáвъ; довóдивъ їй розсýдливо усяку річъ, заспокóювавъ. А самъ сúвівъ вінъ, сúвівъ прúкро, и все у дýмі, якъ у хмáрі, ходúвъ.

— Чого́ се ти усé дýмаешъ? Колú вже ти перестáнешъ того́ дýму?—дорікáе ёго Вáрка.

Вінъ и слóвомъ не озвéтця, а нáче одъ сну прокúнетця.

— Оцé! — покрúкне вонá въ гнівý-въ-досáді, изъ плачéмъ: оцé, житте мині, лúхо мині! Ти мою гóлову занапастúвъ, а тепéръ слóвомъ не хóчешъ озвáтися до мéне! Не такúй ти бувъ, якъ присягáвся любúти, якъ морóчивъ менé, пóки й світъ завязáвъ мині білий!

Вінъ и стрепенéтця одъ тóго слóва ії, и мóвъ очутіе, заговóрить до нéі, жáлувати стáне, кохáти тоді ...

Панú підъ той часъ зъіхали у гостúну, кудúсь на чужý стóрону, до якúхсь тáмъ своіхъ рóдичівъ: у дворі стáло вільніше, и дворакú, себé розважáючи, що-вéчора тáнці завелú та гуляння. Усі молодúці и дівчáта булú тамъ знакóмі Вáрці, все подрýги дáвні, зъ одніéі сторонú; воні ще ії не цурáлися,—стáли зазивáти ії на свої музúки,—стáла Вáрка ходúти у двіръ....

Тамъ, у дворі, міжъ чéлядю ій наче дúхалося лéгше: — вонá прислухáлася до жáртівъ весéлихъ, до того́ гóміну, до тáнцівъ придивлялася й самá у тáнець йшлá úноді, — и забувáлося чáсомъ ій усé-усé, що дýшу давúло, и сміялася вонá зъ úншими и мóву знахóдила.... Всé на спокій, на спочúвокъ йшлó по музúкахъ; схаменýвшися, бігла й вонá до дóму, обмірáючи, свою тýгу проклинáючи що попустúвши ій зітхнýтися, міцнішъ ще мáбуть вхоплялося за сéрце....

И на здúвъ булó усякій душі оглядáти. якъ на усю садúбу іхъ, на усé житовья, пáла пустúня: и на тý хáту нóву, небіляну давнó, непрúбрату! на той горóдъ не скóпаний, не обсіяний; той садóкъ не прикóханий, що усёго́ бъ тутъ у три щиті на тúхе та на любе жúтте, — а чоловікъ самъ занедбáвъ, одцурáвся всёго́!... Причúнені ворóта, та й увесь день такъ стоять; разъ одкúнутця, — стоятимуть и нічъ на-стіжъ. Колó клýні пашня потрýшена; зъ пів-сніпкá чи збúто, чи не збúто, а забýто й по-

ки́нуто.... Коли́ що й ро́битця, то ви́дно, що́ не для свого́ спожи́тя, не для се́бе, а такъ, по звича́ю, — аби́ роби́ти.

Ра́ннімъ ра́нкомъ вихо́дить зъ того́ дво́ру чоловікъ на робо́ту панщи́нну, — иде́ вінъ, поспіша́етця, вихо́дить за нимъ и молоди́ця. Міжъ лю́де вінъ на́че не ба́чить нікого́ й не чу́е, и самъ не озива́етця; вона́ жъ у тривозі су́мній, вона́ стереже́ у́хомъ кожні́сіньке слове́чко, перехо́плюе о́комъ усякий по́глядъ, сама́ на лиці мінючись. Отъ вже ве́чіръ. До до́му поверта́ютця у-двійзі, мовчу́щі, якъ земля́, не забу́вши смутку, забу́вши ре́чі.... Увійшли́ у свою́ ха́ту—вона́ боржій до вбіра́ння, въ кра́ще передяга́етця,—вінъ ти́хо лесь ся́де. Вона́ убра́лась, біжи́ть зъ госпо́ди собі у розще́бані две́рі и вінъ ви́йде, ди́витця на вкруги́, не ба́чучи нічо́го, — не зна самъ по що́ увійшо́въ у ха́ту, — не зна́, чого́ ви́йшовъ.

Чи нося́де на при́зьбі—и зновъ заду́мався. Чо́рні ёго́ бро́ви, а голова́ вже, якъ снігъ, біла; му́жне й пова́жне обли́чча, обли́чча мо́ці й си́ли, а щось таке́ полягло́ на обли́ччю тому́, що похо́дить вінъ бода́й не на дитину хірну.... Се якъ вода́ си́лна, що колись кру́чі, береги́ вирива́ла, ро́блячи, а се вже у зе́млю увійшла́, усхла́; безъ розли́ву и безъ плюскоти вже то́читця ле́дві, ще ви́дная, та вже нечутна́....

И седи́ть вінъ собі такъ на при́зьбі, ча́су не мірючи, — коли́ седи́ть годи́ну, коли́ и нічъ-ніцьку. И не счу́етця, неохамене́тця самъ — обу́дить ёго́ якъ що́ перепурхне́, або́ шеле́сне, чи яки́й го́мінъ оддалеки́, чи го́лосъ, — увійде до ха́ти, й на́че забу́въ, чого́ уступи́въ—ди́витця—и зно́въ сіда́е де, и почина́ зновъ ду́мати та ду́мати... А Ва́рка у дворі що-ве́чора — той вже двіръ за втіху ій ставъ еди́ну: тамъ ії пора́да, тамъ ії одпочи́вокъ уве́сь; чи до́бре, чи не до́бре се було́ — вона́ того́ не пита́лася, вона́ й ра́зу объ тімъ не поду́мала, не поми́слила. Що вона́ тамъ чу́ла, що ба́чила — усе́ вона́ залюбки́ прийма́ла; вона́ собі не жада́ла ні сло́ва звича́йного, ані до́брого навіть: — ій тілько у жадо́бу було́ людські голоси́ чу́ти, щобъ глуши́ли ми́слі ії лихі, и таке́, що за коли́шніхъ часівъ живи́мъ би ії вра́зомъ вразило́, теперъ таке́ ії тішило, и сміялася вона́ на одвітъ.... Ій незачува́лось, що вона́ иде́ усе́ ни́зче, та ни́зче; а хочъ коли́ й шаснула ій по душі така́ ду́мка, — вона на не́і руко́ю на віки махну́ла: ле́гшъ ій було́ у безо́дню углеба́ти неува́жно, ніжъ на кру́чі ви́сіти обмі́рающи...

Перейшло́ мі́сяцівъ зо́ два таки́хъ, що вона́ бі́льшъ удворі́ прожила́, якъ до́ма, — поверну́лись пани́ на держа́ву,—и усі му́зики ті й та́нці якъ вода́ уми́ла. Ва́рка все-таки́ ще ходи́ла туди́ изъ ве́чора, та вже тамъ не такъ ії прия́ли: усі стоя́ли за ді́ломъ своімъ, хто насторо́шений своімъ кло́потомъ, хто втомлений до осору́ги на світъ цілий, — зъ своє́і доса́ди; ста́ли чудова́тися зъ не́і не пома́лу: чого́ бъ то ота́къ притягну́тись ій у двіръ? чого́ ій та́кечки зана́дитись? чого́ седіти ота́кеньки ру́ки скла́вши, не ма́вши ні діла собі, ані розва́ги? чого́ се вона́ изъ до́му ли́хомъ утіка́е?

Що́ Ва́рці на таке́ сло́во одмовля́ти було́? Пішла́ вона́ на госпо́ду. Одпроважа́ли ії хто сміхомъ, хто ки́вомъ, суговóрою, а хто ди́вомъ щи́римъ у дві о́ці....

Ва́жко жъ ій було́ той ве́чіръ пе́рший, до́ма, безъ люде́й, безъ го́мону людьско́го, пониває́ти. Сумъ тяжки́й ій се́рце ажъ трощи́въ; хотіла вона́ робити була́ — не взяла́сь, усе пости́ле, й ру́ки тру́сятця. Павло́ седівъ собі мо́вчки, ти́хо; пи́льно вона́ на ёго ззирну́ла и пита́:

— Павло́! чого́ се ти седи́шъ якъ заворо́жений? Ти не втоми́вся?...

— Ні, я не втоми́вся, одказа́въ ій.

— Чи ти здужаешъ?

— Здужаю.

— Павло́! скрича́ла у трево́зі несамови́то: мо́же лю́де дізна́лись?... Ти не боісся?

— Не бою́ся.

Вона́ у куто́къ заку́талась, о́чі заплю́щила — бо́лемъ ій голова́ боліла, у стукъ се́рце сту́кало. Не довго жъ заси́ділась — зновъ схопи́лася, до Павла́:

— Кажи́ мині сло́во.... Слу́хай бо.... Ти нездужаешъ?.. не здужаешъ, — боісся?

— Нездужаю,—бою́ся,—одказа́въ такъже са́мо безъ ува́ги, якъ пе́рше.

Вона́ побива́лася передъ нимъ, вона́ рида́ла: — вінъ диви́вся, якъ ди́влютця на те́, на що́ нема́ вже ра́ди; вона́ ёму́ дорі́кала, вона́ ёго́ кляла́-проклина́ла, — вінъ чувъ, ма́буть и розумівъ, до се́рця жъ те все не дохо́дило ёму́. Слу́хавъ ії ува́жно и диви́вся на не́і пи́льно; а чувъ на́че и ба́чивъ щось и́нше душе́ю....

До світу плачъ ії по хаті, до світу каяння и докоріки, — тоді вже вона сномъ знемогласа, а ёму все сну не було: вінъ сидівъ такъ и передъ світомъ, якъ изъ вечора, — поки ажъ день забілівъ,— на панщину пішовъ.

Страшне житте почалося Варці: нікуди на сторони одбавитись и нічимъ лиха втушить; и вінъ, що на ёго сподівалася, що уповала, — вінъ ставъ тихий та плохий, якъ сирітська дитина непоратована. Даромъ вона картала ёго, дорікала, сварилася, даромъ насміхалась ёму тимъ: вінъ слухавъ и одмовлявъ, наче бъ такъ про кого говорилося, невістного, невідомого, що все однаковісінько ёму, чи такъ, чи може инъякъ....

— На що жъ ти вбивъ ії, на що, коли такъ гинещъ за нею? погукнула на ёго Варька.

Вінъ увесь затрусився и слізами влився. Плакавъ дуже, плакавъ сильне, якъ дівча молодесеньке. Варка изляклась слізъ тихъ більшъ усёго на світі, — въ неі серце упало, гнівъ розпався увесь, острахъ душу поняв. Несчуваючи сама, що робить, кинулась до дверей,—защіпнула двері,—кинулася слёзи ёму втирати, вговоряе — благае не плакати....

Вінъ усе плакавъ, не вгававъ довго, до втоми....

Варка вже ходила, якъ чоловікъ той, що всі шляхи, всі дороги загубивъ, що вже нікуди йти да й самъ не шукае,— годі.

Инколи нападавъ ії якийсь гнівъ немошний, що розшибалася вона, та плакалася необрадливо собі....

Павло жъ усе становився пліхший. Ій було важко на ёго й подивитись, — бігла відъ ёго на другий кінець хати. Все те ій забулося, якъ колись вона ёго кохала, якъ сподівалася собі милого щастя відъ ёго, — тепер вже вінъ ій передъ очима — якъ усёго ії лиха неногамованого зачіпка.

— Иди бо, иди геть,—гукне на ёго:—иди собі зъ очей!

Вінъ зразъ одходить собі у кутокъ, — сідае.

— Чого такий сидишъ? Ой я нещаслива! Чого ти мині лихо моё нагадуешъ?

— Я не нагадую нічого, промовить вінъ.

— Та не словами нагадуешъ, ще гірше — самъ-собою.

- Я ненагадую, ні, ненагадую, одказуе тихо.

— Чого́ таки́й? причепи́лася одного́ ра́нку. Лю́де вже й такъ кива́ють... Чи ти вже мене́ узя́всь наро́комъ занапасти́ти, людя́мъ на судъ пода́ти?

Вінъ бере́тця за ша́пку Схопи́ла ёго́ за рука́въ,—не пуска́е зъ ха́ти.

— Пусти́,—про́ситця: — вже мінї на па́нщину йти.

— Ти скажи́, скажи́, за́ що ти мене́ занапасти́ти хо́чешъ? Яки́й ти мїжъ че́лядь иде́шъ? Тамъ усёго приглядаю́ть, усе́ примїча́ють....

Ему́ на́че яка́ пора́да свину́ла свїтомъ — стрепену́вся вінъ:

— А чи не пора́дять мини лю́де? — прорікъ.

— Якъ? у чому́? Що́ таке́ замисливъ ти? — гука́ла-пита́ла.

Вінъ мїцно стену́вся зъ ії рукъ, зірва́вся, побігъ у́лицею;— вона́ була́ за імъ ки́нулася — та заздрі́ла, що вихо́дять и́нші лю́де изъ ха́тъ — ки́нулась зновъ наза́дъ, до свого́ дво́ру, у ха́ту, заби́лася у кутокъ, якъ дити́на зъ переля́ку, и дослуха́лась извідти: якъ гуде́ у́лиця, що́ бу́де?...

А лю́де йшли на па́нщину; усе́ бїльшъ та бїльшъ іхъ збира́лось, збива́лось у ку́пі, — и чоловіківъ и молоди́ць, парубківъ и дівча́тъ, — чу́лися молоді жа́рти весе́лі, о́хання голосне́ мїжъ молоди́цями, и рі́чі пова́жні въ чоловічій ку́пі.

Павло́ надбіга́е. — Лю́де! лю́де! грома́до!« гукну́въ ще оддалікъ.

Усі ёго́ обступи́ли, усі дожида́ють, — ти́хо ста́ло, якъ у те́мнімъ лі́сі.

— Я забивъ свою́ жінку! — промовля́е Павло́ до ко́жного: — я свою́ жінку забивъ!

— Ой ли́хо! ой бі́да! — покри́кнули жіно́чі голоси́. Чоловіки й парубки́ прису́нули до Павла́ бли́зче.

На той го́мінъ яви́лися ді́ди си́ві — грома́да уся́ зібра́лася не заба́ромъ. Улиця у-продо́вжъ людьми́ заступи́лася. Молоди́ць и дівча́тъ одти́снули да́лі — тамъ вони́ тужи́ли и вжаха́лись — пруча́лись цікаві щобъ бли́зче, — іхъ зновъ одтиска́ли да́лі. Грома́да ста́ла на у́лиці, на сере́дині. Павло́ передъ не́ю.

— Якъ то було́ й по я́кому?— ставъ Павла́ пита́ти ді́дъ си́вий, ди́влячись ёму́ въ ві́чі своімъ о́комъ соколо́вимъ.

Непе́внимъ го́лосомъ ставъ Павло́ на пита́ння роска́зувати. Грома́да слу́хала. Зъ жіно́чої ку́пи викри́кували разъ-у-разъ то до Бо́га, то до люде́й. Спе́ршу ду́мали, що згу́блена Ва́рка, ії

опла́кали: хочъ и невлюби́ма вона́ була́, такъ нелю́бъе забу́лося — лиха́ до́ля тільки на той часъ вва́жилася; а якъ учу́ли пра́вди — Го́споди! яки́й рухъ та крикъ, та плачъ изня́вся! А коло само́го Павла́ усе́ мо́вчки стоя́ло, не пово́дячи й брово́ю.

Ставъ вінъ пла́кати ду́же.

По ёго визна́ттю, поду́мавши, ста́ла грома́да ра́дитись — що́ ро́бити?

Павлу́ звяза́ли ру́ки, посла́ли повідача́ до дво́ру па́нського; посла́ли люде́й до Павло́вої ха́ти Ва́рку забра́ть. Знайшли́ ії у ха́ті, у кутку́, ста́ли бра́ти — вона́ одбива́лася мовъ о́рлиця ди́ка, не хотіла йти, по́ки си́ли своє́і, — тоді вже посла́нці взяли́ ії та попідъ ру́ки привели́, наді́ли залізо на не́і. Посади́ли ії увъ одну́ ха́ту, Павла́ у дру́гу. Вінъ усе́ пла́кавъ:— де́ вже тії у ёго й слёзи бра́лися! Хто до ёго заглядавъ у две́рі, хто промовля́въ до ёго́, вінъ до того́ ру́ки простяга́въ, на́че пора́ди прохавъ. Що́ пита́ли, на все одмовля́въ съ поко́рою.

Вона́ жъ оче́й не підніма́ючи седіла, сло́ва не одка́зуючи на пита́ння, — седіла якъ камъяна́; ато́ ра́зомъ стрепне́ залізомъ, залізо забрязчи́ть на ій, — и рвоне́тця якъ навіжена, та й зновъ обмертвіе, на́че замре́ на сме́ртну годи́ну.

Тимъ ча́сомъ повідачі́ управи́телю росповідали. Не нявъ віри управи́тель, — самъ на село́ пішо́въ; ба́чивъ Павла́ и чувъ одъ ёго самъ усе́. Каза́въ убійника стерегти́,—самъ тоді до па́на,—оповідавъ па́нові.

Кло́нітъ счини́вся таки́й, що Го́споди! Усяко розва́жували, міркува́лися, дивува́ли. Ніхто́ у той день на па́нщину й не бра́вся, атягну́лись до дво́ру па́нського — що́ бу́де.

Дворакъ ве́рхи куди́сь ско́чивъ и повернувся незаба́ромъ, а за ім'ъ у тро́пі лікарь прибігъ: — жи́въ тутъ недале́ко у па́на одного́ вінъ поро́чно. — Управи́тель ёго́ стрівъ на рундуці, підві́въ до поко́ївъ.

Черезъ малу́ годи́ну ви́йшовъ зно́въ лікаръ той зъ управи́телемъ та й на село́ пішли́. Лю́де за іми ку́пами виро́ювалися, — да́рма тоді гука́въ управи́тель, щобъ на па́нщину йшли́: ніхто́ не слу́хавъ, — усі таки́ за іми ри́нули.

Отъ привівъ управи́тель лікаря того́ до Павла́, и ста́въ лікарь Павла́ спи́тувати: лі́тъ ему скілько? чи до́бре ёму́ спи́тця? чи не нахо́дять на ёго стра́хи?

— Мінѣ, ка́же, мінѣ лі́тъ два́дцять и ві́сімъ. Сну не ма́ю.

— А стра́хи, наха́дятъ стра́хи на те́бе?

— На що́ таке́ мене́ пита́ете? промо́вивъ ёму́ Павло́, пла́чучи. А лю́де не пото́вплятця—ажъ у две́ряхъ слу́хають, ди́вляться.

— А що́, Миро́нъ Ива́новичъ? гово́рить тоді го́лосно управи́тель.

— Не по́вно ума́, не при тямі,—одка́зуе ёму́ той.

— Ге! чу́ете ви усі? гука́е управи́тель на люде́й.

Ропчу́чий го́мінъ загуча́въ; скри́ки почу́лися.

— Ти́хо! — гукне́ зновъ управи́тель, — сло́во до грома́ди!

Ста́ло ти́хо.

— Цей Павло́ ума́ рішився: отъ, самъ на се́бе и зво́дить ли́хо:—чу́ете?

— Чу́емо кри́ву!—»Непра́вда! непра́вда! шкода́ моро́чити!« одгукну́ли ёму́.

— Що́? Говорю́: не при тя́мі вінъ; бо хто́ таки́й дурни́й бу́де, що́бъ самъ на се́бе визнава́въ таке́?

— Ти́ розу́мний чоловікъ! — ви́рвався зъ ку́пи чи́йсь молоди́й го́лосъ, якъ у дзвінъ.

Управи́тель ста́въ ди́бки,—тільки не змігъ пізна́ти того́, хто до ёго озва́вся; — похвали́въ.

— Отже тре́ба ёго́ глядіти, по́ки-що́, а я па́нові йду обві́сти́ти причи́ну. Ходімте, Миро́нъ Ива́новичъ!

Миро́нъ Ива́новичъ до двере́й, та й наза́дъ. Лю́ди стіно́ю передъ нимъ стоя́ли. Управи́тель, поглядаючи ско́са, усе́ ба́чивъ, та й ка́же:

— А ну́ жъ бо! одступітця: чи ви до́брі, чи цікаві лю́ди....

— Не одсту́пимось! нехай панъ лікарь по пра́вді гово́рить. Нехай пра́вда бу́де! — загуло́ звідусіль.

— А що́ се ви, па́ну лікарю віри не йметé! А що́ се ви, суперечити схотіли? А якъ судъ наіде, то кому́ ли́хо бу́де — чи па́ну лікарю, чи ва́мъ? Вамъ би радіти, що такъ вихо́дить ру́чно, а ви кра́каете, якъ ворони? А спра́вника хо́чете? Усі бу́дете повинова́чені до о́дного!

— Не вбоімо́сь того́! нехай таки́й бу́де пра́вда! — покри́кували лю́ди.

А панъ лікарь стри́бъ вікно́мъ, та якъ той за́іць у́лицею, тільки підска́куе. До́бре бігавъ!

Парубки́ були́ за ім'ъ ки́нулися, такъ вінъ, схопи́вши у ру́ки по каменю́ці, ставъ на відборо́ну. Парубки́ собі ста́ли, а вінъ зновъ якъ припусти́въ бігти, и утікъ.

Обступи́ли тоді бли́зче управи́теля.

— А чого́ се ви до ме́не нала́зите, гово́рить вінъ: — я не бу́ду втіка́ти, не бійтесь. Чого́ світите на ме́не очи́ма? Мо́же ви мене́ забити хо́чете? Бридка́ мині смерть,— ну, та все колись вмірати тре́ба; я жъ до то́го хорію усе́ на боки́,—ка́жуть, що недо́вго ря́стъ топта́тиму й такъ: коли́ допада́е вамъ, загубіть мою́ ду́шу. Я поги́ну оди́нъ, а ви за ме́не усі; а діточка́мъ моімъ панъ що́сь приділить за мою́ сме́рть. ..

— Иди́, иди́, до сме́рти ще не готу́йся, — загомоніли розступа́ючись лю́де.

— Слу́хайте жъ моєі ра́ди, поки́ньте того́ Павла́ навіже́ного: неха́й ёму всячина! Неха́й вінъ бу́де въ насъ скаже́ний, — се безпе́чніше; ато́ усіхъ засудять.... поги́немо, якъ гу́си....

А Павло́, не слу́хаючи, тілько слёза́ми вмива́вся.

Та́къ и порішили, щобъ ёго божевільнимъ посла́вити, — бо зъ суло́мъ, мовля́ли, якъ заведе́сся, то й пра́вихъ засу́дять.

Управи́тель велівъ Павла́ до ха́ти одвести́ и наймавъ, хто схо́че, зъ села́ за сторо́жу при ёму́ ста́ти, и пла́ту дава́въ до́бру,—тілько що ніхто́ не схотівъ. До́вго управи́тель и сварився и умовля́въ люде́й: — вони́ да́лі й слу́хати ёго́ не ста́ли, пішли́ геть.

Ва́рку тожъ за́разъ ви́пустили. Якъ поба́чила вона́, що вже на во́лю ії пуска́ють, — бігти ки́нулася куди́ о́чі спа́ли, — насилу ії злови́ли; ставъ ій управи́тель роска́зувать, — вона́ на́че не розбіра́ла, не розуміла, усе́ рва́лася бігти відъ ёго, а якъ вже утя́мила гара́здъ, що ії не закую́ть, що ії и не винять, то Го́споди світе! що́ ій тоді поробилося! Рука́ми обхопи́ла ти́нъ коло ха́ти, цілу́е та пла́че, та кричи́ть; Бо́га хва́лить, людя́мъ дя́кує, усімъ до нігъ упада́е.

Каза́ли ії завезти́ десь у и́нше, въ дале́ке, село́. »До́бре! до́бре!« промовля́ла: »везіть! ідьмо! до́бре!« Хапа́лася іхати такъ! Ій ка́жуть забра́ти своє́ збіжъе, а вона́: »до́бре! до́бре! якъ же!« а нічо́го не забра́ла, та тільки усе пороскида́ла. Не вважа́ла, що всі лю́ди коло не́і пону́рі й осу́дливі. Не спомтяну́ла про

Павла́ и ра́зу, та й не каза́ла и́ншого сло́ва, якъ: »до́бре! до́бре! коли́ жъ повезете́?« Якъ вже візъ підъ ха́тою ставъ, скри́кнула ра́дісно, ки́нулася шви́дко у візъ той.... поіхала....

Лю́ди ви́йшли диви́тися, якъ її село́мъ везли́; звісно вже які ціка́ві вони́ й на до́бре, й на лихе́, й на ми́ле, й на страшне́. Діти мане́сенькі крича́ли ій у слі́дъ: »буває́й здоро́ва!« по́ки не пригорну́ли іхъ матері, спиняючи; вона́ жъ іхала, у вели́ку ху́стку завернувшися, кива́ла голово́ю бистре́нько, невва́жливо, якъ ті, що ду́же куди́ поспіша́ютця; диви́лася, диви́лася впере́дъ се́бе....

А Павло́ самъ зоста́вся. Вінъ вже зъ Ва́ркою не ба́чився и не проща́вся. Якъ почу́въ, що вже поіхала, тілько го́лову підві́въ та й зно́въ схили́въ, — сло́ва не промовивъ.

Якъ схотіли, кажу́, такъ и спорядили. Вінъ сидівъ у своій ха́ті за божевільного. Де́сь ви́шукали — наняли́ па́рубка за ім ходи́ти ніби-то, що жа́лко бідного чоловіка. Здає́тця, опа́сувалися, що́ бъ не заподіявъ собі сме́рти, бо ду́же вже вінъ тужи́въ. Такъ тужи́въ, такъ тужи́въ! А ти́хий до всіхъ, покірний.

Па́рубокъ не до́вго прожи́въ при ёму́, поки́нувъ. »Се́, каза́въ, се нещасли́вий зовсімъ чоловікъ — вінъ мене́ на віки вже засмути́въ: — піду́ — розва́жуся!« И пішо́въ бідува́ти, до́бру пла́ту занедба́вши.

По ча́сі, зоба́чивши, що Павло́ »сми́рний«, дали́ ёму́ во́лю ходи́ти куди́ схо́че по селі; да́лі управи́тель ёго́ покли́кавъ роби́ти въ своє́му горо́ді, — на па́нщину ёго́ не бра́ли; то вінъ ставъ роби́ти зновъ. Ро́бить зъ-ра́нку до-но́чі, безъ одпочи́нку, безъ переста́нку ро́бить-ро́бить, суму́ючи тя́жко. Самъ ні до ко́го не обзива́вся, немовъ не смівъ, а якъ коли́ до ёго хто обізве́тця, то таки́й вінъ вдя́чний, ра́дий таки́й!

Самъ на самоті нікóли не хотівъ зоставáтися, а всé туди́ рвéтця, дé лю́ди; хочъ здáлека стáне, дúвитця якъ хóдять, прислухáе якъ гомонять.... Нещасли́вий чоловікъ часте́нько було́ прихо́дить, якъ хто до ёго до́брий, та й про́ситця: »нехай я у васъ заночу́ю!« пуска́ють ёго́ заночува́ти до́брі лю́ди,—тішитця. Було́ дітéй до сéбе приклика́е, пташо́къ прима́нюе — тішитця якъ до ёго біжя́ть, якъ ли́нуть....

Одно́го ра́зу Павло́ роби́въ у дворі въ управи́теля, и управи́тельська дочка́ мале́нька гра́лася зъ утя́ткомъ, жа́луючи та пестячи́, поки ажъ утя́тко не вдуши́лося. Тоді вона́ побива́тися та

опла́кувати дзвінки́мъ голосо́чкомъ. Павло́ збли́жився та якъ поба́чивъ — втіка́ти, втіка́ти.... Стріли ёго лю́ди, спини́ли, бі́лий, зро́шений слізьми́ ре́вними, тру́сится ввесь....

Опісля́, якъ було́ поба́чить ту́ю дівчинку, біліе, тіка́е геть. —

Живъ вінъ такъ ро́ки, по́ки ёго́ ту́га не звали́ла — злігъ вмірати. Якъ тужи́въ вінъ! Якъ вінъ пла́кавъ! Усе́ проси́въ: »Живі лю́ди! ходіть на мої гробки́! Бу́дте ми́лостиві, ходіть на мою́ моги́лку! Гомоніть, якъ я лежа́тиму!«

Тя́жко й су́мно вмірáвъ, пла́чучи.

Перечу́лося въ насъ объ Ва́рці, що жива́ й хоро́ша; що забу́ла ли́хо, забу́ла стра́хи усі свої; що красу́етця на вечорни́цяхъ; що збира́етця за́міжъ....

Марко Вовчо́къ.

ПРОСТОНАРОДНОСТЬ

ВЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Der Weg zum Recht führt durch die Sitte, der Weg zur Freiheit durch die Selbsterkenntniss, der Weg zur Macht durch das liebevolle Umfassen unserer nationalen Eigenart. Solch ein Weg ist langsam, aber sicher, und eine gute Krümm' »führt nit üm.«

Riehl.

Украинскихъ писателей прежняго времени упрекаютъ, бывало, въ простонародномъ тонѣ и складѣ ихъ произведеній. Напримѣръ, Бѣлинскаго въ этихъ произведеніяхъ поражала очень непріятно »мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора.« — »Хороша литература (восклицаетъ онъ), которая только и дышетъ, что простоватостію крестьянскаго языка и дубоватостію крестьянскаго ума!« (1)

Это — сужденіе знаменитаго рускаго моралиста-критика недавняго времени,— сужденіе ума, проникавшаго въ тайны общественной жизни глубже всѣхъ своихъ сверстниковъ. Какъ было не покориться его могущественному вліянію на современниковъ и не пойти слѣдомъ за Квиткою, который, внявъ добродушнымъ совѣтамъ столичныхъ пріятелей своихъ, низошелъ до подражанія великорусскимъ журнальнымъ повѣстямъ своего времени! Но украинскіе писатели пережили благополучно періодъ критическихъ авторитетовъ. Ихъ спасло уваженіе къ человѣческой личности, какъ бы низко ни была она поставлена въ гражданскомъ обществѣ, а это уваженіе проявляется во всей устной словесности нашего народа, въ его пѣсняхъ, легендахъ, притчахъ, пословицахъ, вѣрованіяхъ и понятіяхъ о человѣкѣ вообще.

Становясь на уровнѣ своей народной философіи, наши писатели этимъ самимъ засвидѣтельствовали свое сродство въ духѣ и истинѣ съ великою

(1) *Сочиненія Бѣлинскаго*, V, 306.

собирательною личностію простолюдина. Будучи, по своему образованію и положенію въ свѣтѣ, людьми иного, не простонароднаго круга, они какъ-будто не довѣряли сами себѣ, что возьмутъ вѣрный тонъ въ повѣстяхъ и поэмахъ, разсматривая явленія народной жизни съ точки зрѣнія людей, цивилизованныхъ по-иноземному. Они не ограничились небольшимъ кругомъ людей, усвоившихъ себѣ рѣчь не-народную; напротивъ, сойдясь братски съ милліонами нецивилизованныхъ по-иноземному земляковъ, въ общихъ всему народу чувствахъ, занялись прилежнымъ изученіемъ и разработкой осмѣиваемаго Бѣлинскимъ простоватаго простонароднаго языка и, выражая на немъ высокія поэтическія идеи, старались придать этому языку достоинство всенародной рѣчи, въ чемъ болѣе или менѣе и успѣвали. Въ то же время пиша на языкѣ, общедоступномъ для всѣхъ Украинцевъ, они этимъ самимъ внушали многолюдному обществу »живыхъ и ненарожденныхъ« соотечественниковъ своихъ убѣжденіе, что говорятъ они правду, открытую для всеобщей повѣрки. Они не поддѣлывались подъ простоватую рѣчь человѣка неграмотнаго: они въ счастливѣйшихъ выраженіяхъ этой простоватой рѣчи, принадлежавшихъ людямъ по природѣ своей талантливымъ и, можетъ быть, при своей неграмотности, геніальнымъ, искали образцовъ и законовъ, какъ должно выражать душевныя движенія такимъ образомъ, чтобы литературному произведенію сочувствовало возможно большее количество читателей и слушателей. Эта рѣчь никогда не была имъ чужою: она была рѣчью ихъ матери въ то время, когда душа набиралась первыхъ понятій о достойномъ и недостойномъ, о прекрасномъ и отвратительномъ, о правомъ и неправомъ. Поднимая этой рѣчью повѣсть о старомъ и новомъ времени до общечеловѣческаго достоинства слова, они избѣжали со стороны своихъ настоящихъ и будущихъ читателей недовѣрчиваго вопроса: да знали ли они близко жизнь, которую изображали? Что они не сочиняли того, чего не могло быть въ украинской жизни, — доказательствомъ этому служитъ именно призваніе всего грамотнаго народа украинскаго къ чтенію ихъ произведеній, — призваніе посредствомъ языка, общедоступнаго въ Украинѣ. Не въ замкнутомъ обществѣ любителей словесности провѣряли они жизненный смыслъ своихъ произведеній: они пускали ихъ прямо въ народъ, — въ тѣ слои общества, которые не станутъ попусту тратить на чтеніе времени, нужнаго для самыхъ насущныхъ трудовъ и заботъ. Быстрая распродажа дешевыхъ изданій въ провинціальныхъ захолустьяхъ украинскихъ всего лучше дока-

зала воспитательное значеніе нашихъ, покамѣсть всё еще немногихъ, литературныхъ произведеній.

Но въ то время, когда люди, поднявшіеся, посредствомъ образованія, выше уровня массы простонародья, отъ времени до времени подкладываютъ ему удобопринимаемую имъ умственную пищу, — простонародье, съ своей стороны, раскрываетъ передъ ними богатства своей рѣчи, своего самобытнаго ума, своей по природѣ эстетической фантазіи. Единственный покамѣсть литературный органъ украинскій, *Основа*, представилъ уже довольно образцовъ переведенной на бумагу устной народной словесности и обладаетъ, по этому отдѣлу своему, сравнительно самымъ богатымъ запасомъ матеріаловъ. По нашему личному мнѣнію, украинскій журналъ долженъ давать еще больше мѣста этого рода статьямъ, сравнительно съ собственно-беллетрическими пьесами въ стихахъ и прозѣ. Эти разсказы, записанные со словъ старожиловъ или людей, одаренныхъ природною красотою и силою слова, составятъ насущную пищу талантовъ, еще необнаружившихся, находящихся нынѣ еще въ дѣтствѣ и младенчествѣ своего возраста. По нимъ и писатели, выступившіе уже́ на свое поприще, будутъ провѣрять свой языкъ, тонъ, вкусъ и самый строй мыслей. Эта полная свѣжихъ жизненныхъ соковъ почва дастъ въ свое время богатѣйшіе плоды.

Мы ужъ не говоримъ о томъ, что для этнографа этотъ отдѣлъ журнала — настоящая золотая розсыпь, на которой, съ помощью самой малой промывки, онъ добудетъ свѣдѣнія объ Украинскомъ народѣ безцѣнныя. Вотъ почему, обращая на этотъ отдѣлъ *Основы* вниманіе ея читателей, мы въ то же время совѣтуемъ каждому, кто обстоятельствами жизни поставленъ въ близкія отношенія съ лучшими представителями простонародья и вообще такъ-называемыхъ въ Украинѣ *людей тямущихъ*, — слушать ихъ съ полнымъ вниманіемъ и класть на бумагу слышанное въ возможно безыскуственномъ видѣ.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы въ этомъ родѣ дѣятельности не было своего, особеннаго искусства. Оно состоитъ въ умѣньи выбрать между говорунами лучшаго и изъ его рѣчей замѣтить истинно занимательное. Намъ случалось быть свидѣтелями, что одинъ и тотъ же разскащикъ доставлялъ одному слушателю самыя драгоцѣнныя вещи, тогда какъ другой ловилъ въ его рѣчахъ несвязныя мелочи, изъ которыхъ могъ бы выбрать для себя кое-что только опытный писатель, но которыя для слушателя обыкновеннаго были скучны и только. Стóитъ подумать надъ этимъ каждому: почему иной разскащикъ увлекаетъ изуст-

нымъ словомъ кружокъ слушателей, нечуждыхъ эстетической образованности, и тотъ же самый разскащикъ, будучи грамотенъ, не въ состояніи положить своего разсказа на бумагу такъ, чтобъ это не было скучно для тѣхъ же самыхъ слушателей. Еще поразительнѣе фактъ, что двое записывающихъ слышанное, повторивъ очень близко чей-нибудь очень занимательный разсказъ, производятъ на насъ до такой степени различное впечатлѣніе, какое мы испытываемъ, читая хорошую и плохую повѣсти. Бывали случаи, что записанное изъ устъ разскащика, безъ примѣси фантазіи, принималось читателями за произведеніе самаго эстетическаго литературнаго таланта, тогда какъ то же самое перо вслѣдъ за тѣмъ производило, на основаніи вымысла, вялый и скучный разсказъ, въ которомъ только предубѣжденный читатель искалъ слѣдовъ таланта.

Все это мы говоримъ для того, чтобы каждый, кому дорога́ идея роднаго слова нашего, идея глубоко жизненная, взялъ на себя трудъ подумать объ этнографическихъ очеркахъ и потомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, провѣрять свои умозаключенія на самомъ дѣлѣ. Есть въ жизни много такого, чему никакъ другого не научишь. Воспроизведеніе слышаннаго въ такой силѣ и истинности, чтобы тѣ, кто не слышалъ, испытывали, читая написанное, то самое, что́ ощущалъ писавшій, принадлежитъ, можетъ быть, къ тому же роду искусства, что́ и воспроизведеніе въ словѣ видимаго глазами, хотя здѣсь механизмъ дѣйствія ощутительнѣе для нашего наблюденія. Поэтому мы никакъ не скажемъ, чтобы это было дѣло легкое, все равно какъ не скажемъ, что оно — маловажное дѣло.

Указывая выше на плоды подобныхъ трудовъ, мы исчислили еще не все. Послѣднимъ и важнѣйшимъ ихъ результатомъ можетъ быть появленіе цѣлой области литературныхъ произведеній во вкусѣ и въ духѣ Украинскаго народа. Какъ ни высоко стоитъ Итальянецъ Боккаччіо на судѣ потомства, но онъ, собственно говоря, былъ не болѣе, какъ искусный перескащикъ слышаннаго и испытаннаго лично. Между тѣмъ, смотрите — какую важную роль играла его знаменитая книга Il Decamerone, этотъ сборникъ небольшихъ, очень просто — хотя и очень увлекательно — написанныхъ разсказовъ: поэмы, драмы, комедіи, романы пестрымъ роемъ вылетѣли изъ этой книги и распространились по всей Европѣ такъ широко, что и въ русской литературѣ можно указать отголоски неподражаемой болтовни Флорентійца XIV вѣка. Никто изъ поэтовъ не произносилъ имени Боккаччіо безъ уваженія, а Байронъ, въ энтузіазмѣ благодарно-

сти, которую онъ питалъ ко всѣмъ достойнымъ своимъ предшественникамъ, выразился о немъ такъ, что этотъ, какъ онъ его назвалъ, Bard of Prose, авторъ сотни романическихъ разсказовъ, развѣ немного ниже Данта и Петрарки (1). Такимъ образомъ и для талантливаго собирателя народныхъ разсказовъ украинскихъ (здѣсь въ самомъ дѣлѣ необходимъ особеннаго рода талантъ) можетъ представляться въ будущемъ сладкая, неотравленная сознаніемъ мелкаго самолюбія или корыстныхъ видовъ, надежда, что за его трудъ поблагодаритъ его нѣкогда еще не рожденный Байронъ.

Вообще, важность нашихъ дѣлъ, каковы бы они ни были, не должна быть измѣряема успѣхомъ ихъ во время самого совершенія; въ-отношеніи же украинской словесности, всего вреднѣе было бы для общаго нашего дѣла, еслибы мы управлялись желаніемъ скораго торжества. Довольно съ насъ глубокаго сознанія, что мы всѣ, какъ бы ни были различны наши силы, дѣлаемъ дѣло народное и въ настоящемъ строимъ будущность не собственную, не личную, а будущность нашего народа въ неопредѣленно-далекомъ времени. Сильное проникновеніе наше духомъ собирательной личности простолюдина и заявленный множествомъ случаевъ отвѣтъ этой личности на наши человѣчныя понятія о ней и братскія чувства къ ней — служатъ намъ достаточнымъ ручательствомъ, что, при всей малости нашей, какъ отдѣльно взятыхъ единицъ, мы всѣ вмѣстѣ дѣлаемъ дѣло не малое. Забудутся ли наши имена, или возсіяютъ въ самыхъ прочныхъ памятникахъ народной жизни, т. е. въ произведеніяхъ великихъ писателей, — все равно, предчувствіе грядущаго оживленія Украинскаго племени должно сладко согрѣвать каждую душу въ ея стремленіи къ безконечному.

Возвращаясь къ началу нашей рѣчи, скажемъ, что Бѣлинскій, при всей самостоятельности своего критическаго таланта, не въ силахъ былъ стать выше понятій современнаго ему русскаго общества и, еслибы даже возымѣлъ, какимъ-нибудь чудомъ, идею о простонародности литературы, осуществляемую въ настоящее время Украинцами, то его бы никто не поддержалъ, — всѣ остались бы глухи къ его убѣжденіямъ. У насъ эта идея возникла въ слѣдствіе историческаго хода общественной жизни.

---

(1) Dante, and Petrarch, and scarce less than they,
The Bard of Prose, creative spirit! he
Of the Hundred Tales of love....
Childe Harold's Pilgrimage, IV, 56.

Грамотная часть украинскаго общества, еще до соединенія Украины съ государствомъ Московскимъ, въ своихъ бесѣдахъ отклонялась отъ общей всѣмъ украинской рѣчи въ церковно-славянщину, въ польщизну и въ этотъ средній между тремя элементами языкъ, которымъ писались тогдашніе юридическіе акты. По присоединеніи Украины къ государству Московскому, грамотные люди отклонились еще больше отъ простонародной рѣчи въ тотъ языкъ, который наши академики и семинаристы, вмѣстѣ съ московскими грамотѣями, выковали для офиціальнаго и литературнаго употребленія во всемъ государствѣ; а когда въ Россіи появились стихотворцы, повѣствователи и историки, когда устроенныя россійскимъ правительствомъ такъ-называемыя народныя училища и умноженныя россійскимъ синодомъ семинаріи охватили всю Украину пропагандою искусственнаго языка, составленнаго общими трудами украинскихъ и великорусскихъ грамотныхъ людей, — простонародный украинскій языкъ слышался только въ пѣсняхъ да въ бесѣдѣ людей, неумѣвшихъ, по недостатку книжной образованности, объясняться иначе.

Какъ ни много вошло украинскихъ словъ и оборотовъ въ книжную великорусскую рѣчь, но въ ней естественно преобладали элементы великорусскіе. То, что̀ не было внесено въ нее изъ простонароднаго языка, оставалось въ пренебреженіи у литераторовъ и равнодушно было обречено ими на забвеніе, чему доказательствомъ служатъ и приведенныя нами слова Бѣлинскаго. Между тѣмъ, посмотрите, кто вносилъ словесный матеріалъ украинскій въ великорусскую рѣчь во время ея литературной обработки? Люди предубѣжденные противъ простонародности уже по одному тому, что захватили отъ польскаго образованнаго, шляхетскаго общества извѣстное всѣмъ пренебреженіе къ простому народу. За неимѣніемъ въ языкѣ московской письменности и въ рѣчи великорусскаго простонародья такихъ словъ и оборотовъ, которые бы соотвѣтствовали новымъ, государственно-общественнымъ потребностямъ, они брали изъ украинскаго языка только то̀, что̀ могло быть терпимо въ новой средѣ, въ которой они очутились необходимыми дѣятелями; все же, на чемъ лежалъ отпечатокъ »простоватости крестьянскаго языка и дубоватости крестьянскаго ума«, какъ выразился Бѣлинскій, — все это они считали недостойнымъ появляться въ проповѣдяхъ, законахъ, учебникахъ и чисто-литературныхъ произведеніяхъ. Естественно, что браку осталось слишкомъ много и что въ этомъ браку погребены были сокровища украинскаго слова, незримыя глазами, притупленными чтеніемъ составленныхъ опричь народа писаній.

Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, это былъ ни на что́ негодный соръ, то онъ бы такъ и погибъ въ забвеніи; украинскіе простолюдины *поóкали* бы, *погáкали* еще съ полвѣка, да и усвоили бы себѣ великорусскую книжно-народную или народно-книжную рѣчь, подобно какимъ-нибудь Зырянамъ; ато нѣтъ! Языкъ, не вошедшій въ великорусскую письменность, выражалъ жизнь, богатую своими особенностями, и заєвидѣтельствовалъ свою гармонію и силу во множествѣ изящныхъ произведеній простонародной словесности. Народъ неграмотный дорожилъ своимъ языкомъ и не захотѣлъ съ нимъ разстаться. Предать забвенію памятники народнаго слова оказалось невозможнымъ для людей образованныхъ, да и сама наука книжная занялась ихъ спасеніемъ.

Не стану распространяться здѣсь о весьма важномъ обстоятельствѣ: что въ то время, когда дворянскія дѣти поступали въ низшія учебныя заведенія, гдѣ приходилось имъ усвоивать знанія и выражать ихъ посредствомъ искусственнаго общерусскаго языка, они оставляли до́ма мать и нянекъ своихъ, которыя до тѣхъ поръ говорили съ ними на простонародномъ языкѣ. Заблужденіе нашихъ отцовъ и дѣдовъ, что дѣвицамъ не должно давать такого умственнаго образованія, какъ мальчикамъ, было причиною, что женская часть средней руки дворянства оставалась вообще мало знакомою съ языкомъ великорусскимъ. О дворянахъ мелкопомѣстныхъ и говорить нечего. Тѣ просто говорили: »Зачѣмъ учить дівчáтъ грамотности? для того развѣ, чтобъ къ паничамъ письма писали?« Это-то обстоятельство было причиною, что многія матери людей образованныхъ были у насъ вовсе не гратотны или полуграмотны, а неграмотность и полуграмотность дѣлала то, что онѣ съ своими сыновьями, будущими учеными и писателями, объяснялись на томъ самомъ языкѣ, что́ и какая-нибудь нянька-бабу́ся. Образованный изученіемъ иностранныхъ литературъ умъ не могъ оставить безъ вниманія красоту материнскихъ рѣчей, непохожую ни на что́ имъ усвоенное въ школѣ. Онъ естественно давалъ ей цѣну высокую, хотя и не имѣлъ еще средствъ доказать ее литературнымъ способомъ.

Народныя пѣсни украинскія, на которыя обращено вниманіе съ 1819 года, помогли этой оцѣнкѣ. Тутъ мы увидѣли, посредствомъ печати, яснѣе прежняго, ка́къ прекрасенъ языкъ, о которомъ ни слова не говорится въ учебникахъ и надъ которымъ наши наставники глумятся съ каѳедры (1). Сочиненія украинскихъ писателей, воспроизведшихъ остав-

(1) Подобное глумленіе можно было слышать еще недавно въ классныхъ залахъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ отъ одного ученаго му

ленную нами въ селахъ и хуторахъ жизнь языкомъ нашихъ матерей, довершили наше перерожденіе относительно украинскаго слова. Нашей душѣ любо было въ той стихіи, которою продолжали жить непередѣланные школою спутники нашего дѣтства; мы радостно нисходили съ училищныхъ высотъ въ простонародную толпу, и одна мысль, что мы говоримъ и чувствуемъ то, что́ говорятъ и чувствуютъ милліоны незахваченныхъ учебниками людей, давала нашимъ умственнымъ силамъ молодую свѣжесть.

Сближаясь съ простонародною жизнію такъ-сказать изъ благодарности за то, что въ ней протекло наше дѣтство, мы увидѣли въ этой жизни вооруженнымъ наукою зрѣніемъ много невѣдомаго нашимъ наставникамъ и, между прочимъ, пришли къ убѣжденію, что простонародная украинская жизнь есть цѣлый міръ самостоятельныхъ понятій человѣка о томъ, какъ ему быть на свѣтѣ. Жизнь эта, какъ мы увидѣли, не такъ мелкодонна и узка, чтобы ее исчерпать наблюдательнымъ умомъ въ теченіе короткаго времени. Жизнь эта посвоему сохранила слѣды глубокой старины славянской и потомъ удержала въ высшей степени любопытные остатки историческаго бытія народовъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣло ея теченіе. Въ ней до сихъ поръ встрѣчаешь характеры, по которымъ не только поэтъ, но и историкъ-можетъ возсоздавать личности, затуманенныя лѣтописями и историческими системами. Она, однимъ словомъ, заняла насъ, какъ новая наука, которой до сихъ поръ не было дано принадлежащаго ей мѣста въ ряду предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію свободнаго ума человѣческаго. Отсюда-то, изъ этой таинственной глубины, въ которую начали мы погружаться съ недавняго времени, сила вещей начала, такъ сказать, выбрасывать на берегъ сокровища, показанныя намъ въ обработанномъ видѣ нашими писателями.

Но все, что́ до сихъ поръ сдѣлано украинскою словесностію, есть не больше, какъ доказательство, что не напрасно образованные Украинцы обратились къ изученію своего простонародья и всего, что́ составляетъ сложившійся вѣками міръ простонародной жизни.

Человѣчество не пускаетъ въ ходъ всѣхъ своихъ запасовъ разомъ. Многое у него остается до поры до времени въ спряту; многое оно разрушаетъ, передѣлываетъ посредствомъ новыхъ явленій жизни въ иной видъ и потомъ опять обновляетъ забытое вѣками, пренебреженное на-

---

жа, котораго отецъ, не смотря на продолжительную службу, до сихъ поръ иначе не объясняется, какъ по-украински.

родами бытіе. Къ такимъ дивамъ, которыхъ смысла всё еще не разгадала наука, принадлежитъ воскресеніе Славянскаго міра, а въ Славянскомъ мірѣ — воскресеніе украинской словесности. Дѣятели этой словесности, захватывая въ кругъ разнообразныхъ своихъ трудовъ всю массу говорящихъ по-украински и любящихъ украинскій языкъ, этимъ самымъ заявляютъ человѣчность своихъ стремленій. Самая многочисленность личностей, на которыя распространены братскія заботы украинскихъ мыслящихъ людей, служитъ нѣкоторымъ образомъ порукою въ томъ, что, еслибы это дѣло было не нужно для жизни, еелибы оно было утопическою фантазіею только немногихъ людей, то собирательный разумъ заинтересованной въ немъ массы самъ собою рѣшилъ бы его несостоятельность. Для нѣсколькихъ вліятельныхъ умовъ возможно убѣдить въ чемъ-нибудь эфемерномъ аудиторію, или замкнутое общество любителей словесности, возможно даже — какъ это мы и видимъ — создать цѣлый кругъ московскихъ славянофиловъ, измечтавшихъ себѣ какую-то Россію, небывалую для историка и несуществующую для простонародья; но относиться съ кабинетною мечтою къ тринадцати-милліонному обществу не возможно безнаказанно. Сговориться между собою, подобно московскимъ славянофиламъ, украинскій народъ не имѣлъ никакой возможности. Слѣдовательно было бы весьма естественно противодѣйствіе съ его стороны усиліямъ нашихъ писателей, еслибы они были признаны вредными или ненужными. Это противодѣйствіе необразованный народъ всего скорѣе могъ бы выразить совершеннымъ равнодушіемъ къ украинскимъ произведеніямъ, а людъ грамотный — печатнымъ отреченіемъ отъ нашей словесности.

Вмѣсто того мы видимъ явленія противоположныя. Никогда не слыхавшій объ украинской словесности выходецъ изъ Украины въ Саратовской губерніи и сельскій житель между Львовомъ и Черновицемъ одинаково сочувствуютъ задушевному стиху Шевченка. Случайно попавшая въ руки какого-нибудь загнаннаго семинариста повѣсть Квитки производитъ въ немъ переворотъ и присоединяетъ его къ народу, отъ котораго его отрознило училище. Уроженецъ Воронежской губерніи и воспитанникъ московскаго пансіона, а потомъ Харьковскаго университета, чтеніемъ украинскихъ пѣсень наводится на прямой путь и является нашимъ роднымъ дѣятелемъ. Рано еще обнародывать подобные факты, но ихъ у насъ множество. Что же касается до отреченія, то, при всемъ разномысліи съ нами многихъ изъ цивилизованныхъ по-иноземному Украинцевъ, никто изъ нихъ до сихъ поръ не отрекся печатно отъ Шевченка, со-

ставляющаго лучшее украшеніе нашей словесности. Скажемъ болѣе. Съ того времени, какъ украинская словесность, съ изданіемъ *Основы*, пошла болѣе твердыми шагами и всѣ лучшіе великорусскіе журналы заявили свое сочувствіе къ честной, въ политическомъ мірѣ, украинской народности, — трудно встрѣтить образованнаго Украинца, который бы не признавалъ себя Украинцемъ. Но, еслибы появилось даже и много такихъ лицъ изъ Украинцевъ, которые, подобно профессору Срезневскому (природному Ярославцу), объявили бы съ каѳедры, что украинская литература — мечта, а украинская народность — выдумка; то участіе множества грамотныхъ людей и повсемѣстное сочувствіе простонародья къ произведеніямъ нашей словесности сами по себѣ служатъ прочною основою дѣлу и обезпечиваютъ его, какъ отъ упадка, такъ и отъ уклоненія въ сторону, противорѣчащую насущнымъ требованіямъ жизни.

Такимъ образомъ простонародность въ украинской словесности не есть свидѣтельство безсилія нашихъ авторовъ писать для выдѣлившейся изъ народа сравнительно малочисленной части Украинцевъ, а напротивъ — залогъ общенароднаго развитія нашей словесности въ будущемъ, на широкомъ основаніи. Европейская цивилизація не представляетъ для насъ чего-то ненавистнаго, какъ для московскихъ славянофиловъ, которые объявили Западъ гнилымъ и изобрѣли какое-то *русское воззрѣніе* на науки и искусства. Мы изучаемъ дружески все, что выработано другими обществами и народностями, но благъ для нашего народа ожидаемъ только отъ своеобразнаго развитія его собственныхъ нравственныхъ силъ и отъ увеличенія средствъ къ жизни на его родной почвѣ. Мы не говоримъ, подобно прежнимъ русскимъ патріотамъ, что мы »идемъ быстрыми шагами по пути просвѣщенія.« Ходъ нашъ не можетъ быть очень быстръ, потому что насъ, желающихъ дѣйствовать при свѣтѣ науки, очень много, и для насъ — для людей *громадскихъ* по своему міросозерцанію — не мыслимъ истинный прогрессъ не только для цѣлаго народа, но даже для малочисленнаго общества, пока оно окружено со всѣхъ сторонъ непонимающими его толпами. Медленна должна быть наша работа, но вѣрна. Чѣмъ больше человѣчности видимъ мы въ Украинскомъ народѣ, тѣмъ больше должны мы приложить попеченія о томъ, чтобы каждая сколько-нибудь мыслящая голова понимала ясно другую. Тогда только слово, эта великая сила человѣческой природы, вступитъ во всѣ свои права.

П. Кулишъ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.[1]

27 іюля, Гриневъ, Стародубскаго уѣзда.

— Какая у васъ рѣка? спросилъ я переправлявшихся на поромѣ со мной козаковъ съ возами дровъ, подъ самымъ городомъ Погаромъ.

— Наша рѣка прозывается Судогость, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: вода ужъ очень сладкая, оттого и называется рѣкою Судогостію.

— Я какъ-то въ толкъ не возьму: вода сладкая въ рѣкѣ, оттого и рѣка называется Судогостію.

— Вода сладкая, рѣку и назвали Сладостію; рѣка наша сперва такъ и называлась.

— Какъ же она теперь называется не Сладостію, какъ ты говоришь, а Судогостію?

— Татары такъ ее назвали: по-нашему сладость, а по-татарски судогость, все одно и тоже слово. [2]

— Да нашъ и городъ сперва былъ не Погаръ, прибавилъ другой козакъ.

— А какъ же?

— Сперва онъ прозывался Радовое.

— Не Радовое, — Радувуль, поправилъ первый козакъ.

— Это все равно: что Радувуль, что Радовое, а только не Погаръ. Сперва, кто ни заѣдетъ въ нашъ городъ — всѣхъ радовало; а тамъ,

---

(1) Первыя письма напечатаны въ послѣдней книжкѣ *Основы* за 1861 г.

(2) Это же я слышалъ отъ О. А. Круковскаго, привѣтливостію котораго я пользовался, бывши въ Погарѣ.

какъ сталъ нашъ городъ горѣть: то нонче пожаръ, то завтра другой... да пожары какіе были? весь городъ выгоритъ! »какой, говоритъ народъ, это Радувуль? Это Погаръ!« Съ тѣхъ самыхъ поръ и стали называть Погаромъ.

— Для кого Погаръ, а для кого остался все тотъ же Радувуль: у насъ въ городѣ всѣ живутъ по закону, какъ Богъ велѣлъ.

— Я думаю, есть и всякіе?

— Какъ не быть! А все-таки про нашъ городъ ничего дурного нигдѣ ты не услышишь.... А сколько изъ нашихъ простыхъ козаковъ, сколько въ хорошіе люди вышли, въ чиновные....

— Кто же?

Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько именъ.

— Да не то, что вышли въ люди, это бы ничего; а то важно, что въ хорошіе люди: какому бъ служить и не въ нашемъ городѣ, а онъ служитъ въ Погарѣ: »я, говоритъ, лечить, учить буду въ своемъ городѣ!« И отъ своихъ ближнихъ не отрекается: приди къ нему родня хоть въ какой свиткѣ — все родня!

Похвалу своему городу, своей родинѣ, вы услышите часто отъ многихъ — только на чужбинѣ; на мѣстѣ же, дома, мнѣ привелось слышать только другой разъ: одинъ разъ я слышалъ въ Ярославлѣ, а другой здѣсь въ Погарѣ.... Что за счастливые въ самомъ дѣлѣ эти два города!

Поднявшись на крутую гору, вы въ самомъ центрѣ города Погара. Много есть на Руси деревень, за какія-то услуги произведенныхъ въ города, и эти города какъ-то неловко назвать городомъ; къ числу такихъ мѣстечекъ по-видимому принадлежитъ и Погаръ городъ, только къ его титулу »городъ« прибавлено извинительное слово: »заштатный«: всё какъ-то не такъ совѣстно.

Мнѣ кажется, что мы только изъ трусливой учтивости называемъ, титулуемъ »городами« Богодуховъ, Валуйки, Нижнедѣвицкъ, точно также какъ пьяная баба титулуетъ »кавалеромъ«, а часто и »вашимъ благородіемъ« будочника, который ее тащитъ въ часть. Это сходство

еще увеличивается, ежели припомнимъ, что эти славные города тѣмъ только и отличаются отъ не титулованныхъ деревень, что въ нихъ есть разные *суды*, къ которымъ простой народъ причисляетъ и *часть*, въ которую, какъ и вообще въ судъ, безъ денегъ ходить нельзя....

Точно такъ же и въ Богодуховъ, и въ Новый Осколъ мужикъ ѣдетъ съ деньгами, только не для покупокъ какихъ: тамъ и купить-то ничего нельзя; а ежели ѣдетъ сюда мужикъ, то, вѣрно, есть *дѣло* какое, въ которомъ могутъ помочь частные, становые пристава, городничіе, исправники.... А потому и эти деревни надо почтить хоть какимъ-нибудь титуломъ, хоть *городомъ* назвать!... Но я долженъ сознаться, что моя гипотеза можетъ встрѣтить возраженія, а потому я приведу примѣръ безкорыстнаго титулованія.

Городъ Елецъ стоитъ на Соснѣ рѣкѣ, и этой Соснѣ Елецъ обязанъ своими многочисленными богатыми мельницами; многія мельницы приносятъ доходу болѣе 1,000 р. сер., и горожане жили себѣ покойно, пока ихъ тщеславіе не одолѣло; и обидѣла Елецъ та же рѣка Сосна, по милости которой и городъ славится своей знаменитой елецкой крупичатой мукой! А вышло и дѣло такое, что и перенесть горе было нельзя! И вышло всё отъ ученья: стали дѣти въ училище ходить (въ Ельцѣ купцы есть милліонеры, а потому многіе посылаютъ дѣтей и въ уѣздное училище, гдѣ иногда дѣти ихъ доходятъ и до третьяго класса), стали дѣти географію учить, и выучили по географіямъ господъ Арсеньева и Ободовскаго, что Мценскъ стоитъ на *судоходной* рѣкѣ Зушѣ; Бѣлевъ—на *судоходной* рѣкѣ Окѣ.... Одинъ только почти Елецъ *стоитъ не на судоходной* рѣкѣ Соснѣ! Городу безчестье большое! Какъ тутъ быть?...

На счастье города, городской голова былъ хорошъ, рачителенъ до города; сталъ голова хлопотать — сдѣлать рѣку Сосну въ Ельцѣ судоходною; поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать; да ѣздилъ не разъ, не два, а хлопоталъ, говоритъ, лѣтъ десять, и кончилъ-таки, что назвали судоходною. Пріѣхалъ голова изъ Петербурга съ бумагою, въ которой объявлена Сосна—рѣкою *судоходною!* Отслужили на Соснѣ молебенъ съ водоосвященіемъ, окропили Сосну святою водою и зажили по прежъ-

нему; только что Соснѣ дали титулъ судоходной, ато мельницы мелютъ все тѣ же и такую же елецкую крупичатую муку; по судоходной Соснѣ плаваютъ тѣ же суда: у каждаго мельника есть лодка и плавать можно, когда мельница не спущена... все по прежнему; но городъ успокоился: теперь Елецъ стоитъ на судоходной рѣкѣ!... Разсказчикъ мнѣ говорилъ, что Сосна уже болѣе 15 лѣтъ какъ стала судоходною и городу чести прибавилось!...

Погаръ городъ, кажется, не такъ честолюбивъ: онъ довольствуется званіемъ заштатнаго города, и съ этимъ званіемъ соединенною властію — частнымъ приставомъ.

Кромѣ этого отличія отъ простыхъ деревень, Погаръ имѣетъ уѣздное училище, про которое сказать ничего не могу: я былъ въ вакаціонное время, стало быть и училища видѣть не могъ, но меня поразило то, что въ такомъ городѣ, какъ Погаръ, полный комплектъ учителей; а болѣе всего — разсказы, будто во всѣхъ училищахъ Кіевскаго округа — то же!...

Итакъ Погаръ довольствуется званіемъ заштатнаго города; а былъ и Погаръ городомъ. Еще до Татаръ стоялъ городъ Родогостье; потомъ сталъ зваться и Радувуль и Радовое, а наконецъ и Погаръ.... Былъ этотъ городъ и княжескимъ, былъ сотеннымъ мѣстечкомъ Стародубовскаго полка, наконецъ и заштатнымъ городомъ; но какъ взглянете изза Судогости на этотъ городокъ, засыпанный весь садами, то, вѣрно, скажете, что Погаръ — городъ, и городъ, который стоитъ на веселомъ мѣстѣ. Верстъ за десять отъ Бугаевки показываются Погарскія церкви, и вы никакъ не ожидаете найти такой маленькій городъ; придя только въ городъ, невольно спросите: для кого же построены 9 церквей? Я въ церквахъ Погарскихъ не былъ, но по видимому можно сказать, что они очень бѣдны.

— Сколько у васъ церквей, сказалъ я козаку-хозяину, у котораго въ хатѣ остановился въ Погарѣ, — а всѣ церкви съ виду бѣдны.

— Бѣдны, отвѣчалъ козакъ: — приходы не большіе, съ чего и богатымъ имъ быть? А приходы такъ бѣдны, такъ бѣдны, что не только церковь, а и попъ бѣдствуетъ! А объ дьяконѣ у насъ и не спрашивай....

— Дьяконъ еще бѣднѣй?

— Объ дьяконѣ въ Погарѣ не спрашивай!

— Отчего же?

— Да въ Погарѣ дьякона нѣтъ.

— Во всѣхъ девяти церквахъ дьякона нѣтъ?

— Во всѣхъ девяти и нѣтъ!

— И никогда не было?

— Какъ не быть! были, только теперь во всемъ Погарѣ-городѣ ни одного дьякона нѣтъ.

— Отчего жъ такъ?

— А Богъ святой знаетъ!

— Давно вашъ городъ стоитъ?

— Отъ начала вѣка нашъ городъ! Въ нашемъ городѣ сперва самъ сотникъ жилъ.

— Какой сотникъ?

— Чинъ такой былъ: все равно, что губернаторъ; Погаръ стало быть былъ тоже губернія.

— А какъ давно въ Погарѣ сотники были? спросилъ я у козака-хозяина.

— Да и были они еще не такъ давно: были старики-козаки, что и видали сами сотниковъ.

— А теперь нѣтъ сотниковъ, прибавилъ другой козакъ, самой невоинственной наружности, братъ хозяина.

— Отчего же?

— Перевелись!

— Насъ было и въ мужики записали, да такъ ужъ Богъ помиловалъ, да и добрые люди помогли.

— Точно, что добрые люди помогли, подговаривалъ флегматически братъ хозяина.

— Ты знаешь Гриневъ? спросилъ меня хозяинъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаешь. Какъ пойдешь отсюда, отъ Погара къ Стародубу, такъ на половинѣ пути будетъ....

— Къ Погару ближе, перебилъ братъ.

— Къ Погару будетъ ближе, продолжалъ хозяинъ. — Такъ этимъ Гриневымъ завладѣлъ Безбородко. Завладѣлъ Безбородко Гриневымъ, захотѣлъ и Погаромъ владѣть. Сталъ просить царя... царицу: тогда царица была... сталъ просить царицу отдать ему и Погаръ-городъ....

— И отдала бы царица Безбородку Погаръ-городъ, добавилъ опять братъ.

— Отдала бъ, согласился хозяинъ,—да я иговорю, что Богъ помиловалъ и добрые люди помогли: пріѣхалъ Кочубей, сказалъ городу, что Безбородко хочетъ за себя взять городъ. Какъ тутъ быть? Кочубей ихъ опять-таки научилъ: взять царскую грамоту.... А царская грамота у насъ царя Алексѣя Михайловича, и въ грамотѣ сказано: быть Погару до скончанія вѣка — городомъ. Взять ту грамоту и идти къ царицѣ просить: не отдавать Погара Безбородку, а оставить по-прежнему — вольнымъ городомъ. Хорошо. Выбрали громадой трехъ козаковъ: первый былъ Козелъ, другой Розько, а третій Попинака. Взяли тѣ козаки старую грамоту, пошли въ Питеръ. А тамъ въ Питерѣ царица умерла, а сталъ царить царь Павелъ. Царила царица—Безбородко силу большую имѣлъ; сталъ царить царь—Безбородкѣ силы той ужъ нѣтъ!... Показали царю козаки грамоту, царь и указалъ: Погару оставаться по прежнему городомъ. (1)

Около Погара и въ сосѣднихъ уѣздахъ много сѣютъ конопли: начиная отъ Кромскаго уѣзда, конопли сѣютъ не только на огородѣ, но и въ поляхъ, разумѣется, удобренныхъ подъ коноплянникъ; а поэтому въ Погарѣ главная торговля пенькой и въ особенности коноплянымъ масломъ. Мнѣ говорили, что пять-шесть здѣшнихъ купцовъ, главныхъ купцовъ, отправляютъ отсюда до 15.000 берковцевъ чистой пеньки. Эти купцы, скупая пеньку нечищенную, нанимаютъ трепачей (2), т. е. работниковъ пеньку трепать — чистить, большею частію, какъ мнѣ говорили, изъ русскихъ и преимущественно изъ Орловской и Калужской губерній. Нанимаются ли они артелями, или всегда по-одиночкѣ, я утвердительно сказать не могу; но мнѣ кажется, что между трепачами артелей нѣтъ: всякій получаетъ плату отъ пуда очищенной пеньки, лично самимъ заработанную плату, или заработанную цѣлою *семьей*. Главный промыселъ здѣшнихъ жителей —маслобойни, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, олейны: олейнъ здѣсь въ городѣ болѣе *ста*, на которыхъ бьютъ преимущественно шапочный олей, т. е. конопляное масло, а не кошелевый; продавливаютъ масло изъ конопли чрезъ мѣшокъ или колпакъ, сдѣланный изъ шерсти, а не изъ лыкъ, отчего и олей бываетъ лучше; поэ-

(1) Не знаю, цѣла ли эта грамота, но, вѣроятно, здѣсь идетъ дѣло о грамотѣ, которою царь Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ городу магдебургскія права.

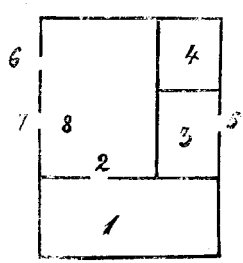
(2) По 80 коп. ассигнац. отъ пуда. Хорошій работникъ можетъ перечистить до 5 пудовъ пеньки въ день.

тому погарскій олей, говорятъ, извѣстенъ по всей Малороссіи и даже, прибавилъ разсказчикъ, въ Кіевѣ. Сколько выдѣлываютъ здѣсь олею, я узнать не могъ; но судя потому, что въ Погарѣ и въ окрестныхъ деревняхъ всю зиму по большей части работаютъ однѣ только бочки для олея, вывозимаго изъ одного Погара, то должно предполагать, что выдѣлывается значительное количество. И не одинъ Погаръ занимается маслобойнями, а и по деревнямъ ихъ здѣсь много; мнѣ говорили, что въ Стародубскомъ уѣздѣ есть даже паровыя маслобойни.

Я зашелъ къ С. А. Мефедову; онъ занимается собраніемъ пѣсень, какъ текстовъ, такъ и голосовъ, и потому не удивительно, что онъ близко принимаетъ къ сердцу цѣль моихъ походовъ, и всячески хотѣлъ помочь мнѣ въ моихъ разспросахъ. А какъ онъ самъ урожденецъ Погара, то онъ зналъ, кого спросить, а въ повѣркѣ собранныхъ много свѣдѣній, онъ для меня не могъ быть никѣмъ замѣнимъ.

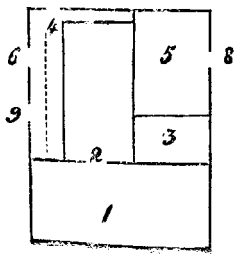
Преподобный Несторъ говоритъ, что въ Россіи жили разныя племена. Мнѣ кажется, что, внимательно изучая бытъ нашего народа, и теперь можно указать на границы поселеній разныхъ племенъ. Но для этого надобно обращать вниманіе на все: на пѣсни, повѣрья и въ особенности на обряды, архитектуру домовъ и расположеніе дворовъ и одежду. Какъ ни просто устройство нашей деревенской избы, но въ разныхъ мѣстахъ—разныя и избы. На первый разъ покажу вамъ два плана: одинъ—избы Малоархангельскаго уѣзда, другой — Стародубскаго.

Черт. 1.



1. Сѣни.
2. Двери въ избу.
3. Полъ въ $^1/_2$ аршина или вершковъ 10.
4. Печь.
5. Волоковое окно.
6 и 7. Красныя окна.
8. Передній уголъ.
Кругомъ лавки; кромѣ лавокъ, подвижныя скамьи—услоны.

Черт. 2.

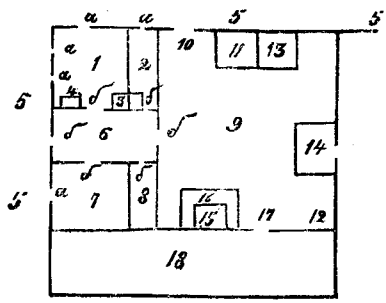


1. Сѣнцы.
2. Двери въ избу.
3. Печь.
4. Кутъ, т. е. передній уголъ.
5. Полъ, помостъ, возвышающійся отъ земли четвертей на пять.
6 и 7. Окна, по-русски красныя или косящатыя.
8. Окно польное безъ стекла, по-русски волоковое.
9. Польное окно со стекломъ, волоковое.

Въ Малоархангельскомъ, Ливенскомъ уѣздахъ и вообще къ Рязани и Воронежу, деревни строются большею частію въ одну линію; старой постройки избы, кажется, обыкновено стояли во дворѣ, а теперешней — на улицу чаще; во всякомъ случаѣ—въ одну линію: ежели не избами, то дворами; начиная, кажется, съ Никольскаго, Орловскаго уѣзда, деревни стоятъ ломаной линіей; между двумя избами небольшая площадка: на одной сторонѣ ворота въ дворъ, а въ глубинѣ этой площадки ворота на задворокъ, гдѣ сѣно, сохи, бороны. Къ Рязани же и къ Воронежу задворки стоятъ противъ избы, черезъ улицу.

Теперь приложу планъ двора и дома богатаго жителя Погара.

Черт. 3.



Домъ стоитъ на углѣ улицы (5); вы входите съ улицы въ сѣнцы (6), изъ которыхъ одна дверь (б) ведетъ въ свѣтлицу (1), другая въ свѣтёлку (2), третья въ пекарню (7), четвертая въ пристѣнокъ (8), пятая на улицу (5) и шестая во дворъ (9); въ свѣтлицѣ три окна (а), въ свѣтёлкѣ и кухнѣ по одному (а). Печь (3) стоитъ между дверьми, ведущими въ свѣтлицу и свѣтелку. Войдя въ свѣтлицу, по одну руку у васъ стоитъ печь (3), по другую судникъ — шкафъ съ посудой. Со двора на улицу ходъ въ ворота (10), около воротъ клѣть (11), которая иногда называется хижа и чаще строится въ глубинѣ двора (12). Рядомъ съ клѣтью — повѣть (13). Подъ повѣтью дрóвы, сѣнникъ (14), погребъ (15) съ повѣткой подъ навѣсомъ (16) около другихъ сторонъ двора; черезъ форточку, т. е. калитку (17), ходъ въ садокъ (18).

Теперь перечислю названіе одежды. Про мужскую я многаго сказать не могу: свитка, кожухъ и бѣлая рубашка съ прямымъ воротомъ на выпускъ, т. е. сверхъ штановъ; въ деревняхъ бросается въ глаза колпакъ, т. е. шапка изъ войлока, очень похожая на круглыя шляпы гречниковъ, только съ полями пальца въ три шириною, которыя плотно лежатъ къ тульѣ; да изрѣдка зипунъ: свита съ перехватомъ назади.

Женщины въ Погарѣ повязываютъ голову поверхъ колпака платкомъ; эта повязка очень напоминаетъ козацкую шапку. Сперва дѣвушки носили одну кладочку, теперь же часто повязываютъ голову по-женски, выпуская только сзади или косу во всю длинну съ лентой въ концѣ, или складываютъ вдвое; концы волосъ подкладываютъ подъ низъ.

Какъ женщины, такъ и дѣвушки, носятъ: юбку, которую здѣсь называютъ сподницей, или саянъ, кабатъ-сарафанъ, кохту, шушунъ. Панёвъ въ городѣ не видалъ, въ деревняхъ же носятъ паневы больше *круглыя*, т. е. сшитыя.

У всякой женщины и у всякой дѣвушки есть свои собственныя *скрыни* и *кублы* съ замками, гдѣ онѣ сохраняютъ имъ принадлежащія вещи — наряды, холсты и проч. Скрыня — это сундукъ, а кубла или купель — ушатъ съ крышкой, которая закладывается брускомъ, продѣтымъ сквозь ручки ушата, и посдѣ запирается замкóмъ.

Ничто въ настоящее время такъ быстро не теряется, какъ старинный костюмъ: что́ носилось обыкновенно лѣтъ десять назадъ, то теперь сдѣлалось вещью, нужною только для кабинета антикварія. Мнѣ хотѣлось достать для русскаго геогрфическаго общества однодворческій костюмъ Малоархангельскаго уѣзда, и, не смотря на все мое стараніе, новаго всего костюма я достать не могъ. Даже заказать теперь некому: мастера перевелись; и я долженъ былъ довольствоваться подержанными, поношенными вещами.

О головныхъ уборахъ должно сказать тоже: кички быстро уничтожаются, а дѣвушки.... Я вспомнилъ слова одной однодворки-дѣвушки въ Малоархангельскомъ уѣздѣ; она говорила: »На праздникъ-то и мы принарядимся: мы, дѣвушки, волосы въ плетеночки заплетемъ и косу корзиночкой прикладаемъ; ну, а дамамъ этого нельзя.«

Кичка очень неудобна: я не пожалѣю, если она повсемѣстно замѣнится чѣмъ-нибудь... только не плетеночками, не корзинкой.... А жаль будетъ, ежели въ настоящее время не будутъ описаны всѣ костюмы, употребляемые Русскими. Да и многое скоро пропадаетъ: съ уничтоженіемъ крѣпостного права, распространится грамотность, а съ грамотностію потеряютъ святость прадѣдовскіе обычаи и забудутся народомъ....

Ходаковскій горевалъ, что послѣ московскаго пожара въ двѣнадцатомъ году не были возстановлены въ Москвѣ доисторическія городища, а выстроили опять городъ Москву. Городища, можетъ-быть, и можно бы было возобновить, разрушивши Москву; а старые обычаи, повѣрья, забытые народомъ, нельзя возстановить, хоть бы снова воскресло крѣпостное право, по желанію немногихъ....

Сказавши нѣсколько словъ объ жильѣ, одеждѣ Погарцевъ, надо сказать и объ ихъ языкѣ; не бравши на себя обязанности составлять грамматику ихъ говора, приведу лучше нѣсколько пѣсень, съ удержаніемъ выговора.

1. *Пѣсня, когда сѣютъ конопли.*

Старенькій дѣдька
Па горыду ходя
И арѣ и скародя,
Канапельки сѣя.
Мыладая (¹) малодка
У воротъ стояла,
Гылубовъ зманяла:
Гу́ля, гуля, галубчикъ,
На дѣдовы кано́пли!
Штобъ мнѣ мыладѣ
Кынапель ни брати,
И пасканней не мяти!

2. *Жнивная, поется когда идутъ вечеромъ съ жнива домой.*

У поле идуть,
Икъ (какъ) пчолачки гудуть:
А зъ поля идуть,
Пѣсенки паютъ!
Дѣвки маладыя,
Серпы сталяныя!
Станавите сталы дубавыя,
Наливайтя кубки́ медовыя...

3. *Поется на масляной.*

Надъ нашимъ, надъ горадымъ Погарамъ
Стояли, святили мѣсички чатыри,
Стояли, святили зорички чатыри:
Моладому Самсоньку — красная Марьичка,
Красный Софьюшки — мыладой Иванька!

Самсонько, Марьичка, Софьюшка, Иванъ — имена случайныя: кого величаютъ, тѣхъ имена и поютъ.

(¹) *Молодая, молодка* я не умѣю написать совершенно такъ, какъ произносится: *Молодая* произносится почти какъ *мыладая*, а *молодка* — почти какъ *малодка*.

4. *Хороводная.*

Заплитайся, плетень, заплитайся!
Завивайся, труба залатая!
Заверни, ку́мка красата́я!
Охъ сиръ скраводничакъ!
Патапивъ малыхъ дѣточекъ,
Да не въ сиръ, да не въ ма́сличко,
У сахо́рное яблачко!...

Разплетайся, плетень, разплетайся!
Развивайся, труба залатая!
Разверни, ку́мка залатая!
Охъ сиръ скраводничакъ!
Патапивъ малыхъ дѣточекъ
Да не въ сиръ, да не въ масличко,
У сахо́рное яблачко....

При первомъ куплетѣ этой пѣсни всѣ играющіе заплетаются въ плетень, а при второмъ — разплетаются.

5. *Хороводная.*

Карагодъ великъ, улица мала,
Нѣкуды вѣтру прохолодати,
Жаркому сонцу разгулятися,
Буйному вѣтру разшататися;
А усё за бабами, усё за старыми.
Мритя вы, бабы, мритя вы, старыя,
Па три, па чатыри,
Па семира въ яму,
У вадну суботу,
Штобъ была безъ клапо́ту.
Карагодъ великъ, улица мала;
Нѣкуды вѣтру прохолодати,
Жаркому сонцу разгулятися,
Буйному вѣтру разшататися,
А усё за дѣвками, все за красными!
Идитя вы, дѣвки, идитя вы, красныя,
Па три, па чатыри,
Па семира замужъ
У вадну нидѣлю,
Штобъ люди глядѣли,—
У вадинъ тапо́чикъ,
Падъ адинъ вяночокъ!

Подъ эту пѣсню играющіе бѣгаютъ попарно по улицѣ; передняя пара дѣлаетъ ворота: возьмутся рука за руку, и въ эти ворота всѣ про-

бѣгаютъ; поэтому этотъ хороводъ называютъ »бѣгучимъ«, или по-здѣшнему — *бягучимъ*.

6. *Хороводная.*

Ти чували, ти видали
Маю жену Танку?
»Не чували, не видали
Тваю жану Танку!«
А хоть жа вы не чували, не видали,
Дакъ я самъ бачивъ.
»Хоть жа ты и бачивъ,
Да мы табѣ не дадимъ.«
А я каши наварю,
Сваю жану вазьму.
»А мы кашу паядимъ,
Табѣ жаны пи дадимъ.«
Я пираговъ напеку,
Сваю жану вазьму.
»Мы пираги паядимъ,
Табѣ жаны не дадимъ!«
А я пива наварю,
Сваю жану вазьму!
»А мы пиво попьёмъ, (1)
Табѣ жаны не дадимъ!«
А я камень подпущу,
Сваю жану вазьму.
»А мы камень перебьемъ,
Табѣ жаны не дадимъ.«
А я стрѣлу подпущу,
Сваю жану вазьму.
»А мы стрѣлу переломимъ,
Табѣ жаны не дадимъ.«
А я перстень подпущу,
Сваю жану вазьму.
»Мы перстень на ручку,
Тваю жану якъ сучку!
Гей, жена, да дому:
Дѣти кричать,
Ѣсти хочуть.
А на полыцы
Три паляницы,
То имъ дай,
То имъ дай.

Напѣвы пѣсень есть и малороссійскіе, есть и великорусскіе. С. А. Мееодовъ для меня записалъ нѣсколько напѣвовъ.

(1) Попьемъ, а не пашёмъ.

— Не осталось ли какихъ памятниковъ владычества Литвы въ Погарѣ? спрашивалъ я здѣсь одного горожанина.

— Николаевская церковь была сперва костеломъ, а теперь она передѣлана на православную.

— Остались въ этой церкви какія-нибудь книги, образа изъ стараго костела?

— Нѣтъ, кажется; тамъ только остался Галецкій, который тамъ похороненъ.

— Кто такой этотъ Галецкій?

— Галецкій быль большой воинъ. Я учился у дьякона, онъ тогда еще былъ дьякомъ... мы тогда мели церковь... дьячекъ и уронилъ въ церкви гривенникъ; гривенникъ покатился, да подъ полъ; подняли мостовину и вынули гривенникъ. Такъ я самъ въ ту пору видѣлъ склепъ, гдѣ лежитъ Галецкій. Тутъ же нашли образъ святителя Николая; образокъ небольшой, вершка въ полтора, а вмѣсто рямки—мѣдной блятъ въ полъ-аршина.

— А грамотъ никакихъ не осталось?

— Говорятъ, есть грамота царя Алексѣя Михайловича. Царь той грамотой пожаловалъ Погаръ на вѣки вѣчные быть городомъ.

— Гдѣ былъ сперва городъ?

— Главный городъ сперва былъ на Замковой горѣ; тамъ сперва и замокъ стоялъ.

Замковая гора у самой Судогости, очень крута, и на нее взъѣхать можно только въ одномъ мѣстѣ, и то, какъ мнѣ говорили, здѣсь сдѣлана насыпь, а сперва былъ подъемный мостъ. Эта гора имѣетъ видъ урѣзаннаго конуса. Вершина горы — заросшая всякою дрянью площадь въ нѣсколько саженъ, и на ней теперь одна только яма: стоявшіе здѣсь войска построили себѣ манежъ, который, выходя изъ города, разорили.

— А кладовъ здѣсь близко не находили?

—Близко не находили, отвѣчала бывшая здѣсь хозяйка,—а вотъ сказываютъ, какое было дѣло: стоялъ столбъ, и всѣ знали, что тутъ кладъ лежитъ; и кто-кто ни-приходилъ къ этому столбу отрывать клада! весь столбъ подкопали кругомъ, такъ что весь столбъ подбили, чуть-чуть и столбъ-то держался: а всё клада того никто достать не могъ. Разъ у того столба насъ малецъ (1) монастырскій товаръ (2). »Говорятъ, здѣсь

(1) Мальчикъ. — (2) Скотопромышленники рогатый скотъ называютъ товаромъ.

кладъ лежитъ, думаетъ малецъ, семъ-ко я попытаюсь!...« Солнце было совсѣмъ на закатѣ, малецъ и началъ копать у самой головы (1) — что отъ столба тѣнь. Копнулъ разъ, другой—жерновный камень... малецъ копать еще — золото!..

— А здѣсь кладовъ не находили?

— Нѣтъ, разъ копали подъ фундаментомъ, такъ нашли много платья когда рыли, отвѣчала хозяйка.

— Какое же платье?

— Фартýшки разные....

— Еще разъ тоже рыли, напали на могилу, прибавилъ нашъ собесѣдникъ: такъ въ могилѣ нашли водку; и водка та была желтая,—сперва хоронили всѣхъ покойниковъ съ водкой.

— Въ гробъ клали водку?

— Не знаю, ти въ гробъ клали водку, ти такъ въ могилу. Не могу того вѣрно сказать.

Послѣ какъ-то мы договорились до братщинъ, которыя теперь въ Погарѣ уничтожились.

— Какъ же вы собирали братщину? Кто ее собиралъ? спросилъ я.

— Да кому придется, тотъ ее и собиралъ; сперва собиралъ ее церковный староста, а какъ я былъ церковный староста, такъ я не сталъ собирать самъ, а отдавалъ другимъ.

— Отчего же?

— Да такъ: пьянства много, а церкви прибыли нѣтъ: только и барыши, что попу да конторѣ.

— Какой конторѣ?

— Откупщику: водку покупали у откупщика: нашъ городъ былъ на откупу.

— А попу какой же былъ барышъ?

— Попу съ самого начала надо нести кварту водки святить; ну, и несутъ попу кварту водки да платокъ.

— Какъ же собирали братщину, когда?

— У кого престольный праздникъ, тѣ и собираютъ братщину. Самые простые люди ходили по дворамъ, выпрашивали по гривнѣ, а у богатыхъ — сколько дастъ; деньги отдавали церковному старостѣ. Тотъ покупалъ водки, постѣнки (2), всего, что́ надо...Спросятся у откупщика,

(1) При концѣ тѣни. — (2) Соты меду.

наварятъ мёду, а воскъ что выйдетъ — сдѣлаютъ свѣчу въ церковь... накупятъ всего, а остальныя деньги, что отъ покупки останется, тоже на церковь... Придетъ праздникъ, — ну, всѣ собираются и пьютъ.

— А изъ другого прихода могли приходить?

— Всѣ могли.

— А женщины?

— И бабы ходили.

— А кто не давалъ денегъ въ братщину?

— Кто тамъ разбирать станетъ? Всѣ, кто хочетъ—приходи и пей, сколько хочешь!... Только тамъ на братщинѣ собирались самые простые, а другіе не ходили....

— Считалось неприличнымъ?

— Пьянство было большое!... А тамъ еще на другой, на третій день станутъ свѣчу пропивать!...

— Какъ свѣчу пропивать?

— Купятъ постѣнка, станутъ варить медъ, останется воскъ; изъ того воску сдѣлаютъ свѣчу. Кто нонче собиралъ братщину и если не хочетъ на будущій годъ собирать, тотъ отдаетъ свѣчу тому, кто будетъ на будущій годъ; и свѣчу эту несутъ всѣ, передаютъ охотнику и придаютъ денегъ сколько-нибудь. Ну, и опять пьянство!...

— Гдѣ же собирались братщины?

— Да у кого-нибудь, а больше по братскимъ домамъ.

— А у васъ были братскіе дома?

— И теперь есть; а сперва у всѣхъ были, у швецовъ свой, а у кузнецовъ свой; ну, а теперь одинъ только у швецовъ.

— Большой домъ?

— Нѣтъ, такъ хатка: имъ давали за ихъ братскій домъ тридцать-пять рублей серебромъ только.

— А когда была у васъ послѣдняя братщина?

— Да лѣтъ десять назадъ, а можетъ быть и пятнадцать лѣтъ будетъ, какъ перестали.

— Отчего жъ теперь перестали?

— Да тутъ откупа пошли; сперва водка у насъ была дешевая, а тутъ пошли откупа, водка вздорожала, братщину тѣми деньгами, что сперва обходились, ужъ и не справишься.

— Теперь опять водка подешевѣла?

— Подешевѣла, да всё не прежняя цѣна, да и кому собрать братщину? Не для чего!

28 іюня. Стародубъ.

— Здорово, почтенный! Не проходили здѣсь два молодца? спросилъ меня погарскій мѣщанинъ, когда я, выходя рано поутру изъ Погара, закуривалъ папироску.

— Не замѣтилъ, почтенный.

— Вѣрно, прошли: забѣгалъ въ кузницы—тамъ ихъ нѣтъ... да въ шинкѣ подождутъ.

— А вы куда собрались?

— Идемъ въ Гриневъ: садъ хочемъ скупить.

— Что, какъ нонче сады?

— Плохи, очень плохи! За садъ въ прежніе годы платили 500 р. сер., а нонче за тотъ садъ не знаешь, какъ дать и сто; весна была очень для садовъ дурна: морозы были.

— Много здѣсь садовъ?

— Было много; теперь только стали сады падать: тѣхъ доходовъ отъ садовъ нѣтъ. Бывало, наши погаровцы яблоки возили въ самую Москву; а теперь изъ нашихъ мѣстъ въ Москву ни одного яблока не возятъ: весь яблокъ въ Москвѣ курскій, а нашъ яблокъ здѣсь по нашимъ мѣстамъ весь расходится: дальше ему ходу нѣтъ.

— Отчего же вы перестали возить въ Москву ваши яблоки? Вѣрно, не выгодно?

— Какое невыгодно! Выгодно, да та бѣда, что народъ въ Погарѣ обѣднѣлъ; въ Москву-то и ѣздить стало не кому.

— А, можетъ, есть и другая какая причина, сказалъ я;—но отчего же народъ въ Погарѣ обѣднѣлъ?

— Какъ въ наши времена, другъ, мѣщанину не обѣднѣть?

— Отчего же мѣщанину? Придутъ плохіе времена — и мужикъ, и баринъ, также какъ и мѣщанинъ, обѣднѣетъ...

— Какъ можно мужика съ мѣщаниномъ сравнить! Мужикъ разорится, коли бѣда какая надъ нимъ стрясется; а пройдетъ бѣда, мужику опять справиться можно; а мѣщанинъ безъ всякой бѣды на разоръ идетъ. Мужикъ что? у мужика земля своя есть, и съ податями справиться можно; пришелъ хлѣбу недородъ — разорился; опять таки есть къ чему руки приложить: къ той же землѣ. А мѣщанину гдѣ взять? что у мѣщанина есть? А съ мѣщанина податей больше собирается: съ нашего брата берутъ и подушныя, и городскія, и квартирныя и земскія сборы... и

солдатъ къ тебѣ во дворъ ставятъ, а мало-мальски хата у тебя хороша— офицера поставятъ. Да еще вотъ что тебѣ скажу: чѣмъ ты податями справнѣй, тѣмъ для тебя хуже: ты платишь исправно подати за себя, а я и совсѣмъ не плачу; ты за меня и плати: мою душу на тебя положатъ; твою жъ справку передъ казной тебѣ жъ въ вину ставятъ!... Не слыхалъ ты, любезный, у насъ болтаетъ народъ, что эти порядки скоро у насъ перемѣнятся?

— Нѣтъ, любезный, не слыхалъ.

— А дай-то Господи! А по всему видно, что старымъ порядкамъ не жить долго.

Около обѣдовъ я пришелъ въ Гриневъ, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ этомъ хорошенькомъ мѣстечкѣ, это мужикъ, бѣдно одѣтый, стоявшій безъ шапки передъ какимъ-то лакеемъ или дворовымъ въ картузѣ, сертукѣ, но безъ сапогъ. Мужикъ объ чемъ-то просилъ лакея, низко ему кланялся, и тотъ по видимому начиналъ было уже соглашаться на его просьбу; но, на бѣду мужика, прошла мимо какая-то дѣвка, лакей хлопнулъ ее ок оло спины; дѣвка засмѣялась...

— Послѣ! крикнулъ лакей мужику и пошелъ съ дѣвкой.

— Паночку!.. просилъ мужикъ.

— Сказано послѣ, такъ и послѣ! прокричалъ на ходу лакей, не останавливаясь.

Мужикъ постоялъ нѣсколько, постоялъ, розвелъ руками и тоже пошелъ куда-то.

— Гдѣ, братъ, пообѣдать? спросилъ я его.

— Ступай въ шинокъ.

— А шинокъ гдѣ?

Мужикъ только рукой махнулъ: вѣроятно, ему было не до разговоровъ.

Въ шинкѣ меня встрѣтила Жидовка въ нѣмецкомъ платьѣ, до-нельзя замасленномъ чепцѣ, и до невозможности взъерошенномъ рыжемъ парикѣ.

— Что тебѣ надо? крикнула она на меня не совсѣмъ ласково, подвигаясь къ загородкѣ, за которой стояла водка.

— Нельзя ли, хозяйка, сдѣлать у васъ яичницу? спросилъ я ее вмѣсто отвѣта.

— Отчего же? можно! проговорила она совершенно другимъ голосомъ. — Пожалуй сюда, здѣсь лучше... Только мужики сидятъ...

— Почему жъ вы думаете, что я не мужикъ?

— Какъ же можно! Вы яичницу спрашиваете: стало быть не простой человѣкъ!

Хозяйка юркнула, только мелькнули развивавшіяся на полъ-аршина сзади ленты, теперь неизвѣстно какого цвѣта, но смолоду, вѣроятно, бывшія желтаго; а я вошелъ въ указанную мнѣ комнату, въ которой принимаются не простые люди. Тамъ я нашелъ тоже не простого человѣка— мѣщанина.

— Здраствуйте, почтенный! сказалъ я ему, войдя въ комнату и садясь на лавку.

— Здраствуйте, любезный! Откулича путь держите?

— Иду изъ Погара въ Стародубъ.

— Такъ-съ! А по какимъ такимъ дѣламъ-съ занимаетесь?

— Такъ, по своимъ дѣламъ.

— Вы не живописецъ? Такъ, можетъ, живописью изволите заниматься-съ?

— Да. А васъ откуда Богъ несетъ?

— Мы торгуемъ краснымъ товаромъ.

— По господамъ ѣздите?

— Нѣтъ-съ, больше по мужикамъ.

— Вы съ коробкой ходите?

— Нѣтъ-съ, какъ можно съ коробкой ходить! Мы на лошади, у насъ лошадь есть!... Это такъ какой-нибудь, тотъ точно можетъ ходить пѣшкомъ съ коробкой!..

Въ этомъ шинкѣ такимъ образомъ я получилъ два урока, какъ узнать простого человѣка отъ непростого: кто требуетъ яичницу, тотъ не простой; кто ѣдетъ на лошади, тотъ тоже не простой.

— Почему же вы по господамъ не ѣздите? спросилъ я разносчика.

— Отъ господъ можно пользу получать, часомъ и хорошую пользу; ну, а съ мужичка лучше.

— Да отчего же?

— Какъ-съ можно мужика смѣшать съ бариномъ! съ барина того не возьмешь, что съ мужика!

— Съ мужика больше?

— Какъ можно-съ! Барину я отдамъ платокъ какой за тридцать серебра: больше не выпросишь; а съ мужика я меньше сорока-пяти за тотъ же платокъ и не возьму! Ато и полтину дастъ!...

— Сколько же вы берете барыша на рубль?

— Этого сказать нельзя: мы такъ никогда и не считаемъ, да и сосчитать того дѣло невозможное!

— Какъ же вы цѣну назначаете?

— А такъ, на это у насъ своя привычка есть; безъ привычки и торговать нельзя!

— На сколько жъ вы въ день продаете?

— А это, сколько Богъ дастъ: иной день на семь цѣлковыхъ; ато Богъ поможетъ—и на десять продашь. Это я разсказываю про эту пору, про лѣтнюю; а зимой лучше: зимой продашь и на двадцать-пять, и на тридцать серебромъ случается.

— А сколько жъ вы на себя въ день прохарчите? На себя и на лошадь?

— Это тоже не ровно: иной день рубль серебра, иной полегче выйдетъ денёкъ — и семью гривнами отдѣлаешься... А придется, выпьешь, съ усмѣшкой прибавилъ онъ, выпьешь — и рубля мало!...

— Такъ ежели вы продадите въ день на семь рублей, въ тотъ день вамъ убытокъ?

— Какъ можно въ убытокъ торговать!...

— Да ежели вы много на себя изтратите?

— Такъ что́ жъ съ? Сколько ни изтратилъ, все на товаръ разлагаемъ.

— Сколько бъ ни изтратили?

— Сколько ни изтратишь на себя, сколько отошлешь домой: вѣдь дома жена, дѣти, имъ то же пить-ѣсть надо, домой имъ тоже посылаешь; все на товаръ и разкладываешь.

— Такъ считая, вы берете очень большой процентъ?

— Какой большой!

— Какъ же, продадите на семь рублей...

— Да что же, что на семь-съ? Вы извольте положить: товаръ чего стоитъ; ну положимъ, хоть товаръ хозяину стоитъ четыре рубли, ато и всѣ пять; да лошадь прокормить да на себя изтратишь... такъ и выйдетъ, что барышъ самый пустой: какой-нибудь рубль серебра достанется .. Да когда бъ все на деньги продавали, а то всѣмъ беремъ: и яйцами и перевеслами... правда и то — продаемъ съ барышомъ...

— А вы гдѣ берете товаръ?

— Да такъ, по городамъ.

— Не на фабрикахъ?

— Колибъ на фабрикѣ взять товаръ-съ, я вамъ скажу: безпремѣнно

было бъ выгоднѣй, да только намъ на фабрику къ самому фабриканту и ходу нѣтъ!...

— Это же почему?

— А потому: первое дѣло—какой такой у насъ товаръ есть? Товару у насъ есть у кого на сто, у кого много-много на полтораста рублей... положимъ хоть на всѣ двѣсти, такъ изза такой бездѣлицы ѣхать на фабрику за 500 верстъ и не стоитъ! Это-съ первое дѣло; теперь другое: мы по городамъ кредитъ имѣемъ, такъ въ кредитъ товаръ и беремъ.

— На много берете товару?

— Сколько нужно, столько и возьмемъ-съ; намъ вѣрютъ-съ; а для того намъ вѣрютъ, что мы сами свои дѣла аккуратно ведемъ. Всякій хозяинъ аккуратъ любитъ-съ. Возьму я у хозяина товаръ въ долгъ; продамъ тотъ-съ товаръ, сколько слѣдуетъ хозяину— деньги отдамъ; такъ мнѣ хозяинъ-то послѣ того на сколько хочешъ повѣритъ....

— Ну однако, на сколько же?

— Да вотъ хоть я: послѣдній разъ отдалъ хозяину тридцать рублей, а товару взялъ на пятьдесятъ рублей.

— И каждый разъ вы за товаромъ сами ѣздите къ вашему хозяину въ городъ?

— Какъ можно! хозяинъ самъ выѣзжаетъ съ товаромъ, или высылаетъ съ кѣмъ.

— Такъ и хозяинъ вашъ беретъ само по себѣ барышъ съ этого товара?

— Ато какъ же? беретъ!

— Ну, а хозяину вашему много барыша отъ вашего товара очищается?

— А кто его знаетъ! Намъ про это никакъ-съ невозможно и узнать-то! Только теперь барыши пошли не прежніе!

— Давно жъ стало барышей меньше?

— А вотъ съ самого указа объ волѣ.

— Это жъ отчего?

— Отчего! Сперва народъ зануженный; другой во весь вѣкъ-то въ деревнѣ просидѣлъ за барской работой; а какъ вышла воля, — имъ и повольготнѣе стало, отпустило имъ-то; то тотъ, то тотъ въ городъ съѣздитъ, продастъ что, да въ городѣ, что нужно изънашего товару, въ городѣ и купитъ.

— У васъ стали меньше покупать?

— Нѣтъ, и у насъ стали больше покупать.

— Отчего же у васъ барышей меньше? спросилъ я, понимая, въ чемъ дѣло.

— Мужики стали цѣну разбирать... больше въ цѣнѣ толку знать.

— Неужели же такъ скоро и цѣну узнали товарамъ? кажется, еще недавно и указъ объ волѣ вышелъ?

— Цѣны-то настоящей они хоть не узнали, да все въ городѣ берутъ по городской цѣнѣ. Ато другіе мужики берутъ товаръ, сами продаютъ... ну, да это, Богъ дастъ, не надолго!...

— Почему же не надолго?

— Просить будемъ, чтобъ мужикамъ запретить торговать, а чтобъ торговать однимъ мѣщанамъ.

— Ну, а какъ васъ не послушаютъ?

— Послушаютъ безпремѣнно: въ Орлѣ сходка объ этомъ была: на сходкѣ и порѣшили: просить, чтобъ мужикамъ запретили торговать, а питались бы они своей землей.

— Ежели же и сходки вашей не послушаютъ, тогда же что?

— Какъ сходки не послушаютъ! Мужики и теперь отъ насъ, отъ мѣщанъ, прячутся.

— Что жъ имъ прятаться?

— Какъ что? а поймалъ да къ становому!..

— Ну, а становой что?

— Становой что хочетъ, то и сдѣлаетъ... и ничего не сдѣлаетъ, да мужику-то къ становому въ гости не хочется....

Привычная къ гоньбѣ хозяйка-Жидовка, пока мы толковали, приготовила мнѣ пообѣдать. Не успѣлъ я съѣсть своей яичницы, какъ вошелъ ко мнѣ сперва Жидъ-шинкарь, потомъ хозяйка съ дочкой или невѣсткой, замужней Жидовкой лѣтъ 12 — 13. Хозяинъ обратился ко мнѣ съ просьбой списать портретъ со всего его семейства. Я отговорился отъ этой чести; но настоящимъ, заправскимъ живописцамъ хорошо бы было нарисовать молодую Жидовку для патологическаго кабинета: такого изнеможеннаго лица, такого неподвижно-тупого взгляда, такой видимой вонючести во всемъ — не скоро встрѣтишь, развѣ только вы еще увидите мальчика монастырскаго служку. Говорятъ, что у Жидовъ это происходитъ отъ ранняго брака; у монастырскихъ служекъ, вѣроятно, отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ.

Изъ Гринева въ попутчики мнѣ Богъ послалъ стараго козака ры-

бака, который гдѣ-то здѣсь взялъ на откупъ озеро, какъ онъ называетъ, или прудъ по-нашему.

— У насъ все называютъ озеромъ, говорилъ козакъ; — въ другихъ мѣстахъ называютъ прудомъ, ато ставомъ; а у насъ все зовутъ озеромъ; только въ бумагахъ писать не позволено — озеро, а пиши — прудъ. Тутъ дѣло было по судамъ. Одинъ говоритъ: тотъ-то, такой-то завладѣлъ моимъ озеромъ. А другой пишетъ: что озера никакого тутъ нѣтъ, да и не было никогда. Пріѣхалъ судъ, суду денегъ отсыпали, судъ и говоритъ, что тотъ-то, чей прудъ, виноватъ, пустова проситъ: никакого озера тутъ нѣтъ, да такого озера никогда и не было!..

Въ это время небольшая змѣйка, испуганная нами, быстро переползла съ дороги на лугъ.

— Э! кажись гадюка-то ползучая! крикнулъ мой старый козакъ.

— Какая ползучая?

— Видишь: гадюка-то ползаетъ.

— Кажется, всѣ гадюки ползаютъ?

— Нѣтъ, есть, что и не ползаютъ, отвѣчалъ козакъ. Ты знаешь, сколько стай ихъ бываетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Гадюка шести стай бываетъ: стая гаевая, стая гноевая, еще ползучая, летучая; еще подколодная да серёновая.

— И ты всѣ стаи видалъ?

— Нѣтъ не всѣ; а летучую видѣлъ.

— Какая же летучая гадюка?

— Летучая гадюка все равно, какъ щука, только съ крылушками съ красными.

— Гдѣ же ты видѣлъ летучую гадюку?

— А это иду разъ я лѣсомъ, а летучая гадюка и летитъ: сама какъ щука, крылья красныя, какъ бумажныя, и языкъ высунула, какъ копье красное.... Такая страшная, что не приведи, Господи!

— А серёновая какая?

— Серёновой я самъ не видалъ; серёновая гадюка больше бываетъ, какъ серенъ покажется.

— Какой серенъ?

— Серенъ по-нашему называется: великимъ постомъ бываетъ снѣгъ, сверху днемъ разстаетъ, а ночью опять замерзнетъ; вотъ это по нашему и называется — серенъ.

— Какъ же узнать серёновую гадюку?

— Серёновую-то? Тутъ какъ не узнать! Съ серёновой гадюкой не дай Богъ и встрѣтиться!

— Отчего же?

— Самая страшная гадюка эта серёновая: по серену ползетъ — серенъ таетъ, по травѣ ползетъ — трава горитъ!... Коли тебя увидитъ серёновая гадюка, отъ той не убѣжишь!...

— Ну, а кто-нибудь видалъ серёновую гадюку? спросилъ я.

— Какъ, чай, не видать! Никто бы не видалъ ту гадюку, никто бы и не зналъ, что она на свѣтѣ есть....

— Какихъ же гадюкъ у васъ больше?

— Летучую я только разъ всего видѣлъ, серёновой — совсѣмъ не видалъ; а другихъ видишь зачастую.

— Какую же чаще?

— А тѣ все равно: то самъ увидишь, то услышишь: тамъ скотину попортила, а тамъ человѣка укусила.

— А случалось, что отъ гадюки люди или скотъ умирали?

— Нѣтъ, я не видалъ самъ, а какъ, чай, не бывать? Да и люди говорятъ, что бывало.

— Отчего же у васъ никто не умиралъ отъ гадюки?

— Мы лечимся: сей-часъ, какъ укуситъ гадюка, сейчасъ и бѣжишь ти къ знáхорю, ти къ знáхоркѣ, — тѣ и лечутъ.

— Много у васъ знахорей?

— Безъ нихъ бы совсѣмъ пропали: городскóй лекарь не вылечитъ.

— Знахори чѣмъ же лечутъ?

— Знахори больше наговариваютъ, ато и лекарства у нихъ свои бываютъ.

— Ты не знаешь этихъ лекарствъ?

— Одно лекарство у нихъ у всѣхъ: надо найдти три свѣжихъ могилы, взять земли съ тѣхъ могилъ, прикладывать — дѣлаетъ пользу... только безъ наговору мало помогаетъ и могильная земля.

— А ты не знаешь наговоровъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А видалъ, какъ лечутъ?

— Какъ не видать! Укуситъ гадюка, опухъ пойдетъ; знахорь поставитъ тебя противъ себѣ, да и станетъ отчитывать,— опухъ и пройдетъ. Только не всякій знахорь всякую гадюку отчитаетъ... Пошелъ у насъ мужикъ на могилки, видитъ на тѣхъ могилкахъ ягоды ростутъ, онъ и

сталъ рвать тѣ ягоды; рветъ онъ тѣ ягоды, а гадюка выползи изъ могилки, да и укуси его за палецъ... Палецъ и опу́хъ, а тамъ о́пухъ пошелъ по всей рукѣ... всю руку такъ и рветъ!... Мужикъ побѣжалъ къ знахоркѣ; знахорка стала отчитывать,—рвать перестало, а опухъ не проходитъ. Мужикъ пошелъ къ другому знахорю; сталъ знахорь отчитывать тотъ о́пухъ, — о́пухъ-то больше пошелъ, да еще и рвать опять стало. Тотъ мужикъ кинулся къ третьему знахорю. Какъ тотъ вошелъ къ этому знахорю: »Ты, говоритъ ему знахорь, ты охочъ до ягодокъ; сладки на могилахъ ягодки? Тебѣ, говоритъ, отчитали, да зуба той гадюки не вычитали; надо зубъ вычитать.« — Пошелъ знахорь съ тѣмъ мужикомъ на могилки, гдѣ ягоды мужикъ бралъ; сталъ знахорь ту гадюку звать, что мужика укусила за палецъ, и ползетъ та гадюка: такъ маленькая, побольше пальца. — »Эта, говоритъ знахорь, гадюка тебя укусила; эта гадюка всѣмъ старшая; ну, да мы съ ней справимся!« — Пошелъ знахорь съ мужикомъ домой и гадюку съ собой кликнулъ, и та гадюка ползетъ за нимъ!... Пришли они къ знахорю всѣ втроемъ: знахорь, мужикъ да гадюка та; и сталъ знахорь гадюку допытывать.... Ужъ онъ мучилъ ее, мучилъ....

— Какъ: билъ?

— Нѣтъ, однимъ наговоромъ!... Мучилъ гадюку, да и отпустилъ домой, а мужику говоритъ: »Ты приходи завтра, завтра и дѣло сдѣлаю.« Пришелъ назавтра опять мужикъ къ знахорю.... Такъ что жъ ты думаешь! Зубъ-то той гадюки у того мужика сквозь все тѣло прошелъ!

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: гадюка укусила мужика за палецъ, а какъ сталъ знахорь отчитывать, зубъ-то вышелъ въ ногу!

— А ты видѣлъ этотъ зубъ?

— Самъ видѣлъ! да не я одинъ видѣлъ, всѣ видѣли: мужикъ тотъ зубъ домой принесъ.

— Какой же зубъ?

— А такъ какъ конопляное зернушко: съ виду и не узнаешь, что зубъ гадюки!...

— Пробовали вы раздавить этотъ зубъ? Можетъ быть, и заправское было конопляное зернушко?

— Какъ можно раздави́ть! Не то, что зубъ, а самоё гадюку раздавишь—большая вреда бываетъ. Я былъ такъ еще небольшой малецъ. Слышу я, что у гадюки ноги подъ кожей. Убилъ я гадюку, да и зачалъ

ее лупить, съ нее кожу драть... сало-то съ гадюки и потекло по рукамъ все равно, какъ олея.... Доискивался я ногъ у гадюки.... Увидалъ отецъ, прибѣжалъ, меня за чубъ, гадюку закинулъ.... Что жъ ты думаешь? Руки всѣ покраснѣли, свербятъ! Недѣли три знахорка отчитывала, насилу отчитала!...

— А, можетъ быть, и такъ, безъ всякаго отчитыванія бы прошло само?...

— Куда пройти!... У насъ мужикъ нашелъ поросную гадюку, да какъ хватитъ ее дубиной, а та какъ брызнетъ ему передъ смертію на губу... вотъ третій годъ отчитать никакъ не могутъ....

— Что жъ, болитъ?

— Нѣтъ, болѣть не болитъ, только красно, свербитъ да мокнетъ. Подсохнетъ мало; это сойдетъ, да опять станетъ мокнуть; просто — на народъ стыдно показаться съ той губой!...

— Да онъ бы въ городъ къ лекарю сходилъ.

— Въ городѣ не помогутъ. Знахорка — какъ можно! знахорка лучше. Одному мужику ужъ въ ротъ влѣзъ; такъ тотъ ѣздилъ, ѣздилъ по городскимъ лекарямъ, а всё толку никакого не было!...

— А знахорка помогла?

— Знахорки помогли.

— Да, можетъ быть, и ужъ ему въ ротъ никогда не влазивалъ?

— Вотъ и городскіе лекаря то же говорили; а какой не влазивалъ, когда самъ онъ своими глазами видѣлъ? Спитъ онъ, разинувши ротъ; только слышитъ онъ: ужъ ему въ горло ползетъ; тотъ проснулся, а ужъ только хвостикомъ вильнулъ, весь уже къ нему вползъ!...

— Какая же у того мужика болѣзнь была?

— А такъ: боленъ ничѣмъ не боленъ, а такъ: великая тоска нападаетъ.

— Тебѣ далеко идти со мной по одной дорогѣ? спросилъ я послѣ небольшого молчанія.

— Нѣтъ, не далеко; да тебѣ всё одна дорога — Царева.

— Какая Царева?

— А эта самая Царева дорога и есть, по которой мы съ тобою идемъ.

— Откуда жъ начинается Царева дорога?

— Начинается Царева дорога отъ самой отъ Дмитровки (1) и идетъ до самого Стародуба.

---

(1) Т. е. городъ Дмитровскъ Орловской губерніи.

— Отчего же она прозывается Царевой?

— Да кто ее знаетъ! Разно народъ болтаетъ: одни говорятъ, что когда царь Петръ на Литву подъ Полтаву ходилъ, такъ здѣсь приказалъ дорогу проложить. Тогда здѣсь всё лѣса были; Петру царю нельзя было свою армію здѣсь вести по лѣсамъ да по болотамъ; царь и приказалъ просѣки прорубить, мосты помостить... Оттого, говорятъ, и дорога прозывается Царевой. А другіе болтаютъ, что за Трубчевскомъ былъ царскій винокуренный заводъ; такъ говорятъ, отъ того завода дорога стала царской; кто ее знаетъ!... Ну, братъ, прощай! мнѣ вправо надо, авось успѣю къ утру Жидамъ рыбки наловить.

— Ты для Жидовъ ловишь?

— Не то, что для однихъ Жидовъ, да кромѣ Жидовъ рыбы-то никто и не покупаетъ; ну, а Жидъ безъ рыбы не дыхнетъ!...

— Дай Богъ часъ побольше наловить!

— Дай Богъ и тебѣ путь дорогу, отвѣчалъ онъ мнѣ, и мы разстались.

Дорога Царева отличается отъ другихъ обыкновенныхъ большихъ дорогъ во-первыхъ тѣмъ, что по Царевой дорогѣ вы почти не видите проѣзжающихъ, взамѣнъ которыхъ вы видите лѣсъ, растущій на дорогѣ; во-вторыхъ — изобиліемъ верстовыхъ столбовъ: ежели вы пройдете десятки верстъ и не увидите ни одного столба, — не огорчайтесь: придетъ другой десятокъ верстъ и все наверстаетъ: на каждой верстѣ стоитъ двѣ версты; рядушкомъ одна верста старой формы, другая новой; и въ-третьихъ — безлюдьемъ.

— Что, будутъ до Стародуба деревни? спросилъ я встрѣтившуюся бабу, когда мнѣ достаточно надоѣло это безлюдье.

— Да подъ Стародубомъ будетъ Мериновка, отвѣчала та мнѣ.

— А до Мериновки не будетъ-жилья?

— Не будетъ.

— Да вонъ, кажется, дымокъ изза лѣсу; тамъ кто нибудь живетъ?

— Да тамъ никого не живетъ.

— Отчего же дымъ?

— Да тамъ Жидова живетъ.

— Развѣ Жидова не люди? сказалъ я и отправился къ Жидовѣ.

Жидъ — шинкарь и красильщикъ; стало быть, человѣкъ для всѣхъ нужный; но вы удивитесь, видя обращеніе съ нимъ народа: это не пренебреженіе, тѣмъ менѣе не ненависть, но что-то такое, чего я выразить не могу. Народъ здѣшній смотритъ на Жидову, какъ на животное. Ежели

мужикъ проситъ въ долгъ горѣлки, то далеко не унижается; а между собою о нихъ и при нихъ говоритъ, не стѣсняясь никакими выраженіями и вполнѣ выражая свое объ нихъ понятіе. Мнѣ ни въ одномъ кабакѣ не случалось слышать такихъ разсказовъ при женщинѣ, будь она Московка или Малороссіянка, какіе вы услышите при женщинахъ-Жидовкахъ, даже въ трезвомъ видѣ.

Передъ вечеромъ я пришелъ въ Стародубъ.

Павелъ Якушкинъ.

ІУДЕЯМЪ.

Намъ запрещаютъ употреблять названіе *Жидъ:* нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ мы по простотѣ сердца такъ называли съ незапамятныхъ временъ, оскорбляются этимъ. Трудно заставить Малороссіянъ вообще оставить названіе, которое вошло въ привычку, но что́ касается до меня, то я стану употреблять названіе, которое до сихъ поръ у насъ было въ обычаѣ только въ высокомъ слогѣ. Надѣемся, что этимъ не только не оскорбятся, но примутъ его съ такою же охотою, съ какою мы имъ предлагаемъ его. Это названіе — Іудеи. Слово *Жидъ*, съ древнѣйшихъ временъ общеупотребительное у Славянскихъ племенъ, принятое, быть можетъ, изъ Италіи (Giudeo), однозначительно со словомъ *Іудей*, но не однозначительно со словомъ *Еврей*, которымъ велятъ намъ называть ихъ. Въ этомъ мы не согласны съ г. редакторомъ *Основы* (VI, 137). Іудеи — видовое, Евреи — родовое названіе; это все равно, что названіе Русскіе и Малоруссы, или Бѣлоруссы. Всѣ Іудеи — Евреи, но были Евреи не Іудеи; а тѣ Евреи, съ которыми мы имѣемъ теперь дѣло, — Іудеи. Итакъ, кажется, мы угодимъ вполнѣ и тѣмъ, для которыхъ слово *Жидъ* пахнетъ чѣмъ-то непріязненнымъ, и своему хохлацкому упрямству, чтобы насъ не заставляли называть народъ такъ, какъ мы его никогда не называли.

У насъ возникъ ужасный споръ съ Іудеями. Что́ же это за споръ? Ужъ не продолженіе ли того, который въ XVII вѣкѣ велъ противъ нихъ нашъ знаменитый Голятовскій въ своемъ »Мессіи Праведномъ«, побуждая дѣлать Жидамъ всякія пакости за то, что будто бы они дѣлаютъ пакости христіанамъ? Ничуть не бывало. Этотъ споръ начался съ названія. Это споръ, напоминающій знаменитую ссору Ивана Ивановича съ Ива

номъ Никифоровичемъ. Что же дѣлать? вѣдь ничтожное, повидимому, названіе *гусакъ* довело же до взаимныхъ обвиненій въ ехидныхъ и въ ужасъ приводящихъ поступкахъ, и до страшнаго прикосновенія къ дѣлу бурой свиньи! Подобно тому и споръ Іудеевъ съ Малоруссами начинаетъ разрастаться до исполинскихъ размѣровъ. Уже названіе осталось назади; враждебныя стороны готовы перенести свою войну на поле исторіи и статистики; но и за Іудеевъ возстаетъ на насъ вся литературная Великороссія. Враговъ у насъ много, враги сильны. Но дѣлать нечего, убѣжать постыдно, и *громады* бросать не подобаетъ. Такъ или иначе, а придется, по выраженію Богдана Хмельницкаго, »безъ найменшого откладу, всѣ настоящіе господарскіе дѣла и жнива оставивши, зъ добрымъ риштункомъ военнымъ въ совокупленіе войсковое прибувати и на хвалебномъ пляцу военномъ умѣрати и страдалческій, при своей истинѣ и оборонѣ, вѣнець пріяти.«

Съ чего склалась колотня, кто началъ? Іудеи. *Основа*, занимаясь своими господарскими дѣлами, коснулась какъ-то Іудеевъ и назвала ихъ Жидами, то есть назвала такъ, какъ называютъ ихъ милліоны Русскаго народа, не зная ни Еврея, ни Іудея. За это кто-то, подписавшійся П—въ, написалъ къ редактору укорительное письмо: »какъ де смѣютъ называть Евреевъ Жидами, когда *это имя сдѣлалось нарицательнымъ словомъ вообще всякого плута и мошенника — все равно, былъ ли онъ Еврейскаго, католическаго или православнаго исповѣданія!*« По доводамъ г. П—ва, это значитъ, что *Основа хочетъ пробудить средневѣковую вражду, возвратить свой народъ ко временамъ Богдана*. Г. П—въ спрашиваетъ г. редактора *Основы*: »доставитъ ли ему душевное удовольствіе, когда разъяренная чернь проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ несчастныхъ жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безвинно прольется на Украинѣ?« Въ добавокъ г. П—въ присовокупилъ, что только вѣра въ благородство цѣлей и стремленій редактора побуждаетъ его просить письменно, а не печатно, не гласно, не употреблять гнусныхъ выраженій, принятыхъ журналомъ, и замѣнить ихъ національнымъ именемъ.

Очевидно, что г. П—въ страдаетъ невообразимою трусостію, когда употребленіе обычнаго въ народѣ названія могло пугать его видѣніемъ гайдамацкихъ ножей? Судя по себѣ, онъ и въ редакторѣ *Основы* предполагаетъ подобную трусость. Но ошибся: редакторъ напечаталъ его письмо вмѣстѣ съ своимъ отвѣтомъ.

Требованіе г. П—ва было очень странно, претензія его до крайно-

сти наивны. Іудей сознавалъ самъ, что названіе, бывшее у насъ много вѣковъ собственнымъ названіемъ народа, сдѣлалось нарицательнымъ словомъ вообще всякаго плута и мошенника. Что же намъ дѣлать? Тѣмъ хуже для Іудеевъ, но пособить этому не въ нашихъ силахъ. Редакторъ *Основы*, по нашему убѣжденію, отвѣчалъ то, что слѣдовало, именно: что слово *Жидъ* есть собственное имя, употребительное для этого народа съ незапамятныхъ временъ, и само по себѣ не заключаетъ браннаго, оскорбительнаго смысла; что презрительный и невыродный взглядъ на Жидовъ въ народѣ не происходитъ отъ слова *Жидъ*, а отъ историческихъ причинъ; и привелъ при этомъ народную думу, гдѣ изображаются тѣ утѣсненія, какія нѣкогда Украинскій народъ терпѣлъ отъ Жидовъ-орандарей, находившихся подъ покровительствомъ польскихъ пановъ. Очень кстати было привести эту думу: редакторъ *Основы* отстранялъ отъ себя все, что могъ бы сказать непріятнаго для Іудейскаго племени, а заставилъ говорить самъ народъ. Въ заключеніе редакторъ сказалъ: »До-сихъ-поръ Еврейское племя живетъ особнякомъ среди Южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ, не рѣдко дѣйствуютъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или — что еще хуже — стремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаимное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отношеній — вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ посвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Вмѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое самолюбіе, внимательно и безпристрастно изслѣдовать зло во всѣхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и средства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга, — а пониманіе есть начало примиренія.«

Мы нарочно выписали эти слова, потому что на нихъ-то впослѣдствіи посыпались обвиненія. Послѣдній періодъ, начиная со словъ: »взаимное сближеніе«, показываетъ, что редакторъ вовсе не проповѣдникъ вражды къ Іудеямъ, и слѣдовательно съ этой стороны не честно будетъ нападать на него. Остается то, что стоитъ передъ этимъ: т. е. взглядъ редактора на современныя и на прошедшія отношенія Малороссіи къ Іудеямъ. Здѣсь редакторъ можетъ быть неправымъ: онъ говоритъ, что Іудеи не сдѣлали

ни шага къ сближенію съ Малороссійскимъ народомъ; но тѣ, которымъ это не нравится, пусть представятъ факты Іудейскихъ стремленій къ сближенію съ Малороссійскимъ народомъ. И если факты эти будутъ убѣдительны, то мы надѣемся въ редакторѣ видѣть достаточно благородства, чтобы сознаться въ прежней ошибочности своего взгляда; такъ точно, какъ въ подтвержденіе словъ: »нерѣдко дѣйствуютъ противно духу и пользамъ нашего народа«, редакторъ могъ бы привести хоть такой подтвердительный фактъ:

Въ городѣ Радомыслѣ Кіевской губерніи полиція получила свѣдѣніе, что мѣстные мясники Евреи, вмѣсто баранины, продаютъ дохлыхъ собакъ; поэтому 16 ноября вечеромъ осмотрѣны были мясныя лавки, и въ одной изъ нихъ найдены три убитыя собаки, съ которыхъ Евреи снимали кожу. Лавка была немедленно запечатана и къ ней приставленъ карауль; но когда на слѣдующее утро полиція прибыла съ понятыми и медикомъ для составленія акта, то въ лавкѣ вмѣсто собакъ найдена свѣжая говядина самаго лучшаго сорта; между тѣмъ печати, приложенныя наканунѣ къ дверямъ лавки, не были повреждены (*С.П.Б.Вѣд.* 1862 года, № 8).

Также точно слѣдовало фактами опровергнуть мысль, что для націи вредно существованіе посреди ея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбѣ. Признаемся, мы сами первые въ этомъ отношеніи не согласны съ г. редакторомъ *Основы*, и намъ кажется, что онъ сказалъ не то, что̀ хотѣлъ сказать, тѣмъ болѣе, что съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на Евреевъ, они не были равнодушны къ Малоруссамъ и не держали себя всторонѣ: даже дума, приведенная редакторомъ, говоритъ совсѣмъ не то объ этомъ народѣ. Какъ бы то ни было, съ редакторомъ можно было спорить, не соглашаться, но никакъ нельзя было его упрекать нравственно во враждѣ къ Еврейскому племени и въ исключительной національности, не терпящей сближенія съ другими, коль скоро онъ заявляетъ желаніе этого сближенія.

Не такъ поступилъ *Сіонъ*, іудейскій журналъ, помѣстивши въ 10 № 1861 года статью *Основы* и вопросъ о національностяхъ. Соглашаясь съ редакторомъ *Основы*, что слово *Жидъ* дѣйствительно не имѣетъ ничего оскорбительнаго,—изъ словъ редактора, что »для націи вредно существованіе другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ«, *Сіонъ* выводитъ, что тутъ проповѣдуется истребленіе и изгнаніе такихъ народностей, вспоминаетъ инквизицію, времена варварства и феодализма; тогда какъ все, что̀ высказалъ редак-

торъ *Основы* о необходимости сближенія между Южноруссами и Евреями, ясно охраняетъ его отъ такихъ недостойныхъ намековъ. Считать вреднымъ пребываніе хотя бы Іудейскаго племени на своей родинѣ не значитъ еще проповѣдывать ихъ истребленіе или изгнаніе. Вредъ этотъ можно желать исправить болѣе гуманными, мирными средствами, на какія и указываетъ редакторъ въ общихъ мѣстахъ. По нашему мнѣнію, редактора можно было обвинить за неточность и общность выраженій. Редакторъ виноватъ въ томъ, что хотѣлъ выразиться слишкомъ мягко объ Іудеяхъ, и попалъ въ ошибку. Мы пишемъ теперь смѣло то, что́ думаемъ объ этомъ, и пусть пожалуй Іудеи поднимутъ на насъ такой же всеобщій протестъ всей русской литературы, какъ на *Иллюстрацію*. Народность, которая только равнодушна къ благу страны, гдѣ живетъ, и держитъ себя всторонѣ, поэтому одному не можетъ считаться вредною: у насъ въ городахъ живутъ ремесленники и торговцы Нѣмцы, Французы, Греки, Татары и проч. Мы не можемъ видѣть въ этомъ ничего дурного, а правду сказать — они по большей части и очень равнодушны къ благу нашей страны. Народность чуждая, живущая посреди господствующаго по массѣ туземнаго населенія, бываетъ вредна тогда, когда пользуясь обстоятельствами этой страны, захватываетъ въ свои руки исключительно какую-нибудь вѣтвь общественной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ свои особыя цѣли и стремленія.

Такими дѣйствительно были у насъ Іудеи. Въ Польскомъ мірѣ, котораго основанія сохранялись и до позднѣйшихъ временъ, благодаря крѣпостному праву, народъ, порабощенный панству, могъ только черезъ промыслы, ремесла и торговлю возвышаться и противодѣйствовать сколько-нибудь роковой судьбѣ, постоянно осаживавшей его все глубже и глубже въ печальную яму безправія и страдательнаго терпѣнія. Такъ дѣйствительно и было на западѣ, гдѣ среднее сословіе поставило оплотъ произволу бароновъ, и хотя всё-таки не вывезло съ собою разомъ всего низшаго класса, но покрайней мѣрѣ дѣйствовало постепенно на этотъ классъ и послужило на будущее время горниломъ народной самобытной цивилизаціи, дѣйствовавшей на развитіе равноправія. Въ Польшѣ и Малороссіи эта роль не досталась народу: ее заняли Іудеи, народъ, который, по своей древней исторически развитой природѣ, не могъ дѣйствовать иначе, какъ для собственныхъ, отдѣльныхъ отъ туземцевъ цѣлей. Что́ бы ни говорили Іудейскіе патріоты о гуманности и общечеловѣчности Евреевъ, какіе бы ни приводили отрадные факты изъ сочиненій своихъ раввиновъ, но все это не болѣе какъ второстепенныя явленія еврей-

ской мыслительности, а не духъ іудейства. Довольно знать »Ветхій Завѣтъ« , чтобъ видѣть, что Іудеи во всѣ времена, пока оставались истыми Евреями, должны были пребывать изолированными отъ другихъ племенъ, почитать себя единымъ избраннымъ отъ Бога народомъ. Въ длинный періодъ своего изгнанія, Евреи питались и питаются надеждою возрожденія и пришествія Мессіи; а эта эпоха представляется въ воображеніи ихъ эпохою власти и могущества надъ всѣми племенами земными. Буквально принимаемыя мѣста ветхаго закона (въ христіанской церкви понимаемыя въ высшемъ, духовномъ смыслѣ) прямо указываютъ имъ на это. Страна, гдѣ живутъ они, не есть ихъ отечество: оно у нихъ впереди, оно откроется имъ тогда, когда совершится обѣтованіе Мессіи, а то, что временно соединяетъ ихъ на земли, есть Іудейское племя. Такимъ образомъ вся дѣятельность истиннаго Іудея должна быть посвящена исключительно пользамъ своего племени. Живучи среди иновѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, Іудеи не смѣшивались съ ними и искали среди нихъ только средствъ собственной выгоды, хотя бы она сопряжена была и съ невыгодою чуждаго имъ населенія. Сама библія научаетъ ихъ обращать благосостояніе края, гдѣ живутъ, на исключительное свое благосостояніе: »богатства языкъ снѣси« , говоритъ имъ пророческое обѣтованіе. Слова нѣтъ: Евреи народъ вообще чрезвычайно способный и умный, содѣйствовавшій развитію человѣческой образованности въ большей степени, чѣмъ сколько намъ представляетъ до сихъ поръ историческая наука. Важный вопросъ этотъ еще впереди для разрѣшенія; но несомнѣнно и то, что они же ему и препятствовали, когда дѣло касалось вопросовъ болѣе широкихъ, вызывавшихъ новыя силы изъ нѣдръ подавленныхъ вѣками массъ; ибо Іудеи всегда обращались съ своими стремленіями на ближайшую практическую дорогу, ведущую прямѣе къ удовлетворенію ихъ народныхъ цѣлей, а эта дорога была всегда дорога угожденій существующей силѣ,—хотя бы и несправедливому произволу. Такимъ образомъ, когда Іудеи разселились въ Польшѣ и Малороссіи, они заняли мѣсто средняго сословія, сдѣлались вольными слугами и агентами могучаго панства: они прильнули къ сильнѣйшей сторонѣ, и было имъ очень хорошо, пока народъ, возставши противъ панства, не подвергъ своему осужденію и помощниковъ послѣдняго. Іудеи, имѣя въ виду только свои и своего племени выгоды, стали извлекать ихъ изъ тѣхъ отношеній, какія образовались между панствомъ и хлопствомъ. Такимъ образомъ Іудей сталъ fac-totum пана; панъ довѣрилъ ему всѣ свои доходы, свои шинки, мельницы, заводы, или свои

имѣнія и своихъ подданныхъ, даже иногда и вѣру послѣднихъ, когда она, въ глазахъ его фанатизма, перестала имѣть святость. Іудей почиталъ себя дѣйствующимъ справедливо и законно, ибо законъ былъ то, что́ было угодно сильному классу, правившему страною. Козаки, возставши противъ панства, истребляли Іудеевъ безчеловѣчно. Безъ сомнѣнія, кромѣ поводовъ, вытекавшихъ изъ общественныхъ и административныхъ условій страны, примѣшивался къ этому несчастный христіанскій фанатизмъ; но и то несомнѣнно, что въ Южнорусскомъ народѣ одинъ этотъ фанатизмъ не произвелъ бы такихъ печальныхъ явленій, все равно какъ одна религіозная привязанность къ православію не ополчила бы народъ и на католичество. Этотъ народъ дружилъ же съ Татарами-мусульманами и шолъ съ ними на Поляковъ, дружилъ онъ и съ Поляками, пока Поляки не вывели его изъ терпѣнія. Прислушиваясь къ сужденіямъ Южноруссовъ объ Іудеяхъ, мы не разъ имѣли случай замѣтить, что они рѣдко и мало смотрятъ на послѣднихъ недружелюбно съ религіозной точки. Іудей для Украинца немилъ потому, что онъ считаетъ послѣдняго способнымъ его обмануть, воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ для своихъ выгодъ, прижать его, если будетъ случай. Въ іудействѣ вообще для Южнорусса есть что-то, если не враждебное, не постоянно тяготѣющее, то холодное, безчувственное къ его состоянію, прозябающее въ его средѣ только для себя, проходящее по одной съ нимъ жизненной дорогѣ, но къ другимъ цѣлямъ. Онъ знаетъ, что Іудей всегда ему посторонній: высѣчетъ ли его экономъ — Іудей не почтитъ сочувствіемъ его раны; возьмутъ ли у него дочь на растлѣніе, — Іудей посмѣется надъ его горемъ, а можетъ быть и самъ поможетъ его совершенію; повезутъ ли его сына въ рекруты — Іудей не раздѣлитъ съ нимъ семейнаго горя; неурожай ли у него, пожаръ ли — Іудей не пожалѣетъ объ этомъ, если не увидитъ, что бѣдствія эти простираются на него самого. Нѣтъ у него съ Іудеемъ ни дружеской бесѣды, ни общей трапезы; поселянинъ обращается къ нему только тогда, когда есть нужда и притомъ зная, что Іудей будетъ наблюдать одну свою пользу. Іудеи — надобно честь имъ отдать — часто люди въ сущности очень нравственные, хорошіе отцы семейства, не затруднятся пользоваться какъ угодно безнравственностію Южнорусса. На лицѣ этого народа Южноруссы будутъ видѣть начертанную холодною рукою судьбы надпись: »я самъ по себѣ, ты самъ по себѣ«. Между тѣмъ такого отношенія нѣтъ у нихъ положительно ни съ какимъ другимъ народомъ. Всѣ другіе иноземцы, если и стоятъ въ особности отъ народа, то по раз-

ности пріемовъ жизни и болѣе по языку, а не по принципу отдѣленія. Они равнодушны къ вопросамъ національнымъ, но это равнодушіе часто стирается и дѣлается незамѣтнымъ въ частныхъ отношеніяхъ. Напримѣръ, нельзя сказать вообще, чтобъ между Нѣмцами и Русскими была большая симпатія, если принимать массу тѣхъ и другихъ; но въ отдѣльности стóитъ только Нѣмцу знать по-русски и русскому по-нѣмецки и нѣсколько сходиться въ нравахъ и понятіяхъ, и между ними можетъ быть даже дружба. И въ самомъ дѣлѣ нерѣдко случается, что Русскій, по принципу и разнымъ взглядамъ нерасположенный къ положенію Нѣмцевъ въ Россіи, имѣетъ у себя искреннихъ друзей между Нѣмцами. Признаемся, намъ не случалось видѣть, чтобы Русскій сошелся и подружился съ Евреемъ; это трудно видѣть даже между образованными людьми обѣихъ націй. Въ Іудеѣ, развитомъ человѣкѣ, нерѣдко Русскій встрѣчаетъ какую-то холодность, сухость, безсердечность: такъ и видно, что за предѣлами его іудейства для него хоть волкъ траву ѣшь. У тѣхъ же, которые принимаютъ христіанство и повидимому отрекаются отъ іудейства, прежнія національныя побужденія нерѣдко замѣняются однимъ сухимъ эгоизмомъ, и вотъ причина, что у насъ къ *вѣхристамъ* не только не выражаютъ симпатіи, какъ бы можно было надѣяться по отношенію къ новопоступившему въ наше общество, напротивъ, смотрятъ на нихъ недоброжелательнѣе, чѣмъ на сохраняющихъ свою вѣру. Это оттого, что у послѣднихъ видятъ достойную уваженія любовь и преданность своей религіи и своей національности, выкрестовъ же считаютъ потерявшими въ душѣ эту праотческую святыню и не замѣнившими ее ничѣмъ другимъ священнымъ. Разумѣется, бываютъ исключенія, но мы говоримъ о современномъ воззрѣніи: такъ привыкли смотрѣть на тѣхъ и другихъ.

Эти характеристическія черты іудейской національности, по нашему мнѣнію, истекаютъ изъ духа ветхозаконности, необходимо долженствовавшей принять образъ отложенія отъ прочаго міра. Послѣ потери Іудеями отечества, они подвергались крайнимъ униженіямъ, въ которомъ находился Іудейскій народъ въ продолженіе тысячелѣтій. Въ исторіи іудейскаго разсѣянія есть сторона въ высокой степени величественная, поэтическая. Народъ, давшій почти всему образованному міру религіозный строй, народъ, положившій фундаментъ всему, что составляетъ сущность нравственнаго развитія, цивилизаціи человѣческаго рода, — народъ этотъ остается со старыми формами недвижимо среди грядущихъ поколѣній. Передъ нимъ совершаются радикальные перевороты, передъ

нимъ исчезаютъ племена, возникаютъ новыя народности, совершаютъ теченіе своей жизни и перераждаются, — а этотъ народъ всё тотъ же, непоколебимъ и крѣпокъ, живетъ прошедшимъ, не глядитъ въ будущее; повсюду гонимъ, попираемъ, унижаемъ; національности, звѣрски враждебныя другъ противъ друга, примиряются и сходятся на одинаковомъ презрѣніи къ бѣдному, проклятому небомъ, отверженному *Жиду*: ему плюютъ въ лицо въ благодарность, когда онъ окажетъ услугу, ожидая за нее куска хлѣба; его сожигаютъ и убиваютъ для потѣхи; чувства совѣсти у народовъ не оказывается, когда идетъ дѣло объ оскорбленіи Жида: Жидъ не человѣкъ, Жидъ хуже собаки! И, не смотря на такую всеобщую анаѳему всего образованнаго человѣчества, это *отребіе* народовъ не падаетъ духомъ: этотъ народъ признаетъ за собою нравственное величіе и превосходство предъ тѣми, кто ругается надъ нимъ; онъ изучаетъ пружины общества, среди котораго осужденъ на безысходное терпѣніе, узнаетъ его слабыя стороны, пользуется ими и, какъ-будто въ посмѣяніе безумія тѣхъ, которые презрительно съ нимъ обращаются, находитъ себѣ въ этомъ негостепріимномъ обществѣ такое положеніе, что овладѣваетъ важнѣйшими вѣтвями общественныхъ силъ, вертитъ королями, панами, баронами, въ его рукахъ торговля, деньги— душа міра. Деньги! »Жидъ любитъ деньги, больше всего любитъ Жидъ деньги« , — повторяется съ незапамятныхъ временъ эта избитая фраза. Дѣйствительно, и въ XII вѣкѣ Жидъ черезъ деньги управлялъ борьбою Итальянскихъ партій, и въ XVI вѣкѣ Жидъ вышелъ на сцену въ геніальномъ типѣ у Шекспира, въ его Шейлокѣ, и въ XIX вѣкѣ тотъ же вѣчный Жидъ является въ многосложномъ образѣ европейскаго банкирства. Этотъ вѣчный Жидъ поймалъ слабую струнку міра и держится за нее и водитъ міромъ, и міръ былъ обманутъ: міръ думалъ, что Жидъ у него подъ пятою, а самъ и не услышалъ, какъ очутился у Жида на привязи. Іудей совершаетъ изумительную борьбу съ исторіей: исторія осуждаетъ его на бѣдность и нищету,—Іудей овладѣваетъ богатствами міра; исторія осуждаетъ его на невѣжество и одичалость порабощеннаго состоянія,—Іудей дѣлается великимъ философомъ, поэтомъ, композиторомъ; исторія выбрасываетъ его изъ колеи человѣческаго развитія,—Іудей пролагаетъ себѣ собственный путь, заходитъ впередъ и смотритъ иронически на это развитіе, говоря самъ себѣ: »идите, идите, боритесь... я буду смотрѣть и дожидаться; все для меня; безумцы вы, не знаете, что трудитесь, терпите для меня, пренебреженнаго, забитаго, оплеваннаго, грязнаго Жида.« Исторія не разъ грозила стереть Іудей-

ское племя съ лица земли,—и на зло исторіи, Іудейское племя распространяется по всѣмъ концамъ земли. Жиду говорятъ: »ты хуже всѣхъ колѣнъ земныхъ«,—и онъ не споритъ, онъ кланяется и повидимому соглашается, а въ душѣ у него остается сознаніе превосходства надъ всѣми. Поразительна черта, которую, безъ сомнѣнія, рѣдкій не испыталъ въ своей жизни, имѣя случай вступать въ дѣло съ Евреями. Вотъ иностранецъ Еврей приходитъ къ вамъ въ домъ съ фальшивымъ золотомъ. »Ты Жидъ!« говорятъ ему.—»Нѣтъ, Боже сохрани!« отвѣчаетъ онъ, и начинаетъ съ презрѣніемъ отзываться о Жидахъ. »Я честный Нѣмецъ, не извольте меня обижать!« и укладываетъ свой товаръ. И вы чувствуете, что оскорбили его, и готовы просить у него прощенія, чтобы успокоить его оскорбленіе, покупаете у него мѣдь за золото, а онъ смѣется надъ вами. Браните его племя, какъ угодно! Онъ не дорожитъ вашимъ мнѣніемъ; онъ пренебрегаетъ вашимъ словомъ: онъ васъ презираетъ дѣломъ. »Іудеи выше всѣхъ колѣнъ земныхъ«, думаетъ онъ, и доказываетъ это своей гигантской борьбой съ рокомъ, передъ которымъ падали во прахъ сильнѣйшія племена земли. И что ожидаетъ этотъ народъ въ грядущемъ? Что если наше цивилизованное общество, послѣ многотрудной борьбы со своими недостатками и страстями, кидаясь то въ ту, то въ другую сторону, доходя почти до отчаянія и потерявъ вѣру въ свою нравственную мощь, обратится къ этому нѣкогда отверженному народу и призоветъ его, какъ нѣкогда наши предки варяговъ, устроить у себя нарядъ?

Какъ бы то ни было, очень понятно, что Іудеи, живя въ обществѣ съ своеобразными древними формами вѣрованія и жизни, съ сознаніемъ особаго для себя будущаго, въ которомъ имъ предстоитъ первенство надъ всѣми земными племенами, въ обществѣ, которое единодушно пыталось стереть ихъ съ лица земли, — эти Іудеи не могли иначе сохранять свое существованіе, какъ овладѣвая слабыми сторонами этого общества для того, чтобы обратить въ свою исключительную пользу его жизненныя силы. Это былъ единственный путь самосохраненія; иначе отъ іудейства давно уже не осталось бы ничего.

Въ нашей родинѣ Іудеи дѣйствовали съ такимъ же тактомъ, какъ и вездѣ, и если здѣсь они исномѣстились особеннымъ образомъ, то это зависѣло отъ тѣхъ сторонъ, которыми они воспользовались, найдя ихъ въ землѣ нашей. Слабѣйшая сторона нашего общества, въ эпоху соединенія нашего съ Польшею, состояла въ разрывѣ между панствомъ и народомъ и отношеніяхъ власти перваго надъ послѣднимъ. Іудеи ударили прямо въ эту струну. Способствуя порабощенію и униженію народа, они въ

то же время обращали въ свою пользу значительную выгоду, какую получало панство, мазали паповъ по тѣлу собственнымъ ихъ саломъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ старыхъ лѣтописцевъ. Порабощенное состояніе земледѣльцевъ, продолжившееся и впослѣдствіи, причина, поводъ, что Іудеи продолжали держать въ рукахъ промышленность и торговлю, лелѣяли барскую лѣнь сильнаго пана и апатичную лѣнь забитаго мужика. Они не питали симпатіи ни къ тому, ни къ другому, а пользовались только извѣстнымъ statu quo. Нравственные интересы края и народа существуютъ для нихъ только по отношенію къ себѣ. Столкнулся ли Іудей съ человѣкомъ нравственнымъ, котораго нельзя никакъ искусить на худое,—онъ пользуется, на сколько можетъ, тѣмъ отношеніемъ, въ какое съ нимъ доставленъ; онъ даже можетъ побудить его на какое-нибудь доброе дѣло, но имѣетъ въ виду только то, что́ ему перепадетъ изъ этого добраго дѣла; но если передъ нимъ субъектъ безнравственный, онъ также станетъ потворствовать его дурнымъ побужденіямъ, чтобы воспользоваться ими. Жившіе въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ знаютъ, ка́къ часто Іудеи развиваютъ у поселянъ склонность къ пьянству, охотно даютъ ему *на-боргъ* водки, чтобъ потомъ запутать, разорить, чтобъ все достояніе пьяницы перешло въ ихъ шинки, ка́къ побуждаютъ поселянъ на воровство и принимаютъ краденныя вещи, ка́къ услуживаютъ разврату и соблазняютъ женщинъ, ка́къ умѣютъ извинить всевозможныя страсти, чтобъ довести человѣка до положенія выгоднаго для себя, хотя бы окончательно разрушительнаго для него. Это дѣлается однако не по какому-либо глубоко безнравственному побужденію, не по склонности ко злу, а по холодности и безучастію къ міру, стоящему за предѣлами іудейства. Іудей рѣдко будетъ сознательно дѣлать зло, какъ и добро; онъ посторонній причинамъ, управляющими тѣмъ, что вокругъ него происходитъ; ему посторонни и свѣтлыя и темныя жизненныя явленія: его дѣло — пользоваться ими, когда случай представляется, когда они сами, такъ сказать, напрашиваются быть ему полезными.

Въ такомъ духѣ поступилъ и *Сіонъ*, іудейская газета. По поводу возникшаго спора іудейства съ *Основою*, онъ тотчасъ увидѣлъ у противника то, что́ во внѣшности показывается слабою формою; это — узкость національности, въ которой могутъ, по разсчету *Сіона*, обвинять *Основу*, какъ журналъ, имѣющій цѣлію спеціальное изученіе одной половины Россіи. Кто привыкъ смотрѣть на Россію и русскую жизнь только съ внѣшней стороны (а такихъ ухъ! какъ много у насъ!), тотъ легко дойдетъ до такого заключенія: писать на южнорусскомъ языкѣ, под-

держивать южнорусскую народность—не значитъ ли расторгать единство русской жизни, не значитъ ли возбуждать народныя антипатіи, приготовлять въ будущемъ раздвоеніе, раздѣленіе и даже разложеніе государства? и пишущіе по-южнорусски не враги ли политической цѣлости Россіи, противники единовластія?—Кто разсудилъ, что *Основа* и малорусскіе писатели не создаютъ никакой народности; кто знаетъ, что народность русская существовала всегда въ двойственной формѣ, и что изъ потребности сближенія литературы съ народомъ вытекаетъ сама собою необходимость вступленія въ область письменности народнаго элемента обоихъ видовъ, какъ великорусскаго, такъ и южнорусскаго; кто пойметъ, наконецъ, изъ примѣровъ тысячелѣтія прошедшей исторіи, что цѣльность русскаго народа, а тѣмъ менѣе его политическое единство никогда этимъ не можетъ быть нарушено, послѣ того какъ это единство не затерялось, не забылось и, съ добровольнымъ напряженіемъ всѣхъ народныхъ силъ, возродилось даже и послѣ многовѣковыхъ обстоятельствъ, насильственно его расторгавшихъ; кто взвѣситъ все это, тотъ, разумѣется смѣхомъ отвѣтитъ на подобныя опасенія. *Сіонъ*, какъ газета умная, прежде многихъ Русскихъ внутри себя засмѣется надъ этимъ. Но она знаетъ, что не всѣ ясно видятъ вещи, а найдется много такихъ, которые будутъ судить по внѣшнимъ признакамъ нѣкотораго подобія явленій съ явленіями, только внѣшнимъ образомъ имѣющими сходство между собою; на этихъ-то *Сіонъ* и разсчитываетъ, и набрасываетъ на *Основу* такія тѣни: »не въ частномъ употребленіи слова Жидъ усматриваемъ мы опасность, а въ исключительно-національныхъ выраженіяхъ *Основы*, которыя заставляютъ ее предпоставлять національное общечеловѣческому«, и проч. Еврейство отходитъ на второй планъ: надобно обвинить Малороссіянъ въ чемъ нибудь по важнѣе: »Вообще«, говоритъ *Сіонъ*, »стремленія исключительно національныя никакъ нельзя назвать плодотворными; онѣ могутъ быть иногда хороши, какъ реакція, и имѣютъ отрицательное значеніе. Особенно же безполезны и даже вредны эти стремленія, когда они имѣютъ цѣлью разъединить народы, которые, по племенному родству или общимъ политическимъ и политико-экономическимъ интересамъ, должны составлять одно цѣлое. Тутъ дѣленіе не имѣетъ конца, и распри за первенство между отдѣльными мелкими національностями, или между частями одной и той же національности, никогда не дадутъ имъ совершенствоваться въ общечеловѣческомъ развитіи.«

Что это такое, ясно видѣть можетъ всякій. Разумѣется, здѣсь говорится о разъединеніи народовъ—не Южнорусскаго съ Еврейскимъ, по-

тому что поминается о племенномъ родствѣ, въ которомъ мы не имѣемъ чести состоять съ Евреями. Здѣсь *Сіонъ* прямо обвиняетъ *Основу* и всѣхъ раздѣляющихъ одно съ нею общее направленіе въ стремленіи разъединить Южнорусскій народъ съ Великорусскимъ. Въ заключеніе своей статьи *Сіонъ* говоритъ: »Въ высшей степени печально такое положеніе дѣлъ и для литературы, и для самой страны, но еще печальнѣе, что и эту такъ малочисленную публику стараются разбить на мельчайшіе еще кружки, съ своими особыми нарѣчіями и подрѣчіями, внося въ нее такимъ образомъ рознь, — вмѣсто того, чтобы вести ее подъ знаменемъ одного общаго литературнаго языка, помимо мелкихъ племенныхъ распрей, къ великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ, къ распространенію всѣми силами гуманности и образованія въ массѣ народовъ нашего отечества, къ дружнымъ усиліямъ усвоять ему тѣ блага, которыя составляютъ лучшую часть въ достояніи современнаго человѣчества.«

Какъ удачно, какъ ловко Іудеи разчитываютъ на слабыя стороны общества, среди котораго живутъ! Съ одной стороны они возбуждаютъ современныя модныя движенія громкими фразами: »образованности, гуманизма, общечеловѣческихъ цѣлей«, и располагаютъ въ свою пользу все, что имѣетъ желаніе казаться просвѣщеннымъ, современнымъ; съ другой — возбуждаютъ противъ насъ негодованіе великорусскаго патріотизма и даже, если можно, нерасположеніе правительства, выставивъ насъ тайными зложелателями и разъединителями отечественной цѣлости! Все, что Іудеи написали здѣсь, есть ли сколько-нибудь добросовѣстный отвѣтъ на то, что къ нимъ относилось въ *Основѣ*? Противъ чего они спорятъ, что защищаютъ? Назвали Евреевъ Жидами — П-въ оскорбляется; *Сіонъ* признаетъ за своимъ племенемъ это названіе; тутъ спора нѣтъ. Редакторъ *Основы* полагаетъ, что чуждое населеніе, живущее посреди страны, не должно быть равнодушно къ судьбамъ ея — и въ этомъ *Сіонъ* соглашается, только замѣчаетъ, что »отказываться отъ вѣковыхъ особенностей Іудеи могутъ только въ пользу цѣлаго, а не одной какой-нибудь части.« Здѣсь *Сіонъ* хватаетъ больше, чѣмъ сколько *Основа* желаетъ. *Основа* не заявила мысли, что Евреи должны отказываться отъ своихъ вѣковыхъ особенностей, то есть отъ народности, а только, напомнила что они должны дѣйствовать на пользу, а не во вредъ тому краю, гдѣ живутъ. Что значитъ отказаться въ пользу цѣлаго, а не одной какой-нибудь части? Да развѣ *Основа* или кто-нибудь изъ южнорусскихъ писателей, гдѣ-нибудь и когда-нибудь, выказывали, что могутъ быть условія полезныя для общаго и вредныя для частей, и на оборотъ?

Полезное для Южнаго края развѣ не полезно для Москвы, Вятки, Новгорода? Очевидно, показывая видъ, будто бы понимаютъ съ нашей стороны какое-то раздѣленіе пользъ части, то есть Южной Руси, отъ пользъ цѣлаго, то есть Россіи,—*Сіонъ* хочетъ очернить *Основу* и Южнорускую литературу. Въ томъ же тонѣ *Сіонъ*, приводя мѣсто изъ *Основы*: »нерѣдко дѣйствуютъ противно духу и пользамъ нашего народа«, дѣлаетъ въ скобкахъ такое замѣчаніе: »замѣтьте, что дѣло идетъ все только о Южнорусскомъ народѣ.« Да разумѣется *только* о Южнорусскомъ народѣ, во-первыхъ потому, что *Основа* — журналъ, спеціально посвященный изученію Южнорусскаго края, во-вторыхъ потому, что Іудеевъ нѣтъ въ Великороссіи, слѣдовательно ихъ масса не можетъ тамъ дѣйствовать ни въ пользу, ни во вредъ народу. Если бы *Сіонъ* добросовѣстно хотѣлъ возражать *Основѣ*, то долженъ былъ привести фактическія доказательства, что Іудейское племя дѣйствовало къ пользѣ Южнорусскаго края, и разсѣять древнее всеобщее убѣжденіе въ противномъ. Но *Сіонъ* едва-ли въ силахъ это сдѣлать при всемъ искусствѣ защищать себя и представлять свѣтлыя стороны, чѣмъ обладаютъ іудейскіе писатели... *Сіонъ* принялъ обыкновенную іудейскую уловку: защѣпить своего противника съ тѣхъ сторонъ, которыя считаетъ у него слабыми.

Что́ должна была отвѣчать на это *Основа* или ея сотрудники? Именно то, что отвѣчалъ Іудеямъ г. Кулишъ, въ своей статьѣ »Передовые Жиды«, напечатанной въ IX № *Основы* Спорить съ Іудеями было невозможно: они свернули съ дороги. А вести споръ о правахъ, или объ отношеніяхъ нашихъ къ общерусской національности и къ нашему общерусскому отечеству съ Іудеями намъ вовсе было не кстати. Г. Кулишъ очень справедливо ограничился указаніемъ, что хорошо понимаетъ ихъ цѣль и оцѣниваетъ пріемы ихъ полемики, и при этомъ привелъ имъ на память протестъ, подписанный южнорусскими писателями въ пользу Евреевъ. *Сіонъ* въ отвѣтъ на это въ 21 № напечаталъ вотъ что:

»Въ отвѣтъ на статью въ № 10-мъ »Сіона«: — »Основа и вопросъ о національностяхъ« — въ сентябрской книжкѣ »Основы« напечатана статья г. Кулиша подъ заглавіемъ: »Передовые Жиды«. Статья эта содержитъ въ себѣ не разборъ мнѣній, изложенныхъ въ »Сіонѣ« по вопросу о національностяхъ, а безпримѣрно-наглыя ругательства и ни на чемъ не основанныя обвиненія въ такомъ образѣ дѣйствій, котораго не можетъ не гнушаться честный человѣкъ. Такого рода обвиненія, возводимыя противъ какого бы то ни было органа гласности въ Россіи, по нашему мнѣнію, не могутъ и не должны быть оставлены безъ вниманія рус-

ской литературою. Почва, на которой она стоитъ, не на столько еще тверда, обстановка, среди которой она развивается, не на столько еще благопріятна, чтобы она могла оставаться равнодушна къ дѣламъ подобнаго рода, предоставляя разрѣшеніе ихъ только ближайше-заинтересованнымъ лицамъ и журналамъ. Она должа сама вникнуть въ сущность такого рода обвиненій и взвѣсить, заслужены ли они дѣйствительно, и за тѣмъ отвергнуть отъ себя или тотъ журналъ, который »*для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаетъ къ неравному оружію, ведетъ свою полемику недостойными литературы способами, оскорбляетъ достоинство печатнаго слова, употребляетъ въ дѣло съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью плутовство и хитрость*«, и т. д., — или же тотъ журналъ, который позволяетъ себѣ, незаслуженнымъ образомъ, такъ клеймить своего собрата, возводя на него безъ всякаго права и основанія такія гнусныя вины. Воздерживаясь поэтому отъ всякаго предварительнаго самозащищенія, мы передаемъ свое дѣло съ »Основою« на судъ всей русской публицистики, и, обращаясь къ ея представителямъ съ просьбою разобрать это дѣло, мы наперед увѣрены, что они вмѣнятъ себѣ въ нравственную обязанность принять на себя такой трудъ и произнести свой приговоръ въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ своихъ журналовъ.«

Опять та же іудейская замашка употреблять въ свою пользу слабыя стороны. *Сіонъ* хорошо знаетъ, какъ въ русскомъ обществѣ теперь въ модѣ гласность, общественное мнѣніе и общественный судъ: ихъ призываетъ онъ. *Сіонъ* тоже знаетъ, что съ требованіями гуманности и равноправности является расположеніе къ Іудеямъ: Іудеи теперь любимцы современной передовой Россіи. Разсчитавши на это, Іудеи смѣло подаютъ на *Основу* жалобу всей Русской литературѣ. При этомъ однако не обошлось и безъ того, чтобы въ жалобѣ не оказалось и невѣрности. Такъ, напримѣръ, курсивныя фразы, очевидно, *Сіонъ* выставляетъ, какъ обидныя для себя. Но, во-первыхъ, онъ ихъ соединилъ изъ разныхъ мѣстъ статьи г. Кулиша, почему имъ и придано усиленное значеніе, во-вторыхъ—нападаетъ на то, чего нѣтъ вовсе у г. Кулиша; такъ, напримѣръ, фраза: »употребляетъ (журналъ *Сіонъ*, по обвиненію *Основы*) въ дѣло съ извѣстною ловкостью и дальновидностію плутовство и хитрость.« Этого сочетанія *нѣтъ* у г. Кулиша; г. Кулишъ *этого не говорилъ*. Онъ замѣтилъ, что Іудеи съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью вывели заключеніе, что стремленія *Основы* исключительно національныя,—а словъ: *плутовство* и *хитрость*, которыя дѣйствительно были

бы и оскорбительны и невѣжливы, если бы обращены были къ журналу, у г. Кулиша *вовсе иньтъ: Сіонъ* взялъ ихъ изъ протеста, которыя онъ писалъ нѣкогда *въ защиту* Евреевъ!

Іудеи достигли своей цѣли. Русскіе журналы приняли жалобу и изрекли приговоры. *Русскій Вѣстникъ* совершенно оправдалъ *Сіонъ* и обвинилъ *Основу*. Онъ не раздѣляетъ нашей мысли, чтобъ Іудеи писали для того, чтобы бросить тѣнь на Южнорусскую литературу; для насъ напротивъ, эти побужденія ясны, какъ день, ибо Іудеи отвѣчали вовсе не на то, что говорила *Основа*, а свели полемику на другую дорогу: бросили на сцену совершенно другой вопросъ, не касающійся ихъ: вопросъ о *вредѣ* южнорусскаго литературнаго движенія, объ опасности разъединенія...

Русскій Вѣстникъ говоритъ:

»По мнѣнію *Основы*, еврейское племя живетъ въ Малороссіи особнякомъ. »До сихъ поръ, говоритъ *Основа*, оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а напротивъ нерѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа«. *Сіонъ*, какъ органъ русскихъ Евреевъ, не могъ оставить безъ возраженія такихъ сильныхъ упрековъ. Онъ счелъ своимъ долгомъ оправдать свое племя отъ взведенныхъ на него обвиненій. Естественно, что молчать ему не приходилось, когда тѣ, кому онъ служитъ органомъ, подверглись тяжкому обвиненію въ дѣйствіяхъ противныхъ пользамъ пріютившей ихъ страны. Они не могли оставить безъ отвѣта и того упрека, что они остаются особнякомъ, въ эгоистическомъ отчужденіи. Если *Основа* не желала слышать отвѣта *жидовъ*, то она не должна была бы подвергать ихъ такому обвиненію; а коль скоро она считала нужнымъ высказать публично эти обвиненія, то она должна признать и за противниками право отвѣчать на обвиненіе. Можно ли отрицать это право защиты? Честно ли разчитывать на какія-нибудь обстоятельства, которыя будто бы, по нашему чаянію, помѣшаютъ обвиняемому оправдываться отъ нашихъ уликъ? Еслибъ *Основа* подумала хорошенько объ этомъ, то она либо воздержалась бы отъ своихъ обвиненій, либо заранѣе допустила бы право отвѣта, и не удивилась бы этому отвѣту какъ нечаянности, и не пришла бы отъ него въ негодованіе и не стала бы, въ лицѣ г. Кулиша, прибѣгать къ неприличнымъ уловкамъ.«

Ни изъ чего не видно, чтобы *Основа* разсчитывала на то, что Евреи отвѣчать не будутъ. Не видно, чтобъ она не желала отвѣта. Если *Основа* говоритъ, что Евреи не сдѣлали ни одного шага къ сближенію

съ народомъ, съ которымъ они живутъ, то Евреи могли доказывать противное и приводить факты, которые могли бы опровергнуть мнѣніе, принадлежащее вовсе не одной *Основѣ*, но всей Южнорусской странѣ. *Сіонъ* не *отвѣчалъ*, а заговорилъ о другомъ. *Сіонъ* является здѣсь по другому вопросу обвинителемъ, и г. Кулишъ возражаетъ имъ, становясь по неволѣ въ оборонительную позицію. Если бы тотъ же *Сіонъ*, или другой какой журналъ, безъ всякаго предварительнаго посторонняго побужденія, говорилъ о вредѣ южнорусскаго стремленія и подтвердилъ бы его доказательствами, конечно *Основа* и г. Кулишъ, или кто-бы то ни былъ, вступили бы съ нимъ въ споръ по этому предмету; но, какъ *Сіонъ*, принявшись говорить о своемъ предметѣ, вдругъ сходитъ на другой, къ первому не относящійся, и тѣмъ явно показываетъ, что у него задняя цѣль,— тутъ *Основѣ* что́ было отвѣчать? унизительно отвѣчать, когда спрашиваютъ не для вопроса... *Основѣ* оставалось только замѣтить, что она понимаетъ слишкомъ хорошо переходъ отъ еврейскаго вопроса къ русскому. Въ томъ же *Сіонѣ* говорится: »придетъ время, и можетъ быть въ нашемъ же журналѣ разъяснены будутъ и отношенія нашего племени къ этой *во всякомъ случаѣ* значительной части Русскаго народа.« По нашему мнѣнію, съ того и слѣдовало было начинать *Сіону*, въ отвѣтъ на заявленное *Основою* мнѣніе Малороссіянъ о Евреяхъ. Тогда споръ *Основы* съ *Сіономъ* могъ бы быть полезенъ: *Основа* старалась бы представить темныя, *Сіонъ* свѣтлыя стороны вліянія Евреевъ на Малороссійскій край; столкновеніе мнѣній повело бы къ ихъ сочетанію и уясненію еврейскаго вопроса. *Русскій Вѣстникъ* смотритъ на *Основу* такъ, какъ-будто бы она заявляла требованіе, чтобъ Евреи потеряли свою народность и религію. Никогда этого *Основа* не говорила. Она только выставляла то, что было и есть, а не формулировала правилъ и законовъ, и вся филиппика *Русскаго Вѣстника* по поводу этого... неумѣстна, чтобъ не сказать болѣе.

Нѣкоторыя фразы г. Кулиша, какъ напримѣръ намекъ на сцену изъ Гоголя, гдѣ Жиды увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними какъ братья родные,—дѣйствительно рѣзки, но кто вызвалъ ихъ? *Сіонъ*, своею выходкою, въ которой видно побужденіе, которое, по нашему мнѣнію, г. Кулишъ понялъ справедливо, не смотря на негодованіе *Русскаго Вѣстника*.—Выраженіе г. Кулиша *сіонское оружіе*, *Русскій Вѣстникъ* не обинуясь переводитъ: *доносъ*, и подводитъ г. Кулиша подъ уровень моды. Мы не назовемъ это оружіе доносомъ въ прямомъ смыслѣ, но всё-таки это нѣчто близкое къ такому слову: это разсчетъ на возбужденіе

въ обществѣ, и даже въ правительствѣ, невыгоднаго взгляда на своихъ противниковъ. Не г. Кулишъ, а скорѣе *Русскій Вѣстникъ* увлекся модою. Для него при словѣ Еврей существуетъ одна отвлеченная идея равноправности; исторической почвы совсѣмъ нѣтъ; современныхъ отношеній къ юридическимъ и экономическимъ условіямъ жизни южнорусскаго народа онъ и знать не хочетъ: онъ симпатизируетъ къ однимъ Евреямъ, потому что они истцы передъ литературою и общественнымъ мнѣніемъ; а что, если на этихъ Евреевъ подалъ бы жалобу литературѣ простой Малороссійской народъ и представилъ бы во всѣхъ подробностяхъ ту картину многовѣковыхъ страданій гдѣ Евреи были вѣрнѣйшими помощниками, слугами и нерѣдко откупщиками правъ его недруговъ? — До этого народа дѣла нѣтъ: онъ теперь уже не въ модѣ! Его удовольствовали; очередь за одними Евреями! Мы не находимъ, чтобъ *Русскій Вѣстникъ*, успокоивая Малороссіянъ на счетъ преслѣдованія и запрещеній, поступалъ очень кстати, по многимъ причинамъ, не подлежащимъ здѣсь обсужденію....

Русская Рѣчь считаетъ и *Сіонъ* и *Основу* виновными, но *Сіонъ* виновнѣе. *Основу* онъ винитъ, если мы не ошибаемся, за выраженія г. Кулиша. Ее соблазняетъ между прочимъ эпиграфъ изъ Гоголя, поставленный г. Кулишемъ въ своей статьѣ »Передовые Жиды«: »а знаете ли, пане, что дѣлается?« Но мы замѣтимъ *Русской Рѣчи*, что этотъ эпиграфъ невольно долженъ былъ придти на память г. Кулишу послѣ словъ *Сіона*: »Замѣтьте, что идетъ дѣло все только о южнорусскомъ народѣ.« Не понимаемъ, почему *Русская Рѣчь* находитъ неразумными и несправедливыми сказанныя г. Кулишемъ слова: »не восхищаемся тѣмъ, что дѣлали предки ихъ на украинской почвѣ, и не видимъ благословенія небеснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще Жиды въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и недозволено жить.« Все это совершенная правда: не одинъ г. Кулишъ, вся Малороссія въ одинъ голосъ скажетъ тоже, не по однимъ умозрительнымъ теоріямъ о равноправности человѣческаго рода, а по житейскому опыту; а что истинно, то и разумно и справедливо. Русскіе журналисты, живущіе въ столицахъ, не бывшихъ съ Іудеями въ близкихъ соотношеніяхъ, не знаютъ ихъ и судятъ о нихъ только на основаніи общихъ гуманныхъ идей. Малороссіяне ихъ знаютъ поближе и не могутъ отвлекаться до такой степени отъ дѣйствительности и уноситься въ сферу чистыхъ принциповъ: вопросъ о Евреяхъ слишкомъ близокъ ихъ прошедшаго и настоящаго; они не въ силахъ потерять подъ собой исторической и современной почвы. *Русская Рѣчь* укоряетъ г. Кули-

ша за слово *недостойная* полемика, потому что сама считаетъ выходку *Сіона* только необдуманною и ошибочною. Но что же дѣлать, если мы не можемъ *такъ* смотрѣть на этотъ поступокъ? наше чутье и убѣжденіе увѣряетъ насъ какъ нельзя яснѣе, что въ поступкахъ *Сіона* немало обдуманности, напротивъ — ея тамъ черезъ-чуръ много.

Русское Слово, вѣроятно, всѣхъ болѣе сдѣлало пріятнаго *Сіону*. Приведши выписку изъ *Сіона*, рецензентъ, принимающій на себя по приглашенію *Сіона*, достоинство судьи, говоритъ: »не имѣя подъ рукою статьи г. Кулиша, я тѣмъ не менѣе увѣренъ въ точности выписки, сдѣланной *Сіономъ* изъ *Основы*.« Далѣе онъ находитъ оскорбительнымъ слово *Жидъ*, не зная, что самъ *Сіонъ* призналъ это слово не оскорбительнымъ, а далѣе уже глумится надъ г. Кулишемъ не по еврейскому вопросу. Еслибы это была простая журнальная замѣтка о мимотекущемъ явленіи, тутъ *Русское Слово* могло бы смотрѣть и вскользь, если не считаетъ его важнымъ; но *Сіонъ* обращается къ журналамъ, требуя разбирательства, пересуда и приговора. *Сіонъ* былъ предъ глазами у рецензента. Рецензентъ самъ его перепечаталъ, и слѣдовательно показалъ, что за тѣмъ собственное его сужденіе произносится вслѣдствіе такого требованія *Сіона*. Можно ли же произносить приговоръ, выслушивая только одну сторону? Еслибы *Сіонъ* былъ вполнѣ правъ, *Русское Слово* не избѣжало бы и тогда упрека въ несправедливости, пристрастіи, недобросовѣстности за такой пріемъ суда.

Малороссіяне сознаются откровенно, что не имѣютъ вообще симпатіи къ Іудейскому племени, среди ихъ родины живущему, которую открываютъ мало знакомые или и вовсе не знакомые съ его отношеніями къ ней великорусскіе журналы, и странно было бы ее навязывать насильно, принуждать Малороссіянъ любить то, къ чему у нихъ сердце не лежитъ, хвалить то, что имъ не нравится. Во имя священной идеи свободы они просятъ уволить ихъ отъ этого. Можно судить справедливость ихъ убѣжденій, а не симпатіи или антипатіи: онѣ возросли съ ихъ исторіей; онѣ вшиты въ каждомъ изъ нихъ съ дѣтства; они поддерживаются тѣмъ, что Малороссіянинъ видитъ постоянно на своей родинѣ. Но, при отсутствіи симпатій къ іудейству, несправедливо же и бездоказательно обвинять южнорусскій журналъ и южнорусскихъ писателей въ намѣреніяхъ изгнать Іудеевъ, истребить ихъ, подвинуть на нихъ инквизиціонныя гоненія и тому подобное. Причины нерасположенія (а не враждебности, — ее нѣтъ вовсе) между Малороссіянами и Іудеями въ

тѣхъ и другихъ. Евреи по своей религіи, по своимъ вѣрованіямъ и надеждамъ неизбѣжно должны стоять особнякомъ отъ той страны, гдѣ проживаютъ: иначе они будутъ переродки, а не Евреи. Со стороны христіянъ преслѣдовать Евреевъ — тупая ненависть, сопровождавшаяся фанатизмомъ часто варварскимъ и безчеловѣчнымъ. До сихъ поръ гражданскій порядокъ въ нашемъ краю былъ таковъ, что Евреи, пользуясь имъ для своихъ цѣлей, могли быть полезны только для внѣшней стороны жизни высшихъ классовъ и, напротивъ, должны были увеличивать тягость и безъ того униженнаго и порабощеннаго народа. Если новый порядокъ утвердится и окрѣпнетъ,— и отношенія Евреевъ къ народу должны будутъ измѣниться. Чего же намъ желать? По нашему убѣжденію — отнюдь не истребленія, не изгнанія и не насильственнаго перерожденія. Намъ надобно желать, чтобы Іудеи получили совершенно равныя права, чтобъ имъ дѣйствительно предоставлено было сколько возможно обширнѣйшее поле (¹); но въ такомъ случаѣ, намъ нужно будетъ стараться возбудить въ нашемъ народѣ сильнѣйшую конкурренцію противъ Евреевъ, дабы не дать имъ возможности имѣть въ чемъ бы то ни было монополіи въ нашемъ краю. При полной обоюдной свободѣ, при сообщеніи нашему народу средствъ стать въ полную конкурренцію,— если Іудеи возьмутъ надъ нами верхъ, тогда уже мы не можемъ жаловаться: значитъ, мы не способны бороться съ ними; тогда какъ до сихъ поръ, еслибъ мы и были на это способны по своей природѣ, то стояли долгое время въ невозможности употребить свои способности и силы. Отъ Іудеевъ же мы ровно ничего не требуемъ: напрасно, поддѣлываясь къ сторонникамъ этнографической нивеллировки въ государствѣ, Іудеи предлагаютъ свою народность въ пользу общерусской; напрасно при этомъ даютъ знать, что они готовы переродиться въ Великороссіянъ, но не хотятъ быть Малороссіянами: Малороссіяне этого отъ нихъ и не требуютъ и не желаютъ. Мы сочувствуемъ всякому стремленію Іудеевъ поддерживать и развивать свои вѣковыя особенности; всякое нерасположеніе къ Іудеямъ по религіозному различію есть въ нашихъ глазахъ признакъ крайняго невѣжества и глупаго фанатизма, противнаго духу христіанскаго благочестія. Мы уважаемъ еврейскую религію тѣмъ болѣе, что къ этому обязываетъ насъ высота ученія нашей собственной религіи (Послан. къ Римл. гл. XI,

(¹) Статья эта уже печаталась, какъ мы узнали о новомъ распоряженіи правительства, дарующемъ Евреямъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ, равныя съ нами права службы и жительства во всей Имперіи. Искренно сочувствуемъ и радуемся этой мѣрѣ. *Ред.*

23—27). Говорить вещи, противныя Іудеямъ, мы принуждены потому, что историческая истина насъ къ тому обязываетъ; а что́ касается до *Сіона*, то, сколько бы онъ ни вызывалъ на насъ протестовъ всѣхъ великорусскихъ журналовъ и великорусскихъ передовыхъ людей, мы всё-таки будемъ видѣть въ его выходкахъ единственно то побужденіе, которое привело г. Кулиша въ справедливое негодованіе.

Н. Костомаровъ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПРАВДѢ МОСКВИЧАМЪ О РУСИ.

Gens Moscoviae caeteris omnibus (Ruthenis) astutior et fallatior esse perhibetur.

Herberstein.

Въ № 14 *Дня* напечатана противъ меня статья г. И. Б — ва: возраженіе на помѣщенную въ *Основѣ* (книжка X) мою статью: *Правда Москвичамъ о Руси*. Считаю долгомъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ.

Г. И. Б—въ говоритъ обо мнѣ, что я— »тотъ самый, который постоянно проповѣдуетъ о *перевѣсѣ* въ насъ, сѣверноруссахъ, финскаго и татарскаго начала надъ славянскимъ.« Я не только постоянно не проповѣдывалъ ничего подобнаго, напротивъ, въ двухъ возраженіяхъ на такія точно мнѣнія Поляковъ, напечатанныхъ во II и X книжкахъ *Основы*, доказывалъ противное.

Вспоминая сказаніе, вошедшее въ списки хронографовъ XVI и XVII вѣковъ, гдѣ разсказывается, что Ильменскіе Словене пришли съ юга (Россіи?) и нашли тамъ Славянскій народъ, говорившій бѣлорусскою (!) рѣчью, И. Б—въ предоставляетъ читателямъ рѣшить: можно ли опираться на нее, когда мы можемъ читать прямыя и ясныя свидѣтельства достовѣрнаго древняго лѣтописца, и когда притомъ я самъ сказалъ, что это сказаніе обезображено книжною мудростію? Но почему же г. И. Б—въ скрылъ настоящую причину, по которой я не считалъ умѣстнымъ отбрасывать это сказаніе въ кучу выдуманныхъ книжниками и вижу въ немъ историческія основы? Это именно то, что важнѣйшія черты этого сказанія сохранились до сихъ поръ въ изустныхъ преданіяхъ народа, а это показываетъ, что тѣ, которые внесли его въ хронографы, не выдумали его

сами, а заимствовали изъ народной памяти. Въ этомъ вся сила. Г. И. Б—въ, конечно, это понимаетъ, но счелъ за нужное не коснуться этого, представивъ дѣло такъ, будто бы я ни съ сего, ни съ того опираюсь на сказку, которую самъ призналъ обезображенною въ нѣкоторыхъ частностяхъ мудростію книжниковъ. Добросовѣстно ли *такъ* возражать противнику? Если бы г. И. Б—въ имѣлъ въ виду дѣло науки, то ему слѣдовало оцѣнивать это сказаніе непремѣнно въ связи съ значеніемъ изустнаго преданія. А коль скоро онъ не упомянулъ о томъ, что̀ мнѣ давало поводъ опираться на сказаніе, то значитъ — имъ руководило личное побужденіе — нанести противнику ударъ, не разбирая средствъ. Какой же результатъ изъ этого? Если кто-нибудь принялъ мое мнѣніе, тотъ не разубѣдится отъ возраженій г. И. Б — ва, когда онъ не коснулся вовсе основанія, на которомъ это мнѣніе построено.

Г. И. Б — въ, не одобряя меня за то, что для пѣсни, записанной въ Новоладожскомъ уѣздѣ, я употребилъ малороссійское правописаніе, сравниваетъ меня съ Французомъ, который писалъ: ***Moscou***, que les Russes dans leur barbare ignorance appellent incorrectement ***Moskwa***. Въ этомъ сравненіи нѣтъ никакого подобія; скорѣе былъ бы я похожъ на Француза, который бы написалъ Moskwa вмѣсто ***Москва***, то есть буквально, не измѣняя выговора, передалъ бы латинскими буквами названіе, написанное русскими. Малороссійское правописаніе не измѣняетъ выговора Новоладожской пѣсни, а только облегчаетъ его. Если въ Новгородской губерніи буква *ѣ* выговаривается за *і*, то что̀ же тутъ неправильнаго, если я вмѣсто *свѣтъ* напишу *світъ*?

Г. И. Б — въ говоритъ, что въ иныхъ селеніяхъ Московской, также какъ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, можно встрѣтить такой же говоръ, какой я встрѣтилъ съ восторгомъ, (замѣчаетъ г. И. Б — въ; откуда онъ знаетъ о моемъ восторгѣ?) въ Новоладожскомъ уѣздѣ. ***Напрасно*** г. И. Б—въ не привелъ подобныхъ образчиковъ. Впрочемъ, колонизація Новагорода простиралась далеко; не мудрено, если въ Волоколамскомъ уѣздѣ, составлявшемъ нѣкогда часть Новгородскихъ владѣній, встрѣчаются какіе-нибудь слѣды новгородскаго нарѣчія. Это, во всякомъ случаѣ, было бы любопытно.

Г. И. Б — въ говоритъ, что онъ »сказалъ и ясными свидѣтельствами лѣтописи *доказалъ*, что между сѣверною и южною группою нашихъ Славянъ была значительная разница въ строѣ жизни, и что эта разница состояла въ двухъ историческихъ явленіяхъ — въ генетической связанности и въ преобладаніи городовой жизни у сѣверныхъ нашихъ

Славянъ въ такое время, когда на югѣ племена жили спорадически, несвязанными между собою, враждебными группами, и когда у нихъ было слабѣе развитіе городской жизни.« Это онъ сказалъ, но *не доказалъ и не докажетъ никогда*, по неимѣнію у него источниковъ, сколько бы онъ ни переворачивалъ скудныхъ извѣстій лѣтописца. Вотъ что говоритъ г. И. Б— въ:

»Г. Костомаровъ ужъ просто спрашиваетъ: откуда видно, что у южныхъ Славянъ былъ такой (спорадическій) строй жизни?« Отвѣчаю: это видно изъ того же мѣста Несторовой лѣтописи, изъ котораго видно, что у сѣверныхъ, напротивъ, была генетически связанныя вѣтви колоній. Вотъ оно: »и по сихъ братьи почаша родъ ихъ держати княженье въ Поляхъ, въ Древлехъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане; отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи; таже Сѣверъ отъ нихъ.« Кажется, ясно, какая была разница въ строѣ жизни у Полянъ, Древлянъ и Дреговичей съ одной стороны, и у Новгородцевъ, Полочанъ, Кривичей и Сѣверянъ — съ другой.«

Ничего тутъ ясного нѣтъ для мысли г. И. Б — ва. Изъ этого мѣста видно только, что каждый изъ народовъ жилъ себѣ особо отъ другихъ, и указаны мѣста ихъ жительства. Болѣе ничего. Г. И. Б — въ насильственно толкуетъ по своему предлогъ *отъ* и хочетъ вывести, что народы, которые поставлены послѣ этого предлоги, были колоніями тѣхъ, которые поставлены прежде того же предлога. Но предлогъ *отъ* состоитъ въ связи съ глаголомъ *сѣдять*: *отъ нихъ сѣдять* значитъ — за ними помѣщаются. Здѣсь смыслъ предлога *отъ* тотъ же, какъ въ словахъ *оттуда*, *отсюда*. На стр. 3 Лаврентьевскаго списка исчисляются пришедшіе съ Дуная Славяне такъ. »Словѣне, пришедше, и сѣдоша по Днѣпру и прозвашася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Полочане, Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъ городъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разыдеся Словѣньскій языкъ.« Ну, гдѣ же тутъ особая генетическая связь на сѣверѣ, какой нѣтъ на югѣ? Тутъ всѣ — *друзіи* и *иніи*, всѣ самобытно поселяются на своихъ мѣстахъ, а не происходятъ одни отъ другихъ? Древляне — друзіи въ отношеніи Полянъ, и Сѣвера — друзіи въ отношеніи Словенъ Ильменскихъ. Кривичей здѣсь нѣтъ; нѣтъ ихъ и въ

другомъ перечисленіи Славянскихъ народовъ, на стр. 5, послѣ словъ: »себо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси«. Нѣтъ также въ обоихъ мѣстахъ лѣтописи Радимичей и Вятичей. А между тѣмъ несомнѣнно, что эти три народа—Славянскаго племени. Отчего же ихъ нѣтъ? Оттого, что лѣтописецъ не считаетъ ихъ принадлежащими къ группѣ Славянъ, пришедшихъ съ Дуная. Онъ упомянулъ о нихъ тамъ, гдѣ описываетъ мѣстоположеніе народовъ, живущихъ на русскомъ материкѣ, включая туда и финскихъ, и потомъ, вычитая изъ общей массы Славянскіе народы, о Кривичахъ не говоритъ такъ же точно, какъ и о Радимичахъ и Вятичахъ. Отсюда для меня ясно, что въ массѣ Славянорусскаго народа надобно отличать *пришлыхъ* и *непришлыхъ* съ Дуная, и къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести Кривичей.

Г. И. Б — въ говоритъ: »Г. Костомаровъ просто искажаетъ лѣтописный текстъ. Чтобы Полочанъ оторвать отъ Новгородцевъ, онъ читаетъ: *а друзіи на Полотѣ* въ знаменитомъ мѣстѣ, гдѣ Несторъ ясно говоритъ, что Славяне (Ильменскіе) держати почаша (княженье) свое въ Новѣгородѣ, *а другое* на Полотѣ. На это скажемъ г. Костомарову, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ чтеніе *а другое* стоитъ безъ варіантовъ, что́ тоже онъ найдетъ въ Софійскомъ Временникѣ, что́, наконецъ, слѣдуетъ читать внимательнѣе.«

На стр. 8, въ строкѣ 10, у меня, въ статьѣ »Правда Москвичамъ о Руси« напечатано: »Словѣни (держати почаша княженье) свое въ Новѣ городѣ, *а другое* на Полотѣ, иже Полочане.« Далѣе же, гдѣ я разбираю этотъ текстъ, дѣйствительно вкралась опечатка *друзіи* вмѣсто *другое*. Г. И. Б — въ видѣлъ ясно, что это опечатка, когда за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ самый сплошной текстъ напечатанъ *правильно*, слѣдовательно зналъ, что я не *искажалъ* текста.

Далѣе г. И. Б — въ говоритъ: »что касается до моей мысли о слабомъ развитіи городовой жизни у южныхъ Славянъ, то г. Костомаровъ возражаетъ мнѣ тѣмъ, что въ XII вѣкѣ было болѣе городовъ на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ.« По почему же г. И. Б — въ умолчалъ о слѣдующихъ словахъ моихъ: »Въ глубокой древности у Улучей и Тиверцевъ были города на Днѣстрѣ и по Черноморскому поморью: *сѣдяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне?*«

Послѣ всѣхъ этихъ недобросовѣстныхъ увертокъ, г. И Б — въ сообщаетъ читателямъ, что я сочинилъ басню о Славянофилахъ на церковно-славянскомъ языкѣ, которая показываетъ, что мнѣ плохо знакомъ этотъ языкъ. Не я сочинилъ басню, а назвалъ баснею то, что г. И.

Б — въ сложилъ о Радимичахъ и Вятичахъ, и полагалъ умѣстнымъ, для наставниковъ юношества, сдѣлать къ ней объясненіе, которое писалъ на русскомъ, а не на церковно-славянскомъ языкѣ. Зачѣмъ же г. И. Б — въ сообщаетъ читателямъ, будто я писалъ на церковно-славянскомъ языкѣ? Вѣдь это ложь. Не имѣя образчика моихъ сочиненій на церковно-славянскомъ языкѣ, г. И. Б — въ не въ состояніи судить о моихъ познаніяхъ въ немъ.

Впрочемъ, это, какъ видно, мѣстная Московская замашка—съ плеча подписывать плохія атестаціи. Недавно случилось мнѣ развернуть *Московскія Вѣдомости*; тамъ рецензія »Памятниковъ«, изданныхъ графомъ Кушелевымъ-Безбородкомъ подъ моей редакціей. Меня укоряютъ въ совершенномъ незнаніи стараго языка, а въ доказательство приводятъ между прочимъ слѣдующее обстоятельство: въ »пророчествѣ св. Варлаама« читается: *преподобный же отецъ нашъ Варлаамъ святаго ради житія беззлобие душа даромъ пророчества сподобися*. Я читаю: *беззлобива* душа, и потому напечаталъ: *беззлобие(бива) душа*. Рецензентъ полагаетъ, что надобно читать: *беззлобиемь душа*, и сейчасъ дѣлаетъ приговоръ, что я не знаю грамматики, что мнѣ неизвѣстенъ былъ родительный падежъ. Но, кромѣ правилъ грамматики, есть еще извѣстные пріемы выраженія въ нашихъ памятникахъ, до которыхъ мой критикъ, должно быть, еще не доучился. *Беззлобива душа* есть часто употребительное, какъ-бы условное выраженіе въ житіяхъ святыхъ; такъ, напримѣръ, хоть въ томъ же томѣ »Памятниковъ« на стр. 247; въ этомъ мѣстѣ, по смыслу, видно то же самое выраженіе.

Н. Костомаровъ.

ЛЮДСЬКА ПАМЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ.

СІЧОВІ ГОСТІ.

СПОМИНКА СТАРОГО ДІДА.

Эге́, добро́дію! сидимо́ оце́ ми зъ ва́ми въ па́сіці — нига́дки!... Бо́жа бжола́ гу́де́, кругомъ гречки́ бі́ліють... а колись гули́ кругъ ме́не не такі бжо́ли: козаки́ гули́ небожа́та, да ще не гетьма́нці, — сама́ січова́ во́ля, добро́дію.... Переівъ я всяко́го хліба: помага́въ и пана́мъ панува́ти, помага́въ навпо́слі и гайдама́камъ-бра́тчикамъ. Ге! вже того́ не бу́де, що́ було́, а було́ жъ воно́ на́ щось. Тимъ-то, нічого гріха́ таіти, призна́юсь вамъ, добро́дію, яки́й я бувъ дурни́й колись... на свою́ рідну бра́ттю става́въ до бо́ю! да́лебі!...

Роди́вся я на Подо́лі, — то́ моя́ рідна Вкраіна, а се вже мині на ста́рість чужа́ сторона́ рідною ста́ла,—шибну́ла до́ля, куди́ схотіла. Роди́вся жъ я въ де́ржавахъ князя Любоми́рського, коли́ чу́ли, підъ Поло́ннимъ. Старосвіцьке місто, добро́дію. Добува́ли колись ёго́ козаки́ и злили́ всяки́й ступінь землі кро́вью жидівською, — онъ яке́ місто Поло́нне! Ну, роди́вшись у підда́нстві, му́сивъ тимъ ро́бомъ и ходи́ти. Взяли́ мене́ ще хло́пцемъ мали́мъ до за́мку, до панівъ, зви́чили мене́ до ко́ней, до коза́цького обороту, а да́лі и въ надвірні козаки́ записа́ли, бо зро́сту бу́въ я хоро́шого: таки́хъ у надвірні корогви́ й підбіра́ли. Величався я коза́цькою збро́ею передъ хліборо́бами, и ду́мки не було́ въ ме́не, проти́въ ко́го вона́ наготовлена.... Не ху́тко мині о́чі одкри́лись, а все жъ, хвали́ти Бо́га, одкри́лись. Ніхто́ мене́ не вмовля́въ: отта́къ и такъ воно́ було́, отта́къ воно́ есть, отта́къ бу́де; самъ я почу́въ душе́ю, що́ воно́ й я́къ воно́ и до чо́го воно́... та не такъто ху́тко досяг самого́ дна. Глибо́ке дно й калому́тне! Чу́ю було́ ще зъ

ма́лку — гайдама́ки та гайдама́ки, ніби сказа́ти — ле́дарь яка́ невірна. Пани́ на іхъ якъ на вовківъ полюють; селя́не іхъ жаха́ютця, а Жидъ ажъ пло́не, якъ почу́е. То було́ й се́рдисся, якъ хто гайдама́кою нала́е. Яки́й я гайдама́ка?... А гайдама́ки не съ ко́го й бра́лись, якъ съ таки́хъ же па́ньскихъ піддани́хъ. Инший не вго́дить шля́хті на обла́ві, чи на бе́нкеті, чи на по́сілкахъ чого́ не второпае, — втіка́е одъ батогівъ. Иншого не зло́блять па́нські похлібці, — одъ нихъ утіка́е. А хто, то й такъ не схо́че по на́ймахъ тиня́тись, або́ въ па́ньскому дво́рі довічнімъ гру́бникомъ пропада́ти, — и сей наду́мавшись дмухне́ на Січъ манівця́ми.

А тамъ тільки й піджида́ють Бо́жого літа, щобъ завіта́ти въ го́сті до вельмо́жного па́нства. Зна́ете, вся та Вкраіна, поча́вши одъ Дніпра́, ажъ геть підъ Збара́жъ, підъ Замо́стя, все те було́ колись коза́цьке. Купи́ли всю ту зе́млю козаки́ въ Ляхівъ, не за гро́ші кушили, а, ка́жуть, запла́тили само́ю щи́рою кро́вью коза́цькою. А Ляхи́-то, мовля́въ, лю́де лука́ві — умо́ви не доде́ржали, собі изно́въ усю Вкраіну ажъ по саме́ Дніпро́ зага́рбали. Такъ козаки́ й ка́жуть: »Ну, коли́ жъ такъ, пано́ве, то вже ви тутъ господарюйте зъ Жидово́ю, а намъ у Січъ платіть чиншъ.«

Ото́ жъ було́ й хо́дять изъ Січи козаки́ за чи́ншемъ. Отъ імъ са́ме таки́хъ було́ й тре́ба, що всі вхо́ди й ви́ходи по па́ньскихъ де́ржавахъ зна́ють, — зна́ють усі стежки́ й манівці по Вкраіні. Пригріе весняне́ со́нечко, шеле́сне молоди́мъ ли́стямъ де́рево, — изнімутця ро́емъ небожа́та, въ ко́го оде́жа вже на́скрізь світитця, — пора́ міня́ти на сае́ти!.. Отъ зберетця іхъ до-ку́пи десяткі́въ, або́ й со́тень скільки, ви́беруть собі ватажка́, характе́рника тако́го, що вже ёго́ хиба́ срібна ку́ля візьме, — що козаки́ за нимъ и въ огонь и въ во́ду... га́йда на Вкраіну!

У Гетьма́нщину воні́ не ходи́ли, бо тамъ пани́ свої, — хочъ и пооддава́ли йиші чо́рту ду́шу, да все жъ изъ Жидово́ю не брата́лись. Хо́дять було́ коли́ не по-надъ Дніпро́мъ, то по-надъ Бо́гомъ-річкою, да й до Слу́чи добіра́ютця за січови́мъ чи́ншемъ своімъ. Де байра́къ глухи́й та глибо́кий, що тільки звірь да пти́ця ёго́ зна́е, де хуторе́ць або́ па́сіка стоіть на о́дшибі, воні́ тамъ передню́ють, а вночі якъ смикну́ть — вовки́ вовка́ми по́ полю ри́щуть.

По́льщею вся та Вкраіна зва́лась, тимъ що Поляки́ не́ю ору́дували. И стоя́ла та По́льща, якъ горо́хъ при доро́зі: лини́вий тільки й не скубъ. Роздавъ коро́ль усі се́ла своімъ пана́мъ: кори́стуйтесь ни́ми да й бережіть же своё до́бре, щобъ міні військомъ про ту Вкраіну не турбува́тись. А въ короля́ и въ само́го гуло́ въ кише́ні, бо тоді вікъ бувъ таки́й на королівъ та на панівъ, що у всіхъ кише́ні попродира́лись. Ну, пани́ жъ

користуватись зуміли, а щобъ до-ладу́ військо спорядити, ту *Украінську па́ртию*... эге́! то въ іхъ послідне було́ діло. Списко́вихъ було́ бага́то паненя́тъ, що тільки велича́лись ротмистра́ми та поручника́ми, а до потре́би не такъ-то було́ іхъ гу́сто при полка́хъ. Гаса́ли вони́ по па́нськихъ дво́рахъ, до панночо́къ залиця́лись, або́ зъ соба́ками навви́передки бігали. Одбува́ли Тата́ръ або́ січови́хъ госте́й сами́ надвірні па́нські корогви́ — зъ на́шого жъ таки́ бра́та, съ підда́нства.

Ото́ жъ було́ якъ наідуть Січові го́сті, то похазя́йствують у панівъ та въ Жидівъ, якъ у се́бе у госпо́ді, навъю́чять уся́кимъ добро́мъ батовню́ ко́ней, та й га́йда наза́дъ! Пока́жутця и сли́знуть такъ жи́во, якъ ніби вві сні присни́лись; тільки й знаку́, що въ Ляхівъ та въ Жидівъ скри́ні поро́жні, та ще хиба́ що въ и́ншого души́ въ тілі нема́е. Отакі-то були́!

Рідко, рідко коли́ вдава́лось жовнірству засту́кати іхъ са́ме на хазя́йстві, хиба́ зра́дою. Ато́ було́ прибіжи́ть корогва́ гуса́риі, чи рейта́ръ, на чу́тку, що гайдама́ки деру́ть, та полічить тільки сліди́ одъ підківъ на шляху́, та съ тимъ и ве́рнетця. Та вже було́ якъ и засту́кають, то й імъ серде́шнимъ до́бре було́ доста́нетця. Довело́сь и міні бу́ти разівъ зо́ два у тій спра́ві, бо я — собі на́ лихо — служи́въ у надвірніхъ, помага́въ пана́мъ панува́ти. Ото́ жъ разъ стоя́ли ми цілою корогво́ю въ Полонно́му за́мку; кня́зя Любоми́рського за́мокъ бувъ. Жили́ тоді пани́ Любоми́рські якъ королі, дарма́ що Хмельни́цький іхъ бувъ тро́хи пополо́хавъ и воро́та къ чо́ртовій ма́тері ви́нісъ, якъ торо́хнувъ изъ гарма́ти-Сироти́. Ото́ жъ ми тамъ и варту́емо незна́ть-чого́, а більшъ для па́нськоі пихи́. Ажъ ось одно́го дня, тільки що взяли́сь за ложки́, лети́ть гіне́ць. Кінь підъ нимъ ажъ хита́етця, ніздрі роздуло́ якъ ріжо́къ. За́разъ ёго́, такъ якъ бувъ у грязі и въ пилу́, передъ кня́зя.

— Що́ таке́?

— Гайдама́ки на Подо́лю. Про́сить леме́нтарь Подо́льский поси́лку, бо сами́ нічо́го не вдіють.

— А бага́цько жъ іхъ?

— Сто-кільканадцять комінника́.

— До́бре; за́втра самъ зъ військомъ ру́шу.

За́разъ ёму́ дру́гого коня́, и ви́правили наза́дъ.

Заворуши́вся уве́сь за́мокъ: самопа́ли перечища́ють, кульба́ки споряжа́ють, ую́ки, патронта́ші паку́ють. На-за́втра, ско́ро світъ, за́грано въ тру́би, ру́шили зъ за́мку. Піхо́ту и гарма́ти везли́ підво́дами. Тре́тёго дня ста́ли коло Ялтушківъ: тамъ гайдама́ки обсіклись у гаю́. Ото́ ста́ли ла́вами. Панъ леме́нтарь приіхавъ, подиви́всь. »Ну, тепе́ръ оддиха́йте, та бу́дте

гото́ві на́ нічъ. Тре́ба до́бре пилнува́ти, ато́ ви́скочять зъ рукъ, якъ ми́ло въ во́ду.«

Ото́ одпочи́вши, якъ наста́въ ве́чіръ, пилну́емо ми. Кругомъ га́ю поста́влено мужиківъ кільки ти́сячъ исъ ціпа́ми, а де́котрі и зъ рушни́цями, а за ни́ми, одступи́вши ступнівъ сто, чи й бі́льшъ, ста́ло вій́ско: те, що прийшло́ зъ сами́мъ леме́нтаремъ, своїмъ чередо́мъ, а на́ше своїмъ чередо́мъ; а було́ всіхъ ти́сячъ зо́ дві: и гуса́ре́, и панцерники, и піхо́та, — чого́ тамъ не було́! И всі на ту жме́ню тихъ гольтяпа́къ!

Сидимо́, бага́ття скрізь розікла́ли, бала́каемо де́ що сти́ха, бо зака́зано було́ одъ старшини́, щобъ Бо́же бороні́ яко́го гва́лту, а щобъ до́бре чува́ли. Я ще тоді бувъ молоди́й, не знавъ ще, що́ то за гайдама́ки, то ди́вно мині ста́ло, що таке́ вій́ско на нихъ зібрано. Отъ и пита́ю у одно́го старо́го гуса́рина, що вже ёму́ у́си росли́-росли́, та ажъ за у́ха закрути́лись:

— Що́ оце́, дя́дьку, кажу́, — за ди́во таке́ сі гайдама́ки, що ось на нихъ усі корогви́ стяглися?

— Эге́, ка́же, — а ти, хло́пку, ще не зна́ешъ, що́ то за звіря́ки? Коли́бъ у ко́жного зъ насъ було́ по де́сять рукъ, то ще на іхъ ма́ло, бо ті galgáни обороня́ютця мовъ скаже́ні. Зна́ють, що вже імъ поми́лування не бу́де, то ки́даютця на люде́й, якъ и́роди, и ча́сомъ пробъю́тця крізъ ці́лий повкъ; не то втічуть сами́, та й здо́бичъ умчя́ть. Ось за́втра поба́чишъ, які́ вони́ повбірані. Се въ насъ такъ спорядили́сь, бо зъ Січи поприхо́дили въ одни́хъ лі́вихъ сорочка́хъ та въ теля́чихъ шарова́рахъ.

— А яки́й же, кажу́, — ватажко́ тепе́ръ іми дово́дить?

Ка́же — Ива́нъ Чупри́на. Пятна́дцять разівъ уже́ вихо́дить вінъ на здо́бичъ, разівъ скільки пробива́вся крізъ на́шихъ жовні́рівъ; та вже тепе́ръ, здае́тця, дамо́ ми ёму́ пе́рцю.

Ота́къ мину́ла й нічъ. Ста́ло на́ зорю займа́тись. Коли́жъ по то́й бікъ лісу, де стоя́ла піхо́та, самопа́ли пукъ! пукъ! пе́рше зрідка, а да́лі разъ-по́-разъ. А тутъ зъ гарма́ти гу! — пішла́ грукотня́ по́ лісу. Де́рево тріщи́ть та па́дае. Крикъ, гамъ! Гарма́ти реву́ть, а гуна́ по ра́нній росі такъ и розляга́етця. На́ші за́разъ на ко́ней, а селя́не, злака́вшись, навтіка́ча. А ми тільки що ру́шили іхъ перейма́ти, ажъ тутъ изъ лісу душъ со́рокъ гайдама́къ, всі въ кармази́ні та въ блаватасахъ, такі гетьма́ни ви́скочили, що ажъ очи́ма на іхъ не зглянешъ; и ко́ней за собо́ю навъю́ченихъ зъ два́дцятеро веду́ть. Ви́скочили, та якъ уда́рять изра́зу на чоти́рі корогви́ воло́ські, що стоя́ли спе́реду, такъ іхъ и розідра́ли на́двое. И отъ, якъ ба́чишъ ча́сомъ, ли́ска́вка зъ гро́му впаде́ на ду́ба або́

на густу́ та стару́ со́сну, та якъ росчахне́ ії одъ гори́ до ни́зу, то одно́ гілля́ на сей бікъ, а дру́ге на то́й бікъ ва́жко впаде́ и затріщи́ть: отта́къ ті гайдама́ки розвали́ли вели́ку ку́пу Воло́хівъ, а са́ми, якъ весно́ю ого́нь по сухи́хъ очерта́хъ, такъ и понесли́сь по́ полю, ажъ по́ле закра́сили. А Воло́хи якъ сину́лись на компутовихъ, а тутъ ще й селя́не побігли, куди́ хто втра́пивъ, то все такъ змішалось, якъ ка́ша, що вже чортъ би й знайшо́въ свою́ ла́ву: верти́сся кругомъ, якъ коза́ у череді, та й го́ді! Опісля́ вже де́-котрі опамята́лись и побігли за ни́ми, та въ пусти́й слідъ — хочъ тупи́цею. Гайдама́ки вже за село́мъ, а село́ за ни́ми до не́ба пала́е...

А тимъ, що були́ на дру́гімъ кінці лісу, ви́пала и́нша до́ля. Ще, ка́жуть, зъ ве́чора ватажко́ Ива́нъ Чупри́на, гріючись коло бага́ття, постерігъ, що вся ну́жа зъ сорочки зібра́лась ёму́ до ко́міра, та й ка́же: »Оттепе́ръ же, пано́ве, бу́де намъ ли́хо зъ вра́жими Ляха́ми: ба́чите, якъ уся́ ну́жа зібра́лась мині до ко́міра!« То вже гайдама́ки, почу́вши се́е, повісили носи́ и записа́ли собі пропа́ло. Тільки жъ Запоро́жець не такъ пропада́е, якъ про́стий чоловікъ. У нихъ во́вча нату́ра: уміе до́бре ша́рпати, уміе жъ и вме́рти, не скіглячи да́рмо.

Ота́манъ и ка́же: »Розділімось же, пано́ве, на три бато́ви, то комунебудь и помо́же Госпо́дь ви́скочити зъ западні, а вку́пі — всі пропадемо́. Чека́йте, ка́же, мого́ га́сла съ писто́ля. А якъ почу́ете га́сло, за́разъ два ра́зи зъ янча́рокъ на Ляхівъ грю́кніть, та й зъ Бо́гомъ на проло́мъ!...

Отъ, якъ ста́ло займа́тись на́ зорю, вінъ и полізъ ра́чки на край лісу, щобъ подиви́тись, що́ Ляхи́ ро́блять. А за нимъ порачкува́ло зъ деся́токъ молодцівъ. И зачепи́сь оди́нъ, лізучи, рушни́цею за гіля́чку. Рушни́ця бехъ! а на фалши́ве га́сло по́ лісу торо́хъ! трахъ! — пішла́ гуркотня́. Піхо́та на́ша за́разъ до лісу, та зъ самопа́лівъ и затопи́ла. Чупри́на лігъ, ка́жуть, одъ пе́рвої ку́лі, а гайдама́ки ще не встиґли впа́сти на ко́ней и потра́пить до ла́ду, а тутъ ще й ватажка́ нема́е. Зби́лись вони́ зовсімъ съ пантели́ку. Отъ же жва́во небора́ки боронились: уби́ли підполко́вника ля́цького, скількось офице́рівъ и зъ со́тню лейта́ръ. Та й імъ же до́бре було́: разъ те, що грю́кава кругомъ, а тутъ зъ гарма́тъ що ревну́ть, то де́рево попола́мъ, або́ и усе́ въ скіпки́ розско́читця и па́да на нихъ. Жа́рко було́ дуже сірома́хамъ. Ви́бито іхъ ма́ло не всіхъ, а ре́шту пора́ненихъ и постріля́нихъ за́брато у поло́нъ. Найшли́ само́го Чупри́ну ме́ртвого. Здоро́вий та широкопле́чий таки́й! Лежи́ть ви́вернувшись, якъ бикъ, що до́вго рика́въ підъ різни́цькою до́вбнею та завдава́въ усімъ стра-

ху, а дáлі-такú, хочъ якúй дýжий, упáвъ сердéшний и зéмлю глúбоко вдавúвъ, лежúть якъ горá, и на мéртвого ще страшно дивúтись. Отáкъ же и той Чупрúна, велúкий та страшнúй, лежáвъ у пúшнихъ кармазúнахъ рядомъ изъ старúмъ дýбомъ, що звáлено гармáтою; а бронь при ёму, и на коні збрýя такá, що несчислéні грóші коштýе: срібло́ та зóлото, а робóта, робóта жъ такá, що ажъ óчі берé! На обóхъ рукáхъ у его дорогúхъ перстéнівъ, по кишéняхъ золотúхъ дзидáрківъ скільки, а грóшей, то и злічúти немóжна. Та й на всіхъ гайдамáкахъ, и коло самúхъ, и коло кóней, знáйдено срібла́, зóлота и всякúхъ дорогúхъ сýконь на велúкі тúсячі. Усé те подíлúли міжъ сéбе жовніри и лейстрові козакú. Достáвсь и мінí рігъ съ пóрохомъ у срібній оправі, та ладівниця підъ срібною бля́хою. Та все те, якъ прийшло́, такъ и пішло́: пропáло въ Уманську руїну.

Отé подíлúвши здóбичъ, пораненихъ одісла́ли у Кáмянець на страту, а мéртвихъ закопáли у Ялтушéвському-такúй лісі, надъ шляхомъ, и могúлу надъ нúми насúпали висóку.

Отó була́ пéрва моя справа зъ гайдамáками. А знóву рóківъ черезъ два пішла́ по Вкраíні поголóска, що зза Синюхи річки вúйшла дóбра кýпа гайдамáкъ зъ ватажкóмъ *Чортовýсомъ*, та пройшла́ ажъ на Подíлля, награбувáла срібла́, злóта и всякого добра́, скільки уюкóві кóні знесýть, и повертáе назáдъ лісáми та байрáками. Тільки нíхто не знавъ, де сáме вонú тепéръ и въ якóму місці вúткнутця на степú зъ лісу. Трівóга зробúлись усюди такá, що Бóже твоя́ вóля! Не було́ íншої розмóви, якъ про гайдамáкъ. Оцé сёгóдні почýешъ, що тамъ и тамъ спалúли пáна съ пáнією и зъ дітками, а зáвтра — що напáли на кляшторъ и всіхъ ченцівъ кателúцькихъ вúрізали. Той кáже, що бáчивъ людéй якúхсь чудúхъ, а той, що въ однімъ шинкý наткнýвсь на сáмого Чортовýса: сидúть за столóмъ въ червонімъ жупáні, рýки по лóкоть засýкані, по кармазúновихъ рукáвахъ чóрна кровъ жидівська стікáе; кружáе відрóмъ горілку и нікóго не боíтця, бо вміе такъ зробúти, що оцé е, а схóче, то й немá. Що день, то все страшнíйші чуткú: сёгóдні оцé скáжуть, що въ ёго три сóтні молодцівъ, а зáвтра—три тúсячі. По дорóгахъ знай товчéтця Жидовá, зъ усімъ збіжжямъ утікáють то до зáмочківъ, то до містéчокъ. Вúславъ князь Любомúрський съ Полоннóго двохъ чи трёхъ Жидівъ на рóзвідки, сбіщáвъ велúку плáту; та Жидовá такъ боялась гайдамáцькихъ лапъ, що повертілась трóхи поза містéчкомъ, та й вернýлася ні съ чимъ. Тоді призивáе князь менé та Ласунá та Гладкóго, та ще Лободý.

— А щó, кáже,—козакú! Чи послýжите ви мінí по вірі й по прáвді?

— Послу́жимо, ка́жемъ, — милости́вий кня́зю и ба́тьку.

— Отъ же, ка́же, — вамъ по де́сять червінцівъ на доро́гу. Ідьде та привезіте мині пе́вну звістку, де гайдама́ки и скільки іхъ.

Взяли́ ми, вклони́лись и поіхали усі че́тверо різними шляха́ми. До́вго би́вся я по пу́щахъ та бездоріжжяхъ, ажъ по́ки прибився до одно́го ху́тора. Лісъ навкруги́ густи́й таки́й, що тільки не́бо та зе́млю ви́дко, а хати́нка стоіть одни́мъ-одна́ и на́ бікъ уже́ похили́лась и въ зе́млю вросла́, а соло́ма на ій уся́ одъ мо́ху та одъ буръяну́ ажъ зазеленіла. Ні доро́ги, ні сте́жки до тій ха́тки нема́; тільки поузъ са́мий причілокъ тече́ неве́ли́чкий рівча́къ. Ду́маю собі: ви́дно жъ, тутъ нема́ нико́го. Коли́ дивлю́сь, ажъ у піддашші за ха́тою сиди́ть дідъ, си́вий-си́вий. Бро́ви ёму́ понависа́ли ажъ на о́чі, а борода́ до по́яса. Сиди́ть и стру́же стру́гомъ де́ржално на ра́тище, а біля ёго під повіткою стоіть зъ деся́токъ ра́товищъ зовсімъ гото́вихъ. Отъ я, злізши съ коня́, прийшо́въ до ёго, а вінъ мене́ й не ба́чить, що я йду: стру́же собі та бурчи́ть щось. Я прийшо́въ таки́-близе́нько, та й ставъ: послу́хаю, що́ вінъ бурчи́ть. Коли́ чу́ю, ажъ то вінъ пісьню старосвіцьку хо́че співа́ти, та вже го́лосъ ёму́ дрижи́ть и не ви́веде, тільки мурко́че:

Перебийнісь про́сить немно́го —
Сімъ-сотъ коза́ківъ зъ собо́ю.
Руба́е мече́мъ го́лови съ плече́й,
А ре́шту то́пить водо́ю.
»Ой пи́йте, Ля́хи, води́ калю́жі,
Води́ калю́жі болотяни́і,
А що пива́ли по тій Вкраіні
Меди́ та ви́на ситни́і.«

— Здоро́въ, дідусю!

— Здоро́въ, ка́же, — здоро́въ, си́нку!

Та й не ди́витця-таки́ на ме́не. Я ду́маю собі, я́къ би зъ нимъ заговори́ти, та й мовчу́. А вінъ тоді підня́въ свої важкі білі бро́ві, та глядь на ме́не.

— Э! ка́же; — а ти що́ за чоловікъ?

— Ота́къ, кажу́, якъ бачъ: чоловікъ хреще́ний, волочу́сь по світу та до́лі шука́ю.

— А чи на́ша віра?

— На́ша, кажу́.

— Чого́ жъ тобі, си́нку, тре́ба?

— Тре́ба, кажу́, мині напередъ усёго попоісти.

— Пра́вда, ка́же, си́нку, пра́вда. Попе́реду нагоду́й чоловіка, а тоді вже й роспи́туй.

За́разъ пішо́въ, несе́ мінї хліба, са́ла, ме́ду, бо й па́січка въ ёго тутъ невели́чка загоро́жена. Попоівши, я кажу́ ёму́, що хотіли ніби мене́ Ляхи́ повісити за те, що я згуби́въ па́нський дзига́рокъ, а я втікъ та хо́чу приста́ть у гайдама́ки, тільки го́ре моє́, що не зна́ю, де іхъ знайти́. Вінъ тоді мінї й ка́же: »До́бре, си́нку, ідь же отуди́ й туди́, ми́мо тако́го й тако́го ду́ба, то тамъ іхъ и зна́йдешъ на уро́чищі Обозови́щі.« А самъ зновъ сівъ, та й поча́въ струга́ти ра́тище.

Поіхавъ я, ажъ такъ: у яру́ попідъ густи́ми дуба́ми ко́ні хо́дять и де́-не-де жупа́ни червоніють. Приіхавъ я бли́зче, ажъ стоіть підъ ду́бомъ коза́къ зъ ра́тищемъ на ва́рті. Я за́разъ по-запоро́зький: »пу́гу!« А вінъ мінї: »пу́гу! пу́гу«! А я зно́ву: »коза́къ зъ Лу́гу«!

— А де той коза́къ зъ Лу́гу? кри́кнувъ хтось то́всто изъ лісу. — А ідь лише́нь сюди́!

Я й іду. Дивлю́сь, ажъ супротивъ ме́не іде здорове́нний Запоро́жець зъ уси́ма, що я ще й зъ-ро́ду не ба́чивъ: чо́рні, чо́рні та до́вгі та роскішні такі, що ажъ вили́скуютця. Жупа́нъ на ёму́ шовко́вий черво́ний, ажъ світитця, якъ ого́нь; ша́пка черво́на, похи́листа; по́ясъ золоти́й; за по́ясомъ писто́лі; при боку́ ша́бля; кульба́ка и стре́мена — все те въ щи́рімъ зо́лоті, ажъ гори́ть. А кінь підъ нимъ пречудо́вної вро́ди: бі́лий якъ ле́бідь, такъ и одбива́е одъ зеле́ного лісу й трави́; ти бъ сказа́въ, що й землі не доторка́етця. Знявъ я ша́пку, та й поклони́вся ажъ до кінськоі гри́ви; забу́въ, що то й гайдама́ка; такъ би, здае́тця, взявъ та й підостла́вся ёму́ підъ но́ги: стою́ передъ нимъ, якъ передъ гетьма́номъ.

— А що́, ка́же, — бра́те? Чи на́ша віра?

— На́ша, кажу́, вельмо́жний па́не...

— А ну́, прехрести́сь.

Перехрести́вся я, окая́нний. Поте́рло мене́ тро́хи, че́сна коза́цька кровъ у ме́не обізва́лась, а про-те перехристи́вся.

— Ну, ідь же, ка́же,—собі до куріня́.

Приіхавъ я, ажъ той курінь уве́сь обси́паний ва́ломъ. Вну́щено мене́ черезъ рівъ у воро́та. Якъ уіхавъ я та якъ гля́ну, то въ ме́не и въ о́чахъ зарябіло. По́вно козаківъ, та все жъ то повбірані такъ, що й не росказа́ти: карма́зинъ коло карма́зина, сріблó коло сріблá, зóлото коло зóлота. Такъ якъ отъ ча́сомъ зімо́ю за́йдешъ у ви́нницю та прися́дешъ коло пе́чи погрітись та поди́вися, що́ тамъ у тій печі ро́битця того́ жа́ру: и черво́не, и жо́вте и си́не, гори́ть, хо́дить, мигти́ть и мрі́е, ажъ ніби

воруши́тця все; такъ у тімъ та́борі ходи́ли оди́нъ поузъ о́дного гайдама́ки: той у черво́ному, той у жо́втому, той у блакітному, а зо́лото на іхъ якъ огонь ся́е, що й очи́ма не зглянешъ. Наси́лу я тро́хи освійчившись, що вже́ не такъ ди́ко мінї між ни́ми ста́ло. Поста́вивъ я свого́ коня́ до я́селъ. Ніхто́ мене́ не пита́е, що́ я за чоловікъ. Ве́штаюсь я поміжъ ни́ми якъ до́ма. Дивлю́сь, ажъ Ласу́нъ уже́ тутъ: хо́дить, закла́вши ру́ки за по́ясъ, тільки вилётами пома́хуе; зъ старши́ми вже за пані́ра́та, а мене́ бу́цімъ и не ба́чить: тільки погла́дивъ у́са та бровою моргну́въ, подиви́вшись на ме́не зъ у́бока. А мене́ зно́сять такі ду́мки: »Ви́кажу імъ Ласуна́! Призна́юсь, хто я таки́й! Зоста́нусь між Запоро́зцами!« Такъ това́ришъ же Ласу́нъ: якъ това́риша зра́дити? А про те въ ме́не й ду́мка не зворухну́лась, що се жъ на́ші бра́ття?... Тоді ще я такъ не змігъ рахува́ти, — щи́ро послужи́въ шля́хті. А вони́ жъ то горопа́хи міні раді́ють, якъ рідного бра́та вита́ють; дорога́ оде́жа въ іхъ ку́пами, — надіва́й яку́ хочъ оде́жу. Звісно, страшни́й судъ настае́; Богъ зна́е, кому́ жи́ти, а кому́ вмира́ти, то неха́й, ка́жуть, коза́къ хочъ передъ сме́ртю покрасу́етця, якъ у горо́ді ро́жа, а ви́несе Богъ изъ огню́ въ дороги́хъ сае́тахъ — неха́й кори́стуетця на здоро́вья.

На дру́гий день приїзджа́е й Лобода́ зъ Гладки́мъ. Поприбіра́лись мужика́ми и привели́ ніби-то ко́ней продава́ти. Ласу́нъ самъ и торгува́въ у іхъ, и могори́чъ изъ ни́ми пивъ, та ни́шкомъ и сказа́въ, що Чортову́съ жде, по́ки постяга́ютця ёго́ ча́ти, бо тепе́ръ ще тільки дві ча́ті зійшло́сь, а ще дві злу́чятця зъ нимъ у Мазе́пиній Моги́лі, що за́втра ми туди́ ру́шимо, то щобъ князь бувъ гото́вий и держа́въ но́гу въ стреме́нахъ, а зъ насъ або́ Ласу́нъ, або́ я, дамо́ дропака́ та кня́зеві й доро́гу пока́жемо. Ви́правили тихъ коновóдівъ, а сами́ дру́гого дня пішли́ у Мазе́пину Моги́лу. А та Мазе́пина Моги́ла та есть то о́стрівъ, уве́сь у бору́, а круго́мъ таке́ грузьке́ багно́, що ні чоловікъ, ні кінь, ні соба́ка не перебреде́; а на той о́стрівъ черезъ багно́ ви́сипано три гре́блі. Незаба́ромъ надійшла́ ще одна́ ча́та зъ вели́кою здо́биччю. Отъ, якъ зроби́всь підъ той часъ га́ласъ и крутани́на въ та́борі, то я улу́чивъ щасли́ву годи́ну, та на коня́, та дра́ла. Прибігъ у Поло́нне підъ за́мокъ, підъ Ки́евську бра́му, стуку́нувъ, — не пуска́ють мене́, бо не пізна́ли: жупа́нъ на міні перло́вий, гу́дзики рубі́нові, по́ясъ литі́й, ша́пка соболе́ва, — та наси́лу вже впусти́ли. За́разъ мене́ до кня́зя. »Такъ и такъ, милости́вий кня́зю, ще тільки одні ча́ти дочека́ютця, та й ру́шять підъ Костянти́нівъ, бо чу́ютця на си́лахъ. Тре́ба поспіша́ти, щобъ не ви́пустити іхъ съ того́ о́строва.«

За́разъ усе́ вій́ско на ко́ней, а піхо́та на підво́ди; забра́ли гарма́ти й порохи́, поіхали. А я коне́мъ попе́реду, доро́гу пока́зую. Було́ то полюва́ння на страшно́го звіря, що й о́чі й у́ха и чуття́ до́бре ма́е, а ще лу́ччі — ла́пи. Зака́зано пі́дъ вели́кою ка́рою, щобъ ніхто́ не гомоні́въ и лю́льки не кури́въ. Звернули́ зъ шля́ху; потягли́сь лі́сомъ мо́вчки, ти́хо; тільки коли́-не-коли́ ко́лесо гарма́тне чи возове́ сту́кне, наіхавши на ко́рінь, або́ тріс не суха́ гиля́ка. Ишли́ день и нічъ зъ мали́мъ одпочи́вкомъ, а да́лі влізли у таку́ гущи́ну, у такі не́три, верте́пи та ви́бої, що ле́дві-ле́дві витяга́ли вози́ та гарма́ти съ того́ ковтуна́. А тутъ нічъ те́мна така́, що тільки навмани́ вга́дуешъ доро́гу. Да́лі таки́, ди́кувати Бо́гу, ви́йшли безъ приго́ди зъ тії багню́ки и ви́брались у рідки́й бі́ръ. Я злізъ съ коня́ та зъ ра́дощівъ ажъ зе́млю поцілува́въ. Про Запоро́зцівъ уже́ й байду́же. Ска́зано, молоди́й, хисткий, — нікому було́ покрепи́ти... Ото́ жъ ско́ро вже дійшли́ и до того́ па́сішника, що ратища́ стру́же. Обско́чили ёго́ круго́мъ и взяли́ въ свої ру́ки. А вінъ тільки подиви́всь, підня́вши вго́ру бро́ви, та сказа́въ: »Отъ же вражі Ляхи́-таки́ прони́хали!« а по́тімъ зновъ посу́пивсь та й байдуже́: зна́е вже, що коли́ не сёго́дні, такъ за́втра смерть. Та таки́й же стари́й та си́вий бувъ той па́сішникъ, що ніхто́ ёго́ не бивъ и не ля́явъ. Посади́ли ёго́ на візъ, ще й сіна підмости́ли, — та й поіхали до Мазе́пиної Моги́ли.

Переночува́вши въ невели́чкімъ сельці, вранці позганя́ли мужиківъ зъ око́лиць зъ ра́лами та зъ соки́рами. Було́ іхъ душъ, ма́буть, съ ти́сячу. Ру́шили дальшъ, и вночі прийшли́ до яко́гось уро́чища. Тамъ, ви́дно, коли́сь була́ та́борщина, бо лісу не́кільки го́ней ви́рубано и позоставали́сь рови́ й вали́. Усовітувавъ тутъ оди́нъ коза́къ перегоди́ти, ажъ по́ки на не́бі за́йдуть *Коза́ри*. А не́бо буде́ чи́сте якъ ху́стка и скрізь зо́рями зайскрене. Та кнізь боя́всь, щобъ гайдама́ки тимъ ча́сомъ не довідались.

— Не бійтесь, ка́же, — ніхто́ сюди́ не прийде, бо ка́жуть, що се місце за́кляте: тутъ, ка́жуть, по ночах̀ъ відьми́ та упирі вигра́ваютъ свої шту́ки; съ того́-то воно́ й зветця: *Ку́цого Чо́рта Слободá*.

Отъ, якъ пережда́ли годи́нъ зо́ три, то почали́ зника́ти зъ не́ба зо́рі, а на не́бі черво́ні пля́ми одъ бага́ття, що горіло въ гайдама́цькому та́борі. Ру́шили ми ти́хо и, прийшо́вши до самих̀ъ гре́бель, порозставля́ли передъ ко́жною гре́блею по шести́ гарма́тъ и рови́ передъ гарма́тами повико́пували, а о́кругъ гарма́тъ піхо́та ста́ла. Селя́нъ зъ соки́рами розста́влено круго́мъ попідъ со́снами, и ско́ро гукну́ть по́ разу гарма́ти, за́разъ щобъ руба́ли со́сни. А ре́шту піхо́ти порозставля́ли въ рушни́цями понадъ багно́мъ, щобъ стріля́ти, якъ-що́ хто ви́ткнетця зъ лісу. Почало́

вже сіріти. Серде́шні гуля́ки сплять собі, и не сни́тця імъ, що вже іхъ піймано въ матню́.

Ажъ ось за́разъ изъ са́моі бі́льшоі гре́блі шість гарма́тъ торо́хъ! а зъ дру́гоі увъ одвітъ — гу́-у! а зъ третёі зновъ — гу́-у! Затріща́ли и загули́ по́ лісу со́сни; а тутъ вразъ засту́кало ти́сяча соки́ръ объ де́рево. Ой не ве́село жъ було́ січови́мъ молодця́мъ прокида́тись підъ таки́й гукъ и тре́скітъ! Ути́хли гарма́ти, да́вши по два ра́зи огню́; переста́ли й соки́ри. Я взявъ морську́ трубу́ и закрича́въ: »Зда́йтесь на ла́ску па́нську, бо обго́рнуті круго́мъ.«

Жа́дного одвіту. Тихо; тільки димъ кури́ть понадъ ба́гнами, підійма́ючись уго́ру. Ажъ ось на гре́блі затупотіли ко́ні, и крикъ: »Гони́, лови́! Посто́й, Кири́ло!« и по́ки піхо́та ви́палила, якъ ось лети́ть бісомъ щось на коні и про́сто проміжъ гарма́ти. Тоді тільки пізна́ли Ласуна́. Пого́ня гайдама́цька заверну́лась, бо жа́рко повіяла піхо́та зъ самопа́лівъ; чоловікъ зъ деся́токъ покоти́лося съ кульба́къ.

Отъ и день розви́днівсь. Окри́кнувъ я іхъ три́чі, щобъ здава́лись. Ажъ за тре́тімъ ра́зомъ гукну́ли зъ лісу, до́бре часту́ючи й насъ и на́шихъ батьківъ. Зновъ загуркотіли гарма́ти, затріща́въ лісъ, засту́кали соки́ри. Годи́нъ за три пороби́ли круго́мъ багна́ засіки, а со́снами завали́ли круго́мъ гайдама́цький та́буръ и сами́хъ надуши́ли ги́бель. Про́бували серде́ґи одстре́люватись, повила́зивши на со́сни, а на́ша піхо́та собі бра́ла іхъ на ціль. Та багно́ було́ ду́же широ́ке, то не бага́то вони́ намъ шко́дили.

Ота́къ и день цілий мину́въ. Стукъ та грімъ та ку́рява понадъ лісомъ. А якъ сте́мніло, усовітувавъ Ласу́нъ пороби́ти та́йно на гре́бляхъ зава́ли зъ гіля́къ, пеньківъ, каміння й хворосту́, щобъ кінно черезъ нихъ не мо́жна було́ перебра́тись, бо запе́вне знавъ, що гайдама́ки підуть на проло́мъ. Зда́вся намъ на добро́ ёго́ совітъ, бо спра́вді Чортову́съ, розділи́вши свою́ вата́гу на три ку́пи, зду́мавъ уда́рити ра́зомъ трёма́ гре́блями и прочи́стити собі доро́гу.

Чатува́ли ми всю нічъ підъ ору́жжямъ, прислуха́лись до вся́кого ше́лесту. Якъ ось опівночі затупотіли ко́ні, пе́рше глу́хо, а да́лі все чутнійшъ, якъ ста́ли підхо́дить до гре́блі, а наре́шті загула́ гре́бля одъ копи́тъ, а гайдама́ки загука́ли: »Ну́те, бра́тця: *або́ добу́ти, або́ до́ма не бу́ти!*« — и припусти́ли навза́води. Да́но імъ збли́житись, щобъ стягну́ть усіхъ на гре́блю, а по́тімъ гу! — заревли́ гарма́ти. Отоді вже зроби́лося спра́жне пе́кло. Що хвили́на, то й гукну́ть гарма́ти, не съ того́, то съ того́ бо́ку. А пора́нені кричя́ть, ко́ні иржу́ть та бъю́тця поміжъ понава́люва-

нимъ гіллямъ, дерево скрізь тріщить та падае, а по бору гуна такъ и розлягаетця. А нічъ же то темна-темна! Тільки разъ-по-разъ сяе красний огонь зъ гарматъ: сяйне, окаже кругомъ людей, коней, блискучу збрую и рудий димъ хмарами зверху, та зновъ и погасне, тільки реве та стогне кругомъ у темряві. Правдиве було пекло. Цілу нічъ стріляли пушкарі, мовъ завязавши очі; тільки чули, що на греблі ворочаетця все и кипить якъ у казані. А якъ розвиднило, тоді тільки побачили, яке лихо сталось гайдамакамъ. Думали пробитись, сіромахи, черезъ греблю, та, позабиваючись у завали, попали тамъ, якъ бжоли въ бочці підъ пасішною довбешкою.... Якъ бжоли карабкаютця, тонуть и вязнуть у густій патоці, якъ виверне пасішникъ у бочку важкі та повні заботні; такъ вони сердеги, вязли поміжъ гіллямъ и тонули въ багнахъ. Лежало іхъ багато. Ажъ жаль було дивитись! народъ усе здоровий та роскішний, и коні добрі; та все жъто те породиране картечами и покривавлене. Лежать бідахи, повивертавшись, густо, якъ снопи на хорошій ниві. Якъ молотники, вставши зрання, стануть у два ряди на довгому току и бьють дубовими ціпами снішъ за снопомъ, ажъ поки розлетитця увесь соломою, такъ и іхъ порозбивано картечами, породирано чаунними кулями на шматки и перемішано съ потрощеними гіляками и колоддямъ. На великій греблі, у завалі, знайшли й самого Чортоуса на колоді. Навзнакъ лежавъ сердешний головою на колоді, роскидавши крижемъ руки, а вуси, мовъ дві чорні гадини, ростяглись по колоді, у крові всі, та й позасихали. Картеча вдарила сіромаху саме въ груди и вискочила въ спину, роспоровши пишний кармазинъ. Кровъ изъ рани потекла и по всему жупанові и по золотому поясу, залила и дорогого білого коня, що лежавъ підъ нимъ убитий. Шаблю при Чортоусі и оружжя знайшли пречудовне, та ба: ніхто не схотівъ его носити, бо Чортоусъ бувъ, кажуть, чарівникъ и все те наговорене чарами. Одинъ князь Любомирський не боявсь ні якихъ чаръ и взявъ собі ту шаблю и зброю. Поранених душъ тридцять забрали и повезли до Полонного на страту, здобичъ поділили поміжъ військомъ, а трупи четвертували и розставляли на паляхъ по селахъ и шляхахъ. Тільки съ того люде ще більшъ набирали собі гайдамацького духу: якъ покажутся було де січові гості, — вони іхъ крюють по пасікахъ, дають імъ осторогу, а кому нема життя одъ економівъ та дозорцівъ панськихъ, ті й сами зъ гайдамаками панські будинки руйнували. Тільки ми, надвірні, було, за панськимъ приводомъ, ходимо на гайдамакъ. Здавалось: куди, яке добро чинимо, а ми тільки помагали загнуздувати нашихъ братівъ.

Панько Казюка.

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

II.

ТАРПАНЫ

(ДИКІЯ ЛОШАДИ.)

Видъ нашихъ новороссійскихъ степей производитъ на человѣка, первый разъ ихъ увидѣвшаго, такое сильное впечатлѣніе, что оно неизгладимо остается въ памяти. Ихъ образъ подъ вечеръ, или въ знойное лѣто, своею великостью и безмѣрностью, тишиною и пустынностью, столь же глубоко дѣйствуетъ на воображеніе, какъ видъ океана безбрежнаго и независимаго — на пловца, еще не свыкшагося съ бурями. Будто затихъ и не колыхнется цѣлый океанъ земли. Но не вѣрьте тишинѣ этого океана: онъ вокругъ васъ колышется и, какъ волнами, разбѣгается широкими логами и оврагами. Тамъ, по углубленіямъ, скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тамъ бѣжитъ истомленный ручей, и по сторонамъ видны остатки весенней воды; тамъ роскошно льется рѣка; тамъ раскидываются богатые луга, и по островамъ синѣютъ лѣса. Не видно ни холма, ни пригорка, только могилы, да могилы. Возвышенности, которыя въ другихъ мѣстахъ разнообразятъ страну, какъ-будто выступая изъ земли, — въ степяхъ замѣнены разнообразіемъ углубленій. Только херсонскія, перекопскія и буджацкія степи улеглись не колыхнувшись.

Съ грустью глядитъ на нихъ сѣверный житель Россіи!

Но что́ были эти степи, поросшія гигантскимъ бурьяномъ и застланныя ковылемъ, за два вѣка предъ нами, даже въ половинѣ прошедшаго столѣтія, когда онѣ были владѣніемъ Татаръ и Запорожцевъ и именовались *Дикимъ Полемъ* у сосѣдей, и *Пустынями* за границею (les

deserts Zaporosens, solitudo)? когда, кромѣ вооруженныхъ запорожскихъ командъ, укрытой въ терну *рушнйці* гайдамаковъ, безчисленныхъ стадъ и табуновъ и кое-гдѣ бѣлѣющейся хаты зимовника, ничего не встрѣчалъ смѣлый путешественникъ? Дорогъ не было, кромѣ отвѣчныхъ шляховъ: Муравскаго и Чорнаго, по которымъ шли обозы за солью въ Крымъ, за рыбою на Донъ и Запорожье. Перетянувъ черезъ Днѣпръ, у Никитина перевоза, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности отъ чумы и гадины; добывалъ изъ воза пику, заряжалъ рушницу. Въ Ногайской степи уже ни сёлъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если трава уродила и вода въ »полевыхъ рѣчкахъ« не повысыхала. Отъ запорожской границы до самой перекопской *башты*, не увидятъ они уже ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, всегда вооруженными ножемъ за поясомъ, такихъ же дикихъ, какъ ихъ лошади.

Было гдѣ погулять и Татарину въ мохнатой шапкѣ и доброму козаку, и дикому коню; но время уничтожило всю вольницу новороссійскихъ степей, и Татарина и козака, котораго оно не могло превратить ни въ пикинера, ни въ желтаго гусара.

Оставляя до-поры, до-времени двухъ первыхъ, обручившихъ уже, протопластовъ степей, я остановлюсь немного на третьемъ его видѣ— на дикихъ лошадяхъ или *Тарпанахъ*, по мнѣнію професора Кесслера, переведшихся еще въ прошломъ столѣтіи, по мнѣнію же моего Омелька, еще, можетъ быть, и теперь гдѣ-нибудь *вёштающихся*, не для того, чтобы укорить уважаемаго професора, но совершенно по другой причинѣ—для *слѣда*.

При Бопланѣ, во второй половинѣ XVI вѣка, разгуливали по новороссійскимъ степямъ олени, сугаки, лани, кабаны дикіе, байбаки, буйволы, перепелки съ синими ногами, мясо которыхъ было смертельно, и дикіе лошади. »Онѣ ходили табунами, говоритъ Бопланъ, отъ пятидесяти до шестидесяти головъ, и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе: издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ дѣлаться ручными, но также ни къ чему негодны, развѣ только для пищи. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины, впрочемъ на мой вкусъ не такъ пріятно. Смачность его — замѣчаетъ онъ — Украинцы заглушаютъ пряностями, которыми изобильно приправляютъ всѣ свои кушанья: они ѣдятъ перецъ, какъ горохъ. Дикую лошадь усмирить невозможно; она полезна только для мясного ряда, гдѣ конина продается

вмѣстѣ съ говядиною и бараниною. Впрочемъ дикіе кони разбиты на ноги; копыта ихъ разростаются, дѣлаются толстыми (ибо никто ихъ не обрѣзываетъ) и не дозволяютъ лошади быстро скакать. Такимъ образомъ, заключаетъ простодушно sieur, котораго мы такъ часто тревожимъ,—конь, непокорный волѣ смертнаго, лишается быстроты своей—ясное доказательство божественнаго Провидѣнія, которое предназначило животное это на службу человѣка.«

Позднѣе столѣтіемъ послѣ Боплана, Дитлей, въ *Дѣтскомъ Атласѣ* (Спб. 1771 года), говоритъ, что при волошскихъ и татарскихъ границахъ ходятъ стадами дикія лошади, которыя нѣсколько меньше дворовыхъ, но копыта въ-двое шире имѣютъ, нежели у оныхъ; буджацкіе Татары обыкновенно ловятъ ихъ въ мокрую осень, отчасти убиваютъ стрѣлами, окружая ихъ пристанище и съ ужаснымъ крикомъ вгоняя ихъ въ болото, изъ котораго онѣ скоро выбиться не могутъ. Убитыхъ ѣдятъ, и тогда у нихъ бываетъ праздникъ; пойманныхъ же приучаютъ къ ѣздѣ, а особливо къ бѣгу; ибо онѣ чрезвычайно быстро бѣгаютъ.«

Въ своемъ путешествіи по святымъ мѣстамъ (Pielgrzymka do ziemi świętey, 1839), Головинскій говоритъ: »Но есть еще въ Херсонской губерніи и дикія лошади. Мнѣ разсказывалъ одинъ мѣстный управляющій, что онъ не одинъ разъ видѣлъ табуны дикихъ лошадей, которыхъ пасетъ и сторожитъ жеребецъ; самъ онъ пасется вдали отъ прочихъ лошадей, присматриваясь, нѣтъ ли гдѣ опасности. Жеребецъ смотритъ, чтобы табунъ держался вмѣстѣ, и, если замѣтитъ гдѣ-нибудь домашнюю лошадь, заблудившуюся въ степи, забираетъ ее силой въ свою команду. Однажды, если только вѣрить управляющему, онъ, скрывшись ворву, видѣлъ между дикими лошадьми одну домашнюю, и еще въ хомутѣ! Эти лошади малаго роста, но хорошихъ статей и быстры, различныхъ мастей, но болѣе мышатыя, а жеребецъ всегда этой масти; только что рожденнаго жеребенка онъ самъ чиститъ. Мѣстные жители умѣютъ ихъ ловить арканами, но, пойманныя, онѣ никакой пользы не приносятъ: или сами убиваются, или умираютъ, затосковавшись, или же, освоившись, теряютъ, что называется, фантазію и дѣлаются лѣнивыми. Потому-то ихъ теперь никто и не ловитъ; онѣ ведутъ свободную жизнь, провождая зиму у стоговъ сѣна.«

Вотъ и есть слѣды, что дикія лошади еще такъ недавно существовали въ Херсонской губерніи. Я съ особеннымъ удовольствіемъ перечитывалъ эту замѣтку Головинскаго, которая не лишала степей первообраза ихъ первобытной пустынности и дикости.

»Но у меня, подумалъ я, есть еще подъ рукой одинъ источникъ: не можетъ быть, чтобы Омелько, туристъ и двадцати-пяти-лѣтній скиталецъ степей, не вынесъ о тарпанахъ чего-либо видѣннаго или слышаннаго.«

— Омельку, дай пожалуйста понюхать табаку, говорю я.

— Съ удовольствіемъ моимъ большимъ, говоритъ и, откидывая полу свитки, изъ кармана, въ которомъ всегда, и премѣнно былъ *гаманéць* съ *причандáломъ*, вынимаетъ тавлинку и, давая мнѣ *нюхъ*, самъ *заживáе*.

— Скажи мнѣ, *гóлубе*, правда ли, что одинъ панъ пишетъ, будто уже на вашихъ степяхъ нѣтъ дикихъ лошадей?

— Не вѣрьте, ей Богу, не вѣрьте, что они тамъ пишутъ! Ѣдетъ панъ столбовою дорогою да и думаетъ, что ему онѣ на дорогѣ попадутся: *найшлú дурнúхъ*! А я такъ видѣлъ собственными глазами (ему правильнѣе надо было сказать: собственнымъ глазомъ) около Николаева, верстъ шестьдесять къ морю, въ Калиновкѣ, гдѣ уланское поселеніе.

— А давно?

— На третій годъ послѣ смерти вашего дѣдушки (1835). Какъ пошелъ я за границу (1), то и сталъ я въ Калиновкѣ, у Ситниченка Игната. Добрый, заможній былъ хозяинъ. Въ воскресеніе или въ праздникъ, бывало, сговорятся они съ сосѣдомъ Никитой Совою: »А ну, братцы, поѣдемъ за дичками, стебнуть по крючку!« и меня возьмутъ съ собою. Выѣдешь — степъ вокругъ тебя какъ море, только небо синѣетъ. Тамъ яровъ много, есть и рѣчка и большой яръ Сагайдакъ. Весною въ рѣчкѣ есть вода, а лѣтомъ только въ каменныхъ ямахъ стоитъ: дно въ рѣчкѣ, знаете, каменное. Вотъ засядемъ мы въ яру, сидимъ, да и угля́димъ табунъ, головъ пятьдесятъ или шестьдесятъ... скорѣй изъ яру; *поприлягáемъ* на коняхъ и подъѣзжаемъ *ступóю* къ табуну. А жеребецъ, только что замѣтитъ копей, думаетъ, что ѣздоковъ на коняхъ нѣтъ, станетъ на заднія ноги, въ ноздри *здóрово хропнé*, сунется до насъ, да и назадъ къ табуну; мы на стадо — и разбиваемъ табунъ на три части; дурно́е какое-нибудь лошя́ останется; бѣжитъ до него матка, а жеребенокъ уже увязался до насъ; вотъ тогда сберешь арканъ...

— Какіе же у васъ употребляли арканы, Омелько?

---

(1) Т. е. въ Херсонскую губернію.

— Сказано—какіе: волосяные, саженей въ двадцать или тридцать. Якъ *стёбнёшъ* арканомъ, то на томъ мѣстѣ, гдѣ была голова, очутится хвостъ, а арканъ привязанъ къ сѣдлу. Послѣ придушишь, выманежишь, приглушишь и привяжешь до своего коня; такъ и приводишь домому; учишь его, учишь,—нельзя ничего сдѣлать; подъ верхъ, при другомъ свойскомъ конѣ, то еще туда-сюда; но въ хомутѣ или въ шлеѣ нельзя научить. Ляжетъ, визжитъ, хоть ножемъ рѣжь, не встаетъ, а выпряжи — схватится. Вотъ у Ляшенка, два года дикая лошадь была; разныхъ онъ практиковъ доходилъ съ нею — никуда негодится, — только развѣ на ярмарку въ Березовку вывести да продати за два карбованца татарамъ: за-ради мяса купятъ А Курта, Петро Ивановичъ, тотъ, правда, выучилъ *одгульня*, хоть своихъ триста головъ лошадей имѣлъ; сказано — для любопытствія: »есть свои кони, а на дикихъ ѣзжу.«

— Что́ же это за одгульни?

— Вотъ видите: попасаетъ себѣ мужичекъ коняку, конячка пасется и все дальше отходитъ, а мужичекъ спитъ на солнцѣ да потягивается; — прибѣжитъ, увидѣвши ее, дикій жеребецъ, о́гаръ значитъ, и займетъ коняку; а если случится, что займетъ кобылу, то отъ тоеі — о́дгулень родится; такого еще, пополамъ съ бѣдою, можно подъ верхъ выучить; но *щирого дичка́* — никогда. А разъ Ситниченко кованого на всѣ четыре ноги свойскаго коня загналъ изъ дикаго стада въ каменную кошару и тамъ поймалъ; одичавѣлъ совершенно. То былъ конь одного купца; за два года совсѣмъ одичавѣлъ; однако купецъ, по-сосѣдски, за семьдесять рублей на ассигнаціи коня выкупилъ. Мнѣ одно каторжное лошя штаны на куски порвало. У Рингеля, купца, поймали лошя, обручнѣло оно немного, уже стрижакомъ учинилось. Разъ повѣсилъ я штаны на землянку, а оно пришло и погрызло. »Чтобъ тебя навіженного волкъ съѣлъ!« говорю. Что́ вы думаете! таки въ ту самую ночь и съѣли! въ такую значитъ пору сказалъ.

— А какой они масти?

— Масти они всегда мышастой, только черная полоса идетъ по спинѣ, будто батогомъ кто ударилъ. На видъ хороши; ростомъ будутъ съ добрую двухъ-лѣтнюю конячку, только въ персяхъ такіе складныя, гарныя да дужія; а которыя другой масти, то не щирія дички, а о́дгульни, копыта какъ у свойскаго коня.

— Какъ же, Омельянъ, я читаю, что копыта у нихъ разростаются и дѣлаются здоровенными?

— Ей-Богу, не слушайте! Какъ чоботъ у себя, такъ и у нихъ копытъ

ба́чивъ; хоть на присязі скажу. Мало ли что́ говорятъ? такія и такія — и голова большая... а я такъ видѣлъ своими глазами. Отчего же, я слышалъ, что есть дикія коровы, а не скажу? бо не видѣлъ.

— Такъ съ нихъ и пользы никакой нѣтъ?

— Люди на нихъ не ла́сы; никакой пользы не даютъ; развѣ только на жиръ бьютъ. Засядетъ человѣкъ гдѣ-нибудь въ ямѣ; убьетъ изъ ружья, сдеретъ жиръ и смѣшаетъ его съ дегтемъ; старыя очень жирны, да и какъ имъ не быть жирными, когда зиму цѣлую около стоговъ трутся? Теперь вѣрно уже ихъ нѣтъ. Сильно народно стало, змандровали въ другіе края Не хотятъ служить человѣку, а когда-то, говорятъ, они людямъ, которы на тѣхъ мѣстахъ прежде жили, служили; а теперь, видно, не хотятъ служить *чоловікові*.

— Что́ я слышу, Омельянъ? ты меня опять наводишь на сближеніе, какъ гончаго на тропъ за зайцемъ. Видишь ли, одинъ дѣдъ, звали его Геродотъ, еще лѣтъ четыреста передъ Р. Хр., описываетъ, что тамъ, гдѣ Днѣстръ наиболѣе сближается съ Бугомъ, жили самые Скиты (кочевые Скиоы), а около нихъ по сосѣдству — Доброконники (Калиппиды),— на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Николаевъ, Брацлавъ, Винница, гдѣ Уманщина, гдѣ Конскія Воды, — и говоритъ, что они дуже любили гарныхъ коней, и разводили ихъ.

— Гдѣ же они теперь? спрашиваетъ Омелько.

— Смандровали куда-то.

— Ну, можетъ быть, послѣ нихъ осталась какая пара въ степяхъ, одичавѣла, а послѣ и расплодились дикіе кони. Сказано — не хотѣли служить другому народу, пока и не перевелись.

»И я хотѣлъ что-то подобное сказать!«, подумалъ я. (1)

---

(1) По просьбѣ редакціи, Я. Г. Кухаренко сообщилъ слѣдующія замѣчанія о дикихъ лошадяхъ, водящихся до сихъ поръ въ Черноморіи:

Дикія лошади (говоритъ онъ) бываютъ росту малаго, похожи на вятокъ; но не имѣютъ такого правильнаго склада. Вообще они, противу роста своего, имѣютъ голову большую, лобъ широкій, челюсти тоже широкія, грудь посредственную; крупъ у нихъ всегда крутой, округленный; уши умѣренныя, но толстыя; холки нѣтъ, или едва замѣтна; спина круглая, такъ что сѣдло, крѣпко подтянутое подпругами, едва держится и, при малѣйшемъ ослабленіи, подворачивается; копыта, какъ у горныхъ лошадей, ввидѣ опрокинутаго стакана, и крѣпкіе; мастью — темно-мыша́стыя или темно-каштановыя, съ чернымъ ремнемъ по спинѣ. Они дики до-того, что, завидѣвъ человѣка, — повозкою ли онъ ѣдетъ, или верхомъ, — поспѣшно убѣгаютъ, скрываются отъ глазъ и на виду ни какъ не остановятся.

Между дикими лошадьми не мало есть відгульнівъ (или *бадульнівъ*, какъ

III.

EXTRÜCKTE HELDEN.

(ЛИЦАРІ-НЕВМИРАКИ.)

У меня, въ хатѣ, на стѣнахъ налѣплены разныя лубочныя картинки: воины на коняхъ, корабли, Еруслань пылко-пламенный, Бова великодушный и надменный, Иванъ-царевичь на бодромъ конѣ съ жаръ-птицею въ клѣткѣ. Эти украшенія я налѣпливаю по стѣнамъ для приманиванія къ себѣ моихъ малютокъ — племянника и племянницы, которыхъ я, старый холостякъ, люблю. Придутъ они изъ деревни ко мнѣ, такіе маленькіе. »Покажи, говорятъ, сѣраго волка, дядя!« Дяця ихъ на руки, поцѣлуетъ; а они обнимаютъ его и тянутся или къ воину современному, или къ милому Бовѣ.

назвалъ Омéлько), т. е. лошадей *свійськихъ*, ручныхъ, въ разное время попавшихся между дикихъ, которыя охотно ихъ принимаютъ, а особенно кобылицъ. У этихъ лошадей, копыта плоскія, хотя и разростаются въ величину, но излишки копытъ обламываются сами собою, такъ точно, какъ у лошадей нашихъ степныхъ табуновъ, которымъ копытъ никто никогда не обрываетъ, и они не мѣшаютъ скорому бѣгу. Не очищенное копыто мѣшаетъ только лошади рабочей.

Відгульні бываютъ, обыкновенно, разныхъ мастей, но родящіеся отъ такихъ матокъ жеребята всегда принимаютъ масть и складъ *тарпана*, потому что происходятъ отъ дикихъ жеребцовъ. Не было случая получить породу отъ ручного жеребца и дикой матки.

Табуны дикихъ лошадей дѣлятся на косяки, какъ и наши степные: косякъ можетъ состоять изъ 30 штукъ матокъ (наибольшее число, ато всегда менѣе). Косяки часто соединяются или держатся не вдали одинъ отъ другого. Съѣхать ихъ на равномъ мѣстѣ, хотя пригнувшись на лошадяхъ (какъ говоритъ Омелько), нѣтъ возможности: жеребцы всегда предусмотрятъ опасность. Были случаи, что охотники нагоняли дикихъ лошадей въ клинъ между двухъ топкихъ бáлокъ, съ цѣлью загнать ихъ въ болото; но, не смотря на преслѣдующую ихъ облаву охотниковъ, при видѣ явной опасности, они бросаются сквозь облаву, хотя бы то и съ урономъ, какъ это и случается въ такомъ случаѣ почти всегда.

Весною, когда жеребята не имѣютъ еще двухъ недѣль отъ роду, они обыкновенно прилѣпляются къ ручнымъ лошадямъ и остаются между ними; но позже этого возраста жеребенокъ такъ быстръ и смышленъ, что не отстаетъ ни на шагъ отъ матки. Зимою охота на нихъ удобнѣе. Когда поле покрыто толстымъ слоемъ снѣга, дикія лошади пробиваютъ себѣ одну дорогу въ степи къ скирдамъ сѣна, по которой и ходятъ. Нужно знать концы этой дороги, или *тясьмы*, чтобы ее съ обѣихъ сторонъ занять охотниками. Это дѣлается не на близкомъ разстояніи. Показавшіеся

Сегодня послѣ обѣда,—а день такой жаркій,—я, заснувши немного, велѣлъ Омéльку подать себѣ дыню. Омéлько приноситъ ее, замысловато постукиваетъ по ней рукою, приговаривая: »Щúрая дубовка, настоящая дубовка!« И точно, разрѣзавъ ее, я ахнулъ: ароматъ былъ необыкновенно пріятный, вкусъ тоже.

— Вотъ и тебѣ кусокъ, Омéлько: ѣжь, чтобы зналъ, какія у насъ чудеса растутъ на баштанѣ.

— Я вамъ говорилъ, что на той сторонѣ будетъ добрый баштáнъ. Дастъ Богъ, доживемъ слѣдующаго лѣта — еще больше скопаемъ горы и засадимъ. Дыня, нечего сказать, хороша, замѣтилъ Омелько, тонко срѣзывая кожицу съ нея своимъ складнымъ ножемъ, который онъ всегда, по старой привычкѣ, имѣлъ при себѣ на припонѣ, содержалъ въ полной исправности и острилъ. — Ну, а кавуны не выдутъ противъ дынь.

И, чтобы разговоръ не сдѣлался для меня черезъ-чуръ лестнымъ,

---

съ двухъ сторонъ охотники заставляютъ дикихъ лошадей оставить дорогу и избрать другой, непробитый путь. Такъ какъ глубокія рытвины и крутыя балки въ степи заметаются наноснымъ снѣгомъ, то и случается, что утонувшія въ такомъ снѣжномъ заносѣ дикари дѣлаются добычею охотниковъ.

Дикія лошади отъ природы свирѣпы. Онѣ легко перекусываютъ зубами наброшенный имъ на шею волосяной арканъ (*накидáльний повалець*). Для этого употребляютъ арканъ пеньковый, длиною до 12 маховыхъ сажень (т. е. по 2½ аршина каждый) или 30 арш. (а не сажень, какъ говоритъ Омелько). Накинувшій дикую лошадь, беретъ арканъ подъ правую ногу (*підъ пíслище*). Пріученный арканный конь сѣдока становится бокомъ, упираясь ногами; петля аркана на шеѣ дикой лошади затягивается, и, отъ прервавшагося дыханія, жертва падаетъ; прочіе сѣдоки быстро спѣшиваются; одинъ хватаетъ за уши изза спины, пригибаетъ голову къ землѣ, прижимая колѣнями шею, другой, тоже изза спины, хватаетъ за пахву и, пронявъ хвостъ дикой лошади между ногъ, держитъ крѣпко обѣими руками его конецъ. Прижавшій къ землѣ голову освобождаетъ на шеѣ затянутый арканъ; дыханье возвращается; тогда, извѣстнымъ порядкомъ, тѣмъ же арканомъ бротáютъ за морду дикую лошадь. Накинувшій арканомъ всадникъ опять подбираетъ покороче подъ ногу арканъ; придерживавшіе за уши и хвостъ дикую лошадь пускаютъ, и она, поднявшись на ноги, стремится въ сторону; за нею подается всадникъ съ арканомъ, а прочіе, сбивая съ произвольнаго направленія дикую лошадь, гонятъ ее, куда имъ нужно. Это способъ брать живьевъ. Въ противномъ же случаѣ рѣжутъ, снимаютъ кожу и жиръ, имѣющій особенное свойство мягчить ремни.

Въ Черноморіи есть до настоящаго времени на степяхъ, между рѣками Еею и Кугосею, табунъ дикихъ лошадей штукъ до 70 съ *пригульнями* (*відгульнями*), въ верховыхъ балкахъ: Кавалеркѣ и Грузькой. Другой косякъ дикихъ коней водится на верховьяхъ р. Сасыка, на пространствѣ между Новолевушковской и Калниболотской станицами.

Омелько круто поворотилъ его и, съѣвши дыню, сдѣлалъ его историческимъ.

— Вотъ какой богатырь на сѣромъ волкѣ ѣдетъ! а онъ, каналья, на весь скокъ вытянулся, хвостомъ землю мететъ. Гдѣ-то вы, сердечные, теперь подѣвались? Не видно уже васъ нигдѣ!

— И точно, Омелько, гдѣ же они теперь вѣштаются? неужели совсѣмъ перевелись?

— Нѣтъ, они еще и теперь сидятъ за моремъ, и не пускаютъ вотъ такихъ змѣй въ наше царство, какіе, видите, вотъ намалёваны. Какой, смотрите, лыцарь! двѣ головы змѣю срубилъ, одну оставилъ и ѣдетъ, какъ на коню. Вотъ, когда у насъ бываетъ блискавица, это значитъ, что богатыри за моремъ съ змѣями бьются и не пускаютъ въ наши стороны.

— А тебѣ же, Омельянъ, случалось на своемъ вѣку видѣть богатыря?

— Случалось не случалось, а слышать—слышалъ. Былъ въ Стайкахъ одинъ человѣкъ: возьметъ дубка, какъ двумя руками обхватить, и скрутитъ; возьметъ жерновъ, что́ лежалъ около мельницы, спуститъ съ горы къ Днѣпру, а послѣ опять черезъ день встащитъ на гору и поставитъ около млина́ на кантъ; а гора, правда, крутая, двѣ пары воловъ только-только-что могутъ на нее вывезти корцевъ пять-шесть. Вся громада видитъ, что кто-то пробуетъ силу, да никто не знаетъ. »Кто бы это былъ такой?« думаютъ, да не могутъ дойти. Приходитъ батюшка; спрашиваютъ его: »Кто это камень на кантъ поставилъ?« Батюшка только рукою махнетъ. Приходитъ дьякъ; спрашиваютъ и дьяка. »Что́ вамъ говорить? ка́же дякъ; вамъ сказать — на весь міръ сказать, всі зна́тимуть. Это вдовинъ семилітокъ творитъ; онъ, какъ на батюшку дохнетъ, то ему не можно на воздухахъ устоять, чуть только подуетъ на него« (1).

— Гдѣ же дѣлся вдовинъ семилітокъ?

— Говорили, что въ Царь-градъ ушелъ, туда, гдѣ Михалко на копьѣ Золотые врата держитъ.

— Какой это, Омельянъ, Михалко?

— Ото, видите, когда-то Кіевъ брали Татаре, отсыпались отъ нихъ Кіяне валами; но ничего не помогло: лѣзутъ Татаре въ городъ, какъ муравьи. Кіяне и задумали отдать городъ; собралась громада, всѣ со-

(1) Ср. *Записки о Южной Руси*, П. Кулиша, I, 163.

гласились, только одинъ лыцарь — назывался онъ Михалко — не соглашался. »Панóве громáда! говоритъ, погáная вáша рада! не хóчу я зъ вами жúти, Татарину служúти.« Да подъѣхалъ къ царскимъ Золотымъ воротамъ, поднялъ ихъ на ратищѣ и унесъ съ собою въ Цареградъ. Разсказываютъ старики, что еще разъ будутъ Татаре брать Кіевъ, еще разъ знівечять церкви Божі, тогда опять явится Михалко, принесетъ на копьѣ Золотыя ворота и прогонитъ непріятеля. Онъ и теперь живетъ и всё ѣстъ одну прóскурку, которую ему дали изъ Лавры. Вотъ и говорятъ, что около него всѣ наши богатыри сбираются. Вѣрно, и вдовинъ семилітокъ тамъ. (1)

— Почему же имъ, Омельянъ, въ нашихъ краяхъ не жить?

— Я жъ говорю вамъ, что они змѣевъ и разныхъ гадівъ не пускають въ хрещеную землю; а другое, что уже... вѣрно, и тѣ времена прошли; нельзя имъ объявиться. Видите, и засідателей, и приставовъ повыдумывали, — ко всему придерутся. И богатыря сотскіе схватятъ, да какъ отведуть въ станъ — да въ тюрму! Богъ знаетъ, сколько бы его водили изъ тюрмы въ тюрму; самóму бъ остобісіло лóктями стіни тéрти. Какъ бы стали брать одни допросы, то не захотѣлъ бы и богатыремъ быть. Нельзя теперь являться никакому чуду. Явится гдѣ-нибудь надъ крыницею икона, — и ту, прости Господи, не оставятъ въ покоѣ.

— Какъ же, Омельянъ? ну, положимъ — богатыря поймаютъ, закуютъ въ кандалы; вѣдь онъ встрепенется — и кандалы вонъ, а самъ — кого хватитъ за ногу, то нога прочь, кого хватитъ за голову — голова прочь?

— Ба, ба, ба, Петро Ивановичь! то было въ старое время, когда еще ружья не выдумали да пороху; тогда стрѣляли стрѣлами. Смотрите на Ивана царевича, какой панцилъ! гдѣ его пробить стрѣлою! а пулею — не то серебрянымъ gýдзикомъ — можно свалить всякаго сильно-могущаго богатыря. А всё-таки (послѣ долгой паузы заключилъ Омелько) есть они и теперь между нами, только потаемно скрываются: начальство есть — нельзя имъ грассовать по-прежнему.

»Куда духъ времени пошелъ!« подумалъ я.

---

(1) Ср. легенду о томъ же въ *Зап. о Южн. Руси*, I, 3.

Кромѣ Михалка, который еще не умеръ, для Украинцевъ циклъ Дантовскихъ разсказовъ сосредоточивается еще вокругъ чрезвычайно поэтической личности Вернигоры. Съ представленіемъ Вернигоры соединяются еще древнія миѳологическія понятія, которыя придаютъ особый характеръ его чудесной личности. Вернигора, по народному преданію, родился на лѣвомъ берегу Днѣпра, тамъ, неизвѣстно по какой причинѣ, убилъ брата и убѣжалъ на правый берегъ Днѣпра. Это случилось во время бунта Залізняка; страны, по обѣимъ берегамъ рѣки, вступали между собою въ сношенія; собиралась большая буря. Вернигора, вдохновенный пророческимъ духомъ, отклонялъ народъ отъ кроваваго дѣла, громко предсказывая страшный конецъ его. Съ этой цѣлью странствовалъ онъ по всей Украинѣ. Духъ его узналъ о томъ, что должно быть, въ то время, когда тѣло его было погружено въ смертный сонъ. Вырвавшаяся изъ земныхъ оковъ, душа Вернигоры три дни блуждала въ небесныхъ пространствахъ. Старецъ съ сѣдою бородою ведетъ душу умершаго (какъ psychopompas у Грековъ, какъ der getreue Eckhart въ германскихъ сказаніяхъ), показываетъ ему въ райскомъ саду радость благословенныхъ, а въ чистилищѣ — какъ души ходятъ по мытарствамъ; въ аду — какія муки претерпѣваютъ онѣ за разныя совершенныя ими преступленія. Изъ чистилища въ адъ ведетъ висячая перекладина надъ пропастью (мостъ, о которомъ расказывается въ подобныхъ преданіяхъ всѣхъ народовъ). Такимъ образомъ всюду сопровождая душу и все показавши ей, старецъ наконецъ позволяетъ ей возвратиться къ живущимъ и разсказать на этомъ свѣтѣ все, что она видѣла въ своемъ восторженіи, кромѣ только трехъ словъ, потому что, еслибы она ихъ выговорила, то сей-часъ бы умерла. Вотъ что случилось съ Вернигорой: онъ видѣлъ муки гайдамаковъ, обрызганныхъ кровью, безъ руки и ноги, видѣлъ еще прежде, нежели была усмирена Коліївщина и панъ судья Дубровскій съ паномъ регементаремъ Стемпковскимъ судили преступниковъ на земли. Во время своего странствованія, Вернигора осматриваетъ и разспрашиваетъ души о томъ, что со временемъ должно быть. Въ концѣ третьяго дня старецъ привелъ Вернигору на перекладину, повисшую надъ ужасною пропастью, изъ которой выходилъ нестерпимый смрадъ трупа; старецъ показалъ ему, что это его бренное тѣло, и низвергнулъ его въ пропасть, — и Вернигора вдругъ возвратился къ жизни. То же самое и въ божественной комедіи Данте. Разказываютъ, что Вернигора не умеръ, что въ Македоны, въ деревню, въ которой онъ поселился, пріѣхалъ кто-то на бѣломъ конѣ и взялъ съ собою украинскаго

чародѣя, сказавъ ему только: »А что? пора уже тебѣ.« При концѣ міра Вернигора явится вмѣстѣ съ всадникомъ на бѣломъ конѣ.

Вернигора принадлежитъ къ числу тѣхъ миѳическихъ героевъ, которые, хотя и изчезли изъ видимаго міра, однако не умерли. Очевидно, что это лицо, еще столь свѣжее въ воображеніи народа, смѣшалось съ другими миѳологическими лицами языческихъ волшебниковъ: самое названіе Вернигора напоминаетъ о Титанѣ

Но г. Изопольскій (Dumy i piesni ludu Ukraińskiego) изъ нѣкоторыхъ сказокъ и преданій выводитъ мысль, что Вернигорой звали одного изъ горячихъ приверженцовъ Мазепы — Орлика, или пожалуй, и самого Мазепу, за то, что онъ вздумалъ снять власть Россіи надъ украинскимъ козацтвомъ. Изопольскій приводитъ доказательства:

1) Сидоръ Торопякъ, старый запорожецъ, котораго онъ встрѣтилъ на хащоватскомъ паромѣ черезъ рѣку Бугъ, на вопросъ его: не знаетъ ли онъ чего о Вернигорѣ? отвѣчалъ, что Вернигору помнитъ онъ еще тогда, когда его называли Смыкомъ и Мазепенкомъ; а Вернигорой такъ, для смѣху прозвали его, когда онъ былъ только простымъ козакомъ Корсунскаго куреня; ибо прежде Смыкъ былъ полковникомъ Корсунскимъ.

2) Въ 1828 году пасічникъ Яковъ, въ Павловкѣ, подъ Тирасполемъ, разсказывая о Вернигорѣ, называлъ его Бондаремъ Орличенкомъ, »а Вернигорою прозвали ёго за те, що більшъ хотівъ, ніжъ сила.«

3) Въ 1829 году онъ зналъ въ Липовцѣ столѣтняго старца, который самъ себя называлъ Петромъ Кметою, какъ его называли на Запорожьѣ, а не Кмітою — названіемъ, даннымъ ему за конфедераціи. На вопросъ: не помнитъ ли онъ кого нибудь изъ своихъ вождей? запорожецъ назвалъ Мазепу, Вернигору. »Забуваешъ, діду, говоритъ Изопольскій: ты еще не родился, когда Мазепа умеръ.« — »Что вы знаете! отвѣчалъ онъ: Мазепа умеръ только послѣ того, якъ Січъ зруйновали; и Січъ то аттаковали черезъ него, хотя онъ и не жилъ въ самой Січи, а жилъ хуторомъ на корсунскихъ степахъ, назывался Бондаремъ и училъ лобуровъ играть, співать, а потомъ разсылалъ ихъ въ свѣта, чтобы Мазепу славили и на Москаля козака поднимали. Я самъ его видѣлъ; онъ меня до конфедератовъ выправилъ.«

Не все то умерло на Украинѣ, что жило!

П. Ревякинъ.

Хуторъ Вовча Долина.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Поѣздка въ Южную Россію. *А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.* Часть I. Очерки Днѣпра. С. Петербургъ. 1861. Въ 8°. Стр. 465.

Книга эта была напечатана статьями въ *Морскомъ Сборникѣ*. Авторъ предувѣдомляетъ насъ въ самомъ ея началѣ, что онъ былъ »командированъ морскимъ начальствомъ, съ цѣлью описать судоходство, рыболовство и вообще бытъ сельскихъ жителей, обитающихъ по Днѣпру и Днѣстру«, и этому-то обстоятельству обязаны мы появленіемъ въ свѣтъ *Очерковъ Днѣпра*, которые составляютъ только начало этнографическаго труда г. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

Очеркамъ Днѣпра предшествуетъ у него взглядъ на исторію края, по которому онъ путешествовалъ. Исторія Южной Руси, въ общихъ чертахъ своихъ, благодаря прекраснымъ трудамъ г. Костомарова, уже опредѣлилась достаточно для того, чтобы люди, способные интересоваться этнографіею, могли приступить прямо къ дѣлу, вмѣстѣ съ авторомъ; но, видно, авторъ находитъ установившійся на нашу исторію взглядъ не достаточно вѣрнымъ и только изъ учтивости не сознается въ своемъ разномысліи съ г. Костомаровымъ. Поэтому онъ объявляетъ своимъ читателямъ самымъ внушительнымъ тономъ, что »со временъ Петра (sic) I-го Малороссія выздоровѣла и единодушно сознала, что разливъ ея вошелъ въ свое нормальное русло, и тихо, счастливо течетъ *по назначенію* въ огромный лиманъ Руси, вливающійся въ океанъ человѣчества.« (Стр. 2.)

Успокоительно дѣйствуетъ на душу бесѣда съ подобнымъ писателемъ, хотя новость его взгляда на исторію и поражаетъ васъ нѣкото-

рымъ изумленіемъ. Не то, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ новое, но онъ такъ искусно умѣетъ выхватить изъ забвенія мнѣніе какого-нибудь Бантыша-Каменскаго, что оно представляется почти такимъ же новымъ, какъ и мнѣнія московскаго *Дня*. Впрочемъ, г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій не чуждъ взглядовъ на прошедшее, истинно-оригинальныхъ, собственно ему принадлежащихъ. Напримѣръ, на стр. 3, онъ говоритъ: »Всѣ эти три народа (Польскій, Литовскій и Южно-Русскій) составляли одно государство и управлялись, каждый, своими собственными вождями или гетманами«. А мы до-сихъ-поръ думали, что гетманы были только начальники военной силы и не болѣе, какъ члены правительства. Мы до-сихъ-поръ воображали, что Выговскій, будучи независимъ отъ Польши, серьёзно домогался отъ польскаго правительства, чтобы ему, будучи гетманомъ (т. е. военачальникомъ), быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и воеводою Кіевскимъ (т. е. гражданскимъ правителемъ). О Польшѣ и Литвѣ мы ужъ и не говоримъ: у насъ давнымъ давно было рѣшено, что тамъ законодательство и управленіе зависѣли вовсе не отъ гетмановъ. Но — какъ теперь видимъ — мы діаметрально расходимся съ г. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ въ понятіяхъ объ исторіи. Мы, напримѣръ, думаемъ, что Польша сама довела себя до нынѣшняго своего положенія, а г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій открылъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ документамъ, что »перстъ Божій указалъ настоящую судьбу этого страннаго государства«. (Стр. 3.) Не мудрено, что ему »страшно приподымать завѣсу прошедшаго« (тамъ же), и потому, можетъ быть, онъ не слишкомъ много и приподымаетъ ее, ато бы мы узнали отъ него еще не такія вещи.

Переходя отъ предмета къ предмету съ ловкостью литератора, очень искуснаго въ своемъ дѣлѣ, г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій вопрошаетъ иногда своего читателя такимъ образомъ: »Неужели же мы живемъ во времена Петра Великаго (sic), когда можно еще было ожидать недовольныхъ между малорусскими старшинами?« (Стр. 6.) Нѣкоторыя мѣста у него такъ хороши, какъ-будто перомъ его водилъ самъ г. Срезневскій. Напримѣръ: »Многіе изъ земляковъ моихъ пробовали писать по-малорусски, но попытки эти предпринимались *для пріятнаго препровожденія времени земляковъ*, а не — какъ полагаютъ нѣкоторые — для развитія малорусской литературы«. (Стр. 13).

Немного страницъ посвятилъ авторъ историческому введенію въ свою книгу, но много высказалъ. И хорошо сдѣлалъ: теперь мы знаемъ, съ *кѣмъ* отправляемся въ странствованіе по берегамъ Днѣпра и *чего* мо-

жемъ ожидать отъ подобнаго проводника. Переходя отъ общаго очерка историческаго къ общему очерку этнографическому, онъ изображаетъ намъ украинскаго поселянина беззаботнымъ и медленнымъ и, спасибо ему, предполагаетъ въ немъ довольно способностей, чтобы сравниться нѣкогда, въ отдаленномъ будущемъ, съ нѣмецкими колонистами по предмету опрятности и благоустроенности сельской жизни. Въ этомъ онъ сходится съ тѣми великими умами, которые на нѣмецкія колоніи взираютъ, какъ на образецъ, поставленный передъ глазами *неповоротливыхъ хохловъ*. Онъ восхищается сравнительнымъ благосостояніемъ этихъ колоній и, подобно онымъ великимъ умамъ, упускаетъ изъ виду общественное ихъ устройство, какъ общинъ самоуправляющихся, и длинный рядъ годовъ свободы отъ всѣхъ податей и повинностей. Съ упованіемъ, свойственнымъ писателю-чиновнику, онъ смотритъ на пароходы и паровозы, какъ на рога изобилія, отъ которыхъ наши села процвѣтутъ необычайно, и, какъ таковому писателю, ему ч въ умъ не приходитъ, что пожинаютъ только сѣятели и что далеко еще то время, когда наши села будутъ въ состояніи позаботиться сами о своихъ нуждахъ для пользы родного края. Грядущая цивилизація представляется ему разсадникомъ всякаго добра между нашими поселянами, не смотря на то, что у нихъ не явилось еще потребности къ своеобразной цивилизаціи, или что́ пробужденіе этой потребности не поддерживается въ нихъ непризванными цивилизаторами. »Я«, говоритъ онъ, »не утопистъ и не фразёръ (?), но *глубоко* знаю природу племени, о которомъ говорю (!!)« (Стр. 38.) А мы ужъ начинали думать о немъ противное! Но когда человѣкъ самъ о себѣ говоритъ такъ положительно, что онъ глубокій знатокъ натуры изслѣдуемаго племени, возражать противъ этого—дѣло излишнее.

Введеніе въ книгу г. Аѳанасьева-Чужбинскаго, занятое описаніемъ характера Украинца-поселянина, его домашняго быта, земледѣлія и чумачества, праздничныхъ обрядовъ и народной демонологіи, занимаетъ 52 страницы, которыя производятъ странное впечатлѣніе: кажется, какъ-будто эти 52 страницы читаешь не въ первый, а въ десятый разъ. Но, можетъ быть, это на однихъ насъ онѣ такъ странно подѣйствовали. Всё-таки мы остаемся въ убѣжденіи, что г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, при всемъ своемъ искусствѣ давать исторіи надлежащій, *благоприличный* толкъ, не совсѣмъ искусно пишетъ введенія.

Книга его дѣлается интереснею съ 1-й главы *Поѣздки на Днѣпровскіе Пороги и на Запорожье*. Не пришпиль онъ къ ней чего-то въ видѣ своего »общаго взгляда«, а попросту предисловія (въ ко-

торомъ, между прочимъ, ему необходимо было два раза упомянуть о своемъ словарѣ »малорусскаго *нарѣчія*«, пріобрѣтенномъ у него Академіею Наукъ въ 1854 году (1), — къ ней можно бы было приступить съ бо́льшей довѣрчивостію. Описаніе поѣздки въ низовья Днѣпра г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій начинаетъ воспоминаніями о Запорожьѣ и говоритъ, что на владѣніе *зимовниками* имѣли право только *безбрачные* козаки. Желательно было бы знать, откуда именно почерпнулъ этотъ фактъ нашъ путешественникъ. Съ того времени, какъ существованіе Запорожской Сѣчи дѣлается намъ извѣстнымъ, козаки удалялись изъ своихъ семействъ въ эту крѣпость для военныхъ цѣлей и, чтобы лучше сохранить порядокъ своихъ дѣйствій, а пожалуй и по неудобству положенія Сѣчи, не брали съ собою женщинъ. Безженность сдѣлалась потомъ даже отличіемъ добраго козака, такъ что въ трудныя времена начальническія должности ввѣрялись, говорятъ, только людямъ одинокимъ. Но владѣть зимовниками внѣ Сѣчи никому изъ запорожскаго *товарищества* не запрещалось, — по крайней мѣрѣ мы такого запрещенія не знаемъ. Напротивъ, намъ извѣстно изъ актовъ, которые нынѣ печатаются Археографическою Коммиссіею, что Запорожцы, оправдываясь передъ Выговскимъ въ бунтахъ, взваливали вину на безженныхъ бурлакъ, которые приходятъ въ Сѣчь и уходятъ изъ нея безъ всякой переписи, а себя, какъ истинныхъ Запорожцевъ, называютъ *козаками-зімовчака́ми* и прибавляютъ, что имѣютъ недвижимую собственность и семейства. Какъ бы ни была распространена на Запорожьѣ склонность къ безженной жизни, но изъ нея едвали истекалъ законъ о владѣніи зимовниками. Мы просимъ г. Аѳанасьева-Чужбинскаго представить доказательства приводимому имъ факту и, въ случаѣ его молчанія, сочтемъ этотъ фактъ фантазіею въ родѣ той, что Поляки, Литвины и Украинцы управлялись гетманами.

Можетъ быть, у него есть и еще фантазіи въ воспоминаніяхъ о Запорожьѣ, но эти воспоминанія довольно любопытны. Еслибы авторъ позаботился о томъ, чтобы придать имъ достовѣрность извѣстныхъ разсказовъ Запорожца Коржа (2), то они сдѣлали бы его книгу необходимою для

(1) Академія сдѣлала честь г. Аѳанасьеву-Чужбинскому пріобрѣтеніемъ у него словаря, а словарь, напечатанный до сихъ поръ не вполнѣ, дѣлаетъ честь Академіи, съ такимъ знаніемъ дѣла взявшей подъ свое покровительство трудъ, вполнѣ достойный г. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

(2) Эти разсказы были записаны архіепископомъ Гавріиломъ, по указанію А. П. Стороженка, тому назадъ около двадцати лѣтъ. Хотя архіепи-

историка; но нашему автору, очевидно, хочется быть болѣе беллетристомъ, чѣмъ смиреннымъ посредникомъ между преданіемъ и читателями. Въ одномъ мѣстѣ онъ справедливо упрекнулъ г. Скальковскаго въ недостаточномъ пониманіи своего предмета. Намъ приходится сдѣлать это въ отношеніи и къ самому г. Аѳанасьеву-Чужбинскому. Манера его разсказа очень близко подходитъ къ манерѣ г. Скальковскаго, который, имѣя возможность *собрать* и *издать* безцѣнные матеріалы для исторіи и исторической повѣсти, вмѣсто того захотѣлъ самъ *быть историкомъ* и *повѣствователемъ*, какъ-будто каждому грамотному человѣку дано — вдыхать жизнь и истину бытія во все, что̀ онъ вычиталъ въ бумагахъ или услышалъ отъ старожиловъ. За такое высокомѣрное притязаніе, произведенія г. Скальковскаго подвергаются безпощадной молотьбѣ со стороны критиковъ, чтобы добыть изъ нихъ хоть сколько-нибудь насущныхъ зеренъ, но терпѣливыхъ молотильщиковъ до-сихъ-поръ нашлось не много.

Какъ образчикъ неумышленнаго, легкомысленнаго уничтоженія въ преданіи истинности, свидѣтельствуемой самою его формою, приводимъ двѣ страницы изъ книги г. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

Лѣтній вечеръ упалъ на землю. Степь закурилась тонкимъ паромъ. Разбойники выбираютъ это время для развѣдокъ, потому что всѣ на зимовникахъ ужинаютъ. Раздѣливъ съ молодиками трапезу и помолясь Богу, хозяинъ приказываетъ хлопцамъ, гдѣ кому ложится.

— А я, прибавляетъ, лягу возлѣ жеребцовъ.

Разбойничій шпіонъ выслушалъ это, и харцизы ожидаютъ удобнаго времени. Часовъ около десяти, когда на зимовникѣ все покоится глубокимъ сномъ, разбойники идутъ къ первому молодику, будятъ его, вяжутъ и велятъ молчать подъ опасеніемъ смерти, потомъ отыскиваютъ втораго и

скопъ Гавріилъ былъ и великороссіянинъ, но онъ, въ передачѣ рѣчей Запорожца Коржа, сохранилъ больше идіомовъ, чѣмъ сохраняетъ ихъ въ своей книгѣ г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, передавая по-своему то, что̀ слышалъ отъ простолюдиновъ украинскихъ. Въ тѣ времена не тѣ были понятія объ украинской рѣчи, что нынче: тогда боялись сдѣлать книгу темною и непріятною для читателей введеніемъ рѣчей украинскихъ. Въ наше время это составляетъ необходимость, которой не чувствуютъ только такіе »истые Украинцы«, какимъ рекомендуетъ себя авторъ *Поѣздки въ Южную Россію*. Такъ какъ А. П. Стороженко зналъ Запорожца Коржа лично и, сверхъ того, бесѣдовалъ съ другими подобными ему Січовиками, то мы не теряемъ надежды, что онъ исполнитъ нашу неотступную просьбу — написать для *Основы* »устное повѣствованіе« всѣхъ ихъ, по памяти и по книгѣ архіепископа Гавріила, на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ совершенствомъ. *Ред.*

третьяго, и такимъ образомъ перевязываютъ всѣхъ. Собакамъ, разумѣется заблаговременно, поддана въ говядинѣ отрава. Разбойники отправляются въ сарай, гдѣ жеребцы, и будятъ хозяина.

— А ну, вставай, полно спать, пане-брате.

Козакъ просыпается, видитъ, въ чемъ дѣло, хватается за саблю... Но его уже держатъ за руки.

— Гей, хлопци! кричитъ онъ

— Та не гукай: хлопцы перевязаны, отвѣчаютъ ему;—пойдемъ лучше въ хату.

Смиряется хозяинъ и слѣдуетъ за разбойниками. Приходятъ въ хату, зажигаютъ огонь. Хозяинъ взглядываетъ на харцизовъ, стараясь уловить какую нибудь знакомую физіономію: лицо *ватажка* (начальника) какъ будто бы немного знакомо, но на немъ словно написано, что не будетъ пощады.

— Славные у тебя кони, пане-брате, говоритъ ему ватажокъ.

— Добрые кони.

— Мы себѣ отберемъ.

— Та и отбирайте жъ.

— А можетъ и всѣхъ угонимъ.

— Та и угоняйте жъ.

— Теперь показывай, гдѣ у тебя гроши.

— Грошей нема.

— Не бреши, пане-брате, лучше признавайся, такъ мы заберемъ, да и поѣдемъ, а не признаешься, то мы знаемъ, какъ тебя заставить.

— Есть тутъ торба мѣдяковъ.

— Пустяки! ты недавно былъ въ походѣ, да и воловъ немало продалъ.

— Другихъ нема, пораздавалъ товариству.

— Ну, братцы, говоритъ ватажокъ: раскладывайте огня, авось, допытаемся.

Между тѣмъ на дворѣ происходитъ сцена другаго рода.

Одинъ молодикъ, вопреки приказанія хозяина, не легъ возлѣ овецъ, а забрался на *ожередо* (скирду) соломы. Онъ слышалъ все происходившее. Вструхнулъ онъ немного, но когда увидѣлъ, что молодиковъ перевязали, и услышалъ зовъ *батька* (такъ звали вообще начальника), котораго повели въ хату, козацкій духъ въ немъ пробудился. Онъ осторожно слѣзъ съ *ожередо* и подошелъ къ ближайшему товарищу.

— Спишь?

— Нѣтъ, но я связанъ.

— Худо. Съ батькомъ что нибудь дѣлаютъ, — вставай!

Товарищъ освобожденъ, и оба молодика бросаются развязывать прочихъ.

— А что, братцы, есть ли на верху какая *зброя* (оружіе)?

— Да мы съ Левкомъ ходили на охоту, отозвался одинъ; такъ вотъ тутъ возлѣ сарая двѣ *набитыхъ рушницы* (два заряженныхъ ружья).

— Ну берите же свои рушницы, а мы *дрюки* (дубины) въ руки, да пойдемъ выручать батька!

И, вырвавъ колья, молодики собрались. Чуть бѣлѣется хата, но въ окнахъ показывается свѣтъ, большій чѣмъ отъ свѣчки. Молодики пробираются осторожно. Разбойничій часовой прислонился къ окну и съ любопытствомъ смотритъ въ хату. Одинъ изъ молодиковъ подобрался и хватилъ его коломъ

по затылку. Часовой ни пикнулъ. Его мигомъ обезоружили, и у хлопцевъ прибавились ружье, пистолетъ и сабля. Молодежъ къ окнамъ. У печки на землѣ разложенъ костеръ. Хозяинъ раздѣтъ до нага, связанъ, и разбойники жгутъ ему ноги медленнымъ огнемъ, выпытывая о деньгахъ.

— А *мъярь* (цѣль) въ четырехъ, братцы, говоритъ одинъ изъ молодиковъ. А вы человѣкъ шесть ступайте въ сѣни.

Четыре разбойника на цѣли.

— Бей!

Залпъ раздается. Четыре злодѣя падаютъ. Прочіе схватываются за оружіе.

До долу зброю (бросай оружіе)! кричатъ изъ оконъ.

Разбойники въ недоумѣніи. Ватажокъ бѣжитъ въ сѣни, но тамъ на него бросаются съ дубинами; онъ стрѣляетъ изъ пистолета, однако его обезоруживаютъ. Черезъ минуту хозяинъ спасенъ, остальные *харцизы* перевязаны, только оставшіеся при лошадяхъ, почуявъ бѣду, убрались по добру по здорову. Вотъ иногда какія сцены происходили въ зимовникахъ. Но не всегда наѣзды разбойниковъ оканчивались такъ счастливо: случалось, что хозяинъ зимовника терялъ все состояніе и погибалъ отъ руки злодѣя. Татары тоже нерѣдко дѣлали на нихъ нападенія, особенно, если зимовникъ лежалъ недалеко отъ Днѣпра. (Стр. 54 — 56).

Можетъ быть, нашъ строгій разборъ вызоветъ и у г. Аѳанасьева-Чужбинскаго такія жалобы на наше »самоуправство«, какія онъ вызвалъ у г. Максимовича; но какъ намъ увѣрить, что мы дѣлаемъ свое дѣло изъ любви къ предмету? Пускай за насъ говоритъ то, что мы терпѣливо читаемъ множество вялыхъ, утомительныхъ и часто невыносимо-пошлыхъ страницъ, стараясь найти въ нихъ что-нибудь полезное для любознательнаго общества и предостеречь его отъ вѣры въ ошибочное и ложное. Самолюбіе вообще развито въ людяхъ на счетъ другихъ страстей, и чѣмъ ниже авторъ по отношенію къ предпринятому имъ труду, тѣмъ онъ болѣзненно-самолюбивѣе. По нѣкоторымъ указаннымъ нами замашкамъ нашего оффиціальнаго путешественника, автора знаменитаго словаря, пріобрѣтеннаго Академіею Наукъ, и по его манерѣ *рисоваться*, въ своемъ разсказѣ, тамъ гдѣ *простота* была бы высшимъ его достинствомъ, — мы боимся, что откровеннымъ мнѣніемъ своимъ задѣваемъ въ немъ очень чувствительныя струны.

Пропускаемъ описаніе Екатеринослава и его ярмарки: это — газетный фельетонъ, легкій, вертлявый, многословный и безцвѣтный. Совѣтуемъ читателю перескочить прямо на стр. 61-ю, гдѣ идетъ рѣчь о лоцманахъ въ приднѣпровскомъ селѣ Каменкѣ. Много занимательнаго разсказываетъ авторъ о лоцманахъ, но, къ сожалѣнію, тоже съ примѣсью фельетонной манеры. На немъ не отражается характеръ мѣстности: въ немъ такъ и видишь петербургскаго праздношатающагося господина, какимъ

то случаемъ занесеннаго въ страну, гдѣ не только люди и ихъ жизнь, но и самая мѣстность говоритъ серцу инымъ языкомъ. Невольно ждешь отъ автора чего-то строго-спокойнаго и поэтическаго, а онъ вамъ сыплетъ той же дробью, и что объ екатеринославской ярмаркѣ съ ея спектаклями и концертами. Солидность его характера выражается только въ томъ, что онъ впадаетъ въ канцелярскій слогъ и нѣкоторыя историческія имена печатаетъ капителью. Слѣдовало бы ему и слово *князь* начинать большою буквою. Вѣдь Потемкинъ былъ не малый вельможа!

Между прочимъ, авторъ выставляетъ злоупотребленія лоцманскихъ чиновниковъ (не совсѣмъ обыкновенныя), но говоритъ, что, »сколько-де я могъ замѣтить, внимательно наблюдая *бытъ* жителей, — серьёзнаго *ропота* нѣтъ, но всѣ вообще скорбятъ, что у нихъ существуетъ подобный порядокъ«. (Стр. 35). Искусное перо! Невольно воскликнешь вмѣстѣ съ миргородскимъ судьею: »Какъ пишетъ этотъ человѣкъ! Боже, какъ онъ пишетъ!« Другой объявилъ бы свое мнѣніе прямо, или молчалъ, а онъ — ни на ту, ни на другую сторону!

Не малымъ также искусствомъ обладаетъ авторъ по части обрисовки себя порядочнымъ человѣкомъ. Открытымъ предписаніемъ отъ Новороссійскаго генералъ-губернатора онъ дѣйствовалъ, какъ магическимъ жезломъ, когда нужно было достать лошадей за указные прогоны; но волшебная сила открытаго листа производила не на всѣхъ смертныхъ одинаковое дѣйствіе: иногда ему приходилось или платить прогоны неуказные, или войти въ такія отношенія съ жителями, чтобы они о прогонахъ меньше всего думали (что́ не невозможно въ Украинѣ). Нашъ путешественникъ, какъ человѣкъ порядочный, изворачивался въ такихъ случаяхъ инымъ способомъ. Вотъ его собственный разсказъ о пребываніи его въ деревнѣ Бырдиной.

Домъ помѣщика стоитъ надъ самой стремниной, и въ немъ прошлый годъ жилъ на дачѣ становой приставъ, станъ котораго верстахъ въ 15, въ селѣ Томаковкѣ. Любви этого становаго къ охотѣ и дачной жизни я обязанъ тѣмъ, что избавился отъ одной непріятности. Надобно знать, что осенью прошлаго года, возвращаясь снизу сухимъ путемъ вверхъ, для того, чтобы пожить въ прибрежныхъ деревняхъ у пороговъ, я не зналъ, гдѣ мѣняются обывательскія лошади. Изъ Кичкаса меня отправили въ Кронцвейнъ, а изъ этой колоніи дали лошадей до Бырдиной. Пріѣзжаю. Деревенька небольшая, овражистая и разбросанная на большомъ разстояніи. Послѣ многихъ разспросовъ мнѣ удалось узнать, что близь господскаго двора живетъ подпоручикъ, завѣдующій подводами. Я отправился *съ открытымъ листомъ требовать* лошадей до Языковой. Въ простой избѣ на какомъ-то подобіи кровати лежалъ подпоручикъ съ больною ногою... Послѣ

обычныхъ распросовъ подпоручикъ объяснилъ мнѣ, что въ деревнѣ Бырдиной лошадей нѣтъ и никогда не бывало и что подъ этапъ даются волы, но и тѣхъ мнѣ придется ждать до завтра, потому что отправленъ большой транспортъ арестантовъ. Мнѣ такъ хотѣлось быть поскорѣе *у себя*, хотя бы въ самой бѣдной избушкѣ. Былъ часъ второй пополудни и начинали собираться предательскія октябрьскія тучи.

— Какъ же мнѣ быть? нельзя ли попросить у помѣщика?

— Помѣщика здѣсь нѣтъ. А у васъ откуда лошади?

— Изъ Кронцвейна.

— Ахъ канальи! Эти колонисты всегда такъ. Да вы вотъ что: Нѣмца по шеѣ и онъ отвезетъ дальше, а вмѣсто прогоновъ покажите ему шишъ; вѣдь вы по казенной надобности.

Объяснивъ подпоручику неудобство подобнаго распоряженія, я узналъ отъ него, что здѣсь живетъ становой, къ которому я немедленно и отправился. Выслушавъ меня, становой надѣлъ ермолку, что вмѣстѣ съ халатомъ придавало ему внушающій видъ, и вышелъ со мною къ воротамъ, гдѣ нѣмецъ, стоя возлѣ фургона, покуривалъ свою трубочку. Предпославъ прежде весьма крупную энергическую фразу, становой началъ приказывать нѣмцу отвезти меня дальше, но нѣмецъ притворился непонимающимъ русскаго языка; я тотчасъ же хотѣлъ вступить въ должность переводчика, но становой величественно показалъ нѣмцу увѣсистый кулакъ, и мой возница въ одинъ моментъ, на плохомъ малорусскомъ языкѣ изъявилъ готовность отвезти меня въ Языкову за прогоны, и если я дамъ ему на водку. Поблагодаривъ грознаго чиновника за одолженіе, я отправился дальше. (Стр. 240 — 241).

Послѣ этого какъ-то странно читать его похвалы нѣмецкимъ колоніямъ, разбросаннымъ по Новороссійскому краю. Если авторъ дѣйствительно находитъ неудобнымъ распоряжаться съ Нѣмцами и Нѣмками à la становой, то, судя по послѣдней строкѣ нашей выписки изъ его книги, онъ былъ бы благодаренъ, еслибы какое-нибудь болѣе-могущественное существо принудило ихъ къ тому, чего бы отъ нихъ потребовалъ путешественникъ. Не даромъ же онъ говоритъ, что начальство Новороссійскаго края было къ нему очень внимательно и, изъ уваженія къ его порученію, сдѣлало все, что отъ него зависѣло.« (Стр. 115.) Зная взглядъ автора на отношенія начальства къ мѣстнымъ жителямъ, мы читаемъ по своему слѣдующія его слова: »Въ казенныхъ селахъ участь моя нельзя сказать, чтобы достойна была сожалѣнія.« (Стр. 116.)

Чѣмъ больше вчитывались мы въ книгу г. Аѳанасьева-Чужбинскаго, тѣмъ меньше и меньше недоумѣвали, почему въ ней нѣтъ того, что мы назвали бы дыханіемъ мѣстной жизни, и почему народъ, о которомъ онъ разсказываетъ иногда съ большими подробностями, не представляется нашему воображенію народомъ Украинскимъ? Оттого и потому, что самъ авторъ, чѣмъ больше мы за нимъ слѣдимъ, является передъ нами болѣе

и болѣе оффиціаломъ, т. е. человѣкомъ, котораго могли терпѣть въ своей средѣ Украйнцы или страха ради полицейска, или же по своей человѣчности. Довольно прочесть слѣдующее описаніе бесѣды его съ почтеннымъ сельскимъ старикомъ, чтобы видѣть, какъ невкусна должна быть для Украинца бесѣда съ заѣзжимъ господиномъ, который, какъ у насъ выражаются, *будючитця по-пáнськiй*, т. е. не умѣетъ быть тѣмъ, что́, въ глазахъ собесѣдника, значитъ — быть просто человѣкомъ, и только:

Избы у крестьянъ бѣдныя, хотя въ нихъ и соблюдается обычная малорусамъ чистота, да и самый народъ какой-то вялый и *неразговорчивый*.

Какъ-то вечеромъ, сидя на завалинкѣ, я подозвалъ одного старика и разговорился.

— Что это, старина, у васъ такъ не весело: молодежь не поетъ пѣсень, даже ребятишки не играютъ по улицамъ.

— Теперь не до веселости, отвѣчалъ онъ: какъ разъ рабочая пора, всякій устаетъ....

— Работаютъ вездѣ, однакоже молодежь свое беретъ, и вечеркомъ въ разныхъ концахъ села дѣвушки и парни выходятъ на улицу.

— Село селу рознь, и что дѣлается у вольныхъ, то не всегда можно въ господскихъ.

— Вѣроятно не у васъ нѣтъ запрещенія?

— Запрещенія нѣтъ, да какъ-то знаете лучше сидѣть молча.

— А подростковъ у васъ не гоняютъ на работу?

— Гоняютъ всѣхъ, развѣ не трогаютъ такихъ какъ я, что ногъ не передвигаю.

— Однако, любезный, и вольные крестьяне въ эту пору не сидятъ сложа руки; напротивъ у каждаго хозяина выходятъ въ поле даже ребятишки. Нѣтъ, ужъ видно выдалось такое молчаливое село.

— А можетъ быть, кто его знаетъ, отвѣчалъ старикъ, почесывая бѣлую какъ лунь голову. (Стр. 240 — 241).

Очень забавно читать въ книгѣ г. Аѳанасьева Чужбинскаго мѣста, гдѣ онъ хвалится своимъ знакомствомъ съ потомками изчезнувшихъ въ этомъ краю Запорожцевъ. »Много мнѣ разсказывали старики о Запорожьѣ (пишетъ онъ), но не какъ самовидцы, а то, что́ слышали отъ своихъ отцовъ, служившихъ въ войскѣ:« (Стр. 176.) Гдѣ же ихъ рѣчи? Хоть бы одну страницу ихъ подлинныхъ рѣчей представилъ авторъ въ своемъ огромномъ сочиненіи, чтобы на читателя повѣяло съ Низу Днѣпра свѣжимъ воздухомъ! Или онъ пишетъ не для Украинцевъ? Но и Великоруссы нуждаются въ подлинности, когда дѣло идетъ о характерѣ страны и народа.

Еще забавнѣе, когда онъ выдаетъ себя за знатока лѣтописей (это онъ доказалъ въ историческомъ введеніи) и этнографіи, которую онъ

изучилъ, не смотря на то, что наука народознанія только-что́ возникаетъ у насъ въ Украинѣ. »Какъ природной малорусъ, знающій свою родину (пишетъ онъ), какъ человѣкъ, изучившій этнографію и лѣтописи, я, по крайнему разумѣнію, *дѣйствую откровенно*.« (Стр. 249.)

Въ качествѣ этнографа, который ужъ изучилъ этнографію, а потому бросаетъ ее, какъ ненужный больше букварь, онъ говоритъ: »Малороссія совершенно слилась съ Россіей — — благодѣтельные лучи цивилизаціи начинаютъ сглаживать всѣ рѣзкія особенности.« (Стр. 252.) Эти благодѣтельные лучи прежде всего подѣйствовали на самого автора и до такой степени сгладили въ немъ всѣ особенности Украинца, что онъ, на стр. 13 своего сочиненія, заговорилъ языкомъ г. Срезневскаго объ украинской словесности. (См. выше.) Въ то же самое время авторъ нашъ пишетъ іереміяду объ исчезающихъ слѣдахъ Запорожской Сѣчи. Камни, очевидно, для него краснорѣчивѣе живыхъ людей, въ которыхъ благодѣтельные лучи цивилизаціи никакъ не могутъ изгладить стремленія быть самими-собою, а не чѣмъ-то похожимъ на идеалъ московскаго *Дня*, издаваемаго Иваномъ Аксаковымъ, достойнымъ собирателемъ Земли Русской.

Мы указали, по возможности, на все, чѣмъ книга г. Аѳанасьева-Чужбинскаго могла бы быть вредна, еслибы читалась легко и пріятно, чего, по собственному опыту, мы никакъ не предполагаемъ. Теперь скажемъ, чѣмъ она можетъ быть полезна для людей, которые готовы добывать нужныя свѣдѣнія о родномъ краѣ изъ самыхъ мутныхъ источниковъ. При всей своей офиціальности и литературномъ ухарствѣ, при всей неспособности своей воспринимать впечатлѣнія наблюдаемаго края съ ясностію ума живого, авторъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній о мѣстностяхъ Днѣпра на Порогахъ и ниже Пороговъ, а также о торговлѣ и промышленности Новороссійскаго края. Еслибы существовала такая реторта, посредствомъ которой можно было бы отдѣлить въ его книгѣ все нужное для географіи, этнографіи и статистики отъ всего ненужнаго, и все вѣрное отъ всего фальшиваго, то нѣсколько печатныхъ листовъ *Поѣздки въ Южную Россію* заняли бы самое видное мѣсто въ числѣ матеріаловъ, собираемыхъ ученымъ въ своемъ кабинетѣ для справокъ и соображеній. Но, пока это сочиненіе остается въ настоящемъ своемъ видѣ, — жаль мѣста, которое оно займетъ на полкѣ, и времени, которое надо убить, чтобы выжать изъ нея ея сущность.

Гоголь предъ судомъ обличительной литературы, *Н. Герсеванова*. Одесса. 1861. Въ 8-ю д. Стр. 171.

Книжка эта изумитъ каждаго, кто не лишенъ здраваго смысла и человѣческихъ понятій о нравственности. Еслибы что-нибудь подобное появилось при жизни поэта, можно бы подумать, что это пасквиль одного изъ тѣхъ грамотѣевъ, которые, въ своей мнимой образованности, похожи на варваровъ, находящихъ дикое удовольствіе въ томъ, чтобъ обезображивать высокія произведенія скульптуры. Но прошло десять лѣтъ со смерти Гоголя — и нашелся человѣкъ, вдохновенный такою нелѣпою злобою къ Гоголю-человѣку и писателю, какъ-будто душа Булгарина воплотилась въ новое тѣло, — это фактъ очень печальный. Это показываетъ, до какой степени злоупотребляются у насъ преимущества школьнаго ученія и мысли, дрессированной дурными наставниками. Это показываетъ также, что значительная часть нашего читающаго люду до сихъ поръ поддерживаетъ то воззрѣніе на нравственность, которое проповѣдывали Булгарины и Сенковскіе подъ именемъ христіянства, общественнаго благоустройства, просвѣщенія и проч. Прежде чѣмъ г. Герсевановъ написалъ свою книгу, онъ, безъ сомнѣнія, выражалъ свои понятія о Гоголѣ не одному человѣку и находилъ людей, слушавшихъ его безъ смѣха и негодованія. Осмѣлившись ее напечатать, онъ, безъ сомнѣнія, увѣренъ, что существуютъ сотни, а пожалуй и тысячи людей, которые съ нимъ согласятся. Это горькая обида не только для каждаго, кто дорожитъ возвышенными явленіями русскаго духа и русскаго чувства, но и для тѣхъ, кто вообще уважаетъ благородство природы человѣческой. Мы далеки отъ того, чтобы не признавать въ характерѣ Гоголя никакихъ грѣховъ, а въ его сочиненіяхъ — важныхъ недостатковъ. Гоголь — чадо своего времени и своего общества. Немного, вѣроятно, создало это общество людей болѣе честныхъ, болѣе готовыхъ на безкорыстное ему служеніе, но не могли его созданія не носить въ себѣ слѣдовъ своего происхожденія. На этомъ основаніи и въ жизни Гоголя можно указать на многое, чего въ наше время не имѣлъ бы уже въ себѣ человѣкъ его натуры. Но забрасывать его грязью по-Герсевановски никто изъ насъ не имѣетъ права. Оскорблять такимъ образомъ память великаго писателя значитъ оскорблять достоинство русскаго человѣка вообще и наносить ничѣмъ невскупимую обиду лицамъ, которые любили Гоголя, какъ дорогую для нихъ личность. Если бы русское общество оставалось равнодушнымъ къ подобнымъ явленіямъ, это значило бы, что въ немъ нѣтъ еще

общественной нравственности, нѣтъ того для всѣхъ общаго и для всѣхъ дорогого, что̀ даетъ каждому великому и малому соединенію людей морально-законодательную силу. Мы увѣрены, что, какъ ни ничтожна книжка г. Герсеванова въ литературномъ отношеніи, но ея изданіе не останется поступкомъ безнаказаннымъ. Это одно изъ тѣхъ недостойныхъ явленій извращеннаго ума и чувства, которыя заслуживаютъ всеобщаго протеста. Пусть за г. Герсеванова станутъ одни, а противъ него другіе; тогда мы будемъ знать, кто у насъ поддерживаетъ тьму, съ такимъ трудомъ разсѣваемую писателями, подобными Гоголю. Примиренія здѣсь быть не можетъ. Мы ужъ и такъ довольно долго сидѣли въ сумеркахъ понятій о достойномъ и недостойномъ въ общественной жизни. Что̀ касается до пишущаго эти строки, то онъ считаетъ долгомъ своимъ заявить свое разномысліе съ г. Герсевановымъ, какъ собиратель матеріаловъ для біографіи Гоголя, которымъ г. Герсевановъ даетъ превратный смыслъ, выдергивая изъ нихъ клочки, которыя ему кажется возможнымъ перетолковать въ противную сторону и затемняя факты, свидѣтельствующіе о благородствѣ природы Гоголя. Первый листокъ его нелѣпой книжки есть уже наглая ложь, какая когда-либо появлялась въ печати. На этомъ листкѣ напечатано: *Посвящается русской женщинѣ, оклеветанной Гоголемъ*. Вся книжка наполнена доказательствами, что Гоголь былъ *лакей*, въ низкомъ смыслѣ этого слова, что онъ всѣхъ надувалъ, что онъ безпрестанно оскорблялъ родную мать, — ту мать, которая до сихъ поръ живетъ нѣжнымъ благоговѣніемъ къ его памяти! Въ одномъ мѣстѣ (стр. 56) г. Герсевановъ заставляетъ Гоголя заискивать покровительства и у самого Булгарина черезъ г. Максимовича. Это значитъ, что въ письмѣ къ г. Максимовичу одно имя означено буквою Б. Пробѣгая это произведеніе невѣжественной злобы, мы удивлялись ожесточенію, съ какимъ авторъ выискивалъ въ жизни Гоголя все, во что̀ можно было бы ему вцѣпиться, чтобъ потерзать хоть полу одежды великаго писателя. И все это такъ извращено у него, во всемъ такъ мало уваженія къ истинѣ, такъ мало даже простого приличія, какъ-будто онъ пишетъ для людей самыхъ темныхъ, самыхъ безпутныхъ, — для людей, напередъ ужъ готовыхъ осудить Гоголя какъ писателя, на безславіе, а какъ человѣка — на позорную извѣстность. Мы думали, что со смертью Булгарина перевелись люди, угождающіе вкусу и понятіямъ ни на что негоднаго отребья русскаго общества; но, видно, лживость и предательство гораздо долговѣчнѣе, чѣмъ обыкновенно воображаютъ.

Эти свойства испорченой природы человѣческой не лишены своей энергіи, и безъ бою не уступаютъ своего мѣста правдивости и благородству.

Крайне непріятно входить въ подробности сплетень, наполняющихъ книгу г. Герсеванова, но если наше общество производитъ подобныхъ авторовъ, то должно терпѣть и удушливый смрадъ ихъ писаній. На стр. 8, мы читаемъ: »Чѣмъ же былъ Гоголь? спросятъ многочисленные его обожатели. *Онъ былъ нищій, лакей, ненавистникъ русской женщины, клеветникъ ея, клеветникъ Россіи.*« (Все это курсивъ.)

Мы знаемъ, что Гоголь часто и почти постоянно терпѣлъ нужду въ деньгахъ, т. е. по выраженію г. Герсеванова, былъ *нищій*. Если въ глазахъ, можетъ быть, богатаго автора быть убогимъ — преступленіе, то почему же оно не оправдано въ его мнѣніи благороднымъ отреченіемъ Гоголя отъ наслѣдства, въ пользу сестеръ? Человѣкъ, нуждающійся въ деньгахъ до нищенства и отдающій деревню душъ въ триста сестрамъ — явленіе поразительное для каждаго, только не для автора, который называетъ Гоголя *лакеемъ*, воображая, что быть лакеемъ есть крайняя степень униженія. По нашему, лучше быть честнымъ лакеемъ, чѣмъ писать книги, въ которыхъ оставленъ безъ вниманія благороднѣйшій поступокъ разсматриваемой личности и вмѣняется ему въ преступленіе все — и даже чистота юности. Въ самомъ дѣлѣ (этому трудно повѣрить) г. Герсевановъ вовсе не обратилъ вниманія на отреченіе Гоголя отъ имѣнія, котораго онъ, по закону, былъ единственнымъ наслѣдникомъ, и воспользовался этимъ фактомъ только для самой грубой клеветы: »отказался отъ своей части имѣнія (говоритъ онъ на стр. 45), помогалъ роднымъ — *съ условіемъ, чтобы называли его геніемъ и благовѣстили о томъ повсюду.*« Добродѣтельный авторъ никакъ не могъ разминуться еще съ однимъ фактомъ: что Гоголь взялъ на себя трудъ отвезти въ Петербургъ двоихъ сестеръ и помѣстить ихъ въ институтъ. Конечно, Гоголь нашего времени въ институтъ не помѣстилъ бы сестеръ, но въ 30-хъ годахъ это было дѣло несомнѣнно прекрасное. Автору ненавистенъ и этотъ поступокъ. Не находя, какъ обвинить въ немъ Гоголя, онъ приписываетъ это доброе дѣло тщеславію, а на стр. 34 говоритъ: »Кажется, что на сестеръ онъ имѣлъ своекорыстные виды.« Чѣмъ же онъ это доказываетъ? Слѣдующею выпискою изъ письма Гоголя къ матери: »Онѣ, покамѣсть, будутъ переводить и работать для будущаго Погодинскаго журнала и для меня. Я хочу ихъ совершенно пріучить къ трудолюбивой и дѣятельной жизни.« (Стр. 34.) Это говоритъ человѣкъ, о которомъ, по его еще дѣтскимъ письмамъ, авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: »Но уже въ эти

лѣта высказывается характеръ его — холодной, черствый, совершенное отсутствіе всякого чувства, лицемѣріе и деспотизмъ.« (Стр. 9.)

Мать, отпустивъ сына въ столицу изъ патріархальнаго родственнаго круга, опасается за его чистоту. Гоголь отвѣчаетъ ей: »Какъ вы могли, маменька, подумать, что я — добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества!... Я готовъ дать отвѣтъ предъ лицемъ Бога, если я учинилъ одинъ развратный подвигъ, и нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома. Что же касается до пьянства, то я никогда не имѣлъ этой привычки.« Г. Герсевановъ даетъ себѣ право по этимъ наивнымъ строкамъ сдѣлать такой приговоръ Гоголю: »Онъ явно сознается въ душевной неспособности любить.« (Стр. 19.) Еслибъ мы не видѣли въ трудѣ г. Герсеванова нравственнаго уродства, мы бы спросили у него: неужели имѣть способность любви значитъ быть такимъ, какимъ опасалась мать, чтобъ не сдѣлался Гоголь внѣ ея кроткаго надзора? Мы знаемъ, что въ прежнія времена юношескую нравственность основывали почти исключительно на воздержаніи. Мы можемъ упрекнуть старую методу воспитанія въ односторонности, но не знаемъ, какое здоровое человѣческое общество не признаетъ, что юношеская чистота служитъ основаніемъ всего великаго въ нашей дальнѣйшей дѣятельности. Только при дурномъ устройствѣ домашняго и общественнаго быта, при стѣсненіи молодой дѣятельности множествомъ препятствій, при господствѣ предразсудковъ надъ здравыми понятіями о жизни, воспитаніе, основанное на матеріальной чистотѣ, оказывается недѣйствительнымъ и часто ведетъ къ результатамъ противоположнымъ. Если что-нибудь есть общаго между этими послѣдними словами и жизнью Гоголя, то и въ такомъ случаѣ надобно осторожно прикасаться къ его таинственной личности, уважая въ ней благородство природы, которымъ не способно было вполнѣ воспользоваться наше общество. Г. Герсевановъ не щадитъ Гоголя въ своихъ догадкахъ и предположеніяхъ, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Но у него все низость, все преступленіе въ поступкахъ Гоголя. Четырнадцати-лѣтній мальчикъ пишетъ, въ 1825 году, отвѣтъ матери на ея извѣстіе о смерти отца и выражается языкомъ, господствовавшимъ во время оно всюду. Строгій его судья говоритъ: »Тутъ есть все, кромѣ того, что всякій думаетъ найти — сыновней горести о потерѣ добраго отца.« (Стр. 10.) Мы вѣримъ, что тоска по отцѣ свела въ могилу сорокалѣтняго Константина Аксакова, а онъ не вѣритъ, что четырнадцатилѣтній Гоголь, скрывавшій отъ товарищей свою святыню — сыновнія

слезы, могъ дойти до отчаянной мысли о самоубійствѣ. »Лицемѣріе, ложь!« восклицаетъ онъ, судя, вѣроятно, о Гоголѣ по другимъ школьникамъ и воображая, что всякая натура стачана, какъ сапоги, на одинъ и тотъ же копылъ.

Критика писемъ Гоголя къ матери и сестрамъ у г. Герсеванова чудовищная. Лишь только Гоголь скажетъ: »не предавайтесь мнительности«, или что-нибудь подобное, это грубость и дерзость! Лишь только дастъ совѣтъ, это деспотизмъ! Одинъ только разъ похвалилъ онъ Гоголя, да и то какъ-бы съ сожалѣніемъ. Гоголь послалъ на свадьбу сестрѣ 500 р. изъ первой выручки за *Вечера на Хуторѣ*. »Черта хорошая, замѣчаетъ нашъ непостижимый авторъ, хотя нѣтъ тутъ ничего особеннаго.«

Нападая на Гоголя за его юношескую нравственность, г. Герсевановъ уклонился отъ извѣстнаго механическаго ученія о нравственности, которое часто пробивается въ его книгѣ. Уничтожая совѣтъ Гоголя, чтобы молодая дѣвица занималась музыкой и танцами, такъ какъ танцы укрѣпляютъ члены, — онъ говоритъ: »Какъ будто музыка, танцы, укрѣпленіе членовъ составляютъ главную цѣль воспитанія благородной дѣвицы; какъ будто не нужно прежде думать о нравственномъ, умственномъ и религіозномъ воспитаніи.« (Стр. 26.) Дикая непріязнь къ Гоголю до-того ослѣпила его, что онъ забылъ, что на предыдущей страницѣ самъ же сдѣлалъ выписку изъ письма Гоголя въ которой сказано: »внушите ей правила религіи: это фундаментъ всего.« Вѣдь это согласно съ понятіями автора, а между тѣмъ онъ, дѣлая выписку, говоритъ о Гоголѣ: »Наставленія его до того пошлы, что не понятно, зачѣмъ все это напечатано.« (Стр. 25.) Словомъ, недобросовѣстнѣе этой книги мы еще ничего не читали. »Льстя постоянно людямъ нужнымъ (говоритъ авторъ о Гоголѣ, на стр. 45), вознаграждалъ себя родными, изливая на нихъ желчь, переполнявшую его душу, гдѣ *не было мѣста ни одному доброму чувству*.«

Читатели извинятъ насъ, если мы бросимъ на этомъ приговорѣ перо и не станемъ дальше перелистывать этого жалкого издѣлія бурсацкой грамотности.

Г. Герсевановъ отъ жизни Гоголя переходитъ къ критикѣ его сочиненій, но эта критика ниже всякаго о ней отзыва. Порицая лучшее, что есть въ сочиненіяхъ Гоголя, онъ вдался въ крайность, противоположную крайности г. Максимовича, который не позволяетъ находить недостатковъ даже и въ первыхъ литературныхъ опытахъ великаго писателя.

ПЕРЕГЛЯДЪ УКРАІНСЬКИХЪ КНИЖОКЪ.

Казкы и байкы зъ сусидовои хатки, перелиціовани и скомпоновани Придніпрянцемъ. Кіевъ (Два випуски). 1850, 1860. (Въ 24 долю листа, стр. 50 и 45).

Кіївъ нашъ — чудній якійся городъ. Стоіть вінъ посередъ Украіни; дивитця въ Дніпро-Славутъ; славитця дивами своіми по всіхъ нашихъ селахъ и хуторахъ; чуемо про ті дива зъ малого малечку; рине до его Божий людъ літо въ літо зо всіі Украіни. Здавалось би: оттутъ-то мусить словесность наша народня процвісти пишнимъ цвітомъ! а виходить воно не такъ. Що жъ сему за причина? Багато причинъ, та ічъ у хаті. Нехай усяке домисляетця, якъ знае, а ми скажемо тільки про самі книжки, котрі коли-не коли виходять съ кіевськихъ друкарень.

Годилось би положити іхъ передъ собою рядочкомъ, та й давати всякій книзці и книжецці ціну, — нехай би товариство знало, що на кіевськихъ горахъ преславнихъ виросте, и якъ воно приходитця до смаку нашому брату на чужині; та не такъ-то легко все те зібрати и въ свою добу про всяку книжечку сказати слово. Иноді й рікъ мине, поки довідаесся тутечки, що въ Кіеві випущено таку й таку книжечку. Підешъ по книгарняхъ столичніхъ, питаешъ: чи нема чого зъ Украіни?... Нічого нема! Отъ, перечуешъ черезъ люде, що надруковано щось новеньке, випісуешъ, читаешъ, »а часъ — мовъ вілъ зъ гори чухра«. Тимъ-то мусимо вже порядокъ занедбати, а котора книжечка наверне якимъ случаемъ намъ на очі, про ту й писатимемъ у *Основі*.

Не скажемо, щобъ у Кіеві — скільки вінъ себе досі виявивъ рідним словомъ — панувавъ чистий украінський смакъ. Первимъ друкованимъ писателемъ кіевськимъ бувъ п. Карпенко. Не памятаемо, щобъ хто ще ранше его надрукувавъ що въ Кіеві рідною мовою. Василківські повісти якісь вінъ оповідавъ. Давно ми іхъ читали, та й досі кривимось, споминаючи те читання. Якъ погано орати, то лучче випрягти! Отъ що ми пораяли бъ п. Карпенкові. Такъ де жъ?... У насъ такъ повелось у товаристві, що якъ уродитця яка недотепа, чоловікъ ні до чого, и лініве на просту яку роботу, и сонливе тамъ, де треба обома ухами слухати,

диви́сь — у писа́телі воно́ бере́тця. Тимъ-то лю́де, въ грома́ді пова́жні, довідавшись, що оце́ мовля́въ а́вторъ, маха́ють руко́ю и одверта́ютця: нічого съ таки́мъ чоловікомъ и говори́ти. Бо й спра́вді міжъ писа́телями украінськими — хочъ іхъ и ма́ло — найбільшъ таки́хъ, що на́дятця, якъ то ка́жуть — не [illegible], не [illegible], па́сочки ззісти. Міжъ таки́ми недоте́пами, що не зви́кли вчи́тись не то съ книжо́къ, та и въ сільского розу́много лю́ду, пе́рше всіхъ мо́жна вказа́ти на а́втора отти́хъ васильківськихъ по́вістей. Коли́ хто хо́че зна́ти, що́ то за безписьме́нщина друко́вана, що́ то за леда́чий смакъ оповіда́ння, неха́й загля́не въ ті книжечки́. Показа́лись вони́ и зни́кли зъ оче́й, и спомина́ти про нихъ не годи́лось би ту́ка; такъ отъ же ли́хо: що скільки намъ ні впада́ло въ ру́ки ки́евськихъ книжечо́къ, рідною мо́вою пи́санихъ, усі вони́ на́че лежа́ли вку́пі съ Карпе́нковими гнилякáми, отти́ми васильківськими тереве́нями: та́къ одъ іхъ Карпе́нківськимъ смако́мъ несе́! Мо́же, въ Ки́еві що́ й га́рне надруко́вано, та ми не зна́емо, а що вже ті книжечки́, котрі до насъ по сей часъ наверну́лися, то найбільшъ вони́ бъють у вічі леда́чимъ я́кимся смакомъ само́і мо́ви: на́че Ляхи́ ту мо́ву земляка́мъ на́шимъ попсува́ли, або́ бурса́цтво понівечило. Сло́во жъ сло́вомъ, ато́ й саме́ нутро́ тихъ книжечо́къ мовъ тобі кло́ччямъ на́пхане. Чита́ешъ и за́разъ ба́чишъ, що сей чоловікъ не то зъ вели́кими чужозе́мніми поэтами, та й съ Пу́шкинимъ (що вже жъ и по шко́лахъ ёго́ товкма́чять) не обізна́вся; такъ и ба́чишъ, що ані исто́рия, ані кри́тика, ані этногра́фия и вві сні ёму́ не сни́лися. Пи́ше зъ печо́вка та й друку́е, и ду́мае, що, не бу́вши розу́мнимъ чоловікомъ у реча́хъ про́стихъ, всёгосвітніхъ, мо́жна щось-пу́тне написа́ти про запа́съ на́шому товари́ству украінському. Спра́вді, хочъ слідо́мъ неха́й хто хо́дить за тими́ людця́ми, що отті книжечки́ нікче́мні друку́ють; ніко́ли вінъ іхъ не поба́чить за діломъ пу́тнімъ, товари́ству ду́же потрібнимъ діло́мъ. Нема́ зъ нихъ ні учи́теля до́брого въ шко́лахъ, ні судді розу́много и працёви́того, ні господаря́ сла́вного, и не ви́явили вони́ себе́ ані одни́мъ таки́мъ друко́ванимъ листо́чкомъ, щобъ згоди́вся лю́дямъ сторо́ннімъ одъ на́шоі украінськоі спра́ви. Отъ же, коли́ хо́чете зна́ти, то сі, якъ мовля́въ Котляре́вський, »писарчуки́ пога́нихъ віршъ«, сі а́вторі книжечо́къ, незгідних и лаке́йству на за́бавку, сі дзвонарі, що дзво́нять у соло́мяні дзво́ни,—шпе́тять, та й не пома́лу шпе́тять, украінську слове́сность. Живу́ть вони́ не на хма́рахъ, хочъ и літа́ють поза хма́рами: на землі вони́ живу́ть, и вся́ке іхъ ба́чить и зна́е, а ба́чивши й зна́вши, рівня́е до тихъ люде́й, що, бу́вши ду́же письме́нними и голова́тими на яке́ и́нше діло, до украінськоі слове́сности ані дотор-

ка́ютця. Отъ, и мізку́ють собі, що воно́ яка́сь дурни́ця, бо гля́нте: отъ и Шульга́, чи тамъ Бугай яки́й, отъ и Хилько́, чи Ко́стуръ, чи тамъ яки́й Иване́ць, Нова́къ, або́-що — лю́де книжко́ві зъ ма́льства, по всяко́ї старовині о́комъ займа́ють ши́роко и у всяко́ї розу́мній ре́чі дадуть ра́ду хочъ куди́, а чомъ же *вони́* не пи́шуть по-на́шому? Пи́шуть вони́ и́ншими мо́вами и ви́дно зъ іхъ писа́ння, що вони́ лю́де голова́ті, а по-сво́ёму не пи́шуть... Вихо́дить, що українська слове́сность спра́вді така́ дурни́ця, якъ отъ про не́і мовля́въ моско́вський *День*. »Живу́ть лю́де у одно́му го́роді, у́чатця у одни́хъ шко́лахъ. Хто розумні́йший, той пішо́въ на висо́кі дзи́нлики и товари́ство звірило ёму́ найтрудні́йші спра́ви по нау́кахъ и по судáхъ, або́ до́бримъ господаре́мъ у селі вчина́вся, що всі ёго́ ро́зумъ на ділі вбача́ють; а хто нау́ки въ шко́лі не поня́въ и такъ собі ні письме́ннимъ, ні те́мнимъ изъ шко́ли ви́йшовъ, той — диви́сь — книжечки́ українські друку́е. Яки́й же въ тихъ книжка́хъ бу́де ро́зумъ, коли́ сёго́ чоловічка ніхто́ нико́ли ні въ яко́му ділі не вважа́въ за розу́много?« Такъ му́сять рахува́ти, такъ и раху́ють лю́де, що на слове́сность ди́вляться не я́ко на пи́сані теревені́, а я́ко на части́ну спільнёго діла́ грома́дського, діла́ життя́ людського́, — що ся части́на повинна служи́ти на кори́сть всёму́ товари́ству такъ са́мо, якъ и всі и́нші, тільки своїмъ особли́вимъ спо́собомъ. Коли́ бъ лу́чилось намъ съ ти́ми розсу́дливими людьми у розмо́ву раховиту ввійти́, то ми бъ, мо́же, знайшли́, що́ мо́вити й про високонова́жнихъ Иванцівъ и Новаківъ и тихъ Бугаівъ и Шульгъ. Не зовсім би ми іхъ пра́ведними на іхъ учёному шляху́ огласи́ли. Ми бъ, мо́же, верну́лись у ті ча́си, якъ формува́лись іхъ го́лови розу́мні и зуміли бъ, мо́же, дорека́ти іхъ наста́вникамъ, котрі іхъ у глибо́ку, да́вню ко́лію на-віки вправили, або́ въ таку́ глибо́ку ковба́ню завели́, що вже й до-віку тамъ, якъ ра́ки, му́сять сидіти. Зняли́ бъ, мо́же, ми га́ньбу й съ тихъ, що, за іхъ молодо́го віку, недоте́пами сла́влено, чи то камінням, его́же небрего́ша зи́ждущіи. Та не всяке ма́е часъ до само́ї глибині усяку я́ву збагну́ти. Мізку́ють лю́де працёвиті, за своїмъ нега́йнимъ ділóмъ, такъ, якъ імъ на очі наверта́ється. Отъ и підпіра́ють своїмъ живи́мъ сло́вомъ неросзсу́дливе сло́во моско́вського *Дня*, а черезъ те воло́вимъ по́ступомъ иде́ на́ша українська спра́ва. Тимъ-то *Осно́ва*, прочи́туючи всякі книжечки́, що съ Ки́ева до не́і дохо́дять, хочъ и радіе, що е на світі лю́де, котрі зъ усіе́і ніби-то сили коло́ свого́ рідного сло́ва працюють, та що́ жъ, коли́ все, що́ ви́робивъ рідъ людський литерату́рою по и́ншихъ зе́мляхъ, все те мовъ не при іхъ пи́сано? Суму́емо ми тутъ не по-ма́лу, я́къ се здае́ться чу́дно симъ на́шимъ письмака́мъ, що мовъ Українцеві не тре́ба того́ й зна́ти, я́къ ин-

ші наро́ди коло свого́ по́биту и коло свого́ сло́ва по́рались. Не те, щобъ іхъ собі за взіръ ста́вити: се и́нша річъ. Нашъ братъ, пожи́вши поміжъ Німцями, Німцемъ не зро́битця, та я́кось у ёго своє́ діло твердійше и рівні́йше йде, що вінъ на сусідські спра́ви надива́вся. А найбільшъ у словє́сности. Погля́ньте на тихъ, що почина́ли будува́ти и́нші литерату́ри; тажє́жъ вони́ були́ найрозумні́йші лю́де свого́ ча́су,—отъ хочъ-би Да́нте, Петра́рка, Гёте, Ши́ллеръ, отъ хочъ би й Пу́шкинъ, отъ хочъ-би́ й воскреси́тель по́льского сло́ва — Мицке́вичъ. Се такі були́ лю́де, що візьми́ въ ёго зъ рукъ пірó та поста́въ ёго середъ наро́днёі ра́ди, то ёго́ мо́ва найчутні́йша бу́де по всёму́ кра́ю. А на́ші оці писа́телі, що про нихъ зняли́ ми річъ?... Коли́бъ зібра́ти въ яко́му невели́чкому сельці сивоу́су грома́ду, та й ви́вести ёго́ речнико́мъ передъ не́і,—навря́дъ, чи слу́хали бъ ёго́ діди́ и півгоди́ни. Згада́й, хто зна́е, 1854 рікъ у Ко́рсунщині. Проява́вись тамъ бувъ речни́къ съ письме́нниківъ. Що́ жъ? Скепкува́ли ёго́ неписьме́нні лю́де, дарма́, що роспина́вся за іхъ спра́ви. Зъ жа́лощівъ тільки, мовъ божевільного, одъ се́бе ёго́ не ограня́ли. Отта́къ же са́мо й книжечки́ оці, що друку́ють ніби-то для грома́дськоі кори́сти. Кому́ вони́ и на́ що потрі́бні? Тре́ба своє́ товари́ство, свій наро́дъ до́бре зна́ти, коли́ хо́чешъ для ёго писа́ти, а свого́ товари́ства не зна́тимешъ до-віку, не зна́вши, я́къ жили́, я́къ побива́лись и працюва́ли и́нші наро́ди и товари́ства. На Шевче́нка — ча́сто чу́ешъ — здаю́тця: що ось, мовля́въ, мужи́къ, съ крепакі́въ ви́йшовъ и въ шко́лахъ не бува́въ, та які́ розу́мні ре́чі проглаго́лавъ!... Ой, ой! коли́бъ-то всі зна́ли, що́ то за голова́тий бувъ чоловікъ той Шевче́нко, и яку́ вінъ шко́лу пройшо́въ, попомі́рявши того́ шля́ху, що бода́й, ка́же, бі́льшъ не міряти, и пожи́вши въ столи́ці зъ уся́кими людьми́! Ми зна́ли Шевче́нка тоді, якъ вінъ написа́въ що-найви́щі свої недруко́вані ду́ми. Не було́ кни́жки живо́і и животворя́щоі, щобъ ёму́ въ ру́ки попа́ла, та й лежа́ла въ ёго непрочи́тана. Пу́шкина вінъ знавъ напа́мять, дарма́, що писа́въ не ёго́ мо́вою, не ёго́ скла́домъ, а Шекспи́ра вози́въ изъ собо́ю, куди́ бъ ні іхавъ. Ще жъ не забу́демо, що Шевче́нко до́бре працюва́въ надъ маля́рствомъ и роскида́въ ро́зумомъ по всіхъ маля́рськихъ шко́лахъ: то ма́ло хиба́ тамъ було́ ко́рму для ёго́ голови? Объі́здивъ Шевче́нко всю Украіну, переговори́въ съ ти́сячами всяко́го лю́ду, то се хиба́ не нау́ка, не библіоте́ка життя́ людського́? Чува́ли ми ёго́ крити́чні роспра́ви зъ ёго́ устъ и ди́вомъ не разъ дивува́ли, я́къ вінъ гли́боко вхо́дивъ у саму́ суть литерату́рнёго діла. А про-те́ не ска́жемо, щобъ Шевче́нко доки́нчавъ такъ, якъ ми сподіва́лись, свій по́двигъ словє́сний. Захопи́ла ёго́ хурто́вина середъ вели́кого шля́ху; не дала́ ёму́ ли-

ха́ до́ля́ всёго́ того́ вчини́ти, для чо́го вінъ на свіτъ народи́вся. Написа́въ вінъ ду́же ма́ло, и одно́ це пока́зуе, що не гара́здъ ши́роко освіти́въ вінъ собі ро́зумомъ ту жизнь, кото́ру му́сивъ малюва́ти въ своіхъ поэмахъ и ду́махъ. Неха́й би Шевче́нко мавъ усе́ те въ голові, що́ мавъ Пу́шкинъ, або́ Мицке́вичъ, — не таки́й би ще зъ ёго ви́йшовъ поэтъ, дарма́, що дове́лось ёму́ цілину́ ора́ти.

Оце́ усе́ зва́жуючи, верта́емось изно́въ до книжечо́къ ки́евськихъ. Тимъ въ нихъ ма́ло й жи́зні, що сами́ іхъ автори́, пе́вно, живу́ть на сві́ті мля́во и не всі свої розумо́ві си́ли въ ходъ пуска́ють. Про те вже мовчимо́, що и́нший, мо́же, вроди́вся недоте́пою, и що, мо́же бъ, ёму́ випада́ло па́сти теля́та, а не книжки́ компонува́ти. Ні, між молодіжжю трапля́лось намъ чува́ти таке́: що поэти, мовля́въ, nascuntur, то не тре́ба дотепному чоловікові го́лову свою́ надъ книжка́ми суши́ти, та й життя́ своє́ тре́ба по во́лі на всі за́води пуска́ти. Чи горілка, то й горілка, чи вечірни́ці, го й вечірни́ці; пий, зъ дівча́тами крути́сь безпе́чне, а вже твій тала́нтъ проки́нетця въ свій часъ, и тако́і заспіва́ешъ, що по всёму́ світі бу́де чу́ти.

А ми ска́жемо, що nascuntur и малярі вели́кі, и вели́кі строітелі, вели́кі му́жі грома́дські и всяки́ гені́і такъ са́мо, якъ поэти, тільки не навчи́вшись трудни́хъ усяки́хъ річе́й, до іхъ діла потрібнихъ, зостаю́тця міжъ людьми́ ні при чо́му. Не шко́ла ро́бить поэта — се такъ, та поэтъ самъ собі ро́бить шко́лу, и въ тій шко́лі працю́е більшъ, аніжъ працюва́ли учені́ кни́жники по гимна́зіяхъ и акаде́мияхъ. До́бре жъ, коли́ життя́ такъ ёму́ складе́тця, що вінъ собі самъ ра́ду дасть и до своє́і мети́, назначено́ваної ёму́ одъ Бо́га, дійде; а буває й такъ, що знемо́жетця си́лами, та й полови́ни доро́ги не поду́жае скінчи́ти. (Показа́ли бъ ми на Го́голя, та бага́то про ёго тре́ба писа́ти.) Тимъ-то до́бре тому́, хто въ шко́лі натра́пить на розу́много наста́вника и той ёму́ помо́же на́ ноги зня́тись. Тимъ-то до́бре робили́ бъ ті молоді писа́телі, що книжечки́ нікче́мні друку́ють, коли́бъ не вганя́ли ду́мкою за *су́етною сла́вицею* та найбли́жчого свого́ діла пильнува́ли. Коли́ въ іхъ есть кебе́та до слове́сности, то вона́ черезъ трудову́ нау́ку не заги́не. Не всяка нау́ка су́шить ро́зумъ: су́шить ёго́ тільки навісни́й приму́съ до нау́ки, якъ отъ буває по бу́рсахъ. Чие́ жъ се́рце коло́титця, чита́ючи Мако́лея, Бо́кля, або́ Ши́ллера, чи Мицке́вича, въ ко́го духъ займа́етця одъ живо́го сло́ва наста́вника, тому́ певнійша доро́га до исто́ріі и поэзіі, аніжъ тому́, хто съ поро́жнімъ товари́ствомъ пра́вить терева́ні и но́ситця легки́ми ду́мками поза хма́рами. Съ тихъ люде́й, що пи́шуть по-на́шому, е такі, що почали́ ра́но писа́ти; е й такі, що почали́ писа́ти, ста́вши вже, якъ-то мовля́ють, *людьми́*. Нема́ зако́ну неодмін-

óного для твpчества, тільки довóдилося намъ чувáти, якъ лю́де дýже дотéпні жалкýють: нá що вонú такъ рáно почáли писáти! чомъ іхъ не впинúвъ ніхтó розýмний и, якъ-то написано, *власть имѣли!* чомъ іхъ не направлено на дóбре читáння, котрé поглинýло бъ іхъ охóту до розумóвої робóти! чомъ іхъ не настáвлено, якъ трéба пúльно прислухáтись до розмóви людéй тямýщихъ и добромóвнихъ! чомъ імъ зáповіді не дáно: що *хто хóче бýти дóбримъ оповідачéмъ, той мýсить пéрше бýти дóбримъ слухачéмъ!*...Завúдують такі лю́де тимъ, що починáють писáти, багáто вже дé-чого въ голові мáвши: якъ усякий іхъ листóкъ, про щó бъ вонú ні здýмали писáти, потрібенъ кому-нéбудь на діло живé, а не на зáбавку нікчéмну, и рúне зъ іхъ мізкувáння корúсть товарúству, такъ що й своіми очúма бáчишъ: сёгóдні чоловікъ посáдить зéрнятко, зáвтра воно́ принялóсь, тамъ уже́ живі ростки́ пускáе, нагля́нешъ ёго́ ще-пізнíйше—вже зъ ёго лю́де, мовъ зъ готóвого хлíба, корúстуютця! Не бýдемъ такúхъ спасéнныхъ душъ тутъ перелічувати; звéрнемъ увáгу громáдську на одного́ тíльки писáтеля Ревя́кина, — затúмъ, що вінъ оцé недáвнечко зъ своéю прáцею озвáвся и ёго́ ще мáло хто знáе, а писáння ёго́ такé спірне, нáче въ дóброго женця́, що нúву свою зъорáвъ нелінýючись, посіявъ дóбре зерно́ густéнько й рівнéнько, ніде́ порóжнёго мíсця не покúнувши. Радíючи сéрцемъ, поглядáемо ми на ёго́ прáцю: »Поможúй тобí, Бóже, дóбрий чоловíче!..« вітáемо такъ сёго́ ділателя чéсного по сáмому ёго́ почáтку словéсному. Твéрдо йде вінъ своімъ шляхóмъ и, мóже, ёго́ шляхъ бýде й геть-то далéкий и слáвний.

Оглянемось же тепéръ на *Кáзки и Бáйки зъ сусíдової хáтки*, що перелицювáвъ и скомпонувáвъ Придріпрянець. Отъ щó вінъ самъ говóрить у своíй *Прúказці або́ передній мóві* (ми й надрукýемо ёго́ правóписомъ):

»Не знаю якъ кому, а мыни нема ны чого на свити милíйшого, якъ забравшись литомъ у леваду, чы въ садокъ, чы хочь у лисъ, та простягшысь у холодку пидъ грушею, чы пидъ лыпою, або пидъ дубомъ, а зимою якъ затопытьця грубка, то передъ нею гарненько усадовывшись, розогрывать свои кисточкы, а якъ вытопытьця — то на лежаньци, розиславшы повстынку, та пидмостывшы у головы подушку, — нычого не робыть и ни о чимъ не думаты, або-жъ пиддавшись думци, литать на неи якъ на крылляхъ и далеко по за-горамы и по давнимъ часамъ, а найбилшъ забравшысь ажъ у дитьцки годи прыномьянуть колы, де, що и якъ робылось: тутъ заразъ побачышъ хату, у хати людéй давно, давно вже *повмыравшыхъ*, (та й хаты вже тíеи нема на свити) — на пичи сы-

дыть стара бабуся, нянька ще матусына, биля неи на дныщи зъ гребнемъ и мычкою куховарка, а тутъ моя нянька, кучиръ и ще двое чи трое дивчатъ зъ гребнямы, та насъ дитей двое, ти прядуть або друге що роблять, и хто небуть каже казкы — та якы й казкы! довги та хороши, або страшенни, що ажъ морозъ пробыра и волосся дыбомъ стае! та тулытьця одно до другого мовъ у хати нема никого.

»Ото-жъ якъ вырисъ я та навчывсь грамоты, почавъ шукатъ по усимъ кныжкамъ тихъ казокъ, такъ щожъ? Руськыхъ й багацько ѣ, мижъ ными нибы то й наши — та не такъ, не по нашому, попадалысь инколы й наши — такъ позапыхованы у таки кныжки, що не всякому можно й добратьця до ныхъ, а де якыхъ вже й на свити нема; ото-жъ шукаючы такъ, пробравсь я ажъ до сусида у Полщу, и тутъ найбилшъ надыбавъ тихъ казокъ, та й почавъ іихъ зпысувать та на свою мову перекладаты, а де якы й видъ себе зпомынаты и злагодывшы такъ, чы мало ихъ — здумавъ соби: може й опричь мене ѣ ще такы, що побываютця за тимы казкамы, а ну-жъ я поможу имъ и почну друковаты чы по одній чы тамъ по скылькы прыйдетьця, и якъ що прыйдутьця до смаку, то може и вси передрукую, а якъ пиде наше не въ ладъ, то мы зъ своимъ и назадъ — нехай зостаетьця на дали.

»Що-жъ господа громада на те скаже?«

По́ки що́ ска́же грома́да, а ми зъ само́і сіі пере́днеі мо́ви вбача́емо, що чоловікъ пи́ше по-на́шому гара́здъ. Тро́хи въ ёго одзива́етця старо́і мо́ди слове́сноі, що ніби-то на́шому бра́тові все тільки лежня́ на ду́мці, та дарма́: ми лю́бимо зъ се́бе тро́шки покепкува́ти; се вже така́ въ насъ запоро́зька вда́ча. Отъ Ляхи́ — то вже ні: ті все себе́ величаю́ть та хва́лять, що й Го́споди яки́ми людьми́ здаду́тця, хто пійме імъ віри! Що́ до самы́хъ казо́къ, то се до́бре наду́мавсь Придріпря́нець, щобъ ки́нутись сюди́-туди́ по сусідахъ та де́-що своє повизволя́ти. Бага́то на́шого по чужи́хъ ха́тахъ позале́жувалось, що не всяке вже й пізна́е, чиє воно́ спе́ршу було́. Бага́то, позабіра́ли въ насъ усяко́го добра́ сусіде, бага́то и самі на́ші пре́дки по чужи́хъ лю́дяхъ порозно́сили. Тепе́ръ тільки й чу́ешъ: »се вінъ изъ по́льскоі мо́ви, зъ моско́вськоі мо́ви взявъ«, а воно́, Богъ зна коли́, було́ на́ше »непро́шене й не да́не«, тільки що не було́ въ насъ на Вкраіні за́хисту все те хова́ти. Тимъ-то ми ду́же похваля́емо Придріпря́нцеву ду́мку, тільки про́симо лю́бого земляка́ на́шого, щобъ вінъ яко мо́га обчища́въ, що́ до на́шого добра́ по чужи́хъ ха́тахъ поналипа́ло. Ще тільки дві ка́зочки вінъ появи́въ, то намъ нема́ охо́ти ни́шпорити по ёго манісінькихъ книжечка́хъ, чи нема́ въ нихъ яко́і по́милки; нехай уже́ за

одни́мъ за́ходомъ коли́сь про нихъ погово́римо, а тимъ ча́сомъ ра́емо товари́ству купова́ти сі казочки́ и чита́ти, въ ко́го е дітво́ра, до казо́къ охо́ча. Тільки шко́да, що право́писъ на польщи́зну въ нихъ збива́етця. Якъ дали́ ми одному́ хло́пчику, що ви́вчись чита́ти по Шевче́нковому *Кобзаре́ві*, то вінъ и зво́мпивъ, чи се по-на́шому, чи по яко́му и́ншому? Чоловікъ уче́ний не зупи́нитця, хочъ тро́хи й скри́витця одъ тихъ *чы* (czy), *шы* (szy), *щы* (sczy), а въ діте́й мо́ва ніжна, бо то́ ще тільки ма́ти рідного сло́ва іхъ учи́ла и не чува́ли вони́, я́къ той людъ розмовля́е, що захопи́въ у свою́ річъ твердо́і польщи́зни. Нашъ полта́вський Украінець, або́ хочъ и братъ Шевче́нківъ зъ Ка́ніва, съ Ко́рсуня, не ви́мовить такъ *воли́*, якъ Ляхъ вимовля́е своє woły, и не ска́же *ми*, якъ Моска́ль прити́сне тобі своє моско́вське *мы*. На́ша вимо́ва займа́е сере́дину міжъ *ы* (поля́цькій *у*) и дру́гимъ *и*; то на́ що жъ намъ свої книжки́ тими́ болга́рськими *еры* съ церко́вних книжо́къ засіва́ти? Ну, та се річъ не вели́ка; отто́ до́бре, що Придріпря́нець га́рно по-на́шому пи́ше, тільки де́-не-де скри́вить, якъ отъ и въ пере́дній мо́ві: *люде́й, давно́ вже повмира́вшихъ*, або́ хочъ и въ ціхъ сло́вахъ: *перелицёванихъ и скомпопо́ванихъ Придріпря́нцемъ*. Овва́! чи въ насъ же до-ладу́ таки́й твори́тель, якъ оце́й *Придріпря́нцемъ*? Остерега́ючи това́риша на́шого одъ таки́хъ по́милокъ, ми ёго́ про́симо на́шого сло́ва въ гнівъ не прийма́ти, та й пра́ці своє́і не занедбо́вувати, ажъ по́ки доведе́ іі до самісінького кінця́. Тоді мо́же, ще ми про не́і яке́ сло́во ска́жемо.

П. Кулішъ.

Наські Граматки.

Чу чу́ли ви, добродійство, сю при́казку: *зъ молодо́го*, ка́же, *якъ зъ во́ску — що́ хочъ, те и ви́ліпишъ?* а про старо́го бала́кають — *бода́й*, ка́жуть, *старо́го чортъ вчивъ!* Се, ба́чите, такъ бала́кають лю́де про люде́й; о́же те жъ са́мо мо́жна сказа́ть, мені здае́тця, и про вся́ку слове́сность. Поки́ ще въ слове́сності нема́ нічо́го тве́рдого; поки́ въ іі, мовъ на ті ни́ві весно́ю, що́ зхочъ, те и ви́полешъ, що́ зхочъ, те и зоста́вишъ — куліль отто́й и отті будяки́... при́вички отті и ті звича́і, що́ *вхо́дять* вони́ *пуда́ми, а вихо́дять золотника́ми*, ле́гко витребля́ть, ле́гко одъ іхъ одвика́ть, ле́гко забува́ть; якъ же слове́сность геть

вже підхопи́лась, або́ и ко́лосъ викида́, налива́етця, половіе — я́къ то бага́то тре́ба коло то́го леда́чого попововту́затьця! я́къ бага́то, тупцю́ючись коло ёго, ви́толочишъ и тако́го, що й куса́ть би мо́жна! а скільки спичо́къ и́ноді наженешъ собі и въ ру́ки, и въ но́ги, а часа́ми и въ нісъ! Та й що́ ще и́ноді бува́: ти ёго́ зовсімъ, зъ коріннямъ витребля́ешъ — »отъ«, ду́маешъ, »и заво́ду ёго́ не бу́де«; а головки́ тимъ ча́сомъ витру́шуютця, насіння сіетця, и диви́сь — на дру́гий годъ зно́ву на ни́ві кукіль, зно́ву будяки́!..

Для то́го, коли́ ми не бала́каемо тільки, а й спра́вді коха́емо на́шу слове́сность, коли́ не на язиці тільки вона́ у насъ, а и въ се́рцю, въ душі,—ко́жний зъ насъ повиненъ докладать рукъ, щобъ допомогти́ чимъ ії молодіі, — допомогти́, скільки Богъ пода́въ намъ си́ли й ро́зуму. На те нічого вважа́ть, що »яки́й«, мовъ, »зъ ме́не письма́къ, яки́й зъ ме́не мисте́ць выво́дить по білому чо́рне! лю́де тільки бу́дуть сміятьця!« ; або́: »підождімо«, мовъ, »що́ ска́жуть старіші и письме́нніші!« Тутъ не письме́нство и мисте́цво на́ше потре́бні — зна́йдутця и на те зда́тні, де тре́ба; а тутъ тре́ба голосівъ: той те ска́же, дру́гий дру́ге, тре́тій тре́те, — а одъ то́го ви́розуміетця ді́ло, пове́рнетця передъ на́ми зъ усіхъ боківъ. Коли́ ка́жуть, що грома́да вели́кий чоловікъ, то и одъ то́го, що не одно́ю голово́ю вона́ живе́, а багатьма́. А що лю́де бу́дуть сміятьця, — розу́мні лю́де нико́ли не смію́тця, як-що́ ми ка́жемо одъ своє́і щи́рості, а не одъ чо́го дру́гого; а що засмі́етця и́ноді яки́й аби́який — и, ба́тю! неха́й сміе́тця собі на здоро́вья! зъ ко́го жъ ёму́ и посміятьця, якъ не зъ на́шого бра́та, про́стого громадя́нина!

Для́ того, добродійство громадя́не, хо́чемо оце́ й ми пода́ть го́лосъ— объ на́шихъ граматка́хъ. Не бага́то тутъ бу́де и того́ ди́ва, на́шого розумува́нія, а все таки́ подамо́ го́лосъ; бо старіші и письме́нніші мовчя́ть, ви, добродійство громадя́не, хоть и бубните́, та тамъ собі, десь, ніхто́ не чу́е — такъ подамо́ го́лосъ, мо́же загово́рять. А поговори́ть объ сёму́ ді́лі тре́ба: бо то не жа́рти, щобъ одного́ ро́ку, та ви́дано пять грама́токъ (1)! а невсипу́щий Кулішъ либо́нь готу́е ще й шо́сту, а зъ Москви́ либо́нь ви́пурхне ско́ро ще й сёма! Ді́ло, вихо́дить, гори́ть, и ді́ло не прививше — пе́вно, міжъ щи́римъ зерно́мъ есть и кукіле́ць... Слу́хайте жъ, добродійство, що́ ми собі объ на́шихъ граматка́хъ мірку́емо.

(1) Ми лічимо тутъ и Таблиці д. Шейко́вського. На превели́кий нашъ жаль, ми не зна́емо, чи воні́ ви́йшли зъ яко́ю кни́жечкою, чи безъ кни́жечки; одна́че, для ді́ла все едно́.

Ко́жному зъ насъ відомо, що письма́чить дітей, а для́ того и писа́ть граматки́, мо́жна двома́ спо́собами, чи то мето́дами. Пе́рвий спо́собъ — старосвіцький, вінъ почина́ одъ бу́ковъ, по́тімъ иде́ до складівъ, а по́тімъ и до слівъ, — се бъ то: дити́на повинна попе́реду запамята́ть якісь *а* и *б*, по́тімъ навчи́тьця скла́дувать зъ іхъ яке́сь *ба*, а по́тімъ вже и *ба́-ба*. Дру́гий спо́собъ — неда́вній, ви́гадавъ его́ д. Зо́лотовъ. Сей спо́собъ иде́ до своєі мети́ уже́ зовсімъ зъ другого́ бо́ку: про́сто почина́ одъ *ба́ба*, иде́ до *ба*, а по́тімъ уже́ и до *а* и *б*. Нови́й спо́собъ тимъ зго́дніший одъ старосвіцького, що дити́на, письма́чучись по ёму́, не дозна́е тиі нудо́ти, що́ ми коли́сь дознава́ли надъ оттими́ *бря*, *вря*, *тма*, *мна*, виу́чуетця скоріше чита́ть и, мізку́ючи ра́зъ-въ-разъ у се́бе въ головиня́ті, привика́ думать; а гірший вінъ одъ старосвіцького тимъ, що однімае́ у вчи́теля більше ча́су, и що вчи́тель повине́нъ тутъ бу́ти не тільки чоловікомъ терпля́чимъ, розсу́дливимъ и охо́чимъ прока́зувать дити́ні, а й геть то письмако́мъ. Бо яки́мъ по́битомъ вчи́тель непісьма́къ — ну, хоть, приміромъ, дякъ яки́й, що да́льше *фа́ри* або́ *йнхвими* не захо́дивъ, якъ-то ще вінъ и бувъ тамъ; або́ такъ собі до́брий чоловікъ, що́ школярі, мовля́въ, школяра́ми, а то таки́ й баштану́ не тре́ба забува́ть, чи тамъ па́сіки — я́къ, кажу́, таки́й вчи́тель дійде до прему́дрости *голосни́хъ* и *приголо́сныхъ?* або́ розчовпе́ и ви́кона таку́ нау́ку нового́ спо́собу (Азбука по методѣ Золотова для южно-русскаго края): »Но здѣсь«, ка́же Азбука, »опять надо предварительно познакомить ученика въ изустномъ разговорѣ съ тѣми звуками, которые изображаются гласными буквами. Для этого лучше всего было бы довести его самого до сознанія отдѣльнаго существованія этихъ звуковъ посредствомъ различныхъ вопросовъ или вообще разговора, вынуждающаго употребить въ отвѣтѣ какое-нибудь междометіе; но если это окажется затруднительнымъ, то учитель долженъ самъ употребить такія междометія, какъ *а! о! э! у!* и обратить на нихъ вниманіе ученика.« Та се така́ нау́ка, що гляди́ть лише́нь, чи вся́кий вчи́тель поду́ла, що и въ парафія́льнихъ шко́лахъ! Одто́го, намъ здае́тця, що хоть Золотівський спо́собъ и лу́чче старосвіцького, и хоть ми повинні побива́тьця, щобъ вінъ ши́рився у насъ и прийма́вся, не вважа́ючи, що зъ нимъ для вчи́теля хлопотно́ (бо не у́чень для вчи́теля, а вчи́тель для у́чня); одна́че, поки́, що, *поки́*, мовля́въ, *судъ та пра́во*, — письма́чення по новому́ спо́собові бу́де у насъ більше ріа desiderіа, и *безъ граматокъ, написаныхъ по старосвіцькому спо́собові, намъ обійти́сь не мо́жна*. Тільки тоді, якъ въ на́шихъ недільнихъ шко́лахъ, якъ отъ и въ пе́рві Полта́вські (на не́і ми погляда́емо ве-

ли́ку надію), перевѐрпетця не одна́ и не дві ти́сячі хлопя́тъ; якъ объ письма́ченню не одъ *азівъ* и *бу́ки* (»бери́«, мовля́въ, »грама́тку въ ру́ки«), а одъ *ба́-ба, ва́-ва, во́-ля*, не тільки розійдетця скрізь поголо́ска изъ городівъ и таки́хъ сілъ, якъ отъ роска́зуе д Стронінъ про Ря́шки (часо́пись *День*), а и бу́дуть тамъ письме́нні по новому́ спо́собові, — тоді тільки мо́жна бу́де сказа́ть вида́вцямъ на́ськихъ грамато́къ, що »го́ді вже«, мовъ, »добродійство, того́ дива одъ *азівъ*«; а до то́го — пишіть, добродійство, усякі, пишіть! гядіть тільки... Одна́че, не тре́ба забува́ть поря́дку.

Ко́жна грама́тка, чи бу́де вона́ напи́сана нови́мъ, чи старосвіцькимъ спо́собомъ, повинна вести́ до своє́і мети́ якъ найле́гше.

Пе́рва и найвальніша тутъ поле́гкість, спільна обо́мъ спо́собамъ, въ тімъ, щобъ почина́ть одъ слівъ, найле́гшихъ въ письма́ченню, и по́тімъ, пома́леньку и не перека́куючи, ити́ до ва́жчихъ и ва́жчихъ, поки́ и до са́михъ важки́хъ. Тутъ слова́ куце́нькі и слова́, що́ діти зна́ють пра́ве одъ колиски, або́ що́ ла́сять бі́льше дітську ува́гу, чудні для іхъ и д. и д. вважа́ютця за ле́гші, а слова́ до́вгі, ме́нія речѐй невидимихъ (духъ, надія, скорбо́та), приме́нія (кля́тий, grундзёваний, копа́тельний), замісць-ме́нія (мене́, ёго́, самісінь ий), глаго́ли (сумую́, підневіжую, жаха́юсь), приглаго́лля (навпаки́, поза́торікъ, стовбула́), замісць-глаго́лля (овва́! ой!), міжсліввя (або́, чи, о́же) и передсліввя (икъ, біля́, коло́) — за ва́жчі; слова́ зъ бу́квами голосни́ми и приголо́сними — за ле́гші, а зъ півголо́сними — за ва́жчі; слова́ зъ склада́ми про́стими (ба, ва) — за ле́гші, а зъ ви́верненими (аб, ав) — за ва́жчі, зъ сере́динними (ваб, бав) ще ва́жчі, а зъ на́ростомъ (бва, вба) — и ще ва́жчі и д.

Поди́вемось же, якъ добродійство вида́вці на́ськихъ грамато́къ впко́нують сей пе́рший приказъ письмаче́ння, и сперво на́перву загля́немо въ граматки́ Золоті́вські (1).

И Полта́вська и Деркачівська граматки́, и Тяблиці д. Шейко́вського, почина́ють одна́ково — зъ двускладо́вихъ слівъ зъ про́стими склада́ми (а граматки́ ще и зъ ви́тинкою на пе́ршому скла́ді); да́льше жъ, въ грамат**к**а́хъ уже́ одинъ поря́докъ, а въ Тяблицяхъ други́й. Граматки́ одъ

(1) Іхъ дві у насъ: ви́менипая попе́реду *Азбука по методъ Золотова для южно-русскаго края*, вла́сность 1-і Недільнёі шко́ли въ Полта́ві, Полта́ва, 1861 р., ціна 5 к. ср. (я її бу́ду звать *Полтавською* грама́ткою), и *Украінська Грама́тка* Илька́ Деркача́, Москва, 1861 р., ціна 5 к. ср. За таківську *грама́тку* ми вважаемо и ви́речені попе́реду, ви́дані д. Шейко́вськимъ (въ Ки́ві), Тяблиці.

двускладо́вихъ зъ про́стими склада́ми иду́ть до трёхскладо́вихъ, чотирёхскладо́вихъ и д. зъ про́стими жъ склада́ми; одъ сихъ до слівъ зъ скла́да́ми ви́верненими и сере́динними и д. — а Тябли́ці одъ двускладо́вихъ зъ про́стими склада́ми до ви́верненихъ и сере́диннихъ; одъ сихъ до слівъ трёхскладо́вихъ зъ про́стими и не зъ про́стими склада́ми и д. Ко́ротко мовлячи́, граматки́ уважа́ють за ва́жче въ слова́хъ непро́сті склади́ и півголо́сні, а Тябли́ці — лічбу складівъ.

Одчо́го се Тябли́ці даю́ть тутъ перева́гу лічбі складівъ, при устано́ві у се́бе поря́дку, — не зна́емо, бо ви́кладу спо́собу при іхъ нема́. Хіба́ чи не зъ приміру тябли́ць Зо́лотова? чомъ же не пішли́ за приміромъ ёго́ грама́тки? у вся́кому ра́зі, одна́че, намъ здае́тця, що д. Шейко́вський помиля́етця. Дити́на у Золотівські грама́тці почина́ одъ про́стихъ складівъ *ба, ва, га*; а коли́ вона́ одъ іхъ почина́ и до́бре іхъ зна, то ле́гше ій зроби́ть зъ іхъ *ба-ва-га, ва-ба-га* и д., ніжъ *аб, ав, аг*, або *бва, вба*. Таке́ розумува́ння ствержа́етця и спи́ткомъ надъ пісьма́ченнямъ, чужи́мъ и на́шимъ вла́снимъ: нехай дити́на у́читця на́ветъ по старосвіцькі грама́тці, де есть *склади́*, а въ складахъ *бря́, вря, гря*, якъ и *ба, ва, га*, а все таки́ ле́гше ій прослебезува́ть яке-не́будь *ба-бу́-ся, бе-ре́-за*, або́ и *ру-ка-ви́-ця, пе-ре-ко-ти́-по-ле*, нижъ *ин-ше, су́м-но, мрі-ти*. На перева́гу лічби складівъ, намъ здае́тця, не мо́жна згоди́тьця на́ветъ и въ тако́му ра́зі, коли́ д. Шейко́вський уважа́ свої Тябли́ці не за *грама́тку для пісьма́чення*, а тільки за при́браний ярмісъ для мяшкуріння въ чита́нню; бо чомъ и тутъ не йти за поря́дкомъ, що́ вінъ лу́ччий и на до́брому розумува́нню покладае́тця? Д. Зо́лотовъ повиненъ бу́ти для насъ приміромъ до́ти, поки́ ми розуміемо ёго́ пра́вду; а ні — ми й свій ро́зумъ ма́емо. Додамо́ ще, що для приміра двускладо́вихъ зъ *ви́верненими* склада́ми у д. Шейко́вського (се есть и у д. Зо́лотова, въ ёго́ упражне́ніяхъ), міжъ и́ншими, прито́чені и такі слова́: *а-бо, а-би, и-ва, о-ко* и д. Сёго́ вже ми зовсімъ не розуміемо. Що́ жъ тутъ *вивертáлось*?

Зъ півголо́сними вида́вці грамато́къ и вида́вець Тябли́ць такъ пово́дятця — що до поря́дку: Полта́вська за́разъ бере́тця за іхъ після ви́верненихъ и сере́диннихъ складівъ, Деркачівська и Тябли́ці — зко́нчивши зъ склада́ми зовсімъ (1); а що до прімірівъ: для ъ въ сере́дині слівъ (*зъі-*

(1) Ми ка́жемо *зко́нчивши* и про Деркачівську грама́тку, хоть, пра́вду сказа́ть, вона́ сёго́ діла и не зко́нчила зовсімъ, бо про склади́ зъ на́ростомъ въ ій нічо́го нема́. Хіба́ д. Деркачъ ду́ма, що, побала́кавши объ сере́диннихъ склада́хъ, нічого турбува́тьця объ склада́хъ зъ на́ростомъ — се бъ то, що дити́ні одна́ково ва́жко чита́ть и *стра́ва, складъ*, якъ и *ва́нна, рядно́*?

хавъ зъ господи, *пьяний*), у д. Деркача примірівъ нема ніякихъ, для *ъ* и *ь* тежъ въ середині и для *й* на скінчі въ Тяблицяхъ нема примірівъ особно (1). — Объ недостачі примірівъ, здаетця, нічого и балакать, бо річъ видима, що ії неповинно бути; що жъ до порядку, то, якъ на насъ, шановна Полтавська граматкa даромъ пішла тутъ у слідъ Азбуки Золотова. Намъ здаетця, що потурбувавшись надъ складами вивернеными и серединними, треба зразъ же прийматься за склади зъ наростомъ, а потімъ уже ити и до півголоснихъ *ъ*, *ь*, *й*. Такий порядокъ буде великою полегкістю — вчителеві, щобъ ростолкувать, а дитині, щобъ зрозуміть — що то воно за нарістъ, и якъ его вичитувать треба (куп-лю, з-куп-лю; топ-лю, з-топ-лю и д.), а тимъ часомъ для переходу до півголоснихъ (до *ъ*) не зробитця одъ сего ні трохи важче.

Зъ словами, трудними по ознаку, и граматки и Тяблиці обертаютця досить уважно: одначе, кукілець есть и тутъ. Такъ въ Полтавскі грамтці, въ первому наветъ стисі, стоять слова *діло*, *дещо* (я вже не кажу про *лихо*, *сухо* и д.), въ Деркачівські — *щиро*, *ціле* (четвертий стихъ), въ Тяблицяхъ (І-ша Тяб.) *бути*, *або*, *аби*, *ага*, *але* и д. Правда, що одно діло—говорить, зъ боку дивлячись, а друге—робить, одначе, правда и те, що попопявшись добренько, свого можна таки допястись — и всюди, а въ сему ділі и поготівъ. Шановний видавець Полтавськоі граматки наказуе вчителеві, щобъ, не роскриваючи ще граматки, кожне слово ростолкував дитині, що буде читать, и не кидавъ сего діла доти, поки не довідаетця, що розчовпло; те жъ саме, хоть трошки и не такъ, наказуе и шановний д. Деркачъ. Добре есте, добродійство, робите, що даете таку науку: дітська голова буде тимъ у себе шарудіть, думать, розуміть; буде слебезувать слова, знаючи добре, що вони есть. А якъ же трапитця такий вчитель, що хоть и зъумівъ би вамъ, мені, ростолкувать добре — ну, приміромъ, хоть *дещо* — та не зъуміе сего зробить дитині? Та хоть би и кожний зъумівъ се зробить, и дитина сякъ-такъ зрозуміе слово — чомъ не брать легшого замість важчого? чомъ не робить такъ, щобъ сказавъ тільки *жаба*, *мати*, *хата* и д. и д. — за-

---

Звертаемо ще увагу д. Деркача, що въ слові *осика*, приточеному у его для приміру серединного складу, такого складу нема. Такихъ недоглядівъ въ граматкахъ не повинно бути.

(1) Есть приміри въ другихъ Тяблицяхъ; але, якъ на насъ, то лучче бъ іхъ тамъ не було, бо вони тільки перебарначатимуть вчителеві въ иншому ділі: треба буде, ради іхъ, придержувать школяра и завдить річъ про півголосні, коли иде діло, на прикладъ, о двускладовихъ зъ серединними складами.

разъ въ головиня́ті у дити́ни: »а, се«, мовъ, »жа́ба, ма́ти, ха́та! бачъ, які вони́!«, и придивля́етця, сміе́тця, по́тімъ усімъ розка́зуе. Таки́мъ спосо́бомъ пісьма́чення бу́де ити́ якъ по ма́слові; бо не бу́де дити́ни нуди́ть, бу́де хотітьця ій да́льше и да́льше, чи не зна́йде ще *Ки́сі, Прі́сі, маму́сі*.... Я зна́ю одну́ дити́ну, що́ ма́тінка, ба́влячись, учи́ла и́ноді а́збуки (зъ а́збуки діло почало́сь), и яко́сь показа́ла сло́во *ба́тько* — а ба́тькомъ зва́ла дити́на одного́ шано́вного добро́дія, що́ ду́же люби́ло, лікаря. Що́ жъ би ви ду́мали? одірва́ть по́тімъ не мо́жна було́ одъ грама́тки! Оце́ було́ надаю́ть куко́лъ, играшо́къ вся́кихъ, щобъ забу́ло ту грама́тку (мале́ ще ду́же було́ и хво́реньке, боя́лись ра́но допуска́ть до пісьме́нства), то гляди́ поки́не й кукли́, й играшки́, и вже де-не́будь въ за́тінку надъ кни́жкою.... И які жъ то, Бо́же, було́ оце́ ра́дощі, якъ що-не́будь розбере́ и бу́де воно́ знако́ме — *ма́ти, го́лубъ, діти!* Такъ воно́, пра́ве само́ собо́ю, и пісьме́нства дійшло́. — Ви ска́жете, добродійство, що се приміръ для вчи́теля, а не для вида́вцівъ грамато́къ, що ёму́ одному́ мо́жна довідатьця, яки́ми слова́ми у́чень ёго́ білше бу́де заохо́чуватися, и, ди́влячись по тому́, скла́дувать для ёго слова́ зъ складно́і а́збуки; вида́вцеві жъ грамато́къ на всіхъ, якъ то ка́жуть, угоди́ть не мо́жна. Такъ, пра́вда ва́ша; одна́че и вида́вець грамато́къ пови́ненъ намота́ть собі на усъ, що коли́, мовъ, воно́ такъ, и коли́ я бу́ду прибіра́ть, хоть на пе́ршихъ пора́хъ, слова́, що́ огу́льне дітямъ подо́баютця, більше імъ свідо́мі — скоріше дійду́ мети́, ніжъ ста́влючи слова́, що, мо́же, вони́ и хоро́ші слова́, золоті, та й тве́рді жъ, якъ зо́лото.

Одна́че, забала́кавши объ сёму́ ділі, объ трудни́хъ по озна́ку слова́хъ, ми білше о́тъ-що ма́ли на ми́слі. У насъ на Вкраіні, якъ ви сами́ до́бре зна́ете, не всю́ди одна́ково гово́рять: Полта́вщина зъ Чигири́нщиною, Задесе́нщина, Ки́івщина, Воли́нь, Подо́ль, наші бра́ття Га́лицькі Руси́ни, коли́сь то Запоро́зці — Черномо́рці и д. — все то одміна. Не вели́ка воно́, пра́вда, и одміна, а якъ гли́бше копну́ть, то и зовсімъ воно́ мала́ одміна; а все таки́ де́щиця есть: есть ре́чі, що въ однімъ місці таке́ для іхъ ме́ння, и въ дру́гімъ ина́кове; або́ есть ме́ння и одна́кове, та не одна́ково всю́ди вимовля́етця и д. Оттаки́хъ одмінъ, пона́шому, въ граматка́хъ не пови́нно бу́ти нічо́го: тре́ба, щобъ въ іхъ були́ тільки такі слова́, що́ вони́ по всіхъ на́шихъ палести́нахъ ужива́ютця одна́ково; а то ви́йде таке́ діло, що и вчи́тель и у́чень ста́нуть передъ яки́мъ сло́вомъ и бу́дуть диви́тьця на ёго, *якъ теля́ на нові две́рі* — зъ грама́тки не бу́де усю́ди тиі кори́сті, яка́ зъ пе́і пови́нна бу́ти. Опісля́ ми сю річъ заче́пимо ще разъ, хоть тро́шки и зъ дру́гого бо́ку, а тутъ тільки пока́же-

мо, яки́хъ би, пона́шому, слівъ въ граматка́хъ и Тяблúцяхъ неповúнно бу́ти. Въ Полта́вські грама́тці ми примітили таки́хъ слівъ пя́теро: *аж-но* (ажъ), *мозгъ* (мізокъ, мо́зокъ; *мозгъ* одъ народу ми нігде и не чува́ли), *гро́ши* (гроші), *мука́* (рідко, *бо́рошно*) и *ла́ся* (га́ся: *лежи́ть га́ся простяглáся* и д.); въ Деркачівські — се́меро: *габа́* (ка́жуть, що въ наро́ді де́-где есть, а ми нігде́ не чу́ли), *жа́ля*, *баля́си* (рідко), *фо́льга* (сухозло́тиця), *образо́чекъ* (образо́чокъ), *ку́рево* (ку́риво?) и *почека́й* (пострівáй, підождú); въ Тяблúцяхъ бíлше двадця́тка: *гира* (гúря? и чи »гúря мокотúря«, чи гúря ваги́?), *зори* (зо́рі, чи отъ зори́ть?), *мúра* (міра?), *але* (одна́че, о́же), *о́чи*, *гроши*, *двери*, *плéчи* (о́чі, гро́ші, две́рі, плéчі), *ва́пно* (ва́пна), *Го́нта* (гонтъ, чи Го́нта), *де́рти*, *поде́рти* (дра́ти, подра́ти), *за́вше* (за́вжди, завсегда́), *над-то* (ду́же вже и д.), *раска* (ряска́?), *тюрма́* (турма́), *чóботъ* (чóбітъ), *зрíти* (зу́здріти, чи здріти? чи, мóже, — дохóдить, поспівáть?), *за́пусти*, *обóра*, *адре́стъ* (въ лівобóчні Украíні зовсíмъ и не зрозуміють: тамъ *пуще́ння*, *коша́ра* чи *за́города*, *а́друсъ*), *стилъ* (стілъ) и *ка́чуръ* (селезень).

Тепéръ погля́ньмо на граматкú, напúсані старосвíцькимъ спóсобомъ (1), — якъ вонú викóнують той пéрвий прика́зъ?

На превели́кий нашъ жаль, повúнні ми ви́знать, що добродíйство вида́вці, опрíчъ д. Шейко́вського, не ро́блять тутъ нічо́го, або́ пра́ве нічо́го, для поле́гкісті дітéй. Объ пéрві Кулíшівські грама́тці зга́дувать тутъ нічого: якъ видава́лась вона́, тоді ще до пíсьмáчення такъ не докóпувались, якъ ста́ли докóпуватьця по́тімъ, и вида́вцеві тру́дно було́, бíлшъ — ме́ншъ, не шíти въ да́вню тропу́; а дру́гі ёго́ грама́тці и граматка́мъ Кобзарíвські и Гацуківські — се бъ ужé и не годúлось. Все, що́ вонú зробúли супротивъ граматóкъ старода́вніхъ (неха́й добродíйство не забува́е, зъ яко́го бóку я тутъ дивлю́сь на дíло), те, що ви́кинули отті нудні *бря*, *вря*, *гря;* а да́льше — одъ бу́ковъ про́сто переступа́ють до вíршівъ.... До́бре, якъ дíти одъ са́мого *азъ* та *бу́ки* приохóчуютця смакува́ть въ хоро́шому, що вида́вці побива́отця объ íхъ голові и се́рцю; одна́че грама́тка, добродíйство, напередъ усёго повúнна бу́ти грама́ткою: повúнна попéреду дать спóсобъ, я́къ найле́гше ви́учитьця пíсьме́нству, а по́тімъ

(1) Íхъ пять: д. Кулíша́ дві (пе́рша 1857 р. ціна 50 к. сер. а дру́га 1861 р. СПБ. ціна́ 5 к. сер.); К. Шейковського (*Дома́шня На́ука, Почáтки,* Кúївъ 1860 р., ціна зъ дру́гою кни́жкою, *Ва́шчі Почáтки*, якъ оглаша́е д. Деркачъ, 30 к.), незабу́того Кобзаря́ на́шого (*Букварь южно-русскій*, СПБ, 1861 р. ціна 3 к. ср.) и Мико́ли Га́цука (*Украíнська Абéтка*, Москва. 1861 р., ціна 15 к. сер.)

уже́ и объ чімъ йншімъ побива́тьця. Д. Гацукъ въ свои *Прúсвітці* ка́же: »Ма́ючи кресъ, щобъ да́ти латвійшу и заласнійшу змо́гу свіччитись мало́му у нале́жныхъ ёго́ осно́вахъ, я споча́тку прибра́въ невели́чкі та аже жъ суто-простолю́дні вірші... а усі *ба, бра, бря*... якъ нікчёмні и важко-утомли́ві, я ви́трутну, сподіва́ючись, що такъ бу́де гара́здъ, и ма́тиметця зъ то́го нале́жний ску́токъ ву́чнямъ«. Ма́тиметця, добро́дію, у́чнямъ нале́жний ску́токъ, якъ почи[illegible]а́тимуть воні *чита́ть* одъ суто-наро́дніхъ ві́ршівъ; тільки жъ попе́рсду тре́ба імъ *ви́вчитьця* чита́ть... Ну що́, якъ-би́ по ва́ші грама́тці (чого́, вибача́йте, ми ні одні́ дити́ні не бажа́ли бъ) та ставъ би вчи́ти пісьме́нству яки́й дякъ, вчи́тель парафія́льної шко́ли и д. — поду́майте тільки, я́къ би се воно́ робилось! »Эмъ а-ма«, прока́зуе вчи́тель, и дити́на и собі *эмъама́ка*: »Эль е-ле... эсъ е-се... энъ зъ мяко́ю зупи́нкою—нь...«—пролізли пе́рву стя́жку. Пролізли — почина́ють зно́ву: »Эмъ а-ма«... по́тімъ втре́те, вдеся́те, вдвадця́те. »А ну,« ка́же вчи́тель, »тепе́ръ ти самъ!« — не втну, о́тче!.. спіткну́вся на пе́рвому жъ скла́ді! бо дити́ні стільки ра́зомъ наказа́ли и *зупино́къ* яки́хсь, и *ле́сівъ*, и *се́сівъ*, и безъ уся́кого то поря́дку, що воно́ якъ у лісі, ні за віщо головиня́ті ухопи́тьця, щобъ зга́дувать, де воно́ буває.... »Э«, ка́же вчи́тель, »яки́й же зъ те́бе ду́рень! ну, слу́хай же!« и, проказа́вши ще разівъ зъ пять, — »ну?« ка́же. »Эмъ а-ма«, кови́зить школя́ръ—осточортіло вже ёму́ се— »эль е се-малесь...« крутьки́, млинки́, штурханці, або́ и про́сто бідну дити́ну — черезъ сті́ле́ць, та й одпірчять.... А якъ же, лізучи да́льше (»злізъ на сто́впчикъ«), та набаду́рали яки́й складъ, що вже бувъ, и дити́на ёго́ не прочита́ла?... А дити́на ёго́ не прочита́, бо забу́де; не прочита́, якъ набаду́ра и въ тре́тій и въ деся́тий разъ. Бо се все одно́ (або́ ще и не одно́, а въ де́сять въ два́дцять разъ трудніше, бо ви вже *вели́кі*, ви вже пісьма́къ, а дити́на — *мале́нька*, не́змисленъ), якъ би́ ви, не зна́ючи китайськоі мо́ви ні одного́ слове́чка, забажа́ли ії вчи́тьця, не затве́ржуючи слівъ, а тільки лізучи, зъ збірослóвомъ, по які китайські кни́зці да́льше и да́льше.... Чи, мо́же, ви ду́маете, що воно́ бу́де зъ тимъ *мале́нькимъ хло́пчикомъ* якъ-не́будь ина́ково? Якъ же воно́ бу́де? мо́же, ду́маете, що дякъ, вчи́тель парафія́льної шко́ли, ста́нуть на пе́рві ста́зці и почну́ть ма́шкурить дити́ну, якъ отъ ма́шкурять ії по Золотівському спо́собові? Эге́!... Та хоть би и такъ — кому́ жъ тутъ бу́де да́ка? вамъ?.... и на́що жъ тоді скла́дували ви свою́ грама́тку не по Золотівському спо́собові?...

Ми не шутку́ючи ка́жемо, що, пона́шому, коли́ почина́ть въ грамат-ка́хъ зъ ві́ршівъ, то лу́чче вже не витру́чувать оттіхъ, якъ ви ка́жете,

нікчемнихъ и важко-утомливихъ *ба, бра, бре;* бо хоть и попонудитця надъ ними зпершу дитина дуже, та все таки скоріше дійде свого. Бакаючи, вакаючи и гакаючи разъ-въ-разъ, воно таки розчовпе, або хоть не розчовпе, то самъ язикъ наламаетця, що треба казать *ба, ва,* де *б-а, в-а,* а не *бі, ві,* або *бу, ву;* якъ же почать зъ такої суспиці, що після *ма—ле,* після *ле—се,* тамъ *энъ зъ мякою зупинкою,* то нескоро, дуже нескоро дійде воно сёго. Ми знаемо одну землячку, дівку, що бажае вивчитьця письменству, якъ тільки здола бажать дівоче серце, що кохае, та письменство на перешкоді.... И що жъ би ви думали? Отъ уже три місяці, пішовъ четвертий, якъ побиваетця бідолашна зъ тимъ письменствомъ, кожний день одъ ранку праве до вечора, не даючи собі пільги,— а и трёхъ слівъ не прослебезуе, щобъ не зробить помилки: *наша* скаже *наші, наше — наша...* не зна певно, який складъ якъ вимовлять. А одчого? одтого, що після азбуки зразъ почали зъ віршівъ.

Що ми сказали тутечки д. Гацукові, те жъ саме, на превеликий нашъ жаль, повинні ми сказать и объ Кулішівські и Кобзарівські граматкахъ. Чули, певно, всі три, и д. Гаццукъ, и шановний д. Кулішъ, и незабутний Кобзарь, що въ іхъ способові есть якась вада, и для того перві вірші поділили на склади, — такъ чи багато жъ се?

Намъ здаетця, що граматка старосвіцького способу новинна починатьця не одъ складівъ и не одъ віршівъ, а, якъ у д. Шейковського, одъ слівъ (1) поділенихъ на склади, зъ порядкомъ въ словахъ легкихъ и трудніхъ; тільки тутъ повиненъ ще бути, чого вже нема у д. Шейковського, порядокъ по складамъ на голосні, се бъ то: щобъ въ кожному стисі кожне слово мало одну яку-небудь голосну (та ще бъ добре, якъ би складомъ зъ такою голосною починалось слово, або хоть була на ії витинка). На прикладъ:

Стихъ 1-й.

Ба-ба, ба-ня, ва-ва, ва-да, Га-ля, га-ся, ґа-ва и д. и д.

Звісно, траплятця склади, що трудно до іхъ, або и зовсімъ неможна прибрать примірівъ, якихъ треба, — нічого, се не велика вада! такі склади можна й минать: учень наломитця до іхъ въ другихъ складахъ (яко одмінні, вони більше кидаютця въ око и легше будуть затверждувать-

(1) Тільки, звісно, не приточуючи для приміра слівъ, що не всюди у насъ уживаютця и д., якъ и попереду ми сказали. Въ Домашні Науці у д. Шейковського есть багато такіхъ слівъ: ґедза, джура, джума, дзюра, саджа, фаля, ульга, ендза, и д. и д. — дуже багато!

ще); а не затверди́ть, и то не вели́ка ва́да: все таки́ ле́гше, и у́чневі и вчи́телеві, войдува́тьця по́тім, въ віршахъ чи въ чімъ тамъ, зъ кількома́ деся́тками мало-свідо́мих слівъ, ніжъ зъ багатьма́ со́тнями. Звісно тежъ, що поря́дкові по слова́мъ *на склади* бу́де ча́сто становитьця на перешко́ді поря́докъ по слова́мъ *ле́кимъ и трудни́мъ*; такъ се вже ко́жний вида́вець, зглибну́вши діло, зува́жить, де й чому́ дать перева́гу, або́ якъ привести́ все до зго́ди. Не тре́ба тільки забува́ть, *що́* и *для ко́го* пи́шешъ, а — *сва́дьба зна́йде соро́чку*.

Опрічъ поле́гкісті, що ми тутъ объ ії говори́ли, есть ще́ и и́нші: 1) (тежъ спільна обо́мъ спо́собамъ, Золотівському и старосвіцькому) — прито́чувать для чита́ння по верха́хъ, що́ найле́гше для дітського ро́зуму, а якъ-що́ мо́жна, то й найтривніше для ёго; 2) (въ граматка́хъ Золотівськихъ— бо въ старосвіцькихъ се була́ бъ да́рма пра́ця) — викла́дувать спо́собъ, чи то дава́ть вчи́телеві нау́ку, якъ найлу́чче; 3) (въ граматка́хъ старосвіцькихъ)—прикла́дувать до а́збуки ку́нштики, щобъ діти затве́ржували ії за и́грашки,—и и́нші.

Що до пе́рвої поле́гкості, то ми бага́то объ ії не бу́демо бала́кать; ска́жемо тільки, що пона́шому найлу́чче для чита́ння (бо и найле́гше) мо́жна знайти́ у дд. Гаццука (¹) и Шейко́вського (у пе́рвого: віршики, що́ діти співа́ють гра́ючись, коля́дки, ду́мки, брехе́ньки ра́зні, при́казки, прислів'я́ и д.; а у дру́гого: при́казки, прислівья, загадки́, байки́ и д.); а найтрудніше—въ граматка́хъ Кулішівськихъ и въ Кобзарівські (псалми́, вірші, думки, молитви́ и д.; есть и приказо́къ потро́шку). Грама́тка, добродійство, попередъ усёго повинна бу́ти грама́ткою—зно́ву скажу́.

Тежъ ко́ротко ска́жемо и объ дру́гі поле́гкости, нау́ці вчи́телеві. Пона́шому, викла́дувать сю нау́ку такъ до́бре и такъ розу́мно, якъ ви́ложена вона́ въ Полта́вські грама́тці,—лу́чче, зда́ётця, и бажа́ть не мо́жна. Самъ д. Зо́лотовъ повинен тутъ геть. Ви́дно добро́дій, що́ писа́въ ії, до́бре згли́бивъ дітську нату́ру и бага́то ду́мавъ, якъ зъ не́ю оберта́тьця тре́ба. Объ Деркачівські жъ грама́тці, сёго́ вже не мо́жна сказа́ть. Зъ яко́ї, приміромъ, ра́ди нау́ка въ ії розби́та на части́ни и поста́влена різно въ стиха́хъ, а не передъ стиха́ми вся вку́пі? Самъ же ви́давець ка́же, що все те, що́ написано до вчи́теля, сей повинен прочита́ть *за́годі* — чомъ же *за́годі* и не написа́ть ії всю? Се тільки да́ё вчи́телеві спо́собъ ду́мать, що »пробігну́«, мовъ, »скрізь *до вчи́теля*,

(¹) Звісно, що *Запорожця* ёго до *найлу́ччого* ми ніяки́мъ спосо́бомъ не лічимо.

щобъ сякъ-такъ довідатьця, въ чімъ діло; а потімъ уже́, передъ ко́жнимъ стихо́мъ, буду́ вичи́тувать, що́ мені робúть«; тоді якъ вчúтель ду́мать тако́го не повúненъ ні за́ що, а повúненъ ду́мать, що ёму́ попе́реду тре́ба до́бре знать діло, та тоді вже и підступа́тьця до ёго. Або́ зъ яко́і причúни нака́зуе грама́тка такъ учúть: спе́ршу вчúтель прока́зуе слова́, а у́чень промовля́ за нимъ и д.; по́тімъ, »поба́чивши, що школя́ръ до́бре запамъятува́въ ко́жне сло́во, роска́зуе ёму́, що ко́жне сло́во визнача́е«. Намъ здае́тця, що коли́ для примірівъ прúбрані такі слова́, що ще й роска́зувать про іхъ тре́ба, то се вже такъ тре́ба робúть, якъ нака́зуе Полта́вська грама́тка—не приступа́ючи ще до чита́ння.

Що жъ до ку́нштиківъ, то вважа́емо за свою́ повúнность повести́ объ іхъ річъ тро́шки просторіше.

Ку́нштики до а́збуки підбіра́ютця, якъ всякому це відомо, для́ того, щобъ дитúні ле́гше ii навча́ться, се бъ то: ку́нштики бу́дуть до се́бе прива́блювать, и дитúна, розгле́жуючи іхъ, забажа́ довідатьця и що́ коло іхъ. Поба́чивши, приміромъ, півня: »бачъ«, ка́же, »и півень! таки́ зовсімъ спра́вжній півень! и сере́жки, и коси́ці, и ніжку прико́рчивъ... а се жъ що́ коло ёго, нена́че хвіртка, або́ одвірки?«—»Се«, ка́же вчúтель, чи ба́тько тамъ або́ мати, »*не*, така́ бу́ква... Бачъ«, ка́же, »*півень, пъ-івень, пъ*, — оце́ и есть *пе*«.— »А оце зъ голо́вкою«, пита́ зно́ву дитúна, »нена́че про́рвані ніздрі?« — »Се *эръ*, *ръ*, *ррр-рушни́ця*...« Звісно, що дитúна забу́де и *пе* и *эръ* на сей разъ; забу́де воно́ іхъ и вдру́ге и втре́те, а мо́же и вдеся́те и вдвадця́те; одна́че прúйде таки́ пора́, якъ що ку́нштики не надоідя́ть, що воно́ таки почне́ и замічáть, що то, мовъ, де нена́че хвірточка—*не*, зъ вúрваними ніздрями —*р*, то *с* ротъ роззя́вило... тільки отто́ хто ёго́ зна — *елобожда́нъ* яки́йсь, чи що́. Для́ того, ку́нштики повинні, разъ, такі буть, щобъ не надоідáли дитúні, а вдру́ге, щобъ воні́ якъ найскоріше нага́дували дитúні бу́кви; а для́ того: 1) тре́ба малюва́ть іхъ, коли́ не мисте́цько, то такъ хлёстко, щобъ дитúна зра́зу вбача́ла, що то, мовъ, півень, а не индúкъ; 2) тре́ба вибіра́ть для іхъ такі речі, щобъ воні́ усякі дитúні були́ свідо́мі и, я́ко мо́га, для не́і цікаві; 3) обхо́дить такі ре́чі, що дитúна мо́же звать іхъ и и́ншимъ ме́нямъ, ніжъ підпúсано; 4) щобъ річъ въ ку́нштикові була́ сама́ по собі, а не частúною другóі речі; 5) коли́ підбіра́етця не одна́ річъ, а кільки, тре́ба щобъ одна́ була́ зъ са́мого пере́ду и вели́ка, и́нші — мале́нькі и зза́ду, въ *далені* ку́нштика и д.

Д. Гаццукъ (тільки у ёго одного́ и есть ку́нштики) не вика́нуе, якъ слідъ, ні одніе́і зъ сихъ потребúзнъ... Або́ того́ ма́ло сказа́ть, що не

викóнуе якъ слідъ: якъ перегля́діли ми ку́штики и згада́ли, що оце́ бъ то для поле́гкісті дітямъ,—намъ жаль, ду́же жаль зроби́лось на д. Гацука! Такъ жаль, що у насъ ви́хопилось ушипли́ве, и мóже непра́ведне, сло́во, що мовъ, »коли́ не піпъ...« Гірко, мóже, шано́вному вида́вцеві почу́ти таку́ собі ди́ку, за свою́ щи́ру пра́цю — а пра́ця, ви́дно, щи́ра була́, та й не мала́; одна́че такъ воно́ було́, и ми повúнні сказáть всю пра́вду....

Міжъ ре́чами для своіхъ ку́нштиківъ вінъ прибра́въ и такі, що не тільки школярі, а й де́-хто зъ тихъ, що іхъ учúть бу́дуть, не чу́ли нико́ли й не ба́чили (юрта, до́вбишъ и д.); есть такі, що хоть и чу́ли, та не ба́чили (татарва́, запоро́жець); для *м* намалёваний кацáпъ чи пилипóнъ, якъ ёго діти бу́дуть звать, и підпúсано *моска́ль*; для *у* — кажáнъ и підпúсяно *упúрь*, для *о* голова́ зъ вели́кимъ усомъ и осели́дцемъ и підпúсано *осели́дець*; для *а* я́нголъ и підписано *а́нголъ*; запоро́жець зъ ра́тищемъ въ руці и коня́ держúть за по́відъ — *запоро́зець*, а на коні и безъ ра́тища — *їзде́ць*; стоіть гарма́та, до васъ хвосто́мъ (тре́ба такъ ду́мать, що воно́ гарма́та), и зъ панівки ого́нь, а зъ бóку гарма́шъ би то, фітіль коло панівки — підпúсано *гарма́шъ*; яки́йсь добро́дій въ коза́чі оде́жі, поверну́вшись до васъ спúною, зъ відра́ коня́ напова́е коло коло́дязя — *коза́къ* и д. и д. А я́къ помалёвані ку́нштики! Надъ и́ншими, поду́мавши, та ще якъ и пе́рва бу́ква тутъ стоіть, ви мóже бъ и дога́дались, що приміромъ, воно́ *бунчу́къ*, *була́ва* (гатьма́ньська), *лихта́рня*, *чаба́нъ;* а вже що цуциня́ (підпúсано *щеня́*), *я́тка*, *до́вбишъ*, *но́чви*, *слобожда́нъ*, то, кажу́ не шутку́ючи, ви бъ іхъ нико́ли не пізна́ли, якъ би́ не підписа́но: цуциня́ разъ пока́жетця вамъ порося́мъ, и вдру́ге медведчя́ воно́, чи-що; *я́тка* — зовсімъ бжоляни́къ, *но́чви*— нена́че домови́нка мале́нька, *до́вбишъ* —ви́дно, яки́йсь Донъ ка́шу міша́ въ казана́хъ ло́жкою; а вже що *слобожданъ*, то святі ёго зна́ють, и що́ воно́ таке́! такъ ви́дно собі чоловя́га, а мóже и панъ... А я́къ до лиця́ *украінські* гра́матці отта́ лю́лька денщи́цька, чи ефре́йторська! кану́ра для отто́го медведчя́ти: дощана́ кри́ша, сама́ дощана́, кру́гла дірка—зовсімъ ти въ Москві або́ въ Петербу́рсі загля́нувъ въ яки́й двіръ! або́ отта́ *бревéнчата* ха́та (зъ вікно́мъ у хи́жі), що отъ вони́ для облезіру надъ Ковенськимъ тра́хтомъ... Ні, добро́дію!

Поговоривши объ на́шихъ граматка́хъ, я́ко объ *граматка́хъ*, тепе́ръ би годи́лось ще поміркува́ть объ іхъ, я́ко объ *на́ськихъ* граматка́хъ — кста́ті отъ и зачепи́лись за *украінщину*—поміркува́ть, що́, мовля́въ,— я́къ пона́шому: чи щи́ре воно́ тамъ все на́ське, чи тільки на́ськимъ пома́за-

лось? такъ се, добродійство, такé дíло, що якъ зачéпишъ ёгó, то и до зáвтрёго, якъ то кáжуть, не розчéпится; та, якъ прáвду казáть, мóже у насъ и хúсту не стáне вúконать ёгó, якъ слíдъ велúть. Для того, ми зрóбимо тíльки увáгу, що:

1) Въ Украíнські грамáтці все повúнно бýти понáшому, одъ палятýрки, одъ заголóву, до *кінéць*, (звичáйно опрíчь тóго, що конéшне потрéбно: молитóвъ и примíрівъ для славúнськоі и москóвськоі áзбуки, колú такі въ граматкáхъ есть). Бо чомъ инáково? хто бýде пісьмáчить, ті, пéвно, розумíють украíнську мóву, а хто бýде пісьмáчитьця, ті найбíльшъ, úншоі и не розумíють. Та й те ще трéба сказáть, що приміромъ, вúставъ москóвський заголóвъ, або́ нáветъ на москóвський кштáльтъ скóваний: »А ну, кýме«, попрóсить бáтько, мáти, пішóвши въ ряди́ купувáть грамáтки,»прочитáй, будь лáскавъ!»—«Азбука по методѣ Золотова. Букварь южно-русскій... Домáшня наýка... Абéтка Украíнська...« — »Ні, ні! мені трéба *грамáтки*, пошукáй, будь лáскавъ, грамáтки!«

2) Брать въ граматкú колú не все, то я́ко мóга бíлше, щó злóжено самúмъ народомъ (звíсно, не такóго, якъ отъ у д. Гаццука *Запорóжець*, якъ ми и попéреду сказáли, а пісéнь хорóшихъ, оповíдань и д.: тутъ въ велúкі пригóді стáне *гальмáзна книúга*, якъ вúсловився незабýтий нашъ Кобзáрь, »Записки о Южной Руси« Куліша), и, я́ко мóга, уникáть компонованого. Бо черкнýть по ýху якúмъ словцéмъ, вúразомъ або́ и всíєю мóвою *насъ*, се ще не велúка вáда: хвалúть Бóга, нáші ýха попризвичáювались до всячини змáлку, и ми самú, нехáй здорóві бýдемо, не одъ тихъ грóшей; алé черкнýть по ýхові якóго хлóпчика-селюка́ — се вже úнше дíло! А хто въ насъ, щобъ »святъ«, мовъ, »есть и непороченъ?« Покú ще словéсность нáша не стáла твéрдо на нóги, и ми самú ýчимось у оттíхъ селюкíвъ, ми дýже стóрожно повúнні зъ нéю до íхъ підхóдить—найпáче на пéршихъ порáхъ, пісьмáчучи íхъ; а то вúйде такъ, що ми каламýтимо водúцю, що самú жъ íї пьемó.

3) Брать пісні и д. лýччого склáду, чи то редáкції, и лýччої мóви, не вважáючи, що се, мовъ, не *моє*, не Подóльське тамъ, чи за-Десéнське; а якъ за лýччу мóву найбíльшъ вважáетця Полтáвсько-Чигирúнська, то брать сю остáтню, зоставля́ючи свою́ мóву для другóго дíла—для спорýженя украíнської огýльної мóви.

И напослíдокъ—4) брать *áзбуку*, *писáння* (чи то орхтографáхвію) и *пісьмó* (чи то *начертáніе* бýковъ); однáче, объ сéму трóшки бíльше трéба побалáкать.

Азбука въ граматкáхъ Кулíшівськихъ, а такожъ въ Кобзарівські и

тяблúцяхъ д. Шейкóвського, взя́та нестеменісінько така́, якъ и въ граматкáхъ москóвськихъ, въ писáнні жъ — д. Кулішъ идé за писáннямъ, що́ воно́ и звéтця *Кулішівськимъ* и вживáетця тепéръ найбільшъ въ нáші словéсності, се бъ то: *ы* и *ѣ* вúкинуті и натóмісць постáвлені *и* и *і*; *ѳ* и *ѵ* тежъ вúкинуті и вже безъ заміну; додані *ё*, *є* и *ґ*. Д. Шейкóвський идé за тимъ же писáннямъ, тільки въ Тяблúцяхъ не вбачáется *є* и *ґ* (не знáемо, чи то припáдкомъ, чи д. Шейкóвський не вважá іхъ більше за потрéбні—въ Домáшні Наýці вонú есть, тільки *ґ* úншого пісьмá), а незабýтий Кобзáрь нашъ: *ы* и *и* стáвить, де ми стáвимо *и* и *і*, однáче часáми идé тутъ и за Кулішівськимъ писáннямъ; *є* и *ґ* у ёго немá, *ё* и *е* вживáе безъ розбóру, есть наветъ *ѣ*. На чиі сторóні тутъ перевáга, и якé писáння вважáемо ми за способніше, добродíйство довідаетесь трóхи згóдомъ; тужъ же ми мáли на мúслі одно́; звернýть тільки увáгу, що и въ граматкáхъ, и въ Тяблúцяхъ, áзбука зъ писáннямъ порізнúлись.

Одъ чóго ся різня вúйшла, ми гаразденько не знáемо. Об *ы* и *ѣ* д. Кулішъ кáже, що пéрша у ёго постáвлена въ áзбуці тільки для тóго, що воно́ есть у церкóвнихъ книгахъ, а затúмъ и въ старосвіцькому писáнню, а дрýга »рáди церкóвної мóви«. Дóбре, пéвно для тóго жъ зостáвлені и *ѳ* зъ *ѵ*; а *ё* (1), *є* и *ґ* чомъ не встáвлені въ áзбуку?

Ми дýмаемо, и пéвно шанóзний д. Кулішъ на те згодúтця, що колú у насъ своя́ мóва, то повúнна бýти и своя́ áзбука — нічого за чужúмъ прúводомъ ходúть! бо якъ такъ робúть, що и на се вважáть и на те вважáть, то ми розведемóсь въ наші áзбуці, ненáче сметáна въ борщі — тільки, мовлявъ, що забілъ: що колú прúйдетця намъ приточúть чи й написáть що славя́нське, то ми напúшемо ёго́ славя́нськимъ же пісьмóмъ, якъ пúшемо москóвське москóвськимъ, пóльске польскимъ,—абó и такъ ще зробимо: для *ы* и *ѵ* у насъ есть *и*, для *ѳ—хт (кси* и *псаломъ* Москалі заміщáють же черезъ *кс* и *пс?)*, а для *ѣ* есть *е*, чи якá тамъ úнша бýква, що приберýть для мякóго гóлосу. Кóротко мовлячú, ми дýмаемо, що видáвці нáськихъ граматóкъ повúнні въ сéмý дíлі такъ робúть, якъ зробúли Полтáвська, Гатцукíвська, Деркачівська и Шейкóвська граматкú, що́ въ áзбукахъ встáвили тільки ті бýкви, що́ вживáють въ своéму писáнню; а якъ зъ славя́нськимъ и мостóвськимъ пісьмóмъ намъ чáсто трéба обертáтьця, робúть ще и такъ, якъ зробúли трóхи пéрші дві зъ вúменених граматóкъ: притóчувать на скінчі áзбуки тиéі и дрýгоі мóви,

(1) Ми *ё* вважáемо за особлúву бýкву, бо вонá ма свій гóлосъ, що́ одъ зупúнки не мінáетця: сёгó и сёго, тёхнуть и тёхóнуть

одзначáючи осóбно бýкви, одмíнні одъ нáшихъ, та ще притóчуючи и приміри для читáння—тоді и кóзи бýдуть сúти, и сіно ціле. Писáння жъ видáвці граматóкъ, та и сáме пíсьмо, повúнні вживáть такé, які на той часъ вживáютця и въ словéсності. Колú хто сі остáтні уважáе за непрігíдні для нáшої мóви, дýмае, що оттáкъ би лýчче, нехáй пúше въ часóписяхъ, говóрить въ грамáдахъ(1)—посýдять, и розсýдять, зътóго щось та таки вúйде; а тимъ чáсомъ все такú нехáй рóбить, щó и всі рóблять. Бо якъ бýдéмо ми, щобъ все посвóему, та ще й немá *надъ ми*, то зъ сёго óтъ-що тільки вúйде: візьме дитúна якýсь книжку, навчúвшись письмéнству, а тамъ зовсімъ инáково надрюкóвано: »оцé«, скáже, »якá дурнá книжка!«— а книжка, мóже, й дýже розýмна! а якъ ростолкýе хто дитúні, якъ и щó, то, мóже, дитúна й úнше скáже.

А для того, що до писáння, насъ не задоволня́ють ні Кобзарівська, ні Шейкóвськівська, ні Гацуківська граматкú. Ми згожáемось зъ д. Шейкóвськимъ (якъ пéвно и самъ вінъ зауважúвъ зъ замíтки, щó ми зáразъ зробúли), що для *дз* и *дж* намъ потрéбні самостáйні бýкви; сёго мáло: ми зъ радістьдушéю перейдемо до ёгó бýковъ для сихъ приголóснихъ, колú на те бýде грамáдське *вóлимо*, хоть ми въ свої громáді и на úнше згодúлись; ми згожáемось, тежъ що не тільки зъ *ъ* и *ь*, а и зъ *є*, *е* и *у* у насъ не ладнúтця (та и зъ *ф* тежъ); ми дýмаемо, що и объ ёгó *у* зъ кавúчкою, чи Гáццуковому *укъ*, трéба бъ гарáзденько намъ подýмать,—а все таки скáжемо, що покú судъ та прáво, пишíть, добродíйство, граматкú, не одщéплючись одъ словéсності; бо якъ бýдете

(1) Въ тутéшні громáді бувъ ужé такúй примíръ: судáчили, що трéба въ особлúвихъ намъ приголóснихъ для *дз* и *дж* (бо престогúдосно слýхать, якъ *дзъкають* тамъ, де трéба дзенькнуть, и *д-жекають*, де джéка), и объ тімъ, що трéба бъ що-нéбудь зробúти зъ *ъ* и *ь*, бо щось зъ нúми у насъ не ладнúтця. Корúстуемось зъ сёго случáю и клúчемо на порáду громáди Кúївську, Полтáвську, Чернíгівську и д. Тутъ розсудúли, що приголóсні потрéбні и прибрáли, для дрюку: замісць *дж—ж*, тільки щобъ середня пáличка вихóдила нúжче стúжки (ж), для *дз—д*, тільки щобъ лівий гачóкъ бувъ трóшки дóвший сýпротивъ прáвого (д); а для рукóписі: для *дж—ж* зъ хвóстикомъ — отъ якъ колúсь въ прóписяхъ булó пúшуть (*ж*), а для *дз—д* зъ закарлю́чкою вгорі до *з* подóбною (*д*). Объ *ъ* и *ь* такъ розсудúли, що вúгнать іхъ зъ дрю́ку и натомісць завестú які éрики — не згідно для дрюкáрень (а для того убúточно для видáвцівъ книжóкъ), бо трéба кóжну прáве приголóсну мáти трёхъ сóртівъ, а корúсти зъ тóго прáве ніякóі, одна́че — и зоставля́ть сёго дíла, якъ булó воно́ до сёго чáсу, не йде. Розсудúли для того, щобъ *ь* и *ъ* зостáвить, тільки *ь* стáвить *всюди*, де приголóска мáко вимовля́етця, а *ъ* тільки передъ голосни́ми въ середúні слíвъ, якъ у д. Шейковського въ »Домáшні Наýці« (зъíхав, пъя́ний).

роби́ть ина́ково, то, не зга́дуючи вже, що concordia parvae res crescunt, або́ ви знівечите бага́то да́ромъ ко́шту, або́ у́чні знівечять бага́то да́ромъ ча́су.

Для́ того жъ насъ не задоволня́ и пісьмо́ д. Гаццука́, або́ про́сто, воно́ здае́тця намъ Бігъ зна чимъ... Д. Га́ццукъ ка́же, що Петрівська а́збука не згідна для на́шоі мо́ви — чимъ же, пова́шому, згідніша церковно-славя́нська? чи не тимъ, що тре́ба було́ ви́кинуть зъ неі 13 бу́ковъ, а по́тімъ, уда́вшись до старо́писей, набра́ть *інъ*, *ітъ* и д. — се бъ то того́, чого́ въ сла́вя́нці нема́? Та и що зъ то́го ви́йшло! все таки́ зоста́лись при́голоси *дж*, *дз*, що ні въ а́збуці, ні въ старо́писяхъ (славя́ньскихъ) не знайшло́сь бу́ковъ. *Gудзь*, *дренджо́лята*, *да́ва*, *джиджули́тьця*, *дзвінъ*, *бджола́*, *джуръ*, *дзи́да*, *де́дзкать*, *дзіндзіверъ* и д. и д.—що́ зъ ни́ми роби́ть? хіба ра́ди славя́нки чи не ви́трутнуть іхъ? або́, зкрути́вши шийки́, зроби́ть зъ іхъ, вибача́йте, *гузь*, чи *гудзь*, та щобъ такъ и закля́кли *гу́зями* навіки вішні? До́бримъ би сло́вомъ згада́ли насъ на́ші ону́ки и правну́ки, що ми такъ хо́роше уміли шанува́ть добро́ на́шоі мо́ви!.. Та хоть би и спра́вді славя́нка згідніша була́ одъ гражда́нки (а вона́, яка́ есть, таки́ ані тро́шки не згідніша, бо що въ старо́писяхъ було́, то не іі вла́сність), то для́чого одтру́чувать пісьмо́, що́ ми до ёго приви́кли, у всёго́ пра́ве лю́ду европе́йського ужива́етця, ле́гше и лу́чче для дрю́ку и для руко́писі—не таке́ карячкува́те, карлючкува́те? Ну, коли́ вамъ припа́ла вже до душі яка́ *за́значка* (чомъ же не *оксія*, *исо́*, *варіа*, *камо́ра?)*, беріть іі, та пора́дившись зъ грома́дою, и приганя́йте до пісьма́, що всю́ди ужива́етця, якъ отъ зроби́ли у насъ зъ *є*; а не заgрундзёвуйте мо́ви въ росторо́пшу, що и підступи́тьця до неі чу́дно. Се той же »Ужи́нокъ«, та тільки на и́нший ладъ!

Опрічъ то́го, що́ пря́мо нале́жить до пісьма́чення, въ граматка́хъ на́ськихъ есть ище́ де́щиця, що́ вже для и́ншоі причи́ни прито́чено. Такъ, въ де́якихъ есть молитви́ (въ Кулішівськихъ и Кобзарівські), лічба (въ дру́гі Кулішівські, Кобзарівські, Шейковськівські, Гаццуківські и Деркачівські), ку́нштики (въ Кулішівськихъ — га́рні, найпа́че для пе́ршихъ бу́ковъ, тільки ма́ло зъ іхъ кори́сти для дітей, и въ Гаццуківські — пога́ні, якъ отъ и та́, що́ Запоро́зець бье ну́жу, — не въ грама́тці бъ ёму́ се роби́ть). У д. Куліша́ есть ще опрічъ то́го короте́нька свяще́нна діі́пись и нау́ка христія́нськоі віри, про нашъ край (въ обо́хъ граматка́хъ), що́тниця, по́глядъ на Бо́жу пра́вду (въ пе́рві грама́тці) и д.; у д. Га́ццука: про лічбу, про добу́ пото́чну, про гро́ші.

Що зъ сёго нужніше для грама́тки — тру́дно сказа́ти. Намъ ду́же

подóбалось у д. Гáщука (щó то, якъ би́ не отте́ gрундзюва́ння, та ще де́щиця!) про лічбу, про добу́ потóчну, про свя́та и про гро́ші; (¹) однáче не мóжна сказáть, щобъ и щó дру́ге не годи́лось. Одно́ тільки здаéтця пéвне, що якъ тепéръ не ті вже чáси на граматки́, щó були́ колúсь — що, видаючи́ грамáтку, чоловíкові усёго хотілось подáть дітямъ, не вважáючи, що, мóже, тимъ и не всі покори́стуютця — и такъ якъ тепéръ багáто видáвцівъ и д. и д.; то, попáшому, нічого тепéръ силкувáтьця, щобъ граматки́ усюди и для всіхъ були́ згідні (чого́ и не мóжна зробúть), а трéба такъ робúть, щобъ згідні були́ хоть для дéкого, та якó мóга, більше. Притóчимо прúклади. Якъ би́ ми писáли для бідóти и, примíромъ, Золотівську грамáтку, то ми бъ приточи́ли тудá и зъ щóтниці дé-що и зъ діїписі и д.; вважáючи на те, що коли́ зъумíють учúть по Золотівському спóсобу, то пéвно зъумíють навчúть и ще дé-чого, а тимъ чáсомъ не трéба бýде купувáть другúхъ книжóкъ; а коли́ бъ писáли старосвíцьку грамáтку, то ми бъ всі щóтниці и діїписі геть, бо іхъ не втнé и вчúтель, щó бýде по нáші грамáтці вчить, а приточи́ли бъ: про нашъ край, якъ отъ зробúвъ д. Кулішъ, або про лічбу и лікъ, про місяці, про свя́та и д., якъ зробúвъ д. Гáщукъ. — Не мéньше пéвнимъ, або́ ще и більше, здаéтця намъ и те, що не слідъ би объ такúхъ рéчахъ вхóдить въ роспрáву въ граматкáхъ, якъ отъ зробúвъ д. Кулішъ на свої дрýгі. Ми знáемо, що коли́ насъ гризýть, то й одгризáтьця трéба; однáче на все

(¹) Трéба, однáче, сказáть, що есть тутъ у д. Гáщука дé-що, на щó трýдно згодúтьця. Не згáдуючи про гро́ші, пропýщено: *копá* — шíсдесятъ, хоть на сю кóпу більше лíку, ніжъ на пятúдесятну (снопú, яйця); *три четі* (більше *четь*, а не *чúть*), и *пóлудень;* ми нікóли не чýли щóту на кóпи, починáючи зъ *копá кíпъ; кóпанка* съ озна́комъ *копá* (*кóпанка* — кóпана крúниця: кóпанка чортівъ твоéму бáткові, трúста кóпанокъ чортівъ и д.); *днúця* (чýли: *сýтки, добá*), *спозарáнокъ* (чýли приглагóлля: *позарáнкахъ, спозарáну*), *задобíдъ* и *пообíдъ* (*задобíдня, дообíдня* и *передобíдня* годúна, и *пообíдня*); *східень, спáдень, стýдень* и *тéплинь* (*східсóнця*, повернýвшись на *східсóнця*, икъ *східсóнцю*); *захíдсóнця; півдéнь*, на *півдéнь*, икъ *півдню; сіверя* (до *сівéрі*, икъ *сівéрі*, — есть и глагóлъ *сіверúть*); *провíсень* (не чýли про сóрокъ святúхъ), *дарнá субóта* (*великóдна субóта*), *десятýха* (*десятá пя́тниця*), *Воздвижéніе Чéсного Хрéста* (*Воздвижéніе*, або́ *Чéсного Хрéста*), *Пéрші Парáскí, Дрýгі Парáскí* (*Парасочкú*), *Кривá Нéділя* (*Пущáлна*); ми тежъ не чýли, щобъ *кавунáми* на Спáса розгівля́лись, на Різдвó віршувáли *зрáнку* (після обíда) и щобъ починáли косúть въ *Клечáнну Суботу; кутя́ дíдова* и д. більше звéтця *Багáта Кутя́, свя́твечíръ*, а *Багáта Кутя́* (Гащукóва) — *Щéдра Кутя́*. Ми вúписали се все, бо дýмаемо, що зъ такúми рéчами, найбúльше въ граматкáхъ, трéба дýже стóрожко оберта́тьця. Мóже ми въ чімъ помиля́емось — сказáли, щó знáемо.

есть своє́ мі́сце: пишіть въ часо́писяхъ, пишіть на и́ншихъ вида́нняхъ — де хо́чте, а тільки не на тому́, що́ видаєте́ для дітей. Кни́жка зъ нау́кою повинна бу́ти для дити́ни свя́тощю, якъ ба́тько, якъ ма́ти, якъ усе́ свя́те́, — и чимъ пізні́ше воно́ довідаетця объ сва́рахъ, колотне́чахъ, підступахъ и обо всёму́, що́ такъ ча́сто у Бо́жихъ люде́й, що́ пи́шуть книжки́, трапля́етця и одъ чо́го такъ бо́ляче ро́битця молоді душі, тимъ лу́чче и для нау́ки, и для дити́ни. Вамъ, мо́же, луча́лось, що отъ бувъ у васъ вчи́тель — свяги́й чоловікъ, розу́мний, якъ на Бо́га — на ёго диви́лись (такъ дити́на вважа́е тихъ, що пи́шуть книжки́), и по́тімъ яко́сь ви довідались, що ёго́ хтось пола́явъ, въ чімсь нехоро́шому дорі́кавъ, а вінъ ёго́ пола́явъ, въ нехоро́шому дорі́кавъ, або́ и сами́ ви нахопи́лись на таке́ — згада́йте, що́ зъ ва́ми дія́лось! Одже те жъ са́мо бу́де и зъ ва́ми и зъ ва́шою грама́ткою, якъ дити́на про́чита́, що́ ви написа́ли. А поду́майте, якъ ще яки́й необа́чний вчи́тель та почне́ дити́ні толкува́ть, роска́зувать, додава́ть свого́!.. Мо́же вамъ, добро́дію, щи́ро на́ми шану́емий за ту вели́ку пра́цю, що́ підніма́ете для на́шої слове́сності, при́кро таке́ чу́ти; але́ намъ здае́тця, що ми ме́нше бъ васъ шанува́ли, коли́ бъ не все сказа́ли, що́ ду́маемо — та́къ намъ здае́тця.

Одже, здае́тця, ми все сказа́ли, що́ хотіли! Мо́же, добродійство громадя́ни, ви пога́ните мене́, що я, мовъ, до вся́кої дурни́ці доко́пуюсь, а тимъ ча́сомъ, мо́же, ма́ло поговори́въ объ тому́, объ чімъ би більше всёго тре́ба? Що жъ, добродійство, мо́же и ва́ша пра́вда! такъ ну́те жъ и ще хто: я жъ спервона́перву сказа́въ, що той те ска́же, дру́гий дру́ге... Або́, мо́же, вамъ би бажа́лось почу́ти, »а яку́ жъ«, мовъ, »купува́ть?« Ну, про се, добродійство, сами́ вже мі́ркуйте: що́ знавъ, я сказа́въ, на́ветъ ці́ну ви́ставивъ, а ви ви́бира́йте до вподо́би... Одно́ тільки скажу́, що коли́ не жаль вамъ бу́де дітей, а дурни́хъ грошей дока́та, и ви забажа́ете вда́тця до... сами́ догада́йтесь, до яки́хъ! то купу́йте ра́зомъ и ще яку́-не́будь, щобъ було́ по чому́ и вчи́тьця, и переу́чуватьця...

* * *

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

ОТВѢТЪ ПАНУ ПАДАЛИЦѢ,

по поводу статьи, въ VII книжкѣ »Основы«: »Что объ этомъ думать?« и письма г. Падалицы въ X книжкѣ.

Есть-же люди, которые притворяются непонимающими, когда это имъ нужно. Это единственная мысль, посѣтившая мою голову послѣ прочтенія письма г. Падалицы, въ октябрской книжкѣ *Основы*. Пріемъ этотъ вовсе не новъ и, сколько намъ извѣстно; очень въ ходу у езуитовъ всѣхъ временъ и націй, равно какъ и притворное добродушіе, которымъ г. Падалица старается подсластить свою взволнованную желчь. Отвѣчать г. Падалицѣ очень трудно, потому что онъ, посредствомъ вышеупомянутаго пріема, всегда найдетъ средство понять не то, что́ написано, а то, что́ ему нужно; — но такъ-какъ отвѣтъ мой можетъ послужить для гласнаго уясненія кой-какихъ оспариваемыхъ имъ фактовъ и тѣмъ, хоть въ нѣкоторой степени, способствовать уясненію настоящаго состоянія Южно-русскаго края: то я рѣшаюсь отвѣчать, хотя и убѣжденъ, что голосъ мой для г. Падалицы будетъ голосомъ въ пустынѣ. Отвѣчаю на языкѣ, который я успѣлъ изучить лучше, нежели украинскій.

Я упрекалъ *Варшавскую Библіотеку* (Biblioteka Warszawska),— какъ утверждаетъ г. Падалица, — не въ томъ, что она не издала документовъ, доставленныхъ ей г. Горжковскимъ изъ Ватиканскаго архива, а въ томъ, что она помѣстила самовольные выводы, сдѣланные изъ актовъ, еще не изданныхъ и не повѣренныхъ критикою, и въ томъ, что эти голословные выводы имѣли характеръ площадной брани, направленной

противъ Южно русской исторіи и историковъ, что эта брань была именно ловлею рыбы передъ неводомъ. Имѣла-ли *Варшавская Библіотека* возможность издать свои акты, или нѣтъ,—я ровно ничего объ этомъ не знаю, но пересматривая вышедшіе и повседневно выходящіе акты, издаваемые въ разныхъ мѣстахъ Россіи, — я, дѣйствительно, сильно подозрѣваю *Варшавскую Библіотеку* въ томъ, что она, не желая ихъ подвергнуть критикѣ, нашла для себя болѣе выгодною роль угнетенной невинности. И въ самомъ дѣлѣ, смѣшны, вѣдь, становятся эти намеки на будто бы существующія преграды, когда дѣло идетъ объ исторіи XVII столѣтія; вѣдь не всѣ сознаютъ тождественность свою съ отдаленными предками, и не всѣ чувствуютъ себя лично оскорбленными при открытіи истины, касающейся давно-минувшей старины. Серьёзно-ли г. Падалица думаетъ, что *Варшавская Библіотека* встрѣтила непреодолимыя препятствія со стороны лицъ, во что́ бы то́ ни стало желавшихъ отстоять честь Хмельницкаго? Подумайте, г. Падалица—и вы навѣрное улыбнетесь, хоть про себя;—знаю, что публично вы не рѣшитесь искренно въ этомъ сознаться: *это было бы не своевременно (nie na dobie)*.

О содержаніи и достоинствѣ повѣстей г. Горжковскаго я ровно ничего не говорилъ; вы можете найти въ статьѣ, подавшей поводъ къ вашему возраженію, ясно высказанную мысль, что повѣсти г. Горжковскаго до насъ еще не дошли, слѣдовательно мы объ нихъ ничего сказать не можемъ;—откуда же вамъ пришло въ голову, что я занимаюсь ловлею рыбы передъ неводомъ, и сужу о повѣстяхъ, которыхъ не читалъ? — стыдно читать одно, а утверждать, будто читали совершенно противное. Недоумѣваешь, какъ васъ понимать: прикидываетесь ли вы непонимающимъ, — или вы просто неграмотны, или, покрайней мѣрѣ, не крѣпки въ грамотѣ. Вѣдь замѣтка, сдѣланная *Варшавскою Библіотекою*, будто древнеклассической литературой нельзя доказать тождества шляхты Польской съ народомъ Украинскимъ, и недовѣрчивость къ сочиненіямъ, писаннымъ іезуитами и издаваемымъ въ типографіи propagandae fidei—это не оцѣнка повѣстей г. Горжковскаго; — вамъ стыдно, г. Падалица, притворяться умышленно жертвою такого qui pro quo.

Сочиненія Лелевеля, Морачевского, Мацѣёвскаго—мнѣ извѣстны; я всегда ихъ уважалъ и теперь уважаю, какъ заслуженныхъ тружениковъ науки, какъ добросовѣстныхъ ученыхъ; но они, вѣдь, на Украину высказали [redacted]ндъ совершенно противуположный *Библіотекѣ Варшавской*, па[redacted]ржковскому, вамъ, г. Падалица, и вообще всѣмъ ejusdem generis, теперешнимъ публицистамъ и журналистамъ Поль-

скимъ. Неужели эти ученые только и трудились, въ Польской литературѣ, для того, чтобы подъ ихъ, заслуженную трудомъ, дарованіемъ и добросовѣстностію, извѣстность, прятались всякіе шляхетскіе публицисты, съ которыми они не имѣли да и не имѣютъ ничего общаго въ своихъ убѣжденіяхъ, —чтобы потомъ, подъ покровомъ всеобще принятого авторитета, шляхетскіе публицисты бросали грязью во все то, что не пляшетъ по ихъ дудкѣ? Развивайте, господа, мысли высказанныя Лелевéлемъ, Морачевскимъ и Мацѣёвскимъ; согласно съ ихъ добросовѣстными выводами, поступайте въ наукѣ и жизни, и тогда только ссылайтесь на ихъ авторитетъ; но пока этого вы не сдѣлали,—зачѣмъ вамъ надѣвать напрасно львиную шкуру? — не мудрено же узнать, кто подъ нею кроется. Другое дѣло — ссылаться на Короновича; — его *Слово Польской исторіи* (Słowo dziejów Polskich) — краснорѣчивый панегирикъ шляхетству, полнѣйшій сводъ всѣхъ езуитскихъ силлогизмовъ, которые такъ упорно, такъ долго и съ такимъ полнымъ успѣхомъ смиренные отцы проводили, да и теперь еще проводятъ въ шляхетскомъ обществѣ; на Короновича вы можете не стѣсняясь ссылаться: similis simili gaudet; но не стращайте насъ этимъ авторитетомъ: мы имѣемъ основаніе не вѣрить, что шляхетскій порядокъ былъ идеаломъ гражданскаго и политическаго устройства,— что Украинскій народъ былъ—въ слѣдствіе закона природы — сбродомъ разбойниковъ, чернію, достойной кола и розогъ; — будьте увѣрены, что Короновичъ не убѣдитъ насъ своими разсужденіями и софизмами; насъ бы убѣдили (если бы можно было допустить возможность ихъ существованія) только доказательства положительныя, фактическія, представленныя людьми вполнѣ сознающими въ себѣ и другихъ нравственное человѣческое достоинство. Прошло невозвратно золотое время, когда діалектически-хитро-сплетенные софизмы принимались за научные доказательства ad majorem Dei gloriam.

Сочиненія Грондзкаго, Рудавскаго, Твардовскаго и другихъ историковъ и публицистовъ XVII вѣка, мнѣ тоже извѣстны; но я не знаю — къ чему вы на нихъ ссылаетесь; что они по большей части говорили правду—это такъ; но именно эта, ими высказанная, правда и доказываетъ всю несостоятельность, всю неправду шляхетскаго порядка вещей; каждый изъ нихъ скажетъ вамъ, съ чувствомъ горькаго упрека, что шляхтичи безжалостно гнетутъ народъ, что они притѣсняютъ козаковъ, что фанатически преслѣдуютъ греко-восточную церковь, —что въ пользу шляхетскихъ сословныхъ интересовъ они жер[redacted]благомъ всей республики, и т. п. Если ссылкою на нихъ вы хотите доказать, что

среди Польскаго народа были люди, понимавшіе зло современнаго имъ общества и протестовавшіе противъ него, — то я съ этимъ вполнѣ согласенъ, — но только прибавлю, что вы ошибаетесь, считая ихъ представителями тогдашнаго Польскаго общества, ибо протестъ ихъ оказался безсильнымъ, былъ отвергнутъ шляхтою, остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Если-бы ихъ голосъ снискалъ какое нибудь къ себѣ уваженіе, то, конечно, послѣдовали бы реформы въ бытъ Польской республики, согласныя съ требованіями,—между тѣмъ какъ съ начала XVII по конецъ XVIII вѣка, — мы видимъ — общественное состояніе идетъ все къ худшему: фанатизмъ религіозный, сословный эгоизмъ, неуваженіе правъ личности, порабощеніе крестьянъ, самоуправство во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, развиваются все болѣе и болѣе.... И послѣ этого вы требуете, чтобы мы питали уваженіе къ шляхетской старинѣ, причинившей столько вреда нашему народу изъ-за нѣсколькихъ — правда честныхъ, но фактически безсильныхъ — личностей. На этотъ счетъ мы замѣтимъ г. Падалицѣ et C°, что въ прошедшемъ, какъ и въ настоящемъ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ силу какой-бы то ни было теоріи, честное, но безсильное слово немногихъ, не въ состояніи вознаградить нечестныхъ, но за то фактическихъ неправдъ всѣхъ; что голоднымъ и оскорбленнымъ на дѣлѣ никто не въ состояніи втолковать, что оскорблявшіе ихъ нравственно и отнимавшіе у нихъ матеріяльныя средства къ жизни поступали честно, потому что былъ только сотый человѣкъ, не раздѣлявшій такого образа мыслей. Вы желаете, г. Падалица, чтобы грустное прошедшее послужило урокомъ въ настоящемъ—превосходное желаніе! — Отъ васъ-же и зависитъ его исполнить: если вы убѣдились изъ прошедшаго, что католически-шляхетская пропаганда на Руси повела къ самой грустной развязкѣ, то откажитесь отъ этой пропаганды; если вы увидѣли, что личное и поземельное положеніе крестьянъ вызывало постоянное съ ихъ стороны противодѣйствіе, то обращайтесь съ ними погуманнѣе да надѣлите ихъ землею; если для васъ ясно стало, что полонизація верхнихъ слоевъ Руси розорвала ея народное единство, но тѣмъ не менѣе не пошла въ прокъ Полякамъ, такъ уговорите шляхту, живущую на Руси: пусть она старается искренно сдѣлаться снова Русскою. Да, г. Падалица! пользуйтесь уроками прошедшаго: — мы навѣрно отъ этого не будемъ въ проигрышѣ. Съ своей стороны мы также не упустимъ ими воспользоваться: исторія учитъ насъ, что шляхетскій порядокъ и езуитизмъ противны духу нашего народа и вредны для его жизни, что нужно безпрестанно противо-

дѣйствовать имъ и охранять отъ нихъ народъ всевозможными средствами: мы это сознаемъ — и позаботимся, чтобы эта наука не была для насъ безполезною. Вы, г. Падалица, утверждаете, что исторію повернуть нельзя, и что въ настоящемъ слѣдуетъ принять иной маштабъ при размежовкѣ народностей: — это такъ, и поэтому то, что можетъ быть объясняемо въ прошедшемъ духомъ времени, невѣжествомъ и т. п., непростительно въ настоящее время. А въ настоящее-то время, польская публицистика, на основаніи неимѣющихъ практическаго значенія историческихъ данныхъ, рѣшается утверждать, будто на правомъ берегу Днѣпра нѣтъ Руси, а только сущая Польша. Въ доказательство того, что это направленіе—не моя выдумка, могу вамъ указать цѣлый рядъ журнальныхъ статеекъ и брошюръ Польскихъ, вышедшихъ въ послѣднемъ полугодіи, доказывающихъ, что Руською народности нѣтъ, что языкъ Русинскій есть провинціализмъ Польскаго, едва отъ него отличающійся мѣстнымъ выговоромъ и т. п. Полюбопытствуйте напримѣръ, заглянуть въ любую Галицко-Польскую газету (Czas, Przegląd, Głos), или прочтите въ декабрьской книжкѣ 1861 г. *Библіотеки Варшавской* статью г. Феликса Жоховскаго о Русинскомъ языкѣ, или статью о Свято-юрцахъ, или потрудитесь пересмотрѣть №№ 304 — 310-ый *Варшавской Газеты* (Gazeta Warszawska): статью Korrespondencja ze Lwowa, или прочтите вышедшую во Львовѣ брошюру г. Генриха Шмитта, подъ заглавіемъ: Нѣсколько безпристрастныхъ словъ о Руси (Kilka słów bezstronnych, o kwestii Rusińskiej), или брошюру, вышедшую въ Парижѣ подъ заглавіемъ: Семейный Совѣтъ (Rada Familijna) и т. д., и тогда скажите по совѣсти—кажется-ли это только мнѣ, или въ самомъ дѣлѣ Польскіе публицисты хотятъ доказать, что край между Карпатами и Днѣпромъ — есть край Польскій?

Вы сомнѣваетесь, захочетъ-ли нашъ народъ муштроваться по моей командѣ: — да кто-же вамъ сказалъ, что я мечтаю объ этомъ?— желаніе заставлять другого плясать по своей дудкѣ — это давняя привычка польской шляхты. Я могу стараться изучать и заявлять, по мѣрѣ пониманія, нужды народа, степень его развитія, его потребности; могу способствовать его образованію, — но навязывать ему что-нибудь задуманное мною a priori, я никогда бы не рѣшился! это манера, которой, еще разъ повторяю вамъ, г. Падалица, до сихъ поръ держались одни шляхтичи. Только у нихъ однихъ напередъ придуманъ одинъ и единственный—по ихъ мнѣнію—спасительный путь для народа, [redacted]му они, по волѣ или по неволѣ, желали бы потащить его; но въ [redacted]-то и дѣло,

что истинные друзья народа не такъ должны съ нимъ поступать: они должны сознать все его громадное величіе, — должны сознать, что вести — куда бы то ни было — народъ не въ ихъ правѣ и не въ ихъ силѣ; что ихъ задача — только помочь народу въ образованіи, въ достиженіи самосознанія, - а тамъ онъ самъ себѣ придумаетъ цѣли — вѣроятно несравненно высшія и разумнѣйшія, чѣмъ-бы предложили ему хоть-бы мы съ вами, г. Падалица. Истинные друзья народа не ломаютъ себѣ голову надъ далекимъ будущимъ, но если они люди дѣла и если имѣютъ средства, то стараются о народномъ просвѣщеніи, объ улучшеніи матеріяльнаго быта крестьянъ, объ отысканіи лучшихъ средствъ для достиженія той и другой цѣли; они готовы скорѣе 100 разъ сознаться публично, что ошиблись въ своихъ заключеніяхъ о той или другой народной потребности, чѣмъ навязывать народу то, въ чемъ онъ не нуждается, или то, чего онъ не хочетъ.

Далѣе. Г. Падалица приводитъ въ пользу Польскаго правительства, то, что оно не стѣсняло слова и два раза приглашало Русь къ политической уніи безъ всякого насилія. Это справедливо. Я никогда и не думалъ утверждать, чтобы Польская старина не имѣла свѣтлыхъ сторонъ; я увѣренъ въ томъ, что дѣйствительно въ Польшѣ была золотая, законная свобода — но только для шляхтичей; дѣйствительно, рѣчь и голосъ шляхтича Польскаго-ли, Русскаго или Литовскаго, никогда не былъ стѣсненъ. Дѣйствительно, шляхту Южно-Русскую и Литовскую, не только Польская шляхта пригласила къ союзу, но и подѣлилась съ нею своими правами: — но какая-же польза отъ этого народу, который голоса не имѣлъ не только въ управленіи государственномъ, не только въ сеймѣ, но и въ судѣ, въ который его не пускали ни въ роли истца, ни въ роли отвѣтчика — защищать свои личныя права? Что за польза народу отъ того, что кто-то куртуазно обращался съ его шляхтою, когда именно эта куртуазія и убила его собственную жизнь? Шляхетство, вѣдь, было формою, выработанною Польскою общественною жизнью; общественное самоуправленіе, — это постоянная цѣль, къ которой стремился Украинскій народъ. Конечно, для Южно-Русскихъ бояръ выгоднѣе было принять Польскій порядокъ вещей — и они его приняли — но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили и своей народности; опершись на чужой принципъ, они почувствовали, что разошлись съ жизнью своего народа и — ополячились: эта тождественность Поляка и шляхтича, Русина и народнаго человѣка и поныне продолжается. Больно, право, смотрѣть на тщетныя усилія нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, которыя хотятъ примирить народ-

ные интересы съ польскими понятіями: они не находятъ нигдѣ точки опоры и раньше или позже должны будутъ отречься отъ того или другого. Народъ, вѣдь, всегда оставался вѣренъ своей народности, или, правильнѣе, самому себѣ; онъ, оставленный боярами, шагъ за шагомъ отстаивалъ *свое*—и козацкими войнами и *купными* судами и гайдамацкими загонами, и когда наконецъ—сбитый съ ногъ, окровавленный, онъ былъ запряженъ въ шляхетскій плугъ, и тогда его не оставила его вѣчная думка—вѣчное желаніе реакціи противъ шляхетскаго принципа, который, въ его глазахъ, является наглою несправедливостью. Вслушайтесь, г. Падалица, въ народную рѣчь, въ народную пѣсню, пословицу,—вникните въ живую, оригинальную, логику любого изъ бывшихъ вашихъ крѣпостныхъ, и вы увидите, на-сколько вѣрно мнѣніе, выраженное лучшимъ знатокомъ Украинскаго народа:

По́ки Рось зове́тця Ро́ссю,
Дніпро́ въ мо́ре лле́тця—
По́ти се́рце Украі́нське
Съ па́нськимъ не зживе́тця.

И потому, г. Падалица, не маните насъ шляхетскими вольностями; мы вамъ скажемъ: »кожу́хъ, мо́же, й те́плий, та не на насъ ши́тий« и притомъ, по духу нашего народа, вполнѣ намъ противный. Послѣ этого трудно не засмѣяться, г. Падалица, надъ наивностію вашихъ вопросовъ: »чѣмъ мы теперь васъ обижаемъ, что́ мы дѣлаемъ или думаемъ недобраго для васъ...« А вотъ что́, г. Падалица: вы желаете увѣковѣчить въ Южной Руси шляхетство; вы желаете задавить Южно-Русскую народность—и для этого не пренебрегаете никакими средствами; народъ хочетъ поземельной собственности, и по милости вашей не можетъ ея пріобрѣсть; вы не могли отказать ему въ надѣлѣ, но не забыли позаботиться о баснословно-высокихъ цѣнахъ выкупа; вы не только сами не способствуете просвѣщенію народа,—но стараетесь завалить дорогу желающимъ того—сплетнями, баснями, ложными доносами. Вы рачительно заботитесь о подавленіи всего того, что́ сколько нибудь проявляетъ мѣстную народность: вспомните, г. Падалица, всѣ послѣдствія похоронъ Шевченка, въ Каневѣ—вспомните исторію букварей; вспомните все то, чего я, въ настоящее время, не могу гласно и подробно высказать, но объ чемъ вы, вѣроятно, лучше меня знаете—и тогда повторите свои наивные вопросы, если хватитъ у васъ.... смѣлости.

Къ какому это народному говору между Вислою и Днѣпромъ совѣ-

туете вы мнѣ прислушиваться? Я его слышу давнымъ-давно и могу васъ увѣрить, г. Падалица, что если въ западной части означенной вами территоріи, онъ можетъ быть и народный (положительно не смѣю утверждать), то надъ Днѣпромъ онъ — чисто шляхетскій. Въ свою очередь, совѣтую вамъ, г. Падалица, вслушайтесь въ гомонъ хоть-бы собственнаго села, и разсудите добросовѣстно (хотя-бы только про себя), что̀ тутъ общаго съ Вислою, и съ нашею шляхтою, съ здѣшнимъ шляхетскимъ гомономъ?—»Дуріть себе́, та не дуріть світу«, да и собственное ваше самообольщеніе, не знаю, будетъ ли продолжительно и послѣдуетъ ли за нимъ пріятная для васъ развязка? По моему, вы потратите и силы, и средства, и время на то, чтобы самимъ себѣ напѣвать колыбельную пѣсню, а потомъ вамъ самимъ будетъ стыдно, когда останетесь позади жизни народа, недавно еще вышедшаго изъ-подъ вашей опеки....

Вѣрный шляхетской тактикѣ, вы, въ своемъ письмѣ, выдвигаете намекъ о Коліивщинѣ. Но вы сами, г. Падалица, знаете, что это ложь: сколько-же разъ изустно и письменно сказано, и на дѣлѣ доказано вамъ было, что единственное оружіе, которое мы желаемъ доставить нашему народу, это не ножъ, не коса — а совѣсть и наука. Стыдно-же вамъ притворяться не слышащимъ и не понимающимъ; еще стыднѣе пользоваться такимъ оружіемъ, какъ панническій страхъ вашихъ собратій, да оффиціальныя его послѣдствія. Что̀ касается историческаго значенія Гонты и Залізняка,—правда, мы гордимся ими, какъ народными представителями своего времени, потому что они такими были дѣйствительно; не мы-же виноваты въ томъ, что шляхта держала народъ въ невѣжествѣ, оскорбляла и обижала его повседневно въ нравственномъ и матеріяльномъ отношеніяхъ и потомъ дорого за это поплатилась; въ вашей власти отстранить причины, пережившія, къ-несчастію, реакцію, а мы именно потому, что не желали-бы никогда ея повторенія, и хотимъ позаботиться о распространеніи просвѣщенія въ народѣ. Мы увѣрены, что въ такомъ случаѣ выйдетъ реакція иного рода, что споръ рѣшится совѣстью и наукою, и Гонта нашего времени будетъ вооруженъ уже перомъ или краснорѣчіемъ. — — Вы-же, притворяясь, что этого поворота не понимаете, все-таки хватаетесь передъ публикою за горло!—оставьте эту гнусную комедію. — —

Вы утверждаете, что я ломаю стулья изъ-за мнѣнія о Богданѣ Хмельницкомъ, не согласнаго съ моимъ мнѣніемъ: —опять притворство, опять умышленное непониманіе!—Да имѣйте вы себѣ какое вамъ угодно

мнѣніе о Хмельницкомъ, или о какой угодно другой исторической личности, — только доказывайте свое мнѣніе научно, добросовѣстно, а не голословно, ругней, потому-что всегда найдете людей, которые будутъ васъ упрекать въ этомъ, не ломая стульевъ, по вашему сравненію, а высказывая лишь простую истину: что бездоказательная брань порочитъ только ея автора и выказываетъ его нравственную несостоятельность.

На счетъ актовъ Кіевской Коммиссіи мнѣ нечего вамъ сказать, послѣ ея собственнаго отвѣта, помѣщеннаго въ октябрской же книжкѣ *Основы*. — Вы утверждаете, что Коммиссія выбираетъ умышленно только тѣ акты, которые не подходятъ подъ идеалъ, созданный вами о прошедшемъ Польской республики; — да откуда же вы знаете, что въ книгахъ Главнаго Архива есть другіе акты? Хотя я недавно занимаюсь въ Архивѣ, но могу васъ увѣрить, что вы ошибаетесь. Конечно, Польская шляхта имѣла свои свѣтлыя стороны, но эти стороны она успѣла проявить только въ своей публичной, политичеекой дѣятельности, — во внутренней же жизни она высокой нравственности не предъявляла: — она постоянно притѣсняла крестьянъ, гнала козаковъ, преслѣдовала грекоюсточное вѣроисповѣданіе, самоуправничала по отношенію другъ къ другу, а тѣмъ-болѣе по отношенію къ людямъ простого званія и т. д. Жалобы, иски, слѣдствія, протесты и т. д. по поводу этихъ проявленій вносились въ гродскія и земскія книги; — какимъ же образомъ вы требуете отъ Коммиссіи, издающей слѣды всѣхъ этихъ дѣлъ, чтобы она вамъ доставила матерьялы для апотеозы шляхты, да еще по вашему, а priori поставленному идеалу? — Но вы все-таки не вѣрите, вы все-таки подозрѣваете, что отъ васъ Коммиссія прячетъ какіе-то шляхецкіе клейноды? — Такъ зачѣмъ-же кто нибудь изъ Польскихъ писателей — хоть бы г. Падалица, вмѣсто того, чтобы писать притчи о кислицахъ, не возьметесь отыскивать да издавать этихъ клейнодовъ? Вѣдь Коммиссія открываетъ всякому свободный доступъ въ Архивъ; мало того, она два года назадъ приглашала, во время выборовъ, дворянство Кіевской губерніи составить изъ среды себя другую коммиссію, которая бы параллельно съ нею вела свои труды. Г. Иванишевъ составилъ было даже проектъ этой коммиссіи, который и предложилъ дворянству — но что же? Заняться дѣльнымъ научнымъ трудомъ не хочется? или можетъ быть страшно убѣдиться на дѣлѣ, въ несостоятельности собственныхъ упрековъ? Конечно, легче поднимать въ журналахъ ложныя обвиненія, голословныя

клеветы, легче писать остроумныя притчи о садовникахъ, да заподозрѣвать чужой долговременный и добросовѣстный трудъ, особенно передъ малосвѣдущею и легковѣрною публикою. Но будьте увѣрены, г. Падалица, что изъ людей, сколько нибудь понимающихъ дѣло, никто вамъ не повѣритъ до тѣхъ поръ, пока вы, или кто нибудь изъ вашихъ сотрудниковъ, не укажетъ, какіе именно акты Коммиссія умышленно передъ вами скрываетъ. Потрудитесь, г. Падалица, представить хотя бы нѣсколько ссылокъ: все-же возраженія ваши будутъ тогда серьезнѣе; даже и въ такомъ случаѣ, когда ваши ссылки окажутся ложными, подобно тѣмъ, которыя вы представили въ полемикѣ съ г. Костомаровымъ, гдѣ вы ссылались на небывалыя статьи Статута Литовскаго и Volumina Legum; а то голословныя притчи ровно ничего не доказываютъ: »Воду вари, вода и будет«, говоритъ пословица.

Не знаю, къ какому десятку людей угодно вамъ было причислить меня при этомъ случаѣ, но смѣю васъ увѣрить, что я не принадлежу ни къ тому, который потворствуетъ клеветѣ, потому только, что она высказана самонадѣянно и безстыдно, ни къ тому, который боится вступиться за истину, угождая мнѣнію окружающихъ его людей. Послѣ сказаннаго, г. Падалица, предоставляю вамъ искать себѣ судей, хоть бы они были, по вашему желанію, и изъ Цыганъ.

Вы вступаетесь за г. Горжковскаго — превосходно. Но что мнѣ за дѣло до того, былъ ли онъ съ вами друженъ, или нѣтъ? ходилъ ли онъ пѣшкомъ или ѣздилъ верхомъ? покупалъ ли онъ бумаги на торжкахъ, или отыскивалъ ихъ на чердакахъ? — я ему всего этого не ставлю въ вину. А вы въ моемъ обвинепіи г. Горжковскаго слона-то и не примѣтили — я вѣдь предалъ гласности слѣдующіе факты: 1) что г. Горжковскій похищалъ книги и рукописи въ библіотекахъ и архивахъ, въ которыхъ ему позволяли заниматься. Вотъ напримѣръ, разпросили бы вы, почему никого изъ посторонпихъ лицъ не пускаютъ въ Черниговскою семинарскую библіотеку, съ того времени, какъ въ ней побывалъ г. Горжковскій? Да впрочемъ, если вы съ нимъ жили дружно, такъ онъ вамъ вѣроятно разсказывалъ свои подвиги, потому что онъ ими имѣлъ обыкновеніе хвалиться, какъ дѣломъ высоко-патріотическимъ. 2). Я обвинялъ г. Горжковскаго въ томъ, что онъ не издалъ самъ ничего изъ собранныхъ имъ матеріяловъ и что упряталъ ихъ неизвѣстно куда, не дозволяя такимъ образомъ другимъ ихъ разработывать. И потому вамъ, г. Падалица, если вы хотите отстоять добросовѣстность г. Горжковскаго, слѣдуетъ: 1)

доказать, что онъ чужихъ книгъ не похищалъ, 2) указать на изданные г. Горжковскимъ матеріялы, 3) объяснить, гдѣ находится его собраніе и на сколько оно доступно публикѣ. Пока вы этихъ условій не выполните — клянитесь сколько вамъ угодно въ пользу его честности, умиляйтесь самымъ аркадскимъ образомъ надъ его частными добродѣтелями и т. п. — все таки мои обличенія останутся въ полной силѣ и вы ихъ не опровергнете.

Вы возражаете далѣе, что если г. Горжковскій поступилъ въ духовное званіе, такъ въ томъ грѣха нѣтъ; — но я вѣдь упрекалъ его не духовнымъ званіемъ, а въ томъ, что онъ поступилъ въ *іезуиты*. Неужели, для васъ г. Падалица, слово іезуитъ требуетъ коментаріевъ? Развѣ вы не знаете, какіе плоды принесла ихъ дѣятельность всей Европѣ? развѣ вы считаете ее благотворною для Польши? развѣ думаете, что мы не знаемъ, сколько зла этотъ орденъ принесъ нашей родинѣ? Или, можетъ быть, вы полагаете, что іезуиты въ настоящее время сдѣлались изъ волковъ овцами? Стыдно вамъ притворяться, г. Падалица, и доходить до такого юродства, будто бы вы въ самомъ дѣлѣ и не слыхали ничего объ орденѣ Лойолы и думаете, что іезуитъ и всякій другой священникъ — это все равно? или можетъ быть вы, по слѣдамъ *Польской Газеты* (Gazeta Polska), захотите доказывать, что іезуитовъ въ настоящее время нѣтъ, что это миѳъ, темное преданіе глубокой старины, названіе направленія, а не извѣстной корпораціи и т. п. Но предупреждаю васъ — это путь скользкій; вѣдь вы должно быть знаете или догадываетесь, что я въ состояніи разсказать вамъ кой-какіе происки и анекдоты, отъ которыхъ если и удерживаюсь въ настоящее время, такъ дѣлаю это навѣрно не изъ уваженія къ смиреннымъ отцамъ, а только потому, что слишкомъ дорожу собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ и желаю избѣгнуть вмѣшательства лишняго судіи въ нашу полемику.

Вы утверждаете, что *Польская Газета* по ошибкѣ настойчиво повторяла свои намеки на Унію; я сначала тоже самъ думалъ; но объясните, какъ это такъ случилось, что она не захотѣла поправить своей ошибки, когда ее объ этомъ просили, а напротивъ того, отвѣчала болѣе чѣмъ двусмысленно?

Въ заключеніе вашей статьи, г. Падалица, вамъ угодно было обратиться къ моей личности съ эпитетомъ »перевертень« — Я вамъ за это искренно благодаренъ — не потому, чтобы я полагалъ, что моя личность

особенно интересна для васъ или для кого нибудь изъ читающихъ, и не потому, чтобы я самъ слишкомъ о ней заботился, а потому, что разъясненіе сказаннаго вами эпитета хоть сколько нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей опредѣлить себѣ свое положеніе въ южно-русскомъ краѣ. Да—г. Падалица, вы правы! Я дѣйствительно »перéвертень« ,—но вы не взяли во вним. ніе одного обстоятельства, именно того, что слово »отступникъ« не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно присталъ; иначе слово это лишено смысла — это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей, и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія; я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что Поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности когда-то покинутой ихъ предками и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, — или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того чтобы наконецъ избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что впрочемъ все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошеный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шля-

хеткимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, — изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую серце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и *панычъ*), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ, того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили, вначалѣ, свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные доносы и намёки о коліивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: — я выбралъ второе, и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда-нибудь, что Украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ-какъ я всё готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что, со временемъ, среди Польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу — раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ — какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положéніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственною совѣстью, дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы правы! я — *перéвертень*, и я горжусь этимъ, такъ-точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла.

Вотъ всё, что я хотѣлъ вамъ сказать на вашъ отзывъ, г. Падалица; понимайте или не понимайте сказанное мною, притворяйтесь слѣпымъ или неразумѣющимъ: это — какъ вамъ угодно. Позвольте только прибавить одинъ благой для васъ совѣтъ: помните, г. Падалица, что тотъ, кто, подобно вамъ, столько разъ напоминаетъ другимъ о истинѣ и правѣ,

долженъ самъ строго имъ слѣдовать; что человѣкъ, отстаивающій добросовѣстно какое бы то ни было убѣжденіе, долженъ просто отвѣчать на возраженія, безъ увертокъ, безъ пропусковъ, безъ юродства, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ постоянно будетъ набиваться на горькую, но вѣрную пословицу: *Брехнéю свiтъ перéйдешъ, та назáдъ не вéрнесся.*

Владиміръ Антоновичъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА

русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ МАЛОРОССІИ.

Для малороссійскаго народа и одно воображеніе — записаннымъ быть въ крѣпости, по примѣру великороссійскихъ крестьянъ — ужасно и несносно.

Григорій Политика, депутатъ 1767 г.

I.

19 февраля исполнилось чаяніе милліоновъ русскаго народа, существовавшаго, нѣсколько столѣтій, подъ бременемъ неестественныхъ отношеній, устроенныхъ на опекѣ крѣпостнаго права. Съ уничтоженіемъ этого права навсегда, открылся, для цѣлаго сословія, путь къ благоденствію, которое немыслимо, пока народъ лишенъ гражданскихъ правъ...

Но заключается ли въ законодательномъ прекращеніи крѣпостнаго права рѣшительное и полное торжество освобожденія? поставленъ ли имъ русскій народъ на вѣрномъ пути къ уравненію правъ сословій, раздѣленныхъ, до-сихъ-поръ, силою исторіи? есть ли у насъ неоспоримыя гарантіи того, что при новыхъ, едва возникающихъ, отношеніяхъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, образованность и промышленность найдутъ посреди русскаго народа всѣ условія для быстраго и правильнаго развитія, отъ котораго, и только отъ него одного, какъ доказали публицисты, зависитъ общность интересовъ гражданъ, безсиліе произвола, свобода и равенство передъ закономъ, и прочность національныхъ союзовъ? Говоря другими словами—такова

ли радость русскаго народа, получившаго свободу, по манифесту 19-го февраля, которой былъ бы приличенъ стихъ поэмы, воспѣвшей покореніе Трои, безпредѣльное торжество Ахеянъ и апотеозу могущества національнаго духа? или намъ ближе теперь гимнъ освобожденныхъ отъ рабства египетскаго Евреевъ, передъ которыми впереди были бѣдствія скитальчества въ пустынѣ, отступничество и забвеніе вождями о благѣ порученнаго имъ народа? Вправѣ ли теперь филантропъ сказать: «днесь отпущаеши раба твоего, по глаголу твоему, съ миромъ», и почить на лаврахъ, предоставивъ дѣло освобожденія его собственнымъ силамъ? Вотъ вопросы, которые были прежде закрыты фактомъ законнаго существованія крѣпостной зависимости и завѣсою историческихъ предразсудковъ, а теперь выступаютъ на первый планъ въ жизни русскаго народа, и неотступно ждутъ своего разрѣшенія. Или землевладѣльцы,—разставшись безъ горечи и злобы съ своими привиллегіями, благоразумно поймутъ настоящее положеніе свое посреди отсталой массы,—не станутъ антагонизмомъ своихъ эгоистическихъ интересовъ задерживать успѣховъ ея благосостоянія, соединеннаго съ развитіемъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей, и тогда исторія внутренней жизни народа пойдетъ быстрыми шагами впередъ, или же охраненіе дарованной Монархомъ свободы ляжетъ всею тяжестью своею на правительство, и въ такомъ случаѣ эманципація личности только медленнымъ и невѣрнымъ шагомъ будетъ пробиваться у насъ сквозь сѣти искусственной регламентаціи и репрессивныя мѣры, которыми она будетъ то полагать предѣлы своекорыстнымъ стремленіямъ одной стороны, то сдерживать нетерпѣливыя желанія другой. Пока еще это вопросы, на которые намъ отвѣтитъ будущее. Несомнѣнно одно, что «самый благотворный законъ, не можетъ сдѣлать людей благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона». Довольство, по словамъ манифеста, пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною жизнію.

Положеніемъ 19 февраля уничтожены законы, поддерживавшіе крѣпостныя отношенія, и служившіе, конечно, важнымъ препятствіемъ къ развитію внутренней жизни общества. Всякій законъ имѣетъ своею задачею сообщить новому, имъ вводимому, или же существующему учрежденію логическую опредѣленность, или такую отвлеченную фор-

му институціи, отъ которой зависитъ удобство осуществленія и легкость возстановленія, при нарушеніяхъ, признаннаго права. Существованіе закона, какъ формы, указываетъ на содержаніе, на самое проявленіе его въ дѣйствительности. Если дѣйствительность русской жизни приняла въ себя учрежденіе, подобное крѣпостному праву, не сокрушила его съ перваго начала всею силою неблагопріятствующихъ ему условій, и сохраняла цѣлыя столѣтія это мертвящее начало, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ нашемъ обществѣ есть стихіи, вызвавшія и поддерживавшія крѣпостное право. Отмѣнить законъ—значитъ уничтожить форму права, отнять у него тѣ гарантіи, которыя онъ сообщалъ обычаю своею опредѣляющею и охраняющею силою, слѣдовательно ослабить дѣйствіе элементовъ, враждебныхъ развитію общества на началахъ свободы и справедливости. Но уничтоживъ законъ закрѣпляющій, далеко нельзя разъ навсегда покончить съ самимъ источникомъ крѣпостнаго права, съ тѣми недостатками общественнаго организма, которые привели Русское государство къ раздѣленію его подданныхъ на полноправныхъ гражданъ и имъ подвластныхъ, къ привиллегированному положенію однихъ на счетъ другихъ и къ безличному, de facto и de jure, существованію массы. Правительство, отмѣняющее законы о крѣпостномъ правѣ, дѣйствуетъ настолько, насколько, въ прежнее время, отъ его же власти происходило утвержденіе и охраненіе, своими постановленіями, дурнаго учрежденія.

II.

Сохранившіеся съ XV в. историческіе памятники даютъ возможность прослѣдить исторію введенія въ Южной Руси крѣпостнаго права, первый разъ подъ покровительствомъ польскихъ законовъ и во второй по присоединеніи ея къ Московскому государству.

Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи крѣпостное право явилось результатомъ антинаціональныхъ стремленій шляхты и бояръ, которые, по своему общественному положенію и по власти дѣйствовать на народъ, взяли на себя обязанность устраивать общественное благо, но, вмѣсто того, отдались заботѣ о своихъ частныхъ интересахъ, и, для достиженія собственныхъ выгодъ, считали всякія средства позволенными. Главною пружиною на этомъ пути были подзаконныя дѣйствія,—и потому насиліе и произволъ, ограничивавшіе мало-по-малу права земледѣльцевъ, всегда предшествовали изданію ограничительныхъ законовъ, которые являлись на готовую почву частнаго деспотизма и безправія.

Литовско–русскіе землевладѣльцы, подъ властію Рѣчи–Посполитой, держались, въ этомъ отношеніи, корпоративной связи, дѣйствовали энергичнѣе и зашли, въ дѣлѣ юридическаго уничтоженія личности подвластнаго земледѣльца, гораздо далѣе, чѣмъ козацкіе старшины, переименованные впослѣдствіи въ россійское дворянство. Образцомъ заговора первыхъ на свободу земледѣльцевъ можетъ служить напечатанный въ I томѣ *Памятниковъ кіевской коммисіи* уставъ *о людяхъ похожихъ*, въ воеводствахъ Полоцкомъ и Витебскомъ 1551 г. Въ уставѣ этомъ, землевладѣльцы, желая прекратить неправившіеся имъ переходы отъ одного вотчинника къ другому людей, называвшихся тогда вольными или похожими, опредѣляютъ условія, на которыхъ можно принимать такихъ людей, и обезпечиваютъ исполненіе ихъ штрафомъ, которому долженъ подвергнуться тотъ, кто станетъ принимать или водворять ихъ, довольствуясь болѣе легкими повинностями. Король подтвердилъ это постановленіе въ 1563 г., и, въ угоду землевладѣльцамъ, приказалъ обложить, въ своихъ имѣніяхъ витебскаго повѣта, похожихъ людей такими повинностями, какія установили землевладѣльцы, и наконецъ только въ третьемъ литовскомъ статутѣ (разд. X, арт. 12) явился законъ, который ограничивалъ право перехода похожихъ людей, называвшихся *вольными*, въ противоположность ойчистымъ людямъ, или подданнымъ.

Козацкіе старшины дѣйствовали въ-одиночку, безъ сеймовъ и сеймиковъ, безъ духа корпораціи и надменнаго величія, заимствованнаго изъ феодализма Западной Европы и перенесеннаго на почву шляхетской Польской Рѣчи-Посполитой. Употребляя въ своемъ офиціальномъ языкѣ скромныя названія нижайшихъ подданныхъ, вѣчныхъ рабовъ и царскаго подножія, и не ища, по ихъ словамъ, въ своихъ сношеніяхъ съ московскимъ и петербургскимъ дворомъ ничего больше, кромѣ царской милости, они, въ то же время себя не забывали и, какъ показали послѣдующія событія, не уступали литовско–русской шляхтѣ въ корыстолюбивой настойчивости сдѣлать посполитыхъ людей своими безплатными работниками. Послѣ возстанія и переворота, совершившагося въ Южной Руси, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, рушились всѣ ограниченія свободы украинскаго земледѣльца, и ему открылся свободный путь къ пріобрѣтенію тѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, которыми пользовались козаки и шляхта. Вмѣстѣ съ другими сословіями, призывалось грамотами россійскихъ государей къ избранію гетмановъ и малороссійское посполство. Оно участвовало на *радахъ*, отчего

послѣднія назывались *черными* или *черневыми*. Не было законнаго ограниченія личныхъ правъ крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ, жалованныхъ гетманами съ утвержденія государей, въ вѣчность, и отдававшихся гетманами во временное владѣніе, для исправленія службы, по тогдашнему выраженію—«*до ласки ко вспартю, къ вспомоществованію дома*». Въ указахъ о производствѣ первыхъ ревизій въ великороссійскихъ губерніяхъ и московской Украйнѣ, выраженіе «*человѣкъ малороссійской породы*» принималось за синонимъ свободнаго человѣка. Малороссіянъ, переселившихся въ великороссійскія губерніи и на земли московской Украйны, запрещалось записывать въ окладъ за помѣщиками и въ однодворческихъ селахъ, а самовольно поселившихся предписывалось выселять на прежнія мѣста (1). Первое ограниченіе права свободнаго перехода посполитыхъ крестьянъ заключается въ указѣ 10 декабря 1763 г. (Полн. Собр., 11,987). Въ указѣ этомъ говорится, что посполитые, частыми переходами съ мѣста на мѣсто, подвергаютъ себя крайнему разоренію и нищенству; посему, *для ихъ добра и покоя*, предписано пребывать имъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застанетъ ихъ указъ. А если кто изъ нихъ захочетъ перейти, то поступать имъ на точномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ статутѣ литовскомъ изображенныхъ, т. е. чтобы никто изъ владѣльцевъ не принималъ посполитаго человѣка безъ письменнаго отпуска отъ того, за кѣмъ онъ прежде жилъ. Въ случаѣ отказа владѣльца выдать такой отпускъ, оставляющій его долженъ былъ дѣлать объявленіе о своемъ переходѣ въ ближнихъ судахъ, на основаніи разд. 12, арт. 24. Такимъ образомъ, въ 1763 г., малороссійскіе постолитые крестьяне были поставлены въ тѣ отношенія зависимости отъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ находились, по статуту, *вольные* люди. Но укрѣпленія, соотвѣтствующаго состоянію *очистыхъ* людей литовскаго статута, или сословію *людей* (холопей) и *крестьянъ*, по уложенію царя Алексѣя Михайловича, въ Малороссіи не было до указа 3 мая 1783 г., которымъ безусловно воспрещенъ посполитымъ крестьянамъ переходъ съ мѣста на мѣсто.

И такъ, крѣпостное право въ Малороссіи, какъ доказываютъ офиціальные документы, косвенно признано русскимъ законодательствомъ только во второй половинѣ XVIII столѣтія; но крѣпостная зависимость, *паны* и *подданные*, существовали на дѣлѣ еще задолго до изданія тѣхъ указовъ, которыми ограничено и отнято у посполитыхъ право пе-

(1) Полное Собр. Зак., ук. 1736 г. (6891) и 1738 г. (7588).

рехода. Малороссійскіе старшины, хранившіе въ своей памяти идеалъ польскаго государственнаго порядка, устраивали бытъ земледѣльцевъ, по выгодной для нихъ мѣркѣ литовскаго статута. Дошедшее по преданію опеки начало замлевладѣльцевъ надъ замледѣльцами, въ духѣ польскихъ учрежденій, господствовало въ малороссійскомъ обществѣ XVII и XVIII столѣтій, подчиняло себѣ дѣйствительную жизнь, и переносилось въ офиціальный языкъ, не нуждаясь ни въ какихъ новыхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Такимъ-образомъ, въ универсалахъ и грамотахъ о пожалованіи селъ обыкновенно писалось: «опредѣляемъ села и якіе въ оныхъ имѣются дворы», — чѣмъ устранялось, по началамъ польскаго права, право на землю посполитыхъ, живущихъ въ этихъ дворахъ. Въ тѣхъ же актахъ пожалованія употреблялось выраженіе: «*Войты, зась, съ посполитыми людьми (опричъ козаковъ, которіи при своихъ вольностяхъ имьютъ ыти ненарушимо захованы)* отдавали-бъ подданическую повинность и послушенство безъ всякой противности». Этою мѣрою опредѣленіе повинностей посполитыхъ поставлялось въ зависимость не отъ свободнаго договора ихъ съ владѣльцемъ земли, на которой они сидѣли, а отъ обычая и возможности произвольнаго нарушенія его со стороны сильныхъ (1).

При такомъ стѣсненіи de facto гражданскихъ правъ посполитыхъ, было совершенно естественнымъ явленіемъ, тоже перешедшее по преданію отъ польско-русской шляхты, стремленіе малороссійскихъ землевладѣльцевъ XVIII вѣка—отнять у посполитыхъ право перехода, быть-можетъ, одно остававшееся у нихъ средство противодѣйствовать жестокости и несправедливому вымогательству сребролюбиваго пана. И вотъ стихотворецъ Климентій еще во время гетмана Мазепы называетъ посполитыхъ, выходящихъ на слободы, бунтовщиками противъ своихъ пановъ, и совѣтуя послѣднимъ истязать непослушныхъ, говоритъ это не какъ книжникъ, разобщенный съ жизнью, но имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, передъ глазами живую дѣйствительность, въ чемъ ручаются и характеръ стихотвореній, и скитальческая жизнь автора, посреди малороссійскихъ простолюдиновъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ есть также свидѣтельства о томъ, что, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, производились, въ большомъ числѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, дѣла о *привлащеніи* (завладѣніи) въ Малороссіи *значными*, или *старшинами*, козаковъ съ ихъ землями (2).

(1) Универсалы гетмана Апостола, въ матеріалахъ для отечественной исторіи, г. Судіенка. стр. 64 и 66.

(2) Ук. 1725 г. (4651) и 1738 г. (7527). Для такого *привлащенія* существо-

Свидѣтельства современниковъ, изображающія своекорыстное стремленіе малороссійскихъ старшинъ къ пріобрѣтенію и неразборчивость ихъ въ средствахъ, которыя они употребляли при захватѣ войсковыхъ земель, исполнены столь рѣзкихъ чертъ, что нельзя не видѣть въ нихъ направленія всего высшаго сословія въ Малороссіи. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи докладъ гетмана Разумовскаго правительствующему сенату (Полн. Собр., 1763 г. 11812) о необходимости разбирательства слѣдствіемъ многочисленныхъ споровъ о земляхъ. Многія лица, имѣвшія земли во временномъ пожалованіи отъ гетмана, испрашивали на нихъ царскія грамоты, безъ вѣдома гетмана, вопреки основнымъ статьямъ о присоединеніи Малороссіи, да притомъ и самыя грамоты эти оказывались сомнительными. Земли, временно-пожалованныя, передавались въ другія руки, по наслѣдству, по куплѣ и другими способами. Полковники, не имѣя никакого права раздавать войсковыя земли, выдавали на нихъ универсалы, по своему усмотрѣнію, а иногда, сложивъ на время свое полковничество, подъ видомъ болѣзни или подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ, и учредивъ на то время полковника *наказного*, получали отъ послѣдняго себѣ на дачу деревни, а потомъ возвращались опять къ своему полковничеству. Кромѣ того, они брали уступки на земли въ войсковыхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ отъ громады, т. е. отъ всѣхъ живущихъ въ ней козаковъ и мужиковъ, съ засвидѣтельствованіемъ священника, будто-бы за подаяніе въ церковь (которое состояло иногда въ однѣхъ крашенинныхъ ризахъ). Такимъ образомъ, объясняетъ гетманъ, отобраны у козаковъ и мужиковъ многія земли, лѣса, озера и проч., а о надачѣ таковыхъ угодій сама громада, яко простолюдины неграмотные, свѣдома никакого не имѣютъ.

III.

Въ закрѣпленіи земледѣльцевъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Великороссіи, виноваты главнымъ образомъ дворяне, которымъ оно было нужно, какъ мѣра, благопріятствовавшая, при тогдашней малонаселенности,

---

валъ терминъ, занятый отъ Поляковъ: о привлащаемыхъ говорилось, что они поступаютъ *въ протекцію*. Напримѣръ, въ описаніи имѣній, принадлежащихъ гетману Даніилу Апостолу по с. Марчихиной Будѣ, прих. Лосиленскомъ, показанъ житель Григорій Несинъ, о которомъ говорится, что онъ имѣетъ купленный козацкій дворъ, и, живучи въ протекціи гетмана, платилъ рублей 8, а прошедшаго 733 г. принятъ *въ компутъ козацкій*, и чиншу козакуючи не платитъ. (Матеріалы для отеч. исторіи, г. Судіенка, т. I, стр. 30).

устройству большихъ хозяйствъ, и которые одни пожинали плоды юридическаго уничтоженія личности простолюдина. Положительная сторона ихъ вины заключалась въ вещественномъ и нравственномъ насиліи надъ меньшими братьями, (которые терпѣли отъ нихъ de facto и de jure, на основаніи испрошенныхъ у правительства привиллегій), и отрицательная— въ томъ,что дворяне ничего не сдѣлали, для улучшенія участи себѣ подвластныхъ; что, расточая свои матеріальныя средства, по внушенію суетности и сословнаго тщеславія, они забывали о благоразумномъ употребленіи этихъ средствъ, — а это одно, безъ всякихъ законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, могло привести общество къ устройству правильныхъ экономическихъ отношеній, основанныхъ на взаимной пользѣ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Виноваты, конечно, и крестьяне: безъ нравственныхъ пороковъ въ крестьянинѣ и крѣпостное право не могло бы найти мѣста въ юридической сферѣ нашего общества. Наконецъ, виноваты также прежнія феодально-правительственныя системы: правительства обвиняются за ихъ вѣру во всемогущество административныхъ мѣръ, за легкомысленное подчиненіе лица государству, за обольстительныя предположенія, что опекою можно создать народный трудъ, обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ, умственную жизнь и благосостояніе подданныхъ; что, поручая сотни и тысячи людей безграничной опекѣ одного лица, будетъ ли оно человѣкъ призванный для публичной дѣятельности, или учредитель фабрики, можно соблюсти общественную пользу, оставить подвластнымъ неприкосновенною нѣкоторую долю ихъ правъ, и подвинуть ихъ мѣрою ограниченія къ благоразумному и энергическому употребленію того, что́ у нихъ осталось. Въ настоящее время вѣра въ могущество воспитательной дѣятельности правительствъ и въ состоятельность сильной административной централизаціи мало-помалу слабѣетъ, благодаря болѣе точнымъ изслѣдованіямъ государственныхъ наукъ и публицистикѣ. Теперь иные виды и желанія должны руководить законодательною и правительственною дѣятельностію европейскихъ государствъ, если они хотятъ развитія нравственныхъ и экономическихъ силъ народа. Но какъ ни велики передъ судомъ исторіи ошибки правительствъ, допустившихъ законное существованіе величайшей изъ несправедливостей, было бы несправедливо винить только ихъ, за то, что они не создали гарантій личныхъ и имущественныхъ правъ, что они попустили насиліе и произволъ, сперва не юридическіе, а потомъ облекшіеся въ форму крѣпостнаго права, и что, въ минуту уничтоже-

нія закона о крестьянахъ, сфера гражданскихъ отношеній общества представляется несвободною отъ тѣхъ недостатковъ, которые составляютъ препятствіе успѣхамъ благосостоянія. Ошибка подобныхъ мнѣній заключается въ ложномъ пониманіи задачи правительственной дѣятельности, а источникъ ихъ—въ избаловавшей европейскія общества государственной опекѣ, въ наклонности требовать отъ государства того, что́ мы сами должны для себя дѣлать.

Руководящее начало всякой правительственной дѣятельности должно состоять въ *охраненіи общественнаго благосостоянія и споспѣшествованіи ему*. Правительство дѣйствуетъ для благосостоянія всѣхъ членовъ общества вмѣстѣ, а не каждаго въ отдѣльности; частное же право принадлежитъ частнымъ лицамъ, какъ ихъ личное достояніе, а не въ качествѣ подданныхъ государства. Отстаивать свое частное право и защищать его отъ несправедливости составляетъ обязанность каждаго. Только приносящему жалобу на нарушителя гражданскихъ правъ дается судъ и справедливое возстановленіе нарушеннаго права. Государство, въ отношеніи суда, не измѣняя характера своей правительственной дѣятельности, устраняетъ только препятствія правосудія, беретъ на себя попеченіе о томъ, чтобы доставить частнымъ лицамъ, учрежденіемъ судовъ, повѣренныхъ, адвокатовъ и пр., возможность приносить жалобы и возстановлять нарушенное право путемъ судебнаго рѣшенія и полицейскимъ, въ случаѣ надобности, принужденіемъ къ исполненію его. Но самой защиты права суда правительство не принимаетъ на себя и относитъ ее къ индивидуальной сферѣ права. Посему обезпеченность личныхъ и имущественныхъ правъ возможна только тамъ, гдѣ отдѣльные члены общества, понявъ истинную цѣну своихъ частныхъ правъ, привыкли видѣть въ правосудіи обезпеченіе ихъ частнаго и общественнаго блага, дорожатъ имъ, и умѣютъ поставить судебные органы подъ контроль общественнаго мнѣнія, которое одно только и можетъ создать изъ нихъ истинныхъ служителей правды. Такое отношеніе общества къ суду требуетъ сознанія своихъ гражданскихъ правъ, умственнаго развитія и энергіи общественной дѣятельности. Всѣхъ этихъ условій недоставало Малороссіи въ концѣ XVI вѣка, въ эпоху окончательнаго развитія крѣпостнаго права въ Польшѣ, и въ прошломъ столѣтіи, когда крѣпостное право въ другой разъ было признано уже русскимъ правительствомъ. Между тѣмъ и другимъ укрѣпленіемъ разница только въ томъ, что противъ перваго крестьяне могли возстать и произвести переворотъ сни-

зу, — что, впрочемъ, не принесло, какъ послѣдствія показали, желанной пользы; а подъ гнетомъ послѣдняго укрѣпленія, они оставались, пораженные, въ безмолвномъ спокойствіи, но съ глубокою печалью въ сердцѣ, до тѣхъ — поръ, пока правительство отмѣнило несправедливый законъ, и законодательнымъ актомъ даровало имъ то, чего ихъ предки добивались путемъ кровавой рѣзни. Трудно сказать, чѣмъ было бы южнорусское общество въ такомъ случаѣ, когда бы польскіе короли были въ силахъ остановить во-время гибельное распространеніе привиллегій шляхты и предупредить переворотъ отмѣною законовъ, утвердившихъ крѣпостное право. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что украинскій народъ, обѣднѣвшій и изнеможенный вслѣдствіе кровавыхъ войнъ XVII столѣтія, не въ силахъ былъ вступить на путь самостоятельнаго развитія и выработать собственными средствами тѣ гарантіи частныхъ правъ, которыя служатъ основою общественнаго благосостоянія. Безсильны были въ этомъ отношеніи нравственно—усталые и доведенные до крайней апатіи тѣ изъ простолюдиновъ, которые, по свидѣтельству современниковъ, приготовляли на зиму хлѣбъ въ такомъ только количествѣ, какое необходимо было для ихъ продовольствія, оставляли его въ хорошее лѣто несжатымъ, а, въ случаѣ голода, отдавались въ работу и подданство тому, кто не забывалъ оставлять запасы на черный день. Правительственное установленіе крѣпостнаго права, при такомъ жалкомъ состояніи общества, не могло имѣть большаго значенія. Насиліе и произволъ могли дѣлать сами—собою то, что и сдѣлали. И не будь указа 3 мая 1783 г. о воспрещеніи *посполитымъ* перехода, крѣпостное право хотя не имѣло бы характера публичнаго установленія, но при безграничномъ могуществѣ произвола на одной сторонѣ, — при нищетѣ, вещественномъ и нравственномъ безсиліи — на другой, отношенія угнетенныхъ и ихъ угнетателей, и подъ другимъ, какимъ угодно, именемъ все—таки были бы безчеловѣчны, и успѣшно развязать ихъ можно было бы только преобразованіемъ, съ примиряющимъ характеромъ правительственной мѣры. Остановить развитіе неестественныхъ отношеній могло одно высшее сословіе, которому, по образованію и общественному положенію, принадлежала передовая роль. Удерживаясь отъ злоупотребленія власти, отъ притѣсненія тѣхъ, которые не умѣли и не могли себя защищать, оно не заслужило бы обвиненія исторіи въ распространеніи нищеты, не помѣшало бы развитію въ народѣ довольства и умственной жизни. Но козацкіе старшины

и малороссійскіе дворяне не были воодушевлены патріотическими желаніями, не сдѣлали, до послѣдняго времени, ничего, что̀ давало бы имъ право на признательность потомства, и такимъ образомъ, простой народъ, оставленный внѣ всякаго общественнаго движенія, вступаетъ на новый путь жизни, безъ яснаго пониманія своихъ личныхъ правъ и умѣнія благоразумно употреблять и охранять ихъ.

IV.

Въ Польшѣ, крѣпостная зависимость, какъ институція публичнаго права, въ XVI вѣкѣ, достигла формальной опредѣленности и догматической полноты. Все населеніе государства дѣлилось на шляхетское и не–шляхетское. Первое владѣло землею на земскомъ правѣ, и отправляло военную службу; второе платило подати, не могло владѣть участкомъ земли, превышающимъ опредѣленный, очень умѣренный, размѣръ; не имѣло права дѣлать *осады* (поселенія), такъ–какъ этимъ правомъ пользовались только тѣ, которые, по выраженію польскаго права, получали отъ короля шляхетскую вольность, и *осадникъ* на *грунтѣ* (землѣ) податнаго человѣка обязанъ былъ исполнять повинности (1). Податные, по польскимъ законамъ, не пользовались правомъ гусударственной службы и не имѣли мѣста въ войскѣ; имъ запрещалось владѣть по куплѣ и закладной, и вновь пріобрѣтать сёла, мѣстечки и другія имѣнія, состоящія на земскомъ правѣ. Въ уставѣ о *волокахъ*, *ревизерская инструкція* предписываетъ измѣрить всѣ земли, купленныя крестьянами и *застáвныя*, потому–что крестьянинъ и все его имущество принадлежатъ королю. Крестьяне — *кмѣти* не имѣли права оставлять земли, на которой сидѣли; въ противномъ случаѣ, они должны быть безусловно возвращаемы на мѣсто жительства, какъ бѣглые (2). Въ Литовскомъ Статутѣ (ст. III, разд. X, арт. 13), говорится: Вольный человѣкъ простаго стану, который, сѣвши на чьемъ–либо грунтѣ, высидитъ на немъ 10 лѣтъ, а потомъ захочетъ отойти, онъ самъ, или дѣти его, обязанъ заплатить полученное имъ (отъ землевладѣльца) вспомоществованіе и еще десять коп. Но если онъ уй-

(1) Мацѣевскаго Historya Prawodawstw Slowianskich, т. II, стр. 136—140 и въ Полн. Собр. Зак. указъ прав. сен. 1784 г. (15,907).

(2) Si quis alicui acciperet Kmethonem possessionatum, vel haeredem.... Vol. Legum. 1544 г., т. I, стр. 575.

детъ безъ позволенія пана, то послѣдній можетъ отыскивать его въ теченіи 10 лѣтъ, — и, по отысканіи, бѣжавшій становится его подданнымъ, отчичемъ. Крестьяне не вправѣ были имѣть, въ судебныхъ мѣстахъ, хожденіе по дѣламъ, помимо своихъ помѣщиковъ, которые за нихъ во всемъ отвѣчаютъ и защищаютъ ихъ передъ судомъ. Они подлежали суду духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ своихъ, которые имѣли право подвергать ихъ всякимъ наказаніямъ и даже лишать жизни (1). Крестьяне королевскіе подлежали суду старостъ, державцевъ и тіуновъ, которымъ поручены королевскія имѣнія. Судопроизводство это составляло изъятіе изъ земскаго права. Высшею инстанціею, для разбора споровъ между державцами и поселянами, были суды референдарскіе при особѣ короля (2). Человѣкъ простаго стану, за убійство шляхтича, подвергался *квалифицированной* казни, что ставило это преступленіе наравнѣ съ parricidium. За убійство шляхтичемъ хлопа, третій литовскій статутъ опредѣляетъ убійцѣ смертную казнь; по прежнимъ же статутамъ, и вообще по господствовавшему, въ то время, взгляду польскаго права, убійство наказывалось *головщизною* и тюремнымъ заключеніемъ. Но доказательство убійства статутъ литовскій вообще затруднялъ требованіемъ свидѣтельства шестерыхъ шляхтичей, а при недостаткѣ ихъ, позванный къ отвѣту шляхтичъ могъ выполнить самъ—третей очистительную присягу (3). Изъ податныхъ лучшимъ положеніемъ пользовались мѣщане, жители городовъ, пожалованныхъ магдебурскимъ правомъ. Владѣя городскими имѣніями, они имѣли свои общественные суды и расправу, но не пользовались политическими правами, и, составляя изъятіе изъ земства, не могли владѣть землею на земскомъ правѣ. Проведенная законодательствомъ грань, между людьми шляхетскаго и нешляхетскаго стану, была, кажется, непроходимою и не допускала никакихъ сближеній ни во имя семейныхъ связей, ни ради однородныхъ занятій шляхтича и посполитаго. Такимъ образомъ, вдова шляхетскаго стану, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человѣка простаго стану, нешляхтича, навсегда теряла свое достояніе, не только то, которое далъ ей мужъ, но и свое приданое. Шляхтичъ, который, поселив-

(1) Рехневскій, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, май 1858 г.

(2) Herbarz, Нѣсецкаго.

(3) Dzieła Tadeusza Czackiego т. II, стр. 205.

шись въ городѣ, сталъ бы производить торгъ, держать шинокъ, мѣрять *локтемъ*, или отправлять ремесло, терялъ свое шляхетство.

Для козаковъ, земледѣльцевъ, отправлявшихъ военную службу (занятіе привиллегированнаго сословія), польское законодательство не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи изъятія, хотя, находясь на службѣ, они, пока принадлежали къ своей военной корпораціи, пользовались особымъ войсковымъ правомъ. Но въ домахъ своихъ, они и ихъ семейства тѣ же подданные. Сообразно съ этимъ, въ эпоху козацкихъ войнъ, Рѣчь Посполитая, въ договорахъ своихъ съ козаками, то признавала, то не признавала право ихъ на грунты, смотря потому, на чьей сторонѣ было счастіе оружія. Напр., въ урочищѣ на Масловомъ-Бродѣ, приказано возвратить козакамъ земли, которыми они владѣли наслѣдственно; на Медвѣжьихъ-Лозахъ объявлено, что козакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана своего, если не хочетъ ему повиноваться (1). По договору Бѣлоцерковскому, козакамъ назначалось жительство въ коронныхъ имѣніяхъ Кіевскаго воеводства, и дозволялось переселяющимся туда продать свое имущество безъ всякаго препятствія со стороны пановъ (2). Чтóбы перейти человѣку простаго стану огромную бездну, отдѣляющую его юридически отъ шляхетскаго права, литовскій статутъ указываетъ ему одинъ невѣрный путь—рыцарскихъ подвиговъ. (Лит. стат. 1588 г. Временникъ 1854 г. кн. 19). Начало строгаго и полнаго раздѣленія всего общества на два сословія, въ юридическомъ языкѣ Польши, выразилось тѣмъ, что, начиная съ XVI столѣтія, мало-по-малу сдѣлались въ немъ неупотребительными разнообразныя названія сельскихъ жителей *кмѣтей*, *солтысовъ* и проч., пользовавшихся въ прежнее время нѣкоторыми видами гражданскихъ и политическихъ правъ. Мѣсто ихъ замѣнило общее названіе для всѣхъ земледѣльцевъ: *подданные* (3).

Характеристическую черту польскаго института крѣпостнаго права составляютъ: теоретически-строгая опредѣленность принятаго законодательствомъ начала аристократіи крови и догматическая полнота его опредѣленій, недопускавшая, повидимому, совмѣстнаго существованія другихъ ему противуположныхъ началъ ни на дѣлѣ, ни тѣмъ болѣе,

(1) Исторія Соловьева, томъ X, стр. 70 и 111.

(2) Памятники кіевской коммисіи, томъ II.

(3) Рехцевскій, въ Русскомъ Вѣстникѣ, май 1858 г.

въ буквѣ закона. Подобное законодательство есть явленіе того вѣка, когда думали, что можно сдѣлать народъ счастливымъ безъ свободы и участія его въ умственной и общественной жизни и оставляя благосостояніе его подъ ненадежной защитой военной доблести и нравственнаго превосходства представителей демократически-образованнаго союза ихъ господъ. Забвеніе нравственной пользы темнаго люда, между-прочимъ, записало на хартіяхъ польской письменности забавное теперь для насъ мнѣніе, — что употребленіе въ литературѣ языка чуждаго распространяетъ между иностранцами славу народа и представителя его, короля, и тѣмъ самимъ вызываетъ народъ на патріотическіе подвиги (*). Изъ этого одного, намъ кажется, можно вывести, что въ заблужденіи большинства, участвовавшаго въ составленіи законовъ о крѣпостномъ правѣ, была своя доля искренности. Нельзя не вѣрить польскимъ писателямъ, которые свидѣтельствуютъ о хорошихъ нравахъ стариннаго польскаго дворянства, о сознаніи лежавшихъ на немъ обязанностей, и умѣніи благоразумно пользоваться своими правами надъ подвластными. Нельзя отвергать истины и въ словахъ тѣхъ, которые указываютъ на войны Хмельницкаго, какъ на доказательство хорошихъ, въ прежнее время, качествъ польской аристократіи, благодаря которымъ Украйна населилась и обогатилась дотого, что могла выносить эти войны. Еслибы большинство не искренно ошибалось, то оно слышало бы вопіявшій противъ него голосъ человѣчества, и ему не удалось бы дѣло юридическаго уничтоженія народа; оно бы пало само-собою, какъ падаютъ вообще дѣла заговорщиковъ, замышляющихъ, съ безнравственною цѣлію, ниспровергнуть законный порядокъ.

Но какою бы мягкостью и человѣчностію ни отличалась вначалѣ опека просвѣщенныхъ польскихъ пановъ надъ ихъ подданными, но заблужденіе, положенное въ основаніе несправедливаго учрежденія, взяло свое. Неумѣренная роскошь и безграничное корыстолюбіе пановъ, въ вѣкъ порчи нравовъ, съ безпутствомъ дурно-дисциплинированнаго войска, въ связи съ религіознымъ фанатизмомъ іезуитовъ, скоро переполнили мѣру народнаго терпѣнія. Южнорусскій народъ, въ своихъ кровавыхъ войнахъ за свободу, искалъ не уменьшенія панщины, не безбѣднаго существованія подъ опекою своихъ пановъ, но поборалъ аристократическій принципъ своихъ повелителей, высказывавшійся сло-

(*) Dzieła Czackiego, т. I, стр. 73.

вомъ и дѣломъ въ отрицаніи гражданскихъ и политическихъ правъ простаго народа, въ обидномъ ученіи, будто послѣдній призванъ работать на пана для собственнаго своего счастія. Никакая сдѣлка не возможна была между враждующими сторонами, когда дѣло шло о общественномъ ихъ принципѣ, о вѣрованіяхъ, составлявшихъ сущность и природу національностей, когда господа—повелители и возмутившіеся ихъ подданные вывели на арену борьбы своихъ представителей, — до глубины души, искренно и самоотверженно—преданныхъ поборниковъ ихъ дѣла. При такомъ отношеніи сторонъ, можно было *сломать, но не погнуть*, и—дѣйствительно, Польша, послѣ козацкихъ войнъ, начала быстро стремиться къ упадку; не пережила своей борьбы за крѣпостное право, и пала жертвою ложно—понятаго аристократизма и неестественнаго примѣненія его въ юридически—уродливой формѣ.

Крѣпостное право, какъ величайшая несправедливость въ общечеловѣческомъ смыслѣ, находило и въ самой Польшѣ своихъ порицателей въ лицѣ, тѣхъ лучшихъ представителей общества, которые, нравственно возвышаясь надъ сословными предразсудками, не изгоняли изъ души своей чувства человѣческаго. Польская литература всегда, и въ особенности въ то время, когда сообщилось ей умственное движеніе, вызванное въ Европѣ реформаціей, не умолкала въ своемъ протестѣ противъ угнетателей простаго народа, и не переставала защищать ея человѣческія права. Въ странѣ, возведшей рабство въ свой жизненный принципъ, въ *быть или не быть* своего политическаго существованія, всегда возвышался голосъ защитниковъ угнетенныхъ: — этотъ утѣшительный фактъ примиряетъ съ исторіей Польши. Приведенная, во 2 томѣ сочиненій *Чацкаго*, выдержка изъ трактата Олизаровскаго: De Politica hominum Societate 1651 г., исполнена живыхъ словъ, которыя, несмотря на недостатокъ реальности вообще въ политическихъ наукахъ того времени, никогда не утратятъ своей цѣны, какъ выраженіе самой искренней любви къ человѣчеству и горячаго возраженія противъ насилія возвышенной души, недопускающей никакихъ сдѣлокъ съ притѣснителями. «Никакими постановленіями», (писалъ Олизаровскій) «короли не могутъ наложить рабства на своихъ подданныхъ, такъ—какъ противъ такихъ постановленій законы божескіе, естественное и общечеловѣческое право. Никакими законами нельзя узаконить несправедливости, которая, какъ бы долго она ни была терпима, не можетъ сдѣлаться справедливостью, или обратиться въ право обычая».

Защитники свободы говорили горячо и страстно, въ-особенности потому, что ихъ противники также всецѣло и страстно были преданы своему принципу. Не въ духѣ польской аристократіи было, признавъ фактъ закрѣпленія подданныхъ, молча пользоваться имъ для своей наживы, и соблюдать благоразумную осторожность. Принявъ и проводя въ законодательствѣ съ строгою послѣдовательностію догматическое начало раздѣленія общества на людей *простаго стану* и *шляхетныхъ*—благородныхъ попечителей ихъ, польская аристократія старалась найти высшее раціональное оправданіе идеала своего государства. Истощивъ всѣ средства тогдашней государственной науки для доказательства, что масса народа должна находиться въ рабствѣ, ученые защитники панства прибѣгали къ такому софизму: «мы не совершаемъ никакой несправедливости относительно нашихъ крестьянъ, потому что несправедливыми можно быть только относительно тѣхъ, кого мы подчиняемъ себѣ противъ воли; но нѣтъ несправедливости тамъ, гдѣ отдаются нашей власти добровольно (quia injuria non fiat volentibus, sed invitis). Долговременное же терпѣніе польскихъ крестьянъ доказываетъ, что они не противъ воли намъ повинуются».

Такое желаніе господства и вмѣстѣ презрѣніе и упрекъ своимъ подвластнымъ за то, что они повинуются,—совершенно въ духѣ средневѣковаго романтизма, который весь сложился изъ крайностей, противорѣчія и безсмыслицы. Подобная аргументація находится въ полномъ согласіи съ нравами того времени, когда честь принимали за краеугольный камень общественнаго зданія, но полагали ее въ формѣ, а не въ сущности; когда рыцарь, не явившійся на вызовъ смерти, видѣлъ, по выраженію Бѣлинскаго, честь свою погибшею,—и въ то же время не боялся увидѣть опозореннымъ свой гербъ, выходя на большія дороги грабить купеческіе обозы; когда занятіе, въ городѣ, торговлею и ремеслами влекло за собою потерю шляхетства, а продажа вина и различныхъ съѣстныхъ и хозяйственныхъ припасовъ въ селеніи, своимъ же собственнымъ крестьянамъ, не считалась дѣломъ компроментирующимъ рыцарское достоинство.

Воспитанные въ духѣ средневѣковаго романтизма польскіе защитники крѣпостнаго права, посмѣваясь надъ слабостію людей, ими угнетаемыхъ, и презрительно бросая въ нихъ грязью за то, что сознаніе свободы не поднимало ихъ на энергическую защиту своихъ человѣческихъ правъ, забывали, что драма съ преступнымъ нарушеніемъ нравственнаго порядка и съ немедленнымъ торжествомъ естественнаго пра-

восудія, въ трагической катастрофѣ послѣдняго акта, существуетъ только въ искусствѣ, и что исторія въ жизни обществъ не рѣдко откладываетъ возмездіе высшаго правосудія за совершившіяся неправды на неопредѣленное время и взыскиваетъ съ грядущихъ поколѣній за грѣхи ихъ предковъ. На высотѣ шляхетскихъ привиллегій, польскіе паны не хотѣли внимательно заглянуть въ души стоявшаго подъ ними народа. Иначе они узнали бы, что не нравственное ничтожество трусовъ удерживало южно-русскихъ земледѣльцевъ въ безмолвномъ повиновеніи ихъ повелителямъ, но что источникомъ ихъ терпѣнія было то обще-человѣческое чувство отвращенія къ кровопролитію, которое заставляетъ человѣка переносить нарушеніе собственныхъ, насущныхъ, выгодъ. Они увидѣли бы, что уничтоженіе свободы народа не исключаетъ въ немъ тѣхъ нравственно-человѣческихъ чувствъ, которыя, въ рукахъ исторіи, нерѣдко служатъ орудіями ея праведнаго мщенія. Послѣдующая судьба Польши показала ложность принятаго ею начала государственнаго устройства, и засвидѣтельствовала предъ лицемъ исторіи право Южной Руси на независимое отъ нея существованіе.

V.

Совершенно другимъ характеромъ отличается крѣпостное право въ Россіи. Крѣпостное право здѣсь существуетъ, быть-можетъ, также давно, какъ и въ Польшѣ; какъ здѣсь, такъ и тамъ покрайней-мѣрѣ, по памятникамъ 16, 17 и 18-го столѣтій—пока правительство не выразило заботы своей о гражданскихъ правахъ крестьянъ владѣлецъ земли заставляетъ крестьянина работать на себя, не встрѣчая, со стороны закона, никакихъ ограниченій для мѣры своего требованія повинностей; судитъ крестьянина, подвергаетъ его наказаніямъ, и безпрепятственно налагаетъ руку на пріобрѣтенное имъ имущество. Русскій крестьянинъ, поселенный на землѣ помѣщика, представляется какъ нѣчто ему принадлежащее, но во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ явственны преимущественно черты не юридическаго, а фактическаго владѣнія. Если послѣднее на дѣлѣ и доходитъ до совершеннаго уничтоженія личности подвластнаго человѣка, то зато законодательство въ своихъ опредѣленіяхъ представляется очень осторожнымъ. Признавая установившійся въ дѣйствительности порядокъ вещей, какъ необходимый фактъ, оно не считаетъ нужнымъ много о немъ распростра-

няться, и, касаясь проявленій власти землевладѣльцевъ надъ подвластными имъ крестьянами, издаетъ постановленія, по большей части, имѣвшія значеніе политическихъ мѣръ—въ видахъ охраненія государственнаго интереса. Опредѣляя юридическія отношенія крестьянъ настолько, насколько это было нужно съ государственной точки зрѣнія, русское законодательство вообще оставляетъ въ сторонѣ частныя имущественныя отношенія крестьянъ, и тѣмъ самымъ предоставляетъ—если не все, то очень многое—произволу тѣхъ, которымъ предоставило для достиженія своихъ цѣлей и большія преимущества власти. Юридическая сторона существующаго установленія оставлена была русскимъ законодательствомъ безъ вниманія. Опасеніе быть послѣдовательнымъ, и нерасположенность къ анализу установившихся и отчасти признанныхъ верховною властію правоотношеній были причиною того, что въ русскомъ законодательствѣ, за исключеніемъ не многихъ попытокъ послѣдняго времени, послѣ жалованной императрицею Екатериною II грамоты дворянству, нѣтъ юридически-выработаннаго опредѣленія отношеній одного сословія къ другому; что все зданіе крѣпостнаго права, въ-особенности до 1785 г., представлялось послѣдствіемъ правительственныхъ мѣръ, умѣстныхъ и терпимыхъ дотолѣ, пока онѣ согласны съ государственными видами. Но какъ скоро законодательство признало владѣніе недвижимыми имѣніями на правѣ полной собственности, а не для государственныхъ цѣлей,—сперва для дворянства и городскихъ состояній, въ жалованныхъ грамотах 21 апрѣля 1785 г., потомъ для свободныхъ сельскихъ обывателей 12 декабря 1801 г. и для помѣщичьихъ крестьянъ 3 марта 1848 г., то это новое начало гражданской полноправности ввѣхъ членовъ общества оказалось въ противорѣчіи съ прежнимъ характеромъ законодательства, подчинявшимъ лицо государству; и когда явилась затѣмъ потребность анализа фактовъ и юридической оцѣнки взаимныхъ отношеній, установленныхъ между землевладѣльцами, во имя государственнаго интереса, то русское законодательство оковало тѣмъ, что совершенно уничтожило личное право помѣщиковъ на крестьянъ, признавъ этимъ всю несообразность,—съ духомъ современнаго общества, — идеи рабства, въ мыслѣ римскаго и германскаго законодательствъ.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и статутъ великаго княжества Литовскаго оба носятъ на себѣ характеръ законодательствъ, извѣстныхъ въ исторіи права подъ названіемъ *земскихъ уложеній:* въ основаніи обоихъ преобладаніе государственнаго начала и мысль о

землѣ, какъ источникѣ государственныхъ повинностей. Все, что̀ живетъ на землѣ, составляющей территорію государства, и пользуется хотя бы и самою незначительною частицею ея, обязано выполнять повинности. Дворянство, владѣя помѣстьями, обязано нести государственную службу, средства для которой оно извлекаетъ изъ земли, находящейся въ его владѣніи, и изъ труда поселенныхъ на ней крестьянъ. Отсюда—забота правительства и законодательныя мѣры направлены къ тому, чтобы доходы дворянства не оскудѣвали, и чтобы имѣнія ихъ не оставлялись впустѣ крестьянами, совершенно прикрѣпленными къ землѣ или пользующимися ограниченнымъ правомъ перехода. Крестьяне не относились къ государству непосредственно, но, доставляли средства своему помѣщику нести службу, и тѣмъ самымъ косвенно служили государству. Взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, какъ личныя, такъ и имущественныя, стоятъ на второмъ планѣ и опредѣляются этими законодательствами въ такой только мѣрѣ, какой требовала того политическая точка зрѣнія. Но, несмотря на множество оставленныхъ обоими законодательствами пробѣловъ въ этой области, Литовскій Статутъ, гораздо болѣе, чѣмъ Уложеніе, захватываетъ юридическую сферу крестьянъ и оканчиваетъ, какъ мы видѣли, полнымъ уничтоженіемъ личности во имя государственнаго начала. Крестьяне, по Уложенію, прикрѣплены къ землѣ. Перешедшіе отъ одного владѣльца къ другому, считаются бѣглыми и возвращаются съ ихъ *животами* прежнимъ владѣльцамъ[1], по жалобѣ сихъ послѣднихъ и по розыску сыщиковъ. Уложеніе ничего не постановляетъ о правѣ помѣщиковъ наказывать своихъ крестьянъ, но de facto судъ и расправа надъ крѣпостными людьми принадлежали помѣщику, который былъ карателемъ ихъ за всѣ проступки, противъ его самого и противъ другихъ крѣпостныхъ людей. Въ XVII столѣтіи въ помѣщичьихъ дворахъ были тюрьмы, кандалы и колодки, для содержанія людей провинившихся и для обузданія непослушныхъ. Уложеніе опредѣлительно высказалось только объ изъятіи изъ подсудности помѣщику разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ, и грозитъ наказаніемъ господамъ за лишеніе жизни ихъ крестьянъ (XXI, 79).

Право помѣщика чинить расправу и наказаніе надъ своими крестьянами оставалось дѣйствующимъ въ русскомъ законодательствѣ до послѣдняго времени. На основаніи XV т. Св. Зак., изд. 1857 г., тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не влекутъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія, когда сіи преступленія или проступки учинены противъ помѣщика или

его семейства, подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ. Проступки же и преступленія, учиненные крѣпостными хеотивъ людей посторонних, подлежатъ расправѣ помѣщика въ такомъ лишь случаѣ, когда самъ обиженный будетъ сего просить.

Въ Уложеніи нѣтъ постановленія, которымъ бы предоставлялось крѣпостнымъ право на отдѣльное имущество, равно не имѣется и такого закона, который прямо лишалъ бы ихъ этого права.

Главную характеристическую особенность русскихъ законовъ о помѣщичьихъ крестьянахъ какъ XVII столѣтія, такъ и послѣдняго времени, составляетъ то, что крестьяне эти, называясь крѣпостными людьми, составляли, посреди сельскихъ обывателей иныхъ наименованій, отдѣльный видъ съ юридическими его особенностями, довольно рѣзко отличающими это состояніе отъ другихъ земледѣльцевъ. Русское законодательство, вообще мало склонное къ рефлексіи, не выработало такого понятія, которое, соотвѣтствуя польскому названію *подданныхъ*, обнимало бы собою всю податную массу, или людей *простаго стану*. Русское названіе *крестьянинъ*, явившееся, какъ полагаютъ, въ монгольскій періодъ, когда все населеніе, съ финансовою цѣлью, было прикрѣплено къ мѣсту жительства, хотя обнимаетъ всѣ виды земледѣльцевъ, платящихъ подати, но, по своему значенію, далеко отлично отъ понятія о крѣпостныхъ людяхъ. Множество видовъ земледѣльческаго податнаго населенія, извѣстныхъ теперь подъ общимъ названіемъ государственныхъ крестьянъ, сохраняютъ въ офиціальномъ языкѣ свои историческія названія, пользуются гражданскими правами, въ-особенности послѣ указа 1801 г., которымъ дозволено имъ пріобрѣтать недвижимыя ненаселенныя имѣнія, и хотя не имѣютъ правъ политическихъ и права вступать въ государственную службу, окончательно отнятаго указомъ 14 октября 1827 г., но со стороны закона для нихъ не слишкомъ затрудненъ переходъ въ другія высшія сословія.

VI.

Въ Малороссіи, по присоединеніи ея къ Московскому государству, вводилось крѣпостное право двумя путями: во-первыхъ, путемъ обычая, пережившаго въ преданіи политическій переворотъ, вызванный козацкими войнами,—чему способствовало то обстоятельство, что, по договорнымъ статьямъ Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ

оставлены въ Малороссіи дѣйствующими прежнія права, слѣдовательно, для всего земскаго населенія и городовъ, непользующихся привилегіями,—Статутъ великаго княжества Литовскаго былъ обязательнымъ. По Литовскому Статуту, какъ мы видѣли, весь народъ политически раздѣлялся на шляхту и не—шляхту, или людей *простаго стану*. Между тѣмъ, въ малороссійскомъ обществѣ, демократически—устроенномъ при Богданѣ Хмельницкомъ, такого раздѣленія не существовало, и потому, всѣ постановленія Статута, въ основаніе которыхъ принято это сословное раздѣленіе, ставшее уже анахронизмомъ, не должны бы были имѣть практическаго значенія. Но они ничѣмъ не были замѣнены и примѣнялись къ дѣламъ, съ явнымъ нарушеніемъ справедливости. На эту несправедливость въ малороссійскихъ судахъ, во времена Елисаветы, указывалъ правительству Тепловъ, въ его запискѣ о непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи (1).

Вторымъ путемъ къ водворенію въ Малороссіи крѣпостнаго права, послужило законодательство правительства, которое, рѣшенія свои по частнымъ дѣламъ, касающимся всего края, основывало частію на постановленіяхъ Литовскаго Статута, частію на соборномъ уложеніи и новыхъ указахъ (2). Такимъ образомъ, по указу 1763 года, ограниченъ былъ *переходъ посполитыхъ людей, съ цѣлью предохранить ихъ отъ разоренія и нищенства*. Наконецъ, 3 мая 1783 г., правительство, вводя въ Малороссіи подушную подать и раскладку ея между частными лицами внутри самихъ обществъ,—въ видѣ мѣры обезпеченія исправнаго взысканія, повелѣло поселянамъ, подъ страхомъ наказанія, оставаться въ своихъ мѣстахъ, гдѣ кто записанъ по ревизіи, для извѣстнаго и вѣрнаго, какъ выразился законъ, полученія казенныхъ доходовъ и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ, къ отягощенію *помѣщиковъ* и остающихся въ селеніи обывателей. Оба эти указа, изъ которыхъ первый имѣлъ характеръ опеки на пользу простаго народа, а послѣдній былъ уже мѣрою финансовою, на пользу государства, нисколько, повидимому, не касались существа юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Но, несмотря на это, ими вполнѣ распрост-

---

(1) Записки о Южной Руси, г. Кулиша, т. II, стр. 186.

(2) Полн. Собр. Зак., указы: 1736 г. (10,334); 1738 г. (10,886); 1739 г. (10,997); 1760 г. (10,132); 1766 г. (12,733); 1767 г. (13,029) и 1784 г. (15,907).

ранены на Малороссію великороссійскіе законы о крѣпостномъ правѣ, выраженные главнымъ образомъ въ жалованной дворянству грамотѣ 1785 г. и дополненные впослѣдствіи указами, которые содержали въ себѣ, какъ общіе законы для всей имперіи, такъ и мѣстные—для Малороссіи. Этимъ двоякимъ путемъ,—путемъ преданія, служившаго проводникомъ польскаго вліянія, и путемъ регламентаціи правительства, установилось въ Малороссіи крѣпостное право. Оно, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свои особенности, ему одному свойственныя; но, къ сожалѣнію, существо этого права еще мало изслѣдовано, что́ должно приписать недостаточному вниманію литературы къ господствующимъ обычаямъ въ земледѣльческомъ быту малороссіянъ; а при одномъ знаніи законовъ о крѣпостномъ состояніи, общихъ для всей Россіи, безъ ближайшаго знакомства съ обычаями, мы никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить, чѣмъ обязаны малорусскіе крестьяне великороссійскимъ законамъ и гдѣ оканчивается вліяніе Польскаго права (1).

Сообразно съ общимъ характеромъ русскаго законодательства, въ губерніяхъ малороссійскихъ, Черниговской, Полтавской и Слободско-Украинской или Харьковской, на-ряду съ помѣщичьими крестьянами, остались земледѣльцы свободныхъ податныхъ состояній, которые носятъ общее названіе государственныхъ крестьянъ и пользуются гражданскими правами, владѣніемъ землею на правѣ собственности и правомъ иска въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, хотя эти права подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ по видамъ попечительства и управленія (2).

---

(1) Впрочемъ, при составленіи новаго Положенія о крестьянахъ, законодательство приняло во вниманіе господствующее въ Малороссіи начало личнаго владѣнія и подворное пользованіе землею, въ противоположность существующему въ Великороссіи понятію общины, какъ владѣльца земли. Круговая порука, по великороссійскимъ законамъ, примѣненная къ платежу повинностей обществами въ Малороссіи, по всей вѣроятности, получила тамъ свои мѣстныя отличія; но какія именно — намъ не извѣстно.

(2) Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, въ которыхъ земледѣльческое населеніе состоитъ изъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, численное отношеніе въ пользу первыхъ. Такъ, въ губерніи Черниговской государственныхъ крестьянъ обоего пола 674,356 душъ, а помѣщичьихъ 553,622 души, въ Полтавской—государственныхъ крестьянъ 955,499, а помѣщичьихъ—681,672. Въ составъ населенія государственныхъ крестьянъ вошли, главнымъ образомъ, Малороссійскіе козаки, войсковые посполитые,—въ числѣ которыхъ были отданные прежде на булаву, и, по уничтоженіи гетманства, сдѣлавшіеся государственными, приписанные къ магистратамъ и ратушамъ (ук. 26 октября 1721 г. 15,265, п. 6); приписанные къ генеральной и полковымъ артиллеріямъ (тамъ же, п. 7); монастырскіе и церковные (ук. 1787 г.). Въ общемъ

VII.

Изъ сравненія характеристическихъ особенностей Польскаго и Русскаго крѣпостнаго права, господствовавшаго въ Малороссіи, намъ кажется, можно вывести слѣдующія заключенія:

1.) Первое изъ нихъ выросло въ колоссальный институтъ публичнаго права, обнявшій собою, во имя государства, всѣ гражданскія права подвластнаго народа. При его формальной опредѣленности и догматической полнотѣ, отмѣнить несправедливый законъ, какъ послѣдствія показали, было очень трудно, потому что, за буквою догматическаго закона, исчерпавшаго собою все, и высказавшаго въ заключеніе, что подданный, все его имущество и самая жизнь принадлежатъ пану, не оставалось уже мѣста никакимъ противорѣчіямъ и никакимъ комбинаціямъ гражданскаго и публичнаго права. Возможны были только вѣра въ принципъ и политическій фанатизмъ. Напротивъ, русскіе законы о крѣпостномъ правѣ, неполные, непослѣдовательные, исполненные на каждомъ шагу противорѣчій, расплывающіеся, такъ сказать, въ разнообразныхъ административныхъ, полицейскихъ и финансовыхъ мѣрахъ, подходившіе только издалека, не прямо и робко, къ принципу крѣпостнаго права, и не осмѣлившіеся никогда создать для него юридическую формулу, сами въ себѣ носили зародыши своей непрочности, что́ и должно было вести къ уничтоженію самого права, какъ скоро анализъ и юридическая оцѣнка коснулись его казуистическаго содержанія. Русское законодательство, признавая гражданскія права многочисленныхъ классовъ свободныхъ податныхъ состояній, и предоставляя крѣпостнымъ пріобрѣтать недвижимую собственность, этимъ самимъ налагало руку на свое дѣло: ибо, съ одной стороны, невозможно быть собственникомъ, и не имѣть въ то же время личныхъ правъ, и съ другой стороны, даруя гражданскія права государственнымъ крестьянамъ, и отказывая въ нихъ крѣпостнымъ, отличавшимся исторически отъ первыхъ только тѣмъ, что, по какой-то случайности, даже иногда на памяти ближайшихъ поколѣній, они сѣли на земляхъ,

---

числѣ государственныхъ крестьянъ Черниговской и Полтавской губерній наиболѣе козаковъ. Въ Черниговской губерніи, по 10 ревизіи, ихъ 210,758, и въ Полтавской—385,231 душа. (Матеріалы для статистики Россіи Мин. Гос. Им., выпускъ III, и г. Тройницкаго—о крѣпостномъ состояніи).

отданныхъ помѣщикамъ, а не на казенныхъ, правительство этимъ самымъ показывало, что оно не вѣритъ въ принципъ крѣпостнаго права, и что высшая государственная правда требуетъ его отмѣны. При многочисленности, въ Русскомъ государствѣ сословій, пользующихся гражданскими правами, русское дворянство не составляло такого замкнутаго круга, какъ польское шляхетство. Безъ корпоративнаго духа и безъ сословнаго фанатизма, оно было привязано къ факту крѣпостнаго владѣнія, доставлявшаго ему большія выгоды, но не восходило мыслію къ принципу и не самообольщалось представленіемъ нравственнаго превосходства своего сословія. Вотъ почему русское дворянство не выставило такихъ энергическихъ защитниковъ крѣпостнаго права, какъ Іеремія Вишневецкій, который также искренно вѣрилъ въ справедливость этого права, какъ и въ истину догмата католической церкви о непогрѣшимости и главенствѣ папы,—ни такого краснорѣчиваго оратора, какъ воевода Кисиль, который, высказывая, въ одномъ своемъ ораторскомъ опытѣ, тезисъ:—«крестьяне—пашенные невольники,» вѣроятно, не допускалъ и мысли, что отъ него можно требовать доказательствъ этого догматическаго положенія. Съ другой стороны, благодаря тому же отсутствію, въ русскомъ дворянствѣ, замкнутости и корпораціи, оно, въ лицѣ образованнѣйшихъ представителей своего сословія, оказало дѣйствительное сочувствіе правительственной мѣрѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Въ этомъ сочувствіи представителей дворянства общественному благу заключается, по нашему мнѣнію, доказательство того, что съ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ совершился рѣшительный и глубокій переворотъ въ общественномъ строѣ русской жизни,—и потому для крѣпостнаго права немыслимъ поворотъ назадъ; что настоящее прекращеніе крѣпостнаго права въ Малороссіи совершилось при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ то, которое было послѣдствіемъ козацкихъ войнъ, такъ какъ, при измѣнившихся нравахъ высшаго сословія, съ одной стороны, будутъ посреди его люди истинно-прогрессивныхъ стремленій и, съ другой, правительство всегда найдетъ посреди него такихъ исполнителей своихъ предначертаній, которые, съ живымъ сознаніемъ общественнаго долга, будутъ противостоять незаконному торжеству грубой силы, произволу и всякой неправдѣ, которое вредитъ интересамъ всего общества, безъ различія сословій и состояній.

2) Но при всемъ этомъ никакое самообольщеніе не позволяетъ намъ забыть, что начало благотворнаго переворота произошло сверху, а не вну-

самаго общества, путемъ взаимныхъ и добровольныхъ уступокъ одного сословія другому; что отъ общества требуется еще много усилій для того, чтобы усвоить новый взглядъ на взаимныя отношенія, чтобы уравненіе гражданскихъ правъ всѣхъ классовъ общества было не однимъ писаннымъ закономъ, но дѣйствительнымъ и непреложнымъ результатомъ успѣховъ общественнаго развитія.

Въ-особенности длинною должна показаться перспектива предстоящаго внутренняго развитія малороссійскаго общества для тѣхъ, кто, на основаніи прошедшаго и извѣстнаго, станетъ пытать будущее и неизвѣстное. Объ этомъ обществѣ, въ 1763 г., писали, «что во всей Украинѣ ни единаго изъ купцовъ капиталистовъ нѣтъ, который бы купечествомъ знатенъ былъ. Всѣ ихъ продукты или худо заведены и въ торгъ не годятся для выпуску, или въ маломъ числѣ родятся. Географическое положеніе, малая домашняя консомація и границы, тяжелымъ тарифомъ затрудненныя, послѣдній духъ ихъ къ промысламъ умертвили; а притомъ пожитокъ отъ виннаго куренія, не многимъ трудомъ пріобрѣтенный, остатки въ нихъ склонности къ заведенію другихъ промысловъ, истребили. Ни фабрикъ, ни рукодѣлій; люди бѣдны, наги, а частію — голодны.»

Такимъ былъ украинскій земледѣлецъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, и нѣтъ основаній предполагать, что съ тѣхъ поръ бытъ его слишкомъ улучшился. Напротивъ, усилившійся внѣшній запросъ на продукты земледѣлія черезъ черноморскіе порты отозвался въ Малороссіи общимъ стремленіемъ помѣщиковъ заводить хозяйства въ большихъ размѣрахъ, основанныя на панщинѣ, такъ-что, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ послѣднее время помѣщиками, большая часть ихъ имѣній, въ Полтавской губерніи, издѣльныя; оброкъ встрѣчается очень рѣдко, и пѣшіе крестьяне, или работающіе безъ скота, составляютъ болѣе 73% общаго числа крестьянъ — работниковъ. Нельзя сомнѣваться, думаемъ, въ томъ, что матеріальное благосостояніе крестьянъ въ Малороссіи стоитъ на весьма низкой степени, а безъ матеріальнаго довольства, безъ привычки, которой нельзя пріобрѣсть мгновенно употреблять собственный трудъ въ свою пользу, дѣлать сбереженія, невозможны ни уваженіе къ чужому праву, ни энергія промышленной дѣятельности. Достойно, поэтому, серьёзнаго вниманія замѣчаніе, сдѣланное г. Рехневскимъ, (*) на

(*) Статья о польскихъ крестьянахъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ за май 1858 г.

основаніи примѣровъ изъ исторіи освобожденія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, что крестьяне, неимѣвшіе долго права собственности на землю, не могутъ стать на ту точку зрѣнія, чтобы видѣть въ самихъ себѣ — лица самостоятельныя, а въ земляхъ, находящихся въ ихъ пользованіи, — чужую собственность; они видятъ въ чиншѣ не договорную плату за аренду, но какую – то повинность, простое видоизмѣненіе повинностей и налоговъ, на цихъ лежавшихъ, и думаютъ только о томъ, какъ – бы освободиться отъ этого налога. Только одна собственность, только одно увеличеніе матеріальнаго богатства крестьянъ могутъ утвердить въ народѣ юридическое воззрѣніе, и послужить залогомъ того, чего напрасно мы стали бы добиваться отъ правительства — гарантій гражданской справедливости.

Прежде всего, нужно быть собственникомъ, для того, чтобъ умѣть цѣнить благодѣянія частнаго права и справедливаго примѣненія его, несмотря ни на какія посторонніе вліянія. Въ этомъ смыслѣ, каждый шагъ, направленный землевладѣльцемъ къ несправедливому и насильному вторженію въ имущественную сферу освобожденнаго крестьянина, носитъ на себѣ характеръ косвеннаго нарушенія общаго блага, и достоинъ осужденія, и передъ официальными органами правосудія, и передъ печатнымъ и изустнымъ судомъ общественнаго мнѣнія. Помѣщики, не препятствуя и, если можно, поощряя успѣхи благосостоянія крестьянъ, какъ вліятельнѣйшіе по состоянію и образованію члены общества, должны постоянно оставаться на высотѣ нравственнаго достоинства, которое бы всегда и неизмѣнно стояло на–сторожѣ тамъ гдѣ встрѣчается опасность увлеченія эгоизмомъ и непростительнаго, раздѣленія личныхъ и общественныхъ интересовъ. Предстоящій путь неизвѣстенъ и длиненъ, и нѣтъ сомнѣнія, что на немъ будутъ своего рода недоразумѣнія, уклоненія и препятствія. Многое зависитъ отъ крестьянъ и еще болѣе отъ помѣщиковъ, по вѣчному закону евангельской правды: *вму же дано много, много и взыщется.* Къ – счастію, мы живемъ въ то время, когда право и обязанности опредѣляются не отвлеченными только теоріями, но на реальной почвѣ видимыхъ и осязаемыхъ примѣровъ исторической дѣйствительности. Такимъ образомъ, въ остзейскихъ губерніяхъ, помѣщики убѣдились, что крестьянинъ, пользующійся большею или меньшею степенью матеріальнаго довольства, больше имѣетъ надобности въ произведеніяхъ, принадлежащихъ помѣщику, охотнѣе беретъ на себя работу и умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, чѣмъ бѣднякъ, который, при скудо-

сти своихъ потребностей, можетъ оставаться въ оцѣпенѣніи бездѣйствія. Послѣдній, безъ привычки къ медленному, но постепенному и вѣрному обогащенію себя собственнымъ трудомъ, желаетъ матеріальнаго довольства только подъ условіемъ, чтобъ оно вдругъ къ нему пришло, и потому можетъ изъ всѣхъ силъ упорствовать въ превосходящемъ справедливость возвышеніи платы за свой трудъ. Примѣръ остзейскихъ губерній поучителенъ еще въ томъ отношеніи, что, по отчетамъ тамошнихъ экономическихъ обществъ, помѣщики принимаются учреждать школы, для распространенія грамотности въ простомъ народѣ, въ то́ самое время, когда, при совершающемся переходѣ отъ барщиннаго хозяйства къ вольнонаемному труду, они дѣйствительно обѣднѣли, и когда чрезмѣрное возвышеніе полунищими работниками задѣльной платы заставило ихъ прекратить нѣкоторыя хозяйственныя производства. Въ этомъ мы видимъ краснорѣчивое доказательство того, что собственный хозяйственный интересъ помѣщиковъ требуетъ поднятія нравственнаго уровня крестьянъ, и что безъ этого невозможно благосостояніе ни тѣхъ, ни другихъ, такъ-какъ обоюдный трудъ и взаимный обмѣнъ услугъ составляютъ единственно-вѣрное основаніе всякаго богатства.

— кій.

30 мая 1861 г.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

VI.

Москàль Кирило. (*)

(Роскáзувавъ цáринний дідъ біля селá Війтовцівъ).

Колúсь перехóдомъ стоя́въ у нáшому селі москáль, Кирúломъ звáвся, ще й тéперь дéхто изъ старúхъ людéй ёгó памятá. И щó-то вжé! скáзано, врóдитця такé—не стýпе, щобъ чогó не вчинúти, на всі штýки бувъ мáйстеръ: чи почнé роскáзувати щó, дакъ тільки́ ёгó слýхай. Говóре, говóре до самíсінького рáнку, и не кóнче,—такъ и розійдýтця; чи, глядúшъ, назбірá кругъ сéбе и парубківъ и дівчатъ, и старúхъ и малúхъ, да якъ почнé коверзувáти та приклáдувати—рéготу, рéготу! А дя́дьку ковінька нá руку, самъ любúвъ вúкинути словцé; да оцé якъ почнýть у двóхъ,—дебъ хто що не робúвъ, усі тутъ. Дармá, що Москáль, а по-нáські, мовъ хлібъ ріже, нікóли спростá не одкáже.

— А що рóбе ковáль?—спитá оцé дя́дько.

— Жінку сýше на вúсадкі,—приміромъ одкаже.

Розумій—тобъ то би. Усі позвикáли до ёго рéчи, кóжне зрáзу тя́мило, щó до чóго, проти чóго й якъ. Да чи то одно? Чи прирівня́ть когó до чóго, чи настрахáть когó, чи втíшить, чи въ заклáдъ

(*) Въ разсказахъ *зъ нарóдніхъ устъ* мы сохраняемъ особенности мѣстнаго говора. Напр. *мо* вмѣсто *мóже; говòре* вмѣсто *говóрить*; *тра* вмѣсто трѐба и т. п.

Ред.

би́ться, чи наввпередки бігти, чи зопсува́ти що́, чи дать чому́ ладъ—усе́ вінъ. А яки́й па́дкий бувъ до іжи та до горілки! Було́ оце́ закли́чешъ, та й самъ не радъ,—таки́й витребе́нькуватий—»Ти,« ка́же, »го́стя повине́нъ до́бре шанува́ти, а въ те́бе й борщъ не гаря́чий (а зъ борщу́ ажь па́ра йде); и ка́ша зъ мишя́тиною, и ло́жка погри́зена и ми́ска зъ діркою.« Не зтя́мисся, я́къ ви́сть, а клянє́тця, що ви́текло; си́плешъ дру́гу, а дру́га тече́ ще гіршъ. Де вінъ те все мести́въ—Богъ ёго́ свяги́й зна́е,—тільки́ само́му не дасть и попоісти за своіми ви́гадками.

— А що, въ тебе е́ чімъ пе́льку розмочи́ти?

Тільки вінъ ту пе́льку якось чу́дно называ́въ. Піднесе́шъ ча́рку, а вінъ тобі одно́ денцѐ верта́.

Одно́го ра́зу, здае́тця по́минки були́, людцівъ таки́ чима́ло зибра́лось, и вінъ; дакъ до то́го припа́ло, що зъ ку́хличка частува́лись. Дві ча́рочки таки́хъ гарненькихъ жінка купи́ла на місті, уми́сне на той день, дакъ ще не обнесли́ де́-котрихъ, якъ ні одноєї не ста́ло. Чу́ють—хрумти́ть щось у москаля́ въ ро́ті.

— Що́ ти оце́ іси́? — спита́ла дя́дина.

— Хрінъ,—ка́же. (Покійникъ хрінъ любивъ).

Такъ-таки оби́дві й поівъ. Да чи то ёму́ оди́нъ разъ и одни́ чарки́ исти? До но́чи не перека́жешъ усёго.

Въ кни́жкахъ бувъ те́мний чоловікъ, такъ якъ би оце́ й ми грішні, а все знавъ, що́ й я́къ на не́бі; и звідки́ той місяць узя́вся, и чого́ не́бо блакітне, и на яки́хъ зо́ряхъ які́ ду́ши живу́ть, и що́ тамъ дієтця зъ ни́ми, и все, що́ ні загада́ешъ, усе́ знавъ, усе́ вмівъ, усѐ твори́въ, усю́де бувъ и все́ ба́чивъ,—такійто вже пройди́світъ. Де вінъ то те́пре повёрта́етця? мо́ на яки́й зорі, а мо́ дітей колиха́, бо—каза́въ—оже́нитця, якъ на́йде жінку до сподо́би; тоді ёму́ ро́ківъ до тридця́тка було́ та ма́буть уже́ стілки́жъ, якъ вийшовъ зъ полкомъ: то́-то жалю́ було́! Усе́ село́ прово́дило. Я ёго́ до са́маго го́рода візъ.

Го́дівъ три, чи й більшъ, усе́ тільки й розгово́ру, що про ёго. Сміемось, було́, зъ Оста́па Ме́теля, якъ вінъ ёго́ двічі одури́въ, да такъ одури́въ, що самі́му на́йста́ршому въ пе́клі не одури́ть хреще́ного чоловіка. Кири́ло, гріхъ каза́ти, не бувъ зло́дій, такъ, щобъ що́ ни́шкомъ підцу́пить та й ни́шкомъ збу́ти. Ні, а коли́ кравъ, дакъ кравъ въ очеви́дячки,—тумано́мъ бравъ. На що Остапъ,—ца́рство небе́сне,—бувъ голова́—чоловікъ й багачъ на все село́, й то-

го двічі на со́тню карбо́ванцівъ одури́въ. Про це́ я хо́чу вамъ розказа́ти.

Кири́ло, кажу́, бувъ не злодій, и Бо́же борони́, щобъ вінъ обідивъ бідного чоловіка, й това́ришівъ своіхъ тримавъ у рукахъ: »Ти«, ка́же, «коли́ хо́чешъ уже́ гріхъ на ду́шу прийня́ти, то стережи́сь бага́того чоловіка: ёго́ незобідишъ ко́лесомъ або́ порося́мъ; а бідний на те ко́лесо побива́етця ти́ждень, чи й більшъ: то поква́писся на бідного,—ви́кажу.« И таки́ такъ, що й не чу́тно було́, щобъ де-хто вшко́дивъ, а ма́ло не рінъ стоя́ли. Правди́вий бувъ чоловікъ, не зъ тіхъ, що »очи нагля́нуть, то й руки́ доста́нуть;« а такъ, кажу́: замо́жнёго чоловіка, то и́ноді й підъ́їсть карбо́ванцівъ на кілька, и самъ же за́разъ ви́наже: »я« ка́же, »не зло́дій и не кравъ, а вчивъ и за нау́ку бравъ. Тому́ не трібні гро́ші, до ко́го миръ хоро́ший.« И ота́кечки до́брий часъ бу́де вамъ вивóдити, що вінъ не така́ людина, котра́, якъ вінъ каза́въ, »очи́на зе́млю їсть.« Вінъ оце́ що́ покладе́ зробити, то усімъ и розка́же. Ко́жного ра́зу, було́, Оста́пу Метелю́ дошіка́е, що вінъ неуче́ний и що ёму́ дурни́цею не обійдетця ёто́ нау́ка: »Багатій да озира́йся: чужи́й пітъ, чужа́ й соро́чка су́ше;« и кінчить тимъ, що самъ нахваля́етця пошко́лити. А Оста́пъ слу́ха да лю́льку смо́кче,—вжива́въ небожъ. »Я самъ на рікъ по тре́чі до Ки́ева їзджу,—мене́ не оду́ришъ; зна́ю усі ва́ші хи́трощі!« одка́же ёму́, да такъ и розійдутця.

Дакъ ось же слуха́йте, якъ одура́въ.

Ото́, одно́го ра́зу проки́нувся Оста́пъ и ви́йшовъ на двіръ. Уже́ такъ почало́ на світъ благословля́тьця; коли́ чу́е, щось о́ха,—прислу́хуетця, ажъ у лёху́, да такъ ва́жко о́ха, що вінъ ажъ зляка́вся; до лёху, ажъ ля́да відчи́нена и чужа́ драби́на приста́влена, а въ сере́дині, звісно, те́мно, нічо́го не вгле́дишъ, тілько чу́тно, що о́ха. Оста́пъ якъ ставъ, такъ и охоло́въ, да вже свіже́нький вітере́ць довівъ ёго́ до ро́зуму; и хо́че, и боітця обізва́ти; далі поверну́въ у ха́ту та до жінки:

— А вставáй лишень!

— Ще, ка́же, ра́но. Дай оди́нъ сонъ перележу.

— Вставáй, ка́же, бо на дво́рі лиха́ годи́на ско́ілась.

— Дощъ, чи що́?—пита́етця.

— Та не дощъ! Уставáй! Яки́йсь гаспидъ у лёху́ сиди́ть.

Жінка схопілась, чи́мъ-дужъ нахопи́ла свита́нку, засвіти́ла ка-

ганéць, идé и трýситця. Прийшлú у двохъ, постáли біля двереéць, и не знáють, щó казáти. (А лёхъ—знáете, якъ у насъ рóблять? вúкопають я́му, обставлять ii дéревомъ та очерéтамъ, зрóблять верхъ та й закúдають той верхъ землéю, а посередúні зоставля́ють дірку на ля́ду. Колúсь, то й не запірáли такúхъ лёхівъ; недáвно се повелóсь, и тó у дé-котрихъ тільки). Отó воні постáли біля тіхъ двереéць, та й трýсятця обóе. У жінкí й каганéць изъ рукъ вúпорснувъ та въ дірку й шурхнýвъ; а въ середúні óха та й óха.

— Хто тамъ у лёху? — въ-півголоса спитáвъ Остáпъ.

Не озиваетця

— Хто тамъ?—у-дрýге спитáвъ.

Мовчúть. Остапъ и онімівъ. Лізти боíтця: усякъ бувá! дýма, мó нечúста сúла підвóде на лúхо.

— А озовúсь ще разъ, — кáже жінка. — Се, мáбуть, злóдій: ось й драбúна чужá.

— Хто такíй óха? кажú!

Колú й чýтно немóвъ изъ могúли такíй страшний гóлосъ:

— Щобъ тобі устá заціпило, щобъ тобі добрá не булó! Нá що пá-нічъ кúдаешъ роздзя́плений верхъ?

— Да се мáбуть чи не Кирúло!—озвáлась жінка.—Кирúло, се ти?

— Не якíй бісъ! охъ, охъ!

— Що се зъ тобóю стáлось, чогó се ти утерéбився въ лёхъ?

— Щóбъ тобі терéбило трú дні и три нóчі оті рýки, що не знáють свогó діла! И дé се вúдано кúдать нáнічъ танъ лёхъ? Тéпре що хóчъ робú, хочъ у домовúну кладú!—Лéдві домóвивъ Кирúло—и знóвъ почáвъ стогнáть: тáкъ-то ёмý бъ то вáжко!

— Тажъ пóгрібъ бувъ зачúнений! Отъ щобъ я не дíждала свíта Бóжого бáчить, колú не своíми рукáми зачиня́ла! Я жъ такú вчóра не пья́на булá, ще памятáю — однеслá горщéчокъ сметáнки паровéі, вúлізла, зачинúла, та ще й підóшвою придавúла, щобъ присíло.

А Остáпъ роскáзувавъ ще спочáтку: вінъ такú такъ и дýмавъ, що підвóде канáльский москáль; дакъ же опíсля, якъ вúйняли ёгó, дакъ на ёмý лúця́ не вúдно,—такúй ставъ.

— А лізь, Остáпе, до ёго,—кáже жінка.

Полізъ Остáпъ, делі й вонá зъ дрýгимъ каганцéмъ. Дúвлятця,—лежúть Кирúло и ногá въ ёго непáче вúломлена, и не зведéтця самъ. Роздивлю́ютця, ажъ и того́ немá, и того́ немá, и макíтри

зъ ма́сломъ нема́ и бари́ло горілки ви́нято, и горщéчокъ, що бувъ зъ сметáною паровóю, розлу́плений лежи́ть.

— Оцé,—ка́же жі́нка,—злодíї по́рались.

А Оста́пъ ру́ки сціпивъ та тільки плечи́ма вору́шить, такъ-то ёму́ чу́дно: »И обікра́дено,« ду́ма »и моска́ль лежи́ть! Вже жъ би, якъ би́ вінъ самъ господарювáвъ оту́течки, то хочь би но́ги цíлі були́, або́ хочь би втíкъ, оголи́вши лёхъ... И ро́зуму не прибере́шъ! Ма́буть такъ, що хтось оцé обікра́въ та на дру́ге ли́хо й ля́ду поки́нувъ. Ви́садили того́ москаля́ я́кось на верхъ, а вінъ про́бі: »Вези́ до лазаре́та, або́ въ штабъ повковúй! Ти«, ка́же, »бре́шешъ, що тебé обікра́дено! Брехнéю не відбу́десся, а поста́вишъ москаля́ на свій коштъ, або́ самъ підешъ; бо зъ мене тéпре якъ зъ бика́ молока́, а мені ще 15 лíтъ добува́ти! Удру́ге бу́дешъ зачиня́ть...

Да якъ зача́въ, якъ зача́въ, дакъ у бíдного Оста́па и но́ги не стоя́ть.

Жінка бо́жится, клянéтця, що сама́ запéрла, дакъ ні: моска́ль íй вíри не йме; а самъ зробúвся мовъ зъ вóску. Унесли́ ёго́ до ха́ти, Оста́пъ ту́пає бíля ёго, Оста́пиха тожъ.

— Що́ жъ,—ка́же,—бу́демо оцé робúти?

— Ужéжъ, одка́зує моска́ль,—та не ба́йдики бить. Не гай ча́су, запряга́й.

И все ляка́, що »припла́тится,« а въ стра́ха, звíсно, о́чі вели́кі. Оста́пу здава́лось, що ёго́ вже на шúбеницю ведуть.

— Я, ка́же, усíмъ тобí раднісíнький запомогти́, тільки не íдь до лазаре́ту; коронáтиму тебé самъ; повітово́го лíкаря привезу́.

А моска́ль ні на що́ не зго́джуетця, тільки й сло́ва, що *веди́*.

— Я тобі, ка́же, й грíшми... тільки мовчи́.

Моска́ль якъ розлю́туетця: »що́ ти менí зъ своíми грошúма! у ме́не своíхъ нíгде подíть.« Делі такъ би то й прити́хшавъ: »Хіба́ я твоíхъ 50 карбо́ванцівъ не ба́чивъ? менí ноги́ не купúть за все твоé добро́.

— Да воно́ такъ—таки́ такъ, ваше благоро́діе, а розсудíть сами́, поздоро́въ Бо́же васъ, чимъ я тутъ ви́неньъ?

Да якъ почáвъ благáти зъ жíнкою! дакъ таки́ скíнчúвъ,—якъ би ви думали, на скíлько́хъ? на шестидесяти и пяти карбóваньцівъ и відро́ горілки! За́разъ и за могоричéмъ послáвъ дівчину, та ще й заказáвъ íй, щобъ нігдé а ні цвірíнькнула про цю ока́зію. Делі такъ ёго́ той о́страхъ взявъ, що завернувъ дівчину и самъ сходúвъ.

Ото́ воні́ ви́пили, закуси́ли чімъ Богъ послявъ, умо́вились, щобъ каза́ти: на перелазі бъ то но́гу ви́вернувъ. Оста́пъ запрігъ волівъ, зсади́въ ёго на візъ та й одвізъ на кваті́ру. А вінъ, бісівъ синъ, приста́вивсь; самъ ёго́ обікра́въ зъ това́ришемъ, това́ришъ той поперено́сивъ усе́ въ свою́ схо́ванку, а вінъ не удовольни́вся тие́ю пожи́вою, та й зоста́вся въ лёху! »Не хо́четця,« ка́же, »пішки йти до до́му, я тутъ заночу́ю, а вра́нці, мо́же, мене́ Оста́пъ підвезе́ до до́му.« Дакъ отъ же такъ и тра́пилось, якъ каза́въ.

Що́ бъ же ви ду́мали? се ще не кіне́ць, якъ-то ка́жуть, «се ще тільки при́казка, а ка́зка впе́реді«. Ось слуха́йте, що́ да́лі.— То́-то сміху́ було́! Але́ пе́рше да́йте докажу́.

Забра́въ моска́ль гро́ші, и не те щобъ ма́ло ёму́ тіхъ гро́шей було́, а такъ—»ще«, каже, »недоу́чений Оста́пъ, то тра довчи́ти«.

Нагле́дівъ вінъ у Оста́повихъ сіняхъ са́ло,—тоді якъ вино́дили ёго́ сажа́ть би то въ доро́гу; оско́ма взяла́ дия́волового си́на. »Не я бу́ду« ду́ма, »коли́ те са́ло да ти въ ме́не не ку́пишъ.« И того́жъ таки́ дня у ве́чері я́кось укра́вся въ сіни, злізъ на комо́ру, а у про́стого чоловіка, звісно, нема́ сте́лі въ сіняхъ, дакъ злізъ, кажу́, на комо́ру, ви́ждавъ, якъ усі полега́ли та поснули́ пе́рвимъ сномъ, — а пе́рвий сонъ то са́мий найміцніший, — скара́бкався по ла́тамъ та по ключи́намъ до то́го са́ла; а воно́ було́ у са́мому верше́чку до кро́кві причеплене вірёвкою. Вінъ ту вірёвку ноже́мъ, са́ло й бебе́хнуло на зе́млю. И духъ ёго́ свяги́й зна́е, я́къ воно́ не ро́зсілось! Тро́хи згодомъ ба́че, що въ хаті ти́хо, мовъ поме́рли—такъ сплять, злізъ до до́лу, прочини́въ две́рі и ви́котивъ те са́ло на двіръ, а за собо́ю зачини́въ якъ слідъ сіни. До сала, щобъ піднять, дакъ не поду́жа; вінъ тоді ёго відкати́въ ажъ до ліси, та й пішо́въ підъ ха́ту; знавъ, де Оста́пъ спить,—у те вікно й поча́въ сту́кать.

— Остапъ, а Остапъ! чуешъ? Остапъ!

И все́ сту́ка у ши́бку.

Оста́пъ озва́вся.

— А одягни́сь лишень та ви́йди́ сюди́.

— А що́ тамъ таке́? чи не по́раетця хто зновъ у лёху́?

— Ось вийди лишень,—поба́чишъ.

Оста́пъ ви́йшовъ.

— А що́ нога́? пита́етця.

— Та ле́дві хожу́! (и умисне кульга́є)—а тутъ якъ на той часъ, звеліли са́ло перено́сить на ро́тний двіръ.«

— Яке́ са́ло?«

— Купи́ли москаля́мъ икъ пра́знику, та и́родову гре́блю прорва́ла вода́, и вози́ тамъ позастрява́ли, дакъ оце́ ка́зано перено́сити; а ти самъ зна́ешъ, яка́ те́пре моя́ си́ла; тамъ ма́буть пу́дівъ зъ пьять е, а я самъ себе́ ле́дві ношу́.

— Торікъ пола́годили, та й прорвало? та ма́буть ти бре́шешъ?

— Щобъ я до східъ-сонця світу не поба́чивъ, коли́ я хоть на стілечко збреха́въ!

И показа́въ на пу́цці кри́шечку.

А Остапъ зъ просо́ня не дослу́хавъ, якъ той кляне́тця, та й вірить.

— Яка жъ моя пора́да бу́де?—пита́.

— Купи́.«

— Навіщо воно́ мені? у ме́не своє́ ціле.

— Дру́ге бу́де.

— Да откасни́сь! що́ ти оце́, мовъ той пришеле́пуватий, скарбове́ са́ло продаешъ? та зъ те́бе шку́ру здіймуть, а мене́ туди́ запруть, де й горобці не пло́дятця.

— Цить, цить! я то знаю, що́ роблю. У насъ е за́йве, тро́хи гиршеньке, та дарма. Нічо́го не бійся, купу́й, подивись яке́...«

— Да хочъ би́ воно́ було́ переяке́, а я ёго́ й ду́рно не озьму́.

— Дакъ на́ що жъ я ёго́ носи́въ? хіба́ щобъ оту́течки тільки зъ тобо́ю побала́кать?

— А хіба́ я тебе́ прохавъ? звича́йне діло, ти самъ причи́на.«

— Ну, якъ хочъ, дакъ неси́ жъ самъ на ро́тний двіръ,—а я не донесу́.

— Дале́ко... ости́не несучи́... гмъ! Дакъ якъ же оце́? и прода́ешъ, и на ро́тний двіръ... тутъ щось да не такъ.!

— Кажу́ тобі, коли́ ку́пишъ, е чімъ обміни́ть. Да що́ зъ тобо́ю бала́кать! коли ка́жуть—неси́, дакъ неси́.

— Лу́чче однесу́, а купи́ть не куплю́. Піддай.«

Моска́ль піддавъ.

— Важке́ бісове са́ло, Го́споди мене́ прости́! ма́буть такъ, що й моє́ понесе́ на терезáхъ.«

— Мені нічого було́ брехáть: казáвъ тобі, що тако́го са́ла ти й до віку не істимешъ.

Да вже не умію вамъ сказать, чи моска́ль такъ уже́ розохо́тивъ, чи Оста́пъ почу́вся, що така́ вага́ ёму́ не підъ си́лу, тільки дойшли́ вони́ до воріть, Оста́пъ осади́въ са́ло на ворітницю та й ка́же:

— Чу́дно воно́ якось оце́ у ночі сало купува́ти.

— Тімъ чу́дно, що вперше,—одка́зуе Моска́ль.

— А що́ за ёго́?

— На старе́? (тоді якъ-разъ гро́ші обновля́лись).

— Кажи́!

— Двана́дцять.

— Де́вьять.

— Ла́манимъ шагомъ меншъ не озьму́.

— Де́сять.

— Этъ! тільки часъ га́ешъ. Коли́ взя́вся за вужъ, то не кажи́, що не дужъ.

Вра́зький моска́ль якъ тільки помітивъ, що у то́го зашиба́е охо́та купи́ть, дакъ за́разъ не тимъ и го́лосомъ почавъ.

— Бери́ одина́дцять!—ка́же Оста́пъ.

— Неси́, неси́!

— Ходімъ до ха́ти.

— Да тільки хутчій шука́й гро́шей, бо мені бага́то ще діла:—тре́ба дірку ла́годить.

— За́разъ, за́разъ. А могори́чъ за́втра?

— За́втра.

Одсу́нувъ Оста́пъ комо́ру, ви́йнявъ гро́ші, одлічи́въ 12. Моска́ль ще й жалку́е, що де́шево прода́въ.

— Ти, ка́же, хо́чъ би́ ко́пу набави́въ.«

— Ні, ка́же. Лу́чче за́втра на обідъ прихо́дь варе́никівъ істи.

Такъ ото́ вони́ и розійшлись—Оста́пъ до ха́ти, а моска́ль у шино́къ.

— Де се ти бувъ?—пита́е жінка—звіря тюкавъ?

— Натюкавъ тако́го звіря, що тобі й ба́чить не доводилось.—Та спи, за́втра почу́ешъ.

Поснули́ вони́ собі.

Вста́ла жінка до корівъ, шука́ дійни́ці, ажъ ба́че—у сіняхъ бі-ля сту́пи са́ло; вона́ гулькъ у-верхъ—нема́ са́ла. »Оце́ жъ«, ду́ма, »одірва́лось, дакъ вінъ (то бъ то чоловікъ) одверну́въ ёго́ къ сту́-

пі.« И байдуже собі, немовъ такъ и тре́ба. Ото́ подоіла корівъ, ухо́де въ ха́ту, а чоловікъ ще на ла́ві лежи́ть и протира́е о́чі.

— Ба́чила са́ло?

— Ба́чила; тре́ба, ма́буть, на ёго ми́цнішу вірёвку.

— А ва́жке са́ло?

— Авжé жъ ва́жке.

— Що́ жъ ти не пита́ешъ, скільки давъ?

Жінка й о́чі ви́тріщила.

— Десь ти,—ка́же,—не ви́спавсь?

— Да таки́ й не ви́спавсь. Дакъ га́рне са́ло?

— Ти нена́че мала́ дити́на: якъ тіїжъ дакъ тіїжъ.

А чоловікъ ду́ма: »Му́се бу́ти догоди́въ, коли́ не пита́е, а мо вже ба́чила Кири́ла, дакъ переказа́въ.«

— А що́, тобі Кири́ло нічо́го не каза́въ?

— Якій Кири́ло? моска́ль?

— Эге́!

— Дежъ би я ёго́ ба́чила? А хіба́ що́?

— Се ёго́ са́ло.

— Яке́?

— Що біля́ сту́пи.

— Хіба́ ти подарува́въ?

— За дванáдцять.

— Чи ти здурівъ? а ми що́ бу́демъ їсти? годо́ваного кабана́ нема́, а тако́го са́ла не ку́пишъ за такі гро́ші.«

И ма́буть отта́къ би вони́ до обідъ бала́кали, не розуміючи одно́ дру́гого—дакъ убігла дівчина и ка́же:

— Ма́мо, са́ла нема́: хтось укра́въ.

— Ні, до́ню, то воно́ відірва́лось; бі́жі подиви́ся,—тамъ біля сту́пи.

И ма́ле, звісно, побігло диви́тьця.

— Яке́ са́ло одірва́лось?—пита́е Оста́пъ, диву́ючись.

— Ти вже й забу́въ, що нічю робивъ? Иди́, подиви́ся, то й по ба́чишъ.

Ви́йшовъ Оста́пъ, и вго́ру ди́витця и на са́ло ди́витця, да тільки очи́ма бли́ма; делі уда́ривсь рука́ми объ по́ли: »Що́ жъ оце́ я наробы́въ, ка́же: своє́ са́ло купи́въ? Верну́всь у ха́ту та до жінки́: Бий же мене́ тепе́ръ, жінко, усімъ бий: качáлкою, рогачéмъ, кулака́ми, горшка́ми...« И якъ почáвъ... А въ жінки ажъ банькй

повила́зили, тільки хре́ститця: Що́ се зъ нимъ ста́лось? чи не уку-си́ла оце́ ёго́ скаже́на соба́ка?

— Чи ти зна́ешъ, що́ зо мно́ю ста́лось?

— Ти зъ глу́зду зъіхавъ?«

— Эге́!

Жінка прожогомъ зъ ха́ти! дакъ вінъ уже́ тамъ я́кось ій розказа́въ усю́ причи́ну.

— Що́ тепе́ръ бу́демо роби́ть? пита́етця ій.

— А що́ тепе́ръ бу́дешъ роби́ть? тре́ба дру́гихъ двана́дцяти щобъ тільки мовча́въ; бо лю́де прохо́ду не дава́тимуть. Ото́й га́пчишинъ Гри́цикъ,—тамъ таки́й уідливий: за́разъ учепитця. »Купи́ въ ме́не свиню́, або́ теля́ своє́ вла́сне!« Сорому́ не оберемо́сь, заплати́ двадцять, хай тільки мовчи́ть.

Иде́ чоловікъ на москале́ву кваті́ру, несе́ чоловікъ гро́ші плати́ть за нау́ку. Пита́е на поро́зі:

— »Чи до́ма моска́ль?«

— До́ма, ка́жуть,—тільки що прийшо́въ; таки́й пья́ний, якъ гарілка; підъ при́валкомъ и засну́въ.

Нема чого́ роби́ти! верта́ Оста́пъ до до́му, ба́че—на ви́гоні зібра́лись лю́де и рего́чуть.

— Добри́день!

— Добри́день!—усі гурто́мъ сказа́ли.

— Дакъ скільки ти, Оста́пъ, за своє́ са́ло заплати́въ?—пита́е оди́нъ.

Остапъ одра́зу побілівъ, якъ гли́на.

— Я... та й замо́вкъ.

— Шинка́рко! о, шинка́рко! дакъ скільки?« гука́е дру́гий до шинка́рки.

— Да каза́въ би то дванадцять и могори́чъ сего́дня.«

— Зови́ на могори́чъ ка́же тре́тій:—таки́й могори́чъ зро́ду у пе́рше!

— А скільки ти ёму́ заплати́въ за те́, що попорядкува́въ у те́бе въ лёху́?

— Якъ? пита́; а самъ ажъ—не те́ що гли́на, а—біліший ще ставъ.

Такъ и такъ розка́зують ёму́.

— Тепе́ръ, каза́въ Кири́ло, и ти учёний.

Таки́й то бувъ той Кири́ло, неха́й царству́е, коли́ ёго́ земля́ приняла́, и живе́ та хлібъ—сіль жуе́, коли́ ще де́ржитця на світі; а дру́гимъ ра́зомъ мо ще що́ згада́ю про ёго.

А. Ященко.

То про се, то проте.

Охрімъ Семеновичъ Плахтій, чоловікъ поважений и письменний, що неділі ходіть до церкви, на криласі читае и голосомъ дякові підтягае, а ин коли то середъ церкви й апостола утне. Тимъ ёго въ насъ не звуть просто Охрімомъ, а величають по батюсьці Семеновичъ. Прійшовши Охрімъ Семеновичъ відъ служби Божої, пообідавши собі мобенько, взявся до Псалтиря и вже дочитавсь, »якъ тіи на колесницяхъ и тіи на коняхъ« коли йде близкий ёго сусідъ Онисько:

— Боже поможи, съ празникомъ будте здорові.

— Спасибі. Будь и ти здоровъ, сідай у насъ.

— Дякую; нехай сідае въ васъ усе добре. А подивітця, Семеновичу, яка буде у насъ сёго року масниця, восьма чи девята?

Розгорнувъ Семеновичъ святці, подивився та й каже:

— Ні, сёма.

— Якъ то? хиба великого посту буде більшъ, якъ сімъ неділь?

— Ні, сімъ рівно.

— Эге, а коли жъ буде теплаго Олёкси?

— А ось побачимо.

Подивився знову та й каже:

— У середохресну неділю.

— Ну, добре. А въ який же день припада великдень?

— Ото чудасія! обізвався сміючись Семеновичъ.—У неділю!

— Якъ-то у неділю? Адже сей рікъ високосъ?

— Ну, такъ що жъ?

— А те, що мабуть не прийдетця въ неділю, а хиба въ понеділокъ.

— Э! ні вже, брате! Якъ не припада у середу вшестя (*), а въ четвергъ, такъ-такъ и великдень все буде въ неділю.

— Эге, бачъ! А баба Пузарка казала, що у понеділокъ; та я й самъ такъ думавъ. Ну, а чогожъ то такъ, що Різдво бувае у сеіреду и въ пятницю?

— То инше ділo. Воно, бачъ, виходить зъ дня, а зъ числа не виходить; а великдень и вшестя виходють зъ числа, а зъ дня ні. Великдень що-року все бувае въ неділю, а вшестя у четвергъ, и пасхалія такъ показуе.

— Эге онъ якъ, а скажіть же зділайте милость, на Різдвяныхъ святкахъ дякъ читавъ мині гісторію про прекрасного Ёсипа, и про тіхъ що на місяці одинъ другого трима на вилахъ, та я ніякъ въ иовкъ собі не возьму, хтожъ тані кого убивъ, чи Кавель!!! Кавеля!! чи Кавеля! Кавель?

— Та вже хто кого убивъ, то убивъ, аби убивъ, — а ходімо лишъ до корчми, та подивимось що тамъ дiетця.

— А якъ ходимо,—то й ходимо.

Може, люде добри, ще хто зъ васъ небувъ у нашому краю и незна нашого звичаю; ось я вамъ заразъ розкажу. — Шо Божої неділі чи празника, після обіду, хлопці та дівчата сходютця до кормчи оптанцювать, а хозяіни и жінкі збираютця на іхъ подивитись, та побалакать де очімъ, а підъ часъ и чарку горілкі випить.

Отъ зібралось біля корчми людей вже чи мало, музикі грають, а парубокъ зъ дівкою танцюе та приговарюе: Грай риби дамъ! а старійші люлькі запаливши, посідали собі на присні та й балакають.

— Ні вже мабуть нікому такъ нетраплялось, якъ мині у ту неділю, почавъ Омелько.

— Якъ що запитали ёго?

— А ось слухайте: поіхавъ я до торгу, — и вже трохи що недоіхавъ до города, коли наздоганя мене якась жінка, и несе за плечима чи малий кошіль, тай каже: дядьку голубчику підвези мині будь ласкавъ кошіля, ходила по гриби, та дуже утомилась, я тобі за те що небудь перекину; — а що даси? каже чотирі шаги, добре й то думаю собі, а вона вражa баба, достала заразъ съ кішені гроши та й дала, поставила на возъ кошіль та йде собі зъ заду, а далі и

(*) Вознесеніе.

шмигнула чогось на бікъ; а я тимъ часомъ наздогнавъ Панька Шерепу—здоровъ бувъ! здоровъ каже,—а нумъ–іхать разомъ? ідьмо каже Панько; отъ ідимо собі та балакаемо, коли озирнувся невидно моеі жінкі, ну думаю собі ще наздожене; ідимо вже й городомъ а іі ще не видно, разказую проте Паньку, а вінъ и отповіда, небійся свого не покіне: отъ приіхали вже й на базаръ и стали въ ряду а баби немае, а ну подивлюся які тамъ гриби, а кошіль накритий рядниною и завьязаний матузкомъ, коли дивлюся а тамъ манюсенька дитинка спіть и соску у роті *трима*. Охъ мині лишенько, опустивъ рукі та й ставъ якъ пень; а далі трохи очумавшісь и кажу Паньку: охъ біда брате; яка?—ось подивись,—а вінъ якъ глянувъ такъ и рукамі сплеснувъ, а далі трошкі зъ годомъ и говоре — ну вжежъ мовчи, накрий и завьяжи якъ було,—и коли ще е твое щасте, то кідай воза та йди четь; послухавъ я Панька, накривъ и завьязавъ кошіль, пійшовъ ставъ підъ лавками та й дивлюсь;—а москалі такъ и *швиндають* по базару якъ би що у кого зъ воза стягнути; отъ одинъ дуже бистрий москаликъ, іде просто до мого воза, покрутився, та дивитця що коло воза нема нікого и на ёго нехто не вважа, схопивъ зъ воза кошіль та й давъ тягу, а я тоді завернувъ воза та й переіхавъ геть на друге місце—и вже спродався, коли пре москаль кошіль назадъ та й пітае Панька: а де той каже чоловікъ що діти продае? а Панько ёго питае, якій чоловікъ? а самъ ніякъ неможе *утриматися* отъ сміху, такъ вінъ небога подивився, подивився, та й потягъ назадъ, а я худчій на втікача, та вже очумався якъ опенився дома, такъ отъ яка була мині штука.

Зареготали всі а Хома й каже:

— Подякуй ще Паньку що порадивъ якъ позбутця того добра, а то булабъ тобі халепа.

— Эге ще й яка.

— А той сердека, обізвався знову Хома, мабуть теперь що дня виносе кошіль зъ дитиною на базаръ та шукае свата.

— Добре Омелькові підхопувъ Свірідъ, що ёго москаль виратовавъ, а я такъ ледві відъ москалівъ відкрутився.

— Якъ! коли? спитавъ Охрімъ.

— А отъ тоі зіми, разъ у ночи узяли мене москалі, — щобъ я бачъ показовавъ імъ дорогу, а було дуже *сковзко*,—підвьязавъ я підъ чоботи підківкі тай вийшовъ, а москалівъ такого багато, вони заразъ почепили мині заплечи *тарабанъ* та й кажуть: глядижъ коли нехо-

чешъ, щобъ бувъ битий, то йди попереду; пійшовъ я а самъ думаю якъ би тутъ у світі Божому відъ іхъ відкрутитись; отъ промандрували вже верстівъ съ пьять коли не більшъ, а тутъ ще треба й ти черезъ круту гору, потягнувъ я, миніжъ нічого, а москалі усе *сковзаются*; вилізъ я на гору та й ставъ трохи спочити, коли дивлюся, а москалі ще підъ горою, а я тоді зъ плечей той бісівъ тарабанъ, та якъ шпурну ёго підъ гору, а самъ якъ *шкрабнувъ*, такъ тілько мене й бачили, а москалі якъ гукнуть, постривай ось ми тобі дамо та замною,—але дежъ тамъ, якъ тілько якій висунетця впередъ, такъ носомъ и заоре и мабуть іхъ тоді дуже багато побилось, а я собі повернувъ у долину та у гаі нахуторі у дядька и переночувавъ; а до дому вернувся вже у вечері.

— Чортъ зна що базіка, обізвався Гриць, ось послухайте що я вамъ розкажу.

— А ну, ну, що? запитали сусіди.

— А отъ що, три чи чотирі тигодні минуло, якъ я отвозивъ зъ екомоніі у городъ до панівъ индикі, качкі и усяку всячину, а тройка коней добрихъ, отъ доіхавъ до *перетикі*, спинивъ біля корчми коней–и пійшовъ вишіть чарку голіркі та запалити люльку, бо свій гаманецъ згубивъ десь въ дорозі, а тутъ ще якійсь чоловікъ спитавъ куди іду,–колибъ каже подорозі тобъ попросивъ підвезти, я й кажу що іду у городъ, алежъ неможу взяти бо небуде де сісти, та й вийшовъ заразъ зъ корчми, коли дивлюсь нема коней и воза, я за корчму, туди, сюди, нема; питаю чи небачивъ хто, кажуть ні; а головка моя бідна! що мині робить, але дивлюся слідъ знати що коні потягли просто, я заними вискочивъ на гору нема, а слідъ знати, я ну бігти, споткавъ якогось чоловіка спитався чи небачивъ? а вінъ и каже, що трема кіньми недуже давно поіхали два жіда а я тоді ну ще швидче я бігти, и вже добре *змордувався*, а жідівъ невидно, але недалеко передъ мене, іде поштарь; наздогнавъ я ёго, та давъ чотирі гривні и три шаги, такъ вінъ и взявъ мене; приіхали у городъ, а жідюга моіми киньми вже вертае назадъ и на возі нема ніcогісенько, я ёго й спинивъ, а тутъ ідутъ два десятникі я й попрочивъ іхъ, такъ вони узяли жіда зъ кіньми и мене, та й *попровадили* до чесного пристава; отъ одинъ десятникъ остався зъ нами, а другій пійшовъ у канцілярію, коли трошкі зъ годомъ виходе до насъ самъ чесний приставъ та й питае: а що се? а я склонився низенько та й почавъ разказовати,—вислухавъ вінъ мене та й повівъ за собою

жіда и дуже довго ёго тамъ тримавъ, а далі вийшовъ та й каже мині підождижъ тутъ чоловіче, заразъ усе твое вернетця, та й пійшовъ назадъ, жіда пустили а коні завернули въ двіръ.—Отъ ждавъ я ждавъ, ажъ мині вже надокучило и занудило, коли йде чесний приставъ та й питае мене: а що скажешъ? а я знову склонився та й кажу, я той самий Ваше благородіе, що просивъ за коні та за пропажу; а вінъ витрощивъ на мене очи, якъ затупотить ногами, та якъ грімне: коли каже ти мині говоривъ я тебе ніколи небачивъ, ти брешішъ, Э! та у тебе мабуть и коні крадени, засадить ёго въ сібірку, приказавъ та й пійшовъ додому.—А нещастежъ мое думаю собі, а тутъ вже и хватальний вийшовъ бачъ провадить мене до сібіркі.Ну що тутъ мині робить, я до нёго кланяюсь та прошу: помилуйте мене пустить,—а самъ тиць ёму въ рукі коповика, а вінъ подивився на мене та й каже: ні, за півкарбованця не можно ослобонити, такъ я тоді витрусивъ съ капшука остатні сімъ шагівъ та й побожівся що більше немаю; узявъ вінъ якось ті гроші та й сказавъ, ну вже нема що робить зъ тобою, ідьже та швидче, та гляди щобъ не побачивъ приставъ, ато запевно засаде въ сібірку; такъ я поклонився узявъ коні та поіхавъ.—Приіхавъ на базаръ, ставъ та й думаю, кудижъ теперъ іхати до пана, и вже просто до дому, а істи такъ захотілось, що здаетця й чортабъ зъівъ, та немаю за що купить; а переварухи, бодай імъ защішило, такъ и зіпають: та кричить свату ходи до мене гарячихъ хляківъ, а друга, та хто почне у мене книша гарячого, а одна проклята просто підъ самимъ ухомъ якъ засокоче: ходить лишень нічинкі або серця за шага відріжу.—Къ почувъ я що пічинка та серце, такъ такъ бы здаетця и проковтнувъ усе разомъ та—ба нема грошій, а тутъ ще й самого паче хто за серце тисне, алежъ думаю собі вже що буде то буде, а треба трохи підкинуть конямъ сіна та й іхать до пана, та тілько що ставъ бра ть зъ воза сіно, коли дивлюсь тягнетця жідівська свита. мабуть якъ утікавъ відъ чесного пристава, такъ съ переляку забувъ ії на возі.—Э! стривай же ти проклята невіра, хиба вже нехто не буде куповати, ато одразу продамъ, а одинъ якійсь и питае—а що свату продаешъ свиту?—продаю; а що за нее? пьять карбованцівъ;—Э! трохи богата буде, возьми каже трихъ копою; ні кажу: якъ що тее, то чотирі зъ копою; а вінъ тоді: нехай же буде не потвоему й не помоему—а побожому, бери каже чотирі рівно, сказавъ та й руку прибивъ, такъ я й отдавъ;—купивъ заразъ: оселедця, чсхоню, пічінкіі

серця и паляницю та й завернувъ до корчми, випивъ, зъ тої мороки, за гривенника и чотирі шаги, сівъ собі на возі, напоївъ гарненько та й поіхавъ до пана, та ще й не заіхавъ у двіръ, а панъ вже й питае:

— А що́ то, Грицю, ти приіхавъ зъ порожнімъ возомъ?

А я тоді и почавъ хлипаючи розказовать, а самъ усе ёму кланяюсь:—Щожъ, пане! прошу вашої милості, коли вже у самого чесного пристава та у хвательнаго нема правди, то вже гаспидъ ёго зна, де ії теперъ на світі й шукать.—А панъ подивився та й каже:—Брешішъ, вражій сину, мабуть у дорозі напився горілкі та зачавъ зъ кімъ лаятися та битись, а зъ воза все й постягали.—Ні, пане, кажу, не бився ні съ кімъ,—коли я кому що, або́ що, то нехай мині Богъ зна що... отъ що!—Щожъ, іздивъ самъ панъ до чесного пристава, а далі и зо мною, такъ щожъ: не бачивъ, каже, мене та й годі. Такъ панъ намьявъ-намьявъ мині чуприну та й заграбовавъ волика! Такъ отъ яка теперъ у світі правда...

— Ну вже, обізвався Панасъ, що панъ заграбовавъ, то нехай такъ и буде, а тожъ самъ чесний приставъ, промінявъ христіяньску душу на пархатого жіда.

— Та що тутъ довго балакать, сказавъ Хома, коли я самъ бачивъ у Каплунівці на ярмарку хвательного перехреста, а вже зъ такого чоловіка—що́ буде добре, коли вінъ зъ того тілько й служе, щобъ зъ насъ гроші обдірати.

— Та цуръ імъ, тимъ чеснимъ приставамъ и хвательнимъ, заговоривъ старий Охрімъ: нехай вони собі здорови будуть, та насъ дурнівъ учать, якъ треба на світі жіти; алежъ здаетця часъ вечеряти,—ходімте хлопці до дому.

Отъ піднялись, попрощались одинъ зъ другімъ—та й пішли кожний своею дорогою.

Ѳедіръ Вілшаньскій.

ВІСТІ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

Подоль, прекрасная Подоль! съ сегоднешняго дня я уже не просто житель твой, а слуга. Полегчало на сердцѣ, повеселѣло на душѣ. Во всей Россіи, отъ затопляемой столицы до затопленныхъ кораблей, чрезвычайно скучно быть только зрителемъ; въ нашей же коренной Руси, въ такъ-называемыхъ юго-западныхъ губерніяхъ, частному человѣку просто невыносимо. На глазъ заѣзжаго оно покажется, можетъ-быть, иначе, потому-что, на сколько вездѣ въ Россіи все тянется и рвется въ службу (хотя бы и не Россія), на столько здѣсь у насъ все бѣжитъ службы (хотя бы и Руси). Но, разумѣется, служащихъ будетъ отечеству и у насъ всегда полный комплектъ. Эта исключительность положенія Подоли и состоитъ именно въ томъ, что кое-гдѣ скучно, а у насъ и невыносимо, оставаться только зрителемъ, — имѣя очи,—видѣть; имѣя уши,—слышать; имѣя сердце,— чувствовать и, что всего хуже, имѣя мозгъ,—мыслить.

Когда я зажилъ въ деревнѣ, мнѣ съ самого начала казалось, что я сдѣлалъ скачокъ назадъ лѣтъ за десять и очутился опять на школьной скамьѣ, окруженный надзирателями, репетиторами, старшими и младшими учителями, инспекторами, директорами и сторожами. Опять возродилось во мнѣ чувство постояннаго безпокойства, что вотъ-вотъ отворится дверь и покажется какое-нибудь, власть имѣющее, лицо съ рѣзкимъ замѣчаніемъ. Какъ я разочаровался въ свободѣ и покоѣ деревенскаго быта!.. А, когда пожилъ да осмотрѣлся кругомъ, когда болѣе или менѣе познакомился съ прекрасною Подолью, — что я увидѣлъ!..

Чиновничество, съѣхавшееся съ разныхъ сторонъ и укомплектовавшееся мѣстными волонтерами изъ-за пропитанія, изъ-за возможности не кончать гимназическаго курса и изъ-за надежды на подачку, представляетъ акціонерное общество своего рода, у котораго край словно на откупу.

Офицерство, не принятое ни въ одномъ изъ высшихъ домовъ, не видящее другой книги, кромѣ приказовъ, стоитъ надутое, особнякомъ, по квартирамъ, словно въ чужой, непріятельской странѣ и занимается выправкою солдатъ, доводя ее до невѣроятнаго совершенства въ своемъ родѣ.

Купечество—Евреи, это ужъ просто тайное общество, съ утра до вечера обдумывающее средства уничтоженія путей прямой, правильной торговли, ради развитія самаго уродливаго торгашества, расчитывающее на затруднительное положеніе производителей, на совершенное отсутствіе всякихъ статистическихъ и комерческихъ свѣдѣній и всякой поддержки не-еврейскаго кредита, а — главное—расчитывающее на вѣрную подмогу днемъ и ночью другаго, акціонернаго, общества.

Духовенство здѣсь трехъ родовъ. Раввины не составляютъ отдѣльнаго класса; духовная дѣятельность ихъ, хотя и отзывается отражательно (рефлективно) въ жизни Подолянъ, но она, для не-Еврея, такіе пютёмки, что, во избѣжаніе рѣзкихъ, грубыхъ ошибокъ, я лучше удержусь отъ характеристики здѣшняго еврейскаго духовенства. Скажу только, что таиъ, гдѣ раввинамъ приходится дѣйствовать открыто, они дѣйствуютъ безукоризненно; а если христіанинъ, имѣя споръ съ Евреемъ, идетъ на мировой судъ раввина, то рѣшеніе всегда бываетъ если не безпристрастное, то излишне-строгое для Еврея. Католическое духовенство въ нашемъ краѣ представляетъ собою папу, окончательно потерявшаго свое государство и живущаго, по проэкту Наполеона III, на содержаніи католическихъ державъ.

Такъ поставленное здѣшнее католическое духовенство выиграло только тѣмъ, что утратило прежній свой *политическій* характеръ, и не имѣетъ уже ни одного пая въ акціонерномъ нашемъ обществѣ. Конечно, тутъ я обхожу высшія іерархическія ступени, которыя замѣщаются избранными личностями, самой природой созданными для отличій.——Католическое духовенство на Подоли все погружено въ отправленіе обрядовъ. Отсюда сильное вліяніе его на набожность прихожанъ въ дѣлѣ всякаго моленія и замѣтное отсутствіе вліянія на прихожанъ въ дѣлѣ ихъ жизни по-за моленіями. Духовенстзо православное живетъ

здѣсь, какъ и офицерство, безъ входа въ дома высшаго класса и съ полнымъ пренебреженіемъ къ низшимъ. Какъ офицерство съ солдатами, такъ духовенство съ прихожанами видится только при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Кромѣ того, духовенство постоянно ведетъ съ народомъ денежные счеты, расчеты и борьбу по отбыванію имъ повинности, что́ совершается—не иначе, какъ, почти всякій разъ, съ помощью властей, или — водки. Положеніе православнаго духовенства, какъ въ вещественномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ, самое грустное. Но нужно сказать и то́, что это единственный классъ, рѣшительно не сознающій своего невѣрнаго положенія въ-отношеніи къ народу и идущій по своему пути съ закрытыми глазами, даже не подозрѣвая возможности другаго пути. Поэтому, день-ото-дня, положеніе его становится хуже и хуже для него-самого, и тягостнѣе для другихъ.

Экономы составляютъ у насъ тоже совершенно отдѣльный классъ и классъ многочисленный, потому-что къ этой категоріи примыкаютъ всѣ офиціалисты помѣщиковъ. Это задній дворъ помѣщичьей жизни; это пружина домашней дѣятельности помѣщичьихъ семействъ; это отгадыватели и исполнители всѣхъ помѣщичьихъ желаній; это ширма между главными двумя классами страны, ширма, которою помѣщикъ прикрываетъ свои иногда гаденькія побужденія, но изъ за которой не видитъ, что самъ служитъ ей еще лучшею ширмою для самыхъ уже безцеремонныхъ гадостей. Классъ этотъ смотритъ на крестьянъ рѣшительно какъ на верстать помѣщика, на которой выдѣлывается во что́ бы то́ ни стало возможно-большій доходъ и возлѣ котораго всякій подмастерье непремѣнно долженъ, кромѣ условленнаго, всегда ничтожнаго, жалованья, добыть все то́, что́ очень хочется и дѣйствительно пріятно имѣть. Добываются эти пріятности, разумѣется, подъ протекціей водки, которою у насъ, надо сказать, всякій запаиваетъ крестьянина въ видахъ своего интереса.

Помѣщики наши... Я самъ помѣщикъ, а потому съ нѣкоторою недовѣрчивостью къ своему безпристрастію приступаю къ наброску этого очерка о своихъ ближнихъ по соціальному положенію. Извѣстно, что *мы*—не народъ, даже въ Великой Руси, покрайней мѣрѣ—не простой. Говорю *даже* потому, что въ Россіи все таки есть что́-то общее между простымъ и особеннымъ народомъ, т. е. помѣщиками. Это общее—вѣра и языкъ. Здѣсь нѣтъ и этихъ точекъ соприкосновенія, — по-крайней-мѣрѣ, въ самомъ огромномъ большинствѣ. Изъ

статистическихъ таблицъ видно ничтожное отношеніе у насъ цифры ех—людовладѣльцевъ Русскихъ къ цифрѣ ех—людовладѣльцевъ Поляковъ. При первомъ взглядѣ, это самое рѣзкое отличіе между *обывателями* земли подольской. Русская часть — прибылая; польская— ежели и не коренная по большинству, то все таки своя. У нея есть свои преданія и она считаетъ себя крѣпкою землѣ. Русская же, хотя и одинаково крѣпка землѣ, но традиціи ея выходятъ изъ крѣпостнаго стола гражданской палаты, гдѣ большинство этой малой части вѣнчало свои доблестные подвиги, рѣшаясь остаться въ краѣ. Естественно, у этого привилегированнаго особняка и того и другаго рода нѣтъ ничего общаго съ народомъ, кромѣ паньщины; иныхъ отношеній, гражданскихъ — пока не имѣется; у польской части не имѣется по принципу шляхетства и по понятіямъ объ отечествѣ безъ народа, или о государствѣ съ хлопами; у русской части *обывателей* не имѣется по отсутствію въ ея большинствѣ, т. е. въ ех — исправникахъ, ех—совѣтникахъ etc. etc., всякихъ понятій о государствѣ, объ обществѣ и гражданственности.

Крестьяне — это море съ неизвѣданнымъ еще дномъ, но по волнамъ котораго, съ полною неустрашимостью и безъ всякихъ до-нынѣ приключеній, вѣчно снуютъ всевозможныя суда́ съ промышленною цѣлью. Каждый промышленникъ, въ свое обогащеніе, вытаскиваетъ изъ моря на бортъ что́ только сможетъ, что́ только съ умѣетъ, что́ только удастся ему вытащить, а море отъ плавающихъ судовъ принимаетъ одни лишь нечисто́ты да трупы. Изъ всѣхъ промышленниковъ, классъ помѣщичій ближе другихъ стоитъ къ крестьянству, — это не признанные отцы его. Иной владѣлецъ, — оттого ли, что уже нѣтъ ему надобности сколачивать деньгу тою методою, какою было сколочено его владѣніе, — оттого ли, говорю, что помѣстье его уже само собою разростается, или вслѣдствіе доброй, благородной своей личности, живетъ двадцать, тридцатъ лѣтъ *съ грома́дою* по-человѣчески, улучшая и улучшая ея бытъ; тѣшится ею дѣйствительно словно дѣтищемъ своимъ, гордится богатствомъ ея и еще больше, разумѣется, своимъ вліяніемъ, выработаннымъ, для себя, *у громаді*... и вдругъ, въ минуту рѣшенія въ странѣ общаго какого-либо крестьянскаго вопроса, получаетъ отъ громады самый неожиданный, оскорбительнѣйшій сюрпризъ:—онъ, благодѣтель, видитъ, что нѣтъ къ нему ни на волосъ довѣрія, нѣтъ къ нему ни тѣни расположенія; что всѣ его двадцатилѣтнія, тридцатилѣтнія благодѣянія прошли какъ-бы не замѣченныя

громадою. «Неблагодарные!» восклицаетъ съ горечью поражонный помѣщикъ, и за тѣмъ—этотъ вчерашній будто бы отецъ замѣчаетъ о вчерашнихъ будтобы — дѣтяхъ: «нѣтъ! какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ!» Оскорбленному лже-отцу и въ голову не приходитъ, что смѣшно было сидѣть на своемъ берегу и мечтать о возможности огородить, согрѣть и утишить закупленное пространство моря, хотя бы пространства того было всего лишь на одну волну....

Вотъ какою я увидѣлъ тебя, прекрасная Подоль, бѣдная любовница двухъ ревнивѣйшихъ сосѣдей. Но можетъ быть я еще не разглядѣлъ тебя, можетъ быть, ставъ теперь въ рѣдкіе ряды твоихъ искреннихъ слугъ, я увижу тебя вблизи иною?.. Не знаю.

Григорій Ге.

ЗЪ ПОДОРОЖНИКА.

(Первий и другий листъ зъ села Сторожевої у VIII-й книжці того року.)

III.

На другий день прийшовъ мій дідусь, щось веселенький; поздоровався зо мною.

— «Оце жъ, каже, я й прийшовъ, добродію, до васъ, такъ-то я васъ уподобавъ, мовъ рідного!»

— »Спасибі тобі, діду!.. та мабуть и пообідати?«

— »Щожъ! ніде правди діти—и те таки, бо вже зъ місяць, якъ въ вічі бачивъ яку-небудь страву—не тільки обідавъ.«

На той разъ смашний у мене трапився обідъ: борщикъ зъ кашою пшоняною, локшина въ молоці и варенники. Дивлюсь—мій дідъ ажъ облизався. Випили ми по чарці и по другій, а після борщику—и по третій. А навпісля я й жалкувавъ, що, мабуть, передавъ лишню—стареча голова не винесла; видко, що давно пивъ, та відъ того здаетця и зашумотіло у ёго... Пообідали; помолились.

— »Та й спасибі жъ, добродію! далебі, давно-давно я такъ не смакувавъ.«

— »Богу дякуй, старий!«

Запаливъ я люльку, а дідъ понюхавъ кабаки, покректавъ та й каже:

— »Одже, коли хочете, добродію, я ще згадавъ пісні давні; це мій батько навчивъ мене; ось слухайте лишень...

Дідъ почавъ. Старечій голосъ тремтівъ, якъ струна на розбитій бандурі; обличче діда було типичне українське; біла голова и вусъ; очі поблискували (може й відъ горілки) зъ підъ насупленихъ бровей. Міні здавалось, що передо мною співае не нашого віку чоловікъ, а того покоління, що жило тоді ще — »якъ січъ руйновали...«

Ой встань батьку, ой встань Петре,
Кличуть тебе люде,
Ой ходімо до цариці,
По прежнёму буде.
Тече річка невеличка,
Промивае піски:
Туди іхавъ нашъ Кошовий,
Назадъ прийшовъ пішки.
Тече річка не величка,
Промивае кручи:
Ой заплакавъ нашъ Кошовий
Отъ цариці йдучи.
Ой ходімъ усі до столиці
Прохати цариці:
Нехай же намъ Січъ приверне
По прежні границі

Сей варіянтъ показався міні дуже цікавимъ, якъ перелицёванне того, що співаетця у всімъ звістній пісні Головатого. Се, здаетця, голосъ тіеі січовоі партіі, котра не задовольнилась царицинимъ Кубанськимъ подарункомъ, добиваючись свого: »по прежні гряниці.«

— »Отъ коли спасибі діду! Випьемо жъ за нашу рідну Україну.« (я й не запримітивъ зразу, що й прежне було дідові за надто). Дідъ випивъ.

— »А чи ви чули, добродію, про Орлика?—Та де вамъ чути—давня-давнина!«

Я й зрадівъ; сподівався почути яку-небудь гисторичню думу про Шведчину.

— »Ні, кажу, не чувъ; дежъ міні про те знати.«

— То жъ то!« весело промовивъ дідъ.

Ой изъ-за гори изъ-за Дніпра
Вітрець повівае,
Ой якийсь то човникъ
Фаля до берега прибивае.
Ой прибила фаля човникъ,
Човникъ лебедочку,
Та й вискочивъ зъ нёго Орликъ,
Тай почавъ беседочку.
Пугу братці пугу,
Пугу Запорозці
Стоіть козакъ въ лугу,
Ой братці ходімо та до кошового
Станемо радити раду
. . . . . .

Дідъ замнявся; видно було, що горілка брала свое...

Ой пішовъ Орликъ та до кошового
Та у поясъ уклонився.

Далій дідъ збивався; я записувавъ що второпавъ:

Ой батьку Иване,
Отъ такая-то річъ
. . . . . .
Ой надъ Украіною та гетьманською
Громовая хмара стоіть:
Ой прийшовъ царь зъ арміёю руською
. . . . . .
Мазепа просить до насъ пристати,
Нашій Украіні помічъ дати.
. . . . . .
Оттоді ми будемо на волі,
Такъ якъ птахъ підъ небомъ въ полі
. . . . . .
А ти жъ тее й забувъ
Що ми цареві присягали.
. . . . . .
Ой не можно присяги ламати,
Та й неможно помічі дати,

Запорожець не бувъ бісовимъ синомъ.

. . . . . .

Ой искра мала, та може світъ спалити,

. . . . . .

Ой хоче Мазепа, багацько народу згубити.

. . . . . .

Ой повівае вітрець
Та відъ моря холодний
Та поіхавъ нашъ брехунець
Якъ собака голодний.

Це були розірвані шматки якоісь невідомоі, загубленоі народнёі поэми—та жалко: дідъ знемігся. Хоча й дідъ бувъ пьяненький и памьять не служила, але жъ у голосі его чулось щось таке, якъ ті сумні аккорди, що, на вже нікуди-негодящій бандурі, узяла рука мітця, що вміла колись виливати те, що турбовало серце. Якъ би-то, хто у ту годину подивився на насъ двохъ, то й сказавъ би, що се два покоління передъ очима: одно, до котрого долітавъ ще живий голосъ відъ тихъ давніхъ часівъ слави и невгамущоі чвари и котре дочувалось до ёго серцемъ; друге, що, вирісши підъ іншими симпатіями, більшъ дочуваетця головою, щобъ зложити на холодний папіръ. Дідъ забутокъ живоі гисторіі передъ смертю; я—суха археология, що риетця по-міжъ мертвими и ловить останне слово померщого життя.

— »Не знаю, дідусю, якъ тобі й дякувати за ці пісні, вони міні въ такій пригоді стануть... Шкода що міні треба іхати, а то можебъ ти ще де-що згадавъ.«

— »Э ні, добродію! більшъ не памьятую нічого; зъ-молоду я багато де-чого знавъ и бувъ таки співака поганенький; а теперъ вже не тее—підтоптався. А знаете, добродію! коли трапитця вамъ проізъдомъ у Санжарахъ, то загляньте и въ мою хату, спасибі вамъ: може таки я знайду кого зъ старенькихъ людцівъ, та роспитаю про старовину...«

— »Добре, діду! спасибі, безпремінно заіду... Такъ може, діду, й одъіздної?« (хоча я й самъ бачивъ, що не треба—такъ у насъ безъ одъіздноі не можно.)

— »Охъ, добродію! чи не багато буде; бо й такъ щось тее—мовъ бджоли гудуть... Та вжежъ, одинъ тому часъ, що батька въ паймахъ жалують. Хай москалеві лихі приснятця.«

Ковтнувъ мій дідъ разомъ чарку....

— »Оце такъ! и несподівався старий Блоха бенкетовати... Гуляй сторожа! а на баштані катарині свині смакують кавунцями... хлопья гавъ ловить, а москаль изъ куреня визирае... Та дарма, катъ ёго батькові!..

— »О бодай тебе діду! та ти бачу колись бравий козарлюга бувъ.....

Повернувсь я знову у Сторожеву.

2-го Іюня. 1861 г.

IV.

Отъ я знову опинився у Сторожевій, ставъ я по ній вештатись, та доглядатись. У волостнімъ є оптека; на 100 карбованцівъ ліківъ, алежъ мабуть на віки замкнута (ажъ замокъ іржа поіла)—а хворихъ багато. Э й фершалъ-та тільки чи на хуторі у себе, чи пьяний. Хто жъ помічъ дае хворимъ? звісно: баби та діди; лихо роблють — зъ лави та въ домовину!—Та ще, Богу дяка, біля села живуть богобоязні панійки (Шохинша и Жуківна) такъ ті й помагають, и ніякої плати за те неберуть, а тільки коли чоловікъ самъ схоче подякувати, то й прийде день той відробити. Богадільні у Сторожевій нема, якъ у іншихъ селахъ; збудували й хату для того, та такъ и стоіть:—продаватимуть... У зверху приказъ такий: віддавати сиріть чи й такъ хлопця зъ убогої семьи у навуку до майстривъ, та такъ, якъ воно робиться тільки по приказу, то и вчять дитину такому реместву, що ій наврядъ чи прийдетця зъ того хліба істи. Усе такі виходятъ майстрі, якихъ на селі не треба, приміромъ: ріщики, обійщики, золотарі... Та й тому гаразд не довчятця, бо у семьі нікому помічъ дати у господарсьтві, такъ батько й бере до дому, щобъ худоба не пропала. (У насъ, бачете, и убогий мае аби-яку хатину зъ городомъ). Тіжъ зъ хлопцівъ, що зостаютця по городахъ ледащіють, и вже на селі—ні до чого.—А тимъ часомъ найпотрібнійші для селянъ ремества підупали, якъ: кушнірсьтво (1), чимбарсьтво (2), колесницьтво,

(1) *Кушнірь*—чинить линтвари и смушки на кожухи; *линтварь*—зъ старої вівці; *смушокъ*—зъ ягняти.

(2) *Чимбарь*—чинить шкури на чоботи и черевики.

ковальство — такъ що наіде москаль, чимбарь тамъ або що, то або гроши ки лупить, або й сирицi (*) завезе. А якъ, Боже борони, падіжъ-то зъ кожами не знаютъ де й дітця, бо сами невтнуть—мусятъ везти у Полтаву до Німцівъ. Чи не диво жъ на увесь окілъ є одинъ чимбарь, та й то панський. Объ тімъ би треба помислить старшимъ, щобъ по народній потребі була й навука. Дививсь я й на тихъ писарівъ, що пробудуть при палатахъ два або три роки, щобъ то *письмоводству* навчитись; отъ и навчятця *лепорти* дряпати (то найглавнійшъ!), а що вже наберутця чиновнихъ примхівъ, то бодай іхъ: и въ карти, якъ панъ, грае на гроші, и сусульки (папіроски) шмалить важно, и сквернословить по московські безъ сорому, и горілку такъ:

Мовъ брагу хлище,

та туманить хліборобівъ, набиваючи собі кишеню; а селяне, зъ молодшихъ, дивуютця на нёго, тобъ то якъ на розумного городянина та й собі переймають тіі вигадки. Такому то добру навчаетця чоловікъ, коли его завгодя готують не чоловіка а писаря. Якъ би нашъ народъ бувъ грамотний та було у насъ більшъ, для него писанихъ и дешевихъ, книжокъ, то може бъ вінъ іншимъ окомъ дивився на тихъ писарівъ, що передъ нимъ пундючятця та его жъ и оббірають. А наші земляки дуже охочі не тільки читати та й слухати, якъ хто другий читае...

Завернувъ я й до школи; школярі саме росходились; питаю:

— »А хто васъ хлопьята вчить у школі?«

— »Панотець!« зпдзвеніли въ одинъ голосъ хлопчики.

згадавъ я що панотепь зъ москалівъ, балакае зъ парафіянами такъ що вони тільки очі повитріщають, та таки й зъ тихъ, що прозиваютця мало грамотними.

— »Ну що жъ добре проказуе?«

— »Та ні, у школі ми его вряди-годи бачимо.«

— »Такъ якъ же?«

— »Паламарь вчить.«

— »Ну, не краще!« міркую собі; сей вже и у малограмотні не попаде. За тежъ дешевий: Палата дае на рікъ попові сто карбованцівъ за те, щобъ вчивъ у школі, а сей зъ тихъ грошей виділя Паламареві 10-ть. Отъ вамъ и школа! Роспитався я, яка тамъ метода. Ось

(*) *Сирица*—невироблена шкура.

яка: завдають *отсюди–досюди*, а не видовбишъ — березова припарка, або й панотцевська десниця чуба намне—та й виходить, якъ мовляють, відъ дощечки до дощечки а въ серединѣ ні тріпечки. Чи до того жъ?.. треби та господарьство, та малограмотність... А колись воно и не такъ було (розказували міні старенькі зъ хозяінівъ): бувъ Голова Стожко—не теперешнёго; допомігъ збудувати хату підъ школу, та проявився тоді на селі якийсь добрий семинаристъ (Волковъ), взявся за школу зъ гарячимъ серцемъ; опрічъ грамоти працювавъ зъ хлопцями надъ садовиною, такъ роківъ зъ два цвіла сторожівська школа; а далій висвятився семинаристъ на попи, та й поіхавъ у свою парафію... Алежъ Сторожевці и досі ёго добромъ споминають. Вже коли попамъ ніколи, то хочъ би годящихъ поміщниківъ шукали; на тежъ и положеніе є: бо даетця плати 75 карбованцівъ, коли наберетця 60 школярівъ, та 10–ть карбованцівъ відъ міністерства, щобъ дітей вчили у церкві співати.—Теперъ у школі дітей зъ сорокъ, (зъ нихъ усёго дві дівчини: попівна и козачка), та й то зганяють силоміць, часомъ зъ хуторівъ, зъ далека. Хочъ іншому ближче и до другої школи такъ не тіеі волості — порядокъ непозволя; такъ для того порядку, батькамъ треба де небудь дітей становити, харчувати и відрізняти відъ семьі. А ще, якъ на біду дитина вдастця до письма здатна—то зразъ у волостне писати а далій чого доброго, то й у Палату до *письмоводства*—отъ тобі й писарь!.. Тимъ то селяне не дуже раді тимъ школамъ. Навпісля дознавъ я, що Сторожевський піпъ самъ побачивъ, що вінъ зъ паламаремъ не багато втне—отъ и примовивъ до школи дяка. Сёму вже, зъ тіеі-жъ сотні, дае 20 карбованцівъ на рікъ. А такъ якъ дякъ удався до школи охочій, та й у тімъ ділі більшъ розуміе, то піпъ на ёго зовсімъ здався. Теперъ то у Сторожевій освіта процвітатеме!

Згадувавъ я вище про порядки, та ще и къ тому слову добавлю: на самий Великдень сумно на вулицяхъ у Сторожевій було, бо начальство не зізволило гойдалки робити — лякаютця, щобъ хто не вбився (а въ насъ ще відъ царя гороха и царици чечевиці гойдаютця — та Бігъ милувавъ). Оттожъ гойдалокъ и небуло,—за тежъ шинки стали повнісінькі—гукъ та салдатскі пісні, и старші зійдутця поміжъ собою та зъ попами те жъ саме роблють що й народъ. Такъ-то тими порядками відбиваютъ селянъ відъ танківъ, веснянокъ и дівоцькихъ пісень...

Занудився я; сонечко гріло, сівъ я на душегубку та й пустився по

Коломаку. Річка-невеличка той Коломакъ (на ній колись стоявъ козацький табуръ за Самойловича),—тече тихенько. На дні, або білий пісокъ або твань ([4]), передъ очима зелена діброва а далій веселеньки хутори. Тихо шумотіла прозора водиця поміжъ густими очеретами, маленькі пташки: очеретянки, вивсянки та горобці купами перелітували, щебетали, надъ симісінькою головою; лелеки торохтіли на вільхахъ. Ажъ ось чути гукъ и регітъ; думаю собі: отъ де народъ празникуе! виіхавъ я на плесо; дивлюсь-зібрались купками жінки, дівчата и дітвора; одні на березі скидають одежу, а другі у воді въ сорочкахъ, або й такъ. Підъіхавъ я до одніеі молодички, та й питаю:

— »Чого се ви хлюпощетесь у воді?« Вона зареготалась, тай каже:

— »Адже бачите, ласощі достаемо зъ води.«

— »Якіжъ таки у воді ласощі?«

— »Отце! хиба не знаете? спичаки, рогізъ, ріжки« ([5])

— »А смашні-жъ?«

— »Солодкі; ось нате литень покуштуйте.«

Достала вона зъ води и кинула міні у душегубку. Покуштувавъ я—ледве солоденькі, а якъ чого кращого нема, той те гараздъ.

— »Та ще-жъ мабуть вода холодна?«

— »Дарма, що холодна—а ми про те навитягуемо на цілий тиждень того добра, то й небуде нудно, якъ на вулиці сидітимишъ—ніби не безъ діла.«

— »А московськихъ ласощівъ?«

— »На-біса!«

Поки ще нашъ народъ усе знаходить навкруги себе навітъ ласощі. Бачивъ ще я на третій день Великоднихъ святкивъ, що після обідні, сидятъ коло церкви у два ряда дітвора, діди и баби; усе те зъ виду вбоге; а знаю добре що старцівъ на селі нема. Прийшли жінки й дівчата и щось у заполі ([6]) держять. Отъ и почали роздавати шматки свяченого: пасокъ, мняса, ковбасъ та крашанки. Сей звичай зветця: »*Дятинкй*.« Побачивъ я поміжъ вбогою дітворою хлопчика краще зодітого.

([4]) *Твань*—багнюка, на дні річки, або що остаетця на березі, якъ спаде весняна вода.

([5]) *Спичаки*—молодой проростъ очерету. *Рогізъ*—водяна рослина зъ которої плетуть рогожі. *Ріжки*—нарости на очереті при коріні.

([6]) *У запілъ набрати, у заполі принести*—загорнувши полу свити.

— »А ти чого тутъ підвівся? хиба й ти не маешъ чимъ розговітись?«

— »Я, сирота,« каже хлопця.

— »А живе у вашої тітки, та й самъ має батьківщину« обізвалась зъ гурту бабуся, хлопця відъ сорому заховалось, мабуть ще не звикло по старечому — жебрати. Звичай добрий, а дітей неде.

Далій побалакаю ще про тутешні звичаї.

(У листъ въ XI и XII книжці).

3-го липня 1861-року
Г. Полтава.

Кузьма Шаповалъ.

ЛИСТЪ ДО «ОСНОВЬЯНЪ.»

(4 грудня 1861.)

«По правді роби, доброго й кінця сподівайся.»
Народня поговорка.

Сами знаете, якого колоту паробило скрізь знесенне крепацтва. Про *»безпорядки«* въ панськихъ маентностяхъ, газети московські, мовъ у дзвони дзвонять, додаючи жаху вже й надто переляканому панству. Сумуютъ теперъ, ледве не скрізь, по державськихъ будинкахъ! Инші такъ налякані тимъ знесеннемъ крепацтва, тією несподіванною новиною, що й апетитъ втеряли, на виду поблідли и зовсімъ змарніли. Сумують, кажу, та думають–гадають, якъ ёго теперъ и віку дожити?

— »Жили, кажуть, досі *якъ у Бога за дверима*, *якъ у Христа за пазухою*.,. а теперъ таке лихо скоілось, що хочъ живий у домовину лягай!«

Багато де–котрі увірились, що за тимъ знесеннемъ, за тимъ новимъ порядкомъ, ніякої справи у насъ не буде. Що то крепацтво, те *хамське кодло*, дике несмисленне, злее, не дасть панові у вупокої жити. Що воно, зрадівши, що панъ не властенъ крепака а ні

выпороть (*), а ні попобити, а ні налаять,.. буде шкодить ёму и въ домі и въ полі, и всюди обертатиме панську худобу на свою неправедну користь. Багато є й такихъ, що кажуть, буцімъ рано заходились давать волю простоті темній (однихъ, бачите, думокъ зъ княгинею, вічній памяти, Дашковою); що, мовляють, треба по-переду освіту ій дати, а потімъ вже визволяти.

Про якихъ се людей вони кажуть, якихъ людей зневажають, про те ані гадки! Се тихъ вони взивають злими, неситими; що мовчки, що-денно на нихъ працювали, що въ диряву одежину повбирались, що часомъ скибки хліба не мали, що *свого* не знали.—Се ті зневажають що по учтахъ та бенкетахъ веселились, у колясахъ розъізджали, въ дорогихъ шатахъ похожали, смачні страви поідали, білі — білесенькі рученята мали... Така правда!

Оце зібравсь я вамъ дать звістку не про »*безпорядки*,« а таку, що хто ма очи, той побачить, чи на всіхъ панівъ нашъ народъ важкимъ духомъ дише? Чи справді вінъ дикий, несмисленій? Чи й справді збираетця полатать свої драні свитки коло панської худоби?

Учора одібравъ я зъ почти листъ, пущений до мене зъ сл. Стародубка, Изюмського повіту, Харьківської губерніі.

Слобода ся панська.

Тижнівъ зъ два назадъ, Стародубківські крімаки зібрали раду, та на раді громадою положили:— »*якъ панські загони и кошари стоять далеко одъ слободи, а сторожевй, чи то вартовихъ, для скотини наймать панові буде трудно* (бо грошей немае, а семъя у ёго велика), *то перенести ті загони и кошари на нове місто, у саму слободу.*« (Се бъ то, бачите, щобъ можна було и безъ вартовниківъ назирать, щобъ, часомъ, звіръ не порізавъ панську скотину, або й не-добрі люде чого не нашкодили.) »*Роботу сю вчинить на своіхъ дняхъ и своімъ коштомъ.*«

И вчинили, дякуючи панові за те, що стававъ імъ колись у пригоді.

Оттаке діло.

Объ Різдві самъ буду у тій палестині, и тоді докладнійшъ напишу, якъ воно тамъ було, а теперь, вибачайте, що коротко оповідавъ. Алежъ що се не вигадка, а справжня правда, то я у певность напи-

(*) Вибачайте за руссицизмъ.

ваю и слободу и уіздъ зъ губернисю, де се діялось, та й впъять таки, підписую свое (невигаданне) ймення. Нехай, хто схоче, дознае правди.

Отъ вже, за однимъ заходомъ, одпишу вамъ, якъ вподобались нашимъ землякамъ книжки, писані нашою мовою. Вибачайте, що се для васъ буде повторнимъ оповіданнємъ.

Послано було у Стародубокъ и Зузулівку (такий вільний хутіръ, межа зъ межею зъ Стародубкомъ), де-яки наши книжки, ото-якъ: Хата, Повісті Гр. Квітки (у въ роздробі), народні оповідання М. В., псалми Давидови, Катерина, Наймичка и решта Т. Г. Шевченка (святоі памьяти)... Съ першого погляду на нихъ люде було у регітъ... а

»теперъ, книжки у великій моді у насъ. Се наче рідний батько явивсь намъ зъ того світу. Всякому вони милі и полізні..« пише до мене одинъ лакей (*), и пробі просить прислати ще книжокъ. Та й не вінъ одинъ. Чи мало людей у насъ жалкують, що ще й досі, ніхто не здумавъ переложить Евангеліе на нашу мову.—Потрібно воно імъ, дуже потрібно. Отъ же всі люде мають св. Письмо переложене на свою мову, и служить воно тоді на праведну душевну користь. А у насъ и не чутно про се святе діло. Се велика вина. Се ми ховаемъ одъ народу праведний світъ, се ми держимо *свѣтильникъ* не на горі, а въ скрині, и не боімось одъ того й пожежи.—Чи вже жъ у насъ нема такихъ добродіівъ, щобъ подумали про се?

У въ однімъ селі, панъ — отець прочитавъ народу казань Гречулевича. И Боже мій, що то за радість була, якъ почули сю казань, якъ побачили, що церковъ Христова не цурается тіі мови народнёі, и не позирае на сю мову якъ на яку нéгідь!.. Ну, та я одбивсь одъ книжокъ.

Росказувала мині одна пані, що теперъ, въ іі маетку, всімъ панамъ на-вдивовижу, двірські люде збіраютця що вечіръ (певно, само-(хіть, у двірську хату. Тамъ вони сідають кружка, а хто-небудь зъ нихъ пісьменний читае імъ наші книжки. Таке диво! Мабуть таки стоіть чого наша молода словесность, коли люде не взирають и на свою утому, після денноі праці, та читають іхъ. Ну, та объ сімъ напишу більшъ відтіля, зъ Украіни.

(*) Сей листъ у П. А. Куліша.

Пишучи сей листь, маю надію, що ви, добродію, надрукуете ёго у в' Основі; вибачте, коли не такъ, якъ би треба до дрюку, написавъ: се мині первинка.

В. Каховський.

ЗЪ ГОРОДНИЦКОГО ПОВІТУ, ЧЕРНИГ. ГУБ.

(15 грудня 1861.)

Затóго минé рікъ, якъ пішовъ у насъ по селахъ новúй ладъ. Чи не часъ, панове, озирнутися, що вінъ намъ принісъ? От-же я, сілюкъ, миркую собі — пора. Пора ще найбільшъ відъ тóго, що хліборобськи рікъ вже минувъ, бо–хтось скаже.... зима на дворі. За для цёго я оце гадаю оповідати проте, що народивъ намъ, городнянцямъ, новúй ладъ. Не казатиму, якъ прищепався до насъ цей ладъ, бо и въ нашому повіті вінъ прищепився не безъ сумяття. А все черезъ те, що люде не розуміли «Положення». Панамъ не доймали вірі, а промиждо ними не було грамотної людини, щобъ товкомъ виясняла. Не хочу більшъ про це й згадувати, — казати по людській, такъ сказали «дуже тягне за панщáнами» тай нехай воно йде на сухий гай, та більшъ до насъ не вертаіцця;—казатиму лучче, що загадавъ собі зъ початку листу.

Що кому, а голодній кумі—кажуть—хлібъ на вумі,—такъ и мені: не-в-моготу щобъ не похвалитися попередъ усёго, якимъ цей рікъ подарувавъ насъ урожаёмъ. Нашъ повітъ не саме–то хліборідни, такъ собі,—тільки що не імо печіва зъ половою, якъ отъ на Поліссі. Але цей рікъ жита тежъ и ярúни були у насъ добрі,—старú кажуть, що вони давно вже такихъ не зазнають. Тільки— лишечко наше—цілісеньку *горячу дóбу* була така хлюща, що ні зъ чімъ не було змоги упоратися. Найбільшъ далася намъ у знаки косовиця. Оце було тільки блісне сонейко, люде за коси та за граблі, а тутъ зновъ и подзюривъ дорщъ, та оттакъ усю косовицю.... Погнили наши сіна: мало-мало хто назапасивъ на зиму. А за хлібець—дяка Богові! Сама плохша копа дае по пьяти пудівъ, а якъ що буйнои въязи, то й геть-то більшъ. Якъ би тільки не отці безхлібні палáнки Минська та Могилівська, а то вони богацько пожерають нашого хліба. Воно бакъ

и добре—е куди хлібъ збувати, але якъ у насъ недорідъ,—за ними така дорожнета, що й не докупиcся, хиба підешъ зъ горшками на степъ. Ну, та воно бъ все нічого, але цей рікъ винявся намъ таки, що богато треба буде заткнути де-якихъ дирокъ; наприкладъ, громадськи роби, межовання, подушне и др., такъ-що це поість нашого хліба більшъ, ненужъ сусидні паланки.

Оце жъ похвалившись урожаёмъ, додамъ тільки, що цёго року садовини у насъ не було зовсімъ, та й поверну річъ на инше. Даю передъ панамъ, бо вони бажають бути у насъ, хліборобівъ, поводирями, а того не гадають, щобъ йти зъ нами, якъ подобае ріднимъ братамъ. Ви, може, сподіваетесь, що вони теперечки силкуютця зъеднатися зъ нами. Де тамъ.... Ну та Богъ уже зъ ними... Зирнемъ, що імъ принісъ новий ладъ. Цёго року панщанами вже не можно було орудувати по колишнёмъ, стало бути, на жнива й на инші роботи треба було або наймати, або приймати людцівъ за скіплину. Наймати було ні за що (біг-мавъ грошей), то цёго року пани приймали жéнниківъ зъ десятої копи. Але якъ це ще у перве, то й жéнники не відали, доного приставати й сами пани не знали кого брати,—черезъ що панські роботи не гораздъ робились. И частенько таки попадаетця, що де-в-кого хлібъ погнивъ у полі, бо не впоралися зняти въ пору. А колишні кріпоки, заведено, більшъ собі дбали: було оце не піде на панську роботу, а піде на свою,—така, бачъ, думка,—пану відроблю й послі. Такъ, кажу, панське господарство йшло не гораздъ. А хто виненъ? Здаетця, сами пани. Імъ би треба було не думати та не жалкуватися объ тому, що було, та пішло въ плинь; але треба було метнутися сюдъ-тудъ та придумати що инше. Панщанами не можно було упоратися, отъ и треба було вимиркувати що инше. А то новий ладъ іхъ неначе збивъ зъ пантелику: затимъ и господарство іхъ йшло цёго року не ладно. Якъби, кажу, панамъ гроши, то міждо ними, можебъ, не оденъ обибрався таки, що зробивъ би такъ, якъ отъ зробивъ оденъ панокъ въ ніженскому повіті. Се жъ, знаете, въ цёго пана панщане не схотіли робити на цукарні; панъ імъ уже й плату дававъ — не хочуть; отъ панъ не поіхавъ ни до посередника, ни до станового, а поіхавъ у инши повітъ, та й нанявъ собі роботниківъ. — Побачили тоді кріпаки, що панъ обішовся зъ ними якось ново, та й росчовпали таки, що все бъ на цукарні де-що заробили; тоді до пана: «Ми, кажуть, пане, сами робитимемъ на цукарні, а ти наймитівъ не приймай» (а наймити ще не прибули). —

»Ні,« каже панъ, »теперъ мені васъ нетреба, я собі нанявъ«. Вони ну благати пана, а панъ ниблизько; а тутъ пішла чутка, що отъ-отъ прибудуть наймити. Незабаромъ справді прийшли й наймити. Щожъ би ви думали? Кріпоки не пускають у село наймитівъ, та благають пана: «Ми робитимемъ тобі безъ заплати, тілько не роби намъ зневаги». Бачить тоді панъ, що ёго кріпоки щиро взялись за діло, та й наймити таки поросходились,—отъ вінъ и подався: дозволивъ робити на цукарні своімъ, першъ безъ усёго, за па́нщину, а потімъ положивъ уже й заплату. — —

Такъ цёго року — кажу панське господарство не богато дасть визволу, а повинностей треба одбути чима́ло, такъ-що пани дуже сумують й не знають, якъ и вивернутися зъ біди́.... Теперъ оповідаю де-що про колишнихъ крипаківъ. По новому ладу въ нихъ завелась своя старшина. Ця старшина ще не дуже зви́кла до свого діла, затимъ й не всюди гораздъ верховодить своею громадою. И те треба сказати, що не всюди обрали на старшинъ гарнихъ людей, бо такділо гля панща́нъ було первинка. Черезъ що й трапилось, що стару шина частенько веде свое діло не такъ якъ слідъ. Въ одному селі, — чуешъ, — волосного викинуто за *превишення власти*, у другому жалкуютця, що старшина дуже орудуе громадою. Гля прикладу роскажу оказію про г-л-б-цьку старшину. Цёго року, знаете, ще у-перше гуляли на Олександрове свя́то (30 Серпня), то не всяке знало, що на це свято не можно робити. Передъ свя́томъ волосни́ зкликавъ кріпацькихъ старо́стъ й наказавъ імъ, щобъ загода́ли людямъ не робити, а йти до церкви; хто жъ робитиме, того *розорять*. На саме свя́то зібрались люде до церкви. Якъ повиходили зъ церкви, — побачили, що де-хто робить. Отъ оденъ ста́роста й каже. «Намъ волосни́ загадавъ *розорять* того, хто робитиме. Ходімте.» Та й пішовъ зъ своею громадою въ поле. Хто оравъ, тому сошники позбивали, хто копи возивъ, тому вози попереворочували. Та такого нако́или що не обійшлось и безъ позвізъ. Робили найбільшъ козаки, а вони й теперъ не рівняють себе до панща́нъ; отъ вони (козаки) й пішли позиватися. Наіхали судці; судили, судили, та й звиноватили того ста́росту, що водивъ свою громаду на *разорення*. А волосни́ ви́шкарбавъ, — показа́въ, що вінъ не зага́дувавъ розоряти, затимъ и звернули усе на одного ста́росту; его за́разъ зкинули зъ ста́роства. Вінъ же тільки тимъ виненъ, що бувъ собі про̀сти чоловікъ, то й зробивъ такъ, якъ загодавъ волосни́; та що жъ зробишъ, коли на ёго громада обу-

ри́лась, бо на спросі всі показали, що робилось розорення по ста́ростиному зага́ду, а про волосно́го вмовчали. А тутъ зовсімъ виненъ волосни́, та що жъ зробишъ, коли наши людці боятця позвівъ,—то й пока́зують такъ, аби себе вигородить. »Ти—кажуть—не знаешъ, що пише судови́; може вінъ тамъ напише на тебе таке, що й-и-и.... отъ и кажи лучче, що нічого не відаю». Оттакъ думае темнота про позви, то й боітця іхъ, и низащо не покаже, якъ слідъ.

Багацько ище де-якихъ робівъ росказують про кріпацьку старшину. Теперечки у насъ оглядають бо́ришенні гамазеі. Отъ и приздить у село Св—ухи смотритель. Кличе гамазейщика: »а що-питае—у васъ е хлібъ у гамазеі« — та у насъ, каже гамазейщикъ, зовсімъ нема й гамазеи. «А дежъ вінъ? У васъ же бувъ.« — Бувъ та продали. »Якъ продали»? — Та такъ, — громада присудила продати, й продали. — Такъ отъ якъ! не знаю що буде за це громаді; — ще не було суда.

На скнічання листу, чи — якъ кажуть — на потуху, скажу й про межования. Воно у нашому повіті уже буде роківъ зо три якъ почалось, та до кінця не доведено ни въ о́дному селі, — ще, якъ кажуть, *не согласили*. Пробовали й у Хріповци, й у Новихъ Браворахъ, та нічого не зробили: у Хріповци люде не хочуть міняти свою землю на чужую, а у Новихъ Броворахъ дідичъ хоче виселити людей зовсімъ геть зъ містечка, дае за містечкомъ землю; правда, вінъ дае удвое землі, та земля цоганя — пісокъ: отъ люде й не хочуть кидати дідивськихъ та баткивськихъ осель. Нашъ народъ зъ великимъ жалёмъ розлучаетця зъ своею землею и що то вже боітця, щобъ не заміняли ёго поля на чуже. Вінъ думае, що якъ землеміръ захватить ёго поля ланцюгомъ, то вже й *буде ему капець* (якъ каже помовка). Такъ отъ якъ йде у насъ межования; на полюбовне розмежования мало надіі, хиба розмежують *обязательно*, примусомъ.

Леся—ій.

ИЗЪ С. ТВЕРДОХЛІБОВЪ КРЕМЕНЧУГСКАГО УѢЗДА.

(5 декабря 1851.)

Школы, заводимыя теперь у насъ въ каждомъ селеньи и почти при каждой церкви и, главное, по одному безкорыстному усердію лицъ, вызывающихся учить,—дѣло почти что новое. Съ тридцатыхъ

годовъ существуютъ у насъ, правда, при каждой волости казенныя училища. Но, въ отношеніи къ цѣлой массѣ населенія, училища эти, что называется капля въ морѣ. Да и то сказать, — крестьянинъ, сколько мы знаемъ, всегда крайне тяготился отдавать свое дитя въ эти училища, въ селеніе, часто отстоящее на десять, пятнадцать и болѣе верстъ, гдѣ онъ долженъ и нанять квартиру, и доставить провизію и т. д. Странно, однакожь, что школы, заводимыя по видимому, при гораздо благопріятнѣйшихъ для крестьянина условіяхъ, чѣмъ казенныя училища, встрѣтили въ народѣ тоже старое нерасположеніе, которое издавна выпадало на долю *училищъ*, тоже упорное предубѣжденіе противъ грамотности и науки однимъ словомъ — общее нежеланіе отцевъ и матерей отдавать дѣтей на выучку. Гдѣ причина такому грустному явленію? Виноваты въ этомъ, намъ кажется, прежде всего тѣже казенныя училища,—хотимъ сказать,—та поразительная неуспѣшность, съ какой ведется въ нихъ издавна обученіе. Мы говоримъ, конечно, о ближайшихъ, коротко знакомыхъ намъ, училищахъ въ Кременчугскомъ округѣ. (1) Кто, напримѣрь, можетъ повѣрить, а между тѣмъ мы сами видѣли примѣры, — что на третьемъ году и даже чрезъ три года обученія, нѣкоторые изъ учениковъ этихъ училищъ буквально не умѣли еще разобрать посторонней книжки. (2) Не въ пользу также нашихъ школъ могли дѣйствовать и тѣ нелѣпыя толки и слухи, которые Богъ–вѣсть откуда являлись и бродили въ народѣ. Такъ, между–прочимъ, въ нашемъ селеніи, при самомъ открытіи школы, вдругъ распространилась молва, надѣлавшая много хло-

---

(1) Исключенія, конечно, всегда возможны,—они возможны и для Кременчугскаго округа. И мы никогда не забудемъ того свѣтлаго впечатлѣнія, какое мы вынесли изъ единственнаго въ этомъ родѣ училища госуд. имуществъ, въ посадѣ г. Кременчуга, Кроковѣ.

(2) Одна изъ ученицъ Недогорскаго училища на сдѣланное нами ей замѣчаніе: «какъ же ты, голубушка, три года училась въ училищѣ, да и прочитать не умѣешь»—наивно отвѣчала, что она всему выучилась тамъ *по памяти*. Что удивительнаго, впрочемъ, когда въ училищахъ этихъ (напр. Пироговскомъ, Недогорскомъ, Песковскомъ и друг.) обученіе идетъ до сихъ поръ по допотопной методѣ: буки—азъ—ба. Намъ казалось бы, что въ училищахъ, находящихся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ и попеченіемъ министерства народнаго просвѣщенія, скорѣе чѣмъ гдѣ–нибудь, надобно предположить и знакомство съ новымъ методомъ (напр. Золотова), да и самыя руководства подъ руками. Съ удовольствіемъ спѣшимъ сдѣлать оговорку. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прислано въ училище руководство къ изученію грамоты и счисленія Ив. Главинскаго.

нотъ, что грамотныхъ *дівчатъ будуть забірать на царицыни фабрики, а хлопців въ Москалі.* Все это было бы, можетъ быть, смѣшно и странно, если бы не было грустно. Народъ, до сихъ поръ не имѣвшій передъ глазами почти никакого наглядиаго приложенія къ своему быту грамотности, а между тѣмъ такъ или иначе встрѣчаясь съ заботливостію правительства о ея распространеніи, — старается чѣмъ-нибудь объяснить для себя эту заботливость и — объясняетъ ее хоть, напримѣръ, какими-то эгоистическими видами правительства...

Какъ бы-то ни было, такъ-да-сякъ, то просьбою и убѣжденіемъ немногихъ изъ крестьянъ, то острашкою на другихъ, — что если не отдадите дѣтей въ школу, то возьмутъ, не спрашивая васъ, наконецъ и мѣрами *власти, мѣрами* принужденія, игравшими, надо правду сказать, даже не послѣднюю роль въ этомъ дѣлѣ, школы наши устроились. Начало, какъ видите, грустное и мало обѣщавшее прочнаго въ будущемъ, особенно если при этомъ взять во вниманіе недостатокъ, на первыхъ же порахъ, въ средствахъ и хорошихъ пособіяхъ для обученія.

Въ настоящее время нѣкоторыя изъ новоустроенныхъ школъ считаютъ уже три, четыре мѣсяца и даже около полугода своего существованія. Возвращаясь теперь къ тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, подъ которыми устроились наши школы, и останавливаясь на тѣхъ успѣхахъ, которые сдѣланы ими въ ихъ четыре—пятимѣсячное существованіе, мы не безъ сердечнаго удовольствія должны сказать, что успѣхи въ нихъ, конечно, далеко еще незначительные, во всякомъслучаѣ превзошли наши ожиданія. И прежде всего, для насъ шагъ и большой шагъ впередъ уже въ томъ, что школа замѣтно перестаетъ быть тѣмъ нравственнымъ *пугаломъ*, какимъ она была прежде для крестьянина. Если, на первыхъ порахъ устройства нашихъ школъ, васъ какъ-то непріятно поражаютъ эти мѣры постороннія и, такъ сказать, роняющія самое дѣло: то за то теперь, въ тѣхъ же самихъ школахъ, вы найдете не одного мальчика или дѣвочку, которые пришли сюда или вѣрнѣе присланы отцемъ и матерью учиться по доброй охотѣ. Въ свою очередь, мальчики и дѣвочки— будемъ говорить хоть о нашей сельской школѣ,—совладѣвши очень легко и скоро съ чтеніемъ, съ большою охотою и какимъ-то замѣтнымъ соревнованіемъ другъ предъ дружкой, принимаются за свои уроки. Всегда доступное для нихъ, на первыхъ порахъ, чтеніе исключи-

тельно на народной мовѣ, намъ кажется, болѣе всего поддерживаетъ въ нихъ охоту, и имъ до того нравится иной стихъ—народнаго ли поэта, или же пѣсни и думы народной, что тутъ же декламируется въ ихъ маленькомъ обществѣ наизустъ и даже поется. (1) Чтобы видѣть, какъ полюбилась этимъ дѣтямъ школа, мы укажемъ одинъ фактъ. Отдѣльнаго помѣщенія для школы злѣсь пока нѣтъ. Дѣвочки (которыхъ числомъ здѣсь 14) и мальчики (числ. 5,) размѣщаются обыкновенно какъ-и-гдѣ попало въ домѣ священника (онъ же, да жена его и *главные* учители этой школы). Чтобы дать себѣ про-с торъ и отдыхъ въ дни праздничные и нѣкоторые другіе дни, было не разъ дѣлаемо распоряженіе, чтобы завтра не приходили вовсе учиться. Анъ смотри, всѣ и явились.—»Годі, отвѣчала мнѣ пренаивно одна дѣвочка, дома мати бье, а тутъ менi краще.» Ознакомившись хорошо съ чтеніемъ (рядомъ съ нимъ шло и письмо), нѣкоторые изъ учениковъ принялись за чтеніе славянское; и мы были лично свидѣтелемъ, какое благопріятное впечатлѣніе на народъ произвело первое бойкое чтеніе однимъ мальчикомъ заключительнаго псалма въ церкви. Можетъ быть, этотъ простой, столь ничтожный самъ по себѣ, случай помирилъ въ деревнѣ не одного отца или мать съ грамотностію сына. (2) Такія же или почти такіе успѣхи вы найдете и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ указываемъ теперь на школу въ с. Столбовахѣ, гдѣ обученіе ведется толково и съ большимъ усердіемъ священникомъ. П. Комарецкимъ и его шестьнадцатилѣтнею дочерью. Здѣсь, достойна особеннаго замѣчанія та необыкновенная охота къ грамотѣ, какая явилась въ народѣ въ послѣднее время: крестьяне одинъ передъ дру-

---

(1) Кстати замѣтить, что обученіе въ нашей приходской школѣ и нѣкоторыхъ другихъ идетъ по методѣ (нѣсколько впрочемъ измѣненной) Золотова Первоначальное чтеніе (вмѣсто букваря) идетъ по таблицамъ. довольно удачно составленнымъ на малорос. языкѣ Г. Грещанковскимъ, въ Кіевѣ. Дальнѣйшимъ хорошимъ пособіемъ служатъ брошюрки на малорусскомъ языкѣ, изд. Кул-мъ.

(2) Это не покажется страннымъ, когда прибавимъ, что въ нашемъ селеніи, (за исключеніемъ, кажется, одного, гдѣ-то случайно добившагося книжной мудрости), до самого послѣдняго времени грамотныхъ совсѣмъ не было; и дьячекъ—старикъ 40 лѣтъ—съ лишнимъ пѣлъ хриплую свою пѣсню, не встрѣчая ни въ комъ и никогда поддержки. Кстати замѣтимъ, что въ часы отдыха и досуга иногда идетъ здѣсь и обученіе пѣнію, которое, впрочемъ, здѣсь не болѣе, какъ средство болѣе заохотить народъ къ ученію.

гимъ сами приводятъ дѣтей въ науку. Къ сожалѣнію, священнику пришлось отказать многимъ изъ нихъ, по недостатку помѣщенія и вообще по недостатку многихъ другихъ средствъ къ обученію. Мы ограничиваемся *пока* голымъ перечнемъ численности учениковъ въ другихъ школахъ ближайшихъ къ намъ селеній. Въ селѣ Броваркахъ обучаются 8 муж. п., въ м. Чигриндобровѣ 26 муж., въ с. Борисахъ 6 д. муж., въ городищѣ Градижскѣ (кромѣ казенныхъ училищъ) муж. 14 и ж. 6 и въ другой школѣ муж. 5 и ж. 2., въ с. Столбовахѣ 18 д. муж. п. и въ с. Твердохлібахъ 5 муж. и 14 ж. Остается повторить старую аксіому: что дѣло всегда убѣждало и будетъ убѣждать сильнѣе всякаго громкаго слова, всѣхъ краснорѣчивыхъ доводовъ. Если крестьянинъ у насъ съ какимъ-то чуть не суевѣрнымъ страхомъ *цурался* грамотности и школы; то вѣроятно въ самыхъ *училищахъ* было для него *нѣчто* такое, что скорѣе отталкивало его отъ нихъ, даже могло поселить въ нихъ что-то похожее на страхъ, чѣмъ могло расположить его—отдать дитя въ школу... Говоря правду, казенныя училища до сихъ поръ ничего не дали, кромѣ урядниковъ, впрочемъ, окончательное свое *образованіе* получающихъ, какъ извѣстно, уже въ канцеляріяхъ окружныхъ управленій.—Мы думаемъ, что настоящія школы, уже по своему неоффиціальному характеру, значительно болѣе могутъ расположить крестьянина въ свою пользу. Мы вѣримъ, что дѣло въ нихъ поведенное безъ оффиціальности, но съ усердіемъ, съ сознаніемъ всей великости дѣла, съ любовію къ народу—и главное еще—съ умѣньемъ взяться за дѣло, заставитъ крестьянина рано или поздно полюбить отъ души школу.

П. Ч.....ій.

КАНЕВСКАЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

(19 декабря 1861)

Воскресная школа, находящаяся при Преображенской церкви гор. Канева, съ разрѣшенія духовнаго и гражданскаго начальства, открыта мною 1861 года 10 сентября и помѣщается въ домѣ, построенномъ мною для помѣщенія ежедневнаго училища. Она какъ нельзя лучше пришлась нашему ремесленному классу, который шесть дней

находится за работой, а въ воскресные и праздничные дни свободенъ отъ нихъ и можетъ удѣлить нѣсколько часовъ на изученіе грамоты.

Школа состоитъ подъ непосредственнымъ моимъ вѣдѣніемъ и подъ надзоромъ штатнаго смотрителя Каневскаго уѣзднаго училища. Преподаваніемъ въ ней занимались и занимаются (кромѣ меня) учитель уѣзднаго училища г. Тищенко, учитель приходскаго училища г. Самоненко, чиновники уѣзднаго казначейства: Василій Сѣргиховскій и Василій Остащовъ и лучшіе ученики уѣзднаго училища.

Въ воскресной школѣ преподавались и преподаются предметы, указанные въ программѣ, утвержденной начальствомъ и изданной для воскресныхъ школъ, именно: Законъ Божій, чтеніе, ариѳметика и письмо.

Законъ Божій преподается мною устно. Такъ какъ посѣщающіе школу начали свое поприще съ *аза*, то я счелъ полезнымъ начать преподаваніе Закона Божія изустно и съ предметовъ болѣе понятныхъ для нихъ, именно съ исторіи ветхозавѣтной, и притомъ на нашемъ народномъ языкѣ.

Чтеніе. Учащіе на первыхъ порахъ, не имѣя подъ руками никакихъ пособій, слѣдовали прежнему методу преподаванія: — сперва заставляли заучивать азбуку, потомъ къ согласнымъ прилагали гласныя и заставляли произносить ихъ, наконецъ, когда учащіеся затверживали слоги, приступали къ чтенію и цѣлыхъ словъ. Вначалѣ держались букваря, изданнаго Кіевопечерскою Лаврою, потомъ учебниковъ Золотова, пожертвованныхъ, по просьбѣ моей, правленіемъ товарищества: «Общественная Польза.» Учениковъ, болѣе успѣвшихъ, упражняли въ чтеніи по Новому Завѣту на славянскомъ языкѣ, по книгѣ Наума» и по книгамъ «Дѣтскаго журнала.» Ариѳметика преподавалась устно. Сперва учащіе заставляли писать на доскѣ ариѳметическіе знаки, потомъ, когда ученики затвердили ихъ, учили составлять числа изъ десятковъ, сотень и тысячъ и прикладывать одни къ другимъ.

Письмо. Учащіеся занимались также и письмомъ. Сперва писали на доскѣ мѣломъ, — потомъ на бумагѣ съ прописей Золотова и нѣкоторые оказали успѣхи очень удовлетворительные.

Численный составъ посѣщающихъ школу не всегда былъ одинаковъ и зависѣлъ отъ причинъ внѣшнихъ. 8 сентября, въ день открытія школы, явилось 8 человѣкъ: 5 муж. и 3 женскаго пола, 14 сентября 30 человѣкъ, 17 сентября 44 человѣкъ. Впослѣдствіи, число это возрастало и записанныхъ въ книгу въ настоящее время зна-

чится 80 человѣкъ. Впрочемъ, не всѣ и не всегда въ одно время посѣщаютъ школу. Средняя цифра постоянно — посѣщающихъ каждый учебный разъ—60. Посѣщеніе школы учащимся предоставлено ихъ доброй волѣ; поэтому всякіе удостовѣрительные документы отвергнуты школою. Мѣра эта была необходима и благодѣтельна.

Время для занятій избрано нами послѣ обѣденное 2, 3 и 4-й часы по полудни, какъ весьма удобное для насъ. По приходѣ въ школу, ученики раздѣляются на неграмотныхъ, полу-грамотныхъ и грамотныхъ; каждое отдѣленіе раздѣлено на кружки или группы, каждая группа поручается особому наставнику, который смотритъ за нею и руководитъ.

Число учащихся, записанныхъ въ книгу, по возрасту, состоянію и занятіямъ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

а) *По возрасту:* отъ 7 до 10 лѣтъ—10 чел., отъ 10 до 15 л.—40, отъ 15 до 20 л.—18, отъ 20 до 30 л.—2 чел.;

б) *По состоянію:* оберъ-офицерскаго званія 1 чел., духовнаго 1, солдатскихъ дѣтей 14, временно-обязанныхъ 4, дворовыхъ 4, мѣщанъ 56.

в) *По занятіямъ:* ремесленниковъ 50; земледѣльцевъ 15; служительскихъ дѣтей 10 и не имѣющихъ занятій 5. Всѣ 80 учащихся православнаго исповѣданія и южноруссы, изъ коихъ 64 мужескаго и 16 женскаго пола. Преподаватели являлись въ школу для исполненія своихъ добровольныхъ обязанностей всякій учебный разъ и занимались съ учащимися добросовѣстно, усердно. Школа не имѣетъ никакихъ средствъ содержанія, кромѣ букварей, пожертвованныхъ на первыхъ порахъ мною и руководствъ, присланныхъ правленіемъ товарищества «Обшественная Польза.» Другихъ пособій школа не имѣетъ.

Намъ остается теперь просить «Основу» и другіе журналы, печатно пригласить всѣхъ сочувствующихъ доброму дѣлу помочь намъ высылкою книгъ и другихъ пособій. Мы вполнѣ увѣрены, что на Руси есть много, очень много, сочувствующихъ общеполезному дѣлу народнаго образованія, которые не откажутся помочь намъ.

Пособія могутъ быть присылаемы на имя учредителя школы, — *въ г. Каневъ, Преображенской церкви* Священнику Ѳеодосію Чайковскому.

Священникъ Ѳеодосій **Чайковскій.**

УКРАИНСКІЕ ТОВАРЫ ВЪ МОСКВѢ.

(12-го Января 1862 г.)

Слѣдя за ходомъ торговли, въ Москвѣ, нашими украинскими товарами, на первый разъ мы сообщимъ о двухъ главныхъ предметахъ—шерсти и сахарѣ. Важныя измѣненія, послѣдовавшія въ нашей чайной торговлѣ возъимѣли нѣкоторое вліяніе и на цѣны шерсти; но къ-счастью, пониженіе цѣнъ на шерсть не такъ значительно, какъ можно было ожидать, при первомъ взглядѣ на потерю Кяхтинскаго дѣла. Московскіе фабриканты, выработывая для Кяхты сукна и драдедамы, ежегодно употребляли мыто-фабричной украинской шерсти до 80 т. пуд. Начиная отъ самой весны, цѣны на шерсть здѣсь держатся въ одинаковомъ положеніи. Фабриканты, работавшіе на Кяхту, прекратили выдѣлку кяхтинскаго сукна и драдедама, а въ замѣну ихъ работаютъ теперь сукна для внутренняго употребленія, сокративъ до нѣкоторой степени пропорцію выдѣлки. Цѣну на шерсть поддержали покупки для заграницы въ Троицкой и Ильинской ярморкахъ. Противъ цѣнъ прошлаго года, шерсть въ Москвѣ дешевле, не болѣе 1 р. 50 к. на пудъ—именно:

Мыто-фабричная самый высокій сортъ, отборная отъ	30	р.		до	36	р.	
Мыто-фабричная харьковскихъ, бѣлгородскихъ и воронежскихъ моекъ, средняя отъ.	26	р.		до	28	р.	
Низкія сорта тѣхъ же моекъ отъ. .	20	«		«	24	«	
Перегонъ отъ	13	«		«	17	«	50 к.
Грязная отъ.	8	«	50 к.	«	9	«	50 к.
Овчинная мытая отъ	21	«		«	24	«	
Подшарокъ московскихъ и тульскихъ моекъ отъ.	20	«		«	25	«	
Ангорская отъ	28	«		«	30	«	
Тума отъ	13	«		«	16	«	
Цигей отъ	15	«		«	20	«	
Очоски отъ саксонской пряжи отъ .	27	«		«	29	«	
Концы отъ сукна чистые отъ. . .	10	«		«	12	«	
Концы отъ сукна масляные отъ . .	7	«		«	9	«	

Ворса отъ сукна бѣлая и цвѣтная отъ.	3	«	«	4	«		
Кнопъ отъ сукна бѣлый и цвѣтной отъ.	3	«	«	3	«	50	к.
Русская бѣлая отъ.	6	«	«	6	«	50	«
Русская черная и сѣрая отъ . . .	3	« 50 к.	«	4	«	50	«
Верблюжья отъ.	4	« 50 «	«	5	«	50	«
Козій пухъ бѣлый отъ.	27	«	«	29	«		
Козій пухъ сѣрый отъ.	22	«	«	24	«		

Излагая подробности цѣнъ на шерсть, мы можемъ заключить, что шерстяныя дѣла здѣсь пока еще не плохи, несмотря на то, что уже наступила и Крещенская (въ Харьковѣ), которая можетъ имѣть вліяніе на московскую шерстяную торговлю. Ежели на ярморкѣ не купятъ для Польши и заграницы, тогда цѣны неизбѣжно должны упасть. Хотя время въ Москвѣ теперь очень тихое, но шерсть покупаютъ. Въ послѣднее время куплено для двухъ фабрикъ гг. Алексѣевыхъ, а также и другихъ, мыто-фабричной нѣсколько значительныхъ партій. На ангорскую, пигей и тума́, теперь хорошій спросъ для здѣшнихъ фабрикъ, но въ Москвѣ этихъ шерстей въ настоящее время мало. Кнопъ и ворсу хорошо покупаютъ для заграницы, даже стараются покупать впередъ, что будетъ выходить изъ фабрикъ. Русскую бѣлую также начинаютъ покупать для заграницы. Козьего пуха бѣлаго и сѣраго также есть покупки. Теперь мы ожидаемъ извѣстій изъ Харьковской крещенской ярмарки, какія будутъ тамъ покупки шерсти, сколько и куда ее поступитъ, и притомъ же ожидаемъ привоза значительныхъ партій шерсти изъ Казанской, Тамбовской и др. губерній, откуда постоянно въ это время привозятъ Татары и другіе спекулянты.

Теперь въ Москвѣ, полагаемъ, количество шерсти мыто-фабричной, перегона и грязной для продажи находится не болѣе 50 т. пуд.

О сахарѣ скажу, что слухи о бѣдствіяхъ, постигающихъ наше малороссійское сахароваренiе, въ Москву какъ будто и не достигаютъ— рафинады здѣсь все также дешево продаются, какъ продавались весной и лѣтомъ. Причиною такихъ цѣнъ, намъ кажется, несоразмѣрно увеличившееся число рафинадныхъ заводовъ въ Москвѣ. Сколько мы понимаемъ это дѣло, теперь рѣдкіе изъ рафинадныхъ заводчиковъ не работаютъ себѣ въ убытокъ.

Цѣны югозападнымъ сахарамъ.

Бобринскаго.	. .	9 р.	
Яхненко	. . .	8 «	90 к.
Ротермунда.	. .	8 «	75 «
Браницкаго.	. .	8 «	70 «
Сангушко	. . .	8 «	70 «
Неннингера.	. .	8 «	50 «
Варшавскій.	. .	8 »	25 «

Цѣны петербургскимъ и московскимъ сахарамъ.

Молво	. . . .	9 р.	40 к.
Кенига	. . . .	9 «	40 «
Карръ	. . . .	9 «	
Гауфъ	. . . .	9 «	
Борисовскаго	. .	9 «	
Кнопъ и Пасбургъ		9 «	
Генеръ и Гейнеке.		8 «	70 «
Даниловской и К°.		8 «	70 «

Пески свекловичные отъ 7 р. до 6 р. 30 к. за пудъ.

О. Нестеренко.

ДЕ-ЩО ПРО ЖИДІВЪ.

Увъ остáнні чáси чи мáло кáзано й пи́сано про Жидівъ. Не перелічишъ усёго, що́ надрюковáли, щобъ громáда поняла́ віри, що жиди́—такі жъ лю́де, якъ и ми, и що воні́ му́сять мáти громадя́нські правá. Сътаки́мъ по́глядомъ, починáючи свої́ до́казки, жидолю́бці очерни́ли громáду. Якъ-таки́? Въ на́ші чáси ще живе́ фанати́змъ, ненáвисть, ще жидівъ мáють не за однáкихъ изъ нáми людей, ще тіснять іхъ за віру, звичáі, одéжу!

Шви́дче горніть жидівъ до свого́ се́рьця! Робіть іхъ су́ддями, генера́лами, мини́страми! Нехáй живу́ть де́ схóчуть; нехáй гандлю́ють, крамару́ютъ скрізь по всёму́ цáрству. Не лéгко й спóрити прóти такúхъ думъ, бо воні́ обпира́ютця на прáвду, та... чи не треба бъ спершу подумать — чімъ залатáти дірки́ на свитáхъ убóгихъ селя́нъ, що жи́ди пообдира́ли? якъ одви́чити одъ горілки опóеного жи́домъ бáтька голóдних дітéй, одъ крадéжки сúна, абó дочку́, що жидъ навчúвъ обкрадáти бáтька, нáймита, абó челя́дку, що для жида́ обно́сили хазя́іна?

Я живу́ на Вкраíні, у такúхъ нетрáхъ, де немá шкілъ, ні недільних, ні щоде́ннихъ, де попи́ тільки разъ у годъ ка́жуть кáзань, передъ постóмъ, щобъ принóсили роковщи́ну,—де станові, да пани́, — та про сіхъ шкодá й балáкати. Живу́ тамъ, куди́ не дося́гъ ще свíтъ и́стини й нау́ки, а де жиди́ вже опанувáли людъ — по містéчкахъ и велúкихъ селáхъ.

Хто не ба́чивъ збли́зька, той не пойме віри, щобъ оди́нъ жидъ, у три-чоти́рі го́ди, зни́щивъ, запога́нивъ, розбештувавъ село́, де ти́сяча, або́ й більшъ, реви́зькихъ душъ!

Де-жъ бере́тця у жидівъ та́я си́ла, на́ лихо людові й сами́мъ жида́мъ, бо вона́ корінь нелюбо́ви и къ імъ?

Си́ла ся—поедна́ння жидівъ изъ пана́ми й поли́ціею. Слуга па́на й станово́го; го́дючи обо́мъ, жидъ не боітця обду́рювати про́стихъ люде́й, бо й панъ и станови́й тя́гне ру́ку за жи́да; тілько—такъ ка́жучи—се надвірня сторона́ ха́ти; си́ла жидівъ кри́етця въ іхъ, нічімъ незупиня́емому, жада́нні гро́шей, у знева́зі и къ хреще́ному лю́ду, у безкра́імъ моше́нстві зъ не-жида́ми, а ко́рінь сіе́і си́ли у сами́хъ жидівськихъ давніхъ звічаяхъ.

Перехо́жу до фа́ктівъ: неха́й вони́ гово́рять за ме́не, бо таки́мъ робомъ способніше доказа́ти пра́вду.

При́йде у село́ жидъ изъ жидівкою; жидівка ще наданнійша оду́рювати люде́й. Жидъ іздить, купу́е, продае́, а жидівка до́ма, порядку́е. На́ймуть ха́ту, або́ панъ у свою́ поса́дить, бо панъ безъ жи́да не обійдетця: жидъ и ома́нить ёго́ и вірний ёму́ якъ соба́ка, бо зна́е, що де́ржитця вінъ за па́нською голово́ю. Наку́пить жидъ уся́чини: смоли́, цвя́шківъ, ми́ла, голо́къ, очі́пківъ, реме́ню, підошо́въ, хусто́къ, не перелічишъ усёго! ва́рить медъ, пече́ пироги́, бу́лки,—и почина́е людей підма́нювати. Небага́го прода́жнего бо́рошна у яко́го-не́будь хазя́іна,—шкода́ й і́хати само́му у я́рмалокъ! — Се бъ то тре́ба проха́ти сусі́дівъ, бігати по хата́хъ, та ще й могори́чити; отъ и згада́е: е въ насъ жидъ на селі, чи не купи́въ би вінъ? Иде до жи́да, жидъ ку́пить, звісно—деше́вше, и забо́житця и закляне́тця, що на я́рмалку така́ ціна́. Хазя́інъ и не йме ёму́ гора́здъ віри, та поду́мае: якъ мені клопота́ть, та могори́чъ купува́ти, то на тежъ и ви́йде. А жидъ вже не ви́пустить ёго такъ изъ хати: зна́е, що не іде вінъ у я́рмалокъ, и пита́е—чи не тре́ба то́го-дру́гого? Наділить ёму́ хочь горілого реме́ню, що за́разъ поре́паетця; а пора́дитись, якъ у я́рмалку, нема́е зъ ки́мъ, та ще й візьме жидъ у-двое, изно́въ бо́житця-клене́тця, присяга́етця.

Ще-жъ то до́бре, якъ жидъ не шинку́е.... Надъ жи́да шинкаря́ нема́ більшого безсре́бреника; тимъ и не мо́же диви́тись на гро́ші—ва́дить ёму́, якъ поба́чить, що чоловікъ гро́ші — за горілку оддае́. »Хиба́ въ те́бе,« — ка́же, — гро́шей до-біса, хиба́ тобі нічо́го не тре́ба? Пьяно́му за́разъ и шибне́ у ду́мку, що у хазя́йстві чого́-

нéбудь та й немáе,—отъ за свої грóші й купить у жи́да, такé, що й не трéба, зъ пьяноі бачъ річи; а значóкъ крéйдою вже надъ ля́дою намалёваний. Якъ напьé чоловікъ стільки, що й ліки погýбить, тоді жидъ починáе вже у-двóе запи́сувати; а дáлі и йде у хáту: »оддáй, та оддай грóші: мені трéба за бóчку унóсити.« Одпрóшуетця хазя́інъ, щобъ до я́рмалку підождавъ, а жидъ на пеню́ кричи́ть, щобъ сóромъ зроби́ти, щобъ сусіди почýли, якъ шинкáрь грóші прáвить, та після́ чоловікові óчі довбáли. Оддáе плáчучи хазя́інъ жи́дові грéчкою, абó бóрошномъ, по тій ціні, якý жидъ полóжить; а при́йдетця ви́пити зъ людьми́, изнóвъ набирáетця на ши́ю.

Коли́ на селі два шинки́, у въ однóму жидъ, у дрýгому свій братъ, то до селяни́на й не хòдять, бо той и вночі не шви́дко одчиня́е, и понýро ди́витця якъ розіспи́тця; на віру не дае, и зáкуски пія́коі немáе, а жидъ швидки́й, ласкáвий, на віру даé, и чехóнь у ёго и тарáнь, и бýлки, и одчи́нить жидъ зáразъ, хочъ о півночи стýкай; у хáті, хочъ и смерди́ть, та тéпло, бо про тóпливо жидъ не гарáздъ клопóчетця: лю́да й привезýть и злóжуть за однó те, щобъ грóшей підождáвъ, бо жи́дові тілько сами́ багатирі та хурбéти й не ви́нні.

Поіде чоловікъ у лісъ, абó у підвóду; жінка самá дóма; при́йде до іі кумá на пóпряди; прядýть, та й балакають. Отъ и згадають, якъ дівувáли вони́, а мó ще й товари́шки були́, якъ складáлись на зáпуски, якъ у весіллі де-нéбудь рáзомъ гуля́ли; отъ кумá й кáже: «э, ви́пилось би дóбре, по сій мóві » А у хазя́йстві й копійки за душéю немá: остáнні грóші чоловікъ за подýшне однісъ, а признáтись соромно; не булó–бъ жи́да, трéба булó–бъ и прáвду сказáти. Отъ и йде хазя́йка у комóру, та й тя́гне чогò–нéбудь вóрочокъ. Принесé хазя́йка свою́ пля́шечку, потрóшку, потрошку та й випють. Принесé й кумá своéі. Поснýть, а у рáнці трéба похміли́тись, —и вóрочокъ у жидівки. Чоловікъ приіде,—лю́де й докáжуть, що жинка до жидівки бóрошно носи́ла; одбузýе чоловікъ жінку, а жидівці й донесýть. Стріне де–нéбудь жидівка молоди́цю,—зáразъ и кáже, та ще й головóю хитáе: «Ой, моя́ голýбко, яки́й же у тéбе чоловікъ погáний! такý гáрну люди́ну нівечить... затопи́ла ти свою́ гóлову. Та се все черезъ людéй поганіхь! ти якъ у–дрýге трáпитця, то у вéчері принеси́.« Жінка хочь и одкáже жидівці, що не іі діло, що на те й чоловікъ, щобъ жінку вчивъ, а самá таки́–жъ и подýмае: усі сміютця, що менé попоби́то; однá тілько жидівка пожáлувала«...

Розгорю́е де-не́будь ді́вчина кильконáдцять шагівъ; ось и біжить до жидівки, щобъ стёнжку́, або́ яку́ прòстеньку ху́стку, купи́ти. »Се такій гáрній ді́вчині та таке́ купувáти!« кáже жидівка. »Ось, лишень, подиви́сь, що́ въ ме́не е! та й покáзуе дівці свій крамъ та повязуе іі хусткáми, то загрянишними, або́ изъ лáпою, чи зъ орло́мъ, ще й до дзеркала підведе́. Отуманіе дівка зовсімъ, и о́чі въ іі бігають; а жидівка тíлько підхвáлюе, та áжъ губáми цмо́кае: »теперь дівка, гáрна дівка! усякий позави́дуе: купи́ цю́ ху́стку; якъ тобі у іі гарно!« Дівчина-бъ и рáда купи́ть, та гро́шей немá. »Я на те́бе повірю,— кáже жидівка,—починками оддаси́. Дівчина й забере́ ху́стку. Та не ле́гко и́ одроби́ти почи́нками: де іхъ стíлька напря́сти! а жидівка усе́ про ху́стку згáдуе. Ви́беретця часъ, то й скáже дівчині: »ось у васъ лёнъ е; ти бъ менí повíсмівъ изъ двáдцять принеслá, то й не булá бъ вíнна.« Дівчина зрáзу ажъ злякаетця, що тре́ба у мáтки укрáсти, та хибá жидівка не всо́вістить!—Хибá жъ не ти,—каже вонá, брала сей лёнъ, не ти вибивáла? Та й старі вáші які: таку́ дівчину зодягáють! хибá й не ти імъ не ро́бишъ? хиба не зъ те́бе пе́рша помічъ?« Уго́втае такъ дівчину, що й принесе́ вонá лёну, та ще у жидівки на віру що не будь візьме, — и почне́ тягáти зъ до́му.. Ще жъ до́бре, якъ дівчина кріпка на вдáчу, то охапе́тця, покáетця; а и́нша зовсімъ розбештуетця: до́ма іі бьють, лàють, товари́шки смію́тця, ніхто́ не бере́; однá тілько жидівка до́бра, ласкáва; відъ іі бідна дівчина тілько й до́бре сло́во почу́е, тілько жидівка й розвáжить іі; а підъ сей случáй мо й пани́ москалі стоя́ть на селі, — такъ жидівка заторо́пленну дівчину ще й на инший пу́ть наведе́, бо й на се жиди́ розу́мні зъ-біса...

У тому́, що панисáвъ я ту́течка, немá й деся́тоі, або́ й со́тоі чáсти того́, що́ виробля́ють жиди́, де тільки оку́блятця. Зъ написаннихъ тутъ случàівъ можна тілько пізнати, яки́мъ по́битомъ починáетця й веде́тця жидівська омáна. Відъ іі пья́нство, злодійство, бійки, занехання хазя́йства, вбо́жество. Коли́ помиля́юсь, то щи́ро, и дя́куватиму тому́, хто одкри́е мені о́чі.

Чого́-жъ дивуватись, що людъ нашъ недуже лю́бить жидівъ, тихъ ворогівъ прирожденихъ, що зъ дáвнихъ-даве́нъ ссуть кровь Украіни? Ненáвисти-жъ икъ жидамъ немá у наро́ді; несміе́тця народъ нашъ изъ ихъ віри, не глузу́е надъ іхъ звичáями,—принайме я не бáчивъ сёго́. Вінъ ще й поважáе жіда за розумъ и у приту́зі рáдитця зъ імъ.

Украинець не одурить, не обідить, жида, хиба той, що непожалуе й свого брата. Він дивитця на жида, як на такого-ж, як и він, чоловіка. А жиди? Чи горнутця ж вони хочъ трохи до того люду, міжъ которимъ родятця, живуть и вмирають? Въ іхъ пихатому серці нема місця любові ик простимъ людямъ. Тамъ тілько злоба, ненависть, гордість, зневага, давне бажання давити людъ и панувати надъ імъ. Жидъ не злий у душі: добрий батько для своіхъ дітей, вірний мужъ своеі жінкі; вікъ клопочучись про сємью, оддае останню копійчину, щобъ визволити зъ лиха свого брата. Коли жида обіжено, обезвічено, то халепа, що склаласъ єму—халепа та усімъ жидамъ. Вони разомъ изъ імъ плачуть и якъ можна, чимъ можна, ратують єго. Чому-жъ, якъ станетця яке лихо селянинові, жидъ тілько сміетця? Ні, мало сєго—у ложці води радъ вінъ утопити нічімъ передъ імъ невинного чоловіка. Відъ васъ-то, панове-жиди, и е те, що зоветця фанатизмомъ и бездушшемъ. Зробітця людьми, громадянами, борітця вкупі зъ громадою проти того, проти чого боретця громада; покиньте зневагу не-жидівъ; не одурюйте людей, — слёзами покути облійте свои давні и недавні гріхи, простягніто руки ик простому люду,—и людъ пригорне васъ до свого серця. Тоді й не буде місця писанямъ за и проти жидівъ.

Митро Ѳлелькович.

О ПУТЕШЕСТВІИ ПО УКРАИНѢ.

Незнакомый съ П. А. К., г. Шимановъ, въ концѣ зимы прошлаго года, написалъ къ нему письмо такого содержанія: что онъ окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, со степенью кандидата, которая даетъ ему право на занятіе должности старшаго учителя гимназіи, но что, прежде чѣмъ вѣступить въ службу, онъ желалъ бы ознакомиться съ своей обширной родиной, »Украиной обѣихъ сторонъ Днѣпра«, чтобы официальная дѣятельность его, по возможности, была согласна съ жизненными требованіями края. Г. Шимановъ выразилъ, въ письмѣ своемъ, намѣреніе посвятить цѣлый годъ на поѣздки въ разныя интересныя для него мѣстности, но затруднялся неимѣніемъ для того денегъ, — общимъ у насъ препятствіемъ для тѣхъ, кто молодые годы

хочетъ посвятить работамъ, вознаграждающимся не скоро, работамъ, въ глазахъ большинства безполезнымъ, которыхъ результаты вообще сомнительны.

Г. К. былъ очень доволенъ встрѣчею съ незнакомцемъ, который понялъ насущную потребность современной жизни, столь давно ужъ проповѣдываемую практическими иностранными обществами. Дѣло извѣстное, что Англичане обыкновенно отправляютъ путешествовать молодыхъ людей, окончившихъ курсъ школьнаго образованія, что Нѣмцы, Французы, Итальянцы дѣлаютъ очень часто то же самое. Въ Швейцаріи, дѣвицы богатыхъ семействъ нерѣдко поступаютъ въ гувернантки и компаньонки въ чужой сторонѣ, чтобы навыкнуть жить самостоятельнымъ умомъ и характеромъ, безъ поддержки и руководства со стороны родныхъ. Это разширяетъ кругъ ихъ познаній вообще и даетъ вольный полетъ дѣятельности, къ какой способна женщина, какъ будущая хозяйка и мать семейства. Нечего и говорить о томъ, что всякій образованный иностранецъ хорошо знаетъ свой народъ и свое государство. Одни мы, говоря вообще, мало обращаемъ вниманія на эту важную сторону умственнаго и душевнаго развитія, — можетъ быть потому, что у насъ путешествія крайне-неудобны и трудны, по тысячѣ и одной причинѣ. Тѣмъ-не-менѣе слѣдуетъ преодолѣвать всѣ трудности, имѣя въ виду великую пользу не только для самихъ путешественниковъ, но и для всего нашего общества. Вотъ-почему письмо г. Шиманова сильно заняло г. К. Онъ доставилъ ему небольшія средства, и г. Шимановъ весною прошлаго года пустился въ свое странствованіе. Теперь онъ возратился въ свой уголокъ, и г. К. получилъ отъ него слѣдующее письмо, за которымъ должны послѣдовать путевыя записки, предназначаемыя г. Шимановымъ для *Основы*. Мы помѣщаемъ это письмо, въ видѣ простаго извѣстія о томъ, что́ происходитъ въ небольшомъ покамѣстъ кругу знакомыхъ и незнакомыхъ между собою людей, занятыхъ изученіемъ Украины въ различныхъ отношеніяхъ.

»Благодаря вашему, навсегда памятному мнѣ, содѣйствію, я имѣлъ счастіе взглянуть на Украину. Мелко, бѣгло, положимъ, но все-таки я ее видѣлъ и пріобрѣлъ возможность сказать кое-что про свою сторону, съ убѣжденіемъ самовидца. Я расчитывалъ-было даже зазимовать въ какомъ-нибудь укромномъ, отдаленномъ закуткѣ Волыни; но, къ-сожалѣнію, возможность осуществить это начѣреніе оказалась гнѣ меня.

«Приступая теперь къ письму, я чувствую себя нравственно обязаннымъ, хотя нѣсколько, подѣлиться съ вами результатами своей поѣздки; но, въ сжатомъ словѣ письма, вы, вѣроятно, ничего не нашли бы новаго, а чтобы безплодно предаваться повтореніямъ — для этого нужно слишкомъ молодо смотрѣть на время. Если, пересмотрѣвъ на досугѣ свои скудныя замѣтки, найду въ нихъ, по личному разумѣнію, что-нибудь не безъинтересное въ общей связи разсказа, то помѣщу въ *Основѣ*. Теперь я пока не спѣшу еще приступать къ этому дѣлу: пускай время отодвинетъ хоть сколько-нибудь мою дорогу подальше въ прошлое: тогда, можетъ быть, меньше окажется односторонне-личныхъ воззрѣній. Нелегко человѣку нашего замкнутаго класса, при продолжительной встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ жизнію, удержаться исключительно въ предѣлахъ созерцанія, а тѣмъ болѣе у себя дома, на родинѣ; нерѣдко чувство какъ-будто руководитъ мыслію и, какъ знать, быть-можетъ насилуетъ ее.

»Непосредственное собираніе матеріаловъ было не совсѣмъ успѣшно. Тутъ, кромѣ моей, быть можетъ, неопытности, особенно вліяло,— говорю это твердо,—исключительное, особенно—*современное* положеніе заднѣпровскаго края... Украинское жидовство непремѣнно требуетъ *серьезной монографіи*, для полнаго уясненія его возмутительныхъ отношеній къ украинской народности. Удобно человѣку варьировать тему гуманности въ тиши кабинета, на нѣжащемъ креслѣ; но какъ легко разбивается въ-дребезги это доброе чувство, при встрѣчѣ лицемъ къ лицу съ невсегда гуманною жизнію. Вспомню на этотъ разъ хоть мѣстечко Купель (Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда); его проѣхали мы рано утромъ. На одной сторонѣ небольшой площади мѣстечка, жидъ, останавливая за *налы́гачъ* воловъ, билъ мужика палкой по головѣ и куда-попало за то, что мужикъ не уступалъ ему дровъ, по цѣнѣ, назначенной членомъ несчастнаго угнетеннаго племени. Мимо этой сцены ѣхали и проходили на богомолье въ Почаевъ кровные земляки мужика и только невозмутимо-спокойно крестились около «хвигуры.» Правда, вся полиція въ жидовскихъ карманахъ; но можетъ быть, болѣе существенная причина равнодушія—крѝстьанская апатія къ жизни, оправданная, такъ сказать, и суровой исторіей тамошняго народа. Да! не думаетъ жидовское племя о примиреніи съ преобладающей народностію: оно мститъ ей неустанно, безсознательно—пожалуй, за всю свою прошлую исторію, пріучившую его къ изумительной, страшной солидарности.

»Не имѣя возможности лично и внимательно присматриваться къ тому или другому уголку, я искалъ иногда знакомствъ, чтобы путемъ разспросовъ и даже, если можно, переписки пополнять въ собранномъ мною пробѣлы. Трудъ мой былъ не напрасенъ: теперь уже обѣщаны мнѣ матеріалы изъ нѣкоторыхъ пунктовъ Волыни и Полтавщины. Все, что́ не войдетъ непосредственно въ нить разсказа о той или другой мѣстности — если только я сочту полезнымъ сказать что-нибудь печатно о своей дорогѣ—какъ напримѣръ *матеріалы народной поэзіи* — я буду пересылать вамъ, по мѣрѣ полученія.

»Сталкиваясь въ дорогѣ съ самыми разнообразными личностями, я мало встрѣтилъ — но все таки встрѣтилъ — людей молодыхъ и зрѣлыхъ лѣтъ, людей съ честной, глубокой скукой бѣднаго, безцѣльнаго существованія. Какъ ясныя минуты своего прошлаго, я буду вспоминать эти встрѣчи и бесѣды; можетъ быть, они не канутъ безслѣдно и для тѣхъ, съ кѣмъ я встрѣтился. Вамъ я обязанъ, что, хотя временно, я былъ связующей нитью не совсѣмъ дюжинныхъ людей, слишкомъ рѣдко еще насѣянныхъ на засоренной почвѣ родины.

»Позвольте нѣсколько продлить бесѣду съ вами, еще по поводу статьи *Передовые жиды*. Съ человѣкомъ, вызвавшимъ ее, я знакомъ лично, столкнулся съ нимъ въ дорогѣ и теперь переписываюсь. Эта глубоко-правдивая, въ общемъ, статья вполнѣ относиться не можетъ къ человѣку, давшему ей поводъ; онъ, дѣйствительно, слишкомъ рѣдкое исключеніе изъ своей замерзлой народности. Мнѣ пришлось лично говорить съ нимъ, по поводу этого предмета, и теперь онъ проситъ меня, въ письмѣ, позволить ему помѣстить въ *Сіонѣ* нѣсколько словъ о положеніи жидовъ, среди южнорусскаго населенія, уже съ той далеко не-сіонской точки зрѣнія, съ которой я сообщилъ ему нѣсколько разрозненныхъ фактовъ. Ваша статья вызвала въ немъ не раздраженіе, на что́ скорѣе всего падки люди, а полное уваженіе къ искренности и энергіи убѣжденій.

А. Шимановъ.

РУСИНЫ.

Съ 1857 года, въ Австріи, непрерывно издаются труды тамошней Статистической Коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго ученаго Чернига (Czoernig). Извлекаемъ изъ нихъ свѣдѣнія

о Южноруссахъ, или Русинахъ, вошедшихъ въ составъ Австрійской имперіи.

Въ Австріи, Южноруссы носятъ оффиціальное названіе Рутеновъ (Ruthenen *Русины*): (названіе Малороссіянъ, Малороссовъ и Южноруссовъ употребляется тамъ весьма рѣдко); Поляки, живущіе въ Галиціи, называютъ южноруссовъ — *Русняками* (Rusniacy),

Во всѣхъ Австрійскихъ владѣніяхъ, Русиновъ, въ 1856 году, считалось 2.937.800 чел.;—изъ нихъ, въ Галиціи, 2.281.800, въ Буковинѣ 142.700, въ Венгріи 440.600 и по южной границѣ имперіи, вмѣстѣ съ Воеводствомъ, 72.700. Въ общемъ числѣ полагаются и Русины-горцы (*Гуцулы* и *Бойки*), которыхъ, въ горной части Галиціи, считается 282.400 и въ Венгріи (*Лемаки* и *Лишаки*) до 150.000 человѣкъ.

Въ одномъ сплошномъ пространствѣ, Русины заселяютъ сѣверо-восточную часть Австрійской имперіи, и территорія ихъ имѣетъ форму эллипсиса, большая ось котораго лежитъ съ сѣверозапада на юговостокъ; отъ этого эллипсиса, на границѣ Венгріи и Галиціи, выдается на западъ узкая полоса, миль въ 50 длиною.

Границы Южноруссовъ нигдѣ не прикасаются къ главной территоріи нѣмецкаго населенія, а напротивъ прилегаютъ на сѣверозападѣ къ польскому, къ словацкому съ запада, къ румынскому съ востока и въ серединѣ къ маджарскому племени; остальныя части окружены Южноруссами Русской имперіи.

Сверхъ-того, Русины занимаютъ островами нѣкоторыя мѣста въ Венгріи, въ Славоніи и по южной границѣ Австріи, а также сѣверо-западную половину Буковины.

На западѣ, граница Русиновъ начинается подъ 38 град. восточн. долготы: отъ м. Лѣсницы (лежащаго въ Карпатахъ на границѣ Венгріи и Галиціи), она идетъ на юговостокъ до г. Унгвара и на этомъ пространствѣ отдѣляетъ Русиновъ отъ Словаковъ. Эта часть границы почти не можетъ быть съ точностію опредѣлена, потому что она необыкновенно извилиста; такъ отъ Лѣсницы она идетъ зигзагами на юговостокъ до д. Подпрачь, чрезъ Кремпахъ и Ториску; оттуда поворачиваетъ к[illegible]уто на сѣверъ, обходитъ извилинами г. Эперьесъ и отдѣляетъ на югъ полосы: одну до Якубовца, другую до Острова, третью до Просачева и Грабовца, четвертую до Кусына, и такъ доходитъ до г. Унгвара. Отъ этого города начинается Русино-Маджарская граница, потому же, общему, юговосточному направленію чрезъ кр. Мункачъ до м. Боль-

шой Солесъ. За этимъ же мѣстечкомъ Южноруссы граничатъ съ Румынскими племенами, почти вдоль по теченію р. Тарпы чрезъ г. Шигетъ, Вишени, Кирлибабу до д. Вальры, отъ которой граница круто поворачиваетъ на сѣверъ до д. Михова, а оттуда, обойдя г. Черновицы на сѣверовостокъ до д. Добропониць, входитъ въ русскіе предѣлы.

Очерченная здѣсь граница южнорусскаго народа, еще не опредѣляетъ всего населенія Русиновъ съ этой стороны; она тянется далѣе на югъ частью полосами, частью островами и даже отдѣльными селеніями; нѣкоторыя изъ нихъ откинуты на югъ за 40 и болѣе миль.

Русинская граница съ Поляками начинается также отъ Лѣсницы и идетъ сперва на сѣверъ почти до м. Грибова, а потомъ на востокъ до Рыманова; отсюда общее направленіе опять на сѣверъ чрезъ с. Липникъ; г. Ярославъ до с. Лежахова, при которомъ переходитъ на правый берегъ р. Сана, по тому же направленію упирается въ предѣлы царства Польскаго.

Какъ Южноруссы имѣютъ поселенія внѣ очерченныхъ здѣсь границъ, такъ равно и въ ихъ странѣ поселились иноземцы. Нѣмцы, напримѣръ, живутъ почти во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ края; Поляки, въ западной части Галиціи, полосами, островами и отдѣльными селеніями, которыя тянутся на востокъ за г. Львовъ до м. Глиняны и далѣе, и наконецъ, Евреи повсемѣстно разбросаны по краю. О разнородности населенія Галиціи можно судить по тому, что на 1346 квадр. геогр. миляхъ всего пространства ея, Поляковъ считается 1.980.000, Нѣмцевъ около 115.000, Евреевъ 449.000; разнаго рода Славянъ слишкомъ 92.000, а Русиновъ 2.085.000.

Въ краткой статистикѣ Австрійской имперіи, изданной Чернигомъ въ 1861 году, уніаты названы католиками греческаго исповѣданія, а православные названы несоединенными (Неунитами—Nichtunirte). По этой статистикѣ, православныхъ показано въ Галиціи только 200 человѣкъ, въ Буковинѣ 352.000 и въ Венгріи болѣе 1.105.000; зато въ Галиціи Уніатовъ считается 2.077.000—число почти равное всему южнорусскому населенію. Въ Венгріи и Буковинѣ, православіе удерживается между Молдавянами и Валахами, т. е. въ румынскомъ населеніи.

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Къ читателямъ.—По поводу направленія «*Основы*».—Два слова о евреяхъ, и разности между отвлеченностью и дѣйствительностью, между мыслью и дѣломъ.—Поздравительная статейка «Кіевскаго Телеграфа».—Г. Страшкевичъ—біографъ и судія стараго года.—О чемъ писать? — Народныя школы и участіе въ нихъ духовенства.—Неудавшійся проектъ Черниговской женской гимназіи.—Крестьянское дѣло. — Уставныя грамоты и общественное крестьянское управленіе.—Распоряженія правительства.—Причины увольненій мировыхъ посредниковъ. — Финансовыя затрудненія.—О сахарныхъ заводчикахъ.—Проектъ общаго поземельнаго банка.—Уничтоженіе откуповъ.—Извѣстія для винокуровъ. — Новые налоги.—Разныя извѣстія.

Въ «Основѣ» ощущался недостатокъ общаго обзора разнообразныхъ явленій южнорусской общественной жизни. До-сихъ-поръ мы только слегка могли касаться частныхъ вопросовъ, занимавшихъ наше общество, преимущественно обращая вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые выдавались изъ уровня повседневности, разъясненіе которыхъ должно было послужить основой и оправданіемъ появленія нашего вѣстника: такіе существенные для насъ вопросы составляли предметъ особыхъ статей. Теперь, по нашему мнѣнію, можно уже отвѣтить не гадательно: что́ такое *Основа*; кто внимательно слѣдилъ книжку за книжкой — безъ пристрастія и предубѣжденія,—тотъ не можетъ не согласиться съ нами. Съ настоящей книжки, мы, по возможности, постараемся слѣдить за постепеннымъ развитіемъ тѣхъ или другихъ явленій южнорусской жизни, возводить эти явленія до ихъ общихъ началъ и отыскивать, такимъ-образомъ, необходимую связь между ними. Взглядъ нашъ на нравственное и вещественное положеніе южнорусскаго общества, на различныя потребности и мѣстныя условія края будетъ больше и больше выяснять направленіе нашего вѣстника. Въ «Основѣ», какъ и во

всякомъ другомъ журналѣ, оно не могло еще выразиться, въ короткое время, со всѣхъ сторонъ; но (повторяемъ) главныя ея начала, которымъ постоянно слѣдовала и будетъ слѣдовать редакція: уваженіе къ правамъ личности, къ народу и народности и устраненіе сословной, національной и религіозной вражды и всяческихъ недоразумѣній, посредствомъ разъясненія темныхъ вопросовъ нашей современной и прошедшей жизни,— останутся неизмѣнны. Руководящею идеею «Основы» будетъ — просвѣщеніе въ *народномъ* духѣ. Редакція отвергая всякую исключительность и замкнутость, въ тоже время считаетъ вреднымъ космополитизмъ, который, раньше или позже, переходитъ въ полное равнодушіе къ мѣстнымъ народнымъ пользамъ и нуждамъ. Общеніе съ другими народностями необходимо и плодотворно для каждаго народа, но оно приноситъ истинную пользу только тѣмъ обществамъ, которыя почерпаютъ главныя жизненныя силы изъ родной почвы, которыя богатѣютъ не столько заимствованіями отъ сосѣдей, сколько разработкою нравственныхъ и вещественныхъ даровъ природы въ своемъ краю, въ своемъ племени».

Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, усомнился въ вѣрности *Основы* своей программѣ, оттого только, что мы не закрываемъ глаза́ на то зло, которое дѣйствительно существуетъ въ нашей общенародной жизни, но котораго *Сіонъ* видѣть не хочетъ... ему и та́къ хорошо... *Сіонъ* основалъ свое мнѣніе на нѣсколькихъ, произвольно имъ вырванныхъ и сопоставленныхъ, выраженіяхъ статейки г. Кулиша, какъ-будто не видя, что г. Кулишъ сдѣлалъ частную замѣтку о поступкѣ *Сіона*, а не рѣшалъ вопроса о Евреяхъ вообще... Жизнь даетъ не за разъ цѣлую груду вопросовъ, требующихъ разрѣшенія; возникновеніе ихъ слѣдуетъ тѣмъ же общимъ законамъ постепенности, по которымъ развивается все живущее; только при помощи добросовѣстнаго, основательнаго и непремѣнно *послѣдовательнаго* обсужденія разныхъ сторонъ предмета, можетъ составиться о немъ полное и ясное понятіе... Предположимъ, напримѣръ, что въ *Основѣ* разсматривается вопросъ о вліяніи евреевъ на развитіе народнаго благосостоянія въ Украинѣ, и доказывается, что вліяніе это вредно при томъ разобщеніи и непріязни, въ которой стоитъ еврейская община къ христіанскому простонародью. Мы, по опыту, увѣрены, что не одинъ *Сіонъ* напалъ бы за это на *Основу* съ ожесточеніемъ и съ такой стороны, съ какой не ожидаешь: «Можно ли та́къ говорить о націи, находящейся еще въ такомъ жалкомъ состоя-

ніи въ отношеніи гражданскихъ правъ своихъ, но которую всѣми силами слѣдуетъ теперь возвысить, доставить ей гражданское равенство». Многіе, по своимъ личнымъ видамъ, или, просто, по незнанію края, тотчасъ бросились бы въ отвлеченности, начали бы, сыпать громкими фразами, краснорѣчивыми, но — общими, мѣстами, и, разумѣется, укорили бы насъ *въ неуваженіи къ чужой народности, да еще угнетенной*! Основываясь на однихъ *общихъ* положеніяхъ, читатель, можетъ быть, тоже обвинилъ бы насъ — и обвинилъ бы вовсе несправедливо. На самомъ дѣлѣ, мы искренно желаемъ всякаго благополучія еврейскому племени,—да дѣло въ томъ, что это благополучіе невозможно при враждебныхъ отношеніяхъ евреевъ къ нашему народу,—что, наконецъ, честный народъ, а въ-особенности передовые его люди должны отвергать благополучіе, зиждущееся на злополучіи другихъ. Наше уваженіе къ праву еврейскаго, и всякаго другаго, народа, наше желаніе ему добра, тѣмъ прочнѣе и искреннѣе, чѣмъ мы безпристрастнѣе, и потому раскрывать вредъ фальшивыхъ отношеній одной части общества къ другой, есть долгъ всякаго добросовѣстнаго дѣятеля: кто истинно любитъ народъ, кто дѣйствительно служитъ правдѣ и добру, тотъ не побоится ни упрековъ, ни хитрости, ни протестовъ, ни даже угрозъ. Говоря о евреяхъ, мы имѣли ввиду не теорію, а дѣйствительность. Мы заявляли фактъ, какъ *фактъ*, а не какъ положеніе, выведенное изъ ряда силлогизмовъ,—потому что мы знаемъ, мы видимъ—этотъ фактъ. Иное дѣло, если мы посмотримъ на него съ другой стороны и постараемся найдти выходъ изъ обоюдно-вредныхъ отношеній между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ: тогда естественно, мы прійдемъ къ необходимости уравненія правъ обоихъ народовъ, и такимъ образомъ признаемъ то, что совершенно согласно съ нашей программой, съ нашими основными убѣжденіями.

Если нашъ взглядъ будетъ въ чемъ либо отличаться отъ еврейскаго и теоретическаго, то развѣ по вопросу о времени и способѣ уравненія евреевъ съ нашимъ народомъ въ гражданскихъ правахъ. Мы, (въ VI книжкѣ 1861 года), сказали, что «для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди ея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или—что еще хуже—стремятся подчинить ее своей власти или своему вліянію». Этими словами мы нисколько не думали грозить кому бы то ни было. Положеніе высказанное нами, не изъ книжекъ вычитано, а взято прямо изъ жизни. Мы понимаемъ, что при на-

стоящемъ положеніи евреевъ посреди нашего народа, иначе и быть не можетъ, но надо же приводить этотъ фактъ въ сознаніе, чтобы постараться общими силами выйти изъ этого положенія мирно, съ обоюдною пользою для обѣихъ сторонъ: съ этой именно мыслью мы сдѣлали свое замѣчаніе; а *Время* увидѣло въ этомъ *вызывающую силу*. Что это за «вызывающая сила», мы рѣшительно не можемъ понять... Взявшись судить, хорошо и честно защищать невиннаго; но чтобъ судить справедливо, недостаточно одного добраго желанія, или отвлеченнаго понятія о правѣ: нужно еще знаніе, изслѣдованіе дѣла; а для этого необходима любовь, трудъ, терпѣніе, что такъ рѣдко у насъ встрѣчается даже въ собственныхъ дѣлахъ, а въ чужихъ почти не встрѣчается. Отъ этого-то, многіе приговоры даже умныхъ и честныхъ русскихъ людей чаще всего напоминаютъ намъ великую истину: Summum jus—summa injuria. Дѣло въ томъ, какъ говоритъ Н. И. Костомаровъ (въ *Тысячелѣтіи*), что «у насъ не сознанная потребность факта вызываетъ отвлеченное понятіе, а послѣднее принимается за необходимость въ его общемъ значеніи, и потомъ уже мы ищемъ факта; а такъ какъ оно, само по себѣ, прилагается къ слишкомъ многому, то изъ этого и выходитъ, что мы разомъ хотимъ слишкомъ много, хватаемся за тысячу фактовъ, ко всѣмъ разомъ стремимся, ни одного какъ слѣдуетъ не осмотримъ со всѣхъ сторонъ, ни одного не оцѣнимъ,—не знаемъ, что намъ поставить прежде, что послѣ—и наше понятіе остается чѣмъ то неуловимымъ, непримѣнимымъ, а потому, въ сущности, ненужнымъ (*фальшивымъ*, хотѣлось бы намъ сказать). Отъ этого у насъ шаткость въ сужденіяхъ, нетвердость въ приговорахъ, несообразность слова съ дѣломъ!» Но это болѣзнь, на которую можно пока, указать: трудно избавиться отъ нея разомъ. Хорошо, если хоть желаніе будетъ, да желаніе, вызванное сознаніемъ его необходимости, а не то, которое сегодня есть, а завтра—поминай какъ звали. Съ такимъ далеко не уйдешь, а и уйдешь, такъ только на словахъ; дѣло далеко позади останется. Къ этому мы присмотрѣлись; на словахъ—послѣдняго нищаго не оставляли безъ хлѣба, всевозможныя права давали человѣку, народу и народностямъ... а пришло до дѣла—ни нищіе, ни народъ, ни народности не сказали спасибо.

Но, мы не унываемъ. »*Перебули пригодоньку — перебудемъ и славу*!... Одна правда одерживаетъ вѣрныя побѣды...

Заговоривъ о томъ, что между мыслью и дѣломъ, между му-

дростью книжной, т. е. вычитанной изъ книжекъ, и мудростью жизненной, т. е. дѣйствительнымъ примѣненіемъ ея къ жизни, лежитъ цѣлая бездна, мы не можемъ не привести чрезвычайно любопытнаго явленія, встрѣченнаго нами въ 1 № «Кіевскаго Телеграфа»: это статейка г. *Страшкевича*, подъ названьемъ *Старый и Новый Годъ*. Говорятъ, сочинитель ея—*ученый*; если это вѣрно, то нашимъ читателямъ нетрудно прійти къ заключенію котораго, мы, съ своей стороны, не дѣлаемъ—за излишествомъ.

«Старый и Новый годъ» вышли у г. Страшкевича чрезвычайно занимательны, какъ своимъ *общимъ*, изъ котораго впрочемъ почти ничего понять нельзя, такъ и своими *частностями*, изъ которыхъ многія *очень* даже понятны, несмотря на то, что тутъ—«ни слова—просто: все съ ужимкой». «Годы иногда, являются въ костюмахъ», повѣдалъ намъ г. Страшкевичъ. «Мы видѣли костюмъ стараго года: сѣрую баранью шапку, юхтяные сапоги съ длинными голенищами, коза́чку изъ толстаго сукна,—нѣчто въ родѣ больша́го маскерада. Это значитъ, что старый нашъ годъ хотѣлъ присвоить себѣ непринадлежащія ему права, хотѣлъ противиться порядку, установленному *природою* и людьми: именно, онъ хотѣлъ остаться на долго *новымъ* (курсивъ въ подлинникѣ), хотѣлъ маскироваться, надѣвать костюмы да́лѣе срока, опредѣленнаго обычаями: маскарады продолжаются только до великаго поста—потомъ слѣдуетъ *покаяніе*» (курсивъ въ подлинникѣ...) Какъ это все тонко сказано!.. Читая это, мы уже начинали было бояться за старый годъ: покается ль онъ, или—пойдетъ во тьму кромѣшную... но г. Страшкевичъ тотчасъ насъ успокоилъ: старый годъ, по его удостовѣренію, «сознался въ своей винѣ и покаялся»—хотя покаялся поздно. Но—лучше поздно, чѣмъ никогда; это всему міру извѣстно и, конечно, въ томъ числѣ г. Страшкевичу; онъ вѣрно, вспомнилъ, что сознаніе есть половина исправленія и, безъ-сомнѣнія, помиловалъ уже стараго покойника. Этотъ покойникъ, по словамъ біографа, за удовольствіе носить костюмы, «принужденъ былъ не разъ платить штрафъ и сидѣть подъ арестомъ...» Неужели?.. Нѣтъ, мы вамъ не вѣримъ: сколько тысячъ простаго, честно трудящагося народу ежедневно ходитъ передъ вами *въ сѣрой* (сѣвій?) *бараньей шапкѣ, юхтяныхъ сапогахъ съ длинными-предлинными голенищами, въ козачкѣ изъ сѣраго сукна*—и неужели вы всѣхъ ихъ сажаете подъ арестъ? Едва благодатная вѣсть освобожденія пронеслась надъ жаждавшимъ ея народомъ—а вы ужъ снова его закрѣпощаете? едва

успѣли снять съ него одни узы, вы уже сжимаете его другими, насмѣхаетесь надъ его простой, естественной, народной, *руською* одеждой?... Да вы вѣрно шутите: быть не можетъ! И кто́ вы такой? не вамъ ли лучше покаяться? не вселился ли въ васъ духъ какого нибудь стародавняго *недо́ляшка*, фанатика-перевертня, не дозволявшаго въ древне-руськомъ Кіевѣ, говорить по-своему,—молиться по-своему,—одѣваться посвоему,—думавшаго строить жизнь на свой образецъ,—наперекоръ разуму и природѣ?.. Невольно задаешь эти вопросы, недоумѣвая—отъ кого слышишь подобныя рѣчи... Но послушаемъ васъ дальше: быть можетъ намъ станетъ ясно — кто вы? «Новый годъ», говорите вы, «одинокій лишенный отца (!?) будетъ вести себя *благопристойнѣе* (да чѣмъ же *русскій* старый годъ—въ бараньей шапкѣ и проч. велъ себя не благопристойно)?..

«Не станемъ думать, что молодость наша будетъ продолжаться всегда, *(что́же? слѣдуетъ по-вашему состарѣться прежде времени?)*, что снисхожденіе *(да въ чемъ?)* къ намъ нашихъ начальниковъ, нашихъ старшихъ, никогда не истощится, что они всегда будутъ гладить насъ по головкѣ и приговаривать: *«гуляйте, дѣтки еще мыслями (это что́ за загадка? гулять мыслями!..)* «Вспомнимъ, что послѣ масляны слѣдуетъ великій постъ, что *начальники не только умѣютъ гладить, но могутъ съ нами иначе сладить* (курсивъ въ подлинникѣ)*: они могутъ насъ перевести на тѣсныя квартиры* (курсивъ въ подлинникѣ), *гдѣ говорятъ, не очень выгодно, и сдѣлать намъ разнаго рода другія непріятности, могутъ надѣть на насъ такіе костюмы, какихъ не носилъ и старый годъ*».

Ну, послѣ этой выписки пускай кто хочетъ угадываетъ — ученый или не ученый г. Страшкевичъ, а мы не беремся.... Въ послѣднее время, кой-гдѣ, нѣкоторые ученые такія колѣнца выкидывали, *«що ажъ объ по́ли рука́ми не разъ ми́ ударились»*... Може й панъ (да й якій ще панъ!.. мабуть—на всю губу!) може й панъ Страшкевичъ — ученый... Чи намъ же, про́стимъ людямъ, старого году, про те знати?? Може г. Страшкевичъ тільки прикинувся ученымъ? може вінъ якій ксёндзъ, що парафія відъ его відцуралась, а вінъ все-такій свою орацію править?.. Тщеславіе ненасытимо... Вотъ и старый русской годъ: все впередъ смотрѣлъ... А, вѣдь, мужикъ онъ былъ: носилъ баранью шапку, которая, по высокоблагородному замѣчанію г. Страшкевича, «служила нѣкогда укра-

шеніемъ татарской башки и *мужицкой* головы», а тутъ вдругъ «угрожала въ Кіевѣ сдѣлаться модною... (но еще не сдѣлалась)», утѣшаетъ насъ г. Страшкевичъ: радуемся, вмѣстѣ съ нимъ! честь всего дороже. Знай, мужицкая башка, свое мѣсто: подъ арестъ ее! Не такъ ли г. Страшкевичъ?

Забавный біографъ стараго года выражаетъ надежду, что новый годъ будетъ солиднѣе (т. е., будетъ рядиться въ такую одежду, какую предпишетъ оный наставникъ); что онъ, т. е. *новый годъ*,— будетъ исполнять только свою *прямую* обязанность — *напоминать намъ о скоротечности жизни (!!!)* и *побуждать* къ полезному труду *всякаго по своей части!*» Послѣ этого сумбуру, мы ужъ окончательно убѣдились, что г. Страшкевичъ — не ученый; и справляться не будемъ! нѣчего даромъ терять время, о скоротечности котораго напоминаетъ намъ новый, вышколенный, выправленный и вымуштрованный г. Страшкевичемъ шестьдесятъ второй годъ. Правда, нашу увѣренность нѣсколько смущаетъ филологическая ученость; но и тутъ—не Богъ знаетъ какая мудрость:—не подъ стать ученому. *Годъ*, по объясненію г. Страшкевича, означаетъ *опредѣленное время*; отъ него происходитъ слово *гадать* (?); оно значитъ тоже, что *срокъ*,—откуда *реку*, или, лучше, польское Rok, чешское léto, сербское *годи́на* (также *льто*); а вотъ этимологія греческаго названія года *(этосъ)* неизвѣстна: это вѣроятно сокращеніе другаго названія *эніавтосъ*, какъ латинское *annus* и еврейское *шана*; нѣмецкое Jahr тоже означало прежде *какое нибудь (!) время*, отсюда Frühjahr (раннее время), Spätjahr (позднее время); корень этого слова одинаковъ съ нашимъ *ярый*, что́ значитъ собственно *молодой*, а затѣмъ уже бодрый, веселый, злой; въ чешскомъ—тамъ jaro тоже, что́ wesna»...

Не правда ли, все это ново и любопытно... Г. Страшкевичъ та́къ увлекъ насъ, что мы не можемъ не привести еще сказочку, которою заканчиваетъ г. Страшкевичъ свой новогодній подарокъ. Вотъ она—и ка́къ поэтически, по-народному, разсказана»!... «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, *изволите видѣть*, жили да были... нѣтъ виноватъ! просто находилась пропасть, черезъ которую вела узкая *кладка*; на этой кладкѣ встрѣтились, *въ одно прекрасное утро*, старикъ и молодой; разминуться *было нельзя*, воротиться не хотѣли, словомъ одному нужно было падать въ пропасть. *Хотѣлъ было юноша, въ первомъ увлеченіи чувства;*

но какъ разъ, въ это время, ноги старика задрожали, онъ пошатнулся и *поневолѣ* (не господинъ ли Страшкевичъ столкнулъ его?) предупредилъ юношу, который, конечно, не заблагоразсудилъ летѣть туда же, ради компаніи, и перешелъ на другую сторону пропасти». Авторъ, слѣдуя пословицѣ — *на тобі, небóже, що мині негоже*, даритъ эту сказочку, *на новый годъ*, всѣмъ своимъ знакомымъ (надѣемся, ихъ не много?) и вообще всѣмъ читателямъ «Кіевскаго Телеграфа». Очень вамъ благодарны, г. Страшкевичъ, очень, очень вамъ благодарны. Если бы разборъ вашего поученія не занялъ столько мѣста, мы бы тоже разсказали вамъ одну сказочку, изъ временъ Петра, къ которымъ вы гораздо больше подходите, чѣмъ думаете. Но у насъ времени нѣтъ, и потому—до пріятнѣйшаго свиданія; намъ съ вами не по дорогѣ, да и читателямъ нашимъ — тоже.

Остановимся на минуту, и вздохнемъ свободнѣе... Съ чего начать нашу лѣтопись? Предметовъ такое множество, что голова закружится если захочешь свести эти предметы въ одно цѣлое, найдти между ними что́ нибудь общее... Та́къ намъ казалось, когда мы со страхомъ стали перебирать огромныя кипы лежащихъ передъ нами губернскихъ вѣдомостей. Вотъ просмотрѣли нумера однѣхъ, другихъ, третьихъ... все фамиліи, фамиліи пожалованныхъ, переведенныхъ, назначенныхъ, уволенныхъ; далѣе вызовы къ торгамъ, объявленія; потомъ: *слушали* то–то и то–то, *приказали* то-то и то-то... и т. д., и т. д. Гдѣ же общественная жизнь наша? спросили мы себя, переглядѣвъ нумеръ за нумеромъ всю кипу, и не найдя того, что́ намъ именно нужно... Народу, кажется, гибель раскинулся онъ на пространствѣ огромномъ, вопросовъ затронуто множество, принимаютъ и принимали ихъ далеко не вездѣ одинаково... чего же лучше? Впрочемъ, не однихъ насъ постигаетъ такая участь. Просмотрите любую современную хронику, любое современное обозрѣніе—и вы встрѣтите вездѣ одно и тоже: недостатокъ фактовъ, отсутствіе жизни, какая-то пустота, глушь... Отчего же это? Да отъ разныхъ причинъ: съ одной стороны, виноваты наши редакціи мѣстныхъ газетъ, которыя не слѣдятъ за событіями на мѣстѣ и, такимъ образомъ, и намъ не даютъ возможности слѣдить за ними; съ другой... мы хотѣли было сказать — общество, да — виновато ль и оно? Жизнь складывается не по нашимъ указаніямъ и не по нашимъ мѣркамъ: она развивается сама–собою. Отъ насъ только и можетъ зависѣть одно: дать ей возможность проявляться въ цѣлыхъ массахъ, раскинутыхъ на далекомъ пространствѣ,

обобщать ее, расширять ее для всѣхъ слоевъ общества... Но вопросъ, затронутый нами, слишкомъ сложенъ... Мы чувствуемъ, что вокругъ насъ какою-то невидимою рукою обведенъ магическій кругъ, въ предѣлахъ котораго тѣсно, душно, но за который нѣтъ возможности переступить. Гдѣ-то чуется біеніе жизни, гдѣ-то слышатся неясные и не совсѣмъ понятные звуки; хотѣлось бы на нихъ откликнуться, хоть такими же полу-словами, едва понятными,—да только и откликаешься чуткимъ сердцемъ...

Скажемъ хоть о томъ, что̀ есть. Начнемъ, конечно, съ образованія, со школъ. Здѣсь встрѣчаются факты утѣшительные, на которыхъ сколько нибудь успокоивается сердце, но будутъ и не совсѣмъ хорошіе. Въ числѣ хорошихъ, чрезвычайно рѣзко выказывается успѣхъ заведенія школъ въ черниговской епархіи, заствидѣтельствованный указомъ св. Синода, преосвященному Филарету архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому.

Выписываемъ этотъ указъ вполнѣ: «Св. Прав. Синодъ *слушали:* предложеніе испр. д. оберъ-прокурора, князя Сергія Николаевича Урусова, отъ 31-го минувшаго августа, за № 4943, о числѣ сельскихъ приходскихъ школъ, открытыхъ въ черниговской епархіи въ 1860 году. *Приказали*: усматривая изъ доставленныхъ вашимъ преосвящен. свѣдѣній, что до поступленія вашего, въ 1859 году, на черниговскую каѳедру, всѣхъ школъ для поселянскихъ дѣтей было только 20, и что, вслѣдствіе сдѣланныхъ вами распоряженій, при церквахъ черниговской епархіи открыто, въ 1860 году, 769 школъ, въ которыхъ обучается 5,777 мальчиковъ и 1,292 дѣвочки, святѣйшій синодъ опредѣляетъ: о таковомъ отрадномъ явленіи въ дѣлѣ народнаго образованія, на что обращено особое вниманіе Государя Императора, довести до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, чрезъ г. испр. д. оберъ-прокурора, князя Сергія Николаевича Урусова, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить вашему преосвященству совершенную признательность святѣйшаго синода. О чемъ вашему преосвященству послать указъ. Затѣмъ, о числѣ открытыхъ въ черниговской епархіи школъ припечатать въ издаваемыхъ при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ журналахъ, а также и въ журналѣ «Духовная Бесѣда». Октября 9 дня 1861 года».

Въ *одинъ* годъ—изъ 20 школъ сдѣлать 769—этого нельзя было достигнуть безъ необыкновенныхъ стараній. Разумѣется, цифра сама-

по-себѣ еще не представляетъ удостовѣренія въ дѣйствительной пользѣ школъ; для этого необходимо бы знать, какъ и кѣмъ ведется въ нихъ дѣло обученія. Намъ приходилось слышать, что въ этихъ школахъ занимаются только одной грамотой; если даже это и правда, то все-таки имя преосвященнаго Филарета надолго останется памятнымъ въ исторіи народнаго образованія, потому-что грамотность—первая и необходимая ступень къ нему. Хорошо, если есть возможность и время заниматься еще чѣмъ-нибудь и другимъ, но довольно и того, если всякій кто можетъ, станетъ обучать хоть одной грамотѣ.

Изъ Кіевской губерніи тоже пишутъ, что рѣдко найдется тамъ село, въ которомъ при церкви не было бы школы. До вступленія высокопреосвященнаго Арсенія въ управленіе Кіевскою митрополіею, въ ней было 385 школъ. До 1 января 1861 года открыто тамъ 1046 школъ, въ которыхъ учащихся было—мальчиковъ 16.269, дѣвочекъ 4654, считая здѣсь и села казеннаго вѣдомства. Весьма важно нынѣшнее участіе *духовенства* въ образованіи народа, отъ котораго оно почти было отдѣлилось—сравнительно съ прежними временами. Это сближеніе дастъ сельскимъ священникамъ возможность—короче познакомиться съ народомъ, и принести ему ту пользу, для которой духовенство призвано и которой народъ отъ него ждетъ-не дождется.

Нашъ народъ еще помнитъ тѣ времена, когда священники или выходили прямо изъ его среды, или избирались обществомъ, когда, въ тѣсномъ союзѣ съ нимъ, они находили опору противъ насилій Уніи. Только тогда было одно время,—теперь—другое. Мало-по-малу духовенство стало отдѣляться отъ народа, чуждаться его, проникаться владѣльческими понятіями, — стало пренебрегать родною рѣчью, смотрѣть на простонародье свысока и въ словѣ «мужикъ» видѣть бранное слово: естественно, братская связь должна была порваться, и единодушіе, довѣріе и общность пользъ—исчезли. Воспитываемые съ малолѣтства на началахъ, чуждыхъ народному духу и жизни, иногда даже на презрѣніи къ народу, лучшіе священники, живя потомъ въ селахъ, съ трудомъ скрѣпляли однажды порванную связь, а нѣкоторые—и вовсе не считали нужнымъ скрѣплять ее. Вліяніе духовенства, даже въ добромъ дѣлѣ, стало падать, такъ-что, когда возникъ вопросъ объ уничтоженіи пьянства, о распространеніи обществъ трезвости, то сразу оказалось, что *слово* духовенства потеряло въ народѣ прежнюю силу и надо было прибѣгать къ *особеннымъ* мѣрамъ. Эти особенныя мѣры, къ сожалѣнію, были не чисто-нравственныя,—

не примѣръ, не искреннее сближеніе,—къ чему такъ внимателенъ и чутокъ народъ: напротивъ, нѣкоторые священники стали брать съ прихожанъ *клятву*—не пить горілки,—что разумѣется, могло имѣть успѣхъ только временный. И вотъ—о трезвости уже и не слышно. Дай Богъ, чтобъ не было того же и съ нашими школами... На духовенство, въ этомъ отношеніи, мы много надѣемся.

Вообще, школы или, лучше, потребность грамоты и чтенія въ нашемъ народѣ развивается больше и больше; сочувствіе къ народу, къ народному образованію возникаетъ и въ средѣ помѣщиковъ, изъ которой появляются уже женщины, горячо преданные благородному дѣлу; начинаютъ понимать, что народъ можетъ быть враждебенъ только къ врагамъ своимъ и не способенъ отвѣтить на добро зломъ. Всюду, всюду повѣяло духомъ жизни. Не одно молодое, но и старое поколѣніе крестьянъ, убѣждается въ пользѣ образованія; опасаться неблагопріятнаго исхода въ этомъ отношеніи—нельзя. Это не мода. Мода къ нашему народу не привьется, какъ прививается она искусственно къ высшимъ классамъ; мода не сдѣлается его руководительницею. Ужъ если пошелъ онъ—такъ дойдетъ до своего, возьметъ свое. Нашей нерѣшительности, нашей неровной, боязливой походки у него нѣтъ. А чѣмъ, какъ не модой, можно объяснить, напримѣръ, желаніе черниговскаго общества завести у себя женскую гимназію? Собрали около 3000 р., что могло бы составить основной капиталъ гимназіи, поручили эти деньги какому-то господину для помѣщенія въ Приказъ Общ. Призрѣнія, а господинъ изволилъ уѣхать за границу—и слѣдъ его простылъ... Составили новую подписку, собрали еще 300 руб. и поручили ихъ другому господину. Этотъ, вѣроятно, ободренный примѣромъ предшественника и равнодушіемъ своихъ любезныхъ согражданъ, тоже счелъ за лучшее—положить деньги въ свой карманъ и куда-то уѣхать... А Черниговцы остались безъ денегъ и безъ гимназіи. Чѣмъ же это объяснить, какъ не модой, которая, за отсутствіемъ убѣжденія, внушила добрымъ людямъ желаніе—имѣть свою женскую гимназію... Вѣдь дѣло-то немаловажное, смотрѣть на него сквозь пальцы нельзя, такъ равнодушно относиться къ нему-безжалостно, чтобъ не сказать больше. Мы слышали, что господинъ, увезшій 3000 р., имѣлъ большія связи и потому, будто бы, неловко было напомнить ему о деньгахъ. А будто ловко потворствовать такому наглому обкрадыванію общества, да еще въ такомъ общеполезномъ дѣ-

лѣ? Надѣемся, что дворянство вступится въ это дѣло, и очиститъ свою общественную совѣсть. Слабость тутъ непростительна.

Народъ никогда не допустилъ бы *въ своей средѣ* подобнаго оскорбительнаго поступка. Будемъ же помогать ему всѣми силами, чтобъ онъ и намъ помогъ выйти на прямую дорогу; будемъ обучать его грамотѣ, издавать для него полезныя книги, примиримся съ нимъ пока есть время, поддержимъ его на новомъ гражданскомъ пути, снова внушимъ ему потерянную вѣру въ справедливость; заставимъ его своими честными дѣлами, забыть пѣсню (*), въ которой народъ вылилъ всю горечь своей души, наболѣвшей отъ неправды, истомленной тщетной жаждой правды:

Нема́ въ світі пра́вди! пра́вди не зіськати!

— —

Уже́ тепе́рь пра́вда у панівъ въ темни́ці!
А щи́ра непра́вда съ пана̀ми въ світлиці.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панівъ у поро́га!
А щи́ра непра́вда—сиди́ть конець сто́ла.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панівъ пі̀дъ нога́ми!
А щи́ра непра́вда сиди́ть изъ пана́ми.
Уже́ тепе́ръ пра́вду нога́ми топта́ють!
А щи́ру непра́вду ме́домъ напова́ють.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панівъ у до̀лі!
А щи́ра непра́вда въ до́брій волі.

— —

Уже́ тепе́ръ пра́вда—пра́вда умира́е!...
А щи́ра непра́вда—весь світъ пожира́е..
Уже́ тепе́ръ пра́вда—пра́вда вже поме́рла!..
А щи́ра непра́вда—уве́сь світъ поже́рла!...
Хотя́ бъ то ми мали а́нгельскіі кри́ли,
То ми бъ полетіли, тебе́ увиділи!
Бо вже́ коне́ць віку уже́ приближи́вся...
Хочъ рідного бра́та тепе́ръ стереже́ися:
Изъ нимъ въ су́ду ста́ти—пра́вди не зійська́ти!
Тільки сріблом̀ъ, зла́томъ панівъ насища́ти...

— —

(*) См. Записки о южной Руси и X книжка *Основы*.

Мы увѣрены, что при искренномъ, честномъ отношеніи образованнаго сословія къ народу возможно устранить упорное недовѣріе, которое теперь существуетъ, и съ живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ поступки, подобные слѣдующимъ: *Сѣверная Пчела* недавно сообщила, что помѣщикъ Харьковской губ., Григ. Петр. Данилевскій пожертвовалъ, недавно, жалованье свое, какъ депутата за Зміевскій, уѣздъ, по бывшему комитету объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, всего 680 р. сер. на пользу своего небольшаго околотка; изъ нихъ 280 руб. пожертвованы на первоначальные расходы *для учрежденія сельской школы*, а 400 руб. *на покупку книгъ* для бѣднѣйшаго въ губерніи, Зміевскаго уѣзднаго училища, съ тѣмъ, чтобы эти книги послужили основаніемъ, въ Зміевѣ, публичной библіотеки. Графъ де-Броэль-Платеръ, намѣренъ собственными средствами перестроить, въ м. Вишневцѣ Волынской губ., бывшій прежде монастырь Кармелитовъ, подъ помѣщеніе учебнаго заведенія, если только проэктъ его объ открытіи въ этомъ мѣстечкѣ гимназіи найдетъ поддержку, въ чемъ нельзя теперь сомнѣваться.

Уставныя грамоты составляютъ, въ настоящее время, главный предметъ дѣловыхъ заботъ въ Южномъ краѣ. Введеніе ихъ не вездѣ происходитъ одинаково. По словамъ «*Виленскаго Вѣстника*», въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, крестьянскій вопросъ развивается довольно—дѣятельно, и большая, будто бы, часть уставныхъ грамотъ будетъ составлена втеченіи зимы; но тутъ же заявляется чрезвычайно—любопытный и важный случай такого рода: въ одномъ помѣстьѣ Кіевскаго уѣзда, крестьяне не хотѣли подписать уставной грамоты, основываясь на томъ, что было бы несправедливо оставить помѣщику половину всего количества земли, такъ-какъ у него въ семействѣ всего четыре души. Мы слышали, что подобныя основанія высказывались и еще въ другихъ мѣстахъ, не знаемъ только, чѣмъ оканчивались подобныя высказыванья. Какъ поступали мировые посредники въ такомъ случаѣ? Что отвѣчали имъ крестьяне на ихъ объясненія? и при какомъ убѣжденіи оставались? Отвѣтъ на эти вопросы разъяснилъ бы нѣкоторыя юридическія понятія народа.

Кіевское губернское присутствіе, вѣроятно, имѣло причину издать постановленіе о введеніи уставныхъ грамотъ посредствомъ мѣстныхъ властей тамъ, гдѣ нѣтъ на это добровольнаго соглашенія со стороны крестьянъ:—мѣра, конечно, необходимая, но все таки мы пожалѣемъ, что обстоятельства вынудили прибѣгнуть къ ней, потому что, на пер-

вый разъ, она будетъ удовлетворять своей цѣли, но за то въ ней нѣтъ ручательства за будущее спокойствіе, такъ-какъ ею уничтожается начало добровольнаго соглашенія, а при немъ только и возможно прочное согласіе между помѣщиками и крестьянами. Остается желать скорѣйшаго окончанія обязательныхъ отношеній, а съ нимъ—этого тревожнаго состоянія, при которомъ и требовать невозможно правильнаго теченія жизни. Это, между прочимъ, мѣшаетъ уловить разныя мелкія явленія, характеризующія общее, естественное, положеніе народа за извѣстный промежутокъ времени, которые легко замѣтить, когда жизнь идетъ спокойно, своею обычной колеей. Хозяйство не устраивается какъ должно, на крѣпкихъ основаніяхъ вольнаго труда; взаимное недовѣріе препятствуетъ успѣшному выходу изъ переходнаго времени; впрочемъ, скоро все должно опредѣлиться и выясниться. Что̀ касается до происходившихъ прежде безпорядковъ отъ ожиданія новой воли, то они должны или совсѣмъ уничтожиться, или по-крайней-мѣрѣ, принять другой характеръ послѣ словъ Государя Императора, сказанныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ лично крестьянамъ, во время путешествія Его Величества по Россіи и опубликованныхъ потомъ во всѣхъ почти газетахъ. Государю Императору угодно было лично разъяснять, старшинамъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, сущность дѣла и, напоминая имъ о ихъ обязанностяхъ, замѣтить, что *никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и положеніе 19 февраля*. Эти, ясно и опредѣленно сказанныя, слова необходимо должны произвести въ народѣ свое дѣйствіе.

Кромѣ Кіевской губерніи, повѣрка и введеніе уставныхъ грамотъ были причиною безпорядковъ въ Черниговской и Харьковской. Мы не можемъ извлечь никакихъ любопытныхъ подробностей изъ тѣхъ сухихъ извѣстій, которыя сообщаются объ этихъ безпорядкахъ; знаемъ только, что характеръ ихъ почти вездѣ одинаковъ: при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, крестьяне большею частію отказываются отъ выбора уполномоченныхъ. Выборные же, въ свою очередь, а иногда и *добросовѣстные*, не подписываютъ актовъ о повѣркѣ; крестьяне не принимаютъ копій съ уставныхъ грамотъ, объясняя при томъ, что принявъ эти грамоты, они лишатся многихъ ожидаемыхъ льготъ и даже что *подвергнутся наказанію*. Нѣкоторые же не соглашаются принять ихъ просто потому, что находятъ для себя слишкомъ стѣснительны-

ми заключающіяся, въ этихъ грамотахъ, условія поземельныхъ отношеній между обѣими сторонами, или вслѣдствіе уменьшенія надѣла, или же, «при желаніи крестьянъ сохранить на пять лѣтъ весь прежній надѣлъ, по несоразмѣрному съ цѣнностью земли увеличенію повинностей». Здѣсь, слѣдовательно, идетъ дѣло о составленныхъ одною стороною, безъ соглашенія съ другою, грамотахъ; въ этихъ случаяхъ, является противорѣчіе крестьянъ и мѣстное начальство прибѣгаетъ, къ вооруженной силѣ, которая и водворяетъ спокойствіе.

Общественное крестьянское управленіе устроивается мало-по-малу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волостные суды получили нѣкоторое значеніе для крестьянъ; приговоры отличаются справедливостью и яснымъ взглядомъ на дѣло; крестьяне иногда присутствуютъ въ засѣданіяхъ судовъ, и между ними бываетъ много неприкосновенныхъ къ дѣлу. Присутствіе ихъ имѣетъ вліяніе на справедливость рѣшеній. Мы были бы очень благодарны за доставленіе намъ возможно—большихъ подробностей объ упомянутыхъ засѣданіяхъ, которыя не могутъ не занимать даже и не принимающихъ прямого участія въ народномъ устройствѣ. Явленіе это теперь новое, давно не бывалое въ южной руси и мы завидуемъ тѣмъ, которые имѣютъ возможность слѣдить за нимъ постепенно, шагъ за шагомъ и главное, на мѣстѣ. Суды эти напоминали намъ давно изчезнувшіе, подъ посторонними вліяніями, общественные суды нашего народа, суды такъ–называемыхъ *сходатаевъ*, которыми разсматривались и рѣшались очень–важныя дѣла; иногда даже заспорившіе между собою помѣщики просили крестьянъ разрѣшать ихъ несогласія на своемъ судѣ.

Хотя г. Падалица и сообщаетъ въ письмѣ за прошлый мѣсяцъ, что «помѣщики (въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской) сдѣлали значительныя уступки,—отдали почти половину своего имущества (при устройствѣ крестьянскаго быта), что многіе изъ нихъ продолжаютъ пожертвованія, а многіе пришли уже въ упадокъ безъ надежды когда-нибудь поправиться», но передъ нами были факты и другого рода, правда дошедшіе—не оффиціальнымъ путемъ, но тѣмъ не менѣе вѣрные. Изъ нихъ мы видѣли, что нѣкоторые помѣщики, оставляя въ сторонѣ путь откровенныхъ, прямыхъ отношеній съ крестьянами, прибѣгали къ хитрости. Напримѣръ, нѣсколько дней тому назадъ, намъ удалось имѣть въ рукахъ копію съ уставной грамоты, въ которой, при обозначенномъ количествѣ ежегоднаго поземельнаго взноса крестьянами денегъ, очевидно, съ умысломъ пропущено—сколь-

ко времени долженъ продолжаться этотъ платежъ. Мы только не знаемъ навѣрное, вошла-ли въ дѣйствіе эта грамота, и порадуемся за помѣщика, если не вошла. Что̀ будетъ, если вдругъ крестьяне спохватятся (а спохватятся непремѣнно) да увидятъ, что они обмануты, и что ужъ дѣла поправить нельзя? Нѣтъ, подобными путями нельзя дѣйствовать съ народомъ; притворства, а тѣмъ болѣе обмана, онъ не любитъ и если много ложнаго принимаетъ спокойно, то оттого только, что онъ еще не успѣлъ понять дѣла, что онъ еще довѣрчивѣе насъ, живущихъ въ иномъ мірѣ, при другихъ условіяхъ. Вотъ отчего мы заранѣе были убѣждены, что, по открытіи волостныхъ судовъ, правда и справедливость будутъ въ большемъ уваженіи. Неправду народъ близко принимаетъ къ сердцу и на нее онъ чрезвычайно злопамятенъ. Онъ не такъ равнодушно смотритъ на нее, какъ (опять-таки) мы, и сердце его до глубины возмущается обманомъ, хитрость юковарствомъ, ложью, особенно если ложь эту онъ видитъ тамъ, гдѣ, по его понятіямъ, должна на первомъ мѣстѣ, стоять правда. Говорите и дѣйствуйте съ народомъ прямо, открыто, честно и онъ будетъ любить васъ, и онъ довѣрчиво пойдетъ за вами, а отъ этого произойдетъ великая польза и вамъ, и вашему потомству.

Что̀ касается до правительственныхъ постановленій по крестьянскому дѣлу, то мы укажемъ теперь только на нѣкоторые.

Главнымъ комитетомъ постановлено: впредь, до введенія взаимнаго страхованія крестьянскихъ строеній, выдавать въ пособіе пострадавшимъ отъ пожаровъ крестьянамъ не болѣе 45 р. на погорѣвшій дворъ.

Такъ-какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительная часть выкупныхъ договоровъ не можетъ совершиться безъ разсрочки дополнительныхъ выкупныхъ платежей въ пользу помѣщика, особенно въ настояще время, при повсемѣстномъ безденежьи, то министерство внутреннихъ дѣлъ увѣдомляетъ начальниковъ губерній, что подобныя разсрочки, какъ не воспрещенныя «положеніями» о выкупѣ, могутъ быть допускаемы, тѣмъ болѣе, что на основаніи п. 1 ст. 68 означеннаго «Положенія»; при пріобрѣтеніи крестьянами земельныхъ угодій, по соглашенію съ помѣщикомъ, вознагражденіе помѣщика крестьянами, сверхъ выкупной ссуды, не ограничивается никакимъ опредѣленнымъ размѣромъ и предоставляется усмотрѣнію договаривающихся сторонъ; кромѣ того, соглашенія эти могутъ относиться не къ однимъ денежнымъ платежамъ, но и къ другимъ способамъ вознагражденія.

Въ одной губерніи возникъ вопросъ: должны ли всѣ хлѣбные за-

пасы, учрежденные въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не по распоряженію правительства, а самихъ помѣщиковъ, безусловно быть признанными мірскими, не взирая на то, что нѣкоторые изъ нихъ составились издержками и средствами самихъ помѣщиковъ, или же вопросъ о каждомъ такомъ запасѣ долженъ быть предварительно обсуждаемъ, въ общемъ порядкѣ, мировыми посредниками и послѣдующими инстанціями. Въ разрѣшеніе сего сообщено, что въ каждомъ имѣніи, на основаніи уст. нар. прод., должны быть общественные сельскіе запасы, въ опредѣленной закономъ пропорціи (ст. 126—160 и 184 уст.), и запасы эти, во-всякомъ случаѣ, составляютъ мірскую собственность, хотя бы они образовались посредствомъ сбора хлѣба съ общественныхъ запашекъ. Такимъ же образомъ должны принадлежать крестьянамъ и тѣ запасы, кои, хотя учреждены независимо отъ опредѣленныхъ закономъ, но состояли доселѣ въ вѣдѣніи крестьянъ, какъ составлявшіе частную ихъ собственность, ибо они собирались съ полей, удобриваемыхъ, обработываемыхъ и обсѣменяемыхъ крестьянами на собственный счетъ. Что же касается запасовъ, учрежденныхъ въ имѣніяхъ (гдѣ имѣются уже установленные закономъ магазины) самими помѣщиками, безъ всякаго участія крестьянъ, то само-собою разумѣется, что подобные запасы, по всей справедливости, должны оставаться неприкосновенною собственностію владѣльцевъ. Въ этихъ видахъ, министерство признало вполнѣ-основательнымъ предоставленіе мировымъ посредникамъ разбора дѣлъ о таковыхъ запасахъ.

По случаю предположенія о передачѣ, въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ хлѣбныхъ запасовъ, находящихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, возникъ, вопросъ о принадлежности самихъ строеній, въ коихъ хранятся сіи запасы. Въ разъясненіе сего вопроса сообщено, что какъ, по закону (ст. 140—143 т. XIII уст. нар. прод.), попеченіе объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ возлагалось на обязанность владѣльцевъ, которые, за неисполненіе этой обязанности, подвергались даже взысканіямъ (ст. 1153 т. XV улож. о наказ.), то вполнѣ-справедливо, вмѣстѣ съ запаснымъ хлѣбомъ, передать въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ и строенія, въ коихъ хранится хлѣбъ, тѣмъ-болѣе, что если на сіи строенія и отпускался помѣщичій лѣсъ, то сами строенія, безъ-сомнѣнія, воздвигались трудомъ крестьянъ.

Изъ двухъ губерній поступили представленія, по возникшему вопросу насчетъ засыпки хлѣба въ сельскіе запасные магазины за дворо-

выхъ людей. Въ разрѣшеніе сихъ представленій сообщено, что дворовые люди, приписанные къ недвижимымъ населеннымъ помѣщичьимъ имѣніямъ, по силѣ 134 ст. т. XIII уст. нар. прод., обязаны были хлѣбнымъ и денежнымъ сборомъ наравнѣ съ крестьянами. Обыкновенное полное количество хлѣбныхъ запасовъ положено, въ каждомъ магазинѣ, по одной съ половиною четверти на каждую ревизскую душу, и для пополненія этой пропорціи опредѣлено собирать по 6 гарнцевъ озимаго и яроваго хлѣба въ годъ (ст. 128 того же устава). Слѣдовательно, вся пропорція должна быть собрана въ 16 лѣтъ; а какъ сборъ установленъ еще въ 1834 г., т. е. около 28 лѣтъ тому назадъ, то помянутый хлѣбъ долженъ былъ давно поступить въ магазины въ полномъ количествѣ; сверхъ-же этого количества, никакого сбора нынѣ не требуется. Затѣмъ, съ дворовыхъ людей можетъ быть нынѣ взыскиваемъ хлѣбъ или по недоимкамъ за прежнее время, или по ссудамъ; но въ томъ и другомъ случаѣ, хлѣбъ этотъ долженъ былъ внесенъ, такъ-какъ дворовые люди, послѣ 2-хъ лѣтняго нахожденія при владѣльцахъ, могутъ остаться въ средѣ тѣхъ же сельскихъ обществъ; притомъ лежащія, на сихъ людяхъ, взысканія, должны быть непремѣнно очищены. При этомъ, конечно, можетъ возникнуть вопросъ: съ кого должно быть произведено взысканіе недоимочнаго и ссуднаго хлѣба, съ дворовыхъ людей или съ бывшихъ ихъ владѣльцевъ? Но, безъ-сомнѣнія, тамъ, гдѣ дворовые люди не имѣли поземельнаго надѣла и обязаны были постоянными услугами владѣльцамъ, взысканіе съ таковыхъ людей хлѣба едвали было бы согласно съ справедливостію и даже возможно; съ другой стороны, владѣльцы, на коихъ, по закону, лежало наблюденіе за исправнымъ состояніемъ сельскихъ магазиновъ, обязаны были сами заботиться о пополненіи магазиновъ за дворовыхъ людей, такъ-какъ эти люди, большею частію, находясь при своихъ владѣльцахъ, не имѣли никакой возможности производить за себя вносъ хлѣба въ магазины.

Въ разрѣшеніе возникшаго, по одной губерніи, вопроса о томъ, слѣдуетъ ли хлѣбъ, самовольно-разобранный изъ запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, крестьянами или самими владѣльцами, взыскивать съ виновныхъ, натурою или деньгами, сообщено, что взысканіе, во-всякомъ случаѣ, должно быть преимущественно производимо хлѣбомъ, и что при требованіи хлѣба съ крестьянъ, слѣдовало бы обращать вниманіе на то, не будетъ ли для нихъ таковое требованіе

одновременнаго взноса израсходованнаго хлѣба слишкомъ-обременительно, особенно при настоящемъ ихъ положеніи.

На основаніи ст. 31 «Общаго Положенія о крестьянахъ», вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, мірскіе хлѣбные запасы составляютъ собственность крестьянскаго общества. Посему, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ предположено передать находящіеся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ запасные магазины, съ наличнымъ въ нихъ хлѣбомъ, нынѣ же въ вѣдѣніе крестьянскихъ обществъ. Вслѣдствіе представленій о семъ губернскихъ начальствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило, что, по мнѣнію его, слѣдовало бы отложить эту передачу до приведенія въ дѣйствіе, по каждому имѣнію, уставной грамоты, такъ-какъ, по ст. 17 правилъ о приведеніи въ исполненіе крестьянскаго «Положенія», до того времени оставлено на помѣщикахъ попеченіе о продовольствіи крестьянъ. Впрочемъ, если таковая передача можетъ быть безъ неудобствъ произведена въ настоящее время, то къ сему нѣтъ препятствія, но съ тѣмъ только, чтобы передача эта, во-всякомъ-случаѣ, не освобождала помѣщиковъ отъ обязанности, возложенной на нихъ приведенною статьею.

Въ одной губерніи предположено передать запасные сельскіе магазины, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ, съ тѣмъ наличнымъ хлѣбомъ, какой окажется въ магазинахъ, и съ предоставленіемъ обществамъ самимъ взыскивать недостающій по вѣдомостямъ хлѣбъ. На представленіе о семъ губернскаго начальства сообщено, что сельскія общества могутъ принять на себя пополненіе недостающаго хлѣба только въ-отношеніи тѣхъ количествъ, кои числятся въ долгу или недоимкѣ за самими крестьянами: если же хлѣбъ разобранъ владѣльцами, то мѣстному начальству необходимо озаботиться, чтобы все разобранное количество было пополнено ими, такъ-какъ общественные сельскіе запасы составляютъ неотъемлемую собственность крестьянъ.

По-поводу возбужденнаго въ одномъ губернскомъ присутствіи вопроса: можетъ ли мировой посредникъ, на основаніи ст. 32 полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣл. учреж., присуждать къ тѣлесному наказанію лицъ всѣхъ податныхъ состояній, и отмѣняются ли сею статьею права, въ общемъ законѣ начертанныя, высочайше повелѣно разъяснить, что мировые посредники не могутъ, на основаніи ст. 32 полож. о учрежд. по крест. дѣл., присуждать къ тѣлесному наказанію мѣщанъ, а также вообще тѣхъ лицъ податнаго состоянія, которыя отъ

сего изъяты, въ силу правъ, въ общемъ законѣ установленныхъ. Въ случаѣ виновности мѣщанъ и упомянутыхъ лицъ по дѣламъ, подсудным мировымъ посредникамъ, они присуждаются къ денежному взысканію или аресту, въ предѣлахъ, указанныхъ въ 32 ст. полож. о учрежд. по крест. дѣл. (По журн. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 27-го ноября, № 31).

Кстати о мировыхъ посредникахъ; вотъ уже довольно много времени мы читаемъ длинные списки мировыхъ посредниковъ, уволенныхъ отъ должностей. За неимѣніемъ никакихъ подробностей, кромѣ перечня фамилій, мы ничего не знаемъ о причинахъ подобныхъ увольненій, хотя для насъ причины эти были бы чрезвычайно любопытны и важны. Надѣемся, что насъ извѣстятъ о томъ. Теряться въ догадкахъ—безполезно, особенно на бумагѣ; намъ нужны вѣрныя данныя.

Казенныя подати и повинности взносятся, говорятъ, большею частію исправно. Мы ничего не знаемъ въ этомъ отношеніи о Херсонской губерніи, которая вообще не отличалась особенно-правильнымъ взносомъ податей. Тамъ эта неисправность до такой степени укоренилась, что нисколько не кажется странной. На многихъ крестьянахъ недоимки числятся по нѣскольку лѣтъ... Впрочемъ, при всеобщемъ бездѣнежьи, которое лучше всего характеризуетъ настоящее время, трудно бы было ожидать исправнаго платежа. Куда ни посмотришъ—отовсюду жалобы: на дороговизну, на недостатокъ частнаго кредита, происходящаго, очевидно, отъ безденежья, на упадокъ оттого же разныхъ родовъ промышленности, такъ что даже правительство принуждено было принять участіе во многихъ частныхъ дѣлахъ, чтобы устранить застой въ торговлѣ, который уже замѣтнымъ образомъ началъ обнаруживаться во многихъ мѣстахъ Кіевской, Волынской и другихъ губерній. Преимущественно замѣтенъ упадокъ сахарныхъ заводовъ, чему много способствовало, кромѣ безденежья, распущенные слухи объ уменьшеніи пошлины на заграничный сахаръ. Между тѣмъ, въ Кіевской губерніи, свекловичныя плантаціи годъ отъ году распространялись все больше и больше, такъ-что, въ 1860 году, было собрано свекловицы *до двухъ милліоновъ берковцевъ*,—а съ ними вмѣстѣ увеличивалось и сахарное производство. На него-то правительство и обратило вниманіе. Государю Императору угодно было одобрить представленіе г. министра финансовъ о допущеніи сахарныхъ заводчиковъ къ пользованію кредитомъ въ Кіевской конторѣ государственнаго бан-

ка на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ производится учетъ купеческихъ векселей. Г-нъ М. Грабовскій, стараніями котораго допущена эта полезная мѣра, въ проэктѣ своемъ доказываетъ, что контора банка, безъ всякой опасности для своихъ оборотовъ, можетъ производить ссуды, подъ залогъ паровыхъ прессовъ, изъ которыхъ каждый вырабатываетъ изъ 5000 берковцевъ свекловицы 3332 пуда сахарнаго песку. Каждый заводчикъ, сообразно съ числомъ прессовъ, находящихся у него на заводѣ, можетъ пользоваться кредитомъ. На каждый прессъ полагается 7,500 р. сер., т. е. половина его стоимости. Для выдачи свидѣтельствъ на право кредита, г. Грабовскій предлагаетъ устроить особый комитетъ, составленный изъ двухъ директоровъ отъ дворянства, двухъ отъ сахарныхъ заводчиковъ и одного отъ купечества, а предсѣдателемъ назначить управляющаго конторою. Необходимыя для этого суммы (около трехъ съ половиною милліоновъ руб.) будутъ отчислены государственнымъ банкомъ. Это учрежденіе, дѣйствительно, должно въ самомъ скоромъ времени оказать свое полезное дѣйствіе, потому что, при своей очевидной выгодности для обѣихъ сторонъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ не представляетъ, по-видимому какихъ-либо стѣснительныхъ мѣръ для вкладчиковъ.

Въ Житомірѣ, мысль учрежденія городскаго кредитнаго общества еще въ прошломъ году была всѣми хорошо принята. Но такъ-какъ тогда повели дѣло не тѣмъ путемъ, какимъ слѣдовало, то первая попытка оказалась неудачною. Теперь проэктъ общества, за подписью болѣе 300 лицъ, представленъ начальнику губерніи, для внесенія на утвержденіе высшаго начальства. Пишутъ, что и тутъ не обошлось безъ противниковъ *новаго* учрежденія; но гдѣ новая, самая полезная, мысль сразу дается уразумѣнію каждаго?

При недостаткѣ частнаго кредита и отсутствіи денегъ, особенно въ такое время, какъ настоящее, учрежденіе поземельныхъ банковъ составляетъ самую насущную потребность. По случаю введенія правительствомъ новой кредитной системы, казенные банки существовавшіе до сихъ поръ, закрыты; вскорѣ затѣмъ послѣдовало преобразованіе крестьянскаво быта. Отсутствіе капитала, необходимаго для устройства хозяйства на вольномъ трудѣ, очевидно, имѣло прямое вліяніе на многочисленный классъ землевладѣльцевъ и, вообще, на землевладѣльческую промышленность. Потребность новыхъ кредитныхъ установленій была настоятельная; появилось нѣсколько проэктовъ. Вслѣдъ за изданіемъ «Трудовъ Комиссіи Земскихъ Банковъ» нѣкото-

рые капиталисты, вмѣстѣ съ землевладѣльцами разныхъ губерній, приступили къ составленію проэкта *общаго поземельнаго банка*. Число желающихъ принять въ немъ участіе возросло уже до нѣсколькихъ милліоновъ и все еще не перестаетъ увеличиваться. Проэктъ этого банка представленъ теперь на утвержденіе правительства.

Для улучшенія казенныхъ финансовъ, правительство признало нужнымъ увеличить нѣкоторые налоги, и 10 января обнародованъ Именной указъ, данный 30 декабря 1861 г. правительствующему сенату. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: Возвышеніе цѣнъ на всѣ вообще потребности жизни имѣло послѣдствіемъ и увеличеніе государственныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе предметовъ, нужныхъ по разнымъ частямъ управленія. Оно съ тѣмъ вмѣстѣ и усилило вообще, особенно же въ производительныхъ классахъ народа, способы къ выгоднѣйшимъ заработкамъ и къ полученію вознагражденія за труды въ большемъ, противъ прежняго, размѣрѣ. Сіе положеніе дѣлъ, доказывая съ одной стороны необходимость нѣсколько увеличить подати и прочіе поступающіе въ казенный доходъ сборы, съ другой же служитъ ручательствомъ, что сіи сборы не обратятся въ обремененіе тѣхъ, до кого касаются.

Составленныя въ министерствахъ, по принадлежности, предположенія, для достиженія сей двоякой цѣли, разсмотрѣны и одобрены государственнымъ совѣтомъ. Вслѣдствіе того, съ 1862 года, 1) увеличивается размѣръ податей и налоговъ со всѣхъ лицъ податныхъ званій; 2) возвышается цѣна на гербовую бумагу разныхъ достоинствъ; 3) съ привозныхъ товаровъ по европейской и азіятской торговлѣ возвышаются всѣ пошлины на 5% съ рубля, исключаются изъ сего: по торговлѣ европейской—только сахаръ сырецъ и рафинированный, а по азіятской—товары турецкаго и персидскаго происхожденія, привозимые чрезъ закавказскій край и въ астраханскій портъ. Взиманіе сей возвышенной пошлины начнется въ европейскихъ таможняхъ съ 1-го апрѣля, а въ азіятскихъ съ 1-го мая 1862 года. 4) По почтовому вѣдомству:

а) почтовая такса съ посылокъ, какъ съ простыхъ, такъ и съ документами, увеличивается 5 к. съ фунта;

б) за письма страховыя, вмѣсто 20, будетъ взиматься впередъ по 25 к. съ каждаго лота, и

в) за росписки, выдаваемыя подавателямъ корреспонденцій, вмѣсто существующихъ нынѣ платежей, впередъ взиматься будетъ по 5 к. за каждую росписку.

Въ вѣдомостяхъ, приложенныхъ къ указу, между прочимъ, опредѣлены оклады податей съ сословіи, состоящихъ въ завѣдываніи министерства государственныхъ имуществъ: *Подушныя подати:* съ Татаръ въ Крыму—75 к.; съ колонистовъ и государственныхъ крестьянъ Бессарабской области 3 р. съ семейства; съ государственныхъ крестьянъ бурлаковъ той же области 3 р. съ души; съ казаковъ Черниговской и Полтавской губерніи 1 р. 52 к. *Оброчныя подати:* съ государственныхъ крестьянъ Херсонской губ. 2 р. 85 к.; Черниговской и Полтавской 2 р. 53 к.; съ колонистовъ въ Таврической, Херсонской и Екатеринославской губ. 2 р. 85 к.; съ колонистовъ и государственныхъ крестьянъ Бессарабской области 7 р. 5 к. съ семейства; съ бурлаковъ той же области съ души 63 к.; съ крестьянъ бывшихъ южныхъ поселеній 2 р. 84 к. Съ государственныхъ крестьянъ губерній, въ которыхъ введена подоходная раскладка, въ томъ числѣ: Харьковской 3 р. 30 к.; Екатеринославской 3 р. Оброчная подать въ губерніяхъ (между прочимъ) Кіевской, Волынской, Подольской, въ которыхъ крестьяне платятъ поземельный оброкъ, опредѣленный прежнимъ регулированіемъ, увеличивается на 10%. Съ сословій, состоящихъ въ завѣдываніи другихъ управленій: съ мѣщанъ, цеховыхъ и пригородныхъ обывателей Европейской Россіи 2 р. 50 к.; съ времено-обязанныхъ поселянъ и дворовыхъ людей 1 р.; по Бессарабіи: съ цеховыхъ и ремесленниковъ царанъ и городскихъ жителей простаго состоянія съ семейства 3 р.; тѣхъ же званій съ холостыхъ 3 р.; съ евреевъ 2 р. 50 к.; съ дворовыхъ людей 90 к.; съ дворовыхъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ цыганъ 1 р; съ населенныхъ въ Крыму ординацкихъ крестьянъ а) 1 р.; b)—83.

Вскорѣ питейные откупá будутъ замѣнены казеннымъ управленіемъ акцизныхъ сборовъ. Дѣйствующіе нынѣ способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, по мнѣнію правительства, «представляютъ многія, существенныя, неудобства.» Не смотря на болѣе ограниченное значеніе откуповъ въ южносусскомъ краѣ, частная промышленность сильно отъ нихъ страдала. Говорятъ что нынѣ откупщики стараются удержать за собою винную монополію, хотя въ другой формѣ, именно арендованіемъ наиболѣе значительныхъ заводовъ и учрежденіемъ большихъ оптовыхъ складовъ, съ цѣлію задавить мелкую промышленность. Желательно, чтобы хоть въ этомъ случаѣ слабое не поддалось сильному, потому что, по извѣстному экономическому закону, мелкая про-

изводительность не можетъ устоять противъ напора большихъ капиталовъ,—какими ворочаютъ откупщики. Чего добраго, они и верхъ возьмутъ, въ особенности, если наши мелкіе промышленники, хоть при помощи ассоціацій, не станутъ съ ними соперничать соединивъ свои капиталы, а еще больше, если махнутъ рукой, не желая нарушать свое спокойствіе въ невѣрной борьбѣ съ сильнѣйшими врагами. Нѣтъ, ужъ если представляется возможность,—такъ надо взяться за дѣло дружно, чтобъ не попасть изъ огня въ полымя; иначе, при захватѣ, въ свои руки, наибольшей части винокуренія въ извѣстной мѣстности, откупщикъ станетъ такимъ же неограниченнымъ, полновластнымъ бариномъ, какимъ былъ онъ до сихъ поръ.

Здѣсь кстати сообщить отвѣты г. Киттары на нѣкоторые, присланные къ нему, вопросы, касательно винокуренія. Такъ-какъ предметъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія хозяевъ, то мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь эти отвѣты хоть вкратцѣ.

1) *Гдѣ лучшее устройство винокуренныхъ заводовъ за границей?* Г. Киттары отвѣчаетъ, что подъ словами *лучшее устройство*, главнымъ образомъ нужно понимать лучшіе перегонные аппараты. По современнымъ условіямъ, англійская система наиболѣе пригодна для Россіи. Муспратъ особенно говоритъ о винокуренномъ заводѣ Макфорляна и Комп. въ Глазговѣ.

2) *Можетъ-ли быть винокуреніе, при употребленіи паровика высокаго давленія (4 атмосферы), вмѣсто паровиковъ въ 1/4 и 1/2 атмосферы, каковые нынѣ при винокуреніи употребляются?* Можетъ; и паръ, подъ давленіемъ 4 атмосферъ, входя въ бражной кубъ, еще скорѣе приведетъ брагу въ кипѣніе, такъ какъ температура его равна не 100, а 145.4° по Цельсію.

3) *Не будутъ-ли пары высокаго давленія запаривать* (портить) *бродильной жидкости?* Нѣтъ, потому что температура 145.4° Ц. не должна оказывать разрушающаго дѣйствія на тѣ вещества, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоитъ брага:—минеральныя соли, азотистыя вещества, летучія масла, а иногда и неразложенный сахаръ и отруби.

4) *Ведро воды обращенное въ паръ 4 атмосферъ, сколько можетъ испарить ведръ бродильной жидкости въ паръ для выхода спирта?* Положительно отвѣчать на этотъ вопросъ трудно, потому что брага можетъ быть различной степени густоты, вслѣдствіе чего измѣняется и точка ея кипѣнія.

5) *Какой атмосферы будетъ паръ отдѣляющагося спирта?* Такъ какъ перегонные аппараты не закупорены герметически и проводныя трубы, ведущія пары воды и спирта, не разобщены съ внѣшнимъ воздухомъ, то нѣтъ причинъ думать, чтобы пары спирта были болѣе одной атмосферы давленія, если діаметры трубъ пропорціональны количеству образующагося пара.

6) *Пудъ ржаной муки, по количеству выхода спирта, какому вѣсу равняется картофеля?* На это трудно отвѣчать даже средней цифрой, но приблизительно:—одинъ пудъ ржаной муки долженъ отвѣчать тремъ съ половиною пудамъ картофеля.

Имѣя вѣрное основаніе совѣтовать нашимъ хозяевамъ воспользоваться слѣдующимъ—весьма разумнымъ — приглашеніемъ извѣстнаго своими познаніями и честностью Чешскаго профессора, *Ф. И. Іезберы*, сообщаемъ письмо его слово–въ–слово. Вотъ оно: «*Къ сельскимъ хозяевамъ* (*помѣщикамъ*), *купцамъ*, *фабрикантамъ*, *промышленникамъ и т. д.*

«Почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ измѣнились отношенія государственныя и общественныя, и можно надѣяться, что скоро явится требованіе, чтобы каждый, въ какой бы то землѣ онъ не искалъ занятія, кромѣ извѣстныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, зналъ и языкъ той страны, въ которой онъ намѣренъ жить, — чего до сего времени не существовало.—Въ образованной Чехіи (Богеміи) при руководствѣ умныхъ педагогохъ постоянно распространяются реальныя и другія практическія заведенія въ такой мѣрѣ, что скоро не будетъ возможности дать занятія многимъ лицамъ, оканчивающимъ эти заведенія, такъ что они принуждены будутъ искать занятій и средствъ къ жизни внѣ своего отечества, что уже и дѣлаютъ музыканты, художники и другія лица. — Хорошо понимая положеніе Славянскихъ народовъ, я вижу ясно, что именно въ настоящее время нисходитъ благодать Божія на плодоносныя земли православныхъ Славянъ: Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ — нашихъ единоплеменниковъ, и что въ этихъ земляхъ а особенно въ неизмѣримой Россіи уже чувствуется потребность въ производительныхъ нравственныхъ силахъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности. — Обсудивъ это я началъ усердно разпространять теоретически и практически славянскую письменность и преимущественно знаніе русскаго языка между западными Славянами. Мысль мою одобрили опытныя лица въ дѣлѣ техническаго образованія и другіе просвѣщенные, практическіе люди въ Чешскомъ народѣ, хорошо понимая,

что знаніе русскаго языка можетъ принести пользу нашимъ техникамъ и промышленникамъ.

«Императ. королевск. государственное министерство позволяетъ мнѣ преподованіе русскаго языка въ королевскомъ, земскомъ, политехническомъ институтѣ въ Прагѣ. Русскому языку уже учатся у меня не только техники по разнымъ отраслямъ, какъ то: агрономы, химики, архитекторы, а также филологи, учители, купцы, промышленники, кандидаты медицины, правъ и прочіе.

«По этому-то я счелъ моею обязанностью обратиться къ Вамъ публично съ просьбою, чтобы Вы, подобно Болгарамъ, Сербамъ и Хорватамъ, при недостаткѣ домашнихъ силъ не забывали своихъ братьевъ, Славянъ-Чеховъ (самаго образованнаго племени въ австрійской имперіи), которые начинаютъ усердно изучать языкъ могучаго русскаго народа, желая предложить Вамъ свои услуги и служить Вамъ честно, честнѣе всякихъ другихъ иноземцевъ, которые незная русскаго языка и не желая его знать, уже поэтому одному не могутъ принести никакой пользы русскому народу.

«Языкъ есть ключъ къ познанію духовнаго и матеріальнаго состоянія народа — и поэтому, кто желаетъ быть полезнымъ народу, долженъ необходимо знать его языкъ.

«Если Русскіе примутъ мое предложеніе, то многіе изъ моихъ соотечественниковъ небудутъ вынуждены искать занятій въ другихъ странахъ, гдѣ со временемъ ихъ поколѣніе погибнетъ для Славянскаго міра. Что касается рекомендаціи нужныхъ Вамъ людей, то это по моей просьбѣ приняли на себя компетентныя (опытныя) лица, пользующіяся довѣріемъ чешскаго народа. Желаю Вамъ и всѣмъ благомыслящимъ Славянамъ всякаго благополучія,—да взойдетъ солнце истинной христіанской любви и свободы надъ всѣми народами вселенной! Прага, Ноября 1861 года. Желающіе могутъ обращаться франкированными письмами: Proffessor Jesbera. in Prag (Bohemia), Stephansgasse, № 620.

На этотъ разъ, мы не успѣли сдѣлать нашу лѣтопись такою, какою желали бы ее видѣть; но съ слѣдующей книжки, надѣемся, она будетъ гораздо полнѣе и занимательнѣе. Оканчиваемъ ее извѣстіями, безъ – сомнѣнія любопытными для каждаго украинца.

— *Смерть М. В. Остроградскаго.* » Московскія вѣдомости » первыя сообщили эту печальную вѣсть въ слѣдующемъ письмѣ изъ Полтавы:

« Малороссія, схоронившая, въ февралѣ 1861 года, своего поэта, про-

водила въ могилу другаго изъ своихъ сыновъ, которымъ гордилась. 20-го декабря скончался, послѣ мучительной болѣзни, проживавшій въ Полтавѣ академикъ М. В. Остроградскій. Это событіе было принято всѣми въ нашемъ городѣ съ искреннею горестію. Тѣло покойнаго было перенесено въ церковь кадетскаго корпуса. Мѣстное начальство, многіе изъ дворянъ, бывшихъ въ городѣ, учебныя заведенія и лица разныхъ состояній присутствовали при отпѣваніи тѣла. Надгробныя рѣчи были произнесены протоіереемъ Думитрашкомъ и учителями корпуса и гимназіи, гг. Ильяшевичемъ и Стеблинъ-Каминскимъ. Присутствовавшіе проводили останки знаменитаго математика далеко за заставу, на вѣчное успокоеніе въ фамильномъ склепѣ Остроградскихъ, въ м. Голтвѣ, на живописныхъ берегахъ Псла. Хотя талантливые труженики чистой науки оцѣниваются немногими, однакожъ нельзя было не замѣтить, въ присутствовавшихъ, душевной печали: имя Остроградскаго было популярно на его родинѣ, даже въ тѣхъ слояхъ общества, до которыхъ ученая извѣстность достигаетъ только какъ темный слухъ. Происходя отъ старинной Малороссійской фамиліи, получивъ начальное образованіе въ Полтавской гимназіи, покойный академикъ сохранилъ въ обращеніи, языкѣ и воззрѣніи на многое отпечатокъ своей родины и всегда оказывалъ живое и дѣятельное сочувствіе къ ея успѣхамъ, умственнымъ и матеріальнымъ. Во время частыхъ пріѣздовъ въ Малороссію, Остроградскій живалъ обыкновенно въ Полтавѣ, которую любилъ какъ мѣсто, напоминавшее ему годы дѣтства, или въ своемъ имѣніи, находящемся недалеко отъ Полтавы; земляки не пропускали случая, всякій разъ, чѣмъ нибудь заявлять ему свое уваженіе, цѣня въ немъ собственную славу. Онъ всегда желалъ сложить свои кости на любимой родинѣ: такъ и исполнилось. Спеціалисты опредѣлятъ значеніе этого ученаго въ исторіи науки, но уже теперь можно, кажется, сказать, что въ довольно-длинномъ ряду замѣчательныхъ личностей, которыхъ родиною была Полтавская губернія, Остроградскій будетъ всегда занимать видное мѣсто. Глядя на цвѣтущее юношество, густою толпою окружившее гробъ знаменитаго наставника, мы невольно молились о томъ, чтобы наше даровитое племя не переставало давать благородныхъ и талантливыхъ дѣятелей для науки и для общества. »

Постараемся вскорѣ сообщить читателямъ *Основы* біографическія свѣдѣнія о нашемъ славномъ землякѣ.

— *Бюстъ Шевченка.* Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной

Библіотеки, выставленъ поясной гипсовый бюстъ *Т. Гр. Шевченка*, работы художника Ѳ. Ѳ. Каменскаго, доконченный профессоромъ—академикомъ Пименовымъ. Подобные бюсты продаются по *5 р. ср. безъ пересылки.*

— *Украинскія граматки.* Въ Москвѣ *Л. Н. Ященко* издалъ новый букварь, или *грамáтку за-для украïнського лю́ду.* Не смотря на невсегда-удачный выборъ примѣровъ для чтенія дѣтей; эта грамáтка представляетъ весьма хорошее руководство обученія грамотѣ по болѣе — лéгкому способу, давно обдуманному и испытанному г. Ященкомъ (см. IX книжку *Основы о дѣтскомъ языкѣ.)* Цѣна этой грамáтки — 5 к. ср.

— Кромѣ граматки г. Ященка, въ Москвѣ же изданы были недавно еще двѣ, подъ названіемъ: *Украïнська абéтка*, Н. Гаццука, (15 к.) и *Украïнська граматка*, И. Деркача, (5 к.) Ихъ можно покупать у авторовъ, въ университетѣ, и у книгопродавца А. И. Глазунова.

Напомнимъ, при этомъ случаѣ, о трехъ другихъ граматкахъ: 1, *Граматка*, П. А. Куліша, (5 к.); 2, *Южнорусскій букварь*, Т. Гр. Шевченка (3 к.) и 3, *Домáшня наýка*, К. Шейковскаго, въ двухъ книжкахъ (30 к.) Первыя двѣ можно купить у книгопродавца Дм. Еф. Кожанчикова, а послѣднюю — въ Кіевѣ, у автора и у книгопродавца В. Г. Борщевскаго, и въ Полтавѣ — у книгопродавца Х. Л. Изопольскаго.

— *Сборникъ украинскихъ стихотвореній П. А. Куліша* Этотъ сборникъ вскорѣ долженъ выйти, подъ названіемъ — *Дóсвітки*, значеніе котораго объясняется слѣдующимъ стихотворнымъ вступленіемъ:

У — дóсвіта вставъ я... тéмно ще на-двóрі;
Дé-не-де по хáтахъ ясне́ свíтло ся́е,
Ся́е ясне́, свíтло якъ на нéбі зорі...
Дивýюсь, радію, у сéрця питáю:
»Скажи́, віще сéрце, чи скóро свíтъ бýде?«
— »Ой скóро свíтъ бýде,
Проки́нутця лю́де,
У вся́ке вікóнце
Засия́е сóнце.«

Ой уда́рю жъ зъ-разу у́ стру́ни живи́і:
Проки́ньтесь, вставайте, стари́і й мали́і!
Віщува́ннямъ но́вимъ се́рце моє́ бье́тця,
Черезъ-край изъ се́рця рідне сло́во лѣтця.—

— *Голосъ Галичанъ*. П. А. Кулишъ помѣстилъ одно изъ своихъ украинскихъ стихотвореній (*Зза Дунаю*) въ Львовской русинской газетѣ: *Слово* (№ 71) Вслѣдъ за тѣмъ, редакція *Сло́ва* напечатала, съ своею замѣткою, отвѣты дорогихъ и близкихъ намъ Галичанъ, полные горячаго сочувствія: (не знаемъ, обратили ль И. С. Аксаковъ и Вл. Ив. Ламанскій вниманіе на голосъ нашихъ братьевъ). Сообщаемъ изъ *Сло́ва* точную выписку:

I. Отвѣтъ зъ-подъ Бискида на голосъ »Зъ-за Дунаю«.

Ой лети соколе
Та на Украину
А зъ-вѣттамъ къ Бескиду
По-цадъ Галичину.
Славна колись була
Славна Галичина,
Ту е рідни люди
И рідна родина.
Нині встрепенулись
Наши соколята,
Тебе привітаютъ,
Скажутъ: рідна хата
Чімъ мае, пріймае.
Розгостися батьку —
Всего у насъ мало,
А серця въ достатку.
Яструби съ орлами
Випивали очи,
Розносили тіло
Полемъ по-убочи.
А вовки и лиси
Зъ яругъ уже вили,
Намъ на похорони —
Гребали могили.
Щоби наши кості
Збити, споругани
И вітромъ-вітриломъ
Порозкидовани
Не встали при зіркахъ
Та и не помчались
Довгимъ хороводомъ,
Где не повстрічались.
И серце намъ пили
Въ куски роздерали
И нашимъ страданьямъ
Гірко ся ругали.
Но годі имъ було
Всю кровцю испити,
Наши голи кости
Въ сирую зарити.
Въ наши кости буря
И вітри звонили,
Дожджи за дожджами
Ихъ на полю мили.
Вже вовки и лиси
Отъ нихъ утікали,
На нихъ орелъ, яструбъ
Вже не спозирали,
И чудомъ не чудомъ —
Вотъ, батьку-соколе
Умерці здвигнулись,
На родимомъ полі.
Та стали соколи
Молоди літати,
Зірками-очами
За Бискидъ сягати;
А Бескидъ розморщивъ
Чоло, подвісъ брови,
И нашуривъ уха,
Кинувъ взоръ суровий
На поля далеки,
На степи широки —
А туди соколи
Взбились бистрооки.
»У мене яруги,
У мене е скали«;

Гомонитъ сердито
Бескидъ величавий:
»Вовкамъ и лисицямъ
Въ яругахъ заритись,
Яструбамъ съ орлами
Не тутки гніздитись.
Межь твердима скали
Ту ихъ гробъ-могила;
Ту однимъ соколамъ
Вширь ширити крила;
А зъ вітсі на волю
Гень, гень вилітати,
Въ лобъ вовкамъ и лисамъ
Клюви запускати!«
Чи слишишь, соколе,
И ти, Україно,
Чи слишишь и наша
Бідна Галичино?
Гей-гей, сжалься Боже!
Та надъ вашой долей,
Та надъ вашимъ горемъ,
Вашею неволей!
Коли въ вашу хату
Свѣтъ-сонце загляне,
Коли у васъ темна
Чорна нічь устане?
Та коли покинутъ
Васъ вже здобувати
И вашимъ уборомъ
Себе уберати?

И. Гушалевичъ.

II. Братові зъ-за Дунаю.

Коли ймешь кидати
Чужую чужину,
Соколомъ вертати
Въ рідну Украину;
Не минай родини
Старой Галичини,
Вступи, милий брате,
До нашої хати!
Щиро руськимъ словомъ
Тебе поздоровимъ,
Подъ святи иконы
Тебе посадовимъ!
Божимъ хлібомъ-сольою
Ймемъ тебе пріймати,
О счастью, здоровью
Родини питати;
Та й тобі розкажемъ
Про нужду домашну, —
Та журбу всегдашну
Чей разомъ розважимъ.
Ой бо наша воля —
Щербатая доля:
Гонятъ вороженьки
Изъ рідного поля;
Нашу рідъ – родину
Стару Галичину
Своевь называютъ,
Намъ ю отчужаютъ...
И такъ сиротами
На рідной землиці
Батьківъ гроби допчемъ.
Плачемъ по сестриці.
Тяжко малой птиці
Меже яструбами,
Сироті ще тяжче
Помежь свояками!
Тілько ви сердечні
Вкраиньскі орлята,
Діти одной крови,
Ви наша вітрада!
Отъ такъ, любий брате,
Гараздъ и недолю,
Счастье и неволю,
Весь клопітъ и труди
Разомъ поділяти....
Легче сердцю буде'
Оттакъ на вітходномъ
Тебе проведемо,
Поклонъ родинонъці
На Вкрайну пошлемо!

Галичанинъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

1862.

I.

XXV — *Хата* срисованная мною съ натуры въ Полтавской губ. Пирятинск. уѣзда.

XXVI — *Старцi*, съ рисунка И. И. Соколова.

Душевно благодарю всѣхъ, содѣйствующихъ мнѣ въ изданіи *Живописной Украины*, своими трудами или матеріалами; тѣ рисунки, которые не могутъ быть помѣщены въ *Украинѣ* по своему размѣру, — войдутъ въ *Живописный Сборникъ*, который я уже началъ издавать. Если число подписчиковъ умножится, и тѣмъ увеличатся мои средства, то число рисунковъ *Живописной Украины* также умножится. Я желалъ бы издавать въ годъ не 24, а 50; тогда многіе костюмы и утварь могли бы быть хромолитографированными.

Несмотря на то, что занимаются розработкой народности, — народность еще мало намъ извѣстна, потому что нынѣшняя разработка ея не обнимаетъ предмета со всѣхъ сторонъ. Въ-особенности, надо много и долго трудиться, чтобы уяснить себѣ духъ и прошедшее Южной Руси; этому могло бы много помочь собраніе древностей и изданіе ихъ. Этихъ собраній и этихъ изданій у насъ пока нѣтъ, а между тѣмъ, они необходимы. Впрочемъ, многіе собираютъ и складываютъ разныя разности въ домашнія хранилища, библіотеки, кабинеты; есть, напр., такіе, у которыхъ хранятся полные сундуки старинной одежды,

таросвѣтскаго шитья, стародавнихъ матерій, но все это гибнетъ мертвымъ безполезнымъ капиталомъ, лишая другихъ возможности изучать народную жизнь. Всѣ эти сокровища—слѣдъ давно прошедшей жизни; ихъ должно вытащить на свѣтъ изъ скрынь и кабинетовъ, чтобъ сдѣлать общимъ достояніемъ, и собирая все вмѣстѣ, положить основаніе народному музею.—Музей этотъ можетъ находится въ Кіевѣ или Полтавѣ; въ немъ должны быть собраны всѣ древности Южной Руси, разныя произведенія народа, а также древніе и новые костюмы. Если бы устройство такого музея встрѣтило препятствія, которыя иногда трудно превозмочь, — то, по-крайней-мѣрѣ, можно было бы сдѣлать изданіе подобныхъ вещей, и мы наконецъ узнали бы, чѣмъ обладаемъ и на сколько такой матеріалъ полезенъ и самобытенъ. Съ этою цѣлію я жертвую, на первый разъ, 100 руб. и свой трудъ: быть-можетъ, и другіе не откажутъ въ своемъ содѣйствіи общенародному дѣлу и сообщатъ о своемъ намѣреніи *въ редакцію Основы*. Пусть люди достаточные снимаютъ фотографіи, заказываютъ рисунки съ древностей и народныхъ произведеній имъ принадлежащихъ; пусть жертвуютъ деньгами на это дѣло: — имъ открывается возможность доказать свою любовь къ народности не одними словами. У людей недостаточныхъ можно будетъ покупать вещи на счетъ пожертвованій.

О мѣстѣ храненія денегъ можно будетъ условиться. Такимъ образомъ, у насъ явился бы свой музей куда поступило бы все, что хранится въ частныхъ рукахъ — безполезно для общества, для самопознанія и для ознакомленія съ собою другихъ народовъ.

Желающіе получать «Живописную Украину» за 1861 и 2 годы, могутъ обращаться *въ редакцію Основы*, (у Круглаго рынка, домъ Принца Ольденбургскаго) равно и въ книжный магазинъ Н. А. Серно-Соловьевича (на Невскомъ проспектѣ, противъ Казанскаго Собора), прилагая къ своему требованію 9 руб. съ пересылкою для иногородныхъ, 5 р. для городскихъ, а для подписчиковъ на *Основу*, въ нынѣшнемъ году, 4 р. съ пересылкой.

Изъ *Живописнаго Сборника* поступили въ продажу слѣдующіе гравюры: 1 и 2—*Козаки зъ містечка Веремієвки, Золотоноського повіту* (Полтавс. губ.) 3 — *Хлопець зъ козацької семьі тогожъ містечка* и 4—*Дідъ Яківъ Свиря*. Всѣ четыре гравюры сдѣланы мною съ рисунковъ И. И. Соколова, который рисовалъ

съ натуры. Цѣна каждаго 50 к. безъ пересылки и 1 р. съ пересылкой. Размѣръ *листа:* ширина 7 вершковъ, длина 10 вершковъ.—5, Кіевопечерскій *Схимникъ Парѳеній* — гравированъ мною съ фотографическаго портрета, снятаго съ натуры за 5 дней до смерти схимника. Цѣна 75 к. безъ пересылки и 1 р. 25 к. съ пересылкою. Всѣ гравюры при пересылкѣ будутъ накатаны на палку и тщательно уложены.

Какъ эти гравюры, такъ и прежнія, можно получать *въ редакціи Основы* и *въ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича.*

Левъ Жемчужниковъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 1-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Аби́ — лишь бы.
Або́ — или; развѣ.
Або́ жъ — или, ли, развѣ.
Або́-що — что́-ли.
Авже жъ! — конечно, разумѣется.
Аже́ — вѣдь.
Ані — ни.

Ба́бинъ — бабушкинъ.
Бабу́сенька — (ум. ласкат.) бабушка.
Ба́вити — забавлять.
Багати́рь — богачъ.
Бага́то — много.
Баглаі (бить) — баклуши бить.
Багно́ — болото; лужа, въ которой свиньи валяются.
Байду́же — нужды нѣтъ; все равно.
Бакъ (пакъ) — бишь.
Барвінокъ — любимое народомъ стелющееся растеніе, не теряющее зелени и зимой.
Ба́тенько — (ласкат.) — батюшка.
Ба́читись — видѣться.
Ба́читця — кажется.
Бачъ — вишь, видишь.
Бджо́ла, бжілка — пчела, пчелка.
Безба́тченко — неимѣющій отца, — незаконнорожденный.
Безо́дній — бездонный.
Безща́сний — несчастный.
Бе́нкетъ — пиръ.
Береги́ — берега́, края́.
Бесіда — бесѣда.
Би́дочка — лента.
Бігъ — Богъ.
Биля́ — подлѣ.
Бігти — бѣжать.
Біда — бѣда; простая одноколка.
Біднесенькій — (умен. ласкат.) бѣдненькій.
Бідова́ніе — бѣдствіе.
Бідола́ха — бѣдный, бѣдняга.
Бідува́ти — бѣдствовать.
Більше, більшъ — болѣе.
Блага́ти — просить; умолять.
Блигомий — близкій.
Близе́нько — очень близко.
Близе́сенько — близёхонько.
Бли́скати — блестѣть.
Блискучий — блестящій.
Блища́ти — блестѣть.
Блищи́тця — блестить, свѣтится.
Бо (частица) — же (кажи бо! — говори же).
Бо — ибо, потому-что.
Бо́женько (дѣтское) — Богъ.
Бо́вдуръ — дымовая труба; (переносн.) болванъ.
Божевільний — безумный, помѣшанный.
Божничо́къ — полка, гдѣ стоятъ въ хатѣ иконы.
Бо́-зна — Богъ знаетъ.
Блещі (множ. число) — болѣзнь.
Бо́лсмъ болю́щимъ — мучительною болью.
Боляче́ — больно; чувствительно.
щоржій — скорѣй.
Боронити — препятствовать, запрещать; оборонять.
Бо́рошенний — хлѣбный.
Боязкий — боязливый; пугливый.
Бо́язко — страшно.
Бра́ма — большія ворота.
Брехати — лаять (о собакахъ); лгать (о людяхъ).
Бреху́нъ — лгунъ; враль.
Бридкий — противный, отвратительный.
Бри́кнутись — брякнуться; упасть.
Бриль — шля́па.
Бря́знути — брякнуть; зазвенѣть; упасть со звукомъ.

Бу́бличокъ (умен.) — бубликъ; баранокъ.
Бува́ти, бу́ти — бывать, быть.
Буди́нокъ—зданіе; господскій домъ.
Буди́къ — степное колючее растеніе.
Бу́зівокъ — годовалый теленокъ.
Бузко́вий — сиреневый.
Бу́йний — (вітеръ) — сильный (вѣтеръ).
Бунтовли́вий — безпокойный, бунтующійся.
Бурла́ка — бездомный холостякъ.
Бурча́ти — клокотать.
Буханéць, буха́нчикъ — булка, небольшой пшеничный круглый хлѣбъ.
Буцімъ — будто, точно, словно.

Ва́жко — тяжело.
Важли́вий — тяжелый, важный.
Ва́жче — тяжеле.
Ва́рта — стража.
Вбра́ння — уборъ.
Вбра́тись — войти; одѣться.
Ввесь — весь.
Ввібра́ти — вмѣстить; вобрать.
Вгава́ти — умолкнуть; перестать шумѣть.
Вго́ру — вверхъ.
Вда́тись — быть по характеру похожимъ на другого.
Вда́тний — удачный.
Вдивля́тись — пристально глядѣть; всматриваться.
Вдовольни́тись — вдовольствоваться.
Вдуши́тись — задохнуться; удушиться.
Вдя́ченъ — благодаренъ.
Вдя́чний — привѣтливый, благодарный.
Вжаха́тись — испугаться.
Вередува́ти — капризничать.
Верта́тись — возвращаться.
Весі́льній — свадебный.
Весі́лле — свадьба.
Ве́черя — ужинъ.
Вечорни́ця,-ці — бесѣда; народная вечеринка.
Вибача́ти — извинять.
Ви́вернутий — вывороченый.
Вигада́ти — выдумать.
Вигрімля́ти — часто гремѣть.
Ви́дко — видно.
Ві́днечко — свѣтло.
Ви́допта́ти — вытоптати.
Ви́дужа́ти — выздоровѣть.
Ви́зволити — выкупить; спасти.
Визна́ття — дознаніе; сознаніе.
Визна́ти — выпытать; разузнать.
Ви́ймати — вынимать.
Ви́кохани́й — взлелѣянный.
Ви́кошту́вати — выпить.
Вилина́ти — вылетать, выпорхнуть.
Ви́лупитись — выйти изъ яйца (о птицахъ).
Вимі́ча́ти — отмѣчать; выдѣлять.
Ви́нний — виновный.
Ви́нниця — винокуренный заводъ.
Винова́чений — обвиняемый.
Виповня́тись — наполняться
Виправля́ти — отправлять.
Ви́простатись — освободиться; выпрямиться.
Виро́юватись — высыпать (о людяхъ), (идти въ большой массѣ — словно рой).
Виряжа́ти — провожать, отправлять, снаряжать.
Ви́рятувати — спасти.
Ви́сіти — высѣть.
Ви́турли́ти — вытурить, выгнать.
Ви́ходитись — выздоровѣть; стать на ноги послѣ болѣзни.
Ви́шукати — найти, выискать.
Ви́ще — выше.
Ви́явитись — обнаружиться, выказаться.
Вівса — овса.
Вівто́рокъ — вторникъ.
Відборо́на — оборона, защита.
Відво́дити — отводить.
Відпочи́ти — отдохнуть.
Відсі — отсюда.
Відцура́тись — отказаться, бросить; прекратить всякое сношеніе.
Відчини́ти — отворить.
Відъ — отъ.
Візъ — возъ, телѣга.
Віко́ниця — ставня.
Віко́нце — (умен.) — окошко.
Вільні́ше — вольнѣе.
Вільно — вольно.
Вінъ, вона́, воно́ — онъ, она, оно.
Вісень — осень.
Вісімъ — восемь.
Вклони́тись — поклониться.
Вкраяти — отрѣзать.
Віченьки — глазки.
Вла́сний — властный, свой собственный.
Вле́стити — прельстить.
Вли́тись — облиться.
Влу́чити — нацѣлить, попасть.
Вме́рти — умереть.
Вмовля́ти — внушать, уговаривать.
Води́чка — (умен.) — водица.
Воло́ка — конецъ тонкой веревки у постоловъ; обора.
Воріжка — знатни́ця — свѣдущая ворожея.
Ворітця — (умен.) — ворота.
Во́рогъ — врагъ.
Ворожи́ти — ворожить, гадать; (переносн.) лечить.

Ворожéньки, вороги — враги, непріятели; воры.
Впада́ти — приличествовать чему.
Впа́сти — запасть; врѣзаться въ память.
(Вподоба) до вподоби — по душѣ.
Вподо́бати — полюбить; найти себѣ по нраву.
Впиня́ти — удерживать.
Впоряжа́тись — устроиться; управиться.
Вра́зити — сильно задѣть, зашибить, уязвить.
Ври́тий — вкопанный въ землю.
Вро́да — красота.
Встерегти́ — подкараулить.
Встроми́ти — воткнуть.
Встря́ти — завязнуть, вмѣшаться не въ свое дѣло.
Втекъ — утёкъ, бѣгство.
Втіка́ти — убѣгать.
Втікачъ — бѣглецъ.
Втішити — утѣшить.
Втішки — (множ. число) утѣха.
Втішний — забавный.
Втнуть — хватить, отрѣзать; понять.
Второпати — понять; попасть на ладъ.
Вто́ма — усталость; утомленіе.
Втра́пити — потрафить.
Втрима́тись — удержаться.
Втявъ — (прош. отъ втя́ти) — выполнилъ, сдѣлалъ.
Вужъ — ужъ.
Ву́тленький — слабосильний.
Вхопля́тись — хвататься.
Въ — у.
Въ ме́не — у меня.

Гай — роща.
Га́ля — Анна.
Гамази́я — хлѣбный магазинъ.
Га́ніба, га́ньба — безчестье.
Ган(б)ний — безчестный.
Ганчі́рка — тряпка.
Га́нити — порицать, порочить.
Га́пка — Агафья.
Гапли́къ, гапли́чокъ — крючекъ.
Гара́здъ — хорошо, какъ слѣдуетъ
Гарбу́зъ — тыква.
Га́рний — хорошій, красивый.
Гі́лька — вѣтка.
Гі́ршае — становится хуже.
Гі́ршъ — хуже.
Ги́нути — погибать.
Геть — прочь.
Глузува́ти — издѣваться.
Гля — для.
Гречаникъ — гречневый хлѣбъ.
Грізьба — угроза.
Грімати — гремѣть.
Гробки́ — кладбищенскія могилы.
Гру́кнути — стукнуть; загремѣть.
Говірка — говоръ.
Говірки́й — говорливый.
Годіжъ! — полно; перестань.
Годи́нникъ — часы.
Го́лка, — иголка.
Голобе́льна — коренная (лошадь).
Го́мінъ — говоръ, шумъ.
Горі́лка — водка.
Горобе́ць — воробей.
Городня́нець — жигель города.
Гре́бля — плотина.
Горну́тись — льнуть; прибѣгать подъ покровительство.
Горени́ть — имѣть горкій вкусъ.
Госпо́да — хозяйскій домъ.
Го́стрий — острый.
Gудзь, — гу́дзикъ — пуговица.
Гукону́ти — крикнуть.

Давнина́ — старина, древнее событіе
Да́лебі, да́либі — ей Богу.
Да́лі — далѣе; потомъ.
Далиня́ — даль.
Дару́ночокъ — (ум.) — подарокъ.
Дасбігъ — нѣтъ; Богъ дастъ.
Де — гдѣ.
Дежъ — гдѣжъ.
Десь — гдѣ-то.
Деся́тчикъ — десятникъ.
Держа́ва — помѣстье; сила; власть.
Дзвінъ — колоколъ.
Дзвині́ти — звенѣть.
Дзе́ркало — зеркало.
Дзюркотли́вий — журчащій.
Дзюрча́ти — журчать.
Диви́тись — смотрѣть.
Дихну́ти — дышать; вздохнуть.
Діжда́тись — дождаться.
Діжа́ — квашня, кадка, въ которой приготовляютъ тѣсто для хлѣба.
Дітво́ра — (собир.) дѣти.
Дістати — достать.
Діяти — дѣлать, творить.
Дмухну́ти — дунуть.
Дна — одна.
Дворакъ — дворовый человѣкъ.
Добу́ти — достать: занять.
До́ба — пора.
До́бре — хорошо.
Довгопо́лий — длинополый.
Доглида́ти — присматривать; имѣть попеченіе.
Догожда́ти — угождать.
Додать — прибавить.
До́ленька — (умен.) — судьба.
До́кіль — покуда, пока.
Докірливо — съ упрекомъ
Докори́ти — упрекать.
Доку́пи — въ одно мѣсто.
Домівка — своя родина, свой домъ.
Домови́на — гробъ.

Допле́нтатись — дойти; доплестись.
Допрі́ки — (мн. число) упреки.
Доріклі́во — съ упрекомъ.
Дорожне́та — дороговизна.
До́сі — до сего времени, доселѣ.
Дочека́ти — дожидать.
Дощъ — дождь.
Дрі́бненький — мелкій.
Друкова́ти — печатать (типографъ).
Дружко́ — шаферъ (на свадьбѣ).
Дружи́на — подруга; жена.
Дука́чъ — металическое украшеніе, привѣшенное къ монисту, чаще всего золотая монета, съ изображеніемъ Божьей Матери.
Дури́ти — обманывать.
Дя́дина — жена дяди; тётка.
Ду́жий — сильный.
Ду́же — очень.
Дурни́ця — глупость, пустяки.
Дурни́й — глупый, дуракъ, сумасшедшій.
Дя́ка — благодарность.
Дя́кувати — благодарить.

Жада́ти — сильно желать, жаждать.
Жада́ння, — є — желаніе; жажда.
Жад!бка — желаніе, жажда.
Жа́лібний — жалостный.
Жалкува́ти — жалѣть; жаловаться.
Жалкова́ння — сожалѣнье.
Жаління — жалость, сожалѣніе.
Жа́лощі — сѣтованіе; соболѣзнованіе.
Жаль — горесть, сожалѣніе, сокрушеніе.
Жари́на — раскаленный уголь.
Жартува́ти — шутить (играть словами.)
Жартъ — шутка.
Жаха́ннє, вжахання — ужасъ, испугъ.
Жахли́во — пугливо.
Жахну́тись — испугаться; ужасаться.
Жени́шеньки — женихи.
Жи́тній — ржаной.
Жито — рожъ.
Житовье́ — житье; пожитокъ; имущество.
Жме́ня — горсть.
Журба́ — печаль.
Журі́нне — печаль.
Журли́вий — печальный, тоскливый.

Забари́тись — замедлить, опоздать.
Заба́чити — увидѣть; замѣтить.
Забу́тте, — я — забытье; безпамятство.
Завда́ти — сокрушить; дать почувствовать.
Завирю́ха — мятель.
Завідати — навѣстить.
Завійниця — боль, рѣзь въ животѣ.
За віщо — за что.
Заворуши́тись — зашевелиться.
Загада́ти — задумать; предположить; задать работу.
Загомоніти — громко заговорить.
Загорта́ти — загребать.
Загуби́ти — потерять; погубить.
Загустій — загудѣть.
Загуча́ти — загудѣть.
Заздалегі́дь — задолго, заблаговременно.
Заздріти — увидѣть.
Зазирну́ти — заглянуть.
Зазнава́тись — знакомиться; сближаться.
Зазна́ти — помнить давнее событіе или лицо.
Зазна́тись — познакомиться, спознаться.
Залізо — желѣзо.
Залюбки́ — съ удовольствіемъ, по нраву, по душѣ.
Зали́ти за шку́ру са́ла — допечь.
Залоскота́ти — защекотать.
Заману́лось — захотѣлось.
Замигтіти — замелькать.
Замі́та́ти — заметать.
Замі́сць — вмѣсто.
Замо́вний — заговоренный, заколдованный.
Занапасти́ти — испортить; сдѣлать негоднымъ; погубить.
Занедба́ти — пренебречь, забыть, запустить.
Занепа́сти — ослабѣть отъ болѣзни.
Занеха́яти — оставить безъ присмотра, пренебречь.
Запа́ска — родъ передника.
Запобігти — впору спохватиться; предупредить.
За́полочъ — крашеныя, цвѣтныя нитки изъ хлопчатой бумаги.
Заплітка — плетеніе (о косѣ).
Заплю́щитись — зажмуриться.
Запи́тувати — распрашивать.
Запіка́нка — водка, заправленная и настоянная въ горячемъ мѣстѣ.
Запомогти́ — помочь, выручить изъ бѣды.
Запороши́ти — засорить (глазъ.)
Зарі́дливий — урожайный.
Заробітокъ — заработокъ.
Зару́чини — обрученіе.
Заруча́тись — обручаться.
Засвітити — зажечь (огня).
Засмалцеваний — замасленный.
Засмути́ти — опечалить.
Заста́ва — залогъ.
Засте́лювать — застилать.
Застогна́ти — застонать.

Зацькува́ти — натравить (о собакахъ).
Засумува́ти — затосковать.
Затира́ти — занести, затащить
За́тірка — особаго рода кушанье.
Затруси́тись — затрястись.
Затули́ти — закрыть.
Зачепи́ти—зацѣпить; задѣть.
Зачі́нокъ — задѣванье.
Зачина́ти — начинать.
Заховáти — спрятать.
Захóдъ, західъ—сборы, приготовленія.
Заходи́тись — начать; засуетиться.
Захті́ти — захотѣть.
Зацідúти — нанести жестокій ударъ.
Защіпну́ти — защелкнуть; взять на крючокъ дверь.
Збагну́ти — уразумѣть, понять.
Збіжье, збіжжа — движимое имущество; зерновой хлѣбъ.
Збліда́лий — блѣдный.
Збіліли́й — побѣлѣвшій.
Збро́я — сбруя.
Звести́сь—сняться съ мѣста; встать, истребиться, (кодло его звелось).
Зве́тця — зовется.
Звідати — розвѣдать.
Звідки—откуда.
Звідті́ль — оттуда.
Звідусі́ль — ото - всюду; со всѣхъ сторонъ.
Звідці́ль — отсюда.
Звинова́тить — обвинить.
Звідти — оттуда.
Згада́ти — вспомнить.
Згáдувати — вспоминать.
Згірочокъ — небольшая горка.
Згóда— согласіе, миръ.
Згорну́вши (руки)—сложивши (руки).
Зготува́ти — изготовить.
Згу́блений — потеряный.
Згуби́ти — изгубить. потерять.
Згу́ба — потеря, бѣдствіе.
Здава́тись — казаться; сослаться.
Здійма́ти — снимать.
Здивова́тись — удивиться.
Здóбичъ — пріобрѣтеніе; добыча.
Здоліти — одолѣть, превозмочь.
Здоро́вьечко — (ум) — здоровье:
Здрига́ти — вздрагивать; пугаться.
Здýжати — одолѣть; быть здорову.
Зъединúтись — соединиться.
Зе́рнята — зернышко (умен ласк.); крошечка (о дѣтяхъ).
Зирну́ти — взглянуть.
Зла́пати — нащупать, поймать.
Злúдні—крайняя бѣдность; нищета.
Зляка́тись — испугаться.
Зібраний — собраный.
Зігну́ти — согнуть.

Зіллячко, зілля—зелень, трава, растеніе.
Зірва́ти — сорвать.
Зіскóчити—соскочить.
Зітхаючи — здыхаючи.
Зіхóдити — всходить.
Зірни́ця — звѣзда.
Змага́тись — спорить, не смалчивать.
Змарніти—исхудать; спасть съ лица.
Змежи́ — (пред.) — изъ-среды между себя.
Зміняти — сравнивать.
Зміркува́ти — разсудить; посовѣтоваться.
Змóвкнути — смолкнуть.
Знакомісіньки́й—вполнѣ знакомый.
Знаття — знаніе, свѣдѣніе.
Зневáга, — неуваженіе униженіе.
Зневажáти — унижать, оказывать пренебреженіе.
Знемогти́сь — утомиться.
Зни́кнути — незамѣтно скрыться; исчезнуть.
Зоба́чити — увидать.
Зомлі́лий — обомлѣвшій.
Зора́ — зоря.
Зоста́вити — оставить.
Зотну́тись—схватиться, сцѣпиться; стать въ бой съ непріятелемъ.
Зра́да — измѣна.
Зра́дити — измѣнить, выдать кого.
Зрадíти — обрадоваться.
Зра́на — рано, спозаранку:
Зрахува́тись—посовѣтоваться, разсудить.
Зтя́митись — опомниться.

Изгля́нутись—уважить; сжалиться.
Издрігнутись — вздрогнуть.
Излива́ти — поливать.
Изнóву — снова.
Изня́тись—подняться: встревожиться.

Ії — ея, ее.
Ій— ей.
Іхати — ѣхать.
Инколи — иногда.
Инший — иной.
Инъякъ —ипаче.
Йти — идти.

Кабане́ць —небольшой поросенокъ.
Каганéць — жирникъ.
Ка́же — говоритъ.
Ка́зка — сказка.
Кайда́ни — кандалы.
Каламу́тный — мутный (о водѣ).
Каменю́ка — большой камень.
Канчу́къ — кнутъ.
Карбóванець — сребрянный рубль.

Ка́тря — Екатерина.
Кацапъ — бородачъ; великоруссъ.
Качанчикъ — (ум. ласк.) — качанъ (капусты).
Каяння — раскаяніе.
Кваша — варенежидкое тѣсто.
Квітка — цвѣтокъ.
Квіточка — цвѣточекъ.
Кеньдюхъ — большая желудочная кишка.
Кéте — дайте.
Ки́дати — бросать; оставлять въ забвеніи.
Киекъ, кий — палка, дубинка.
Кирéя — верхняя одежда.
Кишéня — карманъ.
Кілóкъ, кілóчокъ — колышекъ.
Кімната — комната.
Кірець — ковшъ.
Кісточки — (ум.) — кости.
Клаки́, клóки, клóччя — очески отъ пеньки, хлопья.
Клúнці — названіе узора
Клóпітъ — заботы, хлопоты.
Клопота́тись — хлонотаться.
Клóпоты — хлопоты.
Клу́ня — рига.
Кова́ль — кузнецъ.
Кóгутъ — пѣтухъ.
Кожнісінький — всякій безъ исключенія.
Кóжний — каждый.
Кожу́хъ — шуба; нагольный тулупъ.
Колúсь — когда-то.
Колúшній — бывшій нѣкогда.
Колó — возлѣ, около.
Колоти́тись — биться (о сердцѣ).
Кóмінъ — труба.
Конúчеськи — кони.
Конóвочка — кружка.
Копа́ — 50 копѣекъ асс.; въ исчисленіи другихъ предметовъ—60.
Копецъ — небольшая яма.
Капéць — примѣта, вырытая въ землѣ, во время раздѣла земли между селянами.
Корúтись — покоряться.
Кормúга — ярмо, иго.
Корогóвъ — хоругвь.
Коруночка — коронка.
Косовúця — время косьбы.
Кóсонька — (ум.) коса.
Кохáнне — любовь.
Кохáти — любить.
Кпúни — издѣванья, насмѣшки.
Кпúти — издѣваться, дурачить.
Кравéць — портной.
Крáще — красивѣе.
Крáяти — рѣзать (о хлѣбѣ).
Кремéзний — крѣпкій, неуступчивый.
Кресáти — (огонь) — высѣкать (огонь).
Крильцé — крылушко.
Крізь — скрозь, вездѣ.
Кругъ — кругомъ, вокругъ.
Крукъ — воронъ.
Крякати — каркать (о воронѣ).
Кувáти — ковать; куковать.
Кудúсь — куда-то.
Кужíль — кудель, вычесанный ленъ.
Кýпа — куча; группа.
Кýпчитись — соединяться вмѣстѣ.
Курнýти — быстро побѣжать; поднять за собою пыль.
Кутóкъ — уголъ.
Кýтря, або пýтря — родъ купанья.
Кýхликъ — кувшинчикъ.
Кучерявий — курчавый, кудрявый.
Кущъ — кустъ.

Лáва — лавка, доска приставленная къ стѣнѣ
Лаврéники — вареники.
Ланъ — большая нива.
Ланцю́гъ — цѣпь.
Ластівка — ласточка.
Ледащúчка — (умен.) лѣнтяй; негодяй.
Лéдві — едва.
Легшъ — легче.
Лемішка — тюря.
Ливнúй — (дощъ) проливной (дождь).
Лúнути — летѣть.
Лихúй — плохой; злой.
Лúшенько — (умен.) бѣда; бѣдствіе.
Ліжниця — постель.
Ліпший — лучшій.
Літечко — (ум. ласкат.) — лѣто.
Луска́ — шелуха, чешуя.
Любéнько — любезно; вѣжливо.
Любячий — любящій.
Людúна — человѣкъ (говорится безразлично о мужчинѣ и женщинѣ).
Лю́лька — трубка.
Лягáти — ложиться.
Лякáтись — пугаться.
Лúканий — пуганый.

Мáбіть, мáбуть — должно быть; вѣроятно.
Мáяти — шевелить дуновеніемъ.
Майдáнъ — площадь; мѣсто съ особенно-устроенною печью для добыванія смолы, селитры и пр.
Макогíнъ — тяжелый деревянный пестъ, для растиранія зерна.
Малéсечкий — маленькій.
Мамýня — (ласкат.) маменька.
Мара́ — привидѣніе; страшилище.
Марúся, Марúсенька — Машенька.
Мáти — имѣть.
Мáтінонька — (ум. ласк.) — мать.
Матýся — (ласк.) — мать.
Матýзочка — оборка; веревочка.

Меда́ний — медовый.
Межи́ — межь.
Мере́жка — прошивной узоръ.
Мертвя́къ — мертвецъ.
Мерщій — скорѣй, проворнѣй.
Метну́тись — кинуться.
Мина́ти — проходить мимо.
Милійшъ — милѣе.
Ми́ска — миса, блюдо.
Міси́ти — мѣсить.
Містóкъ — мостикъ.
Місяченько — (ум. ласк.) луна.
Мітла́ — метла.
Мітокъ — мотокъ пряжи.
Міцно — крѣпко, сильно.
Міцні́шъ — крѣпче, сильнѣе.
Міша́тись — мѣшаться.
Мла — мгла.
Млинъ — мельница.
Многомóвний — многогорѣчивый.
Мовъ — точно, будто.
Мóвити — говорить.
Мóвчки — молча; втихомолку.
Мовчу́щий — молчаливый.
Молоди́й — женихъ.
Молоді — женихъ и невѣста вмѣстѣ.
Мордува́ти — мучить.
Моска́ль — велико русскій мужикъ; солдатъ.
Мóторошно — (нарѣч.) — моркотно, неловко, безпокойно.
Мраморя́ний — мраморный.
Мрітись — казаться чуть замѣтнымъ.
Музи́ка — музыкантъ; музыка.
Му́лити — жать, давить.
Муръ — каменная стѣна.
Мурова́ти — строить каменное зданіе.
Му́сити — долженствовать.

Наближа́тись — приближаться.
На бе́резі — на берегу.
Набуча́віти — намокнуть; пропитаться сыростью.
Наважити — намѣриться.
Навідати — навѣстить.
Навкруги́ — вокругъ.
Навпереймú — навстрѣчу, на-перерѣзъ.
Нага́дувати — напоминать.
Нагодова́ти — накормить.
Надія — надежда.
На добра́-нічъ — доброй ночи.
На́ймитъ — нанятой работникъ.
Найбли́жчий — наиближайшій.
Назапа́сити — припасти.
Наздогна́ти — догнать.
Наздúвъ — на удивленіе.
Назна́тись — узнать.
Назу́стрічъ — навстрѣчу.
Накоíти — настряпать; надѣлать бѣды.
Наменува́ти — именовать; назвать по имени.
Намíтка — женскій головный уборъ, очень длинный, изъ тонкой сѣтчатой ткани.
На неза́будь — на память.
Напа́сникъ — притѣснитель.
Наповня́ти — наполнять.
Напро́шувати — напросить, приглашать.
Нарі́ка́ннє — роптанье.
Нарóкомъ — нарочито.
Наря́дженій — наряженый.
На-самоті — на-единѣ.
Насіда́ти — налегать, дѣлать притѣсненія.
Насамперéдъ — сначала, предъ этимъ.
Настóрошений — предупрежденный, озабоченный.
Насу́питись — нахмуриться.
Нату́ркати — настроить, наговорить.
Нахідка — находа.
Нахлиста́тись — нахлебаться.
Нацу́пити — что-либо тѣсное надѣть; натянуть.
На́че, нена́че — такъ; какъ будто.
На-швидку́ — наскоро; на короткое время.
Не-аби-який — не какой нибудь.
Небóга — племянница; бѣдняжка; въ перенн. смыслѣ — всякая младшая передъ старшимъ — небóга.
Небіжчикъ — покóйникъ.
Нéвідъ — неводъ.
Невва́жливо — неуважительно; невнимательно.
Невпокíйний — не спокойный.
Невпокóй — неспокойствіе.
Невсипу́щий — неутомимый, неусипный.
Недба́льство — нерачительност, беззаботность.
Неділя — воскресенье.
Недогóдний — негодный, неудобный.
Недорíдъ — неурожай.
Педу́га — недугъ; нездоровье.
Неду́жий — нездоровый; безсильный.
Незабáромъ — сей-часъ, немедля.
Нездýжати — болѣть; быть нездоровымъ.
Не змівъ — не съумѣлъ.
Незмігъ — не смогъ.
Не знима́ючи (голови) — не отдыхаючи.
Нема́ — нѣтъ.
Нéнька — мать.
Непогамóваний — неудержимый.
Непокíрливий — непокорный.
Несвíтній — неестественный.
Не свого́ ча́су — не своего времени.
Несподíвано — неожиданно, нечанно.

Неува́жно — невнимательно.
Неха́й — пускай.
Нехи́блений — неуклонный, непогрѣшительный.
Нечу́тний — неслышный; умолкнувшій.
Ні — нѣтъ; ни.
Ніби } словно, точно, какъ буд-
нібі — то } то бы.
Нігде — негдѣ.
Ни́зка — связка. (мониста).
Ніжъ — нежели, чѣмъ.
Ни́зче — ниже.
Нікогісінько — (ум.) — никого.
Ніко́ли — нікогда.
Ніоднісінького,-коі — рѣшительно ни одного, ой.
Ни́шкомъ — потихоньку; тайно.
Ніякъ — никакъ.
Новина́ — новость; новый хлѣбъ.
Нуди́тись — скучать; мучиться.
Ну́дно — тошно.
Ну́мо — станемъ ьѣлать что-либо.

Обгорну́ти — обвернуть; обнять.
Обере́жно — бережно.
Обзива́тись — откликаться.
Обіручъ — обѣими руками.
Обійма́ти — обнимать; обхватывать.
Обійня́ти — обнять.
Обли́ччє — лицо; образъ.
Обмина́ти — обходить.
Обніжья — цвѣтная пыль, которую пчелы собираютъ съ цвѣтовъ и приносятъ въ улей на ножкахъ.
Оболо́нка — стекло.
Обу́ритись — возстать противъ кого; поднять бурю.
Обхопи́ти — обхватить; обнять.
Овва́! — эва.
Одбігти — отбѣжать.
Одбу́ти — отбыть; исполнить.
Одверта́тись — отворачиваться.
Одвідачъ — посѣтитель.
Одвірокъ — притолока двери.
Одвістити — отвѣтить.
Одвітъ — отвѣтъ.
Одгукну́тись — откликнуться.
Одгусти́ (весілля) — отпировать свадьбу.
Оддалікъ — поодаль.
Оддаліти — отстать.
Одже — вотъ же.
Одживіти — ожить.
Одивля́тись — осматриваться.
Одігна́ти — отогнать.
Одина́чка — единственная дочь.
Одказа́ти — отвѣтить.
Одимкну́ти — отпереть; отомкнуть.
Одмо́вити — отвѣтить.
Однаковісінько — (умен.) одинаково.
Односта́йно — дружно, единодушно.
Одпочи́вокъ — отдыхъ; успокоеніе.
Одпочи́ти — отдохнуть.
Одпроважа́ти — провожать.
Одпроха́ти — отпросить.
Одра́да — отрада.
Одра́зу — сразу, въ одинъ пріемъ.
Одружи́тись — вступить въ супружество.
Одсахну́тись — откачнуться.
Одсу́нути (віконце) — поднять окно.
Одти́снути — отодвинуть.
Оду́жати — выздоровѣть; получить облегченіе.
Одхитну́тись — откачнуться.
Одъ — отъ.
Одя́гнений — одѣтый.
Оздоро́влення — выздоровленіе.
Озірну́тись — оглянуться; посмотрѣть назадъ.
Около́тъ — солома, съ котораго обмолочены одни колоски.
Око́монъ — экономъ.
Окріпъ — кипятокъ.
Окри́ти — покрыть.
Округи́ — вокругъ.
Омаль — малое количество; немного.
Омира́ти — замирать.
Омліва́ти — дѣлаться безчувственнымъ.
Они́ся — Анисья.
Онъ — вонъ; вотъ.
Опа́суватись — опасаться.
Опівдня́ — въ полдень.
Опі́вночі — въ полночь.
Опини́тись — очутиться.
Оповідати — оповѣстить.
Опрічъ — кромѣ.
Опу́дало — пугало.
Осау́лъ — эсаулъ.
Ослобони́ти — освободить.
Осло́нъ — скамейка.
Осору́га —
Острахну́тись — устрашиться.
Осу́дливий — осуждающій, любящій осуждать.
Осужа́ти — осуждать.
Ось — вотъ.
Отру́та — ядъ.
Оттепе́ръ — теперь.
Охря́ти — устать; обезсилить.
Очіпокъ — головной женскій уборъ въ родѣ шапочки, повойникъ.
Очи́ці — глазки.
Очу́тіти — оживиться; прійти въ себя.

Павло́ — Павелъ.
Палама́рь — пономарь.
Пала́нка — такъ назывались запорожскія села, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе.

Па́лиця — палка.
Палки́й — пылкій.
Па́ля — колъ.
Пампу́шка — пышка.
Па́мьятка — память, воспоминаніе.
Памьята́ти — помнить.
Па́мьять — память.
Паненя́та — панскія дѣти.
Па́нна — барышня.
Панотє́цъ — священникъ.
Панува́ти — господствовать; быть паномъ.
Панянка — барышня.
Паня́та — барскія дѣти.
Панща́ни — люди, отбывающія барщину.
Па́нщина — барщина.
Панъ — баринъ, господинъ.
Параска — Прасковья.
Пара́фія — церковный приходъ.
Па́робокъ — молодой холостой парень.
Па́ша — пастьбище; подножный и зимній кормъ скота.
Пашня́ — зерновой хлѣбъ; также и хлѣбъ стоящій на поляхъ.
Пеку́чий — жаркій, палящій.
Переважа́ти — пересилить, перетянуть.
Перева́жити — перемочь, перевѣсить.
Передяга́тись — переодѣваться.
Перейма́ти — перенимать.
Перекину́тись — обратиться, во что́
Перелякъ — испугъ.
Перемага́ти — осиливать, превозмогать.
Перепе́лонька — (ум.) — перепёлка.
Переполо́шений — перепуганий.
Перестано́къ — остановка.
Перехопи́ти — перехватить. перекусить.
Перешко́да — помѣха
Пер'я́нка — перо; перышко.
Перстіне́цъ — (ум.) — перстень.
Пе́рчити — посыпать перцемъ.
Пе́рше — сперва.
Пе́стити — пяньчить.
Півень — пѣтухъ.
Півтора́ — полтора.
Півъ-сі́нка — полспопа.
Підбива́тись (угору) — подниматься (вверхъ) о солнцѣ.
Підживи́тись — подъѣсть; закусить.
Підмо́вити — подговорить.
Підпереза́тись — подпоясаться.
Підпіра́ти — поддерживать.
Піддру́жий, ка—помощникъ, дружки, т. е. шафера.
Піклува́тись — заботиться; стараться.
Пірьячко — (множ.) перушки.
Після — послѣ.
Пилъ — пыль.
Пита́нячко (ум. ласкат.) — распрашиваніе.
Пліть — стебель.
Пліхший — (сравн. степень) — плохой.
Плохи́й — смирный.
Плю́скати — плескать.
Пля́шка — бутылка.
Побага́ту — помногу.
Побала́кати — поговорить.
Поба́тькові — по отчеству.
Поба́тьківські — поотечески; постаринному.
Поба́чити — увидѣть; посмотрѣть.
Поба́читись — имѣть свѣдѣніе; увидѣться.
Побіде́нний — бѣдный.
Побра́тись — жениться; обвѣнчаться.
Побра́тись — пойти; побрести.
Побріхувати — лаять, (о собакѣ).
Побудо́ваний — построенный.
По́вагомъ — не спѣша, съ нѣкоторою важностью.
Поважа́ти — почитать кого.
Пова́жний — почтенный; важный.
Пова́жно — важно; почтенно.
Повіва́ти — повѣвать.
Повідачъ — повѣститель.
Повітъ — уѣздъ.
Повикупля́ти — повыкупать.
Повинно — должно.
Повинова́тить — обвинить.
Повиту́ха — повива́льная бабка..
Повне́нький — (ум.) — полный.
По́вно — полно.
Повнови́дий — полный лицомъ.
Поводи́рь — вожатый.
Поворо́зка — шнурокъ; застежка.
Повчо́къ — (ум.) — полкъ.
Погада́ти — подумать.
Пога́но — дурно; нехорошо.
Погини́ути — погибнуть.
По́глядъ — взглядъ,
Погля́нути — посмотрѣть.
Погуби́ти — растерять.
Погукну́ти — вскрикнуть.
Подару́нокъ — подарокъ.
Подіпутись—дѣваться, пріютиться, найти убѣжище.
Поді́ти — подѣть; запрятать.
Подія — поступокъ; продѣлка; порча (о колдов.).
Пожалкува́ти — пожалѣть.
Пожа́лувати—пожалѣть; поласкать.
Пожи́чити, позы́чити — занять.
Пожури́тись — попечалиться.
Позавчо́ра — третьяго-дни.
По́зва — тяжба.
Позира́ти — посматривать.

Позича́ти—занимать; ссужать, одолжать.
Пози́чений — занятый; взятый въ долгъ.
Пози́чити — занять.
Пойменува́ти — поименовать.
Поко́ра — покорность, смиреніе.
Поношто́ва́ти — попробовать.
Покоха́тись — полюбиться.
Поку́тувати — нести эпитимію, каяться.
По́кутя — мѣсто въ переднемъ углу подъ образами.
Поле́гкость — облегченіе.
Поле́гшати—почувствовать облегченіе.
Поліття — лѣтнее время.
Помага́йбі — Богъ на помощь; помогай Богъ.
Помили́тись — ошибиться.
Поневіря́тись — подвергать себя пренебреженію.
Понеді́локъ — понедѣльникъ.
По́ночі — въ потьмахъ, безъ свѣта.
Пону́рий — угрюмый, мрачный.
Поня́ти вірй — повѣрить.
Поплічъ — возлѣ, около.
Попли́не — поплеветъ.
Пора́да — совѣтъ, утѣшеніе.
Пора́дити — дать совѣтъ.
По́ратись — убирать, готовить, стряпать.
Пореготя́ти — посмѣяться; похохотать.
Порігъ — порогъ.
Пори́пути — сильно стремиться; хлынуть (о водѣ).
По́рухъ — тревога.
По́ручъ — подлѣ.
По́ти — до тѣхъ поръ.
Поса́га — приданое.
Поси́джу — посижу.
Поскорітись — поспѣшить.
Поснідати — позавтракать.
Посо́ромно — срамно.
Поспита́тись — спроситься.
Постоли́ — лапти.
Пострива́ти — погодить; обождать.
Посува́ти — подвигать.
Пота́й — тайно.
По ти́ху — по тихоньку; въ тиши.
Пото́внитись — помѣститься.
Поторо́ча — привидѣніе.
Потура́ти — давать поблажку, потакать.
Потягти́ — медленно уйти.
Похили́ти — наклонить, нагнуть.
Похита́ти — покивать; покачать.
Похова́ти — похоронить.
Похоло́нути — застыть; охладѣть.
Поцу́пити — потащить.
Почастува́ти — попотчивать.
Поча́токъ — начало.
Почина́ти — начинать.
Почу́ти — услышать.
Пошговха́ти — потолкать.
Пошука́ти — поискать.
Празнико́вий — праздничный.
Пра́ти — прать, мыть бѣлье.
Працюва́ти — усиленно трудиться; дѣлать тяжелую работу.
Пра́ця — трудъ, работа.
Пре́дківщина — старина, наслѣдство отъ предковъ.
Пріська — Афросинья.
Привіта́ти — привѣтствовать; поздороваться.
Привітни́й — привѣтливый.
Пригада́ти — припомнить.
Пригада́тись — вспомниться.
Приго́да — несчастье; печальное событіе.
Пригорну́ти — приласкать, прижать.
Пригорну́тись — приласкаться, прижаться, прильнуть.
Приділи́ти — опредѣлить.
При́зьба, при́сьпа — заваленка.
Прикладати — выдумывать, насмѣхаться, острить.
При́кладки — насмѣшки, острота.
Прикладно — складно, умно.
При́кро — непріятно; больно.
Прилада́ти — приладить.
При́мхати — прихотничать.
Припа́сти — прильнуть.
Припа́сти — прійтись; случиться.
Припічокъ — очагъ.
Прира́яти — посовѣтовать.
Приручи́ти — поручить.
Присмерокъ —
Прису́путись — придвинуться.
Притя́рити — притащить.
Притю́га — тяжкая тоска.
Притьмомъ — непремѣнно.
Прихиля́ти — приклонять.
Причала́ти — придти, приплестись.
Причепи́тись — прилраться.
Причепля́ти — привѣшивать, прицѣплять.
Прищепи́тись — привиться.
Проблука́ти — прошляться.
Прова́дити — вести.
Прогнів и́ти — прогнѣвить.
Прогорну́ти — развернуть.
Промигну́ти — промелькнуть.
Проминý ти — пройти мимо.
Пророка́ти — пророчить, предсказывать.
Проста́цький — простой.
Простяга́ти — протягивать.
Прохáти — просить.
Прочува́ти — прослышать.
Прощава́й — прощай.
Прямува́ти — идти напрямикъ.

Пташенятко — (ум.) птичка.
Пташина — птица.
Пурхати — порхать; летать.
Пустота — шалость.
Пустувати — пустѣть (о нежилой хатѣ) и пустовати — шалить.
Пшеничненька — (ум.) — пшеница.

Рада — совѣтъ; вѣче; помощь.
Радісно — радостно.
Радіти — радоваться.
Радити — совѣтовать.
Радощі — (множ. число) — радость.
Разъ-у-разъ — поминутно; разъ-по-разъ.
Рандарство — арендаторство.
Ранокъ — утро.
Раяти — совѣтовать.
Ремесникъ — ремесленникъ.
Рейментарювати — предводительствовать, начальствовать полками.
Репетувати — шибко кричать.
Рідненькій — (ласк.) родной.
Ріжки — (умен.) рога.
Ріжокъ — уголъ; рогъ.
Різка, різочка — розга.
Рікъ — годъ.
Ріска — капля росы.
Рій — рой.
Рипати — скрыпѣть.
Риштувати — снаряжать, поправлять.
Роби — (мн.) — дѣла.
Робити — дѣлать.
Ровесникъ — сверстникъ.
Ровчакъ — канава.
Роденька — (ум.) — родня.
Родина — родня.
Родючий — плодородный.
Рожевий — розовый.
Розбишака — разбойникъ.
Розбужати — розбудить.
Розвага — утѣшеніе; успокоеніе.
Розвага — развлеченіе.
Розважати — развеселять; развлекать.
Розважати — утѣшать, успокоивать.
Розважитись — развеселиться.
Розвинутись — развиться.
Розчовнати — понять.
Розгортатись — разстилаться (о растеніяхъ).
Розмова — бесѣда, разговоръ.
Розщебаний — расчепленный, растворенный (двери.)
Роспалатись — разгорѣться.
Роспалити — разжечь.
Росперізуватись — распоясываться.
Роспитування — распрашиванье.
Роспитувати — распрашивать.
Росплющити (очі) — раскрыть глаза.
Росповідати — повѣствовать.
Росчахнути — расколоть вдоль дерево.
Росчинити — растворить, заквасить (тѣсто).
Рундукъ — крыльцо.
Русавка — русалка.
Рутвяний (віночокъ) рутяной.
Руточка (рута) — растеніе (ruta graweolens).
Ручниця, рушниця — ружье.
Ручно — ловко, сподручно.
Рядно — дерюга.
Рясний — густой, обильный плодами (о деревѣ).
Рястъ — трава дорожная.

Садовитись — садиться.
Садиба — усадьба.
Садовина — садовые плоды.
Сама собі душою — одна-одинехенька.
Саме — именно.
Саме тоді — въ это самое время.
Самота — уединеніе.
Самотній — одинокій.
Сварити — грозить.
Свекруха — свекровь.
Світанне — разсвѣтъ.
Світло — свѣтъ, освѣщеніе.
Світлонька, світлиця — свѣтёлка, комната безъ кухонной печи.
Свячений — освященный.
Сее — это.
Селюкъ — селянинъ.
Середъ — среди.
Серпень — Августъ.
Сіль — соль.
Сивий — сѣдой.
Сивіти — сѣдѣть.
Сімъ — семь.
Сіни — сѣни.
Сірий — сѣрый.
Сірома — бѣднякъ, сирота.
Скажений — бѣшеный.
Скакати — прыгать, танцовать.
Скарбъ — кладъ, казначейство, сокровище.
Скарга — жалоба.
Скарати — наказать, казнить.
Скаржитись —
Скреготати — скрегетать (о птицахъ.)
Скинути (очима) — обозрѣть, бросить взглядъ.
Сковзький — скользкій.
Скриня — сундукъ.
Скрізь — вездѣ, повсюду.
Слати — посылать, стлать.
Слизенький — (ум.) скользкій.
Слиме — словно.
Слідою — слѣдомъ.
Смикнути — быстро дернуть.

Смішки — смѣшки, смѣхи.
Сміливий — смѣлый.
Сміття — соръ.
Смужка — полоска.
Смутний — грустный, невеселый.
Смутокъ — грусть, печаль.
Соломаха — саламата.
Сонечко — солнышко.
Сонящникъ — подсолнечникъ.
Сором'ъ — срамъ, поношеніе.
Согласка — согласіе.
Сокира — топоръ.
Сором'но — совѣстно, стыдно.
Сояшний — солнечный.
Спервy—сначала; съ перваго разу.
Спинити — остановить.
Спитати — спросить.
Співачки — пѣвицы
Співний — пѣсенный.
Спідниця — юпка.
Спізнитись — опоздать.
Сповідь — исповѣдь.
Сподівáтись — ожидать.
Сподобити — полюбить.
Сподіванний — ожиданный.
Сподіванка — ожиданье, надежда.
Сподобáтись — понравиться.
Спогляну́ти — взглянуть.
Спожи́ття — употребленіе.
Спочи́вокъ — спокой; отдыхъ.
Спочувáти — услышать.
Справдí — взаправду.
Справникъ — исправникъ.
Справжнiй — настоящій; каковъ долженъ быть.
Спромогти́ся — собраться съ силами, со средствами; получить возможность.
Спожидáти — поджидать.
Ставóкъ — прудъ.
Стáня — конюшня; стойло.
Стáроста — сватъ.
Стéжечка (умен.) — дорожка.
Стенýтись — схватиться.
Стирчáть — торчать; стримѣть.
Стúха — потихоньку.
Стрáва — приготовленное, варенное или жаренное, кушанье.
к Стрибáти — скакать, прыгать.
Стрндъ — выражаетъ моментъ скача.
Стриміти — торчать.
Стрівай — погоди.
Стіжóкъ — стогъ.
Стрічечка — ленточка.
Стріха — навѣсъ соломеной крыши.
Струмóчокъ — струя, ручеекъ.
Стя́га — полоса.
Судці (множ.)— судьи.
Сукмáнъ — женское платье.
Сýкня — плать (женское).
Сýмно — унило; страшно.
Сумя́ття — суматоха.
Суперéчити — противорѣчить.
Сýчий — сукинъ.
Схíдці — лѣсница.
Схаменýтись — опамятываться.
Схилúтись — склониться.
Схúлний — склонный.
Сходовий (вітеръ) — восточный (вѣтеръ).
Схопúтись — вскчоить; спохватиться.

Та — да, и.
Та-ба — поди же! какъ бы нетакъ!
Такéньки, такúчки — такъ; такимъ образомъ.
Талимбáси — музыкальные инструменты; трубы.
Тáмечки—тамъ.
Тарахкóче — стучитъ-гремитъ.
Тежъ — тоже.
Телúця — тёлка.
Теля́ — теленокъ.
Темнíсінько — очень темно.
Темнóта — тьма.
Терни́нонька — (ум.) — тернъ.
Теперенька-ки = (ум.) теперь.
Терпля́чий — терпѣливый.
Тúждень — недѣля.
Тичúна — вѣха, воткнутая жердь.
Тóвкъ — толкъ; порядокъ.
Тоді, тогді — тогда.
Торбúнка — небольшая сумка.
Торікъ — прошлый годъ.
Трéба — надо.
Трепéчутця — трепещутся.
Трівáти — ожидать, терпѣть.
Трісь! — междом. выражающее трескъ.
Трúчі — трижды.
Трóхи — немного.
Труна́ — гробъ.
Трясця — лихорадка.
Тýга — тоска.
Тулятись — слоняться.
Тýпанне — топанье (ногами).
Турбовáтись — заботиться; безпокоиться.
Тýта — здѣсь.
Тутенька — (умен.) — тутъ; здѣсь.
Тютюкати — кричать на волковъ.
Тютю́нъ — табакъ (курительный).
Тягнýти — тянуть; идти.
Тя́ма — попятіе; память.
Тямити — разумѣть; помнить.

У — въ.
Убігати — вбѣгать.
У бізі — на бѣгу.
Убíйникъ — убíйца.
Убрáння — нарядъ.
Увáга — уваженіе.
Увихóдити — входить.

Углеба́ти — утопать; быть погруженнымъ въ глубинѣ.
У гости́ну — въ гости.
Удова́ — вдова.
Удове́ць — вдовецъ.
У до́світа — до разсвѣта.
Ужива́ти — употреблять; пользоваться.
Уквічувати — украшать цвѣтами.
Уклони́тись — поклониться.
У-ку́ці — вмѣстѣ.
Упа́дитись — повадиться.
Уну́къ — внукъ.
Уну́чечки — внучата.
Упада́ти — припадать.
У пе́рше — въ первый разъ.
У-по́вні — въ полномъ видѣ.
Уподо́вжъ — вдоль.
Ура́зливо — больно, язвительно.
Урива́ти — отрывать, укорачивать.
Уроста́ти — вростать.
Усе́ — все.
Устава́ти — вставать; приподниматься.
Утіка́ти — уходить, убѣгать.
Утра́пити — попасть, найти дорогу къ мѣсту.
Утя́тко — утенокъ.
Ухитну́тись — уклониться; ускользнуть.
Учо́ра — вчера.
У́чта — пиръ
Учу́ти — услышать.
Ущу́хнути — утихнуть; присмирѣть.

Филя́стий — волнистый.

Хай — пусть, пускай.
Ха́та, хати́ночка — изба, избенка.
Хапа́ти — хватать.
Хапа́тись — хвататься, торопиться, спѣшить.
Хви́лька, хвили́почка — минута, мгновеніе.
Хвитки́й — скорый поспѣшный.
Хиба́ — развѣ.
Хистъ — способность, дарованіе, умѣнье, расторопность, находчивость.
Хіть, — охота.
Хита́ти — качать.
Хло́пець — мальчикъ.
Холо́нути — стынуть.
Хлюща — нѣчто мокрое, изъ чего течетъ вода.
Хма́ра — туча, облако.
Хму́рий — невеселый; пасмурный.
Холодо́къ — тѣнь.
Хома́ — Ѳома.
Хорі́ти — болѣть, быть больнымъ.
Хортъ — собака.
Христи́ни — крестины.
Худоба — имущество.
Ху́стка, ху́сточка — платокъ, платочекъ.
Ху́тко, ху́тче, хуте́нько — скоро, скорѣй.

Цви́гати — бить.
Цвірчучи́ — чирикаючи(о воробьяхъ.
Цегли́на — кирпичъ.
Ціка́вий — любопытный, быстрый.
Цимба́ли — названіе музыкальн. инструмента.
Ціно́вні лижки́ — ложки изъ цинка.
Цука́рня — сахарный заводъ.
Цю́кати — рубить (топоромъ).

Часъ — время.
Часте́сенько — очень часто.
Часті́йшъ — чаще.
Ча́сомъ — порой; иногда.
Чве́ртка — четверть.
Черво́ний — красный.
Червоніти — краснѣть.
Че́рга — очередь.
Черевички — башмачки.
Чересло́ — бороздникъ (принадлежность плуга).
Четве́ръ — четвертокъ.
Че́шуть — уходятъ, бѣгутъ; чешутъ.
Чи — ли (вопрос. частица, ставится впереди) напр. чи зду́жа? — здорова ли?
Чи-жъ — развѣ.
Чи-здужа? — здорова ли?
Чима́лий — довольно большой.
Чини́ти — дѣлать.
Чиншъ — плата за право пользованія землей.
Чи то́жъ — развѣ.
Чи-що́ — что ли.
Чо́бо́ти — сапоги.
Чому́? — отчего, почему?
Чо́хла — широкіе концы рукавовъ въ рубашкѣ.
Чужина — чужая сторона.
Чума́цька ва́лка — обозъ чумаковъ.
Чу́ти — слышать.
Чухма́ритись — медлить, перемиваться, чесаться.

Шабелька — (ум.)-сабля.
Шано́ба — почтеніе.
Ша́снути — мелькнуть, пробѣжать.
Шва́чка — портниха; швея.
Швець — сапожникъ.
Швидки́й — скорый; проворный.
Швидко, швидче — скоро, скорѣе.
Ше́лягъ—старинная мелкая монета.
Шепота́ти — говорить потихоньку; шопотомъ.
Ши́бка — оконное стекло.
Шитво́ — шитье.
Шлюбъ — бракъ.

Шлю́бний — свадебный.
Шляхъ — дорога.
Шматóкъ, шматóчокъ — кусокъ, кусочекъ.
Шó — что.
Шовкъ — шелкъ.
Шугну́ти — подняться вверхъ, полетѣть.

Щи́рий — вѣрный; усердный, искренній.
Щіро — усердно; вѣрно.
Що-ве́чора — каждый вечеръ.
Що-дня́ — ежедневно.

Яблуко — яблоко.
Явіръ — яворъ.
Якъ — какъ.
Якъ-слідъ — какъ слѣдуетъ.
Якóсь — какъ—то.
Янголь. — ангелъ.

БИБЛІОГРАФИЧСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
въ 1862 году.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться въ наступающемъ 1862 г. съ 1-го января. По тойже программѣ, утвержденной св. Синодомъ, они будутъ состоять изъ двухъ частей: самихъ *Вѣдомостей* и *Прибавленій* къ нимъ.

I. Въ составъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей* будутъ входить:

1. Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству.

2. Указы и распоряженія св. Синода, какъ общіе, такъ и касающіеся собственно кіевской епархіи; извѣстія о наградахъ по кіевской епархіи, изъявленія благословенія и благодарности отъ лица св. Синода.

3. Распоряженія епархіальнаго начальства, касающіяся всей епархіи или значительной ея части; извлеченія изъ отчетовъ по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія.

4. Назначеніе и уволненіе лицъ должностныхъ по епархіальному и духовно-учебному управленіямъ въ кіевской епархіи, и извѣстія о священно-и церковно-служительскихъ вакансіяхъ.

5. Некрологи должностныхъ лицъ и священно-служителей кіевской епархіи.

II. *Прибавленія* къ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ будутъ заключать въ себѣ:

1. Пастырскія наставленія, касающіяся всей паствы; слова и рѣчи, произнесенныя по особымъ случаямъ; лучшія поученія, катихизическія бесѣды и рѣчи священнослужителей кіевской епархіи; назида-

тельныя размышленія и духовные совѣты, касающіеся потребностей кіевской паствы.

2. Историко-статистическія свѣденія о приходахъ, церквахъ, монастыряхъ и духовенствѣ кіевской епархіи, о духовныхъ училищахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, біографіи іерарховъ, замѣчательныхъ священно-служителей, воспитателей духовнаго юношества, благотворителей церкви, подвижниковъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ благочестивою жизнію: описаніе правовъ, религіозныхъ обычаевъ, суевѣрій и предразсудковъ въ кіевской епархіи.

3. Извѣстія о школахъ грамотности при церквахъ кіевской епархіи и указаніе лучшихъ способовъ обученія.

4. Грамоты, акты и другіе замѣчательные документы, касающіеся церквей, монастырей и духовенства кіевской епархіи.

5. Краткія библіографическія свѣденія о вновь выходящихъ книгахъ, относящихся къ духовной литературѣ, а также извѣстія о духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

6. Епархіальную хронику: разныя свѣденія о современномъ состояніи церкви, духовенства и кіевской паствы.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить, какъ и въ 1861 г., два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го чиселъ, выпусками отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ пересылки *три рубля* серебромъ. Подписчики 1861 года получатъ особое приложеніе въ брошюрѣ до 3-хъ печатныхъ листовъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи, 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева, на Подолѣ, и 3) въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова — на Крещатикѣ.

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться такъ: Въ *редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Кіевѣ*, означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ, содѣйствовать ей своими трудами. Въ особенности она приглашаетъ всѣхъ священнослужителей кіевской епархіи сообщать ей свѣдѣнія, относящіяся къ историко-статистическому описанію сей епархіи, а также — акты, грамоты и другіе документы, касающіеся исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

Редакторы: каѳедральный протоіерей Іоаннъ **Скворцевъ.**
протоіерей Петръ **Лебединцевъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ДУХОВНАГО, УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА:

„ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

Съ 1 января 1862 года, съ разрѣшенія св. Синода и по утвержденной имъ программѣ, будетъ издаваться въ Харковѣ учено-литературный журналъ: «ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ».

Возвѣщеніе и распространеніе христіанскихъ истинъ, по заповѣди Спасителя, всегда существовало въ церкви и совершалось ею въ самыхъ разнообразныхъ формахъ,—церковныхъ поученій, частныхъ бесѣдованій и внушеній, наконецъ письменныхъ сочиненій. При всемъ томъ, кругъ непосредственнаго дѣйствія христіанской проповѣди былъ болѣе или менѣе, ограниченъ предѣлами, обусловливаемыми ея формою. Въ настоящеее время журналъ представляетъ для христіанской проповѣди такое орудіе, которымъ она не могла не воспользоваться для удобнѣйшаго своего распространенія. Умноженіе духовныхъ журналовъ въ послѣднее время нисколько не дѣлаетъ излишнимъ появленія новаго учено-литературнаго органа духовной мысли; общественныя потребности въ этомъ отношеніи такъ велики и разнообразны, это естественно вызываютъ дѣятелей. Не хотимъ думать, чтобы общество наше не было знакомо даже и съ самою духовною наукою путемъ простаго и наиболѣе обыкновеннаго распространенія христіанскихъ истинъ; говоримъ только, что это знакомство имѣло характеръ частный, ограничивалось, можетъ быть, не многими лицами, семействами и общественными кругами. Журналъ передаетъ истину во всеобщее извѣстіе, дѣлаетъ ее достояніемъ всѣхъ. А сколько у насъ вообще останавливается добра именно потому, что зарождаясь и возрастая гдѣ-либо въ тѣсномъ кругу, не получаетъ правильнаго развитія, не приноситъ всѣхъ тѣхъ плодовъ, какихъ отъ него слѣдовало бы ожидать! Расширяя такимъ образомъ кругъ своего непосредственнаго дѣйствія, христіанская проповѣдь нисколько не измѣняетъ своего внутренняго характера, по духу св. восточной православной церкви; а только принимаетъ качества, налагаемыя условіями литературной дѣятельности. Потому все, что только относится къ христіанскому ученію въ духѣ православія, что относится къ христіанской церкви, и въ особенности нашей отечественной, въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ, въ

ихъ исторіи и современномъ быту,—все, что нужно, или полезно, или же только любопытно знать русскому православному христіанину, словомъ: все, что могъ бы сказать и церковный пастырь своимъ прихожанамъ, и каждый русскій православный христіанинъ своимъ собратіямъ, въ духѣ вѣры,—все это можетъ быть предметомъ для нашего журнала.

Частные отдѣлы нашего журнала слѣдующіе:

Отдѣлъ I-й. Христіанское ученіе.

Въ составъ этаго отдѣла имѣютъ входить статьи по всѣмъ отраслямъ христіанскаго богословія, догматическаго, нравственнаго, литургическаго, каноническаго и пастырскаго, въ какой бы формѣ онѣ ни излагались.

Отдѣлъ II-й. Исторія христіанской церкви, въ особенности русской.

Тутъ займутъ мѣсто біографіи замѣчательныхъ лицъ въ церкви, іерарховъ, ученыхъ, проповѣдниковъ, подвижниковъ и др.,—разсказы о церковныхъ событіяхъ, давно минувшихъ и недавно случившихся, обзоры цѣлыхъ историческихъ эпохъ и періодовъ, а также изслѣдованія о бытѣ и его разнообразныхъ состояніяхъ, объясняющихъ положеніе и судьбу церкви.

Отдѣлъ III-й. Современныя извѣстія.

Предметомъ этихъ извѣстій могутъ быть положеніе, нужды и желанія православныхъ христіанъ иноземныхъ,—узаконенія и распоряженія правительствъ, касающіяся іерархіи и паствы,—открытіе, состояніе и преобразованіе духовныхъ училищъ, учрежденіе крестныхъ ходовъ, построеніе и освященіе церквей и монастырей,—случаи чудесныхъ исцѣленій и обращеній къ вѣрѣ, примѣры христіанскаго терпѣнія, самоотверженія и любви, — а также новыя направленія и движенія въ разныхъ христіанскихъ сектахъ и обществахъ; вообще всѣ церковныя событія, почему-либо замѣчательныя и обращающія на себя вниманіе.

Отдѣлъ IV-й. Критическое обозрѣніе духовной литературы.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду почти исключительно нашу русскую духовную литературу, и намѣреніе наше нетолько обозрѣвать критически вновь выходящія духовныя книги, но по возможности разсматривать замѣчательнѣйшія богословскія сочиненія прежняго времени, доселѣ еще или вовсе неподвергавшіяся критикѣ, или оцененныя не по достоинству. Что же касается иностранной богословской литературы,

то мы будемъ по временамъ дѣлать обзоры произведеній, имѣющихъ какой–либо особый интересъ для нашихъ соотечественниковъ.

Отдѣлъ V-й. Матеріалы для исторіи русской церкви и духовнаго просвѣщенія.

Этотъ отдѣлъ составитъ приложеніе къ нашему журналу. Здѣсь будутъ помѣщаться памятники нашей древней духовной литературы и письменности, преимущественно древней, доселѣ еще неизданные, какъ-то: проповѣди, посланія, грамоты извѣстныхъ лицъ и неизвѣстныхъ, житія святыхъ отечественныхъ, древніе монашескіе уставы, каталоги русскихъ митрополитовъ и епископовъ, древніе мѣсяцословы; а также описанія древнихъ рукописей и книгъ, извлеченія изъ рукописныхъ сборниковъ, историческія замѣтки и проч.

«ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ» будетъ выходить ежемѣсячно книжками около десяти печатныхъ листовъ, изъ которыхъ составится четыре тома, съ особымъ оглавленіемъ статей для каждаго.

Цѣна за годовое изданіе въ Харьковѣ безъ пересылки 6 р.; съ доставкою на домъ и съ пересылкою во всѣ города Имперіи 7 р. сер.

Желающіе вносить плату за журналъ по частямъ могутъ присылать деньги по полугодіямъ, въ началѣ 1-го и 2-го полугодія по 3 р. 50 к. сер.

Редакція съ удовольствіемъ будетъ принимать статьи иногородныхъ сотрудниковъ, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, съ приличнымъ вознагражденіемъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ: у редактора журнала, Профессора Университета, Протоіерея **В. И. Добротворскаго,** а также въ канцеляріи Правленія Университета и въ книжномъ магазинѣ **П. И. Апарина.**

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ **Н. Гр. Овсяникова.**

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ **Ѳ. И. Салаева** близъ Никольскихъ воротъ.

Иногородные, желающіе подписаться на полученіе журнала, благоволятъ обращаться съ своими требованіями **въ Редакцію журнала "ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ", въ Харьковѣ.**

Редакторъ, Орд. Профессоръ Богословія въ Харьковскомъ Университетѣ, **Протоіерей Василій Добротворскій.**

СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ И ИЗДАВАЕМЫЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ:

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ ЭТОГО ИЗДАНІЯ, ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ ВЪ С[redacted]

Списокъ населенныхъ мѣстъ Бессарабской Области. 1861 г. Въ б[redacted] 8-ку, XXXII и 87 стр., съ хромолитографированною картою. — Цѣна въ С.-Петербургѣ 1 р.; вѣсовыхъ за 2 фунта, укупорочныхъ 10 к.

ПРОДАЕТСЯ:

у Коммиссіонера Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, С. П. Лоскутова, у Д. Е. Кожанчикова и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

I. Списокъ населенныхъ мѣстъ Архангельской губерніи. Въ большую 8-ку, XXIV и 131 стран., съ хромолитографированною картою.—Цѣна въ С.-Петербургѣ 1 р. 20 к.; вѣсовыхъ за 2 ф., укопорочн. 10 к.

II. Списокъ населенныхъ мѣстъ Астраханской губерніи. Въ большую 8-ку, XVI и 50 стран., съ хромолитографированною картою. — Цѣна въ С.-Петербургѣ 70 к.; вѣсовыхъ за 1 ф., укупорочн. 10 к.

III. Крѣпостное населеніе Россіи, по 10-й народной переписи. Статистическое изслѣдованіе *А. Тройницкаго*. 1861 г. VII и 92 стран., съ хромолитографированною картою.—Цѣна въ С.-Петербургѣ 1 р., вѣсовыхъ за 1 ф., укопорочн. 10 к.

ОСНОВА

1862

ЛЮТИЙ

(ФЕВРАЛЬ)

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, LII — LIV, **Т. Г. Шевченка.**
II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
III. Велйкі Прóводи, поэма (кінéць), **П. А. Кулiша.**
IV. До землячки, **Т. Вешняка.**
V. Сужена; Голка, **А. П. Стороженка.**
VI. Простакъ, комедія **В. А. Гоголя** (отца).
VII. Сближенія и слѣды, III., **П. И. Ревякина.**
VIII. Полякамъ объ Украинцахъ, **П. А. Кулиша.**
IX. О народныхъ пѣсняхъ, **Л. М. Жемчужникова.**
X. Встрѣча, на Украинѣ, Кирилла Разумовскаго и избраніе его гетьманомъ. (Актъ 1750 года).
XI. Зъ народніхъ устъ: Чорномóрські Козакй **В. Тищенка;** Пластуній, **Я. Г. Кухаренка;** Війтъ Семенъ, **В. Г—гл—ського.**
XII. На-добра-нічъ усімъ на нічъ, **Т. Вешняка.**
XIII. Постановленія Губернскихъ Присутствій по крестьянскому дѣлу.
XIV. Выдержки изъ Дневника Мировáго Посредника, **Гр. Ге.**
XV. Наблюденіе Мирового Посредника.
XVI. Отчетъ Полтавскаго Женскаго Училища.
XVII. Велика Новина: Самокатъ, **Ст. Ив. Барановського.**
XVIII. Вісті: 1) Зъ Полтави и зъ Кременчука, **Ол. Переходовця.** 2) Дорожная замѣтка, **Ал. Я. Конисскаго.** 3) Зъ понадъ Десни и Сейму, **Ал. Михченка.** 4) Зъ Городнянського повіту, **Леся—кого.** 5) Изъ Симферополя, **И. Думитрашка.** 6) Зъ Львова, **Я. Ф. Головацького.**
XIX. Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**
XX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
XXI. Библіографическія извѣстія.

Южнорусская Лѣтопись отлагается, по обстоятельствамъ, до слѣдующей книжки.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.
Владимiръ Мономахъ.

1862

ЛЮТИЙ

(ФЕВРАЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 23 марта, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

LII.

На вели́кдень, на соло́мі
Проти со́нця, ді́ти
Гра́лись собі́ крашанка́ми
Та й ста́ли хвали́тись
Обно́вами. Тому́ къ святка́мъ
Зъ ли́шствою поши́ли
Соро́чечку, а тій стёжку,
Тій стрічку купи́ли;
Кому́ ша́почку смушёву,
Чобітки́ шкапо́ві,
Кому́ сви́тку... Одна́ тілки
Седи́ть безъ обно́ви
Сиріточка, рученя́та
Схова́вши въ рука́ва.
— Міні́ ма́ти купува́ла.
— Міні́ ба́тько спра́вивъ.
— А міні́ хреще́на ма́ти
Ли́шту вишива́ла.
»А я въ попа́ обі́дала«,
Сирітка сказа́ла...

LIII.

Якъ-би́ міні́ черевики́,
То пішла́бъ я на музи́ки, —
Го́ренько моє́!
Черевиківъ нема́е;
А музи́ка гра́е, гра́е,
Жа́лю завдає́!

Ой піду́ я бо́са по́лемъ,
Пошука́ю свою́ до́лю, —
До́ленько мо́я!
Глянь на ме́не чорнобри́ву,
Моя до́ле неправди́ва,
Безтала́нна я!
Дівча́точка на музи́кахъ
У черво́нихъ черевѝкахъ...
Я світомъ нужу́...
Безъ роско́ши, безъ любо́ви,
Зношу́ свої чо́рні бро́ви —
У на́ймахъ зношу́!...

LIV.

ПОДРАЖАНІЕ ПОЛЬСКОМУ ПОЭТОВІ АНТОНІЮ СОВІ.

Посажу́ коло́ хати́ни,
На спо́минъ дружи́ні,
И я́блуньку и гру́шечку,
На спо́минъ еди́ній!

Бо́гъ дасть, ви́ростуть. Дружи́на,
Підъ дре́вами ти́ми
Ся́де собі въ холодо́чку
Зъ дітками мали́ми.

А я бу́ду гру́ші рва́ти,
Дітямъ подава́ти...
Зъ дружи́ною еди́ною
Ти́хо розмовля́ти.

— Тоді, се́рце, якъ бра́лися,
Сі дре́ва сади́въ я....
Щасли́вий я! — И я, дру́же,
Зъ тобо́ю щасли́ва!

Т. Шевченко.

19 ноября, 1859 г.
Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Восьмой отрывокъ.

Отъ 15 до 20 августа включительно въ *Дневникѣ* записаны лишь встрѣчи съ Т. Гр., рукою тѣхъ, для кого онѣ были дороги. Мы приводимъ ихъ замѣтки, какъ выраженіе преданности къ поэту, сохранившейся несмотря на 10-лѣтнее удаленіе его изъ родины.

15 августа. Въ день Успенія встрѣтилъ я въ Астрахани стараго моего профессора *(живописи)* Кіевскаго университета, дражайшаго и любезнѣйшаго нашего поэта, встрѣтилъ я его съ величайшею радостью въ такой далекой сторонѣ—какъ отца, какъ брата, какъ величайшего друга, и имѣлъ счастіе прожить съ нимъ нѣсколько дней почти вмѣстѣ. Воспитанникъ Кіевскаго университета, Иванъ *Клопотовскій.*

16 августа. Въ тотъ же день и я былъ осчастливленъ встрѣчею съ любимымъ и уважаемымъ мною поэтомъ, Т. Гр. Шевчéнкомъ, съ которымъ я провожу эти дни, чтó оставитъ во мнѣ глубокое воспоминаніе навсегда. Воспитанникъ того же университета, Иванъ *Незабитовскій.*

Я запишу въ своемъ дневникѣ, что 16 августа я провелъ день съ поэтомъ Малороссіи, Шевченкомъ. Евгеній *Одинцевъ.*

Съ душевнымъ восторгомъ я встрѣтилъ и провелъ нѣсколько часовъ съ моимъ милымъ батькомъ, старымъ козакомъ Тарасомъ Григоровичемъ Шевченко, и очень благодаренъ Богу, что онъ довелъ меня быть вмѣстѣ съ нимъ. Ѳедоръ *Чельцовъ.*

17 августа. Иванъ Рогожинъ, изъ дружбы къ Перфилу, поступилъ за него на полгода въ солдаты; но какъ ни хитеръ и ни изворотливъ былъ бѣсъ, но никакъ не могъ примѣниться къ порядку, и бѣднаго дупили какъ Сидорову козу, такъ-что когда прошло уже полгода, ему стыдно было показаться къ своему нáбольшему. Бѣдный бѣсъ не расчиталъ, что значитъ надѣть ранецъ, а Перфилъ когда услышалъ отъ него разсказъ о службѣ, сказалъ ему: »въ чужіе сани не садись«. Съ тѣхъ поръ ни одинъ бѣсъ уже не хотѣлъ служить въ солдатахъ; тыжъ-то, батьку, десять лiтъ пробувъ въ нихъ. Офицеры якъ почули отъ Перфила, о томъ, что Рогожинъ за него пробылъ полгода, выразили свой восторгъ словами: »Знатно! и бѣсъ побывалъ въ нашихъ рукахъ«. *Скрыпилъ ИванъРогожинъ. Фельдфебель Перфилъ.*

18 августа. В. Кишкинъ. Встрѣча со старымъ знакомымъ.

19 августа. Lekarz Karol Niwicki. — Paweł Radziejowski. — Tytus Szaleniecz.

20 августа. Krasomowstwo nie wielu otrzymało w udziale; mnie zaś, pozbawionemu tego boskiego daru, pozostaje w milczeniu tylko podziwiać i hołdować twòrczej twej potędze, święty narodowy wieszczu. Twoja dzisiejsza przytomność wsròd nas zupełnie szczęśliwym mnie czyni i chwile obecne nigdy w mej pamięci nie zatrą. O, stokroć, stokroć błogosławię ten drogi dzień, w którym niebo pozwoliło mi osobiście poznać się s tobą, gorliwy i nieulękły opowiadaczu słowa prawdy. Niechże słów tych kilka przypominają ci,—poeto—malarzu, głęboka czcią poważającego ciebie Tomasza Zbrożka.

22 и 23 августа вовсе не записаны въ Дневникъ.

23 августа 1857.

Съ 15 по 22 августа былъ у меня, въ грязной и пыльной Астрахани, такой свѣтлый прекрасный праздникъ, какого еще не было въ моей жизни. Земляки мои, большею-частію — Кіяне, такъ искренно, радостно, братски привѣтствовали мою свободу, и до того распростерли свое гостепріемство, что лишили меня свободы самому вести свой журналъ, и взяли эту обязанность на себя. Благодарю васъ, благородные, безкорыстные друзья мои. Вы подарили меня такою радостію, такимъ полнымъ счастіемъ, которое я едва вмѣщаю въ моемъ благодарномъ сердцѣ, и память объ этихъ счастливѣйшихъ дняхъ я вношу не въ прозаическій журналъ мой, а внесу въ сокровищницу моего сердца.

15-го же августа, вечеромъ, Зброжекъ случайно у С—ж—овыхъ проговорился, что я въ Астрахани. И 16-го августа я возобновилъ старое знакомство съ Александромъ Александровичемъ. Это уже былъ не шалунъ-школьникъ въ дѣтской курточкѣ, котораго я видѣлъ послѣдній разъ въ 1842 году; это уже былъ мужчина, мужъ и, наконецъ, отецъ прекраснаго дитяти, а сверхъ всего этого, я встрѣтилъ въ немъ простаго, высокоблагороднѣйшаго, добраго человѣка. Черта, характеризирующая семейство С—ж—овыхъ. Онъ, не знаю какъ надолго, оставляетъ Астрахань, и до Нижняго Новгорода предложилъ мнѣ каюту на абонированномъ имъ пароходѣ *князь Пожарскій*. Пятирублевый билетъ, взятый мною, я возвратилъ въ контору пароходной компаніи »*Меркурій*«, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отданъ первому бѣдняку безденежно. Капитанъ парохода *князь Пожарскій*, Владиміръ Васильевичъ К—ш—инъ распорядился такъ, что, вмѣсто одного бѣдняка, помѣстилъ на баржѣ пять бѣдняковъ, не могшихъ заплатить за мѣ-

сто до Нижняго даже по цѣлковому. Черта практически-благородная.

25 августа.

Парохода *князь Пожарскій* буфетчикъ Алексѣй Панфиловъ Пановъ, отпущенникъ г-на Крюкова. *(Записано чужою рукою).*

27 августа.

Ночи тихія, лунныя, очаровательно-поэтическія ночи! Волга, какъ безконечное зеркало, подернутая прозрачнымъ туманомъ, мягко отражаетъ въ себѣ очаровательную блѣдную красавицу ночи и сонный обрывистый берегъ, уставленный группами темныхъ деревьевъ. Восхитительная, сладко-успокоительная декорація! И вся эта прелесть, вся эта зримая нѣмая гармонія оглашается тихими задушевными звуками скрипки. Три ночи сряду этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безмездно возноситъ душу къ Творцу вѣчной, плѣнительной — звуками своей лубошной скрипицы. Онъ говоритъ, что на пароходѣ нельзя держать хорошій инструментъ, но и изъ этого нехорошаго онъ извлекаетъ волшебныя звуки, въ-особенности въ мазуркахъ Шопена. Я никогда не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ сердечно-глубоко-унылыхъ пѣсень. Благодарю, мой крѣпостной Паганини, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! изъ твоей бѣдной скрипицы вылетаютъ стоны и сливаются въ одинъ протяжный мрачный стонъ. Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до твоего слуха, нашъ праведный Боже!

Подъ вліяніемъ скорбныхъ. вопіющихъ звуковъ этого бѣднаго вольноотпущенника, пароходъ, въ ночномъ погребальномъ покоѣ, мнѣ представляется какимъ-то огромнымъ, глухо-ревущимъ чудовищемъ съ раскрытой огромной пастью, великій Фультонъ и великій Уатъ!

28 августа.

Со дня выхода парохода изъ Астрахани, т. е. съ 22 августа, я не могу ни за что, ни даже за свой журналъ, приняться акуратно, какъ это было въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Я все еще

не могу и не желаю освободиться изъ-подъ вліянія, произведеннаго на меня въ Астрахани моими земляками, и возобновленнаго Александромъ Александровичемъ Сапожниковымъ и всѣми сопутствующими ему его родственниками и друзьями. Всѣ онѣ, начиная съ хозяйки (Нины Александровны) и хозяина, всѣ онѣ такъ дружески просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю, что́ съ собою дѣлать, и разумѣется только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. И такой быстрый и неожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхестественнымъ, невѣроятнымъ.

Берега Волги, отъ Царицына и Дубовки, съ часу на часъ дѣлаются выше, живописнѣе очаровательнѣе, а я не сдѣлалъ еще ни одного очерка. Недосугъ. Всѣ книги всѣхъ русскихъ журналовъ за текущій годъ, добрѣйшій Александръ Александровичъ предложилъ къ моимъ услугамъ, и я только сегодня началъ читать *Королеву Варвару*, Попова, и только началъ, а журналъ свой, который въ эти дни долженъ бы былъ наполняться такими очаровательными событіями, я совсѣмъ оставилъ, извиняя себя невозможностью писать по случаю вздрагиванія палубы. О, какъ бы я желалъ продлить это сладкое состояніе, это чувство животворнаго очаровательнаго бездѣйствія.

Я оставилъ знойную степь въ китель и туркменскомъ верблюжьемъ чапанѣ. Въ Астрахани я думалъ только о пологѣ отъ комаровъ, а сѣверъ, къ которому стремлюсь, мнѣ и въ голову не приходилъ. И сегодня я могъ бы быть порядочно наказанъ за невниманіе къ бѣловласому Борею, еслибы не выручилъ меня Александръ Александровичъ. Впродолженіи ночи дулъ свѣжій нордъ-остъ, и къ утру сдѣлалось порядочно холодно, такъ порядочно, что я не прочь бы былъ и отъ тулупа. А у меня, кромѣ кителя и помянутаго чапана, совершенно ничего не оказалось. Александръ Александровичъ, спасибо ему, предложилъ мнѣ свое теплое пальто, брюки и жилетъ. Я съ благодарностью принялъ все это, какъ даръ, ниспосланный мнѣ свыше, и черезъ минуту явился на палубѣ преображеннымъ въ настоящаго денди. Богъ да наградитъ тебя, мой добрый Саша, за это братски-дружеское преображеніе.

29 августа.

Берега Волги съ каждымъ часомъ дѣлаются выше и привлекательнѣе. Я попробовалъ сдѣлать очеркъ одного мѣста съ палубы парохода, но увы, нѣтъ никакой возможности. Палуба дрожитъ и контуры береговъ быстро мѣняются. И я съ своимъ давнишнимъ новопетровскимъ предположеніемъ — рисовать берега матушки Волги—долженъ теперь проститься. Сегодня, съ полуночи и до восхода солнца, пароходъ грузился дровами около Камышина, а я едва успѣлъ сдѣлать легонькій очеркъ Камышинской пристани съ правымъ берегомъ Волги; дровъ взято до Саратова и, значитъ, я ближе Саратова ничего не сдѣлаю. Выше Камышина, въ 60 верстахъ, на правомъ берегу Волги, боцманъ парохода показалъ мнѣ бугоръ Стеньки Разина. Это было на разсвѣтѣ, и я не могъ хорошо разсмотрѣть этой замѣчательной, но неживописной, мѣстности. Историческій бугоръ этотъ,—я не знаю почему его называютъ бугромъ—и на вершокъ не выше окружающей его мѣстности. И еслибы лоцманъ мнѣ не указалъ его, я не замѣтилъ бы этой ничтожной твердыни лыцаря Стеньки Разина, этого Волжскаго Бирона и, наконецъ, пугала московскихъ практикановъ и Персидскаго шаха, которые испугались скрытаго, ночнаго, воришки; такъ бѣлоголоваго великана—хищника беркута пугаетъ иногда ничтожный нетопырь.

Самое плоское суздальское изображенье прославленнаго предмета также интересно, какъ и самое изящное произведеніе живописи. Сознавая эту истину, мнѣ еще досаднѣе, что я не могъ сдѣлать ниже слабаго очерка съ этого весьма прославленнаго бугра. Солнце еще не всходило, и бугоръ оставался за нами верстахъ въ десяти; я долженъ былъ довольствоваться небольшимъ фантастическимъ разсказомъ несловоохотливаго лоцмана.

Волжскіе ловцы и, вообще, простой народъ вѣритъ, что Стенька Разинъ живетъ до-сихъ-поръ въ одномъ изъ приволжскихъ ущелій близь своего бугра, и что (по словамъ лоцмана) прошедшимъ лѣтомъ какіе-то матросы, плывшіе изъ Казани, останавливались у его бугра, ходили въ ущелье, видѣли и разговаривали съ самимъ Семеномъ Степановичемъ Разинымъ. Весь онъ, сказывали матросы, обросъ волосами, словно звѣрь какой, а гово-

ритъ почеловѣчьи. Онъ уже началъ было разсказывать что́-то про свою судьбу, какъ насталъ полдень и изъ пещеры выползъ змій и началъ сосать его за сердце, а онъ такъ страшно застоналъ, что матросы отъ ужаса разбѣжались, куда кто могъ. А за то его, прибавилъ лоцманъ, ежеденно змій за сердце сосетъ, что онъ проклятъ во всѣхъ соборахъ, а проклятъ онъ за то, что убилъ Астраханскаго архіерея Іосифа. А убилъ онъ его за то, что тотъ его волшебству сопротивлялся.

По словамъ того же разсказчика, Разинъ не былъ разбойникомъ; онъ только на Волгѣ брандвахту держалъ, и собиралъ пошлину съ кораблей, и раздавалъ ее неимущимъ людямъ; коммунистъ, выходитъ.

30 августа.

Изъ уваженія къ имениннику и принятому обычаю дарить именинниковъ, я сегодня подарилъ Александру Александровичу портретъ его тещи М-те Козаченко. Портретъ сдѣланъ въ одинъ сеансъ бѣлымъ и чорнымъ карандашами довольно оляповато, но не лишенъ экспрессіи. Именинникъ, по обыкновенію своему, былъ веселъ и любезенъ, а гости его—въ томъ числѣ и насъ господи устрой, — также охулки на руку не положили, и нецеремонная милая гармонія царила на палубѣ князя Пожарскаго.

Въ вечеру, отъ Саратовской пасажирки, нѣкоей весьма любезной дамы, Татьяны Павловны Соколовской, случайно узналъ я, что Н. И. Костомаровъ уѣхалъ за границу, а мать его живетъ въ Саратовѣ. Я просилъ у ней адресъ Костомаровой.

31 августа.

Едва пароходъ успѣлъ остановиться у Саратовской набережной, какъ я уже былъ въ городѣ и, по указаніямъ обязательной М—те Соколовской я, какъ по писанному, безъ помощи дорогого извощика, нашелъ квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка узнала меня по голосу, но, взглянувши на меня, усумнилась въ своей догадкѣ. Убѣдившись же, что это дѣйствительно я, а не кто иной, она привитала какъ родного сына радостнымъ поцѣлуемъ и искренними слезами.

Пароходъ простоялъ въ Саратовской пристани до слѣдующаго утра, и я, съ полудня до часу по полуночи, провелъ у Татьяны Петровны. И Боже мой!—чего мы съ ней не вспоминали, о чемъ мы съ ней не переговорили. Она мнѣ показывала письма своего Николаши изъ за границы, и лепестки фіялокъ-присланныя ей сыномъ, въ одномъ изъ писемъ изъ Стокгольма, отъ 30 мая. Это число напомнило намъ роковое 30 мая 1847 года и мы какъ дѣти зарыдали. Въ первомъ часу ночи я разстался съ счастливѣйшею и благороднѣйшею матерью прекраснѣйшаго сына.

1 сентября.

Петръ Ульяновъ Чекмаревъ (записано чужой рукой).

Новый мѣсяцъ начался новымъ пріятнѣйшимъ знакомствомъ. За полчаса до поднятія якоря, явился въ капитанской каютѣ, и въ моемъ временномъ обиталищѣ, человѣкъ некрасивой, но привлекательно-симпатической наружности. Послѣ монотонно-произнесеннаго — Петръ Ульяновъ Чекмаревъ, онъ сказалъ съ одушевленіемъ: Марья Григорьевна С—пна, незнаемая вами, ваша милая землячка и поклонница, поручила мнѣ передать вамъ ея сердечный сестринъ поцѣлуй и поздравить васъ съ вожделѣнной свободой. И тутъ же напечатлѣлъ на моей лысинѣ два полновѣсныхъ искреннихъ поцѣлуя,—одинъ за землячку, а другой за себя и за саратовскую братію. Долго я не могъ опомниться отъ этого нечаяннаго счастія. Прійдя въ себя, я вынулъ изъ моей бѣдной коморы какую-то пѣсеньку и просилъ своего новаго друга передать эту ленту моей милой сердечной землячкѣ. Вскорѣ начали подымать якорь и мы разстались, давши другъ другу слово увидѣться будущею зимой въ Петербургѣ.

2 сентября.

Пятнадцать лѣтъ не измѣнили насъ:
Я прежній Сашка всё, ты также всё Тарасъ.

Сегодня, въ 7 часовъ утра, случайно собрались мы въ капитанской каютѣ и слово за слово изъ обыденнаго разговора перешли къ современной литературѣ и поэзіи. Послѣ недолгихъ пересудовъ, я предложилъ А. А. Сапожникову прочесть *Собачій пиръ*, изъ

Барбье, Бенедиктова, и онъ мастерски его прочиталъ. Послѣ прочтенія перевода, былъ прочитанъ подлинникъ, и общимъ голосомъ рѣшили, что переводъ выше подлинника. Бенедиктовъ, пѣвецъ кудрей и прочаго тому подобнаго, не переводитъ, а возсоздаетъ Барбье. Непостижимо! Неужели со смерти П. — поэты наши воскресли, обновились? Другой причины я не знаю. Поповоду Собачьяго пира, нашъ добрый милый капитанъ, Владиміръ Васильевичъ Кишкинъ, досталъ изъ своей завѣтной портфели его же Бенедиктова: *Входъ воспрещается*, и съ чувствомъ поклонника родной обновленной поэзіи прочиталъ намъ, внимательнымъ слушателямъ. Потомъ прочиталъ его же на новый 1857 годъ. Я дивился и ушамъ не вѣрилъ. Много еще кое чего упруго-свѣжаго, живаго, было прочитано нашимъ милымъ капитаномъ. Но я все свое вниманіе и удивленіе сосредоточилъ на Бенедиктовѣ, а прочее едва слушалъ.

И такъ у насъ сегодня изъ обыкновенной болтовни вышло необыкновенно-эфектное литературное утро. Пріятно было бы повторять подобную импровизацію. Въ заключеніе этой поэтической сходки, А. А. Сапожниковъ вдохновился и написалъ двустишіе граціозное и братски искреннее.

Ночью противъ города Волжска (мѣсто центральной конторы дома Сапожниковыхъ) пароходъ на нѣсколько часовъ остановился. А. А. сошелъ на берегъ и въ скоромъ времени возвратился на пароходъ съ своимъ главнымъ управляющимъ Тихономъ Зиновьевичемъ Епифановымъ: бѣлый съ чорными бровями, свѣжій, удивительно-красивый старикъ, съ прекрасными манерами, и тѣни не напоминающими русскаго купца. Онъ мнѣ живо напомнилъ своей изящной наружностію моего дядю Шевченка-Грыню.

3 сентября.

Незабывайте любящаго васъ И. Явленскаго. *(Записано чужой рукою).*

Ѣлъ, пилъ, спалъ. Во снѣ видѣлъ Орскую крѣпость и корпуснаго ефрейтора О — а, я такъ испугался этого ефрейтора, что отъ страха проснулся, и долго не могъ прійти въ себя отъ этого возмутительнаго сновидѣнія.

4 сентября.

Впродолженіи ночи, пароходъ грузился дровами противъ города Хвалынска: одно единственное мѣсто на берегахъ Волги, напоминающее древнее названіе Каспійского моря. Поутру, снявшись съ якоря, мы собрались въ каютѣ нашего добраго капитана и послѣ недлиннаго предисловія, составилось у насъ опять литературно-поэтическое утро. Обязательный Владиміръ Васильевичъ прочиталъ намъ, изъ своей завѣтной портфели, нѣсколько животрепещущихъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, и между прочимъ *Кающуюся Россію*, Хомякова. Глубоко-грустное это стихотвореніе я занесъ въ свой журналъ, на память о нашихъ утреннихъ бесѣдахъ на пароходѣ »князь Пожарскій«.

5 сентября.

Берега Волги болѣе и болѣе измѣняются и принимаютъ видъ однообразный и суровый. Плоскія возвышенности праваго берега покрыты лѣсомъ, большею частію дубовымъ. Коегдѣ изрѣдка блестятъ бѣлые стволы березъ и сѣрые матовые стволы осины. Древесный листъ замѣтно желтѣетъ. Температура воздуха измѣняется, холодѣетъ. Какъбы она меня не захватила въ расплохъ. Сегодня былъ первый утренникъ. Ноги прозябли. Нужно будетъ въ Самарѣ купить коты и дубленый полушубокъ. Ничего не читаю и не рисую. Рисовать не даетъ машина своимъ неугомоннымъ шумомъ и трепетаньемъ, а читать — ненаглядные берега Волги. Во снѣ видѣлъ церковь св. Анны въ Вильнѣ, и въ этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобровую Г—скую. Это вѣрно вслѣдствіе чтенія королевы Варвары Радзивиллъ. Г. Поповъ — историкъ новаго прекраснаго стиля. Онъ кажется, ученикъ Соловьева. Нужно будетъ прочитать его, въ Русскомъ Вѣстникѣ, Турецкую войну при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Мнѣ теперь много нужно прочитать. Я совершенно отсталъ отъ новой литературы. Какъ хороши *Губернскіе Очерки*, въ томъ числѣ и Мавра Кузьмовна, Салтыкова, и какъ превосходно ихъ читаетъ Панченко (домашній медикъ Сапожникова): безъ тѣни декламаціи. Мнѣ кажется, что подобныя глубоко-грустныя произведенія иначе и читать не должно. Монотонное однообразное чтеніе сильнѣе, рельефнѣе рисуетъ этихъ

бездушныхъ, холодныхъ, этихъ отвратительныхъ Гарпій. Я благоговѣю передъ Салтыковымъ. О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! Какою радостію возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ геніальныхъ учениковъ своихъ. Други мои, искренніе мои! Пишите, подайте голосъ за эту бѣдную, грязную, чернь! — — —

6 сентября.

Въ 10 часовъ утра, князь Пожарскій бросилъ якорь у набережной города Самары. Издали, эта первой гильдіи отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышелъ на берегъ и пошелъ взглянуть поближе на эту чопорную юную купчиху, и купить коты. На улицѣ попался мнѣ И. Явленскій, и мы *сопча* пустилися созерцать городъ ровный, гладкій, набѣленый, нафабренный, до тошноты однообразный городъ.

Какъ изъ любопытства, такъ и вслѣдствіе вопіющаго апетита—это случилось часу около второго—мы велѣли извощику ѣхать къ самому лучшему трактиру въ городѣ; онъ и поѣхалъ, и привезъ насъ къ самому лучшему заведенію, т. е. трактиру. Едва вступили мы на лѣстницу сего заведенія, какъ оба въ одинъ голосъ проговорили: здѣсь русскій духъ, здѣсь русью пахнетъ, т. е. саломъ, гарью и всевозможной мерзостью. У насъ однакожъ хватило храбрости заказать себѣ котлеты, но увы, не хватило терпѣнія дождаться этихъ безконечныхъ котлетъ. Явленскій бросилъ половому полтинникъ, ругнулъ маненько, на что́ тотъ молча съ улыбкою поклонился и мы вышли изъ заведенія. Огромнѣйшая хлѣбная пристань на Волгѣ, приволжскій, Новый Орлеанъ! и нѣтъ порядочнаго трактира.

Послѣ мнимаго завтрака, мы поѣхали въ лавки. Въ лавкахъ, даже въ лавочкахъ, не оказалось такого товара, какой мнѣ былъ необходимъ (коты), и мы отправились на пароходъ.

Въ капитанской каютѣ на полу увидѣлъ я измятый листокъ стараго знакомца Русскаго Инвалида, поднялъ его и отъ нѣчего дѣлать принялся читать фельетонъ. Тамъ говорилось о китайскихъ инсургентахъ и о томъ, какую рѣчь произнесъ Гонгъ, предводитель инсургентовъ, передъ штурмомъ Нанкина. Рѣчь начинается такъ: «Богъ идетъ съ нами; что́ же смогутъ противъ насъ демоны?

Мандарины эти—жирный убойный скотъ, годный только въ жертву— — —

Въ Самарѣ живетъ богатый купецъ Свѣтовъ, глава секты малакановъ. Правительство (кроткими мѣрами) заставляетъ его принять православіе, но онъ, не смотря на кроткія мѣры, рѣшительно отказался отъ православія и изъявилъ желаніе принять кальвинизмъ. На что́ однакожъ правительство не изъявило своего желанія, и оставило его въ покоѣ, запретивъ ему и его сектѣ торговать.

7 сентября.

Въ 10 часовъ утра, при свѣжемъ нордѣ съ дождемъ и снѣгомъ, мы оставили Самару. Отъ Самары вверхъ, начинаетъ подниматься лѣвый берегъ Волги: это плоская возвышенность Жегульскихъ горъ. Черезъ два часа мы подошли къ воротамъ Жигульскихъ горъ. Это—ущелье, съ узившее Волгу до одной версты; за горами, какъ за рамой, открылась намъ новая, доселѣ невиданная, панорама, испятнанная темносиними полосами. Это обитатель сѣвера — сосновый лѣсъ. На первый планъ этой панорамы, изъ-заущелья, поросшаго чорнымъ лѣсомъ, высунулась обнаженнаяотдѣльная гора. Это Царевъ-курганъ; народное преданіе говоритъ, что Петръ первый, путешествуя по Волгѣ, останавливался на этомъ мѣстѣ и всходилъ на эту гору, вслѣдствіе чего она и получила названіе Царева кургана.

Гора эта своею формою и величиною напомнила мнѣ такую же гору близъ Звенигородки, Кіевской губерніи въ селѣ Гудзивци. И Гудзивскую гору, быть можетъ, какой нибудь— господинъ освятилъ своимъ возшествіемъ, но земляки мои какъ-то тупо сохраняютъ въ своей памяти подобныя событія. — — —

Не могъ я дознаться, на какомъ народномъ преданіи основываясь, покойный князь Воронцовъ назвалъ, въ своихъ Мошнахъ, обыкновенную гору Святославовою горою, съ которой будто бы этотъ удалой варягъ любовался на свою дружину, пѣнившую святый Днѣпръ своими разбойничьими ладьями. Я думаю это просто фантазія и ничего больше. Князю просто пожелалось украсить свой великолѣпный паркъ башнею въ родѣ маяка; вотъ онъ и сочинилъ народное преданіе, приноровивъ его къ мѣстности, и оляповатую свою башню назвалъ башнею Святослава. А Михайло Гра-

бовскій (не въ осудъ будь сказано) чуть-чуть было документально не доказалъ народнаго преданія о Святославовой горѣ.

Капитанъ нашъ—спасибо ему—догадался сегодня изъ своей каюты ажуръ, сдѣлать посредствомъ *кошотъ* каюту-темницу, и учредилъ въ ней чугунную печь, и я теперь буквально нахожусь въ теплыхъ объятіяхъ друга.

Вотъ тебѣ и Волжскіе комары, которыхъ я такъ боялся.

8 сентября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ. Лѣвый берегъ Волги отъ самого Царскаго кургана замѣтно понижается и сегодня рано я его увидѣлъ такимъ точно, какъ и до Самары, ровный, плоскій: однообразный. Правый берегъ по прежнему угрюмо возвышенъ и покрытъ мелкимъ лѣсомъ. Если бы и можно было рисовать, то совершенно рисовать нѣчего, кромѣ развѣ огромной расшивы, стоящей на якорѣ посрединѣ Волги какъ на зеркалѣ.

Я расчитывалъ, что казенные смотровые сапоги послужатъ мнѣ по крайней мѣрѣ до Москвы, а они и до Симбирска не дотянутъ; измѣнили проклятые, Иванъ Никифоровичъ Явленскій замѣтилъ этотъ ущербъ въ моемъ весьма нещегольскомъ костюмѣ, и предложилъ мнѣ свои сапоги изъ числа запасныхъ, за что́ я ему сердечно благодаренъ. Сапоги его пришлись мнѣ по ногѣ, и я теперь щеголяю почти въ новыхъ сапогахъ, въ добавокъ на высокихъ каблукахъ, что́ мнѣ не совсѣмъ нравится, но дареному коню въ зубы не смотрятъ.

9 сентября.

Симбирскъ-отъ видишь,
А недѣлю идешь.

Бурлацкая поговорка.

Съ восходомъ солнца, далеко, на пологой возвышенности, упирающейся въ Волгу, показался Симбирскъ, т. е. нѣсколько бѣлыхъ пятнышекъ неопредѣленной формы. Матросъ вахтенный, указывая мнѣ на бѣленькіе пятнушки, проговорилъ бурлацкую поговорку, которую я тутъ же и записалъ. Отъ Сенгилая до Симбирска 50 верстъ и это пространство мы прошли не впродолженіи недѣли,

но впродолженіи битыхъ девяти часовъ. Князь Пожарскій сегодня какъ-то особенно медленно двигался впередъ. А можетъ быть, мнѣ это такъ показалось, потому что Симбирскъ не сходилъ съ горизонта, въ которомъ мнѣ хотѣлось побывать засвѣтло, взглянуть на монументъ Карамзина. Симбирскъ, вмѣсто того, чтобы приблизиться ко мнѣ, увы! совершенно скрылся за непроницаемой завѣсой, сотканной изъ дождя и снѣга. Мерзость эта усиливалась, вечеръ быстро близился и я терялъ надежду видѣть на мѣстѣ музу исторіи, которую я видѣлъ только въ мастерской незабвеннаго Ставассера. Чего я боялся, — то и случилось. Едва къ пяти часамъ князь положилъ свой якорь, у какой-то досчатой пристани. Прочая декорація была закрыта дождемъ и снѣгомъ. Не смотря на все это, я рѣшился выйти на берегъ. Черноземная моя родная грязь по колѣна, и ни одного извощика. Промочивши въ лужѣ и грязи ноги, я возвратился, нельзя сказать благополучно, на пароходъ.

Другой разъ я проѣзжаю мимо Симбирска, и другой разъ не удается мнѣ видѣть монументъ исторіографа. Первый разъ въ 1847 г. меня провезли мимо Симбирска; тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успѣлъ пообѣдать въ какой-то харчевнѣ, или вѣрнѣе сказать, въ кабакѣ. Во мнѣ была, (какъ я послѣ узналъ), экстренная надобность въ Оренбургѣ и потому-то — изъ Питера на осьмые сутки поставили меня въ Оренбургѣ. — — Теперь же, въ 1857 г., вмѣсто экстренности, ночь— и съ такими отвратительными варіяціями, что глупо бы и думать о монументѣ Карамзина.

По случаю двадцатипятилѣтней супружеской жизни Катерины Никифоровны Козаченко, за завтракомъ побороли мы двухъ великановъ, подъ именемъ—пироги съ разными удивительными внутренностями, и по этому-то необыкновенному случаю обѣдали поздно, ровно въ 7 часовъ и ровно въ 7 часовъ положилъ, рядомъ съ княземъ, якорь пароходъ *Сусанинъ*. Капитанъ Сусанина, Яковъ Осиповичъ Воз—ынъ былъ приглашенъ самимъ хозяиномъ къ обѣду. Послучаю неудачи видѣть Симбирскъ и монументъ Карамзина, у меня родился и быстро выросъ великолѣпный проэктъ: за обѣдомъ напиться пьянымъ, но весь этотъ великолѣпный проэктъ удался только въ половину.

Послѣ обѣда зашли мы въ капитанскую свѣтелку (такъ называютъ волжскіе плаватели-матросы палубную капитанскую каюту), и принялись за чай. Между прочими интереснымн разговорами за чаемъ, Воз—ынъ сказалъ, что онъ послѣ закрытія Волжской навигаціи ѣдетъ въ свое помѣстье (Тверской губерніи), по случаю освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ хотя и либералъ, но какъ самъ помѣщикъ проговорилъ эту великолѣпную новость весьма съ неудовольствіемъ. Замѣтя сіе филантропическое чувство въ помѣщикѣ Тверской губерніи, я почелъ лишнимъ завести разговоръ съ помѣщикомъ о столь-щекотливомъ для него предметѣ. И не раздѣливъ восторга, пробужденнаго этой великой новостью, я закутался въ свой чапанъ и заснулъ сномъ праведника.

10 сентября.

Вчерашній мой великолѣпный, вполовину удавшійся проэктъ, сегодня, и то уже слава Богу только вечеромъ, удался, и удался съ мельчайшими подробностями, — съ головною болью и прочимъ тому подобнымъ.

11 сентября.

(Записано другой рукой:)

»Такъ-какъ отъ глумленія пьянственнаго у Тараса колеблется десница, и просяй шуйцу, но и оная въ твердости своей поколебася (тожъ отъ глумленія тогожъ пагубнаго пьянства), вслѣдствіе чего изъ состраданія и любви къ немощному, пріемлю трудъ описать день изчезающій изъ памяти ослабѣвающей.

»Тарасъ зашелъ-таки далеко, уподобясь тому богопріятному состоянію, какимъ не всѣ сыны Божіи награждаются — иже, на языцѣ порока и лжи тлетворной, *мухою* зовется. И бѣ свирѣпъ въ семъ положеніи, не давая сомкнуть мнѣ зѣницы въ ночи—часа одного и вѣщая неподобные изреки грѣшному міру сему, изрыгая ему проклятія, выступая съ постели своей босъ и въ единомъ рубищѣ« (и т. д. Въ концѣ, тою же рукой, добавлено:) P. S. Далѣе не жди отъ Тараса, о, бѣдное, имъ любимое чело-

вѣчество, никакого толку, и большаго величія, и мудраго слова, ибо, опохмѣлившійся, — и т. д.

12 сентября.

Погода отвратительная. Князь Пожарскій и Сусанинъ положилъ, на ночь, якорь въ Спасскомъ затонѣ. Это зимняя стоянка Меркуріевской компаніи. Здѣсь устроены мастерскія, квартиры для капитановъ, помѣщеніе для мастеровъ, школа и кабакъ. Мѣстность прекрасная, окруженная дубовыми рощами и, не смотря на холодную погоду, въ рощахъ сохранилася свѣжая зелень и нѣкоторые цвѣты, изъ которыхъ я набралъ маленькій букетъ, и какъ истинный Терсисъ Посошковъ, приподнесъ его милѣйшей баронессѣ М—мъ, одной изъ пасажирокъ князя Пожарскаго и женѣ одного изъ капитановъ Меркурьевской компаніи. Милая, привлекательная женщина.

Утро ясное съ морозомъ до пяти градусовъ. Къ 12 часамъ дня погода по вчерашнему измѣнилась въ перемежающійся дождь съ снѣгомъ. Князь Пожарскій благополучно перешолъ Красновидовскій перекатъ (мели) и въ 11 часовъ вечера положилъ якорь въ 10 верстахъ отъ Казани.

13 сентября.

Казань-городокъ
Москвы уголокъ.—

Эту поговорку слышалъ я въ первый разъ въ 1847 г. на почтовой станціи въ Симбирской губерніи, когда препровождался я въ Оренбургъ. Какой-то упитанный Симбирскій степнякъ, описывая великолѣпіе города Казани, замкнулъ свое описаніе этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидѣлъ я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилась и невольно проговорилась. Едва пароходъ успѣлъ положить якорь, какъ я выскочилъ на берегъ, помѣстился за четвертакъ въ татарской телѣжкѣ и пустился въ городъ. Какъ издали, такъ и вблизи, такъ и внутри, Казань чрезвычайно живо напоминаетъ собою уголокъ Москвы: начиная съ церквей, колоколенъ до саекъ и калачей, вездѣ, на каждомъ шагу, видишь вліяніе бѣлокаменной

Москвы. Даже башня Сумбеки, несомнѣнный памятникъ временъ татарскихъ, показался мнѣ единоутробною сестрою Сухаревой башни. Большая улица (конечно, Московская), ведущая въ Кремль, смахиваетъ на Невскій проспектъ своею чопорностью и торцовой мостовою. Улица эта начинается великолѣпнымъ зданіемъ университета, украшеннаго грандіозными тремя іоническими портиками. Жаль: этому прекрасному зданію не достаетъ площади Оно бы много выиграло, и монументъ пѣвца Екатерины не красовался бы на дворѣ въ миніатюрномъ палисадникѣ, меланхолически созерцаемый рудою коровою.

Полюбовавшись, вмѣстѣ съ рудою коровою, статуею сплетателя торжественныхъ одъ, я, проходя черезъ дворъ, встрѣтилъ студента съ порядочно синимъ подбородкомъ, — почему и заключилъ, что онъ, не новичекъ въ здѣшней аудиторіи. На этомъ основаніи, я обратился къ нему, не помнитъ ли онъ Посяду и Андрускаго, переведенныхъ въ 1847 году изъ Кіевскаго университета въ Казанскій. Онъ сказалъ, что не помнитъ и совѣтовалъ мнѣ обратиться къ старому сторожу Игнатьеву. Я вѣжливо поблагодарилъ его за наставленіе, но, не находя нужнымъ примѣнить къ дѣлу это милое наставленіе, вышелъ на улицу. Выйдя на улицу, я услышалъ глухой шумъ барабана и увидѣлъ густую толпу народа, провожавшаго на казнь преступника. Чтобы не встрѣтить эту процессію, я своротилъ въ переулокъ, и въ числѣ бѣгущихъ смотрѣть эту процессію, я увидѣлъ молодую дѣвушку съ шарманкою за плечами и ободраннаго мальчика съ тамбуриномъ въ рукахъ. Мнѣ сдѣлалось не грустно, а какъ-то особенно скверно, и я опять взялъ за четвертакъ татарскую телѣжку и возвратился на пароходъ.

Возвращаясь на пароходъ, я увидѣлъ съ правой стороны отъ дороги памятникъ, воздвигнутый надъ костями убитыхъ при взятіи Казани царемъ Иваномъ Грознымъ. Это—усѣченная пирамида съ портиками, поставленная будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатеръ царя грознаго. Печальный памятникъ.

14 сентября.

По случаю принятія новаго груза, пароходъ нашъ простоялъ до 11 часовъ утра у казанскаго берега. Пользуясь этимъ рѣд-

кимъ случаемъ и хотя пасмурною, но не мокрою погодою, я вышелъ на берегъ и сдѣлалъ два абриса: общій видъ Казани, и видъ на Волгу противъ Казани и села Услонъ. Возвращаясь на пароходъ, купилъ я у смазливой перекупки соленаго отваренаго ляща, и прійдя на пароходъ, задалъ себѣ настоящій плебейскій пиръ. Кромѣ ляща и новопетровской ветчины, заключилъ я свой пиръ головкой чесноку, съ чернымъ хлѣбомъ, и провонялъ не только капитанскую свѣтелку, но всего князя Пожарскаго. Сопутники мои бѣгали отъ меня какъ чортъ отъ ладану. Одна только милая хозяйка и добрѣйшая ея мамаша, Катерина Никифоровна Козаченко, нашли, что чеснокъ, хоть и воняетъ, но не такъ несносно, чтобы при встрѣчѣ со мною необходимо было закрывать носъ, и еще болѣе, чтобы доказать имъ, господамъ нелюбящимъ чесноку, что чеснокъ вещь не только не противная, но даже пріятная, обѣщалась заказать обѣдъ съ чеснокомъ и обкормить хулителей. Милѣйшая Катерина Никифоровна!

Противъ города Свіяжска прошли благополучно Васильевскій перекатъ (мель) и встрѣтили параходъ *Адашевъ* Меркуріевской же компаніи. Онъ буксируетъ двѣ баржи съ дровами и одну изъ нихъ посадилъ на мель. Князь Пожарскій попытался было стащить ее съ мели, но безуспѣшно, и пройдя нѣсколько верстъ впередъ, положилъ якорь на ночь, изъ опасенія сѣсть на Вязовскомъ перекатѣ. Выше устьевъ Камы, Волга замѣтно сдѣлалась уже и мельче.

15 сентября.

Проспалъ я ровно до 9 часовъ утра. Надо думать, что это случилось со мною подъ глухой шумъ князя Пожарскаго, потому что со мною этого прежде не случалось ни даже подъ нетрезвую руку. Это на диво долгое спаніе заключилось отвратительнымъ сновидѣніемъ. Меня разбудилъ громъ падающаго якоря, т. е. цѣпи, передъ Ураковскимъ перекатомъ.

Пользуясь сей непродолжительной стоянкой и продолжительнымъ тихимъ переходомъ черезъ сей Ураковскій перекатъ, я нарисовалъ, бѣлымъ и чернымъ карандашомъ, довольно удачно, портретъ Михайла Петровича Комаровскаго, будущаго капитана будущаго парохода; а Сапожникова, за то, что онъ подарилъ мнѣ свои бархатные теплые сапоги.

Въ 10 часовъ вечера князь Пожарскій положилъ якорь передъ Гремячевскимъ перекатомъ.

16 сентября.

Вчера мнѣ ничто не удалось. Поутру началъ рисовать портретъ Е. А. Панченка, домашняго медика А. Сапожникова. Не успѣлъ сдѣлать контуры, какъ позвали завтракать. Послѣ завтрака пошелъ я въ капитанскую свѣтелку съ твердымъ намѣреніемъ продолжать начатый портретъ, какъ началъ открываться изъ-за горы городъ Чебоксары. Ничтожный, но картинный городокъ. Если не больше, такъ покрайней мѣрѣ на половину, будетъ въ немъ домовъ и церквей. И все старинной Московской архитектуры. Для кого и для чего онѣ построены?

Когда скрылися отъ насъ живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портретъ. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его кончить и кончилъ, разумѣется, скверно.

Отъ этой первой неудачи я съ досады легъ спать, и проспалъ прекрасный видъ села Ильинскаго. Ввечеру, когда князь Пожарскій положилъ на ночь якорь, и все успокоилось, я, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаградить двѣ неудачи, принялся переписывать *Собачій Пиръ*, какъ вошелъ въ свѣтелку А. С. съ К. и Н. и ни съ сего ни съ того составился у насъ литературный вечеръ. Капитанъ нашъ вытащилъ изъ подъ спуда Полярную Звѣзду 1824 году и прекрасно прочиталъ намъ отрывки изъ поэмы Наливайко, а Сапожниковъ отрывки изъ поэмы Войнаровскій. Потомъ А. А. пригласилъ насъ ужинать. и какъ это случилось въ 12 часовъ, то за ужиномъ оказалась именинница, а именно бабушка Любовь Григорьевна Явленская. Поздравили и, не одинъ и не два, а три раза поздравили. Потомъ начали отсутствующихъ именинницъ поздравлять, и я таки порядкомъ напоздравлялся.

Не смотря на послѣднее вчерашнее событіе, я сегодня проснулся рано и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свой журналъ и пока братія еще въ обятіяхъ морфея, буду продолжать Собачій Пиръ до новой *перепойки*.

Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудію, *и проч.*

17 сентября.

Вчера праздновали именины милѣйшей бабушки Любовь Григорьевны Явленской. Сегодня празднуемъ день рожденія ея милѣйшаго внучка, А. А. Сапожникова. А пóка еще грозитъ завтракъ, то я по вчерашнему воспользуюсь безмятежнымъ утромъ и перепишу еще одно стихотвореніе изъ завѣтной портфели нашего обязательнѣйшаго капитана.

Спасибо Ивану Никифоровичу Явленскому за то, что онъ отказался отъ завтрака и помогъ мнѣ кончить превосходную прелюдію къ превосходнѣйшему стихотворенію, которое я, если Богъ поможетъ, перепишу завтра.

18 сентября.

Не хвалися, идучи на рать...

Вчера вечеромъ путешественники и путешественницы съиграли по послѣдней пулькѣ преферанса въ каютъ-компаніи кн. Пожарскаго, расчитались и расплатились до денежки за всѣ пульки, съигранныя впродолженіи рейса, т. е. отъ 22 августа. Покончивши эту статью, сѣли за ужинъ, приготовленный изъ послѣдней провизіи. Поужинали, разумѣется —въ послѣдній разъ, въ каютъ-компаніи. Выпили послѣдній хересъ, мадеру и, кажется, шампанское, составили проэктъ завтрешняго обѣда въ Нижнемъ-Новгородѣ и разошлися спать. Хорошо. Съ разсвѣтомъ князь Пожарскій поднялъ якорь, свиснулъ, фыркнулъ и весело захлопалъ своими огромными колесами. Хорошо. Берега быстро мѣняютъ свои контуры. Пролетаемъ мы мимо краснваго по мѣстоположенію села Зименки, помѣщика Дадьянова. Вотъ, летимъ мы во весь духъ мимо этого замѣчательнаго села, какъ вдругъ лѣвое колесо перестало вертѣться и изъ К. Пожарскаго—дельфина сдѣлалась черепаха. Что случилось? раздался общій голосъ. *Шатунъ* лопнулъ, раздался въ отвѣтъ одинокій голосъ машиниста. Я смекнулъ, что прежде вечера мы не будемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ т. е. прежде вечера не будемъ обѣдать; смекнувши дѣломъ, я пошелъ въ капитанскую свѣтелку, выпилъ добрую чару лимоновки, закусилъ ос-

таткомъ новопетровской ветчины, взялъ какую-то газету, легъ да и заснулъ себѣ съ Богомъ. Просыпаюсь, а нашъ К. Пожарскій стоитъ себѣ, тоже съ Богомъ, на Телячемъ бродѣ: Собачій бродъ кое-какъ переползъ, а Телячій не вмоготу стало. Что дѣлать? Паузиться, т. е. перегружаться. Пауза эта длится до сихъ поръ, т. е. до перваго часу ночи. А путешественницы и путешественники пробавляются натощакъ въ ералашъ, въ ожиданіи Нижегородскаго обѣда.

19 сентября.

Пауза продолжалась за полночъ. Съ разсвѣтомъ К. Пожарскій поднялъ якорь и, какъ подстреленный орелъ, захлопалъ однимъ колесомъ своимъ. Взошло солнце и освѣтило очаровательныя окрестности Нижняго-Новгорода. Я хотѣлъ было хоть что нибудь начертить, но увы, дрожаніе палубы при одномъ колесѣ еще ощутительнѣе, а сѣрыя сырыя тучки не замедлили закрыть животворящее свѣтило и задернуть прозрачнымъ сѣрымъ туманомъ живую декорацію. Декорація отъ тумана сдѣлалась еще очаровательнѣе, но рисовать ее рѣшительно невозможно: тучки, небесныя вѣчныя странницы, пустили изъ себя такую мерзость, что я укрылся въ капитанскую свѣтелку и принялся за свои *чувалы* (торбы).

Въ 11-ть часовъ утра К. Пожарскій положилъ якорь противъ Нижняго-Новгорода. Тучки разошлися и солнышко привѣтливо освѣтило городъ и его прекрасные окрестности. Я вышелъ на берегъ и безъ помощи извощика, мимо красавицы 17 столѣтія — церкви св. Георгія, поднялся на гору. Зашелъ въ гимназію къ Бобжицкому, бывшему студенту Кіевскаго университета; не нашедъ его дома, я пошелъ въ Кремль. Новый соборъ отвратительное зданіе. Это огромная квадратная ступа съ пятью короткими толкачами. Неужели это дѣло рукъ Константина Тона? невѣроятно. Далѣе. Приношеніе благодарнаго потомства гражданину Минину и К. Пожарскому — копѣечное, позорящее неблагодарное потомство, приношеніе! утѣшительно, что этотъ грошовый обелискъ уже переломился.

Изъ Кремля зашелъ я опять къ Бобржицкому и опять не засталъ его дома. Изъ гимназіи пошелъ я искать въ Покровской

улицѣ, домъ Сверчкова, квартиру А. А. Сапожникова. Нашелъ. И только что успѣлъ поздравить съ временнымъ новосельемъ хозяина, хозяйку и вообще сопутницъ и сопутниковъ, какъ является Николай Александровичъ Брылкинъ (главный управляющій компаніею пароходства Меркурій) и по секрету отъ другихъ объявляетъ—сначала хозяину, а потомъ мнѣ, что онъ имѣетъ особенное предписаніе полиціймейстера дать знать ему о моемъ прибытіи въ городъ. Я хотя и тертый калачъ, но такая неожиданность меня сконфузила. Позавтракавши кое-какъ, я отправился на пароходъ, поблагодарилъ моего доброго друга-капитана за его обязательности, взялъ свой паспортъ и передалъ его, вмѣстѣ съ вещами, Н. А. Брылкину. Успокоившись немного, я въ третій разъ пошелъ къ Бобржицкому и на сей разъ нашелъ его дома съ широкораспростертыми объятіями. Въ 8 часовъ вечера я отправился къ Н. А. Брылкину, провелъ у него часа два времени въ дружеской бесѣдѣ, взялъ у него для прочтенія.... изданіе и отправился къ Павлу Абрамовичу Овсянникову, на мою временную квартиру.

20 сентября.

До перваго часу лежалъ, читалъ —— А въ первомъ часу и отправился къ Сапожниковымъ. Послѣ обѣда проводилъ моихъ старыхъ милыхъ спутниковъ и спутницъ до почтовой конторы, и простился съ ними. Онѣ въ почтовыхъ каретахъ отправились въ Москву. Когда увижусь я съ вами, прекраснѣйшіе люди? Просилъ Комаровскаго и Явленскаго цѣловать въ Москвѣ моего стараго друга Щепкина, а Сапожникова просилъ въ Петербургѣ цѣловать мою святую заступницу графиню Н. И. Т — ую. Вотъ тебѣ и Москва! вотъ тебѣ и Петербургъ! и театръ и академія и эрмитажъ и сладкія дружескія объятія земляковъ, друзей моихъ Лазаревскаго и Гулака-Артемовскаго!

Въ 7 часовъ вечера зашелъ я къ Н. А. Брылкину, встрѣтилъ у него Овсянникова и Кишкина и дружеской откровенной бесѣдой заглушилъ вопли такъ внезапно уязвленнаго сердца. Если бы не эти добрые люди, мнѣ бы пришлось теперь сидѣть за рѣшоткой и дожидать указа объ отставкѣ или просто броситься въ объятія красавицы Волги. Послѣднее, кажется, было бы легче.

21 сентября.

— Сегодня, какъ и вчера, погода,—дрянь, слякоть и мерзость. На улицу выйти нѣтъ возможности. Изъ-за стѣны Кремля показываетъ соборъ свои безобразные толкачи съ рѣповидными верхушками, и ничего больше не видно изъ моей квартиры. Скучно. Пошелъ къ Н. А. Брылкину обѣдать. Послѣ обѣда, какъ и до обѣда, лежалъ и читалъ Богдана Хмельницкого, Костомарова. Прекрасная книга, вполнѣ изображающая этого геніального бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулася впередъ впродолженіи послѣдняго десятилѣтія. Она освѣтила подробности, закопченныя дымомъ фиміама усердно кадимаго передъ — — идолами.

22 сентября.

Погода постоянно скверная. Я постоянно лежу и читаю Зиновія Богдана. Прекрасная, современная книга! Отъ нѣчего дѣлать нарисовалъ сегодня портретъ В. В. Кишкина удовлетворительно. Обѣдалъ, по обыкновенію, у Н. А. Брылкина, и по обыкновенію послѣ обѣда читалъ и спалъ.

23 сентября.

Н. А. Брылкинъ ѣздилъ въ Балахну съ мистеромъ Стремомъ, американскимъ инженеромъ, посмотрѣть на строющійся тамъ пароходъ и баржи для компаніи Меркурій. Отъ нѣчего дѣлать и я напросился имъ сопутствовать. Щегольской, новенькой пароходъ *Лоцманъ*, въ полдень, поднялъ якорь и понесъ насъ вверхъ по Волгѣ. Съ разными остановками, въ 5 часовъ вечера, мы наконецъ остановились у Балахны. Едва успѣлъ вскарабкаться на кучу бревенъ и взглянуть на эту родительницу безчисленныхъ живописныхъ расшивъ, какъ инспектація кончилась и я пошолъ къ лоцману.

Изъ разсказовъ я узналъ, что Балахна одна изъ главныхъ верфей на берегахъ Волги, тоже что̀ на Окѣ Дѣдново, гдѣ строился голандскими мастерами первый русскій корабль Орелъ. Въ

десятомъ часу возвратились въ Нижній, пообѣдали или поужинали и разошлися спать.

24 сентября.

Утро было хотя и пеясное, по крайней мѣрѣ безъ вѣтру и дождя. Воспользовавшись сею безцвѣтною погодою, я съ крилечка моей квартиры начертилъ верхушку церкви св. Георгія. Хоть что нибудь да дѣлалъ.

25 сентября.

Опять дождь, опять слякоть. Настоящее безвыходное положеніе. Старинныя Нижегородскія церкви меня просто очаровали. Онѣ такъ милы, такъ гармонически пестры, а отвратительная погода не даетъ мнѣ рисовать ихъ. Я, однакожъ, сегодня перехитрилъ упрямую погоду. Рано поутру пошелъ въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю и нарисовалъ изъ окна Благовѣщенскій соборъ. Древнѣйшая въ Нижнемъ церковь. Нужно будетъ узнать время ея построенія. Но отъ кого? Къ пьянымъ не хочется мнѣ обращаться, а больше не къ кому. Нижній-Новгородъ во многихъ отношеніяхъ иностранный городъ и не имѣетъ печатнаго указателя. Дико! по-татарски дико!

26 сентября.

Нарисовалъ портретъ мамзель Анхенъ Шауббе, гувернантки Брылкиныхъ; очень милая молодая нѣмочка, рѣзвая, наивная, настоящій мальчикъ въ юбкѣ.

Прочиталъ комедію Островскаго »Доходное Мѣсто«. Не понравилась. Много лишняго, ничего неговорящаго, и вообще аляповато; особенно женщины ненатуральны. Въ скоромъ времени ее будутъ давать на здѣшней сценѣ. Нужно будетъ посмотрѣть.

27 сентября.

Солнце сегодня взошло свѣтло и весело. Я пошелъ въ Кремль и началъ рисовать соборную колокольню, но руки такъ озябли, окоченѣли, что я едва могъ сдѣлать общій абрисъ. Пользуясь улыбкою осенняго дня, я послѣ завтрака отправился къ Печерскому мона-

стырю съ намѣреніемъ нарисовать эту живописную обитель. Выбралъ точку. Прилегъ отдохнуть. И лелѣемый теплыми лучами солнца, задремалъ и такъ плотно задремалъ, что проснулся уже передъ закатомъ солнца. Возвращаясь на квартиру мимо Георгіевскаго публичнаго сада, я зашелъ въ садъ встрѣтилъ много гуляющей публики обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Между женщинами, какъ на подборъ ни одной не только красавицы или хорошенькой, даже сносной не встрѣтилъ. Кажется, большею частію, старыя дѣвы. Бѣдныя старыя дѣвы!

28 сентября.

Я предложилъ сеансъ моему доброму хозяину Павлу Абрамовичу Овсянникову. Портретъ былъ оконченъ къ двумъ часамъ довольно удачно. Погода прекрасная, я вышелъ на бульваръ. Между прочей публикой встрѣтилъ я на бульварѣ дѣтей, — три дѣвочки и мальчикъ. Прехорошенькія дѣти. Костюмъ ихъ показался и страннымъ и жалкимъ. На дѣвочкахъ были какія-то коротенькія легенькія дырявыя мантильки нѣмецкаго покроя. Ручонки нагія и почти босякомъ. На мальчикѣ поярковая сѣрая шляпа съ перомъ, мантилька такая же, какъ и на дѣвочкахъ, а башмаки еще хуже. Вообще показались мнѣ онѣ похожими на труппу младенцевъ-комедіантовъ. Я дошелъ съ ними до кондитерской, купилъ имъ сладкихъ пирожковъ на полтину и познакомился. Зовутъ ихъ Катя (самая бойкая), Надя и Дуня, а мальчика Сеней; дѣти онѣ нѣкоего Арбеньева, театральнаго музыканта. Значитъ, я не многимъ ошибся. На разставаньи онѣ просили меня къ себѣ въ гости, и я разумѣется обѣщалъ прійти.

Разставшись съ дѣтьми, вспомнилъ я Алексѣя Панфилыча Панова, крѣпостнаго Паганини, на князѣ Пожарскомъ; онъ зимуетъ въ Нижнемъ, и квартируетъ гдѣ-то противъ архіерейскаго дома. Съ георгіевской набережной пошелъ я къ архіерейскому дому съ цѣлію найти квартиру и навѣстить моего возлюбленнаго виртуоза. Квартиры виртуоза я однако жъ не нашолъ, а мимоходомъ зашелъ въ архіерейскій садъ. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревянымъ заборомъ, посреднѣ которой красуется въ родѣ казармы, огромное трехъ-этажное зданіе (архіерейская келья). Невдалекѣ отъ зданія между деревьями, бесѣдки съ

колоколами, и въ другой сторонѣ также между деревьями четыре улья, обдѣланные на подобіе надгробныхъ памятниковъ. Вездѣ пусто и уныло, и нравственный застой на всемъ отражается. Скверно. Пріѣдя на квартиру, я, на сонъ грядущій, прочиталъ *Разсказъ маркера*, графа Толстаго. Поддѣльная простота этого разсказа слишкомъ очевидна.

1 октября.

Грязь, туманъ, слякоть и прочая атмосферическая гадость. Вслѣдствіе чего я предложилъ сеансъ г. Грасу, зятю Н. А. Брылкина.

Съ сегоднешняго дня начинаются здѣсь спектакли и послѣ обѣда Н. А. Брылкинъ пригласилъ меня въ свою ложу. Давали народную сантиментально-патріотическую драму Потѣхина.—*Судъ Людской не Божій*. Драма дрянь съ подробностями. Г-жа Мочалова, независимо отъ своей бѣдной натянутой роли, мнѣ понравилась. У ней движенія настоящей артистки. Т. Климовскій, какъ и роль его, приторенъ. Водевиль, *Коломенскій нахлѣбникъ*,—водевиль балаганный, и исполненъ былъ соотвѣтственно своему назначенію. Маленькій оркестръ въ антрактахъ игралъ нѣсколько номеровъ изъ Донъ-Жуана, Моцарта прекрасно, можетъ быть потому, что это очаровательное созданіе трудно сыграть непрекрасно. Зала театра небольшая, но отдѣлана просто и со вкусомъ. Публика, въ особенности женская, замѣчательно неблестящая и не многочисленная.

2 октября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ, нужно было вчера начатый портретъ г. Грасса сегодня кончить, я и принялся за работу съ тѣмъ, чтобы скорѣе кончить и итти къ Печерскому монастырю, съ цѣлію нарисовать его. Но, увы, монастырь этотъ мнѣ не дается. Кончивши портретъ, я нечаянно, но нелицемѣрно, позавтракалъ, прилегъ на минутку вздохнуть и проспалъ ровно до двухъ часовъ. Непростительное свинство! Едва успѣлъ я проснуться, какъ вошелъ Н. А. Брылкинъ и предложилъ мнѣ итти съ нимъ на бульваръ погулять передъ обѣдомъ. На бульварѣ встрѣтили мы нѣкоего господина Я—и. Н. А. отрекомендовалъ меня сему го-

сподину Я—и. Онъ просилъ насъ къ себѣ обѣдать и мы не отказались. Г. Я—и одинъ изъ Нижегородскихъ аристократовъ, весьма любезный и довольно ѣдкій либералъ и вдобавокъ любитель живописи. Онъ показалъ мнѣ свой альбомъ, ни чѣмъ особенно не замѣчательный, и картину плохо освѣщенную. Картину съ большими достоинствами, изображающую молящагося какого-то молодаго святаго; выраженіе лица прекрасно. По увѣренію хозяина, эта драгоцѣнность принадлежитъ кисти Гверчино, а по-моему она больше похожа на хорошую копію съ Доминикино Цампіери. Но я хозяину не сказалъ моего мнѣнія, по опыту зная, какъ трудно противорѣчить знатокамъ живописи. На разставаньи онъ взялъ съ насъ слово быть завтра вечеромъ въ клубѣ, при выборѣ старшинъ, гдѣ обѣщалъ меня познакомить съ своими товарищами и угостить музыкой; я непрочь и отъ музыки и отъ знакомства, въ-особенности отъ знакомства. Мнѣ необходима денежная работа, а иначе я долженъ буду обратиться опять за святыми финансами къ моему искреннему М. Лазаревскому. Попробую не удастся ли устранить эту необходимость.

3 октября.

Русскіе люди, въ томъ числѣ и Нижегородцы, многимъ одолжились отъ европейцевъ и, между прочимъ, словомъ клубъ. Но это слово совершенно не къ лицу русскому человѣку. Имъ бы лучше было одолжиться подобнымъ словомъ, — а оно вѣрно существуетъ въ китайскомъ языкѣ—одолжиться бы у Китайцевъ и Японцевъ, если они отринули свое родное слово *посидѣлки*, удивительно вѣрно изображающее русскія дворянскія сборища. У европейцевъ клубъ имѣетъ важное политическое значеніе, а у русскихъ дворянъ это даже и не мирская сходка, а просто посидѣлки. Они собираются посидѣть за ломберными столами, помолчать, поѣсть и выпить.

Послѣ выбора старшинъ, любезнѣйшій г. Я—и представилъ меня своимъ товарищамъ, въ томъ числѣ генералу Веймарну и г. Кудлаю (полиціймейстеръ № 2). Генералъ Веймарнъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ похожъ вообще на прекраснаго простаго человѣка, а г. Кудлай кромѣ того, что не похожъ на полиціймейстера, какъ и товарищъ его Лапа, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ другъ и

дальный родственникъ моего незабвеннаго друга и товарища, покойнаго Петра Степановича Петровскаго. Многое и многое разбудилъ онъ въ моемъ сердцѣ своимъ живымъ воспоминаніемъ о прекрасныхъ минувшихъ дняхъ. Мы съ нимъ до того увлеклися минувшимъ, что незамѣтили какъ настоящія посидѣлки кончились; въ заключеніе усовѣтовали, писать къ брату покойнаго моего друга, Павлу Степановичу Петровскому, чтобы онъ, отложа всякое попеченіе, навѣстилъ бы насъ въ Нижнемъ Новѣградѣ и, если можно, захватилъ бы съ собою и моего искренняго Михаила Лазаревскаго.

ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.

ПОЭМА

(1648.)

ПІСНЯ ПЯТА.

I.

Блиснýла зоря́;
Біліють поля́
Підъ холóднимъ тума́номъ.
Чого́ зібра́лись
Стари дейне́ки
У дубро́ві за ста́номъ?

Блиснýла зоря́,
Біліють поля́,
Почина́ не́бо сия́ти.
»Ой не гара́здъ намъ,
Стари́мъ голова́мъ,
Молодо́го послуха́ти.

»Ой нашъ ота́манъ
Ви́соко літа́,
Та сіда́е низе́нько:

Що якъ вискъ ростáвъ,
За слóво оддáвъ
Рарожúнськiй сердéнько.

— —

»Ой чи на те iхъ по пóлю
Жую́ть сiроманцi,
Щобъ нашъ Гóлка прислужúвся
Вродли́вiй панянцi?

»Усé пóле, всi дубрóви
Вороння́ обсiло,
Розношуе нáшi кóстi,
Клюé нáше тiло;

»А панóве, зъ ласки Гóлки,
Въ Лубняхъ бенкету́ють,
Та зъ Ерéмою на Гáдячъ
Потýги готýють.

— —

»Отáману молодóму
Тепéръ пáнна сни́тця:
Лю́бо бýде на слýгъ ii
Встáвши подиви́тьця!

»Хай слýхають ши́беники,
Якъ вороння́ кря́че,
Якъ удовá по мýжевi,
Синъ по бáтьку плáче.

»А на Гóлку верховóда
Зберiмъ чóрну рáду. —
Хай зупи́нить крáсним слóвомъ
Людськи́й жаль-досáду!

»Чи такъ лéгко запла́кані
Очі утира́ти,
Якъ панянці по́тай ра́ди
Ко́ника сідла́ти!

»Чи такъ лю́бо зра́дникові
У стовба́ стоя́ти,
Ой якъ лю́бо я́сну па́нну
На сідло́ сажа́ти?«

II.

На дейне́кахъ босоно́гихъ
Карма́зини ся́ють;
Шабелька́ми шляхе́цькими
Бу́дники лиска́ють.

Не боя́тця завзя́тиі
Панце́рного по́лку:
Бу́бнять въ бу́бни, визива́ють
На чо́рний судъ Го́лку.

Ви́йшовъ Го́лка середъ ра́ди,
Вклони́вся низе́нько.
Коло ёго панце́рники
Ла́вами близе́нько.

»Брати́ мої рі́дні,
Шано́вна грома́до!
Ма́ете ви коза́цьке завзя́ття,
Та не тимъ завзя́ттямъ
Си́лою сліпо́ю —
Ви́зволятця усі ва́ші бра́ття.

»Брати́ мої лю́бі!
Тоді слобони́тця
Відъ Ляхівъ неси́тихъ Украіна,

Якъ у, всіхъ убо́гихъ
И у всіхъ замо́жнихъ
Бу́де во́ля и ду́ма еди́на.

»Ба́чите ви до́бре,
Якъ Ляхи́ лука́ві
На поги́бель васъ у за́мок ь заманѝли.
Не йняли́ ви віри
Мойму́ характе́рству,
Та й бага́то лю́ду ма́рне погуби́ли.

»Моє́ жъ характе́рство
Не на те здало́ся,
Щобъ людську́ кровъ ду́рно розлива́ти:
Навчи́всь я нау́ки,
Щобъ люде́й відъ му́ки,
Не гнівлячи́ Бо́га, визволя́ти.

»Ви чо́рную ра́ду
На ме́не зозва́ли —
Стою́ передъ ва́ми, въ ва́шій во́лі.
Не те мінѝ стра́шно,
Стра́шно, що безъ ме́не
Не бу́де вамъ у похо́дахъ ща́стя-до́лі.

»Зна́йте, бра́ття, підко́пана
Уся́ Украіна —
Відъ Га́дяча до Глу́хова,
Зъ Лубе́нь до Люблѝна.

— —

»Підъ церкви́ зъ буди́нківъ па́нськихъ
Проко́пані хо́ди —
На упа́докъ и поги́бель
Те́мному наро́ду.

— —

»Тре́ба пи́льно тихъ лука́вихъ
Хо́дівъ дозира́ти.
Що йдуть съ пала́тъ та до церко́въ,
Съ церко́въ у пала́ти.

»Якъ освітимъ де́ннимъ світомъ
Ти́і те́мні хо́ди,
Тоді тільки бу́де кори́сть
Изъ Жо́втоі Во́ди, —

»Бу́де кори́сть зъ Солони́ці,
Зъ Альти, съ Корсунщи́ни:
Не запряже́ у корми́гу
Шля́хта Украіни!

»Не моя́ жъ се, че́сне бра́ття,
Не моя́ нау́ка:
Иде́ вона́ одъ Ису́са —
Відъ діда до вну́ка.

»Що хотіте, те й чиніте —
Я у ва́шій во́лі,
Тільки про́шу — не згубіте
Вкраі́нськоі до́лі!«

III.

Зашуміли въ лу́зі
Дуби́ кучеря́ві:
Загука́ли Гадяча́не
На дейне́цькі ла́ви:

»Ой ви, волоцю́ги,
Розбиша́цькі діти!
Гей, лу́чче бъ вамъ по комиша́хъ
Низови́хъ сидіти; [47]

»Лу́чче бъ доглядáти
Мурáвського шляху,
— —

»Лу́чче бъ вамъ зъ лихи́ми
Жи́ти ушкалáми, [49]
Аніжъ рáду радувáти
Зъ нáми, козакáми!

»Бу́де зъ васъ, що нáшихъ
Батьківъ підмани́ли, [50]
На кривáвій Солони́ці
Гóлодомъ мори́ли.

»Бу́де зъ васъ, що шляхту
Дурно дратувáли,
И зъ лукáвимъ Остряни́номъ
Въ степи́ повтікáли. [51]

»Не слу́хайте, брáття,
Хи́жого бурлáцтва;
Хай панъ Гóлка порядку́е
У нáшімъ козáцтві.

»Молоди́й вінъ сóкілъ,
Та жвáво літáе:
— —

IV.

Дóбре було́ бъ, дóбре
Жи́ти на сімъ свíті,
Коли́бъ мóжна було́ діла
Одного́ глядíти.

Була́ бъ зъ насъ громáді
Прáведна послу́га...
Ато́ вкрáлась козакóві
У сéрденько ту́га.

Міжъ коза́цтвомъ Го́лка
Мовъ по пу́щі блу́дить,
И ко́ника вороно́го
Підъ собо́ю ну́дить. [52]

Ой чи тобі, Го́лко,
Отаманува́ти,
Чи до Лубе́нь крутоя́рихъ
Доро́гу верста́ти,

Та впа́сти до ніжокъ
Па́нні молоде́нькій,
Роспоро́ти бі́лі гру́ди,
Показа́ть серде́нько?

»Ой глянь, па́нно, въ се́рце,
Чимъ воно́ пала́е. —
Що дру́гого, па́нно, Го́лки
У світі нема́е..«

Ма́рне сло́во, ма́рне,
Чужа́я дружи́но!
— —

Ма́рне твое́, Го́лко,
Се́рденько пала́е:
Хто роди́вся недоля́шкомъ,
Той Ляхо́мъ сконае

»Ой се́рце гаря́че,
Огне́нная ду́шо!
Чимъ же я васъ погаси́ти,
Де втопи́ти му́шу?

— —

»Погашу́ я се́рце
Пра́цею тяжко́ю,
Затоплю́ огне́нну ду́шу
Дя́кою людсько́ю.

»Вороги́ лихи́і,
Ви сліпи́і лю́де:
Не зна́ете, яка́ кори́сть
Зъ ме́не ми́ру бу́де.

»Не на те піднявсь я,
Щобъ кро́въ розлива́ти:
Я піднявся, щобъ темно́ті
Очі осия́ти.

— —

ПІСНЯ ШЕСТА.

I.

Ой уся́ке на сімъ світі
Про свое́ гада́е:
Хто про до́лю Украіни
Та про сла́ву два́е.

А хто зъ бра́та у захи́сті
По дві шку́рі лу́пить,
А якъ и́нший, то й прилю́дне,
Що́ попаде́, цу́пить.

Величалися дейне́ки
Будинко́вимъ лу́помъ;
Поста́вляли ши́бениці
Зъ ви́копанимъ тру́помъ.

И, попи́вшись, сумува́ли,
Що Жиди́ съ кагалу,
До прихо́ду панцерникі́въ,
Усі повтіка́ли.

»Чорти́ ба́тька знає«, мовля́ли,
»Що́ тепе́ръ чини́ти!
Якъ и ца́рство небе́снее
Въ Бо́га заслужи́ти!

»А ки́ньмося лишє́нь, бра́ття,
По склепа́хъ церко́вныхъ:
Тамъ бага́то на шляхе́цтві
Перстенівъ конто́вныхъ.

»Та й яко́го ка́та бу́де
Шля́хта тамъ лежа́ти,
И страшно́го того́ су́ду
Мовъ у про́сі жда́ти?

»Ге! за́мкнуто!... Коля́кою
Підъ две́ри підпе́рто!
Ма́буть, стра́шно запоро́зькихъ
Гайдама́къ и ме́ртвимъ.

»А ке́те лишъ, підкоті́те
Підъ це́ркву гарма́ту:
Вона́ за́разъ намъ очи́нить
Мертве́цькую ха́ту«.

— »Гвалтъ! рятуйте!« изза двере́й
Жиди́ закрича́ли.
— »Оттака́ ловись, пано́ве!«
Та й зарегота́ли.

Рего́чутця гайдабу́ри,
Гарма́ту ришту́ють,
Відъ ра́дощівъ підъ собо́ю
И землі не чу́ють.

»Оттепе́ръ-то, пани́ бра́ття,
Дожда́лись ми па́нства,
Ще й у Бо́га заслу́жимо
Небе́сного ца́рства!

»Оттепе́ръ-то полата́емъ
Свої дра́ці бо́ки:
Постоли́ бу́дуть сапъя́ні,
Шовко́ві воло́ки!«[53]

Ой торо́хнула-ревну́ла
Мідяна́ гарма́та, —
Захита́лась, відчини́лась
Метве́цькая ха́та.

Повали́ло съ ха́ти ди́момъ,
Мовъ у гу́ті зъ гру́би;
Мовъ голова́ Ода́мова,
Ви́щерила зу́би, —

Посы́палась це́гла, ва́пна;
Две́ри, мовъ у пе́кло,
Роззя́вились, розши́рились...
»А що́, Жи́ди? те́пло

»Натопи́ли ми вамъ ха́ту?
Не такъ, якъ бува́ло
Ми въ холо́днихъ ва́шихъ ко́рчмахъ
На ла́вахъ кона́ли!«

Мовчя́ть Жиди́, ані теле́нь,
Нігде́ не озва́лись;
Тільки ве́тхі домови́ни
Скрізь пороскрива́лись.

Виглядаю́ть жо́вті ко́сті —
Чи вже наступи́ла
Та годи́на страше́нная,
Що ду́шу томи́ла, —

— —

Су́мно ста́ло гайдама́камъ,
Су́мно між гроба́ми.

Мовъ мерцí до нихъ озва́лись
Мéртвими уста́ми.

II.

»Лю́де до́брі! ось дивітесь:
Жидівська намітка!
Утіка́ла, та й втеря́ла
Чо́ртова Жидівка. [54]

»Гля́ньте, въ две́рцяхъ завя́знула!
Сі две́рці на хо́ри.
Ой тамъ вони́, вра́жі сини́,
Ой тамъ людомо́ри!«

Стрепену́лись, пори́нули
Въ це́ркву гайдабу́ри, —
Застогна́ли, заплака́ли
Церко́вниі му́ри.

Притаілась изъ Жида́ми
Ходачко́ва шля́хта.
Коло батьківъ та матіро́къ
Діти — якъ писклята.

Притаілися уни́ти,
Що Ляха́мъ служи́ли
И съ ксёнза́ми неписьме́нну
Просто́ту дури́ли.

»Ага́! ого́!« загука́ли
На іхъ гайдама́ки.
»Такъ ви усі сюди́ збіглись,
— — соба́ки!

»До́бре, Жиди́! до́бре, шля́хто!
До́бре, довгопо́лі!

Бу́дуть жни́ва въ насъ рясні́йші,
Ніжъ на па́нськімъ по́лі.

»И за се вамъ дя́куемо,
Що ви свої тлу́мки
И скринькы́ всі позно́сили
Намъ на подару́нки.

»А що́, Жиди́: чи ва́жче вамъ
Зо́лото втеря́ти,
Чи свої пога́ні ду́ші
До чортя́къ посла́ти?

»Ба́чте, до чо́го дово́дять
Ва́ші кля́ті ка́рби, [55]
Що самі намъ позно́сили
Незлі́чені ска́рби!

»А ти, шля́хто ходачко́ва,
Пани́ оконо́ми,
Людські пъявкы́ безсерде́чні,
Дрібні грошоло́ви!

»Ви зъ Жида́ми накладда́ли, [56]
Іхъ ро́бомъ ходи́ли,
То съ па́рхами й поля́жете
У одній моги́лі.

»А за те, що въ васъ жидівська
Уда́ча леда́ча,
Домови́ною вамъ бу́де
Утро́ба соба́ча.

»А що́ жъ вамъ — —
Ма́емо сказа́ти?
Ви самі въ церква́хъ прививкли
Люде́й поуча́ти.

»А вихо́дь лишъ, поторо́чо,
На амбо́нъ висо́кий, —
Чи й до сло́ва, якъ до іжи,
Въ те́бе ротъ широ́кий?«

Не злякала́сь поторо́ча,
Ста́ла на амбо́ні;
Каза́ть ка́зань поторо́чі
Ніхто́ не боро́нить.

Отця́ й Сы́на муги́кнула,
Ще й Ду́ха Свято́го.
»Ой слу́хайте, пани́ шляхто,
Проро́чого сло́ва!

»Роскува́лось хи́же хло́пство,
За гріхи́ шляхе́цькі, —
Неха́й спра́влять у-оста́нне
Вели́къ-день збое́цький. [57]

»Ой ви́куе на іхъ шля́хта
Стале́ві у́зди, —
Ой не ви́йде ха́мське ко́дло
До су́ду изъ ну́жди!

»Ой ви́куе на іхъ шля́хта
Зали́зні кайда́ни, —
Маха́тиме ха́мське ко́дло
До су́ду ціпа́ми!«

Ой якъ гря́кне оружи́на
Изъ до́вгого ду́ла, — [58]
У широ́кий ротъ — —
Засвиста́ла ку́ля.

Застогна́ли живі лю́де
И въ склепу́ шкеле́ти;
Заблища́ли списи́, ша́блі.
Загули́ мушке́ти.

III,

Хто жъ то въ цéркву увалúвся
Изъ панцéрнимъ пóлкомъ?
»Стíйте, стíйте, людоíди!«
Крúкне грíзно Гóлка.

Ой трýситця въ тéмнімъ бóрі
Звíрь вíдъ рúку лéва:
»Чогó тобí, отáмане,
Чогó вíдъ насъ трéба?

»Ой се нáша здобúченька!
Нашъ се заробíтокъ!
Нáша вдáча! нáше щáстя!
Козáцький пожúтокъ!«

— »Огляньтеся, навіжéнні!
Трúста самопáлівъ
Плечé съ плечéмъ... Моргнý ýсомъ—
Ляжете снопáми!

»Ви на рáді мáли вóлю,
А я — пíсля рáди:
Моé слóво мáе сúлу
Цíлої громáди.

»Хто звелівъ вамъ, хто дозвóливъ
У цéркві буяти?
Чи такúмъ же. якъ ви, людямъ
Цéркву руйнувáти?

»Зруйнувáвши, нарóбите
Мýсору та пúлу,
Та й ляжете собáками
Въ собáчу могúлу.

»И тому́, хто е́і сло́вомъ
Умівъ руйнува́ти,
Не дали́ у три дні но́ву
Це́ркву збудува́ти.

»На крові ёго́ буду́ють
Капища́ нечи́сті,
А по світу хо́дить-ту́жить
Ду́хъ ёго́ пречи́стий.

»Збуду́ється це́рква но́ва,
Під'ъ не́бо знесе́тця,
Якъ и́стини ві́чне сло́во
На ввесь миръ проллетця;

»Якъ забу́дуть братівъ бра́ття
Мужика́ми зва́ти;
Якъ у всіхъ насъ на Вкраі́ні
Одна́ бу́де ма́ти.«

Ой не впи́нить души́ Го́лка,
Рі́чъ, якъ по́відь, ри́не...
Хто́ жъ то е́і зрозуміе
На всій Украі́ні?

Понури́лись гайдабу́ри
Въ зе́млю головою,
Почу́хали пети́лицю,
Махну́ли руко́ю:

»Въ тімъ, ота́манъ, твоя́ во́ля, —
Хай муръ зостае́тця,
А що шля́хті та Жидові,
То вже не мине́тця!«

— »Не дозво́лю кровъ людську́ю
Ма́рне розлива́ти!
Хай втіка́ють, куди́ зна́ють,
До по́льскоі шля́хти.

»А добро́, що наздира́ли
Зъ убо́гого лю́ду,
На потре́би військови́і
Обе́рнене бу́де.«

— »Эге-ге́! такъ оттако́і
Вміешъ ти співа́ти?
А, бо'да́й же більшъ нико́му
Сего́ не чува́ти!

»Хиба́ жъ тільки въ Бо́га й світу,
Що въ твоімъ вико́нці?
Ще жъ не зга́сло галага́номъ
Коза́цькее со́нце! [59]

»Зоставайся жъ изъ Жида́ми
Та зъ мо́тлохомъ па́нськимъ,
А ми бу́демъ промишля́ти
Звича́емъ коза́цькимъ.

»Зоставайся, добро́мъ на́шимъ,
Якъ Жидъ, розжива́йся,
Та зза Дніпра́, изза Бо́гу
Госте́й сподіва́йся!«

IV.

Позайма́ли гайдама́ки
Усі ба́лки и байра́ки,
Всі доро́ги степови́і
И всі стежки́ лугови́і.
Відъ Лубе́нь до Кременчу́ка
Була́ шля́хті й Жида́мъ му́ка.
Ні проби́тись, ні прокра́стись,
Ані въ гру́бі заховатись.
Що ні ша́бля, ні рушни́ця
Противъ нихъ не помішни́ця;

Що ні сýкні, ні шкатýли
Відъ хижáцтва не влизнýли.

Обернýли гайдабýри
Пáнські хáти въ кучугýри, [60]
— —
Пáнські трýнки попивáли,
Въ пáнські гýслі вигравáли,
У сапъя́нцяхъ танцювáли,
Закаблýки відбивáли.

Позаймáли волоцю́ги
Всі провáлля и ярýги.
Де могúли, де прикмéти,
Тамъ чатýють іхъ бекéти.
На кóникахъ вигравáють,
Шабелькáми повертáють, [61]
Панцéрниківъ проклинáють, —
Хмельни́цького виглядáють.

V.

Уже́ жъ чóрна гáлічъ
Изъ усёгó свíту
На Вкраíну позлíталась;
Де булó бурлáцтво, —
Лугарі, дейнéки,
На пожúву, на гульню́ збірáлось.

Воронúзъ грачáми
По звалищáхъ грýють,
А по пýсткахъ вовкú завивáють;
Крéчети зъ орлáми
По шляхáхъ шумýють, [62]
Ши́беникамъ óчі виідáють.

Тільки посумýють,
Слýхавши тихъ співівъ,
Въ пізні чáси, рідний братъ изъ брáтомъ,
Що іхъ прáщуръ тúхий,
Богобоязлúвий
Стáвся шляхті безсердéчнимъ кáтомъ.

— —

ПІСНЯ СЕ́МА.

Ой у Лубняхъ крутоярихъ,
У висóкімъ зáмку,
Сидúть пúшний князь Ерéма
На тісóвімъ gáнку.

Не читáе князь Ерéма
Лúстівъ издалéка:
Перетявъ усі дорóги
И стежкú дейнéка. [65]

Ой прихóдять до Ерéми
За вістями вісті:
Повтікáло драгóніі
Тúсяча и двісті. [66]

Повтікáли поскидáли
Шапочкú рогáті,
Та наділи козáцькиі
Кучми волохáті.

Широкая окóлиця
И вершóкъ низéнький [67]
Плáвле-тóне въ помúйни
Якъ гнилі опéньки.

Похи́листа ша́пка-ку́чма
Изъ ве́рхомъ чорво́нимъ
Ска́че, кру́титця, басу́е
На воронімъ ко́ню.

Го́ді тобі, пи́шний кня́зю,
Лови́ти раро́гівъ: [68]
Пора́ тобі вибіра́тись
Въ дале́ку доро́гу.

Го́ді со́боля держа́ти
На сріб'німъ ланцю́зі: [69]
Ой уже́ жъ твоя́ княги́ня
У вели́кій ту́зі. [70]

Го́ді, кня́зю, за гряни́ці
Зъ Москво́ю змага́тись: [71]
Пора́ зъ Лубе́нь зо всімъ ко́дломъ
Въ По́льщу вигреба́тись. [72]

Мавъ ти, кня́зю, изъ доро́ги
Че́нцівъ завертя́ти: [73]
Прийшло́сь тобі у коза́цтва
Доро́ги пита́тись:

»Ой козаки́! якъ до По́льщи
Втра́пити зъ обо́зомъ?
Що по Дніпру́ ви па́лите
Усі перево́зи?

»Въ Кременчу́ці, у Черка́сахъ,
У Ка́неві, въ Ржи́щахъ
Стоіте́ ви зало́гами
Въ стари́хъ табори́щахъ.« [74]

— »На́ що тобі, пи́шний кня́зю,
Доро́ги пита́ти?
Лу́чче тобі манівця́ми
Зъ Лубе́нь простува́ти. [75]

»Ой до тéбе, пи́шний кня́зю,
Збіглась уся́ шля́хта:
Червоніе навкругъ тéбе,
Якъ червча́та пла́хта.

»А міжъ ти́ми втікача́ми
Рарожи́нська па́нна,
Ясноо́ка чарівни́ця
На ввесь Га́дячъ сла́вна.

»Вміла вона́ відъ коза́цтва
Вночі утіка́ти,
То зуміе й тобі, кня́зю,
Доро́гу вказа́ти.

»А ми тебé зустрінемо
Не разъ и не двічі,
Та загля́немъ гарма́тами
Тобі, кня́зю, въ вічі. [76]

»Веди́, кня́зю, за собо́ю
Ко́ней табуна́ми,
Щобъ було́ чимъ поділи́тись
На прощáння зъ на́ми.

»Бери́ ви́на, меди́ й пи́во
У бочка́хъ дубо́вихъ,
Щобъ було́ чимъ привіта́ти
Козаківъ лейстро́вихъ.

»Бери́ ша́ти дороги́і,
Су́кні едама́шки,
Щобъ було́ чимъ запобігти
Коза́цькоі ла́ски.

»Бери́, кня́зю, срібні ку́бки,
Зъ зо́лотомъ шкату́ли,
Щобъ твого́ ми проважáння
До́вго не забу́ли:

»Проважа́ли ми Ере́му
»Зъ Лубе́нь до Прилу́ки, —
»До́бре, до́бре нагрівали
»Коло ёго ру́ки!

»Провожа́ли ми Ере́му
»За во́ди Дніпро́ви, —
»Поміня́ли своє́ ря́мъя
»На жупа́ни но́ві.

»Проважа́ли, рахува́ли:
»Чи ёго́ пуска́ти,
»Чи въ та́борі до гарма́ти
»Ёго́ прикува́ти?«

»Ой наста́ла твоя́, кня́зю,
Оста́ння годи́на:
Збунтува́лась навкру́гъ те́бе
Уся́ Украіна.«

II.

Не бага́й, не круторо́гий
Въ ота́рі гуля́е:
Князь Ере́ма крізь коза́цтво
Доро́гу верста́е.

Ой не *медъ-пъяне́-чо́ло* [77]
Бо́чку розрива́е:
Князь Ере́ма изъ шля́хтою
Хло́пство розганя́е.

Ой не пи́во на про-ди́во [78],
Игра́ючи ки́сне:
Князь Ере́ма изъ шля́хтою
Гайдама́цтво ти́сне. [79]

Бережи́ся, пи́шний кня́зю,
Дніпро́вої во́ди:
Не стина́йся съ коза́ченькомъ
Княже́цькоі вро́ди!

Коза́къ Го́лка по Вкраі́ні
Шу́лякомъ шуга́е;
Де крутне́тця — го́рде па́нство
Якъ пта́ство втіка́е.

Коза́къ Го́лка сшива́ со́тні
На живу́ю ру́ку:
Породи́ла ёго́ ма́ти
На шляхе́цьку му́ку!

Ой де ста́не — земля́ та́не —
Підко́пи рика́ють:
Куди́ гля́не — трава́ вя́не —
Вороги́ зника́ють. [80]

III.

»Ой ви, хло́пство тупори́ле,
Безу́мнііглави!
Не въ-дога́дъ вамъ, якъ ми, па́нство,
Добува́емъ сла́ви.

»Есть у ме́не увъ обо́зі
— —

Ой вінъ мінї у напа́стяхъ
Вели́кий засту́пникъ. [81]

»Ви́візъ я ёго́ изъ Ри́му
Відъ Отця́ Свято́го;
Ой вінъ зна́е, якъ скрути́ти
Го́лку молодо́го.

»Бо на спо́віді спасе́нній
Па́нночка сказа́ла, [82]
Кого́ се́рденькомъ дівочимъ
Щи́ро покоха́ла.

»Покоха́ла необа́чна
Во́рога лихо́го
Бра́ттівъ-шляхти, віри, Це́ркви
И Отця́ Свято́го.

»Покоха́ла бідола́шня,
Та й захорува́ла,
И въ недýзі відъ прела́та
Та́йни не схова́ла.

»Такъ Госпо́дь намъ посила́е
По́мічъ не сподійну,
Що ми слýжимъ костёлові
И папіжу вірно.

»Ось поба́чите, що́ змо́же
Пра́ва віра въ Бо́га:
Утіка́ти намъ помо́же
Коза́цька зало́га.

»А якъ Богъ дасть, що зъ обо́зомъ
Дніпро́ перебýдемъ,
То ще й Го́лку на роспра́ву
У рýки добýдемъ.

»Ёго́ кро́вью гаря́чою
Змиемъ гріхъ дівочий
И ви́ставимъ ши́беника
Передъ ва́ші очі!«

IV.

»Чи то спра́вді, пани́ бра́тця,
Чи увi сни́тця,

Що нашъ Го́лка передъ кня́земъ
У ша́нцяхъ тісни́тця?

»Чи то спра́вді, пани́ бра́ття —
Не йме́мъ очя́мъ віри —
Що нашъ Го́лка у наме́ті
Пла́че надъ папіромъ?

»Мале́сеньке, тоне́сеньке,
Попи́сане кри́во,
Та зъ ота́маномъ хоро́бримъ
Чи́нить таке́ ди́во!

»Ой пано́ве! се жъ писа́ла
Па́нна чарівни́ця! [83]
Якъ намъ Го́лку відходи́ти,
Що кня́зя боїтця?«

— »Отама́нна сивоу́се!
Ви вікъ звікува́ли,
Та гіршого надъ всі го́ря —
Лю́бощівъ не взна́ли.

»Отама́нна сивоу́се!
Ви вікъ звікува́ли,
Соло́дшого надъ всі ща́стя —
Лю́бощівъ не взна́ли. [84]

»Ой риштуйте ви гарма́ти,
Морти́ри бомбо́ві,
Тільки да́йте мині гля́нуть
На чо́рниі бро́ви.

»Ой стреля́йте и руба́йте
Зъ ра́нку до півно́чи, —
Да́йте, да́йте мині гля́нуть
У лю́бині о́чі.

»Ой вели́ка се́рцю ра́дість
Во́рога зломи́ти,
А ще бі́льша, а ще ви́ща —
Щи́ро полюби́ти.

»Ой вели́ка душі му́ка
Изъ світомъ проща́тись,
А ще бі́льша, а ще гірша —
Дружи́ни зріка́тись.

»Отама́нна сивоу́се!
Чиніть мою́ во́лю:
Гей, поста́вляйте ви ча́ти
По чи́стому по́лю.

»Неха́й гу́сто зачату́ють
Би́тую доро́гу,
Щобъ ніхто́ не змігъ чини́ти
Кня́зеві трево́гу.

»Хай Ере́ма зъ упоко́емъ
Дніпро́ перебу́де,
Ні о́дного скарбо́вого
Во́за не позбу́де.

»Хай втіка́е изъ нащадкомъ
Въ до́брую годи́ну:
Не верта́тись ёму́ съ По́льщи
До насъ на Вкраіну!«

Ой вволи́ли старі во́лю
Го́лки молодо́го,
Не зосмілились промо́вить
Ота́ману й сло́ва.

V.

Хо́дить Го́лка надъ водо́ю —
Тя́жко се́рце бъе́тця;

Ёго́ во́рогъ, ёго́ лю́тий
Зъ ра́дощівъ сміе́тця.

Хо́дить Го́лка та сумує
Се́рцемъ одино́кимъ;
Ёго́ во́рогъ опини́вся;
За Дніпро́мъ широ́кимъ.

Позира́е на сей бе́регъ,
Потира́е ру́ки:
»Завда́мъ, завда́мъ козако́вi
Страше́нноі му́ки!« [85]

Ой не ра́дуйсь, пи́шний кня́зю,
Що заки́нувъ у́дку:
Хо́дить Го́лка та голу́бить
Висо́кую ду́мку:

»Кли́чешъ мене́, моя́ зо́ре,
На та́йну розмо́ву, —
Не почу́ю я до-вiку
Коха́ного сло́ва!

»Ой оглу́хну, занімію,
Згнiту́ свою́ ду́шу,
Се́рце лёдомъ заморо́жу,
Мо́вчки вме́рти му́шу.

»Дорога́ ти мiні й рiдна,
Се́рденько дівчи́но,
А доро́жша и рiдні́йша
Ма́ти Украіна.

»Не почу́ю... бо не змо́жу
Се́рця зупини́ти.
Не поба́чу... не здолію
Я безъ те́бе жи́ти.

»Ой ши́роко, ой гли́боко
Ду́мкою займа́ю,
А ще ши́ршу, а ще гли́бшу
Я надію ма́ю.

»Де посіяти, зрости́ти
Благода́тну волю,
Якъ не въ насъ на Украіні,
На крива́вімъ по́лю?

»Ой засію я надіі
И ду́ми висо́кі
У коза́цькій, у лица́рській
Нату́рі широ́кій. [86]

»Ой неха́й моі надіі
Бу́дуть моі діти:
У се́рденьку гаря́чому
Лю́бо іхъ носити.

»Роспина́лись до́брі лю́де,
Щобъ у ра́і жи́ти,
А мині — аби́ не зни́кли
Моі діти зъ світу.

»Ой то́ рай мій, вічне ца́рство,
Награ́да відъ Бо́га!
— — [87]

ПІСНЯ ВОСЬМА.

I.

Братъ на бра́та го́стрить ша́блю
Наступа́е бо́емъ, —
Велича́е ёго́ шля́хта
Ви́тяземъ, геро́емъ.

Братъ відъ бра́та утіка́е,
Кри́ється въ хати́ні, —
Узива́е ёго шля́хта
Ха́момъ на Вкраі́ні.

Чие́ жъ ді́ло передъ Бо́гомъ
Пра́ведне, висо́ке?
Кого́ лю́бо озира́е
Небе́снее о́ко?

Ой чи тихъ, що пі́сля пра́ці
Гуля́ють съ пана́ми,
Ой чи тихъ, кого́ за пра́цю
Вінча́ють терна́ми?

Неха́й своіхъ вихваля́ють
Пано́ве съ трибу́ни,
А про на́шихъ заигра́ють
Банду́рніі стру́ни.

Неха́й своімъ ку́кли ста́влять
Коро́лі, княжа́та,
А про на́шихъ бідола́шнихъ
Запла́чуть дівча́та.

Ой не до́вго тобі, Го́лко,
Отаманува́ти,
Характе́рствомъ чужозе́мнімъ
Ворогівъ ляка́ти.

Ой не до́вго тобі, Го́лко,
Голу́бить надію,
Що Вкраіна вже не пійде
Въ лиху́ різноці́ю.

Ра́но, ра́но ти, мій о́рле,
Підня́всь воюва́ти,
Необа́чнихъ, безтала́ннихъ
Ро́зуму навча́ти.

Сіешъ, сіешъ по Вкраіні
Ярую пшеницю, —
Лиха́ до́ля ро́дить-пло́дить
Нікче́мну мітли́цю.

Сіешъ пра́вду, сіешъ ро́зумъ
И світ передві́чній, —
— —

До́вго, до́вго Украіна
Сліпа́ й глуха́ бу́де:
Заслі́пили, заглуши́ли
Лука́вні лю́де.

II.

Ой зза Дніпра́ та зза Бо́гу
Хма́ра наступа́е:
Панъ Хмельни́цький Кривоно́са
Въ похо́дъ виряжа́е:

»Иди́, иди́, Кривоно́се,
То́ю сторо́ною,
А я пійду́ понадъ гіръю
Слідо́мъ за тобо́ю.

»Иди́, иди́, Кривоно́се,
Та вловѝ Ере́му.
Якъ уло́вишъ, ду́же вго́дишъ
Се́рденьку мое́му.

»Ще жъ, мій дру́же, є тамъ Го́лка;
Сия́е красо́ю,
И прослáвившись на Вкраіні
На́рівні зо мно́ю.

»Ой якъ змо́жешъ ёму́, дру́же,
Вкороти́ти віку, —

Не забу́ду я послу́ги
Твоéі до-віку.« [88]

III.

Ой зза Дніпра́ та зза Бо́гу
Хма́ра наступа́е;
Грачівъ клю́ча й чо́рнихъ га́локъ
На сéй бікъ стяга́е. [89]

Чи то грачі, чи то га́лічъ,
Чи хи́жі дейнéки
Роспуска́ють по Вкраíні
Заго́ни далекі?

»Ой не до́вго бу́дешъ, Го́лко,
Верхово́дить військомъ!
Втіка́й, втіка́й, вра́жий си́ну,
Изъ шля́хтою ни́шкомъ.

»Ой умівъ ти га́рну здо́бичъ
У насъ віднімáти;
Зумій тепéръ, вра́жий си́ну,
Противъ насъ стоя́ти!«

IV.

Чого́, чого́ въ Кривоно́са
На́ бікъ нісъ скриви́вся?
Не заста́въ въ Лубня́хъ Ере́ми —
За́ чуба схопи́вся.

Чого́ въ дейнéкъ босоно́гихъ
Пото́млені ко́ні?
Не насти́гли — уда́рились
Рука́ми объ по́ли.

Не настúгли вонú князя
На бúтій дорóзі,
Перечýли черезъ лю́де,
Що вже на тімъ бóці.

»Кривоно́се, старúй бáтьку!
Стя́гуй свою́ сúлу,
Рятýй, рятýй відъ зрáдника
Украíну мúлу!

»Уже́ жъ Гóлка, пóтай вíйська,
Съ княземъ накладáе,
Усю́ шляхту, все Жидíвство
Въ Пóльщу випускáе,

»Ой удáрмо, Кривоно́се,
На панцéрні лáви,
Хай ледáщо не каля́е
Козáцькоі слáви.

Ой не бíйтесь, панú брáття,
Чужозéмськихъ шáнцівъ,
Ой удáрмо, розженімо
Гадячáнъ-погáнцівъ!«

V. [90]

Ой не встúгъ же козáкъ Гóлка
На кóника сісти,
Стáли ёго́ панцéрниківъ
На капýсту сікти.

Ой не встúгъ же козáкъ Гóлка
На кóника впáсти,
Стáли Гадячáнъ голíннихъ
Якъ скóпики клáсти.

Ой якъ стúсне козáкъ Гóлка
Коня́ острогáми;
Оступúли ёго́ лáнці
Зъ гóлими шабля́ми.

Оступúли,—мовъ колóссямъ,
Шабля́ми укрúли.
Не зломúти гайдабýрамъ
Лицáрськоі сúли! [91]

Повернýвся лúцарь Гóлка
На прáвую рýку;
Куди́ гля́не, туди́ гря́не,
Всю́ди пóвно трýпу. [92]

Ой не взя́ти вамъ лúцаря
Гóлими рукáми. [93]
Ужé жъ вáша гайдамáцька
Течé кровъ рікáми.

»Кривонóсе, óрле хúжий!
Налітáй близéнько,
Чи не влýчишъ дóвгимъ спúсомъ
У самé сердéнько.«

—»Ой велúке характéрство!
Намъ ёго́ не вбúти. [94]
Трéба, брáття, срібнимъ гýдзькомъ
Рушнúцю набúти.« [95]

Чи то кóлосъ середъ нúви
Підъ вітромъ схилúвля,
Чи то Гóлка уродлúвий
Съ коня́ покотúвся?

Покотúвся,—кінь воронúй
Попадъ Дніпрóмъ грáе.
Съ того́ бóку князь Ерéма
Лю́бо позирáе.

Покоти́вся,—довгогри́вий
По пісо́чку ска́че;
На тім'ъ бо́ці Рарожи́нська
Тя́жко-ва́жко пла́че.

VI.

Не вважа́ли гайдабу́ри
На коза́цьку вро́ду,
Рва́ли тіло по кусо́чку,
Ки́дали у во́ду. [96]

»Оце́ тобі, чарівни́це,
Ті ка́риі о́чі,
Що ти́ лю́бо цілува́ла
Темне́ькоі но́чи!

»Оце́ тобі, чарівни́це,
Те́е ли́чко па́нське,
Що ти ёму́ зопсува́ла
Завзя́ття коза́цьке!

Оце́ тобі, чарівни́це,
Се́рце те лука́ве,
Що ти всім'ъ намъ уба́вила
Коза́цькоі сла́ви!«

VII.

Ти́хо Дніпро Славу́тиця,
Ти́хо въ мо́ре лле́тця.
На тім'ъ бо́ці Рарожи́нська
Въ сиру́ зе́млю бъе́тця:

»Красо́ моя́! зъ золоти́ми
Ша́ти берега́ми!

Якъ же мінí въ свíті жúти
Поміжъ ворогáми?

»Красó моя́, пúшна врóдо!
На́ що ти здалáся!
Щобъ я мáрне кателúцтва
И пáнства зріклáся?

»Чи на те жъ я побáчила
Серéдъ ночи сóнце,
Щобъ дивúтись на світъ Бóжий
У пáнське вікóнце?

»Чи на те жъ мінí відкрúлись
Таемнúці тéмні
Въ тóму сéрці гарячому,
Въ тій душі огнéнній?

»Ой сéрденько гарячее,
Огнéнная дýшо!
Підъ водóю у Славýті
Найтú я васъ мýшу!«

VIII.

Ой злúнула лебедúця
Зъ бéрега крутóго —
Поринáти та шукáти
Пóгляду ясного.

Ой злúнула лебедúця
Изъ скéлі крутóі —
Поринáти та шукáми
Розмóви любóі.

Чи то жъ біла лебедúця
Въéтця міжъ лугáми:

Чи то то́нуть зъ золоти́ми
Ша́ти берега́ми?

»Ой пано́ве, вірна шля́хто!
Ки́дайтесь у во́ду,
Ви́рятуйте чо́рні бро́ви
И пи́шную вро́ду.«

—»Това́риші гайдама́ки!
Хто зъ васъ до́бре пла́вле?
На ти́хъ ша́тахъ по́вно зла́та,
Дорого́го ка́мня.

»Ма́буть, щи́ро чарівни́ця
Го́лку покоха́ла,
Що ті ша́ти дороги́і
Що-дня́ надіва́ла.«

Шко́да, шко́да ві́рній шля́хті
Пла́вати човна́ми:
Потону́ла пи́шна вро́да
Съ чо́рними брова́ми.

Шко́да хи́жому дейне́цтву
Не́відъ роскида́ти:
Не пока́жутця до-віку
Дороги́і ша́ти.

IX.

Ні шляхе́цьке, ні дейне́цьке
Не поба́чить о́ко
Дорого́го и свято́го
У Дніпрі́ глибо́кімъ.

Не про васъ, пано́ве, дба́е
Чи́стий Духъ зъ духа́ми,
Якъ на зе́млю посила́е
Ди́во мі́жъ дива́ми.

Не на те васъ, те́мні лю́де,
Породи́ла ма́ти,
Щобъ Дніпро́ві таемни́ці
Се́рцемъ прозира́ти.

Прозира́ють у Славу́ту [97]
Зъ у́стя до верши́ни
Не-спані́лі, не-схлопі́лі
Діти Украіни.

И поки́ диви́тись бу́дуть
У Дніпро́ві во́ди,
По́ти бу́дуть се́рцемъ чу́ти
Да́вніі приго́ди.

Ой бага́то у Славу́ті
Ди́вного, свято́го;
Найдивні́йше — щи́ре се́рце
Го́лки молодо́го.

Рости́рзане, крива́вее,
Бъе́тця підъ водо́ю
И всю во́ду исповня́е,
Ду́мою свято́ю.

Ой бага́то у Славу́ті
Красоти́ таїтця,
А найкра́ща — Рарожи́нська,
Па́нна-чарівни́ця.

Щи́ре се́рце до те́плого
Ло́ня пригорта́е
И дівочою слёзо́ю
Ра́ни заживля́е.

Лю́бо се́рцю крива́вому
Підъ водо́ю би́тись.
И на сей світъ крізъ ту ду́шу
Коха́ну диви́тись.

А на Йва́на на Купа́ла
Зъ води́ па́нна ри́не
И обхо́дить, въ бі́лихъ ша́тахъ,
Усю́ Украіну.

»Ой ти мене́, Украіно,
Кохання навчи́ла:
Кого́ стрі́ну надъ Славу́томъ,
Дамъ у се́рце си́лу.

»Перебу́де всяку му́ку,
Перебу́де го́ре,
И квітка́ми засия́е,
Якъ весно́ю по́ле.

»Ой ти мене́, Украіно,
Навчи́ла люби́ти:
Въ кого́ се́рце крива́вее,
Му́шу исцілити.

»Переста́не кровъ гаря́ча
Се́рце облива́ти;
Заспоко́ю, приголу́блю,
Якъ дити́ну ма́ти.«

И бага́то безтала́нныхъ
Па́нна зустріча́ла,
И у се́рце сцілю́щіе
Ча́ри пролива́ла.

И моє́ крива́ве се́рце
Скропи́ла слёзо́ю,—
Напоіла сцілю́щою,
Живо́ю водо́ю.

Обнови́лась, я́ко о́рля,
Юность мого́ се́рця;
Роспусти́ла душа́ кри́ла,
Пісня лле́тця, лле́тця....

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.«

— —

47. — Стр. 34. ст. 28.

Гей, лу́чше бъ вамъ по комиша́хъ
Низови́хъ сиді́ти;

Въ низовьяхъ Днѣпра были мѣста, заросшія густыми комышами, дававшими убѣжище людямъ, не довольно сильнымъ для защиты себя отъ преслѣдованія польскаго правительства. Чумаки временъ Екатерининскихъ разсказываютъ о разбояхъ *комышниковъ*. Вѣроятно, и въ эпоху возстанія Хмельницкаго комыши укрывали того же сорта людей. Въ современной перепискѣ пограничныхъ воеводъ Московскаго государства съ польско-украинскими урядниками часто упоминаются степные разбойники, неподчиненные никакой власти и ни для кого неуловимые. Происхожденіе ихъ должно быть то же самое, что́ и комышниковъ. Запорожцы временъ Выговскаго различаютъ себя, въ оправдательномъ письмѣ къ гетману, отъ бездомныхъ бурлакъ, и называютъ себя *козаками-зимовчака́ми*. Всегда существовало у козаковъ различіе между козаками *старыми, природными*, и между людьми новыми въ козачествѣ или недостаточно воинственными, какъ въ наше время дѣлается различіе между дѣтьми *отецькими* и бездомовными наймытами. *Лѣтопись Самовидца* (стр. 11) отзывается съ негодованіемъ объ ополченіи, присвоившемъ себѣ названіе козаковъ (оно не щадило и единовѣрцевъ своихъ): »И на тотъ часъ туга великая людямъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а найбольше отъ гультяйства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могилниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо (хотя) який человѣкъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкого войска, тилько мусѣлъ, задля позбытя того насмѣвиска и нестерпимыхъ обидъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и тіи мусѣли у войско приставати до того козацства.«

48. — Стр. 35, ст. 2.

Лу́чше бъ доглядáти
Муравського шля́ху

— —

На Варшавскомъ сеймѣ 1646 года назначена была коммиссія na dokończenie granic i zaczętego ductu i prowadzenia go aż do szlaków Morawskich. (Volumina Legum, IV, 88, изд. 1859, стр. 45.) Муравскій

шляхъ описанъ подробно въ *Книгѣ Большого Чертежа*. Такъ какъ восточныя окраины Польскихъ владѣній, ограниченныя этимъ шляхомъ, были почти вовсе незаселенныя равнины, то, естественно, по нимъ разгуливали шайки своевольныхъ людей, живясь грабежомъ на большой торговой дорогѣ, а лишь только въ Украинѣ начинались волненія, они являлись ловить въ мутной водѣ рыбу.

49. — Стр. 35, ст. 4.

Лу́чче бъ вамъ зъ лихи́ми
Жи́ти ушкала́ми.

Ушкалы — разбойники, вѣроятно, то же, что великорусскіе ушкуйники, разъѣзжавшіе на судахъ *ушкуяхъ*. Въ думѣ о Ѳедорѣ Безродномъ *безбо́жні ушкали́* изранили козака и гонялись за его чурою. По ходу повѣствованія видно, что это разбойники водяные:

Чи то гуси кричя́ть,
Чи лебеді ячя́ть,
Чи ушкали́ гуду́ть,
Чи, мо́же, козаки́ Дніпро́мъ иду́ть?

50. — Стр. 35, ст. 11, 12.

Бу́де зъ васъ, що на́шихъ
Батьківъ підмани́ли,

Этотъ упрекъ можно потвердить слѣдующими словами Окольскаго (Dyaryusz, str. 108): I tak Ostrzanin zwiódłszy wielu regestrowych, przycisnąwszy uboższych, zagnawszy z miast i siół po niewoli niewinnych ludzi, szub, srebra, koni, zdobyczy wszełkiej im po wygranej naobiecowawszy, potem gdy ich do potrzeby przywiódł, gdy obaczył, iż już tysiącami leżą, mięsa dosyć i ścierwu, sam uciekać od nich myślił.

Между козаками и простыми поселянами часто происходили несогласія. Не разъ случалось такъ, что козаки поднимали безоружную чернь къ возстанію и потомъ, въ трудное время, бросали ее на произволъ судьбы. Характеръ Наливайка до сихъ поръ очень двусмысленъ въ исторіи. Въ его пользу говорятъ народныя пѣсни, противъ него — письменные памятники; но, каковъ бы онъ ни былъ лично, неуспѣхъ его дѣла долженъ былъ возбудить въ народѣ ропотъ противъ его сообщниковъ, представителями которыхъ являются, въ поэмѣ, хищные дейнеки.

51. — Стр. 35, ст. 13, 14.

И зъ лука́вимъ Остряни́номъ
Въ степи́ повтіка́ли.

По милости Конискаго, натворившаго довольно великодушныхъ героевъ между козацкими предводителями, гетманъ Остряниця долго считался мученикомъ народной свободы. Изъ дневника Окольскаго и современныхъ бумагъ оказывается, что онъ не только бѣжалъ съ поля битвы съ конными

ковакамя, но и готовился заблаговременно, въ случаѣ неудачи, бѣжать въ Московскія владѣнія. Оставленное имъ войско отчаянно, но безуспѣшно защищалось надъ Сулою нѣсколько недѣль. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописей С. Петербургской Публичной Библіотеки и Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. .... w octawe Bożego Ciała (пишетъ панъ Хршоностовскій къ коронному гетману) woysko nasze ruszyło zpod Łubien ku Sleporodu (rzeczka ta iest błotnista y trudna do przebycia) naprzeciw Ostrzaninowi, cze° się on nigdy nie spodziewał, ale w tym Siekieraninie miał nadzieie, ze konie woysku naszemu zagarnie y temi wertebami y łuchami iako vbiezy Łubnie, aby on z miasta, a Ostranin z pola na woysko nasze vderzyc mogli. Obaczywszy tedy nad sobą woyska inopinate, harcownika iednak wyprawił nie mało y piechoty z kilka tysięcy, alec naszy za łaską Bozą zaraz to zpędzili y asz w tabor wpędzili; zaraz potym armatę zatoczono y z gory potężnie bito do taboru; lecz prędko noc zaszła, a on, widząc, ze około niego zle, zarazem zlekczywszy tabor zawadę porzuciwszy, armatę ieno wziąwszy, nazad do Łukomla począł vchodzic. Nazaiutrz rano, obaczywszy naszy, isz Ostranin vszedł, zaraz Je°MP Gdeszynskie° z kilką Chorągwi za nim Je°MP Wdic posłał, aby go zabawiał, nim by tabor nasz y z armatą przes ten Sleporod przeprawiac się mogła. A wtym ten Siekierany wracał się nazad prosto ku Sleporodu, spodziewaiąc się swoich zastac, y napadł inopinate na tabor naszych Regestrowych, mniemaiąc że swoi, prawie w tabor z swymi ludzmi począł vchodzic. Postrzegszy, ze nie swoi, nazad, ale zaraz Regestrowi po nim, samego poimali Siekieranego, na ktorego radzie wiele przestawał, a prawie iego głową Ostranin szedł y woiował. Tenze to powiedział potym, ze Ostranin tey woyny konczyć nie myśli, ale vciec chce do Białogrodu Moskiewskiego, gdysz tam y zonę iusz wywiozł y inna Starszyna, iakosz po dwa kroc zpod Łukomle vciekał, ale go zawsze czern dogoniała y potym na pilnym oku miała go z innemi. Potym zasie woysko nasze odwrot vczynic musiało — — gdyby nie te czaty — — na moscie Łukomlskim zbiliby, za pomocą Bozą Ostranina, ktory, mniemaiąc, by woysko ozaz wszystko następowało, począł iuz (iako potym ięzyki zapewne twierdziły) przemyslawac, tabor porzuciwszy, vchodzic, a postrzegszy, ze ieno kilka chorągwi, od mostu odwiodł te chorąwie nasze, odstępuiąc a pozwalaiąc onym przes most łatwego przescia. — — Ostranin — — dowiedziawszy się o wzięciu Siekieranego y pogromie tego pułku swego, chciał ku Moskwie znowu na Rumno vchodzic, alec czern przemogła, aby na dół Sułą ku Dnieprowi vchodził, a Dnieprem ku Zaporozu, zaczym ta strona, iako więtsza, zmogła, y tak na dół Sułą vchodził. Alec woysko nasze nie mniey spieszney za nim szło. W Łukomlu na most y na gaci przeprawuiąc się y asz przednie Pułki z Xcia Je°Mci Jeremiasza ludzmi doszli Ostranina rowno z switem w niedzile nizey Zołnina Słobody Xcia Je°Mci Jeremiasza; tam zaraz, nie daiąc taborzyc się temu hultaystwu abowiem dniem y nocą vchodził, zaraz pułk skoczył Je°MPWdzica Bracławskiego. — — Te Chorągwie zaraz w puł tabor rozerwały y wszystkie prochy y cztery działka odięły, ktore dla odcięcia koni nasi porzucili, a oni znowu odyskali. Zywnosc wszystkie ktorey mieli dosyc odieli. Skode w nich wielką w tych zdraycach czynili, tak dalece, ze iusz od taboru w błota vciekała piechota,

a Ostranim sam wpław przes Sułe z swym komunnikiem, ktorego wiele po tey stronie Suły od Peryasławia na doł vciekaiącego widzieli. Ostatek taboru ktory Kudza — —z Peszta rządzili, zaraz iednak taborzyc poczeli y prawie wszystkie te Chorągwie otoczyli, ze we srodku zostały. Wtym Xze Jeᵒᴹ. trzykroc wsparty od tych zdraycow strzelbą z swym Pułkiem, za trzecim razem pszełamał dziure tym Chorągwiom, ktore z ciękoscią wielką a z vtraceniem swym z taboru wybili się. — — (Польскій отдѣлъ рукописей, № 94, стр. 604 — 613.) О пребываніи женъ Остряницы и его подручниковъ за московскимъ рубежомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая отписка въ Москву путивльскаго воеводы Никифора Плещеева: »Іюля въ 3 день (1638) пришли въ Путивль Запорожскіе Черкасы 2 человѣка съ листомъ отъ гетмана Запорожскаго отъ Яцка Остренина, для сыску жонъ своихъ; и онъ Микиѳоръ, роспроси ихъ и взявъ у нихъ листъ, отпустилъ ихъ назадъ въ Литву«. Въ добавокъ ко всему, разсказанному въ реляціи Хржонстовскаго, въ этой отпискѣ говорится, что въ письмѣ къ нему отъ другого гетмана, Дмитрія Тимоѳѣева, (видно—преемника бѣжавшаго Остряницы) написано: »Которые Черкасы выѣхали въ Путивль, а съ собою много добрыхъ людей невинныхъ душъ и животовъ поимали, и Путивльскій бы воевода тѣхъ Черкасъ посадилъ въ вязенье до тѣхъ мѣстъ, какъ они другихъ своихъ посланниковъ въ Путивль пришлютъ, а тѣхъ бы невинныхъ душъ, которыхъ съ собою невинно завезли, и животы ихъ, напрасно поиманные, нынѣшнимъ ихъ посланникамъ отдали.« (*Дѣла Малоросс.* Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, 1638, связка № 2.) Рукописи С. Петербургской Публичной Библіотеки также свидѣтельствуетъ о подобныхъ поступкахъ героевъ козачества, этихъ истинныхъ учениковъ побитаго ими дворянства. Въ фоліантѣ Польскаго отдѣла, подъ № 94, на стр. 707—709 читаемъ письмо гетмана Жолкевскаго къ королю, 1639 года, изъ Микулинецъ: Jusz tesz tu w drodze dał mi znać Pan Commissarz, ze po odiezdzie moin Hunia, który hetmanił swawolenstwu przeciwko wojsku WKM i z kilką inszych Principałow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy (т. е. въ Московскія владѣнія) przes wszelkiej przyczyny vciekł. Pisałem ja tak rok pisałem i przeszłą posztą do IMX Canclerza, prosząc aby się WKM tego zdrajce serio vpomniec raczył, ktory tak wiele tysięcy ludzi gwałtownie z Panstw WKM do Moskwy wypendził i oni ich nad pacta pryieli y poniewolnie trzymaią.

52. — Стр. 36, ст. 1 — 4.

Міжъ козáцтвомъ Гóлка
Мовъ по пýщі блýдить,
И кóнька воронóго
Підъ собóю нýдить.

Здѣсь авторъ хотѣлъ, но не съумѣлъ, подражать слѣдующимъ превосходнымъ стихамъ народной пѣсни:

Зашуміли густі лóзи
Козакóві при дорóзі;
Сюдѝ блýдить, тудѝ блýдить,
Підъ собóю конѝ нýдить.

53. — Стр. 39, ст. 3, 4.

Постоли́ бу́дуть сарья́ні,
Шовко́ві волóки.

Въ народной пѣснѣ:

Хвалúлися гайдамáки,
Підъ Умань идýчи:
»Бýдемъ дрáти, пани-брáти,
Съ китáйки онучі!«

54. — Стр. 40, ст. 3 — 6.

Лю́ди до́брі! ось дивíтесь:
Жидівська намíтка!
Утікáла, та й втеря́ла
Чóртова Жидівка!

Подобный случай былъ въ 1654 году на Подоліи, когда Поляки взяли приступомъ мѣстечко Бушу. »Семьдесятъ женщинъ успѣли скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторыя, бѣжавши, потеряли свои намитки. Это замѣтили слуги,« и пр. См. *Богд. Хмельн.* Н. Костомарова, II, 457.

55. — Стр. 41, ст. 11, 12.

Бáчте, до чого́ дово́дять
Ва́ші кля́ті ка́рби,

Несчастные потомки Моисея, Давида, Соломона, великодушной Юдиѳи, добродѣтельной Эсѳири, прекрасной Сусанны, разсѣянные по всему свѣту, воспользовались превосходствомъ умственныхъ способностей своихъ на счетъ иноплеменниковъ и, сдѣлавъ деньги своею силою, своею защитою и спасеніемъ отъ изувѣрства послѣдователей новаго, иногда искажаемаго и потому недостойнаго въ глазахъ Евреевъ ученія, сдѣлались почти у всѣхъ, между кѣмъ они жили, предметомъ ненависти и омерзѣнія, какъ іероглифъ собственнаго мотовства и безпорядочности, какъ живой укоръ въ беззаботности о будущемъ и неумѣньи устроить свое благоденствіе въ настоящемъ. Не зная, какъ истребить эту *язву*, естественно возникавшую тамъ, гдѣ гражданское и общественное тѣло не имѣло здороваго строенія, короли и магистраты придумывали противъ Жидовъ стѣснительные законы, а народъ, при всякомъ безпорядочномъ волненіи, истреблялъ ихъ сотнями и тысячами. Такъ поступали съ ними и наши козаки, безсознательно вымещая на нихъ политическіе и общественные грѣхи свои. Вотъ обращикъ, какъ относились къ Жидамъ старинные статуты, за ихъ способъ обогащенія. »Лихва Жидовская не имѣетъ нигды насыщенія: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидовъ... непріятелѣвъ вѣры христіянскоѣ, и на лихву пенези дають, не имѣють больш брать на недѣлю, только 10 пѣнезь... пѣнези даваютъ на записы, а лихвы не дають два годы, чтобы си ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упо-

минаются, ани на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣй нѣтъ лихвы жадной, и ни записомъ имѣютъ поминать... а ни тотъ, хто ся имъ записалъ, не имѣтъ имъ запису... полнить.« (*Акты Западной Россіи*, I, 13.) »Коли жъ жидовскый умыслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы христіянство обажили,« и пр. (стр. 20.)

Кáрби, о которыхъ говорится въ поэмѣ, были нарѣзки на палочкахъ взятой въ долгъ горілки, или черточки мѣломъ и углемъ на стѣнѣ. Изъ преданій о гайдамакахъ 1768 года, напечатанныхъ въ *Запискахъ о Южной Руси*, видно, что поселяне всего больше ожесточались на Жидовъ за начетъ долговъ, посредствомъ *кáрбівъ*.

56. — Стр. 41, ст. 19.

Ви зъ Жидáми накладáли,

Слово *накладáти* (совмѣстно злоумышлять) сдѣлалось въ украинской рѣчи рѣднимъ. Въ народной пѣснѣ поется:

Мазéпо гетьмáне,
Израдíвий пане!
Злéе починáешъ,
Зъ Шведомъ накладáешъ...

57. — Стр. 42, ст. 16.

Велúкдень збóєцький.

Збóєцький — разбойничій. Польскія слова были тогда у всѣхъ въ употребленіи. См. проповѣдь, напечатанную Н. М. Бѣлозерскимъ при изданныхъ имъ *Южнорусскихъ Дѣтописяхъ*.

58. — Стр. 42, ст. 25, 26.

Ой якъ грюкне оружúна
Изъ дóвгого дýла, —

Слова: *оружúна* и *дýла* могутъ показаться не совсѣмъ украинскими. Въ рѣшеніи подобныхъ сомнѣній всего лучше опираться на изустную народную словесность. Въ одной пѣснѣ поется:

Сидúть козáкъ на могúлі,
Зъ оружúни огóнь крéше;
Скáлки лóмить, роскладáє,
Въ свої рáни заглядáє.

Въ другой:

Одинъ в дé за чупрúну,
Другúй дýла бъе:
»Ой не ходú, врáжа дýко,
Де голóта пъе!«

59 —Стр. 45, ст. 11, 12.

Ще жъ не згáсло галагáномъ
Козáцькее сóнце!

Слово *галагáнъ*, выговаривающееся также и *галадáнъ* (головня), сохранилось только въ фамильномъ имени дворянъ и козаковъ Галагановъ. Мнѣ случилось, однакожъ, слышать его въ устахъ народа, и именно въ домѣ покойнаго Н. В. Гоголя. Сельскій мальчикъ, разсказывая мнѣ безтолковую, скучнѣйшую сказку, наградилъ меня за терпѣніе слѣдующими словами: *у пóпелі галагáнъ, запíчняя úскра*. На вопросъ мой: что такое значитъ *запíчняя úскра*? онъ отвѣчалъ, что, вытопивши печь, хозяйка зарываетъ въ золу *галагана*, т. е. головню съ огнемъ, чтобы сохранить хоть искру для разведенія огня назавтра.

Козáцькимъ сóнцемъ называется луна. Это названіе указываетъ на то время, когда козаки должны были вести жизнь воровскую, поспартански, и промышлять своимъ ремесломъ больше всего по ночамъ. Воровство у нихъ было преступленіемъ только въ отношеніи къ товарúству. Еще и автору случалось слышать отъ старожиловъ такіе разсказы о Запорожцахъ: «У іхъ, якъ хто не краде, то зáразъ козакú й грімають: *Чогó лéжнемъ лежúшъ? дýрно хлíбъ ісú!*»

— —

61. — Стр. 46, ст. 13, 14.

На кóникахъ вигравáють,
Шабелькáми повертáють,

Эти два стиха взяты изъ народной пѣсни, приведенной въ примѣчаніи 6-мъ къ этой поэмѣ.

62. — Стр. 46, ст. 23—27.

Вóрони зъ грачáми
По звáлищахъ грýють,
А по пýсткахъ вовкú завивáють;
Крéчети зъ орлáми
По степáхъ шумýють,

Слова *грýють* и *шумýють*, не встрѣчающіяся уже болѣе въ народной рѣчи, взяты авторомъ изъ старинной народной думы:

Закря́че вóронъ, гагрýе, зашумýе,
Та й полетúть у чужýю зéмлю.

Тамъ же и кречеты помѣщены, какъ здѣсь, рядомъ съ орлами:

Закýркують крéчети сúві,
Загадáютця óрлики хúжі.

— —

— —

65. — Стр. 47, ст. 13, 14.

Перетя́въ усі доро́ги
И стежки́ дейне́ка.

Слово *дейне́ка* употреблено здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ говорится *Стала дешева́ сіль, то чума́къ такъ и поки́нувъ на озе́ра;* или: *Бжола́ такъ и гра́е роя́ми.*

66. — Стр. 47, ст. 17, 18.

Повтіка́ло драго́нїї
Ти́сяча и двісті.

Панъ Черный къ пану Юрію Оссолинскому, 25 мая, 1648: Xiąże Wisniowiecki ma osm tysięcy woyska, lecz im nie ufa, bo Ruś. (*Акты Кіевской Коммиссіи*, I, 3-я нумер., стр. 26.)

Адамъ Кисель къ архіепископу Гнѣзненскому 31 мая, 1847: .... mam takie od moich Sług zbieżałych z Zadniepru wiadomości, ze Xiaże Jmc, gdy mu się assystentia iego ex eadem gente zgromadzona zmykac poczęła, musiał consulere sobie z garscią Slachty Polskiey, i Sług swoich uiedzac w Bracławskie Woiewodstwo. (Тамъ же, 30.)

67. — Стр. 47, ст. 23, 24.

Широ́кая око́лиця
И верши́къ низе́нький

Въ наро́дой пѣснѣ:

А у Ляха́ вершо́къ низький,
Широ́кі бпушки.

68. — Стр. 48, ст. 5, 6.

Го́ді тобі, пи́шний кня́зю,
Лови́ти раро́гівъ:

Въ *Малорос. Дѣлахъ* Моск. Архива Иностр. Дѣлъ, связка № 1, 1648 года читаемъ въ письмѣ князя Іереміи Вишневецкаго къ бѣлогородскому воеводѣ, князю Прозоровскому, отъ 2 декабря, 1647: »Извѣстно вамъ да будетъ, что я, на прямую потребу мою и съ моею грамотою, черезъ слугу моего Яна Семашка съ Несокъ посылалъ и стрельцовъ своихъ для рароговъ, сирічъ кречатовъ...« За обиду этимъ людямъ онъ дѣлаетъ такую угрозу: »повелю въ маетности моей Заднѣпровской вашихъ купецкихъ людей позабирать и самъ управу чинить...« *Лѣтопись Самовидца* (стр. 7), исчисляя нанесенныя отъ пановъ козакамъ обиды, говоритъ: »Зъ Запорожья, черезъ поля дикіе, зъ рарогомъ, яструбомъ, орломъ, съ хортомъ козака бѣдного

шлетъ (панъ, сдѣланный полковникомъ или другимъ козацкимъ старшиною) въ городы, кому подарокъ шлючи, якому пановѣ, не жалуючи козака, хочай бы згинулъ, якъ не трудно отъ Татаръ.« Изъ всего этого видно, что не легко доставалась стрѣльцамъ князя Вишневецкаго панская забава.

69. — Стр. 48, ст. 9, 10.

Годі соболя держáти
На срібнімъ ланцю́зі:

Изъ Pamiętników Paska мы знаемъ, что любимою панскою забавою были освоенные дикіе звѣри и птицы. Адамъ Кисель не разставался съ ними и въ далекой дорогѣ. Въ *Малор. дѣлахъ* Моск. Архива Иностр. Дѣлъ, въ связкѣ подъ № 1, 1648 года, сохранилась отписка сѣвскаго воеводы къ царю, въ январѣ, 1647: »... какъ шолъ отъ твоего царского величества съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него, у Адама Киселя, утекъ соболь съ чепью серебреною, а у брата ево Александра Киселя — гончая собака; и того соболя и собаку, по твоему государеву указу, изъ Болхова велено прислать къ намъ. — — Да какъ, государь, того собаку и соболя мы, холопи твои, къ Адаму Киселю отошлемъ, и о томъ бы намъ, холопемъ твоимъ, отписати къ тебѣ, великому государю. И изъ Болхова, государь, Микиоръ Давидовъ писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, и прислалъ того соболя и собаку декабря въ 27 числѣ, и мы, холопи твои — — послали съ Сѣвскими пушкари. — —«

70. — Стр. 48, ст. 11, 12.

Ой уже́ жъ твоя́ княги́ня
У вели́кій ту́зі.

Этими стихами авторъ хотѣлъ напомнить читателю о женѣ князя Вишневецкаго, Гризельдѣ, дочери Ѳомы Замойскаго, которую онъ такъ любилъ, что козацкая лѣтопись его кроваваго времени записала, въ числѣ достойныхъ замѣчанія событій, ихъ невольную разлуку на той сторонѣ Днѣпра. Грабянка (стр. 52): »Князь Вишневецкій — — поиде (изподъ Збаража) до обозу своего подъ Чолганскій Камень, а княгиню свою до Бѣлого Камѣня отосла, которая, раздѣляющися, съ плачемъ поднесши зѣницѣ въ небо, рекла: О каменіе! коль далече за Вислу границу намъ замѣраете?«

71. — Стр. 48, ст. 13, 14.

Годі, кня́зю, за гряни́ці
Зъ Москво́ю тяга́тись:

Въ дѣлахъ, упомянутыхъ въ прим. 69 къ этой поэмѣ, идетъ большая переписка о притязаніяхъ князя Вишневецкаго на земли, присвоенныя на ничьемъ пограничьи имъ и Москвою. Онъ упорно отстаиваетъ каждый ступень своей земли, не предвидя, что скоро потеряетъ цѣлое государство по сю сторону Днѣпра, и московскіе межевщики одному его упрямству приписываютъ невозможность докончить разграниченіе между Московскимъ и Польскимъ государствами.

72. — Стр. 48, ст. 15, 16.

Пора́ зъ Лубе́нь зо всімъ ко́дломъ
Въ По́льщу вигреба́тись.

Живописное слово *вигреба́тись* заимствовано изъ посланія полковника Мартына Пушкаря къ кіевскому митрополиту Діонисію Балабану: »...все войско изъ Запорожья выгреблося и зъ городовымъ войскомъ Запорожскимъ до купы и до рады енеральной знялося...« (*Акты Зап. Россіи*, V, 10).

73. — Стр. 48, ст. 17, 18.

Мавъ ти, кня́зю, изъ доро́ги
Че́нцівъ заверта́ти:

Монахи Густынскаго монастыря, при наступленіи военной грозы, рѣшились, подобно прочимъ чернецамъ и черницамъ, убраться заблаговременно изъ Украины въ Московское государство и уложили на возы все монастырское имущество, въ томъ числѣ образа, книги и все, что́ можно было увезти съ собою, а скотъ угнали напередъ; но князь Вишневецкій остановилъ ихъ и объявилъ монастырь, основанный и обогащенный его предками, своею собственностію. Объ этомъ сохранилась интересная переписка въ *Малор. Дѣлахъ* Моск. Архива Иностр. Дѣлъ.

74. — Стр. 48, ст. 27, 28.

Стоіте́ ви зало́гами
Въ стари́хъ табори́щахъ.

Изъ брошюры кіевскаго бискупа Юзефа Верещинскаго, подъ заглавіемъ: Publika, написанной въ 1597 году, видно, что Украина сохранила отъ временъ княжескихъ множество окоповъ и даже кирпичныхъ сооруженій. Въ брошюрѣ между прочимъ говорится: ....ieno patrzamy na stojące puste horodyszcza albo zamki, patrzamy, niestetyż, na stojące tylko mury puste, gdzie niedźwiedzie, wilcy a świnie dzikie się w nich lęgną, a przedsię nas to nie porusza; gdyż to, mali się prawda rzec, iż ninacz inszego godno raczej tak tych horodyszcy albo murów pustych na tem tam Zadnieprzu albo na Ukrainie nie chowamy, jedno na baszty nieprzyjacielom swoim pogranicznym, aby oni to powoli pobrawszy, jakoż już i Moskwa na to pochuchiwa sobie, osadzili, a ztąd nas bezpieczniej wojowali a posiadali. (Str. 18.)

75. — Стр. 48, стр. 29—32.

На́ що тобі, пи́шний кня́зю,
Доро́ги пита́ти?
Лу́чче тобі манівця́ми
Зъ Лубе́нь простува́ти.

Козаки могли такъ говорить по воспоминаніямъ былого. Окольскій въ Діаріушѣ (стр. 16) пишетъ, что въ 1637 году, когда Павлюкъ поднялъ на

Украинѣ такую же тревогу, какъ черезъ одиннадцать лѣтъ Хмельницкій, Адамъ Кисель вмѣстѣ съ другими богатыми панами z majętności swej z zdrowiem uchodzić i nie gościńcem własnym musieli. Toż i inni panowie, a zwłaszcza w Wiśniowieczyznie czynili. Lepsze łyczane zdrowie, niż jedwabna śmierć, прибавляетъ войсковой проповѣдникъ Потоцкаго, ale u takiego chłopstwa i śmierci jedwabnej niemasz, owszem wszelkiej ignominii i tyranidis pełna.

76. — Стр. 49, ст. 15, 16.

Та загля́немъ гарма́тами
Тобі, кня́зю, въ вічі.

Старожилы, бесѣдуя съ авторомъ о козацкихъ походахъ, выражались иногда такъ: *Що́ жъ, хочъ и вда́рять на Ляхівъ, колй нічимъ у вічі загля́нути: гарма́тъ нема́! по́роху нема́!*

77. — Стр. 50, ст. 21.

Ой не медъ-пьянѐ-чо́ло

Медъ подъ этимъ названіемъ упоминается въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ, которой лучшій списокъ напечатанъ въ *Запискахъ о Южной Руси*. Важныя дополненія напечатаны недавно въ *Абетцѣ*, изданной г. Гатцукомъ.

78. — Стр. 51, ст. 25.

Ой не пи́во на про-ди́во

Говорится *на про-чу́до*. Почему же не сказать и *на про-ди́во?*

79. — Стр. 51, ст. 28.

Князь Ерема изъ шля́хтою
Гайдама́цтво ти́сне.

Манера описанія битвъ князя Вишневецкаго съ козаками и нѣкоторыя обороты заимствованы изъ народныхъ пѣсень, указанныхъ въ другихъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ.

80. — Стр. 51, ст. 13—16.

Ой де ста́не — земля́ та́не —
Підко́пи рика́ють;
Куди́ гля́не — трава́ вя́не —
Ворогй зника́ють.

Народная поэзія доводитъ иногда краткость выраженія до темноты. Надобно долго изучать ее, чтобы наконецъ наслаждаться ея манерою выражать мысли и чувства пѣвца. Напримѣръ, то, что́ здѣсь выражено четырмя стихами, въ народной пѣснѣ заключено въ двустишіе:

Ой де стане — земля́ тане;
Куди́ гля́не — трава вя́не.

Говорится о воинѣ, осаждающемъ Львовъ. Вѣроятно, это — темное воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ, обращенное въ свадебную пѣсню.

81. — Стр. 51, ст. 23, 24.

Ой вінъ мінї въ злихъ напастяхъ
Велúкий застýпникъ.

Ks. Piotr Skarga, Kazania Seymowe, str. 19: Do tego czasu (oyczyzna) kapłany wam i biskupy i duchowne pasterze wasze daje, przy których przystęp do łaski bożéj i obrony od wszystkich nieprzyjaciół macie.

82. — Стр. 52, ст. 1, 2.

Бо на спóвіді спасéнній
Пáнночка сказáла,

Тамъ же, стр. 66: Spowiedź sama w katolickiej wierze dziwnie ludziom do cnoty i dobrych obyczajow pomaga, karność onę mając, której żaden urząd świecki mieć nie może, w której skryte i serdeczne grzechy i złości giną, co dziwnie rzpltej pomaga.

83. — Стр. 53, ст. 13, 14.

Ой панóве! се жъ писáла
Пáнна-чарівни́ця!

Воображать женщину, участвующую колдовствомъ своимъ въ военныхъ дѣлахъ, было въ то время естественно. Авторъ брошюры O Buntach za Chimelnickiego разсказываетъ, что у охочекомоннаго полковника козацкаго Дунида (Донца?) была сестра чародѣйка, предостерегавшая его отъ опасностей. Въ русскомъ переводѣ эта брошюра названа *Краткою Исторіею о Бунтахъ Хмельницкаго*. М. 1847. (См. стр. 12.)

84. — Стр. 53.

Оба эти куплета основаны на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Пливé щýка зъ Кременчука,
Лускà на ій сúе.
Хто не знáе закохáння,
Той лúха не знáе.
Пливé щýка съ Кременчýка,
Фúлю розбивáе.
Хто не знáе закохàння,
Той щáстя не знáе.

85. — Стр. 55, ст. 9, 10.

»Завдáмъ, завдáмъ козакóві
Страшéнної мýки!«

Эти слова авторъ вложилъ въ уста князя Вишневецкаго, зная его жестокосердую мстительность. Карая самыми ужасными муками взбунтовав-

шихся противъ него Немировцевъ, отъ восклицалъ: »Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умира́ютъ!« Hist. Polska, przez Rudawskiego, I, 37.

86. — Стр. 56, ст. 9 — 12.

Ой засію я надіи
И ду́ми висо́кі
У козáцькій у лицáрській
Натýрі широ́кій.

Злѣйшіе враги украинской демократіи признавали въ ней высокія душевныя свойства. Такъ очевидецъ войны пановъ съ Павлюкомъ и Остряниномъ, Окольскій, въ началѣ продолженія своего дневника (Contynuacya Dyaryusza wojennego, etc. str. 81) пишетъ.... jest to hostis Patriae niemały, który z szczęścia chłopskiego się cieszy и т. д. А на стр. 101 говоритъ: Pokazał tedy pierwszą tą utarczką Bóg, iż lubo między Kozaki niemasz żadnego książęcia, senatora, wojewody, z którymi się w potrzebie żołnierz gałasował, ale jednak takowi są chłopi, że gdyby prawa nie zagradzały *contra plebejos* uczynione, jako przedtem było, należiby się i tak godni, aby ich et Quinctio Cincinato, qui ab aratro ad dictatoriam był wezwany, atque Themistocli virtute par nazwano.

87. — Стр. 56.

Характеръ вымышленнаго Голки основанъ на главныхъ чертахъ Немирича, главнаго двигателя всей Виговщины. Эта поэтическая личность стояла далеко выше своего вѣка. Изъ уваженія къ ней, авторъ не рѣшился примѣшивать къ ней въ романѣ или поэмѣ вымысла, и создалъ Голку, имѣя въ Немиричѣ доказательство, что подобныя явленія были возможны въ варварскій и трагическій вѣкъ. — —

88. — Стр. 59, ст. 2.

Ой якъ змо́жешъ ёму́, дру́же,
Вкороти́ти вíку,
Не забу́ду я послу́ги
Твоéї до вíку.

Стихи эти основаны на томъ, что Хмельницкій былъ очень ревнивъ къ своей власти и, подъ благовиднымъ предлогомъ, казнилъ опасныхъ для него людей. Опасеніе потерять власть въ народѣ заставляло его входить въ союзы, ненавистные для лучшей части его сподвижниковъ.

89. — Стр. 59, ст. 5, 6.

Грачíвъ ключа́ й чо́рнихъ га́локъ
На сей бíкъ стяга́е.

Слова *ключа* и *стяга́е*, употреблены на основаніи слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни объ Иванѣ Свирговскомъ:

А изъ Ни́зу хма́ра стяга́ла,
Що во́ронівъ ключа́ набіга́ла.

90. — Стр. 60.

Описаніе послѣдней битвы Голки основано на пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не вспівъ же козáкъ Нечáй
На кóника сісти, —
Та й ставъ Ляхівъ, врáжихъ синівъ,
На капусту сікти.
Ой не вспівъ же козáкъ Нечáй
На кóника впасти,
Та й ставъ Ляхівъ, врáжихъ синівъ,
Якъ снóпики класти.
Ой якъ стéне козáкъ Нечáй
Коня острогáми, —
За нимъ Ляхівъ сорокъ тúсячъ
Зъ голими шабля́ми.

91. — Стр. 61, ст. 7, 8.

Не зломúти гайдабýрамъ
Лицáрської сúли!

Лúцарь, по понятію народа, есть что-то непобѣдимое. Его можно убить только сребряною пулею, или его собственнымъ оружіемъ.

92. — Стр. 61, ст. 9—12.

Повернýвся лúцарь Гóлка
На прáвую рýку;
Куди́ гля́не, туди́ гря́не,
Всюди пóвно трýпу.

Въ народной пѣснѣ:

Повернувся козáкъ Нечáй
На лівую рýку, —
Не вúскочить Нечáівъ кінь
Изъ Ля́цького трупу.

93. — Стр. 61, ст. 13, 14.

Ой не взя́ти вамъ лúцаря
Гóлими рукáми.

Кромѣ поговорки: *голими руками его не візьмешь*, авторъ имѣлъ въ виду манеру отчаянныхъ рубакъ обнажать руки въ бою. Пасекъ, въ своихъ Pamiętnik'ахъ (стр. 77) также говоритъ: Ruszaią się tedy chorągwie powoli, a wodzowie zaś jadą przed nami z gołemi po łokcie rękami.

94. — Стр. 61, ст. 21, 22.

Ой велúке характéрство!
Намъ єго́ не вби́ти.

Разсказъ лирника: »Ляхи́, якъ стали Харка́ руба́ть, то руба́ли ажъ три дні, та ніякъ не порубáють; и шабля позубúлась гіршъ, якъ залізо; та вже

дорозумува́лись, щобъ руба́ть ёго́ его́ жъ ша́блею. А въ его́ ша́бля-була́ лица́рська; то та ша́бля ёго́ й побіди́ла.«

95. — Стр. 61, ст. 23, 24.

Тре́ба, бра́ття, срібнимъ ду́дзькомъ
Рушни́цю набі́ти.

См. примѣчаніе 45 этой поэмы.

96. — Стр. 62, ст. 4 — 8.

Не вважа́ли гайдабу́ри
На коза́цьку вро́ду,
Рва́ли ті́ло по кусо́чку,
Ки́дали у во́ду.

Въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не дба́ли вра́жі Ляхи
На коза́цьку вро́ду,
Рва́ли ті́ло по шмато́чку,
Пуска́ли на во́ду.

97. — Стр. 65, ст. 5.

Прозира́ють у Славу́ту

Славутою называли козаки Днѣпръ во времена Окольскато (Dyaryusz. str. 89) и конечно гораздо и прежде, какъ это видно изъ думы о Кишкѣ Самійлѣ и изъ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Въ старинныхъ козацкихъ документахъ употребительно слово *славе́тний*: »славе́тні на́ші пре́дки«.

ДО ЗЕМЛЯЧКИ.

Украінко, рідна се́стро,
Пта́шко полохли́ва!
Куди́ се тебе́ замча́ли
Необа́чні кри́ла?
Передъ те́бе ща́сна до́ля
Съ ка́рими очи́ма,
А довічная нево́ля
Стоіть за плечи́ма.

Полену́ла въ чужу́ зе́млю
Зъ рідної Вкраіни,
Проміня́ла рідну се́мъю
На чужу́ чужи́ну.
Весели́ся, утіша́йся,
По́ки молоде́нька,—
Неха́й ту́жить по дити́ні
На Вкраіні не́нька.
А якъ бро́ви полиня́ють,
Ли́ченько змарніе,—
Щимітиме вбо́ге се́рце,
По́ки заніме.
Щимітиме се́рце вбо́ге,
Що рідну роди́ну
Проміня́ла на зрадли́ву,
Невірну дружи́ну.
Гірка́, гірка́ се́рцю зра́да
До́ма на Вкраіні,
А ще гірша, а ще тя́жча
На чужій чужи́ні.
Бу́дешъ пла́кать, въ зе́млю би́тись,
До́лю проклина́ти,—
Не почу́е, не розва́жить
Старе́нькая ма́ти!
Ой неха́й вона́ не чу́е,
Ой неха́й не зна́е,
Якъ дити́на погиба́е
У чужо́му кра́ї!
Лега́й, ма́ти, спочива́ти
Въ те́мну домови́ну:
Не ве́рнетця безтала́нна
Дочка́ на Вкраіну!

Т. Вешнякъ.

СУЖЕНА.

Николаю Ивановичу Костомарову.

Після́ бага́того ба́тька, оста́вся хло́пець по двана́дцятому ро́ку кру́глимъ сирото́ю, бо ма́ти ще давни́мъ уме́рла, а на селі не було́ у ёго ні ро́ду, ні пле́мени. Отъ, грома́да, поміркува́вши, и рішила — одда́ть того́ хло́пця на ру́ки старо́і дячи́хи удови́, що жила́ у яко́гось селяни́на у при́ймахъ. Бабу́ся була́ ду́же до́бра, богобоязна́ и розу́мна; усе́ село́ іі поважа́ло. Гля́нувши на того́ сироту́, дячи́ха згоди́лась, бо Ива́шко (такъ зва́ли хло́пця) на вдивови́жу бувъ до́бра дити́на: слухня́на, покірна, чу́ла, и таке́ га́рне та хоро́ше, якъ та па́нночка. Перебра́лась дячи́ха у ха́ту до сироти́, ста́ла ёму́ за ма́тіръ, и господарю́е, и дба́е; навчи́ла ёго́ ла́скою всёму́ до́брому, и пісьму́, бо́ ще й письме́нна була́ Ви́пестила бабу́ся собі на втіху Ива́шка: таки́й зъ нёго ви́йшовъ бра́вий па́рубокъ, висо́кий, санови́тий и таки́й га́рний, що одъ ёго́ по́гляду дівча́та та́ли, якъ весно́ю одъ со́нця снігъ. Такъ не ду́же жъ то Ива́шко и загля́довався на дівча́тъ; я́кось пону́ро, зъ підло́бья диви́вся на нихъ, нена́че соро́мивсь, и на вечорни́ці ніко́ли не ходи́въ. Вже бабу́ся збира́лась одружи́ти Ива́шка, такъ не привівъ Богъ: занеду́жала небо́га, та й вме́рла; а вмира́ючи и ка́же Ива́шку:

— Не жури́сь, си́нку, що я не вспіла тебе́ одружи́ти: я й на тімъ світі бу́ду блага́ти Го́спода милосе́рдного, и ви́молю тобі вірну дружи́ну.

Ду́же жури́вся Ива́шко за бабу́сею, ажъ світомъ ну́дивъ; зъ ха́ти не ви́йде, а коли́ й ви́йде, то хиба́ тільки на кладови́ще, попла́че на моги́лі покі́йниці, та й верта́етця до-до́му, повісивши го́лову. Отъ и ста́ли старі лю́ди ёму́ совітувати:

— Оженись, сину: молода жінка хочъ яку тугу розважить!

Стали й свашки забігать, такъ що жъ?... На яку дівчину не гляне, усе ёму не по душі. Ходивъ и въ другі села, такъ и тамъ не знайшовъ, хочъ такі дівчата траплялись (де бъ то у насъ, на Вкраіні, такого зілля не знайти!), що здавалось и на світі кращихъ нема. Вже не одна дівчина одъ его чахла, не одна й до знахурки ходила, и зілля варили и чарували,—такъ нічого не вдіяли. И Ивашко нудиться, місця собі, сердешний, не приберé; далі подумавъ, та самъ собі й каже: »якъ бачу, то тутъ нема міні суженої; піду по світу, та пошукаю, то може Богъ дасть знайду таку, якої бажа моя душа.«

Осідлавъ коня, одягся у добру одежу и хотівъ вже рушать, та подумавъ: »Ні, нехай не знають, що я багатий: полюбить въ свитині, то въ жупані ще більшъ кохатиме.« Натягъ на себе сімряжку, перекинувъ черезъ плече торбу, и грошенятъ про всякий случай не забувъ, та помолившись Богу, и помандрувавъ.

Швендя нашъ Ивашко, швендя, изъ села въ село, и хуторівъ не мина, приглядуетця, роспитуе, шукае пари, якъ того скарбу. Обійшовъ всю околицю, и вже степами потягъ. Разъ, иде собі по дорозі и мізкуе: »Яку бъ то мині знайти дівчину?... Отъ якъби таку: сині очі, грошки прищурені, а коса чорна якъ гайворонъ, устонька якъ неросквічана маківка; а сама біла та пишна: плече широке, груди високі, щобъ крімка такъ и врізалась би у тонкий станъ, щобъ ходила якъ по струнці, високо підніявши головоньку!.. Або таку: щобъ була чорнявенька якъ цигачочка, а щоки неначе жаръ горіли, зуби білі якъ молоко, а уста червоні якъ калина, та повненькі, такі, що якъ цмокне тебе, щобъ луна округи зацмокотіла! Або таку,« знов мізкуе: »очі якъ небо сині а коса якъ кудель, щобъ, якъ гляшешъ на неі, то здалась би вона тобі янгеломъ, що Господь посилае хранити и втішати чоловіка на землі.«

Оттакъ коверзуе та йде собі. Далі якось ненаркомъ — зиркъ, ажъ стоіть біля криниці дівчина, така гарна, що якъ би съ тихъ трёхъ, що вигадувавъ собі Ивашко, зібрать одну, то не була бъ вона краща одъ сіеі. Якъ глянувъ на неі Ивашко, то неначе на небі опинився; стоіть и очамъ своімъ віри не йме. А вона жъ такъ ёго зглядомъ привітае, усміхаетця, буцімъ отъ-отъ обніме и притулитця до ёго серця. »Відкіль«, подумавъ Ивашко, »узялась

ся чудо́ва дівчина?... чи не бабу́ся зъ то́го світу, зъ само́го не́ба, посила́е міні су́жену, бо не тільки не ба́чивъ тако́і на землі, и на ду́мку така́ не спада́ла!«

— Здоро́ва була́, дівчино! — ка́же Ива́шко, підхо́дячи; знявъ ша́пку та й вклони́всь; підня́въ го́лову — а дівчини якъ не було́, якъ у зе́млю ввішла́. »Що́ за нечи́ста ма́ти!« ка́же самъ собі Ива́шко, озира́ючись на всі сто́рони: »куди́ жъ вона́ ділась!... Чи не стрибну́ла въ крини́цю?« Гля́нувъ, крини́чка не глибо́ка, а вода́ чи́ста якъ скло, и дно ви́дно. Круго́мъ степъ и трава́ неду́же висо́ка, нікуди гара́здъ и схова́тись. »Чи не мана́ яка́?« ду́мае Ива́шко, йдучи́ по доро́зі. Не пройшо́въ вінъ и трёхъ гінъ, ажъ біля тернівъ, підъ ку́щикомъ, сиди́ть та жъ сама́ дівчина, и та́къ же на ёго ди́витця и всміха́етця. »Глянь«, ка́же Ива́шко, »ажъ ось де опини́лась!.. Отъ, прудка́... и не вгле́дівъ, я́къ вона́ перебігла!.. Ну тепе́рь«, мірку́е собі, »ся́ду біля́ не́і, тро́шки одпочи́ну, а тимъ ча́сомъ роспита́ю, відкіля́ вона́, куди́ йде... а тамъ що́ Богъ дасть!«

Пидійшо́въ и сівъ; огля́нувсь до не́і, щобъ спита́ть, ажъ зновъ нема́ дівчи́ни. Ива́шко метну́вся сюди́-туди́, оббігъ терни́, гука́въ до не́і, шука́въ у самій гущині, ажъ оде́жу порва́въ и ру́ки подря́павъ: нема́, та й нема́! »Що за при́тча?...« поду́мавъ, »та се ма́буть мара́!...« Ажъ су́мно ёму́ ста́ло; коли́бъ у-ве́чері, то мо́же бъ ще гіршъ зляка́вся, а то́ у-день, такъ якъ чума́цький по́лудень. Пройшо́въ ще кільки гінъ, ставъ спуска́тьця у ба́лку, ди́витця: біля ставо́чка, невели́чка ха́тка, и на при́зьбі сиди́ть тажъ сама́ дівчи́на: »Що́ за бісъ!« ажъ скри́кнувъ Ива́шко, »та се наважде́ніе, мана́!...« Проте́ръ о́чі, перехрести́всь, а дівчи́на все сиди́ть и пи́льно на ёго ди́витця, нена́че що́ хо́че сказа́ти. »Трівай же«, поду́мавъ Ива́шко; »тепе́ръ вже не втече́шъ, моя́ пташечко: обійду́ по-за ха́тою, та зъ то́го боку́ и зайду́, то вже тоді нікуди тобі дітись.« Обійшо́въ; тільки ви́ткнувсь изза вугла́, ажъ ба́чить — хуторя́нська сімъя́ біля́ двере́й, и полу́днують собі: стари́й зъ старо́ю, па́рубокъ, літъ ёму́ два́дцять пять бу́де, и га́рна молоди́ця, та ще й не поро́жня, — на оста́тнімъ вже місяцю, на тій порі, якъ ка́жуть старі, лю́де, що душа́, котру́ Госпо́дь посила́е дити́нці, вже недале́чко одъ неі вита́е.

— Хлібъ-сіль, лю́де до́брі! »ка́же Ива́шко, зня́вши ша́пку и низе́нько вклони́вшись.

— Спасибі,—одвітили старі:—сідай, кажуть, до гурту, чоловіче, и пополудную зъ нами.

Подякувавъ Иваško та й сівъ,—тільки вже ёму не до ідй; сидить похнюпившись и за ложку не береться.

— Чого жъ ти не ісй, чоловіче?—питаютъ ёго:—бери-лишень ложку, та й ідь на здоровья.

Узявъ Иваško ложку, покуштувавъ того полудника, чи ні, та й пита старихъ:

— Чомъ ви не покличете вашої дочки полуднувать?

— Якої дочки?—каже стара:—у насъ одна тільки й е,—невістка моя!—стара кивнула оком на молодицю.

— Ну, такъ родичку, або наймичку?

— Нема въ насъ родички, ні наймички; отъ якъ бачишъ,—ми тутъ усі.

— Яка жъ тамъ дівчина, у васъ за хатою, на призьбі сидить?

— Не знаемъ, не бачили!

Повставали старі, а за ними и молоді, обійшли кругомъ хату,—нема нікого. Глянули вони на Иваška, та й подумали, чи не божевільний вінъ.

— Де жъ ти, чоловіче, бачивъ дівчину?—спитавъ старий.

— Се вже вона мені у-третє привидуетця,—каже Иваško, та такъ живо, та така гарна!...

— Чого жъ вона тобі привидуетця? питаютъ Иваška.

— Богъ ёго зна—чого; чи не того, що шукаю собі вірну дружину, та усе тільки объ неї й думаю.

— Ну, такъ иди жъ собі, чоловіче, дальшъ, та тамъ и шукай, нехай, тобі Богъ помагае, а въ насъ нема діавчатъ.

Иваško вклонився, важко здихнувши, та й знов потягъ шукать вітра у полі. Тільки вже не мізкуе яку шукать, глибоко запала у ёго серце та чудовна дівчина, зъ голови не йде: тільки объ ій и дума и гада. Вже и на дівчатъ не дивитця, тільки блука собі по степахъ, щобъ хочъ трошки розважити свою тугу. Провештавшись ще тижнівъ зо три, Иваško повернувъ до дому. Иде біля тиеї хатки, а стара побачила ёго, та й каже:

— Бодай тебе, человіче! напророчивъ намъ дочку! Ми молили собі у Господа хлопчика, а молодиця розсипалась дівчинкою!

— На все воля Божа,—одвітивъ Иваško:—може зъ сіеї

дівчинки бу́де вамъ більшъ утіхи, якъ зъ то́го хло́пчика, що проха́ли!

Ива́шко хотівъ вже дальшъ ити́, а стара́ ёму́ й ка́же:

— Пострівáй, чоловіче: сёго́дні въ насъ хрести́ни, то вже коли́ зайшо́въ, то тре́ба ча́рку ви́пити, щобъ ча́сомъ не ви́нісъ зъ собо́ю ща́стя нарожде́нноі.

— До́бре, — ка́же Ива́шко, — чомъ не ви́пить; неха́й ій Госпо́дь пошле́ щасли́ву до́лю!

Незаба́ромъ приіхавъ и піпъ зъ кумо́ю, а ку́ма ще нема́. Підожда́ли тро́шки, — не іде; отъ піпъ и ка́же:

— Не мо́жна міні до́вго ждати: за́втра пра́зникъ, такъ тре́ба поспіша́ть икъ всіно́чній.

— Якъ же ми, пано́че, безъ ку́ма обійдемось? пита́ стара́.

— Отъ вамъ кумъ, — ка́же піпъ, гля́нувши на Ива́шка.

Вже піпъ поча́въ моли́тву, якъ щось заторохтіло, — гля́нули у віко́нце, ажъ спра́жній кумъ приіхавъ и змінивъ Ива́шка. Дівчинку охрести́ли Оле́ною, бо са́ме на Костянти́на и Оле́ни уроди́лась. Ива́шко, почу́вши се йме́ння, згада́въ свою́ покійницю бабу́ею, бо й вона́ Оле́ною зва́лась.

За обідомъ, по звича́ю, ба́ба ста́ла частува́ти, — хто ки́не на та́рілочку шагъ, хто два, а Ива́шко хотівъ положи́ти пятака́, та яко́сь омили́всь и бря́знувъ та́ляра. Якъ се поба́чили, такъ усі и ви́трищились на ёго; у ба́би ру́ки задріжа́ли, тро́хи пля́шки зъ горілкою не розби́ла, а піпъ ажъ розсе́рдивсь. За хрести́ни доста́лась ёму́ одъ ку́ма злоту́вка, а ба́бі, чортъ-ба́тька-зна за віщо, цілісінький та́ляръ! Такъ ста́ло ёму́ доса́дно, що, здае́тця, у-дру́ге бъ охрести́въ, коли́ бъ Ива́шко бувъ хреще́нимъ ба́тькомъ.

Пообідавши, ста́ли кружля́ть горілку, а Ива́шко, якъ непиту́щий, ви́йшовъ зъ ха́ти, сівъ на при́зьбі, на тімъ са́мімъ місці, де ба́чивъ дівчину, та й заду́мавсь. Ажъ чу́е, стара́ зъ ба́бою підійшла́ до вугла́ и ста́ли собі розмовля́ти.

— Що́ се за чоловікъ, — ка́же стара́: — щось не про́сте!.. Відкіля́ воно́ взяло́сь? Чи одъ Бо́га вінъ, чи, мо́же, нечи́стий ёго́ підісла́въ на яку́-не́будь ка́пость?... Напроро́чивъ дочку́, яку́сь дівчину три́чі ба́чивъ... щобъ не було́, неха́й Богъ боро́нить, три літа засу́хи? Таки́й обірваний та обша́рпаний, зовсімъ гультіпа́ка, а давъ тобі та́ляра! се бъ не розще́дривсь такъ и бага́тий панъ!...

— Щó се ви вигáдуете, моя́ мáтіночко? — перебúла бáба: — чи вінъ же такú похóжий на гультіпáку? Такúй зъ ёго брáвий пáрубокъ; звісно, у дорóзі трóшки обносúвсь, а мóже вінъ и багáтого бáтька синъ. Та нічого вамъ и Бóга гнівúти: невістка здорóва, а дитúна такá гладкá, якъ той цурýпалокъ. Та ще й тé: — хібá жъ ви не бáчили, якъ вінъ хрестъ цілувáвъ?.. та й я хрестúла тáляръ, — такъ усé такúй, якъ и бувъ; ось подивітця.

— Такъ отъ послýхай, щó я тобі ще скажý. Невістка роскáзувала, що у пéрву нічъ, якъ уродúлась дитúнка, прихóдила якáсь бабýся, и дýла и христúла дитúну. Невістка хотіла булá крúкнуть, такъ мóви не стáло: дýже злякáлась!

— Мóже ій такé приснúлось!

— Божúлась, що не спáла, — и дóбре іі розглéділа.

— Якá жъ вонá?

Тутъ старá почалá роскáзувать, а Ивáшко слýха, и дóбре вбáчáе, що та бабýся ніхтó дрýгий, якъ ёгó нарéчена мáти.

— Чогó жъ ви злякáлись, моя́ мáтінко, — кáже бáба дослýхавши: аджéжъ та бабýся христúла дитúну? Хібá нечúстий прúйде, абó прúшле когó христúти чужý дитúну?

Оттáкъ побазікали собі, та й пішлú у хáту, а Ивáшко ще гіршъ засмутúвся.

Сóнечко вже сідáло, якъ вінъ, подя́кувавши хазяінівъ, пустúвся у дорóгу на всю нічъ; а якъ дійшóвъ до тіéі кринúці, де побáчивъ дівчину, то вже й смéрклось. Росá серпáнкомъ розіслáлась по степý, кругóмъ якъ мóре ёгó оточúло. Такъ ёмý легéнько дúхать; теплéнький вітерéць зо всёго стéпу несé ёмý квітчані зáпахи; ясні зóрі, якъ діточки, дúвлятця ёмý у вічі и ёгó провожáють. Ивáшко сівъ біля́ кринúці и дýмае собі: »нá що вонá мині привúжувалась? лýчче бъ бýло, якъ-бú я нікóли іі не бáчивъ; не засмутúла бъ вонá моéі душі, не накúнула бъ на моé сéрце важкóі могúли!.. »Дáлі устáвъ, озирнýвсь на всі стóрони и гóлосно крúкнувъ:

— Дівчино! найкрáща зо всёго світа, сéрце-моé, гóрлице моя́! Явúсь до мéне, нехáй хочъ разъ ще на тéбе гля́ну, та й умрý, зъ твоімъ облúччямъ передъ очúма... Хочъ обізвúсь до мéне...! Дівчино!... Кохáння моé!..

Оттáкъ гукáвъ сердéшний Ивáшко на ввéсь степъ! и не явúлась же, и не озвáлась до ёго та дівчина; тільки закигúкала надъ

нимъ ча́йка, дале́ко запідпідёмкала перепілочка, и разъ-у-разъ висви́стувавъ овча́рикъ. Не вита́ла вже тутъ та ду́ша, — ма́буть, знайшла́ собі вже хати́нку, и на яки́й часъ зачини́лась.

Смутни́й и невесе́лий верну́вся до-до́му Ива́шко; важки́й ка́мінь навали́вся на ёго́ се́рце. Всю осінь и зіму ну́дивсь, а на ве́сну, щобъ хочъ тро́хи розвіяти свого́ сму́тку, пішо́въ чумакува́ти.

Чумаку́е Ива́шко рікъ, и два, и де́сять и пъятна́дцять, а боля́чка на се́рці не заго́ілась. У всёму щасли́вий, — тільки не дае́ ёму́ Госпо́дь вірноі дружи́ни. Таки́й ставъ бага́тий: пъять хуръ посила́ на Дінъ за ри́бою, а самъ зъ десятю́ хо́дить у Кримъ за сіллю. Прикупи́въ чима́ло гру́нту, постро́івъ ха́ту якъ той буди́нокъ, ставъ па́номъ на всю гу́бу. Грома́да неразъ вибира́ла ёго́ у го́лови, — такъ не схотівъ, та й не схотівъ. И яки́й-то зъ ёго козарлю́га ставъ, якъ-би́ ви поба́чили! висо́кий, санови́тий, и гля́нути на ёго ве́село. Загля́дувались на ёго тепе́ръ не одні дівча́та, — кази́лись и молоди́ці; а яки́хъ тамъ не було́! и чепурни́хъ, и мото́рнихъ, и зъ біса хи́трихъ та лука́вихъ, що, здае́тця, и само́го свято́шу зъ пантели́ку зби́ли бъ. Такъ чого́ вже не роби́ли, якъ не захо́жувались, якъ бісиківъ не пуска́ли! такъ ні: на о́дну й не гля́нувъ, не то́ щобъ узя́въ одъ яко́і стёжку у ко́міръ. Часте́нько було́ у-ночі затурготи́ть у віко́нце.

— Хто тамъ? — спита́ Ива́нъ Ула́совичъ (такъ вже тепе́ръ ёго́ зва́ли).

— Я, дя́дьку, — защебе́че тоне́нькимъ голоско́мъ: — Пара́ска, бу́дте ласка́ві, одчиніть та да́йте вогню́!

Одчи́нить Ива́нъ Ула́совичъ, увійде молоди́ця, ви́гребе изъ пе́чі жа́ру и засвітить світло. Така́ росхрістана, підти́кана, звісно якъ у ночі. Гля́не на се́бе, та й засоро́митця, сама́ бъ то не зна́е, що́ роби́ть: запа́скою гру́ди закрива́е. А тамъ я́кось смілі́ше ста́не и роспи́туе:

— Якъ вамъ, дя́дьку, не обри́дне одно́му спа́ти? Чомъ ви не оже́нитесь?... Ей же Бо́гу, пра́вда.

Ива́нъ Ула́совичъ и не слу́ха, що́ вона́ ёму́ верзе́; тільки візьме іі тихе́нько за плече́ та й ска́же:

— Идіть вже, йдіть, ато́ вого́нь пога́сне.

Та и въ день не ду́же соро́мились: яка́ не́будь молоди́ця ви́провадить у по́ле свого́ чоловіка, гулькъ — и несе́ ми́тель до Ива́-

на Ула́совича, та й захо́жуеця змива́ти ёму́ го́лову, и рука́ва засу́куе до сами́хъ плічъ, а ру́ки такі по́влі, ніжні та білі, якъ пшени́шне тісто. (Звісно, чортя́ка підво́дить, бо самъ зъ Ива́номъ Ула́совичомъ нічо́го не вдіе).

— Не тре́ба, не турбу́йся, — ка́же Ива́нъ Ула́совичъ: — я й самъ собі го́лову змию.

— Ну, такъ я вамъ поська́ю, — ка́же молоди́ця. И за́разъ ся́де и заго́рне пла́хту, щобъ не наму́ливъ щоки́ объ жорстку́ оде́жину. А тонко́го полотна́ соро́чка такъ и обхва́туе пи́шне стегно́; на такій поду́сці не погре́бавъ би виспатись и самъ салта́нъ Турецький. Та ба! не такъ запра́вила зъ-малку бабуся Ива́на Ула́совича.

Наступи́ла вісімна́дцята весна́, після то́го якъ Ива́ну Ула́совичу приви́джувалась та чудо́ва дівчина, — и досі незабу́въ іі, буцімъ вчо́ра ба́чивъ, и до́сі не одірва́въ іі одъ свого́ се́рця.

Після́ свято́і неділі, зібра́вши ху́ри, Ива́нъ Ула́совичъ зъ наймита́ми ру́шивъ у Кримъ за сіллю. Тепе́реньки вже вінъ не таки́й бувъ, якъ коли́сь шве́ндявъ по степу́ у сімря́зці; тепе́ръ вже вінъ, якъ бага́тий хазя́інъ, у брилі, у блаки́тному жупа́ні, шовко́вимъ по́ясомъ підпере́заний, таки́й зъ ёго чоловъя́га, що и панъ не ду́же бъ ставъ передъ нимъ ки́рпу гну́ти.

Иду́ть вони́ вже ти́ждень. Звісно, чумаки́ за́вжди руша́ють до зхідъ со́нця, щобъ захопи́ти холодку́. Отъ, разъ підняли́сь вони́ ще удо́світа; тільки ви́рівнялись у стрічку, а тутъ якъ насу́не туманъ, таки́й густи́й, що въ двохъ ступня́хъ неви́дко чоловіка. Зійшло́ со́нечко и рознесло́ той тума́нъ; ди́влятця, ажъ загуби́ли доро́гу. Були́ вже хотіли верта́тись наза́дъ, такъ Ива́нъ Ула́совичъ и ка́же:

— Ідте вже, невели́кий кругъ зро́бимо; тутъ, мо́же, бу́де яка́ осе́ля, — роспита́емо та й ви́хопимось на свій шляхъ.

Ідуть собі та ідуть, — вже бъ пора́ и скоти́ну попа́сти, — такъ нема́ жъ водопо́ю. Ива́нъ Ула́совичъ иде́ собі стороно́ю и ду́мку гада́, усе́ одно́ на умі, ажъ чу́е — фурщики́ гука́ють.

— Дя́дьку, а дя́дьку: ось крини́ця!

Гля́нувъ Ива́нъ Ула́совичъ, ажъ знако́ма крини́ця, а біля не́і стоіть та сама́ дівчина, що вісімна́дцять літъ тому́ стоя́ла, и та́къ са́ме на ёго ди́витця, та́къ са́ме ёму́ й усміха́етця, якъ тоді диви́лась и усміха́лась. Якъ вінъ іі поба́чивъ, то ажъ гру́ди ёму́ за-

ложи́ло, и степъ круго́мъ ёго покоти́вся. Бли́зитця вінъ до не́і, а самъ о́комъ не змигне́, зъ очей не спуска́, щобъ не зни́кла.

— Ажъ ось відкіля́ узялись! — обізва́лась дівчи́на: — куди́ жъ ви ділись, ді́дьку, якъ я підхо́дила до васъ?

— Де?... коли́!... пита́ Ива́нъ Ула́совичъ. Ажъ задріжа́въ, почу́вши ії голосо́къ.

— Ура́нці, біля тернівъ; несла́ во́ду, а ви сидите́ під ку́щикомъ и такъ пи́льно на ме́не ди́витесь; я й ду́мала, чи не хо́чете напи́тись, подаю́ вамъ гле́чикъ зъ водо́ю, та й кажу́: »на здоро́вья!« ажъ гулькъ — нема́ нікого!...

— Моя́ голу́бонько,— ка́же Ива́нъ Ула́совичъ, узя́вши дівчи́ну за бі́лі ру́ченьки,— не мене́ ти ба́чила, не мі́ні й воду́ підно́сила, а моій душі! Вісімнадцять лі́тъ тому́, отта́къ-са́ме и на сімъ мі́сці ти мині привиджувалась! Вісімнадцять лі́тъ тільки объ тобі й думавъ, одну́ тебе́ вино́шувавъ у моє́му се́рці! — Де жъ ти жи́вешъ,— пита́ вінъ, ди́влячись у ясні о́чі своєі су́женоі,— де вита́ешъ, моя́ го́рличко?

— Живу́ у ба́тька-въ ма́тері тутъ недале́чко у бальці біля ставо́чка.

— Якъ же тебе́ зва́ти?

— Оле́сею, — одві́тила дівчина.

— Эге́, отъ воно́ що!— такъ я бувъ у те́бе й на христи́нахъ. Чи жи́ві, чи здорові твоі ді́ди — ба́тько, ма́ти?

— Хвали́ть Бо́га, усі жи́ві й здорові!

— Ходімъ же, моя́ су́жена, до нихъ за благословеннемъ!

Обняли́сь якъ голубья́точка и пішли́ собі; а надъ ни́ми такъ и въе́тця ча́йка, якъ надъ гніздо́мъ, якъ надъ діточками, и квили́ть и кигика́; а якъ дійшли́ вони́ до ха́ти, то ча́йка підняла́сь у го́ру, усе́ ви́ще, ви́ще, по́ки не зни́кла. Такъ уку́пі, побра́вшись за ру́ки, и ввійшли́ у ха́ту.

— Здорові були́, лю́ди до́брі! гукну́въ Ива́нъ Ула́совичъ:— а пізнава́йте, хто до васъ прийшо́въ?

Стара́ тільки гля́нула, за́разъ и пізна́ла.

— Се,— ка́же,— той па́рубокъ, що колись захо́дивъ до насъ, та привиджувалась ёму́ яка́сь дівчина.

— Ось яка́ привиджувалась дівчина, — ка́же Ива́нъ Ула́совичъ, гля́нувши на Оле́сю. — Яко́ю ії тогді ба́чивъ, тако́ю й тепе́ръ

знайшóвъ!... Такъ благословіть же, бо сáмъ Богъ вже насъ благословúвъ!

Поблагословúли їхъ старі якъ слідъ; помолúлись Бóгу, и посідáли, щобъ усé дóбре сідáло. Олéся такъ и тýлитця до Ивáна Улáсовича, такъ и дúвитця ёму́ у вічі, ненáче давнó ёго́ знáла, ненáче давнó ёго́ кохáе. Хто бъ на нихъ ні глянувъ, то зáразъ би пізнáвъ, що Господь давъ імъ на двохъ однó тільки сéрце.

Не дóвго сидівъ Иванъ Улáсовичъ, забрáвъ усіхъ зъ худóбою, бо вонú жилú підсусідками, та й повізъ до сéбе. Поіхавъ за сіллю, а привізъ хлібъ изъ сіллю!

Отъ вамъ и кінéць! Нідлячого казати, що вонú булú щаслúвими; не дáромъ же старі людú кáжуть:

»Когó Богъ зъіднáвъ,
»Тому́ й щáстя давъ!«

Олекса Стороженко.

ГОЛКА.

За да́вніхъ ча́сівъ, колись на Вкраїні, були́ лю́де, що не признава́ли надъ собо́ю ніяко́ї вла́дзи. Ко́жний зъ нихъ мавъ ста́ршого за во́рога, рівного за бра́та, бо въ тій рівні поважа́въ само́го се́бе, вла́сну самоистность, а ме́ншихъ мавъ за би́дло, прахъ, сміття. Усе́, що Госпо́дь ще́дрою руко́ю розси́павъ по світу, усе́ те поба́чили бъ у іхъ пала́цахъ, а круго́мъ тихъ пала́цівъ неприкри́ті халу́пи, обідраний, голо́дний и холо́дний людъ. Усе́ до́бре и чу́ле, чимъ наділя́ Госпо́дь чоловіка, даючи́ ёму́ се́рце и ду́шу, усе́ те въ нихъ заплило́ гле́емъ чва́нства, ганьби́ и нена́тлі. И якъ то чу́дно усе́ въ нихъ зложи́лось и перекори́лось: проповідували во́льность, неподле́глость, а тимъ ча́сомъ чухра́ли батога́ми свою́ жъ-таки́ шля́хту. Пали́ли сло́боди, вибива́ли наро́дъ ти́сячами, и пла́кали надъ іхъ безголо́вьямъ. Строіли манастирі, костёли, а ду́ші свої губи́ли у тяжки́хъ гріха́хъ. На втіху собі, стріля́ли, па́ли́ли и вішали люде́й, безъ вини́ кара́ли; безъ заслу́ги награжда́ли, для своє́і кори́сті переганя́ли на ле́мбикъ чоловічі слёзи, трудови́й пітъ и кровъ, щобъ зъ відра́ добу́ти хочъ одну́ кра́плю зо́лота. Хочъ би́ увесь світъ зъ людьми́ вверхъ дномъ перевернувся, тільки бъ імъ було́ до́бре, тільки бъ усе́ роби́лось по іхъ во́лі, якъ імъ схотілось. Ши́роко и дале́ко простяга́лась та во́ля; здае́тця, якъ-би́ вона́ вста́ла, то й не́ба бъ доста́ла!... А зна́ете, лю́ди до́брі, якъ зва́ли тихъ люде́й?... По́льскими магна́тами!...

Роскажу́ вамъ де́-що, про одного́ изъ сёго́ кола магната, про Пото́цького, що колись живъ у Тульчи́ні. Мо́же, ви чува́ли, що вінъ на своєму віку́ вироблявъ? Немилосе́рдний вінъ бувъ до всёго́ лю́ду, а найгірше до жидівъ. Для своє́і втіхи чого́ вінъ зъ

ними не виробля́въ?... Було́, намалю́е ву́глемъ на стіні чортя́ку, се бъ то *ча́рний кіть*, та й принево́лює жи́да улуча́ть того́ кота́ каміньця́ми, роспа́леними въ комінку́. Тільки жидъ доторкне́тця до каміньця́, и репету́е: »вай-вай!« попікъ серде́шний па́льці, а той ёго́ канчуко́мъ: »улуча́й«, ка́же, »Иродівъ си́ну, а не то — до сме́рти зачухра́ю!« Нічого́ робить, хапа́ небора́къ камене́ць, шпурне́; коли́ невлу́чить,—бъе жи́да за те, що промахну́всь, а влу́чить, зновъ шмага́: »за що«, ка́же, »бъешъ *ча́рнёго ко́та*?« Та такъ и гра́етця зъ нимъ, якъ кітъ зъ мишшю, по́ки не замордуе бідола́шного Шму́ля до полусме́рти. Разъ встре́ливъ вінъ жи́да — не свого́, а другого́ яко́гось пана, такого́ жъ магната́, якъ и самъ. Та ще якъ куме́дно и встре́ливъ! Давъ жи́ду дука́ть, та й ка́же: »лізь-лишéнь на вербу́ и ку́кай.« Жидъ злізъ, тільки ку́кнувъ разъ, вдру́ге, а Пото́цький приложи́вся, якъ торо́хне, такъ вінъ серде́шний пукъ о́бъ землю: тутъ ёго́ й чорти́ вхопи́ли. »Глянь«, ка́же Пото́цький, »ку́ка на вербі, а я ду́мавъ що зозу́ля, та й встре́ливъ«. Отъ панъ того́ жи́да и розсе́рдився за се на Пото́цького: »якъ«, ка́же, »ти осміливсь встре́лить мого́ жи́да? хиба́ у те́бе ма́ло своіхъ?« Ба́чите, вступи́всь за чоловіка!.. Такъ Пото́цький звелівъ накла́сти цілісіньку фу́ру жидівъ, та ще зве́рху и рубле́мъ, якъ снопи́, пригнітивъ и одіславъ до того́ пана, одписа́вши: »не се́рдься, голу́бчику, отъ тобі за одного́ цілу ко́пу посила́ю!« Буває́ло й таке́, що, деколи вертаючись зъ полюва́ння, въ осінню те́мну нічъ, запа́лить сло́боду, щобъ ви́дко було́ ёму́ доро́гу, доіхать до свого́ пала́цу. Разъ подоба́лась Пото́цькому яка́сь ду́же га́рна молоди́ця, та не піддала́сь: чого́ вже вінъ ій не дава́въ, якъ біля́ не́ї не захо́жувався. Отъ чортя́ка и вхопи́въ за се́рце магна́та: призва́въ до се́бе яко́гось дотепного маляра́ Вло́ха, и звелівъ ёму́ списа́ти зъ тіе́ї коза́чки патре́тъ. Якъ скінчи́въ Влохъ той патре́тъ, отъ и принісъ ёго́ до Пото́цького; привели́ й молоди́цю. Гля́нувъ магна́тъ на не́ї и на патре́тъ, — стоя́ть передъ нимъ якъ дві сестри́: оби́дві такі жъ и га́рні, и смутні, и тимъ же го́рдимъ по́глядомъ на ёго́ ди́вляться. До́вго Пото́цький диви́вся на патре́тъ, а тамъ пону́ро гля́нувъ на коза́чку, та й каже: »Ба́чишъ, якъ я поважа́ю твою́ красоту́! и уну́ки поба́чять, яка́ ти була́ га́рна; а за те, що твоє́ се́рце не приклони́лось до мого́ кохання, ти повинна́ сме́рти: коли́ не мині, то не доставайся жъ нікому́!...« Ви́хопивъ изъ-за по́яса писто́ль, та й застре́ливъ небо́гу!...

Такъ оттакий-то бувъ дзиндзиверъ-зухъ Потоцький!... Теперъ вже, якъ почуете про мою *голку*, то вона не здастця вамъ за брехеньку. Отъ слухайте.

Кілька миль одъ Тульчина, коло одного маёнтка Потоцького, живъ зъ жінкою, зъ дітьми, небагатий шляхтичъ панъ Кондратовичъ. Мавъ вінъ кілька морґівъ земельки, фольварочокъ, добре працював, и, хвалити Господа, не прохавъ ні у кого хліба. Розсердився на его за щось экономъ того маёнтка, панъ Тридурський, а кожний зъ экономівъ тежъ удававъ зъ себе Потоцького, та й вигнавъ бідного шляхтича, зъ жінкою зъ дітьми, изъ власної хати. Що робить бідолашному шляхтичу? не запозиватьця жъ ему зъ магнатомъ. Отъ вінъ осідлавъ коника, и поіхавъ собі въ Тульчинъ до самого Потоцького, щобъ здатьця на ласку и правду его ясновельможности.

Не доіжаючи милю до Тульчина, Кондратовичъ здалека побачивъ поіздъ Потоцького. Самъ вінъ іхавъ попереду, а за нимъ цілий шкадронъ жовнірівъ, козаківъ, доіжачихъ, стременнихъ и псарівъ зъ гончими и хортами. Дуже зрадівъ Кодратовичъ, побачивши Потоцького: »се«, дума, »самъ Господь посила его міні; може вінъ ласкаво мене вислухае и звелить вернути заграблену худобу.« Зупинивъ коня, знявъ шапку и стоіть собі, не осмілився самъ и підъіхати до гетьмана. Ажъ ось самъ Потоцький шпигнувъ коня острогами и підскочивъ до Кондратовича.

— *Хто вєтесь?* спитавъ Потоцький.

— Шляхтичъ, ясневельможний пане, одвітивъ Кондратовичъ, нахиляючись ажъ до луки.

— *А маєшъ голку?* зновъ спитавъ Потоцький.

Кондратовичъ випъявъ банькі, дивитця ему у вічі, не зна, що й казати.

— *Машъ голке, гунствотъ, лайдакъ?* гримнувъ Потоцький, и брови нахмурівъ и почервонівъ: вже й розсердився! такъ зразъ его чортяка и вхопивъ за серце.

— *Нема*, ясновельможний пане, одвітивъ Кондратовичъ.

— *Нема!* крикнувъ Потоцький, ажъ зубами заскреготавъ. — *Патшай*, каже, показуючи застромлену въ рукаві голку, обкручену нитокю, якъ буває у кравцівъ, — *патшай*, я граба Потоцький, коронний гетьманъ, надъ панами панъ, мамъ сто городівъ, и въ мене е голка, щобъ часомъ—розірвеця—зашить, а ти—

ла́нець, безшта́нько, и въ те́бе нема́?... А ну́те, хло́пці, да́йте ёму́ *въ шку́ру*.

Не дали́ ёму́ бі́сові котолу́пи и сло́ва промо́вить, стягли́ раба́ бо́жого съ коня́, и почали́ чухра́ть канчука́ми; а Пото́цкий ди́витця та пригово́рює:

— Отта́къ ду́рнівъ вчять та на ро́зумъ наво́дять! отта́къ и ти вчи и лупи́ іхъ вла́сною моє́ю руко́ю!

Мо́же бъ ще бі́льше всипали небора́ку, такъ на ёго́ ща́стя схопи́вся за́йчикъ; отъ Пото́цький поки́нувъ Кондрато́вича и чкурну́въ за куце́нькимъ. Не схамену́всь бідола́ха Кондрато́вичъ, відкі́ль ёму́ и ли́хо скла́лось; ду́мавъ знайти́ защи́ту, пра́вий судъ, а знайшо́въ, ні за що́, ні про що́, лю́ту ка́ру. »Отъ тобі«, ду́мае, »й па́нська пра́вда! запозива́й тепе́ръ магна́та до Бо́жого суда́!..« Запла́кавъ серде́шний и поіхавъ у Тульчи́нъ до свого́ ро́дича, що служи́въ у Пото́цького коню́шимъ. Приіхавши, розказа́въ ёму́ усе́, якъ було́, якъ ёго́ Триду́рський огра́бивъ и якъ Пото́цький одчухра́въ.

— Яка́ жъ тепе́ръ у те́бе ду́мка? пита́ ро́дичъ.

— Отъ яка́, ка́же Кіндрато́вичъ: — тепе́ръ мині вже не до земе́льки; неха́й вона́ чорта́мъ достае́тця; жінку зъ дітьми оддаю́ на во́лю Бо́жу, а самъ — пропаду́... а вже оддя́чу дия́вольскому си́ну!

Нічого каза́ть, завзя́тий таки́ зъ біса бувъ Кондрато́вичъ, не зъ то́го деся́тку, що го́ють свою́ спи́ну чужи́ми дука́тами. Та ще, нівро́ку ёму́, и здоро́вий бувъ: на одну́ ру́ку трёхъ би таки́хъ вклавъ, якъ Пото́цький.

— Не жури́сь, ка́же ро́дичъ, — оддя́чишъ, коли́ вже тобі такъ того́ схотілось: я тобі й пора́ду дамъ. Чи ти зна́ешъ ту капли́чку, що въ кінці́ па́рка?

— Якъ не знать! одвітивъ Кондрато́вичъ; самъ ажъ затруси́всь одъ ра́дости.

— Отъ у сю жъ капли́чку, ка́же ро́дичъ, — Пото́цький, переряди́вшись ста́рцемъ, що-субо́ти хо́дить одмо́лювать, у Поча́евськоі Богома́тери, гріхи́, що за ти́ждень назбира́ютця. За́втра субо́та, уста́нешъ ране́нько, то тамъ ёго́ засту́каешъ, якъ со́тника въ горо́сі, и що́ душі твоій схо́четця, те зъ нимъ и зро́бишъ.

Кондрато́вичъ, почу́вши се, якъ на світъ народи́вся. За́разъ и ви́гадавъ, що́ ёму́ роби́ти. Вели́ка ра́дість для чоловіка — помогти́ тому́ во́рогу, которо́го покара́ла зла́я годи́на, а ще бі́льша —

оддя́чить мо́цному во́рогу. Здае́тця, кара́ешъ ёго́ не за одно́го себе́, а за всіхъ, за все те ли́хо, що вінъ ро́бить лю́дямъ. Ище́ чорти́ не би́лись навкула́чки, якъ Кондрато́вичъ, узя́вши до́брий малаха́й, потя́гъ у па́рку до капли́чки. Не дохо́дячи до не́і зъ півго́нівъ, забра́вся въ гущи́ну, та й стереже́ Пото́цького, якъ той кітъ мишъ. Тільки почало́ тро́шки розви́днюватьця, ажъ чу́е Кондрато́вичъ — щось залопотіло; ди́витця,—иде́ Пото́цький, таки́й обі́рваний та обшарпаний: у сімря́зці, ище́ й зъ то́рбою черезъ плече́. Кондрато́вичъ и духъ притаївъ, о́комъ не змигне́, ди́витця — у́війшо́въ Пото́цький у капли́чку и ставъ моли́тьця. То простя́гнетця *криже́мъ*, то кулака́ми въ гру́ди себе́ стусу́е, то ру́ки догори́ підійма́ — живи́й на не́бо лізе. Уста́въ Кондратовичъ, ажъ тру́ситця, такъ ёму́ закортіло напи́тьця тиі по́мсти. Давъ Пото́цькому тро́шки помоли́тьця, а тамъ увійшо́въ у капли́чку, уда́ривъ кілька покло́нівъ и ставъ го́лосно моли́тьця:

— *Найсвятіша Ма́тка*, ка́же, а самъ своє́ ду́ма: — пошли́ уся́кого ща́стя, здоро́вья, талану́ и довголіття дідичу на́шому, ясновельмо́жному па́ну Пото́цькому, за те, що вінъ насъ ду́рнівъ вчить и до ро́зуму дово́дитъ! Нехай вінъ и діти ёго́ пану́ють надъ на́ми до кінця́ світу!

Пото́цький притули́вся въ куто́чку и слу́ха; ажъ обли́зуетця, якъ ма́сломъ по душі ёго́ ма́же тіе́ю моли́твою; за́разъ пізна́въ, що се той шля́хтичъ, кото́рому вчо́ра зада́въ вінъ шва́би. Скінчи́вши моли́тву, Кондрато́вичъ оберну́всь до Пото́цкого и пита́:

— А що́ ти тутъ ро́бишъ, ста́рцю?

— Моли́вся, вельмо́жний па́не, — одві́тивъ Пото́цький, низе́нько вклони́вшись и затуля́ючись то́рбою, щобъ ча́сомъ не пізна́въ ёго́ шля́хтичъ.

— *А машъ го́лку?*

— Бачъ, яки́й розу́мний, поду́мавъ Пото́цький, — ма́буть вже у ёго и го́лка е.

— Чи машъ го́лку? гу́нствотъ, ла́йдакъ! гри́мнувъ Кондрато́вичъ, ви́звірившись на Пото́цького.

— Німа, вельмо́жний па́не, одві́тивъ Пото́цький, а самъ мерщій до двере́й, — ду́мае, отъ собі на́ ли́хо навчи́въ чоловіка, щобъ не зада́въ мині такі́ї прочу́ханки, якъ я ёму́ вчо́ра.

— Німа! кри́кнувъ Кондрато́вичъ, простя́гуючи ру́ку. — Ось ди́вись, ка́же: — я гонорови́й шля́хтичъ, мамъкілька мо́рґівъ зем-

лі, два кóні, корóву, чотúрі свині, — и у мéне е гóлка, щобъ не ходúть обірванцемъ, а ти гультіпáка, лáнець, безштáнько, а въ тéбе немá?!..

Та се кáжучи, хапъ его за чубъ! віхрúвъ, віхрúвъ, дáлі гóлову міжъ коліна, ну ёго́ шмагáть малахаéмъ; шмагá, шмагá, а самъ приговóрює: »Оттáкъ бáтько нашъ Потóцький звелівъ дýрнівъ вчить, и на рóзумъ навóдить! не я тéбе бью, а бье влáсна ёго́ рукá!« Супóнивъ, супóнивъ, пóки вінъ не зомлівъ. Вдовольнúвши сéрце й дýшу, Кондратóвичъ плюнувъ на Потóцького, та й пішóвъ собі до рóдича.

— А щó? спитáвъ рóдичъ, побáчивши Кондратóвича.

— Знáтного перегóну задáвъ, кáже Кондратóвичъ усміхáючись: — бýде згáдувать ту гóлку по суботáхъ!

— Тікáй же швúдче, — атó, щобъ вінъ на шúбиниці тебé ще не провітривъ!

— Зá що?... хибá жъ не самъ вінъ звелівъ мині дýрнівъ вчить! Аджé жъ я трощúвъ не ёго́, а стáрця и ще влáсною ёго́ рукóю? Та куди́ жъ и тікáть одъ Потóцького? Хибá на тóй світъ, а на сімъ не схóваесся!

— Та воно́ такъ, — тільки гледи́: ти самъ знáешъ, що у тихъ магнáтівъ такá прáвда, якъ у цúгана сорóчка: и корóтка и лáтана. И прáвда та у нихъ, якъ кий въ руці: якúмъ кінцéмъ схóче, тимъ и вдáрить.

Оттáкъ поговорúвши, та й прислýхуютця, якá бýде чýтка объ Потóцькому. Ажъ ось, зайшóвъ до рóдича зъ двóру *служóнцы* и кáже, що гетьмáнъ вчóра на полювáнні трóшки *застудився* и занедýжавъ.

На другúй день, тільки вернýлись зъ костёла, ажъ прибігъ козáкъ.

— Чи тутъ, питá, — гостює панъ Кондратóвичъ?

— Тутъ, — кáже рóдичъ, — а нá що вамъ?

— Гетьмáнъ клúче до сéбе: нехáй швúдче йде!

Сміло пішóвъ Кондратóвичъ до Потóцького, дýмае собі: щó бýде, те бýде, а бýде те, щó Богъ дасть.

Тільки побáчивъ ёго́ Потóцький, зáразъ и крúкнувъ:

— А щó, чи маешъ тепéръ гóлку? — Тільки вже спитáвъ не такъ, якъ тоді, а лáскаво, усміхáючись.

— Маю, ясне-вельмóжний пáне! одвітивъ Кондратóвичъ, покáзуючи гóлку.

Гляну́въ на нéі Потóцький — ненáче не бáчивъ, а тамъ вже не тільки óчі, и спúна бáчила ту гóлку.

— А чи не трапúлось тобі ще — навчúть якóго-нéбудь дýрня? питá гетьмáнъ, а самъ пúльно дúвитця на Кондратóвича.

— Якъ не трапля́лось, ясне-вельмóжний пáне? сміло одвітýе Кондратóвичъ: — вчóра у капли́чці спіткáвъ якóгось стáрця и дóбре одшмагáвъ, — дóвго бýде згáдувать ту гóлку.

Тутъ Потóцький ставъ роспúтувать Кондратóвича, відкіля́ вінъ и зачúмъ приíхавъ. Отъ вінъ и росказáвъ ёмý усé, щó трéба. Гетьмáнъ ласкáво ёгó вúслухавъ, узя́въ листъ папéру, щось написáвъ, та й кáже:

— Озьмú сей *рóзказъ* и оддáй ёгó *глувнéму* экономý, то все зрóбитця, якъ тобі й не сни́лось!

Кондратóвичъ подя́кувавъ гетьмáну, поцілувáвъ пóлу ёгó кýнтуша и пішóвъ въ кантóру. Тільки прочитáвъ той листъ глýвний экономъ, якъ вúтріщитця, якъ крúкне:

— Кілька літъ служý ёгó ясновельмóжності, а вінъ міні десяти́ грóшей не подарувáвъ, а тутъ чортъ-бáтька-зна-комý и завіщо, даé и грóші и зéмлю!

— Се жъ моя́ земля́, кáже Кондратóвичъ, — ще бáтьківська. Не свою́ даé, а ту, що панъ Тридýрський загрáбивъ!

— Розкáзуй — не свою́!... Потóцький звелівъ въ придáчу до твоéі землі дать у-трóе стільки, и ще двісті дукáтівъ, отъ-що!

— Такъ тобі жаль чужúхъ грóшей, а не жаль чужóі спúни? Позавчóра Потóцький всúпавъ міні двісті канчуківъ, а сёгóдні одсúпавъ двісті дукáтівъ: такъ покýштуй пéрше канчуківъ, та тоді вже и завúдуй лáсці ёгó ясновельмóжности.

Забрáвши грóші и *рóзказъ* до пáна Тридýрського, Кондратóвичъ подя́кувавъ рóдича за порáду и поíхавъ собі до-дóму, весéлий и щаслúвий. Хочъ спúна ще не загóілась, такъ дýмка жъ и сéрце вже не щемíло.

Не пройшлó и тúжня пíсля́ тóго, якъ поíхавъ Кондратóвичъ, прибíгъ панъ Тридýрський до Потóцького, и пуць ёмý въ нóги.

— Змúлуйся, ясно освіцóний пáне, заголосúвъ: —ися кревъ, гýнтсвотъ Кондратóвичъ вíку міні збáвивъ, до полусмéрти зашмагáвъ канчукáми, трóхи головú не відкрутúвъ зъ чýбомъ.

— За́ що? спита́въ Пото́цький.

— Чорти́ ёго́ ба́тька зна́ють, за́ що! стрівъ мене́ одного́ у лі́сі, та й пита́: »*машъ голке*?« Нема́, кажу. А вінъ якъ кри́кне: »Ахъ ти голодра́бець! на́тшай, ка́же, пока́зуючи застро́млену у рукаві го́лку: я зъ ла́ски па́на Пото́цького обива́тель, а ти на́ймитъ, припле́нтачъ, и въ те́бе нема́?« за чубъ мене́, стягъ съ коня́ и дава́й трощи́ть. Та ще й приго́ворюе: »Отта́къ ба́тько нашъ Пото́цький звелівъ дурнівъ вчить и на ро́зумъ наво́дить! не я тебе́ бью, а бье ёго́ вла́сна рука́!«

Панъ Тридурський ду́мавъ, що Пото́цький, почу́вши се, розлюту́етця и звели́ть повісить Кондрато́вича, а Пото́цькому и байду́же: рего́четця собі, ажъ за живітъ бере́тця. Тридурський, щобъ ёго́ розжа́лобить, розка́зуе, яка́ важка́ рука́ у Кондрато́вича. А Пото́цький ще гіршъ сміе́тця, ажъ ніжками дрига́ та рего́четця. Де́ бъ то ёму́ не знать, яка́ тамъ рука́ у Кондрато́вича! Да́лі, якъ натішився въ во́лю, и пита́ па́на Тридурського.

— А въ якій ти шко́лі вчився?

— Въ Минжиріцькій, у Піа́рівъ, ясне-вельмо́жний па́не, ка́же панъ Тридурський.

— А якъ ти до́бре вчився и слу́хавъ своіхъ *паучицьлівъ*, — чи була́ тобі за се яка́ винагра́да?

— Якъже! па́тери вішали мині на ланцюжку́ мідну бля́шку, а ма́ти годува́ла марципа́нами съ мигдала́ми.

— Ну, якъ ве́рнесся жъ въ маёнтекъ, то за́разъ одішлю́ Кондрато́вичу сто дука́тівъ за те́, що вінъ до́брий у́чень.

Панъ Тридурський було́ сприча́тьця, такъ куди́! Пото́цького не переспо́ришъ: що́ вінъ разъ сказа́въ, то такъ и бу́де. Его́ во́ля усімъ зако́нъ, вінъ и самъ ій кла́няетця, якъ той хлопъ па́нові.

До́вго втіша́лись тіе́ю го́лкою. Дала́сь вона́ не одно́му въ зна́ки, не одного́ шпигну́ла. Було́, якъ хто хо́че одда́чить свому́ во́рогу, то й присіка́етця до ёго: »чи машъ го́лку?« Якъ нема́, то й бье и товче́ ёго́. А жа́луватьця до Пото́цького хочъ не ходи́: посмі́ється, ще́ и гро́шей дасть тому́, хто бивъ. Було́, якъ одъ чо́рта хресто́мъ, такъ одъ леда́чого чоловіка, одъ яко́го-не́будь прочва́ри, оборона́лись тіе́ю го́лкою. Хто бъ куди́ не іхавъ, не хліба не візьме на доро́гу, а вже го́лку застро́мить у рука́въ.

Оле́кса Стороже́нко.

ПРОСТАКЪ,

ИЛИ

ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ, ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Сочиненіе Василія Аѳанасьевича Гоголя,

(ОТЦА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.)

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Читающему обществу было извѣстно, что отецъ знаменитаго Н. В. Гоголя писалъ комедіи на украинскомъ языкѣ для представленія ихъ на домашнемъ театрѣ своего родственника, бывшаго министра юстиціи, Дм. Пр. Трощинскаго. Въ моихъ *Запискахъ о жизни Гоголя* помѣщены были даже отрывки изъ нихъ, но памяти почтенной матери поэта. Но этихъ отрывковъ было недостаточно для того, чтобы судить о степени комическаго дарованія Василія Аѳанасьевича. Случай спасъ отъ утраты одну изъ его пьесъ, которую *Основа* спѣшитъ сохранить какъ дорогой памятникъ родной словесности.

Комедія *Простакъ* написана прекраснымъ украинскимъ языкомъ, обнаруживающимъ въ авторѣ близкое знакомство съ людьми, выведенными имъ на сцену. Въ которомъ именно году она сочинена, намъ еще неизвѣстно, но весьма возможно, что — прежде *Москаля-Чарівника* и *Наталки-Полтавки*. Такимъ образомъ, имя Гоголя связано съ первымъ стремленіемъ Украинцевъ — образовать народный театръ. Стремленіе это, въ авторѣ *Простака*, выразилось почти такимъ же способомъ, какъ и въ Котляревскомъ. То было беззаботное время для помѣщиковъ, когда онъ мирно процвѣталъ въ своемъ хуторѣ (разросшемся впослѣд-

ствіи въ село). Извѣстный порядокъ гражданской и общественной жизни, заведенный въ Россіи и усвоенный украинскими дворянами, достигъ тогда возможно-успокоительнаго совершенства и казался нормою, изъ которой выходить не слѣдовало. Помѣщики вели жизнь—говоря вообще—веселую, и, какъ роскошь еще не поистощила ихъ средствъ, увеличенныхъ правительственными пожалованіями ихъ дѣдамъ, отцамъ и имъ самимъ (какъ, напримѣръ, Трощинскому), то у нихъ хватало средствъ навсѣзатѣи. Устроить домашній театръ, завести собственный оркестръ—въ тѣ времена было дѣломъ довольно-обыкновеннымъ и не встрѣчало ни въ комъ Катоновскаго осужденія.

Недалеко еще отошли отъ насъ десятилѣтія благодатной помѣщичьей жизни, но взглядъ на жизнь и самая жизнь измѣнились въ Украинѣ почти до невѣроятности. Мы еще помнимъ, какимъ *вельможею* жилъ, въ живописной Качановкѣ (Майорщинѣ), Гр. Ст. Т—скій, какая гремѣла у него музыка, какъ разыгрывали крѣпостные украинцы произведенія знаменитыхъ нѣмецкихъ виртуозовъ. Умеръ вельможа, вступилъ во владѣніе наслѣдникъ его дворца, построеннаго графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, и первымъ его дѣломъ было — распустить доморослыхъ артистовъ, какъ людей, вовсе ненужныхъ для новаго помѣщичьяго быта.

Тоже самое произошло и въ знаменитыхъ Кибинцахъ, —этихъ Аѳинахъ временъ Гоголева отца. Нѣтъ больше въ Кибинцахъ домашняго театра; нѣтъ музыки; нѣтъ многолюдныхъ помѣщичьихъ съѣздовъ. Одна только обширная библіотека, свидѣтельствуетъ, что тамъ жили, чувствовали и мыслили, согласно съ духомъ своего времени. Говорятъ, что старикъ Трощинскій нелишенъ былъ любви къ родинѣ, что онъ дѣлалъ много добра землякамъ, по своимъ связямъ съ столичною знатью, что къ простому народу онъ относился, какъ помѣщикъ, очень кротко; любилъ слушать украинскія народныя пѣсни и даже, иногда, прослушавъ извѣстную *Чайку*, заливался горькими старческими слезами. Тѣмъ не менѣе былъ онъ человѣкъ XVIII вѣка и баринъ, созданный по французскимъ образцамъ русскихъ баръ. Отъ этого взглядъ его на простонародье ни коимъ образомъ немогъ быть глубже, нежели и у вельможи Т — скаго. Рано было образоваться серьёзному взгляду на хлѣборобовъ въ то время, когда у всѣхъ въ ушахъ еще раздавалась пѣсня:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ!

когда общая всей Европѣ государственная система такъ прочно, по-видимому, установилась, а объ общественномъ началѣ въ исторіи и въ государственной жизни никто почти и не заикался. По недавно еще существовавшимъ понятіямъ объ *обществѣ* и о томъ, кого сдѣдуетъ разумѣть подъ гражданскимъ обществомъ, мы можемъ судить, какъ въ тѣ безмятежныя времена должны были самые добрые и умные люди смотрѣть на простого поселянина. Доброта ихъ доходила, подъ вліяніемъ Жанъ-Жака Руссо, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера и другихъ французскихъ гуманистовъ, до того, чтобы присматриваться съ любовью къ *дѣтямъ природы* и подавать имъ помощь отъ избытковъ богатства, пожалуй — даже поднять ихъ бытъ до подобія съ своимъ собственнымъ (какъ и дѣйствительно пробовали это сдѣлать нѣкоторые бары посредствомъ новоизобрѣтенныхъ домиковъ, соломенныхъ шляпокъ и т. п.); но видѣть въ мужикахъ произведеніе старой исторіи и дѣятелей исторіи грядущей, смотрѣть на нихъ, какъ на временно-бездѣйствующихъ сограждавъ и сотрудниковъ общаго національнаго дѣла, — куда!... осмѣяли бы тогда философа съ подобными убѣжденіями, въ томъ самомъ кругу, который разыгривалъ комедіи изъ простонароднаго быта и гдѣ народная пѣсня исторгала кой-у-кого горячія слезы.

Эта-то узкость взгляда на то, что составляетъ *общество*, *народъ* и *націю*, и была причиною, что люди съ большими литературными способностями, каковы Гоголь-отецъ и Котляревскій, производили въ области простонародной словесности такъ мало и такъ слабо, сравнительно съ писателями ихъ времени, пересаженными изъ украинской почвы на великорусскую и изъ области темнаго демоса въ область сословія образованнаго. Эта узость взгляда, мало разширившагося и во времена Гоголя-сына, не дала и ему обнять украинскую жизнь полнѣе, затруднила ему изученіе украинской народности, убѣдила его слишкомъ рано, что на украинскомъ языкѣ писать не слѣдуетъ, а наконецъ и совсѣмъ вывела его творчество изъ сферы украинской. Талантъ его не могъ преодолѣть трудностей, представляемыхъ самою техникою дѣла, въ тѣ времена болѣе нежели сомнительнаго, но не могъ также удовлетвориться и формою *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода*. Инстинктъ, указывающій писателю, чѣмъ именно, въ какой именно формѣ, онъ можетъ сильнѣе дѣйствовать на современниковъ, внушилъ ему заняться предметами, которые были ясны для него, какъ день, и для изображенія которыхъ подготовленъ былъ для него языкъ Пушкинымъ и множествомъ другихъ писателей. Но возвратимся къ его даровитому отцу.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени, — вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы, ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ не мудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самого положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь-сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія.

Извѣстно, какую роль игралъ въ то время произволъ родителей или иныхъ, еще болѣе властительныхъ, лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая молодая женщина, очутясь женою глуповатаго и лѣнивaго старика, говоритъ слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дьячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, — тѣмъ болѣе, что дьячки при тогдашнемъ состояніи бурсъ были, большею частію, люди, изуродованные навѣки... Солдатъ, служившій въ-прóголодь, какъ водилось лѣтъ съ полстотни назадъ, — попавъ къ мужику въ хату, преслѣдуетъ самые насущные свои интересы... Pauvre diable, онъ пускается на смѣшныя штуки, — иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ.

Содержаніе пьесы Гоголя-отца почти то самое, что́ у Котляревскаго въ *Москаль-Чарівникъ*. Мы не знаемъ навѣрное, которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если *Москáль-Чарівникъ*, то комедія Гоголя-отца сбавляетъ много цѣны произведенію Котляревскаго. Если же Гоголь-отецъ взялъ сюжетъ *Москаля-Чарівникá* и обработалъ его по-своему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлывая написанныя уже пьесы, устраняли ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь.

У Котляревскаго хозяинъ хаты — зажиточный чумакъ, а роль Ловласа играетъ *судовый паничъ*. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего,

что бы можно было поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго; а между тѣмъ изъ этого выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относился къ народу, какъ отецъ Гоголя. Молодая жена, принимающая у себя, въ отсутствіе мужа, жалкаго канцеляриста, у него — женщина, не возбуждающая къ себѣ никакого участія, и даже болѣе того... Онъ вывелъ на сцену хозяйку чумацкой хаты съ пятномъ, вовсе не характеристическимъ, тогда какъ Гоголь-отецъ, относясь къ народу въ чистотѣ собственныхъ понятій о мужчинѣ и женщинѣ, заставляетъ своего солдата-постояльца, взглянувъ на мужа влюбленной въ дьячка молодицы, сказать про себя: »Неужели это ея мужъ?.. Ну, такъ она не совсѣмъ виновата.« Въ этихъ словахъ мы слышимъ, можетъ быть, безсознательный протестъ автора противъ современнаго ему порядка вещей, при которомъ сплошь да рядомъ могли существовать жертвы невольной супружеской жизни.

Съ другой стороны, чумакъ, возвратившійся съ дороги, играетъ, у Котляревскаго, роль простака вовсе неумѣстно. Чумаки въ нашемъ простонародьи — самые развитые люди. Не такъ-то легко провести ихъ солдату-постояльцу! Не таковы они въ домашнемъ быту на дѣлѣ, какъ Чупрунъ, Котляревскаго, въ комедіи. Совсѣмъ другое видимъ у Гоголя-отца. Здѣсь представленъ настоящій дурень, идіотъ-лѣнтяй, который способенъ былъ повѣрить и тому, что поросенокъ можетъ поймать зайца. Такого хозяина хаты весьма естественно дурачить солдату-постояльцу, (имѣя ввиду собственныя выгоды), для достиженія своей цѣли.

Самое изображеніе солдата у Гоголя-отца вышло мягче, артистичнѣе. Онъ не забылъ, что такое солдатъ, какъ существо человѣческое. У него о солдатѣ сказано нѣсколько такихъ словъ, которыя, между прочимъ, показываютъ и добродушіе нашего народа, рѣдко заглушаемое въ концѣ внѣшнимъ гнетомъ, и приходящею извнѣ нравственною заразою.

Словомъ, *Простакъ*, Гоголя-отца, во всѣхъ отношеніяхъ выше *Москаля-Чарівника* и можетъ быть названъ *первою* украинскою комедіею.

П. Кулишъ.

ПРОСТАКЪ,

или

ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ,

ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Романъ, малороссійскій козакъ, простой и лѣнивый.
Параска, жена его, женщина молодая и хитрая.
Соцкій, кумъ Параски.
Дьячекъ, любовникъ Параски.
Солдатъ переходящей команды.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ малороссійскую избу.

Романъ, *одинъ, поднимаясь со скамейки и представляя разслабленного.* Врагъ ёго́ ба́тька зна́е, здае́тця, я ищé не ду́же й стари́й, а зовсімъ охря́въ, такъ що ні нігъ, ні рукъ не чу́ю, нена́че поби́тий. *(Зѣваетъ).* Ка́жуть лю́де, що мене́ баглаі напа́ли... мо́же прокля́ті й баглаі; тільки жъ я уже́ ду́же да́вній — я уже́ бувъ дебе́лимъ па́рубкомъ, якъ на́ші козаки́ на Ли́нію въ похо́дъ ходи́ли.—Дай Бо́же ца́рство па́ну-со́тнику: для ме́не ду́же панъ до́брий бувъ—всіхъ козаківъ у похо́дъ ви́турливъ,—а мене́ та́къ уподо́бавъ, що оста́вивъ до́ма и повелівъ сви́ні па́сти, — отоді-то міні́ ро́скішъ була́! Не знавъ я нія́кого діла; а тепе́ръ и не зду́жаю, да тре́ба роби́ти, щобъ стара́ не ля́яла. *(Садится).* Спаси́бі Бо́гу, що зайшла́ десь, а то́ бъ уже́ давно́ до́сі скребла́ мо́ркву. *(Зѣваетъ и чешетъ себѣ спину).*

ЯВЛЕНІЕ II.

РОМАНЪ и ПАРАСКА.

Параска *входитъ.* Не лиха́ годи́на! оцце́ ти й до́сі чухма́рисся, и не прийма́вся за робо́ту! Го́ре міні́ съ тобо́ю! всі лю́де,

якъ лю́де; а ти, мовъ ви́родокъ яки́й, сиди́шъ ці́лий день у ха́ті, згорну́вши ру́ки. Отъ уже́ черезъ твоє́ недба́льство дожили́сь до то́го, що нічого й їсти.

Романъ. А що́ я тепе́ръ бу́ду роби́ти?

Параска. Тибъ ставъ у ко́го молоти́ть за коро́бку.

Романъ. А я́къ ёго́ тепе́ръ молоти́ти? аджé ба́чишъ, що мо́кро.

Параска. Дакъ ти́ бъ найшо́въ дру́гу яку́ робо́ту. Онъ, якъ кумъ Вакýла: нікóли не сидúть безъ ділá; и сёгóдні ранéнько потя́гъ у пóле.

Романъ. Чого́ въ поле́?

Параска. По зайці.

Романъ. Якъ по зайці? у ёго нема́ ні хортівъ, ні тенітъ, ні ручни́ці.

Параска. Отто́-то й ди́во. Вінъ порося́мъ ло́вить зайці.

Романъ. Якъ порося́мъ?

Параска. Да такъ. Учóра пішóвъ після обідъ да й принісъ двохъ зайцівъ.

Романъ. Дай ёго́ чести! я, да́либі, впе́рше зъ-ро́ду чу́ю, що порося́тами ло́влять зайцівъ!

Параска. Що́ ти почу́єшъ, або́ поба́чишъ, на печі ле́жачи, мовъ кабáнъ у прóсі? а я тобі хочъ забожу́сь що відъ мого́ кова́ного кабанця́ не втече́ ні одúнъ за́сець. Оце́ колúсь зацькува́ли були́ ёго́ попóвичі собáками:—якъ же курнýвъ відъ нихъ, дакъ ні однá собáка и не догнáла!

Романъ. Уже́ що метки́й, то метки́й! Лúха — мáтері утнýть ёго́ попóви собáки. Оце́ колúсь, якъ молотúвъ я на току́, а вінъ добрáвсь до вóроха да й уплітáе гре́чку, такъ що, якъ-би́ не Пóкотъ туди́ пригодúвся, то, пóки бъ я піднявъ ціпъ, щобъ ёго́ зацідúти, то ні пáнцура бъ не остáлось гре́чки. Уже́ чóртового бáтька у кýма бýдуть швúдчі порося́та!

Параска. Отъ бачъ! Чого́ жъ тобі ще́ тре́ба? Ось піди́ лишъ лýччe въ пóле, якъ мáешъ лежáти, чи не дасть Бігъ и намъ оскоро́митися хоть зáячиною.

Романъ. Да инóсе; тільки не знáю, чи побіжúть кова́ний за мнóю.

Параска. Де жъ ти ба́чивъ; щобъ порося́ бігло за чоові-

комъ? Ти возьмй ёго́ въ мішо́къ, а якъ поба́чишъ за́йця, тоді й ви́пусти.

Романъ. Хиба́ въ мішо́къ! Такъ піди́ жъ—піймай, а я обу́юсь.

Параска, *всторону*. Отта́къ ду́рнівъ обма́нюють! *(къ Роману)*. Обува́йся жъ ху́тче. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Романъ *одинъ садится среди сцены и достаетъ постолы*. До́бре бъ було́, якъ-би́ піймавъ я за́йця! *(Натягивая постолы.)* Э... Э... не еретичі ёго́ й постоли́! якъ же поссиха́лись! *(Обовязывая волокою, урываетъ оную.)* Отта́къ же! Гай, гай! дай ёго́ че́сти! Оттепе́ръ у ли́ха гра́ти!... Жінко!... жінко!... Пара́ско!... Параско́!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОМАНЪ и ПАРАСКА.

Параска. Чого́ ти такъ репету́ешъ, нена́че навіже́ний?

Романъ. Чого́ ти репету́ешъ!... чо́ртъ-ма́ волоки!

Параска. Дакъ що́ жъ бу́демъ робити?

Романъ Чи нема́ де ременця́ або́ мотузочки?

Параска. Біда́ мені съ тобо́ю! На́ хоть поворозку, да обува́йся ху́тче, бо нера́но.

Романъ. О, яка́ жъ бо ти швидка́ ду́же!... Адже́ ба́чишъ, я́къ постоли́ поссиха́лись! наси́лу нацу́пивъ.

Параска. Чому́ жъ ти не ви́мазавъ?

Романъ *вдругъ опускаетъ руки*. Не ви́мазавъ!... А якъ-би́ ви мазала сама́? Не вели́ка еси́ па́ні!

Параска *перерываетъ рѣчь его*. Го́ді жъ, го́ді! не во́зомъ тебе́ зачепи́ла.

Романъ. То́-то, ба́чишъ! *(Встаетъ.)*

Параска, *подавая сірякъ*. Ну, на́, надіва́й сіря́къ.

Романъ, *поднимая штаны*. Стрівай!

Параска. Уже що прово́рний, то прово́рний! Тебе́ бъ тільки за сме́ртю посила́ти.

Романъ, *надѣвая сірякъ*. Коли́бъ такъ ще́ чимъ підпереза́тьця.

Параска, *подавая поясъ*. Ке́-лишъ, я підпережу́ тебе́.

Романъ. Дóбре, дóбре... *(Параска подпоясываетъ.)* Чи нема́, Парáсю, поснідать?

Параска. Ищé й снідать! Я кажу́, що ти пóки зберéсся, то й смéркне. *(Даетъ кусокъ сухого хльба.)* На́ шматóкъ хліба. Якъ піймáешъ зáйця, то въ пóлі и поснідаешъ.

Романъ *прячетъ хльбъ за пазуху.* Оттепéръ зовсімъ козáкъ! тільки закури́ть лю́льку, да хочъ и у Кримъ.

Параска, *про себя.* Уже́ козáкъ, то козáкъ! Годи́вся бъ у конóплі на опу́дало.

Романъ, *надѣвая шапку.* А дé жъ кова́ний?

Параска. У сіняхъ.

Романъ. У мішку́?

Параска. Да дже жъ не якъ! у мішку́. Да гляди́ тільки, не задуши́.

Романъ *накладываетъ люльку и крешетъ огонь.* Коли́бъ же такъ, що тільки въ пóле, а тутъ и заецъ!—Да я колúсь якъ козакувáвъ, то съ сóтникомъ разівъ зóдва бувъ на охóті и тютю́кать дóбре навчúвся я. Було́ зберу́ть насъ чоловіка двáдцять абó и більше, и запу́стять у лісъ съ кийкáми, и вже чóртового бáтька зáець улéжить! Якъ гуконý було́: »эй, тю-тю́, тю-тю́!« то ажъ лúстя зъ дýба посúплетця.

Параска *про себя.* Коли́бъ бувъ тогді ти лóпнувъ!

Романъ. Що́ ти кажешъ?

Параска. Да то́ я кажу́: »нехáй тобі Бігъ помагáе!«

Романъ. О, спасúбі тобі, моя́ голу́бко! Гляди́ жъ, наварú обідать. *(Уходитъ.)*

Параска. Дóбре, дóбре! *(Про себя.)* Істимешъ лихóі мáтері. Наварúла, да не для тéбе.

Романъ, *въ сѣняхъ.* А ти тутъ, кова́ний! *(смѣется глупо.)* Отъ куди́ вона́ ёго́ затúрила!

Параска *смѣется.* Проноси́ лишъ, ду́рню, кова́ного въ пóле.

Романъ. Да й важке́ жъ зъ біса, яростúче порося́!

ЯВЛЕНІЕ V.

Параска. Ха, ха, ха!... Отъ коли́ дурни́й!... Якъ-такú порося́мъ ціймáти зайця?... Бідний Романъ! ёго́ нетру́дно обману́ть: хто що́ скáже, то вінъ и повірить. Мені вже й жаль, що кова́-

ний надса́дить ёму́ ба́бехівъ, да нічого́ робúть: такъ розлéжався, що ніякъ не вúманишъ ёго́ изъ ха́ти. Неха́й лишъ тро́хи провітритця. До́бре, що мене́ кума́ надоумúла, я́къ Рома́на вúпровадити зъ до́му. Вона́ дала́ мені и за́йця, щобъ ёго́ обманúть, бу́дто принісъ кова́ний, да незна́ю, чи до-ладу́ воно́ бу́де... Да вже жъ, що́ бу́де, то бу́де, а я зъ дяко́мъ погуля́ю. *(Садится прясть.)* Колúбъ тілько не забарúвся мій чорня́вий Хома́ Григо́ровичъ. *(Поетъ:)*

Вя́не ви́шня, посиха́е,
Що росте́ підъ ду́бомъ:
Со́хну, ча́хну такъ неща́стна,
Живучú зъ нелю́бомъ.
Прийди́, ми́лий, утри́ слёзи,
Що я пролива́ю,
Бо одра́ди ніяко́і
Більшъ въ свíті не ма́ю.

При концѣ послѣдняго куплета, входитъ Дьякъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЬЯКЪ и ПАРАСКА.

Дьякъ *входитъ, дѣлаетъ знакъ удивленія, слушая пѣсню, а при концѣ оной:* Ей-ей, ангельскій гласъ!

Параска, *увидѣвъ.* Охъ мінí лúхо!

Дьякъ. Радуюсь сердечно... тое-то душевно, что слишу гласъ веселія вашего сердца и нижайшій отдаю вамъ, Параскева Пантелимоновна, добри́день.

Параска А се ви, Хома́ Григо́ровичъ? Цуръ же вамъ, якъ ви мене зіяка́ли!

Дьякъ. Азъ есмъ, тое-то... да гдѣ же вашъ возлюбленный сожитель?

Параска. Пішóвъ по зайці.

Дьякъ, *про себя.* Сія оказія для меня сладка, яко медъ дивій. *(Къ Параскѣ.)* Такъ вамъ удалась выдумка Онисіи? Онъ... тое-то, якъ ёго́... направилъ стопы своя на дібраву: тамъ бо есть прибѣжище заяцомъ. Съ оружіемъ или... тое-то... съ дрекольми?

Параска. И, ні! съ кова́нимъ кабанцéмъ.

Дьякъ *смѣется.* Хе, хе, хе! Не мечите бисера предъ сви-

ніями. Сіе есть чудо неизглаголанное... Но вы, здается мнѣ, якобы творите надо мною глумленіе.

Параска. Ні, да́лебі що пра́вда. Потя́гъ у по́ле скілько ви́дно.

Дьякъ. И такъ вы посвятили своего Романа въ патентовые мысли́вці?

Параска. Неха́й лишъ тро́хи провітритця, ато́ вже такъ розле́жався, що не хо́че ні-за-віщо й приня́ться.

Дьякъ. Ей-ей, премудро! Дакъ теперь безъ всякаго претковенія можно мнѣ насладитися всевозлюбленнѣйшею бесѣдою съ вами?

Параска. Що́ таке́?

Дьякъ. Моя сладчайшая! вы не внемлете глаголу моему.

Параска. Одже ви, Хома́ Григо́ровичъ, такъ гово́рите по письме́нному, що я и не второ́паю.

Дьякъ. Я... ей, ей, не изберу глагола къ уразумленію васъ въ страстехъ моихъ, которыми любовь моя со дня воззрѣнія на васъ на поклонахъ воспламенила мое сердце.

Параска. Да́либі, я не зна́ю, що́ ви ка́жете.

Дьякъ. О, Боже мой! ка́къ не уразумѣть глагола моего и не догадаться, что я, то-есть, яко олень къ источнику, къ вамъ прибѣгаю.

Параска. Що́? Оле́на?

Дьякъ. Яка́я тутъ Оле́на? Боже мой! я возлюбихъ васъ всѣмъ сердцемъ и душею.

Параска. Не зна́ти, що́ ви вига́дуете! Я проси́ла васъ, Хома́ Григо́ровичъ, прийти́ протверди́ть ту пісню, що ви мене́ на христи́нахъ у дя́дини учи́ли, а ви мині прова́дите не зна́ти що́.

Дьякъ. Очень до́бре; изрядно. *(Всторону.)* Гласомъ моимъ воззову къ ней и въ пѣснѣ возвеличу ея. *(Къ Параскѣ.)* Приклоните ухо ваше и внемлите гласу моему.

Параска. А ну́те, ну́те!

Дьякъ поетъ:

Я люблю тебя и стражду,
Но отрады не сыщу;
Зрѣть тебя всегда я жажду,
И очей не насыщу;
Быть хощу всегда съ тобою
И съ тобой всегда вѣщать,

Наслаждатись красотою
И словамъ твоимъ внимать.
Жизнь съ тобою провождати —
Нѣтъ утѣхи мнѣ иной,
И тебѣ не милымъ стати—
Нѣтъ мнѣ горести другой.
Ты едина составляешъ
Радость и печаль мою,
Ты едина заставляешъ
Рѣчь сказать меня сію.

Параска *вторитъ за Дьякомъ ту же пѣсню.* Я люблю, тебя и стражду, *и проч.*

Дьякъ. Ей-ей прекрасно! вы совѣршенно изучились сему сладкому пѣнію.

Параска. Спасибі вамъ, Хома́ Григо́ровичъ! Да якъ ви хо́роше співа́ете ба́сомъ!

Дьякъ. Такъ, такъ, моя возлюбленная. А какое же вы сотворите мнѣ воздаяніе?

Параска. Я для васъ варе́ноі наварила и ку́рочку спекла́.

Дьякъ. Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; но... тое-то... щедроты ваши не суть совершенны.

Параска. Що́ таке́?

Дьякъ. То́ есть—бремя тяжкое отяготѣ на мнѣ;—нѣсть мира въ костехъ моихъ; слякохся до конца, по вся дни сѣтуя хождахъ.

Параска. Одже я ба́чу, що ви, Хома́ Григо́ровичъ, въ хма́ру захо́дите.

Дьякъ, *вздыхая.* Охъ!...

Параска. Чого́ ви такъ ва́жко здиха́сте?

Дьякъ, *про себя.* Ей-ей, не знаю, какими глаголами вскрыть мнѣ страсти сердца моего: языкъ мой прильпе гортани.

Параска. Що́ вамъ, Хома́ Григо́ровичъ, ста́лось? *(Про себя.)* Чи вінъ не скази́вся?

Дьякъ, *прихилившись къ стѣнѣ, берется рукою за сердце, воздыхаетъ.* О, духъ немощи овладѣша мною.

Параска. Вамъ, ма́буть, ну́дно, Хома́ Григо́ровичъ? мо́же, у васъ со́ннишниця або́ завійниця? ви́пийте-лишъ ча́рочку запіка́нки. *(Становитъ на столъ горілку. Вдругъ слышитъ лай собачій.)* Охъ міні ли́хо! хтось иде́! По́котъ не да́ромъ бре́ше! *(Выглядывая въ окно.)* Отъ бі́да! Со́цький, да ще зъ москале́мъ, якъ разъ сюди́ прямуе́тця.

Дьякъ. Проклятіи люди! тое-то... яко скимны рыкающий! Теперь мнѣ остается сотворити благо и направити стопы моя во свояси. *(Хочетъ уйти.)*

Параска. Стрівайте лишъ, Хома Григоровичъ, послухайте мене. Теперъ соцькому багацько діла: москалі вийшли въ село сёгодні, дакъ ёму треба кватирі відводить; то вони не довго тутъ будуть... Сховайтесь підъ привалокъ.

Дьякъ. Ей-ей, премудро!

Параска. Швидче жъ ховайтесь, бо вже вони въ сіняхъ. *(Подбираетъ его подъ привалокъ и закрываетъ рядномъ.)*

Дьякъ, *подъ привалкомъ*. Ахъ Боже мой! якъ презрядно, еслибы и вы, Параскева Пантелемоновна, здѣсь со мною обитали!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПАРАСКА, СОЦКІЙ и СОЛДАТЪ.

Соцкій. Помайбі вамъ!

Параска. Здоровенькі були, пане куме!

Соцкій. А кумъ де? чи вже на пічъ забрався, або, може, сёгодні съ печи и не злазивъ?

Параска. Да нема дома.

Соцкій. А дежъ вінъ?

Параска. Пішовъ у поле.

Соцкій. Оце, мабуть, уже насильне его витурлила.

Солдатъ. А что же, здѣсь мнѣ квартира?

Соцкій *къ солдату*. Здѣсь, тутича. *(Къ Параскѣ.)* Кумо, оце вамъ постоялець... да глядіть, щобъ у васъ все гаразда було.

Параска. Охъ, мині лихо!

Солдатъ, *скидая амуницію*. Не бойсь, хозяюшка: я добрый человѣкъ; наше дѣло солдатское. Намъ много ненадо: курица къ обѣду, а другая къ ужину; а если и лавренками накормишь, то сердиться не стану; отъ меня ты худа не услышишь.

Параска. Якъ-би було! *(Къ соцкому.)* Що оце ти, куме, робишъ? ти жъ обіцався не ставить у насъ постою!

Соцкій. Постій, кумо, не варуй. На сей разъ ослобонить тебе відъ постою, далебі, не можна: всі хати заняли, а въ иншій по два и по три. Народъ и такъ на мене враждуе, що доколи васъ обминаю; да и жъ тобі и москаля привівъ предоброго. Вінъ

стоя́въ у сва́та мого́ въ Ракосі́чі, и сватъ мій нимъ не нахва́литця.

Параска. Бі́дна мо́я голо́вко! а я хоті́ла ха́ту ма́зать!

Соцкій. Або́ пожениха́тьця съ кимъ безъ Рома́на.

Параска. Не знать що́ ти, ку́ме, вига́дуешъ! Я не зна́ю, якъ у те́бе язи́къ не заболи́ть, отаке́ ме́лючи. *(Къ солдату.)* Мо́же бъ ви, служи́вий, відпочи́ли?

Солдатъ. Ладно, хозяюшка; однакожъ дай мнѣ прежде чего покушать.

Параска. Що́ жъ вамъ дать? ми вже пообі́дали.

Солдатъ. Ну, чево-нибудь на первой случай, а тамъ ужъ прійдемся дѣлать лавреники. Вить я ужъ болѣе года стою въ Малороссіи вашей и самъ ихъ дѣлать научился.

Соцкій. Отъ ба́чишъ, ку́мо, яки́й моска́ль мото́рний! вінъ тобі и варе́никівъ наро́бить. *(Увидя водку, для дьяка приготовленную.)* А се що́ въ пля́шці?

Параска, *про себя*. Охъ мині ли́хо! и забу́ла схова́ти! *(Къ соцкому.)* Да се для Рома́на отиска́ла, щобъ почастува́ть, якъ ве́рнетця съ по́ля.

Соцкій, *грозитъ пальцемъ*. Эй, ку́мо! ти ли́хомъ, бачу́, гра́ешъ...

Параска. Ище́ чого́ чи не бу́де? Уже́ ти мині допікъ своіми ви́гадками.

Соцкій. Ну, го́ді жъ, го́ді, ку́мо! *(Вынимаетъ изъ кармана деньги)*. На́ тобі гро́ші да купи́ для свого́ Рома́на, а ми сю ви́пьемъ съ служи́вимъ. *(Садится, наливаетъ въ чарку горілку и потчиваетъ солдата)*. Прошу́ ви́пить, па́не служи́вий.

Солдатъ, *беретъ чарку*. Ай да пріятель! Здраствуй, любезный! *(Выпиваетъ.)* Сватъ твой... *(Утираетъ усы.)* какъ бишъ ево?

Соцкій. Ове́рко. *(Наливаетъ горілку въ чарку.)*

Солдатъ. Да́ да́, да́, Веве́рко, Веве́рко!... Правду сказать, такихъ людей мало нынича на свѣтѣ.

Соцкій, *взявъ въ руки чарку*. Неха́й же ёму́ лего́нько икне́тця. *(Выпиваетъ.)*

Параска, *про себя*. Щобъ васъ чортъ забра́въ зо всімъ ва́шимъ ро́домъ!

Солдатъ. А хозяюшка?

Соцкій. Пріська.

Солдатъ. Да́, Приска!... Дай Богъ ей здоровье—какъ мать родная. Право, такихъ хозяевъ не сыщешь во всемъ бѣломъ царствѣ.

Соцкій *наливаетъ въ чарку горілку.* Ку́мо, ви́пий лишъ и ти ча́рку за здоро́вье сватівъ моіхъ.

Параска. Да спаси́бі, ку́ме! не турбу́йтеся мно́ю.

Соцкій. Чого́ ти такъ зажури́лась? Що Рома́нъ пішо́въ у по́ле? Вінъ шви́дко бу́де. На́ лишъ ви́пий, прошу́.

Параска. Не хо́чу, да́либі не хо́чу.

Соцкій. О, яка́ жъ бо ти зати́нчива! Почасту́й же насъ *(подаетъ ей чарку)*, коли́ сама́ не хо́чешъ.

Параска, *беретъ въ руки чарку и пля́шку и подноситъ соцкому.* Изволяйте, па́не ку́ме.

Соцкій. Въ рука́хъ ма́ете.

Параска. Неха́й же здоро́ві бу́дуть Ове́рко и Пріська. *(Кланяется и немножко надпиваетъ скривившись; доливаетъ чарку и подноситъ Соцкому.)*

Соцкій *показуетъ ей, чтобы она поднесла солдату.* Прошу́ ви́пить, па́не служи́вий.

Солдатъ, *взявъ въ руки рюмку.* Да здраствуетъ Веверко и Прицька!

Соцкій *смѣется.* Утя́въ Панька́ по шта́няхъ!... Якъ, я́къ, моска́лю?

Солдатъ. Какъ? Да здраствуетъ Веверко и Прицка!

Соцкій *смѣется, а потомъ опять наливаетъ чарку.* Га́рно ти, моска́лю, навчи́вся говори́ть по-на́шому. *(Выпиваетъ, встаетъ и выходитъ на средину сцены.)* Га́рно, моска́лю, га́рно!... Де ти такъ навчи́вся?

Солдатъ. Да все же у твоего свата, не только говорить, но и пѣть научился вашихъ хохлацкихъ пѣсень.

Соцкій. Чи ба́чишъ! *(Протирая усы.)* А ну, будь ласкавъ, моска́лю, заспіва́й, яко́і тамъ сватъ мій навчи́въ тебе́. Я всі ёго́ пісні зна́ю и самъ колись було́ співа́ю.

Солдатъ. Изволь. *(Поетъ.)*

Ахъ въ полѣ могила
Съ вѣтромъ разговаривала:
Не дуй, вѣтеръ, ты на меня,
Чтобъ я не почернѣла.

Соцкій *смѣется до уморы.* Га́рно, моска́лю, га́рно! Ну, вже втявъ до гапля́ківъ! Се вже кра́ще відъ тіёі, що, »въ горо́ді

бузина́, а въ Ки́еві дя́дько, за те тебе́ полюби́ла, що на руці пе́рстень.«

Солдатъ *продолжаетъ.*

Чтобы въ рѣкѣ не плодилась рыба
За то, что я за Дунай заѣхалъ.

Соцкій *смѣется до уморы.* Ха, ха, ха! ой, ой, ли́шенько! Го́ді, го́ді, моска́лю! будь ла́скавъ, го́ді, а то́, далибі, кишки́ порву́ відъ сміху!

Солдатъ. Чево ты смѣешся?

Соцкій. Да я́къ же не сміятьця? ти не знать по я́кому співа́ешъ.

Солдатъ. А какъ же?

Соцкій. Слу́хай, я тобі заспіва́ю *(поетъ.)*

У по́лі моги́ла
Зъ вітромъ говори́ла:
Не вій, вітре, ти на ме́не,
Щобъ я не чорніла.
Ні вітеръ не віе,
Ні со́нце не гріе,
Тільки въ степу́ при доли́ні
Трава́ зеленіе.

(Музыка. Потомъ:)

Соцкій. А що́, моска́лю, чи такъ сватъ мій співа́въ тобі?

Солдатъ. Да́, да́, точно такъ.

Соцкій. То́-то, мосьпа́не! а ти не втнешъ, да́ромъ що въ гу́дзикахъ.

Солдатъ. А знаешъ ли ты другую?

Соцкій. Яку́?

Солдатъ. Ахъ былъ, да нѣтутѣ, да поѣхалъ на мельницу.

Соцкій. Ха, ха, ха! Бода́й тебе́, моска́лю! А сіе́і жъ де́ ти навчи́вся?

Солдатъ. Эту часто поётъ-бывало Прицка.

Соцкій. Та, мо́же, не такъ?

Параска. Мо́же:

Ой бувъ, та нема́
Та поіхавъ до млина́?

Солдатъ. Да, да!

Ой былъ да німа
Да поіхавъ до мліна.

Соцкій. А ти зна́ешъ, ку́мо, сіéі?

Параска. Зна́ю.

Соцкій. Заспіва́й же намъ, се́рце.

Параска *поётъ. Соцкій аккомпанируетъ. Солдатъ танцуетъ. Когда Параска оканчиваетъ другой куплетъ,—*

Солдатъ. Ай да хозяюшка! Спасиба тебѣ *(хочетъ ее обнять.)*

Параска. Геть, моска́лю! не жарту́й! *(Отталкиваетъ его.)* Оцёго́ то вже я не люблю́ и—суча дочка́—коли́ не трісну такъ, що й о́чі ви́лізуть! Отъ якъ хо́роше! *(Поправляетъ очіпокъ.)*

Соцкій. Ось якъ воно́ співа́етця! Ба́чишъ, моска́лю? не такъ, якъ ти, мовъ коза́ въ шкви́рю.

Солдатъ. Да чортъ ево знаетъ; я долго учился, да мудрено, языкомъ-та не сладишь.

Соцкій. То вже такъ. Моско́вський язи́къ ду́же го́стрий, та ба́!

Солдатъ. Однакожъ я этакъ цѣлой день пробаю;—хозяюшка! да-ка чево нибудь закусить; ноги-та крѣпко болятъ отъ походу, нада отдохнуть.

Соцкій. Ку́мо, пошука́й лишъ тамъ у печі: чи нема́ борщу, або́ ка́ши, бо́ ква́ши! або́ лемішки, або́ пу́трі, або́ за́тірки, або́ соломахи, або́ пампушо́къ, або́ галушо́къ, або́ шуликівъ, або́ товче́никівъ. Уже́ жъ таки́ тре́ба москаля́ чимсь нагодува́ти.

Параска. Да́либі, ку́мочку, и въ печі не топи́ла.

Соцкій. Да́къ ки́нься да зварѝ чого-не́будь.

Солдатъ. Ну, нѣчево дѣлать, солдатское брюхо привыкло постничать *(ложится)*; послѣ хозяюшка меня накормитъ.

Соцкій. Гляди́ жъ, будь ласка́ва, ку́мо, щобъ ти, якъ моска́ль спочи́не, нагодува́ла служи́вого; я бъ ёго́ узя́въ до се́бе, дакъ у ме́не копита́нъ кватиру́е. Проща́й. *(Уходитъ.)*

Параска. Иди́ здоро́въ.

Соцкій *смотритъ на солдата.* Уже́ моска́ль и захріпъ. Знемігся, сердя́га, відъ похо́ду. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАРАСКА и ДЯКЪ.

Параска. Наси́лу у́бра́вся! Отъ чортъ госте́й принісъ не въ по́ру! *(Засматриваетъ въ глаза спящему солдату.)* Спаси́бі москалю́, и голо́дний засну́въ. *(Поднимаетъ рядно.)* Хома́ Григо́ровичъ! чи ще ви ту́та жи́ві?

Дякъ *выходитъ на цыпочкахъ со страхомъ, дѣлая знакъ Параскѣ.* А що́ служи́вий?

Параска. Спить, ажъ харчи́ть, мовъ чорти́ ёго́ да́влять.

Дякъ. Ей-ей, хорошее я дѣло здѣлавъ... тое-то... що укрився. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. А чтобы и паки не послѣдовало какое... якъ ёго́... преткновеніе, то тре́ба направить стопы своя—во-свояси.

Параска. Постріва́йте бо, Хома́ Григо́ровичъ! тре́ба-таки́ намъ хочъ варе́ноі покоштува́ти, бо вже вона́ и такъ прохоло́ла.

Дякъ. А развѣ вы оной не сокрушили со служивымъ?

Параска. Якъ изъ служи́вимъ? Оце́ неха́й Бігъ ми́луе! Я тільки для васъ, Хома́ Григо́ровичъ, навари́ла й напекла́. Сіда́йте лишъ. *(Ставитъ варену и кушанье.)*

Дякъ. Благодатная Параскевія! нѣтъ конца добротѣ вашей.

Параска *потчиваетъ дяка.* Изво́льте, году́йтесь; а то́ не вда́сця намъ ні попи́ть, ні поісти: моска́ль таки́й голо́дний лігъ, якъ соба́ка, и якъ проки́нетця, то самъ усе́ потріска. Пече́ню жъ хоть возміть съ собо́ю. Чи влізе ку́рка въ кише́ню? *(Смотритъ на карманъ.)* Охъ, яки́й же вінъ засмальцёваний... Да тутъ, бачу́, и са́ла кусо́къ.

Дякъ. Охъ, Боже мой! и забу́въ ви́нять. Се Онисія Гавриловна пожаловала на школу.

Параска *подходитъ къ окну и кричитъ.* Охъ міні ли́хо! Рома́нъ иде́! да ще й серди́тий! Оттепе́ръ біда! Що́ вінъ ска́же, якъ тебе́ заста́не? Уже́ и такъ вибива́е тобо́ю міні о́чі, що ти мене́ на у́лиці и́ноді зачіпа́ешъ, а тепе́ръ надса́дить міні бе́бехівъ, да и вамъ, па́не Хо́мо, не безъ біди́ бу́де.

Дякъ, *подбѣгая къ окну.* Тое-то... тое-то... яко... ко... ко... левъ рыкающій! Куди міні... тое-то... укрытися отъ поруганія?... Ей, ей, онъ сокрушитъ и кости моя!... куди міні укри́тися?

Параска, *прибирая съ стола варе́ну и кушанье.* Лізте шви́дче опя́ть пі́дъ при́валокъ.

Дякъ. До́бре, до́бре... тое-то... да какъ же избавлюся отъ поруганія?

Параска. Не бійтесь, Хома́ Григо́ровичъ: я уже́ ви́гадала, якъ дурно́го Рома́на обмани́ти. Я за́разъ ви́проважу ёго́ до дя́дька, а васъ тоді и ви́пущу.

Дякъ. Трудъ велій объяша мя.

Параска. Мовчіть, Бо́га ра́ди: Рома́нъ въ сіняхъ *(Вноситъ проворно зайца, кладетъ на столъ и сама садится прясть.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

РОМАНЪ, ПАРАСКА и СОЛДАТЪ.

Романъ *за кулисами.* Відчини́!

Параска, *отворяя дверь.* Чого́ ти репету́ешъ? Мовчи́, Бога ра́ди!

Романъ. Ось я тебе́ замо́вчу! На́що ти мене́ одури́ла, дідько бъ ути́сся твоє́му ба́тькові? *(Намѣреваетъ ударить)*

Параска *увертывается отъ удара.* Що́ ти ро́бишъ, навіже́ний?

Солдатъ, *лежа.* Хозяйка!

Романъ. Що́ се?

Параска. Поба́чишъ! Я тобі каза́ла, що мовчи́! Москаля́ поста́вивъ со́цький на кварти́ру: да тутъ таки́й презли́й! тро́хи не бивъ мене́: наси́лу ёго́ ублага́ла.

Солдатъ. Хозяйка!

Параска. Отъ и бі́да!... За́разъ.

Солдатъ. Не слыхать ли барабана?

Параска. Ні, не чуть.

Солдатъ *засыпаетъ.*

Романъ *осматриваетъ осторожно и усматриваетъ зайца.* Гля! за́ець! де вінъ узя́вся?

Параска Що́ ти ди́вишся, лу́паешъ?

Романъ. Де ти взяла́?

Параска. А се жъ той, що кова́ний принісъ.

Романъ. Чи спра́вді?

Параска. Буцімсь-то ти й не зна́ешъ?

Романъ. Да́либі и не зна́ю и не ба́чивъ!

Параска. Одже вінъ притя́ривъ ёго́ ажъ до поро́га.

Романъ. Ну, гара́здъ же! ато́ я зали́въ би тобі за шку́ру са́ла.

Параска. За віщо?

Романъ. Я ду́мавъ, що ти мене́ одури́ла; бо якъ ви́йшовъ у по́ле и тільки-що похили́въ до Стецько́вої ба́лки, ажъ мисли́вці пруть за́йця якъ разъ на ме́не. Я шви́дче зъ мішка́ кова́ного и дава́й тютю́кать во все го́рло. За́ець же потя́гъ туди́, къ Чми́ровій дуби́ні, а кова́ний пря́мо шляхо́мъ до села́.

Параска. То вінъ навпере́йми пішо́въ.

Романъ. Да ма́буть такъ: по тій же тропі и хортъ оди́нъ увяза́вся; а я́къ уже́ лови́въ ёго́ кова́ний, да́лебі не зна́ю, бо по́ки я ви́брався зъ ба́лки, то вже ні хортівъ, ні поросяти не ви́дно було́; я жъ такъ ухо́ркався, по́ки ви́брався изъ ерипу́дпної ба́лки, що ажъ сорочка мо́кра.

Параска. Да тутъ хло́пці каза́ли, що кова́ний піймавъ ёго́ біля Свири́дового вітрика́.

Романъ. Бачъ, ажъ де́ дійшо́въ ёго́ мій голу́бчикъ! тепе́ръ бу́де пече́ня.

Параска. Бу́де, тільки пі́ди́, мій Рома́не, покли́чъ дя́дька и тітку; бо воні́ зъ-ро́ду за́ячини не іли.

Романъ. Да ино́се.

Солдатъ *встаетъ и является на сцену, протирая глаза.* Что́ это за мужикъ?

Романъ. Да ми тутешні.

Солдатъ. Не хозяинъ ли?

Романъ. Даджежъ не хто—хазя́інъ.

Солдатъ *про себя.* Неужели это ея мужъ? Ну, такъ она не совсѣмъ виновата. *(Къ Параскѣ.)* Что́ же, хозяюшка, давай теперь чево покушать.

Параска. Що́ жъ тобі да́ти? онъ шмато́къ гречаника: іжъ, коли вку́сишъ.

Солдатъ. Нѣтъ ли чего повкуснѣе? небось, старика накормила.

Романъ. Ні, моска́лю! су́чий синъ, коли́ и ріска була́ въ ро́ті, а істи хо́четця такъ, що ажъ кишки́ ко́рчить, да да́сбігъчого́. Оце́ вона́, спаси́бі ій, дала́ шмато́къ гречаника, дакъ не вкушу́: не тобі ка́жучи, зубівъ уже́ лиха́-ма́ти-ма́е.

Солдатъ *про себя*. Бѣдный мужичокъ! *(Къ Параскѣ)* Такъ у васъ и хлѣба нѣту-тѣ?

Параска. А де же ёго́ взя́ти? тепе́ръ у насъ неврожа́й. Заробйла була́ тро́хи, да й той старйй попро́давъ.

Солдатъ. Какъ можно продать послѣдній хлѣбъ? это худо.

Романъ. А що́ жъ ма́ешъ робйти? де жъ би я гро́шей узя́въ на поду́шне? Заробйть не здужаю; нивкй и лiскй уже́ давно́ роспро́давъ; скотъ ніпо́чому; тільки що послiдній хлiбъ прода́ти, щобъ проклятi сіпа́кн не облива́ли на моро́зі холо́дною водо́ю. До́бре було́ колйсь, що прода́въ бу́зівка, та й росплати́вся; а тепе́ръ и коро́ву съ телямъ продаси́, — то тiлько хиба́ за половйну запла́тишъ, бо тепе́ръ та коро́ва, що тре́ба було́ рублiвъ со́рокъ заплатйти, бiльшъ не дадуть я́лишники, якъ рублiвъ де́сять. О таке́ тепе́ръ на свiтi наста́ло! де жъ намъ гро́шi бра́ти?

Солдатъ. Да какъ же ты живешъ?

Романъ. Ота́къ, мосьпа́не: що якъ запряде́ стара́ шмато́къ хлiба, то й iмъ; а тепе́ръ накйнувъ голова́ засіда́телськi мiтки пря́сти, то бiлше того́, що нахлищу́сь борщу́, да голо́дний и спать ля́жу.

Солдатъ. Да, худо, старикъ. Однакожъ хозяюшка насъ накормитъ.

Параска. Чимъ? хиба́ тря́сцею?

Солдатъ *про себя*. Постой же, плутовка, я тебя накажу. *(Къ Роману)* Ну, такъ я тебя, хозяинъ, накормлю; хочешь ли?

Романъ. Да спаси́бі, моска́лю; у ме́не да́либі ажъ се́рце боли́ть, що нiчимъ васъ нагодува́ти. *(Вынимаетъ изъ кармана деньги)*. Пара́сю! пiди́ лишъ купй хочъ чве́ртку; мо́же, служи́вий ви́пъе зъ доро́ги, да чи не добу́демъ хочъ у дяка́ паляни́ці: вінъ у насъ, ба́чця, чоловiкъ до́брий.

Солдатъ. Не трудись, старикъ, ненада ничего: я знаю, что ты до́брой человѣкъ (да безмозглой); у насъ будетъ что́ пить и ѣсть безъ денегъ; только чтобы вы обое меня слушали и все то́ дѣлали, что́ я скажу.

Романъ. До́бре, моска́лю. Я чоловiкъ нереті́вий.

Солдатъ. Послушай же: я буду ворожить, такъ вамъ надобно стать вотъ здѣсь и зажмурить глаза. Становитесь. *(Становитъ на срединѣ театра)*.

Параска. Що́ се бу́де? не зна́ти що́ моска́ль вига́дуе.

Романъ. Чи воно́ жъ, бу́дте ласка́ві, служи́вий, не грішно бу́де?

Солдатъ. Нѣтъ, ужъ я за то отвѣчаю. Становитесь.

Романъ. Да нóсе. Становúсь, Парáсю, тілько бу́дте ласка́ві, колúбъ воно́ не тéе...

Солдатъ. Не бойсь. Ну, зажмурь глаза.

Романъ, *зажмуривъ глаза*. Уже.

Солдатъ *чертитъ кругомъ ихъ палкою*. Беръ... баръ... даръ!

Романъ. Добро́дію служи́вий!

Солдатъ. Не бойсь. *(Чертитъ палкою, и говоритъ невнятныя слова)*.

Романъ. Постійте, су́дирь, бу́дте ласка́ві, постійте.

Солдатъ. А что́?

Романъ. Я не-наро́комъ и самъ не зна́ю, якъ росплю́щивъ о́чі.

Солдатъ. Экой ты! эдакъ и самъ пропадешъ, и мнѣ бѣды надѣлаешь.

Романъ. Уже́ бу́ду держа́ть руко́ю.

Солдатъ. Ну́, держи покрѣпче.

Романъ. А, до́бре. Парáсю! гляди́ жъ, не росплю́щъ очúць.

Солдатъ *между-тѣмъ выноситъ и становитъ на столъ кушанье и варену*. Ну, Романъ, теперь конецъ. Смотри сюда.

Романъ *смотритъ съ удивленіемъ*. Гля!

Параска *всторону*. Не еретúчий и моска́ль, яки́й же хúтрий!

Солдатъ. Ну, хозяинъ, милости просимъ покушать. *(Начинаетъ ѣсть)*.

Романъ *глядитъ на всѣ стороны*. Де воно́ взило́сь?

Солдатъ. Ну, садись да кушай. Ты никогда не ѣдалъ такъ вкуснаго.

Романъ. Чи воно́ жъ не грішно бу́де?

Солдатъ. Да вѣть я тебѣ сказалъ, что я отвѣчаю!

Романъ, *приступая со страхомъ къ столу*. Моска́лю, служи́вий! чи мінi мóжна перехрести́тьця?

Солдатъ. Пожалуй, крестись себѣ сколько хочешь.

Романъ *крестится и шепчетъ молитву*. А стра́ву мóжна перехрести́ть?

Солдатъ. Нѣтъ, не можно.

Романъ, *отступая назадъ*. Одже, да́либі мінi мóторошно.

Солдатъ. Не бойсь. *(Даетъ ему въ руки кусокъ).* Вотъ на, кушай.

Романъ, *принимаясь дрожащею рукою.* Господи, благослови *(и крестясь).* Да вже жъ, що бабі, то те й громади. *(Ѣстъ; къ Параскѣ)* Парасю! а ти жъ чому не ісй?

Параска. Нехай Бігъ милуе, щобъ я іла у пеклі варене.

Солдатъ [illegible]тъ *Параскѣ пальцемъ.*

Романъ *опускаетъ изъ руки кусокъ.* Чи воно жъ, служивий, у пеклі варилось?

Солдатъ. Да гдѣ бы ни было, намъ до того дѣла нѣтъ, лишь бы вкусно. *(Наливаетъ варену и даетъ Роману)* Нутка, выпей. *(Послѣ сего солдатъ встаетъ и идетъ къ Параскѣ).*

Романъ *надпиваетъ самъ и даетъ женѣ.* Ось покоштуй, Парасю, яке добре.

Параска. Да вже жъ, коли такъ, то й я буду исти; тільки будь ласковъ, служивий, змилуйся надъ нами, не погуби мене.

Романъ, *не вслушавшись.* Даджежъ сказавъ, що вінъ за все одвічае!

Солдатъ, *треня по плечу Параску.* Не бойсь, все будетъ ладно, только впередъ съ солдатами обходись лучше. *(Къ Роману).* Ну, Романъ, кушай.

Романъ, *уплетая жаркое.* Оттеперъ наівся, ажъ неначе на животі полегшало.

Параска *упрашиваетъ солдата выпустить дяка, и онъ соглашается.*

Солдатъ. Хорошо, изволь.

Романъ. Спасибі тобі, служивий, що ти направивъ трохи кендюхъ; тільки теперъ, мабуть, треба буде хату посвятити.

Солдатъ. Ненадо; я тебѣ самъ всѣхъ чертей выгоню; только ни съ мѣста!

Романъ. Ухъ, ажъ шкура піднімаетця: такъ страшно: Да вжежъ, коли такъ, то и не тину.

Солдатъ. Ну, станьте здѣсь. *(Становитъ обоихъ среди театра.)* Вотъ такъ. *(Завязываетъ глаза имъ и связываетъ руки.)*

Романъ. Ухъ, страшно!

Солдатъ, *завязывая глаза.* Ну, Романъ, тебѣ надобно выучить сіи волшебныя слова: джунъ... беръ... дачъ... дур.. ніеръ... гапта... де...

Романъ. Не зумію, мосьпа́не, ви́читать.

Солдатъ. Какъ не зуміешъ? Говори за мною: Джунъ.

Романъ. Жукъ.

Солдатъ. Веръ... дачъ.

Романъ. Пепе... перь бачъ.

Солдатъ. Дурніеръ.

Романъ. Дурни́й я.

Солдатъ. Гапта... де. Гапта де. Гапта де.

Романъ. Га́пка де... Га́пка де.

Солдатъ. Ну, смотри же, Романъ, какъ крикну я: ура! то ты тотчасъ долженъ говорить сіи слова самымъ громкимъ голосомъ.

Романъ. Эй, да́либі, моска́лю, не ви́читаю: важке́ ду́же на язи́къ.

Солдатъ. Ничево! смотри только, не забудь. *(Уходитъ и раздѣваетъ Дяка.)*

Романъ. Да коли́бъ не забу́ть. Пара́сю, чи ти перея́ла́?

Параска *печально.* Перея́ла́!

Романъ. Нагада́ешъ же міні, якъ помилю́сь. *(Говоритъ въ полголоса.)* Жукъ... бе... бе... бе... беръ, бердь... бачъ... дурни́й я... Га́пка де, Га́пка де... Гапка де. *(Берется за животъ.)*

Параска О, щобъ тебѣ побила́ лиха́ годи́на!

Романъ. Охъ, охъ, служи́вий! Мосьпа́не служи́вий!

Солдатъ, *продолжая около дяка работу.* Что́ ты тамъ?

Романъ. Будте ласка́ві, чи ще воно́ до́вго бу́де?

Солдатъ, *продолжая работу.* А что́ тамъ?

Романъ. Коли́ до́вго, то бъ я на часъ на двіръ пішо́въ.

Солдатъ. Зачѣмъ?

Романъ. Прошу́ прости́ть, міні нена́че те́е...

Солдатъ, *прибравъ кафтанъ и выпачкавъ дяка сажею.* Ура, Романъ!

Романъ. Джу... джу... джу... Пара́сю, я́къ?

Параска. О, щобъ те́бе побила́ лиха́ годи́на!

Солдатъ *подходитъ къ Роману.*

Романъ. Жукъ... бердь... бачъ... дурни́й я... Га́пка де. *(Топаетъ ногами и плюетъ.)*

Солдатъ. Теперь совсѣмъ. *(Развязываетъ глаза.)*

Романъ *протираетъ глаза.* Ухъ, ухъ!

Солдатъ. Ну, смотри, Романъ, какъ чортъ выбѣжитъ. *(Смотритъ на дяка, стучитъ палкою и говоритъ)* Гапта де... Гапта де... Гапта де!

Дякъ, *выпачканый, чрезъ сцену уходитъ вонъ.*

Романъ *дрожитъ и крестится.* А якій же страшній!

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгналъ, а гнѣздо себѣ возьму. *(Прибираетъ дяково платье.)*

Романъ. О, спасибі тобі, добродію служивий! тільки прошу не въ гнівъ: скажіть, будте ласкаві,—я чувъ, що нечистий духъ зъ рогами; а у сего и ріжківъ нема.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ міні лихо! *(Хватаетъ себя за лобъ.)*

Солдатъ Ничего, Романъ! *(Трепля Романа по плечу:)* и получше тебя бываютъ съ рогами...

Романъ. Параcю! Що жъ міні робити?

Параска. Якъ-би ти не лежавъ зъ ранку до вечора та робивъ такъ, якъ люде роблять, то бъ не було сего нічого; ато потри лежавъ, поки вилупивъ чорта. Я тобі скілько казала: »Эй, Романе, не лінуйся. Ліность до добра николи не приводить.«

Занавѣсъ опускается.

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

БАБА ПРОКОПЧИХА.

(НА ОХОТѢ)

Еленѣ Михайловнѣ Ревякиной.

У Г—скихъ я встрѣтился съ Сарданомъ, восемь лѣтъ не видавъ его. Изъ незамѣтнаго канцеляриста онъ сдѣлался впослѣдствіи, какъ говорили, любимцемъ падшаго теперь Б. Ѣздилъ онъ уже нѣсколько разъ и въ Петербургъ, для того, чтобы, сдѣлавъ нѣсколько тысячь верстъ, возвратиться нисколько не интереснѣе. Слабая воля, съ характеромъ, лишеннымъ въ юности энергіи, никогда не вынесетъ его изъ среды, назначенной ему воспитаніемъ, которое развилось въ немъ по неудачно выбраннымъ образцамъ. Человѣкъ, забывшій вѣру и политическое положеніе дѣда, одного изъ послѣднихъ сыновей угасшаго королевства, не можетъ далеко пойти ни въ свѣтѣ, ни во мнѣніи тѣхъ, которые знали его болѣе, нежели онъ самъ себя. Въ качествѣ фаворита, былъ онъ существо неистово-плясавшее и влюблявшееся, для того, чтобы писать прекраснымъ почеркомъ и золотыми чернилами любовныя письма; въ немилости—будетъ онъ вѣчнымъ стряпчимъ или засѣдателемъ, и умретъ въ кругу своего безмятежнаго семейства и хлопотливой жены, разсказывая пріятелю подъ вечерокъ, что онъ когда-то былъ въ большой дружбѣ съ такимъ-то губернаторомъ, съ такимъ-то министромъ. Есть люди, гордящіеся страдательною извѣстностью. Имъ пріятно, если какой-нибудь баринъ, или большой человѣкъ, знаетъ ихъ имя. Таковъ и нашъ довольно чисто одѣтый Сарданъ. На одномъ изъ многочисленныхъ и блестящихъ баловъ въ Кіевѣ когда-то мы встрѣтились, заинтересованные тогда другими цѣлями. Встрѣтились мы и мало обратили вниманія другъ на друга. Теперь колесо перевернулось; Сарданъ бросился ко мнѣ съ открытою, какъ и для всѣхъ, душою, разсказалъ мнѣ свои страданія, ко-

торыми вообще наполнены канцеляріи и полки, замѣтилъ, что живетъ выше своего состоянія, держитъ верховую лошадь, ѣздитъ на ней, какъ Левашевъ, и чуть-чуть не женился, да, къ несчастью, подоспѣлъ женихъ повыгоднѣе его.

Прощаю тебѣ, добрый Сарданъ, твои грѣхи—грѣхи человѣческіе, и соглашаюсь на твою просьбу поѣхать съ тобою въ Семеновку на охоту, гдѣ я буду стрѣлять очень неудачно, а ты—совершенно неудачно. Зато, когда мы будемъ пить чай, своими, иногда порядочными расказами, напомнишь ты мнѣ шумъ свѣтской жизни, *балъ съ увлекательнымъ оркестромъ, лакированной лѣстницей, съ деревьями, цвѣтущими подъ роскошнымъ небомъ Прованса или Андалузіи*, и я представлю себѣ, какъ ты, мой губернскій корифей, носился тогда въ вихрѣ вальса съ своею dame du coeur, на тебѣ непремѣнно былъ черный фракъ, бѣлый галстухъ и жилетъ, чорные панталоны, лакированные башмаки, часы съ золотой цѣпочкой, сомнительно, но ярко блистающей; ты громко говорилъ тогда пофранцузки и познакомился съ случайно занесеннымъ туда гвардейцемъ, Юліемъ Цезаремъ дѣвицъ и барышень, и съ гусарскимъ ремонтёромъ, человѣкомъ марціальной наружности, но *бель-омомъ* и *комъ иль-фо*.

Поѣхали; по дорогѣ мы завернули къ нашему доброму Лажіевскому, и вмѣстѣ поѣхали въ Перегоновку, нѣтъ, въ Семеновку, поохотиться на куликовъ и бекасовъ. Никогда не думалъ я, чтобы столько дичи могло быть на одномъ прудѣ. Бекасы стадами слетали передъ нами, Лажіевскій горячился, его глупый Мико портилъ вее дѣло. Я убилъ нѣсколько утокъ и десятка полтора другой дичи. Сарданъ только прикладывался и ни разу не выстрѣлилъ. Смѣшно мнѣ было смотрѣть на него, когда онъ бралъ ружье къ щекѣ и, боясь разрыва, судорожно опускалъ стволъ. Лажіевскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ; Сарданъ ушелъ домой, а я еще остался, и встрѣтился, тоже съ охотникомъ — дьячкомъ. Съ нимъ условились мы завтра поутру еще пошляться по рудамъ и очеретамъ. Пошелъ проливной дождь, и пока я успѣлъ добраться до гостепріимнаго крова, промокъ до костей; но сухая рубаха и кипящій самоваръ скоро меня утѣшили. Сарданъ заглянулъ въ мою охотничью сумку, и протяжно сказалъ: »хорошо!«

Напились мы чаю. Сарданъ легъ на постели, а я на диванѣ (въ Семеновкѣ никто не живетъ теперь въ домѣ), положивъ подъ голову свою старую военную шинель. Онъ попотчивалъ меня славною сигарой colorado, и мы начали тары-да бары.

На другой день, чуть-свѣтъ, въ сѣрое утро, мы съ дьячкомъ опять пошли на охоту. Ходимъ мы часъ, два, три, — рѣшительная неудача! Только вьются въ вышинѣ длинноногія цапли, испуганныя выстрѣломъ моимъ по кулику. Я не сержусь на охотѣ, какъ во всякомъ другомъ случаѣ; неудача меня не сердитъ, но я, разумѣется, подумываю: хорошо бы, еслибъ прилетѣла хоть пара утокъ!« Дьячекъ, какъ тертый калачъ по охотничьей части, встрѣчалъ неудачу равнодушно. Онъ давно уже съѣлъ свое сало съ чернымъ вкуснымъ хлѣбомъ, попотчивалъ и меня, и далъ совѣтъ идти въ Перегоновку.

— Хорошо, отче, говорю я: да будетъ ли тамъ *взятокъ*?

— Милостивый государь! (Дьячекъ отвѣчалъ мнѣ именно такъ), могу васъ завѣрить, ваше благородіе, что тамъ *кáчки* видимо-невидимо.

— Курите-же трубку, почтеннѣйшій Варахисій Исаевичъ, сказалъ я дьячку.

— Благодаренъ весьма. Добрые у васъ *мысливскіе* сапоги; должно быть *пéредъ* двойной. Вотъ въ такихъ цѣлый день броди по водѣ—не промокнутъ.

— Дá, не промокнутъ: на пузырѣ... отвѣчалъ я.

Намъ надо было идти верстъ пять или шесть. Погода отъ вчерашняго дождя была сыра; капли дождя блистали на камышахъ и всходахъ; дикіе гуси длинными лентами тянулись на югъ. И у меня, и у дьячка ружья были на-изготовкѣ.

Трудно мнѣ позабыть встрѣчу съ Варахисіемъ Исаевичемъ. Я въ жизни не видалъ дьячка съ такими рыцарскими наклонностями. Его положеніе было ему не по вкусу; онъ былъ двойникъ того романтическаго дьячка, который, подобравъ съ героическою неустрашимостью полы своего неизмѣримаго халата, когда Миргородъ или Переяславъ спитъ, перескакиваетъ черезъ плетень въ садикъ, гдѣ обыкновенно, затѣненная вишнями и яблонями, стоитъ бѣлая хата, а въ этой хатѣ — хозяйка, въ вышитой красною зáполочью сорочкѣ,—свѣжая какъ кровь съ молокомъ, — ждётъ кого-то, и еще не ужинала.

Варахисію Исаевичу лѣтъ около тридцати; его голову обливали прекрасные, природой завитые, русые волосы; готическій носъ—этотъ синдикъ лица человѣческаго—давалъ ему какое-то неоконченное выраженіе — птичье; глаза, опушенные длинными рѣсницами, темно голубые, какъ подъ вечеръ рѣчная вода, съ разширенными до невозможности зрачками, и другими признаками, давали замѣтить, что онъ часто не ночуетъ дома, по двумъ причинамъ: то сманитъ его волкъ, рыщущій

около овчарень зажиточныхъ мужичковъ въ зимнюю ночь; то, въ лѣтнюю, самъ онъ засядетъ на стародавнемъ валу, съ фляжкою въ бездонномъ карманѣ, и поджидаетъ дичь иного рода. Ротъ съ африканскими губами, волоса, глаза, носъ, жили на его лицѣ безъ всякой связи, какъ будто Варахисій Исаевичъ всѣ эти члены выпросилъ себѣ у добрыхъ людей. Шея была повязана бумажнымъ синимъ платкомъ; длинная талія завернута въ демикотонный капотъ, стеганный ватой, котораго полы, расходясь отъ его большихъ шаговъ, ежеминутно цѣплялись за завороченныя голенища очень стоптанныхъ сапогъ; въ жилистыхъ рукахъ, какъ бы выкрашенныхъ скорлупою свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, онъ держалъ одно-ствольное ружье съ кремнемъ, и часто лазилъ въ карманъ своей зеленой жилетки съ мѣдными пуговицами, за табакеркой, на которой были нарисованы двѣ дѣвушки, прислуживающія двумъ обѣдающимъ офицерамъ, и съ надписью: *обѣдаютъ*.

Скоро шелъ дьячекъ по межѣ, вьющейся подъ гору; я порядочно отсталъ отъ него. »Какъ только дойдемъ до мельницы, сказалъ онъ остановившись, то оттуда сейчасъ будетъ видѣнъ баштанъ Замніусовъ, а дальше на *одинъ гонъ* — и *вершина* ставка.«

Точно: на полугорѣ, у подошвы которой сочился ручеекъ, я увидѣлъ баштанъ. Около соломеннаго куреня, какіе всегда дѣлаютъ у насъ на Украинѣ, разложенъ былъ огонь.

— Вотъ хорошо было бы, Варахисій Исаевичъ, зайти на баштанъ посидѣть около огонька да съѣсть дыню. Какъ думаете, продадутъ?

— И даромъ дадутъ, отвѣчалъ дьячекъ: — человѣкъ знакомый, прихожанинъ свой; я ему этого году далъ четыре заячьи шкурки. »Помогите, говоритъ: проклятый заяцъ ѣстъ мои дыни, *нівечить* кавуны«. Пришелъ я къ нему въ мѣсячную ночь, посидѣлъ около куреня и убилъ пятерыхъ.

Замніусъ, сѣдой, но здоровый старикъ, сидѣлъ передъ огнемъ. Онъ мѣшалъ липовою ложкою пшенную кашу съ саломъ, и длинные концы его усовъ едва не падали въ котелокъ. Въ двухъ шагахъ отъ него лежала большая рыжая собака, изъ породы тѣхъ — или лучше сказать — такого характера, если только собака имѣетъ характеръ, которыя любятъ, повѣсивъ голову, идти съ чумаками при *хурѣ* и жить отшельницами, въ пасѣкахъ и на баштанахъ. Она хотѣла броситься на насъ, но, услыша знакомый голосъ: »цыть, Борухъ!« опять свернулась въ клубокъ и закрыла носъ оставшимся кускомъ хвоста. Варахисій Исаевичъ поздоровался съ Замніусомъ, какъ давній знакомый, а черезъ минуту жел-

тая, сочная дыня, разрѣзанная складнымъ ножемъ хозяина, лежала передъ нами на чистомъ деревяномъ кружкѣ.

Мнѣ всегда нравилась лѣтняя жизнь честныхъ украинскихъ стариковъ или дѣдовъ. Бывало, съ ружьемъ въ рукахъ, измученный полудневнымъ жаромъ іюльскаго солнца, я часто съ удовольствіемъ спѣшилъ къ куреню одного моего любимаго дѣда — анахорета Ничипора. Онъ былъ пасѣчникъ par excellence. Еще далеко отъ лѣса, гдѣ стояли его пчелы, такъ и повѣетъ на меня ароматомъ душистой черемхи или цвѣтущей липы. Мой Ничипоръ, всегда въ бѣлой сорочкѣ, дѣлаетъ обручи, сидя верхомъ на своемъ неприхотливомъ станкѣ; въ его куренѣ лежатъ заготовленные ульи для роевъ. Посмотритъ на меня онъ привѣтливо; потомъ пойдемъ мы съ нимъ на пасѣку, гдѣ на бархатной травѣ стоятъ чистые ольховые или липовые ульи, оберегаемые то молодой вишенькой, то широколиственнымъ кленомъ, то грушой-*лебединкой*, которой вѣтви подперты, чтобы не сломались отъ тяжести урожая. Отъ, говорилъ онъ, якъ Бо́жа бжола́ працю́е. Се вона́ йде на пiргу. Зъ цёго я вчо́ра одiбра́въ роёкъ, да й наки́нувъ на цей *слабе́нький*.«

Теперь не захожу я уже къ тебѣ, Ничипоръ, въ твою тишь, понятную измученной душѣ: умеръ ты, мой добрый старичекъ, и на твоемъ мѣстѣ поселился какой-то рыжеволосый черниговскій старовѣръ; я не отыщу уже другого, кто бы кормилъ меня такимъ пахучимъ *липнякомъ*, поилъ въ знойный день изъ искусно выдѣланной тыквы такою холодною водою, только-что зачерпнутою изъ маленькой, подъ вербою выкопанной, крини́чки, и разсказывалъ были изъ *да́вніхъ да́венъ* такъ занимательно и живописно. Помню я твою поэтическую повѣсть, когда ты, Ничипоръ, убѣжалъ ребенкомъ отъ длиннаго спи́са Швачки и спрятался въ будянскіе камыши, а надъ тобою чайка, гайдамацкая птица, вилась и кричала!...

Варахисій Исаевичъ спѣшилъ.

— Пойдемъ скорѣе на ставъ, сказалъ онъ, отрѣзывая на дорогу, или, какъ онъ тогда выразился, на *посохъ*, огромный кусокъ краснаго арбуза: — видите, небо заваливается хмарами и вдругъ сдѣлалось парно; ка́чки и лыски теперь будутъ спать подъ самыми берега́ми, а дождь можетъ и *ливень* будетъ.

— Ничего! отвѣчалъ я:—не боится козакъ непогоды, лишъ бы охота удалась.

— Дождь то — пополамъ бѣда, замѣтилъ страннымъ голосомъ Варахисій. — Понастоящему, надо бы къ вечернѣ поспѣть; ато отецъ Семенъ

все сердится, консисторіей, духовнымъ правленіемъ, стращаетъ. »Донесу, говоритъ, что ты не церковнымъ дѣломъ занимаешься, а шляешься, какъ шляхта какая, по болотамъ, съ собакою. «Ну, еще, сказавши слово истины, самъ батюшка ничего, да сынъ его, вотъ въ эти жнива, пріѣхалъ изъ Кіева; семинарію кончилъ, богословъ, — такая гордыня! Разъ я съ Пужеловскимъ — тоже оберъ-офицерскій сынъ — пришли къ нему, такъ, *побазікать*. »Нѣтъ, ты, говоритъ, пойди вонъ, *негодница*, отъ моего общества!«

Вдругъ изъ-подъ самихъ ногъ Варахисія Исаевича вылетѣлъ дубельшнепъ. Въ одно мгновеніе дьячекъ прицѣлился, на полкѣ взвился синій дымокъ, и бекасъ, прострѣленный цѣлымъ зарядомъ, не успѣвъ еще совершенно подняться, въ шести шагахъ упалъ отъ него.

— Молодецъ Варахисій Исаевичъ! (выстрѣлъ былъ мастерской) выпьемъ за упокой! сказалъ я.

— Жаль только, что вблизи отъ вершины: будетъ птица поосторожнѣе. *Кришикъ*, правда, штука; а всё лучше бы пустить зарядъ въ стадо утокъ, чѣмъ въ этого длинноносаго.

Ружье было заряжено, тщательно прибитъ огромный до невѣроятности зарядъ орѣховымъ шомполомъ и выпита чарка *старки*. Еще мы прошли немного, и вершина перегоновскаго пруда, закрытая ольхой, какъ частоколомъ, и заросшая камышами, открылась передъ нами.

— Ну, теперь будемъ же идти тихо; не говорите, ваше благородіе, ни слова, да не становитесь на сухія вѣтки, чтобы не хрустѣли подъ ними, а я вылѣзу на этотъ дубокъ да посмотрю, есть ли птица.

Дьячекъ снялъ съ себя свой демикотонный капотъ и въ зеленой жилеткѣ съ металлическими пуговицами и въ палевыхъ лѣтнихъ панталонахъ, положивъ ружье на шапку, полѣзъ, съ ловкостью браконьера, на высокое дерево. На другой сторонѣ кто-то выстрѣлилъ. Варахисій Исаевичъ, внимательно смотрѣвшій вдаль, сдѣлалъ пресмѣшную гримасу и почесалъ голову.

— Богъ его знаетъ, что́ теперь и будетъ, сказалъ онъ слѣзая. Панъ Бернарь это выстрѣлилъ:—знаете? А дичи было видимо-невидимо! Вся снялась и полетѣла туда, на восходъ солнца. Пойдемъ просто; проклятый изъ рукъ взялъ. Какъ у него становый ружье не отобралъ! когда вся шляхта отдавала ружья.

— Нечего дѣлать, замѣтилъ я, вынимая огниво изъ своего *гаманця* (покурить хотѣлось): — пойдемъ и на восходъ солнца.

Эти слова сказалъ я очень хладнокровно, да въ душѣ-то было не то.

Мнѣ всегда совѣстно горячиться на охотѣ—на землѣ и на водѣ, но не могу быть совершенно спокойнымъ. Бѣжитъ противъ меня заяцъ, — подумаешь себѣ: »что онъ за звѣрь? развѣ трудно убить его, косого?« И точно: приложишься не торопясь, выстрѣлишь и лежитъ передъ тобою заяцъ. Если это на облавѣ, — »съ мѣста не сойду,« думаю: »такъ гласитъ охотничій кодексъ«, и очень доволенъ собою. Но бѣда, если, выбравъ себѣ славную *шалинку*, между двумя горками, и притаившись въ ней, я услышу, что Порва, славно и долго преслѣдующая лисицу, гонитъ на меня. Заиграетъ, забьется, сердце. Но всё еще не теряешь своего убѣжденія, что торопиться грѣхъ, стыдно, слабость души; добро было бы въ восемнадцать лѣтъ! Вотъ собаки ближе, ближе; лисица, истомленная, со впавшими боками, едва дышущая отъ усталости, съ пушистою и красивою трубою, тихо идетъ на меня... остановилась и, поднявши переднюю лапку, острымъ рыльцемъ втягиваетъ въ себя воздухъ... Пропало тогда все: взволнованный убійца зайца приподнимаетъ дрожащею рукою ружье, грудь его тяжело дышетъ, пульсъ удвоенно бьется, и онъ, вмѣсто того, чтобы выстрѣлить, или кашляетъ, или тянетъ ружье за скобку указательнымъ пальцемъ. Такъ въ ту пору, когда лучше живется на свѣтѣ, когда сердце живетъ невыразимою и неукротимою любовью къ барышнѣ, пламенный юноша, переписавъ на розовой бумажкѣ золотыми чернилами страстное объясненіе въ любви, выкуривъ трубку Жукова, съ невѣроятными затяжками и скоростью, спѣшитъ въ тѣнистую аллею сада къ очаровательной Александринѣ или розовенькой Маріе, отпущенной домой въ субботу вечеромъ изъ образцоваго пансіона благородныхъ дѣвицъ. Юноша даетъ себѣ рыцарское слово быть хладнокровнымъ съ коварной, быть неумолимымъ, сжечь ее молніею своихъ сѣренькихъ глазъ; но, обаянный чуднымъ голоскомъ очаровательной Александрины или хорошенькой Маріе, вмѣсто заготовленной тирады и объясненія, говоритъ ей вовсе не то, что задумалъ.

Дьячекъ, какъ Могиканъ нашихъ луговъ, велъ меня по узкой, едва замѣтной, тропинкѣ топкаго луга, заросшаго папоротникомъ, ольхой и саженными травами. Горные ключи, бѣгущіе въ прудъ, на каждомъ шагу мѣшали намъ идти скоро, не смотря на мои аршинные сапоги, похваленные дьячкомъ. Я уже нѣсколько разъ едва ихъ не оставилъ въ дѣвственныхъ топяхъ. Огромный камышъ, еще покрытый влагой обмочилъ насъ съ головы до ногъ. Но, вѣрные своей цѣли, съ вспотѣвшими чубами, выбрались мы изъ вершины перегоновскаго пруда, съ неумолкаемымъ жела-

ніемъ перейти на другую сторону. Варахисій перезарядилъ сей-часъ свое замокшее ружье, осмотрѣлъ полку, подсыпалъ мелкаго пороху и моимъ огнивомъ оббилъ кремень, боясь, чтобы его ружьецо, съ надписью: X. Burda w Czopowiczach, не *завело*.

— Видите ли, говоритъ мой проводникъ, — вотъ тамъ на серединѣ, ближе немного къ правому берегу, чернѣетъ? Это *кáчки*, а немного подальше, на косѣ, стоятъ двѣ цапли. Когда увидятъ они насъ — слетятъ, дьяволы, и испугаютъ *кáчню*. Если подкрадемся какъ слѣдуетъ, то *ничего* будетъ.

— Что́ вы, Варахисій Исаевичъ? вѣдь утки передъ дождемъ жируютъ. Какъ же мы подкрадемся? Посмотрите-ка, какія набѣгаютъ тучи и какъ ими заволоклось небо! дождь такъ и виситъ.

— Жируетъ качка передъ лѣтнимъ дождемъ, а въ осень по-подъ берега прячется да спитъ, знаете, подвернувши голову подъ крыло.

И такъ мы составили планъ, кáкъ повыгоднѣе подобраться къ уткамъ. Я говорилъ, что надо идти на прямикъ, прятая повозможности ружья; а мой дьячекъ утверждалъ, что надо *перелѣзть* съ начала черезъ глинистую гору, переправиться чрезъ лотоки оставленной, по старости, водяной мельницы, отбиться отъ злыхъ собакъ Прокопца, переходя черезъ его дворъ, и на огородѣ сѣсть въ капустѣ, отдѣленной отъ воды однимъ только аршиннымъ плетнемъ. Планъ былъ труденъ, но построенъ на совершенномъ изъученіи сердца утки, и полномъ знаніи мѣстности. Я принялъ тактику дьячка, покорился ей; смѣло полѣзъ на глинистую гору, и упавъ сверху ея, свалился бы въ воду, если бы онъ не удержалъ меня за патронташъ; переходя лотоки, набралъ полные сапоги воды, и у Прокопца, вѣрно, желтая собака, которая лежала подъ большимъ навѣсомъ коморы, оборвала бы мнѣ полы моего камзола, если бъ бѣлоголовый мальчикъ, будто облитый сметаной, въ отцовскихъ *чобóтяхъ*, не закричалъ на нее: *а ну, бісівъ собáка*! Но зато, минуты черезъ двѣ, я уже сидѣлъ въ капустѣ, а возлѣ меня въ двухъ шагахъ—Варахисій Исаевичъ. Подползши на четверенькахъ къ забору, сдѣланному изъ давно-высохшаго орѣшника, онъ разсматривалъ черезъ вѣтви его толпу заснувшаго непріятеля и двухъ сторожевыхъ цапель, высохшихъ и худыхъ. Утки, какъ въ старину жители добраго города Литтиха, жирные Фламандцы, спали, оберегаемые наемными ландскнехтами, людьми высокаго росту и блондинами.

Дьячекъ былъ недвижимъ, словно окаменѣлый. Я внимательно смо-

трѣлъ на его готическій силуэтъ и думалъ, не лучше ли было бы Варахисію Исаевичу служить хоть унтеръ-офицеромъ въ славномъ 4-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, чѣмъ читать, простуженнымъ голосомъ, невнятно для мірянъ пареміи, и пр.

— Качекъ, можетъ, сотняга будетъ; спятъ проклятыя, да и далеко! Нечего стрѣлять: мое ружье не возьметъ (это сказалъ онъ подползши ко мнѣ и снявъ картузъ, чтобы онъ не былъ замѣченнымъ изъ-за плетня); шаговъ 90, а можетъ и цѣлыхъ сто будетъ: а ваше?

— Мое — Тула, тоже не достанетъ; подождемъ.

— Еще у васъ, замѣтилъ онъ, въ правомъ стволѣ и разстрѣлъ; должно́ разсыпать очень. Сдѣлайте и вы себѣ, такъ какъ я, въ тыну дырочку, да вставьте стволъ; ловче будетъ приложиться. Эка какая ихъ *сумма*! Вотъ, когда бы тотъ рыбалка, что́ ѣздитъ по вершинѣ, поплылъ по-подъ тѣмъ берегомъ—хорошо бы было!

— Что́ же тутъ хорошаго? снялись бы онѣ, да и полетѣли; развѣ въ летъ довелось бы выстрѣлить.

— Гдѣ вамъ! Не боится утка, проснулась бы только да поплыла къ нашему берегу.

Съ послѣднимъ словомъ, дьячекъ опять подползъ къ своей дырочкѣ.

Но небесная экономія распорядилась лучше: не поплылъ съ вершины къ противному берегу *рыбалка*,—онъ между очеретомъ все вытаскивалъ изъ *ятерей* карасей, хорошо ловящихся передъ дождемъ, и, довольный удачею, вѣроятно расчитывалъ, что за труды будетъ у него копѣйка на кварту горілки, которую онъ вечеромъ выпьетъ за столомъ въ арендѣ съ чумакомъ или съ постояльцемъ — сапéромъ; зато сверкнула такая молнія, ударилъ такой громъ, что я невольно вздрогнулъ; точь-въ-точь будто выстрѣлили козацкія пушки въ Тарасову ночь, когда тѣ, которыхъ полегло тогда такъ много, одѣтые въ богатые *кунтуши*, съ *сигнéтами* на пальцахъ и при дорогихъ *карабéляхъ*, праздновали въ Переясловѣ послѣдній разъ въ жизни римское торжество. Точно, такого громоваго удара я ни разу въ жизни не слышалъ, кромѣ только, когда предъ моими глазами молнія убила одного Пинчука, который стоялъ на горкѣ подъ дубомъ, съ колтуномъ подъ бѣлой валяной изъ шерсти шапкой и съ плетеной коробочкой за плечами.

Я взглянулъ на дьячка. Онъ дѣлалъ мнѣ не совсѣмъ понятные знаки, грозилъ пальцемъ (изъ чего заключилъ я, что надо быть еще осторожнѣе), указывалъ на плетень и кусалъ ноготь большаго пальца лѣвой руки: вѣрный признакъ, что онъ что-то видитъ, соображаетъ и горя-

чится. Я тоже, что́ называется, зарапортовался и вытянувшись по земли во весь ростъ, приползъ къ Варахисію Исаевичу.

— *Цытьте, цытьте!* прошепталъ онъ: утки у самого берега... пусть сплывутся... слушайте только, когда я скажу *три*,—съ обѣихъ стволовъ палите!

Ка́къ сладко слушать такія слова! Какое томленіе разливается по жиламъ! *Млость*, какъ говорилъ покойный Петръ Афанасьевичъ, пойдетъ по косточкамъ. Просунулъ я ружье въ щель плетня, посмотрѣлъ на ставъ. Ухъ! и написать пріятно: — недальше двадцати-пяти шаговъ плаваетъ стадо проснувшихся утокъ. Вотъ *подгоржалка*, вотъ *крыжняя*, вотъ *чирка!* Нѣкоторыя изъ нихъ будто хлопочутъ; другія купаются, или ныряютъ; третьи, вѣрно постарѣе лѣтами и опытомъ, уже спятъ или флегматически ищутъ своими носами что-то подъ крыльями. Бѣдныя! Онѣ и не видятъ этихъ трехъ стволовъ, зіяющихъ изъ плетня, не видятъ меня съ ускореннымъ пульсомъ и дьячка — грозу хуже грома. Палецъ лежалъ уже на *собачкѣ;* но Варахисій Исаевичъ еще выдерживаетъ. Вотъ его губы сжимаются... взглядываетъ онъ своими зрачками на меня... изъ его стиснутыхъ зубовъ выходилъ глухой, но понятный для меня звукъ: *разъ*... я схватываю пять утокъ на цѣль... *два* — все готово... *три* — мы выстрѣлили.

Вѣтеръ отнесъ въ сторону дымъ; мы перескочили черезъ плетень; стая удивленная, испуганная, снялась черной тучей; раненныя утки падали съ воздуха на воду.

Дьячекъ (я забылъ сказать, что его собака, конечно—фидель, имѣла привычку проголодавшись уходить домой) со всею возможною скоростью снялъ свой капотъ, сапоги и со смѣлостью припорожскаго лоцмана, бросился въ воду. Не бралъ же онъ тѣхъ, которыя остались на мѣстѣ, нѣтъ; поплылъ сначала за подстрѣлками, нырялъ за ними, поймалъ шесть и вышелъ на берегъ. Убитыхъ и раненыхъ было двадцать-семь.

Онъ одѣвался, а между тѣмъ дождь полилъ. »Вотъ это у меня значитъ—*ничего* поохотиться, сказалъ онъ.— Хорошо, что вы цѣлили въ лѣвыхъ отъ меня; 27 штукъ! Да если только панъ Бернарь узнаетъ, то онъ всѣ волосы себѣ вырветъ, — такой завидливый!

— Какъ же мы ихъ заберемъ? спросилъ я.

— А у Прокопца-выкупщика попросимъ мѣшка, да проливень пересидимъ, отвѣчалъ Варахисій Исаевичъ.

Не тяжело намъ было нести жирныя, сентябрьскія утки; дождь,

правда, вымочилъ насъ; но хата была близко. Опять, когда мы переходили черезъ дворъ, залаяла на насъ собака, не оставляя своего мѣста подъ коморой, и чье-то усатое лицо выглянуло въ *кватирку*—украинскій was-ist-das. Мы вошли въ свѣтлицу.

— Добри́-вечіръ! говорилъ дьячекъ;—се ви, Анто́не?

Усатое лицо, которое починяло неводъ, былъ самъ хозяинъ, Антонъ—Выкупщикъ, *багати́рь* перегоновскій — Прокопець. Въ свѣтлицѣ было очень чисто; подъ каждымъ образомъ, которыхъ на *покути* было болѣе десяти, прилѣплена желтая восковая свѣчка; на бѣломъ, вымытомъ столѣ, закрытомъ *рушникомъ*, лежитъ *паляни́ця* и соль; у стѣнки — полъ, т. е. нары и на нихъ постель, съ пятью большими подушками; близь нея—сундукъ, выкрашенный голубою краскою съ желтыми цвѣтами; возлѣ дверей — полка, на которой стояли миски *поли́вяні, ди́бенські*, тарелки съ синими обводками; а на *при́пичку* большой печи сидѣла старая, престарая баба, вся въ морщинахъ, и пряла, напѣвая потихоньку, не смотря на нашъ приходъ, извѣстную на Украинѣ пѣсню:

Ти, па́не Пото́цький,
Ерети́чий си́ну!
Занапасти́въ По́льщу, Ли́тву
И всю Украіну.
Була́ твоя́ ду́мка,
Щобъ королéмъ ста́ти...
Не таки́мъ кпамъ, па́не-бра́те,
Въ По́льщі крулюва́ти.
А той панъ Пула́вський
У Ту́рка въ зало́зі,
Пла́че, ту́жить и суму́е
О По́льщі небо́зі!

Сѣдыя, уже пожелтѣвшія пасмы волосъ, нечесанныя, выползали изъ-подъ холщеваго платка, которымъ была повязана голова бабы. Лицо ея все какъ замороженное и въ теплѣ оттаявшее яблоко, было покрыто рѣзкими и глубокими морщинами; изъ подъ нависшихъ густыхъ бровей смотрѣли два черные, глубоко запавшіе глаза. Старуха не обратила на насъ никакого вниманія, и пока мы у Антона, ея сына, просили мѣшка, разсказывали свое *полюванье* и ѣли пшеничную кашу съ масломъ, баба всё продолжала погребальнымъ голосомъ пѣть горькую думу, послѣднюю жалобу уже несуществующаго королевства.

Я люблю старину и былевыя пѣсни нашего Заднѣпровья, оттого ли,

что въ бѣшенную юность, на бѣшенномъ конѣ, лунною ночью, я разбросалъ по ея степямъ, заросшимъ перекати-полемъ и усѣяннымъ курганами, этими нѣмыми свидѣтелями загадочной старины, много горячихъ грезъ, которыя тогда яснѣе понимались, теплѣе ложились на душу; оттого ли, что я много съѣлъ здѣсь сочныхъ сливъ и розовыхъ кавуновъ и что у меня есть много знакомыхъ шалинокъ, балокъ, гущовинъ, откуда выкрадывается лисица; оттого ли, что у меня есть еще одна недосказанная причина; но повстрѣчаю ли, въ майскій вечеръ, чумачью *вáлку*, остановившуюся ночевать на одвѣчномъ *Мурáвскомъ* или *Чорномъ шляху*, широкомъ и поросшемъ чистою травою, на которой едва замѣтны колеи,—я всегда скажу сѣдому, черствому чумаку, сидящему около *багáтя*: »добри́-вечіръ, коза́че!« поѣмъ его каши и пшеничныхъ сухарей, спрошу, приставалъ ли онъ или отецъ его, недоходя Конскихъ водъ, у бѣлой хаты Зимовника, надъ рѣчкой, у уединенной балки или у крыницы съ журавлемъ и жолобомъ, и, перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза; мазалъ ли онъ свою рубаху дегтемъ, заряжалъ ли свою рушницу, вынималъ ли изъ воза пику, вѣшалъ ли онъ на шею гаманъ съ печатнымъ билетомъ, казенною печатью и турецкимъ переводомъ этого ярлика; много ли татарскихъ табуновъ встрѣчалъ его батько до Перекопской *бáшты*, и обижали ль его на соленыхъ озерахъ дыздари, иманы и каймаки. Увижу ли въ лѣтній жаркій полдень, возвращаясь съ охоты, дѣда, сидящаго на широкой *прúсьбі*, любующагося божьимъ солнышкомъ и своими внуками, а можетъ и правнуками, пересыпающими песокъ на улицѣ, — я всегда подойду къ нему и узнаю: »чи пла́че коза́къ старе́сенький, та по своій молодо́сті,« увидѣвши, какъ говоритъ пѣсня, орла летающаго высоко надъ берегомъ синяго моря; помнитъ ли онъ *руíну*; сидятъ ли еще гдѣ-нибудь на паперти церковной *бувáльці* съ отрубленными на-крестъ рукою и ногою, по суду одного человѣка, жестокость котораго сеймъ долженъ былъ унимать особымъ декретомъ; большой ли былъ онъ въ Великую зиму? Встрѣчу ли я, ѣдучи къ Василью Васильевичу, въ сѣрый денекъ, козака, въ кобенякѣ, въ барашковой шапкѣ и съ *каптурóмъ*, ѣдущаго частой рысью, на поджаромъ рыжемъ конѣ,—мнѣ уже такъ и кажется, что онъ свою жінку промінявъ на тютюнъ та люльку, или везетъ дукаты куда-нибудь далеко, къ пузатому пану. Точно, любить Украину — моя болѣзнь — моя maladie du pays, и потому когда я все свое вниманіе у Прокопца сосредоточилъ на бабѣ и разсматривалъ ее съ жадностью, подобною той, съ какой смотритъ нумизматъ на старую пантикапейскую монету, а дале-

тантъ на фрески Мурильо и фламандскіе скицъ-фрески Рубенса и Вандика. Нѣтъ для меня красоты опаснѣе 80 лѣтней старухи, живой развалины, которая надорваннымъ, неровнымъ, но очаровательнымъ для меня голосомъ поетъ старинный народный *романъ*, и трясется отъ дряхлости.

Мой козакинъ, совершенно мокрый, сохъ на печи. Варахисій Исаевичъ давно уже вложилъ утки въ мѣшокъ, а дождь не переставалъ, но всё еще увеличивался.

Антонъ былъ человѣкъ большого практическаго ума, только съ свойственной нашей почвѣ логикой. Въ разговорахъ нашихъ, была большая вѣжливость, особенно когда дьячокъ, на вопросъ его: кто я? отвѣчалъ ему, что должно́ быть офицеръ и дворянинъ, только не шляхтичъ.

Говорили мы о холерѣ.

— Теперъ на всій око́лиці нико́го нема́ старійшого одъ моéі нéні, продолжалъ Антонъ. — Стари́й Юзефи́нський За́ець давъ ду́ба, нéвно, не відъ холе́рії. а одъ лiтъ. Отъ коли́ бува́ли ви въ Макіевській це́ркві, то одъ пра́вого кри́ласа, мо́же ба́чили нко́ну Спа́са, що Заець пожéртвувавъ Бо́гу на ви́купъ гріхівъ, ще за королевство, якъ чума́ грасова́ла. Стари́й бувъ ду́же чоловікъ. Мати говóрять, що ёму́ було́ лiтъ сто; притóмний и вмеръ, все памята́въ. Бува́ло росказуе, що тутъ у насъ по степахъ були такі озéра зъ ри́бою, и трава́, що вiлъ якъ за́йде, то й не ви́дно.

— А *нéнці* ва́шій, па́не Анто́не, скiлько лiчите? спросилъ я.

— Да́, лiтъ девятьдеся́тъ мо́же iмъ и бу́де. Ви сами́, па́не милости́вий, роспита́йте iхъ; пошану́йте ва́шою горiлочкою... ну, горiлка!.. то вони́ вамъ таке́ ска́жуть, що ви ище нi вiдъ ко́го и не чу́ли.

— Iхъ ма́тушка, прервалъ дьячекъ, благодаря Антона за обѣдъ, отъ які́ старі, а що-недiлі бувають у хра́мі.

— Ще зъ уну́ками, сказалъ 65 лѣтній сынъ, то-рiкъ на горо́ді поло́ли. Тiльки глуха́ тро́шки, да серди́та така́: все сва́ритця. Ска́зано, христіани́нові уже́ ма́буть ва́жко віку доживáти.

Старуха, переставъ напѣвать свою лебединую пѣсню, безсознательно смотрѣла на насъ. Умолкшее веретено лежало на ея колѣняхъ. Я взялъ у хозяина, вмѣсто своей охотничьей чарки, рюмку, разрисованную желтою масляною краскою, вытеръ ее рушникомъ, налилъ своей водки, и поднесъ старухѣ.

— Ви́кушайте, бабу́сю, на здоро́вья.

Старуха, поклонившись. выпила.

— Що, бабу́сю? зима́ на-дво́рі, ску́шно вамъ бу́де сидiти на печі?

— Байдужé! отвѣчала она.

— Хибá все одно́, що въ садý сидíть, що на печі!

— Старóму все рівно. абú костя́мъ теплíйшъ.

— Будто жъ ви уже такі старі?

— Дá, старéнька-такú. Якъ Швáчка бувъ у насъ у селі, то я носи́ла ёмý, дитúною, суни́ці та полуни́ці.

— Бýдто жъ ви, бабýсю, гайдамáччину зазна́ете? спросилъ я съ тайною радостью.

— Отъ такъ-такú, па́не, чи я́къ васъ! да Швáчка жъ при моíхъ óчахъ Гроздóвському-кателúку крáсні чоботкú пошúвъ! За правослáвіе підня́вся, щобъ насъ та попівъ на́шихъ не мýчили базиля́не та унія. Ему, бáчите, царúця грáмоту золотý далá; у скри́ньці вінъ ії возúвъ и намъ показувавъ. Оттакі кúтиці (1).

— А що, бабýсю, стрáшно булó, прервалъ я ее, наливля еще рюмку aquae vitae—этого эликсиру, воскрешающаго и убивающаго.

— Православію нічóго, а жидові и кателúкамъ булó тя́жко щобъ цéркви не оддавáли и не брáли, якъ корчмú, въ орéнду, такъ якъ за Хмельницького.

— Хто жъ се бувъ Хмільни́цький? спросилъ я.

— Хто! Гетьмáнъ, корóль козáцький. Дідъ мій за ёго роскáзувавъ. Войнý, кáже, съ Ляхáми точúвъ за православіе. Въ Білій Цéркві и зáмокъ ёго́ обварóваний бувъ.

— Вонá вамъ, па́не, ще й не те роскáже, сказалъ мнѣ Антонъ, когда я, занятый крутыми историческими ответами бабы, самъ незнаю для чего, налилъ ему рюмку водки: — вонá все знáе, що́ бувáло въ старовинý не за нáшої пáмяти. Бувáло, що-неділі хóдить до покóйної шамбеля́новоі въ Василівщину, тамъ и ночýе, все промежъ собою *балáкають*, якъ-то колúсь у світáхъ діялось. И тепéръ мовчúть день, два, три, та вже якъ и зáчне роскáзувать, то тілько слýхай!

— ....Вінъ и Кúївъ и Украíну до царя́ привернýвъ, та пóслі якось изновъ царúця крýлю Станислáву подарувáла Украíну, а Кúївъ изъ святúми церквáми, ажъ по сáмую Мúтницю, и съ чернéчими сéлами, бувъ Москóвськіи.

---

(1) Извѣстно, что для большаго успѣха въ своемъ предпріятіи, гайдамаки составили поддѣльную такъ-названную въ народѣ *золотую грамоту*. Подлогъ приписывали лицу, озлобленному противъ иновѣрныхъ соперниковъ. Гайдамаки, безъ сомнѣнія и сами (кромѣ немногихъ) вѣровали въ неподдѣльность кроваваго акта. *Ред.*

»Вотъ какая ты баба! » думаю себѣ.

— Бу́дто, бабу́сю, уже́ такъ ва́жко було́ вамъ пiдъ По́льщею одъ панівъ?

— Одъ панівъ ще не дуже: панівъ — дiдичівъ нiко́ли й не ба́чили; маёнткомъ пра́вили губерна́тори. Оддамо́ було́ *дани́ну*, десяти́ну всёго́, а *па́нщини* — хиба́ тiлько дро́ва вози́ть. За вiру, за благоче́стие бiльше всёго терпiли. Му́чять було́ уніяти. Отъ недале́ко въ Мо́шнахъ, чи въ Ме́двинi, — забу́ла я, — зібра́ли уніяти сiмъ благочести́вихъ попівъ: »кла́няйтесь, ка́жуть, папiжу ри́мському! »— »Не хо́чемо,« гово́рять. Вони́ взяли́та и посади́ли iхъ пiдъ сажъ, де годованихъ кабанівъ держя́ть...

— Вихо́дить, бабу́сю, якъ ти́ гово́ришъ, гайдама́щина за вiру поста́ла.

— А тожъ чого́? Тiлько що москалі вмiша́лись, не дали́ хо́ду Макси́му Залізняку́: — боя́лись, щобъ зновъ не зроби́лось коза́щини.

— Вели́кий бувъ сму́токъ, бабу́сю?

— Сму́токъ бувъ Ляха́мъ та Жида́мъ; а якъ утихоми́рили, то зроби́вся сму́токъ и намъ; — шука́ли винова́тихъ и ще гiрше почали́ напира́ти на благоче́стiя. Отъ усi цi се́ла: Макiевка, Перего́нівка, Деремозна́, Василівщина, тодi перевернулись на у́нію.

— Такъ и ти, бабу́сю, була́ уніяткою?

— А якъже! Вiра все, здае́тця, одна́кова, тiлько попи́ безъ бороди́ ходи́ли *въ ревере́нді;* попа́шому нена́че слу́жять, а *крыже́мъ* якъ у косте́лі па́дають; и дзво́ни би́ли, вече́рню, у́треню служи́ли. Дiте́й мали́хъ збіра́ють, катехи́за у́чять...

— И ти, бабу́сю, учи́лась?

— А якъже! Такъ за́разъ и пита́е: »А що́ е Панъ-Бугъ?« Ска́жешъ ёму́, — вiнъ я́блуко або́ рiжкiвъ изъ кише́нi ви́йме та й дасть.

— И до́вго була унія?

— Гу-гу, я вже за́мужомъ була́; Анто́на мого́ ще уніятський пiпъ хрести́въ; а вiнъ у ме́не не первий: була́ пе́рва-покiйна Га́лька, Самiйло; а вiнъ у мене тре́тiй.

— Значить, якъ уже Польщу роздѣлили?

— Пра́вду ка́жете. Бо якъ круль бувъ у насъ въ Василівщинi; то добре памята́ю, що ще не було́ благоче́стiя.

— Ти и кру́ля, бабу́сенько, ба́чила? Роскажи́, моя́ зозу́ленько, усе́ якъ було!

— Отъ якъ се було́, панíчу. Се було́ въ одинъ годъ зъ вели́кою зíмою (1787); яка́ вона́ була́, вамъ, панíчу, ма́буть, случа́лось чува́ти. Снiги́ були́ такí, що не довдь Го́споди! Изъ ха́ти дверей не мо́жна було́ одчини́ть.

Одчи́стишъ снігъ у-день, а вночі зновъ таке́ завіе, що черезъ дірку въ кри́ші тре́ба вилізáть на двіръ. Худóби нічимъ було́ корми́ть, топи́ть нічимъ. Такъ, якъупа́ла зима́ на Покро́ву, то лежа́ла до са́мого Юрія. Памятáю дóбре, передъ самúмъ Благовіще́нямъ пройшла́ чу́тка, що коро́ль у Ка́нівъ іде, щобъ поба́читись изъ царúцею. Вінъ, роска́зували, бувъ ій брату́ха въ дру́гихъ; а въ Ки́ївъ, ба́чте, ёго́ не пуска́ли пани́: боя́лись, щобъ вінъ не втікъ. И нашъ панъ *граби* Тарновськiй приіхавъ, зъ жінкою, въ Васи́лівщину, и напроси́въ короля́, якъ бу́де іхати зъ Хва́стова, то щобъ и до ёго вступи́въ. Отта́мъ, де тепе́ръ буди́нокъ пана Левандóвського, въ ті ча́си бувъ за́мокъ и *зводзóний* містъ и гарма́ти, а круго́мъ вода́ облива́ла; на *ви́спі* стоя́въ; тілько оди́нъ бувъ до ёго вхідъ черезъ містъ, та на́ нічъ ёго пiднiма́ли; нельзя́ було́ нiко́му увiйти́, якъ ёго́, бува́ло, зведу́ть. Послі па́лацъ той згорівъ; гра́бя ма́ёнтокъ прода́въ шамбеляну Проскýрі: не захотівъ, зна́ете, пiдъ Москале́мъ остава́тись. Уже́ й *жовніри народóві* прийшли́, почали́ зъiзжа́тьця пани́, чу́емъ — у дзвóни дзвóнять, въ гарма́ти бьють; тре́ба було́ и собі подиви́тьця. А тутъ уже́ и зака́зъ есть: бігають по се́лахъ осаули на ко́няхъ и всі грома́ди, чоловіківъ, жінокъ, дiте́й вигóнять, щобъ на ра́нокъ у Василівщині ста́ли привіта́ть кру́ля. Кому́ було́ дале́ко йти́ , то мóже, ще зъ ве́чора вийшовъ, а намъ недале́ко, більшъ одни́хъ го́ней нема́ изъ Перегóнівки въ Василівщину; да ще заказують одягнýтьця въ саму́ кра́щу оде́жину, а одяга́лись тоді куди́ лучче противъ теразнійшого: все, бува́ло, въ жупа́нахъ сúніхъ та зеле́нихъ. Пішла́ и я съ дітьми́...Наро́ду ви́димо-невидимо! и жінóчого, му́жецького—якъ ма́ківъ цвітъ горúть. Бігае губерна́торъ и всякі экономи, щобъ наро́дъ поста́вить зъ обóхъ бóківъ *Трихва́льної бра́ми*. Коли якъ почали́ пали́ть изъ гарма́тъ, тоді и догада́лись усі, що значить круль виіжджа́е та сихóдить въ пала́цу на га́нокъ; увесь наро́дъ такъ и *реве́*, а гарма́ти бьють! Переіхавъ вінъ черезъ містъ, бачить у трихва́льної бра́ми недале́ко стоіть вілъ зъ золоти́ми рога́ми, грома́ди зъ хлібомъ сіллю, уже́ зна́чить на пожегна́ння; вийшовъ вінъ изъ *карúти*, кла́няетця наро́ду; такúй пристóйний, висóкий, *у фра́ці*, въ неру́ці, привітливий. Наро́дъ ёму́ кла́няетця, а вінъ наро́ду, и поіхавъ зъ Бо́гомъ на Пото́къ.

— И ти, бабу́сю, своіми очи́ма все те бачила? сказалъ я, для того только, чтобы прислушаться къ послѣднему тону ея вѣрнаго историческаго расказа, который такъ безошибочно сохранился въ ея памяти.

— Своіми, своіми, панíчу; якъ ніби вчóра все те дiялось. Старе́нька я ду́же, ду́же... на́ що мене́ Богъ милосе́рдний на свiті держúть.....

— ..... Ну, Варахисій Исаевичъ пора и домой! къ вечеру опять, дождь будетъ. Забирайте охоту нашу. Спасибі, Антóне, за хлібъ, за сіль! Спасибі тобі, бабýсю, за старé слóво....

Какъ была исторически вѣрна, въ своемъ разсказѣ, моя бабуся, Прокопчиха, скажетъ для любопытныхъ Нарушевичъ и графъ Платеръ. (Podróż Króla Stanisława Awgusta do Kaniowa. Wilno 1860 года).... »Король рано пріѣхалъ въ Бердичевъ. Онъ остановился въ палацѣ княгини, конюшины Литовской, Радзивиловой, урожденной Каменской. Эти четыре мили изъ Чуднова король ѣхалъ въ каретѣ; снѣгу было такъ мало, что въ саняхъ было неудобно ѣхать. Когда король въѣзжалъ въ городъ, его уже не встрѣчали пушечными выстрѣлами изъ Бердичевской крѣпости, потому что, заранѣе предупредили ксендзовъ Кармелитовъ, чтобы они оставили въ покоѣ свою артиллерію; шесть лѣтъ назадъ зарядъ чуть не попалъ въ королевскую карету. Во время обѣда, его величество спрашивалъ: какъ великъ у Кармелитовъ ихъ крѣпостной гарнизонъ? Отвѣчали, что онъ состоитъ только изъ 24 человѣкъ; а когда рѣчь зашла о богатствѣ мѣстечка, Потоцкій, старостичь Гузовскій, отвѣчалъ: что болѣе всего мѣстечку благопріятствуютъ ярмарки, изъ которыхъ значительнѣйшая Ивановская, во время которой, торговля между купцами русскими, польскими и турецкими, такъ бываетъ значительна, что въ торговомъ оборотѣ можно считать до нѣсколькихъ милліоновъ злотыхъ.

»19 марта, въ день св. Іосифа, въ половинѣ восьмого поутру, король изъ замку отправился къ обѣднѣ, а послѣ простившись съ княгиней Радзивиллъ и Вороничевой, каштеляновой Белзской, съ сенаторами и помѣщиками, прежде чѣмъ сѣлъ въ экипажъ, велѣлъ себѣ показать крѣпость. На бѣду, отца-коменданта не было дома, а пріоръ не умѣлъ ее хорошо представить. Найяснѣйшій панъ, имѣя въ немъ дурного проводника, ничего не увидѣвши, выѣхалъ изъ Бердичева въ дурномъ расположеніи духа. По этому поводу, думалъ я, добавляетъ Платеръ, что для от. Кармелитовъ было бы плохо, еслибы кто-нибудь подалъ ему мысль, отобрать отъ монаховъ крѣпость и назначить коронаго коменданта, съ приличнымъ гарнизономъ, такъ какъ сдѣлано въ Ченстоховѣ, гдѣ Паулины имѣли прежде свою команду и содержали praesidium; а теперь, избавленные отъ этихъ житейскихъ хлопотъ, имѣютъ maіора комендантомъ и сто человѣкъ гарнизону, которыхъ содержатъ изъ своихъ доходовъ. Желая развеселить короля, мы, съ генераломъ Комаревскимъ, разсказывали ему дорогою о войнѣ Бердичевскихъ

Кармелитовъ съ Любельскими Доминиканами, которые долго тягались съ ними за тѣло Япуша Тишкевича воеводы Кіевскаго, умершаго въ Люблинѣ во время войнъ Хмельницкаго, изъ которыхъ первые, по суду пріобрѣвши прахъ своего фундатора въ 1759 году, рѣзной мавзолей тому же Тишкевичу въ своемъ костелѣ сдѣлали..... какъ потомъ, во время послѣднихъ конфедератскихъ волненій, всѣ женщины собравшіяся изъ Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ, должны были перепугаться, когда Кречетниковъ, осаждая конфедератовъ, запершихся въ кляшторѣ, пустилъ бомбу, а она, пробивши сводъ церкви, влетѣла въ нее и упала среди толпы.

»Такъ разговаривая, мы доѣхали до *Бѣлополя*, родового имѣнія Викентія Тишкевича референдарія Литовскаго, который былъ женатъ на племянницѣ короля, родной сестрѣ Юзефа Понятовскаго. Народъ радостными кликами привѣтствовалъ короля; но онъ, не останавливаясь и минуя мѣстечко, поѣхалъ прямо въ *Чернорудню*, имѣніе каштеляна Каменецкаго, Свейковскаго. Здѣсь только завтракали, перемѣнили лошадей и поѣхали далѣе. Часу въ первомъ по полудни на мѣсто бискупа Нарушевича, который испросилъ у короля позволеніе ѣхать въ *резервѣ*, въ его карету сѣлъ генералъ Любовицкій и такъ ѣхали до *Паволочи*. Здѣсь Зѣлинскій, каштелянъ Бецкій и Цыринъ, староста Тарабовскій встрѣтили короля въ ратушѣ, гдѣ ему приготовленъ былъ ночлегъ. На другой день, 20 марта въ 8 часовъ утра, король выѣхалъ изъ *Паволочи* по сухой дорогѣ, немножко попорошенной снѣгомъ и чрезъ два часа прибылъ въ *Почуйки*, деревню Рыльскаго, гдѣ, встрѣченный владѣльцами, вышелъ на нѣсколько шаговъ изъ кареты. Неожиданно нашелъ онъ, среди украинскихъ степей, прекрасно меблированный домъ, хотя и деревянный, и въ немъ хозяевъ и гостей не льстецовъ придворныхъ и не дикихъ домосѣдовъ. Два родные брата Рыльскіе, владѣльцы Почуекъ, были сыновья того Рыльскаго, который при жизни Мнишка, каштеляна Краковскаго, нѣсколько лѣтъ управлялъ Бѣлоцерковщиной, и, какъ главный губернаторъ, получая 12,000 злотыхъ жалованья, при воздержномъ образѣ жизни, по смерти своей оставилъ дѣтямъ двѣ деревни.

»Въ этомъ безлѣсномъ краѣ чрезвычайно трудно обзавестись деревянными строеніями; поэтому и отопленіе здѣсь много стоитъ; но нужда — мать изобрѣтеній, пишетъ Платеръ: я, съ истиннымъ удовольствіемъ, увидѣлъ здѣсь подражаніе открытію, которое до этихъ поръ приписывалъ себя, это — огрѣваніе двухъ избъ однимъ огнемъ.

»Король выѣхалъ въ 10 часу отъ Рыльскихъ, и переѣхавши за ми-

лю отъ Хвастова валъ раскопанный на дорогѣ и тянущійся далеко по обѣимъ сторонамъ ея, пріѣхалъ, въ первомъ часу, въ *Хвастовъ*, мѣстечко принадлежащее Кіевскому бискупу. Его принимали въ бискупскомъ дворцѣ каноники Кіевскіе: Палуцкій, архидіаконъ Черниговскій, и оффиціалъ Стецкій, коадъюторъ архидіакона Кіевскаго, и Островскій, каноникъ Кіевскій, управляющій бискупскимъ имѣніемъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся уманской рѣзни (rzeź humańska); разказывали королю, что въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ онъ находится, и на дворѣ, во время этой страшной рѣзни, семьсотъ человѣкъ пали жертвой.... Послѣ ксендзъ Палуцкій говорилъ о кристалахъ, находящихся подъ Бѣлополемъ, краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣта, которыхъ образцы показывалъ и ошлифованнымъ въ перстнѣ и въ природномъ видѣ. По этому поводу ксендзъ Островскій разказывалъ, что когда Маршалкова Сангушкова, лѣтъ 30 назадъ, дѣлала фундаментъ для своего Заславскаго замка, то рабочіе нашли окаменѣлый скелетъ слона, который, выкапывая, по неосторожности, разбили на куски. Но хуже этого то, что народъ, превратя эти кости въ порошокъ, какъ лекарство употреблялъ отъ поноса.

»Послѣ обѣда и кофе, часу въ пятомъ, неожиданно пріѣхалъ изъ Кіева фельдмаршалъ, князь Потемкинъ, намѣстникъ Тавриды и Екатеринославля, послѣ покупки Смѣлянщины, за два милліона рублей, польскій шляхтичъ и помѣщикъ, вмѣстѣ съ графомъ Штакельбергомъ, русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ, гетманомъ Браницкимъ и принцемъ Нассаускимъ, засвидѣтельствовать королю свое уваженіе.

»Для короля, истомленнаго четырехъ-недѣльной дорогой и получившаго насморкъ, пріѣздъ этихъ неожиданныхъ гостей былъ пріятнымъ и успокоительнымъ случаемъ; а какъ они, рано выѣхали изъ Кіева, и нигдѣ не обѣдали, то король приказалъ подать кофе покуда будетъ для нихъ къ 7 часамъ приготовленъ ужинъ. Его величество, хотя и не ужиналъ, но сидѣлъ за столомъ, пилъ за ихъ здоровье, и полный попечительной доброты, пошелъ самъ съ ними во флигель, для нихъ назначенный, простился съ ними и уходя, не велѣлъ безпокоиться провожать себя обратно. Передъ ужиномъ еще найяснѣйшій панъ познакомилъ съ княземъ Потемкинымъ бискупа Нарушевича, который, чрезъ свое новое сочиненіе *Taurika*, былъ для намѣстника этого края еще болѣе замѣчательнымъ; князь задержалъ его у себя болѣе часу, разговаривая съ нимъ объ исторіи Скиѳовъ, Хозаровъ, Гунновъ, Угровъ и другихъ, ко-

торые когда-то заселяли эти мѣста, и о родствѣ или сходствѣ языковъ греческаго съ латинскимъ, турецкаго съ арабскимъ.

»Король зная, что гости его, только на другой день послѣ завтрака располагали выѣхать, рѣшился слѣдующій цѣлый день пробыть въ Хвастовѣ.

»21 марта въ 8 часовъ, всѣ были уже одѣты. Графъ Штакельбергъ имѣлъ аудіенцію у короля. Послѣ дали знать князю, что онъ можетъ уже представиться королю. Потемкинъ сообщилъ тогда пріятную для Польши новость, что императрица, въ день своего рожденія, даровала крымскимъ гаванямъ порто-франко, выгодное для Польши и для Черноморской торговли. Послѣ, кіевскіе гости сѣли за вистъ, а король занимался въ кабинетѣ; игра продолжалась до полудня; а какъ князю надо было поскорѣе возвращаться въ Кіевъ, то онъ и намекнулъ объ обѣдѣ, который король велѣлъ подавать въ половинѣ перваго. Потемкинъ, пишетъ Платеръ, выказалъ за обѣдомъ глубокое знаніе исторіи русской и граничившихъ съ нею государствъ, ихъ вѣры, языка и обычаевъ; но все же пріятнѣйшимъ разговоромъ былъ для него Крымъ.... Король пилъ за его здоровье, — Потемкинъ всталъ и не хотѣлъ сѣсть, отвѣчая найснѣйшему пану пріятнымъ комплиментомъ, что онъ обыватель польскій.

»Послѣ обѣда князь Потемкинъ откланялся, а на предложеніе дружбы, сдѣланное королемъ, обѣщалъ ему свое доброжелательство и, поцѣловавъ руку въ знакъ покорности (!), отправился обратно въ Кіевъ.

»Мы также на завтра, говоритъ староста Инфляндскій, выѣзжаемъ изъ Хвастова, который припомнитъ потомкамъ нашимъ дни пребыванія въ немъ короля польскаго и вниманіе, оказанное ему особой сильной въ европейской политикѣ. Къ этому еще надо припомнить, что ханъ крымскій Шейнъ Гирей, поддавшійся Россіи со всѣмъ своимъ краемъ, неизвѣстно почему, оставивъ (въ Кагулѣ) спокойное мѣстопребываніе и 80,000 пансіону, отдыхалъ въ Хвастовѣ на пути въ Турцію, десять дней, сопровождаемый двумя своими канцлерами, двумя маршалками двора, тремя стами слугъ татаръ и конвоемъ русскихъ изъ восьмидесяти человѣкъ, подъ командою полковника.

»Король, выѣзжая изъ Хвастова 22 марта, взялъ въ свой экипажъ принца de Ligne и графа de Dillon. Предъ Мытницей, половина которой принадлежала гетману Браницкому, а другая Руликовскому, его встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Потоцкій, воевода русскій, начальникъ украинской дивизіи, съ почетнымъ карауломъ и отсалютовавъ его палашемъ,

верхомъ провожалъ на станцію. Тамъ, простившись съ тѣми, которые ѣхали въ Кіевъ, король въ одномъ экипажѣ съ Потоцкимъ, Нарушевичемъ и Платеромъ, ѣдучи почти по чертѣ русской границы, часу въ третьемъ гдѣ пріѣхалъ *въ Василевщину*, отъ владѣльцевъ ее графа Тарновскаго и супруги его, урожденной Устрицкой, былъ радушно принятъ.

»Палацъ здѣшній окруженъ водою, а большая деревня, его окружающая, тянется далеко яромъ. Это мѣстоположеніе припомнило мнѣ (я позабылъ записать), что почти отъ самого Чуднова, ѣхавши низинами и степями, на пространствѣ трехъ, четырехъ и пяти большихъ украинскихъ миль, мы не видѣли ни одной деревушки; онѣ всѣ скрывались отъ насъ въ ярахъ, гдѣ жители удобнѣе могли пользоваться водою, текущею въ долинахъ. Другая замѣчательность въ степяхъ украинскихъ, — это разсѣянныя по полямъ могилы, обыкновенно называемыя курганами, которыхъ значительное число останавливаетъ любознательнаго путника. Общее мнѣніе относитъ ихъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ и козачьихъ бунтовъ, которыхъ театромъ была Украина; но безчисленное множество этихъ могилъ, выкапываемыя изъ нихъ кости, уже обратившіяся въ бѣлый порошокъ и въ мѣло-подобную массу, кажется доказываютъ, что то́ старѣе набѣговъ татарскихъ. Къ этимъ замѣчаніямъ привели насъ чаще обыкновеннаго сегодня замѣчаемыя могилы. Историческая проницательность Нарушевича, знакомство короля съ мѣстностью и нѣкоторыя замѣчанія Потоцкаго, склоняли ипотезу къ тому, что могилы могли быть указаніемъ войнъ Дарія, потому, что онъ, по Геродоту, гнавши Скиѳовъ, переходилъ Дунай и Гипанисъ, нынѣшній Бугъ, протекающій въ Украинѣ. Его многочисленныя полчища могли быть причиною и сраженій и могилъ; теперь еще попадаются, выкапываемые въ разныхъ мѣстахъ мѣдные наконечники скиѳскихъ копій; а Геродотъ упоминаетъ, что оружіе Скиѳовъ было — копіе съ мѣднымъ остріемъ. Прибывши въ *Василевъ*, король пообѣдалъ въ третьемъ часу и поговоривши съ подскарбіемъ Литовскимъ, по причинѣ кашлю и головной боли, удалился въ свои покои, предоставляя обществу полную свободу. Часу въ шестомъ послѣ обѣда найяснѣйшій панъ вышелъ изъ своихъ комнатъ, несмотря на сильную боль головы. Въ залѣ былъ сдѣланъ гротъ, украшенный сосновыми вѣтвями и гирляндами, а посреди его стоялъ олтарь, сдѣланный съ дерну. Передъ вензелемъ короля, стоящемъ на алтарѣ, графиня съ панной Puzyniankа, starosciankо Upikską и другими дамами, пѣли приличныя этому случаю строфы; а въ

сторонѣ, старецъ, аллегорическое Время, держалъ раскрытую книгу и писалъ въ ней слѣдующее: »Въ 1787 году 22 марта его величество Станиславъ Августъ король Польскій, великій князь Литовскій, при проѣздѣ своемъ въ Каневъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ домъ графа и графини Тарновскихъ въ ихъ наслѣдственномъ имѣніи Василевщинѣ, въ воеводствѣ и повѣтѣ Кіевскомъ находящейся, на память вѣкамъ, и собственноручное воспоминаніе этого радостнаго дня оставилъ« :

»Послѣ окончанія куплетовъ, графиня положила у ногъ короля своего малютку-сына, а прочія дамы — букеты цвѣтовъ.

»Когда Тарновскіе просили короля подписать написанное, онъ нетолько исполнилъ ихъ желаніе, но еще собственноручно прибавилъ: »и орденъ св. Станислава давно служащему отечеству и королю, хозяину дома графу Тарновскому, племяннику, вѣчной памяти, Мокроновскаго, воеводы мазовецкаго, друга короля, пожаловалъ« .

»Король, говорили мнѣ« , пишетъ Платеръ, »едва могъ написать эти слова такъ у него болѣла голова; поэтому, онъ ранѣе простился съ хозяевами, не принявъ участія въ ужинѣ, которымъ угощали его свиту; кубки за здоровье его величества сопровождались частыми пушечными выстрѣлами. Проснувшись ранѣе всѣхъ, я узналъ, что король еще спитъ; но черезъ часъ докторъ Беклеръ увѣдомилъ всѣхъ присутствующихъ въ залѣ, что король, не спавши до часу по-полуночи, послѣ до семи часовъ утра спалъ спокойно, и это благодѣтельно подѣйствовало на его здоровье.

»Въ Васильевѣ представлялись королю: Анкута, судья брестъ-литовскій, Федоровичъ вице-регентъ житомірскій, Мровчинскій поручикъ коронныхъ войскъ, Островскій чесникъ сановскій, Піотровскій скарбникъ нурскій, Ржеплинскій войскій трембовльскій, Володкевичъ чесникъ новгородскій и два Выговскіе подсудки кіевскіе.

»Въ девять часовъ король вышелъ, одѣтый по дорожному, простился съ Тарновскими, которые пожелали еще проводить его до слѣдующей станціи и выѣхалъ изъ Василева, взявши съ собою меня и Нарушевича; мы проѣзжали черезъ тріумфальные ворота, для этого случая сдѣланные, на которыхъ была надпись: »Станиславу Августу — народъ.«

»Мы опять проѣзжали черезъ тотъ самый валъ, который идетъ около Паволочи и, по преданіямъ, называется Траяновымъ, или Змѣевымъ. На пространствѣ трехъ миль дороги по голой степи, засѣянной только могилами, глаза ни на чемъ не могли остановиться; только въ половинѣ перваго мы начали спускаться въ яръ и пріѣхали въ деревушку, въ которой, еще

разъ на нѣсколько минутъ, Тарновскіе принимали короля. Подали завтракъ; лошади отдохнули, и всѣ тронулись въ Каневъ. Не доѣзжая полмили до *Потока*, мы видѣли приготовленную иллюминацію на столбахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на нѣсколько саженей, на которыхъ прикрѣплены были связки лучины, омоченной въ смолѣ. При въѣздѣ въ Потокъ, короля встрѣтилъ народъ, стоящій рядами по обѣимъ сторонамъ тріумфальныхъ воротъ, сдѣланныхъ хотя въ деревенскомъ вкусѣ, но по правиламъ архитектурнымъ, и священникъ греко-россійскаго исповѣданія, съ клиромъ и крестомъ, привѣтствуя короля короткою рѣчью на славянскомъ языкѣ; потомъ пѣли многолѣтіе и раздавались клики народа.

»Предъ домомъ, приготовленнымъ для короля, встрѣтили его: Дѣдушицкій писарь литовскій, Деболи министръ польскій, изъ Петербурга, и Заблоцкій консулъ херсонскій, которые приглашены были къ обѣду. Послѣ кофе, король, поговоривши съ Деболи, ушелъ отдыхать, а мы разошлись по квартирамъ. Правда, насъ, было, пригласилъ князь подскарбій къ себѣ и предложилъ вистъ; но какъ моя квартира была за 1150 шаговъ и я положительно рѣшился, чтобъ въ моемъ дневникѣ nulla dies sine linea не проходилъ, то оставивъ всѣхъ и пошелъ домой.

»Въ восемь часовъ 24 марта, всѣ мы собрались къ выходу, потому что отъѣздъ былъ назначенъ попозднѣе; въ девять король сѣлъ въ экипажъ съ тѣми же, съ кѣмъ пріѣхалъ. Въ Потокѣ, одинъ крестьянинъ хотѣлъ привѣтствовать короля рѣчью, но какъ того же добивались и два другіе, а времени не было, то ничего и не вышло. Король, узнавши объ этомъ на другой день, приказалъ остановиться экипажу и выслушалъ рѣчь. Эта встрѣча стариками, избранными громадой, предлагавшей хлѣбъ-соль, пару сѣрыхъ жеребцовъ, пару сѣрыхъ воловъ, пару сѣрыхъ овецъ, и барашковъ, очень понравилась королю; онъ далъ имъ поцѣловать руку, и выѣхалъ въ хорошемъ расположеніи духа.

»Въ Степанцахъ, двѣ мили за Потокомъ, еще разъ привѣтствовали его толпы народа; наконецъ показался — *недосягаемый Каневъ*....«

П. Ревякинъ.

ПОЛЯКАМЪ ОБЪ УКРАИНЦАХЪ.

(ОТВѢТЪ НА БЕЗЫМЕННОЕ ПИСЬМО.)

Пишущій эти строки получилъ письмо, на польскомъ языкѣ, безъ подписи автора и безъ означенія, куда адресовать отвѣтъ. Письмо, между тѣмъ, вовсе не такого содержанія, чтобы отвѣчать на него не слѣдовало. Кто бы ни былъ мой таинственный корреспондентъ, но его мнѣнія, очевидно, принадлежатъ не одному ему, а выражаютъ убѣжденія цѣлаго кружка, а, можетъ быть, и общества. Это обстоятельство стóитъ того, чтобы посвятить нѣсколько времени на печатную переписку.

Прежде всего я долженъ сказать, что безыменное письмо обнаруживаетъ въ его авторѣ человѣка хорошо воспитаннаго. Какъ ни предубѣжденъ онъ противъ моей литературной дѣятельности, онъ вездѣ сохранилъ формы рѣчи, приличныя публичному объясненію, и если выразился кое-гдѣ рѣзко, то не иначе, какъ въ интересахъ своей общественной идеи. Автора поразили два стихотворенія мои, напечатанныя въ сентябрьской книжкѣ *Основы:* именно *Солонúца* и *Кумéйки*. Признавая за ними, съ свойственною просвѣщеннымъ Полякамъ любезностію, достоинства литературныя, онъ говоритъ, что цѣль ихъ ошибочна и, притомъ, умышленно-ошибочна. Авторъ письма не допускаетъ мысли, чтобы мы, украинскіе писатели, не знали нынѣшнихъ отношеній украинскаго простонародья къ шляхтичамъ-Полякамъ правой стороны Днѣпра, а между-тѣмъ, въ стихотвореніяхъ моихъ, равно какъ и въ разныхъ статьяхъ украинскаго вѣстника *Основы*, онъ видитъ желаніе вооружить противъ шляхты украинское простонародье. Вотъ его собственныя слова, въ переводѣ:

»Мы умѣемъ оцѣнить, сколько благородныхъ побужденій въ трудахъ вашихъ.... Мы не только не подавляли никогда, съ нашей стороны, этого стремленія, но всегда ему сочувствовали, и вѣрьте мнѣ — не Поляки будутъ васъ порицать. Но что́ намъ больно, и больно по справедливости, такъ это то, что вы положили въ основаніе вашихъ трудовъ убѣжденія ошибочныя и стараетесь ихъ утвердить на счетъ нашего прошедшаго и настоящаго. Вы смо́трите на насъ, какъ на шляхту XVII вѣка, навязываете намъ титулы и убѣжденія, которымъ мы ужъ не придаемъ никакого вѣсу, не хотите разсудительно понять того преобразованія, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесять лѣтъ, не хотите уразумѣть, во имя какой идеи страдалъ онъ.... и бросаете въ него обвиненія вмѣстѣ съ его врагами. За что́? спрашиваю васъ. За то, что стоитъ онъ передъ вами.... со слезами на глазахъ.... и раною въ сердцѣ? Не пустыя фразы вамъ говорю, а правду, не презрѣніе выражаю, а сердечную боль. Не полемика также занимаетъ меня, когда я вижу, какъ искусительно стараетесь вы растравлять инстинкты народа и даете ему ножъ въ руку. Хотѣлось бы мнѣ вѣрить, что вы не знаете нынѣшней Польши, что нынѣшнюю шляхту считаете такою, какою была она во времена Хмельницкаго, и потому съ отвращеніемъ отъ насъ отворачиваетесь. Тогда бы одна искренняя наша бесѣда съ вами объяснила все дѣло. Но я не могу та́къ думать о людяхъ, пишущихъ исторію и разныя другія сочиненія. Не могу также допустить мысли, что вамъ не извѣстно нынѣшнее положеніе Украинско-русскаго народа и что вы не знаете, на какую ступень поднялся онъ вслѣдствіе крестьянской реформы. Вы должны знать, что онъ вышелъ изъ крѣпостной зависимости и что унизительныя отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ болѣе не существуютъ. А если вы это знаете, то за что́ же стараетесь поддерживать въ народѣ ненависть къ шляхтѣ, вмѣсто того, чтобы залечивать старыя раны? Эта ненависть не оправдывается ужъ теперь ничѣмъ, и по совѣсти можно сказать, что въ вашихъ сочиненіяхъ ея больше, нежели въ сердцахъ народа. Не смѣшивайте эпохъ и понятій историческихъ и не принимайте старинной шляхты за одно и то же съ нынѣшнею: тогда вы вѣрнѣе поймете наши достоинства и недостатки. На шляхтѣ лежитъ отвѣтственность за состояніе Руси до конституціи 3-го мая 1791 года; но.... за послѣдніе семьдесять лѣтъ обвинять ее безусловно нельзя, потому что ужъ не она тутъ распоряжалась.... Всегда она обращалась къ украинскому народу съ словами: wolność i równość! Будила она его этими

словами, когда онъ еще не понималъ ихъ значенія, какъ начинаетъ разумѣть теперь. Вы упорно молчите(?!) объ этомъ и изучаете нашу исторію. Вы хорошо помните, что у насъ были Жолкѣвскіе и Вишневецкіе, а не хотите знать, что были у насъ также Костюшки и Ружицкіе... Въ вашей исторіи и въ убѣжденіяхъ вашихъ, польскій шляхтичъ — какая-то вредная личность. Пора бы выразумѣть ее безпристрастнѣе. Вы привыкли отличать шляхтича отъ народа и считать его чужимъ народу, пришлымъ. Кромѣ сословныхъ привиллегій, шляхтичъ у васъ не имѣетъ за собой ничего и на Руси играетъ исключительную роль угнетателя, а народъ постоянно находится въ борьбѣ съ нимъ, какъ элементомъ, препятствующимъ цивилизаціи и общественному благосостоянію. Это убѣжденіе утвердилось вашими историками, и за него вы ухватились тѣмъ охотнѣе, что оно чрезвычайно упрощало вопросъ о народныхъ правахъ согласно съ демократическими понятіями, а численное меньшинство шляхты совершенно подчиняло этимъ правамъ. Между тѣмъ, вникнувъ поглубже въ исторію, вы бы должны были убѣдиться, что самоправно уничтожать на Руси шляхтича въ пользу народа вы не имѣете права; что онъ, по крови, по заслугамъ и жертвамъ, которыя принесъ, такой же добрый Русинъ, какъ и всякій другой; что туловищемъ, исключительно простонароднымъ, покрывать Украинско-русскую землю не возможно, если хотите въ этомъ вопросѣ относиться къ историческому праву. Такой выходъ ставитъ весь вопросъ въ иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вы польскую шляхту, живущую здѣсь цѣлыя столѣтія и служившую отечеству, называете теперь чуждою и не признаете за нею помѣстныхъ правъ единственно потому, что она сдѣлалась сословіемъ и образовалась въ духѣ польской цивилизаціи? Вы можете порицать эту цивилизацію, можете опровергать привиллегіи шляхетскаго сословія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы имѣли право лишить ее наслѣдства въ пользу народа. Такое истолкованіе права исключительно въ пользу народа такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо истолкованіе его исключительно въ пользу шляхты. Шляхту въ украинской Руси составляютъ большею частію роды искони-русскіе и меньшею частію нобилитованные на сеймѣ литовскіе и польскіе, которые роднились съ первыми и, заселяя эту землю, устраивали города и слободы. Извѣстны судьбы обитателей этой земли: два раза войны обращали ее въ пустыню, а южная часть Украины населена не болѣе ста лѣтъ назадъ. Поэтому не думаю, чтобы вопросъ о земской давности могъ тутъ въ чемъ-нибудь поддерживать права народа, который, въ большей

части примѣровъ, поселился на этой землѣ въ силу правъ, данныхъ ему наслѣдственною шляхтою. Тѣмъ болѣе не понимаю, какъ это вы отказываете шляхтѣ въ правѣ на обладаніе землею, или лишаете ее наслѣдства въ пользу народа.«

Такъ пишетъ ко мнѣ неизвѣстный корреспондентъ и приводитъ свою рѣчь къ тому, что развитіе украинскаго народа внѣ интересовъ шляхетскаго меньшинства въ западнай Украинѣ не приведетъ этотъ народъ ни къ чему, достойному сочувствія просвѣщеннаго человѣчества, и что судьбы югозападной Руси неразлучны съ судьбами Польши въ будущемъ, какъ они были неразлучны въ прошедшемъ.

Прежде, чѣмъ подвергну безпристрастному разбору выписку изъ его письма, считаю нужнымъ заявить, что о прошедшемъ нашемъ мы, Украинцы, судимъ посвоему, и понятія наши объ историческомъ правѣ не совпадаютъ съ понятіями шляхетско-польскими, а будущаго мы себѣ не чертимъ опредѣлительно, какъ дѣлаютъ Поляки, не чертимъ по той простой причинѣ, что въ будущемъ все зависитъ отъ множества непредвидимыхъ явленій и комбинацій. Главное наше дѣло — пользоваться достойнымъ образомъ настоящими условіями нашего положенія. Главная наша цѣль — узнать самихъ-себя, ознакомиться другъ съ другомъ, научиться всему хорошему, всему жизненному другъ отъ друга, утвердиться въ основныхъ своихъ понятіяхъ о народѣ и его потребностяхъ. Мы никуда не рвемся безъ оглядки; мы терпѣливо сносимъ неудобства настоящаго нашего положенія, изъ любви къ тому великому дѣлу, которымъ мы заняты. Мы твердо убѣждены, что, употребляя въ свою пользу настоящее, мы каждый день творимъ свое невѣдомое будущее. Оно придетъ, оно не можетъ не придти; но блага грядущей судьбы народа обусловливаются его внутренними достоинствами. Не говорите намъ, гг. Поляки, что вы, какъ сословіе цивилизованное въ западной Украинѣ, можете вести дѣло народное впередъ, что вы, какъ потомки людей политическихъ, замѣните намъ недостатокъ понятій гражданскихъ, etc. etc. До тѣхъ поръ, пока мы сами собою не придемъ къ убѣжденіямъ, похожимъ на ваши, мы для васъ — или безжизненная, апатичнаа масса, или — толпа фанатически враждебная. Вы любите свой языкъ, свои преданія народныя. Позвольте и намъ заняться своимъ языкомъ и изученіемъ всего того, что̀ съ нами когда-либо происходило. Вы любите свой языкъ за то, что онъ развитъ великими писателями, а свои преданія за то, что они исполнены славныхъ воспоминаній и героическихъ бѣдствій. Предоставьте же намъ сравнитель-

но незавидное право — любить свою простонародную рѣчь, какою былъ когда-то и вашъ развитой уже языкъ, и углубляться въ воспоминанія о нашемъ политическомъ и гражданскомъ ничтожествѣ, которое нѣкогда, во времена вами забытыя, было и вашею участію. Вы много вѣковъ ужъ играете роль видную; мы не играемъ такой роли. Но поддались ли вы преобладавшей нѣкогда тевтонской народности, будучи невѣжественны и слабы? Нѣтъ, при всемъ своемъ тогдашнемъ варварствѣ, вы захотѣли быть Поляками, и устояли на своемъ. Какъ же это вы желаете, чтобы народъ не того языка, характера и даже не той религіи, что вы, слился съ вами во имя польской цивилизаціи? Зачѣмъ вы вовлекаете только-что пробуждающійся изъ многовѣковаго оцѣпененія народъ въ игру, которой исходъ вамъ самимъ неизвѣстенъ? Мы убѣждены, что только наша внутренняя дѣятельность, только внутреннія наши достоинства спасутъ насъ отъ ничтожества, которымъ долженъ томиться каждый, чувствующій способности стать выше. Вы разсчитываете на племя иноязычное, инохарактерное, иновѣрное. Очевидно, что ни нашъ политическій возрастъ, ни наши понятія о томъ, что́ такое вы и мы, не сходятся. Мы не ищемъ союзниковъ, какъ вы; намъ они не нужны. Если нѣтъ въ насъ силы стать выше нынѣшняго нашего положенія, то мы и не достойны лучшей участи; а сила эта должна, по нашему убѣжденію, быть не механическая; все, въ жизни народовъ, зависитъ отъ развитія внутренней, нравственной силы. Въ нашихъ усиліяхъ — познать себя вы намъ не союзники, а другихъ усилій мы не намѣрены дѣлать. Это значитъ, что ваши нынѣшнія потребности могутъ возникнуть для насъ нескоро. О чемъ же вы хлопочете? Намъ ваши попеченія объ украинской Руси тягостны, потому-что всякое усердіе требуетъ благодарности, а благодарить васъ намъ не за что: вѣдь вы собственно о себѣ хлопочете и, еслибъ могли обойтись безъ насъ, то, вѣрно, и не вспомнили бы о нашемъ существованіи. Что́ за симпатія такая къ намъ у потомковъ той самой шляхты, которая еще такъ недавно говорила о насъ: psia krew! Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаются. Это можно видѣть не только на народахъ, но и на отдѣльныхъ личностяхъ. Доказательствъ вашей симпатіи вы не представили даже и въ 1855 году, когда былъ случай—не говорю сдѣлать намъ пользу (пользы не могло выдти изъ вашей помощи); но дружески, человѣчески броситься туда, гдѣ людямъ тяжело. Не прошло и десятка лѣтъ—уже вы родные братья украинской Руси! Нѣтъ, и въ одномъ вашемъ предположеніи, что мы вамъ повѣримъ, таится уже свойственное шляхтѣ отъ вѣковъ

пренебреженіе къ хлопамъ. Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ. Судьба ваша была ужъ, и долго была, въ вашихъ рукахъ. Наша судьба вполнѣ никогда отъ насъ не зависѣла. Доживъ до идеи самосознанія, мы впервые почувствовали себя творцами нашей будущности. Дайте же намъ утвердиться на своемъ основаніи, не сбивайте насъ съ него политическими системами. Вы сами низвели себя до нынѣшняго своего положенія; сами извольте и возвышаться, а мы вамъ не помощники.

Что́ касается до обвиненій и сѣтованій моего незнакомаго корреспондента, то въ нихъ много правды, когда смотрѣть глазами польскаго шляхтича, и мало, когда смотрѣть глазами антишляхетнаго Украинца. Взглядъ каждаго народа, каждаго сословія и каждой отдѣльной личности усвоивается опытами прошедшаго, каково бы оно ни было. На основаніи этого взгляда, народы, сословія и единичныя лица устанавливаютъ свои отношенія другъ къ другу. Ошибки, свойственныя той и другой сторонѣ, по пословицѣ: *всякая рука къ себѣ крива*, исправляются теченіемъ жизни, или караются силою вещей. Вѣчно и вѣчно идутъ позвы, суды и пересуды, пока неугомонное чувство правды не успокоится или сознаніемъ своей несостоятельности, или пассивною покорностію неодолимой силѣ, или отдаленными надеждами восторжествовать при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Рѣшать въ данный моментъ, кто правъ, кто виноватъ, могутъ посторонніе, но никакъ не тяжущіеся. Поэтому писатель, защищающій права своего народа, естественно долженъ мало разсчитывать на противную сторону. Его прямое дѣло—утвердить свою сторону въ ея понятіяхъ, такъ какъ, при всей, кажущейся со стороны, несправедливости этой цѣли, въ достиженіи ея вся его надежда. Такимъ образомъ, признавая за моимъ корреспондентомъ право говорить отъ лица народа, котораго онъ — живой, мыслящій членъ, прошу его дать и мнѣ право выражать мнѣнія моего народа настолько, насколько я связанъ съ нимъ общими ему и мнѣ понятіями. Если оба наши народа устоятъ на высказанныхъ нами началахъ, между ними произойдетъ все то, что́ обыкновенно происходитъ между притязающими на извѣстныя права сторонами, а сила вещей будетъ ихъ верховнымъ судьею безъ апелляціи. Тужить объ этомъ нечего, потому что исторія не представляетъ никакого моральнаго и матеріальнаго завоеванія безъ тяжкихъ усилій и великихъ жертвъ. Всякая сила стремится занять принадлежащее ей мѣсто; равновѣсіе же между силами поставлено общимъ для всего міра закономъ. Оно будетъ отыскано и нашими потомками изъ естественнаго общаго стремленія къ самосохраненію.

Теперь приступимъ къ разбору того, что́ я старался перевести изъ безыменнаго письма въ возможной полнотѣ.

Говоря *мы*, авторъ письма конечно, разумѣетъ самую просвѣщенную часть польскаго общества. На этой части не лежитъ упрекъ подавленья нашихъ стремленій — оживить нашъ дремлющій народъ посредствомъ грамотности, улучшенія его быта и пробужденія въ немъ нравственнаго сознанія. Что́ касается до Поляковъ, цивизованныхъ только посредствомъ фрака и бѣлыхъ перчатокъ, то прошу автора вспомнить статью одного изъ парижскихъ журналовъ, въ которой говорится, къ какимъ мѣрамъ прибѣгли кіевскіе Поляки для подавленія первой *Грама́тки* на украинскомъ языкѣ, и не встрѣтило ли распространеніе стихотвореній Шевченка и другихъ воспитательныхъ для Украинскаго народа книгъ, въ брошюркахъ, прямого и косвеннаго противодѣйствія со стороны мѣстной шляхты? Вспомнимъ также поднятую ею пожидовски возню по поводу погребенія нашего поэта надъ роднымъ Днѣпромъ и все то, что́ до сихъ поръ происходитъ въ Кіевѣ между представителями украинской и польской народности. Доходящія до насъ извѣстія убѣждаютъ насъ въ печальной истинѣ, что значительная часть дѣятелей польской народности въ Кіевѣ состоитъ изъ прямыхъ наслѣдниковъ іезуитовъ XVII вѣка, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы Кіевляне были уніатами и католиками. Во все время нашего политическаго существованія, не было ни одного случая, чтобы мы, Украинцы, пытались, посредствомъ воспитанія или религіи, сдѣлать Поляка Украинцемъ; тогда какъ вы, гг. Поляки, съ незапамятныхъ временъ и до настоящаго дня не перестаете хлопотать о томъ, чтобы Русь была Польшею, во что́ бы то ни стало. Мы каждаго, кто переставалъ быть Украинцемъ, извергали изъ своей народной среды, назвавъ его *Ляхомъ*, *недоля́шкомъ* или *пере́вертнемъ*; тогда какъ вы готовы были всосать въ свою націю самыхъ презрѣнныхъ нашихъ отступниковъ и измѣнниковъ, изъ любви къ несчастной политической системѣ, которую проповѣдываете, не смотря на то, что она оказалась несостоятельною въ глазахъ всего міра (разумѣю систему хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей).

Что́ касается до вашего сочувствія, то оно не того рода сочувствіе, которое могло бы насъ радовать. Говоря вообще, Полякъ сочувствуетъ въ нашей словесности только тому, что́ подходитъ подъ его виды на будущее и подъ его настоящія антипатіи. Мы для него всё еще козаки, встрѣчающіе на окраинѣ Польши первый порывъ, первый натискъ врага

Рѣчи Посполитой. Лишь только дѣятельность наша выходитъ изъ этой узкой рамки, она безпокоитъ Поляка и кажется ему нелѣпою. Чтобы выразить мою мысль яснѣе, укажу на то, какъ, подъ вліяніемъ патріотическаго стремленія въ одну только сторону, великій польскій поэтъ Мицкевичъ сбавлялъ цѣны творчеству Пушкина съ извѣстнаго событія 1825 года, тогда какъ оно становилось всё выше и выше. Такъ часто судятъ Поляки и объ украинскихъ писателяхъ. У нихъ, въ собственной литературѣ, существуетъ цѣлый украинскій отдѣлъ, котораго альфа Мальчевскій, а омега — Богданъ Залѣскій. Первые стихи поэмы Мальчевскаго, по ихъ мнѣнію, изображаютъ совершеннѣйшій типъ козака. Поэтъ торжественно обращается къ нашему земляку: »Куда летишь ты на быстромъ конѣ? не за зайцемъ ли, котораго завидѣлъ въ полѣ? не врага ли настигаешь? не къ милой ли спѣшишь на свиданье?« и отвѣчаетъ заинтересованному читателю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что возвеличилъ своего героя достойнымъ образомъ: »Нѣтъ, ты летишь исполнить волю своего пана, мчишь его письмо къ другому пану.« Выше этой роли мы не дослужились у польской шляхты даже и въ литературѣ. Богданъ Залѣсскій воспѣваетъ нашихъ гетмановъ и запорожцевъ, но у него они выходятъ никакъ не лучше тѣхъ картинокъ, какія часто попадаются на нотахъ польско-украинскихъ виртуозовъ, любящихъ украшать свои произведенія пляшущими и конными козаками. Украинцы не видятъ въ нихъ своего образа и подобія; Украинцамъ они представляются шляхтичами-эксцентриками. Ни Мальчевскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Гроза и никто изъ Поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностію не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми, хорошо знакомыми съ польской литературою. У Поляковъ есть еще поэтъ, пишущій по-украински, а не по-польски, именно Падура. Стихотворенія его до такой степени кажутся Полякамъ украинскими, что историкъ Запорожской Сѣчи, г. Скальковскій, принялъ ихъ за народныя думы и ввелъ въ первое изданіе своего сочиненія. Мы видѣли великолѣпное варшавское ихъ изданіе, свидѣтельствующее о разсчетѣ издателя на сочувствіе польской публики. Пѣсни Падуры распространены по Днѣстру и Бугу между надворными панскими козаками и чиншовою шляхтою, посредствомъ раутовъ въ жидовскихъ корчмахъ и подъ вліяніемъ разгульныхъ пановъ-холостяковъ, покровительствующихъ простонародной пѣсенности и подражающихъ созданнымъ въ воображеніи Запорожцамъ. Всё таки и этотъ родъ сочувствія нашей народности не встрѣ-

тилъ въ Украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они сторонятся отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность Поляковъ быть съ ними за панибрата. Печальный фактъ представляетъ безуспѣшность босоногихъ шляхетскихъ мисіонеровъ XVII и XVIII вѣка, ходившихъ изъ села въ село и проповѣдывавшихъ народу ученіе вѣры въ католическомъ духѣ: народъ отвѣчалъ шляхтѣ на проповѣди Коліївщиною; еще печальнѣе эти попытки побрататься съ Украинцами во имя его козачества, перелицеваннаго наизнанку! *Я* польское и *я* украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что Полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру Украинца, а Украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные преставители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа.

Авторъ письма напрасно говоритъ, что Поляки всегда сочувствовали »благороднымъ побужденіямъ«, управлявшимъ нами въ нашихъ трудахъ. Эти слова справедливы только въ такомъ случаѣ, если къ словамъ *благородныя побужденія* прибавить слова: *по мнѣнію Поляковъ*. Ни одинъ народъ не сознаётъ себя подлымъ. Каждый народъ подвизается за свою правду, но эта правда для другого, соперничающаго съ нимъ народа — неправда. Благородные подвиги одного народа опровергаются гремящими батареями другого, и если однѣ батареи уничтожатъ другія, то за благородство подвиговъ побѣдитель раздаетъ въ побѣжденномъ народѣ не лавровые, а скорѣе терновые вѣнки. Развѣ признавали Поляки XVII вѣка благородство за Хмельницкимъ и его сподвижниками? а между тѣмъ козаки имѣли, въ собственномъ мнѣніи, такое же право на благородство, какъ и Вишневецкій съ королевскою шляхтою. Мы наслѣдники того, что сдѣлали для насъ взбунтовавшіеся противъ магнатовъ козаки; почему же намъ не думать, что, опровергая польско-шляхетскія тенденціи, мы поступаемъ такъ же благородно, какъ и они поступали, когда крушили матеріальную силу магнатовъ? Чтобъ сочувствовать благороднымъ побужденіямъ нашихъ трудовъ, надобно понимать ихъ благородство въ безусловномъ значеніи. Иначе — мы въ глазахъ

вашихъ то самое, что́ были козаки въ глазахъ автора извѣстной брошюры: »O kozakach, iesli ich znieść, czy nie, discurs.« Убѣдясь въ невозможности уничтожить козаковъ *до ноги*, политикъ XVII вѣка рѣшился ихъ терпѣть. Точно такъ, можетъ быть, и вы, господа, потому насъ терпите и ищете съ нами союза, что не можете насъ уничтожить; въ противномъ случаѣ, едва-ли признали бы благородство нашихъ побужденій даже и на половинныхъ условіяхъ. Мы, напримѣръ, откровенно скажемъ, что не признаемъ особеннаго благородства за вашими тенденціями полонизовать западную Украину, но даемъ право вашему народному эгоизму. Вамъ свойственно желать, чтобы Польша была даже и тамъ, гдѣ ею только изрѣдка пахнетъ; попробуйте, сможете ли вы это сдѣлать съ Украиной, которую вы нѣкогда предполагали заселить чужестранцами, истребивъ и разогнавъ туземцевъ, которую обратили-было почти въ пустыню и которую теперь склоняете содѣйствовать возстановленію прежней Польши. Что́ касается до насъ, то борьба нашихъ предковъ съ вашими предками, часто слѣпая и нелѣпая, но въ общемъ необходимая для нашего самосохраненія, не пропала для насъ безслѣдно. Если вы — смягченные и озаренные духомъ вѣка шляхтичи, то и мы — дышащіе новою, современною жизнію козаки. Если для васъ дороги мѣста, на которыхъ ваши предки торжествовали, то и для насъ дороги мѣста, за которыя наши предки гибли. Вы внесли, говорите вы, въ нашу пахарскую хату европейское просвѣщеніе. Спасибо вамъ за трудъ, хотя вы вносили его собственно для себя; но если бы даже и для насъ, то всё-таки хата—*наша* и вы въ ней—*чужіе*. Мы васъ не гонимъ, пока вы насъ не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію и собственно для себя, для блага своей земли, а не для поддержанія переформированной вами по проэкту 3-го мая 1791 года, но неосуществимой, системы. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насъ съ вами »jedność i równość«, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, чѣмъ были для насъ ваши предки, что́ насъ разрознило и чего намъ ожидать отъ осуществленія вашихъ политически-соціальныхъ плановъ; мы, однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, для противодѣйствія вамъ, соединяемъ его въ могучее тѣло единствомъ преданій, чувствъ и убѣжденій. Если вы цѣните благородство управляющихъ нами побужденій, зная все это, то вамъ ничего больше не остается дѣлать, какъ предоставить насъ самимъ себѣ и полагаться только на собственныя внутренніе ресурсы, какъ мы полагаемся на свои.

Авторъ письма говоритъ о »превращеніи, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ.« Въ чемъ должны мы видѣть это превращеніе? не въ сочиненіяхъ ли польскихъ эмигрантовъ? не въ тѣхъ ли утопіяхъ полонизованія русскихъ областей, которыми онъ болѣзненно бредитъ? Мы знаемъ, каковы были свободные Поляки. Ихъ настоящее положеніе внушаетъ намъ участіе; но мы никакъ не поручимся, что, съ возвращеніемъ бо́льшей свободы, не возвратится старый польскій духъ, подъ иными формами. Въ этомъ сильно заподазриваютъ ихъ въ нашихъ глазахъ эти дикія мечты, которыя мы и читаемъ въ польскихъ писаніяхъ, и слышимъ изъ живыхъ польскихъ устъ, — мечты о разширеніи Польши по Смоленскъ и Днѣпръ, о предводительствѣ Славянскимъ міромъ, о политическомъ мессіанизмѣ и Богъ знаетъ о чемъ еще. Люди, до такой степени не завоевательные, какъ мы, желающіе каждому быть, чѣмъ онъ хочетъ и какъ ему угодно, должны отшатнуться отъ сосѣда, который проситъ развязать ему руки, можетъ быть, съ готовымъ уже планомъ подвернуть подъ себя освободителей.

Изъ этого корреспондентъ мой долженъ убѣдиться, что современная Польша намъ не безызвѣстна, что мы ее не воображаемъ такою, какою она была въ XVII вѣкѣ, но при всемъ томъ не имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ удостовѣрились бы въ ея превращеніи. Я готовъ думать, что мой корреспондентъ самъ по себѣ — почтеннѣйшая личность и что кругъ людей, къ которому онъ принадлежитъ, заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ представителей новой, преобразовавшейся Польши; но поручится ли онъ, что его гуманныя идеи относительно Украинскаго народа, это признаніе правъ равенства, это желаніе братскаго единства, будутъ закономъ для большинства? Вѣдь и въ XVII вѣкѣ были люди, въ самый разгаръ козацкихъ войнъ, совѣтовавшіе сейму предоставить козакамъ въ ихъ землѣ и обществѣ полную свободу управленія. Я самъ нашелъ замѣчательный въ этомъ отношеніи документъ между рукописями Петербургской публичной библіотеки и напечаталъ въ приложеніяхъ къ одной изъ моихъ думъ (*Основа*, за октябрь; 10-е прим. къ *Дунайской Думѣ*). Но извѣстно, какъ разошлось въ XVII вѣкѣ самое дѣло съ этими pia desideria. Кто поручится намъ, что мой почтенный корреспондентъ и его пріятели не будутъ вопіять въ пустынѣ посреди возстановленной Польши? Увѣщанія, которыми онъ меня почтилъ, сами по себѣ трогательны; но мы въ нихъ не слышимъ голоса всего *шляхетскаго народа*, а еслибъ и слышали, то, помня хорошо прошедшее и

не видя ничего убѣждающаго въ настоящемъ, мы бы заткнули уши и пошли своимъ путемъ.

О томъ, что народу Украинскому теперь хорошо у Поляковъ-землевладѣльцевъ, я не могу распространяться, потому что долженъ былъ бы войти въ несовсѣмъ удобныя для печати историческія подробности изъ недавняго времени, но спрошу: любитъ ли вообще народъ польскую шляхту въ западной Украинѣ? Нѣтъ, и сами вы говорите, что будто бы мы »стараемся поддерживать въ народѣ *ненависть* къ шляхтѣ.« Вы говорите, впрочемъ, что этой ненависти больше въ нашихъ сочиненіяхъ, нежели въ сердцахъ народа. Откуда же вошла она въ наши сочиненія? Вы забываете, что состояніе украинской литературы еще далеко не таково, чтобы ей играть роль политическую. Народъ нашъ не пойметъ политики; онъ способенъ сочувствовать только тому, что составляетъ его повседневность. Если наши поэмы и думы о старыхъ временахъ, о временахъ его страданій отъ польской шляхты, живо его интересуютъ, значитъ въ сердцѣ у него есть чувства, а въ головѣ преданія, соотвѣтствующія этого рода поэзіи. Да и чѣмъ это вы воображаете поэта, говоря, что онъ долженъ залечивать старыя раны? Вѣдь поэтъ есть не что иное, какъ прямой продуктъ народнаго чувства, народныхъ понятій. Какимъ же образомъ онъ можетъ выражать не то, что ему внушаетъ жизнь его народа и чего жаждетъ его народъ? Залечивать раны! — да развѣ Мицкевичъ залечивалъ ваши раны? Почему же долженъ залечивать ихъ Шевченко? Да сами они были вопіющими ранами своихъ народовъ, сами болѣли сердцемъ такъ, какъ ихъ народы! Нѣтъ, всѣ страданія и всѣ торжества своей націи долженъ сливать поэтъ въ своей пѣснѣ и посредствомъ прошедшаго будить настоящее. Никто въ этомъ случаѣ не поддержитъ моихъ словъ больше вашего Мицкевича.

O wieści gminna, ty arko przymierza
Między dawnemi i późnemi czasy,
W tobie lud składa broń swego rycerza,
Swych myśli prędze i swych uczuć kwiaty.
Arko! tyś żadnym nie złamana ciosem,
Póki cię własny twój lud nie znieważy.
O pieśni gminna! ty stoisz na straży
Narodowego pamiątek kościoła;
Z archanielskiemi skrzydłami i głosem,
Ty czasem miewasz i broń archanioła....

Вспомните еще дальнѣйшіе стихи:

A ieśli podłe dusze nie umieią
Karmić ią żalem i poić nadzieją....

Вотъ что́ говоритъ поэтъ, поддержавшій польскую народность лучшимъ ея выраженіемъ и увѣковѣчившій память о существованіи Польши. Мы не обвиняемъ его въ народномъ фанатизмѣ, а вы, едва заслышали нѣсколько свободныхъ звуковъ украинской бандуры, уже боитесь за свое будущее, уже видите противъ себя въ рукахъ народа ножи, уже требуете, во имя цивилизаціи, замолчать о кровавыхъ преданіяхъ старины украинской. Этимъ самымъ вы осуждаете свою народность больше, чѣмъ мы въ своихъ стихахъ и прозѣ. Что́ это за законное и прочное положеніе шляхты среди Украинскаго народа, когда она боится его воспоминаній, затуманенныхъ вѣками безграмотности? Что́ это за терпимость шляхетская, когда просвѣщеннѣйшіе люди обращаются съ упреками къ автору, которому, по ихъ мнѣнію, народъ будетъ живо сочувствовать, и убѣждаютъ его замолчать о томъ, что́ составляетъ единственное достояніе Украинца? Корреспондентъ мой, въ другомъ мѣстѣ своего письма, говоритъ, что польскую шляхту »поддерживаютъ преданія, права, просвѣщеніе, родовое мужество и доблести« и что, потерявъ польскую шляхту, Украинцы »потеряли бы вмѣстѣ съ нею ту степень цивилизаціи и тѣ историческія преданія, которыми она обладаетъ исключительно.« Мы увѣрены, что битвы съ Хмельницкимъ также входятъ въ число преданій шляхты. Отчего жъ эти преданія принадлежатъ ей одной исключительно? Почему намъ не дано права помнить хоть то, ка́къ насъ Ляхи били, если ужъ мы лишены права вспоминать, какъ мы ихъ побѣждали? Странное дѣло: поднимается въ XVII вѣкѣ украинское простонародье подъ предводительствомъ Павлюка, пять тысячъ падаетъ въ одной битвѣ, и событіе это считается до такой степени темнымъ, что просвѣщенный Полякъ XIX вѣка упрекаетъ своего современника Украинца, зачѣмъ онъ вспоминаетъ о немъ въ стихотворной думѣ? Были же какія-то причины со стороны шляхты, заставлявшія земледѣльческій народъ сказать: »лучше смерть, нежели золъ животъ!« Былъ же какой-то жизненный смыслъ въ этомъ событіи, если Украина, въ то время сравнительно малолюдная, теряла за одинъ разъ по пяти тысячъ убитыми, изъ ненависти къ своимъ колонизаторамъ! Было, видно, за что́ сражаться съ шляхтою, когда все Заднѣпріе, главное жерло возстаній народныхъ, превратилось буквально въ пустыню послѣ Дорошенка!... Прошло лѣтъ около двухъ-сотъ, народъ, размножившійся на кровавыхъ пепелищахъ, на мѣстахъ гибели предковъ, желаетъ знать, за что́ гибли предки; желаніе его удовлетворяется самымъ естественнымъ образомъ, къ историческимъ думамъ присоединяются современ-

ныя свидѣтельства самихъ Поляковъ, — и это называютъ дѣломъ лукавымъ, дѣломъ недостойнымъ просвѣщеннаго вѣка! Что жъ, послѣ этого *Spiewy historyczne* (историческія пѣсни), Нѣмцевича?.. Нѣтъ, судья тутъ одинъ народъ, для котораго эти думы пишутся. Если онъ имъ сочувствуетъ, онъ этимъ даетъ имъ значеніе жизненное, и какъ бы ни огорчилось ими маленькое меньшинство изъ своихъ личныхъ видовъ, преданіе о старинѣ не умолкнетъ. Если нынѣшняя шляхта не похожа на старинную, пусть она это докажетъ, пусть она заставитъ народъ забыть, что это потомки тѣхъ »душмановъ«, о которыхъ писалъ Павлюкъ, возбуждая поселянъ къ возстанію; пусть она сольется съ народомъ въ нераздѣльное тѣло, которое одно бы чувствовало и одного желало. Это лучшій способъ заставить народъ позабыть старые счеты съ шляхтой. Польша для него отодвинется тогда за черту Руси, и не пойдетъ нашъ народъ безъ вызову напоминать ей времена Павлюка и Хмельницкаго. Но иначе судитъ польско-украинская шляхта. Вмѣсто того, чтобы слиться самой съ Украинцами, она хочетъ слить Украину съ Польшей и ополячить потомковъ тѣхъ козаковъ, которые дали имъ такой жестокій урокъ за посягательство на народную волю. Они говорятъ, что по крови они съ нами одно и тоже; а кто выдумалъ слова: psia krew? Они говорятъ, что они съ нами одно и то же по заслугамъ; — передъ кѣмъ? Народу не служилъ никто въ XVII столѣтіи, — ни даже наши гетманы, а если мы служили шляхетскому сословію, то давно въ этомъ раскаялись. Увѣряютъ они, что мы вмѣстѣ приносили жертвы. Нѣтъ, что было съ нашей стороны жертвою, то со стороны шляхты чистымъ выигрышемъ. Если же приносила шляхта нашему народу жертвы, то развѣ со слезами на глазахъ, — со слезами злости, стыда и сожалѣній о потерѣ всякихъ крулевщизнъ и не-крулевщизнъ. Увѣряютъ они, наконецъ, даже въ томъ, что они тѣ же Русины. Почему же они говорятъ въ своихъ семействахъ попольски, проповѣдуютъ ненавистный народу папизмъ и тянутъ всю Украину къ Польшѣ? Русинъ у польской шляхты значитъ *живущій въ Руси*, все равно какъ Мазуръ значитъ *живущій въ Мазовіи*. Будучи Русиномъ, онъ такой же Полякъ, какъ и Мазуръ, будучи Мазуромъ. А по нашему, кто Русинъ, тотъ ужъ не Полякъ, и кто Полякъ, тотъ не Русинъ. Живутъ Поляки въ Украинѣ давно и всегда были чужими для народа, потому что подчиняли его интересы своимъ собственнымъ. Пока они не отрекутся отъ имени польскаго и отъ мертвящаго всякую жизнь папизма, пока не назовутъ себя *Украинцами* въ нашемъ значеніи слова, до-тѣхъ-поръ они будутъ, въ гла-

захъ народа, пришельцы, иностранцы, однимъ-словомъ — чужіе, и судьбы наши не будутъ ихъ судьбами.

Въ сочиненіяхъ нашихъ мы не заводили еще рѣчи объ аграрномъ законѣ; но шляхта польская видитъ уже для себя опасность и съ этой стороны. Мы только скажемъ, что, называя своимъ отечествомъ Польшу, а себя потомками старорусскихъ родовъ, она сама опредѣляетъ на будущее время права свои на то, чѣмъ владѣетъ наслѣдственно въ Украинѣ. Мы не касаемся вопроса о сословіяхъ, не говоримъ также о томъ, чтобы, какъ выразился мой корреспондентъ, накрыть всю украинскую Русь исключительно простонароднымъ туловищемъ: это покамѣсть не наше дѣло; но мы не можемъ допустить мысли, чтобы душою нашего народа могли быть иностранцы, называющіе себя Русинами только въ полемическихъ статьяхъ. Мы предполагаемъ въ народѣ его собственную—не-шляхетскопольскую—душу. Если онъ не мертвая масса, то въ немъ откроется все, что́ необходимо для его дальнѣйшаго развитія. Такимъ-образомъ мы вовсе не дорожимъ присутствіемъ въ Украинѣ непрошенныхъ цивизаторовъ ея и не сомнѣваемся, что безъ ихъ участія дѣло наше пошло́ бы вѣрнѣе. Но цивилизаторы наши никакъ не хотятъ обойтись безъ насъ и усердно набиваются съ своими благодѣяніями, въ которыхъ мы не нуждаемся. Въ нашихъ рукахъ, говорятъ они, просвѣщеніе и деньги, а у васъ нѣтъ ни того, ни другого; что́ вы безъ насъ сдѣлаете? Если мы захотимъ что-нибудь сдѣлать завтра, то, конечно, мудрено обойтись безъ того и другого; но вѣдь мы не такъ нетерпѣливы, какъ воображаютъ Поляки, а просвѣщеніе и деньги не есть нѣчто доступное однимъ и недоступное другимъ. Время даетъ народамъ то и другое при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и на самыхъ скудныхъ и тѣсныхъ пространствахъ земли. Вы—по-вашему—просвѣщенное и богатое общество XIX вѣка, а мы будемъ такимъ обществомъ, можетъ быть, въ XX. Изза этой разницы не сто́итъ сворачивать съ своего яснаго пути на чужой, призрачный.

Корреспондентъ мой, воображая, что мы довольны нынѣшними взаимными отношеніями украинскаго народа и польской шляхты, и что мы уважаемъ глухую дѣятельность польскихъ политиковъ послѣдняго времени, спрашиваетъ меня съ упрекомъ: »Зачѣмъ же, зная обо всемъ этомъ, вы пишете думы, возбуждающіе давнишній народный фанатизмъ и представляете насъ народу не такими, каковы мы теперь, а такими, какими были нѣкогда?« Отвѣчаю: потому пишу я думы, основанныя на событіяхъ старины украинской, что воспоминанія о нихъ меня воодушевляютъ. Въ глазахъ Поляковъ, любовь народа къ такъ-называемымъ гайда-

мацкимъ пѣснямъ (отъ Наливайка до Гонты) есть фанатизмъ, а въ нашихъ глазахъ это дѣло столь же законное, какъ и любовь Поляковъ къ собственнымъ историческимъ преданіямъ. Поляки, карая ожесточенный ими народъ за возмущенія, превратили Украину въ пустыню, заставили козаковъ собственными руками выжигать свои города и села. Исторія не живетъ на пепелищахъ; она созидается въ благоустроенныхъ городахъ; она пишется въ безопасныхъ книгохранилищахъ. Тамъ, гдѣ листки лѣтописей и документовъ разлетѣлись въ вихрѣ пожаровъ и забытыя городскія улицы заросли дикими деревьями, тамъ живетъ одна поэзія. Она одна хранитъ отъ забвенія печальныя преданія безпомощнаго народа, и Полякамъ ли упрекать Украинцевъ за то, что они украшаютъ цвѣтами воображенія незаписанную ими во́ время дѣйствительность, или записанную наскоро, чтобы помнить только годы и имена? Вы написали множество подробныхъ лѣтописей и исторій. Вы не переставали писать ихъ въ то время, когда на мѣстѣ Корсуня, Черкасъ и Чигирина лежали только груды пепла. Мы, напротивъ, iak słowik z ogniem zaiętego gmachu (1), уходили съ своими пѣснями въ недоступныя для васъ мѣста, и какъ предки наши во времена андрусовскаго мира пѣли про Наливайка, такъ мы во время политическаго уничтоженія Польши пѣли про Хмельницкаго и его предшественниковъ, и поемъ до сихъ поръ. Между тѣмъ сохраненныя вашею насильственною для насъ цивилизаціею склады бумагъ очутились вдали отъ васъ и отъ насъ на сѣверѣ. Въ нихъ мы находимъ забытую нашимъ народомъ старую свою исторію, и что́ же? Не смотря на то, что мы, читая польскія рукописи, узнаёмъ ее изъ устъ нашихъ старыхъ враговъ, она совпадаетъ съ нашими народными пѣснями больше, чѣмъ съ сочиненіями вашихъ цивилизованныхъ историковъ и лѣтописцевъ. Сквозь предразсудки шляхты пробиваются чистыя понятія угнетеннаго ею народа о своихъ человѣческихъ правахъ, и даже изъ среды бурныхъ шляхетскихъ сеймовъ доносятся къ намъ голоса, оправдывавшія наши несчастныя возстанія. Не понимаемъ послѣ этого, какимъ образомъ вы даете своимъ писателямъ право утверждать польское общество въ его любви къ преданію, и не даете украинскимъ писателямъ права опирать свою народность на печальныхъ фактахъ, сохранившихся въ пѣсняхъ и въ вашихъ собственныхъ бумагахъ. Вы видите, что наше простонародное общество не дожило еще до историческаго возсозданія своей прошедшей жизни. Оно только-что открыло глаза на про-

(1) Т. е. какъ соловей изъ объятаго огнемъ зданія. Стихъ Мицкевича.

шедшее и настоящее; естественно ему руководствоваться покамѣсть историческою пѣснію, предоставляя только немногимъ изъ среды себя уяснять свою исторію при посредствѣ чужихъ литературъ. Мы помнимъ время, когда за пѣсню о Хмельницкомъ или другомъ героѣ козачества, Поляки бросали бандуриста въ тюрьму и лишали жизни. Я самъ, во время странствованій моихъ по убогимъ хатамъ въ западной Украинѣ, слышалъ множество разсказовъ о томъ, какія были приняты мѣры польской полиціей къ заглушенію въ народѣ памяти о давнемъ и недавнемъ козачествѣ. Слыша теперь упрекъ отъ просвѣщеннаго Поляка за историческія думы, писанныя въ народномъ духѣ, не въ правѣ ли мы заключить, что только одна невозможность удерживаетъ цивилизаторовъ Украины отъ угашенія народнаго духа въ лицѣ писателей украинскихъ? Вы говорите, что въ этихъ думахъ больше ненависти къ Польшѣ, нежели въ сердцахъ народа. Слѣдовательно, по-вашему, онѣ полны неправды. Какая же неправда можетъ имѣть вліяніе на живую, народную массу? Оглянитесь на свои католическія миссіи въ Украинѣ. Не смотря на всѣ вспомогательныя средства, ихъ проповѣди не произвели въ народѣ никакой перемѣны, не сроднили его ни съ католичествомъ, ни съ польскою народностію. Посмотрите на вашего Падуру, который льститъ Украинцамъ всевозможными мѣрами. Украинскіе стихи его для народа то же самое, что́ и польскіе стихи Богдана Залѣскаго. Будутъ ли приняты мои стихи народомъ, этого я не знаю, но не вижу ничего предосудительнаго въ моемъ желаніи оживить ими народную память, утвердить въ немъ здоровыя понятія о самомъ себѣ и о тѣхъ сосѣдяхъ, которые много разъ стлали ему очень мягко и, не смотря на то, что у него до сихъ поръ болятъ бока отъ довѣрчиваго спанья на польской постели, всѣ еще заманиваютъ его соснуть маленько.

На вторую половину вопроса моего корреспондента я долженъ отвѣчать: что мы не знаемъ довольно фактовъ, которые бы убѣдили насъ въ томъ, будто бы нынѣшніе Поляки вовсе не похожи на своихъ предковъ. Они не имѣли возможности доказать это относительно Украинцевъ цѣлою націею, тогда какъ порознь представили довольно грустныхъ примѣровъ своей шляхетской спѣси, своего равнодушія къ судьбамъ народа и даже презрѣнія къ его матеріальнымъ нуждамъ. Исчислять эти примѣры я не имѣю возможности, но исторія ничего не забудетъ. Чтобы заставить украинскихъ писателей изображать Поляковъ, каковы они теперь, надобно Полякамъ поразить украинскіе умы своими достоинствами въ такой сильной степени, въ какой ихъ предки поразили эти самые

умы своими недостатками, пороками и злодѣйствами; надобно, чтобы самъ народъ перемѣнилъ о нихъ свои понятія и, вмѣсто ненависти, которую будто бы мы только разжигаемъ, загорѣлся къ нимъ благодарною любовію. Пока это явленіе не совершится, до тѣхъ поръ не перестанутъ писатели украинскіе вызывать изъ прошедшаго окровавленныя тѣни своихъ предковъ, завѣщавшихъ потомству стоять за правду, которой они не были въ силахъ защитить отъ польскихъ магнатовъ. Но если бы какимъ-нибудь чудомъ появились у насъ поэтическія произведенія въ пользу примиренія съ Поляками, тогда-какъ народъ еще съ ними не примирился, т. е. не увѣровалъ въ ихъ пересозданіе, то они произвели бы не больше впечатлѣнія на массу, сколько способна произвесть, напримѣръ, книга: »Kozaczyźna w Turcyi«, изданная, лѣтъ пять тому назадъ, въ Парижѣ очень роскошно на счетъ какого-то мечтателя-эмигранта. Они были бы достояніемъ извѣстнаго кружка и никогда бы не пошли въ массу, чуждую вашихъ политическихъ соображеній. Всего лучше можно это видѣть на безчисленномъ множествѣ книгъ, издаваемыхъ въ теченіе столѣтія въ видѣ букварей, учебниковъ, басень, поэмъ, повѣстей, романовъ, драмъ, проповѣдей и всяческихъ иныхъ внушеній не во вкусѣ и не въ духѣ народа. Вся эта туча печатныхъ листовъ пронеслась надъ простолюдинами, какъ шелестящая и помрачающая воздухъ масса саранчи, и народъ остался почти при тѣхъ же чувствахъ, понятіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, какъ до екатерининскаго времени. Даже привиллегированныя сословія, принявшія на вѣру выработанныя въ академіяхъ понятія, подвергаютъ ихъ теперь строгому пересмотру и возвращаются, въ своихъ убѣжденіяхъ, къ тому пункту, съ котораго они повернули въ сторону отъ неграмотной массы. Къ чему же пригодились бы наши сочиненія, написанныя по предвзятой системѣ, мимо вѣдома нашего народа и въ упоръ нажитымъ вѣками его убѣжденіямъ? Требовать этого отъ писателя, желающаго быть народнымъ, значитъ не уважать вдохновляющаго его сочувствія къ народу и не вѣрить добросовѣстности его наблюденій надъ народомъ. На то, чтобы сродниться съ народомъ въ словѣ и чувствѣ, онъ отдалъ лучшую часть жизни: какія же внѣшнія побужденія могутъ быть достаточно сильны, чтобы повернуть его въ другую сторону? Если мы, по мнѣнію Поляковъ, стоимъ на ложномъ пути, то имъ остается только махнуть на насъ рукой, какъ мы махнули на шляхту, на ея шляхетскія преданія и на ея шляхетскія тенденціи. Наша исторія представляетъ намъ печальное утѣшеніе:

Нехáй знáють на всімъ свíті,
Якъ ми погибáли
И, гúнучи, свою прáвду
Крóвью записáли.

Но и этого утѣшенія готова лишить насъ цивилизованная шляхта, во имя своихъ яко-бы болѣе человѣчныхъ традицій. Нѣтъ, мы не стыдимся своей исторіи, не смотря на то, что мы были варварами въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Уже одинъ фактъ, что мы не снесли насилія цивилизаторовъ Украины, оправдываетъ насъ предъ судомъ всѣхъ современныхъ народностей. Хороши были бы мы, еслибъ, въ XVII вѣкѣ, допустили деспотическому католичеству разлиться до Чернаго моря и Глухова, а въ XIX удовольствовались такими похвалами отъ польской музы, какою начинается знаменитая въ новѣйшей польской литературѣ поэма Мальчевскаго! Нашъ духъ въ XVII вѣкѣ былъ крѣпче, чѣмъ воображали его Поляки, и идеалъ нашъ въ XIX-мъ выше идеала современной польской шляхты. Если корреспондентъ мой убѣжденъ, что »повернуть шляхту съ ея исторической дороги — дѣло невѣроятное« (zawrócenie szlachty z historicznego jéj toru jest niepodobném), — о чемъ мы мало заботимся, — то почему же можетъ быть возможно для нея повернуть насъ съ нашей исторической дороги (о чемъ она заботятся сильно)? Новѣйшее просвѣщенное общество не представляетъ примѣра, чтобы кто-нибудь изъ насъ сталъ въ ряды польско-украинской шляхты, тогда-какъ самъ корреспондентъ мой указываетъ — конечно съ презрѣніемъ — на нѣсколькихъ кіевскихъ студентовъ, которые szlachciców się zaparli, a chłopami nie zostali. Да они и не желали сдѣлаться хлопами, а просто — Украинцами, объявивъ безнадежными шляхетскія тенденціи. Много ихъ или мало, но это люди, постигшіе, гдѣ возможенъ прогрессъ жизни, при нынѣшнемъ всемірномъ воскресеніи народностей, и гдѣ онъ не возможенъ. Тащить куда-то малочисленному сословію цѣлый народъ — дѣло странное. Соединиться съ этимъ народомъ, слиться съ нимъ своими симпатіями — дѣло естественное. Украинскіе Поляки соглашаются, что они, большею частію, тѣ же Украинцы, превращенные католичествомъ и польщизною въ иную народность. Что́ можетъ быть натуральнѣе для просвѣщеннаго мыслителя, какъ воротиться на ту прямую дорогу, по которой шли ихъ предки, не совращенные еще іезуитами и варшавскими политиками? А впрочемъ мы обойдемся и безъ нихъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Въ-заключеніе, я прошу читателей позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ, которыя будутъ вполнѣ понятны только моему корреспонденту. Подозрѣнія его на счетъ нашихъ затаенныхъ цѣлей несправедливы. Мы живемъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ уже и въ государственную политику входитъ идея правды, какъ надежнѣйшій двигатель, какъ вѣрнѣйшая опора. Украинцы всегда чуждались извѣстнаго правила: цѣль оправдываетъ средства. Осуществить наши надежды, мы надѣемся мирными путями: путемъ просвѣщенія и справедливости, путемъ уразумѣнія общей пользы; всѣ другіе пути мы считаемъ ненадежными...

П. Кулишъ.

17 января, 1862.
С. Петербургъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ

НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ.

Въ *Воронежской Бесѣдѣ*, г-жа Кохановская помѣстила статью, въ которой сравниваетъ и объясняетъ нѣсколько народныхъ пѣсень; однакожъ, несмотря на остроумныя догадки, статья эта остается только одною изъ попытокъ въ этомъ родѣ, а мнѣ кажется, наступила уже пора серьёзной разработки произведеній народа, которыя должны разъяснить многое въ его жизни.

Почему мы, изучающіе народъ, любящіе его, сознавая всю важность подобнаго изученія, будучи увѣрены, что только этимъ путемъ дойдемъ до разумнаго уясненія себѣ народной жизни, — такъ мало обращаемъ на это вниманіе, и собирая тысячи пѣсень, оставляемъ ихъ сырымъ матеріаломъ, не пользуемся своимъ богатствомъ какъ слѣдуетъ? Откуда это молчаніе? Вялость ли это? сосредоточенье ли силъ, переработка ли внутренняя? или, просто, родная наша лѣнь?.. Но слово *лѣнь* для меня слишкомъ многозначуще. У насъ лѣнивы всѣ: крестьяне на барщинѣ, чиновникъ на службѣ, литераторъ, художникъ, ученый, землевладѣлецъ; у всѣхъ валится дѣло изъ рукъ и въ руки не просится... Слово *лѣнь* тутъ не у мѣста. Это глубоко грустное явленіе —не лѣнь; такая всеобщая безгласность и бездѣйствіе не что другое, какъ нравственное безсилье, немощь. Но пусть же раздастся живой звукъ, пусть вырвется хоть едва внятный стонъ, — онъ наведетъ на путь, какъ вѣха, какъ тычина въ мятель, хоть и занесло ее на-половину снѣгомъ.

Кромѣ бездѣйствія отъ изнеможенія, мы бездѣйствуемъ отъ неумѣнья взяться за дѣло; мы отвыкли отъ дѣла и наконецъ пришли къ тому, что все молчитъ, поглощенное апатіей, — не сохранивъ даже сознанья настолько, чтобъ различить дѣло отъ бездѣлья.

Но пускай же начнутъ говорить всѣ: незачѣмъ бояться промаховъ, незачѣмъ ребячески считать печатное слово то откровеніемъ безошибочнымъ, то бояться его, какъ пугала. Ошибки неизбѣжны, но они-то и ведутъ къ толкамъ, къ пересудамъ, — къ распашкѣ той нетронутой цѣлины, которая встрѣчается у насъ повсюду.

Мнѣ кажется нелишнимъ — уяснить себѣ, для чего мы изучаемъ народность, что́ привело насъ къ этому изученію и какія послѣдствія могутъ быть изъ этого, теперь почти всеобщаго, стремленія?

Сила, влекущая всѣхъ къ изученію народа, преимущественно заключается въ томъ общественномъ переворотѣ, который поставилъ всѣхъ и каждаго лицемъ къ лицу съ народомъ, въ постоянное съ нимъ столкновеніе. Тѣ, которые прежде съ презрѣніемъ отворачивались отъ крестьянина, теперь обращаются къ нему, вынужденные необходимостью знать того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Иные изучаютъ теперь, изучали народъ и прежде; какъ могли и какъ умѣли. Одни изъ книгъ, другіе въ передникъ, отъ извощиковъ, въ лавкахъ, на большихъ дорогахъ, изъ окна барскаго дома, по проселкамъ, въ избахъ и хатахъ; одни глядѣли на народъ и разсматривали его на разстояніи, другія сквозь микроскопъ, а кто жилъ съ народомъ заодно, въ одну ноту тянулъ съ нимъ унылую пѣснь, скорбѣлъ и плакалъ по немъ горючими слезами роднаго брата. Однихъ и теперь влечетъ къ изученію народа только необходимость, у другихъ, какъ тогда, такъ и теперь, сердце бьется однимъ съ нимъ біеніемъ, сливается въ одно чувство съ нашей братьей. Всѣ эти разнообразные взгляды, различныя побужденія, время привело къ одному заключенію — къ потребности изучать народъ, и теперь-то можно его изучать, теперь-то надо ждать любопытныхъ выводовъ, каждому дѣлиться съ обществомъ своими выводами и наблюденіями. Мы всѣ и видимъ и сознаемъ это дѣло по-своему; каждый изъ насъ имѣетъ въ своемъ взглядѣ свой собственный оттѣнокъ, въ каждомъ оттѣнкѣ есть своя правда; натура каждаго чувствуетъ и анализируетъ по-своему. Всѣ эти единичныя заключенія составляютъ одну силу или одну цифру, въ которой всякій отдѣльный знакъ, стоящій на своемъ мѣстѣ, играетъ назначенную ему роль, и не только важенъ, но необходимъ. Поэтому-то трудъ, взглядъ, мысль каждой отдѣльной личности, всякое едва сознанное ощущеніе — дороги и важны. Пишите все, съ разсужденіями или безъ разсужденій — какъ угодно, но пишите; только тогда мы узнаемъ народъ, а пока — мы его не знаемъ, или знаемъ столько же, какъ и онъ насъ. Изученіе поведетъ насъ къ сближенію, сближеніе къ слитію, и тогда

развитіе пойдетъ лучшимъ путемъ. Мы народу необходимы, также какъ и онъ намъ. Всѣ недостатки наши — только послѣдствіе былого; у многихъ изъ насъ не совершенно еще порвались и перегнили корни, связующіе съ родной почвой. Не на западѣ наше мѣсто и не на востокѣ, а здѣсь, — здѣсь и нигдѣ болѣе. Здѣсь мы крѣпче стоимъ, здѣсь мы можемъ принесть пользу человѣческому развитію; только здѣсь наша дѣятельность способна проникнуть во всѣ по́ры жизни, только здѣсь мы вполнѣ способны употребить въ дѣло всѣ наши силы, и вслѣдствіе этого только здѣсь мы сами можемъ вполнѣ развиться.

Да́, писать долженъ каждый: каждому долженъ быть открытъ путь къ печатному слову; каждому должна быть дана свобода высказать свое мнѣніе гласно. Печатаніе должно обратиться въ разговоръ, въ которомъ могутъ и должны учавствовать всѣ безъ исключенія. Какъ поучительно для молодого поколѣнія выслушивать старческій споръ, или споръ зрѣлыхъ мыслителей, процѣживаемый черезъ опытъ, такъ точно для стараго поколѣнія и опытныхъ людей полезно слушать споръ молодежи, полный огня, порыва, идеальной чистоты и теоріи, безъ уродливой и уродующей практики. Нѣтъ! Я не того мнѣнія, какъ И. С. Аксаковъ, чтобы не допускать юность на мірскую сходку,—нѣтъ, это ошибочно; всякъ пусть идетъ и толкуетъ, всякъ пусть подаетъ голосъ, и юноша, и женщина, и старецъ. Всѣ имѣютъ одни права, и зажимать ротъ юношѣ то же чинопоклоненіе, которое вы такъ презираете. Грустно и жалко встрѣтить такой деспотическій взглядъ на молодежъ, такую мертвящую холодность тамъ, гдѣ думали встрѣтить привѣтъ новой жизни и воззваніе ея къ дѣятельности; но г. Аксаковъ, выступивши подъ знаменемъ народности, часто поражаетъ своими мертвящими словами, своимъ каноническимъ тономъ. Въ то время, когда мы сами начинаемъ только познавать, но еще не познали, когда мы сами еще не знаемъ, какой дать отвѣтъ на вопросы времени, кто имѣетъ право говорить отъ имени каждаго изъ насъ? Теперь именно то время, когда каждый русскій начинаетъ думать по-своему и когда еще отъ насъ самихъ скрыто время, въ которое всѣ мы, одушевленные одной мыслію, проникнутые однимъ чувствомъ, заговоримъ однимъ желаніемъ. Я отказываюсь отъ многаго, навязаннаго мнѣ, въ числѣ всѣхъ русскихъ; я оскорбляюсь многимъ и многимъ, приписаннымъ всѣмъ русскимъ, я наконецъ совершенно отказываюсь отъ такой любви къ народу, какую проповѣдуете вы, г. Аксаковъ. Доказывая полякамъ неосновательность ихъ притязаній, вы идете тѣмъ самымъ путемъ въ своемъ московскомъ журналѣ, недопуская воз-

можности самобытнаго развитія южно-русскаго языка. Гдѣ же тутъ любовь? гдѣ народность?—Или вы, въ своей безпредѣльной любви къ народу, разрѣшаете себѣ даже насиліе и презрѣніе его воли?!

Вы требуете, чтобы народъ развивался самъ,—слѣдовательно своими собственными силами и побужденіями. Отчего же вы презираете народный голосъ, и сливая южную Русь съ кровною и нераздѣльною Великой Россіей, въ безразличное тождество, оставляете всторонѣ—мнѣніе объ этомъ самого народа? Или вы забыли, что русскій мужикъ, отправляясь на заработокъ въ Малую Русь, говоритъ, что идетъ въ Малороссію, къ хохламъ; а малоросъ въ свою очередь говоритъ, что онъ былъ въ Россіи, идетъ изъ Россіи, купцы изъ Россіи,—это русскіе и проч. и проч? Какъ тотъ, такъ и другой, совершенно различаютъ себя другъ отъ друга, и каждый стоитъ за свое крѣпко.

Въ вашемъ взглядѣ я вижу не любовь, а деспотизмъ, привычку самовольнаго распоряженія, противъ котораго вы такъ негодуете. Вы, возстающій на Петра за его насильственное преобразованіе, вы дѣйствуете по его системѣ. Вы точно также насильственно проводите дороги, по своему личному усмотрѣнію и кабинетному мышленію; вы желаете провесть желѣзную дорогу изъ Москвы въ Кіевъ: *желѣзну́ю дорогу во что́ бы то ни стало!* Да ваше рѣшеніе хуже Петрова: у Петра была нѣмецкая государственная система въ головѣ; ему надо было во что́ бы то ни стало связать сѣверъ съ югомъ посредствомъ чиновничества. Онъ о простомъ народѣ думалъ, какъ о безотвѣтномъ матеріалѣ, а вы простой народъ уважаете, вы защищаете его права и—готовы распорядиться послѣдними его средствами (еслибъ они были въ вашемъ распоряженіи), чтобы притянуть къ себѣ, съ помощію желѣзной дороги, ничего невѣдающихъ хохловъ не спрашивая на то ихъ согласія. У васъ нѣтъ уваженья къ народу, когда распоряжаетесь съ нимъ такъ нецеремонно. Никогда не слѣдуетъ весть народъ; надо, чтобъ онъ шелъ самъ, а теперь и въ особенности, потому что вы не знаете еще качествъ его, слѣдовательно не знаете, что́ для него лучше. До сихъ поръ онъ тщательно скрывался отъ насъ, и только теперь выходитъ на свѣтъ, только теперь для него наступаетъ *день*,—но — не *вашъ*, гдѣ презираютъ и юность и волю и національность.

Я охотно перехожу отъ вашей любви къ народолюбію г-жи Кохановской. Порадуюсь тому, что женщина съ такою теплотою изучаетъ народъ, подаетъ свой голосъ въ *громадѣ* и обсуждаетъ пѣсни такъ тепло и такъ хорошо.

Г-жа Кохановская, разбирая нѣкоторыя пѣсни изъ сборника г. Якушкина, уясняетъ ихъ варіантами малороссійскими. Но, мнѣ кажется, заключенія, которыя она дѣлаетъ, требуютъ бо́льшаго доказательства. — Напр. пѣсня на стр. 397, начинающаяся такъ:

Ой, поіхавъ королéвичъ на погуля́ння,
Та й поки́нувъ Мару́сеньку на горюва́ння...

привела къ заключенію, что пѣсня эта происхожденія литовскаго. Точно также и пѣсня про Ваньку-ключника доказываетъ вамъ ее литовское происхожденіе, и вы утверждаете свое мнѣніе на томъ, что въ Россіи *въ то время* (?) былъ извѣстенъ одинъ король: король Литовскій. Кромѣ слова *король*, доказываетъ ли еще что-либо въ этой пѣснѣ ея литовское происхожденіе? Варіантъ этой пѣсни, записанный мною, не имѣетъ въ себѣ слова *король*, но положительно указываетъ на мѣсто дѣйствія въ Валахіи, у князя Волоханскаго.

Какъ жилъ себѣ, й охъ! князь Волоханскій,
Имѣлъ онъ себѣ дѣвушекъ, й охъ! премножество.

Далѣе, очевидно, пѣсня потеряла нѣсколько стиховъ, смыслъ которыхъ долженъ быть таковъ: жилъ себѣ Ванька-ключничокъ, да и полюбилъ онъ княгинюшку; — но на Ваньку донесли:

Скажу и доведу я, охъ! князю Волоханскому,
Что Ивась ли ключничокъ й охъ! жилъ три годочка,
Зъ вірною княгинею, охъ! да Ванька познакомился,
Ой то скажу, то доведу ой князю, князю Волоханскому.
Охъ какъ закричитъ князь Волоханскій
Своимъ громкимъ голосомъ охъ! на своихъ на сто слуговъ закричалъ:

»Что, слуги мои вѣрные!
Охъ, возмите лопатушки,
Лопаты зеленые,
Охъ да копайте да канавушки—
Канавы глубокія,
Охъ и урывайте столпочушки—
Столпы поточаванны,
Охъ да убивайте колечушки,
Колечки злоченыя,
Охъ да чепляйте вы гужовушки,
Охъ да гужи шолковые.
Возмите Ванюшку, ой да подъ бѣлыя рученьки...

Подробностей всхода Ваньки на висѣлицу, описанныя такъ прекрасно въ одномъ изъ приведеныхъ вами варіантовъ, у меня нѣтъ, но слѣдуютъ стихи тѣже, что́ и въ первообразѣ (по вашему мнѣнію):

Ванька на релли качается.
— Охъ да й молода княгинюшка,
молода княгинюшка —
Охъ да въ комнатѣ кончается...

Въ вашемъ варіантѣ, также какъ и въ приведенныхъ вами, пѣсня этимъ оканчивается; у меня слѣдуетъ еще нѣсколько строкъ, въ которыхъ княгинюшка вспоминаетъ свое житье съ Иванькомъ, и въ такихъ словахъ, которыя, безъ всякаго покрова, изображаютъ ихъ любовныя отношенія.

Пѣсня эта записана мною отъ цыгана въ Черниговской губерніи; при этомъ онъ говорилъ, что пѣсня занесена ихъ предками издалека, изъ Валахіи, занесена подъ большимъ секретомъ, потому что ее запрещали пѣть, и однажды одного изъ нихъ посадили въ тюрьму за то, что онъ пѣлъ ее на ярманкѣ. Голосъ ея оригиналенъ и грустенъ.—Но нѣтъ сомнѣнія, что наберется еще нѣсколько варіантовъ, которые могутъ представить дѣло въ другомъ видѣ и пополнятъ пѣсню еще болѣе. Слѣдовательно, заключенія ваши о происхожденіи пѣсни остаются только догадками, точно такъ же, какъ и заключеніе о первообразахъ.

Сличая варіанты пѣсень великорусскихъ съ малороссійскими, вы не указали на малороссійскія варіанты пѣсни подъ названіемъ »*Татарскій полонъ*«, между тѣмъ такіе варіанты существуютъ въ печати, и это особенно любопытно потому, что пѣсня эта есть также и въ средней и восточной полосѣ Россіи; вездѣ она равно хороша, вездѣ свѣтится первообразомъ. На всемъ юговосточномъ протяженіи Россіи были одни и тѣже столкновенія пограничныхъ жителей съ татарами, и драма, выраженная въ пѣсни *Татарскій полонъ*, могла случиться вездѣ и послужить поводомъ къ созданію этого поэтическаго произведенія; но гдѣ именно она создалась, едвали, *пока*, можно указать безошибочно. Напѣвъ могъ бы навести на первообразъ, но въ извѣстныхъ мнѣ варіантахъ напѣвъ гармонируетъ вполнѣ съ словами и носитъ на себѣ мѣстный колоритъ. Мотивъ ея, въ средней Россіи, сохранилъ въ себѣ ясно свой серединный характеръ, а на востокѣ въ немъ слышатся татарскія звуки. Сравнивъ только эти три варіанта, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, который изъ нихъ назвать первообразомъ? Какъ нельзя указать первообраза въ этой пѣснѣ, такъ точно почти и во всѣхъ другихъ. Первообразовъ мы *еще* указать не можемъ; средства наши недостаточны, да къ тому же и тотъ матеріалъ, которымъ пользуемся— неразработанъ. Множество пѣсень, находящихся въ сборникахъ велико-

русскихъ, и которыя великороссіяне считаютъ своими собственными произведеніями, не могутъ назваться ихними потому, что варіанты этихъ пѣсенъ находятся у Южноруссовъ и точно также считаются ими своею принадлежностью. Пока всѣ сборники пѣсень, отъ портфелей ученаго до альбома деревенской барышни, не сдѣлаются достояніемъ общимъ, пока не исчерпаемъ мы до дна народныхъ пѣсень, пока не сличимъ ихъ, да не только въ складѣ рѣчи, но и въ музыкѣ, пока наконецъ пѣсни всѣхъ Славянъ не войдутъ въ это общее дѣло,—до тѣхъ поръ нѣтъ возможности найдти первообразъ, до тѣхъ поръ всѣ наши старанія, попытки разъяснить народную пѣснь—останутся однѣми, болѣе или менѣе удачными, догадками.

Какъ рано дѣлать заключенія о происхожденіи пѣсни, о ея первообразѣ, точно также, мнѣ кажется, рано еще дѣлать *заключеніе* и о современной народной поэзіи.—Я невольно остановился надъ слѣдующей вашей фразой: »А между тѣмъ основной первоначальной звукъ этихъ, постоянно падающихъ, тоновъ народнаго творчества есть очень и очень древняя пѣсня (стр. 381).«—»*Постоянно падающихъ* тоновъ народнаго творчества«... На страницахъ *Воронежской Бесѣды* въ статьѣ М. де-Пуле, о Кольцовѣ, тоже сказано: »Что́ бы ни говорили о нестарѣющейся живучести русской простонародной пѣсни, но *она видимо дряхлѣетъ и доживаетъ свой послѣдній вѣкъ* (стр. 427.) Наконецъ припоминаю и слова Н. И. Костомарова, сказанныя имъ въ »Воспоминаніи о двухъ малярахъ« (*Основа*, апрѣль, стр. 52): »Народная Украинская поэзія *видимо* приближается къ угасанію.« Останавливаюсь надъ этими рѣшеніями и спрашиваю себя: неужели все это правда?!...

Мнѣ нехочется потдаться этимъ прискорбнымъ заключеніямъ. Почему вы, сознавшіе такъ ясно упадокъ народной поэзіи, не указали его ясно намъ, чтобъ разрѣшить наше сомнѣніе и вывести насъ изъ самообольщенія?.. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этомъ остановиться и серьёзно побесѣдовать съ нами какъ о состояніи современной народной поэзіи, такъ и о причинахъ ея упадка.

Я невольно задумываюсь надъ вашимъ печальнымъ выводомъ, провѣряю свои мысли, вспоминаю пѣсни въ устахъ народа и сомнѣваюсь въ справедливости вашего приговора.

Любовь и чувство къ пѣсни еще въ полной силѣ въ народѣ. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня поется нетолько по привычкѣ, но и съ полнымъ участіемъ, поглощая все существо поющаго. Можно ли тутъ со-

мнѣваться въ недостаткѣ любви и сказать, что теперь чувство народа къ своимъ пѣснямъ падаетъ, »*пѣсня дряхлѣетъ*,« »*первоначальный звукъ ея падаетъ*.« Пѣсни историческія, я согласенъ, современниками ихъ пѣлись съ большимъ пониманьемъ, хотя и теперь нельзя сказать, чтобъ ихъ не любили и не чувствовали: я часто видѣлъ плачущихъ парней, когда бандуристъ имъ пѣлъ старинныя думы. А пѣсни семейныя? пѣсни дѣвоцкія, бурлацкія, обрядныя, сиротскія, поются развѣ не такъ, какъ пѣлись, развѣ значеніе ихъ для народа устарѣло? Бездомный бурлака нашего времени также грустно затянетъ: *Та ишовъ козáкъ зъ Дóну*, какъ бывало пѣлъ ее бурлака въ старину. Такая любовь къ пѣсни, такое ея животрепещущее пониманье успокоительно, и доказываютъ, что поэтическое чувство въ народѣ очень сильно... Но въ народѣ есть и попытки творчества. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня заходитъ далеко отъ мѣста своего рожденія и часто теряетъ первоначальный свой образъ; иногда доходитъ отрывкомъ, и что́ же?—погостивъ гдѣ-нибудь нѣсколько времени, она является очень часто въ новомъ видѣ, убранная и осмысленная. Это доказываетъ, что поэтическое чувство въ народѣ доходитъ до творчества, которое не принимаетъ пѣсень въ искаженномъ и ему непонятномъ видѣ, а пересоздаетъ въ форму для него живую. Пѣсня постоянно теряетъ на пути одно, пріобрѣтаетъ другое. Не зная всѣхъ видоизмѣненій, которыя она потерпѣла во время своего странствованія, можемъ ли мы утвердительно сказать, что новѣйшія добавленія и измѣненія народа хуже прежнихъ? На чемъ мы провѣримъ свое заключеніе??

Въ пѣснихъ каждая эпоха оставила по себѣ слѣдъ, — это правда. Но однѣ изъ нихъ дошли до насъ, другія дошли въ маломъ числѣ образцовъ, третьи въ искаженномъ видѣ, четвертыя очень не полныя,— какой же послѣ этого вѣрный приговоръ мы можемъ сдѣлать?

И когда пришелъ тотъ несчастный часъ, что народная поэзія дойдя до своего апогея, начала спускаться?!.. Древность полна поэзіи, времена Грознаго, Стеньки Разина, оставили прекрасныя поэтическія разсказы, пѣсни и мощные звуки. Время Хмельницкаго? — тоже; Петра? Екатерины? — и эти періоды оставили въ поэзіи ясный слѣдъ творческой силы!... Крѣпостное состояніе, рекрутскіе наборы хотя и тяжело ложились на народъ, но духъ творчества въ немъ еще не изсякъ, онъ живъ, и поэзія народная не умерла, она сильно напомнила о себѣ раздирающими стонами рекрутскихъ пѣсень или пѣснь крепака. Ежели не явились пѣсни въ большомъ количествѣ (это быть можетъ), то не отъ упадка поэтическаго творчества въ народѣ, а оттого, что жизнь его была

все та же и та же; однообразный ходъ ея не вызывалъ новой формы; разъ вылившись, унылые звуки, переполненные тоской, безъ измѣненія носились отъ конца до конца Россіи, всюду находя отголосокъ, сочувствіе, отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ однообразное, иногда жалкое положеніе.

Мнѣ могутъ сказать, что я успокоиваю себя общими фразами, что дѣло надо высказать на чистоту, слѣдуетъ доказать примѣрами. Извольте. Наблюдая за пѣньемъ народа, не одинъ я замѣчалъ, что пѣвица или пѣвецъ иногда вставляетъ въ пѣсню такое слово, которое точнѣе выражаетъ состояніе его духа въ то время. Развѣ это сознаніе пѣсни, дошедшее до усвоенія ея себѣ, не приближается къ творчеству? Во время *плачу* надъ любимымъ существомъ, надъ рекрутомъ или умершимъ, развѣ стоны вырываются заранѣе приготовленные? нѣтъ, они импровизируются, и въ эту минуту творчество на самой высшей своей точкѣ. Я былъ свидѣтелемъ самаго разнообразнаго, самаго теплаго творчества дѣвчатъ, когда онѣ пѣли отъ тоски и когда каждая додавала свое слово въ общій раздирающій плачь, прерванный рыданьями. Мать, когда она утѣшаетъ ребенка, сколько въ ней бываетъ изобрѣтательности, доходящей тоже до импровизаціи! А бандуристъ, представитель народной поэзіи, мой другъ Остапъ, развѣ не кладетъ всю свою душу въ думу, которую поетъ? не создаетъ въ это время новыхъ звуковъ, не прерываетъ пѣнья по вдохновенію? Онъ творитъ; избирая думу, ощущаетъ каждое ея слово, варіируетъ, выпуская, что́ не по душѣ въ ту минуту, добавляя тѣмъ, что́ вырывается изъ души: — не полны ли художественности тѣ звуки, на которыхъ онъ отдыхаетъ, — это ли не творчество?! Но мы всего этого не записываемъ, не изучаемъ, часто даже не замѣчаемъ.

Есть доказательства осязательнѣе, а именно—примѣры современной поэзіи. Привожу здѣсь тѣ *позднѣйшія* пѣсни, которыя мнѣ извѣстны:

1.

Ой го́ре, бідá, — не Гетьмáнщина!
Надоку́чила вже врáжа пáнщина.
Я на пáнщину йду — то́рбу хліба несу́,
А изъ пáнщини йду — дрібні слёзи роню́...,
Посилáе менé панъ въ велúку доро́гу,
Въ велúку доро́гу—на степъ, на сторо́жу,
Та й даé міні́ панъ коня́ вороно́го —
Неізджáлого.

Посила́е козака́ молодо́го —
Небува́лого.
Та й дае́ жъ мінї панъ три копійки гро́шей,
Щобъ було́ й упи́ться, та й ще й похміли́ться,
Мінї молодо́му ні въ чімъ не жури́ться,
Ой сіна купи́ти, коня́ накорми́ти. И т. д. (1)

2.

Сонъ голово́чку схиля́е,
Ми́лий ми́лу покида́е
Та зъ дрібними дїточка́ми.
»Дїтки мене́ изсуши́ли,
Красоту́ зъ лица́ змінили...
Ой якъ ви́йду за воро́та —
Лети́ть во́ронъ сизокри́лий.
»Скажи́, во́ронъ, де мій ми́лий?«
—»Десь твій ми́лий на робо́тї
Та у са́харнімъ завода́;
Ой тамъ днює, тамъ ночу́е,
Дзво́ни дзво́нють — вівъ не чу́е,
Візьме топо́ръ, та й майстрю́е. (2)

3.

Изза гори́ вїтеръ вїе,
А въ доли́нї ти́хо.
Було́ колись оттуту́ до́бре,
А тепе́ра — ли́хо.
За молоди́хъ панівъ ста́ло
Трудно на робо́ту:
Уве́сь ти́ждень на па́нщинї,
А собі въ — суббо́ту.
А въ недїлю, до східъ сонца,
Въ усі дзво́ни дзво́нять:
Деся́тчики пїдъ вїконню,
На па́нщину го́нять:
Чоловікамъ за не́водомъ
Ране́нько встава́ти;
Стари́мъ баба́мъ крупи́ дра́ти,
Та ще й пла́ття прати,
Мали́мъ дїтямъ пірья дра́ти
И тютюнъ вяза́ти...

---

(1) Записана въ Прилуцк. уѣздѣ Полтав. губ..
(2) Запис. въ Черниговс. губ. и уѣздѣ.

4.

Въ неділю ранéнько у всі дзвóни дзвóнять:
Сібірьского деся́тчики на па́нщину го́нять.
»Ой го́ді-жъ вамъ, Рашавча́не, до це́ркви ходи́ти,
Беріть мішки́ та лопа́ти, идіть майдану́ копа́ти!«
Та й у тому́ майдані набúті кілóчки,
Та вже хóдять Рашавча́не го́лі, безъ сорóчки!...
Ой у того́ Сибірского біле́нькі ону́чі,
Запла́кали Рашавча́не на па́нщину йду́чи!. .
Та зазúчивъ панъ Сибірський де́сять ти́сячь гро́шей,
Да вúстроівъ у Ра́шовці карава́нъ хоро́шиій.
Та якъ пішлú, ой якъ пішлú чепшóвúі жóни,
Вклонúлися Сибірському низе́нько у но́ги!
»Ой па́не же нашъ добро́дію, пожди́ жъ намъ хочъ трóхи!»
Та низе́нько Сибірскому вклонúлись у но́ги ..
Та й насіявъ панъ Сибірський пшенúці лана́ми,
Та назганя́въ на па́нщину ба́тьківъ изъ сина́ми.
Летúть крячóкъ на той бічóкъ, та й летючú кря́че:
»За старúми, за пана́ми вся Ра́шевка пла́че!« (¹)

5.

Наступа́е чо́рна хма́ра,
А друга́я си́ня,
Не засту́пить синъ за ба́тька,
А ба́тько за си́на.
Женýть ба́тька въ степъ коси́ти,
Си́на молоти́ти,
Тре́тю до́чку́-паня́ночку —
Тютюну́ сади́ти,
А невістку зъ свекру́хою
У ланъ жúта жа́ти.
Сіли воні́ обідати, —
Гіркúй нашъ обіде!
Озирну́тця позадъ се́бе,
Ажъ око́момъ иде.
Підъіжджа́е панъ око́монъ,
Канчу́къ роспуска́е:
«Чому́, чому́, Білозíрці,
Усіхъ васъ нема́е?«
—»Око́моне, добро́дію,
Що́ маемъ робúти?
Поки́дали малúхъ дітокъ,
Ні́кому глядíти.«

(¹) Полтавс. губ. Гадячскаго уѣзда.

—»А я велю́ мали́хъ дітокъ
Въ ставка́хъ потопи́ти;
Та всімъ же вамъ, Білазірцямъ,
Въ робо́ту ходи́ти.«
У на́шої око́монши
Черво́на спідни́ця;
Ой вихо́дять Білозі́рці,
Якъ схо́дить зірни́ця.
У на́шого око́нома
Си́вая коби́ла,—
Ой побила Білозі́рцівъ
Лиха́я годи́на.
У на́шого Білозбра
Черво́ная ху́стка —
Оста́етця въ Білозбра
Не дна ха́та пу́стка.
У на́шої око́монши
У подо́вжъ мере́жки, —
Йдуть до-до́му Білозі́рці,
Якъ не ви́дно сте́жки. (1)

6.

Ой Содо́ма, па́не бра́те,
Содо́ма! Содо́ма!
Нема́ въ ме́не сніпка́ жи́та
Ні въ по́лі, ні до́ма.
Було́ въ ме́не, ку́ме, жи́то,
Зеле́не-зеле́не...
Заіхали вра́жі пани́,
Забра́ли відъ ме́не.
Було́ въ ме́не, ку́ме, жи́то
Ой скрізь по-надъ річку;
Заіхали вражі пани́ —
Забра́ли на січку.
Охъ пішо́въ я, па́не-бра́те,
Пла́ти поминáти,
А він ъ мене́ ви́бивъ до́бре,
Та й ви́гнавъ изъ ха́ти.
А що жъ ма́емъ, па́не-бра́те,
Тепе́ра роби́ти?
Иде́ черга́ до ви́нниці
Ввесь ти́ждень ходи́ти.
Охъ пішо́въ я въ понеділокъ,
Пішо́въ у вівто́рокъ,
Ажъ ви́іхавъ панъ комиса́ръ,

(1) Черниговс. губ. Борзенск уѣзда.

Давъ нага́івъ со́рокъ.
Ой ходи́въ я уве́сь ти́ждень,
Ходи́въ до су́бо́ти,
Ажъ ви́іхавъ и самъ дідичъ:
»Чортъ-ма́ зъ васъ робо́ти!«
А въ неділю ду́же ра́но
Усі дзво́ни дзво́нять.
Осау́ли съ козака́ми
До ви́нниці го́нять.
Отъ ду́мавъ я, па́не-бра́те:
Бо́гу помолю́ся;
Осау́ла бере за́ лобъ,
Бъе ки́емъ по у́шахъ.
Въ чужімъ селі дзво́ни дзво́нять,
А въ на́шому ти́хо;
Въ чужімъ селі чортма́ добра́,
А въ на́шому́ ли́хо.
А нашиі осау́ли
Зна́ють па́ньску ла́ску:
Зъ чоловіка деру́ть штани́,
А зъ жінки — запа́ску.
Ой ходімо, па́не-бра́те,
Та за круті го́ри,
Неха́й тута виво́дятця
Круки́ та воро́ни!
Ой ходімо, па́не-бра́те,
Въ степъ та въ гайдама́ки, — —

Вотъ нѣсколько примѣровъ современнаго народнаго творчества. Я имѣю однакожъ полное право предполагать, что это не лучшіе образцы. Новыя пѣсни должны быть и въ чумачествѣ, ибо они создаются вездѣ, отъ мирной хаты до поселеній и острога. Народъ, оттолкнутый и униженный, не охотно дѣлится своими сокровенными чувствами, да еще съ нами. Мы не знаемъ состоянія его поэзіи, какъ не знаемъ вообще его нравственнаго развитія; доказательствомъ тому могутъ служить постоянныя противорѣчія въ сужденіяхъ о народѣ; напримѣръ: одни говорятъ, что онъ глубокій атеистъ, другіе — что онъ религіозенъ. — Когда народъ почти для всѣхъ насъ — новость, какъ же мы можемъ положительно говорить о немъ? Будемъ его изучать, вновь изучать, безъ охлажденія и усталости, — какъ изучали въ первую пору своей любви къ нему; теперь имянно то время, когда мало помалу народъ высказывается тѣмъ, что́ онъ есть, а не тѣмъ, кѣмъ мы его считаемъ.

Теперь настала пора, когда каждый, имѣющій у себя не только тысячи пѣсень въ кабинетѣ, а хоть одну, долженъ передавать ее намъ, а не

держать у себя для полнаго обдуманнаго труда. Мнѣ кажется, пустивъ ихъ въ оборотъ, онъ самъ расширитъ кругъ своего взгляда и выполнитъ заданную себѣ задачу еще лучше. Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ, что у того-то 500 пѣсень, у другого 1000, у третьяго тысячи, и что́жъ?— проходятъ года,— а эти массы пѣсень все лежатъ безъ пользы. Въ этомъ дѣлѣ не худо вспомнить пословицу: *Нечего сулить журавля въ небѣ, дай синицу — да въ руки.*

Что́ касается до *Воронежской Бесѣды*, то въ ней такъ много хорошаго, такъ вѣетъ отъ нея свѣжимъ сельскимъ воздухомъ, что я привѣтствую ее отъ всей души, а равно желаю всякаго успѣха и развитія другимъ изданіямъ, рождающимся во всѣхъ мѣстахъ южной, западной и великой Россіи: — это отрадно и многозначуще въ будущемъ!..

Л. Жемчужниковъ.

28 декабря, 1861 г.

ВСЕГДА ЛИ ВѢРНО СВИСТЯТЪ ВЪ »СОВРЕМЕННИКѢ?«

И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынѣче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе матригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда...
E sempre bene, господа!

Въ январской книжкѣ *Современника*, въ отдѣлѣ *Свистка*, мы прочли слѣдующія замѣтки:

»Н. И. Костомаровъ находитъ, что мы слишкомъ уже далеко пошли, и что *не худо поворотить назадъ*« ..... »Сейчасъ мы получили его *Тысячелѣтіе* и въ немъ, къ изумленію нашему, прочли, что, въ настоящее время, *нѣтъ никакого движенія*, а лишь только миражъ движенія, иллюзія, обманъ; что и передовыхъ людей — *людей идей — вовсе нѣтъ*, а есть передовые люди *моды* — личности наиболѣе неспособныя и пустыя. *Такъ Н. И. Костомаровъ характеризуетъ наше время и наше движеніе*, въ самыхъ видныхъ рядахъ котораго стоитъ онъ самъ« .... »Перестанемъ же, — говоритъ Н. И., — повторять модную фразу: »впередъ!« — лучше: »назадъ!« »Даже — назадъ къ половинѣ IX вѣка, за тысячу лѣтъ.«

Кто думалъ видѣть въ *Свисткѣ* серьёзную, правдивую мысль, тотъ на этотъ разъ сильно ошибся. На этотъ разъ, *Свистокъ* до избытка преисполненъ самовосхваленія и — клеветы: сказанія его о *Тысячелѣтіи*, которое по его словамъ, будто бы написано »въ стилѣ яростно-возвышенномъ« (у Костомарова — стиль »яростно-возвышенный«!? Какой вздоръ!) не заключаютъ въ себѣ ни внутренней, ни даже внѣшней, правды. Статья г. Костомарова, изъ которой выхвачено и извращено нѣсколько выраженій, имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой ей приданъ *Современникомъ*: стóитъ прочесть ее, чтобъ убѣдиться въ неправдивости *Свистка*. Г. Костомаровъ не возражалъ *Современнику*, а это было нужно; ибо, къ сожалѣнію, въ нашъ — по видимому — критическій и скептическій вѣкъ, еще слишкомъ много людей, —

которые рабски, по принципу, поддаваясь чужому уму, часто принимаютъ на вѣру то, что съ умысломъ или совершенно извращается, или представляется въ невѣрномъ свѣтѣ.

Авторъ *Свистка*, г. Эоіопъ, такъ же оригинально поступилъ и съ статьями *Основы* по поводу слова *жидъ*, какъ и съ *Тысячелѣтіемъ*, г. Костомарова: онъ или вовсе не читалъ ихъ, или прочиталъ такъ какъ ему было нужно, чтобъ показать, будто есть варвары, которые еще сомнѣваются: —»брать ли съ собою (если итти впередъ) всѣ безчисленныя національности, входящія въ составъ русскаго народа, — напр. Евреевъ« ... Мы почти увѣрены, что г. Эоіопъ не читалъ нашей статьи, (*Основа*, іюнь, 1861 г.), вызвавшей *Сіонъ* на патріотическій подвигъ... Какъ ни усомнились мы въ правдивости *Свистка* послѣ поступка съ г. Костомаровымъ, но на-столько вѣримъ г. Эоіопу, что—думаемъ—еслибъ онъ прочелъ то, что дѣйствительно напечатано въ *Основѣ*, то не рѣшился бы отнести къ намъ выписаннаго выше вопроса. Къ повтореніямъ, съ чужаго голоса, мы вообще привыкли; мы не удивились бы этому и въ *Свисткѣ*, и не остановились бы на его толкахъ по поводу Евреевъ, толкахъ, ничего не объясняющихъ и не рѣшающихъ; но насъ поразила надменность, съ которой *Свистокъ* отнесся къ *Основѣ* вообще: »*Основа* родилась недавно.... да и что *Свистку* за дѣло — какъ думаетъ о разныхъ предметахъ *Основа*? Мало ли кто какъ о чемъ не думаетъ! Не возражать же противъ всякого....« О Свистокъ! о Олимпіецъ! вотъ гдѣ оно—барство-то! подъ покровомъ свисту—журнальное барство—самое чванное и—самое противное!..: Печальный, старческій признакъ... Для собственнаго спасенія, *Свистку* слѣдовало бы отнынѣ же хорошенько запомнить украинскую пословицу: »*хто вйсоко літáе, той нйзько сідáе*«. Право, это и для свисту полезно: слишкомъ высоко возьмешь,—смотри—и оборвешься. Вотъ и теперь: какую взялъ *Свистокъ* фальшивую ноту, заговоривъ о Костомаровѣ, объ *Основѣ*... Но, положимъ, говорить объ *Основѣ* что вздумается—простительно; *Основа* для *Современника*—вопросъ частный, мѣстный; *Современникъ* занятъ собой, вообще—міровыми явленіями, и легко могъ забыть, что, въ январѣ и даже въ августѣ 1861 г., великодушно призналъ за *Основой* право на »уваженіе«, потому-что »въ ней видна цѣль, видно стремленіе разъяснить живые вопросы«, поддержать живую связь съ народомъ. Но — что не простительно — такъ это противорѣчіе *Современника* самому-себѣ да еще — въ сужденіяхъ о такомъ предметѣ, которому нужны многіе годы, чтобъ перемѣниться, именно—о цѣломъ народѣ, о Малороссахъ. Помните

ли, братья-земляки, — какъ мы были удивлены, какъ мы краснѣли отъ удовольствія и—еще больше—отъ сознанія своихъ недостатковъ,—читая, въ іюльской книжкѣ *Современника* слѣдующія слова г. Чернышевскаго: »Если есть племена, могущія привлекать къ себѣ симпатію больше, чѣмъ другія племена, то — именно — Малороссы—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно-настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи,— все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, — такъ-что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи. Нельзя не сочувствовать имъ« .

Такъ говорилось въ *іюлѣ*. Послушайте же, что говорится, въ томъ же »*Современникѣ*« , о тѣхъ же Малороссахъ, въ *январѣ:* »Сыны благословенной Малороссіи, изучая, самымъ усерднымъ образомъ, философію, все-таки не могли уразумѣть—чѣмъ бы могъ жидъ различаться отъ собаки, равно какъ и того, что — кромѣ искусства дѣлать сало и хорошія наливки—для человѣческаго благоденствія на землѣ потребны и нѣкоторыя другія знанія.« *(Свистокъ* этимъ доказалъ, что, для его собственнаго благоденствія, потребно знаніе исторіи, въ особенности, исторіи того народа, о которомъ онъ судитъ)... Ну, можно ли такъ себѣ противорѣчить, такъ клеветать на цѣлый народъ? Откуда вы взяли, будто Малороссы не умѣли »различать жида отъ собаки« и не понимали потребности знаній? Да этого нельзя сказать ни объ одномъ въ мірѣ народѣ съ демократическими началами, а тѣмъ болѣе о Малороссахъ—народѣ вѣротерпивомъ по-преимуществу. Жидовъ не любили не потому, что они—жиды, а потому что они не хорошо поступали съ народомъ: даже фанатикъ, отецъ *Климентій* — стихослагатель конца XVII в., осуждая Жидовъ и Цыганъ, не касается ни ихъ народности, ни вѣры: онъ говоритъ только, что они « *злонрáвні; (бо въ нихъ стíлько есть прáвдп, якъ въ шéляху срéбра);* что они живутъ обманомъ, не имѣютъ земли, домовъ, постояннаго мѣста жительства; Климентій даже благосклоннѣе къ жидамъ нежели къ цыганамъ, потому что первые ведутъ болѣе-общественную, осѣдлую жизнь. Не меньше жидовъ (и цыганъ), Малороссы не любили и *перéхристовъ*, и *перéвертней*, и *недóляшковъ*, если они измѣняли своимъ изъ-за выгодъ: но ни одному человѣку, къ какому бы народу, сословію и вѣрованію онъ ни принадлежалъ, не былъ совершенно закрытъ доступъ, напр., въ козацкую общи-

ну, какъ только убѣждались въ честной преданности его народнымъ пользамъ.

Любопытно было бы знать, къ какому вѣку вы пріурочиваете ваше сказаніе, будто бы мы, изучая философію, не умѣли цѣнить другихъ знаній? Это ужъ сущая клевета, или—крайнее незнаніе нашей исторіи. Вспомните конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ, когда, во всѣхъ концахъ Южной Руси, основались *братства*, членами которыхъ были, большею частію, люди свѣтскіе (дворяне, мѣщане): главною ихъ заботою были школы, образованіе народа (прочтите хоть начало X тома *Исторіи Россіи*, г. Соловьева); вспомните, что *Гадяцкимъ* договоромъ, *1658 года*, (Гетманство Выговскаго, Н. И. Костомарова), постановлено — основать, въ Южной Руси, *двѣ академіи съ университетскими правами* и Кіевскую академію обратить въ *университетъ*, — также учредить въ разныхъ мѣстахъ *училища*, не ограничивая ихъ числа; дозволено заводить каждому *типографіи*; объявлено совершенно-вольное *книгопечатаніе*; даже *относительно вѣры* допускались всякія возраженія и мнѣнія *безпрепятственно*; вспомните, что въ Малороссіи, до половины XVIII вѣка, изъ *войсковыхъ* суммъ часть отдѣлялась *на школы*; что, издревле, основаніе училищъ признавалось тамъ дѣломъ благотворительнымъ; что даже у Климентія вы встрѣчаете уваженіе къ школѣ! Что̀ все это было въ народномъ духѣ, указываетъ украинская пословица: *лу́чче зъ розу́мнимъ у пе́клі, нижъ зъ дурни́мъ у ра́ю*«. Подмѣчая, вѣроятно, эту склонность къ умственному саморазвитію въ нашемъ народѣ, взвѣшивая его нравственныя свойства, Полякъ — врагъ Украины — *Окольскій*, въ XVII вѣкѣ, писалъ (Contynuacya Dyaryusza Wojennego,): »хотя между козаками нѣтъ ни одного князя, ни сенатора, ни воеводы, но есть межъ ними такіе мужики (chłopi), что еслибъ не законы *contra plebejos*, то нашлись бы столь достойные, что ихъ слѣдовало бы признать равными Цинциннатамъ и Ѳемистокламъ (aby ich et Qu. Cincinnato, ab aratro ad dictaturam był wezwany, atque Themistocli virtute par, nazwano)«.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что въ Малороссіи философія не была мертвой наукой: наша жизнь не дозволяла ей остаться набальзамированнымъ трупомъ. Сковорода, котораго вы, кажется, не очень жалуете, потому что знаете только слабую его сторону, Сковорода, благодаря своей любви къ философіи, постоянно занятъ былъ мыслью — »*я́къ би уме́рти не безъ ума́*«, и посвятилъ всю свою жизнь на служеніе обществу, на просвѣщеніе народа. Философія помогла ему стать выше со-

словныхъ и другихъ современныхъ предразсудковъ, ходить въ простонародной одеждѣ и учить народъ, на родномъ языкѣ, вездѣ, гдѣ были слушатели: на рынкахъ, на ярмаркахъ, по дорогамъ, у корчемъ и шинковъ, — относиться равно и къ богатымъ и къ бѣднымъ, къ вельможамъ и крестьянамъ, и остаться всю жизнь вѣрнымъ своимъ честнымъ началамъ, не смотря на насмѣшки, на клеветы, которыя распускались о немъ за правдивость его и любовь къ нему народа. »И они люди«, говорилъ онъ въ укоръ. »Люди! Нѣтъ смѣшнѣе, какъ красивый ликъ съ пустою головою, и нѣтъ дороже, когдавъ смѣшной внѣшности является утаенная разумность; и во вретищѣ иногда кроется дражайшій камень: *красна хата не углами, а пирогами*. Не люблю тѣхъ людей, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *Шумитъ, гремитъ... А что тамъ? — Кобылья мертвая голова бьжитъ*. Не люба мнѣ пустая надменность и пышная пустошь.«

Около 1770 г., Сковорода уже ясно сознавалъ потребность народной науки, »науки для себя, которая была бы достояніемъ не однихъ жрецовъ науки, но проникла бы весь народъ, водворилась бы въ душѣ всѣхъ, кому не чуждо человѣческое«.... »Для народа русскаго«, писалъ *философъ*, — »нужно явить новое знаніе, *взявъ содержаніе* для него *изъ жизни самого же народа*, — знаніе, основанное на самопознаніи. Это самопознаніе, по ученію Сковороды, должно выразиться познаніемъ себя 1) какъ самостоятельной (индивидуальной) личности, 2) какъ бытія народнаго, связаннаго съ другими, себѣ подобными, и 3) познаніемъ всеобщимъ, какъ человѣка, связаннаго со всѣмъ человѣчествомъ, со всѣмъ бытіемъ«. »Русь не-русская«,— говорилъ Сковорода,— »видится мнѣ диковинкою, какъ еслибы человѣкъ родился съ рыбьимъ хвостомъ, или собачьей головою«. «Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное. Нужно лишь умѣть найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ обратить его въ нашу же жизнь. Это знаніе, этотъ огонь кроется у насъ, какъ огонь въ кремнѣ: подставь трутъ, и ударь огнивомъ, и явится у тебя твой домашній огонь, и не-за-чѣмъ тебѣ будетъ ходить по сосѣднимъ хатамъ, съ тряпицею, — кланяться и одолжаться чужимъ огнемъ«.

Видите ли: нашъ *философъ* проповѣдывалъ, за 100 лѣтъ назадъ, то самое, къ чему стали приходить въ наше время.

Надо еще прибавить, что не одинъ простой народъ, но и образованный слой общества, оцѣнилъ Сковороду и дорожилъ имъ, какъ на-

роднымъ геніемъ: чуть ли еще не при его жизни, было награвировано два или три его портрета.

Какъ же сказать о народѣ, гдѣ были подобныя явленія, будто онъ дофилософствовался только до сала и наливокъ??

Не пренебрегайте *исторіей*: иначе вамъ вѣрить не станутъ; не взводите несправедливости ни на человѣка, ни на народъ, — даже — во имя нашей собственной пользы: по неволѣ, не по правдѣ, намъ и самое счастье противно. На этомъ мы выросли, на этомъ стояли, стоимъ — и стоять будемъ. *Ред.*

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

ВСТРѢЧА НА УКРАИНѢ КИРИЛЛА РАЗУМОВСКАГО И ИЗБРАНІЕ ЕГО ГЕТЬМАНОМЪ. (1)

ЖУРНАЛЪ

о происхожденіи в приездъ в Малую Россію обрѣтающихся при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ, отправленныхъ, въ 1745 году, отъ всей Малороссійской Націи для прошенія о бытіи в Малой Россіи, по прежнему, Гетману и о прочихъ Малороссійскихъ нуждахъ, Господъ Депутатъ, и о протчемъ слѣдующемъ дѣйствіи.

К оной депутаціи отправлени были из Глухова Обозній Войсковій Генералній *Яковъ Лизогубъ* и знатній Бунчуковій Товарищъ *Василій Гудовичъ*, а обрѣтающемусь до того для своихъ нуждъ в Санктпѣтербурге Хорунжому Войсковому Генералному *Николаю Ханенку* тажъ депутація обще з висщеписанними чинами поручена была, а когда вишепомянутій Обозній Генералній *Яковъ Лизогубъ* жизнь свою в Санктпѣтербурге, 1749 года генваря, окончилъ, то оніе два в той депутаціи состояли.

Сего же 750 году генваря 3 дня, оніе — Хорунжій Войсковій Генералній господинъ *Ханенко* и Бунчуковій Товарищъ *Гудовичъ* в Глуховъ прибили, з данною имъ із Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи Височайшею отпускною Грамотою.

(1) Старинный подлинникъ, съ котораго списанъ предлагаемый *журналъ*, хранится въ архивѣ Выдубицкаго монастыря. *Ред.*

Оную Височайшую Грамоту, надписанную къ присутствующимъ Генеральной Войсковой Канцеляріи Членамъ, того жъ Генваря 4 в Генеральной Войсковой Канцеляріи подали, которая в томъ состоитъ, яко Ея Императорское Величество, на всеподданнѣйшое отъ всей Малой Россіи прошеніе, Всемилостивѣйше соблагоизволили быть въ Малой Россіи Гетману, на основаніи бившаго Гетмана Скоропадскаго, и для избранія онаго изъ Малороссійскаго народа волними голосами, отправленъ Ея Императорскаго Величества Лейбъ-компанѣй-подпорутчикъ, Ея Імператорскаго Высочества Государини Великой Княгины камеръгеръ и ординовъ святаго Александра и святія Анни кавалеръ, Графъ *Иванъ Симоновичъ* господинъ *Гендриковъ*, со особливою Імператорскою грамотою. Помянутіе жъ депутати, съ Всемилостивѣйше-пожалованнимъ имъ награжденіемъ, отпущени.

Того жъ 6 генваря, высокопомянутая Грамота в Глуховѣ в Соборной церквѣ, по литургіи и з молебнимъ к Богу за всевысочайшее Ея Імператорскаго Величества здравіе пѣніемъ, публикована, и во всѣ Малороссійскіе полки и господамъ полковникамъ оной височайшей грамоти копіи, а особливо и из Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи во всякой порознь полкъ надписанніе грамоти жъ, чрезъ нихъ же Господъ Депутатовъ присланніе, по Генеральной Войсковой Канцеляріи нарочними войсковими канцеляристами при указѣхъ и з повелѣніемъ, даби и въ онихъ Малороссійскихъ полкахъ тѣмъ же образомъ публиковано било, разослании. И хотя еще о слѣдованіи Его Сіятелства Графа *Ивана Симоновича* господина *Гендрикова* в Малую Россію извѣстія не имѣлось, однако Сотнику Глуховскому с козаками сотнѣ своей, для встрѣчу Его Сіятелства, веленно состоять въ готовости и держать вѣстовихъ в Сѣвске, кои завременно могли бъ дать знать о приближеніи Его Сіятелства. Особливо жъ отправленно Атамана Компанѣйского з двванадцять человѣкъ компанѣйци в Сѣвскъ и веленно имъ дожидать прибитія Его Сіятелства, а із Сѣвска имъ предъ каретою Его Сіятелства слѣдовать.

9 числа генваря полученно господами Генералною Старшиною отъ Его Графского Сіятелства, чрезъ нарочного куриера Глуховскаго гарнизона сержанта *Биховского*, писмо, пущенное отъ 6 числа того же генваря ис Калуги, которимъ ізволилъ обявлять, что уже находится в слѣдованіи в Глуховъ, і требовалъ о надлежащемъ къ прибитію его приуготовленіи.

Того жъ числа отъ присутствующихъ в Генеральной Войсковой Кан-

целяріи членовъ отправленъ къ Его Графскому Сіятелству Сотникъ Глинскій *Антонъ Крижановскій* с писменнимъ к Его Сіятелству поздравленіемъ новаго года и благополучнаго в Малую Россію шествія, і при томъ з донесеніемъ, что къ прибитію Его Сіятельства все потребное приуготвленіе в совершенной исправности состоитъ.

По имѣнію же вишеписанной о слѣдовании Его Сіятелства в Глуховъ ведомости, для встрѣчи и проваженія Его Сіятелства, учрежденъ слѣдующій распорядокъ:

1. На граници Малороссійской, подъ селомъ Товстогубовомъ, поставленъ Сотникъ Глуховский *Турапскій* с козаками сотнѣ своей до трехъ сотъ человѣкъ.

2. Отъ того мѣста верстъ за четири Сотникъ Кролевецкій *Опѣевскій* со сту человѣкъ козаками.

3. Ближе къ селу Ясманѣ Сотникъ Воронѣжскій *Холодовичъ* со сту человѣкъ козаками.

4. Да еще ближе подъ Ясмань Сотникъ Ямпольскій *Каневецкій* з своею сотнею, и при всѣхъ онихъ сотняхъ сотенніе били знамена.

13 генваря упомянутій Сотникъ *Крижановскій* возвратился в Глуховъ зъ писмомъ отъ Его Сіятелства къ Генералной Старшинѣ, которимъ Его Сіятелство, за поздравленіе его и за прудкое донесенное ему о приуготовленіи извѣстіе, обявляетъ свое удоволствіе; а онъ Сотникъ словесно обявлялъ о приближеніи Его Сіятелства к Сѣвску, да в подтвержденіе того, тоей же ночи противъ 14 числа чрезъ нарочного, полученно ізвѣстіе, что Его Сіятелство прибилъ уже в Сѣвскъ.

Того жъ 14 генваря зутра, какъ присутствующіе в Генералной Войсковой Канцеляріи Члени, такъ и прочая Генералная Старшина и другіе всѣ имѣющіесь въ Глуховѣ чини виехали в село Ясмань, состоящее отъ Глухова в 17 верстахъ, и при нихъ находилась команда Компанѣйская, називаемая Надворная Короговъ, и войсковая музика, где прибитія Его Сіятелства и дожидались. А та компанѣйская команда, з войсковою музикою, при в'ездѣ въ село Есмань поставлинна била. И таковимъ порядкомъ, какъ оніе команди роставлени били въ тѣхъ мѣстахъ, Его Сіятелству надлежащую стрѣчь учиня генваря 15, порядочно одна за другою командою упередѣ слѣдовали.

Когда же къ селу Ясманѣ зближилисъ, то помянутіе Генералной Войсковой Канцеляріи Члени, Генералная Старшина и протчіе всѣ бившіе тамо чини виехали, і предъ онимъ селомъ Есманю поклонъ Его Сіятелству і поздравленіе благополучнимъ его прибитіемъ учинили, гдѣ і

войсковая музика на литаврахъ і на трубахъ играть начала; а Его Сіятелство притомъ ис карети вишелъ и показалъ свое благодарствіе. Паки сѣлъ въ карету и поехалъ в село Ясмань до назначенной квартери, куда его обѣ тѣ чини проважали і в квартерѣ учинили поклонъ. В ономъ же селѣ Ясманѣ, взявъ Его Сіятелство малой ростахъ, виехалъ в Глуховъ, и предъ нимъ всѣ вишеписанніе сотники з своими командами такимъ же порядкомъ, какъ и прежде, ординовали, и Надворная Компанѣйская Короговъ з войсковою музикою слѣдовали в Глуховъ, а помянутіе Генералной Канцеляріи Члени, Генералная Старшина и протчіе всѣ чини провождали жъ к Глухову.

За прибитіемъ же Его Сіятелства к Глуховскому форстату учинена из города салютація ис пушекъ в 31 вистреле.

В'ездъ в городъ слѣдующимъ порядкомъ: билы всѣ вишеписанніе сотники, впередѣ Глуховскій, потомъ Кролевецкій, Воронѣжскій и Ямполскій, с командами своими і з сотенними знаменами, ехали всякъ предъ своею сотнею з обнаженними саблями, а козаки з ружемъ, держа оное накараулъ, такожъ и компанѣйская команда из своимъ командиромъ; притомъ войсковая музика на литаврахъ и трубахъ играли обикновенній маршъ.

Внутрь города, от Севскихъ воротъ до квартери Его Сіятелства, по обоимъ сторонамъ улици, поставленъ билъ Глуховский гарнизонний полкъ, со своими афицери и з распущенними знаменами.

В свитѣ Его Сіятелства слѣдовали:

В 1-й каретѣ секретарь і переводчикъ.

В 2-й каретѣ Его Сіятелство з своимъ адютантомъ. При сей каретѣ по сторонамъ ехали, на верховихъ лошадяхъ, два лейбъгвардіи сержанта.

В 3-й каретѣ Ея Сіятелство з своею фамиліею.

В 4-й каретѣ дѣти ихъ Сіятелства.

В прочихъ же коласкахъ другіе от свити Его Сіятелства чини.

И з такимъ провожденіемъ, генваря 15 числа, пополудни второго часа, Его Сіятелство благополучно в городъ Глуховъ прибылъ.

В домѣ Его Сіятелства в собраніи уже били господъ Генералной Старшини и прочихъ чиновъ дами, которіе ихъ Сіятелствъ стретили на крилце, и притомъ всѣ вишеписанніе чини, которіе встрѣчали, пришли и отдали в домѣ Его Сіятелства надлежащій комплементъ. А посля духовніе чини, архимандритъ, протопопъ Глуховскіе з своими соборами к

Его Сіятелству пришли жъ, ис которихъ архимандритъ краткое, а протопопъ пространнѣйшое, Его Сіятелству привѣтствіе говорили.

ФОРМА ЦЕРЕМОНІЯЛУ,

какимъ образомъ должно быть произведенію церемоніи ко избранію Гетмана, февраля 22 сего 750 году.

В назначенний к тому день, то есть сего февраля 22, для знанія всѣмъ чинамъ и собранія в городъ Глуховъ, учинени имѣють быть три сигнали пушечной стрелби.

Первій сигналъ потъчась по отбитіи утренной зори. Послѣ которого сигнала Глуховскій гарнѣзонний полкъ имѣеть быть поставленъ упреди на мѣстѣ гетманскаго избранія близь театра, гдѣ удобнѣе разсудится; а Малороссійскіе всѣ полки, в указномъ козачомъ числѣ, при старшинахъ своихъ (кои уже должни до того сигнала состоять за городомъ в готовости), имѣютъ слѣдовать с ружемъ исправнимъ и при сабляхъ, в строю пѣшо в городъ, с распущенними полковими и сотенними знаменами и с полковою музикою, играя маршъ и з боемъ на литаврахъ по войсковому порядку. А оніе малороссійскіе полки должни входить в городъ одинъ за другимъ порядочно, и по старшинству полковниковъ, а іменно: 1, Лубенскій. 2, Миргородскій. 3, Гадяцкій. 4, Переяславскій. 5, Прилуцкій. 6, Стародубовскій. 7, Полтавскій. 8, Нѣжинскій. 9, Чернѣговскій. 10, Кіевскій. И всѣ оніе полки, по приходѣ в городъ, к тому жъ мѣсту, гдѣ устроенъ к избранію гетмана театръ, имѣютъ в присутствіи тутъ же, а сѣмимъ полковникамъ стать на своихъ мѣстахъ, по расположенію квартермистровъ ихъ, кождому полку распредѣленнихъ, по первенству полковниковъ и устроится шаренгами у добромъ порядки, а потомъ ними полками командировать имѣетъ одинъ з старшини генералной, господинъ *Якубовичъ*, и об ономъ к полковникамъ укази послать из Генералной Канцеляріи.

Вторій сигналъ будетъ в 9 часу, по которому Генералная Старшина и с ними Бунчуковіе Товарищи и протчіе чини должни собратся в домъ к Его Сіятелству, господину минѣстру; а преосвященнимъ архіереямъ и протчему духовенству с'ехатся должно в церковь чудотворца Николая.

Третій сигналъ в 10 часу, после которого из дому Его Сіятелства господина минѣстра слѣдовать будетъ к театру избранія гетманско-

го карета цугомъ, в которой секретарь, з Височайшею Ея Императорскаго Величества грамотою, сидѣть имѣетъ, а предъ каретою компанѣйскій одинъ старшина; з нимъ 6 членъ виборнихъ компанѣйскихъ козаковъ с ружемъ пѣшо.

Позади же той команди предъ самою каретою музика гетманская, с играніемъ на трубахъ и з боемъ на лѣтаврахъ слѣдовать будутъ и трубачамъ или товарищамъ ихъ на лошадяхъ в убранствѣ, около той же карети, по сторонамъ имѣютъ ити с ружемъ гарнѣзонніе гранадери 12 человѣкъ.

За каретою несени быть имѣютъ гетманскіе клейноти слѣдующимъ порядкомъ:

Болшое знамя подъ россійскимъ гербомъ, которое данно было прежде бившому гетману Даніилу Апостолу, несено будетъ Бунчуковимъ Товарищемъ однимъ, а по сторонамъ оного два Бунчуковихъ Товарищи; начальствующій же притомъ генералній хорунжій в ассистенціи да двинадцять Бунчуковихъ Товарищей.

Гетманскую булаву, на красной бархатной подушке, нести имѣютъ два Бунчуковіе Товарищи, и притомъ начальствовать имѣетъ Судья Генералный господинъ *Горленко*, да тутъ же и прочая Старшина Генералная, и за ними слѣдовать имѣютъ 24 человѣка Бунчуковихъ Товарищей, в рядъ по 4 человѣка.

Потомъ несенъ будетъ бунчукъ, на бархатной красной подушки, двома Бунчуковими Товарищи; потомъ начальствующій Генералній Бунчужній, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе и Войсковіе Товарищи и протчее шляхетство порядочно.

Войсковій праворъ имѣетъ нести сотникъ с надлежащею ассистенціею.

Потомъ слѣдуетъ болшая гетманская печать войсковая на красной бархатной подушке; оную понесутъ два Бунчуковіе Товарищи, а начальствовать имѣетъ при немъ тутъ же Генералній Писарь, да в ассистенціи двадцять Бунчуковихъ Товарищей и Канцеляристи Генералной Войсковой канцеляріи.

За всѣми тѣми клейнотами имѣетъ ехать Его Сіятелство господинъ минѣстръ цугомъ в карете, з надлежащею ассистенціею отъ свиты Его Сіятелства верхами на лошадяхъ.

А въ заключеніи 16 человѣкъ компанѣйскихъ козаковъ з однимъ старшимъ, при руже пѣшо.

Отъ дому его сіятелства минѣстра до мѣста элекціи будутъ стоять

компанѣйци или солдати по обоимъ сторонамъ улици, даби изъ естого церемоніи отъ народу стѣсненія и помѣшателства бить не могло.

По принесеніи к театру вишеписанныхъ гетманскихъ клейнотовъ, взнесть оніе на театръ і положить оніе на столъ, который будетъ поставленъ в лѣвой сторони, а знамя держать при томъ же столѣ тому жъ Бунчуковому Товарищу, который его несъ; грамота же Ея Императорскаго Величества положена будетъ на другомъ столѣ, по правую сторону.

По приездѣ к театру господина минѣстра, архіереи Кіевскій и Чернѣговскій, з архимандрити і прочимъ духовенствомъ, имѣютъ приступить к театру с правой сторони, а Генералная Старшина съ лѣвой; Бунчуковіе Товарищи и протчие чины станутъ в назначенномъ имъ мѣстѣ.

Когда вчинится обраніе гетмана, в то время випалить ис пушекъ, мортиръ и из ружя бѣглимъ огнемъ.

После совершенія элекціи, духовніе и мирскіе чини імѣютъ пойти в церковь, для учиненія молебствія о Височайшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи, куди внесени будутъ, при грамотѣ Ея Императорскаго Величества, клейноти гетманскіе и такъ положатся на столѣ, какъ на театре, на конхъ імѣютъ лежать во время молебного пѣнія, а при виходѣ ис церкви отнесени будутъ паки купно із грамотою къ Его Сіятелству господину минѣстру на дворъ с тоею жъ церемонѣею, какъ и прежде з двора на мѣсто обранія били несени.

ЖУРНАЛЪ,

какимъ образомъ произійшло обраніе гетмана войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра 1750 году февраля.

За прибитіемъ в Глуховъ на 15 день сего февраля ясне в Богу преосвященнѣйшаго архіепископа митрополита Киевского, Галицкого і Малія Россіи, господина *Тимовея*, преосвященного епископа Чернѣговскаго господина *Амвросія*, такожъ архимандрита Лаври Кіевопечерскія господина *Іосифа* и другихъ обителей архимандритовъ и разныхъ духовныхъ знатныхъ особъ, за собраніемъ Малороссійскихъ Полковникивъ, Бунчуковихъ Товарищей, старшихъ полковихъ сотниковъ з сотенними старшинами, Значковими Товарищами, многими рядовими козаками, а особли-

во войсковихъ Товарищей и протчего шляхетства малороссійского, учинена била отъ минѣстра его сіятелства господина генерала-маіора, Ея Імператорскаго Величества лейбъ-компанѣй-подпоруччика и Ея Імператорскаго Высочества Государынѣ Великой княгинѣ камеръ-гера, графа *Ивана Симоновича Гендрикова*, ко всѣмъ онимъ чинамъ повѣстка, даби оніе всѣ чиновніе персони собралися на 18 того жъ февраля поутру в домъ, гдѣ имѣется канцелярія по коммисіи его сіятелства о избраніи гетмана, и когда оніе духовніе, тако жъ всѣ мирскіе чины, какъ Генералная Старшина, Полковники, Бунчуковіе товарищи, старшини полковіе и сотники и протчое малороссійское шляхетство, якихъ всѣхъ персонъ було до тисячи, в тотъ домъ собралися, то его сіятелство изволилъ словесно обявлять, яко онимъ всѣмъ чинамъ уже извѣстно, что онъ, по Височайше у Ея Імператорскаго Величества указу, прибылъ для избранія въ Малой Россіи гетмана волними голосами по прежнимъ обикновеніямъ, и требовалъ ихъ ведать мнѣніе, кого они быть гетманомъ в Малой Россіи обще желаютъ?

На что всѣ оніе, какъ духовніе, такъ и мирскіе чины обявили единогласно, яко желаютъ быть в Малой Россіи гетманомъ его сіятелству графу *Кирилу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, о чемъ и на трекратной его сіятелства господина минѣстра вопросъ тожъ всѣ велегласно обявили, а по совершеніи того опредѣлили публѣчно с надлежащею церемоніею избранію быть того жъ февраля 22. И для того февраля 21 отправленъ отъ его сіятелства Глуховского гарнѣзону адютантъ и при немъ войсковая музика, которой, ездя по городу Глухову и за городомъ с играющею музикою, обявлялъ о будущей завтрешнего дни публичной церемоніи благополучнаго гетманского избранія, и к полковникамъ ихъ для таковаго жь обявленія ездилъ.

А назначенній к тому избранію день того жъ февраля 22 дня для знанія всѣмъ чинамъ и собранія в городъ Глуховъ учинени были три сигнала.

Первой сигналъ после отбитія утренной зори.

По которому сигналу поставленъ былъ Глуховскій гарнѣзонній полкъ по одной сторонѣ у парадъ противъ устроеннаго для избранія гетманского театра между церквами новостроячейся Живоначалной Тройци и Святителя Николая; з западной сторони посерединѣ того мѣста устроенъ былъ театръ з лѣсницями и перилами, покритъ краснимъ тонкимъ суконъ.

Потомъ малороссійскіе всѣ полки, кои уже до того сигнала за городомъ собрались были, в городъ к тому устроенному театру ишли в строю пѣшо, с роспущенными полковими и сотенними знаменами и с полковими музиками, играя маршъ з боемъ на литаврахъ, полкъ за полкомъ по старшинству полковниковъ, яко то: первій полковникъ Лубенскій господинъ *Апостолъ*, держа обнаженную шпагу, а старшина полковая и значковіе товарищи за нимъ з обнаженними шаблями, тако жъ и сотники — всякъ передъ своею сотнею с саблями, а козаки с ружемъ ишли.

А равнимъ образомъ и всѣ полковники предъ своимъ полкомъ и старшинами слѣдовали: Миргородскій господинъ *Капнистъ*, Гадяцкій — господинъ *Галецкій*, Переяславскій — господинъ *Сулима*, Прилуцкій — господинъ *Галаганъ*, Стародубовскій — господинъ *Максимовичъ*, Нѣжинскій — господинъ *Кочубей*, Чернѣговскій — господинъ *Божичъ*, а в Киевскомъ і Полтавскомъ за небитіемъ полковниковъ, яко то Полтавского господина *Горленка*, за отлучкою в Санктпѣтербурхъ, а в Киевскомъ полку за неімѣніемъ полковника, командировали обозніе полковіе с протчою полковою старшиною.

Оніе полки по приходѣ в городъ к тому жъ мѣсту, гдѣ устроенъ театръ, порядочно полкъ за полкомъ поставлени шеренгами около театра.

По правой сторони близъ церкви святителя Николая, зачавъ отъ гарнѣзонного Глуховского полку, полкъ Лубенскій, Миргородскій, Гадяцкій, Переяславскій, Киевскій; по левой сторони близъ церкви Живоначалнія Тройци, зачавъ отъ Глуховского гарнѣзонного полку, полкъ Прилуцкій, Стародубовскій, Нѣжинскій, Чернѣговскій і Полтавскій, совокупясь вмѣстѣ с Кіевскимъ. Оними полками командировалъ Асаулъ Войсковій Генералній господинъ *Якубовичъ* на лошадѣ.

В 9 часу по полуночи учиненъ второй пушечной сигналъ.

По которому Генералная Старшина, с ними Бунчуковіе і Войсковіе Товарищи и протчое шляхетство собрались в домъ к Его Сіятелству господину министру графу Ивану Симоновичу *Гендрикову*.

А преосвященній архіепископъ, митрополитъ Киевскій, тако жъ архимандритъ Киевопечерскій и другіе архимандрити и знатніе духовніе особи, с'ехалися в церковь святителя Николая, гдѣ преосвященный митрополитъ и литургію отправлялъ з своимъ освященнимъ соборомъ, а преосвященній Чернѣговскій, за болѣзнію своею, бить не могълъ.

В 10 часу учинень былъ третой пушечной синалъ.

После того із дому его сіятелства господина минѣстра слѣдовала впередъ на лошадяхъ компанѣйская команда в шостнадцяти человѣкъ с однимъ старшиною.

За тою командою карета цугомъ, в которой сидѣлъ секретарь Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, *Писаревъ*, держа в рукахъ на сребраномъ блюдѣ и на красной бархатной подушке Височайшую Ея Імператорскаго Величества грамоту. Около карети по сторонамъ ишли с ружемъ Глуховского гарнизона дванадцять человѣкъ гранадеръ.

За каретою слѣдовала войсковая музика, играя маршъ з боемъ на литаврахъ; потомъ несени гетманскіе клейноти слѣдующимъ порядкомъ:

Первое болшое знамя подъ россійскимъ гербомъ, которое данно было гетману Апостолу, несено Бунчуковимъ Товарищемъ *Иваномъ Гамалѣю*, а по сторонамъ оного, два Бунчуковіе Товарищи *Григорій Лизогубъ* да *Павелъ Ломиковскій* шли.

За ними Генералній Хорунжій господинъ *Ханенко* да в ассистенціи дванадцять человѣкъ Бунчуковихъ Товарищей.

2. Несена была Гетманская булава на красной бархатной подушке двома Бунчуковими Товарищи, *Яковомъ Марковичемъ* да *Ѳедоромъ Шираемъ*. За оною шли Судія Войсковій Генералній господинъ *Горленко*, Подскарбій Генералній господинъ *Скоропадскій*, Писарь Генералній господинъ *Безбородко*, Асаулъ Генералній господинъ *Валкевичъ;* ассистовали 24 человѣкъ значнихъ Бунчуковихъ Товарищей.

3. Несенъ гетманскій бунчукъ, на бархатной красной подушке двома Бунчуковими Товарищи *Иліею Лизогубомъ* и *Петромъ Искрицкимъ*; притомъ Енералній Бунчучній господинъ *Оболонскій*, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе Товарищи и протчое Малороссійское шляхетство.

4. Большая нацѣоналная сребраная и визолоченная печать, на красной бархатной подушке, несена двома Бунчуковими товарищи *Петромъ* и *Григоріемъ Горленками;* а за ней ассистовали Писарь Суда Войскового Генералного съ Канцеляристами Войсковими.

5. Войсковій прапоръ несенъ Бунчуковимъ товарищемъ *Павломъ Марковичемъ;* за нимъ ишли всѣ Войсковіе Товарищи.

За всѣми тѣми клейнотами ехалъ его сіятелство господинъ минѣстръ графъ *Иванъ Симоновичъ Гендриковъ* цугомъ в каретѣ с надлежащею ассистенціею отъ свити его сіятелства, а в заключеніи того 16 человѣкъ компанѣйскихъ козаковъ с однимъ Старшиною. Отъ дому его

сіятелства до мѣста елекціи поставлени были компанѣйци и солдати по обоимъ сторонамъ улицѣ, даби шествію церемоніи отъ народа утѣсненія и помѣшателства быть не могло.

И когда та карета, в которой везена високопомянутая височайшая грамота к Малороссійскимъ полкамъ между шаренги вступила, то тотчасъ какъ отъ Глуховского горнѣзонного полку, и отъ всѣхъ малороссійскихъ полковъ, дана была честь: наклонивъ знамена до земли, играли полковіе музики и били на литаврахъ, а козаки держали руже на караулъ, и сія отдача чести продолжалась по то время, пока височайшая грамота секретаремъ, а гетманскіе клейноти висшеписанними чинами взнесени были на театръ и его сіятелтсво господинъ минѣстръ къ театру прибилъ.

На ономъ театре приуготовани были два столи, покритѣе красною камкою.

С которихъ на одномъ столѣ, съ правой сторони, положена секретаремъ Височайшая Ея Імператорскаго Величества грамота.

А гетманскіе клейноти на другомъ столѣ з левой сторони положени жъ были.

По приездѣ к оному театру господина минѣстра, ис церкви святителя Николая, по отправленіи уже святой литургіи, митрополитъ Киевскій с архимандрити и протчіимъ духовенствомъ у священномъ ихъ одѣяніи вишли и имѣли мѣсто с правой сторони на оном театре.

А Генералная Малороссійская Старшина с левой сторони, Бунчуковіе жъ Товарищи и протчое шляхетство стояли по сторонамъ оного театра за нижними перилами, а Малороссійскіе Полковники отъ всѣхъ полковъ приступили ближе к театру.

При такомъ всего духовенства и мирскихъ чиновъ собраніи, его сіятелство господинъ минѣстръ вслухъ всему собранію обявилъ Височайшое Ея Імператорского Величества на прошеніе всей Малой Россіи всемилостивѣйшое соизволеніе о битіи в Малой Россіи гетману, какъ о томъ де в Височайшей Ея Імператорскаго Величества за подписаніемъ собственнія Ея Імператорскаго Величества руки черезъ его, минѣстра, присланной грамотѣ изображенно.

И потомъ заразъ оная Високомонаршая Всемилостивѣйшая Грамота всему собранію чтена была вслухъ обявленнимъ секретаремъ.

А по прочтеніи той грамоти за Височайшое Ея Імператорскаго Величества Малороссійскому народу милосердіе и высокоматеринское призрѣніе преосвященнимъ митрополитомъ Кіевскимъ говорена краткая благо-

дарственная рѣчь; такожъ и Генеральная Малороссійская Старшина, Полковники, Бунчуковіе Товарищи и прочіе всѣ висшеписаніе чини за такову Височайшую Ея Імператорскаго Величества милость учинили всенижайшое благодареніе.

По окончаніи того, Его Сіятелство господинъ минѣстръ, при такомъ обявленномъ отъ Ея Імператорскаго Величества соізволеніи, требовалъ волними, по прежнему обикновенію, голосами избранія, кого пожелаютъ, гетманомъ.

На якое его требованіе во-первихъ его преосвященство митрополитъ Кіевскій з архимандритами и всѣми духовними чинами, такожъ Генеральная Старшина, Полковники, Бунчуковіе Товарищи, полковая Старшина и всѣ чини, и собранное отъ полковъ войско и многой народъ единогласно обявили усердное желаніе о битіи в Малой Россіи гетманомъ Его Графскому Сіятелству *Кириллу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, что і трекратно велегласнимъ обявленіемъ подтвердилы.

По тому трекратному обявленію и желанію, Его Сіятелство господинъ минѣстръ *Гендриковъ* всѣхъ чиновъ онимъ избраннимъ гетманомъ поздравлялъ и словесно обявлялъ, что о такомъ согласномъ избраніи в гетмани его сіятелство Кирила Григоріевича господина Разумовского імѣетъ взнесть к Ея Імператорскому Величеству.

Послѣ чего, в знаменіе того всерадостного и благополучнаго совершеннаго избранія Гетмана, начата палба и учиненъ с пушекъ войсковой артилеріи и мортировъ 101 вистрѣлъ, а после Глуховскій гарнізонъ и все Малороссійское войско с мѣлкого ружя бѣглимъ огнемъ палили.

И тако уже ис театра оная Височайшая грамота, а за нею висшеизображенніе гетманскіе клейноти понесени в церковь святителя Николая і положени на поставленнихъ в той церквѣ убранихъ двухъ столахъ; духовніе же и мирскіе чини ввойшли в ту жъ церковь, гдѣ заразъ говорена предика чрезъ архидіякона катедри Софѣйской.

А по окончаніи предики, о Височайшемъ Ея Імператорскаго Величества здравіи всѣмъ собраннимъ духовнимъ чиномъ отпѣтъ благодарственній молебенъ с трекратною пушечною и мелкого ружжя палбою.

По молебномъ пѣніи тѣ жъ Височайшая грамота и гетманскіе клейноти из церкви несен были такою жъ церемонѣею и порядкомъ в квартиру его сіятелства господина минѣстра, какъ из квартери его сіятелства к театру. А послѣ і всѣ Малороссійскіе полки из города к своимъ станціямъ порядочно, какъ і в городъ, входили.

И в тотъ день какъ духовніе, мирскіе всѣ чини трактовани были сто-

ломъ: знатнѣйшіе чины в домѣ его сіятелства господина минѣстра, а другіе нижнихъ классовъ, и за невмѣщеніе тамо, в другомъ дворе, гдѣ канцелярія по коммисѣи его сіятелства імѣется. И при столѣ палили за Височайшое Ея Імператорскаго Величества и ихъ Імператорскихъ Высочествъ здравіе и знатнихъ персонъ, в томъ числѣ новоізбранного его ясневелможности господина гетмана, при чемъ производима била пушечная палба, і продолжалось все то до полуночи.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

ЧОРНОМОРСЬКІ КОЗАКИ (1).

»Тепе́ръ що живу́ть въ Чорномо́рні козаки́, то все то поколі́ння тихъ Запоро́зцівъ, що колись жили́ въ Січі. Ужа́нція (2) у ни́хъ одна́кова. Ска́зано, я́блучко відъ я́блуньки не дале́ко відко́титця. Въ 38-му году я своїмъ су́дномъ перево́зивъ изъ Тама́ні на Кавка́съ: ва́рмію, сіно, ове́съ, гарма́ти и вся́кі воє́нні снаря́ди. Насъ Херсо́нськихъ судовщиківъ було́ бага́то; вози́ли ми по контра́кту съ казно́ю; ба́чите, помісячно догово́рювались. Отъ, зна́ете, и́нчий часъ — козаки́ тільки жіно́къ одни́хъ позоставля́ють до́ма; а самі підуть до бе́рега грузи́ть суда; якъ-же покінча́ють робо́ти, — поверта́ютця до до́му — ажъ до́ма ні скоти́нки; — де що у ко́го було́, все Черке́си поуго́нять. Що́ жъ би ви ду́мали, зажу́рятьця вони́? якъ би не та́къ. А що́, хло́пці, ка́жуть, збули́сь худо́бки; дітямъ молока́ нема́; а ну лишень на роздобу́тки. Посіда́ли за́разъ на коней, та за Кубань; а Куба́нь одъ ни́хъ не дале́ко тече́. Отто́, гляди́ въ ночі, ажъ земля́ гуде́: — женуть скоти́ни вдвое більшъ, якъ було́. Той часъ и поділя́ть, — и кутью таку зададу́ть, що держись.

---

(1) Записано сло́во въ сло́во отъ Херсоньского купця Гната Степановича Рябоконя. Съ пятнадцяти літъ зача́въ вінъ ходи́ть на морськи́хъ лоткахъ; та й промика́вся по Чо́рному и Азо́вскому моря́хъ, почита́й, літъ до шісдесяти́. »Де вже я не ви́ходивъ«! Казавъ не разъ міні повіствователь. »Бувъ я въ 38-му и въ 39-му годахъ въ Руме́лії, бувъ въ Анадолії, бувъ и на Кавказі. Прихо́дилось ба́чить бага́то до́брого й лихо́го«.

Гнатъ Степановичъ живи́й ще й до́сі. Неха́й ёму́ леге́нько згада́ється. Більшъ усёго лю́бе вінъ роска́зувать про Чорноморцівъ. Бо той наро́дъ ёму́ якось ду́же по душі прийшо́вся. И не ди́во-жъ то: звісно — своє.

(2) Ужанція: тобъ-то звичай.

I.

Якъ спалúли Чорноморці Очжибей, що теперъ Одесомъ зветця.

У мéне бувъ товáристъ; зъ нимъ ми мáли въ товáристві сýдно. Отъ, того́ товáриста жінки дідъ служúвъ ще при Потёмкину та при Сувóрові въ Чорноморіі козакóмъ; то вінъ булó чáсто намъ роскáзуе, якъ спалили Очжибей, тепéрішній Одесъ, — вінъ першъ Очжибеемъ звався.

Сувóровъ, кáже, послáвъ Доньцівъ, шобъ ті спалúли непремінно Очжибей. Тамъ у Тýрка булó багáто заготóвано: сіна, хліба, пороху и всякоі-всячени. Отъ Доньці й пішлú; та ба, — побоялись Турка; не зробúли нічóго. Якъ ёго, мовлúли, запалить? Тýрка тамъ сúла. Днéмъ на я́вну смéрть — не підешъ; а вночі цепъ обля́же округú, — тожъ стрáшно; — застýкають, — тамъ и капýтъ; понюхали, понюхали, та съ чимъ пішлú, съ тимъ и вернýлися. Сувóровъ росéрдився; — послáвъ іхъ вдрýге, — воні и вдрýге тежъ; вінъ опя́ть въ трéте — воні и въ трéте вернýлись нічóго не заподіявши. Тоді Суворовъ бáчивши, що не Доньця́мъ утнуть се діло, нарядивъ Чорномóрцівъ. Отъ Чорномóрці вúбравши таку нічъ, що ні зги — темнена́, хочъ óко вúколи — підійшли по блúзче, та й послáли, стільке тамъ чоловікъ, розвідать, де щó и якъ щó обстóіть; а самі давáй збирáть пóмацки сухúй буръя́нъ, щобъ те звісно булó, де хто находитця, давали крéсевомъ премітку. Де який кресне́, то й видно. Тó бъ-то за для тóго, щобъ не дýже розбрóдились, та щобъ гóлосу одúнъ-другóму не подавáли. Отъ якъ узнáли відъ тіхъ, що посилали розвідувать, въ якімъ місці мóжна цепъ пройти; — кого остáвили стерегтú кóней, а хто въ оберéмокъ сухóго буръя́ну — та въ Очжібей; — якъ-же туди́ пробрáлись, попідтикáли, підъ яку тільке булó мóжна стріху, сухóю бадúлля, та якъ запалúли зо всіхъ кіньцівъ, то на вдáку, чи въ самóму пéклі такъ клекотúть, якъ тамъ заклекотіло. Все до тла вигоріло; — а Черноморці живісенькі всі до óдного повтікáли. Оттоді Суворовъ и кáже: »Ай да рабята, вотъ маладцы, не Данцамъ чета. Спасіба, удружыли«, и Патёмкину сказавъ: »эта народъ — маладцы.« Прáвда, що молодці, замітивъ роскáщикъ, все нарóдъ вúдний, крéпкий, глянешъ на старóго — ёмý бýде літъ підъ сімдеся́тъ, а дай ще трёхъ нáшіхъ молодúхъ, то канáлья бýду, колú не справитця. А панú у іхъ — не то що наші: бідний чоловікъ и підступить боітця; а тамъ — любо та гарно поглядіть.

II.

Простота Чорноморськоі арестократіі.

Коло́ Тама́ні у Чорномо́рьцівъ е своі соляні озе́ра. Опрічъ козаківъ, казна́ ніко́му не одпуска́е. Не зна́ю, чи и тепе́ръ такъ? А тоді такъ було́. Ото́ деви́, — валки́ ідуть набера́ть сіль; а коло́ жа́дноі ва́лки и хазя́інъ. Поди́висся було́, та й ду́маешъ, що то́ хазяіни́ такъ собі, про́сті козаки́: оде́жина на іхъ незамо́жня, тільки що не въ одни́хъ сорочка́хъ— а въ каптанка́хъ; якъ-же роспита́есся, то гляди́ — той со́тникъ, то́й хору́ньжий, або́ ще й ви́ще. Отъ понабера́вши, поросплачуютця въ канціля́ріі и одпра́влять хло́пцівъ продава́ть сіль; — а ні, то яки́й и са́мъ за ва́лкою піде; які-жъ позостаю́тця до́ма, — то це въ пра́зникъ и понаіздя́ть въ Тама́нь; та вже́ не въ про́стихъ капта́нахъ а въ капта́нахъ Ангеля́нського сукна́ дорого́го съ вилётами; попідперізувані га́рними пояса́ми въ смуше́вихъ набекре́нь шапка́хъ и шаблі зъ бо́ку; — у друго́го гру́ди такъ и уси́пані всі кавале́ріею, ажъ гори́ть; — и́нчий си́вий якъ лу́нь, а молодце́мъ таки́мъ ди́ветця — и Го́споди. Ото́ попрехо́дять першъ до бе́рега, де и́нчий часъ и въ празни́чний день иде́ така́ робо́та, що й дихну́ть ніколи. Звісно, вое́нне діло. Тоді са́ма гаря́ча робо́та йшла съ Черке́сомъ... Постано́влятця въ рядъ и гукну́ть до своіхъ козаківъ: »здоро́ві були́, хло́пці!« — »Здра́вія жела́емъ,« — ті обізву́тця; ажъ земля́ дро́гне. »А що́, чи сіно ду́шете?« (Козаки́ тоді вяза́ли въ кіпи и полукіпи сіно, въ кіпу вбива́ли по 12 пудъ, а въ полу́кіпу по 6.) — »Ду́шемо, ва́ші високоблагоро́дія.« — »Душіть, душіть та глядіть, якъ підете підъ Черке́са, то и ёго́ здушіть та́къ, щобъ ажъ не пи́снувъ.« — »Якъ Бігъ помо́же, то не ви́вернетця зъ на́шихъ рукъ.« Даду́ть одвітъ молодці, та за́разъ и вдеру́ть тако́і пісні, — що слу́хаешь — та й не наслу́хаесся... Я бага́то іхъ пісе́нь знавъ — та на́ лихо позабува́въ усі. Тілки и оста́вся въ па́мяті кіне́ць одніе́і.

»Ой полети́, га́лко, ой полети́, чо́рна, та на Дінъ ри́бу істи,
Ой пренеси́, га́лко, ой пренеси́, чо́рна, відъ кошово́го вісти;
Ой уже́ га́льці, ой уже чо́рній та изъ До́ну не верта́тьця...
Ой уже́ намъ, бра́тці, сла́вне Запо́рожье, та съ кошови́мъ не вида́тьця.

Цей варія́нтъ, въ Запи́скахъ о Южной Руси Куліша, въ пісні объ Шва́чці; — запи́санъ інче. Я чита́въ іі моёму повіствователю, щобъ то довідать, чи не переінчивъ вінъ ёго́ ча́сомъ. »Такъ ні, каже, слова́ ці

дýже врізались въ моéі пáмяті, якъ-би то я іхъ тільке вчóра чувъ. Чогó вже не знáю, або щó забýвъ, объ тімъ и спóрить не буду; а це вже що такъ, то вірно.« Закінчáвъ вінъ, та й стáвъ роскáзувать дáлі:

»Ото, знáете, постóіть, постóіть булó те пáнство; побалáкають съ хлóпцями та попрощáвшись — всі гай до Дóнчика. Дóнчикъ бувъ купéць; мавъ вінъ у Тамáні бакалійну лáвку и рáзні инострáнні вúна; та якъ заберýтця туди́, то не скóро вúйдуть; зададýть тáмъ такúй бенькéтъ, що ажъ чортáмъ дýшно стáне. Щó мíні лю́бо, такъ те, що не жáденъ изъ іхніхъ панівъ передъ найбíднішимъ пúки въ гóру не задерé; съ послíднімъ козакóмъ, мовля́ли, розговóритця, дасть ёму совíтъ, якъ въ воéннімъ, такъ и въ домáшнімъ дíлі. Про тéжъ на слýжбі — ані чичиркъ, — а ні, то нгаáівъ покуштýе.«

III.

Якъ пропúвшихся козакíвъ знаряжають: конемъ, мунúцею и всíмъ, що треба въ похóдъ.

Инчúй козáкъ сірёма догуляетця до тóго, що попропивáе одéжену, коня и збрую; — а тутъ похóдъ на нóсі вúсить. Щó ёму бíдолáсі робúть? А такúхъ тáмъ úнчий рáзъ чимáло знáйдетця. Начáльство-жъ знá іхъ úдаль, отъ и велúть посúсувать, у кóго чогó не достаé. И дадýть той спúсъ старшóму. Старшúй звелúть накупúть усёго по тóму спúсу, — не знáю, за чíї вже грóші, мáбуть за общéственні, — а дáлі, передъ тúмъ якъ виступáть, постановлять въ одúнъ рядъ кóней, накупленихъ по спúсу, роскладýть мунúцю; а въ другíмъ рядý, на зýстрічъ, постановля́ть горемúкъ, що попропивáлись; то це по спúсу й викликáють: Грицькó Тарáня, або Демьянъ Кýля, а кé лешúнь сюди́! то вúзваний и вихóдить; »отцé, кáже старшúй, тобí кінь, оцé збрýя, а оцé мунúця; щóбъ-же ти умівъ шануватъ своé дóбре, та не забýвъ могó накáзу, то дáйте ёму, хлóпці, на памятку пятдеся́ть тáмъ, або сто нагаівъ; то вінъ памятувáтиме лýчче.« Якъ-же хлóпці зачнýть пíжить, — то ажъ пíрья летúть. Бо за такý *проштрáнность* козакú бьють не жалкýючи. Отъ, якъ одбýде небораáка своé, то встáне та ще й поклóнетця старшóму и подя́кує за наýку; старшúй же прочитáе ще ёму дóвгу ратацію. — Тоді за другóго; та такъ переберýть до остáтнёго; якъ-же роспрáву и розділъ учúнять, тоді помóлятця Бóгу, посідáють на кóней, гáркнуть дóбру пісьню — и мáршъ у похóдъ.

IV.

Домашній по́битъ чорномо́рськихъ козаківъ.

Жили́ Чорномо́рські козаки́ тоді не ду́же-то замо́жно. Та коли́ імъ сердéгамъ було́ що́ й придба́ть? Хиба́ тепе́ръ, якъ съ Черке́сомъ война́ утихоми́рилась, то мо́же й поопіра́лись тро́хи; тоді жъ, якъ я бува́въ въ іхъ міста́хъ, то імъ ніколи було́ свого́ доглядáть... Якимъ че́рга, ті ідуть на Капка́зъ воюва́ть, зносúть крепості, копáть канáви, земляні стіни видвига́ть — якъ го́ри. Робо́та була́ зазво́нна — нічого сказáть. Тіжъ, котóрі остава́лись дóма, то́жъ на пічí не лежа́ли. На бе́резі по всякъ часъ було́ діло. За хазя́йствомъ гляділи одні жінки. Сте́пу жъ у іхъ було́ дово́лі. Отъ, якъ підійде робóча пора́, то неділі за́ дві, або й більшъ, понахо́дять въ Чорномо́рію на заробітки Ана́пці. Въ Ана́пі було́ бага́то ра́зного, забре́дшого зо всіхъ кінцівъ, лю́ду, — та все́ біднóта. Оце́-жъ, поприхо́дивши въ Чорномо́рію, подогово́рюютця зъ жінка́ми убра́ть іхъ хлібъ — чи, тамъ, за пла́ту, чи съ копи́ці; то поке́ прúйде робóча пора́, то вонú імъ и хатú поопра́вляють и по хазя́йству дадýть всякий поря́докъ; а та́мъ поскóшують и хлібець и сіно, хто скільке спромігся засіяти. Колú-жъ повертаю́тця козаки́ до до́му, то звісно, — де́ вже ви́держать, щóбъ не курнýти! — не така́ натýра. То жінки іхъ и ла́ють: »А чорти́-бъ убúвъ ва́шого ба́тька, та зъ ва́шими козака́мц! колúбъ не Ана́пці, то хатú и до́сі бъ булú повкрúвані вітромъ. А імъ чортъ ма й га́дки; абú горілка була́«.

V.

Гайдамаки.

»Чи не чува́ли ви ча́сомъ, Гна́тъ Степа́новичъ, чого́ про Гайдама́къ відъ Чорномо́рця діда, ва́шого товари́ста жінки?« Спита́въ я яко́сь у Рябоко́ня. »Та де́ вамъ!« той відвітува́въ. »Бага́то бува́ло кой-чого роска́зуе; та я на́ лихо позабува́въ все до́ чиста. Одно те, що то давно́ бу́ло́; а дру́ге—що не те вже въ голові седúть, щóбъ помятува́ть такі да́вні річі. А ось що́, такъ якось заде́ржалось; а ще й давнішъ чува́въ. Такú рідна ба́ба моя бува́ло роскáзуе. Тоді міні було́ літъ дванáдцять — не більшъ. Забу́въ тільки, зъ яко́го села́ вона́ була́. Тамъ де́сь біля Черка́съ жилú

вони́ тоді — здае́тця. Зібра́лось, ка́же, на́съ въ ха́ту тро́е дівча́тъ; ми-жъ не то, щобъ уже́ були́ дівка́ми; а та́къ, якъ то ка́жуть, підлітками. Старі на́ші всі були́ въ по́лі... Отъ сидемо́, коли́ чу́емо—въ селі підня́всь таки́й га́лась — крий Ма́те Бо́жа: біготня́, га́мъ, кри́къ, брязкотня́; на́че світа преставле́ніе... Оце́-жъ ли́шечко, ой не́нечко! та що́ жъ на́мъ на світі Бо́жому робить?.. Що на́мъ ро́бить? Пита́емо одна́ въ одніе́і; та тру́семось мо́въ въ лихома́нці. На двіръ-же й но́са боїмо́сь ви́сунуть... Оце́ Гайдама́ки прийшли́ люде́й різать, ка́же одна́ изъ на́съ; а тоді вже чу́тка була́, що́ вони́ скрізь ве́штаютця та ли́хо ро́блять; бо ста́рі якъ позіхо́дятця, то тільки й ре́чі, що за гайдама́къ... Поріжуть вони́ й на́съ, ка́жемо. Дежъ-то мій ба́тько! кричи́ть одна́, та ло́мле руки; де моя ма́те? жа́лібно пита́е дру́га... Мату́сенько жъ мо́я ріднесенька, уже́ мі́ні съ тобо́ю не ба́читьця, а мо́же вже тебе́ й на світі нема́, мо́же вже тебе́ зарізали! Такъ преговорюючи та ридаючи, — бігаемо та здійма́емо до не́ба ру́ки; а да́лі ви́бігли и въ сіни; а изъ сіне́й ви́ведений бу́въ въ стріху димарь; ми́ туди́, — та не ви́вши, не івши дво́е суто́къ та́мъ и проси́діли... Пройшла́ та й бу́ча, — стихоми́рилось въ селі; а ми сидимо́, боїмо́сь и поворуши́тця... Коли́ на тре́ті су́тки чу́емо—опя́ть го́мінъ и брязкотня́ шабля́ми. О тепе́ръ-же, ка́жемо, пропа́ли на́ші бідні голо́вонькы. Заколоти́ло насъ зно́ву. Ста́ло було́ одляга́ти відъ се́рця потро́хи. Та́къ ні жъ, — опя́ть біда. Защитивъ, ка́жемо, оди́нъ ра́зъ на́съ ца́рь небе́сний;—а тепе́ръ ма́буть не поми́луе. Коли́ та́къ воно́ й е: чу́емо—забрязкотіли въ сіняхъ шаблі. Яка́сь изъ на́съ съ перелю́ку й поворуши́сь. »А ну, хло́пці, подивітця, чи нема́ кого́ въ димарі,« хто́сь ка́же, »бо щось та́мъ шелести́ть.« Ту́тъ уже́ ми не здержались; якъ закрича́ли въ оди́нъ го́лосъ: »ба́течки, ріднесенькі, зжалійтесь надъ на́ми, — не ріжте на́съ; пустіть на́ші ду́ші на покая́ння...« Підбігло до насъ стільке тамъ чоловікъ, та й ка́жуть: »мовчіть, голу́бочки, ми ва́съ не займе́мо; не бійтесь на́съ, бо не би́ть, а спаса́ть ми прийшли́ сюди́. Злізайте лишень мерщій. Та́къ де́жъ-бо, та́къ то́бъ и уня́ть на́съ! — не йме́мо віри, а ще ду́жчий гвалтъ підняли́... Постяга́ли вони́ на́съ, та все́ уговорюють, щобъ іхъ не боя́лись; а да́лі підійшо́въ и старши́й и па́ні яка́сь изъ ни́мъ, — и ті ста́ли ублага́ть: »Дурні дівча́та, ка́же старши́й, чого́-ще ви та́къ жаха́етесь? кажу́-жъ бо ва́мъ: на́съ нічого боя́тьця; бо ми́ не гайдама́ки а козаки́.« И па́ні, така́ ласка́ва, такъ насъ голу́бе та заспоко́ює... »Чіи ви?« пита́е у насъ. Трусячи́сь та крізь слёзи ми росказа́ли. »Де́жъ ва́ші батьки́, та не́ньки?« — »Не зна́емо, па́ночку голу́бчику, не зна́емо, ба́ренько; якъ пішли́ въ по́ле, коли́ въ селі було́ ще ти́хо, — то й до́сі нема́.« По-

хита́въ голово́ю повко́вникъ (бо то бувъ повко́вникъ, а па́ні — ёго́ жінка), а да́лі й ка́же: »посиді́ть-жъ ви тро́хи въ ха́ті, та нічо́го не жаха́йтесь, ми за́йдемо ще до васъ.« Отъ тро́хи зго́домъ захо́дять и ка́жуть: »та́къ я́къ тепе́ръ у ва́съ нема́ рі́дні ні жа́дної душі, то ми візьмемо ва́съ до се́бе.« Поприпада́ли ми до сто́лу та гірко, гірко запла́кали, и пла́кали ми вже тоді не відъ перел я́ку, а звісно, чого́ ми пла́кали.

Лю́ди ка́жуть: оте́ць небе́сний пече́тця объ си́ротахъ... Щи́рая тому́ пра́вда. Не забу́въ вінъ и на́съ бі́дныхъ, а посла́въ всімъ трёмъ одного́ ба́тька и ма́тіръ. Що́ то за до́брі лю́ди були́ — и Го́споди... Перевезли́ воны́ на́съ всіхъ трёхъ у Миргородъ; та́мъ и за́міжъ всіхъ пооддава́ли. Мене́ за ва́шого діда, вінъ гна́въ тоді табу́нъ и занима́вся кушнірствомъ, — а тихъ за дяківъ, за́разъ-же іхъ чоловіківъ постри́гли въ дія́кони и перевели въ Херсо́нъ... Оди́нъ изъ нихъ дія́кономъ и вмеръ, а дру́гий дослужи́вся протопо́пи. Мій-же чоловікъ, та́мъ го́дівъ черезъ стільке, то́жъ переіхавъ въ Херсо́нъ, та тутъ и обжи́вся. Въ Херсо́ні всі три наре́чённі се́стри дру́жно та ми́рно и віку дожили́.«

Василь Тищенко.

1861 року, 21 февраля.
Новогеоргіевскъ (Херс. губ),
що колись бувъ Крилівъ.

ПЛАСТУНИ.

Старі козаки́-січовики́ (по́ки ще не поперево́дились) було́ розка́зують такъ: що въ запоро́зцівъ на Дніпрі піхо́та сиділа въ Січі, а комінники́ жили́ въ Вели́кому Лу́зі, для до́броі на́ші ко́нямъ. Тамъ вони́ пуска́ли ко́ні въ табуни́. Кошови́й насила́въ військово́го ста́дника (бо тоді ще не зва́лись табунщика́ми). Військови́й ста́дникъ мавъ пірна́чъ залізний (1); ёму́ комінники́ наряжа́ли зъ се́бе підпа́сичівъ, котрі зміня́лись други́ми почере́жно. Якъ піхо́ті, такъ и комінника́мъ, вільно було́ въ ми́рне вре́мня займа́тьця—кому́ риба́льствомъ, кому́ пласту́нствомъ; а реме́сні козаки́ (2) зостава́лись въ Січі. Пластуни́ стріля́ли ди́кий звірь, яко́го тоді въ дніпро́вихъ пла́вняхъ було́ дово́лі. Пластуна́ми, ка́жуть, зва́лись за те, що непосидя́чі були́, все ве́штались по пла́вняхъ и якъ більше імъ прихо́дилось міси́ть грязь, ніжъ ходи́ть по сухо́му, сирічъ пла́стать, то й прозва́лись пластуна́ми. Що́ зроби́лось зъ Січчю и запоро́зцями—всі зна́ють (бода́й не зга́дувать). Двана́дцять ро́ківъ ні Січі ні Запорожжя не було́. На тринадцятому Турчинъ підня́вся, ста́вся ро́змиръ; почали́ виклика́ть коза́цтво. Ось коли́ ёго́ впъя́ть ста́ло тре́ба!—Пішо́въ и стари́й и молоди́й, зібра́лось військо; зроби́ли й кошъ: два ро́ки зва́ли ёго́ *кошемъ вірнихъ козаківъ*. Якъ же посіда́ла піхо́та на ло́тки підъ Оча́ковомъ, та зайшо́вши зъ Чо́рного мо́ря, взяла́ сама́ безъ по́мочі відъ московськоі ва́рмиі, на о́строві Березані туре́цьку крі-

(1) Залізний ста́дницький пірна́чъ и тепе́ръ е, підъ охра́ною Ейського діжу́рства, въ Чорномо́риі.

(2) Сидільники, лимарі, ковалі, слюсарі, кравці, шевці и инші. Та́къ було́ зпе́ршу и на Чорномо́риі въ Новій Січі

ность, то тоді й прозвано іхъ *вірнимъ військомъ Чорномо́рськимъ*. За те, бачъ, що вони на Чо́рному мо́рі зъ своіхъ ло́токъ пу́шками, з'бандірува́ли Ту́рчина: не ви́робивъ булиголова, зда́въ кріпость на́шимъ зъ усіма пу́шками, зна́менами и всімъ запа́сомъ.

Въ сёму́ ро́змирі, пластуни́ були́ и въ піхо́ті и въ комінника́хъ, але́ не було́ іхъ ви́дко. Якъ же замири́въ Ту́рчинъ, Чорномо́рці прийшли́ на Куба́нь. Тамъ на Кубані, знайшли́ вони́ такі жъ пла́вні, якъ и на Дніпрі. Жона́тихъ ста́ли обселя́ть сло́бодами, а сіро́ма — хто ремéсний—въ Нову січъ, по куреняхъ ([3]), а охо́чі до звіря—розсипались по пла́вняхъ и на запоро́зький giштáлтъ добува́лись. При пластуна́хъ були́ охо́чі хло́пці, при нихъ вони́ й зроста́ли, а ви́вчившись хара́ктерства́, роби́лись пластуна́ми. Цілу о́сінь и зіму, поки́ звірь порошко́вий([4]), пластуни́ жили́ въ пла́вняхъ, а весно́ю, прихо́дили въ сло́боди и прино́сили свою до́бичъ, звіря́чі сму́хи, продава́ли іхъ, купова́ли по́рохъ, о́ливо и изъ оде́жі що тре́ба. На оста́нню жъ копійку, поводи́вши музи́къ на підпи́тку, и́нші зоста́вались до о́сені на літню робо́ту въ сло́бодахъ и хутора́хъ, а и́нші за́разъ одхо́дили въ пла́вні: хто стрільцюва́ть, а хто рыба́лчить. Пла́вні въ Чорномо́рії, не тільки на одній Куба́ні, вони́ закрива́ють ма́ло не половину бе́рега Азо́вського мо́ря; въ нихъ во́дятця: о́лені, ди́кі ко́зи, ди́кі сви́ні, вовки́, лисиці, відни́хи, харсуни́([5]), а въ рідкость попада́ютця й бобри́. Пластуни́, окрімъ стрільби́ зъ ружжя́, ста́вляють всяки́ самолови́: капка́ни, сту́пиці ([6]), ці́вки́ ([7]), пружи́ни ([8]), сільця, нитки́, або тене́та. Пласту́нъ не зна ро́скоши, не гара́здъ одіжний, поневіря́етця, а пласту́нства не ки́даетця. Висо́кі камиші, поло́ма, міста́ми чага́рь, зхища́ють ёго́. Одно́ не́бо въ пла́вні пласту́нъ ба́чить, якъ гля́не вго́ру; по ёго́ я́сныхъ зо́ряхъ, въ ночі, мірку́е вінъ собі доро́гу, а якъ хма́рно, то по вітру, котри́й нагина́е верхи́ очере́тівъ висо́кихъ. У вітеръ, якъ у день, такъ и въ ночі, са́ма

([3]) 1793 году Кошъ Чорномо́рський на Куба́ні зробивъ кріпость, курені, ото́ и зва́ли до сёго Чорномо́рці Січъю. Тодіжъ го́родъ Катеринодаръ.

([4]) Порошки́й звіръ щита́етця відъ 1 па́здерника до 1 березо́ля.

([5]) Барсуки.

([6]) Деревя́на снасть, замість капка́на, хи́тро постро́ена, — звірину хапа́е за па́льці відъ ла́пи.

([7]) Пружи́ни съ вірёвча́тими сільцями, на вірёвку ду́дка, або́ цівка для того, що якъ пійма звірину сільце́ за но́гу, то ду́дка по бичо́вці прису́неця де но́ги и звіряка перегри́зла бъ верёвку, такъ му́сить гри́зти ду́дку, або́ цівку.

([8]) Тежъ, тільки безъ цівки ста́вица похва́тань.

лу́чча охо́та. Якъ вітеръ подиха́е, зашелести́ть коми́шъ, пласту́нь иде́ хо́домъ сміло, а якъ вітеръ оддиха́е, то вінъ сто́я наслуха́е. Ота́къ иду́чи наткне́тця бли́зько на звіря́ку. Підъ вітеръ пласту́нський ви́стрілъ не поло́ха звіря; бо пласту́нъ иде́ проти́въ вітру, то вітеръ одъ ёго и луну́ зно́сить за собо́ю. Коли́ жъ вітру не буває, то пласту́нъ підбармо́вуетця, хо́домъ тіёі звіря́ки, яку́ вінъ по місту сподіва́етця знайти́. У ко́жного звіря въ пла́вні е́ свій по́хідъ, приміръ: о́лень ма́е хідъ рівний; свиня́ прошелести́ть хо́домъ рівнимъ, стано́витця и наслуха́е и вия́ть тежъ; коза́ — прийшо́вши рівно разівъ два, три, ско́чить; вовкъ ма́е хідъ рівний, та якъ ме́нший за о́леня, то й шу́му одъ ёго́ въ комиші ме́нше. Такъ пластуни́ примі́ти́вшись, з'уча́ють по́хідъ про́чого звіря. Підпусти́вши звіря бли́зько, пласту́нъ не дае́тця ёму́ въ зна́ки, щобъ не сполохати, а поня́вши, яка́ звири́на, стріля́ на тріскъ и му́сить повали́ти. Ото́жъ и пласту́нъ, що, не ба́чивши звіря очи́ма, застре́литъ ёго не́вно, та ще та́къ угада́е, щобъ ви́стрілъ не пропа́въ; приміри: ди́кого кнура́ бъе по лопа́тахъ, або пі́дъ ву́хо; неповалений на місті кнуръ ки́да́етця на димъ и своіми здоровенними и́клами порубае пластуна́, якъ не всіе зхо́битись. Уби́ту дичъ му́сить ви́бандурить, щобъ не спо́ртилась, и, зроби́вши скілько на́крутокъ на комиші, щобъ після́ мо́жна було́ знайти́, иде́ да́льше. На дру́гий, и́нколи на тре́тій день, пласту́нъ зъ хло́пцемъ або́ зъ това́ришемъ, иду́ть забера́ти побиту дичъ, яко́і пласту́нъ самъ забра́ть не змігъ. Зъ незъідо́мого жъ звіря, приміромъ: во́вка, харсуна́ и про́че, деру́ть одні сму́хи. Тимъ вре́мямъ, якъ пласту́нъ хо́дить на охо́ту, ёго́ хло́пець зъ куріня́ оббіга́ розста́влені по стежка́хъ капка́ни, чи сту́пиці, сільця; повибера́е що попалось; позніма́ сму́хи; переба́нить лову́чий по́судъ (бо звірь на закрива́влений капка́нъ або сту́пицю не піде), та знову розста́вить по стежка́хъ. Инші пластуни́, чоловіка по два́ й по три́ живу́ть въ односу́мстві, въ одні́мъ курені, то отакі односу́ми розіхо́дятця на охо́ту *по се́кту* въ різні сто́рони, щобъ одинъ на дру́гого не наткну́вся. Бо трапля́етця въ-рідкость, що и́нший не здержавъ *се́кту*, та й пове́рне въ ту сто́рону, де вже хо́дить оди́нъ това́ришъ, а якъ вся́кий пласту́нъ въ пла́вні держи́ть по́хідъ тії звири́ни, підъ ко́тру бармуетця, то, обмани́вшись оби́два, уби́ва́е това́риша той изъ іхъ, хто поспіши́тця попе́реду ви́стрелить.

Въ пла́вняхъ бувають сухі гря́ди. На нихъ ро́блятця пласту́нські курені.

Пластуни́, въ прикуба́нськихъ пла́вняхъ, ста́ли ча́сто натика́тьця на Черке́съ, ко́трі прокрада́юця пла́внями черезъ Куба́нь (Чорномо́рську

гряни́цю) въ нашу сто́рону, щобъ украсти коро́ву, або́ вола́, ато́ й чоловіка. Якъ набреду́ть на шляху́, або́ въ по́лі, то, вста́вивши ёму́ жеребо́къ въ ротъ, та на бичо́вці и затя́гнуть до се́бе въ нево́лю, або́ й порубаю́ть. Отъ симъ-то пластуна́мъ уже́ не до охо́ти; імъ охо́та випада́ вже на чоловіка зъ таки́мъ же ро́зумомъ, якъ и вони́. Зати́мъ обхо́ди пласту́нські ро́блятця по два, ато́ й ча́тами: оди́нъ за одни́мъ иду́ть не бли́зько, бо буває, якъ Черке́си заси́дуть, то, вда́ривши за́пломъ зъ ружжя́, мо́жуть поби́ть, або́ ки́нувшись ра́птомъ похапа́ть, то и йдуть, кажу́, пластуни́, хотя́ въ день, хотя́ въ ночі ча́тою: оди́нъ за одни́мъ рідко. Коли́ пере́дній ста́не, то й дру́гий и тре́тій и всі те́жъ, а чи присяде — то й всі. Якъ пере́дній вислуха́е, такъ и всі. Хто кого́ підстереже: чи пластуни́ впере́дъ замі́тять черке́съ, то іхъ и верхъ, а якъ що черке́си, то й пластуна́мъ біда́. Хиба́ не си́ла ти́хъ, що впере́дъ замі́тять, то й пропу́стять сильніщу ча́ту, си́дячи мо́вчки. Якъ же черке́си, то після́ тако́го случа́я, або́ жъ верта́ютця наза́дъ, або́ йдуть скоріше на дрянапи́ну да́льше; а якъ пласту́нська не-си́ла, то, пропусти́вши черке́съ, бъють зъ потили́ці. Одъ тако́і пи́нфи га́спидська орда́ гу́бить раху́бу, па́дае, де хто попа́въ. Нарізуватьця на черке́съ тепе́ръ не прихо́дитця, тре́ба умкну́ть, бо пластуни́ себе́ ви́значили, що ма́ло іхъ, и якъ би́ імъ одкри́то вда́ритьця на черкесъ, то іхъ ру́жжя не ви́стрелене и всякий іхъ ви́стрілъ бу́де безъ про́машки, але́жъ вони́ да́льше не підуть, тре́ба верну́тись, бо одъ пласту́нськихъ ви́стрілівъ гряни́ця зтрево́жилась, то черке́самъ вда́чі не бу́де.

Найлу́чче пластуни́ плюндру́ють черке́съ на іхъ сторонi. Тамъ вони́ въ се́бе не бережу́тця и якъ разъ и́нший наріжетця на пластуна́, то й амінь ёму́.

Щобъ написа́ть всі пласту́нські поря́дки, то була́бъ ціла кни́жка. Мо́же зна́йдутця моло́дчі, до того́ охо́чі. Я жъ, здае́цця, сказа́въ стільки, що ви́дно бу́де жо́дному, що́ то за пластуни́?

Спра́жній пласту́нъ зага́вка якъ лиси́ця, зачми́ше якъ кабанъ; кри́кне якъ о́лень, або́ якъ коза́ ди́ка, заспіва́е ди́кимъ півнемъ, захарчи́ть харсуно́мъ, зави́е вовко́мъ, забре́ше соба́кою. Жо́денъ пласту́нъ хочъ одно́, або́ дво́е зъ такихъ уда́чъ въ собі ма́е. Воно́ буває ну́жно пода́ть, яки́й бу́де у ни́хъ по се́кту, го́лосъ; або́ якъ розси́павшись у пла́вні, ну́жно бу́де швидко зібра́ться до ку́пи; чи по якій мо́ві тре́ба пода́ть дру́гому га́сло.

Такъ якъ пластуни́ хо́дять отъ жо́дного карто́на и жо́дна ча́га му́сить обхо́дить свое́ за́ймище, то у іхъ есть по се́кту прекме́ти: або́ суха́ вер-

ба́, або́ ку́щъ чагарю́, озірце́, підко́ва, на́крутка на комишу́, або́ пря́мо коми́шъ кля́чений (9). Тамъ лежи́ть схо́вана прикме́та: або́ цуру́палочокъ, або́ що и́нше; яка́ ча́та вспіла дійти́ впере́дъ, то та, знайшо́вши прикме́ту, перекла́да ії на дру́гий ладъ и верта́ється. А якъ прийде після́ дру́га ча́та, то за́разъ и поймé, що товари́ство зъ другого́ кардо́на дохо́дило до того́ мі́сця; переложи́вши зновъ прикме́ту, верта́ються наза́дъ другим обхо́домъ, або́ розсипа́ються на охо́ту по пла́вні.

Підъ за́сідку на стежка́хъ ки́дають противъ но́чі сухо́го комишу́, або́ дрібни́хъ сухи́хъ гиллячо́къ, ко́трі на огні засу́шуются впере́дъ. Памята́ете, пано́ве, якъ пласту́нъ бъе на трі́скъ звіря? Ото́жъ, наки́давши на сте́жку су́ші, пластуни́ заляга́ють, и якъ кра́децця черке́съ по тій тропі, то підъ нога́ми въ ёго́ сушъ и трісне, то оту́тъ ёго́ и пласту́нъ трісне....

На́ші пластуни́ одяга́ються въ черке́ську оде́жу и, підъ іхъ бармую́чись, запуска́ють бо́роди, хто хо́че; на по́ясі ремінному но́сять: кінжалъ зъ ножéмъ, жарівни́цю, чабалта́съ кулішницю, відвертку. За по́ясомъ пісто́ль и збо́ку черке́ську ша́бельку. На нога́хъ ону́чі сукóнні, або́ портняні́ съ шерстяни́ми, або́ прядівья́ними воло́ками. Черевики́, або́ постільці, більшъ свиня́чі наве́рхъ ше́рстю, щобъ не шамті́ло въ траві.

Не ди́во пластуна́мъ буть и прудки́ми и чутки́ми, второпними й проворними. Зімо́ю на хо́лоді, а лі́томъ на комаря́хъ та зъ го́лодомъ. Не ба́чивши лу́ччого, ду́мали, що такъ на всімъ світі. Тра́пилось імъ бу́ти въ Севасто́полі, якъ Ту́рки, Фра́нці та Брита́нці держа́ли зъ на́ми ро́змиръ. »Тамъ, ка́жуть, годува́ли насъ до́бре, дава́ли горілку; нужди́ тако́і не пригня́ли, якъ у се́бе на кардо́нахъ. Вікъ би такъ служи́ли й до-до́му не пішли́ бъ. Насъ тамъ хвали́ли, та не знаемъ за́ що, бо ми приви́кли рівно тягти́ слу́жбу, якъ той вілъ, не хи́били з'ро́ду«.

Я. Г. Кухаренко.

---

(9) Для о́спіху *кля́чять* коми́шъ: охвати́вши въ оберемокъ стоя́чого на пні комишу́ и стиснувши ёго́ кріпко рука́ми, перело́млють: комишъ, ви́пущенний зъ рукъ, розсту́питця и, зоста́вшись перело́мленнимъ, пока́же призна́ку.

На-добра́-нічъ усімъ на́ нічъ!
Да́йте одпочи́ти...
Хто коха́е мене́ щи́ро—
Не бу́де буди́ти.
Не будіте, ми́ле бра́ття,
Мене́ зъ домови́ни:
Ой не хо́чу я до су́ду
Ба́чити Вкраіни!

А на су́ді зно́ву бу́ду
Го́спода блага́ти,
Щобъ верну́тись працюва́ти
До вбо́гої ха́ти:
»Ой не живъ я, Бо́же пра́вий,
На білому світі:
Рвавъ терни́ я по доро́зі,
Не рожéві квіти.
Не дозна́въ я, Бо́же пра́вий,
Лю́бого впоко́ю
За непра́вдою людсько́ю,
До́лею тяжко́ю.
Верни́, Бо́же, дороги́і
Літа молоди́і,
Що звяли́ли, отруїли
Вороги́ лихи́і.
Верни́, Бо́же, мою́ си́лу,
Що. гну́лась-хили́лась,
На нару́гу, на заба́ву
Лю́дямъ знадоби́лась.
Верни́ Бо́же, мене́ зъ ра́ю
До рі́дної ха́ти,—
Бу́ду, въ ха́ті працюва́ти,
Тебе́ прославля́ти.«

Т. Вешнякъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ГУБЕРНСКИХЪ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЙ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

До-сихъ-поръ, въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій, касающихся южно-русскаго края, мы помѣщали и главнѣйшія постановленія правительства, относящіяся до крестьянскаго дѣла. Съ нынѣшняго года мы нашли полезнѣе, согласно желанію многихъ, ввести важнѣйшія распоряженія правительства въ нашу лѣтопись, и обратить особенно вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Постановленія губернскихъ присутствій южно-русскаго края будутъ сообщаться въ *Основѣ* постоянно. Они имѣютъ важное значеніе: служа какъбы дополненіемъ и разъясненіемъ общихъ основаній, изложенныхъ въ «Положеніяхъ,» эти постановленія указываютъ на мѣстныя потребности и особенности, и дѣлаясь обязательными для помѣщиковъ и крестьянъ той губерніи, гдѣ они состоялись, получаютъ такимъ-образомъ силу мѣстнаго закона.

На первый разъ мы помѣщаемъ, извлеченія изъ постановленій мѣстныхъ губернскихъ присутствій за первые восемъ мѣсяцевъ со времени ихъ открытія.

Постановленія Черниговскаго губернскаго присутствія, открытаго 16 марта (*).

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Началомъ лѣтняго полугодія считается: а) въ уѣздахъ Остерскомъ, Козелецкомъ, Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, и Конотопскомъ—1 апрѣля; б) въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ, Сосницкомъ, Кролевецкомъ, Глуховскомъ и Новгородсѣверскомъ — 10 апрѣля;

(*) Эти постановленія извлечены изъ *Лѣтописи Сельскаго Благоустройства*, издававшейся Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

в) въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ—15 апрѣля; г) въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ—23 апрѣля.

Оцѣнка рабочаго дня. Установлена слѣдующая оцѣнка мужскихъ рабочихъ дней:

А) Въ уѣздахъ Борзенскомъ, Козелецкомъ, Конотопскомъ, Нѣжинскомъ и Остерскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 1 апрѣля по 15 іюня. . . . . 25 к.
— 15 іюня — 1 іюля. . . . . 40 —
— 1 іюля — 15 августа . . . 60 —
— 15 августа — 1 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 1 октября по 1 апрѣля. . . . . 17 к.

Б) Въ уѣздахъ Городницкомъ, Глуховскомъ, Кролевецкомъ, Новгородсѣверскомъ, Сосницкомъ и Черниговскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 10 апрѣля по 29 іюня. . . . . 25 к.
— 29 іюня — 10 іюля. . . . . 40 —
— 10 іюля — 25 августа . . . 50 —
— 25 августа— 10 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 10 октября по 10 апрѣля. . . . 20 к.

В) Въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 15 апрѣля по 29 іюня. . . . . 30 к.
— 29 іюня — 15 іюля. . . . . 40 —
— 15 іюля — 25 августа . . . 50 —
— 25 августа— 15 октября . . . 35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 15 октября по 15 апрѣля . . . . 20 к.

Г) Въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 23 апрѣля по 29 іюня. . . . . 30 к.
— 29 іюня — 20 іюля. . . . . 40 —
— 20 іюля — 25 августа . . . 50 —
— 25 августа— 23 октября . . . 35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 23 октября по 23 апрѣля. . . 20 к.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніи далѣе суточнаго пути, харчевое и кормовое продовольствіе полагается по 1 коп. сер. на каждую версту и подводу.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Владѣлецъ, увольняющій отъ обязательныхъ отношеній неспособнаго къ работѣ дворовaго человѣка, безъ его на то согласія, обязанъ, при самой выдачѣ ему увольнительнаго акта, внести мировому посреднику, для передачи

увольняемому, денежное вознагражденіе, равняющееся стоимости того полнаго содержанія, которое означенный дворовый человѣкъ получалъ отъ бывшаго своего помѣщика. Сумму этаго вознагражденія должна составлять совокупная стоимость продовольствія и одежды, которыя получалъ увольняемый; мѣра же вознагражденія за помѣщеніе и отопленіе, которыми онъ пользовался, опредѣляется мировымъ посредникомъ по мѣстнымъ соображеніямъ. Вознагражденіе выдается на все время, остающееся со дня выдачи увольнительнаго акта, до истеченія 2-хъ лѣтняго срока, по мѣсячному разсчету, причемъ неполный мѣсяцъ принимается за полный. Точное опредѣленіе суммы вознагражденія, слѣдуемой увольняемому, неспособному къ работамъ, дворовому человѣку, предоставляется мировому посреднику, который при этомъ случаѣ руководствуется средними, существующими въ каждой мѣстности на всѣ предметы содержанія цѣнами.

Постановленія Полтавскаго губернскаго присутствія, открытаго 12 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнее полугодіе считается съ 1 апрѣля, а зимнее съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, хозяйственный годъ раздѣляется на три періода: 1) отъ 1 іюня по 1 сентября; 2) отъ 1 апрѣля по 1 іюня и отъ 1 сентября по 1 октября, 3) отъ 1 октября по 1 апрѣля. Кромѣ того, уѣзды Полтавской губерніи раздѣлены на два разряда: къ первому изъ нихъ причислены уѣзды Полтавскій, Кременчугскій и Константиноградскій; ко второму всѣ прочіе уѣзды Полтавской губерніи. На основаніи этихъ 2-хъ дѣленій, цѣнность рабочихъ дней опредѣляется:

	Въ 1-й мѣстности	Во 2-й мѣстности.
Въ теченіе 1-го періода	30 коп. сер.	35 к. сер.
— — — 2-го — —	25 — —	20 — —
— — — 3-го — —	20 — —	15 — —

Плата за подводы. Подводчику на его харчи и на кормъ лошадей или воловъ, при посылкѣ помѣщикомъ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, выдается: въ лѣтнее полугодіе т. е. съ 1 апрѣля по 30 сентября подводчику съ одноконною подводой по 25 коп. и съ пароволовою по 25 коп. на каждые сутки; а въ зимнее полугодіе, т. е. съ 1 октября по 15 марта 1862 г. подводчику съ одноконной подводой по 25 коп. и съ пароволовою по 30 к. на каждые сутки.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ При увольненіи неспособныхъ дворовыхъ людей, владѣлецъ обязанъ внести по 10 руб. на каждую ревизскую душу, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ заключается болѣе одной души; если же увольняется калѣка или старикъ безсемейный, то ему назначается по 12 р. въ годъ.

Урочное положеніе.

Размѣръ дневнаго урока для однаго работника.

I. Обработка поля подъ посѣвъ или посадку.

1. Работникъ съ парою воловъ долженъ наложить и вывезть навоза, накладывая на каждый возъ до 30 пудовъ:

		въ лѣтній день	въ зимн. день:
а) На разстояніи не болѣе		1 вер. 10 возовъ	7 возовъ
б) — — —		$1^1/_2$ — 8 — —	6 — —
в) — — —		2 — 7 — —	5 — —
г) — — —		$2^1/_2$ — 6 — —	4 — —
д) — — —		3 — 5 — —	3 — —

Примѣчаніе. Работникъ съ одноконной подводой долженъ набирать до 20 пудовъ навоза въ разъ, и сдѣлать однимъ концемъ больше противу вышеозначеннаго урока.

2) Вспахать поля, при глубинѣ вспашки до 4-хъ вершковъ и при ширинѣ бороздъ до 5 вершковъ.

Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 6 верстъ, то на проходъ туда и обратно изъ урока вычитается:

	При разстояніи отъ селенія до					
	7-ми верс. к. с.	8-ми верс. к. с.	9-ти верс. к. с.	10-ти верс. к. с.	11-ти верс. к. с.	12-ти верс. к. с.
а) Мягкаго поля . . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) цѣлиннаго или глинистаго $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200
3) Заралить однозубнымъ раломъ:						
а) Свѣжей вспашки . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Прошлогодней вспашки . $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200
4) Заборонить разъ вдоль и два раза поперекъ: одной парой воловъ или одной лошадью . . . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300

Примѣчаніе 1. Каждому работнику можетъ быть поручаемо 2 бороны, причемъ двумя боронами онъ долженъ заборонить вышеозначеннымъ порядкомъ цѣлую десятину.

Примѣчаніе 2. Всѣ вышеозначенныя работы производятся орудіями и скотомъ помѣщика; кромѣ того при вспашкѣ помѣщикъ обязанъ давать, къ плугамъ, по одному погонщику къ двумъ парамъ воловъ.

II. Уборка хлѣба и другихъ растеній.

5) Скосить въ день:

На голую косу:						
а) Озимаго и яроваго хлѣба, при плохомъ урожаѣ . . . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Яроваго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ . . . . . $^2/_5$ —	40	80	120	160	200	240
в) Озимаго . . . . . $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200
На грабки:						
а) Озимаго и яроваго хлѣба при плохомъ урожаѣ . . . . . $^2/_5$ дес.	40	80	120	160	200	240
б) Яроваго хлѣба при хорошемъ урожаѣ . . . . . $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200

Примѣчаніе. Хлѣбъ совершенно легшій, вслѣдствіе дождей и вѣтра, а также покрученный вихрями, можетъ быть съ успѣхомъ убираемъ только на серпы, а потому къ уборкѣ такого хлѣба на косу урочное положеніе не можетъ быть примѣняемо.

6) Связать въ снопы скошенный хлѣбъ и поставить въ копы всякаго хлѣба 4 копы . . . . . 10 сноп. 20 сн. 30 сн. 40 сн. 50 сн. 1 коп.

Примѣчаніе. Въ копѣ должно считать 60 сноповъ, мѣрою каждый 20 вершковъ въ окружности.

7) Сжать, связать въ снопы и поставить въ копы:

При плохомъ урожаѣ. . . 1 копу 2½ сн. 5 сн. 7½ сн. 10 сн. 12½ сн. 15 сн.
При хорошемъ урожаѣ . . 1½ — 3¾ — 7½ — 11¼ — 15 — 18¾ — 22½.

8) Положить хлѣба въ стогъ или скирду и собрать осыпавшіяся при складѣ зерна:

	к.	сп.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	сн.	к.	сп.
Озимаго . . . . . 30 Копъ	1	15	2	30	3	45	5		6	15	7	30
Яроваго . . . . . 40 —	1	40	3	20	5		6	40	8	20	10	

Примѣчаніе 1 Исполненіе этого урока обязательно только въ томъ случаѣ, если копы будутъ подвозимы безостановочно.

Примѣчаніе 2. Скирды, не вывершенныя въ одинъ день по причинѣ дождя или вслѣдствіе какихъ либо другихъ посторонннхъ препятствій, должны быть вывершиваемы на другой день, безурочно или съ слѣдующимъ уменьшеніемъ вышеозначеннаго урока:

	сноп.	к.	с.	к.	сн.	к.	с.	к.	с.	к.	с.
Озимаго хлѣба . . . . 15 копъ	37½	1	15	1	52½	2	30	3	7½	3	45
Яроваго — — — — 20 —	50	1	40	2	30	3	20	4	10	5	коп.

9) Скосить травы:	кв. саж.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	с.
а) Степной . . . . . ½ дес.	50	100		150		200		250		300	
б) Луговой и болотной нетопкаго болота. . . . . ⅓ дес.	33⅓	66⅔		100		133⅓		166⅔		200	
в) Болотной, на топкомъ болотѣ . . . . . ¼ —	25	50		75		100		125		150	
10) Сгресть покосы:											
а) На степномъ сѣнокосѣ съ ½ —	50	100		150		200		250		300	
б) На луговомъ и болотномъ нетопкомъ . . . . . съ ⅓ дес.	33⅓	66⅔		100		133⅓		166⅔		200	
в) На топкомъ болотѣ. . ¼ —	25	50		75		100		125		150	

11) Скласть, сгребенное сѣно въкопны:

а) На степномъ сѣнокосѣ съ 3 дес.	300	1/4 дес. 900	1/2 дес. 1500	3/4 д.		
б) На луговомъ и болотномъ нетопкомъ. . . . . съ 2 —	200	400 к. с.	1/4 д.	1/2 д.	1000	1/2 —
в) На топкомъ болотѣ. съ 1/2 —	150	300	450 к. с.	1/4 —	750	900

12) Скидать сѣна въ стогъ или скирду (считая въ копнѣ около 10 пуд.) . . . . . 30 копицъ 1 1/4 к. 2 1/2 к. 3 3/4 к. 5 к. 6 1/4 к. 7 1/2 к.

	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.
13) Скосить камыша и сложить въ сажень въ зимній день . 1 1/3 куб. с.	3/4	1 1/3	1 4/5	2 2/5	3	3 3/5
14) Сжать камыша и связать въ кули мѣрою каждый въ 16 вершковъ окружности . . . . . 50 кулей	куля 2 1/12	куля 4 1/6	куля 6 1/4	куля 8 1/3	куля 11 5/12	куля 13 1/2

III. Приготовленіе продуктовъ къ продажѣ или потребленію.

	снон	снон.	снон.	снон.	снон.	снон.
15) Смолотить въ день лѣтняго полугодія:						
Ржи и пшеницы . . . 1 1/2 копы	3 3/4	7 1/2	11 1/4	15	18 3/4	22 1/2
Прочаго хлѣба. . . . 2 — —	5	10	15	20	25	1/2 коп.
Въ день зимняго полугодія:						
Ржи и пшеницы . . . 1 — —	3 1/3	6 2/3	10	16 2/3	16 2/3	20
Прочаго хлѣба. . . . 1 1/4 — —	4 1/6	8 1/3	12 1/2	13 1/3	20 5/6	25

Примѣчаніе. Вымолоченное зерно должно быть, при этомъ, сложено въ ворохъ (кучу), солома же должна быть убрана съ тока и сложена въ ожередъ на разстояніи, впрочемъ, не далѣе 30 саж. отъ мѣста молотьбы.

16) Остричь овецъ . . 12 штукъ	1/2 ш.	1 ш.	1 1/2 ш.	2 ш.	2 1/2 ш.	3 ш.
17) Нарубить дровъ и сложить на мѣстѣ рубки . . . . 1/3 куб. саж.	к. ар. 1/2	к. ар. 1	к. ар. 1 1/2	к. ар. 2	к. ар. 2 1/2	к. ар. 3
18) Выдѣлать сыраго кирпича изъ готовой вымѣшанной глины 500 штукъ	шт. 20 5/6	шт. 41 2/3	шт. 62 1/2	шт. 83 1/3	шт. 104 1/6	шт. 125

Съ поправкою сдѣланнаго на канунѣ.

Примѣчаніе. Мѣра выдѣлываемаго по урокамъ кирпича должна быть слѣдующая: длина 6 вершковъ, толщина 1 1/2 вершка.

VI. Земляныя работы.

19) Уроки для земляныхъ работъ установляются лишь для копанія рвовъ и канавъ и притомъ не глубже 2 1/2 ар. отъ поверхности почвы.

а) При прорытьѣ рвовъ и канавъ не глубже 1 1/2 арш., каждый работникъ долженъ выкопать:	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.
Въ лѣтній день. . . 24 куб. арш.	1	2	3	4	5	6
Въ зимній день. . . 18 — —	1	2	3	4	5	6
б) При глубинѣ отъ 1 1/2 до 2 1/2 ар.:						
Въ лѣтній день. . . 18 куб. арш.	3/4	1 1/2	2 1/4	3	3 3/4	4 1/2
Въ зимній день. . . 13 1/2 — —	3/4	1 1/2	2 1/4	3	3 3/4	4 1/2

Примѣчаніе: Неподлежитъ урочному положенію копаніе рвовъ и канавъ: а) на низменной, болотистой почвѣ, б) на почвѣ каменистой, в) при мерзлой землѣ и г) въ мѣстахъ, гдѣ древесные корни и пни мѣшаютъ успѣху работы.

По желанію одной изъ двухъ сторонъ, введеніе урочнаго положенія обязательно лишь по введеніи уставныхъ грамотъ; до введенія же уставныхъ грамотъ это урочное положеніе можетъ быть вводимо лишь по добровольному согласію обѣихъ сторонъ.

Постановленія Екатеринославскаго губернскаго присутствія, открытаго 13-го марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Для крестьянскихъ работъ по всей губерніи (кромѣ Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго) началомъ лѣтняго полугодія считается 1-е апрѣля, и началомъ зимняго 1-е октября; а для Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго, началомъ лѣтняго полугодія 15-е марта, а зимняго 15-е сентября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, губернія раздѣлена на 3 мѣстности. Къ первой отнесены уѣзды: Верхнеднѣпровскій и Новомосковскій, въ которыхъ цѣны рабочихъ дней установлены такія: мужской лѣтній день 50 коп., женскій лѣтній день 30 коп.; мужской зимній день 25 коп., женскій зимній день 15 коп. Ко второй мѣстности относятся уѣзды: Екатеринославскій, Павлоградскій, Бахмутскій и Славяносербскій, въ которыхъ рабочіе дни оцѣнены такъ: лѣтній мужской 60 коп., а женскій 35 коп.; зимній мужской 35 коп., а женскій 20 коп. Къ третьей мѣстности отнесены уѣзды Александровскій и Ростовскій, въ которыхъ лѣтній мужской день оцѣненъ 65 коп., а женскій 40 коп.; зимній мужской день 40 коп., а женскій 20 коп.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніи далѣе суточнаго пути, а именно: конныхъ подводъ далѣе 30, а на волахъ далѣе 20 верстъ отъ того селенія, гдѣ живетъ крестьянинъ, помѣщикъ выдаетъ подводчику, на его харчи и на кормъ пары воловъ, по 10 коп. сер. въ день (или на каждыя 20 верстъ), а для подводчика съ лошадью по 15 коп. въ день (или на каждыя 30 верстъ.)

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. а) На каждаго неспособнаго къ работѣ дворовaго человѣка выдается въ мѣсяцъ по 2 р. сер., а на таковаго же малолѣтняго по 1 р. сер.; б) возрастъ для взрослаго считается, по мѣстному обычаю, съ 14 лѣтъ; в) если взрослый человѣкъ семейный, то съ нимъ вмѣстѣ должны быть уволены его жена и дѣти; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ обязанъ вносить установленную плату за тѣхъ только членовъ семейства увольняемаго, которые также къ работѣ неспособны.

Урочное положеніе. Каждый работникъ и каждая работница обязаны, въ *одинъ день*, отработывать одинъ изъ слѣдующихъ, свойственныхъ ихъ полу, уроковъ: (въ этомъ урочномъ положеніи для измѣренія вездѣ принята десятина казенной мѣры (2400 кв. сажень).

I. Обработка земли, оранка и бороньба.

1) Заорать (запахать) никогда непаханной (цѣлинной) земли одну треть десятины.

2) Заралить однимъ раломъ (отъ трехъ до пяти зубьевъ), въ одинъ слѣдъ двѣ десятины.

3) Заорать многолѣтняго залежа и мягкой земли $^1/_2$ десятины.

4) Забороновать, въ три слѣда, одну десятину,

Примѣчаніе 1. При всѣхъ этихъ работахъ, при которыхъ употребляются волы или лошади, рабочіе приставленные за погоничей, на выше указанныхъ разстояніяхъ, ведутъ и погоняютъ рабочихъ животныхъ.

Примѣчаніе 2. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

II. Посѣвъ и уборка хлѣба.

1) Посѣять всякаго рода хлѣба на четырехъ десятинахъ.

2) Скосить всякаго рода хлѣба и льна полдесятины.

3) Связать снопы и сложить въ копны одну треть десятины.

4] Сжать серпомъ, связать и сложить въ копны всякаго рода хлѣба одну девятую часть десятины.

5) Скошеннаго и несвязаннаго въ снопы хлѣба и льну сгрести и сложить въ копны полдесятины.

6) Выдергать льну и связать въ снопики или горстки — одну пятнадцатую десятины.

7) Привезти сжатаго или скошеннаго хлѣба съ поля въ токъ (гумно) и выкидать снопы зъ скирды:

При разстояніи отъ 4 до 5 верстъ 3 раза
— — — — — за 3 версты 4 — —
— — — — — — 2 — — 5 разъ
— — — — — — 1 версту и менѣе 6 разъ.

При разстояніяхъ промежуточныхъ между вышеуказанными—среднія количества изъ помянутыхъ цифръ.

Примѣчаніе. Количество копенъ на возахъ обыкновенныхъ полагается по роду хлѣба, отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$, а на гарбахъ отъ $2^1/_2$ до 4-хъ. Для складки же привозимыхъ копенъ полагается на каждые шесть возовъ и на каждыя четыре гарбы по одному складчику.

III. Косовица и уборка сѣна.

1) Скосить сѣна полдесятины.

2) Сгрести сѣна въ валки одну десятину.

3) Сѣно, нагроможденное десятью гребцами, складываютъ въ копны, загромаживаютъ, загребаютъ и отправляютъ три работника и одна работница.

4) Сложить сѣно въ полускирдъ, длиною въ 6 сажень, шириною въ 2 и чрезъ верхъ въ $8^1/_2$ саж.—шести человѣкамъ при двухъ парахъ воловъ. При кладкѣ же скирдъ, полускирдъ или стоговъ другихъ размѣровъ полагается: на 16 копенъ одинъ работникъ съ парою воловъ.

IV. Молотьба хлѣба, стрижка овецъ, копка земли и прочія мелочныя работы.

1) Вымолотить цѣпомъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, *въ лѣтнее полугодіе*, въ день: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго $1^1/_2$ копны; арнаутки—50 сноповъ; *въ зимнее полугодіе*: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго—одну копну; арнаутки 40 сноповъ.

2) Остричь овецъ:

Взрослыхъ — — — — — 15 штукъ
Ягнятъ годовалыхъ — — — 20 — —
Барановъ — — — — — 10 — —

3) Выкопать канаву:

а) Глубиною въ 1 арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ въ одинъ арш.—погонныхъ сажень 9.

б) Глубиною $1^1/_4$ арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ $1^1/_2$ арш., погонныхъ сажень 4.

4) Вырыть ямъ: въ мягкой землѣ 10 кубическихъ аршинъ; въ твердой землѣ—7.

5) Перекопать грядъ для огорода въ одинъ штихъ: въ мягкой землѣ 20 квадр. сажень, въ твердой землѣ 12.

6) Вырѣзать въ овчарнѣ кизяку, въ одинъ штихъ, толщиною въ 4 вершка мужчинѣ—9 кв. саж.

7) Вывезти изъ сарая кизяку для просушки 9 кв. саж.

8) Выполоть руками, или истребить сорныя травы: женщинѣ $^1/_{15}$ десятины.

9) Забить колья и заплести лозою огорожу, высотою въ 2 арш.—погонныхъ сажень 5.

10) Напрясть для простаго крестьянскаго холста изъ льну, пеньки, поскони, на мотовило въ 2 арш.—5 пасемъ.

11) Выткать десятки 6 аршинъ; выткать сукна и ряденъ 8 аршинъ

12) Наломать, съ надлежащими отъ экономіи инструментами, и сложить въ сажени: мягкаго камня $^1/_8$ куб. сажени, твердаго камня $^1/_9$ куб. сажени.

Всѣ прочія работы, какъ неподходящія подъ правильный учетъ, производятся поденными работами.

Постановленія Херсонскаго губернскаго присутствія, открытаго 19-го марта.

Плата за подводы. При посылкѣ крестьянскихъ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, владѣльцемъ выдается въ сутки: подводчику на харчи 10 коп., на кормъ пары воловъ 10 коп., и на каждую лошадь 10 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Мужчинѣ и женщинѣ свыше 14 лѣтъ полагается 36 р. въ годъ или 3 р. въ мѣсяцъ; отъ 9 до 14 лѣтъ—27 руб. въ годъ или 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ и дѣтямъ моложе 9 лѣтъ—15 р. въ годъ или 1 р. 25 к. въ мѣсяцъ.

Урочное положеніе.

1) Вспахать въ день, мягкаго (переложнаго) поля, при плугѣ въ 6 воловъ, должно полдесятины (1200 кв. сажень).

2) Твердаго поля (цѣлины) при 8 волахъ—полдесятины.

Примѣчаніе. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

3) Передвоить (перепахать или пераралить) десятину малымъ плужкомъ въ $1^1/_2$ дня; однопалымъ раломъ въ одинъ день; трехпалымъ, при двухъ парахъ воловъ, въ день—двѣ десятины.

Примѣчаніе. Когда поле заросшее (пырейное), то работа перепашки уменьшаеся на одну треть.

4) Боронить (заволочить) два раза одной бороной, при парѣ воловъ, переложнаго поля, въ день, одну десятину; цѣлиннаго поля, на десятину въ день $1^1/_2$ бороны пароволовой или 1 борона пароконная.

5) Засѣять одинъ человѣкъ долженъ, въ день, всякаго рода хлѣбомъ, 4 десятины; кукурузой—8 десятинъ.

6) Сжать серпомъ хлѣба, туго связавъ въ снопы и сложивъ по мѣстному обычаю, въ полукопы или кисеры, съ одной десятины должны 10 рабочихъ.

Примѣчаніе. При урожаѣ, на десятинѣ болѣе 10 копъ, каждый рабочій долженъ сжать серпомъ 60 сноповъ, тугой вязи, мѣрою въ обхватѣ $1^1/_2$ аршина.

7) Убрать хлѣбъ косою, съ одной десятины, при урожаѣ отъ 10 до 15 копъ, въ день, должны 2 косаря и 4 вязальщицы; при меньшемъ урожаѣ $1^1/_2$ косаря и 3 вязальщицы.

8) Сапать (спрашевать) десятину кукурузы, сильно заросшую въ день—10 рабочихъ; менѣе заросшую—8; баштана десятину заросшую—12, менѣе заросшую—10.

9) Наломать и вычистить кукурузы въ день, на каждаго рабочаго,—4 четверти кочановъ.

10) Скосить льна 10 дес. въ день—18 косарей; сгресть и сложить въ копицы—4 копичника и 4 гребца.

11) Скосить травы 10 дес. въ день—17 косарей; убрать въ копы—11 гребцовъ и 3 копичника съ 1 загребальщицей.

Примѣчаніе. Тамъ, гдѣ убираемыя поля не будутъ обмѣряны, уборка хлѣба и сѣна производится поденною работою.

12) Сложить сѣно въ скирду, длиною 10 саж., шириною 2 и чрезъ верхъ $7^1/_2$, въ день 7 работниковъ и 5 рабочихъ, при 5 парахъ воловъ, для стягиванія копицъ.

13) Вымолотить цѣпомъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, въ лѣтніе мѣсяцы, въ день, рабочій долженъ: озимаго хлѣба—одну копу; яроваго $1^1/_2$ копы; арнаутки 40 сноповъ; въ зимніе мѣсяцы: озимаго хлѣба—30 сноповъ; яроваго—1 копу; арнаутки—40 сноповъ; кукурузы сухой, въ лѣтніе мѣсяцы, 10 четвертей въ кочанахъ.

14) Остричь въ день работникъ долженъ 25 овецъ; работница—20.

15) Нарубить и сложить трехполѣнныхъ дровъ въ лѣсу и на плавняхъ работникъ долженъ въ день $^1/_4$ кубической сажени, или 4 работника—одну сажень; причемъ вѣтви должны быть сложены въ кучи.

16) Камыша нажать, въ сырыхъ плавняхъ безъ воды, или набить по льду въ день—90 пучковъ, въ $^3/_4$ аршина вязки, со складкою въ кучи на берегу.

17) Хворосту или лозы нарубить или бурьяну накосить осенью и зимою и привезть, на разстояніи 5 верстъ, въ день—одинъ возъ; на разстояніи же 2 и менѣе верстъ—2 воза.

18) Вырыть канавы въ обыкновенномъ, не каменистомъ, грунтѣ, глубиною въ 1 арш., шириною сверху 1 арш. и на днѣ 6 вершковъ—рабочему въ день полагается 5 саж. въ длину. При той же ширинѣ, глубиною въ $1^1/_2$ арш.—3 саж. При поправкѣ старыхъ канавъ—10 саж.

19) Выкопать ямокъ, для посадки деревьевъ, глубиною и шириною въ 1 аршинъ, въ обыкновенномъ грунтѣ, въ день—12, въ твердомъ—8. Открыть такихъ же ямокъ, когда деревья не принялись, на слѣдующій годъ — 20 въ день.

20) Перекопать земли, въ саду или въ огородѣ, въ 5 вершковъ глубиною, въ первый разъ, весною на рабочаго полагается 16 квадр. саж.; во второй разъ—24.

21) Вырѣзать кизяку (скотскаго кирпича), одинъ рабочій, въ день, долженъ на пространствѣ 18 квадр. саж.

22) Привозить снопы въ токъ, на разстояніи отъ 4 до 5 верстъ, должно три раза, за три версты—пять разъ, за 2 версты—шесть разъ; за версту и менѣе—семь разъ. Свыше пяти верстъ разстоянія—опредѣлять возку сноповъ, примѣняясь къ этому же разсчету.

Постановленія Кіевскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнимъ рабочимъ временемъ, для отбыванія издѣльной повинности, считается періодъ съ 24 марта по 24 сентября, а періодъ съ 24 сентября по 24 марта считается зимнимъ временемъ.

Плата за подводы. При посылкѣ подвод на разстояніе далѣе суточнаго пути, до 15 марта 1862 года, выдаются слѣдующія платы: подводчику на харчи, какъ въ лѣтній, такъ и въ зимній день по 10 коп. ср.; на кормъ одной лошади въ лѣтній и зимній день по 20 коп., на пару воловъ въ лѣтній день по 10 коп., а въ зимній по 20 коп. ср.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. При увольненіи неспособныхъ къ работѣ дворовыхъ людей ранѣе истеченія 2-хъ лѣтъ, владѣльцы вносятъ для обезпеченія ихъ по расчету на каждый мѣсяцъ, до окончанія двухъ обязательныхъ лѣтъ: *а*) одиночкамъ обоего пола по 1 р. 50 коп.; *б*) женщинѣ при мужѣ или родственникѣ по 1 р.; *в*) малолѣтнимъ обоего пола до 12-и лѣтняго возраста по 75 копѣекъ.

Урочное положеніе. Каждый работникъ *обязанъ въ одинъ день:* 1) Посѣять на трехъ десятинахъ зерно—въ одинъ переходъ, а на двухъ десятинахъ—въ два перехода. 2) Сжать и сложить въ копы озимой пшеницы съ $^1/_{13}$ десятины, а ржи или яроваго хлѣба съ $^1/_{12}$ десятины; или же (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) сжать, при хорошемъ и среднемъ урожаяхъ, 1 копну, а при худомъ, безъ урока, сколько успѣютъ. При этомъ каждый, туго связанный снопъ, долженъ имѣть въ объемѣ у перевязи не болѣе $5^1/_2$ четвертей аршина.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено съ достаточною вѣрностью пространство земли и количество посѣва, каждый работникъ обязанъ сжать озимаго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ, одну копну въ 60 сноповъ, въ показанномъ выше объемѣ, или яроваго полторы копны, а при худомъ того и другаго хлѣба безъ урока, сколько успѣетъ.

3) Скосить озимаго и яроваго хлѣба $^1/_3$ часть десятины; сѣна на перелогахъ и посѣвной травы $^1/_2$ десятины, а на низменныхъ лугахъ и болотахъ съ кочками $^1/_3$ десятины.

4) Собрать и сложить въ копны сѣно на лугахъ поемныхъ и заливныхъ съ $^1/_3$ десятины и на прочихъ сѣнокосныхъ поляхъ съ $^1/_2$ десятины.

5) Связать и сложить въ копны кошеннаго хлѣба озимаго на $^1/_6$ и яроваго на $^1/_4$ части десятины.—Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено пространство земли, равно въ 6-ой и 7-й мѣстностяхъ связать и сложить озимаго и яроваго хлѣба три копны.

6) Обмолотить въ лѣтніе дни 60 сноповъ озимаго и яровой пшеницы и 90 прочаго яроваго хлѣба, а въ зимніе 40 сноповъ озимаго, столько же яровой

пшеницы и 60 прочаго яроваго. Причемъ вывѣять съ этаго числа сноповъ вымолоченное зерно и убрать его въ магазинъ, также отнести солому на указанное въ гумнѣ мѣсто.

7) Раскидать навозъ на $^1/_4$ десятины.

8) Посадить картофеля на приготовленной для сего землѣ на $^1/_7$ десятины.

9) Выкопать картофеля при хорошемъ урожаѣ $2^1/_2$, а при худомъ $^1/_2$ четверти.

10) Обсыпать кукурузу на $^1/_{12}$ части десятины.

11) Выломать и очистить качановъ кукурузы $3^1/_2$ четверти.

12) Наколоть дубовыхъ кольевъ для изгородей 60 штукъ; обтесать такихъ кольевъ 30 штукъ.

13) Вбить колья въ землю и заплести хворостомъ на пространствѣ 4-хъ саженъ, высотою въ $2^1/_2$ аршина.

14) Связать четыре копы сноповъ изъ готовыхъ кулей ржаной соломы для покрытія кровель.

15) Нарубить $^1/_4$ кубической сажени трехполѣнныхъ дровъ. Урокъ этотъ не распространяется на дубовыя и другихъ твердыхъ породъ дрова, рубка которыхъ производится безъ уроковъ.

Примѣчаніе 1. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ пространство земли въ точности не измѣрено, работы, показанныя въ пунктахъ 3, 4, 7, 8, 9, 10 и 11 производятся безъ уроковъ.

Примѣчаніе 2. Работы, здѣсь непоименованныя, на основаніи 189 ст. мѣст. полож., производятся безъ уроковъ и при такихъ работахъ число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ, на основаніи 190 ст. того же положенія, не должно превышать въ лѣтнее полугодіе 12, а въ зимнее 9 часовъ. — Въ число это не включается время, назначенное для отдыха рабочихъ.

Примѣчаніе 3. При урочной работѣ, каждый крестьянинъ, окончившій заданный ему урокъ, а при безурочной, отработавшій положенное число часовъ, не можетъ быть затѣмъ удерживаемъ на работѣ.

Примѣчаніе 4. На пяти верстахъ разстоянія отъ села, въ которомъ живутъ крестьяне, они обязаны выполнять работы по урочному положенію, безъ всякаго вычета изъ уроковъ за употребленное на проходъ время. Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 5-и верстъ, то работа производится безъ назначенія уроковъ, а на проходъ къ мѣсту работы и обратно каждой версты, сверхъ 5-и верстъ, полагается полчаса.

Постановленія Харьковскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Начало лѣтняго полугодія считается съ 1 апрѣля, а зимняго съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Въ отношеніи оцѣнки рабочихъ дней губернія раздѣлена на три части и для каждой изъ нихъ положены рабочему слѣдующія платы:

	мужчинъ	женщинъ
1) Въ уѣздахъ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ, Лебединскомъ и Сумскомъ.		
а) Въ мѣсяцахъ: мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ и октябрѣ	22 к.	20 к.
б) Въ мѣс. іюнѣ, іюлѣ, и августѣ.	35 к.	20 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	20 к.	10 к.
2) Въ уѣздахъ Валковскомъ и Харьковскомъ:		
а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ	25 к.	14 к.
б) Въ мѣс. маѣ, іюнѣ и іюлѣ	40 к.	25 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	18 к.	10 к.
3) Въ уѣздахъ Волчанскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ:		
а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, и октябрѣ	25 к.	12 к.
б) Въ мѣс. іюнѣ, іюлѣ и августѣ	60 к.	40 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ. январѣ и февралѣ	20 к.	10 к.

Оцѣнка коннаго или волового дня увеличивается въ полтора раза.

Плата за подводы. Подводчику, посылаемому помѣщикомъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, выдается на харчи и на кормъ лошадей или воловъ: пароконному по 37 коп., а пароволовому по 32 коп. въ сутки, полагая въ этомъ числѣ на продовольствіе крестьянина 20 коп. и на кормъ лошадей 17 коп., а воловъ 12 копѣекъ.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Для обезпеченія увольняемыхъ дворовыхъ людей, выдается на каждаго изъ нихъ, безъ различія пола и возраста, сумма, соотвѣтствующая платежу по 2 рубля въ мѣсяцъ за все время, остающееся до 19 февраля 1863 года.

Урочное положеніе: I. Сельскія работы.

	Число дней. мужскихъ		
	Съ раб. скот.	*Пѣшихъ.*	*Женск.*
Запахать одну десятину сохою или плугомъ. (Въ лѣтнее полугодіе	2	«	2
Запахать одну десятину сохою или плугомъ. (— зимнее —	3	«	3
Засѣять и забороновать $^1/_2$ десятины	1	«	«
Посѣять хлѣбное зерно на 3-хъ десятинахъ	«	1	«
Скосить хлѣбъ на одной десятинѣ и связать въ снопы	«	2	3
Сжать хлѣбъ на одной десятинѣ.	«	7	«
или	«	«	8
Смолотить двѣ копны сушенаго озимаго хлѣба	«	1	«
Смолотить $1^1/_2$ копны яроваго или сыромолотнаго хлѣба	«	1	«
Примѣчаніе. Въ одной копнѣ хлѣба полагается 60 сноповъ, имѣющихъ въ объемѣ у перевязки $1^1/_4$ аршина.			
Скосить сѣна на одной десятинѣ	«	2	«
Собрать сѣна съ десятины въ копны	«	1	1
Скидать стогъ въ 12 саж. кругомъ и 9 саж. черезъ верхъ.	4	4	«

Разтрусить навозъ на одной десятинѣ.	«	2	«
Нарубить кубич. сажень трехполѣнныхъ дровъ .	«	2	«
Остричь 10 овецъ разнаго возраста.	«	«	1

II. Перевозка лошадьми.

На разстояніи одной версты.	15 возовъ навозу	1	«	«
	10 копенъ озимаго хлѣба (со складкою въ скирды).	1	«	«
	15 копенъ яроваго хлѣба.	1	«	«
	10 возовъ сѣна, каждый не болѣе 12 пудовъ.	1	«	«
	1 саж. трехполѣнныхъ дровъ . . .	1	«	«
6 копенъ озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи трехъ верстъ		1	«	«
3 копны озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи 6-ти верстъ		1	«	«
1 копна хлѣба на разстояніи 12-и верстъ. . . .		1	«	«

III. Перевозка хлѣба (со складкою въ скирды) волами.

10½ копенъ на разстояніи одной версты . . .	1	«	«
6½ — « — двухъ верстъ . . .	1	«	«
4½ копны « — трехъ —	1	«	«
3 — « — отъ 4 до 5 вер. . .	1	«	«
2 — « — шести верстъ . . .	1	«	«

Постановленія Подольскаго губернскаго присутствія, открытаго 13 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. За сгонный пѣшій день платится, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ по 20 коп. ср., а за тяглый день по 30 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ: а) дворовымъ людямъ, состоящимъ въ услуженіи при лицѣ владѣльца, въ обязанностяхъ камердинеровъ, дворецкихъ, буфетчиковъ, лакеевъ, ключницъ, горничныхъ, пянекъ и другихъ подобныхъ—мужчинамъ по 5 р., а женщинамъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; б) состоящимъ въ услуженіи при дворѣ владѣльца или въ экономической службѣ въ обязанностяхъ кучеровъ, атамановъ, досмотрщиковъ за скотомъ и другихъ—мужчинамъ семейнымъ по 5 р., одинокимъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; в) малолѣтнимъ обоихъ разрядовъ въ половину противъ совершеннолѣтнихъ, но съ тѣмъ, чтобы малолѣтніе круглые сироты изъ дворовыхъ, согласно прим. къ ст. 21 Пол. об устр. двор. людей, были увольняемы владѣльцами не иначе, какъ по желанію ихъ родственниковъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ или уѣзднымъ предводителемъ; но если кто либо изъ прислуги, по усердію своему или за особыя помѣщику услуги, получалъ жалованье въ размѣрѣ, выше опредѣленнаго симъ постановленіемъ, то при исчисленіи и выдачѣ такимъ дворовымъ людямъ денежнаго пособія, должно сообразоваться съ окладомъ этого жалованья.

Постановленія Таврическаго губернскаго присутствія, открытаго 15 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. а) Трудъ пѣшаго крестьянина цѣнится, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, въ день: въ январѣ—30 коп., въ февралѣ—35 коп., мартѣ—40 коп., апрѣлѣ—50 коп., маѣ—60 коп., іюнѣ—75 коп., іюлѣ—1 р., августѣ, 1 р., сентябрѣ—75 коп., октябрѣ—60 коп., ноябрѣ—35 коп., и декабрѣ—35 коп. б) Женскій трудъ въ день цѣнится: съ 1-го января по 1-е марта—20 коп., въ мартѣ—25 коп., апрѣлѣ 30 коп., маѣ—35 коп. іюнѣ—40 коп., іюлѣ—50 коп., августѣ—50 коп., сентябрѣ 40 коп., октябрѣ 35 коп.; съ 1-го ноября по 1-е января—20 копѣекъ.. в) Дневной трудъ крестьянина, на параволовой или пароконной подводѣ, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, цѣнится: въ январѣ—75 коп., съ 1-го февраля по 1-е іюня—1 р., съ 1-го іюня по 15 августа—1 р. 50 коп., съ 15 августа по 1 ноября отъ 75 до 80 коп., и съ 1 ноября по 1 января—1 р.; г) Примѣняясь къ цѣнности параволовой подводы, взыскивается съ крестьянина такая же плата, если онъ не выйдетъ съ плугомъ, считая отъ каждой пары воловъ.

Плата за подводы. Размѣръ платы за подводы крестьянъ, посылаемыхъ съ сельскими произведеніями помѣщика на разстояніе далѣе суточнаго пути, назначенъ сообразно мѣстностямъ, въ коихъ подводы будутъ посылаемы и большему или меньшему удобству продовольствія въ нихъ людей и скота, именно: въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи—Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ признана необременительною для помѣщика и безобидною для крестьянина плата въ сутки на содержаніе воловъ или лощадей 20 коп. и на продовольствіе подводчика 15 коп., всего 35 копѣекъ; въ Крымскихъ уѣздахъ—на содержаніе воловъ или лошадей 30 коп. и подводчику 15 коп. всего же 45 коп. сер.

	Числ. раб.	Числ. дней.
Урочное положеніе.		
Вспахать экономическую, въ 3,200 кв. сажень десятину земли-цѣлины въ пять паръ воловъ.. .	3.	3.
Сообразно качеству земли и мѣстному обычаю, должны вспахать, при упряжкѣ отъ 2 до 4 паръ воловъ.	2.	3.
Примѣчаніе. Гдѣ казенная десятина въ 2,400 кв. саж., введена въ хозяйство, по желанію можно перейти съ экономической на казенную. Засѣять 3 казенныя десятины по 2,400 кв. сажень.	1.	1.
Засѣять $2^1/_4$ экономическія десятины. . . .	1.	1.
Взборонить желѣзными боронами въ 2 или 3 пары воловъ отъ 1 до 2-хъ десятинъ земли цѣлины.	1.	1.
Взборонить землю мягкую деревянными боронами, въ 2 пары воловъ, отъ 2 до $2^1/_2$ десятинъ. .	1.	1.
Сжать хлѣбъ съ экономической десятины и сложить въ снопы крѣпкой вязи.	8.	»
Примѣчаніе. Если жницы имѣютъ грудныхъ дѣтей, то на каждую десятину прибавлять по два рабочихъ.		
Скосить экономическую десятину хлѣба подъ косу на грабки, 2 косца и 4 вязальщика. . . .	6.	»

Скосить экономическую десятину хлѣба на косу безъ грабковъ и сложить въ копны.	5.	»
Скосить экономическую десятину густой травы, выше однаго аршина.	3.	»
Сгрести и сложить въ копны, отъ 40 до 50-ти пудовъ каждая, десятину травы.	3.	»
Пересадить на приготовленныя гряды одинъ корень отъ другаго на полъ аршина на 80 грядъ.	1.	1.
Выполоть сапами 80 грядъ мужчинѣ или 60 грядъ женщинѣ.	1.	1.
Нанизать 16 нитокъ, 6 аршинъ каждая, переброженныхъ готовыхъ табачныхъ листовъ. . . .	1.	1.
Табачныя листья, 16 нитокъ, обратить въ папуши, каждая отъ 12 до 15 листьевъ.	1.	1.

Работы, въ урочномъ положеніи непоименованныя, производятся безъ уроковъ, по числу рабочихъ часовъ: въ лѣтнее полугодіе—12-ти, и въ зимнее—9 часовъ.

ВІСТІ.

НАБЛЮДЕНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

О нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда.

Какъ мировой посредникъ, я, каждый день, по моей обязанности, разсматривалъ дѣла, въ которыхъ раскрывалась картина прежнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и между собою; и какъ исполнитель закона, установляющаго и охраняющаго вновь возникающія права, я всегда справлялся съ воззрѣніемъ крестьянъ на данное отношеніе, стараясь примѣнить новый законъ, съ найбольшимъ, по возможности, удобствомъ для тѣхъ, кто долженъ ему подчиняться. Вращаясь въ этой, главнымъ образомъ, юридической сферѣ, мнѣ постоянно приходилось останавливаться съ удивленіемъ на кажущейся рѣдкости, если не сказать, совершенномъ отсутствіи, юридическихъ обычаевъ у крестьянъ. До такой степени крѣпостное право, въ прежнее время, охватило собою весь гражданскій бытъ закрѣпощеннаго южнорусскаго земледѣльца, и такъ рѣшительно уничтожило въ его жизни всякую инціативу личности и общества. До 19-го февраля, кажется, не легко было отыскать мѣстность, гдѣ бы крѣпостное право доходило до такой крайности, какъ здѣсь. Крестьянинъ лишенъ былъ возможности располагать съ увѣренностію однимъ днемъ въ недѣлѣ. Даже въ воскресенье онъ долженъ былъ идти на панщину, если его требовали, съ тою, впрочемъ, разницею противъ другихъ дней, что, по непонятной силѣ уцѣлѣвшаго обычая, въ этотъ день можно было дѣлать, по народному выраженію, готовую работу, т. е. грести и метать сѣно, возить снопы и сѣно, вѣять, но не пахать землю, косить, жать и мо-

лотить. Нельзя забыть всей горечи отчаянія, съ которою крестьянинъ на вопросъ, какъ онъ хозяйничаетъ у себя дома, говорилъ: «господарую» — лаконическій отвѣтъ, который другими словами можно выразить такъ: нѣтъ силъ хозяйничать, работая день въ день на пана. Вслѣдствіе этого, въ гражданскомъ быту крестьянина, могли остаться только слабыя черты юридическихъ обычаевъ, какъ намеки на существовавшій прежде порядокъ гражданской жизни, какъ слабые слѣды народнаго разума, едва пробивавшагося сквозь гнетъ крѣпостнаго права. Дѣйствительно, только послѣ продолжительной практики можно открыть немногіе обычаи—и то касающіеся, по большей части, сферы имущественныхъ отношеній. Въ области же уголовнаго права, карающая власть пана убивала всякую инціативу самихъ крестьянъ, такъ что: наказаніе вора, заключавшееся въ хожденіи по селу съ повѣшенною на спинѣ вора краденною вещію, при ругательствахъ и побояхъ, пѣніе срамныхъ пѣсенъ толпою, идущею за человѣкомъ, пойманнымъ въ прелюбодѣяніи, всенародное срываніе шапки съ должника, что̀ значитъ на народномъ языкѣ »грабувать якъ злодія,« —всё это являлось какъ что-то случайное, какъ рѣдко повторявшійся прологъ драмы, которая разыгривалась надъ преступникомъ, когда его постигало карающее правосудіе пана. Самъ народъ, кажется, мало вѣритъ въ серьезное значеніе этихъ наказаній, и даже теперь, по уничтоженіи помѣщичьяго суда, предпочитаетъ прибѣгать, гдѣ только удобно, къ становымъ приставамъ и урядникамъ общественныхъ управленій, судящимъ и наказывающимъ по другимъ, болѣе новымъ, началамъ. Гораздо болѣе замѣтно прочности и юридической опредѣленности въ обычаяхъ, касающихся имущественныхъ отношеній. Конечно, немного было гарантій, силы и долговѣчности этихъ обычаевъ съ той стороны, гдѣ они соприкасились съ имущественными интересами помѣщика и его всесильной волей.

Нечего думать объ уваженіи помѣщиковъ къ обычаю—отдѣлять крестьянамъ такую или иную часть своей земли; распредѣлять ее по твердой, болѣе или менѣе всеобщей нормѣ, или давать крестьянамъ тотъ или другой снопъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что̀ голова, то разумъ, что̀ село, то свой законъ. Только въ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ между собою и съ посторонними лицами замѣчаются обычаи, имѣющіе большую или меньшую степень прочности. Замѣчательно, что обычаи, которые прежде всего встрѣчаются въ быту свободныхъ козаковъ, непремѣнно существуютъ и у крестьянъ.

Въ этомъ сказалась историческая сила того единства политичес-

кихъ и гражданскихъ правъ козаковъ и посполитыхъ, въ послѣдствіи помѣщичьихъ и казенныхъ (незначительныхъ, впрочемъ, въ Малороссіи своимъ числомъ) крестьянъ, которое нарушено актомъ присоединенія Украины къ Россіи и готово было потеряться при дѣйствіи крѣпостнаго права. Крестьяне вѣрятъ въ благотворное дѣйствіе обычаевъ, потому что въ нихъ выразился народный разумъ. И если они отвыкли отъ примѣненія ихъ, то только потому, что, при существованіи крѣпостнаго права, это было невозможно. Козаки и посполитые, по понятіямъ аристократической Польши и ея законодательства — »хлопы и подданные,« до присоединенія Южной Руси къ Великороссіи, не составляли двухъ сословій, рѣзко раздѣленныхъ политическими и гражданскими правами. Существовало, правда, слабое различіе въ правахъ, заключавшееся главнымъ образомъ въ томъ, что козаки несли военную службу, но это было такъ неважно, что не уничтожило общности интересовъ козаковъ и посполитыхъ, такъ–что во время междоусобицы въ Украинѣ вождь козацкой дружины Богданъ Хмельницкій могъ видѣть въ лицѣ посполитыхъ народъ и свое войско, говоря, что у него гдѣ кракъ, тамъ и козакъ, или отвѣчая польскимъ коммисарамъ: »я чернь не выдамъ, чтобы вы, задавивши крестьянство, и на козаковъ не ударили.« Эти два класса, прежде различенные только слабыми и постоянно колеблющимися признаками, по Переяславскимъ статьямъ образовали два особенныя, раздѣльныя, сословія: «кто козакъ — тотъ козацкую вольность имѣетъ, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ несетъ обыклую государеву повинность». Несмотря на это, единство двухъ сословій оставалось въ семейныхъ и экономическихъ связяхъ и въ сдѣлкахъ, по которымъ передавались имущественныя права отъ козаковъ крестьянамъ, и обратно. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, стало рѣзко замѣтно стремленіе козаковъ и крестьянъ обособиться въ два замкнутыя круга; названіе *крепака*, крѣпостнаго человѣка породило отчужденіе, и вмѣстѣ жалость къ задавленной личности. Но послѣ освобожденія крестьянъ, все стремится возвратиться въ прежнюю колею; козаки и крестьяне идутъ другъ другу навстрѣчу.

Начало сближенія ихъ, выразившееся тотчасъ, по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, частыми браками между козаками и крестьянами, будетъ расти по мѣрѣ развитія крестьянскаго хозяйства и развитія ихъ гражданскихъ отношеній. Едвали есть, въ обширномъ русскомъ государствѣ, страна, гдѣ бы, по освобож–

деніи крестьянъ, рѣшительнѣе и рѣзче высказались юридическіе обычаи, существованія которыхъ не подозрѣвали. Въ этой воскресающей старинѣ все болѣе и болѣе оживаетъ прежнее сословное единство козаковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ, по объявленіи манифеста о свободѣ, обнаружено, что южнорусскіе крестьяне покупали, продавали, мѣняли, дарили, завѣщали земли между собою и съ лицами другихъ сословій и владѣли ими на правѣ собственности, какъ козаки. Этотъ фактъ, обреченный прежде на безвѣстное существованіе подъ покровомъ общихъ законовъ, по которымъ не предоставлялось крестьянамъ ни право владѣнія недвижимымъ имуществомъ, ни право приносить жалобу на своего помѣщика, вынырнулъ на свѣтъ. По положенію о крестьянахъ, земли, дома и вообще недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время, на имя ихъ помѣщиковъ, укрѣпляются за крестьянами, или ихъ наслѣдниками, окончательно, по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самими помѣщиками, или рѣшеніемъ мироваго учрежденія (общ. полож. о крестъ. ст. 32). Въ дополненіе къ этой статьѣ приложены правила разсмотрѣнія и утвержденія мировыми учрежденіями актовъ, непризнанныхъ самими помѣщиками. Въ этомъ постановленіи заключается развитіе той мысли русскаго законодательства, что, до указа 3-го мая 1848 г., которымъ разрѣшено помѣщичьимъ крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ собственность, они могли покупать ихъ только на имя помѣщиковъ. Но законъ этотъ не охватилъ собою существующихъ въ дѣйствительности, на Украинѣ, поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, потому что тамошнее поспольство, получившее, по присоединеніи Южной-Руси къ Великой Россіи, полную гражданскую правоспособность и участвовавшее даже на радахъ, при избраніи гетмановъ, (отъ чего эти рады назывались черными или черневыми), пріобрѣтало и отчуждало недвижимыя имѣнія, не только въ первое время по присоединеніи, но въ теченіи всего прошлаго столѣтія, даже и въ настоящемъ столѣтіи, въ первой, а быть можетъ и во второй его четверти. Окончательную потерю крестьянами этого права, кажется, слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда вполнѣ прекращено въ Южной Руси дѣйствіе Литовскаго Статута съ распространеніемъ на нее общихъ велико-русскихъ законовъ, т. е. къ 1843 году. На это, вѣрно, имѣло вліяніе какъ ослабленіе родственныхъ и другихъ связей между помѣщичьими крестьянами и козаками, такъ и рѣшительное запрещеніе, въ 1832 году, козакамъ продавать свои предковскія земли ко-

му–либо, кромѣ лицъ своего сословія. Но прямого закона, которымъ бы положительно запрещалось помѣщичьимъ крестьянамъ въ Южной Руси пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, сколько намъ извѣстно, не было до послѣдняго времени. Такимъ–образомъ, въ настоящее время обнаружено въ Южной Руси множество актовъ, хранившихся у крестьянъ цѣлое столѣтіе и больше, по которымъ они пріобрѣтали земли въ собственность. Въ числѣ этихъ актовъ мнѣ удалось видѣть древнѣйшій, писанный въ 1689 году на одномъ мѣстскомъ (городовомъ) урядѣ. Акты эти писались, какъ простая росписка, при свидѣтеляхъ и безъ свидѣтелей. Иногда въ текстѣ ихъ писалось «при упрошенныхъ свидѣтеляхъ продалъ или уступилъ,» но подписовъ свидѣтелей на роспискахъ не имѣется. Другіе писались въ сотенныхъ канцеляріяхъ, или на сотенныхъ урядахъ; въ экономическихъ правленіяхъ коронныхъ посполитыхъ, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, за подписями сотника и смотрителя; на городовыхъ, или мѣстскихъ, урядахъ; въ экономическихъ конторахъ помѣщиковъ за подписями управляющихъ, атамановъ и проч. Въ этихъ актахъ почти всегда встрѣчается выраженіе: «продалъ или уступилъ съ позволенія помѣщика или экономіи.» Это выраженіе также попадается и въ домашнихъ роспискахъ между крестьянами, на которыхъ нѣтъ подписей довѣренныхъ отъ владѣльца лицъ. Наконецъ, есть акты, совершенные въ повѣтовыхъ судахъ и изъ числа ихъ мнѣ удалось видѣть два, относящіеся къ 1820 и 1822 годамъ. Участниками въ сдѣлкахъ по всѣмъ этимъ актамъ были какъ отчуждатели недвижимыхъ имѣній, коронные посполитые, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и крестьяне—послѣ пожалованія, передававшіе свои земли между собою или крестьянамъ другихъ имѣній; козаки, духовенство, впослѣдствіи дворяне, лица другихъ свободныхъ состояній и, наконецъ, сами помѣщики, которые мѣнялись землями съ своими крестьянами, или покупали у нихъ тѣ, которыя признавали за собственныя. Въ новѣйшее время, главнымъ образомъ, уже во второй четверти настоящаго столѣтія, помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ коснулись права собственности крестьянъ на земли, пріобрѣтенныя ими по такимъ актамъ, производя разверстку всѣхъ вообще крестьянскихъ земель между домохозяевами по какой либо напередъ опредѣленной нормѣ. Другіе помѣщики не задумались отобрать отъ крестьянъ эти земли и отдать ихъ въ постороннія руки; наконецъ третьи оставляли за собою земли, переведши крестьянъ въ свои отдаленныя имѣнія, или продавъ ихъ на выводъ. Но не смотря на это, право собственности крестьянъ на земли не было совсѣмъ

уничтожено. Въ настоящее время есть много имѣній, въ которыхъ эти земли признавались издавна и теперь признаются за собственныя крестьянскія. Земли эти, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, отдѣлены на планахъ отъ экономическихъ, подъ названіемъ собственныхъ крестьянскихъ, или записаны такими по конторскимъ книгамъ и описямъ. Къ-сожалѣнію, при всей заботливости, съ которою крестьяне сохраняли свои документы на принадлежащія имъ земли, (1) весьма многіе изъ нихъ потерялись. Множество пріобрѣтеній дѣлалось крестьянами безъ документовъ, такъ точно, какъ и сами помѣщики, еще очень недавно, передавали другъ другу недвижимыя имѣнія, по однимъ словеснымъ сдѣлкамъ. Не говоря о давнихъ пріобрѣтеніяхъ, въ настоящее время очень часто можно встрѣтить, во владѣніи помѣщичьихъ крестьянъ, земли, которыя достались имъ отъ матерей козачекъ, получившихъ ихъ въ приданое безъ документовъ. Само собою разумѣется, что и кромѣ ихъ во владѣніи крестьянъ теперь есть много земли, которую они считаютъ собственною, хотя не имѣютъ на нее документовъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики почему бы-то ни было не успѣли регулировать крестьянскихъ надѣловъ, крестьяне, владѣя такими землями за урядъ съ тѣми, съ которыми они пожалованы и съ надѣленными впослѣдствіи отъ помѣщиковъ, потеряли память о томъ, гдѣ оканчиваются однѣ и гдѣ начинаются другія; смѣшали всѣ виды находящихся въ ихъ владѣніи земель и распространяютъ, въ равной мѣрѣ, на всю совокупность своего владѣнія, понятіе собственности, называя безразлично всѣ свои земли «предковськими.» Происхожденію такого понятія о предковскихъ земляхъ, конечно, очень благопріятствуетъ то обстоятельство, что въ Южной Руси ни до присоединенія ея къ Великой-Россіи, ни послѣ, поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ не было установлено никакими офиціальными актами, подобными писцовымъ книгамъ московскаго государства и инвентарнымъ описямъ, составленнымъ на основаніи устава о волокахъ Сигизмунда Августа 1566 года, устава, никогда, какъ извѣстно, не примѣнявшагося въ Южной Руси. Такимъ-образомъ, владѣніе посполитыхъ землями, за которыя они исполняли повинности, какъ прежде пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и послѣ, опредѣлялось первымъ займомъ.

(1) По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ одного имѣнія, документы эти сберегались крестьянами въ скрыняхъ, завязанные въ лубкѣ.

Что́ касается воззрѣнія массы крестьянъ на отношенія ихъ къ землѣ, то она, кажется, держится принципа частной собственности, такъ серьезно, сколько можно этого желать, при настоящемъ экономическомъ развитіи страны.—Дѣйствительно, въ первое время, по объявленіи манифеста, даже изрѣдка и теперь, можно слышать отзывы крестьянъ, что чрезъ два года, или когда придетъ, по ихъ выраженію, *слушний* часъ, имъ отдадутъ помѣщичьи земли въ собственность, въ вознагражденіе за даровый ихъ трудъ на пановъ въ теченіи многихъ лѣтъ.—По словамъ другихъ крестьянъ, они хотя и признаютъ право помѣщика получать выгоды съ своей земли, но ограничиваютъ распоряженіе тѣмъ условіемъ, что помѣщикъ не долженъ никому отдавать въ наемъ принадлежащихъ ему земель, кромѣ своихъ крестьянъ. Впрочемъ, такое отрицаніе права собственности помѣщиковъ на ихъ земли встрѣчалось, и теперь еще встрѣчается, не какъ всеобщее и искреннее убѣжденіе крестьянъ, а болѣе какъ случайное предположеніе, какъ протестъ противъ существовавшаго крѣпостнаго права. —Вообще у крестьянъ нѣтъ искренняго убѣжденія въ правѣ ихъ на помѣщичью землю. Противное этому мнѣніе явилось у нихъ какъ результатъ отвычки владѣть землями на правѣ собственности, какъ плодъ самого крѣпостнаго права. И по мѣрѣ того, какъ въ народный бытъ возвращаются начала, освященныя исторіей, въ ихъ сознаніи утверждается уваженіе въ частной собственности на землю вообще и къ помѣщичьей въ-частности. — Крестьяне нѣкоторыхъ имѣній, называя, какъ выше сказано, всѣ находящіяся въ ихъ владѣніи земли, предковскими, объясняютъ это право тѣмъ, что козацкія земли всегда были свободны отъ повинностей. Такимъ образомъ, они присвоиваютъ эти земли себѣ потому только, что, по ихъ словамъ, они козаки или *гетьманьці*. — Впрочемъ, въ одномъ изъ такихъ, имѣній состоящемъ изъ 500 душъ, мнѣ удалось встрѣтить человѣка, который, въ объясненіи крестьянскаго права на земли, пошелъ далѣе козачества, его славы и паденія, говоря, что »люде перше одъ панівъ стали, и что они уже жили на своихъ земляхъ, когда наѣхали къ нимъ паны.« Деревенскій историкъ не выводилъ изъ сказаннаго имъ никакого заключенія, и остановился на недоразумѣніи, родственномъ съ скептицизмомъ козаковъ, которыхъ мнѣ удавалось слышать, безпечно раздумывавшихъ на тему: »чу́дно яко́сь ста́лось що всі зе́млі підъ пана́ми, а у насъ нема́ нічо́го.«

Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, высказываютъ

предположеніе о своемъ правѣ на помѣщичьи земли только какъ запоздалый протестъ противъ существовавшаго прежде крѣпостнаго права; они не имѣютъ, въ этомъ отношеніи, глубокаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго, убѣжденія и весьма далеки отъ предвидѣнія тѣхъ суровыхъ послѣдствій строгаго развитія принципа частной собственности, съ которыми теперь борется западно-европейское общество.—Напротивъ, получивъ съ манифестомъ больше свободы и больше обезпеченности труда, крестьяне, какъ-будто, стремятся отдѣлить себя отъ помѣщичьей земли, лишь бы сохранить личную независимость.—При строгомъ исполненіи въ прошедшемъ лѣтѣ закона о трехдневной барщинѣ, помѣщики волею-неволею должны были предоставить крестьянамъ большія противъ прежняго выгоды при уборкѣ хлѣба и сѣна. Напримѣръ: они отдавали имъ сѣнокосы съ третьей копицы и съ половины, что́ прежде бывало только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ;—должны были предоставить снопъ изъ хлѣба, сверхъ крестьянской запашки, а тѣ изъ помѣщиковъ, которые упорствовали, и пытались заставить крестьянъ жать по три дня, за панщину, безъ снопа, понесли потери, такъ-какъ ихъ посѣвы остались несжатыми до наступленія зимы. Въ виду этихъ и имъ подобныхъ экономическихъ явленій, крестьяне ободрились. Изъ нихъ заснопщики (крестьяне, неимѣвшіе надѣла и работавшіе у помѣщика за снопъ, подобно свободнымъ жнецамъ), чтобы отдѣлить себя отъ помѣщичьяго хозяйства, настойчиво требовали отъ помѣщиковъ отдѣленія земли для своей запашки, на настоящій хозяйственный годъ (пока продолжается трехдневная барщина), получили ее, и обработали, нанимая рабочій скотъ у козаковъ—въ чемъ нельзя не видѣть большой, съ ихъ стороны, энергіи. И при всемъ этомъ они платятъ подати, съ такою аккуратностію, какой никогда не было замѣчено за помѣщиками. Этотъ послѣдній фактъ, въ глазахъ нашихъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ краснорѣчивѣйшее доказательство любви къ порядку южно-русскаго крестьянина, на котораго приказъ: «подушне дай» дѣйствуетъ какъ бы магическою силою, исключающею всякую возможность прекословія. — Платитъ онъ подушне по весьма незатѣйливому побужденію «щобъ не чипався урядъ.» По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ растетъ сознаніе независимости, они меньше и меньше гоняются за помѣщичьею землею. Есть имѣнія, въ которыхъ всѣ или нѣкоторые крестьяне отказались отъ надѣловъ: одни потому, что хотятъ переселиться на казенныя земли; другіе въ гордомъ сознаніи своей независимости, говоря, что безъ насъ «пани пос-

качуть».—Крестьяне съ большимъ отвращеніемъ смотрятъ на издѣльную повинность за земли, какъ невыгодную вообще въ экономическомъ отношеніи, и напоминающую имъ крѣпостную зависимость; но они легче мирятся съ денежнымъ оброкомъ за надѣленную землю. Такимъ образомъ, въ одномъ имѣніи моего участка они перешли на оброкъ, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ и до представленія имъ уставной грамоты, что, само собою разумѣется, рѣдкій, и, быть можетъ, исключительный случай, а въ другомъ имѣніи, рѣшившись платить оброкъ, они никакъ не хотѣли подчиниться требованію помѣщицы оставаться на издѣльной повинности, въ теченіи настоящаго 1862 года. Признаніе права собственности помѣщиковъ на земли такъ сильно, что крестьяне вызываются брать помѣщичьи имѣнія въ аренду въ цѣломъ ихъ составѣ. — До сихъ поръ въ моемъ участкѣ въ одномъ имѣніи сдѣлано было такое предложеніе помѣщицѣ крестьянами, но аренда пока не состоялась, потому что не сошлись еще въ цѣнѣ.—Быть-можетъ, такіе примѣры станутъ повторяться чаще.

Крестьяне, правда, не охотно вступаютъ во всякія сдѣлки съ помѣщиками, а тѣмъ болѣе въ соглашенія объ уставныхъ грамотахъ, и рѣшительно не хотятъ подписывать послѣднихъ. Но это происходитъ отъ недовѣрія къ помѣщикамъ, изъ боязни опять попасть въ крѣпость и отъ нерѣшимости Въ большей части имѣній уставныя грамоты могутъ быть введены только по приказанію начальства.—Перехожу къ другимъ, замѣченнымъ мною, юридическимъ обычаямъ въ быту крестьянъ.

Во-первыхъ, замѣчу, крѣпостное право, кажется, совсѣмъ вытѣснило обычаи, установившіеся относительно наслѣдованія имуществъ между родственниками. До сихъ поръ я не встрѣчалъ примѣровъ раздѣла наслѣдства собственной крестьянской земли и потому мнѣ рѣшительно неизвѣстно примѣненіе какихъ либо твердыхъ правилъ наслѣдованія въ быту крестьянъ, если не возводить въ общее правило двухъ-трехъ подмѣченныхъ примѣровъ, гдѣ, при наслѣдникахъ мужчинахъ и женщинахъ, одежда женщины и вещи, составляющія принадлежность женскаго хозяйства: полотно, нитки и проч. наслѣдовала непремѣнно женщина. У козаковъ существуетъ правило, что отцовскій домъ наслѣдуетъ меньшій братъ.—Но если изъ нѣсколькихъ братьевъ одинъ пошелъ въ солдаты, то право на отцовскій домъ принадлежитъ ему. У помѣщичьихъ крестьянъ эти обычаи, какъ само собою разумѣется, не могли имѣть примѣненія при дѣйствіи крѣпостнаго права. По по-

ложенію о крестьянахъ, усадьба, оставляемая въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, принадлежитъ всѣмъ лицамъ въ ней живущимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это правило впослѣдствіи подвергнется измѣненіямъ, сообразно съ существующимъ юридическимъ воззрѣніемъ крестьянъ на этотъ предметъ. До сихъ поръ мнѣ встрѣчалось видѣть примѣры, что въ избѣ живутъ сыновья умершаго домохозяина и ихъ зять. По положенію, усадьба принадлежитъ всѣмъ живущимъ въ ней, хотя, по понятіямъ крестьянъ, зять—не наслѣдникъ отцовскаго достоянія. Такое столкновеніе положительнаго и обычнаго права, въ дальнѣйшемъ развитіи юридическаго быта крестьянъ, по всей вѣроятности разрѣшится въ пользу обычнаго права.

Замѣчателенъ существующій у козаковъ и у крестьянъ порядокъ взысканія долговъ. У Южно–Руссовъ существуетъ обычай »править« и »грабувать.« Долгъ *правится* до тѣхъ поръ, пока должникъ не уплатитъ его деньгами, тою вещію, какую онъ взялъ, или пока онъ не пойдетъ на соглашеніе о замѣнѣ одной вещи другою. ***Грабують*** же тогда, когда за неимѣніемъ у должника денегъ, приходится брать у него вещи, или, по выраженію писаннаго закона, когда взысканіе обращается на имущество. Грабуетъ земская полиція, когда она угоняетъ скотъ, или беретъ какую нибудь движимость изъ имѣнія, для продажи на пополненіе долга. Грабуютъ сборщикъ податей и староста, когда они уводятъ овцу отъ должника и берутъ у него одежду, съ тѣмъ, чтобы продержать ее, пока хозяинъ принесетъ взыскиваемые долги. Наконецъ грабуетъ самъ кредиторъ, когда онъ, во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, беретъ его вещь и уноситъ ее къ себѣ.—Такимъ образомъ всякое взысканіе, обращенное на имущество, какъ бы строго ни были соблюдены, при исполненіи его, всѣ законныя формы, называется грабежемъ. Въ названіи этомъ, надо замѣтить, нѣтъ ничего, какъ это кажется съ перваго раза, пугающаго воображеніе или оскорбляющаго чувство свободы. И это потому, что названіе и самое дѣйствіе взысканія разсчитаны на высокой честности, кротости и утонченномъ чувствѣ справедливости, лежащемъ въ нравахъ южно–русскихъ простолюдиновъ. Въ грабуваніи нѣтъ физической силы, противъ которой не возможно сопротивленіе со стороны должника. Напротивъ, его самосудъ только потому и возможенъ, что должникъ всегда сознаетъ неправоту своего дѣла, и молча подчиняется, во имя нравственнаго закона, волѣ своего кредитора. Мнѣ извѣстенъ примѣръ удовлетворенія кредиторомъ своего дол-

га мѣшками борошна, принадлежавшаго должнику. Послѣдній отдалъ въ мельницу зерно, но прежде чѣмъ успѣлъ получить муку, приходитъ туда кредиторъ. Узнавъ, чье борошно, онъ спокойно поджидаетъ должника. Когда пришелъ должникъ, то кредиторъ, поднимая на свою спину мѣшки, сказалъ ему: «Вибача́й за борошно! Візьму ёго за те, що ти менї виноватъ.» Озадаченный такимъ поступкомъ должникъ попробовалъ было-шумѣть: «Хиба я не хотівъ тобі оддать? Та якъ же бъ ёго й оддать, коли́ въ мéне пéрше дити́на вмéрла, а далі коро́ва пропа́ла, та трéба було́ ра́зомъ и гро́шей позича́ть у до́брихъ люде́й и волівъ одробля́ть. Про таки́й случа́й мо́жно бъ и въ само́го чо́рта ви́просити пільги, а не то що... Се́ якъ би всі такъ грабува́ли, то й на світі бъ не жить.» — Такъ говорилъ должникъ, пока его противникъ вынесъ изъ мельницы мѣшки. Въ слѣдъ за нимъ поплелся домой и должникъ, почесывая затылокъ, да облегчая свою душу жалобою знакомымъ на то, что землякъ «безневи́нно наробивъ ёму́ со́рому.»—Отъ начала до конца этой встрѣчи двухъ поссорившихся земляковъ, въ словахъ недовольнаго должника—ни одной увертки, направленной къ тому, чтобы освободиться отъ платежа долга, ни одного гнѣвнаго выраженія души, оскорбленной самимъ фактомъ насилія.

Это явленіе изъ жизни южно – русскаго народа, представившееся намъ такимъ, какъ оно здѣсь описано, заслуживаетъ вполнѣ серьезнаго вниманія историковъ—юристовъ. Важность его, въ исторіи гражданскаго права страны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ-болѣе, что указанный нами порядокъ взысканія долговъ съ неисправныхъ должниковъ примѣнялся не только въ гражданскомъ быту между частными лицами, но даже въ распоряженіяхъ правительственныхъ какъ это видно изъ слѣдующаго, сообщеннаго мнѣ Р. П. Витавскимъ, универсала Гетмана Мазепы, 1703 года: «Пану Полковникови войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского Полтавскому и всей старшинѣ тамошней, а особливе панамъ Державцамъ, около Полтавы маетности свои мѣючимъ, и всѣмъ кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ. Ижъ предположилъ Панъ Алексѣй Черніакъ товаришъ войсковый, же многіе люде околичныхъ селъ тамошнихъ задолжавшися ему, то готовыми позычаючи грошми, то за напитки, не хотятъ въ тихъ долгахъ уищатися. Зачимъ яко всякий должникъ инакимъ способомъ долгу своего збути не можетъ, тилко повиненъ его вѣрителеви своему выплатити, и жаденъ державца подданного

своего заступати и охороняти отъ плаченія долгу не есть моценъ подлугъ права, такъ мы пилно всѣмъ должникамъ прикладуемъ, аби всякій, кто колвекъ есть долженъ ему, пану Черняковѣ, конечне безъ вымовки и жадной спреки, въ тихъ долгахъ своихъ выплачовался и уищался, що отъ кого доведется. А если бы хто не мѣлъ чинити, тому досить, то позволяемъ ему, пану Черняковѣ, таковыхъ противныхъ и волѣ нашой непослушныхъ людей должныхъ грабити, и грабежовъ до выкупленія имъ не ворочати. Въ чомъ аби никто волѣ нашой не былъ противникомъ, и повторе пилно приказуемъ.» Какъ ни странною кажется намъ, усвоившимъ юридическія понятія писаннаго закона, такая правительственная санкція насилія, и какихъ бы ни заслуживалъ порицаній правитель, дающій судъ въ собственномъ дѣлѣ лицу, которое, по своему общественному положенію, находится въ большей или меньшей возможности располагать средствами физическаго принужденія съ явнымъ нарушеніемъ справедливости; но мы были бы несправедливы къ Мазепѣ и къ его универсалу, тотчасъ приведенному, если бы не приняли во вниманіе всего здѣсь нами сказаннаго. Безъ этого мы не поняли бы тѣхъ оправданій допускаемаго насилія, которыя находилъ гетманъ, издающій универсалъ, въ хорошо извѣстныхъ ему нравахъ южно-русскаго общества и въ своемъ, надо сказать, безошибочномъ убѣжденіи, что кредиторъ, настаивающій объ уплатѣ законнаго долга, кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, а быть можетъ и никогда, не будетъ поставленъ должникомъ въ необходимость прибѣгнуть къ могуществу физической силы.

Всѣ заимствованія изъ европейской цивилизаціи сдѣланы были у насъ тѣмъ классомъ общества, который впослѣдствіи образовалъ изъ себя привиллегированное сословіе; а масса народа оставалась тогда, какъ и теперь, такою, какъ она была прежде: простою, безхитростною, исполненною кроткой и нелицемѣрной покорности всему, что она привыкла считать справедливымъ. Этотъ характеръ южно-русскихъ простолюдиновъ-крестьянъ обнаружился еще и въ производствѣ дѣлъ на вновь-открытыхъ волостныхъ судахъ. На основаніи положенія о крестьянахъ, въ волостныхъ правленіяхъ заведены книги для записки рѣшеній волостныхъ судовъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи волостей, книги эти были совершенно пусты, и на вопросъ, — почему не записываются въ нихъ судебныя рѣшенія, писаря отвѣчали: что всѣ дѣла на судѣ прекращены миромъ. Дѣйствительно, южно-русскій простолюдинъ очень миролюбивъ и участіе общественной власти, или

частнаго человѣка, когда онъ завелъ споръ съ противникомъ, нужно только для того, чтобы убѣдить его въ справедливости требованія противника и напомнить о неизбѣжности судебнаго рѣшенія.

Кромѣ юрисдикціи волостныхъ судовъ, узаконенной положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и съ бо́льшею или меньшею подробностью имъ опредѣленной, существуетъ у крестьянъ другой подзаконный судъ, судъ громады. Этотъ послѣдній судъ, всегда ближайшій къ мѣсту совершенія противозаконнаго дѣйствія, распространяетъ свою юрисдикцію на дѣла, въ которыхъ громада, по увлеченію страсти или по убѣжденію разсудка, видитъ особенно-чувствительное оскорбленіе общественной нравственности, и всякую проволочку признаетъ неумѣстною. Такъ, громада изрекаетъ свои приговоры о ссорахъ и дракахъ съ какимъ-либо особенно — задирающимъ свойствомъ, о домашнихъ распряхъ супруговъ, о прелюбодѣйствѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровства. Рѣшенія громадскихъ судовъ, по большей части, какъ мною замѣчено, приговариваютъ къ тѣлесному наказанію, и часто очень строгому, что́ объясняется участіемъ въ этихъ рѣшеніяхъ страсти, и непривычкою массы къ денежнымъ штрафамъ — по бѣдности ея.

Вотъ примѣръ громадскаго суда,—единственный по роду рѣшеннаго имъ дѣла. Крестьянинъ началъ пьянствовать и продалъ сельскому старостѣ за 12 руб. корову, которая стоила больше. Собравшаяся громада наказала запившагося крестьянина розгами, отобрала остававшіяся у него непропитыми 6 руб., возвратила ихъ старостѣ и приказала ему отдать корову хозяину, говоря, что не слѣдовало ему покупать у того, кого »Богъ покара́въ;« истраченные наказаннымъ крестьяниномъ 6 руб. также велѣла возвратить старостѣ и распорядилась, чтобы шинкарь не давалъ невоздержному водки.

Переходя къ другимъ юридическимъ обычаямъ южно-русскихъ крестьянъ, мы замѣчаемъ наибольшее число установившихся правилъ касательно личнаго найма, что́ совершенно-естественно при бѣдности массы и маломъ числѣ принадлежащихъ ей правъ на вещи. Первая, главная и общая черта вольнонаемнаго труда, составляющая существенное его отличіе отъ *панщины*, есть та, что поденщикъ и постоянный работникъ, получаютъ ли плату деньгами и вещами или нѣтъ, всегда продовольствуются отъ хозяина.

За поденную работу платятъ больше натурою, чѣмъ деньгами. Косаря, молотника, пару воловъ съ погоничемъ и плугъ воловъ еще

можно нанять за деньги. Но на полотье, пряжу нитокъ и другія женскія работы нанимаются за деньги весьма рѣдко. Воскъ и медъ, столь необходимые въ религіозныхъ обрядахъ, также соль, чаще всего служатъ орудіемъ найма. Предпріимчивые хозяева, зная эту черту народнаго характера, съ успѣхомъ спекулируютъ, запасаясь въ большихъ размѣрахъ такими продуктами, такъ-какъ расплата солью, медомъ и воскомъ стóитъ имъ гораздо меньше, чѣмъ еслибы они заплатили деньгами. Кромѣ поденной работы за плату, отдаваемую въ рýки работнику, здѣсь въ большемъ ходу толóки, или работы за харчъ, конечно хорошую, изобильную,—дорогую въ быту поселянъ—и за водку. Водка при этомъ употребляется въ чрезмѣрно-большомъ количествѣ. Напримѣръ, косари и женщины-мазальщицы домовъ выпиваютъ ея, по отзывамъ хозяевъ, по квартѣ и больше. Есть наконецъ одна работа, за которую ни въ какомъ случаѣ не бберутъ денегъ:—это рытье могилы для покойника. Относительно найма погонича къ плугу существуетъ правило, что за пять дней работы, хозяинъ на 6-й отправляется съ плугомъ пахать его ниву. Такой способъ вознагражденія для погонича очень выгоденъ, если сравнить денежную поденную плату за этотъ трудъ—отъ 10 до 15 к. съ платою за дневную работу плуга—отъ 1 до $1^1/_2$ руб. сер. Несмотря на это, упомянутый обычай соблюдается у крестьянъ и не поддается измѣнившимся экономическимъ условіямъ времени.

Наемъ работника или работницы въ годовое услуженіе (наймитъ, наймичка) имѣетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ свои особенности, не лишенныя большаго интереса для наблюдателя. Наемная плата, пoлучаемая нанимающимся, называется »роківщина«, »рокове« и отдается, по принятому обычаю, по окончаніи года. Плата эта заключается въ деньгахъ, хлѣбѣ и одеждѣ. Въ теченіе года хозяинъ водитъ наймита въ своей одеждѣ, которую наймитъ, отходя, по окончаніи года, оставляетъ у хозяина для наймита, имѣющаго поступить на его мѣсто. Годовой срокъ считается обыкновенно отъ праздника до праздника, хотя бы послѣдній приходился не въ одни и тѣ же числа гражданскаго лѣтосчисленія, напр. отъ Великодня до Великодня. Прогулы надбываются послѣ срока, а за утрату и порчу порученныхъ вещей дѣлаются, по окончаніи года, вычеты изъ наемной платы, которые нерѣдко бываютъ очень велики. Если нанявшійся отхóдитъ отъ хозяина, не прослуживъ года, то онъ долженъ возвратить носимую одежду и не имѣетъ права на плату за прослуженное время,—а если хозя-

инъ, по обстоятельствамъ, не имѣетъ надобности въ работникѣ и отпускаетъ его до истеченія годоваго срока, то долженъ заплатить за прошедшее время его службы. Продолжительныхъ сроковъ найма не существуетъ; нанимается только мальчикъ, пока не придетъ время женитьбы, да человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, хотя и этого послѣдняго никогда не покидаетъ надежда собраться на свою хату и жить якъ люде.

Въ прежнее время, случаи поступленія южнорусскихъ земледѣльцевъ въ наймиты, по всей вѣроятности, были болѣе рѣдки, а надежда — сдѣлаться хозяиномъ изъ наймитовъ, при большемъ просторѣ и привлекательности земледѣльческаго быта, — была живѣе и энергичнѣе. Народная муза—всегда вѣрный отголосокъ задушевной жизни общества—сохранила намъ, въ этомъ отношеніи, живущую въ устахъ поселянъ пѣсню, про наймита—нетягу, въ которой этотъ идеальный наймитъ–бѣднякъ, прослуживши многіе годы, безъ платы, хозяйкѣ–вдовѣ, вознаграждается правомъ выбора: завестись своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, получивши отъ вдовы многочисленное скотоводство, или сдѣлаться домочадцемъ, женившись на ея дочкѣ.

Ой нетяго, нетяго,
А нетяженько моя,
А де заслужчина твоя!

Ой служивъ я у вдо́ви,
Ой служивъ у небо́ги,
Сорокъ годъ ще й чотирі.

Ой несходно, несходно!
Заплати–жъ мені, вдо́во,
Бо я въ тебе служивъ до́вго.

Ой ви́вела удо́ва,
Та ви́вела небо́га
Со́рокъ коней ще й чотирі.

Ой дивітеся жъ, лю́де,
И суди жъ ти, громо́до,
Чи несходно ёму бу́де.

Ой несходно, несходно!
Заплати–жъ мені, вдо́во,
Бо я въ те́бе служивъ до́вго.

Ой ви́гнала удо́ва,
Та ви́гнала небо́га
Сорокъ волівъ ще й чотирі.

Ой дивітеся-жъ, лю́де,
И суди-жъ ти, грома́до,
Чи не сходно ему бу́де.

Ой вивела удо́ва
Ой вивела небо́га
Свою дочку́-наря́дочку.

Ой дивітеся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему бу́де.

Ой схо́дно, схо́дно,
Заплати-жъ мені вдо́во,
Бо я въ те́бе служивъ до́вго.

Вотъ идеалъ южнорусскаго наймита: безпріютный бѣднякъ служитъ зажиточной хозяйкѣ, служитъ многіе годы безъ всякаго договора, и не получаетъ никакого вознагражденія до-тѣхъ-поръ, пока выслужилъ право, и рѣшился самъ сдѣлаться хозяиномъ. Дѣйствительность, конечно, не всегда вѣрна своему идеалу. Такъ и на этотъ разъ: — идеалъ самъ-по-себѣ, а на самомъ дѣлѣ—нанимаются довольно часто; существуетъ правильный договоръ такого найма, съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ за службу, съ срокомъ также точно опредѣленнымъ и, по большей части, всегда непродолжительнымъ. Вообще, личный наемъ въ современномъ намъ быту южнорусскихъ поселянъ уже не носитъ на себѣ характера какой-нибудь случайности, но въ отношеніяхъ хозяина къ наймиту дѣйствуетъ обычай. Теперь, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, замѣчаются суровость, жесткость и неподвижность—неизбѣжные результаты консервативной силы всякаго обычая.

Не останется, конечно, безъ вліянія на это право то обстоятельство, что теперь нанимаютъ много наймитовъ и наймичекъ паны. Этотъ родъ найма, въ глазахъ нанимающихся, имѣетъ нѣкоторыя неблагопріятныя стороны, какъ-то: нанявшійся у пана, въ дворовую и, особенно, комнатную службу, отстаетъ отъ хозяйства, или мало пріобрѣтаетъ опытности въ этомъ чрезвычайно-разнообразномъ дѣлѣ; замкнутость и искуственная непривлекательность домашняго быта пановъ очень отталкиваютъ отъ комнатной службы крестьянскую молодежъ, для которой сидѣть весь день молча, и отказывать себѣ въ увеселеніяхъ улицы и досвіткахъ кажется нестерпимымъ. За все это панамъ приходится платить прислугѣ нѣсколько дороже, да сверхъ того они всегда да-

ютъ наймитамъ частьде нетъ впередъ, и, слѣдовательно, въ ихъ сдѣлкахъ съ наймитами не можетъ быть рѣчи объ удержаніи хозяиномъ денегъ за прослуженное время.

Въ наймѣ на лѣто пастуховъ замѣчаются слѣдующія черты: пастухи бываютъ или общественные — на все село, или поставленные отъ хозяина, которые пасутъ какъ хозяйскій, такъ и пріймансклій скотъ. Плата за выпасъ, въ теченіи лѣта, рогатаго скота состоитъ обыкновенно изъ денегъ и коробки или пуда хлѣба (ржи) на зимнее продовольствіе пастуха. Денежная плата измѣняется, смотря по тому, существуетъ ли въ селеніи общественный, по большей части, козачій выпасъ, есть ли тамъ обыкновеніе пускать чрезъ 2 года одну руку поля въ толоку, или скотъ выпасывается на землѣ, принадлежащей въ частную собственность. Въ послѣднемъ случаѣ, плата самая дорогая. Сколько мнѣ извѣстно, она колеблется отъ 30 коп. до 1 р. среб. Плата за рогатый скотъ отдается обыкновенно по окончаніи лѣта. Но за овецъ и свиней, какъ за товаръ, который подвергается болѣе частымъ переходамъ отъ хозяина къ хозяину въ теченіи весны, лѣта и осени, въ нѣкоторыхъ селахъ есть обыкновеніе брать одну половину платы весною, когда животное поступаетъ на пастьбу. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, селахъ этого не дѣлаютъ; но держатся правила собирать плату среди лѣта, для чего пастухъ, оповѣстивъ предварительно хозяевъ, загоняетъ овецъ или свиней на загонъ и держитъ ихъ тамъ, пока хозяева приносятъ деньги. Вообще же принято, что за скотину, какъ бы скоро, по поступленіи къ пастуху, она ни была взята хозяиномъ для продажи, дается пастуху половина наемной платы. Пастухъ за потерю овцы отъ звіря (волка) не отвѣчаетъ; но если она пропала отъ крови, которую слѣдовало *сбить*, то онъ долженъ заплатить хозяину.

Вознагражденіе за потравы имѣетъ, по народному праву, свои особенности, которыя постараемся представить такъ, какъ они намъ показались.

Народъ держится правила: «Не той плáтить за спашъ, хто пасé, а той, хто піймавсь.» Примѣненіе этого правила ко всѣмъ случаямъ потравы невсегда возможно, рѣдко соотвѣтствуетъ платежнымъ средствамъ поймавшагося хозяина скота и во многихъ случаяхъ явно несправедливо, напр. когда хозяину коровы, взошедшей только одинъ разъ и то на весьма короткое время на ниву сосѣда, приходится вознаградить за потерю хлѣба на цѣлой десятинѣ и больше. Рядомъ съ строгими и часто очень отяготительными для поймавшагося хозяина рѣ-

шеніями крестьянскихъ судовъ, можно встрѣтить примѣры, что общественныя власти, въ разрѣшеніи жалобъ о потравахъ, стараются обходить изложенное нами правило, выискивая хозяевъ, которыхъ скотъ видѣли прежде на мѣстѣ потравы и привлекая ихъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ владѣльцемъ пойманнаго скота. Тѣмъ не менѣе народъ и урядники вѣрятъ въ силу упомянутаго правила, и не упускаютъ случая попугать имъ небрежныхъ хозяевъ скота. Такую привязанность къ неудобоисполнимому закону и сочувствіе къ его устрашающей силѣ можно объяснить, по нашему мнѣнію, тѣмъ условіемъ хозяйственнаго быта крестьянъ, что они живутъ не въ хуторахъ и не на фермахъ, а въ большихъ селахъ. Хозяинъ, живущій въ селеніи, часто въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ своей нивы, конечно, не въ состояніи бдительностію и постоянствомъ надзора предупреждать потравы. Народный обычай старается вознаградить его за это, расчитывая, при назначеніи платы за потраву не столько на соразмѣрность ея съ причиненнымъ убыткомъ, сколько на устрашеніе небрежныхъ.

Пойманный на потравѣ скотъ рѣдко загоняютъ, а по большей части отнимаютъ у пастуха одежду, и держатъ ее пока пастухъ, или его хозяинъ, не придутъ за нею.

Совершенно новое явленіе въ быту южно-русскихъ крестьянъ составляетъ переселеніе на казенныя земли, которое, съ нѣкоторыми ограниченіями, позволено теперь крестьянамъ мелкопомѣстныхъ имѣній. Переселеніе это, издавна существовавшее у козаковъ,—у помѣщичьихъ крестьянъ бросилось мнѣ въ глаза тою своею особенностію, что изъ козаковъ шли на переселеніе преимущественно люди богатые, а бѣдняки, не могши преодолѣть своей привязанности къ родинѣ и непредпріимчивости, оставались на старыхъ мѣстахъ. Напротивъ, у крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, замѣтно больше отваги и энергіи, такъ-что даже бѣднѣйшіе изъ нихъ рѣшаются проситься въ переселеніе.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

II.

Прошелъ мѣсяцъ. Весь этотъ мѣсяцъ провелъ я въ спѣшныхъ, приготовительныхъ, такъ-сказать, работахъ, среди которыхъ рѣшительно не было еще возможности всмотрѣться въ явленія новой жизни

нашего земства. Открывались сельскія общества, производились выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, сельскаго и волостнаго. Если встрѣчались жалобы и недорозумѣнія, то они разсматривались и рѣшались мною почти наскоро, почти въ духѣ умершаго вотчиннаго права, — во всякомъ случаѣ не такъ обстоятельно и не съ тѣми пріёмами строгой законности, которыхъ требуетъ современное положеніе крестьянскаго дѣла. А потому немного еще приходится мнѣ внести въ свои записки.

Разскажу съ самого начала, какъ открывались общества. Вездѣ, во всѣхъ селахъ, повторялось одно и тоже съ самыми малыми измѣненіями.

»Крестьяне, собранные на дворѣ помѣщика, или управителя, ожидали моего пріѣзда. Пріѣхавъ въ село, я съ Положеніемъ въ рукахъ обращался къ крестьянамъ съ такими словами:

»Громадо! Объявили вамъ свободу и казали до времени, поки установитця нове начальство, казали вамъ бути постарому, підъ начальствомъ свого пана. Бо по правиламъ (*), треба було вибрати мировихъ посередниківъ и імъ поручити запроваженне новихъ порядківъ. Отъже для того участка, въ которімъ записано ваше село, назначили мене мировимъ (голоса изъ громады: »чули ми сее, чули, ясний пане.«) Не знаю, чи зумію, чи ні, послужити вамъ, громадо, такъ, якъ бы хотілось, але буду старатися служити, шануючи законъ, на варті у котрого мене поставлено... Зъ сёго часу вашъ панъ вже не буде вами правити, — будете мати свое власне начальство, которе сами виберете собі зъ свого кола. А коли буде въ кого зъ васъ якась претенсія до пана, або у пана до кого зъ васъ, то маете удаватися до могѣ суда; я буду васъ годилъ, мирилъ: — для того и прозиваюсь я мировимъ. А ежели потрібно буде провинившогося укарати по закону, то волю того закона нихто другій, якъ я буду шукалъ своимъ судомъ. Але не святий я,, громадо, чоловікъ: часомъ могу и помилитись, укарати когось несправедливо, могу зробити якуюсь справу не такъ, якъ би належало; — въ такімъ разі скривженій мае право скажитися на мене до мирового зъізду, що буде збиратися разъ на місяць въ повітовімъ нашімъ місті. Тамъ будуть судити справу вже всі наши мировиі, разомъ зъ маршалкомъ. Коли и мировий зъіздъ не

(*) Положеніе о крестьянахъ здѣсь вездѣ въ народѣ называется правилами.

догодитъ, можно и на него скажитися въ губернію до присутствія. Але, зъ Божею помочью, можемъ якось и обійдемося безъ тихъ скаргъ до мирового зъізду и до губерського присутствія. Хочу служити вамъ, громадо, щиро и начальствовать надъ вами такъ, щоби, якъ пройдуть тіі моі три роки, то почувъ би відъ васъ спасибі, бо тее спасибі буде для мене луччею наградою за всю працю, на котру теперъ піднимаюсь. Дай же, Боже, щоби межъ нами була правда, святая правда (изъ громады: »дай Боже, дай Боже!«)... Теперъ на-самъ-передъ треба вамъ вибрати старосту, который заступить вамъ пана,—більшъ якъ пана. Панъ бувъ вамъ начальникъ для того, що вздумалося ёму покупити ваше село, або для того, що вмеръ ёго отець и досталося ему ваше село въ спадокъ. А староста буде вами правилъ для того, що громада ёму скаже: даемъ тобі право правити нами три роки. Зрозумте жъ, громадо, що тутъ виходе, яка виходе власть старости, и якъ прійдется після того покорятися старостові. Вибирайте жъ, що тільки е у васъ найлуччого, шукайте чоловіка такого, щоби вінъ ні въ чимъ не булъ примеченимъ. Щоби потимъ, якъ стане вінъ укоряти пьяного чоловіка, той не мігъ би ему сказати: »а ти хіба не буваешъ часомъ пьяний?« якъ стане вінъ сварити когось за тее, що не шануе свого отця, або матерь,—щоби той не мігъ сказати ёму: »а для чогожъ ти самъ оттоді-й-тоді такъ-и-такъ трактовавъ свою маму, або батька?« коли вінъ схоче повстидатя ледащого, щоби той ледащій не мігъ припомянути ёму ёго не дуже щироі праці.—Розумієте?!. (»Авжежъ такъ«!) Отъ же ,послухайте я вамъ, громадо, прочитаю зъ правилъ всі обязанности старости, то ви й побачите, якій тутъ потрібенъ вамъ чоловікъ, якій тутъ потрібенъ розумъ.«

Я раскрывалъ Положеніе и читалъ статью за статьей объ обязанностяхъ старосты, переводя каждую строку на южно-русскій языкъ и объясняя примѣрами. При этомъ, сейчасъ же оказывалось, что отсутствіе изданія Положенія на южно-русскомъ языкѣ вызоветъ много и много недоразумѣній и еще болѣе усилитъ въ крестьянахъ то недовѣріе къ мировымъ посредникамъ, которое вызывается уже тѣмъ, что мировой посредникъ—панъ, человѣкъ въ сюртукѣ. Нужно сказать еще и то, что у насъ мировые посредники почти всѣ поляки и половина изъ нихъ сами не вполнѣ понимаютъ языкъ Положенія,—значитъ, дѣйствительно переводы и толкованія не могутъ выходить у нихъ безукоризненны.

Тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ обязанностяхъ старосты, касательно нуждъ и пользы общества, громада выслушивала всегда внимательно и спокойно; но какъ только доходило до наблюденія за отбываніемъ повинностей передъ помѣщикомъ, громада начинала волноваться и изъ толпы слышались разныя замѣчанія, сомнѣнія. Статья же 59–я: »долженъ крестьянъ, отбывающихъ издѣльную повинность, наряжать на работу, а съ оброчныхъ взыскивать оброкъ, сообразно съ требованіемъ помѣщика... и вообще немедленно исполнять законныя требованія помѣщика, подъ своею личною отвѣтственностью,—» эта статья вызывала часто взрывъ негодованія слушавшихъ, вслѣдъ за чѣмъ десятки голосовъ начинали кричать: »не треба, не треба намъ старости! Якъ будемъ вольні, то втоді й виберемо собі старосту, а теперь на—що ми будемо відъ себе давати панові отамана до загадованья паньщини!«

Сколько въ этихъ случаяхъ нужно было терпѣнія, такту, мягкости и краснорѣчія, чтобы возвратить громаду къ порядку и убѣдить ее въ томъ, что свобода не ведетъ за собой уничтоженія повинностей за землю; что изъ закона вычеркнуто право помѣщика на личность крестьянина, но не вычеркнуто право помѣщика на купленную имъ, или полученную по наслѣдству, землю; что, по уничтоженіи вотчиннаго права, помѣщикъ не можетъ, уже черезъ своего управителя, или атамана, требовать отъ свободнаго человѣка слѣдуемой съ него повинности, что громадѣ необходимо имѣть своего представителя, старосту, посредствомъ котораго помѣщикъ сносился бы съ громадою и который слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы ни съ кого не взяли лишняго. Я предвидѣлъ подобныя трудности при открытіи общества и хотя не имѣлъ еще случая испытать силу своихъ убѣжденій, но отказался отъ предоставленнаго мнѣ содѣйствія полиціи и объѣзжалъ село одинъ безо всякихъ атрибутовъ какой–либо власти. Были минуты, когда я терялъ терпѣніе, когда не ставало у меня ни голоса, ни словъ, ни присутствія духа. Въ эти минуты, еслибъ была при мнѣ хоть какая нибудь матеріальная сила, я, кажется, не выдержалъ бы—употребилъ бы ее въ дѣло и, разумѣется, испортилъ бы дѣло совершенно. Находясь же въ безвыходномъ положеніи, я понималъ, что выйти изъ него могу лишь силою слова, убѣжденія, мира, и — выходилъ. Иногда я даже пользовался своимъ положеніемъ. Я обращался къ раздраженной толпѣ съ такими словами:

»Послухайте, громадо!.. послухайте, що я вамъ скажу... Овва!

якажъ не добра громада:—говорити чоловікові не дае!.. Послухайте... Не мині васъ змушовати до того, що потребуе відъ васъ законъ. Бачите якъ я до васъ приіхавъ... самъ еденъ и говорю зъ вами, здаетця мини, не такъ якъ той, що задае страху, говорю по—людськи, добримъ способомъ, бо я не поставленъ надъ вами для того, щоби ви мене боялись, а поставленъ, щоби ви черезъ мене познали новий законъ и яки вінъ надае вамъ права, яки вінъ тамъ потребуе нови порядки; поставленъ я, щоби боронилъ я тіі ваши права, тіі новіі порядки, боронилъ би васъ и пана відъ кривди, щоби судилъ и годилъ би васъ. Отъ же я приіхавъ и читаю вамъ правила; говорю вамъ, що и якъ теперь повинно бути у насъ, говорю вамъ не зъ голови своеі, не зъ паньскоі думи, а читаю зъ закона. Ви замистъ того, щоби ушановати якъ треба нового свого начальника, который ежели й не добрий чоловікъ, то не мігъ ще, бо наветъ немалъ часу, зробити вамъ щось не добре,—ви ёго обижаете дармо. Про мене, якъ ви тамъ собі хочете: слухайте, чи не слухайте мене. Я іще разъ скажу вамъ, що ни сварити, ни карати васъ за тое не буду. Піднялся я служити вамъ, а не командувати вами. Якъ приконаете, що еднимъ розумомъ та христіанскимъ словомъ служити на васъ, громадо, не можно, то не конечно буду набивалси... уступлюсь. Най становитця надъ вами мировимъ хтось иншій. Але щожъ вамъ съ того?.. Якъ я, такъ и другій, все теежъ самое буде вамъ говорити и скінчитця таки воно на тимъ, що хтось зовсімъ перестане говорити, а каже змусити васъ шанувати закони. Не можна жъ перебирати картки іхъ, якъ тиі хустки у жидівки въ крамниці. И будете ви мали въ своімъ селі жандарівъ, або ще й москалівъ... И зъ якій же раціі? зъ тий, що една якась картка не подобалась.«

Говоря такимъ образомъ, я всякій разъ достигалъ того, что громада успокоиваласъ и мирилась съ указаннымъ мною требованіемъ закона.

Въ селѣ (*) были собраны громады нѣсколькихъ селъ. Встрѣченъ я былъ ими чрезвычайно враждебно—такъ, что съ разу былъ озадаченъ и тономъ заговорившихъ со мной крестьянъ и содержаніемъ первыхъ сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ. Когда въ отвѣтъ на вопросы сталъ я читать соотвѣтствовавшія статьи Положенія, то крестьянинъ изъ

(*) С. Г—б—въ.

села Ц — помѣстившійся у самого моего локтя, сейчасъ же остановилъ мое чтеніе, почти ударилъ тяжелою ладонью по раскрытой книгѣ и сказалъ съ сердцемъ: »Не говоріть намъ зъ голови, а читайте те, що прійшло відъ царя. Въ тіхъ правилахъ зовсімъ не тее написано, що ви читаете.«—Слухай, чоловіче, замѣтилъ я ему: — знаю, чого тобі хочетця, знаю, що ти хочешь услихати... але, я на-самъ-передъ не зъ тіхъ, що читають правила за сорокивку, або за кварту горілки и стараются набрати тіхъ сорокивокъ якъ найбільше. Ні, чоловіче, я не торгую неправдою! дай мині чистий покій, и слухай«.—Но мое чтеніе снова было остановлено загорѣлой рукой—вецкого крестьянина и я услыхалъ отъ него опять тотъ же самый укоръ, только въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ.—»Громадо! заговорилъ я тономъ обиженнаго: — ви не посилали по мене, ви мене не наймали, я не обіцявъ вамъ читати для потіхи. Приіхавъ я до васъ якъ начальникъ, зъ волі царської; читаю для того, щоби не говорити зъ-голови, щоби видвічати вамъ просто зъ закона, читаю, що бачать моі очи. Якъ буде сей чоловікъ вашимъ мировимъ (Боже-ёму допомогай!), то буде вінъ читати вамъ правила такъ, якъ вінъ уміе, а я не могу позичити въ нёго очей и ёго очами читати. Та й на що би я мололъ язикомъ своимъ тее, що вамъ мелять москалі за сорокивки?.. Чи мало іхъ у васъ, чи не буде ще часу наняти вамъ кого зъ нихъ и тішитися іхъ читаннемъ?.. Отъ якъ я поіду до вашихъ сусідівъ, то заразъ наймітъ собі котрого и най вінъ васъ мороче... тільки не забудьте ёму сказати, що якъ буде читати річи гарніі, то накинете двадцятку: — побачите, яки вінъ тоді стане веселі та любі закони начитувати. А теперь, перепрошаю васъ, буду сполняти свою службу по присязі, а не въ утіху сёму чоловікові.« И я продолжалъ читать. Послѣ третьей выходки, я сложилъ книгу, взялъ ее подъ мышку и досталъ изъ кармана бумажникъ съ записной книжкой.

— Вибачай мині, чоловіче: може воно й не совсімъ гарно такъ зачинати знаемість; але—що робить—мушу я сее зробити. Скажи мині, якъ ти прозиваесся?

Тонъ мой смутилъ заносчиваго крестьянина.

— Якъ же ти прозиваешься, чоловіче?

Онъ сказалъ свое имя и прозваніе, потомъ прибавилъ:

— »Мині капитанъ читавъ тиі правила и я дуже добре памятаю, що...«

— Чоловіче, я записавъ якъ ты прозиваесся; теперь можешь собі скільки хочешь баламутити своихъ сусідівъ. Але, памятай!.. ежели въ — вцахъ вийде якій непорядокъ, якое непослушаніе, то я приіду и заразъ тебе визву зъ громади къ отвіту...

— »Коли кажу я вамъ,—мині капитанъ читавъ...«

— И про капитана твого не забуду я втоді.

Въ это время другой крестьянинъ, стоявшій противъ меня шагахъ въ пяти, или шести, нѣсколько нетрезвый, проговорилъ сквозъ зубы: »Співай, співай, мій голубчику!... послѣ инакше заспіваешь.« Проговоривъ эти слова ко мнѣ, онъ медленно повернулся и, переваливаясь съ ноги на ногу, отошелъ въ средину толпы.

Я продолжалъ читать, не показавъ даже вида, что слышалъ.

Бесѣда моя съ крестьянами въ этотъ день началась въ полдень и продолжалась почти до самого вечера. Солнце жгло меня немилосердно; языкъ высохъ; ломило грудь; потъ бѣжалъ съ меня ручьями, хоть я сбросилъ съ себя пальто. Но я видѣлъ какъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, мирное слово убѣжденія начинало брать верхъ, начинало все болѣе и болѣе покорять упрямыхъ крестьянъ и какъ имъ нравилось то, что я, не смотря на усталость, ловилъ на лету каждый вопросъ и отвѣчалъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, подтверждая всякій разъ статьями Положенія, хотя иногда вопросъ дѣлался такъ-себѣ, совершенно не для того, чтобы получить отвѣтъ. Мнѣ кажется, еслибъ тогда распорядился Ісусъ Навинъ такъ, какъ нѣкогда распорядился онъ ради того, чтобы Евреи кончили битву, то я говорилъ бы съ крестьянами до обморока. И чтоже? тѣ самые люди, которые въ полдень дерзко прерывали мои толкованія и обращались со мной, какъ съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ ихъ обманывать, въ интересѣ класса помѣщиковъ, обращались до нельзя оскорбительно, тѣ самые люди слушали меня потомъ съ самымъ неограниченнымъ довѣріемъ и вниманіемъ. Держа надъ моей головой свои соломенныя шляпы, изъ которыхъ образовался такимъ образомъ родъ навѣса, они распрашивали меня обо всемъ, касавшемся ихъ новаго быта. Когда усталость заставила меня опуститься на̀ землю, близъ стоявшіе не допустили до того и бросились растилать свои свиты. Когда наконецъ я объявилъ, что уже совершенно измучился и сталъ прощаться,—со всѣхъ сторонъ послышались самыя искреннія изліянія благодарности, сопровождаемыя дружескими взглядами. Почти цѣлою толпой я былъ поднятъ съ земли, отведенъ къ шарабану и приподнятъ на его

ступеньки. Я поѣхалъ, а вслѣдъ за мной крики желанія счастливаго пути. Я узналъ потомъ, что послѣ моего выѣзда изъ — го, громада пошла къ священнику, положила рубль на столъ и просила сейчасъ же итти въ церковь служить молебенъ — »отъ за того мирового, що першій розсказавъ и розтолкувавъ всю правду.«

Ну вотъ и говорите послѣ этого, что »на мужика не подѣйствуешь убѣжденіемъ«, совѣтуйте послѣ этого:

»Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.«

Помѣщикъ имѣнія, въ которомъ былъ этотъ сходъ, принадлежитъ къ кружку людей, видящихъ въ крестьянской реформѣ безпорядокъ— и больше ничего. Система хозяйства и управленія имѣніемъ, созданная этимъ помѣщикомъ, служила образчикомъ людямъ его кружка и считалась ими системой чрезвычайно-умной, талантливой, основанной будтобы на глубокомъ познаніи натуры нашего крестьянина и его потребностей: »Строгъ, но справедливъ.« На то, что крестьяне должны ему нѣсколько тысячь рублей, на это указывалось, какъ на заботу его о благосостояніи крестьянъ. Описанный мною сходъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ частокола помѣщичьяго гумна и ни крестьяне, ни я не знали, что нашу бесѣду подслушивалъ за частоколомъ »строгій, но справедливый« помѣщикъ. Вхожу въ его тогдашнее положеніе: — ужасныя минуты (вѣрнѣе: часы) были пережиты имъ! Посудите: столько лѣтъ человѣкъ хозяйничалъ и управлялъ, на основаніи глубокаго познанія натуры крестьянина и въ хозяйничанье его, словно въ семейное дѣло, никто не вмѣшивался, не смѣлъ вмѣшиваться. Вдругъ пріѣзжаетъ посторонній человѣкъ и передъ нимъ раскрывается во всѣхъ подробностяхъ это семейное житьё–бытьё; крестьяне, не понимающіе никакой деликатности, выдаютъ всѣ до послѣдней семейныя тайны, всѣ секреты управленія, самые щекотливые секреты—и своими распросами наивно показываютъ, что они были машиной, постоянно хорошо, въ порядкѣ содержанной, что они были всегда сытые, одѣтые соотвѣтственно времени года, и проживавшіе въ прочно выстроенныхъ избахъ, слѣдовательно всегда были исправными работниками.

»Паночку! ми... ніколи не мали жаднаго голоса, ми тілько відъ рана до вечора, відъ неділі до неділі слухали, що, де и якъ маемо робити. Ми тілько отъ теперь відъ ясного пана першій разъ

чуемо, що ми громада и що ми сами можемо дбати о интересахъ громадьскихъ... да и то не знаемо, якъ то ми будемо о нихъ дбати: мало що не кажний у насъ чоловікъ въ долгу у пана; — требажъ той долгъ якось відробити — нічого не поможе, — треба відробити; але якъже ёго відробить!«

— Панъ же вашъ,—чулъ я,—завше справно плотитъ за кажний перероблений день, замѣчалъ я крестьянамъ.

»Ба! що зъ того, що платить... вінъ рахуе за жиночій день десятку, чоловікові полъ-злотка, а за тягловий день двадцятку. Колижъ такимъ способомъ відробитця той долгъ? Гонять що-день на роботу, и воно здаеся, що видробишь, а прійдуть податки и зновъ твій долгъ якъ булъ, ежели не прибильшился. Чоловикъ утратилъ навѣтъ надію выйти зъ долгу.«

»А зо мною якъ теперь буде?—спросилъ одинъ крестьянинъ, выступая изъ толпы:—на мене совсімъ кривда.«

— Хтожъ ти такій?

»Гуменний.«

— Чоловіче, якъ же може бути, щоби гуменному було зле?

»А щожъ мини зъ того добра, що я якъ день такъ нічь, цілий рікъ служу и пильную паньскій тикъ за тое поле. Бійтеся Бога! да я відбувъ би паньщину та й малъ бы спокій и на себе щось би зробилъ...

Послѣ этого я говорилъ съ помѣщикомъ, представлялъ ему, я—неопытный молодой хозяинъ, ему опытнѣйшему, старому хозяину — представлялъ всю несправедливость его системы. Но помѣщикъ оказался сильнымъ законникомъ. Онъ спокойно раскрылъ передо мной инвентарныя правила и показалъ, что за деньги, данныя на подати, имѣетъ право требовать работу, считая пять копѣекъ за женскій день, семь съ половиной копѣекъ за мужской пѣшій и десять копѣекъ за тягловой. Показалъ, что своимъ служащимъ имѣеть право не платить болѣе того, что платитъ и проч. Я выставлялъ ему безвыходное положеніе такихъ должниковъ помѣщика, особенно если въ долги ихъ вошли разныя и разныя »запомоги« и штрафы, присужденные произвольно, отъ чего цифра долговъ приняла болѣе или менѣе серьезные размѣры, между тѣмъ какъ должники за каждый рубль платятъ работою, стоющею, быть можетъ, два, три рубля. Помѣщикъ, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ, что до всего этого ему нѣтъ никакого дѣла. Я было принялся объяснять ему, что теперь уже не-

обходимо думать намъ не объ одномъ матеріальномъ интересѣ, а и о нравственномъ: объ отношеніяхъ своихъ къ крестьянству; но помѣщикъ съ собакевическою ироніей замѣтилъ мнѣ, что онъ не вдается въ подобныя сантиментальности, что онъ никогда никакой политикой не занимается и смотритъ на свое имѣніе только какъ на источникъ дохода. Мнѣ оставалось одно: подумать самому о выводѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ исключительнаго положенія. Югозападную границу ввѣреннаго мнѣ участка измѣнили и практическій хозяинъ избавился отъ моего посредничества. Громада *ская встрѣтила эту перемѣну съ неудовольствіемъ; выслала ко мнѣ депутацію съ вопросомъ: должны ли они признать новаго мироваго? и не будетъ ли ихъ признаніе обидно для меня? — Я выставилъ депутатамъ всю незаконность протеста ихъ громады, увѣрилъ въ томъ, что мировой посредникъ дѣйствуетъ на основаніи закона, а не личныхъ своихъ убѣжденій, наконецъ указалъ имъ и на личныя качества ихъ новаго мироваго посредника, котораго, когда онъ былъ маршалкомъ (уѣздн. предв. дворянства), нѣкоторые господа тогда только перестали называть за глаза *маршалкомъ хлоповъ*, когда узнали, что это названіе, данное съ злой насмѣшкой, очень лестно для предводителя дворянства при крѣпостномъ правѣ. Депутаты ушли, и *ская громада успокоилась.

Въ мѣстечкѣ — ахъ тоже собрано было разомъ нѣсколько громадъ, но это были села одного помѣщика, извѣстнаго, кажется, въ цѣломъ нашемъ краѣ. Тутъ я встрѣченъ былъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ крѣпость, осажденная сильнымъ непріятелемъ, встрѣчаетъ отрядъ, пришедшій къ ней на выручку. Все, что только ни говорилъ я, что только ни читалъ, все было хорошо, прекрасно, все принималось съ невыразимымъ удовольствіемъ. Замѣтилъ я позади толпы еврея, вытянувшаго шею и съ любопытствомъ прислушивающагося къ нашей бесѣдѣ.

— Жиду!—обратился я къ нему:— бачишъ громада стоіть безъ шапокъ, а для того и я скинувъ свою; прошу жъ тебе: або зними шапку, або иди собі відсі.

Крестьяне переглянулись, а нѣсколько человѣкъ изъ стариковъ медленно, низко поклонились мнѣ.

Выборъ старостъ совершился спокойно и весело; потомъ стали просить, чтобъ я еще разъ разтолковалъ имъ ихъ обязанности. Статьи о повинностяхъ помѣщику никого не возмущали. Наконецъ, начали

крестьяне разсказывать мнѣ про свое житьё-бытьё. Я ихъ останавливалъ, напоминалъ, что пріѣхалъ только для открытія обществъ и выбора старостъ, да для прочтенія и растолкованія Положенія, жалобы же всѣ просилъ отложить до другого времени; говорилъ имъ, что спѣшу объѣхать всѣ села своего участка, познакомиться со всѣми громадами, говорилъ, что я долженъ спѣшить, потому что по селамъ пьяные люди читаютъ и толкуютъ по своему положеніе и народъ напрасно волнуется...

— »Ясный пане!—прерывали меня крестьяне: —не знаемо, якъ тамъ у другихъ, а що до насъ, то най панъ буде спокійний, — у насъ жадного, жадного не буде непорядку. Будьте певні, мы не того бажаемо, що другіі, ми будемо робити панові свому, якъ робили, наветъ ще більше, — най тільки заспокоітъ вінъ наши кривди; най позаплачуе вінъ намъ наши шкоди; най хоть яка-небудь зъявитця для насъ правда.«

И мнѣ становилось ясно, что населеніе этого имѣнія совершенно непричастно тому общему движенію крестьянства, которое поднято реформою;—что эти громады слишкомъ заняты своимъ мѣстнымъ интересомъ; а потому я долженъ былъ выслушать всѣ сѣтованія до конца и — крестьяне кажется отвели душу.

— Люди добрі! успокоивалъ я говорившихъ: — вірьте мині, що вашъ панъ не злый чоловікъ, — вінъ тілько дивний а къ тому же его оточають непотрібні люди. Ми знаемъ, хто зъ насъ якъ седить; ми знали, що у васъ тутъ робиться, все нали, але — ще разъ скажу вамъ — вірьте мині, вашъ панъ не злый чоловікъ. Отъ будете бачили, якъ все у васъ буде инакше, стану лишень я межъ вами и паномъ: побачите, я васъ погожу. Але—прошу васъ — сполняйте все справно и честно, що відъ васъ належитъ по закону. Старайтеся, щоби ви були чисти якъ скло, щоби я мігъ сміло говорити за васъ, а то якъ на ваши скарги почую я и відъ пана скарги—трудно буде втоді дать раду.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ, крестьяне обратились съ слѣдующимъ послѣднимъ вопросомъ:

— »Скажи жъ намъ, ясный пане, чи маемо ми теперь право куповати горілку на сторони?«

— А ну ії тую горилку! отвѣчалъ я:—на́ що ми ще й объ неі будемъ говорити. Отъ послухайте, що я вамъ пора́жу: не купуйте горілки ни у пана, ні на сторонi...

Предложеніе это оказалось никуда не годнымъ. Здѣшній крестянинъ не въ состояніи не только понять, но даже и повѣрить возможности не пить водки, если только его организмъ не изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ, которые не принимаютъ употребленія спиртуозныхъ напитковъ. У насъ право пропинаціи, эта грязная привилегія помѣщиковъ, всегда составляла не право продажи, а право распаиванія. Жизнь крестьянства, бѣдная, тяжелая, лишенная почти всѣхъ условій разумной, нормальной жизни, какую слѣдуетъ весть человѣку, не представляла у насъ даже и того развлеченія. того занятія для мысли, какое даютъ торговля и промыселъ. У насъ крестьянинъ всегда былъ не больше, какъ сельскій батракъ. Онъ машинально и равнодушно работалъ на помѣщика, потомъ коекакъ и какъ случилось работалъ на отведенномъ ему кускѣ земли, работалъ всѣ будни, покидая хату и семью свою рано утромъ и возвращаясь къ нимъ вечеромъ для того только, чтобы съѣсть *вечéру* и лечь, гдѣ попало, спать, если онъ не на очереди сторожить цѣлую ночь какое–либо добро помѣщика, или если это не лѣто, когда приходится ему, послѣ вечéры, отправляться опять въ поле пасти работавшую днемъ пару воловъ или коней. Однако, какъ ни старались обстоятельства превратить крестьянина въ вола и лошадь, онъ все таки оставался человѣкомъ и потому не могъ жить только физическою жизнію; не могъ удовлетворяться однимъ долгомъ—долгомъ работы; не могъ мириться съ обязанностью только покоряться волѣ другаго: не даромъ же бываютъ въ году дни праздничные, въ которые винокурня помѣщика хотя и идетъ, но, вопервыхъ, только зимой; вовторыхъ — не требуетъ всего села; втретьихъ,—не у всякого же помѣщика есть винокурня; наконецъ, винокурня–то и тѣсно связана съ праздничнымъ днемъ крестьянина; она-то и указываетъ ему, что не даромъ бываютъ въ году праздничные дни. Кромѣ праздниковъ, у крестьянина бываютъ въ хатѣ родины, крестины, обрученья, свадьбы, похороны, поминки, слѣдовательно сходятся гости и нужно провесть время. Говорить съ гостями?.. не о чемъ: жизнь сельскаго батрака, работника, каковъ каждый нашъ крестьянинъ, слишкомъ бѣдна и малосодержательна. Происшествія дня: волъ захромалъ, конь заболѣлъ, ось переломилась,—но это видѣли всѣ; такой–то сорвался съ крыши и разшибся,— и это видѣли всѣ; управитель ударилъ десять разъ въ лицо,—тоже видѣли всѣ; высѣкли жену, или дочь–невѣсту,—и это всѣмъ извѣстно; о чемъ же говорить съ гостьми?.. чѣмъ наполнить время досуга?.. Единственный

выходъ: предаться обрядности. Обряды, будучи разъ сочинены, не требуютъ уже ни малѣйшей мысли, а между тѣмъ ощутительно наполняютъ время. Вотъ и проходитъ досугъ крестьянина въ исполненіи разныхъ обрядовъ. Еслижъ не предстоитъ необходимости совершить какой нибудь обрядъ, онъ идетъ къ тому, у кого потребовалось, а не то онъ вмѣстѣ со всѣми идетъ въ корчму, гдѣ распиваніе той же водки производится съ тою же обрядностью. Когда я слышу сужденія объ иныхъ обычаяхъ нашихъ крестьянъ, мнѣ приходитъ иногда въ голову мысль: зачѣмъ обрядъ называемъ мы также обычаемъ?.. Ко всему этому прибавлю, что въ каждомъ селѣ, въ каждомъ приселкѣ есть корчма; по всѣмъ дорогамъ, по которымъ двигаются какіе либо обозы, стоятъ корчмы недалеко одна отъ другой, а иногда по двѣ, по три вмѣстѣ. Взглянувши только на эти заѣздные дома, сейчасъ видишь, что заѣздъ у нихъ статья второстепенная. Шинкованье же въ корчмахъ чрезвычайно рѣдко ведется самимъ управленіемъ помѣщика. Большею частью корчмы отдаются въ аренду, а арендаторами до очень не давняго времени всегда были евреи, приходившіе на аренды только съ перинами и подушками, а выходившіе, послѣ пяти, шести контрактовъ,—часто съ порядочными капиталами, съ помощью которыхъ они дѣлались купцами и закупали урожаи у владѣльцевъ корчемъ (*). Вслѣдствіе всего этого обряды крестьянскаго досуга, во—первыхъ, чрезвычайно многочисленны; вовторыхъ, безъ водки рѣшительно немыслимы. Нанимается ли кто, торгуется ли что нибудь —начинаютъ и кончаютъ водкою и, конечно, не безъ нѣкоторой обрядности. Продалъ что нибудь крестьянинъ—въ ознаменованіе совершившагося факта, хотя бы то была продажа пяти яицъ, является водка. Поссорился крестьянинъ съ сосѣдомъ и вздумалось ему итти на судъ другаго — за рѣшеніемъ судьи непремѣнно слѣдуетъ водка. Рядится крестьянинъ на какую-нибудь работу — выговариваетъ въ придачу водку. Встрѣтился съ знакомымъ другаго села—считаетъ долгомъ пригласить его въ ближайшую корчму выпить водки. Сошлись нѣсколько человѣкъ въ хатѣ—сейчасъ же посылаютъ за водкой. Родилось дитя — въ этотъ же день всѣ сходятся пить водку и поить родильницу завѣшенную ковромъ, или изодраннымъ кускомъ полотна. Заболѣло что-нибудь у крестьянина—баба-шарлатанка натираетъ больное мѣсто водкой, которая при этомъ так-

(*) Впрочемъ, и теперь во всякой околицѣ найдутся корчмы, дѣйствительными арендаторами которыхъ—евреи.

же распивается. Женщина трудно родитъ—ей подносятъ водку. Человѣку плохо, совсѣмъ умираетъ—спѣшатъ подать ему водки. Умеръ—сходятся сейчасъ же всѣ пить водку. На выносѣ тѣла надо непремѣнно опять всякому поднести водки. Могилы никто не станетъ копать, если не дадутъ ему водки. *Домовины* тоже не сколотитъ никто безъ водки. Опустили въ могилу гробъ, въ который передъ закрытіемъ вылита чарка водки, всѣ пьютъ водку. Идетъ сватъ въ хату—въ карманѣ у него бутылка водки. На заручинахъ только и дѣлается, что съ особенною обрядностью пьётся водка. Свадьба—водка льется рѣкой съ безконечными обрядами. Жениха выводятъ къ вѣнцу и свадебный староста между прочимъ, вытянувъ всѣхъ изъ хаты цѣпью, кропитъ публику святой водой и — водкой. Тоже между прочимъ дѣлается и въ хатѣ невѣсты. Пришли въ церковь, принесена туда и водка, потому что послѣ окончанія надо напоить церковнаго старосту и братство. На возвратѣ домой, молодыхъ встрѣчаютъ по улицамъ водкою и всѣ пьютъ. Высыпаютъ молодымъ за пазухи гроши, положенные ростями въ приданное подъ заздравныя чарки, вмѣстѣ съ этими грошами выливаютъ за пазухи и по чаркѣ водки. Вездѣ обрядъ, вездѣ водка, ни шагу безъ обряда, ни шагу безъ водки, всѣ обряды—для водки. Ужасно, возмутительно, больно, прискорбно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и такъ вездѣ, по всѣмъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю. А потому мое предложеніе—ецкимъ громадамъ не покупать водки ни у пана, ни на сторонѣ показалось предложеніемъ чрезвычайно-странымъ.

Скоро я убѣдился, что моя пропаганда трезвости рѣшительно ни кчему не ведетъ, между тѣмъ какъ возбужденный крестьянами вопросъ очень важенъ для нихъ, потому-что арендаторъ назначаетъ высокую цѣну въ шинкѣ и взыскиваетъ немилосердные штрафы, если поймаетъ кого нибудь съ чужою водкою. Крестьяне розсказывали мнѣ, что недавно управленіе помѣщика, по требованію арендатора, взыскало въ его пользу съ одного хозяина за бутылку чужой водки восемнадцать рублей штрафа!

Предложенный вопросъ я разрѣшилъ такъ:

— Ні въ манифестѣ, ані въ правилахъ ничого не говорится о горілці. Але и въ манифестѣ и въ правилахъ сказано ясно, що ви теперь люде вільні. Вільній же чоловікъ, здается мині, купуе за свої гроши що хоче и дэ хоче. А для того, мині здаетця, теперь

ви вже маете право куповати горілку якъ у своій корчмі, такъ и на стороні.

Громада разрѣшеніемъ вопроса осталась очень довольна, находя его безукоризненнымъ.

Я отправился къ помѣщику. Первыя дѣйствія моего посредничества въ его имѣніи были довольно удачны. Помѣщикъ очень любезно началъ съ того, что взялъ назадъ свое желаніе, (выраженное мнѣ передъ тѣмъ за нѣсколько дней въ письмѣ), чтобы я отказался отъ посредничества въ его селахъ. Помѣщикъ очень чувствительно жалъ мнѣ руку, высказалъ полную увѣренность въ моей добросовѣстности и полное невѣріе къ носящимся обо мнѣ слухамъ, обѣщалъ послушаться нѣкоторыхъ моихъ совѣтовъ, а я обѣщалъ рѣшительно, что никто не будетъ имѣть такой исправной барщины, какъ онъ.

При выѣздѣ изъ мѣстечка, въ коловоротѣ остановилъ меня, съ подобострастнымъ поклономъ, толстый, сѣдобородый арендаторъ мѣстной корчмы.

— Вы объявили крестьянамъ, что они имѣютъ право покупать водку на сторонѣ? спросилъ онъ.

— Да.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали!

— Какъ зачѣмъ?

— Не надо было этого говорить.

— Какъ не надо?.. да вѣдь они меня спрашивали.

— Я знаю, что они спрашивали; но не надо было имъ говорить...

— Что́ же? я долженъ былъ имъ солгать и потомъ взять у васъ сто, или полтораста рублей, не такъ ли?..

— Я не смѣю этого думать, но... не надо было имъ говорить.

— Я васъ не понимаю.

— Чтожъ теперь со мною будетъ? Вѣдь я ужъ заплатилъ за аренду.

— Что́ будетъ съ вами?..

— Да! что жъ теперь будетъ со мною?

— Если вы заплатили послѣднія деньги и если помѣщикъ не согласится на сдѣлку, то вы будете банкрутъ.

— За что́ же такъ меня карать?

— За то, что вы платите за аренду дороже, чѣмъ она стоитъ. Вѣдь, еслибъ нельзя было брать по восьмнадцати рублей штрафа за бутылку, то вы никогда бы не дали за здѣшнюю аренду тѣхъ денегъ, какія вы до сихъ поръ давали?...Все, чѣмъ могу служить вамъ, такъ

это только тѣмъ, что буду вмѣстѣ съ другими склонять помѣщика на сдѣлку.

На другой день я получилъ отъ помѣщика длиннѣйшій формальный за номеромъ отзывъ, написанный однимъ изъ непрестанно-пишущихъ его адвокатовъ—нахлѣбниковъ. На двухъ листахъ мелкимъ почеркомъ написано множество разныхъ разностей и цитатъ изъ Положенія и Свода Законовъ, приведенныхъ разумѣется ни къ селу ни къ городу. Между прочимъ, говорится въ этомъ отзывѣ слѣдующее :

«Эти же старосты и другіе крестьяне говорятъ, что будто бы вы дозволили имъ брать на сторонѣ на свои надобности водку. Это противно было бы высочайшему манифесту, коимъ въ пунктѣ 6-мъ до истеченія двухъ лѣтъ со дня изданія того манифеста, повелѣно крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщиковъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности, а въ числѣ этихъ обязанностей была и та, что крѣпостные крестьяне не имѣли права брать на свою надобность водку изъ сторонникъ корчемъ; за это помѣщики платили казнѣ винокуренную подать, замѣненную въ послѣдствіи акцизнымъ сборомъ, да и вольнымъ людямъ не дозволено ввозить въ помѣщичье имѣніе чужую водку, ибо таковой подвозъ и т. д.»

Такимъ же точно тономъ говорится въ отзывѣ, что старосты не приходятъ каждый день за полученіемъ наряда барщины и не хотятъ ходить по селу заказывать барщину, ссылаясь на то, что «будто бы» я не велѣлъ имъ исполнять своихъ обязанностей.

Я отвѣчалъ помѣщику, что дѣйствительно, по закону, или вѣрнѣе сказать, по буквѣ закона можно все дѣло взвалить на одного старосту, но чтобы исполнить этотъ законъ, надо дать ему жизнь въ самомъ способѣ примѣненія его къ дѣлу. Открывая сельскія общества, я просилъ всѣхъ помѣщиковъ—не уничтожать старой должности атамана, который получивъ нарядъ барщины, отправлялся бы по прежнему на село заказывать ее, но передъ самымъ заказываніемъ заходилъ бы къ старостѣ, дабы потомъ распоряженіе помѣщика могъ объявлять крестьянамъ, какъ приказъ старосты. Я писалъ, что на первый разъ этотъ порядокъ признаю необходимымъ. Я старался объяснить и убѣдить помѣщика, что намъ самимъ надо стараться о томъ, чтобы сельскій староста какъ можно скорѣе усвоилъ себѣ положеніе старшаго человѣка въ селѣ; если же онъ лично будетъ бѣгать подъ окна хозяевъ съ нарядомъ барщины, то исполняя такую унизительную, въ гла-

захъ крестьянъ, обязанность, онъ сдѣлается не старостою своего общества, а лакеемъ помѣщика. Я сообщалъ, что почти всѣ помѣщики моего участка согласились съ этимъ мнѣніемъ и удерживали должность атамана; старостамъ же я дѣйствительно приказалъ только разъ въ недѣлю, въ субботу, находиться при отдаваніи помѣщиками, или ихъ управителями, распоряженій атаманамъ. Что же касается продажи водки, то я отвѣчалъ, что объясненія мои о правѣ крестьянина на свободу покупки нужного ему продукта можетъ быть и неправильны, но искренни, а съ Сводомъ Законовъ я не справлялся, потому что тамъ нѣтъ постановленій о теперешнихъ временно-обязанныхъ крестьянахъ.

Дѣло пошло въ губернское присутствіе—и о водкѣ, и объ старостахъ. Губернское присутствіе рѣшило (между прочимъ): «пригласить г. г. помѣщиковъ, чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства, оставить по крайней мѣрѣ на первый случай существующую до нынѣ должность сельскаго атамана, въ помощь сельскому старостѣ, собственно для заказыванія слѣдуемой отъ крестьянъ помѣщику издѣльной повинности съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ ослушанія кого либо изъ крестьянъ, или неисполненія заказа, атаманъ тотчасъ докладывалъ бы о томъ старостѣ, для зависящихъ съ его стороны распоряженій и проч.» О водкѣ же губернское присутствіе рѣшило, заглянувъ въ Сводъ Законовъ; и такъ какъ «ни въ помянутой 753, ни въ послѣдующихъ статьяхъ того же устава (о пит. сбор.) ничего не сказано о крестьянахъ поселенныхъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ», то вышло, что крестьяне нашихъ имѣній не имѣютъ права покупать водку на-сторонѣ.

Послѣ того я получилъ отъ этого же помѣщика другой отзывъ еще длиннѣе, еще замысловатѣе перваго. Онъ требовалъ смѣнить старосту въ одномъ изъ его селъ. Причины были выставлены чрезвычайно важныя: уголовныя преступленія старосты. Человѣкъ этотъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Наружность Ч—а чрезвычайно красиваго мужчины въ высшей степени симпатична. Молодой человѣкъ, умный, толковый и довольно развитый (онъ былъ въ оркестрѣ помѣщика нѣсколько лѣтъ) пользовался въ громадѣ значительнымъ вліяніемъ и мнѣ что-то говорило, что это будетъ одинъ изъ лучшихъ старостъ, и главное— что это будетъ одинъ изъ тѣхъ, которые меня не только послушаютъ, но и поймутъ.

— Страшні речі тутъ про тебе написані, — сказалъ я Ч — у, прочитавъ отзывъ помѣщика.

— О, я знаю, що пану не хочетця бачити мене старостою,—отвѣчалъ Чернякъ, бросая какой-то странный взглядъ на бумагу въ моихъ рукахъ.

— Вінъ пише, що ти ёго обокравъ и що ти якось напавъ на священника въ его власнімъ дому.

Ч — ъ засмѣялся. Потомъ вдругъ насупился, закусилъ губу и изъ подъ нахмуренныхъ бровей огнемъ засвѣтились глаза.

Онъ разсказалъ мнѣ все дѣло, дѣло старое, бывшее восемъ лѣтъ тому назадъ. Я его не повторяю здѣсь. Записки пишу не для себя и не для отдаленнаго потомства, а для современной печати, въ которой нѣтъ мѣста разсказу Ч — а.

Я поѣхалъ въ его село, собралъ громаду; употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы не даться въ обманъ и, пріѣхавъ домой, отвѣчалъ помѣщику, что Чернякъ не можетъ быть смѣненъ, что нѣтъ никакой къ тому законной причины, а имъ представленныя—взяты изъ давнопрошедшаго времени, раскрывать которое не мое дѣло. Потомъ, при личномъ свиданіи, я поручился помѣщику за то, что въ селѣ Ч—а будетъ больше всѣхъ порядка и покорности его законнымъ требованіямъ. Сѣверозападная граница моего участка измѣнилась и помѣщикъ, окруженный непрестанно пишущими адвокатами—нахлѣбниками, избавился отъ моего посредничества.

—ецкіе депутаты сейчасъ же явились ко мнѣ и спрашивали: что это значитъ? Я опять объяснялъ, какъ могъ, естественность перемѣны и просилъ старостъ, ради расположенія ко мнѣ, удержать громады отъ незаконныхъ протестовъ, которые ничего не принесли бы, кромѣ несчастья для громады и большихъ неудовольствій для меня. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, —ецкія громады выслали въ губернскій городъ депутацію изъ трехъ человѣкъ съ прошеніемъ. Прошеніе это во многихъ отношеніяхъ было замѣчательно. Оно написано не къ губернатору, не въ присутствіе, а къ одному изъ членовъ присутствія, помѣщику В.—Г., который три года тому назадъ, былъ депутатомъ въ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, одинъ отстаивалъ то мнѣніе, которое пришлось ему въ послѣднее засѣданіе внесть въ протоколъ особымъ мнѣніемъ, надѣлавшимъ тогда шуму и сдѣлавшимся теперь мнѣніемъ большинства, значитъ—общественнымъ. Очень жалѣю, что немогу помѣстить въ свои записки этого прошенія—ецкихъ

громадъ, поданнаго В—Г—; наивность его и чистосердечіе во многихъ мѣстахъ чрезвычайно трогательны, а въ цѣломъ—прошеніе полно особаго рода драматизма. Ч—ъ смѣненъ.

Григорій Ге.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(1 января 1862).

— — Зъ знесеннямъ крепацтва, у народі пішла, особливе по селамъ, хороша гуторка, що треба учити дітей грамоті, щобъ пани зновъ не закріпостили, а якъ же то ёго й учитьця? Оттутъ-то и мудрація и дивовижа! Въ дé-котрихъ селахъ, попи и пани позаводили школи, а ніхто въ ті школи не пуськае дітей, хочъ усі й говорять, що треба учитьця грамоті; у тихъ же школахъ, що сама громада завела—доволі дітей; черезъ щó жъ воно такъ?.. Эге! спершу воно дивно, а якъ пильно придивисся, то й побачишь, що такъ воно й треба: до панівъ народъ мае давню, историчну невіру, а попамъ не дае учити дітей черезъ тé, що вони негарно учять, по старій методі, а инчий не втерпить—скубне й за чуба.

Полтавці (не всі, а невеличка громада) щиро силкуютця удовольнить народню требу. И порадившись міжъ собою, думали завести «*Общество грамотності*, усе вже було готове, да ба! не вдача! *не по іхній вині*. Такъ-само не вдалось и *в.п.* Злигастевій здавать газету *Нива*. Великі були надіи да обідві полетили въ Лету! Нехай царствують! може народятця другиі... 3-го сентября одкрита дівоча недільня школа. Хозяінуе у сій школі в. п. Милорадовичка,—щиро и працёвито; а учать дівчата зъ дівочоі гимназіи. У школи грошей и книжокъ доволі, доволі й учениць: записано 150. Черезъ три неділі послі дівочоі школи, заведена хлопьяча недільня школа при повітовімъ училищі; да тільки тутъ якесь безголовья!..

Теперь иде річъ, и мабудь, скоро стане діломъ, щобъ завести въ Полтаві ще дві школи, одну на Павленкахъ, другу на Кобищанахъ. Ждемо хутко дозволення зъ Киіва одъ попечителя, щобъ завести щоденну школу, на котру е вже й учителі, и гроши, и ученики.

Заведено ще, въ 1861 р., въ Полтаві дві жидівськихъ суботніхъ школи: хлопьяча й дівоча. Учятця у іхъ жиденята, (у хлопьячу хо-

дить зъ десятокъ и нашихъ хлощівъ). Чудне діло оці жиди! число жиденятъ—показуе, що міжъ ними е велика потреба грамоти; за те недостача учителівъ зъ жидівъ, и недостача грошей показуе, що старимъ жидамъ байдуже грамота! Чого краще? у хлопьячу школу записано 150, а ходить, що-суботы 65—80 жиденятъ; учителівъ бувае 18—26, а міжъ ними 3 чи 4 зъ жидівъ. Або ще ось що: увъ Октябрі пришлось такъ, що ні-за-що було кушить свічокъ для школи; усіхъ грошей зосталось меншъ 3-хъ карбованцівъ. П. п. По—ви (богачі) ще зімою записали на школу 20 карб.; отъ и писали імъ, и такъ прохали, щобъ оддали гроши, бо въ школі ні за що свічокъ купить; »добре, кажуть, пришлемо,« та й досі присилають! Колибъ наши *українці* не нарядили литературнёго чтенія, зъ котрого зибрали на *жидівську* школу 90 карб., то, певнобь, досі школа бухнула. Чудний народъ—жиди! За слово гризутця, кричять, наче іхъ ріже хто, а до разумнаго, до плодючого діла—нема вдачи! Нехай, колись, я пришлю *Основі* особливий листъ про Полтавськихъ жидівъ (*).

На Наума, 1 декабря, у Полтавській козачій волости, заведено три недільні школи. У с. Горбанівці—на первий разъ було 7 хлощівъ и 11 дівчатъ; у селі Жукахъ—31 хлопець и *дві* дівчини и въ с. Иванчинцяхъ 22 хлопці. Треба бъ було ще завести школу у селі Патлаівці, да тамъ пан-отець не забажавъ. *Неудобно*, каже.

Такъ якъ у школахъ *можна* учити тілько грамоті, то вв. пп. Стронінъ и Пильчиковъ, зъ дозволення Министра Н. Пр., зъ 1-го октября стали читать *народні лекції* (за входъ 3 коп. ср.) зъ естествовідівня, исторіи, и инче, що потрібно знати кожному. Людей бувае доволі. Лекції читають тілько по неділямъ; одну неділю в. п. Стронінъ; другу—в.п. Пильчиковъ.

Отъ вамъ житте торшіннёго году у Полтаві. Життя *громадського* не було й нема; и не диво! *Пани* живуть *панами*. Нема въ насъ того, щобъ працёвати усімъ разомъ, дружно, у-купі!.. Кат-зна що видумали! Намъ давайте карти, бенкети, танці: отъ-то наше діло; а голови нехай здорові спочивають... Есть у насъ ще такі панки, що

(*) Нехай *Сіонъ*, якъ хоче горло дере, а ми не одкажемось одъ слова *Жидъ*; бо себъ значило одказатьця одъ исторіи, одъ *народнеі* мови; а мова намъ дорогша грошей. Правда, ми люде *исключительные*; нічого Жидамъ у насъ шукать; *Сіонъ*, спасибі ему, найшовъ для нихъ *отечество*. Тогді, може, й слово змінитця, якъ перемінитця исторія; а поки-що—нехай собі жиди панують, якъ панували, да нехай же и звутця такъ, якъ звались.

Основу читають *для потѣхи*, а вже зате *Сина Отечества* начитуютця до схочу, для розуму, *для направленія!* Химерні люде!

Годі про іхъ,— ходімъ зновъ до людей. Чувъ я, що поміжъ лакеями, кучерами, поварами, куховарками и горничними, котри уміють грамоти, иде складчина на народню книгарню,—щобъ було, що, кажуть, читати у зимні вечера. Діло добре,—поможи Боже!

Нагадавъ про зімні вечера, то разомъ скажу вже слово и про зіму. Сей годъ лягла у насъ зіма, ще одъ Катерини. Снігу доволі, морозці креплять гарненьки,—затежъ топливо, крий Боже, яке дороге! Да се ще не біда, а отъ велике лихо: — къ осені округъ Полтави залягла сарана, а велика снігова зіма—наробить того, що сарана на весну виплодитця. А кумедія зъ сараною! Въ осені іхавъ я у Кременчугъ и, одъіхавши верстовъ 50, чи може й більшъ, одъ Полтави, ставъ біля шинку попасать коней. У хаті седіло чотирі чоловіки и говорили про сарану. Одинъ росказувавъ, якъ треба ії зводить.

»— Не можна сарани зводить, озвавсь другий, гріхъ за се...

»— Чого́ такъ? — спитали его.

»— Э! чого! а ви й не знаете! Нашъ дяконъ,— вінъ чоловікъ не аби-який, розумний,—росказуе, що сарана—свята птиця: налетіла сюда зъ Ерусалима, ії зводить гріхъ. У ёго бувъ двоюродный дідъ, котрий усе бивъ сарану, дакъ за те, якъ умеръ, то такъ и обсіла его сарана по всему тілі, да такъ густо обсіла, що нігде було й курці клюнуть.«

Ставъ я увірять, що дякопъ бреше, що сарана не тільки не *свята*, а й не *птиця*,—такъ ні! и слухать не хоче! На одному ставъ: »дяконъ чоловікъ старий и розумний, брехать не стане.«

Хотівъ вже закончити цей листъ, якъ увійшовъ до мене у хату приятель зъ села Великихъ Будищъ (Зіньковського повіту): — каже, що й тамъ офицери завели недільню школу.—Мій приятель вовка на дорозі бачивъ, да такъ злякався, що ажъ труситця увесь. Отъ, легкодухий чоловікъ! У насъ, у Полтаві, цілими отарами, середъ дня, ходять собаки, страшнійші одъ вовківъ, да ми й то не боімось! Цішкомъ одбиваемось; а на полицію нема надіи,—вона не оборонить, хочъ и *повинна*-бъ *по закону* гледіть, щобъ у городі собаки не ходили.

Олександеръ Переходовець.

ДОРОЖНАЯ ЗАМѢТКА.

(*Изъ Полтавы въ Кременчугъ*).

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ проѣхать болѣе 1500 верстъ, но ни разу не случалось быть свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ сценъ, какія я встрѣтилъ, проѣхавъ изъ Полтавы въ Кременчугъ, всего 113 верстъ! Надо не имѣть ни малѣйшаго уваженія къ человѣку, чтобы равнодушно смотрѣть и молчать, какъ издѣваются надъ бѣднымъ простолюдиномъ, пользуясь его безпомощностью!

Проѣхавъ 11 верстъ отъ мѣстечка Рѣшетиловки, я нагналъ пять подводъ съ сѣномъ; всѣ онѣ стояли на дорогѣ, а на-лѣво, всторонѣ, стояла почтовая кибитка, запряженная тремя лошадьми. Услышавъ крикъ: ой! ой!, я приказалъ своему ямщику остановиться и подошелъ къ тѣмъ санямъ, изъ-за которыхъ слышался крикъ. Здѣсь я увидѣлъ изумительное зрѣлище: какой-то господинъ въ енотовой шубѣ, держа въ лѣвой рукѣ шапку, правою отпускалъ сѣдому старику-крестьянину оплеухи. Появленіе сторонняго лица ни на одну минуту не смутило неизвѣстнаго господина.

— За что вы деретесь?—спросилъ я, ставъ между господиномъ и простолюдиномъ.

— Не мѣсайте! это не васе дѣло! я знаю, за цто я бью,—было мнѣ отвѣтомъ.

Я понялъ съ кѣмъ имѣю дѣло и — легко понять — какъ возмутился.

— Я не позволю вамъ болѣе пальцемъ тронуть его! Если онъ виноватъ — жалуйтесь, — законъ разберетъ и накажетъ, а сами не бейте, сказалъ я и, обращаясь къ обиженному, продолжалъ: — «поѣзжайте съ Богомъ».

— Не поѣдетъ!... перебилъ меня жидъ: — я его въ станъ повезу.

— Звісно не поіду, покіль шапки не оддасте,—отозвался, наконецъ, обиженный.

На вопросъ мой: за что жидъ дрался и за что снялъ шапку? старикъ сказалъ: »от-такъ, якъ бачте! везли ми сіно; я йшовъ біля первихъ санєй и не чувъ що почта біжить, бо я, на біду собі, глухий; та й не звернувъ... отъ мене и стали лупцёвать.«

— И вамъ не совѣстно, м. г., сказалъ я жиду, — обижать за это человѣка!

— А почему-зъ онъ не сворачиваетъ! онъ слышитъ, што колокольщикъ звинитъ!... Я его въ станъ... я куцецъ второй гильдіи!...

— Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ я. Вы носите имя купца, а поступаете, какъ разбойникъ! Своротить съ тяжелыми подводами—нѣтъ никакой возможности. Я, наконецъ, требую, чтобы вы отдали шапку, а не то—я ворочусь и представлю васъ становому, какъ разбойника.

— А вы-то кто такой?

— Человѣкъ!... но кто бы я ни былъ, — я, именемъ закона, заставлю васъ не нападать на беззащитныхъ... Отдайте шапку и попросите извиненія: иначе поѣдемъ вмѣстѣ.

Жидъ не сдавался. Я снялъ свою шапку, отдалъ крестьянину, а ямщику велѣлъ заворотить лошадей и ѣхать обратно въ Рѣшетиловку. Жидъ трухнулъ и бросилъ шапку на снѣгъ.

— Этого мало: сказалъ я.—Отдайте шапку въ руки, попросите извиненія и заплатите за побои!... Не то—я рѣшился ѣхать съ вами.

Видя мою настойчивость, жидъ сдался и предложилъ заплатить 1 р.—«Мало, сказалъ я.» — «Ну, а сколько-зе?» — «Да Богъ съ нимъ!»—отозвался крестьянинъ; «не треба мині его грошей.» Но я не отставалъ. Послѣ долгаго торга, жидъ извинился и заплатилъ обиженному 3 рубля.

Мы разъѣхались. Подъѣзжая къ Бунаковкѣ, я встрѣтилъ другую сцену въ подобномъ же родѣ.

Возлѣ саней, впряженныхъ одной лошадью, на которыхъ сидѣло 4 солдата, шла женщина, упрашивая солдатъ встать съ саней и обѣщая за то дать имъ *на чвертку*. — «Обороніть, добродію, бабу», сказалъ мнѣ ямщикъ.—Разспросивъ женщину, я узналъ, что солдаты сѣли къ ней въ сани безъ ея согласія; между-тѣмъ лошадь ея совсѣмъ пристаетъ, и она готова заплатить,—только бы избавиться отъ непрошенныхъ гостей.

— Не хорошо, ребята, дѣлаете, сказалъ я солдатамъ;—встаньте съ саней.

— Что-жъ и намъ-то дѣлать, отвѣчалъ одинъ: устали больно, а отдохнуть нѣкогда,—спѣшимъ; завтра къ вечеру надо быть въ штабу.

Но послѣ двухъ–трехъ моихъ замѣчаній, всѣ встали и пошли по дорогѣ, а баба поѣхала дальше.

Послѣ этихъ двухъ сценъ я невольно вспомнилъ многое и взгрустнулъ.

Александръ Конисскій.

Кременчугъ,
16 Января 1862 г.

ЗЪ ГОРОДНЯНСЬКОГО ПОВІТУ.

Торікъ, передъ Святками, на останнёму тижню, по нашому повіту прогула чутка, що у село Задеріевку везуть шибеницу, катувáти жинку. Дяка Богові міжъ нашими селянами ще не саме то богато бува такихъ робівъ, щобъ шибеница була намъ не вдивовижу. Затимъ ця новина задала людямъ суму. Пішли міжъ людомъ балакання та спроси: за що катувáтимуть, и якъ, и коли?... И отъ що виявилось.

У менённому селі жинка–вдова злюбилась зъ парубкомъ, та й не постереглися, — знайшлась у нихъ дитинка. Парубокъ підмився прикрить гріхъ,—взяти ії за себе. А далі храпъ та й ожепився на другій, приставъ у прийми. Сумуе покинута вдова, и парубка шкода, и сорому свого не мусить забути. Залягла ій въ голову думка, зробити помсту прозводнику. Отъ вона взяла та й підпалила ёго хату. Та, на лихо ій, обрала таку добу, коли всяка хоромина суха, якъ порохъ— саме посередині літа; такъ зъ запаленної хати розрослась по селу така пожéжа, що чимало згорило дечиіхъ хатъ... Зчинився розискъ .. Вдова й призналась... Судъ и присудивъ: »наказать на мѣстѣ преступленія«.

Такъ оцю-то жинку минувшого 19–го студня катували въ Задеріевці »для приміру...« Люде повалили дивитись на цей приміръ. Поки не дійшло до росправи, люде, гомонячи, крíпко лаяли вдову; нихто не добирався до того, зза чого вона зробила цей вчинокъ, усяке казало: »сяка–така пустила чимало людей по-підъ вікна«, и ни жадної искорки жалю ни у кого не було до безщаснoї виноватници. Алежъ якъ звели ії на шибеницу, та якъ почавъ біля неі поратись катюга, то народъ такъ и шарáхнувся въ слёзи. Де подíлась й жорстокість людська!... Кожне згадало, що й воно чоловікъ, и що зъ нимъ тежъ може бути. Полились слёзи не за те, що карають негóжи вчинокъ, але за таку страшну кару, за таку нарýгу надъ людиною, хочъ и вин-

ною. Де подíлись й ті ганьби та лайки, що за декильки хвилинъ чулись: усе принúшкло. Тільки голосиння та слёзи було й чути... Віддюбáривши, посадовили бíдну знóвъ на ті страшні гринжола та й повезли въ шпиталь... Оттутъ ще бíлшъ люде виявили свое серце: хто кидавъ безщасній хустку, хто шáга, хто книша; чімъ хто богатівъ, тимъ и подарúвъ безталанну... Такъ-то нашъ людъ проймае ці »приміри«. Кожний, хто ни бачивъ катування, до дому вертався зъ жалемъ та сумомъ, и опричъ нихъ билшъ ничого не мавъ на серцю... Народъ давно, стало бути, одвернувся вíдъ цихъ »примірівъ«. Вінъ не любе негарніхъ вчинківъ, алежъ не хоче такоі страсноі кари... Люде затуляютця не хочуть и дивитись на нёго, якъ, бува, вінъ ходе по місту. Перепечайки не боронять ёму навíть брати книша, бублика. Нехай бере, аби самоі не чипавъ. Бо заборони тільки, коли хочъ, то вінъ, недовíрокъ, вíзме та й ударе на соромъ: »не кажи-жъ теперечки сяка-така—каже—що тебе не бивъ катъ.« Отъ люде й оберегаютця ёго чипати.

Написавши, якъ люде глядять на кари та на ката, скажу на скінчання, що менí оце двíйчи довелось бачити, чого то люде не вироблюють черезъ кохання. Роківъ зо три тому бувъ я у Киеві, такъ тамъ мінí трапилося бачити, якъ обíдень ховали дочку й матку. Лучилося це такечки. Мати та зъеднала дочку за нелюба. Якъ ни молила, якъ ни благала дочка не губить ii, не вважила мати,—силоміць повела свою доню до шлюбу зъ немилимъ. Пришли одъ вінця... Кинулися молодоі та й знайшли ii на хати, на крокві — повісилась. Якъ сказали матери, то вона такъ и бехнула на долівку... До неі— ажъ и вона Богу душу віддала. Хороше весилля, — бодай бíлшъ не бачити, тежъ саме, бодай би не довелося у друге слáти увъ »Основу« такихъ звістóкъ, якъ отъ шлю теперечки.

Леся—ій.

ОТЧЕТЪ

о состоянíи Полтавскаго Женскаго Училища 1-го разряда за 1861 учебный годъ.

1) открытíе училища.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1857 года, когда въ Полтавѣ полученопервое извѣстíе о высочайшихъ рескрíнтахъ, предвѣщавшихъ крестьянскому насе-

ленію Россіи иную будущность, одинъ изъ членовъ здѣшняго учебнаго сословія (1), первый подалъ мысль, что приготовить это населеніе къ ожидающей его будущности, составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, нравственный долгъ педагогическаго сословія, и потому тогда же предложилъ открыть даровую школу для обученія крестьянскихъ дѣтей.— Мысль эта была принята съ увлеченіемъ въ средѣ всѣхъ учебныхъ вѣдомствъ Полтавы и мало по малу, вращаясь въ кругу ихъ, приняла нѣсколько большіе размѣры, а именно превратилась въ мысль о женской гимназіи въ Полтавѣ; а потому, оставляя до времени первую (2), преподаватели всѣхъ полтавскихъ учебныхъ заведеній согласились между собою предложить трудъ свой безмездно на семъ лѣтъ, т. е. на полный первый курсъ предполагаемой гимназіи. Это предложеніе вызвало за собою многія другія изо всѣхъ слоевъ городскаго общества: почетный членъ совѣта здѣшняго института, двора Е. В. камергеръ, М. А. Бѣлуха—Кохановскій первый, кромѣ денежнаго пожертвованія, предложилъ свои услуги въ качествѣ казначея возникающаго предпріятія; изъ особъ женскаго пола многія, также безмездно, предложили свои услуги въ качествѣ классныхъ дамъ будущаго заведенія, нѣкоторыя лица поспѣшили изъявить готовность на пожертвованія деньгами. При такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, всѣ эти предприниматели рѣшились обратиться съ просьбой о содѣйствіи къ г. начальнику губерніи и вообще къ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ, и вездѣ нашли отвѣтъ полный сочувствія: бывшій здѣшній епископъ далъ предпріятію свое благословеніе, г. начальникъ губерніи принялъ на себя ходатайствовать о надлежащемъ для него разрѣшеніи, и дѣйствительно 11 февраля 1858 года вступилъ въ оффиціальное по сему предмету сношеніе съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ частное съ покойнымъ Генералъ-Адьютантомъ Ростовцевымъ, который и не замедлилъ привѣтствовать раждающееся предпріятіе въ видѣ признательности за него своимъ подчиненнымъ.—Между тѣмъ всѣ участвующія въ предпріятіи лица, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, устроили общія совѣщанія для составленія проэкта самаго устава гимназіи, и къ половинѣ того же 1858 года этотъ проэктъ былъ приведенъ къ окончанію. По вслѣдъ затѣмъ г. начальникъ губерніи получилъ отъ Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа

(1) Преподаватель Полтавскаго Петровскаго Корпуса, П. И. Ильяшевичъ.

(2) Впрочемъ, эта мысль, въ настоящее время, нашла уже свое осуществленіе въ видѣ нѣсколькихъ воскресныхъ школъ для дѣтей обоего пола.

сообщеніе, въ которомъ изъяснялось, что такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года издано для открытія подобныхъ училищъ общее положеніе, то и слѣдуетъ сообразоваться съ нимъ и ожидать, пока условія, въ немъ предписанныя, найдены будутъ въ Полтавѣ. Съ другой стороны условія эти т. е. матеріальныя средства, имѣвшіяся тогда въ виду, также не могли поддержать настойчивости предпріятія, и такимъ образомъ оно должно было, по видимому, прійти въ забвеніе. Такъ прошло болѣе года.

Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1859 года одному изъ учителей корпуса (*) пришла счастливая мысль попробовать изыскать денежныя пособія, сверхъ непосредственной подписки, еще путемъ нѣсколькихъ такихъ предпріятій, доходъ съ которыхъ могъ бы быть обращенъ въ пользу женской гимназіи. Въ теченіе зимы съ 1859 на 1860 годъ нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій были исполнены, а именно: дано было нѣсколько вечеровъ съ лотереею-аллегри и нѣсколько драмматическихъ представленій. Доходъ съ этихъ предпріятій далъ смѣлость предпринимателямъ снова искать разрѣшенія на открытіе женской гимназіи и притомъ именно на основаніяхъ, изложенныхъ въ составленномъ ими проэктѣ устава.—Съ этою цѣлью они вновь обратились къ г. начальнику губерніи, прося его непосредственнаго сношенія съ попечителемъ К. У. О., должность котораго въ это время занималъ тайный совѣтникъ Пироговъ. Г. Начальникъ губерніи снова не отказалъ въ ходатайствѣ и тогда же, 19-го генваря 1860 года, вошелъ въ сношеніе съ попечителемъ.—Результатомъ этого сношенія было разрѣшеніе на открытіе учрежденія, подъ условіемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ измѣненій въ его уставѣ, въ томъ числѣ и замѣны названія Полтавской Женской Гимназіи—названіемъ Полтавскаго Женскаго Училища 1-го разряда въ тѣхъ видахъ, что иначе потребовалось бы разрѣшеніе Министра Нар. Просв., а это могло бы слишкомъ отдалить самое открытіе заведенія.—Учредители заведенія обратились къ супругѣ бывшаго Директора училищъ Полт. Губ. У. Г. Данилевской съ единодушной просьбою принять на себя званіе начальницы Училища; она согласилась принять на себя эту обязанность безмездно, и вслѣдъ за тѣмъ была утверждена въ должности Попечителемъ К. У. О. Тогда, подъ предсѣдательствомъ г. директора училищъ, составлена была коммисія изъ трехъ преподавателей съ

(*) Поручику А. П. Риттеру.

цѣлью принятія мѣръ, необходимыхъ для немедленнаго открытія заведенія.—По окончаніи дѣйствій этой коммисій, 16 августа произведено было первое пріемное испытаніе, а 26 того же августа произошло открытіе училища, состоявшее въ молебствіи, чтеніи исторической записки о происхожденіи училища, изъ которой мы заимствовали изложенныя здѣсь подробности, и рѣчи Протоіерея И. Думиграшки. Въ заключеніе начальникъ губерніи выразилъ въ немногихъ словахъ сочувствіе къ вновь открываемому заведенію и желаніе ему успѣха.—За тѣмъ съ 1-го сентября началось преподаваніе въ училищѣ, но не прекращались, однакожъ, пріемныя испытанія.—Всѣхъ поступившихъ дѣвицъ было 206.

2) Извлеченіе изъ устава училища.

Полтавское Женское Училище есть открытое учебное заведеніе. (§ 3). Полный курсъ ученія въ немъ продолжается 7 лѣтъ и раздѣляется на 7 классовъ, изъ которыхъ первый называется *приготовительнымъ*. (§ 4). Предметы преподаванія.

a) Законъ Божій,
b) Русскій языкъ.
c) Математика и Физика.
d) Географія.
e) Исторія.
g) языки французскій и нѣмецкій.
h) *Естественныя науки*: въ 4-мъ классѣ—общія понятія (1 ур.); въ 5-мъ кл.—Ботаника (2 ур.); въ 6-мъ кл.—Зоологія (2 ур.); въ 7-мъ кл.—Минералогія (2 ур.)
i) Педагогика; въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
k) Гигіена: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
l) Законовѣденіе: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
m) Домоводство: въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
n) Рисованіе.
o) Чистописаніе.
p) Рукодѣлье: во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, по 2 ур.
q) Пѣнье: въ 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ по 1-му ур.

Всѣхъ учебныхъ часовъ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ класс. по 17, въ 4-мъ и 5-мъ по 20, въ 6-мъ—22, въ 7-мъ—23.

Танцованіе и музыка преподаются для желающихъ за особую плату. (§ 6) — [1])

Учебный годъ училища начинается 15 августа и оканчивается 15 Іюня (§ 7). Въ это время ученіе продолжается отъ 8½—2 часовъ по полудни. (§ 9). Годичныя испытанія производятся слѣдующимъ образомъ: а) въ концѣ каждаго полугодія т. е. въ декабрѣ и маѣ мѣсяцахъ, каждый изъ преподавателей подаетъ вѣдомость, въ которой знаніе ученицъ отмѣчается словами: *отлично*, *удовлетворительно* и *неудовлетворительно*; б) Ученицы, получившія по какому либо предмету въ одной изъ полугодичныхъ вѣдомостей *отлично*, а въ другой по крайней мѣрѣ, *удовлетворительно*, освобождаются отъ окончательнаго испытанія по этому предмету; в) Ученицы, получившія изъ половины предметовъ своего класса отличную отмѣтку за оба полугодія, а изъ остальныхъ удовлетворительную, освобождаются вовсе отъ испытанія, впрочемъ могутъ быть испытуемы въ какомъ либо одномъ предметѣ по усмотренію директора; г) Ученицы, получившія *неудовлетворительную* отмѣтку изъ большаго числа предметовъ своего класса, недопускаются вовсе къ испытанію; д) Испытаніе для тѣхъ воспитанницъ, кои подлежатъ ему, производится въ одинъ день по всѣмъ предметамъ для каждаго класса; е) Присутствовать при сихъ испытаніяхъ предоставляется всѣмъ желающимъ, для чего росписаніе ихъ публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

По окончаніи испытаній, производится годичный актъ, состоящій въ чтеніи исторической записки за истекшій годъ, съ поименованіемъ ученицъ, оказавшихъ отличные успѣхи, и въ раздачѣ свидѣтельствъ и аттестатовъ. День для сего акта назначается не позже 15 Іюня. (§ 10. [1]) Въ первый классъ принимаются дѣвицы не моложе 9 лѣтъ. (§ 11). Пріемъ во всѣ классы, кромѣ перваго, производится по экзамену. Экзаменъ этотъ производится преимущественно въ началѣ учебнаго года, но можетъ быть допускаемъ и во всякое другое время, при чемъ поступающія экзаменуются и въ частяхъ предмета, уже пройденныхъ

---

[1]) Изъ этого распредѣленія легко усмотрѣть, что Полтавское женское училище состоитъ изъ трехъ въ извѣстной степени законченныхъ курсовъ; 1-й классъ его составляетъ школу грамотности, 2-й, 3-й и 4-й «соотвѣтствуетъ женскому училищу 2-го разряда»; три послѣдніе составляютъ собственно высшій курсъ.

[1]) Правила эти заимствованы, съ небольшими измѣненіями, изъ правилъ, изданныхъ бывшимъ попечителемъ К. У. О., Н. И. Пироговымъ.

въ классѣ, въ который онѣ желаютъ поступить. (§ 12) Въ первомъ классѣ платы за ученіе не полагается, во всѣхъ прочихъ классахъ взымается 10 рублей. (§ 18) Изъ мѣръ поощренія допускаются въ училищѣ слѣдующія: одобренія преподавателей и начальницы заведенія, одобренія педагогическаго совѣта, объявляемыя въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ и на торжественномъ актѣ. (§ 14) Мѣры взысканія, въ училищѣ допускаемыя, суть слѣдующія: замѣчанія отъ преподавателей и начальницы, выговоры педагогическаго совѣта, объявляемые сперва въ самомъ совѣтѣ, а потомъ въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ, и наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, удаленіе изъ училища (§ 15). Удостоиваются перевода въ высшіе классы воспитанницы, оказавшія по всѣмъ предметамъ удовлетворительные успѣхи; впрочемъ неудовлетворительность успѣховъ по одному или нѣсколькимъ предметамъ вознаграждается отличными успѣхами по такому же числу другихъ предметовъ, (§ 17). Для разрѣшенія вопросовъ, относящихся до учебно-воспитательной части, а равно для контроля суммъ, [1]) при училищѣ существуетъ педагогическій совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ директоръ училищъ Полтавской губерніи и присутствуютъ начальница училища и всѣ преподаватели. Одинъ изъ членовъ избирается секретаремъ совѣта на опредѣленное время. (§ 18). Засѣданія педагогическаго совѣта бываютъ періодическія (ежемѣсячно не позже 5 числа и въ концѣ каждаго академическаго года) и чрезвычайныя. (§ 20) Для наблюденія за порядкомъ въ классѣ и во время перемѣны, имѣются въ училищѣ надзирательницы (§ 27); для надзора же за зданіемъ и прислугою — смотрительница, пользующаяся квартирою въ самомъ зданіи училища. (§ 28).

3) СТАТИСТИКА УЧИЛИЩА.

Приходъ училища въ настоящемъ учебномъ году составляли слѣдующія статьи:

До открытія училища хранилось въ кассѣ. .	3,292	р.	63 к.
$^0/_0$ съ размѣннаго билета приказа общ. призр. .	22	«	93 «

[1]) Уставъ училища утвержденъ, какъ сказано выше, до обнародованія положенія 10 мая, а потому попечитель К. У. О. и разрѣшилъ членамъ педагогическаго совѣта, какъ учредителямъ заведенія, контролировать сумму его, основываясь на указѣ 2 ноября 1859 г., по которому право это предоставляется «лицамъ и сословіямъ, сдѣлавшимъ значительные взносы для заведеній»,

Сборъ за право ученія	1,180	«	— «
— за уроки музыки и танцованія . . .	569	«	50 «
Изъ постояннаго ежегоднаго взноса 1375 р., внесено [1]) въ этомъ году	550	р.	« «

Единовременныя пожертвованія:

Г-на Устимовича . . .	250
А. С. Клименко . . .	50
М. П. Сахновскаго . . .	25
А. А. Бартелеми . . .	25
Н. К. Смирнова . . .	10
М. И. Гоголь-Яновской .	5

И того . . .	365	р.	« «
Выручено отъ спектаклей, устроенныхъ А. М. Абазою	1,554	р.	20 кл
Выручено отъ лотереи	185	«	14 «
— отъ продажи трехъ экземпляровъ «Собранія малороссійскихъ пѣсень» изъ числа 10, пожертвованныхъ А. В. Едличкою	12	«	« «
Выручено отъ спектаклей, данныхъ Харьковской труппою. (Сообщено директоромъ Я. Г. Щербиною) .	46	«	66 «

*) Эти взносы суть слѣдующіе:

Е. И. Абаза жертвуетъ ежегодно въ продолженіе 7 лѣтъ .	150 р.
М. А. Бѣлуха-Кохановскій	100 —
А. М. Абаза	250 —
М. М. Абаза	100 —
Х. А. Свирскій	25 —
М. П. Позенъ	100 —
Г. С. Пестовъ	25 —
А. А. Оболонскій	25 —
Полковникъ Э. Волховскій	15 —
Полтавское купечество	300 —
Л. И. Милорадовичъ	100 —
Д. П. Кандыбина (въ продолженіе 5 лѣтъ)	50 —
Г. В. Рѣдкинъ	50 —
И. В. Сушковъ	10 —
П. Н. Поповъ (въ теченіи 6 лѣтъ)	50 —
П. М. Гудимъ-Левковичъ (пожизнено)	25 —
Итого . . .	1375 р.

Выручено отъ концерта любителей	60	«	«
— отъ публичныхъ лекцій [1]). . . .	580	«	«
Половинный сборъ изъ двухъ концертовъ Г-на Дмитріева-Свѣчина	30	«	«
Половинный же сборъ съ представленія Г. Грондмаля	19	«	80
Всего	8467	р.	86
Изъ этой суммы израсходовано:			
На первоначальное обзаведеніе	1,157	р.	7 к.
— квартиру съ отопленіемъ	828	«	15 «
— содержаніе чистоты	42	«	42 «
— канцелярскіе расходы и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій	117	«	20 «
Жалованье класснымъ дамамъ, уч. музыки и танцевъ.	348	«	74 «
— смотрительницѣ	139	«	37 «
Жалованье и содержаніе прислуги	315	«	45 «
На освѣщеніе	17	«	91 «
— непредвидимыя издержки	64	«	23 «
И того	3030	«	54 «

Затѣмъ, къ 1 іюня, т. е. къ послѣдней повѣркѣ суммы въ прошломъ академическомъ году, осталось въ кассѣ 5437 р. 32 к. Сверхъ того, участіе публики къ Полтавскому Женскому Училищу выразилось еще слѣдующими фактами: помѣщенная въ январской книжкѣ «Основы» статья подъ псевдонимомъ «Полтавскаго Жителя» вызвала для нашего заведенія сочувствіе даже въ Уфѣ, откуда редакція Основы получила въ пользу нашего училища 10 р. сер.; коллежскій регистраторъ А. Я. Конисскій предложилъ издавать въ пользу училища «Полтавскій Городовой Листокъ», и хотя осуществленіе этого предпріятія, по нѣкоторымъ причинамъ, замедлилось, но есть надежда, что оно вскорѣ осуществится, хотя и въ измѣненномъ нѣсколько видѣ; лѣкарь Д. Р. Гербергъ предложилъ безплатно лѣчить бѣдныхъ воспитанницъ: аптекарь К. И. Ромеръ—безплатно же отпускать имъ медикаменты; многія благодѣтельныя особы, которыхъ мы не имѣемъ

[1]) Публичныя лекціи были читаны 9, 16 и 18 Декабря 1860 года, по физикѣ, Г. В. Котельниковымъ, 7, и 10 Генваря 1861 г. по педагогикѣ, К. В. Ковальскимъ, 13 и 16 генваря по неорганической химіи, М. В. Кизимовскимъ.

права назвать, оказывали родителямъ бѣдныхъ ученицъ даже матеріальныя пособія, чтобы облегчить имъ трудъ воспитанія дѣтей.

Штатъ училища состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Начальница училища, У. Г. Данилевская.

Учителей 56, изъ нихъ:

по мѣсту службы:

преподавателей кадетскаго корпуса	19.
— гимназіи	18.
— института благор. дѣвицъ	3.
— уѣзднаго и приходскаго уч.	4.
отставныхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства	2.
домашнихъ учителей и учительницъ	4.
лицъ несостоящихъ на службѣ	6.
По званію: духовныхъ	5.
« штатскихъ	32.
« военныхъ	9;

по предметамъ:

1) *Закона Божія:* Прот. П. Думитрашко, Священники: А. Капустинскій, Н. Кузнецкій, Ѳ. Радзіевскій. Діаконъ: С. Гороновичъ.

2) *Русскаго языка и словесности:* Я. Ѳ. Андріенко, И. А. Антиповъ, Н. И. Антипова, В. И. Воронецкій, Н. А. Евстафьевъ, Н. А. Ивановъ, Н. П. Ильяшевичъ, С. И. Пономаревъ, И. О. Сосновскій, С. П. Стеблинъ-Каминскій, А. Я. Щитинская.

3) *Физики:* Г. В. Котельниковъ.

4) *Математики:* В. Ф. Барсовъ, К. И. Бобрицкій, Ф. А. Довойно-Сыльвестровичъ, И. Н. Коллертъ, Д. И. Самусь, С. В. Томашевскій.

5) *Исторіи:* Д. П. Пильчиковъ, А. И. Стронинъ, В. А. Щелканъ.

6) *Географіи и Космографіи:* А. К. Гарлинскій, В. О. Горовой, В. А. Рядновъ, А. О. Туржанскій, П. Д. Цыссъ.

7) *Естественной исторіи:* В. Р. Варжанскій, М. В. Кизимовскій, М. Я. Попелло-Давыдовъ.

8) *Законовѣдѣнія:* В. Ф. Вакуловскій.

9) *Педагогики:* К. О. Поллевичъ.

10) *Гигіены:* А. И. Синадскій.

11) *Домоводства:* П. Э. Гаевскій.

12) *Французскаго языка:* Н. Н. Ганнотъ, К. В. Ковальскій, Р. А. Лемлейнъ, Ф. А. Таксисъ.

13) *Нѣмецкаго яз:* Ѳ. П. Дейкъ, Н. К. Захаревичъ, В. Я. Кемингъ, П. И. Кульчицкій.

14) *Рисованія:* И. Д. Алексѣевъ, И. К. Зайцевъ, К. Ф. Медецкій.

15) *Чистописанія:* А. А. Казначеевъ, Н. М. Спасскій, Ѳ. Л. Ткаченко.

16) *Пѣнія:* А. В. Едличко.

17) *Танцевъ:* Г. Дебре, (съ платою 100 р. сер.)

18) *Музыки:* Р. Е. Владимирова, (съ платою 25 р. сер. отъ ученицы); О. О. Эрбенъ.

Секретарь Совѣта: К. В. Ковальскій.

Измѣненія въ этомъ составѣ произошли слѣдующія:

Выбыли: Уч. Кор. Н. А. Ивановъ, Э. А. Лемлейнъ и Уч. Института Б. Д. Н. Д. Алексѣевъ; поступили: Уч. Гим. А. Ѳ. Фененко, и учит. Инст. Б. Д. М. Г. Бурцевъ.

Классныхъ дамъ 37:

а) За плату (по 150 рублей каждой): П. Л. Буховецкая, К. О. Гофманъ, Э. В. Касперовичъ.

б) Безплатныхъ 34: А. М. Бѣлуха–Кохановская, М. П. де–Вильневъ, Е. И. Воронецкая, Л. К. Гаевская, В. С. Голенковская, О. С. Дейнекина, Л. П. Довойно–Сыльвестровичъ, С. П. Думитрашко, В. А. Клименко, Л. В. Ковальская, Ж. М. Коллертъ, К. Ѳ. Константиновичъ, Э. Х. Лерцеръ, В. И. Матрозова, В. И. Нилусъ, А. И. Нѣжинцева, К. И. Одинецъ, П. А. д'Орнгельмъ, И. К. д'Орнгельмъ, П. Я. Попелло–Давыдова, М. В. Прокофьева, А. П. Сахновская, М. К. Сахновская, А. И. Сіяльская, М. А Чеснокъ, М. М. Эйманъ, О. К. Юрьева. Сверхъ того, дежурили поочередно изъ классныхъ дамъ института: Е. Н. Драшковская, Н. П. Ильенкова, А. О. Кантемирова, Е. М. Клопотовская, А. Т. Ладиховичъ, А. С. Стеблинъ–Каминская, А. Я. Тихоцкая.

Смотрительница за зданіемъ и прислугою О. Н. Ступачевская, (пользуется квартирою и платою 240 рублей).

Воспитанницъ въ началѣ учебнаго года было 206; изъ нихъ выбыло 25, оставалось къ концу года 181, а именно:

а) По сословіямъ:

Дѣтей дворянъ и чиновниковъ 114

— купцевъ и почетныхъ гражданъ. 19
— иностранцевъ 17
— духовнаго званія 6
— мѣщанъ и другихъ податныхъ сословій. . . . 25

б) По вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго. 151
Католическаго 12
Лютеранскаго. 11
Еврейскаго закона 7

Годичныя испытанія ученицамъ производились 2, 3, 7, и 8, іюня, и на основаніи ихъ переведены:

Изъ VI класса въ VII (изъ 7–ми учениць) . . . 6.
— V — — VI — 11 — . . . 6.
— IV — — V — 14 — . . . 13.
— III — — IV — 23 — . . . 16.
— II — — III — 42 — . . . 22.
— I — — II — 84 — . . . 29. (*)

Сверхъ того, 6 воспитанницъ допущены были къ переэкзаменовкѣ послѣ вакацій (по одному какому–нибудь предмету) и изъ нихъ 5 переведены, послѣ переэкзаменовки, въ слѣдующіе классы.

Изъ числа отличныхъ учениць опредѣлено объявить благодарность педагогическаго совѣта слѣдующимъ:

VI кл. А. К. Кирпотиной; V кл. Е. А. Клименко; IV кл. М. Н. Башинской, Ю. В. Новицкой, К. А. Лазаревой, Н. Н. Башинской; III кл. Л. А. Клименко, М. К. Лозинской, В. А. Ворожейкиной, П. И. Сукачевой, II кл. М. И. Поплавко, А. Г. Григорашевой; I кл. П. А. Бажуловой, Е. О. Важничей, Т. И. Волкъ–Рассохиной, В. Г. Григорашевой, Н. П. Долинской, Д. А. Кобяковой, В. С. Григорьевой, Е. Д. Ступачевской.

4) ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СОВѢТЪ.

Всѣхъ засѣданій педагогическаго совѣта было 18. Въ нихъ кромѣ текучихъ дѣлъ, какъ то: освобожденія отъ платы за ученіе, случаевъ суда надъ ученицами, составленія смѣты, измѣненія въ лич-

(*) Классъ этотъ состоитъ изъ 2–хъ отдѣленій; въ одно изъ этихъ отдѣленій помѣщаются безграмотныя или малограмотныя дѣти, которыя и не могли быть переведены во второй классъ. — Такихъ дѣтей было 34.

номъ составѣ и пр. сдѣланы слѣдующія важнѣйшія опредѣленія: а) Начата переписка объ учрежденіи при Полтавскомъ Женскомъ Училищѣ попечительнаго совѣта; б) о дарованіи оканчивающимъ курсъ ученицамъ права домашнихъ наставницъ и учительницъ безъ особеннаго испытанія; в) о измѣненіи въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, (см. выше § 6 устава).

5) НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ УЧИЛИЩА.

Полтавское Женское Училище развивалось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Принадлежа Кіевскому Учебному Округу, оно считало своею обязанностію примѣнить немедленно и у себя тѣ начала, которыя были введены бывшимъ попечителемъ этого округа Н. И. Пироговымъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Руководствуясь истиною, что школа есть маленькій міръ, въ которомъ отражается жизнь со всѣми ея отношеніями, педагогическій совѣтъ прежде всего позаботился объ устраненіи изъ училища возможности тѣхъ явленій, которыя такъ часто возмущаютъ насъ въ жизни: эти явленія — произволъ и неуваженіе къ личности! Уставъ заведенія предоставляетъ педагогическому совѣту власть судебную; но судъ есть результатъ слѣдствія и если слѣдователя можно заподозрить въ пристрастіи, то и самое рѣшеніе суда необходимо должно быть несправедливо. Поэтому педагогическій совѣтъ счелъ нужнымъ устранить возможность подобнаго подозрѣнія: въ каждомъ классѣ избирается изъ числа преподавателей, слѣдователь, котораго обязанность состоитъ въ предварительномъ разборѣ, въ присутствіи начальницы, обстоятельствъ дѣла въ случаѣ обвиненія преподавателями и классными дамами воспитанницъ или, обратно, въ случаѣ жалобы сихъ послѣднихъ на несправедливое съ ними обхожденіе. Въ свою очередь, для усиленія классной дисциплины, класснымъ дамамъ предоставлено составить самимъ проэктъ инструкціи, и инструкція эта, утвержденная совѣтомъ, объявлена была воспитанницамъ и получила для нихъ обязательную силу, а какъ въ заведеніе допущены къ слушанію лекцій не только ученицы, но и вольнослушающія, то и сіи послѣднія подчинены тоже нѣкоторымъ правиламъ, которыми опредѣляется порядокъ лишенія ихъ права участвовать въ слушаніи лекцій.

Хотя всѣ физическія наказанія, какъ-то: лишеніе пищи, стояніе въ углу и т. п. совершенно устранены уставомъ училища, также точно какъ и всѣ награды, возбуждающія мелочное самолюбіе, (банты,

похвальные листы и пр.) но, несмотря на то, педагогическій совѣтъ два раза только долженъ былъ прибѣгать къ болѣе значительнымъ наказаніямъ, а именно: одной изъ воспитанницъ объявленъ выговоръ, въ присутствіи всего училища, и одной въ самомъ совѣтѣ. Затѣмъ дѣло оканчивалось обыкновенно замѣчаніями начальницы или совѣта, и это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что заведеніе открыто для всѣхъ, а слѣдовательно и для такихъ лицъ, которыхъ домашнее воспитаніе не всегда было удовлетворительно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать справедливости нашимъ воспитанницамъ за ихъ любовь къ труду: съ первыхъ почти недѣль существованія училища, онѣ открыли подписку на учрежденіе маленькой библіотеки, къ которой выразилось и сочувствіе другаго полтавскаго учебнаго заведенія; кадеты Петровскаго корпуса, уже внесшіе свою лепту устройствомъ въ пользу училища спектакля, снова пожертвовали 56 рублей и нѣсколько книгъ для этой библіотеки. Содержательница частнаго женскаго пансіона Э. Х. Лерцеръ пожертвовала для этой же цѣли 50 р. сер.; наконецъ, въ пользу этой же библіотеки дано было любителями публичныя чтенія. Съ такою же готовностію воспитанницы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ классныхъ дамъ и преподавателемъ И. А. Антиповымъ, предложили свой трудъ для занятій въ женской воскресной школѣ при училищѣ, которой распорядительницею, по общей просьбѣ учредительницъ, согласилась быть жена ст. сов. Л. И. Милорадовичъ, а помощницею ея — С. И. Кизимовская.

Такъ отразилось въ женскомъ училищѣ то общее направленіе, которое дано нашему молодому поколѣнію бывшимъ попечителемъ Н. И. Пироговымъ. Не удивительно послѣ того, что вѣсть объ оставленіи имъ этого округа глубоко поразила нашихъ воспитанницъ. Онѣ выразили желаніе украсить его портретомъ залу училища и простились съ нимъ слѣдующею депешою, отправленною на имя помощника попечителя Г. Михневича: «Потрудитесь передадь Николаю Ивановичу, что наше заведеніе, при самомъ началѣ жизни лишенное его, спѣшитъ засвидѣтельствовать ему скорбь свою.»

Вообще, не смотря на всѣ безсильныя гоненія, воздвигаемыя на наше училище людьми, которыхъ личные интересы пострадали отъ учрежденія этого общеполезнаго и для всѣхъ доступнаго заведенія, мы можемъ предрекать ему блестящую будущность, если только, въ продолженіе 7—лѣтнаго срока, основаніе безплатнаго труда, на которомъ все это время должно опираться заведеніе, окажется

всегда довольно твердымъ, а чтобы упрочить это основаніе, педагогическій совѣтъ сдѣлалъ два слѣдующія опредѣленія: 1) что въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ совѣта читаются фамиліи преподавателей, пропустившихъ лекціи; 2) что въ случаѣ, еслибы кто нибудь изъ преподавателей пожелалъ оставить вовсе заведеніе, то онъ долженъ сообщить совѣту о причинахъ своего отказа, причемъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ совѣтъ рѣшаетъ; достаточныя–ли причины имѣлъ отказавшійся и, въ противномъ случаѣ, имя его публикуется въ московскихъ вѣдомостяхъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПО–НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

I.

15 февраля 1862.

Сблизился срокъ къ поданію уставныхъ грамотъ, и помѣщики наши стали въ очень–неловкое положеніе: черезъ мѣсяцъ грамоты должны быть поданы, а тутъ—мало кто разумѣетъ и писать ихъ... Извѣстно, что малороссійская уставная грамота далеко сложнѣе великорусской, вслѣдствіе одиночнаго нашего хозяйства, и одна *подворная опись* требуетъ долгой и копотливой работы. Но главное затрудненіе заключается въ чрезполосицѣ и въ неимѣніи плановъ. Черезполосица достигла у насъ такихъ размѣровъ, что очень часто встрѣчаешь нивы въ 300, 200 и даже менѣе квадр. саж. Сосчитать эти нивки (такихъ размѣровъ поля обыкновенно отдавались въ крестьянское пользованіе), хотя бы примѣрно, а потомъ опредѣлить слѣдующую за нихъ денежную и издѣльную повинность — трудъ далеко не по силамъ такимъ плохимъ ариѳметчикамъ, какъ большинство нашихъ помѣщиковъ. Смѣло можно сказать, что бо́льшая часть нашихъ грамотъ будетъ изобиловать ариѳметическими ошибками, которыя придется поправлять посредникамъ; а сколько грамотъ нужно будетъ имъ *самимъ* писать! Весна подвалитъ посредникамъ столько работы, что, пожалуй, не всѣ съ ней и справятся. Но это бы все еще ничего: съ бумагой справиться можно; но какъ справиться съ крестьянами, которые ни о какихъ грамотахъ и слушать не хотятъ. Конечно, вслѣдствіе одного изъ министерскихъ циркуляровъ, грамоту можно писать «безъ участія

крестьянъ», но это мало облегчитъ дѣло: при повѣркѣ грамоты, посредникъ долженъ же будетъ призвать крестьянъ къ участію.— —

Казалось бы, что за годъ крестьяне могли познакомиться съ главными основаніями «Положенія» и убѣдиться въ томъ, что *будетъ такъ, а не иначе*. Но на дѣлѣ видимъ совсѣмъ не то: понятія крестьянъ о своемъ будущемъ далеки отъ того, что говоритъ «Положеніе». Какія-жъ тому причины?—Прежде всего, крестьяне не знаютъ «Положенія», потому-что не читали его, а если и читали, то не поняли его сущности, отчасти вслѣдствіе малодоступности языка этого законоположенія для нашей мѣстности, который съ трудомъ понимается и панами. Чрезъ послѣднихъ могли бы крестьяне ознакомиться съ «Положеніемъ», но *они не вѣрятъ теперь ни одному панскому слову*. Это вторая и самая главная причина. Недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ дошло до крайней степени... Много пришлось бы говорить, еслибъ мы стали разбирать всѣ причины этого недовѣрія; скажемъ, что основною изъ нихъ нужно признать *крѣпостное право*, осмысленное крестьянами только со времени изданія «Положенія». Народъ только теперь понялъ тяжесть этого права и — не вѣритъ тѣмъ, кто годъ назадъ пользовался имъ. Несправедливо было бы обвинять за это недовѣріе какъ народъ, такъ и помѣщиковъ...

Чтобы показать, какъ велико существующее теперь недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, разскажемъ два случая.

Одинъ изъ моихъ сосѣдей задумалъ устроить сельскій банкъ для временно-обязанныхъ крестьянъ того села, гдѣ онъ живетъ. Потребность въ банкѣ онъ увидѣлъ изъ того, что крестьяне очень часто прибѣгаютъ къ займамъ (обыкновенно—у шинкарей) небольшихъ денегъ (отъ 50-ти коп. до 3-хъ руб.) на покупку сапогъ, соли, дегтю, косъ и другихъ мелкихъ предметовъ и платятъ, притомъ, до 50-ти и болѣе процентовъ. Желая избавить крестьянъ отъ сельскихъ ростовщиковъ и въ то-же время познакомить ихъ, на дѣлѣ, съ пользою заемныхъ банковъ, онъ предложилъ крестьянамъ въ даръ 200 р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги обращены были въ основной капиталъ банка. Переговоры объ этомъ шли черезъ сельскаго старосту, человѣка разумнаго, и дѣло казалось конченнымъ. На-дняхъ, сосѣдъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, чтобы поговорить съ ними о банкѣ окончательно и предложить на ихъ утвержденіе проэктъ его. Крестьяне пришли. Позвавъ сначала старостъ, сосѣдъ спросилъ ихъ:

— Такъ що-жъ, — всі согласні на банкъ?

— Ні! народъ не согласенъ,—отвѣчали старосты.

— Якъ—не согласенъ? одъ чого-жъ?

— Богъ ёго знае! кажуть би то, що нікому глядіть грошей.

— Въ церковъ можна отдать, — зробимъ таку скриньку...

— Да воно чому не можна... тільки народъ не согласенъ ні на що!

Болѣе нечего было говорить. Какъ холодною водой окаченный, сосѣдъ простился съ старостами, и крестьяне ушли.

Вечеромъ того же дня, мы спросили у одного изъ старостъ—что за причина отказа отъ даровыхъ денегъ?

— Гмъ! щобъ оце панъ та дурно гроші дававъ! Ні!—тутъ щось е... лучче не брать...

Другой случай. Тотъ же сосѣдъ, начавъ писать уставную грамоту, пригласилъ крестьянъ—поговорить о ней; послѣ разныхъ толковъ, онъ предложилъ имъ подарить *грунты* (усадьбы). Крестьяне переглянулись. Помѣщикъ объяснилъ имъ, что за грунты они должны будутъ, во всякомъ случаѣ, платить деньгами, что вотъ Василю напр. прійдется платить за грунтъ 1 р. 91 к. въ годъ, Карпу—1 р. 35 к., и т. д. Крестьяне молчали. Нѣкоторые изъ нихъ выразили-было желаніе принять даръ, но результатомъ всѣхъ разсужденій по этому предмету было то, что—нѣтъ, не нужно намъ грунтовъ: «лучче мы будемъ платить, такъ якъ и люде...»

Причина послѣдняго факта, кромѣ общаго недовѣрія, заключается еще въ томъ, что крестьяне убѣждены, что грунты и нивы, по истеченіи двухъ лѣтъ, сдѣлаются ихъ полною собственностью, безъ всякихъ выкуповъ. Впрочемъ, послѣднее убѣжденіе мало-по-малу искореняется, вслѣдствіе извѣстій о введеніи грамотъ въ сѣверныхъ уѣздахъ нашей губерніи. Можно надѣяться, что къ лѣту оно еще болѣе ослабѣетъ, но общее недовѣріе останется на долго. — — Много и много потребуется усилій (но непремѣнно *искреннихъ* усилій) съ нашей стороны, чтобы возвратить то довѣріе народа, которое утратилось на Украинѣ уже лѣтъ полтораста назадъ... Мы даже думаемъ, что искренность отношеній, межъ крестьянами и помѣщиками, для настоящаго поколѣнія врядъ-ли и возможна; дай Богъ, чтобы хоть дѣти наши сошлись! Съ нашей стороны, мы обязаны теперь всѣми силами, не жалѣя никакихъ пожертвованій, стараться подготовить *дружескія* отношенія межъ обоими сословіями: только съ такого рода отношеніями возможно наше общее движеніе впередъ.

Въ слѣдующихъ письмахъ мы поговоримъ о нашихъ мировыхъ съѣздахъ, сельскихъ школахъ и о многомъ, что́ въ послѣднее время стало жить живою жизнью.

Ал. Михченко.

ВІЙТЪ СЕМЕНЪ.

Не разъ, на коро́ткімъ віку́, дово́дилось мині ба́чити, я́къ гріхъ кара́е Богъ, кара́ють лю́де. Ба́чивъ ка́ру небе́сную, ба́чивъ ка́зні людскіі. Здае́тця—давно́ бъ тому́ ли́ху перевести́сь на сві́ті, та ба́, живу́чее прокля́те: ви́ростае, де́ не сіють, вирина́е—зовсімъ, мовъ, пото́плене. Але́—ма́ю надію, більшъ не поба́чити тако́го ли́ха, яке́ ба́чивъ! Роскажу́, я́къ було́.

По-надъ стари́мъ Дніпро́мъ, пи́шнее та просто́рнее розісла́лось село́. Весе́лиі ха́ти по сту ро́ківъ, коли́ не більше, міцно й до́сі стоя́ть,—и пра́вду ка́жуть, що старіі лю́де лу́чче насъ вміли будува́ти собі домивки́. Круго́мъ села́ густи́й лі́съ: своі дро́ва, свій звірь. До́бре було́ жи́ти въ тому́ селі. Мині не разъ дово́дилось бува́ти въ ёму́: паноте́ць бувъ изъ родні, то було́ що літа навідувався до ёго. Въ оста́тній разъ я бувъ у ёго, ро́ківъ тому́ два наза́дъ.

Одно́го ве́чора сидимо́ ми зъ нимъ; мо́ва я́кось перейшла́ на панщину, по́тімъ заговори́ли про само́го па́на, про челядь ёго́: бага́цько де́-чого ми перебра́ли того ве́чору; навпісля́ паноте́ць поду́мавъ, та й ка́же:—А все не до віку такъ бу́де. Дошко́дитъ та че́лядь до чо́гось—мо́же захо́че верну́ти свое́,—та пізно бу́де.

Мині здало́сь, що вінъ наверта́е на во́лю, бо тоді іі усю́ди сподіва́лись, та й кажу́:

—У го́роді чу́тка рознесла́сь, що лю́дямъ прочита́ють вільну; та му́сять тро́хи підожда́ти.

—Ні, я не те хотівъ сказа́ти. У насъ, якъ ба́чете самі, вже ду́же роспіка́ють людей... не діжда́тьця во́лі. Тамъ, чу́ешъ, прика́щикъ поби́въ чоловіка, а завіщо — нерозбере́шъ; а тамъ війтъ бере́менну жінку такъ надсади́въ, що, мо́же, чи й жива́ бу́де. Найбільшъ зу́би го́стрять на війта. Скільки разъ я каза́въ: Семе́не, пошану́й себе́: въ те́бе дітки, дочка́ на ви́рості,—а лю́де проклина́ють. Не слухае: »зъ ни́ми, ка́же, такъ и тре́ба. Че́сті не ма́ють, ла́скою незапобі-

жи́шь, добра́ па́ньского не бережя́ть.« Такъ я вамъ и кажу́, що до́бре, коли́ лю́де поте́рплять, а то́—нела́дне ско́їтця.

Не мину́ло и неді́лі, якъ ми бала́кали съ панотце́мъ, а ли́хо ско́ілось, ли́хо на все село́, та ще про́тивъ са́моі неділі. Прихо́дить ра́но панотє́ць зъ у́трені, яки́йсь смутний. Погля́нувъ на ме́не, та й ка́же:

—Бачте: якъ я каза́въ, такъ и зроби́лось.

—Що́ жъ тамъ таке́? пита́ю я.

—Семе́на вби́ли — більше нічо́го. Біля́ гре́блі найшли́: ма́буть тоді вби́то, якъ ишо́въ ззива́ти люде́й на па́нщину.

—Хто жъ уби́въ — не чу́ти?

— То бо й ли́хо що вби́ли, та незвісно—хто. Здае́тця, не оди́нъ, бо на Семе́на оди́нъ не піде, а тепе́ръ бі́ди чима́ло бу́де: наідуть судові, піднімуть все село́; коли́бъ и не ви́нно хто не постражда́въ.

Такъ, тро́хи перего́домъ, наіхали судові; щобъ вони́ поспіша́ли діло, якъ тре́ба, розібра́ти!.. Самъ панъ—енера́лъ: ёго—то не зразу заче́пишъ, та ще, на ли́хо імъ, рідко въ селі буває. Съ підпанками наживніше діло, до́бре—лу́чилось—е чи́мъ замути́тьця. Приіхало таки́ чима́ло: тутъ бувъ станови́й, при нёму пи́сарь, а найглавні́йшій міжъ усіма́—панъ спра́вникъ: вели́кая си́ла, зра́зу й ба́чишъ, що вінъ спра́ву лю́дямъ чи́нить. Найбільша надія була́ на станово́го — до́бра душа́: було́, якъ схо́че, изъ самісінького пе́кла ви́рятуе, а не схо́че—не проси́ Бога.

Отто́жъ и приіхали,—пря́мо до па́на на двіръ. День прога́ялись, кімна́ти вибира́ли, по́тімъ позва́ли вправи́теля. Вправи́тель бувъ изъ ляхівъ — не аби́який: котрі говори́ли, що вінъ прийшо́въ управля́ти безъ кобеняка́, у якійся сертучи́ні, а и́нші каза́ли—що и зо всімъ го́лий... мо́же й такъ. За те тепе́ръ панъ на всю гу́бу! чужи́й и не роспізна́въ би ёго одъ спра́вника, а спра́вникъ ма́е півти́сячі люде́й и роди́вся па́номъ.

— Що́ се у васъ, Станисла́въ Ка́рловичъ, зроби́лось.? Війта ва́шого вби́ли.? Не підходя́ще діло. Такъ спита́въ управи́теля станови́й.

— Я вамъ докла́дувавъ, що у насъ давно́ вже нела́днее діетця.

— А поміщику писа́ли?

— Писа́въ, та отвіту не було́. Его́ превосходительство не зна́е на́шихъ ділъ, а наро́ду не спиня́е. Оди́нъ я, самі зна́ете, нічо́го не вдію.

— Пра́вда ва́ша, Станисла́въ Ка́рловичъ, поміщикъ усёму́ ви-

ненъ, роспусти́въ люде́й. А не зна́ете ви, хто уби́йця? На ко́го подозрі́ніе ма́ете.?

— До сёго ча́су—незвісно нічо́го. Якъ изво́лите, то повеліть зібра́ть усіхъ изъ тіеі полови́ни села́, що по той бікъ греблі: тамъ найбільшъ непокірніі лю́де.

Позвавъ становий соцького, приказа́въ зібра́ти тіхъ дюде́й, на кото́рихъ вправи́тель гостри́въ зу́би, що спромо́жне жили́. А самъ підхопи́въ Станислава Карловича пі́дъ ру́ку, та й повівъ ёго́ у другу кі́мна́ту: мині, ка́же, тре́ба зъ ва́ми ду́же кріпко поговори́ти. Да́лі оберну́вся наза́дъ, та й ка́же: «слу́хай, со́цький, скажи́ одъ ме́не, що въ тюрмі бу́дуть сидіти́, якъ не вы́являть уби́йцю,—дане дава́й імъ зговорюватьця.»

Пішло́ ли́хо, пішла́ спра́вка на все село́. Заголоси́ли жінки́, якъ ста́ли іхъ чоловіківъ забіра́ти. Позбіга́лись до панотьця́ пора́ди прохати́:—Паноченьку, ба́теньку заступіть ця за на́шихъ чоловіківъ: вамъ бі́льшъ повірять, чімъ імъ. Невинніхъ беру́ть, та ще похваля́ютця іхъ спровадить кудись да́льше. «Не бійтесь, одвітивъ панотецъ: іхъ, ба́чете, тільки на *допро́съ* беру́ть, а тамъ и пу́стять. Діло того́ пора́дку тре́буе, щобъ вони зібра́лись. Ідіте зъ Бо́гомъ».

Повірили панотцеві, поверта́лись до до́му, а чоловіківъ не пуска́ють. Вже, здає́тця, все скінчи́лось: и до́хтуръ приїжавъ, свидітельствувавъ тіло війта, а лю́ди сидять на одній воді. На іхъ, ба́чте, росе́рдились, чомъ вони́ не признаю́тця: мо́же зъ іхъ хто ви́ненъ, а вони́ наро́шне закрива́ють. Томи́лись бідола́ги: ра́ді бъ призна́тьця, та ні въ чімъ. Дійшло́ до то́го, що оди́нъ вже хотівъ даре́мне скла́сти на се́бе гріхъ чужи́й. Пі́ду́, ка́же, скажу́ імъ, що я вби́въ: хай су́дять; одна́ково пропада́ть, та не усімъ хоть...—На си́лу спинили.

А судові году́ютця, на здоро́вья імъ. Вправи́тель всёго́ доста́ча́; звісно—нежаліе чужо́го добра́. Підъ вечіръ тільки запряжу́ть па́ньскіхъ скакунівъ, та й розъжа́ють по селу́. Де ку́чка люде́й стоіть, підъіде зъ іхъ кото́рий: «розбійники, закричи́ть: ви, ма́буть, гурто́мъ ёго́ вби́ли, та й мовчите́. Въ Сибірі бу́дете!» Ли́хо, та й го́ді.

Неділя прохо́дить, вже півтори́ неділі; тільки отгодува́ли себе́, а убійці незнайшли́. Запустіло село́: съ полови́ну погна́ли въ го́родъ, зъ дітьми не дали́ проститьця. Якъ неживиі, жінки́ ки́нулись за чоловіками, де́ — которі проводи́ти, а и́нші — въ сами́й го́родъ ити, въ саму́ тюрму́. Та ба́ — не пусти́ли. Су́мно ста́ло; боя́тця лю́ди

промóвитись, щобъ не причепи́лись. Вже ста́ли пеня́ти на того, хто уби́въ війта: Чомъ вінъ не ви́явитця, мóже бъ невинíхъ ви́пустили. Три недíлі минýло, засмýченíи сидя́ть у тюрьмі, а про уби́йцю й чýтки не ма́е. Вже й судъ ви́їхавъ изъ села́; мáбуть десь и́нше прони́хавъ пожи́ву. Якось трóхи лéгше ста́ло....

Тимъ ча́сомъ, якъ судові ви́їхали, ста́ли лю́ди проміжъ сéбе дознава́тись, хтобъ таки́ вбивъ війта. Та нічóго не вдіяли. На що вже панотéць: усю́ си́лу напряга́въ — и той не спромігъ дозна́тись. «Я, ка́же, самъ постóю за ёго, неха́й тільки одкри́етця.« Ма́буть знавъ дóбре уби́йця, що Сибíрі не зба́витьця ёму́, що панотéць нічóго тутъ не вдіе, та й не здава́вся на панотцéву ла́ску. Але́ чого́ не зроби́ли усі лю́ди, зроби́ла те жінка.

Одного́ вéчора сижу́ я таки́ у панотцéвій ха́ті, бага́цько дé объ чімъ роздýмуваръ, найгíршъ засíло въ головí неда́внее ли́хо. »Що́ то, дýмаю, ті лю́ди тамъ у гóроді мýки набра́лись — а мíжъ ни́ми усé були́ хорóші та почéтні хозяини́ — чи ви́пустять іхъ?» Здаéтця, й рíдного ба́тька не пожалíвъ би, якь би знавъ, що черезъ ёго дарéмне вони́ ги́нуть. Жду панотця́, вже бъ пора́ й повечéряти, а ёго нема́е. Тутъ ще підверну́вся паламáрь, я й пита́ю: не бачивъ ти оця́ Йва́на? Вони́ йшли, ка́же, до дóму, та одъ вправи́теля прислáли, щобъ мерщій поспіша́ли въ контóру» Чого́ бъ то, дýмаю, чи не вкóілось ще що́.?

Коли́ це и панотéць идé; переступи́въ черезъ порíгъ, та й ка́же:

— А зна́ете, що́?

— А що́?

— Попа́ли на слíдъ. Вгада́йте лишъ, хтобъ таки́й вбивъ війта?

Я мóвчки почáвъ перелíчувать усíхъ, да я́кось не прихóдитця.

— Оме́лько Ла́нтухъ, кажу́:—вінъ таки́й гаря́чій,—хочь до ножа́; мóже вінъ уби́въ?

— Ні, ка́же панотéць.

— Максименко хиба́? Такъ ёго́ и въ сéлі тоді не було́, якъ війта вби́ли.

— Отже и не вгада́ете!.. Микóла Ярошéнко.

— Той що въ мясни́ці ожени́вся па прика́щиковій?

— Той са́мий. И ябъ не повíривъ, та жінка ёго́ призна́лась. Ба́чте, вона́ прийшла́ съ гости́ни до ба́тька, жíнокъ зібра́лось таки чима́ло, мóже и підпили́ трóхи; вона́ у хмілю́ усé и роскажи́: »Дарéмне, ка́же, ви, та́ту, турбу́етесь: Семéна уби́въ мій Микóла. Ще

жъ тії нóчі мині й признáвся; якъ полягли́ спáти: мóвчи, кáже, жінка, вже нашъ війтъ не бýде більше ходи́ти підъ вікнами та ззивáти на пáнщину.—Якъ то такъ, питáю? »Я уби́въ ёго.«

Ди́вно мині стáло, щобъ таки́й чоловікъ, якъ Микóла, одвáжився на вели́кий гріхъ. Не те, щобъ я ёгó зовсімъ знавъ, а нé мóжна булó надіятись одъ ёго. Вінъ змáлку остáвся сиротóю, молоді года по лю́дяхъ провівъ у нáймахъ, годи́въ старóму й малóму, усі ёгó люби́ли. Послідній разъ вінъ служи́въ у прикáщика, такъ—гóдівъ изó три. Нá щó вже прикáщикъ — міцни́й бувъ на повáгу, а й той берігъ сиротý, якъ рідну дити́ну; після́ й дочкý за ёго віддáвъ. «Мотóрная, кáже, роботя́щая слухъя́на дити́на—бýде шановáти менé на стáрість«, та й віддáвъ за ёго. Плáкавъ стари́й, якъ прощáвся зъ дочкóю: на віки, промовля́въ, тебé ёму отдаю́, бережи́ ёго, люби́ ёгó,« та й заплáкавъ. Пóтимъ и Микóлі сказáвъ: оцé тобі, Микóло, моя́ дити́на; спéршу я не ряди́въ іі за тéбе, та заслужи́въ ти у мéне, шанýй іі,—та й знóву стари́й заплáкавъ. Казáли після́ лю́ди, що вінъ не дáромъ плáче: мóже ёгó сéрце що нéбудь не дóбре чýе. Прáвду сказáли. Въ жнивá мині довелóсь бáчити Ярóшенка яки́мсь похмýримъ, невесéлимъ, а вінъ усé бувъ пріязни́й и усміхливий. Я хотівъ ёгó запитáти, щó съ тобóю, Микóло, а вінъ неди́влячись уклони́вся мині, та й пройшóвъ, ніби не пізнáвъ. А тутъ за нимъ дрýгий чоловікъ ишóвъ, и кáже: молодý жінку ёгó поби́въ війтъ.

Тепéръ я догадáвся, якéе ли́хо булó у ёго на душі; мóже тоді и задýмавъ на гріхъ. За жінку, бáчте, одомсти́ть хотівъ, и конці звести; а жінка й ви́вела усé на світъ.

Знóву наіхали судові, та не булó стільки ли́ха, якъ пéрше, бо тепéръ оди́нъ Микóла за всіхъ одбувáвъ. Притягли́ ёгó пря́мо до становóго. Зібрáвъ станови́й громáду, и почáвъ роспи́тувать, щó вони́ дýмають про Ярошéнка.

Ніхтó не обізвáвся прóтивъ ёго, бо й спрáвді таки́ нічого худóго булó сказáти.

Подиви́вся станови́й на Микóлу,—мóже й жáлько стáло, та й питáе:

— Скажи́ мині, Микóло, щó тебé підвелó на гріхъ?

— Спитáйте, кáже, вáше благорóдіе, у громáди.

— Чогóжъ ти укривáвся, чомъ ти зрáзу не сказáвъ, що вбивъ війта? Бáчишъ, черезъ тéбе безви́но й дóсі сиділи лю́ди у тюрьмі.

— А якбй ще трóхи посúділи та жінка змóвчала, тоді бъ лýчче булó.

— Такъ ти ще щось мавъ зробúти?

— Нічóго, вáше благородíе, тільки вправúтеля вбúти: — за однó прийшлóсь би пропадáти, а тоді и самъ у рýки бъ отдáвся.

Чи то дúвно стáло становóму, якъ такúй чоловікъ упóрався зъ вúйтомъ (Микóла бувъ невелúчкий,—скíпка зъ ёго, а не чоловікъ,—а Семéна усі знáли, що мавъ велúкую сúлу), чи то ёго благородíю захотілось пошуткувáти,—обернýвся до Микóли й питáе: »Покажú мині, якъ се ти одúнъ одýжавъ Семéна?« а самъ, звісно хúтра и ровýмна головá, одíйшовъ дáльше одъ ёго.

— Ось-якъ, пáне,—вхопúвъ Микóла сóцького та й на плéчі, мовъ ту вівцю.—Оттáкъ изъ Семéномъ: упоравъ по голові истикомъ, та й одволíкъ на другé місце, щобъ не зрáзу знайшлú.

Пúльно подивúвся становúй и кáже громáді: самі бáчете, у ёго врáжая сúла: діяволъ наустúвъ ёгó и помігъ ёмý. И тепéръ не кáетця, погúбшая душá!—Микóла тільки поблúскуе на ёго очúма.

— Ажéжъ ти и менé не помилýвавъ би, якбú спіткáвъ на самоті?

— Мóже, и не помúлувавъ би.

— Эгé, я такъ и дýмавъ. А я васъ мúлувавъ, та ще й якъ!.. Идú лишъ сюдú, Омéльку (се той Омéлько, що вінъ ёмý усúпавъ недáвно гарячихъ за те, що про ёго негáрне щось сказáвъ): чи я тебé не помúлувавъ, скажú при всі громáді?

— Помúлували, вáше благородíе, кріпко помúлували, а самъ ажъ чýхаетця.

— А тебé въ Сибірю слідовалобъ?

— Въ Сибірю, кáже, та все почýхуетця.

— Мóже, грóшей шукаешъ, Омéльку?.. Не трéба, я дúки одъ васъ не трéбую. Колú мúлую, такъ мúлую, щобъýсі памятувáли. А тепéръ не помúлую... и жінка мой нічóго не вдіе тутъ.

— Звязáть ёгó, собáку! небійсь, не тебé, а тóго сібірного—та й указáвъ на Микóлу. Та швúдче, а тó, бáчте, и на менé похвалявся.—Обернýвся до пúсаря и кáже: »Такъ и напишú—на менé, мовъ, похвалявся, чýешъ? на менé!«

— Я одъ ёго,—одвітивъ пúсарь,—ніякоі похвáлки не чувъ.

— Дýрень—напишú, що Ярошéнко хотівъ убúти становóго и увéсь

судъ извести́, а тамъ и до губе́рського нача́льства добра́тись. Ви усі чу́ли?

Грома́да мовча́ла.

— Ба́чте, язи́къ не підніма́етця на таки́і ре́чі, а він мавъ усе́ те зроби́ти! Въ Сибі́рі не бу́де місця. Бу́де вже ми́лувати!

Взяли́ Мико́лу и звяза́ли; він и не пруча́вся, бо на одно́ вже йшовъ: въ Сибі́рь, то и въ Сибі́рь! И не проси́въ, чи немо́жна якъ не́будь облегчи́ть ёго́, бо знавъ своє́ ли́хо. Одвели́ Ярошенка въ го́родъ, засади́ли въ тюрьму́, по́ки ви́йде повістка изъ губе́рніі, що́ зъ нимъ роби́ти.

Такъ черезъ скі́лькись місяцівъ — я вже бувъ въ го́роді — рознесла́сь чу́тка, що бу́дуть катува́ти престу́пника. Городьскімъ и не вдивови́жу було́, а все хотілось пійти́ подиви́тьця, бі́льшъ за тімъ, щобъ розві́дать, хто престу́пникъ и за віщо бу́дуть ёго́ би́ти. Назбира́лось насъ таки́ чима́ло; були́ й такі́, що наро́шне прійшли́ поглядіти, я́къ катъ вима́хуе. Були́ й дівча́та, найбі́льше городьскі́і ба́ришні та ба́рині, що въ шляпка́хъ ходять... Оціхъ зовсімъ не тре́ба бъ тутъ: якъ дру́гий па́лець уріже, то іхъ такъ и хвата́е за печінки́, а тутъ собі га́рно розгляда́ють, потро́ху о́хають, а ні о́дна ду́же не жахне́тця... жіно́ча вда́ча!

Зійшо́въ пано́тець,—щось заговори́въ до престу́пника,—я бли́жче підступи́въ. Ли́шенько — я пізна́въ престу́пника: то бувъ Мико́ла. Ставъ я придивля́тись: неизмі́нився, таки́й якъ и пе́рше,—тільки все проси́въ, чи немо́жна бъ зъ жінкою въ-оста́тнє поба́читьця, та ні́чого було́ й проси́ти, бо жінка сама́ одцура́лась. Нікого́ не було́ зъ нимъ—ніхто́ не прово́дивъ ёго́, не попроща́вся зъ безтала́ннимъ.

А мині жа́лько ёго́, ду́же жа́лько було́.

Замо́вкло усе́, тільки чу́ти було́, якъ катю́га трійча́ткою маха́е. Пе́рше було́ якъ катува́ли престу́пниківъ, то вони́ гово́рять до наро́ду: ка́йтесь на мині, до́брі лю́де. Мико́ла мовча́въ, якъ води́ набра́въ, та що́ вже туть и ка́ятьця—пропа́въ, навіки пропа́въ!

Оттаке́ то скла́лось ли́хо,—ли́хо одъ ли́ха. А хто ёго́ зна́е—кото́ре зъ іхъ більше?

Не до́вго пороскошувавъ и вправи́тель: куме́дію зъ нимъ вді́яли на все село́. На ёго спра́вникъ чого́сь зу́би гостри́въ та не прихо́дилось оскоми́ти зима́ти, а тутъ якъ разъ прилучи́вся поміщикъ. До ёго и подверну́вся спра́вникъ: вправи́тель, ка́же, вашъ люде́й розпусти́въ та и васъ гра́бить. Воно́ таки́ й пра́вда була́: вправи́тель

кріпко нажи́вся, изъ іконо́міи, ка́жуть, пози́чивъ чи не 2 ти́сячі рублівъ. Поміщикъ не до́вго ду́мавъ, зібра́въ судъ, та й осуди́ли вправи́теля: »ти, мовъ, сяки́й-таки́й, па́на гра́бишъ, добра́ ёго не бережёшь,—щобъ твого́ йду́ху тутъ не було́.« Ще позва́ли жи́да-шинкаря́; той засвідітельствувавъ, що у вправи́теля пе́рше бувъ усёго́ оди́нъ дра́ний жупано́къ. Скріпи́ли ді́ло, та, серёдъ ночі, зъ жінкою и зъ дітьми, тро́хи не го́лого й ви́пхали изъ села́: »а иди́, ка́жуть, ля́ше, спра́ви шука́й!« Кумёдія та й го́ді, та й не въ пе́рший разъ: зъ ко́жнимъ вправи́телемъ такъ роби́ли. За те й дя́кували па́ну лю́ди.

В.—Г—гл—скій.

ОСКОРБЛЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

(Изъ Симферополя.)

— Въ послѣдній день масляницы, 19 февраля 1862 года, назначенъ былъ, въ городѣ Симферополѣ, въ залѣ дворянскаго собранія балъ—маскерадъ. Въ провинціи, у насъ, такъ рѣдки подобныя увеселенія, что каждый, не желающій быть въ залѣ, спѣшитъ какъ можно раньше отправиться на хоры собранія, чтобы занять мѣсто повыгоднѣе. — Было еще рано, зала собранія была совсѣмъ пуста; три уважаемыя въ обществѣ дамы, но не губернаторскаго круга, заплативъ, по желанію дежурнаго директора, даже вдвое противъ обыкновеннаго, именно по рублю сребр. за входъ, пришли на хоры и заняли свободныя мѣста въ первомъ ряду; вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, является дежурный директоръ собранія и требуетъ, чтобы эти дамы встали съ своихъ мѣстъ, потому что тѣ мѣста предназначены имъ для другихъ дамъ, губернаторскаго круга, которыя придутъ позже. На это одна изъ нихъ отвѣтила ему, что на хорахъ мѣста не номерныя, слѣдовательно, заплативъ деньги, всякій, пришедшій раньше, занимаетъ первое свободное мѣсто; директоръ не убѣдился ихъ справедливымъ замѣчаніемъ и настоятельно требовалъ, что бъ они удалились съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Дамы не соглашались и просили оставить ихъ въ покоѣ. Директоръ, взбѣшенный въ полномъ смыслѣ этого слова, наговорилъ дамамъ дерзостей, пугая ихъ притомъ, что онъ соберетъ всѣхъ директоровъ и ихъ выведутъ со

срамомъ, но такъ какъ тогда было еще рано и кромѣ его, какъ дежурнаго директора и экономa, не было другихъ директоровъ, то онъ, вспомнивъ свое военное молодечество, рѣшился на слѣдующую возмутительно грубую выходку: ввелъ съ собою на хоры двухъ жандармовъ и, указывая имъ на 3-хъ дамъ, крикнулъ: «очистить мѣсто отъ этихъ дамъ». Жандармы двинулись—было исполнить его приказаніе, но изъ числа сидѣвшихъ на хорахъ дамъ случилась знакомая этому директору дама, которая вступилась за оскорбленныхъ; завязался жаркій споръ; всѣ остальныя дамы, будучи оскорблены въ лицѣ трехъ, приняли участіе въ спорѣ и тѣмъ помѣшали директору привести въ исполненіе дикое намѣреніе. Директоръ совершенно ошибся: наше молодое общество, узнавъ объ этомъ, непотерпѣло такого варварства: тамъ же составило протестную подписку и, въ числѣ 36 человѣкъ, предложило ему тотчасъ же извиниться передъ оскорбленными дамами; директоръ отказался отъ этого самого умѣреннаго предложенія; тогда общество рѣшило исключить его изъ числа членовъ клуба, а дирекціи танцовальнаго собранія предложило поступокъ этотъ на обсужденіе.—Ожидаемъ, чѣмъ все это кончится и желаемъ отъ души, чтобы и остальные члены нашего общества показали сочувствіе этому дѣлу и, исключеніемъ подобнаго господина изъ своего круга, доказали, что они умѣютъ уважать въ лицѣ женщины права человѣческія.

Потомакъ Думитрашко Райчъ.

ВЕЛИКА НОВИНА.

ДУХОВА СИ́ЛА ЗАМІСТЬ ПА́РУ НА ЧУ́ГУНКАХЪ.

Я. М. Л[illegible]ар[illegible]скому.

Іздивъ ти, бра́тіку, самъ, и прежъ и́ншихъ и зъ и́ншими, на моє́му духово́му *самока́ті*, да бажа́ешъ, щобъ я тобі усе́ докла́дно описа́въ, щобъ и и́нші земляки́ на́ші зна́ли те, що ти ба́чивъ, и надъ чімъ я працюва́въ не оди́нъ рікъ. Вволю́ я твою́ волю́,—тільки вибача́й, що́ не ши́роко розведу́ свою́ річъ, бо на се, да́лебі, не ма́ю тепе́ръ ча́су.

Пе́рва ду́мка про сю си́лу прійшла́ мині ота́кечки на умъ: Якъ

почали́ у насъ стро́іти чугу́нки (залізні доро́ги), я ду́же тому́ ра́дувався, що буде въ насъ таке́ добро́, — а безъ ёго намъ якъ безъ нігъ! Ра́дувався, да й заду́мався: чугу́нки до́бре, бо по такій доро́зі оди́нъ кінь пятьсо́тъ пудо́въ повезе́, а якъ по залізнимъ ко́леямъ хо́роше іздити й самока́томъ замість ко́ней, то й ще лу́чче; бо мо́жна хочъ по со́тні верстъ що-годи́ни прока́тувати, а по 50-ти да по 80-ти и звича́йно іздять. До́бре во́но, ду́маю собі, до́бре, та тільки — яка́ си́ла дви́гае самока́ти? Си́ла та — паръ. А щобъ було́ дово́лі тако́го гаря́чого па́ру на се діло,—віткіля́ паста́чити то́плива? Гаівъ на́шихъ ста́не не на́довго; а по́тімъ що́? Отъ я й заду́мався: що-дня́ сонце зогріва́е зе́млю, що-дня́ де-не́будь и вітеръ віе и дощъ иде́, а доще́мъ налива́ютця ріки; е сёго добра́ и въ насъ. На річка́хъ становля́ть млини́, де вода́ би́стро тече́; а вітряка́ де хочъ поста́въ. Отъ же воно́, якъ усе розбере́шъ—вихо́дить, що да́ Богъ лю́дямъ стілько си́ли, що ма́буть більшъ и не тре́ба; а коли́бъ змогли́ ми якъ хотя́ ору́дувати тіею си́лою, на людську́ кори́сть, то ні на віщо було́бъ намъ роби́ти й паръ, не тре́ба було́ бъ и де́рева на се псува́ти. Отъ, поду́мавши та́кечки, я й доду́мався до того́, що мо́жна се зроби́ть ось-якъ:

Якъ заведе́шъ годи́нникъ, то йде вінъ день, або́ ти́ждень; якою жъ си́лою вінъ иде́? Маши́нною си́лою; ги́ря отяга́етця або́ пружи́на розверта́етця,—годи́нникъ и йде. А де найти лу́ччоі пружи́ни одъ во́здуху? Ёго скільки разъ хочешъ—згніта́й: не зла́млешъ, не зопсу́ешъ; а друге те — во́здуху й шука́ти не тре́ба, бо вінъ усюди е: бери́ скільки хо́чешь—ёго не поме́ншае. Такъ ось и та пружи́на, кото́ру тре́ба натя́гувати! бо якъ згнічений во́здухъ пуска́ти черезъ маши́ни замість па́ру, то вінъ и дви́гатиме ті маши́ни, зовсімъ якъ паръ. Передумавши оце усе, да пошука́вши де-чого по книжка́хъ, дозна́въ я тоді, въ 1857 годі, що й и́нши лю́де тежъ са́ме зду́мали, да вже де́що й робили. Захотілось міні поба́читись зъ ними: поіхавъ (1); у Пари́жі позна́комився зъ Андро́, у Турині—зъ Сомелье́; бувъ въ Ге́нуі подиви́тися на ті маши́ни, яки́ми тоді збіра́лись пробива́ти вели́ку камянну́ го́ру Мон-Сенисъ, а тепе́ръ вже іі и пробива́ють—духови́ми маши́нами, або́—якъ іхъ те́перъ помоско́вській прозва́ли—*возду́шками*. Поба́чивши усе́, верну́всь я черезъ Ло́ндонъ у Гельсингфо́рсъ, де я живу́ зъ 1843-го ро́ку; напи́савъ що́ ба́чивъ, що́ зна́ю, напеча́тавъ, да и за-

(1) Петръ Петровичъ Гусевъ помігъ мині грішми.

хотівъ, щобъ завели́ся возду́шки у насъ, щобъ не псова́ти де́рева и бгу́ляя. Отъ и найшли́сь два чоловіки, (2) захотіли мині помога́ти,— вели́ке імъ за те спасибі! Узя́вся оди́нъ хранцузъ Жюльенъ (Jullienne) роби́ти для насъ маши́ни,—да неха́й ёму́ аби́що! тільки гро́шей ви́цигавъ, а що́ зроби́въ,—не мо́жна бу́ло узя́ти: —такъ усе́ й пропа́ло! Ба́чу, робити нічого,—чужи́мъ добро́мъ усёго не зро́бишь: прій-шло́сь и своіми злі́днями надточи́ти. А на ща́стя, постро́ілись и у Гельсінгфорсі маши́нні заво́ди, першъ оди́нъ, а по́тімъ и дру́гий; на сіхъ заво́дахъ поро́блени оті мои маши́ни, що тепе́речки стоя́ть у Петербу́рсі на моско́вській чугу́нці, — ті самі, що я показувавъ тамъ до́брим люді́мъ 27-го февраля., 1 и 4-го марта сёго́ го́ду.

Ну́дивъ я світомъ що хра́нцузъ Жюльє́нъ мене ошука́въ и обібра́въ, якъ самъ схотівъ; а по́тімъ, постро́івши свої маши́ни, и ба́чу, що и ли́хо бува́ не безъ добра́: понавиду́мувавъ я чима́ло тако́го, чого́ ще ніхто́ не роби́въ, да и до́бре, що понавиду́мувавъ: бо безъ то́го, мо́же, и моя́ возду́шка также бъ не поіхала, якъ и ті, що були зро́блені— дві у Пари́жі, и одна́, або дві, въ Ло́ндоні; а тепе́ръ—сла́ва Бо́гу—и насо́съ моє́і ви́думки набіра́е ду́ху, якъ тре́ба, и духъ сей держи́тця га́рно, куди́ ёго́ запру́ть, и возду́шка моя́ іздить леге́нько и во́зить чима́ло люде́й; а якъ прило́жимо ще ро́зуму та пра́ці, то мо́же сей мали́й поча́токъ вели́кимъ ді́ломъ ста́нетця, на кори́сть усі́мъ лю́дямъ: и нашимъ, и московськимъ, и німецькимъ. Коли́ бу́де въ ме́не часъ, опишу́ мої ви́думки и все, що и́нші лю́де поприду́мували, щобъ роздобути духової си́ли; а на сей часъ вибачай, коха́ний побрати́ме: —ніколі!

Степанъ Барановський, изъ Конотопа.

5-го березоля 1862 року.
Петербургъ.

ЗЪ МАКОВИЩЪ

(Кіївського повіту).

Давно вже спізнали люде, що треба знати добре те, що есть, задля того, що-бъ дальше все къ луччому повертати — такъ само якъ не можно лічити хворого не спізнавши добре, чимъ вінъ нездужае;

---

(2) Попе́реду—Кузьма Василёвичъ Бѣляевъ и Иванъ Ѳедоровичъ Мамонтовъ, а якъ Бѣляевъ умеръ, то намість ёго—родичъ ёго, Александръ Константиновичъ Мясниковъ.

та, надісь, и не багато-бъ довідався лікарь, якъ-би ми тільки промовляли: «ой нездужае, да нездужае!»

А воно такъ-таки частенько дістця:—отъ хочъ-би—приміромъ—и наші городянські чоловіколюбці—то кленуть, бувало, безъ зупину селянську долю, то знай таку пісню заводять, що здаетця тобі, що селянинъ тільки те й знае, що жайворонки літають надъ ёго плугомъ, да соловьі співають у садочку.

И не диво. Було въ насъ таке времяя (бодай ёго й не згадувать), що не можна було нічого більше казати, бо нічого було балакати про долю селянина — *крепака*, якъ нарікати на ii. Да й ті, що славили сільске житте ще гірше въялили серце, якъ то чоловікъ міркувавъ собі: скільки то благъ давъ Богъ людямъ, да яке важке, несказанно-важке, житте упало на долю більшої части людей!

Да теперъ вже те времъя минае; теперъ передъ селяниномъ нова дорога—треба тільки міркувати добре, зъ чимъ вінъ пійде у цю дорогу; що въ ёго есть, чого бракуе.

Отже-жъ багато людей заходилось коло цёго діла, та все-жъ таки це така робота, що для неі робітниківъ зайвихъ ніколи немае; тимъ то й я осмілився де-які уваги про хазяйство селянъ у нашому кутку послать у *вашу*, чи це-бъ то лучче—у *нашу*, спільню, громадську Основу.

Самъ я не хазяінъ, да розпитувався людей, и те, що вони мині казали, звівши докупи, й передаю, приклавши де-що й свого мізькування.

Нашъ кутокъ недалечко біля Киіва. Щитають ёго, по уставу для селянъ, що вийшли зъ крепацьтва. до шостої містности по наділу землі.

Покажемо на хазяйську користь, яку цей Уставъ приносить для селянъ у нашому кутку.

У насъ наділяетця земля на хати, чи то на хазяйства. Діленици, котрі впадають, по теперешнёму уставу, на *корінний* наділъ на хозяйство,—рівні сливе зовсімъ зъ тіми, що були перше у насъ у пішихъ селянъ. Гляньмо жъ теперъ на одбутки за цю діленицю.

Пішакъ одроблявъ по 2 дні въ неділю панщини; одкинувши у годъ 2 неділі празникові—виходить 100 днівъ у годъ, а жинка йшла, всяку неділю, одинъ день; окрімъ того одбувавъ чоловікъ 8 *строительныхъ* днівъ: значитця, разомъ хазяінъ одбувавъ 108 днівъ, а хазяйка 50; ще до того на 12 днівъ згонныхъ гнали у літню пору усіхъ робочихъ людей—и чоловіківъ и жінокъ—за дуже малу плату (10 коп. ср. чоловікові; $7^1/_2$ жінці), та ще ночну *варту* (сторожу) біля пансь-

кого подвіръя одбували не рівно—по черзі—въ більшихъ и меншихъ селахъ, а зъ бобилівъ панъ бравъ оброкъ и мавъ право брать, въ дворову прислугу, кого ему забажалось.

А теперъ, у насъ, по новому уставу, за наділъ $7^1/_2$ десятинъ на хозяйство—приходитця заплатити оброку за десятину по 2 карбованці, або 12 днівъ одбутку, у годъ; значитця, за $7^1/_2$ десятинъ 90 днівъ одбутку, або 15 карбованцівъ оброку; окрімъ того, 5 карб. 10 коп. ср. за десятину горóду.

Тільки-жъ чиншъ платити сходнійше для селянина, аніжъ одбувати, бо теперъ у насъ ціна зімнёго дня 20 коп. ср. мужчині, а літнёго 30 коп. ср., це-бъ то середня ціна четвертакъ (25 к. с.). Отъ-же, що-бъ заробить 15 карб. при такій ціні, треба робити пішому чоловікові 60 днівъ.

Шо-бъ заробити за десятину горóду (покладімъ, що въ селянина стількі ёго есть) 5 карб., по тій ціні треба робити — 20 днівъ. (Не будемо щитати 10 к. с., якъ меньшої половини поденної середнёї праці за роботу).

Значитця, разомъ усёго въ рікъ 80 днівъ, коли пристануть на оброкъ, а щитаючи одбутокъ по новому уставу 90 днівъ за поле, да доклавши 20 днівъ за городъ,—вийде 110 пішихъ мужськихъ днівъ.

Отъ и видно, що въ першому разі (якъ пристануть селяне на чиншъ) зістаетця у хазяіна вільнихъ для себе днівъ, проти прежнёго, 30 мужськихъ и всі 50 жіночіхъ, а въ другімъ разі (якъ пристануть на одбутокъ)—прийдетця повинности 2 дні більше мужськихъ проти прежнёго, а все-жъ таки всі 50 жіночихъ зістаютця вільними; поклавши, що 2 дні мужські йдуть по ціні за 3 жиночи — значитця, проти прежнёго, вже чисто вільнихъ 47 жіночихъ днівъ. Ще-жъ до того вільня праця не те, що крепацька; тутъ можна оглядатись на свої потрібкі...

Згонніхъ днівъ, оброку зъ бобилівъ, ночної сторожі коло панського подвіръя, права панського брать кого схоче у дворову прислугу, по новому уставу вже немае.

Тутъ ми вже й не говоримо про громадську самоуправу, цю найкращу основу всякого товариського розцвіту, не говоримо про те, що чоловіка теперъ боронить законъ відъ усякої самохіті.

Отъ же, розміркувавши усе, — приходитця намъ велику віддать дяку усімъ, котрі приклали *щиро* своеі праці до цёго діла.

Одначе-жъ селяне у нашому кутку не хочуть приймати *устав*—

нихъ грамотъ до кінця зазначеного сроку, говорячи: «побачимо— якъ буде у людей, такъ нехай и въ насъ.»

Пани, по своему звичаю, говорять, що «хлопи» лежні, що не хочутъ нічого робити, и нікого слухать, и сподіваютця, що діждутця устави, котра-бъ вгодила тоі іхнёі натурі.

Що селяне справді трохи сподіваютця ще кращоі для іхъ устави—це такъ; да тутъ нічого дивуватись: у всякого чоловіка есть разъ-у-разъ надія, що ему краще буде. А якъ селяне ще теперъ не розуміють добре нового уставу, то це тожъ не диво: грамотнихъ у насъ міжъ селянами дуже мало, а такіхъ, що-бъ добре зрозуміли те, що тутъ треба розуміти, да ще й зъ такоі великоі книжки... то й тутъ то нічого нарікати на селянъ, бо таки й справді де то такъ дуже дбали про правдиву осьвіту того люду?

Та й не одно те одбивае селянъ що-бъ вони згоджувались на чинші. У насъ селяне не звикли розлічувати на вільний заробітокъ такъ, що зъ нёго зберуть стільки, скільки імъ треба заплатить: вони боятця тіхъ недоплатокъ, оглядаютця на свою хазяйську спроміжність, а тутъ то невеликій достатокъ!..

Ото есть, у одноі семьі, по 2 десятини поля у три руки и $1^1/_2$ десятини сіножаті. На тімъ полі, у нашого селянина звичайно лягае ось-якій присівокъ:

2 корці жита,
1 корець гречки.
$^1/_4$ корця (мірка) проса;

на нашій землі, въ середній зрожай, збере вінъ зъ того:

6 корцівъ жита,
3 — гречки,
$3^1/_2$ — проса;

одділивши на присівокъ скількі треба, зістаетця на харчъ:

4 корці жита,
2 — гречки,
$3^1/_2$ — проса,

а що-бъ прохарчити одного чоловіка у годъ, то и въ дворахъ дають парубкамъ по

4 корці жита,
2 — гречки,
2 — проса,

да й це зовсімъ безъ лишку,—а въ хаті-жъ то найменше щитать 3

душі,—такъ де-жъ тутъ той харчъ возьметця? якъ тутъ ёго розлічувати на свое хозяйство? а ще-жъ оброкъ да подушне заплатить, и одежину справить, и соли и окраси купить, а обчеські да семейні потрібки... тимъ то й кажуть у насъ селяне: «якъ-би чоловікъ знавъ, що на ёго витрищилось, то й померъ-би зъ—ляку.»

Ото жъ у насъ нема сливе зовсімъ такихъ людей зъ селянъ, котрі-бъ кожний рікъ не купували хліба, а що-бъ прожили до нового хліба! и то ніколи не збере цёго зъ свого поля, а заробить прооравши кому-небудь съ половини (*), або иншою працею, зароблюючи зразу пашнею, жнучи—приміромъ—за снінъ.—Погляньмо на це діло ще зъ иншого боку:—покладімъ, що семья заробляе собі на харчъ де на стороні, що-бъ чисто рощитать, яку то вона користь получае зъ свого поля.

Ото ми вже сказали, що семья збирае, въ середній зрожай, одщитавши те, що треба на присівокъ,

4 корці жита,
2 — гречки,
3¼ — проса.

За 1 корець жита середня ціна у насъ 1 карб. 50 к. с.
» 1 — гречки » » » » 1 » — » »
» 1 — проса » » » » 1 » 20 » »

Значитця, за ввесь збіръ получить можно грошима, середнею лічбою,

за жито 6 карбованцівъ,
за гречку 2 —
за просо 3 — 90 к. с.

всёго . . . . . 11 — 90 к. с.; покладімъ для круглаго щоту 12 карб.

Ще есть у семьі сіножать; у насъ сіно найбільшъ болотяне, то за ёго можно взяти карбованцівъ 8 до 10:—середнімъ щотомъ—9 карб. за 4, 5 хуръ сіна.

Значитця, якъ би продать той хлібъ, та сіно, можно виручити за ёго 21 карбованець; та ще за право гнать у толоку товаръ пок-

(*) У насъ оддають съ половини проорать поле такімъ побитомъ: якъ чоловікъ зовсімъ приготовить чуже поле (зралить, здовжить) и засіе половину своімъ зерномъ, половину хазяйськімъ, то після одділяе собі половину ниви и зъ своеі вже половини бере збіръ для себе, а до збору зъ другоі половини ему вже нема діла,—хиба що его найме хозяінъ того поля.

ладімъ 1 карб. (*): то всего вже буде користи зъ хозяйства на 22 карб., не щитаючи праці и иншого накладу; общитаймося-жъ теперъ.

За оранку озімого поля зъ волами треба дать 1½ карб.; за оранку підъ ярину те-жъ.

Дальше ось таблиця:

На яку роботу		Скільки днівъ піших треба.	Скільки треба днівъ тяглихъ, самому ходячи коло худоби.	Скільки одбутку пішими мужськімъ днями за худобу.
Зралить и здовжить озіме поле			2½	2½
Зралить и здовжить яре поле			2½	2½
Засіять	озимину	½		
—	ярину	½		
Зжать и звязать	жито	3		
Скосить	гречку	1		
—	просо	1		
Звязать	гречку	1		
—	просо	1		
Звезти	озіміну	½		
—	ярину	½		
Вимолотить	жито	4		
—	гречку	3		
—	просо	3		
Скосить	сіно	2½		
Згребти	—	3		
Стягать и скидать	—	»	2 чоловіка коло волівъ въ 1 день.	1
Перевезти	—	—	2 зъ парою волівъ.	2
Усіхъ днівъ роботи		25½, —кладімъ 26	9	8

Разомъ усіхъ 43 дні піших мужськихъ. Щитаючи, такъ якъ ми й перше щитали, по четвертаку (25 к. с.) за день — виходить ціна годовоі роботи селянина коло поля въ нашому кутку, окрімъ оранки, 10 карб. 75 к. с., а приклавши за оранку 3 карб. — виходить разомъ 13 карб. 75 к. с.

Годового збору середню ціну ми поклали 22 карб.

Скинувши те що стоіть година робота 13 — 75 к. с.

зістаетця заробітку зъ землі, середнёю лічбою 8 — 25 к. с!..

(*) У насъ селяне дуже бідні на худобу, — не такъ якъ у степахъ.

Я вже натякнувъ, що ввесь годовий збóръ пійде на харчъ, ще й не вистане до нового хліба; а на чиншъ, на подушне, на одежину, на окрасу, обчеські й семейні потрібкі, треба заробить на чужому полі, та за сіно-жъ можно виручити копійчину за-для цёго, а садовини стане зъ свого города на харчъ.

Не легко все те прийдетця селянинові, та що-бъ даромъ слівъ не тратити, розміркуемо лучче, якимъ побитомъ може въ насъ селянинъ спромігтись на оці потріби, покладаючи ввесь розщотъ на одинъ рікъ.

Ото кладімъ въ хаті $3^1/_2$ душі.—На харчъ, покладаючи—якъ ми вже й казали—по 4 корці жита и по 2 гречки и проса на душу, то й вийде, що на семью, на харчъ, треба середнёю лічбою:

14	корцівъ	жита,
7	—	гречки,
7	—	проса.

Це-бъ то приходитця селянинові у нашому кутку до свого годового збору прикупити:

10	корцівъ	жита,
5	—	гречки,
$3^3/_4$	—	проса.

Перекладімъ оцю потребу на гроші, покладаючи таку-жъ середню ціну хліба, якъ ми вже й покладали—вийде, що треба:

на жито заробити		15 карб.
гречку	—	5
просо	—	4, 50 к. с.
разомъ	—	24 карб. 50 к. с.

Що-бъ заробити оцю сумý—треба робити 96 днівъ пішихъ мужськихъ по тій ціні, яку ми вже показали (четвертакъ); покладаючи подушне зъ хати середнёю лічбою за $1^1/_2$ душі—3 карб.,—треба на іхъ заробляти такою-жъ роботою 12 днівъ. Що-бъ заробити на оброкъ, —треба, якъ ми вже казали—80 днівъ пішихъ мужськихъ.

Значитця, на всі ті найважнійші потреби 188, кладімъ 200, днівъ пішої мужської роботи; прочі дні зістаютця вільні въ хозяіна (тутъ ще одщитаймо неділі, празникі, то-що); коло садовини, коло худоби, коло страви ходить хазяйка зъ дітьми: —ще й и тутъ зостастця дещо вільного часу на зароботокъ; гроші съ сіножаті и той прочій вільний заробітокъ пійдуть на одежину и инші хазяйські причандали,

семейні та обчеські потрібкі.—Такимъ робомъ, придивляючись зъ різныхъ боківъ до селянського хазяйства у нашому кутку,—виходить, що хочъ селянинові и дуже тяжко де-въ чому приходитця, та може вінъ, при новому ладу, помалу-малу вбиватись въ заможність—не зразу-жъ бо великі будинкі мурують.—Тимъ-то селянамъ нашімъ ми щире радимо братись за ладъ по новому уставу до чиншівъ, а тамъ далі, розгледівшись, подумати *громадою* и за викупъ; бо то святе діло—въ селянъ своя земля:—не даромъ же вони кажуть: »якъ я доволенъ, то я и воленъ.«

Не такъ-то легко на все тее спромігтись, да все-жъ таки »Богъ не безъ милости, козакъ не безъ долі;« пережывъ вже вінъ не такі доби...

»Якъ у нашій у славній Вкраіні
Бували колись престрашниі злигодні, бездольні години;
Бували й мори, и військові чвари...
Ніхто Вкраинцівъ не ратувавъ,
Ніхто за іхъ Богові молитовъ не посилавъ:
Тільки святий Богъ нашіхъ не забувавъ,
На великі зусілля, на відповіддя державъ!

Одій Рильский.

1862 року

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ ЖИВОПИСНОЙ «УКРАИНЫ.»

XXVII.—*Дівчина*, Полтавской губерніи;—съ рисунка И. И. Соколова.

XXVIII. — »Чабáнъ«, Воронежской губ. Острогожского уѣзда, слободы Щучьей; — съ рисунка С. П. Павлова.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 2-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Багате́нький — зажиточный.
Бала́канія—бесѣда, разговоръ.
Банькѝ — (перен.) — глаза.
Безшта́нько — тотъ, кто безъ штановъ: шалунъ, пьяница, бѣднякъ.
Бі́гма — бѣгомъ.
Бѝдло — скотъ.
Бідола́шний — бѣдный, жалкій.
Блакѝтний — голубой.
Блѝмати — тускло горѣть; мерцать.
Брехе́нька — (умен.) — ложь, побасенка.
Бу́лькнути — (звукоподр.) буркнуть, проговорить подъ носъ.

Важке́нько — отъ — ва́жко — довольно тяжело.
Ва́рмія — армія.
Ввійти́ — взойти.
Вдія́ти — сдѣлать, произвесть.
Вдовольни́тись — удовольствоваться.
Ве́штатись — шляться, шататься.
Верну́ти — возвратить.
Визві́ритись — разсердиться, ожесточиться.
Винова́тниця — виновница.
Вино́шувати — выносить.
Ви́пестити — вынянчить, воспитать.
Ви́рівнятись — выровняться, сравняться.
Ви́рячити —(очі)—уставиться глазами.
Ви́трищитись — выпучить глаза.
Ви́хрити — драть за волосы.
Віддюба́рити — посѣчь, выдрать.
Відкіль — откуда.
Вікно́ — окно.
Відкрути́ти — открутить.
Відкукну́тись — откликнуться.
Відмува́ти — заниматься колдовствомъ.
Віднімáти — отнимать.
Вкла́сти — уложить.
Вла́дза (польск.) — власть.
Вогóнь — огонь.
Встѝгти — успѣть, поспѣть.
Встре́лити — убить выстрѣломъ.
Второ́пний — расторопный.
Ву́голъ — уголъ.
Ву́голь — уголь.
Вчи́нокъ — дѣло, поступокъ.
Вчять — учать.

Га́нити — хулить, ругать; издѣваться
Га́ньба — хула, безчестье.
Га́йворонъ — грачъ.
Гайнова́ти — раскидать въ безпорядкѣ.
Гладкѝй — полный; жирный.
Гле́чикъ — кувшинъ.
Глей — глинистая сырая земля.
Глита́ти — глотать.
Гнатъ — Игнатъ.
Го́іти — лечить.
Голодра́бець — голый, ободраный.
Голосіння — плачъ, причитанія.
Гомоні́ти — разговаривать.
Голу́бонька — голубушка.
Го́ни — извѣстное разстояніе, для опредѣленія длины нивы.
Горща́, — я — маленькій горшокъ.
Гринжо́ла — особаго устройства простыя длинныя сани для перевозки тяжестей.
Гриць — Григорій.
Гулькъ — глядь.
Гультіпа́ка — оборванный гуляка.
Гу́нствотъ (польско - нѣмецкое) — бранное слово.
Гуса́тко — гусёнокъ.
Гу́торка — разговоръ.
Гущина́ — чаща.
Гшта́лтъ — форма, образъ.

Да́лі — затѣмъ, потомъ.
Двійчи — дважды. У-двійзі — вдвоемъ.
Дво́рка — дворовая (дѣвушка).
Де́-коли — иногда.
Дзиндзи́вер-зу́хъ — молодецъ.
Дити́нка — (ум.) — дитя.
Дінъ — Донъ.
Догори́ — вверхъ.
До́ня — (ласк.) — дочь.
Доте́пно — искустно, прилично.
Доторкну́тись — дотронуться.
Доро́жший — драгоцѣннѣе.
Дригъ! — выражаетъ быстрое движеніе ногою.
Дуба́сити — бить.

Жа́дний — каждый, всякій.
Жахъ — испугъ, страхъ.
Жо́вніръ — солдатъ (польскій).
Жо́денъ — каждый.
Жо̀рсткій — жесткій.
Жорсто́кість — жестокость.

Завзя́ття — смѣлость, рѣшительность.
За́вжди — всегда.
Завсіди́ — завсегда.
Зага́вкати — залаять (о собакахъ).
Зага́рбати — заграбить.
Заго́ітись — зажить, исцѣлиться.
Закама́рокъ — тайный, скрытный уголокъ.
Закиги́кати — закричать (о чайкахъ).
Закортіло — захотѣлось сильно.
Залопотіти — захлопать (крыльями).
Замордува̀ти — замучить.
Занеду́жати — заболѣть.
Занімі́ти — сдѣлаться нѣмымъ.
Запали́ти — зажечь.
Запозива́ти — позвать на судъ, судиться.
Запсува́ти — испортить.
Зарятува́ти — помочь.
Засліпи́ти — ослѣпить.
Засмути́ти — опечалить.
Засоро́митись — застыдиться, потупиться.
Заспоко́іти — успокоить.
Застроми́ти — воткнуть.
Застуди́тись — простудиться.
Засту́кати — застучать; застать, захватить въ расплохъ.
Заторохті́ти — застучать (о колесахъ, о громѣ).
Зацмо́кати — произвесть звукъ губами.
Зачухра́ти — (переносн.) — заколотить до смерти.
Зашма́ляний кий — обозженая дубинка.
Займа́ти — трогать; захватывать чужой скотъ.
(Збить) — зъ пантели́ку — (сбить) съ толку.
Звелі́ти — велѣть.
Звіря́чій — звѣриный.
Звістка — извѣстіе.
Здолі́ти — одолѣть.
Здрігну́ти — вздрогнуть.
Згуля́ти — провесть время, ничего не дѣлая.
Зли́нути — улетѣть.
Змайстрюва́ти — смастерить, сдѣлать.
Змигну́ти — моргнуть.
Зми́луватись — помиловать, смиловаться.
Зми́мрити — проговорить невнятно, сквозь зубы.
Зміни́ти — смѣнить.
Зму́шувати — принуждать.
Зна́хурка — ворожея.
Знена́цька — нечаянно, внезапно.
Зни́кнути — исчезнуть.
Знікче́мніти — сдѣлаться ничтожнымъ, ни къ чему негоднымъ.
Зозво́лити — изволить, изъявить согласіе.
Зопьясти́ся — приподняться на цыпочкахъ, на заднихъ лапахъ, опираясь на что-нибудь.
Зра́дникъ — измѣнникъ.
Зріка́тись — отречься.
Зуміти — съумѣть.
Зъідна́ти — соединить.
Зъ-ма́лку — съ малыхъ лѣтъ.

Инчий — иной, другой.

Кавья́ръ — икра.
Ка́за́нь — слово, проповѣдь.
Кази́тись — бѣситься.
Каля́ти — марать, пачкать.
Каміне́ць — камышекъ.
Капли́чка — часовня.
Ка́постний — пакостный.
Кателицтво — католичество.
Катува́ти — сильно бить, мучить.
Квили́ти — жалобно кричать, стонать.
Квітчаний — цвѣточный.
Кебе́та — способность; удача.
Киги́каннє — крикъ чайки.
Кили́мо́къ — коврикъ.
Ки́рпа — короткій носъ.
Кільки — сколько, нѣсколько.
Кі́лько — сколько.
Кітъ — котъ.
Кладови́ще — кладбище.
Клекітъ — шумъ воды.

Клю́ча — стая, гусекъ (о летящихъ птицахъ.)
Книшъ — родъ булки, съ разрѣзанными и завороченными внутрь намасленными краями.
Кнуръ — боровъ, самецъ, плодовикъ.
Коверзува́ти — капризничать, интриговать.
Ко́дло — родъ, племя.
Козарлю́га — (увелич.) — козакъ.
Ко́лотъ — безпокойство, сумятица.
Комаши́на — муравей.
Кома́шечка — мошка, и вообще малое крылатое насѣкомое.
Комінокъ — печная труба.
Комі́рка — (ум. отъ комо́ра) — амбарчикъ, кладовая.
Копи́лити но́са, гу́бу — поднимать носъ, дуться.
Котолу́пъ — кошкодеръ.
Кра́пля — капля.
Крижъ — крестъ; крестецъ.
Кро́кви — стропилы.
Кружка́ — (сіда́ти) — садиться въ кружокъ.
Ку́дель (я) — приготовленный для пряжи, ленъ, или шерсть.
Кудла́тий — мохнатый.
Кукурікання — пѣнье пѣтуха.
Куме́дно — смѣшно, курьезно.
Кунту́шъ — верхнее платье, съ разрѣзными рукавами.
Ку́пець — кучка.
Куце́нький — коро́тенькій.
Ку́чомка — (ум. отъ ку́чма) — баранья шапка.
Ку́щикъ — кустикъ.

Ладівни́ця — патронташъ.
Лагідне́нький — кроткій, мягкій, нѣжный.
Ла́нець — дряной.
Ла́йка — брань.
Лейстрови́й — реестровой, записанный въ реестръ, козакъ.
Ли́марь — кожевенный мастеръ.
Линтваре́вий — сдѣланный изъ овечьей шкуры.
Лихома́нка — лихорадка.
Луна́ — эхо, отголосокъ.
Ля́пасъ — оплеуха.

Ма — имѣетъ.
Макітра — большой горшокъ.
Малаха́й — шапка съ длинными ушами.
Мана́ — призракъ, обольщеніе обманъ.
Матірки́ — (множ.) — матери.
Матю́ся — матушка.
Ма́емо — имѣемъ.
Мізкува́ти — размышлять, разсуждать.
Мітли́ця — растеніе.
Мітокъ — мотокъ пряжи.
Мо́вчки — молча.
Моги́ла — курганъ.
Моро́ка — обольщеніе; мученіе.
Мото́рний — живой, проворный.
Мо́цний, мі́цний, — сильный, крѣпкій.
Мудрація — мудреность.
Мурдува́ти — мучить.
Му́шу — долженъ.

Навдивови́жу — на удивленіе.
На́вить — даже.
Навіже́нний — бѣшеный, сумазбродный.
На всю гу́бу панъ, коза́къ — важный панъ, козакъ.
Нагле́діти — увидать, замѣтить.
Надиви́тись — наглядѣться.
Налака́тись — напугаться.
Намі́сць — намѣсто, вмѣсто.
Наму́лити — пажать, натереть.
Натягти́ — натянуть.
Нару́га — издѣвка, посмѣяніе, позоръ.
На́ймичка — работница.
Небора́къ — бѣдняга.
Не відте́перъ — не съ этого времени.
Не влу́чити — не попасть.
Невсити́мний — ненасытимый.
Нега́рно — нехорошо.
Недільний — воскресный.
Непа́тлий — ненасытный.
Нероскві́чаний — неразцвѣвшій.
Нисенітниці вига́дувать — городить вздоръ, небывальщину.

Обере́мокъ — охапокъ (дровъ).
Обри́дло — надоѣло, опротивѣло.
Обша́рпаний — оборваный.
Овча́рикъ — бекасъ.
Оддя́чити — отблагодарить.
Одчини́ти — отворить.
Одягти́сь — одѣться.
Омили́тись — ошибиться.
Онде — вонъ-гдѣ.
Осе́ля — жилье, осѣдлость.
Осмутніти — сдѣлаться невеселымъ.
Оста́нній — послѣдній.
Остоги́діти — опостылѣть.
Отама́ння — (множ.) отаманы.
Очере́тъ — камышъ.

Пала́цъ — дворецъ.
Папе́ръ, папі́ръ — бумага.
Пашня́ — хлѣбное зерно (въ собир. смыслѣ).

Пе́вность — вѣрность (чего-либо), увѣренность (въ чемъ-либо).
Пистóль — пистолетъ.
Півмíтокъ —полмотка.
Підпідёмканнє — крикъ перепела.
Плюндрувáти — грабить; разорять.
Побазíкати — потолковать, поболтать.
Пóбитъ — бытъ.
Повітóвий — уѣздный.
Погрéбати — побрезгать.
Подарувáти — подарить.
Подря́пати — поцарапать.
Пожéжа — пожаръ.
Пóламья — поломья.
Полóхати—пугать; сгонять съ мѣста
Полýднувати — полдничать.
Полювáннє — охота (звѣриная).
Помандрувáти — побрести, поплестись.
Пóмацки — ощупью.
По-підтúнню —подъ плетнемъ; подъ заборомъ.
Пóратись—ходить (работать) около чего-либо; стряпать.
Поськáти — поискать (въ головѣ).
Похнюпившись — повѣсивши голову.
Почерéжно — поочередно.
Пошпýрити — швирнуть.
Прикмéта — примѣта.
Примайстрювáти — пристроить; придѣлать.
Приплéнтачъ — пришлецъ: (сбоку припеку).
Присíкатись — придраться.
Причвалáти — прибрести.
Прозирáти — прозрѣвать.
Простромúти—проткнуть, просверлить, сдѣлать остріемъ отверстіе.
Простувáти — идти прямикомъ.
Простягти́—прòтянуть, расправить.
Простягáтись — протягиваться.
Прохворости́ти — посѣчь.
Прочухáнка — потасовка.
Прудкúй — быстрый, проворный, прыткій.
Прядівъяний — (отъ слова пря́диво) — пеньковый.
Путя́щий — путный.
Пýщання — заговѣны:

Реготáтись — смѣяться, хохотать.
Ремéсникъ — ремесленникъ.
Репіти — скрыпѣть.
Рбиáлчити — заниматься рыболовствомъ.
Ри́патись — отворять часто двери, ходя (изъ хаты въ сѣни).
Різнáція —разъединеніе; разноголосица.
Розви́днюватись — разсвѣтать.
Розлютувáтись — разгнѣваться.
Росхрíстаний — съ разстегнутымъ воротомъ или пазухою.

Садови́тись — садиться.
Самоúстность —самостоятельность.
Самохíть — по собственному желанію; самовольно.
Сановúтий — стройный, осанистый.
Святе́ письмó —священное писаніе.
Сдви́гнути (плечи́ма) —пожать (плечами).
Серпáнокъ — родъ простой кисеи.
Сивоýсий — сѣдоусый.
Силомíць — насильно.
Сíкти — сѣчь, рубить.
Сімря́жка—сѣрмяжка, сѣрая свита.
Скéля — скала.
Скúбка — ломоть.
Скінчáння — окончаніе.
Склéцокъ — сколокъ; отрубокъ.
Скубнýти — дернуть (за волосы).
Слухня́ний — послушный.
Спéка — жаръ
Спрáжній — настоящій.
Ставóчокъ — (ум.) прудъ.
Стегнó — ляшка.
Стріти — встрѣтить.
Стрíчка — лента.
Схаменýтись — спохватиться; опомниться.

Та жé жъ — да вѣдь же.
Талáнъ — талантъ; удача, счастье.
Темнóта — (собир.) — темь; темный людъ.
Тéстенько — (ум. ласк.) — тесть.
Тікáти — уходить; бѣжать.
Тóж-то — то-то! да, да!
Тóчитця — течетъ, бѣжитъ (о водѣ), катится.
Тó-що — и тому подобное.
Трéа — надо.
Трискотáти — трещать.
Трóшки — (умен.) немножко.
Трощúти — (перен.) бить, душить.
Тулúтись — льнуть.
Тýтéшній — здѣшній.
Тюпки — рысцой.

У-вісні — во снѣ.
Удáтись — казаться быть похожимъ на другого.
Удівець — вдовецъ.
Узивáти — обзывать.
Умочáти — обмокнуть.
Усі — всѣ.
Устáти — встать.
Усю́ди — вездѣ.

Утиснутись — взойти, втиснуться.
Утямити — понять; уразумѣть.

Характерство — колдовство.
Хиба-що! — развѣ только!
Хиба-що? — развѣ-что?
Хлопство (польское) — простой народъ; мужики.
Хропти — храпѣть.
Хтіти — хотѣть.
Хутчій — скорѣй.

Чуруналокъ — коротенькая палка.

Чепурний — опрятный.
Черевики — башмаки.
Чимало — довольно много; не мало.
Чкурнути — побѣжать.
Човенъ — челнъ.
Чоловьяга — человѣкъ.
Чутка — вѣсть, слухъ; молва.
Чухрати — обрывать пригоршней листья; (въ переносномъ смыслѣ(бить.

Швендяти — бродить, слоняться.
Шибиниця — висѣлица.
Шкварчати — шипѣть на огнѣ.
Шкодливий — вредный.
Шмагати — бить; стегать.
Шмалити — (люльку) — курить (трубку).
Шпигнути — кольнуть.
Шпиталь — госпиталь.
Шпурнути—сильно кинуть камнемъ.

Щупакъ — щука.

Эгежъ,-эгежъ! — да-да!

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ Г. КІЕВѢ ЖУРНАЛА ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ВѢСТНИКЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Время въ которое, мы живемъ, по преимуществу можно назвать эпохою всеобщаго стремленія народовъ къ уясненію и возстановленію національностей.

Западный и юго-западный край Россіи по историческимъ судьбамъ своимъ представляетъ въ этомъ отношеніи самый живой интересъ. Люди разнообразныхъ направленій непрерывно задаютъ себѣ вопросы: что такое этотъ край? каковы начала и задачи его народности? И часто, то по невольному увлеченію неосновательными теоріями, то изъ своекорыстныхъ видовъ, рѣшаютъ эти вопросы совершенно противъ исторической истины и наперекоръ дѣйствительной національности и коренной вѣры западно-русскаго народа.

Между тѣмъ юго–западный и западный край Россіи обладаетъ огромными средствами къ правильному разрѣшенію этихъ вопросовъ. Всѣ мѣстные казенные и частные архивы и библіотеки наполнены письменными памятниками, которые могутъ пролить истинный свѣтъ на́ исторію, на всѣ отрасли быта, на всѣ проявленія народнаго духа этого края. Слѣдя за ходомъ современной исторической литературы, слыша безпрестанные толки о происхожденіи и историческихъ судьбахъ нашихъ западныхъ соотечественниковъ, мы пришли къ убѣжденію, что

теперь болѣе чѣмъ когда нибудь настало время вывести на свѣтъ и сдѣлать общимъ достояніемъ эти неисчерпаемыя сокровища для исторіи юго-западнаго и западнаго края, посредствомъ періодическаго изданія.

Это не значитъ однакожъ, что мы намѣрены издавать сборникъ однихъ матеріаловъ, которые уже вызвали такого рода изданія. Нѣтъ, мы постараемся каждому историческому документу дать жизненное значеніе, поставить въ связь съ такими явленіями жизни, которыя его вызвали, вообще поднимать вопросы прошедшаго, бывшіе въ свое время животрепещущими и ставить съ ними въ соотвѣтствіе современныя стремленія западнорусскаго края.

Съ этою цѣлію и предпринимается нами изданіе въ Кіевѣ журнала подъ названіемъ: «Вѣстникъ югозападной и западной Россіи».

Въ этомъ изданіи мы не станемъ проводить рѣзкой черты между гражданскими и религіозными явленіями прошедшей жизни юго-западнаго и западнаго края Россіи, потому что тѣ и другія проявлялись нераздѣльно и взаимно объясняютъ другъ друга. Поэтому нашъ журналъ равномѣрно будетъ касаться какъ гражданскаго быта народа, такъ и церковной его стороны. Можно даже сказать, въ религіозныхъ событіяхъ западнаго края Россіи—главная нить къ уразумѣнію настоящаго склада бытоваго и къ уясненію сословныхъ отношеній въ народонаселеніи этой страны.

Мы понимаемъ трудности, съ которыми должны будемъ бороться. Мы встрѣтимъ на нашемъ пути многочисленныя закоренѣлыя предубѣжденія, большею частію наросты на нашей истинной національности (въ слѣдствіе чуждыхъ вліяній) и ошибки, отъ которыхъ не всегда были свободны даже люди по видимому образованные. Встрѣчаясь съ этими историческими заблужденіями, мы не будемъ увлекаться какими нибудь предзанятыми теоріями, льстящими нашимъ національнымъ интересамъ; наше оружіе въ матеріалахъ непоколебимой достовѣрности и очевидности.

Смѣемъ надѣяться, что многіе отзовуться на наше предпріятіе живымъ сочувствіемъ и своимъ участіемъ помогутъ намъ перенести наши убѣжденія въ народныя массы, къ несчастію, въ теченіи многихъ вѣковъ осужденныя печальными историческими обстоятельствами оставаться въ невѣденіи историческаго значенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ смѣемъ надѣяться, что люди близко знающіе западный край, подѣлятся съ нами имѣющимися у нихъ документами и тѣми очерками этнографическими и историческими, для которыхъ

содержаніе подмѣтятъ они въ окружающей ихъ средѣ. Эта надежда простирается не на однихъ только спеціалистовъ и ученыхъ, но и на всѣхъ, у кого найдется историческій матеріалъ, пригодный для нашего изданія. Само собою разумѣется, что всякій трудъ, предпринятый на пользу нашего изданія и можно сказать на пользу общую, не останется безъ приличнаго матеріальнаго вознагражденія, если только будетъ соотвѣтствовать программѣ и направленію журнала.

Вѣстникъ юго-западной Россіи будетъ издаваться по слѣдующей программѣ.

I. ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіяся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ буквальныхъ спискахъ съ подлинникомъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій и съ приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

II. Разсказы и очерки изъ событій прошедшаго быта и нравовъ на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи, научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣденія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

III. Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и запаоной Россіи.

IV. Очерки описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи въ связи съ ея прошедшею исторіею; статистическія свѣдѣнія о сихъ странахъ; археологическія розысканія; свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи; о русской грамотности и распространеніи ея въ краяхъ юго-западной и западной Россіи; новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ; хроника важнѣйшихъ происшествій въ сихъ

странахъ, извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій о западной и юго-западной Россіи; библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ сіи страны; некрологи и разныя мелкія статьи, неподходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Кореспонденція. Объявленія и проч.

Въ родѣ прибавленій, Редакція по временамъ будетъ прилагать къ книжкамъ журнала: чертежи древнихъ памятниковъ и другихъ предметовъ, автографы историческихъ дѣятелей, рисунки зданій и мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и проч; а если будетъ располагать большими денежными средствами, то своимъ подписчикамъ будетъ высылать безмездно вновь напечатанныя на счетъ Редакціи брошюры историческаго содержанія.

ВѢСТНИКЪ

будетъ выходить съ 1-го Іюля, 1862-го года, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 12 до 14 листовъ съ приложеніями.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ **КІЕВѢ** *въ Редакціи* журнала; въ **С. ПЕТЕРБУРГѢ** въ Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ и въ книжномъ магазинѣ г. г. книгопродавцевъ *Кораблева и Сирякова*, на Садовой улицѣ, противъ Гостинаго Двора, въ домѣ Балабина; въ **МОСКВѢ**, въ Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ

для жителей *Кіева, С. Петербурга и Москвы*, безъ доставки **6 р. 50 к.**—за доставку на квартиру и пересылку во всѣ городъ Имперіи прилагается **ОДИНЪ р.**

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Редакцію журнала Вѣстникъ юго-запада ной и западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору **«ВѢСТНИКА»** *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*.

РЕДАКТОРЪ *К. Говорскій.*

ОСНОВА

1862

БЕРЕЗІЛЬ

(МАРТЪ)

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Кобзарь, LV — LVI, **Т. Г. Шевченка.**
II. Листи **Шевченка** до М. М. Лазаревського.
III. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
IV. Стихи́: 1) Горюва́ння, 2) До-до́му, **Черніговця Миколайчика Білокопитого**; 3) Нетя́га, **В. Ст. Кулика.**
V. Институтка, **Марка Вовчка.**
VI. Дѣтство Т. Г. Шевченка, **А. М. Лазаревскаго.**
VII. Уманская бѣда 1786 года, — **современника.**
VIII. Письма 1786 года, съ Волыни.
IX. До братівъ на Вкраіну, **П. А. Куліша.**
X. »Русскій Патріотизмъ«, **П. Житецкаго,**
XI. Рокови́ни по Шевченкові, 26 февраля 1862.
XII. Извѣстіе объ обѣдѣ 5 марта 1862.
XIII. Устня мова зъ науки: Про дощъ, **Вс. П. Боровського.**
XIV. Отвѣтъ *Дню*, **П. А. Куліша.**
XV. Отвѣтъ на письмо съ Юга, **П. А. Кулиша.**
XVI. Переглядъ украінськихъ книжокъ, **П. А. Куліша.**
XVII. Краткій очеркъ украинской литературы, г. Петраченка, **П. М.**
XVIII. О южнорусскомъ словарѣ г. Шейковскаго, **Ал. М. Лазаревскаго.**
XIX. Вісті: 1) О размежеваніи. 2) Украинскій спектакль въ Черниговѣ, **Павла.** 3) Де́-що зъ Гадяча, **Ив. Кивайголови.** 4) Зъ Кременчука, **Ал. Переходовця.** 5) Письма изъ-по-надъ Десны и Сейму, **А. Михченка.** 6) Изъ Таращи. 7) Изъ — овской губ. 8) Екатеринославская, Ильинская и Коренная ярмарки, **О. Незбудія.**
XX. Современная Южнорусская лѣтопись.
XXI Объясненіе къ рисункамъ »Живописной Украины«, **Л. М. Жемчужникова.**
XXII. Извѣщеніе о продажѣ рукописей Шевченка, **М. М. Лазаревскаго.**
XXIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли «
Владимірѣ Мономахъ.

1862

БЕРЕЗІЛЬ

(МАРТЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 17 апрѣля, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

LV.

Моімъ соузникамъ.

Згада́йте, бра́тія моя́, —
Бода́й те ли́хо не верта́лось! —
Якъ ви гарне́сенько и я
Изъ-за реше́тки визира́ли, —
И, пе́вне, ду́мали: коли́ —
На ра́ду ти́ху, на розмо́ву, —
Коли́ ми зійдемося зно́ву
На сій зъубо́женій землі?
Нико́ли, бра́тія, нико́ли....
Зъ Дніпра́ у-ку́пі не пьемо́,
Розійдимось, рознесе́мо
Въ степи́, въ лісй свою́ недо́лю,
Повіруемъ ще тро́хи въ во́лю,
А по́тімъ — жи́ти почнемо́
Межъ людьми́, якъ лю́де...
А по́ки те бу́де,
Любітеся, брати́ моі,
Украйну любіте,
И за не́і безтала́нну
Го́спода моліте.
(Ворогівъ) забу́дте, дру́ги,
И не проклина́йте,
И мене́ въ невóлі лю́тій
Инколи згада́йте....

LVI.

Лічу́ въ нево́лі дні и но́чі,
И лікъ забува́ю!
О, Го́споди! якъ то тя́жко
Ті́і дні мина́ють!
А літа́ пливу́ть за ни́ми.
Пливу́ть собі сти́ха,
Забира́ють за собо́ю
И добро́ и ли́хо;
Забира́ють, не верта́ють
Нікóли нічóго...
И не блага́й! бо пропаде́
Моли́тва.....

Калому́тними болота́ми
Міжъ буръя́нами, за года́ми
Три го́ди су́мно протекли́;
Бага́то де́-чого взяли́
Зъ моє́і те́мноі комо́ри,
И въ мо́ре ни́шкомъ однесли́
И ни́шкомъ проковтну́ло мо́ре
Моє́ не зла́то-серебро́ —
Моі літа́ — моє́ добро́,
Мою́ нудьгу́, моі печа́лі —
Ті́і незри́мії скрижа́лі
Незри́мимъ ни́сані перо́мъ...
Неха́й гнили́ми болота́ми
Течу́ть собі міжъ буръяна́ми
Літа́ нево́лничі! А я...
(Така́я за́повідь моя́)
Посиджу, тро́шки погуля́ю,
На степъ, на мо́ре подивлю́сь,
Згада́ю де́-що, заспіва́ю,
Та й зновъ мере́жать захожу́сь
Дрібне́ньку кни́жечку.... Руша́ю!..

Т. Шевченко.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

3) ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО (1).

1.

Новопетровское укрѣпленіе, 8 октября 1856 г.

Богу милий друже мій, Михайле!

Коротéньке, невели́чке та щи́ре письмо твое отъ 8 августа, получивъ я 28 сентября. Довгéнько—таки́ воно́ летíло, та все таки́, благодари́ть Бóга, долетíло. Спаси́бі тобі, дру́же мій еди́ний, и за письмо́ твое ласкавее. Спаси́бі тобі и за гро́ші. У мéне іхъ тепéръ такъ небагато, якъ у того́ Ла́заря, що слíпці спíвають на ярмарка́хъ. Я сердéчне радъ, що ви познако́мились съ Семéномъ: до́брий, щи́рий чоловíкъ. Не такъ давно́ и вінъ менí прислáвъ 15 руб. Та брéше собі, нівро́ку ёму́: пише, що хтось передавъ ёму́ щобъ послáть менí. Може це и була́ колú нéбудь прáвда, та тепéръ така́ стара́ ста́ла що похожа на мифологію, сíрічъ на брехню. Це, бачишъ, я до то́го веду́ сло́во, що познако́мившись съ Семéномъ, и ти трóхи ви́вчився въ ёго тее... Испрáвді, за що ти менí виненъ? — Ні за́ що́. Спаси́бі тобі дру́же мій еди́ний! Такая непрáвда лу́чше всякоі на свíті прáвди. Тільки ось що: колú и чимъ я тобі заплачу́ за твою́ братскую непрáвду?

Німець Іёхимъ мабуть на мéне се́рдитця? Не зна́ю за що бъ ёму́ се́рдитьця? Ми зъ нимъ жилú и розíйшлúся до́брими прія́телями, ні-за-що бъ, здаéтця се́рдитьця. А тимъ ча́сомъ, Богъ ёго знáе. Статуэтки менí не ду́же потрíбні,—обійду́сь и безъ іхъ. А отъ безъ

(1) Листы 1) до Я. Г. Кухаренка и 2) до М. С. Щепкина були напеча́тані въ торішній октябській книжці.

чого не обійду́сь: безъ жизненныхъ припа́совъ, якъ ти пишешъ. Мені тепе́ръ ду́же и ду́же тре́ба одну́ акваре́льну кра́ску, нази-ва́етця вона́ сепія. Семе́нъ, я ду́маю, ії зна́е, бо вінъ таки́ тро́хи шни́порить въ маля́рстві. Вона́ буває разніхъ фабрикъ, але́ найлучшая Римська сепія; оце́ тобі фо́рма пліткн и на́дпись. Доста́ть ії мо́жна въ кра́сочномъ магазіні, що коло акаде́мії художествъ; пришли́, ра́ди свято́го иску́ства, дві пліткн. Та ще, якъ би ти мені съ кра́скою прислáвъ па́ру кистей до́брихъ акварельныхъ, толщини́ въ обыкнове́нную папіро́су: то тоді бъ уже я тобі спасибі сказа́въ, тілько кісті уміючи тре́ба ви́брать. Не зна́ю, чи Семенъ тя́мить що́ въ сімъ ді́лі. Тутъ тре́ба маляра́-акварелиста. Та въ Семена, я ду́маю, на́йдетця знако́мий таки́й ма́йстеръ. Да ще якъ би до кистей прибавить 6 штукъ карандашей № 3, фа́брики Фа́бера: то тогді бъ тілько Бо́гу помоли́вся бъ, та й більшъ нічо́го.

Кла́няюсь Семе́нові и жінці ёго́, и цілу́ю дочку́ ёго. Кла́няюсь Фе́доровi и Василе́ві: — де вінъ тепе́ръ? Якъ побачисся зъ здоро́вимъ Осипомъ Езучевськимъ, то и ёму кланяюсь. Глухому Ялу́зі, коли́ зна́ешъ, и ёму́, — и всімъ землякáмъ моімъ, кото́рі хочъ зга́дують про ме́не.

Напиши́ мені, будь ла́скавъ, про Леви́цького: — де́ вінъ повертáетця?

Проща́й, мій искренній, мій еди́ний дру́же! Не забува́й безтала́нного и щи́ро-любя́щого тебе *Т. Шевченка.*

P. S. Чи разъ ба́тька вда́рить, чи двічі, передъ Бо́гомъ, гово́рять, одвіча́ть одна́ково. До всёго то́го, що я тебе́ проси́въ, приба́въ ще о́сь-що: 4 шту́ки чо́рного францу́зького карандаша́ № 2, фа́брики Le Conté, и білого, 4 шту́ки, тиéї жъ фа́брики, № 1; та тушова́льного чо́рного порошку́ 4 золотники́. Тепе́ръ уже́ більшъ нічо́го не попрошу́, бо за́разъ письмо́ печа́таю. А якъ би́ ще день поле́жало, то, мо́же бъ, ще́ що ви́думавъ. Пришли́, мій го́лубе си́зий, а я тобі, на ту ве́сну, киргизя́ замýрзане пришлю́.

Мо́же тра́питця, що не доста́нешъ *Sepia di Roma*, то візьми́ фа́брики Шане́ля.

II.

Лю́бий мій еди́ний Миха́йле!

Вмéстѣ съ послѣдними пятью главами сего произведенія, по-

лучилъ я и письмо отъ Дармограя, въ которомъ онъ проситъ меня, а я тебя прошу, сдѣлать его этюду такое заглавіе:

Матрозъ,
или старая погудка на новый ладъ.
Разсказъ (а не этюдъ).
Часть первая.

Первая часть разсказа заключаетъ въ себѣ десять главъ, а какъ будетъ велика вторая часть, этого онъ не пишетъ; можетъ быть и самъ еще не знаетъ. Еще проситъ онъ поправить ошибку, правда сказать, довольно грубую. Онъ написалъ, что мѣстечко Лысянка замѣчательно мѣсторожденіемъ знаменитаго Богдана Хмельницкаго. Неправда: въ Лысянкѣ родился не знаменитый гетманъ, а отецъ его Чигиринскій сотникъ Михаилъ Хмельникъ или Хмельницкій, и не по словамъ лѣтописи Самовидца, какъ онъ написалъ, а по словамъ профессора Соловьева, который ссылается на Кіевскіе акты. Еще тоже не помню, на которой страницѣ, онъ сдѣлалъ пробѣлъ, а за нимъ и я; нужно было написать фамилію знаменитаго череполога *Лаватера*, но онъ вѣроятно забылъ, какъ прозывался этотъ мудреный нѣмецъ, и я тоже не вспомнилъ. Больше онъ ничего не замѣчаетъ. Я тоже больше ничего не замѣчаю, и онъ передаетъ мнѣ, а я, переписавши на досугѣ, передаю его новорожденное дѣтище въ полное ваше покровительство и распоряженіе. Еще онъ пишетъ мнѣ, что если и будетъ вторая часть этого разсказа, то не весьма скоро. Поэтому я и думаю, что лучше не писать: *Часть первая.*

Тепе́ръ отъ що я тебе́ проси́тиму, дру́же мій еди́ний: якъ би ти самъ пабачи́вся съ Писемскимъ: (за знако́мство зъ нимъ не бу́дешъ мене́ ла́ять): та спитавъ би ёго́, чи ба́чився вінъ зъ графи́нею Т. и що вона́ сказа́ла ёму́ про *Кикгиню К.* Дармогра́я и чи получила вона́ мої пи́сьма; и що вінъ тобі ска́же, напиши́ мені, дру́же мій еди́ний. Кланяюсь Василеві, Ѳедорові и Семенові. Оставайтеся здорові, искренніі дру́ги моі. Не забува́йте сироту́ на чужи́ні.

8 декабря (1856 г.).
(Изъ Новопетровскаго).

III.

22 апрѣля 1857 г. (Новопетровское).

Христосъ воскресе, бра́те мій лю́бий!

Уда́вся жъ мині сёгорішній вели́кдень! тако́го свято́го ради́сного вели́кодня у ме́не ще й зро́ду не́ було. Якъ разъ 7 апреля прийшла́ до насъ почта и привезла́ твою дорогую посы́лку и твоє ра́доснее письмо́ отъ 17 генваря. Я тро́хи не одурівъ, прочита́вши ёго́; та ще якъ закури́въ твою сига́ру (я де́сять лі́тъ не кури́въ сига́ри), то якъ закури́въ твою гавану, то такъ мині, дру́же мій еди́ний, запа́хло во́лею, що я запла́кавъ, якъ та́я дити́на. Отъ що ти наробы́въ зъ моіми ста́рима очи́ма! Неха́й тобі Госпо́дь милосе́рдний запла́тить за твою серде́шную робо́ту. Тажъ са́мая по́чта привезла́ мині письмо изъ Чорномо́рії и 25 р. гро́шей отъ Я. Кухаре́нка. (Семе́нъ ёго́ повиненъ знать.) Але Кухаре́нко про во́лю мині нічо́го не пи́ше. Та та́жъ са́мая по́чта изъ Петербурга привезла́ мині письмо и гро́шей 16 р. отъ А. Ма́ркевича съ това́ришами. Се бу́де спинъ того́ са́мого Мико́ла́я Ма́ркевича, що написавъ Малороссійскую исто́рію. Зъ ба́тькомъ ёго́ ми були́ колись вели́кі прия́телі, а си́на ёго́, сёго самого Андрія, то я здае́тця, шо й не ба́чивъ, а мо́же й ба́чивъ, та ще дитиною. Найди́ ёго́ тамъ, та поцілу́й за ме́не, мій дру́же еди́ний. Воно́ квартирю́е въ Почта́мтской, въ до́мѣ *Ло́гинова.*

Такъ отъ яки́й у ме́не бувъ вели́кдень! и чимъ я запла́чу вамъ, брати́ мої, земляки́ мої щи́рі, чимъ запла́чу я вамъ за моє́ вели́ке свя́то! за мої серде́чні ра́доснії слёзи! Слёза́ми — и не чимъ більше.

Якъ поба́чивъ Куліша́, поцілу́й ёго́ за кни́ги, що він подарува́въ, а особли́во за *Запи́ски о Южной Руси.* Тако́і розу́мної кни́ги, тако́го чи́стого нашого сло́ва, я ще не чита́въ. Мо́же він и розсе́рдетця на ме́не за те, що я ёго́ алма́зний пода́рокъ, *Запи́ски о Южной Ру́си*, посла́въ на Чорномо́рію Кухаре́нкові. Такъ щожъ: скажи, — не втерпівъ. И якъ він, крий ёго́ Ма́ти Господня! не ви́дасть второ́го то́ма, то не тілько я, ти, всі земляки́ на́ші и вся Славя́нщина проклене́ ёго́ и назове́ брехуно́мъ. Такъ и скажи́ ёму́.

А Б—л—з—рський ка́жешъ поіхавъ жени́тьця, до до́му. Нехай ёму́ Богъ помага́. Отъ ще щи́ра христія́нська душа. Поцілу́й ёго́ за ме́не, якъ побачишъ.

Яка́ тамъ моя́ карти́на була у Езуче́вського, ей Бо́гу не зна́ю; розігра́ли, ка́жешъ, въ лотере́ю и вона́ доста́лася тобі. О мій до́брий, мій щи́рий друже! Неха́й васъ Богъ такъ не забу́де, якъ ви не забули, не поки́нули мене́, безтала́нного, на чужи́ні, въ нево́лі. Я нікуди́ не поіду, дру́же мій еди́ний, якъ пошле мині Госпо́дь милосе́рдний во́лю, хиба́ тілько по доро́зі заіду въ Чорномо́рію на яки́й ти́ждень, а тамъ пря́мо въ столи́цю до васъ, до васъ, брати́ мої. Мині здае́тця, що я одурію якъ поба́чуся зъ ва́ми, мої рі́дні, мої еди́ниі!

Сего́дня, 22 апреля, прийшла́ друга́ по́чта зъ Гу́рьева и не привезла нічо́го офиціального нащотъ моєі отста́вки, и я не зна́ю що́ й ду́мать. Мо́же то фо́рма тре́буе такоі проволо́ки? не зна́ю. Дождуся и тре́тёі по́чти, що́ тамъ бу́де, бо мині, ба́чишъ, хотілося приба́вить до цёго письма́ два слова́ и нічо́го більше, друже мій еди́ний.

Лихи́й ёго́ зна́е, де той Осиповъ дівся? и Писемського ка́жешъ не ма́е въ Петербурсі. А *Княги́ня*, пи́шешъ, у яко́гось Н. Д. не зна́ю хто́ се Н. Д. Якъ би Княги́ню взявъ на свої ру́ки Кулішъ, чи не лу́чче бъ було́? та й Матро́за прибга́въ би до Княги́ні, та причепури́въ би іхъ гарненько та й пустивъ би въ люде. Дармогра́й написавъ уже́ и вторую́ часть Матроза, въ кото́рой уже́ рѣзче обозначилась общая идея разсказа; а въ тре́тій вінъ ду́ма уже́ виставить наголо свою́ нехи́трую фанта́зію. Але́ коли́ то те бу́де? а мо́же й бу́де коли не́будь. Тре́ба підожда́ть.

Не пишу тобі, дру́же мій еди́ний, сего́дня більшъ нічо́го, бо нема чого́ писа́ть, та и голова́ въ ме́не сего́дня нена́че позича́на у москаля́-коробе́йника, або нина́че кло́ччямъ начи́нена. А все то те ли́хо по́чта наробила. Підожду́ другоі по́чти, чи не весе́ліша бу́де. Ось-ось трохи́ не забу́въ! Чомъ ти мині нічого не пишешъ про Василя, и про Ѳедора?

(Другимъ почеркомъ).

Чорти́ іхъ батька зна́ють, що́ се вони́ зо мною ро́блять! И досі ще нема́ нічо́го изъ Корпусу. Добива́ють вони́ мене, недолю́ди, не боячи́ся Бо́га! а нудьга, нудьга! Я ще зро́ду такоі нудьги́ не коштува́въ. Ні до

чо́го руки нележять, а въ голові така́ не́хворощъ, що й ра́ди не да́мъ. Чита́ю по одному́ листо́чку въ день біографію Го́голя; чича́ю та й бою́ся: може й по листо́чку не ста́не, по́ки-то прийде той одпускъ. Гро́шей у ме́не тепе́ръ ду́же небага́то, але́ якъ би давъ Богъ тую волю, то можна бъ було́ позичить тро́хи, шобъ до Москви́ або́ до Чорномо́рії допха́тьця, а тамъ уже́ я не загину. Ти мині пи́шешъ про фотогра́фію. Не робіть нічо́го, брати́ мої, дру́ги мої ми́лиі, по́ки я зъ ва́ми не поба́чусь. Съ сіе́ю по́чтою не пишу тобі—я свобо́денъ; чи не дасть Богъ зъ будущою. Ну́дно мині, дру́же мій еди́ний! ду́мавъ собі, чи не легше бу́де якъ зъ тобо́ю поговорю́ хочъ на папі́рі... перо́ зъ рукъ випада́е. На посы́лку твою́ тілько дивлю́ся и більшъ нічо́го; въ ру́ки нічо́го взять не хо́четця. Бува́й здоро́въ, мій дру́же еди́ний! Цілу́ю тебе́, Семе́на, Куліша, и всіхъ моіхъ и твоіхъ земляківъ до́брихъ и щи́рихъ таки́хъ якъ ти. Не покида́йте мене́, други мої, брати́ мої ми́лиі!

8 мая.

IV.

20 мая (1857 г. Новопетровское́).

Во истину воскре́съ! мій дру́же еди́ний!

Спаси́бі тобі, се́рце моє́, за твоє́ письмо отъ 11 апреля. Мині поле́гшало якъ прочитавъ я ёго́. Я дурни́й ду́мавъ, що ще въ январі мое ділo ко́нчене, а вопо́ зъ 7 або́ зъ 17 апреля тілько що начина́етця. И та са́мая дурна́я ду́мка мене́ такъ тя́жко му́чила и до́сі. Тепе́ръ, слава́ Бо́гу, я повеселішавъ; а все-таки́—за що не візьму́ся—изъ рукъ випада́е. Се́рце яко́сь лихора́дочно бье́тця. Охъ! якъ би то ёго́ шви́дче успоко́іли!

Ти пи́шешъ, шо бувъ до́ма. Якъ я тобі зави́дую, мій дру́же еди́ний! Тамъ и про ме́не зга́дували. Спаси́бі імъ земляка́мъ моімъ ріднимъ, що не забува́ють кобзаря́ свого, старо́го, безтала́нного.

Ти пи́шешъ що чувъ, що и въ столиці есть добрі ду́ші, що хотя́ть помага́ть мені на доро́гу. Спаси́бі, імъ добримъ ду́шамъ! и чи не бу́де той са́мий А. Маркевичъ зъ това́ришами, про кото́рого я тобі писа́въ?

Ще ти пита́ешъ, чи бага́то мині тре́ба буде́ гро́шей на доро́гу? Я и самъ не знаю, и не зна́ю ще, якъ я поіду? чи на Оренбургъ, чи Волгою до Нижнёго и на Москву, чи на

Чорноморію? Яки́мъ би шляхомъ не поіхавъ, то я ду́маю, що не обійду́ся ме́нше якъ 200 рублями. Тре́ба бу́де оде́жа, бо зъ ме́не якъ знімуть казе́нну, то я оста́нуся якъ той туре́цький свяги́й, буквально го́лий. Полу́чишъ ти на своє́ и́мя отъ Б. Зале́ського изъ Ми́нскоі губерні 50 рублівъ, то и ті пришпили́ до своіхъ, та й пришли по пре́жнёму адресу́, съ передачею. Я мо́ж не діждуся твоіхъ гро́шей, а пози́чу у Ира́клія Александровича: то ти вже такъ и посилай на ёго имя́. А якъ що не бу́де одъ Царя нічо́го, то не посила́й и гро́шей: на що вони́ тоді мені? Якъ перепи́шуть Матроза, то переда́й ёго́ Кулішеві, та попроси́ ёго́ одъ ме́не—неха́й вінъ ёго прочита́е гарне́нько, та де що поба́чить—неха́й и поправить, а за Записки о Южной Руси подякуй ёго́ ще разъ одъ ме́не. Не тепе́ръ, а коли–не́будь и́ноді я ду́маю удра́ть кри́тику на сію воистинно драгоцінную кни́гу. Але ще тілько ду́маю, а тамъ Богъ ёго́ знае, якъ воно́ бу́де. Попроси́ Семена—неха́й вінъ коли́ не́будь роскаже вамъ, якъ замира́вши Явдо́ха була́ на тімъ світі и що вона́ тамъ ба́чила? У Куліша́ запи́сане тілько не́кло, а ра́ю нема́, опрічъ тихъ двохъ діточо́къ, що передъ Матірью Божою золоті клубо́чки де́ржать, а вона́ панчішечку плете́

Вибача́й мені, дру́же мій еди́ний, що пишу тобі такъ на швидку́. Ніколе. Сёго́дня почта одхо́дить. Цілу́ю тебе́, Семе́на и всіхъ до́брихъ земляківъ моіхъ. Не покида́йте, брати мої, старого безталанного *Кобзаря Дармограя*.

V.

30 іюня 857 г. Новопетровское.

Мій искренній дру́же!

Получивши это послѣднее отъ ме́ня письмо изъ Новопетровскаго укрѣпленія, сдѣлай для меня величайшее одолженіе, а для многоуважаемаго мною Ираклія Александровича еще больше: побывай ты съ человѣкомъ практически и хорошо знающимъ фотографическое дѣло, побывай съ такимъ человѣкомъ у г. Чернягина по означенному адресу. И выберите, покрайней мѣрѣ, освидѣтельствуйте выписываемую И. А. камеру для фотографіи съ приборомъ, въ-особенности обратите вниманіе на объективы *Фохтленгера*. Деньги г. Чернягину посылаются съ этою же почтою;

вслучаѣ же недостачи этой суммы, заплати свои деньги, которыя ты съ глубочайшей благодарностью получишъ отъ искренняго твоего *Т. Шевченка.*

Ираклій Александровичъ (щобъ ёго́ ли́хо не знало) вели́кий мені пріятель; то ви вже, дру́ги, брати мої лю́бії, зробіть що́ вінъ та пи́ше,—зробіть для ёго́ и для ме́не. Вінъ мене́ пьятий рікъ году́е и напува́е.

Якъ поба́чишъ Куліша, то поцілу́й ёго и скажи ёму́, що я ёго́ *Записки о Южной Руси* послявъ на Чорноморію,—що́ тамъ скажуть.

Пришли мені *Метлинскаго:* вінъ недорого коштуе.

P. S. Маркевичъ написа́въ мені свій адресъ, та чортъ зна яки́й: въ *Почтамской, въ домъ Логинова, а на конвертѣ написано другою рукою*—въ домѣ полковника *Поссе*: то я теперъ не знаю шо й робить? Найди ёго, мій дру́же еди́ний, того́ *неакура́тного* Маркевича, поскуби ёго́ за чубъ, або за́ ухо, а потімъ скажи́ ему́, шобъ а́дресъ писавъ добре и по прилагаемой при семъ запискѣ исполнилъ акуратно, — а то би́тиму якъ приіду; а якъ що можна, то и ти ёму́ поможи́ въ сій робо́ті: мені це тре́ба.

VI.

1 іюля (1857 г. Новопетровское).

Мій друже единий!

Письмо твое и 75 р. грішми, одъ 2 мая, получивъ 3 іюня. Спасибі тобі, дру́же мій еди́ний. Прочитавши твое письмо я перелицюва́въ свою дорогу въ столи́цю: Чо́рноморію оставивъ до друго́го ра́зу, а вдаривъ просто черезъ Астрахань Волгою до Нижнёго, а потімъ черезъ Москву и до тебе, мій друже милий, мій еди́ний. Перелицювавши шляхъ-доро́гу, я того жъ дня упакувавъ свою мизе́рію книги, то-що, купивъ пологъ одъ комарівъ волжскихъ, сшивъ изъ шести листовъ папе́ру тетра́дь для подорожного журнала, и сівъ надъ мо́ремъ ждать пого́ди, та й досі жду, мій дру́же еди́ний. И Богъ ёго святи́й знае, коли́ я дождýся тиéї до́броі пого́ди? По́логъ вже у мене вкра́ли; тетра́дь, шо приготовивъ для доро́ги, всю до листо́чка списавъ *мьстными впечатльніями*, а изъ Оренбурга ни слуху ни духу. Я не зна́ю що той Лади́женський тамъ ро́бить? Шко́да, що ти й проси́въ ёго́. Почта изъ

Оренбурга и Уральска полу́читця тутъ нераньше 15 іюля, и якъ що принесе́ мині свобо́ду, то на дру́гий же день поки́ну оце смердяче укрѣпленіе, и дасть Богъ, въ половині августа бу́ду ціловать тебе́, мій еди́ний дру́же. О Бо́же, якъби то такъ ста́лося! Молю милосе́рдного Бога, шобъ оце́ було́ послідне письмо до те́бе изъ цёго проклятого укрѣпленія. И ти не пиши́ вже до ме́не сюда́. Якъ поба́чимся зъ Ма́ркевичемъ, то поклонися ёму́ одъ ме́не и скажи нехай не торбу́етця, не шука́е того́ — полко́вника К—ского: я самъ ёго́ найду́ якъ приду; а тебе добре́ ще разъ прошу́: найди чоловіка знающого фотографію та виберн у Чернягина камеру для Ираклія Александровича; вінъ тобі вели́ке спаси́бі ска́же.

Якъ бу́ду виізжа́ть изъ цёго́ поганого укрѣпленія, то напишу́ тобі, куди́ я поіду: може ще потребуютъ въ Оренбу́ргъ, сохрани Бо́же. Проща́й, мій до́брий, мій еди́ний! Пароходъ пари́ розво́дить. Поцілуй Ѳедора и Семе́на.

VII.

Мій еди́ний друже! Я свобо́денъ. Я уже въ Астрахані и завтра 15 августа, якъ Богъ поможе, на пароході Меркурій, попливу за 5 карбо́ванцівъ на па́лубі, въ Ни́жній Новгородъ. Ра́ньше 15 сентября я не допливу́ до Нижняго, и ра́ньше 1 октября я не поцілу́ю тебе́, дру́же мій еди́ний. Го́споди милосе́рдний, скороти́ путь и вре́мья для на́шого свиданія съ тобо́ю. 21 іюля получе́но офиціальное извѣстіе о моій свобо́ді. На дру́гий день я просивъ Ираклія Александровича дать мені про́пускъ черезъ Астрахань въ Петербургъ, але́ вінъ одказавъ мені. 23 іюля написа́въ я и посла́въ черезъ Астрахань письмо графу Толстому. Писа́въ я ёму́, що я поіду черезъ Оренбургъ.

1 августа прийшла́ почта и приве́зла мені разрѣшеніе іхать куди я хо́чу. 2 августа я вирвався зъ своє́і тюрми, а 5 августа я гулявъ уже по сла́вному го́роду Астрахані. 14 августа пишу тобі оце́ письмо невели́чке, а за́втра дасть Богъ попливу́ вверхъ по матушкѣ по Волгѣ, ажъ до Ни́жнёго. До свида́нія, мій дру́же еди́ний. Цілу́ю Семе́на, Ѳе́дора и всіхъ и вся. А якъ поба́чишъ Ма́ркевича, то поскуби́ ёго́ за́ ухо, за те що я не дожда́вся ёго́ письма въ Новопетро́вскому укрѣпленію. До свиданія ще разъ, мій еди́ний дру́же. Не забува́й твого щи́рого *Т. Шевченка.*

14-го августа.
Астрахань.

VIII.

8-го октября. Н. Новгородъ.

Дру́же мій еди́ний! 19 сентября прибылъ я въ Нижній Новгородъ и только сегодня, слава Бо́гу, собрался съ силою написать тебѣ о случившемся со мною. Никто больше какъ чортъ, врагъ добрыхъ нашихъ помышленій, перешелъ мнѣ дорогу въ Питеръ. Новопетровскій комендантъ по моей просьбѣ выдалъ мнѣ пропускъ прямо въ Петербургъ; а командиръ баталіона, мой ближайшій начальникъ, обидѣлся распоряженіемъ Ираклія Александровича и увѣдомилъ Нижегородскаго полиціймейстера, чтобы меня задержать и прислать въ г. Уральскъ для полученія указа объ отставкѣ съ какими-то ограниченіями. Я занеду́жавъ. Спасибі, найшлися здѣсь добрые люди, которые пріютили меня и черезъ посредство которыхъ написано въ Оренбургъ обо мнѣ Катенину, чтобы онъ объяснилъ мое отвратительное положеніе.

Писалъ я графу Ѳ. П. Толстому изъ Новопетровскаго укрѣпленія, что я отправляюсь черезъ Оренбургъ; но послѣ упросилъ Ираклія Александровича отпустить меня черезъ Астрахань. О случившемся здѣсь со мною я теперь не пишу ему, а прошу тебе́, дру́же мій еди́ний, посѣти ты графиню Настасію Ивановну Толстую: разскажи ей о моемъ гнусномъ положеніи, а главное—благодари её отъ меня за ея святое о мнѣ ходатайство, а также и добрѣйшаго графа Ѳедора Петровича. Дру́же мій еди́ний! Во имя глубокой моей любви къ тебѣ, не откажи мнѣ въ этой великой просьбѣ.

Не знаю какъ долго продлится мое сидѣніе въ Н. Новгородѣ: думаю что я не скоро вырвуся; пришли мнѣ сколько нибудь денегъ; я почти не одѣтъ, а слѣдовательно не могу показаться въ люди и начать работу за деньги. Если получилъ ты письма отъ Кухаренка и отъ Залесского, то перешли мнѣ. Отъ Залесского должны быть и деньги; не знаю только, какъ велики.

Прощай, мій друже единий! Поцілу́й Семе́на и Ма́ркевича и не забува́й искренняго твоего *Т. Шевченка.*

Въ дру́гій разъ бу́ду тобі писа́ть більше, а тепе́ръ не зду́жаю. Адресуй свое письмо: въ Нижній Новгородъ, его высокоблагородію Павлу Абрамовичу Овсянникову, въ контору параходства Меркурій.

IX.

19-го октября (1857 г.) Нижній Новгородъ.

Мій дру́же лю́бий, мій еди́ний! Сёго́дня 18-го октября получи́въ я твое бра́тне — серде́чное письмо́. Спасибі тобі, мое се́рце! Ти пишешъ, що Усковъ уже́ писавъ тобі о якімсь тамъ недоразумѣніи; чомъ же вінъ не написавъ, яке́ тамъ именно недоразумѣніе? И тутъ ёго́ ніхто не зна́е; я и самъ не зна́ю яке́ тамъ те прокляте недоразумѣніе! Въ Оренбургъ уже давно писано изъ Ни́жняго але́ изъ Оренбурга ще нема́ нічо́го. Я самъ не зна́ю, що се зо мною бу́де, а тимъ часомъ живу собі до́бре и ве́село отутъ межъ до́брими людьми. Овсянниковъ—тутешній архитекторъ—благородний, до́брий и розу́мний чоловікъ, а до всёго́ того́ ще и землякъ: Коното́пський. Мені тутъ до́бре зъ нимъ; шкода́ тільки, що моро́зи наста́ли; не мо́жна нічого рисовать съ натю́ри, а то було́ бъ и геть то ве́село.

Спаси́бі тобі, дру́же мій еди́ний, що ти поба́чився зъ графи́нею Н. И. Незна́ю, чи получи́ла вона́ мое́ киргизя́ одъ Сигизмунда? и чи получи́въ графъ Ѳ. П. мое́ письмо́ изъ Новопетровська? Якъ бу́дешъ у нёго, то спита́й, бу́дь ла́сковъ, и мені напиши́. Письма́ тепе́ръ до графа писа́ть не бу́ду: тре́ба дожда́тьця, що тамъ мені напи́шуть изъ Оренбу́рга. Я проси́въ Герна написа́ть мені; а ти, якъ полу́чишъ мое письмо́, то піди́ до графа Ѳ. П. и подя́куй ёго́ одъ ме́не за его доброе человѣколюбивое участіе, которымъ я радостно воспользуюсь, якъ прийдетця мені до скру́ту.

Поздра́въ и поцілу́й за ме́не Б—л—з—рського и ёго́ жіночку. Чому́ ти не оже́нисся? Чи ми вже съ тобо́ю разомъ пожене́мось? Не шви́дко, я ду́маю, це ли́хо скру́титця.

Що тамъ ро́бить Кулішъ? и де тепе́ръ ёго́ жіночка? Якъ поба́чишъ ії, то и ії цмо́кни разівъ зо́ три за ме́не; а Кулише́ві скажи́—неха́й ме́ні прише́ле дру́гий томъ Записокъ о Южной Ру́сі. Тутъ есть одна книжная лавка та й въ тій тілько букварі продаютця. А якъ бу́де посилать вторий томъ, то неха́й и пе́рвий прики́не, бо я пе́рвий томъ З. о Ю. Р. подарувавъ на́шимъ кіевскимъ землякамъ въ Астрахані. Поцілу́й же ёго́ та и попроси́—неха́й мені ви́шле свої лю́бії Записки о Ю. Русі. А я ёму́ за те не пришлю́, а дасть Богъ, самъ привезу́ гости́нець изъ само́го Киргизского степу.

Чита́ть у ме́не тепе́ръ, сла́ва Бо́гу, е́ що, поздоро́въ Бо́же до́брихъ люде́й, але́ свого́ рідного нічогі́сінько нема, опрічъ Богда́на Хмельни́цького, Костомарова. Отъ цей вчи́стивъ кни́гу такъ-такъ! Въ Сара́тові ба́чився я зъ старо́ю Костома́рихою; вона́ жда́ла ёго́ изза гряни́ці къ 15 сентября. Не зна́ю, чи верну́вся вінъ, чи ні ще? чи не чуть у васъ тамъ про ёго́ чого́-не́будь?

Що тамъ ро́бить ото́й гульви́са Семе́нъ, що нічо́го мені не пише. Поскуби́ ёго́ за́ ухо и поцілу́й за ме́не, а жіночку ёго́ и діточе́къ не скуби́, а тілько поцілу́й.

Перелика́въ ти мене́ чорною печа́тью на своімъ письмі! чи не случи́лось тамъ у те́бе крий Бо́же чого́ недо́брого?

Проща́й, моє се́рце, мій го́лубе си́зий! Я тепе́ръ. сла́ва Бо́гу, здоровий и весе́лий и щи́ро лю́бящий тебе́, моего́ еди́ного дру́га,

Т. Шевче́нко.

Якъ поба́чисся зъ графинею Н. И., то спита́йся, чи бувъ у не́і Сапо́жниковъ, съ которимъ я плівъ изъ Астрахані въ Нижній.

X.

Ми́лий мій дру́же! Позавчо́ра чо́ртові не було чого роби́ть, то вінъ носивъ мене́ въ Бала́хну тро́хи не за три́дцять верстъ одъ Ни́жнёго, а Ѳе́доръ якъ разъ въ той день и переіхавъ черезъ Нижній! И щобъ ёму́ було́ підожда́ть до завтра. Недо́брий вінъ; поцілу́й и ёго́ за ме́не.

Письмо́ твоє́ нашвидку́ пи́сане я получивъ; дя́кую тобі за ёго, а то вже я ду́мавъ, що ти, крий Бо́же, занеду́жавъ. Ти пишешъ, чи получи́въ я отста́вку изъ Оренбурга. Получи́въ, чи́сту получи́въ; а ще до полученія ціе́і погано́і отста́вки писавъ я графи́ні Н. И. и гра́фу Ѳ. П. письма. Не зна́ю, чи получи́ли вони́ іхъ, чи ні? Довідайся, бу́дь ла́скавъ, та й напиши мені; и напиши мені, чи доладу́ я написа́въ письмо графу Ѳ. П., бо я на такі химе́рні письма не вели́кий ма́йстеръ. Та не забу́дь спитать у графи́ні Н. И., чи бу́въ у не́і зъ моїмъ поклономъ Сапожниковъ.

Подя́куй до́брого и розу́мнрго Куліша́ за ёго́ »Чо́рну Ра́ду« и за Записки о Ю. Р. Я вже въ дру́гий разъ чита́ю Чо́рну Ра́ду, и якъ прочитаю, то напишу ёму́ прездоровенний мадрига́лъ, а

по́ки що бу́де, посла́въ я ёму́ зъ Ва́ренцовимъ »Москале́ву Крини́цю« и »Ченця«; та якъ би бувъ знавъ, що вінъ мае одъ Щепкина, то посла́въ би що не́будь дру́ге. У ме́не есть бага́то де́ чого, — тілько все то те́ понедоро́блюване. Якъ заста́не оце письмо́ Варенцова въ Петербургѣ, то перешли мені зъ нимъ на́ші наро́дні ду́ми, изданні Метлинськимъ, або́ хочъ по́чтою перешли, бо я ще и не ба́чивъ ції хвале́ної книги.

Нарисува́въ я карандаше́мъ для те́бе свое поличче, та нема́ съ кимъ прислать его́, а по по́чті бою́ся — зотре́ця; ду́мавъ переосла́ть зъ Ѳе́доромъ, такъ чортъ — врагъ до́брихъ на́шихъ помышленій — ба́чишъ, що́ зроби́въ.

Пи́ше мені стари́й Ще́пкинъ и просить, щобъ я приіхавъ до его́ на пра́зники въ го́сті. Въ са́му Москву́ ме́ні іхать не мо́жна, то вінъ про́сить мене́ до сво́го си́на на ху́тіръ, десь недале́ко ко́ло Москви́. Я жду, одъ его́ на дняхъ, письма; вінъ мені не пи́ше, де той хутіръ и коли́ туди́ мо́жна приіхать. А що, якъ би и ти, взя́вши Куліша́ та и Семе́на съ собо́ю, та й ви приіхали на той благода́тний ху́тіръ. А ду́же бъ до́бре було́! Я тобі напишу́. якъ получу́ одъ старо́го письмо; а по́ки-що — проща́й; не забува́й вели́кої про́зьби твого́ искренняго *Т. Шевче́нка.*

18-го ноября (1857 г.)
Нижній.

XI.

4-го января 1858 года.

Ви́бачъ мені, моє се́рце, мій го́лубе си́зий, що я такъ давно́ до те́бе не пишу́: нічого було́ писать. А тепе́ръ набра́лося такъ бага́то того писа́ння, що ніколи писать. До́брий оце́й чоловікъ за́втра іде въ столи́цю, зайде до те́бе, и ти зъ нимъ, якъ матимешъ часъ, до́бре набала́кайся.

Приізжа́въ до ме́не колядува́ть стари́й М. С. Ще́пкинъ; то я після его́ коля́дки ще и до́сі хожу́ нина́че після похмілля. Неха́й ёму́ Госпо́дь шле до́бре здоро́вья.

Поздравля́ю тебе́ зъ нови́мъ го́домъ. Дай Куліше́ві ко́пу серебро́мъ, и поцілу́й за ме́не графи́пю Пастасію Ивановну, и бі́лшъ нічо́го. Ніколи. Не забува́й мене́, го́лубе мій си́зий. Чи не знаешъ ти, де живе́ ото́й Жемчужниковъ? Якъ зна́ешъ, то напиши́ мені. Метли́нського я получи́въ, спаси́бі тобі. Проща́й моє се́рце. *Т. Шевче́нко.*

XII.

21-го января (1858 г.)

Мій ми́лий дру́же!

Рекоменду́ю тобі одного́ изъ Нижегородськихъ друзей моіхъ, Константина Антоновича Шрейдерса. Привіта́й ёго́ во и́мя дру́жби на́шої. Чи бувъ у те́бе Овсянниковъ? Возьми́ у Куліша́, та прочита́й мої *Неофіти*. Воны́ ще не ви́кончені. Шрейдерсъ швы́дко ве́рнетця въ Ни́жній, то щобъ Кулішъ переписа́въ *Неофіти* и давъ ёму́ для переда́чи Ще́пкину, — а ти мій дру́же еди́ний, купи́ мені Шекспира, перево́дъ Кетчера и пісні Беранже, Курочкина; та якъ успіешъ, то одда́й и переплести́ Шекспира. Оставайся здоровъ, нехай тобі Богъ помага́е на все до́бре Не забувай щирого твого́ *Т. Шевче́нка*.

XIII.

22-го февраля (1858 г.)

19 февраля вернувся Шрейдерсъ изъ Петербурга, привізъ мені Беранже Курочкина, чотирі экземпляра нерукотворе́нного образа и тво́е братне серде́чне писаніе. Спаси́бі тобі, дру́же мій еди́ний, за все и за вся. До́бре еси зроби́въ що заказавъ 50 штукъ помянутого о́браза: неха́й, по́ки-що, земляки́ дивлятця хоть на сей о́бликъ борода́того недоби́того кобзаря свого. Ду́маю на тімъ ти́жні покинуть оцей пога́ний Ни́жній. Поіду ажъ під Москву въ го́сті до мого́ старого — ба́тька до М. С. Щепкина, та въ ёго до весни́ пробу́ду; а весно́ю якъ не бу́де мені якої ра́ди зъ ти́ми пога́ними столи́цями, то чкурну́ въ Харьківъ, або́ въ Кивъ, а мо́же й дальше якъ Богъ помо́же. Дожида́ю Овсянникова съ чемоданомъ, а тобъ я вже давно ви́хавъ. Чи здоро́ва графиня Н. И., Бувъ у ме́не въ гостяхъ Яковъ: сла́вний хло́пець! Шрейдерсъ не нахва́литця тобо́ю и Семе́номъ и тепе́ръ цілу́е васъ обо́хъ. До́бре зробивъ, що не купи́въ Шекспира: цуръ ёму́, яки́й дорогий! Поцілу́й за ме́не Семе́на та й прощай, мій дру́же еди́ний. Посила́ю тобі оцю́ неда́вно спе́чену шту́ку; для того́ и пишу́

ма́ло щобъ папіру бі́лшъ оста́лося для новорожде́нного чада (До́ля, Му́за, Сла́ва). Не забува́й свого искреннёго *Т. Шевче́нка.*

Марко Вовчо́къ — це псевдонімъ яко́їсь пані Ма́рковичъ. Чи не зна́ешъ ти її адреса? якъ не знаешъ, то спитай у Каменецького, въ типографіі Кулі́ша. Я чувъ шо вінъ її до́бре зна́е. Якъ довідаесся, то напиши́ мені: тре́ба бу́де хочъ письмо́мъ подя́кувать її за її серде́чні, щи́рі »Оповіда́ння.« Шко́да що не оста́вивъ тобі Кулішъ Неофіти. Мо́же вони́ есть у Каменецького. Спи́тай.

XIV.

25-го февраля (1858 г.)

25 февраля, въ 7 часовъ утра, получивъ я твое письмо. Ніхто зро́ду не поздравлявъ мене́ зъ именинами такъ ве́село, якъ ти мене́ сёго́дні поздравивъ. Спаси́бі! Поцілу́й три́чі графи́ню Н. И. и графа́ Ѳ. П., а черезъ ти́ждень, або́ два я самъ іхъ поцілу́ю, и тебе́ и Семе́на и всіхъ до́брихъ люде́й, су́щихъ въ Петербурсі. Твій именинникъ *Т. Шевче́нко.*

Шрейдерсъ цілу́е тебе́ и Семе́на.

XV.

12-го марта (1858 г.) Москва.

Я — въ Москві. Нездужаю. Око роспу́хло и почервоніло,—тро́хи зъ ло́ба не вила́зить. Докторъ посади́въ мене́ на діе́ту и не велівъ вихо́дить на у́лицю. Отъ тобі й столи́ця! Самъ чортъ простя́гся поперекъ шля́ху, та й не пуска́е мене́ до васъ. Нічого робить! противъ ёго́, сучого си́на, нічо́го не вдію. Докторъ гово́рить що я неділю, або́ й дві, оста́нуся въ Москві. Прошу́ тебе́, зайди́ до графи́ні Наста́сії Ивановни и роскажи їй про моє́ ли́хо.

Зъ завтрешнёю по́чтою посила́ю тобі два рису́нка. Закажи́ снять фотографу дві ко́пії въ полови́ну ме́ньше — одну́ для се́бе, а дру́гу для мене́, а по́тімъ переда́й рису́нки гра́фу Ѳ. П. и попроси́ ёго́, шобъ вінъ, при случаі, передавъ іхъ Марьі Никола́евні для альбо́ма, коли́ вони́ бу́дуть ва́рті того. Я самъ ду́мавъ передать іхъ ли́чно, та, бачъ, що́ зо мно́ю зробилось.

Будь ла́скавъ, найди тамъ того́ гульвѝсу Овсянникова и скажи́ ёму́, щобъ вінъ непремінно поба́чився зо мно́ю въ Москві. Сижу́ я у Михайла Семеновича Щепкина, близь Садовоі улиці, въ приходѣ старого Пимена, въ домѣ Щепотьевой.

Незабувай мене, дру́же мій еди́ний. Поцілу́й за ме́не Семена.

Т. Шевче́нко.

На-щотъ рису́нківъ — я́къ на́йде графъ и що́ вінъ зъ ни́ми зро́бить,—напиши́ мені. Не держи іхъ тілько до́вго у фото́графа.

XVI.

$^{19}/_{21}$ *марта (1858 г.) Москва.*

Дру́же мій еди́ний! Радъ би на кри́лахъ летіть до васъ, та прокля́те око́—шобъ воно́ не ви́лізло!—не пуска́е. Сего́дня бувъ уме́не докторъ и ра́нше велико́дноі неді́лі не пуска́е мене́ въ доро́гу. А ёго́, розумного, тре́ба послу́хать, а то не бу́де чимъ дивѝться на свѣтъ Бо́жий и на те́бе, мій дру́же еди́ний!

Русу́нки мої, я ду́маю, тепе́ръ уже́ получені. Неха́й фотографъ зро́бить хочъ одинъ экземпля́ръ. Бо мені хочетця, шобъ графъ Ѳ. П. (якъ що вінъ на́йде іхъ досто́йними того), шобъ переда́въ іхъ на святкахъ М. Н. Добре було́ бъ, якъби такъ зроби́лось.

Де той тамъ у чо́рта Овся́нниковъ пропада́е? Я не зна́ю, чи купи́въ вінъ мені чемода́нъ, чи ні? якъ-що купи́въ, то нехай хочъ соломо́ю напха́ та прише́ле мені, а то доведе́ця въ Москві купова́ть. Прощай мій дру́же еди́ний. Поцілу́й Семе́на за ме́не. Щи́рий твій *Т. Шевче́нко.*

Якъ передаси́ рису́нки графу Ѳ. П., сідай на чугу́нку та й до ме́не, та вку́пі и вернемося въ Питеръ. Ей-Богу, до́бре бъ було́ бъ.

XVII.

10 іюля (1859 г.) Межирічъ.

Спаси́бі тобі за твое́ письмо́ и за письмо́ М. А. Я оце́ ду́маю іхать у Гирівку; до́бре бъ було́, якъби и ти туди хочъ къ полови́ні

августа приіхавъ, а ранше—то ще лу́чче бъ. А по́ки те бу́де, пошли́ мій коротéнький листъ Ма́рьі Алекса́ндровні. Та щобъ неда́ромъ нíмці вози́ли папíръ, то напиши́ и ти ій на дру́гімъ чи́стімъ бо́ці: вона́, я зна́ю, бу́де ду́же, ду́же ра́да.

До́бре було́ бъ, якъ би́ ти нобáчився съ Кожáнчиковимъ та роспитáвъ би ёго́ про цензу́ру. Якъ побáчишъ Костомарова, то поцілу́й ёго́ за мене тожъ, а Александру Ивановну ажъ три́чі. Оставайся здоровъ! нехáй тобі Богъ помагáе на все добре.

Чи графъ Ѳ. П. въ акаде́мії, чи ні?

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Девятый отрывокъ.

4 октября 1857.

До 12 часовъ я велъ себя хорошо. Не кончивши портретъ Аделаиды Алексѣевны Брылкиной, попросилъ я. у Николая Александровича Брылкина, экипажа, съ намѣреньемъ сдѣлать визиты, пришелъ домой, вырядился, съ помощью Павла Абрамовича Овсянникова, какъ первостатейный франтъ, и началъ свою визитацію съ г. В—рна. Г. В—рнъ, на первый разъ, показался мнѣ, въ домашнемъ быту, человѣкомъ аккуратнымъ, но не чопорнымъ; вели мы рѣчь о томъ, что у насъ пути сообщенія больше нежели гнусны; напримѣръ, въ Черниговѣ, въ 1843 году, на базарѣ продавали муку 20 к. ср. пудъ, а въ мѣстечкѣ Гомели туже самую муку продавали 1 р. ср. пудъ. Поговоривши о путяхъ сообщенія, мы слегка коснулись и военнаго сословія, однимъ словомъ: «совсѣмъ незавидное», — что, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью. Заключивши наше обоюдное любезничество такимъ мнѣніемъ о военномъ сословіи, я простился съ г. генераломъ и поѣхалъ къ доктору Гардвигу. (Написано чужой рукой: Далѣе слудуетъ рукою Тараса Григорьевича:)

5 октября.

Михайло — хорошій слуга, но въ секретари не годится, малограмотенъ. Я хотѣлъ по примѣру Юлія Цезаря и работать, т. е. рисовать, и диктовать; но мнѣ ни то, ни другое не удалось. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Пословица очень справедлива. Не знаю, умѣлъ ли Юлій Цезарь рисо-

вать, а диктовать, говорятъ, онъ могъ разомъ письма о пяти совершенно разныхъ предметахъ, — чему я почти не вѣрю. Но не о томъ рѣчь, а рѣчь о томъ, что у меня еще и сегодня колеблется десница отъ позавчерашняго глумленія пьянственнаго, и я вчера только видъ показывалъ, что я будто бы рисую, а гдѣ тамъ! и фонъ не могъ *конопатить*... Такъ только, абы-то.

Остановились мы на томъ, какъ я пріѣхалъ къ доктору Гартвигу.

6 октября.

Вчера только я успѣлъ обмокнуть перо въ чернило, описать визитъ мой доктору Гартвигу и перейти къ нецеремонному визиту г. Кудлаю, какъ дверь съ шумомъ растворилась и вошелъ въ комнату самъ Кудлай. Разумѣется, я положилъ омоченное въ чернило перо, встрѣтилъ дорагаго свѣтскаго гостя въ подштанникахъ и послѣ лобызаній, *вдарились* сначала въ обыкновенный пустой разговоръ, а потомъ перешли къ воспоминаніямъ о Питерѣ, о покойномъ Петровскомъ и о великомъ Брюловѣ. Воспоминанія наши были прерваны приходомъ слуги отъ Н. А. Брылкина съ предложеніемъ обѣда. Я проводилъ моего гостя, одѣлся и отправился къ Н. А. обѣдать. Послѣ обѣда, рѣзвушка мамзель Анхенъ Ш-бе предложила сопутствовать ей въ театръ; я съ удовольствіемъ принялъ ея предложеніе, и во второй разъ слушалъ музыку Моцарта изъ Донъ-Жуана, а въ первый разъ видѣлъ драму Коцебу *Сынъ Любви*,—о существованіи которой я зналъ по слуху. Драма моей рѣзвой сопутницѣ очень понравилась, какъ произведеніе Коцебу, а мнѣ, къ ужасу моей дамы, тоже понравилась — *только не совсѣмъ*, за что́ я получилъ изъ улыбающихся устъ восторженной нѣмки названіе грубаго варвара, неспособнаго сочувствовать ничему прекрасному и моральному. Роль Амаліи, дочери барона, исполняла артистка Московскаго театра госпожа Васильева, натурально и благородно; а прочіе, кромѣ г. Платонова (роль барона)—лубочно. За драмою послѣдовала *Путаница;* по здѣшнему—хорошо, а по моему — тоже лубочно. Спектакль кончился въ первомъ часу къ удовольствію публики вообще и моей спутницы въ особенности.

7 октября.

Морозъ закалилъ наконецъ непроходимую грязь; это хорошо. Нехорошо только то, что если онъ установится, то лишитъ меня возможности нарисовать здѣшнія старинныя церкви, которыя мнѣ такъ понравились. Вслѣдствіе-уже не слякоти, а преждевременнаго гостя-мороза, я сидѣлъ дома, написалъ Махайлу Лазаревскому о притчѣ, случившейся со мною въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и просилъ прислать мнѣ сколько-нибудь денегъ, потому что я на публику здѣшнюю плохо надѣюся.

8 октября.

Пользуясь хорошею погодою, я позавтракалъ сыто и пошелъ гулять. Обогнувши два раза Кремль и полюбовавшись окрестными видами и коническими старинными колокольнями, какъ лисица виноградомъ, зашелъ къ моему поставщику чтенія, къ милѣйшему Константину Антоновичу Шрейдерсу, бывшему студенту Кіевскаго университета и, въ нѣкоторомъ родѣ, земляку моему. Встрѣтилъ у него нѣкоего барона Торнау, полковника генеральнаго штаба, человѣка либеральнаго, прекрасно и неутомимо говорящаго. Во время послѣдней войны онъ былъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, военнымъ агентомъ; слѣдовательно ему есть о чемъ говорить. Жалѣю, что разговоръ его длился не болѣе получасу; онъ здѣсь проѣздомъ и, кромѣ того, торопился на обѣдъ къ губернатору.

Баронъ Торнау, между прочимъ, рекомендовалъ мнѣ на всякій случай своего близкаго пріятеля, извѣстнаго путешественника Ег. П. К — го, человѣка много-могущаго.

9 октября.

Сегодня поутру любезный Н. А. Брылкинъ принесъ мнѣ давно-жданное «краткое истирическое описаніе Нижняго Новагорода», составленное нѣкоимъ Н. Хранцовскимъ. Но такъ какъ сегодня погода довольно сносная, то я, оставя сію интересную (книгу) до-вечера, отправился къ Печерскому монастырю. Кое-какъ набросавъ видъ монастыря, я съ окоченѣлыми руками прибѣжалъ домой. Пазавтракалъ, поотогрѣлся и принялся за книгу. Книга хо-

рошая и достаточно знакомитъ съ исторіею края и города. Жаль, что г. Хранцовскій объ архитектурныхъ памятникахъ, и вообще о памятникахъ старины, говоритъ слишкомъ скромно. Но и за то спасибо. Печерскій монастырь, что́ я сегодня рисовалъ, построенный при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ въ 1597 г. вмѣсто разрушившагося древняго монастыря, основаннаго архимандритомъ Діонисіемъ.

10 октября.

Сегодня погода не поблагопріятствовала моему доброму намѣренію рисовать Архангельскій соборъ въ Кремлѣ, и я предложилъ сеансъ Н. А. Брылкину и нарисовалъ его портретъ.

11 октября.

А сегодня, съ горемъ пополамъ, отправился поутру рисовать Архангельскій соборъ, озябъ до слезъ и ничего бы не сдѣлалъ, еслибы не попался на глаза генералъ Веймарнъ, командиръ учебнаго карабинернаго полка и, разумѣется, главный хозяинъ въ казармахъ, подъ которыми я расположился рисовать. Я разсказалъ ему о своемъ горѣ, и онъ обязательно позволилъ мнѣ помѣститься у любого окна въ казармахъ, чѣмъ я и воспользовался съ благодарностью. Поработавши, отправился я обѣдать къ Н. К. Якоби. Вмѣсто десерта онъ угостилъ меня одной брошюрой. Сердечное, задушевное, человѣческое слово!

12 октября.

Окончилъ вчера начатый рисунокъ Архангельскаго собора. Оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся, зданіе въ Нижнемъ Новгородѣ, соборъ этотъ построенъ во время великаго князя нижегородскаго Юрія Всеволодовича, въ 1227 году.

13 октября.

Рисовалъ карандашами портретъ Анны Николаевны П—ой, слывущей здѣсь красавицей первой статьи. Первый портретъ рисую

за деньги, за 25 р.; посмотримъ, что дальше будетъ. Не худо бъ, еслибъ этакихъ тароватыхъ красавицъ было погуще въ Нижнемъ. Хоть бы на портного заработалъ.

Послѣ сеанса, отправился обѣдать къ Н. К. Якоби, а послѣ обѣда отправился въ театръ. Спектакль былъ хоть куда: Васильева, въ особенности Піунова, были естественны и граціозны. Легкая, игривая роль ей къ лицу и по лѣтамъ. Увертюра изъ *Вильгельма-Теля* была исполнена прекрасно, словомъ—спектакль былъ блестящій.

Каковы-то теперь спектакли въ Питерѣ, на Большомъ Театрѣ! Хоть бы однимъ глазомъ взглянуть, однимъ ухомъ послушать.

14 октября.

Къ величайшему удовольствію, сегодня портретъ окончилъ, отдалъ, и весело вечеръ провелъ съ моимъ милымъ капитаномъ В. В. Кишкинымъ. На дняхъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Когда же я поѣду въ Петербургъ? Отвратительное положеніе. Немногимъ лучше чѣмъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

15 октября.

При вѣтрѣ и морозѣ нарисовалъ видъ двухъ безъименныхъ башень, часть Кремлевской стѣны и видъ на Заочье. Въ цѣломъ вышелъ порядочный рисунокъ. Я тороплюся сдѣлать побольше эскизовъ, на случай если придется мнѣ здѣсь зазимовать, такъ чтобы была хоть какая-нибудь работа. Обѣдалъ у Н. К. Якоби. Первую часть вечера провелъ у Брылкиныхъ, а вторую-съ Овсяниковымъ въ клубѣ, за *Пчелой* и бутылкой эля. Въ клубѣ познакомился съ г. Варенцовымъ. Это инспекторъ Института благороднаго при здѣшней гимназіи, и товарищъ по университету Н. И. Костомарова. Отъ него я узналъ, что Костомаровъ еще не возвращался-изъ за границы въ Саратовъ. и что Кулишъ издалъ второй томъ *Записокъ о южной Руси*.

16 октября.

Отъ нечего дѣлать зашелъ я сегодня къ Варенцову. Заговорили, разумѣется, о Костомаровѣ, и онъ сообщилъ мнѣ (по из-

вѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ Москвы), что будто бы въ Москвѣ, между молодежью, ходитъ письмо Костомарова, исполненное всякой истины, и вообще пространнѣе и разумнѣе письма Г—на, адресованнаго тому же лицу. Письмо Костомарова якобы написано изъ Лондона. Если это правда, то — благослови его, Господи, на семъ великомъ поприщѣ!

Отъ Варенцова зашелъ я къ новому знакомому Петру Петровичу Голиховскому, милому и любезному человѣку. Онъ здѣсь мимоѣздомъ изъ Питера въ Екатеринбургъ. Онъ отрекомендовалъ меня своей красавицѣ женѣ. Она—мужественная брюнетка, родомъ молдованка.——П. П. Голиховскій, между протчимъ, сообщилъ мнѣ, что въ Парижѣ образовался русскій журналъ, подъ названіемъ *Посредникъ*, редакторъ *Сазоновъ*. Главная цѣль журнала быть посредникомъ между Лондонскими періодическими изданіями и рускимъ правительствомъ, и еще—обличать *Пчелу*, *le Nord* и вообще наши газеты. Прекрасное намѣреніе! Жаль, что это не въ Брюсселѣ или не въ Женевѣ. Въ Парижѣ какъ разъ подружески прихлопнутъ это новорожденное дитя.

Послѣ обѣда у Поповыхъ, зашелъ я къ Н. К. Якоби, и познакомился у него съ нѣкоимъ Симбирскимъ бариномъ Киндяковымъ, родственникъ Т—шева. Такъ-какъ Киндяковъ ѣдетъ въ Петербургъ, то я и просилъ его узнать отъ своего родственника, долго ли еще продлится мое изгнаніе, и могу ли я когда-нибудь надѣяться на совершенную свободу?

У Якоби же встрѣтился и благоговѣйно познакомился съ возвращающимся изъ Сибири Иваномъ Александровичемъ А—овымъ. Сѣдой, величественный, кроткій изгнанникъ, въ рѣчахъ своихъ не обнаруживаетъ и тѣни ожесточенія,—даже добродушно подтруниваетъ.—

Говорили о возвратившемся изъ изгнанія Николаѣ Т—евѣ, о его книгѣ, говорили о многомъ и о многомъ и, въ первомъ часу ночи, разошлись, сказавши: до свиданья.

17 октября.

Сегодня получилъ письмо отъ М. Лазаревскаго и два письма отъ милаго моего, неизмѣннаго Залесскаго. Лазаревскій пишетъ, что онъ видѣлся съ графиней Настасіей Ивановной, и что онѣ

усовѣтовали, въ случаѣ воспрещенія мнѣ въѣзда въ столицу, просить письмомъ графа Ѳ. П., чтобы онъ исходайствовалъ мнѣ это разрѣшеніе черезъ президента нашего, для академіи художествъ, классы которой я буду съ любовію посѣщать, какъ было во время оно. Добрые, благородные мои заступники и совѣтники!

Залесскій, кромѣ обыкновеннаго своего сердечнаго искренняго прелюдія, пишетъ, что рисунки мои получилъ всѣ сполна, что нѣкоторые изъ нихъ уже пристроилъ въ добрые руки и деньги 150 р. переслалъ на имя Лазаревскаго. Неутомимый другъ! Знакомитъ онъ меня еще съ какой-то своей землячкой-Литвинкой, недавно возвратившейся изъ Италіи, съ огромнымъ грузомъ изящныхъ произведеній. Для меня и за глаза подобныя явленія очаровательны, и я сердечно благодарю моего друга за это письменное знакомство.

Что́ значитъ, что Кухаренко мнѣ не пишетъ? Неужели онъ не получилъ моего *Палія* и мою *Москалёву Кринйцю*? Это было бы ужасно досадно. Упившись чтеніемъ этихъ дружескихъ милыхъ посланій, вечеромъ, вмѣстѣ съ Овсянниковымъ, отправились мы въ красавицѣ Молдованкѣ. Страшная, невиданная женщина! Мы пожелали ей счастливой дороги до нелюбимаго ею Екатеринбурга, и разстались, быть можетъ, навсегда. Чудная женщина! Неужели кровь древнихъ сабинянокъ такъ всемогуще, безконечно жива? Выходитъ, что та́къ.

18 октября.

Написалъ и отослалъ письма моимъ милымъ друзьямъ, М. Лазаревскому и Б. Залесскому.

19 октября.

Въ клубѣ великолѣпный обѣдъ съ музыкою и повальная гомерическая попойка.

20 октября.

Ночь и слѣдующіе сутки провелъ въ очаровательномъ семействѣ мадамъ Г — е.

22 октября.

Вздумалось мнѣ просмотрѣть рукопись моего *Матроза*. На удивленіе безграмотная рукопись! а писалъ ее никто иной, какъ

прапорщикъ Ор. корпуса, лучшій изъ воспитанниковъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса. Что же посредственные и худшіе воспитанники, если лучшій изъ нихъ безграмотный?

23 октября.

При свѣтѣ великолѣпнаго пожара, вечеромъ, часу въ 9-мъ, встрѣтился я съ А. К. Шрейдерсомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что обо мнѣ получена форменная бумага на имя здѣшняго военнаго губернатора, отъ командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Для прочтенія сей бумаги, зашли мы въ губернаторскую канцеляірю, къ правителю канцеляріи, милѣйшему изъ людей Андрею Кириловичу Кадинскому. Бумага гласитъ о томъ, что мнѣ воспрещается въѣздъ въ обѣ столицы и что я обрѣтаюсь подъ надзоромъ полиціи.—

Что же я теперь буду дѣлать безъ моей академіи? безъ моей возлюбленной акватинты, о которой я такъ сладко и такъ долго мечталъ? Что я буду дѣлать? Обратиться опять къ моей святой заступницѣ, графинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Толстой? Совѣстно. Подожду до завтра. Посовѣтуюсь съ моими искренними друзьями, съ П. А. Овсянниковымъ и съ Н. А. Брылкинымъ Они люди добрые, сердечные и разумные. Они научатъ меня, что мнѣ предпринять въ этомъ безвыходномъ положеніи.

24 октября.

Сегодня мы усовѣтовали такъ: на неопредѣленное время остаться мнѣ здѣсь, по случаю мнимой болѣзни, а тѣмъ временемъ писать графу Ѳ. П. Толстому и просить его ходатайства о дозволеніи мнѣ жительства въ Петербургѣ, хотя на два года. Впродолженіи двухъ лѣтъ я, съ помощію Божіею, успѣю сдѣлать первоначальные опыты въ моей возлюбленной акватинтѣ.

25 октября.

Продолжаю по складамъ прочитывать и поправлять *Матроза* и ругать безграмотнаго переписчика. Прочитывая по складамъ мое твореніе, естественно, что я не могъ слѣдить за складомъ рѣчи. Убѣдился только въ одномъ, что названіе этого разсказа

необходимо перемѣнить. Пока не придумаю моему *Матрозу* другого, болѣе приличнаго, имени, назову его такъ: *Прогулка съ пользою и безъ морали.*

26 октября.

Заходилъ къ Варенцову и взялъ у него для прочтенія два номера 2 и 3 *Русской Бесѣды*. Въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, П. А. Кулишъ, говоря о Гоголѣ, Квиткѣ и о мнѣ грѣшномъ, указываетъ на меня, какъ на великаго самобытнаго народнаго поэта. Не изъ дружбы ли это?

Во 2 номерѣ *Русской Бесѣды*, я съ наслажденіемъ прочиталъ трехъ-куплетное стихотвореніе Ѳ. Тютчева.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Рускаго народа!

Не поймет и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный —
Что скользитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ царь небесный
Исходилъ благословляя!

27 октября.

Нѣсколько дней сряду хорошая ясная погода, и я сегодня не утерпѣлъ: пошелъ на улицу рисовать. Нарисовалъ церковь пророка Иліи, съ частію Кремля, на второмъ планѣ. Церковь пророка Иліи построена въ 1506 г., въ память огненнаго стрѣлянія, спасшаго Нижній отъ Татаръ и Ногаевъ.

28 октября.

Сегодня погода тоже почти позволила мнѣ выйти рисовать на улицу. Нарисовалъ я кое-какъ церковь Николая за Почайной, построенную въ 1372 г., вѣроятно тоже въ ознаменованіе какого нибудь кровопролитія. По дорогѣ зашелъ я къ моему любезному

доктору Гартвигу, засталъ его дóма, позавтракалъ, выпилъ отличнѣйшей вишневки собственнаго приготовленія, и въ старомъ изорванномъ Нижегородскомъ адресъ—календарѣ прочиталъ, что въ Княжнинскомъ уѣздѣ Н. губерніи, въ селѣ Вельдемановѣ, отъ крестьянина Мины и жены его Марьяны, въ 1605 г. въ маѣ мѣсяцѣ, родился знаменитый патріархъ Никонъ.

29 октября.

Ходилъ къ Трубецкому, весьма милому князю-человѣку, и не засталъ его дома. Обѣдалъ у Н. К. Якоби, а послѣ обѣда, въ театрѣ, слушалъ между протчимъ увертюру изъ *Роберта*, Мейербера, въ антрактахъ какой-то кровавой драмы. Возможно ли двадцати-инструментнымъ, вдобавокъ нетрезвымъ, оркестромъ исполнять какую бы то ни было увертюру, а тѣмъ болѣе увертюру *Роберта*, *Мейербера*. Прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ. Къ концу кровавой драмы, половина лампъ въ залѣ погасла, и тѣмъ кончился великолѣпный спектакль.

30 октября.

Пользуясь погодой, я совершилъ прогулку вокругъ города съ удовольствіемъ и не безъ пользы. Въ заключеніе прогулки нарисовалъ Благовѣщенскій монастырь, старое, искаженное новыми пристройками, зданіе. Главная церковь, колокольня, несовсѣмъ уцѣлѣли отъ варварскаго возобновленія. Остались только двѣ башни надъ трапезой неприкосновенными. И какія онѣ красавицы! Точно двѣ сосны, прекрасныя, чистыя отроковицы, подняли свои головки къ подателю добра и красоты, и какъ бы благодарятъ его, что онъ заступилъ ихъ отъ руки новѣйшаго архитектора. Прекрасное, ненаглядное зданіе!

Благовѣщенскій монастырь основанъ въ XIV столѣтіи св. Алексѣемъ митрополитомъ; къ этому времени принадлежатъ и прекрасныя башни. Соборная церковь монастыря построена въ 1649 г. Мѣстоположеніе монастыря очаровательное.

31 октября.

Сегодня только наконецъ дочиталъ своего *Матроза*. Онъ показался мнѣ слишкомъ растянутымъ. Можетъ быть отъ того, что

я по складамъ его читалъ. Прочитаю еще разъ въ новомъ экземплярѣ, и если окажется сноснымъ, то пошлю къ М. С. Щепкину: пускай гдѣ хочетъ, тамъ его и пріютитъ.

Вечеромъ И. П. Грасъ познакомилъ меня съ Марьей Александровной Дороховой, директриссой здѣшняго Института. Возвышенная, симпатическая женщина! Несмотря на свою аристократическую породу, въ ней такъ много сохранилось простаго, независимаго человѣческаго чувства и наружной силы и достоинства. — Она еще мнѣ живо напомнила, своей отрывистой прямою рѣчью, жестами и вообще наружностію, моего незабвеннаго друга, княгиню Варвару Николаевну Р—ну. О. если бы побольше подобныхъ женщинъ-матерей!

1 ноября.

Рисовалъ портретъ М. А. Дороховой, и послѣ удачнаго сеанса, по дорогѣ зашелъ къ Шрейдерсу, встрѣтилъ у него милѣйшаго М. И. Попова и любезнѣйшаго П. В. Лапу. Выпилъ съ хорошими людьми рюмку водки, остался обѣдать съ хорошими людьми и съ хорошими людьми за обѣдомъ чуть-чуть не нализался, какъ Селифанъ. Шрейдерсъ оставлялъ меня у себя отдохнуть послѣ обѣда, но я отказался и пошелъ къ мадамъ Г — е, гдѣ и положилъ якорь на ночь.

2 ноября.

Возвращаясь домой съ благополучнаго ночлега, зашелъ я проститься къ Варенцову. Онъ сегодня ѣдетъ въ Петербургъ. У меня было намѣреніе послать съ нимъ въ Москву своего *Матроза*, но переписчикъ мой тоже съ добрыми людьми загулялъ и рукопись остановилась. Досадно. Прійдется подождать Овсянникова. Когда я сбуду съ рукъ этого несноснаго *Матроза!*

Прійдя, я, отъ нѣчего дѣлать, раскрылъ генварскую книжку Отеч. Записокъ, и какая прелесть случайно попалась мнѣ на глаза! Это стихотвореніе безъ названія З. Туръ.

Во время сумерокъ, когда поля и лѣсъ
Стоятъ окутаны полупрозрачной дымкой,
Съ воздушныхъ ступеней темнѣющихъ небесъ
Спускается на землю невидимкой

Богиня стройная съ задумчивымъ лицомъ.
Для ней нѣтъ имени. Она пугливѣй грезы;
Печальный взоръ горитъ привѣтливымъ огнемъ,
А на щекахъ замѣтны слезы.
Съ корзиною цвѣтовъ, съ улыбкой на губахъ,
Она украдкою по улицамъ проходитъ,
И озирается на шумныхъ площадяхъ,
И около дворцовъ пугливо бродитъ:
Но увидавъ подъ крышею окно,
Гдѣ одинокая свѣча горитъ, мерцая,
Гдѣ юноша, себя и всѣхъ забывъ давно,
Сидитъ, въ мечтахъ стихъ жаркій повторяя,
Она порхнетъ туда и, просіявъ, войдетъ
Въ жилище бѣдное, какъ мать къ родному сыну,
И сядетъ близъ него, и счастье разольетъ,
И высыплетъ надъ нимъ цвѣтовъ корзину.

3 ноября.

Сегодня воскресенье, и я, какъ порядочный человѣкъ, *причепурився* и вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ навѣстить моихъ добрыхъ знакомыхъ. Зашелъ я къ первому мистеру Гранду—англичанину, отъ волоска до ноготка, и у него, у англичанина, я въ первый разъ увидѣлъ сочиненія Гоголя, изданныя моимъ другомъ П. Кулишомъ. Здѣсь портретъ автора до того плохъ, что я удивляюсь, какъ знаменитый Іорданъ позволилъ подписать подъ нимъ свое прославленное имя. —

4 ноября.

Кончилъ сегодня портретъ одной дѣвушки — побочной дочери П—а.—Удивительно милое и рѣзвое созданіе! Но мнѣ какъ-то грустно дѣлается, когда я смотрю на подобныхъ дѣтей. Я никому, и тѣмъ болѣе заступнику свободы, не извиняю этой безнравственной независимости, такъ туго связывающей этихъ бѣдныхъ побочныхъ дѣтей. Простительно какому-нибудь забубенному гусару, потому что онъ только-гусаръ, но никакъ не человѣкъ; или какому нибудь помѣщику-собачнику, потому что онъ собачникъ—и только. Но гражданину, понесшему свой крестъ въ пустынную Сибирь во имя человѣческой свободы, подобная независимость непростительна. Если онъ не могъ стать выше обыкновеннаго человѣка, то не долженъ и унижать себя передъ обыкновеннымъ человѣкомъ.

5 ноября.

Сегодня окончательно проводилъ Варенцова въ Петербургъ и сегодня же черезъ него получилъ письмо отъ (одного пріятеля. Онъ) пишетъ, что напрасно прождалъ меня двѣ недѣли въ Петербургѣ и не хотѣлъ сдѣлать ста верстъ кругу, чтобы посѣтить меня въ Нижнемъ. А сколько радости привезъ бы своимъ внезапнымъ появленіемъ! ничего не пишетъ мнѣ о своихъ глазахъ и вообще о своемъ здоровьѣ.

6 ноября.

Написалъ письмо Костомарову и моимъ астраханскимъ землякамъ-друзьямъ. Хотя погода и несовсѣмъ благопріятствовала, но я все-таки отправился на улицу. Съ нѣкотораго времени, мнѣ, чего прежде не бывало, нравится уличная жизнь, хотя нижегородская публика, ни даже въ воскресный ясный день, не показывается на улицѣ, и Большая Покровка, здѣшній Невскій проспектъ, постоянно изображаетъ собою однообразный, длинный карантинъ, а я все-таки люблю побродить часъ, другой, вдоль этого пустыннаго карантина. Откуда же эта нелѣпая любовь къ улицѣ? Послѣ десятилѣтняго поста, я разомъ бросился на книги, объѣлся и теперь страдаю несваренiемъ въ желудкѣ. Другой причины я не знаю этому томительному, нравственному бездѣйствію. Рисовать ничего порядочнаго не могу, не придумаю, да и помѣщеніе мое не позволяетъ. Рисовалъ бы портреты, за деньги — не съ кого, а даромъ работать совѣстно. Нужно что-нибудь придумать для разнообразія, а что — не знаю.

Погрузившись въ это мудрое размышленіе или сочиненіе, я нечаянно наткнулся на домъ Якоби. Зашелъ пообѣдать, и послѣ обѣда отправился въ гостинную, на чай, къ старушкамъ, т. е. къ m—me Якоби и ея сестрицѣ. Въ числѣ разныхъ, по ея мнѣнію, чрезвычайно интересныхъ приключеній быстро-минувшей юности, она разсказала мнѣ о Лабзинѣ, о томъ самомъ конференцъ-секратарѣ академіи художествъ, который предложилъ Илью Байкова, царскаго кучера, выбрать въ почетные члены академіи, потому что онъ ближе Аракчеева къ государю. За эту остроту Аракчеевъ сослалъ его въ Симбирскъ, гдѣ онъ и умеръ на рукахъ

моей почтенной собесѣдницы. Мнѣ пріятно было слышать, что этотъ замѣчательный мистикъ-массонъ до самой могилы сохранилъ независимость мысли и христіанское незлобіе.

Послѣ Лабзина, рѣчь перешла на И. А. Анненкова, и я изъ разсказа моихъ собесѣдницъ узналъ, что происшествіе, такъ трогательно разсказанное въ воспоминаніяхъ про Ивашева, случилось съ супругою И. А. Анненкова, бывшей нѣкогда гувернанткой мадмуазель Поль.

Она жива еще и теперь; меня обѣщали старушки познакомить съ этою достойнѣйшею женщиною. Не знаю, скоро ли я удостоюсь счастія взглянуть на эту безпримѣрную, святую героиню.

Дюма́, кажется, написалъ сантиментальный романъ на эту богатырскую тему. — —

7 ноября.

— — Интересно знать, что́ дальше будетъ.

8 ноября.

Рисовалъ сегодня до обѣда портреты М-г и М-те Якоби, а вечеромъ пошелъ къ Веймарну; у него сегодня полковой праздникъ и, слѣдовательно, пирушка Войдя въ первую комнату, я совершенно растерялся: меня поразила (толпа) военныхъ людей. Я этихъ почтенныхъ господъ давно уже не встрѣчаю. Въ-особенности одинъ между ними такъ живо напомнилъ мнѣ К—рева, что я чуть-чуть не вытянулъ ру́ки по швамъ и не возгласилъ: здравія желаю, ваше благородіе! Изъ этого отвратительнаго состоянія вывелъ меня самъ гостепріимный хозяинъ, пригласивъ меня въ гостинную. Между прочими гостями, въ гостинной встрѣтилъ я И. А. Анненкова, и, впродолженіе вечера, я не разставался съ нимъ.

9 ноября.

Окончилъ портреты Якоби.

10 ноября.

Получилъ отъ Кулиша книги: *Записки о Южной Руси* два тома, и *Чо́рну Ра́ду*.—Какой милый оригиналъ долженъ быть этотъ Л. Жемчужниковъ! Какъбы я счастливъ былъ увидѣть человѣка, который такъ искренно, нелицемѣрно полюбилъ мой милый родной языкъ и мою прекрасную, бѣдную родину!

ИНСТИТУТКА.

Т. Г. Шевчéнку.

I.

Лю́де диву́ютця, що я весе́ла: надійсь, го́ря—бідú не зна́ла. А я зъ-ро́ду така́ вдала́ся. Уроди́сь, ка́жуть, та и вда́йся... Було́ мене́ й бьють (бода́й не зга́дувать!)—не здéржу се́рця, запла́чу; а роздýмаюсь тро́хи—и смію́ся. Бува́ ли́хо, що пла́че, а бува́, що й ска́че,—то такъ и моé ли́шенько. Якъ-бú мíні за ко́жною бідо́ю моéю пла́кати, до́сі бъ и о́чі я ви́плакала. Ба́тька-ма́тери не зазна́ю: сиротóю зросла́ я, при чужині, у лю́дяхъ. Хочъ не було́ діла важко́го,—такъ забува́ли про мéне, чи я не голо́дна, не холо́дна, чи жúва я....

На десятолітяхъ взяли́ мене́ въ двíръ. Стара́ па́ні була́ не що, суми́рна собі,—мо́же, тому́, що вже благéнька була́, ле́дві но́ги волочи́ла, а заговóрить—тíльки шамъ-шамъ; одъ разу й не розберéшъ: такъ куди́ вже бíйка! не на умі. Увéсь день на ganочка́хъ: нічка йде—о́хае та сто́гне. А за молодо́го віку, сла́влють, ви́гадочки були́ чима́лі и въ нéі.... та трéба жъ колúсь и переста́ти.

За мéне, то вже въ дворі жили́ ми спокíйненько: одно́ було́ го́ре, що зъ дво́ру й ступúти не пу́стять. Хиба́ вже на вели́ке свя́то, що до цéркви одпро́симось, а въ неділю й не ду́май. »Розволо́читесь«, було́ ка́же па́ні, гніваючись—»не пущу́!.. Не той ще вікъ вашъ, щобъ Бо́га пильнува́ти: ще ма́тимете часъ,—не за́разъ вамъ умірáти«.

Сидимо́ було́ день при дні у дівочíй та ро́бимо. А ти́хо коло тéбе, якъ зачаро́вано. Тíльки па́ні заóха, або́ хто зъ дівча́тъ на

ýхо за чимъ озвéтця,—котóра зідхнé зъ нýду. Докучáе булó та робóта, докучáе,—ажъ печé; та щó врáдишъ? Спасúбі хочъ за те, що не бъють дéсять разъ нá день, якъ отъ по úншихъ чýемо.

А якъ колú, то булó звеселіемо не-знáть-чого. Веселéнько намъ,—ажъ сéрце трепéче! Колúбъ вóля, заспівáвъ би такъ, щобъ и на селі лунáло... Не всмілимось!.. Изглядуемось, та сміхъ насъ такъ и берé. То однá моргнé бровóю, а другá ій одмóргуе; то привяжуть тýю до стільчика косóю; úнша зскóчить та почнé вистрúбувати дúбки-дúбки, щобъ пáні не почýла,—крýтитця, вертúтця, тільки рукáва май-май-май... Чого́ булó не виробляемо!

У старóі пáніі не булó рóду, окрімъ мáла собі унýчечку,—у Кúіві обучáлась у якóмусь тамъ... отъ колúбъ вúмовити .. инсти-тý-ті. Булó частéнько до старóі листú шле; а старá тúі листú що-днá вичúтуе,—и попоплáче надъ нúми, и попосмiётця. Колú пúше унýчечка, щобъ ужé приздúти за нéю та додóму забірáти... Мáти Бóжа! увéсь будúнокъ зворухнýвся: білúти, мúти, прибірáти!.. Пáнночки сподівáемось! пáнночка бýде!

Старá пáні немóвъ одýжала: коливáе съ кімнáти до кімнáти, виглядáе у кóжне вікóнце на шляхъ, и насъ туряе за селó дивúтись, чи не іде пáнночка. А намъ того́ й трéба. Ми за той тúждень, що ій виглядáли, сказáть, нажилúся. Шлють, то біжимóлетимó... Вéсело зъóчити степъ, поля́ крáсні!.. Степъ зелéний нáче втікáе въ тéбе передъ очúма, далéко кудúсь, далéко... Любо на вóлі дихнýти!

Квітóкъ булó назривáемъ та позаквічуемось, якъ молоді, та до сáмого двóру тимú вінкáми величáемось. А вступáючи въ двíръ, схóпимо зъ сéбе, позакидáемо,—та такъ булó жáлко тихъ вінкíвъ кúдати, такъ жáлко!

II.

Діждáли пáнночки, прiхала... И щó жъ то за хорóша зъ лиця́ булá! И въ кóго вонá такá вродúлася! Здаётця, и не змалювáти такóі крáлі!.. Старá, якъ обійняла́ ій, то й зъ рукъ не випускáе; цілýе й милýе та любýе. И по кімнáтахъ вóдить, усé покáзуе, усé роскáзуе; а пáнночка тільки обертáетця туди́-сюди́ та на все цікáвимъ óкомъ спозирáе.

Посадови́ла іі стара́ за стілъ. И пла́че, и радіе, и роспи́туе, и часту́е: »Мо́же, тобі того́ ззісти? мо́же, того́ спи́ти?« Наі́дківъ, напи́тківъ понастано́влювала: сама́ сіла коло не́і, — не нади́витця. А па́нночка усе́ прибіра́, на́че той горобе́ць, хуте́нько й чисте́нько. Ми зъ-за двере́й ди́вимось на нихъ и слу́хаемо, що́-то па́нночка говори́тиме, — чи не дійдемо, які тамъ у не́і ду́мки, яка́ вда́ча, зви́чай.

— Якого́сь-то жило́ся тобі, се́рденько, самій?« пита́е стара́. »Ти мині не ка́жешъ нічо́го.

— Ай, бабу́сечко! що́ тамъ роска́зувати! ну́да така́!

— Вчи́ли бага́цько?.. Чого́ жъ ви́вчили тебе́, кри́шко?

— Отъ захотіли що́ зна́ти!.. До́бре вамъ, бабу́ню, було́ тутъ жи́ти на во́лі; а що я ви́терпіла за тимъ учіннемъ!.. И не нага́дуйте мині ёго́ ніко́ли!

— Голу́бочко моя!.. Звісно вже, чужі лю́де; обіжда́ли тебе́ ду́же... Чому́ жъ ти міні за́разъ сёго́ не прописа́ла?

— Що́ се ви, бабу́ню? Якъ мо́жна?. За́разъ дозна́ютця...

— Бідола́шечко моя́!.. Скажи́ жъ міні, я́къ тебе́ тамъ кри́вдили ти́і невірні ду́ші?

— Охъ, бабу́сечко! и мо́рено й му́чено насъ—та все дурни́цею. И те вчи, и дру́ге, й деся́те й пя́те... товчи́ та товчи́, та й товчи́!.. На́ що міні те зна́ти, я́къ по не́бу зо́рі хо́дять, або́ якъ лю́де живу́ть поза моря́ми, та чи въ іхъ до́бре тамъ, та чи въ іхъ недо́бре тамъ? Аби́ я зна́ла, чимъ міні себе́ міжъ людьми́ показа́ти...

— Та на́ щось же у́чятця лю́де, мо́е зо́лото. Отъ и на́ші панночки́—на що́ вже бідо́та, та й ті верещя́ть по-францю́зькій.

— Э, бабу́ню!—защебета́ла па́нночка: — до францю́зькоі мо́ви и до музи́ки до́бре й я бра́лась, — до та́нцівъ тожъ. Що́ тре́ба, то тре́ба. На се вже ко́жний уважа́е, ко́женъ и похва́лить: а все и́нше—тільки моро́ка. Учи́сь, та й забу́дь! И тімъ, що у́чять—ну́да, и тімъ, що вчя́тця—біда́. Бага́цько ча́су пропа́ло ма́рно!

— Такъ я́къ же оце? пога́но вчять?

— Кажу́ жъ вамъ, що й ну́дно, и пога́но й ма́рно Вони́ тільки й ду́мають, я́къ би імъ гро́ші ви́платили, а ми ду́маемо, я́къ би ху́тче насъ на во́лю ви́пустили... Чого́ жъ ви заду́мались, бабу́сю?

— Та то, се́рденько, що гро́ші бра́ли за те́бе до́брі, а вчи́ли пога́но. Що́ жъ, якъ ти да́лі и все позабува́ешъ?

— Чи поло́ба жъ се, бабу́ню? Богъ изъ ва́ми! Якъ же бъ то міжъ гостя́ми, або́ въ гостя́хъ, позабува́ти музи́ку, або́ та́нці, або́ хочъ би й мо́ву францу́зьку?... А про ту замо́рську нісеніт-ницю, то я въ одно́ у́хо впуска́ла, а въ дру́ге випуска́ла, та й зовсімъ таки́ не зна́ю. Цуръ ій!

— А якъ же ча́сомъ хто въ те́бе спита́е, я́къ тамъ ти́ї зо́рі по не́бу хо́дять, або́-що? Лю́де й осу́дять за́разъ: вчи́лася, та й не тя́мить!

— Та що́ се ви, бабу́сю? Та се я тільки вамъ призна́лась, що не зна́ю, а чужі зъ-ро́ду того́ й не доши́мраютця, неха́й хочъ цілий день пита́ють. Я зо всёго ви́кручусь, ище́ й іхъ оступа́чу: опъ я́къ, бабу́сю! Хо́чете, я вамъ заспіва́ю? Слу́хайте!

И заспіва́ла, затягла́,—на́че те́е сріблo пересипа́етця.

Стара́ ій цілува́ти: »Серденько мое! втіхо мо́я!«

А па́нночка до не́ї ла́ситця та про́сить:

— Куплть міні, бабу́сечко, по новій мо́ді убра́нь хоро́шихъ!

— Про се не турбу́йся, дитя́ моє. Бу́де въ те́бе всёго́. Ти въ ме́не бу́дешъ царівна надъ панночка́ми!

Ми, дівча́та, изгля́дуемось: чого́ тамъ па́нночки на́шої не на́вчено! а найбільшъ, ба́чця, люде́й туманити!

III.

— Ходімъ-лишень, голу́бко, гово́рить стара́ па́ні:—я хо́чу, щобъ ти собі обра́ла котру́ дівчину.

Та й веде́ ій до насъ.

Ми одъ двере́й та въ кутокъ, та ку́пою въ куто́чку й зби́лися.

— Се ва́ша па́нночка,—промовля́е до насъ па́ні. —Цілу́йте ій въ ру́чку.

Па́нночка, чи гля́нула на насъ, чи ні, простягла́ дві пу́чечки поцілува́ти.

Стара́ всіхъ насъ пока́зуе:—Се Га́нна, а се Ва́рка, а це Дома́ха.

— Бо́же мій! ажъ кри́кнула па́нночка, ра́зомъ стрепену́вшись

и въ долóні сплеснýвши:—чи зуміє жъ хто въ васъ мене зачісáти, ушнуровáти?

Стоїть и рýки заложúла, и дúвитця на насъ.

— Чомý? кáже старá. Зуміють, сéрце. А ні, то нáвчимо.

— Якъ тебé зовýть? питáе менé пáнночка, та, не слýхаючи менé, до пáніі: — Ся бýде міні!

— Такъ и дóбре жъ; якý схóчешъ, сéрце: нехáй и ся.—Глядú жъ, Устúно (на мéне), служú дóбре,—пáнночка тебé жáлуватиме.

— Ходімъ ужé, бабýню; гóді вже! перехопúла пáнночка; самá скривúлась и перехилúлась нá бікъ, и óчі чогóсь заплющує, и зъ місця зривáетця,—отъ стемéнний кітъ, якъ ёмý зъ лю́льки у вýса пúхкають...

— Трéба жъ, голýбко, кáже старá, ій на рóзумъ навчúти: се дурні гóлови. Я скажý тé, а ти щó другé, то й вúйде зъ нéі людúна.

— Шкодá, бабýню, що спéршу іхъ не вчéно! Тепéръ пóрайся! Булó якý віддáти до міста.

Та й говóрять собі, нáче про кóпей, абó-що.

— Ой Устечко! жýрятця дівчáта:—яковó-то бýде тобі, що вонá такá непривітна!

— А щó жъ, кажý, дівчáта! журбóю пóля не перéйдешъ, та й одъ дóлі не втечéшъ. Яковó бýде — побáчимо.

Та й собі задýмалась.

IV.

У вéчері клúчуть: »Идú до пáнночки—розбірáти«.

Ввійшлá; а пáнночка стоїть передъ дзéркаломъ и вже усé зривáе зъ сéбе.

— Де се бігала? Швúдче менé розбірай!.. Швúдче: я спáти хóчу!

Я розбірáю, а вонá все покрúкуе на мéне:—Та хýтче жъ бо, хýтче!

Кúнулась на ліжко:—Роззувáй!.. А вмієшъ ти волóсся звивáти? питáе.

— Ні, не вмію.

— Бо́же мій! го́ре мое! Яка́ жъ вона́ дурна́!.. Иди́ собі!

Дівча́та вже мене́ дожида́ють: »А що́, Усте? що́, сестри́це? яка́ вона́, голу́бко?

Що́ імъ каза́ти?

— Дурна́ я, кажу́, дівча́та, бо не вмію кісъ извива́ти!

V.

Дру́гого дні ранє́сенько проки́нулась на́ша па́нночка. Уми́лась, прибра́лась, оббігла усі буди́нки, уве́сь двіръ, и въ садку́ була́. Така́ весела́нька: — До́ма я! ка́же, до́ма! Усе́ мині вільно!

Цілу́е стару́ па́нію та разъ-у-разъ пита́е: — Чи ско́ро въ го́сті поідемо, бабу́сечко? а коли́ го́сті до насъ наідуть?

— Та неха́й же я пе́рше сама́ тобо́ю натішусь, ри́бко, неха́й на те́бе надивлю́ся!

— Та коли́ жъ то вже я діждусь, бабу́ню! Въ ме́не тільки було́ й ду́мки, що приіду додо́му — ве́село бу́де, лю́дно, музи́ки, та́нці... Бабу́сенько ми́ла, лю́ба!

— Ну, до́бре, пта́шко! Неха́й тро́шки приберемо́сь, та тоді вже за́разъ и гостей проси́тиму.

Почало́сь прибіра́ння те́е. Стара́ скри́ні съ комо́ри вико́чує та оксами́ти, руби́ тонки́і, вибира́е, та кро́іть, та приміря́е на па́нночку. На́нночка ажъ підска́кує, ажъ изъ ра́дощівъ червоніе. То до одного́ дзе́ркала ско́чить, то у дру́ге зазирне́; скля́нку води́ візьме, то й тамъ любу́е, яка́ вона́ хоро́ша. То заплете́ ко́си, то росплі́та́е, то стрічка́ми перевъе, то вквіча́етця...

— Ахъ, бабу́сечко! було́ ви́крикне, »коли́ вже я въ атла́сову су́кню вберу́ся!

— Якъ зару́читься, дити́но моя́, ока́зуе стара́. Дамъ тебе́ за кня́зя чи за гра́фа, за багатиря́ всесвітнёго!

А па́нночка й го́лову заде́рла, и выступа́е такъ, на́че вже вона́ княги́ня великоро́дна.

Та тільки въ нихъ и мо́ви було́, що князі та пани́ вельмо́жні. Було́ и къ весіллю зовсімъ приберу́тця, и буди́нки поста́вляють камяні, и ко́ней вороних ъ позапряга́ють, — ажъ ли́хо! Пересипа́ють та́кеньки, пересипа́ють, — па́нночка й зідхне́: — Що́, бабу́ню! тільки гово́римо... Идо́сі ще нико́го въ насъ не було́!

— Та зажди́ жъ бо тро́хи: наіде тако́го, що й не пото́вплютця.

VI.

Та й спра́вді перхну́ло до насъ госте́й,—якъ на погори́джу. Одні зъ двора́, а дру́гі у двіръ. Нема́ намъ ні сну, ні спочи́вку: бігаемо, вслугу́емо, клопо́чемось зъ ра́нку до ве́чора. Ча́сомъ така́ юрма́ іхъ ужене́, що диву́емось, яки́хъ-то вже міжъ ними́ панівъ нема́! Все те́е рего́четця, танцю́е, ість, пъе; все те́е гуля́ще, дакъ таке́ ви́пещене! Инша добро́дійка у две́рі не вто́впитця. А паничівъ що́-то въ насъ переверну́лось! Ажъ ро́емъ коло на́шоі па́нночки звива́ютця,—такъ якъ ті джмелі гуду́ть. Обійшла́ либо́нь вона́ іхъ усіхъ,—кого́ слова́ми, а кого́ брова́ми́: одно́го на здоро́въя любе́нько пита́е; дру́гому жа́литця. що безъ ёго чого́сь ій сму́тно та ди́вно; кото́рого коло се́бе сядови́ть, скажи́, на́чебъ свого́ посімъяни́на. Біда́хи роскоха́лись, ажъ зовсімъ подуріли, зъ лиця́ зпа́ли, схнуть. День-у-день наіздя́ть до насъ, одно́ одного́ попережа́ючи та зи́зимъ о́комъ накрива́ючи. Чи такъ вона́ всімъ до души́ прийшла́, чи не було́ імъ тоді чого́ и́ншого розва́житись, тільки такъ кома́хою й нала́зють и нала́зють. Бо, бачъ, чимъ імъ у світі розва́житись? я́къ свій молоди́й вікъ собі скраси́ти?.. Со́лодко ззісти, пъя́но спи́ти, хо́роше походи́ти,—а більше що?

VII.

Потро́ху та пома́лу усе́ па́нночка на свій ладъ переверну́ла—житте и господа́рство.

— Поки́нте жъ бо, поки́нте, бабу́ню, плести́! Хиба́ нікому въ васъ діла роби́ти? Хто приіде, а ви все за чу́лкою маня́чите, на́че прислу́жниця, або́-що.

— Та ну́дно безъ робо́ти, дити́но! одка́зуе стара́.

— Возьміть кни́жку почита́йте.

— Що́ я чита́тиму? Я вже не ба́чу чита́ти.

— То такъ погуляйте, тільки, голу́бочко, не плетіть! Ви міні лу́чче о́ко ви́кольте тимъ дро́тикомъ!

— Та до́бре жъ, до́бре, угаму́йся!

Поки́не плести́ стара́ й ну́дитця. Убра́ла її па́нночка у чіпчикъ зъ стрічка́ми рябе́ньки́ми, та й посадови́ла на кріслечку середъ кімна́ти. Прийдуть го́сті — вона́ напогото́ві, привіта́е іхъ.

Стара́ вже світомъ ну́дить, а па́нночка втіша́етця:—Якъ сла́вно, бабу́сечко, якъ славно! якъ унасъ вели́чно та пи́шно!

VIII.

Насъ, дівча́тъ, усіхъ гаптова́ти посадови́ла. Сама́ й у́чить, та разъ-по́-разъ надбіга, чи ши́емо. И обідати йдемо́, то вона́ хму́ритця и сва́ритця. Да́лі вже, що-день, то вона́ серди́тіша; вже й ла́е; ча́сомъ щіпне́, або́ шт вхне́ сти́ха... та й сама́ почервоніе, якъ жаръ,—засоро́митця. По́ки жъ тільки не зви́чилася; а якъ ого́вталась, обжила́ся, то пізна́ли ми тоді, де́ воно́ въ світі ли́хо живе́.

Прийду́ було́ її вбіра́ти, то вже яко́і нару́ги я одъ не́і не натерпліося!.. Заплі́таю ко́си — не такъ! Зновъ росплітую та заплі́таю,—зновъ не такъ! Та цілий ра́нокъ на тому́ проба́вить. Вона́ мене́ й щипа́е, и штирха́е, и гребінцемъ мене́ скоро́дить, и шпилька́ми ко́ле, и водо́ю злива́е,—чого́, чого́ не доказуе надъ мое́ю голо́вонькою бідною!

Одного́ ра́зу дожида́ли въ насъ полкови́хъ зъ міста. Двіръ замели́ ще зъ ве́чора; у буди́нку прибра́ли, якъ ихъ Вели́кодню. Сіла па́нночка зачісуватись... Ли́шечко жъ моє! лу́чче бъ жа́ру черво́ного у ру́ку набра́ла, якъ міні довело́сь туманіти коло її ру́сої коси́!.. И така́, и она́ка, и геть-прічъ пішла́, и зновъ сюди́ поступа́й; и піхати мене́ и наска́кувати на ме́не,—ажъ я зляка́лась! Та репе́че, та дзвякоти́ть, та тупо́че-тупо́че, а да́лі якъ запла́че!.. Я въ две́рі, а вона́ за мно́ю въ садъ. »Я тебе́ на шматкі́ розірву́! задушу́ тебе́, га́дино!« Огля́нусь я на не́і,—страшна́ така́ зроби́лась, що въ ме́не й но́ги захита́лись. Вона́ мене́ якъ схо́пить за ши́ю обіручъ!. ру́ки холо́дні, якъ гадю́ки. Хо́чу скрича́ти,—духъ міні захопи́ло; такъ и ру́хнула коло я́блуні, та вже одъ холо́дної води́ проки́нулась. Дивлю́сь—дівча́та коло ме́не ску́пчились, бі́лі усі якъ кре́йда. Па́нночка на стільчику роски́нулась, пла́че; а стара́ надъ мое́ю голово́ю стоіть, и такъ-то вже мене́ ла́е, така́ вже лю́та,—ажъ ій у ро́ті чо́рно.

— Що́ ти нако́їла, леда́що! Якъ ти сміла па́нночку гнівйти! Я тебе́ на Сибірю зашлю́! Я тебе́ зъ світа зжену́!

А па́нночку вмовля́е: Не плачъ, не плачъ, янгеля́точко моє́: слізъ твоіхъ вона́ не го́дна! Ще занеду́жаешъ, Боже борони́ чого́! Бачъ, ру́ченьки холодні́сінькі. Бу́де бо вже, бу́де! На́ що сама́ бере́сся? Міні вносъ, що́ тобі не вго́дно.

— А тобі, ледащи́це, (знову сва́ритця на ме́не)—а тобі бу́де!

Та й не зна́ю, якъ ще дру́гої бідй вбігла, що мене́ не би́то. Мабу́ть того́, що вже ду́же була́ я слаба́,—такъ па́ні тільки ногою мене́ совману́ла, та за́разъ и звеліла дівча́тамъ до ха́ти одне́сти.

Дівча́та підняли́ мене́ й понесли́, а въ ха́ті такъ и впа́ли коло ме́не, пла́чучи: »Усти́но се́рденько! опла́кана годи́нонька твоя́!.. Ма́ти Бо́жа! за́ що се надъ на́ми таке́ безголо́вячко?«

IX.

Цілу ве́сну мене́ те́плимъ молоко́мъ напова́ли, по́ки я тро́хи оче́ньпала.

Лежу́ сама́,—усі на па́нщині —лежу́ та все собі ду́маю: »Таке́ молоде́, а таке́ немилосе́рдне, Го́споди!«

У ха́ті холодо́къ и ти́хо; стіни бі́лі й німі; я сама́ зъ свое́ю душе́ю. Вітре́ць шеле́сне, та прихи́лить міні у віко́нце паху́чий бузо́къ. Опівдня́ со́яшний про́мінь гаря́чий переки́не черезъ ха́ту ясну́ стя́гу трепе́чущу... на́че мене́ жа́ромъ обси́пле. Ду́шно міні, дрімо́та, а сну нема́е. И такъ усе́ сама́-самісінька изъ своіми думка́ми—якъ у світі жи́ти!.. Ра́да було́,—Бо́же мій, якъ ра́да!—коли́ зашуми́ть садо́къ, стемніе світъ и загурчи́ть дощъ объ зе́млю!.. Отъ, чу́ю, щось затупо́че... ре́гітъ и го́мінъ... у ха́ту до ме́не зграя дітей уси́пле. Весе́лі, черво́ні; віта́ють мене́; впри́скають мене́ дощемъ изъ се́бе; пну́тця на вікно́, нетерпля́чі, коли́ той дощъ ущу́хне; співа́ють, вигу́кують:

»Зійди́, зійди́, со́нечко,
На попо́ве по́лечко,
На ба́бине зіллечко,
На на́ше подвіряечко«!

Скóро сóнечко зъ-за хмáри вúграло, вонú такъ и замелúсь изъ хáти. А мíні ще дóвго-довгéнько оддаéтця то у томý кутку рéгітъ, то у тому, нáче хто у дзвінóчки срібні видзвóнює.

У-вéчері, смеркóмъ уже́, вертáютця съ пáнщини лю́де потóмлені и вáромъ сóяшнимъ, и тяжкóю прáцею; всі мовчáть, — хиба́ яки́й зідхне́ вáжко, або́ заспіва́е сумнóі, сумнóі стúха...

Чáсомъ несподівано котóра дівчúна вбіжúть до мéне зъ будúнку.

— Устúно! голýбко!

— А щó тамъ у васъ дiетця, сестри́це? спита́ю ії.

— Хочъ не пита́й, Устúно, — лихо! Гáнну сёгóдні бúли, учóра Парáску, а зáвтра, мáбутъ, уже́ моя́ черга́. Ой, мáтінко! колúбъ тамъ не огледíлись ще́ за мéне! Охъ, Усте, бідна нáша голівонька!

— Про мéне нічóго?

— Де бъ то нічóго!.. Чому́ не йде до свого́ дíла? Щó вона́ ніжитця, мовъ пáні зъ Басáні? Отъ щó, колú хочъ знáти... Ой, забарúлася жъ я! Бувáй здорóва, Устúнко!

X.

Одного́ рáнку лежý я та дýмаю, колú въ хáту вбігла Кáтря.

— Иди́, йди, хутéнько йди, Усте!

— Куди́ йти?

— До пáнночки, до пáніі! та хутéнько жъ бо, Усте! Послáли по тéбе, щобъ зáразъ ишлá. Пáнночка пожалковáлась на тéбе старíй, що ти вже зовсíмъ одýжала, та не хóчешъ робúти, служúти. Иди́ жъ бо, йди!

— Якъ же йти, Кáтре, не здолію я по землі ступáти!

— Я тебé доведý, голýбко! Зможúся, щобъ ще́ гíршъ тобі не булó. Ходíмо бо, ходíмо!

Лéдві я доплелáсь до будúнка. На порóзі стріла пáнночка.

— Чого́ се ніжúсся? чому́ не йдешъ служúти? лéдащо ти! Пострівáй! я тобі таку́ кáру вúмислю, що ти й не бáчила й не чýла.

Та кричúть же то, Бóже! ажъ задúхалась; штовхáе менé, за рукáвъ смúкае... Годúнонько жъ моя́! Якъ вонá охúжіла, яке́ страшне́ зробúлося въ неі те личко гóжее!..

На той крикъ и пáні не задля́лась прилізти... дава́й мене́ ля́яти. Ще нахваля́лась и би́ти. А ми, спаси́бі Бо́гу, того́ не дознава́ли одъ не́і, по́ки не всели́лась па́нночка. Всчали́ся тоді въ насъ ка́рності щоде́нні, щоде́нний плачъ. Чи хто всміхне́тця (нечáсто всміха́лися!)—па́нночка біжи́ть до старо́і: »Бабу́ню, мене́ не шану́ють!« Чи хто запла́че: »Бабу́ню, ді́ла не ро́блять та ще й пла́чуть!« Та на всіхъ та́кеньки ва́дить та й ва́дить, нава́дниця на́ша. А стара́ люту́е, насъ каре́, —молоди́й вікъ изгада́ла!

XI.

Тільки й ди́шемо було́, якъ наіде гостéй-паничівъ та трóхи забу́де про насъ па́нночка. Ви́йде до нихъ—ляскоти́ть по пташи́ному, привітна́, лю́ба—и що́-то?—не пізна́ти!.. А вже я́къ ті паничі коло не́і.. Той по́ручъ изъ не́ю ши́етця, а той съ кутка́ на не́і очи́ма свíтить; сей за не́ю у тропу́ то́читця, а той знов збóку по́глядомъ забіра́е. Вона́ жъ міжъ ними́, мовъ та́я перепели́чка, звива́етця.

— Кото́рий-то зъ нихъ попаде́тця? гово́римо було́ дівча́та. Дозна́е небора́къ, но чімъ ківшъ ли́ха!

Спéршу стара́ па́ні тішилась ве́лико тіми гостьми́, а далі, якъ почали́сь міжъ ними́ сва́рки, ста́ла ду́мати та гада́ти:—не ра́да вже імъ, да не одби́ти. Наіде іхъ си́лечка одна́, та ко́жний же то домага́етця па́нноччиного привіту собі; оди́нъ одного́ зневажа́е, та й сва́рятця, и гризу́тця. Почала́ вже іхъ стара́ па́ні соба́ками (за́ очі) взива́ти. Ажъ такъ надъ о́сінь до́ля па́нноччина прийшла́— и шарáхнули вони́ усі одъ не́і въ-ро́зсипъ, себе́ самúхъ соро́млячися.

XII.

Спізна́вся съ па́нночкою полкови́й лікарь, та й почáвъ щодня́ вчащáти. Таки́й вінъ бувъ ти́хий, звича́йний, до ко́жного привітни́й,—и на панича́ не похо́дивъ!.. А я́къ зъ не́ю спізна́вся? Вже давне́нько панночки́ приіжжі перено́сили, що яки́й-то вже тамъ лікарь полкови́й хоро́шій! и бро́ви ёму́ чóрні, и уста́ румя́ні, и ста́номъ висóкий,—така́ вже краса́, що й не сказáти.

Тільки що го́рдий ду́же,—на жа́дну не погля́не, не заговóрить, хочъ тамъ якъ до ёго ні захóдь...

Па́нночка, чу́ючи такé, було́ частéнько говóрить старій: »Якъ би́ ви, бабу́сечко, того́ лікаря до насъ завіта́ли,—неха́й поба́чу, яки́й!

А стара́ було́ на те: »Моя дити́но! нацокóтали тії верхоу́мки, скоси́рні, а ти віри поняла́... Вели́ке ди́во—полкови́й лікарь! Се зли́дні, бідóта! Що́ тобі съ таки́ми захóдити?

— Та неха́й я тільки ёго́ поба́чу, бабу́ню! чи спра́вді вінъ таки́й, якъ сла́влють.

Цуръ ёму́! ще ввя́жетця! И такъ уже́ бага́то коло тéбе звива́етця, а жóденъ не сва́тае. Оди́нъ одного́ перебива́е та сва́рютця,—бода́й ви ви́казились!

Отъ же, я́къ стара́ одмага́лась! а вну́чечка я́къ на пню ста́ла: лікаря, та й лікаря! Пе́ршого жъ на́ізду, якъ жарну́въ полкови́й нача́лъ, му́сила стара́ ни́ми переказувати, що лікаря до себе въ гости́ну запро́шуе. Ті жи́во погоди́лись: »Привезéмо, привезéмо«, ка́жуть.

— А коли́ жъ ви насъ одві́даете? пита́е па́нночка, сюди́-туди́ оберта́ючись, та въ вічі імъ загляда́ючи, ни мовъ якъ лисеня́: »чи ху́тко?«

— Коли́ ви такі ласка́ві, то ми й позáвтрёму бу́демо, ка́жуть го́сті, якъ на ногáхъ не підлíтуючи.

И поіхали, радéнькі, що дурнéнькі.

XIII

Та вже й убра́лась того́ дня па́нночка хóроше! А стара́ су́питця та́ все бурчи́ть: — На́ що намъ та голь нещади́ма зда́лася!

Па́нночка на́че не чу́е того́ сло́ва. Стара́ тільки тимъ вимі́щае, що на́съ ду́шить.

Коли́ наіхали полкові, а лікаря нема́. »Дя́куе«, ка́жуть, »за ла́ску, та нема́ въ ёго ча́су ані годи́ни: недужихъ у ёго бага́то,—лічить.

— И не си́луйте ёго́,—ка́же стара́: неха́й лічить зъ Бо́гомъ!

Па́нночка тільки почервоніла и уста́ закуси́ла.

Та й було́ жъ намъ, якъ гостéй ви́проводили! За все ми одтéрпіли!..

Того́ жъ таки́ ти́жня само́го занеду́жала па́нночка. Охае и сто́гне, и кричи́ть. Стара́ злака́лась, пла́че, по лікаря шле. А полкови́й зна́ющий, ка́жуть, та й живе́ бли́зче за всіхъ,—по ёго!

Тимъ ча́сомъ па́нночка вбра́лась, якъ найкра́ще, та й лежи́ть у ліжку, якъ малёвана,—дожида́е.

Приіхавъ вінъ, подиви́всь, роспита́въ. А вона́ жъ то вже—и голо́вку хи́лить, и гово́рить, помісь співа́е. Побу́въ яку́ годи́нку, та й прощаётця: »За́втра навідаюсь.«

Стара́ пита́ у вну́чечки, вну́чечка заду́малась,—тілько ій на пита́ння головою́ кива́е. А якъ стара́ спита́ла: »Шо́, я́къ лікарь? показа́вся якъ«? то вона́ стрепену́лась: »Го́рдий« , ка́же,—таки́й, якъ па́нъ вельмо́жний... И що́ вінъ собі ду́мае!

Лічи́въ-лічи́въ той бідола́ха, та й закоха́вся. Покоха́ла ёго́ й па́нночка. Почу́ли ду́хомъ паничі, куди́ потягло́,—постерегли́ одъ ра́зу, що́ воно́ е, та й зсли́зли.

Стара́ па́ні тільки що головою́ въ муръ не бъе́тця, та нічо́го не вра́дить: »якъ ви міні, бабу́ню, на перешко́ді ста́нете, умру!.. И не гомоніть! не домовля́йте! зми́луйтеся!«

Стара́ й го́ді, тільки о́хае.

XIV.

Спустіло па́нське подвіръе; не тупо́чуть ко́ні; не торохтя́ть коля́си. И па́нночка ти́хша: не ла́е, не бъе, не обска́ржуе,—все сиди́ть та ду́мае...

Було́, ско́ро со́нечко ви́йметця, лікарь и ко́тить у-двуко́нь. Па́нночка вже дожида́е коло вікна́, га́рна та у́брана, и румяніе, якъ черво́на ма́ківка. Вінъ хуте́нько вбіжи́тъ. Яка́ зъ насъ підъ той часъ мигне́тця: »Здоро́ва була́, дівчино! А що́ па́нночка?«

Цілий день прогостю́е було́. Усе́ коло па́нночки сиди́ть, не відступа́ й ступня́. А стара́ па́ні то съ тихъ дверéй зиркъ, то зъ дру́гихъ зиркъ, та прислуха́стця, що́ вони́ тамъ міжъ собо́ю гово́рять удві́йзі, та вже така́ ій доса́да гризе́, що вони́ вку́пці, а розлучи́ти не си́ла: боя́лася й вона унучечки.

Отó вже й свáтае вінъ пáнночку. Плáче старá и жýритця тя́жко:—Я жъ сподівáлась тебé за кня́зя дáти, за багачá, за вельмóжного!

— Охъ Бóже жъ мій! крúкнула пáнночка плáчучи.—Та колúбъ же вінъ бувъ багáтий та вельмóжний, я бъ и гáдки не мáла! давнó бъ ужé булá за нимъ! Та колú жъ такé безталáння моé! такá мінí дóля гірка́ вúпала!

— Та хибá жъ такúй крáщихъ за ёго немá?—не сміючи вже одмовля́ти, а тілько нібн питáючи, озвéтця зновъ старá.

— Для мéне немá у світі крáщого,—немá й не бýде!

Засумовáла пáнночка, ажъ змарніла и зблідла. Старá зовсімъ скрутúлась,—не зна дáлі, на якý ступúти. Намéне на те, що не йди за ёго,—унýчечка у гнівъ та у плачъ велúкий. Хóче втішати: »ось побереτéсь«, унýчечка свою́ дóлю проклинáе.

— Се Господь мінí лúхо наслáвъ, кáже:—и якъ томý лúхові запобігти, не знáю.

Молодúй ставъ помічáти, турбýетця:

— Щó такé? чогó смутнá?

— Та я не смýтная!

— Скажú мінí усю́ прáвдоньку, скажú! прóсить, у рýку ii цілýе.

— Поберемóсь,—говóрить вонá ёмý:—а я́къ жúти съ тобóю бýдемо? вбóго!

— Отъ щó тебé жýрить, сéрденько!.. На що намъ тéе пáнство, багáтство, колú бýде нáше життя́ крáсне, нáша дóля весéла?

— Бáчъ, ти объ мінí й не дýмаешъ! домовля́ ёмý.—А лю́бо жъ тобí бýде, якъ прúйде хто до насъ та бýде зъ насъ глумúтись: »отъ живýть-бідýють!«

Та й запла́че.

— Сéрденько моé! щó жъ мінí, бідному, въ світі робúти? де взя́ти? Я зъ рóду не жадáвъ багáтства, а тепéръ прáгну всіхъ роскóшівъ для тéбе, тобí на втіху... Щó жъ я вдію? Радъ би я, кáже,—нéбо прихилúти, та не хúлитця!

И почнýть оттáкъ обóе собí журúтись.

XV.

Любúла вонá ёгó, та я́кось чýдно любúла, не полю́дській. Оттó навéрнетця булó хто зъ панночóкъ-сусідокъ, допúтуютця:—

Чи пра́вда, що та́я гординя та въ тобі закоха́вся?.. Сва́тае?.. Ревни́вий?.. Які да́ри тобі дару́е?.. Чи *ти* ёго́ поважа́ешъ, чи *вінъ* тебе́ слу́хае?

— Вважа́йте самі, одка́зуе па́нночка, всміха́ючись.

Та й почне́ передъ панночка́ми нару́гу на ёго зво́дити. — Слу́хайте, ка́же до ёго: — ідте до міста та купіть міні те й те, та хуте́нько! Поскорітця жъ, щобъ я не гнівалась!

Вінъ за́разъ іде, купу́е тамъ, що́ ка́зано.

— Бо́же мій! чого́ се понакупо́вували? Я сёго́ не хо́чу! Ідте та зміні́ть! Міні тако́го не тре́ба! Отъ добро́ ви́шукали!

Зновъ іде вінъ, міня́е.

Або такъ. Хо́че вінъ води́ напи́тись, — вона́: »Не пи́йте, не пи́йте!«

— Чому́?

— Я не хо́чу! не пи́йте!

— Та коли́ жъ я хо́чу пи́ти!

— А я не хо́чу! Чуе́те? не хо́чу!

И вже такъ гля́не чи всміхне́тця, що вінъ послу́хае. Коли́, то й розгнівается, одверта́етця одъ ёго, не гово́рить. Вінъ уже́ и перепро́шуе, и блага́е — тро́хи не пла́че.

Панночки́ приіжжі диву́ютця: — Отто́! чи хто сподіва́всь одъ ёго тако́го кохання! И що́ ти роби́ла? якъ ти Бо́га проси́ла?

На́ша па́нночка тільки всміха́етця.

Пита́ють, що́ вінъ ій подарува́въ, — вона́ передъ ни́ми сте́ле оксами́ти та атла́сп, що відъ старо́і па́ніі ма́е, та хва́литця: — Се *вінъ* мене́ обдарува́въ!

Чудне́ па́ньске кохання!

А вінъ на тихъ сусідочокъ важки́мъ ду́хомъ ди́ше: — Бода́й, іхъ слідъ запа́въ!

Стара́ тимъ ча́сомъ роспи́туе про ёго, я́къ вінъ собі ма́етця, та й напита́ла, що въ ёго ху́тіръ е.

— Дити́но мо́я! въ ёго ху́тіръ е!

— Спра́ві? покри́кне па́нночка, зірва́вшись зъ місця. — Де? хто каза́въ?

— Та недуже дале́ко за містомъ. Неда́вно, ка́жуть, одъ яко́ісь тітки у спа́дку ёму́ доста́вся. Тітка була́ бездітна; вінъ на ії рука́хъ и ви́рісъ.

— Ахъ, Бо́же жъ мій милости́вий! Чому́ жъ се вінъ міні не

похвали́вся? Ма́буть невели́чкий хуторе́ць,—нічимъ гара́здъ хвали́тись. А все жъ ху́тіръ! усе́ жъ де́ржава!

Стріла ёго́ весели́нька, привіта́ла лю́бо, а вінъ радіе. Не зна́е, що то віта́ють не ёго́,—хуторе́ць віта́ють!

XVI.

Объ Різдві́ іхъ заручи́ли. Гости́й-гости́й наіхало!... Па́нночка така́ весе́ла, балакли́ва; о́чи блищя́ть; во́дитця зъ нимъ попідъ ру́ки. А вінъ и оче́й зъ не́і не зведе́,—ажъ спотика́етця на ході. Гульба́ точи́лась до са́мого світу.

Отъ же, ско́ро жени́хъ и го́сті зъ двора́, па́нночка въ плачъ. Пла́че та на свою́ до́лю нарікае:—Що́ се я поробила! що́ се я почини́ла! Та яке́ моє́ житте́ бу́де вбо́ге! На́ що мене́ ма́ти на світъ породи́ла! Го́ренько моє́! до́ле моя́ сирітська!

Стара́ тимъ и зару́чинамъ не ра́да, та втіша́е уну́чечку, вмовля́е:—Чого́ пла́кати, моя́ дити́но! Го́ді жъ бо, го́ді!

— Чому́ Госпо́дь не давъ ёму́ па́нства-багатства!—ви́крикне па́нночка, та такъ и вми́етця слізонька́ми, по кімна́ті бігае, ру́ки зало́муючи.

— Дити́но моя́! се́рце моє́! не плачъ!... Не бу́дешъ ти багатша одъ усіхъ, та й убо́гою не будешъ. Усе́, що́ я ма́ю, все твоє́.

Вона́ якъ ки́нетця до старо́і, обійма́е, цілу́е:—Бабу́сечко моя́, ма́тінко! дя́кую вамъ зъ души́, зъ се́рця! Ажъ світъ міні підня́вся вго́ру! одроди́ли ви мене́, рідна ма́тінко!

— Годі вже, го́ді, а то́ й я зару́маю! Оце́ жъ бо! промовля́ стара́, та й сама́ й пла́че й сміе́тця.

— Бабу́сечко, голу́бочко! то ви зъ на́ми жи́тимете?

— Чого́ бъ то й бажа́ти, та не впада́е. Я та́кеньки мірку́ю: зоста́нусь я ту́течки, у Дубця́хъ, бу́ду вамъ господа́рства доглядя́ти, поряджа́ти, а ти у ху́торі хазя́йствуй. А що́ жъ? чи тамъ, чи тамъ поки́нути,—и хазя́йство переведе́тця и впоко́ю душі не ма́тимешъ. *Па́нське о́ко товаръ ту́чить*,—не ду́рно ска́зано.

— До́бре, до́бре, бабу́сю! нехай такъ бу́де!... Ахъ, бабу́сю! ви мене́, кажу́, на світъ одроди́ли!

— То будь же въ ме́не весели́нька,—не плачъ..

— Не бу́ду пла́кати, бабу́ню, не бу́ду!

Тільки що жони́хъ на порігъ, па́нночка до ёго:—Бабу́ня намъ Дубці даé! бабу́ня Дубці даé!

Він спокійне́нько собі й ка́же, ласка́во ій усміха́ючись: Ти радіешъ, то й я радъ. Я самъ ду́же люблю́ Дубці. Тутъ ми сніз зна́лись и покоха́лись.... Памята́ешъ, яки́й бувъ тоді садо́къ зеленéнький, квітча́стий,—якъ було́ съ тобо́ю похожа́емо, гово́римо?

А вона́ ёму́:—Садо́къ зеленéнький, садо́къ квітча́стий.... Ти згада́й, се́рце, які Дубці дохі́дні!

Молоди́й ажъ издрігну́вся и ди́витця на не́і.—ніби ёго́ щось ра́зомъ здивува́ло, зляка́ло, у се́рце вжа́лило...

— Що́жъ? пита́е па́нночка:—чого́ на ме́не ди́вишся такъ? Хиба́ я що́ нелю́дське сказа́ла? хиба́ не хо́чешъ зо мно́ю хазяйнува́ти?

И бере́ ёго́ за ру́ку, сама́ всміха́ється любе́нько. И він усміхну́вся:—Ти жъ моя́, ка́же, хазя́ечка кохана́!

XVII.

Повеселішала па́нночка, клопо́четця своїмъ поса́гомъ, зага́дуе та й опоряджа́е, и сама́ до всёго бере́тця. Навезли́ зъ міста шевців, кравців, швачо́къ, крамарів и крамаро́къ. Сама́ ганя́е, жониха́ турля́е,—купу́е, кра́е, скла́дуе .. якъ у казані кипіло! Було́ тоді намъ ли́шко тя́жке! бо таке́ на́ше ділó: хочъ панáмъ до́бре ведéтця, хочъ імъ го́ре йме́тця, а намъ не́вне одно́: *кому́*, ка́же, *весілля, а ку́рці — смерть!*

На весілля панів, па́ній понаізди́ло,—гуде́ у буди́нку, якъ у ву́лені. Цікáві панночки́ поса́гъ розглядáють, диву́ютця.—Охъ, та яке́ жъ оце́ хоро́ше!... Охъ, и се сла́вне!... Онъ це яке́!... А се, ма́буть, ду́же кошто́вне!—Инша, якъ поба́чить що́,—ху́сточку, чи су́кню яку́,—ажъ о́чі заплю́щить: такъ ій за се́рце и вхопить. Такъ вони́ и ли́пнуть до того́, якъ му́хи до ме́ду! Ледві вже ми іхъ збули́ся.

XVIII.

За тимъ на́товпомъ, кло́потомъ та трусо́ю, то я не урва́ла й годи́нки зъ людьми́ попроща́тись. Вже ко́ні стоять запря́жені,—

тоді я побігла. Не можу́ й слове́чка ви́мовити, тільки обійма́ю стари́хъ и мали́хъ.

Молоди́й приїхавъ за не́ю на четверику́. Ко́ні вороні, баски́і. Пра́вивъ візни́ка плеча́стий, уса́тий, у висо́кій ша́пці. Зъ на́шихъ таки́ люде́й, та до вельмо́жної вподо́би ви́вченій. Тутъ пани́ проща́ються, гомоня́ть, пла́чуть, а візни́ка той сиди́ть, якъ ви́кований зъ заліза,—не обе́рнетця, не гля́не.

Посіда́ли пани́ у той по́візъ. Мене́ причепи́ли позаду, на яко́мусь височе́нному причі́пку.

— Зъ Бо́гомъ, Наза́ре!—покри́кнувъ панъ весело́нько.

Ти́хого та ясно́го ра́нку вїзди́ли ми зъ села́, а моро́зъ ажъ тріщи́ть. Иней запуши́въ ве́рби; бі́лі́ли віти и ссяли проти со́нця. Дівчата ви́сипали на у́лицю; кла́няютця мині.... Швидко-швиде́нько бігли ко́ні,—тільки въ очя́хъ усе́ те́е промигті́ло. Нема́ вже села́ Доро́га й доро́га, безлю́дная доріженька попередо мно́ю....

XIX.

Ху́тко перебігли до міста; на́че межи комашню́ впа́ли. Иду́ть и їдуть, продаю́ть, купу́ють. Лю́де, пани́, москалі, пере́купки. А жиди́ довгопо́лі, куди́ ні гля́нешъ, усю́ди вони́, на́че ти́і хрущі шерша́вію́ть.

Панъ звелівъ ко́ней зупини́ти коло заїзно́го дво́ру и повівъ свою́ молоду́ у кімна́ти. Візни́ці грошей давъ—пообідай, а про ме́не й байду́же.

Сиджу́ я собі та дивлю́ся. Усе́ чуже́, усе́ не на́ше! Коли́ хтось якъ гукне́:—Гей, хоро́шая, вродли́вая!—Я ажъ здригну́лась. Се візни́ка на ме́не гука́е. Придивлю́ся до ёго: то-то жъ чорня́вий, ма́тінко! таки́й чорня́вий, якъ есть тобі во́ронъ. Засмія́вся—зубівъ у ёго незліче́нно, а білі ті зу́би, бі́лі, якъ смета́на.

— А кого́ вамъ тре́ба? пита́ю ёго́.

— Эге́, кого́!... Якъ бо тебе́ зва́ти?... Устина, здае́тця?... Ходімо зо мно́ю, зъ Наза́ромъ, пообідаймо.

Ду́же я зме́рзла, а пі́ти—ду́маю—я́къ ёго́ пі́ти? ще пані бу́чу зніме!

— Спаси́бі вамъ, одка́зую:—я не хо́чу їсти.

Візни́ка всміхну́вся:—Якъ собі зна́ешъ, дівчи́но!—та й пішо́въ.

XX.

Чима́лу жъ я годи́ну пересиді́ла, по́ки ви́йшли пани́. Панъ тоді зирк'ъ на ме́не!

— А що́ ти сиди́шъ тутъ, Усти́нко? — пита́е. — Чи обіда́ла ти?

— Гей!—крикнувъ на хазя́іна борода́того, що тутъ на рундуці гро́ші въ доло́ні лічи́въ, зва́каючи: — да́йте ді́вці пообі́дати!

Хазя́інъ гро́ші въ кише́ню, та й побігъ.

— Що́ це, що́ це? — жахну́лась па́ні: — ми ії жда́тимемо?

— А як'ъ же, се́рденько? — одказа́въ панъ.— Адже́ вона́ голо́дна, та й наме́рзлась до́бре!

— То що́? Вони́ до сёго зви́чені. Спізнимось; я боя́тимусь.

— Біга́й, дівчи́но, та хутенько!— ка́же мі́ні панъ.— Не зага́йсь, щобъ тебе́ не дожида́ти.

Па́ні почервоніла по са́ме воло́ссе.

— Часъ їхати!

— Та вона́ жъ голо́дна, се́рце.... Диви́сь, як'ъ змерзла!

— Я зме́рзла, я, я!—та такъ уже́ на те *я* накри́кує!

— Сіда́й!—грімнула да́лі на ме́не, и сама́ у по́візъ уско́чила.

Панъ здивува́всь: не зна́е, що́ ёго́ ду́мати, що ёго́ каза́ти,— стоіть.

— Що́ жъ? — пита́е па́ні: — ху́тко?

Тоді серде́га сіда́е коло не́і...

А хазя́інъ борода́тий:—Дівці *абе́ду* не прика́жете?...

Довге́нько гомоніли пани́ між'ъ собо́ю, а ще до́вше пі*с*ля то́го мовча́ли.

XXI.

При́смеркомъ дочапали до ху́тора. Въ хуторя́нськихъ ха́тахъ де-не-де́ світи́лось. Ідемо у́лицею; ста́ли коло буди́нку. На рундуці ку́пкою стоя́ть лю́де изъ світломъ, съ хлібомъ святи́мъ. Кла́няютця, віта́ють молоди́хъ

— Спаси́бі, спаси́бі,—дя́куе панъ, прийма́ючи хлібъ на свої ру́ки. — Привізъ я вамъ па́нію молоду́, — чи вподо́баете?

Самъ сміе́тця, радіе: кому́-то вже така́ кра́ля не сподо́бна бу́де!

А па́ні, якъ гля́не на ёго,—ажъ и́скри ій зъ оче́й скакну́ли; на лиці мінитця. Лю́де до не́і — щобъ то іі по сво́ёму віта́ти; а вона́ ви́хопила въ кого́сь изъ рукъ свічку та въ две́рі—стрибъ! Лю́де такъ и шугну́ли одъ тихъ двере́й, нічо́го па́нові й не одмо́вили.

Панъ, неспокійний, смутни́й, пішо́въ собі, похили́вши го́лову.

Ввійшла́ и я. Дивлю́сь, роздивля́юсь. Світли́чки невели́чкі, та га́рні, чисте́нькі. Стільчики, сто́лики—все те нове́ньке, ажъ ло́щитця. Чу́ю — гово́рять пани́. Прислуха́юсь — па́ні моя́ хли́пае, а панъ та́къ-то вже іі блага́е, та́къ блага́е!

— Не плачъ, не плачъ, життє мое́, се́рце мое́ дороге́!... Коли́бъ же я знавъ, що я тебе́ обра́жу, — зъ віку бъ не каза́въ!

— Ти, ма́буть, усіхъ мужиківъ такъ изучи́въ, що вони́ съ тобо́ю за панібра́та!... га́рно!... огляда́ють мене́, всміха́ютця до ме́не, тро́хи не ки́нулись мене́ обніма́ти... Охъ, я нещасли́ва!... Та я́къ вони́ сміють! — ви́крикне на-оста́тку.

— Се́рце мое́! лю́де до́брі, про́сті...

— Я не хо́чу нічо́го зна́ти, слу́хати, ба́чити! — задріботіла па́ні. — Ти мене́ зъ світу хо́чешъ оце́ зігна́ти, чи що́? — вигу́куе рида́ючи.

— Го́ді, го́ді, лю́бочко! ще занеду́жаешъ... О, не плачъ бо, не плачъ! Роби́тиму все та́къ, якъ ти сама́ наду́маешъ. Подару́й міні сей случа́й!

— Ти мене́ не лю́бишъ, не жа́луешъ... Богъ изъ тобо́ю!

— Гріхъ тобі такъ говори́ти! Я тебе́ не люблю́!... Сама́ ти зна́ешъ, яка́ твоя́ пра́вда!

Чу́ю — поцілува́лись.

— Гляди́ жъ, — ка́же па́ні: — якъ ти не бу́дешъ по-мо́ёму роби́ти, то я вмру!

— Бу́ду, се́рденько, бу́ду!

XXII.

Прохо́дила я по всіхъ кімна́тахъ — нема́ нікогісінько. — Се чи не одъ насъ повтіка́ли? — ду́маю собі. Ви́йшла на рунду́къ, — нічъ місяшна, зоряна́. Стою́ та розди́влююсь; коли́ чу́ю:— Здоро́ва

була́, дівчи́нонько!—якъ на струні бря́знуло обікъ ме́не. Стрепену́лась я, дивлю́сь: висо́кий па́рубокъ, ставни́й, поглядає, всміха́ється. И засоро́милась, и злякалась; стою, якъ у ка́меню, оніміла, та тільки дивлю́сь ёму́ въ вічи.

— Стоїшъ сама́ ту́тенька, — зновъ озива́ється па́рубокъ: — ма́буть, не знаешъ, куди́ йти?

— Якъ-би́ не зна́ла, то васъ би спита́ла, — одмо́вила ёму́, схаменувшися тро́хи. — Бува́йте здоро́ві!

Та швиде́нько въ две́рі.

— Бува́й здоро́ва, се́рденько! — сказа́въ мині у слідъ.

XXIII.

А пани́ всё по поко́яхъ хо́дять. Молода́ у ко́жний куто́къ зазира́е, що́ й я́къ. Заба́чила зіллячко за образа́ми: — Що́ це таке́?

— Се ба́ба божничо́къ уквічала.

— Що́?... То вона́ въ те́бе тутъ порядку́е! Ви́кинь те зілле, се́рце! Се вже зовсімъ помужи́цькій.

— До́бре, се́рденько.

Тоді вона́ ёго́ цілу́е: — Го́лубе мій!

Отъ, находи́лись, наговори́лись.

— Що́ це, — ка́же панъ, — що ніко́го нема́? Куди́ се ба́ба поділась?

— А бачъ, бачъ, — зацокота́ла па́ні, — які́ вони́ въ те́бе поросну́щувані! Схотіла, то й пішла́.

— Та не де́ дінется. Ось я її гукну́.

Та й ки́нувсь гука́ти: — Ба́бо! ба́бо! бабо́! — якъ той хло́пчикъ слухня́ний.

— За́разъ, се́рденько, ба́ба прийде, — гово́рить па́нії, вмовля́ючи її.

— Та де вона́ була́?

— Пе́вно щось робила, лю́бко. Се моя́ вся прислу́га.

— А де моя́ Усти́на? И вона́ изучи́лась бігати, не пита́ючись? Усти́но! Усти́но!

Я ста́ла передъ не́ю.

— Де була́?

— Ось у цій кімна́ті.

Ста́ла я зновъ за дверима; зновъ дивлю́сь и слу́хаю.

XXIV.

Увійшла́ бабу́ся старе́сенька-старе́сенька, — ажъ до землі поника́е, та вся-усе́нька змо́рщена; тілько її очі чо́рні ще́ живу́ть и ясніють. Увійшла́, тихе́нько ступа́ючи, вклони́лась па́ні та й пита́е: — А що́ вамъ тре́ба, па́не?

Па́ні ажъ зъ місця зірва́лась, що стара́ така́ сміла.

— Де се ти, ба́бо, була́? Я тебе́ вже самъ му́сивъ гука́ти,— ка́же панъ.

— Коло пе́чи була́, па́ночку: Га́нні помага́ла, щобъ до́бра вамъ вече́ронька була́.

Панъ ба́чить, що вже жінка важки́мъ ду́хомъ ди́ше, а все не ва́житця вінъ бабу́сю нала́яти: лу́па очи́ма та ка́шляе, та хо́дить, — не зна́е, що́ вже ёму́ й робити. Па́ні одъ ёго одверта́ется. Бабу́ся стоіть одъ поро́га.

— Що жъ, вече́ря гото́ва? — пита́е панъ, уже́ хмурнійше.

— Гото́ва, па́ночку, — ти́хо и спокійне́нько ода́зуе бабу́ся.

— Се́рце (до па́нсі), мо́же бъ ми повече́ряли?

— Я не хо́чу вече́ряти! — одказа́ла па́ні, ви́бігла и дверима гру́кнула.

— То й я не бу́ду вече́ряти, бабу́сю, — ка́же панъ смутне́нько вже.

— То я собі пійду́. На добра́-нічъ вамъ, па́ночку!

— Иди́. Та тре́ба гляді́ти, стара́, щобъ я не бігавъ за тобо́ю самъ! — загомонівъ бувъ на не́і, та за́разъ и вгамува́вся, якъ бабу́ся ёму́ на те звичайне́нько одмо́вила: — До́бре, па́ночку!

Вклони́лась и пішла́ собі.

XXV.

Ходи́въ-ходи́въ панъ по кімна́ті. Чутно́ ёму́, що па́ні пла́че за стіно́ю. — Бо́же мій! — промо́вивъ самъ до се́бе, — чого́ вона́ пла́че! — И такъ вінъ те сло́во ти́хо, та́кеньки смутно, промо́вивъ!

Не втерпівъ — пішо́въ до не́і; цілу́е, вмовля́е. Чима́лу годи́ну вінъ її блага́въ, по́ки переста́ла.

— А вече́ряти не хо́чу, — ка́же па́нові. — Я на твої слу́ги—

не то́ що—и диви́тись не мо́жу! Та́къ изъ тобо́ю пово́дятця, якъ изъ своімъ бра́томъ.... ро́дичі, та й го́ді!

XXVI.

Сиджу́ сама́ у діво́чій; су́мно; ти́ша така́.... Отто́ життє моє́ бу́де! всю́ди кра́сне!.. —Тепе́реньки,—ду́маю собі,—на́ші дівча́та наживу́тця безъ моє́і па́ніі! Веселе́нько та любе́нько імъ уку́пці.... А міні — чужа́ сторона́, и души́ нема́ живо́і...

Коли́ щось у віко́нце стукъ-сту́къ!... Такъ я й згоріла!... Сама́ вже не зна́ю, якъ, а догада́лась....Сиджу́, ніби не чу́ю.

Пережда́ло тро́хи, — зновъ сту́кае. Метну́лась я та две́рі всі попричиня́ла, щобъ пани́ не почу́ли.

— А хто се тутъ? — пита́ю.

— Я, дівчи́но-го́рличко!

— Ма́буть, —кажу́, —чи не помили́лись: —не въ те віко́нце добува́етесь!

— То́ жъ бо й не въ те́е! На́ що жъ и о́чі въ ло́бі, коли́ не зъо́чити кого́ тре́ба!

— Не такъ-то ко́нче й тре́ба!.. Оце́ найшли́ розмо́ву крізъ подвійне скло!... Ге́тте! ще пани́ почу́ють!

Та й одхили́лась одъ вікна́.

А вінъ таки́: — Дівчи́но! дівчи́но!

— Чого́ се ти попідъ віконню вкопа́вся, Проко́пе? — загомонівъ хтось поти́ху. — Онъ, вече́ря вже гото́ва ще одко́ли, а васъ ніко́го нема́!

XXVII.

Хтось уступи́въ у сі́нці. Я відчини́ла, ажъ се бабу́ся.

— Здоро́венька була́, дівчино,—промо́вила до ме́не.— Про́симо на вече́рю, зозу́лько!

— Спаси́бі, бабу́сю!

— То й ходімо.

— Ось я па́неі спита́юся.

— Чого́ пита́тись, лю́бко? То жъ вече́ря!

— Чи звели́ть ити́.

Бабу́ся перемо́вчала хвили́нку, та й ка́же: — То йди, моя́ дити́но. Я тебе́ ту́теньки підожду́.

Пани́ сидя́ть у-ку́пці любе́нько, весели́нько; щось межи́ собо́ю розмовля́ють. Я ввійшла; а па́ні: — Чого́ су́несся?

— Пустіть, — кажу́, — па́ні, мене́ повечеря́ти.

— Иди собі,—вечеря́й!

XXVIII.

Пішла́ я за бабу́сею черезъ двіръ у ха́ту.

— Оце́ привела́ вамъ дівчину, — каже бабу́ся, вво́дячи мене́ въ ха́ту.

А въ ха́ті за столо́мъ сиди́ть Наза́ръ чорня́вий и молоди́чка гарне́нька, жінка Наза́рова. У печі пала́е, якъ у гу́ті. Одсві́чують ве́село бі́лі стіни и божничо́къ, вишива́нимъ рушнико́мъ навіше́ний, квітка́ми сухи́ми и зіллемъ уквічений. Зъ поли́ці, ми́си, миски́ й мисочки́, и зелені́ й черво́ні, и жо́вті, на́че каміння дороге́, викраша́ютця. Усе́ таке́ весе́ле въ тій ха́ті було́, прибране, осяю́ще: и ку́жіль мяко́го лёну на же́рдці, и чо́рний кожу́хъ на кілку́, и плетена колиска зъ дити́нкою.

— Про́симо до гу́рту! — привіта́ли мене́ и вклони́лись.

— Мо́же бъ, по́ручъ зо мно́ю така́ кра́ля засіда́ла, га? — ка́же Наза́ръ.

— Хиба́ жъ ви ту́точки найкра́щі, дя́дьку? — пита́ю. Сама́ озирну́лась, ажъ той па́рубокъ уже́ тутъ, — съ кутка́ на мене задиви́вся, ажъ га́ряче міні ста́ло.

— Ато́ жъ ні?— ка́же Наза́ръ. — Придиви́сь-лише́нь до ме́не до́бре: то́-то жъ га́рний! то-то жъ хоро́ший!

— Хиба́ по́ночі! — одмо́вила ёму́ весе́ла молоди́чка.

Сла́вна була́ то жіночка, — зва́ли Ка́трею: біля́венька собі, тро́шки кирпа́тенька, очи́ці голубоцвітові, ясне́нькі, а сама́ кругле́нька и свіжа, якъ я́блучко. У черво́нову очі́пку, у зеле́ній ю́почці бае́вій. Смішли́ва була́ й гордова́тенька, а що вже шамка́я! И гово́рить, и діло ро́бить, и дити́ну коли́ше; то коло стола́ ії вишива́ні рука́ва ма́ють, то коло пе́чи ії персте́ні блискотя́ть.

— Ну, ну! — ка́же ій Наза́ръ: — коли́бъ оце́ не галушки́, я бъ тобі одказа́въ!

Тутъ бо сáме Катря ёго́ постáвила на стíлъ мúску зъ галушкáми.

Назáръ моргнýвъ на мéне: — Не гріхъ тому́ дóбре повечéряти, хто не обíдавъ!

XXIX.

Кáтря хочъ и говóрить и жартýе, а здаéтця все чогóсь сумнá и неспокíйна. Бабýся, сúдячи за столóмъ тихéнько и велúчненько, якýсь дýмку собí дýмала. Тíльки Назáръ пустýе та вигáдуе, та регóче, поблúскуючи передъ каганцéмъ зубáми, а зýби, я жъ кажý, якъ сметáна! На того́ нáрубка я вже не дивúлась.

— А щó, птáшечко,—питáе въ мéне бабýся: — при молодíй пáнii давнéнько слýжишъ?

— Якá вонá гáрна!—закúнула молодúчка.

— Помóжетця, що гáрна!— гукнýвъ Назáръ, — колú дúвитця такъ, що ажъ молокó кúсне!

Бабýся зíдхнула важéнько:—Гóді тобí, гóді, Назáре!

— А нашъ панъ такúй звичáйний,—заговорúла молодúчка:— вінъ, мáбуть, изъ-рóду нікóго не скрúвдивъ.

— Дай ёму́, Бóже, и пáру такý!—промóвила бабýся.

— Якъ-то тепéреньки намъ бýде!—смутнéнько кáже молодúчка. Зíдхнула и задýмалась.—Якъ-то бýде!—знов тúхо вимовляе, дúвлячись на мéне, нáче бъ випúтувала очúма.

А я мовчý.

— Бýде, якъ Госпóдь дасть, голýбко,—кáже бабýся.

— Ну, щó буде, те й бýде,—ми все перебýдемо! — гукнýвъ Назáръ.—А тепéръ—до галушóкъ берітесь. А ти, Прокóпе, чомý не йдешъ? Пáні тобí въ óко впáла?... чи, мóже, ця крáля?

Та й моргнýвъ на мéне.

— Нехáй міні та пáні й не снúтця! — одмóвивъ пáрубокъ, сідаючи проти мéне:— дé вонá й вродúлась такá непрúязна!

Тоді молодúчка до мéне: — Дівчúно-сéрденько! скажú намъ усю щúру прáвдоньку, якъ душá до душú....

Та й спинúлась. Всі на мéне дúвлятця пúльно. . И пáрубокъ очéй зъ мéне не зведé. Якъ-бú міні не той пáрубокъ, то все бъ нічóго; а при ёму́ сорóмлюся та червонію, — трóхи не заплáчу.

— Дівчи́но! лиха́ на́ша па́ні молода́?—ви́мовить Ка́тря.

— Недо́бра!—кажу́ ій.

— Го́споди милосе́рдний!— кри́кнула:— чу́ло моє́ се́рце, чу́ло!... Дити́но моя́!

Ки́нулась до колиски, схили́лась надъ дити́ною:—Чи того́ жъ я сподіва́лась, идучи́ вільна за па́нського! Вона́ вже й о́комъ своїмъ насъ поже́рла!

Та пла́че жъ то та́къ,—сліза́ слізу́ побива́е.

— Не таки́й чортъ страшни́й, якъ намалёваний,— ка́же Наза́ръ.—Чого́ ляка́тись? тре́ба першъ роздиви́тись.

А вона́ пла́че, а вона ту́жить, на́че вже й спра́вді її дити́ну па́ні своїмъ о́комъ поже́рла.

— Го́ді, голу́бко! — вмовля́е Ка́трю бабу́ся: — чого́ намъ ду́же трівожитись? Хиба́ надъ на́ми нема́ Го́спода милосердного?

Па́рубокъ ані па́ри зъ устъ; тільки куди́ я ні гля́ну, усе́ на ёго́ по́глядъ очи́ма спаду́.

XXX.

Повече́рявши, поблагослови́вшись, біжу́ назадъ у буди́нокъ, а за мно́ю: — На добра́-нічъ, дівчи́но!

— На добра́-нічъ вамъ! — одказа́ла, та й ускочила въ сіни.

Увійшла́ въ дівочу, — се́рце въ ме́не бъе́тця, бъе́тця! .. Ду́маю та й ду́маю.... що я́къ вінъ вдиви́вся въ ме́не очи́ма!... И па́ні моя тожъ міні на ду́мку наверта́етця: ле́дві у двіръ ступи́ла, вже всіхъ засмути́ла.... И чого́ той па́рубокъ чіпля́етця?... Бода́й же ёго́, яки́й хоро́шій!... Місяць стоіть проти ме́не у-по́вні....

»Ой місяцю-місяче́ньку,
Не світи́ ніко́му!...«

Пісня такъ и підмива́е мою́ ду́шу.... Сама́ не зна́ю, чого́ душа́ моя́ бажа́е: чи щобъ вінъ зновъ озва́вся підъ вікóнцемъ, чи щобъ не прихóдивъ. . . . .

XXXI.

Мина́е день, ти́ждень, місяці, и півъ ро́ку збігло за водо́ю. Здае́тця, що въ ху́торі ти́хо и ми́рно; цвіте́ ху́тіръ и зеленіе Коли́ бъ же погля́нувъ хто, що́ тамъ ко́ілось, що́ тамъ ді́лось! Лю́де

прокида́лись и ляга́ли пла́чучи, проклина́ючи. Усе пригну́ла посво́ёму молода́ па́ні, усімъ робо́ту тяжку́, усімъ ли́хо пеку́че, изнайшла́. Каліки нещасли́ві, діти кришеня́точка, и ті въ не́і не гуля́ли. Діти сади́ заміта́ли, инди́ківъ па́сли; каліки на горо́ді сиділи, горобцівъ, пта́ство поло́шили, да все жъ-то те я́кось уміла па́ні приправля́ти доріка́ннемъ та гордова́ннемъ, що спра́вді здава́лось уся́ке діло ка́торгою. Стоо́ка на́че вона́ була́, все ба́чила, всю́ди якъ та я́щірка по ху́тору звива́лась, и Богъ іі зна́е, що́ въ ій таке́ було́: тільки погля́не, то на́че за се́рце тебе́ руко́ю зда́вить

А пани́-сусіде на́шу па́нію похваля́ють-велича́ють: — Отто́ хазя́йлива! отто́ розу́мна! Дарма́, що молоде́нька, — до́бре бъ намъ усімъ у не́і вчи́тись!

Спе́ршу лю́де на па́на впова́ли, та незаба́ромъ зрекли́ся надіі й ду́мки. Вінъ бувъ до́брий душе́ю и милости́вий панъ, та плохи́й зовсімъ, — ні що́ зъ ёго. Спи́тувавсь вінъ жінку вмовля́ти, та не така́-то вона́. Да́лі вже и намену́ти на сю річъ боя́вся,—мовъ не ба́чить нічо́го, не чу́е. Не було́ въ ёго ні ду́ху, ні си́ли. Ска́зано: до́брий панъ,—*не бье, не ла́е, та нічи́мъ и не дба́е.* Якъ почне́ па́ні обміра́ти та стогна́ти, та въ крикъ викри́кувати, то вінъ ру́ки й но́ги ій ви́цілуе, и пла́че, и самъ люде́й ла́е: — А щобъ васъ! а бода́й васъ!... отъ умо́рять міні дру́га!

— Не бу́де зъ ёго нічо́го, — ка́же Наза́ръ. — Я одъ ра́зу поба́чивъ, що квачъ, — ще тоді, якъ вінъ Усти́ну обідомъ нагодува́въ.... Якъ-би́ таку́ жінку та міні́,—я бъ іі у комашню́ втру́чивъ,— неха́й би пи́хкала!

Та й зарего́че на всю ха́ту. Таки́й уже́ чоловікъ бувъ той Наза́ръ: усе́ ёму́ жа́рти. Здае́тця, хочъ ёго́ на огні печи́, вінъ жартува́тиме.

А що́ Ка́тря слізъ ви́лила, то де́ вже ти́і й слёзи бра́лись! Візьме свою́ дити́ну на ру́ки та пла́че-пла́че! а да́лі й зарида́е у го́лосъ.

И Про́кіпъ ду́же зажури́вся. Усе́ щось собі ду́мае и зо мно́ю вже не пожарту́е.

— Оце́ жъ бо які ви сму́тні!—скажу́ ёму́ одного́ ра́зу: (се було́ вве́чері, при́смеркомъ): — чого́ ви такі смутни́і?

А вінъ мене́ за ру́ку,—пригорну́въ и поцілува́въ. Заки́ я схамену́лась, ёго́ вже й нема́е.

XXXII.

Усі лю́де повъя́ли, змарні́ли; тільки бабу́ся вели́чна, якъ и була́. Якъ ні ла́е, якъ ні кричи́ть на не́і па́ні, — бабу́ся не ляка́етця, не метуши́тця: иде́ ти́хо, гово́рить спокійно, ди́витця я́сно своїми очи́ма ясни́ми. И не счу́ється було́, якъ до не́і приго́рнесся, та й запла́чешъ, — отъ якъ дити́на до ма́тері своє́і рі́дної го́рнетця.

— Не плачъ, моя́ дити́но, не плачъ! — промо́вить бабу́ся сти́ха, ласка́во. — Неха́й недо́брі пла́чуть, а ти перетрівай усе́, ви́терпи бі́дочку!... Хиба́ жъ таки́ й перете́рпіти не мо́жна?

Го́споди! якъ же сму́тно й су́мно жило́ся! Не чу́ти сміху, не чу́ти гла́су людського́. У двіръ душа́ жива́ не навідаетця, — хиба́ за ді́ломъ, — та та́къ бо́язько огля́дуетця, та́къ поспіша́етця вже, на́че ёму́ съ пу́щи ви́хопитись одъ звіря лю́того йде́тця.

Спізни́лась я́кось вече́рявши, та й біжу́ хуте́нько. — И чому́ хочъ Про́кіпъ не прийшо́въ вече́ряти! — ду́маю. Коли́ вінъ такъ и вроди́вся передъ очи́ма моїми! Перейма́е мене́ и оббігти не пуска́е.

— Усти́но! скажи́ мині пра́вдоньку: чи ти мене́ лю́бишъ?

Утіка́ла бъ одъ ёго, такъ но́ги мене́ не несу́ть. Стою́; горю́....

Вінъ тоді мене́ за ру́ку!.. Обійма́е, пригорта́е, та все пита́е: *чи лю́бишъ*? — таки́й чудни́й!...

Посіда́ли, поговори́ли, покоха́лись, — усе́ ли́хо забу́лось. Весе́ла душа́ моя́, и світъ мі́ні ми́лий, и таке́ въ світі га́рне все, таке́ кра́сне!... Чого́ вже, коли́ й па́ні постерегла́: — що́ це тобі? — ка́же. — Чого́ се такъ росчервонілась, на́че хто ви́бивъ? Чи, мо́же, що́ вкра́ла?!..

XXXIII.

Бо́же мій ми́лий! я́къ-то вже я того́ ве́чора захистно́го, те́много, дожида́ю!... Звели́ть па́ні на вече́рю йти, — Про́кіпъ мене́ дожида́е. Пере́йме та посто́їмо у-двійзі, погорюемо обо́йко.... Бо де́нної пори́ хочъ и стрінемось, — тільки зглянемось, — слове́чка не перемо́вимо, розійдемось.

— На ли́хо ви покоха́лись! — ка́же було́ Ка́тря.

— Зъ бі́са розу́мна ти, моя́ лю́ба! — кепку́е зъ не́і Наза́ръ. Колиб̀ъ тепе́ръ ти въ-дру́ге мене́ полюби́ла, то бъ и ла́пки поли-за́ла-еси́!

— Коха́нне въ ме́не на умі!... Мі́ні й вони́ двойко́ се́рце су́шять, якъ поду́маю-погада́ю....

— Чого́ се ви дівчи́ну су́шите та лякаете? — озве́тця бабу́ся. — Коли́ вже покоха́ла, нехай коха́е: то ій судьба́ така́ суди́лася.

XXXIV.

А па́ні, куди́ да́лі, то все зліслівша, усе́ лютіша: аби́ я тро́хи спізни́лась, забари́лась: — де́ була́? — та й стріне мене́ на па́нському поро́зі лиха́ годи́на.

Пе́рво туго́ю тужи́ла я тя́жко, а тамъ усе́ мі́ні ста́ло не въ дивови́жу, уся́ка га́ньба байду́же. Ска́зано: *Встань ли́хо, та й не ляжъ!*... Було́, по́ки ла́е, корени́ть,—не си́ла моя́—слёзи ри́нуть, а напла́чуся до́бре, утру́сь, — така́ собі весели́нька, жарту́ю, пусту́ю!... И коса́ запле́тена дрібне́нько, и соро́чка на мі́ні біла, — нікому́ було́ й не хвалю́ся. Що́ мі́ні помо́жуть? тільки своє́ ли́хо тяжке́ згада́ють!... А Про́кіпъ, на́че нічъ те́мна, хо́дить, и вже тоді ні до ідла, ні пи́тва, ні до розмо́ви.

Го́споди ми́лий! своє́ ли́хо, чуже́ ли́хо, — не знать, що́ й роби́ти, що́ почина́ти. У Ка́трі дити́нка занеду́жала: а тутъ обі́дъ пана́мъ зварй, вече́рю зварй, та горо́дъ скопа́й, обсій, — та ще па́ні грімае: — Нічо́го не ро́бишъ, леда́що! ду́рно хлібъ мій ісй! Ось я тебе́ навчу́ робити!

Ці́лу нічъ Ка́тря не спить надъ дити́ною. На день благослови́тця, — до робо́ти. Бабу́ся тоді пильну́е мало́і, розважа́е Ка́трю; то дити́нку до не́і ви́несе, то сама́ ви́йде та роскаже: — сти́хла мала́! — або́: спить мала́! — И та́кеньки, на́че благода́ть Бо́жа, допомага́е, невтомли́ва, невсипу́ща.

— Чого́ се ви, Ка́тре, такъ па́дкаетесь, безъ спочи́нку? — кажу́ ій.

— Роби́тиму, роби́тиму, по́ки сили. (А о́чі въ не́і такъ и горя́ть позапада́вши). Мо́же, вгожу́, мо́же вмилосе́рджу!

Отъ же не вгоди́ла й не вмилосе́рдила. Роби́ла й не спа́ла, по́ки аж̀ нечувстве́нний сонъ ії обня́въ, коло колиски. Проки́не-

тця,—до дитúни,—а дитúнка вже на Бóжій дорóзі. Тільки глянула на ёго бідолáшна мáти, тільки вхопúла ёго́ до сéрця,—воно́ й перестáвилось.

И побивáлася жъ Кáтря, и мýчилась, и раділа:

— Нехáй же моé дитя́, моé коханé-дорогé, бýде янголя́ткомъ Бóжимъ, — лúха не знáтиме моé рiднéсеньке! — А дáлi й заголóсить: — А хто жъ до мéне рученя́та простя́гне? хто менé звеселúть у свiтi?... Дитúно моя́! покúнула менé, моя́ дóнечно!

Назáръ — нiби й нiчóго, розважáе свою Кáтрю, молодúмъ iї вiкомъ заспокóюе, а въ самóго вже помя́кшавъ гýчний гóлосъ,— пóтай усiхъ сумýе.

По тiй печáлi зовсiмъ захúрiла, занепáла Кáтря. Не то, щобъ робúти, вже й по́ свiту ходúть нездýжае. А пáнi все-такú: — Чомý не рóбишъ дiла? Я тобi тé! я тобi другé!

— Тепéръ я вже не боюсь васъ! — одказáла Кáтря: — хочъ менé живцéмъ изсiжте тепéръ!

Далá жъ iй себé знáти пáнi!...

— Прокóпе! — кажý я: — щó оцé зъ нáми бýде!

— Устúно-сéрце! звязáла есú мiнi руки!..

XXXV.

Прогнáла пáнi Кáтрю зъ двора́ на пáнщину: не вважúла й на її чоловiка-вiзнúку.

Панъ, нúшкомъ одъ пáнii, давъ iй карбóванця грóшей, та не взялá Кáтря; вiнъ положúвъ iй на плечé, — скúнула, зъ сéбе нáче жáбу, тi грóшi. Якъ упáвъ же той карбóванець на мурiгъ, — и залiгъ тамъ, ажъ счорнiвъ: нiхто́ не доторкнýвся. Та вже самá пáнi, похожáючи по́ двору, вздрiла и зняла́.

— Се пéвно ти грóшi сiешъ? — кáже на пáна — Ой Бóже мiй, Бóже мiй!

Панъ на те нiчóго не одказáвъ, тiльки счервонiвъ дýже.

А Кáтря не схотiла на свiтi жити. Щось iй приключúлось пiсля тóї нарýги. Бiгала по гаяхъ, по болотáхъ, шукáючи своéї дитúнки, а дáлi якось и втопúлась бідолáшна.

Панъ дýже зажурúвся; а пáнi: — Чого́ тобi смутúтись незнáть чимъ? хибá жъ ти не помiтивъ по iй, що онá й здáвну

навіже́нна була́? И о́чі якісь страшні, и заговори́ть, то все не пу́тне....

— И спра́вді, — вхопи́вся панъ за те сло́во: — не по́вно въ не́і ума́ було́!

Навіже́нна та й навіже́нна.... На́ що й кра́ще! Пора́дились поміжъ собо́ю та́кеньки, та й спокійне́нькі собі....

XXXVI.

Згоди́ли яко́гось москаля́ зъ міста за кухова́ра. То жъ бо й бувъ чудни́й! Якъ зва́рить панамъ істи, самъ пообідае, то ля́же на ла́ві, та все сви́ще та сви́ще, та сви́ще, та ра́птомъ якъ спі-воне́! — дзвінко-тоне́нько, поміс півень кукурікае. Сёму́ байду́же було́ на́ше ли́хо; тільки було́ спита́е: — сего́дні би́то? — та й дода́сть: — нача́й и не мо́жна: на те слу́жба!

Наза́ръ уже́ не той ставъ, уже́ й вінъ я́кось поникъ, а все жарту́е: — Коли́бъ мині хочъ оди́нъ день хто послужи́въ, до-віку бъ зга́дувавъ!

На́ні того́ кухова́ра ду́же хва́лить, що таки́й, мовля́е, чоловікъ вінъ хоро́ший, такъ мене́ поважа́е! А вінъ було́ якъ стоіть передъ на́ніею, то мовъ стріла́ ви́стромитця, ру́ки спу́стить, о́чі втоpо́пить на не́і: — Лови́въ я рябе́ порося́; втікло́ рябе́ порося́ у буръяни́; то я до чо́рного поросяти: вловивъ чо́рне порося́, ошпа́ривъ чо́рне порося́, спікъ чо́рне порося́.... — Та́кеньки усе́ чи́сто одбубонівъ и дожида́е, що́ на́ні ёму́ одка́же; самъ тільки очи́ма лупъ-лупъ!...

А на́ні ёму́ разъ-по-разъ: — До́бре! до́бре! усе́ до́бре!... Тілько ти гляди́ въ ме́не, — не розледащій міжъ моіми вовкоду́хами.

— Нико́ли того́ не всмію, ва́ше високобрагоро́дие!

Вкло́нитця ій ни́зько, впра́во, вліво нога́ми човгъ! та и зъ ха́ти, та на ла́ву, — и зновъ сви́ще.

— Бода́й васъ! — кажу́ ёму́ я́кось: — коли́ вже ви переста́нете того́ сви́сту! Тутъ го́ре, тутъ напа́сть, му́ки живи́і, а ви....

— Не горю́й, не горю́й, дівко! На те вона́ слу́жба называ́етця. Онъ, бачъ, скільки въ ме́не зубівъ оста́лось... На слу́жбі втеря́въ!... Бувъ у насъ копита́нъ... ухъ!

Та тільки у́хнувъ.

— А ти щó дýмала? Якъ у свíті жúти? якъ служúти? якъ вúслужитись? Тебé бьють, тебé рвуть, морóчять тебé, порóчять, а ти стíй, не моргни́!... И! крúй Бóже!

Зговорúвши тéе, зновъ свистíти! А Прóкіпъ зъ сéрця ажъ лю́льку óбъ землю гéпнувъ.

— Волú въ ярмí, та й ті ревýть, ато́ щобъ душá христия́нська вся́ку догáну, вся́ку крúвду терпíла и не озвáлась! — грíмнувъ на москаля́, ажъ той свистáти перестáвъ. Дúвитця на ёго, якъ козéлъ на нові ворóта. — Не такá въ мéне вдáча! — ка́же Прóкіпъ: — я та́къ: або́ вúрятуйся, або́ пропади́!

— А въ мéне такá зновъ удáча: утечú! — зареготáвъ Назáръ. — *Мандрівочка — рідна тіточка.*

— Піймáють!—скрúкнувъ москáль, схопúвшись: — піймáють — пропáвъ!

Щó тамъ у кóго булó на сéрці, а всі засмія́лись.

— Не кóжний копитáнъ швидкúй удáстця, — ка́же Назáръ:— ýнший побіжúть, та й спіткнéтця. А ти ось-щó лýчче скажú: куди́ втікáти?.. Одъ якóі втікъ, такý й здúбавъ. Изъ дра́нки та вберéсся въ перепера́нку....

»Та все пани́, та все дýки. ..«

заспівáвъ — якъ у дзвінъ удáривъ.

XXXVII.

У рікъ стара́ пáні вмéрла. Не хотілось дýже ій умірáти! Усé молитвú, святé письмó чита́ла, по церквáхъ молéбні прáвила; свічкú передъ богáми невгасúмі пала́ли. Якось дівчинка не допильнува́ла, та пога́сла свічечка, — веліла дівчинку ту вúсікти.— Ти, грішнице, и моéму спасéнню шкóдишъ!

XXXVIII.

На́ша пáні журúлась и пла́кала за старóю дýже. — Вже тепéреньки сама́ я въ свíті зоста́лась! Обдерýть мене тепéреньки, якъ тýю лúпку! Моé óко всёго́ не догля́дить; а на тéбе, — ка́же пáнові, — яка́ міні надія? Ти міні не придбáешъ, хіба́ рознесéшъ и те, щó мáемо. Ти й не дýмаешъ, що хýтко вже намъ Богъ

дитúну дасть. Для дитúни, колú не для мéне, схаменúсь, мій дрýже! Хазяінýй, доглядáй усього, а найпéрва річъ — не псуй мінí людéй.

— Щó це ти, лю́бко? Богъ съ тобóю! Оцé зновъ усімъ турбýється! Та я все зроблю́, щó хóчешъ, усé!

Такéньки булó вмовля́е ії.

Одногó рáзу хотівъ вінъ ії розважити, та й кáже: — Гóді тобі, голýбко, клопотáтись. Ось послýхай лишéнь, щó я тобі скажý: я вже кýма пригласúвъ.

— Когó жъ ти просúвъ? — перехопúла ёгó пáні.

— Свогó товáриша. Такúй слáвний чоловікъ, дóбрий!

— Бóже мій! я одрáзу догадáлась!... запросúвъ якéсь убóжество! Та я не хóчу сёгó й чýти! Не бýде сёгó! не бýде!

А самá у плачъ рéвний.

— Сéрденько, не плачь! — благáе панъ: — сéрденько, занедýжаешъ!... Не бýде того кýма; я ёгó перепрошý, та й кінéць. Скажú тільки мінí, когó ти хóчешъ, того́ й завітáю.

— Полкóвника трéба прохáти, — отъ когó!

— Полкóвника, то й полкóвника. Зáвтра й поíду до ёго. Ну, избáчъ мінí, лю́бонько, що я тебé засмутúвъ!

— Оттó-то й есть, що ти менé зовсімъ не жáлуешъ: усé менé жýришъ!

— Голýбко моя́!—промóвивъ панъ стúха,—пожáлуй и ти менé. Ти знай сéрдисся, кричúшъ, свáрисся; а я сподівáвся....

Та якъ заридáе!

Пані до ёго: — Чогó се ти, чогó?

За рýки ёгó хóче брáти; а вінъ затулúвсь обомá, та ридáе-ридáе!... Лéдві вже ёгó розговорúла: и цілувáла вже, и обнімáла, — насúлу стúшився.

— Та скажú жъ мінí, чогó се ти заплáкавъ? ну, скажú!— прóсить ёгó.

— И самъ не знáю, моя́ лю́бо, — одкáзуе панъ, ніби всміхáючись: — такъ чогóсь.... Не здýжаю трóхи. Ти объ сёмý не дýмай, а насмійсь мінí, що я, нáче маленький, росплáкався.

А самъ зідхнýвъ.

— Ти, мóже, дýмаешъ, що я вже тебé не люблю́? — говóрить пáні.

— Ні, лю́бишъ.

— Люблю́, та ще я́къ!... А вку́пці немо́жна разъ-у-разъ сидіти: тре́ба господарюва́ти, моє се́рце!

Та й поцілува́ла ёго́.

Ура́нці поіхавъ панъ. и полко́вника завіта́въ у ку́ми.

XXXIX.

Народи́вся синъ у па́ніі. Що́ тихъ гостей наіхало на христи́ни! Обідъ спра́вили бу́чний. Кумъ-полко́вникъ вкоти́въ у двіръ си́вими кіньми, побря́куючи, позвя́куючи бубо́нцями. Самъ огря́дний, кругловидий, черво́нний, усе́ вуса закру́чує прави́цею, а лівою ша́блю приде́ржує, та плечи́ма все напина́етця вго́ру.

Я ра́да, що міні тро́шки вільні́ше,— ви́бігла до Прокопа,—стою, розмовля́ю зъ нимъ коло рундука́. Коли́ де ни взя́вся панъ, — весе́лий таки́й, якъ ще бувъ за свого́ женихання съ па́ніею.

— Чого́ се ви тутъ стоіте́ обо́йко? Що́ розмовля́ете? — смі́ється.

А Прокіпъ ёму́: — Па́не, одда́йте за ме́не дівчи́ну!

— До́бре, бери́, Прокопе! я не бороню́. Повінча́йтесь, та й живіть собі любе́нько.

— А па́ні? — ка́же Про́кіпъ.

Панъ зідхну́въ и заду́мався, а да́лі й ка́же: — Идіть за мно́ю! Візьми́ її за ру́ку, Прокопе!

Самъ пішо́въ у кімна́ти, а Про́кіпъ веде́ мене́ за нимъ, стиска́ючи мою́ ру́ку.

— Лю́бо! — сказа́въ панъ: — я оце́ до те́бе молоди́хъ привівъ. Чи вподо́баешъ?

А тутъ у кімна́ті панівъ, па́ній!... И полко́вникъ поміжъ усіма́, нена́че той индикъ Переяславський, похожа́е. та все по-тро́ху пи́рхае.

На́ша сиди́ть у кріслечку. Зирну́ла на насъ и одверну́лась. Усміхъ весе́лий простигъ, гнівно на па́на згляне й пита́е: — що́ се таке́?

Прокіпъ кла́няетця, про́сить.

— Я вже позво́ливъ, — ка́же панъ: — не борони́ й ти, моя́ коха́на Давъ намъ Господь ща́стя, — неха́й и вони́ щасли́ві бу́дуть!

Па́ні все мовчи́ть та у́ста гризе́. А полко́вникъ и ви́рветця й загуде́, якъ на трубі: — До-па́ри, бісови́ діти, до-па́ри! обо́е хоро́ші! Тре́ба іхъ звінча́ти, ку́мо моя́ ми́ла. — Хо́чешъ за́міжъ, дівко? — пита́е мене́, та що хо́че моргну́ти, то й о́чі заплю́щить: не моргне́; вже не си́ла — ви́пивъ по́вно.

Усі пани́ за нимъ підхопи́ли: — Одружіть іхъ, одружіть! Чу́ете: кумъ вашъ, полко́вникъ, гово́рить, що до па́ри...

Тоді вже й па́ні: — Та неха́й собі!

Ми й несчу́лися, якъ за порігъ переступи́ли. Ки́нулись ду́хомъ и, не спра́вивши нічогісінько, по́хапцемъ звінча́лися, щобъ ще не розлучи́ла насъ па́ні.

Ду́же вона́ гнівалась на па́на: — якъ ти мене́ підві́въ! — доріка́е. — Я сего́ не можу́ тобі подарува́ти, якъ ти мене́ підві́въ!

— А тобі, — сва́ритця на ме́не: — тобі бу́де!

— Неха́й уже́ бу́де, що бу́де, — ду́маю, — та вже ми побра́лися! Ве́лико тішить мене́, що тепе́р озва́тись до его́ мо́жна при лю́дяхъ, гля́нути на его́, що вже — мій!

XL.

Я зоста́лась при па́ніі, якъ и була́! Ще гіршъ надо мно́ю коверзу́е вона́, ще гіршъ ва́рить зъ ме́не во́ду, та все примовля́е: — А що́? яково́ тобі у замужжі? покра́щало?

Якъ не заговори́ть чоловікъ, якъ не пожа́луе, то ча́сомъ такъ прийде, що примігъ би крізь зе́млю пішо́въ. А зійду́ся зъ нимъ,— ве́село й лю́бо; усе́ ли́хо забу́ду. Тільки чоловікъ мій, куди́ да́лі, то все хмурніший хо́дить, ажъ мині се́рце боли́ть.

— Чи ти вже мене́ не лю́бишъ, Прокопе?

Він пригорне мене́ та поди́витця въ вічі такъ-то лю́бо, що чу́ю, на́че въ ме́не кри́ла вироста́ють.

— А чого́ жъ усе́ смутни́й, Прокопе?... Отъ ми вже тепе́ренькі вку́пці на-віки.

— О, моє се́рденько! тя́жко було́ безъ те́бе, а съ тобо́ю ще тя́жче. .. Яково́-то сподіва́тись що-годи́нки въ Бо́га—дога́ни тобі та му́ки!.. А борони́ти — не си́ла... Ва́жко, Усте!

— Якъ-нéбудь и зо мнóю бíду перебýдемо, Прокóпе. Якъ на мéне, то все удвíйзі легшъ.

— А мóже, й спрáвді такъ, рúбонько!

Та й усміхнéтця, и пожáлуе менé.

Такъ-то вже я радію, якъ розговорю́ єго́, розвáжу!

XLI.

Жилú ми тáкеньки зъ бідóю та зъ журбóю до óсени. Тутъ и счинúлось...

Одного́ дня трусúли въ садý я́блука въ коші, а чоловíкъ мій струшуе, та все зъ я́блуні на мéне поглядáе то зза тíї гілки, то зза тíї. Трóхи вже й притомúлась бабýся, — сíла одпочúти.

— Отъ ужé й лíтечко крáсне минýлося! — промóвила:—сóнечко ще свíтить, та вже не гріе.

Сéе кáжучи, роздивляéтця навкруги́.

— Устúно-голýбко! аджé отó ненáче дíтвóра зза лíси визирáе? — питáе менé.

Я гля́ну — ажъ спрáвді коло тúну кýпка дітóкъ.

— А щó, дíтки? — питáе бабýся. —Чогó прийшли́, мої соколя́та?

Малí мовчя́ть та тíльки óкомъ закидáють у коші зъ я́блуками.

— Ходíть лишéнь блúжче, хлопченя́та: я по я́блучку вамъ дамъ! — кáже на іхъ бабýся.

Дíтвóра такъ и спинýла въ садъ. Обступúли старý, якъ горобцí горобúну, а старá обдíля іхъ — а старá обдíля... Загуготíло, загомоніло коло насъ: звíсно, дíти. Колú се, зненáцька, якъ грíмне пáні: — А то щó?

Перелякáлись дíти. Котóрі въ плачъ, а хто въ нóги, — тíльки залопотíло. И въ мéне сéрце заколотúлось.

Бабýся спокíйнéнько одповíщае: — Се, кáже, я по я́блучку дíткамъ далá.

— Ти далá? ти смíла? — заверещúть пáні: (самá ажъ трýситця). — Ти, мужúчко, моé добрó крáдешъ!... Злóдійко!

— Я—злóдійка!?—вúмовила старá... зблíдла, якъ хýстка, и óчі íй засся́ли, и слéзи покотúлись.

— Більшъ кра́сти не бу́дешъ! — кричи́ть па́ні. — Я тебе́ давне́нько пристерега́ю, — ажъ отъ коли́ пійма́лась... Па́нські я́блука роздава́ти!

— Не кра́ла я зъ ро́ду-віку мого́, па́ні, — одмовля́е стара́ вже спокійно, тільки го́лосъ іі дзвини́ть. — Панъ ніко́ли не борони́въ, самъ діте́й обділя́въ. Богъ для всіхъ ро́дить. Подивітця, чи для ва́шоі жъ души́ ма́ло?

— Мовчи́! — пи́снула па́ні, наска́куючи.

Хру́снули віти. Зза зеле́ного ли́стя визира́е мій чоловікъ, га таки́й у ёго по́глядъ страшни́й! Я тільки очи́ма ёго блага́ю.

— Зло́дійка́! зло́дійка! — карта́е па́ні бабу́сю, вкогти́вшись ій у плече́, и сова́е стару́, и штовха́е.

— Не по-пра́вді мене́ обмовля́ете! Я не зло́дійка, па́ні! Я вікъ извікува́ла че́сно, па́ні!

— Ти ще зо мно́ю захо́дишъ?

Та зо всёго ма́ху, якъ соки́рою, стару́ по обли́ччю!

Захита́лась стара́; я ки́нулась до не́і; па́ні — до ме́не.... мій чоловікъ — до па́ніі.

— Спаси́бі, моя́ дити́но, — промовля́е до ме́не бабу́ся. Не турбу́йся, не гніви́ па́ніі.

А па́ні вже вчепи́лась у моі ко́си.

— Го́ді, па́ні, го́ді!—грімнувъ чоловікъ, схопи́вши іі за оби́дві ру́ки. — Сёго́ вже не бу́де! го́ді!

А па́ні у гніву́, у ди́ві вели́кому, тільки викри́кує: — що́? я́къ? га?

Схамену́вшись тро́хи, до Проко́па. А той свое́: — Ні, го́ді!

Тоді вона́ у крикъ. Назбіга́лися лю́де, ди́влятця. Панъ, що було́ въ ёго ду́ху, пригна́вся: — Що́ се?

Мій чоловікъ ви́пустивъ тоді па́нію зъ рукъ.

— Отъ твоі щи́рні ду́ші! — ле́дві промо́вила па́ні. — Дя́кую тобі!... Та чого́ жъ ти мовчи́шъ? — скри́кнула ще голоснішъ. Міні ма́ло рукъ не вломи́ли, а ти мовчи́шъ!

— Що́ се пороби́лось? пита́е панъ на всі сто́рони, у вели́кій трево́зі.

Па́ні й почала́: и обікра́ла іі стара́, и всі хотіли іі душі,— тако́го вже нако́вчила! Сама́ и хли́пае, и кричи́ть, и клене́, що вже и панъ розлютува́вся. Якъ ки́нетця до мого́ чоловіка:—Розбиша́ка!

— Не підхóдте, пáне, не підхóдте! — озвáвсь мій понýро.

—.Э, бáчу! кáже панъ: — тобі тутъ місця мáло. Постóй же: розшибáтимесся у москаля́хъ — скільки хотя́!

Пáні ажъ верещи́ть: — у москалі ёго́, у москалі!... Тепéръ и приёмъ у гóроді; зáразъ и вези́ ёго́!

— Візьмíть ёго́! крúкне панъ на людéй:—звяжíть ёму́ рýки!

Прóкіпъ не пручáвся, самъ рýки простя́гъ, ще й всміхнýвся.

А Назáръ підъ той гукъ до мéне: — чого́ злякáлась? чого́ плáчешъ? гірше не бýде!.. Отъ, чи бýде крáще, — не знáю?....

XLII.

Повели́ Прокóпа въ хáту. Сторóжа стоíть коло дверéй. На двóрі візóкъ запрягáють. Назáръ запряга́е коні підъ пáна.

Дóвго дýмавъ мій чоловíкъ; дáлі кáже:— Устúно! сядь коло мéне! — — —

— Щó ти починúвъ, мій гóлубе! щó ти сподіявъ! говорю́ ёму́.

— А щó я сподіявъ? Бýдешъ вільна,—отъ щó! бýдешъ вільна, Устúно!

— Вóля, — кажу́, — та безъ тéбе!

Такъ міні гірко стáло!

— Вóля! — покрúкне вінъ, — вóля!... Та на вóлі и лúхо. и напáсть — нiщó не страшнé. На вóлі я гóри потоплю́! А крепаку́ хоть якъ щастúтця, усé добрó на лúхо стáне.

Ажъ ось, заторохтівъ на двóрі візóкъ. Повели́ Прокóпа. Я, въ чімъ булá, схопúлась до ёго на візóкъ. Старá менé благословля́е и ёго́: — нехáй вамъ Мáти Бóжа допомага́е, діти! — А слёзи тúхі такъ и біжя́ть зъ очéй ласкáвихъ.

Помчáли насъ. Якъ-то ще пáні не схаменýлась про мéне, наставля́ючи на дорóгу пáна: не пустúла бъ!

Ідемъ мóвчки, побрáвшись за рýки. Я не плáчу, не журю́ся; тільки сéрце моé колóтитця, сéрце моé трепéчетця....

Підъіжджа́емо до міста. Панъ закурівъ коло насъ и вúперединвъ. Въіхали въ місто. Хýтко проторохтіли ýлицями. Коло висóкого будúнку стáли.

Випустивъ Прокіпъ мою руку: — Усте, не журися.

Повели́ его́ до приёму Я на рундуці сіла, якъ на гробовищі.

— Не вдавайсь у тугу, — каже Назаръ. — Бісъ біду́ перебуде: одна́ мине́ — де́сять бу́де.

А самъ почавъ уже́ сивимъ во́лосомъ, якъ сніжко́мъ, присипа́тись; розважа́е мене́, а само́го, ви́дно вже, що ніхто не розважить.

Коли́ вивода́ть мого́ чоловіка... Бо́же мій, світе мій! Се́рце въ ме́не заме́рло; а вінъ весе́лий, якъ на Великъ-день....

XLIII.

Зоста́лась я зъ чоловікомъ у місті. Перебігла годи́на та́я швидко, якъ свята́ и́скра спахну́ла, та до-віку не забу́ду!

За́разъ мого́ чоловіка приручи́ли дя́дькові, москале́ві и́стнёму, изуча́тись військово́ї нау́ки. Дя́дько бувъ ста́номъ висо́кий, о́чі чо́рні; воло́сся и вусъ, якъ щоти́на, пу́жятця; хо́дить пря́мо; гово́рить гу́чно; пово́дитця го́рдо.

Отъ ми ёму́ кла́няємось, а вінъ нічо́го; тільки пону́ро огляда́е Прокопа. Даé ёму́ Про́кіпъ гро́ші: — вибачайте, дя́дьку, що ма́ло: крепа́къ не бага́цько розгорю́е.

Дя́дько кашляну́въ, плю́нувъ: — ходімъ!

— Ходімъ на місто, дружи́но моя́, погуля́ймо! — ка́же міні Про́кіпъ.

Та й пішли́.

Хо́димо у́лицями и зау́лками, гуля́емо собі; а вінъ пита́е: — А що́, Усти́но, чи ти чу́есся, що вже ти вільна душа́?

Та й смі́ється, заглядаючи міні въ вічі.

Хочъ якъ було́ міні невпокійно, хочъ якъ тужи́ло моé се́рденько, а й я всміхну́лась и ніби чого́сь раділа.

Набрила́ я й ха́тку таку́, що наймала́сь,а гро́шей нема́. Та й добу́ти звідки? Продати нічого. Я поіхала, — нічо́го не взяла́. Та й не вели́кі ска́рби були́ тамъ у ме́не: кільки сорочо́къ та спідни́ць дві, та ще тамъ яка́сь ю́почка та кожуша́ночка. Не до то́го міні було́ тоді, щобъ те забірати; а по́слі вже па́ні не оддала́. Отъ я й надумала собі: — Піду́ я поде́нно робити! — Пора́ди-

лись изъ Прокопомъ, та й вдались до хазяйки, що хату наймала. Своє лихо оповістили,—питаємо:—чи буде їй рада на те, щобъ ми поденно за хату їй сплачували?

— Добре, — каже. — Будуть гроші — оддавати мете поденно; а не будуть, то я й підожду вамъ.

Ми й перебрались до неї въ хату.

XLIV.

Хазяйка наша була удовиця старенька, привітна й ласкава, а що говірка! Росказуе та й росказуе, та все про своє лихо, що ввесь рідъ іхъ звівся, що сама вона въ світі зосталась, якъ билина въ полі. Зідхае разъ-у-разъ, частенько було й сплакне. Та й за нами чимало вона слізъ вилила: якъ було сидимо съ чоловікомъ укупці та говоримо, вона й почне плакати та примовляти, що—ось ми молоденькі, ось ми и хороші—ні вроку: жити бъ та жити, та людей собою веселити... Прикладае та й плаче. Ми вже їй вмовляемо! Хиба тоді ущухне, якъ надійде дядько, та гримне на неї: — знов баба кисне!

А вона єго боялась дуже, що такий вінъ: ані до єго заговорити, ані єго спитати.

— Що се за чоловікъ у світі! — каже було стара: — який же вінъ грізний та неласкавий — нехай Богъ боронить! Чи вінъ ніколи роду не мавъ, чи що такее? Богъ єго знае!

Рано-ранісінько схоплюся; біжу на поденщину. Повертаюся пізно. Въ руці въ мене зароблені гроші. Весело поспішаюсь до дому.

Ще на дорозі стріне мене чоловікъ; любо та міцно стисне за руку и спитае тихенько: — Чи добре натомилась, Усте?

XLV.

Отъ якось сидимо ввечері: москаль на лаві зъ люлькою, хазяйка коло віконця, а ми съ Прокопомъ оддалікъ. Сидимо мовчки всі; коли у двері хтось стукъ-стукъ; а далі: — здорові були! — гукнуло щось за дверима.

Се жъ Назáръ!

Увійшóвъ и стоїть передъ нáми, стéлю підпирáючи: лю́лька въ зубáхъ; и сивúзна, ти бъ казавъ, у густі кучери поховáлась.

— Хазя́йці и всімъ нехáй Богъ помагáе!

— Спасúбі! мúлости вáшої прóсимо! — вітáе ёго́ старá.

— Звітки се ти взя́вся, Назáре? — питáе Прокіпъ. — Отъ нáче зъ землі вúйшовъ!

— Я звітти, — кáже, — звітки дóбрі лю́де мандрівки виглядáють.

Дя́дько поворушúвсь — поглядáе на двéрі.

— А чого́ се крýтисся, пáне москáлю? Однúї віри, — не цурáйся!

Дя́дько все дúвитця на вікна, на двéрі.

— Оввá, якúй же баскúй! Чи не вітра въ пóлі хóчешъ піймáти?.. Да ти й самъ, бачý, степовúкъ.... Отъ же й не прóбуй,— не піймáешъ. А лýчче дай міні лю́льки запалúти... Якъже вамъ ведéтця тутъ? — питáе насъ. По чóму въ місті молодúці мотóрні та гáрні? — (моргáе на мéне).

— А въ васъ тамъ я́къ? — питáю въ ёго.

— Якъ?! на вúбіръ даю́ть, на людськýю вóлю: хочъ утопúсь, хочъ такъ загúнь.

— Охъ мині лúшечко! годúно моя́! — (зажурúлась хозя́йка).

Дя́дько тільки вýса покрутнýвъ.

— А старá? — питáю.

— Живé. Старá все перетéрпить. Кла́няетця вамъ.

Питáю за сéбе, щó тамъ пáні казáла.

— Эгé! булó за васъ обóхъ пáнові на горішки. — Черезъ твій, кáже, póспускъ двохъ робітникíвъ утеря́ли! Хто жъ дýрнемъ зостáвся? — Се все пáні; а я скажý: дýрень не дýрень, а стóячи передъ нéю, на розýмного й трóшки не похóдивъ.

Хазя́йка тимъ чáсомъ вечéряти прóсить. А Назáръ достáвъ изъ-за пáзухи пля́шку горілки и постáвивъ на столі.

— Вúпъемо, — кáже, — по пóвній, бо нашъ вікъ не довгúй!... Бувáйте здорóві, въ кóго чóрні брóви!

А дя́дько: — Щó се, — кáже, — за горілка? лýчче водú напúтись, якъ такóї горілки!

— Колú хто схóче, то напъéтця й водú, — озвáвсь Нáзаръ.

— Горілочка, здаетця, до́бра, — ка́же хазя́йка.

— Бода́й тому́ шинкаре́ві таке́ життя́ до́бре! — одгрімну́всь дя́дько.

А про те ви́пивъ ище́, ище́ й ище́. Ви́пъе и сплю́не, нала́е и зновъ ви́пъе.

Стара́ диву́етця та голово́ю хита́е, а да́лі вже не сте́рпіла: — Що́ жъ ви такъ її гу́дите?

— Не твое́ діло, ба́бо! — гукну́въ дя́дько: — для прия́телівъ пъемо́ вся́ку.

— Та на здоро́въя́чко жъ!

— Зна́йте на́шу моско́вську до́брість! дода́въ Наза́ръ.

Вече́ряемо, гово́римо; а дя́дько пье та й пье, та й пье. Зблідъ на лиці и на стілъ схили́вся. Ди́витця на насъ исъ чоловікомъ, та й каже: — Ой! ви, молодя́та, молодя́та! не до́вго жи́тимете вку́пці.... Та го́ді, не журітця!... Пожили́, пороскошува́ли — и бу́де зъ васъ. Бува́ й таке́, що зъ сповито́чку ла́ски — добра́ не зна́ешъ, — вікъ звіку́ешъ підъ па́лкою. .. Отта́къ живи́!... Безъ ро́ду, безъ плімъя, безъ привіту, безъ совіту, — на всіхъ роско́шахъ!

А стара́ тоді до ёго: — А де́ жъ вашъ рідъ, дя́дечку? звітки ви сами́?

— Съ кантани́стівъ! — одказа́въ похму́рно моска́ль, — съ тихъ, коли́ чу́ли, що насъ у хале́ру поме́ншало. Ро́ду нема́, не знавъ и не зна́ю.

— А мату́ся ва́ша?

— Каза́въ: не зна́ю!... чого́ ду́рно роспи́тувати?

— Отта́кеньки и я тепе́ръ безрідня! — ка́же хазя́йка, хли́паючи.

— Ище́ й вона́ міжъ лю́де! — гукну́въ моска́ль. — Що́ твое́ ли́хо!... плю́нуть! Онъ ли́хо, то ли́хо: що нікого тобі згада́ти, ніхто́ й тебе́ не згада́е; нікуди піти́, и нігде зоста́тись. Усі тобі чужі, и все, усе́ чуже́: и ха́та, и лю́де, и оде́жа... *Степови́къ!* мовля́въ (до Наза́ра)... Такъ, бра́те! мене́ зъ степівъ узя́то... Ну, и сла́вні, ма́буть, ти́і степи́ були́!... Дай, ба́бо, горілки! ви́пъемо до дна, бо на дні молоди́і дні!

А въ само́го слёзи ко́тятця-ко́тятця. И сміе́тця вінъ ра́зомъ, и горілку пъе. Да́лі вже якъ упа́въ на ла́ву, такъ и засну́въ.

— Ну, по сій же мо́ві та бу́дьмо здоро́ві! — ка́же Назаръ.— Проща́й, Прокопе-бра́те!... Та ось, тро́хи не забу́въ. Принісъ я тобі грошенятъ кри́хту: пять карбо́ванцівъ. Поживай здоро́въ!

— Спаси́бі, бра́те! Не зна́ю, коли́ вже я приможу́ся тобі верну́ти.

— Га́й, га! аби́ жи́ві були́! Се не па́ньскіг ро́ші,—братерські:—ними не зажу́рисся. Я собі зароблю́: тепе́ръ я вільний хочъ на півъ-року; зъ соба́ками не пійма́ють.

Та й пішо́въ попрощавшись. Тільки ёго́ й ба́чили.

XLVI.

Го́споди ми́лий! яке́ жъ то життя́ тоді на́ше було́! Хочъ и зъ бідо́ю, хочъ и зъ ли́хомъ, а таке́ жъ то лю́бе, таке́ благода́тне! Ле́гко зідхну́ти, ве́село гля́нути й ду́мати: що́ зароблю́, то все на се́бе; що́ й посижу́ и поговорю́, — нікого́ не бою́ся; робити-му чи ні, — ніхто́ мене́ не приси́лує, ніхто́ не за́йме. Чу́юся на душі́ й на ті́лі, що й я живу́.

Коли́ такъ, на весні, чу́тка: москалі́ вихо́дять у похо́дъ!

— Не пра́вда сёму́! — вмовля́ю себе́; а се́рце моє́ одъ ра́зу почу́ло, що пра́вда. А тутъ и нака́зъ: у похо́дъ, у похо́дъ ла́годитись!

Про́кінъ мене́ разважа́е, дово́дить міні́, що се ли́хо дочасне, що повернусь, ка́же, — бу́демо ві́льні.

— Такъ, такъ! — кажу́, — такъ, мій го́лубе!

А се́рце моє́ боли́ть, слёзи ри́нуть.

Вже й день похо́ду намічений. Пішли́ ми въ ху́тіръ попроща́тись. Панівъ не було́ до́ма; тільки бабу́ся сама́ на господа́рстві. Бабу́сечко жъ моя́ лю́ба! я її здалеку на вздві́ръі пізна́ла, а пізна́вши запла́кала. Душе́ю живо́ю вона́ тільки жи́ва була́. Прибіжу́ до не́і, обійма́ю, якъ ма́тіръ рідну.

— Чого́ ти пла́чешъ, моя́ голу́бко? питае́ мене́ стиха.

— Оце́ ви тутъ зостаетесъ, у сёму́ пе́клі!

— Та вже жъ тутъ, пта́шко. Тутъ я роди́лась, тутъ я христи́лась, тутъ сиротіла.... тутъ и вмру, моя́ дити́но.

— Та до сме́рти терпітимете?

— И терпітиму, пта́шко.

Поблагослови́ла вона́ насъ, якъ дітей рідныхъ, обділи́ла, чимъ ма́ла. Попрощали́ся ми, пішли́.... Та й не разъ, не два оберта́лись, диви́лись. На поро́зі стоїть бабу́ся: навкруги́ ти́ша; скрізь я́сно; съ по́ля вітере́ць віе; зъ гаївъ холодо́къ ди́ше; десь то вода́ гучи́ть: а ви́соко надъ усімъ гра́є-сия́є ви́шнє промія́сте со́нечко.

XLVII.

Провела́ я чоловіка ажъ до Ки́іва. У Ки́іві служи́ти зоста́лась, а вінъ зъ військомъ куди́сь дале́ко на Литву́ пішо́въ.

— Не суши́ себе́ слізьми, се́рденько! — прика́зував. — Я верну́сь... сподіваюся. Сподівайся й ти. Дожида́й мене́!

Дожида́ю.... Що яка́ та слу́жба до́вга! Уже́ сімъ годъ, якъ вінъ пішо́въ. Чи то жъ поба́чу коли́?... У своїмъ селі не була́. Перечу́ла черезъ лю́де, що всі жи́ві. Веде́тця такъ, якъ и першъ вело́ся. Бабу́ся живе́, терпи́ть, а про Наза́ра нема́ й чу́тки. Служу́, найма́юся, заробля́ю. Що́ на́ша копійка? кро́вью обкипіла! та и́нколи й мінї такъ ле́гко, такъ-то вже ве́село ста́не, якъ поду́маю, що аби́ схотіла,—за́разъ и поки́нути ту слу́жбу вільно. Поду́маю та́кеньки — и ро́ку добу́ду. Якось розва́жить мене́, підмо́же мене́ та ду́мка, що вільно мінї, що не зв'я́зані ру́ки моі. — Се лихо дочасне, не вішне! — ду́маю.

То якъ же мінї свого́ чоловіка забу́ти хочъ на хвили́нку! Вінъ мене́ съ пе́кла, съ корми́ги ви́зволивъ!... Та мене́ й Богъ забу́де! Вінъ чоловікъ мій, и добро́дій мій. Поздоро́въ ёго́ Ма́ти Бо́жа: — я вільна! И хожу́, и говорю́, и дивлю́сь, — байдуже́ мінї, що й е ті пани́ у світі!

Ма́рко Вовчо́къ.

ГОРЮВАННЯ.

Чи до́вго ще бу́ду я на світі спа́ти,
Коли́ все прочну́лось? Ви́дно, ме́не ма́ти
Въ недо́бру годи́ну на світъ породи́ла,
У но́вій коли́сці спа́ти положи́ла...
—»Спи, моє́ мале́ньке, спи́, моя́ дити́но!
Засни́, моє́ лю́бе, — и я одпочи́ну!«
Такъ ма́ти слова́ми сти́ха промовля́ла, —
И дитя́ засну́ло .. та й до́сі не вста́ло....

Ой округи́ но́вимъ ду́хомъ
Усе́ закипі́ло:
Устає́ грома́да на́ша
На вели́ке ді́ло,
Ой устає́, готу́етця,
Си́лу набира́е;
Рідна Ма́ти спині́въ кли́че,
Го́лосно гука́е:
—»Го́ді спа́ти! підійма́йтесь
За грома́дське ді́ло:
Кли́че пра́вда васъ свята́я...
Становітця сміло.«
И устаю́ть рідні ді́ти,
Якъ ті соколя́та —
—»Йдемо́ ді́ло одбува́ти: —
Привіта́й насъ, Ма́ти!«

А я ще и до́сі сплю́, о́чі закри́вши,
Та ажъ пла́чу ча́сомъ, го́лову схили́вши;
Ой ста́въ би на ді́ло, на че́сну робо́ту,
Та во́лі не ма́ю розігна́ть дрімо́ту.
Що мі́ні роби́ти?—молода́я си́ла
Ма́рне пропада́е; душа́ заніміла;
Загуби́въ я віру, загуби́въ надію, —
Моли́вся бъ я Бо́гу — моли́тись не вмію!

Було́ вре́мья (не верта́йся,
Лиха́я годи́но!) —
Ти́хо, мо́вчки, бідува́ла
Ма́ти Украіна;
И роди́всь проро́къ въ наро́ді,
И ста́въ передъ на́ми,
Заговори́въ правди́вими
Слізами-слова́ми,
И роскри́въ вінъ наро́днії
Да́вні домови́ни,
И розбуди́въ широ́кії
Степи́ Украіни,
И наро́ду віщува́въ вінъ
Вічню сла́ву, до́лю,
И блага́въ насъ станови́тьця
За пра́ву, за во́лю —

И наро́дъ на сло́во вели́ке озва́вся..
Тільки я, нікче́мний, не вста́въ, не підня́вся!
— — —
Чомъ не ма́ю си́ли, чомъ не ма́ю во́лі
Гля́нути у вічі безтала́нній до́лі?
Чого́ душа́ німа якъ та́я моги́ла?...
Да́йте жъ мі́ні, да́йте орло́вні кри́ла!
Розмахну́въ би іми, розмахну́въ широ́ко,
У не́бо блакітне зли́нувъ би висо́ко,

Проки́нулись си́ли бъ мої молоди́і, —
И заговори́ли бъ стру́ни віщови́і,
И сло́во правди́ве сказа́ли бъ грома́ді...
А тепе́ръ — нужу́ся, — нема́е пора́ди!
Ги́не моя́ си́ла, се́рце зампра́е...
Го́лосно співа́въ би — го́лосу нема́е!

Черніговець Микола́йчикъ Білокопи́тий.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Писать біографію нашего поэта — еще рано; но собирать и печатать матеріалы для нея теперь — прямая обязанность. Шевченко прожилъ свою жизнь такъ своеобразно, что трудовъ въ подборкѣ этихъ матеріаловъ предстоитъ не мало: письменныхъ документовъ о его жизни, сколько мы знаемъ, почти не осталось, за исключеніемъ немногихъ писемъ и извѣстнаго »дневника,« гдѣ мы находимъ свѣдѣнія только о позднѣйшей порѣ жизни поэта. Біографу его прійдется руководствоваться большею частію *преданіями*, собираніемъ которыхъ нужно заняться теперь же, пока еще живы люди, могущіе сообщить ихъ.

Жизнь Шевченка представляетъ собою пять рѣзкихъ эпохъ, безъ всякой послѣдовательной связи межъ собою, и для каждой изъ нихъ приходится собирать матеріалы у разныхъ лицъ: поэтому, собраніе ихъ едва ли можетъ быть сдѣлано однимъ лицомъ; дружное содѣйствіе дѣлу этому всѣхъ, кому дорога память поэта, необходимо, и только въ такомъ случаѣ можно надѣяться на удовлетворительный результатъ. — Мы обозначаемъ здѣсь эти эпохи, съ нѣкоторыми поясненіями, могущими послужить указаніемъ для собирающихъ свѣдѣнія о жизни Шевченка:

I. 1814—1828. Дѣтство Шевченка, т. е. жизнь поэта на родинѣ, въ его семейномъ кругу.

II. 1828—1838. Жизнь Шевченка при его помѣщикѣ, переѣзды съ нимъ по западной Россіи и пребываніе у маляра Ширяева. — Объ этой эпохѣ изъ жизни поэта мы менѣе всего имѣемъ свѣдѣній; между тѣмъ она едва ли не важнѣйшая изъ всѣхъ въ томъ отношеніи, что въ это время совершалось развитіе творческаго таланта нашего Кобзаря. Главнымъ

источникомъ для описанія этой эпохи послужатъ разсказы Ив. Макс. Сошенка, друга покойнаго поэта, которые мы надѣемся вскорѣ сообщить. Но разсказовъ этихъ слишкомъ недостаточно, и нельзя не пожелать, чтобы тѣ лица, которые имѣютъ возможность уяснить это время изъ жизни Шевченка, особенно позаботились объ этомъ. Особенно драгоцѣнны были бы первыя его поэтическія произведенія, о которыхъ до сихъ поръ мы имѣемъ только темныя свѣдѣнія.

III. 1838—1847. Свободная жизнь Шевченка; пребываніе его въ Петербургѣ, созданіе *Катерины*, *Гайдамакъ* и *Наймички* и разъѣзды по Малороссіи. Источниками для этой эпохи могутъ послужить разсказы петербургскихъ его знакомыхъ и письма его къ землякамъ. О собраніи и напечатаніи послѣднихъ особенно бы нужно позаботиться.

IV. 1847—1857. Жизнь Шевченка въ ссылкѣ; пребываніе его въ Оренбургѣ и Орской крѣпости, плаваніе по Аральскому морю и, наконецъ, жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Объ этомъ печальномъ въ жизни поэта времени многое могли бы сообщить его оренбургскіе знакомые. Жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи намъ извѣстна изъ его »дневника.«

V. 1857—1861. Освобожденіе Шевченка; пребываніе его въ Нижнемъ Новгородѣ, пріѣздъ въ Петербургъ; поѣздка на родину въ 1859 г., возвращеніе въ Петербургъ; смерть.

Вотъ указанія, по которымъ слѣдуетъ подбирать матеріалы для полнаго описанія жизни Шевченка. Повторяемъ, что подборъ ихъ лежитъ на прямой нашей обязанности, и откладывать его въ долгій ящикъ никакъ не слѣдуетъ, чтобъ имѣть возможность воспользоваться разсказами людей, знавшихъ поэта, пока ихъ воспоминанія не утратили еще свѣжести недавнопрошедшихъ событій.

Для начала, мы представляемъ здѣсь очеркъ первой эпохи, для котораго мы пользовались запискою о дѣтствѣ поэта, сообщенною намъ Варв. Гр. Шевченкомъ, воспоминаніями Ив. Макс. Сошенка и, преимущественно, разсказами сестры поэта, Ирины Григорьевны.

Какъ настоящій очеркъ, такъ и послѣдующіе, которые мы имѣемъ намѣреніе представить здѣсь же, предлагаются преимущественно съ цѣлію—вызвать поправки и дополненія, съ помощію которыхъ можно бы было впослѣдствіи приступить къ составленію возможно-полной и вполнѣ-достовѣрной біографіи славнаго нашего поэта.

I. ДѢТСТВО ШЕВЧЕНКА (1814—1828).

..... Якъ побáчу
Малóго хлóпчика въ селі,—
Мовъ одірвáлось отъ гіллі,
Одно-одíсіньке, підъ тúномъ,
Сидúть собі, въ старій рядни́ні,—
Мíні здаéтця, що се я,
Що це жъ та мóлодість мой....

Т. Шевченко.

Дѣдъ Шевченка (со стороны отца), по ремеслу, былъ *швецъ;* отсюда произошла и фамилія его. Родители его были крѣпостные крестьяне помѣщика Энгельгардта; отецъ родомъ изъ с. Керелівки, а мать — изъ с. Моринцовъ (оба села Звенигородскаго уѣзда.)

Женившись, отецъ Т. Гр., по распоряженію помѣщика, переселялся на короткое время (года на полтора) изъ Керелівки въ Моринцы. Во время этого переселенія и родился нашъ поэтъ, въ 1814 г., 25 февраля. Такимъ образомъ, родиною Шевченка было с. Моринцы, а не Керелівка, какъ думали до сихъ поръ (*). Но подросъ и сталъ помнить себя онъ уже въ Керелівкѣ, почему и всѣ дѣтскія воспоминанія его связаны съ этимъ селомъ.

Первые годы дѣтства Т. Гр. прошли незамѣтно. Въ семьѣ его сохранилось преданіе, что Шевченко въ раннемъ своемъ дѣтствѣ любилъ очень ѣсть землю: бывало, не досмотрятъ за нимъ — животикъ у Тараса и вздуетъ, точно въ болѣзни какой; распросятъ и окажется, что онъ земли объѣлся.

О раннемъ своемъ дѣтствѣ поэтъ вспоминаетъ въ одномъ изъ *великорусскихъ* разсказовъ, (»Княгиня«), писанныхъ имъ въ ссылкѣ. Приводимъ это мѣсто здѣсь.

.... »Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чернымъ *дымаремъ;* а около хаты, на *причілку*, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони — цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки.

(*) Т. Гр. всегда считалъ своею родиною с. Керелівку, что́ можно видѣть и изъ »письма« его къ редактору »Народнаго Чтенія«; но всѣ родные Т. Гр. положительно утверждаютъ, что онъ родился въ с. Моринцахъ.

А у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба, съ засохшею верхушкою; а за вербою стоитъ клуня, окруженная стогами жита и разнаго всякаго хлѣба; а за клунею, по косогору, пойдетъ уже садъ, а за садомъ—*ливада*; а за ливадою—долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій, ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темнозелеными, лопухами. А въ этомъ ручейкѣ, подъ навѣшими лопухами, купается кубическій, бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первою грушею или яблонею, и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ у себя: — а что́ же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что́ поддерживаютъ небо. А что́, если бы пойти да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? — Пойду да посмотрю! вѣдь это недалеко.—Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ черезъ долину и ливаду, прямо на гору. И вотъ выходитъ онъ за село; прошелъ царину, прошелъ съ полверсты поле; на полѣ стоитъ высокая, чорная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобъ съ нея посмотрѣть—далеко ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону—село, и по другую сторону—села, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая; тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Задумался мальчуганъ; нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ; а завтра, вмѣстѣ съ Катрею,—она до *череды* коровъ погонитъ, а я пойду къ желѣзнымъ столбамъ; а сегодня *одурю* Микиту: скажу, что я видѣлъ желѣзные столбы, тѣ, что́ подпираютъ небо.— —И скатившись кубаремъ съ могилы, онъ всталъ на ноги и пошелъ, не оглядываясь, въ чужое село; къ его счастію, встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили: а куди́ мандру́ешъ, па́рубче?—До-дому!—А дежъ твоя до́ма, небора́че?—Въ Керелівці!—Такъ чогожъ ти йдешъ у Моринці!—Я не въ Моринці, а въ Керелівку йду.—А коли въ Керелівку, такъ сідай на мою *ма́жу*, това́ришу, мы тебе довезе́мо до-дому.« Посадили его на *скриньку*, что́ бываетъ въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батогъ въ руки, и онъ погоняетъ себѣ волы, какъ ни въ чемъ не бывало. Подъѣзжая къ селу, онъ увидалъ свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело: »онъ де, онъ-де наша хата!«—А коли ти вже бачишъ свою хату, сказалъ хозяинъ воза, то и йди собі зъ Богомъ. И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и, обращаясь къ товарищамъ, сказалъ: »нехай иде

собі зъ Богомъ!«—Нехай иде собі зъ Богомъ! проговорили чумаки, и— мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село. На дворѣ уже смеркало, когда я (потому-что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ не кто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣе печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю черезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеленомъ, бархатномъ *шпориші*, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька — Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подперши голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: »прийшовъ, прийшовъ!« Подбѣжала ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: »сідай вечерить, приблудо!« Повечеравши, сестра повела меня спать, и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять приблудою. Я долго не могъ заснуть; происшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ столбахъ и о томъ — говорить ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не говорить? Микита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ и тамъ, конечно, видѣлъ эти столбы: какъ же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ во все не видалъ? Катерину можно бъ одурить.... нѣтъ, я и ей не скажу ничего; и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ...«

Воспоминаніе это относится, вѣроятно, къ 5-ти— 6-ти лѣтнему возрасту Шевченка. Странно только, что онъ не говоритъ здѣсь ничего о своей матери, которая въ ту пору была еще жива.

До смерти матери, Шевченко, живя подъ ея крылышкомъ, не зналъ горя. Но со смертью ея (1823 г.), для него начался рядъ тѣхъ житейскихъ невзгодъ, которыя преслѣдовали поэта до самой могилы.

По смерти жены, у Шевченка-отца осталось пятеро дѣтей: Никита, Катерина, Тарасъ, Ирина и Осипъ. Послѣднему было года полтора. Въ крестьянскомъ быту, вдовцу съ такимъ семействомъ жить трудно; необходима женщина, которая бы и по хозяйству *пóралась* и за дѣтьми присмотрѣла. Поэтому очень естественно, что скоро, по смерти матери, въ семью Шевченковъ вошла мачиха По народнымъ понятіямъ, образъ мачихи постоянно соединяется съ чѣмъ-то не добрымъ, эгоистическимъ; не добро внесла мачиха и въ хату Шевченковъ...

У мачихи были дѣти отъ перваго брака, и отъ нихъ-то маленькіе Шевченки терпѣли особенно много горя; больше всѣхъ доставалось неуступчивому Тарасу, постоянно съ ними ссорившемуся. »Кто видѣлъ хоть издали

мачиху, (говоритъ самъ Т. Гр., въ томъ же разсказѣ »Княгиня), и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значитъ, видѣлъ адъ въ самомъ отвратительномъ его торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и дрики между нами, дѣтьми, и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой. Мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузилъ ея тщедушнаго Степанка...« Ссоры эти, со стороны Тараса, вскорѣ превратились въ ненависть, и вотъ по какому случаю: одинъ изъ сведенныхъ братьевъ укралъ у своего постояльца — солдата три злотыхъ; тотъ оглядѣлся и сталъ ихъ искать. Мачиха изъявила подозрѣніе на пасынка — Тараса; этотъ божился въ своей невинности, но мачиха стояла на своемъ: »гроші укравъ Тарасъ«. Послѣдній продолжалъ отнѣкиваться; тогда ему связали руки и ноги и розгами, щедро посыпавшимися изъ рукъ его дяди, думали вынудить признаніе..... Отъ боли Шевченко принялъ преступленіе на себя, но когда его развязали и спросили: куда-же онъ дѣвалъ украденныя деньги, маленькій мученикъ отвѣчалъ, что онъ закопалъ ихъ тамъ-то въ саду; когда ему приказали указать мѣсто опредѣленнѣе, Шевченко снова отперся и пытка снова началась... Но ничего больше не добились, и бѣдный пасынокъ брошенъ былъ чуть не замертво. Между тѣмъ, солдата удовлетворить было необходимо, для чего и продали *юнку* покойной матери. Настоящій воръ открылся уже гораздо позже.

Случай этотъ нельзя не признать уважительной причиной той ненависти, которую Т. Гр. питалъ къ своимъ сведеннымъ братьямъ, а отчасти и къ дядѣ, нелюбовь къ которому сохранилъ онъ до смерти.

Вскорѣ за этимъ событіемъ, Т. Гр. былъ отданъ отцомъ къ мѣщанину Губскому на выучку. Грамота ему далась: букварь Шевченко выучилъ очень скоро; только Губскій никакъ не могъ справиться съ своимъ ученикомъ, чтобъ унять его отъ проказъ. Шевченко то́ и дѣло уходилъ отъ своего учителя и всегда, бывало, напроказничаетъ при этомъ. Отецъ тоже напрасно старался унять его... и умирая (1825 г,) высказалъ, между-прочимъ, замѣчательное пророчество насчетъ будущности сына: »*синові Тарасу изъ мого хазяйства нічо́го не треба; — вінъ не буде абиякимъ чоловіко́мъ: зъ ёго буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для ёго мое наслідство або нічого не буде значить, або нічого не поможе.*« Слова эти очень знаменательны, чтобъ видѣть въ нихъ одну случайность; жаль только, что память родныхъ Т. Гр. не сохранила данныхъ, которые привели отца его къ такому заключенію.

Послѣ смерти отца, Шевченко отданъ былъ въ школу къ сельскому дьяку Бугорскому, гдѣ выучилъ часословъ и псалтырь. Потомъ перешелъ онъ къ священнику Нестеровскому, у котораго выучился писать, и затѣмъ, почему-то, снова возвратился къ Бугорскому. Вѣроятно объ этомъ наставникѣ вспоминаетъ Шевченко и въ »письмѣ« своемъ къ редактору *Народнаго Чтенія* и въ разсказѣ »*Княгиня*«.

У Бугорскаго, какъ и Губскаго, Шевченко, по преданію, учился хорошо, но учитель никакъ не могъ помириться съ его непосидчивостью,— чему впрочемъ и самъ бывалъ причиною, по своей непомѣрной съ нимъ строгости. Тарасъ очень часто бросалъ школу и, обыкновенно, въ это время скитался по разнымъ пустырямъ. Любимымъ убѣжищемъ его въ такихъ случаяхъ былъ садъ односельянина Шевченковъ— *Жениха*. Здѣсь, въ калиновомъ кустарникѣ, бѣглый школяръ устроилъ себѣ уютное убѣжище отъ школьной розги: очистивъ площадку и высыпавъ ее пескомъ, онъ сложилъ себѣ изъ дерну нѣчто въ родѣ постели и уединялся сюда, когда становилось ему не подъ силу терпѣть школьныя муки (1). Въ этомъ убѣжищѣ Шевченко оставался иногда по нѣсколько дней, при помощи своихъ сестеръ, которыя снабжали его въ такихъ случаяхъ съѣстнымъ и вообще покрывали проказы брата, чтобъ избавить его отъ лишнихъ пинковъ дьяка и мачихи (2).

Какъ проводилъ время Шевчéнко у Жениха въ калинѣ, объ этомъ сохранилось у него воспоминаніе въ »посланіи къ А. О. Козачковскому«:

(1) Ирина Григорьевна, разсказывая намъ объ этомъ, прибавила: «натерпівся-таки Тарасъ у тій школі, — товкли ёго тамъ, якъ того гáмана; часомъ, не витерпе та щó скаже, то всé ёму есть...

(2) Къ сестрамъ Т. Гр. питалъ особенную любовь: онѣ были его *единственными* друзьями дѣтства; съ товарищами своими Шевченко, по преданію, не любилъ водиться и ни къ одному изъ нихъ не привязывался, какъ бываетъ у дѣтей; даже съ братьями — дѣтьми онъ былъ довольно холоденъ. Вся его дѣтская привязанность сосредоточивалась на сестрахъ. Старшая изъ нихъ — Катерина Гр. была нянькою поэта и замѣняла ему, насколько могла, умершую мать. Она умерла въ первую холеру (1830). Самыя нѣжныя отношенія — къ меньшей сестрѣ, Ириѣ Гр., Шевченко сохранилъ до самой смерти. Пріѣзжая на родину, онъ обыкновенно останавливался у нея и при этомъ любилъ бесѣдовать съ ней, какъ онъ её выкупитъ, какъ она съ дѣтьми будутъ *вольными*, какъ онъ устроитъ ея жизнь.. Особенно много на этотъ мотивъ говорилъ Шевченко въ послѣдній свой пріѣздъ на родину, въ 1859 г.; но смерть не дала ему исполнить задушевныхъ его желаній.

Давно те дiялось. Ще въ школi,
Такий въ учи́теля — дяка́,
Гарне́нько вкра́ду пятака́,
(Бо я було́ трохи́ не го́ле —
Таке́ убо́ге) та й куплю́
Папе́ру а́ркушъ; изроблю́
Маленьку книжечку, — хреста́ми
И везеру́нками зъ квiтка́ми
Кругомь листо́чки обведу́,
Та й спи́сую Сковороду́
Або »три ца́рiе со да́ри,« (1
Та самъ собi, у *бурьянi*,
Щобъ не почу́въ хто́, не побачивъ,
Виспiвую одинъ та пла́чу...

Въ это же время Шевченко пересталъ стричься, сталъ носить волосы вкружокъ, какъ *у большихъ;* самъ сшилъ себѣ шапку, въ родѣ конфедератки, и всѣми этими «странностями» обращалъ на себя вниманіе не только товарищей своихъ, но и старшихъ...

Подобными же странностями, вѣроятно, вызвалъ Шевченко у отца и тотъ предсмертный приговоръ его, который сообщенъ выше.

Никита Григорьевичъ, старшій братъ поэта, попробовалъ-было пріучать его къ хозяйству, но всѣ попытки были напрасны: Т. Гр—чу скоро наскучали эти занятія и онъ, не задумываясь, бросалъ воловъ въ полѣ и уходилъ бродить на свободѣ.

Такъ прошло дѣтство Т. Гр. Мы видимъ, что маленькій Шевченко со многимъ не мирился въ окружавшей его средѣ и замѣтно выдѣлялся изъ круга своихъ сверстниковъ; все это нужно приписать особенной впечатлительности его природы, которая не измѣняла ему до самой смерти. Съ отроческихъ лѣтъ Т. Гр. выказывалъ уже замѣчательную пытливость ума; съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался онъ, какъ его дѣдъ и отецъ повелутъ бывало, въ праздникъ какой, бесѣду о старинѣ. Отецъ Т. Гр. былъ грамотный и, для своей среды, довольно начитанный; бесѣда его отличалась религіознымъ характеромъ: онъ любилъ пересказывать житія святыхъ и разныхъ подвижниковъ благочестія. Другого характера была бесѣда дѣда, живаго свидѣтеля *Коліївщини* (2); всѣ герои этого кроваваго эпизода украинской исторіи были хорошо ему извѣ-

(1) Вирша, сочиненіе Кіевскихъ бурсаковъ, которую они распѣвали на рожественскихъ праздникахъ.

(2) Дѣдъ Т. Гр. умеръ въ 40-хъ годахъ, имѣя отроду до 115 лѣтъ.

стны и о нихъ-то любилъ онъ по праздничнымъ вечерамъ повѣствовать дѣтямъ и внукамъ.

Разсказы дѣда и отца, безспорно, имѣли большое вліяніе на развитіе творческаго дара нашего поэта и не могли не отразиться впослѣдствіи на его произведеніяхъ. Въ эпилогѣ къ «*Гайдамакамъ*» говоритъ объ этомъ самъ поэтъ:

Бува́ло, въ недѣлю, закри́вши Минéю,
По ча́рці зъ сусідомъ ви́пивши *тіéї*,
Ба́тько дiда про́сить, щобъ той росказа́въ
Про Колiївщи́ну, якъ колись бува́ло,
Якъ Залізня́къ, Го́нта, Ляхівъ покара́въ.
Столі́тнiй о́чі, якъ зо́рі, сія́ли,
А сло́во за сло́вомъ сміялось, лилось:
Якъ Ля́хи кана́ли, якъ Сміла горіла,
Сусіди одъ стра́ху, одъ жа́лю нiмiли.
И мiні, мало́му, не разъ довело́сь
За ти́таря пла́кать. И нiхто́ не ба́чивъ,
Що мала́ дити́на у куто́чку пла́че.
Спаси́бі, дiду́сю, що ти захова́въ
Въ голові столітній ту сла́ву коза́чу:
Я її уну́камъ тепе́ръ росказа́въ — —

Кромѣ разсказовъ дѣда, въ созданіи «*Гайдамакъ*» имѣло участіе, какъ можно думать, и путешествіе маленькаго Шевченка въ Мотронинскій монастырь. Объ этомъ путешествіи покойный поэтъ разсказывалъ Ив. Макс. Сошенку. Въ Мотронинскій монастырь Шевченко ходилъ съ сестрами, *на прощу*. Монастырь этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ *цвинтарѣ* его положено много *колiївъ*, какъ гласятъ о томъ каменныя плиты, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ могилъ. Маленькій Шевченко, въ это время уже грамотный, прочитывалъ могильныя надписи, удовлетворяя тѣмъ любопытство какъ свое собственное, такъ и другихъ богомольцевъ, межъ послѣдними не мало нашлось хорошо помнившихъ покойниковъ Мотронинскаго цвинтаря, и они тутъ же дополняли лаконическія надписи своими воспоминаніями о *колiяхъ*. Эти разсказы Шевченко слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что память о нихъ сохранилась у поэта до поздняго времени (1).

(1) Основою »Гайдамакъ« поэтъ взялъ, какъ извѣстно, мученическую судьбу Мліевскаго титаря; трагическая смерть послѣдняго сохранялась въ памяти его дѣда и другихъ старожиловъ Керелівки со всѣми подробностями, какъ близкаго сосѣда. Степень участія фантазіи поэта въ »Гайдамакахъ« можно видѣть изъ сравненія этого произведенія съ современной запиской о смерти титаря, напечатанной въ Кіевскомъ журналѣ »Руковод-

Съ ранняго дѣтства у Т. Гр. особенно была замѣтна страсть къ рисованью: гдѣ только можно было, на стѣнахъ, дверяхъ, воротахъ, Шевченко постоянно малевалъ, углемъ или мѣломъ. Въ школѣ, когда уже онъ могъ достать бумагу и карандашъ, страсть эта развилась въ немъ еще сильнѣе. Поддерживаемый этой страстью и въ то же время потерявъ терпѣніе—сносить долѣе школьную жизнь, Шевченко бѣжалъ въ м. Лисянку къ діакону—маляру, но и тутъ ему трудно было ужиться, какъ видно изъ автобіографическаго письма къ редактору »Народнаго Чтенія«. Въ томъ же письмѣ Шевченко говоритъ, что изъ Лисянки онъ перешолъ въ Тарасовку, гдѣ думалъ-было пріютиться у другого маляра—дьячка; послѣдній нашелъ Шевченка неспособнымъ къ малярству и тѣмъ заставилъ его возвратиться домой, въ Керелівку. Такъ разсказываетъ самъ Т. Гр.; но сестра его, Ирина Григорьевна передала намъ подробности этого бѣгства нѣсколько иначе: соскучившись школьною жизнью и въ тоже время чувствуя страсть къ рисованію, Шевченко бѣжалъ отъ Бугорскаго въ с. Хлебновку, славившуюся своими малярами. У одного изъ нихъ Т. Гр. и поселился, и прожилъ здѣсь недѣли двѣ, на испытаніи. Хлебнівскій маляръ нашелъ его способнымъ къ своему мастерству, но боясь отвѣтственности, что держитъ помѣщичьяго мальчика безъ вида, посовѣтовалъ Шевченку выхлопотать сначала нужное свидѣтельство и затѣмъ уже поселиться у него — на ученіе. Т. Гр. отправился въ м. Вільшану, гдѣ жилъ Энгельгардтовъ управляющій—Дмитренко, и сталъ просить вида на проживательство у Хлебнівскаго маляра. Дмитренко, разговорившись съ мальчикомъ и замѣтивъ его бойкость, вмѣсто выдачи свидѣтельства, взялъ Т. Гр. въ число своей прислуги.

Вскорѣ пріѣхалъ на родину самъ помѣщикъ, и участь поэта была рѣшена: онъ поступилъ къ барину въ комнатные *козачки*. Это было въ 1829 г. На этомъ событіи оканчивается первый періодъ жизни Шевченка.

А.І. Лазаревскій.

9 марта 1862 г.
Черниговъ.

ство для сельскихъ пастырей,« 1860 г. Будущій издатель сочиненій Шевченка не долженъ забыть, что у М. М. І—з—р—ато хранится экземпляръ »Гайдамакъ« значительно исправленный, а въ иныхъ мѣстахъ и совершенно передѣланный, поэтому, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, въ 1858 г.

УМАНСКАЯ БѢДА

1768 года 20-го іюня.

(Переводъ польской рукописи неизвѣстнаго современника, хранящейся въ Львовской Библіотекѣ Оссолинскихъ.)

Трудно доискаться начала и указать источникъ этого ужаснаго дѣла; однако я полагаю, что не разойдусь съ историками, передающими это событіе потомству, если скажу, что оно произошло отъ особеннаго, распространеннаго въ Украинѣ, отвращенія къ единству съ Римскою Церковью. Въ послѣдніе годы сильнѣе, чѣмъ прежде, владѣльцы украинскихъ имѣній, а еще болѣе епископы и митрополиты уніатскіе, стали возбуждать въ людяхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, горячую ревность къ защитѣ единства съ Римскою Церковью. Тогда Мельхиседекъ Яворскій, не-уніатъ, настоятель Мотренинскаго монастыря, скрытно предъ тѣмъ дѣйствовавшій, началъ явно и смѣлѣе подговаривать къ схизмѣ и отводить отъ послушанія уніатскому митрополиту простыхъ людей и священниковъ по всей Украинѣ, особенно же въ Смилянщинѣ, Черкащинѣ, Жаботинщинѣ и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ. Въ слѣдствіе-же особеннаго (здѣсь недостаетъ слова,—можетъ-быть—приказанія?), какъ я полагаю, тогдашняго Переяславльскаго епископа Гервасія Линевскаго, не-уніата, онъ осмѣлился дозволять постройку новыхъ церквей, освящать ихъ и склонять на свою сторону народъ, который почти всегда противился соединенію Церквей. Дѣйствительно, вскорѣ онъ склонилъ къ своимъ цѣлямъ почти всю Смѣлянщину, Жаботинщину и другія смежныя волости тѣмъ легче, что тамъ многіе были связаны родствомъ съ жителями лѣваго берега Днѣпра. Взволнованная чернь начала бунтовать и осмѣлилась бить, изгонять, окровавлять уніатскихъ священниковъ съ явнымъ отказомъ въ послушаніи митрополиту, своему пастырю, и съ большимъ презрѣніемъ не только къ храмамъ Господнимъ, но и къ

святымъ Дарамъ. Тогдашній митрополитъ, Фелиціанъ Володковичъ, видя пораженіе своей паствы, поспѣшилъ, какъ чадолюбивый пастырь, принять дѣятельныя мѣры къ вразумленію погибшихъ, и потому рѣшился прежде всего схватить упомянутаго Мельхиседека, какъ незаконно вмѣшавшагося въ его управленіе, что́ и исполнилъ, заключивъ его въ Радомыслѣ, а потомъ въ Дерманѣ на Волыни. Здѣсь онъ собственноручно написалъ на русскомъ языкѣ и подписалъ добровольное показаніе о томъ, кѣмъ былъ посланъ и подстрекаемъ къ этому дѣлу, о чемъ выше было уже сказано. Но ускользнувъ, ему только извѣстнымъ образомъ, изъ этого заключенія, онъ возвратился въ свой монастырь. Въ это время »національное« войско разсѣяло чернь, возмущенную однимъ козакомъ и собравшуюся въ Смѣлянщинѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ. Упомянутый козакъ и соединенная съ нимъ чернь, за мятежъ противъ церкви и своего господина, были наказаны смертью и заключеніемъ; такимъ образомъ мятежный духъ былъ подавленъ, но не надолго.

Вскорѣ, именно 1767 г., Русскій Дворъ началъ договариваться съ Рѣчью Посполитою Польскою о гарантіи, которая и предоставлена ему Варшавскимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1768 году. Нѣкоторые Поляки, противясь этому трактату и не допуская его исполненія, въ томъ же году и мѣсяцѣ, когда окончился сеймъ, составили въ городѣ Барѣ, находящемся въ Подольскомъ воеводствѣ, конфедерацію, маршалками которой были Красинскій, подкоморій Рожанскій, и Пулавскій, Варецкій староста. Конфедераты вызвали въ Подоль изъ Украины всѣ войска, бывшія въ то время подъ командою Воронича, регименгаря Украинскаго отдѣла войскъ; но не вывели изъ Украины Смѣлянскихъ, Черкасскихъ, Жаботинскихъ, Уманскихъ и другихъ козаковъ, отчасти потому, что сами козаки противились, отчасти и потому, что ихъ господа, обращая свое вниманіе на дальнѣйшія послѣдствія, не позволяли имъ выходить. Такимъ образомъ, открылся къ рѣзнѣ самый удобный случай. Особенно Запорожскіе козаки, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, вступивъ въ Польскія границы съ вымышленными указами, будто-бы изданными Россійской императрицей, увѣряли, будто Русскій дворъ имѣетъ такое намѣреніе, чтобы Украинцы, избивъ Поляковъ, Жидовъ и Русиновъ-уніатовъ, освободились отъ всякаго подданства Полякамъ и, присоединившись къ Русскому государству, пользовались большею свободою. По всей Украинѣ ходилъ слухъ, что изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мельхиседекъ, что́ показывали даже сами чернецы. Тоже самое показали и злодѣи, веденные на смертную казнь. Таково было начало ужаснаго событія въ Уманѣ.

Украинская чернь, возбужденная этимъ способомъ, и всегда дышащая ненавистью къ Полякамъ, отказавшись отъ послушанія своимъ господамъ, въ большомъ количествѣ начала соединяться съ вышеупомянутыми козаками, зачинщикомъ и атаманомъ которыхъ былъ Запорожскій козакъ, по фамиліи Залізнякъ, избранный для этого упомянутымъ Мельхиседекомъ. Онъ былъ прежде сотникомъ въ Запорожьѣ, совершилъ многія грабительства, покражи и убійства, нападая на сосѣднія пограничныя мѣста, и тревожимый совѣстью, отправился, какъ бы на покаяніе, въ Кіевъ и жилъ тамъ при монастырѣ Кіевопечерскомъ. Мельхиседекъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ нему, и своими наущеніями, при помощи другихъ чернецовъ, такъ съумѣлъ овладѣть имъ, что онъ принялъ начальство надъ скопившейся сволочью. Это мятежное скопище навело такой страхъ, что помѣщики и жиды изо всѣхъ окрестностей, съ имуществомъ своимъ, собрались для безопасности въ Умань въ такомъ множествѣ, что этотъ городъ, хотя довольно обширный, не могъ вмѣстить ихъ, и потому всѣ улицы, предмѣстія и рынокъ были наполнены ихъ таборами. Однихъ поссессоровъ, кромѣ другихъ помѣщиковъ, можно было насчитать тогда въ Уманѣ около 226, а учащихся, изъ которыхъ немногіе избѣгли смерти, до 400.

Вскорѣ пришло извѣстіе, что Гайдамаки приближаются къ Уманю. Это извѣстіе произвело между собравшимися несказанную тревогу: вѣрныхъ оно побудило приготовляться къ смерти, всѣхъ—скрывать имущества, которыя и до сихъ поръ находятъ въ землѣ. О. Ираклій Костецкій, ректоръ Базиліанскаго монастыря и первый миссіонеръ, о.о. Янъ Левицкій, вице-ректоръ, Илья Магеревичъ, второй миссіонеръ, Епифаній Ляхоцкій, третій миссіонеръ, Либерій Очавскій, Базиліане, рѣшились остаться въ монастырѣ, а всѣ профессора, которыхъ было шестеро, съ согласія своего ректора, скрылись въ Волынь. Оставшіеся утѣшали испуганныхъ, укрѣпляя ихъ въ святой вѣрѣ: исповѣдывали въ продолженіи пятницы, суботы, воскресенья и понедѣльника до восьми часовъ, т. е. 17, 18 и 19 іюня; а въ послѣдній день, т. е. 20-го, въ понедѣльникъ, вмѣстѣ съ другими понесли жестокую смерть.

Прежде нежели началось это ужасное событіе, было донесено въ уманскій замокъ, Младановичу, губернатору Уманской волости, о ненадежности козаковъ уманскихъ, которые находились въ то время въ одномъ отрядѣ подъ начальствомъ Обуха, придворнаго полковника, на границѣ со стороны Новосербіи. Поэтому Младановичъ, давъ предписаніе, чтобы они шли къ Уманю, призвалъ тотчасъ сотника Гонту съ »началами« или офицерами козацкими, для присяги въ вѣрности господину и

городу, что онъ и исполнилъ въ ратушѣ въ присутствіи мѣщанъ, обѣщая не измѣнять подъ всевозможными клятвами. Когда было уже навѣрное извѣстно, что болѣе 500 гайдамаковъ находятся въ Соколовкѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ недалеко отъ Уманя, и оттуда отправляются къ Уманю, то противъ нихъ отрядили, (оставивъ пѣхоту въ городѣ), всѣхъ конныхъ козаковъ, которыхъ тогда было до семисотъ, полагая въ Гонтѣ всю надежду на спасеніе. При этомъ отрядѣ находились два полковника: Обухъ и Магнушевскій. Во время похода къ Соколовкѣ, Гонта сговорился съ козаками и отказался повиноваться полковникамъ, но помня ихъ услужливость и тѣсную дружбу, позволилъ имъ спасти жизнь бѣгствомъ, хотя и жизнь-то они спасли только за границей, потому что козаки ихъ преслѣдовали, вѣроятно съ тѣмъ, что, когда они будутъ убиты, Умань, ничего не зная объ измѣнѣ и полагаясь на Гонту, тѣмъ легче достанется ему въ добычу. Соединившись съ вышеупомянутыми мошенниками по условію, безъ сомнѣнія прежде заключенному, они подступили къ городу, который, увидя, что бунтовщики окружаютъ палисады и ужé обагрены кровью жидовъ и христіанъ, застигнутыхъ ими за палисадами, тотчасъ заперъ ворота и снялъ мосты. Шляхта, жиды, пѣхотные козаки, придворный капитанъ Ленардъ съ придворной пѣхотой, число которой простиралось до ста человѣкъ, и собравшіеся для конфедераціи, всѣ обратились къ защитѣ тѣмъ бодрѣе, что у нихъ было все въ готовности къ отраженію, какъ-то: пушки большія и полевыя, до нѣсколькихъ десятковъ штукъ, очень много ружей, довольно пороху, пуль и картечи. Придавало имъ отваги и присутствіе Прусаковъ, которые прибыли въ числѣ 50 человѣкъ для купли лошадей; но они, видя, что готовится битва, и не имѣя на то приказанія, спокойно вышли тѣми воротами, подлѣ которыхъ не было сволочи.

Дѣйствительно, надо думать, что, еслибъ не коварство, то вѣроятно въ Уманѣ не испытали-бы столь ужаснаго бѣдствія: хотя отъ 7 ч. вечера во всю ночь сильно и стремительно штурмовала его сволочь, паля изъ ружей и сгоняя изъ сосѣднихъ деревень толпы людей для рубки и подкапыванія палей, однако, разимая изъ города картечью и гаковницами, отступила, унеся съ собою немало труповъ. Видя, что нельзя достигнуть цѣли силою, она рѣшилась употребить коварство, которое и удалось. Сотникъ Гонта, приблизившись съ другими »началами« къ воротамъ, находящимся въ сторонѣ Грекова лѣска, и разъѣзжая на конѣ,—одинъ бѣлый платокъ, привязанный къ оконечности пики, выставлялъ какъ знакъ мира и безопасности, а другой — послалъ губернатору Младановичу съ увѣре-

ніемъ, что какъ прежде онъ присягалъ въ вѣрности господину и городу, такъ и теперь ничѣмъ не думаетъ обижать осажденныхъ: напротивъ, обѣщаетъ совершенное повиновеніе губернатору, если только добровольно впустятъ его съ козаками въ городъ. Къ этому онъ добавилъ угрозу, что въ случаѣ отказа употребитъ всевозможныя усилія и жестокости для отмщенія. Посланные передавали это просто, но съ такою хитростью, что обманутый губернаторъ не только не приказалъ, но даже запретилъ, какъ утверждаютъ, защищать городъ. Видя въ этомъ вѣрную погибель, осажденные обыватели, не имѣя возможности спасти жизнь, позаботились о спасеніи души, и съ этою цѣлью одни отправились на молитву въ Базиліанскую капеллу, а другіе въ приходскій костёлъ, гдѣ получили общее отпущеніе грѣховъ. Тѣ же, которые не могли тамъ помѣститься, сподоблялись этого таинства отъ Базиліанскихъ священниковъ на рынкѣ и улицахъ. Страшное смятеніе распространилось: страхъ выжималъ слезы и вздохи; всѣ прощались другъ съ другомъ. Наконецъ, послѣ непродолжительнаго спора съ одной стороны между Ленардомъ, капитаномъ, и Марковскимъ, хорунжимъ придворнымъ, которые не соглашались впускать негодяевъ въ городъ и хотѣли дать одновременный залпъ изъ пушекъ и ружей по приближающимся къ воротамъ, и между губернаторомъ съ другой стороны, — ворота были отперты. Гонту, Залізняка и другихъ начальниковъ привѣтствовали хлѣбомъ и солью, которые были выставлены мѣщанами на столѣ по старому обычаю, причемъ присутствовали и главныя должностныя лица. Набралась тотчасъ большая толпа сволочи; немедленно приставлена была сильная стража къ капеллѣ, костёлу и божницѣ жидовской; ратуша окружена со всѣхъ сторонъ, губернаторъ со всѣмъ семействомъ посаженъ подъ строгій арестъ въ домѣ одного мѣщанина, а послѣ совѣщанія Гонты съ Залізнякомъ, продолжавшагося нѣсколько времени, когда Гонта крикнулъ козакамъ: »може, браття, часъ розпочати дiло«, начались жестокости, достаточно описать которыя невозможно.

Прежде всего подверглись дикой ярости тѣ, которые находились на рынкѣ. На улицахъ и въ домахъ кололи, рѣзали, убивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на лица, ни на плачъ и просьбы; пронзенныхъ пиками младенцевъ бросали вверхъ, на воздухъ или на крыши, а если они падали еще живые, то ихъ губили, подвергая вторично тѣмъ же мукамъ. Плачъ, крикъ, мольбы наполняли воздухъ; ужасный стонъ издавали матери, которымъ распарывали внутренности, чтобы вынутый изъ нихъ плодъ уничтожить жестокимъ образомъ. Оказали, правда, сопро-

тивленіе этой ярости собравшіеся конфедераты и придворные солдаты, но у нихъ не было хорошихъ предводителей, такъ-какъ недовольный капитанъ Ленардъ тотчасъ послѣ спора съ губернаторомъ скрылся изъ города, и потому, ранивъ выстрѣлами болѣе десятка гайдамаковъ и убивъ нѣсколько десятковъ, сами они всѣ до послѣдняго были перебиты.

Когда не осталось никакого сопротивленія, одни направились въ приходскій костёлъ, другіе въ базиліанскую капеллу. Войдя въ костёлъ, одинъ изъ атамановъ вскочилъ на каѳедру и, безстыдно понося собранную шляхту, издѣваясь надъ обрядами и богослуженіемъ, осыпалъ богохульственными ругательствами таинства, образа и всю католическую вѣру; наконецъ, когда онъ закричалъ: рѣжьте,—каждый, какъ бѣшеный, бросился на самыхъ почтенныхъ и знатныхъ лицъ. Ксендза Вадовскаго, коммендарія, искололи у алтаря пикою; однихъ обнажали, другихъ разсѣкали топоромъ, по третьимъ застрѣляли, инымъ наносили смерть ножами, пиками и дубинами, вытаскивали за волоса маститыхъ старцевъ и нѣжныхъ дамъ, и публично ихъ насиловали; раздирали младенцевъ... Тоже самое происходило и съ находившимися въ базиліанской капеллѣ: здѣсь ксендза Костецкаго, ректора Уманскихъ школъ, сперва изранили выстрѣлами; потомъ, когда онъ собиралъ съ земли и съѣдалъ выброшенные сволочью, на поношеніе, святые дары, закололи пиками и бросили въ канаву. Отцовъ: Яна Левицкаго, вице-ректора, Илью Магеревича, Либерія Очавскаго и Маевскаго, базиліанъ, вытащили изъ капеллы и, обнаживъ, жестоко били, требуя, чтобъ они указали монастырскую казну и имущества, отданныя помѣщиками въ монастырь на сохраненіе. Не найдя ихъ, потому что они уже были выкопаны въ подвалѣ другими мошенниками, забили упомянутыхъ монаховъ въ колодки, били по головѣ, лицу и спинѣ плетьми, древками пикъ, палками, кололи слегка пиками, и обведя нагихъ съ ругательствами и насмѣшками кругомъ ратуши, уже полумертвыхъ, по заступничеству нѣкоторыхъ мѣщанъ, отдали подъ крѣпкій караулъ въ домъ мѣщанина Игнатія Рогатого. Когда-же приходскій священникъ не уніатской церкви св. Архангела Михаила, пребывающій до сихъ поръ въ схизмѣ за границей, сильно настаивалъ, чтобъ они были убиты, тогда вывели ихъ на улицу и близь вышеупомянутой церкви искололи, оставивъ тамъ-же тѣла ихъ на поруганіе.

Неменьшимъ жестокостямъ подверглись жиды, которыхъ въ одной только божницѣ вырѣзали до трехъ тысячъ. Тогда можно было видѣть людей, валяющихся въ собственной крови и умоляющихъ, чтобъ

ихъ кто-нибудь добилъ, изувѣченныхъ, однихъ безъ рукъ, другихъ безъ ушей, окровавленныхъ, бѣгающихъ нагишомъ по улицамъ, которыхъ чернь, собравшаяся изъ сосѣднихъ деревень, лишала остатка жалкой жизни топорами и дубинами. Можно было видѣть, какъ вытаскивали разныхъ лицъ изъ подваловъ, бурьяна, рвовъ и другихъ тайниковъ; какъ убѣгающихъ хватали и сгоняли въ одно мѣсто стадами, какъ самыя женщины, разсвирѣпѣлыя по примѣру своихъ мужей, примѣтя прячущихся, рѣзали и убивали ихъ ножами, серпами, кочергами, заступами, подстрекая и пріучая дѣтей своихъ къ подобнымъ жестокостямъ. Не только расхищали имущество изъ дворянскихъ домовъ и обирали до-нага трупы, но и изъ костёла и базильянской капеллы похищали утварь и украшенія, забирали имущество, отданное помѣщиками на сохраненіе, котораго было не мало, и сносили къ Гонтѣ, какъ въ складочное мѣсто. Одни, сбросивъ свои отвратительныя рубища, переодѣвались въ снятыя съ труповъ платья, другіе, съ презрѣніемъ сидя на алтаряхъ, снимали ходаки и надѣвали сапоги или иную обувь. Когда атаманъ Тыликъ, еще сохранившій въ себѣ нѣсколько страха Господня, уносилъ изъ костёла въ церковь обвязанную антиминсомъ коробочку съ святыми дарами, то ее вышибли у него изъ рукъ и разсыпанные по землѣ святые дары топтали святотатственно ногами, смѣшивая ихъ съ кровью, истекавшею изъ труповъ. Одни ломали распятія и богохульственно плевали на нихъ, другіе, одѣвшись въ ризы, шли развратничать; иные, пробивъ дыры въ дискосахъ, привѣшивали ихъ къ лентамъ и носили на подобіе орденовъ, а изъ церковныхъ сосудовъ пьянствовали.

Сволочь, упившаяся уже невинною кровью своихъ соплеменниковъ и господъ, истребивъ, впродолженіи семи безъ-малаго часовъ, болѣе восемнадцати тысячъ людей разнаго званія, начала въ этотъ день немного успокоиваться, и чтобъ найти причину пощадить остальныхъ изъ согнанныхъ въ одно мѣсто и вытащенныхъ изъ разныхъ тайниковъ, рѣшила крестить ихъ, погружая троекратно всего человѣка въ воду, приготовленную въ чану. Съ этою цѣлью согнали всѣхъ въ церковь св. Николая; но когда старикъ-священникъ не хотѣлъ ихъ крестить, какъ уже крещенныхъ, то его убили палками и отправились къ вышеупомянутому приходскому священнику церкви св. архангела Михаила, и здѣсь рѣшеніе толпы было исполнено. Этотъ священникъ, будучи въ томъ заблужденіи, что крещеніе, совершенное священниками, соединенными съ Римскою церковью, не дѣйствительно, охотно взялся исполнить требованіе толпы, хотя этого не одобряли сами приведенныя лица, а нѣкоторыя совсѣмъ не хотѣли

принимать крещенія. Но такихъ было очень мало: едва нашлись три лица, которыя предпочли жестокую смерть вторичному крещенію. Окрещенныхъ сволочь разобрала между собою.

Въ тотъ-же день, когда уже приближалась ночь, нѣсколько человѣкъ, изъ любопытства, начали вламываться въ запертую башню, находящуюся въ городѣ недалеко отъ западныхъ воротъ. Одного изъ нихъ тотчасъ убилъ изъ пистолета Шафранскій, придворный землемѣръ владѣльца, спрятавшійся тамъ со своимъ слугою. Это сильно встревожило негодяевъ, почему одни, пригнавъ мужиковъ, приказали рубить топорами, другіе притащили пушку. Выстрѣливъ изъ нея въ башню, убили только слугу, спрятавшагося подъ крышей, и потомъ бросились съ топорами къ дверямъ. Хотя Шафранскій храбро защищался и убилъ нѣсколько человѣкъ, однако, взятый превосходною силой, былъ изрубленъ.

Пылкая душа Гонты, сдѣлавшись орудіемъ столь большихъ жестокостей и столь великаго бѣдствія, уже была-бы должна умириться, но разъяренная свирѣпость и жажда мщенія, еще не насыщенная гибелью столькихъ людей, не позволила ему забыть о губернаторѣ Младановичѣ, на котораго онъ былъ особенно сильно ожесточенъ по слѣдующей причинѣ. Получивъ извѣстіе о мятежахъ, начавшихся въ Украинѣ, покойный воевода, желая обезопасить Уманщину, за нѣсколько недѣль передъ кровопролитіемъ написалъ къ Гонтѣ письмо, исполненное милостивыхъ выраженій и обѣщавшее оставить за нимъ въ наслѣдственную собственность принадлежавшіе уже ему хутора, отдать двѣ деревни въ пожизненное владѣніе и другія благодѣянія, лишь-бы только онъ въ защитѣ отъ негодяевъ Уманщины, особенно же самого Уманя, былъ вѣренъ, заботливъ и старателенъ. Младановичъ, по зависти-ли, или по презрѣнію, или-же по какимъ-либо другимъ причинамъ, письма этого не отдалъ и даже не показалъ Гонтѣ, который однако узналъ о немъ сперва со стороны, а потомъ нашелъ его между захваченными и снесенными къ нему вещами Младановича. Гонта приказалъ привести его къ себѣ съ женою и дѣтьми и, полный злобы, сказалъ ему слѣдующія слова: »измѣнникъ, ты былъ поводомъ къ этимъ жестокостямъ, ты причина этого кровопролитія (тутъ онъ указалъ на трупы)! Зачѣмъ-же ты, имѣя въ рукахъ письмо воеводы, не показалъ мнѣ его? что-же ты выигралъ этой утайкой?« Потомъ сильно ударилъ его по открытой головѣ татарскою саблей. Палъ къ его ногамъ окровавленный Младановичъ, а приготовленные къ этому козаки тотчасъ изрубили его на мельчайшія части. Жену съ дѣтьми,

заливавшихся горячими слезами и просившихъ помощи, прежде всего обнажили и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, послѣ разныхъ развратныхъ поруганій, искололи пиками. Къ этому самому времени привели одѣтаго въ сѣрую свитку и босаго Скаржинскаго, Уманскаго экономa. Хотя Гонта старался спасти его отъ смерти, однако, по настоянію крестьянъ, которые не разъ были имъ наказываемы, онъ сдѣлался жертвою мщенія, пораженный въ лобъ пулею. Ужасный видъ, какой представляло множество труповъ, *невинно* пролитая кровь, которою *были обагрены земля и стѣны*, также ожидаемый смрадъ отъ труповъ, которые запрещалось закапывать, какъ недостойные нѣдра земли, все это, не позволяя дикимъ умамъ сволочи успокоиться и долѣе оставаться въ городѣ, принудило ее выйти съ добычею на поле, лежащее къ югу отъ города и называющееся Карповка. Тамъ устроили лагерь и, укрѣпивъ его окопами и пушками, приступили къ раздѣленію сволочи на сотни или громады, изъ которыхъ каждая состояла изъ 100 разбойниковъ, и къ назначенію высшихъ чиновъ. Прежде всего, при повторенныхъ нѣсколько разъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и ружей, провозгласили гетманомъ Максима Залізняка, полковникомъ Гонту. Ихъ обоихъ наименовали князьями, перваго Смѣлянскимъ, втораго Уманскимъ. Инымъ были розданы другіе чины. Правленіе въ Уманѣ въ это время досталось одному козаку, по фамиліи Уласенку, который потомъ составилъ большія деньги изъ податей цѣлой Уманщины и, предвидя, что сволочь навѣрно будетъ разсѣяна, бѣжалъ въ Валахію. Новоизбранные начальники давали большіе, пышные пиры. Изо всѣхъ окрестностей сдѣланы были большія доставки; меду, вина, водки собрано было около полутораста бочекъ;— ежедневно, въ-продолженіи почти двухъ недѣль, пировали съ крикомъ, возгласами, музыкой и другими развратными увеселеніями. Въ Гонтѣ однако постоянно замѣчали безпокойство, тревогу и замѣшательство. Въ этомъ состояніи онъ не разъ произносилъ такія слова: »сомнѣваюсь, братцы, чтобъ мы могли распить то, что наварили.« Въ то же самое время произошелъ и дѣлежъ собранной добычи. Изъ сукна, шелковыхъ матерій, мѣховъ, разнаго платья и всякой утвари насыпали болѣе десятка большихъ *куpгановъ;* кромѣ денегъ и часовъ, которыхъ было не мало, одного изломаннаго серебра набралось шесть сундуковъ. Залізняку, кромѣ другихъ дорогихъ вещей, досталось три сундука съ серебромъ, которые онъ продалъ въ Кіевъ одному купцу только за девять тысячъ, хотя они гораздо больше стоили. Остальную часть серебра и

лучшей добычи назначили Гонтѣ, прочія-же вещи были раздѣлены между другими, сообразно чинамъ и выказанному въ рѣзнѣ мужеству.

Такъ какъ трупы въ продолженіи трехъ лѣтнихъ дней лежали непогребенными, то нестерпимый смрадъ принудилъ оставшихся въ городѣ мѣщанъ собраться вмѣстѣ и усильно просить Залізняка и Гонту, чтобы трупы были убраны; но какъ трудно было копать ямы, то приказано было согнаннымъ мужикамъ сбросить тѣла въ колодезь, находящійся на самомъ рынкѣ между западомъ и сѣверомъ, въ лѣвомъ углу теперешней ратуши, если обратиться къ востоку. Колодезь былъ глубиною въ нѣсколько десятковъ саженъ, но, не смотря на то, что много труповъ дѣлалось добычею собакъ, колодезь былъ набитъ трупами. Тѣла, находившіяся за городомъ, были оставлены на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

Очнувшись отъ опьяненія, какъ-бы отъ летаргическаго сна, сволочь, вмѣсто того, чтобы выйти изъ остервененія и оставить жестокости, составила совѣтъ, на которомъ согласились послать нѣсколько сотенъ въ сосѣднія мѣстечки и деревни для грабежа, разбоя и набора новой толпы, число которой всякій день значительно умножали мужики. Кто больше убьетъ Поляковъ или Жидовъ, тому былъ обѣщанъ высшій чинъ. И дѣйствительно, въ мѣстечкахъ Грановѣ, Теплинѣ, Дашовѣ, Тульчинѣ, Монастырищѣ, Гайсинѣ, Конелѣ, Басовкѣ, Ладыжинѣ и въ смежныхъ деревняхъ, Поляки и Жиды подверглись тѣмъ же жестокостямъ, что и въ Уманѣ. Изъ этихъ мѣстъ большую добычу ежедневно доставляли въ лагерь.

Сотникъ, по фамиліи Шило, съ пятидесятью конными козаками, хорошо вооруженными, и двумя пушками, отправился между тѣмъ въ Балту, мѣстечко, лежащее на Турецкой границѣ. Вырѣзавъ здѣсь Жидовъ и оставшуюся шляхту (многіе бѣжали на Турецкую сторону за рѣку Кодыму) и, захвативъ ихъ имущество, онъ требовалъ у Турецкаго паши выдачи остальныхъ; когда-же ему было отказано, хотѣлъ возвратиться въ лагерь. Этимъ-бы дѣло, вѣроятно, и кончилось, еслибъ Турокъ въ его присутствіи, не знаю по какому поводу, не убилъ Грека. Разгнѣванный этимъ сотникъ, присоединивъ къ себѣ еще столько-же негодяевъ, сколько у него было, сдѣлалъ такую сильную атаку на Турецкую сторону, что, не смотря на долгое сопротивленіе, Турки должны были выступить изъ города, ретируясь медленно съ захваченными лучшими вещами. Хотя одинъ атаманъ и нѣсколько гайдамаковъ были убиты, однако Шило до тѣхъ поръ продолжалъ атаку, пока не овладѣлъ всею Турецкою стороною и не избилъ всѣхъ, которые не спас-

лись бѣгствомъ. Правда, вскорѣ прибыли на помощь Татаре, но не во время, потому что сволочь, нахвативъ бывшихъ подъ рукою пригодныхъ вещей, быстро скрылась. Въ честь прибытія упомянутаго сотника и другихъ, которые въ тоже самое время возвращались въ лагерь съ добычей и набранной отовсюду сволочью, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, издавали радостные крики и дѣлали причудливые пиры въ простонародномъ вкусѣ. Но эта радость измѣнилась вскорѣ въ нестерпимую печаль и несчастіе для разбойниковъ, а для страны—въ утѣшеніе.

Въ самомъ разгарѣ увеселеній сволочи, дано было знать Залізняку и Гонтѣ, что Русскій поручикъ, по фамиліи Кривой, прибылъ въ городъ съ 60 Донцами. Это сильно встревожило разбойниковъ, и потому они рѣшились быть осторожными и избѣгать Москалей; но благоразумный поручикъ съумѣлъ дать столько доказательствъ мнимой дружбы, что Залізнякъ и Гонта, убѣжденные въ его непритворности, не только приглашали его къ себѣ на общіе пиры и посылали значительные подарки, но сверхъ того позволили ему поставить, вмѣсто козаковъ, свои караулы въ городѣ. Чтобы, притомъ, оправдать свои дѣйствія и болѣе укрѣпить образовавшуюся связь съ поручикомъ, они показали вымышленный Мельхиседекомъ указъ Россійской императрицы, увѣряя, что они готовы, по приказанію императрицы, пролить кровь до послѣдней капли, и что поэтому они единодушно рѣшились отправиться въ Бердичевъ для истребленія находившихся тамъ конфедератовъ. Поручикъ все это одобрилъ и обѣщалъ самъ присоединиться къ нимъ съ своимъ войскомъ, которое приближалось, состоя изъ цѣлаго полка карабинеровъ; но предварительно требовалъ удаленія крестьянъ, имѣвшихъ хозяйство, женъ и дѣтей, потому что подобные люди, объяснялъ онъ, не захотятъ перенести военныхъ трудовъ и лишеній, а побуждаемые къ бѣгству привязанностью къ своей странѣ, женамъ и дѣтямъ, ничего не сдѣлаютъ, кромѣ замѣшательства и безпорядка; сверхъ того страна разорится, лишившись людей, занимающихся земледѣліемъ. Это мнѣніе было одобрено, и тотчасъ приказано объявить, чтобы всѣ люди этого рода, а также тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ силъ къ перенесенію всѣхъ случайностей, представляющихся обыкновенно солдату, особенно во время войны, вышли изъ войска и разошлись по домамъ. Дѣйствительно, много мужиковъ послѣдовало этому мнѣнію и выбыло, но несравненно больше осталось. Наконецъ, объявлено было въ лагерѣ, чтобы всѣ готовились въ походъ, вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ, къ Бердичеву. Будто съ этою цѣлью, поручикъ совѣтовалъ, для возбужденія бо́льшаго мужества,

устроить въ предпослѣдній день пиръ, на которомъ сволочь до такой степени напилась медомъ и водкой, что очень мало осталось такихъ, которые были въ-силахъ двинуться съ мѣста. Подстрекали ихъ къ этому и Москали, но сами сохраняли самую строгую воздержность. Когда уже и Залізнякъ съ Гонтой напились порядочно, поручикъ, также притворяясь пьянымъ, въ сопровожденіи Гонты и Залізняка отправился въ свою резиденцію, бывшую въ городѣ. Прибывъ сюда, онъ, послѣ дружескихъ разговоровъ, увѣдомленный, что карабинеры находятся недалеко отъ лагеря, приказалъ Гонту, Залізняка и другихъ, прибывшихъ съ ними, сейчасъ-же заковать крѣпко-на-крѣпко въ кандалы. Остолбенѣли Залізнякъ съ Гонтой, а подскочившіе Донцы прежде всего вставили имъ обоимъ замки въ ротъ, чтобъ они не произвели никакого шума и замѣшательства; потомъ, сильно ударяя ихъ по лицу, оковали обоихъ желѣзными цѣпями. Посаженные въ одно мѣсто, они, качая другъ къ другу головами, оплакивали свою судьбу: приготовивъ ее себѣ вмѣстѣ, вмѣстѣ о ней и сожалѣли.

Когда это происходило съ Гонтою и Залізнякомъ, остальные Донцы съ карабинерами окружили между-тѣмъ со всѣхъ сторонъ лагерь. Это еще не встревожило сволочи, считавшей ихъ своими друзьями, но когда со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія, чтобы она тотчасъ положила оружіе, тогда осаулъ Хома, крикнувъ »измѣна«, первый бросился къ оружію и убилъ нѣсколькихъ Донцовъ, но окруженный другими Донцами, вскорѣ и самъ былъ убитъ. Бросились было защищаться и другіе, но пораженные внезапнымъ страхомъ и обезсиленные пьянствомъ, не имѣя предводителей, принуждены были положить оружіе; прочіе-же, которыхъ было гораздо больше, спали пьяные и даже не знали о своей погибели. Имѣя въ готовности довольно веревокъ и колодокъ, Москали приказали мужикамъ, согнаннымъ нарочно изъ имѣнія Городецкаго, близкаго къ Уманю, вязать и набивать колодки; такъ какъ это происходило ночью, то многіе убѣгали, выползая на животахъ подъ лошадьми, но и изъ нихъ многихъ потомъ поймали. Когда веревокъ и колодокъ не достало для такого множества негодяевъ, остальныхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ и безоружныхъ, карабинеры продержали до утра на мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, а на другой день побросали въ ямы и подвалы. Сначала отобрали лошадей, оружіе, амуницію и всю добычу и доставили къ Русскому полковнику, по фамиліи Нолькину, который прибылъ съ карабинерами. Потомъ приводили къ нему по нѣскольку разбойниковъ, и Заднѣпрянцевъ записывали на од-

номъ спискѣ, а на другомъ, со всѣми приличными подробностями, Украинцевъ. Всѣхъ обдирали до нитки. Наконецъ, Залізнякъ, со всѣми заднѣпровскими товарищами и всею захваченною добычей, былъ отосланъ въ Московскую землю, гдѣ онъ былъ сначала высѣченъ кнутомъ у позорнаго столба, а потомъ отведенъ въ Сибирь, куда сослали и вышеупомянутаго Мельхиседека, который однако вскорѣ былъ возвращенъ въ Кіевъ. Остальныхъ негодяевъ наказывали другими, сообразными съ обычаемъ страны, способами, водя ихъ подлѣ границы Польской. Тѣхъ-же, которые были жителями Польской стороны, отвели въ деревню, называющуюся »Сербы« и лежащую недалеко отъ пограничнаго города Могилева, и отдали Браницкому, обозному, который тамъ стоялъ все время со своею дивизіей. Послѣ допроса, въ той-же деревнѣ, сначала содрали съ Гонты кожу полосами, отрубили ему руки и ноги, вырвали у живого сердце, наконецъ четвертовали. Онъ вынесъ эту казнь такъ-же терпѣливо, какъ и по заслугамъ, приготовившись заранѣе къ смерти самымъ приличнымъ образомъ. Другихъ губили и наказывали разными способами: то отсѣкали головы, то вѣшали, то отрубали лѣвую ногу и правую руку, то драли розгами. Свидѣтелями этой казни были: Каменецъ, Львовъ, Кременецъ, Винница, Житомиръ, Латичевъ и другіе города, гдѣ казнили по семи, пяти и восьми негодяевъ.

Таково событіе 1768 года, такова судьба Украинской черни, которая, сдѣлавшись причиной собственной погибели и погибели стольких соотечественниковъ, не мало повредила вскормившему и взлелѣявшему ее на своемъ лонѣ отечеству и въ томъ отношеніи, что страна потеряла болѣе десятка милліоновъ, такъ-какъ имущество, пріобрѣтенное кровавымъ трудомъ, перешло въ чужія руки.

ПИСЬМА НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПОЛЯКОВЪ СЪ ВОЛЫНИ.

(1768)

(Переводъ съ польской рукописи, изъ библіотеки Оссолинскихъ, во Львовѣ.)

I.

1768 г. іюня 28 дня, изъ Волыни.

За одной неокончившейся бѣдою послѣдовала другая, еще болѣе опасная и ужасная: мятежъ крестьянскій внезапно усилился; вездѣ рѣжутъ и убиваютъ шляхту, управителей и всѣхъ католиковъ, также евреевъ и даже уніатскихъ поповъ. Это безчеловѣчіе свирѣпствуетъ не только въ самой Умани, куда для спасенія жизни скрылось много шляхты съ женами и дѣтьми, какъ равно и въ Лысянкѣ, гдѣ умерщвлены шесть францисканскихъ монаховъ и губернаторъ, но и въ Титовѣ; гроза приближается даже къ Пикову. Этотъ же мятежъ распространился въ Паволочи и въ окрестностяхъ; начало крестьянскаго волненія становится замѣтно и въ трехъ миляхъ отъ Полоннаго, т. е. въ Любарѣ и Острополѣ, — что еще важнѣе. Здѣсь, по разнымъ трактамъ, проходятъ огромные обозы шляхты и Жидовъ, спасающихъ только одну жизнь; самъ князь Касперъ (Любомирскій), который даже въ Полонномъ, близь крѣпости, гдѣ находится московскій горнизонъ, не можетъ воздержать и усмирить эту смѣлость крестьянъ, находится въ большомъ смятеніи, не видя средствъ къ предупрежденію приближающагося огромнаго пожара. Одна только надежда — на Московское войско. Слышно, что немедленно имѣли быть командированы (войска) въ Бердичевъ, для гашенія этого огня. Разсказываютъ еще слѣдующія обстоятельства: взявъ въ плѣнъ часть конфедератовъ, въ то время какъ другіе находились въ Барѣ, панъ ловчій (Браницкій) отправился въ Баръ, 16-го настоящаго мѣсяца. Онъ приблизился къ городу не съ цѣлью аттаковать, а только съ желаніемъ привлечь къ себѣ *компутовихъ;* но когда изъ города начали стрѣлять по немъ изъ пушекъ, отступилъ къ Деражни, безъ малѣйшей потери въ людяхъ; ког-

да же генералъ Апраксинъ прибылъ къ Бару со своей командой, 17-го настоящаго мѣсяца, а 20-го на разсвѣтѣ началъ аттаку, и когда, съ другой стороны, уланы живо принялись рубить сваи за́мка, городъ и за́мокъ были взяты въ самое короткое время, какъ говорятъ, въ полчаса. У городскихъ воротъ, откуда ***Москва*** начала аттаку, помѣщенъ былъ Мѣндзыборжскій гарнизонъ, который защищался мужественно, и оттого потерялъ людей болѣе, чѣмъ другіе. Вообще, всѣхъ убитыхъ и раненныхъ между конфедератами считаютъ около тысячи (1); Москвы тоже довольно: у самихъ воротъ, при входѣ, 82 офицера и много раненныхъ. Конфедератами командовалъ тамъ Звиногродскій мечникъ, панъ Барщевскій. Жители города подверглись грабежу; убито было нѣсколько евреевъ. Ксендзъ Маркъ, Кармелитскаго ордена, арестованъ.

Изъ компутовыхъ, украинскій отрядъ находился въ Барѣ; другіе въ то время стояли въ Могилевѣ; иные отправлены были къ Саврани и Умани. Правда, староста Варецкій велъ компутовыхъ въ Баръ чрезъ Шаргородъ, но какъ скоро велѣлъ имъ отправиться изъ Шаргорода въ Баръ, а самъ межъ-тѣмъ хотѣлъ возвратиться въ Могилевъ, то и они, увидя это и подозрѣвая уже своего маршала, тоже воротились за нимъ въ Могилевъ. Затѣмъ, онъ живо поспѣшилъ къ Днѣстру и, не теряя времени, переправился вслѣдъ, за п. Литовскимъ подчашимъ, на другую сторону, въ Валахію. Многіе, какъ паны Винницкій подстолій Ярошинскій и Трехтымировскій староста Щенёвскій съ женами, и много иныхъ помѣщиковъ, тамъ же, подъ Сорокой, переѣхали еще раньше. Дворовые люди, въ особенности козаччина, одни послѣ пораженія подъ Браталовкой, а другіе узнавъ объ этомъ пораженіи, разсыпались въ разныя стороны. Впрочемъ, часть войска еще оставалась подъ Могилёвомъ. Но, говорятъ, что когда ***Москва*** направилась къ Могилеву отъ Бара, этотъ конфедератскій отрядъ двинулся отъ Могилева къ Днѣстру, мимо Цекиновки и Ражкова, желая, вѣроятно, направить свой путь въ Татарскіе предѣлы, по тому же берегу (такъ-какъ переправа черезъ Днѣстръ, со стороны Валахіи, военнымъ была воспрещена); но, полагая, что входъ военнымъ Валахія воспрещала по повелѣнію Порты, нужно заключать, что и у Татаръ встрѣтилось бы тоже самое затрудненіе; и потому можно думать, что это компутовое войско, не имѣя ни вождя ни пособія, могло склонить-

(1) Въ Барѣ погибло не болѣе 80 конфедератовъ и много взято въ плѣнъ, вслѣдствіе измѣны сына кастеляна Гизыцкаго; Москвы погибло тамъ до 700 человѣкъ.

ся подъ команду короннаго-ловчаго. Даже говорятъ, будто примиреніе дѣйствительно уже послѣдовало, и если такъ въ самомъ дѣлѣ, то желательно было бы, чтобы теперь компутовое войско, находясь въ повиновеніи у военной комиссіи и назначеннаго региментаря, съ помощью Россійскаго войска, отправилось для усмиренія крестьянскаго волненія; хорошо было бы также, чтобы тѣ изъ пановъ, принадлежащихъ къ конфедераціи, которые разбѣжались и которые, бывъ взяты Москвой, уволены,—соединились и разомъ двинулись на усмиреніе мятежниковъ, потому-что разъяренные крестьяне, сообразивъ свои силы, пожалуй, не станутъ слушаться и этой части Россійскаго войска. Слышно было здѣсь о неудовольствіи Малороссійскихъ помѣщиковъ и Січовыхъ козаковъ; еслибы имъ вздумалось возстать вмѣстѣ съ украинскими крестьянами, возстаніе это было бы опасно самой Россіи: освободившись изъ-подъ власти, они могли бы основать какую-нибудь удѣльную область и держаться такъ, какъ и теперь, когда даже сами Поляки, при настоящемъ своемъ положеніи, не въ состояніи усмирить крестьянское волненіе. Въ Полонное приведены сынъ старосты Варецкаго, Звиногродскій подчашій Ортынскій и ротмистръ Кіевскаго ополченія Каменскій, и содержатся подъ секретнымъ арестомъ.

Всякій, кто попалъ въ конфедерацію поневолѣ, освобождается за порукою и квитанціями заинтересованныхъ лицъ. Теперь весь *Русскій* и *Волынскій* край находятся въ большомъ смятеніи, видя и въ тамошнемъ крестьянскомъ сословіи склонность и порывы къ волненію, тѣмъ болѣе, что край этотъ остался почти безъ войска.

Конфедератовъ можно еще здѣсь встрѣтить въ окрестности Бродъ; ихъ преслѣдуетъ Москва; но подъ именемъ конфедератовъ является здѣсь много разной сволочи. Нѣсколько дней тому назадъ, сволочь эта убила, подъ Муравицей, отправлявшагося на подводѣ москаля; проѣзды оказываются также опасными и для помѣщиковъ, и Богу извѣстно, что будетъ дальше, если огонь этотъ не будетъ погашенъ въ самомъ его началѣ.

П. Литовскій-подчашій опасно боленъ, при смерти, на той сторонѣ Днѣстра (*приписано*: по милости Божіей здоровъ).

Г. Воронича съ женой, еще до аттаки Бара, видѣли за Шаргородомъ по направленію къ Могилеву; отсюда не только конфедераты, но и помѣщики переѣхали съ своимъ имуществомъ за Днѣстръ.

II.

1768 г. іюня 28 дня, изъ другой мѣстности Волыни.

Лучше бы мнѣ не быть первымъ вѣстникомъ этихъ бѣдствій, если мои вѣсти будутъ первыми. Сердце твое, преданное дѣлу вѣры и свободы, такъ же какъ и мое, содрогнется, когда ты узнаешь, что надежда наша пала и что ея паденіе повлечетъ за собой гибель нашей вѣры и свободы.

Бѣдствія начались съ Бердичева. Когда Бердичевъ лишился помощи шедшихъ къ нему на защиту, и крѣпость эта была взята (о чемъ я уже писалъ прежде), Москва двинулась всей силой къ Бару. Узнавъ объ этомъ, главныя лица стали думать о своемъ спасеніи, оставивъ въ Барѣ Барщевскаго, разъѣхались къ Могилеву подъ предлогомъ — собрать въ одно мѣсто войско. Варецкій прибылъ въ Шаргородъ для найма компутовыхъ; послушались и двинулись къ Бару, но когда замѣтили, что онъ самъ повернулъ на Могилевскій трактъ, то и они воротились за нимъ; между-тѣмъ, къ Бару подступилъ Браницкій, но когда начали противъ него стрѣлять изъ пушекъ, ретировался; но какъ скоро прибылъ Апраксинъ, то на Баръ они ударили вмѣстѣ и разрушили ворота, которыя многихъ убили своимъ паденіемъ. Затѣмъ, съ большою силою бросились на штурмъ; несчастный Баръ защищался; но тѣ ворвались одинъ за другимъ и запершихся въ замкѣ взяли насильно. Нашихъ погибло до 500, столько же взято въ плѣнъ. Съ Барщевскимъ при грабежѣ умерщвлено много народа; монастырь уцѣлѣлъ; только Маркъ арестованъ. Наши изъ Могилева хотѣли *(отправиться)* за границу, но ихъ не пустили; несчастные обратились на Егорлыкъ и Цекиновку, къ Татарщинѣ, но сомнительно, найдутъ ли и тамъ убѣжище. Москва между-тѣмъ ихъ не оставляетъ. Не было тамъ ни австрійцевъ, ни янычаръ, но все-таки мы не вѣрили обѣщанію, данному Портой и напечатанному въ нашихъ газетахъ. Теперь, когда входъ воспрещенъ, мы убѣждаемся, что басурманъ погубилъ насъ, и это потому, что, вѣроятно, получилъ отъ Москвы больше, чѣмъ отъ насъ. Меня удивляетъ, что Бердичевъ былъ въ осадѣ почти три недѣли и Баръ не подалъ ему помощи. Эй, увидишь любезный панъ, что со временемъ въ этомъ дѣлѣ окажется и домашняя измѣна. Помнишь, ты писалъ, что конфедерація эта недолго удержится; не предполагаю, чтобы тотъ, кто писалъ это, способствовалъ измѣнѣ, но только

ее предвидѣлъ. Знаю достоинства старосты Варецкаго, но видно, онъ началъ опрометчиво, на основаніи однѣхъ только надеждъ; должно быть кто-нибудь такой былъ, что подстрекнулъ его.

Конфедератовъ здѣсь въ Волыни находится не малое число; но когда отнято гнѣздо, то ужъ трудно поднять голову, какъ имъ, такъ и Велико-Полянамъ. Браницкій цѣлъ; Стемпковскій не взятъ. Насъ только утѣшали; несчастный нашъ Мартынъ, — что онъ теперь думаетъ? Это все за грѣхи наши! Трудно поднять голову противъ воли Господней. Теперь то осмѣютъ и вѣру и свободу, а можетъ быть и насъ на вѣки упокоятъ.

Изъ взятыхъ въ Бердичевѣ привезены въ Полонное ротмистръ Каменскій, молодой Пулавскій, Здановскій; они заключены во флигелѣ, но могутъ гулять по саду.

Страшнѣе всего, что мятежъ крестьянъ все болѣе распространяется; этимъ огнемъ зажжены Чернѣховъ, Котельна и Паволочъ; въ Любарѣ уже убитъ раввинъ, а при производствѣ обыска, *списы* были найдены почти у каждаго крестьянина; въ Острополѣ было почти тоже. Князь Касперъ Любомирскій велѣлъ поймать Любарскихъ и Острольскихъ *(крестьянъ?)*; они приведены въ Полонное и будутъ примѣрно наказаны, но это не успокоитъ.

Въ Лысянкѣ захвачены Францисканцы; тамъ повѣшены вмѣстѣ шляхтичъ, ксендзъ, жидъ и собака. Крестьяне волнуются уже и въ этомъ захолустьи. Вотъ въ какомъ мы несчастномъ положеніи! Я бѣжалъ бы прежде Волынскаго регистра, но не могу, по этимъ обстоятельствамъ. Одинъ день можетъ сдѣлать все; нужно обдумывать, какъ спасти свою жизнь. Твой Лаврентій, съ нѣсколькими стами конницы, командированъ на усмиреніе мятежей, но этого недостаточно; впрочемъ, когда онъ узнаетъ, что произошло въ Барѣ, то, вѣроятно, возвратится назадъ.

ДО БРАТІВЪ НА ВКРАІНУ.

Хто мене́ не зна́е —
Самъ себе́ пита́е:
Чи то ве́чіръ погаса́е,
Чи ра́нокъ світа́е?

Хто мене́ не зна́е —
Віри не дійма́е,
Що стари́й дідъ го́лосъ ма́е,
Підъ ко́бзу співа́е.

Ой мовча́въ я, бра́ття,
Сло́вомъ не озва́вся,
По́ки Ба́тько украі́нський
Піснею впива́вся.

Хочъ мовча́въ уста́ми.
Співа́въ я душе́ю,
Та боя́вся зъ нимъ різни́ти
Ко́бзою мое́ю.

Наста́ла годи́на,
Що вся Украі́на
Зарида́ла по Тара́су,
Якъ мала́ дити́на.

Наста́ла годи́на —
Ні одна́ люди́на
Не взяла́ся за банду́ру
Мужи́цького си́на.

Задзвони́ли су́мно
По Вкраі́ні дзво́ни.
Ви́сить мо́вчки старосві́цька
Банду́ра въ комо́рі.

Уже́ жъ на ій стру́ни
Та й пообвиса́ли,
Голосні́йші, вимовні́йші
Вороги́ порва́ли.

Чи до-віку жъ, бра́ття,
Бу́демо мовча́ти?
Благословіть мині ко́бзу
Німу́ю узя́ти!

Підтягну́ я стру́ни
На го́лосъ висо́кий, —
Не сумува́й, Тара́се ба́тьку,
Въ моги́лі глибо́кій!

Почіплю́ я, бра́ття,
До стари́хъ струнъ но́ві, —
Не дока́зуй, загребу́щий,
Зъ Москви́ козако́ві!

Неха́й го́рда шля́хта
Зъ жа́лю омлива́е,
Що коза́къ вельмо́жнихъ пре́дківъ
На судъ визива́е!

Гірко жъ мині та́я
Сла́ва довела́ся,
Що рука́ моя́ зня́лася,
За ко́бзу взяла́ся!

Ой хто мене́ су́дить,
Хто мно́ю горду́е,
Неха́й пра́ву, неха́й щи́ру
Відъ ме́не почу́е.

Сусіде лука́ві,
Загребу́щі ру́ки!
Не до су́ду прийма́ть бу́ду
Одъ васъ тя́жкі му́ки.

Го́ді вамъ у се́рце
Сіяти отру́ту!
Я посіявъ по отру́ті
Крутове́рху ру́ту.

Посхо́дила ру́та
Барвінкомъ хреща́тимъ,
Бу́де се́рце застила́ти.
Рани закрива́ти.

Изъ ранъ, мовъ съ криниці,
Рідне слóво ри́не...
Розлива́йся, рідне слóво,
По всій Украіні!

Неха́й всяке мля́ве
Се́рце стрепене́тця —
И но́вою, здоро́вою
Ду́мою забъе́тця.

Росла́ моя́ ду́ма
Понадъ берега́ми,
Де славе́тний Гарибáльди
Би́вся зъ ворога́ми.

Цвіла́ моя́ ду́ма
Надъ водо́ю ти́хо,
Де вікъ че́сний дожива́е
Ма́ти-Гоголи́ха.

Ой ёго́ жъ то си́ла
Мене́ звеселя́ла
И співáти про святу́ю
Во́леньку навчи́ла.

Ой ій жъ то се́рце
Ти́хе-голуби́не
Мене́ вчи́ло тихе́сенько
Плáкать по Вкраíні.

»Цвіте мій«, мовля́ла,
»Хо́лодомъ прибúтий!
Отепе́ръ би тобі, си́ну,
Тре́ба въ свíті жи́ти!

»На рідному по́лі,
Си́ну, ти орáвъ би,
Рідну се́мъю ти насу́шнимъ
Тепе́ръ годува́въ би.«

Ой шкода́ намъ, ма́ти,
Про те сумувáти,
Що сусіде загáрбали
Изъ рíдної хáти.

Нехáй изъ чужóго
Хлiба розживýтця;
Въ насъ на нúвахъ нóвi жúва,
Дасть Госпóдь, начнýтця.

Ой урóдить жúто —
Бýде всяке сúте;
Занедбáемъ, щó забрано,
Хóлодомъ побúто.

Порóжнi засiки
Гáрно налаштýемъ,
Ще й сусiдъ своiхъ насýшнимъ
Хлiбомъ нагодýемъ.

Хай Нiмець смiетця
Зъ нáшого звичáю,
Що ми справдi хлiбомъ-сiллю
Вóрога караемъ. (1)

Ой тимъ ми на свiтi
Здáвна держимóся,
Що втеряти тiльки прáвду
Одну́ боiмóся.

Процвiтáе цвiтомъ
Дáвняя руiна:
Перехóдить святá прáвда
Вiдъ бáтька до сúна.

Прáвдо, нáша мáти!
Пóки ще живá ти,
Пóти бýдемъ навкругъ хáти
Своé жúто жáти.

І. Кулiшъ.

(1) Есть пословица: *Вóрога хлiбомъ та сiллю карáй.*

РУССКІЙ ПАТРІОТИЗМЪ (*)

(*Отвѣтъ »Дню.«*)

Заглавіе нашей статьи взято изъ критики, помѣщенной во 2 № *Дня* на статью *Современника*: «Національная Безтактность.»

Слова «Русскій патріотизмъ» имѣютъ свою исторію, и было бы поучительно прослѣдить самый процессъ ихъ образованія и всѣ видоизмѣненія, выработанныя общественной и литературной практикой, съ того времени, когда старая Русь въ первый разъ вступила въ борьбу съ иноземной Русью, до нашихъ дней, когда тупое, пассивное отрицаніе чужого перешло-было въ дѣйствующій, сознанный, принципъ. Но такъ-какъ этотъ трудъ былъ бы только предисловіемъ къ нашей статьѣ, то намъ показалось, сообразнѣе съ нашей цѣлью, опираясь на историческое самосознаніе Русскаго общества, опредѣлить, на-сколько партія, дѣйствующая подъ знаменемъ «Русскаго патріотизма,» способна понять современную дѣйствительность, на-сколько она имѣетъ живого практическаго смысла.

Для нашей цѣли достаточно обсудить тѣ воззрѣнія на Малорусскую литературу, которыя высказаны въ статьѣ *Дня*, направленной противъ Современника, устраняя отъ себя вопросъ о Русинской литературѣ, по поводу которой собственно и возникъ споръ между *Современникомъ* и *Днемъ*, и не касаясь, съ другой стороны, тѣхъ началъ, которыхъ придерживается *День* въ международныхъ, славянскихъ, отношеніяхъ.

(*) Къ этой, живо-почувствованной и задуманной статьѣ молодаго ученаго, такъ и просится эпиграфомъ слѣдующее, вполнѣ-вѣрное, замѣчаніе И. С. Аксакова. (*День*, № 21), напечатавшаго статью г. Соковенка!!

»*Существенное въ народности—не внѣшніе признаки внѣшняго различія, а самыя внутреннія духовныя начала, безъ сознанія которыхъ невозможно возрожденіе.*«

На совѣты, которые, въ нынѣшнее время, слышатся только изъ *Дня*, да еще, пожалуй, изъ *Р. Инвалида* и *Библіотеки для Чтенія*,—тоже инвалида,—Шевченко нѣкогда отвѣчалъ:

...А за ра́ду... спаси́бі вамъ—
За ра́ду лука́ву:
Те́плий кожу́хъ!—тільки щко́да—
Не на ме́не ши́тий,
А розу́мне ва́ше сло́во
Брехне́ю підби́те...
...Бу́де зъ ме́не, по́ки живу́,
И *ме́ртвого* сло́ва!.. *Ред.*

Но прежде чѣмъ мы высказали свое мнѣніе о Русскомъ патріотизмѣ, пусть самъ г. Ламанскій, авторъ разбираемой нами статьи, говоритъ за себя. Онъ изъясняется въ любви и уваженіи къ Малоруссамъ, но продолжаетъ: «мы не вѣримъ искренности нашихъ земляковъ, когда они толкуютъ о большей преданности и симпатіи къ Малоруссамъ, нежели къ Москалямъ. Разумѣется—и на-оборотъ. Чтобы слова тѣхъ и другихъ были искренни въ этомъ случаѣ, надо, чтобъ Москаль обратился въ Малорусса, и на оборотъ. Своя народность всякому ближе, понятнѣе, симпатичнѣе.« Чрезъ нѣсколько строкъ, онъ, «говоря откровенно, не понимаетъ значенія словъ Малорусскій и Великорусскій патріотизмъ, и допускаетъ только *Русскій патріотизмъ*.»

Сопоставляя эти двѣ мысли, можно подумать, что авторъ, какъ русскій человѣкъ, по пословицѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ. Онъ стоитъ за Русскій патріотизмъ, и вмѣстѣ не отрицаетъ того глубокаго чувства народности, которое не истребимо такъ же, какъ невозможенъ фактъ двукратнаго рожденія. Итакъ, по одну сторону мы имѣемъ двѣ народныя стихіи—Великорусскую и Малорусскую, по другую — Русскій патріотизмъ, чуждый народной исключительности, и въ тоже время мирно процвѣтающій рядомъ съ чувствомъ своенародности. Но если г. Ламанскій не хочетъ самъ себѣ противорѣчить, то онъ долженъ ввести въ идею Русскаго патріотизма равновѣсіе народностей, потому-что существованіе своенародности, какъ отрицаніе общенародности, не безопасно для Русскаго патріотизма, въ которомъ не должно быть преобладанія отдѣльной народности. Онъ долженъ избѣгать симпатій къ одной народности, — иначе мы въ правѣ назвать Русскій патріотизмъ фальшивой декораціей, теоретическимъ издѣліемъ отечественной мануфактуры. Посмотримъ, на сколько г. Ламанскій вѣренъ себѣ, на сколько онъ выдерживаетъ это законное требованіе?

Намъ казалось, судя по вышеприведенной выпискѣ, что г. Ламанскій считаетъ Малорусскій патріотизмъ въ Москалѣ невѣроятнымъ и лживымъ фактомъ. Но выходитъ не то. Онъ опровергаетъ автора «Національной Безтактности,» въ томъ, будто «иноплеменникъ становится Малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи,» допуская, однакожъ, Малорусскій патріотизмъ иноплеменника, какъ явленіе случайное, и вооружаясь только противъ всеобщности его. А такъ-какъ случай и исключеніе доказываютъ возможность

и вѣроятность факта, то оказывается, что г. Ламанскій говоритъ самъ противъ себя.

Впрочемъ, это не мѣшаетъ ему такъ группировать факты, чтобы можно было догадаться о крайней безпомощности Малорусскаго народа. Онъ говоритъ: «не упоминая уже объ ополяченіи множества Малорусскихъ семействъ, укажемъ только на ближайшихъ ихъ соплеменниковъ—Великороссіянъ и Поляковъ, которые по-долгу живутъ въ Малороссіи, отнюдь не теряя своей народности. Таковы слободы нашихъ раскольниковъ въ Черниговской губерніи. Такъ издавна живутъ въ Малороссіи не сотни, а тысячи Поляковъ, и не только не обращаются въ Малорусскихъ патріотовъ, но даже стараются ополячить Малороссовъ.» Все это такъ. Но нарушается ли цѣлость народныхъ элементовъ оттого, что личности отрываются отъ народной почвы, и притомъ въ то время, когда въ самомъ народѣ присутствуетъ живое сознаніе народности—оппозиція противъ народнаго прозелитизма? Мы знаемъ, что многіе изъ Русскихъ по-происхожденію съ трудомъ объясняются по-русски, и что существуютъ цѣлыя тысячи офранцуженныхъ Русскихъ, которые развѣ потому только не французы, что Русскіе подданные. Что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что эти нѣкоторые Русскіе выросли въ особенной, тепличной атмосферѣ, а не то, что весь народъ Русскій теряетъ въ этихъ прозелитахъ какія-нибудь существенныя черты своей народности. И потомъ, что удивительнаго, если раскольники и Поляки не смѣшиваются съ Малороссами, которымъ одинаково чуждъ и религіозно-обрядовый фанатизмъ первыхъ и національная исключительность послѣднихъ? Поляки столько же, если не меньше, дѣлаются Русскими, сколько Малороссами, и это не доказываетъ безсилія Русской націи, которая разлагаетъ даже Татарскую народность, не говоря уже о Нѣмецкой, противъ которой не могутъ устоять въ Пруссіи сами Поляки. Наконецъ, если нѣкоторые Малороссы ополячивались у себя дома, то другіе столько же дѣлаются Русскими въ Воронежской губерніи, сколько послѣдніе первыми, и даже совсѣмъ не русѣютъ въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ, какъ о томъ заявлено въ сентябрской книжкѣ *Основы*,—а это-вовсе не такой фактъ, чтобы можно было заключать о податливости Малорусской натуры къ уступкѣ своей народности, если только она не подвергается преднамѣренному и систематическому извращенію.

Но мы бы очень ошиблись, еслибы вообразили, что г. Ламанскій, сознавъ неустойчивость Малорусской народности, оставляетъ ее на про-

изволъ судьбы въ борьбѣ съ Поляками. Онъ великодушно даетъ ей оружіе, выкованное, впрочемъ, не въ Малороссіи. «Въ настоящее время,» говоритъ онъ, «когда для Малой и Великой Руси, обоюдными ихъ усиліями, выработанъ одинъ общій литературный языкъ, Русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, всѣ-таки богаче и серьезнѣе Польской. Притомъ же, Малороссіяне значительно многочисленнѣе Поляковъ, между-тѣмъ какъ борьба Поляковъ въ Пруссіи ведется съ могучею національностію, обладающею такими богатствами и сокровищами литературы и образованности, какихъ не имѣютъ не только Поляки но и всѣ Славянскіе народы въ-совокупности. Сверхъ того, въ борьбѣ своей съ Нѣмцами, не опираются, не расчитываютъ Поляки на помощь какого-нибудь соплеменнаго имъ народа.» Здѣсь вѣтеръ крѣпче, и уже можно различать, откуда онъ дуетъ... Желательно было бы знать, на какую это помощь соплеменнаго народа *сверхъ того* могутъ расчитывать Малоруссы въ общественной, а не политической, борьбѣ съ Поляками, кромѣ той моральной поддержки, которую, по увѣренію г. Ламанскаго, даетъ имъ Русскій народъ въ своемъ языкѣ и образованности? И затѣмъ, неужели, кромѣ численнаго перевѣса надъ Поляками, Малоруссы сами-по-себѣ не имѣютъ своихъ духовныхъ средствъ для борьбы съ ними, и всегда съ надеждой и умиленіемъ должны обращать свои взоры туда, гдѣ приготовляются для нихъ силы и орудія издателями Русскихъ газетъ и журналовъ, гдѣ существуетъ Русская литература — арсеналъ готовыхъ понятій и готоваго языка, дружелюбно для нихъ открытый?

Мы не предаемся простодушно лживымъ утѣшеніямъ: мы думаемъ, что для Малорусскаго народа борьба съ Поляками труднѣе, чѣмъ для послѣднихъ борьба съ Нѣмцами. Нѣмцы (Прусскіе) преимущественно дѣйствуютъ общечеловѣческимъ вліяніемъ, которое не поглощаетъ народности, если только она не вывѣтривается въ подражательности, въ погонѣ за чужимъ, безъ внутренняго усвоенія и переработки,—тогда какъ Польская пропаганда идетъ глубже — внутри племенныхъ отношеній. Всѣ богатства нѣмецкой науки и образованности—чужія деньги въ чужомъ карманѣ: ихъ нужно заработать,—между тѣмъ Польская рѣчь сама просится въ Малорусскій словарь, Польскія понятія скрытно пробираются въ Малорусскую жизнь, сколько по праву общеславянскаго происхожденія этихъ народовъ, столько же вслѣдствіе систематической полонизаціи Малорусскаго края. Чѣмъ больше одна народность различается отъ другой, тѣмъ легче каждой изъ

нихъ удержать свои черты, тѣмъ труднѣе стереться ихъ народному образу. Нѣмца легко различить отъ Славянина, но труднѣе послѣдне му различить себя отъ своего собрата.—Тѣмъ не менѣе, мы убѣж-дены, что Малорусскій народъ самъ въ себѣ долженъ искать опоры въ тѣхъ случаяхъ, когда посягаютъ на его народную личность, что его языкъ и литература—историческій органъ его личности—единствен-но-прочная сила, на которую онъ можетъ расчитывать, и что гото-выя формы, взятыя извнѣ, на-прокатъ, навязанныя сверху, и потому не сплоченныя органически съ его духовной натурой, такъ-же неудоб-ны для цѣлости ея, какъ и Польская пропаганда, подтачивающая корни ея снизу.

Но Малорусскій языкъ—языкъ селъ, а не цивилизованныхъ го-родовъ, Малорусская литература—созданіе народнаго духа, а не ли-тературнаго цеха... Не правда ли, какая странная претензія — заяв-лять ея права на самостоятельность? Что это за литература, когда ее всю можно взять подъ мышку? И не потому ли только Малорусскій языкъ—не Русскій, что онъ—провинціальный языкъ? Какъ ни стран-ны эти мнѣнія, но онѣ только варіаціи мыслей, изложенныхъ въ статьѣ г. Ламанскаго,—варіаціи, повторяемыя на разные тоны даже въ об-разованномъ Русскомъ обществѣ.

«Мысль о возможности особой Малорусской литературы (а не мѣст-ной словесности) представляется намъ величайшей нелѣпостью...» А впрочемъ «Русины, подобно нашимъ Малороссамъ, могутъ обраба-тывать свой языкъ литературнымъ образомъ,» и слѣдовательно—«воз-можна и полезна особая *Малорусская словесность* рядомъ съ рус-ской литературой, Русской наукой и образованностью,» говоритъ г. Ламанскій, —полезна *»для домашняго обихода,«* дополняетъ самъ редакторъ *Дня*, г. Аксаковъ, въ примѣчаніи.

Нельзя высказаться съ бо́льшею наивностію и безцеремонностію и вмѣстѣ съ большимъ отсутствіемъ — логики. Малорусская литература разжалована въ мѣстную словесность. Что жъ это за мѣстная сло-весность, какъ не особая литература? И допуская литературную об-работку Малорусскаго языка, не значитъ ли допускать особую Мало-русскую литературу? Такая спутанность понятій объясняется неловкимъ положеніемъ г. Ламанскаго между очевидностію факта (отсюда эти робкія слова »возможна,« »полезна,« и нудящею потребностію дать мѣсто своей теоріи. *Охота смертная, да участь горькая..*) Но всего забавнѣе этотъ шутовской взглядъ на народную литературу, на-

поминающій намъ того Тургеневскаго героя, который былъ убѣжденъ, что всѣ душевныя потребности Малорусса можно выразить словами: »граé-граé, воронáе.« Много ли, въ самомъ дѣлѣ, различаются слова »для домашняго обихода« отъ »воронáе,«—конечно относительно тона и смысла тѣхъ и другихъ? Глубоко возмущаетъ душу этотъ легкомысленный приговоръ, въ которомъ крайнее неуваженіе къ народу безобразно соединяется съ барскимъ непониманіемъ его силъ, естественности самостоятельнаго развитія—этого единственнаго условія, при которомъ только и возможно народу переступить за черту домашнихъ потребностей—съ правомъ личнаго участія въ общей жизни и вліянія на ея ходъ.

Языкъ науки не сразу создается, точно такъже, какъ и языкъ литературы; но послѣдній упреждаетъ своимъ появленіемъ первый. Сперва—жизнь, а потомъ сознаніе прожитого. Этому закону подчинялись Европейскіе языки, богатые литературой и наукой. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ Германіи, классической странѣ науки, латынь господствовала въ школахъ: такъ-недавно передовой народъ мысли создалъ національный органъ ея. Не то было въ Россіи. Не имѣя науки, здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи, на живую руку и по заказу, сколотили языкъ науки и нарядились въ него, какъ въ павлиньи перья. Отсюда этотъ рѣзкій историческій контрастъ: тяжолые и медленные шаги Нѣмца и быстрые скачки Русскаго человѣка, склоннаго къ похвальнымъ отзывамъ о собственныхъ успѣхахъ. Смыслъ Русской исторіи таковъ, что еще въ оны дни, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ, перешли на нашу туземную почву готовыя понятія и съ того времени началось раздвоеніе русскаго сознанія, религіозное и общественное реформой Петра, и доселѣ продолжающееся. Кто изъ мыслящихъ Русскихъ людей не замѣчалъ въ себѣ этаго раздвоенія? Мы знаемъ, что червь раздвоенія и даже разтроенія проточилъ насквозь и тѣхъ крѣпкихъ людей, которыхъ у насъ принято называть славянофилами; знаемъ, что они, подъ знаменемъ общеславянскихъ интересовъ (одинъ элементъ), сохраняютъ преобладающія симпатіи къ Великорусскому народу (другой элементъ)—симпатіи, выражаемыя тѣмъ торжественнымъ тономъ, который приличествуетъ надутому риторическому пафосу, а не прямому, практическому пониманію жизни (третій элементъ). Но какъ-только мы сознали историческое зло, то оно перестаетъ быть для насъ слѣпой судьбой, и мы должны овладѣть собой для борьбы съ нимъ. Странно, а такъ выходитъ, что—въ наше вре-

мя—сторонники двоевѣрія—люди, вышедшіе изъ школы Кирѣевскаго и Хомякова, философствовавшихъ о непосредственности и цѣльности русской натуры. Съ проповѣдью о любви къ народу, они хотятъ тянуть его на тѣ подмостки, на которыя сами успѣли взобраться, а то, что онъ говоритъ про себя, они принимаютъ только къ свѣдѣнію. Пусть говоритъ себѣ—«для домашняго обихода». И зачѣмъ ему своя особая литература, когда у него нѣтъ даже грамматики? Мы, люди образованные, имѣемъ ее: намъ литература къ лицу, а съ него довольно и мѣстной словесности!..

Мы говоримъ о Малорусскомъ народѣ, какъ половинѣ одного Русскаго племени и неисключаемъ его изъ общерусской исторіи, хотя и не сливаемъ, подобно г. Ламанскому, его прошедшую жизнь съ жизнію великорусскаго народа до того безразличія, чтобы считать русскій литературный языкъ въ одинаковой мѣрѣ достояніемъ Великороссовъ и Малороссовъ. Suum cuique. Всѣ мы хорошо знаемъ, что съ Ломоносова началась свѣтская литература въ Россіи, и хотя онъ оставилъ стихіи церковно-славянскаго языка для парадныхъ случаевъ, для высокаго штиля, но уже это словцо *штиль* показываетъ, что съ его времени, и даже раньше, начали вторгаться въ образованную Русскую рѣчь иностранныя слова; съ другой стороны, и самъ Ломоносовъ принялъ Московское нарѣчіе, и только вооружался противъ такъ называемыхъ *подлыхъ* словъ, долженствовавшихъ, по его теоріи, остаться безъ употребленія,—знаемъ, что въ слѣдствіе особеннаго характера реформъ въ XVIII ст., касавшихся по-преимуществу государства и высшихъ сословій, литература того времени на-столько была народной, на-сколько могло сохранить народность общество, захваченное крутыми реформами, наводненное приливомъ чуждыхъ элементовъ. Народу, недавно только тронутому реформой, Русская Литература и до сихъ поръ почти terra ignota; но все же Великорусскій народъ, среди котораго совершилась реформа древняго книжнаго языка, изъ котораго вышелъ отецъ Русской литературы, находится въ болѣе прямыхъ отношеніяхъ къ ней, чѣмъ Малороссы, издавна говорившіе на своемъ собственномъ языкѣ и не внесшіе народныхъ элементовъ своей рѣчи въ составъ русскаго литературнаго языка. А надъ чѣмъ они *непосредственно* не трудились, того и не хотятъ считать своею *прямою* собственностію, и потому замѣчаніе г. Ламанскаго, что «отказавшись отъ Великорусскаго языка, который въ основѣ своей одинаково принадлежитъ и Малороссамъ, они бы отказались отъ значительной части

своего прошедшаго, своей исторіи»,—само собою ограничивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Великорусскій языкъ—и народный и литературный, не есть ближайшій и прямой органъ Малороссовъ.

Что́ касается до самой исторіи, то г. Ламанскій начинаетъ ее издалека,—потому что «Русскій литературный языкъ», говоритъ онъ, «образованъ не со вчерашняго дня и не Ломоносовымъ.» Онъ ссылается на церковно-славянскій языкъ, какъ такую почву, которая обща и Великорусскому и Малорусскому языкамъ, и изъ которой, между прочимъ, возникъ Русскій литературный языкъ. Мы въ правѣ подумать, что между этимъ послѣднимъ и болгарскимъ, сербскимъ и чешскимъ языками нѣтъ существенно—типическаго различія, потому что всѣ они относятся къ церковно-славянскому языку точно также, какъ и литературный Русскій языкъ.

Мы совершенно согласны съ г. Ламанскимъ, что общность церковно-славянскаго языка для Великороссовъ и Малороссовъ — ключъ къ уразумѣнію того факта, что книжный языкъ тѣхъ и другихъ, и послѣ раздѣленія Руси на Великую и Малую, почти одинаковъ. Но былъ ли этотъ книжный языкъ—языкомъ народнаго сознанія? Спустился ли онъ до народнаго міросозерцанія и слился ли съ народною жизнію въ такой степени, чтобъ быть непосредственнымъ и прямымъ ея выраженіемъ? Нѣтъ, жизнь шла своимъ чередомъ, независимо отъ лѣтописей, отъ этого книжнаго воспроизведенія ея. Языкъ лѣтописей—былъ готовый языкъ. И такъ-какъ, по особеннымъ условіямъ Русской исторіи, народъ мало принималъ участія въ его развитіи, то оно шло, такъ-сказать, на поверхности народной жизни, не обновляясь извнутри ея свѣжими силами, и потому шло въ такомъ направленіи, которое не обѣщало будущности. Языкъ лѣтописей—не самородный языкъ, а принятый, но подвергшійся, въ извѣстной степени, туземному вліянію Русской рѣчи. А если такъ, то совершенно справедливо, что Русскій литературный языкъ образованъ не Ломоносовымъ, т. е. что онъ получилъ условное книжное направленіе до Ломоносова.

Для насъ не столько важно то́, ка́къ думали и говорили книжки о народѣ, а то́, ка́къ самъ народъ думалъ и говорилъ о себѣ. Конечно, памятники нашей старины болѣе или менѣе отражаютъ въ себѣ эпоху, но свѣдѣнія, которыя они сообщаютъ историку, никогда не могутъ замѣнить самосознанія народнаго, которое возможно подъ условіемъ самодѣятельнаго народнаго творчества. О народности языка можно судить только по чисто-народнымъ памятни-

самъ. Г. Ламанскій утверждаетъ, что «множество южнорусскихъ сочиненій XVI и XVII в. писаны тѣмъ же языкомъ, какимъ писали въ то время въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Поморскихъ городахъ.» Пусть и такъ. Но, именно, это были *сочиненія*, вышедшія изъ головы книжниковъ, а не изъ народнаго сознанія. Справедливо, что «южнорусскіе ученые и писатели, съ конца XVII в. почти до самого Ломоносова, имѣли огромное вліяніе на Русскій языкъ, имѣли, по видимому, всѣ средства образовать Русскій литературный языкъ на Малорусской основѣ». Но если бы они трудились для этой цѣли и не достигли ея—тогда другое дѣло. А то имъ и въ голову не приходило, что существуетъ наука внѣ школы, что можно учиться у народа. Смотрицкій, первый славянскій грамматикъ, написалъ на западно-русскомъ языкѣ предисловіе къ церковно-славянской, а не малорусской, грамматикѣ: сознанія индивидуальности языка не было, и вообще Малорусская образованность XVII и XVIII в. неимѣла прочныхъ корней въ народѣ: въ учебникахъ принято называть ее схоластической. Самъ Ломоносовъ, посѣтившій Кіевскую Академію, не нашелъ въ ея школьной премудрости того, чего искалъ. Поэтому, какъ бы ни велики были услуги Малорусскихъ ученыхъ для Русскаго литературнаго языка, исторически онѣ не обязываютъ Малороссовъ къ принятію навсегда русскаго языка языкомъ школы и науки. Нельзя сказать, чтобы книжная Малорусская образованность XVII в. была внѣ всякихъ солидарныхъ отношеній къ самой жизни народа; но она не была прямымъ и непосредственнымъ выраженіемъ жизни, и вопросы, попадавшіе въ школу изъ жизни, тотчасъ подвергались извѣстнымъ пріемамъ схоластическаго ума, вносились въ общія готовыя категоріи, и затѣмъ уже рѣшались по правиламъ учебника. Безспорно, южнорусскія школы XVII в. защищали религіозные интересы народа, въ то время смѣшанные съ политическими, но защищали далеко не согласно съ простотой и безъискуственностію народнаго воззрѣнія, такъ—что школы походили на присутственныя мѣста, въ которыхъ рѣшались дѣла для пользы народа, но безъ всякаго самостоятельнаго участія народной мысли въ самомъ процессѣ рѣшенія. Мы не противъ схоластики того времени; она имѣетъ свою историческую заслугу: и въ непріятельскомъ лагерѣ сражались тѣмъ же оружіемъ. Но дѣло въ томъ, что послѣ того, какъ защита интересовъ народа вручена была школамъ, сами школы не черпали изъ глубины народнаго духа его образовъ и понятій, и не въ укоръ себѣ, выражались такимъ языкомъ,

который, конечно, былъ понятенъ противникамъ и доморощеннымъ начетчикамъ, за то не понятенъ народу. А если южнорусскіе ученые XVII в., по самому складу и направленію своей учености, не были *непосредственными* представителями Малорусскаго народа, то и въ такомъ случаѣ, еслибы они еще до Ломоносова создали Русскій литературный языкъ,—все-таки онъ былъ бы только *посредственнымъ* органомъ для Малороссовъ и, затѣмъ, самостоятельное существованіе ихъ непосредственнаго органа, ихъ литературы, съ ея прошедшимъ и будущимъ, все-таки было бы законнымъ и неприкосновеннымъ правомъ, ими полученнымъ *отъ природы и ихъ собственной исторіи*. Очевидно, путешествія Кіевскихъ и Виленскихъ ученыхъ въ Москву и дѣятельность ихъ тамъ не есть существенное явленіе эпизодъ Малорусской исторіи, на который можно бы было ссылаться въ доказательство того, что Малорусскій народъ участвовалъ своими собственными средствами въ образованіи русскаго литературнаго языка.

Нѣтъ сомнѣнія, что Великорусская и Малорусская народности родственны другъ другу, что между ними дѣйствительно существуетъ взаимное тяготѣніе, доказанное исторіей, но это внутреннее единство всего русскаго племени не исключаетъ народныхъ типовъ, не нарушается существованіемъ у Малороссовъ особаго языка и особой литературы, и можетъ быть мыслимо совсѣмъ не подъ формой quasi—общаго языка, выработаннаго на сѣверѣ, въ Великой Россіи. Всякая попытка ограничить полноправность одной народности есть посягательство теоріи на исторію, теоріи, которая противорѣчитъ сама себѣ, такъ-какъ изъ-за нея выглядываетъ худо-замаскированная народная исключительность. Г. Ламанскій допускаетъ мысль и отрицаетъ выводъ: если есть двѣ Русскія народности, то есть и два Русскіе языка, и должны быть двѣ отдѣльныя и самостоятельныя литературы. Иначе, т. е. съ признаніемъ мысли г. Ламанскаго безъ вывода, произойдетъ такая перестановка понятій: на мѣсто *русскаго патріотизма* будетъ *великорусскій* патріотизмъ. Поэтому, мы считаемъ одинаково фальшивымъ какъ тонъ оракула, въ который впадаетъ г. Ламанскій, утверждая, что Малороссы никогда не создадутъ языка науки и образованности, такъ и тонъ примирителя, замѣтный въ слѣдующихъ словахъ: «по-нашему, одинаково нелѣпо роптать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, (что самостоятельная Малорусская литература немыслима), или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельствѣ умственное превосходство Великороссовъ надъ Малороссіянами!»

Такой выводъ существуетъ въ статьѣ г. Ламанскаго, а не въ жизни; поэтому, если и возможны ропотъ Малороссовъ и гордость Великороссовъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ крайняго невѣжества тѣхъ и другихъ. Вообще—относиться неуважительно къ проявленію самостоятельной народной силы, и тономъ зловѣщей птицы вызывать изъ будущаго ложные страхи,—дѣло недостойное людей, постоянно заявляющихъ въ печати свое уваженіе и любовь ко всякой Славянской народности,—дѣло, впрочемъ, само себя объявляющее искуственной йдеей общерусскаго патріотизма и общерусскаго славянства.

Г. Ламанскій думаетъ, что »и въ настоящее время, нарѣчіе Великорусское и Малорусское не отличаются между собою *множествомъ* важныхъ и рѣзкихъ особенностей. До конца же XIV в., и даже позже, онѣ были незначительны, если не совершенно ничтожны. Такъ было съ живымъ народнымъ языкомъ.« Мы не возражаемъ противъ послѣдней мысли г. Ламанскаго. Точно, чѣмъ дальше въ глубь исторіи, тѣмъ общѣе и неуловимѣе образъ народа: онъ теряется въ полумракѣ эпической старины. Нѣтъ ничего страннаго, что до XIV, или лучше до XIII в., т. е. до Татарскаго погрома, языкъ, напр., Кіевскаго княжества мало различался отъ языка Новгородскаго и Владимірскаго; а раньше, когда жизнь Руси была сосредоточена въ Кіевѣ и великій водный путь по Днѣпру былъ главнымъ русломъ нашей исторіи, нынѣшніе Великорусскій и Малорусскій языки существовали совершенно слитно, какъ въ зернѣ. Не то́ теперь. Спросите у Великорусскаго простолюдина, какого онъ мнѣнія о хохлѣ? Вотъ онъ странствуетъ по Малороссіи съ Суздальскимъ хламомъ. Онъ пришелъ изъ-за Клязьмы, просвѣщать хохловъ, т. е., какъ онъ выражается, *въ дурацкую землю хлѣбъ пять*, и съ этой цѣлью распространяетъ въ этой землѣ поучительныя изображенія такихъ событій, какъ мыши кота погребаютъ и т. п. Часто можно видѣть на ярмаркахъ въ Малороссіи Суздальца, внушающаго неразумнымъ *хохлишкамъ*, что »*Москва—золотая маковка*« и т. д. Тонъ его высокомѣренъ: это чисто народная черта, напоминающая древнюю Русь, не стертая временемъ и даже образованіемъ, чему живой примѣръ Славянофилы. Но такъ-какъ голова его свободна отъ утопическихъ теорій, то онъ навѣрное вамъ скажетъ, что у *хохла и душа хохлацкая*, что онъ не то-что *нашъ братъ—Орловскій или Володимірскій*, что у него и рѣчь не *расійская*.

Говоря это, мы, повидимому, ставимъ противъ себя громадный фактъ, именно тотъ, что Шевченко понятенъ Великорусскому простолюдину,

какъ и Малорусскому. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко писалъ на Малорусскомъ языкѣ, а не на Великорусскомъ, по капризу своей натуры, а не по внутренней неотразимой необходимости творчества? Почему онъ ничего не спѣлъ намъ

Про Парашу,
Радость нашу,—

и на приглашенія брать сюжеты изъ великорусской жизни и писать Русскимъ литературнымъ языкомъ, отвѣчалъ:

Тéплий кожýхъ!—тільки шкòда—
Не на мéне шúтий?

Не ясное ли дѣло, что онъ не хотѣлъ насиловать себя, потому что не хотѣлъ двоиться? Высокое художество всегда искренно, вѣрно жизни: иначе оно не можетъ быть ея воплощеніемъ; иначе оно пустая экзальтація, фальшивая фраза. Слово поэта тогда только проникаетъ нашу душу сладостью и разъѣдающей горечью ощущенія, когда само оно есть жизнь. Слóва нельзя оторвать отъ жизни. Ея типичность теряетъ свой цвѣтъ и запахъ на чужомъ языкѣ—потому что этотъ послѣдній выработанъ на чужой почвѣ, и имѣетъ другіе соки. Онъ всегда будетъ, относительно чужого понятія, приставкой, не сплоченной съ нимъ органически.

Я на-сторòжі коло іхъ
Постàвлю *слóво*. И понúче
Ненáче стóптана трава
И дýмка вàша и словá.

(Шевченко.)

Этому закону слитности слова съ жизнію подчинилось и великое слово Шевченка, и велико оно именно тѣмъ, что подчинилось ему. Вотъ тайна того громаднаго вліянія, которое производитъ Шевченко не на Малороссовъ однихъ, но на всѣхъ, у кого есть живое человѣческое сердце. Онъ воспроизвелъ жизнь Украины въ блескѣ и сіяніи неумирающей красоты, и въ этомъ смыслѣ онъ поэтъ объективный. Но въ тоже время онъ дитя Украины, кость отъ костей ея и плоть отъ плоти ея, и вмѣстѣ отецъ ея словесности. Такимъ образомъ

1) условіе творчества — типъ—и по скольку типична жизнь, по стольку возможно творческое ея воспроизведеніе; 2) между творческою силою поэта и типомъ стоúтъ слóво: оно, съ одной стороны, есть результатъ, выработанный своеобразною жизнію народа, съ другой сто-

роны—найлучшій матеріалъ для воплощенія ея содержанія въ цѣльный поэтическій образъ.

Выводъ очевиденъ: если Шевченко былъ художникъ, а не писатель только Малорусскихъ стиховъ, то необходимымъ условіемъ его художественнаго творчества былъ 1) типъ, вмѣщающій въ себѣ все своеобразное строеніе жизни и 2) такая рѣчь, такое слово, которое было бы необходимымъ атрибутомъ типа и формулировало всѣ оттѣнки и индивидуальныя черты его.

Такой типъ—Малорусская народность; такое слово—Малорусскій языкъ.

Но самостоятельность Малорусскаго языка, опредѣляясь изъ внутреннихъ законовъ поэтическаго творчества, нисколько не нарушается его общедоступностію для Великоруссовъ—образованныхъ и необразованныхъ. Въ лексическомъ составѣ языка нужно различать двѣ стороны: корни его—до-историческое достояніе всѣхъ народностей, составляющихъ одну семью, и флексіи, приставки и пр.—матеріалъ, выработанный исторіей. Отношеніе первой къ послѣдней такое же, какое существуетъ между канвой и рисункомъ. Очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о языкахъ, близко родственныхъ другъ другу, индивидуальность ихъ опредѣляется главнымъ образомъ историческимъ, а не доисторическимъ, элементомъ. Дать преобладающее значеніе этому послѣднему—значитъ слить два различные языка въ одинъ. Совсѣмъ другое дѣло, если лексиконъ языка мы будемъ разсматривать, какъ созданіе исторіи народной, — хотя, конечно, и этотъ взглядъ долженъ быть ограничиваемъ первымъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы, не нарушая правъ самостоятельности языка, устранить мечтательное убѣжденіе въ его рѣзкой особенности, въ его исключительной натурѣ. Часто случается, что матеріальный составъ слова звучитъ совершенно одинаково и въ Великорусскомъ и въ Малорусскомъ языкѣ, но конкретный оттѣнокъ того же слова — такой въ одномъ, другой — въ другомъ языкѣ, и больше того: одно и тоже слово заключаетъ въ себѣ два различныя представленія въ двухъ различныхъ языкахъ. Таково напр. Малорусское слово »рокъ,« соотвѣтствующее Великорусскому »годъ.« Эпическая связь между ними сразу замѣтна: Славянинъ представлялъ неизмѣнное теченіе времени высшимъ опредѣленіемъ судьбы. Это понятіе и осталось въ Великорусскомъ »рокъ.« Но весь широкій объемъ понятія, по двумъ Русскимъ народностямъ, распался на двѣ части,—такъ-что практическое употребленіе этаго слова въ жизни той

и другой народности очень различно. Родственные языки много имѣютъ такихъ общихъ словъ; но не лексическая сторона ихъ составляетъ индивидуальность языка, а вся сумма своеобразныхъ воззрѣній и представленій, усвоенныхъ словомъ, жизнію и исторіей.

Малорусскій языкъ явился на памяти исторіи, и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя индивидуальныя черты его были общи и языку того народа, который впослѣдствіи назвался Великорусскимъ, были общи до того времени, пока Русь не распалась на двѣ половины—каждая съ своей особой исторической судьбой, и съ этого времени эти черты начали обозначаться рѣзче и рѣзче по настоятельному вызову исторіи. И такъ-какъ Малорусскій языкъ, кромѣ до-исторической почвы, имѣетъ съ Великорусскимъ и историческую общую почву, и притомъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ столѣтій, то, очевидно, этотъ фактъ только усложняетъ трудъ разграниченія двухъ языковъ, но не устраняетъ его. Конечно, если бы исторія была безъ перерывовъ и крутыхъ поворотовъ, мысль о народныхъ типахъ внутри одной племенной семьи, была бы пустой мечтой, чуждой логическаго и практическаго смысла. Но на зло всѣмъ проэктированнымъ началамъ и воззрѣніямъ существуютъ эти типы...

И вотъ предъ нами живая исторія—истинно-народная, Украинская поэзія Шевченка...

Но народный языкъ г. Ламанскій прямо называетъ французскимъ patois, т. е. провинціализмомъ. Непостижимо страненъ этотъ взглядъ привиллегированной образованности на народный языкъ въ наше время, когда не замерли еще послѣдніе звуки поэзіи Шевченка, когда въ этомъ patois великій поэтъ открылъ глубину своеобразной силы, и такимъ образомъ возстановилъ народную личность, упрочивъ ей навсегда свободный и самостоятельный органъ въ языкѣ, на которомъ самъ писалъ. Языкъ—свободный органъ духа: онъ чуждъ аристократизма и всякихъ условныхъ рубрикъ, придуманныхъ цивилизаторами. Его полнота — должна быть полнотой жизни, безотносительно къ кастамъ и раздѣленіямъ, въ ней существующимъ. Поэтому, для насъ одинаково смѣшонъ, какъ шляхетскій гоноръ Поляковъ, обзывающихъ Малорусскій языкъ *хлопской мовой*, такъ и вельможная деликатность Великоруссовъ, употребляющихъ для этой цѣли французское выраженіе, и утверждающихъ, что Малорусскій языкъ навсегда останется языкомъ простонародья, а не школы и образованности. Но не ужъ-то, въ самомъ дѣлѣ, Русскій языкъ имѣетъ монополію быть органомъ на-

уки, проводникомъ образованности? Неужъто Малорусскій языкъ, потому только, что ближе къ сердцу народа—»на этомъ только и основывается вся законность литературнаго Малорусскаго нарѣчія,» говоритъ г. Ламанскій, не лишенъ этого жалкаго, какъ будто выпрошеннаго, права существованія? Не-ужъ-то, кромѣ этого права, у него нѣтъ полнаго права гражданства въ семьѣ Славянскихъ языковъ, утвержденнаго свидѣтельствомъ фактовъ неотразимыхъ?

На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ общеславянская, общерусская и, въ тоже время, строго Малорусская поэзія Шевченка. Она результатъ прошедшаго и свидѣтельство настоящаго. И то далекое прошедшее, въ которомъ историкъ ничего не различаетъ, кромѣ темныхъ очертаній, когда Малорусская народность еще не выдѣлилась изъ общаго Славянскаго рода, и то прошедшее, когда она, слитно съ Великорусскою, является однимъ видомъ,—и то, наконецъ, когда она, силою исторіи, обособляется, какъ отдѣльный видъ,—все это вошло въ поэзію Шевченка, какъ въ одинъ общій и широкій потокъ. Она вводитъ Малорусскую народность въ семью Славянскихъ народовъ, какъ индивидуальное цѣлое, какъ живую личность,—личность, слѣдовательно, типически-различающуюся и отъ Польскаго народа и отъ Великорусскаго.

Какому народу она ближе и родственнѣе — это другой вопросъ, Поляки рѣшаютъ его по-своему, Русскіе—по-своему.

Что́ касается до первыхъ, то мы и не трудились бы надъ разоблаченіемъ той громадной исторической лжи, которую они распространяютъ и въ Украинѣ и за границею, еслибы мнѣніе относительно этого вопроса очень уважаемаго нами ученаго не благопріятствовало до нѣкоторой степени польскимъ притязаніямъ. Мы положительно не согласны съ г. Костомаровымъ въ томъ, что въ духовномъ организмѣ Малорусскаго народа больше общихъ сочувственныхъ сторонъ съ Польской націей, чѣмъ съ Великорусской (*), — хотя и не утверждаемъ наоборотъ, т. е. не отрицаемъ его мысли, что Малорусскій типъ не вполнѣ сходенъ съ Великорусскимъ, и что тотъ и другой составляютъ внутри одного племени противоположность гармоніи, — мысли, подтверждаемой имъ различіемъ историческихъ началъ, вы-

(*) Въ статьѣ Н. Ив. Костомарова (Двѣ русскія народности, *Основа*, *мартъ 1861 г.*) ясно показано, въ чемъ заключается и сходство и *различіе* польской и южнорусской народностей между собою.

Ред.

работанныхъ двумя Русскими народностями. Но Малорусское начало личности и Польское сословное начало, Малорусская демократія и Польская олигархія... что̀ тутъ общаго? Сермяжный, сельскій людъ Украины, съ его созерцательной натурой, съ его смѣхомъ, то полнымъ ѣдкаго горя, то наивнымъ и сердечнымъ... что̀ тутъ общаго съ бравурнымъ характеромъ Польской націи, гордящейся своимъ сходствомъ съ французскимъ народомъ?

Поки Рось зове́тця Ро́ссю,
Дніпро́ въ мо́ре лле́тця,
Поти се́рце Украі́нське
Зъ па́нськимъ не зживе́тця.

Что̀ касается до Великорусскаго народа, то точки соприкосновенія между нимъ и Малорусскимъ народомъ—это общія воспоминанія изъ первой эпохи ихъ исторической жизни, и въ наше время—общіе интересы—общественные, религіозные и даже научные,—научные, во-первыхъ потому что отношеніе Русскихъ и Малорусскихъ писателей къ общечеловѣческой наукѣ почти одинаково, и Русская литература до-сихъ-поръ только выработала научный языкъ, что̀ достижимо и для Малорусской литературы, позднѣе и не безъ успѣха заявившей такія попытки, но таже Русская литература не внесла еще самостоятельнаго вклада въ общечеловѣческую науку, какъ и Малорусская,—во-вторыхъ, потому что до настоящаго времени Русскій научный языкъ остается чуждымъ народу, и стало-быть, въ этомъ отношеніи, и Русская и Малорусская литературы имѣютъ совершенное равенство.

Но если мы чужды національной исключительности, если мы желаемъ развитія всѣхъ силъ, вложенныхъ природою въ одно великое Русское племя, желаемъ, чтобы ни одна изъ нихъ не была запугана и сломана, чтобы задачи, указанныя этому племени исторіей, разрѣшались свободно, естественно и цѣлостно: то, не противорѣча себѣ, мы не можемъ, во имя искуственной идеи, насиловать дѣйствительность, не можемъ брать на себя отвѣтственность предъ цѣлой Руской землей, кипящей разнообразными и богатыми силами,—отвѣтственности за общія цѣли ея, которыя до тѣхъ поръ, будутъ мечтательнымъ идеаломъ, пока мы будемъ упорно отрицать своеобразное стремленіе къ нихъ достиженію. Мы называемъ себя общерусскими патріотами: зачѣмъ же, закрывъ глаза, мы однимъ почеркомъ пера хотимъ вычеркнуть изъ общерусской природы еще одну силу, такъ ярко засіявшую недавно въ поэзіи Шевченка? Зачѣмъ, со злорадымъ чувствомъ, мы представляемъ

Малорусскимъ писателямъ дѣлать свое дѣло для того только, чтобы они сами когда-нибудь горько посмѣялись надъ своимъ трудомъ, а не для того, чтобы этотъ трудъ внесъ новое самостоятельное начало въ общерусскую жизнь? (См. 8 № *Дня*, прим. редакціи къ статьѣ г. Кулиша). Кто мы—друзья, или враги своей родной земли?.. Нѣтъ, долгъ мыслящаго человѣка—встрѣтить новую силу съ уваженіемъ и приводить ее на путь развитія съ благожеланіемъ. Только люди, эгоистически и самодовольно погруженные въ созерцаніе ими изобрѣтенной и любимой идеи, могутъ поступать иначе. Если правда, что Малорусскій народъ въ самомъ строѣ своей духовной природы похожъ болѣе на самого-себя, чѣмъ на кого-нибудь,—что̀ неотразимо доказалъ Шевченко своей поэзіей и Костомаровъ—исторіей (въ статьѣ «Двѣ русскія народности»): то что̀ мѣшаетъ ему понимать и воспроизводить идеалы, присущіе всему Русскому племени, по-своему, и рядомъ съ Великорусской народностью итти къ одной цѣли, только своею дорогой? Вѣдь отъ этого не пострадаетъ полнота общерусской жизни, а развѣ только упадетъ въ цѣнѣ одна нечеловѣчная и древняя, какъ сама Москва, теорія, находящая, къ сожалѣнію, еще и въ наше время, своихъ защитниковъ и почитателей.

Желая мыслить и писать по-своему, Малороссы не выгораживаютъ себя изъ общерусской жизни. На-столько они еще послѣдовательны и правдивы, чтобы склониться предъ опредѣленіемъ исторіи, которая создала ихъ типическій образъ, и вмѣстѣ, сближая ихъ съ Великорусскимъ народомъ, доказала ихъ кровное братство съ нимъ и, слѣдовательно, единство ихъ общеплеменныхъ стремленій, пока еще невыясненныхъ въ общечеловѣческой жизни. Предъ нами—живое слово и дѣло—понятная для Великорусскаго народа и непереводимая на Великорусскій языкъ поэзія Шевченка. Рѣчь его такъ-разительно сходна съ Русской рѣчью: казалось бы, что̀ можетъ быть проще, какъ читать его по-русски, употребляя русское произношеніе? И для чего писалъ онъ по-Малорусски? А между тѣмъ, каждое слово его—свое, не украденное изъ чужого языка, не вычитанное въ Русскихъ книгахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—въ немъ, этомъ общерусскомъ словѣ съ деревенскимъ, *хохлацкимъ* произношеніемъ, звучитъ такая самородная жизнь, что не внять этому звуку—значитъ не имѣть ушей, или умышленно закрыть ихъ. Это соединеніе двухъ противоположныхъ свойствъ — сходства и различія — и есть въ поэзіи Шевченка свидѣтельство настоящаго,—свидѣтельство той неоспоримой истины, что Малорусскій языкъ, съ

одной стороны, обнимаетъ цѣлый міръ своеобразныхъ понятій и представленій, и, какъ органъ духовной личности народа, строго индивидуаленъ,—съ другой стороны, что этотъ языкъ — общерусскаго происхожденія и состава, что первоначальныя стихіи его принадлежатъ всему Русскому племени, отчего онъ и доступенъ Русскому народу. Это послѣднее свойство его снимаетъ съ его конкретныхъ особенностей ту мертвящую исключительность, которая изгоняетъ изъ слова общій смыслъ и осуждаетъ его на вѣчную неподвижность. Мы очень понимаемъ, что, устраняя себя отъ участія въ общерусской жизни, Малороссы произнесли бы смертный приговоръ своей словесности—потому что они пошлибы, въ этомъ случаѣ, противъ исторіи,—и знаемъ, что они могутъ жить этой общей жизнію самостоятельно, не прибѣгая къ безполезному и непроизводительному для нихъ займу у другихъ ума и языка. Довольно всѣ мы насмотрѣлись на печальныя послѣдствія того безогляднаго подражанія, которое породило въ Русскомъ обществѣ тысячи скороспѣлыхъ космополитовъ, имѣющихъ притязаніе понимать все, быть всѣмъ вообще и—въ-сущности, не быть ничѣмъ опредѣленнымъ,—которое внесло въ Русскую натуру противорѣчащіе, непереваримые элементы,—чѣмъ, впрочемъ, иногда пользовался Русскій патріотизмъ для выраженія остроумной догадки, что въ Русскомъ морѣ должны слиться не только всѣ славянскіе ручьи, но и ручьи всемірной цивилизаціи, и въ этой цѣльной, звукоподражательной Русской натурѣ получить свое примиреніе.

Но—*оставимъ мертвыя погребсти своя мертвецы*... Мы думаемъ, что жизнь нельзя вдвинуть ни въ тѣсныя, ни въ широкія рамки,—ни замкнуть ее безвыходно въ сферу чистой индивидуальности, ни лишить ее индивидуальности: пусть лучше она сама извнутри себя раскрывается, и сама себя опредѣляетъ. Поэтому, вопросъ о томъ, какъ и что́ возьметъ Малорусская литература у Русской науки и образованности, долженъ рѣшиться практически и притомъ самимъ Малорусскимъ народомъ, а никакъ не трибуналомъ Русскихъ патріотовъ, которые не могутъ понять Русскихъ интересовъ на другомъ языкѣ, кромѣ своего собственнаго, и своею исключительностію нарушаютъ равновѣсіе силъ всего Русскаго племени. Эти миссіонеры просвѣщенія, дѣйствующіе подъ знаменемъ народности, забыли, что народъ прежде всего требуетъ отъ своихъ воспитателей уваженія къ его собственному міровоззрѣнію, выработанному вдали отъ школы, и что это именно міровоззрѣніе есть точка опоры, отъ которой должно пойти все его

будущее развитіе. Отрѣшить народъ отъ этой почвы — значитъ раздвоить его натуру, значитъ обезпечить вѣчное существованіе двухъ смѣшныхъ категорій — общества и народа, (какъ будто народъ — не общество, а стадо овецъ), которыя у насъ имѣютъ сословный характеръ. Первая — съ титуломъ образованной, послѣдняя... но всѣ мы знаемъ, какъ въ Россіи называютъ народъ... Къ первымъ будутъ принадлежать или жалкіе и безцвѣтные *перевертни*, наклоняющіеся въ ту сторону, откуда сильнѣе вѣтеръ, или люди, окончательно изсушившіе въ себѣ живую струю народной силы, а за чертою этого привиллегированнаго круга будетъ стоять все тотъ же темный людъ, съ его непонятной думой, съ его честной, отвергнутой душой.

Пусть бы мы еще не знали этого горькаго опыта,—пусть бы не имѣли живого урока...

А впрочемъ,—къ чему намъ урокъ?.. Доктрина на то и существуетъ, чтобы быть выше урока, чтобы учить, взмостившись на риторическія ходули, а не учиться. Бѣлое она можетъ назвать чернымъ, и наоборотъ: для чего ей общее мнѣніе, когда у нея есть свое? Извѣстно, что Шевченко пробовалъ свой поэтическій геній на литературномъ Русскомъ языкѣ: матеріалъ оказался чуждымъ его натурѣ, и его »Тризна« вышла дюжиннымъ произведеніемъ записнаго Русскаго риомача. Казалось бы, послѣ этого, люди, толкующіе о своей любви къ родной землѣ, умолкнутъ, если только прежде у нихъ оставалась хоть тѣнь сомнѣнія на-счетъ того, быть, или не быть Малорусской литературѣ, какъ самостоятельному органу общерусской мысли, развиться ли ей въ полный цвѣтъ самородной жизни, или это ложь, мечта, и она должна зачахнуть, какъ хилое растѣніе, показавшееся на свѣтъ божій въ дурную погоду? Нѣтъ, они все повторяютъ зады, и наперекоръ факту, во-очію совершившемуся, добиваются того, чтобы все своеобразное стушевать и вдвинуть въ одну общую готовую категорію. Право, когда подумаешь, до какой наивности доходитъ иногда эта добродушная навязчивость героевъ Русскаго патріотизма,—такъ и хочется сказать о нихъ: не вѣдятъ они, что творятъ. Что, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко послушался ихъ? Куда бы дѣвались эти »Наймички« и »Катерины,« и многое, многое другое? Куда бы дѣвалось великое, всеславянское, имя Шевченка? Оно бы распустилось, какъ капля, во всероссійскомъ морѣ. За то Русская литература обогатилась бы лишними виршами и стихосплетеніями, похожими болѣе на вымочки, чѣмъ на живое слово.

Все сказанное нами до-сихъ-поръ достаточно объясняетъ степень различія между нашимъ воззрѣніемъ на Малорусскую литературу и тѣмъ, которое высказано въ статьѣ г. Ламанскаго. Различіе полное: мы стоимъ за естественное, поступательное развитіе Малорусскаго народа изнутри его; Русскіе патріоты, усматривая въ существованіи Малорусской литерартуры фактъ, не подходящій подъ уровень и характеръ обыкновенныхъ явленій Русской исторіи, предлагаютъ обратный путь—сверху внизъ. Не говоря уже о томъ, на-сколько состоятеленъ ихъ взглядъ предъ судомъ самой нелицепріятной критики—жизни,—той, конечно, которая свободна отъ насилія и искусственности,—мы не можемъ раздѣлять его, потому-что строго различаемъ Великорусскую народность отъ Малорусской, различаемъ по праву, нами доказанному. Еслибы та и другая были одно, то не могло бы быть и спора о томъ, долженъ ли Малорусскій народъ подвергнуться синтетической операціи со стороны Русской литературы, какъ Великорусскій. Но такъ какъ Малорусская литература—явленіе—глубоко своеобразное, потому самому, что она идетъ отъ центра къ радіусамъ, а не наоборотъ, какъ Русская,—такъ-какъ она начинаетъ съ объективной ширины народнаго міросозерцанія, на которую должна вступить и Русская литература, въ интересѣ своего дальнѣйшаго и болѣе правильнаго развитія,—и такъ-какъ, съ другой стороны, эта послѣдняя гораздо богаче Малорусской общими понятіями: то обѣ онѣ нуждаются одна въ другой и взаимно себя восполняютъ. Это даетъ Малорусскому народу право быть индивидуумомъ, личностію, и съ другой стороны, вводитъ эту личность, какъ самостоятельную силу, въ общерусскій міръ для общечеловѣческихъ стремленій, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ равновѣсія и полноправности обѣихъ народностей. Такимъ образомъ, удѣльное значеніе Малорусской литературы—условіе, sine qua non; иначе—она никогда не проявитъ свойственной ей силы.

Трудно ли понять эту простую и ясную, какъ день Божій, истину—въ наше время, когда народъ призванъ къ самостоятельной жизни, когда въ самомъ обществѣ Русскомъ возникъ запросъ на народную мысль, и оно ждетъ своего обновленія снизу, и когда, въ отвѣтъ на этотъ запросъ, раздался сильный и твердый голосъ пробуждающагося Малорусскаго народа,—сильный, именно, чистонароднымъ тономъ, народной рѣчью?

Но уже тотъ безспорный фактъ, что Малорусская литература имѣетъ общій интересъ, что она живой и самостоятельный членъ обще-

русской мысли, при всей своей индивидуальности и подъ ея охраной, — доказываетъ, что она создается не на пескѣ, а на твердой почвѣ, и въ своемъ настоящемъ имѣетъ прочные залоги будущаго развитія; что она достаточно опредѣлилась для того, чтобы не затереться въ журнальномъ хламѣ, подъ вліяніемъ цивилизаторскихъ внушеній Русскихъ патріотовъ. Сомнѣваться въ этомъ могутъ только они—патріоты-скептики. Но всякому свое: имъ—теорія, намъ—жизнь; имъ—проповѣдь, намъ—дѣло; имъ ораторское искуство до самоослѣпленія и самооглушенія, намъ—зрѣніе и слухъ... Намъ—убѣжденіе, что судьба Украинскаго языка и литературы зависитъ отъ самого народа, который, помѣрѣ своего собственнаго развитія, опредѣляясь изъ внутренней необходимости своей натуры, усвоитъ изъ Русской образованности не то, что̀ дадутъ ему добрые и великодушные люди, а то, на что̀ укажетъ ему его народный геній, съ правомъ, въ свою очередь воздѣйствовать и на Русскую литературу; намъ—убѣжденіе, что сдвинутъ міросозерцаніе народа, воплощенное въ его языкѣ, безпорядочнымъ вторженіемъ сверху иныхъ формъ съ инымъ содержаніемъ—Русской образованности съ ея языкомъ, долженствующей быть искомымъ началомъ, а не навязаннымъ извнѣ, — значитъ вообразить себѣ на мѣсто живой народной души грифельную доску, на которой можно писать что̀-угодно,—значитъ предложить Малорусскому народу рисковый скачокъ, и такимъ образомъ умножить до безконечности массу тѣхъ умственныхъ калѣкъ, которыхъ и безъ того довольно въ Малороссіи, и которые составляютъ ея больную сторону, ея разлагающее начало.

П. Житецкій.

Кіевъ.
11 декабря 1861 года.

РОКОВИНИ ПО ШЕВЧЕНКОВІ,

місяця лютого, 26-го дня, 1862 року.

Шануючи святу память великого кобзаря, зібралась чесна громада петербурська, въ роковини его смерти, до церкви Введенія, на панахиду. Проспівавши єму вічню память, зазвавъ до себе громадянъ високоповажний земляка нашъ, протоерей Платонъ Ѳедоровичъ Менчицъ. Якъ обнісъ панъ-отецъ усіхъ коливомъ съ кутею, справляючи предковічню славьянську тризну по кобзареві, ставъ тоді посередъ громадянъ П. А. Кулішъ и промовивъ таке слово:

»Шановна громадо!

»Якъ умеръ нашъ батько Тарасъ, зразъ усі заговорили, що бъ то вчинити на ознаку громадської до его шанобы? Надумалась громада що-неділі докупи збиратись и по копі въ скарбовню складувати, на підмогу убогимъ братамъ на Вкраіні. Всі ми, шановне товариство, знаемо, що то за вбогий людъ, наші темні братй-хліборобы. Живуть они и досі такъ, наче тільки-що зъ великого потопу вихопились: насилу хатину собі сякъ-такъ складе и тільки-що не заступомъ землю пахае; годящий тесля, ручий коваль де-не-де по селахъ знайдетця, а про столярну роботу хочъ и не згадуй. Бо й справді трудно селянинові свого сина добре навчити якого ремества. Треба дитину въ городъ майстрові на годи завдати, мовъ у яку неволю втирити, а майстеръ ще зъ неі городянина зробить, ушкати, штокати, душею кривити навчить, та й усіма звичаями одъ селянъ одрізнить. Отожъ то наші хліборобы не дуже кваплятця дітей своіхъ у ремество вправляти; а тимъ часомъ що-року більше треба людямъ тесель, ковалівъ, столярівъ и иншихъ ремесниківъ по всіхъ нашихъ селахъ. Зважила громада, якъби то воно було добре, колибъ нашъ пахарь мавъ куди оддати дитину до ремесної науки такъ, щобъ нічого за науку не платити и годами не одбувати: отъ и надумалась збирати гроші про таку народню нужду. вехай би зъявилась хочъ одна безплатня ремесна школа на Вкраіні, то певна була бъ надія, що зъ неі вродилась би и друга и третя й десята. Покинувъ би нашъ сільский людъ городи городянамъ, а въ селахъ мавъ би въ себе свої ремества про господарську нужду. Хто слухае се просте слово зъ розумомъ, тому не треба широко розводити, яка бъ то велика користь була народові одъ сего по-

вого за́сіву. Ска́жемо тільки, що ні пи́шнимъ мавзоле́ємъ, ні солодкоголо́сою хвало́ю не зробили́ бъ ми на́шому ба́тькові Тара́су такої шано́би, якъ симъ ти́химъ братолю́бнимъ по́двигомъ. Оце́ жъ блага́ю васъ, шано́вне товари́ство, ши́рте ви свою́ ду́мку святу́ поміжъ земляка́ми и вся́кого до́брого спо́собу добіра́йте, я́къби шви́дче на́шимъ брата́мъ-хліборо́бамъ допомогти́ въ іхъ вели́кій ну́жді. Не зупиня́йтесь, пано́ве коза́цтво, тимъ, що му́сите мали́мъ ко́штомъ вели́ке ді́ло почина́ти. Тутъ поча́токъ ді́ла більше зава́жить, аніжъ вели́кі гро́ші. Почина́йте зъ мало́го, зъ найме́ншого, тільки не гайте ча́су. Аби ва́ша ду́мка ста́лася ді́ломъ, то вже вона́ сама́ за васъ по всій Украі́ні працюва́тиме. Неха́й нашъ братъ хліборо́бъ зна́е, що дба́е хтось про ёго кра́щу до́лю не одни́ми тільки друко́ваними річа́ми. Одного́ сёго, здає́тця міні, бу́де, щобъ нашъ мали́й поча́токъ ста́вся вели́кимъ наро́днімъ ді́ломъ.

Які́ ма́емо до сёго́ ча́су грошові за́соби и звідкіля́ ще іхъ добу́ти, про те и́ншимъ ча́сомъ рахува́тимемъ; а тепе́ръ, ра́ди свято́ї спо́минки про ба́тька Тара́са, ще зніму́ річъ про те, що не всі ми ёго́ ро́бомъ хо́димо. Ма́ло мі́жъ на́ми таки́хъ люде́й, що́ слу́жбу своє́му наро́дові вважа́ють найви́счимъ ді́ломъ своїмъ, хочъ би довело́сь и въ вели́кій ну́жді ёму́ служи́ти. Скільки ми зна́емо молодиківъ, що ма́рне на чужій чужи́ні пропада́ють, здоро́вья псую́ть, молоди́ми си́лами вя́нуть, а чого́ добива́ютця?... химе́рної пихи́, нікче́мної ця́цьки, або́ гро́шей—того́ жидівського ща́стя!... Ще бъ не та́къ було́ жаль, коли́бъ се були́ людці, якъ-то ка́жуть, *ни́щи ду́хомъ;* а то́ ні! Не оди́нъ би зъ нихъ, підъ случа́й, геро́емъ ста́вся, на смерть пішо́въ би, всю худо́бу на святе́ ді́ло одда́въ би. Чомъ же симъ лю́дямъ не вчини́тись би ти́хими, незна́ними въ исто́рії, геро́ями добра́ людського? Чомъ би зъ нихъ не обібра́тись хочъ на сей случа́й такому, що сказа́въ би громаді: »Отъ вамъ, пано́ве бра́ття, моя́ молода́ си́ла и вся моя́ до́ля! Оддаю́ себе́ на кори́сть людську́, не бажа́ючи ні сла́ви, ні гро́шей за свою́ пра́цю!« И неха́й би таки́й чоловікъ поки́нувъ городя́нські прима́нки, засівъ у якому́ селі и поча́въ мали́мъ громадськимъ ко́штомъ вели́ке ді́ло наро́дне робити: оце́ бувъ би по́двигъ, пра́ведний по́двигъ! Не ди́во бага́тимъ скарбомъ трясти́ и зо́лотомъ люде́й підъ свою́ во́лю нагина́ти. Намъ ніз відкіля сподіва́тись гро́шей вели́кихъ: въ насъ одна́ надія—підня́ти духъ наро́дній на підмо́гу наро́днімъ ну́ждамъ, а ду́хъ наро́дній по́ти не підніметця, по́ки лю́де просвіще́нї не ввій-

дуть у наро́дню се́мью рідніми брата́ми. Дорі́ка́ють намъ збо́ку—и попра́вді дорі́ка́ють—що ми свій людъ тільки сло́вомъ коха́емо. Якъ же намъ га́ньби сіе́і збу́тися? Одни́мъ тільки — увійти́ въ убо́гу́, неписьме́нну, се́мью наро́дню рідними брата́ми. Дя́кувати Бо́гові, вже й роспочало́сь таке́ приміръя просвіще́нныхъ братівъ съ те́мними и бага́тшихъ зъ убо́жшими. Чуе́мо зъ Украіни, що вже не въ одному́ селі розу́мна голова́, зна́ючи до́бре, по чімъ ківшъ ли́ха, зна́ючи па́нство й городя́нство,—надъ сільски́мъ лю́домъ, зъ ёго во́лі, ота-ману́е. Почала́ оживáти Вкраіна; не скрізь уже́ по се́лахъ тума-ніють лю́де; е́ кому́ щиру пра́вду селя́намъ говори́ти. Оттепе́ръ же то са́ме й пора́, пано́ве товари́ство, ко́жному зъ насъ чужі звича́і ки́дати, па́ньски цяцьки́ занедбо́вувати, на городя́ньскі за́манки не вважа́ти и, хто якъ змо́же, у сільський людъ увихо́дити. Въ сіль-скому бо лю́дові, въ ёго́ незопсо́ваній ище́ нату́рі, вся на́ша під-мо́га на да́льші ча́си. Тільки еди́ною зъ нимъ вели́кою семъе́ю усто́імо ми на своій рідній землі и не попу́стимо ії въ чужі ру́ки.«

Слідо́мъ за нимъ знявъ річъ Вс. П. Кохо́вський ти́ми слова́ми:

»Че́сна грома́до!

»Смерть Тарасова вразила насъ въ саме серце. Всімъ вінъ бувъ дорогий и рідний, всі жъ-то его любили и поважали. Ще за життя его́ ми вже знали, чого́ вінъ сто́іть для Украіни, ще за життя его склали ему ціну.

»Якъ умеръ Тарасъ, ми не знали чимъ лучче его́ помьяну́ти,— и поминаемо ёго́ не такъ якъ иншихъ поминаемо: що одправимо панахиду, попоімо й попопьемо, та й н ігадки до новихъ поминокъ! Ні! Ми заходи́лись укріпить его памьять по всій Украіні — на віки вічні. Заходились постановити ему живи́й, нерукотворний памьят-никъ,—та ще й не одинъ. Гаразд!

»И припечатали сю нашу думку, и оповістили про неі ввесь миръ Украінський. Та й тільки жъ то! Бо, хутко побачили, що ми— сама голота; що нема, и довго не буде, у насъ снаги, наші думки виконати. Вибачте, братчики, за слово: схо́жі ми ста́ли на ту си-ницю Криловську—що похвали́лась море запали́ти. Отъ-що!

»Та я ще такъ думаю. Хочъ би ми мали и багато грошей, хочъ би ми були и незнать-які дуки-богачі, то й тоді бъ наші думки такъ би й остались себі: думками та й годі! Яка зъ насъ громада? Яке слово непохи́бне, правди́ве, изрекли ми за сей годъ? Яке діло зробили одностайне? Якъ ми, у громаді, поводились братъ

изъ братомъ? Яку нашу думку підкріпіли самимъ діломъ?—Э! люде добрі, брати милі! Високо ми літаемъ, та сідаемъ низенько.

»Тарасъ сказавъ го́лосно слово правди—и ніяки муки не примусили его змінить тому слову; и десятилітня тяжка́ неволя не надломила его, не то що. То́ бувъ чоловікъ! То́ бувъ громадя́нинъ справедли́вий! То́й любивъ Украіну! А ми що?! Ми тілько гомонимо гарно, а проте, наше слово легшъ одъ пуху; и за вітромъ полетить, коли хто дмухне га́раздъ.

»Хиба жъ ми виконали завітъ Тарасівъ? Йшли ми хиба тоею стежкою, котрою простувавъ Тарасъ?...

»Помьянімъ же, кохані братчики, Тараса тимъ, що слово его приймемъ у саму душу. Переймемъ собі его правду; будьмо одностайні, будьмо рівні! Поважаймо діло громадське; полюбімъ щи́ро Украіну нашу убогу.

»Нехай, по́ки-що, хочъ наша невеличка громада буде нерукотворнимъ, живимъ надгрібкомъ Тарасові. Нехай хочъ ми себе напу́тимо такъ жити, якъ вінъ учивъ и словомъ своімъ теплимъ и щиримъ, и життє́мъ своімъ довгимъ — бо тяжкимъ.

»Не поснемо́ жъ, брати моі, надъ ёго́ домовиною, щобъ не довело́сь проки́нутьця тоді вже, — якъ »наста́не судъ! Заговори́ть и Дніпро́ и го́ри... «

Че́сний господа́рь, панъ-оте́цъ Ме́нчицъ, шанува́въ грома́ду ви́нами, меда́ми и вся́кими наідками. Зага́ялись у ёго громадя́не довге́нько, розмовля́ючи ши́роко про вся́кі грома́дські спра́ви; хто мавъ при собі гро́ші, склада́въ у грома́дську скарбо́вню на наро́дні потребизни, щобъ ши́ршало письме́нство и вся́ка до́бра наука на Вкраіні. Після то́го, заспівала грома́да своіхъ старосвіцькихъ пова́жнихъ пісе́нь про ті страше́нні ча́си, якъ наші пре́дки бідува́ли та бідуючи се́рце собі гартува́ли, про ті вели́кі, незабу́ті ча́си, якъ у всіхъ у насъ була́ во́ля и ду́ма еди́на, про ті гірки́і ро́ки, якъ свої своіхъ підко́пували и чужо́му підъ но́ги підверта́ли; заспіва́ла грома́да, вкупі посумува́ла, по́тімъ подякувала че́сному господареві и розійшла́сь, обнови́вшись ду́хомъ висо́кимъ, котри́мъ живъ, та й намъ ёго́ завітува́въ, нашъ ба́тько Тара́сь.

По́тімъ надійшли́ до насъ звістки, якъ шанува́ли па́мьять кобза́ре́ву по и́ншихъ грома́дахъ.

У Льво́вському *Сло́ві* сповісти́ли дале́кі на́ші брати́-громадя́не

про́ панахи́ду рокову́ по Тара́севі, облямува́вши смутну́ спо́минку чо́рною печа́тнёю стрічкою. Полта́вська грома́да ви́пустила съ тако́ю жъ стрічкою листо́къ-оповістку, ти́ми слова́ми:

»*Оповіетка.*

»25 сёго лютого (февраля), 1-ої годины зранку, у Срітенській »церкві, правитиметця, після служби, годова панахида по покійному »Українському поэтові, Тарасу Григоровичу Шевченкові. Котрі ша»нують талантъ и памьять незабутнёго поэта, завита́ють до Бо»жого храму«.

Харьківська грома́да спорядила, на па́мьять сме́рти Тара́сової, му́зи́чний и чита́льний ве́чіръ, а що зібрали съ товари́ства за слухання, те оберну́ли на книжки́ про ну́жду про́стого лю́ду. Що-року му́сить вона́, зъ умо́ви своє́і, та́къ величати *рокови́ну Тара́сову*, щобъ съ то́го була́ кори́сть убо́гимъ брата́мъ-земля́камъ. Пра́вили панахи́ду по Шевче́нкові ще Ки́ївська грома́да, Черні́гівська грома́да и грома́да Катеринослáвська.

Такъ нашъ вели́кий поэтъ, уме́рши, живе́ у вся́кій че́сній душі украі́нській, а ёго па́мять оберта́етця на кори́сть бідола́шнёму лю́дові, що вже почáвъ бувъ до землі ни́кнути, мовъ степова́ трава́, ви́бита, ви́топтана, уся́кимъ на́іздомъ непра́вимъ ви́травлена. За сей сумни́й рікъ, що ба́тька Тара́са на світі нема́е, сумна́ Вкраі́на голосні́йше почала́ ззива́ти у еди́ну се́мью вірних дітей своіхъ. Схо́дятця порізнені, черезъ уся́ке лука́вство, небожа́та недільними *Тарасовими вечорами* и, на вічний спо́минъ ёго́, дба́ють про підмо́гу своімъ брата́мъ, найбільш правобочної над-Дніпрянської Украіни, затума́неним ома́ною, зали́каним паха́бою, зве́деним зъ да́внёго пра́ведного шля́ху наро́днёго. Ще но́рано хвали́тись до́брими вчи́нками на пожи́токъ наро́дній, а вся́ке ба́чить и зна́е, що но́вимъ яки́мся життя́мъ живе́ Украіна після Тара́са и що́ тамъ ні ко́ять по воро́жихъ кагалáхъ, що́ ні видумують, я́къ би те життя́ зупини́ти,—воно́ ши́рше та ши́рше виявля́етця, кого дивуючи, кого́ се́рдючи, а кого́—то й ляка́ючи. Ляка́етця, звісно, людська́ непра́вда, постерега́ючи, на чімъ стоя́ть розрізнені черезъ не́і діти сла́вної Украіни: стоя́ть на правді, пра́вдою вони́ себе́ підде́ржують и оборо́няють, одъ еди́ної пра́вди вся́кого добра́ своє́му наро́дові сподіва́ютця.

Слáва жъ тобі, бáтьку Тарáсе, що всі вічні рóки, що ти намъ ви́явивъ забýту нáшу прáвду своїмъ пророчимъ слóвомъ! *Все ми-нéтця, однá прáвда зостаéтця,* говóрить послóвицею нашъ убогій селяни́нъ; а ти єго́ ти́хий гóлосъ претвори́въ у голосну́, висóку и слáвну, пісню. Пóки свíтъ–сóнця, пóти не замóвкне твоя́ пісня животворя́ща, и бýде вонá для насъ ніби стя́гомъ велúкимъ, ви́днимъ съ крáю землі до крáю. Усé живé, усé правди́ве, усé чéсне и до діла гаря́че, збіра́тиметця навкругú сéго́ славéтного стя́гу... взна́ють и нашу сéмью по всéму́ свíту!

ИЗВѢСТІЕ

ОБЪ ОБѢДѢ, 5 МАРТА 1862 ГОДА, ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, ПО СЛУЧАЮ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

19 февраля, нѣкоторые литераторы вспомнили о Шевченкѣ, какъ замѣчательнѣйшемъ и благороднѣйшемъ явленіи изъ крѣпостнаго сословія, и предложили дружески помянуть поэта въ день его смерти. Съ этою мыслью назначенъ былъ, на 26 февраля, обѣдъ въ *Шахматномъ Клубѣ*, преимущественно посѣщаемомъ писателями, но въ этотъ день, по случайнымъ причинамъ, онъ не состоялся, и былъ отложенъ до 5 марта. Не смотря на то, что объ этомъ обѣдѣ не было извѣщено въ газетахъ, больше 70 человѣкъ, безъ различія народностей, изъявили желаніе въ немъ участвовать: въ числѣ ихъ были не только Украинцы, Великоруссы и Поляки, но и Нѣмцы. Въ концѣ обѣда, одинъ изъ участниковъ *Основы*, наиболѣе обязанной своимъ началомъ, Шевченку, предложилъ въ память поэта тостъ »за здоровье и благостояніе освобождаемыхъ крестьянъ–братьевъ Шевченка, вся жизнь и поэзія котораго была проникнута заботливой думой объ ихъ участи. Тостъ этотъ былъ встрѣченъ съ особеннымъ участіемъ: ничѣмъ нельзя выразить больше уваженія къ памяти нашего дорогаго Кобзаря, какъ любовью къ живымъ его братьямъ – *крепакáмъ*. Вслѣдъ за тостомъ, почтенное собраніе отъ ближайшихъ друзей Шевченка потребовало слова. Никто не думалъ говорить рѣчи на обѣдѣ и, потому, никто не былъ готовъ достойнымъ образомъ отвѣ-

чать на этотъ вызовъ. Но дружески-настойчивыя требованія продолжались и, благодаря Ц. А. Кулишу, были удовлетворены; онъ всталъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа!

«Мы собрались для того, чтобы почтить память украинскаго поэта Шевченка. Къ нашему удивленію, мы, Украинцы, видимъ здѣсь представителей другихъ народностей гораздо больше, чѣмъ соотечественниковъ знаменитаго нашего кобзаря. Но это удивленіе поражаетъ насъ пріятно: мы видимъ, что не для однихъ насъ дорога его память. Почему же именно память Шевченка такъ дорога для всѣхъ народностей славянскихъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ очень легко. Онъ вышелъ изъ той убогой массы, которая до-сихъ поръ прямо или косвенно была лишена правъ гражданскихъ. У представителей каждой народности нѣкоторымъ образомъ лежитъ на совѣсти память о томъ, какъ долго оставался въ забвеніи,, если не въ пренебреженіи, многочисленнѣйшій классъ населенія роднаго края, какъ долго его живыя силы не имѣли возможности развиваться на общенародную пользу.

«Въ наше время, всѣ мыслящіе люди уразумѣли важность самодѣятельности низшаго слоя гражданскаго общества, самаго здороваго слоя, самаго богатаго запасомъ свѣжихъ еще силъ: и потому-то простонародье, къ которому принадлежалъ Шевченко, возбуждаетъ къ себѣ особенную симпатію. Это простонародье не всегда было такимъ, какимъ знаютъ его наши современники. Былъ у него моментъ энергической самодѣятельности,—короткій, но блистательный, моментъ. Къ сожалѣнію, предводители его не соотвѣтствовали тому идеалу добра и правды, который оно глубоко носило въ душѣ своей. Предводители эти уронили его достоинство въ глазахъ сосѣдей и, гоняясь за личными выгодами, довели его до того жалкаго состоянія, въ какомъ оно представляется нашему наблюденію. Но натура этого простонародья не измѣнилась: оно говоритъ тѣмъ же языкомъ, что и говорило, свято хранитъ тѣ же обычаи, которыми отличалось и за два вѣка до насъ; а что глубина чувства не измѣнила ему, это всего очевиднѣе изъ того, что оно дало намъ такого талантливаго, такого энергическаго представителя своего въ лицѣ Шевченка. Поэтому-то и самъ Шевченко, съ его самобытнымъ умомъ и талантомъ, съ его глубокимъ чувствомъ, съ его побѣдоносною силою слова, такъ дорогъ каждому представителю какой бы то ни было народности. Поэтому и мы, собравшіеся здѣсь, будучи большею частію далеки между со-

бою по занятіямъ и даже вовсе незнакомы, соединились въ дружеской бесѣдѣ, ради общаго всѣмъ намъ уваженія къ человѣку, который вышелъ изъ низменной простонародной среды и, силою горячей любви къ ней, занялъ высокое мѣсто между поэтами. И такъ, выпьемъ за просвѣщеніе и благоденствіе той убогой массы, для которой жилъ и за которую страдалъ Шевченко!»

Рѣчь г. Кулиша вызвала живѣйшее сочувствіе.—Для большинства Великоруссовъ, вѣроятно, было любопытно услышать, что́ скажутъ, по поводу Шевченка, Поляки, и потому требованія сло́ва продолжались. Вл. Д. Спасовичъ также уступилъ настояніямъ собранія и въ немногихъ словахъ выразилъ ту вѣрную мысль, что хотя еще не настало время вожделѣнной братской любви между разрозненными народностями, но уже приблизилось время для взаимной справедливости другъ къ другу, а это, естественно, поведетъ къ тому, что три извѣстныя народности соединятся въ дружномъ стремленіи къ одной цѣли—освобожденію народа.

Не смотря, однакожъ, на рѣчи гг. Кулиша и Спасовича, общество оставило обѣдъ невполнѣ удовлетвореннымъ: многіе ожидали услыхать, что́ думаютъ Великоруссы о поэтѣ, который, по обширности своихъ идей, по силѣ и высокой правдѣ своей поэзіи, принадлежитъ не одному украинскому, но всему славянскому, міру.

У́СТНЯ МО́ВА ЗЪ НАУ́КИ.

Слово зъ бо́ку.

Живучи́ въ столи́ці, дале́ко одъ Украіни рідної, розважа́емо ми се́рце тимъ, що збира́емось грома́дами, ніби на вечерни́ці, то въ одного то въ дру́гого земляка́. Тутъ про вся́чину гу́торимо и, скільки на́шої мо́ги, дба́емо про добро́ рідного на́шого кра́ю и ёго́ убо́гого лю́ду. Вбача́е товари́ство, які ми гости́нці подаемо́ на Вкраіну. Хочъ не бага́то, а все жъ кра́ще, ніжъ нічо́го: все жъ таки́ до́брі лю́де ба́чять и се́рцемъ радіють, що ми іхъ не забува́емо,—не спаніли тутъ живучи́. Поміжъ иншими бесе́дами нашими, знявъ я сло́во про те, що нема́ въ насъ жа́дної нау́ки, рідною мо́вою зло́женої. »Не га́рне ділo, папо́ве громадо«, мовля́въ я, »що ми своє́ рідне сло́во лю́бимо, а ніде не прочу́емъ, щобъ у́чено дітей по-на́шому!

Шкода́ жалкува́тись намъ на того́ да на сёго́... Коли́ бъ оце́ за́разъ передъ на́ми була́ така́ шко́ла, въ которій про що́ хочъ говори́ рідни́мъ сло́вомъ, то не бага́то зъ насъ обібралось би таки́хъ учи́телівъ, що змогли́ бъ ви́словитись по-сво́ёму про вся́ку річъ нау́чню. Не тоді, пано́ве—бра́ття, хорти́ годува́ти, якъ на полюва́ння іхати. Тре́ба намъ заздалегідь хочь пома́лу гото́витись. Нехай оди́нъ візьме́ця за одну́ нау́ку, а дру́гий за дру́гу, та й помізку́е самъ собі, я́къ би її рідною мо́вою зложити, та, прийшо́вши въ грома́ду, и проговори́ть части́ну яку́, такъ, ніби грома́да—ёго у́чні, а вінъ учи́тель, Ми жъ, слу́хаючи, будемо запи́сувати, противъ чо́го мо́жна змага́тись, коли́ не такъ ви́словився, або́ не туди́ ро́зумомъ ки́нувъ. Отъ и и́ншимъ громадя́намъ бу́де нау́ка и сама́ практика.«

Спаси́бі імъ, знайшли́сь таки́ лю́де, що мене́ послу́хали: змо́вились, кому́ про які ре́чі научні мо́ву въ грома́ді ма́ти, и оце́ високоповажний Володько́ Нечу́я спро́бовавъ свого́ сло́ва — росказа́въ намъ »про дощъ« таки́мъ скла́домъ, якъ ніби ми були́ невчені селя́не. Залюбки́ ми ёго́ слу́хали и проси́ли, щобъ вінъ положи́въ свою мо́ву на папе́ръ, та й подали́ до дру́ку у *Основу*. Нехай ся мо́ва иде́ по до́брихъ лю́дяхъ на взі́ръ, я́къ тре́ба вели́ке ді́ло рідної освіти роспочина́ти (*).

П. Кулішъ.

ПРО ДОЩЪ.

(*Спроба*)

Передне слово.

Лучча мині доля судилася аніжъ иншимъ оружнимъ людямъ зъ мого товариства. Замісь муштри щоденної—дали мині школу.

За три роки мавъ я часу придивитись, яка велика жадоба у

(*) Зъ правди́вою ра́дістю уміща́емо ми *спро́бу* (»спи́тъ«, »до́питъ«) високоповажного добро́дія, Володька Нечу́і, и сло́во П. А. Кулі́ша до української грома́ди. Не бага́цько тутъ гово́рено, та бага́то ска́зано; а *розумній голові—до́сить дві слові*.—За ці́єю *спро́бою* ми напечата́емо й и́нши, а на-самъ передъ—в. п. Ст. Д. Но́са, котри́й давно́ вже приложи́въ своє знатте народнёї мо́ви до нау́чніхъ предме́тівъ. Дай намъ Боже шви́дче того́ ча́су діжда́ти, коли мо́жна бу́де на́шою рідною мо́вою ясно ви́явити усе́, що чу́е и розумі́е душа́ Украі́нця. *Ред.*

прбстихъ людей до освіти. Найкраща, наймилійша имъ та наука (опрічъ Св. Письма) котора оповідае про землю, сонце, місяць; про те, одчого бувае день и нічъ, літо и зіма, и про воздушні яви, наприкладъ: дощъ, снігъ, и иніше.

Учивши москалівъ (жовнірівъ) пісьменства, ми дбали и про те, щобъ зробити зъ нихъ людей здатнійшихъ для війська, и про те, що якъ вийдуть вони «*у чисту*», щобъ були учителями народу.

Нашою думкою було, щобъ *наукою* мусили вони годуватись до віку; щобъ вже не швендяли по усіхъ усюдахъ випрошуючи и вимáнюючи шматокъ хліба, а булибъ потрібні-люде для громади сільскоі.

Тимъ-то повинні ми були, учивши іхъ пісьма, вважати на те, зъ якого народу призвано іхъ до війська.

Маючи у школі земляківъ своіхъ, задумавъ я списати для нихъ, нашою мовою, те, що потрібно знати усякій людині.

Подаючи одну изъ моіхъ річей до земляківъ-школярівъ въ печать, маю надію, що дотеннійши, прочитавши сю *спробу*, вкажуть моі помилки. Ще буде лучче, коли вони замісь мого, може недоладнёго слова, підіймуть до народу нашого свое, голоспійше и розумнійше.

Нічого шúроко річъ розводити про те яке добро той дощъ у насъ. Усякий хліборобъ добре зваживъ, що безъ дощу не буде хліба, а безъ хліба и грошенятъ дасть-Бігъ!

Теперь завчасто доводитця чувати, якъ люде сумуючи жалкують на те, що світъ змінився. «У старовину, кажуть, було не такъ якъ теперъ. И хлібъ тоді родивъ лучче, и дощі частійшъ перепадали... и таки зовсімъ легше жилось хліборобові. А теперъ е, дивись, трохи не що року, засуха; а тутъ ще внадилась сарана, та дорожнета така настала...що лихо та й годі! Не знаешъ, якъ ёго й жити у світі!»

— «Се Богъ милосердний, за гріхі наші, розсердивсь,» додають инші: тимъ Вінъ и посилае засуху та сарану. Звісно, — чоловікъ тільки й обернетця до Бога, якъ ёго лихо спіткае!»

Э, люде добрі, люде добрі! Богъ милосердний—не панъ, а ми Ему не кріпаками доводимось. Се пану можно втішати себе помстою,—а Бога сами жъ ви взиваете милосерднимъ. Богъ—правда. А хибажъ булабъ правда, колибъ Вінъ почавъ насъ карати за те що не такі ми, якъ треба? Що наша сила противъ Его сили? Аджежъ, якъ заведутця битись парубокъ зъ малимъ хлопчикомъ, то чи не-

налаете ви парубка? Ні, люде добрі, и налаете, та ще й прочухана доброго дасте, щобъ не заводився зъ хлоньяткомъ, коли знае, що певно ёго подужае. Такъ чи до ладу жъ воно буде, коли Богъ всемогучий втішатиметця надъ нами помстою такою? Ні, панове, обернімось трошки на себе, та поміркуймо, чи не ми сами винні тому, що світъ такъ змінився, якъ кажуть старі люде?

Занехаемъ до иншоі розмови сарану ту, а поведемо річъ про те, кого обвиноватить треба за засуху, що трохи, мовлявъ, не кожне літо у насъ гостюе?

Може довідаемось міркуючи, чи не брешуть и тиі, що кажуть, буцімъ відьми крадуть зъ неба хмари, та у глечики іхъ заховують?

Попереду подумаймо, відкіля беретця дощъ, та намітимо собі, що у Бога законъ одинъ: що для великого, що для малого. Отъ наприкладъ: візьми у миску води зъ річки и постанови на сонце. Побачишъ, що въ мисці вода випаряетця точнісінько такъ, якъ и въ річці,—якъ и въ морі, коли хочешъ. Нехай постоіть та миска зъ водою довше на сонці — то вся вода въ ій висохне, впьять таки такъ, якъ пересихають и річки одъ тогожъ сонця, у велику засуху.

Усяке бачило, що якъ налити у казанокъ води, та становити ёго на вогонь, то вода нагріваючись, пускае одъ себе пару, и ій все меншае у казаночку. Кудижъ вона пропадае? — Певно що *вода одъ нагріванія беретця парою, и підіймаетця у-гору.*

Наука дозналась, що ся *пара*—тіжъ манесенькі водяні крапельки и що вони *на холоді перероблюютця* вже у більшенькі краплі, мовлявъ, дощові.

Намітимо жъ собі сі два порядки. Якъ би накрити сей казанокъ зъ водою якою покришкою, та подивитись, що у казанку робитця, то побачили бъ, якъ пара, підіймаючись отъ води, сідае на холодну покришку, а потімъ, збігаетця (по звісному вже намъ закону) у крапельки. Далі, сі крапельки дощикомъ падають у той же казанокъ, відкіля взялись парою.

Таке жъ саме вбачаемо и въ лазні. Коли ій натоплять тепло, то вода, що скрізь по долівці порозливана, пускае одъ себе пару. Та пара сідае на холодну стелю, и збігаетця по ій у водяні краплі. Сі краплі все важчають одъ нового пару що прибувае, и коли вже не можуть, одъ своеі ваги вдержатись по-підъ стелею,—то падають на долівку дощикомъ.

Подивимось, пани-браття, чи не тежъ саме робитця и на землі?

Аджежъ ми собі намітили, що у Бога законъ однаковий що для великого, що для малого.

По великій обширі земної, опрічъ суходілу, багато води у моряхъ, річкахъ, озерахъ, ставкахъ и решті. Що день Божій, гріе сонечко сю воду. Що жъ зъ нею робитця?

Ми знаемо законъ, що вода одъ нагріванія (чи великого тепла) беретця парою и підіймаетця геть у гору. Повинно й тутъ такъ бути. Підіймаетця и тутъ пара одъ води геть-геть у високу високість.

Наука дознала, що по високій високості холоднійше аніжъ у насъ, на землі (*).

Отъ же, тая пара одъ води, підіймаючись у високості, переробляетця одъ холоду у дощові краплі. Сі краплі такі маненькі, що якъ-би взять одну зъ нихъ, то й окомъ не можна уздріти. Поки пара парою — то памъ й не можна ії бачити; съ того жъ часу, якъ зъ неї поробились, крапельки, — ми ії вбачаемо и *хмарою* зовемо.

Коли що треба сю появу прирівняти до чого, то вже не до чого иншого ії порівняемъ якъ до тої пари що зібралась на холодній покрисці надъ казанкомъ, або по-підъ стелею у лазні.

Тамъ ми вбачали, що краплі більшали й важчали — поки, одъ своеі ваги, не падали у низъ. Тутъ, у небі, тежъ саме. Спочатку хмара легесенька и рідесенька; дивлячись зъ землі, ми, кризь неї, вбачаемо й сонце. Далі, вона густіе одъ новоі пари, що прибуває зъ землі—и вже менше пропускае крізь себе світу; тими жъ часами, вона важчае, и спускаетця тихенько на землю. Якъ спустится овсі— тоді ми кажемо: «*дощъ* иде!»

Отъ, може ви, панове-браття, попереду тільки такъ-собі згодились, що у Бога законъ однаковий що для великого, що для малого; а теперъ уже сами вбачаете, що ся річъ справедлива. Якъ у казанку, вода одъ огню википае у пару—такъ и по всій земли вода одъ сонця підіймаетця парою. Якъ тамъ можно повернути ії до-

(*) Що сёму правда—здаюсь на людей що живуть у горахъ. Вони певно помітили, що на низу теплійше чимъ на горі. А ще жъ въ насъ на Вкраіні високихъ дуже гіръ немае; а то е такі сторони, де ніколи зими не бувае, и де, на височенныхъ горахъ, лежить зъ покопъ-віку снігъ, що ніколи не тане. Вірна, бачте, прикмета що вище піднімаемось по-надъ землею — то все холоднійше намъ буде.

щемъ впьять-таки у казанокъ, такъ и тутъ—вона сама вертаетця зъ високості на землю—дощемъ. Бачте, якъ мудро воно сотвóрено!

Хіба жъ се річъ доладня, розýмна, що буцімъ відьми (коли вони есть) викрадують зъ неба хмари? Не то що хмару викрасти, а ті краплі, що рипуть зъ підъ стелі въ лазні, вони зупинить не зможуть. Ні, не такий господарь на світі порядокъ давъ, щобъ его відьма (коли ії хто бачивъ) перемудровала!

Може мене спитають: яка жъ користь зъ того буде, що ми взнаемо, відкіля той дощъ беретця, и що відьми імъ не орудують? Намъ треба бъ знати, чого у насъ засуха часто бувае, и хто сёму виненъ?

Отъ моя одповідь.

Наука, обраховуючи все, що робитця на землі, помітила таке:

Найбільше дощу падае тамъ, де близько яке море велике, або де лісу багато. Наша свята батьківщина, хочъ и мае на своій південній гряниці *Чорне*, або, по старосвіцькому, *Козацьке* море, алежъ зъ того ще не велика користь усій нашій землі, бо Украіна не маненька палестина.

Губерніямъ такимъ, якъ отъ: Харьківська, Полтáвська, Чернігівська, Київська, та Подолі й Волині, та й самій Галичині (бо й то наша сторона, хочъ и завладавъ ею Німець) дуже далеко до моря. Щóжъ тутъ робить, щобъ и тутъ дощу було більшъ? Алежъ, того Чорного, чи Козацького моря, не перетягнешъ куди схочешъ. Річокъ тутъ хочъ и е, а про те не стількижъ щобъ стало за море. Треба вдатись до лісу, та подумать—погадати, чи доволі его въ насъ?

Старі люде росказують що: »у старовину було більше лісу—а теперъ, кажуть, викорчували его багато. Теперъ, кажуть, зовсімъ мало лісу. »Правда. Отъ, наприкладъ: у Харьківській губерніи, зъ північної сторони, якъ повирубували лісъ—такъ и холоднійшъ стало, бо Московському вітрý нема більшъ упину, и наносить вінъ часто въ Украіну московській холодъ. У Чернігівщині ще держитця лісъ—та й то, здаетця, тимъ, що его було тамъ и надто, то не встигли вирубати... А въ Київській губерніи, Канівщині, по Черкащині, Чигиринщині, та й навкруги Кúіва и туди далі икъ

Сквúрі и Паволочі, ще недавнёго чáсу, въ Колíвщину, пише Липпоманъ, що лісъ займавъ мало не третину всíї землі.

Отъ у старовину, якъ було більше лісу, то й води у нáсъ на Вкраíні більшъ удержувалось у землі. Лісъ ховавъ ту воду одъ спеки У лісахъ були криниці, дзюркотали струмені, наповняючи рíчечки й рíчки водою, а теперъ, якъ лісу стало мало (опрíчъ пíвночної сторони Чернігівщини), то дежъ тій водí держатись? Змоче дощикъ дрíбний землю, вдаре на нí ясний та гáрячий промінь соняшний,— и знову вся земля суха, бо сама трава, або й хлíбъ, не захистять землю одъ спеки. Йде наша вода—тá вода що дае зростъ хлíбові, у пару, а вітеръ пíвденний и жене ту пару, що літа, у Московщину. Йдуть тамъ дощі густо—бо лісу багато, а ми зостаемось съ засухою, що добре заробили, нікчемно й безпотрíбно порубавши свій лісъ. Буде ще гірше нашимъ дітямъ и унукамъ, аніжъ намъ, коли ми не схаменемось, та не почнемъ знову розводити лісъ, та берегти, якъ око, всяку деревину. Вже й теперъ криниці засипáютця, рíчки міліють:—що жъ буде, приміромъ кажучи, роківъ черезъ сотню?

Гарно виглядають наші хатки білі поміжъ деревомъ зеленимъ; любо завернути до нашого селянина у вишникъ, що по–за хатами. Алежъ пора намъ заглянути на наши лани та степи: чи не треба бъ и тамъ по троху деревину садовити? Тоді бъ, здаетця, нашимъ нащадкамъ нічого було бъ на насъ жалкувати—а спасибі бъ сказали. Не знали бъ вони такоí зáсухи якъ ми зазнаемо.

Ми не даемо землí напитись до схочу — та й бажаемо, щобъ вона намъ наше зерно вертала у двадцятеро. Нехай не дають чоловікові напитись якъ схоче—то чи багато вінъ напрацюе? А землí точнісінько такъ потрíбна вода—якъ и чоловікові.

Отъ, не обрахувавши діла сёго якъ слідъ, ми и Бога зневажаемъ, кажýчи, що се Вінъ, розсердившись, посилае на насъ засуху. Ні, панове браття: Вінъ давъ намъ мізокъ у голову, давъ волю робити що схочимо. Чи судъ, чи карность—ми вже сами собі даемо. Якъ несхочемо гараздъ подумати,—та необачно, на нівець, або не по правді, щонебудь зробимо—то намъ и погано на світі жити. Отъ якъ и теперъ. Оце судъ справедливий; а що кажуть, буцíмъ одъ Бога намъ тяжко жити—то не правда; бо Богъ не втішае себе помстою. Пóраемся ми сами на зéмлі, и *що сíемо—те й жнемо; що придбали—те й маемо; орали ми мíлко, посíяли рíдко—уро-*

дився въ насъ дідько; плюнули ми въ колодязь — ажъ ось и води треба напитись; якъ гукали—такъ намъ и одйкуется.

Володько Нечуя.

у 11 д. міс. Студень
р. Б. 1861,
у Петербурсі.

ОТВѢТЪ МОСКОВСКОМУ «ДНЮ»

НА ПОМѢЩЕННУЮ ИМЪ ВЪ № 23 СТАТЕЙКУ Г. СОКОВЕНКА:

О степени самостоятельности Малорусской литературы.

Московскій *День* не перестаетъ безпокоиться о существованіи литературы, возникшей не изъ тѣхъ началъ и побужденій, что́ его родная россійская словесность. Въ 23 № своемъ онъ опредѣляетъ «степень самостоятельности» этой литературы. Правда, редакторъ устраняется, въ выноскѣ, отъ участія въ сужденіяхъ своего сотрудника, но вѣдь выборъ сотрудника зависѣлъ отъ него, и если *День* выгородилъ себя выноскою отъ отвѣтственности за недобросовѣстность своего помощника, то всё-таки подлежитъ обвиненію въ невѣжествѣ относительно предмета, о которомъ идетъ дѣло въ его статейкѣ. До сихъ поръ невѣжество въ *хохлацкомъ* языкѣ и въ томъ, что́ *хохлы* печатаютъ, считалось дѣломъ естественнымъ, и россійскіе литераторы, касаясь этого предмета, какъ-будто съ умысломъ коверкали наши выраженія; если же хотѣли прослыть всевѣдущими, какъ напримѣръ Бѣлинскій, то объясняли своей публикѣ, что *жінка* или *жінца* значитъ жена (*). Теперь *народность*, сдѣлавшись модным словомъ даже и для московскаго *Дня*, готоваго накинуть свою сѣть на всю Славянщину, не дозволяетъ проходить съ пренебреженіемъ мимо явленія, которое съ каждымъ годомъ дѣлается болѣе и болѣе выразительнымъ,—и вотъ, къ услугамъ Москвичей, являются люди съ украинскими фамиліями, печатаютъ статейки въ московскихъ изданіяхъ и даютъ право редактору *Дня* говорить: «это ихъ *домашній* споръ; мы устраняемся отъ участія въ немъ; это споръ между *своими*»; т. е., иными словами: «ужъ если Малороссы сами признаютъ или отвергаютъ что-нибудь въ своей литературѣ, такъ это дѣло рѣшеное». Такъ поступалъ и князь

(*) См. *Сочиненія* Бѣлинскаго, томъ 5-й.

Велико-Гагинъ во времена Черной Рады. Такъ поступалъ и князь Голицынъ при избраніи на гетманство Мазепы. Можно бы указать множество примѣровъ такой истинно-московской политики; но оставимъ въ сторонѣ Москву и потребуемъ на судъ того, кто сослужилъ ей службу.

Господинъ этотъ называется Григоріемъ Соковенкомъ. Фамилія оканчивается на *ко*,—значитъ несомнѣнный Малороссъ. Ему и книги въ руки! Но бѣда въ томъ, что книги-то эти онъ едва по складамъ разбираетъ. Мы могли бы указать природныхъ Великоруссовъ, которые основательнѣе г. Соковенка знаютъ языкъ нашъ и яснѣе (или, пожалуй, честнѣе) понимаютъ основанія нашей словесности. Для этого не нужно родиться непремѣнно въ какомъ-нибудь Гадячѣ, или Чигиринѣ: для этого надобно имѣть только любовь къ предмету и здравый смыслъ въ головѣ. У г. Соковенка, очевидно, нѣтъ ни того, ни другого. У него есть только смѣлость—выдавать себя за знатока украинскаго языка и украинской словесности, а московскому *Дню*, по-видимому, ничего другого и не нужно отъ дешеваго представителя Украины. Г. Соковенко опирается на авторитетъ Бѣлинскаго и подкрѣпляетъ его авторитетомъ г. Аѳанасьева-Чужбинскаго (*), а рядомъ съ нимъ ставитъ О. Б....аго. Намъ извѣстно, кто пишетъ иногда подъ этимъ именемъ: это—авторъ *Украінськихъ Казокъ*; но мы не знаемъ за нимъ никакого отступничества. Лучше бы г. Соковенко сослался на г. профессора и академика Срезневскаго: онъ же, кстати, въ качествѣ члена академіи наукъ, направлялъ полезную дѣятельность г. Аѳанасьева-Чужбинскаго по украинской лексикографіи.

Прежде всего, г. Соковенко доказываетъ, въ своей статейкѣ, тождество украинскаго языка съ великорусскимъ посредствомъ сходства многихъ словъ въ томъ и другомъ. (Казалось бы, достаточно одного такого филологическаго пріема, чтобы уничтожить, въ глазахъ редактора, всякую вѣру въ выводы г. Соковенка). Какъ знатокъ дѣла, онъ навязываетъ намъ слѣдующія слова: *стритыть*, *брыться*, *возъ*, *грамотный*, *болный*, *строгый*, *грѝзно*, *гришно́*, *стыдно́*, *смотривны*! и т. п. Имя г. Максимовича упомянуто при этомъ авторомъ статейки какъ нельзя больше кстати. Жаль намъ имени Ос. Макс. Бодянскаго, который пойманъ въ ту же московскую сѣть. Г. Соковенко выдалъ имъ слѣдующій печатный аттестатъ: «Они, какъ знатоки дѣла и въ

(*) Знаніе дѣла и добросовѣстность отношенія къ нему г. Аѳанасьева-Чужбинскаго указаны въ разборѣ его *Поѣздка въ Южную Россію*. (*Отечественныя Записки*, 1862, январь).

«особенности Малороссійскаго языка, будучи при томъ сами природ-«ными Малороссами, постоянно отзывались и отзываются о Малорус-«скомъ языкѣ не какъ о самостоятельномъ или отдѣльномъ, а какъ «о нарѣчіи или части Великорусскаго языка; вслѣдствіе чего находятъ «нераціональнымъ и вреднымъ дѣлу общаго интереса принимать уча-«стіе въ дѣтской—безполезной игрѣ обособленія Малороссійскаго язы-«ка». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что г. Максимовичъ, переложивъ псалмы Давидовы и *Пѣснь о Полку Игоревѣ* на украинское нарѣчіе, убѣдился собственнымъ опытомъ, что нераціонально и вредно принимать участіе въ развитіи украинскаго языка, что это съ его стороны дѣтская игра;—но чѣмъ Ос. Макс. Бодянскій заслужилъ одинакій почетъ съ г. Максимовичемъ, объ этомъ знаетъ только московскій *День*, усвоившій наслѣдственное искусство устраняться отъ такъ-называемаго *домашняго* спора между *своими*.

Служа усердно Москвѣ, въ качествѣ знатока украинскаго языка и украинской словесности, г. Соковенко объявляетъ, что Шевченко, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, началъ-было замѣтно отдаляться отъ господствующаго говора во всей Малороссіи, и только въ послѣдствіи обратился къ настоящему и вѣрному народному языку, особенно въ своихъ послѣднихъ думахъ. (Поэтому-то, вѣроятно, такъ и полюбила вся Украина, отъ профессора университета до неграмотнаго пахаря, первые звуки Шевченковой кобзы.) Но послѣднія думы Шевченка, напечатанныя въ *Основѣ*, по нашему, далеко слабѣе первыхъ его произведеній, и ужъ не встрѣтишь въ Украинѣ неграмотныхъ людей, которые бы, услышавъ ихъ въ чтеніи, затвердили такъ, какъ напримѣръ стихи:

Кохáйтеся, чорнобриві,
Та не зъ Москалями,
Бо Москалі чужі лю́де,—
Ро́блять ли́хо зъ ва́ми.

По смыслу статейки г. Соковенка, это должно́ быть оттого, что Шевченко обратился наконецъ къ настоящему и вѣрному народному языку. Да́,—именно оттого!.. Г. Соковенко утверждаетъ, что значительнѣйшая часть произведеній Шевченка только въ немногихъ случаяхъ отличается языкомъ и оборотами, нѣсколько оригинальными, а потому и неудобопонятными для каждаго, незнакомаго съ мѣстными идіомами (Шевченко, видите ли, уклонился тутъ отъ настоящаго украинскаго

языка, тождественнаго съ великорусскимъ); всѣ же остальныя мѣста слово въ слово могутъ быть переложены на великорусскій языкъ... Да, г. Соковенко! вы справедливо ссылаетесь на г. Гербеля, которому не стоило никакого труда переложить *Кобзаря* на языкъ собственныхъ *Отголосковъ* и превратить Шевченкову кобзу въ великорусскую балалайку. Публика, для которой вы пишете, находя такъ-много осязательно-общаго между языкомъ Шевченка и г. Гербеля, теперь ужъ окончательно увѣруетъ, что украинскій языкъ тождественъ съ великорусскимъ, а судя о достоинствѣ поэзіи Шевченка по звукамъ Гербелевой балалайки, можетъ отвести ему какое заблагоразсудится мѣсто въ ряду своихъ стихотворцевъ: не посмотритъ она на филологовъ, которые давно ужъ перестали считать украинскій языкъ частію великорусскаго. Что для нея значитъ, можетъ быть, вовсе невѣдомый ей Миклошичъ, когда вы ей рекомендуете гг. Аоанасьева-Чужбинскаго и Максимовича? Одинъ составилъ превосходный словарь Малорусскаго *нарѣчія* (который академія наукъ совѣстится оканчивать печатаніемъ); другой отлично понялъ непонятную *Пѣснь о Полку Игоревѣ* и воспроизвелъ ее въ стихахъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ знаніи того же *нарѣчія*. Оба оказали россійской словесности услугу незабвенную, показавъ дѣломъ рукъ своихъ скудость языка украинскаго, разжаловавъ его въ нарѣчіе и самимъ правописаніемъ уподобивъ его языку Богдановича, Хераскова и другихъ своихъ учителей.

Съ одинаковымъ знаніемъ дѣла переходитъ г. Соковенко отъ писателя къ писателю въ украинской литературѣ. «Главнѣйшая заслуга г. Марка Вовчка (говоритъ онъ) состоитъ въ томъ, что по его стезямъ пустились многіе повѣствователи жизни народной: Гонна-Барвынокъ-Номысъ (sic), Нисъ, Глѣбовъ, Мордовцевъ и друг.» Почему же? какъ бы вы думали?... Потому, что «доставляя намъ живые матеріалы, добытые изъ устъ народа, они фактически свидѣтельствуютъ намъ о тождествѣ Малорусскаго нарѣчія съ языкомъ Великорусскимъ»!!

Наконецъ, г. Соковенко коснулся и моихъ незначительныхъ писаній, отзываясь о нихъ съ похвалами; но похвалы эти такого рода, что я считаю долгомъ оправдываться отъ нихъ передъ обществомъ, которому служу, и протестовать противъ московскаго *Дня*, который тискаетъ уже другую статейку, подъ видомъ похвалы извращающую характеръ моей дѣятельности и дающую читателямъ ложное понятіе о ея направленіи. Ужъ лучше грубая брань, чѣмъ этакія похвалы! Какъ бы низко ни думали читатели *Дня* о достоинствѣ моихъ писаній,—бѣда

невелика; но редакторъ *Дня* долженъ понимать, что, при настоящемъ значеніи слова, перетолковывать, подъ благовиднымъ предлогомъ, характеръ и направленіе писателя-Украинца значитъ отнимать у него то, чего онъ защищать не можетъ. Неужели примѣръ *Русскаго Вѣстника* такъ заразителенъ въ Москвѣ? Молчаніе мое, на извѣстную выходку этого журнала для человѣка честнаго должно быть краснорѣчивѣе полу-отвѣта. Московскому *Дню* мы еще отвѣчаемъ, и какъ онъ ни странно до-сихъ-поръ велъ себя относительно насъ, Украинцевъ, но мы не хотимъ допустить мысли, чтобъ онъ желалъ нашего молчанія и не боялся напомнить намъ стихъ Пушкина:

Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ! (*).

П. Кулишъ.

20 Марта 1862.
Петербургъ.

(*) Эти слова не каждому понятны безъ предыдущихъ стиховъ, которые такъ-часто намъ, Украинцамъ, приходятъ на память:

Когда твой другъ, на гласъ твоихъ рѣчей,
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ,
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдёрнетъ съ содроганьемъ,
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,—
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье...
Но если ты святую дружбы власть
Употребилъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И, соннаго, врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай,—не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО СЪ ЮГА.

Безъименныя письма, какъ видно, нынѣче въ модѣ. Какая – то, судя по письму, очень почтенная дама, не–украинка, но «горячо-любящая и уважающая украинскій народъ», удостоивъ меня заочной бесѣдой объ украинской литературѣ, желаетъ получить мой отвѣтъ черезъ *Основу*. Она относится строго къ украинской словесности и находитъ ее далеко несоотвѣтствующей потребностямъ народа. Прежде всего, я долженъ сказать, что рѣчь моя объ этомъ предметѣ не можетъ быть такъ широка, какъ, напримѣръ, рѣчь Московскаго *Дня*, или *Русскаго Вѣстника*. Достойная моя корреспондентка должна была имѣть это въ виду, вызывая меня на печатный отвѣтъ.

Дѣля патріотовъ на нѣсколько разрядовъ, она причисляетъ меня, *отчасти*, къ разряду *патріотовъ–немножко-эгоистовъ*, на томъ основаніи, что будтобы я, «желая быть *самобытнымъ*, изобрѣлъ *свое* правописаніе.»

Оправдываюсь. До появленія моего въ печати, было изобрѣтено нѣсколько правописаній: значитъ—всѣ изобрѣтатели были *немножко-эгоисты*. Не отвергая истины, что всякій человѣкъ немножко-эгоистъ, скажу однакожъ, что, еслибы меня удовлетворило которое–нибудь изъ украинскихъ правописаній, то я не погнался бы за самобытностію, которой, притомъ, и невозможно основать на особомъ правописаніи.

»Мои наймички (говоритъ далѣе моя противница) смѣются, когда я имъ читаю *какъ написано*.«

Онѣ смѣются надъ неправильнымъ чтеніемъ,—но вовсе не надъ правописаніемъ, въ которомъ стóило бы вамъ только замѣтить два–три правила, и вы не смѣшили бы вашихъ наймичокъ. Вѣдь не читаете же вы по-французски, какъ написано, да и по–русски не говорите *добраго, дурнаго!* и не произносите буквы *о* вездѣ, гдѣ она написана, а вѣроятно, *а*каете отлично!

Вы говорите, что направленіе украинской литературы— *цвѣточное* и что оно не даетъ »истиннаго знанія.«

Не распространяясь о многихъ причинахъ трудности дать украинской литературѣ приложеніе реальное, скажу, что всего только года два прошло съ того времени, какъ убѣжденіе въ необходимости развитія украинскаго языка, въ смыслѣ элемента жизненнаго, перестали (конечно, далеко не всѣ) считать нелѣпостію. Погодите уп-

рекать насъ; взгляните на исторію другихъ литературъ и сравните наше положеніе съ положеніемъ другихъ обществъ. Да и что́ вы такъ гнѣваетесь на «цвѣточность» нашей литературы? Ни одинъ плодъ не является прежде цвѣту. Между цвѣтомъ бываетъ много пустоцвѣту, но пустоцвѣтъ окажется только впослѣдствіи. Еще рано заподозрѣвать нашу цвѣточность въ ея жизненной несостоятельности; вы присваиваете себѣ права́ еще несуществующаго поколѣнія. Притомъ же, мы не ограничиваемъ нашей дѣятельности однимъ литературнымъ цвѣтоводствомъ. По мѣрѣ возможности, мы даемъ нашему народу и то, что́, по-вашему, для него нужнѣе. Вы забываете о Галиціи, гдѣ школьное преподаваніе и судопроизводство идутъ на общедоступномъ южнорусскомъ языкѣ. У насъ въ украинской литературѣ преобладаетъ (отчасти и по-необходимости) направленіе беллетристическое, у нихъ—реальное. Ни то, ни другое не останется безъ плодотворныхъ послѣдствій. Обмѣняться не долго, лишь бы открылась матеріальная возможность. Чего недостаетъ въ ихъ языкѣ, то́ есть у насъ; чего у насъ недостаетъ, есть у нихъ. Работая кождый въ-одиночку, обѣ части южнорусскаго народа созидаютъ свое слово, какъ главнаго двигателя жизни. Скучно со стороны смотрѣть, какъ медленно идетъ это дѣло; множество неблагопріятствующихъ обстоятельствъ наводятъ на мысль о его безнадежности. Но мы, которые смотримъ на дѣло не изчужа, которые отдаемъ на него жизнь, не видя и не понимая, какъ употребить ее достойнѣе,—мы не считаемъ его безнадежнымъ уже по одному тому, что оно основано на желаніи себѣ и другимъ праведнаго добра.

Изъ этихъ словъ вы видите, что я не ношу розовыхъ очковъ, которыя вы совѣтуете мнѣ сбросить. Я слишкомъ хорошо вижу, въ какомъ незавидномъ положеніи находится вопросъ, ради котораго потратилъ я лучшіе годы жизни. Если хотите знать правду, то я даже и не надѣюсь дожить до новаго, лучшаго его положенія; но я глубоко убѣжденъ, что въ немъ заключено будущее благо многихъ честныхъ людей, и для достиженія этого блага разсчитываю на силу вещей, на общественную нравственность, на духъ и потребности времени, а вовсе не на какія-либо «энергическія и талантливыя личности». Вообще мы, какъ единицы, можемъ сдѣлать мало. Успѣхъ нашихъ дѣйствій зависитъ отъ степени уразумѣнія силы вещей. Полагаясь на эту силу, мы смотримъ на себя, какъ на служилые органы, посредствомъ которыхъ болѣе или менѣе оправдывается инстинктъ общественной жизни. Не вамъ

произноситъ судъ надъ тѣмъ, что́ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ украинская литература. Ваше дѣло только знать, что́ она сдѣлала и какъ сдѣлала. Сдѣлала она—по количеству—мало и развитіе ея далеко неразностороннее; но какая же литература въ самомъ началѣ своемъ не была малою, слабою и неудовлетворявшею всѣмъ требованіямъ жизни? Порадуемся тому, что сдѣланное ею сдѣлано разумно и честно.

Вы говорите, что «малороссійская литература *слишкомъ* изящна... слишкомъ эстетична... слишкомъ мягка для могучихъ рукъ селянина... Она неспособна къ возбужденію молодыхъ умовъ къ правильной самодѣятельности, къ правильному развитію».

Кто же вамъ сказалъ, что наша литература существуетъ *только* для поселянъ? Мы къ поселянамъ не принадлежимъ, но находимъ удовольствіе въ чтеніи Квитки, Шевченка и лучшихъ, первыхъ разсказовъ Марка Вовчка, все равно какъ находимъ удовольствіе въ художественныхъ картинахъ природы украинской. Надѣюсь, вы не найдете ничего предосудительнаго и безполезнаго въ эстетическихъ наслажденіяхъ, и конечно позволите богатымъ поселянамъ достигать до такого благосостоянія, чтобы, наравнѣ съ нами, находить время для изящныхъ удовольствій и быть для того довольно образованными.

Но, независимо отъ эстетическаго достоинства, наша, *слишкомъ* изящная, по вашему выраженію, литература имѣетъ и практическое значеніе: она знакомитъ образованныхъ, достаточныхъ, людей съ нашимъ простымъ народомъ, отъ котораго они отстали, вводитъ ихъ въ его внутренній міръ, уясняетъ имъ матеріальныя и моральныя его потребности, возбуждаетъ любовь и уваженіе къ нему,—ту любовь и уваженіе, безъ которыхъ неосуществимы надежды на лучшее будущее. Если бы наши паны заблаговременно поняли значеніе украинской литературы, если бы они приняли къ сердцу ея честныя внушенія и сообразовали бы съ ними свои дѣйствія, то—безъ сомнѣнія—многія затрудненія, возникшія нынѣ въ гражданскихъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и поселянами, были бы давно устранены или улажены.

Съ этой стороны, украинская литература несомнѣнно оказала дѣйствительную услугу обществу, оцѣненную всѣми честными людьми; а для многихъ изъ насъ,—для людей, непонимающихъ отечества безъ народа, пользующагося правомъ свободно устроивать свое благосостояніе,—она была единственнымъ душевнымъ пріютомъ: разочарованные въ нравственной состоятельности образованной части общества, мы радостно

встрѣчались съ *простыми*, честными людьми, мы отдыхали сердцемъ въ ихъ обществѣ, которое носитъ въ себѣ несомнѣнные залоги возрожденія, и больше и больше убѣждались, что ему стóитъ посвятить все наше время, всѣ наши труды. Въ этомъ простомъ обществѣ, ежечасно занятомъ думою о насущномъ хлѣбѣ и самозащищеніемъ,—по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, еще слабо сознана потребность образованія;—между поселянами мало грамотныхъ, а слѣдовательно и читателей и покупателей: подумайте же, откуда намъ было взять средства на изданіе *учебныхъ* книжекъ для народа, безъ надежды, что изданіе окупится? Средства есть у *господъ*, а господа пока слишкомъ собой заняты, и о народномъ образованіи огромное большинство ихъ даже не думаетъ. Общества грамотности возникали въ Одессѣ, въ Харьковѣ, Полтавѣ; отъ нихъ можно было ожидать помощи, но они еще не получили утвержденія. Наши собственныя средства—средства пишущей и сочувствующей общенародному дѣлу братіи—слишкомъ и слишкомъ ограничены. Вотъ причина, отчего многія начинанія и даже оконченные труды на пользу народа не увидѣли и долго еще не увидятъ свѣта, (развѣ, можетъ быть, вы, узнавъ обо всемъ этомъ, убѣдите кого-нибудь изъ людей богатыхъ подѣлиться частицей своего достатка съ тѣмъ народомъ, который такъ долго содѣйствовалъ и будетъ содѣйствовать ихъ благосостоянію). Все это, и многое другое (о чемъ я долженъ умолчать) слѣдовало бы вамъ принять въ соображеніе: тогда вы не только не упрекнули бы насъ, за малополезность нашихъ трудовъ, но можетъ быть, даже подивились бы и тому, что̀ до-сихъ-поръ сдѣлано.

О возбужденіи «молодыхъ умовъ къ *правильной* самодѣятельности», скажу, что можетъ быть, не все то въ вашихъ глазахъ правильно, т. е. разумно, что̀ мы находимъ разумнымъ. Напримѣръ, изъ статей гг. Рыльскаго и Антоновича вы можете убѣдиться, что эти молодые умы развиваются и дѣйствуютъ въ направленіи указываемомъ украинскою словесностію. Многіе очень не глупые и даже ученые люди находятъ, что они пошли по ложной дорогѣ. Мы напротивъ, думаемъ, что оставленная ими дорога была ложною. А вы что̀ скажете? Но вѣдь гг. Рыльскій и Антоновичъ не одни. Вы сами указываете на цѣлый кружокъ подобныхъ имъ лодей, существующій у васъ передъ глазами. Откуда взялся этотъ кружокъ? Его прежде не было. Вы же называете его кружкомъ *развитыхъ людей*. Вѣдь не однѣ вы сѣтуете, что развитые люди увлекаются идеею украин-

ской литературы. Нѣкоторые заявляютъ свои жалобы печатно, оградивъ себя отъ опроверженій весьма искусно-придуманными формами; а другіе идутъ еще далѣе, да ка́къ далеко—если бъ вы знали! Если бъ вы знали, какъ далеко заходятъ другіе въ своемъ благородномъ энтузіазмѣ, вы бы, можетъ быть, посовѣстились кой-чего въ вашемъ письмѣ. Но письмо ваше написано—по всему видно—съ добродушнымъ намѣреніемъ обратить меня на путь истины, на тотъ путь, который вы видите,—съ того пути, котораго вы *не видите*. Благодарю васъ за это, и въ доказательство отвѣчаю вамъ по мѣрѣ возможности.

П. Кулишъ.

12 февраля, 1862.
Петербургъ.

НЕТЯГА.

Безъ сви́ти, и бо́сий,
И хліба нема́,
И лю́де те ба́чуть—
Та ка́жуть: дарма́!

Збірщики́ послідню
Коро́ву ціну́ють,
Хати́на безве́рха,
Сусіди глузу́ють;

У хи́жу загля́нешъ—
У за́сікахъ пу́сто,
И заросла́ ни́ва
Свиріпою гу́сто.

И самъ я диву́юсь,
Що звівся ні-на́-що...
А змо́лоду бувъ же
И я не леда́що!

Коли́сь и для ме́не
Игра́ли музи́ки,

Топта́ли дівча́та
Нера́зъ черевики́;

Нера́зъ чорнобри́ві
Слёзи утира́ли,
Якъ мене́ въ доро́гу
Се́стри споряжа́ли;

Коли́сь поважа́ли
И мене́ сусіди,
Якъ справля́въ бенке́ти,
Роди́ни й обіди;

Коли́сь и відъ ме́не
Ишли́ паровиці—
Степо́мъ розляга́лось:
»Ой не ходи́, Гри́цю...«

И мині́ коли́сь-то
Догожа́ла до́ля...
Та все́ пройшло́ ма́рно...
Ёго свята́ во́ля!

Ой ки́ну я ли́хомъ
Объ зе́млю сиру́ю;
Помьяну́ на це́й разъ
До́леньку лиху́ю;

Потягну́ степа́ми,
А ко́су на пле́чі...
Проща́й, родино́нько,
Й весе́лиі ре́чі!

Гей, бра́ття-нетя́ги,
Уда́римо въ ко́си—
За на́ми-пана́ми
Ніхто́ не голо́се!

В. Куликъ.

ДО-ДО́МУ!

Дале́кая доріженька
Гадю́кою вье́тця...
Зно́ву се́рце оживае
И зно́ву сміе́тця.
Ой окру́гі хурто́вина
Пла́че, завива́е,
А на душі я́сне со́нце
Мені зно́ву ся́е.—
Зъ дале́кого, чужо́го кра́ю
До-до́му зно́ву завіта́ю
И ма́тіръ рідну—Украіну
Поба́чу зно́ву;—одъ себе́,
Мовъ нерозу́мную дити́ну,
Не прожене́ мене́... Тебе́—
Поба́чу зно́ву, мій ти ра́ю,
Мій ба́тько рідний—степъ безъ кра́ю!
И на тебе́, Дніпро́—ді́ду́сь,
Погля́ну зно́ву; подивлю́сь
На ті роско́шшя, ті доли́ни,
Де тільки мрію́ть домови́ни
Діте́й коза́чіхъ,—ті моги́ли,
Де сплять наро́дні на́ши си́ли
И—на́че сло́ва пра́вди ждуть...
Нема́ ёго́?—літа́ иду́ть,
Прохо́дять ма́рно...
Украіно!
Моя́ не́не ми́ла!
Даси́ мені се́рце но́ве
И но́вую си́лу,
Щобъ зъ брата́ми за ту пра́вду
Односта́йне ста́ти,
Братівъ моіхъ меньшихъ, біднихъ—
Ро́зуму навча́ти,— —
Щобъ изъ ни́ми на́ше да́вне
Ли́хо одбува́ти;
Щобъ изъ ни́ми щи́римъ се́рцемъ

Го́спода благати...
И розийдетця та хма́ра,
И біля віко́нця
Ми у своій рі́дній ха́ті
Діждемо́ся со́нця.

Черніговець Миколайчикъ Білоконитий.

ПЕРЕГЛЯДЪ УКРАІНСЬКИХЪ КНИЖОКЪ.

Скарбъ, библіотека для любителей русскаго и малороссійскаго чтенія. Выходъ 1. Кіевъ. 1859. Въ 16-ю д.; стр. 329, 15 и 18.

Разокъ Намиста, Михайла Юркевича. С.Пб. 1861. Въ 12-ю д. стр. 41.

Мотря Кочубеивна, драма въ 5 годынахъ, мовою мирною, зложення Марка Онука. Годына перша. Кыивъ. 1861. Въ 24-ю д. стр. 47.

Се таки́й *Скарбъ*, що знайшо́вши ёго́, не зна́тимешъ, де діти!.. хиба́ тільки поки́нешъ: неха́й ще хто зна́йде та зновъ поки́не. На друго́му листо́чку надруко́вано: *Мѣшокъ стиховъ и торбынка вѣршей*. Зве́рху въ сёму́ мішку́ яки́йся П. Базиле́вичъ похвали́въ стиха́ми Бо́га, та такъ же нечума́зно похвали́въ, на́че голо́дний вовкъ середъ сте́пу. П. Б—чъ прибра́въ собі до смаку́ ще и́ншу пра́цю: рубону́въ стиха́ми про сла́вную Россію, та якъ рубону́въ! Ось слу́хайте:

Обширна славная Россія,
Двѣ части свѣта обняла.
Что̀ передъ ней края чужіе?
Она пространна и свѣтла.

Ба́чте! ка́жуть, що въ насъ на Вкраі́ні тро́хи розу́мнихъ люде́й. Де́ тобі тро́хи! За ни́ми ніку́ди й не прото́вписся, — ажъ земля́ одъ нихъ сто́гне, не то що́! Онъ яки́й *Скарбъ* надрукува́ли! ажъ су́мно. Та не журітесь, шано́вне товари́ство: тутъ и пона́шому де-що попи́сано. Яки́йся д. *Лысько́* ви́мудрувавъ акро́стихъ: *Жіночки бажа́ю*. Дру́гий хтось росказа́въ віршами про *салда́цький патре́тъ*, такъ, на́че спра́вді що́ почу́халось объ ёго на я́рмарку, або́ пъяне́ до ёго поточи́лось, якъ опа́сувався Кузьма́ Трохи́мовичъ. А то́ ще въ тому́ жъ *Ска́рбі* надруко́вано по́льску по́вість Краше́вського по-моско́вській. Про не́і нічо́го не ска́жемо, тільки що заняла вона́ 329 страни́чокъ,

а на Скарбъ остáлось 69. Підъ кінéць надрукóвано въ Скáрбі то се, то те по-москóвській и нáзвано *лоскутнымъ рядомъ*. Тамъ знáйдете такé диво, що »истый Малороссъ, или Крымчакъ, не любитъ никакого труда, разумѣется если онъ родился и выросъ въ своей хатѣ.« Одúнъ, мовлявъ, такúй удáвся, що якъ зáсне, то спить сýтки и дрýгі нáче мéртвій, що притьмóмъ жінка захóдитця ховáти и попá прикли́че. Тоді вінъ лупъ очúма, та й не-гáдки. Отъ які́ репяхи́ рóдить нашъ славéтний Кúївъ! Пожúвлятця любúтелі читáння!

Розгóрнемо дрýгу книжечку, чи не полéгшае. Гáрно ся книжечка прозивáетця: *Разóкъ Намúста*. Чи дóбре жъ се намúсто,—такé що зъ рóду въ рідъ переходить й довіку съ ціни́ не спаде́, чи, мóже, скло жидівське, абó нанизаний на ни́точку горóхъ про дітську йграшку? На почáтку книжечки заспівавъ добродій Михáйло Юркéвичъ *до Шевченка*. Про щó жъ вінъ заспівáвъ? Летівъ, кáже, високо орéлъ та й назúривъ ни́жче сéбе гусéй, спусти́вся на гусакá, вдáривъ та й сівъ за свóю трапéзу, а гýси полетіли собі. Оттáке-то, мовлявъ

»Оттаке́-то на сімъ свíті
Пти́цямъ пти́ця рóбить...
Якъ захóче попоїсти,—
Слабішу й коробúть.«

А щó? хибá не гáрно? Се́ жъ те сáме, що казáвъ Шевчéнко:

»Оттаке́-то на сімъ свíті
Рóблять лю́дямъ лю́де:
Того́ вяжуть, того́ ріжуть,
Той самъ себе́ гу́бить...«

Ще́ й підписано, щобъ знали, коли́ співáвъ но́вий поэтъ до старóго поэта: »1852 р. ноября 24.«

Чомъ, справді, не співáти по готóвому слíду?—Шевчéнко співавъ про топóлю:

»Станъ висóкий, листъ широ́кий,—
На́ що зеленіе?
Кругóмъ пóле, якъ те мóре
Широ́ке, синіе,« —

а нóвий поэтъ співáе про кленкá:

»Висóкий станъ та тонéнький
Къ нéбу простягнýвся,
Широ́кими листóчками
Увéсь одягнýвся.«

Кленóкъ бува́е кра́ще топóлі,—якъ до кленка́. Шевче́нко посади́въ свою́ топóлю середъ по́ля, а но́вий поэтъ—свій кленóкъ на моги́лі:—показні́йше. И спра́ві е таке́ въ но́вого поэта, що й не сни́лось Шевче́нкові: е въ ёго ду́мки *зеле́ні*. У Шевче́нка есть тільки »ду́ми, рожéвиі квіти,« та й го́ді, а тутъ онъ яке́ ди́во! До чо́го-то чоловікъ не доду́маетця, ккъ за́чше чу́хати поти́лицю? Мо́же, тільки днівъ зо́ два й поси́дівъ панъ Миха́йло Юркéвичъ надъ своїмъ *Кленкóмъ*, та й с ця́цька зъ зеле́ними ду́мками!

А то́ ще е въ ёго коза́къ съ *курча́вимъ* у́сомъ и синёóка дівчи́на:—га́рна па́ра, та ніякъ не мо́жна розібра́ти, що́ зъ не́ю ста́лося. Ишли́, ка́же, по́лемъ—

»Йшли по по́лю, мовъ би мана́,
Обня́вшися дво́е.
Де ділися?... Богъ іхъ зна́е!...
Про те мовчи́ть по́ле.«

»Такъ, ка́же, на світі все дітця.« Ні, да́лебі, не такъ! На світі хочъ тро́хи розумнійшъ дітця, ніжъ у сихъ віршахъ химе́рнихъ. Моро́ка намъ зъ сими вірщами! На́ що іхъ ви́думано компонува́ти? Свяге́ діло—прóза: що́ схо́чешъ, те й ска́жешъ; а тамъ мо́же бъ и повернýвъ чоловікъ мізкомъ по-лю́дський, такъ навіжéна жъ риѳма не слу́хае; отъ и вихо́дять такі вірші, якъ оці:

Не роска́зуй же, дівчи́но,
Чого́ се́рцемъ ну́дишъ,
Не роска́зуй до́бримъ лю́дямъ,
Бо ти себе́ згу́бишъ!
Хіба́ скажи́ тому́ хло́пцю,
По яко́му сту́ка...

се, бачъ, се́рце сту́ка по хло́щеві,—на́че довбе́шка, або́-що.

Чита́ючи *Разо́къ Нами́ста*, неразъ прихо́дилось намъ пита́ти въ поэта: що́ бо се ви, пани́чу, хо́чете сказа́ти? Говоріте спро́ста, то ми й зрозуміемо, и гара́здъ воно́ бу́де:—такъ куди́! До чума́цькоі доро́ги вінъ такъ озива́етця:

»Чума́цькая доріженька',
Спочи́нь на часо́чокъ,
Бо вже го́ри напина́ють
Рожéвий віно́чокъ!«

Чо́мъ же се такъ? чомъ не гово́рить по-лю́дській нашъ поэтъ, а все якось изви́сока займа́е? Ма́буть, чи не того́, що ні про що́ гара́здъ

ему́ говори́ти; бо й самъ вінъ, посередъ кни́жечки своéі, призна́вся; ка́же:

»У ду́мки заглянешъ свої заповідні!—
Ажъ сміхъ розбіра́е, які вони́ бідні!

Такъ на́ що жъ папіръ псува́ти, коли́ такъ? Лу́чче бъ ви де́рево по Вкраіні сажа́ли, ніжъ на чужи́ні украінські вірші друкува́ли. Тамъ скрізь го́ло, скрізь зли́дні, а ми тутъ виспівуемо про кленківъ, то про козаківъ съ *курча́вими* ву́сами, та зъ-нечѐвъя псуемо́ рідну мо́ву, не навчи́вшись іі до́бре въ тихъ людéй, що ждуть відъ насъ підмо́ги не сло́вомъ, а діломъ. Мо́же, и́поді й сло́во ста́не їмъ у пригоді, та не таке́ якъ оці вірші:

»Бува́ло й такéе,
Що цуръ и каза́ти,—
На дво́рі нудьгу́ють,
Нудьгу́ють и въ ха́ті.«

Або́ оці:

Стояла грушка молода,
Старимъ покійничкомъ привита.

Перебра́вши ввесь *Разо́къ Нами́ста*, не знайшли́ ми въ ему ні зе́рнятка годя́щого. Коли́ й попада́лось яка́ до́бра зерни́на, то съ чужо́го нами́ста. Ото́, ма́буть, начита́всь пани́чъ *Кобзаря́:*—»ке й собі напишу́!..« Ой, пани́чу, пани́чу! коли́бъ ви зна́ли, якъ гли́боко въ мо́рі росту́ть кора́лі, що зъ нихъ нами́сто ни́жетця! Отъ же ще гли́бше на дні души́ людськóі затаілися поэти́чні ре́чи, що ни́ми, мовъ дороги́ми кора́лями, людська́ ду́ма закраша́етця. Коли́ не вміете́ спуска́тися въ ту глибиню́ таемни́чу,—шкода́ ва́шоі пра́ці—віршо́ване нами́стечко низа́ти! (*)

(*) Отъ же, у в. п. М. Юркéвича есть таке́ зе́рнятко, що було́ бъ жа́лко, якъби воно́ загуби́лось. Нечáсто дово́дилось намъ знахо́дити, въ стихахъ письме́нного—*подражательнаго* — скла́ду стільки тепла́, якъ отъ у цімъ *Го́міні*:

Го́мінъ, го́мінъ на Вкраі́ні:
»Ско́ро во́ля бу́де«;
Вигляда́ють зо всіхъ краівъ
Ту́ю во́лю лю́де;

Вигляда́ють, я́къ со́нечко
На зе́млю погля́не,
Вигляда́ють, я́къ и́ те́мно
Надъ земле́ю ста́не;

А загля́немо жъ ищé въ трéтю книжечку. Се, якъ ба́чите, дра́ма, та ще й мо́вою не про́стою, а мірною зло́жена. По́ки не ви́йшла вся вона́ (бо се тільки актъ пе́рвиї), не ма́емо ми пра́ва ані хвали́ти ії ані гу́дити. Инша річъ—мо́ва. Мо́ва въ сій кни́жецці куме́дна. Добро́діéві Ма́рку Ону́кові здаéтця, що тільки підба́въ у моско́вську мо́ву *ы* та на́шихъ украíнськихъ кінчиківъ, то й бу́де по-на́шому. Ось якъ у его дíеві лю́де гово́рять:

»Одинъ тилько мелькнувъ для мене місяць,
Зо дня окончання мого учення,—
И рій товарищівъ мои́хъ завзятыхъ,
Зъ-за книгъ, изъ-за пысьма, и зразу вмчавъ
У школу удали́ й одвагы,—мыгомъ.«

Здаéтця намъ, що, по такóму почáткові, не багáто знáйдетця охóчихъ до читáння *Мóтрі Кочубéївни*. Ми не вáжимось ввіхóдити въ колю́чий віршови́й чагарни́къ, а поглядáючи на его скрáю, ду́маемо: що колú спрáвді Бóгъ даé чоловíкові кебéту до писáння, то пéрше всего даé ему́ гáрне, вимовнé слóво. Трапля́ютця лю́де, що, мáвши гáрне, вимовнé слóво, не мáють прáведного талáнту; а сéго зъро́ду ми не чувáли, щобъ чоловíкъ, мáвши прáведний талáнтъ поэти́-

---

Вигля́дають, піджида́ють,
Якъ и місяць зійде...
Изъ яко́го золото́го
Вона́ кра́ю прúйде?

Піджида́ють, викрика́ють,
Щобъ не заблуди́лась,
Щобъ зъ нові́ доріженьки
Вона́ та й не зби́лась.

Де́ жъ ти, во́ле, забари́лась,
У яко́му кра́ю?...
Чи ти зъ Бо́гомъ размовля́ешъ,
У свято́му ра́ю,

Чи зъ царя́ми, чи зъ пана́ми
Ти зато́лкова́лась,
Чи до вільнихъ до пташечо́къ
Щи́ро привяза́лась? (?)

Де́ ти, во́ле дорога́я,
Безсо́нная ду́мко?...
Де літáешъ, соколівно, (?)
Но́ева голу́бко?...

чній, не мавъ вимовного слова. Тимъ-то кладемо на високу полицю у всякий складъ *Мотрю Кочубеївну*, та й не жалкуватимемо, що, може, воно що-небудь дотепне, а ми й не прочитали: певне дурниця

П. Кулішъ.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(**въ книгѣ, подъ заглавіемъ** *Исторія Русской литературы*, **П. Нетраченка.** *Варшава.* **1861 г. въ 8-ю д. стр. 144**).

Книжка, подавшая поводъ къ настоящей замѣткѣ, и сама по себѣ, и по отношенію къ «Основѣ» можетъ возбудить лишъ интересъ отрицательный и условный. Нося громкое названіе *исторіи русской литературы*, она есть не что иное, какъ весьма сжатая компилляція общихъ фразъ и извѣстныхъ мнѣній о русскихъ писателяхъ, мнѣній, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, какъ напримѣръ—чтенія о словесности Давыдова и сочиненія Бѣлинскаго).

Коло Бога спокоюъ-віку
Ти усе витаешъ;
Коло царівъ, коло панівъ
Щастя-долю маешъ;

Щастя й долю ти розносишъ
По цілому світу...
Погляньъ на насъ! и ми жъ люде,
Хочъ и носимъ свиту!...

А ми бъ тебе, нашу думку,
Въ пісняхъ проспівали, —
И въ молитвахъ, що за тебе,
На колінка бъ стали,

Заспівали бъ: нехай гомінъ
Розластця по світу,
Що й ті вільні теперъ стали,
Що носили свиту!

А въ молитвахъ, що за тебе—
Дякували бъ Богу,
Що воленька не минула
Її нашого порогу.

Ред.

О сочиненіи г. Петраченка нѣчего былобы говорить, особенно въ *Основѣ*. Но въ концѣ ея находится *Краткій историческій очеркъ украинской литературы*, который, самъ по себѣ, не долженъ быть пропущенъ безъ вниманія въ украинскомъ учено-литературномъ вѣстникѣ. Нельзя не поблагодарить г-на Петраченка за мысль дать мѣсто, въ исторіи русской литературы, и литературѣ украинской, но нельзя и не сознаться, что исполненіе этой мысли весьма неудачно, въ чемъ, конечно, убѣдится безпристрастный читатель изъ слѣдующаго обстоятельнаго и правдиваго отчета.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ объ украинской литературѣ (*Общій взглядъ*),—о языкѣ и народной поэзіи (*Украинскій языкъ, сказки и пѣсни*),—состоящихъ изъ повторенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ *Записокъ о Южной Руси*, г. Кулиша и статьи Гоголя «о малороссійскихъ пѣсняхъ,» читаемъ:

«Печатная украинская литература начинается отъ глубокой древности. Есть *отрывки* на украинскомъ языкѣ у Нестора, Кирилла Туровскаго, въ словѣ о полку Игоревѣ, въ поученіи Мономаха, въ Литовскомъ Статутѣ, въ письмахъ Мазепы Китнера Кочубея Богословы 18-го вѣка писали проповѣди на украинскомъ языкѣ, но этотъ языкъ, какъ смѣсь съ книжнымъ великорусскимъ, совершенно разнится отъ живаго народнаго языка. Первое произведеніе, написанное чисто украинскимъ языкомъ. *Энеида*, Котляревскаго. Эта пародія заинтересовала украинцевъ своимъ шутовствомъ, и еще болѣе оттолкнула было просвѣщенныхъ отъ мужицкой рѣчи.»

Нѣтъ, на-оборотъ: *Энеида* Котляревскаго пріохотила къ народному языку даже тѣхъ грамотныхъ во всѣхъ слояхъ общества, кто или мало зналъ, или чуждался его: доказательство тому, что эта пародія, будучи печатаема въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, расходилась по Малороссіи въ огромномъ множествѣ списковъ и попадалась и у селянъ, и у горожанъ, и у полу-панковъ, и у пановъ. Авторъ *Очерка украинской литературы* вовсе не упомянулъ о двухъ драматическихъ произведеніяхъ Котляревскаго:—*Наталка-Полтавка* и *Москаль-Чарівникъ;* вѣрныя дѣйствительности, они, въ продолженіе нѣсколькихъ десяткокъ лѣтъ, и даже въ наше время, возбуждали смѣхъ и слезы зрителей не только въ провинціальныхъ, но и въ столичныхъ театрахъ. Не говоримъ уже, о томъ, что первый народный украинскій писатель заслуживалъ болѣе сочувствія и внима-

нія со стороны претендента—быть первымъ оффиціальнымъ историкомъ украинской литературы.

За такимъ *началомъ* исторій украинской литературы, *продолженіе* ея ограничивается именнымъ перечнемъ украинскихъ писателей.

«Вслѣдъ за Котляревскимъ, являются многіе писатели и изыскатели украинской народности: князь, Цертелевъ, Гулакъ-Артемовскій, Максимовичъ, Срезневскій, Гребенка, Забѣла, Бодянскій и другіе,» (т. е.—и только!?!) Минуя ихъ, мы обратимся къ Квиткѣ, какъ первому писателю, положившему первое начало украинской литературы.»

Непосредственно за приведеннымъ выше упоминаніемъ семи именъ, слѣдуетъ статья о *Квиткѣ*, состоящая изъ біографіи его въ тридцати строкахъ, извлеченной изъ сочиненія г. Данилевскаго «Основьяненко, С.-Пб. 1856,» и сокращенной перифразировки мыслей, г. Кулиша о *нѣкоторыхъ* повѣстяхъ Квитки изъ его приложенія къ изданнымъ имъ повѣстямъ Квитки, подъ заглавіемъ: Григорій Квитка (Основьяненко) и его повісті. Слово на новій виходъ Квітчиніхъ повістей) С. П. Б. 1858»; говоримъ *нѣкоторыхъ*, ибо г. Петраченко пропустилъ какъ повѣсти, писанныя по велико-русски, такъ равно и драматическіе произведеніе Квитки. Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что новисти, также какъ и драматическія произведенія, на русскомъ языкѣ, не потому только слабѣе писанныхъ по украински и ниже таланта Квитки, что писаны не родной рѣчы, но и потому, что украинскія изображаютъ самостоятельную жизнь народа, установившуюся вѣками и сохранившуюся въ чистотѣ, тогда-какъ въ великорускихъ рисуется, если можно такъ выразится, *перелицованная* жизнь общества, которому у насъ некогда было установиться. И такова участь всѣхъ бывшихъ и будущихъ опытовъ изображать современную жизнь нашу, внѣ почвы чисто-народной, питающей *живыхъ* людей: въ нихъ неизбѣжно являются или каррикатуры, или олицетвореніе производительныхъ сочинительскихъ мечтаній.

Стихами Шевченка изъ его посланія къ Основьяненку (*Кобзарь*, 1860, стр. 45) авторъ *очерка украинской литературы* переходитъ къ самому Шевченку. Статья о немъ наполнена автобіографіей его въ письмѣ къ редактору *Народнаго Чтенія* (1860 г.), да нѣсколькими стихами Шевченка, съ такой характеристикой его поэзіи:

«Она выражаетъ не только настоящее и прошедшее народа, но далеко проникаетъ и въ будущее. Въ настоящемъ она ищетъ идеи и

матеріаловъ для вдохновенныхъ созданій, а въ будущемъ выполненія идеи или осуществленія ея».

Во вступительномъ общемъ взглядѣ на украинскую литературу, г. Петраченко выражается о ней такъ:

«Глубоко проникая встарь, она выводитъ идею прошедшей народной жизни изъ тумана глубокой древности и приводя ее по живому свѣжему и сильному организму современной жизни, далеко загляды-ваетъ въ будущее».

Слѣдовательно—черта, характеризующая поэзію Шевченки, не есть непосредственная ея особенность, а общее свойство всей украинской словесности, которое не могло не быть угадано имъ какъ великимъ національнымъ поэтомъ, а какъ самобытнымъ геніемъ-художникомъ воплощено типически. Но и здѣсь не мѣшаетъ добавить, что украинская словесность, какъ выраженіе жизни народной, будучи *воспоминаніемъ* ея минувшаго и гаданіемъ *грядущаго*, не представляетъ полной картины ея *настоящаго*, по самой простой прмчинѣ: настоящая наша жизнь еще не сложнилась вполнѣ, существенные элементы ея, разложившись вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ обстоятельствъ, находятся въ броженіи, и пока не установится это броженіе, они не могутъ соединиться въ цѣльность народнаго тѣла.

Двадцатью строками о Маркѣ Вовчкѣ, повторяющими слова г. Кулиша въ предисловіи къ народнымъ оповіданнямъ Марка Вовчка (Спб. 1858 г.) и семью строками о П. А. Кулишѣ (вмѣсто которыхъ не лучше ли было бы хоть въ кратцѣ перечислить, чѣмъ обязана ему украинская литература), заключается *краткій историческій очеркъ украинской литературы*. Да, черезъ чуръ ужъ *краткій*, что можно было видѣть и по числу страницъ; а въ какой степени, притомъ, *неудовлетворительный*—явствуемъ изъ настоящаго отчета.

Не распространяясь болѣе объ *очеркѣ украинской литературы* г. Петраченка, нельзя не пожалѣть, что онъ,—въ намѣреніи послужить,—быть можетъ, даже повредилъ дѣлу, за которое взялся, представивъ украинскую литературу въ слабомъ и невѣрномъ свѣтѣ. Нельзя, по этому, не пожелать, чтобы знатоки дѣла потрудились составить, на первый разъ, хоть *библіографическое обозрѣніе* украинской литературы (*), въ обширномъ значеніи этого слова, разумѣя

(*) Усердно просимъ объ этомъ почтеннаго г-на **Н. М.**, библіографическія и историко-литературныя свѣдѣнія котораго многимъ давно извѣстны. *Ред.*

сочиненія о Малороссіи вообще во всѣхъ отношеніяхъ, историческіе источники и матеріалы, изслѣдованія языка и народной поэзіи, сборника народной поэзіи и стародавней письменности, произведенія современной украинской словесности, писанныя на народномъ языкѣ и писанныя на великорусскомъ литературномъ языкѣ, въ духѣ украинской народности... Существеннымъ качествомъ и отличительнымъ достоинствомъ этого обозрѣнія должны быть *полнота и отчетливость*. Это былъ бы, такъ сказать, *инвентарь* нашего умственнаго благосостоянія, въ которомъ оцѣнка должна быть произведена съ строгимъ безпристрастіемъ, независимо отъ личныхъ мнѣній и предубѣжденій. Такое обозрѣніе, будучи пригодно для повѣрки пройденнаго нами умственнаго нашего развитія, послужитъ путеводнымъ руководствомъ для незнакомыхъ, но желающихъ познакомиться, съ нашей литературой. Для будущихъ же историковъ ея и современныхъ критиковъ, обозрѣніе это будетъ драгоцѣннымъ *справочнымъ указателемъ*, безъ котораго правильныя работы ихъ немыслимы. Инвентарь нашъ выйдетъ не такъ богатъ, какъ у другихъ: но, быть можетъ, окажется, что мы сравнительно, далеко не бѣдны качествомъ своихъ произведеній, и болѣе обязаны дорожить *тѣмъ, что имѣемъ*.

Н. М.

Январь 1862 г. *с. Карабиновка.*

ИЗВѢСТІЕ О ЮЖНОРУССКОМЪ СЛОВАРѢ Г. ШЕЙКОВСКАГО (*).

Въ прошломъ году »Кіевскій Телеграфъ« объявилъ о приготовленіи къ изданію этого словаря и мы ждали его съ нетерпѣніемъ, чувствуя настоятельную потребность въ подобной книгѣ. Г. Шейковскій исполнилъ свое обѣщаніе очень скоро: въ концѣ прошлаго же года появился первый выпускъ южно-русскаго словаря,, съ которымъ мы и хотимъ познакомить здѣсь читателей «Основы».

Въ книгѣ г. Шейковскаго, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе правописаніе. Не говоря о томъ, что пора бы уже намъ остановиться на чемъ нибудь одномъ, а не *выдумывать* для каждой книги

(*) *Опытъ южно-рускаго словаря. Трудъ К. Шейковскаго. Т. I, выпускъ первый: А—Б. Кіевъ. 1861. 8-го XVII и 224 (двойн.) стр.*

болѣе или менѣе мудреные значки, неимѣющіе историческаго смысла и очень затрудняющіе читателей, о правописаніи г. Шейковскаго мы должны сказать, что въ *искуственности* написанія словъ онъ пошелъ едва ли не далѣе г. Гатцука... Изъ обложки словаря видимъ, что авторъ его—кандидатъ историко-филологическаго факультета, слѣдовательно болѣе или менѣе спеціалистъ въ славянской филологіи; поэтому, было бы очень интересно узнать, на какихъ *историческихъ* основаніяхъ онъ создалъ свое правописаніе? Сами мы до этого не добились и, да извинитъ г. Шейковскій, если во всѣхъ этихъ значкахъ и новыхъ буквахъ мы видимъ пока лишь одну суету... (*).

Въ предисловіи авторъ объясняетъ тотъ путь, которому намѣренъ слѣдовать при изданіи своего труда и объясняетъ такъ, что мы можемъ пожелать ему только полнаго успѣха... Заключается это предисловіе фразой: «Знаю, что г. Кулишъ и К° напустится на мой словарь, придумаетъ (*такъ*!) много недостатковъ, выищетъ много промаховъ и пр. и пр. Но я напередъ говорю, что не считаю г. Кулиша компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ: онъ мало знаетъ южно-русскій языкъ, чтобы не сказать болѣе». Затѣмъ слѣдуетъ выноска, въ которой г. Шейковскій продолжаетъ полемизировать противъ г. Кулиша въ томъ же неприличномъ тонѣ и, главное, безъ всякихъ *осязательныхъ* основаній... Какъ непріятно читать это заключеніе, особенно въ такой почтенной книгѣ, какъ словарь; невольно, напоминаетъ оно многое изъ сказаннаго г. Костомаровымъ въ «Словѣ о Сковородѣ»...

Не принадлежа къ К° г. Кулиша, если таковая дѣйствительно существуетъ, мы, тѣмъ не менѣе, обязаны сказать, что въ словарѣ г. Шейковскаго есть «много недостатковъ» и «много промаховъ».

Главный недостатокъ этой книги заключается въ томъ, что она неполна; но винить за это автора нельзя: онъ могъ собрать только 36 т. словъ и издаетъ ихъ, сознавая впрочемъ (стр. X), что этимъ запасомъ не исчерпывается еще все достояніе языка; пропущенное могутъ дополнить и другіе, лишь бы было почему дополнять. Заслуга

(*) Въ 1860 г. г. Шейковскій издалъ *азбуку для народа* («Домашняя наука», въ 2-хъ брош.), напечатанную съ тѣми же мудреными буквами и значками: спрашивается, для чего она издана? Не говоря объ ученикахъ, ни одинъ учитель не можетъ осмыслить ея особенностей, слѣд. не можетъ и объяснить ихъ; почему, разумѣется, книжки эти и останутся безъ употребленія.

начинанія останется все-таки за г. Шейковскимъ, а съ нею и благодарность людей, чувствующихъ потребность въ родномъ словарѣ. Мы можемъ только замѣтить, что лучше было автору не торопиться изданіемъ своего труда, а похлопотать еще годъ другой о его дополненіи; тогда, между прочимъ, не было бы такихъ странностей, что въ *первомъ* выпускѣ печатаются и дополненія къ нему (186 словъ на 1087).

Другой недостатокъ словаря важнѣе и въ немъ авторъ уже виноватъ: объясняя слова, г. Шейковскій не руководствовался никакой опредѣленною для того нормой, какъ бы слѣдовало это сдѣлать, и потому объясненія его лишены всякой пропорціональности, въ ущербъ внутреннему достоинству словаря: одни изъ этихъ объясненій кратки до того, что даютъ о предметѣ только смутное понятіе; другія—безъ нужды, очень растянуты и заключаютъ въ себѣ много лишняго. Укажемъ примѣръ тѣхъ и другихъ: *адамашокъ-родъ матеріи*. Какой—не объяснено. *Богородица*—между прочими значеніями, *капишонъ*, но какой капишонъ и при какой одеждѣ—тоже необъяснено; иной, пожалуй, подумаетъ, что тутъ разумѣется капишонъ у дамскихъ бурнусовъ. *Богословъ—семинаристъ*. Неужели всякій семинаристъ называется богословомъ? *Бублыкъ — бубликъ* и опять никакихъ объясненій. *Бровко—названіе собаки. Буда—шатеръ, крытая повозка* и т. д. Между тѣмъ, при другихъ словахъ находимъ объясненія, состоящія изъ цѣлыхъ страницъ; да и то собственно не объясненія, а пѣсни, иногда ровно ничего невыясняющія; напр. при словѣ *бісовскый*, безъ всякихъ объясненій, приведена цѣлая пѣсня, говорящая только въ послѣднемъ стихѣ, что разумъ Виговскаго былъ бѣсовскій... При сл. *бухылы*, къ объясненію совершенно достаточному, прибавлены еще зачѣмъ то и стихи Руданскаго. Тоже сдѣлано и при сл. *буселъ:* приведена цѣлая дума Руданскаго, а самое слово объяснено невѣрно; г. Шейковскій говоритъ, что буселъ *(боцянъ, чорногузъ, лелека)* значитъ цапля, между тѣмъ какъ это только одинъ видъ цапли—*аистъ*, если зоологи причисляютъ его къ роду цапель. При нѣкоторыхъ словахъ, напр. *брамѣты*, г. Шейковскій входитъ въ лишнюю полемику съ покойнымъ Шимкевичемъ, которая занимаетъ цѣлую страницу; при малоупотребительномъ и извѣстномъ только въ одной мѣстности словѣ *будівля* приводятся двѣ длинныя пѣсни, уже разъ напечатанныя (Lud Ukraiński), безъ всякихъ объясненій, которыя необходимы, если ужъ автору, не-у-мѣста, пришла охота говорить о народной космогоніи. Кромѣ того, въ объясненіяхъ г. Шейковскаго находимъ

фразы, лишенныя всякаго значенія, напр. при словѣ *бондаривна*, замѣчено: «объ одной бондаровнѣ есть въ народѣ очень хорошія пѣсни». Если авторъ разумѣетъ тутъ пѣсни объ извѣстной *Немирівнѣ*, то долженъ былъ это объяснить, а безъ того, на такое его замѣчаніе можно сказать, что у народа много есть хорошихъ пѣсенъ, только пользуясь ими, при словарныхъ объясненіяхъ, нужно умѣть выбирать дѣйствительно нужное...

Этихъ указаній, думаемъ, достаточно, чтобы получить о книгѣ г. Шейковскаго болѣе или менѣе вѣрное понятіе.

По первому выпуску словаря, должно сдѣлать такое заключеніе объ этомъ трудѣ: если онъ будетъ продолжаться въ тѣхъ же рамкахъ, то это будутъ только *матеріалы* для южнорусскаго словаря, а никакъ не словарь, ни даже «опытъ» его...

Послѣднія страницы (177 — 224) книги г. Шейковскаго заняты «Приложеньемъ», заключающимъ въ себѣ: *собственныя имена и названія мѣстностей*. Ему предпослано слѣдующее объясненіе: «на помѣщеніе въ словарь собственныхъ именъ, и особенно фамилій, я наведенъ былъ словаремъ Юнгмана. Я придаю особенную важность помѣщенію южнорусскихъ фамилій въ словарѣ: изъ такого словаря видно будетъ какія южнорусскія фамиліи ополячились (?). При замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи фамиліяхъ сдѣланы краткія біографическія замѣтки. Если о какомъ нибудь дѣятелѣ есть народная пѣсня, то она тоже приводится. Изъ названій мѣстностей вошли въ словарь преимущественно тѣ, которыя упоминаются въ народныхъ пѣсняхъ, хотя встрѣчаются иногда и другія. Знаю, что словарь мой въ этомъ отношеніи представляется далеко не полнымъ; но я считалъ лучшимъ хотя положить начало этому труду, чѣмъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ это дѣло.« И затѣмъ начинается: *Абрамовичъ*= ова, е (фамилія) *Авдотка* = Явдоха. *Авраменко*, ова, е (idem).(?) *Авраменчыха*, ж. р. ы = жена *Авраменка*. *Агавка*, вця, вочка (ум.)= Агафія. *Агарскый*, а, е = магометанскій, турецкій. *Агаранэ*, мн.= турки, магометане. *Адам*, м. р. а=Адамъ. *Адамовічъ*, ова, е (фамилія). *Азовъ*—названіе города (и затѣмъ дума о побѣгѣ 3 братьевъ, изъ собранія Максимовича). *Азовскый*, а, е. *Аксак*. м. р. а (фамилія) около 1618 г. Аксак. былъ кіевскимъ земскимъ судьею. Кромѣ этого извѣстно еще нѣсколько Аксаковъ. *Аксамітово*, с. р. а названіе села, принадлежавшаго Шептаковской волости. Въ 1761 г. въ немъ было 43 двора, принадлежавшихъ Разумовскому. *Алескандров-*

ка, ж. р. ы = названію деревни (*напротивъ*, *мѣстечка и значительнаго*), находящейся въ Черниг. губерн. *Алещенко*, м. р. а (фамилія). *Алтыновка*, ж. р. ы = названіе села. Изъ универсала гетм. Апостола 1728 г. видно, что оно сначала принадлежало Батуринской ратуши; послѣ владѣлъ имъ гетм. Скоропадскій, отдавшій его «сотныц'ці Ды(ь)яковс'кій» *Анан*, м. р. я, ніо, нцю, нечко (ум.)=Ананія. Анастаевич, ова, е (фамилія). *Андрей*, ейко, ціо, ічко = Андрей. *Кумэ-Андрею! небудʼте свынею*! (посл.). Наканунѣ св. Андрея Первозваннаго (29 ноября) почти во всей Южно-Руси дѣвушки гадаютъ о замужествѣ...« Начинается перечень гаданій, который долженъ быть отнесенъ въ самый словарь, какъ этнографическій очеркъ. Выписки этой, кажется, довольно, чтобы получить понятіе о задуманномъ г. Шейковскимъ словарѣ собственныхъ именъ и названій мѣстностей. Въ немъ мы видимъ большой и послѣдовательный «промахъ». Что имѣлъ въ виду г. Шейковскій, печатая это приложеніе, мы рѣшительно не понимаемъ и послѣ выписаннаго предисловія: географическій словарь южнорусскаго края? Въ такомъ случаѣ, по его началу, мы видимъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ и одного перечня украинскихъ мѣстностей, не говоря уже о нужныхъ объясненіяхъ, безъ которыхъ полный ихъ перечень—будетъ трудъ безполезный. Можетъ г. Шейковскій хотѣлъ представить намъ генеологическій списокъ украинскихъ фамилій, но для того, чтобы онъ удовлетворилъ своему назначенію, нужно, ни болѣе ни менѣе, какъ пересмотрѣть архивы депутатскихъ собраній тѣхъ губерній, гдѣ живутъ Украинцы...

Авторъ конечно, согласится съ нами, если мы скажемъ, что въ трудахъ, имѣющимъ предметомъ «собственныя имена и названія мѣстностей,» главное дѣло заключается въ *полнотѣ* и *точности фактовъ*; а если такъ, такъ чему же могутъ послужить его 208 словъ (А—Бох.), надерганныя изъ разныхъ книгъ, безъ всякой системы и безъ всякой опредѣленной цѣли?

Вотъ что мы сочли нужнымъ сказать о книгѣ г. Шейковскаго, дабы дать о ней понятіе людямъ, интересующимся предметомъ.

Печальна судьба украинскаго словаря!..

13 марта 1862 г. Черниговъ.

Б. Лазаревскій.

ВІСТІ.

ПО ПОВОДУ РАЗМЕЖЕВАНІЯ.

Черезполостность такого рода явленіе, которое вытекаетъ изъ самого характера нашего народа. Сынъ, основывая свое семейство, большею частію отдѣляется отъ отца,—основываетъ особенное хозяйство и, на основаніи народной справедливости, получаетъ изъ *дідизни*, то есть изъ наслѣдственнаго семейнаго имущества, долю, равную съ остающимися невыдѣленными дѣтьми. Затѣмъ уже онъ совершенно независимъ отъ отца и не имѣетъ уже никакого права, при жизни отца и неотдѣленныхъ сыновей или ихъ нисходящихъ, на *дідизну* и батькивщину, т. е. на семейственное имущество. *Відрізана скиба відъ хліба—вже її назадъ непритулишь*, говоритъ народъ. Послѣ смерти родителей дѣти почти никогда не остаются въ общемъ владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ и почти всегда раздѣляются, на основаніи того воззрѣнія, что *два коти въ однімъ мішку* (*або на однімъ салі*) *непомирятця*. Вотъ и возникаетъ дробленіе. Это дробленіе земли и вообще хозяйственныхъ средствъ ведетъ къ тому, что нѣкоторые непремѣнно должны продать или *застáвить* частицу земли. Законъ, воспрещавшій отчужденіе козачей земли лицамъ некозачьяго сословія, понизивъ цѣнность козачьей земли, не удержалъ впрочемъ перехода ея къ лицамъ другихъ сословій. Земля переходила подъ видомъ полюбовной мѣны (переходнаго средства къ уничтоженію черезполосности) и посредствомъ заставы къ лицамъ другихъ сословій. Простолюдинъ прибѣгалъ къ мѣнѣ только въ томъ случаѣ, если нужно было достать денегъ. Онъ давалъ большее количество земли и получалъ деньги и небольшое количество земли. Землю онъ получалъ какъ придаточное, для того только, чтобы существовалъ фактъ мѣны, чтобы совершить актъ на простой бумагѣ и избѣжать уплаты крѣпостныхъ пошлинъ.

Застава (закладъ)—это самая грубая форма кредита. Должникъ

передаетъ заимодавцу владѣніе землею, обезпечивающею долгъ, и за проценты передастъ ему право пользоваться, извлекать доходы съ нея. Заимодавецъ владѣетъ и пользуется ею, какъ своею собственностью, пока эта земля не будетъ выкуплена самимъ кредиторомъ или его наслѣдниками, хотя бы самыми отдаленными. Народъ не допускаетъ въ этомъ случаѣ давности, какъ способа пріобрѣтенія права собственности. По на практикѣ весьма и весьма рѣдко случаются факты выкупа заставленной земли. Деньги взяты не на развитіе хозяйственныхъ силъ; онѣ нужны или на непроизводительныя, но по обычаю необходимыя траты, напримѣръ, чтобы *отбуть весілля*, или на поддержаніе хозяйства пришедшаго въ разстройство по несчастнымъ случаямъ, какъ то: неурожаю, падежу скота. Прибавьте еще то, что въ обезпеченіе долга и за проценты, — отъ должника отходитъ къ заимодавцу земли цѣнностію вдвое больше суммы, взятой въ долгъ. Это-то все лишаетъ должника и его наслѣдниковъ возможности выплатить когда-нибудь долгъ и получить назадъ заставленную землю.

Посредствомъ дробленія наслѣдственныхъ земель, посредствомъ мѣны, посредствомъ заставы, возникла черезполостность.

У мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ тоже самое; ихъ земли дробились, части ихъ продавались, пріобрѣтались другія части. У болѣе значительныхъ владѣльцевъ менѣе черезполостности, хотя у ихъ крестьянъ зе́мли большею частью черезполосныя.

Многія значительныя помѣщичьи имѣнія образовались изъ покупки у мелкопомѣстныхъ и наоборотъ, дробясь между наслѣдниками, по милости черезмѣрной роскоши и расточительности, разстраивались и продавались по частямъ.

Народу черезполосность выгодна. Система трехпольнаго хозяйства необходима нашему народу, состоящему изъ мелкихъ собственниковъ. Безъ *толоки* имъ нельзя обойтись: иначе имъ невозможно содержать скота, въ теченіи пяти мѣсяцевъ.

Раздробленность и разбросанность, по народному воззрѣнію, еще выгодна тѣмъ, что если не уродитъ на одномъ кускѣ по той причинѣ, что этотъ кусокъ низменный и въ мокрое лѣто на немъ хлѣбъ вымокнетъ, за то на другомъ, болѣе высокомъ, можетъ уродить; въ сухое же лѣто—наоборотъ. Если градъ побьетъ хлѣбъ на одномъ кускѣ, за то на другомъ кускѣ хлѣбъ можетъ уцѣлѣть. Кромѣ того, черезполосность доставляетъ нѣкоторое удовольствіе пахарю. Собираясь орать, онъ снаряжается въ дорогу, беретъ бочку воды для напованія скота и

для своей кухни, беретъ дровъ, казанокъ и всѣ принадлежности походной кухни, а также катрягу (пахарскій шатеръ) и уѣзжаетъ на цѣлую недѣлю въ поле: выоретъ одинъ кусокъ—переѣзжаетъ на другой, лежащій на значительномъ разстояніи отъ перваго куска. Эти маленькія странствованія какъ-нельзя-больше въ украинскомъ духѣ.

Когда пронеслась молва о размежеваніи, въ народѣ пробудились нѣкоторыя опасенія. Опасаются, чтобъ паны не отмежевались въ отрубныя дачи, и такимъ образомъ не лишили бы ихъ значительной части толоки.

По Положенію о размежеваніи, владѣльцы, имѣющіе въ Полтавской губерніи болѣе 150-ти десятинъ полевой земли въ генерально-обойденной дачѣ, непремѣнно вымежевываются въ отрубныя дачи. Владѣлецъ, имѣющій отъ 50 до 150, можетъ быть отмежованъ въ отрубную дачу, но не лишается права оставаться въ дачѣ общаго владѣнія. Владѣлецъ, имѣющій менѣе 50 десятинъ, тоже можетъ быть отмежованъ въ отдѣльный участокъ,—но не иначе, какъ въ томъ мѣстѣ дачи, хотя бы и на границѣ ея, гдѣ это вымежеваніе не будетъ стѣснительно для мелкихъ собственниковъ, остающихся въ общемъ владѣніи, равно и для тѣхъ, которые имѣютъ болѣе хозяйственной единицы (т. е. 50 дес.).

Конечно, очень многіе владѣльцы воспользуются правомъ, которое даетъ имъ Положеніе о размежеваніи, тѣмъ болѣе, что послѣ эмансипаціи нужно будетъ измѣнить систему хозяйства. Слѣдовательно количество толоки уменьшится и опасенія народа въ этомъ случаѣ не напрасны.

Тѣ, у которыхъ въ теченіи одной, двухъ и болѣе земскихъ давностей находятся во владѣніи заставленныя земли, опасаются, чтобъ отъ нихъ не были отобраны эти земли. Эти опасенія напрасны, потому-что межевыя коммиссіи не будутъ разбирать вопроса о правѣ собственности.

По поводу размежеванія, въ народѣ родилось предположеніе, что будетъ уничтожена подушная подать, а вмѣсто нея будетъ платиться подать съ десятины удобной земли. Народъ понимаетъ бо́льшую равномѣрность послѣдней подати сравнительно съ первой.

Черезполосность для нашего панства была хорошимъ средствомъ прихватывать частицы чужихъ земель: давала средство *вкошуватьця*, въорюватьця, какъ говоритъ народъ, и породила безконечное множество разорительныхъ тяжбъ. Мужички иногда бывали пойманы *въ спашу́* и

платились за это такъ, какъ хотѣлъ поймавшій. Между панами спашъ тоже часто давалъ поводъ къ тяжбамъ, и такихъ дѣлъ, какъ дѣло о свиньѣ, гусяхъ и т. п., очень много.

По Положенію, размежеваніе Черниговской и Полтавской губерній должно производиться на основаніи дѣйствительнаго безспорнаго владѣнія.

При рѣшеніи споровъ о границахъ, первое правило—десятилѣтняя давность владѣнія до изданія Положенія о размежеваніи т. е. до 27 октября 1859 года. Слѣдовательно, не принимаются споры отъ тѣхъ, кто въ теченіи десяти лѣтъ не подалъ искового или явочнаго прошенія, или хотя подалъ, но дальнѣйшаго ходатайства по дѣлу, въ теченіи 10 лѣтъ, не имѣлъ, или, по рѣшеніи дѣла, въ теченіи 10 лѣтъ не владѣлъ тою спорною землею и не просилъ привести рѣшенія въ исполненіе. Если владѣнію безспорному не прошло 10 лѣтъ, то при рѣшеніи споровъ принимаются во вниманіе акты и документы, совершенные законнымъ порядкомъ, въ такомъ только случаѣ, если въ нихъ показаны извѣстныя мѣры, или живыя урочища, или другія, принятыя обычаемъ, признаки.

Если же принадлежность спорной земли не доказана ни давностію, ни актами, то споръ рѣшается показаніями понятыхъ (1) о дѣйствительности владѣнія.

Если же такого показанія не будетъ, или если и прежде былъ споръ, то спорныя мѣста раздѣлять по отношенію къ безспорнымъ (2).

За возбужденіе недоказанныхъ споровъ взыскивается съ виновныхъ по 1 руб. съ каждой спорной десятины.

---

(1) Въ подобномъ случаѣ, конечно, раціонально рѣшать споръ посредствомъ понятыхъ. Но если взять во вниманіе, что понятые, участвуя въ безконечно-частыхъ повальныхъ обыскахъ, пріучены земскою полиціею къ лжесвидѣтельству и клятвопреступничеству, (мы сами неразъ были свидѣтелями, что понятые показывали такъ, какъ угодно было спрашивающему чиновнику и потомъ просили *на могорычъ* у того, въ чью пользу показали), то сомнительно, чтобы эти показанія были хорошаго качества. Если члены межевой коммиссіи хотятъ добиться правды, то должны, при каждомъ спросѣ понятыхъ, пробудить въ нихъ совѣсть и какъ сами не предупреждать отвѣтовъ, такъ не позволять и спорящимъ дѣлать тоже.

(2) Что значитъ—по отношенію къ безпорнымъ? Отдается ли въ этомъ случаѣ на соображеніе рѣшающихъ споръ? Намъ кажется, что тутъ рѣшается споръ по большему или меньшему вѣроятію, вытекающему изъ соображенія мѣстностей.

Межевая коммиссія состоитъ: изъ предсѣдателя, по выбору отъ дворянъ, и членовъ: 2-хъ по избранію дворянства, 2-хъ по избранію козаковъ, уполномоченнаго отъ палаты государственныхъ имуществъ и члена отъ межеваго вѣдомства.

По дѣламъ городскимъ, гражданъ и духовнаго вѣдомства, приглашаются въ коммиссію. по первымъ двумъ—мѣстный градской голова, а по послѣднимъ—депутатъ отъ духовнаго управленія, которые, въ этомъ случаѣ, пользуются правомъ голоса, наравнѣ съ прочими членами коммиссіи.

Едвали у насъ удастся полюбовное соглашеніе при размежеваніи. На долю коммиссіи выпадетъ обязательное размежеваніе.

Коммиссія, поэтому, должна состоять изъ людей дѣятельныхъ и способныхъ соблюсти выгоды каждаго, чтобы своими дѣйствіями не породить тысячи жалобъ. О степени подготовленности и познаній членовъ можно заключить изъ 102 ст. Положенія, которая говоритъ: «При обязательномъ межеваніи, коммиссіи руководствоваться: а) желаніями владѣльцевъ, заявленными при несоставившихся полюбовныхъ соглашеніяхъ; б) съёмкою и вычисленіями межевыхъ чиновъ; в) хозяйственнымъ описаніемъ земель и произведенными, на основаніи его, таксаціею и регулированіемъ; г) правилами для межеванія полевой, луговой и лѣсной земли, выгоновъ и проч. Члены, посланные коммиссіею при партіяхъ межевщиковъ, должны быть всегда на мѣстѣ работъ, нетолько въ качествѣ наблюдателей, но и принимать дѣятельное участіе въ самомъ межеваніи. 41 статья говоритъ: «Для большаго же успѣха въ полевыхъ работахъ, коммиссіи назначаютъ къ партіямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ или кандидатовъ, поручая имъ принять особенное участіе въ разъясненіи и прекращеніи возникающихъ споровъ, въ устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ партіею отъ неисполненія землевладѣльцами своихъ обязанностей, и т. п., въ составленіи хозяйственнаго описанія земель, экономическихъ примѣчаній, и наконецъ при соглашеніяхъ.» Если члены не будутъ въ состояніи удовлетворить этимъ условіямъ, тогда все будетъ дѣлаться межевщиками.

Если избранные въ коммиссіи люди будутъ бездѣятельны или неприготовлены къ дѣлу, тогда произойдутъ самыя плачевные результаты. Будутъ многіе, особенно мелкіе, собственники обижены, поступитъ на коммиссію пропасть жалобъ, размежеваніе будетъ длиться и длиться, слѣдовательно, въ теченіи долгаго времени, собственники будутъ платить на содержаніе межевыхъ учрежденій, долго и много рабочихъ

рукъ будетъ отрываться отъ полевыхъ занятій, потому что какъ при генеральномъ, такъ и при спеціальномъ, межеваніи должны быть постоянные понятые.—Выгода каждаго требуетъ, чтобъ были избраны лица, способные удовлетворить условіямъ, вытекающимъ изъ трудности дѣла.

Мы не знаемъ кто избранъ козаками, но увѣрены, что они долго трактовали о томъ, кого выбрать и, руководимые хотя темнымъ представленіемъ о важности межевой дѣятельности, выбрали людей, пользующихся общимъ довѣріемъ, если, конечно, при выборѣ было устранено начальническое вліяніе. О выборахъ предсѣдателя и кандидата, 2–хъ членовъ и кандидатовъ, изъ дворянъ, въ нашемъ уѣздѣ, мы поговоримъ подробнѣе. Назначено было собраніе дворянъ на 14 декабря; 14 декабря начали собираться въ уѣздный судъ, и уже были принесены ящикъ и шары, какъ одинъ изъ тузовитыхъ дворянъ попросилъ подать оповѣщенія, изъ которыхъ оказалось, что большая часть дворянъ неоповѣщена. Оповѣщеніе поздно было сообщено становыми приставами и, по милости ихъ, не ко всѣмъ дошло во-время. На этотъ разъ выборы не состоялись. Многіе изъ присутствующихъ перешептываньемъ изъявляли неудовольствіе: неспособные понять законности отстрочки собранія, они видѣли произволъ тузовитаго барина. Многіе изъ дворянъ разошлись по столамъ наводить справки о ходѣ своихъ многоразличныхъ тяжбъ; другіе занялись пріятными разговорами. Предводитель объявилъ, что еще собраніе не закрыто и немедленно было прочтено дворянамъ предложеніе взять подрядъ на продовольствіе войскъ. Послѣ прочтенія, нѣсколько голосовъ сказало: *не хотимъ;* тѣмъ дѣло и кончилось. Затѣмъ предводитель просилъ дворянъ внести слѣдуемыя съ нихъ на корпусъ деньги. Тутъ–то вышеупомянутый тузовитый баринъ и многіе другіе подняли бурю.

— Съ чего намъ платить! Мы разорены, крестьяне вышли изъ повиновенія! У меня не былъ снятъ хлѣбъ! Мировые посредники не исполняютъ своей обязанности, не употребляютъ зависящихъ отъ нихъ мѣръ и т. п.—Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ спросилъ, какихъ это мѣръ не употребляютъ посредники. Тутъ затрещалъ, побагровѣвъ, одинъ изъ дворянъ: »въ вашемъ распоряженіи штрафы, въ вашемъ распоряженіи арестъ, въ вашемъ распоряженіи розги.» Кто–то отозвался: »какія тамъ розги! Двадцать розогъ—что это для мужика значитъ!»—«Этого, батинька, отозвалась таже сердитая трещетка, «никто считать не будетъ: сколько хотите, столько и влѣпите!» — Одинъ недоучившійся юноша, въ-продолженіе всего разговора, твердилъ: «по моему мнѣнію

мировой посредникъ имѣетъ такое же значеніе, какъ штатный смотритель уѣздныхъ училищъ.»

Назначено новое собраніе дворянъ на 10-е января и оповѣщеніе послано чрезъ земскую полицію и, для лучшаго достиженія цѣли, чрезъ сельскихъ старостъ.

Ст. 21 Положенія о размежеваніи требуетъ только двухъ условій для того, чтобы имѣть право избирательнаго голоса въ выборахъ лицъ въ межевую коммиссію:

Нужно принадлежать къ дворянскому обществу того уѣзда, гдѣ учреждается коммиссія и имѣть тамъ поземельную собственность. Лицъ, имѣющихъ такія качества, въ нашемъ уѣздѣ до 500, въ выборахъ же участвовало 90 съ небольшимъ. Изъ этого уже видно, на-сколько понимаема была дворянами важность выборовъ.

Собраніе открылось принесеніемъ присяги. Присяга была принесена съ должнымъ благоговѣніемъ, что, впрочемъ, непомѣшало поступить совершенно противоположно тому, въ чемъ клялись.

Родство, кумовство, кліентство—вотъ пружины управляющія избирателями; дворяне, предъ каждыми выборами, подъ страшною клятвою, обѣщаютъ все это забыть.

Пока не начались выборы, по разнымъ угламъ или толки. Толковали обо всемъ, а главными предметами разговора были: эмансипація, предстоявшіе выборы, а отчасти юридическія размышленія, безъ которыхъ наши дворяне не остаются ни на часъ. Эмансипація возбуждала въ говорившихъ желчь, злобу или самыя элегическія обращенія къ невозвратно-прошедшему; что касается до выборовъ, то разговоръ о нихъ состоялъ изъ рекомендацій другъ другу предложенныхъ къ выбору лицъ; другъ передъ другомъ выхваляли того или другого и чаще всего слышалось: *заслуженный человѣкъ*,—человѣкъ съ вѣсомъ,—у него есть сила въ Петербургѣ,—богатъ, согласится безъ жалованья служить, и т. п. аттестаціи.

Дворяне наши вообще безкорыстны; они не думаютъ о своемъ интересѣ. У нихъ на первомъ планѣ необыкновенно благородное стремленіе—почтить выборомъ лицо, стяжавшее значительный чинъ на поприщѣ служенія Марсу, или на поприщѣ мирнаго гражданскаго служенія. Одна награда для нихъ — это внутреннее довольство тѣмъ, что вотъ у насъ де какіе тузы служатъ по выборамъ. Мнѣ случалось слышать такія рѣчи:—Вотъ бы выбрать N!..—Почему именно? спрашивалъ я!.. Собесѣдникъ таращилъ глаза, изумляясь моему вопросу

и совершенно искренно отвѣчалъ: «да вѣдь онъ генералъ!!» Вотъ съ такими-то понятіями приступаютъ многіе къ выборамъ.

Право участія въ этихъ выборахъ, какъ мы выше сказали, разширено до крайнихъ предѣловъ, и тутъ-то обнаружилось кліентство—тоже до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Тутъ мы вспомнили недавнопрошедшія времена, когда не одни стодушные (мы употребляемъ тузем-ное выраженіе) участвовали въ выборахъ.

Въ тѣ времена формировались отряды шляхты и совершали путешествіе на счетъ своихъ патроновъ въ губернскій городъ. Если патронъ не оставался побѣдителемъ на выборахъ, то шляхтѣ приходилось иногда возвращаться въ домы свои на собственныхъ ногахъ и съ пустымъ желудкомъ. Эти прекрасные нравы привиты намъ *рѣчью посполитою* и, съ ея легкой руки, они еще и до сихъ поръ не изчезли.

Послѣ составленія списка избирающихъ приступили къ самоу избранію. Начали предлагать балотироваться разнымъ лицамъ, начиная съ самыхъ почетныхъ и заслуженныхъ. Толпа стоитъ и зѣваетъ, а два или три болтуна упрашиваютъ того или другаго балотироваться.

Особенно комиченъ былъ слѣдующій фактъ. Г-нъ полковникъ, назовемъ его хоть Телятенкомъ (*), упрашиваетъ вышеупомянутаго тузовитаго барина, положимъ Цибулевича, баллотироваться, и говоритъ отъ всѣхъ: *дворяне васъ просятъ*. Цибулевичъ отвѣчаетъ: *»не хочу*. Я служилъ дворянству 12 лѣтъ и что заслужилъ?« Сдѣлайте одолженіе, продолжаетъ Телятенко: мы васъ просимъ! Господа, просите же! прикрикнулъ г-нъ Телятенко, обращаясь къ публикѣ. Нѣсколько голосовъ откликнулось просительно. Телятенко настаивалъ, Цибулевичъ далъ честное слово, что не будетъ балотироваться. Тогда Телятенко попробовалъ указать на обязанность. «Вы не имѣете права отказываться отъ службы по выборамъ.» Цибулевичъ съ гордостію прикрикнулъ: «какъ я не имѣю права отказаться? Я старъ, и притомъ 12 лѣтъ служилъ дворянамъ. Имѣю право, и отказываюсь» Сказавъ это, онъ пошелъ въ другую комнату, съ гордостію, принявъ осанку индѣйскаго пѣтуха, напутствуемый нѣсколькими голосами, говорившими: *увольняемъ*.

(*) До начала выборовъ г-нъ Телятенко ораторствовалъ, что люди, предлагающіе свои услуги, незаслуживаютъ, чтобъ ихъ выбрали. Одинъ молодой человѣкъ заспорилъ. Споръ привелъ къ тому, что молодой человѣкъ сказалъ: «Я не полагаю благородства въ извѣстномъ количествѣ чиновъ». Это показалось г-ну Телятенку до того глупымъ, что онъ разкланялся съ молодымъ человѣкомъ и ушелъ саркастически-улыбаясь.

Балотировка должна быть тайною. Но, по милости того, что у дворянъ совершенно неразвита способность организаціи и порядка, вся публика подошла къ столу и съ любопытствомъ наблюдала за движеніемъ руки, бросавшей шаръ. Какой нибудь г-нъ Сѣнцо или Зыды стоитъ возлѣ стола и диктуетъ, вполголоса, куда класть шаръ, прибавляя аттестацію балотирующагося, состоявшую у него въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя мы уже разъ приводили. Если г-нъ Сѣнцо замѣчалъ, что, вопреки его диктовки, клали шаръ налѣво, то ворчалъ: *это недобросовѣстно*. Г-нъ Сѣнцо такимъ образомъ былъ живая Censura morum. Послѣ каждой балотировки онъ подходилъ къ избранному, поздравлялъ и твердилъ ему: «непзбиральныя положены вамъ людьми, непонимающими или недобросовѣстными.» Онъ поздравлялъ, въ лестныхъ выраженіяхъ, даже тѣхъ, кому клалъ черный шаръ. Выборы длились, дворянскіе желудки тощали: тогда дѣло пошло на курьёзъ.

Выбранныхъ въ члены поздравили. Вдругъ балотируется нѣкогда бывшій исправникъ, о которомъ не было объявлено, что онъ будетъ балотироваться,—и что же оказывается? Онъ перевысилъ шарами и будетъ членомъ, а одинъ изъ поздравленныхъ—кандидатомъ.

Въ нашихъ мѣстахъ вамъ всякій скажетъ, что въ началѣ выборовъ, дворяне уже слишкомъ переборчивы, а въ концѣ, позабавившись и поотощавъ, черезъ-чуръ неразборчивы. Вотъ какова обстановка бывшихъ выборовъ. И вся эта безурядица, эта тина не походитъ оппозиціи.

У насъ есть и университетскіе люди; не говорю о тѣхъ, которые бросали университетъ, какъ только представилась возможность предаться дерезенскому кейфу, во всѣхъ отношеніяхъ пріятному, при существованіи крѣпостнаго права, кейфу, выражавшемуся такъ: *Прошка, трубку, Филька, водки, Федька, Машку мнѣ позвать*. Я объ этихъ не говорю. Есть люди подготовленные къ полезной дѣятельности; но они не составляютъ тѣсной ассоціаціи, которая могла бы быть свѣтлымъ лучемъ въ этомъ темномъ царствѣ. Одни изъ нихъ, видя всю нравственную удушливость окружающей атмосферы, заключились въ четырехъ стѣнахъ, курятъ трубку, читаютъ книги и отъ времени-до-времени съ горя *огорчаются*. Другіе, болѣе состоятельные, вращаясь въ кругу свѣтскихъ причудъ, какъ-то сами немножко позаразились ими и пріобрѣли способность, не возмущаясь душой, проводить нескучно время въ этой средѣ и какъ-то чуждо стоять относительно своего хотя бы собрата по наукѣ, но, который, увы, неимѣетъ никакого финансоваго при-

даточнаго къ своему умственному и нравственному капиталу. Третіе опомѣщичились въ полномъ смыслѣ слова. То общее всѣмъ студентамъ, тѣ прекрасныя стремленія, которыми проникнута жизнь въ университетѣ, забыты или лучше сказать заснули, давъ мѣсто пищеваренію и апатіи. При такомъ отсутствіи разумной оппозиціи, рутина имѣетъ полный просторъ для дѣятельности. Если окончившій университетъ, но небогатый, желаетъ служить по выборамъ, онъ прежде долженъ пройти путь смиренномудрія, заискивать у каждаго, долженъ льстить и лгать. Вотъ причина, почему большая часть окончившихъ университетъ ѣдетъ въ столицу искать тамъ службы и, вообще, ищетъ службы по назначенію, а не по выборамъ. Нельзя не одобрить того, что мировые посредники не по выборамъ отъ дворянства. Дворяне смотрятъ на посредниковъ какъ на защитниковъ помѣщичьихъ интересовъ, и не только не одобряютъ, но клевещутъ и марaютъ личность тѣхъ, которые дѣйствуютъ честно, по закону и совѣсти. Печально—но это такъ.

Въ заключеніе скажемъ, что молва одобряетъ выбраннаго въ предсѣдатели; о членѣ, бывшемъ исправникѣ, говорятъ люди понимающіе: «добрый человѣкъ, но положительно неспособенъ къ этой должности;» о другомъ избранномъ въ члены гласитъ молва, что онъ человѣкъ честный, но больной, занятъ своимъ хозяйствомъ и, наконецъ, едва ли будетъ способенъ къ этому дѣлу, привыкши къ болѣе покойной и комфортной жизни.

Увидимъ, какова будетъ дѣятельность коммиссіи. Дай Богъ, чтобъ избранные исполнили свое дѣло какъ слѣдуетъ. Признаемся, мы сомнѣваемся. Но—что будетъ—то будетъ.

УКРАИНСКІЙ СПЕКТАКЛЬ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ,

12 и 15 февраля.

Въ 1857 г., на масляной, въ м. Немировѣ (Подольской губерніи,) въ залѣ тамошней гимназіи, сыграна была, съ благотворительною цѣлью, *Наталка-Полтавка*, оперетта Котляревскаго, исключительно воспитанниками этой гимназіи. Подъ рукой у распорядителей ученическимъ театромъ не было никакой партитуры, а потому надо было ее составить. Любитель и знатокъ народныхъ пѣсень, А. В. Марковичъ, съ помощью М. А. Марковичъ, подобралъ къ сочиненнымъ для піесы

пѣснямъ мотивы изъ лучшихъ народныхъ пѣсень, сообразно ходу піесы, характеру лицъ и метру стиха, изрѣдка передѣлывая послѣдній для счастливо—подобраннаго, въ другихъ отношеніяхъ готоваго, народнаго мотива. Составленныя такимъ образомъ мотивы для пѣсень Наталки (18 номеровъ) были испробованы передъ М. А. Туловымъ, который достойно оцѣнилъ ихъ и далъ ходъ дѣлу. Бывшій капельмейстеръ прекрасной музыки почетнаго попечителя гимназіи, графа Болеслава Потоцкаго, даровитый Іоганъ Ляндверъ, составилъ партитуру для всего оркестра (14 инструментовъ), искусно пользуясь при составленіи ея всякимъ замѣчаніемъ сообщившаго ему ноты для голосовъ, и небольшую увертюру съ нѣсколькихъ пѣсень, вошедшихъ въ оперетту. Изрѣдка звучали и знакомые изъ прежней партитуры мотивы, но превосходно оркестрованные, явились въ новомъ блескѣ. Наталка и Терпелиха, благодаря любви, знанію и истинно народному вкусу М. А. Марковичъ, вышли на сцену въ костюмахъ блистательныхъ и вѣрныхъ народности. Костюмировку остальныхъ лицъ и другіе труды по режисерству принялъ на себя И. П. Дорошенко. Обученіе ролей по произношенію и декламаціи принято было на себя А. В. Марковичемъ. Успѣхъ піесы былъ безпримѣрный. Слышенъ былъ въ рядахъ женщинъ громкій плачъ послѣ нѣсколькихъ пѣсень; въ концѣ піесы раздались крики восторга. Въ томъ же году, послѣ годичнаго акта, повторился этотъ же спектакль и многіе должны были уйти и уѣхать, не находя въ большой залѣ мѣста ни для одного глаза. На масляной, въ слѣдующемъ году опять повторилась Наталка и были предлагавшіе 10 руб. ср. за входъ и не могли быть за многолюдствомъ впущены въ залу. Съ этою-то партитурою Наталка была дана въ Черниговѣ *товариствомъ, кохаючимъ рідну мову, на підмогу убогимъ студентамъ нашої губерні*, въ понедѣльникъ и, по настоянію публики, повторена въ четвергъ. (*) Можно смѣло сказать, что «Наталка» еще никогда не была

(*) О представленіи *Наталки-Полтавки* общество было оповѣщено превосходно-напечатанными афишами—чуть ли не впервые—на украинскомъ языкѣ. Передаю афишу слово-въ-слово: «Чернігов, съ дозволенія начальства.

Въ понеділокъ, 12 февраля,
на тутешнимъ театрі,
на підмогу убогимъ студентамъ нашої губерніі,
товариствомъ, кохаючимъ рідну мову,
представлятиметця:

такъ съиграна. «Наталка» въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно давалась, на человѣка знакомаго съ нравами и съ народной музыкой, производила тяжелое впечатлѣніе. Съ одной стороны, извращенный канцеляризмомъ украинскій характеръ Вознаго, съ другой стороны—безнадежная сентиментальность Наталки, Терпелихи, Петра, Миколы, и гаерство Выборнаго; однимъ словомъ полное извращеніе народной жизни,—было необходимыми качествами Наталки. Этому способствовали: во-первыхъ, самый текстъ Наталки; во-вторыхъ, исполнители, для которыхъ нравы нашего народа *terra incognita* и которые воспитались на мелодраматизмѣ нашихъ провинціальныхъ театровъ; въ третьихъ, партитура Ядличка съ ея отличительнымъ признакомъ—*романцовостію*, если такъ можно выразиться. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляло многихъ, которымъ больно видѣть на сценѣ извращенными самыя нѣж-

---

I.

НАТА́ЛКА-ПОЛТА́ВКА,

оперéтта И. П. Котлярéвського, у трёхъ подíлахъ;

Лица:

Ната́лка	О. Н. Шрамчéнківна.
Терпели́ха	П. Ѳ. Глíбова.
Петро́	Г. И. Пали́вода.
Микóла	С. Д. Нíсъ.
Вóзний	М. А. Кольчевський.
Ви́борний	П. Г. Борсукъ.

Дíетця пíдъ Пíлтавою.

II.

А. В. Мáрковичъ читáтиме »Вýси,« повíстку Ол. П. Стороженка.

III.

Затíмъ, товари́ство співáтиме насьні пíсні:

1) Ой не пýгай, пýгаченьку! (у-двохъ).
2) Ой Морóзе—Морóзеньку! (гуртова́).
3) Ой котíлося та яснéе сóнце.
4) Ой по горí, по горí вівчáрь вівці ганя́е (гуртова).

Передъ почúномъ теáтру, музúки грáтимуть увертю́ру зъ Ната́лки-Полта́вки, зло́жену Иваномъ Ля́новеромъ.

Почнéтця у 7 часíвъ вéчора.

Цíна:

Ложи: середня 15 карбóванцівъ; лíтерні, у-низу́, 10 карб.; нумерні: у-низу́, 8 карб.; у-горí, 6 карб.; *крíсла*: пéршого ря́ду, 3 карб.; дру́гого и третёго, 2 карб.; четвéртого и пья́того, 1 карб.; *мíсця за крíслами*, 75 коп.; *галлерея* 30 коп.

Билéти продава́тимутця у И. П. Дорошенка, а въ день представленія *у театрí*.

ныя стороны народной жизни, самыя задушевныя мелодіи,—протестовать противъ постановки этой оперетты.

Все это было устранено при постановкѣ Наталки въ Черниговѣ. Былъ выправленъ текстъ. Вялая роль Миколы передѣлана С. Д. Носомъ; исполнителями были знатоки народной жизни и народной музыки, такъ-сказать спеціалисты; партитура, какъ мы уже сказали, та, съ которою Наталка съ такимъ огромнымъ успѣхомъ была играна въ Немировѣ. Такимъ образомъ, Наталка явилась возродившимся фениксомъ. Конецъ второго дѣйствія, очень вялый, былъ лучшимъ мѣстомъ оперетты. Съ одной стороны, несчастная вдова и любящая мать, принужденная горестными обстоятельствами выдать свое дитя за нелюба,—съ другой стороны, дочь, для счастія матери готовая пожертвовать собою, своею любовью къ Петру, до-того психически вѣрно и вѣрно народности были представлены нашими Наталкою (г—жа Шрамченко) и Терпелихою (г—жа Глѣбова), что каждый былъ не зрителемъ совершающагося на сценѣ, а человѣкомъ близко стоящимъ и принимающимъ участіе въ совершающемся явленіи народной жизни.

Роль Наталки выполнена съ удивительною простотою, наивною скромностью и глубокимъ, чуждымъ экзальтаціи, чувствомъ. Роль Терпелихи, очень трудная во многихъ мѣстахъ, исполнена поразительно вѣрно дѣйствительности. Возный (г—нъ Кольчевскій) былъ очень комиченъ. Сентиментальная роль Петра, благодаря игрѣ Г. И. Паливоды и прекрасному исполненію пѣсень его симпатическимъ голосомъ, не казалась вовсе сентиментальною. *С. Д. Нісъ*, въ ролѣ Миколы, олицетворилъ бурлачество. Бурлачество у него явилось фазою угасшей запорожской жизни, чѣмъ и есть на самомъ дѣлѣ. Что же касается пѣсень, пропѣтыхъ С. Д. Носомъ, то едвали кто можетъ соперничать съ нимъ въ исполненіи бурлацкихъ пѣсень:—это извѣстно здѣсь всякому. Одинъ офицеръ сказалъ намъ: «*все великолѣпно: только Носъ былъ совершенный бурлакъ.*» Роль *Выборнаго* исполнена господиномъ *Борсукомъ* такъ, какъ еще она никогда и нигдѣ не исполнялась; предъ нами былъ не шутъ, какимъ обыкновенно являлся до-сихъ-поръ Выборный, а лицо дѣйствительно почтенное. Каждый жестъ, каждое движеніе дышали дѣйствительностію.

Однимъ словомъ, исполненіе *Наталки*, въ Черниговѣ, равнялось тому впечатлѣнію, какое производитъ дорогая сердцу дѣйствительность. Черниговъ отстоялъ *Наталку*, которая готова была потонуть въ Летѣ, и поддержалъ ея право на долгое существованіе.

Въ этотъ же вечеръ былъ прочтенъ разсказъ Стороженка ***Вуси***, а во второй—*Закохáний чóртъ*. Оба спектакля заключены были пѣніемъ. На сцену являлось, съ разныхъ сторонъ, 18 человѣкъ въ народной одеждѣ; но этого нельзя было назвать костюмировкой: казалось, каждый былъ въ своей обыденной одеждѣ. Вся группа была необыкновенно живописна.—Пѣсня: ***Ой не пýгай, пýгаченьку***, была пропѣта вдвоемъ; затѣмъ пропѣли гуртомъ: ***Ой Морóзе-Морóзенко; Ой по горі, по горі вівчáрь вівці ганя́е***, съ незамѣтнымъ переходомъ къ пѣснѣ—***Ой мати, мати, мати***: подъ конецъ послѣдней пѣсни, нѣкоторые *пішлú у танець*... Публика пришла въ восторгъ. Вызовамъ и просьбамъ—повторить—не было конца. Кричали: *добре... спасибі... гарно... ей-же-Богу, гарно... громадо-громадо,.. ще разъ... остатній разъ, и т. п.*

Однимъ словомъ, восторгъ, произведенный спектаклемъ, былъ чрезвычайный. Куда бы вы ни показались, вездѣ были слышны восторженныя похвалы, всюду напѣвались мотивы изъ ***Наталки***. Спектакль не произвелъ впечатлѣнія только на тѣхъ немногихъ, на которыхъ не производитъ впечатлѣнія ничто народное, почитаемое мужичьимъ, *моветоннымъ;* но для такихъ—*законъ не писанъ*.

Нельзя не упомянуть объ усердіи А. В. Марковича. Съ его только энергіей можно было вышколить до-крайности плохую музыку и довести ее до изряднаго исполненія.

Благодаря знанію народности К. В. и Г. П. Галаганъ, костюмировка Наталки была блистательно-хороша и вѣрна. Постоянно присутствуя при репетиціяхъ, они много помогли дѣлу своими совѣтами. И. П. Дорошенко былъ режиссеромъ и завѣдывалъ хозяйственною частію.

На маслянной же, въ Кіевѣ, два раза дана была ***Наталка*** въ прежнемъ видѣ и, не смотря на недостатокъ текста и партитуры, и на несовсѣмъ удовлетворительное исполненіе, все-таки произвела впечатлѣніе.

Такъ-какъ Наталка-Полтавка сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, то большую услугу оказалъ бы тотъ, кто издалъ бы ее въ томъ видѣ, какъ она была поставлена въ Черниговѣ, съ прекрасною партитурою Лядвера.

Павло.

ДЕ-ЩО ЗЪ ГАДЯЧА.

(21 января 1862).

Всякий зна, якъ трудно бідному чоловікові своіхъ дітокъ вчити. Не тілько по селахъ, и по городахъ тежъ саме: хоть би и радъ хто, Боже якъ радъ, віддати свою дитину учитьця, да віддати нікуди. Отакъ и въ насъ, у Гадячі: хлопцівъ—ще не такъ: на те повітове и приходське училища; а дівчатъ? отто зъ ними лихо! Не тільки простому народу,—куди! и не дуже заміжнимъ людямъ вчить іхъ не можна:—нігде. Бо хочъ и е въ нашімъ повіті, въ с. Римарівці, пансіёнъ жёнський, да тамъ одно панство учитця. Де жъ тамъ бідному чоловікові взять сотні півтори, щобъ заплатить у годъ за вченнэ дочки? Ну, звісно — паши своіхъ дочокъ тамъ и вчать, панські дочки и вчені, а наші ніпричімъ зостаютця... И на душі у насъ ще тяжче, ще дужче болить серце, якъ гляшешь на дитину, котре й захочуетця вчитьця—и вчилося бъ, та ба! Бувъ, правда, и въ городі пансіёнъ, де трохи дешевше брали, чімъ въ Римарівці, да всёго тільки три годи. Учительша заміжъ вийшла—вінъ и розвалився. И бідний хочъ не вчи.

Отъ, щобъ зробить помічъ біднимъ, щобъ и іхъ дочокъ було де вчить, задумали відкрить *кожноднёвню жёнську школу*.

Сказати вамъ, якъ це було: зібралась торікъ на икзаменъ въ повітове училище чесна громада: батьки, щобъ послухать, чому сини іхъ за-рікъ навчились, и другі. Якъ скінчали икзаменъ, учителі й объявили за школу. Взялись даромъ учити по 3 часи въ день — *закону Божому*, *читати*, *писать* и *чотирі справи зъ ариѳметики*. Къ тому жінки учителівъ по 2 часи въ день—*шить* и *вишивать*. Для того жъ, щобъ вчити, треба и хати, де помістить школу, треба й паніру, книжокъ и для шитя де-чого. Вони й постановили: брать на це зъ кожної дівчини одъ *коповика* до *двохъ карбованцівъ*,—бідна—дешевше, а багатша—зъ тиі більше,—и, якъ буде учитьця чотирі, *пьяту* зъ самихъ біднішихъ приймать безъ плати. (Тобъ-то, що зостанетця відъ чотирёхъ, на те пьяту вчить). Ціна хочъ и дорогенька, та що робить? Всёго на первий обзавідъ треба, да и взять нігде, и грошей ні копійки немае. Та дорога, не дорога,—а все-таки була объ полегкість біднимъ людямъ: десять, пьятнадцать, чи нехай и двадцять карбованцівъ у годъ легше заплатить, чімъ півтори-сотні... Спасибі й за це! Не одно серце, почувши объ школі, може, всміхнулось, не одинъ, може, сказавъ: *»ще не вмерла наша*

ма́ти!..« Ну, а були́ й такі́, котрі́ каза́ли:—що вони́ ви́думали за шко́лу? що зъ не́ї бу́де пу́тнє? Наро́дъ тільки *послу́тили*, а ії мо́же й *відкри́ть не дозво́лять*... Коли́ такъ: ма́буть зна́ли злі язики́, що віщува́ли!—посла́ли прошéние (такъ мині са́ми учителі каза́ли), щобъ дозво́лено було́ відкри́ть ії, на таки́хъ умо́вахъ, якъ я ви́шче сказа́въ;—та що́ зъ то́го, що посла́ли?—*Непідходя́ща*, ка́жуть, вона́ підъ дру́гі, що відкрива́ють по министе́рству наро́днёго просвіщéнія,—*непідходя́ща*—а тимъ и *відкри́ть не мо́жна*... Отаке́-то!.. Така́, ма́буть, до́ля на́ша; хоть що́ й пу́тне заду́маемъ зробить, то й ска́жуть: »непідходя́ща ва́ша ду́мка,—не бу́де по-ва́шому!..«

Учителі, получи́вши таке́ розрішéние, причи́слели ії до школъ по *духо́вному відомству*. Було́ у ній вже 7 учинúць, а тепéръ тільки 6, а да́лі по о́дній зменша́тиметця—зменша́тиметця, и черéзъ півро́ку оди́нъ по́минъ зоста́нетця, що була́ въ Га́дячі же́нська шко́ла. Не зна́ю, якъ другімъ, а мині такъ здае́тця...

Ось у насъ—у Га́дячі—новина́: охо́тники, якъ и торікъ, змо́вились та й зігра́ли, оце́ на святка́хъ, два *спекта́клі*. На пе́рвімъ гра́ли: *Школьный учитель, Что́ имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*, а на дру́гімъ—*Карьера* и *Сатана́ въ бо́чці, або́ кумъ мі́рошникъ*. Зібра́ли, за оби́два, карбо́ванцівъ 230. Воно́ и більше мо́жна було́, колиб ха́та, де́ гра́ли, просторніша, а то въ ній всього́-на́-всього́ поміща́лось 100 дзи́гликівъ.

До́бре діло! Дя́ка на́шимъ щи́римъ громадя́намъ, що ду́мають не тільки объ собі, а и объ дру́гихъ... До́бре діло!.. Але́—що́ се я?.. не одно́ добре́ діло, а дво́е: одно́—спекта́клі у насъ показа́ли,—бо, мо́же, хто окро́мъ куме́дій, що и́ноді приїзжа́ на я́рмарокъ, більшъ нічо́го не ба́чивъ изъ тия́трівъ, — а дру́ге — зарóблені гро́ші повернули впьять на библіо́теку. Мо́же, якъ би други гра́ли, то сказа́ли бъ: — за що́ ми да́ромъ труди́лись? — за спаси́бі?.. — и грошеня́та въ кешéню, та й ділу кінéць; або́ погуля́ли бъ на нихъ такъ, що держи́сь! (Бо въ насъ,—скажу́ не въ ла́йку й не въ укіръ,—ду́же голі́нні до гуля́ння! Чу́тка—оце́ недавно підпи́ску відкри́ли, щобъ вечери́нку зада́ть на *славу*!..) Мо́же бъ, *другі* й прогуля́ли, а на́ші щи́рі громадя́не—ні: »нехай,« ка́жуть,—гро́ші ці на библіо́теку,—відъ то́го но́льза бу́де не одни́мъ намъ, а всему го́родові« и що́ зросхо́дували, а то карбо́ванцівъ 165 досталось на ви́писку журна́лівъ. Спаси́бі!...

Иванъ Кивайголова.

ВІСТІ ЗЪ КРЕМЕНЧУГА.

Ще ні разу не доводилось прочитать намъ ні одного слова у вашій *Основі* про Кременчугъ. Думаючи, що, може, мій листъ не буде лишній и визве придатнійшихъ людей на розмову, пишу тілько те, що вспівъ дознати прихваткомъ.—Одъ Полтави до Кременчуга стовповимъ шляхомъ щитаетця 113 верстъ; стоіть вінъ біля самісенького Дніпра, а супротивъ его на тімъ боці Дніпра стоіть посадъ Крюковъ. Кременчугъ городъ великій, да не чепурный; будинки почорніли, вапна на іхъ пооблуплювалась, криши пообдирались, а хазяинамъ и гадки мало. Бачте—все ніколи, народъ *комерческий*. Коли прочують, що іде хто-небудь *важний*,—отъ—полиція гукне,—на главній херсонскій улиці підметуть, підмажуть, підбілять на живу нитку та й годі; а проіхавъ *важний*, пішло зновъ усе на старий ладъ.—Декотрі улиці вимощені камнемъ, да вимощені безъ толку: каміння покладено такими здоровенними кусками, що ні іхать, ні ходить гораздъ не неможна. Черезъ Кременчугъ проведено телеграфъ на Київъ, Полтаву, Екатеринославъ и Миколаівъ:—се діло дуже добре, та не для всіхъ. Разъ мині довелось бачити, якъ одинъ бідний купець трічі перемінявъ депешу. Принісъ разъ — не приймають черезъ те, що написано не *сегодня*, а севодні; переписавъ вінъ, подае—зновъ не принимають, черезъ те, що написано *цены*, а не цѣны: треба було въ трейте переписувать. Ну да сее ще не велика біда.—Отъ лихо на переправі! звісно що у літку черезъ Дніпръ переіздять мостомъ, а весною и въ осени містъ знімають и перевозять на байдакахъ, на поромахъ и на дубахъ.—Се сама пекельна пора для біднихъ людей—особливо для чумаківъ; иноді сутокъ двое або трое стоять да ждуть, поки-то іхъ перевезуть. Ще ідучи зъ Кременчуга легше, а вже якъ ідуть зъ Крюкова въ Кременчугъ,—тоді, просто, хочъ плачъ! Не знаю вже черезъ що, чумаки прозвали крюковську переправу *аплічівською*. Переправа, бачте, тутъ казенна, а обходитця гірше простої. Сама менша плата по злотому одъ чумацькоі хури. Не скажу вже, хто забірае гроши за переправу, а самъ бачивъ чумака, котрий дававъ по сороківці одъ хури, а зъ его правили *по дві*: торговався вінъ два дні, а на трейтій зъедналисъ на злотого. Не даромъ уже самі полиціанти пору переправи зовуть своіми жнивами...

Саме місце, на котрому стоіть Кременчугъ,—указало, чимъ повинні перебиватьця кременчужці. Хліборобство тутъ не зъ руки,

На торгъ ведетця гарно, особливе лісомъ. Краще всіхъ торгуе деревомъ купецъ Вітковъ, чоловікъ гарний и, хочъ Москаль, а чесний. Кроме лісного, ведетця гарний торгъ хлібомъ у зерні, и лёномъ. Лавокъ у городі зъ крашниною, зъ бакалію, погрібівъ зъ винами—сила силюща, а *шинкамъ* и ліку нема; що ступінь, той шинокъ. Шинкують жиди и поштують народъ, замість горілки въ 25 град., переваренною водою, заправленною горілкою.—Воно й краще: більше випьють и пьяні не будуть. Фабрикъ съ турецькимъ тютюномъ у Кременчузі пять, а путня зъ іхъ тілько одна—караіма Дурунчи. Такъ само и гостинниць ажъ шість, а дотепної нима ні одної. Зимою (якъ теперъ) у хатахъ холодно,—хочъ вовкомъ вий, істи нема нічого путнёго, а гроши деруть такъ, що ажъ пучки знать.

Черезъ те, що Кременчугъ городъ торговий,—люде живуть у ёму всякиі: украінці, москалі, німці й жиди; здаетця, що послідніхъ найбільшъ. Куди глянешъ, де не повернешся—усюди стирчить жидъ. И не диво! Сей безпритаманний народъ зъ-роду не привикъ добувать хлібъ потовою працею; ему все колибъ легко дойшлось. Инчий жидъ при здоровьі, а трудитця не хоче: візьме на коповика сірниківъ, вакси, мила и швендяе цілий день; виникае по всімъ дворамъ, и на-силу, на-силу заробить сороківку. Соромъ ему наняться улицю мести и *чесно* заробить гроши: куди! ёму краще на зводи, да на переводи піти.

Наши кременчузькі украінці тожъ стали зпікчемнюватьця,—цураютця свого латаного, а хватаютця за чуже ханане. Одні стали наровить на московський ладъ и закидувати въ речахъ на *а*; другі наконці приточують—*съ* и силкуютця вийти або въ міщанство, або въ панство; и виходять зъ іхъ якись перевертні: ні Богу свічка, ні чорту ладанъ.

Е въ Кременчузі громадська безплатня книгарня; у ій до 2000 книжокъ; заведена вона ще въ 1859 р., а й досі не одкрита, такъ якъ слідъ,—хочъ городська купецька громада и положила давать, щороку на книгарню 200 карбованцівъ. Первимъ роботникомъ на діло книгарні бувъ и е Петро Ивановичъ Стронинъ. Ему жъ треба сказати спасибі и за недільні школи—хлопьячу й дівочу.—Школи сі одкриті въ осени 1860 р.—При своіму початку, вони мали всего тілько 25 карб., котрі подаровавъ городський голова Посниковъ, чоловікъ щиро прихильний до народнёго блага. Послі, зимою, грали спектаклі и зібрали для школъ більше 600 карбованцівъ; зъ іхъ

500 оддали одному надежному чоловікові: вінъ и платить що-року школамъ 50 карб. проценту. Скілько записано у школахъ дівчатъ и хлопцівъ—не звісно; бо у школахъ нема записної книжки: спершу вона була, да діти побачивши, що іхъ записують, злякались, подумавши, що іхъ поберуть у москалі, и перестали ходить у школу.—Дівоча школа иде краще: учитця у ій 35–45 дівчатъ; учительниць вісімъ. У хлопьячій—учениківъ бувае 25—30; учителівъ більше 6 не бувае. И не диво! зъ повітового училища тілько два учителі ходить вчить у школу, а другі по неділямъ лежники справляють.

У *комерческімъ* Кременчузі, громада недуже прихильна до школъ. Есть такиі паніі, що изъ тіхъ котрі ходять учити въ школу насміхаютця и дорікають *прогресситками*. Бридко на душі становитця, якъ згадаемъ що у нашъ вікъ е ще оттакі голови. Найбільша потреба убачаетця тутечки у дівочому училищі, хочъ би 3–го разряду. Для хлопцівъ есть-таки приходьске и повітове училище, а для дівчатъ тілько два *пенсіоні*, у котріхъ дорого беруть и біднімъ людямъ туди хочъ и носа не показуй. Кажуть, що дівочого училища не буде потіль, покіль не заведетця городський банкъ. А про сей банкъ ведетця *переписка* літъ більше *десяти*: и грошн есть у Думи, и горожане бажають, да ба! то *проэктъ* не такъ написаний, то те, то друге,—та й зупиняе добре діло.

Отъ—и все, що дознавъ я про Кременчугъ. Хіба сказать ще де-що про *клубъ*. Нема ще шести неділь, якъ у Кременчузі завели клубъ, а вже химерна штука вишла. Одинъ панъ дуже бувъ розремствовавсь за те, що громада зібрала старшиною невеличкого чиновника, здаетця *колежського секретаря*. Ну, ще бъ дарма, якъ би посердився собі підъ нісъ та й годі, а то ставъ порочити *чесного* чоловіка не за що!.. А отъ—ище добра вістка: тутешні офицери (кавалеристи) зібрали міжъ собою 100 карбованцівъ на підмогу бідним студентамъ.

Александеръ Переходовець.

21 декабря 1861 р.
Кременчугъ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ПО-НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

II.

4 марта.

Мы замѣтили, что прошлый мясоѣдъ число крестьянскихъ свадебъ въ нашемъ куткѣ было очень незначительно; это объясняется тѣмъ, что въ теченіе прошлаго года, съ апрѣля по ноябрь, перевѣнчалось изъ временно-обязанныхъ столько, сколько и въ три года прежде не вѣнчалось. Къ 1862-му г. оставались большею частью только дворовыя дѣвушки, задержанныя подъ разными предлогами, паніями и панночками. Но и въ этомъ году имъ не посчастливилось: въ январѣ мѣстное губернское присутствіе постановило, что дворовыя дѣвушки, желающія выйдти за мужъ, должны за мѣсяцъ впередъ объявить о томъ помѣщикамъ. Это постановленіе, нераспространенное межъ крестьянами въ свое время, помѣшало многимъ *на рушникъ стати*. Поэтому поводу не мало было случаевъ и смѣшныхъ и грустныхъ. Вотъ одинъ изъ послѣднихъ: у жены одного не очень заможнаго, но великаго саномъ пана, была горничная дѣвушка, давно уже порывавшаяся выйдти замужъ за сосѣдскаго лакея; но барынѣ не хотѣлось разстаться съ ней и, удерживаемая горничная продолжала сидѣть въ дѣвкахъ. Наконецъ, въ прошлый мясоѣдъ, женихъ рѣшился жениться въ что бы то ни стало. Приготовились къ свадьбѣ, условились съ священникомъ, покончили всѣ приготовленія, какъ слѣдъ; оставалось—сѣсть, да поѣхать къ вѣнцу. Пріѣхали за невѣстой, разрядилась она и только-что сѣла въ сани ѣхать въ церковь, какъ является помѣщикъ и, силою губернскаго постановленія, заставляетъ невѣсту выйдти изъ саней и продолжать прежнюю службу еще мѣсяцъ... Нечего было дѣлать, отложили свадьбу (только не на одинъ мѣсяцъ, потому что дѣло было передъ масляной), но каково было откладывать её? Были и другіе подобные случаи, да нѣтъ охоты ихъ разсказывать.

Въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ случился разсказанный казусъ, услыхали мы и отрадныя вещи: въ имѣніи, состоящемъ изъ 2600 душъ, введена уставная грамота, *подписанная* уполномоченными отъ крестьянъ. Это фактъ большой важности для нашего кутка; на приглашеніе крестьянъ—принять участіе въ составленіи грамоты, они отвѣчаютъ обыкновенно: нехай ще подивимся, якъ люде робитимуть, тоді и ми... Теперь, примѣръ 2600-тъ душъ долженъ подѣйствовать на цѣлый околотокъ, тѣмъ болѣе, что подобные факты быстро распространяются

межъ крестьянами. Эти же 2600 душъ, чрезъ нѣсколько дней по подписаніи уставной грамоты, прислали къ посреднику выборныхъ, прося его ходатайствовать у помѣщика о переходѣ на оброкъ. Помѣщикъ согласился и чрезъ нѣсколько дней дѣло объ этомъ было кончено. Переходъ на оброкъ еще важнѣе подписанія грамоты: теперь нельзя уже сомнѣваться, что какъ помѣщики, такъ и крестьяне должны предпочесть оброкъ издѣльной повинности, которая при мѣстномъ урочномъ положеніи, очень требовательномъ, поведетъ только къ бо́льшему ожесточенію обоихъ сословій. Оброчное состояніе избавитъ помѣщика отъ кропотливаго и труднаго контроля крестьянскихъ работъ, а крестьяне, вмѣстѣ съ нимъ, получатъ скорѣйшую возможность—жить самостоятельно. Къ-сожалѣнію, межъ помѣщиками не мало еще такихъ, которые ратуютъ за издѣльную повинность, конечно, боясь разстаться съ остающеюся тѣнью помѣщичьей власти...

Въ томъ же таки уѣздѣ на дняхъ совершился еще болѣе утѣшительный фактъ: крестьянское общество, болѣе 300-тъ душъ, согласилось принять отъ помѣщика въ даръ—четвертной надѣлъ и тѣмъ члены его изъ временно-обязанныхъ, стали крестьянами-собственниками. Согласіе это мы назвали утѣшительнымъ фактомъ въ томъ отношеніи, что при существующемъ недовѣріи крестьянъ къ помѣщикамъ и подобныя сдѣлки удаются не совсѣмъ-то легко. Въ Конотопскомъ уѣздѣ, отличающемся хорошимъ качествомъ своихъ земель, одинъ помѣщикъ предлагалъ крестьянамъ подобную сдѣлку, имѣя въ виду обоюдную пользу, и получилъ отказъ. »Будемъ ждать слушного часу!« отвѣчаютъ обыкновенно крестьяне въ такихъ случаяхъ. Любопытно, что когда эти 300 душъ подписали свое согласіе на принятіе помѣщичьяго дара, то одинъ изъ нихъ подошелъ къ посреднику и таинственно просилъ его: »теперъ же вже ви насъ защищайте, коли лучитця яка біда!« На вопросъ посредника—о какой бѣдѣ онъ говоритъ, крестьянинъ отвѣчалъ: »да кажуть же, що хто візьме даромъ землю, такъ якъ ми, то тіхъ не будуть ні хрестить, ні причащать...« Нелѣпость подобныхъ слуховъ лучше всего говоритъ о той довѣрчивости, съ которою крестьяне слушаютъ разныхъ бродягъ, распускающихъ подобныя вѣсти изъ-за какой-нибудь *увертки*. Нечего и говорить, что любопытство крестьянъ, относительно обстоятельствъ ихъ освобожденія, велико; удовлетворять его чтеніемъ постановленій губернскаго присутствія, по безграмотству, они не могутъ: поневолѣ приходится довольствоваться новостями, сообщаемыми устно. Значитъ, и за эту излишнюю

довѣрчивость обвинять крестьянъ нельзя, а нужно посильнѣе заняться распространеніемъ грамотности.

Съ конца 1860 г., обученіе грамотѣ крестьянскихъ дѣтей у насъ значительно подвинулось: по распоряженію мѣстнаго архіерея, въ каждомъ приходѣ учреждены были школы, обученіемъ въ которыхъ должны были заняться священники и другія лица приходскаго причта. Вотъ числовыя данныя объ этихъ школахъ по 1861 г.

Новгородсѣверскій уѣздъ:	**школъ**		**68,**	**учащихся мальчик.**		**1404,**	**дѣвоч.**	**189**
Глуховскій	—	—	**55,**	—	—	**1054,**	—	**135**
Мглинскій	—	—	**63,**	—	—	**835,**	—	**133**
Стародубскій	—	—	**77,**	—	—	**847,**	—	**112**
Новозыбковскій	—	—	**50,**	—	—	**819,**	—	**134**
Остерскій	—	—	**51,**	—	—	**624,**	—	**160**
Черниговскій	—	—	**48,**	—	—	**602,**	—	**125**
Сосницкій	—	—	**61,**	—	—	**572,**	—	**136**
Суражскій	—	—	**33,**	—	—	**532,**	—	**144**
Козелецкій	—	—	**46,**	—	—	**525,**	—	**146**
Конотопскій	—	—	**41,**	—	—	**358,**	—	**105**
Кролевецкій	—	—	**38.**	—	—	**587,**	—	**59**
Нѣжинскій	—	—	**49,**	—	—	**515,**	—	**120**
Борзенскій	—	—	**38,**	—	—	**511,**	—	**99**
Городницкій	—	—	**41,**	—	—	**519,**	—	**72**
Въ губерніи	—	—	**759.**	—	—	**10,504,**	—	**1769** (*)

Въ прошломъ году всѣ эти цифры повысились, но, сколько намъ извѣстно, на процентъ очень незначительный. Главное затрудненіе при распространеніи сельскихъ школъ, заключается въ недостаткѣ для нихъ помѣщеній; изъ вышеприведенной цифры школъ, 645 помѣщались въ домахъ и квартирахъ священниковъ. Сколько намъ случалось посѣщать сельскія школы, почти вездѣ приходилось слышать жалобы на тѣсноту, какъ главную замедляющую причину увеличенія числа учениковъ. И дѣйствительно, священнику трудно помѣстить у себя болѣе 20, 30 душъ да и тѣ размѣщаются такъ, что поневолѣ мѣшаютъ другъ другу. Въ этомъ же неудобствѣ заключается причина и медленности при первоначальномъ обученіи. Но это все еще ничего передъ тѣмъ неутѣшительнымъ фактомъ, что въ числѣ обучающихся, число дѣтей временно — обязанныхъ крестьянъ самое незначительное; главная масса

(*) Данныя эти взяты нами изъ черниг. епарх. извѣстій 1861 г., № 10. Кромѣ *приходскихъ* школъ, въ Черниговс. губ. въ 1860 г. находилось еще 65 школъ заведенныхъ палатою государств. имуществъ, въ которыхъ училось мальчиковъ 2109, а дѣвочекъ 243.

школяровъ принадлежитъ козачьему сословію. Нерѣдко можно встрѣтить, что въ школѣ человѣкъ въ 20,30-ть—нѣтъ ни одного изъ временно-обязанныхъ. Спрашивая послѣднихъ—почему они не отдаютъ дѣтей въ школы, обыкновенно слышишь такія разсужденія: »на що намъ отдавать іхъ въ школу? Богъ зна, що ще зъ сёго буде, а якъ хлопець дома, то вінъ и скотъ напоіть и гній викидае зъ хлівцівъ; все-таки зъ его робота е,—не даромъ хлібъ ість.« Главная же причина, сколько мы понимаемъ, этого равнодушія къ грамотности, заключается въ томъ, что жизнь временно-обязанныхъ крестьянъ въ настоящее время находится въ какомъ-то колебательномъ состояніи; они не успѣли еще прійдти въ себя, послѣ вѣковаго почти сна, а потому естественно, они не могутъ пока дать себѣ отчетъ—что́ для нихъ полезно и что́ вредно, а намъ не вѣрятъ...

Обученіе въ школахъ ведется на манеръ старинный: азбука, часословъ и псалтырь. Много можно бы сказать противъ этого направленія, но это ни къ чему не поведетъ; пока сельскими учителями будутъ лица изъ духовнаго сословія—часословъ и псалтырь пребудутъ нерушимы; свѣтскихъ же учителей намъ долго еще прійдется ждать...

Не лишнимъ считаемъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе о нашихъ школахъ: обученіе чтенію, во всѣхъ почти школахъ, производится по славянскому букварю и затѣмъ уже дѣти переходятъ къ чтенію книгъ петровской печати. Мы по опыту знаемъ, что дѣти механизмъ чтенія скорѣе схватываютъ по послѣдней и потому гораздо полезнѣе *начинать* съ послѣдней же: во-первыхъ, на обученіе чтенію по петровской печати теряется времени гораздо менѣе, чѣмъ по славянской; во-вторыхъ, выучившись читать по первой, дитя переходитъ къ чтенію по второй очень легко; между тѣмъ, если оно начинаетъ съ славянской, то переходъ къ петровской для него гораздо затруднительнѣе, слѣдовательно, опять связывается съ лишнею тратою времени. Желательно бы, чтобъ это замѣчаніе, по провѣркѣ на опытѣ, было принято тѣми, кому вѣдать надлежитъ.

Окончивъ письмо, мы вспомнили, что забыли сказать о повтореніи въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ исторіи, бывшей съ г. Шиповымъ; только тутъ мотивъ былъ другой: дворяне просили предводителя передать свою должность кандидату на томъ основаніи, что *маршальское ничего-недѣланіе* теперь несовременно. Удовлетворена ли была просьба—намъ неизвѣстно.

Ал. Мѝхченко.

ИЗЪ Г. ТАРАЩИ, (КІЕВСКОЙ ГУБ.).

Разскажу вамъ кое-что о жизни нашего городка и вообще этой мѣстности. Нынѣшній годъ былъ довольно благопріятенъ для здѣшняго края въ матеріальномъ отношеніи, а, пожалуй, и въ нравственномъ, такъ-какъ теперь обѣщано, въ опредѣленномъ и недалекомъ срокѣ, полное освобожденіе крестьянъ. Но вообще эта мѣра, вначалѣ принята здѣсь не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало ожидать. Помѣщикамъ кажется, что ихъ раззорили, хотя, въ-сущности, новое положеніе больше для нихъ полезно, чѣмъ вредно.—Крестьяне смотрятъ на освобожденіе какъ-то недовѣрчиво, и не ожидаютъ отъ него значительной перемѣны къ лучшему: такъ ужъ они привыкли къ тому, что «*обіцяв панъ кожухъ, та й слово його теплe*«; да притомъ хотя они частью и вѣрятъ этимъ обѣщаніямъ, но это не удовлетворяетъ ихъ: они желали и ожидали гораздо больше, не входя въ то, будетъ ли это выгодно и удобно для другихъ сословій.

Разскажу вамъ одинъ слышанный мною случай, довольно вѣрно выражающій взглядъ крестьянъ на освобожденіе: въ первый день чтенія манифеста одинъ крестьянинъ ѣхалъ въ мѣстечко на базаръ изъ деревни, въ которой небыло церкви, и потому не читали еще манифеста, о которомъ онъ уже однако слышалъ, и встрѣтилъ своего знакомаго, уже возвращавшагося оттуда, и везшаго между другими покупками завязанный горшокъ съ чѣмъ-то. »А що тамъ? кажуть, воля?« спросилъ его встрѣтившійся.—Та воля.—»А де-жъ вона?«—А ось въ горшку, та ще й завязана... —Случай этотъ едва-ли достовѣренъ, но таковъ, или почти таковъ взглядъ на этотъ предметъ здѣшнихъ крестьянъ. Конечно, со временемъ, когда всѣ устроится, они увидятъ свое освобожденіе въ иномъ свѣтѣ. Но теперь, и въ нѣкоторой степени не безосновательно, во многихъ имѣніяхъ крестьяне предпочитаютъ нынѣшнее переходное состояніе будущему свободному: тогда они должны будутъ отбывать повинность за землю деньгами, а теперь работаютъ одинъ день въ недѣлю на панщинѣ и другой, такъ-наз. *сгонный*, т. е., обязательный, но съ платою за него по 20 к. с. Эту панщину отбываетъ одинъ мужчина изъ каждой хаты, а женщина по дню въ недѣлю.

Объ образованіи здѣшняго народа нечего много и распространяться, развѣ перечислять quasi—училища и восхищаться сочувствіемъ

нашего общества къ народному образованію, котораго, т. е. сочувствія сказать правду, намъ кажется, очень немного. Есть, напримѣръ, у насъ воскресная школа. А спросите, кѣмъ она открыта?— Офицерами квартирующихъ здѣсь войскъ, и можно почти навѣрное сказать, хотя такое признаніе очень печально, что съ выходомъ отсюда войска едва-ли удержится и школа. При томъ же она и теперь приноситъ не слишкомъ много пользы, такъ какъ въ ней преподаваніе идетъ не на народномъ, а на русскомъ языкѣ. При открытіи школы поднялись было одинъ или два голоса въ пользу украинскаго языка, но большинство учредителей не согласилось на это. А вѣдь, кажется, какая мысль можетъ быть проще той, что всякій поймет и усвоитъ чтобы-то ни было только тогда, когда ему будутъ преподавать и объяснять на языкѣ, вполнѣ ему понятномъ, слѣдовательно на томъ, на которомъ онъ говорилъ. Впрочемъ гг. офицеровъ можно извинить тѣмъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ хорошо украинскаго языка, но съ другой стороны отчего-бы хоть нѣкоторымъ, знающимъ, не преподавать на родномъ языкѣ?

А вотъ ужъ кого нельзя извинить ничѣмъ, такъ это наше высокопочтенное общество. Почти всякій изъ здѣшнихъ постоянныхъ жителей знаетъ болѣе или менѣе народный языкъ, почти всякій можетъ удѣлить 2—3 часа въ недѣлю на пользу общую, но... у нихъ, видите-ли, много своего дѣла: преферансъ, толки, переливанье изъ пустаго въ порожнее и т. п. Да и вообще здѣсь очень мало сочувствія къ родному для бо́льшей части народу и его литературѣ. Еще часто можно слышать выраженія въ родѣ: «помужицки,» «мужицкій языкъ», «po-chłopsku», и т. п.

Но мое письмо приняло уже довольно значительный объемъ, и потому кончаю его. Въ слѣдующемъ письмѣ я намѣренъ коснуться нѣкоторыхъ другихъ сторонъ здѣшняго быта и изложить здѣшніе толки и мнѣнія о покойномъ Шевченкѣ и вообще здѣшніе взгляды, довольно оригинальные, на него самого и его дѣятельность.

II.

Мнѣ только-что сообщены однимъ моимъ знакомымъ свѣдѣнія о состояніи нѣсколькихъ сельскихъ школъ въ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ, а я, въ свою очередь, сообщаю ихъ вамъ, полагая, что они не лишены нѣкотораго интереса. Всѣ подобныя училища,

какъ и вамъ вѣроятно извѣстно, открыты, въ началѣ прошедшаго года, приходскими священниками, вслѣдствіе указа Кіевскаго митрополита. Теперь разскажу о трехъ школахъ, о которыхъ я получилъ точныя и подробныя свѣдѣнія, за достовѣрность которыхъ ручаюсь.

Въ с. *Журавкѣ* (Чигиринскаго уѣзда, имѣніе графа Бобринскаго), школа помѣщается въ общественномъ (громадскомъ) домѣ, отопленіе же для нея, въ зимнее время, даетъ помѣщикъ. Учениковъ обыкновенно бываетъ человѣкъ до двадцати. Но если бы кто спросилъ, что-же они успѣли узнать за годъ своего ученія, то отвѣчать довольно трудно. Нѣкоторые успѣли выучить азбуку, конечно, по старинному, — азъ, буки, и т. д., а премудрости складовъ еще узнать не было времени и не хватило силъ преподавательницы.

При этомъ должно сказать еще, что крестьяне въ этомъ селеніи вообще народъ зажиточный, и очень хочется имъ воспитывать дѣтей своихъ какъ слѣдуетъ. Это видно изъ того, что недавно у нихъ явилось желаніе устроить у себя школу для дѣвочекъ, своими собственными средствами. Они предлагали одной дамѣ принять на себя должность учительницы, обѣщая собрать до 200 р. ежегоднаго жалованья, но она не могла въ то время согласиться на ихъ предложеніе, по своимъ обстоятельствамъ. Впрочемъ можно надѣяться, что эта мысль будетъ въ скоромъ времени приведена въ исполненіе. Худо только то, что они, сознавая важность первоначальнаго образованія, не могутъ давать его своимъ сыновьямъ. Они сами очень недовольны своей школой и говорятъ: —та чого-жъ вони тамъ вчатця, що за годъ не знають «буки-азъ-ба.»

Въ с. *Матусовѣ* (Черкасскаго уѣзда, имѣніе г. Орлова), въ большомъ селеніи, двѣ церкви и два прихода, а потому и двѣ школы. Хотя онѣ недалеко одна отъ другой, но разстояніе между состояніемъ той и другой неизмѣримое. Одна, въ приходѣ церкви св. Димитрія, составляетъ очень пріятное исключеніе изъ множества другихъ. Священникъ этого прихода—человѣкъ образованный и видѣвшій свѣтъ, самъ занимается ежедневно со своими учениками. Но какъ для него одного это было-бы затруднительно, то онъ поручаетъ первоначальныя занятія съ ними обыкновенному сельскому грамотѣю, изъ отставныхъ солдатъ, конечно, подъ своимъ постояннымъ надзоромъ. Въ этой школѣ учащіеся успѣли уже столько, что священникъ могъ составить изъ нихъ довольно порядочную пѣвческую.

Зато другая школа, въ томъ же селѣ, съ избыткомъ уравновѣши-

ваетъ своими недостатками достоинства первой. Единственный преподаватель въ ней тоже отставный солдатъ, котораго всѣ знанія ограничиваются умѣньемъ читать и немножко писать. Онъ здѣсь лицо вполнѣ безотвѣтственное и безконтрольное.

Я буду стараться всѣми силами собирать по-больше такихъ свѣдѣній, и самъ, и отъ другихъ (разумѣется людей достовѣрныхъ), и немедленно сообщать ихъ вамъ. Теперь мнѣ сообщены еще нѣкоторыя свѣдѣнія, но очень неполныя, и потому откладываю сообщеніе ихъ до пополненія. Да, я еще забылъ упомянуть объ одномъ случаѣ: однажды мой знакомый, сообщившій всѣ эти свѣдѣнія, будучи во второй (т. е. худшей) школѣ въ Матусовѣ, началъ объяснять ученикамъ начатки священной исторіи; а почтенный преподаватель слушалъ-слушалъ, и наконецъ сказалъ: «Ишь ты! а я такихъ диковинъ еще и не слыхивалъ!»

«Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!..»

ИЗЪ—ВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(26 января 1862).

Прошлый годъ, въ іюнѣ, я писалъ въ вашу *Основу* о вещахъ самыхъ безотрадныхъ. Но если жизнь и представляла тогда печальныя явленія, за то природа умѣряла негодованіе своимъ величіемъ, роскошью, красотой и нѣгой, которыми такъ обильно обливала, со всѣхъ сторонъ, пораженнаго и умиленнаго зрителя...

Прошло полгода. Я опять въ Малороссіи, опять въ той же мѣстности. Опять таже жалкая среда давитъ душу и сердце, опять тѣ же старческіе недуги одолѣваютъ несчастную среду, больную, уже и безъ того, хроническими, неизлѣчимыми болѣзнями, противъ которыхъ, кажется, существуетъ одно вѣрное средство—смерть... Да, она *сухорёбрица!* Она, вѣдь, не разъ, оказывала услуги нашему обширному отечеству... Я сегодня въ жолчномъ расположеніи духа, и отъ моихъ пожеланій не поздоровится. Мнѣ такъ и чудится, что надъ могилами нашей породы будетъ расти болиголовъ и чертополохъ, мычать рогатый скотъ, хрюкать одичалая свинья... если мы во́-время не одумаемся.

Смятеніе, обуревавшее лѣтомъ головы здѣшнихъ старцевъ, въ той же степени, кажется, царствуетъ въ нихъ и понынѣ. Словомъ, дѣйствующія лица тѣже, что и были; перемѣнилась только обстановка. Вмѣсто роскошной, всеоживляющей растительности, глазамъ нашимъ представляются сплошныя массы глубокихъ снѣговъ, да обнаженные лѣса съ вершинами, покрытыми инеемъ. Снѣгъ немилосердно и неустанно валитъ сверху и рвется снизу, по цѣлымъ суткамъ, такъ что глазъ не различаетъ, за четверть версты, никакихъ предметовъ; дороги убійственныя, приводящія въ ужасъ и смятеніе душу человѣка, и сокрушающія самые крѣпкіе желудки и ребра. Мрачныя, тоскливыя, бѣлесоватыя пустыни, по которымъ, какъ пятна, *мрѣютъ* села; свистъ вѣтра, завыванье волковъ, карканье глупыхъ воронъ—и больше ничего... Тоска, смертная тоска! Завидую я вамъ, сидящимъ въ теплѣ, за каменными стѣнами и невѣдающимъ, что́ творится въ лѣсахъ дремучихъ, степяхъ безбрежныхъ, поляхъ опустѣлыхъ...

Но къ дѣлу, къ дѣлу!

Вы хотите знать, конечно, многое,—все. Какъ идетъ крестьянское дѣло, какъ межевое, какъ хозяйство, образованіе народа, сколько гдѣ заведено школъ, чему въ нихъ учатъ, чѣмъ интересуется общество высшаго круга (аристократія), къ чему оно стремится, какія у него планы и проч. и проч.? Боже мой! Да на столько вопросовъ отвѣчать почти—невозможно. Невозможно потому, что на большую часть изъ нихъ нѣтъ и отвѣтовъ.—Какъ, нѣтъ отвѣтовъ?—Да такъ, нѣтъ—и вся недолга! Вы думаете, что такъ—вотъ, пришелъ, посмотрѣлъ—и знаешь все, все ясно, какъ день? Какъ бы не такъ! Нашли дураковъ! Да, вѣдь еслибъ дѣйствительно было такъ, такъ, послѣ такой несообразности, девять десятыхъ этого общества до того скверно бы стало, что хоть сквозь землю тутъ же и провалиться! Нѣтъ-съ, оно совсѣмъ не такъ! А вотъ какъ. Примѣрно, вошли вы въ комнату, гдѣ совершенно темно, темнѣе даже, чѣмъ ночью. Сдѣлавши два шага, вы во что то хватились лбомъ: звенитъ. Чтобы это такое? Вы протягиваете впередъ руки, изъ предосторожности и любознательности. Оказывается, что это голова, человѣческая голова Стало быть, тутъ есть люди, думаете вы, и не ошиблись. Люди, точно, тутъ есть, и даже много ихъ.—Ну, слава Богу! теперь я буду знать, гдѣ я,—продолжаете вы размышлять, обрадовавшись человѣческому обществу.—Господа, начинаете вы очень вѣжливо, какъ прилично человѣку порядочному:—извините... я бы хотѣлъ знать...—А ты

хотѣлъ бы знать!..—раздается нѣсколько голосовъ. Потомъ, шумъ усиливается... вы едва разбираете отдѣльныя слова, междометія, восклицанія, поминаніе нѣкоторыхъ родственниковъ... Потомъ... потомъ вы уже ничего не можете разобрать. Все сливается въ какой-то неопредѣленный гулъ и рокотъ. Въ недоумѣніи, вы спѣшите поскорѣе убраться изъ этого общества, и ищете выхода. Наконецъ попали. Вы на чистомъ воздухѣ; отплевываетесь и открещиваетесь и благодарите Бога за спасеніе жизни. Я васъ встрѣчаю и спрашиваю: Разскажите, что́ тамъ дѣлается?

— Ничего не дѣлается, мрачно отвѣчаете вы. Я совершенно понимаю вашъ отвѣтъ, и прекращаю разспросы.

Основываясь на этомъ, и вы не спрашивайте меня о нѣкоторыхъ щекотливыхъ предметахъ, а довольствуйтесь тѣмъ, что́ моей милости заблагоразсудится сообщить.

Сообщу, прежде всего, что было нѣсколько мировыхъ съѣздовъ, на которыхъ рѣшено много вопросовъ, весьма удовлетворительнымъ образомъ. Какіе это вопросы? усматривается изъ губ. вѣд. за прошедшій и текущій годы. Былъ, между прочимъ, замѣчательный съѣздъ с — го уѣзда, въ селеніи Х — хъ, по случаю несогласій тамошнихъ крестьянъ съ ихъ помѣщицей. У меня нѣтъ ни охоты, ни времени сообщать вамъ всѣ подробности его. Скажу только, что когда члены его стали разъѣзжаться, то хозяйка дома грозила доносомъ.

Нѣкоторые помѣщики стараются сойтись съ крестьянами на добровольныя сдѣлки; но удается это очень немногимъ. Крестьяне недовѣрчиво смотрятъ на всякія предложенія, и подозрѣваютъ въ нихъ обманъ. Прежняя ложная мысль, что черезъ 2 года земля будетъ ихъ, еще не оставлена ими.

Межеванье, по-случаю зимы, отдыхаетъ на лаврахъ, пожатыхъ, въ лѣтнее время, на болотахъ, поляхъ и прочихъ угодьяхъ. Зато образуются новыя коммиссіи, въ уѣздахъ, гдѣ еще не начиналось размежеваніе. Выборы членовъ, въ эти коммиссіи, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому, я намѣренъ поговорить о нихъ подробнѣе. Прежде всего, замѣчу, что на эти коммиссіи, должно быть, положено заклятіе, по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, о которой я пишу, и суждено имъ состоять изъ членовъ, рѣшительно неспособныхъ къ движенію и ко всякой другой дѣятельности, или по совершенной преклонности лѣтъ, или по необъятной тучности. Вотъ, на выдержку, одинъ уѣздъ. Выборы, разумѣется, открываются блестящею рѣчью

г. предводителя дворянства, въ которой онъ, самыми яркими красками, описываетъ важность дѣла, возлагаемаго на коммиссію, и полагаетъ, что, для достиженія своей цѣли, коммиссія должна состоять изъ умныхъ и честныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя этому дѣлу; словомъ,—замѣчаетъ г. предводитель—изъ людей молодыхъ. За симъ, приступаютъ къ выборамъ, во-первыхъ, предсѣдателя. Выбирается, разумѣется, самъ г. предводитель.

Удовлетворяетъ ли онъ тѣмъ требованіямъ, о которыхъ только что говорилъ самъ съ такимъ краснорѣчіемъ? Удовлетворяетъ. И удовлетворяетъ трояко: 1, потому, что онъ предводитель, 2, потому, что его выбрали гг. дворяне и 3, потому, что ему нужны 2000 р., для поправленія своихъ обстоятельствъ. И такъ, коммисія уже имѣетъ главу; нужно еще туловище. Баллотировка продолжается. Всѣмъ извѣстны условія, составляющія хорошее туловище: оно должно плясать подъ ту пѣсню, которую затянетъ голова. Баллотируются люди молодые; и, какъ негодные, уже потому, что не слѣпы, не нѣмы и не глухи, всѣ выѣзжаютъ изъ ящика на вороныхъ. Эта продѣлка повторяется, примѣрно, съ двадцатью человѣками. Остается два старца, пережившіе почти три поколѣнія. Просятъ ихъ баллотироваться; они, сначала, отказываются; но, послѣ усиленныхъ просьбъ дворянъ, соглашаются. Предводитель заявляетъ, что они могутъ и отказаться послѣ, оставаясь въ кандидатахъ. Жребій падаетъ на убѣленныя сѣдинами главы. Предводитель опять повторяетъ, что, буде они желаютъ, могутъ остаться въ кандидатахъ. Но бѣловолосые отвѣчаютъ, что не желаютъ сдѣлать непріятность высокопочтенному дворянству своимъ отказомъ. Итакъ, великое дѣло совершено: межеваніе поведутъ, не знаю только впредъ или назадъ?

А вотъ, другой примѣръ, разсказанный мнѣ очевидцемъ. Поѣхалъ онъ тоже на выборы въ другой уѣздъ, но попалъ туда почти подъ конецъ, да и выбирали тамъ не полную коммисію, а одного члена въ сосѣдній уѣздъ. Очевидецъ этотъ, которому я вполнѣ вѣрю, разсказываетъ такъ: Попалъ я, говоритъ, въ совершенно незнакомое общество. Двѣ небольшія комнаты были биткомъ набиты въ дворянскихъ мундирахъ господами, являющимися обыкновенно на всѣхъ дворянскихъ выборахъ. Шумъ былъ страшный: кричали всѣ, и ничего нельзя было разобрать. Какой-то господинъ стоялъ у стола, около предводителя, и неистово выкрикивалъ фамиліи, стоявшія на очереди. Названная нѣсколько разъ особа, наконецъ, оставляла споръ,

подходила къ столу и клала шаръ. Между тѣмъ, составились отдѣльныя кучки, необращавшія вниманія на выборы, и вовсе горло спорили между собою. Сначала, они церемонились въ выборѣ выраженій; но послѣ, восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ, оглашали обѣ комнаты: — Вы, М. Г., свинья! «Нѣтъ, это вы поступаете по-свински!» — Вы ограбили меня и жену мою! «Неправда! я облагодѣтельствовалъ васъ обоихъ!»—Скажите, пожалуйста, почему вы неразсчитаетесь съ подрядчикомъ? «Вы сами прежде разсчитайтесь.»—Да у меня дѣло объ этомъ есть.» «За вами грѣшки есть, вотъ-что!» «Ну, батенька, если дѣло дойдетъ до грѣшковъ, такъ я и въ рыло вамъ дамъ!» — Нѣтъ, братъ, стой! ты подлецъ! Что ты сдѣлалъ съ моей кобылой? Забылъ, небось!—И т. п. Предводитель всячески старался успокоить разходившуюся публику, и предлагалъ разныя средства, напримѣръ: идти спорить подъ лѣстницу и проч. Ничто не помогало. Я полагаю, что, безъ рукопашнаго боя, необошлось бы, еслибъ тотъ же господинъ не провозгласилъ, что членъ и кандидатъ выбраны. Всѣ смолкли. Предводитель воспользовался случаемъ, попросилъ слова, и началъ читать какую-то бумагу. Это былъ проектъ о сокращеніи числа мировыхъ посредниковъ. Г. предводитель полагалъ, что, по введеніи уставныхъ грамотъ, четыремъ посредникамъ нечего будетъ дѣлать, и что достаточно оставить одного. Причина такого предложенія заключалась въ общемъ безденежьи и трудности добывать деньги. Дружно крикнули всѣ: «довольно, довольно одного! долой трехъ!» Чей-то голосъ, очевидно въ насмѣшку, крикнулъ: всѣхъ долой! Больше всѣхъ настаивалъ на одобреніи проекта какой-то отставной генералъ, который, говорятъ, и самъ мѣтилъ въ посредники; но совершенно неожиданно былъ вычеркнутъ изъ списка. Проектъ былъ одобренъ къ представленію высшему начальству.

Выйдя изъ собранія, прибавляетъ разсказчикъ, я все-таки не зналъ, кто выбранъ въ члены и кандидаты.

Чтобъ заключить этотъ отдѣлъ моего письма, я разскажу вамъ слѣдующую штуку.

Въ нѣкоемъ уѣздѣ нашей губерніи, дворянство не имѣло собственнаго помѣщенія, для своихъ собраній; а мѣсто было въ городѣ славное, большое. Вотъ, и задумалъ предводитель этого уѣзда такую штуку: собрать съ дворянъ деньги и построить домъ. Сказано — сдѣлано. Разсылаются повѣстки о сборѣ. Нашлись, разумѣется, такіе, которые и не дали ни копѣйки: такимъ и напоми-

нанія не было. Но большая часть дворянъ дала деньги. Приступили къ постройкѣ. Надо же случиться несчастью: недоконченный домъ сгорѣлъ. Ну, сгорѣлъ—и сгорѣлъ. На то воля Божія! Дѣятельный предводитель не могъ, однако, оставаться спокойнымъ, при видѣ такой неудачи и ущерба общей пользѣ. Что дѣлать? Собрать опять деньги? Пожалуй, никто и недастъ! Скверно; надо выдумать новую штуку. Выдумалъ. При первомъ удобномъ случаѣ, предложилъ дворянамъ продать мѣсто. Дворяне согласились, можетъ быть, изъ опасенія, чтобъ не пришлось опять давать деньги на это мѣсто. Предводитель назначилъ, по собственному выбору, уполномоченнаго на оцѣнку и продажу. Выборъ, конечно случайно палъ на человѣка, не внушающаго особеннаго довѣрія дворянамъ, за то готоваго повиноваться слову предводителя. Одинъ изъ дворянъ попробовалъ замѣтить, что выборомъ уполномоченнаго слѣдовало бы распорядиться всему сословію, а не одному человѣку. Согласитесь сами, что это была дерзость, почти оскорбленіе и личности и званію предводителя. Не обидѣться ему нельзя было. Онъ и обидѣлся. Дворянство, вѣроятно, изъ деликатности, не хотѣло прибавлять, къ частному оскорбленію, оскорбленія цѣлымъ сословіемъ, и порученіе осталось за тѣмъ же лицомъ. Втихомолку совершилась оцѣнка и продажа. И дворянству сообщено было только, что мѣсто, принадлежавшее ему, пріобрѣтено г. предводителемъ за 400 р. с.! На что и совершена законная крѣпость.

Все, стало-быть, совершилось къ обоюдному удовольствію, и больше желать нечего. Такъ, вѣдь, нѣтъ же! Есть такіе злорадные люди, которые не только думаютъ, но и говорятъ, что дѣло это сдѣлано нечисто.

Заглянемъ теперь въ жизнь частную; но только на минуту: мнѣ некогда.

Мало интереснаго она представляетъ. Уставныя грамоты, грозною тучею, висятъ надъ головами хозяевъ и приводятъ ихъ сердца въ совершенное сокрушеніе. Близость срока ихъ представленія ужасаетъ всѣхъ; а между тѣмъ, никто не думаетъ о составленіи ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность пробудится въ послѣдніе дни, и грамоты будутъ написаны къ 24 марта.

Тишина и вялость жизни поражаютъ тѣхъ, которые знаютъ, какъ шибко жили и прежде наши помѣщики, какіе баснословные обѣды великолѣпные балы задавали они, какъ неистово играли въ карты. Теперь же всѣ попрятали носы и посвистываютъ... Денегъ нѣтъ,

вотъ наша бѣда! Куда ни повернитесь,—нигдѣ ихъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Даже поговорорка есть: *Який же бъ вінъ бувъ панъ, колибъ у ёго грошї були,* или такъ: *що-то за панъ, що повна кишеня грошей*! Да, въ настоящее время, трудно безъ денегъ: концовъ съ концами не сведешь. А будь они теперь—были бъ и въ будущемъ. И то, и другое и десятое можно сдѣлать съ деньгами.

Много способствуетъ этой тишинѣ отсутствіе военныхъ людей, приводящихъ уѣздное общество во вѣчный восторгъ и сокрушающихъ нѣжныя сердца прелестныхъ дѣвъ нашихъ.

Школы у насъ не заводятся; никто почти и не хлопочетъ о нихъ. Да, правду сказать, и селяне не показываютъ большого сочувствія. Отцы отговариваются, подъ разными предлогами, учить дѣтей.—У мене одно—треба скотину доглядать.—А у мене хочъ и двое, такъ я іхъ у майстрі хочу віддати, чи въ кравці, чи въ шевці, и т. п. Грустно! Знаю я еще одну благую мечту: сельскій банкъ. Сельскій банкъ—сущее благодѣяніе для жителей, платящихъ рубль за рубль шинкарямъ и жидамъ. Но когда о немъ заговорили, то полное равнодушіе было отвѣтомъ. Видно, еще не время; или подъ вьюги да морозы не йдетъ въ голову ничто доброе.

Подождемъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ, КОРЕННАЯ, ИЛЬИНСКАЯ ЯРМАРКИ 1861 г.

Екатеринославская Петро-павловская ярмарка съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо́льшее значеніе. Тамъ не торгуютъ *мануфактурными* Великорусскими товарами подобно другимъ Украинскимъ ярмаркамъ; главную торговлю на этой ярмаркѣ составляетъ шерсть. Многіе изъ овцеводовъ находятъ продажу въ этой ярмаркѣ болѣе для себя выгодною, нежели въ другихъ ярмаркахъ (Троицкой и Ильинской) потому-что ярмарка эта у нихъ почти дома,—провозъ не составляетъ большихъ расходовъ и потери времени,—да къ тому же, въ случаѣ непродажи по предположенной цѣнѣ, продавцу не стоитъ значительныхъ расходовъ отвезти ее домой до болѣе благопріятнаго времени. Многіе изъ ненуждающихся помѣщиковъ даже не вывозятъ на ярмарку своей шерсти, а имѣютъ одни образцы и по нимъ продаютъ съ условіемъ

сдать товаръ покупателямъ на мѣстѣ. Разничная торговля нашла себѣ здѣсь хорошій пріютъ для сбыта панскихъ товаровъ, вслѣдствіе-чего нѣкоторые изъ Харковскихъ торговцевъ постоянно выѣзжаютъ на эту ярмарку.

Пользуясь свѣденіями г. Иткина, который такъ хорошо знакомъ съ торговлею шерсти на всѣхъ Украинскихъ ярмаркахъ, сообщаю вамъ слѣдующее. *Перегона* на Петропавловской ярморкѣ было привезено на площадь до 85 т. пуд.; *образцовъ* было на 15 т. пуд. Шерсть, которой были только образцы, продана на мѣстѣ. *Грязной* было привезено 25000 пуд.

Продано перегона:

въ Пруссію, Австрію и Францію. .	13 т. пуд.
— Одескимъ торгов. домамъ . .	9 » —
— Московскому дому (Ценкеръ) .	4 » —
— Моечникамъ Бѣлгород. и Хар. .	5 » —
— Спекулянтамъ для Полтав. Ильинской ярмарки .	25 » —
Не продано и отправлено въ Полтаву на Ильинскую ярмарку	17 » —
Куплено польскими фабрикантами . . .	15 » —
Клинцовскими (черн. губерн.) . . .	2 » —

Цѣны на перегонъ 13 до 15 рубл. высшаго сорт. 16 до 18 руб. (противъ прошлаго годя дешевле $1^1/_2$ и 2 рубл. за пудъ).

Грязная продана Харьковск., Бѣлгородскимъ и Изюмскимъ моечникамъ отъ 7 р. 50 до 9 рублей.

Русской шерсти было 5 т. пуд.; продана черная 2 р., бѣлая $2^1/_2$ рубл. за пудъ.

Шпанской овчины было до 5 т. пуд.; продана низкая отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ рубл., лучшая отъ 6 до $6^1/_2$ рубл. за пудъ.

Немогу не упомянуть здѣсь о Коренной ярмаркѣ, которая хотя и не принадлежитъ къ числу нашихъ украинскихъ ярмарокъ, но имѣетъ съ ними тѣсную связь. Въ этомъ году ярмарка была хороша для торговцевъ мануфактурными бумажными товарами. Воскъ, котораго здѣсь было до 10 т. пуд., противъ Вознесенской ярмарки значительно поднялся, доходилъ до $21^3/_4$ рублей сер. за пудъ. Сахарники, наши бѣдные сахарники, спустили еще цѣну на свой товаръ. Цѣны были слѣдующія:

Бобринскаго . . .	8 р. 40 к.
Яхненко	8 » 30 —
Ротермунда. . . .	8 » 30 —

Браницкаго. . . . 8 р. 10 —
Потоцкаго . . . . 8 » 10 —
Неннингера. . . . 7 » 80 —

По случаю большаго скопленія сахара, заводчики сахарные принуждены были продавать на довольно длинные сроки, которые не поправу многимъ нашимъ заводчикамъ. На этой ярмаркѣ, въ прежніе годы, дѣлывались большіе покупки будущаго сала, но этотъ предметъ съ каждымъ годомъ здѣсь становится слабѣе; даже огромнѣйшій пожаръ, бывшій въ Лондонѣ не задолго передъ ярмаркой, дѣла сальнаго не оживилъ.

Сахарными песками торговали хорошо; цѣна доходила до 6 р. 30 коп., но количество онаго бываетъ здѣсь небольшое.

Вскорѣ за Петропавловской и Коренной наступаетъ обыкновенно Ильинская въ Полтавѣ, которая, по характеру своему, есть самое полнѣйшее воспроизведеніе понятія нашего Малоросіянина о ярмаркѣ. Здѣсь вы найдете отъ самыхъ дорогихъ мѣховъ, брильянтовъ, атласа, да «свитъ и чобітъ простыхъ,» услышите заѣзжую »Одарочку,« Лазаря и стукъ «шевца», подколачивающаго »ухналями» подтоптавшіяся «чоботы». Прекрасная по своему мѣстоположенію конная площадь представляетъ собою самую оживленную картину: табуны лошадей, огромнѣйшіе ярусы шерсти, Малороссійскаго табаку, сырыхъ кожъ, овчинъ, возы съ полотномъ, шитымъ товаромъ, сапогами, балаганы съ полушубками, бичевой, незатѣйливыя временныя зданія трактировъ, «ренсковыхъ» погребовъ, «ведерныя продажи», разгульныя звуки шарманки и пѣсни подгулявшихъ извощиковъ, которые уже сложили кладь и ждутъ отправки шерсти или другихъ товаровъ, жгучее солнце, пыль и голосъ лебезящихъ евреевъ, Ворскла, окаймляющая площадь, какъ-то особенно манитъ освѣжиться въ ея кристальной водѣ; за Ворсклой чумаки отогнавшіе скотъ на пашу, въ-сторонѣ разведенный огонекъ... все даетъ вамъ знать, что здѣсь кипитъ жизнь положительная. Рыцарями этаго поля являются Москвичи, Калужане и особенно отличающіеся крѣпкимъ закаломъ Бѣлгородцы, Обоянцы и отчасти (Рыльскіе).

Ярмарка въ городѣ—мануфактурная—не имѣетъ тѣхъ удобствъ, какія мы встрѣчаемъ на конной — необыкновенное стѣсненіе въ помѣщеніяхъ, деревянные ряды, за исключеніемъ Зеленскаго и Карпова, на каждомъ шагу огонь, противъ котораго не приняты никакія мѣры осто-

рожности, заставляютъ всякаго торговца призадуматься надъ своимъ рискованнымъ положеніемъ. Печальный примѣръ такого неудобства былъ въ 1858 году — въ ¼ часа уничтоженъ былъ посудный рядъ, причемъ многіе потеряли все свое состояніе. Ничто не возбуждаетъ такого тяжелаго сожалѣнія, какъ потери отъ огня — достояніе накопленное часто истинными трудами и лишеніями, мгновенно предъ вами обращается въ кучу пепла.

Межь торговцами давно идутъ толки о переводѣ Ильинской ярмарки въ Харьковъ, или, вѣрнѣе выразиться, о замѣнѣ ея болѣе пространнымъ срокомъ Успенской въ Харьковѣ. Толки эти перешли уже въ самое дѣло: отъ нѣкоторыхъ торговцевъ, которыхъ наиболѣе интересуетъ Харьковъ, поступила просьба... Очень сожалѣемъ, что подобныя ломки совершаются у насъ не прямымъ путемъ общаго обсужденія, а особенными для этого уловками:—грустный фактъ! Кажется, пора бы намъ измѣниться. Мы далеки оттого, чтобы произнести рѣшительный приговоръ надъ тѣмъ, что ярмаркѣ выгоднѣй быть въ Полтавѣ, но просимъ обратить вниманіе на то́, что съ переводомъ Ильинской изъ Ромна въ Полтаву, торговля на конной площади увеличилась въ пять или шесть разъ. Къ чему отнести такую рѣзкую разницу? не кроются ли въ этомъ условія мѣстности, времени? При бѣдности точныхъ статистическихъ данныхъ, рѣшить этого нельзя, но при тщательномъ обслѣдованіи этого вопроса, рѣшить нетрудно. Пожелаемъ же мы всѣмъ, кому близко это дѣло, безкорыстнаго и истинно-полезнаго для торговли обсужденія и исхода.

Количество привезенной на ярмарку шерсти простиралось до 300 т. пуд. Бывшіе передъ ярмаркой сильные дожди испортили дороги, отчего шерсть, да и другіе товары, опоздали на нѣсколько дней. Впрочемъ, и покупатели не торопились: до 21 числа, почти не было сдѣлано никакихъ дѣлъ съ шерстью. Покупатели упирались, но большая часть продавцовъ, хотя съ пониженіемъ цѣны (противъ Троицкой), все-таки продали. Нѣкоторые же изъ сильныхъ овцеводовъ хотѣли устоять на своемъ и партій у нихъ осталось до 35 т. пуд.

Цѣны слѣдующія:

перегонъ помѣщичій 12 р. 75 к. до 14 р. 75 к.
перегонъ помѣщ. лучш. сорта. . . до 16 р.
обножки. . . . . отъ 8 до 9 р. 75 к.

Кожи сырыя, которыхъ послѣ Крещенской бываютъ здѣсь глав-

ныя партіи, шли хорошо—особенно среднякъ. Бычья 7 руб., яловка 5 руб.

Табакъ Малороссійскій проданъ цѣнами, судя противъ продажи въ Ромнѣ, не высокими.

Воскъ—количество около 5 т. пуд.—прошолъ цѣнами настоящими—отъ 20 р. 75 к. до 21 р. 75 к.

Зайца (русака) количество 200 пач. (100 т. шт.). Товаръ этотъ уже давно не въ ходу—продавцы желали получить 22 р. 20 к.

Косица, грива требовались очень хорошо.

Майка (шпанская муха) безъ требованія, цѣна упала до 16 р. 15 к. количество 1000 пуд.

Холста и *полотна* здѣсь бываетъ до 1000 возовъ (возъ 3 т. арш.) среднее полотно 85 и 90 руб. за тысячу; десятка 70 руб. за тысячу — торговали хорошо.

Сапога шитаго до 500 возовъ (возъ 200 паръ) цѣна 1 р. 80 к. (прошл. годъ 1 р. 60 к.).

Полушубковъ бѣлыхъ бываетъ здѣсь весьма много — торговали хорошо и высокими цѣнами: то, что́ стоило въ прошломъ году 4 р. и 4 р. 50 к., теперь продали до 6 р. 49 к.

Сахаръ продавался недорого, но все-таки лучше чѣмъ въ Коренной—пески въ цѣнѣ (противъ Коренной) упали, но здѣсь бываютъ такъ же партіи незначительныя.

Бумажнымъ недорогимъ товаромъ торговали хорошо — расторговались рано.

Бумажными средними, сукнами, недорогими шелковыми, торговали порядочно.

Шелковыми высокими, серебряники, мѣховщики, виноторговцы—дурно.

Бакалейщики и москотильщики торговали такъ же нехорошо.

Желѣзными товарами и скобяными торговля здѣсь съ каждымъ годомъ падаетъ, по случаю дороговизны провозовъ. Хорошіе торговцы по городамъ получаютъ прямо на мѣста.

Еврейскій рядъ—галантерейный—торговалъ нехорошо, такъ какъ товаръ этотъ не составляетъ предмета необходимости, а скорѣе прихоти, — *игольными же* товарами (для простаго народа) торговали хорошо.

Изъ представленнаго мною поверхностнаго очерка, ясно что пред-

меты потребленія нашего поселянина въ ходу, а предметы потребленія другихъ классовъ начинаютъ падать.

Шерсть падаетъ, какъ мнѣ кажется, вслѣдствіе предстоящаго измѣненія Кяхтинской торговли и Американской междоусобицы. Изъ Пруссіи и другихъ мѣстъ не требуютъ въ Америку шерстяныхъ издѣлій.

1861.

О. Незбудій.

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

»19-е февраля 1861 г.« и его послѣдствія. Общій очеркъ денежной неурядицы на югѣ.—Теорія Прудона.—Административная децентрализація.—Самоуправленіе въ Землѣ Войска Донскаго.—Поучительное рѣшеніе волостной сходки.—О обнародованіи рѣшеныхъ крестьянами дѣлъ.—Два противоположныхъ взгляда наодинъ и тотъ же вопросъ, какъ образчикъ отношеній къ народу.—Срокъ представленія уставныхъ грамотъ кончился.—Общій взглядъ на поведеніе крестьянъ и *мужицкая логика*.—Какъ поступаютъ помѣщики желающіе выкупа.—Рѣчь Кіевскаго гражданскаго губернатора.—Донское крестьянское дѣло.—Козаки, помѣщики и крестьяне.—Школы.—Необходимость устройствадѣйствительно-народныхъ училищъ.—Письмо г. Конисскаго о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ.—Школа народныхъ учителей въ Харьковѣ.—Охлажденіе общества.—Блестящая трескотня словъ и нуль въ результатѣ.—О невмѣшательствѣ гражданскихъ лицъ въ дѣла духовныхъ училищъ.—Сельскія библіотеки.—Преобразованные статистическіе комитеты.—Коренныя и поверхностныя преобразованія.—Новороссійскій Университетъ.—О допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій.—Спектакли.—Стремленіе къ національности.—Студентскіе украинскіе хоры.—Сельскохозяйственныя новости.—Харьковскія шелковыя плантаціи.—Оптовые винные склады.—Акцизъ съ табаку.—Вновь открытые пласты каменнаго угля.—Желѣзная дорога въ Землѣ Войска Донскаго.—Русское общество Пароходства и Торговли.—Механическія заведенія на югѣ.—Разныя извѣстія.

19 февраля исполнилась годовщина уничтоженія *навсегда* крѣпостной зависимости крестьянъ, но еще рано торжествовать побѣду правды надъ кривдой; еще долго придется думать о томъ, какими способами выйти намъ на прямой путь къ благосостоянію, какими способами устранить вредъ и замѣшательство, неизбѣжно возникающія вслѣдствіе измѣненія издавна-существовавшихъ сословныхъ и имущественныхъ отношеній. Мы твердо увѣрены въ одномъ, что положено великое и плодотворное начало,—что путь къ благосостоянію намѣченъ, что настоящая сумятица въ общей жизни русскаго народа такъже мало похожа на хаосъ, какъ и взороанная нива: залежь приподнята; безразлично и случайно покрывавшая ее растительность сдвинута съ

мѣста; но борозды уже готовы, земля взрыхлена и ждетъ только здороваго сѣмени и дождя, чтобъ обнаружить свою плодотворность. Такимъ представляется намъ современное состояніе нашего общества. Многое въ немъ возбуждено, поднято и двинуто для участія въ движеніи общечеловѣческой жизни; но ничто еще не разрѣшено, ничто не докончено, не опредѣлено; не разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, ставшій уже вопросомъ общесословнымъ, общенароднымъ,—не разрѣшенъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ финансовый. Но это такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ, по своей жизненной настоятельности, съ каждымъ днемъ приближается къ окончанію, и потому, несмотря на всю затруднительность нынѣшняго общественнаго положенія, мы спокойно готовимся къ будущему. Въ нашемъ народѣ слишкомъ много жизненныхъ силъ, и затрудненія не только не убиваютъ ихъ, а, напротивъ, возбуждаютъ его къ большей дѣятельности, и настойчиво вызываютъ существенныя преобразованія—общественныя и хозяйственныя.

Куда бы мы ни заглянули, вездѣ у насъ явленія современной жизни возбуждаютъ двоякое впечатлѣніе: съ одной стороны—опасеніе за послѣдствія и исходъ, съ другой—отрадная надежда ввиду несомнѣннаго пробужденія и сознанной потребности разумныхъ улучшеній. Обзоръ самихъ явленій ясно это показываетъ.

Въ областныхъ извѣстіяхъ чаще всего встрѣчаются жалобы на необычайное и повсемѣстное возвышеніе цѣнъ на всѣ почти предметы потребленія, возвышеніе промѣна и задѣльной платы; отъ этого, нужда въ деньгахъ ощущается достаточными сословіями сильнѣе, нежели рабочими.

Богатѣйшіе, изъ кишиневскихъ, напримѣръ, помѣщиковъ искали передъ святками—кто 500, кто 700 р., предлагая чуть не рубль на рубль—и не могли найдти. Посылая на базаръ рублевую бумажку и покупая на 60, 70 к. товару, платили за промѣнъ 7, 8 к. с. И подобныя явленія, повторяемъ, повсемѣстны на югѣ; облегченіе посредствомъ выпущенныхъ нѣкоторыми торговыми домами, въ народъ *мàрокъ*, далеко недостаточно. Вотъ слово–въ слово письмо Каменецъ–Подольскаго корреспондента: «еслибы кто-нибудь спросилъ, что̀ насъ тревожитъ въ настоящую минуту, и какой предметъ можетъ быть для насъ ахилессовой пятой, то мы бы не запинаясь отвѣтили: недостатокъ денегъ, повсемѣстное безденежье, нужда въ мелочи, за которую берутъ размѣну 10 к. ср. съ рубля. Капиталовъ совершенно нѣтъ. Въ настоящее время, продажи имуществъ

съ аукціона остаются безъ покупателей, никто изъ капиталистовъ не является и лучшія помѣстья Подольской губерніи, оцѣненныя *въ-половину* противъ ихъ цѣнности, не находятъ себѣ покупателей и никто не является на аукціонѣ. Открывшаяся Крещенская ярмарка, или *Контракты* въ Кіевѣ, должна была послужить лучшимъ барометромъ финансовой атмосферы края, и она показала, что дѣла крайне-плохи. При самомъ ея открытіи всѣ боялись за сколько-нибудь сносный исходъ ея, и если потомъ дѣла нѣсколько поправились, то далеко не въ такой степени, чтобы можно было успокоиться. Въ настоящіе контракты, знаменитый домъ братьевъ Яхненка и Симиренка, у которыхъ финансовый кризисъ уменьшилъ, въ прошломъ году, кредитъ *на полтора милліона р.*, прекратили окончательно платежи, и это отзовется, если уже не отозвалось, далеко во всѣ четыре стороны на закладчикахъ. Считаютъ, что банкротство *семи* только главнѣйшихъ домовъ простирается до 25 милліоновъ руб. ср., о меньшихъ же домахъ и упоминать нѣчего. А между тѣмъ, огромныя помѣстья Подольской губерніи, еще за мѣсяцъ до ярмарки, пользовались кредитомъ, и никто не предполагалъ, что онъ дойдетъ въ Кіевѣ до нуля. Въ Одессѣ, кромѣ ржи, съ прочими хлѣбами и саломъ плохо. Къ новому году общій *запасъ* хлѣба простирался тамъ до 1.567.000 четвертей, то-есть *вдвое* противъ минувшаго года. Частный дисконтъ, въ Одессѣ, возвысился до 2% въ мѣсяцъ,—и вотъ уже два мѣсяца, какъ въ дѣлахъ господствуетъ совершенный застой. Одинъ изъ тамошнихъ капитальныхъ домовъ вынужденъ былъ запродать большую партію лучшей пшеницы по 7 р. 50 к., хотя самъ заплатилъ за нее съ осени далеко дороже. Мелкопомѣстные владѣльцы, которыми такъ богатъ нашъ край, просто не знаютъ что дѣлать, куда дѣваться отъ этой моровой язвы, еще только-что начинающейся, и хотя правительство опредѣлило на нихъ 1,256,674 р., но врядъли и эти деньги выведутъ ихъ изъ критическаго положенія. Кстати, замѣтимъ, въ какомъ размѣрѣ распредѣлены эти деньги по губерніямъ:

на Полтавскую	губернію	опредѣлено. . .	498,674.
— Черниговскую	—	— . . .	284,174.
— Харьковскую	—	— . . .	190,762.
— Херсонскую	—	— . . .	73,216.
— Волынскую	—	— . . .	69,696.
— Екатеринославскую	—	— . . .	33,064.
— Кіевскую	—	— . . .	44,132.

— Подольскую — — . . . 41,360.
— Таврическую — — . . . » 616.

Это пособіе врядъ-ли выведетъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ изъ затруднительнаго положенія; и это понятно, какъ понятно, напримѣръ, то, что сколько бы сверху мы ни подрѣзали дерева,—оно все будетъ расти, пока не дойдемъ до самого корня. Ко всѣмъ этимъ даннымъ изъ области чисто-денежнаго міра присоединяются слышимыя отовсюда жалобы, напр., на появленіе суслековъ, на падежъ овецъ въ Крыму, на упадокъ солянаго промысла тамъ же... Словомъ, еслибъ мы захотѣли приводить въ-подробности всѣ имѣющіяся у насъ подъ-рукою, доказательства крайней неурядицы въ денежномъ и промышленномъ мірѣ, то, въ нашей лѣтописи, ни для чего другого и мѣста не было бы:—такъ они многочисленны и разнообразны...

Врядъ-ли можетъ занимать теперь вопросъ, куда же, наконецъ, дѣвались деньги, хотя мы и можемъ привести нѣсколько красноречивыхъ цифръ, взятыхъ нами изъ »Сѣв. Пчелы«, въ которой на предложенный вопросъ прямо отвѣчаютъ: «за-границу». Дѣйствительно, за послѣдніе четыре года акціонерными обществами переплачено заграницу 23,300,000 р., да сюда еще присоединяются расходы нашихъ путешественниковъ, уплата процентовъ и погашеніе по билетамъ государственной коммиссіи погашенія долговъ; покупка и платежъ за товаръ, привозимый контрабандою,—такъ-что всего выйдетъ 277,300,000 р. А если предположить, что таможенныя показанія не могутъ заключать въ себѣ казенныхъ заграничныхъ затратъ по разнымъ вѣдомствамъ, то, полагая, что, въ послѣдніе четыре года на заграничные расходы морскаго и военнаго министерствъ, а также главнаго управленія путей сообщенія и почтоваго, издерживалось ежегодно по 4,000,000 р., то за время, нами разсматриваемое, эти расходы составятъ 16 милліоновъ р., и въ окончательномъ результатѣ мы получимъ слѣдующую цифру уплаты заграницу въ послѣдніе четыре года: *двѣсти девяносто три милліона, триста тысячъ р. ср.* Цифра, дѣйствительно, громадная и, пожалуй, наводитъ на сознаніе необходимости усилить вывозную торговлю, но все-таки намъ не того нужно. Это все равно, какъ еслибы передъ голоднымъ человѣкомъ стали разсуждать о томъ, куда онъ дѣвалъ свой хлѣбъ и деньги, а самъ остался безъ ничего. Намъ нужны прямыя указанія, какъ выйдти изъ этого труднаго положенія и предотвратить ожидаемыя бѣдствія. Намъ, помимо всякихъ искусственныхъ регламента-

ціи и отрѣзыванья верхушекъ, слѣдуетъ добраться до корня, на него взглянуть и повѣдать добрымъ людямъ, что̀ нужно дѣлать.

Южный край, отъ природы весьма богатъ, такъ-что еслибъ его оставить, напримѣръ, на произволъ судьбы, то онъ не умеръ бы съ голода. Въ самомъ дѣлѣ, хлѣбопашество, овцеводство, скотоводство могли бы находиться здѣсь въ очень цвѣтущемъ состояніи, а если въ таковомъ не находятся, то на это есть очень много чисто-внѣшнихъ причинъ, устранить которыя всегда возможно. Все дѣло въ томъ, ка́къ смотрѣть на вещи; съумѣйте каждую изъ нихъ поставить на свое мѣсто и тогда уже произносите надъ ними судъ вашъ; иначе онъ будетъ ошибоченъ и уже по этому одному не вѣренъ, одностороненъ.

... Въ прошломъ году, кажется, вышла новая книга Прудона, подъ названіемъ Théorie de l'impôt. Написана она по поводу предложеннаго Швейцаріей конкурса, для болѣе правильнаго устройства финансовой системы и преимущественно системы налоговъ, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, швейцарское правительство и безъ того лучше чѣмъ кто нибудь ведетъ свои финансовыя дѣла. При денежной неурядицѣ, книга эта представляетъ огромный интересъ... Однимъ изъ главнѣйшихъ основаній, покрайней мѣрѣ рѣзче другихъ бросившихся намъ въ глаза, въ теоріи Прудона — это, во-первыхъ, общій взглядъ его на налогъ, который разсматривается у него какъ мѣна, обмѣнъ, въ которомъ одну сторону составляетъ государство, налагающее подать, а другую—цѣлое общество въ лицѣ частныхъ лицъ, платящихъ ее. Это—исходное положеніе теоріи Прудона, весьма вѣрно, и мы примемъ его къ свѣдѣнію... Разсмотрѣвъ всѣ существующія теоріи, Прудонъ приступаетъ, наконецъ, къ своей и останавливается, прежде всего, на довольно общемъ положеніи, именно—на необходимости возможно-большаго *ограниченія государственныхъ расходовъ*. Затѣмъ онъ указываетъ на *правительственную децентрализацію*, какъ на средство для этого ограниченія и наиболѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между разными мѣстностями. Правительственная децентрализація совсѣмъ не то, что̀ національная. Первая всегда предполагаетъ возможность дѣлать разнаго рода распоряженія, не дожидаясь разрѣшенія съ вершины бюрократически-административной лѣстницы. При такой децентрализаціи каждая мѣстность будетъ болѣе заботиться о своихъ интересахъ и будетъ менѣе шансовъ на существованіе возможности обѣдненія однѣхъ провинцій насчетъ другихъ. Правительственная децентрализація, само собою разу-

мѣется; предполагаетъ возможно-бо́льшее развитіе самоуправленія, при которомъ является возможность и въ каждой отдѣльной провинціи или мѣстности наблюдать за правильнымъ распредѣленіемъ повинностей между отдѣльными членами. Оно же, это самоуправленіе, представляетъ всѣ данныя для развитія промышленности во всѣхъ родахъ и видахъ, словомъ—является однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ поправленія финансовъ страны, въ которой всѣ отдѣльныя мѣстности участвуютъ въ общихъ государственныхъ издержкахъ. Поэтому-то два приведенныя нами положенія составляютъ у Прудона необходимѣйшее условіе всякой коренной финансовой реформы. Ратуя противъ централизаціи правительственной или административной, Прудонъ стоитъ за централизацію *національную*, народную, при которой развивается національное единство, общность интересовъ и которая не мѣшаетъ существованію подлѣ себя административной децентрализаціи. Это двѣ вещи нисколько не мѣшающія одна другой. Даже можно больше сказать: именно, административная разъединенность необходимо условливаетъ собою національное единеніе, естественный союзъ, искреннюю, равноправную дружбу.

При разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, наше правительство признало важность административной децентрализаціи: въ общественныхъ крестьянскихъ управленіяхъ мы видимъ первыя попытки осуществить ее на дѣлѣ, попытки, которыя, конечно, составляютъ только шагъ къ дальнѣйшему развитію этой, въ высшей степени плодотворной, мѣры.

Въ настоящее время, идеалъ самоуправленія больше чѣмъ гдѣ нибудь осуществленъ у насъ въ Землѣ Войска Донскаго, именно въ станичномъ управленіи, гдѣ общественныя дѣла рѣшаются или, по крайней мѣрѣ, рѣшались *сборомъ*, то-есть при участіи всего общества. Это самоуправленіе выработано исторіею и существовало нетронутымъ до 1835 г., когда появилось Положеніе объ управленіи Войска Донскаго,—по которому дѣло считается рѣшеннымъ, когда подписано $^2/_3$ голосовъ наличныхъ гражданъ станицы. При составленіи Положенія, конечно, имѣлась въ виду благая цѣль: устранить могущія случаться злоупотребленія,—а вышло совсѣмъ другое, оттого, что Положеніе пришло извнѣ и составлено подъ вліяніемъ чисто-теоретическаго взгляда, безъ должнаго вниманія къ дѣйствительной сторонѣ мѣстнаго быта. Что́ же вышло? Такъ-какъ не всѣ граждане могли являться на сходки, а между тѣмъ вопросъ проходитъ только большинствомъ двухъ-третей голосовъ, то станичные правители просто вербуютъ го-

лоса небывшихъ на сходкѣ и почти всегда перевѣсъ, въ ущербъ общественнымъ пользамъ, остается на ихъ сторонѣ. Вредъ такого порядка былъ понятъ, но не исправленъ. Дѣла раздѣлили на двѣ группы: для одной, назначенъ сборъ *общій*, для другой—*частный*, посредствомъ введенія выборныхъ депутатовъ, которые и стали рѣшать принадлежащія имъ дѣла, но все-таки не въ пользу общества, а своихъ личныхъ цѣлей, держа сторону станичныхъ правителей, отъ которыхъ они ожидали себѣ великихъ и богатыхъ милостей. Вещь, разумѣется, понятная... Введеніемъ этихъ депутатовъ убиты коренныя права страны—хозяйничать у себя дома, уничтожено общественное значеніе *сборовъ*, и вся власть перешла въ руки правителей... Теперь учрежденъ «комитетъ для составленія проекта *новаго* Положенія о Донскомъ Войскѣ». Этимъ новымъ проектомъ окончательно уничтожается станичный сборъ введеніемъ депутатовъ, числомъ отъ 40 до 100, и однимъ изъ поводовъ этой перемѣны представлено «равнодушіе общества къ дѣламъ общественнымъ, шумъ и безпорядки на сборѣ, а чрезъ то—необдуманное и неспокойное рѣшеніе дѣлъ». На это можно отвѣтить, что вѣдь рѣшались же прежде запутанные вопросы и рѣдко кто оставался недоволенъ подобными рѣшеніями. Зачѣмъ же преобразовывать, если нѣтъ къ тому настоятельной надобности? Дѣйствительно, было бы желательно, чтобы вопросы рѣшались большинствомъ присутствующихъ гражданъ, а не наличныхъ во всей станицѣ,—но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло. Вотъ въ какихъ словахъ выражаетъ общее желаніе замѣтка, напечатанная въ Донскихъ Вѣдомостяхъ (№ 9): «мы желаемъ, чтобы *станичные сборы остались станичными сборами*, а были уничтожены наросты позднѣйшаго времени: депутаты, вмѣшательство окружныхъ генераловъ и всѣхъ вообще начальствъ во внутреннее распоряженіе станичнымъ хозяйствомъ... Желательно также было бы, чтобы комитетъ не спѣшилъ слишкомъ рѣшеніемъ этого вопроса... Слѣдовало бы передать рѣшеніе его на судъ публики, *публиковать его*, напечатавъ въ Донскихъ Вѣдомостяхъ. Особенно слѣдуетъ сдѣлать это въ настоящемъ случаѣ, когда уничтожаются учрежденія, существовавшія сотни лѣтъ и въ принципѣ своемъ вполнѣ соотвѣтствующія настоящему требованію времени. Если комитетъ любитъ свою родину, дорожитъ благосостояніемъ края, своею исторіею, и серьёзно занятъ своимъ дѣломъ, то онъ сдѣлаетъ это». И вѣрно сдѣлаетъ, потому что подобными вопросами играть нельзя и рѣшать ихъ келейно—непрактично и опасно. Правительство (можно

положительно утверждать) не хочетъ безусловнаго, безосновательнаго уничтоженія тѣхъ началъ—можетъ быть и не вполнѣ совершенныхъ—на которыхъ зиждется все общественное зданіе; мы говоримъ — *не хочетъ;* скажемъ даже болѣе: оно, напротивъ, *желаетъ* развитія *самоуправленія*, какъ это можно видѣть изъ разныхъ постановленій послѣдняго времени. Бояться ошибокъ, неудачъ — нечего—не только въ Землѣ В. Д., но и тамъ, гдѣ обычное народное право подавлено было крѣпостнымъ правомъ. Вмѣсто всякихъ разсужденій, припомнимъ одинъ своеобразный случай. Кіевской губерніи, въ селѣ Андреевкѣ, «при удаленіи отъ должности эконома, одинъ крестьянинъ предъявляетъ, на мірской сходкѣ, претензію въ неуплатѣ занятыхъ у него экономомъ 25 р. сер. Экономъ призналъ справедливость долга и заплатилъ; казалось бы дѣло покончено, но міръ рѣшилъ иначе, и взятые у эконома деньги приговорилъ возвратить не крестьянину, а помѣщику, и черезъ старшину представилъ ихъ въ экономическую контору на томъ основаніи, что имъ и всему міру извѣстно, что крестьянинъ N, вслѣдствіе займа эконому денегъ, пользуясь его расположеніемъ въ видѣ процентовъ въ теченіи полутора года, никакихъ общественныхъ работъ и нарядовъ не отбывалъ, слѣдовательно, пользовался свободой отъ повинностей незаконно, во вредъ интересамъ помѣщика, который, по ихъ мнѣнію, и долженъ получить эти деньги, какъ вознагражденіе за ущербъ, сдѣланный ему злоупотребленіемъ эконома и недобросовѣстностью крестьянина.« Этотъ случай передавалъ корресподенту самъ помѣщикъ, г. Лопухинъ, и потому въ истинности его нельзя сомнѣваться. Эти послѣднія слова мы написали для тѣхъ, которые незнакомы съ народомъ; кто знаетъ его хоть сколько нибудь, тотъ повѣритъ и безъ приведеннаго свидѣтельства... А сколько подобныхъ фактовъ пропадаетъ въ неизвѣстности, тогда какъ на такія рѣшенія, на эти суды, слѣдовало бы обратить все вниманіе: за ними необходимо слѣдить какъ можно прилежнѣе, потому что, при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, крестьяне не руководствуются никакимъ положительнымъ законодательствомъ, которое только стѣснило бы ихъ; въ весьма-слабой степени дѣйствуетъ и обычное право, почти исчезнувшее подъ произволомъ помѣщика,—такъ-что имъ только и приходится руководствоваться чутьемъ правды. Какой нибудь, напримѣръ, доктринеръ, посѣдѣвшій въ тяжбахъ юристъ, привязанный къ мертвой буквѣ закона, ни-за-что бы не оправдалъ вышеприведеннаго крестьянскаго рѣшенія; да, если угодно, оно и не-

справедливо—юридически. Но вы чувствуете здѣсь что-то свѣжее, молодое, не рутинное, не забитое формалистикой; крестьянинъ, не получившій ожидаемыхъ денегъ, былъ, навѣрное, недоволенъ сперва рѣшеніемъ, но потомъ увидѣлъ, что онъ самъ неправъ, заговорила совѣсть и онъ замолчалъ... Любопытно и во многихъ отношеніяхъ весьма поучительно было бы прослѣдить, часто-ли обманываетъ народныхъ судей это чутье правды... Кажется (если не ошибаемся), г. Сабанѣевъ предлагалъ записывать и обнародовать всѣ, рѣшаемыя крестьянами, дѣла... Это было бы въ высшей степени полезно для уразумѣнія народнаго духа, который до сихъ поръ неуловимъ и невидимъ для весьма многихъ.

Подобныя рѣшенія чрезвычайно важны; отъ нихъ зависитъ степень довѣрія къ разуму и сердцу народа со стороны лицъ, раздѣленныхъ отъ него историческими обстоятельствами; они же, во многихъ случаяхъ, показали бы, на сколько мы, *образованные*, отступили отъ прямоты чувствъ, понятій, взглядовъ на многое въ жизни... общественной и частной. Въ настоящую минуту намъ приходитъ на мысль—сравнить взгляды двухъ губернскихъ присутствій (одного изъ малорусскаго края, другаго — великорусскаго)—*кіевскаго* и *смоленскаго*—на одинъ и тотъ же вопросъ. Одно волостное правленіе обращалось въ смоленское присутствіе съ весьма уважительной и удобоисполнимой просьбой: отпечатать для него (волостнаго правленія) Высочайше утвержденныя Положенія со всѣми распоряженіями по крестьянскому дѣлу и разные уставы, извлеченные изъ Свода Законовъ и, притомъ, по возможно-дешевой цѣнѣ. Казалось бы, просьба весьма разумная, а если и нельзя было ее выполнить, то отчего не отвѣтить добропорядочно: — *нельзя* потому-то и потому.. Нѣтъ, губернское присутствіе вооружается Сводомъ Законовъ, принимаетъ просьбу правленія величественно и сурово и отвѣчаетъ: «имѣя въ виду (не правда ли,—отъ этого *имѣя въ виду* на васъ такъ и повѣяло холодомъ)—имѣя въ виду, съ одной стороны, всю *несообразность* подобнаго требованія, а съ другой,—что *вообще волостныя правленія не имѣютъ права входить непосредственно ни съ какими представленіями* въ губернское присутствіе, поручить мировому посреднику 3 участка Бѣльскаго уѣзда, *внушить* (извѣстно—на то начальство) волостному правленію, чтобы оно впредь *не позволяло себѣ* (ужасъ!) дѣлать подобныхъ представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить ему, что настоящее ходатайство его оставлено безъ послѣдствій». Даже намъ страшно... каково же бѣднымъ крестья-

намъ?!.. Посмотримъ теперь, какъ поступило *кіевское* присутствіе, принявъ въ разсмотрѣніе представленіе мироваго посредника 1 участка Липовецкаго уѣзда, о томъ, могутъ-ли общественныя крестьянскія управленія сноситься съ присутственными мѣстами установленнымъ общимъ порядкомъ, то-есть, отношеніями или рапортами, или же требованія свои обязаны они объявлять какъ частныя учрежденія, то-есть прошеніями и объявленіями на гербовой бумагѣ, съ уплатою, при посылкѣ чрезъ почту, посылочныхъ денегъ? Оно постановило, что *общественныя крестьянскія управленія*, по касающимся ихъ дѣламъ, *могутъ входить въ сношеніе съ присутственными мѣстами, посредствомъ представленій* на простой бумагѣ. На основаніи же ст. 369 т. XII Устава Почтоваго, всѣ правительственныя и судебныя мѣста и, вообще, всѣ казенныя учрежденія пользуются правомъ отправлять по почтѣ письменную корреспонденцію за присвоенною каждому мѣсту и учрежденію казенною печатью безъ платежа вѣсовыхъ пошлинъ. Слѣдовательно, и крестьянскія общественныя управленія, при посылкѣ черезъ почту по служебнымъ дѣламъ корреспонденцій, имѣютъ право воспользоваться тѣми правами и преимуществами, которыми пользуются, по силѣ приведеннаго узаконенія, всѣ прочія правительственныя и судебныя мѣста.

Читатели ожидаютъ услышать отъ насъ кстати объ уставныхъ грамотахъ... Срокъ состоянія и представленія ихъ кончился безвозвратно. Къ прошлому мѣсяцу у насъ была приготовлена вѣдомость о числѣ уставныхъ грамотъ за все время ихъ составленія, но теперь она не годится. Теперь все уже покончено; по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками грамотъ составлено немного, а потому невозможно признать прочнымъ явленіемъ тѣ условія, которыхъ одна изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ не подтвердила. Подписываніе уставныхъ грамотъ было камнемъ преткновенія для крестьянъ въ ихъ соглашеніяхъ съ землевладѣльцами... Сколько обвиненій падало съ одной стороны, сколько жалобъ и выраженій недовѣрія слышалось съ другой!.. Кто же дѣйствительно правъ и кто виноватъ? Мы не оправдаемъ и не обвинимъ ни тѣхъ, ни другихъ... Однихъ—потому, что ихъ недовѣріе къ людямъ ничѣмъ не купившимъ права на него, вполнѣ понятно, — боязнь ихъ очень естественна, — податливость всякаго рода слухамъ въ ихъ пользу неизбѣжна; другихъ—потому, что трудно и почти невозможно сбросить съ себя разомъ прививку историческихъ преданій; что хотя крѣпостное право отмѣнено навсегда,

но оно окончательно уничтожено только на бумагѣ, въ законѣ, въ гражданскихъ отношеніяхъ, въ гражданской правоспособности, а въ жизни частной все тѣ же люди, подверженные могущественной силѣ недавняго преданія, тѣ же взгляды, тѣ же понятія, только развѣ немного измѣнившіяся,—да и то, большею частью, по приказанію. Все—такъ естественно, все—такъ въ порядкѣ вещей. Обвиняютъ крестьянъ за ихъ упорство, за нежеланіе сходиться съ помѣщиками; прослѣдимъ же въ самыхъ короткихъ словахъ дорогу, по которой двигалась *мужицкая* логика; мы увидимъ, что она рѣдко сворачивала съ пути, чему и многимъ изъ насъ не худо бы поучиться. Крестьянинъ слышалъ (не читалъ, конечно, самъ, но слышалъ отъ многихъ), что вся усадебная земля, на которой засталъ его манифестъ, (за извѣстный выкупъ) принадлежитъ ему—и онъ ужъ никому ея не уступитъ, а при нарушеніи сознаннаго права идетъ жаловаться посреднику, надѣясь получить отъ него удовлетвореніе и выражая этимъ свою вѣру въ правительство. Но что же это за *случный часъ*, котораго всѣ такъ ожидаютъ, и что главнѣйшимъ образомъ мѣшаетъ, или мѣшало, подписанію уставныхъ грамотъ? Что это за минута, свѣтящая издали невидимымъ свѣтомъ? Логика крестьянъ тутъ не споткнулась:—она на своей прямой дорогѣ, и вотъ какимъ образомъ: «крѣпостные люди получатъ *въ свое время* полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей,» гласитъ манифестъ; далѣе: «какъ новое устройство не можетъ быть произведено вдругъ, то требуется для сего времени *не менѣе двухъ лѣтъ*, а до означеннаго времени долженъ быть сохраненъ существующій нынѣ порядокъ». Двумя же годами означенъ срокъ и для введенія уставныхъ грамотъ. Въ головахъ крестьянъ, помимо всякихъ подробностей, остались рѣзче другихъ эти положенія, составляющія *суть* новаго устройства ихъ быта, въ-особенности это рѣзкое, часто встрѣчающееся—*два года*. Крестьяне знаютъ, что они, по Положенію, въ свое время получатъ полную волю,—что это время должно быть не раньше, но и не позже двухъ лѣтъ, и что, наконецъ, до истеченія этого срока все остается въ прежнемъ положеніи. Ясно теперь, почему они по большей части не поддаются на предложенія помѣщиковъ подписать уставныя грамоты, не принимаютъ никакихъ льготъ, видя въ этихъ послѣднихъ хитро-устроенную ловушку. А тутъ еще отъ нихъ требуютъ, чтобъ они подписывали грамоты... Какъ же не повѣрить слухамъ, что подписавшіе какія бы то ни было бумаги, снова закабалятъ себя на вѣки-вѣчные... Вотъ и *случный часъ*: и загадка разгадана, и твердая логика.

Впрочемъ, многіе помѣщики понимали и понимаютъ общее настроеніе крестьянъ; они умѣютъ обращаться съ народомъ, хорошо успѣли узнать, что́ ему нужно, и народъ начинаетъ довѣрять имъ. Въ имѣніяхъ такихъ помѣщиковъ грамоты составлены давно по добровольному соглашенію и, навѣрное, не будутъ раскаиваться въ этомъ ни паны, ни крестьяне, которые, можетъ быть, не разъ слышали отъ своихъ сосѣдей названіе *дурней*, (что́ дѣйствительно и оправдывалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ); тѣмъ не менѣе дѣло улаживалось къ обоюднымъ выгодамъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ не избѣжныхъ уступокъ со стороны землевладѣльцевъ. Замѣчательно, что вѣрнѣе всего дѣйствовала на крестьянъ прямота и откровенность помѣщиковъ, и въ этомъ случаѣ нельзя не указать на весьма интересный фактъ, сообщенный газетою «День». Одинъ изъ помѣщиковъ Земли Войска Донскаго пріѣхалъ въ свое имѣніе — съ цѣлію написать уставную грамоту. Окончивъ надѣлъ, убѣдивъ, повидимому, крестьянъ въ огромныхъ преимуществахъ оброка передъ издѣльной повинностью, онъ приготовилъ грамоту. Крестьяне подтвердили, что написано все такъ, какъ говорено, что они всѣмъ довольны; но лишь только дошло дѣло до подписей — они назадъ: «на те́ ще нема́ слу́чного часу». Узнавъ, что́ это за случный часъ и чего крестьяне боятся, помѣщикъ призвалъ на другой день крестьянъ, да прямо и говоритъ имъ, что вотъ, молъ, вы оттого-то и оттого-то не подписываете грамоты. »Чтобъ доказать вамъ, что все это неправда, — давайте, напишемъ въ грамотѣ особый пунктъ, такъ: если грамота будетъ имѣть такую силу, что тотъ, кто ее подпишетъ, будетъ попрежнему крѣпостнымъ, то считать эту грамоту незаконною и крестьяне вольны уничтожить ее. Согласны?» Тѣ сначала удивились, потомъ поднялся глухой шумъ, перешедшій мало-по-малу въ громкій говоръ. Крестьяне сказали, что потолкуютъ громадою—и кончилось тѣмъ, что на другой день грамота была подписана, а помѣщикъ выпровоженъ изъ деревни съ хлѣбомъ-солью, да съ благодарностью за ласку. Такимъ же точно путемъ этотъ помѣщикъ достигъ соглашенія и въ другой своей деревнѣ.—Большая часть помѣщиковъ, какъ слышно, желаетъ выкупа, особенно въ степныхъ губерніяхъ. Такъ-какъ многіе изъ нихъ не могутъ поступить подобно г. Бутовскому, который договоромъ о продажѣ и покупкѣ земли подарилъ крестьянамъ пятую часть суммы, слѣдуемой за надѣлъ (6,600 р.) и когда крестьяне не согласились, по неимѣнію денегъ, уплатить оброчные за первую половину года (990 р.), то перевелъ плату на

обязательство — выкосить лѣтомъ 400 десятинъ сѣна, обѣщаясь съ своей стороны дать имъ лѣсъ для постройки (такъ-какъ хаты подлежатъ переносу) собственные подводы, солому для крышъ, кирпичъ для печей: — такъ-какъ, повторяемъ, большая часть помѣщиковъ не въ-состояніи этого сдѣлать, то они думаютъ расчитаться относительно пятой части суммы, взносимой крестьянами, посредствомъ работъ. Вотъ какъ расчитываютъ нѣкоторые изъ нихъ: мужской рабочій день оцѣненъ лѣтомъ въ 40 к., а зимою 20, т. е. круглымъ счетомъ въ 30 к., а женскій 15, слѣдовательно вмѣстѣ 45, а каждый порознь $22^1/_2$. По этому счету день работы ста душъ (50 мужскихъ и 50 женскихъ) оцѣнивается круглымъ счетомъ въ 22 р. 50 к. Если теперь крестьяне захотятъ выкупиться и не могутъ внести пятой части выкупа,—они могутъ эту часть отработать въ три года, работая помѣщику по одному дню въ недѣлю. Неизвѣстно, насколько будетъ удобенъ подобный расчетъ въ практикѣ, а на бумагѣ онъ кажется и выгоднымъ, и удобоприменимымъ.

По поводу неподписыванія уставныхъ грамотъ, нельзя не вспомнить о рѣчи, сказанной кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ волостнымъ старшинамъ. Отсылая любопытныхъ къ 5 № «Кіевскаго Телеграфа», мы здѣсь замѣтимъ только, что народъ не понялъ содержанія рѣчи, произнесенной по-великорусски и *потомъ уже* переведенной на малорусскій языкъ. Такимъ путемъ понапрасну тратится передъ народомъ много словъ, которыхъ онъ не понимаетъ, не смотря на все свое желаніе...

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ другимъ вопросамъ, необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на крестьянскомъ вопросѣ, и снова въ Землѣ Войска Донскаго, гдѣ онъ представляетъ очень много характеристическихъ и довольно исключительныхъ сторонъ, имѣющихъ поэтому большой интересъ для читателей. Мы сказали «довольно исключительныхъ» по отношенію къ обширной русской территоріи, почти на всемъ пространствѣ которой общее положеніе слило во-едино всѣ разнообразныя частности вопроса, не представлявшія слишкомъ рѣзкихъ особенностей; совсѣмъ не то было въ Войскѣ Донскомъ: здѣсь рядомъ съ крестьянствомъ существовало козачество, внесшее въ жизнь идею равенства и братства. Пользуясь обширными территоріями, станицы принимали приходившихъ на Донъ крестьянъ, которые и селились въ станичныхъ юртахъ; пока не утвердилось окончательно крѣпостное право, офицеры, хотя даромъ пользовались готовыми силами, но не были *помѣщиками* въ

томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову. По раздѣленіе мало-по-малу совершалось и козацкая община осталась одна; по поводу начавшихся ссоръ за поземельныя довольствія между козаками и пришедшими крестьянами, явилось въ 1836 г. Положеніе объ управленіи Войскомъ Донскимъ—и вотъ до сихъ поръ продолжается отдѣленіе помѣщичьихъ земель отъ козачьихъ. Дѣла межевыхъ коммиссій идутъ медленно, помѣщики туго переселяются на вновь отводимыя имъ земли, а козаки тѣснятъ крестьянъ. Безурядица страшная и вѣрно не скоро кончится. Собственно *крестьянское дѣло* по начертанному правительствомъ плану подвигается медленно, потому что, дѣйствительно, чего можно требовать отъ волостнаго управленія, когда область его простирается на 60, 70 верстъ? Или какъ могутъ составлять сельскія общества небольшое количество крестьянъ, которое разбросано на такомъ большомъ пространствѣ? Какъ составляются уставныя грамоты, можно видѣть изъ попадающихся въ *Днѣ* данныхъ, которые мы приведемъ сейчасъ (День № 19, стр. 15): «не могу и приблизительно опредѣлить, какимъ количествомъ земли пользовались крестьяне до обнародованія Положенія»; или «нельзя измѣрить, какое пространство земли занято крестьянскими усадьбами, потому что онѣ разсыпаны между козачьими усадьбами»; или «не могу опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ долженъ быть назначенъ крестьянскій надѣлъ, потому что крестьяне пользуются землею сообща съ козаками и проч.» Словомъ—путаница. Помѣщикъ, не зная, гдѣ ему придется получить землю по новому размежеванію, не можетъ продать въ казну своего имѣнія. Крестьяне, не переселившіеся еще съ станичныхъ юртъ, не могутъ понять, какимъ образомъ они получатъ скоро отъ 3 до $4^1/_2$ десятинъ на душу, когда теперь на каждаго изъ нихъ приходится около 30—50 десятинъ,—*теперь*, говоримъ, потому, что прежде, когда не было притѣсненій со стороны козаковъ, приходилось еще больше. »Въ одномъ изъ необмежеванныхъ округовъ, пишетъ корреспондентъ, «у меня есть имѣніе, предназначенное къ переселенію, состоящее изъ 22 крестьянъ, и пользующееся пространствомъ земли въ въ 12 верстъ въ длину и 7 верстъ въ ширину». Понятно, съ какою охотою будутъ они переходить въ другое мѣсто, гдѣ, взамѣнъ прежняго раздолья, имъ прійдется пересѣсть на какихъ-нибудь четыре десятины...

Тѣ же, какъ и вездѣ, слухи волновали и донскихъ крестьянъ. «Поэтому (Моск. Вѣд. №35, стр. 278), въ имѣніи Себрякова дабы крестьяне имѣ-

ли истинное понятіе о своемъ дѣлѣ, всѣ свѣдѣнія о ходѣ его сообщались вотчинному конторщику (крѣпостному того же имѣнія), съ тѣмъ, чтобы онъ разсказывалъ ихъ крестьянамъ, такъ-что никакое извѣстіе не было скрываемо отъ нихъ». *Чистая воля* опредѣляется тамъ такимъ образомъ: «помѣщиковъ царь сошлетъ на Амуръ, земля ихъ отдана будетъ крестьянамъ, у которыхъ кромѣ властей, ими самими выбранныхъ, никакого начальства не будетъ». На Дону любопытно то, что не одни крестьяне понимали такимъ образомъ волю: одинъ помѣщикъ узнавъ, что полученъ манифестъ о свободѣ, отправляется на гумно къ крестьянамъ и говоритъ: «довольно работать, братцы! бросайте работу—вы вольные».—Не смотря на высказанный взглядъ крестьянъ, касательно воли, они не выказали какихъ-нибудь враждебныхъ отношеній къ помѣщикамъ, напротивъ, отличались какою-то заботливостью и вѣжливостью. Такъ, въ Орѣховой, они представили благодарственный помѣщику адресъ, въ которомъ, благодарили его за мельницу, только что выстроенную и, по ихъ понятіямъ, долженствующую поступить въ ихъ владѣніе. «Въ Даниловкѣ они распахали землю, даже луга помѣщика, засѣяли своими сѣменами его пашни, взяли экономическіе плуги и проч.—и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ всѣ должностные бросили экономію, они прислали къ управляющему имѣніемъ караульныхъ, «чтобы кто не расхитилъ барское добро: еще отвѣчать за него будешь.» Крестьяне недовольны были иногда только чиновниками, старавшимися возстановить у нихъ порядокъ: они все ждали чистой воли, которая, по ихъ (ложному) понятію, должна быть непремѣнно черезъ два года. Но—вотъ роздали имъ «Положеніе»—и ужъ возились же они съ нимъ! Постоянно перемѣняли чтецовъ, такъ-что дошли до мальчиковъ, едва умѣвшихъ читать но чистой воли не дочитались. Тогда нелюбовь къ «Положенію» развилась у нихъ до такой степени, что они перестали совсѣмъ читать его и грозились застрѣлить конторщика, какъ получатъ чистую волю, за то, что тянетъ господскую руку.

Крестьяне села Староселья, напротивъ, до такой степени укрѣпились, при помощи умнаго и грамотнаго старосты, въ вѣрѣ въ Положеніе, что не поколебались въ ней и тогда, когда сосѣди стали называть ихъ *крѣпостными* и *собственными помѣщика крестьянами*. Они изъявили желаніе перейдти въ собственники, но безъ ссуды отъ правительства и вотъ-какъ мотивировали они свое нежеланіе: «съ казной страшно имѣть дѣло: будетъ неурожай или другое какое бѣдствіе, а въ 49 лѣтъ ихъ много будетъ; помѣщикъ-то нашъ

простить уплату, а казнѣ знай плати: — этакъ и дѣти наши не дождутся окончанія дѣла». Съ новаго года они хотятъ перейдти на оброкъ.

«Каждый желаетъ себѣ лучшаго,» замѣчаетъ корреспондентъ (М. В. № 35, стр. 280) «по своимъ личнымъ понятіямъ: крестьянамъ хочется до-Годуновскихъ временъ;—козакамъ хочется чтобы ихъ атаманы тянули руку козаковъ, а не войска; помѣщикамъ — чтобъ ихъ собственность была обезпечена получше, чѣмъ теперь: «земли, дескать, получили бы тогда свою настоящую цѣну и недоразумѣнія крестьянъ, до-сихъ-поръ не входившія въ расчеты экономистовъ, не разоряли бы насъ»; чиновникимъ—чтобы государство составляли они, да *темные* люди только...

Переходимъ къ народному образованію, къ школамъ...

На воскресныя школы мы смотримъ какъ на учрежденіе временное, имѣющее цѣлью—подготовить народъ къ дальнѣйшему образованію, дать извѣстное направленіе его пробужденнымъ силамъ;—эти школы имѣютъ значеніе, слѣдовательно, только первой попытки, и сами по себѣ не могутъ представлять достаточнаго ручательства для успѣховъ народнаго образованія уже потому одному, что отворяютъ свои двери только разъ въ недѣлю. Конечно, въ нихъ тысячи, десятки тысячъ, выучились грамотѣ, но вѣдь знаніе одной грамоты не представляетъ собою конечной цѣли... Такъ-называемыя сельскія школы... онѣ, конечно, необходимы, и въ январьской Лѣтописи, мы радовались ихъ распространенію, хотя и замѣтили, что цифра сама по себѣ не представляетъ ничего положительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго. Мы стояли на самой крайней точкѣ и думали, что если нѣтъ отъ этихъ школъ большой пользы, то ужъ ни въ какомъ случаѣ и вреда нѣтъ. Но вотъ мы прочитали письмо кіевскаго помѣщика, г. Еремеева, помѣщенное въ журналѣ Комитета Грамотности, въ которомъ онъ положительно говоритъ, что между этими школами есть много такихъ, которыя *скорѣе отобьютъ охоту отъ ученья, чѣмъ привлекутъ къ нему*. Это ужъ совсѣмъ неутѣшительно... Во многихъ мѣстахъ обучаютъ по церковно-славянски, по старинной буквенной системѣ, то-есть это значитъ: глаголь, онъ—*го*; слово, покой, онъ—сно, *госпо*; добро, иже, ди—*господи*; Ангелъ, Ангельскій, Архангельскій... А мы ужъ, было, пропѣли вѣчную память этой системѣ... Но вѣдь еще не то встрѣчается; такъ напр. изъ села Голубичи, Черниговской губ., пишутъ, что тамъ развитъ въ сильнѣйшей степени формализмъ, уваженіе къ внѣшности, *солдатская дисциплина!!*. Тамъ же наставники употребляютъ *уч-*

нівъ (мѣстное названіе учащихся) для работы на огородахъ, заставляютъ ихъ возить воду, учатъ приносить отъ родителей *жмени жита* и кормятъ имъ своихъ кабановъ, да еще въ награду за это обѣщаютъ давать каждому, *по куску сала*... Какъ же тутъ не отбить охоту—если не у мальчиковъ—ходить въ школу, то у родителей—посылать дѣтей туда, гдѣ растлѣваютъ нравственность и убиваютъ молодыя силы дитяти... Богъ съ ними, съ такими школами!.. Ихъ намъ совсѣмъ не надо!.. Впрочемъ, строго судя, отъ нихъ и требовать невозможно многаго. Извѣстно, что почти всѣ онѣ открыты по приказанію, что сознаніе необходимости ихъ устройства родилось не въ средѣ лицъ, имѣющихъ самое близкое отношеніе къ дѣлу, а явилось *извнѣ*, пришло *сверху* въ видѣ предписанія, не исполнить котораго почти нѣтъ никакой возможности. Вслѣдствіе этого и появлялись такіе грустные факты, доказывающіе, что тамъ нѣтъ настоящаго дѣла, гдѣ имъ руководитъ внѣшняя причина; что тамъ нѣтъ пользы, гдѣ нѣтъ такого дѣла... Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости еще въ прошломъ году (№ 4) говорили, что многія изъ школъ заведены только на бумагѣ; что дѣти, разъ собранныя и поименованныя въ первоначальномъ спискѣ, отмѣчались дѣйствительно учащимися и на будущее время, такъ-что усердный статистикъ, на основаніи *оффиціальныхъ* данныхъ, могъ бы восторгаться обиліемъ несуществующихъ школъ и выводить отсюда разныя характеристическія черты извѣстной мѣстности...

Кромѣ того, и *дѣйствительно-существующія* школы страдаютъ отсутствіемъ извѣстной организаціи, состоящей, конечно, не въ необходимости имѣть извѣстное число скамеекъ, снабженныхъ внизу полками для книгъ, а вверху красиво вдѣланными чернильницами и проч. и проч.,—нѣтъ, мы говоримъ собственно о преподаваніи, которое теперь зависитъ отъ личнаго, неразвитаго взгляда преподавателя и потому идетъ, по большей части, весьма плохо... Слѣдовательно, и отъ сельскихъ школъ, при ихъ настоящемъ устройствѣ, нельзя ожидать чего-нибудь прочнаго, много обѣщающаго. Они тоже существуютъ и имѣютъ смыслъ какъ временная мѣра, какъ переходъ къ дальнѣйшимъ, болѣе правильнымъ, занятіямъ...

Что же оказывается изъ всего этого? То, что народу негдѣ учиться... Можетъ быть укажутъ на уѣздныя и приходскія училища? но о нихъ можно сказать почти тоже самое по отношенію къ земству. Хотя преподаваніе въ нихъ идетъ, говоря вообще, значительно лучше,

хотя программа ихъ значительно шире и система точнѣе, но первое и самое главное ихъ неудобство заключается въ томъ, что они существуютъ въ городахъ, такъ-что мальчики, кромѣ занятій въ училищѣ (на что́, конечно, нужно извѣстное время въ теченіи дня) должны употреблять много времени на путешествіе туда и обратно; а извѣстно, какъ много значатъ въ хозяйствѣ и эти маленькія руки, какое подспорье составляютъ онѣ въ сельскихъ работахъ и, значитъ, какъ неудобно лишаться этихъ рукъ на продолжительное время... А вѣдь извѣстно также, что прежде чѣмъ о грамотѣ думать, необходимо позаботиться о томъ, чтобъ было что́ ѣсть... Притомъ же и программа этихъ училищъ далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ потребностямъ, какія возникаютъ въ народѣ въ послѣднее время... Изъ всего сказаннаго вытекаетъ самая прямая, самая существенная, насущная необходимость: учрежденія *настоящихъ народныхъ училищъ въ деревняхъ и селахъ.*

Главнѣйшая, первоначальныя ихъ цѣль должна состоять въ томъ, чтобы пріобрѣтенныя знанія сейчасъ же прилагались къ дѣлу, чтобы это знаніе не представлялось ученикамъ такъ – называемымъ «искуствомъ для искуства», а имѣло бы практическій смыслъ. При скудномъ запасѣ у насъ учебныхъ книгъ, особенно на родномъ языкѣ, при отсутствіи сельскихъ библіотекъ, подобное представленіе очень возможно, а слѣдовательно возможна и опасность надоѣсть ученикамъ мертвенной сухостью, однообразіемъ... Преподаваніе въ школахъ должно прежде всего соотвѣтствовать первымъ надобностямъ народа; мы обязаны работать не ради одного только «удовольствія работы», — у насъ должна быть прямая цѣль, къ которой можно приблизиться только при помощи образованія.

Народныя училища должны учреждаться по мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться послѣдствія новыхъ законоположеній. У народа будетъ теперь досуга гораздо больше. Панщины нѣтъ, свой трудъ, своя польза,—свои должны быть и училища. Поднятіе уровня нравственнаго чувства въ народѣ, чувства личнаго достоинства, еще не убитаго крѣпостнымъ правомъ, имѣющаго такое важное значеніе въ успѣхахъ производства, слѣдовательно и экономическаго благосостоянія, должно стоять на первомъ планѣ... Эти училища, для людей, надѣленныхъ отъ природы способностями, но находящихся въ особенномъ положеніи, (ибо, какъ *земледѣльцы*, они должны жить съ дѣтства въ селахъ, вдали отъ городовъ), будутъ открывать прямую, широкую

и свободную дорогу впередъ. Вѣдь идти на-проломъ, какъ шелъ напримѣръ, Шевченко, можетъ только тотъ, у кого такія гигантскія силы, какими надѣленъ былъ поэтъ нашъ... А сколько гибнетъ силъ неразвитыхъ, или дурно направленныхъ, хотя и съ богатыми задатками, оттого только, что трудно пробиваться впередъ. Вспомнимъ *Грицька маляра*, котораго такъ живо изобразилъ Н. Ив. Костомаровъ (*Основа*, 1861 г.) Разумѣется не слѣдуетъ *навязывать* эти училища: надо дѣйствовать такъ, чтобы потребность въ нихъ возникала прямо изъ народа; нашимъ дѣломъ будетъ тотчасъ же удовлетворять эту потребность, по крайней мѣрѣ помогать народу на этомъ пути. Это не утопія, не мечты только. На нѣкоторыхъ *волостныхъ сходкахъ* положено открыть подобныя школы: значитъ, народъ понимаетъ самъ дѣло...

Указавъ на главныя стороны этого существенно-важнаго предмета, обратимъ предварительно вниманіе, во-первыхъ, на способъ преподаванія по отношенію къ языку; но вмѣсто насъ пусть говоритъ г. Конисскій, котораго письмо изъ Полтавы читано въ засѣданіи *Комитета Грамотности* и напечатано въ *Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества* за мартъ мѣсяцъ (стр. 79): «Населеніе здѣшней мѣстности говоритъ языкомъ, совершенно отдѣльнымъ отъ великорусскаго, а потому *съ жадностью читаетъ книги на малороссійскомъ языкѣ*; но бѣда въ томъ, что на этомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ именно книгъ, которыхъ требуетъ народъ... Ученики воскресныхъ и другихъ народныхъ школъ, берутся за книги великорусскія, но, читая ихъ безъ объясненія, *ничего не понимаютъ*....» такъ-что имъ постоянно надо прибѣгать къ помощи учителя. Неудобства преподаванія не на родномъ языкѣ очевидны и не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій. Г. Конискимъ достаточно ясно высказано, чего не достаетъ въ нашихъ школахъ и вотъ это-то неудобство надо прежде всего постараться устранить при устройствѣ новыхъ народныхъ школъ.

Теперь—гдѣ же взять учителей?

Вопросъ, дѣйствительно, чрезвычайно-важный и потому-то онъ въ такомъ ходу въ литературѣ. Высказано уже нѣсколько предложеній о назначеніи въ сельскіе учителя окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, но еще не получившихъ священническаго мѣста; предполагается назначить имъ жалованье и вообще смотрѣть на ихъ занятіе не какъ на самопожертвованіе, но какъ на обязанность, отчетливое исполненіе которой является, такимъ образомъ, обязательнымъ. Были нѣкоторые

случаи, доказывавшіе, что отъ такихъ учителей можно ожидать нѣсколько бо́льшаго, чѣмъ отъ священниковъ, обремененныхъ обыкновенно семействомъ, заботами о собственномъ хозяйствѣ и проч. Это понятно. Крестьяне иногда до-того привязывались къ этимъ учителямъ, что не хотѣли отпускать ихъ отъ себя, когда тѣмъ открывались священническія мѣста и оставляли ихъ у себя на мѣсто прежнихъ священниковъ. Подобное назначеніе, дѣйствительно, представляетъ много удобствъ, потому что, кромѣ главной своей цѣли, тѣсно связано съ вопросомъ объ отношеніяхъ духовенства къ народу.

Мы говорили, что на нѣкоторыхъ волостныхъ сходкахъ и міровыхъ съѣздахъ Харьковской губерніи положено было открыть сельскія школы и нѣкоторыя крестьянскія общества нарочно нанимали для себя учителей. Вслѣдъ за этимъ, нѣсколько частныхъ лицъ отозвались на такое важное дѣло, и, при содѣйствіи начальства учебнаго округа, рѣшились учредить *школу для народныхъ учителей* въ Харьковѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ: преподаваніе и учебныя пособія будутъ даровыя; поэтому волость, или общество, желающее приготовить себѣ учителя, беретъ на себя только содержаніе молодаго человѣка, котораго оно посылаетъ въ Харьковъ, назначая ему не менѣе 6 р. въ мѣсяцъ. Обученіе продолжается два года, считая по 10 учебныхъ мѣсяцевъ въ году. Такимъ образомъ, приготовленіе каждаго учителя будетъ стоить всего 120 р. ср. (Если положимъ, что каждыя двѣ тысячи душъ мужскаго пола пошлютъ отъ себя одного учителя, то сборъ на его содержаніе придется съ души 3 коп. ср. въ годъ). Желательно, чтобы поступающій въ школу былъ грамотный, и не моложе 15 лѣтъ. Преподаваніе, по возможности, самое простое и ясное, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) законъ Божій; 2) русскій языкъ; 3) ариѳметика; 4) понятія объ общихъ явленіяхъ природы и о жизни животныхъ и растеній; 5) географія и новѣйшая исторія —Для навыка въ преподаваніи, будущіе учителя будутъ практиковаться въ воскресныхъ школахъ или въ школахъ постоянныхъ, открытыхъ въ городахъ. Преподаватели школы народныхъ учителей берутъ на себя обязанность и надзора за учениками. Вспомнимъ имена благородныхъ людей, принявшихъ на себя безплатное преподаваніе въ школѣ: священникъ Тимофей *Павловъ*; учитель 2 гимназіи *Парфеновъ*; учитель 1 гимназіи *Ладовскій*; профессоръ *Бекетовъ*; профессоръ *Потебня*.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстія, есть ли уже ученики для

новой школы. Не увѣдомитъ ли насъ кто нибудь, какъ о числѣ учениковъ, такъ и о методѣ и успѣхахъ преподаванія.. Мы горячо, всею душою сочувствуемъ этому благому предпріятію.. *Часъ добрый!*.

Не правда ли, при такихъ огромныхъ успѣхахъ распространенія школъ, при столь очевидно-сознанной пользѣ ихъ нашимъ народомъ, какъ-то странно встрѣчать извѣстія, что тамъ-то и тамъ-то, напримѣръ въ нѣкоторыхъ городахъ, даже совсѣмъ нѣтъ школъ. А между тѣмъ такихъ городовъ еще много. Возьмите хоть Заславль, бывшій нѣкогда *столицею* княжества Изяславскаго... Уѣзднаго и приходскаго училища тамъ нѣтъ, женской и воскресной школы также нѣтъ, нѣтъ и школы при церкви. Правда, во многихъ мѣстахъ вамъ скажутъ, что чуть не въ каждомъ селѣ есть школа, но вы не вѣрьте, потому что начальники ихъ ограничиваются только подачею вѣдомости о числѣ учениковъ; вѣдомость всегда пишется на бѣлой бумагѣ, рубрика о ходѣ и степени образованія переполнена приличными фразами, а на дѣлѣ—такъ только питейныхъ заведеній много, а школъ—и со всѣмъ нѣтъ.

Вообще, въ этотъ разъ, попадавшіяся намъ извѣстія о школахъ по большей части неутѣшительны; такъ, напр., во *2-й харьковской воскресной школѣ* число учителей все уменьшается, а вмѣстѣ съ ними и число учениковъ. Матеріальныя средства плохи. Съ 26 ноября въ школу пожертвовано *два гривенника*. Какъ при этомъ извѣстіи упоминается объ охлажденіи публики къ школамъ, — такъ и въ отчетѣ другой *харьковской* же *школы* (*женской*), за второе полугодіе, читаемъ: «Распредѣленіе пожертвованій по времени заставляетъ опасаться охлажденія общества къ этому учрежденію, потому что пожертвованія дѣлались только *въ первое время* существованія школы, а за все второе полугодіе поступило *только десять рублей*, между тѣмъ какъ число ученицъ постоянно возрастало и «можетъ быть, еще увеличится, и средствъ потребуется болѣе». Въ первое полугодіе ученицъ въ этой школѣ было maximum 45, во второе же 184. Въ концѣ отчета совѣтъ прибавляетъ, что въ теченіе всего года ученицами не было принесено ни одной жалобы на то, чтобы хозяева запрещали имъ посѣщать школу.

Въ извѣстіяхъ изъ *Херсона*, встрѣчаемъ чрезвычайно любопытный фактъ. Въ числѣ жертвователей тамъ были и евреи—братья Леонъ и Борисъ Чудновскіе, купеческія сыновья. 4 ноября 1860 года они препроводили въ канцелярію губернатора три стопы бумаги, четыре дю-

жины карандашей и двѣсти перьевъ въ пользу школы при самомъ пышномъ, трескучемъ отзывѣ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ; вотъ его начало: «Вѣковая тысячелѣтняя исторія евреевъ (замѣчайте, откуда начинаютъ по поводу присланныхъ карандашей и перьевъ) служитъ самымъ краснорѣчивымъ, неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что ихъ нормальное и недужное состояніе всегда зависѣло отъ степени образованія тѣхъ народовъ, среди которыхъ они проживали... Израиль, долго томившійся подъ гнетомъ вѣковыхъ катастрофъ, стоялъ на томъ градусѣ тепла или холода, какой показывалъ термометръ мѣстности... Великіе индивидуумы, поборники свѣта и истины, являлись во всѣхъ вѣкахъ съ самой сѣдой старины, но напоръ блистательныхъ идей индивидуальности сокрушался о гранитъ чувствъ и понятій народовъ». Рѣчь эта, продолжающаяся все также торжественно, по всѣмъ правиламъ риторики, наконецъ замыкается обѣщаніемъ: *ежемѣсячно* жертвовать по $^1/_2$ стопы бумаги, 1 дюжинѣ карандашей, 2 дюжины грифелей и 100 перьевъ — (вѣроятно, для того, чтобы повысить температуру мѣстности). Дѣло хорошее; да только съ тѣхъ поръ прошло больше года, но ни одно изъ обѣщанныхъ жертвованій не поступило въ канцелярію. Вѣроятно, не представилось надобности повышать температуру... Не забудьте, что обѣщаніе это было даже напечатано въ губернскихъ вѣдомостяхъ... Вотъ—какъ поступаютъ *братья Чудновскіе*, которые, какъ видно изъ ихъ воззванія, хоть риторикѣ да все таки *учились*. И какъ много такихъ *братьевъ Чудновскихъ*!

Но довольно о школахъ. Въ настоящей лѣтописи намъ хотѣлось бы еще упомянуть *о сельскихъ библіотекахъ*, чтобъ закончить довольно длинный обзоръ народнаго дѣла. Отсутствіе библіотекъ въ селахъ весьма ощутительно какъ для крестьянъ, такъ и для священниковъ, гдѣ имѣются церкви. Синодъ, по доходящимъ до разрѣшенія его дѣламъ, о проступкахъ духовныхъ лицъ *противъ должностей и благоповеденія*, предписалъ епархіальнымъ архіереямъ особенно строго наблюдать за нравственностью лица, поступающаго въ священники. Намъ кажется, что указанные пороки пріобрѣтаются уже по вступленіи въ духовное званіе, особенно тѣми, которымъ приходится жить въ селахъ при отсутствіи всякой духовной дѣятельности:—читать нечего, потому что самому выписывать журналы и книги нѣтъ никакой возможности. Прежде сельское духовенство хоть земледѣліемъ занималось; теперь же, съ назначеніемъ жалованья, священники, обыкновенно, отдаютъ землю въ

наемъ, такъ-что самимъ, въ свободное отъ службы время, рѣшительно нѣчего дѣлать. Но въ тоже время и крестьяне, выучившіеся грамотѣ, очень скоро забываютъ ее по недостатку книгъ для чтенія; нѣкоторые и купили бы себѣ что-нубудь — да дорого, потому что отъ Петербурга далеко. Вотъ, напр., тотъ же г. Конисскій сообщаетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мальчикъ со слезами просилъ у столичнаго книгопродавца продать ему поэму Шевченка, за 25 к., объясняя, что она дороже и не стоитъ, потому что на книгѣ напечатано: цѣна 25 к. ср., но книгопродавецъ все-таки не согласился продать менѣе 55 к.,—разница въ 30 коп.! Такимъ образомъ устройство народныхъ библіотекъ представляло бы чрезвычайную пользу. Вопросъ—откуда взять деньги на первоначальную выписку книгъ—весьма удоборазрѣшимъ, если само духовенство обратитъ на него вниманіе, Дѣло въ томъ, что при церквахъ всегда имѣются въ запасѣ такъ-называемыя *церковныя деньги*, хотя, обыкновенно, въ небольшомъ количествѣ. Нельзя ли ихъ употребить первоначально на выписку книгъ и журналовъ, которыя бы выдавались крестьянамъ за незначительную плату; а священникъ, пожалуй, за хлопоты по раздачѣ книгъ могъ бы пользоваться чтеніемъ безплатно. Такимъ образомъ здѣсь является еще и третія выгода: одна часть чистаго дохода могла бы идти на увеличеніе средствъ библіотеки, а другая — въ пользу церковныхъ суммъ, которыя вообще плохо пополняются жертвованіями и лежатъ мертвыя, безъ пользы, безъ всякаго движенія. Что расходъ на выписку книгъ и журналовъ покрылся бы съ перваго же разу — объ этомъ говорить нечего; а если разсчитывать на частныя пожертвованія, на крестьянскія складчины, то дѣло Богъ знаетъ на сколько времени оттянется.

Излишне было бы говорить о необходимости распространенія статистическихъ свѣдѣній. Польза и огромная важность ихъ сознана всѣми; статистика перестала быть теперь наукой мертвой, сухой, неподвижной. Дѣло въ томъ, что часто самыя разнообразныя явленія находятся между собою въ такой связи, такъ взаимно обусловливаютъ другъ друга, что иногда по одному, или по нѣкоторымъ изъ нихъ, можно утверждать опредѣлительно и обо всѣхъ остальныхъ, хотя бы эти послѣднія были и совсѣмъ недоступны нашимъ наблюденіямъ. Возьмемъ примѣръ изъ записки, читанной дѣйствительнымъ членомъ преобразованнаго статистическаго комитета въ Кишиневѣ, г. Егуновымъ (Бессар. Областн. Вѣд. № 6 и 7): «поло-

жимъ, что о какомъ нибудь округѣ или уѣздѣ мы не знаемъ ничего болѣе, какъ только то, что въ немъ истребляется ежегодно до милліона штукъ разныхъ звѣрей и птицъ. Фактъ этотъ, по-видимому, не изъ обильныхъ; однако такова сила взаимопричинности общественныхъ явленій, что вдумываясь въ него, примѣняя къ нему общеупотребительные пріемы мышленія—наведеніе, соображеніе, умозаключеніе, мы находимъ, что за нимъ скрывается цѣлый рядъ другихъ однородныхъ: извѣстно, что гдѣ много звѣрей и птицъ, тамъ 1) мало людей, 2) много болотъ, лѣсовъ и водъ,—а гдѣ ихъ много, тамъ климатъ долженъ быть суровъ и влаженъ, слѣдовательно неблагопріятенъ успѣхамъ земледѣлія, тамъ поэтому въ качествѣ главныхъ промысловъ населенія возможны только звѣриная и рыбная ловля; гдѣ эти промыслы господствуютъ надъ другими, тамъ немыслимы успѣхи гражданственности и образованности, слѣдовательно немыслимо широкое разнообразіе потребностей; гдѣ мало потребностей, тамъ не можетъ быть ни обилія, ни разнообразія средствъ, вызываемыхъ ихъ удовлетвореніемъ; тамъ нѣтъ раздѣленія труда, слѣдовательно не возможны ни значительныя мануфактуры, ни обширная торговля, не возможны ни удобныя средства сообщеній, ни большіе города; а при такихъ условіяхъ на всемъ быту мѣстнаго населенія должна лежать печать младенчества со всѣми его хорошими и дурными сторонами. Мало того—на основаніи все той же цифры, мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ утверждать, что самые глаза у этого населенія должны быть немного прищурены и очень зорки, ибо извѣстно, что вѣчное исканіе дичи, вѣчная погоня за звѣремъ такъ именно дѣйствуетъ на органъ зрѣнія».

Областные *статистическіе комитеты* существуютъ у насъ съ 1835 года, но съ тѣхъ поръ большая часть не заявила ничѣмъ дѣльнымъ своей дѣятельности, потому-что врядъ ли она и была полезна при той организаціи, которая существовала до настоящаго времени. Члены комитетовъ были люди служащіе, занятые *своимъ* дѣломъ и смотрѣвшіе на статистическія работы, какъ на занятіе постороннее, неважное, которымъ и заниматься-то нѣкогда. Кромѣ того, комитеты не имѣли средствъ вознаграждать своихъ членовъ и потому дѣло дѣлалось, что́ называется, спустя рукава, такъ что часто можно было услышать выраженіе: «*сочинять статистику*». Статистическіе комитеты, при составленіи общихъ отчетовъ изъ мѣстныхъ или уѣздныхъ донесеній, обыкновенно разлагали не-

достающія или излишнія тысячи и даже сотни тысячъ десятинъ на различныя графы по своему усмотрѣнію... Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ небрежностей выходили, да и выходятъ, частію смѣшныя, частію весьма грустныя послѣдствія. О послѣднихъ мы не будемъ упоминать по разнымъ причинамъ, а на первыхъ нѣсколько остановимся. Такъ напр. (Журн. Минист. Госуд. Имущ. № 1, стр. 37, 38, 39) Подольская губернія, по тамошнимъ статистикамъ, *постоянно сжимается*... Не правда ли, это любопытно? Губернія постоянно сжимается!.. Дѣйствительно, по статистикѣ ксендза Марганскаго (1823 г.) въ губерніи считалось 38,220 верстъ, 3.974,900 десят.; по Швейцеру (1844—45) 37,443 верст. и т. д. — все уменьшилось. Читатель, встрѣчая цифры въ печати, и замѣчая въ нихъ измѣненія изъ года въ годъ, вѣроятно полагаетъ, что эти колебанія суть слѣдствія статистическаго прогресса, то-есть исправленія старыхъ плановъ новыми размежеваніями; но кто знакомъ съ дѣломъ поближе, тотъ знаетъ, что эти колебанія суть всего чаще проявленія чистѣйшаго произвола сводчика итоговъ различныхъ цифръ. Вотъ напримѣръ новѣйшія оффиціальныя свѣдѣнія о земляхъ различнаго наименованія въ Подольской губерніи:

	По отчет. губ. статис. комит.	По отч. губ. чертежной.	По воен.-стат. обозр. 1848 г.
подъ лѣсами	575,332	713,805	720,668
— пашнями . . .	1.787,635½	2.177,057½	2.489,531
— пастбищами и выгонами	157,289	289.618	145,241
— усадьбами	258,142½		196,930

И такъ далѣе... Мы не выписываемъ всѣхъ имѣющихся у насъ подъ руками цифръ, все въ подобномъ же родѣ. Да, онѣ должны были наконецъ показать, что прежніе комитеты никуда не годятся, что шутить статистикой нельзя, и что поэтому необходимо преобразованіе. Въ Бессарабской области преобразованіе комитета совершилось послѣ Херсонскаго и Таврическаго. Въ обновленномъ видѣ комитеты снабжены денежными средствами и имъ приданъ характеръ учено-административный; изъ дѣлопроизводства комитетовъ изгнаны всѣ канцелярскіе обряды, а протоколы каждаго засѣданія дозволено печатать и критиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Задачей этихъ учрежденій поставлено точное изученіе края «для болѣе правильнаго направленія всѣхъ дѣйствій и соображеній губернскаго начальства». Къ участію въ работахъ призваны не только лица оффиціальныя, но и частныя,

свѣдущія, конечно, въ дѣлѣ, и желающія, какъ говорится, принести свою посильную лепту и проч. Наконецъ «душею комитета» сдѣланъ особый секретарь, конечно съ необходимыми познаніями, съ сравнительно—хорошимъ жалованьемъ, зависящій единственно только отъ начальника губерніи... Такъ всюду проникаетъ духъ преобразованій съ легкой крестьянской руки. Конечно, онъ будетъ проникать все въ большую и большую массу общества, касаясь тѣхъ насущныхъ вопросовъ, безъ предварительнаго разрѣшенія которыхъ всѣ другіе ни къ чему не поведутъ... Когда нѣтъ почвы, то нѣтъ и дѣла, потому что на воздухѣ корабли не строятся:—это всему міру извѣстно.

Преобразованія хороши тогда, отъ нихъ можно ожидать чего–нибудь дѣльнаго въ такомъ только случаѣ, когда они вызываются самою жизнью, внутреннею сознанною потребностью. Возьмите хоть, напримѣръ, преобразованіе Одесскаго Лицея въ университетъ: здѣсь цѣлая страна, самая жизнь заявляетъ требованіе перемѣны. Но что́ касается до перевода его изъ Одессы въ Николаевъ,.. эта мѣра едвали принесетъ пользу уже потому, что аудиторіи будущаго николаевскаго университета надолго останутся пусты. И вотъ отчего: извѣстно, что большая часть студентовъ—пролетаріи. Они живутъ, что́ называется, изо дня въ день, уроками и другими работами, которыя даже въ Одессѣ, (не говоря уже о Кіевѣ, Харьковѣ) всегда почти можно достать, но ихъ не найти въ Николаевѣ. Этотъ городъ былъ недавно довольно значительнымъ по населенію, но теперь (послѣ войны, послѣ переведенія флота) число жителей въ немъ уменьшилось чуть–ли не на половину... Дѣйствительно, воздухъ въ немъ хорошъ, прямыя широкія улицы,—но вотъ, всѣ почти его достоинства, которыя никакъ не даютъ Николаеву преимущества передъ Одессою въ правѣ обладанія новороссійскимъ университетомъ... А между тѣмъ будущій университетъ долженъ, во-первыхъ, самъ пріобрѣсть особый *мѣстный* характеръ, а потомъ—сообщить самой странѣ извѣстный оттѣнокъ, такъ-что роль, которую могъ бы онъ занимать при разумномъ устройствѣ, должна быть чрезвычайно важна... Говорятъ, что при устройствѣ университета новороссійскаго въ первый разъ осуществится желаніе правительства—учреждать университеты въ малолюдныхъ городахъ (это было высказано гдѣ-то совершенно частнымъ образомъ) на томъ–де основаніи, что будетъ меньше развлеченій для студентовъ и, слѣдовательно, больше вѣроятности на успѣхъ ихъ занятій. Это чистѣйшее заблужденіе, показывающее только крайнее незнакомство съ дѣломъ. Обращаясь къ западнымъ

университетамъ, мы находимъ подтвержденіе нашихъ словъ примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните, напримѣръ, объ университетахъ Галльскомъ, Іенскомъ, Геттингескомъ. Слава ихъ померкла, а наслѣдниками явились: Лейпцигскій, Берлинскій, Вѣнскій — университеты, помѣщающіяся въ большихъ городахъ... Да можно и не прибѣгать къ примѣрамъ. Вѣдь студентъ немного пріобрѣтаетъ собственно въ университетѣ;.. ему необходимо общество, жизнь: они его развиваютъ, учатъ. Доводя начало уединенія до крайности, можно наконецъ утверждать, что университетъ лучше всего построить на какихънибудь безлюдныхъ островахъ... или пожалуй, въ университетъ обратить какой–нибудь корабль, вывести его въ море — и пусть себѣ онъ качается на волнахъ; съ появленіемъ льда, университетъ возвратится въ пристань, студентовъ и профессоровъ распустятъ на вакаціи, а съ началомъ плаванія снова сборъ на корабль, снова въ море! (Вѣдь это былобы и послѣдовательно и поэтично... Занимайся тамъ сколько душѣ угодно! Но стóитъ только вообразить себѣ существованіе подобнаго университета, чтобы понять всю его нелѣпость. Однообразіе губитъ человѣка, особенно въ молодые годы, необходимо требующіе разнообразія впечатлѣній... А при отсутствіи средствъ удовлетворять этой потребности, непремѣнно среди молодежи разовьется пьянство, картежъ, и многое другое, еще худшее... По этимъ соображеніямъ такъ единодушно признанъ вредъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, на которыя будетъ нѣсколько походить университетъ въ маленькомъ городкѣ. Укажутъ намъ, можетъ–быть, на Оксфордкій университетъ, гдѣ чуть не весь городъ занимаютъ одни студенты съ профессорами, но вѣдь то—Англія... Да и тамъ, впрочемъ, только въ двухъ университетахъ сохранилась эта отжившая старина, и сами Англичане уже видятъ, что противъ рожна трудно прати—противъ духа времени то-есть.—Говорили еще, что въ Николаевѣ есть удобное зданіе, обсерваторія, библіотека... Но на это можно отвѣтить вопросомъ: университетъ–ли устраивается ради зданія или зданіе ради университета? Мы предложили подобный вопросъ одному господину... онъ подумалъ... и возразилъ: »но, вѣдь, согласитесь, что зданіе безъ университета можетъ существовать, а университетъ безъ зданія не можетъ...» А, если такъ, то разумѣется — и толковать нечего... охотно соглашаемся...

Заговоривъ объ университетѣ, мы необходимо должны остановиться на весьма важной, хотя и запоздавшей нѣсколько, новости. Но о хорошихъ вещахъ толковать никогда не поздно.

Въ *Кіевскомъ* университетѣ, по случаю заявленнаго одною дѣвицею желанія слушать въ немъ лекціи по медицинскому факультету для полученія степени лекаря, въ совѣтѣ университета обсуждали весьма интересные вопросы о томъ, могутъ-ли вообще лица женскаго пола быть допускаемы, по всѣмъ факультетамъ, къ слушанію университетскихъ лекцій, совмѣстно со студентами? могутъ ли лица женскаго пола быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени, и какими правами, въ случаѣ выдержанія экзамена, онѣ должны пользоваться?

Совѣтъ кіевскаго университета рѣшилъ *единогласно*, что лицъ женскаго пола можно допускать къ слушанію лекцій по всѣмъ факультетамъ на томъ основаніи, на какомъ допускаются всѣ вольнослушающіе. Но, относительно предоставленія женщинамъ ученыхъ степеней, нѣкоторые полагали, что такъ-какъ права, которыя можетъ дать ученая степень, недоступны, при нынѣшнемъ государственномъ порядкѣ, для женщинъ, то и производство испытанія лицамъ женскаго пола, для полученія ими степени, было бы излишне. Другіе же выразили мнѣніе, что женщины не только могутъ допускаться къ испытанію на всѣ ученыя степени разныхъ факультетовъ, *но и должны пользоваться*, если испытаніе оказалось удовлетворительнымъ, *всѣми правами, присвоенными полученной степени*. Почти въ томъ же смыслѣ рѣшенъ вопросъ о женщинахъ, ищущихъ образованія, и въ *харьковскомъ* университетѣ,—покрайней мѣрѣ—на самомъ дѣлѣ; а, напримѣръ, въ *московскомъ* — совершенно въ противоположномъ смыслѣ.—Честь и слава Югу! Видно, что у насъ не было теремовъ,—видно, что въ нашемъ краю были героини, которыя, наравнѣ съ козаками и мѣщанами, защищали крѣпостные валы отъ непріятеля и бросались въ пропасть съ дѣтьми на рукахъ, лишь бы не достаться врагамъ... Да, въ Украинѣ женщина издавна занимала достойное мѣсто въ семейной и общественной жизни: оттого и взглядъ на женщину у насъ иной.

Наконецъ-то наступаетъ пора, когда женщина выходитъ изъ-подъ тяжелаго ига, которое тяготѣло надъ нею столько вѣковъ! Наконецъ-то мы, незванные, непрошенные опекуны и владыки торжественно развязываемъ руки своей рабѣ и отпускаемъ ее на волю... Привѣтъ и поклонъ Кіевскому университету!... Теперь и совѣсть не станетъ такъ упрекать, когда зайдетъ рѣчь о свободѣ, объ уваженіи къ человѣческой личности... Въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной или, лучше сказать, между женщиной и обществомъ, часто проявлялось полное рабство, проявлялся деспотизмъ во всемъ своемъ безобразіи... И тѣмъ ужа-

снѣе былъ онъ, что на сторонѣ угнетенныхъ не было никакихъ средствъ къ защитѣ отъ этой всемірной стачки половинниковъ человѣческаго рода, отъ поголовнаго ихъ возстанія противъ предоставленія гражданскихъ правъ женщинѣ. Отвратительный эгоизмъ, поддерживаемый всеобщимъ убѣжденіемъ, что женщины созданы только для *насъ*, для удовлетворенія *нашихъ* потребностей, долгое время и вездѣ былъ одинаковъ. Мы были наглы до безобразія. Измѣнялась, правда, форма наглости, насилія, принимая болѣе благообразный видъ, но все-таки, наглость была наглостью, насиліе — насиліемъ. Въ самомъ дѣлѣ—ужасно! *Вся* гражданская жизнь находилась исключительно въ нашихъ рукахъ и мы, будучи и судьями и отвѣтчиками, удивительно — какъ — ловко обдѣляли другую половину человѣческаго рода. Но прошла или проходитъ пора безнаказаннаго произвола, безотвѣтнаго рабства... молодая жизнь дышетъ новымъ духомъ; женщина требуетъ себѣ *своего* мѣста въ обществѣ, *своихъ* правъ — и Кіевскій университетъ первый прямо, ясно, разумно отвѣчаетъ на это требованіе, широко раскрывая двери своихъ аудиторій. Еще разъ — привѣтъ ему! Желаемъ, чтобъ и въ другихъ вопросахъ его рѣшенія были также положительны и близки къ жизни.

Какъ-то и гдѣ-то (чуть-ли не въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*) упрекали Одессу и другіе южные города, за то, что въ нихъ будто бы мало добродѣтельныхъ наклонностей къ благотворительнымъ спектаклямъ, а между-тѣмъ, напримѣръ, въ Херсонѣ былъ какъ-то спектакль *въ пользу декораціи*. Дѣйствительно, это послѣднее явленіе кажется нѣсколько страннымъ, когда знаешь, что въ Херсонѣ же существуютъ народныя школы, небогатыя средствами.—Но на этотъ разъ мы могли бы утомить читателя извѣстіями о самыхъ разнообразныхъ спектакляхъ съ доброю цѣлью... Говоря словами кіевскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 48) — «отличительная черта спектаклей нынѣшняго года (у корреспондента сказано — въ Кіевѣ», — но тоже самое и въ другихъ мѣстахъ, — чему мы представимъ свидѣтельство ниже) «это, — національность. Выборъ піэсъ для спектаклей, по большей части, намекалъ на эту черту; выборъ же казенныхъ дивертисментовъ въ родѣ... *жертвованій* (?) *въ малороссійскомъ селѣ* и проч. слишкомъ ясно подтверждаетъ

наше замѣчаніе. Какъ бы то ни было (заключаетъ корреспондентъ), но, оставаясь спокойнымъ наблюдателемъ всего происходящаго вокругъ насъ въ здѣшнемъ краѣ, мы не могли не замѣтить, что каждое дѣйствіе обыкновенно вызываетъ противодѣйствіе, и что массы большія легко перетягиваютъ массы меньшія. Не есть–ли это естественный ходъ вещей, противъ котораго и роптать невозможно?« Разумѣется! это *кстати* сказано. — Въ *Одессѣ*, 14 февраля, былъ спектакль, въ пользу студентовъ Ришельевскаго лицея, доставившій 150 р. чистаго дохода; шла, между прочимъ, украинская піэса. *О Кіевъ* и говорить нѣчего: было бы весьма трудно перечислить всѣ, дававшіяся тамъ представленія въ послѣднее время. Съ двухъ спектаклей, данныхъ въ *Симферополѣ*, въ январѣ, получено, какъ видно изъ напечатаннаго отчета, чистаго дохода 336 р. 65 к.; эти деньги употреблены на пособіе нуждающимся лицамъ изъ обучавшихся въ Симферопольскихъ учебныхъ заведеніяхъ и продолжающимъ курсъ наукъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; такимъ образомъ, часть изъ этихъ денегъ пошла въ Ришельевскій лицей (200 р.), въ Кіевскій университетъ (100 р.) и одному приготовляющемуся поступить въ Горыгорѣцкій институтъ (35 р.). Въ *Черниговѣ* шла, между–прочимъ, *Наталка — Полтавка*, оперетта Котляревскаго, въ пользу бѣдныхъ студентовъ; а въ *Одессѣ — Запропащена, або лихого діла Господь це потерпить...* Не станемъ перечислять дальше, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя названія украинскихъ піэсъ пришлось бы повторить нѣсколько разъ. Мы слышали, что скоро и въ *Петербургѣ* будетъ данъ интересный спектакль: *Чорномо́рській по́бить*, Я. Г. Кухаренка и новооткрытая комедія В. А. Гоголя, отца извѣстнаго писателя, въ пользу *Тарасовой* каневской школы. О результатахъ этого спектакля, разумѣется, мы сообщимъ въ свое время. Въ Харьковскихъ спектакляхъ любопытно прекрасное нововведеніе — *студентскіе національные хоры*, встрѣченные публикой, по словамъ *Харьковскаго Листка*, съ пріятнымъ изумленіемъ. На спектакляхъ, данныхъ студентами въ пользу своихъ бѣдныхъ товарищей, украинскимъ хоромъ были въ-особенности хорошо пропѣты пѣсни: »*Ой на горі та женьці жнуть;*« »*Ой казали вражі люди...*« и »*Ой Морозе та Морозенку.*« Потомъ этотъ же хоръ появлялся передъ публикой еще два раза, и отлично спѣлъ знаменитую пѣсню — »*Ой бідá, бідá чайці небо́зі, що ви́вела дітки при би́тій доро́зі* ,« черноморскимъ напѣвомъ, который несравненно лучше всѣхъ другихъ напѣвовъ. Во-

обще, одобреніе хоровъ было почти всеобщее. Желаніе студентовъ — изучать народную музыку, которая такъ тѣсно связана съ народною, въ особенности — украинскою, поэзіей, привело къ образованію хоровъ. Изученіе народной, музыки у насъ дѣло почти не начинавшееся; большая часть народныхъ пѣсень вовсе не знакома публикѣ, и потому образованному обществу нельзя нерадоваться и не поддержать этой превосходной мысли постояннымъ участіемъ. — «Впрочемъ,» замѣчаетъ *Листокъ*, появленіе украинскаго хора передъ публикою, было до-сихъ-поръ только *пробою* безъ особенной выправки въ пѣсни и даже безъ всякой переборки голосовъ... Серьёзное изученіе народныхъ пѣсень, подъ руководствомъ человѣка, отлично знающаго музыку, еще не начиналось, но въ скоромъ времени должно начаться. Одна бѣда — нѣтъ хорошихъ солистовъ, а между тѣмъ всѣ лучшія украинскія пѣсни, самый цвѣтъ украинской музы — именно приходятся для соло. Поэтому иногда такія пѣсни, которыя, будучи хорошо спѣты соло, произвели бы самое глубокое впечатлѣніе, поются не вполнѣ установившимся хоромъ и чрезъ то теряютъ большую половину свое прелести.»

При всеобщемъ безденежьи, при наступающемъ, если уже не наступившемъ, финансовомъ кризисѣ, необходимо обращать особенное вниманіе на усиленіе производства страны, на разработку тѣхъ нетронутыхъ еще богатствъ, отъ которыхъ можно ожидать хоть какихъ нибудь средствъ для поправленія дѣлъ. Вотъ, напр., *Харьковская* губернія, на мѣстѣ прежнихъ военныхъ поселеній, изобилуетъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, доставляемымъ шелковыми плантаціями, который заведены еще въ 1843 году. На этихъ плантаціяхъ считается около 1,300,000 деревьевъ, не считая находящихся въ садахъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ одной части этихъ плантацій, отданной уже въ аренду на продолжительные сроки разнымъ лицамъ, въ Херсонскихъ и Кіево-Подольскихъ поселеніяхъ находится еще болѣе $2^1/_2$ милліоновъ шелковичныхъ деревьевъ. Если листья 18-лѣтнихъ шелковичныхъ деревьевъ обратить на добываніе шелка, то есть употребить ихъ для выкормки шелковичныхъ червей, то небольшой капиталъ и трудъ, въ теченіи полутора или двухъ мѣсяцевъ, могутъ вознаградиться съ значительною прибылью. Въ этомъ отношеніи одни *харьковскія* плантаціи могутъ доставлять до 658 пудъ шелка лучшаго качества. На

этихъ основаніяхъ авторъ статьи, помѣщенной въ *Газетѣ для Сельскихъ Хозяевъ* (№ 28) предлагаетъ на обсужденіе слѣдующія соображенія: пріобрѣсть покупкою нѣсколько фунтовъ яичекъ шелковичныхъ червей лучшихъ породъ и, въ началѣ апрѣля наступившаго года, перевести ихъ на одну изъ *харьковскихъ* плантацій для выкормки изъ нихъ червей на домашнихъ шелковичныхъ листьяхъ. Весь трудъ выкармливанія червей охотно примутъ на себя, за незначительную плату, мѣстные жители, которые вмѣстѣ съ тѣмъ охотно удѣлятъ въ собственныхъ хатахъ мѣсто для помѣщенія шелковичныхъ листьевъ. Успѣхъ этого предпріятія будетъ, конечно, зависѣть отъ своевременнаго пріобрѣтенія яичекъ... По видимому, это такая важная отрасль промышленности, что невозможно не устремить на нее всего вниманія сельскихъ хозяевъ... Не понятно, по какимъ причинамъ, не смотря на уничтоженіе откуповъ, такъ мало проявляется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вниманіе къ винному промыслу. По свѣдѣніямъ департамента податей и сборовъ, къ 16 числу минувшаго декабря, въ числѣ 49 лицъ, заявившихъ намѣреніе открыть оптовые винные склады, было *только одно* изъ бессарабской области съ заявленіемъ желанія открыть оптовый складъ на 300,000 ведеръ, между тѣмъ какъ средній расходъ вина въ этой области простирается въ годъ до 1,054,413 ведеръ. Изъ остальныхъ губерній новороссійскаго края, по словамъ Одесскаго Вѣстника, ни въ одной не заявлено желанія объ открытіи складовъ при всей очевидности выгодъ — и не пустыхъ выгодъ. Вотъ средній расходъ вина въ этихъ губерніяхъ: въ Екатеринославской 1,326,775 ведеръ; Таврической 455,183 в.; Херсонско- 1,797,559. Такая важная отрасль промышленности не должна снова попасть въ руки монополистовъ — откупщиковъ... Нѣтъ капиталовъ—такъ можно составлять общества, ассоціаціи, но все-таки не выпускать изъ *своихъ* рукъ дѣло.

Въ «Экономистѣ,» г. Вернадскаго, пишутъ: «Факты, касающіеся торговли черниговскимъ табакомъ, ясно доказываютъ, что до сего времени производство его превосходило его сбытъ. Принявъ во вниманіе вліяніе новаго акцизнаго устава на будущій сбытъ его, не трудно рѣшить, прошла-ли чаша мимо Малороссіи, для которой табакъ составляетъ чистыя деньги. Рижскіе оптовые торговцы черниговскимъ табакомъ уже подали прошеніе г. министру финансовъ объ исключеніи этой торговли сырымъ табакомъ, употребляемомъ въ сыромъ видѣ отъ въ высшей степени для нея обременительныхъ правилъ новаго

акцизнаго устава. Мы слышали, что относительно стѣснительности этихъ правилъ, вообще, вошли съ представленіемъ и одесскіе фабриканты.

Весьма важное пособіе для жителей, при настоящей дороговизнѣ дровъ, будетъ составлять каменный уголь, новые пласты котораго открыты въ нѣсколькихъ мѣстахъ на югѣ. Особенно замѣчательно пространство въ Подольской губерніи по Синюхѣ, между Погополемъ и Звенигородкою, гдѣ открыта и желѣзная руда. Потомъ весьма замѣчательно открытіе этого же угля въ Бердянскомъ уѣздѣ, въ мѣстности Корсакъ-Могила, и здѣсь гораздо важнѣе, чѣмъ близъ стараго Крыма, гдѣ также найдены пласты, хотя и въ незначительномъ количествѣ. А дорогъ хорошихъ всѣ еще нѣтъ! О желѣзныхъ дорогахъ и говорить страшно. Нашумятъ, накричатъ, наговорятъ, а дѣло стоитъ себѣ, а если и ползетъ, то не быстрѣе черепахи, какъ напримѣръ Ѳеодоссійская желѣзная дорога. Тѣмъ пріятнѣе указать на дѣло, исполненное безъ всякихъ предварительныхъ выкрикиваній и восхваленій. Въ Землѣ Войска Донскаго скоро будетъ готова желѣзная дорога отъ Аксайской станицы до Каменской, на протяженіи около ста верстъ. Дѣло это дѣлалось тихо, безъ шума, на войсковой капиталъ; насыпь уже готова, рельсы скоро будутъ проведены. Подлѣ самаго Новочеркаска, гдѣ будетъ одна изъ главныхъ станцій этой дороги, сооружается теперь мостъ черезъ рѣчку Тузловъ. Эта желѣзная дорога поставитъ хлѣбородные округи Донскаго края въ непосредственное сообщеніе съ Аксайскою станицею (въ Землѣ Войска Донскаго *станица* имѣетъ тоже значеніе, что *уѣздный городъ* въ прочихъ губерніяхъ) съ городами Ростовомъ на Дону, и Таганрогомъ. Кромѣ того войсковая Каменско-аксайская желѣзная дорога предназначается для быстраго подвоза антрацита, добываемаго во вновь открытыхъ и организованныхъ грушевскихъ копяхъ (въ семи верстахъ отъ Новочеркаска) къ пароходнымъ пристанямъ общества волжско-донской желѣзной дороги и *Русскаго общества пароходства и торговли*, о которомъ мы подробно поговоримъ въ слѣдующей *Лѣтописи*.

Еще вѣсьма недавно, усовершенствованія въ сельско-хозяйственной механикѣ за границей почти совсѣмъ не достигали нашихъ хозяевъ. Хотя еще не вездѣ убѣждены, что старое постоянно смѣняется новымъ, даже и въ области сельскаго хозяйства, но распространеніе ясныхъ понятій относительно хозяйства все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Нужда многому учитъ. У насъ есть уже нѣсколько своихъ механическихъ заве-

деній, на которыхъ, въ значительномъ количествѣ, изготовляются сельско-хозяйственныя орудія, часто неуступающія въ достоинствѣ иностраннымъ. «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» сообщаетъ что склады сельско-хозяйственныхъ орудій находится; въ Одессѣ—3, въ Кіевѣ—2 и по одному въ Житомирѣ, въ Харьковѣ, въ Таганрогѣ. Теперь уже къ числу существующихъ механическихъ сельско-хозяйственныхъ заведеній прибавилось еще одно, составляющее для южнаго хозяйства важное пріобрѣтеніе, такъ-какъ у насъ очень чувствителенъ недостатокъ рабочихъ рукъ, возвысившій заработную плату до значительныхъ размѣровъ. Выписка машинъ и орудій изъ-за-границы обходится очень дорого, а капиталистовъ-механиковъ въ краѣ нѣтъ; они всѣ стремятся въ столицы, какъ центры промышленности. Эти причины давно заставили «Общество сельскаго хозяйства въ южной Россіи» подумать объ основаніи въ Одессѣ, или какомъ-нибудь другомъ пунктѣ Юга, механическаго заведенія, для выдѣлки собственно сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Съ этою цѣлію, какъ сообщаютъ «Экономическія Записки,» общество обрящалось къ нѣкоторымъ механикамъ и наконецъ въ прошломъ году остановилось на одномъ изъ членовъ своихъ—инженеръ-технологѣ Пахомовѣ, который хорошо изучилъ нужды въ орудіяхъ и машинахъ хозяйства южнаго края. Г. Пахомову испрошено черезъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ ссуда въ 30,000 р. сер. на устройство механическаго заведенія въ Одессѣ. Одесса самый удобный пунктъ для подобнаго заведенія, въ нее привозятся всѣ нужные матеріялы для завода въ сыромъ видѣ; привозъ этихъ матеріаловъ дальше внутрь Россіи увеличилъ бы цѣнность произведеній завода; кромѣ того, по словамъ Од. В. теперь и пошлина на разныя желѣзныя издѣлія, привозимыя изъ-за-границы для полезныхъ хозяйству орудій, уничтожена. Наконецъ, въ Одессу стекается множество помѣщиковъ, и машины могутъ развозиться въ дальніе порты очень удобно, безъ большихъ тратъ для покупателей. Г. Пахомовъ обязался изготовлять на своемъ заводѣ всякія, какъ паровыя такъ и простыя машины и орудія, а равно и *чинить* ихъ; устроить при немъ депо иностранныхъ машинъ и орудій и коммисіонерство для выписки ихъ по дешевѣйшимъ цѣнамъ противъ существующихъ; приготовлять практическихъ машинистовъ и, въ томъ числѣ — молодыхъ людей изъ государственныхъ крестьянъ *безплатно*.

— ***М. В. Остроградскій.*** Въ январской Лѣтописи мы обѣщали сообщить читателямъ біографическія свѣдѣнія о М. В. Остроградскомъ.

До времени, мы должны ограничиться небольшимъ извлеченіемъ изъ письма брата — о жизни покойнаго:

М. В. Остроградскій родился въ 1801 году Полтавской губерніи, Кобеляцкаго уѣзда въ родовомъ имѣніи, учился сначала въ полтавской гимназіи, а потомъ въ харьковскомъ университетѣ. Въ дѣтствѣ онъ особенно любилъ находить *міру* и *величину* каждой игрушки своей; особенно занимали его мельницы, вѣтряная и водяная: онъ стоялъ передъ ними по часу и больше, смотря на движеніе крыльевъ, а внутри мельницы — на вращеніе камней. Любилъ также М. В. измѣрять глубину колодца, для чего постоянно носилъ въ карманѣ снурокъ съ камышкомъ на концѣ. Въ гимназіи онъ не отличался прилежаніемъ, но былъ замѣтенъ какъ бойкій, живой и остроумный мальчикъ. Изъ 3 класса гимназіи (соотвѣтствующаго нынѣшнему 6) отецъ повезъ его въ 1816 году въ Петербургъ, думая опредѣлить сына въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ; но, по совѣту своего шурина, отвезъ сына назадъ въ Харьковъ и помѣстилъ его у адъюнкта университета, преподавателя военныхъ наукъ, М. К. Робуша. Робушъ обѣщалъ приготовить М. В. въ университетъ, но Остроградскій показывалъ стремленіе къ военной службѣ. Въ 1817 году поступилъ онъ въ харьковскій университетъ по физико-математическому факультету: первые полтора года шли плохо, но преподаватель математики, А. Ѳ. Павловскій, къ которому переѣхалъ М. В., имѣлъ большое на него вліяніе. Молодой человѣкъ, разставшись съ мечтами, принялся горячо за занятія и въ три мѣсяца уже упрощивалъ самыя трудныя математическія формулы. Окончивъ блистательно курсъ и получивъ аттестатъ, М. В. хотѣлъ держать экзаменъ на кандидата; но враждебная партія профессоровъ находила для него препятствіе держать экзаменъ изъ богословія. Остроградскій, получивши безосновательный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ недопущенія къ экзамену, вынулъ свой студенческій аттестатъ и отдалъ его засѣдавшимъ профессорамъ, прося ихъ вытереть и имя его изъ всѣхъ списковъ студентовъ. Разставшись съ университетомъ, Остроградскій отправился въ Парижъ съ какимъ-то Нѣмцемъ, но на дорогѣ этотъ послѣдній обокралъ его, такъ-что первая поѣздка была неудачна. Онъ поѣхалъ во второй разъ въ августѣ 1822 года. Уже въ 1823 году, въ одномъ изъ листковъ журнала французской академіи, гдѣ толковалось о теоріи функцій, вслѣдъ за именами Эйлера и Лагранжа, было напечатано: enfin un jeune russe Ostrogradsky, doué de beaucoup de sagacité et trés versé-dans l'analyse infinité-

simale (т. е. и наконецъ, одинъ молодой русскій, Остроградскій, одаренный большой проницательностью и весьма искусный въ анализѣ безконечно-малыхъ величинъ) сдѣлалъ то-то и то-то. — М. В. былъ въ дружбѣ съ тогдашними математиками въ Парижѣ — Коши и Пуассономъ; у Лапласа онъ былъ принятъ какъ семьянинъ и, передъ смертью его, получилъ въ подарокъ одинъ изъ ненапечатанныхъ тогда мемуаровъ. Остроградскій читалъ лекціи въ Ecole de Henri IV. Въ 1828 (то-есть, 27 лѣтъ), возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ академію наукъ адъюнктомъ и скоро былъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ; въ 1829 году, правительство послало его во Францію, откуда принудила его возвратиться въ отечество іюльская революція (1830). Въ Парижѣ, онъ испортилъ глазъ фосфорной спичкой и ужъ почти не могъ его вылечить. Въ 1831 году, М. В. женился; у него остались дѣти: сынъ и двѣ дочери.

Ученыя достоинства и открытія Остроградскаго слишкомъ важны и оцѣнивать ихъ — дѣло не короткой замѣтки. Скажемъ только, что какъ профессоръ, Остроградскій отличался необыкновеннымъ умѣньемъ выбирать легчайшіе и удобнѣйшіе пріемы для рѣшенія и объясненія математическихъ вопросовъ. Въ этомъ имѣли случай убѣдиться всѣ, кто прослушалъ нѣсколько его публичныхъ лекцій по дифференціальному исчисленію въ позапрошломъ году.

— *Число періодическихъ изданій въ Кіевѣ.* Въ «Кіевск. Телегр.» пишутъ: «Ни въ одномъ изъ губернскихъ городовъ не издается такъ много періодическихъ изданій, какъ въ Кіевѣ. По настоящее время издается 9 журналовъ и газетъ, именно: Кіевскія Губернскія Вѣдомости, Современная Медицина, Епархіальныя Вѣдомости, Руководство для сельскихъ пастырей, Труды Кіевской Духовной Академіи, Воскресное Чтеніе, Кіевскій Телеграфъ, Труды Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ Актовъ, и Университетскія Вѣдомости. Кромѣ этихъ журналовъ, въ Кіевѣ два года издавалась, подъ редакціею П. М. Сементовскаго, «Галлерея кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей» и «Альбомъ памятниковъ и видовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній», подъ редакціею А. Фонъ-Юнка; оба эти изданія, не встрѣтивъ сочувствія и поддержки со стороны публики, должны были прекратить свои выпуски. Къ упомянутымъ, издающимся въ Кіевѣ девяти журналамъ и газетамъ присоединяются: «Кіевскій Курьеръ» подъ редак-ціею г. Стрешнева (начнетъ выходить съ 15 марта по три раза въ недѣлю), и журналъ: «Вѣстникъ югозападной и западной

Россіи» подъ редакціею г. Говорскаго, который начнетъ выходить ежемѣсячно съ 1 іюля книжками отъ 12 до 14 листовъ.

— *Судъ надъ крестьянишкомъ.* — Въ «Бесарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» напечатано: При разсмотрѣніи одного изъ приговоровъ бессарабскаго уголовнаго суда, областнымъ начальствомъ усмотрѣно, что одинъ мѣщанинъ, возвращаясь домой съ заработковъ, съ тремя штуками купленнаго скота,—по одному предположенію, не украденъ ли тотъ скотъ—былъ задержанъ въ уѣздѣ своего города и доставленъ съ тѣмъ скотомъ въ земскій судъ. Земскій судъ, не имѣя также никакого болѣе подозрѣнія, отдалъ тотъ скотъ въ неутратное сбереженіе мѣстному Еврею. Впослѣдствіи, когда неосновательность подозрѣнія разъяснилась и скотъ слѣдовало возвратить хозяину, еврей показалъ тотъ скотъ павшимъ въ одинъ день, хотя падежа въ городѣ тогда не было, и представилъ въ судъ кожи. По приговору, состоявшемуся по этому дѣлу, поставлено: взыскать съ Еврея и уплатить за тотъ скотъ хозяину оцѣночную сумму, за 3 штуки, 15 руб. но оцѣночная сумма, какъ извѣстно, далеко не покрываетъ стоимости отобраннаго скота; слѣдовательно, бѣдный человѣкъ обиженъ отъ неблагоразумія чиновниковъ, въ которыхъ, по благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства, простолюдинъ долженъ находить не *враговъ*, а *защитниковъ*. При этомъ замѣчено, что земскій судъ, арестуя скотъ, непозаботился отдать таковый на прокормленіе въ благонадежныя руки, какъ бы слѣдовало, сосѣдямъ обвиняемаго, а отдалъ Еврею, который, не занимаясь земледѣліемъ и не имѣя лишняго корма, не могъ и принять подобный скотъ на прокормленіе безъ своекорыстной мысли,—чего распоряжавшіеся, при благонамѣренности, не могли бы не видѣть.

Членамъ суда и секретарю, распоряжавшимся отдачею скота Еврею на прокормленіе, сдѣлано строгое замѣчаніе, а въ предостереженіе отъ подобныхъ непростительныхъ и предосудительныхъ дѣйствій, областное начальство нашло необходимымъ объявить о настоящемъ случаѣ.

Почтовые экипажи. — Съ 1-го января 1862 года отправляются почтовые экипажи отъ Кіева до Москвы и обратно, на слѣдующіе города: Козелецъ, Черниговъ, Гомель, Довскъ, Пропойскъ Чериковъ, Рославль, Юхновъ, Медынь, Малоярославецъ, Подольскъ и

Москву. Плата взимается по разстоянію и мѣстамъ. Отъ Кіева до Москвы платится: за внутреннее мѣсто 42 руб., наружное—29 руб.

— *Наводненіе.* Въ Таврическихъ вѣдомостяхъ сообщаютъ, что вслѣдствіе обилія снѣговъ въ степной полосѣ Крыма, при внезапномъ почти наступленіи тепла, случилось 21 февраля нѣсколько несчастій, причиненныхъ наводненіемъ. Въ экономіи г–жи Кузминой вырвало изъ прекраснаго обширнаго сада множество деревьевъ и виноградныхъ кустовъ.—Въ рѣкѣ Конкѣ, близь г. Орѣхова, прибыло огромное количество воды, разлившейся на далекое пространство и огромными льдинами повредило мостъ, находящійся на упомянутой рѣкѣ. Изъ восьми ледорѣзовъ два совершенно разрушило, а прочіе значительно повреждены. Старожилы говорятъ, что такіе снѣга были лѣтъ тридцать тому назадъ. — Намъ пишутъ изъ Николаева, что тамъ позаливало нѣсколько погребовъ и причинило значительные убытки, повредивъ товаръ, чему много способствовало дурное устройство мостовыхъ безъ канавъ. — Въ Мелитополѣ 25 февраля вода залила много зданій, въ томъ числѣ острогъ, откуда принуждены были вывести арестантовъ.

— *Недостатокъ рабочихъ рукъ.* Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на чрезмѣрное возвышеніе заработной платы, происходящее отъ недостатка рабочихъ рукъ. Кажется, болѣе другихъ имѣетъ право жаловаться Таврическая губернія, лишившаяся, вслѣдствіе значительнаго выселенія Татаръ, многихъ силъ. Слухи о переселенцахъ, которые будутъ въ Крымѣ и между прочимъ, начнутъ селиться на владѣльческихъ земляхъ такъ разнорѣчивы, что пока не возможно ничего сказать опредѣленнаго. Говорятъ также, что выселившіеся Татары снова думаютъ воротиться назадъ; видно турецкія власти не предоставили имъ тѣхъ благъ, о которыхъ они мечтали, и за которыми почти бѣжали изъ Крыма. Если эти слухи справедливы, то разумѣется дѣла пойдутъ значительно лучше.

— *Выставки.* Департаментъ сельскаго хозяйства объявляетъ, что въ настоящемъ 1862 году министерство государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ начальниками губерній, предлагаетъ открыть выставки сельскихъ произведеній, между прочимъ, въ *Екатеринославѣ* (съ 26 сентября) и *Кіевѣ* (съ 15 августа).

— *Переселеніе.* Въ теченіе 1861 года, въ Россію прибыло Малороссіянъ и Великороссіянъ изъ отграниченнаго участка Бессарабіи, а также Болгаръ (какъ изъ отграниченнаго участка, такъ и изъ Тур-

ціи) 24,681 об. пола д. «Такъ-какъ выходцы изъ горныхъ частей Турціи, пишутъ въ Ж. М. Г. И., неохотно селятся въ степныхъ, безлѣсныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, поэтому есть предположеніе предложить будущимъ переселенцамъ селиться на Кавказѣ». Переселеніе это продолжается еще и до сихъ поръ, о чемъ мы намѣрены подробнѣе поговорить впослѣдствіи.

— *Курская очередная выставка* сельскихъ произведеній, назначенная для губерній: Курской, Харьковской, Кіевской, Черниговской и Полтавской открыта была 14 сентября прошлаго года. Эта выставка, какъ сообщаетъ листокъ «Харьковъ» отъ 14 марта, возбуждала въ посѣтителяхъ любознательность и желаніе по возможности учавствовать на будущее время въ такомъ полезномъ дѣлѣ. Всѣхъ экспонентовъ было только 107, а представленныхъ нумеровъ всѣхъ произведеній — 243. — Изъ представленныхъ предмѣтовъ особенное вниманіе обратили на себя: модель молотильной машины, представленная щигровскимъ помѣщикомъ Анненковымъ; чрезвычайно упрощеннаго устройства; 2 улья съ сотами и 1 съ пчелами курскаго помѣщика П. П. Мойсѣева; крупчатая мука почетнаго гражданина А. В. Тихонова; снопы кормовыхъ травъ щигровскаго помѣщика М. А. Пузанова, пенька госуд. крестьянина фатежскаго округа Басова и кушаки государственныхъ крестьянокъ курскаго, фатежскаго и щигровскаго округовъ. Незначительный размѣръ выставки объясняютъ дождливою осенью, неопредѣленностью отношеній владѣльцевъ къ временно-обязаннымъ крестьянамъ, позднею уборкою хлѣбовъ и новизною положенія сельскихъ обывателей... Значитъ, на будущее время можно ожидать большаго —

— *Чехи въ Диканькѣ — имѣніи кн. Льва Кочубея.* Газета «День» помѣстила въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ протестъ противъ притѣсненій, оказанныхъ, въ имѣніи кн. Кочубея, Чехамъ, выписаннымъ для работъ въ имѣніи. Изъ поднявшейся, по этому поводу, довольно запутанной полемики трудно заключить, въ какой степени виновны владѣлецъ, или управляющій: *быть-можетъ*, назначенное слѣдствіе раскроетъ съ этой стороны правду; можно однакожъ вывести то, что нѣкоторые содержатели конторъ, а въ настоящемъ случаѣ г. Левинсонъ, при заказахъ выписки иностранныхъ рабочихъ въ Россію, обманываютъ и русскихъ помѣщиковъ и переселенцевъ. Къ первымъ, какъ остроумно и вмѣстѣ справедливо замѣтила Газ. Д. С. Х., вмѣсто земледѣльцевъ являются музыканты, вмѣсто овчаровъ кузнецы, вмѣсто хо-

лостыхъ семейные и т. д. Совѣтуемъ по этому случаю обращаться къ русскимъ коммисіонерамъ, если кто не имѣетъ возможности самъ ѣхать за границу для найма рабочихъ.

— *Сочиненія Т. Шевченко въ переводѣ на польскій языкъ.* Въ Кіевѣ очень недавно вышли въ свѣтъ «Przekłady pisarzów małorossyjskich, A. J. Горжалчиньскаго. Переводчикъ обѣщаетъ со временемъ перевести на польскій языкъ всѣ лучшія малороссійскія сочиненія. Въ первомъ (вышедшемъ) томѣ находятся слѣдующія стихотворенія Шевченко: Наймичка, Катерина, Тополя, Иванъ Підкова, Тарасова Ніч... всего семнадцать стихотвореній. Изданію этому можно предсказать большой успѣхъ, такъ-какъ переводъ сдѣланъ, нерѣдко, превосходно, съ пониманіемъ и сочувствіемъ къ истинно-народному поэту. Мы надѣемся со временемъ дать болѣе подробный отчетъ о трудѣ и взглядѣ достойнаго переводчика на свое дѣло. Второй томъ, который уже въ печати, также будетъ посвященъ сочиненіямъ Т. Гр. Шевченко; въ третьемъ переводчикъ обѣщаетъ повѣсти Основьяненка (Квітки); четвертый томъ будетъ состоять изъ повѣстей Марка Вовчка.

— *Вспышки угасающаго откупа.* Вотъ, что сообщаетъ, въ Од. В.—г. И. Иванченко: «Со мной приключилась слѣдующая исторія. Для ясности скажу, что отецъ мой, пролежавъ около трехъ недѣль опасно больнымъ, началъ было поправляться. 12 числа февраля, когда я отлучился по службѣ въ Херс. уѣздное училище, часовъ около 11 утра, толпа пьяныхъ солдатъ и мужиковъ, предводимая питейными повѣренными: Гершкою Штейманомъ, Зах. Варвинскимъ и однимъ изъ полицейскихъ агентовъ (что я узналъ въ послѣдствіи), вломилась сначала во дворъ, а потомъ и въ домъ къ родителямъ моимъ и, не слушая увѣщаній матери, предупреждавшей ихъ о болѣзни отца, разсыпалась въ количествѣ 20 слишкомъ человѣкъ, по комнатамъ, стала переворачивать мебель, мять и рвать платье, бить посуду, ища чего-же?—водки. Все было осмотрѣно ими—отъ сундука до пузырька съ лекарствомъ и до кармановъ,—и никакой водки не было найдено. Толпа отхлынула назадъ, изломавъ и раздавивъ часть мебели и посуды, утащивъ изъ моей комнаты часть моего платья и подѣйствовавъ на здоровье отца самымъ печальнымъ образомъ. Слабый, больной, тихій и боязливый старикъ не перенесъ равнодушно нахальнаго обыска, и снова впалъ въ опасное болѣзненное состояніе. Я вѣрю, что подобныя происшествія станутъ скоро анахронизмомъ и въ Хер-

сонѣ, но вотъ еще слѣды отживающаго времени и умирающаго откупа.» — Неужели дѣло тѣмъ и кончилось??

— *Пароходство по Днѣпру*. Правленіе общества объявило, что съ 28 марта открыто правильное пассажирское сообщеніе между Кіевомъ, Кременчугомъ, Екатеринославомъ. Пароходы отходятъ изъ Кременчуга въ Кіевъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, отъ Кіева въ Кременчугъ по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, отъ Кременчуга въ Екатеринославъ по вторникамъ и пятницамъ и отъ Екатеринослава въ Кременчугъ по воскресеньямъ и четвергамъ.

— *Съѣздъ естествоиспытателей въ Кіевѣ*. «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что съѣздъ естествоиспытательный для научныхъ и педагогическихъ совѣщаній будетъ въ Кіевѣ и въ настоящемъ году. Учителя естественныхъ наукъ въ кіевскихъ гимназіяхъ получили уже приглашеніе прибыть для этой цѣли въ Кіевъ 21 іюня. Совѣщанія будутъ съ 11 по 18 іюня.

— *Болѣзнь отъ примѣси рожковъ въ житѣ*. Въ деревняхъ Владовкѣ и Писаровкѣ Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда появилась на людяхъ болѣзнь Raphania, отъ примѣси въ значительномъ количествѣ, рожковъ въ житѣ, отъ коей до 10 февраля умерло 7 беременныхъ женщинъ, 8 выкинуло плодъ и остается больныхъ болѣе 30. Объ этомъ мѣстное медицинское правленіе немедленно донесло начальству, которое сдѣлало распоряженіе о производствѣ слѣдствія по закону, также какъ и объ оказаніи больнымъ необходимаго медицинскаго пособія.

— *Отчетъ о первомъ музыкально-литературномъ вечерѣ*, бывшемъ въ Одессѣ въ пользу ремесленной школы. Въ этомъ отчетѣ намъ показались любопытными цифры сбора (140 р. 75 к.), расхода (123 р.–50 к.) и выручки (17 р.–25 к.). Содержателю театровъ заплачено за зданіе 90 р., да и то по недостаточности сбора, а по условію слѣдовало 120 р. Странно!... Вечеръ благотворительный, въ пользу школы, а содержатели театровъ берутъ такія огромныя цѣны за зданіе!?

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

1862.

III.

№ XXIX—*Цыганка*, срисованная мною съ натуры въ м. Седневѣ, Черниговскаго уѣзда.

Одна изъ живописныхъ чертъ украинскаго населенія — это—племя цыганъ, которое бродитъ съ мѣста на мѣсто, останавливаясь шатрами то въ лѣсу, то въ рощѣ, то на лугахъ; отсюда уже они ходятъ въ окрестныя ярмарки. По возвращеніи съ прибылью, таборъ пируетъ — пьетъ, танцуетъ и поетъ. Сцены цыганскаго табора полны занимательности. Жизнь въ нихъ проявляется во всей своей пластичности; это обильный матеріалъ не только для живописца, но и для всякаго наблюдателя. Страсти тамъ безъ покрова, во всей своей дикой наготѣ и красотѣ. Пляска, пѣсни съ гиканьемъ и хлопаньемъ въ ладоши, полны художественной прелести. Нельзя и сравнивать этихъ *плащова́тыхъ* цыганъ, въ изодранномъ рубищѣ, въ коралахъ и дукачахъ, въ чалмахъ изъ шалей, полунагихъ, а часто и совершенно нагихъ, въ лѣсу, среди лопушника, или въ дубовой рощѣ, когда все залито палящимъ солнцемъ, когда въ зелени блеститъ темнымъ свѣтомъ неправильный, изодранный шатеръ, а подлѣ, на веревкѣ, лежитъ тощій, мохнатый и злой барбосъ, хрюкаютъ свиньи, блеютъ овцы, ржетъ лошадь, кричитъ краденный пѣтухъ и синій дымокъ тамъ-и-сямъ пробирается черезъ вѣтви, а пляшущія цыганки — красавицы, съ раскинутыми локонами, въ яркихъ лентахъ, легкія, стройныя, гибкія, энергическія, дрожатъ всѣмъ тѣломъ и съ замершимъ шопотомъ на устахъ разжигаютъ кровь и возбуждаютъ нервы, — нельзя, говорю, и сравнивать такихъ цыганъ — съ этими, на парадной плотформѣ, умышленно костюмированными, напомаженными и раздушенными хорами московскихъ цыганъ, поющихъ сентиментальную чепуху, которая такъ плѣняетъ большу́ю неестественно-развившуюся часть общества.

Покидая наши безжизненные города и оставляя за собой длинную, пустую улицу съ домомъ полиціи, неизмѣримую площадь съ церковью и недостроенными лавками, присутственныя мѣста и острогъ,—я дышалъ свободнѣе, въ-особенности когда попадалъ въ среду кочующаго табора. Я отдыхалъ душою посреди этой вольной толпы и бездомныхъ ободранцевъ, межъ этими черномазыми лицами съ свободными движень-

ями, свободнымъ, смѣлымъ взглядомъ, ничѣмъ несдержаннымъ словомъ, посреди этого дикаго народа, до котораго не коснулась цивилизаторская тля, который лишенъ всего—но не духа свободы. Воздухъ, просторъ и воля — вотъ первыя условія его жизни. Цыганскіе таборы живописны во всякое время дня и ночи,—стоятъ ли на мѣстѣ, поднимутся ли въ походъ съ пѣснями и пляской.

№ XXX — *Старцi* (нищіе), — срисованные съ натуры А. Е. Бейдеманомъ, награвированные В. В. Верещагинымъ.

Л. Ж.

ИЗВѢЩЕНІЕ

ПРОЗАИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА НА ВЕЛИКОРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

По смерти украинскаго поэта, Т. Гр. Шевченка, осталось одинадцать рукописей, въ которыхъ заключаются литературныя (довольно слабыя) сочиненія поэта, писанныя на великорускомъ языкѣ, прозою.

Изъ этихъ рукописей, девять переписаны рукою Шевченка вполнѣ,—одна—на половину, а другая ея половина и еще одна рукопись только исправлены авторомъ. Всѣ онѣ переписаны на сѣрой плохой бумагѣ, и большею частью не сшиты въ тетради, а только сложены въ четверть и полъ-листа.

Сочиненія эти, какъ рѣдкость, продаются всѣ вмѣстѣ и каждое отдѣльно, (но *безъ права изданія*, которое остается за наслѣдниками), по слѣдующей цѣнѣ:

1) *Наймичка*, написанная 25 февраля 1844 года, въ Переяславѣ, на $15^1/_2$ листахъ, сложенныхъ въ $^1/_4$ листа 50 р.
2) *Варнакъ*, 1845 г. въ Кіевѣ, $13^1/_2$ листовъ—$^1/_4$ л. 40 »
3) *Княгиня*, 1853 г. подписано *Лармограй* (псевдонимъ Шевченка); безъ конца. 3 листа—$^1/_4$ л. . . 10 »
4) *Музыкантъ*—28 ноября (начата), 15 января 1854 г. (окончена), 10 лист.—$^1/_4$ л. . . . . 30 »
5) *Несчастный*, 24 января и 20 февраля 1855 г., $7^3/_4$ л.—$^1/_4$ л. . . . . 25 »
6) *Капитанша*, 15 марта, $4^1/_4$ л.—$^1/_4$ л. . . . 15 »
7) *Близнецы*, 10 іюня и 21 іюля, $13^1/_3$ л.—$^1/_4$ л. . 40 »

8) *Художникъ*, 25 янв. и 4 октяб. 1856, 10 л.—$^1/_4$ л. 30 »

9) Драматическое произведеніе, безъ названія и конца, неизвѣстно какого времени, 3 л.—$^1/_2$ л. . . . 10 »

10) *Прогулка съ удовольствіями и не безъ морали*, въ двухъ частяхъ. Первая часть на $22^1/_2$ листахъ, переписана не Шевченкомъ, а только имъ исправлена (*30 ноября 1856 года*); вторая же часть, на 23 листахъ, переписана самимъ Шевченкомъ. Подъ обѣими подпись *Дармограй*—$^1/_2$ л. . . . . 100 »

11) *Повѣсть о безродномъ Петрусѣ*, неизвѣстно какого времени, переписанная не Шевченкомъ, а имъ только исправленная $23^1/_2$ л.—$^1/_2$ л. . . . . 25 »

Желающіе пріобрѣсть эти рукописи могутъ адресоваться къ довѣренному отъ наслѣдниковъ Шевченка, Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому, *въ Москву, на Сивцовомъ Вражкѣ въ домѣ Дымковой*, съ приложеніемъ денегъ, для доставленія ихъ наслѣдникамъ покойнаго поэта.

Мы были бы весьма благодарны за перепечатку этого извѣщенія и въ другихъ изданіяхъ.

М. Лазаревскій.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 3-Й КНИЖКѢ ОСНОВЫ.

Аркушъ — листъ бумаги.

Бабу́ня — (ум.) — бабушка.

Балакли́вий — разговорчивый.
Безголо́вьячко — бѣда, горе, неудача.
Бідо́та — бѣдность, бѣдняки.
Біля́венький — бѣлокурый.
Благе́нький — слабый, жалкій.
Бубоні́ти — говорить себѣ подъ носъ—невнятно.
Буя́ти — парить; возвыситься.

Ва́житьця — вѣситься; осмѣлиться; рѣшиться.
Варъ — жаръ.
Величáтись — хвалиться.
Вздріти — увидать.
Відва́жний — отважный.
Визеру́нки — картинки
Візни́ка — возница, кучеръ.
Вико́чувати — выкачивать.
Вінкопле́тини — плетенье вѣнковъ.
Вистри́бувати — весело скакать.
Ви́ще — выше.
Вийма́етця (*со́нечко*) — подымается, восходитъ (солнце).
Вквічáтись — убрать голову цвѣтами.
Вовкоду́хий — сердитый, злой.
Во́рохъ —куча зернового хлѣба.
Всміти — посмѣть; осмѣлиться.
Втру́чити — втиснуть, втоптать, вбить.

Га́нна — Анна.
Га́ньба—безчестье, безславіе.
Га́ночки — крыльцо́.
Гантова́ти — вышивать (золотомъ).
Гайдама́ка — самозванный козакъ; разбойникъ.
Гéпнути — произвести глухой шумъ (при паденіи чего-либо тяжелаго).
Гільча́стий — вѣтвистый.
Го́ді! — полно! довольно!
Годи́нонька — неопредѣленное пространство времени, — часъ; *лиха́я* (моя) *годи́нонька*! возгласъ, выражающій несчастное стеченіе обстоятельствъ.
Голі́вка (уменьш. ласкат.) — голова.
Гордова́тий — горделивый.
Гре́че — вѣжливо, прилично.
Гречкосій — хлѣбопашецъ.
Грець — молодецкая схватка.
Гри́ще — мѣсто, гдѣ происходятъ (народныя) игры.
Гру́кнути — хлопнуть, стукнуть сильно (дверьми).
Gудзь — пуговица.
Гу́та — стекляный заводъ, (заводская печь).
Гу́чний — звучный, громкій.

Дахъ — крыша.
Дворáкъ — дворовый, придворный.
Джмі́ль — шмель.
Дзвіно́чокъ — колокольчикъ.
Дзюркота́ть — литься съ журчаньемъ.
Де́-коли — кой-когда, иногда.
Де́-який — иной, нѣкоторый.
Дни́нка — денекъ.
До́вший — (сравн. степ.) — длиннѣе.
Дога́на — попрекъ, пренебреженіе.
Доло́ня — ладонь.
Дома́ха — Домна.
Допада́ти — приходиться къ чему-либо.
Дорозумова́тись — додуматься.
Дошúмряться — догадаться, докопаться.
Дощови́й — дождевой.
Дра́нка — ветошь.
Дра́ти — (крупи́)—обдирать (крупу).
Дро́тикъ — чулошный прутокъ, — проволока.
Дру́жба — шаферъ (на свадьбѣ).
Дрючúна — дубина.
Дука́ть — червонецъ.
Дурни́ця — пустяки, глупость.

Е — есть.
Едама́шки — дамасская матерія.

Жартъ — шутка.
Жва́вий — живой, молодцоватый.
Жіно́чий — женскій.
Жи́вцемъ — живьемъ.

Забари́тьця—замешкать; запоздать.
За брязча́ти — зазвучать (ключами, деньгами), задребезжать.
Завда́ти — задать.
Загальмува́ти — затормозить.
Загуготі́ти—загудѣть глухо.
Загурча́ти — зашумѣть, зажурчать (о дождѣ).
Задля́тись — замедлить.
Заждáти — обождать.
За́вжди — всегда.
Задріботі́ти — зачастить ногами.
За́ки — доколѣ, пока.
Залопотіти — зашумѣть чѣмъ-либо упругимъ, быстро приводящимъ воздухъ въ движеніе.
Занапасти́ти — погубить.
Занедба́ти — оставить безъ вниманія, въ пренебреженіи.
Запа́ска — родъ передника.
Заплю́щитись — зажмуриться.
За́разъ — сейчасъ.
Захова́тись — спрятаться; скрыться.
Зачарува́ти—обворожить, заколдовать.
Збліднути — поблѣднѣть.
Зві́дки — откуда.
Звива́тись — извиваться, увиваться.
Звíсно — извѣстно.
Зви́читись — привыкнуть.
Зворухну́тись—повернуться, сдвинуться.
Згірье — гористое мѣсто.
Здибати — встрѣтить, напасть на слѣдъ.
Здоліти — одолѣть, достигнуть.
Здоровíйшъ — здоро́вѣе.
Зітхну́ти — вздохнуть.
Зізна́тись—познакомиться, сойтись.
Зирну́ти — взглянуть.
Зліслúвший — злѣйшій.
Зміни́ти—смѣнить, перемѣнить, измѣнить.
Зміркува́тись — одуматься, столковаться.
Зро́шений — орошенный, омоченный.
Зупини́тись — остановиться, задержаться.
Зупиня́тись — останавливаться, задерживаться.
Зъо́чити — завидѣть издали.

Ива́сь, Ива́шко — Ваня.
Избáчити — извинить.
Измага́тись — спорить, сопротивляться.

Казнодíй — проповѣдникъ.
Ка́пость — пакость.
Керни́ця, крини́ця — натуральный источникъ, колодезь безъ сруба.
Кирпа́тий — курносый.
Клопота́тись — хлопотать, безпокоиться, заботиться.
Княги́ня—княгиня; невѣста; князь—князь; женихъ.
Коливáти — медленно, прихрамывая идти.
Коли́ска — зыбка, колыбель.
Колува́ти — кружить.
Кома́ха — муравьи.
Комашня́ — муравейникъ.
Кона́ти — умирать, кончаться.
Кошъ — корзина; Кошъ (Запорожскій).
Кр(е)іпа́къ — крѣпостной.
Кри́шка — крышка; крошка.
Крулевщи́зна — королевское имѣніе.
Кужíль — льняное прядево.
Куховáръ — поваръ.

Ладъ — порядокъ, способъ, ладъ, согласіе.
Ла́ститьця — ласкаться.
Ліжко — ложе, кровать.
Либо́нь — чуть ли не.
Лука́шъ — Лукьянъ.
Люди́на—человѣкъ въ смыслѣ единичности, безразлично — мужскаго и женскаго полу.
Ляскотíти—хлопать (плетью и т. п.).

Мае́токъ — имѣніе.
Мандрівка — путешествіе, бродяжничество.
Мідяни́й — мѣдный.
Молода́та — молодые люди.
Морґъ — мѣра — участокъ—земли.
Мо(і)цний — мощный, сильный.
Мурíгъ — мурава.

Навáдница — наговорщица, ябедница.
На-ве́рсі—на верху.
Наідки—снѣди, кушанья.
Наменýти—напомнить, намекнуть.
Напина́тись — накрываться (покрываломъ).
Нарíка́ти — роптать.
Насу́питись — надуться, нахмуриться (о человѣкѣ).

На-ході́ — на ходу.
Невідхі́дно — неотходя.
Непиту́щий — непьющій
Несени́тница — галиматья, ни сё, ни то́.

Оберта́ти — поворачивать, (въ переносномъ смыслѣ—бить).
Оби́два — оба. Оби́дві — обѣ.
Обійня́ти — обнять.
Обі́къ — возлѣ, сбоку.
Обіручъ — обѣими руками.
Обома́ — обоими.
Обра́ти — выбрать, избрать.
Ове́рко — Аверьянъ.
Ого́втатись — обжиться, свыкнуться.
Оддалеки́ — издали.
Оддя́чити — отблагодарить.
Оксами́тъ — бархатъ.
Оле́ся — Александра,—ъ.
Она́ка — иная.
Опівдня — въ полдень.
Опівно́чі — въ полночь.
Осві́та — просвѣщеніе.
Оступа́чити—удивить, обойти, поставить въ тупикъ.
Ось — вотъ.
Отъ — вотъ.
Охи́жіти — озлиться, разъяриться.

Па́дкатись — хлопотать, возиться, ухаживать.
Панце́рний (полкъ) — родъ кирасиръ.
Па́ра — паръ.
Перере́панка—расползшаяся одежда.
Перешко́да — помѣха, препятствіе.
Помісь — вмѣсто, намѣсто.
Пи́тво́ — питье.
Пла́вле — плыветъ.
Поли́ця—полка въ хатѣ для посуды.
Помья́кшати — сдѣлаться мягче.
По́ночі — въ потьмахъ.
Попричиня́ти — притворить.
Поту́ха — ви́пить на поту́ху—опохмѣлиться.
Погори́джа — пожарище, остатки послѣ пожара.
Поже́жа — пожаръ.
По́мста — отмщеніе.
Поса́гъ — приданое.
Посімьяни́нъ — семейный, свой человѣкъ.
Поскори́тьця — поторопиться.
Пото́вплюватись—мѣститься, пробираться въ толпѣ.
По́хапцемъ — поскорясь; въ-попыхахъ.
Пра́гнути — жаждать.
Прививджуватись — привидѣться (во снѣ).
Приручи́ти — поручить.
При́смеркомъ — сумерками.
Присоло́джувати —подслащать.
Причілокъ—передняя *внѣшняя* сторона хаты, гдѣ ставятся образа́.
Причі́пка — привязка, придирка.
Причи́шкнути — притихнуть, замолчать.
Прозво́дникъ — лицедѣй.
Про́кіпъ — Прокофій.
Про́мінь — лучь.
Проштра́фность — проступокъ.
Прочва́ра — пройдоха.
Прочуха́нка — сѣчка (розгами и т. п.).
Пу́гу, пу́гу! — крикъ филина и Запорожца.
Пуць — бацъ, хлопъ (напр. пуцъ ёму́ въ но́ги — хлопъ ему въ ноги).

Ра́нокъ — утро.
Ра́нтухъ, або ла́нтухъ — большой кусокъ (родъ простыни) толстаго полотна, предназначенный для ссыпки въ него разнаго зерна.
Ра́птомъ — разомъ, вдругъ.
Розволочи́тись — избаловаться.
Розжа́лобити — растрогать, умилостивить.
Розси́патись — (переносн.) родить; разрѣшиться отъ бремени.
Ру́бки — платья.
Рядни́на — самый грубый холстъ.

Садовля́ти—усаживать (о многихъ).
Самі́сінько та́къ — именно такъ.
Сварли́во — сердито.
Свінути — блеснуть; разсвѣтать.
Світли́чка — чистая комната, горница.
Сиве́нький — (ум.) — сѣдой.
Си́лечка (одъ си́ла) — множество.
Скоси́рний —
Сми́кати — дергать.
Сні́по́къ — (умен.) — снопъ.
Совману́ти — сунуть, толкнуть, двинуть.
Со́нейко — солнышко.
Спа́докъ — наслѣдство.
Спе́ршу — спервоначала.
Спро́дувати—сбывать съ рукъ, продавать.
Старці — нищіе.
Сте́женька — дорожка.
Стемéнний — настоящій, дѣйствительный, точь-въ-точь.
Сумирний — смирный.
Стільчикъ — стулъ.
Сти́шіти — стихнуть.

Стрепеха́тись — пугаться, встревожиться.
Сту́день —
Ступня́ — ступень; шагъ.
Стусува́ти — бить.
Счини́тись — случиться, сбыться.
Супо́нити — (переносн.) — бить.
Ська́ти — искать (въ головѣ).
Сягну́ти — хватить; достать.
Ся́ющий — сіяющій.

Ті — тѣ.
Ти́тарь — церковный староста.
Ти́ша — тишь.
Товче́ники — родъ кушанья; (переносн.) толчки.
Те́е-то — вотъ это-то.
Трави́чка — травка.
Тра́пилось — случилось, пришлось, попалось кстати.
Туря́ти — гонять.
Ту́тича — тутъ; здѣсь.

Убра́нне — нарядъ.
Удво́хъ, у-двійзі — въ-двоемъ.
У-дву́конь — парою лошадей.
Укорпну́ути — колупнуть.
Уни́та — уніятъ.
Уну́чечка — внучка.
Усіма́ (увѣсь, ввесь, весь — и всей — весь) — всѣми.
Устя — Устинья.
Утпу́ти — хватить; отрѣзать; понять и сдѣлать.

Фа́ска — небольшая деревянная посудина.

Хве́ська — Ѳеодосія.
Хлопчена́та — дѣти — мальчики.
Хурди́га — бѣдствіе, иго.
Ху́тіръ — выселокъ, поселокъ, мыза.

Цви́нтарь — паперть.
Цікаве (о́ко) — любопытный (гла́зъ).

Чарівни́ця — колдунья.
Ча́ти — засада.
Че́рга́ — очередь.
Човгъ — слово, обозначающее горизонтальное движеніе по землѣ, напр. ползаніе змѣи.
Чу́лка — чулокъ.

Шкадро́нъ — эскадронъ.
Шпи́лька — булавка.
Шпори́шъ — мелкая травка (polygonum aviculare, L.)?
Штовхну́ути — толкнуть.

Щеми́ти — болѣть (о сердцѣ).

Юрко́ — Юрій.

Яково́ — каково.
Янгеля́точко — (ум.) — ангельчикъ.

ОСНОВА

1862

КВІТЕНЬ

(АПРѢЛЬ)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, LVII, Неофіти, (поэма) **Т. Г. Шевченка.**
II. Листи **Шевченка** до А. І. Козачковського и Николая Осиповича О.
III. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**
IV. Кіндратъ-Бубненко-Швидкий, **А. П. Стороженка.**
V. Де́ найшо́въ, де́ загуби́въ, **Павла Шуліки.**
VI. Поѣздка въ Украину, **П. А. Куліша.**
VII. 1) Паня́ночці и 2) Шкода́ залиця́ння, **Миколайчика Білокопитого.**
VIII. Весілля надъ Збручемъ.
IX. Русины въ 1848 году.
X. Мнѣніе г. Палацкаго о козакахъ, — **ва.**
XI. Объ отношеніяхъ сельскихъ священниковъ къ народу, **Яструбця.**
XII. О сельскомъ училищѣ и о сельскихъ учителяхъ, **П. П. Чубинскаго.**
XIII. Описаніе Екатеринославской губерніи, г. Павловича, **В. П. Л.**
XIV. Вісті: Третій листъ зъ Дударівъ, **Бориса Познанського.**
XV. Подоль, **Щ. М.**
XVI. Исторія Бориспольской школы, **П. П. Чубинскаго.**
XVII. Изъ г. Таращи.
XVIII. Давній листъ зъ Васильковського повіту, **Ѳ. Панченка.**
XIX. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимiръ Мономахъ.

1862

КВІТЕНЬ

(АПРѢЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 17 мая, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

КОБЗАРЬ.

LVII.

НЕОФІТИ[1].

(поэма).

Сія глаголетъ Господь: сотворите судъ и сохраните правду, приближи бо ся спасеніе мое прійти, и милость моя открыется. (*Исаія V, 1.*)

М. С. ЩЕПКИНУ.

(*На памьять 24 декабря 1857 року.*)

Возлю́бленнику му́зъ и гра́цій!
Ждучи́ тебе́, я ти́хо плачу
И ду́му ско́рбную мою́
Твоій душі передаю́.
Привіта́й же благоду́шне
Мою́ сироти́ну,
Нашъ вели́кий чудотво́рче,
Мій дру́же еди́ний!
Привіта́ешъ: убо́гая,
Си́рая, съ тобо́ю
Перепливе́ вона́ Ле́ту, —
И огне́мъ-слізо́ю

---

(1) У ли́сті до М. М. Лазаревського отъ 21 января 1858 р. (Основа, III-я книжка 1862 р., листъ XII-й), Т. Гр. Шевченко писа́въ, що »*Неофіти* не ви́кончені.« Після того, вінъ не прийма́вся за іхъ; такъ вони́ та́къ и зостались не ви́конченними. *Ред.*

Упаде́ колúсь на зе́млю
И прúтчою ста́не
Роспина́телямъ наро́днімъ,
Грядýщимъ тира́намъ.

ПРОЛОГЪ.

Давно́ вже я сижý въ невóлі,
Нена́че зло́дій взаперті,
На шляхъ дивлю́ся та на по́ле,
Та на ворóну на хресті
На кладови́щі; бíльшъ нічóго
Зъ тюрми́ не ви́дно; сла́ва Бóгу
Й за те́, що ба́чу, що живýть
И Бóгу мóлятця и мрýть
Хрещéні лю́де.
Хрестъ висóкий
На кладови́щі, трóхи, зъ-бóку,
Златомалёваний, стоíть.
Не вбóгий, мáбуть, хтось лежúть!..
И намалёвано: роспя́тий
За насъ Синъ Бóжий на хресті.
Спаси́бі си́ротамъ бага́тимъ,
Що хрестъ поста́вили; и я́ —
Така́я дóленька моя́! —
Сижý собі та все дивлю́ся
На хрестъ висóкий изъ тюрми́....
Дивлю́сь-дивлю́ся, помолю́ся, —
И гóре-гóренько моé,
Мовъ нагодóвана дитúна,
Затúхне трóхи... и тюрмá
Нена́че ши́ршае; співáе
И пла́че сéрце, оживáе
И въ тéбе, Бóже, и въ святúхъ
Та прáведнихъ Твоíхъ питáе:
Щó Вінъ зробúвъ імъ—той святúй,
Той Назорéй, той Синъ единий,

Бо́гомъ-избра́нноі Мари́і —
Що́ Вінъ зроби́въ імъ? И за що́
Ёго́ свято́го мордува́ли,
Во у́зи кова́ли
И главу́ Ёго́ чесну́ю
Те́рномъ увінча́ли;
И ви́вели зъ злодіями
На Голго́фу-го́ру
И повісили міжъ ни́ми?
За́ що́? — — —
— — —
Благослове́нная въ жена́хъ,
Свята́я пра́ведная Ма́ти
Свято́го Си́на на землі!
Не дай въ нево́лі пропада́ти,
Літу́чі літа ма́рне тра́тить,
Скорбя́щихъ ра́досте! Пошли́ —
Пошли́ міні святе́е сло́во —
Свято́і пра́вди го́лосъ но́вий,
И сло́во ро́зумомъ святи́мъ
И оживи́ и просвіти́!
И роскажу́ я лю́дямъ го́ре,
Якъ та́я ма́ти ріки-мо́ре
Слёзи́ крова́воі лила́,
Такъ якъ и ти, — и приняла́
Въ живу́ю ду́шу світъ незри́мий
Твое́го ро́спятого Си́на!...
Ти, ма́ти Бо́га на землі,
Ти слёзи ма́тері до-кра́ю —
До-ка́плі ви́лила!.. Рида́ю,
Молю́, рида́ючи: пошли́, —
Пода́й душі убо́гій си́лу,
Щобъ о́гненно заговори́ла,
Щобъ сло́во пла́менемъ взяло́сь,
Щобъ лю́дямъ се́рце ростопи́ло
И на Укра́йну понесло́сь
Те сло́во — Бо́жее кади́ло —
Кади́ло и́стини.... Амінь.

I.

Не въ на́шімъ кра́і Бо́гу-ми́лімъ,
Не за гетьма́нівъ и царівъ,
А въ Ри́мській и́дольскій землі
Се беззако́ніе твори́лось, —
Либонь за Де́ція-царя́,
Чи за Нерона-сподаря́, —
Сказа́ть запе́вне не зумію.
Неха́й за Не́рона...
Росії
Тоді й на сві́ті не було́,
Якъ у Ита́ліі росло́
Мале́ дівча́; и красото́ю —
Свято́ю, чи́стою краcóю —
Якъ та́я ли́лія цвіло́.
Дивилася на не́і ма́ти
И молоділа, и дівча́ті
Люде́й шука́ла, и знайшла́;
Та, помоли́вшись Гимене́ю
Въ своімъ весе́лімъ гинеке́і,
Въ чужи́й весе́лий одвела́.
Не за́баромъ зроби́лась ма́ти
Изъ до́брого того́ дівча́ти —
Дити́ну-си́на привела́;
Моли́лася своімъ пена́тамъ
И въ Капито́лій принесла́
Нема́лі же́ртві; ублага́ла
Капитолійський той синкли́тъ,
Щобъ пе́рвенця ії вита́ли
Свяги́і и́доли. Гори́ть
И де́нь и нічъ передъ пена́томъ
Свяги́й ого́нь. Радіе ма́ти:
Въ Алки́да си́нъ ії росте́,
Росте́.... лиця́ютця гете́ри.
И передъ о́бразомъ Вене́ри
Лампа́ду світять...

II.

Тоді вже схóдила зоря́
Надъ Вифлеéмомъ: прáвди слóво —
Святóї прáвди и любóві —
Зоря́ всесвітняя зійшлá
И мúръ и рáдість принеслá
На зéмлю лю́дямъ. Фарисéї
И вся мерзéна Іудéя
Заворушúлась, заревлá,
Ненáче гáдина въ болóті,
И Сúна Бóжого во плóті
На тій Голгóві роспьялá
Межи́ злодіями; — и спáли,
Упúвшись крóвію, кати́, —
Твоéю крóвію!... а ти
Возстáвъ одъ гróбу. Слóво встáло —
И слóво прáвди понесли́
Твої апóстоли святíї.

III.

Тоді жъ, отó, ії Алкúдъ,
Та ще гетéри молоди́і,
Та козлоно́гий пья́ний дідъ
Надъ сáмимъ Аппіевимъ шляхомъ
У гáі гáрно роздяглúсь,
Ищé гарніше попилúсь,
Та й покланя́лися Пріáпу...
Ажъ гýлькъ! идé святúй Петрó,
Та йдýчи въ Римъ благовісти́ти,
Зайшóвъ у гáй води́ напúтись
И одпочúти. — »Блáго вамъ!« —
Сказáвъ апóстолъ утомлéний.
И óргію благословúвъ
И тúхимъ, дóбримъ, крóткимъ слóвомъ
Благовісти́въ імъ слóво нóве.

Любо́вь, и пра́вду, и добро́ —
Добро́ найкра́щее на сві́ті —
То — братолю́біе. И си́тий
И пья́ний й го́лий фа́внъ ото́й
И синъ Алкидъ твій, и гете́ри —
Всі, всі упа́ли до землі
Передъ святи́мъ, и повели́
До се́бе въ те́рми на вече́рю.

IV.

И въ те́рмахъ о́ргія: горя́ть
Черто́ги пу́рпуромъ и зла́томъ,
Куря́тця а́мфори; дівча́та
Трохи́ не го́ліі стоя́ть
Передъ Кипри́дою, и въ-ладъ
Співа́ють ги́мнъ. Приуготова́нъ
Весе́лий пиръ, и полягли́
На ло́жахъ го́сті... ре́гітъ, го́мінъ!...
Гете́ри го́стя привели́
Сивоборо́дого, — и сло́во
Изъ устъ Апо́стола свято́го
Драги́мъ еле́емъ потекло́, —
И сти́хла о́ргія... А жри́ця
Кипри́ди—о́ргіі цари́ця,
Пони́кла ра́діснимъ чело́мъ
Передъ апо́столомъ — и вста́ла,
И всі за не́ю повстава́ли
И за апо́столомъ пішли́
У катако́мби. И еди́ний
Твій си́нъ Алки́дъ пішо́въ за ни́ми
И за апо́столомъ святи́мъ —
За тимъ учи́телемъ своімъ!...
А ти весе́ла ви́йшла зъ ха́ти
На шля́хъ изъ га́ю вигляда́ти
Свого́ Алки́да. Ні, нема́!...
Уже й не бу́де!.. Ти сама́

Помóлився своїмъ пенáтамъ,
Самá вечéрять сúдешъ въ хáті...
Ні, не вечéрять, а ридáть,
Ридáть и дóлю проклинáть,
И сúвіть кленучúй. И — гóре!
Умрéшъ есúй на самоті,
Мовъ прокажéнна!...

V.

На хресті
Стрпмглáвъ повісили святóго
Того́ апóстола Петрá,
А неофúтівъ (1) въ Сиракýзи
Въ кайдáнахъ одвезлú. И синъ —
Твій синъ Алкúдъ, твоя́ дитúна,
Едúная твоя́ родúна,
Любóвъ едúная твоя́,
Гнúе въ невóлі, у кайдáнахъ;
А ти, прескóрбная, не знáешъ,
Де вінъ конáе, пропадáе!..
Идéшъ шукáть ёго́ въ Сибіръ,
Чи тéе... въ Скúѳію... И ти...
И чи однá ти?.. Бóжа Мáти,
И заступú васъ и укрúй!..
Немá семьі, немáе хáти,
Немáе брáта, ні сестрú,
Щóбъ не запла́кані ходúли,
Не катувáлися въ тюрмі,
Абó въ далéкій сторонí,
Въ Брптáнськихъ, Гáльськихъ легіóнахъ
Не муштрувáлись!.. О, Нерóне,
Нерóне лю́тий! Бóжий судъ
Правдúвий, нáглий, сéредъ шляху
Тебé осýдить: припливýть
И прилетя́ть зо всёго світу

(1) Новохрещéнцівъ.

Святії му́ченики — діти
Свято́ї во́лі; кругъ одра́
Кругъ сме́ртного твого́ поста́нуть
Въ кайда́нахъ, — и... тебе́ простя́ть:
Вони́ брати́ и христия́ни,
А ти соба́ка, людоїдъ,
Деспо́тъ скаже́ний!...

VI.

Ажъ кишѝть
Невóльника у Сиракýзахъ
Въ лёхáхъ и тюрмахъ; а Медýза
Въ шинкý зъ старця́ми пья́на спи́ть...
Отъ-отъ проки́нетця, — и по́томъ
И кро́вью ва́шою, деспо́ти,
Похмілля спра́вить.
Скрізь шука́ла
Дити́ну ма́ти: не знайшла́ —
И въ Сиракýзи поплила́,
Та тамъ уже́ ёго́ въ кайда́нахъ
Найшла́, серде́шная, въ тюрмі.
Не допусти́ли й подиви́тись,
И мýсила вона́ седіти
Коло́ остро́гу, — ждать и ждать,
Якъ Бо́га зъ не́ба, виглядáть
Своє́го си́на, ажъ поки́-то
Ёго́ въ кайда́нахъ пожену́ть
Бульва́ръ мести́. —
А въ Ри́мі свя́то,
Вели́ке свя́то! Ти́скъ наро́ду,
Зо всёго ца́рства воево́ди,
Преторія́не и сена́тъ;
Жерці и ли́кторі стоя́ть
Кругъ Капито́лія — и хо́ромъ
Співа́ють ги́мнъ и ку́рять димъ
Зъ кади́лъ и а́мфоръ. И зъ собо́ромъ

Идé самъ кéсарь; передъ нимъ
Изъ брóндзи лúтую статýю
Самóго кéсаря несýть.

VII.

Непéвне вúдумали свя́то
Патрúціі-аристокрáти
И мýдрий кéсарівъ сенáтъ:
Вонú, бачъ, кéсаря хвалúли
На всі ладú, що ажъ остúло
Ёго́ самúмъ імъ вихваля́ть, —
Та заразóмъ щобъ доконáть,
Вонú на рáді й присудúли,
Щобъ прóсто кéсаря назвáть
Самúмъ Юпúтеромъ, — та й гóді!...
И написáли воевóдамъ
По всёму цáрству тáкъ-и-тáкъ:
Що кéсарь — богъ, ще більшъ одъ Бóга,
И мáйстрові далú ковáть
Изъ брóндзи кéсаря; до-тóго,
Такъ нóта-бéне додалú,
Що брóнзовий той кéсарь бýде
И мúлувать... Сердéшні лю́де,
Ненáче въ úрій, потяглú
У Римъ на прóщу. Приплилá
Изъ Сиракýзъ и та небóга
Благáти кéсаря и бóга.
И чи однá вонá? мій Бóже!
Прийшлó íхъ тúсяча въ слізáхъ,
Прийшлó здалéка!..
Гóре зъ вáми!
Кого́ благáти ви прийшлú?
Кому́ ви слёзи принеслú?
Кому́ ви принеслú зъ слёзáми
Свою́ надію?... Гóре зъ вáми!
Кого́ благáете, благúі,

Раби́ незря́чні, сліпи́ї!
Чи ка́тъ поми́лу́е кого́?
Моліте́сь Бо́гові одно́му,
Моліте́сь пра́вді на землі, —
А бі́льше на землі нико́му
Не поклоні́тесь. Все́ брехня́!

VIII.

Передъ Неро́номъ,
Передъ Юпи́теромъ нови́мъ,
Моли́лись вчо́ра сенато́ри
И всі патри́ції, — и вчо́ра
Лила́ся бо́жа благода́ть:
— — —
Преторія́не помоли́лись —
Преторія́намъ давъ ука́зъ,
Щобъ все, що́ хо́чуть, те й роби́ли,
А ми поми́луемо васъ;
И ви плебе́і — гречкосі́і —
И ви моли́лися, — та васъ
Ніхто́ не ми́луе! не вміють
Васъ и поми́лувать гара́здъ...

IX.

На тре́тій день уже пусти́ли
Моли́тися за христія́нъ.
И ти прихо́дила, моли́лась, —
И милосе́рдний истука́нъ
Звелівъ вести́ изъ Спракузівъ
У Римъ въ кайда́нахъ христія́нъ.
И ра́да ти, и весе́ла,
Куми́рові зно́ву
Помоли́лась... а куми́ръ той,
Юпитеръ той но́вий,
Ось поба́чъ, яке́е свя́то

Бу́де завдава́ти
Въ Колизе́і.
А тимъ ча́сомъ
Иди́ зострі́ча́ти
Свого си́на, та неду́же
Радій-лишъ, небо́го:
Ще не зна́ешъ ти ново́го
Лука́вого бо́га! —

X.

А по́ки-що́, зъ матеря́ми
Алки́дова ма́ти
Пішла́ ёго́ зострі́ча́ти, —
Свяги́хъ привіта́ти
На бе́резі. Пішла́ еси́,
Тро́хи не співа́ешъ,
Та ке́саря-юпи́тера
Хва́лишъ-вихваля́ешъ.

— — —

И ни́щечкомъ помоли́лась
Ке́сареві — бо́гу,
Та й пішла́ по-надъ боло́томъ, —
На Ти́бръ поглядае...
А по Ти́бру, изъ-за га́ю,
Байда́къ випливае —
Чи гале́ра. На гале́рі
Везу́ть твого си́на
Зъ Неофи́тами въ кайда́нахъ;
А твоя́ дити́на
Ще й до що́гли прико́вана: —
Не неофитъ но́вий,
А апо́столъ вели́кого
Христо́вого сло́ва.
Оттаки́й-то вінъ! . . . Чи чу́ешъ?
У пу́тахъ співае
Твій му́ченикъ:
»Псало́мъ но́вий Го́сподеві

И но́вую сла́ву
Воспое́мъ чесни́мъ собо́ромъ,
Се́рцемъ нелука́вимъ;
Во псалти́рі и тимпа́ні
Воспое́мъ блага́я,
Яко Богъ кара́ непра́вихъ
Пра́вимъ помага́е;
Преподо́бніі во сла́ві
И на ти́хихъ ло́жахъ
Ра̀дуютця, славосло́влять,
Хва́лять и́мья Бо́же;
И мечі въ рука́хъ іхъ до́брі,
Острі обою́ду,
На отмще́ніе язи́камъ
И въ нау́ку лю́дямъ.
Окую́ть царе́й неси́тихъ
Въ залі́зніі пу́та,
И іхъ сла́вних ъ око́вами
Ручни́ми обкру́тять;
И осу́дять непра́веднихъ
Судо́мъ своімъ пра́вимъ,
И во віки ста́не сла́ва —
Преподо́бнимъ сла́ва!« —

XI.

А ти на бе́резі стоя́ла
Нена́че те́мная скала́,
Не слу́хала и не рида́ла,
А »аллилу́йя« подала́
За матеря́ми христія́намъ.
Мовъ дзво́ни загули́ кайдани
На Неофи́тахъ: а твій синъ,
Еди́ний твій, апо́столъ но́вий,
Перехрести́вшись, возгласи́въ:
—»Молітесь, бра́тія, молітесь
За ка́та лю́того! ёго́

Въ своіхъ моли́твахъ помьяніте;
Передъ гордúнею жъ ёго́,
Бра́ти мої, не поклонітесь!
Моли́тва — Бо́гові! А вінъ
Неха́й лютує на землі,
Неха́й пророківъ побива́е,
Неха́й усіхъ насъ роспина́е...
Уже́ внуча́та зачали́сь
И ви́ростуть вони́ коли́сь:
Не ме́стники внуча́та тії —
Христо́ві во́іни святії, —
И безъ огня́ и безъ ножа́
Страте́ги бо́жиі воспря́нуть.
И тьми́ и ти́сячі пога́нихъ
Передъ свяги́ми побіжа́ть!
Моліτесь, братія!« —
Моли́лись —
Моли́лися передъ хресто́мъ
Заку́ті въ пу́та Неофи́ти,
Моли́лись ра́досно!.. Хвала́,
Хвала́ вамъ, ду́ші молоди́і,
Хвала́ вамъ, ли́царі свяги́і,
Во віки-віки похвала́!...

XII.

И въ Римъ гале́ра приплила́.
Мина́е ти́ждень. Пья́ний ке́сарь,
Постри́гши самъ себе́ въ Зеве́си,
Завда́въ Зеве́су юбиле́й.
Лику́е Римъ. Передъ кумúра
Везу́ть возáми ла́данъ, ми́ро,
Жену́ть гурта́ми христия́нъ
У Колизе́й. Мовъ у різни́ці
Кровъ потекла́. Лику́е Римъ....
И гладіа́торъ и патри́цій, —
Оби́два пья́ні: кровъ и димъ
Іхъ упоївъ; руіну сла́ви

Римъ пропива́е, — три́зну пра́вить
По Сципіо́нахъ. Лю́тий, лю́тий,
Мерзе́нний ста́рче! роскошу́й
Въ своіхъ гаре́махъ! Изза мо́ря
Уже встае́ свята́я зо́ря;
Не гро́момъ пра́веднимъ, свяги́мъ
Тебе́ убью́ть: ноже́мъ тупи́мъ
Тебе́ заріжуть, мовъ соба́ку...

XIII.

Дру́гий день
Реве́ аре́на; на аре́ні
Лидійський золоти́й пісо́къ
Покри́вся пу́рпуромъ черво́нимъ —
Въ боло́то кро́ві замісивсь;
А Сиракузькихъ Назоре́івъ
Ще не було́ у Колизе́і.
На тре́йтій день и іхъ въ кайда́нахъ
Сторо́жа зъ го́лими меча́ми
Гурто́мъ въ різни́цю привела́.
Аре́на звіремъ заревла́;
А синъ твій го́рдо на аре́ну,
Псало́мъ співа́ючи, ступи́въ, —
И пья́ний ке́сарь, мовъ скаже́ний,
Зареготавсь. И леопа́рдъ
Изъ лёху ви́скочивъ на сце́ну...
Ступи́въ, зирну́въ, — и полила́сь
Свята́я кровъ. По Колизе́і
Реву́чимъ гро́момъ пронесла́сь
И сти́хла бу́ря.... Де́ жъ була́,
Де́ ти схова́лась? Чомъ на ёго,
На ке́саря свого́ свято́го,
Не ки́нулась? — Бо стерегли́, —
Круго́мъ въ три ла́ви обступи́ли
Зеве́са ли́ктори; за нимъ,
Твоімъ Юпитеромъ свяги́мъ,
Залізну бра́му зачини́ли;

А ти оста́лася одна́,
Одна́-одні́сінька на дво́рі...
И що́ ти змо́жешъ?« Го́ре, го́ре!
О го́ре лю́тее моє́!
Моя́ ти до́ленько! Безъ ёго
Що́ я робйтиму? До ко́го
Я прихилю́ся?...«— И небо́га
Круго́мъ зирну́ла, — и о муръ—
О муръ старо́ю голово́ю
Уда́рилась, и тру́помъ па́ла
Підъ са́му бра́му....

XIV.

Зъ позо́рища у-ве́чері
У те́рми схова́вся
Свяйий ке́сарь зъ ликтора́ми:
Колизе́й оста́вся
Безъ ке́саря и безъ Ри́млянъ
И ніби запла́кавъ
Одино́кий; мовъ гора́ та
На по́лі, чорніе
Колизе́й той середъ Ри́му.
Ти́хо, ти́хо віе
Изза Ти́бру, изъ Альба́на
Вітеръ по-надъ Ри́момъ,
А надъ чо́рнимъ Колизе́емъ
Ніби изъ-за ди́му
Плыве́ місяць круглоли́ций, —
И ми́ръ первозда́нний
Одпочи́въ на ло́ні но́чи;
Тільки ми, Ада́ме,
Твоі ча́да престу́пнии,
Не одпочива́емъ
До са́моі домови́ни
У про́спанімъ ра́і;
Гриземо́ся, мовъ соба́ки,
За масла́къ смердя́чий

Та тебе́ ще зневажа́емъ,
Пра́отче...

XV.

Тро́хи одпочи́ла
Стара́ ма́ти недоби́та;
Живу́щую си́лу
Си́ла но́чи оживи́ла;
Вста́ла, походи́ла
Коло за́мкнутоі бра́ми
Та щось шепота́ла:
Чи не кёсаря свя́того
Ни́шкомъ проклина́ла?
А мо́же й такъ... Тихе́сенько
До бра́ми підкра́лась,
Послу́хала, усміхну́лась,
И що́сь прошепта́ла —
Яке́сь сло́во... И ни́щечкомъ
Коло́ бра́ми сіла
Й зажури́лась. Незаба́ромъ
Бра́ма одчини́лась
И на воза́хъ, на колесни́цяхъ
Изъ Колизе́я, изъ різни́ці,
Святі́і ви́везли тіла́
И повезли́ на Тибръ: тіла́ми
Святи́хъ уби́тихъ годува́ли
Для ца́рського-таки́ стола́
У Ти́брі ри́бу. Вста́ла ма́ти,
Круго́мъ огля́нулась, взяла́сь
За би́ту го́лову рука́ми
И ти́хо мовчки за воза́ми
Маро́ю чо́рною пішла́
На Тибръ. А Ски́ѳи сіроо́кі,
Пого́ничі, рабівъ раби́,
Поду́мали: сестра́ Моро́ка
Изъ пе́кла ви́йшла провожа́ть

У пе́кло Ри́млянъ. Поскида́ли
У во́ду тру́пи, та й наза́дъ
Зъ возáми Ски́ѳи поверта́ли. —
А ти оста́лася одна́
На бе́резі, и ти диви́лась,
Якъ ростила́лися, стели́лись
Круги́ широ́кіі надъ ни́мъ,
Надъ си́номъ праведнимъ твоімъ...
Дивúлась, по́ки не оста́лось
Живо́го сліду на водѣ, —
И усміхну́лася тоді
И тя́жко, стра́шно заридáла,
И помоли́лась, въ пе́рший разъ,
За на́съ Роспья́тому, — и спа́съ
Тебе́ роспья́тий синъ Марíі,
И ти слова́ ёго́ живи́і
Въ живу́ю ду́шу приняла́,
И на торжи́ця и въ черто́ги
Живо́го и́стинного Бо́га
Ти сло́во пра́вди понесла́.

Т. Шевченко.

Нижній — Новгородъ.
3 декабря 1857 г.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

4) КЪ А. І. КОЗАЧКОВСКОМУ.

I.

Новопетровское укрѣпленіе, 16 іюля 1852 г.

Поддерживаетъ ли дружбу, или, по-крайней-мѣрѣ, пріязнь, постоянная переписка? Вопросъ прехитрый, на который отвѣчаю, вслѣдствіе многолѣтней опытности, такъ: Былъ у меня, во время оно, великій пріятель — (можетъ быть, онъ здравствуетъ и по нынѣ?) — такъ этотъ-то великій пріятель, бывало, каждую почту дарилъ меня посланіемъ, по-крайней-мѣрѣ на двухъ листахъ. И я, — о грустное воспоминаніе! — долженъ былъ отвѣчать ему потому, что онъ былъ хорошій пріятель. И если бы не эти убійственныя посланія, можетъ быть и до сихъ поръ остался хорошимъ пріятелемъ. А то увы! терпѣніе лопнуло и дружба врозь! Мнѣ кажется, что отъ подобной переписки не только дружба, но и самая нѣжная любовь не уцѣлѣетъ. Но намъ съ вами нечего опасаться за нашу дружбу вслѣдствіе частой переписки. Мнѣ кажется, если не ошибаюсь, что, со времени нашего знакомства, это будетъ первое письмо, — а знакомы мы съ вами ровно 10 лѣтъ. Да и это письмо, — если правду сказать, — порожденіе крайней необходимости. Чистосердечію моему простите великодушно.

Вотъ какого рода необходимость заставила меня начертать посланіе сіе нехитрое: въ настоящемъ 1852 году, я чувствую приближеніе той самой болѣзни, отъ которой вы спасли меня въ 1844 году. Если припомните тотъ цѣлительный бальзамъ, кото-

рымъ вы меня тогда врачевали, то, ради самого Эскулапа, пришлите рецептъ онаго (сальсапарели можно достáть и здѣсь.) Фишеръ, тогда, въ Яготинѣ пояснилъ мнѣ причину моей болѣзни тѣмъ, что будто-бы я торопился жить. Чѣмъ же теперь истолковать ее? развѣ только тѣмъ, что я теперь слишкомъ медленно и однообразно живу. Правда, я и теперь не могу похвалиться очень дѣвственною жизнію; но, въ отношеніи *пани Киприды*, право, не грѣшенъ. Думаю, что это дѣло золотухи. Впрóчемъ, я для васъ субъектъ изслѣдованный.

По прибытіи моемъ въ здѣшній край, я, два года сряду, страдалъ скорбутомъ и головною болью. Дальный походъ (отъ Орской крѣпости до Аральскаго моря) и продолжительное купанье въ морѣ, — были причиною того, что показались у меня на всемъ тѣлѣ, особенно на ногахъ, золотушные нарывы, послѣ чего я вскорѣ почувствовалъ облегченіе въ головѣ. А теперь повторяется таже боль и прыщи на головѣ точно такіе, какъ были и въ 1844 году. Я здѣсь совѣтовался съ врачемъ. Онъ увѣряетъ меня, что это слѣдствіе частыхъ жертвоприношеній Паѳоской богинѣ. А я, благодаря ту же богиню, никогда отъ нея не страдалъ, — кромѣ (самой лёгкой болѣзни.)

Теперь нужно бы вамъ написать о нравственномъ моемъ житьѣ-бытьѣ. Но оно такъ скверно, что и писать не хочется; а коли говорить хорошаго нечего, то лучше молчать. Живу я, можно сказать, жизнью публичною, спрѣчь въ казармахъ. Муштруюсь ежедневно, хожу въ караулъ, и т. д.; одно слово — солдатъ, да еще солдатъ какой! Просто — пугало воронье! Усища огромные; лысина — что твой арбузъ: точь въ точь »салдацькій патрéтъ«, чтó изобразилъ Кузьма Трохимовичъ (у Основьяненка).

Шутки въ сторону, а написать о себѣ не могу ничего хорошаго; въ противномъ случаѣ, это была бъ ложь. Живу, можно сказать, однимъ воспоминаніемъ. Да и кто имъ не живетъ? Помните ли нашу съ вами прогулку въ Андруши и за Днѣпръ, въ Монастырище, на гору? Вспомните тотъ чудный вечеръ, ту широкую панораму и, посерединѣ ея, длинную, широкую, фіолетовую ленту, а за лентой фіолетовой блеститъ, какъ изъ золота кованый, Переяславскій соборъ. Какая-то чудная торжественная тишина. Помните, мы долго не могли промолвить слова, — пока, наконецъ, бѣлое, едва замѣтное пятнышко, не запѣло:

Та ярóмъ-ярóмъ за товáромъ...

Чудный вечеръ! чудный край! И пѣсни дивныя! Много добрыхъ воспоминаній сохранилъ я о старомъ Переяславѣ и о тебѣ, мой искренній друже!

Кланяюсь всѣмъ добрымъ моимъ знакомымъ, и, особенно, доброму, гостепріимному Степану Никифоровичу Самойлову. Ежели пишешъ когда О. М. Бодянскому, то кланяйся за мене. Аминь. Искренній твой *Т. Шевченко.*

Адресуй такъ: *Его Высокоблагородію, Антону Петровичу Маевскому, г. коменданту Новопетровскаго укрѣпленія, въ г. Астрахань.* А зимою — *въ г. Гурьевъ.*

II.

30-го іюня 1853 г.

Искренній мой друже! *Недавно* я получилъ твое глубокогрустное письмо. Причина была та, что на кого оно было адресовано, — померъ прошедшею зимою, а душеприказчики его не рѣшились взять письмо съ почты Спасибо, уже новый комендантъ взялъ его и передалъ мнѣ. Грустный мой, плачевный мой друже! Чѣмъ, скажи, я порадую твое горестное сердце? Ничѣмъ! На подобныя слезы мы, люди, не имѣемъ сушила. Дружнее участіе ослабляетъ наши полугорести, но великое горе, какъ твое теперь, можетъ ослабить только нашъ общій помощникъ и сердцевѣдецъ! Молися, если можешъ молиться, и, моляся, вѣруй разумно, глубоко вѣруй, въ замогильную лучшую жизнь. Сны твои, которые ты видѣлъ въ самые критическіе часы твоей жизни, показываютъ намъ что-то выше нашихъ земныхъ понятій. Вѣруй! и вѣра спасетъ тебя.

Недавно прибывшій къ намъ комендантъ привезъ съ собою жену и одно дитя по третьему году. Милое, прекрасное дитя! (А все, что́ прекрасно въ природѣ, какъ *зелица* (?) вьется около нашего сердца.) Я полюбилъ это прекрасное дитя, а оно бѣдное такъ привязалось ко мнѣ, что, было, и во снѣ звало къ себѣ *лысаго дядю.* (Я теперь совершенно лысый и *сивий*). — И что́ же? Оно, бѣдное, захворало, долго томилося и умерло. Мнѣ жаль

моего маленькаго друга; я тоскую; я иногда приношу цвѣты на его очень-раннюю могилу и плачу; я чужой ему, — а что́ дѣлаетъ отецъ его и особенно мать? Бѣдная, горестная мать, утратившая своего первенца!.. Что́же теперь твоихъ дѣтей мать? и что́ ты самъ, горестный отецъ! Велико, страшно велико, твое горе, мой единый, мой незабвенный друже!

Привітай и поцілуй за мене свою горестную подругу; скажи ей, что и я, вмѣстѣ съ нею, плачу о ея и твоихъ дѣтяхъ.

Прощай, мой скорбный друже. *Незабувай мене*, напиши ко мнѣ хоть сколько можешь написать, и адресуй та́къ: *Его Высокоблагородію, Ираклію Александровичу Ускову, черезъ г. Астрахань, въ Новопетровское укрѣпленіе*. Не забывай

Т. Шевченка.

III.

14 апрѣля 1854 года.

Христосъ воскресе! Друже мій единий! Вчера только привезла почта изъ Гурьева твое письмо, написанное тобою 14 генваря. Видишъ ли въ чемъ дѣло: Новопетровское укрѣпленіе, впродолженіи зимы, не можетъ получать денежной почты, а получаетъ ее только впродолженіи лѣта; то, по этому обстоятельству, и я получилъ твое сердечное посланіе только 13 апрѣля, т. е. съ первою лѣтнею почтою.

Спасибі тобі, друже мій единий, за *твої* десять рублівъ, чи, якъ ти пишешъ, яко́гось хорошого общезнакомого нашого, и ёму и паче тобі спасибі: ёму спасибі за гроші, а тобі спасибі за те, що славъ ти мені іхъ. Тілько за те спасибі не скажу, чому ти не написавъ мені — хто се такий *общезнакомый* нашъ такий памятливий та щедрий? Трохи лишъ (я самъ собі міркую), чи не ти се самъ посилаешъ мені, убогому, изъ своеі власноі дірявоі кишені. Я думаю, що та́къ. Серце мое мені нашіптуе, що та́къ. Спасибі жъ тобі ще разъ, друже мій единий! Дай тобі, Господи милосердний, не класти більше своіхъ любихъ дітокъ въ домовину, а ростити іхъ на добро людямъ, а собі на тихую старечу радість. Поцілуй іхъ, малихъ, за мене и жартуючи скажи імъ, що далеко-десь старий, лисий, усатий салдатъ молитця

Богу, и молячися просить его, милосердного, шобъ ви есте великі росли и здорові були; а жінку твою (чомъ ти мені не напишешъ якъ її звати?) поцілуй и за мене тричі. Та ще — чомъ ти мені не напишешъ, чи великі выросли дерева́, що посадивъ ти въ осени 1845 божого року; бо мені такъ и здаетця, шо я, якъ пишу оцей листъ до тебе, або якъ просто тебе згадую, то такъ иначе дивлюся на тебе, — якъ ти, коло баркана, рядочкомъ въ осени дерева́ сажаешъ.

Друже мій милостивий! Якъ получишъ сіе нехитростное посланіе мое, то виберн хороший погодній день, та повели запрягти у бричку коні, та возьми — посади коло себе жіночку свою и діточокъ своіхъ невеличкихъ, и поідте собі съ Богомъ у *Андруші*, — погуляйте собі гарненько у архіерейскому гаі, та, гуляючи по-підъ дубами та вербами, згадай той день, якъ колись передъ вечоромъ ми съ тобою въ Андрюшахъ гуляли.

Дурень я, та ще й великий дурень! Мені теперъ здаетця, шо й раю кращого на тімъ світі не буде, якъ ті Андруші; а вамъ тамъ то може на світъ остило дивитьця и на сині Трахтоміровські горн. Боже мій, Господи единий! чи гляну я на ті горн коли-небудь хочъ однимъ окомъ? Ні! ніколе я іхъ не побачу! а хо́чъ и побачу, то, може, съ того світа, або на сімъ світі приснятця коли-небудь.

А цуръ ёму! лучше ёго и не згадувать; а то якъ згадаю щонебудь про нашу бідну Украіну, то слёзи та́къ и закапають изъ старихъ очей.

Давно ворушитця у мене въ голові думка, шобъ перевести на нашъ прекрасний язикъ *Слово о Полку Игоря*, — такъ нема въ мене подлинника, а перевода читать не втну. Такъ отъ-що́ я думаю: У вашій семенарській библіотеці певне есть изданіе *Шишкова* або *Максимовича: Слово о Полку Игореві*, переводъ съ текстомъ; то ти, великої ради моеі любові, попроси якого-небудь скорописця списать для мене одинъ екземпляръ, съ переводомъ текстъ, сіеі невеличкої, но премудроі, книги; а я тобі за це.... щожъ я тобі зроблю убогий? подякую щиримъ серцемъ та й більшъ нічого.

Вонми гласу моленія моего, друже мій единий! пришли мені текстъ *Слова о Полку Игоря*; а то на твоій душі буде гріхъ,

якъ не буде воно. те *Слово*, переведене на нашъ задушевний прекрасний язикъ.

Недавно публиковано въ газетахъ переводъ *Слова о Полку Игоря*, Н. Гербеля, и его же изданіе — переводъ съ текстомъ и зъ рисунками якимись, а продаетця 3 р. ср. А бодай вінъ — и зъ своею книжкою и зъ рисунками, проче текста святого. Для текста думавъ бувъ виписать сію хитро-надрюковану книгу, та якъ полічивъ свої гроші, то й рукою махнувъ; спасибі тобі, шо ти мені оце помігъ, ато.... та цуръ ёму й росказувать.... ажъ нудно.

Оставайся здоровъ, друже мій милостивий! поцілуй за мене свою жінку и своіхъ невеличкихъ діточокъ. Згадуй инколи безталаннаго *Т. Шевченка*.

P. S. Пиши до Бодянського О. М. и кланяйся ёму одъ мене.

5) КЪ НИКОЛАЮ ОСИПОВИЧУ О. [1]

Въ *М. Вѣдомостяхъ* (№ 45), письмамъ Т. Гр. предпослано слѣдующее объясненіе:

»Сообщая читателямъ два письма Шевченка, которыя, по счастливому случаю, достались намъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь, въ поясненіе къ нимъ, нѣсколько словъ. Оба эти письма писаны Шевченкомъ къ одному лицу, Николаю Осиповичу О* (мы не имѣемъ права открыть фамилію), съ которымъ началась у него переписка по совершенно особому случаю. Въ послѣдніе годы заточенія Шевченка, г. О* жилъ въ Петербургѣ, въ домѣ одной знатной дамы, Н. И. Т., которая покровительствовала поэту и много содѣйствовала къ его освобожденію изъ крѣпости. Г. О* былъ посредникомъ въ сношеніяхъ Шевченка съ его »заступницей«, какъ онъ самъ называетъ въ своихъ письмахъ эту даму, и такимъ образомъ между ними завязалась переписка, хотя корреспонденты никогда не видались другъ съ другомъ. Письма эти, не сообщающія никакихъ особенныхъ фактовъ изъ жизни малорусскаго поэта-художника, имѣютъ въ глазахъ нашихъ

(1) Надѣемся, редакція *Московскихъ Вѣдомостей* не посѣтуетъ за перепечатку этихъ писемъ въ *Основѣ*, которая обязана сберечь все, что́ касается украинскаго поэта; съ своей стороны, мы съ удовольствіемъ увидѣли бы перепечатку подобныхъ матеріаловъ изъ *Основы*.

ту важность, что чрезвычайно ярко изображаютъ симпатичную натуру Шевченка, и знакомятъ съ тѣмъ настроеніемъ духа, какое испытывалъ онъ во время своего заточенія. Письмо это любопытно еще по слѣдующему случаю: послѣ постоянныхъ горькихъ сѣтованій Шевченка на злополучную судьбу, г. О*, въ одномъ изъ писемъ своихъ, утѣшая узника, спросилъ его: »неужели въ тяжелые годы своего заточенія не зналъ онъ ни одного такого явленія, на которомъ бы могъ остановиться съ нѣкоторою отрадой?« На этотъ вопросъ Т. Г. Шевченко отвѣчалъ милымъ разсказомъ о вербѣ, успѣвшей, во время его долговременнаго заключенія, вырости въ большое тѣнистое дерево.

»Первое изъ сообщаемыхъ здѣсь писемъ относится къ 1855 году и писано, поэтому, еще изъ заточенія; второе же, какъ значится въ самой рукописи, писано въ 1857 году изъ Нижняго-Новгорода.«

»Сообщая эти письма, мы позволили себѣ только исправить въ нихъ орѳографическія ошибки и разставить знаки препинанія.

I.

20-го мая.

Письмо ваше, мой благородный, мой искренній друже, получилъ я 16-го мая, и, хотя вы и промѣняли лиру на мечъ, и лучезарнаго Феба на мрачнаго Арея, но невинная слабость задумчивыхъ поклонниковъ музъ — разсѣянность осталась при васъ. Вы начали ваше доброе посланіе въ Курскѣ, и кончили его на р. Бальбекѣ, и все-таки забыли написать число и годъ, когда оно было послано на почту. Я тоже въ недоумѣніи, куда вамъ отвѣчать. Вы пишете, что дружина (1) должна возвратиться лѣтомъ во-свояси, а теперь уже, слава Богу, лѣто, и я васъ воображаю, по крайней мѣрѣ, въ Полтавской губерніи, послѣ длиннаго перехода отдыхающаго возлѣ живописной бѣлой хаты, или въ тѣни цвѣтущихъ вишень и черешень. О моя милая родина! Увижу ли я тебя хоть когда-нибудь? Я говорю не о томъ, о чемъ думаю; я думаю теперь о томъ, куда мнѣ адресовать письмо мое: адре-

(1) Г. О., художникъ, служилъ въ это время въ народномъ ополченіи.

сую я его по прежнему адресу и оно вѣрно найдетъ васъ, въ какой бы вы губерніи ни обрѣтались.

Я потерялъ-было надежду получить отъ васъ, или объ васъ, хоть какое-нибудь извѣстіе, и Богъ знаетъ чего уже я не передумалъ. Думалъ даже.... (простите мнѣ), что вы—и вы меня покинули на моей терновой дорогѣ. Только, о радость неизреченная! на другой день праздника, т. е. 16-го апрѣля, получаю страховое письмо отъ неизвѣстной мнѣ особы. Пошли ей Господи всѣ блага и радости въ жизни! Изъ письма узналъ я о вашемъ превращеніи и, радость всѣмъ радостямъ, узналъ я, что я не забытъ, не покинутъ на волю меня карающей судьбы. Благороднѣйше существо этотъ анонимъ (²). По милости его, и у меня былъ праздникъ какъ и у людей. Нѣтъ, больше ни у кого такого свѣтлаго прекраснаго праздника не было, какъ у меня. Такіе праздники даются только за долгія и тяжкія испытанія.

14-го апрѣля получилъ я извѣстіе изъ Оренбурга, что меня забыли представить въ унтеръ-офицеры по случаю всемилостивѣйшаго манифеста о восшествіи на престолъ. Это роковое извѣстіе меня такъ озадачило, что́ я не зналъ, что́ съ собою дѣлать, потому что я считалъ свое производство дѣломъ конченнымъ. Да и могъ ли я думать иначе? Высочайшая милость была для всѣхъ, но, увы! меня не коснѣнила Горькая, ядовитая насмѣшка судьбы! И такъ я встрѣтилъ Воскресеніе Человѣколюбца, какъ отверженникъ. Послѣ этого, можете судить о моей радости, когда я получилъ письмо отъ анонима. Въ остальные дни праздника я только и дѣлалъ, что читалъ письмо и затвердилъ его до послѣдней буквы, и все-таки не узналъ, кто она—эта милостивая человѣколюбивая душа! Да и зачѣмъ узнавать? Будемъ молиться Богу, что еще существуютъ такія души между себялюбивыми людьми. И такъ, отъ снѣдающей душу печали перешелъ я внезапно къ улыбающейся радости, и праздникъ провелъ къ кругу васъ, мои благородные друзья, какъ въ кругу роднаго сердцу милаго семейства.

Только въ концѣ Святой недѣли я немного освободился отъ обаянія, произведеннаго на меня дорогимъ письмомъ, и написалъ отвѣтъ, за складъ и ладъ котораго пусть извинитъ меня велико-

(²) Подъ анонимомъ разумѣется здѣсь та самая дама, которая особенно содѣйствовала къ освобожденію поэта.

душный анонимъ. Вамъ я тоже началъ письмо на сообщенный мнѣ вашъ адресъ; но почта не ждала меня, ушла, и письмо осталось до слѣдующей почты, а слѣдующая привезла мнѣ ваше дорогое посланіе. Значитъ—справедливо сказалъ одинъ древній воинъ, что на свѣтѣ дѣлается все къ лучшему. Теперь и я спокойнѣе и счастливѣе, слѣдовательно и написать вамъ могу благообразнѣе и порядочнѣе.

Я очень радъ, что случай привелъ васъ увидѣть хоть одинъ экземпляръ амфибій, между которыми я прозябаю столько лѣтъ. Но замѣтьте, что видѣли лучшій экземпляръ, экземпляръ, одушевленный чѣмъ-то походящимъ на мысль и чувство. Доказательство, что онъ изъ линейнаго батальона переведенъ въ армію. Это самая блестящая рекомендація. Но если бъ вы увидѣли однородныхъ съ нимъ.... Но нѣтъ, Боже васъ сохрани и во снѣ увидѣть такое нравственное безобразіе человѣка. Геты, между которыми на берегахъ Дуная влачилъ остатокъ дней своихъ Овидій Назонъ,—наисовершеннѣйшее созданіе Всемогущаго Создателя вселенной,—были дикіе варвары, но не пьяницы, а окружающіе меня и то и другое. Однажды я сказалъ Дармограю *(псевдонимъ самого Шевченка)* — вотъ настоящіе гомерическіе питухи.—Нѣтъ отвѣчалъ онъ: еслибы Гомеръ увидѣлъ этихъ богатырей, такъ онъ бы покрутилъ свой сѣдой усъ и принялся бы передѣлывать свою славную эпопею отъ начала до конца.—Кстати о Дармограѣ: вы сдѣлали замѣчаніе на его »Княгиню,« совершенно согласное съ моимъ замѣчаніемъ: недостатокъ отдѣлки въ подробностяхъ, и то́ большой недостатокъ. Но этотъ разсказъ — одинъ изъ первыхъ его ученическихъ этюдовъ. Попишетъ еще годокъ-другой, дастъ Богъ, этотъ недостатокъ уничтожится. Покойный Карлъ Павловичъ *(Брюловъ)* говорилъ: чѣмъ малосложнѣе картина, тѣмъ тщательнѣе должна быть окончена, и это глубоко вѣрно; а все-таки просите графиню Н. И. о напечатаніи этого незрѣлаго творенія: это польститъ самолюбію творца и, можетъ быть, изъ этой шутки выйдутъ результаты серьезные. Вѣдь и столбы всемірной литературы, я думаю, также начинали, какъ и мой бѣдный protégé: а это дѣйствительно такъ. Кромѣ меня, у него совершенно никого нѣтъ, къ кому бы онъ мог обратиться. Онъ, что́ называется, круглый сирота. Прислалъ онъ мнѣ еще одинъ разсказъ, подъ названіемъ «Варнакъ». Этотъ уже кажется немно-

го кругліе, но все-таки замѣтенъ тотъ же недостатокъ. Онъ, кажется, вовсе не читаетъ великаго Шотландца. Да и гдѣ его взять въ этомъ Богомъ забытомъ краю? Выписать? Онъ бѣднѣе меня, а выпросить не-у-кого. Скиѳы — варвары и вдобавокъ ньяницы. Но довольно о литературѣ. Поговорю о болѣе сердцу близкомъ искусствѣ и его жрецахъ. Миръ праху умершихъ, слава и долголѣтіе живымъ! Вы говорите, что Логановскій имѣлъ для московскаго храма работы на 80,000 руб. На какую же сумму имѣютъ другіе достойнѣйшіе художники, какъ напримѣръ Пименовъ и Рамазановъ? О, какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на эти колоссальныя (?) работы! Не знаю, участвуетъ ли хоть одинъ иностранецъ въ этихъ работахъ, или К. И. сдержалъ свое слово: онъ когда-то говорилъ покойному моему великому учителю, что онъ ни одного нѣмца и близко къ храму не допуститъ. Похвальный патріотизмъ и тѣмъ болѣе похвальный, что у насъ свои есть и Прадье, и де-ла-Круа, и де-ла-Рошъ, а о Жакѣ и Лядурнерѣ и говорить нечего. Но у насъ есть и шишка предпочтенія нѣмцевъ всему отечественному; напримѣръ, старикъ Мельниковъ такъ и умеръ въ забвеніи, построивши единовѣрческую церковь во имя св. Николая въ Грязной улицѣ; а Сенатъ поручили выстроить какому-то Шуберту, проектъ же Мельникова, великолѣпнѣйшій проектъ, нашли неудобоисполнимымъ. Диво, да и только! Если случится вамъ быть въ Кіевѣ, обратите вниманіе,— что я говорю — вниманіе?—взгляните на институтъ благородныхъ дѣвицъ. Казармы, да еще казармы самыя неуклюжія, а мѣстность—самая восхитительная, и такъ безчеловѣчно обезображена, и тоже инженеромъ. Да и мало ли у насъ на Руси подобныхъ нѣмецкихъ безобразій, а мы уже, слава Богу, не варвары готическихъ временъ. Я, кажется, немного увлекся духомъ патріотизма. Оставимъ это до другого раза и обратимся къ моей бѣдной прозѣ.

Вы пишете мнѣ, чтобы я вамъ писалъ о моемъ житьѣ-бытьѣ. Вотъ вамъ одинъ эпизодъ, и замѣтьте — отраднѣйшій. Въ 1850 г., когда меня препровождали изъ Орской крѣпости въ Новопетровское укрѣпленіе (это было въ октябрѣ мѣсяцѣ) въ Гурьевѣ городкѣ я, на улицѣ, поднялъ свѣжую вербовую палку и привезъ ее въ укрѣпленіе, и на гарнизонномъ огородѣ воткнулъ ее въ землю, да и забылъ про нее; весною уже огородникъ напомнилъ мнѣ, сказавши, что моя палка ростетъ. Она дѣйствительно рост-

ки пустила; я ну ее поливать, а она расти, и въ настоящее время она будетъ вершковъ шесть толщины въ діаметрѣ и покрайней мѣрѣ сажени три вышины, молодая и роскошная; правда, я на нее и воды не мало вылилъ,— зато теперь, въ свободное время и съ позволенія фельдфебеля, жуирую себѣ въ ея густой тѣни. Нынѣшнее лѣто думаю нарисовать ее, разумѣется, втихомолку. Она уже такъ толста и высока, что подъ карандашемъ Калама могъ бы выйти изъ нея прекраснѣйшій этюдъ. Вотъ вамъ одинъ, единственный, отрадный эпизодъ изъ моей монотонной, безотрадной жизни.

Верба моя часто напоминаетъ мнѣ легенту о раскаявшемся разбойникѣ. Въ дремучемъ лѣсу спасался праведный отшельникъ, и въ томъ же дремучемъ лѣсу свирѣпствовалъ кровожадный разбойникъ. Однажды приходитъ онъ съ своей огромной дубиной, окованной желѣзомъ, къ отшельнику и проситъ у него исповѣди: а не то, говоритъ, убью, если не исповѣдуешь меня. Дѣлать нечего, смерть не свой братъ: праведникъ струсилъ и принялся, съ Божьею помощью, исповѣдывать кровожаднаго злодѣя Но грѣхи его были такъ велики и ужасны, что онъ не могъ сейчасъ же наложить на него эпитимію и просилъ у грѣшника сроку три дня для размышленія и молитвы. Разбойникъ ушелъ въ лѣсъ и черезъ три дня возвратился. Ну что́, говоритъ, старче Божій, придумалъ ли ты что-нибудь хорошее? Придумалъ, отвѣчалъ праведникъ, и вывелъ его изъ лѣсу въ поле на высокую гору, вбилъ, какъ колъ, страшную дубину въ землю и велѣлъ грѣшнику носить ртомъ воду изъ глубокаго оврага и поливать свою ужасную палицу: и тогда, говоритъ, отпустятся тебѣ грѣхи твои, когда изъ этого смертоноснаго орудія выростетъ дерево и плодъ принесетъ. Сказавши это, праведникъ ушолъ въ свою келью спасаться, а грѣшникъ принялся за работу. Прошло нѣсколько лѣтъ, схимникъ забылъ уже про своего духовнаго сына. Однажды онъ въ хорошую погоду вышелъ изъ лѣсу въ поле погулять; гуляетъ въ полѣ и въ раздумьѣ подошелъ къ горѣ; вдругъ онъ почувствовалъ чрезвычайно пріятный запахъ, похожій на *дулю*. Праведникъ соблазнился этимъ запахомъ и пошолъ отыскивать фруктовое дерево. Долго ходилъ онъ около горы, а запахъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе; вотъ онъ взошелъ на гору — и что́ же представляется его изумленному взору? — великолѣпнѣйшее

грушевое дерево, покрытое зрѣлыми плодами, и подъ деревомъ въ тѣни отдыхаетъ старецъ съ длинною до самыхъ пятъ бородою, какъ у св. Онуфрія. Схимникъ узналъ въ ветхомъ старцѣ своего духовнаго сына и смиренно подошелъ къ нему за благословеніемъ, потому-что онъ уже былъ праведникъ больше самого схимника.

Верба моя также выросла и укрываетъ меня въ знойный день своею густою тѣнью, а отпущенія грѣховъ моихъ нѣтъ, какъ нѣтъ! Но тотъ былъ разбойникъ, а я, увы, сочинитель.

Я надоѣлъ вамъ своею болтовнею, но какъ быть?

Погода къ осени дождливѣй,
А люди къ старости болтливѣй;

а я уже сѣдой и лысый становлюсь. Вы пишете, что живете въ землянкѣ и бѣдствуете въ родѣ Робинзона Крузо, и воображаете, что я вамъ завидую. Вамъ извѣстенъ благородный великодушный анонимъ. Пишите ему, молите его не оставить моей просьбы. Коронація государя—предѣлъ моихъ надеждъ и упованій. Прошу васъ, пишите ей и благодарите за ея искреннее участіе, за ея материнское, теплое письмо. Съ повѣстями и разсказами Толстаго я совершенно незнакомъ. Ежели будетъ возможность, познакомьте меня съ ними, во имя благороднаго искусства.

Не знаю, гдѣ и когда вы получите письмо мое. Но гдѣ бы ни было и когда бы ни было, не оставляйте любящаго и уважающаго васъ *Т. Шевченка*.

II.

Нижній-Новгородъ, декабря 23-го 1857 г.

Незабвенный Николай Осиповичъ! Сегодня я получилъ письмо отъ моей святой заступницы, графини Н... И....., и только сегодня изъ ея безцѣннаго письма узналъ ваше мирное мѣстопребываніе, и сегодня же пишу вамъ, сколько время позволяетъ. Дѣло, изволите видѣть, предпраздничное; я же жду къ себѣ изъ Москвы дорогого гостя на праздникъ, даже сегодня. И кого бы вы думали я такъ трепетно дожидаю? 70-ти-лѣтняго знаменитаго старца и сердечнаго друга моего, Михаила Семеновича Щепкина.

Не правда ли, дорогой гость у меня будетъ? Да еще какой дорогой! единственный! И дѣйствительно, это единственный и счастливѣйшій человѣкъ между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свѣжесть нравственную! Это явленіе необыкновенное. Мы не видались съ нимъ съ 1847 г. и, какъ мнѣ воспрещенъ въѣздъ въ столицы, то онъ, старецъ-юноша, несмотря на морозъ и вьюгу, ѣдетъ ко мнѣ единственно для того, чтобы поцѣловать меня! Не правда ли юноша? и какой сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моимъ старымъ, моимъ геніальнымъ другомъ, и горжусь справедливо. Не по причинѣ сей великой гордости, а по причинѣ великаго недосуга вы извините меня, что я на сей разъ пишу вамъ мало; моя исторія вотъ въ чемъ: въ первыхъ числахъ августа оставилъ я ненавистное Новопетровское укрѣпленіе, съ намѣреніемъ пробраться прямо въ Академію Художествъ; но на перепутьѣ, т. е. въ Нижнемъ-Новгородѣ, меня полиція остановила и объявила, что въѣздъ въ обѣ столицы мнѣ воспрещенъ, и вдобавокъ, что моя особа поручена ея непосредственной опекѣ, т. е. надзору. Я и застрялъ въ Нижнемъ и пробавляюся теперь чѣмъ попало, въ ожиданіи будущихъ благъ.

Послѣднее письмо ваше изъ Курска я получилъ и отвѣтъ свой адресовалъ на имя графини; но, вѣроятно, мое письмо не дошло къ вамъ, потому что съ тѣхъ поръ уже прошло полтора года, а я сегодня только получилъ отъ васъ извѣстіе. Не забывайте же меня, добрѣйшій Николай Осиповичъ, пишите мнѣ хоть изрѣдка, а пока остаюсь вашимъ акуратнѣйшимъ корреспондентомъ и сердечно-преданнымъ вамъ *Т. Шевченкомъ*.

Напишите мнѣ подробно свой адресъ, а мой адресъ таковъ: Въ *Нижній-Новгородъ*, его высокоблагородію Павлу Абрамовичу Овсянникову, съ передачею такому-то.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Десятый отрывокъ.

11 ноября 1857.

Сегодня у меня день великій, торжественный, радостный день! Сегодня я получилъ письмо отъ моей святой заступницы гр. Н. И. Толстой: дружеское, родственное, письмо. За что́ она меня удостоиваетъ этого неизреченнаго счастія? И чѣмъ я воздамъ ей за этотъ нечаянный, свѣтлый, сердечный праздникъ? Слезы радости и чистая молитва—твоя единая награда, моя благородная, святая заступница.

Она совѣтуетъ мнѣ написать графу Ѳ. П. письмо и просить его ходатайства о разрѣшеніи явиться мнѣ въ столицу. Это была моя первая мысль, но мнѣ совѣстно было безпокоить старика, а теперь рѣшительно рѣшаюсь. Еще проситъ она передать поклонъ Вл. Ив. Далю, отъ нея самой и отъ какого-то П. Жадовскаго. Съ Далемъ я здѣсь не видѣлся, хотя съ нимъ прежде и былъ знакомъ, а »теперъ прійдетця очима лупать.« И по-дѣломъ.

12 ноября.

Отвѣтивши на письмо моей святой заступницѣ, я *причепурився* и отправился къ В. И. Далю. Но почему-то, не знаю, прошелъ мимо его квартиры и зашелъ къ адъютанту здѣшняго военнаго губернатора — Владиміру Ѳедоровичу князю Г — ыну, весьма милому молодому человѣку, раненному подъ Севастополемъ. Вслѣдъ за мной зашла къ нему сестра его—чернобровое, милое, задушевное созданіе. О чемъ груститъ, о чемъ задумывается эта едва развернувшаяся сантифолія?

Отъ князя зашелъ я къ его зятю, Александру Петровичу В—ову, пообѣдалъ, послушалъ машинной музыки, и отправился въ театръ. Все было порядочно кромѣ одной госпожи. Она, бѣдняжка, думала очаровать зрителей своихъ фанданго и совсѣмъ не надѣла панталонъ. Какое варварское понятіе объ искуствѣ! Климовскій, въ роли Филиппа IV, былъ прекрасенъ, одѣтъ изящно и вѣрно портрету этого испанскаго государя. А вообще, драма *Мать-Испанка* — такъ-себѣ: дюжинная драма.

13 ноября.

Сегодня написалъ, а завтра отошлю просительное письмо гр. Ѳ. П. Толстому. Прошу его просить кого слѣдуетъ о дозволеніи мнѣ жить въ Петербургѣ и посѣщать классы академіи. Письмо, кажется, мнѣ удалось. Овсянниковъ говоритъ, что при нуждѣ я могъ бы занять видное мѣсто между кропателями просьбъ. Посмотримъ, пожнемъ ли желаемые плоды отъ сего хитраго сочиненія.

Сегодня же написалъ письмо М. С. Щепкину: прошу свиданія съ нимъ гдѣ-нибудь на хуторѣ въ окрестностяхъ Москвы. Какъ бы я радъ былъ (видѣть) этого славнаго артиста-ветерана.

14 ноября.

Началъ портретъ m-me Варенцовой. — — —

15 ноября.

Получилъ письмо отъ моего милого Брониславa; жалуется, что его отецъ захворалъ, и рекомендуетъ мнѣ какую-то свою пріятельницу Ел. Ск., любительницу изящныхъ искуствъ, мечтательницу, и вообще женщину эксцентрическую. Это тоже нехорошо. — — —

16 ноября.

— — —

17 ноября.

Сдѣлалъ визитацію В. И. Далю, и хорошо сдѣлалъ, что я наконецъ рѣшился на эту визитацію. Онъ принялъ меня весьма

радушно, распрашивалъ о своихъ Оренбургскихъ знакомыхъ, которыхъ я не видѣлъ съ 1850 г. и въ-заключеніе просилъ заходить къ нему запросто, какъ къ старому пріятелю. Не премину воспользоваться такимъ милымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что мои Нижегородскіе знакомые начали по-немногу пошлѣть.

18 ноября.

Послѣ неудачного вялого сеанса, зашелъ я, по сосѣдству, къ князю Г—л—ну, и засталъ у него его меньшую, милую, задумчивую сестру. Впечатлѣніе неудачнаго сеанса какъ вѣтромъ свѣяло. Полюбовавшись на это кроткое созданіе, я во весь день былъ счастливъ. Какое животворно-чудное вліяніе красоты на душу человѣка!

19 ноября.

— — —

(20, 21, 22, 23, 24 и 25 ноября не записаны).

26 ноября.

Я хотѣлъ-было совсѣмъ оставить свой монотонный журналъ, но сегодня совершилось со мною то, чего прежде никогда не совершалось. Шрейдерсъ, Кадинскій и Фрейлихъ просили меня нарисовать ихъ портреты и предложили деньги впередъ. Я никогда не бралъ денегъ впередъ за работу, а сегодня взялъ. И »добре помогорячовавши«, отправился въ очаровательное семейство m-me Г — е, и тамъ переночевалъ, и тамъ украли у меня деньги, 125 р. И по дѣломъ! впередъ не бери незаработанныхъ денегъ. Поутру прихожу домой,—другое горе: ночью проѣхалъ Ѳедоръ Лазаревскій. Былъ у Даля, пошелъ искать меня по всему городу и, разумѣется, меня не нашелъ. И теперь его карточка лежитъ у меня на столѣ какъ страшный упрекъ на совѣсти.

27 ноября.

Волей-неволей сегодня я долженъ былъ обѣдать у Даля и сочинять необыкновенное провзшествіе случившееся со мною про-

шедшей ночью. Но вмѣсто фигурной лжи, я сказалъ ложь лаконическую: я сказалъ, что ѣздилъ въ Балахну съ Брылкинымъ такъ, ради собственнаго удовольствія, и тѣмъ покончилъ дѣло.

28 ноября.

Жаль мнѣ стало незаработанныхъ денегъ; въ такой досадѣ отправился я къ Кудлаю — просить полицейскаго участія въ моемъ горѣ. Кудлай самъ нездоровъ, не можетъ выйти изъ квартиры, но обѣщался мнѣ завтра прислать одного изъ своихъ сподручниковъ, какого-то отъявленнаго доку. Посмотримъ, сотворитъ ли чудо вышереченный дока.

29 ноября.

Сегодня поутру, въ ожиданіи полицейскаго доки, написалъ я къ М. Лазаревскому письмо, и на счетъ роковой ночи повторилъ ему ту же самую ложь, что́ и Далю. Одна ложь ведетъ за собою другую: это въ порядкѣ вещей.

Часу въ первомъ явился ко мнѣ дока. Я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и посулилъ за труды 25 р. Но увы, при всемъ его стараніи, результату никакого. »Что́ съ воза упало, то пропало.« Слѣдовательно, объ этомъ скверномъ анекдотѣ и думать больше нечего. Я такъ и сдѣлалъ. Пошелъ къ Шрейдерсу обѣдать,—съ досады чуть опять не нализался. Послѣ обѣда зашелъ къ той же коварной мадамъ Г—де (какое христіанское незлобіе!). Отдохнулъ немного въ ея очаровательномъ семействѣ, и въ семь часовъ вечера пошолъ къ князю Г—ну; у него встрѣтилъ я львовъ здѣшней сцены, актеровъ Климовскаго и Владимірова. Болтуны и, можетъ-быть, славные малые.

Князь прочиталъ намъ свое *впечатлѣніе послѣ боя*. Неважное впечатлѣніе. Послѣ впечатлѣнія, зашла рѣчь о переводахъ Курочкина изъ Беранже, и я прочиталъ имъ наизусть — не переводъ, а собственное его произведеніе; а чтобы не забыть это прекрасное созданіе поэта, то я вношу его въ мой журналъ.

»Какъ въ наши лучшіе года,« и проч.

30 ноября.

Сегодня началъ портреты въ группѣ своихъ щедрыхъ пріятелей. Не знаю, будетъ ли толкъ изъ этой затѣи: пріятели не-

акуратны въ сеансахъ—обстоятельство важное при работѣ. Посмотрю, что́ дальше будетъ, и если сеансы затянутся, то нарисую отдѣльно каждаго карандашомъ и тѣмъ покончу мой счетъ въ пріятелями,—чего бы мнѣ больно не хотѣлось, и тѣмъ болѣе, что предполагаемый рисунокъ сепіею очень удачно сгруппировался, и мнѣ бы хотѣлось достойно заплатить имъ свой долгъ.

1 декабря.

Получилъ письмо отъ М. С. Щепкина, въ которомъ онъ предлагаетъ мнѣ свиданіе въ селѣ Никольскомъ (имѣніе его сына) или же, если я не имѣю лишнихъ денегъ на эту поѣздку (125 р. были у меня совершенно лишніе), то онъ обѣщаетъ самъ пріѣхать ко мнѣ въ Нижній. Какъ бы онъ возвеселилъ и меня и своихъ нижегородскихъ поклонниковъ! Напишу ему, пускай ѣдетъ сюда, и пускай на здѣшней бѣдной сценѣ тряхнетъ стариною. Теперь же, кстати, здѣсь дворянскіе выборы.

Послѣ сеанса у Шрейдерса, и послѣ обѣда у Фрейлиха, случайно попалъ я на полупьяный музыкальный вечеръ къ путейскому офицеру Ул — ку и услышалъ тамъ виртуоза на фортепьяно, какого я и не подозрѣвалъ услышать здѣсь въ захолустьи. Виртоузъ этотъ нѣкто господинъ Татариновъ. Между прочимъ онъ сыгралъ нѣсколько номеровъ изъ »Пророка« и изъ »Гугенотовъ« Мейербера, и вознесъ меня на седьмое небо.

2 декабря.

Сегодня сдѣлалъ я визитъ вдохновенному моему виртуозу Татаринову, и видѣлъ у него, чего я также не воображалъ увидѣть въ Нижнемъ,—я увидѣлъ у него настоящаго великолѣпнѣйшаго Гюдена. Такія двѣ прекраснѣйшія нечаянности разомъ—наслажденіе рѣдкое и высокое И какіе же варвары Нижегородцы! онѣ знаютъ Татаринова только какъ чиновника при компаніи, строющей желѣзную дорогу, а о картинѣ Гюдена, и даже о самомъ Гюденѣ, никто и не слыхалъ, кромѣ старика Улыбышева, съ которымъ я сегодня познакомился въ театрѣ. Это извѣстный біографъ и критикъ Бетговена (Моцарта:) и самый неизмѣнный посѣтитель здѣшняго театра.

3 декабря.

Три дня сряду нечаянности, и самыя пріятныя нечаянности. Это великая рѣдкость въ здѣшней монотонной жизни. Сегодня посѣтилъ меня Густавъ Васильевичъ Кеберъ. Гость совершенно неожиданный. Онъ большой пріятель Ѳ. Лазаревскаго, и тотъ, уѣзжая изъ Нижняго, поручилъ ему увидѣться со мною, и добрѣйшій Густавъ Васильевичъ сегодня исполнилъ порученіе своего и моего друга. Если бы больше подобныхъ нечаянностей, какъ прекрасно текли бы дни нашей жизни.

4 декабря.

Написалъ письма Щепкину и Кулишу и прошу ихъ, друзей моихъ великихъ, отложить всякое житейское или служебное попеченіе, и пріѣхать ко мнѣ недѣли на двѣ, а »ваще совѣсть не зазритъ«, то и больше. Какъ бы я счастливъ былъ еслибъ сбылось мое желаніе. Авось либо и збудется.

(5, 6 и 7 декабря не записаны.)

8 декабря.

Впродолженіи этихъ четырехъ дней писалъ поэму, названія которой еще не придумалъ. Кажется, я назову ее *Неофиты* или первые христіане. Хорошо, если бы не обманулъ меня Щепкинъ: я ему посвящаю это произведеніе, и мнѣ бы ужасно хотѣлось ему прочитать и услышать его вѣрныя дружескія замѣчанія. Не знаю, когда я приймусь за *Дервиша* и *Сатрапа*, а поползновеніе большое чувствую къ писанію.

9 декабря.

Въ компаніи честныхъ артистовъ Климовскаго, Владимірова и Платонова, праздновалъ именины общей, и въ-особенности театральной, красавицы, по имени Анны Дмитріевны, а по прозванію — не знаю, и праздновалъ безъ хитрости, т. е. съ приличнымъ случаю и мѣсту продолженіемъ, — яснѣе, въ ущербъ очаровательному семейству мадамъ Г—е.

10 декабря.

Сегодня вечеромъ Варенцовъ возвратился изъ Петербурга и привезъ мнѣ отъ Кулиша письмо и только-что отпечатанную его *Грамáтку*. Какъ прекрасно, умно и благородно составленъ этотъ совершенно новый букварь. Дай Богъ, чтобы онъ привился въ нашемъ бѣдномъ народѣ. Это первый свободный лучъ свѣта, могущій проникнуть въ здавленную панами невольничью голову.

Изъ Москвы Варенцовъ привезъ мнѣ поклонъ отъ Щепкина, а отъ Бодянскаго поклонъ и дорогой подарокъ — его книгу *о времени происхожденія славянскихъ письменъ*,съ образчиками древняго славянскаго шрифта. Сердечно благодаренъ О. М. за его безцѣнный подарокъ. Эта книга удивительно какъ пополнила современную нашу историческую литературу.

Еще привезъ онъ для Н. Н. Якоби свинцовымъ карандашемъ нарисованный портретъ одного извѣстнаго изгнанника — — Портретъ, должно быть, похожъ, потому-что непохожъ на рисунки въ этомъ родѣ, да еслибы и не похожъ, то я все-таки скопирую для имени этого человѣка.

(11 декабря не записано.)

12 декабря.

Сегодня я видѣлъ на сценѣ »Станціоннаго смотрителя,« Пушкина. Я былъ всегда противъ передѣлокъ, и эту передѣлку пошелъ смотрѣть отъ-нечего-дѣлать. И что́ же? передѣлка оказалась самою мастерскою передѣлкою, а исполненіе—неподражаемо, въ-особенности сцены втораго акта и послѣдняя сцена третьяго были такъ естественно трагически исполнены, что хоть бы и самому геніальному артисту такъ въ пору. Исполать тебѣ, господинъ Владиміровъ, исполать тебѣ и тетинька Тр — ва: ты такъ естественно-зло исполнила роль помѣщицы Лепешкиной, что сама Коробочка предъ тобой поблѣднѣла. Вообще, ансамбль драмы былъ превосходенъ, чего я никакъ не ожидалъ. И еслибы не усатые отставные гусары помѣщики, пьяные, шумѣли въ ложѣ, то я вышелъ бы изъ театра совершенно доволенъ.

Кстати о помѣщикахъ. Ихъ теперь нахлынуло въ Нижній на выборы видимо.невидимо и всѣ безъ исключенія — съ бородами и

усами, въ гусарскихъ, уланскихъ и другихъ кавалерійскихъ мундирахъ. Пѣхотинцевъ и флотскихъ незамѣтно. Говорятъ между собою только по-французски, пьянствуютъ и шумятъ въ театрѣ, и слышно—составляютъ опозицію противу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ! Настоящіе французы!

13 декабря.

Получилъ письмо отъ Щепкина и отъ Лазаревскаго. Старый друзяка пишетъ, что онъ пріѣдетъ ко мнѣ »колядовать« на праздникъ. Добрый искренній другъ! онъ намѣренъ подарить нѣсколько спектаклей Нижегородской публикѣ. Какой великолѣпный подарокъ.

Лазаревскій между-прочимъ пишетъ, что онъ получилъ на мое имя 175 руб. черезъ Льва Жемчужникова, съ оговоркой — не объявлять мнѣ своего имени. Жертва тайная—великодушная. Чѣмъ же я заплачу вамъ, добрые великодушные земляки мои, за эту искреннюю жертву? Свободной искренней пѣсней, — пѣсней благодарности и молитвы!

Сегодня же принимаюсь за *Сатрапа* и *Деревша*, и если Богъ поможетъ окончить съ успѣхомъ, то посвящу его честнымъ, щедрымъ и благороднымъ землякамъ моимъ. Мнѣ хочется написать *Сатрапа* въ формѣ эпопеи. Эта форма для меня совершенно новая. Не знаю, какъ я съ нею слажу?

14 декабря.

Вечеромъ отправился я къ старику Улыбышеву, съ благою цѣлью—послушать музыку. Старикъ прихворнулъ и не принималъ гостей. Возвращаясь домой, попалась мнѣ на улицѣ недавняя именинница и не совершенно противъ желанія затащила меня въ маскерадъ: явленіе рѣдкое и оргинальное въ Нижнемъ. Это танцъ-классъ Марцинкевича въ Петербургѣ, со всѣми подробностями, небольшая разница въ костюмахъ. Тамъ пьяные черкесы заключаютъ спектакль, а здѣсь просто офицеры съ помощію пріѣзжихъ помѣщиковъ-французовъ. Однимъ словомъ, блестящій маскерадъ!

15 декабря.

Черезъ В. И. Даля получилъ письмо отъ Ѳедора Лазаревскаго. Пишетъ онъ, что »незабаромъ« поѣдетъ опять куды-то черезъ Нижній, и проситъ меня не ѣздить въ Балахну. Не поѣду, »цуръ ій!«

16 декабря.

Ввечеру отправился я къ В. И Далю засвидѣтельствовать ему глубокое почтеніе отъ Ѳ. Лазаревскаго. Послѣ поздоровани и передачи глубочайшаго почтенія, одна изъ дочерей его ла за фортепьяно и принялася угощать меня малороссійски пѣснями. Я, разумѣется, былъ въ восторгѣ отъ ея наивн вѣжливости. Замѣтивъ, что она довольно смѣло владѣет инструментомъ, я попросилъ ее сыграть что-нибудь изъ Ш ена. Но такъ какъ моего любимца на-лицо не оказалось, она замѣнила его увертюрою изъ *Гугенотовъ*, Мейербера, къ немалому удивленію моему, исполнила это геніальное пр изведеніе лучше, нежели я ожидалъ. Скромная артистка уда лась во внутренніе апартаменты, а мы съ В. И. между ра говоромъ коснулись какъ-то нечаянно псалмовъ Давида и вооб е библіи. Замѣтивъ, что я неравнодушенъ къ библейской по зіи, В. И. спросилъ у меня, читалъ ли я Апокалипсисъ. Я казалъ, что читалъ, но, увы, ничего не понялъ; онъ принялся объяснять смыслъ и поэзію Апокалипсиса и, въ-заключеніе. предложилъ мнѣ прочитать собственный переводъ Откровенія съ толкованіемъ, и по прочтеніи просилъ сказать свое мнѣніе. Послѣднее мнѣ больно не по душѣ: безъ этого условія можно бы и не прочитавъ поблагодарить его за одолженіе, а теперь необходимо читать. Посмотримъ, что́ это за переводъ?

17 декабря.

Получилъ письмо отъ П. Кулиша. Онъ отказывается отъ свиданія со мною здѣсь, не по недостатку времени и желанія, но во избѣжаніе толковъ, которые могутъ замедлить мое возвращеніе въ столицу. Я съ нимъ почти согласенъ. Отъ журнала, о которомъ я ему писалъ, онъ на-отрѣзъ отказался. Готовитъ матеріалы для третьяго тома *Записокъ о Южной Руси* и что-то началъ писать серьёзное, но что́ такое — не говоритъ.

Вечеромъ былъ на бенефисѣ Климовскаго, и не смотря на порядочное исполненіе, все-таки дообѣденный сонъ Островскаго мнѣ не понравился. Повтореніе — и повтореніе вялое. Прочее такъ-себѣ шло, кромѣ попури, пропѣтаго въ антрактѣ бенефеціантомъ, вдобавокъ — собственнаго сочиненія...

18 декабря.

Читалъ и сердцемъ сокрушался,
Зачѣмъ читать учился.

Читая подлинникъ, т. е. славянскій переводъ Апокалипсиса, приходитъ въ голову, что апостолъ писалъ это откровеніе для своихъ неофитовъ извѣстными имъ иносказаніями, съ цѣлію скрыть настоящій смыслъ проповѣди отъ своихъ приставовъ. — — —

19 декабря.

М—г. Брасъ (учитель французскаго языка въ гимназіи) разсказалъ мнѣ сегодня недавно случившееся ужасное произшестіе въ Москвѣ. Трагедія такого содержанія.

Ловкій молодой гвардеецъ, по желѣзной дорогѣ привезъ въ Москву дѣвушку, прекрасную какъ ангелъ, — привезъ ее въ какой-то не слишкомъ публичный трактиръ. Погулялъ съ нею нѣсколько дней что́ называется на-славу, и скрылся, оставивъ ее расплатиться съ трактирщикомъ, — а у нея ни денегъ, ни паспорта. Она убѣжала изъ дому съ своимъ обожателемъ, съ цѣлью обвѣнчаться въ Москвѣ — и концы въ воду. Трактирщикъ посмотрѣлъ на красавицу, и, какъ человѣкъ бывалый, смекнулъ дѣломъ: подослалъ съ ней тетеньку. Ловкая тетенька приласкала ее, приголубила, заплатила трактирщику долгъ, и взяла ее къ себѣ на квартиру. На другой или на третій день она убѣжала отъ обязательной старушки, и явилась къ частному приставу, а вслѣдъ за нею явилась и ея покровительница, подмазала частнаго пристава, а тотъ, не смотря на ея доводы, что она благородная, высѣкъ ее розгами и отправилъ въ рабочій домъ на исправленіе, гдѣ она черезъ нѣсколько дней умерла. Ужасное произшествіе! И все это падаетъ на военное сословіе. Отвратительно!

20 декабря.

Съ благотворительною цѣлью составляется спектакль изъ благородныхъ субъектовъ, подъ непосредственной дирекціей г-жи Голынской и г-на Варенцова. *Спектакль* составятъ живые картины и концертъ.

Г. Варенцовъ меня, какъ живописца, пригласилъ сегодня на репетицію собственно для живыхъ картинъ, т. е. для освѣщенія этихъ безтолковыхъ картинъ. Я, по простотѣ души, и попробовалъ освѣтить одну изъ нихъ такъ, что главная фигура въ свѣту, а прочіе въ полутонѣ. Освѣщеніе вышло довольно эфектно. Но жалкіе маменьки подняли шумъ,—почему одна такая-та освѣщена, а наши дочки развѣ хуже ея, что ихъ совсѣмъ невидно, что ихъ только по афишѣ будутъ знать. Я плюнулъ и хотѣлъ уйти, но меня остановила Марья Александровна Дорохова, и просила поставить и освѣтить ея Ниночку. Ниночка — не красавица явилася въ картинѣ очаровательною. Чадолюбивыя маменьки хотя и незамѣтили—въ чемъ дѣло, но все-таки не согласились оставить своихъ дочерей въ полутонѣ.

Сегодня долженъ выѣхать изъ Москвы Щепкинъ. Ахъ, какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ, если бы выѣхалъ! Послѣ-завтра я имѣлъ бы радость поцаловать моего стараго, моего единаго друга!

21 декабря.

Сегодня получилъ письмо отъ М. С. Щепкина. Онъ сегодня выѣхалъ изъ Москвы, и послѣзавтра я обниму моего стараго, моего искренняго друга. Какъ я счастливъ этой нелицемѣрной дружбой! Не многимъ изъ насъ Богъ посылаетъ такую полную радость, и весьма немногіе изъ людей, доживъ до семидесяти лѣтъ, сохранили такую поэтическую свѣжесть сердца, какъ М. С., счастливый патріархъ и артистъ!

Сегодня же получилъ письмо отъ моей святой заступницы, отъ графини Настасіи Ивановны Толстой. Она пишетъ, что письмо мое, адресованное графу Ѳ. П., на праздникахъ будетъ передано М. Н. и сообщаетъ мнѣ адресъ Н. О. Осипова. Боже мой! Скоро ли я увижу мою академію? скоро ли поклонюсь моей святой заступницѣ?

Спектакль съ благотворительной цѣлью сошелъ хорошо. Кромѣ живыхъ картинъ и народнаго гимна, Ниночка П—ина была очаровательна.

(22, 23, 25, 26, 27 и 28 декабря не записаны.)

24 декабря.

Праздникамъ праздникъ и торжество есть изъ торжествъ! въ три часа ночи пріѣхалъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ.

29 декабря.

Въ 12 часовъ ночи уѣхалъ отъ меня М. С. Щепкинъ. Я, Овсянниковъ, Брылкинъ и Олѣйниковъ проводили моего великого друга до первой станціи, и ровно въ три часа возвратились домой. Шесть дней, шесть дней полной радостно-торжественной жизни! И чѣмъ я заплачу тебѣ, мой старый, мой единый друже? Чѣмъ я заплачу тебѣ за это щастіе? за эти радостные сладкіе слезы? Любовью! но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любитъ? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ, самой искренней молитвы, я ничего не имѣю.

30 декабря.

Я все еще не могу прійти въ нормальное состояніе отъ волшебнаго очаровательнаго видѣнія. У меня все еще стоитъ передъ глазами городничій, Матрозъ, Михайло Чупрунъ и Любимъ Торцовъ. Но ярче и лучезарнѣе великого артиста стоитъ великій человѣкъ кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой незабвенный Михайло Семеновичъ Щепкинъ.

1 января 1858.

Дружески весело встрѣтилъ новый годъ въ семействѣ Н. А. Брылкина.

Какъ весело встрѣтили мы новый годъ, а прійдя домой, мнѣ скучно сдѣлалось. Поскучавши немного, отправился я въ очаровательное семейство мадамъ Г—е. Но скука и тамъ меня нашла. Изъ храма Пріапа пошолъ я къ заутрени,—еще хуже: дьячки съ

похмелья такъ раздирательно пѣли, что я заткнулъ уши и вышелъ вонъ изъ церкви. Прійдя домой, я нечаянно взялся за Библію, раскрылъ, и мнѣ попался ласкутовъ бумаги, на которомъ О—овъ записалъ одну прелюбопытную басню. Эта находка такъ меня обрадовала, что я сейчасъ же принялся ее переписывать. Вотъ она:

На улицѣ и длинной и широкой, *и проч.*

Сочиненіе этой басни приписываютъ одному московскому актеру. Это не похоже на водевильный куплетъ. Басня эта такъ благодѣтельно на меня подѣйствовала, что я, дописывая послѣдній стихъ, уже спалъ.

Сегодня же познакомилъ я въ семействѣ Брылкина милѣйшую Катерину Борисовну Піунову (актрису). Она въ восторгѣ отъ этого знакомства, и не знаетъ какъ меня благодарить.

Какъ благодѣтельно подѣйствовалъ Михайло Семеновичъ на это милое и даровитое созданіе! Она выросла, похорошѣла, поумнѣла послѣ Москаля-Чарівника, гдѣ она сыграла роль Тетяны, и такъ очаровательно сыграла, что зрители ревѣли отъ восторга. А М. С. сказалъ мнѣ, что она первая артистка, съ которой онъ съ такимъ наслажденіемъ игралъ Михайла Чупруна, и что знаменитая С—лова передъ скромной Піуновой — солдатка.

2 января.

Обязательнѣйшій Олейниковъ сегодня сообщилъ мнѣ стихотвореніе Курочкина *на смерть Беранже*, но такъ скверно переписано, что я едва могъ прочитать. Прочиталъ однакожъ и записалъ на память. Прекрасное, сердечное стихотвореніе.

16 іюля 1857 г.

Зачѣмъ Парижъ волнуется опять,
На площадяхъ и улицахъ солдаты? и проч. и проч.

3-го января.

Получилъ отъ Кулиша письмо со вложеніемъ 250 р. Деньги эти выручены имъ за рисунки, которые я послалъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія Залесскому для продажи. Залесскій передалъ ихъ Сиряковскому; отъ Сиряковского я не имѣлъ объ нихъ никакого извѣстія и совершенно потерялъ ихъ изъ виду. Не знаю,

какъ онѣ попали въ руки Кулиша, и тотъ нашелъ имъ какого то щедрого земляка любителя, и мнѣ какъ будто подарокъ 250 р. къ новому году. Спасибо ему.

4 января.

Весь день былъ посвященъ писанію писемъ: обязанность скучная, но неизбѣжная. Написалъ полдюжины посланій, въ томъ числѣ и автору »Семейной Хроники,« прислявшему мнѣ съ Михайломъ Семеновичемъ экземпляръ своей очаровательной хроники. Кулишу, при письмѣ, послалъ свои *Неофиты*. Интересно мнѣ знать его мнѣніе о семъ новомъ моемъ произведеніи.

Въ 8 часовъ вечера проводилъ своего хозяина, Овсянникова, въ Петербургъ, и отправился на балъ-маскарадъ къ Варенцову, директору театра, и познакомился тамъ съ докторомъ Рейковскимъ, ученымъ и весьма интереснымъ человѣкомъ.

5 января.

Возвратился почталіонъ изъ Москвы, который сопровождалъ Михаила Семеновича; привезъ мнѣ отъ него письмо и четыре экземпляра своего портрета, для раздачи своимъ Нижегородскимъ друзьямъ; письмо свое заключаетъ онъ печальнымъ извѣстіемъ, полученнымъ на порогѣ своего дома о смерти сына Дмитрія, умершаго за границей.

6 января.

Піунова сегодня, въ роли Простушки (водевилъ Ленского) была такая милочка, что не только Московскимъ, Петербургскимъ — Парижскимъ бы зрителямъ въ носъ бросилась. Напрасно она румянится. Я ей скажу объ этомъ. Съ роли *Тетяны* (въ Москалѣ Чарівникѣ) она видимо совершенствуется, и если замужество ей не попрепятствуетъ, изъ нея выработается самостоятельная великая артистка,

7 января.

Круликевичъ, возвращаясь на родину изъ изгнанія (съ береговъ Сыръ-Дарьи), узналъ случайно о моемъ пребываніи въ Ниж-

немъ и сегодня посѣтилъ меня, и между многими неинтересными степными новостями онъ сообщилъ отвратительно-интересную новость. Побочный сынъ одного вельможи собственноручно зарѣзалъ своего деньщика, за что былъ только разжалованъ въ солдаты; но мелкая душонка не вынесла и этого милостиваго наказанія: онъ вскорѣ умеръ или отправилъ себя. Туда й дорога. Выходитъ, яблоко недалеко отъ яблони упало. — — —

8 января.

Съ сегодняшняго числа я занимаю двѣ квартиры: прежнюю у Овсянникова и новую у Шрейдерса. Остается надѣлать долговъ, а спрятаться есть куда.

9 января.

На новосельи у Шрейдерса нарисовалъ сегодня портретъ Олейникова, съ условіемъ, чтобы онъ написалъ фельетонную статейку для «Московскихъ Вѣдомостей» о пребываніи М. С. Щепкина въ Нижнемъ. Хорошо, еслибы не совралъ.

10 января.

Нарисовалъ портретъ Шрейдерса, и довольно удачно. Часть долга, значитъ, уплачена. Нужно еще нарисовать Фрейлиха и Кадинского, и тогда — квиты. Но когда это случится — не знаю.

Кіндратъ Бубненко-Швидкий.

Петру Петровичу Гулаку-Артемовському.

Чи чули ви, панове, про Кіндрата Бубненка Швидкого?... Довгенько вінъ вештавсь по́ світу, більшъ, може, якъ сто літъ. Давно вже въ ёго на гру́дяхъ лежить широкий кряжъ сироі землі, а й досі, по Тульчинській околиці, гоготить луна одъ ёго оповіданій, и теперички ще передають діди унукамъ ёго оповідання. И що́ то був за дідъ! Міжъ дідами дідъ, а міжъ молодими жъ то мододий; бо серце ще грало у старого.

Роскажу вамъ, якъ ще у двадцятихъ годахъ спізнався я зъ тимъ дідуганомъ, якъ полкъ, у котрімъ я служивъ, стоявъ недалеко одъ Тульчина. Сімья мого хазяіна, у котрого я кватирювавъ, була не дуже велика: вінъ зъ старою, синъ жонатий и дочка — гарна дитина по шоснадцятому року, на тій порі, що якъ скинишъ на неі окомъ, то почервоніе и розглядуе мережки на рукаві своеі сорочки. Хазяіна мого усе село поважало: розумний бувъ чоловьяга, та ще й дуже письменний. Було, де-коли и апостола вчистить, а на криласі якъ потягне горою, то й дяківъ не чуть. Зъ хазяінами я живъ дружно, не гнувъ передъ ними кирпи, бо не цурався простихъ людей, а прислухувався до іхъ мови и приглядувався до іхъ звичаівъ. Любивъ я заглядувать у ту колиску, видкіль піднялось усе, що́ тільки ні е значного міжъ людьми, усе, що й славить, и ратуе, и гнітить чоловіка, въ занедбанімъ товаристві. Такъ отожъ, кажу, частенько ба́чився я зъ ними: то до іхъ було піду, то старий до мене прийде.

Разъ у неділю, після одправи, почувъ я на хазяйскій половині регітъ и сміхи. Схотілось міні подивитьця, чого вони тамъ радуютця, — отъ я до нихъ и пішовъ.

Тільки переступивъ порігъ, якъ побачивъ дідизного старця; спершу, поки не розгледівъ, здався вінъ міні якимсь-то обскубленимъ птахомъ: таке зморщене, миршавеньке, голомозе; нижня челюсть задралась до-гори, нісъ похнюпивсь, — неначе спорять, кому перше у ротъ лізти. Руки — якъ курячі ніжки, спина стулилась съ грудями, и такъ увесь висохъ, якъ сплющений чорнобривчикъ міжъ листами псалтиря. Сидівъ вінъ за столомъ на покуті и щось росказувавъ. Людей найшло повна хата, и всі реготались. Дідуганъ гостро на мене глянувъ; ёго очі світились ще тимъ вогнемъ, що тліе у серці и не потухъ у грудяхъ.

— Се нашъ постоялець, — сказавъ хазяінъ діду, — той, що я вамъ казавъ, уміе по-нашому.

— Де бъ то ёму не вміть, одказавъ дідуганъ, пильно на мене дивлячись: — хиба не бачите, яка въ ёго пика... настоящий козакъ півникъ — біля бока віникъ!

Усі засміялись, и я зъ ними.

— Що се ви, діду? — озвалась хазяйка, смикнувши ёго за рукавъ: — а якъ панъ росердитця?...

— Не росердитця, — одказавъ дідуганъ, усе дивлячись на мене: не взявъ ёго катъ! — глянь, вінъ и самъ сміетця! Сідай же, синку, — додавъ дідъ, — то будешъ гостемъ.

— Чого се ви такъ реготались? спитавъ я, оглядуючи веселе товариство.

— Ось послухайте, — озвався хазяінъ, — що́ тутъ вигадувавъ Кіндратъ Тарасовичъ, якъ вінъ кумедно кепкувавъ зъ себе, то не то живий, и мертвий би засміявсь!

— А що тамъ таке? — спитавъ я.

— Та хочуть зъ мене чоловіка зробить, — крикнувъ дідъ, ударивши кулакомъ по столу якъ кісткою, — щобъ гроші злупить зъ громади! — Слухай, синку: Якъ була послідня перепись ревизіи, громада довго міркувала, чи записувать мене, чи ні. Одні казали, що́ велено усіхъ живихъ записувать, то й мене тежъ треба записать, а другі казали — не треба, бо зъ мене нема громаді ніякого вжитку: бачите, трошки перестарівсь, такъ не можна, якъ одинокого, у некрути віддать. Та ще й те казали, що сёго-

дні запишуть, а завтра громаді на пакість *дуба дамъ*, та й плати́ по́дать чортъ-батька зна за що́, годівъ зъ двацять. А теперички таке безголовья, що й живі люди ледві зможуть за себе платить, а якъ стануть потурять мертвимъ, та за нихъ платить, то ніякий бісъ не схоче и живимъ зостатьця. Отъ и рішили — не записувать: »може,« кажуть, »вінъ опамьятуетця и вмре!« Здаетця и розумненько рішили, — такъ ось же, матері ёго чортъ, яка халепа накинулась. Нашъ орандарь-жидюга росердився на громаду за те. що не пьють у ёго въ корчмі горілки, та й зробивъ *донось*, що я не *имію бути включенимъ у ревизську сказку*: такъ теперички и хочуть злупить зъ громади добру пеню за того чоловіка, що невартъ и залізного шага. Сёгодні ждуть засідателя на слідство и громаду збирають, — уже и голова прибігъ. Такъ, бачите, теперички треба одбріхуватись, — та сількісь, не первина....

Дідуганъ хотівъ бувъ ище щось росказать, якъ убігъ у хату десятникъ.

— Идіть швидче, діду, у волосне правление, — сказавъ вінъ, ледві переводячи духъ: — голова зовуть; вже й громада зібралась; отъ-отъ и засідатель, панъ Цибульский, прибіжить.

— Иду, синку, иду, — забелькотавъ дідъ, и швиденько вийшовъ изъ хати.

И ми, скільки насъ не було, пішли подивитьця, яке тамъ буде слідсто. Дідуганъ браво йшовъ попереду безъ шапки, розмахуючи руками.

— Дідъ шапку забувъ, — сказавъ я: — якъби хто збігавъ за нею.

— Не турбуйтесь, пане, — обізвався хазяінъ: у ёго нема шапки; отакъ, якъ бачите, ходить и літо й зіму; ні сонце ёго не допече, ні морозъ не приморозить, ніщо не дошкулить ёго кістокъ, шкурою обтягнутихъ!... Скільки въ насъ дідівъ перемерло, а якъ були ще хлопьятами, то знали ёго вже не молодимъ; — а вінъ живе собі та й живе, та ще якъ подивився, то ёму й жити не обридло: завжде веселий, не пролива й чарки, а на весіллі — то бувае й потанцюе. Кумедія, а не чоловікъ!...

— Скільки ёму буде літъ?

— Більшъ якъ сто!

— Е въ ёго діти, унуки?

— Нема нікого, — одинъ зостався якъ палець.... Була колись у нёго й жінка, й діти, и хата, и земелька, а теперички, якъ бачите: *нагъ яко благъ*.

— Відкіля вінъ?

— Зъ Уманя. Живъ и въ Тульчині — вінъ бувъ козакомъ у Потоцького, — а тамъ помандрувавъ у Черкаські ліса до Залізняка; ходивъ зъ Гонтою виручать Умань, довго бувъ Січовикомъ, и по Волощині швендявъ. Куди вже ёго нечиста-мати не туряла, — чого зъ нимъ не траплялось! бувъ вінъ и шинкаремъ, и наймитомъ, и пасішникомъ. Не одинъ ківшъ лиха підсунула ёму злая доля; випивъ же іхъ, бідолашний, до самого дна, и — якъ бачите — ні гадки собі!...

Вийшовши зъ закавулка на вулицю, здалека побачили ми, біля волосного правленія, зібрану громаду; попереду стоявъ голова — високий чоловікъ зъ сідимъ вусомъ, у блакітному жупані.

— Слихомъ слихати, Кіндрата Тарасовича у вічі видати! — закричавъ голова, якъ ми підійшли близче.

— Не ту пісню співаешъ, сынку, — озвався дідуганъ: — теперички співай, що того Кіндрата Тарасовича ні слихомъ не слихати, ні у вічі не видати!...

— Не поможетця, діду: що́ хочъ співай!... Отъ яку куру піднявъ, Тарасовичу: для тебе и громаду зібрали и слідство буде, та ще щобъ и штрапу не вчистили....

— За що́, сынку?

— За те, що ти чужий вікъ заживаешъ, кістокъ своіхъ не шануешъ и ще такъ обносисся, що й на страшний судъ нівъчімъ буде приихатьця.... Скажи міні на милость, Тарасовичу: чи ти вмрешъ коли, чи такъ до віку вічнёго будешъ по світу ба́йдики бить?

— Я бъ тобі сказавъ, сынку, — такъ не знаю жъ: спитай кого-небудь, хто старший відъ мене.

— Не до жартівъ теперички, — почавъ зновъ голова: кажіть, Тарасовичу, що́ намъ робить, щобъ и справді не довелось, — бодай вони не діждали, — платить той штрапъ.

— Не знаю, сынку, що́ й казать, — одказавъ дідуганъ, повісивши голову. Що-небудь би дать Цибульскому, — такъ вінъ нічого не бере!...

— Вінъ не бере!.. не бере!.. загомоніла громада, зареготалась.

— Хіба діточкамъ на горіхи дасте, — сказавъ дідъ, піднявши голову: вінъ тільки и прийма, що́ дають діточкамъ. Що́ то за чуле серце у батька! — дарма що гоноровий, а для своеі дитини и зъ півъ-злотувкою не розминетця.

— Добре серце у батька! — піддакує громада, та регочетця.

Ажъ ось почули й дзвонокъ.

— Цибуля іде!— закричавъ дідуганъ. — Ну, теперъ одбріхуйтесь, дітки, а я піду у правленіе: якъ нічого не вдіете, то виводьте мене, — я вамъ пораду дамъ.

На той дзвонокъ вийшовъ изъ корчми и орендарь, у соболевій шапці и у глазетовому шляфроку: блищить диявольський синъ, якъ панський чобітъ. Перейшовъ дорогу и ставъ оддалікъ одъ громади, щобъ и собі подивитьця, яка тамъ буде халепа за пропущену душу.

Изъ-за вугла вихопилась найтичанка, запряжена у-триконь строкатими. Засідатель панъ Цибульский сидівъ обложений бебехами, увъ одній руці державъ пенькову люльку, здоровенну, якъ кварта, а у другій дубельтівку; у ногахъ вертівся пудель и гавкавъ на сільськихъ собакъ. Панъ Цибульський любивъ пополювать, було и слідство вчинить и качокъ настріля; коли нема дикихъ, то зъ досади и свійськихъ лущить, а коли дуже росердитця, то й по индикахъ тарахне, та й забіра, щобъ заряди на вітеръ не пішли. Незагнуздані коні геть-геть промчали найтачанку, — та вже наткнулись на хату, такъ самі зупинились. На-силу вилізъ изъ бебехівъ панъ Цибульський: таке плюгавенькое, товстенькое, кирпате, очі якъ осокою попрорізувани, а пика широка та червона якъ новий пьятакъ, — ажъ блищить. Якъ би на казанку натикать сажою очі й нісъ, та зверху накинуть картузъ зъ червонимъ околомъ, то не треба й патрета: бувъ би на ёго похожий, якъ рідний братъ. Тільки панъ Цибульський підійшовъ до громади, такъ усі зняли шапки и низенько ёму вклонились, а вінъ и окомъ не моргнувъ,—глянувъ на громаду якъ на гуртъ: бачите, *засідатель... Велике діло — опеньки!*

— А що́ ви, сучі сини, наробили? — крикнувъ панъ Цибульський.

— Щó жъ ми таке наробили? — спитавъ голова: — здаетця, нічого!

— Якъ — нічого! чоловіка не записали у ревизію....

— Якого жъ тамъ чоловіка? здаетця, усіхъ позаписували....

— Якъ усіхъ!.. а того.... (панъ Цибульский вихопивъ изъ кишені пакъ бомагъ и ставъ розглядувать...) а того, — каже, — Кіндрата Бубненка-Швидкого?

— Хібажъ то́ чоловікъ? — одвітивъ голова, засміявшись: гамъ нема и півъ, та де! й десятої части чоловіка не зосталось. Ось подивітця-лишень, щó тамъ за руіна така!... Гей, хлопці, — крикнувъ голова: — виведіть-лишень сюди діда!

— Нáщо тутъ дивитьця, — каже засідатель: аджежъ вінъ живий?.. такъ и треба було записать!

— Богъ ёго зна, чи вінъ живий чи мертвий, — ніякъ не розберешъ. Отъ самі подивітця.

Ажъ ось, ведуть Кіндрата Тарасовича: иде неборакъ — роскарячивсь, роззявивъ ротъ и баньки якось чудно перекосивъ, лупа очима якъ та сова. Якъ побачила ёго громада, такъ усі и приснули.

— Подивітця на милость, — каже голова: — яка се душа? се не чоловікъ, а куряча сліпота...

— Се чоловікъ-сажка (обізвався хтось у громаді), на нёму сіра сімряжка, на голові — шапочка, а на спині—латочка.

— Де вже! — озвались другі: нема у нёго ні шапочки, ні латочки!

— Се дзінзіверъ-зухъ! гукають инші.

— Скільки тобі літъ? спитавъ засідатель.

Мовчить Кіндратъ Тарасовичъ, якось чудно дивитця на пана Цибульського, ще гіршъ баньки перекосивъ и голову нагнувъ, неначе заміряетця ёго баднуть.

— Що вінъ у васъ, глухий, чи щó? спитавъ засідатель.

— Ні, одвітила громада: вінъ добре чуе.

— Чого жъ ти мовчишъ, стара собако? — розсердившись крикнувъ панъ Цибульський: кажи, — скільки тобі літъ?

Якъ затруситця Кіндратъ Тарасовичъ, та до пана Цибульського! якъ крикне не своімъ голосомъ кукуріку! вдруге, втрете, ажъ у вухахъ залящало, а засідатель обмахуетця та белькотить: — тю, дурний, тю, дурний!...

А дідуганъ свое: якъ заскиглить собакою, гавъ-гавъ-гавъ, та пана Цибульського за штани, а той відъ ёго, яко мога, у найтичанку, — якъ крикне спереляку:

— Тьфу, на твого батька!... Катержний хлопъ, пся віра!... Що вінъ у васъ дурний, чи що? — пита у громади.

— Ні, — кажуть, — вінъ розумний....

— А щобъ такі були розумні ваші діти!... Рушай икъ плесу, — гукнувъ засідатель на погонича, та й заторохтівъ скільки видно.

А Кіндратъ Тарасовичъ за нимъ: гавъ-гавъ-гавъ; тільки порівнявсь зъ жидомъ—хапъ ёго за пейси, да якъ учепитця за поли,— а жидъ: вай-вай! та навтікача, — дерррръ! поли у шляфрока якъ не було, и пантухлі розгубивъ втікаючи. Реготу такого наробивъ нашъ дідуганъ, шо громада ажъ животи надірвала одъ сміху, — та ще каже:

— Щасливий панъ Цибульський що втікъ, — а було бъ зъ ёго штанами те, що зъ жидівськимъ шляфрокомъ: сучий синъ, коли бъ не порвавъ іхъ на шматки!

Тільки одъ сіеі кумедіі трошки оддихали, якъ почалась друга. Жидъ зъ жидівкою и жиденятами, зъ гвалтомъ, повискакували зъ корчми, и довго носились зъ одірваною полою. Що вже тутъ вироблявъ Кіндратъ Тарасовичъ, якъ вінъ лаявсь зъ жидами, що вигадувавъ—и росказати не можна. Жидъ хотівъ бувъ доганять пана Цибульського, щобъ пожалітьця, та почувъ стрільбу біля плеса и одумався. Вінъ знавъ, що панъ Цибульський дуже бувъ *запалёний* на полюванні, часомъ спугнувъ би ёму качки, то вінъ, стародавнімъ шляхецькимъ звичаемъ — стрілять по жидахъ, ще бъ почастувавъ ёго по жидівскихъ галанцяхъ бекасинникомъ. Та й зъ жалоби тіеі нічого бъ не вийшло, бо, слава Богу, село було казенне. Отъ, якъби панське, то сунувъ би эконому дукатъ або два, то вінъ би, за той шляфрокъ, всю громаду одчухравъ би канчуками, та ще звелівъ би пить и жидівську горілку, хочъ би вона була самий чвирь. Э, недолюблювала жидова тихъ казенныхъ! и чортяка не вигадавъ імъ нічого луччого якъ панські хлопи. Узявъ *маёнтекъ* на оренду, одсипавъ пану *зъ-гури*, та й забирай людей зъ худобою, зъ шкурою, — роби зъ ними що схочешъ, хочъ живцемъ іжъ, хочъ жили зъ нихъ

тягни. Знатне було колись життя жидамъ, — такъ урвалась же імъ та нитка.

Громада потрошку розійшлась, а де-которі, позавзятішъ, довго ще лаялись зъ жидомъ, поки не повибивали ёму вікна; а тамъ пішли у корчму, що на Тульчинській дорозі, и дідугана зъ собою потягли, та й гуляли ажъ до вечора. Усе лихо одъ пропущеної душі окошилось тільки на свійськихъ качкахъ. Панъ Цибульський, розсердившись на громаду, налущивъ усякої птиці повнісіньку найтичанку, ище й порося встреливъ: — думавъ що заіць.

Съ тіі пори, частенько я бачився зъ дідуганомъ. Прийде було до мого хазяіна и до мене заверне: якось я ёму до души прийшовсь, бо не до всякого вінъ учащавъ. Кого не злюбить, то вже нічимъ вінъ ёго до себе не приверне, які бъ ляси не підпускавъ, чого бъ не суливъ; бо, якъ той Кузьма безсребреникъ, нічого не приймавъ, а особливе тихъ грошей. — И вже, нехай ёго той не зачіпа, бо вилае, або ще гіршъ — кепкувать стане, а на річахъ такий бувъ гострий якъ та бритва. Не подобався ёму нашъ шкадронний командирь, хочъ и землякъ; дідъ ніколи до ёго не ходивъ. Разъ, гуляли ми по селу и стрілись зъ дідуганомъ; шкадронний и давай ёму *виговарювать*:

— За що се, діду, — каже, — ти мене цураесся? Хочъ би у хату плюнуть зайшовъ?

— Не діждешъ, синку, — одвітивъ дідъ, — щобъ моя нога переступила твій порігъ!

— Чому? спитавъ шкадроний.

— Тому, що на муштрі ти дуже мордуешъ и бьешъ салдатъ!..

— Не сердся, діду, — каже шкадроний, я вже не буду іхъ мордувать: (а самъ усміхаетця).

— Не повірю тобі, синку! горбатого и могила не виправить! Вже я добре знаю твою гаспедську натуру: якъ тільки вийдешъ на ту муштру, то такъ тебе чортяка и вхопить за серце; не то що салдатъ, та колибъ и рідний твій батько, у тимъ хронті, не такъ задибавъ, або мушкетъ не туди повернувъ, то й ёму бъ задавъ шваби, и ёго бъ оддубасивъ хуктелями!

Шкадронний ажъ почервонівъ зъ досади, а стерпівъ: що будешъ робить зъ такимъ завзятимъ дідомъ? Хочъ часомъ и до-

садно, бо правда очі коле, а нічого робить — сміється, буцімъ тобі и байдуже, що тамъ старий бреше. Лучалось инколи — прибіжить у село судейский паничъ, та хочъ би й самъ камисаръ, то такъ и лізе ёму у вічі якъ оса, такъ и грима: нікого не злякаетця. Було вже люде запруть ёго, щобъ часомъ не було ёму халепи одъ якого небудь гонорового дурня.

Доставалось одъ ёго и попамъ: нікому не спускавъ. Разъ прийшовъ до мого хазяіна у гості панотець Иванъ (того села піпъ). Набалакавшись за дулівкою и медомъ, вже брався вінъ за шапку, ажъ де не взявсь Кіндратъ Тарасовичъ, мовъ зъ печи ввірвався,— убігъ у хату зъ крикомъ, зъ реготомъ, и заразъ почавъ щось розказувать; а попа и потягло за язикъ:

— Добрі люде, — каже, — помолившись Богу, вже спати лягаютъ, а тебе, Тарасовичу, нечиста-мати носить; и въ ночі одъ тебе спокою нема!

— Васъ шукавъ, панотченьку,— одвітивъ дідуганъ, такъ покірненько, що вже, хто ёго знавъ, вгадавъ би, що достанетця панотцеві на горіхи.

— На́ що я тобі? — спитавъ піпъ.

— Хочу оженитись, — такъ шукавъ васъ, щобъ сторговатьця — скільки візьмете за вінець.

— Цуръ дурня! — скрикнувъ піпъ, засміявшись.

И ми, скільки насъ не було, тежъ зареготались. А дідъ усе тимъ же голоскомъ и каже:

— Бачите, щобъ було посходнішъ, сторгуемось огуломъ: положіть вже разомъ и за хрестини, и за похорони. Будьте ласкові, не дорожітця: аджежъ и горілка відрами дешевша якъ квартами.

— Умри тільки, голубчику, то я тебе й даромъ заховаю!

— Такъ щобъ того не було, що зъ Ничипоромъ: якъ умиравъ, то давъ вамъ на поминки, а якъ умеръ, то й забули...

— Брешешъ, сякий-такий! крикнувъ піпъ, ажъ ногами затупавъ зъ досади.

Слово за слово — и полаялись. Дідъ и пішовъ ёму вищитувать — викладувать и се́ и те́, а попу нічимъ корить старого, такъ вінъ его тільки на всі заставки лае. Хазяйка смика діда

за рукавъ, щобъ вінъ уваживъ панотцеві, а хазяінъ уговорює попа, щобъ вінъ не затинавъ старенькому.

— Покиньте ёго,—каже:—вінъ вже зъ глузду зсунувся.

— Зъ глузду зсунувся,—репетуе піпъ,—а головою жъ объ стіну не бьетця!..

— Та не одгадаете, каже дідъ, — чомъ я не бьюсь головою объ стіну...

— Щобъ не розбить голови!—одвітивъ піпъ.

— Не одгадали!... щобъ не оббить глини на чужій стіні! бо для мене и чужа стіна дорожша одъ моеі голови.

— Дешева голова, а дороге серце! — обізвавсь хазяінъ.

— Эге! підхопивъ дідъ;—а у васъ, панотче, дорога́ голова, а серце дешеве; а ми дорого за вашу голову не дамо, а отъ — серце — вонобъ намъ згодилось, — такъ дешеве жъ; якъ кажуть: *дешева рибка — погана юшка*. Тимъ-то ви й не одгадали, чомъ я не бьюсь головою объ стіну, бо ваша стіна дорожша вамъ одъ чужоі голови. Отъ-що!

— Та одчепись одъ мене, — каже піпъ, одсовуючись (бо діду́ганъ такъ ёму й лізе у вічі): пора бъ тобі вже й покаятьця. Побачишъ, що́ тобі буде на тімъ світі: витягнуть тобі чорти язикъ гарячими обценьками,—щобъ не брехавъ!

— Де́?

— У пеклі!

— У пеклі! хіба ще мало намъ того пекла на сімъ світі?... Вибачайте, панотче: зъ одного вола двохъ шкуръ не деруть! та нашъ братъ, за вами, туди й не дотовпитця!

И зновъ схопились, такъ-що піпъ, не допивши дулівки и не попрощавшись зъ хазяінами, вийшовъ изъ хати, и такъ гряк-нувъ дверима, що ажъ глина посипалась зъ стелі.

Тільки піпъ вийшовъ, діду́ганъ заразъ за ёго чарку, и допивъ дулівку.

— Бачъ, що́ думавъ піпъ, каже:—ще́ хотівъ сердешний випить!... Однакъ правду казавъ, що, оціеі доби, добрі люди, помолившись Богу, спати лягають.... прощайте!

— Кудижъ се ти, Тарасовичу? питае хазяінъ: — ночуй у насъ.

— Не хочу! піду у степъ, на могилу, де міні чортяка перину послявъ.

— Та ну годі, діду, неходи: ще звіръ иззість або який бурлака налякае.

— Отъ найшовъ дурнихъ вовківъ! стануть вони давитьця моіми кістками; та й бурлаки не злякаюсь: хіба вінъ мене; ще кланяться стане, — подумае, що скарбъ сидить на могилі.

— И тобі, діду, не страшно, — спитавъ я, — одному, въ степу, и ще у таку глупу нічъ?

— Эге! того міні й треба, — одвітивъ дідъ: — колибъ ти знавъ, синку, якъ міні весело, якъ міні легенько, середъ темної ночі въ степу одному мізкувать на могилі.... Такъ темно, що око не побачить рукава своеі сорочки, а тихо, що вухо не почуе шелесту билини; а серце бачить Божі дива, душа чуе Его мову. Хочъ тіло мое прикіпа до землі, та думки летять у небо и граютця тамъ зъ зірочками, якъ діточки съ каміньцями. Сидишъ, сидишъ, и не счуесся, якъ сонъ тебе вкрие, а розбуркае сонечко!... Прокинесся: кругомъ тебе овечата щіпають травицю, скроплену росою, а вівчарь на сопілку затинае зуба. Наберешъ того пахучого холодку повнісенькі груди, неначе напьесся живущої води, та на увесь день и ні гадки собі.

— Якъ ще тебе, діду, — каже хазяінъ, — ніразу не спіткавъ чортяка?

— Эге! кажу жъ тобі, — одвітивъ дідуганъ, — якъ живу на світі, ні разу не траплялось міні бачить чорта, або якого-небудь дідька. Чи вони мене боятця, чи цураютця, нечистий іхъ зна. А здаетця, якъ би міні іхъ и не побачить? Дé вже я на своёму віку не вештався, у якихъ пущахъ, нетряхъ не чвалавъ, такъ кажу жъ, ні разу-таки, за сто літъ, не стрілась зо мною ні одна мара. Ажъ соромъ людямъ казать.... Прощайте жъ! Чи не прийде, на мое щастя, хочъ сю нічъ який-небудь бісяка.

— Шобъ не порвали діда собаки? — сказавъ я, якъ вінъ вийшовъ изъ хати.

— Не бійтесь, — одвітивъ хазяінъ: — на ёго ніколи и собаки не гавкають, а крикне на невука, то хочъ який баский, затруситця, та якъ вкопаний и стане.

Більшъ приглядовався я до діда, більшъ дивувався імъ. Яка то місна натура була у того чоловіка, и якъ вона у нёго чудно перекорилась.... Хиле, нензне тіло, а вікъ довгий; кого бъ не спіткала злая доля, то вже вінъ за того и болить серцемъ, и

йде ёго втішати, — а зъ свого безголовья кепкує; сномяне свою безталанну семью, якъ вирізали ёго дітей и жінку и спалили хату — и розрегочетця.... Коли стане наводить кого на розумъ, то не поважнимъ совітомъ, а жартами, сміхомъ направляе. Всіхъ людей любить такъ, якъ тільки можна любить одного чоловіка, а часомъ за одного чоловіка сваритця на всіхъ людей. Ніякъ и не вгадаешъ, щó у ёго на душі и на серці. Стане сміятьця, а у тімъ сміху чуешъ хлипання; почне розказувать ніби одъ чулого серця, а луна одкликаетця реготомъ.

Дідуганъ дуже любивъ Галю, хазяйську дочку. Разъ, якъ я зъ нимъ розговорювавъ, підізвавъ вінъ ії до себе.

— А що, синку, гарна дівчина? спитавъ дідуганъ, глянувши на мене.

— Гарна, одвітивъ я; — а якъ виросте, то ще краща буде.

— Эге! отака жъ була и моя старша дочка, дуже на неї похожа. Брава була дівчина, вилита мати, а серце було мое, батьківське. Такъ не продливъ же ій Господь віку: вісімнадцятий тільки рікъ пішовъ, якъ вона зарізалась!

— Зарізалась?!

— Эге! отъ якъ се було: послі Уманьского побоища, Ляхи вирізали жінокъ и дітей тихъ козаківъ, що приставали до Гонти. Милували тільки тихъ, хто покинувъ батьківську віру и зробився кателикомъ. Моя жінка, трое синівъ и дві дочки, не схотіли жить недовірками и приняли чесну смерть, а ся старшенька подобалась якомусь пану ротмистру, (кажу жъ тобі, що дуже гарна була): отъ вінъ и зоставивъ ії для сéбе. Не знаю вже, у яку віру хотівъ вінъ ії перевернуть: чи не въ турецьку. Отъ, узявъ та й одвівъ ії до одної шляхтянки, та до якого часу и заперъ у хижку. Уже ввечері, напоівши свое шляхетне серце хлопською кровью, и добре напившись венгжини, прийшовъ до шляхтянки, у хижку, и ну женихатьця зъ моею дочкою. Мабуть не знавъ панъ ротмистръ, що наші козачки колютця якъ ті рожі. Отъ и ставъ ії цілувать и обнімать, а вона, не будь дурною, вихопила изъ-за ёго пояса ніжъ, та штрикъ ёму въ серце, а тамъ и себе, та такъ вкупі й гепнулись на помістъ. Убігла шляхтянка, а вони вже зъеднані смертю: лежять собі обнявшись, якъ женихъ зъ невістою. Отъ вамъ и чортове весілля!

Старий зареготавсь на всю хату.

— Чогожъ ти сміесся, діду, — сказала Галя похмурившись: — лучче бъ згадавъ добру дитину слёзою ніжъ регітомъ?...

— Дурна ти, Галю, — одвітивъ дідъ: добрій дитині лучче на тімъ світі якъ на сімъ! Щобъ зъ неі було, якби вона также довго жила на світі якъ и я, бідолашний! скільки бъ лиха перетерпіла и зробилась би старою, пакосною бабою, якъ той шкарбунъ, що гидко бъ на неі було й глянуть; ато пішла до Господа такою гарною, що и міжъ янголями ії не розпізнаешъ. Якъ умру, — и міні весело буде на неі глянуть. Знаешъ, мое серце: нема нічого кращого на світі, якъ молода и гарна дівчина, и нічого гидшого, якъ стара баба!...

Та й почавъ дідуганъ глузувать зъ старихъ бабъ; регочетця, а за нимъ и ми и старі бабусі, які тутъ були въ хаті. Така вже, бачите, українська натура! не сміютця зъ чужого лиха, а тільки зъ свого. Однакъ, на сей разъ, якъ вінъ ни ховавъ свое горе у той сміхъ, а латво було замітить, що згадавши про свою безталанну семью, защеміло-таки ёго серце.

Схотілось міні заглянуть въ душу, чи справді охолодили ії такъ літа и виточили зъ серця усе що ні трепеталось, ни клокотіло у нёму, — чи воно справді вже заглухло, висохло и порепалось, якъ той степъ въ довгу засуху, що скільки окомъ кинешъ, то не добудешъ краплі води, и не побачишъ живої тварі.

Разъ зайшовъ до мене дідуганъ и довгенько засидівсь. У той вечіръ вінъ бувъ дуже сумний и росказувавъ тільки смутні оповідання. Щобъ спробовать діда, я й нагадавъ ёму молоді літа, жінку, дітей, хату — и глибоко уразивъ ёго серце. Старий було за свою пісьню, а я зновъ свое, та такъ розвередивъ ёго болячку, що вінъ сердешний и голову повісивъ.

— Щожъ, — каже — синку, нігде правди діти. Горе скребло и скребе мою душу: часомъ и дуже скребе; та я зъ нимъ ховаюсь одъ людей, якъ скупий зъ грішми. Чуже лихо, якъ кажуть, людямъ сміхъ: похлипаешъ разъ—люде пожалують;—у друге, одвернутця, у трéте — стануть сміятьця. Такъ лучче нехай сміютця зъ моіхъ смішокъ, якъ зъ мого плачу... правда, синку?...

— Правда, діду.

— Текли колись ті слёзи и въ мене, а козача слёза важка: якъ викотитця, то неначе могилою тебе придавить; а глянешъ на неі, то ні одна мова того тобі не розкаже, що у неі поба-

чишъ. Слухай, синку: Пішовъ я зъ старшимъ синомъ до Залізняка, у Черкаські ліса, битись изъ Ляхами, а вернувся до лому одинъ. Жінка вийшла на зустрічъ и спитала про сина; — въ одвітъ викотилась слёза... у тій слёзі, побачила вона мертвого сина и вже заголосила якъ мати.... Якъ зъ Гонтою ми одбивали Умань, я пішовъ навідатьця до своіхъ и побачивъ тільки кучу головешокъ, а кругомъ калюжи запекшої крові, неначе горілую хату гасили кровью. Побачились ми зъ Гонтою и не роспитували одинъ другого; у обохъ тремтіли слёзи на очахъ... и вінъ, якъ и я, усе стративъ, що було милого на світі!... А чи ти знаешъ, синку, що таке козача слёза?

Дідуганъ схопився и підступивъ до мене, голосъ ёго дрижавъ, груди важко колихались, очі горіли. Се не той вже бувъ дідъ, що смішивъ и втішавъ, ні: здавалось, се прилентачъ зъ того світу, прійшовъ на землю оповідать те, чого ще люде не знаютъ....

— Чи ти знаешъ, що таке козача слёза? — спитавъ дідуганъ у друге.

— Не знаю, діду.

— Такъ слухай же, синку, и заховай у серці що одъ мене почуешъ! Молять Бога, щобъ вінъ оборонивъ людъ одъ огня, меча, потопу, гладу, трусу и хороби: зложи до-купи усе те лихо, и вийде зъ нёго одна тільки козача слёза. Глибоко вона крієтця у серці, важка вона, нелатво ії зворушить; а якъ же видавлютъ ії зъ ока, то горе и людові и краеві и годині!... Викочувалась вона не разъ на Вкраіні за Наливайка, Остряниці, Полурусі, Богдані, и за моеі вже памяти — при Залізняку. Може чувъ синку що вона діяла?... Після Уманськоі тризни, хтобъ пізнавъ наше горе, глянувши, якъ ми бенкетували, — не день, не тиждень. То гуляла скажена наша недоля: то вихопитця вона поломьямъ и спалить кілька городівъ, селъ и містечокъ; то хлине крівавою хвилею и затопить тисячі людей; то ростелетця по краю пекельнимъ чадомъ, и на десятки літъ не опамьятуетця народъ одъ того діявольского курева!... Відкіль же беретця те поломья, та кровъ, той пекельний чадъ?... Изъ козачоі слёзи! Прийде часъ—и вона зновъ наробить великого лиха, коли розворушять ії необачно; задасть вона зновъ такий бенкетъ, що ажъ небу буде душно, ажъ пекло засміетця и гайвороння злякаетця того трупу, що ёму на

долю достанетця. Да будеть же той проклятъ одъ Бога и людей, хто розворушить ту слёзу и видавить ії зъ ока!... Такъ, синку?

— Такъ, діду!

Дідуганъ схиливъ голову на груди и важко дихавъ.

— Міні душно у хаті,—пробелькотівъ вінъ:—піду у степъ.... Біля дверей старий оглянувсь, и ледве промовивъ:—Лучче бъ було, синку, колибъ мене понесли у могилу, чимъ міні ходить до могили!...

Такъ оттакий то бувъ нашъ дідуганъ, Кіндратъ Бубненко-Швидкий...

Міні ніколи на віку не лучалось стрічати, хтобъ такъ гарно, доладу росказувавъ, якъ Тарасовичъ. Деколи було розкаже и те, що давно чувъ, такъ съ такими жъ додатками, прикладками и приказками, що й не пізнаешъ того оповідання. Слухаешъ було ёго и не наслухаесся: такъ воно до живого, до світового подобно. А було що и розказать дідугану: великі діла творились за ёго памьяти и на ёго очахъ. Живъ вінъ у саму ту нещасливу годину, якъ магнати польські загарбали Україну зъ людомъ, одъ Дніпра до Дністра, и рвали и шарпали ії на шматки. У перві віка христіянства, язичники такъ не лютували проти христіянъ, якъ у ту годину шляхта знущалась, мордувала и карбувала своіхъ братівъ. Ізуіти цькували народъ шляхтою и своіми бакалярами, якъ собаками, и шинкували козачою кровью, якъ жиди горілкою. Чого вони не робили: грабували, мучили, забивали підъ нігті сірники и запалювали (1). Панъ Гребницкий мордувавъ народъ, привязуючи іхъ до кіньскихъ ногъ, — не миловали ні старого ні малого.

У містечкахъ Смілімъ, Мошнахъ, Корсуні и Таганчі, вибили усіхъ попівъ зъ дітьми. Підъ Ольшаною спалили Данила Кожевського обмотавши прядивомъ и засмоливши. Панъ Пулявский навербувавъ полкъ шляхти, и насунувъ у Чигиринське староство, силою приневолювать народъ до уніі. Літописець розказуе, що и польки не умили своіхъ ручокъ одъ гріха. Польский круль тільки було оглянувсь на козаче безголовья, такъ заразъ и закопошилась проти ёго Барська конфедерація.

---

(1) Історія Малороссіи, Н. Маркевича, т. II. стр. 658 и 659.

Поралисъ Ляхи, поралисъ, поки, якъ казавъ Тарасовичъ, не зворушили козачої слёзи и не видавили ії зъ ока. Підпявся людъ на Вкраіні — и старе и мале. Максимъ Залізнякъ, кровна дитина Січи, стала у голові поспільства, епископъ Переяславьскій Тервасій, на велике лихо, благословивъ рушення, а Чигиринькій архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, давъ Залізняку золоту грамоту (1), а козакамъ роздали свячені ножі.

Пішла росправа. Почали зъ Жаботина и зробили тамъ помники по сотнику Харьку. Усачъ и Шило трое сутокъ палили м. Смілу и різали Жидівъ и Ляхівъ. Изъ Смілого пішли у Богуславъ и Звенигородку и тамъ такогожъ задали чосу. Неживий, зъ своімъ загономъ, розхожувавъ по хуторахъ и різавъ панівъ, ксендзівъ и жидівъ.

Крулю було не до шляхти; возився вінъ у ту добу зъ конфедераціею, и панамъ одно було спасеніе ховатьця по укріпленнихъ городахъ и замкахъ. Найбільше позбігалось іхъ у Лисянці, у Білій Церкві и Умані. Залізняку того тільки й треба було. Трёма замахами покончивъ вінъ усе діло. Крий Боже, що тоді діялось на Вкраіні! Не буду вамъ и розказувать: коли хочете знати, питайте сами ту літописну скрижаль залиту кровью. Въ одному Умані козаки вирізали вісімнадцять тисячъ жидівъ и ляхівъ (2). Сей день и до сёго часу зоветця Уманською різнею (Rzeź Humańska).

Вже руське військо перейшло Дніпръ и спинило козацький бенкетъ. Полковникъ Кречетниковъ задержавъ Гонту, и ще де-которихъ, и оддавъ іхъ Ляхамъ. Добре вже натішили вони шляхетні свої душі, мордуючи мучениківъ. Панъ Стемпковський орудувавъ казнями. У селі Сербові, Гонту первого почали мучить. Катюга кільки днівъ здиравъ зъ нёго шкуру и відрублювавъ по одному пальцю, а тамъ руки и ноги, а на-кінці вже облупили ёму голову, натерли сіллю и зновъ, якъ шапку, наділи на голий черепъ (3).

Не легше було и товаришамъ Гонти: и іхъ четвертували по городахъ и містечкахъ, а іхъ голови, руки и ноги, розвішували

(1) Сія грамота була написана золотими словами, одъ-того золотою и звалась.

(2) Исторія Малороссіи, Н. Маркевича, т. II. стр. 668.

(3) Исторія Малор. Н. Маркевича, т. II. стр. 670.

на перехрестяхъ. Попався у сю веремію и нашъ дідуганъ Тарасовичъ, та якось викрутився. Кому вже Богъ пішле довгий вікъ, то ніякий гаспедъ, ніяка притичина ёму ёго не укоротить. Такъ бачите, у якихъ бувальцяхъ бувавъ нашъ дідуганъ: було таки що́ и згадувать.

Недовго ми й гостювали въ Тульчинській околиці: змінили нашому полку кватирі, и прийшлось попрощатьця зъ хазяінами и Кіндратомъ Тарасовичомъ. Старий дуже жалкувавъ, почувши, що ми виходимъ зъ села; остатні дні живъ вінъ у мого хазяіна и нікуди не ходивъ. Объ чімъ було не поведе річъ, то й зведе на походъ.

— На біса васъ звідсіля женуть, — скаже глянувши на мене: — поставлять же другихъ на ваше місце.... А хочъ и поставлять, — додасть журливо, — такъ вже тебе, сынку, міжъ ними не буде!...

Въ той день якъ намъ виходить, уранці зібрався нашъ шкадронъ біля церкви, щобъ одслужить напутственний молебінь. Зо всёго села зійшлись люде — и старе й мале: такъ увесь майданъ и вкрили. Хто вийшовъ провести доброго постояльця, хто такъ подивитьця; стояли тутъ де-котрі дівчата й молодиці зъ заплаканими очами; були й такі нещасливі, що забувши соромъ, голосили на все село. Хазяіни мої стояли біля мого зводу, бо тільки одного мене вийшли провожать.

— Куди се подівсь нашъ дідъ? — спитавъ я хазяіна.

— Не знаю, — одвітивъ хазяінъ: — зранку бачивъ ёго, посився зъ синёю бумагою, що цукеръ завіртують, — узявъ у Галі голку й нитки, щось захожувався шить.... Вже не даромъ: побачите, коли не викине якої небудь штукеріі.

Тільки-що скончивъ хазяінъ, якъ відкіля не взявсь Тарасовичъ, убраний неначе опудало на городі: на голові стриміла шапка зъ синёі бомаги, — себъ то бачите киверъ; черезъ плече висіла обідрана лядунка и біля боку щось моталось. Підскочивъ до шкадрона, — якъ крикне, та ще й гугняво, підъ голосъ шкадронного:

— Смирно, рівняй, не шевелись! я вамъ сякі-такі по пьятсотъ всиплю!...

Якъ побачили Кіндрата Тарасовича, то скільки було народу—

хто й рюмивъ, всі такъ и зареготались. Шкадронний жене діда одъ фронту, а вінъ собі командуе.

— На калавуръ!.. Къ чортовій матері, навзаводи, маршъ!..

Такъ роздратувавъ шкадронного: на-що вже терпеливий, а почервонівъ зъ серця и ставъ лаятьця.

— Одведіть старого дурня: — гукнувъ на людей: — ато я ёго оджену по своёму — фуктелями.

Вхопили діда підъ руки и повели геть; а вінъ скільки горла репетуе:

— Не помніть казенної муниціи, ато шкадронний задасть вамъ хуктелівъ!

Довго реготались люде, споминаючи кумедію діда. Вже й молебень почали править, а де-які ще прискали собі въ рукавъ. Якъ закончилось молебствіе, окропили насъ св. водою, шкадронний скомандувавъ и ми рушили. Пісенники гикнули: »*Ахъ не бѣлы снѣги*,« огласився дужче жиночий плачъ, народъ загомонівъ и лавою поперъ за шкадрономъ. Вийшовши зъ села на стовбовий шляхъ, я зупинивъ коня, и ставъ прощатьця зъ хазяінами, якъ вихопивсь зъ юрби Тарасовичъ.

— Ось и я, — крикнувъ вінъ, — зъ абахти втікъ, на-силу догнавъ!... Прощай, синку, нехай тобі Богъ помага! — Старий простягнувъ до мене руку и кріпенько здавивъ, додавши: — прощай! не побачимся на сімъ світі, такъ побачимся на тімъ!... Не поминай лихомъ. — Пильно на мене глянувъ, и зчезъ въ юрбі.

Тільки ёго й бачивъ.

Въ тридцятімъ року, повертаючи зъ Турецькоі війни, нашъ полкъ переходивъ черезъ те село, де живъ дідуганъ, и на мое щастя, одвели міні й кватирю у того жъ селянина, у котрого перше квартирувавъ. Дуже зрадніли моі хазяіни побачивши мене: спасибі імъ що не забули. Не вспіли вони вклонитьця, слово до мене промовить, якъ я спитавъ іхъ про діда.

— Померъ, померъ! — отвітили вони въ одинъ голосъ, — царство ёму небесне, вічня ёму память!...

— Такъ, такъ, — додавъ хазяінъ, — вічня ёму память!... Ніколи ёго не забудемъ, що-дня ёго згадуемъ.

Жаль міні, дуже жаль стало старенького. Хочъ вже и не

сподівавсь ёго побачить, бо пора-таки була кісткамъ на спокой, а все-таки, почувши, що вже ёго нема міжъ нами, гірко стало на душі.

— А давно вмеръ? — спитавъ я.

— О великоднихъ святкахъ буде три роки, — одвітивъ хазяінъ, важко зітхнувши, — та ще якъ и вмеръ: до остатнёго часу розмовлявъ, жартувавъ, сміявся!

Ми ввійшли въ хату; незабаромъ прийшла и Галя. Ледві пізнавъ ії: такъ виросла, вировнялась, така зъ неі стала гарна молодиця; и вже зъ дитинкою на рукахъ. Посідали, та й стали згадувать діда и ёго довге життя.

— Одъ чогожъ вінъ умеръ? — спитавъ я.

— Въ вербну неділю застудивъ себе, — одвітивъ хазяінъ; — може бъ и досі ще живъ, якъ би шановавъ свое здоровья.

Я попросивъ хазяіна росказать міні про остатні години дідугана, и вінъ такъ почавъ:

— Після утрені, якъ верталися зъ вербою, дуже потепліло, роставъ снігъ, и скрізь по вулиці стояли глибокі калюжі. Отъ народъ и йде краемъ по сухому, а покійникъ такъ и бовтаетця по воді и знай ганяетця за молодицями та дівчатами; вдарить яку-небудь прутомъ, и таки добре вдарить, та й приговорює: »не я бью, верба бье, за тиждень великдень!« Стали ёму люде гукать, щобъ вінъ не плёндравсь по воді: »застудишъ, діду, ноги«, кажуть, »та й вмрешъ не своею смертю!« — »Эге! того міні й треба, — одвітуе, — щобъ який чортъ вмеръ моею смертю: тоді нехай до мене чужа не ходить,—подавай міні мою! Та якъ міні«, каже, »застудить ноги, коли я и підошовъ не замочивъ.« — »Де бъ таки не замочивъ,« обізвався до діда Кирило Скупиндя (такъ ёго прозвали: бо зъ-біса скупий бувъ), коли й халяви въ воді?« »Эге,« каже покійникъ, — »та підошовъ не замочивъ; чи не хочешъ заложитьця на відро горілки?« »Добре,« каже Кирило;« а хто жъ за тебе поставить якъ вираю?« — »Дітки!« крикнувъ дідъ: »хто за мене поставить?« Такъ всі и заякали. »Чи чуешъ,« каже, »е кому!...« Отъ побралисъ за руки, іхъ и розбили. Вийшовъ дідъ на сухе, піднявъ одну ногу, другу, ажъ нема підошовъ! одні тільки голови зъ халявами. Сміху такого було що й росказать не можна. Не хотілось було Скупинді ставить горілки,

довго спорився, спричався, — такъ громада присудила; нічого робить, повівъ у корчму и росперезався на те відро.

Того дня вже й не бачили діда; на другий тільки у вечері прийшовъ до насъ. Увійшовъ въ хату, такий смутний, и сівъ собі мовчки. Дивимось на діда,—буцімъ и не вінъ: якось схиливъ голову на груди и важко диха. »Що́ се зъ вами сталось, діду?« питаю. — »Щось дуже голова болить и груди заложило,« одвітивъ, та й взявся обома руками за голову. »Чи не одъ учорашнёго?« — кажу. »Ні«, каже, »одъ завтришнёго!...« Що-дня завтра, та завтра, та такъ и доживъ до того завтра, що завтра треба вмирать. — Стали були втішати діда — такъ куди! ще й розсердився. »Чортъ-батька зна що росказуете«, каже: »хто не боїтця смерти, кому вікъ обридъ и ні для кого жити, той вже давно вмеръ!... Не бійсь, тоді якъ Ляхи хотіли мене зъ Гонтою четвертувать, то якъ не пильнували, а втікъ-таки: бо ще жити хотілось, а літъ зъ двадцять назадъ, хочъ би восмерували, хочъ би одчинили двері тієї куни, де ми сиділи, то не зворохнувся бъ зъ місця«. »Якъ же ви відтіля втекли?« питаю діда: нехай, думаю собі, росказуе, то може забуде про свою хворобу. Отъ вінъ и ставъ росказувать: »Посадили насъ«, каже, »вісімъ чоловіка у башту, понабивали на ноги залізні кайдани, та ще й двери замурували; тільки й осталось у версі, на самій башті, одно віконце, въ которе намъ спускали що дня глечикъ води и по скибці хліба; а біля того віконьця стоявъ вартовий жовніръ, и дивився що́ ми робимо. Здаетця — якъ тутъ у-бісса втекти? а втекли жъ, бо хотілось ще пожить, хотілось ще оддячить Ляхамъ за наше лихо!... Змолоду я бувъ дуже проворний: (не даромъ Січовики прозвали мене *швидкимъ*), а такий цупкий, що чи на дерево, чи на який муръ, скелю, то якъ кішка злізу. Здавалося Ляхамъ—добре мене закували, та не догледіли того, що кайдани були просторі по моімъ ногамъ, а якъ ще покрутивъ іхъ сюди туди, та росправивъ свої кістки, то вони и злізли къ бісу. Якъ злізли, я й кажу моімъ товаришамъ: »Ну, хлопці, теперички втікъ не втікъ, а побігти можна!«—»Де жъ ти будешъ бігать,« питають: »тутъ у башті не розженесся, а у віконце не вилізешъ, високо,— та й жовніръ тамъ стоіть и пильнуе?« »А бувае,« кажу, »и лежить, и спить! Коли вже на те піде, що Господь визволить насъ звідсіля, то не то — одинъ Ляхъ — и сто чортівъ не вдер-

жять«. До-півночі чутно було якъ вартові перекликались, и на версі похожавъ жовніръ, а тамъ потрошку й затихло. Отъ, я, помолившись Богу, и подравсь вугломъ до віконця. Де въ стіні ямка, то тамъ ногою упрусь; де виткнулась печина, то рукою хапаюсь, та такъ, поманесеньку, поманесеньку, и добравсь до віконьця. Зиркъ, якъ вовкъ изза кошари, — ажъ мій жовніръ простягся до-гори черевомъ и спить собі, якъ неживий. Видряпавсь я на башту, дивлюсь — біля жовніра лежить ратище и здоровенна сокира; отъ я, не довго думавши, ухопивъ ії... якъ затоплю ёго по виску, разъ, у-другє, такъ тутъ ёго й чорти вхопили. Далі кинувъ товаришамъ сокиру, палашъ, ратище и самъ спустився въ башту. Духомъ порозбивали кайдани, пробили цеглу въ дверяхъ, та й дали дропака черезъ річку въ лісъ.« — Оттакъ росказуе дідъ,—а ёму поставили вечерю и пива принесли (покійникъ дуже бувъ ласий до пива), такъ ні до чого жъ и не доторкнувся: покоштувавъ тільки пива, та й не пивъ: »гірке«, каже. Не довго й сидівъ: Галя послала ему на печі, отъ вінъ заразъ и лігъ.

На другий день, неначе ему полегшало; зрана трошки походивъ, а за обідомъ и за ложку не взявсь. Якъ стало смеркатьця, попросивъ вінъ щобъ ему на лавці послали и увесь вечіръ и нічъ лежавъ якъ въ огні, щось росказувавъ, а часомъ розмовлявъ зъ своею жінкою и зъ дітьми, неначе вони стояли передъ ёго очима. Въ середу у-ранці, тежъ ему полегшало, впьять уставъ. А тутъ, якъ почули люде, що дідъ занедужавъ, зо всёго села понаходили прощатьця зъ нимъ. Кланяютця ему до землі, цілують ёму руки, ноги, а вінъ одъ нихъ одсовуетця, та белькотить: »Цуръ дурня! Подуріли дітки!.. Чого се ви міні кланяетесь? я жъ увесь свій вікъ бувъ зъ вами рівний! Кланяйтесь одному Богові милосердному!...« Зъ кожнимъ розмовлявъ, кожному яке-небудь веселе слово сказавъ. Вже ми подумали, чи не одужавъ старий, — такъ у вечері зновъ его скрутило. Въ четверъ вже не встававъ, а въ пьятницю ёго запричастили, — думали, що вмре, дуже було ему важко; Галя не відходила одъ ёго, и до плащаниці не ходила. Въ суботу раненько, нашъ дідъ зновъ одужавъ; одкривъ очі та й пита: »який сёгодні день?« »Субота«, кажемъ. »Субота!« скрикнувъ: »такъ ще разъ на своему віку почую, якъ заспівають »Христосъ воскресъ«. Далі знявъ

зъ грудей мідний хрестикъ, підізвавъ до себе Галю и каже: »Добра моя дитино! Отсімъ хрестомъ благословила мене мати на довголітте, а я тебе благословляю и на щасливу долю. Нехай вона такъ тебе шануе, якъ мати свою дитину, щобъ ти хати своеі не покидала и діточокъ своіхъ не ховала. Е въ мене ще й другий хрестъ, важкий, дуже важкий, — сёго нікому не зоставлю, візьму ёго зъ собою и на той світъ; симъ хрестомъ, якъ ключемъ, одімкну я собі врата въ царство небесне...« Слухаючи діда, гірко плакали, а особливе Галя—такъ и обливала ёго руки слізами. Та подивітця, вона и теперъ плаче.

Я глянувъ на Галю, вона усміхалась до своеі дитинки, а сама рукавомъ утирала слёзи.

— Глянувши на наші хлипання, зновъ почавъ хазяінъ, — дідъ и каже: »не плачте, дітки; колибъ ви знали, якъ міні легенько на душі, то бъ одъ радості сміялись!..« Тутъ повносили паски и папушники, що напекли икъ празнику, а дідъ побачивши й каже: »Не буду вже я завтра зъ вами розговлятьця, розговіетця моя душа на тімъ світі!« И багато ще де-чого росказувавъ, такъ всёго жъ не згадаешъ.

Оттакъ розговорювавъ та й заснувъ, и проспавъ ажъ до вечора. Пізненько вже, якъ *Дѣянія* почали, прокинувся вінъ и пита: »Чи не благовістили до утрені?« »Ні,« кажемъ, »ще рано«. Зновъ розгорівся, та меньше проти вчорашнёго, тільки якось важче ставъ дихать. Лежить, лежить и схопитця, та й забубонить: »благовістять, благовістять!..« Оттакъ кілька разъ схоплювався: усе здавалосъ що дзвонять до утрені. Ажъ тутъ и справді почули благовість. »Ну,« каже, »дітки, теперъ несіть мене до церкви, бо самъ не дійду!« Отъ ми положили ёго на коцъ и понесли. Хотіли були у церковъ унести, такъ не схотівъ: »посадіть мене,« каже, »біля дверей.« Посадовили, піддержують ёго, зъ одного боку моя жінка, а зъ другого Галя. А тутъ зібралось того народу, кругомъ діда обступили и въ церкву не йдуть. Далі, якъ дочитались до Христа, пішла процессія кругомъ церкви. Звісно, обійшли три рази и стали біля дверей. Отъ піпъ и возгласивъ: »Христосъ воскресъ!« а дідъ въ одвітъ: »воистину воскресъ!« а ми за нимъ и собі: »воистину воскресъ«! Тільки заспівали дяки, и попхались за попомъ у церкву, а дідъ до моеі жінки: »Кумо«, каже, »давай свічку: будемо вмирать!...« Ухопивъ ту

свічку, схилився на груди Галі, та й оддавъ Богу душу. Таки почувъ, якъ заспівали—Христосъ воскресъ!...

Понесли діда живого, а принесли мертвого. Усякому хотілось хочъ трошки пронести его, ажъ бились хапаючись за коцъ. На четвертий день поховали діда; всі дні народъ не одіходивъ одъ хати, неначе яке гульбище було: не ходили ні въ корчму, ні на качелі, — тутъ и гуляли, діда згадуючи. А похорони, якъ би ви побачили, яки бучні були: и панівъ такъ не ховають. Зо всёго села нанесли усякоі провизіі, трунківъ, грошей!.. Ховали діда якъ козака: за труною несли ратище, фузію, вели коня, а якъ опускали у яму, то стріляли зъ мущирівъ и рушниць.

Вечоръ бувъ тихий, теплий, ми й пішли на кладовище поклонитьця дідовій могилці. Здалека побачивъ я на горі кладовище, оточене високими вербами и тополями. По-серединѣ, изъ за вітей вікових липъ, виглядувала убога церковця. Ми ввішли у похилену браму підъ повіткою и, пройшовши кілька ступнівъ по дорозці, остановились біля високого хреста Тутъ була могила Кіндрата Тарасовича; зъ боківъ обложена дерномъ, а по серединѣ, на грядочці, розрослись чорнобривчики, конвалія, а кручені паничі оплутались кругомъ хреста и дрались ажъ до самого верху.

— Хто се насіявъ квітокъ? спитавъ я.

— А кому жъ більшъ, якъ не Галі, — одвітивъ хазяінъ.

— Сёго року не я одна сіяла, — обізвалась Галя: — и Кіндратко помагавъ (такъ звали іі хлопчика): ей же Богу правда! бачить що я загрібаю, — воно й собі, тежъ рученятами загрібае!.. Галя притулила дитину до серця и стала іі цілувать.

Ми посідали біля могилки діда, та й стали згадувать, який то вінъ бувъ веселий та втішний. Згадали не одно ёго оповідання, не одну ёго штукерію, и дуже сміялись.

— Оттакъ, якъ бачите, — каже хазяінъ: прийдемо сюди, на дідову могилу, и плачемо и сміемось... Вічна ему памьять!.. Э, побачили бъ ви, що тутъ дієтця на великдень!.. Ми поминаемо діда у той день, у который вінъ Богу душу віддавъ, а опрічъ того, на самий великдень, після служби, усі миряне сходятця сюди на кладовище, и христосуемся съ дідомъ. Де-которі то тутъ

біля могили и розговляютця и гуляють; бувае такъ, що у корчмі менше людей якъ на кладовищі Люде кажуть, що весело було живимъ жить зъ дідомъ, а якъ умеръ, то й мертвимъ весело зъ нимъ лежать.

Прощаючись зъ дідовою могилкою, у кожного тремтіли на очахъ слёзи, а у Галі покотились вони неначе порвалась нитка жомчужного намиста.

Слухаючи, що́ росказували хазяіни про поминки діда, и глянувши на слёзи и жаль добрихъ людей, якось весело зробилось у мене на сердці.

»Не сирота той«, подумавъ я, »кого Богъ наділивъ чулимъ серцемъ и теплою душею. Наплодять вони тому чоловікові добрихъ ділъ, якъ добрихъ діточокъ, — буде кому догледіть и втішить на старість, буде кому и після смерти справить по ёму добрі поминки.«

Олекса Стороженко.

ДЕ НАЙШОВЪ, ДЕ ЗАГУБИВЪ.[1]

Слобода наша велика й вільний народъ тамъ; якъ ідешъ по го́рі, такъ відтіль ії усю мовъ на долоні видно: церква камянна й мурована, ограда тожъ камянна, а у ограді понасажувано пахучої черемхи, окацій, рай-дерева й липи; стоіть вона такъ на косогорі, а огороди ажъ на луки простягнулись, до річки; по-надъ річкою — верби, лоза й очеретъ.

Наша хата у самій середині слободи; нова́ (будувавъ ії батько), бі́ла та чепурна: вікна червоною глиною обмазані, а віконниці чо́рні, да червоні хрести на іхъ намалёвані; призьба висока и добре змазана рудою глиною. Хочъ мала́ дитина, то й та скаже, дивлячись на таку гарнесеньку хату: »тутъ е, мабуть, дів-

---

(1) Не разъ упрекали украинскихъ писателей въ чрезмѣрной нѣжности чувствъ, языка, выраженій, будто бы *навязываемой* народу, но вовсе несвойственной его здоровой, свѣжей, *но грубой*, природѣ. Въ этомъ винили (въ особенности — великоруссы) даже *Ма́ркa Вовчка́*.

Не говоря уже о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя, по своей нѣжности и по глубинѣ чувства, не рѣдко напоминаютъ Петрарку и Данте,— читатели найдутъ новое опроверженіе несправедливыхъ толковъ о нашемъ народѣ, и нашихъ писателяхъ, въ предлагаемомъ безъискусственномъ разсказѣ. Авторъ, *г. Павло́ Шуліка*, вышелъ прямо изъ народа, и около 3-хъ лѣтъ только, какъ освободился изъ крѣпостной зависимости. Его ужъ никакъ нельзя заподозрить ни въ незнаніи народа, ни въ *цвѣточности*, ни въ привнесеніи заимствованной, чуждой намъ, стихіи; — а между тѣмъ — сколько у него нѣжности, теплоты, поэзіи...

Замѣтимъ, на всякій случай, что разсказъ *г. Шуліки* написанъ еще въ 1859 г. и что мы позволили себѣ въ немъ самыя незначительныя сокращенія, желая сохранить прелесть неподдѣльности, искренности разсказа, даже мѣстныя особенности языка, произношенія, замѣны буквъ и т. п. *Ред.*

чина! да ще й не ледача, а доброго батенька й матері, которі ії на розумъ добрий навчають. И справді, мати було кажуть: »підчепури, донечко люба, нашу хатину: отъ воно й звичайнішъ буде, и люде таки ни скажуть, що̀ тутъ невдалюги живуть.... Бійся, бійся, моя дитино, такого позивання; ти ще молоденька, тобі трѐба людей гарнихъ бажати!»

Й справді, була у насъ сестриця-голубонька, й шожъ-то за сестриця!.. трівайте, все до-чиста роскажу:

Вона була не висока и не съ товсто́ю червоною пикою й не зъ здоровими руками,—которихъ бажають свекрухи и звуть гарними, а на которихъ зъ-підъ-лоба дивлютця парубки, буцімъ-то вона іхъ битиме. Ні! ні! крий-Боже! Наша сестриця була прямесенька, якъ очеретиночка; волоссячко на ій ку́черями по плечахъ вьетця,—мовъ той во́ронъ, чорне; очиці, мовъ ті зірочки що̀ въ небі, й ледве-ледве румяна мовъ та зіронька, що̀, благословляючись на світъ у небі зарумянюетця; голосочокъ, якъ у того соловейка, которий прилітавъ у нашъ вишневий садочокъ, що вона було слухае й не наслухаетця....

А вже своіхъ старенькихъ—батечка та матінку—та́къ шанувала, що й ни сказати. Було, оце якъ пообідавши підійде до ёго та й скаже: »таточку, давайте я у вашій голівці пойськаю!« то вінъ довго-довго дивлячись на неі, не зна що̀ сказати, я́къ свою рідну донечку привітати, якимъ словомъ:—наче й слова нема на світі такого, яке вінъ бажавъ би ій сказати, да тільки здихне́, а по́тімъ—то́го, підведе свою сивую голову, да й рече: »превеликая слава тобі, Мате Божа, що̀ ти мині на старість подарувала таку добру донечку на втіху.«

Ну, а що̀ вже до господарства, такъ у Меласі все е́—чого тілки душа забажае!

Якъ-би ти, пане-брате, увійшовъ у хату, або зайшовъ у горо́дъ, то вдарився-бъ объ поли:—бо чого у тому горо́ді не було! Боже мій милий! капуста, буряки, а міжъ іми розрісся здоровими кущами паслінъ—жовтий да солодкий, що усе-бъ ёго івъ,—й увечорі, и вночі и вранці: (якъ на мене, то нема ласощівъ надъ паслінъ!),—волоцька ріпа, цибуля, часникъ, а поміжъ капустою—гвоздики повні й пахучі красуютця, а одаль—такъ, підъ тиномъ—цілісінькі грядки само́го пахучого зілля: любистокъ, кану́піръ, рута пахуча, васильки; усе жъ воно до-діла; барві-

нокъ, маёрці, дзіндзіверъ, чо́рнобривці, барильця, королівъ-цвітъ, вороти-сонце, безсмертні, тульпани, хупавки, ярошка, косарі и кру́чені-паничі; поміжъ картоплею макъ повний, усякий: червоний, перістий и димний; а повні рожі такъ и пишнятця, якъ ті панночки, що́ въ го́роді підрумяніютця. Усе-жъ то вона, наша сестриця-голубонька, доглядае. —Дивився було й не надивився на е́і у вечері, якъ вона, мовъ та пташка-співочка, що́ мотаетця поміжъ квітками на лукахъ, біга по водицю до ко́панки, що́ въ нашому-таки горо́ді, бігае та співае тонесенькимъ голосочкомъ— и яка-жъ-то хороша, мовъ ті квіточки, которі вона шанувала.

Якъ зайдешъ у горо́дъ та подивився—Боже мій милий! чого ті пани іздять кудись далеко у чужі краі... буцімъ-то тамъ краще? Тутъ усякий квітъ, усяке зілля, картопля красуетця, тамъ наче дивлятця на те́бе сояшники, золоті, мовъ сонце, а по іхъ гудуть бжілки, або рябесенькі метелики мотаютця по квіткамъ; тамъ біля річки верби та верболозъ, такъ и віе міжъ іми холодочкомъ; тутъ всякі співочки співають, сидячи, або літаючи, кожна своімъ голосочкомъ: тамъ, підъ вітою, сидить соловейко съ заплющеними очицями, и своіми співами забавляе свою коханочку; тамъ кричить жовта вивільга; тамъ куе рябесенька зузуля—ажъ лунае по-міжъ вербами; и далеко-далеко, лунаючи, летять по річці пісні! Річка паруе; а сонечко са́ме сходе, и обсипае небеснимъ промінямъ усяку тварь...

Занедужавъ нашъ старенький батечко, та тижнівъ черезъ три й переставився!—якъ грімъ насъ прибивъ! Ёго поховавши на вікн-вішні, сидимо у хаті и не чути насъ; не чути й Меласі, що своімъ срібнимъ голосочкомъ було такого накаже, що ажъ у вухахъ дзвенить.

Неможна й сказати, що́ зъ нами подіялось: наче все хмарно, та сумно, — такъ би й полізли всі до батька у домовину; й світъ немилий ставъ, й хата буцімъ не та, у которій бувъ такий гомінъ та регітъ, шо ажъ людямъ на-диво. Уже й обідня пора минула, уже люде й опісля-обідъ роблять, а ми все сидимо; ніщо́ й у голову не йде, хочъ-би и бажавъ объ чімъ задумати: задумаешъ, що волівъ треба наповати, бо сердешні цілий день стоять у за́городі не наповані й голодні, або про кобилу що бідна куняе безъ іжи,—та зведешъ на батька: чого-бъ таки ёму вмерти... отъ-же люде й старішъ відъ ёго, та живуть; а вінъ умеръ....

Все наче спати бажаетця, да такъ пробі, щобъ уже й не встати. Такъ минувъ день—другий; отъ повставали на третій—повмивались, Богу помолились—лагодимось и на роботу, а Мелася все спить; уже й ранокъ дивитця крізъ вікно й люде, співаючи, давно вже пройшли поузъ хату, а вона все спить. — Що́ то, кажу, подіялось нашій дівчині? — дивись — яка пора, а вона спить?

Отъ, підійшовши до неі, кажу: Сестро, га?...сестро! сонечко зійшло.... рушай, голубко!

А вона подивилась на мене, — дуже подивилась, ажъ очицями заблищала, та й годі! Моторошно міні стало — гукаю Йвана; той хутко підійшовъ. Дивись, кажу, що́ се ій подіялось?

И Йванъ злякавсь. »Ну, стрівай«, каже: »я піду людей покличу«! — та й побігъ мерщій за ба́бою.

Да шість тижнівъ вона пролежала, а ми коло не́і проси́діли, ще въ гіршій тузі. Усе кликала батька! (такъ-то ій, бачъ, дуже жалувавъ старий).

Уже смерть літала надъ ёго грішною головою, мовъ той воронъ хижий, а вінъ усе кликавъ свою донечку: »доню! донюю«!

— А що́, таточко?

— Та де ти тамъ озиваесся? — Йди-бо до мене!... я хочъ подивлюсь на тебе, — у-востанне....

— Та я-жъ тутъ.... коло васъ, таточко!

— Де?

— Ось! — та й за руку ёго візьме.

— Не.... бачу.... не.... бачу. — Да такъ и вмеръ, не побачивши своеі любоі донечки.

Одужала наша сестриця—голубонька; розцвіла чимъ—дужъ, підросла, тільки вже не така прудка й говірка́ стала, якъ була пе́рше: — въ ряди́-годи́ було подружки витягнуть ій на вулицю та й то на годину — бо хутко звернитця.

Пройшло два роки якъ померъ нашъ батечко, а все не минулась гіркая туга:—якъ згадаемъ ёго, то все плакати хочетця: добрий бувъ батечко, нехай Господь милосердний усподобе ёго вічнёі радости — за ёго добрість!—Пробі-пробі шанувавъ насъ!

Отъ Мелася вже дівчина—невіста. Старости вже ажъ обридли, ходячи що-тижня до насъ, такъ »ні, не піду«, каже та й годі; вже писарь, таки жъ зъ нашої волости, разівъ тричі підсилавъ людей, та все що-разу й підуть зъ нашого двóру, ховаючись по-підъ тинами, посупившись, бо стидно у такому разі й на світъ Божий дивитьця.

Що-жъ, пане-брате (нікуди правди дівати!), ми й радісінькі, що вона не отдаетця, бо тілки вона й порядкувала у нашій господі,— цілісінький—таки день мотаетця по хаті: й пораетця и все доглядае, и худобу нагодуе,—ну, за вежъ ми ії й поважали, якъ рідну матінку.

Хочь Йванъ и одружився (старший братуга), та що съ того! таку солоху взявъ (хочь вона й гарна), що стидно про неі й казати: чи спече хлібъ, такъ знати, що вона спекла, а не инший хто; по хаті повернетця, то й гляди—або горщикъ, або покришка долі лежить розбита. Коли жъ пожуре ії братуга, то вона мерщій на пічъ злізе й надметця, мовъ той индикъ.

— Горпино!—було гукне на неі Мелася:—сідай, голубко, обідати! годі вже гніватьця; ось уже й братуга нічого!

Мовъ не ій се й кажетця: — сидить, а ні пари зъ устъ, — тілки поведе очима съ-підъ лоба, грізно та грізно....

— Гарна молодиця!—думаю: коли Господь приведе міні дружитись, — такъ краще візьму собі паганішу одъ усёго мира дівочого, ніжъ оттаку панянку, якъ наша Горпина.

О жіночки, жіночки карооки та біловиді! що ви иноді робите на світі Божому зъ людомъ хрещенимъ! не одна старенька мати изъ-за васъ гіркими слізами обливаетця, проклинаючи той день, той часъ, у которий породила собі на соромъ сина-злóдія, що причарували ті очі чорні, мовъ тернівочки!...

Не одинъ чоловікъ, високий и кріпкий якъ дубъ, которого-бъ не сокрушила ніяка неволя, ніяка сила, ніякий міръ, ані шабля гостра, ридавъ якъ дитина, гірко проклинаючи свою долю!

Не одинъ розумний и первий чоловікъ у громаді, которому всі шапкували й поважали, зійшовъ на ледащо, що опісля ніхто не то що шапкувати й балакати, — соромивсь мира людського, чимъ-дужъ біжучи одъ ёго геть; а все ви—очі!

— Знаете що, бабусю!— казавъ якось Илько Лупá своій бабусі, котора у ёго була замісць батька й матері, що годъ десять

пройшло, якъ вони покинули ёго, сиротинку, бідкатись на світі Божому.

— А що́, голубе?

— Бачите — яке́ мое житя: ви старі, а я парубій! не моя праця поратьця, або сорочки прати, або мазати, а вамъ уже не підъ силу; ваші вже літа не ті, щобъ усе оце справляти ...

— Ну, такъ що́?

— Да такъ.... я вамъ кажу: чи не порадите ви мене сиротину.... у мене, хвалить Бога милосердного, таки де-що́ и е: хочь ось хатина, або кобила, або худібонька,—спасибі, й розумъ таки людський маю!

— Се-бъ то ти, мій голубе, задумавъ одружитьця,—чи що́? Добре, помагайбі. Я вже не сёгодні, такъ завтра, перейду на той світъ, а ти ще квіточка—тільки роспускаесся, — тобі треба бля себе старатись. Отъ хочъ моеі-таки куми дочку посватай, Оксану,—вона дівчина гарна—хочъ куди!

— Ні, бабусю, не те ви кажете. Не Оксана въ мене на думці, а покохавъ я дівчину що́ на всю слободу!

— Яка-жъ то! чи не Наталка Ступина?

— Ні, бабусю; — завтра й старостівъ казала присилати. Чи ви знали покійного Остапа Охвецеренка?

— Кого?... Остапа? ще я була дівчиною, такъ ёго батько побивався за мною. Хлопець бувъ — справді що на всю слободу!...— Отъ и почала бабуся казати про свое дівованія.

— Ну, а дочку ёго знаете.... Меласю?...

— Такъ се вона казала старостівъ слати?

— А не хто-жъ, якъ вона! Якъ-би ви знали ii, бабусю! нема й кращихъ на світі... якъ королівна!...

— Та знаю-жъ, знаю. Де й коли ти зъ нею спізнався!? вона, кажуть, така пишна, що й не дай Боже, мовъ панянка, й не дивитця ни на жодного парубка; а вони-то сердешні буцімъ безглузді бігали за нею, роти пороззівлявши!

Теперъ Илько, якъ орелъ молодий, що́ спавши на могилі цілу нічъ рано прокинувся, — очима заблищавъ мовъ проміни місяця у озері. Що́ то-за парубокъ бувъ, якъ-би хто бачивъ! правий та хисткий, якъ молоденька сосенка, біловидий, чорнявий й ледве-ледве зачорнівъ усъ....

— Давно вже, бабусю, я побиваюсь за нею; давно вже вона

мині якъ сонечко сяе, давно вже мині рокомъ нічъ здаетця й багато-багато душа туги перетерпіла съ того часу, якъ вразили мое серденько ті очі, що якъ зіроньки небесні; да тілки оце въ неділеньку, я посмівъ ій все до́-чиста одповістити, й до віку не забуду того голосочка, що якъ сопілочка надъ вухомъ тихесенько програла: піду....

Минуло багато днівъ, опісля того, якъ побрались наші молодята—живуть вони собі любязно; кохаютця у вишневому садочку та въ горо́дахъ, а тілки вдвохъ, бо старенька бабуся переставилась уже до Бога милосердного на вічне житя. Дай Боже, щобъ усподобилась вона вічноі радощі! Веселенька була до самого останку: усе балакала про своі любощі, або про батька-запорозця, який кріпкий вінъ бувъ, зъ великими усами, зъ довгою чуприною; що вінъ живъ на світі сто двадцять годъ, а все при силі й не безъ глузду; да якъ вони пана ратюгою крізъ вікно пронизали съ товариствомъ. Отъ про се вона було пробі любила балакати, а чимъ-дужъ зімою, сидячи на пічі удо́світа, якъ тріщить каганець...

Ось уже Господь давъ імъ дитинку на втіху:—хлопчика.

Було оце, якъ постелютця увечирі, такъ заразъ й сварка. Мелася каже: »Лягай ти, чоловіче, до стіни, а я буду колихати дитину...«

Такъ куди, й чути не хоче!

— Чи миръ се бачивъ, щобъ жінки лягали скраю?

Да такъ и не дасть, а самъ причепе свій каламайковий поясъ до колиски та цілісіньку нічъ, аби тілки дитина пробуркалась, заразъ и почуе.

— Ти, — каже—придбай собі дівчину, такъ тоді я й сахатьця не буду; а синъ—мій!

— Ні, мій!—ажъ скрикне Мелася — за тимъ, що́ я ёго породила!

— Не можна сёго розібрати, чи вінъ твій, чи чий.... а я тілки знаю, що́ коли синъ, такъ мій!—скаже Илько, та й почне колихати дитину.

Може й довго-бъ вони такъ кохались, якъ-би робили такъ, якъ робили батьки й діди хліборобы, та, спокійно доживши ві-

ку, ніякої поганої слави про себе не пустивши, пішли бъ у сиру землю по-ручъ зъ іми лежати, (де всі будемо), да підцюкнула нечиста сила! ажъ нудно ій, якъ чоловікъ, живучи на́ світі, ніякої поганої слави про себе не пустить!

О, зілле! коли *самъ* не властний яку пригоду вчинити чоловікові, такъ людей нашле, такихъ, що́ вони тільки обличчя носять людзьке; а вже якъ нашле такихъ братчиківъ, то краще-бъ самъ напавсь, бо одъ ёго е хрестъ й молитва, відъ іхъ же ні жодною мірою не то що́ ни одчепився, да й ни схаменесся, якъ вони спровадять ни тільки грішне тіло, а прямо таки душу — туди, де горшки обжигають! И пропавъ чоловікъ! ни побаче ні батька, ні матіръ, ані певнихъ приятелівъ.

— Ну, та й рано сёгодні справився нашъ отець Хома! дивись, ще яка пора, а вже й служба одійшла!—казавъ Илько, увійшовши у хату, одягнутий такъ якъ слідъ у неділю, у милну свиту, у китаеві штани, у сорочку цяцьковану по коміру червоною та блакітною заполоччю; чоботи на ёму добрі шкапові съ підковами й дёгтемъ чистимъ змазані.

Коли-жъ рано,—каже Ме́лася;—я оце тільки лимішку заварила, а буханці ще й ни садила!

— Ну, коли ти ще ни впоралась, такъ я піду поки де-що́ посправляю на дворі.—И се проговоривши, винявъ съ кешені люльку, запаливъ та й вийшовъ съ хати; а Мелася хутенько почала буханці садити въ пічъ.

Отъ уже й закрила; пора-таки й прибраться якъ слідъ для празничка Божого; достала вона у запічку грибінку, розчесалась, наділа плахту, очіпокъ, що́ ажъ сяе; прибралась такъ, якъ гоже для празничка; засвітила воскову свічечку передъ Божою Матірью, стала собі звичайно, помолилась Богу; а тимъ часомъ Илько увійшовъ.—А що́,—каже,—упоралась? коли тее, то й обідати анумъ лишень, бо їсти пробі хочетця: ще вчо́ра, якъ івъ у вечорі, та й досі.... Теперъ нічъ велика—вимерхаесся!

Пообідавши въ смакъ й поприбіравши усе, каже Мелася: — Лягай-бо, чоловіче, я тебе поскаю!

— Ану-жъ, ну, поскай, чи що́... Добре жонатимъ, катъ іхъ

не взявъ! жінка обшие, обмие, нагодуе ще й поскае, — казавъ Илько звичайно, лягаючи до жінки на коліна.

Чи скала Мелася, чи ні — якъ вінъ и заснувъ. Та прокинувсь ажъ у-вечорі, не багато наче й спавъ: цілий день; а малий и день у насъ передъ клечалною!

— Знаешъ, жінко, що міні приснилось!— каже.

— А що? одповісти!

— Ось-що, слухай: Сидю я самъ собі, отъ таки у оцій хаті на лаві, на стілъ схиливши; коли слухаю—рипнувъ хтось дверми; я перше полумавъ, що се ти, або сусіда,—коли ни чути нікого... Що то,—кажу самъ собі,—за мара увійшла въ сіни, а въ хату й ни йде! та підвівшись, гукаю: хто тамъ такий?—мовчить; я ще,—мовчить... Отъ, очинивши двері, дивлюсь: у сіняхъ стоіть біля кадіба дідъ—білий, білий!— Чого тобі треба, дідусю?— питаю; вінъ мовчить: ані парі зъ устъ!—Да кажи, чого ти прийшовъ?— Мовчить! — Я питаю тебе затимъ.... що я господарь у сій господі... Отъ вінъ плямъ-плямъ, та на превелику силу и вимовивъ: »Слухай, чоловіче! я принісъ тобі *дóлю*.... йди ти въ миръ, тамъ é.... Я слухаю; а далі й спитавъ: що жъ тамъ é? — Не чуть діда! — Ну, кажи!... Коли у вочахъ почало все перекидатьця: й ваганй, й кадібъ, й мазниця — якась не людська — зъ діжу, й двері. Я мерщій протеръ очі: — нима діда; очинивъ двері, що на двіръ—нима, та й прокинувся.

Хмари, хмари, велики, темні хмари покрили все те, що буде. Не давъ Господь милосердний знати чоловікові, що ёму скоіться завтра, або може ще й сёгодні.

— Прощай, жіночко, люба моя коханочко, рибочко! дожидай мене, я хутко звернусь,—принесу долю й щастя. Нічого дома не висидишъ,—треба старатьця бля васъ.

Якъ почула се Мелася, до такъ и вдарилась плакати, приказуючи:

— Чоловіче.... голубе мій сизий.... куди таки ти підешъ? якъ же я зостанусь? що се ти задумавъ? хіба у насъ, нихай Господь милуе, істи нічого, або вдягтись ні у віщо? ми жъ таки якъ и люде живемо. Ой горенько жъ мое...

Такъ куди! й слухать не хоче.

— Пійду, та й піду! Ти міні й не кажи! Я — чоловікъ, я бíлшъ тебе тямлю.

Якъ вона ёго не вговорювала плачучи, такъ ні: пійду, та й пíду!

Тілки благословилося на світъ, заспівали півні, а вже лагодитця Илько у путь-дорогу шукать щастя й долю, буцімъ ягоди, которі знаешъ, дé ростуть.

Розсіявъ ёго Богъ по всёму миру, та своею силою, безъ ёго волі, не найдешъ, де ни шукай!

Тріщить каганець на припічку, а Илько, такъ-то грізно дивлячись. бере сорочки, що плачуща Мелася подае изъ скрині. Дитинка пробуркалась, плаче, плаче, ніхто ії ни привіта.

Отъ Илько справивсь зовсі; одягнутий у свиту, за плечами торба съ сорочками, бере палицю й шапку; перехрестивсь, поцілувавъ жінку, щó слізами зрошаючись, стоіть бліда, бліда якъ крейда, а ні пари зъ устъ.... тілки дивитця ёму прямісінько въ вічі.

Підійшовъ до колиски, узявъ за рученятка дитинку, підвівъ ії, а воно такъ-то бóязко дивитця на ёго, ніби вперше баче свого батька.—Ну, прощай, Михайло!— каже. А воно, головою назадъ хитнувши, дивилось, дивилось на ёго, та якъ заплаче, а Мелася—собі, да такъ и повисла ёму на шию.

На превелику силу вирвався Илько да мерщій у двері; а Мелася за нимъ, та згадала про дитину, щó кричить ажъ хата розлягаетця—вернулась, да якъ заплаче, а воно ще дужче, батечки-світе! ажъ сусіди прийшли да почали розважати....

Сонечко вже заходило, и посліднімъ промінням пробі вдаряло на гонтовий верхъ дзвіниці, граючи по ёму такъ, що й не сказати, та на далекі білі хмари, которі поважно плавали, мовъ лебіді, по чистесенькому блакитному небу. Тихо було, ледве-ледве вітерець шелестівъ зеленимъ листячкомъ по садочкахъ; на річці кричали, бовтаючись, качки; де-ни-де гава, сидячи, співала; горобці на хворості великий гомінъ вчинили, й далеко-далеко десь за річкою, на лукахъ, кричавъ перепелъ, дирчавъ деркачъ; граківъ здоровий табунъ ажъ-ажъ за-гору потягъ до ліса; а жаби такий скрегітъ та співи вчинили, що й Боже!

А Мелася, сидячи на призбі, й не дивитця ні на щó, й ни чуе нічого... Отъ уже й темно стало, а вона все сидить,

думаючи та гадаючи. Якъби сусіда не йшла по-узъ неі та не спитала:—чого ти тутъ, молодице, сидишъ?—такъ хто ії зна, й поки-бъ вона тамъ сиділа!

Жила вона у батька або съ чоловікомъ,—звикла все вку́пці; а теперъ зосталась однимъ-одна, у великій тузі, що серце ії обсіла да й ссе́, мовъ змія підколодна. Такъ минувъ тиждень, а далі—другий и третій!

Прийде оце до насъ, безталаночка, да все про Илька: Якъ вінъ, мій соколикъ, да де вінъ літа? хочъ би вісточку яку почути!

Отъ ми ії й почнемъ розважати: такъ що́ жъ бо? буцімъ цілий вікъ не бачила радощі! посумуе-посумуе, та й піде до своеі домівки!

Увійде въ хату,—такъ-то вбра́но хо́роше: й комінъ змазаний, и долі змазано червоною глиною, да ще й пісочкомъ жовтимъ посипано; стілъ липовий, покритий новимъ килимомъ, лавки чистесенько позмиті, образи́ на покуті все хороші: Варвара Великамученица, Купина Неопалимая, Мати Божа и святий Микола и Йванъ-воінъ и Господь Саваофъ; а одаль, та́къ, збоку, на здоровому листу намалёваний змій, де все, якъ на долоні, списано, що́ буде на тімъ світі намъ грішнимъ, кожному по ділóмъ ёго. Повився той змій високо, високо, а по ёму йдуть душі праведні до Господа милосердного на вічну радість, который у раі трапезуе съ янголами. У-низу жъ превеликого змія рознята пасть съ зубами, а въ пасті палае велике поломья, а въ тімъ поломы сидить самъ батько всіхъ гріхівъ — сатана, а у ёго на колінахъ Юда съ гаманцемъ, що́ продавъ Христа, й привітае тихъ, що́ йдуть у те поломья привеликимъ ланцюгомъ зачеплені душі грішні, по чинахъ, таки такъ, якъ и на сімъ світі: попереду рушають архереі, а тамъ попи, ченці, царі, генорали, судді, шинкарі, купці, а далі вже й наші братчики—й симъ-то ланцюгомъ тягне цілий табунъ чортівъ, а позаду превеликою ломакою наміряетця буцімъ бити по потилиці, щобъ не зупинялись. Якъ подивитця на неі хто старий, то перехриститця, кажучи: »борони, Боже, мене, щобъ не приснилось«; а малимъ бувае такъ, що́ й переполохъ виливають!

За образами—шпалері, на которихъ намалёвані птиці ідять ягоди сидячи на гилячкахъ. Просто покуття висить деревьянний ланпадъ, а въ ёго свічки воскові повставляні на стелі, просто стола, за сволочкомъ, понатикано васильківъ, гвоздикъ, крокісу, й

голубки висять пороблені зъ бомаги, а на великімъ сволоці — хрестъ чорний, напалений ще въ страсну̀ неділю!...

Все хороше, все до-діла,—да невесела наша Мелася сидить коло відсунутого віконця що̀ въ садокъ, да кує, наче гіркая зузуленька, однимъ-одна, якъ билина въ полі!

Пройшло літо; вже сиві хмари, соваючись по небу, зрошали землю дрібнесенькимъ дожчикомъ, сумно та тихо на вулиці; де не-де свиня кричить, незагната въ хлівъ, або корова зареве до теляти, або курка мокрісенька перебежить черезъ двіръ, або жінка, напьявшись рядномъ, иде вздовжъ вулиці, або москаль який плететься поузъ хати, що̀ опізнився на заробітку, да въ таку погоду лапті приношує, щобъ краще на нозі сиділи. Сумно, сумно на Вкраіні у сю пору.

Якось одного ранку гавкнула собака на дво̀рі, а по̀тімъ-то̀го й дверима рипнуло. Коли подивилась Мелася: »батечки-світе!« трохась не впала: увійшовъ чоловікъ ії любий... Якъ же вона зраділа! цілуе й милуе ёго; привіта ласкавими словами:

— Сідай, сідай, Илько, мій лебедику! де ти літавъ? А я тутъ сама, що̀ день Божій, сподівалась тебе, журилась по тобі... О, яка жъ я радісенька....

А вінъ такий-то якийсь инший ставъ: у синёму каптані, у червоній сорочці й підстрижиний зовсі не такъ, якъ перше бувъ; якъ-би побачивъ ёго хто такий, що ёго который не зна, певно бъ сказавъ:—Дивітця, добрі люде: се москаль, або крамарь якийсь!— бо тимъ тілько такечки гоже удягнутимъ ходити.

— Де-жъ се ти бувъ, мій голубе?— питае его Мелася.

— Эге,—каже Илько:—бувъ я тамъ, де людъ зовсі ни такий, якъ у насъ!

— Та де-жъ, де?... оповісти мині!

— Бувъ я далеко, да такъ далеко, що відціль й невидко!

— Та де-жъ?—ажъ скрикнула Мелася.

— Мабуть верстовъ за сто̀, або й того лучче!

— Та кажи-бо, кажи!

— У Білагороді,—эге! Слухай же: порядивсь я купцеві ізлити зъ імъ по пасікахъ бжоли бити, да неділь вісімъ у ёго поживъ. Теперъ, бачъ, на міні каптанъ який й сорочка! А оце

ще шо?—И се кажучи, винявъ капшукъ съ кишені; да якъ бряз-нувъ на стілъ—самі стрібні!—Я казавъ тобі, що дома нічого не придбаешъ, а въ мирі все найдешъ, чого душа твоя бажатиме. Поживемъ, жіночко, поживемъ!

Не бачe, не бачe Мелася сёго нічóго: ні жупана блакитного, ні сорочки червоної, ані грошей стрібнихъ, що ажъ сяють: вона бачe тільки очі, що якъ дві терпівочки, вона бачe видъ ёго, вона бачe кучері чорні, —вона бачe *ёго*, свого Илька, та й годі! Колибъ вінъ у сто разъ принісъ білшъ грошей, та не стрібнихъ, а золотихъ. — й тоді-бъ вона іхъ не бачила, затимъ, щó вінъ бля неї дорогший золота, стрібла, усёго, всёго на світі!

Пройшло съ тиждень, якъ звернувся любий чоловікъ. Мелася хутенько мотаетця,—така радісенька, що й не сказати!

Якось у вечорі, Мелася пробі була веселенька, така, щó и Илько дивувався; отъ изъ такихъ-то радощівъ вінъ ій и говоре: Треба, серце, за розумъ братьця! бачъ, у мене е гроші; такъ треба вчинити такъ, щобъ іми та іхъ добувати!

— Якъ же се можна, чоловіче? чи ни надумавъ ти купити ще паровицю волівъ, да у Кримъ по сіль? Ни дай Боже! Тоді вже я заневне зъ глузду ссунусь безъ тебе горюючи!

— Ні, каже Илько: — я вийшовъ съ тихъ дурнівъ, щó ходять, неначе імъ розумъ одібрано, за стільки-сóтъ верстъ квашу істи; адже-жъ я тобі казавъ, що я бачивъ людей, зовсі ни такихъ, якъ наші,—то вони жъ мене й на розумъ добрий навели!

На другий день поіхавъ Илько по слободахъ та по хуторахъ й наскуповувавъ свиней десятокъ. да вже на третій пригнавъ іхъ до дому.

— Оце,— каже— жінко, й гроші. Ми іхъ підгодуемъ, а на Миколу буде въ Зімовеньці ярмаркъ — продамо; отъ намъ и гроші!

Годують свині: такі-то славні повихожувались; а одинъ кабанъ до-того уівсь, щó й ходити не зможе; було дивитця Илько на ёго, да тільки прицмокуе.

Якось тамъ уже передъ Миколою випустила Мелася іхъ погодувати: де не возьмись скажена собака, мовъ съ гилі зірва-

лась, да саме що найлучого кабана—черкъ за ногу—и покусала!

Батечки-світе! якъ же вона перелякала Меласю!

Убігла вона въ хату, да замісь-тóго, щобъ оповістити чоловікові, переступила порігъ, та й стала у кутóкъ бліда-бліда, якъ крейда; якъ-би Илько не спитавъ ії: чого ти? щó тамъ таке?—хто ії зна й доки бъ вонá тамъ стояла мовчки.

— Собака....—на превелику силу вимовила.

— Такъ се бъ ти то собаки такъ перелякалась? Тю, дурна ніби маленька!

Отъ трохи у неї одъ серця одійшло; почервоніла вона, мовъ калина, й самій стидно стало, що собаки вона такъ перелякалась.

— Хто ії зна, чоловіче, щó то за собака, чи вона дурна, чи щó, чи може скажена? Кабана трохи не зъіла....

— Якъ? ану-лишень, піду подивлюсь, щó тамъ за собака? И сее проказавши, надівъ свиту, та й пішовъ съ хати. Дивитця: нема не то що собаки—й свиней, у дворі и въ хліві; а тільки чути на вулиці гомінъ великий: переймай! бий! Микито!... Микито, біжи на перерізъ!—Отъ, виглянувши за ворота—й справді такъ: Микита лізе на перерізъ черезъ тинъ зъ оглоблею, а свині бігають по вулиці та хрюкають....

Отъ уже опісля-завтра й Микола зімній; у кожному дворі людъ вештаетця: де третяківъ лагодять на ярмарокъ, де кобилу двожилну, щобъ съ двора збути, а то якъ, оборони Боже, околіс, тоді вже запевне що робити: завьязати очі да въ воду, бо однаково опісля такої пригоди не будешъ чоловікомъ: ні жодної шкапи, хочъ й шерстю по двору, не заведешъ, ажъ поки дванадцятеро не пропаде, — и хочъ до десяти бабъ — нічого ни врадять!

Вийшовъ и Илько подивитись на свою свиноту, щобъ, подивившись, поцівувати, які-то вінъ гроші візьме за іхъ.

— Гарні!—каже:—да оце щó за недобра-мати! На якого була надія, що вируче, а вінъ и запінився... А кабанъ таки справді запінився, а очі червоні да блескаві мовъ багаття.

— Та дарма! се не собі: не покинуть же ёго куди въ провалля: се бъ то не ёго покинуть, а гроші.... О, гроші, гроші!—сказавъ Илько, похитавши головою, та й пішовъ у хату, щобъ звеліти

парубкові—наймету одвезти до річки соломи копицю добру, та вагани; а самъ, узявши ніжъ вигострений та ломаку, пішовъ у хлівъ, й двері зачинивъ. Й Мелася вийшла подивитьця у востаннє,— коли справді баче крізъ тинъ, що кабанъ скаженний, саме більший, саме що найлуччий!

Отъ, затріщала ломака на спині свинячій; тяжко застогнавъ кабанъ, упавши додолу, и загнавъ ёму у саме серце гострий ніжъ Илько; заверещавъ, пробі заверещавъ кабанъ, а пóтімъ-того, захарчавши, посовавъ ногами—та й годі!

Такъ десять разъ тріщала ломака й десять різнихъ голосівъ свинячихъ було чути на всю вулицю.

Коли ось, упоравсь Илько; очинивъ двері й вийшовъ; а тою годиною наймет звернувся сивою паровицею. Посклали на сани, й потирили воли до річки смалити; а Илько зайшовъ у хату кожухъ одягти.

— Щó се ти, чоловіче, зъ глузду ссунувся, чи що? Вінъ скаженний! хто ёго істиме? — Да якъ се промовила Мелася, такъ трясця ії й забила, бо вперше зроду посміла сказати такъ чоловікові.

Подивившись на неі Илько, да такъ подивившись, мовъ той вовкъ, щó хіртъ, догнавши у полі, смикнувъ за шерсть.

— Пійди ти,—каже—собі, къ не.... чистій матері, сороко! щó ти тямешъ? Піби у мене розумъ одібрано, чи щó? Черезъ огонь перейде— все минетця! А ти, бісова патико, якъ мені ще коли отакъ будешъ дорікати, дакъ я тобі й се... й те... Я чоловікъ, а ти копиця, та й годі; я голова, а ти моя підопіва! Тямешъ ти це, чи ні?— И се зговоривши, насунувъ шапку й дверима стукнувъ, грізний, грізний!

Отъ й пішло все по хаті колесомъ: то позеленіе, то пожовтіе....

— Батечки-світе! чого се въ мене голова такъ крутитця? щó се зо мною поділось?— стоячи середъ хати розмовляла сама зъ собою Мелася....

Прийшовъ и Микола зімній. Такий грізний морозъ, щó крий Боже!

Підявсь Илько ще удосвіта; запрігъ волівъ, запрігъ и бать-

ківську кобилу. Злагодивъ усе; що́ треба куповати — розпитавъ; ось и загомонівъ на воли. Важко рушили зъ місця дебелі воли; пробі напряглась, чіпляючись кованимъ передомъ за накочений слизький шляхъ, сивая кобила, засвистіли сани по дорозі; махнувъ Илько батогомъ, хутко й покрились за білу гору, тільки й чути було: »гей. . гей! но! но! якъ ти везешъ!..« та зновъ: »но, но!... а, огля... даетця!«—далі тихше, а по́тімъ-то́го й зовсі ни чути.

Приіхавъ Илько на ярмалокъ, уже розвиднялось и до служби дзвонили. Ба́течки-світе! Чи бачивъ хто великий табунъ шпаківъ, якъ сяде де́ у вербахъ, такъ, надъ річкою, да підніме го́мінъ? ни то що співи, а прямо-таки гомінъ—великий гомінъ, та й годі? Або якъ прислухаесся до бжілъ, що́ поночі (зібравшись у вуликъ) сами собі гудять! Точнісенько такъ гуло й гомоніло на ярмалку; хто йде пішки, хто іде волами, хто кобилою, а хто парою коней, а хто верхи. Тамъ, гляди, чоловікъ, перекинувся съ околотомъ, та працюетця, ёго піднімаючи, а кобила, сидячи на заду, упьялась переднімі ногами та круте головою, силуючись випрягтись, да ни така справа. Тамъ, дивисся, чоловікъ йде сіль або віжки куповати, а ёго хлопці, що́ торжать у лавочкахъ, тягнуть той до себе, другий до себе, а далі обкружили та й нима ёму ходу. Отъ вінъ на превелику силу одбившись одъ іхъ, побігъ геть, кажучи: »а, нихай вамъ сей та той!« — а воны сміютця зъ ёго.

Тамъ, гляди, чоловікъ підійшовъ зъ жінкою до крамаря, що́ продае образи, миски й ложки малёвані, й купуе святого Миколу, а потімъ-то́го, якъ крамарь заправивъ зъ ёго дорого, вінъ питае: чи нема у васъ, господа́-москаль, дубового, бо сей покоробитця?—да, мабуть, не вважывъ, якъ спитати, бо крамарь ёму якъ почавъ закони вичи́тувати, такъ ну!—*Да нешто́ эфті бываютъ калі дубовые*? эхъ ты, голова«!... та й насунувъ ёму шапку по самі вуха, а самъ буцімъ то й не вінъ, почавъ лаптями тупотіти да у долоні плескати, підзиваючи людей, що́ такъ и суноть поузъ ёго.

Отъ и Илько іде вже по базарю,—коли назустрічъ ёму крамарь; підійшовши до ёго, й каже:—здоровъ, пане-брате!

— Здоровъ!—каже Илько.

— Що́ ти візьмешъ за оці дро́ва?

— За які?

— За оці, щó на возі.

— Що на возі?... сто рублівъ.

— Тю, дурний!—сміючись сказавъ крамарь: отъ тобі два съ копою! хочъ? вези, ось и складемъ не-далеко!

— Чи таки-жъ ти розумний, пане-брате, що свині дровами взиваешъ, а мене дурнемъ!

А вінъ якъ зарегочетця! а пóтімъ того й говоре:—наче й чоловікъ не безъ глузду и не пьяний, а ка-зна щó городе!—та й пішовъ одъ ёго, кажучи:—жалкуватимешъ, чоловіче, щó не продавъ!

Проіхавъ Илько ще зъ гони,—упьять чоловікъ питае:—щó ти візьмешъ за оці дрова?

— За які? — ажъ скрикнувъ Илько.

А вінъ, буцімъ-то й справді:—за оці, щó на возі?

— Сто рублівъ!

— Тю, дурний! а може пьяний? два съ золотимъ—бери: гараздъ даю!—та й пішовъ далі.

Коли ось уже й двое разомъ напались, питаючи:—щó ти візьмешъ за дрова?—да якъ почули, що сто рублівъ,—одинъ коповика надававъ, а другий три копи, та, назвавши ёго дурнемъ, й пішли геть.

— Щó за недобра-мати?—каже самъ собі Илько:—візъ свині, а дрóва опинились«!... Подивúвся вінъ на свого кабана—и нáче що за серце ёго стúсло... А далі й подумавъ: »чи не навівъ на мене мару хто? — Та й питае парубка-наймета, щó, посупивши нісъ, самъ думавъ про тежъ, сидячи на заднёму возі:—Щó се ми веземъ?

— А хто ёго зна, пан-оче, щó ми веземо! люде кажуть, щó дрова, а мені здаетця—свині, а въ тімъ—хто ёго зна!

Коли ось ище трое разомъ напались, и вже дають—ни то щó три копи, а одинъ рубъ за дрова, да ще на паляницю гривню.

Ну, теперъ вінъ именно вже второпавъ, що не свиней везе, а дрова; якъ-би напавсь чоловікъ ще, такъ вінъ-би, запевне що бухнувъ за два рублі, да вже люде розраíли, щó, дивлячись на се, дивувались:

— Чи таки-жъ ти, чоловіче, й повірившъ симъ сутягамъ? Та вони брешуть, якъ собаки: се зъ лавокъ! Сидять, сидять такі лобуряки, що—не то пахати, а прямо-таки у плугъ запрягати за-

місць волівъ, та зъ нуди—що́ робити? давай людей морочить, щобъ опісля того цілу неділю объ тімъ тільки й клеветатьця!

Отъ, ставши у рядъ возівъ, заразъ й продавъ одного; а далі другого, а потімъ-того й девьятого. Оставсь тільки здоровий кабанъ; довго стоявъ—нима нікого!

Уже округъ ёго люде, продавши чи прядево, чи сіль, чи сушені груші, чи рибу таловірку, або зъ Донщини яку, пішли де-що́ купувати, що кому треба. Отъ уже де-які звернулись и рушили до дому. Намалі вже стало люду ходячого, а Илько все стоіть—нема нікого. Вже мусивъ собі рушати, коли чуе ззаду:

— Здоровъ, пане-брате!

Оглянувсь: чоловікъ ще ни зовсі старий, у бороді, де-ни-де сивіе волосся, очі блискаві, одягнутий у кожухъ, а зверхъ свита милна. — Здоровъ!—каже Илько.

— А що-бъ ти хотівъ за оцёго прасунка?—та й палицею ударивъ кабана по спині.

— Що́ жъ, добродію: не дорого!

Та й зійшлись шось пробі поцінно.

Пройшло Різдво. Отъ, одного дня злагодивсь Илько іхати у городъ Вовчу, а вже за чимъ — ни мушу того знати. Запрігъ шкапу й поіхавъ. Діло було опісля обідъ; тихо та ясно, й морозъ добрий; виіхавъ у степъ—доріжка добра, такъ-що тільки підторкуе шкапу, а сані, самі біжучи, свистять по дорозі. Ось, сонечко уже похилилось за го́ру й посліднімъ промінемъ позолотило чисто усі-усюди, що́ покриті снігомъ: й верхъ ліса, що однимъ одинъ зъ балочки вигляда, й далекі гори, а по небу наче великий пожаръ: усі білі та сиві хмари поробились ни можна й сказати які: огневі, блескаві, червоні.

Отъ уже на однімъ краі неба заблещали зірочки; повіявъ вітерець холодний, а далі—дужче, дужче; уже й дорогу стало ледве видко. Вперше зроду Ильку впало поночі іхати, та ще зімою.

Ажъ ось и потемніло зразу! якъ повіявъ вітеръ, посіявъ снігъ зверху и знизу; далі якъ закрутило! Батечки-світе! темно, темно, мовъ у домовині! У байраці, завили вовки та на різні гласи: той гуде, той стиха, мовъ у сопілочку, перебирае, а які лящать.

— Боже мій милий! Щó се зо мною?—каже Илько:—дé се я?—Разомъ ёму душно, а разомъ стане холодно, мовъ трясця за спину й за живітъ візьме.

Темно... дорогу загубивъ... щó казати? Уставъ зъ саней, перехрестивсь на всі чотирі сторони та й лігъ упьять закрившись опанчею, а кобила й пішла світъ за очима.... И згадався Илькові скаженний кабанъ... кровъ такъ и шибнула ёму въ голову...

Довго, довго крутилась кобила по бескетахъ та по яркахъ, а Илько довго слухавъ, якъ надъ самимъ вухомъ скигливъ вітеръ; коли чує, стала й гигоче. Вінъ хутенько схопився—дивитця: хата, й світитця Боже мій милий! якъ же вінъ зрадівъ! Постукотівъ у двері—озвавсь хтось. Стукнуло засовомъ, очинились двері, й чоловікъ вийшовъ съ каганцемъ у руці.

— Хтó се?— питае.

— Пустіть, добродію ласкавий,—каже Илько,—у хату заночувати! хурта така, щó крий Матн Божа!

— Просимо милость вашу, пане-братіку; се вже таке діло, що Господь звелівъ обрятувать чоловіка въ напасті!

Увійшовъ Илько въ хату, перехрестивсь, а потімъ-того поздоровався съ жінкою, ще молодою, щó тутъ мотаетця.

— Сідай, грійся, пане-брате! — каже старий, та й звелівъ жінці принести чогось съ комори.—А я—каже—пане-братіку пійду та упораю твою шкапу, бо ти, бачу, щось зубами третяка вибиваешъ.—И се зговоривши, пішовъ изъ хати.

А Илько дякуе Богові, щó живий зостався, — ходячи да тупаючи по хаті.

Ось увійшла молодиця, положила на лаві шось у торбі, й старий увійшовъ: затупотівъ ногами, а потімъ-того, струсивши снігъ съ кучми, шó такъ и забіліла, гукнувъ на жінку:

— А нумъ-лишень! ке намъ чого попоісти!—Хутко мотнулась жінка різати хліба, то-що, а вінъ тимъ часомъ знайшовъ пляшку та чарку й поставивъ на столі.

— Сідай, пане-брате, ближче! отакъ-о!—та й посадивъ ёго коло стола.

Порізала жінка сало съ цибулею й поставила на стілъ на новій тарільці.

— Ну, пане-брате, просимъ милость вашу хліба-соли покуштувати; а щобъ звичайнішъ, такъ ось випий чарку. Ми оце

тільки-що повечеряли; а ти вже не погніви: що́ Богъ давъ, те́ й іжъ! И се зговоривши, наливъ чарку й частуе Илька.

Випивъ вінъ одну, випивъ и другу, дякуючи за ласку, а по́тімъ й саломъ заіда. — Ну, добродію, й сало жъ у васъ таке молоде та смашне, що луччого де́ й узяти! — каже Илько, пилно придивляючись старому у вічі.

— Се, пане-братіку, ми купили, да ще й сами не коштували, яке воно й е́!—каже старий. Поіхавъ я у ярмалокъ на Миколу, й попавсь мині чоловікъ, да такъ поцінно продавъ, що якъ дома ёго такого годувати, такъ ні за-віщо й клопотатися; одинъ у ёго тілки й зостався, бо всі попродавъ; а я, йшовши поузъ ёго, назнарошки-таки й спитавъ. Дивлюсь—поцінно, дуже поцінно; объ руки заразъ, та й купивъ!

Такъ и прирісъ шматокъ сала до Илькової руки, и поблідъ вінъ, якъ стіна, а потімъ того почервонівъ, та на превелику силу духъ перевівши, спитавъ:

— Де́ въ ярмалку?

— Та тутъ, недалеко... верстовъ сімнадцять... отъ забувъ... якъ ії пакъ?... У Зімовеньці!

Угадавъ-угадавъ теперъ Илько свого свата! Такъ и випавъ шматокъ зъ рукъ, й забила ёго трясця, пробі забила. Вінъ вихопився зъ-за стола, да съ хати....

И не сказати, я́къ перелякався старий: трохи не впавъ; такъ-то ёго серце стрепенулося, й ноги задрижали.

— Чого се вінъ?... — насилу вимовивъ старий, да собі съ хати.

А Илько мерщій за кобилу, да хотівъ зъ двора....

Баче старий, що це шось пробі незвичайне, гукнувъ сябра; порадились, звязали Илька, та до волості й одтирили.

Зійшлась уранці громада, почали ёго́ допитувати, — вінъ и признавсь.

Звернувсь старий до-дому, та ажъ заплакавъ, якъ дитина, жалкуючи, що, не розпитавши ёго, якъ слідъ, до́ма, одвівъ до волости, бо тамъ ёму писарь сказавъ, що за таке вчиненіе ёго запакують туди, куди Макаръ й телятъ не гонивъ!

— Отъ, жіночко!—каже старий, хитаючи головою:—пропавъ чоловікъ; гріхъ на мою душу тяжкий, що́ я ёго занапастивъ.

Щóбъ розпитати заздалегідь! нічого бъ сёго не було; Богъ зъ нимъ, що вінъ таке вчинивъ на нашу голову....

Саме опісля великоднихъ святокъ, якъ на Вкраіні бувае такъ мовъ у раі — тепло та гарно, — зъ городського острога виводили великий табунъ закованихъ у залізні пута рештантівъ. Боже мій милий, чи вгадавъ би хто Илька, того високого та жвавого парубка, щó якъ макъ цвівъ поміжъ товариства, або того чоловіка, щó стрічала Мелася, у синему каптані та въ червоній сорочці, того веселого співаку та гуляку, щó було потішавъ усю слободу танцями та піснями... Да се-таки не вінъ, далебі не вінъ! Той бувъ біловидий, съ чорними кучерями, правий, якъ очеретина, ходивъ поважно, якъ орелъ дивився блескавими очами...

А сей зовсі не такий! сей жовтий, якъ диня, борода не голена, згорбившись, згнітившись, мовъ дідъ стогодній, и далеко-далеко підъ лобъ позападали очі, и вже не блескаві, а мовъ більма на іхъ понапливали; сей понурився й на людей не дивитця!

Ні, се не вінъ!

Ось, до ёго підійшла якась жінка, боса, у старенькій свиточці й мотузкомъ підперізана, а позадъ неі хлопчикъ голісінький, тільки клапті отъ сорочки мотаютця; волосячко ёго якъ ковила, щó стелетця по широкихъ степахъ—ажъ полискуетця.

Ось, рушили, рештанти, повернулась и жінка.... Мати Божа! та се жъ наша Мелася зъ своімъ Михайликомъ!

Вона вже ни плаче... очі потухли,— й бíла вона, біла, якъ крейда!

Отъ, уже вийшли за гóродъ: передъ очима простягнулись луки, порізані зъ усіхъ кінцівъ й посередині річкою та озерами та довгими сагами, щó округъ іхъ зеленіють комиші, ольхи й осокори; а сами луки зелені, да рябесеньки, мовъ хто, граючись, розсипавъ по іхъ червоні, блакитні й перісті квіточки.

Ось, підіймаетця жайворонокъ, слідомъ другий... третій... отъ завещали веселу пісеньку, та все вгору, вгору, вище-вище підіймаютця.

Тамъ, міжъ осокорами, тріщить соловейко; жалібно гуде горлиця, куе ряба зузуля; міжъ квіточками мотаютця метелики, гудуть бжілки, дзигочуть коники, бігае манушка співочка. Якъ-то

воно втішно подивитись на Божу співочку, — яка вона весела, прудка. Отъ забряжчали коло неі залізні ланцюги... вона глянула... тріпнула голівкою, захитала хвостикомъ, та порхнувши й покрилась у небі; а бідаха чоловікъ... подивився на ёго да тільки головою похитаешъ: чи вже бъ то ёму зъ своімъ великимъ розумомъ, зъ руками й ногами, не можна жити въ радощі?

На горі, що́ по-надъ річкою, зеленіе лісъ; съ другого боку, по-надъ шляхомъ, зеленіють нивья й вітерець ледве-ледве колише зелене море, а тамъ, ажъ-ажъ у синій далекості, де небо лягло на землю, стоіть могила однимъ-одна!

Подивившись Илько на праву руку, на ліву... слёзи бризнули струменемъ зъ очей; заголосивъ вінъ, якъ дитина, припавши у-востанне до рідноі землі; шапка упала геть зъ ёго перголеноі голови, задріжавъ вінъ душею й тіломъ; потімъ-того, набравши у хусточку рідноі землі й квіточокъ зірвавши, положивъ усе за пазуху, підвівъ руки вгору, стоячи на вколяшки, й довго-довго простягавъ іхъ у небо, що́, якъ на те, ні жодноі хмарочки по ёму не ходило, — а далі й каже:

— Прощай, прощай, рідна моя Вкраіно!... ти вже не побачишъ більшъ мене, твого непевного сина... не згадаешъ мене добримъ словомъ... не приймешъ кісточокъ моіхъ у свое надро, де́ лежить старенький батечко, матінка, моі діди-прадіди, брати й сестри.... не приймешъ, не приймешъ!... прощай, прощай на віки!...

И сее проказавши, ударивъ три поклони, тричі поцілувавъ землю и, ще разъ подивившись округъ себе, насунувъ шапку чімъ-дужъ на очі....

А Мелася? Мелася — нічого: радісенька, й Боже — радісенька! що вони вкупці и ніколи не розрізнютця, тільки Михайликъ злякавсь пробі-пробі....

Отакому добру вчяцця у тихъ людей, де́ вінъ узявъ червону сорочку, гроші й каптанъ блакітний!...

Павло́ Шуліка.

ПОѢЗДКА ВЪ УКРАИНУ.

(1857).

Въ то время, когда десятки тысячъ людей разныхъ сословій стремятся за границу, чтобы видѣть Европу собственными глазами, одинъ изъ почитателей старой европейской гражданственности оставляетъ столицу для того, чтобы тратить время и деньги на путешествіе по Украинѣ. Подобно многимъ другимъ, я тоже увлекся было непреодолимымъ желаніемъ освѣжить свой русскій умъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ жизнію западныхъ народовъ, но мнѣ сдѣлалось жаль покинуть надолго родину. Я подумалъ: »Европу мы изучаемъ съ дѣтства, изучаемъ волею и неволею, но почва, на которой мы взросли, народъ, къ которому принадлежимъ, остаются всё всторонѣ, да и самая наука—народовѣдѣніе, особенно въ приложеніи къ родному племени, не введена у насъ ни въ публичное, ни въ домашнее воспитаніе, и едва въ нѣсколькихъ книгахъ предъявила права свои на наше вниманіе«.

Подумалъ я также, что я писатель почти исключительно украинскій, что мнѣ предстоитъ, можетъ быть, не одинъ еще литературный трудъ, основанный на исторіи и нравахъ украинскихъ; а много ли я посвятилъ времени на прямое изученіе изображаемыхъ мною явленій, въ этнографическомъ отношеніи? Вѣдь не болѣе двухъ разъ, во всю мою жизнь, предпринималъ я то, что можно назвать путешествіемъ по Украинѣ! Прочіе разъѣзды были случайные и имѣли иныя цѣли. И этакъ у насъ поступаютъ всѣ, имѣющіе претензію на писателей народныхъ. Оттого и наука народоописанія до сихъ поръ находится у насъ въ младенческомъ состояніи. Воспользуюсь же я возможностью посмотрѣть еще разъ на родной край: это мнѣ пригодится въ свое время.

Такъ думалъ я—и вотъ почтовыя лошади привозятъ меня къ »отеческимъ предѣламъ«.

Первый признакъ, что вы въѣхали въ Украину—отсутствіе попрошаекъ на станціяхъ. Въ Великороссіи, на почтовыхъ дорогахъ, протягиванье руки за подачкою распространено до нестерпимости. Извѣстно, что великорусскіе ямщики, на протяженіи дороги въ нѣсколько сотъ верстъ, очень часто и почти всегда служатъ по найму съ собственными тройками, и многіе изъ нихъ имѣютъ тутъ же, по тракту, каменные дома. Нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ ребенокъ такого ямщика протягивалъ руку за милостынею къ проѣзжающимъ, въ присутствіи отца, и канючилъ неотвязно. Чтобъ дать понять, до какой степени это не похоже на нравы украинскіе, скажу, что зажиточный Украинецъ отрекся бы отъ своего ребенка, еслибъ увидѣлъ его просящимъ милостыни. Есть у меня одинъ знакомецъ, шинкарь, о которомъ извѣстно, что онъ въ дѣтствѣ, бывши круглымъ сиротою, служилъ *поводиремъ* у нищаго слѣпца. Теперь онъ всячески скрываетъ этотъ фактъ и краснѣетъ, когда слышитъ намекъ на него. Между тѣмъ онъ не болѣе, какъ нищій до сихъ поръ, потому что недвижимой собственности не имѣетъ и шинкуетъ въ панскомъ шинкѣ. Однажды я, проѣзжая по большой дорогѣ, остановился послушать молодого пастушка въ лохмотьяхъ, игравшаго на свирѣли. Не имѣя ничего больше подъ рукой для выраженія моей благодарности, я предложилъ ему половину домашней ситницы. Убогій музыкантъ оскорбился и отвѣчалъ мнѣ: *Хибá въ мене хлíба немá*! Не всѣ, конечно, отказываются отъ денегъ и вещей, но нищенствуютъ въ Украинѣ только слѣпые и увѣчные,—никогда дѣти, даже самыхъ бѣдныхъ семействъ,—кромѣ тѣхъ случаевъ, когда голодъ въ помѣщичьихъ селахъ доходитъ до ужасающей крайности, вслѣдствіе дурного управленія: тогда страхъ смерти и отчаяніе заглушаютъ всѣ другія чувства. Къ сожалѣнію, встрѣчалъ я въ Украинѣ бродячія семейства, которыя, въ полномъ своемъ составѣ, оставляли опустошенныя хаты и бродили изъ села въ село сбирать подаяніе, во имя Христа. Замѣчателенъ вопросъ зажиточныхъ мѣщанъ и козаковъ къ такимъ пролетаріямъ: *Ти панський?* Получивъ отвѣтъ утвердительный, никто ужъ и не разспрашиваетъ, что̀ заставило бѣдняковъ ходить по міру, а даетъ, сколько можетъ. Однажды я ѣхалъ въ тележкѣ съ упомянутымъ выше шинкаремъ, стыдящимся исторіи своего дѣтства. Въ тележкѣ сломался шворень. Надобно было обратиться къ кузнецу (а дѣло случилось подъ городомъ, у кузнецъ). Кузнецъ потребовалъ дорого, но когда кучеръ мой объявилъ, что онъ *панський*, цѣна уменьшена была до бездѣлицы.

Случается встрѣчать въ Украинѣ очень жалкихъ существъ. На

этотъ разъ, присамомъ въѣздѣ въ родную сторону, попались мнѣ на глаза двѣ женщины: мать и дочь. Мать едва таскала ноги отъ дряхлости, а дочь была слѣпа. Ихъ мѣсто было бы въ богадѣльнѣ, еслибъ онѣ принадлежали къ сословію свободному; но въ имѣніи ихъ помѣщика нѣтъ богадѣльни; работать онѣ не въ состояніи, кормить ихъ не на что, и имъ объявлено просто-напросто устами прикащика: »Убирайтесъ себѣ отсюда прочь и дѣвайтесъ куда хотите! у насъ и такъ довольно дармоѣдовъ!« Старуха была вдова, имѣла трехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ отданъ въ солдаты, двое сгорѣли на панскомъ гумнѣ, стараясь погасить пожаръ. Мужа лишилась недавно, а жила съ нимъ тридцать-пять лѣтъ. Все семейство работало на помѣщика всю жизнь, и вотъ пенсія дряхлой вдовѣ и слѣпой дочери—милостыня! Я спросилъ имя помѣщиковъ, и больно сжалось мое сердце, когда я услышалъ знакомое имя!

Не люблю я—да и никто, надѣюсь—почтовыхъ нашихъ дорогъ въ глуши провинцій. Но нигдѣ онѣ такъ не отвратительны, какъ въ Украинѣ. Это каналы, которыми цивилизація, заимствованная у Нѣмцевъ, безъ особенной разборчивости, проведена въ разные административные пункты нашего края. Какова была эта цивилизація и какъ она приспособлена къ потребностямъ нашего края чиновничествомъ, мы видимъ на губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашихъ, гдѣ народъ живущій роскошно при самыхъ ограниченыхъ средствахъ, исплутовался неисправимо и невозвратно. На почтовыхъ дорогахъ она оставила свои обноски, по которымъ легко судить, во что́ она была одѣта. Почтовыя дороги въ Украинѣ обманываютъ наблюдательность иноземнаго путешественника да смѣшного, представляя ему обращики народа, чуждаго аборигенамъ, или по языку, нравамъ и обычаямъ, вовсе не-украинскимъ, или по искаженію языка, нравовъ и обычаевъ, въ которыхъ знатокъ видитъ гніеніе вѣтвей, отдѣленныхъ отъ ихъ родного дерева. Трудно даже сказать, какое племенное начало преобладаетъ на станціяхъ и постоялыхъ дворахъ, украшающихъ почтовыя дороги въ Украинѣ. Здѣсь вы встрѣчаете и Жидовъ, и Нѣмцевъ, и Цыганъ, и людей Богъ знаетъ какой породы, стекающихся сюда отовсюду на легкую добычу, безъ потово́го труда. Представители украинскаго населенія являются между этими владыками торговыхъ, промышленныхъ, а часто и воровскихъ сдѣлокъ, не иначе, какъ въ роляхъ страдательныхъ. Это—или ямщики, которыхъ помѣщикъ, содержатель станціи, обрекъ на вѣчную гоньбу, или дівча́та погубленныя соблазномъ, а пожалуй увлеченныя бѣдностью на службу станціоннымъ смотрителямъ и Жидамъ, содержащимъ станціи. На одной стан-

ціи я встрѣтилъ замѣчательный обращикъ изъ этого послѣдняго разряда личностей.

Пріѣхалъ я подъ вечеръ. Лошадей мнѣ не дали, потому что ожидали *губернаторскаго проѣзда*. Напрасно было бы предъявлять свои права, особенно съ моимъ ничтожнымъ чиномъ. Одинъ иностранецъ, котораго я засталъ на станціи, сидѣлъ тутъ со вчерашняго дня, пока проѣдетъ губернаторъ. Въ козацкомъ селѣ, къ которому примыкаетъ станція, достать лошадей не было возможности, по той простой причинѣ, что его смиренные обитатели держатъ однихъ воловъ, а лошадей не держатъ. Они убѣдились многолѣтними опытами, что козацкія лошади мало служатъ хозяину, а больше — мѣстной полиціи, которая, въ лицѣ письмоводителей, въ лицѣ командированныхъ изъ города чиновниковъ, или головы, сотскихъ, старшихъ и всякихъ иныхъ властей, безпрестанно ѣздитъ изъ села въ село. . . . . Волей-неволей я долженъ былъ остаться на почтовой станціи.

Скука, страшная скука въ этихъ, извѣстныхъ каждому, двухъ комнаткахъ, уставленныхъ форменною мебелью топорной работы! Я пробрался на половину станціоннаго смотрителя. Тамъ, за столомъ, прислоненнымъ къ печкѣ, по случаю выбитыхъ стеколъ въ окнахъ, засѣдалъ смотритель съ письмоводителемъ становаго пристава. Смотритель, дюжій, видный мужчина, по выговору былъ Великоросъ; письмоводитель, высокій, худощавый, съ правильнымъ горбатымъ носомъ — Украинецъ. Графинчикъ, стоявшій между ними, чудесно сблизилъ обѣ національности. У свѣчки, которую только слегка задувалъ вѣтеръ изъ кой-какъ заткнутыхъ тряпкой оконъ, присѣла тутъ же жена смотрителя, съ какимъ-то шитьемъ, въ капотѣ и платочкѣ на головѣ; а выше ея, на лежанкѣ, сидѣла за пряжею красивая дѣвушка, въ шитой красной *запо́лочью* сорочкѣ. Свѣча освѣщала снизу молодой, нѣжно-закругленный ея подбородокъ, нижнія части щекъ, красиво вырисованныя ноздри, и сверкала въ глазахъ, которые остановили мое вниманіе своимъ грустнымъ выраженіемъ. Голова повязана была широкимъ позументомъ, въ видѣ діадемы. Сгустившійся за нею мракъ усиливалъ сіянье мишуры. Всѣ прочія лица были или грубо очерчены природою, или искажены хмѣлемъ: это еще больше придавало ей прелести. Подлѣ нея висѣла люлька, которую она потихоньку колыхала ногою...

Разговоръ между смотрителемъ и письмоводителемъ шелъ о сухой вербѣ возлѣ станціи.

— *Чого у васъ оттá вербá стоíть, нáче чортъ?* говорилъ письмоводитель.

— Да вотъ, какъ видите, отвѣчалъ смотритель: стоитъ, да и все тутъ...

— Нѣтъ, не все, Иванъ Карповичъ, нѣтъ, не все! Надобно ее срубить!

— Кто же ее срубитъ?

— Вы срубíте! призовите сейчасъ ямщиковъ и срубíте.

— Я не имѣю права, Иванъ Петровичъ.

— Я вамъ позволяю! торжественно сказалъ письмоводитель. — Хоть и не моя воля, но я вамъ позволяю.

— Да чортъ съ нею, Иванъ Петровичъ! выпейте-ка лучше.

— Выпью, извольте, я выпью; а вербу срубить надо.

— Да зачѣмъ же ее рубить?

— Какъ зачѣмъ? Вы служили въ военной службѣ, и не знаете порядка? А что́ скажетъ губернаторъ?

— Да ничего не скажетъ.

— Вамъ ничего, а мнѣ скажетъ. Я командированъ для порядка. Это вы понимаете? .. Подъѣзжаетъ къ станціи — и что же? сухая верба!... *Стоíть, нáче чортъ, абó статýл*! »Послушай ты, болванъ!« скажетъ губернаторъ: »зачѣмъ у тебя сухая верба подлѣ станціи стоитъ?«

— А вы ему скажите.... началъ было смотритель; но гость перебилъ его рѣчь съ патетической запальчивостью:

— Что́ я могу сказать ему? что́ я могу сказать губернатору?... Понимаете ли вы это слово: *гу-бер-на-торъ?* Онъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ, а я передъ нимъ что́? Знаете ли, что́ я передъ нимъ?

— А что же?

Но на этотъ разъ письмоводитель станового отвѣчалъ словомъ, слишкомъ неблаговиднымъ для печати.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, возразилъ смотритель: не называйте себя такимъ поганымъ словомъ: вы коренной дворянинъ. Вотъ я, — я хоть и офицеръ, но милости царской, но я изъ простыхъ.

— Дворянинъ я — передъ вами, отвѣчалъ съ чувствомъ своего достоинства письмоводитель, а передъ губернаторомъ — я....

И онъ опять опредѣлилъ свою личность сравненіемъ, которое, видно, казалось ему очень вѣрнымъ.

Станціонный смотритель замолчалъ и поникъ головой въ размышленіи.

— А послушайте, однакожъ....

Тутъ письмоводитель понизилъ голосъ и взглянулъ на дѣвушку.

— Давно?

— На прошлой недѣлѣ крестили.

— А бабенка—чортъ возьми! Не дура губа у гусара. Что́ маменька, рада внучку?

— Такъ рада, что и отца со двора долой.

— То есть, гусара?

— Нѣтъ, прикащика, отца красотки. Словно, его и вина. Сама же взяла дочку въ горницы. — —

Теперь, гусаръ уѣхалъ благополучно въ полкъ, а прикащика со двора прогнала.

Письмоводитель не спускалъ глазъ съ дѣвушки во все продолженіе разсказа. Но она углубилась въ свою работу и, казалось, ничего не слышала. Вѣтеръ свистѣлъ за окномъ, врываясь въ разбитыя стекла и колебля нагорѣвшую свѣчку. Веретено жужжало.

Хозяйка не поднимала глазъ на собесѣдниковъ, говорившихъ въ полголоса. Подъ лѣвымъ глазомъ у ней былъ синякъ, въ которомъ я видѣлъ что-то общее съ разбитыми стеклами, жилистыми кулаками смотрителя и его плотнымъ, угловатымъ лицомъ, которому жесткіе, подстриженные какъ щетка, усы придавали свирѣпое выраженіе.

— Да́, продолжалъ письмоводитель всё въ полголоса: товарецъ недурной. Что́ же? и на нашу долю что-нибудь выпадетъ?

Хозяинъ засмѣялся:

— Есть квасъ, да не для васъ!

— А нашъ квасъ вамъ пригодился, какъ было слѣдствіе?

— Ну, ужъ вы съ этимъ слѣдствіемъ, какъ *дурень съ торбою*, носитесь!

— А гдѣ бы вы теперь сидѣли, позвольте васъ спросить?

— Да ну, полно вамъ, Иванъ Петровичъ!

— Полно, такъ и полно. Только не все же для проѣзжающихъ: отдѣлите малу толику и своимъ. Не все для военныхъ: у штатскаго тоже есть душа въ тѣлѣ.

— Да погодите! еще молодо. Богъ поможетъ, такъ и васъ не обидимъ. Будемъ лучше говорить о сухой вербѣ.

— Проклятая верба! лучше бъ вы про нее и не вспоминали. Подъѣдетъ къ станціи—и вдругъ верба!.... какъ чортъ! какъ статуя!... А, голова!

Это восклицаніе относилось къ человѣку, съ краснымъ, одутловавымъ лицомъ и сѣдыми волосами, показавшемуся въ дверяхъ.

— Вотъ хорошо, что голова пришелъ, продолжалъ письмоводитель. А что́ это, братъ, у тебя верба сухая подлѣ самой станціи? Твое было дѣло донести по начальству!

— Да я жъ и доносилъ, отвѣчалъ голова басомъ. (Разумѣется разговоръ идетъ на украинскомъ языкѣ, съ прибавкою казенныхъ фразъ, со стороны письмоводителя). Я жъ и доносилъ становому, такъ онъ тогда и ничего, а теперь чортъ и насѣлъ на васъ.

Голова, какъ видно, разбогатѣлъ уже на своемъ мѣстѣ и не очень церемонился съ приказными. Письмоводитель, однакожъ, обидѣлся, но не за себя.

— Кого это ты, любезный, называешь чортомъ? сказалъ онъ. — Иванъ Карповичъ, слышите? онъ губернатора чортомъ назвалъ!

Но голова махнулъ рукой и сказалъ, обращаясь къ смотрителю:

— Застряла имъ въ горлѣ верба! Вербу за́разъ можно срубить, и вы этимъ не слупите съ меня ни полушки. Это ваше дѣло, а не наше. А вотъ скажите мнѣ, долго ли еще мнѣ народъ держать на шляху́? скоро ли губернаторъ проѣдетъ? Ровняй да и ровняй! Какого чорта еще вамъ ровнять? Бокомъ будетъ катиться по шляху губернаторъ, что ли? Эхъ вы, начальство! Посадили бъ меня надъ вами, — научилъ бы я васъ начальствовать!

— Слушай, панъ голова, сказалъ вдругъ ласковымъ голосомъ письмоводитель, поднявшись съ мѣста и подходя къ головѣ. — Слушай, мой любезнѣйшій. Ты человѣкъ вѣдь .. я тебя знаю... ты человѣкъ премудрый. Перемѣнилъ ты на шляху очередныхъ не безъ выгоды.... Что́ же ты толкуешь о начальствѣ? Начальство знаетъ, для чего дѣла́ дѣлаются. Ты думаешь, губернаторъ проѣзжаетъ такъ себѣ: сѣлъ и катай! . . . . Пускай ровняютъ дорогу недѣлю, другую. Ты знай только перемѣнять очереди; а начальство знаетъ, для чего дѣла дѣлаются. Польза, польза, братъ, всѣмъ и каждому, вотъ что́! Пойдемъ, панъ голова, пойдемъ къ тебѣ, перечислимъ, переберемъ вмѣстѣ, да подумаемъ, нѣтъ ли еще какихъ безпорядковъ: все служитъ на пользу человѣка.

— Куда же вы, Иванъ Петровичъ? сталъ удерживать его смотритель.

— Ничего, ничего Иванъ Карповичъ, не безпокойтесь!

И оба вышли, — высокій, сгорбленный письмоводитель и плотный, уже упитанный на своей должности, голова.

— Туда тебѣ и дорога, дрянная пьявка! сказалъ смотритель, уби-

рая со стола водку. — Вотъ, обратился онъ ко мнѣ: перебитой подковы не стóитъ, а съ нимъ пріятельствуй! Эхъ, жизнь наша, жизнь горькая! смотрительство ты наше несчастное! Ни чести, ни корысти; еще полицейскихъ берегись, какъ огня! Вѣдь упекутъ, за ремешокъ упекутъ, ей Богу! Вотъ прошлой зимой былъ случай. Пріѣхала какая-то барыня: »Впусти переночевать!« А метель на дворѣ. Станція — не постоялый дворъ; тутъ возлѣ есть деревня. А барыня-то, не отъѣхавши отъ станціи, и замерзни въ саняхъ. Мы тутъ съ лакеемъ споримъ, а она и Богу душу отдала. Чтó же? вѣдь уцѣпились проклятые, да насилу парой коровъ отвертѣлся! Разные случаи бываютъ; нельзя съ ними не ладить: упекутъ! Да вотъ хоть бы и эта статья. Вотъ дѣвушка. Барыня согнала со двора, отецъ прогналъ съ глазъ....

— Какъ! и отецъ прогналъ? спросилъ я.

— То есть, чисто-начисто отрекся: »Ты мнѣ не дочь, я тебѣ не отецъ!« Ну, я, по добротѣ души, принялъ, а вѣдь вида у ней нѣтъ никакого. Скажутъ: бѣглыхъ передерживаешь. Эхъ, сторона ты, сторонушка! кто меня замчалъ, занесъ сюда! Всё своя добрая воля: не на кого жаловаться.

— А какъ, вы сюда попали? спросилъ я: — вы, по выговору, не здѣшній уроженецъ.

— Изъ самой Калуги, батюшка. Такъ вотъ, любовь приковала, да и все тутъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ. Ѣздилъ я по своему промыслу....

— По какому?

— *Былъ* у меня промыселъ: гдѣ купить, гдѣ продать. Эдакъ по всему свѣту и гуляю. Вольный казакъ! Чинишку себѣ въ аудиторіатѣ зашибъ — всюду мнѣ дорога ровна. Останавливаюсь, какъ бы вамъ сказать, на постояломъ дворѣ, у ихъ маменьки (указывая на жену). Ихъ маменька была сперва за капитаномъ, а потомъ вышла за отставнаго унтера. Постоялый дворъ держатъ. Ну, ничего. Вижу — мальчикъ больной лежитъ. Я и говорю: »Хозяюшка, чтó это у васъ мальчикъ больной? чѣмъ боленъ?« — »Это«, говоритъ, »у меня дочка.« Ахти мнѣ! А онѣ подвели головку, то есть, жена вотъ моя, и посмотрѣли на меня. Я посмотрѣлъ — въ сердцѣ вотъ словно чтó запекло. Я говорю: »Тетенька, позвольте мнѣ вашей дочери стаканъ чаю подать.« — »Извольте«, говоритъ. Вотъ я чайку, ромку, — у меня и ромъ случился. Поднялась на

ноги моя красавица. На другой день я матери платокъ, сестрѣ другой....

— Зачѣмъ же это?

— Такъ, изъ усердія; пускай пропадаетъ мое добро! Потомъ и говорю: »Тетенька, или лучше сказать, маменька! позвольте состоять съ вами на правахъ дружбы.«— »Съ нашимъ удовольствіемъ.« Ну, когда такъ, то и хорошо. Вотъ я бросился сюда-туда; люди у меня вездѣ знакомые. Должность на себя по близости принялъ. Ходить да ходить, вотъ и выходилъ.

— Стало быть, все устроилось по вашему желанію? спросилъ я.

— Не совсѣмъ. Вотчимъ впутался и взмутилъ воду въ нашемъ колодцѣ. Обѣщали дать шесть ложекъ — дали двѣ. Обѣщали дать корову — дали двухъ-годовалую телку.

— Что́ же вы?

— А что́ же? осерчалъ, бросилъ жену, пошелъ опять по своему промыслу!

— Какъ! изъ-за ложекъ и телки вы бросили жену?

— Бросилъ! кричалъ смотритель съ торжествомъ героя. — Коли что не по мнѣ — все въ дребезги! у меня нравъ такой. Любить, такъ любить, а ссориться, такъ ссориться! я таковъ, сударь мой! Меня и въ аудиторіатѣ всѣ за это любили. »Послушай, теща!« сказалъ я: »возлюбилъ я твою дщерь всѣми своими чувствіями, но чрезъ твое жестокосердіе возгорѣлся, аки огонь, гнѣвъ мой! прощайте!« и былъ таковъ.

— Сильно сказано! замѣтилъ я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Да что́ же? развѣ я дарованія не имѣю? Я самъ Пушкинъ! Покажите-ка, Маша, мое письмо!

— Въ немъ перецъ завернутъ, сказала хозяйка, робко посмотрѣвъ на своего супруга.

— Ничего, долой перецъ! покажи!

Хозяйка пошла рыться въ шкапу.

— Я письмо писалъ къ ней, продолжалъ смотритель.—Самъ не являлся; бывало ѣду мимо — *шасцо́ю* объѣду, не покажусь, и эдакъ ровно годъ, день въ день; а письмо писалъ. Вотъ оно! слушайте!

»Непостижимый въ критикѣ предметъ, вселюбезнѣйшая фіялка и супруга моя, Марья Тихоновна! вы есть одна изъ критикъ и насмѣшекъ »моего сердца....

»Долго ли намъ вѣкъ свой въ скукѣ провождать
»И въ глаза другъ друга долго ль не видать?...«

Письмо состояло изъ прозы и стиховъ равнаго достоинства. Печати этотъ вздоръ не стоитъ. Смотритель читалъ такъ комически, что я смѣялся отъ души и просилъ позволенія списать копію.

— Дарю вамъ оное! сказалъ онъ торжественно, вручая мнѣ измятый листокъ.

Я храню его до сихъ поръ въ своихъ бумагахъ, но когда оно попадается мнѣ на глаза и напомнитъ о своемъ авторѣ, мнѣ бываетъ не до смѣху. Мнѣ представляется страшное множество этихъ загадочныхъ людей, которые у насъ не принадлежатъ ни къ какому сословію, хотя пользуются правами разныхъ сословій, этихъ неопредѣленныхъ угловатыхъ личностей, безъ правилъ, безъ характера, безъ религіозныхъ, или какихъ бы то ни было, убѣжденій. Ихъ дѣло — колотить безъ толку жену, о которой въ третьемъ лицѣ говорятъ *онъ, ихъ;* дружиться съ мелкими чиновниками, которыхъ покровительство для нихъ необходимо; извлекать пользу изъ трудныхъ обстоятельствъ ближняго посредствомъ небольшаго займа сто на сто, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Живутъ они всегда грязно, но знаютъ, что такое ромъ, балыкъ и всякіе сыры и закуски. Дѣтей всегда выводятъ въ люди посредствомъ училищъ, присутственныхъ мѣстъ и знакомствъ съ горничными и лакеями знатныхъ людей, угощаемыми во время ихъ проѣзда съ господами. Связи у нихъ по этой части въ обѣихъ столицахъ обширныя, и сынокъ грязнаго кулака, засѣвшаго въ захолустьи на станціи, подталкивается здѣсь невидимою силою снизу вверхъ, отъ управляющаго домомъ до коммиссаріатскаго чиновника высшаго разбора. Лѣзетъ онъ выше и выше съ каждымъ годомъ, и наконецъ забываетъ о своемъ батюшкѣ, подобно тому, какъ взрослый волкъ не помнитъ попеченій своей матери-волчицы. Не изъ простого народа выходятъ эти созданія и равно не изъ высшаго, образованнаго сословія. Это порожденіе беззаконной, насильственной связи высшаго класса съ низшимъ, посредствомъ фельдфебельства, лакейства и другихъ столкновеній, въ которыхъ одни не спрашиваютъ, а другіе не даютъ согласія на жизнь вмѣстѣ. И вотъ цѣлая туча темныхъ выродковъ расползается по свѣту въ видѣ дворецкихъ, экономовъ, прикащиковъ, губернскихъ секретарей и всякихъ совѣтниковъ, муча однихъ наглымъ, ни передъ чѣмъ не робѣющимъ, грабежомъ, а другихъ всевозможными обманами.

Между тѣмъ, какъ мы говорили, ребенокъ въ люлькѣ проснулся. Мать взяла его и начала кормить. Я думалъ: «Что же изъ этого ребенка выйдетъ? Отца нѣтъ, мать отвергнута всѣми. Увянетъ молодость,

упадутъ силы.... что тогда она для него сдѣлаетъ? А между тѣмъ, взростетъ ребенокъ въ отчужденіи отъ своего народа, въ семьѣ такого господина, какъ этотъ смотритель. Что бы изъ него ни вышло, но добра не выйдетъ!«

Приходятъ ли самой матери въ голову такія мысли? Нѣтъ, природа дала ей противоядіе ея горестной долѣ. Она кормитъ своего ребенка, она его убаюкиваетъ, она не досыпаетъ ночей за его плачемъ, и это, покамѣсть, наполняетъ всю ея душу. Я бы желалъ узнать, любила ли она своего обольстителя (хотя въ Украинѣ скорѣе всего можно это предполагать) и какія чувства остались теперь между нимъ и ею? но дико было бы объ этомъ разспрашивать.

Я ушелъ на другую половину, преслѣдуемый грустной фигурой молодой матери....

Иностранецъ, котораго я засталъ на станціи, ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ ужъ давно выпилъ свой вечерній чай (единственная отрада станціоннаго сидѣнія) и напустилъ столько дыму, куря отъ скуки папироску за папироскою, что виднѣлся въ немъ, какъ призракъ. Я спросилъ:

— Неужели со вчерашняго дня никто не былъ отправленъ съ этой станціи?

Оказалось, что проѣхало нѣсколько человѣкъ.

— Съ казенными подорожными, за двумя печатями?

— Нѣтъ!

— Какъ же вамъ не даютъ лошадей?

— Est ce que je sais? отвѣчалъ онъ съ досадой и отчаяньемъ.

Тогда у меня вдругъ мелькнула свѣтлая мысль. Я вспомнилъ изреченія письмоводителя о губернаторскомъ проѣздѣ, и безсмыслица получила для меня практическій смыслъ. «Все служитъ на пользу человѣку. На то и губернаторскій проѣздъ, чтобъ была польза всѣмъ и каждому.» Смотритель не давалъ намъ лошадей единственно потому, что мы для него — люди безполезные. Я вынулъ серебряный рубль и, вручая его безъ всякихъ околичностей смотрителю, попросилъ, нельзя ли какъ-нибудь собрать для насъ лошадей. Я прибавилъ, что и иностранца посажу съ собою. Безъ всякаго возраженія и затрудненія, онъ отдалъ приказанье однимъ словомъ; *набирать!* и черезъ четверть часа мы уѣхали, въ прекрасную ночь, при сіяніи звѣздъ, въ свѣжей степной прохладѣ.

Сколько счастья обѣщаетъ человѣку роскошная украинская природа, и сколько въ немъ людей, безвыходно несчастныхъ!

Попечительное, предусмотрительное, опытное и всевѣдущее началь-

ство изъ отдаленнаго, приткнутаго на краю имперіи, города разсылаетъ по всему государству постановленія, обезпечивающія права и спокойствіе каждаго. На почтовыхъ станціяхъ заведены жалобныя книги, припечатанныя къ столу казенною печатью. Каждый имѣетъ право вписывать въ нихъ свои жалобы, и обиженному печатно обѣщается полное удовлетвореніе взысканіемъ съ виновныхъ по закону. Прекрасно! любо читать! Но кто тѣ, которые разбираютъ жалобы и приводятъ въ исполненіе угрозу высшаго начальства! Какъ и подъ какими нравственными вліяніями они воспитаны? Откуда они почерпали понятія о достоинствѣ поступковъ? Наконецъ, какъ обезпечены они для насущной жизни? Не угрожаетъ ли имъ суровая, тяжкая нищета, еслибъ они довольствовались только тѣмъ, что имъ назначено въ вознагражденіе за невозможность заниматься земледѣліемъ, торговлею, промыслами, наукою и проч? Развѣ у насъ легко получить хорошее воспитаніе, когда для этого надобно жить мальчику въ городѣ, носить мундиръ, платить за право ученія, покупать опредѣленное число учебниковъ, безпрестанно замѣняемыхъ новыми? Развѣ удобны у насъ сношенія между чиновными и не чиновными, чтобы имѣть случай слышать, какъ толкуютъ люди о предметахъ общежитія, какъ понимаются, какъ чувствуются вещи въ кругахъ, болѣе просвѣщенныхъ? Развѣ давно мы получили возможность выражать печатно мнѣніе о взяткахъ, кляузахъ и всякихъ недостойныхъ продѣлкахъ, облеченныхъ въ законную формальность? Развѣ, наконецъ, высшее начальство въ правѣ требовать отъ скудно-содержимыхъ чиновниковъ героизма честности, когда само оно не имѣетъ на столько самоотверженія, чтобы соразмѣрить плату за трудъ и дать возможность низшему чиновничьему классу жить независимо отъ безгрѣшныхъ доходовъ?.. Слѣдствіемъ такого страннаго порядка вещей, свидѣтельствующаго о неестественномъ развитіи у насъ гражданственности, являются безнаказанныя злоупотребленія, которыхъ только тысячную долю составляютъ притѣсненія проѣзжающихъ на станціяхъ. Мнѣ случалось писать жалобы самыя вопіющія и потомъ читать на нихъ рѣшенія ревизоровъ. Меня просто-напросто, какъ и всякаго, обвиняли въ напраслинѣ, или писали, что съ виновныхъ взыскано по закону. Дѣйствительно, ревизоры производятъ взысканіе, только въ свою пользу, а не во исполненіе закона; ибо извѣстно, что всякое слѣдствіе и всякій наѣздъ ревизіи оканчивается здѣсь пополненіемъ казеннаго жалованья на счетъ станціонныхъ смотрителей; и если смотритель иногда проситъ васъ не вписывать жалобы въ книгу, то онъ тутъ боится не чего другого, какъ взысканія по таксѣ за каждую жало-

бу. Чѣмъ меньше измарана у него жалобная книга, тѣмъ меньше онъ приплатится ревизору. Въ этомъ и вся штука!

Подальше, подальше отъ почтовыхъ дорогъ и станцій! Я воспользовался первой возможностью впречь въ свой походный экипажъ *долгихъ* и, въ совершенной дружбѣ съ кучеромъ-Украинцемъ, пустился изъ села въ село. Странные возникали на мой счетъ вопросы у разныхъ господъ, встрѣчавшихъ меня въ моихъ разъѣздахъ: »Чего онъ ищетъ? куда ѣдетъ? зачѣмъ не держится большой дороги и всё поворачиваетъ въ захолустья?« Я совершенно знаю, что такіе вопросы предлагалъ себѣ не одинъ благоразумный человѣкъ въ Украинѣ, ибо не разъ любопытство наблюдателей за мной было до того раздражено, что ко мнѣ приставали съ допросомъ обо всей моей подноготной. Сухой отвѣтъ неопредѣленными выраженіями очень не нравился любопытнымъ, но меня оставляли въ покоѣ. Впрочемъ, это относится къ сословіюгосподствующему. Чтó касается до народа чернорабочаго, то его не озадачиваетъ никакое предпріятіе нашего брата: онъ все объяснилъ себѣ пословицею: *Пани́ якъ ду́рні: що схо́чуть, те й ро́блють.* Наше сословіе, при безсиліи общественнаго мнѣнія, умѣя ладить съ закономъ, совершаетъ дѣла невѣроятныя, и народъ привыкъ ничему не удивляться.

Куда я ни пріѣду, народъ отъ меня посторонится — и только. Равнодушіе у него къ нашимъ затѣямъ и интересамъ полное. Онъ только и думаетъ, какъ бы ему не натолкнуться на бѣду, какъ бы не сдѣлали ему какого-нибудь зла. Добра онъ рѣшительно не ожидаетъ отъ человѣка, носящаго панскій образъ, и долго нужно съ нимъ говорить, много надобно представить очевидныхъ доказательствъ, чтобы онъ повѣрилъ вашему доброжелательству. Я не говорю о содержателяхъ постоялыхъ дворовъ, шинкаряхъ и торговцахъ; я говорю о народѣ, живущемъ вдали отъ насъ, въ своихъ убогихъ хатахъ, и въ-особенности о крѣпостномъ Украинскомъ народѣ. Это было сословіе боязливое, одичалое, неприсвоивавшее себѣ никакихъ правъ и защищавшееся отъ насилія только удаленіемъ и бѣгствомъ. Часто на мой зовъ поселяне и поселянки отвѣчали молчаніемъ, казались глухими и спѣшили поскорѣе скрыться изъ виду. Признаюсь, это очень досадно, и брала меня иногда злость на такую грубую недовѣрчивость; но вѣдь — это живые историческіе факты! Тутъ исторія народа — на лицо, безъ поэтическаго покрова. Это ея послѣднія страницы, выходящія передъ нами въ свѣтъ. Словомъ *панъ* обозначаются у народа не одни такіе люди, какъ мы съ вами, благосклонный читатель, но всѣ носящіе панскій образъ, а между ними де-

вять десятыхъ такихъ господъ, каковъ помѣщикъ, о которомъ я сейчасъ разскажу.

Случилось мнѣ проѣзжать черезъ ярмарку; захожу я въ напяленный изъ холста шалашъ купить какую-то мелочь. Ко мнѣ подходитъ фигура въ сюртукѣ и проситъ позволенія познакомиться. Эти фигуры въ сюртукахъ столько же любятъ знакомиться, сколько народъ избѣгаетъ знакомствъ. У меня есть хуторъ; поэтому сюртукъ зналъ, кто я, и рекомендовалъ себя моимъ сосѣдомъ, не забывъ упомянуть, что онъ — губернскій секретарь такой-то. Имя его было мнѣ извѣстно по анекдотамъ о его вѣчныхъ ссорахъ съ сосѣдями, тоже отставными губернскими секретарями, штабсъ-капитанами и проч., которыхъ въ Украинѣ тьма тьмущая, и всѣ это потомственные дворяне, владѣющіе пятью, шестью, десятью, а часто и двумя только душами. Отрекомендовавшись какъ слѣдуетъ, онъ обратился къ торговцу съ вопросомъ: есть ли у него спички? Тотъ отвѣчалъ отрицательно. »Нѣтъ, у тебя есть спички! Я видѣлъ, какъ ты продавалъ. Знаешь ли, что я имѣю власть опечатать весь твой товаръ?« Торговецъ струсилъ, а губернскому секретарю только то было и нужно. »Дай мнѣ полфунта табаку!« сказалъ онъ. Табакъ поданъ. »Деньги возьмешь?« Торговецъ отказался отъ денегъ, и губернскій секретарь, мой сосѣдъ, потомственный дворянинъ, преспокойно удалился съ своей добычей, не заботясь и, по всей вѣроятности, даже не подозрѣвая, какъ я смотрю на такой поступокъ.

»Между нами нѣтъ такихъ негодяевъ!« скажетъ обитатель иного околотка: »никто изъ нашихъ сосѣдей не унизится до такого поступка!« — Милостивый государь, позвольте говорить съ вами откровенно и начать характеристику вашего околотка съ васъ самихъ. Не вы ли отдавали людей въ рекруты безъ зачету: — а это развѣ лучше, чѣмъ отнять полфунта табаку у торговца? Не вы ли заставляли крестьянъ работать на панщинѣ пять дней въ недѣлю, предоставляя ему только шестой? Между вами это не считалося низостью. Не вы ли лжесвидѣтельствовали, когда сосѣдъ засѣкалъ на смерть человѣка, и выпутывали изъ бѣды тирана? Положимъ, что вы, вступившійся за честь своихъ собратій, не грабили открыто среди дня, не торговали людьми, не томили ихъ какъ негровъ на плантаціяхъ, не тиранили ихъ — за лѣность, за грубость, за недосмотръ въ вашемъ хозяйствѣ; но вы все это видѣли и терпѣли, вы вступали въ родство и дружбу съ ворами и тиранами, женились на ихъ дочеряхъ, выдавали за нихъ дѣтей своихъ: развѣ не одному суду съ ними вы подлежите? Народъ

отвергся всѣхъ васъ, а вмѣстѣ съ вами и тѣхъ, у кого болитъ за него сердце и кто радъ бы, да не въ силахъ, ему помочь.

Есть между вами такіе, которые даже и не знаютъ, тяжело ли у нихъ было народу, страдалъ ли онъ, или благоденствовалъ. Ваше вниманіе устремлено на извѣстную отрасль промышленности—табакъ ли это, сахаръ ли, или просто земледѣліе—и вы только соразмѣряли рабочія силы съ количествомъ добываемаго матеріала; народа вы не видѣли, нуждъ и страданій его не знали. Управители и прикащики замѣняли для васъ его голосъ. Имѣнія ваши процвѣтали, доходы росли, и вы, съ своей точки зрѣнія, вправѣ сказать, что вашимъ крестьянамъ у васъ хорошо, или по крайней мѣрѣ не худо. А послушайте, какъ говоритъ народъ о вашихъ сахарныхъ заводахъ, о табачныхъ плантаціяхъ и панщинѣ вообще. Не возражайте, что лѣнтяи ничѣмъ не будутъ довольны. Голосъ народа поднялся на такую ноту, которой не возьмутъ лѣность и праздность. Уже по всему краю ходятъ пѣсни про ваше управленіе: страданія народа возвысились до поэтическаго паѳоса. Мы имѣемъ думы изъ временъ такъ-называемаго польскаго ига, когда подобные вамъ паны, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ для роскошной жизни, отдавали въ аренду жидамъ все, что́ могли отдать, когда жены и дочери простолюдиновъ дѣлались добычею панскаго сластолюбія. Какой грозный тонъ имѣютъ эти думы, при всемъ спокойствіи своего речитатива! Тотъ самый тонъ слышится и въ современныхъ украинскихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ бѣдствія народа подъ гнетомъ крѣпостного права. Вотъ эти пѣсни:

1.

Изза гори́ вітеръ віе,
А въ доли́ні тихо:
До́бре було́ на Вкраіні,
А тепе́ра ли́хо!

За молоди́хъ панівъ ста́ло
Тру́дно на робо́ту:
Уве́сь ти́ждень на па́нщині,
А собі въ субо́ту.

А въ неділю до східъ-со́нця
Въ усі дзво́ни дзво́нять,
Деся́тчики підъ віконню.
На па́нщину гонять:

Чоловікамъ за не́водомъ
Ране́нько вставати,
Стари́мъ баба́мъ крупи́ дра́ти
Та ще й пла́ття прати,

Молодицямъ по світ.и́цяхъ
Мости́ шарува́ти,
Мали́мъ дітямъ пір'я драти
И тютю́нъ въяза́ти.

Хвали́лася наша пані —
Добре въ не́і жити...
Ой та брешешъ же ти пані!
Плачуть наші діти!

II.

Була́ Польща, була́ Польща,
Та й стала Росія:
Синъ за батька не засту́пить,
А батько за си́на.
Синъ иде на степъ косити,
Батько молотити,
Его́ ма́ти старе́нькая —
На лапъ жита жати,
Его́ дочка паня́ночка —
Тютюну́ паха́ти.

Сіли вони обідати —
Гіркий нашъ обіде!
Озирну́тця позадъ се́бе,
Ажъ прика́щикъ іде.

Не далеко доіжджа́е,
Канчу́къ роспускае:
»Чому́ се васъ, вра́жі люде,
Но тро́е нема́е?«

—»Ой якъ же намъ, добро́дію,
По трое ходити?
Поки́дали малихъ дітей,
Нікому гледіти.«

Ой хо́дить піпъ по це́рковці
Та въ кни́жку читае:
»Чому́ се васъ, добрі люде,
До церкви немае?«

—»Ой якъ же намъ, папо́ченьку,
До церкви ходити?
Селомъ идуть, загада́ють
На тікъ молотити!«

У нашої сударині
Шовко́ва спідни́ця;
Идуть люде изъ па́нщини —
Зійшла вже зорни́ця.

У нашої сударині
Золоті сережки;
Идуть люде изъ панщини,
Не бачять и стежки!

У нашої сударині
Гапто́вана хустка;
Осталася въ насъ по селу
Не одна ха́та пустка.

III.

Сонъ головоньку хитае.
Милий милу покидае
Та зъ дрібни́ми дігочками...
Пла́че мила слізочками.
Ой якъ вийду за ворота —
Нема мого срібла-злота!
Летить воронъ сизокри́лий...
»Скажи, воронъ, де мій милий?«
—»Ой твій милий на роботі
Та у сахарнімъ заводі;
Тамъ и днює, и ночуе,
Дзво́ни дзво́нять — вінъ не чуе,
Візьме топоръ да й майстрю́е!«

Сахарные заводы и табачныя плантаціи суть два зла, которымъ подвергся въ иныхъ мѣстахъ украинскій крѣпостной народъ, испытавъ уже столько другихъ бѣдствій. Частые пожары на сахарныхъ заводахъ, справедливо приписываемые крестьянамъ, заставили многихъ помѣщиковъ соединить свои выгоды съ крестьянскими, установивъ на заводахъ задѣльную плату для чернорабочихъ, и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ поселяне благословляютъ помѣщиковъ за выдѣлку сахара. Но зато сосѣдніе землевладѣльцы, и особенно мелкомѣстные, налегали на своихъ крестьянъ изо всей силы, чтобъ добыть побольше берковцевъ буряковъ,

доставляемыхъ на заводы. Зато многіе высылали своихъ людей верстъ за 400 и далѣе, отдавъ ихъ на полгода въ тяжкую работу на сахарные заводы.

Возвратясь изъ путешествія, часто утомительнаго и соединеннаго со множествомъ неудобствъ, по бѣдности закрѣпощеннаго края, я спрашиваю теперь у себя: зачѣмъ я ѣздилъ въ Украину? чего мнѣ хотѣлось отъ этого народа? какой отрады искалъ я отъ бесѣды съ нимъ? Я наперед знал, какого роду сцены представятся мнѣ въ Украинѣ. Мало изучивъ мѣстностей украинскихъ, посѣтивъ немного селъ и городовъ, я слишкомъ много видѣлъ страданій человѣческихъ на этой почвѣ, напоенной кровью въ борьбѣ за свободу. Зачѣмъ же мнѣ было набирать въ свою память еще новые вопіющіе образы?... Не нахожу отвѣта на эти вопросы. Какая-то непреодолимая сила влечетъ меня смотрѣть на слезы народа, которому нечѣмъ помочь, потому что сердца богатыхъ и сильныхъ ожесточились до крайности, сдѣлавъ роскошь непремѣннымъ условіемъ своего существованія. Довольно же мнѣ выставлять на общественный судъ *безъимянныхъ* злодѣевъ, на которыхъ нѣтъ возможности указывать пальцемъ передъ глазами людей благородныхъ! Разскажу развѣ фактъ обскурантизма, превосходящій всякое вѣроятіе. Онъ, по своей дикости и величію изувѣрства, будетъ здѣсь то, что̀ въ концертѣ финалъ, въ которомъ оркестръ, собравъ всѣ свои громоносныя средства, приводитъ въ трепетъ нервы слушателя и заставляетъ его ждать, какъ радости, послѣдней ноты. Замолчавъ наконецъ объ ужасахъ разврата умовъ и сердецъ человѣческихъ, я надѣюсь одолжить читателя больше, чѣмъ самимъ повѣствованіемъ.

Заѣзжаю въ одинъ монастырь, пріобрѣтаю подаяніемъ на молитвы дружбу престарѣлаго отшельника, освѣдомляюсь о книгахъ, составляющихъ наслѣдіе монастыря послѣ смиренныхъ старинныхъ трудолюбцевъ, и получаю простодушный и спокойный отвѣтъ:

— Были, точно были книги, и пропасть ихъ лежала грудами на хорахъ. Знаете, въ этомъ краю когда-то водились паписты и уніяты, такъ они много оставили послѣ себя всякихъ рукописей, а что̀ за рукописи такія, Богъ ихъ знаетъ. Самъ я тѣхъ книгъ не читалъ, да и никто у насъ не прочелъ бы. Иное написано Богъ знаетъ покаковски, а иное хоть и понашему, да не при насъ писано: крючки да титлы, и не разберешь, что̀ оно такое. А картинокъ много было, и буквы фигурныя, всѣ кистью раздѣлано и красками, да на что̀ оно? Пустой трудъ! Мало, видно, было въ старину прилежанія къ благочестію, а больше къ

суетѣ міра сего. Хоть бы вотъ и переплеты: всё кожа да золото; вѣдь оно денегъ стоило, а на что́ оно монастырю? Книги совсѣмъ не церковныя, а Богъ знаетъ какія. Не годилось бы такихъ и держать въ монастырѣ. Только мѣсто занимаютъ. Набралось ихъ сотъ до пяти... куда съ ними дѣваться? Вотъ покойный настоятель и говоритъ мнѣ: »Что́ намъ, отецъ казначей, дѣлать съ этими книгами? на что́ они намъ? Продать бы ихъ съ разрѣшенія владыки«.— »А кто ихъ купитъ?« говорю я. »Кому охота читать старыя книги, когда есть новыя?« — »Найдутся, братъ«, говоритъ отецъ настоятель: »есть много людей, которымъ нечего дѣлать. А вотъ въ чемъ искушеніе: что́ въ нихъ написано? Мы съ тобой, съ нашими глазами, не разберемъ, да и младшая братія едва ли съумѣетъ... вѣдь пробовали же, и только картинки повырвали. Ты, братъ, смотри,« говоритъ мнѣ, все-таки настоятель, »по кельямъ не позволяй наклеивать этой пустоши, чтобъ не вышло какого окаянства. А сжечь бы эти проклятыя книги. Вѣдь въ нихъ — чего добраго? — что-нибудь найдется и въ осужденіе нашей вѣры! Паписты, унія, — все это гнѣздилось тутъ съ своими училищами, — вотъ и книгъ наплодили. Не повѣрю я«, говоритъ, »чтобъ благочестивая душа занималась такимъ маранъемъ. Суета мірская, какъ у всѣхъ этихъ католиковъ, не здѣсь будь они помянуты!« Такъ говорилъ отецъ настоятель, да и самъ я такъ думаю.

— Ну, что́ же вы сдѣлали съ книгами? спросилъ я, стараясь владѣть собой и предвидя его отвѣтъ.

— Что́ же? мы подумали, подумали: продавать ихъ нѣкому, да еще пожалуй распространится ересь латинская... Богъ знаетъ, что́ въ тѣхъ книгахъ написано! Такъ мы и рѣшили съ отцемъ настоятелемъ: такъ какъ въ описи монастырскаго имущества онѣ, за негодностью, не показаны, то сжечь ихъ, во избѣжаніе всякаго грѣха.

— И вы сожгли ихъ? вскричалъ я, какъ актеръ на театрѣ. (Въ воображеніи моемъ представились лѣтописи и записки современниковъ. Богъ знаетъ какихъ вѣковъ.)

— Да что́ же? Разумѣется сожгли! отвѣчалъ спокойно инокъ. — Двѣ зимы топили печи этими окаянными книгами. Я себѣ только защепки отрывалъ (1).

1857, октября 18. Петербургъ.

П. Кулишъ.

(1) Не могу не прибавить, что въ одномъ древнемъ монастырѣ велѣно привести въ порядокъ старинныя книги и рукописи и составить имъ опись. Библіотекарь исполнилъ дѣло по крайнему своему разумѣнію: которыя книги и рукописи не имѣли заглавныхъ листовъ, или въ которыхъ не подъ силу было ему разобрать и понять заглавіе, онъ всѣ сжегъ, для порядка.

ПАНЯНОЧЦІ.

Паня́ночко-коха́ночко,
Мій рожевий квіте!
Чомъ не хо́чешъ, паня́ночко
Ді́лечка роби́ти?
Ти розу́мна, паня́ночко,—
На добро́ й труди́ся!—
Изъ се́страми изъ ме́ншими
Ро́зумомъ ділися! —
Хай на зе́млю со́нце сяе—
Пра́вда въ світі бу́де,
Хай и крепаки познаютъ,
Що и вони — люде!
»Якъ же мо́жна, щобъ я таку́
Робо́ту роби́ла?!
Щобъ я літа молоди́
Свої загуби́ла?
Щобъ я свою́ голо́воньку
Па́ньску натруди́ла,
За чо́рною робо́тою
Ру́чки потоми́ла?
Дала́ міні ма́ти вро́ду
И ка́рії о́чи
Не на те́е, щобъ страти́ла
Я свій вікъ дівочий.«
Паня́ночко-коха́ночко!—
Нігде правди діти—
Таки́хъ якъ ти намъ не треба
На Бо́жому світі...

Миколайчикъ Білокопитий.

Ой квіто́чокъ під'ъ росою нагина́етця —
Дівчи́нонька надъ козако́мъ насміха́етця:
—Шкода́ тобі, коза́ченьку, залиця́тися!—
Намъ зъ тобою, мое се́рце, не побра́тися.

Геть-геть да́лій, коза́ченьку, одчепи́сь
И до мене́ молодо́і не горни́сь!
Бо я зроду недо́людівъ не люблю́ —
Свого́ віку за тобо́ю не згублю́...

Въ ме́не душа́ украі́нська,
Щире серце въ гру́дяхъ —
Міні щи́рий украі́нець
Й дружи́ною бу́де;
Бо я — дочка́ Украіни
И не забува́ю
Свою ма́тіръ: щи́римъ се́рдемъ
Ії поважаю;
А ти, се́рце-козаченьку,
Хочъ ти й лю́бий й ми́лий,
Забувъ-еси́ свою ма́тіръ.
Орле сизокри́лий!
Ма́ти плаче — въ тебе́-жъ се́рце!
Не сто́гне, не бье́тця
И до не́і щи́римъ сло́вомъ
Воно́ не озве́тця.
Не помо́жешъ, не пора́дишъ
Ти ма́тіръ стару́ю, —
Ти не лю́бишъ, не шану́ешъ
Правдоньку святу́ю.
Геть-же, геть-же, коза́ченьку,
Геть, моє́ кохання!
Шко́да, се́рце! — ма́рне буде
Твое залиця́ння.«

Миколайчикъ Білокопитий

РУСИНСЬКЕ ВЕСІЛЛЯ

НАДЪ ЗБРУЧЕМЪ.

I.

Якъ нагля́дить па́рубокъ собі дівку, съ котро́ю мавъ би одружи́тись, то посила́е до не́і кого-не́будь, щобъ дозна́тись, яка́ ду́мка въ не́і и въ іі ба́тька й ма́тері. Се зве́тця: »посла́въ люде́й« або по́-просту: »післа́вся до не́і.« Коли́ тамъ ёму́ ра́ді, то одка́жуть: »прихо́дьте, прихо́дьте, я́кось-то бу́де.« Коли́ жъ не ра́ді, то ка́жуть: »неха́й вамъ Богъ дае́ зъ одніе́і сторони́, а намъ зъ дру́гоі«, або́ и́нше якъ-не́будь.

Парубо́цтво чутке́ въ селі на́ такі по́силки, и коли́ па́рубокъ котри́й, підісла́вшись де-не́будь нерозва́жно, вхо́пить гарбуза́, або́ якъ тамъ ка́жуть: »макогінъ обли́же«, то такъ и знай, що ёму́ безпремінно до ра́нку ви́строять здорове́нний макогінъ изъ соло́ми на грома́дьску потіху, що, мовъ, не »въ свое́ встря́въ.«

---

(1) Изъ книжки: »Народниі звича́і и обря́ди знадъ Збру́ча. Опи́сані Игна́томъ Галько́мъ. Часть пе́рва. Львовъ, 1861.« Д-й Галько́ ка́же, що ті наро́дні звича́і, що вінъ опи́суе, ба́чивъ вінъ по-надъ річкою Збру́чемъ, у трёхъ невели́чкихъ се́лахъ: Дудкі́вці, Раштівці и Соро́ці. Тутъ, ка́же, убрання міша́етця: *до́вгі опончі зъ чо́рними сіряка́ми.* Тимъ спо́собомъ Підгіръя и Попи́зья подаю́ть ту́та одно́ дру́гому все, що въ нихъ зъ да́вніхъ даве́нъ зоста́лося ру́ськихъ непору́шенихъ звича́івъ.

Пе́вне діло, що надъ весі́льні звича́і и пісні́ нема́е въ по́биті наро́днёму нічо́го давнійшого. Одна́кові жъ вони́ у Га́лицькихъ Русняківъ и въ насъ Украі́нцівъ, — вся́ке неха́й вбача́е. Хто жъ тепе́ръ ска́же, що сі наро́ди не рі́дні міжъ се́бе? Неха́й Поляки́ й Ні́мці скі́льки хо́чуть пи́шуть, що Галича́не — іхъ одріддя, іхъ пере́вертні, іхъ да́вній наща́докъ. Одна́ мо́ва, одні пісні́, одні звича́і въ обо́хъ наро́дівъ тільки того́ не вда́рять, хто мо́ви народнеі не зна́е, пісе́нь не слу́хае, звичаями горду́е. *Ред.*

Коли́ ра́ді посланцéві, то ввéчері берé пáрубокъ квáрту горілки въ кишéню и, пора́дившись зъ ста́ростою про *власти́ве сло́во*, запива́е зъ нимъ могори́чъ. Се звéтця *Сло́вини*.

II.

Самé жъ весілля справля́ють у неділю. Въ четвéръ передъ тіéю неділею, въ котру́ ма́е бу́ти весілля, просва́тана дівчи́на, що почáвши одъ сло́винъ звéтця *княги́нею* и одяга́етця въ праздникóву одéжу, особли́во жъ гóлову убира́е квіткáми и стрічкáми, що аж по плéчахъ спускáютця, прибира́е собі дружку и піддружку, идé зъ ни́ми за барвінкомъ на вінки́ и, нарва́вши єго́ скільки тре́ба, кли́че до сéбе скільки спромóже дівча́ть на *вінкоплéтини*. Вінкоплéтини справля́ють увéчері. Молоди́й князь зъ дружкою и съ піддружкою и зъ музи́ками прийде туди́ жъ.

Вінóкъ для княги́ні плету́ть *на косінці* съ пря́дива, а для кня́зя — або́ тежъ на такій са́мій *косінці*, або́ жъ вишива́ють изъ сами́хъ листóчківъ барвінковихъ на *пліті* соло́мяній, яку́ беру́ть для брилівъ.

На тихъ *вінкоплéтинахъ* княги́ня позаса́жуе дівча́ть круго́мъ сто́лу, а сама́ садови́тця де-нéбудь окрóме; а князь изъ дружкáми и музи́ками садови́тця коло порóгу. Дру́жка берé *косінку*, шо княги́ні до вінка́, и квіточку барвінку, що посипаний лежи́ть на столі, и »благослови́тця до отця́ и до ма́тери«, то бачъ — ка́же три́чі: »прошу́, пано́тче, поблагослови́ти.« Ба́тько тежъ три́чі одповіда́е: »нехáй Богъ благослови́ть.« Такъ са́мо и до ма́тери: »прошу́, пані-ма́тко, благослови́ти«, до трёхъ разъ, прика́зуючи: »по пе́рший разъ«, »повто́рне«, »по-тройці.« Ма́ти одновіда́е дру́зці такъ са́мо, якъ и ба́тько.

Тоді дру́жка прива́зую оцю́ благослове́нну квітку до косінки и покладае цей отта́къ почáтий вінóкъ на столі, а доплітáють єго́ вже дівча́та, що сидя́ть поза столóмъ, співáючи:

1. Благослови́, Бо́женьку!
Благослови́, Бо́женьку,
Та й ти, рідний ба́теньку,
Своéму дитя́тку (2)
Вінóчокъ сплітáти.
Благослови́, Бо́женьку, (2)
Та й ти, рідна ма́тінко,
Своéму дитя́тку, *и дáлі.*
Благослови́, Бо́женьку,

И ти, рідний ба́теньку,
Та й ти, Божая Ма́ти,
Будешъ намъ помага́ти
Віно́чокъ сплітáти.

2. Зъ зіми́ на ве́сну похо́дить,
Ива́нко горо́дець горо́дить,
До нёго Мари́ня вихо́дить:
»Городи́, Ива́ню, горо́дець,
Бу́демо сади́ли барвінець,
То тобі, то міні́ на вінець.«
Ой ско́чила Мари́сенька въ горо́дець,
А за не́ю Ива́нко моло́дець;
Ой ско́чила Мари́ня на хви́льку,
Нарізала запа́ску барвінку, —
Тілько то еі присівку.

3. Зацвіли́ фия́лочки, зацвіли́,
Всю го́ру круту́ю окри́ли,
Ино сте́женька мале́нька,
Куда́ ходи́ла Мари́ся молоде́нька,
За не́ю ба́тенько слідо́ю.
»Не ходи́, ба́теньку, за мно́ю:
Не ма́ю я пора́доньки съ тобо́ю.«
Зацвіли́ фия́лочки, зацвіли́,
Всю го́ру круту́ю окри́ли;
Ино сте́женька мале́нька,
Куда́ ходи́ла Мари́ся молоде́нька,
За не́ю ма́тінка слідо́ю—*и впъять такъ.*
Зацвіли́ фия́лочки, зацвіли́,
Всю го́ру круту́ю окри́ли,
Ино сте́женька мане́нька,
Куди́ ходи́ла Мари́ся молоде́нька,
За не́ю Ива́нё слідо́ю.
»Ходи́, ходи́, Ива́ню, за мно́ю:
Ма́ю я пора́доньку съ тобо́ю.«

4. Ви́йся, віно́чку, гла́дко, (2)
Якъ черво́не я́блко:
Підемо ме́жи лю́ди,
На́ша сла́вонька бу́де.

5. Де ти, барвінку, рісъ, рісъ,
Що таки́й кра́сний ви́рісъ?
Я въ лісі при керни́ці,
При студе́ній води́ці;
Мене́ вода́ підходи́ла,
Мене́ вона́ холоди́ла;
Прийшо́въ часъ-годи́нонька, —
Ви́різала кияги́нонька,
Молодая Мари́сенька.

Доплітáючи вінкá княгúні, дівчáта співáють:

6. Летíла сорóка, чичéче,
Сíла сі на стóликъ, щебéче:
Вплелú-сьмо вінóчокъ и вдáтний,
Вже тобí, Марúсю, остáтний.
Ой встань, Марúсю, не сидú,
На свій ся вінóчокъ подивú.
Вплелú-сьмо вінóчокъ и вдáтний,
Вже тобí, Марúсю, остáтний.

7. Казáвъ-есь, бáтеньку, не дась мя,
А тепéръ кáжешъ, віддáсь мя.
На щó я вінóчокъ той плелá,
Колú въ нímъ не бýду ходúла?
Постáвлю въ свíтлоньці — зіяне,
Пущý на Дунáй — попли́не,
Ой вже моé панянство загúне.

8. Ой по горі полонúченьки, —
Моі любі вечернúченьки!
Вжежъ бо мі на васъ не ходítоньки,
Съ панянками не дружítоньки!
Чи я зíлю не вгодúла,
Щобъ въ вінóчну не ходúла?
Ой вже жъ бо я та й не вгóджу,
Якъ той вінóчокъ схóджу.

9. Просúла Марúсенька дівочóкъ,
Щоби íй вплелú вінóчокъ
А въ субóтоньку на хвúльку,
А въ неділеньку всю днúнку,
А въ понеділокъ скинь вінóкъ
Зъ золотúми бúндочками на кілóкъ.

Уплівши вінóкъ для княгúні, берýтця плестú дрýгий для кня́зя, и співáють:

10. А вчóра зъ вéчера папорóшенька впáла, (2)
А въ опівночи дрóбенъ дóщикъ пішóвъ,
А переді днемъ водá зілля забрáла —
Съ чóго жъ ми бýдемъ кня́зеві вінéць плелú?
Ой е въ горóдці хрещáстний барвінокъ,
Съ тóго ми бýдемъ кня́зеві вінóкъ плелú.

11. Ой е въ лýзі калúна, (2)
Білимъ цвітомъ зацвілá.
Пішлú íї дружкú рвáти, (2)
Не далáся ламáти;
Ажъ пішлá Марúсенька,
Нарвáла, наламáла
Та и внеслá до свíтлоньки
Межe крáсниі дівоньки.

12. Една́ була́ топо́ленька въ тімъ саду́,
Една́ була́ Мари́сенька въ тімъ дому́.
Бу́йнії вітри віяли,
Съ топо́лі ли́стя не звіяли,
Ажъ схо́довий ві́теръ повіявъ,
Съ топо́лі ли́стячко звіявъ.

Една́ була́ топо́ленька въ тімъ саду́,
Една́ була́ Мари́сенька въ тімъ дому́.
Всі хло́пці на ню́ю вважа́ли,
Но Мари́сеньки не взя́ли,
А Ива́сенько якъ нава́живъ,
Та й Мари́сеньку собі взявъ.

13. Ой ходи́ла Мари́сенька по саду́,
Та сади́ла садъ-виногра́дъ до ряду́,
Полива́ла го сито́ю,
Проси́ла ба́тенька просьбо́ю:
»Запира́й, ба́теньку, ворі́тця,
Не пуска́й Ива́сенька моло́дця,
Бо прии́де Ива́сенько зъ боя́рами,
Та й ви́топче садъ-виногра́дъ ко́никами.

14. Ой по-пі́дъ лісо́къ, лісо́къ
Припа́въ дрібне́нький сніжо́къ.
Мари́ня походи́ла,
Слідо́ньки поробы́ла.
Засіли на ню́ю ловці —
Раштове́цкиі хло́пці,
Ко́ники потоми́ли —
Мари́ні не злови́ли.

Ой по-пі́дъ лісо́къ, лісо́къ
Припа́въ дрібне́нький сніжо́къ.
Мари́ня походи́ла,
Слідо́ньки поробы́ла.
Засіли на ню́ю ловці —
Дубкове́цькиі хло́пці,
И ко́никівъ не втоми́ли,
И Мари́ню излови́ли.

Доплі́та́ючи вінка́ кня́зеві, співа́ють:

15. Да́йся, Ива́ню, чу́ти,
Не хтять ся вінки ви́ти
Безъ ме́ду, безъ горілки,
Безъ Мари́сеньки дівки.

Тоді молоди́й дба́е про *поче́сну* для дівча́тъ, оддаючи́ за-для сёго *дру́жбі* своє́му пля́шку горілки. Дру́жба пъе до дру́жки, дру́жка до

молодóі, а одъ молодóі чáрка йде по всіхъ дівчáтахъ, а дівчáта въ той часъ, якъ іхъ частýють, прикладáють дружбі прикладкú, співáючи:

16. Дрýжба ножá не мáе, (2)
Намъ хлíба не вкрáе;
Дáйте му колодачá,
Най намъ вкрáе калачá.

Та знóву, пíсля посúлку, прикладáють друзі:

17. Булó щó істи-пúти, (2)
Нíкому припроси́ти:
Марúсенька молоде́нька,
Дрýжечка пишне́нька.
Не дивýйтеся томý:
Не дрýжчила нікóму;
Пе́рший ся разъ придалó,
И то ся не вдалó.

Якъ почастýють усіхъ, то дрýжка берé вінóкъ и кладé княги́ні на гóлову, а дрýжба трóхи зъ нéю потанцю́е. Пóтімъ дрýжба сплітáе другúй вінóкъ, и всі дівчáта по чéрзі кладýть ёго́ собі на хвилúну на гóлову; пóтімъ кладýть обúдва вінкú рáзомъ на два буханці хліба, на столі, и такъ лежáть уже́ вінкú ажъ до субóти. Дівчáта вихóдять зза стóлу, співáючи:

18. На двíръ танцювáти, (2)
Дрýжбоньки оглядáти.
Чи въ сúніхъ сукмáнахъ,
Чи въ жóвтихъ чоботáхъ,
Чи висóкі підкóви,
Чи не кривí нóги?

Перетанцювáвши два тáнці, розіхóдятця по домівкахъ.

III.

Въ пя́тницю ввéчері бувáють »зарýчини«. Заручáютця обóе молоді, при сёму бувáе и рідъ молодóго и молодóі. Рóдичі молодóго и молодóі, и сáмі молоді, зібрáвшись докýпи, рáзомъ усі кладýть прáву рýку на одну́ велúку кýпу; тоді стáроста обвя́зуе іхъ усіхъ рушникóмъ, прикáзуючи: »цей gудзь вя́жетця вже не на рікъ и не на два, а на цілий вікъ; хто ёго́ розвя́же, мýсить заплатúти велúку пéню: 100 золотúхъ дасть на кóрчму, а три крайцáрі на цéркву.«

У сихъ словáхъ трéба зрозуміти те, що хто зневажáе зарýчинами, той бýде нечéсно жúти; отъ, приміромъ, вікъ свій проведé у пъянстві, забýвши й Бóга.

На зарýчинахъ рóдичі молодóго и молодóі, по спромóжності и дóбрій лáсці своій, обрікáють молодятамъ подарýнки, хто худóбою, хто пашнéю, абó дрýгимъ чимъ. Княгúня тежъ, по зажúтку свогó бáтька и мáтері, на пáмятку даé своімъ товáришкамъ-дівчáтамъ невелúчкі білі рушникú; а вонú такъ співáють при сёмý ділі:

19. Ой вже, Марúню, по зарýчинахъ!
Погадáй тепéръ собі:
За чужóі мáтіноньки
Сніданенька не бýде,
Обідець — підъ полýдня;
Но обідъ на стілъ даю́ть —
Марúню висилáють:
Иди, Марúню, по вóду
До широ́кого бро́ду.
Ніжъ Марúня съ водóв прийшлá,
Вже й вечéря відійшлá.
Тепéръ, Марúню, помúй мискú
И цінóвиі лижкú,
И точéниі тарéлі,
Не стáло ті вечéрі!
Тілко я й вечéряла —
Де стáла, заплáкала. (1)

IV.

Въ субóту, колú мóжна, бувáють »пóминки по покійникахъ« . Обóе молоді зо всéю своéю дружúною йдýть до спóвіді, а пóтімъ зъ цéркви обóе повертáютця до-дóму. Тутъ до іхъ збірáютця рóдичі, и бувáе обідъ. Пíсля обідá молодúхъ »виряжáють на селó прохáти на весілля« . У молодóі се рóбитця тáкички:

Насампéредъ трéба сказáти, що въ субóту вже збірáють увéсь весільний причéтъ обóхъ молодúхъ, — молодúй підбірáе двохъ »свахъ и світúлку« , молодá — тежъ двохъ »свахъ« , та ще »брáта« , або »дівóчого дружбу.« Свáхами бувáють молодúці изъ рідні, такъ сáмо й світúлка и братъ изъ рідні, світúлка — дівка, а той — пáрубокъ. Воно́ повúнна бъ бýти сві-

(1) Сі зарýчини бувáють у Крегýльці, за дві мúлі дáлі, де лю́де хóдять уже чúсто въ самúхъ чóрнихъ сірякáхъ.

ти́лкою рі́дна сестра́ молодо́го, а »дівочимъ дру́жбою« — рідний братъ молодо́і. Мо́жна се ба́чити въ то́му, що́ вони́ ма́ють робити́ на весіллі. Коли́ жъ у молодо́го нема́е сестри́, що вміла бъ світи́лкою бу́ти, а въ молодо́і нема́е тако́го бра́та, то тре́ба тільки, щобъ світи́лка и дівочий дру́жба були́ изъ рідні́, хоча́ й не бли́зькоі.

По обі́ді въ суббо́ту княги́ня йде до комо́ри, а коли́ нема́е комо́ри при ха́ті, то до сіне́й; дівочий дру́жба за не́ю.

Тоді дружки́ зъ и́ншими дівча́тами почина́ють співа́ти:

20. Да́йте намъ стільця́,
Щіточки й гребінця́, —
Да́йте намъ й кожу́ха,
Неха́й ся́де молоду́ха
Ко́су ро́су (1) чеса́ти,
На село́ виправля́ти.

21. Зза гори́ со́ненько, зза гори́,
Ви́веди, бра́тчику, сестру́ зъ комо́ри,
Посади́ її на стіле́ць,
Дай намъ щітку, гребіне́ць,
Ко́су ро́су чеса́ти,
На село́ виправля́ти.

Тимъ ча́сомъ дівочий дру́жба приво́дить княги́ню до світли́ці, садови́ть її на стіле́ць, накри́тий ви́вернутимъ кожу́хомъ, шука́е *гребінця́* и *щітки*, що не́ю пря́діво (куде́лицю) счісують, а дівча́та співа́ють:

22. Посади́въ братъ сестру́ на стіле́ць,
Самъ поіхалъ до Черне́ць (2)
Купува́ти щітку й гребіне́ць,
Розчеса́ти ко́су ро́су під вине́ць.

По́тімъ дру́жба підхо́дить вже зъ гребінце́мъ, щіткою й но́жикомъ, и благослови́тця до оцця́ й ма́тері »разъ, вдру́ге, втре́те« ти́ми слова́ми: »Прошу́, пано́че, благослове́ния«, а до ма́тери: »пані́ма́тко«. На те обо́е вони́ такъ одка́зують: »неха́й Богъ благослови́ть«. Тоді дру́жба розрізае но́жикомъ за́плітки у коси́ и відхо́дить, а дружку́ роспліта́ють ко́су, співа́ючи:

23. Благослови́, Бо́женьку
И оте́ць и ма́ти,
Своє́му дитя́ті
Ко́су розпліта́ти.

---

(1) Ру́су. — (2) Або́ *Німець*.

24. Де твої, Мари́сенько, ковалі,
Що твою́ ко́соньку кува́ли? —
Неха́й же при́йдуть, розкую́ть,
Неха́й сі срі́бро-зло́то забері́ть.

25. Ой про́со, про́со волотя́!
Ой ко́со ро́со, жаль мі тя:
Не рі́къ я тебе́ плека́ла,
Молоди́мъ бо́рщикомъ змива́ла,
Шовко́вовь ху́сточковь стера́ла,

Золоти́мъ гребінце́мъ чеса́ла,
Бу́дучи въ мі́сті, шпиля́ла,
Идучи попідъ гай, маі́ла,
Тож-емъ тя, ко́сонько, строіла!

Роспліви́ши ко́су, дівча́та співа́ють тако́і:

26. Приступи́, ба́теньку, къ мені,
Розчеши́ ко́сокьку мені
Бі́лими рученька́ми,
Дрібними слізонька́ми:
Ле́гкиі ру́ченьки твоі
При голо́вонъці моій.

Се́і са́моі співа́ють зно́въ ма́тері и всій роди́ні до са́мого найме́ншого. Подаю́ть імъ по че́рзі гребіне́ць, и ко́жне підступи́вши, пово́дить три́чі гребінце́мъ надъ голово́ю книги́ні, по́тімъ цілу́е ії въ лобъ, а вона́ ёму́ оби́дві ру́ки. За ду́шу забіра́е сей звича́й, и безъ вели́кого плачу́ не обхо́дитця.

Навчи́ся́ дру́жка гла́дко росчі́суе ко́су гребінце́мъ и щіткою, и обва́зуе молодій го́лову *гарасі́вкою*. Тимъ ча́сомъ дівча́та співа́ють:

27. Підъ вікно́мъ те́ренъ те́шуть,
А въ ха́ті ко́су че́шуть.
Підъ вікно́мъ чере́шенька;
Підъ не́ю Мари́сенька
Ко́су ро́су чеса́ла,
Ба́тенька прикли́ка́ла:
»Ба́теньку голу́бочку,
Розчеши́ мі ко́сочку.
— Е въ те́бе дру́жечка,
Найві́рні́ша слу́жечка,
У не́і ру́ченьки бі́лі
До голо́воньки твоій.

Ма́ти бере́ вінокъ, благослови́тця до ста́рости »разъ«, »вдру́ге«, »втре́те«, ка́жучи: »прошу́, па́не ста́росто, благослови́ти«, и якъ одка-

же вінъ тричі: »нехай Богъ благословить«, цілує мати голову княгині зъ обохъ боківъ и чоло, и накладае на неі вінокъ. Княгиня цілує обидві руки матері, потімъ дружка пришивае ій на голові вінокъ до *гарасівки*, щобъ вінъ не спавъ зъ голови, якъ стане вона проха́ти благословення, а дівчата співають:

28. Ой чи огонь, чи поломінь палае?
На Марисоньці золотий вінець сияе:
Тож-то, Марисю, ладний,
Тож-то, Марисю, вдатний,
Але жъ бо й остатний!

Якъ приладнають дружки вінокъ на голові, тоді встае княгиня изъ стільця, а батько й мати — а коли е, то й дідъ и баба, — маючи кожне при собі два хліби, садовлятця наослони, покритімъ вивернутимъ кожухомъ. Тоді староста, держачи въ рукахъ, для почоту, палицю, становить молоду передъ ними и промовляе до іхъ до трёхъ разъ такъ: »Милий паноче! мила паніматко! ото стала передъ вами ваша дитина, якъ янголъ передъ Господемъ Богомъ. Вона мае перейти до стану жіночого и просить вашого родительского благословення. Може, ій довелось не одинъ разъ не послухати васъ и прогнівати непокірливимъ словомъ. Прошу для сёго по першому разу: простіть ій усе. Кому отець и мати на землі провину одпускають, тому и отець нашъ на небесахъ не памятае гріха. Для сёго прошу: простіть ій усе, благословіть ії щиро, побатьківськи та по материнському, та й въ щасливу годину вправіть на село.«

Тоді молода падае імъ у ноги; вони кладуть ій хлібъ на голову и благословляють: »нехай тебе Богъ благословить щастямъ, здоровъямъ, доброю долею и щасливимъ заробіткомъ, щобъ ти була, якъ оця святая земля.«

По третій мові, якъ мае молода втрете до нігъ вклонитися, дівчата співають знову:

29. Перший разъ, Марисенько, перший разъ,
Поклонися батенькові зо сто разъ:
Не рікъ тебе батенько годувавъ,
Ніжъ ся твого поклононьку дочекавъ.

Тее саме прикладують и до матери; потімъ, якъ почне молода кланятись родині и всімъ, хто е въ хаті и хто де стоіть, співають:

30. Грайте, музики, різко,
Кланяйся, Марию, низько
Отцеві, матіоньці,
Всій своій родиноньці
И найменшій дитиноньці.

Не еди́нъ ті ска́же:
Благосло́ви тя, Бо́же.

31. Чо́рная терни́нонька,
Мари́ся дити́нонька,
Низе́нько ся кланя́е,
На се́рцю жаль ма́е.

Приступа́йся близе́нько,
Кла́няйся, серде́нько,
Не еди́нъ ті ска́же:
Благослови́ тя, Бо́же.

При кінці тихъ покло́нівъ вихо́дять ба́тько й ма́ти, зъ двома́ хлібами и дрібко́мъ со́ли, а ма́ти ще й зъ свято́ю водо́ю, и становля́тця—ба́тько коло одно́го, а ма́ти коло дру́гого одвірка передъ ха́тою. Якъ скінча́ютця покло́ни, то й ста́роста вихо́дить до сіне́й, а дру́жба дівочий провожа́е молоду́ зъ дружка́ми на село́. Підступи́вши до ха́тніхъ двере́й, молода́ благослови́тця у ста́рости три́чі, а навпісля́ вінъ выво́дить въ две́ряхъ ша́пкою хрестъ, ка́жучи: »самъ Христе́ Бо́же, благослови́ васъ«, и вихо́дить до сіне́й, а за нимъ молода́, дру́жка и оста́тні. Коло сіне́шнихъ двере́й зно́ву три́чі благослови́тця у ста́рости, и напослідокъ вихо́дить на двіръ, прохо́дючи поміжъ ба́тькомъ, ма́тіръю, що стоя́ть съ хлібомъ коло одвірківъ. За нимъ и молодо́ю вихо́дять на двіръ и дівча́та, співа́ючи:

32. Мари́сю ма́тінка роди́ла,
Місяцемъ городи́ла,
Со́ненькомъ вперезала,
На село́ виправля́ла.

Иди́, си́нку, въ щасли́ву годи́нку,
Испроси́ собі всю свою́ роди́нку,
Близьку́ю, дале́кую,
Вели́ку, мале́нькую.

Дру́жба зъ молодо́ю и дру́жками стаю́ть середъ дво́ру, ма́ти дае́ ёму́ оби́два свої буханьці, а сама́ зъ ба́тькомъ, що йде попе́реду съ хлібомъ и сіллю, обхо́дить іхъ и кро́пить свято́ю водою, а дівча́та тимъ ча́сомъ співа́ють:

33. Скропля́й насъ, ма́тіноньку,
Свяче́ною водо́ю,—
До́брою до́ленькою.

По́тімъ уже́ дру́жба, молода́ и дружки́ йду́ть на село́ прохати́—одъ ха́ти до ха́ти. Дру́жба йде тільки до тре́тёі ха́ти и, зоста́вивши тамъ хлібъ,

самъ вертáетця назáдъ. Дрýжка хóдить всю́ди попéреду и кáже: »прóсить молодá благословéння«, а самá молодá пáдае до нігъ и мóвить: »проси́ли васъ татýнё и мамýня, и я вáшеці прошý, бýдте ласкáві, прийдіть на весілля.« Піддрýжка нóсить зъ собóю зібрані подарýнки, найбільше — пря́діво.

У молодóго въ субóту після обідъ все те рóбитця, щó и въ молодóі, опрічъ росплітáння коси́. Молоди́й идé на селó безъ вінкá, тільки зъ одни́ми квіткáми барвінку; зъ нимъ идýть и оби́два дрýжби. Світи́лка, пóки ще щó, не мáе тутъ ніякоі робóти. Ні дівчáта, ні хлóпці не співáють у молодóго, самі тільки жінки́ зъ найбли́зчоі рідні.

V.

Пóки молоді сповідáютця, обідають и виряжáютця на селó проси́ти, одъ молодóго и молодóі йдýть по дві жінки-свáхи, ути́кавши собі гóлову галýзками зъ барвінку, и, хóдючи по всёму селі, напрóшують молоди́ць до »коровáю«, — одні напрóшують до мологóго, а дрýгі до молодóі. И якъ молоді вихóдять на селó проси́ти, тоді збіраю́тця молоди́ці, особли́во котрі зъ рідні, — одні до молодóго, дрýгі до молодóі, кóжна мáючи при собі подарýнки: котрá бóрошно несé, дрýга хлібъ, а и́нша кýрку до коровáю.

Мáти даé імъ звичáйно пшени́шноі *питлёваноі* муки́. Вони́ благословля́тця до стáрости, пóтімъ співáють:

34. Благослови́, Бóженьку,

И дáлі, такъ сáмо, якъ и при вінкоплéтинахъ, опрічъ тогó, що тутъ вже кáжуть: »коровáець міси́ти.« Після́ сіі, співáють такóі:

53. Свари́лася пшени́ченька съ коколёмъ на пóленьку:
Ой ти, чóрний кокóленьку!
Не стій ти на пóленьку,
Бо тебé за пліть вéргуть,
А зъ мéне коровáй плéщуть.

36. Голінáта мукý сіяла,
А ри́жа росчиня́ла,
А хорóша міси́ла.

Дáлі росчиня́ють коровáй, співáючи:

37. Ой ліскý, ліскý на піскý,
Ярая пшени́ченька у стіжкý.

Ми еі зготу́емо,
На корова́й спитлю́емо.

38. Журѝлася Марѝсенька (Ива́сенько),
Що не ма́е корова́ю.
Е надіе́нька въ Бо́зі,
Е пшени́ченька въ сто́зі,
Ми ії зготу́емо,
На весілля спитлю́емо.

39. Ви́йшла ма́ти на подві́ря,
Про́сить своіхъ сосідъ до се́бе:
Моі лю́бі сосідоньки, прійдіть-но до ме́не,
Бо тепе́ръ гара́здъ у ме́не.
Давъ мі ся Бігъ дожда́ти
Дитя́тко згодува́ти,
До до́брихъ люде́й да́ти.

Въ суботоньку зъ полу́денька годи́на,
Зъіхалася вся Марѝсина роди́на,
Звезла́, снесла́ сімъ кірцівъ муки́ на корова́й.
Ми́лий Бо́же, вели́кий нашъ бу́де корова́й.

Ище́ співа́ють: »сімъ фа́сокъ ма́сла, сімъ бербениць си́ру, сімъ кіпъ яе́ць.« Місячи, співа́ють:

40. Проси́ Бо́га, Марѝсенько (Ива́сеньку),
Щобъ Богъ давъ,
Щобъ ті ся корова́й вдавъ:
Якъ день бі́лий,
Якъ Богъ ми́лий,
Якъ я́снее со́ненько,
Що свѣтить въ вико́ненько.

По́тімъ вироблю́ють оди́нъ хлібъ таки́й здорове́нний, шобъ усю́ рі́дню́ було́ чимъ о́бділи́ти, и уквічують ёго́ якъ па́ску и наро́блюють невели́чкихъ кала́чиківъ до́вгихъ (гу́сочки) и кру́глихъ (корова́йчики), тежъ іхъ украшують, якъ и хлібъ; се вже на подару́нокъ сами́мъ почо́тнішимъ лю́дямъ въ грома́ді. Сёе ро́блючи, співа́ють:

41. Поідемо по-пі́дъ го́ри
Купува́ти підпо́ри —
Підпо́ри купува́ти,
Сто́женько підпера́ти.

Передъ ти́мъ, якъ сажа́ти въ пічъ, ки́дають пе́рше въ пічъ дві бала́бушечки и співа́ють:

42. Корова́йная па́ра
Въ пічъ заглядала́,
По при́пічку гра́ла —
Чи бу́де нашъ корова́й кра́сний?

Сажа́ючи въ пічъ сами́й корова́й, співа́ютъ:

43. Нашъ пьецъ (¹) тарахко́че,
Та чого́ жъ бо вінъ хо́че?
Корова́ю ма́сного
И дру́жбоньки кра́сного.

44. Да́йте намъ ру́ки вми́ти,
Горілки ся напи́ти.
Завдали́-сте намъ робо́ту,
Покажіть же намъ охо́ту.

45. Захо́дять насъ вісти:
Хотя́ть намъ да́ти істи —
Пшени́чні калачі
Поста́влено на столі.

Тоді садовля́ть іхъ по-за стілъ и даю́ть імъ чого́-не́будь тро́хи перекуси́ти (си́ру съ хлібомъ, або́-що), а вони́, підживи́вшися, співа́ють:

46. Де ста́роста дівочий?
Покажи́ свої о́чі;
Неха́й ми зна́емъ,
Кого́ ста́ростовь зва́ти ма́емъ.

47. Нашъ ста́роста вда́вся:
Сімъ лі́тъ не вмива́вся —
Взяла́ го сва́ха за бо́роду,
Та завела́ го во воду,
Піско́мъ те́рла, водо́вь ми́ла,
Чересло́мъ підголи́ла, за столо́мъ посади́ла.
Нашъ ста́роста зъ міста,
Ёму́ голова́ зъ тіста,
Зу́би зъ петру́шки,
Очі зъ чорну́шки,
А въ ли́цяхъ діри,
Повилізали щури.
Голова сніпка́ми вши́та,
Борода́ го́нтямъ поби́та,
А въ голові во́ші,
А въ бороді ми́ші;
Тре́ба гре́бінь купи́ти,
Та воші ви́бити,
Кота́ зловити,
И ми́ші ви́гнати.

Нашъ ста́роста якъ панъ,
На німъ си́ній жупа́нъ,
Ли́чкомъ підпереза́вся,
На всю бі́ду придава́вся.

(¹) Пічъ.

Нашъ ста́роста старе́нький,
Якъ го́лубъ сиве́нький.
А вдарь чо́ломъ,
А знай со́ромъ:
Ви́веди насъ зза стола́,
Не чини́ намъ сорома́.

Ста́роста, прийма́ючи жа́рти за-любки́, схо́плюетця зъ місця, промовля́ючи: »а прошу́ gре́чно, а прошу́!« и вивóдить молоди́ць по о́дній зза сто́лу, а вони́ співа́ють:

48. Ста́ростї ше́лягъ да́ти,
Щобъ насъ ви́вівъ зъ ха́ти.
Я бимъ му и два дала́,
Щобимъ зъ нимъ погуля́ла.

Тоді вони́ одна́ зъ одніе́ю, або́ изъ ста́ростою, погуля́ють тро́хи, скільки е слобо́дного ча́су; а тимъ ча́сомъ, якъ корова́й спікся, вийма́ють ёго́ и зно́ву співа́ють:

49. Де жъ ти бува́въ, нашъ го́стю корова́ю,
Що́жъ ти вида́въ, нашъ го́стю корова́ю?
Ой бува́въ же я та въ чистісенькімъ по́лю,
Ой вида́въ же я місяць надъ зоро́ю.

Молоди́ці ви́ймуть корова́й зъ пе́чі, а дру́жба стано́вить ёго́ на столі; тамъ вінъ и лежи́ть, ажъ по́ки почну́ть ёго́ кра́яти. Про се ска́жемо да́лі.

VI.

Тимъ ча́сомъ и молоді верта́ютця зъ села́. Підхо́дючи до до́му, співа́ють:

50. Прийшла́ Мари́ся зъ села́
Смутне́нька, не весе́ла.
Всі двори́ проходи́ла,
Слізоньки не вроні́ла,
Ажъ на ба́тенькївъ прийшла́,
Та й ста́ла, заду́мала,
Ревне́нько запла́кала:
»Ба́теньку-голу́боньку!
Не гнівайся на ме́не,
Щомъ ті хлібъ переіла.
Су́кнімъ ті походи́ла,
Въ робо́ті не вгоди́ла.

Ста́роста вихо́дить у сіни, дру́жка (а у молодого́—дру́жба) благосло-

ви́тця до ёго, якъ повóдитця, три́чі; пóтімъ, вступи́вши въ сіни, спі-ва́ють:

51. Дóбрий ве́чіръ, ма́ти,
А зъ сіне́й до ха́ти!
Чи гара́здъ ми зроби́ли,
Всю роди́ну спроси́ли,
Бли́зькую, дале́ку,
Вели́ку, мале́ньку?

Изъ ха́ти одспівують імъ сва́хи:

53. Гара́здъ, дети́нко, гараздъ.
Підешъ на пóсагъ за́разъ.

На ха́тнёму поро́зі зно́въ благословля́тця три́чі до ста́рости, и ввій-шóвши въ ха́ту, співа́ють дру́жки, або́ дру́жби:

53. Добри́й вечіръ тому́,
Хто е̨ въ тімъ дому́:
И старóму, и малóму,
И Бóгові святóму.

И віта́ютця зо всіми, а молода́, або́ молоди́й, и тутъ ще вклоня́ютця всімъ до самісінькúхъ нігъ.

VII.

Якъ тільки молоди́й пове́рне зъ села́, за́разъ посила́е до молодóі дружбъ своіхъ изъ подару́нками: ра́нтухъ, ху́стку и два кала́чики-гу́сочки. Дру́жби, три́чі поблагослови́вшись до ста́рости, йдуть съ ти́ми подару́н-ками до молодóі, співа́ючи доро́гою:

54. Вітре́ць повіва́е,
Дóщикъ покрапля́е,
Ива́нови дару́ночки якъ макъ процвіта́ють.
А зъ ру́точки дві квіточки, —
Будь, село́, весело, —
Подару́нки несемó
Одъ па́на молодóго до па́ні молодóі,
Бо ми слу́женьки ёго́.

Особли́во жъ сціва́ють сіéі пісні, якъ прúйдуть на двіръ до молодóі. Ста́роста молодóі, зачу́вши той го́лосъ, вихóдить въ сіни до посланцівъ, а молода́ зъ дружками й и́ншими дівча́тами мерщій сіда́ють за стілъ. Посланці три́чі благосло́вля́тця до ста́рости, вхóдять за нимъ у ха́ту и ві́ддаю́ть ёму́ подару́нки (да́ри), а дівча́та співа́ють за столóмъ:

55. Чере́зъ Дуна́й глибо́кий
Лежи́ть я́віръ широ́кий;
Ишо́въ черезъ нёго дру́жбонька.
Про́сить Бо́га дру́жечка,
Щобъ дру́жбонька не втону́въ,
Щобъ подару́ночківъ не згуби́въ.
Подару́ночки—рубо́чки,
За рутяни́і віно́чки.

Міськиі сино́чки
Принесли́ намъ подару́ночки.
Подару́нки відда́йте,
Са́ми ся сіда́йте.

Зпідъ зеле́ноі ви́шні,
Два (три [1]) боя́рчики ви́йшли.
Ввійшли́ вони́ до ха́ти,
Не уміли ся звіта́ти.
На ла́вці посіда́ли,
Зо́лотомъ осія́ли.

Ту́тички підхо́дять до іхъ дру́жка и піддру́жка, и сказа́вши: »про́симо на діво́чий віно́чокъ«, беру́ть у іхъ шапки́ до се́бе за стілъ, щобъ попришива́ти до шапо́къ невели́чкі барвінкові віно́чки, а въ сере́дину тихъ віно́чківъ вшива́етця черво́на би́ндочка (стрічечка,) зве́рнута якъ квіточка. При сёму співа́ють:

56 Ніякий дру́жбонька, ніякий,
Ма́е квіточку съ кла́ківъ.
Дру́жечка відрива́е, [2]
Зло́тисту пришива́е.

Чи не со́ромъ, дру́жбонько, не со́ромъ,
Іхати безъ по́ла безъ жучка́,
Стоя́ти въ світлоньці безъ шлячка́,
Безъ рутяно́го віно́чка? —

На́ша шва́чка зі Льво́ва
Приіхала учо́ра,
Привезла́ сі го́лку,
И ни́точку шо́вку
Пришива́ти квіточку
Зъ зеле́ного барвіночку,
Дру́жбові на ша́почку.

---

[1] Бува́е два, або́ й три боя́рчики; бо ча̀сомъ иде́ й тре́тій, що зве́тця »пи́сарь«, що запи́суе квате́ру для молодо́го. На дру́гий день, у неділю, якъ ідуть до шлю́бу, вінъ, бува̀е хорунжимъ (про се да́лі).

[2] Це про ті квіточки́ барвінкові, що зъ ни́ми дружби́ ходи́ли по селі проси́ти.

Пришúвши вінóчокъ, дрýжка за столóмъ надівáе дрýжбову шáпку и, взявшись у бóки, рóбить вихиляéи и вигýкуе, а дівчáта співáють:

57. Подивúся, дрýжбонько, на мéне:
Не крáщий я козáкъ відъ тéбе?
Я въ твоíмъ шлячкý-колпачкý
Та рутяннímъ вінóчку,

На свáтовій лáвці
Я въ дрýжбовій шáпці.
Тепéръ я мáю вóлю,
Дрýжбонько, надъ тобóю.

Шúхо, дрýжбонько, шúхо.
Не здýришъ дрýжбоньки тúхо.
Посягнú у кишéню,
Вúтягни грóшей жмéню,
Посúпъ на тарéлі.
Якъ на білому папéрі,
Вúкупи сі шáпку въ мéне.

Дóпче дрýжечка, дóпче,
Черевúчки вúдопче —
Дрýжба ся постáвить,
Черевúчки направúть.

Для дóвшої потíхи, дружкú звичáйно багáцько вимагáють одъ дружбъ за свої вінóчки, дрýжбі не разъ прихóдитця велúка бідá, якъ би то відкрутúтись одъ дівчáтъ такъ, щобъ и не багáцько заплатúти и сміхý зъ сéбе не наробúти. Тимъ чáсомъ, якъ дрýжка зъ дрýжбою змагáетця (передерáе), дівчáта співáють и дóбре-такú допікáють ёмý:

Я на тóе не дивлю́ся,
До стíнú обернýся —
До стíнú óченьками,
До дрýжбоньки плéченьками.

До Львóва дрýжечка ходúла,
За тáляра шóвку купúла,
За червóного волочки —
Пришúвати квíточкú.

Не кúдай мі трояка́:
Я не люблю́ дворака́.
Кинь менí шестачúска,
Бо я люблю́ простачúска.

Моя́ мáти не кітля́рочка,
Я не кітля́рчина дочка́.

Я кітлівъ не лата́ла,
Щобимъ по гро́шу бра́ла.

На що́ ся въ дру́жби бравъ,
Коли́ гро́шей не мавъ?
Було́ пітй молоти́ти,
Шістака́ сі заробйти —
Ша́почку ви́купити.

Нашъ піддру́жба хоро́шій,
Пожи́чъ дру́жбі гро́шей,
Бо нашъ дру́жба въ несла́ві,
Ёго́ ша́пка въ заста́ві.

Ви́лізъ дру́жба на ли́пу,
Потряса́е кали́ту —
Ще три кра́йцарі ма́е,
Изъ ними розмовля́е:
Що́ би зъ ни́ми зробйти?
Чи ша́пку ви́купити?
Чи тютюну́ купи́ти?
Чи горілки ви́пити?
Чи ся ожени́ти? —

Стоя́ть ко́ні коло пло́та
И про́сять околота;
Зъіли би и соло́му,—
Часъ, посла́нці, додо́му.

Гада́ли посли́ ночува́ти,
Чимъ ми іхъ бу́демъ годува́ти?
Зла́паемъ сову́ въ стодо́лі.
Зва́римо імъ въ росо́лі.
Чимъ ми імъ бу́демъ соли́ти?
Чимъ ми імъ бу́демъ перчи́ти?
Е мно́го кукблю на по́лю,
Е мно́го полену́ по селу́.
Кукблемъ бу́демъ соли́ти,
Поленомъ перчи́ти.

Дру́жбамъ поле́гшае, якъ повикупля́ють свої шапки́; тоді дава́ї вже вони́ й собі купи́ти зъ дівча́тъ (глузува́ти). Взя́вши у́гіль, або́ *опо́ку*, пи́шуть нимъ по бо́вдурі (ко́міні), або́ по сво́локу, помічаю́ть кватёру, де іхъ князь бу́де жи́ти; и тоді іхъ зъ ха́ти ви́женуть. Дружки́ зъ дівча́тами співаю́ть:

58. Приіхали комиса́рчики,
Зі Льво́ва писа́рчики,
Госпо́ду записа́ти,
Де ма́е коро́ль ста́ти,
Коро́ль-короле́нько,
Молоди́й Йване́нько.

На са́мий кіне́ць ста́роста дае́ дру́жбамъ подару́нки одъ молодо́і: соро́чку и віно́къ для молодо́го, та ще два кала́чики-гу́сочки на тарі́льці. Дівча́та співаю́ть:

59. Съ ха́ти, цига́ни, съ ха́ти —
Го́ді за насъ бреха́ти,
Вже́-сте ся набреха́ли —
Заки́м-сте да́ри відда́ли.

Дру́жби імъ одспі́вують:

Ми не цига́ни,
До́бре-смо заміня́ли:
За тоне́нький рубо́чокъ —
Рутя́ний віно́чокъ,
За шовко́ву ху́сточку —
Виши́вану соро́чку.

Дівча́та зно́ву імъ одспівують:

Що жъ то мі ва́ші да́ри —
Ранту́хи съ діра́ми!
А на́ша соро́чка
Съ тонко́го рубо́чка,
Съ Ту́рокъ ви́везена,
Шо́вкомъ мере́жена,
Га́фтомъ гафто́вана,
Въ тімъ до́му даро́вана.

Верта́ючись зъ подару́нками молодо́і, співа́ють тихъ са́михъ пісе́нь, що й пе́рше, якъ ишли́ зъ подару́нками молодо́го. Одміна бува́е, звісно, тільки въ тімъ, що спомина́ють въ пісні тихъ, до ко́го вона́ прихо́дитця; та ще співа́ють и сіе́і:

60. Ми́ла соро́чка, ми́ла!
Сама́ Мари́ня ши́ла
А въ новій світлоньці
При восковій свічоньці —
Білими рученька́ми,
Чо́рними оченька́ми, —
Коло я́сного со́нця-віко́нця,
Для Ива́ненька-моло́дця.

VIII.

Якъ обміня́ють подару́нки, у молодо́го и молодо́і бува́е »по́сагъ«. Покрива́ють ослінъ ви́вернутимъ кожу́хомъ, на ёму́ сіда́ють ба́ть-

ко й ма́ти, коли́ ще жи́ві — то й дідъ и ба́ба, ко́жне де́ржучи по два хліби для благослове́нія, такъ якъ и тоді, якъ висила́ли на село́ проха́ти.

Молода́ вихо́дить зъ дру́жбою — бра́томъ изъ ха́ти до комо́ри, або́ тільки до сіне́й; дівча́та співа́ють:

61. Ой кри́кнули гу́си-ле́беді на воді.—
Ой зоба́чили молоду́ Мари́сю на дворі.
Ой го́ді тобі, Мари́ню, гуля́ти,
Ой часъ тобі на поса́женьку сіда́ти.
Ой що́ жъ бо вамъ, гу́си-ле́беді, до то́го,
До мого́ поса́женьку сла́вного?
Е въ ме́не ба́тенько до то́го,
До мого́ поса́женьку славно́го.

62. Розто́чено, розволо́чено въ комо́рі,
А ще мі кра́щиі лённиі обру́си на столі,
Куда́ мі йшла́ молода́ Мари́ня на поса́гъ.

Дру́жба вво́дить молоду́ въ ха́ту — дівча́та співа́ють:

63. Ой летіла зозу́ленька черезъ садъ,
Ой кли́кала Мари́сеньку на поса́гъ.
Ой лети́ ти, зозу́ленько, за го́ру,
Закімъ я ся молоде́нькая зберу́,
Своє́му ся ба́тенькові поклоню́.

И тепе́рички тожъ вклоня́етця до нігъ, якъ и передъ ви́ходомъ на село́; ті са́мі співи заво́дять дівча́та, переміня́ючи слова́ такъ, що то́ молода́ въ дру́гий вже разъ кла́няетця и про́сить благослове́нія. Для сёго співа́ють:

Дру́гий разъ, Мари́сенько, дру́гий разъ,
Поклони́ся ба́тенькові зо сто разъ, *и далі якъ VI, 29 пісня.*

Якъ благословля́ть молоди́хъ усі, хто е въ ха́ті, дру́жба-братъ бере́ молоду́ и обво́дить ії три́чі поза столо́мъ, по лавка́хъ и ослоні; після тре́тёго ра́зу садови́ть ії за стілъ, — самъ сіда́ коло не́ї, а по дру́гий бікъ — дру́жки; и дру́гі дівча́та сіда́ють поза стілъ и співа́ють:

64. Братъ сестру́ за стілъ веде́,
Веде́ ії, веде́, научае:
»Се́стро моя́, коса́ твоя́ росче́сана,
Часъ тобі на поса́женьку сіда́ти.

65. Сіла Мари́ня на поса́женьку,
Якъ на ро́женці квітка;
Еі ба́тенько, еі рідне́нький,
Не мо́же ся на ню́ю надиви́ти.

»Мари́ню жъ моя́, дитя́тко жъ мое́,
То́ж-есь мі тепе́ръ ми́ла.«
— »Ой мій ба́теньку, мій голу́боньку!
Чи до́вго я бу́ду така́я?«
—»Бу́дешъ, дитя́тко, бу́дешъ,
Якъ у ме́не бу́дешъ;
А якъ підешъ відъ ме́не,
Спаде́ красота́ съ те́бе —
Зъ ли́ченька румя́ного,
Зо ста́ну панянського.«
—»Ой мій ба́теньку,
Си́вий голу́боньку!
Ні въ чімъ я ті не вгоди́ла:
Ні въ робо́тоньці,
Ні въ похо́доньці,
Ні въ по́лю, ні на ни́воньці.«

66. Ой сла́венъ, сла́венъ Мари́ненъ по́сагъ!
Ой по чімъ же вінъ такъ ду́же сла́венъ?
По всіхъ віконьцяхъ я́нгелі сидя́ть,
Янгелі сидя́ть, до́ленъку суда́ть.
А надо две́рьми самъ Госпо́дь стоіть,
Самъ Госпо́дь стоіть, кни́жочку чита́е,
Кни́жочку чита́е, до́ленъку розда́е,
До́ленъку розда́е, Мари́ню пита́е:
»Мари́ню дитя́тко, чия́ ліпша до́ленька,
Ой чи Бо́жая, чи ба́тенькова?«
—»Ліпша Бо́жая, якъ ба́тенькова:
Ба́тенько даé, та й вимовля́е,
А Госпо́дь даé, ще й причиня́е.«

67. Ой де ся дівъ, де ся подівъ
Мари́сеньки ба́тенько?
Ой чомъ не ввійде, ой чомъ не ввійде
До нові́ світлоньки?
Чомъ не присту́пить, чомъ не присту́пить
До тесо́вого стола́?
Чомъ не дару́е, чомъ не дару́е
Мари́сеньку на посазі?

68. Стань, ба́теньку, проти ме́не
Та напи́йся до ме́не
По́вною по́вненькою,
До́брою до́ленькою.
Часъ мене́ дарува́ти:
Присуди́ла Бо́жа ма́ти, —
Не вели́кимъ поса́гомъ,
А ща́стямъ, здоро́вьенькомъ.

На столі передъ молодо́ю стоїть корова́й, тарілка на гро́ші и горілка, щобъ частува́ти ти́хъ, хто прихо́дить ій дарува́ти, почáвши одъ ба́тька. За ба́тька на пісню свою́ одспівують самі собі дівча́та; а ба́тько, звича́йно, за тимъ, що́ ба́чить передъ собо́ю, ле́дві мо́же промовля́ти:

Я повне́ньког не випива́ю,
Ща́стя-до́лі не вгада́ю.
Обо́е-сте молоде́нькі,
Проси́ть Бо́га до́леньки,—
Чи́стої Пречи́стої,
Котра́ до́леньку роздає́
До́брую и лиху́ю
На че́лядь молоду́ю.
Стань, ма́тінко, про́ти ме́не, *и`да́лі.*

69. Дару́й мене́, роди́нонько,
Зъ ве́чера въ суботоньку;
Якъ я ся запомо́жу,
Одда́ти ті мо́жу.
Бу́ду ся гара́здъ ма́ти,—
Бу́ду ті дя́кувати.

70. Що́-то мі за доро́га
Одъ сто́лу до поро́га?
Роди́на видопта́ла,
Мари́ню дарува́ла.

71. Ско́чила Мари́ня на те́ренъ,
Махну́ла ху́сточковь напе́редъ:
Розступіться, роди́но,
Най мене́ дару́е чужи́на,
Не вели́кимъ да́ромъ-поса́гомъ,
А ща́стямъ, здо́ровъямъ за столо́мъ.

Парубка́мъ, що прихо́дять дарува́ти, співаю́ть:

72. Місяченько я́сний,
Андру́сенько кра́сний,
Що ввійшо́въ до хати
Мари́ню дарува́ти.

Ровéсникамъ співаю́ть:

73. Горо́ю со́ненько колу́е,
Мари́ню това́ришъ дару́е
Не вели́кимъ да́ромъ-поса́гомъ,
А ща́стямъ, здоро́вьямъ за сто́ломъ.

74. Де ся ти́ї поділи,
Що за на́ми гляді́ли?
Тепе́ръ не вийдуть до ха́ти
Мари́ню дарува́ти.

75. Ой ви, хло́пчики мале́нькі,
Збира́йте шеляжки́ дрібне́нькі.
Тре́ба Мари́ні чобіто́къ,
Зъ само́го зо́лота підківо́къ,
Щоби підківки́ бреніли,
Попідъ лу́женьки шуміли.

76. Ни́йте, молодці, пи́йте,
Но скляно́къ не поби́йте:
У насъ склянки́ дороги́і —
По чоти́рі золоти́і,
А по́рція по гро́шу, —
Ни́йте, молодці, про́шу.

77. Дарова́но Мари́сеньку
Ревними (гривня́ми?) золоти́ми,
Таляра́ми бити́ми.
А ми ре́вних не зна́емъ,
По столі посува́емъ.
Ле́жте, поле́жте, ре́вні,
На тімъ тесовімъ столі
Та й на лённімъ обрусі.

Якъ переста́нуть вже дарува́ти, тоді даю́ть дівча́тамъ-співа́чкамъ де́-чого попоісти, приміромъ, си́ру съ хлібомъ. Дру́жба дівочий и дружки́ прислу́жують імъ ту́тички, а вони́ при сёму співа́ють собі:

Нашъ дру́жба ножа́ не ма́е, *и далі, якъ при вінкопле́тинахъ; див. II. 16.*

78. Наша дру́жка підъ сво́локъ,
Зъіла калачівъ со́рокъ.
Най ся ніхто́ не проти́вить,
Най ся здоро́ва жи́вить.

79. Не боя́листеся Бо́га,
Не наїлистеся до́ма,
Сорому́ не зна́ете,
Въ запаски́ хова́ете!
»Ми люди подоро́жні,
У насъ запаски́ поро́жні.«

80. Не стійте коло гру́би,
Не заглядайте въ зу́би, —
Ми собі заробили,
Щоби-сьмо ся пожили.

81. Пи́йте, паня́нки, пи́йте,
Та скляно́къ не поби́йте, *и да̀лі, якъ до хло́пцівъ при поса́зі; див. 76.*

87 Ми́лий Бо́же, хо́дить го́лубъ по сто́лі,
Кри́льці въ пи́вцю вмоча́е,
Всі паня́ночки часту́е,
Ино Мари́сеньку мина́е,
Бо вже зъ паня́нства вистае́,
До стари́хъ лю́де́й пристае́.

Попоівши тро́хи, зно́ву співа́ють:

83. Було́ що́ істи, пи́ти,
Нікому припро́сити, *и да̀лі, якъ при вінкоплѣ́тинахъ; див. 17.*

84. Нашъ ста́роста дівочий,
Покажи́ свои о́чі,
Неха́й ми зна́емъ,
Кого́ ста́ростовь зва́ти ма́емъ.
Ста́рості ше́лягъ да́ти,
Щоби насъ ви́вівъ зъ ха́ти.
Я бимъ му и два дала́,
Щобимъ зъ нимъ погуля́ла.

Старо́сти схо́плюетця и ка́жучи: »а прошу́ лише́нь, дівча́та, прошу́«, виво́дить іхъ изза сто́лу; а вони́ собі да́льше співа́ють:

85. Зза сто́лу, паня́нки, зза сто́лу,
На Мари́сине подвіръя!
Давно́ ми въ Мари́ні бува́ли,
На е́і подвіръю гуля́ли.

И, погуля́вши тро́хи, розіхо́дятця по домівка́хъ. Такъ са́мо й молодо́го на по́сагъ сажа́ють и тихъ са́михъ пісе́нь співа́ють, звісно вже — всю́ди вставля́ючи »Ива́на« и ки́даючи те, що хло́пцеві не підхо́дить; приміромъ, до мали́хъ хло́пчиківъ вже співа́ють такъ:

86. Гада́йте, хло́пці, гада́йте,
Дрібни́і шеляжки́ склада́йте,
Тре́ба Йва́нёвi ко́ні кува́ти,
До Мари́ні іхати.
Тепе́ръ ніченька темне́нька,
Доро́га слизе́нька.
У Мари́сі сковзьки́й двіръ,
Не втрима́еся во́ронъ кінь.
Щоби Ива́ненько самотрімъ,
За́іхавъ до Марині на обі́дъ.

За столо́мъ коло молодо́го зъ одно́го бо́ку сидя́ть дру́жби, а зъ дру́гого—світи́лка, сва́хи и дівча́та. При кінці посагу, якъ співа́чкамъ даю́ть чого́-не́будь попоісти, світи́лка особли́ве по́раетця коло дівча́тъ, бо се вже ії діло на весіллі у молодо́го дівча́тамъ годи́ти — тутъ вона́ імъ голова́!

По́тімъ беру́ть сва́хи и ла́годять *різку* (хворости́ну, пру́тикъ) на закраше́ння корова́ю; для сёго сплита́ють ії изъ пі́ръя, барвінку, вівса́, або́ по́просту беру́ть сосно́ві гілочки и застро́млюють іхъ у корова́й; на ті різочки зве́рху настро́млюють я́блука. При сёму співа́ють:

87. Пішли́ дружечки́ на Дуна́й піръячко збера́ти,
Мари́сі різочку сплі́та́ти:
Ой різко, різко гільча́ста,
Ще́ж-есь до то́го й хреща́ста!
Бе́регомъ, бе́регомъ Дуна́я приплила́,
У Мари́ні на столі осві́ла́.

Си́мъ діло й кінча́етця въ суббо́ту.

IX.

Въ неділю ра́но схо́дитця рідня́ й сусіди, що запро́шені въ го́сті,—до молодо́го его́ рідня́ й сусіди, до молодо́і — ії. У молодо́го, сва́хи причепля́ють ёму́ вино́къ до ша́пки, и якъ усе́ гото́ве до ви́ходу, сва́хи співа́ють:

88. Со́ненько схо́дить та й гра́е,
Ива́нё ко́ника сідла́е.
Ёго́ ся ба́тенько пита́е:
»Де жъ ти ся, си́ну, збера́ешъ?«
— »До люде́й, ба́теньку, до люде́й:
Я сі тамъ дівоньку полюби́въ,
Котру́ мі Госпо́дь присуди́въ.«

Ба́тько й ма́ти сіда́ють на осло́ні съ хлібомъ, почина́етця благословёння або́ покло́ни такі са́мі, якъ передъ *по́сагомъ* и передъ тимъ, якъ вихо́дять на село́ проха́ти. Ста́роста промовля́е своімъ звича́йнимъ спосо́бомъ, додаючи́ въ кінці: »благословіть ёго́, и въ щасли́ву годи́ну зпідъ ру́тяного вінка́ ви́правіть підъ царськи́й вінёць.« Сва́хи и дівча́та підъ часъ тре́тёго покло́ну и до кінця́ покло́нівъ співа́ють:

Тре́тій разъ, тре́тій разъ,
Поклонися, Ива́сеньку, своёму ба́тенькові зо сто разъ, *и да́лі.*

Все такъ самісінько, якъ и передъ па́даннямъ до нігъ *(див. IV, 28 и да́лі, тежъ VIII, 63)*.

Поклони́вшись усімъ, хто е въ ха́ті, вихо́дять на двіръ, ро́блючи все те са́ме, якъ и вихо́дивши на село́ *(див. IV, 31 и да́лі)*: такъ са́ме ма́ти и водо́ю свято́ю скро́плює; навпісля́ дае́ вона́ молодо́му два хліби підъ па́ху, и йдуть до молодо́і, коли́ бли́зько; а коли́ тре́ба іхати, то іде молоди́й зъ дру́жбами ве́рхи, попе́реду, а оста́нні за ни́ми на воза́хъ, або́ на са́нкахъ. Попе́реду усёго того́ по́изду (похо́ду), іде га́рний па́рубокъ зъ »весільною корогво́ю«, то бачъ, съ черво́ною ху́сткою, причепленою до віхи́, — відъ того́ вінъ и зве́тця »хору́нжий«. Хло́пця до сёго підбира́ють га́рного, бо коля́ й музи́ки ідуть, то вінъ не одинъ разъ зіскочить съ коня́, погуля́е собі, и зно́ву на коня́, и зно́ву погуля́е — по своій вда́чі й охо́ті.

По́ки ідуть до молодо́і, світи́лка й сва́хи співа́ють:

89. Ой попідъ лісо́къ, лісо́къ би́тая доріженька,
Куда́ іхавъ Ива́нё молоде́нький.
Ёму́ кали́на доро́гу заступи́ла.
Ви́ймивъ ша́бельку, взявъ кали́ну руба́ти,
Кали́на ста́ла до нёго промовля́ти:
»То не для те́бе кали́на поса́жена,
Ино для те́бе Мари́ня наря́джена.«

Якъ ста́нуть поізжа́не уже въ молодо́і на дво́рі, то дру́жки въ ха́ті зъ дівча́тами, сівши зъ молодо́ю за столо́мъ, співа́ють імъ коло поро́гу, на́че на привіта́ння:

90. Ой зять намъ ся сте́лить
По подві́рью хме́лёмъ,
По сіняхъ васи́лькомъ,
По ха́ті барвінкомъ,
А за сто́ломъ, сто́ломъ —
Сиве́нькимъ соко́ломъ.

Въ той часъ благослови́тця дру́жба до ста́рости, а ста́роста молодо́го — до ста́рости молодо́і, и всі вхо́дять у ха́ту; сва́хи співа́ють:

91. Не ба́вте насъ, не ба́вте,
Ху́тко виправля́йте —
Do kościoła świętego,
Do stanu małżeńskiego.

Дівча́та співа́ють:

92. А въ неді́леньку ра́но
Мо́ре ся розігра́ло:
Не мо́ре жъ то гра́е,
А Мари́ня потопа́е.

Мари́ня потопа́е —
Ба́тенька прикли́кає:
»Ба́теньку-голу́боньку!
Не да́й мі заги́нути,
Въ тімъ Дуна́ю потону́ти.«
—»Не хотіла-сь мя слу́хати,
Не бу́ду тя ратува́ти.«

Сва́хи одспівують:

Не ба́вте насъ, не ба́вте, *и да́лі, якъ 91.*

Дівча́та да́лі:

А въ неділеньку ра́но
и да́лі, якъ 92, прикла́даючи пісню до ма́тінки.

Сва́хи одспівують:

Не ба́вте насъ, не ба́вте, *и да́лі, якъ 91.*

По́тімъ уже́ засте́люють ослінъ ви́вернутимъ кужу́хомъ; дівча́та зъ молодо́ю и дружка́ми вихо́дять изза сто́лу насередъ ха́ти; а ба́тько й ма́ти сіда́ють до благослове́ння по тре́тёму ра́зу. Молоди́й и молода́ ра́зомъ кла́няютця—вінъ одному́, а вона́ дру́гому по че́рзі (якъ пока́зано въ 88). Після покло́нівъ, молода́, скла́вши уподо́вжъ вели́ку ху́стку, затика́е ій молодо́му за по́ясъ, що ви́сить вона́ у ёго ажъ до землі, на́че кіне́ць вели́кого по́яса; и вихо́дять уже́ тоді на двіръ, приде́ржуючись тихъ са́михъ церемо́ній, якъ и вихо́дивши на село́ (*диви́сь* 88); ма́ти даé молодій два хлі́би (молоди́й ма́е свої буханці при собі, *див.* 88), обкропля́е іхъ водо́ю — и ідуть вони́ до це́ркви, співа́ючи доро́гою:

93. Вій, вітре, доро́гою
За на́шою молодо́ю, —
Розвій ій ко́су ро́су
По черво́німъ по́ясу
До одно́го волоска́ —
Неха́й піде поголо́ска,
Що була́ паня́ночка.

Не дійшо́вши тро́хи до це́ркви, співа́ють:

94. Ой ко́ні, ко́ні вороні́,
Чи чу́ється въ си́лі?
Чи ви́тягнете насъ пі́дъ го́ру,
Пі́дъ ту́ю крутю́ —
Пі́дъ ту́ю це́рковцю свято́ю?
А въ тій це́ркві свяги́й Спасъ.
Ой по́пе, по́пе, ба́тьку нашъ,
Отвори́ це́рковъ про́тивъ насъ
И звінча́й, звінча́й дво́е діте́й змежи насъ.

Прийшóвши до цéркви, молодúй и молодá оддаю́ть свої хліби, якъ шлю́бний принóсъ; а пíсля шлю́бу, якъ весілля знóву зберéтця до повороту, сва́хи и дру́гі співа́ють:

95. Дя́куймо по́пенькові,
Якъ рідному ба́тенькові,
Що намъ шлюбъ давъ
И немно́го відъ насъ взявъ —
Півторá золото́го
Одъ на́шого молодо́го.

Доро́гою співа́ють:

96. Сія́ла зо́ронька, сія́ла,
Съ кимъ ти, Мари́ню, слюбъ бра́ла?

Дру́жки съ парубо́цтвомъ одспівують:

Съ тобо́ю, Ива́ню, съ тобо́ю,
Якъ зъ ясно́ю зоро́ю.

Зно́ву сва́хи:

По чімъ ти мя, Мари́сенько, пізна́ла,
Шо-сь мене́ зоро́ю назва́ла?

Дівча́та:

По мо́ві, Ива́ню, по мо́ві;
Черво́на ша́почка на то́бі, —
Черво́на ша́почка, якъ о́гень,
Чо́рні о́ченька, якъ те́ренъ.

Усі весілні:

97. Впаду́ я ла́стівкою
Передъ своє́вь ма́тінкою:
»Ой ма́тінко моя́,
Вже жъ бо я не твоя́ —
Ой вже жъ бо я того́ па́на,
Що я зъ нимъ присяга́ла.«

98. Ра́дуйся, ма́тінонько,
Взяло́ шлюбъ дитя́тонько,
Якъ едно́, такъ другóе,
Вжежъ-то твоі обóе.
»Тоді емь ся ра́дувала,
Якъ емь тя годува́ла;
Тепе́ръ ся величáю,
Бо двóе діте́й ма́ю.«

99. Ви́йди, ма́тінко, звіта́йся,
Своёго дитя́тка спита́йся:
Де твоé дитя́тко бува́ло?
Підъ ца́рськимъ вінцéмъ стоя́ло,
Съ хоро́шимъ Ива́нёмъ шлюбъ бра́ло.

Весілля йде до молодо́і; на подвіръі въ пе́і співа́ють:

100. Ой о святімъ Ду́сі
Ви́йди, ма́тінко, въ кожу́сі:
Яки́й кожу́хъ мохна́тий,
Таки́й твій зять бага́тий.

Мати ви́йде на порігъ, одя́гнена въ ви́вернутий кожу́хъ, и підно́сить зя́теві въ ча́рці во́ду, на́че бъ то горілку, а сва́хи співа́ють:

101. Не пий, зяту́ню, пе́ршоі по́вноньки:
Пе́ршая по́внонька — вели́ка зра́донька.

Зять не пъе, а вилива́е іі поза́дъ се́бе; ма́ти зно́ву налива́е ёму́ води́ и підно́сить; сва́хи зновъ співа́ють:

Не пий, зяту́ню, дру́гоі по́вноньки·
Дру́гая по́внонька — лиха́я до́ленька.

Зять и тіе́і не пъе, а вилива́е позадъ се́бе; навпісля́ ма́ти налива́е вже спра́жнёі горілки, випива́е сама́, и зно́въ нали́вши, підно́сить зя́теві; сва́хи співа́ють:

Ой пий, зяту́ню, тре́тую по́вноньку:
Тре́тая по́внонька — до́брая до́ленька.

Молоди́й пъе до молодо́і, та́—до дру́жки, и такъ да́лі усе́ весілля передъ поро́гомъ ви́пъе по ча́рці, поблагословля́тця и вхо́дять у ха́ту; тамъ привіта́ютця всі и поздоро́вкаютця, и незаба́ромъ молоди́й зъ своіми одхо́дить до се́бе на обідъ, а молода́ зъ своіми у се́бе обідае.

X.

Уве́чері йде молоди́й до молодо́і съ корова́емъ. Корова́й накрива́ють *ра́нтухомъ* такъ, щобъ різка зъ я́блуками стриміла на ве́рсі, и даю́ть дру́жбі на пле́чі; молоди́й бере́ зъ собо́ю пля́шку горілки въ кише́ню, а сва́хи набіра́ють кала́чиківъ - гусочо́къ въ *кобелі* (торби́нки), скільки спромо́жуть, и такъ уве́сь весільний приче́тъ молодо́го руша́е до молодо́і, співа́ючи:

102. Ой ти, Ива́ню, відва́жний коза́че!
Де ся вибера́ешъ въ доро́гу по-но́чі?
Ой де жъ ти бу́дешъ но́ченьку ночува́ти?
Ой де жъ ти бу́дешъ вече́рю вече́ряти?
»Ой ма́ю жъ бо я надіеньку въ Бо́зі,

Ой ма́ю жъ бо я те́стенька при дорбзі.
Ой тамъ я бу́ду но́ченьку ночува́ти,
Ой тамъ я бу́ду вече́рю вече́ряти,
Ой тамъ я бу́ду розмо́ву розмовля́ти.

Те жъ співа́ють, прикла́дуючи до те́щі; и такъ черезъ усю́ доро́гу. У молодо́і парубки́ виглядаю́ть ёго́ и загоро́жують ёму́ на у́лиці, де мо́жна, доро́гу накри́тимъ стільце́мъ, на котрімъ поло́жені два хліби й сіль. Съ ти́ми парубка́ми буває при сёму ді́лі й ста́роста и хто е найвеселіший. Молоди́й, підійшо́вши до тіе́і заста́ви, зупиня́етця и часту́е всіхъ горілкою. Сва́хи даю́ть гусочо́къ закуси́ти, співа́ючи:

103 Ой гре́бля, гре́бля вели́ка,
Ой ту́ча, ту́ча глибо́ка!
Ой пуска́й, пуска́й до ха́ти,
Не дай намъ стоя́ти,
Бо нашъ корова́ець вели́кий,
Не мо́же дру́жба втрима́ти.

Тоді прийма́ють зъ доро́ги стіле́ць; ста́роста молодо́го благослови́тця до ста́рости молодо́і, — и при́четъ рушае да́лі, співа́ючи:

Ой ти, Ива́ню, одва́жний коза́че, *якъ 102.*

Тимъ ча́сомъ у молодо́і въ ха́ті дівча́та посіда́ли зъ молодо́ю за столо́мъ: молода́ посере́дині, коло не́і по о́днімъ бо́ці братъ ій — дру́жба, а по дру́гому — дружки́. Якъ опи́нитця молоди́й зъ своімъ весіллямъ коло поро́га, дівча́та почина́ють въ ха́ті співа́ти:

104. Ой сту́кнули ко́вані ко́ні на дво́рі,
Ой сховай мене́, мій ба́теньку, въ комо́рі.
»Не помо́же, мое дитя́тко, комо́ра,
Бо обступи́ли ко́вані ко́ні довко́ла.«

Изно́ву співа́ють дівча́та тежъ са́ме й до ма́тері. Тимъ ча́сомъ весілля молодо́го увихо́дить вже въ ха́ту, — дівча́та співа́ють:

105. Ой бра́тчику-ремі́снику!
Сідай собі на сто́лику,
Сі́чи, руба́й, сестри́ не дай.
Не дай еі за грішъ, за два:
Вона́ въ те́бе сестра́ ла́дна.
Не дай еі й за чоти́рі,
Бо бу́дуть ся съ те́бе кпи́ли.

Ото́жъ, якъ ба́тько й ма́ти ска́жуть, що нічо́го не помо́же, якъ схова́тись до комо́ри, тоді дру́жба-братъ вже си́лою оборо́ня́е сестру́; для сё-

го вінъ ма́е зро́блену зъ патúка (па́лиці) ша́блю и черезъ стілъ вимáхуе тією ша́блею, не даючи молодо́му підступа́ти бли́зче; а ёго сва́хи співа́ють:

106. Будь, бра́тчику, ласка́въ,
Липа́емъ ті заста́въ:
Ко́ника вороно́го,
Ива́ня молодо́го.

Дівча́та підхо́плюють пісню и почина́ють:

107. Ой чого́ прийшо́въ?—»По дівку.«
А ма́ешъ же горілку?
Ма́ешъ же музи́ки гра́йниі?
Ма́ешъ же сва́шоньки співниі?
Ма́ешъ же старости́ мо́вниі?
Ма́ешъ же дру́жбоньку скакуна́,
Щоби ся не набра́въ сорóма?

Сва́хи одспівують ім̀ъ:

Ми прийшли́ по дівку.—

и далі ти́ми жъ слова́ми, одка́зуючи, що въ іхъ все те е. Тоді дру́жба-братъ и молоди́й зъ своіми дру́жбами почина́ють змага́тись. Дру́жба-братъ звича́йно ма́е зъ собо́ю пля́шку съ черво́нимъ буряко́вимъ *борще́мъ* и відка́зуе, що ёму́ не тре́ба горілки молодо́го, бо самъ вінъ ма́е вино́, що вінъ обійдетця и безъ бесіди зъ ста́ростою, бо на те у ёго е письмо́ й кни́ги, и усе́ таке́ одновідае́ прúкладно, я́къ хло́пець уда́тний. Молоди́й, одмага́ючись відъ ёго, все стано́вить на тарілку дві гу́сочки и ко́жний разъ все більше гро́шей встромля́е рядко́мъ въ ті гу́сочки. Такъ измага́ютця до́ти, ажъ по́ки одна́ сторона́ не пересúлить дру́гої веселішою бесідою. Тре́ба такъ, щобъ молоди́й пересúливъ бра́та-дру́жбу своіми грішми,—тоді той, *узя́вши* тарілку зъ гу́сочками и грошúма, ви́пивши одъ молодо́го ча́рку горілки и почастува́вши ёго ча́ркою свого́ борщу́, черезъ стілъ стриба́е одъ молодо́і насередъ ха́ти. Дівча́та, ба́чучи, що вже оста́ння надія на оборо́ну дівки пропа́ла, утіка́ють и собі зза сто́лу, и ки́дають тамъ одну́ тільки молоду́ зъ дружка́ми. Тоді беру́ть дру́жби молодо́го и прова́дять ёго тричі по ла́вахъ кругóмъ сто́лу; по тре́тёму ра́зу молоди́й зупиня́етця коло молодо́і, а вона́ чей-би (ніби) одъ вели́кого стра́ху де́ржитця за стілъ; молоди́й одрива́е ій одъ сто́лу, цілу́е и садови́тця самъ коло не́і. Симъ и кінча́етця послідне ёго взя́ття собі молодо́і; сва́хи садовля́тця по за столóмъ зъ оста́ннімъ весіллямъ молодо́го. Якъ усе́ те ро́битця, дівча́та співа́ють:

108. Тата́ринъ братъ, Тата́ринъ,
Прода́въ сестру́ за та́ляръ, —
Пу́гачі надлетіли,
Га́лоньки розігна́ли,
Сами́ ся посіда́ли.

А сва́хи співа́ють:

109. Лю́бая на́ша зго́да,
Що ся не ста́ла приго́да.
Ра́зомъ-сьмо посіда́ли,
Любе́зно ся звіта́ли.

110. Захо́дять насъ вісти,
Шо намъ даду́ть істи.
Пшеншинні калачі,
Поста́влено на столі.

И спра́вді тутъ даю́ть тимъ, що прийшли́, де́-чого перехопи́ти. Після пере́кускы, сва́хи співа́ють:

111. Ви́йди, дру́жбонько, на́ подвіренько,
Подиви́ся на со́ненько,
Чи часъ дари́ роздава́ти,
Корова́емъ обділя́ти? —

Дівча́та зъ ріднє́ю молодо́ї одспівують:

112. Запряга́ли-сьмо тели́цю,
Ора́ли на пшени́цю
По горі, по доли́ві,
Щоби було́ всій роди́ні,
Щоби весь рідъ обділи́ти,
И нико́го не гневи́ти.

113. Ой насъ ро́ду мно́го,
Не ста́не для кожного,
Е въ насъ кому́ бра́ти,
Нема́е що дава́ти.

Сва́хи молодо́го собі одспівують:

114. Да́йте намъ міри,
Коли́ не дасте́ віри;
Якъ бу́демъ мірити,
То бу́демъ вірити.

Весільні го́сті молодо́ї співа́ють:

Післа́ли-сьмо вчо́ра
По міру до Льво́ва,
То́каря не ста́ли
И міри не діста́ли.

Тоді дру́жба благословúтця до ста́рости и почина́е кра́яти корова́й на шматкú, щобъ нимъ було́ обділúти весь рíдъ молодóі; обділúти корова́емъ до́брихъ знако́михъ и сусíдівъ — се вже ста́ростине дíло. А тимъ, кого́ тутъ нема́е, зоставля́ють іхъ до́лю, щобъ опíсля віддáти. Сва́хи співа́ють:

115. Нашъ ко́гутъ чорнокри́лий,
Нашъ дру́жбонька чорнобри́вий,
Не жаль ёму́ да́ти
Калача́ вкраяти.

Весíльні го́сті молодóі одспівують:

116. Ва́шъ дру́жба корова́й кра́е,
Се́меро дітéй ма́е;
Збíглися дíти съ торба́ми,
Ввесь корова́й забра́ли.

117. Попекли́ сва́хи гуски́,
Зъ гречáної луски́ —
Ро́ду не обділúли,
Са́ми ся пожили́ли.

Сва́хи собí одспівують íмъ:

118. Вибача́й, ро́деньку, ласка́во,
Що намъ гусо́къ не ста́ло,
Гу́си води́ захтíли,
На Дуна́й полетíли.

Якъ розділять корова́й та гусочки́, тоді даю́ть вечéряти; пíсля вечéрі моло́дíжъ гуля́е собí, а молода́ шука́е, де бъ до́бре схова́тись, щобъ íї до́вго не знайшли́, якъ прúйдуть удо́світа *ра́нтухомъ* íї накрива́ти и до молодо́го бра́ти.

XI.

Якъ парубо́цтво и дівча́та гара́здъ нагуля́ютця и поросхо́дя́тця до-до́му, тоді молодо́го весíлля збира́етця й собí до-до́ну. Воны́ беру́ть изъ собо́ю й молоду́; для сёго шука́ють íї и, знайшо́вши, садовля́ть за стíлъ; коло нéі сіда́ють зъ одно́го бо́ку обúдві дру́жки, а зъ дру́гого и да́льше кругъ сто́лу — сва́хи. Дру́жки здíйма́ють зъ молодóі вінóкъ, стрíчки, то бачъ — дівóче убра́ння, співа́ючи:

119. Вибúва́й, ма́ти, клúнцí,
Де ви́сíли перстíньцí.
Вибúва́й и кілóчки,
Де ви́сíли биндочки.

Се оста́ння вже по́мічъ и прислу́га молодій дружо́къ, —за те причепля́е імъ молода́ по стрічці на го́лову на не́забудь и одпра́ву, — а сва́хи співа́ють:

121. До-до́му, дружечки́, до-до́му,
Па́рити сви́нямъ соло́му.

Дружки́ одспівують:

А ми вже попа́рили,
И сва́хамъ зоста́вили.

121. Вари́ла дру́жечка періжки́,
Защіпувала іхъ въ три ріжки;
Не зъ само́го си́ру, а зъ пшона́,
Приступи́ся, дру́жбонько, до стола́.
Жаль би мі бувъ, дру́жбонько, на те́бе,
Щобъ я не ма́ла дару́ночку відъ те́бе.

Дру́жба, підійшо́вши до сто́лу, встромля́е въ цу́сочку скільки-не́будь гро́шей и подае́ дру́зці на тарільці на не́забудь, а піддру́жба тежъ ро́бить для піддру́жки. Дру́жба ви́пье ча́рку до дру́жки, дру́жка — до піддру́жби, а сей до піддру́жки, и за́разъ виска́кують дружки́ одъ молодо́і черезъ стілъ насередъ ха́ти и співа́ють:

122. Ско́чили дружечки́ зза сто́ла,
Бува́й намъ, Мари́ню, здоро́ва.
На тобі ху́сточка и чіпе́ць,
А для насъ би́ндочки підъ вине́ць.

За́разъ же й сва́хи співа́ють:

123. Дай, ма́тінко, покри́тенько
На своє́ детя́тенько.

Ма́ти вийма́е ра́нтухъ, дае́ дру́жбамъ, а ті, взя́вши ра́нтухъ за кінці, тро́хи погуля́ють зъ нимъ по ха́ті, по́тімъ закида́ють его́ на молоду́ за столо́мъ; сва́хи обго́рнуть ії ра́нтухомъ и співа́ють:

124. То́не вино́чокъ, то́не,
Пля́не вино́чокъ, пля́не.
Вино́чокъ на Дуна́ю,
А рубо́чокъ бли́зько кра́ю.

Надівши ша́пку молодо́го на молоду́, вихо́дять зъ не́ю изза сто́лу, співа́ючи:

125. Зла́павъ сі Ива́нё пташи́ну —
Лю́бу, ми́лу, кра́сную,
Зъ ру́чоньками, зъ но́женьками,
Съ чо́рними о́ченьками.

До до́му, дружечки́, до до́му —

и далі, якъ вúще показано въ 120 пісні; а дружки, віддаючи жáрти, співáють:

Не самá жъ я ту прийшлá;
Не самá я вíдсі підý:
Возьмíть скрипкú, цимбáли —
Заведíть мя до мáми,
Дáйте й конóвочку пúва,
Щобъ менé мáти не бúла.

Тутъ усé весілля зъ музúками випровóжує іхъ за воротá; тамъ, чéсно попрощáвшись, дружкú йдуть до-дóму, а весілля ще повертáе до хáти. Въ хáті бáтько й мáти сидя́ть на ослóні; молодá, попрощáвшись изъ ними, зъ весіллямъ молодóго йде до ёго хáти. Свáхи співáють:

126. Остáтне клапя́ненько,
На віки мешкáненько.

Рідня́ молодóі співáе:

127. Памятáй, Иванéньку,
Даéмъ ті Марúненьку.
Щобъ не булú вікнóмъ двéрі,
Щобъ не лягла́ безъ вечéрі;
А якъ бýде зімна роса,
Щобъ не ходúла бóса.

Свáхи молодóго співáють:

128. Загортáй, мáти, жаръ,
За дóиьковь велúкий жаль.
Закидáй сирі дрóва,
Бувáй, мáти, здорóва!

129. Сідáй, Марúню, зъ нáми
На малёвані сáні,
У насъ гóри золотúі,
У насъ ріки медяни́і,
У насъ вéрби — грýшки рóдять,
У насъ дівки въ злóті хóдять.

Дорóгою співáють:

130. Отворú, мáти, ліску —
Ведемó ті невістку.
Отворú, мáти, скрúню —
Ведемó ті господúню:
До комóри клю́шницю,
До мукú розсíйницю.
Отверáй, мáти, хáту,

Ведемо́ ті пелеха́ту:
Вона́ въ пьецу́ не розпа́лить,
Бо сі бро́ви осма́лить;
Вона́ тіста не замісить,
Бо ій зъ но́са со́мпель ви́сить;
Вона́ коро́ви не ви́доіть,
Бо ся хвоста́ бо́іть;
Вона́ не піде въ по́ле,
Бо тамъ въ но́ги ко́ле;
Вона́ ха́ти не замете́,
Бо ій гірко ся зігну́ти, *и все таке́.*

Хоть о святімъ ду́сі, *и далі.*

Усе такъ са́ме, якъ и тоді, якъ ма́ти після шлю́бу прийма́ла въ се́бе весілля молодо́і *(диви́сь въ 100 пісні.)*

Ма́ти молодо́го стріча́е невістку на поро́зі, одя́гнена въ ви́вернутий кожу́хъ, а сва́хи ті слова́ въ пісні, що: »Яки́й кожу́хъ твій мохна́тий, таки́й твій зять бага́тий«, зміня́ють та́кички:

Яка́ во́вна мохна́та,
Така́ невістка бага́та.

Ма́ти пода́е води́ напи́тись, и усе́ оста́нне ро́бить такъ, якъ ма́ти молодо́і роби́ла після шлю́бу молодо́му *(диви́сь въ 101).*

За-для госте́й даю́ть мерщій пообідать; після обіда спрово́жують обо́хъ молоди́хъ въ комо́ру на ліжницю, котру́ дру́жби стара́ютця зроби́ти якъ тілки мо́жна недого́дну, щобъ пога́но було́ лежа́ти: підка́дують підъ соло́му то калачі, то и́нше, щобъ молоди́мъ до́бре му́лило. Сва́хи, проважа́ючи іхъ до комо́ри, співа́ють:

131. Иде́ Мари́ня до ло́жа —
За не́ю ма́ти Бо́жа.
Дае́ еі кору́ночку
На еі голо́вочку.

Йдучи до комо́ри, дру́жба благослови́тця до ста́рости, а якъ ввійдуть у комо́ру, то ка́жуть, щобъ молода́ зняла́ чо́боти молодо́му. Молоди́й пови́ненъ въ обо́хъ чобо́тяхъ ма́ти гро́ші, ато́ ска́жуть, щобъ молода́ би́ла ёго́ халя́вами по нога́хъ за те, що чо́боти ёму́ стяга́ла; по́тімъ, порегота́вши съ то́го, зоставля́ють іхъ удво́хъ въ комо́рі, зачини́вши две́рі, а сами́ йдуть у ха́ту гуля́ти. Тро́хи зго́домъ випуска́ють молодя́тъ изъ комо́ри, проважа́ють до ха́ти и прика́зують, щобъ молода́ замела́ ха́ту. Якъ ста́не молода́ заміта́ти, то весі́льні го́сті чи́нять ій ро́зні жа́рти и розно́сять сміття́ зъ одно́го кутка́ въ дру́гий; вона́ му́сить терпіти імъ, по́киза-

хо́чуть жартува́ти; навпісля́, якъ вже замете́ ха́ту, надіва́ють на не́і очіпокъ и одпрова́жують до *ви́воду* (на вво́дини) съ подару́нками до попа́, звича́йно зъ невели́чкимъ корова́емъ и ку́ркою; після ви́воду хо́дять съ таки́ми жъ са́мими подару́нками по всіхъ тихъ, кому́ хо́чуть честь відда́ти. Всю́ди хо́дячи, співа́ють одні́єі:

132. Съ подару́нками йдемо́,
Подару́нки несемо́,
Жи́тніі, чи пшени́шніі.
Щоби були́ вели́чніі.

На оста́токъ несе́ молоди́й зъ дру́жбами подару́нокъ ба́тькові й ма́тері молодо́і, що зра́нку не іздили зъ дочко́ю, а зоставали́сь до́ма съ своє́ю рідне́ю й гостя́ми. Молоди́й підно́сить і́мъ пече́ну ку́рку и по дві гу́сочки-кала́чики, покла́вши все те на тарілку; ку́рка га́рно у́брана кали́ною й барвінкомъ и такъ пе́чена, щобъ голова́ въ не́і стирча́ла, якъ у живо́і, та ще ту го́лову й позоло́тко обзоло́чують. Якъ прибудуть съ тимъ подару́нкомъ, рідня́ молодо́і співа́е:

133. До́брая годи́нонька наста́ла,
Що Мэри́сенька по ба́тенька післа́ла
Чоти́рі ко́ні, пя́тий візъ,
Ше́стого візни́чого, щобъ привізъ.

Ту́тички молоди́й запро́шуе ба́тька й ма́тіръ молодо́і до се́бе. Ма́ти, узя́вши ту ку́рку, ділить її на шмато́чки, щобъ ста́ло усій її рідні и го́стямъ; ззівши все ра́зомъ изъ гусочка́ми, співа́ють:

134. Принісъ памъ зять ку́рку,
Посади́вши на банду́рку.
Посади́въ вінъ її му́дре —
Ку́прикомъ на полу́дне.

XII.

Недо́вго гаявшись, всі збіра́ются до молодо́го съ *преда́нами*. Вранці, якъ молоди́й одхо́дивъ зъ своі́мъ весіллямъ и молодо́ю до се́бе, его́ весільні го́сті позбіра́ли, хто що́ де міг зірва́ти, хто те́рлицю, ку́жіль, верете́на, хто горшки́, миски́, ложки́, дру́жки взяли́ зъ собо́ю подушки́ и постіль молодо́і, а са́мого найглавнішого для *поса́гу*, скри́ні, не бра́ли. Тепе́рички жъ ба́тько й ма́ти зъ своі́ми гостя́ми беру́ть и скри́ню на візъ, кладу́ть на скри́ню корова́й и приставля́ють до всього́ того́ дру́жбу дівчо-

го, щобъ усе́ довізъ обере́жно. На дру́гий візъ сіда́ють ба́тько й ма́ти, ще хто-не́будь, та́кички и всі забіра́ютця, співа́ючи:

135. Слідомъ, ма́тінко, слідомъ —
А со пшени́шнимъ хлібомъ.
Куда́ на́ша перепе́лонька,
Що зъ на́ми іла, пила́,
Що зъ на́ми говори́ла,
До світа полетіла?
Бу́демо по голосо́чку
Пізнава́ти Мари́ночку.
Коби́ Мари́ня зна́ла,
Що ій ба́тенько іде;
Ста́вила би мо́сти
Съ золото́і тро́сти —
Ба́тенька перевести́,
Ма́тінку перенести́.

Якъ дозна́ютця у молодо́го въ ха́ті, що вже ідуть съ *преда́нами*, піддру́жба мерщій одяга́ется, якъ молода́, и вибіга́е на двіръ віта́тись изъ ба́тькомъ и матіръю — па́дае на зе́млю, нена́че бъ то но́ги цілува́ти, а тимъ ча́сомъ хапа́е ко́жного за но́ги и зва́лює, кого́ тілки змо́же. Сміху́ съ тихъ жа́ртівъ буває, сміху́! а тимъ ча́сомъ роди́на молодо́і співа́е:

136. Ой не на́ше то ділo,
Що до насъ тутъ прибігло.
Покажіть намъ на́ше —
На́ше золоте́ пта́ше,
Що зъ на́ми іло, пило,
До світа полетіло.

Після жа́ртівъ прихо́дить вже спра́жня молода́, въ очіпку вже, віта́ется зъ ба́тькомъ-ма́тіръю й роди́ною, и оби́дві роди́ні, віта́ючись, вхо́дять у ха́ту. Госте́й садовля́ть за стілъ; ма́ти молодо́і вийма́е пля́шку, уквічану барвінкомъ та кали́ною, и часту́е всіхъ. По́тімъ даю́ть закуси́ти. Якъ закуса́ють, обділя́ють роди́ну молодо́го корова́емъ, ро́блячи й співа́ючи те са́ме, якъ у неділю ввечері на корова́і молодо́го у молодо́і (див. п. 111–118.) Обділи́вши корова́емъ, вече́ряють. Ра́но у вівто́рокъ одправля́ють дру́жобъ и світи́лку, котрій молода́ тожъ дару́е стрічку, и все весілля розъіжда́ется.

Коли́ молоди́й — удове́ць, або́ молода́ — удова́, то при тако́му весілі вдовце́ві и вдові не ро́блять ніяко́го особли́вого *за́ходу*, а тілки одно́му тому́, хто въ пе́рший разъ ма́е вінча́тись. Якъ беру́тця зъ удово́ю, то́ весілля буває зовсімъ безъ усяко́го *за́ходу*.

Коли́ молоди́й, або́ молода́ — сирота́, то місце ба́тька й ма́тері у їхъ заступа́е хто найбли́жчий ёму́ изъ роди́ни. Тимъ-то вже що й пісні які, буває тре́ба співа́ти по зако́ну, переміня́ютця на сирітські; отъ примі-ромъ, замість 29 пісні, співа́ють уже́ таку́:

Кому́ жъ ти ся, Мари́сенько, кля́няешъ,
Коли́ свого́ ба́тенька (ма́теньки) не ма́ешъ?
Зацві́ла въ лу́зі кали́на,
Е въ ме́не ба́тенько (ма́тенька — чужи́на.
Поклоню́ся чужо́му, —
Бу́де мі ся здава́ти, що сво́му.

Замість 65, співа́ють такі́:

Зна́ти га́лоньку
По літа́лоньку —
Що тихенько літа́е:
Зна́ти Мари́ню, що сиро́тонька,
Бо ба́тенька не ма́е.
Пішлю́ я воро́ну
Въ чужу́ сторо́ну,
По свою́ роди́ноньку,
А соко́лонька —
По свого́ ба́тенька
Въ сиру́ зе́мленьку.
Воро́на лети́ть,
Вістоньку несе́:
Іде роди́на, іде!
А со́кілъ лети́ть,
Вістоньку несе́:
Не бу́де ба́тенько, не бу́де!
»Радъ би я віта́ти,
Та й прі́відъ да́ти
Своє́му дити́точку, —
Сира́ зе́мленька
Заступи́ла о́ченька,
Прилягла́ мі ру́чку.

А виізжа́ючи до шлю́бу, співа́ють такі́:

Отворітця, ворота́,
Іде до шлю́бу сирота́.
Еі се́рденько ся здрига́е,
Що свого́ ба́тенька не ма́е.
Кли́кнули я́нгелі въ не́бі,
Збуди́ли ба́тенька у гро́бі.
Ой встань, ба́теньку, до су́ду —
Твоє́ дити́тко іде до шлю́бу.

РУСИНЫ ВЪ 1848 ГОДУ.

(Памяти Т. Г. Шевченка.)

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Австріи, едва ли не самая тяжелая доля досталась Русинамъ, т. е. Малоруссамъ, живущимъ въ Галиціи. Подавляемые тройнымъ гнетомъ, Русины должны употреблять неимовѣрныыя усилія, чтобы отстаивать свои права не только народныя, но и человѣческія. Ихъ ближайшіе сосѣди оказались ихъ злѣйшими врагами, и упорную злобу враговъ не заглушили ни ихъ собственныя несчастія, ни успѣхи образованности. Потерявъ надежду на сочувствіе соплеменниковъ, связанныхъ съ ними историческою судьбою, Русины готовы были видѣть избавителя въ общемъ врагѣ славянскихъ народовъ, полагая, что племенная ненависть должна же наконецъ уступить благодѣтельной силѣ цивилизаціи, которою такъ гордится враждебное славянамъ германское племя. По избавитель не приходилъ, и неволя все сильнѣе и сильнѣе налегала на несчастный народъ, сдѣлавшійся жертвою случайностей войны и политическихъ разсчетовъ.

Съ потерею независимости, въ-продолженье нѣсколькихъ вѣковъ, жизнь Русиновъ состояла изъ непрерывнаго ряда несчастій. Въ этой многострадальной жизни была только одна свѣтлая пора, давшая надежду на лучшую будущность, именно—объявленіе конституціи въ 1848 году. Затѣмъ счастливѣйшимъ временемъ считаютъ переходъ русинской земли отъ польскаго владычества къ австрійскому: до такой степени мрачно все, что̀ было послѣ, и еще мрачнѣе то, что̀ было прежде. Чѣмъ долѣе народъ ожидаетъ освободителя, тѣмъ глубже врѣзываются въ памяти его всѣ событія обѣщающія освобожденье; тѣмъ съ большимъ участіемъ смотритъ онъ на тѣхъ, которые были для него вѣстниками новой жизни. Съ другой стороны, тѣмъ недовѣрчивѣе онъ къ тому, кто своею враждою отравилъ его немногія свѣтлыя минуты. Это об-

стоятельство постоянно надо имѣть въ виду при сужденьи о дѣйстіяхъ Русиновъ въ 1848–мъ году, также какъ и въ настоящее время.

Положенье Русиновъ въ настоящую минуту, а равнымъ образомъ и отношенія ихъ къ правительству и къ другимъ народностямъ, во многомъ напоминаютъ 1848–й годъ, когда свобода слова и конституція дали возможность высказать то, что́ давно уже лежало на душѣ, входя въ нее все глубже и глубже. Поэтому, чтобы составить себѣ понятіе о русинской народности, о политическомъ и общественномъ состояньи Русиновъ, а равно и для вѣрной оцѣнки ихъ современнаго положенія, необходимо познакомиться съ событіями роковаго для многихъ года. Много невѣрнаго и пристрастнаго высказано было о Русинахъ; много являлось памфлетовъ, статей и цѣлыхъ книгъ, въ которыхъ обсуживался русинскій вопросъ со всею подробностью, со множествомъ quasi–историческихъ данныхъ, то съ холоднымъ и повидимому безпристрастнымъ, но все–таки невѣрнымъ пониманіемъ фактовъ, то съ умышленнымъ искаженьемъ ихъ подъ вліяньемъ фанатической ненависти. Писавшіе о Русинахъ, иностранцы и соплеменники, впадали въ двоякаго рода ошибки. Одни, стараясь сохранить полное безпристрастіе, становились, сами того не замѣчая, на ходули, и съ высоты своего доктринерскаго величія, говорили о «ничтожномъ» народѣ, обреченномъ на жертву въ силу неумолимаго закона исторической необходимости. Другіе, менѣе ученые, но гораздо болѣе недобросовѣстные, повторяли бездоказательныя обвиненія памфлетовъ, выдавая ихъ за собственныя идеи, искали причины враждебныхъ отношеній двухъ народностей совсѣмъ не тамъ, гдѣ она заключается. Единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія при выборѣ показаній, одно другому противорѣчащихъ, а вмѣстѣ и единственно–вѣрнымъ путемъ для узнанія истины остается — обратиться къ собственному свидѣтельству народа. По счастью, у русинскаго народа были свои органы: были представители, выбранные имъ; были повременныя изданія, въ которыхъ слышался народный голосъ; были воззванія, книги и брошюры, издаваемыя друзьями народа. До какой степени правъ или неправъ былъ народъ, пусть объ этомъ судятъ доктринеры, у которыхъ есть своя программа исторической дѣятельности, и свой уголовный кодексъ, для обвиненья племени и народа, который живетъ и дѣйствуетъ не по ихъ программѣ. Мы же полагаемъ, что для уясненья дѣла чрезвычайно–важны факты, показывающіе, ка́къ думаетъ народъ, какъ онъ самъ понима-

етъ свои отношенія, на чемъ основывается его любовь и ненависть, и къ чему онъ стремится. Подобные факты, собранные на-мѣстѣ, постараемся передать съ возможною точностью, строго держась точки зрѣнія народа и его представителей. (*)

Какъ только объявлена была конституція, Русины образовали во Львовѣ, главномъ городѣ страны, *раду*, т. е. совѣтъ, собраніе, общество, поставившее себѣ цѣлью — войти въ непосредственныя сношенія съ народомъ, заботиться о его нуждахъ и охранять его свободу. 10 мая 1848 года обнародовано было радою воззваніе слѣдующаго содержанія:

«Мы, Русины, составляемъ часть южнорусскаго народа. Народъ нашъ былъ когда-то самостоятельнымъ и сильнымъ; но, по непріязни судьбы и различнымъ политическимъ несчастіямъ, распался, потерялъ самостоятельность и подпалъ чужеземной власти. Несчастіе склонило богатыхъ пановъ покинуть вѣру отцовъ своихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ роднаго языка и отдѣлиться отъ своего народа. Народъ, оставленный всѣми и постоянно угнетаемый, терпѣлъ всякаго рода невзгоды и притѣсненія, достигшія такой степени, что самое имя Русина сдѣлалось позорнымъ. Но какъ послѣ зимы наступаетъ весна, такъ послѣ тяжкаго испытанія явилась конституція. Братья! конституція—великое право; она—солнце, которое засвѣтило намъ, Русинамъ, и пробуждаетъ насъ къ новой жизни. Вставайте же, братья, отъ долгаго сна; вставайте не для ссоръ и вражды, а

(*) Независимо отъ свѣдѣній, собранныхъ отъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ 1848-мъ году, мы пользовались слѣдующими пособіями:

»Зоря Галицка« газета, выходившая съ 15 мая 1848 года.

Die ruthenische frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen. Lemberg. 1851.

Denkschrift der ruthenischen nation in Galizien zur aufklärung ihrer verhältnisse, von der ruthenischen Hauptversammlung. Lemberg, den 31 juli 1848.

Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Lalig von der ruthenischen Hauptversammlung. Lemberg, den 20 august 1848

An die Russinen. Mit kurzen historisch-politischen und statistischen notizen über die Russinen überhaupt und jene Galiziens insbesondere. Von einem Russinen. Lemberg. 1848.

Gränzen zwischen der russinischen und polnischen nation in Galizien, von. D. Zubrzycki. Lemberg. 1849.

Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości. 1848. Lwów, и друг.

Многія историческія данныя, приводимыя Русинами, подтверждаются писателями польскими. Ср. *Lelewel*, Dzieje Litwy i Rusi.—Betrachtungen über den politischen Zustand des ehemaligen Polens und über die geschichte seines volkes, von Ioachim Lelewel. 1845.

для того, чтобы поднять народность нашу и упрочить данную намъ свободу. Съ этою цѣлью собрались мы, Русины, и рѣшились дѣйствовать такимъ–образомъ: Мы должны сохранить нашу вѣру, и поставить права ея наравнѣ съ правами другихъ вѣроисповѣданій. Мы должны поддержать и развивать народность нашу всѣми средствами: обработкою роднаго языка; введеньемъ его въ высшія и низшія училища; изданіемъ газетъ; открытіемъ постоянныхъ сношеній какъ съ жителями разныхъ краевъ нашей земли, такъ и съ другими славянскими народами; распространеньемъ книгъ на русскомъ языкѣ, и т. п. Будемъ свято хранить нашу конституцію, узнавать потребности народа, стремиться къ улучшенью быта посредствомъ конституціи, а права наши будемъ постоянно и дѣятельно защищать отъ всякихъ посягательствъ и оскорбленій. При такомъ образѣ дѣйствій, останемся вѣрными нашему конституціонному королю—въ томъ сильномъ убѣжденіи, что подъ могущественною защитою Австріи могутъ развиться во всей силѣ наши права и народность. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявляемъ, что какъ, съ одной стороны, мы признаемъ святою своею обязанностью упорно защищать права наши и народность отъ всѣхъ притязаній, внутреннихъ и внѣшнихъ, такъ, съ другой стороны, самъ Богъ и права человѣчества требуютъ, чтобы къ тѣмъ, которые подобно намъ ратуютъ за свою народность, мы не питали ни малѣйшей ненависти въ сердцахъ нашихъ, но чтобы жили съ ними, какъ добрые сосѣди, въ любви и согласіи (*).

(*) Вотъ подлинныя слова »одозвы до руского народу«, помѣщенной въ первомъ листкѣ Галицкой Зари:

»Тымъ–то чувствомъ народности напоени, и въ томъ намѣренію собралисьмося, мы Русини, котрымъ добро и щастье народу на сердци, и будемъ дѣлати въ способъ наступующій:

а) Первымъ заданьемъ нашимъ буде заховати вѣру и поставити на ровни обрядокъ нашъ и права церкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ обрядковъ.

б) Розвивати и взносити народность нашу во всѣхъ еи частехъ: выдосконаленьемъ языка нашого, запроводженьемъ его въ школахъ низшихъ и выжшихъ, выдаваньемъ письмъ часовыхъ, утримованьемъ кореспонденцій съ письменными такъ нашими, якъ инными до щепу славяньского належащими, розширеньемъ добрыхъ и ужиточныхъ книжокъ въ языцѣ рускомъ, и усильнымъ стараньемъ впровадити и на ровни поставити языкъ нашъ зъ инними въ урядахъ публичнихъ и т. д.

в) Будемъ чувати надъ нашими правами конституційними, розпознавати потребы народу нашого, и поправленя быту нашого на дорозѣ конституційной

Воззванье заключается надеждою, что, подобно главной радѣ во Львовѣ, собраны будутъ мѣстныя рады въ другихъ краяхъ русинской земли. Народъ съ живымъ сочувствіемъ отозвался на патріотическій призывъ; образовались тридцать четыре мѣстныя рады, составившія одно цѣлое, по духу и стремленьямъ, съ главною радою, и вмѣстѣ съ нею служившія представителями всего русинскаго населенія Галиціи. Органомъ его была газета »Зоря Галицка« (Галицкая Денница), любимая народомъ и ненавидимая его врагами. Въ маѣ начала она издаваться, а въ іюлѣ было уже болѣе полуторы тысячи подписчиковъ—число огромное, если принять въ соображеніе малочисленность населенія Галиціи. Сочувствіе къ «Зорѣ» возбуждалось какъ направленіемъ ея, такъ и содержаніемъ. Она оставалась вѣрною народному знамени и проникнута была искреннимъ участіемъ къ народу, усердно защищая его права, свободу и конституцію. Враги Русиновъ косо смотрѣли на популярную газету, и дѣйствовали на нее и памфлетами и доносами: говорили, что главная рада своею «Зорею» возбуждаетъ народъ къ разбоямъ и къ рѣзнѣ. Несмотря на всѣ преслѣдованія, Галицкую Зорю признавали органомъ общественнаго мнѣнія—«мнѣнія соборнаго», и народъ любилъ ее, какъ родную сестру, ибо она высказывала то, что́ скрыто въ груди каждаго Русина.» Въ Зорѣ постоянно заявляемы были желанія и требованія народа, и помѣщались совѣты, какъ надо дѣйствовать при новомъ порядкѣ, вводимомъ конституціею, и какимъ образомъ устроить свою поземельную собственность, чтобы оградить ее отъ произвола богатыхъ помѣщиковъ и властей. Сообщалось и много

шукати, а права наши одъ всякой напасти и оскорбленя стале и сильне хоронити.

О томъ-то всемъ васъ, братя Русини, свѣдомыхъ чинимъ, и упоминаемъ, а бысте такъ, якъ доси, незломную вѣру заховали нашому найяснѣйшому цесареви и королеви конституційному Фердинанду I, въ томъ силномъ переконаню, що подъ можнымъ заступленьемъ Австріи права наши и народность наша укрѣпитися и силы свои розвинути могутъ.

Притомъ васъ уважныхъ робимъ, що такъ якъ съ одной стороны святымъ нашимъ обовязкомъ буде—права, народность нашу напротивъ всѣхъ замаховъ такъ домовыхъ, якъ чужосторонныхъ, силне и стале боронити: такъ съ другой стороны самъ Богъ и право людскости наказуе, абисьмо напротивъ тыхъ, котри попри насъ также ся о свое добро и свою народность стараютъ, жадной ненависти въ сердцяхъ нашихъ не живили, но якъ щири сусѣди одной землѣ въ згодѣ и едности жили...

Братя! завѣрте намъ, Русинамъ, и будьте переконани, що только на такой дорозѣ станемо ся тымъ, чимъ быти повинниськмо, станемо ся честнымъ, просвѣщенымъ, свободнымъ народомъ.

другихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ сельскомъ быту: о сельскомъ хозяйствѣ, о народной гигіенѣ, и т. п. Селяне призывались къ труду въ подобныхъ выраженіяхъ: «милые братья! уже нѣтъ панщины, и мы можемъ работать на себя, можемъ быть счастливыми, если сами захотимъ своего счастья. Но для этого надо дѣлать не такъ, какъ до сихъ поръ: надо трудиться и трудиться, работать и работать. Можетъ, питухъ Василь скажетъ: зачѣмъ трудиться, лучше пойти въ корчму; Иванъ скажетъ: не хочу работать, лучше перевернувшись полежать, а Дмитро скажетъ: я буду робити такъ, якъ мой тато та дѣдо робили. О, не говорите этого, милые братья! пьянство доведетъ до нужды и стыда, отъ лѣности впадаютъ въ бѣдность, а сели будемъ работать такъ, какъ наши отцы и дѣды, то такъ же, какъ они, ничего не будемъ имѣть; другіе станутъ издѣваться надъ нами, надъ нашими лохмотьями, вмѣсто одежды, и надъ лучинами, вмѣсто свѣтильни...» Постоянно защищая интересы народа, главная рада издавала предостереженія всякій разъ, какъ только грозила селянамъ какая бы то ни была опасность. Когда разнесся слухъ, что нѣкоторые изъ нихъ хотятъ продать свои усадьбы, рада убѣждаетъ ихъ не дѣлать этого, и во что́ бы то ни стало удержать землю въ своемъ владѣніи: «тѣ, которые продаютъ землю, пусть пораздумаютъ, что́ ихъ ожидаетъ; а ихъ ожидаетъ вотъ что́: пока будутъ силы, должны будутъ служить другимъ, и изъ чужихъ рукъ, какъ милость, получать кусокъ хлѣба, и подъ старость или не дай Богъ болѣзни, впадутъ въ нищету, будутъ валяться подъ чужими заборами, мучимые позднимъ раскаяньемъ, сожалѣньемъ и упреками себѣ въ безразсудномъ поступкѣ. Если бы кто изъ васъ, при всемъ своемъ трудолюбіи, не могъ по какому-либо несчастью, самъ обработать свою землю и вынужденъ былъ ее продать, то пусть вся громада возьметъ несчастнаго подъ свою защиту и не допуститъ его до бѣды. Ненависть къ панщинѣ, какъ къ самому страшному злу, тяготѣвшему надъ массами, рада и ея органъ — «Зоря» вполнѣ раздѣляли съ народомъ, привѣтствовавшимъ добрую вѣстницу словами:

Ой ты, Зоро Галицкая! якажесь намъ ясна!
Такесь красно засвѣтила, ажъ паньщина згасла...

Въ другомъ стихотвореніи разсказывается о побѣгѣ панщины; зозуля видѣла, какъ свобода загнала панщину въ лѣса и дебри; паны пустились въ погоню, и упрашиваютъ панщину вернуться: не знали мы, го-

ворятъ паны, что такъ тяжело добывать хлѣбъ трудомъ: теперь не на что намъ ходить въ кофейни, нѣчего проигрывать.

Прилетѣла зазуленька, та й стала ковати,
Ой щось я вамъ, добри люде, маю повѣдати:
Якъ вже гаѣ зеленѣли, я до васъ вертала,
Сѣламъ собѣ въ темномъ лѣсѣ, трохымъ спочивала,
Ажъ ту разомъ щось здуднѣло, я ся споглянула,
Якемъ диво обачила, ажемъ ся забула:
А то паньщину свобода передъ собовъ гнала,
Загнала ю въ лѣсы, въ дебры, щобы тамъ пропала,
А за нею женутъ паны, взяли ю просити:
Вертай, вертай назадъ до насъ, нема зъ-одкы жити.
Паньщина имъ одповѣла: щожъ я тому винна?
Самысьте мя одправили, я вамъ була вѣрна.
Не въ той способъ мы зъ тобою хотѣли ся розстати:
Мы судили, що тя колысь зновъ будемъ вытати.
Мы не вмѣемъ молотити, наши женкы жати,
Мы не знали, що такъ тяжко на хлѣбъ працювати;
До кавярнѣ нема съ чимъ йти, та й чортика грати,
Бо въ кешени всюда пусто, одкыжъ чого взяти?
Зъ арендаря вже не можна болше вытягати,
Бо вже на боргъ хлопъ не хоче горѣлонькы грати.

Торжествуя бѣгство неволи, Русины не знали, что скоро придется оплакивать изгнанье свободы, подобно тому, какъ одинъ изъ вождей чешской народной партіи представилъ, сквозь смѣхъ и слезы, пораженіе чешской конституціи (*).

(*) Ср. пѣсню Гавличка:

Naše konstituce
Letela z wysoka,
Stadion je strelec,
Strelil ji do boka.
Urazil ji kridlo
I prawau nožicku,
Smutne zaplakala,
Padla na Hanicku.
Ach! Bože, muj Bože!
Už jsem dolitala,
Už jsem moje deti
Tady zanechala.
Moje mile deti
Nedelaji skody,
Sedi na Dunaji,
Napijau se wody.

Призванный къ новой жизни, русинскій народъ силою обстоятельствъ приходилъ въ неизбѣжное столкновеніе съ двумя враждебными началами; онъ поставленъ былъ между двухъ огней: съ одной стороны была Австрія съ ея кратковременною конституціею, съ другой—Польша, съ ея вѣчною ненавистью къ Малоруссамъ. Всякій, кто вникнетъ въ сущность дѣла, убѣдится, что поведеніе Русиновъ въ отношеніи къ Австріи и къ Польшѣ обнаруживаетъ въ Русинахъ вѣрное пониманіе своего положенія, здравый смыслъ, твердость убѣжденій и истинную любовь къ родинѣ и свободѣ. Доказать это тѣмъ легче, что Русины не скрывали взводимыхъ на нихъ обвиненій, а дѣлали ихъ извѣстными всему народу, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ свой настоящій образъ мыслей и дѣйствій. Главныя обвиненія, направленныя противъ Русиновъ, состояли въ томъ, что будто-бы Русины—держатъ сторону Австріи; враждебно относятся къ Полякамъ; служатъ орудіемъ клерикальной партіи; излишне дорожатъ своимъ языкомъ, избирая его средствомъ для невѣрныхъ цѣлей. Разберемъ всѣ эти обвиненія sine ira et studio.

Застигнутые событіями тысяча восемьсотъ сорокъ восьмаго года, Русины, подобно нѣкоторымъ другимъ народамъ, не желали немедленнаго распаденія Австріи, измѣнившей свои отношенія къ подвластнымъ ей народностямъ. Причины, по которымъ Русины считали полезнымъ существованіе Австріи во время ихъ переходнаго состоянія отъ неволи къ свободной гражданской жизни, были слѣдующія. При всемъ стремленіи къ самобытности и свободѣ, Русины очень хорошо понимали, что, по своей малочисленности, они не могутъ образовать самостоятельнаго государства. Чувство народности влекло ихъ къ кровнымъ братьямъ, но слиться съ ними въ одно политическое цѣлое не было никакой возможности, при тогдашнихъ отношеніяхъ двухъ державъ, въ составъ которыхъ вошли восточные и западные Малороссы. Оставалось единственное средство — выборъ между Австріею и Польшею. Они выбрали Австрію, потому что она представляла болѣе гарантій для ихъ народности, нежели Польша. Объявивъ конституцію, Австрія признала равныя права всѣхъ народностей, и не препятствовала народнымъ собраніямъ, сходкамъ, обществамъ, радамъ. Поляки съ перваго же дня конституціи заявили себя противъ русинской народности, отрицали ее совершенно, и всячески старались противодѣйствовать Русинамъ, разстраивая сходки, оскорбляя народныхъ представителей, и т. п. Защищая Австрію, Русины не только не являлись ретроградами, какъ хотѣли представить ихъ недоброжелатели, а напротивъ, показали полное

сочувствіе къ свободнымъ учрежденіямъ, полагавшимъ конецъ произволу и насиліямъ. Въ ту пору Австрія дѣйствовала, по отношенію къ Русинамъ, безспорно либеральнѣе, нежели Поляки. Она дала Русинамъ конституцію, указала путь къ самоуправленію, и признала неприкосновенными основы ихъ народности, ихъ вѣру и языкъ. Поляки, требуя возстановленья Польши въ ея древнихъ предѣлахъ, желали уничтоженія независимой Руси, замѣны русинскаго языка польскимъ, и показали себя открытыми врагами народной религіи. Вооружаясь противъ Австріи, Поляки прибѣгали къ ея же оружію, только съ меньшею осмотрительностью: они ссылались на право завладѣнья, трактаты, католичество и тому подобныя доказательства, уступившія въ наше время сильнѣйшему двигателю—народности. Даже во враждебныхъ отношеньяхъ къ Русинамъ, нѣмцы оказались состоятельнѣе поляковъ. Попытки онѣмечить, направленныя не на Русиновъ исключительно, не были слѣдствіемъ мелочной, но чрезвычайно опасной личной вражды; предлагая вмѣсто русинской народности германскую съ ея богатою цивилизаціею, нѣмцы предлагали купить, хотя страшною цѣною, но все-таки великое умственное сокровище. Замѣна же малорусской народности польскою не была бы даже «восхожденьемъ отъ народнаго момента къ общечеловѣческому», какъ называли нѣмцы германизацію, а просто переходомъ отъ скромнаго сельскаго быта къ блестящей обстановкѣ съ неопредѣленнымъ содержаньемъ и съ неизбѣжною панщиною: для малоруса, Польша и панщина—два нераздѣльныя представленія. Несмотря на всѣ свои посягательства, Австрія въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавала Русиновъ народомъ самостоятельнымъ, т. е. отдѣльнымъ отъ польскаго, и старалась поднять ихъ народность, между-тѣмъ какъ поляки постоянно отрицали, вопреки дѣйствительности, самое существованье русинскаго народа, и пытались убить въ немъ народную жизненную силу. Такимъ образомъ, уже одно благоразуміе требовало—изъ двухъ недоброжелателей выбрать того, который хотя изрѣдка становится другомъ, и во время вражды дѣйствуетъ осторожно, не увлекаясь личнымъ пристрастіемъ,—а не того, который враждуетъ безпрерывно и увлекается призраками. Русины, впрочемъ, не вполнѣ довѣряли Австріи: слѣпое довѣріе вовсе не въ ихъ характерѣ, отъ природы основательномъ и разсудительномъ; не обольщая себя розовыми надеждами, они видѣли печальную необходимость поддержать ненадежнаго союзника. О будущемъ они судили по настоящему и прошедшему. Въ настоящемъ, Австрія предлагала, хотя неизвѣстно на-

долго ли, свободу, равноправность и конституцію, а Польша—рабство и политическое самоубійство; въ прошедшемъ, Австрія представляла только одно свѣтлое воспоминаніе, Польша—ни единаго. Здравый смыслъ—изъ двухъ золъ выбрать лучшее.

Отношенія Русиновъ къ коституціионой Австріи начались подачею адреса, въ которомъ Русины просили правительство о томъ:

1) Чтобы во всѣхъ народныхъ училищахъ тѣхъ округовъ Галиціи, въ которыхъ все населенье или большая его часть состоитъ изъ Русиновъ, преподаванье происходило на русинскомъ языкѣ.

2) Чтобы на русинскомъ языкѣ преподавали и въ высшихъ училищахъ, находящихся въ мѣстахъ населенныхъ Русинами.

3) Чтобы всѣ распоряженія, касающіяся края, указы правительства и опредѣленія мѣстныхъ властей, объявлялись на русинскомъ языкѣ, такъ какъ теперешній способъ объявленія, на нѣмецкомъ или польскомъ языкѣ, недостигаетъ своей цѣли, потому что народъ не понимаетъ этихъ языковъ.

4) Чтобы мѣста чиновниковъ въ русинской Галиціи занимаемы были лицами, знающими русинскій языкъ.

5) Чтобы воспитаніе русинскаго духовенства давало ему возможность дѣйствовать на народъ роднымъ ему словомъ.

6) Чтобы уравненіе духовенства всѣхъ трехъ обрядовъ: православнаго, католическаго и армянскаго, во всѣхъ правахъ и преимуществахъ, было нетолько на словахъ, но и на дѣлѣ.

7) Чтобы Русинамъ были дѣйствительно доступны всѣ гражданскія права, а равно и всѣ городскія и сельскія должности.

Въ заключенье говорится, что Русины обращаются къ своему королю, какъ дѣти къ отцу, въ полной увѣренности, что онъ исполнитъ ихъ требованія, вполнѣ сообразныя съ духомъ времени (*).

Враги Русиновъ, не обращая вниманья на содержанье адреса, нападали на форму, и въ невинной фразѣ (приведенной нами въ подлинникѣ) видѣли духъ рабства, поддержку абсолютизма и другіе небывалые ужасы. Но въ нѣсколькихъ словахъ адреса, какъ напр., чтобы уравненіе правъ было *не только на словахъ, а и на дѣлѣ*, сказано болѣе, нежели въ иныхъ широковѣщательныхъ объявленіяхъ, и

(*) «Мы поставляемся въ дѣтеческое отношеніе, и молимъ вашое величество, яко отца нашего отечества, прилежнѣйше, сія къ благоденьствію вашихъ вѣрнѣйшихъ дѣтей съ духомъ часа нашедшія конечны требованя всемилостиво исполнити».

адресъ произвелъ свое впечатлѣнье тамъ, гдѣ оно было всего нужнѣе. Правительство исполнило требованія Русиновъ. На третій, четвертый и седьмой пункты оно отвѣчало, что выраженныя въ нихъ желанія уже получили силу закона уставнымъ патентомъ. На первый и второй пункты постановило, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все населенье или большинство его — Русины, преподавали въ училищахъ на русинскомъ языкѣ, каоедры котораго открыть въ высшихъ училищахъ, чтобы дать средства молодежи узнать отечественный языкъ. По пятому пункту опредѣлено обратить особенное вниманіе епископовъ на этотъ предметъ, и въ семинаріяхъ сдѣлать русинскій языкъ обязательнымъ для каждаго; а по шестому пункту объявлено полное уравненіе правъ всѣхъ трехъ исповѣданій.

Отвѣтъ правительства положилъ начало добрымъ отношеніямъ между имъ и народомъ. Признаніе свободы совѣсти, равенство гражданскихъ правъ и возможность внутренняго устройства, сообразнаго съ потребностями народа, имъ самимъ заявленными,—приняты были съ глубокимъ и единодушнымъ сочувствіемъ. Русины протянули руку не деспотической Австріи, а конституціонной, признавшей личную и народную равноправность. Абсолютизмъ не въ духѣ русинскаго народа, представители котораго съ особеннымъ сочувствіемъ говорятъ о той порѣ, когда сильна была демократическая основа его быта, когда всѣ дѣла обсуживались народомъ, и выборные отъ всѣхъ сословій совѣщались о благѣ страны, нерѣдко призывая самого князя на судъ народа (*). Чѣмъ сильнѣе у Русиновъ ненависть къ необузданному произволу, тѣмъ усерднѣе защищали они данную имъ конституцію. Преданность свою конституціи, а отнюдь не абсолютизму, они выразили самымъ положительнымъ образомъ. Новый порядокъ защищали потому, что имъ уничтожена панщина; въ школахъ и судахъ слышится родное слово; введенъ гласный судъ присяжныхъ; всѣ жители

(*) Ср. Lelewel, Dzieje Litwy i Rusi, str. 68. «Ruś mająca na czele wielkiego kniazia i w nim niejaką polityczną spojnię, była jednak zbiorem wielu rzeczypospolitych znanych pod imieniem księstw, które w swych stolicach osobnych, poruszały politykę wewnętrzną całego kraju. .. Na wiecach obierają urzędników, odbierają od nich sprawę, wyrokują i stanowią o różnych przedmiotach grodu czyli posady i całego krajiu. Kniaź jest urzędnikiem zwierzchnim, który miał sądzić i kraj bronić. Nieraz on stawał osobiście przed ludem, na trwogę zgromadzonym, przedkładał potrzeby posady lub kraju, usprawiedliwiał się i czekał sam wyroku».

края стали равны передъ закономъ, и т. д. (*). Либеральныя идеи нашего времени—писали русины—требуютъ, чтобы разнообразные интересы приведены были къ единству, основанному на равенствѣ. Не достаточна личная равноправность каждаго гражданина передъ лицомъ закона; необходимо и равенство правъ всѣхъ народовъ, живущихъ въ Галиціи. Мы твердо рѣшились отстаивать всѣ права, данныя намъ конституціею, и дружно противодѣйствовать всякому покушенію уничтожить или ослабить эти права.

Рѣшившись дѣйствовать по строго-обдуманному плану, русины открыто и смѣло заявили свой образъ мыслей. Мы не желаемъ—говорили они—отдѣленія отъ Австріи и соединенія съ Польшею, ибо чувствуемъ, что подъ польскимъ владычествомъ не можемъ быть счастливы: мы дознались этого опытомъ многихъ вѣковъ, и готовы были забыть давнюю кривду, но настоящее поведеніе Поляковъ растравило глубокую язву. Если Поляки теперь, когда засвѣтилъ имъ только слабый лучъ надежды, такъ поступаютъ съ нами, то что̀ ожидало бы насъ, если бы они добились полной самостоятельности и полной власти надъ нами! И темпераменты и духовныя особенности отдаляютъ русиновъ отъ Поляковъ, и если бы, вопреки природѣ, соединить ихъ въ одно политическое тѣло, оно бы неминуемо должно было распасться, какъ распались Нидерланды послѣ 1830 года: между поляками и русинами произошло бы такое же столкновенье, какъ между голландцами и бельгійцами. Русины, разъ освобожденные, не пойдутъ ни въ какую неволю; народъ требуетъ теперь покоя, чтобы излѣчиться отъ понесенныхъ ранъ и тяжелой немочи; онъ желаетъ остаться при Австріи тѣмъ болѣе, что при теперешней конституціонной свободѣ надѣется жить счастливѣе, чѣмъ жилъ доселѣ. Мы должны держаться Австріи еще и потому, что возвращенья подъ польскую власть боимся какъ

(*) «Паньщина и данина знесени. Вже не будутъ доминія и мандаторы, але громада буде си сама выберала свою старшину громадску спомежи себе. Будутъ явни суды присяглыхъ въ очехъ людей, абы того, котрый провинитъ, не минула кара, и абы невинный не бувъ караный. Каждый житель краю есть ровный передъ правомъ. Цѣсарь нашъ, нѣмъ подпише и выдасть право, буде собирати сеймъ, на котрый жителѣ краю вольнымъ голосомъ маютъ си обирати депутатовъ, котрымъ могутъ завѣрити, абы тіи належито ихъ потребы и нужды оповѣли, и добри права обрадили. Министры будутъ передъ народомъ и сеймомъ одповѣдательныими. Вольно также теперь людемъ закладати рады, абы правды доходити, и вольно хоть кому правду сказати и писати, абы правда була на свѣтѣ».

величайшаго народнаго бѣдствія. Какъ сосѣди и впослѣдствіи подданные Польши, мы вблизи присмотрѣлись къ образу дѣйствій Поляковъ, и вполнѣ убѣдились, какъ невѣрно понимаютъ они свободу. Они хотятъ быть свободными исключительно, и притомъ такъ, чтобы имъ вольно было угнетать свой собственный народъ, и, при слабомъ правительствѣ, сдѣлаться неограниченными сатранами надъ селами и деревнями. Мы же, Русины, — мирный, тихій, земледѣльческій народъ, живемъ трудами рукъ своихъ, и у насъ совсѣмъ иное понятіе о свободѣ. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы еще не созрѣли: мы такъ долго были рабами, что, быть можетъ, не успѣли еще созрѣть, да и не желаемъ достигнуть зрѣлости, чтобы не отвѣдать хваленой польской свободы. Если же мы созрѣли, то приносимъ Полякамъ полную благодарность за ихъ неотвязчивую, своекорыстную опеку. Намъ дорога свобода; но никакія заманчивыя обѣщанія не обманутъ насъ, наученныхъ долгимъ историческимъ опытомъ и печальною современною дѣйствительностью. Свидѣтельствуемся Богомъ, что мы искренно любимъ свое отечество; но именно потому, что мы его искренно любимъ, мы не можемъ предать его на жертву анархіи. Поляки представили довольно доказательствъ, что они храбро дерутся, и умѣютъ рыцарски поступать съ непріятелемъ; но они ничѣмъ не доказали, что въ нихъ есть сила самообладанія и умѣнье мудро и прочно устроить свои внутреннія дѣла. Все это заставляетъ насъ держаться конституціонной Австріи, въ надеждѣ, что посредствомъ этого союза мы достигнемъ того благосостоянія, которое возможно только въ обществѣ, основанномъ на либеральныхъ началахъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Русины довѣряли не искренности Австріи, а силѣ обстоятельствъ, полагая, что она удержитъ Австрію, для ея собственной выгоды, на конституціонномъ пути. До объявленія конституціи, Русины много разъ высказывались противъ Австріи, но австрійское равнодушіе казалось имъ менѣе опаснымъ, нежели польскій фанатизмъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ: «Подъ владычествомъ Австріи (съ 1772 г.) улучшился матеріальный бытъ, но о возвышеньи русинской народности не заботились. Поляки же не переставали стараться объ ея уничтоженьи, желая вознаградить потерю самостоятельности расширеньемъ своей народности насчетъ Русиновъ. Австрійское правительство повидимому стремилось слить обѣ народности въ одну, и во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, преимущественно въ послѣднее время, имѣло въ виду только Поляковъ, польскій языкъ

и католическую вѣру—быть можетъ потому, что у Русиновъ не было дворянства, не было представителей, и притомъ же Австрія недовольна была ихъ расположеніемъ къ Россіи. Въ минуту опасности Австрія рѣзко отличала насъ отъ Поляковъ, но бѣда проходила—и снова забывали о насъ, какъ объ отдѣльномъ народѣ«

Единственное исключенье составляетъ время Іосифа II. Славяне вообще недружелюбно смотрятъ на дѣятельность Іосифа II, усматривая въ ней цѣль онѣмечить Славянъ. Что же касается Русиновъ, то мѣры Іосифа привели къ другимъ результатамъ. Первою заботою его было облегчить участь крестьянъ, подавленныхъ невыносимымъ гнетомъ (*). Новое правительство заботилось объ улучшеніи крестьянскаго быта, измѣнило условія панщины къ выгодѣ крестьянъ, и поставило преграды необузданнымъ доселѣ посягательствамъ рабовладѣльцевъ. Сознавая, что необходимымъ проводникомъ образованности долженъ быть народный языкъ, Іосифъ предписалъ духовенству, какъ главнѣйшему двигателю образованія въ Галиціи, преподавать и проповѣдывать на родномъ языкѣ. На русинскомъ же языкѣ читались богословскіе и философскіе предметы въ университетахъ, и происходили практическія упражненія и бесѣды воспитанниковъ въ семинаріяхъ. Королевскимъ декретомъ 30 іюля 1783 года учреждена семинарія во Львовѣ съ цѣлью служить разсадникомъ образованія въ русинскомъ народѣ. Сверхъ того, приняты были многія полезныя мѣры для развитія промышленности и торговли и т. д. Все это произвело на Русиновъ самое отрадное впечатлѣнье. Память добра долго хранится въ народѣ, неизбалованномъ судьбою, и поведенье Русиновъ во время войны Наполеона съ Австріею показало, что они умѣютъ быть признательными даже болѣе, нежели заслуживали ихъ мнимые благодѣтели. Первыя времена австрійскаго владычества много выигрывали въ сравненіи съ мрачнымъ царствомъ польскихъ пановъ, когда народъ разоряли налогами, священниковъ выгоняли на панщину, церкви отдавались на аренду жидамъ, высшія учебныя заведенія были недоступны русинамъ и т. п.

Подъ польскимъ владычествомъ Русины лишены были самыхъ необходимыхъ гражданскихъ правъ. Въ большихъ городахъ не имѣли права заниматься ремеслами и торговлею, и когда, въ 1575 году, львовскіе

(*) Eosque etiam (rusticos), quod in nonnullis fit provinciis (Lithuanicis et Ruthenicis) tamquam bestias vendendo (Lelewel's Betrachtungen. 158).

кущы хотѣли продать свои товары, то лавки ихъ были разломаны, а сами они заключены въ темницу и обложены денежною пенею. Они жаловались правительству на насиліе мѣстныхъ властей, правительство медлило рѣшеньемъ, процессъ тянулся безконечно, и разорилъ искавшихъ правосудія. Въ 1704 году Львовомъ овладѣли Шведы, и наложили на жителей контрибуцію, упавшую всею своею тяжестью на русинское населеніе города. Впослѣдствіи Карлъ XII облегчилъ дань, но Поляки требовали отъ Русиновъ прежняго взноса, говоря при этомъ, что лучше было бы сжечь русинскія церкви, и на мѣстѣ ихъ поселить Евреевъ. Составленъ былъ цѣлый проэктъ, въ которомъ подробно изложены мѣры, ведущія къ тому, чтобы уничтожить русинскую народность и стереть Русиновъ съ лица земли. Проектъ составленъ былъ, вѣроятно, при Сигизмундѣ III (1587—1632), но сдѣлался извѣстнымъ только въ 1717 году.

Цѣлость и безопасность государства—говоритъ польскій патріотъ—основывается на взаимной любви гражданъ, которая утверждается преимущественно единствомъ религіи. Поэтому, прямая обязанность какъ государственныхъ чиновъ, такъ и всякаго поляка преслѣдовать православныхъ Малороссовъ и стараться подавить ихъ всѣми способами: презрѣньемъ, оскорбленіями, угнетеньемъ и средствами еще сильнѣйшими. Для блага своего отечества блюститель польскихъ интересовъ предлагаетъ или ополячить Малороссовъ или истребить, рекомендуя слѣдующія мѣры:

1) Малороссовъ не допускать ни къ какимъ должностямъ, особенно же къ такимъ, на которыхъ они могутъ пріобрѣсть друзей, заслужить общее уваженье и принести честь своему народу. Въ обществѣ поляки должны явнымъ образомъ показывать, что они гнушаются малороссами, и въ присутствіи ихъ порицать ихъ вѣру, и т. п. Тогда навѣрное можно сказать, что каждый малороссъ скорѣе рѣшится отказаться отъ своей вѣры и народности, нежели всю жизнь подвергаться подобнымъ оскорбленіямъ.

2) Граждане, имѣющіе значительное состоянье, не должны давать у себя Малороссамъ такихъ мѣстъ, на которыхъ они могли бы получить нѣкоторое образованіе. Посредствомъ этого они впадутъ въ крайнее невѣжество и нищету, и будутъ прозябать въ самомъ жалкомъ состояніи.

3) Такъ-какъ въ городахъ живетъ много достаточныхъ Малороссовъ, то и ихъ надо привести къ нищетѣ и невѣжеству, чтобы они

не могли помогать своимъ соотечественникамъ ни деньгами, ни совѣтомъ. Для этого надо въ самыхъ многолюдныхъ мѣстахъ городовъ поселить Евреевъ, которые своею ловкостью отобьютъ всѣ доходы у Малороссовъ, и принудятъ ихъ выселиться въ предмѣстья, а затѣмъ имъ не избѣжать и панщины.

4) Главное препятствіе къ выполненью проекта представляютъ православные епископы и священники; но на первыхъ надо дѣйствовать лестью и обѣщаньями выгодъ, а на вторыхъ угрозами и насиліемъ, чтобы убить въ нихъ всякое стремленье къ дѣятельности. Въ епископы слѣдуетъ выбирать лица, находящіяся въ родствѣ съ католиками, ибо часть состоянія они при своей жизни раздарятъ католической роднѣ, а часть наслѣдуютъ, по смерти ихъ, не Малороссы, а Поляки.

5) Надо всячески стараться, чтобы священническія мѣста занимаемы были людьми неженатыми: если не будетъ женатыхъ поповъ, то не будетъ и поповичей, и за отсутствіемъ ихъ придется обратиться къ крестьянскимъ дѣтямъ, а такъ какъ они—страшные невѣжды, то вмѣсто православныхъ священниковъ будутъ назначаемы католическіе.

6) Всего упорнѣе тѣ изъ простаго народа, которые знаютъ грамотѣ: они имѣютъ большое вліяніе на народъ. Чтобы помочь бѣдѣ, надо сломить упорство въ самомъ корнѣ, а это сдѣлать очень легко. Стоитъ только закрыть находящіяся при церквахъ школы для крестьянскихъ дѣтей, и настрого приказать экономамъ и управляющимъ, чтобы дѣти крестьянъ не смѣли брать книги въ руки, и знали только соху, лопату и заступъ.

7) Подобныя мѣры могутъ произвести возстаніе въ Малороссіи. Въ такомъ случаѣ необходимо Малороссовъ истребить поголовно; если же польская армія не въ состояніи будетъ этого исполнить, то отдать ихъ въ вѣчное рабство татарамъ, и т. д. (*).

Приведенный проектъ говоритъ самъ за себя. Русины вынуждены были указать на подобные факты, потому что противная сторона ссылалась на историческія данныя, искажая ихъ по требованію памфлета. Вообще, приводя историческія свидѣтельства, русины поступали съ большою осторожностью и тактомъ, чтобы не раздувать вражды, для которой столько пищи было, къ сожалѣнію, и въ настоящемъ. Ихъ глубоко оскорбляли несправедливые укоры и клеветы, отъ которыхъ

(*) Supplementum ad historica Russiae monumenta, ex archivis ac bibliothecis exteraneis deprompta. 1848 p. 221 — 226.

не спасали ихъ ни ихъ жестокая доля, ни прямой, вполнѣ либеральный и въ высшей степени честный образъ дѣйствій.

Развитіе русинской народности, подъ охраною конституціи, называли реакціею. Требовали, чтобы русины помогли полякамъ отдѣлиться отъ Австріи, и, отрекшись отъ своей народности, отдали себя въ неволю. Русиновъ, носившихъ на шляпахъ эмблему своей народности,— золотаго льва и жолтоголубую кокарду, оскорбляли публично. Кричали: «свобода, братство!», и преслѣдовали насмѣшками и злобою вождей русинскаго движенія. Посягали даже на главнѣйшій залогъ гражданской свободы—народную раду; являлись на сходки, чтобы помѣшать образованію радъ, и заставить Русиновъ подчиниться чужой народности. Тяжко заболѣло русинское сердце, когда, въ первый же день конституціонной жизни, Поляки, всюду толковавшіе о братствѣ, съ Русинами поступили вовсе не побратски, и не допустили упомянуть въ адресѣ ни о русинскомъ языкѣ, ни о русинской народности, и публично стали кричать: «прочь, Русины!»

Чтобы парализировать русинскую раду, Поляки устроили раду польско-русскую изъ ополяченныхъ русиновъ, порвавшихъ всѣ связи съ народомъ. Въ первомъ собраніи ея читали адресъ Русиновъ, и утверждали, что русинская рада не есть голосъ всего народа, а только касты духовныхъ и бюрократовъ, какъ видно изъ того, что въ адресѣ говорится о благихъ дѣйствіяхъ австрійскаго правительства, о которыхъ никто не знаетъ, и конецъ адреса дышетъ рабствомъ, недостойнымъ свободнаго народа. Отражая несправедливый укоръ, Русины обращаются къ своимъ отпавшимъ братьямъ съ такою рѣчью:

«Вы признаете себя нашими братьями и защитниками нашей народности; но, скажите, приходила ли вамъ на сердце мысль о Русинской Землѣ, задумывались ли вы надъ долею народа, которая срослась съ душою Русина, смѣшалась съ его кровью? Вздохнули ль вы хотя половиною груди надъ бѣдною, темною, горькою долею народа? Нашъ адресъ не грозитъ бурями и кровопролитіемъ, да и зачѣмъ лить кровь, когда мирнымъ путемъ можно вѣрнѣе достигнуть цѣли? Мы не скрывали, что и подъ австрійскою державою было много кривды; самая подача адреса и заявленье о необходимости новаго порядка вещей показываетъ, что мы недовольны прежнимъ, австрійскимъ. Но спросите вашихъ собственныхъ отцовъ и дѣдовъ: они вамъ скажутъ, что австрійское иго (при Іосифѣ II) казалось чуть не раемъ въ сравненіи съ польскимъ....»

Польская, польско-русинская и русинская партіи были представлены аллегорически въ баснѣ: волкъ, лисица и баранъ. Волкъ передушилъ много овецъ, Небо его покарало: отняло у него силу, и его заковали въ желѣза. Въ одно утро, ему облегчили неволю, и онъ перемѣнилъ обращенье съ бараномъ, даже называлъ его братомъ. Лиса, подученная волкомъ, надѣла овечью шкуру, и говоритъ барану: я твоего роду, будемъ дѣйствовать вмѣстѣ. Но баранъ, хотя съ виду и простоватъ, сразу понялъ въ чемъ дѣло, и посмѣялся волчьей и лисьей хитрости (*).

Цѣль истой русинской рады указана въ воззваніи. Представители Русиновъ сочли нужнымъ объяснить ее подробнѣе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые старались унизить святое дѣло, выдумывая злыя и неправедныя цѣли: распускали слухи, что Русины выступаютъ по наущенію чиновниковъ, и тѣмъ производятъ раздвоенье между народами, живущими въ Галиціи. Доселѣ мы не имѣли свободы, — возражали русины — и оттого упала народность наша, обѣднѣлъ народъ нашъ, и люди сильные оставили бѣдный кровъ своей матери, и предпочли ему чужіе дома за ихъ лучшее убранство. Но какъ весною все измѣняетя, и казавшееся мертвымъ воскресаетъ къ новой жизни,—такъ съ конституціей должно миновать наше омертвѣніе, и народъ, согрѣтый солнцемъ свободы, возсталъ самъ, движимый собственною жизненною силою, и не нуждаясь для своего движенія въ постороннемъ содѣйствіи.

Что Русины дѣйствовали въ духѣ народа, доказывается и тѣмъ, что воля народа и дѣйствія его представителей заявляемы были въ радахъ, и что во главѣ движенія стояли люди, выбранные народомъ

(*) Вовкъ, другъ лиса, много грѣшивъ—
Не одную овцю здушивъ,
Але неба го скарали,
Бо му силу одобрали,
И желѣзомъ оковали.
Скомлѣвъ, кричавъ безъ устанку,
Ажъ одного-ось поранку
Казали му попустити,
Тяжку долю полегшити,
Чи не схоче ся змѣнити.

—

Скоро було вже му лучше,
Выйшовъ въ поле, и нужъ худше
До барана промовляти,
Своимъ братомъ називати
И до себе запрошати.
А баранець щиро каже:
«Не зводивбысь мене, враже!
«Не годе мнѣ съ тобовъ жити,
«Ты хочешъ мене злестити,
«А потому одушити».
Въ томъ лисъ, вдягши овчу скору,
Бы ствердити вовка вѣру,
Каже: «и я твого роду,
«Ходи, брате, безъ заходу,
«Не мутѣмо одность, згоду».
А баранъ на лиса швидко
Зиркъ, та й каже: хвостъ ти видко,
Вжесь ся здрадивъ нимъ, небоже,
Якесь гадавъ? вызнай! щоже?
Подступъ вкрити ся не може.—

глубоко ему сочувствующіе и вполнѣ знающіе его бытъ, нужды, образъ мыслей и характеръ. Народъ по-своему радовался конституціи, и недоброжелательно смотрѣлъ на противодѣйствіе новому порядку вещей. Онъ считалъ врагами своими тѣхъ, которые вмѣшивались въ его дѣла, и умышленно сообщали ему невѣрныя извѣстія, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу. Люди образованные старались помирить двѣ народности, и доказывали народу, что «между Русинами также найдутся такіе, которые готовы разглашать неправду; хотя между Поляками нѣкоторые и показали себя дурно, но тотъ сильно ошибется и поступитъ несправедливо, кто по немногимъ сдѣлаетъ заключенье о цѣломъ народѣ; большая часть Поляковъ — люди хорошіе и правдолюбивые» и т. д. Но у народа своя логика. О дѣйствіяхъ Поляковъ судилъ онъ по тѣмъ случаямъ, когда видѣлъ ихъ вблизи и говорилъ съ ними о новыхъ порядкахъ. Весьма невыгодно подѣйствовало на народъ слѣдующее обстоятельство. Когда надо было выбирать депутатовъ на вѣнскій сеймъ, явились въ села польскіе агенты, и стали отговаривать отъ выборовъ. Одни говорили: все то *брехня*, что вамъ читали комисаръ и попъ въ церкви, не выбирайте, потому что всякаго, кто попробуетъ поѣхать въ Вѣну, будутъ тамъ безъ милосердія бить, и ужъ онъ навѣрно назадъ не вернется. Другіе говорили: не идите на выборы, добрые люди, и другихъ отговаривайте, потому что въ Вѣнѣ сбираютъ подписи на панщину. Страхъ панщины такъ подѣйствовалъ на народъ, что въ нѣкоторыхъ околицахъ выборы не состоялись, а вслѣдствіе этого поѣхало на сеймъ большинство Поляковъ. Народъ не могъ простить такого лукавства, и отмстилъ за него пословицей. Не нравилось народу и то, что на сходкахъ и въ домахъ стали появляться переметчики; въ представленьи его не вязались «свобода, братство, правда,» съ появленіемъ тайной полиціи, которая «зъ патріотизму больше бреше, нежели давнѣйша за гроши брехала».

Слухъ о конституціи распространился повсюду въ Галиціи; жители городовъ и селъ толковали о важной новости, но въ этихъ толкахъ иногда слышалось недоумѣнье, все ли пойдетъ по-новому, и что за диковинка такая эта конституція. Какъ только объяснялась сущность ея примѣнительно къ понятіямъ селянъ, здравый смыслъ народа сознавалъ, что это великое добро. Одно только не вдругъ было понято большинствомъ, именно то, отчего общую радость раздѣляютъ Поляки? значитъ—думали крестьяне—конституція что-то такое, что выгодно полякамъ, а что хорошо для Поляковъ, то дурно для нашего брата: на-

родъ понималъ свободу не иначе, какъ въ смыслѣ освобожденія отъ Ляховъ, т. е. отъ панщины. Писатели и духовные старались просвѣтить народъ въ этомъ отношеніи, и расположить его къ Полякамъ, свободнымъ отъ панскихъ притязаній. Народные толки по поводу неожиданной новизны представлены въ «розмовѣ о конституціи» между Василемъ, Андреемъ, старшимъ братомъ Григоріемъ и священникомъ:

Василь. У всѣхъ на шляпахъ цвѣты: что́ это значитъ, что́ изъ этого выйдетъ?

Андрей. Не знаешь, такъ я тебѣ скажу: Ляхи будутъ нами орать, будутъ насъ вѣшать, какъ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Григорій. Толкуешь ты такъ и сякъ. Не штука слѣпить дурную небылицу, но надо знать правду. Вотъ я былъ въ городѣ, и мнѣ много кой-чего порасказали: и что́ есть какая-то конституція и что́ есть вольность, и много другаго говорили, да голова моя старая не беретъ: они ли не умѣли мнѣ растолковать, я ли не съумѣлъ ихъ понять, только и самъ не знаю, что́ и сказать вамъ.

На эти слова входитъ *панъ-отецъ*, и объясняетъ дѣло общедоступнымъ сравненіемъ.

Священникъ. Помнишь ли, Григорій, какъ пять лѣтъ тому назадъ, я освящалъ у тебя домъ. Отчего у тебя тогда не родилъ садъ и засохли деревья? Оттого, что застарѣлъ; но что́ же въ немъ состарѣлось? вѣдь были и молодыя деревья, а не цвѣли? Ладъ, порядокъ въ немъ состарѣлся: одно другое глушило, одно другому не давало расти, а вѣдь каждое деревцо хочетъ свободы и яснаго солнышка. А какъ пересадили садъ, выкопали негодное, выбросили каменья, обчистили деревья, все зазеленѣло и пошло вверхъ. Вотъ, какъ въ твоемъ саду, такъ теперь между людьми заводится новый ладъ. Старый ладъ, по которому люди жили и рядились, теперь состарѣлся. Нѣтъ на свѣтѣ мудреца, который бы далъ законъ, годный на всѣ времена. Тоже случилось и съ нами. Чувствовали люди, что старый порядокъ тѣснитъ и глушитъ ихъ, терпѣли долго, наконецъ стали просить новаго порядка, съ тѣмъ, чтобы не ставить никакихъ законовъ безъ народной рады и совѣщаться съ народомъ обо всемъ, что́ ему нужно и чего не нужно.

Василь. А для чего же это?

Григорій. Ты еще молодъ, не знаешь, какъ чему слѣдуетъ быть на свѣтѣ. Если бы моя грушевка могла говорить, то и узнали бы, что корень у ней подточенъ: каждый про себя лучше всѣхъ другихъ знаетъ, что́ ему нужно.

Священникъ. Такъ, такъ, мой Григорій! Люди—какъ дѣти у отца: пока маленькіе, надо самому за ними смотрѣть, а какъ наберутся ума, надо съ ними совѣтоваться.

Василь. Да развѣ прежде люди были маленькіе?

Священникъ. Люди были, какъ и всегда, и маленькіе и большіе, да не имѣли того разуму, что теперь, а нынче чуть не у каждаго въ головѣ просвѣтлѣло; оттого и власти будутъ совѣщаться съ народомъ, и чего люди не захотятъ, того имъ никто не можетъ навязать. Такой порядокъ называется конституціею; и теперь уже не самъ царь, а царь вмѣстѣ съ народомъ будетъ управлять нашимъ краемъ. Оттого и радость такая, какъ на Свѣтлое Воскресенье, оттого-то и цвѣты у всѣхъ на шляпахъ; а гдѣ цвѣты на деревѣ, тамъ надѣемся и плодовъ...

Проводя подобныя мысли, духовенство честно исполняло обязанность свою передъ народомъ. Вообще, положеніе русинскаго духовенства таково, что оно не только не составляетъ отдѣльнаго лагеря, который можно бы назвать клерикальною партіею, а само стремится къ тому, чтобы дѣйствовать заодно съ народомъ, дѣло котораго признаетъ святымъ и правымъ. Оно смотритъ на селянъ, какъ на своихъ братьевъ, вытерпѣвшихъ съ нимъ тяжелыя бѣды и несчастія. Въ свою очередь, и народъ сохраняетъ добрыя отношенія съ своими пастырями—и потому, что они самые свѣдущіе люди въ краѣ, и потому, что они всегда въ ладу съ народомъ, и потому наконецъ, что на нихъ особенно направлено постоянное преслѣдованіе со стороны враговъ. Самъ Костюшко признавалъ это, и въ прокламаціи своей, обращаясь къ русинскому духовенству, говорилъ: «ваша судьба, самая жизнь ваша вѣчно подавляема была несправедливымъ гнетомъ, и положеніе ваше до сихъ поръ самое ужасное; свободные и независимые Поляки облегчатъ вашу тяжелую участь (*). »

Связь духовенства съ народомъ не имѣетъ поддержки въ фанатизмѣ, чуждомъ русинскому народу, у котораго любовь къ родинѣ несравненно сильнѣе клерикальныхъ пристрастій. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Русины сближаются съ Чехами. Если и возникаютъ иногда столкновенія съ католиками, то это происходитъ или оттого, что необходимо отразить попытки насильно ввести католичество, а съ нимъ и чужую народность, или же въ томъ случаѣ, когда

(*) Ergänzungsblätter zur österreichischen zeitschrift für geschichts-und staatskunde. 1835. s. 10.

противная сторона впадаетъ въ мистицизмъ. Большею же частью Русины не вдаются въ полемику, а спокойно предоставляютъ на судъ всѣхъ и каждаго подобные возгласы своихъ противниковъ: «Поляки призваны докончить дѣло христово; жертвою христіанства былъ Христосъ, жертвою совершенія христіанства—Христосъ—народъ (т. е. Поляки). Христосъ—народъ скоро сядетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и всѣ станутъ передъ страшнымъ судомъ его, и горе тогда королямъ, французамъ, нѣмцамъ, москалямъ, а горше того, и сто разъ горше, его ближайшимъ родичамъ (т. е. Русинамъ), которые не хотятъ признать божественнаго призванія Польши, и производятъ раздвоенье между братьями».

Такъ какъ въ русинскомъ народѣ нѣтъ фанатизма, то отношенія его къ духовенству опредѣляются большею или меньшею преданностью духовныхъ лицъ народному дѣлу. Нѣкоторыя изъ нихъ доказали преданность свою въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и за то подверглись нареканію отъ враговъ русинскаго движенія. Хотите ли знать,—пишетъ одинъ сельскій житель—отчего распускаютъ дурные слухи о владыкѣ, предсѣдателѣ рады, и о русинскихъ священникахъ? Оттого, что владыка нашъ и священники крѣпко стали за народъ, и съ твердостью, во всеуслышаніе, сказали: «мы—Русины, и хотимъ остаться Русинами!»

Въ двусмысленное отношеніе къ народу поставлены нѣкоторыя изъ высшихъ духовныхъ лицъ. Положеніе ихъ весьма затруднительно. Съ одной стороны, австрійское правительство старается сдѣлать ихъ орудіями для своихъ цѣлей; съ другой—неутомимо дѣйствуетъ римская пропаганда. Уніатскимъ епископамъ предоставляются различныя преимущества, смотря по степени покорности ихъ католическимъ властямъ. Желаніе получить выгоды кардинальскаго сана заставляютъ честолюбивыхъ епископовъ входить въ разныя сдѣлки съ римскимъ дворомъ, и даже раздавать паствѣ своей индульгенціи. Удивительный анахронизмъ,—раздача индульгенцій, противъ которой возставали уже въ пятнадцатомъ столѣтіи, происходитъ въ Галиціи во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка.

По вѣрному исчисленію,—сказано въ напечатанной во Львовѣ въ 1859 году индульгенціи,—на всемъ земномъ шарѣ умираетъ каждыя сутки восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Объ умирающихъ въ теченье двадцати четырехъ часовъ должно три раза въ день читать слѣдующую молитву: «О всеблагій Іисусе, любителю душъ! молю Тя, черезъ ко-

наніе сердца Твоего и черезъ болѣзнь Матери Твоея непорочныя, омый въ крови Твоей грѣшниковъ всего міра, теперь въ конаніи зостающихъ и нынѣ еще умерти имѣющихъ. Сердце Іисусово конающее, помилуй конающихъ! аминь.» За каждое «отмовленіе набожное» этой молитвы, папа Пій IX далъ сто дней отпуста, а кромѣ того, разъ въ мѣсяцъ полный отпустъ для тѣхъ, которые читали ее три раза въ день въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Всѣ эти отпусты можно также жертвовать за души, страждующія въ чистилищѣ. Затѣмъ помѣщены «воздыханія съ отпустами»:

«О Іисусе мой, милосердіе подай!»—сто дней отпуста, Пій IX. 1846.

«Благословенно да будетъ непорочное зачатіе Пресвятыя Дѣвы Богородицы»—сто дней отпуста, Пій VI. 1793.

«О Госпоже моя, о мати моя, помяни мя, сохрани мя и соблюди мя, яко твой есмь азъ»—сорокъ дней отпуста, Пій IX. 1851.

Послѣднее обвиненіе, взводимое на Русиновъ, состоитъ въ томъ, что они черезъ-чуръ любятъ свой языкъ, и дѣлаютъ его орудіемъ для дурныхъ цѣлей. Мнѣніе, что родной языкъ надо любить, но только не очень, до-того наивно, что его нельзя даже опровергать. Для уясненія другаго упрека надо замѣтить, что дурными цѣлями австрійскіе бюрократы называютъ то обстоятельство, что Русины видятъ въ языкѣ вѣрнѣйшій залогъ спасенія своей народности, и въ заботахъ своихъ о немъ также стремятся быть независимыми отъ австрійской опеки, какъ и въ другихъ проявленіяхъ своей дѣятельности. Обработка отечественнаго языка составляетъ предметъ большихъ усилій, думъ и соображеній русинскихъ писателей; преданные одному дѣлу, они расходятся въ средствахъ для достиженія ихъ общей цѣли: одни исключительно держатся народнаго языка, областныхъ говоровъ, другіе считаютъ необходимымъ обращаться къ языку церковнославянскому, какъ неизбѣжному элементу при образованіи литературнаго языка всѣхъ юговосточныхъ Славянъ. Послѣднее направленіе обнаруживается преимущественно въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ въ виду читателей образованныхъ, знающихъ и народный языкъ и старославянскій, или, «старорусскій,» какъ называютъ его Русины. Большинство образованныхъ Русиновъ—какъ утверждаетъ «Галицкая Зоря»—держится того мнѣнія, что самый есте-

ственный путь для развитія русинскаго языка—тотъ же, что и для русскаго литературнаго, т. е. чтобы «простонародное нарѣчіе дополнялось непрестанно словами нашего старорусскаго языка». Исходя отъ этой точки, писатели все болѣе и болѣе сближали книжный русинскій языкъ съ русскимъ литературнымъ.

Сближенье русинскаго языка съ русскимъ показалось австрійскому правительству очень опаснымъ въ политическомъ отношеніи—и вотъ рядъ респрессивныхъ мѣръ противъ литературнаго направленія. Стремленье сблизить русинскій языкъ съ старославянскимъ и русскимъ стали называть опасною мечтою горячихъ умовъ, непрактическою затѣею молодаго поколѣнія, и т. п. Чѣмъ болѣе вооружались противъ безвреднаго стремленія, тѣмъ болѣе оно пріобрѣтало популярности. Извѣстно, что самый невинный и даже самый достойный предметъ можетъ упасть въ общемъ мнѣніи, если сильные міра возьмутъ его подъ свою опеку, вмѣсто того, чтобы предоставить свободному выбору каждаго. Казалось бы, что направленье, защищавшее народный языкъ, его чистоту и неприкосновенность, должно непремѣнно взять верхъ надъ всякимъ другимъ; но на дѣлѣ вышло иначе. Главнѣйшая причина такого явленія заключается въ томъ, что австрійскія власти приняли подъ свое покровительство всѣ книги и изданія на такъ-называемомъ чисто-народномъ языкѣ, и поощряли авторовъ, упавшихъ въ общественномъ мнѣніи уже потому, что дѣятельность ихъ получила оффиціально-австрійскій оттѣнокъ (*). Различіе въ языкѣ зависитъ нетолько отъ характера сочиненій, но и отъ мѣста ихъ появленья. Въ книгѣ, изданной въ Галиціи, часто поражаетъ пестрота языка, смѣсь областныхъ говоровъ съ полонизмами; въ книгѣ же вышедшей въ Венгріи, языкъ гораздо чище и очень близокъ къ русскому. Тотъ же самый актъ, обнародованный на нѣмецкомъ языкѣ, передается въ уг-

(*) Ср. «Auch wird den begabten ruthenischen schriftstellern schon demnächst eine sehr ehrenvolle und nützliche Aufgabe gebothen werden, indem das hohe k. k. ministerium für kultus und unterricht dringend anempfohlen hat, dass sobald als möglich die herrstellung entsprechender ruthenischen lehrbücher der religion für gymnasien in angriff genommen werde, wobei dasselbe hohe ministerium jede unterstützung grossmüthig zuzusichern geruhet hat, — wie denn überhaupt jede preiswürdige schriftstellerische leistung in ruthenischer volksmundart zu gunsten der schulen und zur verbreitung gemeinnütziger kenntnisse unter dem volke auf die unterstützung von seite der kaiserlichen regierung mit zuversicht zu rechnen hat.» Vom gr. kath. metropolitan — ordinariate, Lemberg am 25 november 1858.

нетенномъ Львовѣ иначе, нежели въ болѣе свободномъ Офенѣ. Вотъ одно изъ доказательствъ:

ВО ЛЬВОВѢ:

Условія уговора взглядомъ службы оставляются свободной умовѣ обохъ сторонъ. — Условія, которы не сгаджаются съ приличною карностью домовою, або сопротивляются певнымъ предписамъ заказовымъ, суть неважными, и повинны належиту кару стягнути такъ на службодавцевъ, якъ и на слугъ.

Все, що въ семъ порядку взглядомъ слугъ о службодавцѣ сказано, дотычится такожь и его заступника, позакóльку не относятся поединокій изъ тѣхъ постановленій, ведля истоты рѣчи самой, исключно лишь до особы службодавця самого.

ВЪ ОФЕНѢ:

Условія заключаемаго договора предоставляются сторонамъ на волю. — Условія, неумѣстныя съ благочиніемъ порядочнаго дома, или противящіяся предписаніямъ для слугъ и служанокъ, считаются ничтожными, и какъ хозяинъ такъ и слуга или служанка, согласившіеся на оныя, должны быти подвержену наказанію.

Гдѣ въ настоящемъ уставѣ упоминается о хозяинѣ, то постановленія, касающіяся его, должны разумѣтися также и о его намѣстникѣ, на сколько они не касаются исключительно хозяина.

Всѣ, приведенные нами, факты показываютъ, что обвиненія, которымъ подвергались и отчасти подвергаются Русины, не имѣютъ твердаго основанія, и происходятъ въ-сущности оттого, что Русины не хотѣли и не хотятъ умереть заживо. Событія 1848 года дали Руснамъ возможность высказаться ясно и опредѣленно; народъ получилъ право голоса; требованія, заявленныя ими въ 1848 году, были голосомъ свободнаго народа, — лучшаго судьи въ дѣлахъ, касающихся его политическаго и общественнаго устройства. Основываясь на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ самого народа и его представителей, можно и должно вывести такое заключенье о дѣйствіяхъ русиновъ въ 1848 году, опредѣлившемъ дѣятельность ихъ и на будущее время.

Во взглядѣ на происходившія событія и въ отношеніяхъ къ общественнымъ дѣятелямъ Русины оставались вѣрны демократической основѣ своего быта и демократическому закалу своихъ убѣжденій. Руководствуясь имъ, они не сочувствовали стремленіямъ польской партіи, потому-что вцдѣли въ ней аристократическое начало, проявлявшееся то въ панщинѣ, то въ презрѣньи другихъ народностей. На томъ же

основаніи они неблагопріятно смотрѣли на Венгровъ, державшихъ себя гордо въ отношеніи къ своимъ меньшимъ братьямъ—оторваннымъ частямъ славянскихъ племенъ, разсѣяннымъ по венгерской землѣ. Взглядъ Русиновъ выразился въ слѣдующихъ словахъ: «кажется, гордымъ мадьярамъ придется признать одинаковыя права всѣхъ народностей, и *шляхетская* мадьярщина расплывется въ австрійской монархіи.» Этими словами объясняется, между прочимъ, почему Русины защищали конституціонную Австрію: они представляли ее себѣ чѣмъ-то безличнымъ, отвлеченнымъ, подводящимъ подъ одинъ уровень всѣ народности, и тѣмъ самимъ ограждающей право каждой изъ нихъ на самостоятельное существованіе. Впослѣдствіи, Венгры измѣнили свой образъ дѣйствій, признали права каждой народности, и тѣ же самые Славяне, которые въ 1848 году были заклятыми врагами Венгровъ, сдѣлались ихъ лучшими друзьями во время итальянской войны и венгерскаго движенія. Примѣръ Венгровъ въ высшей степени важенъ для всѣхъ угнетаемыхъ народовъ, подверженныхъ одинаковой участи, и выступающихъ на бой, для освобожденья себя отъ гнета ихъ общаго врага. Можно положительно сказать, что всякій народъ, въ какихъ бы враждебныхъ отношеніяхъ ни былъ онъ съ Русинами, найдетъ въ нихъ искреннее, братское сочувствіе и поддержку, если только такъже искренно признаетъ права русинской народности.

Требуя правъ себѣ, Русины свято дорожили правами другихъ. Девизомъ ихъ было: «признавай за другими ту же свободу, которой добиваешься для себя.» Въ спорѣ съ польскою партіею слышались разные тоны, отъ спокойнаго до восторженнаго и страстнаго; но весь споръ относился отнюдь не ко всему польскому народу, а только къ одной партіи, и именно потому, что она не была голосомъ народа. Русины утверждали, что польская рада не можетъ назваться народною, потому что народъ не признаетъ ея даже въ тѣхъ округахъ, которые заселены исключительно Поляками. Что касается не партіи, а собственно народа, то Русины обращались къ нему съ сочувствіемъ, помня, что онъ вмѣстѣ съ ними терпѣлъ отъ пановъ, и не питалъ враждебныхъ чувствъ, руководившихъ партіями. Въ первомъ воззваніи свободныхъ Русиновъ говорится уже о необходимости жить въ единодушіи, любви и согласіи съ польскимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Русины признавали неприкосновенность правъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ вѣрованій и убѣжденій. Мысль о равенствѣ всѣхъ и каждаго передъ закономъ постоянно проводилась и въ сношеніяхъ съ властями и въ рѣ-

чахъ, обращенныхъ къ народу. Въ адресѣ своемъ, они признали равенство всѣхъ исповѣданій—православнаго, католическаго, армянскаго: уже одно это обстоятельство удаляетъ всякую мысль о религіозной нетерпимости.

Самымъ святымъ для Русиновъ дѣломъ, вызвавшимъ всю силу ихъ духа, было спасенье своей народности и свободы. «Мы не пойдемъ ни въ какую неволю»—говорили они въ 1848 году.—«Народъ нашъ не поддастся чужой власти; онъ имѣетъ свои природныя особенности,—у него свои потребности и цѣли, которыя никто не можетъ знать такъ хорошо, какъ онъ самъ.» Русины требовали конституціи, свободы совѣсти и слова, равноправности лицъ и народностей. Справедливо ли осуждать народъ за то, что онъ, заявивъ подобныя требованія, энергически отстаивалъ права свои на самостоятельность и свободу? Такое осужденье несовмѣстно съ цивилизаціею девятнадцатаго вѣка, и недостойно политическихъ и общественныхъ убѣжденій, развившихся подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени.

МНѢНІЕ Г. ПАЛАЦКАГО О ПРОИСХОЖДЕНІИ КОЗАКОВЪ

(въ сочиненіи его: Dejni narodu Ceskeho, dil. IV, castka I.)

По смерти Жижки, образовались у Чеховъ и въ другихъ земляхъ: въ Австріи, Моравіи, Силезіи, Венгріи, Польшѣ и Пруссіи, военныя общества, или военныя роты, жившія подъ собственными законами, не признававшія никакой подчиненности, кромѣ повиновенія своимъ вождямъ. Общества эти, или роты, не были сбродомъ грабителей (lupežnikov) подобно великимъ ротамъ; онѣ не скрывались, а господствовали явно, считая, себя хранителями закона Божія. Эти военныя общества, или братья, братчики, которыхъ непріятели называли нищими, разбойниками, достигли такого значенія, что нѣкоторое время признаваемы были за самостоятельную силу, распространенную по всѣмъ странамъ и концамъ Европы. Основаніе и духъ обществъ былъ чешскій, старотаборскій, а тѣло, по выраженію Палацкаго, слагалось изъ сброда людей всѣхъ націй, людей, занимавшихся военнымъ ремесломъ и предлагавшихъ свои услуги то за плату, то безъ всякаго вознагражденія. Внутреннее устройство обществъ было олигархическое: старшіе и гетьманы собирались на раду и, по общему совѣту, рѣшали, что нужно было предпринять. Военныя чешскія общества, по словамъ Палацкаго, внесли не только новый способъ веденія войнъ, употребленія иного оружія и тактики, но также имъ принадлежитъ устроеніе цѣлаго войска и отдѣльныхъ ротъ.

Чешскій способъ веденія войны перешелъ къ сосѣднимъ народамъ: Нѣмцамъ, Полякамъ, Венграмъ, и конечно, говоритъ Палацкій, *отсюда возникла школа русскаго козачества, охранявшаго Западъ Европы отъ Татаръ*. Знакомство сосѣднихъ народовъ съ гуситскимъ способомъ веденія войны, по словамъ Палацкаго, могло произойти двоякимъ путемъ: или чужеземцы приходили къ Чехамъ учиться военному искуству, или чешскіе воины были приглашаемы въ другія страны, то какъ опытные люди въ военномъ искуствѣ, то какъ вожди дружинъ, устроенныхъ по образцу чешскому. Первые изъ чужеземцевъ, приходившихъ къ Чехамъ воевать *за свободу*, были Поляки и Русины Галицкіе. Они приходили зимою 1422 г. подъ предводительствомъ Сигизмунда *Корибута* отъ В. Князя. Лит., *Александра Витолда*, котораго Чехи желали тогда имѣть королемъ.

Вмѣстѣ съ Корибутомъ литовскимъ приходилъ русскій *князь Фридрихъ*, потомокъ Романа Галицкаго изъ рода князей Острожскихъ, о которомъ Длугошъ свидѣтельствуетъ, что онъ, отъ долголѣтняго пребыванія у Чеховъ, совершенно очешился и ознаменовалъ себя въ битвѣ при Аустѣ (Авзикъ на Лабѣ). Въ 1438 г. онъ былъ назначенъ княземъ *Прокопомъ Великимъ*, Таборскимъ Гетьманомъ въ Брецлавѣ (Брежцлавѣ, Лютенбургѣ) въ Моравіи, и еще въ 1438 году, упоминается въ Польшѣ, какъ военный помощникъ гуситскаго пана, *Шпижки*, изъ Мельштина. Безъ сомнѣнія, его сынъ, или племянникъ, былъ Вацлавъ князь изъ Острова, котораго находимъ (1460) въ службѣ авантюриста *Млодванька*, въ Нейбахѣ, польнымъ гетьманомъ. Неизвѣстно, что́ случилось съ нимъ послѣ. При скудости историческихъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ тѣхъ временъ и изъ иныхъ странъ, достаточно и этихъ свидѣтельствъ, для подтвержденія того, что воители чешскіе, польскіе и русскіе въ XV стол. находились въ постоянныхъ и пріятельскихъ сношеніяхъ.

Чешское военное искуство, продолжаетъ Палацкій, было извѣстно въ концѣ XV в. въ средней и восточной Европѣ, и въ-особенности въ Польшѣ и Россіи.

Вслѣдствіе чего, возникло въ то время (въ началѣ XVI в.) военное *общество, извѣстное подъ именемъ Козаковъ*, сначала на Украинѣ, а потомъ и въ другихъ земляхъ. Военное искуство козаковъ, которымъ они отличались, какъ отъ Татаръ—своихъ враговъ, такъ и отъ короннаго войска польскаго и русскаго, главнымъ образомъ основывалось *на таборахъ* и подвижныхъ укрѣпленіяхъ, *устраиваемыхъ изъ возовъ*. Наконецъ, все козацкое устройство было буквально то самое, которое мы видѣли, говоритъ Палацкій, въ братскихъ ротахъ въ Венгріи и нѣмецкой землѣ, 30 лѣтъ назадъ предъ возникновеніемъ козачества.

Все это, заключаетъ Палацкій, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что козачество—не то, которое теперь существуетъ, а то, какимъ оно было въ XVI—XVII в.,—образовалось наподобіе военныхъ ротъ, существовавшихъ у Чеховъ и у другихъ народовъ. Слово казакъ (собственно козакъ), по словамъ Палацкаго, означало у *Славяно-Татаръ* (*) то, что у Сербо-Влаховъ «*Gusar* или *Husar* и *Гайдукъ*,—у

(*) Насъ остановило странное сочетаніе Татаръ и Славянъ въ одно слово; не знаемъ, признать ли эту комбинацію неточностью выраженія, или г. Палацкій, въ самомъ дѣлѣ, признаетъ какое-то Славяно-Татарское общество.

Грековъ Kleïta», былъ человѣкъ военный, который, уходя отъ рабства, предавался разбою или грабежу.

Поэтому, заключаетъ Палацкій, неосновательны мнѣнія ученыхъ о происхожденіи козаковъ: *козаки, какъ отдѣльныя личности*, явились вслѣдствіе насилій татарскихъ; козачество, какъ общество военное, какъ сила военная, какъ республика военная, образовалось въ началѣ XVI ст. *наподобіе братскихъ чешскихъ ротъ*.

Признавая вполнѣ важность глубокихъ историческихъ изслѣдованій Палацкаго, не только для исторіи Чеховъ, но и для исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ, мы не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго чешскаго исторіографа о происхожденіи козачества.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскія и польскія военныя дружины находились въ частыхъ и дружескихъ сношеніяхъ съ чешскими, и что козацкій способъ войны очень похожъ на гуситскій, таборскій, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы козацкое общество образовалось наподобіе чешскихъ военныхъ ротъ и подъ вліяніемъ послѣднихъ.

Военныя дружины, извѣстныя подъ именемъ козаковъ, являются во второй половинѣ XV в. и едва ли неодновременно съ чешскими ротами. Козачество, какъ извѣстно, дѣлилось не на роты, а на полки; рота, въ смыслѣ военнаго строя, слово чужеземное у насъ, а полкъ древне-русское. Въ удѣльной Руси кромѣ козаческой дружины были и земскіе полки: полкъ Кіевскій, Переяславскій, полки Новгородскіе, Путивльскіе, Курскіе и проч., словомъ, каждый городъ имѣлъ свой полкъ, или земское ополченіе. Слово *таборъ*, въ смыслѣ военнаго общества, также неизвѣстно было козакамъ; общество ихъ называлось *кошемъ*. Слово *кошъ* означало военный лагерь и было въ употребленіи уже въ XII и XIII в. Въ Новгородской лѣтописи, не помнимъ подъ какимъ именно годомъ, говорится, что Шведы подходили подъ Новгородъ со всѣмъ своимъ кошемъ. Внутреннее устройство въ козацкомъ обществѣ не было олигархическое, какъ въ чешскихъ ротахъ: козаки всѣ собирались на раду и рѣшали дѣла по большинству голосовъ. Это обычай также старорусскій: на вѣче собирался, какъ извѣстно, весь народъ. Зачатки козачества, какъ военнаго товарищества, мы находимъ въ удѣльной Руси (*). Когда русскіе князья, въ 1224 году, вышли наперстрѣчу Монголамъ къ Днѣпру, то къ нимъ на помощь явились выгонцы галицкіе подъ предводительствомъ двухъ вождей: *Юрія До-*

(*) Ипатьевская лѣтопись.

морьчича и *Держи-края*. Дружина эта по словамъ лѣтописца вышла изъ моря въ Днѣпръ, перешла пороги (возведоша пороги) и остановилась въ прошлогѣ близь *Хортицы* — въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи находилась Запорожская Сѣчь. Русскіе князья не знали Монголовъ, желали полюбопытствовать, что́ это за народъ невѣдомый; вызвались охотники, молодые князья, съ ними былъ и Доморѣчичъ, — посмотрѣть Татаръ. Возвратившись, князья говорили: что Татары хуже Половцевъ, а Доморѣчичъ замѣтилъ, что Татары не Половцы, а добрые воины и добрые стрѣльцы. Этотъ замѣчательный эпизодъ, переданный лѣтописцемъ такъ обстоятельно, служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ, что въ древней Руси существовали вольныя военныя дружины-товарищества, которыя занимались не однимъ грабежемъ, но и защищали Русскую Землю вмѣстѣ съ князьями. Въ 12 в. упоминается и другая дружина, въ г. Берладѣ, (въ нынѣшней Молдавіи, на р. Сертѣ, впадающей въ Прутъ). Дружина эта была очень многочисленна; по свидѣтельству лѣтописца Берландниковъ числилось до 6 т.

Безъ всякаго сомнѣнія, вождемъ этой сбродной дружины былъ знаменитый витязь Иванъ Берладникъ. Откуда взялись эти сбродныя, воинственныя дружины,—отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ исторія народа. Въ древнемъ Галицкомъ княжествѣ, уже въ XII в., боярство начинаетъ дѣйствовать въ своемъ сословномъ интересѣ, обособляется и отъ князей и отъ народа. Заразительный примѣръ сосѣдняго магнатства польскаго и венгерскаго пробудилъ этотъ олигархическій аристократическій духъ въ галицкомъ боярствѣ. Завязалась борьба между князьями и народомъ,—борьба не легкая, потому что боярство находило сильную поддержку въ чужеземцахъ—Ляхахъ и Уграхъ и въ Русскихъ князьяхъ, претендовавшихъ на Галичь. Боярство галицкое располагало княжескимъ столомъ, предлагая его то тому, то другому изъ многихъ искателей. Вся тягость этой борьбы пала, безъ сомнѣнія, на народъ. Не находя защиты въ князьяхъ, подавленный произволомъ боярства, тѣснимый со всѣхъ сторонъ иноземцами, народъ вынужденъ былъ уходить въ степи Днѣстровскія и Днѣпровскія, гдѣ и образовались эти воинственныя дружины, о которыхъ мы упомянули. Въ подтвержденіе нашихъ выводовъ укажемъ на одно замѣчательное мѣсто лѣтописи: Когда Берладникъ осаждалъ галицкій городъ Звенигородъ, то *смерды* (простонародье) скакали къ Ивану чрезъ заборала (чрезъ стѣны городскія). (Не имѣя подъ рукою

лѣтописи, мы не можемъ указать это мѣсто.) Не одни Галичане уходили въ степи и дѣлались Берладниками: и въ другихъ русскихъ княжествахъ было много людей, которымъ не было *мѣста въ Русской землѣ*.

Знаменитый Боголюбскій, которому наши изслѣдователи приписываютъ первую попытку утвердить единовластіе, или, какъ они выражаются, государственныя отношенія вмѣсто родовыхъ, началъ свое единовластіе тѣмъ, что выгналъ изъ Суздальской земли своихъ братьевъ и племянника и старшую отцовскую дружину; изъ Русской земли выгонялъ доблестныхъ Ростиславичей, которые не хотѣли покинуть Кіева, опустошеннаго, ограбленнаго войсками Боголюбскаго. Боголюбскій послалъ сказать Ростиславичамъ, что имъ нѣтъ мѣста въ Русской землѣ, а одному изъ нихъ, кажется, Роману, именно велѣлъ идти въ Берладъ. Очевидно, что изгнаные князья не сами же уходили въ Берладъ: они вели съ собою и дружины, въ которыхъ они не имѣли недостатка. Козачество, какъ мы полагаемъ, имѣетъ свой корень въ исторіи Южнорусскаго народа; исторія эта очень древняя, древнѣе исторіи Русскаго государства; она начинается еще до прихода Варяго-Руссовъ и тянется—съ однимъ духомъ, съ однимъ характеромъ—вплоть до Петра В. Г. Палацкій, какъ видно, имѣлъ подъ рукою русскія исторіи, гдѣ дѣйствительно мало и поверхностно говорится о козакахъ, гдѣ производятся они то отъ Козаръ, то Коссоговъ, и гдѣ вообще смотрятъ на нихъ, только какъ на сбродъ людей, занимавшихся войною и грабежемъ.—Замѣтимъ еще, вопреки мнѣнію г. Палацкаго, что козаки, равно какъ и вольныя военныя дружины древней Руси, были опытны въ морскомъ военномъ искуствѣ; ѣздили въ лодкахъ по рѣкамъ и морю. Искуство это принадлежитъ собственно козакамъ и уже никакъ не могло перейти къ нимъ отъ Чеховъ. Что́ касается возовыхъ укрѣпленій (hradby vozove), въ чемъ г. Палацкій видитъ исключительно Таборскій способъ войны, то этотъ способъ могъ быть издавна извѣстенъ козакамъ, такъ какъ они воевали большею-частію въ степяхъ, въ мѣстахъ открытыхъ. Извѣстно, что Русскіе въ XII в. возили оружіе на возахъ, и, вѣроятно, употребляли въ дѣло возы, т. е. дѣлали изъ нихъ подвижныя укрѣпленія. Наконецъ, оружіе Гуситовъ не похоже на козацкое. Табориты употребляли косы, топоры, цѣпы и *булавы съ желѣзными шипами*; козаки положительно не употребляли послѣдняго оружія. Мы полагаемъ, что козацкое военное общество было устроено самобытно и своеобразно и знало способъ войны, исключи-

тельно ему принадлежавшій; способъ этотъ, безъ-сомнѣнія, принаровленъ былъ къ мѣстности и условливался разными обстоятельствами, а также и характеромъ народа. Говоря это, мы не отвергаемъ сходства между чешскимъ таборомъ и козацкимъ кошемъ. Козацкія войны, и въ принципѣ, и въ способѣ веденія ихъ, имѣютъ много общаго съ войнами Гуситовъ. Скажемъ наконецъ, что козаки, какъ отдѣльныя лица и какъ военныя товарищества-братства, явились не вслѣдствіе татарскихъ насилій, какъ полагаетъ г. Палацкій, а вслѣдствіе многихъ историческихъ обстоятельствъ, имѣющихъ свой источникъ въ Южнорусской исторіи. Если у Чеховъ явились Табориты, а у насъ Козаки, то это оттого, что историческая судьба обоихъ народовъ въ сущности очень сходна.

Козачество, какъ народъ, какъ военная демократическая республика, образовалось дѣйствительно въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе насилій польскаго правительства, стремившагося подавить Южнорусскую національность. Аристократическое польское правительство предоставляло своимъ чужероднымъ подданнымъ одно право: быть поляками и вмѣстѣ съ тѣмъ быть католиками; нежелавшіе воспользоваться этимъ правомъ должны были оставаться вѣчными холопами, рабами, что дѣйствительно и случилось съ людовою Русью и Литвою. (Польское дворянство и до-сихъ-поръ осталось вѣрно своему принципу и до-сихъ-поръ повторяетъ знаменитое изреченіе: *добрый полякъ, добрый католикъ.*)

Правительство польское смотрѣло на народъ какъ на принадлежность земли, и на этомъ основаніи жаловало населенныя земли магнатству въ пожизненное владѣніе. Магнатство отдавало свои жалованныя помѣстья (воеводства, староства) въ аренду, или въ управленіе служебной шляхтѣ. Грубая, своевольная шляхта, купно съ жидами, участвовавшими въ арендахъ и въ управленіи, произвольно распоряжалась жизнью и имуществомъ *хлопа*. Наконецъ, польское правительство, подстрекаемое іезуитами, начало, съ разными насиліями, вводить унію. Тогда-то южнорусскій народъ, предводительствуемый своими избранными вождями, началъ рѣшительную борьбу. Результатомъ этой борьбы было отдѣленіе Козачества — всего Заднѣпровья съ г. Кіевомъ отъ Короны-Польской.

Мы не раздѣляемъ и того мнѣнія г. Палацкаго, что козачество составляло только военную силу, жившую внѣ общества и на счетъ общества, и что козаки, уходя отъ рабства, предавались грабежу.

Мнѣніе это, впрочемъ, не ново: такъ разсматриваютъ козачество и русскіе историки. Козаки дѣйствительно уходили отъ рабства въ дикія степи Южной Руси, гдѣ преемственно одна за другой кочевали разныя азіятскія орды: Скиоы, Печенѣги, Половцы и Татары. *Козаки населяли* эти безлюдныя степи, заводили хутора (*) (небольшія поселенія) и собственными силами защищали свои жилища, свои хозяйства отъ крымскихъ татаръ, которые еще въ XVI в. считали своими данниками и Русскихъ и Поляковъ, и безнаказанно опустошали владѣнія Польскія и Московскія.

Козаки стали оплотомъ отъ татарскихъ нашествій и такимъ-образомъ обратили на себя вниманіе обоихъ государствъ; то и другое хотѣло имѣть на службѣ у себя козаковъ. Стефану Баторію, современнику Грознаго, удалось задобрить козаковъ и образовать изъ нихъ постоянное войско.

Мы смотримъ на козачество какъ на общество осѣдлое, охранявшее оружіемъ свою свободу и національность, и притомъ какъ на общество исключительно южнорусское, удержавшее въ своемъ внутреннемъ устройствѣ старые обычаи удѣльно-вѣчевой Руси. Запорожская община дѣйствительно составляла военную силу, военное братство; впрочемъ и Запорожцы, по свидѣтельству лѣтописца, первоначально только лѣтомъ, жили за порогами, гдѣ занимались рыболовствомъ: *ловили* и *вялили* рыбу (буквальное выраженіе лѣтописца), а зимою, вѣроятно, уходили въ хутора. Стало—не жажда корысти, грабежа, не исканіе необузданной свободы внѣ общества заставило южнорусское населеніе искать другой отчизны, а интересы болѣе важные. Переселеніе козаковъ изъ Польши и Россіи въ южныя степи для насъ имѣетъ такое значеніе, какое имѣетъ переселеніе жителей современной Европы въ дикія степи Америки. Европейцы уходятъ въ Америку отъ голоду и нищеты, а козаки уходили отъ рабства и насилій всякаго рода, господствовавшихъ въ то время въ либеральной Польшѣ и въ Московскомъ государствѣ. Козаки—не гусары Сербо-Влаховъ, не гайдуки, не клефты и не чешскіе табориты!

Табориты, какъ общество вызванное временными обстоятельствами, исчезли; гусаръ сербо-влаховъ обращенъ въ регулярныхъ гусаръ; гай-

(*) Что козаки колонизовали южныя степи, это не предположеніе, а фактъ: многіе города въ нынѣшнихъ Полтавской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ дѣйствительно образовались изъ козацкихъ колоній. Харьковъ основанъ козакомъ Харькомъ.

дуки — эти баши–бузуки польскихъ магнатовъ — также не существуютъ; козачество же уцѣлѣло до сего времени; козаки, какъ извѣстно, живутъ въ Южной Руси, въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Это свободные земледѣльцы, живущіе на собственной землѣ, люди вольные, въ-противуположность крестьянамъ помѣщичьимъ, государственнымъ, оброчнымъ и разнымъ другимъ. Козаки живутъ на землѣ, которую они получили въ наслѣдіе отъ предковъ и пользуются личною свободою, которую кровавыми усиліями пріобрѣли ихъ славные предки. Такъ смотрятъ козаки сами на себя и такъ понимаетъ ихъ народъ. Свободный хлѣбопашецъ Югозападной Руси не называетъ себя иначе, какъ козакомъ, и простодушно вѣритъ, что козачество не исчезло и никогда не исчезнетъ. Не одно слово «козакъ» уцѣлѣло у него изъ воспоминаній давно–былаго: — онъ владѣетъ предковскою землею, которою дорожитъ столько же, сколько и личною свободою, и помнитъ, хоть и смутно, давно–былыя времена; повторяетъ думы, сказанья и пѣсни о славныхъ временахъ козачества. Мы полагаемъ, что историческая жизнь народа не угаснетъ, пока не погибнутъ языкъ, пѣсни, преданія старины, пока существуютъ священныя могилы предковъ, погибшихъ въ славной брани за народныя права. А такими памятниками, какъ извѣстно, богата Югозападная Русь.

Все это мы считали нужнымъ высказать, по поводу мнѣнія г. Палацкаго, который смотритъ на Украину какъ на страну, колонизированную польскимъ правительствомъ, а на украинскій народъ какъ на народъ, который не имѣетъ ни исторіи, ни преданій, ни даже опредѣленнаго *имени*. Эти неосновательныя мнѣнія повторяются и западными публицистами, которые, какъ мы убѣдились, не имѣютъ никакого понятія объ отношеніи Польши къ южнорусской народности. Вопросъ о славянскихъ народностяхъ становится едва ли не первостепеннымъ въ современной публицистикѣ. Положеніе Славянъ, по очень многимъ причинамъ, сильно интересуетъ западные народы и западныя правительства. Жаль, что историческія и этнографическія изслѣдованія о Славянахъ очень мало извѣстны на Западѣ. Мы полагаемъ, что безъ этихъ свѣдѣній нельзя располагать судьбою народовъ, которые не заявляютъ о себѣ и не ищутъ сочувствія тамъ, гдѣ никогда его не находили. Нельзя принимать молчанія народа за отсутствіе великой самодѣятельности мысли и интересовъ, и навязывать ему то, чего онъ, можетъ быть, и не желаетъ. Помогать ближнему доброе дѣло, но помогать насчетъ другаго—какъ–то не совсѣмъ честно.

Мы полагаемъ, что не слѣдуетъ приносить извѣстную національность въ жертву другой, хотя бы эта другая была и развитая и цивилизованная. Подобныя попытки, впрочемъ, не удаются,—въ чемъ достаточно убѣдились горькимъ опытомъ разные горячіе поборники исключительно своихъ національныхъ интересовъ. Мы не считаемъ нужнымъ указывать на факты, которые болѣе или менѣе извѣстны каждому.

—Ъ.

ОТНОШЕНІЯ СЕЛЬСКИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ КЪ НАРОДУ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ.

Трудно было православнымъ сельскимъ священникамъ въ Юго-западной Руси, когда край этотъ принадлежалъ Польшѣ, когда въ немъ водворяли Унію. Тогда и правительство, и іезуиты съ прочими ксендзами, и шляхта, старались уничтожить въ Руси греческую вѣру, — а съ ней и Русскую народность. Сигизмундъ III-й, по примѣру Стефана Баторія, старался слить въ одно всѣ народы, составлявшіе тогда *Корону* и В. Княжество Литовское (*Начало Уніи, Зубрицкаго*). Іезуиты постоянно руководствовались правиломъ:—цѣль оправдываетъ средства; а такъ-какъ, по ихъ ученію, спасеніе возможно только въ Римской церкви, подъ кровомъ Папы, то всѣ средства для совращенія въ латинство схизматика (православнаго) были позволительны. Польскіе солдаты и мелкая шляхта пользовались всякимъ случаемъ побуянить, пограбить и всегда подчинялись внушеніямъ ксендзовъ. Все это, послѣ Брестскаго собора 1596 г., усилилось. Православныхъ епископовъ изгоняли изъ паствъ (напр. *Мелетія Смотрицкаго*), покушались даже на ихъ жизнь (напр., *Георгія Конисскаго*); но епископовъ всегда окружала цѣлая толпа дорожившаго ими народа; нападать на нихъ было опасно, а потому они хоть изрѣдка, но бывали спокойны отъ преслѣдованій. Дворяне православные, хотя и должны были уступать латинянамъ и уніятамъ на государственномъ поприщѣ, но въ югозападной Руси они обладали богатствомъ и силою, съ которыми, въ Польшѣ, при Сигизмундѣ III-мъ и послѣ него, можно было не бояться гоненій. Народъ тяжко страдалъ за православіе, за то и тяжко мстилъ за свои страданія: Наливайко, Остряница, Хмельницкій, Желизнякъ, Гонта и др. были защитниками народа, мстителями за его страданія. Но гдѣ же находили для себя защиту бѣдные сельскіе священники? А противъ нихъ—то

какъ ближайшихъ наставниковъ и руководителей народа, больше всего вооружались и правительство и ксендзы и шляхта.

Послѣ Брестскаго собора, польское правительство осуждало православныхъ священниковъ за неповиновеніе принявшимъ унію епископамъ,—судило какъ противниковъ власти короля, какъ бунтовщиковъ за то, что православные священники убѣждали народъ хранить православіе. Сѣятели уніи—ксендзы постоянно приходили въ столкновеніе съ защитниками православія—священниками и доносили на нихъ. Православнымъ священникамъ помогали нѣкоторое время единовѣрные дворяне; но іезуиты привлекли въ свои школы ихъ дѣтей и мало-по-малу изъ нихъ приготовили для себя вѣрнѣйшихъ слугъ, а для православныхъ—самыхъ жестокихъ гонителей. Послѣ войнъ Хмельницкаго, голосъ православнаго дворянства, со времени Брестскаго собора раздававшійся въ защиту православныхъ въ югозападной Руси, замолкъ на-всегда и съ-тѣхъ-поръ православные священники остались совершенно беззащитными. Тогда—вздумалось ли ксендзу отнять у священника церковь и имущество—онъ отправлялся къ помѣщику, или поссессору, бралъ у него вооруженныхъ людей и дѣлалъ набѣгъ на православную церковь. По пріѣздѣ въ село, прежде всего хватали священника, требовали отъ него присоединенія къ уніи, и, въ случаѣ отказа, брали ключи, отпирали церковь, овладѣвали церковнымъ имуществомъ, совершали *мшу* (католич. обѣдню), а священника выгоняли изъ села, разоряли его домъ, отнимали собственность. И священникъ считалъ себя счастливымъ, если этимъ все и оканчивалось: нерѣдко служителей церкви сажали въ тюрму, били ихъ плетьми и кіями (палками) и избитыхъ морили голодомъ. Гдѣ могъ искать защиты обиженный священникъ, кому жаловаться на своихъ мучителей? Обратиться въ судъ:—но тамъ онъ не могъ найти правосудія; итти къ своему епископу:—но епископъ самъ часто нуждался въ защитѣ и нерѣдко принужденъ былъ скрываться. Неудивительно, что многіе изъ гонимыхъ беззащитныхъ священниковъ рѣшились принять унію, но немало было и такихъ, которые, не смотря на гоненья, не отреклись отъ православія, и стояли за народъ.

Въ чемъ же тогда находили для себя опору православные священники? Въ тѣсной связи съ народомъ. Встарину, духовенство въ югозападной Руси вовсе не существовало какъ особое сословіе, выдѣленное изъ народа, отличенное отъ него разными привиллегіями. Прихожане сами, изъ своей же среды, избирали для себя священника, снаб-

жали его презентами (похвалительными листами, съ обозначеніемъ угодій, которыя давались въ пользованіе священнику) и отправляли въ какую-нибудь архіерейскую каѳедру. Тамъ новаго ставленника учили катихизису, проводили по степенямъ священства и, давъ грамоту, отпускали на приходъ. Чаще, впрочемъ, прихожане брали готоваго священника, рукоположеннаго какимъ нибудь Молдавскимъ или Волошскимъ архіереемъ на вакантное мѣсто, а иногда и выгнаннаго уніятами изъ своего прихода. Эти священники также ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ, изъ которыхъ большею частію и происходили. Поступая на приходъ, священникъ заключалъ съ своими прихожанами договоръ, въ которомъ съ точностію означалась плата за каждую требу. Платой, съ одной стороны, и исправленіемъ требъ, съ другой, и ограничивались обязательныя отношенія между священникомъ и его прихожанами; затѣмъ священникъ уже ничѣмъ не отличался въ правахъ отъ крестьянина. Если помѣщикъ-почему нибудь и терпѣлъ въ своемъ селѣ попа-схизматика, то, конечно, даромъ не давалъ ему ничего. Усадьбу и пахатныя поля священникъ могъ получить отъ помѣщика только на однихъ условіяхъ съ крестьянами. Онъ долженъ былъ платить чиншъ, третины, десятины; также въ пользу уніятскаго митрополита и его консисторіи, на королевскій столъ, по-церковное, т. е. за право служить въ церкви и т. п. Случалось и такъ, что священникъ на-ряду съ крестьянами отбывалъ помѣщику панщину. Оставленіе прихода зависѣло сколько отъ воли самого священника, столько же и отъ прихожанъ. Не угодно было священнику оставаться на приходѣ, — онъ могъ перейти въ другой. Не нравился онъ прихожанамъ,—ему отказывали и пріискивали другого готоваго священника, или посылали къ архіерею новаго ставленника (*Архим. Мелхиседекъ*. Кіевъ 1861 г. стр. 13 и 14. Руковод. для сельскихъ пастырей 1861 г. т. II, № 39, стр. 131).

Такимъ образомъ, сельскій священникъ въ Югозападной Руси не отдѣлялся отъ прихожанъ, зависѣлъ отъ нихъ. Это заставляло его избирать приходъ по своимъ силамъ, понятіямъ и стремленіямъ. Если священникъ готовъ былъ на борьбу за свои убѣжденія, за православіе, онъ старался найти для себя такихъ же прихожанъ, чтобы, вмѣстѣ съ ними, защищаться противъ уніатовъ. Склонный къ уніи искалъ такихъ же и прихожанъ. Между священникомъ и прихожанами становился, поэтому, возможнымъ и тѣсный духовный союзъ: — страдалъ священникъ, страдали и его прихожане; жизнь ихъ была неразрывна.

Малодушнаго священника прихожане выгоняли, или, покрайней-мѣрѣ, переставали обращаться къ нему за исполненіемъ требъ, и тѣмъ лишали его доходовъ; а для себя находили другаго, болѣе твердаго, въ своихъ убѣжденіяхъ. Эта-то тѣсная связь между священникомъ и прихожанами способствовала къ охраненію южно-русской народности отъ наплыва уніи и polszczyzny. Посмотримъ теперь, въ какихъ отношеніяхъ къ народу находятся наши сельскіе священники въ нынѣшнее время.

«Теперь духовенство въ Малороссіи,» пишутъ въ одномъ духовномъ журналѣ («Руководство для сельскихъ пастырей,» журналъ издаваемый при Кіевской семинаріи 1861 г. т. II, № 39, ст. 132 и 133), «существуетъ особно отъ народа, во всѣхъ условіяхъ быта: въ его сферу изъ народа можно проникнуть только путемъ долгаго ученія и путемъ многихъ затруднительныхъ формальностей. Оно имѣетъ несуществующее для селянина *право* отдавать дѣтей своихъ въ *духовныя* школы, гдѣ они, путемъ долгихъ и своеобразныхъ занятій, пріобрѣтаютъ складъ ума и чувства, далеко различный отъ народныхъ представленій и ощущеній. И эти только школы даютъ право на приходъ: народный выборъ въ этомъ случаѣ становится неумѣстнымъ. Въ приходѣ священникъ получаетъ усадьбу, пахатную и сѣнокосную землю, безъ всякаго оброка за нихъ, безъ всякаго обязательства предъ помѣщикомъ. Въ губерніяхъ западныхъ, эту землю прихожане обязаны для священника вспахать и засѣять, потомъ собрать съ нея урожай и свезть къ нему на дворъ. Здѣсь они обязаны также давать ему квартиру со всѣми хозяйственными службами и собственными средствами поддерживать ихъ. Такія обязательства прихожанъ въ отношеніи къ священнику еще болѣе отдѣляютъ его отъ нихъ и заставляютъ ихъ смотрѣть на него, какъ на втораго *пана* въ деревнѣ, на котораго они также обязаны работать нѣсколько дней въ году. Въ отношеніяхъ своихъ къ правительству священникъ стоитъ уже гораздо выше селянина и пользуется привилегіями, недоступными для народа. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ произошла рѣзкая перемѣна въ частной жизни нашего сельскаго духовенства и отличіе въ домашнемъ быту отъ быта народнаго, начиная отъ уборовъ и стола до внутреннѣйшихъ ощущеній, до душевнаго такта.»

Прежняя тѣсная связь между духовенствомъ и народомъ, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ Югозападной Руси, прекратилась и мѣсто ея заступила холодная недовѣрчивость.

Главная причина расторженія связи между священниками и прихо-

жанами, это—недостатокъ, въ большинствѣ нашихъ нынѣшнихъ священниковъ, христіанской любви къ своимъ прихожанамъ,—чувство гордаго презрѣнія, съ которымъ большая часть нашихъ сельскихъ пастырей относится къ простому народу. Наши сельскіе священники развиваютъ это чувство въ своихъ дѣтяхъ еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ; еще глубже оно вкореняется воспитаніемъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

Сельскіе священники въ Югозападной Руси находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Поляками, которые и составляютъ тамъ высшій, болѣе образованный классъ народа. Естественное желаніе видѣть своихъ дѣтей ловкими, свѣтскими, умѣющими прилично держать себя въ обществѣ, заставляетъ сельскаго священника указывать имъ на дѣтей пановъ, какъ на образцы для подражанія. И если дѣти священника, по манерамъ и тону, становятся похожими на нихъ, отецъ радуется, поощряетъ ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ *цивилизаціи*, не замѣчая, какое зло эти успѣхи впослѣдствіи принесутъ ребенку, отдаливъ его отъ народа. Если же дѣти не оказываютъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ *копировать*, отецъ называетъ ихъ «мужиками» Это названіе преслѣдуетъ каждый проступокъ ребенка: испачкаетъ ли онъ руки—ему говорятъ: ты мужикъ; замараетъ платье—мужикъ; широко раскроетъ ротъ—опять мужикъ. Вслѣдствіе того, ребенокъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы не казаться мужикомъ:—даже въ саду, или на оградѣ, гдѣ не видно ни родителей, ни какой-нибудь доморощенной гувернантки—польки, онъ говоритъ только po-polsku (и это требуется у насъ, чтобы не казаться мужикомъ), не подойдетъ къ мужику и, конечно, уже не питаетъ любви къ олицетворенію этого браннаго слова—нашему доброму, опрятному и вѣжливому простолюдину. Для дѣвицъ такое образованіе продолжается до совершеннолѣтія, или до замужества; мальчикъ поступаетъ въ училище, но здѣсь также получаетъ новыя побужденія презирать народъ.

Посмотримъ теперь на плоды домашняго воспитанія дѣтей у нашихъ сельскихъ священниковъ. «Я достовѣрно знаю,» пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника, что въ священническихъ семействахъ, въ селахъ, жены и дочери считаютъ такою же честію говорить по-польски, какъ у насъ, въ высшемъ и среднемъ обществѣ, по-французски. Польскій языкъ, манера, обычаи, считаются признакомъ цивилизаціи. Причина понятна тому, кто знакомъ съ образованіемъ нашего духовенства и съ условіями его быта

въ селахъ. Родясь и воспитываясь въ здѣшнемъ краѣ, здѣшнее духовенство знаетъ Россію только по русскимъ учебникамъ, которые они зазубриваютъ въ семинаріи. Часто приходится слышать, какъ иной дьяконъ или священникъ, выходя изъ церкви, послѣ обѣдни, говоритъ другому діакону или священнику по-польски, и тотъ отвѣчаетъ по-польски же. (1861 г. № 30-й, о воскресныхъ и сельскихъ школахъ, въ Подольской губерніи).» Умѣстно ли южнорусскому священнику оказывать предпочтеніе польскому языку предъ южнорусскимъ — и гдѣ же? среди южнорусскаго народа, издавна страдавшаго отъ polszczyzny и теперь еще не безопаснаго отъ панской власти? Не такъ долженъ поступать южно-русскій священникъ, если онъ хочетъ считаться священникомъ, а не ремесленникомъ. Онъ долженъ понять, что уже одно предпочтеніе польскаго языка народному, отталкиваетъ отъ него прихожанъ, кототорые видятъ въ немъ что-то не свое родное, а польское, уніятское. Итакъ, начало этого разъединенія лежитъ въ домашнемъ воспитаніи дѣтей нашихъ сельскихъ священниковъ.

Но—вотъ—сынъ священника въ духовномъ училищѣ. Его окружаетъ цѣлая толпа другихъ мальчиковъ — толпа самая разнообразная. Есть между ними далеко опередившіе его на поприщѣ домашней *цивилизаціи*, другіе на одной съ нимъ точкѣ, третьи—дѣти причетниковъ, которыхъ совсѣмъ еще не коснулась цивилизація. Тотчасъ, цивилизованные стараются показать свое превосходство, уличить новичка въ невѣжествѣ, въ мужичествѣ; а нецивилизованные оскорбляютъ его своими «мужицкими» выходками; съ перваго же шагу приходится мальчику вести долгую и упорную войну, защищаться и отъ цивилизованныхъ и отъ мужиковъ. Первые поражаютъ его словомъ «мужикъ,» а вторые—болѣе чувствительными эпитетами; первые возбуждаютъ отвращеніе къ слову «мужикъ»—какъ бранному; а послѣдніе олицетворяютъ собою понятіе о мужикѣ, олицетворяютъ такими выходками, какихъ не позволитъ себѣ ни одинъ мужикъ. Прибавьте ко всему этому еще то, что учитель, за нарушеніе правилъ грамматики и школьнаго порядка, честитъ ученика также словомъ мужикъ; инспекторъ—блюститель порядка—является мальчикамъ только грознымъ, безконтрольнымъ карателемъ проступковъ, и также ругается. Тяжело приходится отъ него и цивилизованнымъ и мужикамъ, и виноватымъ и правымъ: все дрожитъ, когда «подъ сердитый часъ» инспекторъ входитъ въ классъ.—Нашъ бѣдный цивилизованный мальчикъ неразъ испытываетъ горькое чувство ничѣмъ незаслуженнаго униженія; вспоминаетъ онъ, что это тяжкое время, эти

страданія предсказаны ему мужиками, по мнѣнію которыхъ духовныя училища славятся тѣмъ, что тамъ больно сѣкутъ... и, Богъ знаетъ почему, мужики становятся ему еще противнѣе. Тѣмъ не менѣе онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ святокъ, чтобы дома, вдали отъ инспектора и учителей, на свободѣ, побарствовать передъ мужиками, показать имъ, что они мололи пустое, будто въ училищѣ дурно, что вотъ онъ и побывалъ въ училищѣ, а ему ничего—онъ молодецъ. Но на порогѣ родительскаго дома онъ слышитъ восклицаніе: «охъ, якъ змінився! десь недобре було;» а спустя день или два, и такой вопросъ: «паничу, а часто васъ били.» Все знаетъ негодный мужикъ, думаетъ мальчикъ, и въ каждомъ словѣ простолюдина ему ужъ слышится насмѣшка... онъ и здѣсь униженъ.

Такой порядокъ продолжается до перехода въ семинарію. Слава Богу, думаетъ себѣ нашъ цивилизованный мальчикъ: по-крайней-мѣрѣ сѣчь небудутъ,—я не буду испытывать прежняго униженія. Въ училищѣ самолюбіе мальчика страдало нѣсколько лѣтъ, гордость его смирялась, а теперь все это выпрямится, выростетъ, наверстаетъ потерянное. Освободившись отъ вліянія розогъ, въ семинаріи цивилизація дѣлаетъ быстрые успѣхи. Партія мужиковъ въ семинаріи обыкновенно тоже подчиняется цивилизаціи; здѣсь нерѣдкость увидѣть цѣлые ареопаги, гдѣ рѣшаются великіе вопросы: какой цвѣтъ теперь въ модѣ? какого покроя носятъ сюртуки, жилеты и проч.? Здѣсь часто появляются свои моды, совершенно отличныя отъ парижскихъ. Семинаристъ любитъ франтить, и надѣвъ новый сюртукъ, надутый понятіемъ о высокомъ значеніи семинаріи и ея воспитанниковъ (понятіемъ, замѣтимъ кстати, дикимъ), онъ не хочетъ по-человѣчески и взглянуть на простолюдина — мужика. И гордость семинариста растетъ все больше и больше, и въ шесть лѣтъ можно себѣ представить какіе приноситъ великолѣпные плоды...

Что̀ касается собственно семинарскаго образованія, то, правда, оно не думаетъ отклонять семинаристовъ отъ народа (хотя впрочемъ, и здѣсь можно услышать отъ инспектора, или ректора, брань— мужикъ),—за то оно не думаетъ и о простомъ народѣ. Въ югозападномъ краѣ семинаріи подчинены общей со всѣми русскими семинаріями программѣ. Онѣ управляются людьми, присланными изъ другихъ губерній, нерѣдко очень сѣверныхъ, — людьми, которые не знаютъ ни потребностей края, ни духа его обитателей, а между тѣмъ имѣютъ въ виду приготовить для края священниковъ, обязанныхъ знать духъ и нравы народа. Въ кругу преподаваемыхъ въ семинаріяхъ предметовъ, нѣтъ

ни одного, который бы сближалъ семинариста съ народомъ. Наши «Пастырскія Богословія», обязанныя научить священника воспитывать народъ въ духѣ Христовомъ, «*руководить его на пути къ вѣчному блаженству*,» написаны для всѣхъ вообще русскихъ семинарій и вовсе не считаютъ нашего простаго народа достойнымъ познанія,— тогда какъ преимущественно здѣсь было бы полезно изученіе народной жизни того края, въ которомъ находится семинарія: изученіе народныхъ обычаевъ, повѣрій, предразсудковъ. Тогда священники, поступая на приходъ, имѣли бы хоть какое нибудь понятіе о той почвѣ, на которой они обязаны трудиться; а теперь, не смотря на то, что семинаристы растутъ въ селахъ съ младенчества до юношескихъ лѣтъ, а потомъ изъ училищъ и семинарій ежегодно пріѣзжаютъ въ домы родителей и родственниковъ на праздники Рождества, Свѣтлаго Воскресенія, на такъ-называемыя вакаціи, проводятъ въ селахъ слишкомъ два мѣсяца, они все-таки не знаютъ простого народа.

Въ семинаріяхъ воспитанники живутъ въ тѣсныхъ стѣнахъ бурсы, или на квартирахъ у мѣщанъ и чиновниковъ. Тамъ они занимаются убійственнымъ переписываніемъ и долбленіемъ уроковъ, пишутъ и переписываютъ свои собственныя сочиненія и въ этихъ пріятныхъ занятіяхъ проводятъ все время. Если и выпадетъ на долю этихъ *мучениковъ науки* какой-нибудь часъ свободы, то они или занимаются франтовствомъ, или проводятъ время тамъ, куда не слѣдовало бы и заходить молодому кандидату священства — въ винныхъ погребахъ у жидковъ, которые dla panicza доставятъ всѣ средства пріятно провести время.

Наступаютъ праздники, или каникулы; семинаристы освобождаются отъ занятій, спѣшатъ къ роднымъ въ села. Что же въ-особенности влечетъ ихъ туда? Это желаніе пожить на волѣ, т. е. пофорсить, показать свою удаль, щегольнуть въ своемъ околодкѣ. Теперь дескать, мы уже не то, что были прежде: насъ не сѣкутъ! И вотъ, въ селѣ, семинаристы все время проводятъ съ молодыми помѣщиками, управляющими, писарями, ихъ дѣтьми и т. п., словомъ съ панами, т. е. съ людьми, которые смотрятъ на народъ съ высоты величія; проводятъ въ шалостяхъ и кутежахъ съ мущинами, или romansach съ прекраснымъ поломъ. Так. обр., семинаристъ мало-по-малу становится паничемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ—баринъ, онъ убѣжденъ, хоть большею частію и несознательно, что простой народъ — рабы, созданные трудиться и исполнять прихоти своихъ господъ и, между прочимъ, прихоти семинариста.

Съ такими узкими понятіями, съ такимъ дикимъ взглядомъ на простолюдина, семинаристъ оканчиваетъ курсъ наукъ и становится священникомъ. Взглянемъ теперь, каковы условія быта сельскаго священника со стороны экономической; сообразны ли барскія понятія и привычки семинариста съ средствами содержанія сельскаго священника и можетъ ли онъ безнаказанно презирать народъ.

Сельскій священникъ, въ Югозападной Руси, получаетъ отъ прихожанъ квартиру, съ необходимыми службами, и землю, а отъ правительства—жалованье. Квартиры для сельскихъ священниковъ, кромѣ домовъ, построенныхъ самими священниками, до изданія инвентарей, сдѣланы на живую нитку, съ порядочными щелями въ стѣнахъ. Это потому, что дома эти строятъ сами прихожане, безъ всякаго посторонняго надзора, да притомъ для *поповъ*, уже потерявшихъ народную любовь. Такая постройка производится нерѣдко на дворѣ священника, передъ его глазами; но чѣмъ онъ пособитъ своему горю? Обратится съ жалобой къ посреднику, или другимъ властямъ: власти пріѣдутъ, виновныхъ накажутъ и уѣдутъ, оставивъ за собой въ прихожанахъ ненависть къ попу,—а постройка дома также дурно будетъ итти, какъ и прежде. Помѣщикъ теперь не въ силахъ помогать священнику, да ему и невыгодно тратить хорошій лѣсъ, необходимый для хорошей постройки. Нѣкоторые священники даютъ работникамъ по рюмкѣ водки, думая хоть этимъ поправить дѣло; но прихожанинъ, какъ бы ни любилъ водку, не продастъ за нее своей расположенности. Обыкновенно, онъ выпьетъ, поблагодаритъ и—работаетъ по-прежнему дурно. И строится домъ нѣсколько лѣтъ и простоитъ онъ только нѣсколько лѣтъ.

Наконецъ, домъ оконченъ; священникъ поселяется въ немъ, а на прихожанъ возлагается обязанность поддерживать квартиру священника. Естественно, чѣмъ хуже выстроенъ домъ, тѣмъ больше онъ требуетъ поддержки. И вотъ, чрезъ нѣсколько времени, для священника наступаетъ новое испытаніе:—сквозь стѣны дуетъ,—нужно законопатить щели; въ крышѣ показалась течь — нужно исправить; оконныя рамы сдѣланныя изъ сыраго лѣса, ссохлись — нужно передѣлать и т. п. Каждый годъ требуется починка, то мелкая, то поважнѣе; а нельзя же каждый годъ просить объ этомъ начальство: можно надоѣсть. Прихожане не обращаютъ вниманія на требованія священника: »ему збудовали плебанію,—чого жъ вінъ ще хоче?« Такъ обыкновенно отвѣчаютъ они на рѣчь о починкѣ церковнаго дома. И священникъ большею частію на свой счетъ производитъ эти

починки. А то ли было бы при тѣсной нравственной связи нашихъ сельскихъ пастырей съ народомъ?

Кромѣ квартиры, сельскій священникъ отъ прихожанъ получаетъ еще землю — усадебную, пахатную и сѣнокосную. «Земля» (пишутъ въ журналѣ »Руководство для сельскихъ пастырей» 1861 г. т. 11, № 48, стр. 462), «для сельскихъ священниковъ, естъ тотъ капиталъ, изъ котораго они извлекаютъ себѣ все необходимое для ихъ житейскихъ нуждъ. Отсюда они получаютъ себѣ и своему семейству пропитаніе, одежду и удовлетвореніе всѣхъ домашнихъ потребностей; отсюда же они имѣютъ небольшіе избытки, которые употребляютъ на содержаніе своихъ дѣтей, воспитывающихся внѣ семейнаго круга. Конечно, земля и трудъ суть капиталы, которые нельзя мѣрить одной общей мѣрой. Здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности, кромѣ количества и качества воздѣлываемой земли, много значитъ способность, умѣнье, предпріимчивость, настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и другія нравственныя качества дѣлателя; равнымъ образомъ, здѣсь имѣютъ также значеніе вспомогательные капиталы, при помощи которыхъ производитель дѣлаетъ большіе или меньшіе обороты. Поэтому–то священники сельскіе, воздѣлывающіе землю, не всѣ извлекаютъ изъ этого одинаковыя выгоды; по-крайней-мѣрѣ, можно утвердительно сказать, что половина изъ нихъ, если не бо́льшая часть, извлекаетъ изъ земледѣлія достаточныя средства, вполнѣ удовлетворяющія всѣмъ потребностямъ ихъ быта. Есть даже немало такихъ священниковъ, которые изъ этого источника добываютъ очень богатые доходы, прекрасно обезпечивающіе положеніе ихъ семействъ.» Такъ ли это?

Количество земли при сельскихъ церквахъ не вездѣ одинаково. По инвентарямъ, собственно для священника, должно быть отведено не меньше 10–ти десятинъ земли пахатной и сѣнокосной. Когда же, за выдѣломъ положеннаго причетникамъ участка, остается еще земля, принадлежащая церкви, священникъ можетъ пользоваться ею. Такимъ образомъ, въ одномъ приходѣ, священникъ пользуется только 10–ю десятинами земли; остатка нѣтъ, или онъ очень–незначителенъ. Такихъ приходовъ у насъ въ югозападномъ краѣ очень много, особенно въ Волынской губерніи, на Полѣсьи, и близкихъ къ нему мѣстахъ. Въ другомъ приходѣ священнику остается очень много земли, иногда неудобной, или по крайней мѣрѣ, требующей предварительной разчйѣтки, осушенія, удобренія и т. п.; а иногда и хорошей. Обработка 10

десятинъ священническаго поля возложена на прихожанъ и они вездѣ выполняютъ эту обязанность, но не вездѣ одинаково. Если любятъ священника, то прекрасно обработаютъ для него этотъ клочекъ земли; а иначе — лучше священнику самому обработывать ее, своими средствами; покрайней мѣрѣ не будетъ пропадать земля. Хорошему хозяину, даже смотрѣть противно, какъ прихожане обработываютъ эту землю для нелюбимаго ими священника. Причина таже, что́ и при постройкѣ дома — трудъ обязательный безъ всякаго надзора. Но допустимъ самую лучшую обработку: — все же, при общей, во всемъ югозападномъ краѣ, системѣ трехпольнаго хозяйства, 10 десятинъ земли не доставятъ священнику, особенно многосемейному, пропитанія на круглый годъ; а тѣмъ болѣе не дадутъ возможности развести значительное хозяйство, получать порядочный доходъ. Представьте, что этотъ клочекъ земли нужно раздѣлить на 4-е части: для посѣвовъ яроваго и озимаго, подъ паръ и сѣнокосъ. Много ли на двухъ съ половиной десятинахъ можно посѣять ржи, или пшеницы? А урожай бываетъ у насъ и самъ-четвертъ. Чтобы развести хозяйство, даже человѣку съ капиталомъ, прежде всего нужно достаточное количество земли; а откуда же взять ее священнику въ малоземельномъ приходѣ? Нанять очень трудно и дорого. Судите же, откуда возьметъ священникъ достаточныя средства, вполнѣ удовлетворяющія *всѣмъ* потребностямъ быта сельскихъ священниковъ, а тѣмъ болѣе «очень богатые доходы, прекрасно обезпечивающіе положеніе ихъ семействъ». Онъ имѣетъ кусокъ насущнаго — и только.

Но, положимъ, священникъ поступаетъ на многоземельный приходъ, гдѣ вся церковная земля прекрасна (допустимъ и это). Для обработки большаго количества земли, нужно и »большіе« вспомогательные капиталы, при помощи которыхъ производитель дѣлаетъ «бо́льшіе» обороты. Прихожане обязаны обработать только 10 десятинъ земли; а вспомогательныхъ капиталовъ у священника, особенно молодаго, не бываетъ. И вотъ, священникъ принужденъ начинать свое хозяйство съ самыхъ маленькихъ оборотовъ, въ надеждѣ мало-по-малу дойти и до большихъ. Но удается это только весьма немногимъ. Конечно, много здѣсь значитъ «способность, умѣнье, предпріимчивость, настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей;» но также немало значатъ и другія условія: — низкая цѣна на хлѣбъ, дурныя дороги и недостатокъ капитала. Вѣдь священнику нужно платить за всякій рабочій день; а въ тѣхъ приходахъ, гдѣ земли очень много, даже жалованье священ-

нику уменьшается. Другое дѣло было лѣтъ 30-ть назадъ, когда священникъ самъ ходилъ по селу и просилъ прихожанъ къ себѣ на работу. Тогда обработка самыхъ обширныхъ полей стоила священнику какую-нибудь малость; а теперь и »толока«, и »помочь для попа«, все упало... зато теперь у насъ *панство*... Теперь и капиталистъ не рискнетъ затратить свой капиталъ на хозяйство, потому-что выгода очень сомнительна. Въ рабочую пору, священникъ, въ теченіе нѣсколькихъ самыхъ горячихъ дней, можетъ не найти ни одного работника; а каждый хозяинъ можетъ себѣ представить, какой отсюда убытокъ въ хозяйствѣ. Далѣе: священникъ затратитъ капиталъ, а его вдругъ переведутъ на другое мѣсто,—верстъ за сто и больше—и капиталъ пропадаетъ. Оттого-то у насъ нерѣдкость услышать, что такое-то, прежде богатое, семейство обѣднѣло; а едва ли гдѣ нибудь услышите, что бѣдный священникъ разбогатѣлъ отъ земледѣлія. Оттого-то у насъ не рѣдкость, что священники, изъ многоземельныхъ приходовъ, переходятъ въ малоземельные, но съ бо́льшимъ жалованьемъ, — что священники иногда и вовсе не занимаются земледѣліемъ.

Кстати *о жалованьѣ*. Жалованья сельскіе священники въ юго-западномъ краѣ большею частію получаютъ отъ 80 до 140 р. с. въ годъ; а тамъ, гдѣ количество земли велико (больше 70 десятинъ)—и того меньше, напр. 60 р. Такое жалованье, безъ постороннихъ доходовъ, для священника очень недостаточно (1). Посмотримъ же теперь на доходы сельскаго священника. Авторъ статьи «о средствахъ содержанія сельскаго духовенства« (Руковод. для сельскихъ паст. 1861 г. т. II, стр. 461) исчисляетъ всѣ доходы священника, живущаго на приходѣ въ 500 душъ мужескаго пола, во 150 руб. сер.; но такую сумму нельзя считать среднимъ числомъ, при опредѣленіи количества доходовъ, получаемыхъ всѣми священниками въ югозападномъ краѣ. Тамъ приходы большею частію гораздо меньше, напр. во 150, 170 и 200 душъ муж. пол., и обязательная плата священнику за крещеніе, вѣнчаніе, исповѣдь и похороны инвентарями уничтожена. Теперь остаются только слѣдующіе требы: водосвятіе, средняя плата за него 20 коп., панихиды общія — 3 к., панихиды особыя, которыя, замѣтимъ кстати, у насъ почему-то бываютъ очень рѣдко, 20 к.; молебны 17½ к., освященіе жилищъ 37½ к. и хожденіе съ молитвою и крестомъ 9 к.

(1) Содержаніе одного сына въ училищѣ, или семинаріи, обходится священнику 50—100 руб. сребр. ежегодно.

Мы знаемъ очень много такихъ приходовъ, гдѣ священники въ годъ получаютъ по 30 р. и того меньше: это въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прихожане не любятъ священника. Спрашивается: чѣмъ же жить тамъ бѣдному священнику? Но зато мы видѣли и такихъ священниковъ, которымъ прихожане, и послѣ инвентарей, охотно платили за всѣ требы. »Теперъ не треба платити, теперъ намъ даютъ жалованье,« говорилъ одинъ почтенный старикъ своему прихожанину, принесшему плату за погребеніе матери. «Та то по-новому, а ви, батюшка, старенькі: то й ми хочемо, щобъ було по–старому« отвѣчалъ прихожанинъ. Въ другомъ мѣстѣ отвѣчали энергичнѣе: »а, бодай ми не дождали ховати батьківъ своіхъ да за казенні гроши.« Такимъ образомъ, и въ матеріальномъ отношеніи много можетъ принести пользы сельскому священнику нравственная связь съ прихожанами и много вреда разрывъ съ ними.

Что́ же дѣлаетъ молодой, проникнутый идеей панства, священникъ по вступленіи на приходъ?

Рядъ поступковъ его—рядъ непростительныхъ ошибокъ, которыя нескоро забываются. Онъ во всемъ обнаруживаетъ свой взглядъ на прихожанина, какъ на существо, не имѣющее человѣческаго достоинства и здраваго смысла, созданное только повиноваться и работать. Онъ знакомится съ помѣщикомъ, экономіей и прочими властями; а отъ прихожанъ только требуетъ услугъ и то́ не лично (это значило бъ показать большое вниманіе къ мужику), а чрезъ причетника, или церковнаго старосту. Онъ хочетъ поразить прихожанъ своимъ богатствомъ (обыкновенная слабость молодыхъ священниковъ); а сами же прихожане перевезли въ свое село все имѣніе священника и знаютъ, что »въ плебаніи—пусто«. Ему хочется блеснуть образованіемъ—и онъ въ церкви, по тетрадкѣ, прочитаетъ имъ проповѣдь свою, или чужую, да такую, что слушатели, по выходѣ изъ церкви, съ улыбкой говорятъ: »прочитавъ щось по–писанному; мабуть, дуже розумне: я нічого не зрозумівъ;« а не знаетъ церковной службы. Если прихожанинъ попроситъ его разрѣшить какое-нибудь недоумѣніе, то отвѣтъ окажется неудовлетворительнымъ. Если вопросъ коснется какой-нибудь важной, догматической или нравственной истины, — священникъ заговоритъ такимъ ученымъ слогомъ, что крестьянинъ не пойметъ ни одного слова; — коснется какой нибудь мелочи, напр. о значеніи поминовенія умершихъ въ девятый, сороковый и др. дни, о значеніи обычая готовить кутью на канунѣ праздника Рождества Христова, красить яйца ко Хри-

стову дню и т. под.,—священникъ, пожалуй, и ничего и не отвѣтитъ—ему объ этомъ не говорили въ семинаріи. Что́ жъ мудренаго, если неудовлетворенный прихожанинъ потеряетъ довѣріе и къ образованію священника, и пойдетъ прочь: »чому-то вінъ вчився?»—Молодой священникъ не имѣетъ ни саней (крестьянскихъ), ни воза и обращается къ прихожанамъ. Приходитъ мастеръ:—даромъ, по цѣлымъ днямъ, работаетъ на дворѣ у священника, не рѣдко даже обѣдаетъ у себя дома,—и ни отъ кого »въ плебаніи« не услышитъ ласковаго слова — священникъ и не подойдетъ къ нему. Немудрено, что прихожанинъ такъ сладитъ дѣло, что возъ устоитъ только до первой рытвины. Возъ сломался,—священникъ опять посылаетъ за тѣмъ же мастеромъ и, если тотъ не сочтетъ за лучшее остаться дома, встрѣчаетъ его крикомъ и бранью. »Або жъ то я вамъ повиненъ дармо робити, да ще й добре?« спрашиваетъ выведенный изъ терпѣнія прихожанинъ. »То ти мині не повиненъ робити, то ти мині не повиненъ робити« кричитъ священникъ, а потомъ изо всѣхъ силъ бьется, чтобы отомстить мужику за такую дерзость и рано, или поздно, успѣетъ въ этомъ христіанскомъ дѣлѣ. Случаевъ много—крестины, свадьба, исповѣдь, погребенье—и священникъ пользуется ими для своей цѣли считая себя, въ этомъ дѣлѣ, совершенно правымъ и благоразумнымъ. Какъ-таки мужикъ не хочетъ даромъ работать ему, своему священнику, кончившему курсъ семинаріи, знакомому съ ранет екопотет и прочими аристократами околотка?! И самолюбіе его оскорблено, и надо тону задать, чтобъ послѣ другіе боялись и работали. Такъ разсуждаетъ священникъ!.. Такова большая часть нашихъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ семинаріи и легкомысленно принявшихъ на себя обязанность священника: стараются поддержать свое панское достоинство, кланяются властямъ, презираютъ прихожанъ — и потому терпятъ недостатки въ необходимомъ.

Много священниковъ въ Югозападной Руси уже дошло до разрыва съ прихожанами, много уже на дорогѣ къ тому. Какъ же исправить это великое зло?

Мы видѣли, что тѣсный союзъ нашихъ прежнихъ, страдавшихъ за народъ и православіе, священниковъ проистекалъ между-прочимъ и оттого, что священникъ не ставилъ себя выше своихъ прихожанъ, что онъ не былъ паномъ. Крестьянинъ—братъ каждому изъ насъ, братъ по происхожденію, языку и вѣрѣ. Можетъ быть, между священникомъ и прихожанами бывали какія-нибудь непріятныя столкновенія, можетъ быть и те-

перь прихожане наносятъ обиды своему священнику; но нелучше ли прощать обиды, нежели платить зломъ за зло; не лучше ли питать въ себѣ духъ мира и любви, нежели духъ гнѣва? Когда священникъ разовьетъ въ своемъ сердцѣ святое чувство любви, станетъ внимателенъ къ своимъ прихожанамъ, больше станетъ думать объ ихъ духовныхъ нуждахъ,—когда прекратитъ въ своемъ домѣ употребленіе браннаго, оскорбительнаго слова «мужикъ:» тогда его слова, его замѣчанія вызовутъ въ прихожанахъ не противодѣйствіе и ожесточеніе, а сыновнюю любовь и преданность. Такъ поступали и поступаютъ многіе достойные священники. Они любятъ своихъ прихожанъ — и только этимъ привлекаютъ къ себѣ ихъ любовь.

На священникѣ лежитъ обязанность учить. Обыкновенно, священники учатъ народъ въ школахъ и въ церкви на схоластическомъ, полурусскомъ, полуславянскомъ языкѣ. Народъ ихъ не понимаетъ. А между тѣмъ, тотъ же южно-русскій народъ имѣетъ свой богатый языкъ, способный выразить всякую живую мысль и чувство. Вотъ на этомъ-то языкѣ они и должны его учить; этотъ языкъ они должны изучать глубоко, основательно и, подобно тому какъ нынѣ они вмѣняютъ себѣ за честь говорить хорошо по-польски, такъ съ этой поры они должны поставить для себя обязанностію употреблять—въ собственномъ семействѣ и въ сношеніяхъ съ народомъ — родной, украинскій языкъ. Это не только будетъ примирять ихъ съ народомъ, но и сблизитъ съ нимъ. Нѣкоторые изъ священниковъ и теперь пользуются однимъ старымъ, сохранившимся въ немногихъ селахъ Югозападной Руси, обычаемъ, вести бесѣду съ народомъ. Тамъ прихожане по окончаніи обѣдни садятся на нарочно-поставленныхъ около церкви скамейкахъ и толкуютъ о своихъ потребностяхъ и нуждахъ духовныхъ. Священникъ вмѣстѣ съ прихожанами садится на скамью, предлагаетъ имъ различные вопросы, близкіе къ предмету произнесенной проповѣди. Прихожане въ свою очередь спрашиваютъ о томъ, что непонятно для нихъ и этотъ разговоръ становится продолженіемъ церковной проповѣди, и по своей живости и свободѣ болѣе привлекателенъ и болѣе полезенъ, нежели монотонное произношеніе самой проповѣди, да еще пожалуй проповѣди, написанной не для нашего народа.

Но обязанность—учить—не ограничивается произношеніемъ и объясненіемъ проповѣдей. Священникъ, большею-частію, единственное учившееся лицо въ своемъ приходѣ, и общество ждетъ отъ него содѣйствія въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія. Многіе священники

начинаютъ уже и теперь понимать это. Они, по возможности, или сами открываютъ школы, въ своихъ домахъ, или содѣйствуютъ ихъ открытію своимъ совѣтомъ, пожертвованіями, безплатнымъ преподаваніемъ. Какъ бы хорошо было, еслибъ и всѣ наши священники послѣдовали такому примѣру! Правда, въ большей части нашихъ сельскихъ школъ слѣдуютъ еще старому методу ученія, употребляютъ буквари, напечатанные славянскими буквами, съ безконечными складами и титлами, наказываютъ учениковъ, а иногда, вмѣсто занятій, посылаютъ ихъ пасти телятъ; но надо думать, что подобныя явленія въ непродолжительномъ времени сдѣлаются невозможны.

Сколько истиннаго добра могли бы сдѣлать священники для народа, которому служить они поставлены!.. Въ нашихъ селахъ общественная жизнь находится—пока въ младенческомъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Югозападной Руси можно встрѣтить цѣлые десятки нищихъ, которые питаются милостынею людей, живущихъ въ одной съ ними деревнѣ. Иногда, въ праздники, дни поминальные и заговины, у нихъ всего вдоволь: — добрые люди снабжаютъ ихъ съ избыткомъ; зато случаются и такіе дни, что куска хлѣба никто не подастъ. Одни изъ нихъ находятъ для себя пріютъ у родственниковъ, а другой кроется въ полуразваленной хатѣ и мерзнетъ отъ холода, если какая нибудь сострадательная душа не принесетъ вязанку дровъ, или соломы. И живетъ такъ какой-нибудь бѣдный слѣпецъ — безъ попеченія, безъ надзора... А вѣдь не трудно было бы священнику уговорить прихожанъ своихъ, чтобъ они упорядочили свою благотворительность — выстроили бы для своихъ нищихъ одинъ общій домъ и вмѣсто частныхъ, разновременныхъ подаяній, назначили для нихъ, отъ всего общества, опредѣленное содержаніе; или, по крайней мѣрѣ, подчинили нищихъ хорошему надзору, позаботились о правильномъ употребленіи своихъ подаяній. Теперь можно встрѣтить нищихъ не совсѣмъ честнаго поведенія, которые послѣдній кусокъ хлѣба тащутъ въ шинокъ—на водку, а надзоръ уничтожилъ бы это. Отчего бы, повторяемъ, не позаботиться о нищихъ нашимъ сельскимъ священникамъ?.. Посмотрите еще на положеніе нашего бѣднаго селянина, особенно въ рабочую пору, когда онъ разхворается! Хорошо, если это случится въ большой семьѣ, гдѣ отсутствіе одного, и даже двухъ, работниковъ не такъ замѣтно. Но если въ домѣ мужъ да жена и, положимъ, жена захвораетъ: что тогда дѣлать мужу? Оставаться дома съ больною женой,—время не стоитъ: пожалуй, останешься безъ куска хлѣба.

Да и каково-то смотрѣть женѣ, что мужъ бросилъ хозяйство. И мужъ ходитъ по селу, и ищетъ какой нибудь старухи, не согласится ль она посидѣть возлѣ его жены. Найдетъ — слава Богу, а гораздо чаще случается, что мужъ уходитъ въ поле, а дома остается одна больная жена. И лежитъ она, бѣдная, съ ранняго утра до поздней ночи, безъ пособія, безъ надзора: некому ей воды подать; некому сходить и за священникомъ въ тяжкую минуту болѣзни; нерѣдко случалось, что, возвратившись домой, мужъ находилъ жену уже умершею. Опять священникъ примѣромъ, совѣтомъ, можетъ вызвать на доброе дѣло людей, которые почувствуютъ въ себѣ разположеніе ходить за больными, можетъ подать громадѣ мысль устроить родъ больницы, подъ надзоромъ хоть опытнаго фельдшера. (Вѣдь у насъ теперь больныхъ лѣчатъ знахари и своими лѣкарствами иногда отправляютъ на тотъ свѣтъ.) Поселянамъ и не придетъ такая мысль въ голову; отчего же священнику не внушить ее своимъ прихожанамъ?? А дѣти нашихъ поселянъ! все лѣто проводятъ средь улицы. Тамъ вы найдете и мальчиковъ и дѣвочекъ лѣтъ 10-ти и полугодоваго ребенка, на попеченіи пятилѣтней няньки, которая нерѣдко, съ толпою другихъ дѣтей, уйдетъ куда-нибудь, а питомца своего оставитъ одного посреди дороги на цѣлые часы. Появится бѣшеная собака, возвратится домой страшный панскій быкъ, пронесется съумашедшая тройка и пр., и пр., — ребенокъ совершенно беззащитенъ. Болѣе-взрослыхъ дѣтей, если они еще неспособны къ работѣ, слѣдуетъ пріучать въ школѣ: тамъ они проведутъ время съ большею пользою, нежели на улицѣ... Священникъ видитъ всѣ недостатки крестьянскаго воспитанія дѣтей, знаетъ, какое зло происходитъ отъ того: почему же ему не принять участія въ судьбѣ дѣтей своихъ прихожанъ? Вѣдь встарину устроялись при церквахъ и школы и пріюты... Священникъ оказалъ бы этимъ величайшее благодѣяніе своимъ прихожанамъ, а они, въ свою очередь, навѣрное отплатили бы за то благодарностію, любовію.

И мало ли что еще можетъ сдѣлать священникъ для добра своихъ прихожанъ! Учрежденіе по селамъ сохранныхъ кассъ, заемныхъ банковъ, общественной торговли и т. д.—все ждетъ участія священника. Словомъ, священникъ много найдетъ случаевъ привлечь къ себѣ любовь прихожанъ; но пусть онъ прежде самъ ихъ полюбитъ.

Яструбецъ.

30 декабря. 1861 г.

ДВА СЛОВА

О СЕЛЬСКОМЪ УЧИЛИЩѢ ВООБЩЕ И ОБЪ УЧИЛИЩѢ ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Что́ нужно распространять въ народѣ образованіе, это рѣшено положительно; но какимъ образомъ распространять образованіе и какова должна быть сельская школа—это вопросы, еще подлежащіе рѣшенію. Признавая всю важность ихъ, я рѣшаюсь сказать кое-что о теперешнихъ сельскихъ училищахъ для государственныхъ крестьянъ и о томъ, ка́къ устроить сельскую школу, польза которой была бы несомнѣнна.

Цѣль теперешнихъ сельскихъ училищъ—приготовить оспопрививателей и, главное, писарей, для сельскихъ расправъ, волостныхъ и окружныхъ правленій. Очевидно, тутъ не было цѣлью—посредствомъ этихъ училищъ, распространить образованіе въ народѣ: дѣло училища приготовить нужныхъ людей, для исполненія канцелярскихъ работъ низшаго свойства,—цѣль узкая, которой не сочувствуетъ народъ. Отдать въ школу, изъ которой дитя выйдетъ писаремъ, крайне-непріятно родителямъ. Быть писаремъ, по народному понятію, значитъ быть пьяницей, быть піявкою, *ссать* (сосать) *людьску кровь*, какъ говоритъ народъ. Извѣстно, что у насъ, въ Малороссіи, каждой сдѣлкѣ предшествуетъ и за каждой сдѣлкою слѣдуетъ *могорычъ;* точно также каждый фактъ изъ административной или судебной практики, сельскихъ расправъ и волостныхъ правленій, сопровождается выпивкою, въ которой писарь—не по-

слѣдняя статья. Такимъ образомъ, мало-по-малу, *господа* писаря дѣлаются горькими пьяницами.

Такъ-какъ писарь, въ селѣ, единственный знатокъ законовъ, то поэтому въ его рукахъ и совѣсть совѣстнаго судьи или *розсудчика*, какъ говоритъ народъ, и дѣятельность урядниковъ. Онъ, съ одной стороны, покорный слуга окружнаго правленія (да инымъ и быть не можетъ); съ другой стороны—деспотъ, понимающій, что кругомъ его потёмки, что ему можно дѣйствовать какъ заблагоразсудится, лишь бы не прогнѣвить окружнаго правленія. Поставленный такимъ образомъ, онъ дѣйствительно дѣлается піявкою.

Родители правы, что неохотно отдаютъ дѣтей въ сельское училище: ихъ пугаетъ то, что, во-первыхъ, дитя можетъ попасть въ писаря, во-вторыхъ, если не попадетъ въ писаря, то, не вынеся изъ училища ничего полезнаго для жизни, оно между-тѣмъ отвыкаетъ отъ занятій пахаря.

Еще болѣе сельское училище вооружило противъ себя тѣмъ, что стали брать дѣтей по-наряду. Мѣстному начальству нужно показать передъ высшимъ свое рвеніе по части распространенія просвѣщенія въ народѣ—и вотъ начинаютъ сгонять дѣтей въ школу: явилась новый видъ набора, новая повинность! Власти не разсуждаютъ, что образованіе нельзя сдѣлать повинностью; что хотя образованіе благо, что хотя бы это благо и достигалось въ сельскихъ училищахъ, а все таки несправедливо и вредно набирать насильно дѣтей въ училище. Это значитъ—незаконно вторгаться въ семейство, нарушать права родительской власти и, какъ часто бываетъ на практикѣ, лишать родителей необходимой помощи. Эта мѣра такая же непрактичная, какъ преслѣдованіе лихвы,—какъ приказъ садить картофель, подъ угрозою отдачи въ солдаты. Отъ этой мѣры настолько же распространяется образованіе въ народѣ, насколько отъ преслѣдованія лихвы уменьшаются проценты, или отъ отдачи въ солдаты, за несажденіе картофеля, развивается огородничество.

Многіе, ссылаясь на то, что народъ неохотно отдаетъ дѣтей въ сельское училище, говорятъ, что народъ не чувствуетъ потребности образованія. Совершенно ложно. Народъ сознаетъ эту потребность. Онъ сознаетъ свою тёмноту, сознаетъ, что, вслѣдствіе ея, онъ можетъ быть обманутъ на каждомъ шагу. Онъ сознастъ какъ сильно то, что́ написано перомъ: *що́ написано перомъ, того невыволочешъ и воломъ*. Онъ сознаетъ, что, по причинѣ своей темноты, онъ со-

вершенно страдательная личность: за него и противъ него, могутъ написать что́ угодно, и все это обрушится на его голову. Онъ понимаетъ, что хорошо быть грамотнымъ и въ хозяйствѣ:—не обсчитаютъ; хорошо быть грамотнымъ, какъ члену громады:—можно видѣть, чего требуетъ законъ и не даться въ обманъ. Даже въ томъ образованіи, которымъ снабжаютъ теперешнія сельскія школы, онъ видитъ нѣкоторую пользу.

Болѣе зажиточные отдаютъ своихъ дѣтей въ науку къ дьячку или къ другому книжнику и платятъ деньги: это также показываетъ, что въ народѣ чувствуется потребность образованія. Слѣд., если родители неохотно отдаютъ дѣтей въ училище, то—значитъ—училище не удовлетворяетъ потребности.

Учителемъ въ нынѣшнихъ сельскихъ школахъ—или окончившій семинарію, но ненашедшій себѣ невѣсты съ приличными доходами, или дьяконъ, или священникъ. Первый не можетъ ревностно исполнять своей обязанности: онъ каждую минуту высматриваетъ невѣсту съ мѣстомъ. Учителемъ онъ—пока, чтобъ имѣть временной кусокъ хлѣба, въ ожиданіи постояннаго и прочнаго куска. Діаконъ или священникъ берутъ на себя эту обязанность ради прибавки нѣкоторой суммы къ окладу. Женясь рано, они большею частію обременены большимъ семействомъ, для содержанія и воспитанія котораго недостаточно жалованья и доходовъ: нужно еще заниматься хозяйствомъ. Исполненіе требъ и хозяйство поглощаютъ все ихъ время, и учительская обязанность стоитъ на довольно-далекомъ планѣ. Чему учатъ въ сельскомъ училищѣ? Четыре года употребляется на изученіе церковной и гражданской грамоты, письма́, четырехъ правилъ ариѳметики и церковнаго пѣнія. Все это изучается механически. Жуется букварь, затѣмъ часословъ и псалтирь. Мальчикъ, ничего непонимая, заучиваетъ. Онъ исполняетъ это какъ урокъ, въ смыслѣ, употребляемомъ въ хозяйствѣ. Это своего рода тягло, которое нужно нести, чтобы не подвергнуться учительской карѣ. Часословъ и псалтырь по церковно-славянски, безъ объясненія на доступномъ для ученика языкѣ, не приноситъ никакой пользы. Для гражданскаго чтенія выбраны книги, давно вышедшія изъ употребленія. Однимъ словомъ, схоластика, изгнанная изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, кромѣ училищъ духовнаго вѣдомства, посредствомъ учителей перешла и въ сельскія училища.

Училище находится въ совершенномъ противорѣчіи съ жизнію; оно чуждо народнаго языка, народнаго міросозерцанія. Ученикъ, вступая въ училище, вступаетъ совершенно въ новый міръ; онъ отуманивается

на все время пребыванія въ училищѣ и получаетъ такое отвращеніе къ книгѣ, что послѣ ужъ никогда не беретъ ея въ руки. Рѣдкій изъ получившихъ образованіе въ училищѣ напомнитъ о своей грамотности, присутствуя на клиросѣ въ качествѣ чтеца или пѣвца,—оченьрѣдкій.

Училище для дитяти—одно изъ тягчайшихъ наказаній: здѣсь оно обращается въ автомата и погребаетъ все живое, рѣзвое, все молодое.

Самое помѣщеніе училища рядомъ съ сельскою расправою или волостнымъ правленіемъ не остается безъ вредныхъ послѣдствій. Ученикъ видитъ изъ окна поучительныя сцены, въ родѣ слѣдующей: Розгами производится внушеніе какому-нибудь отцу семейства, за обстоятельство, конечно—невѣдомое школяру. Передъ его глазами грозные урядники отправлятъ свою власть, посредствомъ березовой каши, что̀ запугиваетъ молодое воображеніе и развиваетъ въ ребенкѣ дикую робость передъ властію, вооруженною такими атрибутами, какъ розга. А ежечасныя сцены такого рода: урядникъ сидитъ на возѣ, въ который впряжены *обывательскія* (онъ собирается ѣхать по дѣламъ собственнаго хозяйства) и мещетъ словесные громы и молніи (довольно неприличнаго свойства); а передъ нимъ, съ непокрытыми головами, запуганные простые смертные или власти низшаго разряда, въ родѣ десятниковъ. Ребенокъ съ дѣтства привыкаетъ къ смиренію и безмолвной покорности въ-отношеніи къ урядникамъ. Потомъ, выйдя изъ школы и сдѣлавшись членомъ громады, онъ является такимъ же безмолвнымъ членомъ, какъ и непросвѣщенные и темные его собратія. Онъ покорно сноситъ произволъ и дерзость урядниковъ, не возмущаясь тѣмъ, что эти урядники почтены выборомъ не для того, чтобы оскорбительно обращаться съ выбравшими ихъ, а для того, чтобы служить на пользу *громады*.

Посмотримъ теперь, какимъ путемъ можетъ распространиться образованіе въ народѣ. Народъ смотритъ на ученіе съ утилитарной точки зрѣнія. Отдать въ науку—по народнымъ понятіямъ—значитъ приспособить ребенка къ какому-нибудь полезному ремеслу. Такъ-точно, отдавая въ школу, родители желаютъ, чтобъ ребенокъ вынесъ оттуда свѣдѣнія, полезныя въ жизни. Науки, въ ея высшемъ значеніи, народъ не понимаетъ. Ему все равно—есть ли университетъ, нѣтъ ли его. Онъ не довѣритъ себя медику, воспитаннику университета, между-тѣмъ какъ исполнитъ въ точности всѣ повелѣнія знахорки. Медикъ пропишетъ лекарство стоющее денегъ, иногда и большихъ для простолюдина; прикажетъ ѣсть скоромное, если болѣзнь приключится въ постъ, между тѣмъ какъ, по по-

нятіямъ народа, ѣсть скоромное—грѣхъ: оно скорѣе еще больше повредитъ. Болѣзнь послана за грѣхи; чтобъ исцѣлиться, человѣкъ долженъ раскаяться, а не творить новый грѣхъ. Такимъ-образомъ, медикъ, человѣкъ науки, принося пользу высшему классу, останется совершенно ненужнымъ народу. Знахарь—человѣкъ жизни; онъ тѣсно связанъ съ народомъ, онъ—свой; онъ знакомъ съ народными вѣрованіями, и его пріемы леченія успокоиваютъ, ободряютъ больнаго такъ, что больной совершенно ввѣряетъ себя ему, какъ знатоку своего дѣла. Средства, употребляемыя знахоремъ, очень дешевы: это большею частію травы, въ цѣлебность которыхъ вѣритъ народъ. Символическая сторона леченія—по народному понятію—имѣетъ не менѣе важности. Болѣзни часто приключаются отъ лукавыхъ людей, дѣйствующихъ за-одно съ злыми духами; а противъ этого можно дѣйствовать шептаніями и заклинаньями.

Леченіе знахоря дѣйствуетъ какъ на физическую, такъ и нравственную сторону больнаго, проливая въ немъ надежду на исцѣленіе: а кто будетъ отрицать важность такого состоянія духа?

Кто хочетъ быть дѣятелемъ въ средѣ народа, тотъ долженъ прежде проникнуться міросозерцаніемъ народа. Стоя на этой почвѣ, онъ принесетъ бо́льшую пользу. Идти сразу на перекоръ народнымъ вѣрованіямъ нельзя. Только незамѣтнымъ для народа образомъ можно способствовать къ уничтоженію суевѣрій и предразсудковъ. Поэтому мы считаемъ весьма важнымъ то, кто́ стоитъ во главѣ школы.

Школа должна быть самымъ дорогимъ для сельскаго люду учрежденіемъ. Она должна пользоваться такимъ довѣріемъ, чтобы каждый отецъ-селянинъ считалъ своею обязанностію отдать свое дитя въ неё для обученія. Это можетъ быть достигнуто тогда, если въ головѣ школы будетъ стоять лицо, пользующееся довѣріемъ народа, если въ немъ народъ будетъ видѣть человѣка *своего*, человѣка проникнутаго однакими съ нимъ интересами, человѣка, котораго совѣтъ уважается, котораго наставленіемъ дорожатъ. Кто можетъ удовлетворить этимъ условіямъ?— Между нынѣшнею *панською* молодежью есть люди, желающіе непосредственно быть полезными народу. Но такихъ паничей очень мало: это дѣло пока у насъ требуетъ самопожертвованій, къ которымъ очень мало способныхъ. Да и эти-то немногіе, во-первыхъ, не могутъ получить мѣстъ учителей сельскихъ училищъ, потому-что эти мѣста занимаютъ или священники или семинаристы, какъ мы уже выше сказали; во-вторыхъ, цѣль и программа существующихъ школъ не позволяютъ принести ту пользу, какую бы онѣ могли принести; въ-треть-

ихъ, паничъ не пользуется довѣріемъ народа, слѣдовательно не можетъ быть звѣномъ между школою и народомъ. Народъ не довѣряетъ панамъ: *то́ пани*, говоритъ онъ, *а ми люде*. Хотя онъ и замѣчаетъ нѣкоторую разницу между молодежью и старымъ поколѣніемъ пановъ, но это еще не уничтожаетъ недовѣрія. *Яблуко недалеко одъ яблонї одкóчуетця*, говоритъ онъ. Онъ убѣжденъ, что интересы его не могутъ быть тождественны съ интересами пановъ.

Вы заводите безплатную школу: народъ объяснитъ это тѣмъ, что вы желаете получить награду отъ правительства. Чувствомъ гуманности онъ не объяснитъ вашихъ гуманныхъ побужденій; а предполагаетъ какую нибудь выгодную для васъ цѣль. Такой взглядъ на всякія панскія затѣи онъ вывелъ изъ вѣковаго опыта. Но, можетъ быть, лица духовнаго званія могутъ стоять во главѣ школы?.. Къ сожалѣнію мы должны отвѣтить пока, отрицательно. Теперь поднятъ вопросъ о преобразованіи учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства; желательно, чтобы скорѣе приступили къ этому преобразованію. — 14 лѣтъ употребляется на приготовленіе къ пастырской обязанности; 14 лѣтъ учащійся находится подъ гнетомъ схоластики! Чего не преподаютъ въ семинаріи! Сюда входятъ и предметы развивающіе;—предметы, отъ изученія которыхъ могла бы быть польза въ практической жизни, но все это преподается подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія; на все это наложена печать схоластики. Учащійся долженъ все затвердить слово въ слово. Учитель вполнѣ зависитъ отъ ректора. Послѣ трехъ замѣчаній ректора, учитель изгоняется. Такой порядокъ вещей не можетъ принесть пользы. Ученикамъ говорятъ: мы не запрещаемъ вамъ читать свѣтскую литературу, но—не совѣтуемъ. Поэтому и выходятъ пастыри, или вовсе чуждые высшихъ интересовъ, или которыми живетъ общество, или неподготовленные къ пониманію ихъ. Мы не знаемъ случая, гдѣ бы народъ шелъ къ пастырю за совѣтомъ, какъ къ представителю христіанской нравственности. Мы не видѣли пастыря, который бы старался внести принципы христіанской нравственности въ жизнь семейную, въ жизнь общественную; да и много ли найдется между священниками такихъ, которые понимаютъ свое положеніе среди народа. Сельскіе священники читаютъ иногда проповѣди народу... Но задаютъ ли они себѣ вопросъ: понятна ли. ему эта проповѣдь? Заботятся ли они объ томъ, чтобы проповѣдь была понятна народу, какъ по языку, такъ и по содержанію, чтобы она подѣйствовала на слушателей? Вникаютъ ли они въ семейную и общественную жизнь темнаго народа и стараются ли смяг-

чать грубыя стороны его жизни? На все это, къ-сожалѣнію, нужно отвѣчать отрицательно... Сельскій священникъ исполняетъ только требы и за этокромѣ жалованья (1) получаетъ извѣстныя дани, узаконенныя обычаемъ (2): вотъ и всѣ почти отношенія обѣихъ сторонъ.

Духовенству въ школѣ должно принадлежать преподаваніе закона Божія; но для того, чтобы школа приносила пользу, нужно, чтобъ учитель школы былъ человѣкъ, тѣсно связанный съ интересами народа, человѣкъ невыдѣлившійся изъ народнаго быта,—человѣкъ развитой, но неусвоившій себѣ привычекъ городской цивилизаціи и неотвыкнувшій отъ земледѣльческаго труда. Къ такому лицу довѣріе будетъ огромно и польза, приносимая имъ, неизмѣрима. Для того, чтобы распространялось въ сельскомъ народѣ образованіе, нужно прежде всего образовать учителей для сельскихъ училищъ,—нужно устроить въ нашемъ краѣ институтъ для образованія учителей сельскихъ училищъ. Институтъ долженъ быть устроенъ не въ городѣ, а возлѣ села. Ученики института должны быть изъ сельскихъ обывателей; кромѣ ученія, они должны заниматься полевыми работами, а равно и ремеслами. Это облегчитъ содержаніе института и, главное, не дастъ отвыкнуть ученику отъ физическаго труда, полезнаго и въ физіологическомъ отношеніи, и въ томъ отношеніи, что не дастъ отдалиться отъ того быта, изъ котораго вышелъ. Ставши въ селеніи учителемъ, онъ будетъ проводникомъ здравыхъ хозяйственныхъ идей и, главное,—путемъ практики на собственномъ хозяйствѣ. Покажите на дѣлѣ полезность той или другой хозяйственной операціи, она найдетъ подражателей; доказывайте на словахъ—надъ вами посмѣются. И такъ, кромѣ умственнаго и нравственнаго развитія, будущій учитель долженъ вынести изъ института: 1) привычку къ земледѣльческому труду и здравыя хозяйственныя понятія, извѣданныя имъ на практикѣ; 2) онъ долженъ знать законы, относящіяся до правъ и обязанностей сельскихъ обывателей и хоть общія свѣдѣнія о прочихъ законахъ. Тогда лицо это въ селеніи будетъ дорого. Оно сдѣлается общимъ совѣтникомъ и адвокатомъ, что такъ необходимо для темнаго люду. Пользуясь довѣріемъ, онъ разовьетъ въ народѣ чувство законности, разъясняя ему права и обязанности, выраженныя въ положительномъ законѣ, и такимъ образомъ будетъ распро-

---

(1) Священники и причетники не получаютъ жалованья тамъ, гдѣ большая *дуга*, т. е. много церковной земли, находящейся въ пользованіи причта.

(2) Впослѣдствіи мы сообщимъ объ этихъ данях. *П. Ч.* Просимъ поспѣшить. *Ред.*

странителемъ гражданскаго воспитанія въ народѣ.—Его примѣръ и его совѣты значительно смягчатъ грубыя стороны семейной жизни и народной нравственности вообще. Отъ сельскаго учителя требуются качества такія, какъ ни отъ одного общественнаго дѣятеля. Его мѣсто самое трудное; а потому и отъ сельскаго института, приготовляющаго такихъ общественныхъ дѣятелей, требуется много условій. Но этого ненадо бояться. Осуществленіе такого учрежденія въ наше время нельзя считать утопіей.— Учреждается общество грамотности въ Кіевѣ; вѣроятно, оно не оставитъ въ сторонѣ мысли объ учрежденіи такого института. Вѣроятно, благоразумные и добросовѣстные помѣщики помогли бы въ этомъ дѣлѣ.

Помогать учиться народу, который, при существованіи крѣпостнаго права, не могъ учиться — дѣло честное и полезное для дворянъ потому, что послужитъ къ бо́льшему довѣрію народа къ панамъ.

Между молодыми людьми найдутся такіе, которые, окончивъ университетъ и будучи знакомы съ жизнью народа, возьмутся за дѣло преподаванія и воспитанія въ институтѣ, — для которыхъ это дѣло будетъ дорого и свято, у которыхъ на первомъ планѣ будетъ стоять не жажда денегъ и чиновъ, а желаніе блага *найменшому брату*; которые сами будутъ подавать собою примѣръ человѣчности, трудолюбія и простоты въ образѣ жизни, которые неусыпно будутъ заботиться о нравственномъ развитіи воспитанниковъ.

Нравственное развитіе и свѣдѣнія полезныя въ жизни народа, вотъ–что́ долженъ будетъ дать институтъ своимъ воспитанникамъ.— Въ свою очередь сельскій учитель передастъ тоже самое своимъ ученикамъ, и тогда школа сдѣлается учрежденіемъ жизненнымъ и дорогимъ для всякаго селянина.

П. Чубинскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. *Екатеринославская губернія.* Составилъ В. Павловичъ. С.-Петербургъ. 1862 8 д. л. 351. стр.

Еще нескоро, кажется, мы будемъ имѣть настоящую статистику Россіи съ точными данными, по которымъ можно судить о степени развитія каждой отдѣльной мѣстности въ извѣстномъ отношеніи. Это невольно пришло намъ въ голову, по прочтеніи книги г. Павловича, напомнившей о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено у насъ изслѣдованіе края не только для частнаго лица, трудящагося изъ собственной любознательности, но и для лица, офиціально посылаемаго съ цѣлью изученія извѣстнаго края. Эти затрудненія дѣлаютъ правдивое описаніе почти невозможнымъ. Частное лицо, добиваясь всего собственнымъ трудомъ и для собранія свѣдѣній стараясь сблизиться съ мѣстными жителями, съ народомъ, подвергаетъ себя различнымъ притѣсненіямъ мѣстныхъ властей, которыя очень часто видятъ въ этомъ сближеніи что-то вредное и опасное и нетолько не помогаютъ ему доставленіемъ свѣдѣній но даже всячески препятствуютъ собирать ихъ самому. Послѣдняго неудобства, конечно, не встрѣчаетъ офиціальный изслѣдователь, которому, напротивъ того, мѣстныя власти даже обязаны содѣйствовать, но за то народъ привыкъ смотрѣть на всякое офиціальное лицо недовѣрчиво, какъ на начальника, и много въ этомъ случаѣ нужно терпѣнія и любви къ своему дѣлу, чтобы добиться правды. Съ другой стороны, мѣстная администрація своимъ содѣйствіемъ немного приноситъ ему помощи въ пріобрѣтеніи нужныхъ свѣдѣній, какъ потому, что свѣдѣнія, находящіяся въ ея распоряженіи, далеко не вѣрны, такъ и потому, что сама администрація обладаетъ иногда очень скудными свѣдѣніями по многимъ предметамъ. Вотъ, между прочимъ, что̀ пишетъ самъ г. Павловичъ, въ своемъ пре-

дисловіи, говоря объ источникахъ, которыми онъ пользовался при описаніи Екатеринославской губерніи:

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены всеподданнѣйшіе отчеты гражданскаго губернатора за пять послѣднихъ лѣтъ; изъ нихъ заимствованы многія числовыя данныя по разнымъ предметамъ статистическаго изслѣдованія. Но если принять во вниманіе, что во время производства мною статистическихъ работъ, еще не былъ открытъ въ Екатеринославской губерніи статистическій комитетъ, и составленіе самаго отчета лежало на обязанности одного лица, неподвергнутаго никакой повѣркѣ, то конечно нельзя не согласиться, что большая часть цифръ въ отчетахъ не вѣрна нетолько въ сотняхъ и тысячахъ, но даже въ десяткахъ тысячъ. Это заставило меня пользоваться цифрами съ возможною разборчивостью, помѣщая изъ нихъ только такія, которыя по сличеніи со свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ оказывались болѣе вѣрными.

Что́ касается числовыхъ данныхъ, сообщаемыхъ непосредственно присутственными мѣстами, то число ихъ было весьма ограничено, ибо губернскія присутственныя мѣста, за исключеніемъ врачебной управы не доставили никакихъ свѣдѣній.

Подтвержденіе словъ г. Павловича встрѣчаешь очень часто при чтеніи его книги. Такъ, по отчетамъ Екатеринославскаго губернатора, показано, за 1857 годъ въ городѣ Ростовѣ, 12,701 жит., а по свѣдѣніямъ городничаго за этотъ же годъ—15,824 жит. (стр. 321). Которая изъ этихъ цифръ вѣрна, — рѣшить трудно. Но встрѣчаются въ книгѣ цифры вчетверо уменьшенныя противъ дѣйствительности, а еще непріятнѣе, что по нѣкоторымъ предметамъ вовсе нѣтъ даже приблизительно–вѣрныхъ свѣдѣній; такъ, напримѣръ, говоря о государственныхъ крестьянахъ, г. Павловичъ замѣчаетъ, что за ними числятся недоимки, но съ котораго времени эти недоимки начались и на какую сумму, — осталось неизвѣстнымъ по недоставленію свѣдѣній отъ мѣстной палаты государственныхъ имуществъ; между тѣмъ, эти свѣдѣнія крайне любопытны, чтобы судить хоть о томъ: такъ ли въ Екатеринославской губерніи успѣшно дѣйствовала эта палата, какъ въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ Рязанской, въ которо́й, при учрежденіи палаты государственныхъ имуществъ, въ 1839 году, недоимокъ на казенныхъ крестьянахъ считалось до 111,000 р. ср. а въ 1856 году они простирались до 769,000 р. ср.—(*).

Что́жъ, затѣмъ, оставалось еще автору для составленія описанія Екатеринославской губерніи? нѣсколько печатныхъ матеріаловъ, по-

(*) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Рязанская губернія. Сост. М. Барановичъ. С.Петербургъ 1860.

мѣщенныхъ разновременно въ журналахъ, нѣкоторые рукописные матеріалы и, наконецъ, личное изслѣдованіе и распросы у мѣстныхъ жителей; чему, какъ мы выше замѣтили и ниже приведемъ доказательства изъ самой книги, много мѣшала офиціальность автора.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, неудивительно, что книга, появляющаяся въ свѣтъ въ 1862 году, содержитъ въ себѣ большую часть статистическихъ цифръ, собранныхъ до 1858 года, т. е. еще при существованіи крѣпостнаго труда и при ненормальномъ положеніи края, не оправившагося еще послѣ войны, во время которой цѣны на многіе предметы возвысились до чрезмѣрности; оттого описаніе населенія края, составленное по личнымъ наблюденіямъ, показалось намъ, во многихъ мѣстахъ, поверхностнымъ или ошибочнымъ.

Не имѣя намѣренія подробно разбирать весь трудъ г. Павловича, мы только воспользуемся, изъ его книги, нѣкоторыми полезными свѣдѣніями и сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на нѣкоторые промахи, бросившіеся намъ въ глаза.

Говоря о географическомъ положеніи губерніи, поверхность которой исчислена въ 6,196,363 десятины, г. Павловичъ представляетъ сравнительную вѣдомость удобной и неудобной земли: на все пространство губерніи, удобной приходится 5,419,309 десятинъ, неудобной 577,017 десятинъ и лѣсной 106,144 десятины. Хотя исчисленіе это только приблизительное и несовсѣмъ точное, такъ-какъ оно извлечено изъ офиціальныхъ источниковъ, въ которыхъ пространство губерніи показано по старому исчисленію, (на 93,893 десятины менѣе настоящаго,) но все же изъ него видно, что по самому свойству почвы, — земледѣліе главнѣйшее занятіе населенія Екатеринославской губерніи.

Изъ всего количества земли, наибольшая часть ея принадлежитъ мѣстнымъ помѣщикамъ, а именно 3,420,832 десятины и государственнымъ крестьянамъ 1,763,260 десятинъ; остальное затѣмъ количество принадлежитъ городамъ, Азовскому и бывшему нѣкогда Любанскому войску, Луганскому литейному заводу и иностраннымъ колоніямъ Нѣмецкимъ, Армянскимъ, Еврейскимъ и Греческимъ; послѣднимъ принадлежитъ наибольшее количество земли 351,314 десятины, лучшаго качества.

О путяхъ сообщенія Екатеринославской губерніи, авторъ замѣчаетъ, что сухопутныя дороги находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, и при этомъ говоритъ:

Если согласиться съ мнѣніемъ, что развитіе образованности идетъ, такъ сказать, рука объ руку съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, то должно признать, что южныя наши губерніи въ томъ числѣ и Екатеринославская, замѣчательны своею отсталостію. Между тѣмъ, по свойству черноземной почвы, превращающейся въ дождливое время въ весьма топкую грязь, по плодородію ея, по необходимости сбыта излишка сельскихъ произведеній, и по самому положенію южныхъ губерній, примыкающихъ къ морямъ и имѣющихъ возможность къ производству значительной заграничной торговли,—улучшеніе путей сообщенія здѣсь *также важно* какъ во внутреннихъ губерніяхъ. Не смотря на то, пути сообщенія все еще находятся въ первобытномъ состояніи.

Екатеринославская губернія, по своему положенію, находится на соединеніи сѣверныхъ губерній съ портами Азовскаго и Чернаго морей, поэтому значительныя дороги пролегаютъ черезъ нее съ сѣвера на югъ.

Важнѣйшіе пункты, къ которымъ направляется движеніе обозовъ и транспортовъ, въ восточной части губерніи суть: Таганрогъ, Ростовъ и Маріуполь, какъ города, служащіе пунктами сбыта предметовъ заграничной торговли; а въ юго-западной—м. Никополь, какъ пунктъ, лежащій на Днѣпрѣ, ниже пороговъ, и г. Орѣховъ (Таврической губерніи), въ которомъ большею частью сосредоточиваются пути ведущіе въ Крымъ.

Въ губерніи устроено до сего времени только одно шоссе, отъ г. Екатеринослава до станціи Подгорной, для избѣжанія въ этомъ мѣстѣ затрудненій при проѣздѣ по глубокому песку. Шоссе это длиною 9 верстъ и 401 сажень; оно окончено въ 1854 году. Для щебеночной насыпи употребленъ гранитный камѣнь, добываемый въ береговыхъ скалахъ и въ руслѣ Днѣпра. Построеніе шоссе стоило 56,562 рубля, а ремонтъ его, не включая ремонта мостовъ, обходится около 3000 рублей серебромъ въ годъ.

Въ губерніи въ настоящее время имѣются слѣдующіе почтовые тракты:

1) Отъ границъ Херсонской губерніи черезъ г. г. Верхнеднѣпровскъ, Екатеринославъ и м. Никополь до границъ Херсонской же губерніи. Дорога эта есть продолженіе С. Петербурскаго тракта, пролегающаго чрезъ Витебскую и Могилевскую губерніи въ Херсонъ и Крымъ.

Она проходитъ по возвышеннымъ степямъ, перерѣзаннымъ глубокими балками, имѣющими довольно крутые спуски.

Значительная переправа по этому пути, только при мѣстечкѣ Никополѣ чрезъ р. Днѣпръ.

2) Отъ границъ Полтавской губерніи, чрезъ г. Новомосковскъ, въ г. Екатеринославъ. Это—продолженіе Московскаго тракта, идущаго на Харьковъ въ Херсонъ и Одессу.

3) Отъ границы Харьковской губерніи, чрезъ г. Бахмутъ, Землю войска Донскаго, г. Ростовъ, Ейское укрѣпленіе и далѣе въ Землю Кубанскихъ казаковъ; дорога эта есть продолженіе Московскаго тракта, идущаго чрезъ г. Харьковъ, Изюмъ, въ Кубанскую область; отъ нея отдѣляется отрасль въ г. Таганрогъ, Маріуполь и Бердянскъ. Холмообразная мѣстность почти по всему протяженію дороги, небрежность, съ какою послѣдняя содержится, отроги скалъ и камней, нерѣдко виднѣющихся на ней изъ подпочвы, много затрудняютъ ѣзду даже и въ сухое время, а во время весеннихъ разливовъ, отъ небрежнаго содержанія мостовъ на небольшихъ рѣчкахъ (особенно въ Землѣ Войска Донскаго), прерывается на нѣкоторое время сообщеніе.

4) Таганрогъ соединяется съ Ростовомъ почтовымъ трактомъ, идущимъ частію по Землѣ войска Донскаго, частію по Ростовскому уѣзду и Таганрогскому градоначальству.

5) Отъ г. Бахмута проложенъ недавно почтовый трактъ въ г. Маріуполь.

6) Для соединенія г. Екатеринослава съ уѣздными городами проходитъ почтовый трактъ чрезъ Новомосковскъ, Павлоградъ, Бахмутъ и м. Ивановку въ Славяносербскъ.

Изъ разсмотрѣнія направленія почтовыхъ трактовъ легко сдѣлать заключеніе о нѣкоторыхъ неудобствахъ въ ихъ распредѣленіи:

а) Соединеніе г. Бахмута съ г. Славяносербскомъ производится посредствомъ кружнаго тракта, такъ что прямая дорога между этими двумя городами 80 верстами короче.

б) Г. Таганрогъ соединенъ съ г. Екатеринославомъ трактомъ, проходящимъ чрезъ г. Бахмутъ и Павлоградъ, что составляетъ значительный кругъ. Гораздо было бы прямѣе и выгоднѣе проложить почтовый трактъ изъ г. Маріуполя въ г. Орѣховъ; тогда не только г. Таганрогъ получилъ бы болѣе прямое соединеніе съ Екатеринославомъ, но и гг. Маріуполь и Бердянскъ, нынѣ вовсе лишенные прямаго сообщенія съ западной частію губерніи, имѣли бы въ этомъ отношеніи значительную выгоду. Даже г. Ростовъ, при теперешнемъ развитіи пароходства по Азовскому морю, могъ бы, чрезъ г. Маріуполь, имѣть прямое и скорое сношеніе съ г. Екатеринославомъ. (стр. 48—51).

Кромѣ этихъ почтовыхъ дорогъ есть еще дороги торговыя, которыя конечно находятся не въ лучшемъ состояніи.

Трудно надѣяться на скорое улучшеніе сухопутныхъ путей сообщенія, такъ какъ при отсутствіи въ южномъ краѣ булыжнаго камня устройство шоссе обходится чрезмѣрно дорого. Если построеніе шоссе на пространствѣ менѣе 10 верстъ стоило 56,562 рубля, если кромѣ того на ремонтъ этого шоссе ежегодно требуется болѣе 3,000 рублей, то восколько же обойдется шоссе на нѣсколько десятковъ и сотъ верстъ. Хотя же и была попытка замѣнить булыжный щебень искуственнымъ, который обошелся бы несравненно дешевле и была даже изобрѣтена г. Серебряковымъ машина для приготовленія искуственнаго щебня изъ глины, на что онъ получилъ въ 1860 году пятилѣтнюю привиллегію, но до сихъ поръ мы не встрѣчали указаній на то, чтобы изобрѣтеніе это было гдѣ нибудь примѣнено, или же что оно за неудобствомъ или непрактичностью кануло въ Лету вмѣстѣ со множествомъ ни къ чему не ведущихъ изобрѣтеній, на которыя ежегодно получаются пяти и десяти лѣтнія привиллегіи.

Еще съ 1796 года начались попытки устранить опасности и затрудненія для хода судовъ по Днѣпровскимъ порогамъ посредствомъ устройства каналовъ, но до сихъ поръ они не достигали своей цѣли; а потому въ настоящее время снова возникаютъ предпріятія для облег-

ченія судоходства по Днѣпру и Дону. Вотъ-что замѣчаетъ объ этихъ предпріятіяхъ г. Павловичъ:

Неодолимыя препятствія, представляемыя Днѣпровскими порогами для судоходства, вызвали также проектъ съ цѣлію обойти порожистую часть каналомъ по теченію рѣки Базавлука. Осуществить проектъ предполагала компанія русскихъ капиталистовъ, князей: Воронцова, Кочубея, Ливена, графа Браницкаго и барона Штиглица. Англійскій инженеръ поверхностно изслѣдовалъ мѣстность по теченію рѣки Базавлука и до г. Ворхнеднѣпровска. Онъ нашелъ удобоисполнимыми два плана: или провести каналъ отъ с. Романкова прямо въ вершину Базавлука посредствомъ тоннеля, такъ какъ отъ берега Днѣпра, на всемъ этомъ пространствѣ, тянется высота, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перерѣзываемая глубокими балками; или же отъ с. Романкова направить каналъ до имѣнія помѣщика полковника Лупанова въ рѣчку Суру, потомъ теченіемъ Суры до вершины Базавлука, а этой послѣдней рѣкой въ Днѣпръ, ниже м. Никополя. Нѣтъ сомнѣнія, что если проектъ устройства подобнаго канала приведенъ будетъ въ исполненіе, то промышленность и торговля въ губерніяхъ, лежащихъ по теченію Днѣпра, значительно усилятся. Полагаясь при этомъ на авторитетъ спеціалиста, то есть англійскаго инженера, не оспариваемъ, что проектъ исполнимъ; но во всякомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобъ капиталъ, затраченный на столь огромныя сооруженія (ибо каналъ долженъ простираться слишкомъ на сто верстъ), могъ быть возвращенъ съ надлежащимъ процентомъ. Компанія застрахованія судовъ, проходящихъ черезъ пороги, можетъ уничтожить всѣ выгоды сооруженія канала; ибо она вѣроятно стала бы брать гораздо менѣе платы съ судовъ, при ихъ застрахованіи, чѣмъ могло бы взимать общество, устроившее каналъ, за проходъ черезъ него судовъ.

Намъ лично знакома мѣстность по теченію Базавлука и случалось проѣзжать рѣчку Суру въ двухъ или трехъ мѣстахъ; берега Базавлука и Суры обложены во многихъ мѣстахъ, гранитными скалами и каменьями, которые простираясь подъ почвою далѣе на югъ, образуютъ Днѣпровскіе пороги; и потому весьма правдоподобно, что углубленіе фарватера этихъ рѣкъ, на пространствѣ ста верстъ, равно какъ устройство тоннеля и другихъ сооруженій, будетъ стоить весьма дорого.

Мелководіе донскихъ гирлъ вызвало также проектъ, въ настоящее время находящійся на разсмотрѣніи Главнаго Управленія Путей Сообщенія, по которому предполагается углубить фарватеръ въ гирлѣ Переволокѣ до 8 футовъ ниже горизонта моря. Углубленіе это должно быть сдѣлано въ видѣ канала шириною въ 20 сажень, такъ, чтобы два судна, при встрѣчѣ, могли свободно расходиться. Такой каналъ предполагается обозначить указательными вѣхами, расположенными чрезъ 50 сажень одна отъ другой. Для учрежденія надзора за судоходствомъ въ гирлахъ, также предполагается: 1) устроить сторожевое судно съ каютами, на которомъ будутъ находиться: команда, шкиперъ и два матроса; 2) учредить разъѣзды по гирламъ на двухъ баркасахъ, и 3) устроить водомѣръ у входа въ гирло, для опредѣленія глубины воды. Для углубленія фарватера, предполагается заказать на Луганскомъ заводѣ землечерпательную паровую машину въ 20 силъ.

Если подобный проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ окончится устроиваемая нынѣ желѣзная дорога отъ Волги къ Дону, то, безъ

сомнѣнія, это доставитъ всей юго-восточной полосѣ Россіи большія выгоды. Тогда, въ полной мѣрѣ приволжскій край, начиная отъ гор. Симбирска, приметъ дѣятельное участіе въ торговлѣ черезъ порты Азовскаго моря; и г. Ростовъ получитъ весьма важное значеніе (Стр. 67—68).

Въ главѣ о климатѣ, упоминается между прочимъ о явленіи весьма замѣчательномъ и, какъ кажется, не повторяющемся въ сосѣднихъ губерніяхъ, а именно: — въ Екатеринославской губерніи бываютъ туманы, оставляющіе по себѣ на листьяхъ нѣчто въ родѣ желтой пыли, пріостанавливающей растительность. (Стр. 72).

Изъ фауны Екатеринославской губерніи особенное на себя вниманіе обращаетъ животное, сдѣлавшееся въ послѣднее время извѣстнымъ по страшному вреду, наносимому имъ сельскому хозяйству: — это *овражки* или *суслики*. Размножаясь въ огромномъ количествѣ, такъ какъ одна пара сусликовъ въ теченіи 7 мѣсяцевъ можетъ производить до 1000 штукъ (суслики рождаютъ каждыя три недѣли отъ 6 до 12 дѣтенышей; молодые суслики начинаютъ котиться черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія); эти животныя уничтожаютъ посѣвы не менѣе саранчи. Мѣры, которыя принимались до сихъ поръ для ихъ истребленія оказывались недѣйствительными и министерство государственныхъ имуществъ съ этой цѣлью предлагало двѣ конкурсныхъ задачи: 1) на составленіе полной монографіи о сусликахъ и 2) на изысканіе простѣйшаго и удобнѣйшаго способа къ истребленію сусликовъ, доступнаго средствамъ поселянъ и польза коего была бы доказана на дѣлѣ. Въ прошедшемъ, 1861 году, общество Сельскаго хозяйства Южной Россіи разсматривало нѣсколько мѣръ, предложенныхъ для истребленія сусликовъ и хотя не признало ни одну мѣрою вполнѣ примѣнимою и дѣйствительною, но въ тоже время нашло, что сплачиваніе полей въ большія и меньшія пространства можетъ способствовать къ уменьшенію вреда, причиняемаго сусликами. Общество напечатало по этому предмету статью Д. П. Струкова о сплачиваніи полей въ видахъ предохраненія хлѣбовъ отъ сусликовъ. Средство это г. Струковъ основываетъ главнымъ образомъ на томъ, что суслики, по природѣ своей весьма пугливые и избѣгающіе мѣстностей многолюдныхъ, всегда выбираютъ для своихъ норъ мѣста плотно убитыя, не пропускающія влажности, и никогда не дѣлаютъ норъ посреди разрыхленной почвы, развѣ на межникѣ или сурочьемъ холмикѣ. На основаніи этихъ данныхъ Д. П. Струковъ приходитъ къ заключенію, что сусликовъ окончательно истребитъ болѣе тѣсное народонаселеніе, а до того времени можно только уменьшить зло, преслѣдуя

сусликовъ мѣрами уничтоженія, изъ которыхъ выливаніе водою есть одно дѣйствительное и доступное средство для крестьянъ. Въ предупрежденіе же вреда хлѣбнымъ посѣвамъ г. Струковъ предлагаетъ: дѣлать посѣвы сплошные, не допуская межниковъ и незасѣянныхъ участковъ между посѣянными десятинами, а также распахивая и раскапывая имѣющіеся на пашнѣ холмики; кромѣ того опахивать кругомъ сажень на 30 въ ширину и первый взметъ пашки дѣлать глубже, а полевыя дороги между засѣянными хлѣбами допускать по возможности узкія.

А г. Павловичъ вотъ-что говоритъ объ истребленіи сусликовъ:

Различныя орудія, изобрѣтенныя до сихъ поръ для ихъ истребленія, оказываются далеко неудовлетворительными. Самый вѣрный способъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый затруднительный, состоитъ въ простомъ выливаніи водою. Весьма успѣшно истребляли овражковъ посредствомъ паровой машины, но этотъ способъ еще не распространенъ; старались также ихъ отравлять и выгонять изъ норъ дымомъ, однакожъ безуспѣшно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, весною истребляютъ ихъ очень много посредствомъ особенно устроенныхъ ловушекъ.

Кажется, что посредствомъ паровыхъ машинъ предвидится совершенное истребленіе овражковъ, если только хозяева обратятъ на это вниманіе. Паръ пущенный въ яму съ большою силою, уничтожаетъ сразу все семейство; другіе же овражки боятся селиться въ этихъ ямахъ и уходятъ совершенно изъ окрестностей, гдѣ производилось истребленіе паромъ. Машина стоитъ отъ 150 р. до 300 р. с., требуетъ для возки пару воловъ и 2 человѣка прислуги; для подвоза угля и воды нужна другая пара воловъ, но всѣ эти издержки ничтожны сравнительно съ пользою, какую можетъ принести машина.

Главная неудача въ истребленіи овражковъ заключается, кажется, въ предразсудкѣ простонародья, убѣжденнаго, что ихъ истребить невозможно, что это кара небесъ. (Стр. 93).

При чрезвычайномъ разнообразіи народонаселенія Екатеринославской губерніи, состоящаго изъ Малороссовъ, Великороссовъ, Сербовъ, Грековъ, Армянъ, Нѣмцевъ, Поляковъ, Евреевъ и Волоховъ, были бы весьма интересны сравнительныя цифры населенія каждаго отдѣльнаго племени, но къ-сожалѣнію г. Павловичъ не имѣлъ для этого достаточныхъ данныхъ и только замѣчаетъ, что преобладаніе Малороссовъ числительностью имѣетъ слѣдствіемъ то, что нынѣ многія племена, особенно южно-славянскія, слились въ одинъ народъ, имѣющій Малорусскій типъ (стр. 116). За недостаткомъ одного, авторъ представляетъ другое,—а именно: распредѣленіе всѣхъ жителей губерніи, которыхъ считалось въ 1857 году, 952,719, безъ Таганрогскаго градоначальства, по сословіямъ:

Дворянъ:	
Потомственныхъ съ правомъ голоса на выборахъ .	4,104
Личныхъ	4,645
Духовенства православнаго:	
Священнослужителей и семействъ ихъ	3,707
Церковнослужителей и семействъ ихъ	3.376
Монашествующихъ	7
Духовенства иновѣрческаго.	
Римско-католическаго	6
Лютеранскаго	2
Купечества, мѣщанъ, крестьянъ и разныхъ сословій:	
Гражданъ потомственныхъ и личныхъ	59
Купцовъ, въ томъ числѣ объявившихъ капиталы .	8,161
Мѣщанъ и городскихъ жителей вообще.	59,976
Однодворцевъ	2,989
Вольныхъ матросовъ	13,970
Лоцмановъ	2,662
Колонистовъ и меннонистовъ	28,498
Служителей при архіерейскихъ домахъ	161
Безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ	1,323
Отставныхъ солдатъ и ихъ женъ	9,634
Лекарскихъ учениковъ	43
Крестьянъ государственныхъ	476,323
Крестьянъ помѣщичьихъ	305,228
Дворовыхъ людей	15,963
Непремѣнныхъ работниковъ Луганскаго завода . .	9,169
Бродягъ и подвѣдомственныхъ Приказу Общественнаго Призрѣнія	145

(стр. 117).

Слѣдующая затѣмъ глава, подъ общимъ заглавіемъ »промышленность сельско-хозяйственная,« заключая въ себѣ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для знакомства съ хозяйствомъ Екатеринославской губерніи, въ то же время представляетъ невѣрные, по нашему мнѣнію, выводы. Не желая обвинять въ нихъ самаго автора, можно всего скорѣе объяснить это офиціальностью обстановки, которая его окружала во время мѣстныхъ наблюденій и мѣшала видѣть предметы въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Этотъ недостатокъ довольно часто повторяется и въ другихъ отдѣлахъ, и замѣчается даже при поверхностномъ просмотрѣ книги. Такъ, напримѣръ, говоря о томъ, что сельское хозяйство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ стояло на гораздо низшей степени, чѣмъ у самихъ помѣщиковъ, Г. Павловичъ утверждаетъ, что причины такого явленія заключались:

1) Во *врожденной лѣни* Малороссіянъ, всегда безпечныхъ и надѣявшихся, въ случаѣ неурожая, на помощь своихъ бывшихъ помѣщиковъ; 2) въ *необра*

зованности и невѣжествѣ простого народа, преданнаго предразсудкамъ, которые препятствуютъ всякому успѣху въ отношеніи хозяйственномъ; 3) въ недостаткѣ рабочаго скота, ибо рѣдкое семейство могло держать 4 пары воловъ, необходимыхъ для поднятія столь тяжелой почвы. Наконецъ 4) у многихъ владѣльцевъ было мало обращено вниманія на бытъ крестьянъ, особенно тамъ, гдѣ помѣщики предоставляли управленія имѣніями вольно-наемнымъ людямъ стр. 175).

Мы увѣрены, что еслибы г. Павловичъ самъ теперь прочиталъ это мѣсто своей книги, то удивился бы какъ сдѣланнымъ выводамъ, такъ равно и противорѣчіямъ, которыя замѣтны при послѣдовательномъ чтеніи одной статьи за другою. Въ доказательство этого приводимъ небольшой отрывокъ, помѣщенный на другой страницѣ послѣ сдѣланной нами выписки:

Въ общихъ чертахъ, сельское хозяйство государственныхъ крестьянъ почти совершенно одинаково съ хозяйствомъ бывшихъ помѣщичьихъ. Вся разница заключается только въ томъ, что хозяйства первыхъ гораздо обширнѣе, зажиточнѣе и доставляютъ владѣльцамъ не только безбѣдное существованіе, но даже довольство.

Впрочемъ *вѣсьма естественно*, что государственные крестьяне въ лучшемъ положеніи, чѣмъ бывшіе помѣщичьи: послѣдніе половину года работали не для себя, и хотя повинностей уплачивали нѣсколькими рублями менѣе, но если перевести работу ихъ на наличныя деньги, по цѣнамъ, существующимъ въ этомъ краѣ, то, по нашему приблизительному расчету, каждое семейство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ платило около 100 руб. ср. болѣе, чѣмъ семейство крестьянъ государственныхъ (стр. 177).

Изъ этихъ словъ прямо видно, что главнѣйшею причиною дурного положенія помѣщичьихъ крестьянъ было крѣпостное право; къ чему же, въ такомъ случаѣ, объяснять это врожденною лѣнью, безпечностью и невѣжествомъ Малороссовъ?

По описанію г. Павловича, въ Екатеринославской губ., въ отношеніи хозяйства, на первомъ мѣстѣ стоятъ меннонисты и нѣмцы, затѣмъ государственные крестьяне, бывшіе помѣщичьи крестьяне и наконецъ лоцмана, на хозяйство которыхъ имѣло вредное вліяніе ихъ занятіе, отрывающее отъ полевыхъ работъ въ самое горячее рабочее время. За лоцманами слѣдуютъ поселенцы—Армяне, Евреи и Греки, которые всѣ вовсе несклонны къ земледѣлію и, конечно, никакія мѣры понужденія и поощренія къ тому ихъ не принудятъ.

О среднемъ урожаѣ въ губерніи, вотъ-что говоритъ г. Павловичъ:

По самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, какія имѣются въ губерніи въ десятилѣтней сложности, съ 1848 по 1858 годъ, урожай хлѣбовъ озимыхъ доходилъ до самъ 5, а яровыхъ—почти до самъ $7^1/_2$; но это въ самыхъ лучшихъ колоніальныхъ хозяйствахъ; вообще же въ губерніи будетъ менѣе означеннаго, по при-

чинѣ несовершенства въ обработкѣ полей, значительнаго истребленія хлѣбовъ овражками и саранчею, отъ которыхъ колонисты почти избавлены, и гораздо низшаго состоянія хлѣбопашества, сравнительно съ колоніальнымъ.

Всѣ прочіе расчеты о посѣвѣ и урожаѣ, заимствованные изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, невѣрны. Замѣтимъ притомъ, что всѣ они гораздо ниже дѣйствительности; такъ, напримѣръ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ урожай былъ:

	Озимаго.	Яроваго.	Кортофеля.
Въ 1853 году, самъ —	$2^3/_4$	$4^1/_2$	$2^3/_4$
— 1854 — —	$2^3/_4$	3	$3^3/_4$
— 1855 — —	непоказ.	4	3
— 1856 — —	$2^1/_5$	$1^2/_3$	$2^1/_2$
— 1857 — —	$2^1/_6$	$4^1/_6$	$5^1/_4$

Еслибы вѣрить подобнымъ выводамъ, то необходимо было бы согласиться, что Екатеринославская губернія, даже и при небольшомъ нынѣшнемъ народонаселеніи сравнительно съ количествомъ земли, не въ состояніи прокармливаться своимъ хлѣбомъ, тогда какъ изъ нея идутъ сотни тысячъ четвертей на заграничную продажу. Вообще оффиціальныя цифры о посѣвѣ и урожаѣ даже и не близки къ истинѣ; ибо, по небрежности, съ какою смотрятъ на этотъ предметъ, большая часть хозяевъ доставляетъ совершенно невѣрныя и преимущественно уменьшенныя свѣдѣнія (стр. 134).

За земледѣліемъ, по своей важности въ сельско-хозяйственной промышленности Екатеринославской губерніи, слѣдуетъ скотоводство, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже преобладаетъ надъ земледѣліемъ. Не выписывая всѣхъ цифръ рогатаго скота, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ въ разные годы, мы заимствуемъ только общіе выводы по губерніи и градоначальству о числѣ разнаго рода скота на каждую версту и на 100 душъ народонаселенія.

На одну квадратную версту приходится:

Лошадей	1,78
Рогатаго скота	11,13
Овецъ (всѣхъ породъ)	42,26
Свиней	3,08
Козъ	0,36

На 100 человѣкъ обоего пола:

Лошадей	10,11
Рогатаго скота	63,00
Овецъ (всѣхъ породъ)	239,18
Свиней	16,49
Козъ	2,05 (стр. 162).

Хотя по своему климату и почвѣ Екатеринославская губернія болѣе всего способна къ земледѣлію, но и по мануфактурной промышленности она стоитъ, въ ряду прочихъ губерній по числу фабрикъ и заводовъ, на 12–мъ, а по цѣнности вырабатываемыхъ издѣлій на 26–мъ

мѣстѣ. Всѣхъ заводовъ и фабрикъ въ губерніи съ Таганрогскимъ градоначальствомъ, считая и тѣ, которые не были въ дѣйствіи во время описанія губерніи—333; изъ нихъ въ дѣйствіи было 324, на нихъ вырабатывалось разныхъ издѣлій на сумму болѣ 2,000,000 рублей сребромъ (стр. 191).

По количеству оборотнаго капитала заводы эти могутъ быть поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Число фабрикъ и заводовъ.	Количество оборотнаго капитала.
Винокурныхъ	117	900,000
Салотопныхъ	42	600,000
Макаронныхъ фабрикъ.	8	120,000
Кожевенныхъ	9	100,000
Кирпичныхъ	51	80,000
Канатныхъ	5	66,000
Табачныхъ	20	25,000
Чугунноплавильныхъ	3	24,000
Свѣчныхъ	5	20,900
Галетосухарныхъ.	2	14,000
Мыльныхъ	3	11,400
Пивоварень	9	9,000
Воскобойныхъ.	3	6,700
Известковыхъ.	9	6,700
Маслобойныхъ	2	4,000
Черепичныхъ	5	3,500
Кафельныхъ	2	2,500
Хлопчато-бумажныхъ	3	1,000
Костопальный.	1	770.

(стр. 191—194).

Произведенія этихъ заводовъ большей частью сбываются на мѣстѣ и развозятся въ другія губерніи; сало преимущественно отправляется заграницу, макароны—въ Италію.

Всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ на заводахъ считалось около 7,000 человѣкъ; исключивъ же изъ этого количества бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ,—собственно рабочихъ, постоянно занимавшихся на фабрикахъ и заводахъ съ платою, будетъ всего 2,537 человѣкъ.

Кромѣ показанныхъ выше заводовъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) казенный Луганскій заводъ, основанный въ 1795 году, съ цѣлію приготовленія предметовъ для вооруженія Черноморскихъ и Азовскихъ крѣпостей; 2) Штейндорфское машинное заведеніе, приготовляющее земледѣльческія машины и орудія; основано въ 1846 году; 3) литейный заводъ въ г. Ростовѣ, замѣчательный своими огромными

размѣрами, едва ли даже не превосходящими потребности окрестнаго края; 4) выстроенная близъ г. Таганрога паровая мельница, огромныхъ размѣровъ, принадлежавшая акціонерному обществу »Сельскій Хозяинъ«, и имѣвшая назначеніе молоть хлѣбъ для отправленія его заграницу мукою, а не въ зернѣ; 5) суконная фабрика принадлежащая г. Струкову, основанная въ 1796 году, и приготовляющая сукна для поставки въ казну. Эта послѣдняя фабрика, по словамъ г. Павловича, должна была закрыться по уничтоженіи крѣпостнаго права (стр. 200—206).

Внутренняя торговля Екатеринославской губерніи почти исключительно производится на ярмаркахъ, которыхъ, въ 1858 году, считалось 319.

Изъ произведеній края, отпускаемыхъ въ другія губерніи, главное мѣсто занимаетъ шерсть, хлѣбъ, рогатый скотъ, лошади, сырыя кожи и наконецъ рыба сушеная и соленая, которая развозится по всей Россіи, для чего ежегодно употребляется около 15,000 подводъ. Менѣе значительное мѣсто занимаютъ во внутренней торговлѣ: каменный уголь, алебастръ, мѣлъ и точильные бруски.

Привозимый въ губернію лѣсъ и лѣсные матеріалы доставляются изъ Закавказья и губерній Харьковской и Воронежской. При неудобствѣ путей сообщенія и дальности разстоянія, цѣны на лѣсъ довольно высоки, разнообразясь впрочемъ по мѣстностямъ; такъ, напримѣръ, въ приднѣпровскихъ мѣстахъ сажень дровъ стоитъ 15 рублей, а въ Таганрогѣ до 30 рублей (стр. 215—216). Здѣсь кстати можно замѣтить, что каменый уголь во многихъ случаяхъ могъ бы замѣнить лѣсъ для топлива, такъ-какъ Славяносербскій и Бахмутскій уѣзды весьма богаты углемъ и антрацитомъ отличнаго качества, но промышленность эта не развивается по неудобству сбыта, чему можетъ служитъ доказательствомъ слѣдующій примѣръ: выемка пуда каменнаго угля обходится не болѣе 4 коп. ср., а доставка его изъ Славяносербскаго уѣзда въ Таганрогъ или Ростовъ стоитъ около 20 коп. ср. (стр. 169).

Къ описанію торговли губерніи приложена вѣдомость главнѣйшихъ ярмарокъ, на которыя привозится товару свыше 20,000 руб. сер. съ показаніемъ—на какую сумму въ 1857 году было привезено и продано товару. Хотя (по замѣчанію г. Павловича) показанныя цифры не совсѣмъ вѣрны и суммы сбыта показаны вно-

ловину меньше, но за неимѣніемъ болѣе точныхъ свѣдѣній любопытны и эти данныя, по которымъ можно судить о торговлѣ края.

Заграничная торговля Екатеринославской губерніи сосредоточивается въ трехъ пунктахъ: Таганрогѣ, Ростовѣ и Маріуполѣ. Главныя неудобства Таганрога, стѣсняющія торговлю, заключаются въ недостаткѣ удобной гавани и удобныхъ сухопутныхъ дорогъ къ городу и въ постепенномъ обмеленіи рейда, происходящемъ отъ наноса изъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, и преимущественно Дона, а также отъ засыпанія балластомъ, привозимымъ на корабляхъ и не смотря на строгое запрещеніе подъ штрафомъ въ 200 рублей, выбрасываемымъ свободно иногда на самомъ фарватерѣ съ небольшою за то, *кому слѣдуетъ*, платою (стр. 225); эти неудобства составляютъ почти также принадлежность Маріуполя и Ростова. Понятно, что, при такихъ условіяхъ трудно развиться обширной торговлѣ, хотя предметы отпуска и довольно разнообразны, и значительно превышаютъ количество предметовъ привоза; а именно отпускается: пшеница, рожь, сѣмя льняное и сурепное, шерсть овечья, желѣзо, сало, коровье масло, икра, канаты, юфть, кожи сухія и проч.; привозятся же: вино, табакъ и фрукты (стр. 227).

Такъ-какъ въ описаніи не показано количество привоза за послѣднія 10 лѣтъ, да и по нимъ нельзя было бы судить о торговлѣ южныхъ губерній, пріостановленной во время послѣдней войны, то мы ограничиваемся данными о торговлѣ заграничной въ 1856 и 1857 годахъ.

Вѣдомость о главнѣйшихъ товарахъ, отпущенныхъ изъ Таганрогскаго порта.

Названіе предметовъ.	Въ 1856 году. На сумму руб. ср.	Въ 1857 году. На сумму руб. ср.
Каната смолянаго и веревокъ .	20,613	11,842
Юфти красной и черной . . .	20,641	4,130
Желѣза полосоваго.	45,499	7,600
Макароновъ	15,823	26,649
Масла коровьяго.	209,549	380,893
Икры судаковой, ...	37,779	53,259
Икры паѣсной	105,056	126,593
Сала скотскаго	218,679	710,570
Сѣмени льнянаго.	636,364	441,612
Сѣмянъ травныхъ—сурепы . .	45,600	800
Ржи	7,425	500
Муки пшеничной	20,761	83,500

Муки крупчатой.	43,048	«
Пшеницы	8,874,164	4,622,939
Шерсти овечьей.	84,300	366,604
Кожъ сырыхъ	11,645	49,925
— сухихъ.	19,170	226,660

Вѣдомость о важнѣйшихъ товарахъ, привезенныхъ изъ заграницы къ Таганрогскому порту.

Названіе предметовъ.	Въ 1856 году.	Въ 1857 году.
	На сумму	
	руб. ср.	руб. ср.
Кофе	40,005	40,474
Масла деревяннаго	620,643	567,865
Вина въ разныхъ видахъ. . .	156,841	462,532
Маслинъ	28,118	56,680
Табаку курительнаго въ листьяхъ.	79,660	174,845
Апельсиновъ и лимоновъ. . .	25,482	55,992
Орѣховъ греческихъ	148,257	248,758
Ядеръ миндальныхъ	1,860	18,045
Винныхъ ягодъ	39,093	107,259
Изюму и коринки	41,290	62,649
Финиковъ	471	41,772
Рожковъ турецкихъ	256,554	189,617

Вѣдомость главнѣйшимъ товарамъ, отпущеннымъ изъ Ростовской таможенной заставы.

Названіе предметовъ.	Въ 1856 году.	Въ 1857 году.
	На сумму	
	руб. ср.	руб. ср.
Сала бараньяго и говяжьяго .	68,127	501,957
Желѣза полосоваго.	194,570	176,479
Масла коровьяго	80,953	486,112
Икры красной	17,420	62,036
Кожъ сухихъ.	«	227,240
Сѣмени льнянаго	1,482,648	2,493,520
Табаку русскаго саратовскаго .	«	111,500
Пшеницы	4,436,705	5,685,642
Ржи	«	178,040
Муки крупчатой.	19,800	263,820
Шерсти овечьей.	375,228	1,396,999

Вѣдомость главнѣйшимъ товарамъ, отпущеннымъ изъ Маріупольской таможенной заставы.

Названіе предметовъ:	Въ 1856 году.	Въ 1857 году.
	На сумму	
	руб. ср.	руб. ср.
Пшеницы	2,487,826	902,050
Сѣмени льнянаго	194,650	261,632
Сурепы.	19,842	46,020
Кожъ воловыхъ сухихъ . . .	«	42,150
Рогожъ.	2,248	1,303

Вѣдомость товарамъ, привезеннымъ изъ заграницы къ Маріупольской таможенной заставѣ.

Названіе предметовъ	Въ 1856 году. На сумму руб. ср.	Въ 1857 году. На сумму руб. ср.
Мебели, ...	740	1,647
Мрамора въ издѣліяхъ . . .	«	2,012
Прочихъ товаровъ	111	625

Примѣчаніе. Къ Ростовской таможенной заставѣ привезено соли, въ 1856 г., 142,500 с въ 1857 г.—654,255 пуд., а всего 796,755.

Вѣдомость о числѣ монеты, полученной изъ заграницы по Таганрогскому порту и Маріупольской таможенной заставѣ:

Въ какихъ годахъ.	По Таганрогскому порту. рубли	По Маріупольской таможенной заставѣ. рубли
Въ 1857 году . . .	1,334,707	18,228.

Вѣдомость о числѣ поступившихъ пошлинъ за привезенные и отвезенные товары по Таганрогскому порту, Маріупольской и Ростовской таможеннымъ, заставамъ.

Въ какихъ годахъ	По Таганрогскому порту. р у	По Маріупольской таможен. заставѣ. б л	По Ростовской тамож. заставѣ. и.
Въ 1856 году. .	611,893	29,761	93,453.
— 1857 . . .	740,800	14,394	120,686.

Вѣдомость объ акцизѣ съ соли, привезенной къ Таганрогскому порту и Ростовской таможенной заставѣ

Въ какихъ годахъ.	По Таганрогскому порту. р у б	По Ростовской тамож. заставѣ. л и.
Въ 1856 году	10,807	11,721.
— 1857	78,429	123,524. (стр. 228—231).

При этомъ нельзя не согласиться съ г. Павловичемъ, что хотя отпускъ въ 1856 и 1857 годахъ и былъ несовсѣмъ нормаленъ (напримѣръ изъ Таганрогскаго порта отпущено на 32,000,000, а привезено только на 3,500,000 руб. сер.), ибо Западная Европа послѣ войны нуждалась въ хлѣбѣ, не смотря на привозы изъ сѣверной Америки, Египта, Молдавіи и другихъ хлѣбородныхъ странъ: но во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Павловичъ, »несомнѣнно, что эти три портовые города Екатеринославской губерніи имѣетъ важнѣйшее торговое значеніе, которое, вѣроятно, еще удвоится, когда весь приволжскій край приметъ дѣятельное участіе въ заграничной торговлѣ, что и послѣдуетъ съ окончаніемъ желѣзной дороги отъ Волги къ Дону, нынѣ почти уже готовой« (стр. 229).

Не имѣя достаточныхъ данныхъ, г. Павловичъ не даетъ подробнаго описанія торговли транзитной, а указывая только на путь,

по которому она производится, приводитъ приблизительныя цыфры грузовъ.

Важнѣйшимъ путемъ для сплава предметовъ сбыта сѣверныхъ губерній служитъ рѣка Днѣпръ. Главные товары: хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, ленъ, овесъ, сало, деготь, желѣзо, стекло, глиняная посуда, разнаго рода строевой лѣсъ, въ приготовленномъ видѣ—доски, дрань оглобли, ободья, колеса, обручи и пр. (стр. 234.)

Цѣнность сплавляемаго по Днѣпру груза составляла:

Въ 1852 году . . .	726,876	руб.	сер.
— 1853	697,733	—	—
— 1854	649,621	—	—
— 1855	524,764	—	—
— 1856	1,279,143	—	—
— 1857	1,250,228	—	—
— 1858	1,332,996	—	—

Къ сожалѣнію, цифры эти далеко не точны. Они получены изъ произвольныхъ показаній владѣльцевъ грузовъ, означаемыхъ въ накладныхъ, которыя выдаются каждому судну. Въ 1852 году учрежденъ на Днѣпрѣ 1/4% сборъ со стоимости сплавляемыхъ грузовъ, и послѣ того цѣнность грузовъ начала понижаться; этимъ объясняется и большая разница между цифрами въ 1851 и 1852 годахъ. По собственному сознанію торговцевъ, чтобы уменьшить платимый сборъ, они слишкомъ вдвое уменьшаютъ цѣнность груза. При всемъ томъ изъ вышеприведенной вѣдомости можно сдѣлать вѣрное заключеніе, что провозъ по Днѣпру съ каждымъ годомъ увеличивается, ибо допустивъ даже, что цѣнность груза показана на половину, то все же разница между 1852 годомъ и 1858—огромная; нѣтъ сомнѣнія, что транзитная торговля постоянно будетъ усиливаться по мѣрѣ развитія пароходства по Днѣпру.

Общая цѣнность судоходной промышленности по низовью Дона, которая тоже можетъ быть причислена къ транзитной торговлѣ, простирается въ настоящее время до 9,000,000 руб. серебромъ. Изъ нихъ на долю Ростовской пристани приходится до 8,000,000 руб. ср., Нахичеванской до 1,000,000 руб-сер. и Азовской до 10,000 руб. ср. (стр. 235).

Трудъ, въ Екатеринославской губерніи, цѣнится очень высоко; во время полевыхъ работъ работникъ получаетъ въ сутки 1 р. ср. съ харчами, поденная работа ремесленника цѣнится еще выше. При такихъ высокихъ цѣнахъ, неудивительно, что лѣтомъ на работу приходятъ плотники и каменьщики не только изъ сосѣднихъ, но даже изъ отдаленныхъ губерній.

Къ числу наиболѣе выгодныхъ промысловъ, г. Павловичъ причисляетъ извозъ, который находится въ рукахъ чумаковъ, а также нагрузка и выгрузка кораблей въ портовыхъ городахъ. Чумаки получаютъ часто до 25% на затраченный, для обзаведенія, капиталъ, а занимающіеся нагрузкой и выгрузкой, большею частью мѣщане, назы-

ваемые *дрягилями*, получаютъ иногда до 2-хъ рублей въ сутки. Говоря о торговлѣ, г. Павловичъ, основываясь на слышанномъ отъ людей достойныхъ довѣрія, замѣчаетъ что, »Греки рѣшительно сдѣлались монополистами всей торговли на Азовскомъ морѣ и стараются подорвать всякую попытку людей другихъ націй—завести контору съ цѣлію отправки заграницу хлѣба и другихъ предметовъ сбыта. Греки не пожалѣютъ въ этомъ случаѣ даже порядочнаго капитала лишь бы не допустить кого либо не изъ своихъ единоземцевъ къ производству заграничной торговли въ значительныхъ размѣрахъ« (стр. 241).

Образованіе населенія Екатеринославской губерніи находится на той же степени, какъ и въ большей части нашихъ губерній. Вотъ цифры, приведенныя г. Павловичемъ: духовныхъ учебныхъ заведеній 4: Екатеринославская духовная семинарія, и Екатеринославское, Бахмутское и Маріупольское духовныя училища.

Обучающихъ въ семинаріи 9, а въ каждомъ изъ училищъ по 5-ти; учащихся въ 1857 г. было 551.

Также незначительно и число свѣтскихъ учебныхъ заведеній; изъ нихъ въ губерніи: подвѣдомственныхъ Екатеринославской дирекціи училищъ—68 учебныхъ зведеній и кромѣ того вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ и колоніальныхъ училищъ 54, и наконецъ въ Таганрогской дирекціи — 22 учебныхъ заведенія. Во всѣхъ этихъ завединіяхъ учащихся 9,094, слѣдовательно приходится на 100 душъ населенія учащихся 0,85—цыфра весьма незначительная, особенно если принять въ соображеніе, что изъ всѣхъ учащихся, почти $^3/_4$ ограничиваются обученіемъ грамоты.

Въ своемъ очеркѣ частнаго и общественнаго быта народонаселенія Екатеринославской губерніи, г. Павловичъ впадаетъ опять въ тѣ же ошибки и противорѣчія, которыя мы замѣтили выше, при изложеніи имъ хозяйства бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ; но здѣсь ошибки эти гораздо значительнѣе и бросающіяся въ глаза противорѣчія ярче.

Вотъ между прочимъ что говоритъ г. Павловичъ о сельскомъ народонаселеніи губерніи, преимущественно о Малоруссахъ:

Все, что намъ случалось слышать о характерѣ, нравахъ и обычаяхъ Малороссіянъ простаго званія, называемыхъ вообще *хохлами*, мы находимъ вполнѣ примѣнимымъ и къ народонаселенію Екатеринославской губерніи. Тѣ же вялость, лѣнь, безпечность, тоже упрямство въ характерѣ, тѣ же странные, иногда смѣшные и даже нелѣпые обычаи, то же пристрастіе къ напиткамъ и тяжбамъ существуютъ и здѣсь между Малороссами, какъ и въ Подольской и Полтавской губерніяхъ. Хорошія черты этого племени также не изгладились;

Малороссіяне довольно смирны, покорны, некорыстолюбивы, и умъ ихъ, хотя не быстръ и не изворотливъ, но положителенъ и проницателенъ (стр. 264).

Мы объясняемъ себѣ подобный взглядъ автора только тѣмъ, что онъ былъ заранѣе уже составленъ, а составленъ онъ былъ на основаніи показаній людей никогда не трудившихся, но пользовавшихся трудомъ народа,—на основаніи того предразсудка, который пущенъ издавна людьми, неостанавливающимися, для пріобрѣтенія, ни предъ какими средствами. Предубѣжденіе на счетъ характера малороссовъ напоминаетъ намъ другое—насчетъ Англичанъ, которыхъ у насъ еще такъ-недавно почти всѣ считали народомъ коварнымъ и подлымъ торгашемъ.

Еслибы г. Павловичъ поближе приглядѣлся къ южнорусскому народу, то нашелъ бы въ немъ навѣрно и другія достоинства кромѣ *смиренія* и *покорности*; онъ увидѣлъ бы, что Малороссъ не лѣнивъ, а медленъ и спокоенъ въ работѣ, къ чему его располагаютъ какъ самый климатъ, такъ и главныя его занятія—скотоводство и земледѣліе. Правда, умъ Малорусса не изворотливъ въ томъ смыслѣ, чтобъ ловко надуть кого-нибудь съ цѣлью зашибить лишнюю копѣйку, какъ это часто встрѣчается въ крестьянинѣ-Великоруссѣ, который, вслѣдствіе неблагодарной почвы и другихъ причинъ, сдѣлался поневолѣ мелкимъ промышленникомъ, кулакомъ, надувающимъ своихъ собратій; но за то Малороссъ гораздо развитѣе въ нравственномъ отношеніи; онъ—честенъ, остроуменъ, многое понимаетъ, и надъ многимъ смѣется своимъ ѣдкимъ, горькимъ смѣхомъ; въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто хоть разъ побесѣдуетъ съ нимъ въ его хатѣ, оставивъ при этомъ за порогомъ всѣ *панскія* замашки, съ которыми не вызовешь *хохла* на откровенную бесѣду и останешься только въ томъ убѣжденіи, что Малороссъ *упрямъ*, хотя *смиренъ* и *покоренъ*, какъ объ немъ думаютъ многіе господа, управляющіе имѣніями отсутствующихъ помѣщиковъ, и большая часть офицеровъ, стоящихъ постоемъ въ деревняхъ и отъ бездѣлья и скуки Богъ знаетъ въ чемъ проводящихъ время.

Кажется, что г. Павловичъ, не благоволя къ Малороссамъ, совсѣмъ другими глазами смотритъ на Нѣмцевъ-колонистовъ вообще и на меннонистовъ въ-особенности. Восхищаясь ихъ благосостояніемъ, онъ превозноситъ ихъ честность, трудолюбіе, человѣколюбіе, супружескую вѣрность и сожалѣетъ только объ одномъ, что они не выполняютъ цѣли правительства, имѣвшаго въ виду при ихъ переселеніи распространить въ народѣ улучшенное хозяйство, оттого что колонисты, придер-

живаясь своихъ обычаевъ и даже языка, почти не входятъ въ сношенія съ нашими поселянами». Къ этому авторъ прибавляетъ:

Впрочемъ, по общему мнѣнію людей, ближе знакомыхъ съ здѣшнимъ простопародьемъ, никакіе примѣры не могутъ улучшить быта Малороссіянъ; грубые предразсудки, заставляющіе сына непремѣнно жить такъ, какъ его отецъ, и врожденныя вялость и лѣнь всегда будутъ составлять важнѣйшее препятствіе къ улучшенію ихъ быта. Притомъ же, бывшее крѣпостное право *отчасти* уменьшало въ нихъ желаніе заботиться объ улучшеніи своего положенія (стр. 265).

Опять ошибается г. Павловичъ, приписывая главнымъ образомъ *вялости и лѣни* дурное положеніе земледѣльческаго населенія Екатеринославской губерніи, и только *отчасти* объясняя это крѣпостнымъ состояніемъ. Странно, дико требовать, чтобы крестьянинъ заботился объ улучшеніи своего хозяйства, почти единственно въ видахъ увеличенія доходовъ своего владѣльца. Главныя причины лучшаго положенія нѣмцевъ-колонистовъ сравнительно съ кореннымъ населеніемъ края — отсутствіе крѣпостнаго права, освобожденіе на 10 лѣтъ, со времени поселенія, отъ податей и навсегда отъ рекрутства, и почти совершенное освобожденіе отъ квартирной повинности, которой колоніи подвергаются въ рѣдкихъ случаяхъ, только тогда, когда черезъ нихъ проходятъ воинскія команды и то на самое короткое время, для ночлега и дневки (стр. 277). Этихъ благопріятныхъ условій не существовало для крестьянина-Малоруссa и, не смотря на то, даже г. Павловичъ, въ бытность свою въ Екатеринославской губерніи, замѣтилъ, что—

«Здѣшнее простонародье живетъ хотя не богато, однакожъ въ довольствѣ. Здѣшній бѣдный крестьянинъ могъ бы назваться зажиточнымъ въ западныхъ губерніяхъ и во многихъ изъ великороссійскихъ. Жилища ихъ отличаются рѣдкою опрятностью, они каждую недѣлю выбѣливаются и вычищаются. Курныхъ избъ вовсе нѣтъ; окна въ домахъ довольно большія и это придаетъ имъ видъ городскихъ построекъ (стр. 264).

Нельзя не обратить вниманіе и на то, что надѣленный качествами, приписываемыми г. Павловичемъ, Малоруссъ долженъ оставаться безпечнымъ, лѣнивымъ и чуть не тупымъ существомъ во всякой дѣятельности. Но въ подтвержденіе сдѣланнаго нами замѣчанія, что медленность и спокойствіе земледѣльца-Малоруссa происходятъ единственно отъ его занятій, а также, что выводы автора часто противорѣчатъ одинъ другому и тѣмъ обнаруживаютъ свою односторонность и несостоятельность, приводимъ слова самаго г. Павловича о Днѣпровскихъ лоцманахъ, по происхожденію Малоруссахъ, положеніе которыхъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, вообще незавидно (стр. 270).

Лоцманъ, тотъ же Малороссъ, но съ дѣтства привыкшій къ опасностямъ, и потому самый наружный видъ его выражаетъ отвагу и нѣкоторую гордость. Идетъ онъ быстро и держится прямо; въ немъ незамѣтно той неловкости, которую видимъ у его единоплеменниковъ, потому что онъ привыкъ къ быстротѣ движеній во время переправы черезъ пороги, гдѣ иногда отъ одного мгновенія зависитъ участь барки и жизнь людей. Онъ развязенъ и ловокъ, и на волѣ, въ своей сферѣ, принимаетъ иногда очень живописныя позы. Нравственность у лоцмановъ прекрасная и въ отношеніяхъ ихъ между собою замѣтна нѣкоторая мягкость (стр. 271).

Переходимъ къ послѣдней главѣ книги г. Павловича: «Азовское козачье войско».

Здѣсь особенно поражаетъ чрезвычайная оффиціальность историческаго очерка г. Павловича, сбивающагося иногда на наши старые учебники; вотъ—какъ начинается эта глава:

По уничтоженіи послѣдняго Коша Запорожскаго (5-го іюня 1775 года) значительная часть Запорожцевъ (около 5,000 человѣкъ), руководимая вредными совѣтами и своимъ молодечествомъ, рѣшилась лучше бросить родину, нежели оставить козачество. Съ этой цѣлью она устремилась къ устью Дуная и передалась подъ владычество Турціи, которая позволила ей тамъ же избрать для поселенія мѣста, гдѣ переселенцы и приняли названіе Буткальскихъ козаковъ. Храбрость и любовь Запорожцевъ къ оружію и на чужбинѣ не погасла; они участвовали въ войнахъ Турціи съ ея сосѣдями, въ томъ числѣ, къ стыду этого общества, и съ своими соотечественниками—Русскими (1789 и 1791 г.); впрочемъ это случилось только въ эти два года, послѣ чего Запорожцы воспротивились воевать болѣе съ своими братьями по крови и по оружію и Порта повелѣла потомъ употреблять ихъ только противъ Сербовъ, Албанцевъ и Грековъ.

Но если не угасла еще прежняя воинственность Запорожцевъ, то и родина была ими горько оплакиваема. Желаніе возвратиться на родину обнаружилось уже съ 1803 года. Русское правительство, руководимое милосердіемъ къ несчастнымъ хотя и преступнымъ Запорожцамъ, согласилось охотно на ихъ возвращеніе; но, не смотря на эту (съ 1803 по 1828 года) частную, такъ сказать, эмиграцію, главная семья задунайской козачей общины все еще оставалась въ Булгаріи. Честь спасенія Запорожцевъ отъ лежавшаго на нихъ болѣе чѣмъ полувѣковаго стыда и возвращеніе ихъ на родину, принадлежитъ собрату ихъ и кошевому отаману—Осипу Гладкому, который предложилъ имъ бѣжать изъ Турціи и передаться Русскому государю, на милость котораго всѣ надѣялись и желали заслужить ее всѣми пожертвованіями въ начавшуюся тогда, въ 1828 году, войну съ Турціею. Желаніе Гладкаго нашло отголосокъ во всѣхъ его сподвижникахъ и, 20 мая 1828 года, 42 лодки Запорожцевъ, прибывъ къ Измаилу, гдѣ находилась тогда императорская главная квартира, назначили депутатовъ, которые, испрося позволеніе явиться государю императору, Николаю Павловичу, благосклонно были приняты Его Величествомъ, а Гладкій, въ чинѣ полковника, назначенъ былъ начальникомъ отдѣльнаго Запорожскаго войска, принявшаго участіе въ войнѣ нашей съ Турціею.

Такимъ образомъ, имя и бытъ Запорожскаго войска воскресли на самомъ приличномъ для него поприщѣ—на полѣ брани (стр. 343—344).

Это историческое повѣствованіе не совсѣмъ вѣрно. Не вредные совѣты и молодечество были причиною выселенія Запорожцевъ, а самое уничтоженіе Коша, то есть уничтоженіе козацкой самобытности и связаннаго съ нею самоуправленія и воли, а главнѣе всего — страхъ крѣпостнаго права, уже начинавшаго водворяться въ краѣ, и еще болѣе ненавистнаго чѣмъ старыя враги Малороссіи — Татары и Турки. Когда, за уничтоженіемъ Запорожскаго коша, тысячи Малороссовъ стали поступать ввидѣ подарковъ, петербургскимъ вельможамъ, Запорожская Сѣчь обращена въ простое село Покровское, а земли отданы князю Вяземскому, то не только бывшіе Запорожцы, но и земледѣльцы, новозакрѣпленные крестьяне, во множествѣ перебѣгали границу и селились въ молдавскихъ и турецкихъ владѣніяхъ. Въ это время и бывшіе Запорожцы, около пяти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ походнаго атамана Ляха ушли съ родины и отдались подъ «протекцію» Порты, поселившись подъ именемъ Буткальскихъ козаковъ, сначала въ островахъ Дунайскихъ устій, а потомъ нѣсколько выше по Дунаю, въ окрестностяхъ крѣпости Гирсово. Здѣсь они оставались во все время, пока не измѣнился хотя отчасти существовавшій порядокъ вещей, послѣ чего они и стали возвращаться въ Россію, но вовсе не въ видѣ частной эмиграціи, а въ довольно значительномъ числѣ. Такъ еще во время турецкой войны 1806—1812 года, генералъ Михельсонъ сформировалъ изъ бывшихъ Запорожцевъ, возвратившихся изъ Турціи, два полка—Буджацкій и Усть-Дунайскій, которымъ, по указу 20 февраля 1807 года, присвоено было названіе Усть-Дунайскаго войска. По окончаніи войны войско это было упразднено и часть козаковъ отправлена на Черноморье, а остальные водворены въ качествѣ казенныхъ крестьянъ въ Бессарабіи. Такимъ образомъ послѣдовало это первое возвращеніе въ большомъ числѣ Запорожцевъ изъ Турціи, но вовсе не отъ раскаянія или чтобы «смыть стыдъ» (не желанія быть прикрѣпленными къ землѣ), а просто вслѣдствіе пробудившейся охоты вернуться на родину, гдѣ имъ перестало уже угрожать крѣпостное состояніе, и для избѣжанія необходимости служить въ войскахъ Турціи противъ Русскихъ и единовѣрныхъ Сербовъ и Грековъ. Правительство съ своей стороны было радо этому возвращенію, стараясь населить козаками безлюдныя и пограничныя мѣста. То же самое было и въ 1828 году, когда изъ Турціи ушли остальные Запорожцы подъ предводительствомъ кошеваго отамана Гладкаго, который, конечно, имѣетъ только

ту заслугу, что въ то время былъ атаманомъ, выбраннымъ всѣми козаками и дѣйствовавшимъ сообразно ихъ волѣ и желанію.

Въ настоящее время Азовскому козачьему войску принадлежитъ въ Александровскомъ уѣздѣ при Азовскомъ морѣ 74,308 десятинъ земли, которою, за исключеніемъ участковъ офицерскихъ и земель подъ станицами, юртами, садами и дорогами, козаки надѣлены въ количествѣ 15 десятинъ на каждаго; сверхъ того станицамъ отведены особые участки отъ 1000 до 1500 десятинъ для будущихъ надѣловъ и кромѣ того остается для войсковыхъ надобностей, къ извлеченію доходовъ, болѣе 7000 десятинъ (стр. 344).

Въ 1857 году, общее населеніе земель Азовскаго войска простиралось до 4806 мужчинъ и 5210 женщинъ, всего же 10,016 душъ [1]).

Служба козачьяго войска заключается въ крейсерствѣ на лодкахъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря для предупрежденія подвоза контрабанды; козаки получаютъ во время службы жалованье по усиленному положенію, а порціонныя деньги и продовольствіе по морскому положенію, отъ казны; обмундировываться же и вооружаться обязаны на свой счетъ. Не смотря однако на службу и сопряженные съ нею расходы, сельское хозяйство азовскихъ козаковъ находится (по замѣчанію г. Павловича) въ довольно хорошемъ состояніи; такимъ образомъ въ 1857 году было посѣяно вообще: озимаго хлѣба 449 четвертей и яроваго 3040 четв.; снято же отъ этого посѣва: озимаго 2518 четверт., а яроваго 26,752 четверт. (стр. 348). Средній урожай вообще держится: озимаго около самъ $5^1/_2$, а яроваго около самъ $8^3/_4$. Преимущественное вниманіе козаковъ обращено на усиленіе посѣва пшеницы, какъ продукта, весьма выгодно сбываемаго заграницу.

Скота, въ 1857 году, въ войскѣ состояло: лошадей 955, рогатаго скота 10,616 и овецъ 10,996.

Образованіе въ Азовскомъ войскѣ весьма неудовлетворительно: въ немъ находилось въ 1857 г. всего одно приходское училище, въ которомъ было 2 учащихъ и 40 учащихся (стр. 347).

Описаніемъ Азовскаго козачьяго войска кончается книга г. Павловича.

---

[1]) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ 1859 году населеніе земель Азовскаго войска простиралось до 10,826 душъ. Энциклопедическій словарь, т. II, 1861 г.

Не имѣвъ цѣлью разбирать этотъ трудъ въ подробности, и предоставляя это людямъ, болѣе насъ знакомымъ съ Екатеринославскою губерніею, мы желали только познакомить нашихъ читателей съ этою новою книгою, появленію которой нельзя не порадоваться при бѣдности русской литературы сочиненіями по статистикѣ,—указать при этомъ на тѣ ошибки и невѣрности, которыя слишкомъ бросаются въ глаза и заставляютъ пожалѣть о томъ, что если въ описаніи Екатеринославской губерніи часто встрѣчаются оффиціальныя цифры въ нѣсколько-разъ уменьшенныя или увеличенныя противъ дѣйствительности, то во многихъ случаяхъ, не ближе къ истинѣ, выводы и личныя наблюденія самого г. Павловича.

Февраль 1862 г.

В. И. Л.

ВІСТІ.

ТРЕТІЙ ЛИСТЪ ЗЪ ДУДАРІВЪ.

Прошли вже святки, мьясниці, и оце ми вже дождали посту.

Святки, якъ и всюди межъ миромъ хрещенимъ, пройшли весело. На кутю, цілу нічъ не спали: все, то вечерю кожний приймавъ то отъ кумівъ то одъ сродниківъ, то самъ посивъ де. Мені приносили моі школярі вечерю. Оце принесе мисочку зъ кутею або зъ узваромъ и зверху три паляниці або пироги. Пироги у насъ бувають: одні такі, що просто начиняютця чимъ тамъ Богъ послявъ—горохомъ, капустою, мьясомъ, печінкою, сиромъ,—або такъ робитця наче паляниця, а вже якъ сажають у пічъ, то хазяйка зверху солодить оліею чи саломъ, згинае у двое и карбуе рубцемъ ложки. Такі пироги уживають замість паляниці, йдучи въ гості.

Отожъ, якъ хто принесе вечерю, то треба ёго вгостити—поставить закуску, почастувать горілкою, а якъ дітей, то пивомъ або медомъ, після треба те, що принесено въ мисочці, висипать въ свій горщикъ—той що стоіть въ сіні, на покуті.

И якъ оце буде принесена кутя, то вже въ мисочку треба насипати узвару, а якъ принесено узваръ, то треба насипать куті. Ту мисочку треба накрить своею паляницею и, подякувавши и оддавши честь, отдать тому хто принісъ, а якъ дітямъ, то ще дають по шажку.

Бувае й такъ, що старі запрошуютця одне до дного на вечерю и вже бесідують допізна. Признатьця, горілочки не цураютця и на кутю.

На перший день праздника кожний хазяінъ обідае дома, а вже після виходить въ гості, або кого до себе покличе.

Надъ-вечіръ, челядь (молодяжъ) збираетця у два кружки-дівочий и парубочий, и випрявляютця колядувать. Въ кожнімъ гурті е старше, що вже збирае гроші і починае колядувать; зветця *береза*. *Міхоноші*—ті, що носять *коляду*—стають по черзі. Зъ вечора, якъ зараня, то

кожне пустить у хату, и більшъ того, що й угостить; а вже туди пізнійше, то біднимъ дівчатамъ, що промерзнуть и позадріпуютця по заметахъ, лазячи черезъ городи, не гаразъ приходитця; зате жъ, якъ добьютця до якоі хати, що впустять, то ажъ пічъ мала,—такъ іхъ натовпитця. Такъ челядь цілісіньку нічь колядуе, ажъ похрипне сердешна. Регітъ, сміхъ, весело; а ще якъ зустрінутця де хлопці зъ дівчатами, то цімъ біда, бо й коляди часомъ позбудутця.

Колядникамъ виносять паляниць зо дві и тамъ чи грошей який шагъ, чи то вже сала шматокъ. Часть виручених грошей за коляду (а тіхъ грошей бувае не гуртъ) йде на церкву, а часть зостаетця на прогуляння. Сало йде на балъ, а паляниці продають: якъ цёго року, то гуртомъ продали одній московці по 1 к. ср. паляницю. На другий день челядь вся спить, а вже надъ-вечіръ продадуть коляду, наймають музику, впрошуютця до кого въ хату и гуляють: *пьють коляду*. Опрочі дні челядь на ковзалці, а вечорами де – небудь въ хатахъ гуляе:—кумедіі робить. *Крупи дерти:* Беретця невеличкий ослінъ и хто небудь на нёму сідае, якъ агличанський жокей на коні: ноги на землі, тіло пригнуте до ослона і руками на ослонъ обпираетця. Зверху покривають рядномъ цёго круподера. Ззаду хто небудь присідае и просажуе ціпокъ попідъ ослономъ вздовжъ. Той, що зверху ослона, починае переступать зъ ноги-на-ногу усе швидче-швидче, а той що ззаду, ціпкомъ стукае зъ-изподу въ ослінъ. Виходить наче справді круподерка. Але тутъ бувають и незвичайні пантомини; за тежъ и жаденъ парубокъ нестане до ціеі кумедіі, авже такъ музикажонатий, бо у насъ всі музики, при своій поэзіі, мають багато цинізму, котрий висказують въ яківочних (équivoque) словахъ и пантоминахъ. Всежъ таки ця кумедія считаетця одъ парубківъ, и дівчата заразъ же виступають зо своею. Дівоча кумедія зветьця *Хлопці*. Котрій тамъ способнійшій на рукахъ, нижче пучки руки, привьязують перехрестя зъ соломи. Рука тоді служить болваномъ за-для лялки: Пучка буде голова, перехрестя — руки, а ціла рука наче туловище. На такий болванъ надівають сорочечку дитячу, застібають і підперізують. Це на обохъ рукахъ. Після викрадають у хлопцівъ чорні смушкові шапки и кумедіянтка пучками кожної руки бере шапку зъ-изподу за підбійку: себъ-то накривае голови тімъ хлопцямъ, що уже пороблені зъ рукъ. Тоді кладуть дівку въ рядно навзнакъ и прикривають ій видъ и все тіло зновъ рядномъ, и вносять такъ зъ комори въ хату. Руки у дівки навхрестъ витягнуті. Тутъ му-

зика починае грать жалібної и дівка руки зводить и обидва хлопчики лялки киваютця и наче чого сумують, да также, виходить, жалібно плачуть. Музика починае грать різвійше все веселійшої—и хлопчики починають танцёвать и одъ часу до часу въ самімъ танці стукаютця голівками. Музика зновъ починае жалібної, хлопці розкидаютця зновъ и зновъ сходятця и сумують-плачуть; музика зновъ веселої и вони зновъ танцюють и т. д.,—поки докучить. Тоді кумедію усю виносять не одкриваючи въ комору и тамъ уже розбирають и входять зновъ до хати гулять. Музика до цієї пантомини спочатку дуже жалібна, плаче-наче, а після—зновъ дуже весела, и, коли я ни чувъ, все однакова.

Дітвора весь часъ гуляе на дворі: завсігди можна бачить купки дітей, закутанихъ въ материні або батькові кожухи, зъ позпущеними рукавами и зъ червонимъ носомъ. Багато зъ нихъ мають свої саночки и ними якось тамъ почерзі спускаютця. А підъ гору все таки треба йти пішки и везти санки, хоть якъ швидко не іде зъ гори.

Старші святками тожъ гуляють. Оце зрана хто-небудь прибіжить зъ паляницею, або дитину пришле и кличе до себе на обідъ. Прийдешъ; въ хаті чисто, поприбірано; окромъ хазяінівъ ще хто небудь зъ гостей сидить важно, и тебе садовлять. Балакаешъ зъ хазяіномъ, а хазяйка часомъ тілько прикине яке слово одъ печі, де вона ще порается. Далі хазяінъ дивитця на хозяйку пильно, наче що питае; зглянулись—и хозяінъ ліпить три свічечки коло образівъ, засвічуе лямпочку, бере покришку зъ жаромъ, посипае ладаномъ, всі встають, а хазяінъ кадить подъ образами и по всій хаті. Забувъ сказать, що якъ беретця до цёго, то всігди оперезуе поясъ на себе, котрий, сідаючи за стілъ, опьять скидае. Кітъ и собаки не повинні буть подъ цю пору въ хаті. Покадивши хазяінъ каділницю становить на покуті, і каже: «Прошу, чесні гості, зговорить оче-нашъ». Всі молятця. Хазяінъ, якъ жрець, якъ патріарха, попереду, далі гості—миръ, на полу діти малі, а ззаду всіхъ, коло печі, хазяйка, ніби коло жертвенника.

— Прошу-жъ вашої милости, мостітця, каже хазяінъ.

— А дай-по, стара намъ що на підвалину.

Всі перехрестившись вкушають попереду хліба святого, а після хазяйка становить мисочку зъ мьясомъ. Хазяінъ бере чарку въ праву руку, а лівою наливае и починае: «Помершимъ душамъ царство небесне; батькамъ, матерямъ, братамъ, сестрамъ, діткамъ маленькимъ, нехай легко згадаетця нашому (чи сватови, чи кумові), а намъ пошли

Боже вікъ и здоровья, щобъ цей празникъ опроводить, Нового году (чи тамъ водохріщъ, чи пущання) дождать легенько и веселенько въ мирі-покоі изъ вами здоровими. Будьте здорові, будьте здорові, — а будь здорова стара—діти». И чарка випивастця до дна. Після хазяінъ подае повну чарку хазяйці и вона, звичайно вклонившись, здороваетця зо всіма. Чарка зъ звичайною мовою далі такъ поступае до кожного гостя — спочатку до мужиківъ, що сидять по-підъ стінами за столомъ, а після до бабівъ-жінокъ, котрі мостятця на ослоні передъ столомъ. Балачка ще не йде до якого часу.

Хазяйка становить на стілъ першъ одну на покутний кінець стола миску зъ капустою (по московські *щі*), або зъ борщемъ, а після другу на другий кінець стола и розкладае ложки. Хазяінъ нарізуе хліба и зновъ беретця до пляшки. Чарка налита. «Будьте здорові,» каже хозяинъ, будьте здорові, будь здорова, стара! даруй Боже благо й весело. Даруй, Боже, щастя, долю, хліба вволю, а хліба найбільшъ, а до хліба посилай, Боже, капусту, буряки, огірки—щобъ дождали садить и поливать, а після въ добрімъ здоровьі поживать». Чарка випита, поступае зновъ повна до хазяйки и т. д. Теперъ уже не кожне випивае повну, а такъ тільки потрошки. Обчастувавши, хазяінъ ложкою робить на борщі, чи тамъ на капусті, хрестикъ, примовляючи: «Господи Боже, благослови! прошу покорно годуйтесь». Миска після досипаетця зновъ борщемъ, чи капустою, а далі капуста приймастця и становитця покришене мьясо. Зновъ хозяінъ здоровается и примовляе: «роди, Боже, хлібъ, а до хлібъ опеньки (1), щобъ до стожка ходили». Чарка йде тімъ же порядкомъ. Після опенёкъ становлять галушки, а якъ у кого—кашу зъ молокомъ. «А ну-лишъ, стара, ти поздоровайся зъ нами». Хозяйка частуе и примовляе: «щобъ Господь родивъ пшеницю и всяку пашницю, щобъ дождали жать (2), и споживать и людямъ честь воздавать». А до молока кажуть: «прискоряй, Господи, Божу росу, щобъ коровки доілись». Миски досипаютця ще разъ, та вже ніхто не ість. Хазяінъ просить: «годуйтесь, добирайте». — Нехай Господь наповняе до віку! вже вдовольнились. — Ще прозьба, ще одказъ. «Ну, прошу вибачить, пробачте, гості моі: не скупость, така спроможность», каже хазяінъ, вставши изъ-за стола. Всі встають, благодарять Богові, а після хазяінові, хазяйці: «Спа-

(1) Опеньки, въ цій поточній мові, значить мьясо. *Мьясо*—сказать незвичайно.
(2) (Бо то вже посіяне).

сибі и тобі, батьківъ сину, и тобі спасибі, батькова дочко», додають до дівки, або до паробка. Хазяінъ просить зновъ сідать. «Прошу покорно зновъ посадовітця — щобъ у насъ старости сідали». Всі сідають, приговоруючи: «нехай все добре сідае у васъ и у вашій господі».

На стілъ зновъ становлять зáкуску, дівка подасть гостямъ насіння а старі частують зновъ. Далі пійде мова смілійша, а далі й пісня; якъ на первихъ дняхъ Різдвянихъ святокъ, то колядки. Такъ гуляють собі, ажъ ото хто-небудь зъ гостей встае и говорить нишкомъ щось зъ своею жінкою. Жінка попрощалась зъ хазяйкою коло печи и побігла, а чоловікъ просить усіхъ гостей до себе. Всі благодарять хазяіна «за хлібъ, за сіль, за честь» и починають виходить. Але зъ хати ніхто не вийде, не взявши одъ хазяіна паляницю. Я забувъ ще сказать, що у насъ е звичай, що якъ приходишь до кого въ гості, то конче треба кланятьця хлібомъ, треба хазяінові хати, або хозяйці, въ руки оддать паляницю; а вже якъ гості виходять, то хозяінъ дае кожному свою. Чоловікъ зъ жінкою кланяютця одною паляницею.

Въ другій хаті йде тожъ саме. У насъ йде до шинку гіркий пьяниця, або тоді якъ проводить якій праздникъ. А то ще якъ ідешъ зъ ярмарку, то заідешъ до Ласої, або оттакъ въ неділю хто пійде посидіть до Параски-шинкарки, а далі другій и третий, да такъ и зберетця кумпанія; а въ свято такъ більшъ по господахъ гуляють. Бувають у насъ и балкй — то въ господу закликають музику, але то вже такъ за-для-ради оказії — отъ якъ дружки беруть до себе весілля або-що.

На обідахъ частуютця пляшкою, а по оказіяхъ, хрестинахъ, похоронахъ, весілляхъ и т. д. наливають горілку въ миску, становлять на столі и вже ложкою наливають въ чарку.

Такъ на гулянні сходить часъ ажъ до Меланокъ (31 декабря).

Ввечері починають ходить купками діти, закутані въ батьковій материні юпки або кожухи и щедрують попідъ хатами. Щедровники подходять звичайне підъ вікно хатнє що одъ дверей. Имъ виносять по шматочку паляниці, а якъ хто, то й по шажку грошей.

На Меланки дівчата ворожять. Лічять колки, приговарюючи »Вдовець, моледець.« И такъ уже взнають, которій тамъ уже впаде — вдовець чи молодець. Пізднійше вибігають на двіръ и по одинці кричать:» доле, гу! доле, а йди до мене вечеряти.» Хлопці ціого виглядають и одгукуютця. Часомъ усі якъ котрій гукнуть — такъ

сердеша й непізнае своеі долі. А якъ часомъ, то собаки загавкають: зъ якого кутка загавкають, то зъ того й доля до неі прийде.—свати). Ще на Андрія (30 листопада) дівчата у насъ ворожать. Оце візьме коноплянного сіммя, пійде на дрівотню, прогребе снігъ и посипле коноплі. Після—запаску зъ себе и давай нібито волочить, приговоруючи: »Сію коноплі, сію, зъ кімъ же я іхъ буду брати, зъ кімъ буду вікъ вікувати?» пита сердешна. А тутъ разомъ изъ-за повітки гукне хто наче зъ бочки: «зо мною!» Тоді дівка безъ запаски навтікача, ажъ спотикаетця...).

На Меланки можно вже слать старостівъ—свататьця. То вже бігаючи съ дівчатами, можно споткать, що двое якихъ голубятъ—дівка зъ парубкомъ—біжать скликать рідъ на змовини.

Всі ці мясниці можна свататьця и гулять весілля.

Сватання можно гулять уже тоді якъ вода освятитця. У насъ поведенція, щобъ свататьця йти благословитьця до панотця. Тутъ треба й дохідъ нести. А часомъ, то й перебой бувае. Не благословляе—значить—не буду вінчать, та й що хочь роби.

О весілляхъ нема що тутъ розводитьця—іншимъ часомъ я вамъ випишу весілля такъ, якъ вони у насъ одбуваютця, зо всіми порядками й піснями, а теперь тільки те скажу, що ті брешуть, що кажутъ, що наші весілля мають багато цинизму. Неправда. Я самъ бувавъ на іхъ усіхъ порядкахъ, то добре знаю, що цинизму нема. Бо на те не зволяе повага старихъ людей, которі тільки тутъ, на весілляхъ, сходятця въ гульні зъ челядю.

На водохрещі воду беруть до-дому и, допіру, напившись води, можна істи. Дітямъ дають ще прошлогоднёі води. Ви знаете, що воду святять разъ на голодну кутю (накануні Богоявленія 5-го января) зъ вечора, а після зновъ на другий день зраня. Кажуть, що якъ ховать воду, то вечірня и черезъ годъ буде чиста якъ слёзина, а ранняшня буде мутна.

Якъ везешъ воду зъ церкви и въ тебе е бджоли, то не давай води нікому. Не можна, кажуть.

Мясниць у насъ було сімъ неділь, щитаючи одъ Різдва. Шоста неділя т. е. друга передъ масляною, називаетця *всеідна*.

Далі йде неділя *переступна*—це бъ то переходъ, переступъ до посту. Тутъ уже треба глядіти пятниці и середи; а якъ хто, то й въ понеділокъ ідять зъ постомъ. (У насъ таки багато людей поне-

ділкують,—ідять зъ постомъ черезъ увесь годъ въ понеділокъ. Багато жінокъ по пятницямъ зорікаютця прясти и шить) (1)

Въ неділю передъ осьмою, (масляною) заговляють. Позвичаю унасъ заговляють стуженими ніжками свинячими, чи то товарячими (те що по-московскі зветця *студень*). Ще въ понеділокъ на масляній до обіду можно доідать млинці жарені на салі, або ніжки—а вже одъ вівторка прощайсь зъ мяснимъ ажъ якъ дасть Богъ дождать Великоднихъ святъ. Усю неділю йдуть варенники—а тамъ и того нестане. Стае пістъ святий. Передъ пущанемъ привьязують хлопцямъ колодки—але вони у насъ такъ багато не значать, якъ у Подолянъ. Кажуть сміючись, що буцімъ то дівчата, що не посватані сіхъ мясниць, напущення бігають кругомъ хати и плачучи приказують: «заговіла, батеньку, заговіла! бодай тобі батеньку хата згоріла». Онъ якоі заведе зъ злости! Да це тільки такъ дразнять дівчатъ.

Такимъ побитомъ и ми дождали посту.

Зима у насъ цёго року була люта. Морози крішкі держали, а снігу то либонь більше якъ прошлого року. Бачте, то-рікъ повіе, та й перестане, а теперь ажъ оце теперь наче трохи отпустило. На рівному було до пяти четвертей снігу.

Бувъ я на контрахтахъ въ Київі. Все шумить, брязчить, кричить. Селянинъ бідний наче въ омуті крутитця. Біда, якъ прийдетця іхать нашими дринджолами (2), що все забігають въ затокй: такъ и заробишъ по ушамъ одъ якогось съ подушкою на голові ямщика, або дишлемъ въ шию якоі пари паньськихъ *соврасівъ* Уже радуесся въ думці, що ось виідешъ нарівне и коненята потягнуть злегка сані, ажъ тутъ де не візьметця жандаръ на коні, Донець зъ нагайкою... «Куди лѣзешъ—ворочайся». Вертайсь, бо ще битимуть. Оттаке то. Панівъ сила—та шкода, що кажуть въ контрахти на панахъ щитали 22,000,000 карб. довгу. Багато, багато було банкрутівъ, а найбільшъ сахароварівъ.

Балагани такъ само якъ и всігда стоять, а въ салю, то й нейди нашъ братъ:—непустять. Кажуть, що багато не попродавало свого сахару. А вже що клопоту було зъ доставою, то я добре знаю. Бо то морози держались добрі, люди мерзнуть—а тутъ на нашихъ дорогахъ вибоі.

---

(1) На цій неділі кончаютця весілля — бо вже хиба молоді будуть обое вдовці або котрий небудь зъ нихъ—то можно весілля гулить и на масляній, а паробкові й дівці на масляній негодитця.

(2) Дринжоли-саві.

Инше ажъ плаче, якъ що поламаетця, а нема чимъ поправить, а ще и шляхъ загатить; треба звертать ёму, а зверни, то й не витягнешъ. У насъ шляхъ зимовий йде тілько на дві колії—та й годі.

Въ аренди брали села, такъ якъ и першъ. Десь уповають нате, що ще люде годъ цілий робитимуть.

Хто ёго знае, який у нашімъ краі бувъ досі рощотъ. Земля дуже дешево й шла. У насъ паньськоі землі есть 310 десятинъ—значить підъ посівами буде 260 десятинъ. Я, бачте, на экономію и на удобні землі отбиваю 70 десятинъ. Сінокосъ считаю такъ, якъ и посіви. Одбивши це зостанетця 240 десятинъ. Третя часть въ толоці, 160 десятинъ буде підъ ужитками.

Роботи считаючи зъ пішака (т. е. такого що держить по півъ–ризи въ кожну руку—всёго 3 дес. 702 саж. □) въ тиждень по 50 коп. с.—буде 25 руб. с. (по инвентару, день піший цінитця $17^1/_2$ к. с. мужичий, а жіночий 15 к. с.; повиненъ пішакъ одбуть 2 дні и жинка 1 день).

Тягловикъ (т. е. такий що держить по ризі въ кожну руку—всёго 6 дес. и 1404 саж. □ (1)) одбуває роботи въ тиждень за 1 р. с.—то въ годъ на 50 р.

(Це я бачте считаю по такій ціні, яка есть по инвентару).

У насъ пішихъ хозяінівъ 34, значить роботи вони одбувають на 50 р. с.

Тягловихъ 6—роботи зъ нихъ буде на 300 р. с.—Всіеі роботи съ пішихъ и съ тяглихъ виходить 1050 р. с.

Въ аренду отдаетця 160 десятинъ удобноі землі на 1050 р. с. роботи, на 220 р. с. корчми и на 20 р. с. млинъ вітра,—це все ціною въ 1290 р. с. Отдавалось въ аренду за 1500 р. с. то значить 160 дес. землі, уже не щитаючи всіхъ хозяйскихъ вигодъ, отдавалось за 210 р. с. Бачте, яка ціна, а це все черезъ те, що ціна на роботу пошти не щиталась, хоть тіеі тілько роботи й іли хлібъ.

Теперъ, отдаючи саму землю и корчму (240 десят.) поміщиця може брать 800 р. с., а зъ чиншіівъ випаде поміщиці зъ 34 піш. 476 р. с., а зъ 6 тяглихъ 158 р. всёго 634 р. с.

Грамоти у насъ ще й не пишутця: щось не пристають. Въ Мировці Київського повіту у пана Бутовича вже пристали, такъ на іхъ кругомъ кричать. Въ нашімъ закутку земля дуже згориста—все

(1) Риза у насъ считае въ собі чотирі мурди а мурдъ значить 1317 □ с.

кряжі, шпилі, провалля, и ця земля защитана до первого разряду, а селяне не хотять щитать ії за первий разрядъ. Богъ ёго знае, якъ воно буде.

Тімъ часомъ мені сердито на инвентарі: то я ще разъ до нихъ вернусь. Тамъ праця дуже дешево общитана. Мужичий день по $17^1/_2$ к. (по сімъ гривень по-нашому), а жіночий по 15 к. с. Хозяінъ вироблявъ панові по цій ціні 50 к. с. въ тиждень. Згонні дні що то кожна робоча душа муспла одбуть 12 день літомъ по ціні отъ 10 к. до $7^1/_2$ к.: А проста робота, такъ середнёю лічбою зъ чоловіка стоіла 25 коп. с.

Це значить коженъ панъ и кожному работникові мужикові нарівавъ собі $7^1/_2$ к. с. (півъ-золотого). Въ годъ сто день—сто півъ золотихъ, виходить 7 р. с. 50 к. с. Я того й не щитаю, що въ статистичному описі села, оддальнёго одъ торговихъ місць, ціна показана дуже мала: це значить, що мужикъ багатий, бо «имѣетъ средства вести торгъ, заниматься промышленностью». Панъ, наймаючи фуру, дешевше платить, бо не за 20 верстовъ, а тільки за 12—такъ въ инвентарі показано.

Теперъ якъ оцінували все діло, то мужикові по совісті виходить за перший разрядъ землі одбуть 20 день, або заплатить 3 р. 30 к. (зновъ не по совісті, бо за 20 день треба дать найменьшъ 4 р. с. и черезъ те ніхто й не думае приставать на одробітокъ) За $4^1/_2$ д. коренного наділу треба платить 14 р. с. 85 к. с.; а перше-досі мужикъ одбувавъ за 3 д. и 702 с. роботи на 25 р. с. А треба бъ всёго за 3 д. 702 с. платить 9 р. $90^{99}/_{160}$ к. це виходить, що щогоду поміщикъ бравъ лишніхъ 15 р. с. $9^{61}/_{160}$ к. с.

Инвентарі одъ 1848 року, то буде вже 12 годъ—нехай 11, то вийде що всі поміщики, беручи роботою більшъ противъ инвентарної ціни въ годъ по 7 р. 50 к., вибрали вже 82 р. с. 50 к. с. зъ хазяіна. А якъ считать те, якъ теперъ оцінована земля (а земля теперъ дірогша)—то поміщикъ беручи въ годъ по 15 р. с. $9^{61}/_{160}$ к. с. за 11 годъ взявъ на кожнімъ рунті 166 р. с. $3^{31}/_{160}$ к. с. Таке то! Аже одначе сказано: «Хто старое помянетъ, тому глазъ вонъ,» то й ми цёго не згадуймо, бо ще й битимуть, а таки по нашому не буде.

Такъ и ви жь, панове поміщіки, не хвалітця, що даромъ даете людямъ хати, а де-які, то й грунта.

Зіма вже отъ-отъ кіньчаетця. На первімъ тижні посту іздивъ я

до Білої Церкви, то вже мене дощъ мочивъ. Я вже казавъ, що у насъ дороги йдуть въ дві колії.—Після кожної заверухи чи снігу—набой побільшаетця и робитця наче мостова. Теперъ якъ снігъ ростае, то коні то й діло що заломлюютця.

Въ нашімъ краі усі кряжі одкрились одъ снігу и якъ вийти на якій кряжъ, то весь край видни уже рябий: все чорніють лисини. Одъ *Теплого Олекси* (17 марта) вже треба буде орать, а тамъ сіять, а тамъ косовиця, жнива. Першъ зазеленіе, після зажовтіе, робота загорить... Докучила зима. Колибъ дождать швидче літа!

Школяри у мене отъ-отъ покинуть школу и пійдутъ до овечокъ, телятъ, и т. д. Треба жъ, поки-що, и объ нихъ поговорить.

Самостойної школи я не можу завести, де по якімъ клопотамъ: то мушу вчить по *порученню* панотця. Я почавъ дітей вчить новою методою, розрізними буквами (по тутешнему *хвитками*). Скоро спонялись читать. Уже й казочки разбірали, а де які, то й добре читали. Ажъ тутъ разомъ приказъ: учить *Грамотки* церковні. Пішло. Азъ-буки ще нічого. Далі саме трудне-титли. А після, якъ дойшло до «Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ,» то й почали на память різать. Бачте, кожне знае *Богу*, той й въ граматці по своему читае. Дуже, дуже приноровить, щобъ читало зъ книжки, а не проказувало на память. Ні якъ не спинишъ хвастощівъ дитини, що ось бо «я вже читаю скоро» Такъ наче лисина чорної землі на добрій санній дорозі, такъ оці граматки у мене на дорозі науки. Ну, да вже якось поборемо й це; а есть надія, що хоть якъ-небудь а читатимуть моі школярі до Велико дня. Ходило до мене два парубки вчитьця читать по досвіткамъ, то трохи підъучились, та ще плохенько, бо то вже не те кортить.

Тімъ часомъ, прощайте до якогось часу.

Борисъ Познаньськiй.

3-го марця, 1862 року.

ПОДОЛЬ.

(20 января 1862.)

Единственный путь, по которому возможно повесть крестьянское дѣло съ успѣхомъ, это выкупъ крестьянами состоящей въ ихъ пользованіи земли.—Но крестьяне намъ не вѣрятъ и никому не вѣрятъ: крестьяне ждутъ какого-то третьяго указа, имѣющаго сдѣлать ихъ безусловными владѣльцами полей и усадьбъ,—крестьяне полагаютъ, что всякое добровольное соглашеніе съ помѣщикомъ нетолько убыточно въ денежномъ отношеніи, но и подвергаетъ ихъ отвѣтственности. Однимъ словомъ, введеніе оброка, безъ чего нельзя получить ссуды (ст. 30 полож. о выкупѣ), можетъ быть только предметомъ мечтаній помѣщика, желающаго выкупа; но эти мечты едва ли осуществятся.

Здѣсь, въ Подольской губ., до сихъ поръ, только въ имѣніи г. *Комара*, Новоушицкаго уѣзда,—въ участкѣ истиннаго друга народа, мироваго посредника *Ге*,—согласились на оброкъ крестьяне трехъ селъ: Сказинецъ, Дерешовой и Перекоринецъ. — Но сколько же труда со стороны мироваго, сколько уступокъ, подарковъ со стороны помѣщика, нужно было для этого?!—И все-таки бѣдные, безграмотные, считали себя обманутыми.—Кромѣ отказа отъ 5-й доли выкупной суммы, г. Комаръ отказался и отъ 5-й части оброка, слѣдующаго ему до утвержденія правительствомъ сдѣлки,—а вѣдь несмотря на то крестьяне хотѣли-было уничтожить весь договоръ и успокоились только тогда, когда начальникъ губерніи далъ имъ удостовѣреніе, что никакого третьяго указа не будетъ.—Наврядъ ли подѣйствуетъ это оффиціальное завѣреніе на прочихъ сельскихъ обывателей, по причинѣ разъобщенія и какой-то замкнутости здѣшнихъ громадъ: здѣсь вѣсть не пролетитъ птицей отъ села до села, а если и доползетъ, то искаженная до-нельзя.—Предположеніе мое подтверждается происшествіемъ, случившимся въ с. Осламовѣ, имѣніи самого г. Ге, (который многотерпѣливымъ трудомъ успѣлъ достигнуть согласія у крестьянъ трехъ названныхъ селъ)—Осламовцы наотрѣзъ отказали своему доброму пану,—пойти на выкупъ, и никакіе доводы ни къ чему не повели.—«Нѣтъ—да нѣтъ—подождемъ третьяго указа!»—Ну, когда г. *Ге* ничего не сдѣлалъ, такъ ужъ прочимъ панамъ и думать нечего,—не потому, чтобы онъ былъ единственный хорошій помѣщикъ,

а потому, что рѣдко встрѣчаются личности съ такимъ удивительнымъ терпѣніемъ (*). Такъ вотъ и выкупъ, по милости маленькой, изъ двухъ строкъ, 30-й статейки, не сбудется, а пойдетъ себѣ своимъ чередомъ очень-мало уменьшенная (особенно здѣсь, гдѣ уже многіе помѣщики давнымъ-давно отъ женскихъ дней отказались), почтенная, прадѣдовская панщина,—а съ ней—и сословная ненависть.

»Казавъ панъ—кожухъ дамъ, да слово ёго тепле.« Эта пословица часто повторялась и повторяется нашимъ простолюдиномъ.

Щ. М.

ИСТОРІЯ БОРИСПОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

Въ нашемъ многолюдномъ мѣстечкѣ существуетъ одно только мужское училище для государственныхъ крестьянъ,—хотя послѣ объявленія свободы, у крестьянъ и пробудилось желаніе учиться грамотѣ. Казенное училище не можетъ удовлетворить этой потребности потому, что въ немъ одинъ учитель и, слѣдовательно, ученіе долго продолжается, а только-что освобожденному крестьянину невозможно посвятить себя четырехлѣтнему ученью: ему нужно оправляться въ матеріальномъ отношеніи.

Женская школа не менѣе необходима. Женщина у насъ хранительница всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ; она съ дѣтства прививаетъ ихъ своимъ дѣтямъ. Она выдумала *правую середу*, *десятую пятницу* и тому подобныя бабскія забубоны, которыя сокращаютъ время труда и увеличиваютъ время пьянства. Да и какъ быть иначе?

Мнѣ казалось возможнымъ завести въ нашемъ мѣстечкѣ, изобилующемъ панами, безплатную школу, для обученія дѣтей бѣдныхъ родителей разныхъ сословій.

Одинъ изъ священниковъ нашего мѣстечка изъявилъ согласіе преподавать Законъ Божій и быть наблюдателемъ; двое мужчинъ и три дѣвицы изъявили согласіе преподавать въ школѣ. Конечно, могло бы

(*) Однимъ *терпѣніемъ* нельзя объяснить той любви и уваженія, которыми пользуется г. Ге у крестьянъ: для этого еще нужно прямое, честное и разумное пониманіе человѣческой природы, человѣческихъ и историческихъ правъ народа, пониманіе современнаго общественнаго положенія. Мы основываемъ свое мнѣніе на вѣрныхъ свѣдѣніяхъ, также на статьяхъ самаго г. Ге, въ 1 и 2 книжкѣ *Основы* 1862 г. *Ред.*

преподавать большее число лицъ, но одни считаютъ это неприличнымъ, другимъ родители воспрещаютъ потому, что по ихъ понятіямъ учить *дурне діло*.

Нѣсколько лицъ обѣщали помочь деньгами; на этотъ годъ обѣщано 34 руб. ср., а на будущее время обѣщано по 16 руб. ср. ежегодно. Нѣкоторые изъ богатыхъ пановъ, отказались помочь, на томъ основаніи, что они разорены это намёкъ на освобожденіе крестьянъ; къ нѣкоторымъ я не обращался, боясь ихъ дерзости.

Тотчасъ создано было множество сплетень. Нѣкоторыя особы женскаго пола, нечитающія ничего, небравшіе въ руки, послѣ букваря, ничего кромѣ X т. св. законовъ (у насъ въ мѣстечкѣ это настольная книга), придумали, что я собираю деньги въ свой карманъ: университета не окончилъ, на службу не поступаю, вотъ и придумалъ средство, собрать хоть сколько нибудь. А нашлись вѣдь такія сумашедшія, что дали деньги. Для многихъ въ мѣстечкѣ и уѣздѣ, учрежденіе мною школы кажется доказательствомъ окончательной глупости, или вольтерьянствомъ. Исполненная христіанскимъ братолюбіемъ масса пановъ не смотритъ иначе на желаніе просвѣтить народъ, какъ на бунтъ или тупоуміе.—

Кромѣ обѣщаній денежнаго пособія, для школы въ даръ получены мною: буквы, таблицы, грамáтки и брошюры.

Запасшись преподавателями, и какъ денежными, такъ и учебными пособіями, я обратился къ окружному начальнику съ просьбою дозволить помѣщаться школѣ, въ праздничные и воскресные дни, въ общественномъ училищѣ, что не остановитъ ежедневныхъ занятій въ училищѣ; между тѣмъ дастъ возможность—деньги, которыя пошли бы на наемъ школы, употребить на учебныя пособія. Окружной начальникъ отвѣтилъ, что онъ не въ правѣ этого сдѣлать, что это зависитъ отъ палаты государственныхъ имуществъ. Тогда мной подана записка съ такой же просьбою въ палату государственныхъ имуществъ. Г—нъ управляющій отказалъ въ моей просьбѣ потому, что я ему неизвѣстенъ. Дѣйствительно, я не имѣю счастія быть лично знакомъ съ его превосход.; но этого рода знакомства не требуется никакими законоположеніями. Не знаю, какого рода извѣстность нужна г—ну управляющему. Я въ запискѣ назвалъ себя окончившимъ испытаніе на степень кандидата юридическихъ наукъ въ С. Петерб. университетѣ, слѣдовательно, г. управляющій могъ обратиться туда за свѣдѣніями о степени моихъ познаній и поведеніи во время пребыванія

моего въ университетѣ; или же къ земской полиціи по мѣсту моего жительства, если нужно было знать, какъ я веду себя на мѣстѣ жительства. Теперь я посылаю къ управляющему записку, въ которой предлагаю ему эти оба пути для того, чтобы я сдѣлался извѣстнымъ. »Если же ему нужно знать, насколько я способенъ быть преподавателемъ школы, что́ никакъ ужъ не относится къ кругу его вѣдомства, а къ училищному начальству, то онъ можетъ обратиться къ директору училищъ С.-Петерб. губ., который имѣетъ свѣдѣнія обо мнѣ, какъ о преподавателѣ воскресныхъ школъ.«

Для того, чтобы избѣжать медленности въ разрѣшеніи школы, я подалъ прошеніе г-ну попечителю округа, прося его разрѣшить на открытіе ежедневной безплатной школы, пояснивъ, что въ первое время преподаваніе въ школѣ будетъ только по праздникамъ и воскреснымъ днямъ, потому что трудно съ самого начала сдѣлать школу ежедневною.

Я имѣлъ въ виду то, что, получивъ разрѣшеніе на ежедневную школу, можно было бы, при накопленіи средствъ и при увеличеніи числа преподавателей, начать преподаваніе и по не будничнымъ днямъ, испрашивая вновь разрѣшенія.

На мое прошеніе, на-дняхъ получилъ я чрезъ пристава кучу запросовъ отъ дирекціи училищъ. Дирекція училищъ поручила смотрителю уѣзднаго училища взять отъ меня требуемыя свѣдѣнія. Смотритель училищъ отнесся къ земскому исправнику,—земскій исправникъ—къ приставу, когда было бы гораздо удобнѣе обратиться ко мнѣ чрезъ почту. Канцеляризмъ, какъ видно, крѣпко засѣлъ и въ дирекціяхъ училищъ. Требуемыя отъ меня свѣдѣнія слѣдующія: Какую школу хочу я открыть, мужскую или женскую? есть ли помѣщеніе для школы? есть ли въ настоящее время средства, есть ли на будущее время?. есть ли въ народѣ сочувствіе къ учреждаемой школѣ?. есть ли, кромѣ Чубинскаго и священника Магировскаго, изъявившаго согласіе быть преподавателемъ Закона Божія и наблюдателемъ, и другіе преподаватели?... Способны ли они къ преподаванію въ школѣ и имѣютъ ли право?... Пользуются ли ихъ образъ жизни и поведеніе одобреніемъ начальства?

Признаюсь, нѣкоторые вопросы дирекціи поставили меня въ крайне затруднительное положеніе. Есть ли сочувствіе народа къ школѣ?... Какъ отвѣчать на это? Больше не могу ничего сказать какъ *есть*. Цифрами не могу выразить потому, что не имѣю возможности собрать

статистическихъ данныхъ прежде открытія школы. Способны ли лица изъявившія желаніе быть преподавателями и имѣютъ ли они на это право? По-моему, способны и имѣютъ право. Но я не знаю, каковъ масштабъ для измѣренія способности и права на первоначальное преподаваніе, у дирекціи. Они люди неглупые, имѣющіе необходмыя свѣдѣнія, притомъ честные и гуманные,—помоему имѣютъ всѣ качества, нужныя въ дѣлѣ образованія народа.—Пользуется ли ихъ образъ жизни и поведеніе одобреніемъ начальства? Тутъ ужъ ничего не могу сказать, какъ только то, что, зная ихъ образъ жизни и поведеніе, я не считалъ нужнымъ узнать мнѣніе начальства, довѣряя совершенно своему мнѣнію о нихъ.

Теперь я послалъ отзывъ въ дирекцію, въ которомъ прошу разрѣшенія открыть, если можно безъ излишнихъ проволочекъ, хотя воскресную школу, а о ежедневной еще можно пожалуй переписываться.

Я сообщаю все это, чтобы показать, какія затрудненія встрѣчаются при открытіи школъ. Намъ кажется,—для того, чтобы грамотность распространялась въ народѣ, нужно дозволить открывать школы безъ предварительнаго разрѣшенія, съ тѣмъ, чтобы школа была подъ наблюденіемъ священника и чтобы о ней увѣдомляли немедленно, какъ училищное начальство, такъ и полицію. Хорошо было бы, если бы министерство государствен. имущ. разрѣшило помѣщать воскресныя школы въ общественныхъ училищахъ, съ согласія волостныхъ правленій. Воскресныя школы въ мѣстечкахъ и большихъ селеніяхъ необходимы; ихъ будутъ посѣщать даже взрослые.—А у насъ, въ мѣстечкахъ и селахъ, много паничей и панночóкъ; изъ нихъ нашлись бы такіе, которые взялись бы за это дѣло.

Въ нашемъ мѣстечкѣ, гдѣ въ праздники пьянство и развратъ дошли до страшныхъ размѣровъ, необходима не только воскресная, но и ежедневная школа, чтобы не дать развратиться дѣтскому поколѣнію. Мы надѣемся, что образованные украинцы своимъ нравственнымъ сочувствіемъ и матеріальною помощью помогутъ намъ осуществить нетерпѣливое наше желаніе, наболѣвшее отъ административныхъ препятствій.

П. Чубинскій.

ИЗЪ Г. ТАРАЩИ (Кіевской губ.)

(Февраль).

II.

На сей разъ буду говорить о крестьянскомъ вопросѣ. Кажется, онъ начинаетъ у насъ разрѣшаться, а благополучно или нѣтъ,—это рѣшитъ время, повидимому недалекое.—Въ большей части имѣній написаны уже уставныя грамоты, и вводится новый порядокъ. Повсемѣстному введенію его препятствуетъ запутанное финансовое положеніе большей части здѣшнихъ помѣщиковъ, о которомъ скажу здѣсь нѣсколько словъ.

Почти всѣ свободные капиталы Кіевской губ. находятся въ рукахъ помѣщиковъ, и вотъ почему: всякій не-помѣщикъ, имѣя наличный капиталъ, или обращаетъ его въ поземельную собственность и становится самъ помѣщикомъ, или отдаетъ его кому-нибудь изъ помѣщиковъ за *умѣренные*, по здѣшнему, проценты, 7, 8, иногда и 10%, получаемые обыкновенно за годъ или за полъ-года впередъ. Такое помѣщеніе капитала называется ewikcуа. Теперь, когда вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, барщина стала повсюду отбываться неисправно, а часто и вовсе не отбываться, полевыя работы у помѣщиковъ были сдѣланы несвоевременно, и помѣщики потерпѣли огромный убытокъ, такъ какъ здѣсь ни одинъ помѣщикъ не употреблялъ еще *постоянно* вольнонаемныхъ рабочихъ, а только во время жнивъ, да и то не всѣ. Исключеніе составляютъ только владѣльцы сахарныхъ заводовъ, потерявшіе однако больше всѣхъ: въ Кіевской губ. до 100 сахарныхъ заводовъ; такая конкурренція должна была значительно возвысить заработную плату, а чрезъ это не могъ увеличиться сбытъ сахару, такъ какъ цѣны не могли уменьшиться. Прибавьте къ этому дороговизну и трудность доставки дровъ (цѣны доходятъ во многихъ мѣстахъ до 16 р. сажень), а часто даже совершенный недостатокъ ихъ,—и тогда будетъ неудивительно, что сахарозаводчики одинъ за другимъ объявляютъ себя несостоятельными. По слухамъ, оказывающимся достовѣрными, въ одномъ Каневскомъ уѣздѣ закрылось болѣе 10 сахарн. зав., т. е. половина всѣхъ тамошнихъ. Этому много способствовали также распространившіяся-было вѣсти (совершенно впрочемъ неосновательныя) о скоромъ дозволеніи ввозить сахаръ изъ-за-границы. Какъ объ исключеніи, слѣдуетъ здѣсь упомянуть о находящемся въ здѣшнемъ уѣздѣ, въ с. Езерной, заводѣ графа Александра Браницкаго: благодаря благоразумному и честному (что́ тоже рѣдко) управленію тамошняго дирек-

тора, г. Гурскаго, заводъ этотъ не только не дѣлаетъ владѣльцу никакого убытка, но приноситъ до 40,000 р. чистаго ежегоднаго дохода. Но это только исключеніе, доказывающее, что успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ хорошаго управленія, равно какъ и отъ того, на свои ли деньги построенъ заводъ, или на чужія. Большая часть принадлежитъ къ послѣдней категоріи, и поэтому банкротства помѣщиковъ повлекли за собою огромныя потери очень многихъ лицъ изъ другихъ сословій.

Такое положеніе дѣлъ не могло не отозваться неблагопріятно и на ходѣ крестьянскаго дѣла: до уставныхъ ли грамотъ помѣщику, когда къ нему постоянно являются чиновники съ порученіемъ взыскать долги, а въ случаѣ неуплаты описать имѣніе? Однако у нѣкоторыхъ, несмотря на жалобы на стѣсненное будто-бы положеніе, въ рѣшительную минуту нашлись деньги, и притомъ звонкой монетой. Такъ напр., недавно, вслѣдствіе тяжбы помѣщика Молодецкаго (въ м. Кошеватой, 12 верстъ отсюда) съ какимъ-то подрядчикомъ, слѣдовало задержать приготовленное для завода топливо, и что-же? — Молодецкій тотчасъ же внесъ въ казначейство требуемую для обезпеченія тяжбы сумму, въ томъ числѣ 220 полуимперіаловъ.

Все-таки многіе рѣшились поскорѣе окончить дѣло съ крестьянами, видя, что отсюда происходитъ большая часть затрудненій. Вообще помѣщики начинаютъ сближаться съ крестьянами; они поняли наконецъ, что большая часть общественныхъ бѣдъ происходитъ отъ разъединенія сословій; понять-то поняли, да и хотятъ извлечь изъ этого выгоду, въ сущности мнимую: вмѣсто того, чтобы стараться слить свои интересы съ интересами всего общества, они, приближая народъ къ себѣ, хотятъ поставить его въ зависимость отъ себя, опереться на него, сдѣлать изъ него орудіе для своихъ цѣлей. Между прочимъ, нѣкоторые зажиточные молодые люди, поляки, по происхожденію, получившіе образованіе, служатъ въ нашей губерніи волостными писарями и т. п. (я знаю одного изъ нихъ лично въ Звенигородскомъ уѣздѣ и потому могу говорить объ этомъ навѣрное). Нечего и говорить, что такая дѣятельность вполнѣ похвальна; но съ перваго взгляда кажется страннымъ, отчего они предпочли народъ Украинскій своему родному (по ихъ убѣжденіямъ). Можно подумать, что они рѣшились возвратиться къ этому народу, изъ котораго вышли, — вѣдь они по большей части не родовитые Поляки, а ополячившіеся Украинцы, — но можно подозрѣвать и то, что они хотятъ привлечь народъ на свою сторону, хотятъ достигнуть

уступку своимъ притязаніямъ, какъ справедливымъ, такъ и несправедливымъ. Въ такомъ же духѣ дѣйствуютъ и мировые посредники. Однако, стараго воробья на мякинѣ не обманешь: «знаемо ми, що то панська ласка,—все ідно що зимне соньце: сёгодня свѣтить и гріе, а взавтри й крізь кожухъ морозъ дошкулить! Старі штуки!»— вотъ общее мнѣніе... Разскажу вамъ одинъ новенькій анекдотъ, который повторяется здѣсь всѣми: мужикъ, будучи въ мѣстечкѣ на торгу, въ воскресенье, зашелъ послѣ въ костелъ »послухати, що тамъ пани спѣвають«. Но несовсѣмъ понявъ слово гимна »ojczyzna« перевелъ »паньщизна«. Вотъ и говоритъ онъ послѣ другому:—А знаешъ, чого вони въ Бога просять?—паньщизну, кажуть, верни намъ Пане! Ні, що сёго,—то вже не буде!—Говоря это, онъ вѣрно и не подозрѣвалъ, какую глубокую сказалъ истину, какъ не подозрѣваютъ этого и добродушные разсказчики. Дѣйствительно, для большей части здѣшнихъ пановъ ojczyzna заключается въ panszczyźnie, для нихъ ubi patria, ibi bene, «Правда,—а хуже всякой лжи»...

Всѣ здѣсь ожидаютъ чего-то необыкновеннаго. Теперь все еще это глухія предвѣстія, и я не хочу въ настоящее время писать объ этомъ, чтобы вы не посулили мнѣ типуна на языкъ; а было бы за что. Скажу только одно: увлеченіе, бывшее въ высшихъ сословіяхъ, теперь переходитъ въ народъ. До сихъ поръ еще, слава Богу, «все обстоитъ благополучно», если же только что произойдетъ гдѣ-нибудь, то не замедлю сообщить вамъ обо всемъ.

О воскресной школѣ буду писать въ скоромъ времени, какъ-только достану отчетную книгу.

15 января былъ здѣсь спектакль въ пользу воскресной школы, устроенный офицерами квартирующаго здѣсь войска. Играли водевили «Картина съ натуры» и «Первый день брака», и комедіи «Женихъ изъ Долговаго Отдѣленія» и «Капризница». 19-го было второе представленіе. Исполненіе, какъ любителей, было очень хорошо. Собрано всего болѣе 120 рублей. Предполагаютъ устроить еще спектакль на Святой, въ пользу лучшаго ученика школы, чтобы отдать его въ гимназію, и потомъ такими же средствами содержать его тамъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, а по истеченіи этого времени ходатайствовать о принятіи его на казенный счетъ. Если же онъ хорошо окончитъ гимназію, то доставить ему возможность поступить въ университетъ. Я предложу на дняхъ устроить для-этой цѣли еженѣдельныя литературныя чтенія, во все продолженіе поста. Это будетъ удобнѣе спек-

такля: меньше издержекъ, меньше хлопотъ и приготовленій, больше будетъ мѣстъ для слушателей, и потому можно уменьшить цѣны и дать доступъ лицамъ всѣхъ сословій, что небыло сдѣлано во время спектакля, по недостатку помѣщенія. Но главная польза та, что чрезъ это многіе познакомятся съ произведеніями лучшихъ великорусскихъ и нашихъ родныхъ украинскихъ писателей, которыхъ вообще большинство знаетъ только по наслышкѣ.

ДАВНІЙ ЛИСТЪ ЗЪ ВАСИЛЬКОВСЬКОГО ПОВІТУ, КИЇВСЬКОІ ГУБ.

(Кінець 1861 року).

Розмо́ва зъ Голово́ю.

Оце́, въ цёму часі, кінча́етця по се́лахъ мо́же найнова́жніше ділo нашого прийшлого життя́. До сямъ, до тамъ пани́ зъ селя́нами кладу́ть рече́нець и ста́влять уста́вні гра́моти, але щось лю́де одъ цёго не весліша́ють, щось ча́сто запуска́ють па́льці въ підго́лену чупри́ну, якъ заговоришь про цее ділo. Въ Василько́вському повіті, въ одно́му зъ тихъ се́лъ, що розки́нулись по-надъ Ро́ссю (маетности Брани́цькихъ), збіра́лася оце грома́да, щобъ роздивитьця укупі, куди́-то імъ пристать и чого́ держатьця. На пораді я не бувъ, але́ бачивъ, якъ виходили щось ду́же похму́рні; до сямъ, до тамъ довге́нько після-того стоя́ли кружа́лами, и вже гарненько зсутеніло, якъ розсу́нулися одъ опра́ви. За́разъ же на дру́гий день довідавсь я одъ волосно́го голови́, чимъ скінчи́лася рада. Здивува́ся я не-ма́ло, якъ почу́въ, що всі въ одни́нъ го́лосъ приста́ли зоста́тьця при панщині, а одъ чи́ншу и рука́ми-й-ногами. — Якъ же це ви такъ зробили, коли панщизняний день найбільшъ не впаде́, якъ по $16^1/_2$ к. А тимъ часомъ неразъ чувъ я, що коли́ прийдетця панять для панщини чоловіка, то й зімнёї до́би ча́сомъ тре́ба заплати́ть 20 коп., а въ літку мо́жна зароби́ть и пять зло́тихъ. Та онъ тепе́ра при сто́сахъ де́які заробля́ють по півкарбо́ванця въ день. Якъ же жъ мо́жна такъ знижать свою працю, коли́ вона́ дома жъ таки, втрое́ більше варту́е?—Такъ запита́вся я голови́,

вважа́ючи, що слова́ ёго́ мо́жуть бу́ти ду́мкою грома́ди, бо це чоловікъ пісьме́нний, и зъ нату́ри тяму́щий, та й бува́въ въ бува́лицяхъ,—вміе своє́ ска́зать та вміе и послу́хать зъ толкомъ, що й дру́гі росказують.

»Ге, ге, ге,« сказа́въ вінъ, хитàючи голово́ю. »Та вже-жъ кра́ще своя́ сви́та ніжъ чужа́. Але́ якъ ні за що купить, то при́йдетьця и въ позичені смальцюва́ть. Кра́ще стать на чиншъ, а потімъ ви́купить зе́млю—ні сло́ва! Але́ дежъ намъ взять капита́лу? ми й такъ видо́ені, що тільки на́ша снага́: у насъ копіёкъ стільки нема́, скільки тре́ба карбòванцівъ. Куди жъ тутъ лізти?

Щожъ тутъ тако́го тяжко́го? За 7 десяти́нъ наділу при́йдетця въ рікъ по ва́шому поря́дку 18 р. 90 к. (по 2 р. 70 к. за десяти́ну). Мені здае́тця, що стільки мо́жна заробить: въ са́харняхъ платять по 7 карб., и більше въ мі́сяць; коло́ стосівъ мо́жно ви́робить по півкарбо́ванця въ су́тки, а на па́нщині день все-таки́ 16 коп. та й го́ді.

Голова́. Тепе́ра спра́вді платитця до́бре: бо всі на па́нщині, бо нікого нанять! А якъ підемо на чиншъ, до всякий бу́де робітникъ, всякому тре́ба заробить. Тоді панъ робо́ту бу́де давàть якъ ла́ску, а плати́тиме скільки схо́че, хоть навітъ деше́вше, якъ въ Положе́ніи. Панъ не зруйну́етця якъ скількось клітокъ (*) поля перелітуе пустиремъ. Чере́зъ те ми му́симо приста́ть на все, що вінъ забажа́е: не схо́чешъ до́ма, а підешъ до другого пана—отъ тобі день и пропащій! Якъ би ми або́ коло́ яко́го не́будь города, або́ коло́ вели́коі ріки жи́ли, до ми бъ собі контетува́лись. А ту́та нема́ де й прода́ть. Хоть продаси́ ча́сомъ для потре́би и оста́тній хлібець—до за безцінъ: скільки ла́ска жидівська, стільки и дасть. Тепе́ра тре́ба тілько поду́шне, а якъ при тако́му ладі, та заплатить той, що зъ насъ тре́ба чиншъ—ми пря́мо пропа́щі! Пе́рвого ро́ку продаду́ть во́ли, а на дру́гий хочъ умірай зъ го́лоду! Ще до то́го, та лучи́сь, борони́ Бо́же, недорідъ—тоді пря́мо живи́й лізь въ я́му. Онъ, въ Сали́кахъ та Криві очиншува́лись — тепе́рь день и нічъ клену́ть свій дурний ро́зумъ. А мо́же, черезъ те у насъ всі въ оди́нъ голосъ ка́жуть: «бу́демо роби́ть оці два го́да, а тамъ якъ царь прика́же, до такъ и бу́де,» бо де намъ взять напере́дъ за півро́ку чиншъ?!

Я. Чудні жъ бо ви лю́ди! Царь зарівно для всіхъ ста́вить зако́ни. Коли́ ска́зано, щобъ всі сами́ договоря́лися зъ дідичомъ; ну! якъ догово́ритеся, до такъ и бу́де до слушного ча́су, а тамъ зно́ву переміните умо́ву.

(*) Клітка—6 десяти́нъ.

Голова́. Щожъ робить?! Бу́демо зно́ву на па́нщині те́рти ля́мку —цёму вже не вчитьця. «Ра́да бъ душа́ въ рай, та гріхи не пуска́ють. »Лу́чче мені по зло́тому, або по два вся́ку неділю одроблять, а ніжъ самому́ збира́ть тії гро́ші. Лучи́тьця, що нігде заробить, або́ занеду́жаешъ,—а де тоді взять? та хоть и заро́бишъ, що-небу́дь, до намъ якъ на то́му пожа́рищі—всёго тре́ба: и додо́му й коло́ до́му, и жінці, и дітямъ,—отъ и по гро̀шахъ! Хиба́, мо́же, на́ші діти тро́хи одканючатця, до, мо́же, пізна́ютця зъ грішми.

Я. Та жежъ па́нові все одно́ тре́ба бу́де робітника, а вамъ на во́льні робо́ті більше бу́де плати́ть ніжъ за па̀нщину. Ви жъ у ёго́— таки́ ті гро́ші й одробите. А тимъ–ча́сомъ, ніхто не бу́де гари́кать, вільно бу́де піти й на заробітки.

Голова́. Гм! Цебъ то ми поки́немо село́ та пу́стимось въ забрі́дъ. До́бре, въ ко́го е худібка, до той яко́сь виборса́етця, то́го й на заробітки пу́стять— а голишь все-таки́ дзёбомъ сиде. А ма́ло зно́ву верта́ютця зъ тихъ заробі́ткивъ тільки зъ одно́ю нужде́ю. Ну, нехай и ми на́вчимось заробля́ть коли́сь. А за пе́рший рікъ чимъ запла́тимо? Бо я таки́ зно́ву скажу́, що така́ озія якъ у насъ, (800 душъ) — сами́ собі ціну зобьють. А підемъ на одробітку—безъ вся́кої моро́ки: покажи, па́не, роботу! Та й одро́бишь собі помале́ньку.

Я. Ну, неха́й по ва́шому—не хо́чете розброди́тьця, та не вміете збірать копійки. Роздивімось-лешень; мо́же поле само́ прохарчу́е й ви́платить въ ра́зі, коли заробітокъ не повезе́. Вамъ тре́ба заплати́ть за по́ле обро̀ку 18—90, та за горо́дъ 5—10 к., до на рікъ ви́несе 24 карбов. Неха́й тепе́ръ ви дві десяти́ни засіете жи́томъ, а дві овсо́мъ (дві підъ толо́кою—изъ сіноко́су—нема кори́сти). Скілько кіпъ у васъ жита ста́не на десяти́ні?

Голова. Разъ більше, у дру́ге меньше—а такъ середина на половині бу́де 10 кіпъ.

Я. Ну, а зъ копи́ буде по 5 пудъ!

Голова. Бу́де.

Я. Ви́йде, зна́читця, 50 пудівъ жи́та, а пудъ по четвертаку́ (якъ тепе́ра)—отъ и ма́ете 25 карбова́нцівъ. Ціла ярина́ въ заробітку!

Голова. Тілько ли́хо що жи́то тре́ба істи, а зъ яринй й того́ не ви́йде.

Я. До́бре! Ярний такімъ якъ пе́рше ла́домъ ста́не—скільки?

Голова. Неха́й 12 кіпъ овса̀.

Я, А копа́ скільки дасе́?

Голова. Та якъ оцéй рікъ, до й кóрця не бýде ($2^1/_2$ корцівъ въ четверті).

Я. А чáсто такъ бувáє?

Голова. Мóжна по кóрцю лічúть.

Я. Ну, нехáй бýде 10 четвертей! А въ Тарáщі чéтверть по 7 четвертаківъ. До вúйде 17—50 кон.

Голова. Всіеї ярúної немóжна продáть; а де жъ ти чáсомъ рéшту візьмешъ? Ну, хоть би зъ велúкою прáцею заробúвъ... що жъ коли віки-вічні небáчишъ перéдъ собóю полéгкости! Це панáмъ тільки дóбре: дай готóві грóші, а вінъ и чкурнé десь за гряни́цю—закрúетця очúма-й-плечúма, а тýта якúйсь нáймитъ и жúли потя́гне. Самúй дідичъ можебъ въ нужді пофольгувáвъ, а нáймитові немá діла.

Я. На такóму чúнші справді бýде сутя́жно; алé зъ чúншу мóжна вúскочити на вúкупъ — дежъ такúй: казнá даé 80%, а вамъ зостаéтця 20%. Пéрвого рóку, прáвда, и тутъ бýде крутéнько, але дáлі велúка полегкость.

Голова. Смашнá, смашнá річъ,—та за що ми її кýпимо? Ось лічúть-лешéнь, скільки намъ зрáзу трéба—я вже лічúвъ:

20% за пóле	63 карб.	
За горóдъ	102	—
Та казні за пéрвий рікъ. .	19	20 к.
Та подýшного зъ душі. .	2	40 »
	186	60 »

Ну, самі бáчте, дежъ ёго взять? У насъ 200 хазяíнівъ, а божýсь Бóгомъ, що хибá нáйдетця чотúрі такúхъ, котрі вúплатили бъ. Такúмъ нікóли не бýде лúха! Якъ би казнá зовсімъ заплатúла дідúчáмъ — ми бъ зъ казнóю справúлись. Горóдъ найбільше насъ моняе.

Надісь: »нéбуло добра зъ мáлку—не бýде й до остáнку.«

Я. Трéба вúпить гірку, до може хочъ дітя́мъ бýде солóдше! Переговоріть лешень гарнéнько зъ комисáромъ: мóже вінъ зрóбить якýнéбудь полéгкость, мóже цю плáту розкúне повóльно.

Голова. Казáвъ вінъ мені, щобъ я намовлявъ на чúншъ, а про полéгкость не було ні слóва. Казáвъ, щобъ вибрать 8 чоловікъ зъ громади, зъ котрúми бъ вінъ мігъ умóвитьця, а люди не хотять довірить 8-ми. »Ихъ, кáжуть, мóжна, або задóбрить, або залякáти, а зъ громáдаю цёго не зроблять. Ми пошлемó 8 въ покоі, а самі бýдемо на дворі; а якъ вони щось не такъ скажýть, отъ ми и не пристанемо.« Постійте-лешень! Щó зъ того, що вúкупимо, якъ нáшу

всю зе́млю запру́ть до Ро́сі? Зро́ду-звіку я не па́мятаю, щобъ тамъ бувъ урожай. Якъ же за таку́ зе́млю ставить обро́къ по 2 — 70— коли́ я бъ за не́і и по карбо́ванцю не давъ. Да ми стя́гнемось, що й снаги́ на́шоі не ста́не,—зро́бимось старця́ми. А тутъ: »на́ тобі, небо́же, що мені него́же.« Эконо́мъ каза̀въ, що та земля намъ доста́нетця — а вона́ й полови́ни про́ти друго́і не варту́е. Поте́рпимо: мо̀же, коли́сь и на на̀шій у́лиці бу́де свя́то! Неха́й лу́чче па́нщина.

Я. Хиба́ жъ вамъ ще та́я па̀нщина не надоіла? це, по-мо́ему, таке́, що й поли́ вріжъ та втіка́й.

Голова. Э! тепѐра все-таки́ не те! Одно́ що не мо́жна бить, а дру́ге таки́ нема́ ні жоно́чихъ, ні згіннихъ, ні строёвихъ днівъ. Зъ одно́го на́шого села́ (800 душъ) пропада̀е сливе́ одинадцять ти́сячъ днівъ. Тепе́ра, по-мо́ему, хиба́ пано́ві ста́не панщини зъора́ти, посіять, та змолоти́ть, а до ре́шти найми́: отъ ми за своє́ одро́бимо, та ще й собі заро̀бимо у па̀на. А на чи́нші ми всі стра̀чені дні ве́рнемо: — це-бъ-то щобъ одроби́ть па́нові чиншъ, до ми бу́демо товкти́сь цілою семье́ю, якъ зда́вна товчемось. Коли́бъ хочъ чиншъ людськи́й, а то впе́рли за клітку 18 карбо́ванцівъ; а до торішнёго ро́ку була́ по 12 карб; а коли́сь (роска́зують старі люди) була́ по $^1/_2$ карб. А за горо́дъ зно́ву 102—чи жъ ви́дансько?

Я. Підъ горо́домъ земля краще ви́роблена, то більше принесе́ кори́сти па́ну, хоть, пра́вда, знову й то, що ви ёго самі жъ-таки́ и ви́робили.

Голова. Якъ би ми вміли кори́стувать зъ горо́да, якъ німці. Въ насъ посадить вербу́, гру́шу — отъ вони́ й заняли́ півгоро̀да. А хоть би ми все ви́рубали, та засади́ли городни́ною? Не бу́де зъ то́го кори́сти—хоть би ми на цёму зна́лися якъ німці! Нігде прода́ть. Жінка бу́де борсатьця ціле літо, а городни́ни якъ продаси́ за карбо́ванця, то й до́бре. Щобъ верну́ть своі гро́ші за горо́дъ, намъ тре́ба, або́ навчи́тьця де́-чому, або жить коло Ки́іва, де й за лободу́ лю́ди вибіра́ють гро́ші. Хто ёго́ зна, за що ми ті гро́ші платимо! Якъ би не ті 20% та горо́дъ, ми бъ зъ охо́тою пішлі на чи́ншъ—щобъ переско́чить на виплатъ, та—ба́чу—широ́кий рівъ не переско́чимо. Поба́чимо, що́ намъ пани́ на те ска̀жуть?

Ѳ. Панченко.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 4-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Байда́къ — судно.
Безвéрха ха́та — хата безъ крыши.
Безглу́здий—безсмысленный, безтолковый.
Безсмéртні — цвѣты.
Бекаси́нникъ—дробь для стрѣлянія бекасовъ.

Видрапатись — выдраться, вывернуться.
Водóхрище — водоосвященіе.
Волóссячко — (умен.) — волоса.
Вороти́-сонце — растеніе.
Впóратись — управиться.
Вра́зити — уязвить.
Втекти́ — убѣжать; уйти.
Въ-ряди́-годи́ — изрѣдка.

Галáнці — штаны.
Га́ля — Аннушка.
Гаманéць — кожанный карманъ для денегъ.
Гартува́ти (серце) — закалить (сердце.)
Гві здóкъ — гвоздь.
Глéчикъ — кувшинъ.
Глуздъ — толкъ, смыслъ.
Глузува́ти — издѣваться.
Годува́тись — кормиться.
Голомóзий — лысый, плѣшивый.
Горíхи — орѣхи.
Горпи́на — Агриппина.
Гракъ — грачъ.
Гулькъ! — глядь.!

Деркáчъ — птица.
Дзвякотíти — звякать.
Дзиндзíверъ — растеніе.
До-дíла — какъ-слѣдуетъ, ладно, дѣльно.
Дóлі — на-полу, на землѣ.
Долóня — ладонь.
Дорожнéта — дороговизна.
Дрівóтня абó дрівитня — мѣсто, гдѣ складываютъ и рубятъ дрова.
Дропáка — (дать) — дать драла.
Дощкýлити — пронять — (объ ударахъ).

Живцемъ — живьемъ.

Забелькотáти — заболтать; невнятно проговорить.
Завищáти — завизжать.
Заздалегíдь — заблаговременно.
Зáполочь — красныя бумажныя нитки.
Заревти́ — заревѣть.
Зáсікъ — закромъ.
Захарчáти — захрапѣть.
Зважити — взвѣсить.
Звязáти — связать.
Змóвини — зговоръ, обрученіе.
Зó-всі — совсѣмъ, вовсе.
Зъ-гýри — (польск.) — впередъ (заплатить деньги).

Индíкъ — индѣйскій пѣтухъ.

Кáдібъ—бочка безъ дна для ссыпки чего-либо.
Казанóкъ — котелокъ.

Кану́піръ — растеніе, калуферъ (Tanacetum balsamita, L).
Капшу́къ — кошелёкъ.
Ки́лимъ — коверъ.
Ки́рпа — короткій, вздернутый носъ.
Кладови́ще — кладбище.
Ковта́ти — глотать.
Ко́ливо — поминальная кутья.
Коля́ка — колъ.
Ко́міръ — воротникъ.
Конва́лія — ландышъ.
Ко́никъ — кузнечикъ.
Копи́ця — копна.
Копови́къ — полтинникъ.
Королівъ — цвітъ — вьющееся растеніе.
Кортіти — сильно хотѣться.
Косарі́ — растеніе.
Коцъ — коверъ.
Коштува́ти — пробовать; отвѣдывать.
Кра̀пелька — (уменьш.) капля.
Крізь — сквозь.
Крокісъ — (Carthamus tinctorius, L.) пахучее растеніе.
Кру́чені - паничі — вьющееся растеніе.
Кура́ — пыль; мятель.
Ку́чері — кудри.
Ку́чма — барашковая шапка.

Ла́сощі — лакомства.
Ла́тво — легко.
Лёхъ — погребь.
Ло́буръ, — я́ка — (бранн. слово) дылда, лоботрясъ.

Ма́ёрці — цвѣты.
Ману́шка — крошка.
Масла́къ — большая ножная кость.
Медяни́къ — пряникъ.
Мела́ся — Меланья.
Мерзе́ний — дрянной, мерзкій.
Ме́стникъ — мститель.
Мете́ликъ — мотылекъ.
Міхоно́ша — проводникъ слѣпца — нищаго.
Млинці — блины.
Молодя́та — женихъ и невѣста вмѣстѣ.
Моро́къ — богъ тьмы.
Му́штра — солдатское ученье.
Мясни́ці — мясоѣдъ.

На́взнакъ — ничкомъ; лицомъ внизъ.
Назнаро́шки — съ намѣреніемъ, нарочно.
Найтича́нка — легкая бричка.
Невдалю́га — негодница.
Неділенька (уменьш.)—воскресенье.
Ні-у-ві́що — ни-во-что.

Оби́два — оба.
Обраховува́ти — сосчитывать, обдумывать.
Ознакъ — знакъ, примѣта.
Околотъ — обитые отъ зерна, но не разбитые, снопы.
Окса́на — Ксенія.
Оску́блений — ощипаный.
Оста́пъ — Евстафій.
Ости́нути — опостылѣть, надоѣсть.
Оціпува́ти — оцѣнить.
Очини́ти — отворить.

Парови́ця — пара воловъ.
Парубі́й — (увеличит.) — парень.
Парува́ти — испускать паръ.
Паслі́нъ—ягоды (solanum nigrum, L.).
Переполо́хъ — испугъ (какъ болѣзнь.)
Переста́витись — умереть.
Переступна (неділя) — пестрая, послѣдняя передъ масляной, недѣля.
Пи́ка — лицо, образина.
Підволокъ — рогатина, на которой возится плугъ внѣ пашки.
Плёндратись (по воді) — шлёпаться (по водѣ).
Плямъ - плямъ — выражаетъ движеніе и звукъ губъ во время ѣды.
Побива́тися — пещись, ухаживать.
Позива́ннє — тяжба.
Понеділкувати — поститься въ понедѣльникъ, изъ уваженія къ дню.
Пополюва́ти — заниматься охотою.
Поре́патись — потрескаться.
Постукотіти — постучать.
Поти́лиця — затылокъ.
Поти́рити — потащить.
По-узъ — возлѣ, около, мимо.
Придба́ти — пріобрѣсть.
При́мхи — прихоти.
Причарова́ти —обворожить.
Про́бі — сильно, очень; ради Бога!
Пробу́ркатись — проснуться, пробудиться.
Просто́рий — просторный.
Простува́ти — прямо идти.
Про́ща — богомолье.

Різни́ця — бойня.
Розвереди́ти — растревожить рану.
Роздягти́сь — раздѣться.
Ро́жа — роза.
Розляга́тись — раздаваться (*о пѣснѣ*).
Руіна — развалина.
Ру́та — растеніе (Ruta graveolens, L.).

Самосто́йний — самостоятельный.
Саха́тись — касаться, соваться.

Свиріпа — сурѣпа.
Сво́лочокъ — небольшая балка, перекладина въ потолкѣ.
Ска́рбня — касса.
Скре́гітъ — скрежетъ.
Сопілочка — дудочка, свирѣль.
Со́яшникъ — подсолнечникъ.
Спереля́ку — сперепугу.
Співочка — пѣвунья.
Строка́тиі (коні) — пестрые.
Старці — нищіе.
Сте́ля — потолокъ.
Стули́ти — сжать.

Тино́къ — (уменьш.) — плетень.
Толо́ка — паръ.
Ту́тешній — здѣшній.

Удя́гнутий — одѣтый.

Ха́лепа — напасть, бѣда.
Хупавки́й — цвѣты.

Цибу́ля — лукъ.
Цупки́й — цѣпкій.

Чімъ-дужъ — что́ есть силы.
Чорнобри́вці — цвѣты (Tagetes patula, L.).

Шанува́ти — уважать почитать.
Шве́ндяти — волочиться, таскаться.
Шепота́ти — потихоньку говорить; шептать.
Ши́ршати — дѣлаться шире.
Шкапо́вий — (отъ *шкапа*) кобылій, — конскій.

Що́гла — мачта.

Юда — Іуда.
Юрба́ — толпа, гурьба.

Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины» будетъ приложено къ слѣдующей книжкѣ.